

Беляев

Полное собрание
сочинений

Весь

Александр
Беляев

в одном томе

Diximir

Александр Романович Беляев

Весь Беляев Александр в одном томе

Все произведения знаменитого фантаста Александра Романовича Беляева собраны в наиболее полный и удобный для чтения однотомник. Содержит 274 прозрачных картинок-иллюстраций.

Сборка: Diximir (YouTube). V 6.0

Содержание

Человек-амфибия (роман).....	0012
#1.....	0012
Часть первая.....	0012
Часть вторая.....	0073
Часть третья.....	0095
Чудесное око (роман).....	0121
#1.....	0121
Пролог.....	0121
За морским окунем.....	0126
Вестник аварии.....	0131
Слепая старуха.....	0134
На кладбище.....	0136
Правая рука Бласко Хургеса.....	0138
Судьба экспедиции решается.....	0143
Несчастнейший человек в СССР.....	0149
Путешествие в мир атома.....	0153
Миша Борин отправляется в телеэкспедицию.....	0164
В Атлантике.....	0166
Подводное путешествие.....	0168
Нежданный гость.....	0176
Ловец акул.....	0179
Алло! Слушайте и смотрите!.....	0183
Всемирная сенсация.....	0190
Визит врача.....	0193
Пересадка в воздухе.....	0195
Один против трёх.....	0197
Поиски затонувшего телеглаза.....	0199
Шлюпка «Левиафана».....	0202
Следами авантюриста.....	0204
История мистера Скотта.....	0207
Азорес подаёт весточку.....	0209
Миллионер-неудачник.....	0210
Второй визит Скотта.....	0213
Кар знакомится с новой страной.....	0216
Приключение в пути.....	0218
Подводная дуэль.....	0220
Человек, потерявший лицо (повесть).....	0224
I.....	0224
II.....	0230
III.....	0232
IV.....	0234
V.....	0237
VI.....	0241
VII.....	0245
VIII.....	0250
IX.....	0255
X.....	0259
XI.....	0262
XII.....	0272
Человек, нашедший своё лицо (роман).....	0276
#1.....	0276

Часть первая.....	0276
Часть вторая.....	0335
Голова профессора Доуэля (роман).....	0388
#1.....	0388
Первая встреча.....	0388
Тайна запретного крана.....	0391
Голова заговорила.....	0394
Смерть или убийство?.....	0397
Жертвы большого города.....	0401
Новые обитатели лаборатории.....	0403
Головы развлекаются.....	0406
Небо и земля.....	0408
Порок и добродетель.....	0413
Мёртвая Диана.....	0419
Сбежавший экспонат.....	0428
Допетая песня.....	0432
Женщина-загадка.....	0435
Весёлая прогулка.....	0439
В Париж!.....	0443
Жертва Керна.....	0446
Лечебница Равино.....	0451
«Сумасшедшие».....	0454
«Трудный случай в практике».....	0457
Новенький.....	0462
Побег.....	0465
Между жизнью и смертью.....	0467
Опять без тела.....	0471
Тома умирает во второй раз.....	0474
Заговорщики.....	0477
Испорченный триумф.....	0480
Последнее свидание.....	0484
Звезда КЭЦ (роман).....	0488
#1.....	0488
Глава 1 Встреча с чернобородым.....	0488
Глава 2 Демон неукротимости.....	0492
Глава 3 Я становлюсь сыщиком.....	0494
Глава 4 Неудавшаяся погоня.....	0497
Глава 5 Кандидат в небожители.....	0498
Глава 6 «Чистилище».....	0502
Глава 7 Короткое путешествие.....	0504
Глава 8 Небесный младенец.....	0506
Глава 9 В библиотеке.....	0512
Глава 10 У директора.....	0520
Глава 11 Учёный паук.....	0522
Глава 12 Тюрин тренируется.....	0529
Глава 13 К лунной орбите.....	0534
Глава 14 На Луне.....	0542
Глава 15 Звёздные будни.....	0563
Глава 16 У Крамера портится характер.....	0567
Глава 17 Зоолаборатория.....	0574
Глава 18 Новый друг.....	0578
Глава 19 Странное заболевание.....	0582
Глава 20 Чернобородый Евгений-Палей.....	0586
Глава 21 Наконец я выдерживаю характер.....	0592

Глава 22 Земля и звёзды	0593
Золотая гора (повесть)	0594
Болезнь, которая не поддается лечению	0594
Новый Стэнли	0595
Где огонь падает с неба	0597
Бродяга по призванию	0599
Припадок	0603
В стране неизвестного	0605
Неудавшийся опыт	0607
Удовольствие быть чертом	0610
Клэйтон строит мосты	0613
Сердце женщины	0615
Свидания на болоте	0616
Отбитая атака	0621
Вечный хлеб (повесть)	0624
#1	0624
I. Деревенские новости	0624
II. Счастливый Ганс	0627
III. Ганс становится «хлеботорговцем»	0631
IV. Короли биржи	0636
V. Золотые россыпи	0640
VI. Борьба продолжается	0647
VII. Ненужное богатство	0652
VIII. Хлебный потоп	0656
IX. Осада	0658
X. Преступник	0661
XI. Спасенный Мир	0663
XII. Свежий ветер	0665
Продавец воздуха (роман)	0667
#1	0667
I. Окаянный край	0667
II. «Мёртвый каюк»	0671
III. «Ноздря» Ай-Тойона	0676
IV. Неожиданная встреча	0680
V. С неба на лекцию	0684
VI. Подземный городок	0688
VII. Неудачный побег	0691
VIII. «Мистер Фатум»	0694
IX. «Высочайшее помилование»	0698
X. Подземное путешествие	0701
XI. Пленники подземного городка	0709
XII. Новое знакомство	0715
XIII. Затишье перед бурей	0718
XIV. «Шутики» мистера Клименко	0722
XV. Мир задыхается...	0726
XVI. Игра начинается	0730
XVII. «Показательный взрыв»	0734
XVIII. Бэйли снимает маску	0738
XIX. Развязанные руки	0742
XX. Обречённые	0746
XXI. «Лопнул купец»	0751
Властелин мира (роман)	0755
#1	0755
Часть первая	0755

Часть вторая.....	0793
Часть третья.....	0870
Последний человек из Атлантиды (повесть).....	0890
#1.....	0890
Как была открыта Атлантида.....	0890
Последний человек из Атлантиды.....	0897
Ариэль (роман).....	0961
#1.....	0961
Глава первая По кругам ада.....	0961
Глава вторая Дандарат.....	0967
Глава третья Опыты мистера Хайда.....	0971
Глава четвертая Друзья.....	0978
Глава пятая На новой стезе.....	0980
Глава шестая К неведомой судьбе.....	0985
Глава седьмая Боден и Хезлон.....	0989
Глава восьмая Камень преткновения.....	0992
Глава девятая Человеческий муравейник.....	0994
Глава десятая Бездомные нищие.....	0996
Глава одиннадцатая Начистоту, или оба хороши.....	0999
Глава двенадцатая «Воздушные зайцы».....	1002
Глава тринадцатая Вишну и парии.....	1004
Глава четырнадцатая И боги могут завидовать людям.....	1009
Глава пятнадцатая Может ли дорожная пыль мечтать о Солнце?.....	1011
Глава шестнадцатая Опять в неволе.....	1013
Глава семнадцатая Яблоко раздора.....	1015
Глава восемнадцатая Неудачные поиски.....	1020
Глава девятнадцатая Владыка разгневан.....	1022
Глава двадцатая Мир восстановлен.....	1025
Глава двадцать первая Согласен.....	1029
Глава двадцать вторая Новая игрушка.....	1032
Глава двадцать третья Мохита собирает материал.....	1034
Глава двадцать четвертая Гроза разразилась.....	1038
Глава двадцать пятая Владыка изменчив.....	1040
Глава двадцать шестая Борьба за жизнь.....	1041
Глава двадцать седьмая Находка.....	1043
Глава двадцать восьмая Он улетел.....	1044
Глава двадцать девятая Воздушный бой.....	1046
Глава тридцатая Чуждый небу и земле.....	1048
Глава тридцать первая В джунглях.....	1051
Глава тридцать вторая «Новообращенный».....	1054
Глава тридцать третья «Чудо».....	1057
Глава тридцать четвертая Брожение умов.....	1060
Глава тридцать пятая Деловой разговор.....	1062
Глава тридцать шестая Полет.....	1064
Глава тридцать седьмая Законтрактованный небожитель.....	1065
Глава тридцать восьмая «Все проходит, как сон».....	1068
Глава тридцать девятая «Возвышенный» разговор.....	1071
Глава сороковая «Биной непобедимый».....	1073
Глава сорок первая Два мира.....	1075
Глава сорок вторая Страдающая мать.....	1078
Глава сорок третья Снова обман.....	1080
Глава сорок четвертая К друзьям.....	1084
Остров погибших кораблей (роман).....	1088
Часть первая.....	1088

Часть вторая.....	1101
Часть третья.....	1117
Часть четвертая.....	1125
Подводные земледельцы (роман).....	1171
Глава 1 Нептун Иванович огорчен.....	1171
Глава 2 «Рыбе — вода, земля — человеку».....	1177
Глава 3 Под пятью куполами.....	1180
Глава 4 Подводный совхоз.....	1184
Глава 5 Письмо Миколы Гузика.....	1188
Глава 6 В «море-окияне».....	1193
Глава 7 Тайфун.....	1195
Глава 8 Пещерное эхо.....	1199
Глава 9 На плечах тайфуна.....	1203
Глава 10 Новоселье.....	1207
Глава 11 «Пленники моря».....	1212
Глава 12 Хунгуз.....	1215
Глава 13 Морской волк.....	1219
Глава 14 Гузик срывает подводные аплодисменты.....	1221
Глава 15 Под водяным одеялом.....	1225
Глава 16 Ванюшка-дипломат.....	1228
Глава 17 Старые счета.....	1232
Глава 18 Таяма отдает визит.....	1237
Глава 19 Неведомый враг.....	1239
Глава 20 Во мраке вечной ночи.....	1242
Глава 21 Неожиданная встреча.....	1244
Глава 22 Друзья — враги.....	1247
Глава 23 За красными водорослями.....	1250
Глава 24 «Холосая девуска».....	1252
Глава 25 Рыбка на крючке.....	1255
Глава 26 Серп и молот.....	1258
Глава 27 «Фив!».....	1261
Глава 28 Прерванный ужин.....	1263
Глава 29 Электромагнит действует.....	1265
Глава 30 Сложение сил.....	1267
Глава 31 Харакири.....	1269
Глава 32 Заседание продолжается.....	1272
Под небом Арктики (роман).....	1275
1. Черный и белый.....	1275
2. Живая карта.....	1277
3. Дорожное приключение.....	1279
4. Корабль «Тайга».....	1282
5. Изобретатель рассказывает.....	1284
6. Джим осматривает корабль.....	1287
7. Пленники огня.....	1288
8. «Змей» в болоте.....	1294
9. Лесной экзамен.....	1295
10. «Приехали!».....	1297
11. Ночь на «Змее».....	1300
12. Тоска по родине.....	1303
13. Город, не отмеченный на карте.....	1305
14. Беспокойная ночь.....	1309
15. Дед Мороз.....	1314
16. Прекрасное видение.....	1319
17. Приключение на ледяной дороге.....	1325

18. «Путешествие к центру земли»	1331
19. Человек, который хочет сделать солнце	1336
20. Что такое теплопады?	1339
21. Суматошный день	1341
22. Сын солнца	1345
23. Иван Иванович Власов	1347
24. Аэрофикатор	1350
25. «Северопуть»	1354
26. Назойливое солнце	1355
27. Город принимает гостей	1357
28. Джим и его товарищи	1360
Лаборатория Дубльвэ (роман)	1363
Прыжок в ничто (роман)	1415
Часть первая Акционерное общество спасателей	1415
Часть вторая В мире невесомого	1484
Часть третья Новая земля	1537
Воздушный корабль (роман)	1592
Земля горит (повесть)	1645
1	1645
2	1646
3	1647
4	1650
5	1655
6	1657
7	1658
8	1659
9	1660
10	1661
11	1662
12	1663
13	1664
14	1666
15	1677
16	1682
17	1685
18	1688
Небесный гость (повесть)	1693
Глава 1 Мировая сенсация	1693
Глава 2 Пропавшая Елена	1694
Глава 3 Странная находка	1696
Глава 4 Разговор на веранде	1697
Глава 5 В мышеловке	1699
Глава 6 Сквозь воздушный поток	1701
Глава 7 Беспокойный день	1703
Глава 8 Звезда работает	1706
Глава 9 Дорожное приключение	1711
Глава 10 Ожидание на «Нептуне»	1714
Глава 11 Ледяной метеорит	1720
Глава 12 Небожители	1724
Глава 13 Мастерство Архимеда	1725
Глава 14 Перед посадкой	1726
Глава 15 Савич потрясен...	1728
Глава 16 «Здравствуй, Бета!»	1730
Глава 17 На листе-самолете	1733

Глава 18 Калейдоскоп	1736
Глава 19 Глава с плохим началом и хорошим концом	1739
Борьба в эфире (роман)	1744
Глава первая В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР	1744
Глава вторая ВОЗДУШНАЯ ТЮРЬМА	1748
Глава третья САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ	1750
Глава четвертая В СТРАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ	1756
Глава пятая НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ	1760
Глава шестая БЕЛЫЙ ДОМИК	1765
Глава седьмая «ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, ВСЕ ЗНАЮ»	1771
Глава восьмая СОЛНЦЕ ПОД ЯРМОМ	1776
Глава девятая ПОСЛЕДНИЙ БОЙ	1779
Глава десятая ГОРОД-НЕБОСКРЕБ	1783
Глава одиннадцатая ЖИВЫЕ МАШИНЫ	1790
Глава двенадцатая В СТРАНЕ БЕЛЫХ ДИКАРЕЙ	1794
Глава тринадцатая ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР	1799
Глава четырнадцатая НА РАССВЕТЕ	1803
Замок ведьм (повесть)	1808
Глава 1 Беглец	1808
Глава 2 Загадочные обитатели	1810
Глава 3 Встреча в лесу	1812
Глава 4 Решительный шаг	1814
Глава 5 Новый слуга	1815
Глава 6 Горе старой Марты	1816
Глава 7 Бунт	1818
Когда погаснет свет (кино-сценарий)	1827
РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ	1902
Светопреставление	1902
Ни жизнь, ни смерть	1943
Мистер Смех	1968
Невидимый свет	1984
Изобретения профессора Вагнера	1994
Белый дикарь	2147
Сезам, откройся!!!	2167
Легко ли быть раком?	2181
Идеофон	2184
Охота на Большую Медведицу	2190
Мертвая голова	2192
Держи на запад!	2225
Инстинкт предков	2232
Мертвая зона	2242
В трубе	2251
Отворотное средство	2256
Нетленный мир	2262
ВЦБИД	2269
Зеленая симфония	2284
Город победителя	2294
Заочный инженер	2310
Шторм	2317
На воздушных столбах	2327
Воздушный змей	2336
Сильнее бога	2344
Чертово болото	2355
Рекордный полет	2364

Встреча нового, 1954 года.....	2368
Необычайные происшествия.....	2372
Пропавший остров.....	2375
Слепой полет.....	2388
Рогатый мамонт.....	2396
Анатомический жених.....	2403
Робинзон Крузо — Александр Селькирк.....	2411
Восхождение на Везувий.....	2414
В киргизских степях.....	2422
Три портрета.....	2428
Страх.....	2434
Среди одичавших коней.....	2438
Верхом на ветре.....	2451
Дорогой Чандана.....	2462
Веселый Таи.....	2476
Освобожденные рабы.....	2484
Каменное сердце.....	2492
Рассказы о дедушке Дурове.....	2497
Игры у животных.....	2504
Бабушка Мойра (Пьеса-сказка в 4 действиях для детского спектакля).....	2505
ПУБЛИЦИСТИКА.....	2515
Золушка.....	2515
О моих работах.....	2517
Иллюстрация в научной фантастике.....	2519
Аргонавты вселенной.....	2524
О научно-фантастическом романе и книге гр. Адамова «победители недр».....	2529
Создадим советскую научную фантастику.....	2534
Гражданин эфирного острова.....	2541
Константин Эдуардович Циолковский.....	2546
Огни социализма, или господин Уэлс во мгле.....	2552
БИОГРАФИЯ.....	2558
Светлана Беляева «Воспоминания об отце».....	2558
О. Орлов. «А. Р. Беляев» (Биографический очерк).....	2624
БИБЛИОГРАФИЯ.....	2636
#1.....	2636
Романы, повести и киносценарий А. Беляева.....	2636
Рассказы А. Беляева.....	2637
Очерки А. Беляева.....	2638
Сборники А. Беляева.....	2638
Литературно-критические статьи А. Беляева.....	2639
Статьи о творчестве А. Р. Беляева.....	2640
Фотографии.....	2642
О книге.....	2649

**Весь
Беляев Александр
(в одном томе)**

Человек-амфибия (роман)



Часть первая

«Морской дьявол»

Наступила душная январская ночь аргентинского лета. Черное небо покрылось звездами. «Медуза» спокойно стояла на якоре. Тишина ночи не нарушалась ни всплеском волны, ни скрипом снастей. Казалось, океан спал глубоким сном.

На палубе шхуны лежали полуголые ловцы жемчуга. Утомленные работой и горячим солнцем, они ворочались, вздыхали, вскрикивали в тяжелой дремоте. Руки и ноги у них нервно подергивались. Быть может, во сне они видели своих врагов — акул. В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, что, окончив лов, не могли даже поднять на палубу лодки. Впрочем, это было не нужно: ничто не предвещало перемены погоды. И лодки оставались на ночь на воде, привязанные у якорной цепи. Реи не были выровнены, такелаж плохо подтянут, неубранный кливер чуть-чуть вздрагивал при слабом дуновении ветерка. Все пространство палубы между баком и ютом было завалено грудями раковин-жемчужниц, обломками кораллового известняка, веревками, на которых ловцы опускаются на дно, холщовыми мешками, куда они кладут найденные раковины, пустыми бочонками. Возле бизань-мачты стояла большая бочка с пресной водой и железным ковшом на цепочке. Вокруг бочки на палубе виднелось темное пятно от пролитой воды.

От времени до времени то один, то другой ловец поднимался, шатаясь в полусне, и, наступая на ноги и руки спящих, брел к бочке с водой. Не раскрывая глаз; он выпивал ковш воды и валялся куда попало, словно пил он не воду, а чистый спирт. Ловцов томила жажда: утром перед работой есть опасно — слишком уж сильное давление испытывает человек в воде, — поэтому работали весь день натошак, пока в воде не становилось темно, и только перед сном они могли поесть, а кормили их солониной.

Ночью на вахте стоял индеец Бальтазар. Он был ближайшим помощником

капитана Педро Зуриты, владельца шхуны «Медуза».

В молодости Бальтазар был известным ловцом жемчуга: он мог пробыть под водою девяносто и даже сто секунд — вдвое больше обычного.

«Почему? Потому, что в наше время умели учить и начинали обучать нас с детства, — рассказывал Бальтазар молодым ловцам жемчуга. — Я был еще мальчишкой лет десяти, когда отец отдал меня в ученье на тендер к Хозе. У него было двенадцать ребят учеников. Учил он нас так. Бросит в воду белый камень или раковину и прикажет: „Ныряй, доставай!“ И каждый раз бросает все глубже. Не достанешь — выпорот линем или плетью и бросит в воду, как собачонку. „Ныряй снова!“ Так и научил нас нырять. Потом стал приучать к тому, чтобы мы привыкли дольше находиться под водою. Старый опытный ловец опустится на дно и привяжет к якорю корзинку или сеть. А мы потом ныряем и под водой отвязываем. И пока не отвяжешь, наверх не показывайся. А покажешься — получай плеть или линь.

Били нас нещадно. Не многие выдержали. Но я стал первым ловцом во всем округе. Хорошо зарабатывал».

Состарившись, Бальтазар оставил опасный промысел искателя жемчуга. Его левая нога была изуродована зубами акулы, его бок изодрала якорная цепь. Он имел в Буэнос-Айресе небольшую лавку и торговал жемчугом, кораллами, раковинами и морскими редкостями. Но на берегу он скучал и потому нередко отправлялся на жемчужный лов. Промышленники ценили его. Никто лучше Бальтазара не знал Ла-Платского залива, его берегов и тех мест, где водятся жемчужные раковины. Ловцы уважали его. Он умел угодить всем — и ловцам и хозяевам.

Молодых ловцов он учил всем секретам промысла: как задерживать дыхание, как отражать нападение акул, а под хорошую руку — и тому, как припрятать от хозяина редкую жемчужину.

Промышленники же, владельцы шхун, знали и ценили его за то, что он умел по одному взгляду безошибочно оценивать жемчужины и быстро отбирать в пользу хозяина наилучшие.

Поэтому промышленники охотно брали его с собой как помощника и советчика.

Бальтазар сидел на бочонке и медленно курил толстую сигару. Свет от фонаря, прикрепленного к мачте, падал на его лицо. Оно было продолговатое, не скуластое, с правильным носом и большими красивыми глазами — лицо арауканца. Веки Бальтазара тяжело опускались и медленно поднимались. Он дремал. Но если спали его глаза, то уши его не спали. Они бодрствовали и предупреждали об опасности даже во время глубокого сна. Но теперь Бальтазар слышал только вздохи и бормотание спящих. С берега тянуло запахом гниющих моллюсков-жемчужниц, — их оставляли гнить, чтобы легче выбирать жемчужины: раковину живого моллюска нелегко вскрыть. Этот запах непривычному человеку показался бы отвратительным, но Бальтазар не без удовольствия вдыхал его. Ему, бродяге, искателю жемчуга, этот запах напоминал о радостях привольной жизни и волнующих опасностях моря.

После выборки жемчуга самые крупные раковины переносили на «Медузу».

Зурита был расчетлив: раковины он продавал на фабрику, где из них делали пуговицы и запонки.

Бальтазар спал. Скоро выпала из ослабевших пальцев и сигара. Голова склонилась на грудь.

Но вот до его сознания дошел какой-то звук, доносившийся далеко с океана. Звук повторился ближе. Бальтазар открыл глаза. Казалось, кто-то трубил в рог, а потом как будто бодрый молодой человеческий голос крикнул: «А!» — и затем октавой выше: «А-а!..»



Музыкальный звук трубы не походил на резкое звучание парходной сирены, а веселый взглас совсем не напоминал крика о помощи утопающего. Это было что-то новое, неизвестное. Бальтазар поднялся; ему казалось, будто сразу посвежело. Он подошел к борту и зорко оглядел гладь океана. Безлюдье. Тишина. Бальтазар толкнул ногой лежавшего на палубе индейца и, когда тот поднялся, тихо сказал:

— Кричит. Это, наверно, он.

— Я не слышу, — так же тихо ответил индеец-гурон, стоя на коленях и прислушиваясь. И вдруг тишину вновь нарушил звук трубы и крик:

— А-а!..

Гурон, услышав этот звук, пригнулся, как под ударом бича.

— Да, это, наверно, он, — сказал гурон, лязгая от страха зубами. Проснулись и другие ловцы. Они сползли к освещенному фонарем месту, как бы ища защиты от темноты в слабых лучах желтоватого света. Все сидели, прижавшись друг к другу, напряженно прислушиваясь. Звук трубы и голос слышались еще раз вдалеке, и потом все замолкло.

— Это он...

— Морской дьявол, — шептали рыбаки.

— Мы не можем больше оставаться здесь!

— Это страшнее акулы!

— Позвать сюда хозяина!



Послышалось шлепание босых ног. Зевая и почесывая волосатую грудь, на палубу вышел хозяин, Педро Зурита. Он был без рубашки, в одних холщовых

штанах; на широком кожаном поясе висела кобура револьвера. Зурита подошел к людям. Фонарь осветил его заспанное, бронзовое от загара лицо, густые вьющиеся волосы, падавшие прядями на лоб, черные брови, пушистые, приподнятые кверху усы и небольшую бородку с проседью.

— Что случилось?

Его грубоватый спокойный голос и уверенные движения успокоили индейцев.

Они заговорили все сразу. Бальтазар поднял руку в знак того, чтобы они замолчали, и сказал:

— Мы слышали голос его... морского дьявола.

— Померещилось! — ответил Педро сонно, опустив голову на грудь.

— Нет, не померещилось. Мы все слышали «а-а!..» и звук трубы! — закричали рыбаки.

Бальтазар заставил замолчать их тем же движением руки и продолжал:

— Я сам слышал. Так трубить может только дьявол. Никто на море так не кричит и не трубит. Надо быстрее уходить отсюда.

— Сказки, — так же вяло ответил Педро Зурита.

Ему не хотелось брать с берега на шхуну еще не перегнившие, зловонные раковины и сниматься с якоря.

Но уговорить индейцев ему не удалось. Они волновались, размахивали руками и кричали, угрожая, что завтра же сойдут на берег и пешком отправятся в Буэнос-Айрес, если Зурита не поднимет якорь.

— Черт бы побрал этого морского дьявола вместе с вами! Хорошо. Мы поднимем якорь на рассвете. — И, продолжая ворчать, капитан ушел к себе в каюту.

Ему уже не хотелось спать. Он зажег лампу, закурил сигару и начал ходить из угла в угол по небольшой каюте. Он думал о том непонятном существе, которое с некоторых пор появилось в здешних водах, пугая рыбаков и прибрежных жителей.

Никто еще не видел этого чудовища, но оно уже несколько раз напоминало о себе. О нем слагались басни. Моряки рассказывали их шепотом, боязливо озираясь, как бы опасаясь, чтобы это чудовище не подслушало их.

Одним это существо причиняло вред, другим неожиданно помогало. «Это морской бог, — говорили старые индейцы, — он выходит из глубины океана раз в тысячелетие, чтобы восстановить справедливость на земле».

Католические священники уверяли суеверных испанцев, что это «морской дьявол». Он стал являться людям потому, что население забывает святую католическую церковь.

Все эти слухи, передаваемые из уст в уста, достигли Буэнос-Айреса. Несколько недель «морской дьявол» был излюбленной темой хроникеров и фельетонистов бульварных газет. Если при неизвестных обстоятельствах тонули шхуны, рыбацьи суда, или портились рыбацьи сети, или исчезала пойманная рыба, в этом обвиняли «морского дьявола». Но другие рассказывали, что «дьявол» подбрасывал иногда в лодки рыбаков крупную рыбу и однажды даже спас утопающего.

По крайней мере один утопающий уверял, что, когда он уже погружался в воду, кто-то подхватил его снизу за спину и, так поддерживая, доплыл до берега, скрывшись в волнах прибоя в тот миг, когда спасенный ступил на песок.

Но удивительнее всего было то, что самого «дьявола» никто не видел. Никто не мог описать, как выглядит это таинственное существо. Нашлись, конечно, очевидцы, — они награждали «дьявола» рогатой головой, козлиной бородой, львиными лапами и рыбьим хвостом или изображали его в виде гигантской рогатой жабы с человеческими ногами.

Правительственные чиновники Буэнос-Айреса сначала не обращали внимания на эти рассказы и газетные заметки, считая их досужим вымыслом.

Но волнение — главным образом среди рыбаков — все усиливалось. Многие рыбаки не решались выезжать в море. Лов сократился, и жители чувствовали недостаток рыбы. Тогда местные власти решили расследовать эту историю. Несколько паровых катеров и моторных лодок полицейской береговой охраны было разослано по побережью с приказом «задержать неизвестную личность, сеющую смуту и панику среди прибрежного населения». Полиция рыскала по Ла-Платскому заливу и побережью две недели, задержала нескольких индейцев как злостных распространителей ложных слухов, сеющих тревогу, но «дьявол» был неуловим.

Начальник полиции опубликовал официальное сообщение о том, что никакого «дьявола» не существует, что все это лишь выдумки невежественных людей, которые уже задержаны и понесут должное наказание, и убеждал рыбаков не доверять слухам и взяться за лов рыбы.

На время это помогло. Однако шутки «дьявола» не прекращались.

Однажды ночью рыбаки, находившиеся довольно далеко от берега, были разбужены блеянием козленка, который каким-то чудом появился на их баркасе. У других рыбаков оказались изрезанными вытащенные сети.

Обрадованные новым появлением «дьявола» журналисты ждали теперь разъяснения ученых.

Ученые не заставили себя долго ждать.

Одни считали, что в океане не может существовать неизвестное науке морское чудовище, совершающее поступки, на которые способен только человек. «Иное дело, — писали ученые, — если бы такое существо появилось в малоисследованных глубинах океана». Но ученые все же не могли допустить, чтобы такое существо могло поступать разумно. Ученые вместе с начальником морской полиции считали, что все это — проделки какого-нибудь озорника.

Но не все ученые думали так.

Другие ученые ссылались на знаменитого швейцарского натуралиста Конрада Геснера,^[1] который описал морскую деву, морского дьявола, морского монаха и морского епископа.

«В конце концов многое из того, о чем писали древние и средневековые ученые, оправдалось, несмотря на то что новая наука не признавала этих старых учений. Божеское творчество неистоцимо, и нам, ученым, скромность и осторожность в заключениях приличествуют больше чем кому-либо другому», — писали некоторые старые ученые.

Впрочем, трудно было назвать учеными этих скромных и осторожных людей. Они верили в чудеса больше, чем в науку, и лекции их походили на проповедь. В конце концов, чтобы разрешить спор, отправили научную экспедицию. Членам экспедиции не посчастливилось встретиться с «дьяволом». Зато они узнали много нового о поступках «неизвестного лица» (старые ученые настаивали на том, чтобы слово «лица» было заменено словом «существа»).

В докладе, опубликованном в газетах, члены экспедиции писали:

«1. В некоторых местах на песчаных отмелях нами были замечены следы узких ступней человеческих ног. Следы выходили со стороны моря и вели обратно к морю. Однако такие следы мог оставить человек, подъехавший к берегу на лодке.

2. Осмотренные нами сети имеют разрезы, которые могли быть произведены острым режущим орудием. Возможно, что сети зацепились за острые подводные скалы или железные обломки затонувших судов и порвались.

3 По рассказам очевидцев, выброшенный бурей на берег, на значительное расстояние от воды, дельфин был кем-то ночью стащен в воду, причем на песке обнаружены следы ног и как бы длинных когтей. Вероятно, какой-то сердобольный рыбак оттащил дельфина в море.

Известно, что дельфины, охотясь за рыбой, помогают рыбакам тем, что загоняют ее к отмели. Рыбаки же часто выручают из беды дельфинов. Следы когтей могли быть произведены пальцами человека. Воображение придало следам вид когтей.

4. Козленок мог быть привезен на лодке и подброшен каким-нибудь шутником».

Ученые нашли и другие, не менее простые, причины, чтобы объяснить происхождение следов, оставленных «дьяволом».

Ученые пришли к выводу, что ни одно морское чудовище не могло совершить столь сложных действий.

И все же эти объяснения удовлетворяли не всех. Даже среди самих ученых нашлись такие, которым эти объяснения казались сомнительными. Как мог самый ловкий и упорный шутник проделывать такие вещи, не попадаясь так долго на глаза людям. Но главное, о чем умолчали ученые в своем докладе, заключалось в том, что «дьявол», как это было установлено, совершал свои подвиги на протяжении короткого времени в различных, расположенных далеко друг от друга местах. Или «дьявол» умел плавать с неслыханной быстротой, или у него были какие-то особенные приспособления, или же, наконец, «дьявол» был не один, а их было несколько. Но тогда все эти шутки становились еще более непонятными и угрожающими.

Педро Зурита вспоминал всю эту загадочную историю, не переставая шагать по каюте. Он не заметил, как рассвело, и в иллюминатор проник розовый луч. Педро погасил лампу и начал умываться. Обливая себе голову теплой водой, он услышал испуганные крики, доносившиеся с палубы. Зурита, не кончив умываться, быстро поднялся по трапу.

Голые ловцы, с холщовой перевязью на бедрах, стояли у борта, размахивая руками, и беспорядочно кричали. Педро посмотрел вниз и увидел, что лодки, оставленные на ночь на воде, отвязаны. Ночной бриз отнес их довольно далеко в открытый океан. Теперь утренним бризом их медленно несло к берегу. Весла шлюпок, разбросанные по воде, плавали по заливу.

Зурита приказал ловцам собрать лодки. Но никто не решался сойти с палубы. Зурита повторил приказ.

— Сам лезь в лапы дьяволу, — отозвался кто-то.

Зурита взялся за кобуру револьвера. Толпа ловцов отошла и сгрудилась у мачты. Ловцы враждебно смотрели на Зуриту. Столкновение казалось неминуемым. Но тут вмешался Бальтазар.

— Арауканец не боится никого, — сказал он, — акула меня не доела, подавится и дьявол старыми костями. — И, сложив руки над головой, он бросился с борта в воду и поплыл к ближайшей лодке.

Теперь ловцы подошли к борту и со страхом наблюдали за Бальтазаром. Несмотря на старость и больную ногу, он плавал отлично. В несколько взмахов индеец доплыл до лодки, выловил плавающее весло и влез в лодку.

— Веревка отрезана ножом, — крикнул он, — и хорошо отрезана! Нож был острый как бритва.

Видя, что с Бальтазаром ничего страшного не произошло, несколько ловцов последовали его примеру.

Верхом на дельфине

Солнце только что взошло, но уже палило немилосердно. Серебристо-голубое небо было безоблачно, океан неподвижен. «Медуза» была уже на двадцать километров южнее Буэнос-Айреса. По совету Бальтазара якорь бросили в небольшой бухте, у скалистого берега, двумя уступами поднимавшегося из воды.

Лодки рассеялись по заливу. На каждой лодке, по обычаю, было два ловца: один нырял, другой вытаскивал ныряльщика. Потом они менялись ролями.

Одна лодка подошла довольно близко к берегу. Ныряльщик захватил ногами большой обломок кораллового известняка, привязанный к концу веревки, и быстро опустился на дно.

Вода была очень теплая и прозрачная, — каждый камень на дне был отчетливо виден. Ближе к берегу со дна поднимались кораллы — неподвижно застывшие кусты подводных садов. Мелкие рыбки, отливавшие золотом и серебром, шныряли между этими кустами.

Ныряльщик опустился на дно и, согнувшись, начал быстро собирать раковины и класть в привязанный к ремешку на боку мешочек. Его товарищ по работе, индеец-гурон, держал в руках конец веревки и, перегнувшись через борт лодки, смотрел в воду.

Вдруг он увидел, что ныряльщик вскочил на ноги так быстро, как только мог, взмахнул руками, ухватился за веревку и дернул ее так сильно, что едва не стянул гурона в воду. Лодка качнулась. Индеец-гурон торопливо поднял товарища и помог ему взобраться на лодку. Широко открыв рот, ныряльщик тяжело дышал, глаза его были расширены. Темно-бронзовое лицо сделалось серым — так он побледнел.

— Акула?

Но ныряльщик ничего не смог ответить, он упал на дно лодки.

Что могло так напугать на дне моря? Гурон нагнулся и начал всматриваться в воду. Да, там творилось что-то неладное. Маленькие рыбки, как птицы, заведшиеся коршуна, спешили укрыться в густых зарослях подводных лесов.

И вдруг индеец-гурон увидел, как из-за выступавшей углом подводной скалы показалось нечто похожее на багровый дым. Дым медленно расползлся во все стороны, окрашивая воду в розовый цвет. И тут же показалось что-то темное. Это было тело акулы. Оно медленно повернулось и исчезло за выступом скалы. Багровый подводный дым мог быть только кровью, разлитой на дне океана. Что произошло там? Гурон посмотрел на своего товарища, но тот неподвижно лежал на спине, ловя воздух широко раскрытым ртом и бессмыс-

ленно глядя в небо. Индеец взялся за весла и поспешил отвезти своего внезапно заболевшего товарища на борт «Медузы».

Наконец ныряльщик пришел в себя, но как будто потерял дар слова, — только мычал, качал головой и отдувался, выпячивая губы.

Бывшие на шхуне ловцы окружили ныряльщика, с нетерпением ожидая его объяснений.

— Говори! — крикнул, наконец, молодой индеец, потрянув ныряльщика. — Говори, если не хочешь, чтобы твоя трусливая душа вылетела из тела Ныряльщик покрутил головой и сказал глухим голосом:

— Видал... морского дьявола.

— Его?

— Да говори же, говори! — нетерпеливо кричали ловцы.

— Смотрю — акула. Акула плывет прямо на меня. Конiec мне! Большая, черная, уже пасть открыла, сейчас есть меня будет. Смотрю — еще плывет...

— Другая акула?

— Дьявол!

— Каков же он? Голова у него есть?

— Голова? Да, кажется, есть. Глаза — по стакану.

— Если есть глаза, то должна быть голова, — уверенно заявил молодой индеец. — Глаза к чему-нибудь да приколочены. А лапы у него есть?

— Лапы, как у лягушки. Пальцы длинные, зеленые, с когтями и перепонками. Сам блестит, как рыба чешуей. Поплыл к акуле, сверкнул лапой — шарк! Кровь из брюха акулы...

— А какие у него ноги? — спросил один из ловцов.

— Ноги? — пытался вспомнить ныряльщик. — Ног совсем нет. Большой хвост есть. А на конце хвоста две змеи.

— Кого же ты больше испугался — акулы или чудовища?

— Чудовища, — без колебания ответил он. — Чудовища, хотя оно спасло мне жизнь. Это был о н...

— Да, это был о н.

— Морской дьявол, — сказал индеец.

— Морской бог, который приходит на помощь бедным, — поправил старый индеец, Эта весть быстро разнеслась по лодкам, плававшим в заливе. Ловцы поспешили к шхуне и подняли лодки на борт.

Все обступили ныряльщика, спасенного «морским дьяволом». И он повторил, что из ноздрей чудовища вылетало красное пламя, а зубы были острые и длинные, в палец величиной. Его уши двигались, на боках были плавники, а сзади — хвост, как весло.

Педро Зурита, обнаженный по пояс, в коротких белых штанах, в туфлях на босу ногу и в высокой, широкополой соломенной шляпе на голове, шаркая туфлями, ходил по палубе, прислушиваясь к разговорам.

Чем больше увлекался рассказчик, тем более убеждался Педро, что все это выдумано ловцом, испуганным приближением акулы.

«Впрочем, может быть, и не все выдумано. Кто-то вспорол акуле брюхо: ведь вода в заливе порозовела. Индеец врет, но во всем этом есть какая-то доля правды. Странная история, черт возьми!»

Здесь размышления Зуриты были прерваны звуком рога, раздавшимся вдруг из-за скалы.

Этот звук поразил экипаж «Медузы», как удар грома. Все разговоры сразу прекратились, лица побледнели. Ловцы с суеверным ужасом смотрели на скалу, откуда донесся звук трубы.

Недалеко от скалы резвилось на поверхности океана стадо дельфинов. Один дельфин отделился от стада, громко фыркнул, как бы отвечая на призывный сигнал трубы, быстро поплыл к скале и скрылся за утесами. Прошло еще несколько мгновений напряженного ожидания. Вдруг ловцы увидели, как из-за скалы показался дельфин. На его спине сидело верхом, как на лошади, странное существо — «дьявол», о котором недавно рассказывал ныряльщик. Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливала нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи — темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними. Ноги ниже колен находились в воде. Оканчивались ли они хвостами, или это были обычные человеческие ноги — осталось неизвестным. Странное существо держало в руке длинную витую раковину. Оно еще раз протрубило в эту раковину, засмеялось веселым человеческим смехом и вдруг крикнуло на чистом испанском языке:

«Скорей, Лидинг,[2] вперед!» — похлопало лягушечьей рукой по лоснящейся спине дельфина и прищпорило его бока ногами. И дельфин, как хорошая лошадь, прибавил скорость.

Ловцы невольно вскрикнули.

Необычный наездник обернулся. Увидев людей, он, с быстротой ящерицы соскользнув с дельфина, скрылся за его телом. Из-за спины дельфина показалась зеленая рука, ударившая животное по спине. Послушный дельфин погрузился в воду вместе с чудовищем.

Странная пара сделала под водой полукруг и скрылась за подводной скалой...

Весь этот необычный выезд занял не более минуты, но зрители долго не могли прийти в себя от изумления.

Ловцы кричали, бегали по палубе, хватались за голову. Индейцев упали на колени и заклинали бога моря пощадить их. Молодой мексиканец от испуга влез на грот-мачту и кричал. Негры скатились в трюм и забились в угол.

О лове нечего было и думать. Педро и Бальтазар с трудом водворили порядок. «Медуза» снялась с якоря и направилась на север.

Неудача Зуриты

Капитан «Медузы» спустился к себе в каюту, чтобы обдумать происшедшее. — Можно с ума сойти! — проговорил Зурита, выливая себе на голову кувшин теплой воды. — Морское чудовище говорит на чистейшем кастильском наречии! Что это? Чертовщина? Безумие? Но не может же безумие сразу охватить всю команду. Даже одинаковый сон не может присниться двум людям. Но мы все видели морского черта. Это неоспоримо. Значит, он все-таки существует, как это ни невероятно.

Зурита снова облил водой голову и выглянул в иллюминатор, чтобы освежиться.

— Как бы то ни было, — продолжал он, несколько успокоившись, — это чудовищное существо наделено человеческим разумом и может совершать ра-

зумные поступки. Оно, по-видимому, чувствует себя одинаково хорошо в воде и на поверхности. И оно умеет говорить по-испански — значит, с ним можно объясниться. Что, если бы... Что, если бы поймать чудовище, приручить и заставить ловить жемчуг! Одна эта жаба, способная жить в воде, может заменить целую артель ловцов. И потом какая выгода! Каждому ловцу жемчуга как-никак приходится давать четверть улова. А эта жаба ничего не стоила бы. Ведь этак можно нажать в самый короткий срок сотни тысяч, миллионы пезет!

Зурита размечтался. До сих пор он надеялся разбогатеть, искал жемчужные раковины там, где их никто не добывал. Персидский залив, западный берег Цейлона, Красное море, австралийские воды — все эти жемчужные места находятся далеко, и люди давно ищут там жемчуг. Идти в Мексиканский или Калифорнийский залив, к островам Фомы и Маргариты? Плыть к берегам Венесуэлы, где добывается лучший американский жемчуг, Зурита не мог. Для этого его шхуна была слишком ветхой, да и не хватало ловцов — словом, нужно было поставить дело на широкую ногу. А денег у Зуриты не хватало. Так и оставался он у берегов Аргентины. Но теперь! Теперь он мог бы разбогатеть в один год, если бы только ему удалось поймать «морского дьявола».

Он станет самым богатым человеком Аргентины, даже, быть может, Америки. Деньги проложат ему дорогу к власти. Имя Педро Зуриты будет у всех на устах. Но надо быть очень осторожным. И прежде всего сохранить тайну.

Зурита поднялся на палубу и, собрав весь экипаж вплоть до кока, сказал:

— Вы не знаете, какая участь постигла тех, кто распространял слухи о морском дьяволе? Их арестовала полиция, и они сидят в тюрьме. Я должен предупредить вас, что то же будет с каждым из вас, если вы хоть одним словом обмолвитесь о том, что видали морского дьявола. Вас сгноят в тюрьме. Понимаете? Поэтому, если вам дорога жизнь, — никому ни слова о дьяволе.

«Да им все равно не поверят: все это слишком похоже на сказку», — подумал Зурита и, позвав к себе в каюту Бальтазара, посвятил его одного в свой план.

Бальтазар внимательно выслушал хозяина и, помолчав, ответил:

— Да, это хорошо. Морской дьявол стоит сотни ловцов. Хорошо иметь у себя на службе дьявола. Но как поймать его?

— Сетью, — ответил Зурита.

— Он разрежет сеть, как распорол брюхо акулы.

— Мы можем заказать металлическую сеть.

— А кто будет его ловить? Нашим ныряльщикам только скажи:

«Дьявол», и у них подгибаются колени. Даже за мешок золота они не согласятся.

— А ты, Бальтазар?

Индеец пожал плечами:

— Я никогда еще не охотился на морских дьяволов. Подстеречь его, вероятно, будет не легко, убить же, если только он сделан из мяса и костей, не трудно. Но вам нужен живой дьявол.

— Ты не боишься его, Бальтазар? Что ты думаешь о морском дьяволе?

— Что я могу думать о ягуаре, который летает над морем, и об акуле, которая лазает по деревьям? Неведомый зверь страшней. Но я люблю охотиться на страшного зверя.

— Я щедро вознагражу тебя. — Зурита пожал руку Бальтазару и продолжал развивать перед ним свой план:

— Чем меньше будет участников в этом деле, тем лучше. Ты переговори со своими арауканцами. Они храбры и сметливы. Выбери человек пять, не больше. Если не согласятся наши, найди на стороне. Дьявол держится у берегов. Прежде всего надо выследить, где его логово. Тогда нам легко будет захватить его в сети.

Зурита и Бальтазар быстро принялись за дело. По заказу Зуриты была изготовлена проволочная сеть, напоминающая большую бочку с открытым дном. Внутри сети Зурита натянул пеньковые сети, чтобы «дьявол» запутался в них, как в паутине. Ловцов рассчитали. Из экипажа «Медузы» Бальтазару удалось уговорить только двух индейцев племени араукана участвовать в охоте на «дьявола». Еще троих он завербовал в Буэнос-Айресе.

Выслеживать «дьявола» решили начать в том заливе, где экипаж «Медузы» впервые увидел его. Чтобы не возбудить подозрения «дьявола», шхуна бросила якорь в нескольких километрах от небольшого залива. Зурита и его спутники время от времени занимались рыбной ловлей, как будто это и было целью их плавания. В то же время трое из них по очереди, прячась за камнями на берегу, зорко следили за тем, что делается в водах залива.

Была вторая неделя на исходе, а «дьявол» не подавал о себе вести.

Бальтазар завязал знакомство с прибрежными жителями, фермерами-индейцами, дешево продавал им рыбу и, беседуя с ними о разных вещах, незаметно переводил разговор на «морского дьявола». Из этих разговоров старый индеец узнал, что место для охоты они выбрали правильно: многие индейцы, жившие вблизи залива, слышали звук рога и видели следы ног на песке. Они уверяли, что пятка у «дьявола» человеческая, но пальцы значительно удлинены. Иногда на песке индейцы замечали углубление от спины, — он лежал на берегу.

«Дьявол» не причинял вреда прибрежным жителям, и они перестали обращать внимание на следы, которые он от времени до времени оставлял, напоминая о себе. Но самого «дьявола» никто не видел.

Две недели стояла «Медуза» в заливе, занимаясь для видимости ловом рыбы. Две недели Зурита, Бальтазар и нанятые индейцы, не спуская глаз, следили за поверхностью океана, но «морской дьявол» не появлялся. Зурита беспокоился. Он был нетерпелив и скуп. Каждый день стоил денег, а этот «дьявол» заставлял себя ждать. Педро начал уже сомневаться. Если «дьявол» существо сверхъестественное, его никакими сетями не поймать. Да и опасно связываться с таким чертом, — Зурита был суеверен. Пригласить на всякий случай на «Медузу» священника с крестом и святыми дарами? Новые расходы. Но может быть, «морской дьявол» совсем не дьявол, а какой-нибудь шутник, хороший пловец, вырядившийся дьяволом, чтобы пугать людей? Дельфин? Но его, как всякое животное, можно приручить и выдрессировать. Уж не бросить ли всю эту затею?

Зурита объявил награду тому, кто первый заметит «дьявола», и решил подождать еще несколько дней.

К его радости, в начале третьей недели «дьявол» наконец начал появляться.

После дневного лова Бальтазар оставил лодку, наполненную рыбой, у бере-

га. Рано утром за рыбой должны были прийти покупатели.

Бальтазар пошел на ферму навестить знакомого индейца, а когда вернулся на берег, лодка была пуста. Бальтазар сразу решил, что это сделал «дьявол».

«Неужели он сожрал столько рыбы?» — удивился Бальтазар.

В ту же ночь один из дежурных индейцев услышал звук трубы южнее залива. Еще через два дня, рано утром, молодой арауканец сообщил, что ему наконец удалось выследить «дьявола». Он приплыл на дельфине. На этот раз «дьявол» не сидел верхом, а плыл рядом с дельфином, ухватившись рукой за «упряжь» — широкий кожаный ошейник. В заливе «дьявол» снял с дельфина ошейник, похлопал животное и скрылся в глубине залива, у подошвы отвесной скалы. Дельфин выплыл на поверхность и исчез.

Зурита, выслушав арауканца, поблагодарил, обещая наградить, и сказал:

— Сегодня днем дьявол едва ли выплывет из своего убежища. Нам надо поэтому осмотреть дно залива. Кто возьмется за это?

Но никому не хотелось опускаться на дно океана, рискуя встретиться лицом к лицу с неведомым чудовищем.

Бальтазар выступил вперед.

— Вот я! — коротко сказал он. Бальтазар был верен своему слову. «Медуза» все еще стояла на якоре. Все, кроме вахтенных, сошли на берег и отправились к отвесной скале у залива. Бальтазар обвязал себя веревкой, чтобы его можно было вытащить, если бы он оказался раненым, взял нож, зажал между ног камень и опустился на дно.

Арауканцы с нетерпением ожидали его возвращения, вглядываясь в пятно, мелькавшее в голубоватой мгле затененного скалами залива. Прошло сорок, пятьдесят секунд, минута, — Бальтазар не возвращался. Наконец он дернул веревку, и его подняли на поверхность. Отдышавшись, Бальтазар сказал:

— Узкий проход ведет в подземную пещеру. Там темно, как в брюхе акулы. Морской дьявол мог скрыться только в эту пещеру. Вокруг нее — гладкая стена.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Там темно — тем лучше! Мы расставим, наши сети, и рыбка попадетсЯ.

Вскоре после захода солнца индейцы опустили проволочные сети на крепких веревках в воду у входа в пещеру. Концы веревок закрепили на берегу. К веревкам Бальтазар привязал колокольчики, которые должны были звонить при малейшем прикосновении к сети.

Зурита, Бальтазар и пять арауканцев уселись на берегу и стали молча ждать.

На шхуне никого не оставалось.

Темнота быстро сгущалась. Взшел месяц, и его свет отразился на поверхности океана. Было тихо. Всех охватило необычайное волнение. Быть может, сейчас они увидят странное существо, наводившее ужас на рыбаков и искателей жемчуга.

Медленно проходили ночные часы. Люди начинали дремать.

Вдруг колокольчики зазвенели. Люди вскочили, бросились к веревкам, начали поднимать сеть. Она была тяжелой. Веревки вздрагивали. Кто-то трепыхался в сети.

Вот сеть показалась на поверхности океана, а в ней при бледном свете месяца билось тело получеловека-полуживотного. В лунном свете сверкали

огромные глаза и серебро чешуи. «Дьявол» делал невероятные усилия, чтобы освободить руку, запутавшуюся в сети. Это удалось ему. Он вынул нож, висевший у бедра на тонком ремешке, и начал резать сеть.

— Не прорежешь, шалишь! — тихо сказал Бальтазар, увлеченный охотой.

Но, к его удивлению, нож одолел проволочную преграду. Ловкими движениями «дьявол» расширял дыру, а ловцы спешили поскорее вытянуть сеть на берег.

— Сильнее! Гоп-гоп! — уже кричал Бальтазар.

Но в тот самый момент, когда, казалось, добыча была уже в их руках, «дьявол» провалился в прорезанную дыру, упал в воду, подняв каскад сверкавших брызг, и исчез в глубине.

Ловцы в отчаянии опустили сеть.

— Хороший ножик! Проволоку режет! — с восхищением сказал Бальтазар. — Подводные кузнецы лучше наших.

Зурита, опустив голову, смотрел на воду с таким видом, как будто там потонуло все его богатство.

Потом он поднял голову, дернул пушистый ус и топнул ногой.

— Так нет же, нет! — крикнул он. — Скорее ты подохнешь в своей подводной пещере, чем я отступлю. Я не пожалею денег, я выпишу водолазов, я весь залив покрою сетями и капканами, и ты не уйдешь от моих рук!

Он был смел, настойчив и упрям. Недаром в жилах Педро Зуриты текла кровь испанских завоевателей. Да и было из-за чего бороться.

«Морской дьявол» оказался не сверхъестественным, не всемогущим существом. Он, очевидно, сделан из костей и мяса, как говорил Бальтазар. Значит, его можно поймать, посадить на цепочку и заставить добывать для Зуриты богатство со дна океана. Бальтазар добудет его, хотя бы сам бог моря Нептун со своим трезубцем стал на защиту «морского дьявола».

Доктор Сальватор

Зурита приводил в исполнение свою угрозу. Он возвел на дне залива много проволочных заграждений, протянул во всех направлениях сети, наставил капканы. Но его жертвами пока были только рыбы, «морской дьявол» как будто провалился сквозь землю. Он больше не показывался и ничем не напоминал о себе. Напрасно прирученный дельфин каждый день появлялся в заливе, нырял и фыркал, как бы приглашая своего необычайного друга совершить прогулку. Его друг не показывался, и дельфин, сердито фыркнув в последний раз, уплыл в открытое море.

Погода испортилась. Восточный ветер раскачал гладь океана; воды залива стали мутными от песка, поднявшегося со дна. Пенистые гребни волн скрывали дно. Никто не мог разглядеть, что происходит под водой.

Зурита часами мог стоять на берегу, глядя на гряды волн. Огромные, они шли одна за другой, обрушивались шумными водопадами, а нижние слои воды с шипением катились дальше по сырому песку, ворочая гальку и раковины, подкатываясь к ногам Зуриты.

— Нет, это никуда не годится, — говорил Зурита. — Надо придумать что-нибудь иное. Дьявол живет на дне моря и не желает выходить из своего убежища. Значит, чтобы поймать его, нужно пойти к нему — опуститься на дно. Это ясно!

И, обратившись к Бальтазару, мастерившему новый сложный капкан, Зурита сказал:

— Отправляйся немедленно в Буэнос-Айрес и привези оттуда два водолазных костюма с кислородными резервуарами. Обычный водолазный костюм со шлангом для нагнетания воздуха не годится. Дьявол может перерезать шланг. Притом, быть может, нам придется совершить небольшое подводное путешествие. Да не забудь захватить с собой электрические фонари.

— Вы желаете в гости к дьяволу? — спросил Бальтазар.

— С тобой, конечно, старина. Бальтазар кивнул головой и отправился в путь. Он привез не только водолазные костюмы и фонари, но и пару длинных, замысловато искривленных бронзовых ножей.

— Теперь уже не умеют делать таких, — сказал он. — Это древние ножи арауканцев, которыми мои прадедушки вспарывали когда-то животы белым — вашим прадедушкам, не в обиду вам будь сказано.

Зурита не понравилась эта историческая справка, но ножи он одобрил.

— Ты очень предусмотрителен, Бальтазар.

На другой день, на заре, несмотря на сильную волну, Зурита и Бальтазар надели водолазные костюмы и опустились на дно моря. Не без труда распутали они стоявшие у входа в подводную пещеру сети и влезли в узкий проход. Их окружала полная темнота. Став на ноги и вынув ножи, водолазы засветили фонари. Испуганные светом мелкие рыбы метнулись в сторону, а потом приплыли к фонарю, суется в его голубоватом луче, как рой насекомых.

Зурита отогнал их рукой: блеском чешуи они ослепляли его. Это была довольно большая пещера, не менее четырех метров высоты и пяти-шести метров ширины. Водолазы осмотрели углы. Пещера была пуста и необитаема. Только стаи мелкой рыбы, очевидно, укрывались здесь от морского волнения и хищников.

Осторожно ступая, Зурита и Бальтазар продвинулись вперед. Пещера постепенно суживалась. Вдруг Зурита в изумлении остановился. Свет фонаря осветил толстую железную решетку, преграждавшую путь.

Зурита не поверил своим глазам. Он схватился рукой за железные прутья и начал дергать их, пытаясь открыть железную преграду. Но решетка не поддавалась. Осветив ее фонарем, Зурита убедился, что решетка эта прочно вделана в обтесанные стены пещеры и имеет петли и внутренний запор.

Это была новая загадка.

«Морской дьявол» должен быть не только разумным, но и исключительно одаренным существом.

Он сумел приручить дельфина, ему известна обработка металлов. Наконец, он мог создать на дне моря крепкие железные преграды, охраняющие его жилище. Но ведь это невероятно! Не мог же он ковать железо под водой. Значит, он живет не в воде или, по крайней мере, надолго выходит из воды на землю.

У Зуриты стучало в висках, как будто в его водолажном колпаке не хватало кислорода, хотя он пробыл в воде всего несколько минут.

Зурита подал знак Бальтазару, и они вышли из подводной пещеры — больше здесь делать им было нечего — и поднялись на поверхность.

Арауканцы, с нетерпением ожидавшие их, очень обрадовались, увидев водолазов невредимыми.

Сняв колпак и отдышавшись, Зурита спросил:

— Что ты на это скажешь, Бальтазар? Арауканец развел руками.

— Я скажу, что нам долго придется высидеть здесь. Дьявол, наверное, питается рыбой, а рыбы там достаточно. Голодом нам его не выманить из пещеры. Взорвать решетку динамитом — только и придется., — А не думаешь ли ты, Бальтазар, что пещера может иметь два выхода: один — с залива, а другой — с поверхности земли? Бальтазар об этом не подумал.

— Так надо подумать. Как это мы раньше не догадались осмотреть окрестности? — сказал Зурита.

Теперь они принялись изучать берег.

На берегу Зурита набрел на высокую стену из белого камня, опоясывавшую огромный участок земли — не менее десяти гектаров. Зурита обошел стену. Во всей стене он нашел только одни ворота, сделанные из толстых листов железа. В воротах была маленькая железная дверь с прикрытым изнутри волчком.

«Настоящая тюрьма или крепость, — подумал Зурита. — Странно! Фермеры не строят таких толстых и высоких стен. В стене ни просвета, ни щели, через которые можно было бы заглянуть внутрь».

Кругом — безлюдная, дикая местность: голые серые скалы, поросшие кое-где колючим кустарником и кактусами. Внизу — залив.

Зурита несколько дней бродил вдоль стены, подолгу следил за железными воротами. Но ворота не раскрывались, никто не входил в них и не выходил; ни один звук не долетал из-за стены.

Вернувшись вечером на палубу «Медузы», Зурита позвал Бальтазара и спросил:

— Ты знаешь, кто живет в крепости над заливом?

— Знаю, я спрашивал уже об этом индейцев, работающих на фермах. Там живет Сальватор.

— Кто же он, этот Сальватор?

— Бог, — ответил Бальтазар.

Зурита от изумления поднял свои черные густые брови.

— Ты шутишь, Бальтазар? Индеец едва заметно улыбнулся:

— Я говорю то, о чем слышал. Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.

— От чего же он спасает их?

— От смерти. Они говорят, что он всемогущ. Сальватор может творить чудеса. Он держит в своих пальцах жизнь и смерть. Хромым он делает новые ноги, живые ноги, слепым дает зоркие, как у орла, глаза и даже воскрешает мертвых.

— Проклятие! — проворчал Зурита, подбивая пальцами снизу вверх пушистые усы. — В заливе морской дьявол, над заливом — бог. Не думаешь ли ты, Бальтазар, что дьявол и бог могут помогать друг другу?

— Я думаю, что нам следовало бы убраться отсюда как можно скорее, пока еще наши мозги не свернулись, как скисшее молоко, от всех этих чудес.

— Видел ли ты сам кого-нибудь из исцеленных Сальватором?

— Да, видел. Мне показывали человека со сломанной ногой. Побывав у Сальватора, этот человек бегаёт, как мустанг. Еще я видел воскрешенного Сальватором индейца. Вся деревня говорит, что этот индеец, когда его несли к Сальватору, был холодным трупом — череп расколот, мозги наружу. А от Сальватора он пришел живой и веселый. Женился после смерти. Хорошую де-

вушку взял. И еще я видел детей индейцев...

— Значит, Сальватор принимает у себя посторонних?

— Только индейцев. И они идут к нему отовсюду: с Огненной Земли и Амазонки, из пустыни Атакамы и Асунсьона.

Получив эти сведения от Бальтазара, Зурита решил съездить в Буэнос-Айрес.

Там он узнал, что Сальватор лечит индейцев и пользуется среди них славой чудотворца. Обратившись к врачам, Зурита узнал, что Сальватор талантливый и даже гениальный хирург, но человек с большими чудачествами, как многие выдающиеся люди. Имя Сальватора было широко известно в научных кругах Старого и Нового Света. В Америке он прославился своими смелыми хирургическими операциями. Когда положение больных считалось безнадежным и врачи отказывались делать операцию, вызывали Сальватора. Он никогда не отказывался. Его смелость и находчивость были беспредельны. Во время империалистической войны он был на французском фронте, где занимался почти исключительно операциями черепа. Много тысяч человек обязаны ему своим спасением. После заключения мира он уехал к себе на родину, в Аргентину. Врачебная практика и удачные земельные спекуляции дали Сальватору огромное состояние. Он купил большой участок земли недалеко от Буэнос-Айреса, обнес его огромной стеной — одна из его странностей — и, поселившись там, прекратил всякую практику. Он занимался только научной работой в своей лаборатории. Теперь он лечил и принимал индейцев, которые называли его богом, сошедшим на землю.

Зурите удалось узнать еще одну подробность, касавшуюся жизни Сальватора. Там, где сейчас находятся обширные владения Сальватора, до войны стоял небольшой дом с садом, также обнесенный каменной стеной. Все время, пока Сальватор находился на фронте, дом этот сторожили негр и несколько огромных собак. Ни одного человека не пропускали во двор эти неподкупные сторожа.

В последнее время Сальватор окружил себя еще большей таинственностью. Он не принимает у себя даже бывших товарищей по университету.

Узнав все это, Зурита решил:

«Если Сальватор врач, он не имеет права отказаться принять больного. Почему бы мне не заболеть? Я проникну к Сальватору под видом больного, а потом будет видно».

Зурита отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора, и начал стучать. Стучал долго и упорно, но ему никто не открывал. Возбешенный, Зурита взял большой камень и начал бить им в ворота, поднимая шум, который мог бы разбудить мертвых.

Далеко за стеной залаяли собаки, и, наконец, волчок в двери приоткрылся.

— Что надо? — спросил кто-то на ломаном испанском языке.

— Больной, отоприте скорей, — ответил Зурита.

— Больные так не стучат, — спокойно возразил тот же голос, и в волчке показался чей-то глаз. — Доктор не принимает.

— Он не смеет отказать в помощи больному, — горячился Зурита.

Волчок закрылся, шаги удалились. Только собаки продолжали отчаянно лаять.

Зурита, истощив весь запас ругательств, вернулся на шхуну. Жаловаться на

Сальватора в Буэнос-Айрес? Но это ни к чему не приведет. Зуриту трясло от гнева. Его пушистым черным усам угрожала серьезная опасность, так как в волнении он поминутно дергал их, и они опустились вниз, как стрелка барометра, показывающая низкое давление.

Понемногу он успокоился и начал обдумывать, что ему предпринять дальше.

По мере того как он думал, его коричневые от загара пальцы все чаще взбивали растрепанные усы кверху. Барометр поднимался.

Наконец он взошел на палубу и неожиданно для всех отдал приказ сниматься с якоря.

«Медуза» отправилась в Буэнос-Айрес.

— Хорошо, — сказал Бальтазар. — Сколько времени напрасно потрачено! Пусть черт поберет этого дьявола вместе с богом!

Больная внучка

Солнце палило немилосердно.

По пыльной дороге вдоль тучных полей пшеницы, кукурузы и овса шел старый, изможденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес больного ребенка, прикрытого от лучей солнца стареньким одеяльцем. Глаза ребенка были полузакрыты. На шее виднелась огромная опухоль. Время от времени, когда старик оступался, ребенок хрипло стонал и приоткрывал веки. Старик останавливался, заботливо дул в лицо ребенка, чтобы освежить его.

— Только бы донести живым! — прошептал старик, ускоряя шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец переложил ребенка на левую руку и ударил правой в железную дверь четыре раза. Волчок в калитке приоткрылся, чей-то глаз мелькнул в отверстии, заскрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с совершенно белыми курчавыми волосами.

— К доктору, ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запер дверь и знаком пригласил следовать за собой.

Индеец осмотрелся. Они находились на небольшом дворе, вымощенном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой наружной стеною, а с другой — стеною пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились индейцы — мужчины и женщины. Многие были с детьми.

Почти все дети выглядели совершенно здоровыми. Одни из них играли ракушками в «чет и нечет», другие беззвучно боролись, — старый негр с белыми волосами строго следил за тем, чтобы дети не шумели.

Старый индеец покорно опустился на землю в тени дома и начал дуть в неподвижное, посиневшее лицо ребенка. Возле индейца сидела старая индианка с опухшей ногой. Она посмотрела на ребенка, лежавшего на коленях индейца, спросила:

— Дочь?

— Внучка, — ответил индеец. Покачав головой, старуха сказала:

— Болотный дух вошел в твою внучку. Но он сильнее злых духов. Он изго-

нит болотного духа, и твоя внучка будет здорова.

Индеец утвердительно кивнул головой.

Негр в белом халате обошел больных, посмотрел на ребенка индейца и указал на дверь дома.

Индеец вошел в большую комнату с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий длинный стол, покрытый белой простыней. Открылась вторая дверь, с матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, высокий, широкоплечий, смуглый. Кроме черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоска. По-видимому, он брил голову постоянно, так как кожа на голове загорела так же сильно, как и на лице. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жестокое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно. Под этим взглядом индейцу стало не по себе.

Индеец низко поклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрым уверенным и в то же время осторожным движением взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, и бросил их в угол комнаты, ловко попав в стоявший там ящик. Индеец заковылял к ящику, желая взять оттуда лохмотья, но Сальватор строго остановил его:

— Оставь, не трогай!

Затем положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это не доктор, а кондор наклонился над маленькой птичкой. Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Это были длинные, необычайно подвижные пальцы. Казалось, они могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Далеко не робкий индеец старался не поддаваться тому страху, который внушал ему этот непонятный человек.

— Прекрасно. Великолепно, — говорил Сальватор, как будто любуясь опухолью и ощупывая ее пальцами.

Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в следующее новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой.

Он унес ребенка за стеклянную дверь, где находились ванная, операционная и палаты для больных. А негр уже вводил в приемную комнату новую пациентку — старуху с больной ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел.

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь.

В дверях стояла девочка в новом платьице, здоровая, румяная. Она пугливо глядела на дедушку. Индеец бросился к ней, схватил за руки, расцеловал, осмотрел горло. От опухоли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции.

Девочка отталкивала дедушку руками и даже вскрикнула, когда он, поцеловав, уколол ее давно не бритым подбородком. Пришлось спустить ее с рук на пол. Следом за девочкой вошел Сальватор. Теперь доктор даже улыбнулся и, потрепав головку девочки, сказал:

— Ну, получай свою девочку. Ты вовремя принес ее. Еще несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задергались, из глаз полились слезы. Он вновь приподнял девочку, прижал ее к груди, упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучки. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

— На что мне твоя жизнь? — удивился Сальватор.

— Я стар, но еще силен, — продолжал индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь свой остаток жизни за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как собака. Прошу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался.

Он очень неохотно и осторожно брал новых слуг. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы, — Джим не справляется в саду. Этот индеец кажется человеком подходящим, хотя доктор предпочел бы негра.

— Ты даришь мне жизнь и просишь, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь прийти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?.. Кристо — Христофор.

— Иди, Кристо. Я буду ждать тебя.

— Пойдем, внучка! — обратился Кристо к девочке и снова подхватил ее на руки.

Девочка заплакала. Кристо поспешил уйти.

Чудесный сад

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор сосредоточенно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жалованье... Кристо замахал руками:

— Мне ничего не надо, только бы служить у вас.

— Молчи и слушай, — продолжал Сальватор. — У тебя будет все. Но я буду требовать одного: ты должен молчать обо всем, что увидишь здесь.

— Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья, — предупредил Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор приказал:

— Проводи его в сад и сдай его в руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома, провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась.

Негр втолкнул Кристо через калитку в сад, что-то гортанно крикнул другому негру, стоявшему за калиткой, и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали неведомые звери красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он сразу признал бы в них ягуаров. Но бежавшие к нему звери лаяли по-собачьи. Сейчас Кристо было безразлично,

какие животные нападают на него. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по ветвям с неожиданной быстротой. Негр зашипел на собак, как рассерженная кобра. Это сразу успокоило собак. Они перестали лаять, легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезть.

— Что ты шипишь, как змея? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища. — Язык проглотил? Негр только сердито замычал.

«Наверно, он немой», — подумал Кристо и вспомнил предупреждение Сальватора. Неужели Сальватор отрезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык... И Кристо сделалось вдруг так страшно, что он едва не упал с дерева. Ему захотелось бежать отсюда во что бы то ни стало и как можно скорее. Он прикинул в уме, далеко ли от дерева, на котором он сидел, до стены. Нет, не перепрыгнуть... Но негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо тащил его вниз. Пришлось покориться. Кристо спрыгнул с дерева, улыбнулся как только мог любезно, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр кивнул головой.

Кристо крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо быть в ладу с дьяволами», — подумал он и продолжал вслух:

— Ты немой? Негр не ответил.

— Языка нет?

Негр молчал по-прежнему.

«Как бы ему заглянуть в рот?» — подумал Кристо. Но Джим, видимо, не намеревался вступать даже в мимический разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям и что-то прошипел им. Звери поднялись, подошли к Кристо, обнюхали его и спокойно отошли. У Кристо немного отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, мощенного камнями, сад поражал обилием зелени и цветов. Сад простирался на восток, постепенно понижаясь по направлению к берегу моря. Дорожки, посыпанные красноватыми измельченными раковинами, разбегались в разные стороны. Возле дорожек росли причудливые кактусы и голубовато-зеленые сочные агавы,^[3] метелки со множеством желтовато-зеленых цветов. Целые рощи персиковых и оливковых деревьев прикрывали свою тенью густую траву с пестрыми, яркими цветами. Среди зелени травы сверкали водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны освежали воздух.

Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных. Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных животных. В этом саду жили невиданные звери.

Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще



одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба.

Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминогое чудовище. Иногда это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая — влево, и обе недовольно попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сращенные боками «сиамские близнецы» — две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка — ее грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахара и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся — Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснил Кристо, что обезьянку нельзя кормить. И тотчас же воробей с головой маленького попугая вырвал на лету кусок сахара из пальцев Кристо и скрылся за кустом. Вдали на лужайке промычала лошадь с коровьей головой.

Две ламы промчались по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо необычные гады, звери и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с петушиными головами, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы...

Кристо казалось, что он бредит. Он протирал глаза, смачивал голову холодной водой фонтанов, но ничто не помогало. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом длинным, как у ящерицы...

И Кристо снова захотелось бежать отсюда.

Но вот Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, вы-

строенная в мавританском стиле. Сквозь пальмовые стволы виднелись арки и колонны. — Медные фонтаны в виде дельфинов выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал юношу, сидящего на дельфине подобно мифическому Тритону,[4] с витым рогом у рта.

За виллой находилось несколько жилых построек и служб, а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую прохладную комнату. Жестами он объяснил, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо одного.

Третья стена

Понемногу Кристо привык к тому необычайному миру, который окружал его. Все звери, птицы и гады, наполнявшие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали руки, ласкались. Ламы брали хлеб из рук. Попугаи слетали на его плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или немых, как Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима. Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. Он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это злое молчание негров. Он был уверен, что Сальватор отрезал всем им языки. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, индеец всякий раз думал: «Язык резать». Но вскоре Кристо стал меньше бояться за свой язык.

Однажды Кристо увидел Джима, спящего в тени оливковых деревьев. Негр лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно заглянул внутрь рта спящего и убедился, что язык старого негра находится на месте. Тогда индеец немного успокоился.

Сальватор строго распределил свой день. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а затем уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Он оперировал животных, а потом долго изучал их. Когда же кончались его наблюдения, Сальватор отправлял этих животных в сад. Кристо, убирая иногда в доме, проникал в лабораторию. Все, что он видел там, поражало его. Там в стеклянных банках, наполненных какими-то растворами, пульсировали разные органы. Отрезанные руки и ноги продолжали жить. И когда эти живые, отделенные от тела части начинали болеть, то Сальватор лечил их, восстанавливая угасавшую жизнь.

На Кристо все это нагоняло ужас. Он предпочитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на то доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, Кристо не смел проникнуть за третью стену. А это его очень интересовало. Как-то в полдень, когда все отдыхали, Кристо подбежал к высокой стене. Из-за стены он услышал детские голоса — он различал индейские слова. Но иногда к детским голосам присоединялись чьи-то еще более тонкие, визжащие голоса, как будто спорившие с детьми и говорившие на каком-то непонятном наречии.

Однажды, встретив Кристо в саду, Сальватор подошел к нему и, по обычаю глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты уже месяц работаешь у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нижнем саду заболел один из моих слуг. Ты заменишь его. Ты увидишь там много нового. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, если не хочешь потерять его.

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Если ты будешь молчать, ты получишь много золотых пезо. Я надеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. Кстати, ты хорошо знаешь Анды?

— Я родился в горах.

— Прекрасно. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

Ко многому уже привык Кристо. Но то, что он увидел в нижнем саду, превосходило его ожидания.

На большом, освещенном солнцем луку резвились голые дети и обезьяны. Это были дети разных индейских племен. Среди них были и совсем маленькие — не более трех лет, старшим было лет двенадцать. Эти дети были пациентами Сальватора. Многие из них перенесли серьезные операции и были обязаны Сальватору своей жизнью. Выздоровливающие дети играли, бегали в саду, а потом, когда силы их возвращались, родители брали их домой.

Кроме детей, здесь жили обезьяны. Бесхвостые обезьяны. Обезьяны без клочка шерсти на теле.

Самое удивительное — все обезьяны, одни лучше, другие хуже, умели говорить. Они спорили с детьми, бранились, визжали тонкими голосами. Но все же обезьяны мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой.

Кристо подчас не мог решить, настоящие ли это обезьяны или люди.

Когда Кристо ознакомился с садом, он заметил, что этот сад меньше, чем верхний, и еще круче спускается к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море находилось, вероятно, недалеко за этой стеной. Из-за стены долетал гул морского прибоя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился, что она искусственная. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил серую железную дверь, выкрашенную под цвет скал, совершенно сливавшуюся с ними.

Кристо прислушался. Ни один звук, кроме прибоя, не долетал из-за скалы. Куда вела эта узкая дверь? На берег моря?

Вдруг послышался возбужденный детский крик. Дети смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, медленно летевший через сад. Ветер относил шар в сторону моря.

Обычный детский шар, пролетавший над садом, очень взволновал Кристо. Он стал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему:

— Доктор! Скоро мы едем в Анды, быть может, надолго. Разрешите мне поглядеться с дочерью и внучкой.

Сальватор не любил, когда его слуги уходили со двора, и предпочитал иметь одиноких. Кристо молчаливо ждал, глядя в глаза Сальватора.

Сальватор, холодно посмотрев на Кристо, напомнил ему:

— Помни наш уговор. Береги язык! Возвращайся не позже как через три дня. Подожди!

Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда замшевый мешочек, в котором позванивали золотые пезо.

— Вот твоей внучке. И тебе за молчание.

Нападение

— Если он не придет и сегодня, я откажусь от твоей помощи, Бальтазар, и приглашу более ловких и надежных людей, — говорил Зурита, нетерпеливо подергивая пушистые усы.

Теперь Зурита был одет в белый городской костюм и шляпу-панаму. Он встретился с Бальтазаром в окрестностях Буэнос-Айреса, там, где кончаются обработанные поля и начинаются пампасы.

Бальтазар в белой блузе и синих полосатых штанах сидел у дороги и молчал, смущенно пощипывая выжженную солнцем траву.

Он сам начинал раскаиваться, что послал своего брата Кристо шпионом к Сальватору.

Кристо был на десять лет старше Бальтазара. Несмотря на свои годы, Кристо оставался сильным и ловким человеком. Он был хитер, как кошка пампасов. И все же он был ненадежным человеком. Он пробовал заниматься сельским хозяйством — это показалось ему скучным. Потом держал кабачок в порту, но, пристрастившись к вину, скоро разорился.

Последние годы Кристо занимался самыми темными делами, пуская в ход свою необычайную хитрость, а подчас и вероломство. Такой человек был подходящим шпионом, но верить ему нельзя было. Если ему было выгодно, он мог предать даже родного брата. Бальтазар знал это и потому беспокоился не меньше Зуриты.

— Ты уверен, что Кристо видел пущенный тобою воздушный шар?

Бальтазар неопределенно пожал плечами. Ему хотелось скорее бросить эту затею, пойти домой, промочить горло холодной водой с вином и лечь пораньше спать.

Последние лучи заходящего солнца осветили клубы пыли, поднявшиеся из-за бугра. В то же время послышался резкий протяжный свист.

Бальтазар встрепенулся:

— Это он!

— Наконец-то!

Кристо бодрой походкой приближался к ним. Он уже не был похож на изможденного старого индейца. Еще раз лихо свистнув, Кристо подошел и поздоровался с Бальтазаром и Зуритой.

— Ну что, познакомился ты с морским дьяволом? — спросил его Зурита.

— Еще нет, но он там. Сальватор хранит дьявола за четырьмя стенами. Главное сделано: я служу у Сальватора, и он верит мне.

С больной внучкой очень хорошо у меня вышло. — Кристо засмеялся, сощурив свои хитрые глаза. — Она едва не испортила дело, когда выздоровела. Я ее обнимаю, целую, как и следует любящему деду, а она, дурочка, брыкаться и

чуть не в слезы. — Кристо снова засмеялся.

— Где ты добыл свою внучку? — спросил Зурита.

— Деньги не найдешь, девчонок легко найти, — ответил Кристо. — Мать ребенка довольна. Я получил от нее пять бумажных пезо, а она получила здоровую девочку.

О том, что он получил увесистый мешочек золотых пезо от Сальватора, Кристо умолчал. Конечно, он и не думал отдавать деньги матери девочки.

— Чудеса у Сальватора. Настоящий зверинец. — И Кристо начал рассказывать обо всем, что он видел.

— Все это очень интересно, — сказал Зурита, закуривая сигару, — но ты не видел самого главного: дьявола. Что ты думаешь делать дальше, Кристо?

— Дальше? Предпринять небольшую прогулку в Анды. — И Кристо рассказал, что Сальватор собирается на охоту за зверями.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Участок Сальватора находится вдали от остальных поселений. В его отсутствие мы нападём на владения Сальватора и похитим морского дьявола.

Кристо отрицательно покачал головой:

— Ягуары оторвут вам голову, и вы не сможете найти дьявола. И с головой не найдете его, если я его не нашёл.

— Тогда вот что, — подумав, сказал Зурита, — мы устроим засаду, когда Сальватор отправится на охоту; захватим его в плен и потребуем выкуп — морского дьявола.

Кристо ловким движением вынул из бокового кармана Зуриты торчащую сигару.

— Благодарю вас. Засада — это лучше. Но Сальватор обманет: пообещает выкуп и не даст. Эти испанцы... — Кристо закашлялся.

— Что же ты предлагаешь? — уже с раздражением спросил Зурита.

— Терпение, Зурита. Сальватор верит мне, но только до четвертой стены. Надо, чтобы доктор поверил мне, как самому себе, и тогда он покажет мне дьявола.

— Ну?

— Ну, и вот. На Сальватора нападут бандиты, — и Кристо ткнул пальцем в грудь Зуриты, — а я, — он ударил себя в грудь, — честный арауканец, спасу ему жизнь. Тогда для Кристо не останется тайны в доме Сальватора. («И кошелек мой пополнится золотыми пезо», — закончил он про себя.) — Что же, это неплохо.

И они условились, по какой дороге Кристо повезет Сальватора.

— Накануне этого дня, когда мы выедем, я брошу через забор красный камень. Будьте готовы.

Несмотря на то что план нападения обдумали очень тщательно, одно непредвиденное обстоятельство едва не испортило дело.

Зурита, Бальтазар и десять головорезов, нанятых в порту, одетые в костюмы гаучо[5] и хорошо вооруженные, верхом на лошадях поджидали свою жертву вдали от жилья.

Стояла темная ночь. Всадники вслушивались, ожидая услышать топот лошадиных копыт. Но Кристо не знал, что Сальватор отправляется на охоту не так, как это делалось несколько лет тому назад.

Бандиты неожиданно услышали быстро приближавшийся шум мотора. Из-

за пригорка ослепительно сверкнули огни фар. Огромный черный автомобиль промчался мимо всадников, прежде чем они успели сообразить, что произошло.

Зурита отчаянно бранился. Бальтазара это рассмешило.

— Не огорчайтесь, Педро, — сказал индеец. — Днем жарко, они едут ночью, — у Сальватора два солнца на машине. Днем они будут отдыхать. Мы можем нагнать их на привале. — И, прищпорив лошадь, Бальтазар поскакал следом за автомобилем.

За ним двинулись другие.

Проехав часа два, всадники неожиданно заметили вдали костер.

— Это они. У них что-нибудь случилось. Стойте, я проберусь ползком и узнаю. Ждите меня.

И, соскочив с лошади, Бальтазар пополз, как уж. Через час он вернулся.

— Машина не везет. Испортилась. Они чинят ее. Кристо стоит на часах. Надо спешить.

Все остальное свершилось очень быстро. Бандиты напали. И не успел Сальватор опомниться, как ему, Кристо и трем неграм связали руки и ноги.

Один из наемных бандитов, главарь шайки, — Зурита предпочитал держаться в тени — потребовал от Сальватора довольно большую сумму выкупа.

— Я уплачу, освободите меня, — ответил Сальватор.

— Это за тебя. Но столько же ты должен уплатить за троих спутников! — нашелся бандит.

— Сразу такой суммы я не могу дать, — ответил Сальватор, подумав.

— Тогда смерть ему! — закричали бандиты.

— Если не согласишься на наши условия, на рассвете мы убьем тебя, — сказал бандит.

Сальватор пожал плечами и ответил:

— Такой суммы у меня нет на руках.

Спокойствие Сальватора поразило даже бандита.

Бросив связанных позади автомобиля, бандиты принялись шарить и нашли запасы спирта для коллекций. Они выпили спирт и, пьяные, свалились на землю.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно подполз к Сальватору.

— Это я, — тихо сказал Кристо. — Мне удалось развязать ремни. Я подкрался к бандиту с ружьем и убил его. Остальные пьяны. Шофер исправил машину. Надо спешить.

Все быстро уселись в автомобиль, негр-шофер пустил мотор, машина рванулась и помчалась по дороге.

Сзади слышались крики и беспорядочная стрельба.

Сальватор крепко пожал руку Кристо.

Только после отъезда Сальватора Зурита узнал от своих бандитов, что Сальватор соглашался дать выкуп. «Не проще ли было, — думал Зурита, — получить выкуп, чем пытаться похитить морского дьявола, который неизвестно еще, что собой представляет?» Но случай был упущен, оставалось ожидать вестей от Кристо.

Человек-амфибия

Кристо надеялся, что Сальватор подойдет к нему и скажет: «Кристо, ты спас мне жизнь. Теперь для тебя нет тайн в моих владениях. Идем, я покажу тебе морского дьявола».

Но Сальватор не собирался этого делать. Он щедро наградив Кристо за спасение и углубился в свои научные работы.

Не теряя времени, Кристо стал изучать четвертую стену и потайную дверь. Она долго не давалась, но в конце концов Кристо удалось открыть секрет. Однажды, ощупывая эту дверь, он нажал небольшую выпуклость. Вдруг дверь подалась и открылась. Она оказалась тяжелой и толстой, как дверь несгораемого шкафа. Кристо быстро проскользнул за дверь, которая сразу захлопнулась за ним. Это несколько озадачило его. Он осматривал дверь, нажимал на выступы, но дверь не открылась.

— Я сам себя запер в ловушку, — проворчал Кристо.

Но делать было нечего. Оставалось осмотреть этот последний, неведомый сад Сальватора.

Кристо очутился в густо заросшем саду. Весь сад представлял собой небольшую котловину, со всех сторон окруженную высокой стеной из искусственно сложенных скал. Слышался не только прибой волн, но и шуршанье гальки по песчаной отмели.

Тут были деревья и кустарники, которые обыкновенно растут на влажной почве. Среди больших тенистых деревьев, хорошо защищавших от лучей солнца, струилось много ручьев. Десятки фонтанов разбрасывали брызги воды, увлажняя воздух. Было сыро, как на низменных берегах Миссисипи. Посреди сада стоял небольшой каменный дом с плоской крышей. Его стены были сплошь покрыты плющом. Зеленые жалюзи на окнах были спущены. Дом казался необитаемым.

Кристо дошел до конца сада. У стены, отделявшей усадьбу от залива, находился огромный квадратный бассейн, густо обсаженный деревьями, занимавший площадь не менее пятисот квадратных метров и глубиной не меньше пяти метров.

При приближении Кристо какое-то существо испуганно выбежало из зарослей и бросилось в бассейн, подняв тучи брызг. Кристо остановился в волнении. Он! «Морской дьявол». Наконец-то Кристо увидит его.

Индеец подошел к водоему, заглянул в прозрачную воду.

На дне бассейна, на белых каменных плитах, сидела большая обезьяна. С испугом и любопытством она глядела из-под воды на Кристо. Кристо не мог прийти в себя от удивления: обезьяна дышала под водой. Бока ее то опускались, то поднимались.

Оправившись от изумления, Кристо невольно рассмеялся: «морской дьявол», наводивший ужас на рыбаков, оказался земноводной обезьяной. «Чего только не бывает на свете», — подумал старый индеец.

Кристо был доволен: наконец ему удалось выведать все. Но теперь он был разочарован. Обезьяна совсем не напоминала то чудовище, о котором рассказывали очевидцы. Чего не сделают страх и воображение!

Но надо было подумать о возвращении. Кристо вернулся назад, к двери, влез на высокое дерево у забора и, рискуя сломать себе ноги, спрыгнул с высокой стены.

Едва он встал на ноги, как услышал голос Сальватора:

— Кристо! Где же ты?

Кристо схватил лежавшие на дорожке грабли и начал сгребать сухие листья.

— Я здесь.

— Идем, Кристо, — сказал Сальватор, подходя к замаскированной железной двери в скале. — Смотри, эта дверь открывается вот так. — И Сальватор нажал уже известную Кристо выпуклость на шероховатой поверхности двери.

«Доктор опоздал — я уже видел дьявола», — подумал Кристо.

Сальватор и Кристо вошли в сад. Минувя домик, увитый плющом, Сальватор направился к бассейну. Обезьяна еще сидела в воде, пуская пузыри.

Кристо удивленно вскрикнул, как будто увидел ее впервые. Но вслед за этим ему пришлось по-настоящему удивиться.

Сальватор не обратил на обезьяну никакого внимания. Он только махнул на нее рукой, как будто она мешала ему. Обезьяна тотчас выплыла, выбралась из бассейна, отряхнулась и влезла на дерево. Сальватор наклонился, ощупал траву и сильно нажал небольшую зеленую пластину. Послышался глухой шум. В полу по краям бассейна открылись люки. Через несколько минут бассейн был пуст. Люки захлопнулись. Откуда-то сбоку выдвинулась железная лесенка, ведущая на дно бассейна.

— Идем, Кристо.

Они опустились в бассейн. Сальватор ступил на одну плиту, и тотчас открылся новый люк — посередине бассейна — шириною в квадратный метр. Железные ступени уходили куда-то под землю.

Кристо последовал за Сальватором в это подземелье. Они шли довольно долго. Сверху через люк проникал только рассеянный свет. Но скоро он исчез. Их окружил полный мрак. Шаги глухо отдавались в этом подземном коридоре.

— Не оступись, Кристо, сейчас мы придем.

Сальватор остановился, шаря по стене рукой. Щелкнул выключатель, и яркий свет разлился вокруг. Они стояли в сталактитовой пещере, перед бронзовой дверью с львиными мордами, держащими кольца в зубах. Сальватор дернул за одно кольцо. Тяжелая дверь плавно открылась, и путники вошли в темную залу. Снова щелкнул выключатель. Матовый шар осветил обширную пещеру, одна стена которой была стеклянная. Сальватор переключил свет: пещера погрузилась во мрак, а сильные прожекторы осветили пространство за стеклянной стеной. Это был огромный аквариум — вернее, стеклянный дом на дне моря. С земли поднимались водоросли и кусты кораллов, среди них резвились рыбы. И вдруг Кристо увидел выходящее из зарослей человекообразное существо с большими лапами. Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей. Быстрыми, ловкими движениями это существо подплыло к стеклянной стене, кивнуло Сальватору головой, вошло в стеклянную камеру, захлопнув за собой дверь. Вода из камеры быстро выливалась. Неизвестный открыл вторую дверь и вошел в грот.

— Сними очки и перчатки, — сказал Сальватор. Неизвестный послушно снял очки и перчатки, и Кристо увидел перед собою стройного красивого молодого человека.

— Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же морской дьявол, — отрекомендовал юношу Сальватор.

Юноша, приветливо улыбаясь, протянул руку индейцу и сказал по-испански:

— Здравствуйте!

Кристо молча пожал протянутую руку. Пораженный, он не мог выговорить ни слова.

— Негр, слуга Ихтиандра, заболел, — продолжал Сальватор. — Я оставлю тебя с Ихтиандром на несколько дней. Если ты справишься с новыми обязанностями, я сделаю тебя постоянным слугой Ихтиандра.

Кристо молча кивнул головой.

День Ихтиандра

Еще ночь, но скоро рассвет.

Воздух теплый и влажный, напоенный сладким запахом магнолий, тубероз, резеды. Ни один лист не шелохнется. Тишина. Ихтиандр идет по песчаной дорожке сада. На поясе мерно покачиваются кинжал, очки, ручные и ножные перчатки — «лягушечьи лапы». Только под ногами потрескивает ракушечный песок. Дорожка еле видна. Кусты и деревья обступили ее черными бесформенными пятнами. От водоемов поднимается туман. Иногда Ихтиандр задевает ветку. Роса окропляет его волосы и горячую щеку.

Дорожка круто поворачивает вправо и идет под уклон. Воздух становится все свежее и влажнее. Ихтиандр чувствует под ногами каменные плиты, замедляет шаги, останавливается. Не спеша надевает большие очки с толстыми стеклами, перчатки на руки и на ноги. Выдыхает из легких воздух и прыгает в водоем. Вода обволакивает тело приятной свежестью, пронизывает холодком жабры. Жаберные щели начинают ритмически двигаться, — человек превратился в рыбу.

Несколько сильных движений руками, и Ихтиандр на дне водоема.

Юноша уверенно плывет в полной темноте. Протягивает руку, находит железную скобу в каменной стене. Рядом другая, третья скоба... Так добирается он до тоннеля, доверху наполненного водой. Идет по дну, преодолевая холодное встречное течение. Отталкивается от дна, всплывает наверх — и словно погружается в теплую ванну. Вода, нагретая в водоемах садов, течет вверху тоннеля к открытому морю. Теперь Ихтиандр может плыть по течению. Скрещивает на груди руки, ложится на спину и плывет головой вперед.

Конец тоннеля близок. Там, возле самого выхода в океан, внизу, из расщелины скалы под сильным напором вырывается горячий источник. В его струях шуршат придонные камешки и раковины.

Ихтиандр ложится на грудь и смотрит вперед. Темно. Протягивает руку вперед. Вода чуть-чуть свежеет. Ладони касаются железной решетки, прутья которой покрыты мягкой и скользкой морской растительностью и шероховатыми ракушками. Цепляясь за решетку, юноша находит сложный затвор и открывает его. Тяжелая круглая решетчатая дверь, загораживающая выход из тоннеля, медленно приоткрывается. Ихтиандр проскальзывает в образовавшуюся щель. Дверь решетки захлопывается.

Человек-амфибия направляется в океан, загребая воду руками и ногами. В воде все еще темно. Только кое-где в черной глубине мелькают голубоватые искры ночесветок да тускло-красные медузы. Но скоро рассвет, и светящиеся животные одно за другим тушат свои фонарики.

Ихтиандр чувствует в жабрах тысячи мелких уколов — становится труднее дышать. Это значит — он миновал скалистый мыс. За мысом морская вода всегда загрязнена частицами глинозема, песком и отбросами разных веществ. Вода опреснена, — невдалеке в океан впадает река.

«Удивительно, как это речные рыбы могут жить в мутной, пресной, воде, — думает Ихтиандр. — Наверное, их жабры не так чувствительны к песчинкам и частицам ила».

Ихтиандр поднимается немного выше, резко поворачивает вправо, на юг, затем опускается в глубину. Здесь вода чище. Ихтиандр попал в холодное подводное течение, которое идет вдоль берега с юга на север, до впадения реки Параны, которая отклоняет холодное течение на восток. Течение это проходит на большой глубине, но верхняя граница находится в пятнадцати — двадцати метрах от поверхности. Теперь Ихтиандр вновь может предоставить себя течению, — оно вынесет его далеко в открытый океан.

Можно подремать немного. Опасности нет: еще темно, и морские хищники спят. Перед восходом солнца так приятно вздремнуть. Кожа чувствует, как изменяются температура воды, подводные течения.

Вот ухо улавливает глухой грохочущий звук, за ним другой, третий. Это гремят якорные цепи: в заливе, за несколько километров от Ихтиандра, рыбацьи шхуны снимаются с якоря. Рассвет близок. А вот далекий-далекий мерный рокот. Это винт и моторы «Горрокса» — большого английского океанского парохода, совершающего рейс между Буэнос-Айресом и Ливерпулем. «Горрокс» еще километрах в сорока. А как слышно! Звук проходит в морской воде полторы тысячи метров в секунду. Как красив «Горрокс» ночью — настоящий плавучий город, залитый огнями! Но, чтобы увидеть его ночью, надо с вечера выплыть далеко в открытое море. В Буэнос-Айрес «Горрокс» приходит при свете восходящего солнца уже с погашенными огнями. Нет, дремать больше уже не придется: винты, рули и моторы «Горрокса», колебания его корпуса, огни иллюминаторов и прожекторов разбудят обитателей океана. Наверное, дельфины первые услышали приближение «Горрокса» и, ныряя, подняли несколько минут тому назад легкое волнение, которое заставило Ихтиандра насторожиться. И наверное, они уже помчались навстречу пароходу.

Дробь судовых моторов раздается с разных сторон: пробуждаются порт и залив. Ихтиандр открывает глаза, трясет головой, словно отряхивает последнюю дремоту, взмахивает руками, отталкивается ногами и всплывает на поверхность.

Осторожно высунул голову из воды, осмотрелся. Вблизи ни лодок, ни шхун. Вынырнул по пояс и так держится, медленно перебирая ногами.

Низко над водой летают бакланы и чайки, иногда задевают грудью или концом крыла зеркальную поверхность и оставляют на ней медленно расходящиеся круги. Крики белых чаек похожи на детский плач. Свистя огромными крыльями и обдавая ветром, над головой Ихтиандра пролетел огромный снежно-белый альбатрос-буревестник. Маховые перья его черные, клюв красный, с желтым кончиком, а лапы оранжевые. Он направляется к заливу. Ихтиандр с некоторой завистью провожает его глазами. Траурные крылья птицы имеют в размахе не менее четырех метров. Вот бы иметь такие крылья!

На западе ночь уходит за далекие горы. Уже алеет восток. На глади океана



появилась едва заметная спокойная зыбь, и на ней — золотые струйки. Белые чайки, поднимаясь выше, становятся розовыми. По бледной глади вод зазмеились пестрые, голубые и синие дорожки: это первые порывы ветра. Синих дорожек становится все больше. Ветер крепчает. На песчаном берегу уже появляются перистые желто-белые язычки прибоя. Вода возле берега становится зеленой.

Приближается целая флотилия рыбацких шхун. Отец приказал не попадаться людям на глаза. Ихтиандр ныряет глубоко в воду, находит холодное течение. Оно несет его еще дальше от берега на восток, в открытый океан. Кругом сине-лиловая темнота морской глубины. Плавают рыбы, они кажутся светло-зелеными, с темными пятнами и полосками. Красные, желтые, лимонные, коричневые рыбы непрерывно снуют, как рой пестрых бабочек.

Сверху доносится рокот, вода темнеет. Это низко над водой пролетел военный гидроплан.

Однажды такой гидроплан сел на воду. Ихтиандр незаметно ухватился за железный упор поплавков и... едва не поплатился жизнью: гидроплан неожиданно снялся с воды. Ихтиандр спрыгнул с высоты десяти метров.

Ихтиандр приподнимает голову. Свет солнца виден почти над головой. Близок полдень. Поверхность воды уже не кажется зеркалом, в котором отражаются камни отмели, крупные рыбы, сам Ихтиандр. Сейчас зеркало искривилось, выгибается, непрерывно движется.

Ихтиандр всплывает. Волны качают. Вот он выглянул из воды. Поднялся на гребне волны, опустил, снова поднялся. Ого, что делается вокруг! У берега прибой уже шумит, ревет и ворочает камнями. Вода возле берега стала желто-зеленая. Дует резкий юго-западный ветер. Волны растут. На гребнях волн мелькают белые барашки. Брызги все время падают на Ихтиандра. Ему это приятно.

«Почему это, — думает Ихтиандр, — если плыть навстречу волнам, они кажутся темно-синими, а оглянешься — позади они бледные?»

С верхушек волн срываются стаи рыб — летунов-долгоперов. То поднимаясь, то опускаясь, минуя гребни волн и ложбинки между ними, летуны пролетают сотню метров и опускаются, а через минуту-две снова выпрыгивают из

воды. Мечутся, плачут белые чайки. Режут воздух широкими крыльями самые быстроходные птицы — фрегаты. Огромный изогнутый клюв, острые когти, темно-коричневые перья с зеленоватым металлическим оттенком, зоб оранжевого цвета. Это самец. А невдалеке — другой фрегат, посветлее, с белой грудью, — самка. Вот она камнем падает в воду, и через секунду в кривом клюве уже трепещет сине-серебристая рыбка. Летают буреветники-альбатросы. Будет буря. Навстречу грозовой туче, наверно, уже несется чудесная смелая птица — паламедея. Она всегда встречает грозу своей песней. Зато рыбацьи шхуны и нарядные яхты на всех парусах спешат к берегу укрыться от бури.

Стоят зеленоватые сумерки, но сквозь толщу воды еще можно различить, где находится солнце — большое светлое пятно. Этого достаточно, чтобы определить направление. Надо добраться до отмели, прежде чем туча покроет солнце, иначе — прощай завтрак! А есть уже давно хочется. В темноте не найти ни отмели, ни подводных скал. Ихтиандр с силой работает руками и ногами — он плывет, как плавают лягушки.

Время от времени он ложится на спину и проверяет свой курс по едва заметному просвету в густом сине-зеленом полумраке. Иногда внимательно всматривается вперед, не видно ли отмели. Его жабры и кожа чувствуют, как изменяется вода: вблизи отмели вода не такая плотная, она менее соленая и в ней больше кислорода, — приятная, легкая вода. Он пробует воду на вкус — на язык. Так старый опытный моряк, еще не видя земли, знает о ее приближении по приметам, известным ему одному.

Постепенно становится светлее. Справа и слева маячат давно знакомые очертания подводных утесов. Между ними небольшое плато, за ним каменная стена. Ихтиандр называет это местечко подводной бухтой. Здесь бывает тихо даже во время самой сильной бури.

Как много рыб набралось в тихой подводной бухте! Кишат, как в кипящем котле с ухой. Маленькие, темные, с желтой поперечной полосой посередине тела и желтым хвостом, с косыми темными полосами, красные, голубые, синие. Они то внезапно исчезают, то так же неожиданно появляются на том же самом месте. Всплывешь вверх, оглянешься по сторонам — рыбы кишат, а внизу уже пропали, словно провалились. Долго Ихтиандр не мог понять, отчего это происходит, пока не поймал однажды рыбку руками. Ее тельце было величиною в ладонь, но совсем плоское. Поэтому сверху рыб было трудно разглядеть.

Вот и завтрак. На ровной площадке возле отвесной скалы много устриц. Ихтиандр подплывает, ложится на площадке возле самых раковин и принимается есть. Вынимает устриц из раковин и отправляет их в рот. Он привык есть под водой: положив кусок в рот, ловко выбрасывает сквозь полусжатые губы воду изо рта. Немного воды, впрочем, проглатывает он с пищей, но он привык к морской воде.

Вокруг него колыхнутся водоросли — испещренные дырочками зеленые листья агара, перистые зеленые листья каулерпы мексиканской, нежные розовые нитофилы. Но сейчас все они кажутся темно-серыми: в воде сумеречный свет, — гроза и буря продолжают. Иногда глухо слышится гром. Ихтиандр смотрит вверх.

Почему вдруг так потемнело? Над самой головой Ихтиандра появилось темное пятно. Что бы это могло быть? Завтрак окончен. Можно взглянуть на поверхность. Ихтиандр осторожно поднимается к темному пятну над головой,

скользя вдоль отвесной скалы. Оказывается, на воду сел огромный альбатрос. Оранжевые ноги птицы совсем близко от Ихтиандра. Он протягивает руки вверх и схватывает альбатроса за ноги. Испуганная птица раскрывает свои мощные крылья и поднимается, вытаскивая из воды Ихтиандра. Но на воздухе тело Ихтиандра сразу тяжелеет, и альбатрос вместе с ним грузно падает на волну, порывая юношу своей перистой мягкой грудью. Ихтиандр не ждет, пока буревестник клюнет красным клювом в голову, ныряет и через несколько секунд всплывает на поверхность в другом месте. Альбатрос улетает на восток и скрывается за водяными горами разыгравшегося шторма.

Ихтиандр лежит на спине. Гроза уже прошла. Гром грохочет где-то вдали на востоке. Но ливень как из ведра. Ихтиандр жмурит глаза от удовольствия. Наконец открывает глаза, встает, оставаясь наполовину погруженным в воду, оглядывается. Он на гребне высочайшей волны. Вокруг него небо, океан, ветер, тучи, ливень, волны — все смешалось в мокрый вращающийся клубок, который гудит, шумит, ревет, грохочет. Курчавится пена на гребнях и сердито змеится на ребрах волн. Стремительно бегут вверх водяные горы и низвергаются как лавины, поднимаются валы, шумит ливень, воеет неистовый ветер.

То, что страшит земного человека, радует Ихтиандра. Конечно, надо быть осторожным, иначе на него обрушится водяная гора. Но Ихтиандр не хуже рыб умеет управляться с волнами. Надо только знать их: одна несет вверх-вниз, другая того и гляди перебросит через голову. Он знал и то, что делается под волной, знал, как пропадают волны, когда кончается ветер: знал, что сначала исчезают мелкие волны, потом крупные, но мерная мертвая зыбь остается еще долго. Он любил кувыряться в прибрежной волне, но знал, что это опасно. Однажды волна неожиданно перевернула Ихтиандра, он сильно ударился головой о дно и потерял сознание. Обыкновенный человек утонул бы, но Ихтиандр отлежался в воде.

Дождь перестал. Его унесло вслед за грозой куда-то на восток. Ветер переменился. С тропического севера подуло теплом. Сквозь тучи показались куски голубого неба. Прорвались солнечные лучи и ударили по волнам. На юго-востоке на темном еще, мрачном небе появляется двойная радуга. Океана не узнать. Теперь он не свинцово-темный, а синий, с ярко-зелеными пятнами в тех местах, где прорвались солнечные лучи.

Солнце! В одно мгновение небо и океан, берег и далекие горы стали иными. Какой чудесный, легкий, влажный воздух после грозы и бури! Ихтиандр то вбирает в легкие чистый, здоровый морской воздух, то начинает усиленно дышать жабрами. Среди людей только Ихтиандр один знает, как легко дышится после того, как буря, гроза, ветер, волны, дождь перемешают небо с океаном, воздух с водой и густо насытят воду кислородом. Тогда оживают все рыбы, все морские твари.

После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки, за ними появляются скрывавшиеся в глубине крупные рыбы и, наконец, когда уже совсем утихнет, всплывают нежные, слабые медузы, прозрачные, почти невесомые рачки, сифонофоры, гребневики, венерины пояса.

Вот луч солнца упал на волну. Вода вокруг сразу позеленела, сверкают мелкие водяные пузырьки, шипит пена... Недалеко от Ихтиандра резвятся его друзья — дельфины, поглядывая на него веселыми, хитрыми, любопытными

глазами. Их лоснящиеся темные спины мелькают среди волн. Плещутся, фыркают, гоняются друг за другом. Ихтиандр смеется, ловит дельфинов, плавает, ныряет вместе с ними. Ему кажется, что и этот океан, и эти дельфины, и это небо и солнце созданы только для него.

Ихтиандр приподнимает голову, щурясь, смотрит на солнце. Оно склоняется к западу. Скоро вечер. Сегодня ему не хочется возвращаться домой рано. Он будет вот так качаться, пока не потемнеет синее небо и на нем не покажутся звезды.

Однако скоро ему надоедает бездействие. Недалеко от него гибнут маленькие морские твари. Он может спасти их. Он привстает и смотрит на далекий берег. Туда, к отмели у песчаной косы! Там больше всего нужна его помощь. Там свирепствует морской прибой.

Этот бешеный прибой после каждой бури выбрасывает на берег груды водорослей и морских обитателей: медуз, крабов, морских звезд, а иногда и неосторожного дельфина. Медузы погибают очень скоро, некоторые рыбы добираются до воды, но много их гибнет на берегу. Крабы почти все возвращаются в океан. Иногда они сами выходят из воды на берег поживиться жертвами прибоа. Ихтиандр любит спасать выброшенных на берег морских животных.

Часами бродил он после бури по берегу и спасал, кого еще можно было спасти. Он радовался, видя, как рыба, брошенная в воду, уплывала, весело махнув хвостом. Он радовался каждый раз, когда полууснувшие рыбы, плававшие в воде боком или брюшком, в конце концов оживали. Подбирая на берегу большую рыбу, Ихтиандр нес ее к воде; рыба трепетала в его руках, а он смеялся и уговаривал ее не биться и потерпеть еще немного. Конечно, эту самую рыбу он съел бы с удовольствием, если бы, проголодавшись, поймал ее в океане. Но то было неизбежное зло. Здесь же, на берегу, он был покровителем, другом, спасителем обитателей моря.

Обыкновенно Ихтиандр возвращался к берегу так же, как и уплывал, пользуясь подводными морскими течениями. Но сегодня ему не хотелось надолго погружаться под воду, — уж очень красивы были океан и небо. Юноша нырял, проплывал под водою и вновь появлялся на поверхности, подобно морским птицам, охотящимся за рыбами.

Угасли последние лучи солнца. На западе еще догорает желтая полоса. Угрюмые волны, точно темно-серые тени, бегают одна за другой.

После прохладного воздуха в воде так тепло. Кругом темно, но не страшно. Никто не нападает в этот час. Дневные хищники уже уснули, ночные еще не вышли на охоту.

Вот то, что ему нужно: северное течение, находящееся совсем близко от поверхности океана. Не успокоившаяся мертвая зыбь немного раскачивает эту подводную реку вверх-вниз, но она продолжает медленно течь с жаркого севера на холодный юг. А много ниже лежит обратное, холодное течение — с юга на север. Ихтиандр часто пользуется этими течениями, когда ему нужно долго плыть вдоль берега.

Сегодня он далеко заплыл на север. Теперь это теплое течение доставит его до тоннеля. Только бы не вздремнуть и не проплыть дальше, как это однажды

с ним было. Он то кладет руки за голову, то вытягивает их в стороны, медленно расставляет и снова сжимает ноги — занимается гимнастикой. Течение несет его к югу. Теплая вода и медленные движения рук и ног действуют на него успокоительно.

Ихтиандр смотрит вверх — перед ним свод, сплошь усеянный мелкими, как пыль, звездами. Это ночесветки зажгли свои фонари и поднимаются на поверхность океана. Кое-где во тьме виднеются голубоватые и розоватые светящиеся туманности — плотные скопления мельчайших светящихся животных. Медленно проплывают шары, излучающие мягкий зеленоватый свет. Совсем недалеко от Ихтиандра светится медуза — она похожа на лампу, прикрытую затейливым абажуром с кружевами и длинной бахромой. Бахрома медленно покачивается, как от легкого ветра, при каждом движении медузы. На отмелях уже загорелись морские звезды. В больших глубинах быстро двигаются огни крупных ночных хищников. Они гоняются друг за другом, кружатся, гаснут и вспыхивают снова.

Снова отмель. Причудливые стволы и ветви кораллов освещены изнутри голубым, розовым, зеленым, белым огнем. Одни кораллы горят бледным мигающим светом, другие — как накаленный добела металл.

На земле ночью только маленькие, далекие звезды в небе, иногда луна. А здесь тысячи звезд, тысячи лун, тысячи маленьких разноцветных солнц, горящих мягким нежным светом. Ночь в океане несравненно прекраснее ночи на земле.

И, чтобы сравнить, Ихтиандр всплывает на поверхность воды.

Воздух потеплел. Над головой темно-синий свод неба, усеянный звездами. Над горизонтом стоит серебристый диск луны. От луны протянулась по всему океану серебряная дорожка.

Из порта доносится низкий, густой, продолжительный гудок. Это гигант «Горрокс» собирается в обратный путь. Однако как поздно! Скоро рассвет. Ихтиандр отсутствовал почти целые сутки. Отец, наверно, будет его бранить.

Ихтиандр направляется к тоннелю, запускает руку между прутьев, открывает железную решетку, плывет в тоннеле среди полной темноты. На этом обратном пути плыть приходится вниз, в холодном течении, идущем с моря к садовым бассейнам.

Легкий толчок в плечо будит его. Он в бассейне. Быстро поднимается вверх. Начинает дышать легкими, вбирая воздух, напоенный знакомыми запахами цветов.

Через несколько минут он уже крепко спит в кровати, как приказывал отец.

Девушка и смуглый

Однажды он плыл в океане после грозы.

Вынырнув на поверхность, Ихтиандр заметил на волнах недалеко от себя какой-то предмет, похожий на кусок белого паруса, сорванный бурей с рыбачьей шхуны. Подплыв ближе, он с удивлением увидел, что это был человек — женщина, молодая девушка. Она была привязана к доске.

Неужели эта красивая девушка мертва? Ихтиандр был так взволнован своей находкой, что у него впервые появилось враждебное чувство к океану.

Быть может, девушка только потеряла сознание? Он поправил ее беспо-

мощно склонившуюся голову, ухватился за доску и поплыл к берегу.

Он быстро плыл, напрягая все свои силы, только иногда делая короткие остановки, чтобы поправить голову девушки, вновь съехавшую с доски.

Он шептал ей, как рыбе, попавшей в беду: «Потерпи немного!» Он хотел, чтобы девушка открыла глаза, но боялся этого. Хотел видеть ее живою, но боялся, что она испугается его. Не снять ли очки и перчатки? Но на это уйдет время, а плыть без перчаток будет труднее. И он снова торопится плыть, толкая доску с девушкой к берегу.

Вот и полоса прибоя. Тут надо быть осторожным. Волны сами несут его к берегу. Ихтиандр время от времени опускает ногу — ощупывает дно. Наконец он попал на мелководье, вынес девушку на берег, отвязал от доски, перенес ее в тень от дюны, поросшей кустарником, и начал приводить ее в чувство — делать искусственное дыхание.

Ему казалось, что веки ее дрогнули, ресницы шевельнулись. Ихтиандр приложил ухо к сердцу девушки и услышал слабое биение. Она жива... Ему хочется кричать от радости.

Девушка приоткрывает глаза, смотрит на Ихтиандра, и на ее лице появляется выражение ужаса. Потом она закрывает глаза. Ихтиандр огорчен и обрадован. Он все же спас девушку. Теперь он должен уйти — не пугать ее. Но можно ли ее оставить одну, такую беспомощную? Пока он раздумывал, он услышал чьи-то тяжелые быстрые шаги. Колебаться дальше нельзя.

Ихтиандр бросился головой в прибой, нырнул, поплыл под водой к каменной гряде, вынырнул и, скрываясь между обломками скал, стал наблюдать за берегом.

Из-за дюны вышел смуглый человек с усами и эспаньолкой, в широкополой шляпе на голове. Он негромко сказал по-испански: «Вот она, слава Иисусу!» — почти побежал к ней, потом неожиданно круто повернулся к океану и окунулся в волны прибоя. Весь вымокший, он подбежал к девушке, начал делать искусственное дыхание (зачем оно теперь?), наклонился к лицу девушки... Поцеловал ее. Что-то начал говорить быстро и горячо. Ихтиандр улавливал только отдельные слова:

«Я предупреждал вас... Было безумие... Хорошо, что догадался привязать вас к доске...»

Девушка открывает глаза, приподнимает голову. На лице страх, сменяющийся удивлением, гневом, неудовольствием. Человек с эспаньолкой продолжает о чем-то горячо говорить, помогает девушке встать. Но она еще слаба, и он снова опускает ее на песок. Только через полчаса они тронулись в путь. Они прошли недалеко от камней, за которые скрывался Ихтиандр. Девушка, хмураясь, сказала, обращаясь к человеку в сомбреро:

— Так это вы спасли меня? Благодарю. Да вознаградит вас бог!

— Не бог, а только вы можете вознаградить меня, — ответил смуглый.

Девушка будто не слыхала этих слов. Она помолчала, а потом сказала:

— Странно. А мне показалось, почудилось, будто возле меня было какое-то чудовище.

— Конечно, это вам почудилось, — ответил ее спутник. — А быть может, это был дьявол, который счел вас мертвой и хотел захватить вашу душу. Прочитайте молитву и обопритесь на меня. Со мной ни один дьявол не тронет вас.

И они прошли — чудесная девушка и этот нехороший смуглый человек, уверивший девушку, будто он спас ее. Но Ихтиандр не мог изобличить его во лжи. Пусть поступают как хотят — Ихтиандр сделал свое дело.

Девушка и ее спутник скрылись за дюнами, а Ихтиандр все еще смотрел им вслед. Потом повернул голову к океану. Какой он большой и пустынный!..

Прибой выбросил на песок синюю рыбу с серебряным брюшком. Ихтиандр оглянулся, кругом — никого. Он выбежал из своей засады, схватил рыбу и бросил в море. Рыба поплыла, но Ихтиандру стало почему-то грустно. Он бродил по пустынному берегу, подбирал рыб и морские звезды и относил их к воде. Работа постепенно увлекла его. К нему возвращалось его постоянное хорошее настроение. Так возился он до сумерек, лишь иногда погружаясь в воду, когда прибрежный ветер обжигал и подсушивал его жабры.

Слуга Ихтиандра

Сальватор решил ехать в горы без Кристо, который успешно прислуживал Ихтиандру. Это очень обрадовало индейца: в отсутствие Сальватора он мог свободнее видаться с Бальтазаром. Кристо успел уже сообщить Бальтазару, что нашел «морского дьявола». Оставалось только обдумать, как похитить Ихтиандра.

Кристо жил теперь в белом домике, увитом плющом, и часто виделся с Ихтиандром. Они быстро подружились. Ихтиандр, лишенный общества людей, привязался к старому индейцу, который рассказывал ему о жизни на земле. Ихтиандр знал о жизни моря больше, чем знаменитые ученые, и он посвящал Кристо в тайны подводного мира. Ихтиандр довольно хорошо знал географию, ему известны были океаны, моря, главнейшие реки; имел он некоторые познания в астрономии, навигации, физике, ботанике, зоологии. Но о людях он знал мало: кое-что о расах, населяющих землю, об истории народов он имел смутное представление, о политических же и экономических отношениях людей знал не больше пятилетнего ребенка. Днем, когда наступала жара, Ихтиандр опускался в подземный грот и куда-то уплывал. В белый домик он являлся тогда, когда спадала жара, и оставался там до утра. Но если шел дождь или на море поднималась буря, он проводил в домике весь день. В сырую погоду он чувствовал себя неплохо, оставаясь на суше.

Домик был небольшой, всего четыре комнаты. В одной комнате, около кухни, помещался Кристо. Рядом находилась столовая, дальше — большая библиотека: Ихтиандр знал испанский и английский языки. Наконец, в последней, самой большой комнате была спальня Ихтиандра. Посреди спальни находился бассейн. У стены стояла кровать. Иногда Ихтиандр спал на кровати, но предпочитал ложе бассейна. Однако Сальватор, уезжая, приказал Кристо следить, чтобы Ихтиандр по крайней мере три ночи в неделю спал на обычной кровати. По вечерам Кристо являлся к Ихтиандру и ворчал, как старая нянька, если юноша не соглашался спать в кровати.

— Но мне гораздо приятнее и удобнее спать в воде, — протестовал Ихтиандр.

— Доктор приказывал, чтобы ты спал на кровати, — надо слушаться отца.

Ихтиандр называл Сальватора отцом, но Кристо сомневался в их родстве. Кожа Ихтиандра на лице и руках была довольно светлая, но, быть может, она посветлела от продолжительного пребывания под водой. Правильный овал

лица Ихтиандра, прямой нос, тонкие губы, большие лучистые глаза напоминали лицо индейца племени араукана, к которому принадлежал и сам Кристо.

Кристо очень хотелось посмотреть, каков цвет кожи Ихтиандра на теле, плотно закрытом чешуеобразным костюмом, сделанным из какого-то неизвестного материала.

— Ты не снимаешь свою рубашку на ночь. — обратился он к юноше.

— Зачем? Моя чешуя не мешает мне, она очень удобная. Она не задерживает дыхание жабр и кожи и вместе с тем надежно защищает: ни зубы акулы, ни острый нож не прорежут этой брони, — отвечал Ихтиандр, укладываясь в постель.

— Зачем ты надеваешь очки, перчатки? — спросил Кристо, рассматривая диковинные перчатки, лежавшие около кровати.

Они были сделаны из зеленоватой резины, пальцы удлинены суставчатыми тростинками, вделанными в резину, и снабжены перепонками. Для ног эти пальцы были удлинены еще больше.

— Перчатки помогают мне быстро плавать. А очки предохраняют глаза, когда буря поднимает со дна песок. Я не всегда надеваю их. Но в очках я лучше вижу под водой. Без очков под водой все как в тумане. — И, улыбнувшись, Ихтиандр продолжал:

— Когда я был маленький, отец разрешил мне иногда играть с детьми, которые живут в соседнем саду. Я очень удивился, увидев, что они плавают в бассейне без перчаток: «Разве можно плавать без перчаток?» — спросил я их. А они не понимали, о каких перчатках говорю я, так как при них я не плавал.

— Ты и сейчас выплываешь в залив? — поинтересовался Кристо.

— Конечно. Только выплываю боковым подводным тоннелем. Какие-то злые люди едва не поймали меня в сеть, и я теперь очень осторожен.

— Гм... Значит, есть и другой подводный тоннель, ведущий в залив?

— Даже несколько. Как жаль, что ты не можешь плавать со мною под водой! Я бы показал тебе изумительные вещи. Почему не все люди могут жить под водой? Мы покатались бы с тобой на моей морской лошади.

— На морской лошади? Что это такое?

— Дельфин. Я приручил его. Бедный! Буря однажды выбросила его на берег, и он сильно разбил плавник. Я стащил его в воду. Это была трудная работа: дельфины на суше гораздо тяжелее, чем в воде. Вообще у вас тут все тяжелее. Даже собственное тело. В воде легче живется. Ну вот, стащил я дельфина, а плавать он не может — значит, не может и питаться. Я кормил его рыбой — долго, месяц. За это время он не только привык, но и привязался ко мне. Мы сделались друзьями. Другие дельфины также знают меня. Как весело резвиться в море с дельфинами! Волны, брызги, солнце, ветер, шум! На дне тоже хорошо. Как будто плывешь в густом голубом воздухе. Тихо. Не ощущаешь своего тела. Оно становится свободным, легким, покорным каждому твоему движению. У меня много друзей в море. Я кормлю маленьких рыбок, как вы птиц, — они повсюду следуют за мной стайками.

— А враги?

— Есть и враги. Акулы, осьминоги. Но я не боюсь их. У меня есть нож.

— А если они подкрадутся незаметно? Ихтиандр удивился этому вопросу.

— Ведь я же издали слышу их.

— Слышишь под водой? — удивился в свою очередь Кристо. — Даже когда они подплывают тихо?

— Ну да. Что же тут непонятного! Слышу и ушами и всем телом. Ведь они же производят сотрясение воды, — эти колебания идут впереди них. Почувствовав эти колебания, я оглядываюсь.

— Даже когда спишь?

— Конечно.

— Но рыбы...

— Рыбы погибают не от внезапного нападения, а потому, что не могут защищаться от более сильного врага. А я — сильнее их всех. И морские хищники знают это. Они не осмеливаются подплывать ко мне.

«Зурита прав: из-за такого морского парня следует поработать, — подумал Кристо. — Но и поймать его в воде не легко. „Слышу всем телом!“ Разве только в капкан попадет. Надо будет предупредить Зуриту».

— Как красив подводный мир! — не переставал восхищаться Ихтиандр. — Нет, никогда я не променяю моря на вашу душную, пыльную землю!

— Почему нашу землю? Ты тоже сын земли, — сказал Кристо. — Кто была твоя мать?

— Я не знаю... — неуверенно сказал Ихтиандр. — Отец говорит, что моя мать умерла, когда я родился.

— Но она была, конечно, женщина, человек, а не рыба.

— Может быть, — согласился Ихтиандр. Кристо рассмеялся.

— Скажи мне теперь, зачем ты шалил, обижал рыбаков, резал их сети и выбрасывал рыбу из лодок?

— Потому что они ловили рыбы больше, чем могли съесть.

— Но они ловили рыбу для продажи. Ихтиандр не понял.

— Чтобы и другие люди могли есть, — пояснил индеец.

— Разве людей так много? — удивился Ихтиандр. — Неужели им не хватает земных птиц и животных? Зачем они являются в океан?

— Это сразу тебе не объяснишь, — сказал, зевая, Кристо. — Пора спать. Смотри же, не залезай в свою ванну: отец будет недоволен. — И Кристо ушел.

Рано утром Кристо уже не застал Ихтиандра. Каменный пол был мокрый.

— Опять в ванне спал, — ворчал индеец. — А потом, наверное, ушел в море.

К завтраку Ихтиандр явился с большим запозданием. Он был чем-то расстроен. Поковыряв вилкой кусок бифштекса, сказал:

— Опять жареное мясо.

— Опять, — строго ответил Кристо. — Так доктор приказал. А ты опять сырой рыбой наелся в море? Так ты совсем от жареной пищи отвыкнешь. И в ванне спал. На кровати спать не хочешь, — жабры от воздуха отвыкнут, и будешь потом жаловаться, что в боках покалывает. И к завтраку опоздал. Приедет доктор, пожалуюсь ему на тебя. Совсем не слушаешься.

— Не говори, Кристо. Я не хочу огорчать его. — Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом он вдруг поднял на индейца свои большие, на этот раз печальные, глаза и сказал:

— Кристо, я видел девушку. Я никогда ничего не видел прекраснее — даже на дне океана...

— Зачем же ты нашу землю бранил? — сказал Кристо.

— Я плыл на дельфине вдоль берега и недалеко от Буэнос-Айреса увидел ее

на берегу. У нее глаза синие, а волосы золотые. — И Ихтиандр добавил:

— Но она увидела меня, испугалась и убежала. Зачем я надел очки и перчатки? — Помолчав, он заговорил совсем тихо:

— Однажды я спас какую-то девушку, которая утонула в океане. Тогда я не заметил, какова она собою. А вдруг это та? Мне кажется, у той тоже были золотые волосы. Да, да... Я вспоминаю... — Юноша задумался, потом подошел к зеркалу, в первый раз в жизни оглядел себя.

— И что же ты делал дальше?

— Я ждал ее, но она не вернулась. Кристо, неужели она больше никогда не придет на берег?

«Пожалуй, хорошо, что ему нравится девушка», — подумал Кристо. До сих пор, как Кристо ни расхваливал город, он не мог уговорить Ихтиандра посетить Буэнос-Айрес, где Зурита легко мог бы захватить юношу.

— Девушка может и не прийти на берег, но я помогу тебе найти ее. Ты наденешь городской костюм и пойдешь со мною в город.

— И увижу ее? — воскликнул Ихтиандр.

— Там много девушек. Может быть, увидишь и ту, которая сидела на берегу.

— Идем сейчас!

— Теперь уже поздно. До города не легко добраться пешком.

— Я поплыву на дельфине, а ты пойдешь по берегу.

— Какой ты быстрый, — ответил Кристо. — Мы отправимся завтра вместе, на заре. Ты выплывешь в залив, а я буду поджидать тебя с костюмом на берегу. И костюм еще достать надо. («За ночь я успею свидеться с братом», — подумал Кристо.) Итак, завтра на заре.

В городе

Ихтиандр выплыл из залива и вышел на берег. Кристо уже ждал его с белым городским костюмом в руках. Ихтиандр посмотрел на костюм таким взглядом, будто ему принесли змеиную кожу, и со вздохом начал одеваться. Очевидно, ему редко приходилось надевать костюм. Индеец помог юноше завязать галстук и, осмотрев Ихтиандра, остался доволен его видом.

— Идем, — весело сказал Кристо.

Индеец хотел поразить Ихтиандра и повел его по главным улицам города — Авенида Альвар, Вертис, показал площадь Виктории с кафедральным собором и ратушей в мавританском стиле, площадь Фуэрто и площадь Двадцать пятого мая[6] с обелиском Свободы, окруженным прекрасными деревьями, президентский дворец.

Но Кристо ошибся. Шум, движение большого города, пыль, духота, сутолока совершенно ошеломили Ихтиандра. Он пытался найти в толпе людей девушку, часто хватал Кристо за руку и шептал:

— Она!.. — но сразу видел, что опять ошибся. — Нет, это другая... Настал полдень. Жара сделалась невыносимой. Кристо предложил зайти в небольшой ресторан, помещавшийся в подвале, позавтракать. Здесь было прохладно, но шумно и душно. Грязные, плохо одетые люди курили зловонные сигары. От дыма Ихтиандр задыхался, а тут еще громко спорили, потрясая измятыми газетами и выкрикивая непонятные слова. Ихтиандр выпил очень много холодной воды, но не притронулся к завтраку и печально сказал:

— Легче найти знакомую рыбку в океане, чем человека в этом людском водвороте. Ваши города отвратительны! Здесь душно и дурно пахнет. У меня начинает колоть в боках. Я хочу домой, Кристо.

— Хорошо, — согласился Кристо. — Зайдем только к одному моему приятелю — и вернемся.

— Я не хочу заходить к людям.

— Это по пути. Я не задержусь.

Расплатившись, Кристо вышел с Ихтиандром на улицу. Опустив голову, тяжело дыша, шел Ихтиандр следом за Кристо мимо белых домов, мимо садов с кактусами, оливковыми и персиковыми деревьями. Индеец вел его к своему брату Бальтазару, жившему в Новом порту.

У моря Ихтиандр жадно вдыхал влажный воздух. Ему хотелось сорвать одежду и броситься в море.

— Сейчас придем, — сказал Кристо, опасливо поглядывая на своего спутника.

Они перешли железнодорожные пути.

— Пришли. Здесь, — сказал Кристо, и они спустились в полутемную лавчонку.

Когда глаза Ихтиандра привыкли к полумраку, он с изумлением огляделся. Лавка напоминала уголок морского дна. Полка и даже часть пола были завалены раковинами — мелкими, крупными, витыми, створчатыми. С потолка спускались нити кораллов, морские звезды, чучела морских рыб, засушенные крабы, диковинные морские обитатели. На прилавке, под стеклом, лежали жемчужины в ящиках. В одном ящике находились розовые жемчужины — «кожа ангела», как называли их ловцы. Ихтиандр несколько успокоился среди знакомых вещей.

— Отдохни, здесь прохладно и тихо, — сказал Кристо, усаживая юношу за старый плетеный стул.

— Бальтазар! Гуттиэре! — крикнул индеец.

— Это ты, Кристо? — отозвался голос из другой комнаты. — Иди сюда.

Кристо нагнулся, чтобы войти в низкую дверь, ведущую в другую комнату.

Здесь была лаборатория Бальтазара. Здесь он восстанавливал утраченный от сырости цвет жемчужин слабым раствором кислоты. Кристо плотно прикрыл за собой дверь. Слабый свет падал через небольшое окно у потолка, освещая пузырьки и стеклянные ванночки на старом, почерневшем столе.

— Здравствуй, брат. Где Гуттиэре?

— Пошла к соседке за утюгом. Кружевца да бантики на уме. Сейчас вернется, — ответил Бальтазар.

— А Зурита? — нетерпеливо спросил Кристо.

— Пропал куда-то, проклятый. Вчера мы с ним немного повздорили.

— Все из-за Гуттиэре?

— Зурита перед ней как уж извивался. А она одно в ответ: «Не хочу и не хочу!» Что ты с ней поделаешь? Капризна и упряма. Много о себе думает. Не понимает, что всякая индейская девушка, будь она первая красавица, за счастье сочла бы выйти замуж за такого человека. Собственную шхуну имеет, артель ловцов, — ворчал Бальтазар, купая жемчужины в растворе. — Наверно, Зурита опять с досады вино пьет.

— Что же теперь нам делать?

— А ты привел?

— Сидит.

Бальтазар, подойдя к двери, с любопытством заглянул в замочную скважину.

— Не вижу, — тихо сказал он.

— На стуле сидит, у прилавка.

— Не вижу. Там Гуттиэре.

Бальтазар быстро открыл дверь и вошел в лавку с Кристо. Ихтиандра не было. В темном углу стояла девушка, приемная дочь Бальтазара. Гуттиэре. Девушка была известна красотой далеко за пределами Нового порта. Но она была застенчива и своенравна. Чаще всего она говорила певучим, но твердым голосом: «Нет!»



Гуттиэре понравилась Педро Зурите. Он хотел жениться на ней. И старый Бальтазар не прочь был породниться с владельцем шхуны и войти с ним в компанию. Но на все предложения Зуриты девушка неизменно отвечала: «Нет». Когда отец и Кристо вошли в комнату, девушка стояла с опущенной головой.

— Здравствуй, Гуттиэре, — сказал Кристо.

— Где молодой человек? — спросил Бальтазар.

— Я не прячу молодых людей, — ответила она, улыбаясь. — Когда я вошла, он посмотрел на меня так странно, будто испугался, поднялся, вдруг схватился за грудь и убежал. Не успела я оглянуться, как он уже был в дверях.

«Это была она», — подумал Кристо.

Снова в море

Ихтиандр, задыхаясь, бежал вдоль берега моря. Вырвавшись из этого страшного города, он круто свернул с дороги и направился к самому берегу моря. Он укрылся между прибрежными камнями, огляделся, быстро разделся, спрятал в камнях костюм, побежал к воде и бросился в воду.

Несмотря на усталость, никогда он еще не плыл так стремительно. Рыбы в испуге шарахались от него. Только отплыв несколько миль от города, Ихтиандр поднялся ближе к поверхности и поплыл вблизи берега. Здесь он уже чувствовал себя дома. Каждый подводный камень, каждая выемка в морском дне были ему знакомы. Вот здесь, распластавшись на песчаном дне, живут домоседы камбалы, дальше растут красные коралловые кусты, укрывающие в своих ветвях мелких красноперых рыбок. В этой затонувшей рыбацкой барке обосновались два семейства спрутов, у них недавно вывелись детеныши. Под серыми камнями водятся крабы. Ихтиандр любил часами наблюдать их жизнь. Он знал их маленькие радости удачной охоты и их горести — потерю

клешни или нападение осьминога. А у прибрежных скал было много устричных раковин.

Наконец, уже недалеко от залива, Ихтиандр поднял голову над поверхностью воды. Он увидел стаю дельфинов, резвившихся среди волн, и громко, протяжно крикнул. Большой дельфин весело фыркнул в ответ и быстро поплыл к своему другу, ныряя и вновь показывая над гребнями волн свою черную лоснящуюся спину.

— Скорей, Лидинг, скорей! — крикнул Ихтиандр, плывя навстречу. Он ухватился за дельфина. — Плыдем скорее дальше, вперед!

И, повинувшись руке юноши, дельфин быстро поплыл в открытое море, навстречу ветру и волнам. Вздымая пену, он резал волны грудью и мчался, но Ихтиандру эта скорость казалась все еще недостаточной.

— Да ну же, Лидинг! Скорей, скорей!

Ихтиандр совсем загнал дельфина, но эта езда по волнам не успокоила его. Он оставил своего друга в полном недоумении, соскользнув вдруг с лоснящейся спины и опустившись в море. Дельфин подождал, фыркнул, нырнул, выплыл, еще раз недовольно фыркнул и, круто повернув хвостом, направился к берегу, оборачиваясь время от времени назад. Его друг не показывался на поверхности, и Лидинг присоединился к стаду, радостно встреченный молодыми дельфинами. Ихтиандр опускался все глубже и глубже в сумеречные глубины океана. Ему хотелось быть одному, прийти в себя от новых впечатлений, разобраться во всем, что он узнал и видел. Он заплыл далеко, не задумываясь об опасности. Он хотел понять, почему он не такой, как все, — чуждый морю и земле.

Он погружался все медленнее. Вода становилась плотнее, она уже давила на него, дышать становилось все труднее. Здесь стояли густые зелено-серые сумерки. Морских обитателей было меньше, и многие из них были неизвестны Ихтиандру, — он еще никогда не опускался так глубоко. И впервые Ихтиандру сделалось жутко от этого молчаливого сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Солнце заходило, пронизывая воду красными лучами. В воде эти лучи, смешиваясь с синевой вод, переливались нежными лилово-розовыми и зеленовато-голубыми тонами.

Ихтиандр был без очков и поэтому снизу видел поверхность моря так, как она представляется рыбам: из-под воды поверхность представлялась не плоской, а в виде конуса, — будто он находился на дне огромной воронки. Края этого конуса, казалось, были окружены красной, желтой, зеленой, синей и фиолетовой каемками. За конусом расстилалась блестящая поверхность воды, в которой, как в зеркале, отражались подводные предметы: скалы, водоросли и рыбы.

Ихтиандр перевернулся на грудь, поплыл к берегу и уселся под водою меж скал, невдалеке от отмели. Рыбаки сошли с лодки в воду и тянули лодку на берег. Один из них опустил ноги по колени в воду. Ихтиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги, а они снова отражались в зеркале водной поверхности. Другой рыбак погрузился в воду по плечи. И в воде показалось странное, безголовое, но четвероногое существо, как будто двум одинаковым людям отрубили головы и поставили плечи одного человека на плечи другого. Когда люди подходили к берегу, Ихтиандр видел их, как видят их рыбы: отраженными как бы в шаре. Он видел их с ног до головы, прежде чем

они подходили вплотную к берегу. Поэтому он всегда успевал уплыть раньше, чем люди могли заметить его.

Эти странные туловища с четырьмя руками без головы и головы без туловищ показались теперь Ихтиандру неприятными. Люди... Они так много шумят, курят ужасные сигары, дурно пахнут. Нет, с дельфинами лучше, — они чистые и веселые. Ихтиандр улыбнулся, он вспомнил, как однажды напился дельфиньего молока.

Далеко на юге есть небольшая бухта. Острые подводные скалы и песчаная коса преграждают к ней доступ судам с моря. Берег там скалистый и обрывистый. Эту бухту не посещают ни рыбаки, ни искатели жемчуга. Неглубокое дно покрыто густым ковром растений. В теплой воде много рыбы. Сюда много лет подряд приплывала дельфин-самка, и здесь, в этой теплой бухте, у нее рождались дельфинята — два, четыре, иногда и шесть. Ихтиандра очень забавляли молодые дельфины, и он часами наблюдал за ними, неподвижно притаившись в зарослях. Дельфинята то забавно кувыркались на поверхности, то сосали сосцы своей матери, отталкивая друг друга мордами. Ихтиандр начал осторожно приручать их: ловил рыбок и угощал ими дельфинят. Постепенно молодые дельфины и самка привыкли к Ихтиандру. Он уже резвился вместе с малышами, ловил их, подбрасывал, теребил. Им это, видимо, нравилось, — они не отставали от него и всякий раз бросались к нему гурьбой, как только он показывался в бухте с подарками — вкусными рыбками или еще более вкусными маленькими нежными осьминогами.

Однажды, когда у знакомой самки-дельфина родились дети и были они еще совсем маленькими сосунками — они еще не ели, а питались только материнским молоком, — Ихтиандр подумал: а почему бы ему самому не попробовать дельфиньего молока?

И вот он незаметно оказался под самкой-дельфином, обхватил ее руками и начал высасывать молоко. Дельфин не ожидал такого нападения и в ужасе метнулся из бухты. Ихтиандр тотчас отпустил испуганное животное. Молоко имело сильный рыбий привкус. Испуганная самка, вырвавшись от неожиданного сосунка, бросилась куда-то в бездну вод, ее младенцы растерялись и без толку тыкались во все стороны. Долго сгонял Ихтиандр маленьких глупых дельфинят, пока не явилась мамаша и не увела их в соседнюю бухту. Только через много дней восстановилось их доверие и дружба.

Кристо не на шутку беспокоился.

Ихтиандр не показывался трое суток. Явился он усталый, побледневший, но довольный.

— Где ты пропадал? — строго спросил индеец, обрадованный появлением Ихтиандра.

— На дне, — ответил Ихтиандр.

— Почему ты такой бледный?

— Я... я едва не погиб, — солгал Ихтиандр первый раз в жизни и рассказал Кристо историю, случившуюся с ним гораздо раньше.

В глубине океана поднимается скалистое плоскогорье, а наверху, посреди плоскогорья, находится большая овальная выемка — настоящее подводное горное озеро.

Ихтиандр плыл над этим подводным озером. Его поразил необычный светло-серый цвет дна. Опустившись ниже и присмотревшись, Ихтиандр изумил-

ся: под ним находилось настоящее кладбище разных морских животных — от мелких рыбок до акул и дельфинов. Тут были недавние жертвы. Но возле них не кишели, как обычно, мелкие хищники — крабы и рыбы. Все было мертво и неподвижно. Только кое-где со дна к поверхности поднимались пузырьки газа. Ихтиандр плыл над краем впадины. Опустился еще ниже и внезапно почувствовал острую боль в Жабрах, удушье, головокружение. Почти теряя сознание, беспомощно падал он и, наконец, опустился на край котловины. В висках стучало, сердце колотилось, глаза заволакивало красным туманом. И не от кого было ожидать помощи. Вдруг он заметил, что рядом с ним, судорожно изгибаясь, опускалась акула. Вероятно, она охотилась за ним, пока сама не попала в эти страшные отравляющие мертвые воды подводного озера. Ее брюхо и бока вздувались и опадали, рот был открыт, белые точеные пластины зубов обнажены. Акула подыхала. Ихтиандр содрогнулся. Сжав челюсти, стараясь не захватывать воды жабрами, Ихтиандр на четвереньках выполз из озера на берег, потом поднялся, пошел. Голова закружилась, и он снова упал. Потом оттолкнулся ногами от серых камней, взмахнул руками, и вот он уже в десяти метрах от края озера...

Окончив рассказ, Ихтиандр добавил то, что когда-то узнал от Сальватора.

— Вероятно, в этой котловине скопились какие-нибудь вредные газы, — быть может, сероводород или угольный ангидрид, — сказал Ихтиандр. — Понимаешь, на поверхности океана эти газы окисляются, и их не чувствуешь, в самой же котловине, где они выделяются, они еще сильно концентрированы. Ну, а теперь дай мне завтракать, я голоден.

Наскоро позавтракав, Ихтиандр надел очки и перчатки и пошел к двери.

— Ты за этим только и приходил? — спросил Кристо, указывая на очки. — Почему ты не хочешь сказать, что с тобою?

В характере Ихтиандра появилась новая черта: он стал скрытным.

— Не спрашивай, Кристо, я сам не знаю, что со мной. — И юноша быстро вышел из комнаты.

Маленькая месьть

Встретив неожиданно голубоглазую девушку в лавке продавца жемчуга Бальтазара, Ихтиандр так смутился, что выбежал из лавки и бросился к морю. Теперь же ему снова хотелось познакомиться с девушкой, но он не знал, как это сделать. Проще всего было призвать на помощь Кристо и пойти с ним вместе. Но встречаться с ней в присутствии Кристо ему не хотелось. Ежедневно приплывал Ихтиандр к берегу моря, туда, где впервые встретил девушку. Он просиживал с утра до вечера, скрываясь за прибрежными камнями, в надежде увидеть ее. Приплывая к берегу, он снимал очки и перчатки и переодевался в белый костюм, чтобы не испугать девушку. Нередко он проводил на берегу круглые сутки, ночью погружался в море, питаясь рыбами и устрицами, тревожно засыпал, а рано утром, еще до восхода солнца, был уже снова на своем сторожевом посту.

Однажды вечером он решил пойти к лавке продавца жемчуга. Двери были открыты, но у прилавка сидел старый индеец, — девушки не было. Ихтиандр вернулся на берег.

На скалистом берегу стояла девушка в белом легком платье и соломенной шляпе. Ихтиандр остановился, не решаясь подойти. Девушка кого-то ждала.

Нетерпеливо ходила она взад и вперед, поглядывая время от времени на дорогу. Ихтиандра, остановившегося у выступа скалы, она не замечала.

Но вот девушка замахала кому-то рукой. Ихтиандр оглянулся и увидел молодого, высокого, широкоплечего человека, который быстро шел по дороге. Ихтиандр еще никогда не встречал таких светлых волос и глаз, как у этого незнакомца. Великан подошел к девушке и, протягивая ей широкую руку, ласково сказал:

— Здравствуй, Гуттиэре!

— Здравствуй, Ольсен! — ответила она. Незнакомец крепко пожал маленькую руку Гуттиэре. Ихтиандр с неприязнью посмотрел на них. Ему стало грустно, и он чуть не расплакался.

— Принесла? — спросил великан, глядя на жемчужное ожерелье Гуттиэре. Она кивнула головой.

— Отец не узнает? — спросил Ольсен.

— Нет, — ответила девушка. — Это мой собственный жемчуг, я могу распоряжаться им, как хочу.



Гуттиэре и Ольсен прошли к самому краю скалистого берега, тихо разговаривая. Потом Гуттиэре расстегнула жемчужное ожерелье, взяла его за конец нитки, подняла руки вверх и, любуясь ожерельем, сказала:

— Смотри, как красиво горят жемчужины на закате. Возьми, Ольсен...

Ольсен уже протянул руку, но вдруг ожерелье выскользнуло из рук Гуттиэре и упало в море.

— Что я наделала! — вскрикнула девушка.

Огорченные Ольсен и Гуттиэре продолжали стоять у моря.

— Может быть, его можно достать? — сказал Ольсен.

— Здесь очень глубоко, — сказала Гуттиэре и добавила:

— Какое несчастье, Ольсен!

Ихтиандр видел, как огорчилась девушка. Он сразу забыл о том, что девушка хотела подарить жемчуг светловолосому великану. Остаться равнодушным к ее горю Ихтиандр не мог: он вышел из-за скалы и решительно подошел к Гуттиэре.

Ольсен нахмурился, а Гуттиэре с любопытством и удивлением посмотрела на Ихтиандра, — она узнала в нем того юношу, который так внезапно бежал из лавки.

— Вы, кажется, уронили в море жемчужное ожерелье? — спросил Ихтиандр. — Если хотите, я достану его.

— Даже мой отец — лучший ловец жемчуга — не мог бы достать его здесь, — возразила девушка.

— Я попытаюсь, — скромно ответил Ихтиандр. И, к удивлению Гуттиэре и ее спутника, юноша, даже не раздеваясь, бросился в море с высокого берега и скрылся в волнах. Ольсен не знал, что подумать.

— Кто это? Откуда он взялся?

Прошла минута, истекла вторая, а юноша не возвращался.

— Погиб, — тревожно сказала Гуттиэре, глядя на волны. Ихтиандру не хотелось, чтобы девушка знала, что он может жить под водой. Увлечшись поисками, он не рассчитал времени и пробыл под водой несколько больше, чем может выдержать ловец. Вынырнув на поверхность, юноша сказал, улыбаясь:

— Немножко терпения. На дне много обломков скал, — трудно искать. Но я найду. — И он снова нырнул.

Гуттиэре не раз присутствовала при ловле жемчуга. Она удивилась, что юноша, пробыв под водой почти две минуты, дышал ровно и не казался утомленным.

Через две минуты голова Ихтиандра снова показалась на поверхности. Лицо его сияло радостью. Он поднял над водою руки и показал ожерелье.

— Зацепилось за выступ скалы, — сказал Ихтиандр совершенно ровным голосом, не задыхаясь, будто он вышел из другой комнаты. — Если бы жемчуг упал в расщелину, пришлось бы повозиться дольше.

Он быстро взобрался по скалам, подошел к Гуттиэре и подал ей ожерелье. Вода ручьями стекала с его одежды, но он не обращал на это внимания.

— Возьмите.

— Благодарю вас, — сказала Гуттиэре, с новым любопытством глядя на юношу.

Наступило молчание. Все трое не знали, что делать дальше. Гуттиэре не решалась передать ожерелье Ольсену при Ихтиандре.

— Вы, кажется, хотели передать жемчуг ему, — сказал Ихтиандр, указывая на Ольсена.

Ольсен покраснел, а смущенная Гуттиэре сказала:

— Да, да, — и протянула ожерелье Ольсену, который молча взял его и положил в карман.

Ихтиандр был доволен. С его стороны это была маленькая месть. Великан получил в подарок утерянный жемчуг из рук Гуттиэре, но от него — Ихтиандра.

И, поклонившись девушке, Ихтиандр быстро зашагал по дороге.

Но недолго радовала Ихтиандра его удача. Новые мысли и вопросы возникли у него. Он плохо знал людей. Кто этот белокурый великан? Почему Гуттиэре дарит ему свое ожерелье? О чем говорили они на утесе?

В эту ночь Ихтиандр опять носился с дельфином по волнам, пугая в темноте рыбаков своими криками.

Весь следующий день Ихтиандр провел под водой. В очках, но без перчаток, ползал по песчаному дну в поисках жемчужных раковин. Вечером навестил Кристо, который встретил его ворчливыми упреками. Наутро, уже одетый, юноша находился у скалы, где встретился с Гуттиэре и Ольсеном. Вечером на закате, как и в тот раз, первой пришла Гуттиэре.

Ихтиандр вышел из-за скал и подошел к девушке. Увидев его, Гуттиэре кив-

нула ему головой, как знакомому, и, улыбаясь, спросила:

— Вы следите за мной?

— Да, — просто ответил Ихтиандр, — с тех пор, как увидел вас первый раз... — И, смутившись, юноша продолжал:

— Вы подарили свое ожерелье тому... Ольсену. Но вы любовались жемчугом перед тем, как отдать его. Вы любите жемчуг?

— Да.

— Тогда возьмите вот это... от меня. — И он протянул ей жемчужину.

Гуттиэре хорошо знала цену жемчуга. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной формы огромная жемчужина чистейшего белого цвета весила не менее двухсот каратов и стоила, вероятно, не менее миллиона золотых пезо. Изумленная Гуттиэре смотрела то на необычайную жемчужину, то на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый, одетый в измятый белый костюм, он не походил на богатых юношей Буэнос-Айреса. И он предлагал ей, девушке, которую он почти не знал, такой подарок.

— Возьмите же, — уже настойчиво повторил Ихтиандр.

— Нет, — ответила Гуттиэре, покачав головой. — Я не могу взять от вас такого ценного подарка.

— Это совсем не ценный подарок, — горячо возразил Ихтиандр. — На дне океана тысячи таких жемчужин.

Гуттиэре улыбнулась. Ихтиандр смутился, покраснел и после короткого молчания прибавил:

— Ну, прошу вас.

— Нет.

Ихтиандр нахмурился: он был обижен.

— Если не хотите взять для себя, — настаивал Ихтиандр, — то возьмите для того... для Ольсена. Он не откажется. Гуттиэре рассердилась.

— Он берет не для себя, — сурово ответила она. — Вы ничего не знаете.

— Значит, нет?

— Нет.

Тогда Ихтиандр бросил жемчужину далеко в море, молча кивнул головой, повернулся и пошел к дороге.

Этот поступок ошеломил Гуттиэре. Она продолжала стоять не двигаясь. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! Ей было совестно. Зачем она огорчила этого странного юношу?

— Пойдите, куда же вы?

Но Ихтиандр продолжал идти, низко опустив голову. Гуттиэре догнала его, взяла за руки и заглянула в лицо. По щекам юноши текли слезы. Он раньше никогда не плакал и теперь недоумевал, почему предметы стали туманными и расплывчатыми, точно он плыл без очков под водой.

— Простите, я огорчила вас, — сказала девушка, взяв его за обе руки.

Нетерпение Зуриты

После этого события Ихтиандр приплывал каждый вечер к берегу недалеко от города, брал припрятанный среди камней костюм, одевался и являлся к скале, куда приходила Гуттиэре. Они гуляли вдоль берега, оживленно беседуя.

Кто был новый друг Гуттиэре? Этого она не могла бы сказать. Он был неглуп, остроумен, знал многое, о чем не знала Гуттиэре, и в то же время не понимал таких простых вещей, которые известны каждому городскому мальчишке. Как объяснить это? Ихтиандр говорил о себе неохотно. Рассказывать правду ему не хотелось. Девушка только узнала, что Ихтиандр — сын доктора, человека, по-видимому, очень состоятельного. Он воспитал сына вдали от города и людей и дал ему очень своеобразное и одностороннее образование.

Иногда они долго засиживались на берегу. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместья, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе.

Утром, после завтрака, он брал с собой большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему, роем окружали его, скользили между рук и жадно хватали размокший хлеб прямо из рук. Иногда крупные рыбы врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался и отгонял хищников руками, а маленькие рыбки скрывались за его спиной.

Он начал собирать жемчужины и складывал их в подводном гроте. Он работал с удовольствием и скоро собрал целую грудку отборных жемчужин.

Он становился, сам того не зная, богатейшим человеком Аргентины, — быть может, и всей Южной Америки. Если бы он захотел, он стал бы самым богатым человеком мира. Но он не думал о богатстве.

Так проходили спокойные дни. Ихтиандр только жалел о том, что Гуттиэре живет в пыльном, душном, шумном городе. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей! Как это было бы хорошо! Он показал бы ей новый, неведомый мир, прекрасные цветы подводных полей. Но Гуттиэре не может жить под водой. А он не может жить на земле. Он и так слишком много времени проводит на воздухе. И это не проходит даром: все чаще и сильнее начинают болеть его бока в то время, как он сидит с девушкой на берегу моря. Но даже если боль становится нестерпимой, он не оставляет девушку, прежде чем не уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: о чем говорила Гуттиэре с белокурый великаном? Ихтиандр каждый раз собирается спросить Гуттиэре, но боится обидеть ее.

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка, улыбаясь. — Не провожайте меня, — добавила она и ушла.

Ихтиандр погрузился в море. Всю ночь пролежал он на мшистых камнях. Невесело было ему. На рассвете поплыл он к себе.

Недалеко от залива он увидел, как рыбаки стреляли с лодок дельфинов. Большой дельфин, раненный пулей, высоко подпрыгнул над водой и тяжело опустился.

— Лидинг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из рыбаков уже спрыгнул с лодки в море и выжидал, когда раненое животное всплывет на поверхность. Но дельфин вынырнул почти в ста мет-

рах от ловца и, тяжело отдышавшись, опустился вновь под воду.

Рыбак быстро плыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в это самое время рыбак ухватил дельфина за плавник и потащил обессилившее животное к лодке.

Ихтиандр, плывя под водой, нагнал рыбака, укусил его своими зубами за ногу. Рыбак, думая, что его ухватила акула, начал отчаянно дергать ногами. Защищаясь, рыбак наудачу полоснул врага ножом, который он держал в другой руке. Удар ножа пришелся Ихтиандру по шее, не прикрытой чешуей. Ихтиандр выпустил ногу рыбака, и тот быстро поплыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру. Вода доходила здесь только до половины пещеры. Через расщелины сюда проникал воздух. Здесь дельфин мог отдышаться в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Это была не опасная рана. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось вытащить пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес это.

— Заживет, — сказал Ихтиандр, ласково похлопав своего друга по спине.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл подводным тоннелем, поднялся в сад и вошел в белый домик. Кристо испугался, увидев своего питомца раненым.

— Что с тобой?

— Меня ранили рыбаки, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр.

Но Кристо не поверил ему.

— Опять в городе был без меня? — подозрительно спросил он, перевязывая рану. Ихтиандр молчал.

— Приподними свою чешую, — сказал Кристо и приоткрыл плечо Ихтиандра.

На плече индеец заметил красноватое пятно. Вид этого пятна испугал Кристо.

— Ударили веслом? — спросил он, ощупывая плечо. Но опухоли не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша отправился отдохнуть в свою комнату, а старый индеец подпер голову руками и задумался. Он долго сидел, потом поднялся и вышел из комнаты.

Кристо быстро направился к городу, задыхаясь, вошел в лавку Бальтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэре, сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо зашел в лабораторию и закрыл за собой дверь. Он нашел брата за своими колбами, перемивающим жемчуг. Бальтазар был раздражен, как и в первый раз.

— С ума сойдешь с вами! — начал ворчать Бальтазар. — Зурита злится, почему ты до сих пор не приведешь морского дьявола, Гуттиэре уходит куда-то на целый день. О Зурите она и слышать не хочет. Твердит только: «Нет! Нет!» А Зурита говорит: «Надоело ждать! Возьму да увезу ее силой. Поплачет — и обойдется». От него всего можно ожидать.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал:

— Слушай, я не мог привести морского дьявола потому, что он, как и Гутти-

эре, часто уходит из дому на целый день без меня. А со мною идти в город не хочет. Совсем перестал меня слушать. Будет меня ругать доктор за то, что плохо смотрел за Ихтиандром...

— Значит, надо скорее захватить или выкрасть Ихтиандра, ты уйдешь от Сальватора, прежде чем он вернется, и...

— Подожди, Бальтазар. Не перебивай меня, брат. С Ихтиандром нам не надо спешить.

— Почему не надо спешить?

Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли... — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зуриты.

— Ну вот, — пробормотал Бальтазар, бросая жемчуг в ванну, — опять он!

Зурита же с треском раскрыл дверь и вошел в лабораторию.

— Оба братца здесь. Вы долго будете морочить меня? — спросил он, переводя взгляд с Бальтазара на Кристо. Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Делаю все, что могу. Терпение. Морской дьявол — не простая рыбешка. Его из омота не вытащишь сразу. Один раз удалось привести его сюда — вас не было; посмотрел дьявол город, не понравилось ему, и теперь он не хочет идти сюда.

— Не хочет — не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я решил сразу два дела сделать. Сальватор еще не приехал?

— На днях ожидают.

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежных людей. Ты нам откроешь двери, Кристо, а с остальным я сам справлюсь. Я скажу Бальтазару, когда все будет готово. — И, обернувшись к Бальтазару, он сказал:

— Ас тобой я еще завтра поговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Братья молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился. Кристо, казалось, что-то обдумывал.

В лавке Зурита о чем-то тихо говорил с Гуттиэре.

— Нет! — услышали братья ответ Гуттиэре. Бальтазар сокрушенно покачал головой.

— Кристо! — позвал Зурита. — Иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

Неприятная встреча

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Рана на шее болела. У него был жар. Ему было трудно дышать на воздухе.

Но утром, несмотря на недомогание, он отправился на берег к скале, чтобы встретить Гуттиэре. Она пришла в полдень.

Стояла невыносимая жара. От раскаленного воздуха, от мелкой белой пыли Ихтиандр стал задыхаться. Он хотел остаться на берегу моря, но Гуттиэре торопилась, она должна была вернуться в город.

— Отец уходит по делам, и я должна оставаться в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по наклонной пыльной дороге, ведущей к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он чем-то был озабочен и прошел мимо, не заметив Гуттиэре. Но девушка окликнула его.

— Мне нужно сказать ему только два слова, — сказала Гуттиэре, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, подошла к Ольсену.

Они тихо и быстро о чем-то говорили. Казалось, девушка упрасивает его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня после полуночи, — услышал он голос Ольсена. Великан пожал руку девушке, кивнул головой и быстро продолжал путь.

Когда Гуттиэре подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось поговорить наконец с Гуттиэре об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу, — начал он, задыхаясь, — я должен узнать... Ольсен... вы скрываете от меня какую-то тайну. Вы должны с ним встретиться ночью. Вы любите его?

Гуттиэре взяла Ихтиандра за руку, ласково взглянула на него и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю... Вы знаете, я люблю вас, — теперь Ихтиандр знал это слово, — но я... но мне так тяжело.

Это была правда. Ихтиандр страдал от неизвестности, но в эту минуту он еще чувствовал в боках острую режущую боль. Он задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны, — беспокойно сказала девушка. — Успокойтесь, прошу вас. Милый мой мальчик. Я не хотела говорить вам всего, но, чтобы успокоить вас, я скажу. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но, взглянув на Гуттиэре, круто повернул лошадь и подъехал к молодым людям. Ихтиандр увидел смуглого, уже немолодого человека, с пушистыми, приподнятыми вверх усами и небольшой эспаньолкой.

Где-то, когда-то Ихтиандр видел этого человека. В городе? Нет... Да, там, на берегу.

Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно оглядел Ихтиандра и подал руку Гуттиэре.

Поймав руку, он неожиданно, приподняв девушку к седлу, поцеловал ее руку и засмеялся.

— Попалась! — Отпустив руку нахмурившейся Гуттиэре, он продолжал насмешливо и в то же время раздраженно:

— Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы разгуливали с молодыми людьми?

Гуттиэре рассердилась, но он не дал ей говорить:

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час. Ихтиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах у него потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось. Он не мог больше оставаться на воздухе.

— Так вы... все-таки обманули меня... — проговорил он посиневшими губами.

Ему хотелось говорить — высказать всю обиду или узнать все, но боль в боках становилась невыносимой, он почти терял сознание.

Наконец Ихтиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с

крутой скалы.

Гуттиэре вскрикнула и пошатнулась. Потом она бросилась к Педро Зурите: — Скорее... Спасите его! Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим топиться, если они этого хотят, — сказал он.

Гуттиэре побежала к берегу, чтобы броситься в воду. Зурита пришпорил лошадь, нагнал девушку, схватил за плечи, усадил на коня и поскакал по дороге.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше! Да придите же в себя, Гуттиэре!

Но Гуттиэре не отвечала. Она была в обмороке. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек? — спросил Педро.

Гуттиэре, посмотрев на Зуриту с нескрываемым гневом, сказала:

— Отпустите меня.

Зурита нахмурился. «Глупости, — подумал он. — Герой ее романа бросился в море. Тем лучше». И, обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Бальтазар! Эй-эй!.. Бальтазар выбежал.

— Получай твою дочку. И благодари меня. Я спас ее; она едва не бросилась в море за молодым человеком приятной наружности. Вот уже второй раз я спасаю жизнь твоей дочери, а она все еще дичится меня. Ну, да скоро всему этому упрямству будет конец. — Он громко рассмеялся. — Я приеду через час. Помни наш уговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник пришпорил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку. Гуттиэре без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыл дверь и, расхаживая по лавке, начал о чем-то взволнованно и горячо говорить. Но его никто не слушал. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедовать засушенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

«Он бросился в воду, — думала девушка, вспоминая лицо Ихтиандра. — Несчастный! Сначала Ольсен, потом эта нелепая встреча с Зуритой. Как смел он назвать меня невестой! Теперь все погибло...»

Гуттиэре плакала.

Ей было жаль Ихтиандра. Простой, застенчивый — разве можно было его сравнить с пустыми, заносчивыми молодыми людьми Буэнос-Айреса?

«Что же делать дальше? — думала она. — Броситься в море, как Ихтиандр? Покончить с собой?»

А Бальтазар говорил и говорил:

— Ты понимаешь, Гуттиэре? Ведь это полное разорение. Все, что ты видишь в нашей лавке, принадлежит Зурите. Моего собственного товара не наберется и десятой доли. Весь жемчуг мы получаем на комиссию от Зуриты. Но если ты еще раз откажешь ему, он отберет весь товар и больше со мной не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение! Ну, будь умница, пожалей своего старого отца...

— Договаривай: «...и выходи замуж за него». Нет! — резко ответила Гуттиэре.

— Проклятие! — вскричал взбешенный Бальтазар. — Если так, то... то... не

я, так сам Зурита справится с тобой! — И старый индеец ушел в лабораторию, громко хлопнув дверью.

Бой со спрутами

Ихтиандр, бросившись в море, забыл на время все свои земные неудачи. После жаркой и душной земли прохлада воды успокоила и освежила его. Колющие боли прекратились. Он дышал глубоко и ровно. Ему нужен был полный отдых, и он старался не думать о том, что произошло на земле.

Ихтиандр хотел работать, двигаться. Чем бы ему заняться? Он любил в темные ночи бросаться с высокой скалы в воду так, чтобы сразу достать до дна. Но сейчас был полдень, и на море мелькали черные днища рыбацких лодок.

«Вот что я сделаю. Надо будет привести в порядок грот», — подумал Ихтиандр. В отвесной скале залива находился грот с большой аркой, открывавшей прекрасный вид на подводную равнину, отлого спускавшуюся в глубину моря.

Ихтиандр давно облюбовал этот грот. Но прежде чем устроиться в нем, нужно было выселить давнишних обитателей грота — многочисленные семейства спрутов.

Ихтиандр надел очки, вооружился длинным, несколько искривленным острым ножом и смело подплыл к гроту. Войти в грот было страшновато, и Ихтиандр решил вызвать врагов наружу. У потонувшей лодки он давно приметил длинную острогу. Он взял ее в руку и, стоя у входа в грот, начал водить острогой. Осьминоги, недовольные вторжением неизвестного, зашевелились. По краям арки появились длинные, извивающиеся щупальца. Осторожно они приближались к остроге. Ихтиандр отдергивал острогу, прежде чем щупальца спрута успевали захватить ее. Эта игра продолжалась несколько минут. Вот уже десятки щупалец, как волосы Медузы Горгоны, зашевелились у края арки. Наконец старый, огромный спрут, выведенный из терпения, решил расправиться с дерзким пришельцем. Спрут вылез из расщелины, угрожающе шевеля щупальцами. Медленно поплыл он к врагу, меняя окраску, чтобы устрашить Ихтиандра. Ихтиандр отплыл в сторону, бросил острогу и приготовился к бою. Ихтиандр знал, как трудно бороться человеку с его двумя руками, когда у противника восемь длинных ног. Не успеешь отрезать одну ногу спрута, семь других захватят и скрутят человеку руки. И юноша стремился направить удар своего ножа, чтобы он пришелся в тело спрута. Подпустив чудовище так, чтобы концы его щупалец достигли его, Ихтиандр неожиданно бросился вперед, в самый клубок извивающихся щупалец, к голове спрута.

Этот необычайный прием всегда заставлял спрута врасплох. Проходило не меньше четырех секунд, пока животное успевало подобрать концы щупалец и обвить ими врага. Но за это время Ихтиандр успевал быстрым безошибочным ударом рассечь тело спрута, поразить сердце и перерезать двигательные нервы. И огромные щупальца, уже обвивавшиеся вокруг его тела, вдруг безжизненно распускались и дрябло опускались вниз.

— Один готов!

Ихтиандр снова взялся за острогу. На этот раз навстречу ему выплыли сразу два спрута. Один из них плыл прямо на Ихтиандра, а другой обходным движением пытался напасть сзади. Это становилось опасным. Ихтиандр храбро бросился на спрута, который был перед ним, но, прежде чем успел убить его, второй спрут, находившийся позади, обвил его за шею. Юноша быстро перере-

зал ногу спрута, проткнув ее ножом у самой своей шеи. Затем повернулся лицом к спруту и отсек его щупальца. Изувеченный спрут, медленно колыхаясь, опустился на дно. А Ихтиандр уже расправлялся со спрутом, который был перед ним.

— Три, — продолжал считать Ихтиандр.

Однако на время пришлось прекратить битву. Из грота выплывал целый отряд спрутов, но пролитая кровь замутила воду. В этой бурой мгле перевес мог быть на стороне спрутов, которые ощупью могли обнаружить врага, Ихтиандр же не видел их. Он отплыл подальше от места сражения, где вода была чистая, и здесь уложил еще одного спрута, выплывшего из кровавого облака.

Битва с перерывами продолжалась несколько часов.

Когда наконец последний спрут был убит и вода очистилась, Ихтиандр увидел, что на дне лежат мертвые тела спрутов и шевелящиеся обрубленные щупальца. Ихтиандр вошел в грот. Здесь еще оставалось несколько маленьких спрутов — в кулак величиной и с щупальцами не толще пальца. Ихтиандр хотел убить их, но ему стало их жалко. «Надо попытаться приручить их. Неплохо иметь таких сторожей».

Очистив грот от больших спрутов, Ихтиандр решил обставить свое подводное жилище мебелью. Он притащил из дому стол на железных ножках с мраморной доской и две китайские вазы. Стол поставил среди грота, на столе поставил вазы, а в вазы насыпал земли и посадил морские цветы. Земля, размываемая водой, некоторое время курилась над вазами, как дым, но потом вода очистилась. Только цветы, колеблемые легким волнением, тихо раскачивались, как от дуновения ветра.

У стены пещеры был выступ, как бы естественная каменная скамья. Новый хозяин пещеры с удовольствием разлегся на этой скамье. Хотя она была каменная, но тело в воде почти не ощущало ее.

Это была странная подводная комната с китайскими вазами на столе. Много любопытных рыб явилось посмотреть на невиданное новоселье. Они сновали между ножками стола, подплывали к цветам в вазах, как бы нюхая их, шныряли вокруг головы Ихтиандра. Мраморный бычок заглянул в грот, испуганно махнул хвостом и уплыл. По белому песку выполз большой краб, поднял и опустил клешню, как бы приветствуя хозяина, и устроился под столом.

Ихтиандра забавляла эта затея. «Чем бы мне еще украсить свое жилище? — подумал он. — Я насажу у входа самые красивые подводные растения, усыплю пол жемчужинами, а у стен, по краям, положу раковины. Что, если бы подводную комнату видела Гуттиэре... Но она обманывает меня. А быть может, и не обманывает. Она ведь не успела рассказать мне об Ольсене». Ихтиандр нахмурился. Лишь только он кончил работать, он снова почувствовал себя одиноким, непохожим на остальных людей. «Почему никто не может жить под водой? Я один. Скорее бы приехал отец! Я спрошу его...»

Ему хотелось показать свое новое подводное жилище хоть одному живому существу. «Лидинг», — вспомнил Ихтиандр о дельфине. Ихтиандр взял витую раковину, всплыл на поверхность и затрубил. Скоро послышалось знакомое фырканье, — дельфин всегда держался вблизи залива.

Когда дельфин приплыл, Ихтиандр ласково обнял его и сказал:

— Идем ко мне, Лидинг, я покажу тебе новую комнату. Ты никогда не видел стола и китайских ваз.

И, нырнув в воду, Ихтиандр приказал дельфину следовать за собой.

Однако дельфин оказался очень беспокойным гостем. Большой и неповоротливый, он поднял такое волнение в гроте, что вазы зашатались на столе. Вдобавок он умудрился наткнуться мордой на ножку стола и опрокинуть его. Вазы упали, и будь это на земле, они разбились бы. Но здесь все обошлось благополучно, если не считать испуга краба, который с необычайной быстротой как-то боком побежал к скале.

«Какой ты неловкий!» — подумал Ихтиандр о своем друге, отставляя стол в глубину грота и поднимая вазы.

И, обняв дельфина, Ихтиандр продолжал говорить с ним:

— Оставайся здесь со мной, Лидинг.

Но дельфин скоро начал трясти головой и выражать беспокойство. Он не мог долго оставаться под водой. Ему необходим был воздух. И, взмахнув плавниками, дельфин выплыл из грота и поднялся на поверхность.

«Даже Лидинг не может жить со мною под водой, — с грустью подумал Ихтиандр, оставшись один. — Только рыбы. Но ведь они глупые и пугливые...»

И он опустил на свое каменное ложе. Солнце зашло. В гроте было темно. Легкое движение воды укачивало Ихтиандра.

Утомленный волнением дня и работой, Ихтиандр начал дремать.

Новый друг

Ольсен сидел на большом баркасе и смотрел через борт в воду. Солнце только что поднялось из-за горизонта и косыми лучами освещало до самого дна прозрачную воду небольшой бухты. Несколько индейцев ползали по белому песчаному дну. Время от времени они всплывали на поверхность, чтобы отдышаться, и вновь погружались в воду. Ольсен зорко наблюдал за ловцами. Несмотря на ранний час, было уже жарко. «Почему бы и мне не освежиться — не нырнуть раз-другой?» — подумал он, быстро разделся и бросился в воду. Ольсен никогда раньше не нырял, но это ему понравилось, и он убедился, что может пробыть под водой дольше привычных индейцев. Ольсен присоединился к искателям и быстро увлекся этим новым для него занятием.

Опустившись в третий раз, он заметил, что два индейца, стоявшие на коленях на дне, вскочили и всплыли на поверхность с такой быстротой, как будто их преследовала акула или пила-рыба. Ольсен оглянулся назад. К нему быстро подплыло странное существо, получеловек-полулягушка, с серебристой чешуей, огромными выпученными глазами и лягушечьими лапами. Оно по-лягушачьи отбрасывало лапы и сильными толчками продвигалось вперед.

Прежде чем Ольсен успел подняться с колен, чудовище было уже около него и ухватило его руку своей лягушечьей лапой. Испуганный Ольсен все же заметил, что у этого существа было красивое человеческое лицо, которое портили только выпученные, сверкавшие глаза. Это странное существо, забыв о том, что оно находится под водою, начало о чем-то говорить. Ольсен не мог расслышать слов. Он видел только шевелящиеся губы. Неведомое существо крепко держало двумя лапами руку Ольсена. Ольсен сильным движением ног оттолкнулся от дна и быстро поднялся на поверхность, работая свободной рукой. Чудовище потянулось следом, не отпуская его. Всплыв на поверхность, Ольсен ухватился за борт баркаса, перекинул ногу, взобрался на баркас и отбросил от себя этого получеловека с лягушечьими руками так, что тот с шу-

мом упал в воду. Сидевшие на баркасе индейцы прыгнули в воду и торопясь поплыли к берегу.

Но Ихтиандр снова приблизился к баркасу и обратился к Ольсену на испанском языке:

— Послушайте, Ольсен, мне нужно поговорить с вами о Гуттиэре. Это обращение изумило Ольсена не меньше, чем встреча под водой. Ольсен был человек храбрый, с крепкой головой. Если неведомое существо знает его имя и Гуттиэре, то, значит, это человек, а не чудовище.

— Я вас слушаю, — ответил Ольсен.



Ихтиандр взобрался на баркас, уселся на носу, поджав под себя ноги и скрестив на груди лапы.

«Очки!» — подумал Ольсен, внимательно рассматривая сверкающие, выпуклые глаза неизвестного.

— Мое имя Ихтиандр. Однажды я достал вам ожерелье со дна моря.

— Но тогда у вас были человеческие глаза и руки. Ихтиандр улыбнулся и потряс своими лягушечьими лапами.

— Снимаются, — коротко ответил он.

— Я так и думал.

Индейцы с любопытством наблюдали из-за береговых скал за этим странным разговором, хотя и не могли услышать слов.

— Вы любите Гуттиэре? — спросил Ихтиандр после небольшого молчания.

— Да, я люблю Гуттиэре, — просто ответил Ольсен. Ихтиандр тяжело вздохнул.

— И она вас любит?

— И она меня любит.

— Но ведь она любит меня.

— Это ее дело. — Ольсен пожал плечами.

— Как ее дело? Ведь она ваша невеста.

Ольсен сделал удивленное лицо и с прежним спокойствием ответил:

— Нет, она не моя невеста.

— Вы лжете? — вспыхнул Ихтиандр. — Я сам слышал, как смуглый человек на лошади говорил о том, что она невеста.

— Моя?

Ихтиандр смутился. Нет, смуглый человек не говорил, что Гуттиэре невеста Ольсена. Но не может же молодая девушка быть невестой этого смуглого, та-

кого старого и неприятного? Разве так бывает? Смуглый, вероятно, ее родственник... Ихтиандр решил повести свои расспросы другим путем.

— А что вы здесь делали? Искали жемчуг?

— Признаюсь, мне не нравятся ваши расспросы, — хмуро ответил Ольсен. — И, если бы я не знал о вас кое-что от Гуттиэре, я сбросил бы вас с баркаса, и этим окончился бы разговор. Не хватайтесь за ваш нож. Я могу разбить вам голову веслом, прежде чем вы подниметесь. Но я не нахожу нужным скрывать от вас, что я действительно искал здесь жемчуг.

— Большую жемчужину, которую я бросил в море? Гуттиэре говорила вам об этом?

Ольсен кивнул головой. Ихтиандр торжествовал.

— Ну, вот видите. Я же говорил ей, что вы не откажетесь от этой жемчужины. Я предлагал ей взять жемчужину и передать вам. Она не согласилась, а теперь вы сами ищете ее.

— Да, потому что теперь она принадлежит не вам, а океану. И если я найду ее, то никому не буду обязан.

— Вы так любите жемчуг?

— Я не женщина, чтобы любить безделушки, — возразил Ольсен.

— Но жемчуг можно... как это? Да! Продать, — вспомнил Ихтиандр малопомятое ему слово, — и получить много денег. Ольсен вновь утвердительно кивнул головой.

— Значит, вы любите деньги?

— Что вам, собственно, от меня нужно? — уже с раздражением спросил Ольсен.

— Мне нужно знать, почему Гуттиэре дарит вам жемчуг. Ведь вы хотели жениться на ней?

— Нет, я не собирался жениться на Гуттиэре, — сказал Ольсен. — Да если бы и собирался, теперь уже об этом поздно думать. Гуттиэре стала женой другого.

Ихтиандр побледнел и ухватился за руку Ольсена.

— Неужели того, смуглого? — испуганно спросил он.

— Да, она вышла замуж за Педро Зуриту.

— Но ведь она... Мне кажется, что она любила меня, — тихо сказал Ихтиандр.

Ольсен посмотрел на него с сочувствием и, не спеша закурив коротенькую трубочку, сказал:

— Да, мне кажется, она любила вас. Но ведь вы на ее глазах бросились в море и утонули — так, по крайней мере, думала она.

Ихтиандр с удивлением посмотрел на Ольсена. Юноша никогда не говорил Гуттиэре о том, что он может жить под водой. Ему в голову не приходило, что его прыжок со скалы в море девушка могла объяснить как самоубийство.

— Прошлою ночью я видел Гуттиэре, — продолжал Ольсен. — Ваша гибель очень огорчила ее. «Я виновата в смерти Ихтиандра», — вот что сказала она.

— Но почему же она так скоро вышла замуж за другого? Ведь она... ведь я спас ей жизнь. Да, да! Мне давно казалось, что Гуттиэре похожа на девушку, которая тонула в океане. Я вынес ее на берег и скрылся в камнях. А потом пришел этот смуглый — его я сразу узнал — и уверил ее, что это он спас ее.

— Гуттиэре рассказывала мне об этом, — сказал Ольсен. — Она так и не

узнала, кто же спас ее — Зурита или странное существо, которое мелькнуло перед ней, когда она приходила в себя. Почему вы сами не сказали, что это вы спасли ее?

— Самому об этом неудобно говорить. Притом я не был вполне уверен в том, что спас именно Гуттиэре, пока не увидел Зуриту. Но как она могла согласиться? — спрашивал Ихтиандр.

— Как это произошло, — медленно проговорил Ольсен, — я и сам не понимаю.

— Расскажите, что вы знаете, — попросил Ихтиандр.

— Я работаю на пуговичной фабрике приемщиком раковин. Там я и познакомился с Гуттиэре. Она приносила раковины — отец посылал ее, когда сам был занят. Познакомились, подружились. Иногда встречались в порту, гуляли на берегу моря. Она рассказывала мне о своем горе: за нее сватался богатый испанец.

— Этот самый? Зурита?

— Да, Зурита. Отец Гуттиэре, индеец Бальтазар, очень хотел этого брака и всячески уговаривал дочь не отказывать такому завидному жениху.

— Чем же завидный? Старый, отвратительный, дурно пахнущий, — не мог удержаться Ихтиандр.

— Для Бальтазара Зурита — прекрасный зять. Тем более что Бальтазар был должен Зурите крупную сумму денег. Зурита мог разорить Бальтазара, если Гуттиэре отказалась бы выйти за него замуж. Представьте себе, как жилось девушке. С одной стороны — назойливое ухаживание жениха, а с другой — вечные упреки, выговоры, угрозы отца...

— Почему же Гуттиэре не выгнала Зуриту? Почему вы, такой большой и сильный, не побили этого Зуриту?

Ольсен улыбнулся и удивился: Ихтиандр не глуп, а задает такие вопросы. Где он рос и воспитывался?

— Это сделать не так просто, как вам кажется, — ответил Ольсен. — На защиту Зуриты и Бальтазара стали бы закон, полиция, суд. — Ихтиандр все-таки не понимал. — Одним словом, этого нельзя было сделать.

— Ну, тогда почему она не убежала?

— Убежать было легче. И она решила убежать от отца, а я обещал помочь ей. Я сам давно собирался уехать из Буэнос-Айреса в Северную Америку, и я предложил Гуттиэре ехать со мной.

— Вы хотели жениться на ней? — спросил Ихтиандр.

— Однако какой вы, — снова улыбнувшись, сказал Ольсен. — Я же сказал вам, что мы были с ней друзьями. Что могло быть дальше — не знаю...

— Почему же вы не уехали?

— Потому что у нас не было денег на переезд.

— Неужели переезд на «Горроксе» стоит так дорого?

— На «Горроксе»! На «Горроксе» в пору ездить миллионерам. Да что вы, Ихтиандр, с Луны свалились?

Ихтиандр смутился, покраснел и решил больше не задавать вопросов, которые покажут Ольсену, что он не знает самых простых вещей.

— У нас не хватило денег на переезд даже в товаро-пассажирском пароходе. А ведь по приезде тоже предстояли расходы. Работа на улице не валается.

Ихтиандр снова хотел спросить Ольсена, но удержался.

— И тогда Гуттиэре решила продать свое жемчужное ожерелье.

— Если бы я знал! — воскликнул Ихтиандр, вспомнив о своих подводных сокровищах.

— О чем?

— Нет, так... Продолжайте, Ольсен.

— Все уже было подготовлено к побегу.

— А я... Как же так? Простите... Значит, она намеревалась оставить и меня?

— Все это началось, когда вы еще не были знакомы. А потом, насколько мне известно, она хотела предупредить вас. Быть может, и предложить вам ехать вместе с нею. Наконец, она могла написать вам с пути, если бы ей не удалось поговорить с вами о бегстве.

— Но почему с вами, а не со мной? С вами советовалась, с вами собиралась уехать!

— Я с нею знаком более года, а вас...

— Говорите, говорите, не обращайтесь внимания на мои слова.

— Ну, так вот. Все было готово, — продолжал Ольсен. — Но тут вы бросились в воду на глазах Гуттиэре, а Зурита случайно встретил Гуттиэре вместе с вами. Рано утром, перед тем как идти на фабрику, я зашел к Гуттиэре. Я нередко делал это и раньше. Бальтазар как будто относился ко мне благосклонно. Быть может, он побаивался моих кулаков, а может быть, смотрел на меня как на второго жениха, если бы Зурите надоело упрямство Гуттиэре. По крайней мере, Бальтазар не мешал нам и только просил не попадаться вместе на глаза Зурите. Конечно, старый индеец не подозревал о наших планах. В это утро я хотел сообщить Гуттиэре, что купил билеты на пароход и что она должна быть готова к десяти часам вечера. Меня встретил Бальтазар, он был взволнован. «Гуттиэре нет дома. И ее... вообще нет дома, — сказал мне Бальтазар. — Полчаса тому назад к дому подъехал Зурита в новеньком блестящем автомобиле. Каково! — воскликнул Бальтазар. — Автомобиль — редкость на нашей улице, особенно если автомобиль подкатывает прямо к твоему дому. Я и Гуттиэре выбежали на улицу. Зурита уже стоял на земле возле открытой дверцы автомобиля и предложил Гуттиэре довезти ее до рынка и обратно. Он знал, что Гуттиэре в это время ходит на рынок. Гуттиэре посмотрела на блестящую машину. Сами понимаете, какой это соблазн для молодой девушки. Но Гуттиэре хитра и недоверчива. Она вежливо отказалась. Видели вы таких упрямых девушек!» — с гневом воскликнул Бальтазар, но тут же расхохотался. Но Зурита не растерялся. «Я вижу, вы стесняетесь, — сказал он, — так позвольте, я помогу вам». Схватил ее, усадил в автомобиль, Гуттиэре успела только крикнуть: «Отец!» — их и след простыл.

«Я думаю, они больше не вернутся. Увез ее к себе Зурита», — закончил свой рассказ Бальтазар, и было видно, что он очень доволен происшедшим.

«У вас на глазах похитили дочь, и вы так спокойно, даже радостно рассказываете об этом!» — возмущенно сказал я Бальтазару.

«О чем мне беспокоиться? — удивился Бальтазар. — Будь это другой человек, тогда другое дело, а Зуриту я давно знаю. Уж если он, скряга, на автомобиль денег не пожалел, то, значит, Гуттиэре ему сильно нравится. Увез — так женится. А ей урок: не будь упряма. Богатые люди на дороге не валяются. Плакать ей не о чем. У Зуриты есть гасиенда „Долорес“, недалеко от города Параны. Там живет его мать. Туда, наверно, и повез он мою Гуттиэре».

— И вы не побили Бальтазара? — спросил Ихтиандр.

— Вас послушать, так я только и должен делать, что драться, — ответил Ольсен. — Признаться, сразу я хотел поколотить Бальтазара. Но потом решил, что только испорчу дело. Я полагал, что не все еще потеряно... Не буду передавать вам подробностей. Как я уже сказал, мне удалось повидаться с Гуттиэре.

— В гасиенде «Долорес»?

— Да.

— И вы не убили этого негодяя Зуриту и не освободили Гуттиэре?

— Опять бить, да еще убивать! Кто бы мог подумать, что вы такой кровожадный?

— Я не кровожадный! — со слезами на глазах воскликнул Ихтиандр. — Но ведь это же возмутительно! Ольсену стало жалко Ихтиандра.

— Вы правы, Ихтиандр, — сказал Ольсен, — Зурита и Бальтазар — недостойные люди, они заслуживают гнева и презрения. Их стоило бы побить. Но жизнь сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Гуттиэре сама отказалась бежать от Зуриты.

— Сама? — не поверил Ихтиандр.

— Да, сама.

— Почему?

— Во-первых, она убеждена, что вы покончили с собой — утопились из-за нее. Ваша смерть угнетает ее. Она, бедняжка, видимо, очень любила вас. «Теперь моя жизнь кончена, Ольсен, — сказала она мне. — Теперь мне ничего не нужно. Я ко всему безразлична. Я ничего не понимала, когда приглашенный Зуритой священник обвенчал нас. „Ничто не делается без воли божьей, — так сказал священник, надевая мне на палец обручальное кольцо. — А то, что соединил бог, человек не должен разлучать“. Я буду несчастна с Зуритой, но я боюсь навлечь на себя гнев божий и потому не покину его».

— Но ведь это же все глупости! Какой бог? Отец говорит, что бог — сказка для маленьких детей! — горячо воскликнул Ихтиандр. — Неужели вы не могли убедить ее?

— К сожалению, Гуттиэре верит этой сказке. Миссионеры успели сделать из нее яростную католичку; я давно пытался, но не мог разуверить ее. Она даже грозила порвать нашу дружбу, если я буду говорить с нею о церкви и боге. Приходилось ждать. А в гасиенде у меня не было и времени долго убеждать ее. Мне удалось перемолвиться с нею лишь несколькими словами. Да, вот что она еще сказала. Обвенчавшись с Гуттиэре, Зурита со смехом воскликнул: «Ну, одно дело сделано! Птичку поймали и посадили в клетку, теперь остается рыбку поймать!» Он объяснил Гуттиэре, а она мне, о какой рыбке идет речь. Зурита едет в Буэнос-Айрес, чтобы поймать морского дьявола, и тогда Гуттиэре будет миллионершей. Не вы ли это? Вы можете находиться под водой без всякого вреда для себя, пугаете ловцов жемчуга...

Осторожность удерживала Ихтиандра открыть Ольсену свою тайну. Объяснить ее он все равно не смог бы. И, не отвечая на вопрос, он сам спросил:

— А зачем Зурите морской дьявол?

— Педро хочет заставить дьявола ловить жемчужины. И если вы морской дьявол, берегитесь!..

— Благодарю за предупреждение, — сказал юноша. Ихтиандр не подозревал, что его проделки известны всем на берегу, что о нем много писали в газе-

тах и журналах.

— Я не могу, — вдруг заговорил Ихтиандр, — я должен видеть ее. Повидаться с нею хотя бы в последний раз. Город Парана? Да, знаю. Путь туда лежит вверх по реке Паране. Но как пройти от города Параны до гасиенды «Долорес»?

Ольсен объяснил.

Ихтиандр крепко пожал руку Ольсену:

— Простите меня. Я считал вас врагом, но неожиданно нашел друга. Прощайте. Я отправляюсь разыскивать Гуттиэре.

— Сейчас? — спросил, улыбаясь, Ольсен.

— Да, не теряя ни одной минуты, — ответил Ихтиандр, прыгая в воду, и поплыл к берегу.

Ольсен только покачал головой.

Часть вторая

В пути

Ихтиандр быстро собрался в путь. Он достал спрятанные на берегу костюм и башмаки, привязал их к спине ремнем, на котором висел нож. Надел очки и перчатки и отправился.

В заливе Рио-де-Ла-Плата стояло много океанских пароходов и кораблей, шхун и баркасов. Между ними сновали небольшие паровые каботажные катера. Из-под воды их днища напоминали водяных жуков, двигавшихся по поверхности во все стороны. Якорные цепи и тросы поднимались со дна, как тонкие стволы подводного леса. Дно залива было покрыто всякими отбросами, железным ломом, кучами просыпанного каменного угля и выброшенного шлака, обрывками старых шлангов, кусками парусов, бидонами, кирпичами, битыми бутылками, банками из-под консервов, а поближе к берегу трупами собак и кошек.

Тонкий слой нефти покрывал поверхность. Солнце еще не зашло, но здесь стояли зеленовато-серые сумерки. Река Парана несла песок и ил, мутившие воду залива.

Ихтиандр мог бы заблудиться среди этого лабиринта судов, но компасом ему служило легкое течение впадавшей в залив реки. «Удивительно, как неопытны люди», — думал он, брезгливо рассматривая дно, напоминавшее свалку мусора. Он плыл посередине залива, ниже килевой части кораблей. В загрязненных водах залива ему трудно было дышать, как человеку в душной комнате.

В нескольких местах на дне ему встретились трупы людей и скелеты животных. У одного трупа был расколот череп, а на шее виднелась веревка с привязанным камнем. Здесь было погребено чье-то преступление. Ихтиандр спешил скорее выплыть из этих мрачных мест.

Но чем выше он поднимался по заливу, тем сильнее чувствовалось встречное течение. Плыть было трудно. В океане бывают течения, но там они помогали ему: юноша хорошо знал их. Он пользовался ими, как моряк попутным ветром. Здесь было только одно встречное течение. Ихтиандр бы испытанным пловцом, но его раздражало, что он так медленно подвигается вперед.

Что-то вдруг пролетело совсем близко, едва не задев его. Это бросили якорь с какого-то судна. «Однако здесь плыть не безопасно», — подумал Ихтиандр и



огляделся. Он увидел, что его нагоняет большой пароход.

Ихтиандр опустился еще ниже, и когда дно корабля проходило над ним, он ухватился за киль. Ракушки облепили железо шероховатой массой, за которую можно было держаться. Лежать под водой в таком положении было не очень удобно, но зато теперь он находился под прикрытием и быстро плыл, увлекаемый пароходом.

Дельта кончилась, и пароход поплыл по реке Паране. Воды реки несли в себе огромное количество ила. В этой пресной воде Ихтиандр дышал тяжело. Его руки онемели, но он не хотел расстаться с пароходом. «Как жаль, что я не мог отправиться в это путешествие с Лидингом!» — вспомнил он о дельфине. Но дельфина могли убить в реке. Лидинг не мог плыть под водой весь путь, а Ихтиандр опасался подняться на поверхность реки, где было слишком большое движение.

Руки Ихтиандра уставали все больше. Вдобавок он сильно проголодался, так как весь день ничего не ел. Пришлось сделать остановку. Расставшись с килем парохода, он опустился на дно.

Сумерки сгущались. Ихтиандр осмотрел илистое дно. Но он не нашел ни распластанных камбал, ни устричных раковин. Возле него шныряли пресноводные рыбы, но он не знал их повадок, и они казались ему более хитрыми, чем морские. Поймать их было трудно. Только когда наступила ночь и рыбы уснули, Ихтиандру удалось поймать большую щуку. Мясо ее было жестким и отдавало тинной, но проголодавшийся юноша с аппетитом ел ее, глотая целые куски с костями.

Надо было отдохнуть. В этой реке по крайней мере можно было спокойно выспаться, не опасаясь ни акул, ни спрутов. Но нужно было позаботиться о том, чтобы во время сна течение не унесло его вниз. Ихтиандр нашел на дне несколько камней, сдвинул их грядой и улегся, обхватив один камень рукой.

Спал он, однако, недолго. Вскоре он почувствовал, что приближается какой-то пароход. Ихтиандр открыл глаза и увидел сигнальные фонари. Пароход шел снизу. Юноша быстро поднялся и приготовился ухватиться за пароход. Но это была моторная лодка с совершенно гладким дном. Ихтиандр, делая напрасные попытки зацепиться за дно, едва не попал под винт.

Несколько пароходов прошли вниз по течению, пока наконец Ихтиандр сумел прицепиться к пассажирскому пароходу, идущему вверх по реке.

Так добрался Ихтиандр до города Параны. Первая часть его путешествия кончилась. Но оставалась еще самая трудная — наземная.

Ранним утром Ихтиандр отплыл из шумной гавани города в безлюдную местность, осторожно огляделся и вылез на берег. Он снял очки и перчатки, закопал их в прибрежном песке, высушил на солнце свой костюм и оделся. В измятом костюме он выглядел бродягой. Но об этом он мало думал.

Ихтиандр отправился вдоль правого берега, как ему сказал Ольсен, спрашивая встречных рыбаков, не знают ли они, где находится гасиенда «Долорес» Педро Зуриты.

Рыбаки подозрительно осматривали его и отрицательно покачивали головами.

Проходил час за часом, жара все усиливалась, а поиски ни к чему не приводили. На земле Ихтиандр совсем не умел находить дорогу в незнакомых местах. Зной утомлял его, у него кружилась голова, и он плохо соображал.

Чтобы освежиться, Ихтиандр несколько раз раздевался и погружался в воду.

Наконец около четырех часов дня ему посчастливилось встретить старого крестьянина, по виду батрака. Выслушав Ихтиандра, старик кивнул головой и сказал:

— Иди вот так, все по этой дороге, полями. Дойдешь до большого пруда, перейдешь мост, поднимешься на небольшой пригорок, там тебе и будет усатая донна Долорес.

— Почему усатая? «Долорес» — ведь это гасиенда?

— Да, гасиенда. Но старую хозяйку гасиенды зовут тоже Долорес. Долорес — мать Педро Зуриты. Полная усатая старуха. Не вздумай наняться к ней на работу. Живьем съест. Настоящая ведьма. Говорят, Зурита молодую жену привез. Не будет ей житья от свекрови, — рассказывал словоохотливый крестьянин.

«Это про Гуттиэре», — подумал Ихтиандр.

— А далеко? — спросил он.

— К вечеру дойдешь, — ответил старик, посмотрев на солнце. Поблагодарив старика, Ихтиандр быстро зашагал по дороге мимо полей пшеницы и кукурузы. От быстрой ходьбы он начал уставать. Дорога тянулась бесконечной белой лентой. Пшеничные поля сменялись выгонами с высокой густой травой, на выгонах паслись стада овец.

Ихтиандр изнемогал, усиливались режущие боли в боках. Томила жажда. Кругом — ни капли воды. «Хоть бы скорее пруд!» — думал Ихтиандр. Его щеки и глаза ввалились, он тяжело дышал. Хотелось есть. Но чем здесь пообедать? Далеко на лугу паслось стадо баранов под охраной пастуха и собак. Через каменный забор свешивались ветки персиковых и апельсиновых деревьев, а на них зрелые плоды. Здесь не то, что в океане. Здесь все чужое, все поделено, все разгорожено, все охраняется. Одни только вольные птицы ничьи, летают, кричат вдоль дороги. Но их не поймать. Да можно ли еще ловить этих птиц? Быть может, и они кому-нибудь принадлежат. Здесь легко умереть от голода и жажды среди водоемов, садов и стад.

Навстречу Ихтиандру шел, заложив руки за спину, толстый человек, в бе-

лом кителе с блестящими пуговицами, в белой фуражке, с кобурой на поясе.

— Скажите, далеко ли гасиенда «Долорес»? — спросил Ихтиандр. Толстый человек подозрительно оглядел Ихтиандра.

— А тебе что нужно? Откуда идешь?

— Из Буэнос-Айреса...

Человек в кителе насторожился.

— Мне нужно там повидать кое-кого, — добавил Ихтиандр.

— Протяни руки, — сказал толстый человек.

Это удивило Ихтиандра, но, не предполагая ничего плохого, он протянул руки. Толстяк вынул из кармана «браслеты» (ручные кандалы) и быстро защелкнул их на руках Ихтиандра.

— Вот и попался, — пробормотал человек с блестящими пуговицами и, толкнув Ихтиандра в бок, крикнул:

— Иди! Я проведу тебя к «Долорес».

— Зачем вы сковали мои руки? — недоумевая, спросил Ихтиандр, поднимая руки и разглядывая «браслеты».

— Нечего разговаривать! — строго прикрикнул толстяк. — Ну, иди!

Ихтиандр, склонив голову, поплелся по дороге. Хорошо еще, что его не заставили идти назад. Он не понимал, что с ним произошло. Он не знал, что прошлой ночью на соседней ферме было совершено убийство и ограбление, и теперь полиция искала преступников. Не догадывался он и о том, что в своем измятом костюме имел подозрительный вид. Его неопределенный ответ о цели путешествия окончательно решил его судьбу.

Полицейский арестовал Ихтиандра и теперь вел его в ближайшее селение, чтобы отправить в Парану, в тюрьму.

Ихтиандр понял только одно: он лишен свободы и в его путешествии наступила досадная задержка.

Он решил во что бы то ни стало вернуть себе свободу при первой же возможности.

Толстый полицейский, довольный удачей, закурил длинную сигару. Он шел позади, обдавая Ихтиандра клубами дыма. Ихтиандр задышался.

— Нельзя ли не пускать дым, мне тяжело дышать, — обернувшись, сказал он своему конвоиру.

— Что-о? Просят не курить? Ха-ха-ха! — Полицейский засмеялся, все лицо его собралось в морщины. — Подумаешь, какие нежности! — И, выпустив в лицо юноши клубы дыма, он крикнул:

— Пошел!

Юноша повиновался.

Наконец Ихтиандр увидел пруд с перекинутым через него узким мостом и невольно ускорил шаги.

— Не спеши к своей Долорес! — крикнул толстяк.

Они взошли на мост. На середине моста Ихтиандр вдруг перегнулся через перила и бросился в воду.

Полицейский никак не ожидал такого поступка от человека со скованными руками.

Но зато Ихтиандр не ожидал от толстяка того, что тот сделал в следующее мгновение. Полицейский бросился в воду вслед за Ихтиандром, — он опасался, что преступник может утонуть. Полицейский хотел доставить его живым:

арестованный, утонувший с ручными кандалами, мог наделать много хлопот. Полицейский так быстро последовал за Ихтиандром, что успел ухватить его за волосы и не отпускал. Тогда Ихтиандр, рискуя лишиться волос, потянул полицейского на дно. Вскоре Ихтиандр почувствовал, что рука полицейского разжалась и отпустила волосы. Ихтиандр отплыл на несколько метров в сторону и выглянул из воды, чтобы посмотреть, выплыл ли полицейский. Тот уже барахтался на поверхности и, увидев голову Ихтиандра, закричал:

— Утонешь, подлец! Плыви ко мне!

«А ведь это мысль», — подумал Ихтиандр и вдруг закричал:

— Спасите! Тону... — и опустился на дно.

Из-под воды он наблюдал за полицейским, как тот, ныряя, искал его. Наконец, видимо отчаявшись в успехе, полицейский выплыл на берег.

«Сейчас уйдет», — подумал Ихтиандр. Но полицейский не уходил. Он решил остаться возле трупа, пока не придут следственные органы. То, что утопленник лежит на дне пруда, не меняло дела.

В это время через мост проезжал крестьянин верхом на муле, навьюченном мешками. Полицейский приказал крестьянину сбросить мешки и отправиться в ближайший полицейский участок с запиской. Дело приобретало для Ихтиандра скверный оборот. К тому же в пруду водились пиявки. Они впивались в Ихтиандра, и он не успевал отрывать их от тела. Но делать это нужно было осторожно, чтобы не волновать стоячую воду и этим не привлечь внимания полицейского.

Через полчаса вернулся крестьянин, показал рукой на дорогу, уложил свои мешки на спину мула и поспешно уехал. Минут через пять к берегу приблизились трое полицейских. Двое из них несли на голове легкую лодку, а третий — багор и весло.

Лодку опустили на воду и начали искать утопленника. Ихтиандр не боялся поисков. Для него это была почти игра — он только переходил с места на место. Все дно пруда возле моста тщательно обыскали багром, но трупа не обнаружили.

Полицейский, арестовавший Ихтиандра, с удивлением разводил руками. Ихтиандра это даже забавляло. Но скоро ему пришлось плохо. Полицейские подняли своим багром со дна пруда тучи ила. Вода замутилась. Теперь Ихтиандр не мог ничего рассмотреть на расстоянии протянутой руки, а это уже было опасно. Но главное — ему трудно было дышать жабрами в этой воде, бедной кислородом. А тут еще эти тучи ила.

Ихтиандр задыхался и чувствовал в жабрах все усиливающееся жжение. Невозможно было дольше терпеть. У него вырвался невольный стон, несколько пузырей вылетело из его рта. Что делать? Выйти из пруда — другого выхода не было. Надо было выйти, чем бы это ни грозило. Его, конечно, сейчас же схватят, может быть избыют, отправят в тюрьму. Но все равно. Ихтиандр, шатаясь, побрел к мелководью и поднял голову над водой.

— А-а-а-а!.. — не своим голосом закричал полицейский, бросаясь через борт лодки в воду, чтобы скорее доплыть до берега.

— Иисус Мария! О-о!.. — вскричал другой, падая на дно лодки.

Двое полицейских, оставшихся на берегу, шептали молитвы. Бледные, они дрожали от страха, стараясь спрятаться друг за друга.

Ихтиандр не ожидал этого и не сразу понял причину их испуга. Потом он

вспомнил, что испанцы очень религиозны и суеверны. Вероятно, полицейские вообразили, что они видят перед собою выходца с того света. Ихтиандр решил испугать их еще больше: он оскалил зубы, закатил глаза, завыл страшным голосом, медленно направляясь к берегу; он поднялся на дорогу умышленно медленно и удалился размеренным шагом.

Ни один полицейский не шевельнулся, не задержал Ихтиандра. Суеверный ужас, боязнь привидения помешали им выполнить долг службы.

Это «Морской дьявол»!

Мать Педро Зуриты — Долорес — была полная, сытая старуха с крючкова-тым носом и выдающимся подбородком.

Густые усы придавали ее лицу странный и непривлекательный вид. Это редкое для женщины украшение и закрепило за ней в округе кличку Усатая Долорес.

Когда ее сын явился к ней с молодой женой, старуха бесцеремонно осмотрела Гуттиэре. Долорес прежде всего искала в людях недостатки. Красота Гуттиэре поразила старуху, хотя она ничем не выдала этого. Но такова уж была Усатая Долорес: поразмыслив у себя на кухне, она решила, что красота Гуттиэре — недостаток.

Оставшись вдвоем с сыном, старуха неодобрительно покачала головой и сказала:

— Хороша! Даже слишком хороша! — И, вздохнув, прибавила:

— Наживешь ты хлопот с такой красавицей... Да. Лучше бы ты женился на испанке. Подумав еще, она продолжала:

— И горда. А руки мягкие, нежные, белоручка будет.

— Обломаем, — ответил Педро и углубился в хозяйственные счета. Долорес зевнула и, чтобы не мешать сыну, вышла в сад подышать вечерней прохладой. Она любила помечтать при луне.

Мимозы наполняли сад приятным ароматом.

Белые лилии сверкали при лунном свете. Едва заметно шевелились листья лавров и фикусов.

Долорес уселась на скамью среди мирт и предалась своим мечтам: вот она прикупит соседний участок, разведет тонкорунных овец, выстроит новые сараи.

— О, чтоб вас! — сердито крикнула старуха, ударяя себя по щеке. — Эти москиты и посидеть спокойно не дадут человеку.

Незаметно облака затянули небо, и весь сад погрузился в полумрак. На горизонте резче выступила светло-голубая полоса — отражение огней города Параны.

И вдруг над низким каменным забором она увидела человеческую голову. Кто-то поднял руки, скованные кандалами, и осторожно перепрыгнул через стену.

Старуха испугалась. «В сад забрался каторжник», — решила она. Она хотела крикнуть, но не могла, пыталась подняться и бежать, но ноги ее подкашивались. Сидя на скамейке, следила она за неизвестным.

А человек в кандалах, осторожно пробираясь между кустами, приближался к дому, заглядывая в окна.

И вдруг — или она ослышалась — каторжник тихо позвал:

— Гуттиэре!

«Так вот она, красота-то! Вот с кем знакомство водит! Чего доброго, эта красавица убьет меня с сыном, ограбит гасиенду и сбежит с каторжником», — думала Долорес.

Старуху вдруг охватило чувство глубокой ненависти к снохе и горького злорадства. Это придало ей силы. Она вскочила и побежала в дом.

— Скорей! — шепотом сказала Долорес сыну. — В сад забрался каторжник. Он звал Гуттиэре.

Педро выбежал с такой поспешностью, как будто дом был объят пламенем, схватил лопату, лежавшую на дорожке, и побежал вокруг дома.

У стены стоял неизвестный в грязном, измятом костюме, со скованными руками и смотрел в окно.

— Проклятие!.. — пробормотал Зурита и опустил лопату на голову юноши.

Без единого звука юноша упал на землю.

— Готов... — тихо сказал Зурита.

— Готов, — подтвердила следовавшая за ним Долорес таким тоном, как будто ее сын раздавил ядовитого скорпиона. Зурита вопросительно посмотрел на мать:

— Куда его?

— В пруд, — указала старуха. — Пруд глубокий.

— Всплывет.

— Камень привяжем. Я сейчас...

Долорес побежала домой и торопливо начала искать мешок, в который можно было бы положить труп убитого. Но еще утром все мешки она отправила с пшеницей на мельницу. Тогда она достала наволочку и длинную бечевку.

— Мешков нет, — сказала она сыну. — Вот, в наволочку положи камней и привяжи бечевкой к кандалам...

Зурита кивнул головой, взвалил труп на плечи и поволок его в конец сада, к небольшому пруду.

— Не запачкайся, — шепотом говорила Долорес, ковыляя за сыном с наволочкой и бечевкой.

— Смоешь, — ответил Педро, свешивая, однако, голову юноши ниже, чтобы кровь стекала на землю.

У пруда Зурита быстро набил наволочку камнями, крепко привязал ее к рукам юноши и бросил тело в пруд.

— Теперь надо переодеться. — Педро посмотрел на небо. — Дождь собирается. Он смоем к утру следы крови на земле.

— В пруду... вода не станет розовой от крови? — спросила Усатая Долорес.

— Не станет. Пруд проточный... О-о, проклятие! — прохрипел Зурита, направляясь к дому, и погрозил кулаком одному из окон.

— Вот она, красота-то! — хныкала старуха, следуя за сыном.

Гуттиэре отвели комнату в мезонине. Она не могла уснуть в эту ночь. Было душно, одолевали москиты. Невеселые мысли приходили в голову Гуттиэре. Она не могла забыть Ихтиандра, его смерти. Мужа она не любила, свекровь вызывала отвращение. И с этой усатой старухой Гуттиэре предстояло жить...

В эту ночь Гуттиэре почудился голос Ихтиандра. Он звал ее по имени. Какой-то шум, чьи-то приглушенные голоса доносились из сада. Гуттиэре решила, что ей так и не удастся уснуть в эту ночь. Она вышла в сад. Солнце еще не всходило. Сад был погружен в сумерки утренней зари. Тучи угнало. На траве и

деревьях сверкала обильная роса. В легком халате, босиком Гуттиэре шла по траве. Вдруг она остановилась и внимательно стала разглядывать землю. На дорожке, против ее окна, песок был запятнан кровью. Тут же валялась окровавленная лопата.

Ночью здесь произошло какое-то преступление. Иначе откуда могли появиться эти следы крови?

Гуттиэре невольно пошла по следам, и они привели ее к пруду.

«Не в этом ли пруду скрыты последние следы преступления?» — подумала она, со страхом вглядываясь в зеленоватую поверхность.

Из-под зеленоватой воды пруда на нее смотрело лицо Ихтиандра. Кожа на его виске была рассечена. На лице отражалось страдание и в то же время радость.

Гуттиэре смотрела не отрываясь на лицо утонувшего Ихтиандра. Неужели она сошла с ума?

Гуттиэре хотела бежать прочь. Но она не могла уйти, не могла оторвать от него глаз.

А лицо Ихтиандра медленно поднималось из воды. Оно уже показалось над поверхностью, всколыхнув тихие воды. Ихтиандр протянул к Гуттиэре скованные руки и с бледной улыбкой сказал, впервые обращаясь к ней на «ты»:

— Гуттиэре! Дорогая моя! Наконец-то, Гуттиэре, я... — Но он не договорил.

Гуттиэре схватилась за голову и в испуге закричала:

— Сгинь! Пропади, несчастный призрак! Ведь я знаю, что ты мертв. Зачем ты являешься ко мне?

— Нет, нет, Гуттиэре, я не мертв, — поспешно ответил призрак, — я не утонул. Прости меня... я скрыл от тебя... Я не знаю, зачем я это сделал... Не уходи, выслушай меня. Я живой — вот, прикоснись к моим рукам...

Он протягивал к ней скованные руки. Гуттиэре продолжала смотреть на него.

— Не бойся, я ведь живой... Я могу жить под водой. Я не такой, как все люди. Я один могу жить под водой. Я не утонул тогда, бросившись в море. Я бросился потому, что мне было тяжело дышать на воздухе.

Ихтиандр пошатнулся и продолжал так же поспешно и бессвязно:

— Я искал тебя, Гуттиэре. Сегодня ночью твой муж ударил меня по голове, когда я подошел к твоему окну, и бросил меня в пруд. В воде я пришел в себя. Мне удалось снять мешок с камнями, но этого, — Ихтиандр указал на наручники, — я не мог снять...

Гуттиэре начала верить, что перед ней не призрак, а живой человек.

— Но почему у вас скованы руки? — спросила она.

— Я потом расскажу тебе об этом... Бежим со мной, Гуттиэре. Мы укроемся у моего отца, там нас никто не найдет... И мы будем жить с тобою... Ну, возьми же мои руки, Гуттиэре. Ольсен сказал? что меня называют морским дьяволом, но ведь я человек. Почему же ты боишься меня?

Ихтиандр вышел из пруда весь в тине. Он в изнеможении опустился на траву.

Гуттиэре наклонилась над ним и, наконец, взяла его за руку.

— Бедный мой мальчик, — сказала она.

— Какая приятная встреча! — вдруг послышался насмешливый голос, Они оглянулись и увидели стоявшего неподалеку Зуриту. Зурита, так же как и Гут-

тиэре, не спал эту ночь. Он вышел в сад на крик Гуттиэре и слышал весь разговор. Когда Педро узнал, что перед ним «морской дьявол», за которым он так долго и безуспешно охотился, он обрадовался и сразу же решил отвезти Ихтиандра на «Медузу». Но, обдумав, он решил поступить иначе.

— Вам не удастся, Ихтиандр, увезти Гуттиэре к доктору Сальватору, потому что Гуттиэре — моя жена. Едва ли вы сами вернетесь к вашему отцу. Вас ждет полиция.

— Но я ни в чем не виновен! — воскликнул юноша.

— Без вины полиция не награждает людей такими браслетами. И если уже вы попались в мои руки, мой долг — передать вас полиции.

— Неужели вы сделаете это? — с негодованием спросила мужа Гуттиэре.

— Я обязан это сделать, — ответил Педро, пожимая плечами.

— Хорош бы он был, — вдруг вмешалась в разговор появившаяся Долорес, — если бы отпустил на все четыре стороны каторжника! За что? Не за то ли, что этот кандалник подглядывает под чужими окнами и собирается похищать чужих жен?

Гуттиэре подошла к мужу, взяла его за руки и ласково сказала:

— Отпустите его. Прошу вас. Я ни в чем не виновата перед вами...

Долорес, испугавшись, как бы ее сын не уступил жене, замахала руками и закричала:

— Не слушай ее, Педро!

— Перед просьбой женщины я бессилён, — любезно сказал Зурита. — Я согласен.

— Не успел жениться, как попал под башмак жены, — ворчала старуха.

— Подожди, мать. Мы распилим ваши кандалы, молодой человек, переоденем вас в более приличный костюм и доставим на «Медузу». В Рио-де-Ла-Плата вы можете спрыгнуть с борта и плыть куда вам заблагорассудится. Но я отпущу вас с одним условием: вы должны забыть Гуттиэре. А тебя, Гуттиэре, я возьму с собой. Так будет безопаснее.

— Вы лучше, чем я думала о вас, — искренне сказала Гуттиэре.

Зурита самодовольно покрутил усы и поклонился жене.

Долорес хорошо знала своего сына, — она быстро догадалась, что он замышляет какую-то хитрость. Но, чтобы поддержать его игру, она для вида раздраженно проворчала:

— Очаровала! Сиди теперь под башмаком!

Полный ход

— Завтра приезжает Сальватор. Лихорадка задержала меня, а нам с тобой надо о многом поговорить, — сказал Кристо, обращаясь к Бальтазару. Они сидели в лавке Бальтазара. — Слушай, брат, слушай внимательно и не перебивай меня, чтобы я не забыл, о чем надо говорить.

Кристо помолчал, собираясь с мыслями, и продолжал:

— Мы много потрудились с тобой для Зуриты. Он богаче нас с тобой, но он хочет быть богаче самого себя. Он хочет поймать морского дьявола...

Бальтазар сделал движение.

— Молчи, брат, молчи, иначе я забуду, что хотел сказать. Зурита хочет, чтобы морской дьявол был у него рабом. А знаешь ты, что такое морской дьявол? Это клад. Это неистощимое богатство. Морской дьявол может собирать на дне

морском жемчуг — много прекрасных жемчужин. Но морской дьявол может добывать со дна моря не только жемчуг. На дне моря много потонувших кораблей с несметными сокровищами. Он может добыть их для нас. Я говорю для нас, а не для Зуриты. Знаешь ли ты, брат, что Ихтиандр любит Гуттиэре?

Бальтазар хотел что-то сказать, но Кристо не дал ему говорить:

— Молчи и слушай. Я не могу говорить, когда меня перебивают. Да, Ихтиандр любит Гуттиэре. От меня ничего не скроешь. Когда я это узнал, я сказал: «Хорошо. Пусть Ихтиандр еще сильнее полюбит Гуттиэре. Он будет лучшим мужем и зятем, чем этот Зурита». И Гуттиэре любит Ихтиандра. Я следил за ними, не мешая Ихтиандру. Пусть встречаются.

Бальтазар вздохнул, но не перебил рассказчика.

— И это еще не все, брат. Слушай дальше. Я хочу напомнить тебе то, что было много лет тому назад. Я сопровождал твою жену, — этому уже лет двадцать, — когда она возвращалась от родных. Помнишь, она ездила в горы хоронить свою мать. В дороге твоя жена умерла от родов. Умер и ребенок. Тогда я не сказал тебе всего, я не хотел огорчить тебя. Теперь скажу. Твоя жена умерла в дороге, но ребенок был еще жив, хотя и очень слаб. Случилось это в индейской деревне. Одна старуха сказала мне, что недалеко от них живет великий чудотворец, бог Сальватор...

Бальтазар насторожился.

— И она посоветовала мне отнести ребенка Сальватору, чтобы он спас его от смерти. Я послушался доброго совета и отнес ребенка Сальватору. «Спасите его», — сказал я. Сальватор взял мальчика, покачал головой и сказал: «Трудно спасти его». И унес. Я ждал до вечера. Вечером вышел негр и сказал: «Ребенок умер». Тогда я ушел. Так вот, — продолжал Кристо, — Сальватор сказал через своего негра, что ребенок умер. У новорожденного ребенка — твоего сына — я заметил родимое пятно. Я хорошо помню, какой формы было это пятно. — Помолчав, Кристо продолжал:

— Не так давно кто-то ранил Ихтиандра в шею. Делая ему перевязку, я открыл ворот его чешуи и увидел родимое пятно точно такой же формы, как у твоего сына.

Бальтазар посмотрел на Кристо широко открытыми глазами и, волнуясь, спросил:

— Ты думаешь, что Ихтиандр мой сын?

— Молчи, брат, молчи и слушай. Да, я это думаю. Я думаю, что Сальватор сказал неправду. Твой сын не умер, и Сальватор сделал из него морского дьявола.

— О-о!.. — вне себя закричал Бальтазар. — Как он смел! Я убью Сальватора своими собственными руками.

— Молчи! Сальватор сильнее тебя. И потом, может быть, я ошибся. Двадцать лет прошло. Родимое пятно на шее может быть и у другого человека. Ихтиандр — твой сын, а может быть — и не сын. Тут надо быть осторожным. Ты пойдешь к Сальватору и скажешь, что Ихтиандр твой сын. Я буду твоим свидетелем. Ты потребуешь, чтобы он отдал тебе сына. А не отдаст, ты скажешь, что донесешь на него в суд за то, что он калечит детей. Этого он побоится. Если же это не поможет, ты пойдешь в суд. Если же в суде нам не удастся доказать, что Ихтиандр твой сын, то он женится на Гуттиэре; ведь Гуттиэре твоя приемная дочь. Ты тогда тосковал по жене и сыну, и я разыскал тебе эту

сироту Гуттиэре...

Бальтазар вскочил со стула. Он теперь шагал по лавке, задевая крабов и раковины.

— Сын мой! Сын мой! О, какое несчастье!

— Почему несчастье? — удивился Кристо.

— Я не перебивал и внимательно слушал тебя, теперь выслушай ты меня. Пока ты болел лихорадкой, Гуттиэре вышла замуж за Педро Зуриту.

Эта новость поразила Кристо.

— А Ихтиандр... бедный сын мой... — Бальтазар опустил голову. — Ихтиандр в руках Зуриты!

— Не может быть, — возразил Кристо.

— Да, да. Ихтиандр на «Медузе». Сегодня утром Зурита приходил ко мне. Он смеялся над нами, издевался и бранил нас. Он говорил, что мы обманывали его. Подумай, он сам, без нас, поймал Ихтиандра! Теперь он нам ничего не уплатит. Но я и сам не возьму у него денег. Разве можно продать своего собственного сына?

Бальтазар был в отчаянии. Кристо неодобрительно смотрел на брата. Теперь следовало действовать решительно. Но Бальтазар мог скорее повредить делу, чем помочь. Сам Кристо не очень-то верил в родство Ихтиандра с Бальтазаром. Правда, Кристо видел у новорожденного родимое пятно. Но разве это неоспоримое доказательство? Увидев родимое пятно на шее Ихтиандра, Кристо решил воспользоваться этим сходством и пожить. Но разве мог он предполагать, что Бальтазар так отнесется к его рассказу? Зато новости, сообщенные Бальтазаром, испугали Кристо.

— Теперь не время для слез. Надо действовать. Сальватор приезжает завтра рано утром. Будь мужественным. Жди меня на восходе солнца на молу. Надо спасти Ихтиандра. Но, смотри, не говори Сальватору, что ты отец Ихтиандра. Куда направился Зурита?

— Он не сказал, но думаю, что на север. Зурита давно собирается к берегам Панамы.

Кристо кивнул головой.

— Помни же: завтра утром, перед восходом солнца, ты должен быть на берегу. Сиди, не уходи, если бы даже пришлось ожидать до вечера.

Кристо поспешил к себе. Он всю ночь думал о предстоящей встрече с Сальватором. Надо было оправдать себя перед Сальватором.

Сальватор приехал на рассвете. Кристо с лицом, выражавшим огорчение и преданность, сказал, поздоровавшись с доктором:

— У нас случилось несчастье... Много раз я предупреждал Ихтиандра, чтобы он не плавал в заливе...

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Сальватор.

— Его украли и увезли на шхуне... Я...

Сальватор крепко сжал плечо Кристо и пристально посмотрел ему в глаза. Это продолжалось одно мгновение, но Кристо невольно изменился в лице под этим испытующим взглядом. Сальватор нахмурился, пробормотал что-то и, разжав пальцы на плече Кристо, быстро проговорил:

— Об этом ты подробно расскажешь мне после. Сальватор позвал негра, сказал ему несколько слов на непонятном Кристо языке и, обратившись к индейцу, повелительно крикнул:

— Иди за мной!

Не отдыхая, не переодеваясь с дороги, Сальватор вышел из дому и быстро пошел в сад. Кристо едва поспевал за ним. У третьей стены их нагнали два негра.

— Я сторожил Ихтиандра, как верная собака, — сказал Кристо, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Я не отходил от него...

Но Сальватор не слушал. Доктор стоял уже около бассейна и нетерпеливо стучал ногой, пока вода вытекала в открывшиеся в бассейне шлюзы.

— Иди за мной, — снова приказал Сальватор, спускаясь по подземной лестнице.

Кристо и два негра шли за Сальватором в полном мраке. Сальватор прыгал через несколько ступеней, как человек, хорошо знакомый с подземным лабиринтом.

Спустившись на нижнюю площадку, Сальватор не повернул выключатель, как в первый раз, а, пошарив впотьмах рукой, открыл дверь в правой стене и пошел по темному коридору. Здесь не было ступеней, и Сальватор шел еще быстрее, не зажигая огня.

«Вдруг я провалюсь в какую-нибудь ловушку и утону в колодце?» — думал Кристо, стараясь поспеть за Сальватором.

Они долго шли, и, наконец, Кристо почувствовал, что пол покато спускается вниз. Иногда Кристо казалось, что он слышит слабый плеск воды. Но вот их путешествие окончилось. Сальватор, ушедший вперед, остановился и включил свет. Кристо увидел, что он находится в большом, залитом водой длинном гроте с овальным сводом. Этот свод, уходя вдаль, постепенно понижался к воде. На воде у самого края каменного пола, на котором они стояли, Кристо увидел небольшую подводную лодку. Сальватор, Кристо и два негра вошли в нее. Сальватор зажег в каюте свет, один из негров захлопнул верхний люк, другой уже работал у мотора. Кристо почувствовал, что лодка дрогнула, медленно повернулась, опустилась вниз и так же медленно двинулась вперед. Прошло не более двух минут, и они всплыли на поверхность. Сальватор и Кристо вышли на мостик. Кристо никогда не приходилось плавать на подводных лодках. Но эта лодка, скользившая теперь по поверхности океана, могла бы удивить даже кораблестроителей. Она была необычайной конструкции, и, очевидно, мотор ее был огромной мощности. Еще не пущенная на полный ход лодка быстро двигалась вперед.

— Куда направились похитители Ихтиандра?

— Вдоль берега на север, — ответил Кристо. — Я бы осмелился предложить вам захватить с собой моего брата. Я предупредил его, и он ожидает на берегу.

— Зачем?

— Ихтиандра украл ловец жемчуга Зурита.

— Откуда ты знаешь это? — подозрительно спросил Сальватор.

— Я описал брату шхуну, которая захватила Ихтиандра в заливе, и брат признал в ней «Медузу» Педро Зуриты. Зурита, вероятно, украл Ихтиандра для ловли жемчуга. А мой брат Бальтазар хорошо знает места лова. Он будет полезен нам.

Сальватор подумал.

— Хорошо. Мы возьмем твоего брата.

Бальтазар ожидал брата на молу. Лодка повернула к берегу. Бальтазар с бе-

рега, нахмурившись, смотрел на Сальватора, который отнял, изуродовал его сына. Однако индеец вежливо поклонился Сальватору и вплавь добрался до лодки.

— Полный ход! — отдал Сальватор приказ. Сальватор стоял на капитанском мостике и зорко всматривался в гладь океана.

Необычайный пленник

Зурита распилил кандалы, связывавшие руки Ихтиандра, дал ему новый костюм и разрешил захватить с собой спрятанные в песке перчатки и очки. Но как только юноша взошел на палубу «Медузы», по приказанию Зуриты его схватили индейцы и посадили в трюм. У Буэнос-Айреса Зурита сделал короткую остановку, чтобы запастись провиантом. Он повидался с Бальтазаром, похвалился своей удачей и поплыл дальше вдоль берега, по направлению к Рио-де-Жанейро. Он предполагал обогнуть восточный берег Южной Америки и начать поиски жемчуга в Карибском море.

Гуттиэре он поместил в капитанской каюте. Зурита уверял ее, что Ихтиандра он отпустил на волю в заливе Рио-де-Ла-Плата. Но эта ложь скоро открылась. Вечером Гуттиэре услышала крики и стоны, долетавшие из трюма. Она узнала голос Ихтиандра. Зурита в это время был на верхней палубе. Гуттиэре пыталась выйти из каюты, но дверь оказалась на запоре. Гуттиэре начала стучать кулаками, — никто не отзывался на ее крик.

Зурита, услышав крики Ихтиандра, крепко выругался, спустился с капитанского мостика и сошел в трюм вместе с индейцем-матросом. В трюме было необычайно душно и темно.

— Чего ты кричишь? — грубо спросил Зурита.

— Я... я задыхаюсь, — услышал он голос Ихтиандра. — Я не могу жить без воды. Здесь такая духота. Отпустите меня в море. Я не проживу ночи...

Зурита захлопнул люк в трюм и вышел на палубу.

«Как бы в самом деле он не задохнулся», — озабоченно подумал Зурита. Смерть Ихтиандра была ему совсем невыгодна.

По приказу Зуриты в трюм принесли бочку, и матросы натаскали воды.

— Вот тебе ванна, — сказал Зурита, обращаясь к Ихтиандру. — Плавай! А завтра утром я отпущу тебя в море.

Ихтиандр поспешно погрузился в бочку. Стоявшие в дверях индейцы-матросы с недоумением смотрели на это купанье. Они еще не знали, что узник «Медузы» — «морской дьявол».

— Отправляйтесь на палубу! — прикрикнул на них Зурита.

В бочке нельзя было плавать, нельзя было даже выпрямиться во весь рост. Ихтиандру пришлось скорчиться, чтобы окунуться. В этой бочке когда-то хранились запасы солонины. Вода быстро пропиталась этим запахом, и Ихтиандр чувствовал себя немногим лучше, чем в духоте трюма.

Над морем в это время дул свежий юго-восточный ветер, унося шхуну все дальше на север.

Зурита долго стоял на капитанском мостике и только под утро явился в каюту. Он предполагал, что жена его давно спит. Но она сидела на стуле возле узенького столика, положив голову на руки. При его входе Гуттиэре поднялась, и при слабом свете догоравшей лампы, привешенной к потолку, Зурита увидел ее побледневшее, нахмуренное лицо.

— Вы обманули меня, — глухо сказала она.

Под гневным взглядом жены Зурита чувствовал себя не очень хорошо и, чтобы прикрыть невольное смущение, принял непринужденный вид, закрутил свои усы и шутливо ответил:

— Ихтиандр предпочел остаться на «Медузе», чтобы быть ближе к вам.

— Вы лжете! Вы мерзкий, гадкий человек. Я ненавижу вас! — Гуттиэре вдруг выхватила большой нож, висевший на стене, и замахнулась на Зуриту.

— Ого!.. — проговорил Зурита. Он быстро схватил Гуттиэре за руку и сжал так сильно, что Гуттиэре выронила нож.

Зурита ногой вышвырнул нож из каюты, отпустил руку жены и сказал:

— Вот так-то лучше! Вы очень взволнованы. Выпейте стакан воды.

И он ушел из каюты, щелкнув ключом, и поднялся на верхнюю палубу.

Восток уже розовел, а легкие облака, освещенные скрытым за горизонтом солнцем, казались пламенными языками. Утренний ветер, соленый и свежий, надувал паруса. Над морем летали чайки, зорко высматривающие рыб, резвящихся на поверхности.

Уже вошло солнце. Зурита все еще ходил по палубе, заложив руки за спину.

— Ничего, справлюсь как-нибудь, — сказал он, думая о Гуттиэре. Обратившись к матросам, он громко отдал команду убрать паруса. «Медуза», покачиваясь на волнах, стояла на якоре.

— Принесите мне цепь и приведите человека из трюма, — распорядился Зурита. Он хотел как можно скорее испытать Ихтиандра как ловца жемчуга.

«Кстати, он освежится в море», — подумал он.

Конвоируемый двумя индейцами, появился Ихтиандр. Он выглядел утомленным. Ихтиандр осмотрелся по сторонам. Он стоял возле бизань-мачты. Всего несколько шагов отделяло его от борта. Вдруг Ихтиандр рванулся вперед, добежал до борта и уже пригнулся для прыжка. Но в этот момент тяжелый кулак Зуриты опустился ему на голову. Юноша упал на палубу без сознания.

— Не надо спешить, — нравоучительно сказал Зурита. Послышался лязг железа, матрос подал Зурите длинную тонкую цепь, заканчивающуюся железным обручем.

Зурита опоясал этим обручем лежавшего без сознания юношу, замкнул пояс на замок и, обратившись к матросам, сказал:

— Теперь лейте ему на голову воду.

Вскоре юноша пришел в себя и с недоумением посмотрел на цепь, к которой был прикован.

— Так ты не сбежишь от меня, — пояснил Зурита. — Я отпущу тебя в море. Ты будешь искать мне жемчужные раковины. Чем больше жемчуга ты найдешь, тем дольше ты будешь оставаться в море. Если же ты не станешь добывать мне жемчужные раковины, то я запру тебя в трюме, и ты будешь сидеть в бочке. Понял? Согласен?

Ихтиандр кивнул головой.

Он был готов добыть для Зуриты все сокровища мира, только бы скорее погрузиться в чистую морскую воду.

Зурита, Ихтиандр на цепи и матросы подошли к борту шхуны. Каюта Гуттиэре находилась на другой стороне шхуны: Зурита не хотел, чтобы она виде-

ла Ихтиандра прикованным к цепи.

Ихтиандра спустили на цепи в море. Если бы можно было порвать эту цепь! Но она была очень прочна. Ихтиандр покорился своей участи. Он начал собирать жемчужные раковины и складывать их в висевший у него на боку большой мешок. Железный обруч давил бока и затруднял дыхание. И все же Ихтиандр чувствовал себя почти счастливым после душного трюма и вонючей бочки.

Матросы с борта корабля с изумлением смотрели на невиданное зрелище. Проходила минута за минутой, а человек, опущенный на дно моря, и не думал подниматься. Первое время на поверхность всплывали пузырьки воздуха, но скоро они прекратились.

— Пусть меня съест акула, если в его груди осталась хоть частица воздуха. Видно, он чувствует себя, как рыба в воде, — с удивлением говорил старый ловец, вглядываясь в воду.

На морском дне ясно виден был юноша, ползавший на коленях.

— Может быть, это сам морской дьявол? — тихо проговорил матрос.

— Кто бы он ни был, капитан Зурита сделал хорошее приобретение, — отозвался штурман. — Один такой ловец может заменить десяток.

Солнце стояло близко к полудню, когда Ихтиандр дернул цепь, чтобы его подняли. Его сумка была полна раковинами. Нужно было опорожнить ее, чтобы продолжать лов.

Матросы быстро подняли на палубу необыкновенного ловца. Все хотели скорее узнать, каким был улов.

Обыкновенно жемчужные раковины оставляют на несколько дней, чтобы моллюски перегнили, — тогда легче вынимать жемчужины, — но теперь нетерпение матросов и самого Зуриты было велико. И все сразу принялись вскрывать раковины ножами.

Когда матросы окончили работу, все сразу шумно заговорили. На палубе царило необычайное возбуждение. Может быть, Ихтиандру посчастливилось найти хорошее место. Но то, что он добыл за один улов, превзошло все ожидания. Среди этих жемчужин десятка два было очень тяжеловесных, прекрасной формы и самых нежных цветов. Первый улов уже принес Зурите целое состояние. За одну крупную жемчужину можно было купить новую прекрасную шхуну. Зурита был на пути к богатству. Мечты его сбылись.

Зурита видел, как жадно смотрят матросы на жемчуг. Это ему не понравилось. Он поспешил пересыпать жемчужины в свою соломенную шляпу и сказал:

— Пора завтракать. А ты, Ихтиандр, хороший ловец. У меня есть одна свободная каюта. Я помещу тебя туда. Там тебе не будет душно. И я закажу для тебя большой цинковый бак. Может быть, он тебе и не понадобится, так как ты каждый день будешь плавать в море. Правда, на цепочке, но что же делать? Иначе ты нырнешь к своим крабам и не вернешься.

Ихтиандру не хотелось разговаривать с Зуритой. Но если он оказался пленником этого алчного человека, то надо подумать о сносном жилье.

— Бак лучше вонючей бочки, — сказал он Зурите, — но, чтобы я не задыхался, вам придется часто менять в нем воду.

— Как часто? — спросил Зурита.

— Через полчаса, — ответил Ихтиандр. — Еще лучше иметь все время про-

точную воду.

— Э, да ты, я вижу, уже загордился. Тебя похвалили, и ты уже начинаешь требовать, капризничать.

— Это не капризы, — обиделся юноша. — У меня... поймите же, если вы положите большую рыбу в ведро, она скоро уснет. Рыба дышит кислородом, находящимся в воде, а я... ведь очень большая рыба, — с улыбкой прибавил Ихтиандр.

— Насчет кислорода я не знаю, а что рыбыдохнут, если не менять воду, это я хорошо знаю. Пожалуй, ты прав. Но ведь если приставить людей, которые все время будут накачивать помпами воду в твой бак, то это будет слишком дорого, дороже твоего жемчуга. Этак ты разоришь меня!

Ихтиандр не знал цены жемчуга, не знал и того, что Зурита платит ловцам и матросам гроши. Юноша поверил словам Зурита и воскликнул:

— Если вам невыгодно держать меня, то отпустите в море! — И Ихтиандр посмотрел на океан.

— Какой ты!.. — громко рассмеялся Зурита.

— Пожалуйста! Я буду добровольно приносить жемчужины. Я давно собрал такую кучу. — И Ихтиандр показал рукой от палубы до колен. — Ровные, гладкие, зерно к зерну, и каждая величиною с боб... Я все отдам вам, только отпустите меня.

У Зуриты захватило дыхание.

— Болтаешь! — возразил Зурита, стараясь говорить спокойно.

— Я еще никогда никому не лгал, — рассердился Ихтиандр.

— Где же находится твой клад? — спросил Зурита, уже не скрывая своего волнения.

— В подводной пещере. Никто, кроме Лидинга, не знает, где она.

— Лидинг? Кто это?

— Мой дельфин.

— Ах так! «В самом деле, наваждение какое-то, — подумал Зурита. — Если это правда, — а надо думать, что он не лжет, — так ведь это же превосходит все, о чем я только могу помышлять. Я буду несметно богат. Ротшильды и Рокфеллеры будут бедняками по сравнению со мной. А юноше, кажется, можно поверить. Уж не отпустить ли его, в самом деле, под честное слово?»

Но Зурита был деловой человек. Он не привык кому-нибудь верить на слово. Он стал обдумывать, как лучше овладеть этим кладом Ихтиандра. «Если только Ихтиандра попросит Гуттиэре, то он не откажется и принесет клад».

— Возможно, что я выпущу тебя, — сказал Зурита, — но на некоторое время тебе придется остаться у меня. Да. У меня на это есть причины. Я думаю, ты сам не пожалеешь, что задержишься. А пока ты мой, хоть и невольный, гость, я хочу сделать так, чтобы тебе было удобно. Может быть, вместо бака, который будет слишком дорогим, тебя лучше поместить в большой железной клетке. Клетка предохранит тебя от акул, и в этой клетке тебя будут спускать за борт в воду.

— Да, но мне необходимо бывать и на воздухе.

— Ну что ж, мы иногда будем поднимать тебя. Это обойдется дешевле, чем накачивать воду в бак. Словом, все устроим, ты будешь доволен.

Зурита был в прекрасном настроении. Неслыханное дело: он распорядился выдать матросам к завтраку по стакану водки.

Ихтиандра снова отвели в трюм, — бак еще не был готов. Зурита не без волнения открыл дверь капитанской каюты и, стоя в дверях, показал Гуттиэре шляпу, наполненную жемчугом.

— Я помню свои обещания, — начал он, улыбаясь, — жена любит жемчуг, любит подарки. Чтобы добыть много жемчуга, надо иметь хорошего ловца. Вот почему я пленил Ихтиандра. Посмотри — это улов одного утра.

Гуттиэре мельком взглянула на жемчужины. С большим трудом подавила она невольный взглас удивления. Однако Зурита заметил это и самодовольно рассмеялся.

— Ты будешь самой богатой женщиной Аргентины, а может быть, и всей Америки. У тебя будет все. Я построю тебе дворец, которому позавидуют короли. А сейчас в залог будущего прими от меня половину этого жемчуга.

— Нет! Мне не надо ни одной из этих жемчужин, добытых преступлением, — резко ответила Гуттиэре. — И пожалуйста, оставьте меня в покое.

Зурита был смущен и раздосадован: такого приема он не ожидал.

— Еще только два слова. Не хотите ли вы, — для важности он перешел на «вы», — чтобы я отпустил Ихтиандра?

Гуттиэре недоверчиво посмотрела на Зуриту, как бы стараясь угадать, какую новую хитрость он замышляет.

— Что же дальше? — холодно спросила она.

— Судьба Ихтиандра в ваших руках. Достаточно вам приказать Ихтиандру, чтобы он принес на «Медузу» жемчуг, который он хранит где-то под водой, и я отпущу морского дьявола на все четыре стороны.

— Запомните хорошенько, что я скажу. Я не верю ни одному вашему слову. Вы получите жемчуг и снова посадите Ихтиандра на цепь. Это так же верно; как то, что я жена самого лживого и вероломного человека. Запомните хорошенько и не пытайтесь никогда впутывать меня в ваши темные дела. И еще раз — пожалуйста, оставьте меня в покое.

Больше говорить было не о чем, и Зурита вышел. У себя в каюте он пересыпал жемчуг в мешочек, бережно положил в сундук, запер его и вышел на палубу. Размолвка с женой мало огорчала его. Он видел себя богатым, окруженным почетом.

Он взошел на капитанский мостик, закурил сигару. Мысли о будущем богатстве приятно волновали его. Всегда зоркий, он на этот раз не заметил, как матросы, собравшись группами, тихо о чем-то переговариваются.

Покинутая «Медуза»

Зурита стоял у борта, против фок-мачты. По знаку штурмана несколько матросов сразу набросились на Педро. Они не были вооружены, зато их было много. Но одолеть Зуриту оказалось не так-то легко. Сзади в спину Зуриты вцепились два матроса. Зурита вырвался из толпы и, отбежав несколько шагов, изо всей силы опрокинулся назад, на край борта.

Со стоном выпустили матросы свою жертву и упали на палубу. Зурита выпрямился и начал отражать кулаками нападение новых врагов. Он никогда не расставался с револьвером, однако атака была так неожиданна, что Зурита не успел вытащить револьвер из кобуры. Он медленно отступил к фок-мачте и вдруг с ловкостью обезьяны стал подниматься по вантам.

Матрос ухватил его за ногу, но Зурита свободной ногой ударил его по голо-

ве, и оглушенный матрос упал на палубу. Зурита успел подняться до марса и там уселся, отчаянно бранясь. Здесь он мог почувствовать себя в относительной безопасности. Он вынул револьвер и крикнул:

— Первому, кто осмелится подняться ко мне, я размозжу голову! Матросы шумели внизу, обсуждая, как поступить дальше.

— В капитанской каюте есть ружья! — кричал штурман, стараясь перекричать других. — Идем, взломаем дверь!

Несколько матросов направились к люку.

«Пропал, — думал Зурита, — подстрелят!»

Он взглянул на море, точно ища неожиданной помощи. И, не веря самому себе, Зурита увидел, что к «Медузе», разрезая гладь океана, с необычайной быстротой приближалась подводная лодка.

«Только бы она не погрузилась в воду! — думал Зурита. — На мостике стоят люди. Неужели они не заметят меня и пройдут мимо?»

— На помощь! Скорей! Убивают! — закричал Зурита изо всей силы.

На подводной лодке, очевидно, заметили его. Не убавляя хода, лодка продолжала идти прямо на «Медузу».

Из люка шхуны уже показались вооруженные матросы. Они высыпали на палубу и теперь нерешительно остановились. К «Медузе» приближалась вооруженная подводная лодка — вероятно, военная. Нельзя же было убивать Зуриту на глазах этих непрошенных свидетелей.

Зурита торжествовал. Но торжество его было недолгим. Бальтазар и Кристо стояли на мостике подводной лодки, а рядом — высокий человек с хищным носом и глазами орла.

С палубы лодки он громко крикнул:

— Педро Зурита! Вы должны немедленно выдать похищенного вами Ихтиандра! Даю вам пять минут, или я пушу вашу шхуну ко дну.

«Предатели! — подумал Зурита, с ненавистью глядя на Кристо и Бальтазара. — Но лучше потерять Ихтиандра, чем собственную голову».

— Я сейчас приведу его, — сказал Зурита, слезая по вантам. Матросы уже поняли, что надо спасаться. Они быстро спускали шлюпки, бросались в воду и плыли к берегу. Каждый из них заботился только о себе.

Зурита сбежал по трапу к себе в каюту, поспешно вынул мешочек с жемчугом, сунул его к себе за рубаху, захватил ремни и платок. В следующую минуту он открыл дверь каюты, где находилась Гуттиэре, поднял ее на руки и вынес на палубу.

— Ихтиандр не совсем здоров. Вы найдете его в каюте, — сказал Зурита, не выпуская Гуттиэре. Подбежав к борту, он посадил ее в шлюпку, спустил шлюпку на воду и прыгнул в нее сам.

Теперь подводная лодка не могла преследовать шлюпку: было слишком мелко. Но Гуттиэре уже увидела Бальтазара на палубе подводной лодки.

— Отец, спаси Ихтиандра! Он находится... — Но она не договорила, Зурита заткнул ей рот платком и торопился связать ремнем руки.

— Отпустите женщину! — крикнул Сальватор, видя эту расправу.

— Эта женщина — моя жена, и никто не вправе вмешиваться в мои дела! — крикнул в ответ Зурита, усиленно работая веслами.

— Никто не вправе так обращаться с женщиной! — раздраженно крикнул Сальватор. — Остановитесь, или я буду стрелять! Но Зурита продолжал грести.

Сальватор выстрелил из револьвера. Пуля ударилась в борт шлюпки. Зурита поднял Гуттиэре и, защищаясь ею, крикнул:

— Продолжайте!

Гуттиэре билась в его руках.

— Исключительный негодяй! — промолвил Сальватор, опустив револьвер.

Бальтазар бросился с мостика подводной лодки и пытался вплавь догнать шлюпку. Но Зурита был уже у берега. Он приналег на весла, и скоро волна выбросила шлюпку на песчаный берег. Педро схватил Гуттиэре и исчез за прибрежными камнями.

Видя, что Зуриту не догнать, Бальтазар поплыл к шхуне и взобрался по якорной цепи на палубу. Он спустился по трапу и начал всюду искать Ихтиандра.

Бальтазар обошел все судно, вплоть до трюма. На шхуне никого не осталось.

— Ихтиандра нет на шхуне! — крикнул Бальтазар Сальватору.

— Но он жив и должен быть где-то здесь! Гуттиэре сказала: «Ихтиандр находится...» Если бы этот разбойник не заткнул ей рот, мы бы знали, где его искать, — сказал Кристо.

Оглядывая поверхность моря, Кристо заметил, что из воды торчат верхушки мачт.

Вероятно, здесь недавно затонул корабль. Не находится ли Ихтиандр на этом погибшем корабле?

— Быть может, Зурита отправил Ихтиандра искать сокровища затонувшего корабля? — сказал Кристо.

Бальтазар поднял цепь, лежавшую на палубе, с обручем на конце.

— Зурита, видимо, спускал Ихтиандра на этой цепи. Без цепи Ихтиандр уплыл бы. Нет, он не может находиться на потонувшем корабле.

— Да, — задумчиво сказал Сальватор. — Мы победили Зуриту, но Ихтиандра мы не нашли.

Затонувший корабль

Преследователи Зуриты не знали о событиях, происшедших на «Медузе» в это утро.

Всю ночь стоваривались матросы, а к утру они приняли решение: при первом удобном случае напасть на Зуриту, убить его и овладеть Ихтиандром и шхуной.

Рано утром Зурита стоял на капитанском мостике. Ветер утих, и «Медуза» медленно подвигалась вперед, делая не более трех узлов в час.

Зурита всматривался в какую-то точку на океане. В бинокль он разглядел радиомачты затонувшего корабля.

Вскоре Зурита заметил плававший на поверхности спасательный круг.

Зурита распорядился спустить шлюпку и выловить круг.

Когда круг подняли, Зурита прочитал на нем: «Мафальду».

«„Мафальду“ утонул?» — удивился Зурита. Он знал этот большой американский почтово-пассажирский пароход. На таком пароходе должно быть немало ценностей. «Что, если бы Ихтиандр добыл с затонувшего парохода эти ценности? Но хватит ли длины цепи? Вряд ли... Если же спустить Ихтиандра без цепи, он не вернется...»

Зурита задумался. Жадность и боязнь потерять Ихтиандра боролись в нем. «Медуза» медленно приближалась к торчавшим из воды мачтам.

Матросы столпились у борта. Ветер утих совершенно. «Медуза» остановилась.

— Я одно время служил на «Мафальду», — сказал один из матросов. — Большой, хороший пароход. Целый город. А пассажиры — богатые американцы.

«„Мафальду“ затонул, очевидно не успев сообщить по радио о своей гибели, — размышлял Зурита. — Быть может, радиостанция оказалась поврежденной. Иначе из всех окрестных портов налетели бы быстроходные катера, глисеры, яхты, а на них представители власти, корреспонденты, фотографы, кинооператоры, журналисты, подводники. Медлить нельзя. Придется рискнуть отпустить Ихтиандра без цепи. Другого выхода нет. Но как заставить его вернуться назад? И если рисковать, то не лучше ли послать Ихтиандра за выкупом — жемчужным кладом. Но так ли уж ценен этот жемчужный клад? Не преувеличивает ли Ихтиандр?»

Конечно, следует добыть и клад и сокровища, погребенные на «Мафальду». Жемчужный клад не уйдет, его никто не найдет без Ихтиандра, только бы сам Ихтиандр оставался в руках Зуриты. А через несколько дней, а может быть — и через несколько часов, сокровища «Мафальду» станут уже недоступными.

«Итак, сначала „Мафальду“, — решил Зурита. Он приказал бросить якорь. Затем спустился в каюту, написал какую-то записку и с этим листком бумаги пришел в каюту Ихтиандра.

— Ты умеешь читать, Ихтиандр? Гуттиэре прислала тебе записку. Ихтиандр быстро взял записку и прочитал:

«Ихтиандр! Выполни мою просьбу. Рядом с „Медузой“ находится потонувший пароход. Опустись в море и принеси с этого корабля все, что найдешь ценного. Зурита отпустит тебя без цепи, но ты должен вернуться на „Медузу“. Сделай это для меня, Ихтиандр, и ты скоро получишь свободу. Гуттиэре».

Ихтиандр никогда не получал писем от Гуттиэре и не знал ее почерка. Он очень обрадовался, получив это письмо, но тотчас задумался. Что, если это хитрость Зуриты?

— Почему Гуттиэре не попросила сама? — спросил Ихтиандр, указывая на записку.

— Она не совсем здорова, — ответил Зурита, — но ты увидишь ее, как только вернешься.

— Зачем эти ценности Гуттиэре? — все еще недоверчиво спросил Ихтиандр.

— Если бы ты был настоящим человеком, ты не задавал бы таких вопросов. Какая женщина не хочет красиво одеваться, носить дорогие украшения? А для этого нужны деньги. Много денег лежит в затонувшем пароходе. Они теперь ничьи, — почему бы тебе не добыть их для Гуттиэре? Главное — надо разыскать золотые монеты. Там должны быть почтовые кожаные мешки. Кроме того, золотые вещи, кольца могли быть у пассажиров...

— Не думаете ли вы, что я еще стану обыскивать трупы? — с негодованием спросил Ихтиандр. — И вообще я не верю вам. Гуттиэре не жадная, она не могла послать меня на такое дело...

— Проклятие! — воскликнул Зурита. Он видел, что его затея сорвется, если он сейчас же не сможет убедить Ихтиандра.

Тогда Зурита овладел собой, добродушно рассмеялся и сказал:

— Я вижу, тебя не обмануть. Приходится быть с тобой откровенным. Ну, так слушай. Не Гуттиэре хочет иметь золото с «Мафальду», а я. Этому ты поверишь?

Ихтиандр невольно улыбнулся.

— Вполне!

— Ну и отлично! Вот ты уже начинаешь мне верить — значит, мы стоворимся. Да, золото нужно мне. И если его на «Мафальду» окажется столько, сколько стоит твой жемчужный клад, то я немедленно отпущу тебя в океан, как только ты принесешь мне золото. Но вот беда: ты не совсем доверяешь мне, а я тебе. Я опасаясь: если тебя отпустить в воду без цепи, ты нырнешь и...

— Если я дам слово вернуться, сдержу его.

— Я еще не имел случая убедиться в этом. Ты не любишь меня, и я не удивлюсь, если не сдержишь своего слова. Но ты любишь Гуттиэре, и ты исполнишь то, о чем она попросит тебя. Верно? Вот я и договорился с нею. Она, конечно, хочет, чтобы я отпустил тебя. Поэтому она написала письмо и дала мне его, желая облегчить тебе путь к свободе. Теперь все тебе понятно?

Все, что говорил Зурита, казалось Ихтиандру убедительным и правдоподобным. Но Ихтиандр не заметил, что Зурита обещал отпустить его на волю только тогда, когда увидит, что на «Мафальду» окажется столько золота, сколько стоит его жемчужный клад...

«Ведь чтобы сравнить их, — рассуждал Зурита сам с собой, — Ихтиандр должен будет — я потребую от него этого — принести свой жемчуг. А тогда в моих руках окажутся золото „Мафальду“, жемчужный клад и Ихтиандр».

Но Ихтиандр не мог знать, что думал Зурита. Откровенность Зуриты убедила его, и Ихтиандр, подумав, согласился.

Зурита вздохнул с облегчением.

«Он не обманет», — подумал он.

— Идем скорее.

Ихтиандр быстро поднялся на палубу и бросился в море.

Матросы увидели Ихтиандра прыгающим в море без цепи. Они сразу поняли, что Ихтиандр отправился за потонувшими сокровищами «Мафальду». Неужели Зурита один завладеет всеми богатствами? Медлить было нельзя, и они бросились на Зуриту.

В то время как команда преследовала Зуриту, Ихтиандр принялся исследовать затонувший корабль.

Через огромный люк верхней палубы юноша проплыл вниз, над трапом, который напоминал лестницу большого дома, и попал, в обширный коридор.

Здесь было почти темно. Только слабый свет проникал сквозь раскрытые двери.

Ихтиандр вплыл в одну из этих раскрытых дверей и очутился в салоне. Большие круглые иллюминаторы тускло освещали огромный зал, который мог вместить не одну сотню людей. Ихтиандр уселся на роскошную люстру и посмотрел вокруг. Это было странное зрелище. Деревянные стулья и небольшие столики всплыли вверх и покачивались у потолка. На небольшой эстраде стоял рояль с открытой крышкой. Мягкие ковры устлали пол. Лакированная обшивка стен из красного дерева кое-где покоробилась. У одной стены стояли пальмы.

Ихтиандр оттолкнулся от люстры и поплыл к пальмам. Вдруг он в изумлении остановился. Навстречу ему плыл какой-то человек, повторяя его движения. «Зеркало», — догадался Ихтиандр. Это огромное зеркало занимало всю стену, тускло отражая в воде внутреннее убранство салона.

Здесь нечего было искать сокровищ. Ихтиандр выплыл в коридор, спустился одной палубой ниже и вплыл в такое же роскошное и огромное, как салон, помещение, — очевидно, ресторан. На буфетных полках и стойках и возле стоков на полу валялись бутылки с вином, банки с консервами, коробки. Давлением воды многие пробки были вогнаны внутрь бутылок, а жестяные коробки помяты. На столе оставалась сервировка, но часть посуды, серебряных вилок и ножей валялась на полу.

Ихтиандр стал пробираться в каюты.

Он побывал уже в нескольких каютах, обставленных по последнему слову американского комфорта, но не видел ни одного трупа. Только в одной из кают третьей палубы он увидел распухший труп, колыхавшийся у потолка.

«Вероятно, многие спаслись на шлюпках», — подумал Ихтиандр.

Но, опустившись еще ниже, на палубу, где помещались пассажиры третьего класса, юноша увидел ужасную картину: в этих каютах остались мужчины, женщины и дети. Тут были трупы белых, китайцев, негров и индейцев.

Команда парохода прежде всего стремилась спасти богатых пассажиров первого класса, бросив остальных на произвол судьбы. В некоторые каюты Ихтиандр не мог проникнуть: двери были плотно забиты трупами.

В панике люди давили друг друга, теснились у выхода, мешая друг другу и отрезая себе последний путь к спасению.

В длинном коридоре медленно колыхались люди.

Вода проникла в открытые иллюминаторы и раскачивала распухшие трупы. Ихтиандру стало страшно, и он поспешил уплыть из этого подводного кладбища.

«Неужели Гуттиэре не знала, куда посылает меня?» — размышлял Ихтиандр. Неужели она могла заставить его, Ихтиандра, выворачивать карманы утопленников и вскрывать чемоданы? Нет, этого она не могла сделать! Очевидно, он опять попал в ловушку Зуриты. «Я выплыву на поверхность, — решил Ихтиандр, — и потребую, чтобы Гуттиэре вышла на палубу и сама подтвердила просьбу».

Как рыба, скользил юноша по бесконечным переходам от палубы к палубе и быстро поднялся на поверхность. Он быстро приближался к «Медузе».

— Зурита! — позвал он. — Гуттиэре!

Но ему никто не отвечал. Безмолвная «Медуза» покачивалась на волнах.

«Куда они все делись? — подумал юноша. — Что еще замышляет Зурита?» Ихтиандр осторожно подплыл к шхуне и взобрался на палубу.

— Гуттиэре! — крикнул он еще раз.

— Мы здесь! — услышал юноша голос Зуриты, еле доносившийся с берега.

Ихтиандр оглянулся и увидел Зуриту, осторожно выглядывавшего из кустов на берегу.

— Гуттиэре заболела! Плыви сюда, Ихтиандр! — кричал Зурита. Гуттиэре больна! Он сейчас увидит ее. Ихтиандр прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу.

Юноша уже вышел из воды, когда услышал заглушенный голос Гуттиэре:

— Зурита лжет! Спасайся, Ихтиандр!

Юноша быстро повернул и поплыл под водой. Когда он уплыл далеко от берега, он поднялся на поверхность и оглянулся. Он увидел: на берегу мелькнуло что-то белое.

Быть может, Гуттиэре приветствовала его спасение. Увидится ли он когда-нибудь с нею?..

Ихтиандр быстро поплыл в открытое море. Вдали виднелось небольшое судно. Окруженное пеной, судно направлялось на юг, взрывая воду острым носом.

«Подальше от людей», — подумал Ихтиандр и, глубоко нырнув, скрылся под водой.

Часть третья

Новоявленный отец

Бальтазар после неудачного путешествия на подводной лодке находился в самом мрачном настроении. Ихтиандра не нашли, Зурита куда-то пропал вместе с Гуттиэре.

— Проклятые белые! — проворчал старик, сидя одиноко в своей лавке. — Они прогнали нас с нашей земли и обратили в своих рабов. Они калечат наших детей и похищают наших дочерей. Они хотят истребить нас всех до последнего.

— Здравствуй, брат! — услышал Бальтазар голос Кристо. — Новость! Большая новость! Ихтиандр нашелся.

— Что?! — Бальтазар быстро поднялся. — Говори скорее!

— Скажу, только ты меня не перебивай, а то я забуду, что хотел сказать. Нашелся Ихтиандр. Я верно тогда сказал: он был на потонувшем корабле. Мы отплыли дальше, а он выплыл и поплыл домой.

— Где же он? У Сальватора?

— Да, у Сальватора.

— Я пойду к нему, к Сальватору, и потребую, чтобы он вернул мне моего сына...

— Не отдаст! — возразил Кристо. — Сальватор запрещает Ихтиандру плавать в океане. Иногда я потихоньку отпускаю его...

— Отдаст! Если не отдаст, я убью Сальватора. Идем сейчас же. Кристо испуганно замахал руками.

— Подожди хоть до завтра. Я еле отпросился у Сальватора навестить свою «внучку». Сальватор стал такой подозрительный. Смотрит в глаза, как ножом режет. Прошу тебя, подожди до завтра.

— Хорошо. Я приду к Сальватору завтра. А сейчас я пойду туда, к заливу. Может быть, хоть издали увижу в море моего сына...

Всю ночь Бальтазар просидел на скале у залива, всматриваясь в волны. Море было бурное. Холодный южный ветер налетал шквалами, срывая пену с вершук волн и разбрасывая ее по прибрежным утесам. На берегу грохотал прибой. Луна, ныряя в быстро несущихся по небу облаках, то освещала волны, то скрывалась. Как ни старался Бальтазар, он ничего не мог разглядеть в пенящемся океане. Уже наступил рассвет, а Бальтазар все еще сидел неподвижно на прибрежном утесе. Из темного океан сделался серым, но он был так же пу-

стынен и безлюден.

И вдруг Бальтазар встрепенулся. Его зоркие глаза заметили какой-то темный, качающийся на волнах предмет. Человек! Быть может, утопленник! Нет, он спокойно лежит на спине, заложив руки за голову. Неужели он?

Бальтазар не ошибся. Это был Ихтиандр, Бальтазар поднялся и, прижав руки к груди, закричал:

— Ихтиандр! Сын мой! — И старик, подняв руки, бросился в море. Упав со скалы, он глубоко нырнул. А когда выплыл, на поверхности никого не было. Отчаянно борясь с волнами, Бальтазар нырнул еще раз, но огромная волна подхватила его, перевернула, выбросила на берег и откатилась с глухим ворчанием.

Весь мокрый, Бальтазар встал, посмотрел на волны и тяжело вздохнул. «Неужели мне почудилось?»

Когда ветер и солнце высушили одежду Бальтазара, он отправился к стене, охранявшей владения Сальватора, и постучал в железные ворота.

— Кто там? — спросил негр, заглядывая через приоткрытый волчок.

— К доктору, по важному делу.

— Доктор никого не принимает, — ответил негр, и окошечко закрылось.

Бальтазар продолжал стучать, кричать, но никто не открывал ему ворот. За стеной слышался только угрожающий лай собак.

— Подожди, проклятый испанец!.. — погрозил Бальтазар и отправился в город.

Недалеко от здания суда находилась пулькерия «Пальма» — приземистое старинное белое здание с толстыми каменными стенами. Перед входом была устроена небольшая веранда, крытая полосатым тентом, уставленная столиками, кактусами в синих эмалевых вазах. Веранда оживала только вечером. Днем публика предпочитала сидеть в прохладных низеньких комнатах. Пулькерия была как бы отделением суда. Сюда во время судебных заседаний являлись истцы, ответчики, свидетели, обвиняемые, еще не взятые под стражу.

Здесь, попивая вино и пулке, они предпочитали коротать нудные часы, пока не наступала их очередь. Шустрый мальчишка, все время курсирующий между зданием суда и «Пальмой», сообщал о том, что делается в суде. Это было удобно. Сюда же стекались темные ходатаи по делам и лжесвидетели, откровенно предлагавшие свои услуги.

Много раз бывал Бальтазар в «Пальме» по делам своей лавки. Он знал, что здесь можно встретить нужного человека, написать прошение. Поэтому Бальтазар направился сюда.

Он быстро прошел веранду, вошел в прохладный вестибюль, с удовольствием вдохнул холодок, отер пот со лба и спросил вертевшегося возле него мальчишку:

— Ларра пришел?

— Дон Флорес де Ларра пришли, сидят на своем месте, — бойко отвечал мальчик.

Тот, кого называли громким именем дон Флорес де Ларра, был когда-то мелким судебным служащим — его выгнали за взятки. Теперь он имел много клиентов: все, у кого были сомнительные дела, охотно обращались к этому великому крючкотвору. Имел с ним дело и Бальтазар.

Ларра сидел за столиком возле готического окна с широким подоконни-

ком. На столе перед ходатаем стояла кружка с вином и лежал пухлый рыжий портфель. Всегда готовое к работе вечное перо было прицеплено к карману потертого костюма оливкового цвета.

Ларра был толстый, лысый, краснощекий, красноносый, бритый и гордый. Влетавший в окно ветерок поднимал остатки седых волос. Сам председатель суда не мог принимать своих клиентов с большим величием.

Увидев Бальтазара, он небрежно кивнул головой, жестом указал на плетеное кресло против себя и сказал:

— Прошу вас, садитесь. С чем пожаловали? Не хотите ли вина? Пульке?

Обычно заказывал он, но платил клиент. Бальтазар, казалось, не слышал.

— Большое дело. Важное дело, Ларра.

— Дон Флорес де Ларра, — поправил ходатай, отпивая из кружки. Но Бальтазар не обратил внимания на эту поправку.

— В чем заключается ваше дело?

— Ты знаешь, Ларра...

— Дон Флорес де...

— Оставь эти фокусы для новичков! — сердито прикрикнул Бальтазар. — Тут серьезное дело.

— Ну так говори скорее, что ли, — уже другим тоном ответил Ларра.

— Ты знаешь морского дьявола?

— Не имел чести быть лично знаком, но много слышал, — снова по привычке важно ответил Ларра.

— Так вот! Тот, кого зовут «морской дьявол», — мой сын Ихтиандр.

— Не может этого быть! — воскликнул Ларра. — Ты выпил лишнего, Бальтазар.

Индеец стукнул кулаком по столу:

— У меня со вчерашнего дня во рту ничего не было, кроме нескольких глотков морской воды.

— Значит, положение еще хуже...

— С ума сошел? Нет, я в полном уме. Молчи и слушай. И Бальтазар рассказал Ларре всю историю. Ларра слушал индейца, не проронив ни слова. Его седые брови поднимались все выше. Наконец он не выдержал, забыл все свое олимпийское величие, хлопнул жирной ладонью по столу и крикнул:

— Миллион чертей!

Подбежал мальчик в белом фартуке и с грязной салфеткой.

— Чего прикажете?

— Две бутылки сотерна со льдом! — И, обратясь к Бальтазару, Ларра сказал:

— Великолепно! Прекрасное дельце! Неужто ты сам все придумал? Хотя, признаться откровенно, самое слабое место во всем этом — твое отцовство.

— Ты сомневаешься? — Бальтазар даже покраснел от гнева.

— Ну, ну, не сердись, старина. Я ведь говорю только как юрист, с точки зрения вескости судебных доказательств: они слабоваты. Но и это дело можно поправить. Да. И нажить большие деньги.

— Мне нужен сын, а не деньги, — возразил Бальтазар.

— Деньги всем нужны, а в особенности тем, у кого прибавление семейства, как у тебя, — поучительно сказал Ларра и, хитро прищурившись, продолжал:

— Самое же ценное и самое надежное во всем деле Сальватора это то, что нам удалось узнать, какими опытами и операциями он занимался. Тут можно

такие мины подвести, что из этого золотого мешка — Сальватора — пезеты посылаются, как перезревшие апельсины в хорошую бурю.

Бальтазар едва притронулся к стакану вина, налитого Ларрой, и сказал:

— Я хочу получить своего сына. Ты должен написать об этом заявление в суд.

— Ни-ни! Ни в коем случае! — почти с испугом возразил Ларра. — С этого начинать — испортить все дело. Этим только кончать надо.

— Что же ты посоветуешь? — спросил Бальтазар.

— Первое, — Ларра загнул толстый палец, — мы пошлем Сальватору письмо, составленное в самых изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нам известны все его незаконные операции и опыты. И если он хочет, чтобы мы не предавали этого дела огласке, то должен уплатить нам кругленькую сумму. Сто тысяч. Да, сто тысяч — это самое меньшее. — Ларра вопросительно посмотрел на Бальтазара.

Тот нахмурился и молчал.

— Второе, — продолжал Ларра. — Когда мы получим указанную сумму, — а мы ее получим, — мы пошлем профессору Сальватору второе письмо, составленное в еще более изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нашелся настоящий отец Ихтиандра и что у нас имеются бесспорные доказательства. Мы напишем ему, что отец желает получить сына и не остановится перед судебным иском, на котором может раскрыться, как Сальватор изуродовал Ихтиандра. Если же Сальватор хочет предупредить иск и оставить у себя ребенка, то должен уплатить указанным нами лицам в указанном месте и в указанное время миллион долларов.

Но Бальтазар не слушал. Он схватил бутылку и хотел было запустить ее в голову ходатая. Ларра никогда еще не видал Бальтазара в таком сильном гневе.

— Не сердись. Оставь, я пошутил. Опустить же бутылку! — воскликнул Ларра, прикрывая рукою лоснящийся череп.

— Ты!.. Ты!.. — кричал взбешенный Бальтазар. — Ты предлагаешь мне продать родного сына, отказаться от Ихтиандра. Или у тебя нет сердца? Или ты не человек, а скорпион, тарантул, или тебе совершенно неизвестны отцовские чувства!

— Пять! Пять! Пять! — закричал Ларра, в свою очередь рассердившись. — Пять отцовских чувств! Пять сыновей имею! Пять дьяволят всякого размера! Пять ртов! Знаю, понимаю, чувствую! Не уйдет и твой от тебя. Наберись только терпения и дослушай до конца.

Бальтазар успокоился. Он поставил бутылку на стол, опустил голову и посмотрел на Ларру:

— Ну, говори!

— То-то! Сальватор уплатит нам миллион. Это будет приданое твоему Ихтиандру. Ну, и мне кое-что перепадет. За хлопоты и авторское право на изобретение — какую-нибудь сотню тысяч. Мы с тобой столкнемся. Сальватор миллион уплатит. Ручаюсь головой! А как только уплатит...

— Мы подадим в суд.

— Еще немножечко терпения. Мы предложим издателям и редакторам самого крупного газетного концерна уплатить нам, ну, скажем, тысяч двадцать — тридцать — пригодится на мелкие расходы — за наше сообщение о

сенсационнейшем преступлении. Может быть, нам достанется кое-что из секретных сумм тайной полиции. Ведь на таком деле агенты полиции карьеру себе могут сделать. Когда мы выжмем из дела Сальватора все, что только можно, тогда, пожалуйста, иди в суд, взымай там о своих отцовских чувствах, и да поможет тебе сама Фемида доказать свои права и получить в отеческие объятия твоего любезного сына. — Ларра залпом выпил стакан вина, стукнул бокалом о стол, победоносно посмотрел на Бальтазара.

— Что скажешь?

— Я не ем, не сплю ночей. А ты предлагаешь без конца тянуть дело, — начал Бальтазар.

— Да ведь ради чего?.. — прервал его горячо Ларра. — Ради чего? Ради миллионов? Мил-ли-онов! Неужели ты перестал понимать? Прожил же ты двадцать лет без Ихтиандра.

— Жил. А теперь... Одним словом, пиши заявление в суд.

— Он в самом деле перестал соображать! — воскликнул Ларра. — Опомнись, очнись, образумься, Бальтазар! Пойми! Миллионы! Деньги! Золото! Можно купить все на свете. Лучший табак, автомобиль, двадцать шхун, вот эту пулькеррию...

— Пиши прошение в суд, или я обращусь к другому ходатаю, — решительно заявил Бальтазар.

Ларра понял, что возражать дальше бесполезно. Он покачал головой, вздохнул, вынул из рыжего портфеля бумагу, сорвал с бокового кармана «вечное перо».

Через несколько минут жалоба в суд на Сальватора, незаконно присвоившего и изуродовавшего сына Бальтазара, была написана.

— В последний раз говорю: одумайся, — сказал Ларра.

— Давай, — протягивая руку за жалобой, сказал индеец.

— Подай главному прокурору. Знаешь? — напутствовал клиента Ларра и проворчал под нос:

— Чтоб тебе на лестнице споткнуться и ногу сломать!

Выходя от прокурора, Бальтазар столкнулся на большой белой лестнице с Зуритой.

— Ты чего сюда ходишь? — спросил Зурита, подозрительно глядя на индейца. — Уж не на меня ли жаловался!

— На всех вас надо жаловаться, — ответил Бальтазар, имея в виду испанцев, — да некому. Где ты прячешь мою дочь?

— Как смеешь ты обращаться ко мне на «ты»! — вспыхнул Зурита. — Если бы ты не был отцом моей жены, я избил бы тебя палкой.

Зурита, грубо отстранив рукой Бальтазара, поднялся по лестнице и скрылся за большой дубовой дверью.

Юридический казус

Прокурора Буэнос-Айреса посетил редкий гость — настоятель местного кафедрального собора епископ Хуан де Гарсилассо.

Прокурор, толстый, маленький, живой человек с заплывшими глазками, коротко стриженными волосами и крашеными усами, поднялся со своего кресла, приветствуя епископа.

Хозяин бережно усадил дорогого гостя в тяжелое кожаное кресло у своего

письменного стола.

Епископ и прокурор мало походили друг на друга. Лицо прокурора было мясистое и красное, с толстыми губами и широким, грушеобразным носом. Пальцы рук напоминали толстые короткие обрубки, а пуговицы на круглом животе ежеминутно готовы были оторваться, не будучи в силах сдержать колышущуюся стихию жира.

Лицо епископа поражало своей худобой и бледностью. Сухой нос с горбинкой, острый подбородок и тонкие, почти синие губы придавали ему типичный облик иезуита.

Епископ никогда не смотрел в глаза своему собеседнику, но тем не менее он зорко наблюдал за ним. Влияние епископа было огромно, и он охотно отрывался от духовных дел, чтобы управлять сложной политической игрой.

Поздоровавшись с хозяином, епископ не замедлил перейти к цели своего визита.

— Я бы хотел узнать, — тихо спросил епископ, — в каком положении находится дело профессора Сальватора?

— А, и вы, ваше преосвященство, заинтересованы этим делом! — любезно воскликнул прокурор. — Да, это исключительный процесс! — Взяв со стола толстую папку и переверачивая листы дела, прокурор продолжал:

— По доносу Педро Зуриты мы произвели обыск у профессора Сальватора. Заявление Зуриты о том, что Сальватор производил необычайные операции животных, подтвердилось вполне. В садах Сальватора была настоящая фабрика животных-уродов. Это что-то изумительное! Сальватор, например...

— О результатах обыска я знаю из газет, — мягко перебил епископ. — Какие меры вы приняли в отношении самого Сальватора? Он арестован?

— Да, он арестован. Кроме того, мы перевезли в город, в качестве вещественного доказательства и свидетеля обвинения, молодого человека по имени Ихтиандр, — он же морской дьявол. Кто бы мог подумать, что знаменитый морской дьявол, который так долго занимал нас, оказался одним из чудовищ зверинца Сальватора! Сейчас эксперты, профессора университета, занимаются изучением всех этих чудовищ. Мы не могли, конечно, перевезти весь зверинец, все эти живые вещественные доказательства, в город. Но Ихтиандра привезли и поместили в подвале здания суда. Он причиняет нам немало хлопот. Представьте, ему пришлось соорудить большой бак, так как он не может жить без воды. И он действительно чувствовал себя очень плохо. Очевидно, Сальватор произвел какие-то необычайные изменения в его организме, превратившие юношу в человека-амфибию. Наши ученые выясняют этот вопрос.

— Меня больше интересует судьба Сальватора, — так же тихо проговорил епископ. — По какой статье он подлежит ответственности? И каково ваше мнение: будет ли он осужден?

— Дело Сальватора — редкий юридический казус, — ответил прокурор. — Признаюсь, я еще не решил, к какой статье отнести это преступление. Проще всего, конечно, было бы обвинить Сальватора в производстве незаконных vivisection и в увечье, которое он причинил этому юноше...

Епископ начал хмуриться:

— Вы полагаете, что во всех этих действиях Сальватора нет состава преступления?

— Есть или будет, но какое? — продолжал прокурор. — Мне было подано

еще одно заявление — от какого-то индейца Бальтазара. Он утверждает, что Ихтиандр его сын. Доказательства слабоваты, но мы, пожалуй, сумеем использовать этого индейца как свидетеля обвинения, если эксперты установят, что Ихтиандр действительно его сын.

— Значит, в лучшем случае Сальватор будет обвинен только в нарушении медицинского устава и судить его будут лишь за производство операции над ребенком без разрешения родителя?

— И может быть, за причинение увечья. Это уже посерьезнее. Но в этом деле есть еще одно осложняющее обстоятельство. Эксперты — правда, это не окончательное их суждение — склоняются к тому, что нормальному человеку не могла даже явиться мысль так уродовать животных и совершить такую необычайную операцию. Сальватор может быть признан экспертами невменяемым, как душевнобольной.

Епископ сидел молча, сжав тонкие губы и глядя на угол стола. Потом он сказал совсем тихо:

— Я не ожидал от вас этого.

— Чего, ваше преосвященство? — спросил озадаченный прокурор.

— Даже вы, блюститель правосудия, как бы оправдываете действия Сальватора, находя его операции не лишенными целесообразности.

— Но что же здесь плохого?

— И затрудняетесь определить состав преступления. Суд церкви — небесный суд — смотрит на действия Сальватора иначе. Позвольте же прийти вам на помощь и подать совет.

— Прошу вас, — смущенно произнес прокурор. Епископ заговорил тихо, постепенно повышая голос, как проповедник, как обличитель:

— Вы говорите, что поступки Сальватора не лишены целесообразности? Вы считаете, что изуродованные им животные и человек получили даже некоторые преимущества, которых они не имели? Что это значит? Неужели творец создал людей несовершенно? Неужели нужно какое-то вмешательство профессора Сальватора, чтобы придать человеческому телу совершенный вид?

Потупясь и не двигаясь, сидел прокурор.

Перед лицом церкви он сам оказался в положении обвиняемого. Он никак не ожидал этого.

— Разве вы забыли, что сказано в священном писании в книге Бытия, глава первая, стих двадцать шестой: «И сказал бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему», — и далее стих двадцать седьмой: «И сотворил бог человека по образу своему». А Сальватор дерзает исказить этот образ и подобие, и вы — даже вы! — находите это целесообразным!

— Простите, святой отец... — мог только проговорить прокурор.

— Не нашел ли господь свое творение прекрасным, — вдохновенно говорил епископ, — законченным? Вы хорошо помните статьи законов человеческих, но забываете статьи законов божеских. Вспомните же стих тридцать первый той же главы первой книги Бытия: «И увидел бог все, что он создал, и вот хорошо весьма». А ваш Сальватор полагает, что нужно что-то исправлять, переделывать, уродовать, что люди должны быть земноводными существами, — и вы тоже находите все это остроумным и целесообразным. Разве это не хула бога? Не святотатство? Не кощунство? Или гражданские законы уже не карают у нас религиозных преступлений? Что будет, если вслед за вами все станут по-

вторять: «Да, человек плохо сотворен богом. Надо отдать человека в переделку доктору Сальватору»? Разве это не чудовищный подрыв религии?.. Бог находил все, что создал, хорошим, — все свои творения. А Сальватор начинает переставлять животным головы, менять шкуры, создавать воистину богомерзкие чудовища, словно издеваясь над создателем. И вы затрудняетесь найти в действиях Сальватора состав преступления!

Епископ остановился. Он остался доволен впечатлением, которое произвела его речь на прокурора, помолчал и снова заговорил тихо, постепенно повышая голос:

— Я сказал, что меня больше интересует судьба Сальватора. Но разве я могу безразлично отнестись к судьбе Ихтиандра? Ведь это существо не имеет даже христианского имени, ибо Ихтиандр по-гречески значит не что иное, как человек-рыба. Даже если Ихтиандр сам не виновен, если он является только жертвой, то он все же является богопротивным, кощунственным созданием. Самым своим существованием он может смущать мысли, наводить на грешные размышления, искушать единых от малых сил, колебать слабоверных. Ихтиандр не должен существовать! Лучше всего, если бы господь призвал его к себе, если бы этот несчастный юноша умер от несовершенства своей изуродованной природы, — епископ многозначительно посмотрел на прокурора. — Во всяком случае, он должен быть обвинен, изъят, лишен свободы. Ведь за ним тоже водились кое-какие преступления: он похищал у рыбаков рыбу, портил их сети и в конце концов так напугал их, что, помните, рыбаки бросили лов, и город оставался без рыбы. Безбожник Сальватор и омерзительное детище его рук Ихтиандр — дерзкий вызов церкви, богу, небу! И церковь не сложит оружия, пока они не будут уничтожены.

Епископ продолжал свою обличительную речь. Прокурор сидел перед ним подавленный, опустив голову, не пытаясь прервать этот поток грозных слов.

Когда наконец епископ окончил, прокурор поднялся, подошел к епископу и сказал глухим голосом:

— Как христианин грех мой я принесу в исповедальную, чтобы вы отпустили его. А как должностное лицо я приношу вам благодарность за ту помощь, которую вы оказали мне. Теперь мне ясно преступление Сальватора. Он будет обвинен и понесет наказание. Ихтиандра также не минет меч правосудия.

Гениальный безумец

Доктора Сальватора не сломил судебный процесс. В тюрьме он оставался спокойным, держался самоуверенно, со следователями и экспертами говорил с высокомерной снисходительностью, как взрослый с детьми.

Его натура не переносила бездействия. Он много писал, произвел несколько блестящих операций в тюремной больнице. В числе его тюремных пациентов была жена тюремного смотрителя. Злокачественная опухоль угрожала ей смертью. Сальватор спас ей жизнь в тот самый момент, когда приглашенные для консультации врачи отказались помочь, заявив, что здесь медицина бессильна.

Наступил день суда.

Огромный судебный зал не мог вместить всех желающих присутствовать на суде.

Публика толпилась в коридорах, заполняла площадь перед зданием, загля-

дывала в открытые окна. Много любопытных забралось на деревья, растущие возле здания суда.

Сальватор спокойно занял свое место на скамье подсудимых. Он вел себя с таким достоинством, что посторонним могло показаться, будто он не обвиняемый, а судья. От защитника Сальватор отказался.

Сотни живых глаз смотрели на него. Но мало кто мог выдержать пристальный взгляд Сальватора.

Ихтиандр возбуждал не меньший интерес, но его не было в зале. Последние дни Ихтиандр чувствовал себя плохо и почти все время проводил в водяном баке, скрываясь от надоедливых любопытных глаз. В процессе Сальватора Ихтиандр был только свидетелем обвинения — скорее, одним из вещественных доказательств, как выражался прокурор.

Дело по обвинению самого Ихтиандра в преступной деятельности должно было слушаться отдельно, после процесса Сальватора.

Прокурору пришлось так поступить потому, что епископ торопил с делом Сальватора, собрание же улик против Ихтиандра требовало времени. Агенты прокурора деятельно, но осторожно вербовали в пулькерии «Пальма» свидетелей будущего процесса, в котором Ихтиандр должен был выступить обвиняемым. Однако епископ не переставал намекать прокурору, что наилучшим выходом было бы, если бы господь прибрал неудачника Ихтиандра. Такая смерть была бы лучшим доказательством того, что рука человека способна только портить божьи создания.

Три ученых эксперта, профессора университета, прочли свое заключение.

С огромным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, слушала аудитория суда мнение ученых.

— По требованию суда, — начал речь уже немолодой профессор Шейн, главный эксперт суда, — мы осмотрели животных и юношу Ихтиандра, подвергшихся операциям, произведенным профессором Сальватором в его лабораториях. Мы обследовали его небольшие, но умело оборудованные лаборатории и операционные. Профессор Сальватор применял в своих операциях не только последние усовершенствования хирургической техники, вроде электрических ножей, обеззараживающих ультрафиолетовых лучей и тому подобного, но и такие инструменты, которые еще не известны хирургам. По-видимому, они были изготовлены по его указаниям. Я не буду долго останавливаться на опытах профессора Сальватора над животными. Эти опыты сводились к чрезвычайно дерзким по замыслу и блестящим по выполнению операциям: к пересадке тканей и целых органов, сшиванию двух животных, к превращению двудышащих в однодышащих и обратно, превращению самок в самцов, к новым методам омоложения. В садах Сальватора мы нашли детей до четырнадцати лет, принадлежащих к различным индейским племенам.

— В каком состоянии вы нашли детей? — спросил прокурор.

— Все дети здоровы и жизнерадостны. Они резвятся в саду и затевают игры. Многих из них Сальватор спас от смерти. Индейцы верили ему и приводили детей из самых отдаленных мест — от Аляски до Огненной Земли: эскимосы, яганы, апачи, таулипанги, санапаны, ботокуды, пано, арауканцы.

В зале послышался чей-то вздох.

— Все племена несли своих детей к Сальватору.

Прокурор начинал беспокоиться. После беседы с епископом, когда его мыс-

ли получили новое направление, он не мог слушать спокойно эти похвалы Сальватору и спросил у эксперта:

— Не думаете ли вы, что операции Сальватора были полезны и целесообразны?

Но председатель суда, седой старик с суровым лицом, опасаясь того, что эксперт ответит утвердительно, поспешил вмешаться:

— Суду неинтересны личные взгляды эксперта на научные вопросы. Прошу продолжать. Что дал осмотр юноши Ихтиандра из племени араукана?

— Его тело было покрыто искусственной чешуей, — продолжал эксперт, — из какого-то неизвестного, гибкого, но крайне прочного вещества. Анализ этого вещества еще не закончен. В воде Ихтиандр пользовался иногда очками с особыми стеклами из тяжелого флинтгласа, показатель преломления которых равен почти двум. Это давало ему возможность хорошо видеть под водой. Когда мы сняли с Ихтиандра его чешую, то обнаружили под обеими лопатками круглые отверстия десяти сантиметров в диаметре, закрытые пятью тонкими полосками, похожими на жабры акулы.

В зале послышался заглушенный голос удивления.

— Да, — продолжал эксперт, — это кажется невероятным, но Ихтиандр обладает легкими человека и в то же время жабрами акулы. Поэтому он может жить на земле и под водой.

— Человек-амфибия? — иронически спросил прокурор.

— Да, в некотором роде человек-амфибия — двудышащее земноводное.

— Но каким образом у Ихтиандра могли оказаться жабры акулы? — спросил председатель.

Эксперт широко развел руками и ответил:

— Это загадка, которую, быть может, пожелает нам разъяснить сам профессор Сальватор. Наше мнение было таково: по биологическому закону Геккеля каждое живое существо в своем развитии повторяет все те формы, которые прошел данный вид живого существа в течение вековой жизни вида на земле. Можно с уверенностью сказать, что человек произошел от предков, в свое время дышавших жабрами.

Прокурор приподнялся на стуле, но председатель остановил его жестом.

— На двадцатый день развития у человеческого зародыша обозначаются четыре лежащие друг за другом жаберные складочки. Но позже у человеческого зародыша жаберный аппарат преобразуется: первая жаберная дуга превращается в слуховой проход со слуховыми косточками и в евстахиеву трубу; нижняя часть жаберной дуги развивается в нижнюю челюсть; вторая дуга — в отростки и тело подъязычной кости; третья дуга — в щитовидный хрящ гортани. Мы не думаем, что профессору Сальватору удалось задержать развитие Ихтиандра в его зародышевой стадии. Науке, правда, известны случаи, когда даже у совершенно взрослого человека остается незаросшее жаберное отверстие на шее, под челюстью. Это так называемые шейные фистулы. Но с такими остатками жабр, конечно, нельзя жить под водой. При ненормальном развитии зародыша должно было получиться одно из двух: или продолжали бы развиваться жабры, но за счет развития органа слуха и других анатомических изменений. Но тогда Ихтиандр превратился бы в чудовище с недоразвитой головой полурыбы-получеловека, или победило бы нормальное развитие человека, но за счет уничтожения жабр. Однако Ихтиандр — нормально развитый

молодой человек с хорошим слухом, вполне развитой нижней челюстью и нормальными легкими, но, кроме того, у него есть вполне сформированные жабры. Как именно функционируют жабры и легкие, в каком взаимоотношении они находятся друг с другом, проходит ли вода через рот и легкие в жабры, или же вода проникает в жабры через небольшое отверстие, которое мы обнаружили на теле Ихтиандра повыше круглого жаберного отверстия, — мы не знаем. Мы могли бы ответить на эти вопросы, если бы мы произвели анатомическое вскрытие. Это, повторяю, загадка, ответ на которую должен дать сам профессор Сальватор. Профессор Сальватор должен разъяснить нам, как появились собаки, похожие на ягуаров, странные, необычайные животные, и земноводные обезьяны — эти двойники Ихтиандра.

— Какое же ваше общее заключение? — спросил председатель эксперта.

Профессор Шейн, сам пользовавшийся большой известностью как ученый и хирург, откровенно ответил:

— Признаюсь, в этом деле я ничего не понимаю. Я могу лишь сказать, что то, что делал профессор Сальватор, под силу только гению. Сальватор, очевидно, решил, что в своем искусстве хирурга дошел до такого совершенства, что может разбирать, складывать и приспособлять тело животного и человека по своему желанию. И хотя он на деле блестяще осуществлял это, тем не менее его смелость и широта замыслов граничат с... безумием.

Сальватор презрительно усмехнулся.

Он не знал, что эксперты решили облегчить его участь и поднять вопрос о его невменяемости, чтобы иметь возможность заменить тюремный режим больничным.

— Я не утверждаю, что он безумец, — продолжал эксперт, заметив улыбку Сальватора, — но, во всяком случае, по нашему мнению, обвиняемого следует поместить в санаторий для душевнобольных и подвергнуть длительному наблюдению врачей-психиатров.

— Вопрос о невменяемости подсудимого не поднимался судом. Суд обсудит это новое обстоятельство, — сказал председатель. — Профессор Сальватор, желаете ли вы дать разъяснение по некоторым вопросам экспертов и прокурора?

— Да, — ответил Сальватор. — Я дам объяснения. Но пусть это будет вместе с тем и моим последним словом.

Слово подсудимого

Сальватор спокойно поднялся и окинул взглядом зал суда, как будто искал кого-то. Среди зрителей Сальватор заметил Бальтазара, Кристо и Зуриту. В первом ряду сидел епископ. Сальватор несколько задержал на нем свой взгляд. На лице Сальватора появилась едва заметная улыбка. Затем Сальватор начал искать кого-то взглядом, внимательно осматривая весь зал.

— Я не нахожу в этом зале потерпевшего, — сказал наконец Сальватор.

— Я потерпевший! — вдруг крикнул Бальтазар, срываясь с места. Кристо дернул брата за рукав и усадил на место.

— О каком потерпевшем вы говорите? — спросил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами животных, то суд не счел нужным показывать их здесь. Но Ихтиандр, человек-амфибия, находится в здании суда.

— Я имею в виду господа бога, — спокойно и серьезно ответил Сальватор.

Услышав этот ответ, председатель в недоумении откинулся на спинку кресла; «Неужели Сальватор сошел с ума? Или он решил изображать сумасшедшего, чтобы избежать тюрьмы?»

— Что вы хотите этим сказать? — спросил председатель.

— Я думаю, суду это должно быть ясно, — ответил Сальватор. — Кто главный и единственный потерпевший в этом деле? Очевидно, один господь бог. Его авторитет, по мнению суда, я подрываю своими действиями, вторгаясь в его область. Он был доволен своими творениями, и вдруг приходит какой-то доктор и говорит: «Это плохо сделано. Это требует переделки». И начинает перекраивать божье творение по-своему...

— Это богохульство! Я требую занести слова обвиняемого в протокол, — сказал прокурор с видом человека, оскорбленного в своих святых чувствах.

Сальватор пожал плечами:

— Я передаю только сущность обвинительного акта. Разве не к этому сводится все обвинение? Я читал дело. Вначале меня обвиняли только в том, что я будто бы производил вивисекции и причинил увечье. Теперь мне предъявили еще одно обвинение — в святотатстве. Откуда подул этот ветер? Не со стороны ли кафедрального собора?

И профессор Сальватор посмотрел на епископа.

— Вы сами создали процесс, в котором невидимо присутствуют на стороне обвинения господь бог в качестве потерпевшего, а на скамье подсудимых — вместе со мной Чарлз Дарвин в качестве обвиняемого. Может быть, я огорчу еще раз некоторых сидящих в этом зале своими словами, но я продолжаю утверждать, что организм животных и даже человека не совершенен и требует исправления. Я надеюсь, что находящийся в этом зале настоятель кафедрального собора епископ Хуан де Гарсилассо подтвердит это.

Эти слова вызвали удивление всего зала.

— В пятнадцатом году, незадолго до моего отъезда на фронт, — продолжал Сальватор, — мне пришлось внести маленькое исправление в организм уважаемого епископа — вырезать ему аппендикс, этот ненужный и вредный придаток слепой кишки. Лежа на операционном столе, мой духовный пациент, помнится, не возражал против того извращения образа и подобия божия, которое я произвел своим ножом, вырезая частицу епископского тела. Разве этого не было? — спросил Сальватор, глядя в упор на епископа.

Хуан де Гарсилассо сидел неподвижно. Только бледные щеки его чуть-чуть порозовели и слегка дрожали тонкие пальцы.

— И не было ли другого случая, в то время, когда я еще занимался частной практикой и производил операции омолаживания? Не обращался ли ко мне с просьбой омолодить его почтенный прокурор сеньор Ау густо де...

При этих словах прокурор хотел было запротестовать, но слова его были заглушены смехом публики.

— Я прошу вас не отвлекаться, — сурово сказал председатель.

— Эта просьба была бы гораздо уместнее в отношении самого суда, — ответил Сальватор. — Не я, а суд так поставил вопрос. Разве кое-кого здесь не испугала мысль, что все присутствующие здесь — вчерашние обезьяны или даже рыбы, получившие возможность говорить и слушать, так как их жаберные дуги превратились в органы речи и слуха? Ну, если не обезьяны, не рыбы, то их потомки. — И, обращаясь к прокурору, проявлявшему признаки нетерпения,

Сальватор сказал:

— Успокойтесь! Я не собираюсь здесь с кем-либо спорить или читать лекции по теории эволюции. — И, сделав паузу, Сальватор сказал:

— Беда не в том, что человек произошел от животного, а в том, что он не перестал быть животным... Грубым, злым, неразумным. Мой ученый коллега напрасно пугал вас. Он мог бы не говорить о развитии зародыша. Я не прибежал ни к воздействию на зародыш, ни к скрещиваю животных. Я — хирург. Моим единственным орудием был нож. И как хирургу мне приходилось помогать людям, лечить их. Оперируя больных, я должен был часто производить пересадку тканей, органов, желез. Чтобы усовершенствовать этот метод, я занялся опытами пересадки тканей у животных.

Подолгу наблюдал я оперированных животных у себя в лаборатории, стремясь выяснить, изучить, что происходит с органами, перенесенными на новое, иногда необычное даже место. Когда мои наблюдения кончались, животное переселялось в сад. Так создавался у меня этот сад-музей. Особенно меня увлекла проблема обмена и пересадки тканей между далеко стоящими животными: например, между рыбами и млекопитающими, и наоборот. И здесь мне удалось достичь того, что ученые считают вообще немислимым. Что же тут необычайного? То, что сделал я сегодня, завтра будут делать рядовые хирурги. Профессору Шейну должны быть известны последние операции немецкого хирурга Заурбруха. Ему удалось заменить больное бедро голенью.

— Но Ихтиандр? — спросил эксперт.

— Да, Ихтиандр — это моя гордость. При операции Ихтиандра трудность заключалась не только в технике. Я должен был изменить всю работу человеческого организма. Шесть обезьян погибло на предварительных опытах, прежде чем я добился цели и мог оперировать ребенка, не опасаясь за его жизнь.

— В чем же заключалась эта операция? — спросил председатель.

— Я пересадил ребенку жабры молодой акулы, и ребенок получил возможность жить на земле и под водою.

Среди публики послышались возгласы удивления. Корреспонденты газет, присутствовавшие в зале, бросились к телефонам, торопясь сообщить редакциям эту новость.

— Позже мне удалось достигнуть еще большего успеха. Моя последняя работа — земноводная обезьяна, которую вы видели, может жить без вреда для здоровья неопределенное долгое время как на земле, так и под водою. А Ихтиандр может прожить без воды не более трех-четырёх суток. Долгое пребывание на земле без воды для него вредно: легкие переутомляются, а жабры подсыхают, и Ихтиандр начинает испытывать колющие боли в боках. К сожалению, во время моего отъезда Ихтиандр нарушал установленный мною режим. Он слишком долго оставался на воздухе, переутомил свои легкие, и у него развилась серьезная болезнь. Равновесие в его организме нарушено, и он должен большую часть времени проводить в воде. Из человека-амфибии он превращается в человека-рыбу...

— Разрешите задать подсудимому вопрос, — сказал прокурор, обращаясь к председателю. — Каким образом пришла Сальватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?

— Мысль все та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими живот-

ными предками, человек вместе с тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества. Почему бы не вернуть человеку эту возможность? Из истории развития животных мы знаем, что все земные животные и птицы произошли от водных — вышли из океана. Мы знаем, что некоторые наземные животные снова вернулись в воду. Дельфин был рыбой, вышел на сушу, стал млекопитающим животным, но потом вернулся в воду, хотя и остался, как и кит, млекопитающим. И кит и дельфин дышат легкими. Можно было дельфину помочь стать двоякодышащей амфибией. Ихтиандр просил меня об этом: тогда его друг — дельфин Лидинг — мог бы оставаться с ним долгое время под водой. Я собирался сделать дельфину такую операцию. Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Вы знаете, что это за стихия, какая это мощь? Вы знаете, что площадь океана равна тремстам шестидесяти одному миллиону пятидесяти тысячам квадратных километров? Больше семи десятых земной поверхности составляет пространство водной пустыни. Но эта пустыня с ее неисчислимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек. Больше трехсот шестидесяти одного миллиона квадратных километров — это только площадь, поверхность. Но ведь люди могли бы расположиться по нескольким подводным этажам. Миллиарды людей без тесноты и давки могли бы разместиться в океане.

А его мощность! Вы знаете, что воды океана поглощают энергию солнечного тепла, равную мощности семидесяти девяти миллиардов лошадиных сил? Если бы не отдача тепла воздуху и прочие теплопотери, океан давно закипел бы. Практически беспредельный запас энергии. Как он используется сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность морских течений! Один Гольфстрим вместе с Флоридским течением двигают девяносто один миллиард тонн воды в час. Это тысячи в три больше, чем несет большая река. И это лишь одно из морских течений! Как они используются сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность волн и приливов! Вы знаете, что сила ударов, наносимых волнами, бывает равна тридцати восьми тысячам килограммов — тридцати восьми тоннам на квадратный метр поверхности, высота взбросов волн достигает сорока трех метров, и при этом волна может поднять до миллиона килограммов, — например, обломков скал, — а приливы достигают высоты более чем шестнадцать метров — высоты четырехэтажного дома. Как человечество использует эти силы? Почти никак.

На суше живые существа не могут подняться высоко над поверхностью и не проникают очень глубоко внутрь ее. В океане жизнь всюду — от экватора до полюсов, от поверхности до глубин почти в десять километров.

Как же мы используем беспредельные богатства океанов? Ловим рыбу — я бы сказал, снимаем улов только с самой верхней пленки океана, оставляя совершенно неиспользованными глубины. Собираем губки, кораллы, жемчуг, водоросли — и только.

Мы производим под водой кое-какие работы: устанавливаем опоры мостов и плотин, поднимаем затонувшие корабли — и только! Но и это делаем с боль-

шим трудом, с большим риском, нередко с человеческими жертвами. Несчастный земной человек, который на второй минуте уже погибает под водой! Какие тут работы?

Иное дело, если бы человек без скафандра, без кислородных приборов мог жить и работать под водой.

Сколько сокровищ открыл бы он! Вот Ихтиандр. Он говорил мне... Но я боюсь дразнить демона человеческой алчности. Ихтиандр приносил мне со дна моря образцы редких металлов и пород. О, не волнуйтесь, он приносил мне совсем небольшие образцы, но их залежи в океане могут быть огромными.

А затонувшие сокровища?

Вспомните хотя бы океанский пароход «Лузитания». Весною тысяча девятьсот шестнадцатого года он был потоплен немцами у берегов Ирландии. Помимо драгоценностей, имевшихся у полутора тысяч погибших пассажиров, на «Лузитании» находились золотые монеты на сто пятьдесят миллионов долларов и золотые слитки на пятьдесят миллионов долларов. (В зале послышались восклицания.) Кроме того, на «Лузитании» хранились две шкатулки с брильянтами, которые предполагалось доставить в Амстердам. Среди брильянтов находился один из лучших в мире — «Калиф», стоящий многие миллионы. Конечно, даже человек, подобный Ихтиандру, не мог бы опуститься на большую глубину, — для этого пришлось бы создать человека (негодующее восклицание прокурора), который смог бы переносить высокое давление, подобно глубоководным рыбам. Впрочем, в этом я тоже не нахожу ничего абсолютно невозможного. Но не все сразу.

— Вы, кажется, приписываете себе качества всемогущего божества? — заметил прокурор.

Сальватор не обратил внимания на это замечание и продолжал:

— Если бы человек мог жить в воде, то освоение океана, освоение его глубин пошло бы гигантскими шагами. Море перестало бы быть для нас грозной стихией, требующей человеческих жертв. Нам не пришлось бы больше оплакивать утопленников.

Все присутствующие в зале, казалось, видели уже завоеванный человеческим трудом подводный мир. Какие выгоды сулило покорение океана! Даже председатель не мог удержаться и спросил:

— Но тогда почему же вы не опубликовали результатов своих опытов?

— Я не спешил попасть на скамью подсудимых, — ответил, улыбаясь, Сальватор, — и потом я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба. Кто донес на меня из мести? Вот этот Зурита, укравший у меня Ихтиандра. А у Зуриты Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и ихтиандров сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания. Я думал об...

Сальватор замолчал и, резко изменив тон, продолжал:

— Впрочем, я не буду говорить об этом. Иначе меня сочтут безумцем. — И Сальватор с улыбкой посмотрел на эксперта. — Нет, я отказываюсь от чести быть безумцем, хотя бы и гениальным. Я не безумец, не маньяк. Разве я не осуществил того, что хотел? Все мои работы вы видели собственными глаза-

ми. Если вы находите мои действия преступными, судите по всей строгости закона. Я не прошу снисхождения.

В тюрьме

Эксперты, освидетельствовавшие Ихтиандра, должны были обратить внимание не только на физические свойства юноши, но и на состояние его умственных способностей.

— Какой у нас год? Какой месяц? Число? День недели? — спрашивали эксперты.

Но Ихтиандр отвечал:

— Не знаю.

Он затруднялся в ответах на самые обычные вопросы. Но ненормальным его назвать нельзя было. Он многого не знал благодаря своеобразным условиям своего существования и воспитания. Он оставался как бы большим ребенком. И эксперты пришли к заключению: «Ихтиандр недееспособен». Это освобождало его от судебной ответственности. Суд прекратил дело по обвинению Ихтиандра и назначил над ним опеку. Два человека выразили желание быть опекуном Ихтиандра: Зурита и Бальтазар.

Сальватор был прав, утверждая, что Зурита донес на него из мести. Но Зурита не только мстил Сальватору за потерю Ихтиандра. Зурита преследовал еще иную цель: он хотел снова завладеть Ихтиандром и стремился стать его опекуном. Зурита не пожалел десятка ценных жемчужин и подкупил членов суда и опекунского совета. Теперь Зурита был близок к цели.

Ссылаясь на свое отцовство, Бальтазар требовал, чтобы опекунские права предоставили ему. Однако ему не везло. Несмотря на все старания Ларры, эксперты заявили, что они не могут установить тождества Ихтиандра с рожденным двадцать лет тому назад сыном Бальтазара на основании показания одного только свидетеля — Кристо; к тому же он был братом Бальтазара и потому не внушал экспертам полного доверия.

Ларра не знал, что в это дело вмешались прокурор и епископ. Бальтазар как потерпевший, как отец, у которого украли и изуродовали сына, был нужен суду во время процесса. Но признать отцовство Бальтазара, отдать ему Ихтиандра — это не входило в расчеты суда и церкви: необходимо было совсем избавиться от Ихтиандра.

Кристо, переселившийся к брату, начал беспокоиться за него. В глубокой задумчивости сидел Бальтазар целыми часами, забывая о сне и еде, то вдруг приходил в сильнейшее возбуждение, метался по лавке и кричал: «Сын мой, сын мой!» В такие минуты он начинал бранить испанцев всеми бранными словами, которые только находил на всех известных ему языках.

Однажды после такого припадка Бальтазар неожиданно объявил Кристо:

— Вот что, брат, я иду в тюрьму. Мои лучшие жемчужины я отдам сторожам, чтобы они позволили мне повидать Ихтиандра. Я поговорю с ним. Он сам признает во мне отца. Сын не может не признать отца. В нем должна заговорить моя кровь.

Как ни пытался Кристо отговорить брата, ничто не помогло. Бальтазар был непоколебим.

Бальтазар отправился в тюрьму.

Упрашивая сторожей, он плакал, валялся у их ног, молил их и, усыпав жем-

чугом путь от ворот до внутреннего помещения тюрьмы, добрался наконец до камеры Ихтиандра.

В этой небольшой камере, скудно освещенной узким окном с решеткой, было душно и скверно пахло; тюремные сторожа редко меняли воду в баке и не трудились убирать гниющую на полу рыбу, которой кормили необычайного узника.



У стены напротив окна стоял железный бак.

Бальтазар подошел к баку и посмотрел на темную поверхность воды, скрывавшую под собой Ихтиандра.

— Ихтиандр! — тихо сказал Бальтазар. — Ихтиандр... — еще раз позвал он.

Поверхность воды подернулась рябью, но юноша не показывался из воды.

Подождав еще немного, Бальтазар протянул трясущуюся руку и погрузил ее в теплую воду. Рука коснулась плеча.

Из бака вдруг показалась мокрая голова Ихтиандра. Он приподнялся до плеч и спросил:

— Кто это? Что вам нужно?

Бальтазар опустился на колени и, протягивая руки, быстро заговорил:

— Ихтиандр! К тебе пришел твой отец. Твой настоящий отец. Сальватор — не отец. Сальватор — злой человек. Он изуродовал тебя... Ихтиандр! Ихтиандр! Ну, посмотри же на меня хорошенько. Неужели ты не узнаешь своего отца?

Вода медленно стекала с густых волос юноши на бледное лицо и капала с подбородка. Печальный, немного удивленный смотрел он на старого индейца.

— Я не знаю вас, — ответил юноша.

— Ихтиандр, — закричал Бальтазар, — смотри на меня хорошенько! — И старый индеец вдруг схватил голову юноши, привлек к себе и начал покрывать поцелуями, проливая горячие слезы.

Ихтиандр, обороняясь от этой неожиданной ласки, заплескался в баке, проливая воду через край на каменный пол.

Чья-то рука крепко схватила Бальтазара за шиворот, приподняла на воздух и отбросила в угол. Бальтазар грохнулся на пол, больно ударившись головой о каменную стену.

Открыв глаза, Бальтазар увидел, что над ним стоит Зурита. Крепко сжав кулак правой руки, Зурита держал в левой руке какую-то бумажку и торжественно помахивал ею.

— Видишь? Приказ о назначении меня опекуном Ихтиандра. Тебе придется

поискать богатого сынка в другом месте. А этого юношу завтра утром я увезу к себе. Понял?

Бальтазар, лежа на земле, глухо и угрожающе заворчал.

Но в следующее мгновение Бальтазар вскочил на ноги и с диким криком бросился на своего врага, сбив его с ног.

Индеец выхватил из рук Зуриты бумажку, сунул себе в рот и продолжал наносить испанцу удары. Завязалась ожесточенная борьба.

Тюремный сторож, стоявший у двери с ключами в руках, счел себя обязанным соблюдать строжайший нейтралитет. Он получил хорошие взятки от обоих сражающихся и не хотел им мешать. Только когда Зурита начал души старика, сторож забеспокоился:

— Не задушите его!

Однако рассвирепевший Зурита не обратил внимания на предостережение сторожа, и Бальтазару пришлось бы плохо, если бы в камере не появилось новое лицо.

— Прекрасно! Господин опекун тренируется в осуществлении своих опекунских прав! — послышался голос Сальватора. — Что же вы смотрите? Или вы не знаете своих обязанностей? — прикрикнул Сальватор на сторожа таким тоном, будто он был начальником тюрьмы.

Окрик Сальватора подействовал. Сторож бросился разнимать дерущихся.

На шум прибежали еще другие сторожа, и скоро Зуриту и Бальтазара оттащили в разные стороны.

Зурита мог считать себя победителем в борьбе. Но побежденный Сальватор был все же сильнее своих соперников. Даже здесь, в этой камере, на положении арестанта, Сальватор не переставал управлять событиями и людьми.

— Уведите из камеры драчунов, — приказал Сальватор, обращаясь к сторожам. — Мне надо остаться с Ихтиандром наедине И сторожа повиновались. Несмотря на протесты и брань, Зуриту и Бальтазара увели. Дверь камеры хлопнулась.

Когда в коридоре замолкли удаляющиеся голоса, Сальватор подошел к бассейну и сказал Ихтиандру, выглянувшему из воды:

— Встань, Ихтиандр. Выйди на середину камеры, мне нужно осмотреть тебя.

Юноша повиновался.

— Вот так, — продолжал Сальватор, — ближе к свету. Дыши. Глубже. Еще. Не дыши. Так...

Сальватор постукивал Ихтиандра по груди и выслушивал прерывистое дыхание юноши.

— Задыхаешься?

— Да, отец, — отвечал Ихтиандр.

— Сам виноват, — ответил Сальватор, — тебе нельзя было оставаться так долго на воздухе.

Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом вдруг поднял голову и, посмотрев прямо в глаза Сальватору, спросил:

— Отец, но почему нельзя? Почему всем можно, а мне нельзя? Выдержать этот взгляд, полный скрытого упрека, Сальватору было гораздо труднее, чем отвечать на суде. Но Сальватор выдержал.

— Потому что ты обладаешь тем, чем не обладает ни один человек: способ-

ностью жить под водой... Если бы тебе предоставили выбор, Ихтиандр, быть таким, как все, и жить на земле, или жить только под водой, чтобы ты выбрал?

— Не знаю... — ответил юноша, подумав. Ему одинаково были дороги подводный мир и земля, Гуттиэре. Но Гуттиэре теперь потеряна для него...

— Теперь я предпочел бы океан, — сказал юноша.

— Ты еще раньше сделал выбор, Ихтиандр, тем, что своим непослушанием нарушил равновесие твоего организма. Теперь ты сможешь жить только под водой.

— Но не в этой ужасной, грязной воде, отец. Я умру здесь. Я хочу на простор океана!

Сальватор подавил вздох.

— Я сделаю все, чтобы скорее освободить тебя из этой тюрьмы, Ихтиандр. Мужайся! — И, ободряюще похлопав юношу по плечу, Сальватор оставил Ихтиандра и пошел в свою камеру.

Усевшись на табурете у узкого стола, Сальватор глубоко задумался.

Как всякий хирург, он знал неудачи. Немало человеческих жизней погибло под его ножом от его собственных ошибок, прежде чем он достиг совершенства. Однако он никогда не задумывался над этими жертвами. Погибли десятки, спасены тысячи. Эта арифметика вполне удовлетворяла его.

Но за судьбу Ихтиандра он считал себя ответственным. Ихтиандр был его гордостью. Он любил юношу, как лучшую свою работу. А кроме того, он привязался к Ихтиандру и полюбил его, как сына. И теперь болезнь Ихтиандра и его дальнейшая судьба беспокоили, заботили Сальватора.

В дверь камеры постучали.

— Войдите! — сказал Сальватор.

— Я не побеспокою вас, господин профессор? — тихо спросил смотритель тюрьмы.

— Нисколько, — отвечал Сальватор, поднимаясь. — Как чувствуют себя жена и ребенок?

— Благодарю вас, прекрасно. Я отправил их к теще, далеко отсюда, в Анды...

— Да, горный климат им будет полезен, — ответил Сальватор. Смотритель не уходил. Оглядываясь на дверь, он подошел к Сальватору и тихо обратился к нему:

— Профессор! Я обязан вам жизнью за спасение жены. Я люблю ее, как...

— Не благодарите меня, это мой долг.

— Я не могу оставаться в долгу у вас, — ответил смотритель. — И не только это. Я человек малообразованный. Но я читаю газеты, и я знаю, что значит профессор Сальватор. Нельзя допустить, чтобы такого человека держали в тюрьме вместе с бродягами и разбойниками.

— Мои ученые друзья, — улыбаясь, проговорил Сальватор, — кажется, добились того, что я буду помещен в санаторий как сумасшедший.

— Тюремный санаторий — та же тюрьма, — возразил смотритель, — даже хуже: вместо разбойников вас будут окружать сумасшедшие. Сальватор среди сумасшедших! Нет, нет, этого не должно быть!

Понизив голос до шепота, смотритель продолжал:

— Я все обдумал. Я неспроста отправил семью в горы. Я устрою теперь вам побег и скроюсь сам. Нужда загнала меня сюда, но я ненавижу эту работу. Ме-

ня не найдут, а вы... вы уедете из этой проклятой страны, где вершат дела попы и купцы. И вот еще что я хотел вам сказать, продолжал он после некоторого колебания. — Я выдаю служебную тайну, государственную тайну...

— Можете не выдавать ее, — прервал Сальватор.

— Да, но... я сам не могу... прежде всего не могу выполнить полученный мною ужасный приказ. Совесть всю жизнь мучила бы меня. А если я выдам эту тайну, совесть не будет меня мучить. Вы так много сделали для меня, а они... Я ничем не обязан начальству, которое к тому же толкает меня на преступление.

— Даже? — коротко спросил Сальватор.

— Да, я узнал, что Ихтиандра не отдадут ни Бальтазару, ни опекуну Зурите, хотя Зурита уже имеет бумажку. Но и Зурита, несмотря на щедрые взятки, не получит его, потому что... Ихтиандра решили убить.

Сальватор сделал легкое движение.

— Вот как? Продолжайте!

— Да, убить Ихтиандра — на этом больше всего настаивал епископ, хотя он ни разу не произнес слова «убить». Мне дали яду, кажется цианистого калия. Сегодня ночью я должен подмешать яд к воде в баке Ихтиандра. Тюремный врач подкуплен. Он установит, что Ихтиандра погубила произведенная вами операция, превратившая его в амфибию. Если я не выполню приказа, со мной поступят очень жестоко. А ведь у меня семья... Потом они убьют и меня, и никто не будет знать этого. Я весь в их руках. У меня в прошлом преступление... небольшое... почти случайное... Все равно я решил бежать и все уже подготовил к побегу. Но я не могу, не хочу убивать Ихтиандра. Спасти обоих в такой короткий срок трудно, почти невозможно. Но спасти вас одного я могу. Я все обдумал. Мне жалко Ихтиандра, но ваша жизнь нужнее. Вы сможете создать своим искусством другого Ихтиандра, но никто в мире не создаст другого такого Сальватора.

Сальватор подошел к зрителю, пожал его руку и сказал:

— Благодарю вас, но для себя не могу принять этой жертвы. Вас могут поймать и будут судить.

— Никакой жертвы! Я все обдумал.

— Подождите. Я не могу принять для себя этой жертвы. Но если вы спасете Ихтиандра, вы сделаете для меня больше, чем если бы освободили меня. Я здоров, силен и везде найду друзей, которые помогут мне вырваться на свободу. А Ихтиандра необходимо освободить немедленно.

— Я принимаю это как ваш приказ, — сказал зритель. Когда он вышел, Сальватор улыбнулся и проговорил:

— Так лучше. Пусть же яблоко раздора не достанется никому. Сальватор прошелся по комнате, тихо прошептал: «Бедный мальчик!» — подошел к столу, что-то написал, затем подошел к двери и постучал.

— Позовите ко мне смотрителя тюрьмы.

Когда зритель явился, Сальватор сказал ему:

— Еще одна просьба. Не можете ли вы устроить мне свидание с Ихтиандром — последнее свидание!

— Нет ничего легче! Из начальства никого нет, вся тюрьма в нашем распоряжении.

— Отлично. Да, еще одна просьба.

— Весь к вашим услугам.

— Освободив Ихтиандра, вы сделаете для меня очень много.

— Но вы, профессор, оказали мне такую услугу...

— Допустим, что мы в расчете, — прервал его Сальватор. — Но я могу и хочу помочь вашей семье. Вот записка. Здесь только адрес и одна буква: «S» — Сальватор. — Обратитесь по адресу. Это верный человек. Если вам нужно будет временно укрыться, будете нуждаться в деньгах...

— Но...

— Никаких «но». Ведите меня скорее к Ихтиандру. Ихтиандр удивился, когда в камере появился Сальватор. Ихтиандр никогда не видел его таким грустным и нежным, как в этот раз.

— Ихтиандр, сын мой, — сказал Сальватор. — Нам придется расстаться с тобой скорее, чем я думал, и, может быть, надолго. Твоя судьба беспокоила меня. Тебя окружают тысячи опасностей... Если ты останешься здесь, ты можешь погибнуть, в лучшем случае — оказаться пленником Зуриты или другого подобного хищника.

— А ты, отец?

— Суд, конечно, осудит меня и упрячет в тюрьму, где мне придется просидеть, наверное, года два, а может быть, и больше. Это время, пока я буду в тюрьме, ты должен находиться в безопасном месте и как можно дальше отсюда. Такое место есть, но оно очень далеко отсюда, по другую сторону Южной Америки, на запад от нее, в Великом океане, на одном из островов Туамоту, или иначе Низменных островов. Добраться туда тебе будет не легко, но все опасности пути несравнимы с теми, которым, ты подвергаешься здесь, дома, в заливе Ла-Плата. Легче добраться и найти эти острова, чем избежать здесь сетей и ловушек коварного врага.

Какой путь тебе начертать? Ты можешь направиться туда, на запад, обогнув Южную Америку с севера или с юга. Оба пути имеют свои достоинства и свои недостатки. Северный путь несколько длиннее. Кроме того, избрав этот путь, тебе пришлось бы плыть из Атлантического в Тихий океан через Панамский канал, а это опасно: тебя могут поймать, в особенности на шлюзах, или же — при малейшей твоей неосторожности — тебя может раздавить корабль. Канал не слишком широк и не глубокий: наибольшая ширина — девяносто один метр, глубина — двенадцать с половиной метров. Новейшие глубоководные океанские пароходы могут почти касаться дна своим килем.

Зато ты все время плыл бы в теплых водах. Кроме того, от Панамского канала идут на запад три большие океанские дороги: две — к Новой Зеландии, одна — к островам Фиджи и далее. Выбрав средний путь и следя за пароходами, а может быть, и прицепляясь к ним, ты добрался бы почти до места. По крайней мере оба пути к Новой Зеландии захватывают зону архипелага Туамоту. Тебе пришлось бы только подняться немного севернее.

Путь через южную оконечность ближе, но зато там ты будешь плыть в холодных южных водах, у границы плавающих льдов, в особенности же если ты обогнешь мыс Горн на Огненной Земле — самую южную оконечность Южной Америки. Магелланов же пролив необычайно бурный.

Для тебя он, конечно, не так опасен, как для кораблей и пароходов, но все же опасен. Для парусных кораблей он был настоящим кладбищем. На востоке он широк, на западе — узок и усеян скалами, островками. Сильнейшие запад-

ные ветры гонят воду на восток — значит, тебе навстречу. В этих водоворотах даже ты можешь разбиться и под водой Поэтому я советую тебе лучше удлинить путь и обогнуть мыс Горн, чем плыть через Магелланов пролив. Вода океана становится холодней постепенно, и, я надеюсь, ты постепенно привыкнешь и останешься здоров. О запасах пищи тебе нечего заботиться, — она всегда под руками, так же как и вода. Ты с детства привык пить морскую воду без всякого вреда для здоровья.

Найти путь от мыса Горн к островам Туамоту тебе будет несколько труднее, чем от Панамского канала. От мыса Горн на север нет широких океанских дорог с большим пароходным движением. Я укажу тебе точно долготу и широту; ты определишь их по специальным инструментам, сделанным для тебя по моему заказу. Но эти инструменты несколько загрузят тебя и свяжут свободу движения...

— Я возьму с собою Лидинга. Он будет нести на себе, груз. Разве могу я расстаться с Лидингом? Он, наверно, и так истосковался по мне.

— Неизвестно, кто по ком больше, — снова улыбнулся Сальватор. — Итак, Лидинг. Отлично. До островов Туамоты ты доберешься. Тебе останется найти уединенный коралловый остров. Вот примета: на нем высится мачта, а на мачте, в виде флюгера — большая рыба. Не трудно запомнить. Быть может, ты затратишь на поиски этого острова месяц, и два, и три — не беда: вода там теплая, устриц довольно.

Сальватор приучил Ихтиандра терпеливо слушать, не перебивая, но, когда Сальватор дошел до этого места своих объяснений, Ихтиандр не удержался:

— И что же я найду на острове с флюгером-рыбой?

— Друзей. Верных друзей, их заботу и ласку, — ответил Сальватор. — Там живет мой старый друг — ученый Арман Вильбуа, француз, знаменитый океанограф. Я познакомился и подружился с ним, когда был в Европе много лет тому назад. Арман Вильбуа — интереснейший человек, но сейчас у меня нет времени рассказать тебе о нем. Надеюсь, ты сам узнаешь его и ту историю, которая привела его на одинокий коралловый остров в Тихом океане. Но сам он не одинок. С ним живет его жена, милая, добрая женщина, сын и дочь, — она родилась уже на острове, ей теперь должно быть лет семнадцать, а сыну лет двадцать пять.

Они знают тебя по моим письмам и, уверен, примут тебя в свою семью, как родного... — Сальватор запнулся. — Конечно, тебе придется теперь большую часть времени проводить в воде. Но для дружеских свиданий и бесед ты сможешь выходить на несколько часов в день на берег. Возможно, что твое здоровье поправится и ты сможешь по-прежнему оставаться на воздухе так же долго, как и в воде.

В лице Армана Вильбуа ты найдешь второго отца. А ты будешь ему незаменимым помощником в его научных работах по океанографии. Уже того, что ты знаешь об океане и его обитателях, хватило бы на десяток профессоров. — Сальватор усмехнулся. — Чудаки эксперты спрашивали тебя на суде по шаблону, какой сегодня день, месяц, число, и ты не мог ответить просто потому, что все это не представляло для тебя интереса. Если бы они спросили хотя бы о подводных течениях, температурах воды, солености в Ла-Платском заливе и его окрестностях, — из твоих ответов можно было бы составить целый научный том. Насколько же больше ты сможешь узнать — и потом сообщить свои

знания людям, — если твоими подводными экскурсиями будет руководить такой опытный и блестящий ученый, как Арман Вильбуа. Вы оба, я уверен в этом, создадите такой труд по океанографии, который составит эпоху в развитии этой науки, прогремит на весь мир. И твое имя будет стоять рядом с именем Армана Вильбуа, — я знаю его, он сам настоит на этом. Ты будешь служить науке и тем самым всему человечеству.

Но если ты останешься здесь, тебя заставят служить низменным интересам невежественных, корыстных людей. Я уверен, в чистых, прозрачных водах атолла и семье Армана Вильбуа ты найдешь тихую пристань и будешь счастлив.

Еще один совет.

Как только ты окажешься в океане — а это может произойти даже сегодня ночью, — плыви немедленно домой через подводный тоннель (дома сейчас только верный Джим), возьми навигационные инструменты, нож и прочее, найди Лидинга и отправляйся в путь, прежде чем солнце поднимется над океаном.

Прощай, Ихтиандр! Нет, до свидания!

Сальватор в первый раз в жизни обнял, крепко поцеловал Ихтиандра. Потом он улыбнулся, похлопал юношу по плечу и сказал:

— Такой молодец нигде не пропадет! — и быстро вышел из комнаты.

Побег

Ольсен только что вернулся с пуговичной фабрики и сел обедать. Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул Ольсен, недовольный тем, что ему помешали. Дверь открылась, в комнату вошла Гуттиэре.

— Гуттиэре! Ты? Откуда? — воскликнул удивленный и обрадованный Ольсен, поднимаясь со стула.

— Здравствуй, Ольсен, — сказала Гуттиэре. — Продолжай свой обед. — И, прислонившись к дверям, Гуттиэре заявила:

— Я не могу больше жить с мужем и его матерью. Зурита... он осмелился ударить меня... И я от него ушла. Совсем ушла, Ольсен. Эта новость заставила Ольсена прервать обед.

— Вот так неожиданность! — воскликнул он. — Садись! Ты едва держишься на ногах. А как же? Ты ведь говорила: «Что бог соединил, человек да не разлучает»? Отставить? Тем лучше. Радуюсь. Ты вернулась к отцу?

— Отец ничего не знает. Зурита нашел бы меня у отца и вернул бы к себе. Я остановилась у подруги.

— И... и что же ты будешь делать дальше?

— Я поступлю на завод. Я пришла просить тебя, Ольсен, помочь мне найти работу на заводе... все равно какую... Ольсен озабоченно покачал головой:

— Сейчас это очень трудно. Хотя я, конечно, попытаюсь. — И, подумав, Ольсен спросил:

— А как муж отнесется к этому?

— Я не хочу знать его.

— Но муж-то захочет узнать, где его жена, — улыбаясь, сказал Ольсен. — Не забывай, что ты в Аргентине. Зурита разыщет тебя, и тогда... Ты сама знаешь, что он не оставит тебя в покое. Закон и общественное мнение на его стороне.

Гуттиэре задумалась и потом решительно сказала:

— Ну что же! В таком случае я уеду в Канаду, Аляску...

— Гренландию, на Северный полюс! — И уже более серьезно Ольсен сказал:

— Мы обдумаем это. Здесь тебе оставаться небезопасно. Я и сам давно собираюсь выбраться отсюда. Зачем я приехал сюда, в Латинскую Америку? Здесь еще слишком силен поповский дух. Жаль, что нам не удалось тогда бежать отсюда. Но Зурита успел похитить тебя, и наши билеты и наши деньги пропали. Теперь у тебя, вероятно, так же нет денег на пароходный билет в Европу, как и у меня. Но нам и необязательно ехать прямо в Европу. Если мы — я говорю «мы» потому, что я не оставлю тебя, пока ты не будешь в безопасном месте, — если мы доберемся хотя бы до соседнего Парагвая, а еще лучше — до Бразилии, то там Зурите будет уже труднее разыскать тебя, и у нас будет время подготовиться к переезду в Штаты или же в Европу... Ты знаешь, доктор Сальватор в тюрьме вместе с Ихтиандром?

— Ихтиандр? Он нашелся? Почему он в тюрьме? Могу я его увидеть? — забросала Гуттиэре вопросами Ольсена.

— Да, Ихтиандр в тюрьме, и он снова может оказаться рабом Зуриты. Нелепый процесс, нелепое обвинение против Сальватора и Ихтиандра.

— Это ужасно! И его нельзя спасти?

— Я все время пытался это сделать, но безуспешно. Но неожиданным нашим сотрудником оказался сам смотритель тюрьмы. Сегодня ночью мы должны освободить Ихтиандра. Я только что получил две коротенькие записки: одну от Сальватора, другую от смотрителя тюрьмы.

— Я хочу видеть Ихтиандра! — сказала Гуттиэре. — Можно мне пойти с тобой?

Ольсен задумался.

— Я думаю, что нет, — ответил он. — И тебе лучше не видеть Ихтиандра.

— Но почему?

— Потому что Ихтиандр болен. Он болен как человек, но здоров как рыба.

— Я не понимаю.

— Ихтиандр больше не может дышать воздухом. Что же будет, если он снова увидит тебя? Для него это будет очень тяжело, да, может быть, и для тебя. Ихтиандр захочет видеться с тобой, а жизнь на воздухе погубит его окончательно.

Гуттиэре опустила голову.

— Да, пожалуй, ты прав... — сказала она, подумав.

— Между ним и всеми остальными людьми легла непреодолимая преграда — океан. Ихтиандр — обреченный. Отныне вода становится его родной и единственной стихией.

— Но как же он там будет жить? Один в безбрежном океане — человек среди рыб и морских чудовищ?

— Он был счастлив в своем подводном мире, пока... Гуттиэре покраснела.

— Теперь, конечно, он не будет так счастлив, как раньше...

— Перестань, Ольсен, — печально сказала Гуттиэре.

— Но время излечивает все. Быть может, он даже обретет утраченный покой. Так он и будет жить — среди рыб и морских чудовищ. И если акула не съест его раньше времени, он доживет до старости, до седых волос... А смерть? Смерть везде одинакова...

Стуцались сумерки, и в комнате было почти темно.

— Однако мне пора, — сказал Ольсен, поднимаясь. Встала и Гуттиэре.

— Но я могу хоть издали видеть его? — спросила Гуттиэре.

— Конечно, если, ты не выдашь своего присутствия.

— Да, я обещаю это.

Уже было совсем темно, когда Ольсен в костюме водовоза въехал во двор тюрьмы со стороны Коронель Диас.[7] Сторож окликнул его:

— Куда едешь?

— Морскую воду дьяволу везу, — ответил Ольсен, как учил его тюремный смотритель.

Все сторожа знали, что в тюрьме находится необычайный арестант — «морской дьявол», который сидит в баке, наполненном морской водой, так как пресной он не переносит. Эту морскую воду время от времени меняли, привозя ее в большой бочке, установленной на дроги.

Ольсен подъехал к зданию тюрьмы, завернул за угол, где помещалась кухня и находилась дверь в тюрьму для входа служащих. Смотритель уже все приготовил. Сторожей, обычно стоявших в коридоре и у входа, отослали под разными предлогами. Ихтиандр, сопровождаемый смотрителем, свободно вышел из тюрьмы.

— Ну, прыгай скорее в бочку! — сказал смотритель. Ихтиандр не заставил себя ждать.

— Трогай!

Ольсен ударил вожжами, выехал со двора тюрьмы и не спеша поехал по Авени да Альвар, мимо вокзала Ритеро, товарной станции.

Следом за ним невдалеке мелькала тень женщины.

Была уже темная ночь, когда Ольсен выехал из города. Дорога шла берегом моря. Ветер крепчал. Волны набегали на берег и с шумом разбивались о камни.

Ольсен осмотрелся. На дороге никого не было видно. Только вдали сверкали фонари быстро мчавшегося автомобиля. «Пусть проедет».

Гудя и ослепляя светом, автомобиль промчался к городу и скрылся вдали.

— Пора! — Ольсен обернулся и сделал Гуттиэре знак, чтобы она скрылась за камни. Потом он постучал по бочке и крикнул:

— Приехали! Вылезай!

Из бочки показалась голова.

Ихтиандр оглянулся, быстро вылез и прыгнул на землю.

— Спасибо, Ольсен! — сказал юноша, крепко сжимая мокрой рукой руку великана.

Ихтиандр дышал часто, как в припадке астмы.

— Не за что. Прощай! Будь осторожен. Не подплывай близко к берегу. Опасайся людей, чтобы опять не попасть в неволю.

Даже Ольсен не знал, какие приказания получил Ихтиандр от Сальватора.

— Да, да, — задыхаясь, сказал Ихтиандр. — Я поплыву далеко-далеко, к тихим коралловым островам, куда не приходит ни один корабль. Спасибо, Ольсен! — И юноша побежал к морю.

Уже у самых волн он вдруг обернулся и крикнул:

— Ольсен, Ольсен! Если вы увидите когда-нибудь Гуттиэре, передайте ей мой привет и скажите, что я всегда буду помнить ее! Юноша бросился в море

и крикнул:

— Прощайте, Гуттиэре! — и погрузился в воду.

— Прощай, Ихтиандр!.. — тихо ответила Гуттиэре, стоявшая за камнями.

Ветер крепчал и почти валил людей с ног. Море бушевало, шипел песок, грохотали камни.

Чья-то рука сжала руку Гуттиэре.

— Идем, Гуттиэре! — ласково приказал Ольсен. Он вывел Гуттиэре на дорогу.

Гуттиэре еще раз оглянулась на море и, опираясь на руку Ольсена, направилась к городу.

Сальватор отбыл срок наказания, вернулся домой и снова занялся научной работой. Он готовится к какому-то далекому путешествию.

Кристо продолжает у него служить.

Зурита обзавелся новой шхуной и ловит жемчуг в Калифорнийском заливе. И хотя он не самый, богатый человек в Америке, но все же он не может пожаловаться на свою судьбу. Концы его усов, как стрелка барометра, показывают высокое давление.

Гуттиэре развелась с мужем и вышла замуж за Ольсена. Они переселились в Нью-Йорк и работают на консервном заводе. На побережье Ла-Платского залива никто не вспоминает «морского дьявола».

Лишь иногда в душные ночи старые рыбаки, услышав в ночной тиши неведомый звук, говорят молодым:

— Вот так трубил в раковину морской дьявол, — и начинают рассказывать о нем легенды.

Только один человек в Буэнос-Айресе не забывает Ихтиандра. Все мальчишки города знают старого, полупомешанного нищего индейца.

— Вот идет отец морского дьявола!

Но индеец не обращает внимания на мальчишек.

Встречая испанца, старик каждый раз оборачивается, плюет ему вслед и ворчит какое-то проклятие.

Но полиция не трогает старого Бальтазара. Его помешательство тихое, он никому не причиняет вреда.

Только когда на море поднимается буря, старый индеец приходит в необычайное беспокойство.

Он спешит на берег моря и, рискуя быть смытым водой, становится на прибрежные камни и кричит, кричит день и ночь, пока не утихнет буря:

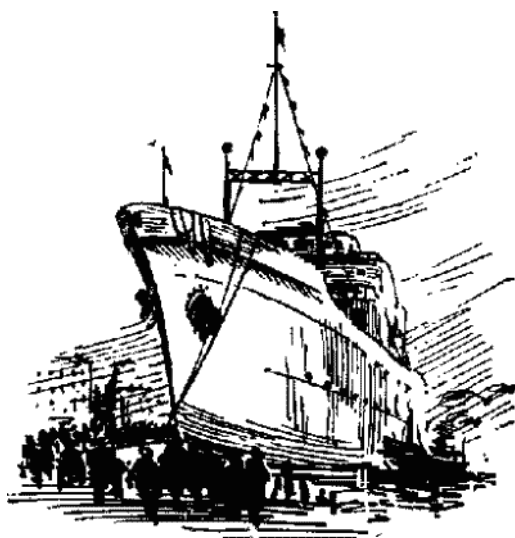
— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!..

Но море хранит свою тайну.

Чудесное око (роман)



Пролог



Океанский пароход назывался «Левиафаном» по праву. Это был настоящий плавающий город с «улицами», садами, площадями, кинотеатрами, концертными залами, фонтанами, бассейнами, спортивными площадками, садами-оранжереями тропических растений. По мягким коврам длинных коридоров неслышно скользили вымуштрованные лакеи в униформе. Двери кают, стены, панели отсвечивали красным деревом, сверкали начищенной медью. В помещениях, занимаемых пассажирами, стоял своеобразный запах — смесь дорогих духов, мыла, сигар, кожаных чемоданов и ещё чего-то неуловимого, приносимого, наверное, свежим дыханием океана.

На верхней открытой палубе, под широким тентом, укрывшись от раскалённых лучей солнца, отдыхали пассажиры. Удобные плетёные белые кресла были расставлены между пальмами, кустами цветущих олеандров и душистых гиманантусов. Журчали фонтаны.

Глубокая синева Гольфстрима казалась недвижимой. Там и сям виднелись красноватые островки водорослей, принесённых течением из Саргассова мо-

ря. Летучие рыбки выскакивали из воды и летели рядом с кораблём, блестя плавниками. Они то падали на воду, то вновь взлетали, словно хотели развлечь пассажиров.

— О, как жарко! Хотя бы ветерок подул, — сказал, отдуваясь, дородный, краснощёкий пассажир лет пятидесяти. Он сидел в глубоком кресле и обмахивался белым шёлковым платком. Отлично сшитый белый костюм, массивный золотой перстень, золотая цепочка от часов на жилете и золотые очки придавали ему вид преуспевающего коммерсанта.

— А всё-таки прекрасно! — глядя сквозь приспущенные веки в сияющую даль, продолжал он. — «Левиафан» — настоящий плавучий дворец. Комфортно, удобно и, главное, совершенно безопасно. Ведь так? Что может случиться с таким великаном?



И пассажир поднял глаза на своего соседа, человека неопределённых лет, в светло-сером костюме. У него было бледное лицо, впалая грудь, большие задумчивые чёрные глаза, густые брови, нос с горбинкой. Француз? Испанец? Комиссионер? Землевладелец? Не разберёшь. Во всяком случае, не миллионер...

Следя глазами за кольцами сигарного дыма, сосед пожал плечами и ответил глухим голосом:

— Я слышал, «Левиафан» застрахован на такую сумму, что на одни лишь годовые страховые взносы можно было бы построить неплохой каботажный пароход.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился толстяк и засопел.

— Вы коммерсант, и вам нетрудно сделать вывод: если бы не было риска, пароходная компания не выбрасывала бы груды денег на страхование. Швейцарцы не страхуют своих жилищ от наводнений, а голландцы — от землетрясений... — Человек с бледным лицом замолчал, а коммерсант ещё сильнее засопел.

— Вспомните трагическую судьбу «Титаника», — продолжал после паузы худощавый. — «Титаник» мало чем уступал «Левиафану». А «Пасифик»? А «Лузитания»? Да разве мало можно привести подобных примеров. На море ни за что нельзя поручиться.

— «Лузитания» была потоплена миной во время войны. «Титаник» погиб, наскочив на подводный айсберг, — возразил толстяк, заметно волнуясь. — На «Левиафане» есть специальный прибор, какой-то радиоинструмент, который сигнализирует о приближении подводной лодки. На случай пожара также установлена автоматическая сигнализация...

— А пароход всё-таки застрахован, — не успокаивался худощавый. —

Столкновение в тумане, да разве мало причин... И затем... Эти пальмы, бассейны, концертные залы — всё это хорошо, а обеспечен ли корабль достаточным количеством шлюпок и спасательных поясов на случай аварии?

— Я... не знаю, — ответил толстяк.

— А я знаю, подсчитал.

— Ну и что?

— Две трети пассажиров останется без шлюпок, — спокойно ответил художавый.

— Нет, у вас сегодня просто дурное настроение, дон Хургес, и вы хотите испортить его и мне! — воскликнул толстяк.

— Ничуть, — ответил дон Хургес и чуть заметно усмехнулся. — Я лишь трезво смотрю на вещи. Надо быть всегда готовым ко всему... Однако почему мои слова взволновали вас, мистер Вильямс? Вы так боитесь за свою драгоценную жизнь?

— Не только за жизнь, — загадочно ответил Вильямс, порывисто обмахивая лицо платком.

— Резонно. Бывают ценности, которые дороже собственной жизни, — так же загадочно промолвил Хургес.

Со средней палубы долетали весёлые звуки джаза. Музыка немного отвлекла внимание толстяка от грустных раздумий. Вильямс даже начал притопывать в такт, но лицо его оставалось хмурым.

— Вы сказали, надо быть готовым ко всему, — снова обратился он к Хургесу. — Какую готовность имели вы в виду? Психологическую?

— Конечно, психологическую прежде всего, — ответил Хургес. — Тот, кто готов ко всему, наверняка не растеряется в первый миг, не поддастся панике, а это главное. Мы должны иметь готовый план спасения и самих себя и тех ценностей, которые мы везём.

— У вас есть такой план? — спросил Вильямс.

— Да, я обдумал его до мельчайших подробностей ещё дома. Я, кажется, предусмотрел всё: и пожар и аварию...

— Интересно было бы познакомиться с вашим планом, дон Хургес.

Хургес пожал плечами:

— Вряд ли он пригодится вам. Мой багаж невелик; вашего я не знаю. Каждый план должен быть индивидуальным.

— Мой багаж! — тяжело вздохнул Вильямс.

Джаз безумствовал. Молодые пары танцевали на середине палубы. Слышались смех, весёлые восклицания. Избранники судьбы тешились опьяняющими звуками джаза, радостным днём, лазурью и чистым воздухом океана.

И вдруг короткий толчок. Упал один из танцующих молодых парней. П слышался смех.

— Землетрясение... Водотрясение...

— Господи, что такое? — скороговоркой вымолвил Вильямс. Он мгновенно побледнел. — Не вы ли накаркали? — Вильямс злобно взглянул на Хургеса, спокойно курившего сигару.

Пароход по-прежнему рассекал воды океана. Снова начались танцы, однако кое-кто отправился узнать, что случилось.

— «Внимание! Внимание! — неожиданно раздалось из громкоговорителей на палубах, этажах, в коридорах, каютах. — Случилась небольшая авария. Ни

малейшей опасности для судна. Просим не волноваться. Вторая смена экипажа должна немедленно выйти на работу».

— Что случилось? — послышалось отовсюду.

Никто не мог ответить. Джаз гремел по-прежнему, но танцы расстроились.

Кресло Вильямса дёрнуло с такой силой, что он, боясь упасть, ухватился за кресло Хургеса. Многие пассажиры упали. Закричала перепуганная женщина. Её истерический крик подхватили другие.

— «Аврал! — снова разнёсся голос из репродуктора. — Авария, но ничего серьёзного. Пассажирам рекомендуется сохранять полное спокойствие. Разойдитесь по каютам».

Вильямс почти выпрыгнул из кресла и, взволнованный, забегал перед Хургесом.

— Дело принимает серьёзный оборот, чёрт побери! Как вы предполагаете, мы не утонем?

Хургес снова пожал плечами.

— «Левиафан» имеет перегородки, — ответил он. — Если он получил пробойну, то вода не пройдёт дальше первой перегородки. К тому же мы на одной из «людных» морских дорог: Буэнос-Айрес — Лондон. «Левиафан» вызовет по радио помощь. И всё же надо быть готовыми ко всему.

Пароход резко убавил ход. Корма заметно опустилась. На судне начиналась паника.

— Дон Хургес, мы тонем! Тонем! — почти кричал Вильямс. — Надо быть готовыми ко всему... Ваш план, дон Хургес?! Я не хочу умирать! И я... Мой багаж... моя жизнь... Эквадор. Двадцать два года лишений, труда... Бочонки... Шлюпки... Потонуть... и когда — не в бурю, при солнце... Штиль... Мираж... Страшный сон... Кошмар!

— Пассажирам предлагается надеть спасательные пояса, — прогремела команда.

— Боже мой! Боже мой, не оставь меня! — закричал Вильямс и, схватившись за голову, побежал.

Хургес не спеша двинулся к каюте, вынул из чемодана пластинку из тёмного металла с цепочкой и замком на ней, бутылку с герметической крышкой и пошёл на нос корабля.

— Дон Хургес, вы здесь? Я ищу вас по всему пароходу, — окликнул его Вильямс. На нём уже был спасательный пояс. — А почему вы без пояса? Разве это не входит в ваш план?

— Не входит, — ответил Хургес. — Мой друг, бывалый капитан, говорил мне, что он против спасательных поясов: они лишь удлиняют страдания тонущих... Впрочем, это касалось холодных морей. Что же всё-таки случилось с «Левиафаном»?

— Никто ничего не знает. Даже сам капитан, если только он не скрывает причин...

«Левиафан» был обречён, в этом не оставалось сомнений. Корму накрыла вода. Прозвучал приказ: спускать шлюпки. Началась паническая беготня. Возле шлюпок завязалась звериная битва за существование. Хургес оказался прав: шлюпок не хватало.

— Почему вы не спешите к шлюпкам? — спросил Хургес.

— Потому, что я успел наметить свой план и даже осуществить его, — отве-

тил Вильямс. Усмешка мелькнула на его побледневшем лице. — Лишь бы только они не опоздали... О, золото царит над человеком, пока он жив. Я пообещал матросам бочонок... А может быть, всё обойдётся. Радист передал сигнал бедствия, и говорят, что к нам уже спешат на помощь два парохода... Вот они... Вот.

— Пароходы?

— Да нет.

Хургес увидел матросов, которые тащили бочонки, продираясь сквозь толпу к шлюпке, висевшей на носу.

— Садитесь быстрее в шлюпку! — крикнул Вильямс.

— Я ещё не выполнил свой план, — ответил Хургес. Он продел цепочку в звено якорной цепи, щёлкнул замком, прикрепил металлическую пластинку к цепи. Потом быстро написал записку, сунул её в бутылку, плотно приладил герметическую крышку. На удивлённые взгляды Вильямса он кратко ответил:

— Это мой багаж. Итог моей жизни.

Матросы отшвыривали пассажиров и грузили в шлюпку бочонки.

— Перегрузка, — покачал головой Хургес, глядя на тяжёлые бочонки.

— Не могу же я их оставить, — сказал Вильямс.

Шлюпку спустили на воду. Десять матросов, Хургес, Вильямс, бочонки с золотом, сухари, бочка воды... Шлюпка была перегружена и осела до бортов. А за борта цеплялись утопающие. Матросы безжалостно били их по рукам вёслами, ножами и кулаками.

— Успеть быстрее отъехать от тонущего парохода!.. — бормотал Вильямс трясущимися бескровными губами.

Шлюпка не успела отплыть и двадцати метров, как пароход, став носом вверх, пошёл ко дну. Над местом гибели вздыбился огромный столб воды, тяжело осел и хлынул бешеным валом. Вал ринулся на шлюпку.

— Конец! — взвизгнул Вильямс.

— Всякий конец может быть и началом, — спокойно ответил Хургес и швырнул бутылку в воду. Это были его последние слова.

Вода накрыла шлюпку, заглушила последние крики утопающих. Через два часа на место катастрофы прибыл первый пароход, принявший сигналы бедствия.

За морским окунем

На длинном столе — чёрный шар диаметром в полтора метра. Один бок его срезан. Широкое окно выходит на Кольский залив. Там виднеются мачты и трубы траулеров рыбного треста. Однако в окно никто не смотрит. Взоры всех устремлены на чёрный шар. Двенадцать комсомольцев, членов кружка по изучению радиотехники, тесным кольцом обступили стол. Большинство — студенты морского техникума, часть — радисты с траулеров.

Мотя Гинзбург, конструктор, изобретатель и руководитель кружка, радист траулера «Серго Орджоникидзе», похлопывая ладонью по чёрной металлической поверхности шара, спросил с усмешкой на умном худощавом лице:

— Вы видите глазное яблоко...

Кружковцы засмеялись:

— Хорошенькое яблоко!

— Какой же должна быть орбита, чтобы вместить такое яблоко!

— Орбитой будет море. Довольно? — спросил Мотя. — Это радиоглаз, с помощью которого мы увидим, что творится в глубинах моря.

— Телевизор! — вскричал один из стоявших возле стола.

В сущности говоря, Мотя не изобрёл ничего или почти ничего. Ему случилось видеть фотографии американских и немецких телевизоров, приспособленных для наблюдений на морской глубине. Правда, это были фотографии. Но принцип работы телевизора известен. Оставалось самостоятельно продумать кое-какие конструктивные особенности подводного телевизора. И Мотя как будто бы удачно справился с этим: маленький опытный телевизор работал исправно. Почему бы не работать и этому, большому? Он почти готов. Вставить в круглое отверстие объектив, возле него — лампы прожекторов, и всё. Одним словом, часа два монтажных работ, и телевизор можно опускать в воду.

— Чтобы взглянуть, что делается на дне моря? — спросил первокурсник морского техникума.

— Именно. Взглянуть, как поживают морские крабы, — подхватил, снисходительно улыбаясь, его сосед, который считал себя человеком бывалым.

— Что ж, и это интересно, — серьёзно ответил Гинзбург.

— Будем ловить морских окуней?

— Да, да. Сегодня — первая проба. Траулер уходит в час ноль-ноль. К этому времени мы успеем закончить, — ответил Гинзбург и приказал: — А ну, хлопцы, за работу!

Слушатели ушли, а пять человек, во главе с Гинзбургом, остались и приступили к делу.

— А знаете, кто будет с нами на пробном лове? — спросил Мотя своих товарищей. — Бласко Азорес, испанский коммунист, корреспондент. Он недавно приехал к нам, чтобы осмотреть новый Мурманск.

Азорес вышел из гостиницы треста в полночь и направился по спуску к траловой базе. Испанец поёживался в своём осеннем пальто. Ледистый полуденный ветер бил в лицо. Падал мокрый снег.

«Удивительный край! — размышлял Азорес. — Здесь всё наоборот: „солнечные ночи“, „ночные дни“. В этих краях люди выбирают квартиры окнами не

на юг, а на север, потому что северный ветер, пролетая над тёплым течением Гольфстрима, нагревается, а южный — охлаждается над ледяным горным плато тундры. Суровый край, тяжёлый климат. Но всего этого не ощущаешь, даже не замечаешь — так интересен здесь человек и его дело».

Внизу горели огни траловой базы. Высоко вздымались корпуса рыбообрабатывающих цехов. Гремели лебёdochные цепи. У пристани стояли траулеры. Одни разгружались, другие готовились к отплытию. Сновали транспортёры: к складам — с рыбой, от складов — с солью. Азорес быстро прошёл в конец пристани к большому траулеру. Был отлив, и борт траулера покачивался почти вровень с пристанью. Азорес взошёл на борт и поднялся в капитанскую рубку. Капитан Маковский приветствовал его и попросил пройти в свою каюту. Азорес вошёл.

Кабюта капитана состояла из двух крохотных помещений: кабинета-спальни и гостиной. В первом стоял небольшой письменный столик, над ним — большая керосиновая лампа (на случай повреждения электрического освещения), и два кресла, прикреплённые к полу цепочками (на случай качки). Сейчас цепочки обвисали, и кресла можно было передвигать. В нише, за занавеской — койка, рядом — вход в ванную «комнату», в которой, видимо, с трудом можно было снять одежду. В «гостиной» — угловой диванчик и столик перед ним. На столике — чайный сервиз, печенье...

Красное лакированное дерево, сияющие медные части, тиснёная кожа, стекло, свет, тепло, калориферы, вентиляторы... Здесь было тихо и комфортабельно, как в купе пульмановских вагонов.

Капитан в рубке распоряжался. С берега отдали концы. Пароход медленно и осторожно начал поворачиваться. Азорес смотрел сквозь большое окно каюты на берег. Мелькали траулеры, освещённые окна засолочного цеха, высокий, поросший низкими берёзками противоположный берег Кольского залива... Скорость хода увеличивалась. Качки не было.

Капитан передал управление помощнику и пришёл в каюту. Оба — Азорес и капитан Маковский — неплохо владели английским. Как радушный хозяин, капитан налил чаю. Завязалась беседа. Азорес интересовался подводным телевизором.

— Вы видели морских окуней? — спросил капитан гостя.

— Конечно. Большая рыба с красными глазами, вылезаящими из орбит, — ответил Азорес.

— А почему они красные и вылезают из орбит?

Азорес пожал плечами. Капитан усмехнулся и продолжал:

— Это потому, что морской окунь очень пугливая рыба; оказавшись в трале, он умирает от испуга, и от испуга же у него глаза вылезают из орбит... Подобные объяснения мне приходилось слышать не раз от старых рыбаков. Разумеется, это басня. Морской окунь живёт на глубине многих десятков метров. И попадаться-то в наши тралы он стал лишь недавно, когда мы научились спускать тралы на большую глубину. И вот, когда окунь попадает в сеть и его быстро вытаскивают на поверхность, где давление в несколько раз ниже того, к которому приспособлен окунь, глаза его наливаются кровью и выходят из орбит.

— Это очень интересно, — заметил Азорес, — но при чём тут телевизор?

— А вот при чём. Окунь — вкусная, полезная, жирная рыба, а найти её на

большой глубине очень трудно! Мы плывём по морю, где-то под нами плавают громаднейшие косяки рыбы — сотни, тысячи тонн. Но мы не видим этой рыбы и после многих дней тяжёлого плавания часто возвращаемся домой с пустыми трюмами. Народ ждёт от нас рыбы, а у нас неудача за неудачей. Срыв плана, начальство рвёт и мечет, моряки нервничают...

— Но вы ведь часто опускаете трал и находите рыбу, — возразил Азорес. — Я сам видел, какой богатый улов тех же окуней попадает в ваши тралы.

— А сколько их не попадает, этого никто не видит, — перебил капитан. — Одному траулеру посчастливится набрести на косяк, другому нет. Игра слепого случая. Куда это годится? Бывают дни, когда мы десятки раз опускаем трал и вытаскиваем только водоросли, крабов и камни. Трал зачастую цепляется за грунт, рвётся об острые камни. Ведь мы не видим поверхности дна. Ловим вслепую. Правда, наши научные изыскания помогают нам. «Персей» обследовал морское дно, изучил ход рыбы, температуру воды на разных глубинах и кое-что иное. Это помогло, но всё же случай не положен на обе лопатки. Мы живём Гольфстримом, а он капризен. Иногда он немного меняет течение: порой бывает более тёплым, порой — более холодным. И рыба то наведывается к нашим берегам, то исчезает, откочёвывая туда, где вода теплее. Там, где в минувшем году рыба ловилась прекрасно, сегодня — никакого улова. И это только потому, что за тысячи километров от нас, в Мексиканском заливе, лето было холоднее обычного или в Исландии зима посуровела. Мы призвали на помощь эхолот и радиолот. Вам знаком принцип работы эхолота? Мы шлём вниз под воду звуковую волну, ну, скажем, взрыв патрона или удар колокола. Звуковая волна достигает дна, отражается и возвращается назад. Зная скорость звука в воде, можно определить глубину. Если звук возвращается быстро, значит звуковая волна отражена не дном, а большим скоплением рыбы. Этот способ чрезвычайно продуктивен и полезен, но и у него есть недостатки.

Радиолот, показывающий глубину по скорости отражения радиолуча, и эхолот каждый по-своему «слепы». Им ведь всё равно, от чего именно отражаются радиолучи или звуковая волна. Например, эхолот показал меньшую глубину в таком-то месте. Думаешь: звук отразился от рыбного косяка. Спустишь трал — ни единой рыбки. Звук отразился либо от затонувшего корабля, либо от подводной скалы. Иное дело, когда мы получим возможность видеть, что делается в глубинах моря. Тогда мы удвоим, утроим улов.

— И достигнуть этого поможет телевизор?

— Мы надеемся.

После чая капитан ушёл в рубку. Азорес остался в одиночестве. Он стал приводить в порядок свои заметки.

Траулер стало болтать сильнее.

«Выходим в открытое море», — догадался Азорес, набросил пальто и вышел на палубу.

Сильный ветер, мокрый снег, брызги... Траулер сильно качало.

«И так день и ночь, летом и зимой, в штиль и в шторм длится борьба с морем, — подумал Азорес. — Казалось бы, невероятно тяжёлый труд. Но какие у них у всех весёлые, жизнерадостные лица! Шутки, смех, песни...»

Траулер смело резал седые волны, держа курс на Медвежий остров. Помощники Гинзбурга в тяжёлых морских сапогах, в кожаных тужурках бежали от

шара к капитанской рубке, проверяя исправность проводов. Экран телевизора был установлен в капитанской рубке.

Азорес подошёл к шару.

«Вроде гондолы стратостата», — подумал он.

— В этом шаре находится радиостанция? — обратился он с вопросом к Гинзбургу.

— Нет, — ответил тот. — Изображение передаётся по проводам. В шаре — батареи сухих элементов, аккумуляторы, часовой механизм.

— Аккумуляторы для прожекторных ламп?

— Только для фотоэлемента. Дуговые фонари прожектора получают энергию от электростанции траулера.

— Значит, это не совсем радиопередача? — с некоторым разочарованием спросил Азорес.

— И даже совсем не радиопередача, — ответил, усмехаясь, Гинзбург.

— Почему?

— Потому, что вода сильно поглощает радиолучи. Радиоволна, несущая изображение, угасает, не достигнув поверхности моря. Мы предполагаем опускать наш телевизор на глубину двухсот-трёхсот метров, максимум четырёхсот. На таком расстоянии нетрудно обойтись и проводами. Это надёжнее и проще.

Наконец все приготовления были закончены. Тяжёлый шар бережно прицепили к крану паровой лебёдки и начали опускать в воду.

— Теперь лучше наблюдать не здесь, а на экране телевизора, — сказал Гинзбург испанцу.

Азорес поспешил в капитанскую рубку.

Гинзбург поместил экран в глубокую коробку, которая так защищала его от света, что можно было следить за экраном, не выключая электрического света. Благодаря этому капитан мог следить и за компасом, и за картой, и за экраном телевизора.

— Однако где же экран? — удивился Азорес.

Его постигло новое разочарование, когда капитан показал ему коробку, немногим более спичечной.

— Что поделаешь, — сказал капитан, — Гинзбург изготовил свой аппарат кустарным способом. Это пробный телевизор. Если он оправдает надежды, тогда наша центральная радиолaborатория изготовит прекрасные аппараты. Лишь бы... мы что-нибудь увидели.

Азорес посмотрел в коробочку, но ничего не увидел.

— Значит, рыбы нет, — утешил его капитан.

— А возможно, ваше подводное око не видит рыбу? — спросил Азорес.

— Возможно, — ответил капитан. — Но Гинзбург уверяет, что он кое-что уже видел на этом примитивном экране.

Текли томительные, долгие минуты. Азорес не спускал глаз с экрана. Вдруг он воскликнул:

— Смотрите! Экран оживает!

Маковский взглянул и увидел на красновато-жёлтом фоне экрана невыразительные, расплывающиеся пятна. Они двигались в разных направлениях и то исчезали из поля зрения, то вновь появлялись. Одни из них выделялись на экране тёмным, другие более светлым обрамлением.

— Это рыба, — спокойно сказал Маковский.

Азорес впился глазами в волшебную коробку.

— Ну что? — спросил вошедший Гинзбург.

— Смотри сам, — ответил капитан.

Тот только взглянул и весело сказал:

— Есть.

— Но почему так смутно? — спросил Азорес.

— Потому, что рыба далеко от телевизора. Мы, очевидно, около границ контура.

Азорес уже слышал термин «оконтуривание косяка». Когда Гинзбург отвернулся, чтобы дать распоряжение по телефону своим помощникам, Азорес вновь взглянул на экран и вскрикнул, радостно удивлённый. Он увидел выразительные очертания рыбы, блеснувшей боком и исчезнувшей в левом углу экрана. Вслед за первым появилось второе, потом третье изображение рыбы, ещё и ещё...

— Спускать трал!

С палубы раздались возбуждённые голоса, шум, грохот лебёдки. Матросы разворачивали огромный трал, висевший на мачте, и спускали его в воду. Это длилось несколько минут. Траловый лов с помощью телевизора начался.

Через сорок пять минут трал подняли. Он был полон рыбы и чуть не оборвался от тяжести. Азорес и Гинзбург сбежали вниз, на палубу. Моряки кричали «ура» изобретателю.

— Качать, качать! — кричали они. Потом схватили Мотю и подбросили.

— Черти! И без того качает. Ещё за борт уроните! — кричал счастливый изобретатель.

Капитан остановил эту игру, но не сделал предупреждения за нарушение дисциплины. Он понимал настроение экипажа и сам был рад не меньше матросов.

Вестник аварии

Лов шёл прекрасно. Подводное око безупречно выполняло свою работу. Иногда экран вдруг мертвел, игра пятен прекращалась — значит, траулер выходил из косяка. Начинались новые поиски, потом экран снова оживал. Опытный капитан быстро определял «контур» косяка и теперь мог вести лов до тех пор, пока трюмы наполнятся до отказа.

Траулеры уходили на промысел на долгое время и блуждали по морю месяцами. Теперь же «зрячий» траулер мог выполнить задание за несколько дней. Какая экономия!

Люди, забыв об усталости, о резком северном ветре, ловили рыбу, набивая трюмы. Рыбу разделявали и солили здесь же, на траулере, — он был настоящим плавучим заводом.

На обратном пути, как ни торопились, Гинзбург упросил капитана сбавить ход, чтобы опустить ещё раз телевизор на мелководье и посмотреть дно. Капитан согласился, и телевизор был спущен. Гинзбург, следивший за экраном, вскрикнул и побледнел.

— Что такое? — спросил капитан с тревогой.

— Мы, кажется, нашли один из наших погибших траулеров, — промолвил Мотя.

— Задний ход!

Капитан взглянул на экран. Да, там чётко виднелась корма траулера, лежавшего вверх дном.

Железо обросло мелкими водорослями, словно мхом. Везде виднелись пятконечные морские звёзды, крабы, мелькали рыбы, привлечённые огнём прожектора... Мелькнула надпись: «Пик...».

— Это «Пикша», — сказал капитан. — Дизельный траулер, он погиб вместе с «Окунем» в шторм под тридцатое декабря 1931 года. Так вот где погибла «Пикша»! А последние сигналы были приняты почти с широты Медведки.

— «Пикшу» могло отнести на юг уже опрокинутую, — высказал догадку Гинзбург.

— Печальная находка, — вздохнул капитан. — Он сам едва не погиб во время той ужасной бури. — Но для тебя, Гинзбург, конечно, и подходящая... Ну, ну, не маши рукой. Ведь мы понимаем друг друга. Мы нашли траулер, и он лежит неглубоко. Эпроновцы поднимут его. На дне Баренцова моря похоронено немало траулеров и наших, и немецких, и норвежских, и английских. С помощью твоего ока мы разыщем и поднимем их.

Известие о найденной «Пикше» разлетелось по траулеру. Моряки вспоминали погибших товарищей, штормы, бури. Но разве вся жизнь не борьба?

Распогодилось. Правда, по морю ещё ходили огромные волны, но ветер угомонился, тучи исчезли, на небе сияла луна. Серебристые отблески лунного света плясали на волнах.

Азорес подошёл к борту и, покачиваясь в такт пароходу, пристально смотрел в одну точку.

— К чему ты присматриваешься? — спросил Гинзбург.

— Видишь, блестит, как звёздочка, — ответил Азорес, указывая вдаль.

— Вижу: луна отражается в волнах.

— Нет, не луна, — ответил Азорес. — То блестит бутылка.

— Ну и что?

— А то, что если она не утонула, значит её закупорили. В таких бутылках бывают письма потерпевших аварию, вот что. Надо поймать эту бутылку.

Азорес поспешил к капитану. Маковский выслушал его без особого удовольствия. Ловить бутылку, в которой, возможно, ничего и нет, — терять время. С другой стороны, морские традиции обязывают: бутылка должна быть выловлена. И он дал команду. Траулер сбавил ход и остановился. Качка усилилась. Азорес был сильно обрадован новым приключением.

Матросы прикидывали, как изловить бутылку. Спускать трал нецелесообразно: ячейки его сети были широкими и бутылка проскочила бы сквозь них. Отыскалась небольшая сеть с мелкими ячейками, ею и поймали бутылку.

Азорес не ошибся: бутылка была герметически закупорена резиновой пробкой и в ней виднелась бумага. Бутылку доставили в каюту капитана. Маковский осторожно вынул пробку и достал из бутылки свёрнутый в трубочку листок. В записке размашисто было написано по-английски:

«На случай гибели парохода „Левиафан“. Прошу доставить эту записку в Аргентину, Буэнос-Айрес, Литл-стрит, 344. Жуану Хургесу. Бласко Хургес».

Далее шёл зашифрованный текст — сплошные ряды отпечатанных на машинке букв. В самом конце, после шифра, — приписка:

«В письме чрезвычайно важные сведения. Прошу доставить с нарочным. Затраты на проезд будут оплачены на месте. Если отослать с нарочным невозможно, прошу передать по бильдаппарату».

Маковский повертел лист в руках и рассмеялся.

— Какой-то чудак, — сказал он. — Думает, что найдутся люди, которые бросят своё дело и поедут на свой счёт в Южную Америку, чтобы разыскать адресата и передать ему письмо в надежде на оплату расходов.

— А адресат, возможно, уже умер или выбыл в неизвестном направлении, — добавил штурман.

— Можно сфотографировать письмо и отослать снимок, — посоветовал Гинзбург.

Азорес, до этого слушавший молча, неожиданно сказал:

— Для меня совершенно ясно, что Бласко Хургес, погибший вместе со знаменитым «Левиафаном», желал, чтобы его письмо было передано без огласки. Письмо зашифровано не зря, и если этот шифр передать через многие страны телеграфом или бильдом, то, естественно, им заинтересуются тайные полиции и министерства иностранных дел ряда стран. Присяжные шифровальщики утратят сон и аппетит, пока не расшифруют это письмо. Хургес, очевидно, был уверен в сообразительности и благородстве тех, в чьи руки попадёт его бутылка. К бильдаппарату он просил прибегнуть лишь в крайнем случае. Последняя воля трагически погибшего человека должна быть выполнена.

— А вдруг этот документ заключает в себе оружие против нас, СССР? Что,

если Хургес — агент империалистической державы, замышляющей каверзы против нас? — спросил капитан.

Все умолкли.

— Опасения трезвые. Всё возможно, — ответил после размышления Азорес. — Однако маловероятно, чтобы официальные дипкурьеры или шпионы бросали в океан бутылки с зашифрованными документами. Как бы ни был хитро составлен шифр, всегда найдётся дотошный расшифровщик. Расшифровали же египетские иероглифы. Правительства всегда располагают возможностью направлять секретные документы с дипломатической почтой. Если бы на пароходе погиб государственный документ, его копии остались бы в министерстве. Вместо погибшего Хургеса был бы послан иной человек, если бы Хургес был дипкурьером; на том бы дело и кончилось. Здесь же что-то иное. Я полагаю, Хургес, — кто бы он ни был, — работал, как говорится, за свой страх и риск. Возможно, это один из авантюристов, открывших золотые россыпи или что-нибудь в этом роде. В свой смертный час он решил открыть тайну своему родственнику — Жуан Хургес, видимо, его брат, отец или сын. — Азорес окинул взглядом моряков. Все молчали, и он продолжал: — Мой план таков: редакция газеты, в которой я работаю, предложила мне ехать в Южную Америку. Там сейчас происходят интересные события. Я поеду туда и возьму письмо с собой. На всякий случай мы снимем копию. А я, приехав в Буэнос-Айрес, прежде всего осторожно разузнаю, кто такой Хургес. Если он не из нашего лагеря, я... придержу письмо, пока мы не расшифруем его сами и не убедимся, что оно безопасно для нас.

— Последняя воля погибшего должна быть выполнена, — с иронией повторил Гинзбург слова Азореса.

— Да, если погибший не враг, — спокойно отпарировал Азорес. — Наша этика состоит в том, чтобы стоять на страже интересов своего класса. Так ведь? Одним словом, я еду разыскивать Хургеса. Вы согласны со мной, товарищи?

— Такой вопрос мы не можем решить сами, — осторожно сказал капитан.

— Разумеется, — подтвердил Азорес. — Я буду в Москве и условлюсь. Но не слишком ли мы мелочны?.. Ведь Хургес, бросая бутылку в море, знал, что она может быть занесена течением Гольфстрима и к северным берегам Франции, и к западным берегам Англии, и к берегам Норвегии, даже к Новой Земле и Земле Франца Иосифа, где Гольфстрим, между прочим, уходит на большую глубину. Хургес, если он не дурак (а он, кажется, был не дурак), знал, что его бутылка может оказаться и в капиталистической стране и в Советском Союзе. Он знал, конечно, что его шифром будут интересоваться. Однако он был уверен, очевидно, что без ключа его шифр не будет расшифрован. Поэтому и просил в крайнем случае передать по бильду. Наконец, бутылка могла затеряться в океане. Чистая случайность, что нашли её мы, а не норвежцы или немцы. Она могла попасть в руки фашистов...

— В конце концов, не слишком ли большое значение придаём мы всему этому? — спросил Гинзбург. — То, что составляет огромную важность для Хургесов, — для нас, да и для всех других, возможно, не стоит выеденного яйца...

Корреспондент аккуратно свернул письмо и спрятал его в карман.

— Во всяком случае, возвратившись из Аргентины, а может быть и раньше, я уведомя вас о своих успехах. Сфотографировать письмо мы ещё успеем.

Траулер сильно качало, поднялся ветер. Капитан перешёл в рубку и принял команду.

Слепая старуха

Азорес искал улицу, на которой проживал Хургес. Хмурые люди подозрительно осматривали хорошо одетого Азореса и молча показывали направление — с каждым разом всё более вглубь трущоб рабочего квартала. Азорес был немного встревожен. Что бы это значило? Тот, кто бросил бутылку, путешествовал на «Левиафане» — на пароходе богачей. Какие же дела могли быть у состоятельного бизнесмена, трагически погибшего в океане, с людьми этого предместья?

С большими трудностями Азоресу, наконец, удалось найти улицу, которую он искал. Невесёлое место — возле кладбища бедноты и нового здания тюрьмы. «Что же, власти были предусмотрительны, устроив кладбище и тюрьму именно в этой части города. Забота о рабочем населении квартала: приблизить места „общего пользования“, с которыми оно чаще всего имеет дело», — подумал Азорес.

Вот и дом № 344, если только эти развалины можно назвать домом... Позвонить? Нет звонка. Дверь полуоткрыта. Постучал... Никто не отвечает. Азорес постучал сильнее и, не ожидая ответа, вошёл в комнату. Старый косматый пёс хрипло залаял на Азореса и из последних сил приподнялся на передние лапы. Задние были парализованы.

— Кто здесь? — услышал Азорес грубый старческий голос и повернулся.

В тёмном углу сидела старая женщина в лохмотьях. Она смотрела в пустоту невидящими глазами.

«Ну и обстановка!» — подумал Азорес.

— Скажите, будьте добры, здесь ли живёт дон Хургес? — спросил Азорес, приближаясь к старухе.

Усмешка растянула её беззубый рот. Длинный крючковатый нос почти касался острого, поднятого кверху подбородка.

— «Дон», — издеваясь, передразнила она. — Разве доны живут в таких халупах?

— Вы всё-таки не ответили на мой вопрос.

— Нет здесь никакого Хургеса, — сердито прошамкала старуха.

Азорес приуныл.

— Но, возможно, он жил здесь? Вы сами давно живёте в этом доме?

— Семьдесят шесть лет, — ответила старуха.

— И никогда не слышали о Хургесе?

— Может, и слышала. За семьдесят шесть лет о ком не услышишь. Да вы-то кто такой и что вам нужно? — спросила она подозрительно, и ноздри её зашевелились, словно обоняние могло заменить ей зрение.

— У меня письмо к Жуану Хургесу. Очевидно, от его брата, который погиб во время крушения «Левиафана». Письмо было обнаружено в бутылке и благодаря счастливому случаю оказалось в моих руках.

Старуха с интересом прислушивалась. Азорес следил за выражением её лица. Очевидно, она всё-таки знает Хургеса.

— Подойдите ко мне, я вас ощупаю, — неожиданно сказала она после ми-

нутного молчания.

Азорес выполнил эту странную просьбу. Старуха старательно ощупала рукав его пиджака, заставила наклониться и быстро провела сухой морщинистой рукой по лицу от лба к подбородку.

Осмотр, очевидно, удовлетворил её. Подумав, она промолвила:

— Да, вы испанец. И вы недавно сюда приехали...

Азорес не мог уразуметь, из чего она сделала такой вывод, однако не отважился спросить об этом.

— Уверяю вас, что я не обманываю и пришёл к вам как друг, — горячо сказал Азорес. Видя, что старуха начинает сдаваться, он рискнул открыть карту, которая могла решить игру в его пользу. — Я корреспондент коммунистической газеты «Барселонский пролетарий».

Эффект превысил его ожидания. Старуха выпрямилась и сурово спросила:

— Вы говорите правду?

Коммунист Азорес горячо и искренне произнёс старинную испанскую клятву, и это произвело должное впечатление. Старуха обратила лицо на звук его голоса и молвила:

— Я вам верю.

Азорес вздохнул с облегчением:

— Дайте мне вашу руку.

Азорес сильно пожал руку старухи.

— Нам надо быть осторожными, очень осторожными, — продолжала она, покачивая головой, — особенно такой слепой бабе, как я. Вокруг шпионы и изменники. Если бы я вовремя отрезала себе язык, Жуан Хургес, возможно, не был бы там, где он теперь.

Старуха скорбно наклонила голову. Очевидно, она уже однажды проговорила и этим погубила Хургеса.

— Где же он? — спросил Азорес.

— Там, куда вам не добраться, — ответила старуха. Она указала на окно, через которое была видна крыша новой тюрьмы. — Ко мне однажды вот так же пришли и спросили: «Товарищ Хургес у вас проживает?» И я, старая дура, поймалась на слово «товарищ».

Азорес смутился. Обстановка усложняется... Тот, кого он искал, сидит за толстыми стенами тюрьмы...

— Скажите, с ним действительно никак невозможно увидеться?

— Если бы вы были прокурором или начальником тюрьмы, то могли бы видеться с ним ежедневно, — ответила старуха. — А так... — она печально покачала головой.

— Но у него должны же быть друзья! Они могут мне помочь. Вы не знакомы с кем-нибудь из них?

Старуха вновь насторожилась и взглянула на Азореса своими белёсыми невидящими глазами, словно надеялась прочесть замыслы Азореса сквозь плёнку катаракты.

— Я понимаю вас, — сказал Азорес. — Вы боитесь открыть конспиративную квартиру. Но встреча может произойти у вас. Здесь достаточно безлюдное место и товарищи могут убедиться, что хвост шпионов не тянется за мной. Можно назначить свидание и в другом месте — где хотите. Назначайте час и место.

Старуха минут пять молчала. Азорес уже стал терять терпение.

— В воскресенье в десятом часу вечера на кладбище, возле часовни, — неожиданно сказала она, не глядя на него.

Азорес поблагодарил её, пожал руку и вышел. Потом вернулся и немного растерянно обратился к старухе:

— Простите меня за моё желание помочь вам и не поймите этого превратно, — он сунул ей кредитки. — Здесь двадцать пять долларов.

— Чтобы не обижать вас, я возьму, но не сейчас, а потом, после свидания.

Он понял её. Эти деньги могли стать ценой предательства, если бы Азорес оказался шпионом. Старуха имела право быть недоверчивой к людям.

Азорес вышел.

На кладбище

Азорес был молод, горяч и обладал живым воображением. Он строил самые смелые проекты свидания с Хургесом и даже его освобождения. Может быть, выдать себя за священника из Испании и пройти к Хургесу под видом исповедника? Но в тюрьме свои исповедники... Подкуп? Похищение с тюремного двора на самолёте? Подкуп? Азорес вспомнил несколько историй трудных тюремных побегов. Воображение разгулялось. С этими мыслями он уснул и видел во сне какие-то мрачные подземные ходы, лестницы, решётки...

Дни, оставшиеся до встречи на кладбище, он использовал на сбор материалов для своих газет. В эти дни в Буэнос-Айресе разразилась стачка рабочих и служащих городского транспорта. Азорес успевал всюду, не забывая и про Хургеса: «Странная фамилия, — думал он, — звучит для иностранцев, как испанская, однако не испанская. Хургес... Кем бы он мог быть?»

Наконец настал день свидания. Азорес пришёл немного ранее и стал бродить по кладбищу.

«Классовые привилегии не кончаются и со смертью», — думал Азорес. Вчера ему случилось побывать на кладбище аристократов и богачей. Там мраморный город: мавзолеи, фамильные склепы, часовни, широкие, усыпанные жёлтым песком дорожки, цветы. Настоящая выставка! Здесь же, на кладбище бедноты, простые деревянные кресты, так тесно поставленные один возле другого, что между могилами трудно пройти. Такое же перенаселение, как и в рабочих кварталах. Труп не успевал сгнить, а в его могилу хоронили другой... Вот могилы и без крестов. На иных — только столбик с надписью, красная ленточка, свежий венок из красных маков... На сером могильном камне вырезаны серп и молот.

Азорес взглянул на часы. Без пяти десять. Скорым шагом двинулся к часовне. Темнело. Из узкого окна падал густой красный свет лампы. В небе — серп молодого месяца. Пахнет свежевынутой землёй и дымом соседней фабрики.

Азорес вздрогнул: слышны чьи-то шаги. Двое мужчин быстро подошли к часовне.

— Товарищ Азорес? — спросил один.

— Да, это я, — ответил Азорес.

Судя по всему, это были рабочие. Они пожали ему руку.

Азорес повторил свой рассказ и показал им удостоверение редакции. Пришедшие внимательно прочитали документ. При этом они переводили взгля-

ды с фотокарточки на его лицо, убеждаясь в сходстве. Покончив с удостоверением, попросили показать письмо.



Рабочие долго и внимательно рассматривали документ, потом, переглянувшись, возвратили его Азоресу. Один сказал:

— Товарищ Азорес, мы верим вам. Постараемся сообщить об этом письме Хургесу. Приходите к старухе ровно через неделю. — И, попрощавшись, пошли.

«А я?..» — едва не вскрикнул Азорес. Ему самому хотелось принять участие во всех событиях. Но, видимо, ему придётся довольствоваться пассивной ролью и ожидать известий.

Азорес зашёл к старухе и, поблагодарив её, вложил ей в руку деньги. Теперь она не отказывалась. На её морщинистом лице появилось нечто похожее на улыбку. Азорес не знал, что бедная старуха уже несколько дней поддерживала своё существование только луком — луковица на обед, пол-луковицы на ужин и склянка воды, — вот и всё. А её бедная собака от голода и слабости уже не могла поднять голову...

Снова беготня, суматоха корреспондентской работы... На второй день Азорес оказался замешан в неприятную историю, когда фотографировал уличные бои стачечников с полицией и штрейкбрехерами. Азореса арестовали, а его аппарат конфисковали — такие снимки были запрещены. Через несколько дней ему удалось выйти на свободу, но аппарат остался в полиции.

В назначенный день Азорес пришёл к старухе, однако, кроме неё и повеселевшей собаки, никого тут не застал. «Неужели и те рабочие арестованы?» — подумал он. Старуха приветливо кивнула и передала ему записку.

— Адрес, — сказала она. — Идите по этому адресу. Человек, названный в адресе, даст вам объяснения. Возьмите с собой найденное вами письмо.

Азорес поблагодарил старуху и попрощался.

Правая рука Бласко Хургеса

С окраины города Азоресу пришлось идти пешком почти до центра — на Майскую улицу. Служащие транспорта продолжали бастовать. На улицах стояла необычная для огромного города тишина. Не гремели трамваи, не слышно было автомобильных сирен. Всюду стояли пикеты. Тяжеловесно погромыхивал полицейский танк. Над городом барражировали самолёты — разыскивали скопления рабочих и по радио оповещали командование полицейских отрядов.

Азорес, то и дело вытирая пот со лба и шеи, шёл мимо пустых магазинов. Кризис и стачка наложили свой отпечаток на город, — он был похож на тяжелобольного. Как пятна проказы, белели на стенах ромбы и квадраты снятых вывесок. Витрины, прикрытые железными шторами, неубранный мусор на тротуарах, ключья газет, перевёрнутый автобус...

На углу улицы возле закрытого беломраморного ресторана стоял старый индеец с драным одеялом на плечах. В руках он держал большой стеклянный кувшин с водой, в которой плавали жёлтые дольки лимонов. Азорес выпил стакан воды, — она оказалась холодной, — и спросил, где помещается здание электрической компании. Индеец неопределённо пожал плечами. Он не имел дела с такими важными предприятиями.

Наконец Азорес нашёл нужное семиэтажное здание с вывесками на фронтоне. Вошёл в застеклённый вестибюль. Его встретил заспанный швейцар. На вешалке всего три соломенные шляпы.

— Скажите, здесь проживает мистер Кар? — спросил Азорес.

Азорес направился к лифту.

— Не проживает, а только работает. Седьмой этаж, комната семьсот тридцать два, — сухогато ответил швейцар.

— Не работает, — флегматично предупредил швейцар.

Пришлось подниматься по лестнице.

В пролёте между четвёртым и пятым этажами ему повстречался бледный молодой человек, с виду клерк. Взглянув на Азореса, он явно встревожился и несколько раз обернулся.

«Странные тут порядки! — подумал Азорес. — Не работают у них сегодня, что ли? Впечатление такое, что здание оставлено. Может быть, компания переехала?»

Но вот и седьмой этаж. Шаги Азореса гулко отдавались в длинном коридоре. Мимоходом он заглядывал в приоткрытые двери. Длинные столы, на них — катушки, лампы, аккумуляторы, стеклянные трубки, аппараты, приборы... Очевидно, лаборатории. Все комнаты были пусты. Ни одного человека. На всех предметах тонкий слой пыли. Коридор повернул направо, ещё раз направо. Вот и комната 732. Азорес постучал. За дверью послышались быстрые шаги, стук, шуршание, словно кто-то наскоро убирал комнату; потом дверь раскрылась, и на пороге выросла испуганная фигура маленького человека с рыжей козлиной бородкой. На нём был заношенный синий халат.

— Могу ли я видеть мистера Кара? — спросил Азорес.

— Я Кар. К вашим услугам, — отвечал человек с козлиной бородкой и, раскрыв дверь шире, пропустил гостя. — Чем могу служить?

— Я по делу дона Бласко Хургеса.

— Бласко Хургеса? — подскочив, вскрикнул Кар. — Садитесь, пожалуйста. — Он засуетился, придвигая гостю стул. — Бласко! Он погиб, погиб, бедняга... Погиб в тот момент, когда его жизнь была так необходима!.. Однако какое же может быть дело? — И он подозрительно взглянул на Азореса.

Азорес рассказал Кару всё, начиная с выловленной в море бутылки и кончая посещениями старухи.

Кар слушал, кивал головой, тряс козлиной бородкой и всё повторял:

— Так, так... Бедняга Бласко Хургес!.. Жуан сидит в тюрьме. Этого следовало ожидать. Можно мне взглянуть на письмо?

Азорес подал письмо. Кар схватил его, почти вырвал из рук, и впился глазами в бумагу.

— Так, так... Это его рука, его шифр...

— А ключ от шифра? — спросил Азорес.

Кар ещё раз испытующе взглянул на Азореса: можно ли ему верить?

— Я коммунист, — решительно сказал Азорес. — Понравится это вам или нет, но это так. Видите, я откровенен, будьте же и вы откровенны со мной.

— О, конечно, конечно! — засуетился Кар. — Шифр у меня. Вот здесь, в этом шкафу, где хранятся провода, изоляторы и всякий хлам. Надёжнейшее место! Лучше, чем на квартире. Ведь это здание, как вы уже, наверное, заметили, по существу безлюдно. Да, да. Кризис. В пору процветания электрическая компания организовала здесь широчайшие исследовательские работы: радиолампы, фотоэлементы, телевизоры... Сотни научных сотрудников, известнейшие специалисты, изобретатели... А теперь вся работа свёрнута, научные сотрудники рассеялись в поисках работы.

— А вы? — спросил Азорес.

— В настоящее время — полулаборант, полусторож, — с печальной усмешкой ответил Кар.

— Вы были хорошо знакомы с Бласко Хургесом?

— Хорошо ли я был знаком! — воскликнул Кар, и его рыжие ресницы заморгали. — Я был ближайшим помощником Хургеса. Хургес! Это великий изобретатель. Великий ум, великое сердце! Вот в этой комнате, у этого стола мы проработали с ним двенадцать лет. Много дней и... много ночей.

Азорес не был бы опытным корреспондентом, если бы не попытался выведать у Кара всё, что касалось Хургеса. Кар охотно отвечал, и Азорес узнал больше, чем ожидал.

Отец Хургеса, Соломон Хургес, был польским евреем. В своё время он эмигрировал в Соединённые Штаты, но там ему не повезло, и он перебрался в Южную Америку. Именно здесь, в Буэнос-Айресе, у него была мастерская по ремонту автомобилей, велосипедов, мотоциклов. Жуан Хургес помогал отцу, а когда отец умер, устроился на большой завод и там включился в революционную борьбу. Старшему его брату, Бласко Хургесу, удалось получить высшее техническое образование, и он работал в исследовательской лаборатории электрической компании, бывшей филиалом нью-йоркской. Его очень ценили. Он дал фирме много замечательных изобретений, внедрил экономичные лампы, а когда было налажено производство радиоприёмников, сконструировал очень удачный тип любительского гетеродинного радиоприёмника.

— Но душу свою он не продал фирме, — многозначительно промолвил Кар.

— Что вы хотите этим сказать? Хургес был коммунист?

— Он мыслил, как коммунист, — ответил Кар. — Вот и всё, что я могу сказать. Он жил очень дружно со своим братом. Однажды при мне Бласко сказал Жуану: «Мы идём к одной цели, но разными путями, и, наверное, нам выгоднее реже видаться друг с другом, чтобы твоя „революционная популярность“ не накликала подозрений и на меня, на „нашу революционную работу“, — и он указал на меня». Да, на меня, — с гордостью повторил Кар. — Ибо мы трудились вместе, у нас не было секретов.

— И что же это за «революционная работа»?

— Революция в области науки и техники, которая призвана послужить революции пролетарской, — ответил Кар. — Мы изобретатели. Само собой, изобретал Бласко, а я помогал ему. Ах, у него была подлинно эдисонова голова! Со времени Октябрьской революции Бласко жил мыслью о Стране Советов. Он трудился для неё и мечтал приехать туда не с пустыми руками. О, он готовил богатый подарок! И вот, когда... Ах, Бласко, Бласко!.. Такой осторожный даже в мелочах и... Почему ты не послушал меня?.. — Красные веки с рыжими ресницами снова задрожали, заморгали, словно Кар собирался заплакать.

Азорес догадывался, что здесь кроется великая тайна.

— А что это за изобретение, над которым вы трудились?

— Это изобретение... — Глаза Кара вспыхнули огнём вдохновения, однако он погасил этот огонь, быстро подошёл к двери, приоткрыл её, выглянул в пустой коридор и, оставив дверь полуоткрытой, — так слышнее приближение шагов, — возвратился на место, сел возле Азореса и прошептал: — Камень мудрости. — Кар затаил дыхание и беззвучно рассмеялся.

«Не сошёл ли с ума этот чудак?» — подумал Азорес. Но тот продолжал:

— Да, философский камень. Мечта алхимиков о превращении элементов. А по-современному — снаряд для расщепления атомного ядра. Переворот? Новая эпоха в химии, в истории человечества!

В увлечении он всплеснул сухими ручками и усмехнулся. Азорес отшатнулся к спинке стула и несколько секунд молча смотрел на Кара.

— Да, да, да, — пламенно зашептал Кар, выдерживая взгляд Азореса. — Не мечта, не проблема, не гипотеза, а факт. Вот здесь, вот на этом самом столе, мы завершили последние опыты. Вот здесь, на этом месте, стоял аппарат — новейшая «пушка» для бомбардировки атомного ядра. И что она творила! Какие чудеса превращения вещей делала она на наших глазах!

— И где этот аппарат? — спросил Азорес, чувствуя, что у него холодеет спина и бегут мурашки по телу.

— Нигде. — Кар тяжело вздохнул. — Такие вещи нельзя было брать с собой. Безопаснее возить их в голове. Но разве голову нельзя погубить в дороге? Хургес располагал большими деньгами и почти все их истратил на исследования. А на последние купил билет на лучший, казалось безопаснейший пароход — пароход миллиардеров, как его звали в обеих Америках, — «Левиафан». Но нет такого корабля, который не мог бы затонуть... Хургес принял все меры предосторожности. Свои расчёты, формулы, выкладки — одним словом, весь «экстракт» своего наизнаменительшего открытия он изготовил в двух экземплярах: один — на бумаге, он хранился у него в широком поясе...

— А второй? В металлическом ящичке? — с нетерпением спросил Азорес.

— Хургес был предусмотрительнее. Что такое ящик? Пароход может затонуть на огромной глубине, и тогда давление воды расплющит ящик и бумаги

погибнут. Нет, Хургес поступил иначе. Он выгравировал все цифры, формулы, схемы и краткие пояснения на тонких металлических пластинках, сложил пластинки и края их запаял. Прекрасно придумано! — Кар сухо рассмеялся. — Если бы такой «портфель» затонул даже на десяти тысячах метров глубины, с ним всё равно ничего бы не случилось.

— Несчастный Бласко! Значит, ты погиб... До сегодняшнего дня у меня ещё были надежды, — уже другим тоном продолжал Кар после паузы. — Теперь этой надежды больше нет. Ошибка, горькая ошибка!

— Но в чём же его ошибка? — спросил Азорес.

— А в том, что он не оставил мне копии.

— Разве вы без него не в состоянии соорудить «пушку»?

Лицо Кара выразило страдание.

— Что такое я? — простонал Кар. — Я был только руками Бласко, и Бласко очень хвалил эти руки. — Кар посмотрел на свои руки, поросшие рыжими волосами. — Ну, допустим, я видел, как строился аппарат, своими руками его делал. Но... Вы не знаете, какая это сложная вещь! По формулам и схемам я мог бы сделать, а формулы лежат теперь на дне океана... Не захотел оставить копию, вот и ошибка. Естественно, это было опасно. Жуан сидит вот... Шпики могли заинтересоваться и его братом, хотя бы и покойным, могли заглянуть сюда...

— Однако что же написал Хургес в своём зашифрованном письме?

— Сейчас прочтём. Хотя я наперёд, почти наверняка, могу сказать, что он написал.

Кар приподнялся, отворил большой шкаф и из кучи всяких электротехнических материалов и старых деталей вынул тонкую алюминиевую пластинку такого же формата, как и письмо. На пластинке были вырезаны в разных местах четырёхугольные отверстия величиной с литеру печатной машинки. Кар наложил пластинку на письмо и прочёл:

— «В случае моей смерти известите S3R».

— Что это обозначает? — спросил Азорес.

— Дорогой Бласко! Узнаю тебя. Даже в шифре ты прибегнул к формуле, — с мягкой грустью промолвил Кар, словно разговаривая с покойным другом. Обращаясь к Азоресу, он спросил: — Разве вы не догадываетесь? Эс-три-эр. Это СССР. Сообщить правительству СССР о том, что в глубине Атлантического океана хранится сокровище, предназначенное для Советского Союза. Но выдаст ли теперь океан свою тайну? — спросил Кар, обращаясь к Азоресу. — Если я не ошибаюсь, «Левиафан» затонул где-то около Азорских островов. «Портфель» Бласко Хургеса лежит на глубине двух-трёх тысяч метров. Разве можно спуститься на такую глубину? Правда, чтобы найти «портфель», не нужно поднимать пароход. Бласко был предусмотрителен, — я уже говорил об этом. Он собирался прикрепить дощечку к якорной цепи. И всё-таки это мало облегчает задачу. Водолаз не может опуститься глубже, чем на триста метров, и я боюсь, что тайна Хургеса погибла навсегда.

— Ну, это ещё рано предрешать, — ответил Азорес. — Я, во всяком случае, исполню последнюю волю великого учёного и известю Советское правительство обо всём, что знаю. Пусть решают, что делать. Благодарю вас, мистер Кар...

— Товарищ Кар, — с мягким упрёком поправил Азореса Кар.

— Товарищ Кар... Благодарю вас и разрешите проститься.

— Нет, обождите, — живо возразил Кар. — Вы догадываетесь, как мне дорого это дело. И потом... Ведь я могу быть и полезен. Мне хотелось бы, чтобы вы, товарищ Азорес, ставили меня в известность о дальнейшей судьбе этого дела.

— Ставить в известность — это не легко, — смеясь, ответил Азорес. — Вы, конечно, понимаете, что о таких вещах писать нельзя.

— Зачем писать?! Можно поступить иначе. Мы будем говорить. И говорить так, что ни один человек нас не поймёт. — Кар снова засмеялся. — Это также одно из последних открытий Хургеса. Не такое важное, как «пушка», но всё же интересное. Он подарил, его мне перед отъездом. Коротковолновая радиостанция. Для неё необходима энергия в десятые доли ватта — меньше, чем для батареи карманного электрического фонарика. Антенна — пять сантиметров, дальность действия неограниченна. Главное же — острая направленность гарантирует тайну передач. Вот этот прибор следит за направлением луча. Мельчайшие отклонения регистрируются и тотчас автоматически устраняются. Как вам нравится? — Кар снова засмеялся и потёр руки. — Я дам вам одну приёмно-передаточную радиостанцию. Или нет... Я дам вам схему и кое-какие пояснения на двух страничках записной книжки. В СССР, конечно, имеются опытные радисты?

— Разумеется.

— Так вот, мы будем разговаривать. Вручаю вам свой подарок. — Кар вынул из письменного стола бумагу, быстро набросал схему, пояснения к ней и всё это передал Азоресу.

— Так вот, мы будем разговаривать и даже... видаться, если захотим. Да, да, по телевизору. В полдень по местному времени я буду ловить волну. До свидания.

Они расстались друзьями.

Азорес почти бежал по тротуару, не чувствуя под собой ног. Его охватила бурная радость. Он не видел ни пустых магазинов, ни опрокинутых автомобилей и трамваев. Что ему до этих картин умирающего Старого Света! Скорее в отель и оттуда — в порт.

Судьба экспедиции решается

В Москве Азорес доложил всё специальной комиссии. На заседание были приглашены специалисты.

— Ваше мнение? — обратился председатель к академику Тоффелю.

Седой, высокий, полный, румяный академик поднялся и негромко произнёс:

— Во всём мире ведётся упорная атака, точнее — правильная осада, твердынь атомного ядра. Люди работают, не жалея труда, средств, энергии, и понятно почему. Если удастся оседлать атомную энергию, то последствия будут чрезвычайные. Мы теперь даже не можем представить, каким станет мир, когда в наших руках окажется эта подлинно космическая сила. Со времён, когда люди стали изобретать, ни одно изобретение, ни одно открытие — ни пар, ни электричество, ни радио — ничто не может сравниться с этим. Атомные двигатели совершат полный переворот в технике, в быту. Мы станем неизмеримо сильнее и богаче. Взять хотя бы нашу единую высоковольтную сеть. Она стоила нам миллиарды, и её эксплуатация стоит миллионы, десятки миллионов. Провода, опоры, кабели, дорогие, громоздкие динамо-машины, турбины — всё это станет ненужным или почти ненужным. Мы сэкономим наше топливо: уголь, нефть, лес. Они уже не будут топливом. Они будут только исходным сырьём для химической переработки в высокоценные продукты. Древесина пойдёт только на выделку бумаги, штучного шёлка, сахара и других продуктов и товаров. Одно лишь это спасение угля, нефти, леса от варварского истребления в топках обещает миллиардные сбережения.

Относительно самой атомной энергии нечего и говорить. То, что она может принести, не поддаётся исчислению. Зачем мы прокладываем теперь наши электромагистрали на тысячу километров? Затем, чтобы передать энергию туда, где её нет. Уголь, нефть, лес, вода — современные источники энергии — не всегда имеются там, где есть руда и другие полезные ископаемые. Атомная энергия и атомные двигатели дадут неограниченные ресурсы энергии там, где она необходима, без всяких хлопот, без громоздких сооружений. В тундре и тайге, в горах и пустынях — везде мы сможем иметь карманные Днепрогэсы.

Целиком преобразится транспорт. Ненасытные паровозы исчезнут. Появятся новые виды скоростного наземного, воздушного и водного транспорта. Даже полёты на планеты станут реальностью. Исчезнут преграды и для строительных работ. Мы сможем покрыть каналами всю страну. Мы будем буквально двигать горами. Мысль, творческая фантазия современного строителя до сих пор были связаны «энергетическим лимитом». Теперь многие из проектов нам просто не приходят на ум потому, что для их выполнения необходимы непосильные для нас затраты энергии. Свобода технических мечтаний станет подлинной. Человек будет полновластным хранителем природы.

Можно ли определить денежную стоимость этого изобретения? Я затрудняюсь назвать цифры. Исчислять пришлось бы уже не в миллиардах, а в триллионах. Если представляется хотя бы малейшая возможность овладеть подобным изобретением, то любые затраты, как бы велики они ни были, окупятся в невиданных размерах.

Академик сделал паузу и продолжал:

— Но всё это при одном условии: если аппарат Хургеса пригоден для полу-

чения не слишком дорогой внутриатомной энергии. Мы сами научились разрушать атомное ядро и если не сконструировали опытного атомного двигателя, то только потому, что это преждевременно. А преждевременно потому, что добывание атомной энергии стоит пока неизмеримо дорого. Ведь для расщепления атома мы пользуемся высокими и сверхвысокими напряжениями в миллионы вольт. А результат этой дорогой атаки, к сожалению, слишком невелик. Наши «снаряды» плохо попадают в цель. Из тысячи выстрелов одно попадание.

Товарищ Азорес сообщил нам, что есть свидетель, сотрудник Хургеса товарищ Кар, который подтверждает факт, что Хургес успешно разрушал атомные ядра. Но описание великого открытия лежит пока на дне моря. Я не допускаю мистификации. Однако кто поручится, что Хургес и Кар не из породы прожектёров? Разве алхимики не были уверены, что они «почти» открыли секрет превращения неблагородных металлов в золото?

— Ваш вывод? — спросил председатель.

— Мой вывод: искать таблицы Хургеса, если это технически возможно и если затраты на поиски под силу нашему государству.

— Извините, академик, — обратился с вопросом пожилой экономист, — а расщепление атома, так сказать в заводском масштабе, не повлечёт за собой...

— Мировую катастрофу? — спросил Тоффель. — Не думаю. Как я уже сказал, атомы расщепляют теперь чуть ли не ежедневно. И ничего, мир целёхонек. Подобные опасения мне приходилось слышать не раз. Полагаю, что они неосновательны.

— Ваше мнение, профессор Рейнберг?

Низенький, опрятный старичок — бородка клинышком, длинные седые усы — легко приподнялся, круто повернулся к Тоффелю, потом к председателю и горохом рассыпал слова:

— Прежде всего я должен отметить одно печальное недоразумение. Здесь говорилось о добывании внутренней энергии при расщеплении атомного ядра. Когда о подобных вещах пишут романисты-фантасты, это ещё допустимо, но когда с идеей добычи неисчерпаемой внутриатомной энергии выступает учёный, я, как энергетик, протестую. Это чрезвычайно глубокая, печальная и даже пагубная ошибка. При расщеплении атомного ядра никакой внутренней энергии мы не будем иметь, пока существует и не опровергнут второй закон термодинамики.

Да и не к этому стремился Хургес, насколько я понимаю. Его интересовало самоё расщепление атомных ядер, а не энергия. Он подходил к вопросу как физик, химик, а не как энергетик. И в этом свете «пушка» Хургеса — величайшее изобретение, если только это не миф. Но это уж пусть определяют химики.

Рейнберг быстро сел и глотнул чаю.

— А искать следует? — спросил его председатель.

— Если намереваетесь добывать из атома энергию, то нет нужды лезть под воду. Химер и на земле достаточно, — ответил Рейнберг с места и одним духом допил остывший чай.

— Ваше слово, профессор Багорский.

Богатырски сложенный мужчина с сивыми усами и и молодыми глазами встал не торопясь, опёрся руками о стол и начал:

— Я, как и все мы, располагаю очень скудными материалами для того, что-

бы судить об открытии Хургеса по существу. Но и того, что есть, с чем мне удалось ознакомиться, достаточно, чтобы сделать вывод, что вопрос заслуживает серьезнейшего внимания. Я согласен с Петром Ивановичем Рейнбергом: энергетика здесь ни при чём. — Рейнберг победоносно взглянул на Тоффеля. — Однако от этого вопрос не становится менее важным, — продолжал Багорский. — Товарищ Азорес пересказал мне всё, что слышал от Кара, и у меня осталось такое впечатление: если этот человек и может ошибаться, как и все, то он не склонен заведомо вводить в обман других. А то, что он рассказал об опытах погибшего изобретателя, — это нечто необычайное. Если «пушка» Хургеса способна вышибать при ничтожных расходах энергии заданное количество электронов из атомного ядра, то это действительно эпохиальное изобретение. Вот здесь Пётр Иванович вспомнил фантастов и романистов. Если бы я принадлежал к ним, я мог бы изобразить вам чудесные перспективы. Но я не фантаст и не романист. Значение проблемы разложения атомного ядра вы знаете и сами. И я могу сказать вам только одно: если нам удастся достать со дна океана ключи к изобретению Хургеса и если оно оправдывает только десятую часть наших надежд, то и в этом случае расходы на поиски запрятанного сокровища окупятся сотни и тысячи раз.

Председатель обратился к председателю ЭПРОНа инженеру Кириллову.

— Ваше мнение?..

Кириллов, здоровый, загорелый мужчина средних лет, в морской тужурке, поднялся и не спеша начал:

— Нам всё ещё точно неизвестно место, где затонул «Левиафан», и абсолютно неизвестна глубина. Всё дело зависит в конце концов от глубины. ЭПРОН до сих пор работал на глубинах примерно двадцать-тридцать сажен.

— Товарищ Кириллов, — приостановил его председатель, — большинство собравшихся здесь — люди сухопутные, привыкли считать на метры.

— Морская сажень равняется шести футам, или одному и восьмидесяти шести сотым метра, — пояснил Кириллов. — Ну что ж, буду переводить на метры. Так вот, мы работаем на глубинах пятидесяти-шестидесяти метров и выше, конечно.

— Не глубже?

— Глубина в сто метров для водолаза в обычном водолазном костюме считается уже рекордной. В американских жёстких костюмах можно опускаться на двести, даже на триста метров. Это пока что граница для водолазов. Опускаться на глубину семьсот пятьдесят — тысячу метров можно только в особой стальной гондоле, способной выдержать огромное давление. К сожалению, в подобной гондоле можно лишь наблюдать подводную жизнь, фотографировать — и только. Нам же необходимо действовать под водой — поднять затонувший корабль или, в случае необходимости, отыскать на нём «сокровище» Хургеса. Выходит, дело сводится к тому, насколько глубоко лежит «Левиафан». Вы знаете, что в океанах есть глубины в десять тысяч метров. А современная граница опускания — немногим более тысячи метров.

— Стратосфере, оказывается, легче завоевать, чем гидросфере, — заключил, усмехаясь, председатель.

— Да, подняться над землёй на двадцать пять — тридцать километров легче, нежели спуститься в океан на два-три километра. Ужасающее давление воды хранит тайны морских сверхглубин. Я даже сомневаюсь, смогут ли и в бу-

дущем люди спускаться в глубочайшие места океана...

— Даже в гондоле?

— Даже в гондоле, и лишь для того, чтобы наблюдать. Гондола с людьми должна быть привязана к тросу или цепи, чтобы её можно было вытащить из воды. Но никакой трос длиной в десять километров не выдержит собственного веса. Это уж... я не знаю... трос пришлось бы делать в виде конуса с огромным диаметром в основании. Я уже не говорю о том, что с корабля невозможно поднять такую тяжесть, да и краны такие невозможно соорудить.

— А если спустить стальной шар без людей, но с аппаратами, которые передавали бы на землю изображения глубоководного мира? — заинтересовался экономист.

Кириллов усмехнулся.

— Вы предлагаете мне вопросы, выходящие за границы водолазной практики. Это, если хотите, уже область почти фантастики. Но полагаю, что и с таким шаром ничего не получится.

— Стальной шар со стенками колоссальной толщины, — не успокаивался экономист.

— А стекло? — спросил Кириллов. — Всё-таки ваш шар должен иметь окна, сквозь которые можно было бы прожектором осветить морское дно для работы телевизора. Мне кажется, что даже кварцевое стекло не выдержит давления. Кроме того, не забывайте, что такой шар не будет иметь никаких проводов. Видимо, в нём самом надо иметь электростанцию или аккумуляторы достаточной силы и радиостанцию. Однако и это ещё не всё. Как передать изображение без проводов? Радиолучи будут поглощаться десятикилометровой толщей воды. Нет, то, что расположено на глубине десяти километров, для нас полностью недоступно.

— К счастью, «Левиафан» затонул не в Тихом, а в Атлантическом океане, более «мелководном». Правда, и в Атлантическом есть «провалы» глубиной в несколько километров, но имеется немало и доступных для нас глубин. Есть и подводные горные хребты, вершины которых лежат сравнительно близко к поверхности океана, а кое-где эти горные вершины поднимаются над поверхностью океана, создавая всем известные острова, например группу Азорских, Канарских островов.

В связи с этим общий план экспедиции я представляю так. В сигналах бедствия, рассылавшихся «Левиафаном» накануне гибели, означены долгота и широта. Это место, насколько мне известно, представляет собой достаточно приподнятое подводное плато с чрезвычайно изрезанным рельефом. Имеются и глубокие пропасти и высокие горы. На общих картах всё это обозначено, естественно, лишь приблизительно. Мы ещё не располагаем столь достоверными картами, на которых рельеф каждого квадратного километра Атлантики был бы изображён точно. Мы отплываем к месту гибели «Левиафана» и старательно измеряем лотлинем глубины. Если они достигают нескольких километров, то, как это ни печально, нам придётся отступить. Подобные глубины превышают современные технические возможности ЭПРОНа. Иное дело, если научно-исследовательские учреждения помогут нам и дадут техническое оснащение для завоевания подобных глубин. В любом случае эта рекогносцировочная экспедиция будет стоить недорого.

— А если глубина будет подходящей? — спросил председатель.

— Тогда мы приступим ко второй стадии работы — поискам затонувшего парохода. Здесь на сцену выступают водолазы. Если же «Левиафан» будет найден, в дальнейшем мы работаем по вашим заданиям: ищем «сокровище» на пароходе, под водой, или поднимем его на поверхность, что, однако, обойдётся уже не дёшево.

Азорес попросил слова.

— Я думаю, что нам не придётся поднимать пароход, — сказал он. — Хургес был столь предусмотрителен, что повесил, если только он успел это сделать, свои пластинки на якорную цепь на носу парохода. Таким образом, нам следует только отыскать пароход на дне моря и найти пластинки на якорной цепи.

— Однако чтобы найти, надо опуститься на дно, а если дно на большой глубине? — сказал Кириллов.

— Человеку нет надобности спускаться, — спокойно ответил Азорес.

— Но как найти? — не успокаивался эпроновец.

— Очень просто. Я знакомился с вашими рыбными промыслами в Мурманске. Плавал на траулерах. И там мне довелось видеть сконструированный одним комсомольцем подводный телевизор, с помощью которого рыбаки очень легко находят рыбу. И не только рыбу. Нам случайно удалось найти на дне Баренцева моря затонувший траулер. Вы, очевидно, уже слышали об этом. Так вот. Сделать большой телевизор, который можно было бы опускать хотя бы на глубину тысячи метров, — не столь уж трудная техническая проблема. С помощью телевизора мы сумеем найти носовую якорную цепь и пластинки. Остаётся только поднять эти спаянные пластинки. Предполагаю, что советские техники смогут создать такие механические руки, которые будут в состоянии опускаться на дно моря, хватать там железными пальцами добычу и поднимать её на поверхность.

— Это в самом деле неплохая идея, — молвил Кириллов.

— Радиоглаз — вот что поможет найти «сокровище» Хургеса, — закончил Азорес.

— Как вы думаете? — спросил председатель инженера Борина, крупного изобретателя в области радио.

— Что касается телевизора, — ответил Борин, — то эта идея, на мой взгляд, полностью реальна. Телевизор вскоре будет внедрён в водолазную практику. Правду говоря, это будет не совсем радиоглаз. Исследования радиосигналов из ушедшей в глубину подводной лодки показали, что радиоволны сильно поглощаются водой. Поэтому передачи из глубин моря должны направляться не путём радиоволн, а по проводам от телевизора. Но это уж вопрос техники. Я знаю изобретателя. Не так давно он был у меня, показывал небольшой телевизор. Я охотно возьму его к себе в помощники и с ним разработаю конструкцию глубоководного телевизора. Я могу взять это на себя. «Механические руки»... Думаю, мы их соорудим.

— Однако, товарищи, мы словно забыли отправной момент, — снова заговорил Тоффель. — Ведь мы всё-таки не знаем, действительно ли «пушка» Хургеса является сокровищем, пусть даже не для энергетики, хотя бы для физики, химии и промышленности.

— Возможно, вы сделали бы более уверенный вывод, — поднялся Азорес, — если бы непосредственно переговорили с товарищем Каром.

— Но ведь он за океаном, — возразил Тоффель.

— Да, но разве мы не разговариваем с людьми, которые находятся за океаном? — улыбаясь, спросил Азорес.

— Согласитесь, однако, что вопрос не таков, чтобы о нём можно было открыто говорить по телефону или по радио, — поучающе возразил Тоффель.

— Вашего разговора никто не услышит, — ответил Азорес. — Я ещё не всё рассказал вам, товарищи. — И Азорес, вынув маленький ящичек, рассказал о коротковолновой радиостанции Хургеса и преподнёс этот подарок от имени Кара.

Борин подбежал к аппарату и с интересом стал его рассматривать, бормоча что-то под нос. Потом он поднял голову и сказал:

— Чертовски умное решение задачи, простите за грубое слово. У этого Хургеса поистине была дельная голова.

— Таким образом, сегодня вы переговорите с Каром. Надеюсь, товарищ Борин сумеет быстро наладить связь.

В тот же день, около шести часов вечера, когда в Буэнос-Айресе стоял полдень, два человека, разделённые тысячами километров, говорили друг с другом.

Кар рассказал Тоффелю всё, что знал о Хургесовом методе расщепления атомного ядра. Тоффель понял больше того, что содержалось в голове и в словах Кара. Понял идею и был поражён её оригинальностью. Правда, без формул, без схем Хургеса понадобилось бы, возможно, несколько лет, чтобы осуществить это изобретение. Но и то, о чём узнал Тоффель, было подлинным сокровищем.

Хургес предложил новый метод, совершенно новое направление. Да и сам Тоффель больше уже не сомневался в том, что Хургес вёз в СССР подлинное сокровище. Это бесценное сокровище, казалось, сверкало даже сквозь извечный мрак океанских глубин.

И на очередном заседании комиссии Тоффель горячо выступал уже по-иному — без колебаний, убеждённо:

— Имеются все основания думать, что открытие Хургеса будет ценным вкладом в науку. Оно поможет разрешить вопрос расщепления атомного ядра. Мы незамедлительно обязаны послать экспедицию на место гибели «Леви-афана» во что бы то ни стало и сколько бы это ни стоило!

Вопрос был решён, средства отпущены. В лабораториях научных институтов уже кипела ударная работа.

Гинзбург, оставив на некоторое время свой траулер, переселился в лабораторию Борина. Они работали день и ночь, забывая о сне и пище. И скоро в лаборатории высился огромный шар, напоминавший гондолу стратостата. Но этот шар должен был совершить прыжок не ввысь, а в бездну океана.

Поскольку глубина ещё не была точно известна, Борин рассчитывал на максимальную глубину моря в районе аварии. Оболочка могла выдержать колоссальное давление. На верхней части шара находился стальной баллон со сжатым воздухом. Борин рассчитал так, что по мере опускания шара и увеличения давления воздух из баллона будет автоматически перемещаться в большой шар — телевизор. Это дополнительное внутреннее давление послужит как бы пневматическим упором против внешнего давления. По мере же подъёма воздух также автоматически должен переходить из шара в баллон.

Пришлось делать точные расчёты: какого сечения необходим кабель, на

котором будет спущен шар, какой толщины должно достигать кварцевое стекло, сквозь которое будут освещать подводный мир лучами прожекторов. По всей оболочке шара телевизора были сделаны большие и маленькие круглые отверстия. Сквозь маленькие пройдут лучи света, сквозь большие — изображения предметов, принятые фотоэлементом, попадут в объектив. Диск Нипкова Борин заменил кинескопом. Энергию для прожекторов подадут провода корабельной динамо-машины; причём свет вспыхнет автоматически только при заданном давлении, когда будет достигнута заданная глубина.

...Одновременно механики соорудили «механическую руку». Она напоминала паука на привязи. Стальные суставчатые лапы этого «паука» были сделаны так, что автоматически схватывали и цепко держали добычу. Импульс тока по проводам заставлял «паука» разжимать лапы, если они случайно хватали не то, что надо.

Штурм гидросферы готовился с той кипучей энергией, с какой когда-то готовился штурм стратосферы.

Несчастнейший человек в СССР

Русый голубоглазый сын инженера Борина, комсомолец Мишка Борин, учился в университете и в этом году перешёл на второй курс. Ещё когда он кончал среднюю школу, его товарищи много спорили о выборе профессии.

«Кем ты будешь?» — спрашивали они друг друга. Почти все мечтали стать инженерами и лётчиками, кое-кто — геологом, врачом, педагогом. У Мишки Борина и не спрашивали: его судьба всем казалась ясной. Сын известного радиоинженера, изобретателя, конечно, должен стать радиоинженером. И Мишка Борин сильно удивил не только товарищей, но и отца, неожиданно объявив, что он будет географом. Так он решил уже несколько лет назад. Когда он учился в школе, затаённым и самым большим желанием его было стать Героем Советского Союза. Челюскинская эпопея произвела на него величайшее впечатление. Нет, Мишка не был зазнайкой. Его привлекали не сами по себе награды, почести, почётное звание Героя. Он хотел быть достойным этого звания и принести своему Отечеству действительную пользу. Однажды, вскоре после челюскинской эпопеи, он ехал за город с экскурсией и в вагоне слышал, как молодой моряк-практикант рассказывал своей девушке о том, что вскоре уйдёт в «ледяное плавание». Как завидовал ему Мишка!

Он много думал, никому не рассказывая о своих планах. А планы у него были очень широкие. Прежде всего знания. Они оберегают нас от ошибок. Вот, например, Витя. Он изучал химию, а стал полярником, геофизиком. Сколько зря потеряно времени! Мишка сразу возьмёт быка за рога. Сначала перечитать историю всех ледовых походов и морских путешествий. Мишка подналёг на немецкий язык и вскоре прочёл в подлиннике дневник Штеллера, написанный на старинном немецком языке. Походы советских ледоколов он знал назубок. Потом взялся за навигацию, лоции, океанографию, даже за астрономию.

Как это ни странно, всего менее его интересовало радио.

Он вёл записки. В общей тетради имелся раздел: «Как люди выходили из безвыходного положения». Сюда он записывал все случаи, казусы, которые угрожали действительным и выдуманым романистами путешественникам.

Необходимо научиться быть смелым, сообразительным, решительным.

Однако и это ещё не всё: надо было стать сильным, бодрым, выносливым. Иметь ум учёного и тренированное тело морского волка. Спорт, физкультура составляли немалую долю Мишкиного плана «геройской» подготовки.

И вот здесь-то ему не повезло. Но об этом дальше.

Когда Мишка стал студентом, он отнёсся критически ко многим «детским мечтаниям». Так, в школе его сильно занимали размышления о том, что будет, когда он станет Героем. Теперь его более интересовало «самое дело». Однако «генеральная линия» его плана осталась, и он, как и ранее, усиленно изучал «необходимые» науки и тренировался физически: рано вставал, закалял своё тело, совершал большие пешие экскурсии, увлекался спортом, однако уже не делал таких глупостей, как в школе: не окунался в проруби и не пугал мать «полным отсутствием аппетита», — она не знала, что так он приучал себя «переносить голод».

Когда он проведал от отца о том, что готовится экспедиция в Атлантический океан на поиски затонувшего корабля, все его желания путешествовать, стремления к приключениям, к подвигам вспыхнули с новой силой. Конечно, Атлантический океан — не то, что полярные моря. Какие здесь могут быть приключения? Почти обычная прогулка. И отправляются туда не ледоколы. Однако всё-таки в экспедиции можно изучить на практике устройство корабля и навигацию... И он стал просить отца устроить его в экспедицию. Время летнее, подходящее — каникулы. К началу учебного года он возвратится. Отец не дал решительного ответа, — надо получить разрешение начальника экспедиции. Мишка надел на Гинзбурга, с которым успел подружиться. Гинзбург обещал поговорить с Кирилловым. В дни ожидания Мишка даже немного похудел. И вот однажды вечером отец принёс радостную весть: разрешение получено.

— Едем вместе, Гинзбург!.. — Мишка схватил Гинзбурга и закружил его по комнате. Потом побежал в свою комнату собираться. Отложил книги, целую кипу записных книжек, две автоматические ручки, бинокль, ружьё.

Мишка окинул взглядом комнату: что ещё взять? Комната отражала «генеральный план» его жизни: на стенах висели географические карты, главным образом карты Арктики, на письменном столе — глобус, барограф, мореходные инструменты... Сколько раз эта комната превращалась в каюту, а письменный стол — в капитанскую рубку! Какие драматические сцены разыгрывались здесь в борьбе с арктическими льдами! Сколько раз Мишка терпел здесь аварии! А в углу, мирно уживаясь с книгами, лежал спортивный инвентарь для хоккея, тенниса, бокса, футбола...

Футбол! Ведь завтра встреча команды их университета с командой технологического института. За этими хлопотами Мишка едва не забыл об экспедиции. Мишка — «бек»-чемпион. Конечно, он обязан участвовать... Победит «технологичку» в последний раз в этом сезоне и поедет.

Ночью Мишке снились пальмы и летучие рыбы вперемежку с футбольными мячами. Надо было «пасануть» летучую рыбу, как мяч, но это никак ему не удавалось. Рыбы пролетали мимо, дребезжа крыльями-плавниками.

«Да это же будильник дребезжит!»

Какая была игра! Всё шло прекрасно, но когда игра вступила в высшую фазу напряжения, случилось несчастье. Как это случилось, Мишка впоследствии

никак не мог вспомнить. Игроки набросились на мяч как сумасшедшие... Сбились в кучу... Вдруг Мишка почувствовал острую боль в ноге и упал... Свисток судьи... Игра была прервана... Мишка не смог встать. Принесли носилки и на них отнесли Мишку в приёмный покой. Врач стадиона осмотрел ногу и покачал головой.

— Да, кажется, перелом. Придётся полежать.

— Сколько? — спросил Мишка.

— Месяца два-три, а возможно, и меньше. Посмотрим, что покажет рентген.

Это был неожиданный и страшный удар. Два-три месяца! Значит, Мишка не сможет принять участия в экспедиции...

Когда Мишку привезли домой и уложили в постель, он сказал Гинзбургу:

— Я несчастнейший человек в СССР.

— Уже несчастнейший? Кость срастётся и будешь прыгать, как и прежде, — ответил Гинзбург. — Сильно болит?

— Боль — это мелочь, — ответил будущий герой. — Но я не смогу ехать с вами.

Приехал отец и начал также успокаивать Мишку.

— Не горюй, Михель. Молодые кости срастаются быстро. А поиски «Левиафана» могут продлиться не один месяц.

— Но пароходы уплывут!

— Связь с экспедицией будут поддерживать наши пароходы, плывущие в Америку, и самолёты. Обещаю тебе: как только поправишься, так или иначе доставлю тебя на «Серго».

Отца позвали к телефону, и он вышел... Мишка вздохнул.

— Успокоился? — спросил Гинзбург.

— Нет, — печально ответил Мишка. — Я всё-таки не увижу, наверное, самого интересного.

— Думаю, что ты увидишь всё, абсолютно всё.

— Но как?

— Ты не знаешь ещё самого интересного, — ответил Гинзбург. — Твой отец и я конструируем новые аппараты телепередачи...

— Знаю. Телевидение на помощь водолазам.

— Это ещё не всё. — Гинзбург сел на стул. — Мы конструируем приспособление и для непосредственного телевидения, — иначе говоря, передачи движения предметов при дневном свете и ноктовидения — видения ночью, телевидения в тумане и под водой. Отец твой разрешил задачу, — об этом ещё никто не знает, — цветного стереовидения. На очереди — телекино... Лежи спокойно и слушай дальше. У твоего отца грандиозные планы. Он намеревался использовать экспедицию, чтобы испытать все свои новейшие изобретения в области телевидения. Помощь водолазам в поисках затонувшего корабля — это только деталь. Мы с твоим отцом — он здесь, а я в океане — проведём чрезвычайно интересные испытания телепередачи сюда, в Москву, в кабинет твоего отца, абсолютно всего, что будет происходить в экспедиции. Наши аппараты будут работать непрерывно днём и ночью на палубе траулера и в глубинах океана. Если все эти пробы будут удачны, — а я в этом не сомневаюсь, — то мы совершим целый переворот. Николай Петрович хочет организовать телепередачу в широчайшем масштабе. Показ работ экспедиции — это

только первая проба.

Когда мы наладим это дело, миллионы зрителей увидят, как сооружается плотина на Ангаре, что наблюдает стратонавт, как проводятся работы на Волго-Донском канале. Ты только представь, что было бы, если бы в лагере Шмидта была современная телеустановка! Какое прекрасное зрелище! Наверное, многие поняли бы лучше, за что у нас награждают званием Героя.

Миша покраснел. Не догадался ли Гинзбург о его мечтах? А Гинзбург спокойно продолжал:

— Изменился бы самый характер экспедиции. Отто Юльевич Шмидт мог бы прекрасно руководить ледовыми походами из своей квартиры. Или возьми наши исследовательские геологические экспедиции. Молодёжь будет шагать по пескам Кара-Кумов, в делях тайги, будет всходить на Памир, а выдающиеся наши геологи, не отрываясь от работы, увидят каждый шаг путешественников, каждый минерал и будут давать советы.

Вспомни хотя бы историю Хибин. В первые годы приходилось совершать чрезвычайно тяжёлые путешествия и лазить по горам самому академику Ферсману. Сколько, по сути говоря, он тратил времени непродуктивно! Поездка в вагоне, пешие переходы по тундре, зачастую безрезультатные блуждания... Иногда только для того, чтобы обойти горное ущелье, человек, каждый час которого имеет огромное значение для науки, терял несколько дней; много дней, недель для нескольких минут, даже секунд, чтобы определить породу, минерал.

— Я знаю, читал! — оживился Миша. — Теперь первоначальную разведку ведут самолёты, потом на «интересные» места самолёт забрасывает геологов, доставляет им палатки и пищу. А когда работы закончатся, прилетают и увозят их назад. Вместо двух-трёх месяцев экспедиция теперь длится две-три недели и стоит вдесятеро дешевле.

— Они могут обходиться ещё дешевле, — продолжал Гинзбург. — Представь: экспедиции имеют лёгкие компактные радиостанции и телевизорные установки. Академик Ферсман наших дней спокойно сидит в своём кабинете и трудится над рукописью. Перед ним — экран телевизора. Вот геологи нашли что-то интересное, и он слышит их голос по радиотелефону. Выключает свет, смотрит на экран, даёт указания и вновь углубляется в свою работу. И только когда всё разведано, намечено, академик садится в самолёт, чтобы сделать на месте последние выводы, отдать последние распоряжения. Да и это не всегда будет необходимо.

Именно так, друг мой, мы организуем и экспедицию по розыску «Левиафана». Административный и научный штаб экспедиции будет здесь, в Москве, в этом доме, в кабинете твоего отца. Так было решено на последнем заседании совета.

Лицо Мишки просияло.

— Мы с Николаем Петровичем сейчас перенесём твою постель в кабинет и поставим против экрана. Ты увидишь всё или почти всё, что будет происходить в экспедиции. Мы будем разговаривать с тобой так, как разговаривали все дни. В кабинете будут проводиться совещания штаба. Начальник экспедиции Барковский, эпроновец Кириллов и твой отец будут ежедневно обсуждать ход поисков.

Отец Миши возвратился. Он выслушал последние слова Гинзбурга и ска-

зал:

— Этого ещё мало. На тебя будут возложены обязанности. Возле экрана и радиостанции установим дежурство. В дежурстве примешь участие и ты. Ты будешь «лежать на вахте».

Как видишь, ты будешь непосредственным участником экспедиции. Лёжа здесь, за тысячи километров от «Серго», ты увидишь во много раз больше, чем увидел бы на самом траулере, если бы лежал там на судовой койке, но без «чудесного ока» — телевизора. Ну что ж... — инженер развёл руками. — Тебе будет не доставать лишь запаха океана. Но это ты уж дополнишь воображением.

Путешествие в мир атома

Мишка Борин «лёг на вахту». Теперь он уже желал, чтобы экспедиция скорее отправлялась в путь и экран ожил бы. Однако отъезд затягивался. Шли последние испытания «железных пауков». Гинзбург всё время проводил в лаборатории и лишь вечерами навещал Мишу.

— Что подельываешь? Грустишь? — спросил он однажды Мишу.

Нет, Миша не привык терять время зря. Теперь он ощутил новый интерес к радио и телевидению. Мише предстояло вскоре отправиться в интересное «путешествие». И он начал изучать радиотехнику, устройство радиоэлементов, аппаратов телевидения. И в этот вечер на вопрос Гинзбурга он как-то растерянно ответил:

— А я, знаешь, написал этакую... фантазию, чтобы уяснить самому себе кое-какие принципы телевидения. Хочешь, прочту?

Гинзбург взглянул на часы.

— Читай, если не очень длинно.

И Миша начал читать:

— "Профессор Филинов так стар, что давно запомнил год своего рождения. И такой учёный, что одной пары очков ему мало: он носит две пары, а вечерами даже три. У него в голове так много мозга, что самые большие шапки не налезают ему на голову, — приходится делать на заказ. Голова его абсолютно лысая, зелёно-золотистая борода спускается до пояса.

У Филинова два молодых ученика: профессора Харичкин и Ларичкин; одному пятьдесят, второму шестьдесят лет. Филинов зовёт их «молодые люди», потому что на их головах только небольшие лысины, бороды едва укрывают грудь, а на носу всего по одной паре очков.

Филинов — великий изобретатель.

Однажды Харичкин и Ларичкин приходят к Филинову в кабинет и видят на столе большой чёрный полированный ящик с объективом.

— Вот, — говорит Филинов, — я изобрёл аппарат, который может уменьшать людей и делать человека меньшим, чем молекула. Хотите, я испробую на вас?

Ларичкин и Харичкин погладили свои бороды и переглянулись, а Филинов уже нацелил объектив, щёлкнул и засмеялся.

И начали Ларичкин и Харичкин уменьшаться.

Нет, им совсем не казалось, что они уменьшаются. Им казалось, что они остаются такими же, а Филинов начал расти, и все предметы начали расти, и комната раздвигалась в стороны, и потолок поднимался в какую-то страто-

сферную высоту. Открылись огромные двери, и в комнату вошёл гигантский тигр. Харичкин и Ларичкин испуганно забились под стул. Тигр величиной с быка прыгнул на огромный диван, и был этот тигр любимой кошкой Филинова. Ужасный гром шатнул комнату — это засмеялся Филинов. Он нашёл Харичкина и Ларичкина, которые спрятались под стул, и бережно посадил их на письменный стол.

А величиной они были уже с булавку. И посадил их профессор Филинов на пластинку цезия. Харичкин и Ларичкин помнили, что была эта пластинка гладенькая, полированная. Но сейчас она казалась бугристой, как вспаханное поле. Ходить было трудно — того и гляди упадёшь. Над их головами покачивались золотистые колосья — волосы бороды Филинова — и гремел гром, с каждым разом тише: уши Харичкина и Ларичкина уже отказывались воспринимать такие звуковые колебания. Испуг и страх охватили молодых учёных: от одного выдоха Филинова они могли упасть в чернильницу и утонуть в ней, как в Чёрном море. Харичкин и Ларичкин уселись на пластинку и уцепились за бугры. А предметы всё увеличивались. Потолок и пол отошли куда-то в бесконечность. Чернильница также удалялась и вырастала, как Эльбрус. Скоро обычный свет исчез из поля зрения неожиданных путешественников, и они видели перед собой только гористые края цезиевой пластинки. Горы росли на их глазах. Поднимались всё выше и выше. В атмосфере появились летающие небесные тела. Одни из них проносились, другие плавно опускались на поверхность.

— Это пылинки. Да, это, видимо, пылинки, которыми наполнен воздух комнаты, — догадался Харичкин.

Одна из пылинок упала на Ларичкина, и он еле выбрался из-под неё, как из-под лавины. В «небе» летали огромные шары — молекулы воды.

К счастью, скоро все «небесные тела» вдруг полетели в одном направлении — видимо, кто-то открыл дверь и по комнате прошла волна воздуха.

Скалы росли. И, к удивлению учёных, они становились всё ноздреватее, пористее. Везде обнаруживались огромные пещеры, тоннели, ущелья, пропасти, каньоны. Они раздвигались, становились всё более огромными по размерам.

И скоро Харичкин и Ларичкин могли уже проходить по всем тоннелям в любом направлении, проходить сквозь вещество цезия.

Плотная пластинка цезия словно распалась на свои составные части, оставляя между ними свободные проходы.

Но на этом не кончилось превращение мира. Харичкин и Ларичкин, чтобы лучше видеть, поднялись на вершину огромного «материка» с необычайно пористым строением. Прошло немного времени — и новое чудо.

Учёные заметили, что отдельные куски не касаются друг друга. Тот мир, в котором они сейчас находились, напоминал собой остатки разбитой на куски планеты. И все эти обломки двигались. А между ними было пустое пространство. Обломок, на котором находились Харичкин и Ларичкин, рос неимоверно быстро. Он и сам превращался в настоящую «планету». Её размеры исчезали за горизонтом. Иногда эта планета приближалась к другой настолько, что можно было перепрыгнуть с неё на другую планету, иногда же уносилась далеко. Планеты опускались, поднимались, блуждали по небу во всех направлениях. Расстояние между ними всё увеличивалось. Планета, на которой были Харичкин и Ларичкин, вырастала, а все другие словно бы уменьшались — уда-

лялись в межпланетное пространство. Скоро они уже казались далёкими тёмными массами.

— Мы находимся сейчас на молекуле цезия, — сказал Ларичкин. — Хорошо, что это не молекула газа. На ней мы ощутили бы подлинное броуновское движение частиц — танец молекул — и, видимо, болели бы морской болезнью.

— До определённого времени, — возразил Харичкин. — Когда мы стали бы неизмеримо меньшими, чем молекула, мы не заметили бы этого танца, как не замечаем движения Земли.

— Ловко же подшутил над нами Филинов!

— И до каких же размеров мы будем уменьшаться? Сколько времени прошло с тех пор, как мы оставили обычный мир?

— У нас теперь своё время. На часах Филинова прошло, возможно, лишь несколько секунд, а в этом мире они равняются миллионам лет. Ведь сколько «геологических переворотов» уже совершилось на наших глазах! Однако я попытаюсь подсчитать.

Ларичкин вынул из кармана записную книжку, которая ему казалась ничуть не меньше обычного размера, и, сев на выступ, начал высчитывать. Испуганный голос Харичкина прервал его занятия.

— Я удаляюсь от вас! — кричал Харичкин, сидя на своём астероиде.

Ларичкин, выронив записную книжку, совершил гигантский прыжок и успел уцепиться за полу пиджака своего друга.

— Нам надо держаться вместе. Не хватает ещё, чтобы мы разлетелись в разные стороны, — сказал он.

А перед их глазами совершались катастрофически быстрые изменения. Расстояния всё время увеличивались, объёмы тел возрастали — всех тел, кроме тел Харичкина и Ларичкина. С «планетой», на которой они «приземлились», совершались удивительные перемены. Она также стала распадаться на большое число обособленных тел и телец, и все они находились в движении. Харичкин и Ларичкин очутились на небольшом шаре, который нёсся с необычайной быстротой. В центре этого шара на огромном расстоянии виднелась великая планета, или «солнце», вокруг которого и носились без конца по кругу наши путешественники. Кроме их планеты, вокруг центрального «светила» летала тьма других точно таких же планеток. Солнечные системы с центральным светилом и «спутниками» виднелись всюду. Всё пространство, куда ни бросишь взор, превратилось в причудливый узор летающих по кругу планеток. Это было зрелище чрезвычайное. Везде кольца, переплетающиеся одно с другим... Быстрота спутников была такой, что их орбиты казались тёмными сплошными кольцами — вроде кольца Сатурна.

Диаметр этих кругов постоянно рос, расстояния между «солнечными системами» увеличивались. Планета, на которой летели Харичкин и Ларичкин, тоже росла. Она уже приобрела размеры такого шара, что Ларичкин и Харичкин могли путешествовать по её поверхности. Центральное «солнце» и другие солнечные системы были далеко. На этой же планете, как и на Земле, действовала центростремительная сила. Харичкину и Ларичкину не угрожала опасность упасть с планеты и потерять друг друга. И они осмелились разойтись. Один стал на «северном», второй — на «южном» полюсах. Они могли переключаться, но не видели друг друга из-за кривизны поверхности. А вскоре перестали и слышать, так как планета ещё более разбухла и расстояние между по-

люсами удлинилось. Они снова сошлись на «экваторе».

— Ну, что вы на это скажете? — спросил Харичкин.

— То, что мы попали в мир атомов. Наша молекула рассыпалась на атомы, из которых она состояла. Мы пребываем на электроны — «спутнике» нашего центрального «солнца» — протона. Нас окружает «звёздный мир» иных солнечных систем, иных атомов. И все вместе они составляют нашу «галактическую систему». Далее тянутся неизмеримые просторы «межзвёздных пустынь», а вон там маячит новое скопление «звёзд» — иная «галактика», представляющая скопление атомов иной молекулы. Совокупность их составляет «метегалактику» — это атомы всей нашей пластинки. По числу спутников-электронов можно определить, что это атомы цезия.

— А что далее? — спросил Харичкин. — За «метегалактикой»?

— Далее, наверное, конец «мира цезия» и начало иных бесконечных миров...

Харичкин сел на землю и ударил по электрону рукой.

— Обратите внимание, — сказал он Ларичкину, — моя рука проходит сквозь поверхность, как сквозь газ. И если мы не провалились в центр, то, стало быть, нас держит какое-то поверхностное натяжение. Мне это всё же не нравится. Я придерживаюсь научной гипотезы, что электроны вовсе не частицы, а лишь волны электрического происхождения.

— Ну что ж, вероятно, нам посчастливилось видеть, так сказать, в проекции «сгусток» этой волны, — успокаивающе ответил Ларичкин, которому во все не хотелось начинать научный спор в такой необычайной обстановке.

Однако Харичкин не сдавался:

— То есть как так: проекция сгустка волны? Это неопределённо и ненаучно.

Преппирательство готово было вспыхнуть, однако внимание путешественников было отвлечено новым событием. Сквозь их «атмосферу» неожиданно пронеслось тело почти такой же величины, как и их планета.

— А это что такое? — испуганно спросил Харичкин.

— Свободный электрон, по всей видимости, — ответил Ларичкин.

Таких свободных электронов было довольно много. Они пересекали пространство между солнечными системами во всех направлениях, иногда пересекая орбиты «спутников», иногда сталкиваясь с ними. В этом случае спутник соскакивал с орбиты и летел в сторону, сам превращаясь в свободный электрон.

Харичкин произвёл ещё одно интересное наблюдение. «Свободные» электроны не были совершенно свободными в своём полёте: они не уносились за пределы этого необычайного мира.

— Они просто летают в пределах цезиевой пластинки.

— И ещё одно, — дополнил Ларичкин. — Обратите внимание на полёт наших «планет» и «комет» — свободных электронов. Мы находимся на вершине нашей свержгалактики и видим, как небесные тела поднимаются вверх и дуговым полётом возвращаются в недра системы. Выше определённой границы они не взлетают. Что это означает? Что свободные и несвободные электроны взлетают над поверхностью цезиевой пластинки.

— Однако как же всё-таки волновая теория... — не успокаивался Харичкин.

Мир атомов словно достиг своей границы и уже не увеличивался. Но вдруг — новое ужасное событие. Путешественники увидели, как с «неба» к их

миру летят светящиеся массы. Они в одно мгновение преодолели «небесные» пространства и обрушились на солнечную «систему» настоящим огненным дождём. И каждая «капелька» напоминала пылающее солнце. Путешественники перепугались. Что, если одно из таких «солнц» упадёт им на головы и совершенно испепелит их?

— Я понял, что это такое! — вскричал Харичкин.

— Я тоже! — подхватил Ларичкин. — Это просто луч света. Да, Филинов осветил цезиевую пластинку сильным лучом света, и мы видим «световые кванты» — потоки света, непрерывно летящие в наш мир.

— Не совсем непрерывно, — поправил Харичкин. — Мы видим отдельные раскалённые ядра, которые пробивают наш мир в одном и том же направлении. Непрерывным же огненный поток кажется только вследствие быстрого движения световых квант.

— Смотрите! Одно из «солнц» столкнулось с «планетой», и она улетела в пространство.

— Мы видим, — сказал Харичкин, подымая палец, — так называемый фото-эффект. Под влиянием света электроны приобретают дополнительный запас энергии и летят с такой скоростью, что вовсе уносятся из нашего цезиевого мира.

— Иначе говоря, солнечные «бомбы» вышибают электроны из цезиевой пластинки.

— Точно так же они вырывали бы электроны и из всякого иного вещества.

— Конечно. Ведь электроны — принадлежность всякого вещества, составная его часть.

Таким образом, мы являемся свидетелями того, что было открыто учёными ещё в конце прошлого столетия: при освещении поверхности некоторых металлов световыми волнами определённой длины эти металлы испускают электроны.

Световой поток прекратился так же неожиданно, как и начался. И сразу же после этого события потекли в обратном порядке. Все масштабы начали уменьшаться. «Планета» Харичкина и Ларичкина сжималась на глазах, становясь всё меньше. Она уже не летела вокруг огромного протона по орбите, а приближалась к нему по спирали. Уменьшался и сам протон. «Солнечные системы» сближались до тех пор, пока не слились в одну молекулу. Росли и приближались одна к другой светящиеся молекулы. Вот они все объединились и стали подобны огромной долине с горными складками. Горы быстро сужались, словно таяли, и скоро Харичкин и Ларичкин увидели, что они стоят на пластинке цезия возле большой, как цистерна, чернильницы.

На этом их приключения не окончились. К ним приблизилась, поблёскивая, выпуклая поверхность. Это была лупа профессора Филинова. Но и сквозь лупу старый учёный ещё не мог разглядеть своих учеников. Пришлось немного «подростить» их. Потом Филинов взял тоненький пинцет, подхватил Харичкина и Ларичкина и бросил их в пустоту. Видимо, он снова уменьшил их, ибо Харичкин и Ларичкин долго летели в мировом пространстве, прежде чем упали на вершину горы. Нет, они не разбились. Ведь они были легче пушинок. Встали, осмотрелись вокруг. На сей раз они очутились в новом мире.

«Земля», на которой они пребывали, не была ограничена горизонтом. Края «земли» полого поднимались ввысь и переходили в «небесную сферу» того же

цвета, что и «земля».

— Не находимся ли мы в мире четвёртого измерения? — спросил Харичкин.

— Какое там четвёртое измерение! — возразил Ларичкин. — Просто мы стоим на внутренней поверхности шарообразного тела. Смотрите, в центре этого шара имеется огромное кольцо, укреплённое на стержне, воткнутом в «землю», а на «небе», напротив нас, туманно мерцает какое-то светило. Оно занимает почти четверть всего небосклона.

— Послушайте! — воскликнул Ларичкин. — Да ведь это же середина стеклянного баллона фотоэлемента! Я скovyрнул слой «земли», и что-то заблестело. Это, по-видимому, слой серебра. На него нанесён слой цезия. Следовательно, мы стоим на катоде фотоэлемента, а кольцо в середине нашей «вселенной» — анод. Круглое отверстие в лампе, как великан-иллюминатор в иной мир, светит туманно: фотоэлемент, очевидно, уже включён в батарею, однако струи тока и света ещё малы и фотоэлемент не действует.

— Мы, кажется, снова уменьшились, — сказал Харичкин.

— Видите, как увеличились «горы» на нашей «земле», а в небе мы вновь видим то, чего не замечали ранее, — тьму-тьмущую «небесных тел», которые движутся во всех направлениях. Это уже не пылинки, это молекулы газа.

— Интересно бы попутешествовать на такой планете, — мечтает Ларичкин. — Маленькая планетка — газовая молекула — приближается к поверхности «земли». Летит она с величайшей скоростью, но путешественникам кажется, что движется она плавно, — ведь они сами микроскопические существа.

— Прыгаем! Гоп! Готово!.. — Харичкин и Ларичкин улетают в пространство.

— Межпланетное путешествие началось, — говорит Ларичкин. — Ну и танец вокруг нас! Представить только, что весь мир пребывает в таком непрерывном движении! Ничто не стоит на месте, «даже то, что стоит». Внутри могильного камня и в угрюмой скале, в перочинном ножике и в потонувшем якоре неутомно топчутся, суетятся, прыгают молекулы. В твёрдых телах — плавнее, в газообразных — быстрее, и чем выше температура, тем живее танец.

Ларичкин и Харичкин пересекают «межпланетное пространство» там и сям. Их молекула то с невиданной быстротой падает вниз, то летит вверх, ударяется о «небо», затем — снова вниз, в сторону, сталкивается с другой «планеткой» резко отскакивает от неё, — держись, не упади!

Во время этого странствия путешественники имели возможность изучать «небесные тела» изнутри. Одни молекулы несли на себе позитивные заряды электричества, другие — негативные, а у многих были и те и другие. Это были «нейтральные» молекулы газа.

Неожиданно гигантский иллюминатор, занимавший почти четверть сферы, ослепительно вспыхнул. Теперь он казался подобным настоящему солнцу. Это Филинов направил в отверстие фотоэлемента луч света. Массы света вырвались из отверстия, пронеслись сквозь «межпланетный простор» и стали падать метеоритами на противоположную стенку. Здесь-то и началось забавное.

Огненные бомбы упали на долины и горы, а над долинами и горами встре-

воженно засуетились, словно ожидая беды, электроны. Световые снаряды начали вышибать эти электроны — отрывать их от поверхности, и электроны полетели в межпланетный простор, на центральное кольцо — анод. По дороге они сталкивались с «нейтральными» газовыми молекулами и вышибали из них электроны.

Поток этих электронов направлялся к центру вселенной — к кольцу. Это и был ток. Фотоэлемент начал действовать. Колоссальный межпланетный простор, разделявший анод и катод, был побеждён. Под влиянием света «пропасть» словно бы исчезла. Электроны — негативно заряженные частички электричества — летели к позитивному полюсу.

Но на этом дело не кончилось. «Нейтральные» планетки — газовые молекулы, — утратив электрон, становились «позитивным ионом». Такая молекула имеет уже только одного спутника — позитивный заряд. Её стала неудержимо притягивать «земля» цезия, заряженная отрицательным электричеством. И позитивные ионы начали падать на «землю». Можно было подумать, что случилась космическая катастрофа. Дождь позитивных электронов падал на «землю», выбивал с каждым разом новые и новые электроны. Они взмывали с поверхности, мчались в межпланетный простор на центральное кольцо и падали. Иные из них сталкивались на пути с нейтральными молекулами, вышибали из них электроны, которые тотчас же падали на «землю». И поток «метеоритов», который срывался с «земли» и летел к «центру вселенной», рос, как лавина, — происходило то, что называется увеличением силы тока.

Филинов, видимо, ещё увеличил напряжение в цепи тока, к которой был присоединён фотоэлемент, и газовые молекулы вдруг засветились. Теперь каждая из них стала похожа на луну, а все вместе они представляли чрезвычайно красивое зрелище — тысячи, миллионы лун, которые непрестанно движутся.

— Свечение газа? — воскликнул Ларичкин, который не забывал о «земных» именах явлений, совершавшихся в этом мире. Солнце-иллюминатор то разгоралось, то тускнело. Филинов регулировал силу света. И когда «иллюминатор» светил сильнее, поток электронов от поверхности к центру шара увеличивался, если же «иллюминатор» тускнел, уменьшалось и течение электронов, — иначе говоря, падала сила тока. То, что учёный определяет лишь воображением, расчётами, данными приборов для наблюдения, Харичкин и Ларичкин видели собственными глазами. Они могли наблюдать, как малейшее увеличение или уменьшение света увеличивало или уменьшало количество электронов, падающих на центральное кольцо, — то есть силу тока.

Харичкин и Ларичкин были очарованы невиданным зрелищем. Они даже забыли об опасности и вдруг с ужасом увидели, что на их планетку-молекулу падает небесное тело. Не успели они вскрикнуть с испуга, как произошло столкновение и они потеряли сознание. А когда пришли в себя, то увидели, что лежат на диване возле кошки профессора Филинова, которая имела обычные размеры, как и всё вокруг.

— Ну вот, — молвил Филинов, — вы и побывали в мире микрокосма и теперь, наверное, много лучше усвоили все процессы, какие совершаются в фотоэлементе. Свет может рождать электрический ток, — это вы знали и раньше. Теперь вы видели, как он рождается.

Фотоэлемент! Это новое могучее оружие человека. Рождённый или усилен-

ный светом ток может привести в движение механизм. Свет может открывать и закрывать двери, предупреждать о пожарах, останавливать поезда, автомобили, приводить в движение огромные машины. Свет звезды, расположенной на расстоянии сотен миллионов километров от Земли, может включать электроосвещение, выполнять любое задание; фотоэлемент может сортировать сигары и считать выработку на конвейере; фотоэлемент вошёл в промышленность, он скоро войдёт и в быт. Фотоэлемент открывает перед изобретателями неограниченные возможности во всех областях. Наши фотоэлементы всё ещё слабы как самостоятельные источники энергии, но уже скоро придёт то время, когда мы научимся добывать непосредственно из солнца электроэнергию «промышленного значения». Крыша кузова автомобиля будет фотоэлементом, и автомобиль будет двигаться солнечной энергией, превращённой в ток. Крыши домов будут собирать свет днём, чтобы расходовать его ночью. Полярное лето даст столько фотоэлектроэнергии, что её достанет на всю долгую полярную ночь. И ночь перестанет быть ночью.

— Вы забыли упомянуть об одном важном применении фотоэлементов — в телевидении, — сказал Харичкин.

Ларичкин толкнул его в бок, однако было уже поздно. Филинов оживился и заговорил:

— Да, в телевидении. Сейчас я вам поясню, какую роль играет фотоэлемент в телевидении.

— Мы знаем, — ответил Ларичкин.

— Знаете? — налетел на него Филинов. — А я, грешный, не до конца знаю. И хочу понять, объясняя вам.

Это был его метод: «изучать, обучая». О Филинове рассказывали, будто бы он однажды жаловался: «Какие тупые у меня ученики! Раз объяснишь — не понимают, два объяснишь — не понимают. Наконец, сам начинаешь понимать, а они всё ещё не понимают». И он любил объяснять «давно известное», уверяя, что в этих объяснениях всегда и сам себе уясняешь что-нибудь такое, что казалось непонятным и что неожиданно поймёшь глубже и лучше.

— Я знаю, — сердился Филинов, — так могут говорить только ребяташки вроде вас. Кое-что мы, конечно, знаем, однако в области радио, как и в иных областях, нам ещё многое не известно. Разве нам известны полностью особенности слоя Хевисайда? Разве мы в состоянии объяснить, почему радиопередатчик плохой домашней малосильной радиостанции достигает иногда такого дальнего приёма и передачи, каких не всегда достигнешь на мощных станциях? Мы часто блуждаем в потёмках. Если бы мы уже «всё знали», это было бы ужасно. Молодёжи на долю осталась бы одна зубрёжка. К счастью, для пытливого, изобретательного ума остаётся непочатый край работы. И для вас в том числе, мои седоватые ученики и помощники! — добавил он задиристо. — Тот, кто больше всех знает, скромнее всех.

Кстати, о фотоэлементах и телевидении. Без фотоэлементов, конечно, невозможно было бы и телевидение. Оно и сейчас ещё несовершенно. И потому, прежде чем идти вперёд, «повторим пройденное». Я скажу только о принципах.

Ларичкин вздохнул с облегчением.

— Из вашего «путешествия» мы узнали, что свет можно превратить в электрический ток. И наоборот: люди научились электрический ток преобразовы-

вать в свет. На этих двух фактах и зиждется всё телевидение. Вот пучок света определённой яркости. Я пропускаю его в фотоэлемент. Свет возбуждает ток соответствующей силы. Я передаю этот ток по проводам или без проводов. В месте приёма я превращаю электрический ток вновь в свет. И на экране приёмного аппарата появляется световое пятно точь-в-точь такое же, как если бы луч света от своего источника падал непосредственно на наш экран, не подвергаясь преобразованию и передаче...

— Не точь-в-точь, — поправил Ларичкин. Он был зол на эту лекцию о вещах, давно известных. — Луч света кое-что теряет в силе. Кроме того...

— Ну, конечно, — согласился Филинов, — при всякой передаче энергии приходится иметь дело с потерями. И наша цель — свести их к минимуму. Но вы не перебивайте меня. Ведь я поставил задачу уяснить себе... то есть вам, основное. — И он продолжал: — Таким образом, луч света может быть передан в другое место с помощью электричества. Казалось бы, что и передача изображений по радио нетрудна. Поставь человека лицом к фотоэлементу, освети посильнее лицо, и свет, отражённый от обличья, попадёт в фотоэлемент, возбуждает ток, ток поступит в иное место, там он превратится в свет — и вот перед вами на экране изображение человека. А на самом деле что мы имеем? Не изображение лица, а световое пятно, не более. Почему? Уже и на этот, казалось бы, простой вопрос не так легко ответить. Тут нам придётся подумать о том, как мы вообще видим, как устроено наше зрение.

Почему мы видим? И при каких условиях? Мы видим предметы только потому, что на них есть светотени. Во тьме всё укрыто абсолютной «тенью», всё черно, и мы не видим. Однако и при ярком свете мы также ничего не видели бы, если бы исчезли тени. Всё ослепительно блестело бы, слепило бы глаза. И только. Иногда неопытные фотографы усаживают фотографируемого против сильного источника света. Тени почти исчезают, и на карточке вместо лица получается «блин». Черты лица почти невозможно различить. А света ведь было больше, чем надо! Если бы у нас, как и на Луне, не было атмосферы, то все предметы, стоящие в тени, абсолютно исчезли бы из поля нашего зрения, а предмет, освещённый наполовину, казался бы нам разрезанной надвое фотографией. Наше зрение приспособлено к земным условиям, где благодаря атмосфере мы располагаем неисчислимым множеством теней и полутеней. Возьмём лицо человека, освещённое сбоку. Мы видим это лицо. Однако в действительности мы видим огромное количество различно освещённых точек — и не потому только, что точки освещены неравномерно, а ещё и потому, что лицо неодинаково поглощает и отражает лучи света.

Луч, упавший на чёрную, словно сажей нарисованную бровь, почти целиком поглощается, а бледная щека отразит свет полностью. Но и на этой щеке будет немало отдельных точек, которые неодинаково отразят свет. Каждая точка лица посылает в наш глаз отдельный луч, и лучи эти разной силы. Кое-какие точки и совсем не посылают лучей. Все лучи сходятся в нашем глазном «объективе» — зрачке, а затем, преломившись, вновь расходятся, — точь-в-точь как в объективе фотоаппарата! Но отображение возникает не на «матовой пластинке», а на глазной сетчатке. Последняя состоит из огромного числа отдельных колбочек, и каждая колбочка имеет свой «провод» — нерв, передающий изображение в мозг. Посмотрите в микроскоп на глаз мухи. Там это отчётливее видно. Глаз мухи подобен сотам. Это не один, а сотни шестигранных

глазков. И на каждый из них попадает лишь один луч — сильный или слабый. Наша сетчатка представляет собой нечто вроде доски для мозаики с готовыми ямочками, в которые можно вставлять камешки первого попавшегося цвета. Совокупность этих «разноцветных», вернее разносветных, камешков и создаёт общую картину, будь это лицо или какой-либо иной предмет.

А фотоэлемент не имеет «сетчатки». Фотоэлемент — это только одна колбочка нашей сетчатки, это только одна ячейка глаза мухи. Если бы муха могла закрыть все ячейки своего глаза, кроме одной, то в эту ячейку попадала бы или одна световая точка, или среднее арифметическое всех лучей. И муха видела бы лишь одно пятно. Вот такое же среднее арифметическое всех лучей получает и фотоэлемент от освещённого лица человека. И отражает он только одно пятно.

Но как же в таком случае передать изображение лица? Человеческий глаз не переделаешь, а фотоэлемент, если на него падают все лучи, отражённые лицом человека, может передавать только световое пятно. Невозможно! Но отдельные точки на лице, резко освещённые, передать можно. Если прикрыть освещённое лицо экраном и в экране сделать небольшую дырочку, которая, скажем, пропускает световой луч только от одной точки лица, то этот луч, не смешиваясь с другими, попадает на фотоэлемент и вызывает соответствующий ток, который можно передать и вновь превратить в точку света. Если мы эту дырочку в экране поместим против ярко освещённой точки на носу, то яркий луч вызовет и ток соответствующей силы, а значит, и на принимающем экране вспыхнет более яркая точка. Если же дырочка окажется против затённой точки лица, то и на экране она отразится более тёмным пятном.

Таким образом, можно передавать для нашего мозаичного портрета только отдельные «камешки» разной окраски. При этом на нашей мозаике эти «камешки» расположатся в том же пространственном соотношении, в каком они находились на лице. Однако как же сделать законченный мозаичный портрет? Ведь мы имеем возможность «пересылать» за один раз только один «камешек». Допустим, переслали чёрный — брови — и надо послать белый «камешек» — лоб. Но едва мы переместим дырочку экрана с бровей на лоб, чёрный «камешек» исчезнет, и мы не получим мозаичного портрета. Так оно и было бы, если бы на помощь не пришла одна особенность нашего зрения. С экрана чёрный «камешек» исчезает, но в нашем глазу он ещё живёт и держится некоторое время. Наше зрение способно сохранять увиденное в течение приблизительно седьмой доли секунды после того, как предмет исчез из поля зрения. Таким образом, мы ещё будем видеть чёрный «камешек» на экране в то время, когда на нём появился в ином месте белый. И не только эти два. Если за одну седьмую секунды мы успели бы переслать один за другим сотни и даже тысячи «камешков», то на экране мы видели бы их одновременно все. Само собой разумеется, что чем меньшее количество «камешков» будет уложено в нашу мозаику, тем «грубее» будет портрет. Задача, выходит, в том, чтобы за самое краткое время передать возможно больше «камешков» — точек света. Эта задача была решена диском Нипкова. В этом диске дырочки размещены по спирали. Каждая точка лица посылает луч света через определённую дырочку диска. И все точки одновременно создают полный «портрет» — изображение лица, которое во время передачи может даже двигаться, смеяться, и все эти движения будут повторены на экране.

Так была решена проблема телевидения.

Однако решение всё же было неполным. Я уже говорил, что чем больше «камешков» в нашей мозаике, тем полнее и выразительнее изображение. Но мы ограничены временем. И если мы за короткое время будем передавать слишком много «камешков», то каждый из них просуществует очень короткое время. Чем больше «камешков», тем меньше времени «горит» на экране точка света, тем слабее работает фотоэлемент, тем меньше света передаётся на экран, и изображение выходит тусклым. Надо было искать выход в иной конструкции фотоэлемента, а верный путь поисков мог быть лишь один — попробовать создать фотоэлемент, приближающийся своим устройством к человеческому глазу с его «мозаикой» светочувствительной сетчатки.

Такой фотоэлемент и был создан. В нём имеется передающая трубка, на ней светочувствительная мозаика, по которой и скользит катодный луч. Каждый элемент, каждая ячейка этой мозаики является как бы особым фотоэлементом микроскопического размера подобно колбочке нашего глаза. Каждый элемент получает заряд от светового луча. Этот заряд посылается ламповым усилителем. Каждое очко нового фотоэлемента состоит из маленького серебряного шарика покрытого слоем цезия, для светочувствительности. Чего же мы достигли? Изображение стало выразительным, более ясным и освещённым. Появилась возможность увеличения экранов.

Решается ли этим до конца проблема идеального видения на расстоянии? Понятно, что не решается. Чудесное око телевизора ещё уступает чудеснейшему оку человека. Задача в том, чтобы на экране телевизора мы видели не хуже, чем на экране кино. Но и кино ещё не сказало своего последнего слова. Почему бы не достичь цветных изображений, идеально передающих натуру, почему бы не решить проблему стереоскопичности изображения? Одним словом, экран телевизора призван дать и даст идеальные копии действительности. Изображение на экране достигает полной иллюзии. Человек забывает, что он видит изображение на плоском экране, а не «открытое окно в мир». Телевидение соединяется со звуковой радиопередачей. Человек и видит и слышит, что делается в ином месте. Человек создаёт себе телеглаз и телеухо. Перед ним открыт целый мир, и он становится поистине хозяином мира. Его горизонты расширяются до беспредельности. Его познание мира увеличивается. Он сам становится новым человеком в сравнении со своими предками — человеком-великаном. Предки ведь слышали только на расстоянии, доступном уху, и видели только невооружённым глазом.

Да, сам человек претерпит чудесное превращение, поднимется на высшую ступень, приобретёт «божественные» свойства всевидения и всеслышания.

Вечная слава тем, кто трудился над созданием этих новых орудий человеческого познания мира — «сверхушей» и «чудесного ока»!"

— Ну что? Как? — спросил Миша, закончив чтение.

Гинзбург пошевелил губами.

— Ничего, интересно. Кое-что ты не понял, кое-что неточно осветил. А в целом интересно. Про кошку-тигра, это у тебя хорошо вышло.

Миша был немного разочарован. Кошка — это так, для юмора, а вот какие научные неточности? Но Гинзбург спешил.

— Добирайся сам! Изучишь поглубже, сам исправишь. Тогда прочтёшь мне ещё раз.

— Но ведь ты скоро едешь!

Гинзбург широким жестом показал на экран, репродуктор и театрально продекламировал:

— Разлуки больше нет. Мы будем видеться и говорить вот как сейчас.

Наконец наступил и день отъезда экспедиции. Гинзбург тепло простился с Мишей.

— До свидания и, надеюсь, до скорого, — сказал он. — Ты увидишь меня на экране, как только я прилечу в Мурманск и войду в радиорубку. На нашем траулере я расставляю телевизоры так, что ты сможешь видеть почти всё и на пароходе и вокруг. Мы не зря поработали с твоим отцом!

Миша крепко пожал руку Гинзбургу, и они расстались.

Инженер Борин вышел проводить гостя.

Когда Миша остался один, он посмотрел на белый экран размером в квадратный метр, как на страницу книги, где скоро появится текст увлекательного романа.

Миша Борин отправляется в телеэкспедицию

Вечером того же дня Миша услышал из репродуктора голос Гинзбурга: — Алло, Миша! Лечу над Петрозаводском. Над Петрозаводским аэродромом маяк в два миллиона свечей. Болтанка. Ночной полёт над Карелией. Аэромаяки указывают направление полёта... Только что возвратился из салон-ресторана. Ел вкусную рыбу — лососину. За ужином — концерт из Мадрида. Скоро ложусь спать. Доброй ночи! Утром, надеюсь, увидимся.

Голос смолк. Вошёл отец.

— Кто с тобой говорил? — спросил он.

— Мотя, — ответил Миша и вздохнул.

Этой ночью он спал тревожно. Ему снился полёт над Карелией. Самолёт упал в дремучем лесу. Сбежались медведи и стали прыгать возле разбитой машины. Миша отгонял их горячей головнёй. Потом он вновь летел, и вновь самолёт падал. Миша выбросился с парашютом и сломал ногу. Нога заныла. Он застонал и проснулся. Окна кабинета были плотно закрыты, светила лампа, и нельзя было определить, утро сейчас или ночь. Пришла санитарка, умыла Мишу и дала горячего чая. Был девятый час утра. Вдруг Миша снова услышал голос Гинзбурга:

— Алло, Миша! Погаси свет.

Миша забыл о чае и щёлкнул выключателем. Экран ожил. Гинзбург, улыбаясь, стоял на палубе траулера и кивал головой. За Гинзбургом виднелись шлюпка и возле порта — стрела и лебёдка для поднятия трала. Миша уже знал, что этой лебёдкой будут поднимать подводный телевизор. За бортом виднелись тёмные воды Кольского залива.

Гинзбург сделал знак рукой, и экран потемнел. Через несколько минут Миша снова услышал голос Гинзбурга:

— Микрофоны ещё не установлены на палубе. Скоро ты увидишь и услышишь меня. Через час двинемся в море.

Так экран телевизора превратился для Миши в подлинный увлекательный роман. Недостатком этой книги являлось то, что Миша не мог сам перевёрты-

вать прочитанные страницы. Однако Гинзбург утешал его тем, что, как только траулер придёт на место, начнётся непрерывная передача всего, что будет происходить.

Страницы перевёртывались одна за другой. Миша видел, как «Серго» вышел в открытое море и закачался на седых волнах, как быстроходный «Персей» догнал траулер «Серго» и пошёл вперёд... Прошли шхеры Финляндии, мыс Нордкап, Лофотенские острова, берега Норвегии, Швеции.

Дни шли за днями, и на экране телевизора появилась новая картина — Ленинградский порт. Большой теплоход поднимал якоря и уходил в плавание. Все три корабля должны были встретиться в Атлантическом океане.

Николай Петрович Борин установил двустороннюю радиосвязь со всеми тремя пароходами. Миша мог теперь по нескольку раз в день говорить со своим другом Мотей. Познакомился с капитаном Маковским, ещё молодым человеком, со смуглым Азоресом, который также отправился в путешествие, и, наконец, с водолазом Протчевым. Протчев заинтересовал Мишу. Если у капитана Маковского было типичное лицо англичанина, то бритое лицо Протчева обладало явно монгольскими чертами. Его можно было принять за монгола или китайца. Однажды Миша спросил у Протчева, почему он похож на китайца, и тот ответил, что он родился во Владивостоке. Мать его монголка.

Протчев вырос на берегах океана и с детства полюбил водолазное дело. Теперь это был человек лет под сорок, очень крепкий. Круглая голова, широченная грудь, по-морскому широко расставленные ноги, тяжёлые кулаки. Он называл себя ныряльщиком по призванию. Ещё юношей он «ставил рекорды» длительного пребывания под водой без водолазного костюма. Протчев уже опускался на дно пяти советских морей и теперь с нетерпением ожидал, когда можно будет посмотреть, что творится на дне Атлантического океана.

Во время плавания экран загорался не очень часто. Миша видел то палубу «Персея», то капитанскую рубку «Серго», то каюту большого теплохода.

Корабли держали курс на двадцать градусов западной долготы и тридцать семь градусов северной широты, — именно здесь, на великом океанском пути из Буэнос-Айреса в Лондон и Гамбург, погиб «Левиафан». Москва давно уже сияла электрическими огнями, а на экране телевизора лицо Маковского с английским профилем всё ещё было залито вечерним солнцем. А какие тона! Этот золотистый свет солнца, синь океана, жёлтые с чёрными полосами трубы парохода, белые рубахи моряков — какая чёткость! Да, это лучше, чем на экране кино.

Капитаны трёх кораблей докладывали Барковскому. Погода благоприятствовала экспедиции. Океан был спокоен. Миша сам мог, наблюдать ритмичное колыхание водной поверхности, и ему иногда казалось, что он вдыхает «аромат океана». Но, возможно, этот аромат приносил эпроновец Кириллов, если только аромат крепкого «кепстена»[8] мог напоминать запах моря.

Иногда на краю экрана виднелись пароходы с иноземными флагами. Их немало проходило по великому пути между Европой и Америкой. Советская флотилия из трёх судов не могла, конечно, не привлечь внимания. Но так как советские суда в это время часто пересекали океан, то разговоры о флотилии велись пока что лишь среди команд иностранных судов. Ещё несколько дней, и флотилия придёт на место.

В Атлантике

Маковский сидел в капитанской каюте, склонившись над картой. — Так, — сказал он и поставил карандашом точку на скрещении двадцать девятого градуса западной долготы и тридцать седьмого северной широты.

— Прибыли? — спросил Азорес, выпуская изо рта густые клубы дыма манильской сигары.

— Как будто бы, — ответил капитан. — Место гибели «Левиафана» обозначено довольно точно. Нам, видимо, придётся зондировать дно на площади около четверти квадратной мили, не более. Необходимо сообщить штабу, что мы прибыли на место. — Маковский протянул руку к телефону.

— Постой, — остановил его Азорес, — я сам пройду в радиорубку.

Миша Борин перечитывал историю ледовых походов.

— Алло! — услышал он голос Азореса. — Кто дежурит в штабе?

Миша привскочил на постели. Он уже мог сидеть, но ходить ему ещё не позволяли.

— Я. Миша. Это вы, Азорес? Что нового? Вы прибыли на место?

— Да. Передай об этом по телефону отцу и товарищу Барковскому. Капитан Маковский ждёт распоряжений штаба.

— Сейчас! — услышал Азорес взволнованный голос Миши и усмехнулся. Азорес знал, с каким нетерпением любознательный подросток ожидал, когда флотилия прибудет на место. Пока Миша звонил по телефону членам штаба, Азорес возвратился в каюту капитана и сказал:

— Мне не совсем понятно одно: ты, Маковский, говоришь, что место гибели «Левиафана» известно довольно точно; глубины Атлантического океана тоже точно известны, почему же наши учёные и техники, проектируя подводный телевизор, рассчитывали на глубину около тысячи метров? Возможно, такая глубина и не нужна.

— Да. Глубины Атлантического океана достаточно известны, — ответил Маковский. — Промерами океанских глубин установлено наличие величайшего подводного плоскогорья, которое начинается южнее Британских островов, тянется на запад вдоль африканского побережья и под углом подходит к Южной Америке. Однако это подводное плоскогорье отнюдь не плоское. В 1898 году прокладывали телеграфную линию из Европы в Северную Америку. За девятьсот километров на север от Азорских островов кабель оборвался и упал на дно. Чтобы поднять конец, пришлось несколько дней искать его по дну стальными кошками. И вот тогда и выяснилось, что дно в этом месте напоминало горную цепь: везде встречались высокие скалистые вершины, крутые склоны, ущелья, глубокие долины. Сами Азорские и Канарские острова — лишь вершины этих подводных гор. Затонувший «Левиафан» мог лечь на вершину подводной горы, и тогда нам, возможно, удастся спустить к нему даже водолаза. Но он мог нырнуть и в глубокое ущелье, и в подводную долину. Тогда, кто знает, сможем ли мы спустить даже телевизионный передатчик. Не придётся ли нам переконструировать его с расчётом на большую глубину, а значит, и большее давление. Мы сейчас находимся над очень неровным подводным рельефом. Расчёты велись на средние глубины этих мест.

— С чего же начнём? — спросил Азорес.

— Как прикажет штаб, — ответил капитан. — Я думаю, с промера глубин.

Маковский не ошибся. Штаб приказал начать тщательные промеры глубин по радиусу пятисот метров от той точки, где погиб, как предполагали, «Левиафан».

«Разведываемый круг», как он назывался на карте, был разделён на три сектора. В каждом из них должен был вести работы один из пароходов экспедиции. Все данные отмечались на карте большого масштаба и передавались в штаб по радио.

Для Миши настали интересные дни и часы: он также раздобыл карту и обозначил на ней глубины, характер грунта и тому подобное. Вскоре кусочек дна Атлантического океана стал ему известен, видимо, лучше, чем топография улиц Москвы. Какая это была дивная подводная страна! В районе гибели «Левиафана» со дна моря поднимался горный пик, который полого опускался на юго-запад. На северо-западе проходило глубочайшее ущелье в тысячу четыреста метров глубиной. Теперь весь вопрос был в том, куда опустился «Левиафан».

Но самое интересное было впереди. Люди спустят в глубину океана «подводное око», и Миша увидит тайники подводного мира. О, как медленно идёт время!

«Серго», «Персей» и «Марти» работали несколько дней, пока закончили промеры.

Радиосвязь действовала почти непрерывно. Обдумывался сложный вопрос: как придать пароходам возможно большую устойчивость в открытом океане. Удлиненные якорные цепи едва доставали до вершин подводной горы. Один пароход ещё мог бросить якорь, но для трёх над пиком не было места. Волны и ветер могли привести к столкновению пароходов и катастрофе. Да и «Левиафан» мог лежать на значительном отдалении от подводного пика. Плавающий якорь лишь замедлял дрейф пароходов, относимых морским течением и ветром. Между тем для работы с «телеоком» необходима была почти полная неподвижность судов. Ведь опускать телеоко надо было на самое дно, а оно чрезвычайно неровное. Аппарат будет тащиться по дну и может разбиться о выступы острых скал. Оставалось держать машины под парами и маневрировать винтом.

— А разве нельзя удлинить цепь якоря? — спросил Азорес.

— Конечно, можно, — ответил Маковский. — Но ты представляешь, каков будет вес полуторакилометровой цепи?

— Значит, нельзя?

— До определённой глубины можно. Для больших же глубин нам пришлось бы строить специальные пароходы, специальные лебёдки, стрелы, специальные палубы или же понтонные мосты для складывания цепи. Глубина — это твердыня, которую не так-то легко одолеть.

В то время когда пароходы готовились к спуску «телеглаза», в Москве, в институте телемеханики, подготавливались три новых аппарата подводного телевидения. Ведь с первым могла случиться авария. К тому же и поиски будут вестись быстрее, если каждый пароход будет иметь свой телевизор. На кораблях телевизоры будут доставлены гидростратопланом, создание которого только что завершено новым заводом реактивного сверхвысотного транспорта.

Подводное путешествие

Миша только что позавтракал и «лёг на вахту». Гинзбург обещал на сегодня много интересного.

Радиотелефон и телевизорная установка работали безотказно. Пусть за окном звенят московские трамваи и гудят автомобили, а здесь, в просторном кабинете, — «Атлантический океан».

Наконец-то на экране возникло весёлое лицо Моти. Как он загорел!

— Сеанс начинается! — послышался голос, и Миша увидел на экране узкие доски палубы, ослепительно освещённые солнцем. Чьи-то босые ноги пробежали по палубе, мелькнуло белое ведро с синей надписью «Серго», послышались возбуждённые голоса, почему-то коротко прогудел низким шмелиным басом гудок парохода, ему откликнулся другой.

Борт траулера. На стреле — два матроса укрепляют люльку, прицепную площадку на четырёх канатах. Наверное, будут красить корпус траулера. В зарубежном плавании моряки любят похвастаться чистотой и красотой своего судна. Возле лебёдки — компрессор, рядом с ним — водолазный костюм, шлем, свёрнутый шланг. Всё снаряжение водолаза.

Попыхивая трубкой и одёргивая шерстяную фуфайку, выходит Протчев. На его голове — шерстяная шапочка-феска.

— Протчев, нырять собираешься? — спросил Миша. И его слова, звуки его голоса, претерпев сложные превращения, уже звучат на палубе траулера. Протчев невольно поворачивает голову к репродуктору и говорит:

— Да, хочу спуститься, посмотреть, что тут под водой.

В кабинет Борина входит Кириллов. На ходу он приветствует Мишу и даёт в микрофон распоряжение:

— Приготовиться к спуску! Одного на компрессор, одного на сигнал, одного на шланг, одного на манометр, одного на часы!

Протчев выколачивает трубку — под водой не покуришь — и уже командует сам:

— Рубашку! Калоши! Манишку! Шлем! Тросы!

Начинают одевать водолаза. Протчев влезает в водолазную рубаху — зелёный прорезиненный костюм из крепкой парусины; ему помогают надеть тяжёлые ботинки с прочными носками и свинцовыми подошвами, затягивают ремешки, через голову надевают тяжёлую манишку, привинчивают к медному патрубку воздушный шланг.

Пока Протчев готовится к спуску, Миша тихо спрашивает Кириллова: зачем он отдал команду «один на сигнал», то есть следить за сигнальной верёвкой, — ведь в шлеме имеется телефон.

— И при железной дороге не забывай двуколку, — отвечает Кириллов афоризмом Козьмы Пруtkова.

Матросы прицепили на грудь и спину Протчева водолазные тяжеловесы в сорок килограммов, протянули от спины под ноги Протчева «подхватник» и закрепили его спереди.

Наконец, на голову Протчева надели тяжёлую «медную голову» и начали привинчивать её к манишке. Одновременно заработал компрессор, подающий воздух. В лучах солнца медный шлем и стекло его ослепительно блестели. Протчев стоял ещё на палубе, но был уже «водяным жителем». Каким чу-

довищем казался он Мише!

Старый товарищ Протчева эпроновец Сизый похлопал рукой по шлему: можно спускаться. Люлька была прицеплена возле самого борта. Протчев двинулся по палубе, гулко стуча свинцовыми подошвами.

— Какой богатырь! Какая сила! — удивлялся Миша.

Вот Протчев сел в люльку, как в качели, ухватился руками за верёвку.

— Спускай! — прозвучала команда Кириллова в Москве и в Атлантическом океане.

Лебёдка начала работать. Протчев погрузился в воду. Телеоко скользнуло по борту, и Миша увидел вторую лебёдку, а около неё Гинзбурга. Тот суетился среди матросов, которые помогали спускать телеоко на дно. Большой чёрный шар с конусоподобными выступами медленно уходил в воду.

Кириллов закурил папиросу. Азорес на палубе траулера также. Испанец стоял возле борта. Гинзбург наклонился над бортом и смотрел в воду. На траулере прозвенел звонок. Кириллов подошёл к столу Борина и начал писать. Вошла Мишина тётя и подала ему конверт. Письмо прислал товарищ, отправившийся на Памир.

Наверное, интересное письмо, но читать некогда. Звуки Атлантического океана словно провалились в пропасть молчания. И сразу стал слышнее неумолкающий шум Москвы. На экране мигнул дымок сигары Азореса. Погас и экран...

Что там случилось?

И вдруг Миша увидел Протчева. Он сидел в своей люльке, которая висела в зеленоватой мгле океана. Верёвки уходили ввысь.

Теперь Протчев, наверное, не ощущает тяжести своего костюма. Прекрасно! Летит «между небом и землей» и любуется подводным миром. В лучах подводного прожектора отчётливо видно, как из воздушного патрубка на медной голове поднимаются воздушные пузыри, похожие на капельки ртути. Это Протчев «травит воздух», нажимая головой на «головной золотник».

— Протчев, ты слышишь меня? — взволнованно спросил Миша.

— Слышу, — звучит бас Протчева.

— Зачем ты спустился под воду?

— Иголка потерялась, ищу её.

— А телеоко зачем?

— Одно око — хорошо, два — лучше, а три — ещё лучше. Разве не так? — отвечает Протчев. — У меня поле зрения шире, но глаз привычен. Телеоку ещё учиться надо смотреть по-водолазному, — шутит Протчев.

В этой шутке Миша слышит определённое недоверие к новинкам.

— Что ты видишь?

— Пока что карасей, не знаю, как по-здешнему их величают. Сейчас и ты увидишь то же, что и я. Ну, где твой пузырь? — Эта фраза касается уже Гинзбурга.

— Подвожу, смотри левее! — отвечает Мотя.

Медный шлем Протчева слепяще блестит. Миша видит сквозь стекло широкое монгольское лицо водолаза. Наверное, прожектор совсем близко. Протчев протягивает левую руку и что-то ловит. Его рука надвигается на экран, растёт, закрывает всё поле зрения... Зелёная муть... Сильный сноп света, и в нём — табун рыб. Медленно проплывает большая красивая медуза... Золотой

сноп идёт вглубь океана, постепенно слабея, рассеиваясь. И там, внизу, видны смутные очертания гор. Да, это горы и даже покрытые растительностью.

Горная вершина словно растёт и идёт навстречу... Нет больше Москвы, кабинета, постели. Не сам ли Миша висит в люльке и смотрит на подводный мир? Нет, он лежит в гондоле подводного «аэростата» над горным краем. Подводный Кавказ, но без ледников, горных рек и водопадов. Нет рек в краю, где «воздушное пространство» — вода.

Вновь палуба, ослепительно освещённая солнцем. Гремит лебёдка. Слышно, как шумят волны, ударяясь о борт траулера. Гинзбург обернулся. Блеснули белые зубы...

— Ну, что там? — слышен голос. — Чей?

Миша не сразу догадался. Ах, это «говорит Москва».

Кириллов отходит от стола и смотрит на экран.

Палуба исчезла. Муть... Миша живёт в «трёх планах»: под водой, на палубе траулера и в Москве.

Ничего не разберёшь... Муть! Какие-то тени проползают по экрану...

— Водоросли, — слышит Миша голос капитана Маковского.

Проплыла тёмная тучка. Возможно, поблизости проплыла акула или касатка. Блеснул огромный плавник, белое брюхо... И снова муть...

И вдруг снизу поползла через экран сверкающая линия. Она всё больше утолщалась, принимала круглую форму.

— Мачта! Мачта затонувшего корабля! — воскликнул Миша.

— Да, очевидно, это мачта, — ответил Гинзбург. — Тебе хорошо видно, Миша? — спросил он.

— Сейчас прояснится, — промолвил Николай Петрович.

Миша не заметил, когда подошёл отец. Не сон ли это? Миша, отец, Гинзбург, Барковский, Москва, Атлантический океан — всё сгрудилось в одной комнате. Да, теперь Миша чувствовал себя участником экспедиции. Ведь и Гинзбург там видит то же самое, что Миша.

Мачта сошла с экрана, аппарат, видимо, повернулся в другую сторону. Косая крупная рыба проплыл в отдалении, размеренно взмахивая плавниками и поблёскивая серебристыми телами. Метнулось очень длинное тело, извиваясь, как змея. Где-то очень далеко вспыхнул фосфорический огонёк.

«Дивный, чарующий мир подводных глубин! — думал Миша. — Там нет бурь, нет смен температуры, нет погоды. Всегда мрак, холод, молчание... И там — жизнь, борьба, свои радости и своё горе...»

— Смотрите! — вскричал вдруг Миша.

Вдали появилась новая горная вершина. На одном выступе лежал четырехмачтовый корабль, склонившись над кручей под углом в сорок пять градусов. На нём нет ни парусов, ни снастей. Они давно сгнили. Ниже, на другом выступе, лежит большой пароход вверх кормой, а рядом странное судно с коротким высоким корпусом, с ещё более высокой кормой и вырезанной из дерева фигурой на носу.

— Испанская каравелла, — сказал Азорес. — Пролежала на дне не одно столетие. Я хочу опуститься на дно и осмотреть каравеллу.

— Но ты же не водолаз, — возразил Маковский.

— Я уже присмотрелся к работе водолазов, говорил с Протчевым. Быть водолазом не такое уж трудное мастерство. Справлюсь...

Его отговаривали, но испанец был упрям. Да и как корреспонденту пропустить такой случай! Подводное путешествие... Каравелла... Из этого выйдет прекрасный фельетон, очерк, рассказ.

Маковский усмехнулся:

— Ну пусть попробует. С ним Протчев и потом... — Маковский тихо отдал Гинзбургу какое-то распоряжение.

Азореса быстро одели, хлопнули по шлему — готово! — и бережно опустили в океан.

На экране тотчас появилось изображение Азореса, спускавшегося вглубь. На его верёвочные сигналы Маковский, видимо, не надеялся. Даже те, кто прошёл водолазную школу, в первое время практики от волнения путают сигналы: например, вместо того чтобы дёрнуть трижды («поднимай вверх»), дёргают четыре раза («много воздуха»), и воздушная помпа начинает работать медленнее. Телефон надёжнее, но и телефон может испортиться. Протчев проследит за Азоресом, к тому же благодаря телевизору на палубе траулера все будут видеть каждое движение Азореса. «Водолаз-любитель» будет под неусыпным наблюдением. Но Маковский, кажется, решил немного проучить самоуверенного журналиста...

Спуск совершался очень медленно. Мотя, не отрываясь, смотрел на фигуру водолаза.

Странно! Ноги Азореса словно бы раздуваются. Живот, спина полнеют, растут... И вдруг Азорес перевернулся вверх ногами и стремглав полетел вверх...

Ослепительное солнце... Синяя, изборозждённая волнами поверхность океана... На ней неожиданно появляются ноги «отважного» водолаза... Его быстро вытаскивают на палубу, снимают шлем. Лицо Азореса бледное, испуганное. Его мутит, из носа течёт кровь — лопнули кровеносные сосуды от быстрой смены давления. Однако ничего страшного. Азорес всплыл, как щепка, с небольшой глубины.

— Что это? Почему? — спросил растерянный Азорес.

— Догадайся сам. Ты изучал теорию водолазного дела у Протчева, — отвечает Маковский.

— Вода не принимает, — смеётся Гинзбург.

Матросы осматривают Азореса — ему надо отлежаться. Испанец сидит на палубе. Солнце отражается в лужах, натёкших со скафандра. Все молчат. Азорес хлопает себя по лбу и смеётся.

— Понял! — кричит он. — Я забыл, что надо нажимать головой на клапан «головного золотника», — выпускать лишний воздух — «травить воздух», как говорил Протчев. Меня раздуло и выбросило на поверхность.

— Фельетон не вышел? — смеётся Кириллов.

— К сожалению, откладывается, — отвечает Азорес. — Но я всё-таки спущусь на дно.

— Тихим ходом подвести траулер к затонувшему пароходу! — распорядился Барковский.

— Когда они все успели собраться? — удивился Миша. Он так увлёкся экраном, что не замечал ничего вокруг.

Изображение на экране колыхалось — телеоко двигалось вперёд, наталкивалось на преграду воды и покачивалось.

Чем ближе подходил траулер к скале, тем больше погибших кораблей и па-

роходов виднелось на выступах и в расщелинах подводной горы. Она вся была усеяна ими. Здесь встречались и старинные каравеллы, и парусники минувшего столетия, и колёсные пароходы времён Фултона, и современные винтовые.

— Кладбище кораблей, — тихо промолвил Маковский. — Сколько их погибло по дороге из Америки в Европу!

— Да, весь путь, видимо, усеян, — ответил Борин.

— Одного железа сколько, — добавил Кириллов.

— А сколько сокровищ лежит в трюмах, сколько бочек золота и серебра! Ведь с самого открытия Америки люди тонули сами и губили в океане награбленное и найденное в Новом Свете золото. Только испанцы посеяли на дне не один десяток тонн золота, — сказал Азорес.

— А сколько людей пошло ко дну из-за человеческой жадности! — услышал Миша голос Гинзбурга.

— И ради смелости, пытливости! — поправил его Барковский.

— Однако не легко будет найти нашего покойничка, — добавил он, глядя на кладбище кораблей, которое всё увеличивалось.

— Растения! Нет, кораллы... — удивлённо воскликнул Миша. — Разве кораллы растут на такой глубине?

— Они жили, видимо, тогда, когда эти горы ещё лежали намного ближе к поверхности моря, — сказал Тоффель. — Перед нами, очевидно, затонувший материк.

Маковский осторожно вёл траулер, подводя телеоко ближе к затонувшему большому кораблю. Телеглаз прошёл вдоль корпуса. Мелькнули, блеснув стёклами, иллюминаторы. Вот и нос. Надпись. Надпись... На железе, заржавевшем, покрытом ракушками, нельзя было прочесть название парохода.

— Во всяком случае, это не «Левиафан», — заверил Маковский. — «Левиафан» крупнее. Поищем ещё.

— А может быть, посмотрим, что скрывает в себе этот покойничек? — спросил Протчев. В нём уже заговорили инстинкты «подводного охотника». — Если обнаружим что-либо ценное, поставим буёк, возьмём на заметку. Глубина подходящая.

— Поищи, но долго не задерживайся. Тебе уже скоро вылезать, — сказал Барковский.

— Захвати телеглаз! — говорит инженер.

Протчев весело дёрнул дважды за сигнальную верёвку, хотя при телефоне в этом не было нужды. Привычка. Люлька стала опускаться ниже.

Протчев плавно пролетает над верхней палубой, сходит с люльки, идёт, разрезая воду правым плечом. Впереди — люк. Протчев перестаёт «травить воздух», немного раздувается и легко перепрыгивает через люк, как через пропасть на шаре-прыгуне. Все медные части, поручни, раструбы вентиляторов поросли, словно мохом, мелкими зелёными водорослями. Под ногами хрустят ракушки. Из раструбов выплывают рыбы и удивлённой стаей кружатся возле головы водолаза. Их столько, что они мешают рассматривать.

— Кыш, вы! — машет рукой Протчев.

Ещё один люк. Протчев осторожно спускается по железным сходням трапа. За водолазом тянутся «сигнал», шланг, провода телефона и электрического фонаря. Не зацепить бы за что-нибудь острое. А тут ещё эта морока — телеоко со

своими проводами...

Вот он уже идёт по коридору. Каюты... Заглядывает в одну — по столу бежит испуганный краб. Под потолком — деревянный стул, ящик. Всё, как в мире невесомого.

Протчев спускается в трюм. Здесь он находит горы цинковых ящиков. Известное дело. Наверное, ещё во время империалистической войны на пассажирском пароходе перевозили снаряды. А вот и огромная, величиной с ворота, дыра на дне. Пароход был пущен ко дну торпедой подводной лодки. А в этих больших ящиках что может быть?

— Не увлекайся, Протчев! Пора подниматься! — предупреждает дежурный.

— А, чтоб вам! — бурчит Протчев и поворачивает назад. Но на экране Миша видит только угол ящика, обросший водорослями и облепленный ракушками. Что такое? Протчев остановился...

— Что там случилось? — спрашивает Барковский.

Невнятное бормотание. Кряхтение.

— А, чтоб тебя! Нога застряла в железном хламе.

Миша хотел крикнуть, чтоб Протчев повернул телеглаз к себе... А впрочем, Протчеву никто не может оказать помощь... Нет, оказывается, могут.

— Спустить на помощь водолаза!

— Шланги, сигналы, провода ещё больше перепутаем. Сам управлюсь! — отвечает Протчев.

У Миши гулко колотится сердце. Какая опасная работа! А Азорес ещё собирался спуститься на каравеллу... Проходят долгие минуты. Слышны глухие удары. Что он там делает?

— Проклятая проволока, хоть бы костюм не проколоть.

— Какая опасность! Прорвётся костюм, и водолаза зальёт вода.

— Ух! — слышится облегчённый вздох Протчева.

Телеглаз спустился с мохнатого ящика и осветил сходни трапа. Протчев освободился. Вместе с ним облегчённо вздыхают все.

Протчева поднимают на поверхность медленно, то и дело останавливаясь. Шесть сажен вверх — остановка на пять минут. Четыре сажени — десять минут, ещё две сажени — пятнадцать минут.

Наконец Протчев на палубе. Матросы снимают шлем. Вот мелькнуло лицо Протчева. Оно спокойно, как всегда. Риск — обычное для него дело, его профессия.

Поиски продолжаются с помощью телеглаза. Траулер обходит подводную вершину. Телеглаз осматривает каждый большой пароход. «Мтарбрук», «Южный крест», «Мери», «Эль-Пазо» нашли здесь последнюю пристань.

Азорес, уже отдышавшийся, говорит:

— Древние римляне хоронили усопших со словами: «Пусть будет тебе земля пухом». Утонувшим можно было бы сказать: «Пусть будет вам вода пухом». Земля, тяжесть могильной земли почти везде одинакова — около двух метров толщины. А вот утонешь ли на глубине десяти тысяч метров или на сотне метров — большая разница. Десять тысяч метров — это давление в сто атмосфер. Дерево под таким давлением становится крепче камня. Что же станет с телом человека? Да, Хургес был предусмотрителен, сделав свои записи на металлических пластинках.

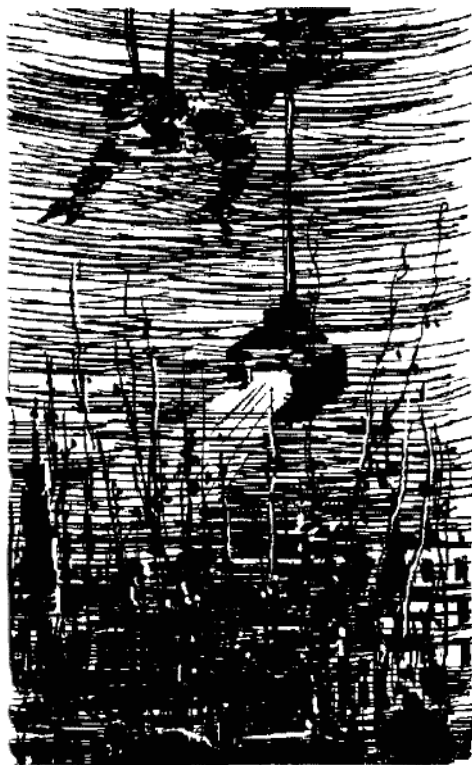
Траулер обошёл подводную горную вершину и направился к южному её

склону. Здесь, как ранее показала разведка лотом, шло плоскогорье, плавно снижаясь. Кое-где плоскогорье поднималось так высоко, что его достигал рассеянный солнечный свет. Глубина — менее ста метров.

Вынуждены были даже приподнять телеглаз, чтобы обследовать одно такое высокогорное плато. Флора и фауна здесь были богаче. Погибшие корабли лежали в густом лесу красных водорослей. Возносили вверх свои ветви красные кораллы. Между водорослями плавали рыбы. За ними гонялись огромные хищники. Из щелей разбитого фрегата выпростал длинные щупальца спрут. Плоскогорье постепенно поднималось. И вдруг на экране телевизора появилась каменная статуя, изображающая человека, ладони рук которого лежали на коленях. Прямо поставленный корпус, стиснутые колени ровно поставленных ног напоминали египетское искусство, но только напоминали. Это было искусство неведомой культуры.

— Вот это находка! — воскликнул Протчев. — Я буду не я, если не спущусь на это горное плато.

Вскоре подводный глаз обнаружил ещё несколько лежащих статуй, разбитых колонн, мраморные пьедесталы и, наконец, подошёл к руинам городской стены с неведомыми надписями. «Глаз» перешагнул через стену и очутился на середине улицы затонувшего города. Кровли не сохранились, но стены многих зданий были целы. Дорога, вымощенная каменными плитами, заросла мхом и покрылась ракушками. Лишь по поднятым кое-где плитам можно было догадаться, что они когда-то устилали дорогу. Мелькали дворы с бассейнами и остатками фонтанов, руины большого храма среди площади, на которой когда-то стояли статуи. Статуи лежали разбитые возле своих пьедесталов. Очевидно, затоплению предшествовало землетрясение. Все были так захвачены находкой, что на какое-то время забыли о таблицах Хургеса.



— Прекрасно! — радостно воскликнул Барковский. — Наши археологи будут поражены этой находкой.

Пауза. Борин глубоко задумался. По его лицу пробежала тень тревоги, и он

поспешно спросил Барковского:

— А не полагаете ли вы, что сюда придут такие же гости океана, как и мы, и тогда здесь начнётся настоящее столпотворение?

— Ну что ж, возможно, но это ничего не значит. Мы молча будем искать. На нас, безусловно, обратят внимание. Я не поручусь за то, что путешествие советской флотилии осталось незамеченным. Пока наши корабли шли в открытом океане, иноземные суда могли думать, что мы совершаем рейс в Америку. Теперь же, как только они заметят, что мы остановились, сразу же начнутся, да, кажется, уже и начались догадки: зачем и почему? Но пусть. Пусть думают, что им угодно. Будут на нас обращать внимание или нет, мы все так же упорно будем продолжать поиски таблиц.

Борин подумал и в знак согласия кивнул головой. Потом он с наслаждением набрал в лёгкие океанского воздуха, оглядел чистую, прозрачную голубизну неба и сказал:

— Вот бы всё время стояли такие дни, а то ведь, знаешь, море... оно изменчиво. Разгуляются волны, вот и стой, жди...

— У моря погоды, как говорит пословица, — добавил, усмехаясь, Барковский и тоже осмотрел безмерные дали. Он положил свою руку на плечо Борина и сказал по-товарищески: — Волны — это пустое. Главное — если кто-нибудь ещё придет искать затонувший «Левиафан». Вот это будет серьёзная помеха. А впрочем, сейчас нечего гадать. Может быть, будет как раз и погода, и никто нам поперёк пути не станет. Ну, а теперь надо спускаться в долину и продолжать поиски.

И вновь на экране телевизора сменяются картины подводного мира. Там, в водных глубинах, в темноте, — своя жизнь. Водяные жители то плывут стаями, кто знает куда, то снуют поодиночке. А вот там какой-то хищник гонится за добычей. Закипает упорная борьба за существование. Миша смотрел на экран, и ему казалось, что экран опускается всё ниже. Можно было легко представить, будто не экран, а он, Миша, опускается в глубины океана. Дивный мир...

Миша вспомнил своё путешествие на Кавказ. Там самая буйная растительность у подножия гор. Чем выше взбирался Миша, тем она становилась беднее. Высокие деревья сменялись низкорослыми, деревья — кустами, а ещё выше — царство мёртвых ледников. В подводном мире наоборот: вершина подводной горы, близкая к поверхности океана, была покрыта бесчисленными водорослями — целым лесом ламинарий. Стаи разноцветных рыб, словно цветистые попугаи, наполняли этот подводный лес движением, суматохой. Чем ниже, тем беднее растительность, тем меньше жителей подводного мира, тем медленнее их движения, тем тусклее свет. И, наконец, телеглаз и Миша спустились в царство подводной ночи и извечной тишины. Удивительные, неизвестные рыбы медленно проплывали в зелёной мгле. Кое-где светились фонарики глубоководных рыб. Они похожи на головастика — огромная голова-туловище, ужасающе широкий открытый рот и очень короткий хвост. Казалось, вся рыба — придаток зияющей пасти. Над головой её — согнутый тонкий эластичный чёрный «кабель», который заканчивается «лампочкой». Мелкие рыбы шли на свет этой лампы и попадали в широкую пасть...

А со дна, как и прежде, вздымались мачты, трубы затонувших кораблей. Это было не только кладбище, это был музей, история мореплавания и кораблестроения. Вот из расщелины виднеется длинный узкий нос совсем неболь-

шого, видимо вёсельного, корабля. Возможно, древние викинги совершали на таком судне смелые морские походы... Неужели они отваживались уплыть так далеко на юг? Или их занесла сюда буря... Вот финикийское вёсельное судно... Римская трирема... Неужели на таких триремах римляне плавали из Италии в Британию? Наверное, их буря отнесла на юго-запад от европейских берегов.

Прозвенел звонок: Николай Петрович просил сотрудников штаба в столовую. Миша остался один «лежать на вахте». Из столовой слышались голоса Барковский о чём-то спорил с Кирилловым.

Нежданный гость

— Большой пароход на горизонте. Держит курс на нашу флотилию! — услышал Миша голос Маковского.

Да мало ли пароходов проходит по этой морской дороге. Миша продолжал наблюдать за подводным миром. Плоскогорье, до сих пор полого спускавшееся, вновь поднялось. На горной площадке лежал огромный океанский пароход. Не «Левиафан» ли это? Телеоко стало медленно приближаться к нему. Пароход лежал вверх трубами. Их было четыре. Он словно двигался по подводной равнине, но это был обман зрения — двигался не пароход, а телеглаз. Вскоре на экране появились чёткие буквы «Георг Вашингтон». Рядом с ним подводная лодка и небольшой крейсер. На этом месте разыгралась драма во время империалистической войны. Крейсер потопил пассажирский пароход. Подводная лодка потопила крейсер, а затем погибла сама, наскочив на мину.

А на поверхности океана неизвестный пароход всё приближался, и скоро Маковский мог уже прочесть в морской бинокль его название: «Урания».

— Пароход подошёл к нашей флотилии и остановился, — доложил Маковский штабу.

Миша тотчас позвал отца, и все возвратились в кабинет. Появление иностранного парохода не могло не взволновать экспедицию. С какой целью прибыла «Урания»? О подводном городе ещё никто не знает. Все радиопередачи между экспедицией и штабом ведутся на коротких волнах приёмо-передаточной радиостанции Хургеса. Вряд ли кто-нибудь в мире мог перехватить эти волны. Да если бы и перехватил, иностранцы не успели бы за несколько часов снарядить научную экспедицию и прийти сюда. До ближайшего порта несколько дней пути.

— Неужели тайна открытия Бласко Хургеса стала кому-либо известна? — сказал, насупясь, Барковский. — Надо переговорить с Каром.

Невидимая нить протянулась от Москвы к Буэнос-Айресу. Карликовая радиостанция заработала. Кар был чрезвычайно взволнован появлением «Урании». Он клялся, что тайна Хургеса никому не могла быть известна, кроме него, Кара, и Жуана Хургеса. Жуан не выдаст. Кар был всегда нем как рыба. Бласко Хургес буквально «спрятал концы в воду». Тут, видимо, что-то иное. «Уранию» он знает — это большой аргентинский пароход. Кар постарается выяснить, кто и для чего её зафрахтовал.

— Так, — сказал Барковский и прошёлся по кабинету. — А я всё-таки думаю, что нас подслушали. Ваше мнение, товарищ Борин?

Инженер пожал плечами.

— На фронте радио идёт такая же борьба, как и во всех других областях техники. То, что сегодня является собственностью одной страны, завтра становится общей собственностью.

Барковский подошёл к карте мира и концами линейки соединил Москву и Буэнос-Айрес.

— Наш прямой луч, — сказал он, — пересекает Румынию, Югославию, Италию, Алжир, Сахару, Сенегамбию, Боливию, Парагвай и, наконец, Аргентину — самый краешек Аргентины, ибо Буэнос-Айрес расположен на границе, возле залива Ла-Плата. Пароход аргентинский, как уверяет Кар. И если наши передачи перехватили, то, вероятнее всего, в самом Буэнос-Айресе. Возможно, из-под носа у Кара.

— Даже из соседней комнаты, — добавил Борин.

— Я полагаю, что Кар прав: тайна Хургеса никому, кроме нас, неизвестна, — прозвучал голос Азореса. — Зачем прибыл пароход «Урания», мы скоро узнаем. Не будем волноваться преждевременно.

— А что делает «Урания»? — спросил Барковский.

— Стоит на плавучем якорю, спускают якорную цепь большого судового якоря, — ответил Маковский. — С борта спускают шлюпку, — продолжал он. — Очевидно, к нам прибудет депутация. Тем лучше. Мы узнаем их цели. Шлюпка отчалила. На ней четыре матроса на вёслах, пятый — на руле и один пассажир в белом фланелевом костюме.

— Примите их на борту, — распорядился Барковский. — Поставьте телевизор и микрофон. Наш штаб будет незримо присутствовать при беседе с этими гостями.

— Есть! — коротко ответил капитан и дал распоряжение принести на палубу несколько стульев. Одно плетёное кресло Маковский поставил так, чтобы она приходилось против телевизора. Микрофон Гинзбург спрятал в свёрнутом трале.

— Всё отлично, — доложил капитан.

И тотчас же на экране возник борт корабля и клочок неба. Спустили трап. Через минуту над бортом появилась голова в пробковом шлеме, а потом и вся фигура человека. На палубу, переступив борт, вышел ещё не старый, худощавый блондин с бритым, чрезвычайно жёлтым лицом и с запавшими глазами. Такие лица бывают у европейцев, побывавших в лапах у тропической лихорадки.

— Джемс Скотт, — кратко отрекомендовался гость по-английски, не называя своей профессии.

Капитан пожал ему руку и пригласил его сесть. Скотт молча вынул портсигар, молча протянул Маковскому сигару, не спуская с него глаз. Очевидно, Джемс Скотт пытался воспользоваться паузой, чтобы узнать, с каким человеком ему придётся иметь дело. Маковский взвешивал: ждать ли ему вопросов Скотта или самому начать наступление. Кто спрашивает, тот наступает. А наступление — более выгодная позиция. И Маковский решил взять инициативу переговоров в свои руки.

— Неожиданная встреча в океане! Может быть, у вас случилась маленькая авария: поломался винт или что-нибудь в этом роде? Всегда рады помочь, мистер Скотт.

— Нет, на моём пароходе всё в порядке, — ответил Скотт, выпуская кольцо

дыма.

— Что же вас принудило остановиться?

— Я прибыл на место — вот и всё! — спокойно ответил Скотт. — Но я увидел что это место занято, и поэтому интересуюсь узнать, с кем имею дело и что привело вас именно на эту точку поверхности Атлантического океана, — спросил, в свою очередь, Скотт.

— Разве эту точку океана вы сняли в аренду, мистер Скотт? — усмехаясь, спросил Маковский. — Международное право признаёт свободу морей. И поскольку мы прибыли первыми...

— Однако это ведь не безлюдный остров, который вы желаете занять по праву первой оккупации, — возразил Скотт.

— Мы и не имеем намерения оккупировать его, — ответил Маковский. — Но стоять мы имеем право там, где хотим.

— Зачем, с какой целью?

Это уж слишком. Маковский решил дать отпор.

— Мы никому не обязаны давать отчёт о своих поступках. С таким же правом мы можем спросить вас: какова цель вашего прибытия сюда?

На лице Скотта не отражалось ни малейшего волнения. Он выпустил ещё одно колечко дыма, которое было подхвачено ветром и отнесено за борт, и сказал более миролюбиво, видя, что лобовая атака не удалась:

— Я явился сюда не для споров с вами, капитан. Если я спросил, с какой целью вы прибыли сюда, то я имею на это свои основания. Мне надо исследовать дно как раз на этом месте. И в лице вашей эскадры...

— Три судна гражданского флота — не эскадра, — возразил капитан.

— В лице вашей флотилии, если это вам больше нравится, я встретил преграду к достижению цели, — закончил он. — Мы, конечно, не обязаны ставить в известность друг друга о целях наших экспедиций, но вы мне будете мешать...

— А вы нам... — отрезал капитан.

— Таким образом, возникает необходимость определить некий «модус вивенди». Вы начальник экспедиции?

— Я капитан флагманского судна, технический руководитель нашей маленькой флотилии, — ответил Маковский. — Экспедицией же руководит штаб.

Скотт невольно скривил губы. Сколько зря потраченных слов! И, поднявшись, сухо спросил:

— Вы могли бы познакомить меня с начальником вашего штаба?

— Боюсь, что это будет тяжёленько, — ответил капитан. — Штаб находится в Москве.

— В Москве? — удивился Скотт. — Как же может штаб из Москвы управлять флотилией?

— Мы живём в эпоху радио, — ответил Маковский. — В шестом часу вечера по местному времени мы рапортуем штабу о своей работе. Если вы придёте в этот час, я могу предоставить вам возможность переговорить с начальником штаба.

Скотт подумал, бросил за борт дымящуюся сигару и заносчиво ответил:

— В шестом часу я обедаю, а я не привык менять свои привычки.

Капитан пожал плечами:

— Мы также не привыкли менять свой распорядок.

— В таком случае, извините, что беспокоил вас.

Скотт сухо поклонился и двинулся к трапу. Матросы проводили его далеко не дружественными взглядами, хотя и помогли спуститься в шлюпку.

Ловец акул

Когда шлюпка закачалась на волнах, Скотт дал волю гневу. Его желтоватое лицо посинело. Шлюпка ударилась о борт траулера, и Скотт обругал матросов ослами за их нерасторопность. Ему хотелось на ком-нибудь сорвать зло. Он был недоволен собой. Он считал, что его унизили и оскорбили. А основное — он не достиг цели. Всю дорогу к «Урании» Скотт бурчал и ругался. Но перед тем как взойти на борт своего парохода, он неожиданно громко рассмеялся. Удивлённый этим, молодой матрос также рассмеялся. Скотт набросился на него с руганью. Видно было, что Скотт привык обращаться с людьми по-колонiallyльному.

По трапу он лез быстрее, чем можно было ожидать от человека, изнурённого тропической лихорадкой. Очевидно, он прошёл добрую жизненную тренировку. Скотт спустился в свою каюту. Она была комфортабельно обставлена. Удобные кресла, обитые бархатом, стол красного дерева, на нём — вентилятор, электрическая лампа с бронзовой подставкой и множество бутылок с виски. Скотт был уверен, что виски прекрасно предупреждает приступы тропической малярии, которой он заболел в болотах Амазонки много лет назад.

— Какой тон! Какой неприступный тон! — возмутился он, вспоминая свой разговор с Маковским. Он ждал, что «непрощенные гости» придут первыми к нему, «владыке морей», на поклон. Но они не пришли. Желание узнать, что привело советские пароходы на это место океана, заставило, наконец, Скотта пойти первым. И он возвратился ни с чем.

Скотт налил виски в серебряную стопку, одним духом выпил, запил водой со льдом, сел в кресло и, закулив, начал размышлять вслух:

— Тысяча чертей! Когда в снегах Аляски, в горах Сьерра-Невады, в безлюдных пустынях я встречался с человеком, я знал, что он пришёл сюда за тем же, за чем и я. И вот теперь эта встреча... Атлантический океан велик. И если с разных концов света в одну точку необозримого океана собралось столько кораблей, то совершенно ясно, что их привела сюда одна цель. Но как они узнали? Как могли узнать? Неужели эта тайна не сохранилась, как тайна Изиды...

Скотт, чтобы «прочистить мозги», выпил ещё стопку и вновь, как и на шлюпке, громко рассмеялся.

— И всё-таки они идиоты, простаки, эти большевики. Капитан Мак... ковский сказал мне, что вечерами в шестом часу они разговаривают со штабом. Очень мне надо вторично идти к ним на поклон! Да и что ответит мне начальник штаба? Они, конечно, не откроют секретов, но разве у меня нет своей радиостанции? Разве я не взял на службу лучшего радиста Аргентины? Мы перехватим волну, и я скоро буду знать то, что мне надо.

Сквозь открытый иллюминатор долетел всплеск, словно кто-то упал с палубы. Скотт выглянул в иллюминатор и увидел плавник акулы. Отбросы с четырёх кораблей собрали большую стаю морских хищников. Скотт, покачиваясь от морской качки и выпитого виски, пробубнил:

— Надо замести следы! — Позвал капитана и приказал ловить акул.

Спустили сети, и ловля началась. Скоро на палубе билась первая акула. Скотт вышел из каюты, в которой было душно, несмотря на холодильники и вентиляторы, и сошёл на палубу. Огромная акула лежала неподвижно. Только её низко посаженный рот ритмично открывался. Серое туловище поблёскивало на солнце.

— Не подходите близко к хвосту! — поспешил крикнуть капитан.

Но было уже поздно. Акула неожиданно метнулась, ударила хвостом Скотта в грудь, и он, описав дугу, перелетел через борт и упал в воду. Скотт бился на волнах. Утонуть он не боялся. Ему угрожала другая опасность. Акулы, испуганные неожиданным падением, метнулись в разные стороны, но тотчас повернули назад. Жизнь Скотта повисла на волоске. Забыв свою гордость, он начал растерянно вопить, и, прежде чем на «Урании» опомнились, с траулера загремели выстрелы. Пули ударялись о воду вокруг Скотта. Скотт сначала не понял, в чём дело. Не хотят ли «большевики» убить его? Стая акул была отогнана. В тот же момент возле Скотта упал спасательный круг на верёвке. Его бросили с борта «Урании». Скотт ухватился за круг, и его потянули вверх. Когда ноги Скотта находились в полуметре от воды, одна акула попыталась схватить его за ноги, но он поджал их и счастливо взобрался на палубу. Новый удар его по самолюбию!

— Передайте им мою благодарность! — приказал он капитану. — Скажите: «Мистер Скотт благодарит вас за своевременную помощь». Этого довольно.

Капитан прокричал в рупор эту фразу.

Скотт переоделся и снова вышел на палубу, словно ничего не случилось. Ловля продолжалась. Траулер ещё ближе подошёл к «Урании». Можно было разговаривать без рупора.

— Рыбку ловить приехали? — спрашивали матросы «Серго». — Хороший ужин у вас будет сегодня! Разве солонина вышла?

— Зато акулы остались без ужина, — ответил матрос с «Урании» и добавил тише: — А жаль! Акуле и акулина смерть была бы.

Матросы стали перебрасывать друг другу подарки — папиросы, сигары. Скотту это пришлось не по душе. Он приказал, чтобы «Урания» отошла от «Серго» подальше.

— Хочет убедить нас, что он прибыл сюда ловить акул, — улыбнулся Маковский. — Детское занятие!

— Вон фигура на корабле, смотрите! — обратил внимание Протчев. — Японец. И второй. Бьюсь об заклад, что это японские водолазы. У меня нюх на это острый. Морское дно Скотту нужно, а не акулы. Увидите, всех этих акул он ночью швырнёт за борт.

В шестом часу прозвенели склянки. Скотт быстро ушёл с палубы, Гинзбург толкнул локтем Маковского.

— Видишь? Пошёл наше радио слушать. Ну, ну, пусть попробует. Это ему не акула.

— Ну, а всё же, зачем принесло сюда Скотта? Неужели тайна Хургеса ему известна? — уж в который раз спрашивал Маковский, ни к кому не обращаясь.

Скотт вскочил в радиорубку.

— Поуэрс! — позвал он радиста. — Вы должны немедленно поймать Моск-

ву.

— Поймать Москву?

— Какой вы бестолковый, Поуэрс. Вы должны перехватить радиопередачу московской радиостанции.

— Длина волны?

— В том-то и дело, что я не знаю.

— Но в Москве десятки радиостанций...

— На таком расстоянии обычно Москва говорит на коротких волнах. Начните с самых коротких, какие только в состоянии взять ваша радиостанция.

— Десятки метров во всяком случае...

— Вертите же, вертите, чёрт побери!

Радист начал искать волну. В репродукторе послышалась незнакомая русская речь, песни, музыка...

— Не то, не то! — волновался Скотт. — Катаяма! Фудзияма!.. Как там его, желтолицего дьявола, зовут... Позовите ко мне переводчика-японца... — Скотт от нетерпения и досады стучал кулаком о стол. — Когда вы научитесь, Поуэрс, русскому языку?!

— Русский язык так труден, — ответил радист, продолжая настраивать аппарат.

— Вот... подождите. Беседа!

Вошёл японец и неподвижно встал у двери.

— Подойдите и переводите! — скомандовал ему Скотт.

Картавя и шепелявя, японец стал переводить:

— В нашей бригаде охвачено технической учёбой девяносто пять процентов...

— Не то... к чёрту! Крутите дальше.

— ...Хлеб начал поступать на сыпные пункты...

— К чёрту хлеб! Крутите!

— ...Пушчен новый завод-великан...

— Пусть они провалятся со своими заводами! Должна передаваться беседа, диалог. Ищите, ищите!

Поуэрс взмок от этой гонки. Московские радиостанции словно издевались над Скоттом. Музыка, песни, доклады, лекции, радиопереклички... Иногда врывался стрекот радиотелеграфа... и снова музыка... А время идёт... И в это время Маковский, наверное, разговаривает с начальником штаба о посещении траулера им, Скоттом, и получает инструкции.

— Проклятие! Да вертите же, Поуэрс!

Но Поуэрс вдруг отодвинул стул от аппарата.

— Больше некуда крутить, — сказал он раздражённо. — Я исчерпал диапазон. И если вы, мистер, не нашли того, что вам надо, то или передачи, которую вы ждёте, нет, или...

— Она должна быть...

— Или же...

— Или что?

— Или эту передачу вообще невозможно принять нашей станцией.

— Как так нельзя принять? Разве я приобрёл не лучшую радиостанцию, которая когда-либо устанавливалась на пароходах? Разве я не заплатил за неё три тысячи долларов?!

Поуэрс пожал плечами.

— Наша станция коротковолновая, обычного типа, — ответил он. — А они, возможно, передают по остронаправленной волне.

Скотт ударил себя по лбу.

— Ах, я старый ослиный хвост! — в своих скитаниях он собрал огромный лексикон ругательств. — Вот почему Маковский был так упрям. Довольно! Можно не крутить. Бросьте, Поуэрс, это зряшное дело.

— Я уже бросил.

— Вы не могли бы переоборудовать нашу радиостанцию, Поуэрс? Вы получите тысячу долларов. Если не сумеете сами, мы выпишем специалиста. Теперь безработного инженера можно найти легко. Я должен принимать их передачи во что бы то ни стало, и я буду их принимать.

Скотт посмотрел в окно-иллюминатор. Неподалёку дымили советские корабли. Какая нелепость! Вот они стоят так близко, что можно разговаривать даже без рупора, но их радио нельзя принять. Они разговаривают с Москвой, а эта шелудивая крыса не может!

— Господин Скотт, — проговорил штурман, становясь у открытых дверей. — Вся палуба завалена акулами. Что прикажете делать?

— За борт, за борт! Подождите. Только не сейчас. Ночью. Бросайте за левый борт так, чтобы с советских пароходов не видели. А утром начинайте ловить вновь.

«Совсем рехнулся, — подумал штурман и пошёл на палубу. — Туши мёртвых акул привлекут иных акул, и скоро, кажется, мы соберём здесь всех акул Атлантического и Тихого океанов!»

Алло! Слушайте и смотрите!

Миша Борин был удручён тем, что не может показать своим товарищам экран телевизора: в комнату штаба не пропускали посторонних. Подумать только: видеть, как ловят акул! А падение Скотта за борт парохода? Как ловко акула поддала ему хвостом!

Скотту и в голову не приходило, что на советских пароходах установлены «радиоглаза», которые зорко следили за всем, что происходило на «Урании». Советская флотилия расположилась треугольником, в центре которого находилась «Урания». За ней следили со всех сторон. Каждое движение Скотта и экипажа отражалось на экране.

— Неужели мои товарищи не увидят всего этого? — с сокрушением говорил Миша отцу.

— Увидят, погоди немного. Мы скоро организуем массовую трансляцию. Увидят и радиолюбители, имеющие телевизоры, увидит и публика в кино. Вот прилетят наши учёные — геологи и археологи, начнутся плановые подводные экспедиции телеглаза, и мы проведём ряд публичных сеансов и лекций.

Учёные не заставили себя долго ждать. Через два дня Миша увидел на экране большой гидроплан, плавно опустившийся возле траулера. В Москве близился полдень, а в Атлантическом океане первые лучи солнца золотили ровную поверхность океана и крылья самолёта.

С траулера немедленно была спущена шлюпка, и учёные перебрались на борт парохода. Первым взошёл археолог Чудинов. Он совсем не походил на тот тип старого учёного, каким изображали археологов в романах. Это был ещё молодой человек, профессор истории материальной культуры. Статный, быстрый, подвижной и жизнерадостный, он скорее напоминал профессионала спортсмена. Геолог Правдин выглядел постарше. Он едва поднялся по трапу и ходил, немного прихрамывая: несколько лет назад он сорвался со скалы на Памире и остался хромым. Это, однако, никак не отразилось на его подвижности.

После взаимных приветствий на палубе парохода прибывших отвели в столовую. А гидроплан тотчас же улетел обратно. Барометр падал, и самолёт спешил спрятаться от непогоды в бухте Зелёного мыса.

Учёные начали с точного исследования морского дна при помощи эхолота. Одновременно были спущены прожекторы и телеглаз. Морская глубь шаг за шагом открывала свои тайны. Старательно обследовали срезанную вершину горы и на ней руины, которые, возможно, являлись частью великого города, лежавшего ниже на плоскогорье. Эта срезанная вершина лежала на глубине всего лишь тридцати метров от уровня океана.

— Самый подходящий объект для трансляции, — сказал Борин. — С этого мы и начнём.

Борин в Москве и Гинзбург на траулере в Атлантическом океане поддерживали постоянную связь по радио, налаживали технику трансляции. Миша оповестил своих товарищей по телефону, чтобы они «готовились к приёму», и дал им технические советы.

Скоро в «Известиях», которые выходили одновременно в пятидесяти крупных индустриальных центрах страны, появилось объявление о будущем цик-

ле телевизионных передач «со дна Атлантического океана». Население СССР было широко оповещено об этих трансляциях и по радио. Одну из таких радиосообщений принял Поуэрс. Он сразу же рассказал об этом Скотту.

— Выходит, они всё же передают радиосводки и изображения, — сказал Скотт. — Что касается меня, я в этом не сомневаюсь. Это только вы такой немощный.

Поуэрс пылко возражал и начал говорить о технике телевидения, в чём, однако, Скотт плохо разбирался.

— Вы должны понять, мистер Скотт, — сказал Поуэрс, — что я не могу сам достичь тех результатов, которые превосходят современные достижения нашей техники.

— Вы хотите сказать, что советская техника опередила американскую?

— У нас техника телевидения развивалась очень быстро до кризиса, — пояснил Поуэрс. — Ещё в апреле 1927 года телеграфно-телефонная компания Белла продемонстрировала возможность видеть своего собеседника во время телефонного разговора. Через год Берд продемонстрировал трансатлантическую передачу. Пассажиры парохода «Бернгария», плывя по океану, видели на экране людей, находящихся в Лондоне. В том же году Берд продемонстрировал цветное телевидение. «Дженерал электрик компани» продемонстрировала в Скенектеди передачу сцен из оперы по радио и по проводам, причём слушатели видели исполнителей. Американская радиокорпорация открывает телепередачу со своей радиостанции в Нью-Йорке, а компания Вестингауза в 1928 году начала передавать кинофильмы. В том же 1928 году создана специальная корпорация Дженкинса с капиталом в десять миллионов долларов.

— Меня абсолютно не интересует эта история развития телевидения, — перебил Скотт.

— К сожалению, на этом «история» и заканчивается, — ответил Поуэрс. — Экономический кризис, наступивший в это время, задержал дальнейшее развитие телевидения в Европе и Америке. Советские же учёные и изобретатели продолжали работать и... очевидно, опередили нас.

— Постойте, Поуэрс. Я вот чего не пойму: ведь вы приняли радиосообщение о будущей телевизионной трансляции. Очевидно, наша станция примет и самую трансляцию. Почему же мы не могли до сих пор поймать не только телевизионную, но обычную радиопередачу с этих судов в штаб, — в Москву, и из штаба сюда?

Поуэрс пожал плечами.

— Значит, они перехитрили нас, и я никогда не увижу и не услышу того, что они передают секретно?

— Очевидно, так.

— Нет, с этим я не могу примириться! — закричал Скотт. — Я выпишу лучших специалистов из Америки, Англии, Италии и добьюсь своего. Послушаем и посмотрим их трансляцию.

Увы, когда эти трансляции начались, Скотт вынужден был согласиться, что Поуэрс говорил резонно.

Первой шла лекция инженера-изобретателя Борина о достижениях советской радиотехники. Борин почти слово в слово повторил кое-какие фразы Поуэрса.

— В технике телевидения, — говорил Борин, — мы продолжали работу с то-

го места, на котором она остановилась на Западе и в Америке вследствие кризиса.

Как вам известно, в первый период развития телевидения применялись механические методы разложения изображения с помощью так называемого «диска Нипкова», многогранных зеркал, «барабана Вейлера», зеркального винта и тому подобное. Сама оптико-механическая система телевидения имела в себе органический порок, вследствие которого телевизор задыхался от недостатка света. Именно поэтому первые экраны имели микроскопические размеры — девять на двенадцать сантиметров, максимум — двенадцать на восемнадцать. Выход из этого был найден — это катодное телевидение...

Далее Борин популярно изложил принципы построения иконоскопа... кинескопа... Миша вспомнил о своей «сказке». Да, он многое представлял себе неточно. Лектор, который учил миллионы слушателей, — его отец, а он, Миша, плохо знает радио... И он принял решение в будущем наладить «близкое знакомство» с одним из лучших советских учёных и изобретателей.

— ...Свет, отражённый от передаваемого предмета, — продолжал Борин, — с помощью объектива киноаппарата попадает на мозаику иконоскопа, действует на его микроскопические фотоэлементы и с помощью электронных лучей претворяется в электрические колебания, которые на ультракороткой волне поступают в приёмник. Все механические приспособления: диски, моторы, оптические системы — становятся излишними. Телевизор насыщается светом в тысячу раз сильнее, чем при механических системах передачи разложения и передачи светового луча. Изображения могут быть значительно больших размеров.

Теперь о приёме. И здесь диски Нипкова стали не нужны. Приёмная часть — кинескоп, что означает «наблюдающий движение». Кинескоп — это та же катодная трубка, имеющая на дне экран, который светится, флуоресцирует под влиянием электронного пучка. Это изображение можно наблюдать и в зеркале, укреплённом на внутренней стенке крышки приёмника, можно проектировать и на большой экран.

Надо отметить также, что при прежних системах передачи на большие расстояния — то ли на длинных, то ли на коротких волнах — приходилось ограничиваться незначительным количеством элементов разложения изображения: тысяча двести — тысяча четыреста. Катодное же телевидение даёт нам семьдесят тысяч и больше элементов. Справедливость заставляет меня сказать, что катодное телевидение, как законченное изобретение, разработано на Западе и главным образом в Америке до мельчайших подробностей.

Но на это готовое изобретение обрушился мировой кризис, который не затронул, да и не мог затронуть нас. Таким образом, это изобретение не могло развиваться дальше в капиталистических странах и получило развитие у нас...

— Одним словом, большевики попользовались готовеньким, — пробурчал Скотт.

И, словно отвечая на это, Борин продолжал:

— В процессе освоения иностранной техники, товарищи, мы её основательно реконструировали, усовершенствовали, иногда переделывали почти наново. Мы не являлись простыми копировальщиками. К опыту иностранной техники наши изобретатели прилагали свою смётку. И в результате телевиде-

ние, одно время сильно у нас хромавшее, теперь идёт впереди телевидения многих буржуазных стран.

Мы вправе гордиться и тем, чего не показываем сейчас на экране, но что вам должно быть известно: широкое применение телевидения. У нас телевизоры служат не только для передачи изображений на расстояние. Они водят наши суда в опасных местах, будучи нашими бдительными вахтенными, которые предупреждают о приближении подводных камней, плавучих льдин, подводных лодок. Телеглазами вооружены наши пилоты. А приходилось ли вам слышать о применении телевизора для лова глубоководных морских рыб? Телевизор даёт нам возможность видеть даже в абсолютной темноте с помощью невидимых инфракрасных лучей, проходимость которых в шестнадцать раз больше, чем проходимость белого света. Это изобретение Берда, не возражаю. Но пусть посмотрел бы сам Берд, что осталось от его изобретения и что внесли в него мы. И, главное, как широко мы внедрили это изобретение в практику жизни.

Я уж не говорю о применении телевидения в оборонной технике. Значение его огромно. Однако подчёркиваю: для нас это оборонная, а не военно-наступательная техника. Телевизоры — наши стражи, охраняющие наши границы.

Катодное телевидение сделало человека почти всевидящим. Уже теперь вы видите на экране, как сооружают плотину на Енисее, как работает солнечная установка в Туркменистане, газовые двигатели на сопках Камчатки. Близок момент, когда переносные телевизионные передатчики проникнут в отдалённые точки земного шара, и тогда воистину весь мир будет перед нашими глазами. Начало этой эры наступило. Вы, сидящие в Саратове, Бобруйске, Вязьме, в степном совхозе! Смотрите! Сейчас перед вами откроется далёкий Атлантический океан. Вы спуститесь «на дно морское» и будете путешествовать под водой, не замочив ног. Слушайте, смотрите! Мы начинаем!

— Тьфу, тьфу, и смотреть не буду! — Скотт ругался последними словами.

Взволнованный, он ходил по радиорубке, отплёвывался, закуривал и бросал сигары, в то же время, помимо своей воли посматривал на небольшой экран телевизора. Поганенький экран с тусклым изображением... Старая калоша... Разве не обидно?

Скотт подошёл к иллюминатору и смотрел, как советские матросы под руководством Гинзбурга бережно опускали в воду большой металлический шар, поблёскивавший стёклами объектива и прожекторов.

Скотт не утерпел и взглянул на экран своего телевизора. Он увидел слабое мигающее изображение... Скотт вновь отвернулся и посмотрел в иллюминатор. Шар спущен. Плавно углубляется в воду трос...

«Экскурсия по дну океана» началась. Теперь Миша мог разделить свою радость со всеми товарищами и миллионами зрителей, которые, как и он, впились глазами в экраны телевизоров. В огромных кинотеатрах, вмещающих двадцать тысяч человек, зрители смотрели на экран. Они видели голубизну океана, белые барашки волн, тёмные силуэты пароходов, жёлтые трубы с чёрными краями, мачты судовых радиостанций. Многие узнавали наши пароходы и спрашивали:

— А четвёртый откуда взялся? Под иностранным флагом? Что он делает там?

Но вот и море, и небо, и корабли словно взмыли вверх. Телеоко опустилось

в воду, экран заполнила зеленоватая мгла. Везде мелькали серебристые мелкие рыбки. Они летали меж водорослей. Настоящий подводный лес! Одни водоросли тянутся вверх, разбросав свои листья, словно струи фонтана, другие, словно длинные ленты, тянутся во все стороны. И всё это плавно всплывало кверху. На смену маленьким рыбам появились большие, водоросли становились бурыми, тёмно-красными, подводный лес густел. И вдруг среди густых водорослей поднялась белая колонна с обломанной капителью. Рядом с ней — вторая, ещё и ещё — целый лес колонн. Остатки храма или площади, обрамлённой колоннадою.

Колонны, казалось, летят вверх. Появился пьедестал. Потом колоннада начала уходить в сторону... И зрители — «подводные путешественники» — увидели узкую улицу. На дороге, некогда вымощенной плитами, лежал толстый слой ила. Небольшие здания, сложенные из камня, были без крыш. Возможно, катастрофу опускания в бездну сопровождал взрыв вулкана. Раскалённая лава сожгла стропила крыш, и они обвалились... Телеглаз завернул в небольшой дворик. Портик, колоннады, остатки фонтана, статуи...

— Мы снова на улице среди маленьких домиков, — долетел голос «экскурсовода» археолога Чудинова, — улица выводит на площадь перед храмом. Он хорошо сохранился. Лишь глубокая трещина расколола здание наискось от верхнего угла до нижнего. Архитектура немного напоминает египетскую.

Эта часть города лежит на срезанной вершине горы. Солнечный свет ещё доходит сюда, и вам всё видно без прожекторов. Когда мы станем опускаться ниже, придётся путешествовать с фонарями... Вы видите один из затонувших городов. Таких немало в морях и океанах. У нас на Чёрном море возле Херсонеса на дне моря давно найден такой город. С помощью телеглаза мы достаточно хорошо его изучили. В 1933 году доктор Гартман обнаружил телеглазом подводный город между Сицилией и Африкой. Теперь нам удалось найти ещё один затонувший город.

Вы знаете, что материки поднимались из морских глубин и опускались. Процесс этот не прекратился и в наши дни. В Тихом океане когда-то существовал огромный материк, который назван учёными Пацифидой. Он занимал почти всю впадину между Австралией и Южной Америкой. Африка простиралась далеко на восток и на запад и, возможно, соединялась с восточными берегами Южной Америки. Континент между Африкой и Австралией назывался Гендванной. Азия в незапамятные времена соединялась с Северной Америкой. И все эти материки опускались на дно океана. Но особенно заинтересовала учёных Атлантида...

Древний философ Платон, живший за четыреста лет до нашей эры, сберёг для нас рассказ об исчезнувшем острове Атлантиде, который размерами был больше «Ливии и Азии, взятых вместе», — иначе говоря, все известные древнему миру части Азии и Африки, — и лежал на запад от Геркулесовых столбов — теперешнего Гибралтара.

По свидетельству Платона, Атлантида погибла «в один день и бедственную ночь». Это был великий остров, целый континент. Были здесь гигантские леса, огромные табуны слонов и других животных. Как писал Платон, жители Атлантиды «дважды в год пожинали произведения земли, пользуясь в течение зимы водами небесными, а летом привлекая воду, которую даёт земля через каналы».

Вся Атлантида была разделена на десять царств, которые находились под властью одного рода. Таким образом, в Атлантиде мы видим древнейшую, существовавшую много тысяч лет назад, доарийскую культуру.

Десятки, сотни учёных делали удачные догадки о том, где была полумифическая Атлантида. И геологи, и ботаники, и лингвисты, и зоологи вносили свой вклад в изучение этого чрезвычайно интересного вопроса. Нам удалось открыть ещё один затонувший город и таким образом перевернуть очень древнюю страницу человеческой истории. Мы, советские учёные, становимся в строй атлантидологов, и, возможно, нам удастся осветить тёмные уголки древней истории точно так же, как освещаем мы прожектором телеглаза тёмные глубины океана...

Оратор смолк. В это время телеоко плавно двигалось вниз по горному склону между величественными статуями. Постепенно темнело. Вдруг вспыхнули огни прожекторов. Появились красные водоросли. Длинные широкие полосы их стояли неподвижно. Ветер водной стихии — движение воды — почти не доходил сюда, как и естественный свет.

Зрители видели широкую дорогу, которая шла на вершину горы — к крепости или царскому дворцу. По обе стороны дороги стояли громадные статуи, грубо высеченные из камней. Длинноголовые герои или божества сидели на широких постаментах и угрожающе смотрели на восток. Возможно, оттуда затонувшему городу некогда угрожала опасность и статуи-стражи должны были пугать врага.

— Мы постараемся расшифровать эти надписи, — сказал Чудинов.

Поперёк дороги лежал затонувший пароход. Его корпус был облеплен ракушками. Телевизор, перепрыгнув через корабль, продолжал блуждать по улицам и площадям затонувшего города. Дорогу пересекла огромнейшая расщелина, из которой торчали мачты другого затонувшего корабля. По обе стороны расщелины лежали статуи...

«РТ-118» — иначе говоря, рыболовный траулер «Серго Орджоникидзе» — плавно подвигался вперёд, маневрировал влево, вправо, туда, куда указывал Чудинов, который теперь был «капитаном».

Затонувший город раскинулся на огромном пространстве, опускаясь всё далее по пологой равнине.

И вот, наконец, телевизор достиг границы города — большой гавани с каменной набережной и волнорезом.

— Посмотрите, — продолжал голос лектора, — в гавани стоит несколько кораблей! Разве не удивительно? Они затонули одновременно с городом и гаванью. Возможно, они окаменели. Ведь с тех пор, как они под водой, прошли тысячелетия.

Тут раздался другой голос:

— Товарищи! Пока вы любуетесь гаванью на дне океана, позвольте геологу поговорить с вами...

«Это Правдин», — подумал Миша.

— Товарищ Чудинов уже кое-что сказал вам о колебаниях земной коры. Изучение этих колебаний имеет не только исторический интерес. Поднятия и опускания земной коры совершаются в течение срока более короткого, чем многие из нас думают. В Мурманске, например, мне приходилось слышать сговора моряков на неточность морских карт: на них, говорят, не обозначены

кое-какие подводные мели, скалы, и по этой причине потерпели аварию несколько наших рыболовных судов. Я принуждён был встать на защиту старых лоцманских карт. Для своего времени карты были правильны, но менее чем за сотню лет берега Мурмана и морское дно поднялись. И возможно, что в недалёком геологическом будущем на Мурмане появятся большие новые участки суши, которые сейчас покрыты морем. Широкая водная полоса, которая прилегает к северной части мурманского побережья, была некогда сушей. Измеряя морское дно, мы выявили широкие русла рек, которые когда-то текли по поверхности земли...

Или другой пример. На Новой Земле, на верховьях гор, находят сравнительно свежий лес — плавунец, который обычно приносится на острова морскими течениями. Как мог этот лес попасть на вершины гор? Ясно, что в сравнительно недалёком прошлом эти горы едва виднелись над поверхностью воды. Стало быть, на нашем Севере геология работает на нас. Зато в северо-западной части Европы совершается обратный процесс — снижение материка. Об этом мало кто знает, и европейские учёные замалчивают этот факт. А тем временем Голландии и части Бельгии угрожает опасность. Если процесс будет продолжаться с той же быстротой и далее, то вероятно, что через полтора-дваста лет эти страны окажутся под водой...

Во время последней фразы Миша явственно услышал какой-то необычный шум. И тотчас будто у него за спиной зашептались Чудинов и Маковский. Потом Чудинов сказал громко:

— Товарищи! На этом нам придётся окончить сегодняшнее путешествие. Над океаном начинается гроза. Барометр резко падает. Вы, конечно, не промокнете от дождя в этом подводном путешествии, но дело в том, что ветер крепчает и на траулере, с которого спущено телеоко, начинается сильная качка. Трос телеглаза может оборваться. Мы поднимаем его...

Гавань на дне океана вместе с затонувшими кораблями стала быстро уходить вниз, в тёмную бездну. На мгновение мелькнула поверхность океана — бушующие волны, качавшиеся на них корабли, блеснула молния, и экран погас.

— До свидания, товарищи, — прозвучал голос Чудинова. — О следующем нашем путешествии мы сообщим.

Никакой фильм не производил на зрителей такого огромного впечатления, как это «подводное путешествие».

Всё это время, не отрываясь, смотрел на экран судового телевизора и мистер Скотт. Как только экран погас, Скотт поднялся, зажёл сигару и сказал:

— Чёрт побери, сколько в Америке можно было бы нажать денег на этом! Тысячи радиолюбителей приобрели бы телевизоры. Кинотеатры трещали бы от наплыва зрителей! Проклятый кризис...

Он пошёл в свою каюту, выпил сода-виски, сел и задумался.

Всемирная сенсация

Снова заговорил радиорепродуктор: парижская радиостанция передавала мнение известного французского учёного о затонувшем городе.

— Открытие советской экспедицией подводного города не является в буквальном понимании открытием. Это результат научного расчёта, основанного на достоверных сопоставлениях и выкладках.

Далее оратор привёл примеры того, как учёные заранее предупреждали о существовании ещё неизвестных химических элементов, планет и как эти предвидения оправдывались.

— Такова сила правильных научных методов. Геолог проходит сотни километров по пустыне. Неожиданно он останавливается на месте и, основываясь на непонятных неосведомлённому признаках, говорит: «Здесь должно быть золото, нефть, вода, железо». Рабочие копают и находят. Точно так же была открыта и Атлантида. Советские пароходы плывут из заполярного Мурманска в Атлантический океан, бороздят его неизмеримые пространства, выбирают одну точку, опускают лот, затем телевизор: здесь должен находиться затонувший материк с остатками человеческой культуры. И находят то, что искали...

Если бы Скотт мог слышать, как смеялись Чудинов и Правдин, слушая эту информацию!

— Прекрасно! — воскликнул Чудинов. — Профессор Мишо льёт воду на нашу мельницу. Я был скромн и не говорил о том, что открытие подводного города — результат расчёта и научного предвидения. Ну что ж, тем больше чести для нас!

Смеялись и в Москве, в штабе. Барковский говорил:

— Теперь наша экспедиция оправдана перед мировым общественным мнением. Мы создали всемирную сенсацию. За нашими работами будет следить весь мир. Мы будем всё сильнее возбуждать интерес, время от времени оповещая о новых археологических открытиях, а в них не будет недостатка. А главная цель экспедиции останется в тени.

— Я побаиваюсь только одного, — вставил эпроновец Кириллов, — как бы это «открытие» не привлекло на место экспедиции иностранные корабли с археологами. Они могут помешать нам. Довольно с нас и одного Скотта.

— Ваши опасения преувеличены, — ответил Барковский. — Какая из буржуазных стран станет расходовать сейчас деньги на подобную экспедицию? Там, где закрываются университеты, не до экспедиций...

— Однако ведь этот Скотт...

— Ну, Скотт — иное дело. Цель его нами не разгадана. Он, конечно, ищет не подводный город. Скорей всего, он тоже охотится за пластинками Хургеса. Если бы нам посчастливилось узнать, как он открыл эту тайну...

— Не возьмётся ли мне за это? — предложил Азорес. — Я уже приобрёл некоторую «изыскательскую практику». Дайте мне гидроплан, и я полечу в Америку искать следы мистера Скотта.

— Не гидроплан, а цельнометаллический дирижабль «Ц-шесть», — неожиданно прозвучал в микрофоне чей-то незнакомый голос по-английски.

— Что за передача? — воскликнул Азорес и посмотрел на Маковского. На лице капитана отразилась тревога. Неужели их радиопередачу перехватили и Скотт слушает эту конспиративную беседу в эфире?

Но Гинзбург усмехался загадочно.

— Кто вы? — спросил Азорес в микрофон.

— Я человек, летящий в небе, — донёлся тот же голос.

— Карпиловский, ты? — крикнул в микрофон из-за плеча Азореса Гинзбург.

— Я, — уже по-русски ответил голос.

— Это наш океанограф, — пояснил Гинзбург. — Он летит к нам на дирижабле «Циолковский-шесть». Собирается изучать океанографию. Я два часа назад установил связь с «Ц-шесть».

— И мы, сидя в дирижабле, имели удовольствие уже совершить вместе с вами подводное путешествие, — откликнулся Карпиловский. — Прекрасная передача!

— Ну и как же с моим путешествием в Америку? — спросил Азорес.

— Что ж, ты можешь попытаться счастья, — ответил из Москвы Барковский. — Дирижабль идёт в трансатлантический рейс. Высадит Карпиловского на ваш корабль, а ты займёшь его место и полетишь.

— Согласен! — Азорес потёр руки: он очень любил приключения.

Тревоги советских исследователей были напрасны: радиостанция Хургеса сохранила свою тайну. Ни Скотт, ни кто другой в буржуазном мире не имел понятия о пластинках Хургеса.

Скотт всё ещё сидел, глубоко задумавшись. Телевизионная передача с морского дна, из затонувшего города, и лекция археолога не убедили Скотта в том, что советская экспедиция ставит только научную цель.

Кто теперь станет расходовать огромные деньги на археологию? Но чёрт их поймёт, этих большевиков! Может быть, они действительно не знают о существовании затонувших сокровищ! Да и откуда им знать!

Скотт повеселел и выпил ещё одну стопку сода-виски, на этот раз уже не с горя, а с радости. Красные его веки слипались. Под качку он начал дремать. Неожиданный толчок, от которого пароход содрогнулся, разбудил Скотта. «Что такое?» От сонливости и хмеля не осталось и следа. Скотт умел владеть собой при любых неожиданностях. Он поспешно встал, подошёл к умывальнику, облил голову холодной водой и, хватаясь за стены, — качало всё сильнее, — выбежал на палубу.

Высокий вал поднялся над бортом. Гребень белой пены с шипением обдал Скотта брызгами с ног до головы. Шкипер «Урании» перебрасывался ругательствами со шкипером советского траулера.

— Что ты горло дерёшь, чумная крыса? — кричал шкипер с траулера. — Ведь ваш же пароход наскочил на траулер. Не видите, откуда ветер! Давно надо было отойти.

Ссора длилась ещё некоторое время, затем затихла: шум волн и ветер заглушали голоса. Все четыре парохода стояли под парами. Ветер рвал густые клубы дыма, расстилал их на длинных валах волн, и дым смешивался с брызгами пены. Куда девалась голубизна океана! Небо и поверхность моря до самого горизонта приобрели зловещий тёмно-синий цвет. Дождя ещё не было, но молнии то и дело рвали тучи, гром грохотал почти непрерывно. Его удары отражались от высоких волн, и казалось, что это рычит разлютовавшийся океан. Плавучие якоря уже не держали корабли. В такую бурю им небезопасно находиться друг возле друга — волнами и порывами ветра их может столкнуть и разбить. И корабли торопились быстрее разойтись в разные стороны.

Качка крепчала. Капитаны пароходов распорядились стать против ветра и идти полным ходом.

Ветер был почти горячим. За несколько часов он высушил костюм Скотта.

— Начался шторм, — сообщил Маковский в штаб. — Идём на всех парах навстречу ветру.

— А как у вас? — спросил Гинзбург Карпиловского.

— Можешь полюбоваться, — ответил Карпиловский.

И на судовом экране Гинзбург увидел часть пассажирской каюты дирижабля. Через большое окно виднелось безоблачное небо. Солнце ярко освещало лицо молодого океанографа. Его золотистые волосы казались огненными, глаза жмурились от яркого света.

— Летел бы я на дирижабле, если бы не нога, — вздохнул Миша, который также видел Карпиловского.

— Вот как у нас, — отвечал Карпиловский. — Под нами буря. Если хочешь, могу показать. — Карпиловский повернул объектив, и Гинзбург в океане, а Миша в Москве увидели тучи, клубившиеся под дирижаблем. Змеистые молнии пробегали между ними. Изредка гремел гром.

— Мы тоже попали в грозу, — продолжал Карпиловский. — Но нам легче выбраться из неё, чем вам. Мы поднялись над тучами и вот, как видишь, снова летим в безоблачном небе. Нашли попутное течение воздуха и летим без моторов. Вообрази только, что и в глубине океана такая же точно тишина, даже ещё тише. Не колыхнётся ни один листочек водорослей. Не зря говорят, что крайности сходятся.

— А у нас такая кутерьма... Слышишь? — Карпиловский и Миша услышали, как свистит ветер в снастях, как гремит гром и волны глухо ударяют о борт парохода.

— словно черти готовят обед на тысяче сковородок!..

Экран погас, смолкли звуки. В комнате Миши наступила такая тишина, что стало слышно, как стучат в углу большие настенные часы. Все члены штаба уже разошлись.

Миша откинулся на подушки и закрыл глаза. Впечатления этого дня утомили его. Подводное путешествие, буря в океане... Полёт над облаками... беседа людей, находящихся за тысячи километров друг от друга... Всё это напоминало сказку. И Миша стал мечтать.

Когда во всём мире народы установят социалистический строй, у Миши будут друзья в Южной Америке, в Австралии, на Шпицбергене, в Зеландии и на Огненной Земле. Школьники будут изучать географию на экране телевизора. Увидят, как в Атласских горах люди прокладывают огромные трубы для создания искусственных ураганов, «вечных» ветряных двигателей, как пробиваются ледоколы по Великому Северному морскому пути и как дирижабли и самолёты завоёвывают ледовитый континент Антарктики. Многомиллионная армия трудящихся расчищает тропические джунгли, чтобы на их месте основать культурные поселения. Единое мировое хозяйство, одна семья трудящихся, мир без кордонов и границ. Да, мы уже имеем «всемирный глаз», «всемирный голос»... Из подходящего центра можно будет осматривать в телеглаз весь мир, обмениваться опытом... Какие увлекательные перспективы! Какая интересная жизнь!

С этими мечтами Миша уснул.

Визит врача

— Ну, как мы себя чувствуем? — услышал он чей-то знакомый голос.
А, это врач...

— Вы видели подводный город? — спросил Миша, открывая глаза.

Седой врач в больших очках улыбнулся.

— Видел, дорогой мой, лишь уголок подводного мира. Смотреть не смог: вызвали на операцию. Ещё увижу. А вот больные в моём отделении все смотрели. Для них это прекрасное развлечение, как и для вас, конечно. Но что же вы не отвечаете на мой вопрос?

— Доктор, я уже давно здоров, — сказал Миша. — И вы напрасно так долго держите меня в постели.

— Но ведь вы лёжа совершаете чудесные подводные путешествия!

— Да, конечно. Но всё же это не то, что настоящее путешествие. Мне отец обещал: как только я поправлюсь, он отпустит меня на корабль в Атлантику. Через десять дней туда полетит стратоплан. Понимаете, стратоплан! Он может пролететь полторы тысячи километров за час, и я смогу за день побывать на корабле и возвратиться назад в Москву. Разве это не удивительно! Неужели и через десять дней нельзя будет встать?

— А вот посмотрим, — ответил врач и начал осторожно снимать лубки.

Он щупал, пробовал, надавливал ногу.

— Болит? Только говорите правду.

Было больно, но Миша силился не кривиться и отвечал твёрдо:

— Ничуть не болит. Хоть сейчас снова в футбол!

Старый врач улыбнулся в усы, покачал седой головой и пробормотал баском:

— Вы такой пациент, которому нельзя верить. Через три дня посмотрим кость.

— Снова рентген? — обеспокоенно спросил Миша.

— Нет, на этот раз не рентген, — ответил врач. — Мы начинаем изменять рентгену. Его всё больше вытесняет новое приспособление: катодные трубки. Это высокочастотные излучения. Они абсолютно безвредны для человека и в то же время дают полную возможность видеть, что делается в организме.

Недавно в институте экспериментальной медицины, в лаборатории климатологии мы проделывали такой опыт. Нам надо было выяснить, проникают ли короткие световые волны сквозь шерсть и кожу животных к внутренним органам. Мы разрезали организм подопытного животного до органов внутренней секреции, поставили выводные трубки и по количеству выделенных органами продуктов намеревались узнать, как реагирует организм на облучение той или иной волной света. Это был очень несовершенный метод. Ведь изменения в работе желез внутренней секреции могли наступить и по иным причинам. И вот один молодой научный сотрудник, Толя Томашкевич, предложил нам такой способ: уж если «потрошить» бедных животных, то почему бы не поставить возле вскрытых органов фотоэлементы? Потом зашить разрез и облучить животное. Если лучи пройдут сквозь шерсть, кожу, мускулы и кости и достигнут фотоэлементов, то, значит, всё отлично. Остаётся только установить результат облучения. А если поместить в организм животного крохот-

ный телевизор, то мы сможем даже наблюдать работу внутренних органов.

— А зачем это?

— Для многих целей. Ну хотя бы для установления дозировки облучения. В наших зоопарках приходится давать животным «дополнительный паёк света». А какой длины должны быть световые волны? Как они проходят, «пронзают» животных? Ведь и без опытов очевидно, что облучать бесшёрстную африканскую собачку — это одно, а косматого медведя, черепаху, крокодила — совсем другое. Ветеринары зоопарков немало возятся с дозированием. Иные пришли даже к выводу, что необлучаемые звери чувствуют себя лучше, чем облучаемые. А на поверку вышло иначе. И всё дело в том, что облучали не так, как надо, и, конечно, могли принести больше вреда, чем пользы. То же самое и с облучением людей...

— Но это не совсем то же, что телеглаз, — заметил Миша.

— Да, пока это только применение фотоэлемента, — согласился доктор. — А фотоэлемент — душа телевидения. Да и самоё телевидение уже входит в нашу медицинскую практику. Недавно мне сообщили по радио, что на ледоколе, плававшем в арктических морях, произошёл несчастный случай с кочегаром, которому во время качки чугунной болванкой раздавило ногу. На ледоколе был неплохой хирург, но случай вышел очень сложный, и хирург попросил моей консультации, как делать операцию. Нам помогло телевидение. Больного положили перед аппаратом, и я очень чётко видел оперируемого на экране. Мы с хирургом были соединены судовым радиотелеграфом. И я, сидя в Москве, руководил операцией.

— Это всё очень интересно, — сказал Миша, — но скажите, когда я смогу встать?

— Не спешите, успеете ещё полетать на стратопланах. Ваше время впереди. Когда я был в ваших летах, полёт на аэроплане был новинкой. Теперь вы точь-в-точь, как я в детстве, мечтаете о стратопланах, но вы будете счастливее меня. Вам, возможно, доведётся полетать и на звездолётах. Может быть, на Луне или на Марсе побываете...

— А знаете, — воскликнул Миша, забыв о своей болезни, — я читал об одном необычайном проекте! Ведь ракета без пассажиров уже летает? Так вот, институт реактивных двигателей строит такую ракету, которая сможет полететь на Луну и даже облететь её. Слой Хевисайда будет пробит. Управлять ракетой будут по радио. И на ракете будет установлен аппарат телевидения. Когда ракета будет лететь возле Луны, мы сможем видеть лунную поверхность совсем близко. А вторую сторону Луны...

Доктор добродушно усмехнулся:

— Так, пожалуй, и я на планетах побываю, не выходя из своего кабинета... Ну, потерпите ещё немного, не поднимайтесь. Передавайте привет от меня вашим атлантическим товарищам.

Вечером того же дня Миша узнал ещё об одной новости: «Ц-б» уже прилетел на место стоянки экспедиции, но не спускался, так как в нижних слоях атмосферы и на море всё ещё была буря. Дирижабль плавно кружился над тучами. Миша боялся заснуть и упустить момент спуска. И всё-таки заснул.

Пересадка в воздухе

Проснулся он в шестом часу утра.

Портьеры на окнах были спущены, и Миша подумал: «Какая погода на улице?» Вдруг прогремел гром. В океане гроза! Значит, спуск не состоялся. Хотя, возможно, гроза сейчас только в Москве, а там, в Атлантике, её уже нет... Экран был мёртв. Гинзбург, наверное, ещё сладко спит. Ведь там недавно миновала полночь. Время тянулось без конца. Только в одиннадцатом часу Миша услышал весёлый голос Гинзбурга.

— Доброго утра, Миша! Ну, как погода в Москве?

— Дождь и гром.

— А у нас прекрасно! Сейчас начнётся спуск. Передай по телефону членам штаба, чтобы быстрее съезжались.

Вот и экран ожил. Это Мотя постарался, чтобы Мише не было скучно ждать.

Палуба парохода, фальшборт и за ним — большие волны океана. Да, волны океана ещё не улеглись. Зато какое яркое южное солнце! А где же другие пароходы? Во время бури они разошлись в разные стороны.

— Мотя, покажи дирижабль, — попросил Миша.

Палуба корабля и море вдруг провалились, словно Миша делал мёртвую петлю на самолёте, и в голубизне безоблачного неба он увидел сверкающую «сигару» дирижабля. Гинзбург что-то сказал, но Миша не расслышал. На экране телевизора произошла перемена. Теперь Миша видел море с огромной высоты, и траулер казался точкой на океанском просторе. Видимо, Гинзбург переключил Мишу на телеоко дирижабля.

Гинзбург и радист дирижабля устроили репетицию, опробовали аппараты. Всё было в порядке. И скоро мощные станции СССР оповестили об очередной трансляции: «Спуск дирижабля». Тысячи людей бросились к экранам телевизоров.



На экране — палуба, залитая ярким светом, матросы в белых костюмах, капитан, учёные, Азорес в дорожном костюме: серая куртка, короткие брюки, носки, туфли, небольшой чемоданчик в руке и на груди — неизменный фотоаппарат.

Потом другая картина: траулер с высоты дирижабля... Кадры начали чередоваться. Чёрная дымящаяся точка на поверхности океана то вырастала в большой траулер, то исчезала, на её месте появлялась «сигара» дирижабля. Отчётливо видны гондолы, пропеллеры. Дирижабль быстро опускался... Ветер совсем утих, и это облегчало задачу.

— Но как же он сядет на воду? — спросил Мотя.

— Он не сядет, — ответил Барковский. — Он опустится над палубой и выбросит трап.

— И Карпиловскому придётся в воздухе спускаться по трапу?

— Чему же ты удивляешься? — вдруг услышал Миша голос геолога Правдина с борта траулера. — Советские учёные давно перестали быть кабинетными крысами. Подумаешь, диво — спуститься по трапу с воздуха! Ты посмотрел бы, как нам, геологам, приходится вскарабкиваться на обледенелые пики и вершины гор!

Тень от дирижабля укрыла весь траулер. Матросы выстроились возле борта. На всякий случай шлюпки держали наготове. У матросов в руках — спасательные круги. Всякую случайность надо предвидеть, чтобы она не превратилась в несчастный случай.

Ещё минута — и трап спущен. Он закачался над палубой. Дирижабль немного сносило ветром, а траулер — течением. Трап двигался в воздухе над палубой, приближаясь к антенне. Вдруг изображение исчезло и тотчас же появилось снова. Теперь палуба была видна сверху — начал работать аппарат «Ц-6».

Трап пронёсся на четверть метра выше антенны. Дирижаблю пришлось сделать круг, и вновь трап появился над палубой возле кормы. По трапу спускался учёный. Карпиловский ловко перебирал перекладины верёвочной лестницы.

— Наверное, сдал нормы на значок ГТО второй ступени, — заключил Миша.

На дирижабле пустили в ход все аппараты для охлаждения газа. Дирижабль осел. Прежде чем трап коснулся палубы, Карпиловский спрыгнул под приветственные крики встречающих. Азорес успел щёлкнуть аппаратом, чтобы увековечить этот момент, и побежал за трапом, который удалялся от него. Все взгляды были обращены на прибывшего, и об Азоресе на мгновение забыли. Вдруг Маковский вскрикнул:

— Стой! Куда ты, сумасшедший!

Конец трапа быстро волокло по палубе от кормы к носу парохода. Азорес бежал, пытаясь вскочить на трап.

— Подожди! Дирижабль сделает ещё круг! Вот отчаянный! — Но Азорес уже уцепился за трап и взбирался по нему вверх. Трап, раскачиваясь, приближался к выступу на носу парохода. Об этот выступ Азорес сейчас разобьётся. Все крикнули, а Азорес с проворством кошки продолжал взбираться вверх. И всё-таки он не успел убрать ноги, и ступни его ударились о рубку. В ту же минуту трап перелетел через рубку и повис над морем.

— Ой, упадёт! — разом вскрикнуло несколько человек. — Вот горячка!

Видно было, как Азорес стал дрыгать ногами.

— Разбил ноги!

— Смотрите, смотрите, он взбирается на руках. Вот неугомонный!

Азоресу помогли с дирижабля: капитан приказал быстро поднять трап. Так на трапе и втянули Азореса.

Длинный коридор на «Ц-6». Азорес пытается встать на ноги и сразу же садится. Его подхватывают.

— Ничего, чепуха, — бормочет он и, пошатываясь как пьяный, идёт по коридору. — Капитан, где моя каюта?

Так произошёл обмен пассажирами в воздухе.

Дирижабль поднялся, сделал круг над траулером и быстро стал удаляться.

— Как ты себя чувствуешь, Азорес? — спросил Маковский.

— Прекрасно! Пляшу, — шутя, ответил тот.

Однако через несколько минут врач дирижабля, осмотрев ноги Азореса, сказал, что удары значительны, хотя переломов и вывихов нет.

— До Америки во всяком случае ему придётся полежать.

Один против трёх

Океан успокоился, и корабли стали собираться да прежнее место.

Расположение затонувшего города было уже точно определено. Но советские корабли курсировали и обследовали дно в значительном отдалении от этого места.

— Подозрительные манёвры, — бормотал про себя Скотт. Он не ослаблял внимания к советским кораблям и приказал капитану «Урании» держаться поблизости от них. С деланной любезностью Скотт крикнул с мостика в рупор: — Неужели и на этом месте найдём подводный город?

— Этого пока никто не может сказать, — осторожно ответил капитан советского теплохода.

Скотт продолжал наблюдения. Вслед за драгой с теплохода был спущен телевизор. Шёл час за часом, а теплоход находился на том же месте.

— Опустите наш аппарат телевидения! — приказал Скотт и пошёл в свою каюту, где стоял телевизор с маленьким экраном. Экран вспыхнул. Мгла. Мелькают рыбы, мачты и трубы затонувших кораблей. Три парусника и два парохода... Луч прожектора советского телевизора шарил около пароходов.

— Так и есть! — воскликнул Скотт. — Теперь не остаётся никаких сомнений. Они ищут затонувший пароход. Они ищут «Левиафан». Проклятье! Но мы ещё увидим, кто первый придёт к финишу.

Затонувшие в этом месте пароходы были небольшими, и советский телеглаз стал подниматься вверх.

— Ну, конечно, — прикидывал вслух Скотт. — Они убедились, что это не «Левиафан», и больше их ничего не интересует. О, таких пароходов, как «Левиафан», возможно, лишь два-три на дне Атлантического океана... Что же мне делать? Их пароходы технически оснащены лучше. Правда, «Урания» быстроходней, но в данном случае это небольшое преимущество. Наши поиски не выходят за границу четырёх-пяти квадратных километров. Я, по сути говоря, мог бы спокойно ждать момента, когда их суда найдут «Левиафан». А потом...

начать действовать, но лучше найти самому. Кто найдёт первым, у того больше преимуществ.

Скотт приказал непрерывно кружить на месте, где, как предполагали, погиб «Левиафан». Телеоко целые сутки блуждало в глубине океана. Капитан «Урании» поделил на карте участок на квадраты в триста метров каждый. Обследованные отмечались крестиками.

Но и советские суда не теряли времени даром. Покинув затонувший город, они тоже усиленно искали «Левиафан».

— Оставим старым бабам верить, что большевикам интересны затонувшие материки и города, — бормотал Скотт. — У них та же цель, что и у меня, но у них превосходство: три парохода. Значит, и шансов на удачу втрое больше. Впрочем, посмотрим, кто будет смеяться последним!

Началось настоящее соревнование. «Урания» и три советских парохода бороздили небольшой участок океана во всех направлениях. Четыре телеглаза рыскали по морскому дну. Водолаз Протчев часами висел в своей подводной люльке, мечтая «утереть нос всем телеглазам».

«Поднять со дна такой пароход — тоже сокровище», — думал Протчев.

Он вспомнил работу по подъёму судов: как шлангом-пипкой" промывают под корпусом судна ходы, протягивают металлические «ремни» и поднимают судно понтонами. Однажды Протчев едва не погиб под кормой, засыпанный песком. Сколько раз он видел смерть! И всё же любит своё дело и не променяет свою профессию ни на какую иную.

— Только бы найти «Левиафан»!..

Но огромный пароход словно сквозь землю провалился.

Скотт нервничал. Один против трёх. Нет, не против трёх, а против целой державы. Надо что-то придумать, чтобы уравновесить шансы. Скотт часами ходил по каюте из угла в угол и, наконец, придумал.

— Да, это будет надёжнее, — сказал он и вызвал к себе японского водолаза. Между ними произошла длительная беседа. Японец возражал, он не хотел спускаться под воду. Очень опасно: вода кишит акулами:

— Глупости, — парировал Скотт. — Акулы убрались после бури. Уже давно не видно ни одной. Советский водолаз спускается ежедневно.

— Но я сам видел акулу, — настаивал японец.

— Вы привыкли нырять только в ванне! — обозлился Скотт. — Каждая профессия связана с опасностями. Разве акула не нападает на ловцов жемчуга? У вас будет нож... Наконец, ваш водолазный костюм такой жёсткий...

— Акула может прокусить шланги, разорвать рубашку...

— Одним словом, вы отказываетесь? — закричал разгневанный этим «саботажем» Скотт. Он не привык к подобным протестам «купленных людей».

Нет, японец не отказывался. Он просто хотел набить цену. Чем больше риск, тем выше плата. Скотт облегчённо вздохнул. Если только в этом... И они начали торговаться.

О, мистер Скотт умел торговаться: два раза японец доходил до дверей и возвращался, три раза Скотт возвращал его, и, наконец,ладили. Скотт выплатил половину обусловленной суммы вперёд.

— Остальное получите, когда выполните задание.

Японец тщательно пересчитал деньги, не обращая внимания на то, что подобное недоверие «оскорбляет» Скотта, аккуратно сложил их, сунул в карман

и вышел.

Поиски затонувшего телеглаза

Той же ночью случилось неожиданное событие: свет на экране вдруг погас. Гинзбург, который стоял на вахте возле телевизора, решил, что испортилось освещение. Возможно, где-то разъединились контакты? Гинзбург оповестил капитана и просил остановить пароход.

Проверили провода до самого борта. Они были исправны. Очевидно, что-то разладилось в самом аппарате. Придётся поднять телеоко. Лебёдка заработала быстрее обычного.

— Дела плохие, кажется, телеоко оторвалось, — взволнованно сказал Гинзбург. Как бы в подтверждение этих слов из воды показался конец троса... Телеоко осталось на дне океана.

— Возможно, акула перекусила?

— Акула или не акула, а пока что надо искать телеоко, — ответил Маковский.

Пришлось спустить второй телеглаз.

Ветром и течением пароход могло отнести от места аварии, и Маковский распорядился поставить буёк.

Начали искать затонувший аппарат. Гинзбург побежал к экрану. На нём виднелись каменные складки, расщелины, небольшие пики: типичный горный ландшафт. Как нарочно, телеоко упало в таком неподходящем месте! Нелегко найти шар, который мог закатиться в одну из глубоких расщелин. Всю ночь Гинзбург «лазил по дну». Он ежеминутно требовал то придержать ход парохода, то пройти немного вперёд, то повернуть вправо, то отпустить трос, то поднять выше. Это была утомительная для всех работа. Иногда на экране неожиданно вырисовывался скалистый пик. Телеоко шло прямо на него; выступающие части объектива и прожектора могли разбиться. И Гинзбург спешил предупредить столкновение:

— Стоп! Задний ход! — кричал он.

Вся подошва горного пика была обследована. Гинзбург начал медленно подниматься выше. Одна из скал была похожа на сахарную голову. На ней имелись острые выступы, за которые телеоко, падая, могло зацепиться. Пришлось осматривать каждый выступ, каждую впадину. Луч прожектора взбирался всё выше. Стали резче видны скалы, стоявшие поодаль, хотя на них не падал свет прожектора. Гинзбург за работой забыл о времени. «Почему светится скала?» — думал он. Случайно взглянув на часы-браслет, он увидел, что близится восход солнца. Косой луч пробивал толщу воды, и с каждой минутой скалы освещало всё сильнее. Скоро можно будет погасить прожектор. Но он погас автоматически, как только уменьшилось давление воды.

«Значит, я совсем близко от поверхности», — подумал Гинзбург. Он во время обдумывания так сливался с аппаратом, что ему казалось: это он сам бродит под водой.

Здесь, на высоте подводной вершины, «пейзаж» был разнообразнейший. Появились рыбы. Вершина покрылась водорослями. Лёгкое волнение достигало этих глубин, и водоросли плавно покачивались, словно от утреннего ветерка. Красные кораллы ветвились, как оленье рога. На склонах виднелись крас-

ные, оранжевые, жёлтые морские звёзды. Ползали крабы.

— Вот! — закричал Гинзбург.

— Что, нашёл? — в двадцатый раз спросил его капитан.

— Нет, — разочарованно ответил Гинзбург.

— А что же закричал?

— Показалось, что нашёл. Перевернутая шлюпка. Издали она похожа на шар телеока. В шлюпке кто-то поселился. Спрут! Он выпускает свои щупальца. Охота из раковины. Вот схватил рыбину. Есть чем позавтракать. Эх, жаль, что не видит этого Миша Борин! Передавай, Маковский, в Москву.

— Спрут! Спрут! — воскликнул Миша. Он уже давно скучал оттого, что экран не оживает.

— Почему вы сегодня опоздали с трансляцией? — спросил он Маковского.

— Были заняты, — ответил Маковский. — Передай штабу, что у нас большая авария: оборвался телевизор. Теперь ищем его.

— Правда, интересно? — услышал Миша голос Гинзбурга. — Я всю ночь искал.

— Ещё не нашёл?

— Нет.

— Да ты уже с ног, наверное, валишься и ничего не видишь, — остановил Гинзбурга Маковский. — Надо тебя сменить.

— Ни за что! — ответил Гинзбург.

— Тогда не увлекайся спрутами и ищи телевизор, — сурово приказал Маковский.

— Спрут — это тоже интересно, — вмешался Карпиловский.

Все учёные стояли у телевизора. Маковский развёл руками.

— Этого ещё недоставало! Нет, так дело не пойдёт. Или научная экспедиция, или...

— Не волнуйтесь, Маковский. Нам, учёным, будет выделено особое судно, — успокаивающе проговорил Чудинов.

— Вот это лучше всего — ответил капитан.

— С вами каши не сварить. Мне нужно найти телеоко. А вас спруты интересуют. Гинзбург, постарайся обвести телеглаз вокруг затонувшей шлюпки и посмотри её название.

— Дай ход немного вперёд! Стоп! Довольно! Ах, чёрт! Скала мешает. Плохо видно. Сейчас прочту... Лёле... леви...

— «Левиафан!» — вскрикнул капитан. — Наверное, это шлюпка с «Левиафана». Выходит, мы близки к цели. Замечательная находка! Но всё-таки надо найти телеоко.

— А вот не очень приятная находка, — продолжал Гинзбург. — Скелет человека, и на грудной клетке мешочек. Далее ещё скелет.

— И рядом с ним какая-то колода! — закричал Миша, тоже участвовавший в этой экспедиции.

— Не колода, а бочонок, — поправил Правдин. — Видимо, с сухарями.

— Ну уж вы, сухопутные граждане, — иронически сказал капитан. — Сухари в таких бочонках! Сказали бы с солониной. Да и солонину в таких маленьких не хранят.

— А может быть, с золотом? — засмеялся Чудинов. — Вот была бы находка!

— Подставляй шапку. Так тебе дно океана золотыми бочонками и усеяно!

— Разве мало золота похоронено на дне океана?

— Немало, но попробуй достань.

— И достанем, — вмешался в разговор Протчев. — Час придёт — достанем.

— Нашёл, нашёл! — вдруг закричал Гинзбург. — Вот оно, затонувшее телеоко, теперь уже без обмана. Уберите рабочее телеоко, поднимите вверх, теперь оно не нужно. Здесь и так видно. Вишь, упало за шлюпку! Еле видно. Подайте немного вперёд, — командовал он капитану. — Опускайте ваши «механические руки».

— Щупальца спрута на телевизоре! — вскрикнул Миша.

— Да, обнимают. Спрут не хочет отдать нам телеоко. Этого ещё недоставало. Ну, погоди, мы тебя вместе с твоей конурой-шлюпкой вытянем, если ты будешь задерживать, — сказал, смеясь, Гинзбург. Он был очень рад, что нашёл телевизор, и забыл о бессонной ночи.

Сверху стал медленно спускаться металлический «паук». Гинзбург управлял его движениями.

— Левее. Ещё. Так! Теперь чуть вперёд.

«Паук» растопырил свои коленчатые пальцы, замер над шаром телеока.

— Сжимай! — разрешил Гинзбург.

Лапы «паука» сжались, скользнули по поверхности шара, но не ухватили его.

— Распустить пальцы шире. Ещё. Так! Спускай! Сжимай! Есть! Схвачен! Тихо поднимай!

Трос натянулся. Слой ила, атмосферной пыли и отложений мелких организмов поднялся со дна и за клубился, как дым. На минуту весь экран закрыло этой тучей. Но «паук» уже тянул свою добычу вверх.

— Быстрее переведите объектив на палубу, — подгонял Миша, боясь прозевать момент, когда «добыча» появится на поверхности воды и опустится на палубу.

Неожиданно экран осветился ярким солнечным светом. Отблескивают чисто вымытые палубные доски. Видна стрела возле кормы. К лебёдке спешат Гинзбург, учёные и матросы.

— Не загораживайте! — уже закричал Миша.

Расступились... Вот показалась из-за борта блестящая круглая мокрая поверхность шара. На ней что-то извивается.

Раскатистый смех.

— Спрут! Спрут! Он всё-таки не бросил своей добычи.

— Отойдите! — кричит капитан со своего мостика.

Но матросы не очень торопятся отойти — очень уж интересный морской зверь попался! Да и что за опасность. Обовьёт щупальцем — это тебе не в океане, быстренько ножом полоснул — и готово.

Шар со спрутом, который в него вцепился, спускается на палубу. Спрут угрожающе шевелит щупальцами.

— У, гадюка! — Матрос бьёт по щупальцам шваброй, которой мыл палубу. Спрут подбирает щупальце, как хобот, но выпускает другое. Сколько же их у него? Восемь!

— Вот бы такого паука приспособить поднимать со дна моря то, что нам нужно!

— Полубуйтесь, — говорит один матрос, — Скотт следит за нами в бинокль.

— Пусть следит, — спокойно отвечает капитан. — Спустите вниз «кишку», надо поднять шлюпку...

— И бочонок! — взволнованно кричит Миша. В это мгновение он забывает, что лежит в постели в Москве. Он чувствует себя полноправным участником экспедиции.

— Поднимем и бочонок, — успокоил его капитан.

Матросы тешились со спрутом, но Гинзбургу хотелось скорее осмотреть телеоко, — не повреждено ли оно.

— Обрубите спруту щупальца, — сказал Миша.

Повар, прибежавший с камбуза, вынул длинный острый нож и начал быстро отсекать длиннущие ноги-щупальца. Сверху они были гладенькие, внизу — беловатые, по краям — присоски.

Отрезанные щупальца долго извивались на палубе, истекая кровью.

— Как змеи, — сказал матрос и наступил ногой на отрезанное щупальце. Оно закрутилось и обвило ему ногу.

— Фу, сатана! — выругался матрос, отрывая щупальце. А спрут подышал от потери крови. По его мягкому телу пробежали судороги.

— Пора опускать телеоко, — сказал Гинзбург. — Сколько времени потеряно зря!

Шлюпка «Левиафана»

— Скотт всю ночь плавал вокруг, — сказал, зевая, матрос, который сменился после ночной вахты. — Теперь к нам ближе подплыл, вынул очки, усмехается.

Протчев внимательно осматривал концы троса.

— Ты думаешь, это акула перекусила? — спросил он Гинзбурга.

— А кто же?

— А ты когда-нибудь видел зубы акулы?

— Ни разу, — признался Гинзбург.

— Я бы на твоём месте то же ответил. Зубы у акулы, как пилы. Один слой зубов на другом. Когда стираются одни зубы, подрастают другие. Красивые. Филигранная работа. Словно китайский резчик на кости вырезал. Но суть не в красоте, а в том, что зубы акулы оставили бы зубчатые следы. Да и вряд ли акула перекусила бы стальной трос, хотя он и тонкий. На изоляционном слое проводов зубы акулы оставили бы отчётливые рубчики. Я как-нибудь покажу тебе своё плечо, на нём зубы акулы оставили след. Я уж не ошибусь.

— Что же ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Протчев, — что акула здесь ни при чём. Трос и провода перерезаны рукой человека — ножом или ножницами, какими режут проволочные заграждения. Это дело рук японца с «Урании», вернее — Скотта.

— Но «Урания» не подходила ночью близко к нашему траулера.

— А вот мы выясним, — Протчев позвал матроса, стоявшего на вахте в первую половину ночи.

Матрос сказал, что около полуночи «Урания» подошла близко к нашему траулера.

— Но так как они на «Урании» делали своё дело — спускали драги и лоты, то я и не беспокоился, — говорил матрос. — Ведь и днём «Урания» часто близ-

ко подходила к нашим пароходам.

— Скотт дал команду спускать лоты, драги только для того, чтобы отвлечь внимание, — заметил Протчев. — Нам надо быть осторожнее и не подпускать близко к себе «Уранию». А впрочем... — и Протчев усмехнулся. — Может быть, и подпустим... — многозначительно добавил он.

Вбежал радист и сообщил новость: на теплоходе этой ночью тоже оборвалось телеоко. Его ищут.

— За одну ночь две аварии! — воскликнул Протчев.

— Да, это проворный японец, — добавил он почти с увлечением профессионала, умеющего ценить работу другого.

— Вот вредители проклятые! — возмутился один из матросов.

— Ну что же, будем вылавливать шлюпку и бочонок? — спросил Гинзбург.

— Будем, — ответил Барковский, — но станем другим бортом.

— Чтобы «скотты» не напортили, — добавил молодой матрос.

Скотт заметил манёвр и тотчас приказал обойти траулер. Но «Урании» для этого надо было сделать полукруг, и прежде чем Скотт занял новый наблюдательный пост, шлюпка, поднятая со дна моря, уже лежала на палубе.

Она была покрыта илом и ракушками. Одна уключина уцелела, но была изъедена коррозией. Через среднюю банку был протянут завязанный узлом ремень, под ним лежало несколько тазобедренных костей.

— Вот что осталось от человека, — толковали матросы. — Наверное, привязал себя, чтобы не смыло волной, да так привязанный и пошёл на дно. Рыбы сделали своё дело — обгрызли мясо. Остались одни косточки.

Два матроса ножами осторожно соскребли налипший слой с носа и боков шлюпки. Чётко выступила надпись: «Левиафан».

— Мы не ошиблись. Эта шлюпка с «Левиафана». Как известно, он затонул так быстро, что все спущенные шлюпки захлестнуло волной. Следовательно, и сам «Левиафан» должен быть поблизости.

— А почему затонул «Левиафан»? — спросил Гинзбург.

— Это так и осталось невыясненным, — ответил Маковский. — Одна из неразгаданных тайн океана. Ну, теперь что же, поднять кожаную сумочку с груди скелета?

— В кисете табак, наверное, — пошутил матрос.

С «кисетом» пришлось повозиться.

Телеоко довольно быстро разыскало скелет — он лежал на открытом месте, и его было хорошо видно при рассеянном солнечном свете.

Пальцы «паука» были не очень приспособлены для такой мелкой работы. Они сжимались и разжимались несколько раз и никак не могли схватить кожаную сумочку... Она проходила сквозь «пальцы». Гинзбург пробовал поднять всю грудную клетку, но едва железные «пальцы» стиснули скелет, кости рассыпались и упали на дно. Наконец Гинзбургу удалось зацепить ногтем железного пальца за ремешок. Мотя приказал поднимать «паука». Но он допустил ошибку: ему надо было следить за подъёмом с помощью телеока, он же считал, что ремешок прочно зацеплен пальцем. Увы, то ли ремешок перегнул в воде, то ли «паук» раскачался во время подъёма и ремешок при этом выпал. Так или иначе, «паук» явился без добычи. Найти место, куда упала сумочка, было почти невозможно. Гинзбург не мог простить себе этой ошибки. Он готов был искать весь день. Однако несколько часов поисков «кисета» не дали

результатов. Возможно, он упал в одну из узких расщелин.

— Придётся прекратить поиски, — сказал Маковский. — Да, возможно, и находка того не стоит. В самом деле, что могло быть в этой сумочке? Всего вероятнее несколько золотых монет или бумажные деньги. А если были бумаги и документы, то они, конечно, давно испорчены водой и, считай, погибли, хотя бы они и имели какое-то значение для нас.

— А бочонок... — хотел крикнуть Миша, но Маковский опередил его желание.

— Поднимем хотя бы бочонок, — сказал он.

— Мой подводный глаз нашёл его, — проговорил Гинзбург. — Подводите «паука» левее.

«Паук», расставив лапы, медленно приближался к своей добыче.

Следами авантюриста

Дирижабль «Ц-6», высадив Карпиловского и взяв на борт Азореса, полетел в северо-западном направлении. Азоресу это было не с руки. Корреспондент уже выработал план поисков. На «Урании» был флаг Аргентинской республики. О том, что «Урания» аргентинский пароход, говорил и Кар. Скотт наверняка отплыл от берегов Аргентины. Значит, Азоресу надо было начать поиски с Буэнос-Айреса, тем более, что этот город он уже знал и там живёт Кар, который также может оказаться полезным.

Но «Ц-6» летел на Нью-Йорк, и Азоресу ничего не оставалось, как высадиться в этом городе и оттуда лететь самолётом в Аргентину. Появление советского цельнометаллического дирижабля вызвало сенсацию, и это дало Азоресу материал для корреспонденции.

В Нью-Йорке Азорес не терял времени зря. Прежде всего он написал очерк об этом капиталистическом Вавилоне: что произошло с городом за два года, в течение которых Азорес не был здесь.

«Можно подумать, — писал Азорес в очерке, — что в Нью-Йорке исчез жилищный кризис. Даже в Бауэре, квартале бедноты, — тьма пустых берлог. Но их обитатели выселены за неуплату квартплаты. Быстрыми темпами идёт „рабочее жилстроительство“: выселенные из своих квартир рабочие переселились на окраины города и строят там „здания“ из старых ящиков, автомобильных кузовов, консервных банок, старых листов железа и всякого хлама.

В центре города вы можете выбрать для жилья первую попавшуюся квартиру в любом небоскрёбе... если только у вас есть для этого капитал.

Вместо фешенебельных ресторанов выросли маленькие „спикизи“ — кабачки. Возле дверей закрытых кафе нищие, грязные, ободранные индейцы продают сосиски с хреном и „собачью колбасу“ — пять центов порция».

Азорес проведаль и биржу. Ему казалось, что он попал в дом сумасшедших или в больницу, где больные тифом, оставленные без присмотра, бегают и выкрикивают что-то в суматохе.

Азорес придержал за рукав одного «сумасшедшего», который казался менее буйным, чем другие, и заговорил с ним. Это был мелкий биржевый спекулянт,

комиссионер, который доллара за два был готов на всё. Азорес пообещал ему намного большую сумму, если тот добудет ему кое-какие сведения о мистере Скотте.

— Мистер Скотт? — сказал маклер. — Их тысячи. Какой вам нужен?

— Тот, который недавно зафрахтовал пароход «Уранию» в Буэнос-Айресе... За сорок лет, лицом жёлт. Очевидно, болен тропической лихорадкой.

— Тогда вам следует отправиться в Буэнос-Айрес, — ответил маклер, но решив, что нельзя упустить клиента, добавил: — Впрочем, я постараюсь узнать всё возможное. Где вы остановились?

Азорес сообщил адрес и прибавил:

— Вот вам пять долларов на расходы.

Маклер почтительно поклонился и, улыбаясь, — кто же в Америке не улыбается? — исчез в толпе.

«Конечно, он ничего не узнает, — думал Азорес. — Да мне-то что, пусть хоть пообедает сегодня».

Но «кое-что» маклер узнал. В день отъезда Азореса он неожиданно появился с четырьмя справками о четырёх Скоттах, которые больше других походили на того, которого ищет Азорес.

Журналист просмотрел справки и остановился на одной. В ней было сказано немного: "Несколько лет назад в Нью-Йорке существовала небольшая рекламная контора какого-то Скотта и Вильямса. Эта «компания» была нестойкой, то есть у неё не было основного капитала, хотя она и умудрялась делать небольшие обороты. После одного удачного трюка Скотт и Вильямс исчезли. «Возможно, бежали в Палестину. Дальнейшая их судьба неизвестна».

Азорес поблагодарил маклера, заплатил ему за справки и взял их с собой. «Возможно, пригодятся».

Вечером он уже летел в самолёте.

Первый визит — к Кару.

Как он похудел и побледнел! Но на лице всё та же улыбка, скорбная улыбка человека, который хочет показать, что его дела — о, конечно, копеечные! — не столь уж плохи. Без этой улыбки разве лавочник отпустит в кредит, а домовладелец разве подождёт с квартирной платой?

— Как я рад вас видеть, дорогой товарищ Азорес! — воскликнул Кар, потирая свои сухие руки. — Дела идут успешно. Каковы последние новости?

Азорес рассказал.

— Последнее, что я видел, — это как Гинзбург потерял кожаную сумочку, висевшую на груди скелета, и как наш «паук» опустился, чтобы вытащить какой-то бочонок... Но что с вами, дорогой Кар? Вы так побледнели...

— Скелет... сумочка! — закричал Кар подавленным от волнения голосом. — И вы говорите, что его нашли возле шлюпки с «Левиафана»?

— Да, близ шлюпки, поднятой на борт траулера.

— Да ведь это же скелет Хургеса! — По худым, заросшим рыжей щетиной щекам Кара потекли обильные слёзы.

Азорес расчувствовался. Даже корреспонденту не так уж часто случается видеть, как плачут взрослые мужчины.

— Может быть, вы ошибаетесь? Скелеты все похожи. Я, признаюсь, не отличил бы даже женского скелета от мужского.

— Нет, нет, это он, это мой бедный Хургес! Так вот что осталось от него. Ка-

кая несправедливость судьбы! Такой ум! Такой человек! Он так и не увидел своей новой родины. Мир потерял великого человека. Скелет возле шлюпки. А сумочка... Вы знаете, что было в этой сумочке? Вот здесь, в этой комнате, Хургес показывал её мне и примерял к своей груди...

«Если пароход будет тонуть, я эту сумочку привяжу на шею, — сказал тогда он. — Возможно, мне посчастливится спастись на шлюпке». Да. В сумочке находилось его изобретение — бумаги со схемами и формулами... Но бумаги, конечно, уже испорчены водой. Гинзбург напрасно так сокрушался, я бы его успокоил. Но он сам виноват, — с мягким укором продолжал Кар. — Почему он не вспомнил обо мне?

— Товарищ Кар, Гинзбург, возможно, не очень виноват. Он при мне несколько раз пытался связаться с вами, но не получал ответа. И мы решили, что или вы больны, или что-то вам мешает.

— Это верно, — оживился Кар. — Мои дела вовсе плохи, — не сегодня-завтра меня уволят. Хозяева решили, что, как ни мало они мне платят, это роскошь, когда вся заработная плата идёт одному человеку. И они поделили мой оклад между двумя служащими. Да, да! Они пригласили ещё одного, который чем-то выслужился. Теперь мы работаем с ним через день. По сути дела, он, как и я, почти ничего не делает для фирмы — нет работы. Всё стоит. А мой сотрудник к тому же ещё и ленив. Дремлет вот в этом кресле. И это хорошо. Из-за лени он ничем не интересуется. Мне пришлось всё же перенести нашу коротковолновую радиостанцию к себе на квартиру. А это рискованно. Но ничего не поделаешь. И в те дни, когда я работаю или, вернее, не работаю, я уж не могу разговаривать с вами. Но я обязательно сообщу дни. И мы будем продолжать... если только...

— Если что?

— Если меня совсем не выгонят и я не умру под забором.

Азорес забарабанил пальцами по столу.

— Товарищ Кар, а почему бы вам не уехать в СССР? Вы там будете необходимы. Ведь вы сотрудник Хургеса!

Красноватые веки с рыжими ресницами вздрогнули. В глазах Кара блеснул радостный огонёк, блеснул и погас.

— Это невозможно, — тихо сказал он. — Ведь у меня нет средств на такую далёкую поездку.

— Средства найдутся, — с уверенностью сказал Азорес. — Вот и решено. Вы поедете со мной. Вас здесь ничто не держит? Ну, я имею в виду родных, возможно — возлюбленную...

Кар вспыхнул, как девушка.

— О, нет! Я одинок, как перст. И я готов выехать хоть сегодня.

— Сегодня рано, — промолвил Азорес улыбаясь. — Вы мне ещё здесь окажете помощь. Ведь вы уже слышали о Скотте?

— Как же! И понять не могу, что ему надо или как он узнал о тайне Хургеса, если только он узнал о ней. Это мне чрезвычайно неприятно. Это бросает тень на меня... Могут подумать, что я продал тайну...

Азорес пожал Кару руку.

— Прекрасно. И чтобы вам не мешала работа в этой мышиной норе, вы сегодня же откажетесь от должности...

— Отказаться от должности?! — со страхом вскрикнул Кар.

— Разве вы не решили ехать со мной? — удивлённо спросил Азорес.

Кар провёл рукой по лбу.

— Да, да, конечно... Но всё это так неожиданно! Ну, конечно же, сегодня же я сам заявлю, что ухожу. Но ведь у нас это чрезвычайное происшествие!

— ...и мы с вами примемся за розыски. Узнаем, что возможно, и потом улетим в Атлантический океан, к месту нашей экспедиции. Я уверен, что вы не пожалеете.

— И после этого уверяют, что чудес на свете не бывает, — сказал Кар. Его руки дрожали, как в лихорадке. От волнения он стал переставлять с места на место индукционные катушки, словно уже собирался в дорогу.

История мистера Скотта

«Паук» схватил добычу и потащил её вверх. На этот раз Гинзбург попросил поднимать его возможно медленнее. Телеоко он решил оставить на дне. Если бочонок упадёт, то вертикально — на то же место. И Гинзбург внимательно следил за экраном. Но на нём мелькали только рыбы, гнавшиеся друг за другом, да воздушные медузы. Наконец Гинзбург с облегчением услышал:

— Есть! Бочонок перевалил за борт.

Три пары глаз оторвались от экранов: капитан следил в своей каюте, Гинзбург — на палубе в специальной камере, Миша — в штабе.

Миша волновался. Это он первым заметил бочонок. Что же в бочонке? Миша присел на постели и попросил Гинзбурга, чтобы никто не заслонял бочонок от объектива приёмного аппарата.

— А-а-ах! — вдруг донёсся чей-то, как показалось всем, женский голос с моря. Все повернули головы.

Пока поднимали бочонок, «Урания» успела всё-таки обогнуть траулер, — не зря она была быстроходным судном. Скотт увидел бочонок и... Что случилось с этим холодным самоуверенным человеком, который так умел владеть собой! Он закричал, как истеричка, уронил бинокль в воду и упал на палубу, словно сражённый пулей.

Гинзбург и капитан переглянулись. Скотт обнаружил свою тайну. Так вот что, он искал, бочонок! В этом бочонке хранится, конечно, не тухлая солонина...

Один матрос поднял бочонок и снова положил.

— Ого, тяжёленькую добычу поймал наш «паук», — пошутил он. — Дайте скорее топор!

Через несколько минут обручи были сбиты, бочонок открыт. Он был полон золотых слитков.

— Что, что там, в бочонке? — крикнул Миша так громко, что отец прибежал из столовой.

— Что случилось? — спросил он.

— Золото, золото, золото! — прозвенел голос Гинзбурга. — Этого достаточно, чтобы вся экспедиция окупилась!

И Борин-отец увидел Гинзбурга, который держал высоко в руке сверкающий слиток золота.

— Пусть полюбуется мистер Скотт, — хохотали матросы.

А мистер Скотт уже пришёл в себя. Из-за борта появились сначала его руки

со скрюченными пальцами, потом перекошенное от злобы лицо.

— Бандиты! Разбойники! Будьте вы прокляты! — ревел он хриплым голосом и вновь сполз за борт.

Смех матросов был ответом на этот истерический выкрик человека, потерявшего самообладание.

Скотта подняли и перенесли в каюту. Он прогнал всех и выпил целую бутылку рома. «Ром успокаивает нервы, как виски — приступы малярии», — так полагал Скотт.

— Бочонок... Мой бочонок... Золото... его вторично крадут у меня... О, проклятый Вильямс, проклятые большевики!.. — И Скотт потерял сознание.

Ему чудились бесплодные пустыни, мулы, мешки с провизией, палящее солнце, проводники-индейцы, ножи, костры, прерии, горы... И Вильямс, толстый Вильямс... На привале он своей тушей придавил Скотта, и Скотт задыхается от тяжести тучного тела. Вильямс закрывает своим телом вход в пещеру, и Скотт задыхается. Вильямс хватает мешки с золотом и удирает на мулах, а Скотт бежит за ним по плоскогорью, безлюдному, как поверхность Луны, горячему, как раскалённая плита, и кричит: «Стой, стой, предатель!»

Эти крики разносились по пароходу. Матросы покачивали головами и говорили:

— Совсем свихнулся.

— Золото в голову шибануло, — заметил старый матрос. — Оно крепче спирта обжигает.

Через несколько часов Скотт приподнялся, облил голову холодной водой, посмотрел в иллюминатор, откуда был виден траулер, и процедил сквозь зубы:

— Однако не всё ещё потеряно, и... мы потягаемся, чёрт побери!

На пароходах советской экспедиции и в Москве, в штабе, радовались.

— Найдено золото! Но это лишь случайный подарок океана, — сказал Барковский. — Стократ краше и дороже золота то, что тайна Хургеса, очевидно, неведома Скотту и неизвестна никому за границей, кроме Кара и Азореса. А открытие Хургеса — ценнее золота.

— Пригодится и золото, — сказал Миша. Ведь это он, сидя в московской квартире, нашёл на дне Атлантического океана бочонок.

— Ну, теперь мистер Скотт, наверное, снимется с якоря и уйдёт, с чем пришёл. Он больше не будет мешать, — сказал Барковский.

Но он ошибся. Скотт продолжал поиски.

— Неужели на дне океана схоронен не один бочонок с золотом? — удивлялись на траулере. — Кто-то вёз порядочное богатство на «Левиафане». Если бы золото принадлежало какой-либо стране, то, конечно, его искали бы не мистеры Скотты.

— Скотт, видимо, не уйдёт до тех пор, пока не уйдём мы, — высказал предположение Маковский. — Если он сомневался в том, что мы сидим здесь ради подводного города, то теперь он и подавно не верит в это. Если бы мы взяли всё, что интересует Скотта и что берег океан, то, поверьте, Скотт потерял бы всякий интерес к нашей экспедиции и не задерживался бы здесь ни одного лишнего дня. Ведь ему, наверное, не дёшево стоит фрахт такого судна.

Азорес подаёт весточку

Азорес уже несколько дней не давал знать о себе, и Барковский очень обрадовался, когда, наконец, услышал знакомый голос:

— Алло! Здравствуйте. Это я, Азорес. Со мной товарищ Кар. Мы объездили Боливию, Перу, Эквадор. Тьма приключений. Расскажу, когда вернусь. Напали на след и кое-что узнали о мистере Скотте. Как и следовало ожидать, это чистой воды авантюрист. Ещё в Нью-Йорке Скотт сошёлся с таким же авантюристом, — нет, с ещё более прожжённым, каким-то Вильямсом. Скотт открыл в Эквадоре богатые золотые россыпи. Но у него не было средств для их разработки, и он пригласил в компанию Вильямса, у которого были деньги. Чтобы их увеличить, «друзья» открыли в Нью-Йорке одно из дутых предприятий, которые могут привести или к быстрому обогащению, или к тюрьме. Сорвав добрый куш, Скотт и Вильямс исчезли из Нью-Йорка и отправились добывать золото. Очевидно, им действительно повезло. Со слов одного индейца, который работал на золотых приисках, они намыли золота чуть ли не пять бочонков. Часть золота — крупные самородки. Вильямс надул своего компаньона: воспользовавшись тем, что Скотт любит выпить, Вильямс подбавил в бутылку с виски снотворного порошка и ночью удрал, прихватив с собой всех мулов и бочонки с золотом. Он, очевидно, поручил одному из индейцев «прикончить» Скотта. Почему Скотт остался жив, не удалось выяснить. Вильямс поспешил на пароход «Левиафан», который как раз отплывал, чтобы удрать в Англию. Пароход, как вы знаете, затонул, а с ним, очевидно, и Вильямс вместе со своими награбленными богатствами. Таким образом, на «Левиафане» плыли и Вильямс и Бласко Хургес. Вот почему Скотт прибыл на место гибели «Левиафана»... Он, конечно, считает себя «законным наследником» затонувшего сокровища и решил на остатки своего капитала организовать поиски.

— Благодарю за информацию, — сказал Барковский из Москвы. — Тебя, возможно, удивит, но мы уже знаем, зачем приплыл Скотт. — И Барковский рассказал Азоресу о находке и об истерике Скотта. — Стало быть, бочонок не один. Мы и сами так догадывались, потому что Скотт всё ищет. Пусть ищет. Можем пожелать ему успеха. Нам его золото не нужно, лишь бы он не мешал. Приезжай быстрее и привози Кара. Привет ему. Мне очень хочется лично познакомиться с сотрудником Хургеса.

Миллионер-неудачник

Мистер Скотт переживал тяжёлые дни. Когда он отплывал в экспедицию искать затонувшие сокровища, то прикидывал так:

«„Левиафан“ не иголка. Его нетрудно отыскать на дне океана. Место гибели парохода точно известно. Я приглашу опытных японских водолазов, хорошо заплачу им, и они быстро вытянут бочонки с золотом из затонувшего парохода. Самые крупные расходы — на фрахт парохода. Если зафрахтовать на месяц, считая и время переезда туда и обратно, то этого времени будет достаточно. На месяц фрахта у меня есть деньги. К счастью, я припрятал от своего компаньона немного золотых слитков, которые удалось найти самому. Риск невелик: вложенный в это дело капитал окупится сторицей».

И Скотт, как это не раз бывало в его жизни, поставил на карту всё, что имел, надеясь сразу сорвать «банк».

С фрахтом вышло лучше, чем он ожидал: в портах, доках Северной и Южной Америки и Европы стояло много «безработных» пароходов с потушенными топками. О безработных моряках и говорить не приходилось — их можно было бы «накупить» по дешёвой цене на целую флотилию.

Когда Скотт объявил о желании зафрахтовать пароход — не было отбою от предложений. Агенты пароходных компаний и комиссионеры роем вились возле отеля, где остановился Скотт. Как человек «коммерческий», Скотт организовал публичные торги. И ему удалось «просто даром» зафрахтовать «Уранию» на месяц. Это «даром» всё же влетело в немалую копейку. Оно поглотило почти четыре пятых наличных средств.

Дальше пошло труднее. Когда Скотт запросил агента японской компании подводных работ, тот пояснил ему, что подъёмные работы их компания обычно проводит на небольшой глубине. Работать на глубине около ста метров компания отказывается. «Левиафан» же затонул на глубине нескольких сот, а возможно, и тысяч метров.

«Цену набивает», — думал Скотт, выслушивая пояснения агента, но он ошибался. Японцы отказались взяться за это дело. А пароход был уже зафрахтован. Часть денег уплачена вперёд. Отступать поздно.

Скотт бросился ко всякого рода специалистам, которые имели отношение к морям и их глубинам, прося у них совета. Однако получил ту же самую грустную отповедь.

Американские водолазы опускаются в твёрдых «панцирных» водолазных костюмах на двести пятьдесят-триста метров, к это почти граница для водолазных работ.

Один учёный предложил Скотту воспользоваться аппаратом для подводного телевидения.

— Вы наверняка сможете с его помощью найти на дне затонувшее судно, — сказал он.

Аппарат для подводного телевидения надо ещё заказать.

Американские компании подводных работ дерут очень дорого за лишнюю сотню метров глубины. Что делать? Пригласить компаньонов? Скотту не трудно было сообщить, что на «Левиафане» есть пять бочонков с золотом. Но тогда придётся половину золота отдать компаньону. Скотт был слишком скуп, что-

бы согласиться на это. К тому же и найти компаньона не так уж легко. Капиталисты с небольшим и средним достатком давно разорились от кризиса, а крупные неохотно идут на авантюры. Они согласятся иметь меньшую, но верную прибыль на капитал и уж, во всяком случае, потребуют доказательств не только существования, но и технических возможностей добыть бочонки со дна.

Скотт соображал, а время шло, зафрахтованная «Урания» стояла в порту, каждый день приносил бесплодные затраты. И Скотт решил пригласить двух японских водолазов — их помощь в этом деле, во всяком случае, может пригодиться, — приобрести аппарат подводного телевидения, «купить» безработного радиоинженера, радиотехника или специалиста по телевидению и отплыть на место гибели «Левиафана», обдумывая дорогой, как добыть золото со дна океана.

Японцев-водолазов ему удалось найти помимо компании. Телеустановка и радиоспециалист Поуэрс стоили ему дороже, чем он предполагал. Эти непредвиденные расходы съели почти все остатки его капитала. Остальное он истратил на топливо, провиант, воду, заработную плату экипажу.

Когда «Урания» развела пары и оставила порт, Скотт мог сказать о себе словами древнего философа: «Всё моё ношу с собой». Он поставил на карту действительно всё и в случае неудачи сошёл бы на берег бедняком из бедняков.

Он давно привык к ударам судьбы, но перспектива нового разорения его угнетала, и он решил любой ценой завладеть погибшим сокровищем. Если ему удастся найти на дне океана «Левиафан», это будет половиной победы. Тогда, в крайнем случае, легче будет найти компаньона.

Встреча советской флотилии в Атлантическом океане, на месте гибели «Левиафана», была неожиданным ударом для Скотта. Он не сомневался в том, что большевики каким-то образом проведали о золоте и пришли сюда ради него. У них три судна, прекрасные телеустановки, главное же — почти неисчерпаемые материальные и технические ресурсы. Разве частный капиталист (а Скотт в это время был капиталистом без капитала), разве даже капиталист-миллионер мог конкурировать с целой державой, к тому же с такой, которая не жалеет средств, чтобы достичь цели! Скотт помнил всю историю покорения большевиками стратосферы, освоения Великого Северного морского пути, челюскинскую эпопею... Оставалось надеяться на счастливый случай. Но он не приходил. Тогда Скотт решил сделать первый визит на траулер, чтобы позондировать почву.

Этот визит закончился ничем. Был момент, когда Скотт почти верил в то, что большевиков привела в океан научная цель. Но вскоре выяснилось, что это не так. И Скотту всё стало «ясно, как день», когда над поверхностью океана появился «паук». У Скотта же не было таких «механических рук». В воздухе над бортом траулера закачался бочонок. О, конечно, бочонок с золотом.

В это мгновение Скотт чувствовал себя обворованным, разорённым, погибшим. Он чувствовал, что вторично ему не посчастливится найти золотые россыпи — не достанет физических сил. Его здоровье было сильно подорвано скитаниями по всем тропическим «закоулкам». Сказалось и злоупотребление алкоголем, к которому он поначалу всерьёз прибегал как к средству против малярии.

Одним словом, его карта была бита. И он впервые в жизни впал в истерику,

на какое-то время потерял сознание — одним словом, вёл себя как никчемнейший неврастеник.

Правда, он скоро избавился от психической придавленности, но всё же его положение было почти безнадежным. Он решил «не срамиться в игре» и перешёл к пакостям. Но ему долго не продержаться на этом, если только ему не повезет первым найти «Левиафан».

И ещё один момент чрезвычайно расстроил Скотта: «паук» достал бочонок прямо со дна моря. Между тем на этом месте, — а Скотт его уже осмотрел, — «Левиафана» не было. Как это понимать? Вильямс, видимо, не сдавал свой чересчур дорогой груз в багаж и хранил бочонки в своей каюте. Что же случилось на пароходе во время аварии? Возможно, этот бочонок украли матросы, проведав о золоте? Возможно, сам Вильямс успел погрузить все бочонки в шлюпку, и они вместе с ним утонули на большом расстоянии от «Левиафана»... Это вероятнее всего. Чёрт побери! Вещь потерянная — вещь ничья, «рес нулиус», как говорили римские юристы. Формально, юридически, Скотт не может заявить права на золото и требовать его возврата от большевиков. Да к тому же и обосновывать это право не так уж легко. В крайнем случае, суд мог признать право наполовину. Ведь как ни нечестно поступил Вильямс, половина принадлежала ему или его наследникам.

Короче: один бочонок надо было сбросить со счётов. Но на дне лежат ещё четыре. Остаётся одно — продолжать игру. Если Скотту удастся найти хотя бы один бочонок, все затраты на экспедицию окупятся и у него останется ещё капитал, с которым можно снова начать борьбу за «лучшее место в худшем из миров».

Но действовать надо решительно. Месяц кончался, и если в последние его дни не удастся найти хотя бы один бочонок, игра окончательно проиграна.

Да, сейчас надо действовать решительно. В крайнем случае, пойти на кое-какие соглашения с соперниками.

Второй визит Скотта

Скотт не подходил к стойке целый день и всю ночь. Утром он встал, тщательно побрился, надел свой лучший костюм и приказал спустить шлюпку. Поступившись самолюбием, Скотт решил сделать второй визит на траулер.

На этот раз он вёл себя не так высокомерно. Он «только сохранял достоинство». О, нет, он пришёл вовсе не как проситель. Он желает разговаривать «как равный с равным». «Международная конференция на волнах Атлантического океана», — как говорил он, чтобы поднять свой дух.

Его приняли, как и в первый раз, уважительно, с холодноватой корректностью. На иное он и не рассчитывал.

— Мистер! — сказал Скотт, усаживаясь в предложенное кресло и протягивая капитану Маковскому сигару, от которой тот отказался. — Мистер, прошлый раз мы говорили о том, что нам надо установить некий модус, чтобы не мешать друг другу.

Маковский качнул головой и ответил, как бывалый дипломат:

— Мистер Скотт, во всяком случае, вы отнюдь не являетесь стороной, которая могла бы пожаловаться на невыполнение этого условия.

— Я и не жалуясь, — сказал Скотт. — Я хотел бы поговорить с вами совсем откровенно. Наши политические разногласия, надеюсь, не помешают нам относиться друг к другу, как это пристало подлинным джентльменам. — Это было сказано не без некоторой иронии по адресу собеседника.

— Я вас слушаю.

Скотт выпустил облачко дыма и проследил за ним, чтобы собраться с мыслями.

— Я не богат. То есть не очень богат, — поправился он и снова сделал паузу. Возможно, он не так начал. — В прошлый раз, — продолжал он, — я не сказал вам, как и вы мне, между прочим, о цели прибытия сюда. Сегодня я решил быть с вами до конца откровенным. — Маковский кивнул головой. — На этом месте, где мы теперь находимся, как вам известно, лежит затонувший пароход «Левиафан». На нём плыл мой родственник, который вёз из Южной Америки в Европу наше, то есть его и моё, золото. Так сказать, наше фамильное достояние...

— Можно узнать фамилию вашего родственника, столь трагично погибшего в океане?

Этого вопроса Скотт не ожидал.

— Эдуард Скотт, — сказал он и тотчас раскаялся в этой поспешности. По лицу капитана пробежала чуть заметная усмешка, но её заметили острые глаза старого авантюриста. «Маху дал, чёрт побери!» — подумал он.

— Среди пассажиров «Левиафана», насколько мне известно, не было мистера Скотта.

«Им всё известно», — снова подумал Скотт и продолжал:

— Правильно. Но вы знаете, что у нас, — подчеркнул он, — не требуют от пассажира или человека, останавливающегося в отеле, документы. Мы можем назвать любую фамилию. А мистеру Скотту кое из каких соображений было удобнее назвать себя... если не ошибаюсь, Вильямсом.

Капитан кивком головы принял такое пояснение.

— Так вот: Скотт (или Вильямс, это безразлично) вёз золото, на которое я

имел такие же права, как и он. Вильямс погиб. Владельцем золота остался я. И я прибыл сюда, чтобы, если это возможно, добыть моё наследство со дна океана. К сожалению, неожиданно для себя я встретил новых «наследников»... — И Скотт многозначительно посмотрел на Маковского.

— Почему вы так думаете? — спросил капитан.

— Мистер Маковский, — с некоторым раздражением промолвил. Скотт. — Я бы желал, чтобы вы были так же откровенны, как и я. Неужели вы представляете меня столь наивным, чтобы поверить вашим... археологическим экскурсиям на дно океана... Это, конечно, очень интересное и благоприятное для вас стечение обстоятельств — нахождение подводного города вблизи погибшего «Левиафана», но ведь не город же цель вашей экспедиции!

— Почему же не город?

— Перестаньте хитрить со мной! — уже не владея собой, вскричал Скотт. — Разве я не видел собственными глазами, как вы достали со дна моря бочонок, первый бочонок с...

— С?..

— Сколько их, вы должны знать не хуже меня.

— Мистер Скотт. Это, конечно, счастливая случайность, что именно на месте подводного города оказался бочонок с золотом. Это золото случайно, — уверяю вас, совершенно случайно, — поймал наш «паук». Но из этого случайного факта нельзя делать неправильных выводов о цели нашей экспедиции.

— А сколько весит найденный вами бочонок? Поверьте, что я не имею намерения оспаривать ваше право на него. Десять килограммов?

— Мы не взвешивали, — ответил Маковский. — Но я всё-таки не до конца понимаю цель нашей беседы.

— Эта цель очень ясна. Если вы, мистер, Маковский, и сейчас отрицаете, что ваша цель — золото, тем лучше для меня. Это только упрощает обстановку. Вы нашли бочонок, пусть он будет вашим...

— Если мы найдём остальные, они также будут нашими, и всё-таки нас интересует не золото.

— Так, так! Пусть будет так. Собственником бочонков будет тот, кто первый найдёт их и поднимет на поверхность. Но я прошу вас вот о чём. Район наших поисков очень ограничен. К тому же я хотел бы обратить внимание, что ваши суда далеко не ограничиваются зоной подводного города. Да, да, да! Допускаю, что этот город может иметь предместья, вы ищете соседние города, — пусть так. Но дело не в этом. Меня интересует как раз то место, на котором найден первый бочонок. А это как раз под траулером, на котором мы с вами сейчас находимся. У нас с вами одинаковые права на открытую поверхность океана. Но у вас три, у меня один пароход... Не затевать же, в самом деле, войну... И я прошу: дайте мне возможность зондировать глубину океана на тех же местах, где и вы. Ну хотя бы в порядке очереди. Ведь как старательно ни ведутся розыски, найти бочонок на дне океана труднее, чем гриб в лесу. И там, где не повезёт вам, возможно, повезёт мне.

Маковский подумал и ответил:

— Я не возражаю. В конце концов так оно и было до сих пор.

— Не совсем так. В последнее время мы избегали подходить близко один к другому. А между тем нам сподручнее работать борт о борт. Конечно, если этому не мешает волнение на океане.

— Как капитан я не возражаю против этого, как подчинённый, я должен согласовать это с моим непосредственным начальством.

— Надеюсь, вы скоро дадите мне ответ?

— Не позднее сегодняшнего дня, — ответил Маковский.

Скотт церемонно поклонился и отбыл.

Маковский немедленно созвал совещание штаба, рассказал о визите Скотта и его предложениях.

Барковский возражал. После того как Скотт обрезал трос нашей телевизорной установки, ему верить нельзя. И он, возможно, добивается близости только для того, чтобы продолжать шкодить. С ним почти все согласились.

Молчавший Протчев попросил слова. Он настаивал, чтобы Скотту позволили ставить «Уранию» к нашим пароходам так близко, как он пожелает.

— Но он ведь снова может подложить вам свинью, — возразил Барковский.

— А мы эту свинью поймаем, — и Протчев рассказал о своём плане. — Как только «Урания» близко подойдёт к борту траулера, я сам спущусь в скафандре и буду сторожить под водой. Вредителей надо ловить по горячим следам, и, я надеюсь, это мне удастся.

— Нырять, Протчев! — долетел басок Кириллова из Москвы.

В тот же день Скотта уведомили через судовую радиостанцию, что его предложение принимается. «Судна обеих сторон будут сближаться по мере необходимости и насколько это допустимо по условиям судовой безопасности».

...Азорес и Кар доехали пароходом до Азорских островов. Оттуда их привёз на место советский гидроплан, обслуживавший экспедицию.

«Какой он щуплый и напуганный», — подумал матрос, встречавший Кара на борту траулера.

Кара приняли дружно и окружили вниманием. Первое время он испуганно озирался, ему всё ещё представлялось грозное начальство американской компании, которое могло одним росчерком пера вычеркнуть его из жизни. Он был похож на птицу, выпущенную на волю после долгого сидения в клетке. Но постепенно Кар «оттаивал». Он с интересом наблюдал новую жизнь. Когда ему показали большой экран телевизора и на нём появились чёткие красочные стереоскопические изображения, Кар покачал головой и сказал:

— Это больше, чем я мог ожидать.

Кар знакомится с новой страной

Кара рекомендовали штабу. Николай Петрович Борин предложил ему работать в своей лаборатории. Будущее Кара было обеспечено.

Потом Кар, не выходя из каюты, с космической быстротой совершил своё первое путешествие по СССР. Телеустановки имелись везде — от Минска до Сахалина и от Новой Земли до Кушки — самого южного населённого пункта СССР.

Все эти станции были соединены невидимыми нитями с Москвой. Они передавали изображения на центральную московскую радиостанцию, которая и передавала «Всем, всем». Дело было организовано так, что одно изображение следовало за другим, как на конвейере. Возникало впечатление, что по гигантской карте СССР скользит чудесное око, которое осматривает страну с недостижимой высоты. «Сценарий» был скомпонован так, чтобы за короткое время демонстрации показать главнейшее из того, что создано за годы упорного труда.

...Вот рыщут в небе воздушные полярные разведчики-дирижабли. Под ними — необозримые поля торосистого льда, перерезанные «реками», каналами, «озёрами» чистой воды. Мощные ледоколы ведут за собой караваны судов по Великому Сибирскому морскому пути... Вот среди голых скал и снегов на островах, на побережьях морей поблёскивают огнями строения самых дальних в мире полярных радио — и метеостанций...

Темень... Морозы... Снежные бураны... Страшные места... Страшная, наверное, и жизнь.

Страшная? «Всевидящее око» заглядывает в один из этих домов, «затерянных в краю мрака и холода». В лабораториях кипит научная работа. Ярко освещённая, хорошо натопленная комната клуба. Библиотека, радио, кино, экран телевизора. Живая связь со столицами, с родными.

Играют дети, греясь в лучах «комнатного горного солнца» в детском саду. Едят свежие овощи, ягоды... Лютый северный ветер вращает лопасти ветряной электростанции, претворяющей ветер в тепло и свет. В разноцветных лучах электроламп созревают овощи в оранжереях. Молодёжь катается на финских санях, лыжники охотятся...

На экране мелькают человеческие лица, — они больше всего интересуют Кара, — энергичные, бодрые. Новая порода людей...

Дирижабли низко опускаются над ледовым полем. На льду — барак и мачта радиостанции.

— Плавучая метеорологическая обсерватория на Северном полюсе, — слышит Кар пояснения диктора.

— Не совсем на Северном, — поправляет другой голос, и на экране появляется весёлое лицо радиста-полярника. — Мы создали станцию на самом Северном полюсе, но дрейфом льда нас немного отнесло от полюса. В этом назначение станции: наблюдать за движением льда в Арктике. Мы плаваем, как закупоренная бутылка, брошенная в море, — очень медленно, почти не приметно.

«Как бутылка, брошенная беднягой Хургесом», — вспомнил Кар и вздохнул.

«А это что?..» Яркие зори на аспидно-сером небе и рядом ослепляюще-яркий, пламенеющий диск солнца, невиданного солнца с краями, которые трепещут огненной бахромой.

Каюта, иллюминатор. Человек в тёмных очках трудится за столом; на столе инструменты, приборы... Это Стратосферная станция для изучения космических лучей.

«Чудесное око» вновь спускается на землю. Гигантский «пароход» движется по тайге, как танк, пробивая себе дорогу среди деревьев.

— Вездеход для тайги. Проламывает просеки. Одновременно геологи ведут разведку.

...Жужжат электропилы, отбрасывая золотые опилки, падают деревья. Машины обрубают ветви, очищают кору, распиливают стволы, кладут на вагонетки. Вагонетки катятся по подвесной дороге, мчатся по просеке навстречу большим зданиям лесохимического комбината. Следом бегут вагонетки с опилками, ветвями, корнями... А там, дальше, на поезда грузят брёвна, шпалы, фанеру, смолу, древесный спирт, формалин, канифоль, скипидар, бумагу, целлюлозу, кормовой сахар.

Мурманск... Консервные и засолочные заводы... Горы рыбы... Оленьи стада... Оленьи колхозы и совхозы... И здесь — перерабатывающие заводы.

Сверкает огнями флотационная фабрика города Кировска. Шумят заполярные гидроэлектростанции. Серебряной лентой протянулся Беломорский канал...

А вот и великаны, о которых Кару доводилось слышать: Днепрогэс, Магнитогорск, Кузнецкий, Челябинский, Краматорский заводы, Бобриковский комбинат. Растут плотины на Волге, Ангаре... Тракторы на бескрайних полях, комбайны, элеваторы, хлебозаводы, мясокомбинаты...

Завоёванные для земледелия пустыни Средней Азии... Советские субтропики... Пальмы... мандарины, хинные, пробковые деревья, лимонные, чайные плантации.

Харьков, Киев, Ленинград, Москва... Метрополитен. Дворец Советов... Парк культуры и отдыха... Толпы отдыхающих, спорт, игры, танцы...

У Кара голова идёт кругом. Нет, это даже слишком! «Чудесное око» показало ему то, о чём не узнаешь из книг. Надо быть титаном, чтобы создать всё это за такое короткое время. Как это случилось? Как могло совершиться? Откуда берётся эта неисчерпаемая энергия? СССР — словно зелёная ветвь на старом, усохшем дереве мира.

Невольно Кар вспоминает Буэнос-Айрес. Нью-Йорк... Контраст страшный. Один час такой демонстрации убеждает на всю жизнь.

Но почему эта передача не демонстрировалась на экранах обеих Америк?..

— Как вам понравилось, товарищ Кар? — спросил Борин-отец.

Миша вдруг услышал сухой треск. Гинзбург обманом направил объектив аппарата на лицо Кара. Да, это он смеялся, хотя и был растерян.

— Простите, но... нервное напряжение моё вылилось в смех... Мне пришла на ум одна вещь. Почему у нас не показывают ваши телепередачи?

— Ещё бы! — усмехнулся Кириллов. — Для них это было бы самоубийством.

— Да, да. Вы правы. Конечно. А рассмеялся я, кажется, вот почему... У меня бывает так, что одна мысль обгоняет другую. Я подумал: капиталистический мир свёртывает работы в области телевидения не только вследствие кризиса. Телевидение становится небезопасным. Ведь если бы каждый рабочий, каждый радиолобитель имел приёмный аппарат и с его помощью мог принять хотя бы одну такую передачу, то всякая ложь о Советском Союзе стала бы

невозможной. Последствия телепередач из СССР были бы для капиталистов действительно губительны, тем более, что в такой пропаганде нет ничего противозаконного.

— Но телевидение всё же существует на Западе и в Америке, — сказал Борин.

— Да, оно возникло и развивалось, пока эта опасность ещё не принималась в расчёт. В успех ваших самостоятельных работ в этой области верили немногие. А вы взяли да и выросли. И создали новое могучее оружие вашей мирной пропаганды ваших достижений. Вы можете только показывать, ничего не добавляя. Никаких громких фраз: они не нужны...

И Кар снова рассмеялся.

«Его смех звучит, как атмосферные разряды», — подумал Миша.

— Но без боя они не уступят, — продолжал Кар. — Я знаю их. Теперь они заглушают ваши радиопередачи, скоро начнут «гасить» или «заливать светом» ваши телепередачи.

— Что ж, посоревнуемся и на телефронте, — усмехаясь, ответил Борин.

— Наверное, дойдёт до того, что индивидуальные телеустановки будут запрещены. За приём телепередач из СССР будут штрафовать, сажать в тюрьму, как это и сейчас делается в ряде стран с радиоприёмом. Как интересно стало жить! — воскликнул Кар, потирая свои сухие ручки. — Прошу зачислить меня рядовым на телефронт! — закончил он, потрянув рыжей бородкой.

После этого «путешествия» Кар с новым интересом смотрел на своих друзей, словно они были с иной планеты.

Приключение в пути

— Как твоя нога, Миша?
— Азорес? Здравствуй! Благодарю. Всё идёт прекрасно. Скоро прилечу к вам. А как твоё путешествие? Много видел интересного?

— О, как всегда, материал огромный! — ответил Азорес.

— Какой материал?

— Для газеты, конечно. Северо-западный угол Южной Америки — настоящие Балканы, к тому же Балканы в огне. Войны, восстания, перевороты не прекращаются. Однажды мы с Каром попали в такую сумятицу, что думали, там и головы сложим. Вырвались из этого ада капиталистических хищников и сразу же очутились на Луне, — Азорес рассмеялся. — Да, горная страна, куда мы попали в поисках следов Скотта и Вильямса, своим ландшафтом и вправду напоминает Луну. Днём — ужасающая жара, ночью — холод. Голые скалы. Пустынейшее место на земле. Даже насекомых нет. Из животных встречались только ламы. Населения почти нет. И вот в этих-то местах бродили Скотт и Вильямс в поисках золота. Нам надо было найти индейца, работавшего на приисках Скотта и Вильямса...

— А как вы добирались? Пешком?

— На мулах, с двумя проводниками. Один из них метис, второй индеец.

Однажды мы остановились на ночлег возле хижины скотовода-испанца. Он разводит лам и торгует ими. Это единственный в округе «отель». Хозяин встретил нас любезно и посоветовал разместиться на чердаке или внизу, где уже лежало на полу вповалку человек пятнадцать. Мы, конечно, выбрали чер-

дак. Хозяин принёс матрацы, которые пахли навозом и, казалось, были набиты картофелем, бросил их на пол чердака и старательно заткнул тряпками небольшие оконца. Мы подумали, что он старается уберечь нас от ночного холода, но немного погодя поняли, от чего именно.

— От чего же?

— Вот послушай. Переночевали мы и тронулись в глубь страны, где не было уже никаких отелей и вообще человеческого жилья. Наступающую ночь мы вынуждены были провести под открытым небом. Товарищ Кар перед выездом настоял на том, чтобы мы сделали себе прочные костюмы, такие комбинезоны из парусины с капюшоном для головы. «Иначе нас заедят комары, вы не знаете Южной Америки», — сказал он. Но его познания также, видимо, были ограничены. Наши проводники сильно смеялись, когда я однажды развернул «водолазные» костюмы, лежавшие в чемоданах.

«В горах нет ни москитов, ни мух, ни комаров», — сказал один. Пришлось положить костюмы в чемодан. Однако на первом ночлеге под голым небом мы вспомнили о костюмах. У нас не было даже накидок, а ночи там бывают холодные, ветер свирепый. Мы решили, что толстые парусиновые костюмы защитят нас от холода: облачились в свои «скафандры», надвинули на головы капюшоны, подстлав вниз войлочную полость. Наши же проводники, закалённые ребята, имели только одеяла. Их руки и ноги были голы. Стреножив мулов, проводники также улеглись поодаль от нас, и вскоре мы все уснули.

Просыпаемся на рассвете — нет ни проводников, ни мулов. Неужели проводники украли мулов и удрали? Но почему же они не взяли наших чемоданов? Вдруг Кар заметил на земле нечто напоминающее плевки кровью. Пятна крови на месте, где лежали проводники. Значит, проводники убиты... За камнями раздался стон, а потом мы увидели одного проводника. Его бронзовая кожа стала бледно-синеватой, на груди, на руках и особенно на ногах были раны, словно его искололи пиками. Мы бросились ему на помощь. Скоро нашли и второго проводника, также всего израненного и без памяти. Мы не могли понять, что случилось, пока, наконец, первый проводник, набравшись сил, не рассказал нам.

«Ночью на наш табор налетели, очевидно, крылатые хищники — летучие вампиры». Обычно они неслышно приближаются к спящему животному или человеку, прокусывают кожу такими острыми зубами, что сонный человек не ощущает боли, и начинают сосать кровь. Говорят, от этого человек засыпает ещё крепче.

Первого проводника нам удалось спасти, второй умер от потери крови.

— А кровавые плевки?

— Я просто думаю, что они от жадности переполняют свой желудок и часть крови выплёвывают.

— Как же вы остались живы?

— Нас спасли водолазные костюмы.

Подводная дуэль

На океане был штиль. Солнце поднималось в утреннем тумане, целый день обливало жгучими лучами ровную синюю поверхность океана, пароход, людей на палубе и опускалось в вечерней мгле. Загорелись крупные звёзды. Ночи были душны и темны — наступало новолуние. Море светилось.

В одну из таких ночей «Урания» близко подошла к траулеру.

— Пора мне нырять! — сказал Протчев. Его водолазный костюм давно был осмотрен и приготовлен. Протчев вышел на палубу и стал не спеша одеваться в водолазную одежду. Тяжёлые калоши и резиновый костюм были уже на нём. Оставалось надеть на голову скафандр.

— Нож не забыл? — спросил Маковский.

— Есть! — коротко ответил Протчев. — Всё в порядке. Надевайте.

Два матроса подняли тяжёлый шлем и надели на водолаза. Протчев почувствовал привычную тяжесть и, медленно переставляя ноги, пошёл к борту. Свинцовые подошвы мешали идти. Протчев словно очутился на иной планете, где существует удвоенная сила тяжести. Но эта тяжесть уменьшится, как только Протчев окажется под водой. Опробовали трос, прикрепленный сзади к костюму, аппарат, подающий воздух, телефон — всё в исправности.

— Воздух хорошо поступает? — спросил матрос на помпе.

— Прекрасно, — ответил Протчев.

Лицо Протчева, видневшееся сквозь стекло — окно шлема, — было спокойным, как и всегда. Все заметно волновались.

— Спускайте, — приказал Маковский.

Протчев перешагнул через борт. Трос натянулся. Протчев повис в воздухе и медленно стал погружаться в воду. Вот его толстые ноги коснулись воды, ещё минута, и вода сомкнулась над шлемом. Протчев опустился под воду.

Всё это было сделано тихо и осторожно с борта, противоположного «Урании». С этого же борта опустили и телеоко.

— Кажется, на «Урании» ничего не заметили, — тихо сказал Маковский.

Протчева медленно и незаметно повели вокруг носовой части вдоль корпуса корабля.

На «Урании» все казались занятыми обычными поисками. Спускали лот, хотя этого теперь и не надо было делать, небольшой шар телеприёмника. Ночь, как и все; работа, как всегда...

Стрелки на часах Гинзбурга показывали полночь. В Москве было четыре часа утра, но Миша не спал. Мотя предупредил его ещё накануне, что сегодня должна быть интересная ночь, и Миша упросил отца оставить его на ночную вахту.

— Ведь я уже абсолютно здоров, и врач позволяет мне ходить по комнате. Через несколько дней я смогу гулять. Не посплю ночь — завтра высплюсь.

Отец позволил ему.

Медленно тянулась ночь. Экран был тёмным. Гинзбург предупредил, что передача по телевизору начнётся лишь после того, как Протчев опустится под воду. Показать спуск нельзя — для этого пришлось бы осветить Протчева, а свет мог быть замечен телеоком «Урании».

...С улицы изредка доносились гудки автомобилей. Квартира Борина была недалеко от Арбатской площади. Погромыхивали ночные трамваи, гудели ав-

тобусы. Москва не спала.

Но Миша привык к этим звукам великого города и почти не слышал их. В углу однообразно стучали большие стенные часы. У Миши слипались глаза.

— Не смей спать! Ты не должен спать! — убеждал себя Миша. — Ведь ты на вахте... — Но глаза не слушались и слипались. Кажется, Миша чуточку задремал.

— Спишь? — услышал он голос Гинзбурга и встрепенулся, как птица.

— Нет, — ответил Миша тихо, словно их могли подслушать.

Эта ночь настраивала на таинственный лад. Миша взглянул на часы. Он дремал не больше пяти минут.

— Протчев под водой. Сейчас наш подводный телевизор покажет, что делается под водой.

Миша провёл рукой по глазам, чтобы смахнуть остатки сна, и стал смотреть на экран. На экране, как и ранее, было темно.

— Почему ничего не видно? — спросил Миша.

— Потому, что Протчев не зажигает фонарь, он сидит в полной темноте.

— Значит, ничего не увидим?

— Если только кто-либо иной не зажжёт фонарь, — ответил Гинзбург.

В этот самый момент Миша увидел, что верхний правый угол экрана слегка осветился... Или это только показалось Мише... Свет словно растаял... Нет, вот снова блеснул — на этот раз луч прорезал экран по диагонали. И снова погас. Но этого было достаточно. У Миши сильно заколотилось сердце. Значит, кто-то был под водой, кроме Протчева... Сейчас начнётся самое интересное...

И оно началось. Яркий луч света метнулся снизу вверх, и Миша снова увидел фигуру водолаза. На его груди — фонарь, хотя и не такой сильный, как у Протчева. В правой руке водолаз держал большие ножницы и направлялся, подруливая левой рукой, к тросу и кабелю телеаппарата.

«Это, конечно, кабель нашего телеока. Водолаз хочет перерезать его», — подумал Миша.

Водолаз, неожиданно увидев свет, дёрнул за сигнальную верёвку.

«Значит, у этого водолаза нет телефона».

Протчев, очевидно, уже доложил по телефону, потому что его быстро подняли и он быстро оказался на одном уровне со своим противником. Наверное Гинзбург, следя за изображением на экране, регулировал положение подводного телеока и установил его так, что теперь Миша хорошо видел борцов, готовых к схватке. Протчев выхватил ножницы из рук японца и сунул их в мешочек на ремне. Пока Протчев прятал ножницы, как трофей, водолаз вынул большой нож и замахнулся на Протчева.

— А, бандит, ты хочешь убить меня! — услышал Миша голос Протчева.

Водолаз-японец не успел ударить Протчева, потому что японца неожиданно подняли. Но, судя по тому, как его рука прошла сквозь водную среду, видно было, что этот человек привык двигаться и рассчитывать свои движения в воде.

Миша рассмеялся, когда Протчев схватил японца за ногу и тот начал комично дрыгать второй ногой, чтобы тяжёлой подошвой сбить руку Протчева. Но водолазный костюм смягчал удары, и Протчев крепко держал японца, медленно поднимаясь вместе с ним.

Одновременно Миша заметил, что Протчев перестал «травить воздух», над

шлемом не появлялись пузырьки воздуха. Зачем Протчев это сделал? Неужели он, увлѣкшись борьбой, перестал нажимать головой на воздушный клапан? Рубашка Протчева раздулась. А, вот оно что! Протчев сделал предохранительную воздушную прослойку. Удары свинцового ботинка теперь не могли ему повредить — при каждом ударе нога японца отскакивала от раздутой рубашки Протчева, как от мяча.

Японец, очевидно, хотел быстрее подняться — удрать от этой неожиданной дуэли на дне океана. Но хотя здесь было сравнительно неглубоко, Миша знал, что быстрый подъѐм опасен для здоровья. Впрочем, наверху, возможно, и не ожидали, что положение японца столь серьёзно.

— Нет, погоди, друг, я хочу познакомиться с тобой поближе! — продолжал Протчев. И откуда взялись слова у этого всегда молчаливого человека? Может быть, он на дне становился разговорчивым? Гинзбург не вмешивался в этот монолог. Он и так видел, что делается.

Протчев начал «травить» лишний воздух, чтобы его не выбросило наверх, и быстро «отоцал». Он уже поднялся на один уровень с японцем, и теперь свинцовые подошвы противника не угрожали ему.

— Я отнял у тебя на память об этой встрече ножницы, теперь нож твой мне понравился, — продолжал Протчев. Японец остервенело замахал ножом. Каждый удар мог оказаться смертельным для Протчева: стоило только чуть-чуть зацепить водолазный костюм, и в него прошла бы вода. Но Протчев смело продвигался вперѐд, подставляя под удары японца свой шлем. Лишь бы рука японца не добралась до шланга, нагнетающего воздух! Протчев выбрал момент и отвѣл в сторону шланг и трос.

Миша был захвачен этой борьбой. Он стремился не пропустить ни одного движения.

— Папа, иди сюда быстрее! — крикнул он так громко, что Николай Петрович тотчас же проснулся и прибежал в кабинет.

— Смотри!

Миша проследил за рукой Протчева, когда тот отодвигал шланг. Вдруг он увидел за рукой Протчева туманный свет. Очевидно, луч фонаря отразился от чего-то блестящего. Но что бы это могло быть? Пятно темноватого света за спиной Протчева пропало. Едва Миша успел взглянуть на борющихся, как это туманное пятно ярко вспыхнуло и превратилось в голову акулы.

— Акула! Акула за спиной Протчева! — крикнул Миша, даже не сообразив в этот момент, что Протчев услышит крик. И Миша был чрезвычайно удивлѐн, увидев, как Протчев повернулся всем телом. Теперь акула находилась всего в метре от Протчева. Она уже перевернулась на спину, как всегда, раскрыла широкую, вооружѐнную острыми зубами пасть. Блеснули зубы.

В следующую минуту Протчев всадил нож в горло морского хищника. Весь экран заволокло красным туманом — это разлилась кровь! Чья?..

— Протчев! — крикнул Миша.

— Чего кричишь? — услышал Миша спокойный, как всегда, голос эпроновца. — Хорошо полоснул. Жаль только, японец удрал. Ничего. Вдругорядь не ползет. Эй, Гинзбург, поднимай быстрее! В этот кровавом тумане как бы вторая акула не появилась. Они за милую кровь чувствуют.

— Нельзя быстрее! — сказал Маковский.

— Чего там нельзя? — послышался голос Протчева. — Выдержу! Ведь я вас

слышу, вы — меня. Если мне плохо станет — скажу.

Сквозь красноватый туман Миша увидел, как расплывчатое тёмное пятно, имевшее форму водолаза, поползло вверх. Пауза. Слышно, как тяжело дышит в своём скафандре Протчев.

— Какой сильный человек! — сказал кто-то по-английски.

— Да, сильнее нас с вами, товарищ Кар, — отозвался голос Азореса.

— А ты всё-таки молодец, Миша, — услышал вдруг Миша голос Протчева. — Спас меня.

Миша Борин был польщён этой похвалой. Теперь он мог считать себя настоящим участником этой опасной экспедиции. Правда, самому Мише не угрожала ни малейшая опасность, но всё же если бы не он, акула разорвала бы храброго Протчева. Подвиг небольшой, но о нём знают все, все поздравляют Мишу. Даже Кар. Вот он кланяется на экране и моргает своими красными веками с рыжими ресницами.

Новый «кадр»: Протчева поднимают на палубу. Теперь его ярко освещают прожектором. Пусть видит мистер Скотт. Как добрался его японец?

«Урания» уже отошла от «Серго».

Протчев, пошатываясь, стоит на палубе. Подводная борьба и быстрый подъём утомили даже этого закалённого человека.

Маковский поддержал его за локоть. Протчев отводит руку капитана и показывает на скафандр. Матросы быстро снимают его с головы водолаза.

Лицо у Протчева синее, но он уже улыбается. Затем снимает тяжёлую рубашу, нагибается, вынимает из сумочки большие ножницы, отнятые у японца, и, высоко подняв их над бортом, стрижёт в воздухе. Ножницы ярко освещены.

Три парохода под советским флагом отплыли на северо-восток, «Урания» — на юго-запад.

Скотт возвращался с пустыми карманами и в отчаянии. Товарищ Кар — с новыми надеждами и огромным интересом.

Два мира — две судьбы...

Океан снова стал пустынным. На том месте, где ещё недавно кипели людские страсти, равнодушно катились длинные зелёные волны. Летучие рыбы прыгали из воды, ветер играл волнами.

А под зелёным водным покровом спал особый мир — мир затонувшего города, но и он просыпался для новой жизни.

Телеоко открывало только первые страницы этой интересной книги. А сколько их лежит ещё не прочитанными и ждёт своего нетерпеливого, любознательного читателя!..

— Так тебе, Мишук, и не посчастливилось побывать в экспедиции, — сказал Николай Петрович. — Не горюй. На твой век ещё хватит экспедиций!

Миша протянул отцу толстую общую тетрадь.

— Вот дорожный журнал атлантической экспедиции трёх советских судов, — сказал он. — Даже участник экспедиции не мог бы написать более точно. Тут материал для целого романа, который можно было бы назвать «Чудесное око».



Человек, потерявший лицо (повесть)[9]



I

В большом саду, посредине молодой эвкалиптовой рощи стояла китайская беседка. К этой беседке ровно в девять часов утра подошел молодой человек в белом фланелевом костюме и в панаме.

Наружность молодого человека невольнo привлекала внимание. Очень короткие руки и ноги, непомерно большая голова, большие отвислые уши и нос. Нос поражал больше всего: у корня нос западал, а к концу расширялся и даже загибался немного вверх «туфлею». Все движения молодого человека были очень быстры, угловаты, неожиданны. Он никак не мог быть причислен к красавцам. И тем не менее ничего отталкивающего в его внешности не было. Даже наоборот: молодой человек вызывал симпатию необычайной комичностью жестов и мимики лица, а своим уродством мог возбудить только жалость.

Молодой человек в панаме и с носом «туфлею» вошел в китайскую беседку и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у всякого непосвященного, но молодой человек, видимо, был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт, человек в панаме бросил короткое приказание:

— На дно! — и сделал такой выразительный жест рукой, как будто он хотел проткнуть землю до самой преисподней. Мальчик не удержался и коротко засмеялся. Молодой человек в панаме грозно посмотрел на мальчика. Это было так смешно, что мальчик засмеялся еще громче.

— Простите, мистер, но я не могу, право же, не могу, — оправдывался мальчик.

Мистер тяжело вздохнул, подняв глаза вверх с выражением покорности судьбе, и сказал:

— Не оправдывайся, Джон. Ты виноват так же, как и я. Мне суждено возбуждать смех, а тебе — смеяться надо мною... Гофман приехал?

— Двадцать минут тому назад.

— Мисс Гедда Люкс?

— Нет еще.

— Ну разумеется, — сказал с неудовольствием человек в панаме. И нос его неожиданно зашевелился сверху вниз и обратно, как маленький хоботок.

Мальчик взвизгнул от смеха. В этот момент кабина лифта остановилась.

— Бедный Джон! Еще пять минут — и я был бы виновен в смерти невинного младенца. Но твои мучения окончились, — сказал молодой человек, быстро выскакивая из кабины.

Он прошел широкий коридор и оказался в большой круглой комнате, освещенной сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час, солнца здесь было прохладно, и молодой человек вздохнул с облегчением. Он быстро пересек круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла молодого человека из двадцатого века в немецкое средневековье.

Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверху узкими сводами. Узкие и высокие окна, узкие и высокие двери, узкие и высокие стулья. Через окно падал солнечный свет, оставляя на широких каменных плитах пола четкий рисунок готического оконного переплета.

Молодой человек вошел в полосу света и остановился. Среди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно мала, неуклюжа, нелепа. Большую дисгармонию трудно было представить. И это было не случайно: в этом контрасте был строго продуманный расчет режиссера.

Старый немецкий готический замок был сделан из фанеры, клея, холста и красок по чертежам, этюдам и макетам выдающегося архитектора, который мог с честью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч — «Питч и К°», — владелец киногородка, платил архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архитектор предпочитал «строить» замки из холста и фанеры, получая за них большие доходы.

В средневековом замке — вернее, в углу зала и за стенами — шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель — настоящая, а не бутафорская — уже стояла в замке. Инженер-электрик и его помощник возились с юпитерами — огромными лампами, во много тысяч свечей каждая. Кинофильм рождается из света, — немудрено, что свет составляет главную заботу постановщиков. Мистер Питч и К° могли позволить себе такую роскошь: устроить огромный павильон под землей, чтобы не зависеть от капризов дневного освещения.

Из-за декораций выглядывали статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почтением и в то же время невольной улыбкой смотрели на молодого человека, стоящего в «солнечном» луче посредине залы.

— Сам...

— Антонио Престо...

— Боже, какой смешной! Он даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был сам Антонию Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу былых корифеев экрана: Чаплинов, Китонов, Пренсов.

Антонио, или Тонио, Престо, итальянец по рождению, немец по воспитанию и теперь, во славу американской кинематографии, «американец» по договору, он был «куплен» мистером Гофманом. О доходах Тонио Престо ходили баснословные слухи, и доходы эти были действительно баснословны. Его ар-

тистический псевдоним чрезвычайно метко определял его стремительную сущность. Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Тонио был своего рода чудом природы. Какая-то лейденская банка, неиссякаемый аккумулятор смеха. Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не могла удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие ее, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятирил очень своеобразной манерой игры. Престо играл исключительно трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Шиллера, даже Софокла... Тонио — Отелло, Манфред, Эдип... Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей со всей искренностью и горячностью истого итальянца.

Комизм Бэстера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной «маски» лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной, нелепой, невыносимой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда еще комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим, но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил. «Престо страшен в своем безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только сам Антонио Престо бережно сохранил в своей памяти этот отзыв о нем иностранца. Антонио Престо казалось, что единственному человеку удалось заглянуть в его душу.

— Гофман, Гофман! Ты находишь, что этот свет дан под хорошим углом?

Оператор Гофман, флегматичный немец в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет падал так на лицо Престо, что впадина носа недостаточно ярко обозначалась тенью.

— Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит и занесите немного влево.

— Есть! — ответил рабочий.

Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось еще более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагического объяснения неудачного любовника, которого играл Престо, бедного мейстерзингера, со златокудрой дочерью короля. Роль королевы исполняла звезда американского экрана — Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые массовые сцены. Одна молодая неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил ее пройти еще раз. Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закричал тонким, дет-

ским голоском:

— Неужели это так трудно — ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается. — И, соскочив со своего помоста, Престо «показал».

Показал он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он начинал сердиться, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим. Бароны и рыцари хватались за животы и катались по полу, придворные дамы смеялись до слез и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведенное его необычайным дарованием, потом вдруг топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился в кулисы. Успокоившись, он вернулся в «замок» побледневшим и сказал:

— Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нем большой режиссерский опыт и талант.

— Мисс Гедда Люкс приехала! — возвестил помощник режиссера.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мейстерзингера. Костюм и грим не могли скрыть его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

— Но где же Люкс? — нетерпеливо спросил Тонио. Партнерша заставила себя ждать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и ее появление произвело, как всегда, большой эффект. Красота этой женщины была необычайна. Гедда Люкс тоже могла быть названа аккумулятором, но иного рода. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет все, что может очаровывать людей, копила по крохам, делала «отбор» у прабабушек и прадедушек, чтобы наконец вдруг собрать воедино весь блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился туфлеобразный нос, когда он посмотрел на Люкс. И все, начиная от режиссера и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистики смотрели на нее почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил все в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

— Свет! — крикнул Престо тонким голосом, ставшим от волнения еще пронзительнее и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто Гедда Люкс принесла его с собой. Ее псевдоним так же хорошо шел к ней, как «Престо» — к ее партнеру.

Перед съемкой Престо решил прорепетировать главный кадр — объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась на высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом туфельке на резную скамеечку и взяла в руки шитье. У ног ее улегся великолепный дог тигровой масти. А на почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и «запел» о высокой любви к даме. Дочь короля не смотрит на него. Она все ниже склоняет голову и чему-то улыбается. Быть может, в этот мо-

мент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников во славу ее и был удостоен ее небесной улыбки. Но мейстерзингер понимает эту улыбку по-своему, — недаром он поэт.

Он приближается к ней, он поет все более страстно, он... падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость. Невероятное оскорбление. Ужасное преступление...

Королевна, не поднимая головы от шитья, хмурится. Глаза ее мечут искры, и она три раза топает маленькой ножкой в золоченой туфельке по резной скамеечке. Входят слуги, хватают мейстерзингера и уводят в тюрьму. Мейстерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и преданности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворен.

— Можно снимать, — говорит он Гофману. Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через свое визирное стеклышко. Престо вновь становится в почтительную позу у кресла Люкс.

— Снимаю! — говорит Гофман.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безукоризненно. Мейстерзингер поет, королевна наклоняет свое лицо все ниже и чему-то улыбается. Мейстерзингер подходит к королевне, бросается на колени и начинает свою страстную речь. Для придания актерам большего настроения в ателье играет хороший струнный оркестр. Престо увлечен. Он не только играет жестами и богатой мимикой своего подвижного лица. Он говорит, как заправский драматический актер, он шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнера одними уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто не предусмотренное ни сценарием, ни режиссером.

Престо, коротконогий, большеголовый, со своим туфлеобразным подвижным носом, признается в любви. Это показалось Гедде Люкс столь несообразным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был гомерический смех, который охватывает вдруг человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слезы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у нее из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Испуганный дог вскочил с пола и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как зевота. Не прошло и минуты, как перекаты смеха уже неслись во всем ателье. Статисты, плотники, монтеры, декораторы, гримеры — все были во власти смеха.

Престо стоял еще несколько секунд как громом пораженный, потом вдруг поднял руки и с искаженным лицом, сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех ее вдруг оборвался. И так же внезапно за-

молк смех во всем ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, дошел до большого дивана и кинулся ничком.

— Простите, Престо! — вдруг сказала Люкс, нарушив тишину. — Я вела себя как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько метров пленки.

Престо скрипнул зубами. Она думала только об испорченной пленке...

— Вы напрасно извиняетесь, — вместо Престо ответил ей Гофман. — Я нарочно не прекращал съемки и совсем не считаю пленку испорченной. С моей точки зрения этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание, — разве он не ужаснее для влюбленного самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь мейстерзингера в жгучую ненависть? Престо был неподражаем, гениален. О, я знаю нашу американскую публику, — закончил Гофман, — публика будет смеяться, как никогда. Эти выпученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Ты не сердись, Престо, но еще никогда ты не был так эффектен. И если бы я не «закалил» себя, то я не в состоянии был бы вертеть ручку аппарата. Но я потом дам волю смеху.

Престо поднялся и сел на диван.

— Да, ты прав, Гофман, — сказал он медленно и глухо. — Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего еще никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд кривых зубов... В этом смехе было что-то злое, сатанинское, и никто не отозвался на него.

После этой злополучной репетиции Престо сел в автомобиль и, по словам шофера, «загнал машину насмерть».

— Вперед! Вперед! — кричал Престо и требовал, чтобы шофер дал полную скорость. И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались. Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозленные фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раза за автомобилем гнались на мотоциклетах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал остановиться, несмотря на энергичные требования полицейских. Но одна погоня отставала за другой: трудно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио. Он любил скорость во всем.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофера, разрешил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Они мчались по шоссе берегом океана. Шофер валился от усталости и наконец заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьет машину вместе с седоком.

— Вперед! — крикнул Престо.

Он поднялся со своего места, отстранил шофера и сам взялся за руль.

— Вы можете отдохнуть, — сказал Тонио шоферу. Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко уснул.

II

Когда шофер проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

— Выспались? — ласково спросил Престо шофера. — Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедем домой.

Семь часов утра — слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встает в шесть. Она вела чрезвычайно регулярный образ жизни по предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты — свой капитал, на который она получала такие большие проценты.

Она уже приняла ванну, покончила с массажем и теперь делала легкую гимнастику в большой квадратной комнате, освещенной через потолок. Среди белых мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. Во фланелевом утреннем костюме, полосатых шароварах, коротко остриженная и гладко причесанная, она напоминала очаровательного мальчика.

— Тонио? Так рано? — сказала она приветливо, увидав в зеркале приближающегося к ней сзади Тонио Престо. И, не прекращая выгибаться, наклоняться и распрямляться, она продолжала: — Садитесь! Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила его, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.

Тонио подошел к большой удобной кушетке, присел на край, но тотчас вскочил и заходил большими кругами вокруг Гедды, как зверь, преследующий добычу.

— Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас! — сказала Люкс.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Престо, не прекращая своей круговой прогулки. — По делу, по очень серьезному делу. Но я тоже не могу так, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, садитесь на диван!

Люкс посмотрела на Престо, в несколько прыжков добежала до дивана и уселась с ногами, оставив маленькие туфли на мозаичном полу. Престо подошел к ней и сказал:

— Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

— Гедда Люкс! Мисс Гедда... Я не умею говорить... Мне трудно. Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой.

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьезнее и спокойнее:

— Антонио Престо! Но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, то что же может нас сосватать? Коммерческий расчет? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашим. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать своих доходов. А брак с вами понизил бы мой заработок...

Престо дернул головой:

— Каким образом?...

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

— Очень просто! Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создан своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом женской красоты и чистоты: Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет право любоваться мною и даже вообразить себя на месте героя, завоевывающего мое сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы еще, если бы я вышла замуж за героя, за мужчину, который подучил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или в крайнем случае полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими и «святыми» чувствами моих поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

— И деньги...

— И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, если бы мистер Питч расторгнул контракт со мною. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

— За сомнительное удовольствие иметь мужем такого уродца, как я? — закончил Престо. — Довольно, мисс Люкс! Я понял вас. Вы правы. Брак со мной оскорбляет и оскверняет человека, как прикосновение отвратительного гада. — Престо вдруг топнул ногой и крикливым женским голосом закричал: — А если этот гад наделен горячим любящим сердцем? Если этот гад требует своего места под солнцем и своей доли счастья?...

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, как маленькая птичка от гипнотизирующего блестящего взгляда змеи. Она начала смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче.

Как будто повторилась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мастер-зингером. Но там все было «нарочно» — так, по крайней мере, думала Люкс, — а здесь страдания и чувства «мастер-зингера» были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонио ее смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

— Смейтесь! Смейтесь! — кричал он. — Смейтесь так, как вы еще не смеялись никогда. Смейтесь, потому что страшный уродец Антонио Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривлялся самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и прыжков, жестов и мимики.

Люкс смеялась все больше, глубже, сильнее. Этот смех уже походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадках смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах ее были слезы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

— Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим. Люкс задыхалась, обессиленна, почти теряла сознание. Она схватилась руками за судорожно колыхающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы, и уже с расширенными от ужаса глазами.

— Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразие будет беспощадно к красоте. Моя душа почернела, как черный скорпион, и стала злее злого горбуна, — кричал Престо. А Гедда Люкс поняла: он хочет убить ее — «засмеять до смерти». Руки ее тряслись, она шаталась, теряя сознание.

Собрав всю силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоявшему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидела, что госпожа ее смеется мелким, захлебывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также посмотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колики сразу огнем прожгли ее внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она также была во власти Тонио, как и ее хозяйка! К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

III

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспаленными после бессонной ночи глазами, обветренным лицом и возбужденный более обыкновенного.

— Я ждал тебя до трех часов ночи, — сказал Гофман.

Гофман «по долгу службы» жил вместе с Тонио Престо на его вилле в окрестностях Сан-Франциско, недалеко от подземного киногородка мистера Питча и К°. Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы перенести на пленку самые оригинальные позы и наиболее удачные мимические моменты в игре подвижного лица. Тонио и Гофман были большими друзьями.

— Где ты пропадал? — спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

— Я только что от Гедды Люкс. Уморил ее со смеху.

— Это твоя специальность.

— Да, да... За грехи отцов я награжден этим проклятием.

— Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар! Смех — самая ценная валюта. И это было всегда.

— Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, веселыми рассказами. А я?... Я смешу их своим безобразием...

— Леонардо да Винчи сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как и великая красота. Он с величайшей заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в свой альбом. А ты... ты, в сущности, даже не так уж безобразен. Необычайный комизм вызывается не столько твоей внешностью, как противоречием «высокой» настройки твоей души с мизерностью телесной оболочки и с этими жестами картонного паяца. Ты прекрасно зарабатываешь, пользуешься колоссальным успехом...

— Вот, вот, это самое! Высокая настройка души... Ах, Гофман, в этом все мое несчастье! Я человек с нормальной душой, но с телом кретина... Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги... слава — все это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от «поклонниц» со всех

концов света. Но разве любовь руководит моими корреспондентками? Их привлекает мое богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить свое чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его. Но теперь довольно. На чертовой дюжине можно остановиться. Уморил ее со смеху... Самое большое мое горе — в том, что я по натуре трагический актер, а принужден быть паяцем. Ты знаешь, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю душу, а толпа смеется.

Престо подошел к зеркалу и погрозил кулаком собственному отражению:

— О, проклятая рожа!..

— Ты великолепен, Тонио! — сказал, усмехнувшись, Гофман. — Этот жест — что-то новенькое. Позволь мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофмана с укором:

— И ты, Брут!.. Послушай, Гофман, подожди, не ходи никуда. Побудь хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажи мне, — почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно переменить, костюм, местожительство можно переменить, а свое лицо никогда... Оно, как проклятие, лежит на тебе.

— Недосмотр родителей, — ответил Гофман. — Когда будешь родиться следующий раз, попробуй сначала, чтобы родители показали твою карточку, и, если она не будет похожа на херувима, — не родись.

— Не шути, Гофман! Для меня это слишком серьезно. Вот из несчастного уродца, голыша, я превратился в миллионера. Но на все мое богатство я не могу купить себе пять миллиметров переносицы.

— Почему же не можешь? Поезжай в Париж, там тебе сделают операцию. Вспрыснут парафин под кожу и сделают из твоей туфли прекрасную грушу дюшес. Или еще лучше, — сейчас носы переделывают хирургическим путем. Пересаживают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой:

— Нет, это не то... Я знал одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжелую болезнь, кажется дифтерит, после которой у нее запал корень носа. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как был. Притом кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

— Может быть, делал плохой хирург?... Пстой, пстой... да чего лучше. На днях я читал в газете, что в Сакраменто приехал какой-то чудесный доктор, русский доктор, — Цорокин, Зорокин, не помню его фамилии, — и он делает настоящие чудеса, воздействует на какую-то железу, копьевидную или щитовидную — не помню, и у человека изменяются не только лицо, но и все тело: прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, все это газетная утка.

— В какой газете ты читал это? — возбужденно спросил Престо.

— Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты тебе сообщат его адрес, если это не газетная утка.

— Гофман, я еду немедленно. Себастьян! Себастьян!

Вошел старый слуга, итальянец, которого Престо всюду возил с собою.

— Себастьян, скажи шоферу, чтобы он готовил машину.

— Шофер спит, вы вчера замучили его, — ворчливо сказал Себастьян.

— Да, правда, пусть спит. Из Сан-Франциско в Сакраменто каждый день ходят пароходы. Себастьян, укладывай белье и костюмы в чемодан. Я еду.

— Не сумасшествуй, — завтра съемка!

— Пусть отложат. Скажи, что я заболел.

— Не теряй рассудка, Тонио! Ведь если доктор действительно изменит твою наружность, то ты уже не в состоянии будешь окончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А ты обязан сделать это по контракту!

— К черту контракт!

— И ты уплатишь неустойку?

— К черту неустойку! Скажи, Гофман, могу я на тебя полагаться как на друга? — Гофман кивнул головой. — Так вот что. Я не знаю, насколько задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Ты давно хотел побывать на Сандвичевых островах. Поезжай! Отдохни, проветришь и привези великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь ты, как без глаз, существовать не можешь. Мою виллу прекрасно сэкономит Себастьян. На него вполне можно положиться. Себастьян! Чемодан готов?

— В последний раз говорю тебе: одумайся. Ведь твой нос — твоё богатство!

— Да где же ты, Себастьян? Вызови по телефону таксомотор!

IV

На этот раз газеты не солгали: доктор Сорокин действительно существовал и «творил чудеса». Престо без особого труда разыскал его лечебницу. Она находилась недалеко от города Сакраменто в живописной долине. Прекрасный сосновый парк окружал целый городок белых зданий. Весь этот городок принадлежал местному врачу, известному хирургу Круксу, пригласившему Сорокина для постановки новых методов лечения.

Престо очень понравились лечебница и весь распорядок жизни в ней. Сорокин не устанавливал для больных строгого больничного режима, предоставляя им значительную свободу. Отчасти этому способствовал и самый метод лечения. Больные принимали в определенные часы порошки или микстуру, некоторые из них подвергались рентгенизации, и все должны были являться на освидетельствование через каждые три дня. Их взвешивали, измеряли рост, длину конечностей, фотографировали. В остальное время больные чувствовали себя совершенно свободными: взрослые вели свой обычный образ жизни, ели любимые блюда и распоряжались своим временем, как хотели. Им только не позволялось выходить за пределы больничного парка без разрешения врача.

Престо предоставили отдельный небольшой коттедж, окруженный прекрасным цветником. Запах цветов и сосны наполнял комнаты.

После огромной и роскошной виллы коттедж показался Престо очень маленьким и даже бедно обставленным. Но это нисколько не огорчало его. Ведь он собирался начать новую жизнь, поэтому и вокруг него все должно быть совершенно новым.

Первое свидание Престо с доктором Сорокиным произошло в кабинете врача во время приема. Доктор удивился, увидев Престо в качестве своего пациента, но сумел хорошо скрыть свое удивление и, главное, не рассмеялся, что сразу расположило Тонио к врачу.

— На что вы жалуетесь, мистер Престо?

— На судьбу, — ответил Престо.

Сорокин с видом понимающего человека молча и сочувственно кивнул и сказал:

— «Неумолимая судьба» для нас, современных людей, — всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем ее в бараний рог. Вы — последний больной. Прием у меня окончен. Пойдемте в парк и там побеседуем, — добавил он, посмотрев на часы.

Был прекрасный летний вечер. Престо и Сорокин шли по дорожке, усыпанной желтым песком, направляясь в отдаленную часть парка.

— Итак, вы жалуетесь на судьбу? — повторил Сорокин.

— Да, — горячо ответил Престо. — Почему человек может переменить фамилию, местожительство, профессию, подданство, но не может переменить свое лицо? Оно, как проклятие, как печать Каина, неизменяемо, если не считать медленного возрастного изменения от младенчества до старости.

Доктор покачал головой:

— Вы не правы. Вы совершенно не правы! Не только наше лицо, но и формы всего нашего тела не представляют собою чего-либо спокойного, неподвижного.

Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно стораает, улечувивается, и на месте уплывшего все время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение нескольких лет в вашем теле не останется ни атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

— И тем не менее сегодняшний я как две капли похож на вчерашнего, — со вздохом сказал Престо. Сорокин улыбнулся. Но это была не обидная для Престо улыбка. Доктор улыбнулся его словам, а не жестам.

— Да, иллюзия постоянства форм имеется. Но эта иллюзия получается оттого, что формы тела строятся вновь по тому же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. И строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по раз намеченному плану.

— Но разве это не говорит о постоянстве форм?

— Ни в коем случае. Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит ее. Она имеет устойчивые формы. Иное дело — формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определенного плана, — и формы нашего тела начнут изменяться, как воск от пламени. Наши текучие формы начнут плыть, — и в конце концов создадутся совершенно новые формы. Да вот не угодно ли посмотреть на этих больных?

Навстречу Престо по дорожке сада шел человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправильны. Он имел чрезмерно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, великан имел совершенно детское выражение лица и при приближении доктора начал оправлять свой костюм, как мальчик, который боится полу-

читать замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошел мимо.

— Видите, какой гигант! Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами (таковы ваши компатриоты итальянцы) и ста семьюдесятью семью — у норвежцев. А этот великан имеет двести тридцать сантиметров. Ему всего восемнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нормальным ребенком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому что у него передняя доля придатка мозга — гипофиза — начала развиваться слишком быстро или, как говорим мы, врачи, — это результат гиперфункций передней доли гипофиза. А вот карлица, — смотрите вправо. Ей тридцать семь лет, а рост ее всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у нее произошла потому, что функция той же передней доли гипофиза была ослаблена.

— Но эти все изменения произошли в детстве?

— Да, однако они могут происходить и в зрелом возрасте. Пойдемте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла. Не поднимая головы, она смотрела на проходящих, улыбнулась доктору и приветствовала его.

— Добрый вечер, мисс Веде! — любезно ответил Сорокин.

Престо посмотрел на женщину и содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлинённым лицом, резко выдавшимся подбородком и затылком, с утолщенным носом и губами, с уродливо большими руками и ногами.

— Страшна, как химера на башне собора Нотр-Дам, — сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

— Да, некрасива, — ответил доктор. — Но, поверите ли вы, что эта женщина еще недавно блистала красотой, что всего год тому назад она взяла в Чикаго приз красоты? И она действительно была очаровательна. У меня есть ее фотография. Я покажу вам ее.

— И что же так изуродовало ее?

— Без видимой причины у нее начали уродливо разрастаться кости лица — главным образом подбородка, — концы пальцев рук и ног, а также ребра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия — так называется эта болезнь, и зависит она от болезненного увеличения передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей, а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана и из взрослого человека.

— Она безнадежна?

— Нисколько! Как только нам удастся привести в норму ее придаток мозга, формы ее тела сами изменятся.

— Вы хотите сказать, что вновь укоротятся ее кости и она станет похожа на самое себя?

Сорокин кивнул:

— Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о незыблемости форм человеческого тела. Нет ничего незыблемого. Все течет, все изменяется!

V

В первый вечер, когда Престо остался один в своем домике, он долго не мог заснуть. Впечатления от всего виденного слишком поразили его. Очаровательная женщина, превращенная злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны и среди этих уродцев и чудовищ доктор Сорокин, как волшебник, который собирается «расколдовывать» злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных, здоровых людей.

Престо начинал дремать, и тогда ему казалось, что женщина — чудовище с огромным подбородком — поднимается со своего кресла, идет к Тонио и, стирая свои уродливо-большие руки, говорит:

— Я люблю тебя, Тонио! Жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. У нас будут дети-уроды, каких не видал еще свет. Они будут так смешны, что все люди подохнут от смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе-уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...

Тонио проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон!..» — подумал он. И вдруг он быстро сел на кровати и схватился за голову. Одна мысль поразила его.

— Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам не кажусь таким же страшным? Да, Гедда Люкс была права, тысячу раз права, отказав мне! Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз!.. Что, если в самом деле Гедда умирала от смеха?! Я оставил ее без памяти. Быть может, у нее слабое сердце?

Тонио соскочил с кровати и зашагал по комнате.

— Надо будет дать телеграмму Гофману, спросить его. Впрочем, нет, — он, наверно, уже уехал... Если я в самом деле убил ее смехом, то начнется следствие, меня арестуют, быть может, обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет, нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства. Однако как расшатались у меня нервы!.. Надо взять себя в руки...

Тонио заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие — самая тяжелая болезнь!» — повторил он в бреду. Только когда первые утренние лучи позолотили верхушки сосен, Тонио начал дремать, повторяя во сне известные мудрые слова, которые звучали, как отрывки заклęcia: «Гипофиз. Гормон. Акромегалия. Гиперфункция...»

— Нет, право, от этого можно с ума сойти, — говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. -

Я должен знать совершенно точно, что такое представляют собой гормоны и гипофизы; я должен знать всю механику, тогда туман рассеется и в голове будет порядок.

Умывшись, Престо подошел к большому зеркалу в ванной комнате и внимательно рассмотрел свое лицо. О, недаром он был киноартистом! Он знал каждый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

— Лопухий, туфленосый уродец, — сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. — Скоро тебе придет конец. Ты соришь, утечешь, улетишься, а на смену тебе придет... хотел бы я знать, как буду я выглядеть после

лечения! — сказал Престо уже другим тоном. Быстро одевшись, он пошел к доктору Сорокину, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались толстые, как бочки, мужчины и женщины, едва передвигающиеся на ногах-тумбах, жердеобразные скелеты, мужчины с женским бюстом, бородатые женщины... Все это были жертвы игры неведомых сил, скрывающихся в недрах человеческого организма. Это был брак, отбросы великого производства природы.

Вот уродец с огромной головой и маленькими ногами. Это — кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

— Джим, Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди, посмотри бесплатный кинематограф! — закричал он, обращаясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не бывает в кино? Кретины и младенчески неразвитые великаны, привлеченные «живым» героем кино, шли следом за Престо. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот и отправился к себе домой. До вечера он никуда не выходил. И только с наступлением темноты, когда большинство больных разбрелось по своим домам, Престо вновь направился к дому доктора.

Сорокин повстречался ему на полдороги.

— А я к вам, — сказал доктор. — Идемте гулять. Перед сном это полезно. Как спали вы прошлую ночь?

— Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу окруженный злыми демонами, как это казалось моему далекому предку.

— Ну что же, давайте знакомиться с «демонами». Одни и те же «демоны» могут быть то злыми, то добрыми.

— Если можно, доктор, пойдем вот этой дорожкой! — И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Сорокин кивнул головой.

— Когда мы примемся за лечение, вас никто не узнает, и вам не придется ходить по глухим дорожкам, — сказал Сорокин. — Так вот, слушайте. Вы, конечно, знаете, что человеческое тело состоит из многих миллиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие живые существа, составляющие части нашего тела, делятся как бы на отдельные производства, причем все они живут и действуют в удивительном содружестве и в полном согласии друг с другом. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал ученых. В течение девятнадцатого века ученые полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является, так сказать, неограниченным монархом, которому слепо подчиняются все клетки-подданные. Однако монархам вообще не повезло в двадцатом веке.

Слетел со своего трона и мозг, этот «царь в голове». Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Мозг является центром передачи воз-

буждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название «рефлекса». Эта деятельность мозга так же важна, как работа какой-нибудь центральной станции телефона. Лампочка вспыхивает над номером, — и телефонистка соединяет один номер с другим. Но было бы ошибочно считать, что телефонистка — это неограниченный монарх, который по своей воле заставляет одного абонента говорить с другим. Ее роль чисто служебная. Такая же служебная роль и нервной системы и мозга. По крайней мере, теперь ученые пришли к убеждению, что рефлексами вовсе не исчерпывается проявление жизни организма, что нервная система не есть главная система, а мозг не есть центр всего тела. Как оказалось, наше тело управляется не монархическим образом, а, если так можно выразиться, «рабочим самоуправлением». Рабочие — клетки — вырабатывают особые химические вещества, которые и называются «гормоны». Вот эти-то вещества и играют роль активных деятелей. Их значение в деле установления порядка и гармонии гораздо большее, чем значение мозга.

Почти все части человеческого тела вырабатывают гормоны, или, как мы иногда зовем их, «химические посланцы».

— Рабочие депутаты? — с иронией спросил Престо.

— Да, рабочие депутаты, — серьезно ответил Сорокин. — И если уж продлить аналогию, то взаимный обмен гормонами по крови и составляет как бы голос клетки, а сумма этих голосов образует своего рода «совет рабочих депутатов», дающих гармонию всему организму. Это интересно, хотя и похоже на агитацию фактами. Миллиарды клеток живут самым идеальным общественным порядком. Но не будем отвлекаться аналогиями. Итак, почти все части тела вырабатывают гормоны. Но некоторые места выделяют эти гормоны особенно обильно. Эти места называются органами внутренней секреции. Таким образом, бесконечно сложный внутренний организм не управляется из всезнающего центра, а самоуправляется, и органы внутренней секреции играют в этом самоуправлении очень видную роль. Их не мало, этих органов внутренней секреции, или желез: щитовидная железа, эпителиальные тельца, зубная железа, гипофиз и другие. Вот кстати о зубной железе. Вы где родились?

— В горах итальянской Швейцарии.

— Я так и полагал. В ваших местах, вероятно, есть что-нибудь ядовитое в воде, и этот яд действует губительно на щитовидную железу. Поэтому-то в ваших местах так много кретинов и зубных больных. Ведь зуб — это ненормальное развитие ослабленной щитовидной железы. Организм как бы количеством желает заменить качество. Ваша «болезнь» для меня была ясна с первого взгляда. Вы представляете собой тип кретина, но с некоторым отступлением от нормы. Дело в том, что у кретинов обычно наблюдается замедленность движений и всех процессов душевной жизни. Кретины вялы, тяжелодумы, спокойны. Они напоминают добродушных животных. Правда, живой ум встречается между ними. Но у вас не только живой ум. У вас повышенная чувствительность нервов. Приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

— Да, — ответил Престо.

Сорокин кивнул:

— Вы чуткий, нервный, впечатлительный, легко возбудимый. В вашем организме как будто действуют две взаимно противоположные силы. Возможно, что у вас имеется ненормальная деятельность как щитовидной железы, так и

гипофиза. Я умышленно несколько дней не приступал к медицинскому освидетельствованию, чтобы познакомиться ближе с вашим темпераментом, характером и умственным складом. С вами придется повозиться. Вы хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции и лицо, которое у вас должно было бы быть, если бы кретинизм не наложил на него свою печать?

— Ну разумеется, — ответил Престо.

— Вы так и не видали своего «настоящего» лица? Постараемся выяснить его. Я делаю то, чего еще не делают другие врачи. Меня называют кудесником, колдуном. Так же называли знаменитого селекциониста Бэрбанка. А я делаю не больше его. Он делал «чудеса», изменяя формы и всю «конституцию» плодов и овощей, я же работаю над изменением человеческого тела. Пройдемте ко мне в кабинет, я покажу вам кое-какие мои трофеи. Я обогнал своих коллег, — продолжил Сорокин, направляясь к дому. — Мне удалось сделать удивительный препарат из гормона гипофиза, этому гормону придаю самое крупное значение как «строителю» нашего тела. И при помощи этого препарата мне удастся изменять формы и рост взрослых людей в очень короткий срок. Посмотрите, — сказал Сорокин, когда они вошли в кабинет. — Вот как выглядит гипофиз, который произвел все эти чудеса...

Доктор показал Престо альбом фотографий. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой стороне — вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны не было ни малейшего сходства.

— Это до лечения, а это после лечения, — сказал с гордостью Сорокин, показывая на левую, потом на правую страницу альбома. И он имел право гордиться. Казалось, он мог лепить тела и лица людей по своему желанию, как из глины.

— Это все мои европейские трофеи, — сказал он. — Полагаю, что и здесь, в Америке, я получу те же результаты. К сожалению, официальные представители американской медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В духовных кругах также раздается ропот. Впрочем, пока мне не мешают. А вот! — Сорокин показал на шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие фарфоровые аптечные белые банки с номерами вместо надписей. — Средневековый кудесник много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки... Номер первый прибавляет рост, номер второй — убавляет...

— Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

— Да, смогу сделать даже такое «чудо». Дальше, номер третий радикально излечивает от ожирения, номер четвертый худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги...

— И покончив дни свои на костре?...

Сорокин улыбнулся:

— Возможно. Теперь меня не сожгут живьем. Но все же допечь могут очень сильно. Косность человеческая переживает века...

Докторский приказ «разденьтесь» не ушел от Престо. Сорокин тщательнейшим образом исследовал каждый квадратный сантиметр его тела, измерил, взвесил и, наконец, снял фотографический портрет Тонио во весь рост и лицо

в профиль и анфас.

— Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, — сказал Сорокин. — Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах зрителя уроды в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первую пилюлю. Пилюля должна была начать невидимую работу в его организме по перестройке его тела.

В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с «собой».

VI

Дни шли за днями, пилюля следовала за пилюлей; каждое утро и каждый вечер Престо внимательно наблюдал себя в зеркале, но изменений не замечал. Все тот же туфлеобразный нос, те же уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Престо терял терпение и уже начинал сомневаться в «магии» доктора Сорокина.

Чтобы не быть мишенью для смеха, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он выписал сан-францискские газеты, желая узнать, что делается в городе.

Газеты сообщали о тяжелой болезни мисс Гедды Люкс. У нее произошел странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашел Люкс без чувств, посиневшей, с признаками асфиксии (удушья). Пульс едва можно было прощупать. Врачу стоило больших трудов вернуть Люкс к жизни. Горничная Гедды Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась от непонятого припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать асфиксию, врачом обнаружено не было. О причинах, вызвавших странный припадок, ни Гедда, ни ее горничная не говорили.

Только несколько дней спустя после этого события репортеру местной газеты удалось собрать кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло в доме Люкс. По ее словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шоферу, что ее госпожа едва не умерла со смеху, потому что Престо имел дерзость сделать ей, Люкс, предложение.

— Престо был так смешон, что я сама едва не умерла со смеху, — говорила горничная.

Другие газеты не перепечатали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умереть со смеху — это неслыханная вещь!

Еще через день в той же газетке была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонио Престо безусловно имеет отношение. Несколько свидетелей подтвердили, что видели Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда была вызвана карета «Скорой помощи». Возможно, что Престо, огорченный отказом, пытался отравить Люкс. Во всяком случае от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли открыто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно

исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам его кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо также выехал на Таити.

Еще через день та же маленькая газетка, собирающая сплетни, оповестила мир о том, что факт «кощунственного» и «святотатственного» поступка Престо подтвердился. Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Люкс слали в редакцию тысячи писем с выражением негодования на поступок Престо и выражением сочувствия и соболезнования «оскорбленной и оскверненной Люкс».

О, если бы он, Престо, попался сейчас в руки толпы! Она разорвала бы на части своего недавнего любимца. Как все-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошел к зеркалу и еще раз внимательно осмотрел свое лицо. Никаких перемен!

«А Люкс все-таки не хотела выдавать моей тайны! — думал Престо. — Вероятно, горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я представлю перед нею в новом виде!»

Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он побежал к доктору Сорокину, оставляя позади себя взрывы смеха, как пенистый след от быстроходного парохода.

— Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть! Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, — сказал Престо.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответил Сорокин. — Мое лекарство оказывает нужное действие. Но все делается не так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и щитовидную железу. Они должны выделять нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько здесь передач! Притом не забудьте, что вам не десять лет от роду и кости ваши не столь податливы, как у ребенка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девицу, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал в кабинет врача без предупреждения во время приема.

— Простите, — сказал он смущенно, обращаясь к даме.

Пациентка улыбнулась и сказала:

— Мы уже обо всем переговорили с доктором. — И, кивнув ему, дама вышла из кабинета легкой походкой.

— Новенькая? — спросил Престо.

— Наоборот, старенькая! — ответил улыбаясь Сорокин.

— Но я не заметил, не видал такой среди больных...

— Да, вы не видали такой и все же вы видали ее. Это та самая девица, которая сидела у своей веранды в кресле, — помните?

— Страшная химера, слетевшая с башни собора Нотр-Дам? — с удивлением спросил Престо.

— Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки:

— Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе...

— До всемогущества далеко, но все же современная медицина кое-что мо-

жет сделать. Идите и терпеливо ждите.

Прошло еще целых десять дней после этого разговора, — дней, похожих на все минувшие. И вот на одиннадцатый день началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть; провал у корня носа начал приподниматься. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: порошки доктора Сорокина пробудили «подземные силы» его организма, началось образование «складчатых гор» и другие «геологические» преобразования в его организме.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица увеличивалась очень быстро. А мясистый, туфлеобразный конец носа как будто «подсыхал», втягивался, — словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались и уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И удивительное дело! Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись; это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся все короче.

Внутренние силы действовали чем далее, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счет всем новым приобретениям и изменениям. И когда, в конце первого месяца «метаморфоз», он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое, чужое лицо.

Это уже не был Антонио Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял свое прежнее лицо!.. Это было жутко. Как будто сознание Тонио Престо переселилось в тело неизвестного человека. Престо пробовал делать движения руками, — получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но чужое. Физические ощущения были новыми и странными. Как будто все «шарниры» тела Престо смазали маслом и сделали хорошие шарикоподшипники. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движения. Походка Престо, напоминавшая движение летучей мыши, сделалась теперь плавной и легкой. Все это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново, — ново до жути.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал свое обновленное тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых «на век» форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «подземные силы», строителей живого тела — гормоны.

«Гормоны», «гипофиз», «щитовидная железа», — теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

— И все же это очень странно, — говорил он, глядя в зеркало. А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм, — старые костюмы Престо были слишком малы и коротки. Престо посмотрел на прежний костюм, брошенный на стул, — маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным. Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка — сына или брата.

— Тонио Престо умер. Нет больше Тонио, — тихо сказал Престо. Неожидан-

но ему стало жалко этого уродца, в теле которого он прожил больше двух десятков лет. Знал нужду, не согретое лаской детство, жизнь на улице.

Тонио вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился в Неаполь. Там вместе с такими же полуголыми мальчуганами, каким был и он, собирал навоз и мусор на улицах прямо руками, черными от грязи по локоть, накладывал мусор в тележку, запряженную ослом, и отвозил на свалку, получая за это гроши. А на свалке, вывернув мусор, рылся в нем, выискивая апельсиновую корку или полусгнившую головку рыбы. Спал он на берегу Неаполитанского залива — одного из красивейших в мире издали... Берег был засорен всякими отбросами: гниющей рыбой, раковинами, бутылками; от ближайших лачуг нестерпимо несло кислыми запахами дубленой кожи, луком, чесноком... Но здесь было тепло, и мальчик чувствовал себя как дома...

Потом поездка с бродячим цирком в Германию, неожиданный успех на ярмарках, случайное участие на съемках в кино, еще более неожиданный успех — и волшебный поворот судьбы... И со всем этим покончено...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо все то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «перевоплощение» единства сознания. Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наследства Престо-старого. И все же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень страшно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоящим, — ниточка единства сознания. Порвись эта ниточка, и Престо-старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати трех лет.

А что, если в самом деле эта ниточка порвется? Тонио забудет все, что было с ним до начала лечения? Кто же он тогда будет? Тонио потер свой лоб, отошел от зеркала и опять посмотрел на себя:

— Да, Тонио Престо потерял лицо!..

VII

«Чудо перевоплощения» совершилось. Вместо безобразного уродца зеркало отражало внешность молодого человека, стройного, немного худощавого. Доктор Сорокин осмотрел свое произведение с чувством скульптора, удовлетворенного своей работой.

— Кончено! — сказал он. — Желаю вам жизненного успеха! Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но все же вы еще недельки две внимательно наблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищенный Престо жал руку доктора и на прощанье даже расцеловался с ним. Тонио щедро расплатился с Сорокиным, оставив у него почти все деньги, которые взял с собой, — а их было несколько десятков тысяч долларов. У Престо осталась только мелочь, но ее было достаточно, чтобы добраться до дому. Тонио послал телеграмму Себастьяну с уведомлением о том, что он придет завтра утром, и с приказом приготовить к его приезду кабинет и спальню...

В назначенный час наемный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, отлого, полукругом спускавшуюся к усыпанной песком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека. Молодой человек рассмеялся, видя недоумение старика, и сказал приятным баритоном, ничуть не напоминаям визгливый фальцет Престо:

— Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли ты, изменил меня, переделал заново. Бери чемодан!

Но Себастьян не двигался с места. Он был преданный слуга, даже больше чем слуга. На Престо он смотрел, как на сына, и оберегал его интересы, как свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Престо был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет дело с одним из молодчиков, которые хотят провести его, старика, и обобрать дом Антонио Престо. Но не на такого напали! Не только Себастьян, выдавший вида, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

— Ну, что же ты стоишь? — нетерпеливо спросил Престо.

— Уезжайте, откуда приехали! — сказал Себастьян, поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную оборонительную позицию около двери. — Хозяина нет, а без него я никого не пущу в дом. Мне дан строгий приказ.

— Вот чудак! Я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонио Престо.

Шофер заинтересовался этим разговором. Он искоса поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо? Шофер был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая: «Не впускай в дом этого человека, опасайся его!»

Себастьян понял этот жест и поднялся еще на несколько ступеней. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он открыл дверцу автомо-

бия и начал подниматься по лестнице. Но Себастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он вбежал в дверь и закрыл ее на железный засов, на ключ, на крюк, на цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

— Что, не удалось, мальчик! — со злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью. Тонио начал стучать, но Себастьян не открыл дверь. Ни просьбы, ни уговоры не помогали. Себастьян был тверд как скала.

— Упрямый, глупый старик! — проворчал Престо. Под насмешливым взглядом шофера он медленно сошел с лестницы, обдумывая свое положение. Быть может, его собственный шофер окажется толковее? Престо прошел к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофер. На двери висел большой засов.

— Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник! — выбранился Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе. У Престо едва хватило денег, чтобы расплатиться с шофером. Хорошо еще, что Престо был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы, с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей. Наметанный глаз швейцара отеля сразу оценил этот чемодан, три раза переплывавший океан, и швейцар с почтительным уважением посмотрел на собственника этой почетной вещи. Но уже в вестибюле отеля, где записывали новоприбывших, произошел маленький инцидент, оставивший у Антонио Престо весьма неприятный осадок.

— Ваша фамилия? — спросил у Тонио молодой человек в больших очках, похожий на Гарольда Ллойда, сидевший за конторкой.

— Тонио Престо, киноартист! — выпалил Тонио по привычке.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первые почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем подданные знают своего короля. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумленным взглядом. Потом любезно, но холодно сказал:

— Вероятно, вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И вот тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности: этот юноша в очках так же не поверил бы Престо в том, что «он есть он», как и Себастьян. Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

— Да, однофамилец! — ответил Престо и поспешил подняться на лифте и скрыться в свой номер.

«Что же будет дальше? — озабоченно подумал он. — Оказывается, потерять свое лицо — пренеприятная вещь...»

Престо проголодался. Хорошо еще, что в отеле можно завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позвонил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло, что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имел бестактность присвоить себе прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов все объяснится, и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял все время, пока находился в лечебнице Сорокина. Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней... и... Как-то она теперь примет его?...

Престо еще раз критически посмотрел в зеркало и нашел, что он настоящий красавец. Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществится... Он — Ромео, Гедда — Юлия... Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юлии. «Великолепно!.. Неотразимо! Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» — подумал он и, переодевшись в новый костюм, отправился вниз.

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от киногородка мистера Питча, в полумиле от его собственной виллы. У Престо не осталось денег, чтобы нанять автомобиль.

«Придется идти пешком», — думал он. И тут же утешил себя, что моцион — очень полезная вещь. Однако он скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только тогда, когда их имеешь в меру.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе блестело так, что глазам было больно. Вдобавок по шоссе все время туда и обратно сновали автомобили, которые так пылили, что Престо задыхался. Он никогда не думал, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что они могут доставлять столько неприятности человеку, который принужден плестись по дороге. А автомобилисты как будто издевались над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда еще путь до киногородка не казался ему столь длинным.

Когда Престо добрался наконец до виллы Люкс, то вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок почернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись тонким слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показываться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание скорее увидеть ее заставило Тонио решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не уморил со смеху вместе с ее госпожой. К счастью, девушка не узнала его. Она осмотрела несколько презрительно его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободрила и окрылила Престо.

— Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, жаждут видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться ее протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у нее не хватило бы времени на работу, если бы она начала принимать всех, проходящих к ее дверям.

— Мисс Люкс нет дома! — ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

— Для меня она должна быть дома! — сказал он многозначительно. — Я ее старый друг, и она будет очень рада видеть меня. — Девушка усмехнулась при слове «старый». — Да, да, не смейтесь, — продолжал Престо. — Я знал Гедду, когда она была еще совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней

по делам в город и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... — он многозначительно показал на свой костюм, — мне пришлось идти пешком.

— Как о вас прикажете доложить? — уже совсем любезным тоном спросила горничная. Опять этот роковой вопрос!

— Видите ли, — замялся Престо, — я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что ее хочет видеть старый друг.

Горничная приоткрыла дверь,пустила Престо в большую приемную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была уже полупобеда.

«Женщины любопытны, — думал Престо, — Гедда, наверное, захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она, наверное, сделает это...»

— Пожалуйте, мисс просит вас пройти к ней в будуар, — сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошел в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пuffy, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман?! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой!

— Что вам угодно? — сухо спросила она.

Престо поклонился:

— Мисс, я не обманул вас. Я — ваш старый друг, хотя вы и не узнаете меня. — Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

— Прошу вас! — сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло, Люкс опустилась на кушетку. Минуту длилось молчание. Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс.

— Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... еще одного человека. Я повторю вам, что говорил вам Тонио Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

— Он вам передавал это? — спросила Люкс. Тонио улыбнулся:

— Да, он мне передал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

— Я едва не умерла...

Престо утвердительно кивнул:

— Я знаю это.

— Но при чем тут вы? — спросила Гедда. — Тонио просил вас передать его извинения?

— Да, он... завещал мне это!

— Он умер? — с испугом спросила Гедда. Престо показалось, как будто она чувствует себя виноватой в его смерти. Тонио не ответил на ее прямой вопрос.

— Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

— Боже мой, но я не могла предполагать, что мой отказ убьет его! Он был вашим другом? И теперь вы как будто явились мстить за него...

— Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня! Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда. И

эта преграда — его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды... он имел бы шансы?

— Да, — ответила Гедда.

— Так вот, — сказал Престо, — теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменил свою внешность. Антонио Престо — это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен? — И Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как «модель» в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах ее отразился ужас. Мысль ее напряженно работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?...

— Что вам надо? — спросила Гедда, едва владея собою.

— Я пришел за ответом и уже получил его, — ответил Престо. — Вы сказали «да».

— Но вы не Престо!.. Прошу вас, не мучьте меня. Что вам надо?

— Успокойтесь, мисс Люкс! Вам не угрожает опасность. Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, что вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговаривающий с вами, есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в этой невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде все, что произошло с ним после их свидания, показывал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Сорокина, наконец вынул фотографии, отметившие все этапы «эволюции», происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убедительнее всего. И все же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе старого Тонио Престо, ее разум отказывался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которого Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

— Мистер... Престо!.. — Это начало не понравилось Тонио. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески — Тонио. — Допустим, что все это так, как вы говорите. «Стена уродства» не стоит перед нами. Но...

— Какое же может быть но?... — нетерпеливо спросил Престо.

— Я выслушала вас, выслушайте теперь вы меня. Вспомните и вы хорошенько наш разговор, когда вы еще были уродом, Тонио. Я вам говорила о том, что положение обязывает. Преклонение толпы много дает, но и много требует. Я возвеличена волею той толпы, которая посещает кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я осталась «вечной невестой». И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя моим «героем». Толпа еще простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя.

— За бога или полубога?

— Да, за тех, кого превозносит сама толпа.

— Но разве Престо не бог? — гордо спросил Тонио.

— Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своем безобразии. Теперь вы красивы, как Аполлон, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота — это еще хуже, чем прославленное безобразие Престо. Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс, — а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, — что стареющая Люкс

купила себе на свои миллионы молодого мужа, — бездарного, неизвестного, но смазливого юношу. Да едва ли и вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

— Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонио Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонио? Разве мой талант, мой гений не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Толпа захлебнется в слезах. И я стану еще выше. Если я был полубогом, то стану богом!..

— «Буду, будет, стану»... Это все только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

— Зачем вы говорите мне все это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью не легко? Но ведь я... допустим даже, что я — никому не известный юноша. Но у меня есть хорошее «наследство», оставленное мне Тонио Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец связи...

— Но у вас нет главного: невероятно смешного, туплеобразного носа Тонио Престо. И толпа не признает вас.

— Я заставлю ее признать. Смотрите же, это последняя оговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы?...

— Я буду ваша.

VIII

Пробраться к мистру Питчу обновленному Тонио Престо оказалось еще труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько церберов, немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в словесном оружии, Престо решил прорвать блокаду силой. Он оттолкнул лакея и быстро пошел вперед. К счастью, Тонио хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверью.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и украшенный по стенам фотоснимками и портретами киноартистов. На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет. Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Сколько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своем обычном месте, у открытого американского бюро, положив протянутые ноги на шкафчик для деловых бумаг, и разговаривал с юрисконсультутом мистером Олкоттом.

— В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, — говорил мистер Питч, не обращая внимания на Престо. — Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съемку начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо. Подготовьте иск!

— Но к кому мы будем предъявлять его? — спросил юрисконсульт. — Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

— Тем более! Мы назначим опеку для ответа на суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за свое невольное упущение.

— Простите, мистер, — сказал лакей, — вот этот мистер, — и лакей глазами указал на Престо, — самовольно вошел в ваш кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал своим слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из этих людей так или иначе пробирался в его кабинет, мистер Питч был с ним очень любезен и не подавал вида, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею выйти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистеру угодно.

— Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, — сказал Тонио.

— Ах вот как! Это интересно! Говорите скорее, — он жив?

— И да, и нет. Вот такого Тонио Престо, — и Тонио показал на свой портрет в золотой раме, — такого Престо нет. Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своем новом облике. Я — Тонио Престо!

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

— Вы не верите мне, — это вполне понятно! Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я — Тонио Престо.

— Пожалуйста, не трудитесь доказывать; я вполне верю вам, — поспешно ответил мистер Питч. — Что же вам угодно, э-э... мистер Престо?

— Я слышал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку. Но этот фильм должен быть заснят вновь. И я опять буду играть в нем роль мейстерзингера. Но только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

— Да-с, трагедия... — неопределенно подтвердил Питч. — Вы хорошо осведомлены в наших делах. Но... Это не пройдет, молодой человек!

— Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо?

— Верю, верю, но... но вы Тонио Престо совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными Аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своем уродстве. Это был уникал! И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву вы могли делать это? Вы заключили с нами генеральный контракт на десять лет и ряд отдельных договоров на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивильный лист не стоил столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос! Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Бриллиант величиной в туфлеобразный нос Тонио Престо — бесценная побрякушка по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни

юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш! Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем как чудный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам как к Тонио Престо. Что же вы скажете в свое оправдание?

— Я найду свое оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого!..

Питч подскочил на кресле:

— Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо! Вы — молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушали наш разговор о Престо и повели рискованную игру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант — дело второстепенное. Главное — реклама. С талантом люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оцененные и не признанные, а реклама может возвести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великолепен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую киноплёнку, если таких же Тонио не найдется десятков в ярмарочных балаганах...

— Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос — уникам.

— Да, говорил и буду говорить! Потому что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого киноартиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте героических жестов! Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть, что вы были им. Допустим, что «душа», «талант» у вас остались престовские. Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы трижды гений, — публика не знает вас, и в этом все ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, — это слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно! Я временно прекращаю производство кинозвезд и гениев! Слишком дорого! Вы не нужны нам, молодой человек! Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы знаете и увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем его святейшую туфельку!

— Я все же настаиваю...

— И напрасно! Я допускаю, что вы — гений. Но публика поверит в вашу гениальность только тогда, когда я окружу вашу голову радугой банковских билетов. Желаю вам успеха на каком-нибудь другом поприще! Может быть, вам удастся поступить к адвокату или в банк и заделаться клерком. Это даст вам немного, — но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно были Антонио Престо. — Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

— Кто этот молодой человек? — спросил юрисконсульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. — Вы говорили с ним так, как будто вы наполовину верили, что он действительно был Тонио Престо.

— Не на половину, а почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла меня, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонио Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда Тонио заговорил об испытании его как киноартиста, я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Престо. Осел! Он сам загубил себя. Он конченный человек.

Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромное амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро пустит в трубу свое состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я и спешу предъявить иск и в обеспечение его наложить арест и запрещение на имущество.

— О, вы дальновидны, как всегда! — польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струйку дыма вверх и, когда она растаяла, сказал глубокомысленно:

— Слава — дым. Когда оканчиваются деньги на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

Тонио был огорчен неудачей, жажда томила его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему еще предстоял длинный и томительный обратный путь в город. Тонио шел по прекрасно шоссированной широкой дороге киногородка мимо надземных надстроек, где помещались лаборатории, мастерские и квартиры для служащих.

На правой стороне дороги, возле громоздкого здания — склада декораций — находился небольшой ресторан, который охотно посещался в дни съемок статистами, проводившими здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был так велик, что Престо в раздумье замедлил шаги и наконец вошел в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и переносном смысле: он еще играл в толпе, но режиссер выдвигал его вперед так, что зрители могли выделить его из массы статистов. Еще немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссером, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек, — как его фамилия? Смит! Один из миллионов Смитов... ради Престо бросился бы в огонь и в воду... Но, увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодые люди пили оранжад. Невыносимо! Престо, как бы невзначай, остановился у столика двух молодых людей.

— Кажется, мистер Смит? — спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. — Не узнаете? Я Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо откланялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу!

— А я привез вам привет от Тонио Престо; вчера я видел его! — продолжал Тонио. Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

— Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль?

— Оранжад, два, три оранжада!.. Ужасно жарко, — сказал Престо. — Да, я видел его вчера.

— И он действительно помнит обо мне? — интересовался Смит.

— Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А если Престо сказал! Уф!.. Прекрасный напиток! Еще? Не откажусь, благодарю вас!

— Но где он? Что с ним?

— Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его в лечебнице док-

тора Сорокина.

— Престо болен? Надеюсь, ничего серьезного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

— Престо решил переменить амплуа. Из комика перейти в трагика. Сделаться настоящим трагиком. И для этого он решил переменить внешность. Сорокин делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня!

Смит даже рот раскрыл от изумления.

— Сумасшедший! — наконец убежденно проговорил он, покачав головой.

— Безумец! — подтвердил его товарищ.

— Но почему же? — спросил Престо.

— Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами!

Престо, утолив жажду, отправился пешком в город, мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю! — думал он, шагая по пыльному шоссе. — Я начинаю жить за счет былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой!.. Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать?... Как хочется есть!.. Человек, потерявший лицо!..»

У предместья Сан-Франциско Престо привел в порядок, насколько мог, свой запыленный костюм, чтобы не привлекать к себе подозрительного внимания отельной прислуги.

Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и переоделся. К счастью, в его чемодане был запасной костюм и свежее белье.

Он заказал обед, как в былое время, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, он улегся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в одиннадцать часов вечера.

В его голове, где-то в недрах подсознательного, уже был разработан план дальнейших действий, и теперь этот разработанный план в готовом виде предстал перед судом его сознания. Сознание утвердило и одобрило работу подсознательного «я».

— Другого пути нет! — сказал Престо. Он оделся и, передав ключ от номера коридорному, вышел из отеля.

IX

Огни города остались позади. Престо предстояло в третий раз измерить расстояние от Сан-Франциско до киногородка, вблизи которого находилась его вилла. Но теперь идти было легче. Вечерняя прохлада бодрила. С полей доносился аромат душистых горьких трав. Автомобили встречались реже и как будто меньше пылили. Престо бодро шагал вперед. Время от времени ему встречались прохожие — плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка. «Неужели скоро и я стану одним из них?» — подумал Престо.

В стороне от шоссе, на пригорке, в тени эвкалиптов стояла красивая вилла. Сколько раз вот на этом самом повороте автомобиль круто сворачивал вправо и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду! За сотню метров шофер криком сирены предупреждал о приезде, и хозяина Престо неизменно встречал у широко открытой двери его верный слуга, Себастьян. И вот теперь... Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонек. Себастьян еще не спал. Еще рано!.. Тонио осторожно прошел возле решетки сада до группы маленьких сосен и улегся на теплый песок. Звезды ярко светили над его головой. Пахло сосной. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать. Огонек в крайнем окне все еще светился. Неужели Себастьян сторожил ночи напролет? С него хватит!

Все реже пролетали, как светящиеся жуки, освещенные фонарями автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезать через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их потому, что собакам не по вкусу были его суетливые движения и они всегда лаяли на него. Несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад тому: он мог безопасно подойти к дому. Престо привлекало окно, в котором еще светился огонь. Тонио осторожно подкрался к нему. Штора была опущена. Спит или не спит Себастьян? Быть может, светящееся окно — только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников? Тонио подождал еще полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошел к противоположному углу дома и приник к окну. Рама была закрыта. Надо выдавить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но оно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Кончено!» — подумал Престо и побежал от дома. Он перелез через ограду, лег на землю и начал смотреть, выжидая, что Себастьян выбежит из дома или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян сладко спит! Окно разбито — главное сделано!

Престо вновь перелез через ограду и подошел к разбитому стеклу. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков, Престо поторопился и порезал себе указательный палец на правой руке. Замотав его носовым платком, Престо влез в окно и уверенно пошел по ком-

натам.

Странное чувство овладело им. Он был у себя, в своем собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор! Да, он был «вором», он пришел сюда за тем, чтобы украсть деньги из своего собственного нестораемого шкафа. 3-6-27-13-9 и под ними: 32-24-7-8-12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно! Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Престо или по крайней мере законный наследник его капиталов и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковскими билетами. И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги... Престо окаменел и затаил дыхание... Нет, все тихо... Померещилось. Престо вновь принялся за свою работу.

Неожиданно вспыхнувший свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

— Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо, по своей неопытности не позаботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Соппротивление невозможно... Престо покорно поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, послышался чей-то злорадный раскатистый старческий смех.

— Я говорил вам, — узнал Престо голос Себастьяна, — что этот молодчик пожалует сюда!

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в полицейском автомобиле.

В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда узнали, что он называет себя Тонио Престо. Тонио был так возмущен грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

— Не спешите! Свидание с прокурором всегда предшествует свиданию с палачом. А за вами, вероятно, найдутся такие делишки, за которые вам придется пяток минут посидеть на электрическом стуле, — сказал допрашивавший Престо сержант.

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Несмотря на то, что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже поэтому не может быть и речи, судья стоял на своем.

— Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Сорокин, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит все сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который и мне самому доставлял немало веселых минут, и вы, совершенно непохожий на него молодой человек, — одно и то же лицо, хотя и лица у вас разные. Все это не изменяет положения. Еще древние римские юристы находили, что слово «кража» — «фуртум» происходит от слова «фурве» — «тьма», так как кража обыкновенно со-

вершалась «клям обскуро эт плэрумквэ ноктэ». О! — Судья поднял палец вверх. — Это значит: тайно, во мраке и преимущественно ночью. Вы совершали тайно, во мраке, ночью.

— Но позвольте! — возражал Престо. — Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество мое.

— Вы не доказали и этого. Вы должны законным путем восстановить вашу личность.

— Вернуть мой прежний вид?

— Это было бы лучше всего. По крайней мере судебным порядком, на основании всех имеющихся у вас данных доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

— Но для этого я должен собрать документы, навести справки и прочее. Я прошу освободить меня до суда из-под ареста.

— Под залог. Пять тысяч долларов.

— Разве того, что отняли у меня в полиции, недостаточно? Там было около ста тысяч долларов.

— Это еще спорное имущество.

— Другого я не имею. Но послушайте, — взмолился Престо, — какое же вам еще нужно обеспечение? Разве я могу убежать от вас, если от разрешения этого дела зависит все мое благосостояние? Мое имущество превышает три сотни миллионов! Неужели же я убегу от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокурора, который просил отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызвавшие вмешательство его, прокурора.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:

— Не могу, ничего не могу сделать! Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. А пока вы должны отправиться в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогали. И из полицейского участка Престо был переведен в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьезных процессов, которые когда-либо слушались в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотоносной жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имеет ли человек право изменить свой внешний вид?

Будет ли кражею похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства к имуществу Престо-старого, или же Престо-новому достаточно показать идентичность свою с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат, требовать развода на том основании, что ее муж изменился до неузнаваемости?

Не получают ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от преследователей власти?

Как смотрит на такие превращения церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эрудицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Сорокина, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была послана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо мог обвиняться в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо мог утешаться только тем, что показания Сорокина и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо — не обманщик, а действительно Тонио Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало помогло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Сорокина, был поражен всем виденным. Вопреки обычаю, он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи.

— Основой нашего государственного строя является право частной собственности. Но всякая собственность предполагает не только объект, но и субъект права собственности, — проще говоря, собственности без собственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем собственности всегда является физическая личность, человек, лицо. Что же будет с обществом, если обладатель собственности станет менять свое физическое лицо, как перчатки?

К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскание, как станем бороться со злостными банкротствами? Главное же — как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать лица под лица миллионеров так, как они сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдет ужасный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободы изменения внешности человека. Это, быть может, не опасно было бы сделать там, где у человека нет стимула для корыстных преступлений, — в стране, где не будет капитализма. Но это утопия. Мы не собираемся хоронить капитализм и потому не можем допустить опасную игру метаморфоз.

В детском возрасте с лечебными целями применение методов Сорокина, пожалуй, еще можно допустить. Но для взрослых — ни в коем случае. И потому я вхожу в Конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспреещающий взрослым людям изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни.

Что же касается мистера Престо, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я полагал бы распространить на Престо санкцию закона, который имеет быть издан, и лишить мистера Престо всех имущественных прав. Это послужит предупреждением для других. Я уже не говорю о вредном, разлагающем влиянии на умы такого рода превращений. Опасные теоретики, сторонники дарвинского учения, не преминут воспользоваться этими превращениями для доказательства теории изменчивости видов. А эта теория прямым пу-

тем ведет к безбожию.

— Будете ли вы держать Престо в тюрьме или же найдете возможным выпустить его?

— Поскольку выяснилось, что Престо есть Престо, то субъективно его вина уменьшилась. Он мог искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тяжести его преступления, но все же даст мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока Конгресс не рассмотрит моего предложения и не проведет новый закон. В зависимости от того, как будет сформулирован этот закон, Престо будет оправдан или обвинен в краже.

Прокурор готовился стать дипломатом и потому говорил так туманно.

Престо был выпущен на свободу без денег, без имени и без надежд.

Х

Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер все время числился за ним, Престо, так как в номере находились его вещи (чемодан), и что необходимо заплатить по счету.

— Хорошо, завтра утром я вам уплачу, — ответил Тонио, расхаживая по номеру. Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушел.

— Однако где же я достану денег? — спросил Тонио валявшийся на полу чемодан. Но чемодан безмолвствовал. Тонио подошел к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы, в надежде найти в кармане завалявшиеся случайно деньги. Денег не оказалось. Но из одного кармана выпала чековая книжка. Как Тонио мог забыть о ней? В банке Тонио хранил свои миллионы. Стоит только написать чек!..

Тонио быстро подошел к столу, взял перо в руки и приготовился надписать чек, но вдруг его охватило колебание. Тонио отложил чековую книжку в сторону и, взяв газету, начал писать на ней свою фамилию. Его опасение оправдалось. Почерк Тонио изменился! С такой подписью ему не выдадут денег и еще, пожалуй, арестуют за подделку подписи и попытку получить «не принадлежащие» ему деньги.

Да, впрочем, эти деньги и с настоящей подписью не выдали бы ему. Ведь на них наложен арест... Тонио вздохнул и бросил перо.

А деньги ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать деньги телеграфом?... Но при получении их опять могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету, на которой пробовал расписываться. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра. Лоренцо, кинематографический артист, игравший не раз в одном фильме с Престо. Престо — несчастный, Лоренцо — счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце!.. Но разве он более красив, чем перевоплощенный Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, он, Престо, красив. Не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу

вместе со своим лицом.

Престо должен повидаться с нею. Проклятие! У него не осталось даже приличного костюма! Выходной истрепался в тюрьме. Престо вновь взял перо и быстро написал телеграмму Гофману:

«Пришли десять тысяч долларов на имя мистера Грина, отель «Империяль», Сан-Франциско, Престо».

Затем Тонио попросил к телефону владельца и сказал ему:

— Вы знаете, мистер, что я вполне платежеспособен, только случайно попал в затруднительное материальное положение. Меня может выручить мой друг Гофман. Он пришлет десять тысяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что вам следует по моему счету, остальные деньги вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошел на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги, за вычетом долга более четырех тысяч долларов. Гофман вместо десяти прислал только пять. В отеле Тонио опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Престо купил себе новый костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

— Мисс Люкс, — сказал Престо, увидев Гедду. — Я пришел поздравить вас. Вы нашли своего бога?

— Да, нашла, — ответила она.

— Еще раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, — верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг? — Люкс кивнула головой. — Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить... прощальный ужин и пригласить на него моих бывших друзей. Их это ни к чему не обяжет. Просто мне хотелось бы еще раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом... потом Престо займет подобающее ему скромное место в жизни.

Она охотно приняла приглашение.

— Но этого мало, — продолжал Престо. — Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашенных. В нем вы найдете фамилии мистера Питча и счастливица Лоренцо Марра, Драйтона, Гренли и Пайн, декоратора Вудинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных артистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взяли за это дело. Когда вы получите принципиальное согласие приглашенных, я разошлю им приглашительные карточки. Итак, в понедельник, в восемь вечера в круглом зале отеля «Империяль»!

Вечер удался на славу. Все приглашенные явились полностью. Престо мог убедить самых недоверчивых людей, что он, хоть и в новой оболочке, но все тот же старый Престо, не только изумительный актер, но и прекрасный режиссер. «Новую» актерскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссерские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розоватым светом, а через открытую на веранду широкую дверь падал настоящий лунный свет, создавая красивый световой контраст. Все было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколько представителей печати, для которых нашлось немало материала и работы.

На почетном месте были посажены Гедда Люкс, ее жених по левую сторону и

мистер Питч по правую. Мистер Питч был в духе. Ему нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч наклонился к Гедде Люкс и с улыбкой говорил:

— Кто бы он ни был, этот новый Престо, он не плохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдут толк! И притом... — Питч отхлебнул из бокала, — его сказочное превращение и его фантазмагорический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов! Да, он таки сделал себя! И если он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться, чтобы сделать из него достойного заместителя самого себя!

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а ее жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом, и не только на экране, но и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, желтого и прозрачного, как янтарь, и сказал маленький спич:

— Леди и джентльмены! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «Человек, потерявший лицо»? Так говорят про какого-нибудь человека, совершившего неблагоприятный поступок и потерявшего из-за этого всю свою репутацию. «Человек, потерявший лицо» — это гражданская смерть. Правда, — в Китае... Но ведь Китай — азиатская страна...

У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И, пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица в китайском смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Я надеюсь скоро показать вам это! Но горе тем, кто, как я, осмеливаются изменить свое физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар?

Да не подумают мои почтенные гости, что я критикую прекрасные законы нашей великолепной страны. О нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им! Я преклоняюсь перед ними! Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменяв свое лицо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу даже с помощью доктора Сорокина вернуть себе мой прежний вид. Но я торжественно обещаю не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, сделанную по неопытности, и принять меня в свое лоно, как отец принял блудного сына!

Речь эта, несколько странно звучащая в середине, под конец понравилась всем. Все зааплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Престо выпил бокал, поклонился и вышел на веранду.

— Нет, прямо молодец! — говорил восхищенный Питч. — Такой способности к саморекламириванию я не знал даже у старого Престо. Решительно из него стоит сделать человека с именем! Да где же он? Я хочу с ним чокнуться!

— Я тоже! — неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем. Они прошли на веранду. Там Престо не было.

— Престо! Тонио Престо. Да где же вы? — кричал мистер Питч, расплескивая вино в бокале. — Тонио! Мальчик мой!

— Тонио! — мелодично звала и Люкс.

Но Престо не было. Он как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное исключитель-

ное распоряжение пирующих. Тонио не было. Вернулись в зал. Наконец гости, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

— Может быть, это тоже для рекламы, — сказал Питч, возвращавшийся домой в своем автомобиле вместе с Люкс. — Но он перестарался, этот проказник Тонио! Все надо делать в меру. — И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

XI

Тонио исчез. Мистер Питч и Люкс ждали его появления, но в конце концов должны были примириться с мыслью о том, что Тонио Престо пропал бесследно. Газеты и общество также мало-помалу забыли о Тонио. Притом новые события привлекли общественное внимание, — события, вызвавшие у полиции Сан-Франциско удивление и даже возмущение. Дело в том, что неизвестные бандиты совершили несколько дерзких ограблений.

Одною из жертв бандитов был банкир Курц. Среди похищенных ценностей бандиты унесли несколько пачек писем, которыми банкир, видимо, дорожил. В этих пачках были собраны банкиром документы, компрометирующие крупных политических деятелей. Если банкиру нужно было устроить какое-нибудь выгодное дельце, он очень осторожно намекал влиятельному лицу, что у него, Курца, находится такое-то письмо, подписанное влиятельным человеком и адресованное такому-то (или такой-то), и влиятельный человек быстро устраивал Курцу выгодное дельце, получая взамен этого письмо, подлежащее немедленному уничтожению.

Курц долго и любовно собирал свою коллекцию, не жалел средств и трудов. Некоторые письма были куплены им, большинство, по поручению Курца, украдены у разных лиц специалистами своего дела. Лишение этой «валюты» огорчило Курца гораздо больше, чем потеря сотни тысяч долларов. Курц пригласил начальника полиции и обещал ему огромную сумму за розыск и возвращение похищенных документов.

— Что же касается денег, которые бандиты захватили у меня в сейфе, то вы можете себя и не затруднять розыском их. — И Курц сделал многозначительный жест.

Начальник полиции понял: Курц разрешал полиции оставить у себя деньги, отображенные у бандитов. Банкир и начальник полиции любезно раскланялись, начальник заверил Курца, что не пройдет нескольких дней, как пачки с письмами будут лежать вот на этом бюро.

Начальник полиции подкатил к полицейскому отделению на своем огромном, длинном, как подводная лодка, автомобиле и, весело посвистывая, вбежал в кабинет. На звонок начальника явились его помощники. Начальник рассказал им о своем свидании с Курцем и наметил план действий.

Узнать, кто похитил у Курца деньги и документы, для полиции не представляло особенного труда. Весь преступный мир был у сан-франциской полиции на строгом учете. Этого требовали те деловые отношения неофициального порядка, которые давно установились между уголовным миром и полицией. Воры и бандиты были великолепно организованы. Весь город был поделен между отдельными бандами на участки. Во главе каждой банды стоял «староста», на обязанности которого лежало распределять «работу», делить до-

бычу и иметь сношения с полицией. Бандитская бухгалтерия была поставлена образцово. Все поступления заприходовались в книгах, которые время от времени проверялись полицией. Со всех доходов полиция получала довольно высокий процент.

Начальник позвонил по телефону и кого-то вызвал. Через пятнадцать минут к подъезду здания полиции подкатил автомобиль, и из него вышел джентльмен в изящном костюме. Это был староста бандитов ближайшего района. Приехавший джентльмен, прозванный Лордом Радклифом за то, что ему шесть раз удавалось жениться на титулованных старых девах, настоящих леда, которых он обирал, с достоинством вошел в кабинет.

— Дом банкира Курца в районе Короля? — спросил начальник у Лорда Радклифа, небрежно кивая ему головой. — Ты видался с ним? Курцу необходимо вернуть деньги и документы. Приказ министра юстиции! — дипломатично солгал начальник, не желая говорить о своей материальной заинтересованности.

— Дом банкира Курца находится в райрне Короля, сэр, Король со своей шайкой не совершал налета на дом банкира Курца, сэр. Король возмущен дерзким нарушением его территориальных прав.

— Вызвать немедленно Короля! — распорядился начальник полиции.

Через пятнадцать минут прогудел у подъезда красный автомобиль Короля. Король с треском открыл дверь и вошел в кабинет:

— Звал? Что тебе надо?

— Кто совершил кражу у Курца?

— Сэр!

— Кто совершил кражу у Курца? Я тебя спрашиваю.

— Сэр!

— Кто совершил кражу у Курца, сэр! Провались ты сквозь землю!

— Провались ты сквозь землю вслед за мною, и там я о том же спрошу тебя самого.

— А может быть, вы, сэр?

Бледное лицо Короля налилось кровью. Он сжал кулак и двинулся на начальника.

— Договаривайте! — злоеце прошипел Король.

— Может быть, — кто-нибудь из ваших?

— За каждого из своих я отвечаю, как за самого себя. У нас было собрание старшин, и мы выяснили это дело. Никто из наших не причастен к ограблению банкира Курца. Не та работа, не те приемы. Видно, что это делал новичок, но новичок с головой.

— Один?

— В том-то и дело, что не один, а с целой шайкой.

Лица начальника полиции и его помощника выразили крайнее удивление и негодование.

— Шайка, неизвестная мне и вам? Шайка, которая не признает ни организации, ни начальства? Да это анархисты какие-то!

— Совершеннейшие бандиты и анархисты! — согласился Король. — Вторгнуться на мою территорию!..

— И остаться безнаказанными, — подзадорил начальник.

Лицо Короля из бледного снова стало красным.

— Ну нет! Еще никому не удалось безнаказанно посягнуть на мои священные права, — сказал Король. — Они не уйдут от карающей руки правосудия! — И он потряс своим огромным кулаком.

— Да, да! Они должны быть наказаны, но это надо сделать скорее. Если нужно, я могу дать в помощь несколько своих агентов.

Король презрительно фыркнул:

— Не беспокойтесь! Я дам знать, когда дело будет сделано, и тогда вы можете прислать их пожинать лавры. Прощайте! — Король повернул к выходу и мимоходом, кивнув головой, кратко и повелительно сказал: — Лорд, фюить!

Лорд Радклиф послушно, как собака, последовал за Королем.

И вот тут-то начальник полиции дал волю своему негодованию, — он сердился не на Короля и Лорда. О, нет, — эти были честные бандиты, — а на того неизвестного, который имел дерзость организовать собственную шайку и работать, не признавая ни бандитской, ни полицейской власти и не платя полиции никаких налогов. Это было похоже на революцию, на потрясение незыблемых устоев.

Неизвестный должен был отличаться не только дерзостным непризнанием авторитета власти, но и большой личной храбростью. Бандиты были беспощадны, как самые заправские американские судьи, ко всем, кто нарушал их конституцию, их неписанные законы, устанавливающие порядок ограбления граждан. Ослушнику грозила смерть за каждым углом. Тысячи глаз должны были наблюдать за ним. Он был обречен.

И тем не менее проходил день за днем, а карающий меч Короля не опускался на голову преступника. Больше того, — неизвестный бандит проявил себя необычайным образом. Он, видимо, прекрасно разобрался в ценности захваченных им в сейфе Курца писем. Бандит рассортировал их на две пачки: в одну положил письма и документы, изобличающие в различных преступлениях и неблагоприятных проделках крупных чиновников, сановников и политических деятелей, принадлежащих к демократической партии, а в другую — документы, компрометирующие сановников и лидеров республиканской партии. Букет демократических «добродетелей» он отправил в республиканскую газету, а республиканских — в демократическую. Правда, этим поступком он наживал врагов в обеих партиях, но бандит, видимо, не очень-то заботился о приобретении друзей где бы то ни было. Газеты очень обрадовались возможности свести счеты со своими партийными противниками. Поднялась неслыханная газетная полемика. Вслед за этим началась настоящая эпидемия судебных процессов, рожденных газетными статьями: за диффамацию, за клевету, за взяточничество, разглашение служебных тайн, подлоги и тому подобное. Произошло настоящее извержение грязевого вулкана, в котором, казалось, утонули все столпы общества, весь цвет денежной и служилой аристократии.

В конце концов обе стороны ужаснулись, когда увидели, что зашли слишком далеко. Неизвестный спровоцировал их и сыграл с ними злую шутку, заставив их срывать маски друг с друга и обнажаться во всей своей неприглядности.

Курц негодовал, видя, как вся «атомная энергия» украденной у него пачки писем взорвалась впустую, не принося никому материальной выгоды.

Этот поступок неизвестного еще более обеспокоил начальника полиции. Из уголовной фигуры неизвестный превращался в какого-то идейного врага

общества, ведь он мог нажать на письмах целое состояние, шантажируя их авторов, но он не стал делать этого. Его неуловимость беспокоила еще более. Лорд Радклиф разводил руками, Король рвал и метал от негодования, а неизвестный продолжал существовать, и, что было совершенно непонятно, даже на следы его шайки не удавалось напасть. Неизвестный бандит не прекращал своей деятельности. Вскоре он со своей шайкой произвел налет на квартиру прокурора, перевернул все вверх дном, сжег в камине уголовные дела и совершил неслыханное по своей странности насилие над прокурором: прокурор был связан по рукам и ногам сообщниками неизвестного, сам неизвестный кончиком ножа раскрыл стиснутые зубы прокурора и влил в рот несколько капель какой-то жидкости, причем не отпускал прокурора до тех пор, пока тот не проглотил жидкость.

Прокурор не сомневался в том, что неизвестный преступник отравил его, и ждал своей кончины. Однако минута проходила за минутой, а отравленный прокурор не чувствовал ни тошноты, ни начинающихся судорог, ни позывов ко сну.

Словом, физически он чувствовал себя вполне здоровым и даже с некоторым любопытством наблюдал за работой бандитов. От внимания прокурора не ускользнуло то обстоятельство, что сам главарь шайки, полный человек среднего роста, не принимал участия в грабеже ценностей, находившихся в квартире. Однако он и не препятствовал делать это своим сообщникам. Отсюда прокурор вывел заключение, что главарь шайки — не простой бандит, грабящий с целью наживы, а бандит с какой-то идейной подкладкой. Судя по тому, что бандит уничтожил уголовные дела, можно было предположить, что сам он уже судился и, быть может, теперь мстит прокурору за прошлое обвинение. Хотя прокурор, имевший очень хорошую зрительную память, не мог вспомнить, чтобы ему приходилось судить или даже когда-нибудь встречаться с главарем шайки. Только одного из соучастников — очень маленького шустрого человечка, обвинявшегося когда-то в контрабандной продаже спиртных напитков, — прокурор узнал. К крайнему удивлению самого прокурора и полиции, прокурор остался не только жив, но и невредим. Врач, прибывший вскоре после ухода бандитов, сделал прокурору промывание желудка и тщательно исследовал его содержимое. Никаких следов отравы в прокурорском желудке найдено не было. Несколько капель неизвестной жидкости, влитой в рот и проглоченной прокурором, всосались желудком без следа и без видимых последствий для организма. Цель этой непонятной операции осталась совершенно невыясненной.

Как бы то ни было, в руках Короля и полиции теперь были некоторые нити для того, чтобы выследить шайку неизвестного. Маленький спиртной контрабандист был известен в уголовном мире. Его удалось разыскать и привести перед грозные очи Короля. Король учинил спиртоносу допрос с таким пристрастием, что спиртонос выболтал вдвое больше того, что знал. А между тем и одной правды было бы довольно, чтобы заставить Короля задуматься и даже удивиться, хотя Король любил повторять, что удивление — чувство дураков. Маленький спиртонос не знал своих сотоварищей по шайке и не знал, где кто живет. Его приглашал на «дело» «лысый барин», а где он живет, — спиртонос не знает. Во всем этом еще не было ничего удивительного, спиртонос говорил правду, похожую на ложь, или же правдоподобно лгал, — все это было в по-

рядке вещей. Но когда он начал говорить о главаре шайки, то понес такую околесину, что Король схватил щупленького спиртоноса в свои лапищи и, сильно встряхнув, прорычал:

— У тебя в голове мутится. Пусть муть отстоится, и потом начинай сначала. Я забыл, что тебя перед употреблением надо взбалтывать.

Но и это энергичное вмешательство не внесло ясности в мысли и слова спиртоноса. Он клялся, божился и ударял себя в грудь, уверял, что говорит истинную правду, что атаман шайки не иначе как колдун, оборотень и черт его знает что. А если не колдун и не оборотень, то атаман шайки не один, а их несколько. Каждый раз новый и все же один и тот же.

— Переодевается? Гримируется? — спросил Король.

— Нет, совсем не то. Он уходит после дела и говорит: «Смотрите, ребята, я приду к вам другой, но это буду я. Вот вам пароль». И действительно в другой раз приходит как бы не он. То худой, то толстый, то высокий, то как будто ни-же.

Король усмехнулся:

— Почему же ты думаешь, что один и тот же, если приходят совсем другие люди?

— А пароль?

— Пароль передать другому нет ничего легче.

— Не только пароль. Он знает все, что может знать один только атаман. Нет, это оборотень!

— Кто бы он ни был, мы поймаем его. Ты должен нам донести, как только тебя пригласит твой лысый барин на новое дело. И смотри у меня: если не донесешь, не ходить тебе больше ни на какое дело! Ты знаешь меня!

Спиртонос затрепетал. В его покорности не приходилось сомневаться.

Король сообщил начальнику полиции, что зверь выслежен и что скоро полиция сможет оповестить мир о своем новом триумфе.

Начальник полиции повеселел. Дело оборачивалось так, что поймать неизвестного нужно скорее. Взаимно оплеванные лидеры политических партий, придя в себя после скандальных разоблачений, обрушили весь свой гнев на неизвестного, выкравшего документы у Курца и пославшего их в газеты. И губернатор, и прокурор, и судья, пострадавшие от газетных разоблачений, и виновники, смещенные со своих постов после того, как некоторые их проделки были оглашены в печати, — словом, все потерпевшие (а их было немало) настоятельно требовали от полиции, чтобы дерзкий преступник был немедленно пойман и передан в руки правосудия.

Несколько дней спустя после того, как Король сообщил начальнику полиции обнадеживающие вести, в кабинете начальника ровно в полночь затрепещал звонок и чей-то тонкий голос сказал по телефону:

— Ограбление! Налет на дом. Спешите! Сообщил спиртонос... Передайте об этом Королю.

Полиция была наготове, и большой отряд, вооруженный до зубов, помчался на двух автомобилях к дому судьи. Второй и третий отряды, вызванные по телефону из соседних отделений полиции, также спешили к месту ограбления.

Дом судьи был ярко освещен огнями, как будто там происходил званый ужин. Начальник полиции расставил пикеты вокруг дома и отправился в дом

во главе большого отряда по широкой мраморной лестнице. На ее ступенях он заметил валявшийся футляр от колье и еще несколько футляров, в которых обыкновенно помещаются драгоценные вещи: кольца, браслеты, броши. Очевидно, преступники уже бежали, выбрасывая на ходу футляры, чтобы плотнее набить карманы драгоценностями. Начальник поспешил наверх и, пройдя ряд комнат с перевероченной мебелью и открытыми ящиками бюваров и шифоньеров, вошел в кабинет.

Судья, связанный по рукам и ногам, лежал на своем большом письменном столе, как покойник. Но он был живехонек. По крайней мере, мертвые еще никогда не отпускали таких ругательств и проклятий, какими разразился судья, увидав начальника полиции.

— Можно подумать, что вы в стачке с этими бандитами; сначала даете им возможность ограбить и безнаказанно скрыться, а потом являетесь со своими молодцами!.. — закричал он.

Начальник полиции молча выслушал оскорбительное замечание и брань судьи и быстро снял веревки, связывающие судью. И только после того как гнев судьи несколько утих, начальник объяснил, что он явился немедленно, после того как получено было сообщение о налете.

При нападении на дом судьи повторилась картина налета на квартиру прокурора. Бандиты громили шкафы и столы, набивая карманы драгоценностями, но атаман не брал себе ничего. С помощью нескольких бандитов он связал судью, положил его на «операционный стол» и... влил несколько капель неведомой жидкости.

Судья оказался более мнительным человеком, чем прокурор. Он очень боялся вредных последствий «эликсира сатаны».

— Если я, как и прокурор, до сих пор жив и как будто невредим, то это только доказывает, что никакой ошибки атаман не допустил, потчужа нас своим зельем. Оно безвкусно, ни кисло, ни горько. Проглотив, я не почувствовал никаких неприятных ощущений, не чувствую и теперь, — говорил судья своим знакомым несколько дней спустя после налета. — Но это ничего не доказывает. Есть яды, убивающие чрезвычайно медленно. И кто знает, может быть, через месяц-два... — Судья вздрогнул. — Этому надо положить конец! Преступник должен быть пойман и казнен во что бы то ни стало. И он будет пойман и будет казнен. Теперь у полиции собраны в руках все нити.

Полиция была на верном следу. Поймать шайку на месте преступления не удалось потому, что спиртонос, одинаково боявшийся и атамана шайки, и Короля, избрал средний путь: сообщил полиции о налете, но с таким расчетом, чтобы шайка успела скрыться, прежде чем явится полиция. И тем не менее начальник полиции считал, что атаман шайки находится в его руках. Во-первых, у начальника полиции теперь был портрет атамана шайки. Этим подарком начальник полиции был обязан предусмотрительности судьи. Судья рассудил так: если неизвестный преступник сделал нападение на прокурора, то это, вероятно, один из тех осужденных, которые пытаются мстить своим судьям. Одни из этих мстителей выбирают предметом своей мести прокурора, другие — судью, иные пытаются мстить всем судейским. И после нападения на прокурора судья имел основание ждать подобного же визита и к себе, и он принял свои меры. Правда, многие из этих мер не помогли: электрическая сигнализация по неведомым причинам отказалась действовать в момент на-

падения, и только потом было обнаружено, что провода кем-то перерезаны. Автоматические револьверы выстрелили, но никому не причинили вреда, разбив только вазу и прострелив картину. Зато скрытый в стене фотографический аппарат с автоматической съемкой сделал свое дело. Приведенный в действие судьей, когда бандиты уже ломались в кабинет, аппарат заснял с десятков бандитов при свете тысячесвечевой лампы, и в том числе был заснят атаман, небольшой человек, худощавый брюнет, с очень бледным лицом и ввалившимися глазами. Портрет этот был клиширован, отпечатан в тысячах экземпляров и разослан по всем полицейским участкам и управлениям. Все газеты также поместили этот портрет. Едва ли в городе остался человек, которому бы не был теперь известен этот портрет. Теперь не только полиция и «верноподданные» Короля, но и все граждане зорко присматривались к каждому подозрительному лицу. Неизвестный бандит не мог ступить шагу без риска быть пойманным.

Но о самом главном полиция умалчивала, приберегая главный эффект для себя. После нападения на дом судьи начальник полиции не терял времени даром. Лучшие сыщики были брошены по горячим следам, и им удалось выследить, куда скрылся автомобиль атамана шайки. Следы автомобильных шин привели к небольшому, на вид жилому дому, стоявшему в четырех милях от города, на пути в Сакраменто. Так как на стук никто не отвечал, то сыщики выломали двери дома и произвели обыск, но, к удивлению, никого не нашли. Между тем не было никакого сомнения, что преступник скрылся в этом доме. У самой двери стоял брошенный автомобиль — тот самый, который видел слуга судьи во время бандитского налета.

Старый сыщик задумался и сказал:

— Дом старинный, с очень запутанным расположением комнат. Очень вероятно, что здесь есть замаскированные комнаты, в которых и прячется преступник. Но, черт возьми, даже я не в состоянии открыть этого потайного логова! В конце концов, это не так уж и важно. Если только из дома не проведен подземный ход, чего я не допускаю, то преступник долго не усидит взаперти. В доме нет никаких запасов пищи. Преступник выйдет, и мы схватим его. Установим наблюдение за домом на приличном расстоянии.

Двери были закрыты, и сыщики «ушли».

Несмотря на то что дом находился под неослабным их наблюдением, сыщикам не удалось в продолжение нескольких дней заметить ни одного человека, выходящего из дома. Нетерпение начальника полиции было так велико, что он готов был сжечь дом, чтобы только покончить с преступником, и, наверно, сделал бы это, если бы только не боялся уничтожить доказательства того, что ему удалось покончить именно с тем, с кем надо.

— Тогда разрушим дом, — подсказал помощник начальника, — или по крайней мере разберем все внутренние перегородки.

Начальник одобрил эту мысль, и на другой день с утра было решено приступить к работам.

В тот же день вечером один из дежуривших у дома рапортовал, что за время его дежурства ничего не случилось. Из дома никто не выходил. Вокруг дома ничего подозрительного замечено не было. Только в восемь часов вечера, при закате солнца, из-за дома вышел какой-то негр среднего роста и прошел мимо сыщика, направляясь к Сан-Франциско.

Этот рапорт ничем не отличался от десятка других, и на него не обратили внимания. На другой день рабочие разобрали в необитаемом доме все внутренние перегородки, причем предположения старого сыщика оправдались: внутри дома оказалась небольшая, хорошо замаскированная комната, имеющая сообщение с другими комнатами через переборку в стене. В комнате был найден запас сухарей, воды и консервов. Но птичка улетела из клетки...

Спиртонос, получивший «хорошее внушение» от Короля за то, что не донес своевременно о покушении на дом судьи, сообщил Королю новые и довольно необычайные сведения. Атаман шайки вернулся, но теперь он — негр. И все же это он, прежний атаман шайки. Спиртонос случайно видел его проходящим по улице с лысым барином. А лысый барин, увидав спиртоноса, подозвал его, спиртоноса, к себе и сказал:

— Сегодня ночью — дом губернатора.

Король протелефонировал начальнику полиции, который немедленно отправил в роскошный особняк губернатора сильный отряд полиции. Хорошо укрытые полицейские разместились во всех комнатах дома.

Точно в двенадцать часов ночи бандиты подъехали на двух больших автомобилях, поставили лесенку у одного окна, быстро выдавили стекло и ввалились в комнату. Полицейские проявили большую выдержку. Только убедившись, что последний из бандитов влез в дом, полицейские, как свора спущенных собак, вдруг выскочили из своих укромных уголков и отрезали путь к отступлению. Произошла неопишуемая свалка. Трещали револьверные выстрелы, звенели разбитые стекла, грохотала мебель, которую обе стороны скоро пустили в ход как орудие защиты и нападения в рукопашном бою. Обе стороны проявили большое профессиональное хладнокровие в привычной работе, и людские тела шпиговали пулями, как зайца шпигом. Как во всяком сражении, были герои, павшие «смертью храбрых», были трусы, бежавшие с поля сражения, были пленные. А так как численный перевес был за полицией и победа осталась за нею, то роль пленных выпала на долю оставшихся в живых бандитов.

Атаман шайки, негр, первый прыгнувший через окно в комнату, успел пробежать в кабинет губернатора, прежде чем выжидавшие полицейские появились на сцене, и между атаманом и губернатором, который оказался мужчиной недюжинного десятка, завязалась отчаянная борьба. Конец этой борьбы положил появившийся из-за портьеры начальник полиции. Ему очень хотелось поймать атамана шайки живым. Однако, когда начальник увидел перед глазами дуло револьвера, то поспешил разрядить свой кольт, направив его в голову атамана. Два выстрела прозвучали одновременно, однако губернатор успел ударить по руке атамана, и выстрел его револьвера не причинил начальнику вреда. А пуля начальника пронзила навывлет череп атамана с такой легкостью, как будто это был арбуз.

Начальник полиции и губернатор нагнулись над убитым.

— Как жалко, что человека можно убить только один раз! — прочувствованно сказал губернатор. И, осмотрев лицо убитого, прибавил: — Негр!

Утверждение спиртоноса о том, что атаман был один и тот же человек, но принимавший разные внешние образы, было отвергнуто как противное здравому смыслу. Правда, некоторые из арестованных также утверждали, что атаман являлся на новое дело в новом виде, — то худой, то толстый, то бледный,

то загоревший, но их словам вообще мало верили. Возможно, что все они были в заговоре, «заметали следы». Так или иначе, после разгрома шайки и убийства бандита необычайные нападения на крупных чиновников прекратились, равно как и «отравления» неизвестным «ядом», который по-прежнему не проявлял себя. Личность убитого бандита, несмотря на все усилия, установить не удалось. В деле осталось много невыясненного. Публика осуждала действия начальника полиции, который не сумел захватить зверя живым и тем лишил толпу удовольствия наслаждаться судом и казнью преступника.

Общество осталось разочарованным и неудовлетворенным, как будто последний, самый интересный акт, раскрывающий тайные интриги, не состоялся «по независящим от дирекции театра обстоятельствам».

Дни идут за днями, каждый день несет что-нибудь новое, заставляя забыть то, что волновало людей еще только вчера. Забыт Тонио Престо, забыты бандитские нападения и безвредные отравления судьи и прокурора. Жизнь течет своим чередом. На смену неоконченного фильма «Любовь и смерть» мистер Питч ставит новый фильм «Торжество любви», с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовится к новой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссеры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что приехала. Она вошла в кабинет, прошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

— Здравствуйте, мистер. Вы все полнеете!

— Чертовски полнею, — ответил мистер Питч.

С ним действительно творилось что-то необычайное. Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел настоящим ожиревшим боровом.

— А вы, кажется, перещеголяли моду? — спросил Питч, оглядывая короткую юбку мисс Люкс. А юбка была действительно слишком коротка, — не прикрывала колен пальца на четыре. Гедда смущенно посмотрела на свою юбку.

— Я не укорачивала ее, — ответила она. — Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сели, укоротились.

— Да, или вы выросли, — шутя сказал Питч. — А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!

Лоренцо тяжело вздохнул и развел руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нем мешком. Красавец Марр даже как будто меньше стал ростом, брюки его удлиннились и ложились буфами на ботинки.

— Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

— Да, у вас щеки провалились. Если так пойдет дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой грим не поможет! Вам придется взять отпуск и полечиться.

Поговорив еще о делах и ролях, они отправились в ателье.

Оператор Гофман хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визирку и заявил:

— Вы режетесь!

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

— Ваша голова не видна в таком крупном плане. Вы выросли, мисс Люкс!

В ателье послышался смех.

— Я не шучу, — ответил Гофман. — В пятницу я снимал вас на этом самом месте; вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверху почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом посмотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это немыслимо! Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укоротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Наметанный глаз Гофмана сделал еще одно открытие. Гофман заявил, что Лоренцо не только похудел, но что он стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Гофман доказал, что это так.

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторые роли, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них пополнили с такою же быстротою, как и мистер Питч, другие худели, иные начинали расти, другие уменьшаться. Всех «пострадавших» охватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал, сидя на кресле с резными ручками.

Срочно был вызван врач, и все стали в очередь — по рангу: впереди Питч (он даже Гедде не уступил свою очередь), за ним Гедда, приведенная в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашел никаких органических заболеваний. Он неопределенно кивал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто все в порядке.

Только у мистера Питча доктор нашел ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

— Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика, прогулки...

— Пробовал. Не помогает, — безнадежно отвечал Питч. — Уж не отравил ли меня чем-нибудь на ужине Престо? — Доктор протестующе махнул рукой. — Ничего нет удивительного! — продолжал Питч. — Обратите внимание, — заболели полностью или худобой все, кто был на ужине у Престо.

— Но медицине неизвестны такие яды, — ответил доктор.

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум немногим больше утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды и лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствуют себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс голосом, прерывающимся от слез, ответила, что она растет, растет неудержимо и не знает, чем это кончится. Она не успевает переделывать платья. В конце концов она приспособила что-то вроде тоги, которую каждый день надшивает.

— О съемках нечего и думать, — говорила она, всхлипывая. — Меня теперь только на ярмарках показывать. Вы не можете себе представить, как я изменилась!..

— Вы тоже не можете представить, как я изменился, — хрипел мистер Питч. — Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трех стульях. Тело мое напоминает студень. Нос свисает на губы, губы — на подбородок, подбородок — на живот, живот сползает с колен. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Голоса Лоренцо мистер Питч по телефону не узнал. Лоренцо говорил таким пронзительным тонким голосом, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было свое горе. Он сделался настоящим карликом. И что хуже всего, — его лицо изменилось: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

— Я похож на жабу! — пищал Лоренцо. — Это Престо заколдовал меня.

— Я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

— Может быть, ему помогал доктор Сорокин, у которого Престо лечился!

— Сорокин! — закричал Питч. — Помогал ли он Престо околдовывать нас, — я не знаю, но Сорокин может помочь нам! И никто, кроме Сорокина. Я сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему.

XII

Странный кортеж приближался к лечебнице доктора Сорокина. Целая вереница автомобилей ввозила необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Мистер Питч едва вмещал свое разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс была видна за милю, как жираф с высоко вытянутой шеей. Зато Лоренцо, потерявшего все свое величие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над краем открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище — подававший виды молодой актер с признаками акромегалии.

Новые пациенты были быстро размещены в домиках.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приеме Сорокина. Врач сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились вытяжки из различных желез. Эти вытяжки, подмешанные в вино, и могли произвести все метаморфозы с участниками ужина. Теперь ни мистер Питч, ни доктор Сорокин не сомневались в том, что все злоключения мистера Питча и его киноартистов — дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

— Но есть надежда на излечение? — спросил мистер Питч.

— Полная, — уверенно ответил Сорокин. — Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро станете сбавлять в весе.

И доктор оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса, причем Сорокин заявил, что «до жира мы еще не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко поддавалась лечению. Более сложную была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Доктор Сорокин измерил их рост и в удивлении опустил сантиметр на землю. Лоренцо был ростом всего в сто двенадцать сантиметров. Это еще не так удивительно. Но Гедда! Сорокин, не доверяя себе и глазам, измерил ее дважды. Ошибки не было. Люкс имела рост двести восемьдесят семь сантиметров.

Она могла бы свободно сесть верхом на слона или верблюда, не прибегая ни к каким подставкам.

— Это изумительно! — воскликнул Сорокин. — Совершенно небывалый в практике случай. Наибольший рост, известный науке, — двести пятьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был еще выше и достигал двухсот восьмидесяти пяти сантиметров. Но цифра эта считалась яв-

но преувеличенной. А вы, мисс, имеете рост выше, чем у мифического великана Махнова.

И задрав голову вверх так, что у него упала бы шляпа с головы, если бы она была надета, Сорокин продолжал, обращаясь к голове мисс Люкс, раскачивающейся где-то вверх, как на телеграфном столбе:

— Не правда ли, мисс, высокий рост имеет свои преимущества? Для вас открываются новые, обширные горизонты.

— Увы, очень печальные! — услышал Сорокин голос с неба.

— Но почему же? В толпе вам никто не будет мешать видеть, что делается вокруг. Вы нигде не затеряетесь. Вас очень удобно встречать на вокзале...

— Я буду счастлива только тогда, когда мне вернут мой рост.

— Постараемся, — успокоил ее Сорокин.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

— Вы будете производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. — Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмотрев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Прошло еще две недели, и все начали понемногу приходить в свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшилась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а Питч уже почти дошел до своей обычной полноты. Все поговаривали уже о скором отъезде.

За несколько дней до выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем не весело, в особенности губернатору. Он перенес кучу всяких неприятностей, прежде чем добрался до Сорокина.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми прелестями джимкроуизма.

Возмущенные дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошел ряд столкновений.

Губернатор ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг, на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра! Губернатор заставлял мыть себя, опрокидывать целые бочки воды и горы мыла, но кожа его не белела. Приглашенный врач нашел, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет темную пигментную окраску, как у негров.

— Может быть, ваши предки?... — высказал доктор предположение.

Губернатор едва не убил его.

Метаморфоза с губернатором, судьей и прокурором произошла несколько недель спустя после того, как неизвестный бандит напал на них и, связав, влил в рот какой-то жидкости. Так как смерти после этого не последовало и в дальнейшем никаких признаков отравления они не испытывали, то потерпевшие начали уже успокаиваться и уверять себя, что все обойдется благополучно. Однако они были обмануты в своих надеждах: скоро один из них стал

полнеть, другой уменьшаться в росте, и третий превратился в негра.

— Но почему в негра? Как это могло произойти? — с недоумением спрашивал губернатор. — Ведь бандит дома не вливал мне яду в рот.

— Он мог подкупить слугу, и слуга влил жидкость в питье, — отвечал Сорокин. — Это все работа гипофиза — мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное количество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Ученые уже несколько лет тому назад делали такой опыт: впрыскивали вытяжку в кровь светлокожей лягушке — и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась «негром».

Губернатор сделал гримасу; ему не понравилась эта шутка.

— Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, — продолжал Сорокин.

— А лечение?

— Воздействие на тот же гипофиз.

— Так воздействуйте на него! — вскричал губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

И Сорокин воздействовал. Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчен тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся доснять в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток. К Лоренцо вернулся его прежний нос. Все больные решили выписаться в один день. Сорокин одобрял это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало пробыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцеленные из группы пострадавших от Престо собрались в курзале. Несмотря на то что Сорокин был косвенно виноват в их злоключениях, больные очень горячо благодарили его за успешное лечение. Особенно прочувствованную речь сказал губернатор, который был бесконечно рад своему превращению из негра в белого человека, губернатора и капиталиста. Но окончание речи губернатора было несколько неожиданным.

— Мы никогда не забудем услуги, оказанной вами. Ваши знания, ваш талант вернули нас к жизни. Мы, — губернатор посмотрел на судью и прокурора, — не будем возбуждать преследования за тот вред, который причинил нам всем ваш гипофиз, ваши вытяжки, ваши опыты, ваши лягушки, светлокожие и темнокожие. Я взял на себя уладить ваше дело. Вам придется всего только покинуть нашу страну в возможно короткий срок. Сорок восемь часов, — больше я не могу вам дать на сборы и на отъезд.

— О, благодарю вас! — ответил Сорокин. — Мне вполне достаточно двенадцати, чтобы покинуть вашу гостеприимную страну...

* * *

На палубе океанского парохода, отходившего из Нью-Йорка в Европу (Нью-Йорк-Лондон), сидел доктор Сорокин и без сожаления смотрел на уходящий берег.

Рядом с доктором сидел молодой человек в клетчатом пальто. Этого чело-

века Сорокин заметил еще в вагоне, когда он пересекал континент с запада на восток.

— В Европу изволите ехать? — спросил молодой человек и, не ожидая ответа, повторил: — В Европу?

— Вы меня знаете? — удивился Сорокин.

— Да, я один из ваших пациентов.

— Пострадавших от Тонио Престо? Но я не помню вас. Счастье Престо, что он убит! Губернатор так зол на него за свое превращение в негра, что, попадись Престо ему в руки, губернатор сжег бы его на медленном электрическом огне!

— Да, счастье мое, — ответил молодой человек. — Счастье мое, что я не на берегу Америки. Позвольте мне пожать вашу руку и извиниться за похищение ваших чудодейственных склянок и за неприятности, доставленные вам по моей вине... Я — Тонио Престо. Я принял самую гомеопатическую дозу вашего лекарства и, как видите, несколько изменил свою внешность.

— Но ведь вы... ведь Тонио Престо убит в виде негра?

— Увы, бедный негр убит в самом настоящем своем виде. В то время я действительно «переделал» себя в негра при помощи ваших лекарств, но в моей гм... шайке было два негра: поддельный — это был я, и был настоящий. Настоящего убили, я остался жив и очень успешно, как видите, превратился опять в белого. Я хорошо запомнил назначение склянок, — помните, вы объясняли мне? — и вот... Воздух Америки мне вреден, а их всех я, кажется, недурно прочил!

И Тонио засмеялся так заразительно-весело, как никогда не смеялся уродец Престо.

Человек, нашедший своё лицо (роман)



**ЧЕЛОВЕК,
НАШЕДШИЙ
СВОЕ
ЛИЦО**

Часть первая

Драма Мейстерзингера

Снежная равнина. Истомлённые собаки тянут нарты. Собак погоняет каюр, но и он спотыкается от усталости. На нартах лежит человек, бессильно свесив голову. Каюр падает. Собаки останавливаются и, как по команде, ложатся на снег.

Рядом со снежной равниной растут кактусы. В тени зелёных каштанов по тротуару идёт маленький человек, почти карлик, в отлично сшитом летнем фланелевом костюме и шляпе-панаме с широкими полями. Он не может не видеть драмы в снежной пустыне, но равнодушно проходит мимо.

Снежная равнина кончилась. Пустырь. За ним пески, пальмы, оазис. Здесь тоже происходит какая-то драма. Бедуин-наездник подхватывает красивую девушку в европейском костюме, перекидывает через седло и пускает в карьер своего скакуна. Девушка кричит, протирает руки, бьётся. Несколько европейцев бросаются к лошадям и пускаются в погоню...

Маленький человек рассеянным взглядом окидывает оазис, бедуина, погоню и шагает дальше, комично выбрасывая ноги вперёд.

За пустыней — набережная. Идёт погрузка большого океанского парохода. Дымят четыре низких, наклонённых назад трубы. Завывает сирена. На сходнях подымается свалка. Кого-то поймали. Кто-то вырывается, падает вниз.

Снова пустырь. За ним скалы. Гордо возвышается средневековый замок, окружённый валами, рвами, наполненными водой. На подъёмном мосту рыцарь, подъехавший к замку. Он требует, чтобы ему открыли ворота. На башнях стоят люди. Вдруг подъёмный мост начинает подниматься. Испуганная лошадь мечется, пытается спрыгнуть с моста...

Не досмотрев, удастся ли ей это, или же она вместе со всадником попадёт в ловушку, маленький человек отводит взгляд и со скучающим видом ворчит себе под нос:

— Везде и всюду одно и то же... Тоска!

И он ещё выше подбрасывает ноги, шагая по гладкому тротуару.

Здесь же, по асфальтовой дороге, течёт непрерывный поток автомобилей, белых, синих, голубых, золотистых, как жужелица, блестящих лимузинов последней модели и стареньких фордов. Люди, которые едут в автомобилях и идут по тротуарам, с таким же равнодушием смотрят на снежные пустыни, оазисы, океанские пароходы, средневековые замки, как и маленький человек.

Их гораздо больше интересует сам маленький человек. К нему поворачиваются все головы идущих и едущих. Завидев маленького человека, люди многозначительно переглядываются. И на их лицах появляются улыбки, а в глазах — величайший интерес, какой бывает лишь у посетителей зоопарка, когда они видят необычайно экзотическое животное. И вместе с тем люди проявляют к маленькому человеку почтительное уважение. Знакомые незаметно толкают друг друга локтем и тихо говорят:

— Смотри! Престо! Антонио Престо!

— Да, как мало весит и как много стоит!

— Говорят, его капитал равняется ста миллионам долларов.

— Больше трёхсот.

— А ведь он ещё так молод, счастливец!

— Почему он не в автомобиле? Ведь у него одна из лучших машин в мире.

По особому заказу.

— Это его обычная утренняя прогулка. Автомобиль следует за ним.

А маленький человек продолжает спокойно идти вперёд, стараясь ничем не отличаться от других, не обращать на себя внимания. Но это ему удаётся не лучше, чем слону, который шествует среди толпы зевак. Необычайна его фигура, необычайны жесты, мимика. Каждое его движение вызывает улыбку, смех. Весь он — живое олицетворение смешного. Ещё ребёнком он вызывал смех у окружающих. Он мог быть весел, грустен, задумчив, мог сердиться и негодовать, — результат был один: люди смеялись. Сначала это раздражало его, но впоследствии он привык. Что же делать? Такова его внешность.

Он был почти карликом, имел непомерно длинное туловище, короткие ноги, длинные руки взрослого человека, достигавшие колен. Его большая голова, широкая в верхней части и узкая в нижней, сохранила черты детского строения. Особенно смешон был его мясистый нос, глубоко запавший в переносице. Кончик носа загибался вверх, как турецкая туфля. Этот нос обладал необычайной подвижностью, отчего ежеминутно менялось не только выражение, но и вся форма лица. Престо был подлинным, законченным уродом, но в его уродстве не было ничего отталкивающего. Наоборот, оно возбуждало симпатию. В его больших живых карих глазах светились доброта и ум. Это было единственное исключительное в своём роде произведение природы.

Антонио Престо шёл с невозмутимым видом среди смеющейся толпы, комично выкидывая вперёд свои короткие ноги.

Он свернул налево в кипарисовую аллею, которая вела к большому саду. В саду, посредине эвкалиптовой рощи, стояла китайская беседка. Престо вошёл в неё и оказался в кабине лифта. Лифт среди сада мог бы вызвать удивление у всякого непосвящённого, но Престо был хорошо знаком с этим странным сооружением. Кивнув головой в ответ на приветствие мальчика, обслуживающего лифт. Престо бросил короткое приказание:

— На дно!

При этом он сделал такой выразительный жест рукой, будто хотел про- ткнуть землю до самой преисподней. Это было так смешно, что мальчик за- смеялся. Престо грозно посмотрел на него. От его взгляда мальчик засмеялся ещё громче.

— Простите, мистер, но я не могу, право же не могу... — оправдывался маль- чик.

Престо со вздохом махнул рукой.

— Ладно, Джон, не оправдывайся. Ты в этом виноват не больше, чем я. Ми- стер Питч приехал? — спросил он у мальчика.

— Двадцать минут тому назад.

— Мисс Гедда Люкс?

— Нет ещё.

— Ну, разумеется, — сказал с неудовольствием Престо. И нос его неожидан- но зашевелился, как маленький хобот.

Мальчик снова не удержался и взвизгнул от смеха. Хорошо, что в этот мо- мент лифт остановился, а то Престо рассердился бы на него.

Антонио выскочил из кабины, прошёл широкий коридор и оказался в боль- шой круглой комнате, освещённой сильными фонарями. После горячего, несмотря на утренний час, солнца здесь было прохладно, и Престо вздохнул с облегчением. Он быстро пересёк круглую комнату и открыл дверь в соседнее помещение. Как будто «машина времени» сразу перенесла его из двадцатого века в немецкое средневековье.

Перед ним был огромный зал, потолок которого замыкался вверху узкими сводами. Узкие и высокие окна и дверки, узкие и высокие стулья. Через окно падал свет, оставляя на широких каменных плитах пола чёткий рисунок готи- ческого оконного переплёта. Престо вошёл в полосу света и остановился. Сре- ди этой высокой и узкой мебели фигура его казалась особенно мала, неуклю- жа, нелепа. И это было не случайно: в таком контрасте был строго продуман- ный расчёт режиссёра.

Старый немецкий замок был сделан из фанеры, клея, холста и красок по чертежам, этюдам и макетам выдающегося архитектора, который мог с че- стью строить настоящие замки и дворцы. Но мистер Питч, — «Питч и К°», — владелец киностудии, платил архитектору гораздо больше, чем могли бы уплатить ему титулованные особы за постройку настоящих замков, и архи- тектор предпочитал строить бутафорские замки из холста и фанеры.

В средневековом замке, вернее в углу зала и за его фанерными стенами, шла суета. Рабочие, маляры, художники и плотники под руководством самого архитектора заканчивали установку декораций. Необходимая мебель — на- стоящая, а не бутафорская — уже стояла в «замке». Инженер-электрик и его помощник возились с юпитерами — огромными лампами во много тысяч све- чей каждая. Главное в кинофильме — свет. Немудрено, что он составляет ос- новную заботу постановщиков. Мистер «Питч и К°» могли позволить себе та- кую роскошь: устроить огромный павильон под землёй, чтобы яркое калифор- нийское солнце не мешало эффектам искусственного освещения при пави- льонных съёмках.

Из-за декораций выглядывали статисты и статистки, уже наряженные в средневековые костюмы и загримированные. Все они с любопытством, почте- нием и в то же время с невольной улыбкой смотрели на молодого человека,

стоящего в «солнечном» луче посредине залы. Статисты шептались:

— Сам...

— Антонио Престо...

— Боже, какой смешной! Он даже в жизни не может постоять спокойно ни одной минуты.

Да, это был «сам» — Антонио Престо, неподражаемый комический артист, затмивший славу былых корифеев экрана: Чаплиных, Китонов, Бэнксов. Его артистический псевдоним чрезвычайно метко определял его стремительную сущность.[10] Престо ни секунды не оставался спокойным. Двигались его руки, его ноги, его туловище, его голова и его неподражаемый нос.

Трудно было объяснить, почему каждый его жест возбуждает такой неудержимый смех. Но противиться этому смеху никто не мог. Даже известная красавица леди Трайн не могла удержаться от смеха, хотя, как утверждают все знавшие её, она не смеялась никогда в жизни, скрывая свои неровные зубы. По мнению американской критики, смех леди Трайн был высшей победой гениального американского комика.

Свой природный дар Престо удесятирил очень своеобразной манерой играть. Престо любил играть трагические роли. Для него специально писались сценарии по трагедиям Шекспира, Шиллера, даже Софокла... Тонио — Отелло, Манфред, Эдип... Это было бы профанацией, если бы Престо не играл своих трагических ролей с подкупающей искренностью и глубоким чувством.

Комизм Бэстера Китона заключался в противоречии его «трагической», неподвижной маски лица с комичностью положений. Комизм Тонио Престо был в противоречии и положений, и обстановки, и даже его собственных внутренних переживаний с его невозможной нелепой, немислимой фигурой, с его жестами паяца. Быть может, никогда ещё комическое не поднималось до таких высот, почти соприкасаясь с трагическим. Но зрители этого не замечали.

Только один человек, крупный европейский писатель и оригинальный мыслитель, на вопрос американского журналиста о том, как ему нравится игра Антонио Престо, ответил: «Престо страшен в своём безнадежном бунте». Но ведь это сказал не американец, притом он сказал фразу, которую даже трудно понять. О каком бунте, о бунте против кого говорил писатель? И об этой фразе скоро забыли. Только Антонио Престо бережно сохранил в памяти этот отзыв иностранца, которому удалось заглянуть в его душу. Это был бунт обделённого природой уроды, который стремился к полноценной человеческой жизни. Трагическая в своей безнадежности борьба.

Но и право играть трагедии досталось ему не легко. В первые годы его заставляли выступать только в шутовских ролях, ломаться, кривляться, получать пинки и падать на потеху зрителей. В его дневнике имелись такие записи:

«12 марта.

Вчера вечером прочитал новый сценарий. Он возмутил меня. Дурацкий сценарий, а для меня — дурацкая роль.

Сегодня зашёл к нашему директору, говорю:

— *Глупее ваш сценарный департамент не мог придумать сценария? Когда же это кончится?*

— *Когда публика поумнеет и ей перестанут нравиться такие карти-*

ны. Они дают доллары, и это всё, — ответил он.

Опять доллары! Всё для них!

— Но вы сами развращаете зрителей, портите их вкус подобной пошлостью! — воскликнул я.

— Если у вас такая точка зрения, вам лучше не сниматься для экрана, а поступить воспитателем в пансион благородных девиц. У нас коммерческое, а не педагогическое предприятие. Пора вам это понять, — спокойно возразил директор.

Можно ли было продолжать разговор с таким человеком? Я ушёл от него взбешённый. В ярости бессилия, в это утро я умышленно переигрывал, утрировал самого себя, гаерствовал, валял дурака. Нател! получите, если вам только это надо! В то же время думал: неужели режиссёр не остановит мои клоунады? Но он не остановил. Он был доволен! А в перерыве ко мне подошёл директор, который, как оказалось, следил за моей игрой, хлопнул по плечу и сказал:

— Вижу, что вы одумались. Давно бы так. Вы играли сегодня, как никогда. Фильм будет иметь колоссальный успех. Мы отлично зарабатываем!

Я готов был броситься и задушить этого человека или завывать, как собака.

Но что я могу сделать? Куда бежать? Бросить искусство? Покончить с собой?.. Придя домой, три часа играл на скрипке, — это успокаивает меня, — и думал, ища выхода, но ничего не придумал. Стена...»

Только когда он достиг мировой известности, киноторгаши принуждены были согласиться с капризами — «причудами» — Престо и с неохотой допустили его играть трагические роли. Впрочем, они успокоились, когда увидели, что у Престо «трагедии выходят смешней комедий».

— Гофман, Гофман! Вы находите, что свет дан под хорошим углом? — спросил Антонио у оператора.

Оператор Гофман, флегматичный толстяк в клетчатом костюме, внимательно посмотрел в визир аппарата. Свет падал так на лицо Престо, что впалдина носа недостаточно ярко обозначилась тенью.

— Да, свет падает слишком отвесно. Опустите софит и занесите юпитер немного влево.

— Есть! — ответил рабочий, как отвечают на корабле.

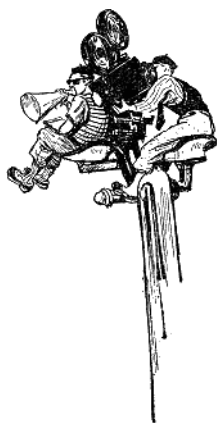


Резкая тень пала на «седло» носа Антонио, отчего лицо сделалось ещё более смешным. В луче этого света у окна должна была произойти сцена трагиче-

ского объяснения неудачного любовника, — которого играл Престо, — бедного мастерзингера, с златокудрой дочерью короля. Роль королевы исполняла звезда американского экрана Гедда Люкс.

Тонио Престо обычно сам режиссировал фильмы, в которых участвовал. И на этот раз до приезда Гедды Люкс он начал проходить со статистами некоторые массовые сцены. Одна молодая, неопытная статистка прошла по сцене не так, как следовало. Престо простонал и попросил её пройти ещё раз. Опять не так. Престо замахал руками, как ветряная мельница, и закричал очень тонким, детским голосом:

— Неужели это так трудно ходить по полу? Я вам сейчас покажу, как это делается.



И, соскочив с своего помоста. Престо показал. Показал он очень наглядно и верно. Все поняли, что требуется. Но вместе с тем это было так смешно, что статисты не удержались и громко засмеялись. Престо начал сердиться. А когда он сердился, то был смешон, как никогда. Смех статистов сделался гомерическим. Бароны и рыцари хватались за животы и едва не падали на пол, придворные дамы смеялись до слёз и портили себе грим. У короля слетел парик. Престо смотрел на это стихийное бедствие, произведённое его необычайным дарованием, потом вдруг топнул ногой, схватился за голову, побежал и забился за кулисы. Успокоившись, он вернулся в «замок» побледневшим и сказал:

— Я буду отдавать приказания из-за экрана.

Репетиция продолжалась. Все его замечания были очень толковы и обличали в нём талант и большой режиссёрский опыт.

— Мисс Гедда Люкс приехала! — возвестил помощник режиссёра.

Престо передал бразды правления помощнику и отправился одеваться и гримироваться.

Через двадцать минут он вышел в ателье уже в костюме мастерзингера. Костюм и грим не могли скрыть его уродства. О, как он был смешон! Статисты с трудом удерживали смех и отводили глаза в сторону.

— Но где же Люкс? — нетерпеливо спросил Тонио.

Партнёрша заставила себя ожидать. Для всякой другой артистки это не прошло бы даром, но Люкс могла позволить себе такую вольность.

Наконец она явилась, и её появление произвело, как всегда, большой эффект. Красота этой женщины была необычайна. Природа как будто накапливала по мелочам сотни лет всё, что может очаровывать людей, копила по крохам, делала отбор у прабабушек, чтобы, наконец, вдруг собрать воедино весь блистательный арсенал красоты и женского очарования.

У Антонио Престо нервно зашевелился туфлеобразный нос, когда он по-

смотрел на Люкс. И все, начиная от первых артистов и кончая последним плотником, устремили свои глаза на Гедду. Статистики смотрели на неё почти с благоговейным обожанием.

Нос Престо приходил всё в большее движение, как будто он вынюхивал воздух.

— Свет! — крикнул Престо тонким голосом, ставшим от волнения ещё пронзительней и тоньше.

Целый океан света разлился по ателье. Казалось, будто Гедда Люкс принесла его с собой. Её псевдоним так же хорошо шёл к ней, как «Престо» — к её партнёру.[11]

Перед съёмкой Престо решил прорепетировать главный кадр — объяснение мейстерзингера с дочерью короля.

Люкс уселась в высокое кресло у окна, поставила ногу в расшитой золотом туфельке на резную скамеечку и взяла в руки шитьё. У ног её улёгся великолепный дог тигровой масти. А в почтительном расстоянии от Люкс стал Престо и под аккомпанемент лютни начал декламировать поэму о любви бедного певца к благородной даме. Дочь короля не смотрит на него. Она всё ниже склоняет голову и чему-то улыбается. Быть может, в этот момент она думает о прекрасном рыцаре, который на последнем турнире победил всех соперников во славу её красоты и был удостоен её небесной улыбки. Но мейстерзингер понимает эту улыбку по-своему — недаром он поэт.

Он приближается к ней, он поёт всё более страстно, потом падает перед нею на колени и начинает говорить о своей любви.

Неслыханная дерзость! Невероятное оскорбление! Ужасное преступление! Королевна, не поднимая головы от шитья, хмурится. Глаза её мечут искры, она топает маленькой ножкой в золочёной туфельке по резной скамеечке, зовёт слуг и приказывает увести дерзкого поэта. Входят слуги, хватают мейстерзингера и уводят в тюрьму. Мейстерзингер знает, что его ожидают пытки и казнь, но он не жалеет о том, что сделал, и посылает своей возлюбленной последний взгляд, исполненный любви и преданности. Он охотно примет смерть.

Сцена прошла прекрасно. Престо удовлетворён.

— Можно снимать, — говорит он Гофману.

Оператор уже стоит у аппарата. Всю сцену он наблюдал через визирное стёклышко. Престо вновь становится у кресла Люкс.

Ручка аппарата завертелась. Сцена повторялась безукоризненно. Мейстерзингер поёт, королевна наклоняет своё лицо всё ниже и чему-то улыбается. Мейстерзингер подходит к королевне, бросается на колени и начинает под музыку свою страстную речь Престо увлечён. Он не только играет жестами и богатой мимикой своего подвижного лица. Он говорит и шепчет страстные признания с такой искренностью и силой, что Люкс, забывая десятки раз проделанную последовательность движений и жестов, чуть-чуть приподнимает голову и с некоторым удивлением взглядывает на своего партнёра одними уголками глаз.

И в этот момент происходит нечто, не предусмотренное ни сценарием, ни режиссёром.

Престо, коротконогий, большеголовый, со своим туфлеобразным, подвижным носом, признаётся в любви! Это показалось Гедде Люкс столь несообраз-

ным, нелепым, комичным, невозможным, что она вдруг засмеялась неудержимым смехом.

Это был смех, который охватывает вдруг человека, как приступ страшной болезни, и держит, не выпуская из своих рук, потрясая тело в судорожном напряжении, обессиливая, вызывая слёзы на глазах. Люкс смеялась так, как не смеялась никогда в жизни. Она едва успевала переводить дыхание и снова заливалась бесконечным серебристым смехом. Вышивание выпало у неё из рук, одна из золотистых кос спустилась до пола. Встревоженный дог вскочил и с недоумением смотрел на свою хозяйку. Растерянный Престо также поднялся на ноги и, мрачно сдвинув брови, смотрел на Люкс.

Смех так же заразителен, как зевота. Не прошло и минуты, как перекаты смеха уже неслись по всему ателье. Статисты, плотники, монтажники, декораторы, гримёры — все были во власти смеха.

Престо стоял ещё несколько секунд, как громом поражённый, потом вдруг поднял руки и с искажённым лицом, сжав кулаки, сделал шаг к Люкс. В эту минуту он был скорее страшен, чем смешон.

Люкс посмотрела на него, и смех её вдруг оборвался. И так же внезапно замолк смех во всём ателье. Оркестр давно прекратил игру, так как у смеявшихся музыкантов смычки выпали из рук. И теперь в ателье наступила жуткая тишина.

Эта внезапная тишина как будто привела Престо в чувство. Он медленно опустил руки, медленно повернулся, волоча ноги, дошёл до большого дивана и кинулся ничком.

— Простите, Престо, — вдруг сказала Люкс, нарушив тишину. — Я вела себя как девочка, и из-за моего глупого смеха испорчено столько плёнки.

Престо скрипнул зубами. Она думает только об испорченной плёнке!

— Вы напрасно извиняетесь, — вместо Престо ответил ей Гофман. — Я нарочно не прекращал съёмки и совсем не считаю плёнку испорченной. С моей точки зрения, этот новый вариант кадра у окна великолепен. В самом деле, смех, уничтожающий смех, который не оставляет никаких надежд, смех любимой женщины в ответ на страстное признание — разве для влюблённого он не ужаснее самых страшных мук? Разве этот смех не превратил на один момент любовь мейстерзингера в жгучую ненависть? О, я знаю нашу американскую публику, публика будет смеяться, как никогда. Эти выпученные глаза мейстерзингера, раскрытый рот... Вы не сердитесь. Престо, но ещё никогда вы не были так эффектны. И если бы я не видел вас каждый день, то не смог бы вертеть ручку аппарата.

Престо поднялся и сел на диван.

— Да, вы правы, Гофман, — сказал он медленно и глухо. — Это вышло великолепно. Наши американцы подохнут со смеху.

И вдруг, чего ещё никогда не было, сам Тонио Престо засмеялся сухим, трескучим смехом, обнажив ряд мелких и редких зубов. В этом смехе было что-то зловещее, и никто не отозвался на него.

Убийственный смех

После этой злополучной съёмки Престо сел в автомобиль и, по словам шофёра, «загнал машину насмерть».

Неудовлетворённость, обида на жизнь, возмущение несправедливостью

природы, оскорблённое самолюбие, терзания неудовлетворённой любви — всё, что накапливалось в его душе годами, словно прорвалось в страшном извержении. В бешеной езде он хотел найти успокоение, словно хотел убежать от самого себя.

— Вперёд! Вперёд! — кричал Престо и требовал, чтобы шофёр дал полную скорость. И они мчались по дорогам, как преступники, за которыми гонится полиция. А за ними и в самом деле гнались. Пролетая мимо ферм, они давили гусей и уток, шествующих с соседнего пруда, и обозлённые фермеры гнались за ними с палками, но, конечно, не могли догнать. Два раза за автомобилем погнались на мотоциклетах полицейские, так как автомобиль мчался с недопустимой скоростью и не желал остановиться, несмотря на энергичные требования полицейских. Однако полицейским мотоциклам невозможно было угнаться за автомобилем Престо. Это была одна из лучших во всей стране, сильнейших машин, сделанная по особому заказу Тонио Он любил скорость во всём.

В пять часов вечера Престо, пожалев шофёра, разрешил сделать остановку у придорожного кабачка и пообедать. Сам Престо не притронулся ни к чему и только выпил кувшин холодной воды.

И снова началась та же бешеная езда весь вечер и всю ночь. Шофёр валился от усталости и, наконец, заявил, что он засыпает на ходу и не ручается, если разобьёт машину вместе с седоком.

— Вперёд! — крикнул Престо, но потом вдруг поднялся со своего места, отстранил шофёра и сам взялся за руль. — Вы можете отдохнуть, — сказал Тонио шофёру. Тот завалился на широкое сиденье автомобиля и тотчас крепко уснул.

А мысли Престо неслись с такой же скоростью, как машина.

— Это надо кончить! Это надо кончить раз навсегда! — шептал Престо.

Когда шофёр проснулся, было семь часов утра. Автомобиль стоял у виллы Гедды Люкс.

— Выспались? — ласково спросил Престо шофёра. — Я зайду сказать доброе утро мисс Люкс, а вы подождите здесь. Потом мы поедем домой.

Семь часов утра — слишком ранний час для визита, но Тонио знал, что Гедда Люкс встаёт в шесть. Она вела чрезвычайно регулярный образ жизни по предписанию лучших профессоров-гигиенистов, чтобы на возможно больший срок сохранить обаяние молодости и красоты — свой капитал, на который она получала такие большие проценты.

Люкс уже приняла ванну, покончила с массажем и теперь делала лёгкую гимнастику в большой квадратной комнате, освещённой сверху, через потолок. Среди белых мраморных колонн стояли огромные зеркала, отражавшие Гедду. Во фланелевом утреннем костюме, полосатых шароварах, коротко остриженная и гладко причёсанная, она напоминала очаровательного мальчика.

— Тонио? Так рано? — сказала она приветливо, увидав в зеркале приближавшегося к ней сзади Тонио Престо.

И, не прекращая выгибаться, наклоняться и распрямляться, продолжала:

— Садитесь. Сейчас будем пить кофе.

Она не спросила, что привело его в такой ранний час, так как привыкла к странностям Престо.



Тонио подошёл к большой, удобной кушетке, присел на край, но тотчас вскочил и заходил большими кругами по комнате.

— Престо, перестаньте ходить, у меня голова кружится, глядя на вас, — сказала Люкс.

— Мне нужно поговорить с вами, — произнёс Престо, не прекращая своей круговой прогулки. — По делу, по очень серьёзному делу. Но я не могу разговаривать, когда вы раскачиваетесь и приседаете. Прошу вас, сядьте на диван.

Люкс посмотрела на Престо, в несколько прыжков добежала до дивана и уселась с ногами, оставив маленькие туфли на мозаичном полу. Престо подошёл к ней и сказал:

— Вот так.

Видимо, он делал невероятные усилия, чтобы сохранить полное спокойствие, держать в повиновении свои руки и ноги, не двигать туфлеобразным носом.

— Гедда Люкс! Мисс Гедда!.. Я не умею говорить... Мне трудно... Я люблю вас и хочу, чтобы вы были моей женой.

Предательский нос его начал подниматься кверху и двигаться. Гедда опустила глаза вниз и, сдерживая поднимающуюся волну смеха, сказала как можно серьёзнее и спокойнее:

— Антонио Престо. Но я не люблю вас, вы это знаете. А если нет обоюдной любви, что же может нас объединить? Коммерческий расчёт? Он говорит против такого брака. Посудите сами. Мой капитал и мои доходы равняются вашим. Я не нуждаюсь в деньгах, но и не желаю уменьшать свои доходы. А брак с вами понизил бы мой заработок.

Престо дёрнул головой.

— Каким образом?..

Люкс, продолжая упорно смотреть на пол, ответила:

— Очень просто. Вы знаете, что публика боготворит меня. Вокруг моего имени создан своего рода культ. Для сотен тысяч и миллионов моих зрителей я являюсь идеалом женской красоты и чистоты. Но поклонники требовательны к своему божеству. Их преклонение должно быть оправдано. Толпа зорко следит за малейшими подробностями моей частной жизни. Когда я на экране, последний нищий имеет право любоваться мною и даже вообразить себя на месте героя, завоевавшего моё сердце. И именно поэтому-то я никому не должна принадлежать. Толпа, пожалуй, примирилась бы ещё, если бы я

вышла замуж за героя, за мужчину, который получил всеобщее признание как идеал мужской красоты или мужских добродетелей. Достойным мужем для богини может быть только бог или, в крайнем случае, полубог... Если бы толпа узнала, что я вышла замуж за вас, она пришла бы в негодование. Она сочла бы это преступлением с моей стороны, издевательством над самыми лучшими чувствами моих поклонников. Толпа отвернулась бы от меня. А толпа делает успех...

— И деньги...

— И деньги, разумеется. И я не удивилась бы, если бы мистер Питч расторгнул контракт со мною. Я лишилась бы и денег, и славы, и поклонников...

— За сомнительное удовольствие иметь мужем такого уroda, как я, — докончил Престо, — Довольно, мисс Люкс. Я понял вас. Вы правы. — Престо вдруг топнул ногой и тонким детским голосом закричал: — А если этот урод наделён горящим любящим сердцем? Если этот урод требует своего места под солнцем и своей доли счастья?..

Эта неожиданная вспышка заставила Гедду невольно приподнять глаза на Престо. Нос его двигался, как маленький хоботок, кожа на лбу то собиралась в морщины, то растягивалась до блеска, волосы ерошились, уши двигались, руки походили на поршни паровой машины, работающей на самом скором ходу.

Гедда Люкс уже не могла оторвать своего взора от Престо, и она начала смеяться, сначала тихо, потом всё громче и громче.

Как будто повторялась вчерашняя «сцена у окна» дочери короля с мейстерзингером. Но там всё было нарочно, — так, по крайней мере, думала Люкс, — а здесь страдания и чувства мейстерзингера были самые настоящие. Гедда понимала всю неуместность и оскорбительность для Тонио её смеха, но ничего не могла поделать с собой. А Престо как будто даже обрадовался этому смеху.

— Смейтесь! Смейтесь! — кричал он. — Смейтесь так, как вы ещё никогда не смеялись! Смейтесь! Страшный уродец Антонио Престо будет вам говорить о своей любви.

И он говорил. Он кривлялся самым невероятным образом. Он пустил в ход весь свой многообразный арсенал ужимок и гримас.

Люкс смеялась всё больше, глубже, сильнее. Этот смех уже походил на истерический припадок. Гедда корчилась на диване в припадке смеха и умоляюще смотрела на Престо. На глазах её были слёзы. Прерывающимся от смеха голосом она проговорила с трудом:

— Перестаньте, прошу вас!..

Но Престо был неумолим и неистощим. Люкс задыхалась, обессилела, почти теряла сознание. Она схватилась руками за судорожно вздымающуюся от смеха грудь, как человек в жесточайшем припадке астмы...

— Люди беспощадны к безобразию, пусть же и безобразию будет беспощадно к красоте. Моя душа почернела, как чёрный скорпион, и стала злее злого горбуна, — кричал Престо.

Гедда Люкс поняла, что он хочет убить её смехом. Глаза Люкс расширились от ужаса. Руки её тряслись, она теряла сознание.

Собрав всю силу воли, Гедда протянула руку к звонку, стоящему на столике возле дивана, и позвонила. Вошла горничная и увидела, что госпожа её смеётся мелким, захлёбывающимся смехом, глядя на Престо. Горничная также по-

смотрела на него и вдруг схватила себя за бока, как будто ужасные колики сразу огнём прожгли её внутренности, и, присев на пол, засмеялась неудержимым смехом. Увы, она так же была во власти Тонио, как и её хозяйка.

К Гедде Люкс никто больше не мог прийти на помощь...

Твой нос — твоё богатство

Гофман сидел в глубоком кожаном кресле и курил трубку, когда в комнату вбежал Престо с воспалёнными после бессонной ночи глазами, обветренным лицом и возбуждённый более обыкновенного.

— Я ждал вас до трёх часов ночи, — сказал Гофман.

Гофман нередко жил по несколько дней на вилле Престо, находящейся недалеко от киностудии мистера «Питча и К°». Известный кинооператор Гофман был тенью Престо. Он следил за каждым движением, каждым новым поворотом киноартиста, чтобы переносить на плёнку самые оригинальные позы и наиболее удачные мимические моменты в игре подвижного лица. Тонио и Гофман были большими друзьями.

— Где вы пропадали? — спросил Гофман, пуская изо рта клубы дыма.

— Я только что от Гедды Люкс. Кажется, я убил её смехом.

— Это ваша специальность, — не придавая особого значения словам Престо, сказал Гофман.

— Да, да... За грехи отцов я награждён этим проклятием.

— Почему же проклятием, Тонио? Это прекрасный дар. Смех — самая ценная валюта. Так было всегда.

— Да, но чем вызывается этот смех? Можно смешить людей остроумными мыслями, весёлыми рассказами. А... Я смешу своим безобразием.

— Леонардо да Винчи сказал, что великое безобразие встречается так же редко, как и великая красота. Он с особенной заботливостью разыскивал всюду людей, отличающихся исключительным безобразием, и зарисовывал их лица в свой альбом. А вы... вы... в сущности, даже не так уж безобразны. Необычайный комизм вызывается не столько вашей внешностью, сколько противоречием величия чувств вашей души с мизерностью телесной оболочки и с этими жестами картонного паяца. Вы прекрасно зарабатываете, пользуетесь колоссальным успехом.

— Вот, вот, это самое. Величие чувств! Ах, Гофман, в этом всё моё несчастье. Да, я человек возвышенных чувств, но с телом кретина. Я глубоко несчастен, Гофман. Деньги... слава — всё это хорошо, пока добиваешься их. Любовь женщины... Я получаю сотни писем в день от «поклонниц» со всех концов света. Но разве любовь руководит моими корреспондентками? Их привлекает моё богатство, моя слава. Это или сентиментальные старые девы, или продажные душонки, которым надо богатство и которые жаждут проявить своё чванство в роли жены столь знаменитого человека, как я. А вот Гедда Люкс... Сегодня я сделал ей тринадцатое предложение. И она отвергла его... Но теперь довольно. На чёртовой дюжине можно остановиться. Самое большое моё горе в том, что я по натуре трагический актёр. А принуждён быть паяцем. Вы знаете, Гофман, ведь я вкладываю в исполнение своих трагических ролей всю свою душу, а толпа смеётся.

Престо подошёл к зеркалу и погрозил кулаком собственному отражению.

— О, проклятая рожа!

— Вы великолепны, Тонио! — воскликнул, усмехнувшись, Гофман. — Этот жест — что-то новенькое. Позвольте мне сходить за аппаратом.

Престо обернулся и посмотрел на Гофмана с укором.

— И ты, Брут! Послушайте, Гофман, подождите, не ходите никуда. Побудьте хоть один раз только моим другом, а не кинооператором... Скажите мне, почему такая несправедливость? Имя и фамилию можно переменить, костюм, местожителство можно переменить, а своё лицо никогда. Оно как проклятие лежит на тебе.

— Недосмотр родителей, — ответил Гофман. — Когда будете родиться следующий раз, потребуйте сначала, чтобы родители показали вашу карточку, и если она не будет похожа на херувима, — не родитесь.

— Не шутите, Гофман. Для меня это слишком серьёзно. Вот из несчастного уродца, голыша, я превратился в миллионера. Но на всё моё богатство я не могу купить себе пяти миллиметров, которых не хватает, чтобы придать образу хотя бы одному моему носу.

— Почему же не можете? Поезжайте в Париж, там вам сделают операцию. Впрыснут парафин под кожу и сделают из вашей туфли прекрасную грушу дюшес. Или ещё лучше, — сейчас носы переделывают хирургическим путём. Пересаживают косточки, кожу. Говорят, в Париже много таких мастерских. На вывеске так и написано: «Принимаю в починку носы. Римские и греческие на пятьдесят процентов дороже».

Тонио покачал головой.

— Нет, это не то. Я знаю одну девушку. В детстве она перенесла какую-то тяжёлую болезнь, кажется, дифтерит, после которой у неё запала переносица. Ей не так давно сделали операцию. И надо сказать, что операция мало помогла ей. Нос остался почти таким же безобразным, как и был. Притом кожа на переносице выделяется беловатым пятном.

— Может быть, делал плохой хирург. Пойдите, да чего лучше? На днях я читал в газете, что, кажется, в Сакраменто живёт врач Цорн, который делает настоящие чудеса. Цорн воздействует на какую-то железу, мечевидную или щитовидную — не помню, и ещё на железу в мозгу, отчего у человека изменяется не только лицо, но и всё тело, прибавляется рост, удлиняются конечности. Впрочем, может быть, всё это газетная утка.

— В какой газете вы читали это? — возбуждённо спросил Престо.

— Право, уж не помню. В Сакраменто в редакции любой газеты вам сообщат его адрес.

— Гофман, я еду! Еду немедленно. Себастьян! Себастьян!

Вошёл старый слуга.

— Себастьян, скажи шофёру, чтобы он готовил машину.

— Шофёр спит, вы вчера замучили его, — ворчливо сказал Себастьян.

— Да, правда, пусть спит. Себастьян, вызови такси, укладывай бельё и костюмы в чемодан. Я еду.

— Не сумасшествуйте, завтра съёмка, — сказал с тревогой Гофман.

— Пусть отложат. Скажите, что я заболел.

— Не теряйте рассудка, Тонио. Ведь если доктор действительно изменит вашу наружность, то вы уже не в состоянии будете окончить роль мейстерзингера в фильме «Любовь и смерть». А вы обязаны сделать это по контракту.

— К чёрту контракт!

— И вы уплатите неустойку!

— К чёрту неустойку! Скажите, Гофман, могу я на вас полагаться, как на друга?

Гофман кивнул головой.

— Так вот что, — продолжал, подумав. Престо: — Я не знаю, на сколько времени задержит меня доктор. Если не выйдет дело в Сакраменто, я еду в Париж. На всякий случай я назначаю больше времени, чем может понадобиться: я пробуду в отъезде четыре месяца. Вы давно хотели побывать на Сандвичевых островах. Поезжайте. Отдохните, проветритесь и привезите великолепный видовой фильм. Без аппарата ведь вы существовать не можете. Мою виллу прекрасно сбережёт Себастьян. На него вполне можно положиться. Себастьян! Чемодан готов?

— В последний раз говорю вам: одумайтесь, — сказал, волнуясь, Гофман. — Ведь ваш нос — ваше богатство.

— Да где же ты, Себастьян? Ты вызвал по телефону таксомотор?

Чародей Цорн

Газеты не солгали: доктор Цорн существовал. В Сакраменто первый отельный служащий, к которому обратился с вопросом Престо, сообщил его адрес.

— Доктор Цорн! Кто же его не знает! Это настоящий чародей! — ответил лакей.

Престо ещё не совсем верил, — может быть, лакей подкуплен, и его слова — простая коммерческая реклама, но интерес к Цорну усилился. Тонио позавтракал и, не отдохнув как следует после дороги, потребовал счёт. Ему пришлось уплатить за сутки, хотя он только позавтракал в отеле.

Через несколько минут Престо уже ехал в автомобиле по плодородной прерии долины Сакраменто. Шофёр уверенно вёл машину. Было видно, что он уже не раз отвозил пациентов к доктору Цорну.

С широкой автострады машина повернула вправо на более узкую, но такую же прекрасную гудронированную дорогу. Капли машинного масла и бесчисленные шины залоснили дорогу до металлического блеска, и она сверкала в лучах солнца, как тёмная река. Характер местности изменился. Река Сакраменто осталась в стороне. Появились небольшие холмы, покрытые рощами, очевидно искусственно посаженные в этой почти безлесной местности, из вечно зелёного дуба, красного дерева, сахарной сосны, кипарисов, оливковых деревьев. Опушки были покрыты кактусами, вереском, молочаем. Иногда встречались апельсиновые плантации. Горячий воздух приносил запах хвои и полевых цветов.

Когда шофёр остановился около колонки, чтобы возобновить запас бензина и освежить пересохшее горло стаканом ледяного оранжада в маленькой придорожной гостинице, Престо вышел из машины. Ему также хотелось пить.

Его, как везде, узнали. Поднялась суета. Улыбающийся хозяин стоял в дверях, кланяясь Тонио, как старому знакомому. Из окон выглядывали женские и детские лица с таким видом, словно они смотрели на экран, ожидая нового смешного трюка знаменитого артиста. Тонио поморщился.

Сегодня его, сильнее чем всегда, раздражало внимание публики.

Пока Престо и шофёр пили оранжад в прохладе полутёмной комнаты, отелный слуга быстро и ловко заправлял машину, обтирая пыль с кузова, пробовал шины...

— Вы уже возили пассажиров к доктору Цорну? — спросил Престо шофёра.

— Десятки, если не сотни раз, — ответил шофёр. — Но обратно мне никогда не приходилось возить их.

Престо беспокойно зашевелил носом. Это так рассмешило шофёра, что он поперхнулся и пролил на стол оранжад.

— Простите... в горле запершило, — смущённо оправдывался шофёр.

Но Престо не слушал его извинений.

«Неужели пациенты Цорна все умирают? — со страхом подумал он. — Не может быть. Просто у доктора имеется свой гараж, да и пациенты Цорна, видимо, должны быть богатыми людьми, имеющими свои машины».

И всё же Престо спросил шофёра:

— Что вы этим хотите сказать?

— То, что люди, которые едут к Цорну, не возвращаются назад.

Престо отвернулся, — он чувствовал, что его предательский нос вновь зашевелился.

— Как это? — спросил Престо упавшим голосом.

— Так, — отвечал шофёр, стараясь не глядеть на Престо, чтобы вновь не рассмеяться. — Это может подтвердить и хозяин отеля, в котором вы останавливались в Сакраменто. От доктора возвращаются иные люди, совершенно непохожие на тех, которые приезжали к нему, хотя они и называют себя прежними именами и фамилиями. Вместо скелетов уезжают толстяки, вместо карликов — люди выше среднего роста, вместо уродов — красавцы. Говорят, был даже случай, когда женщина вернулась усатым мужчиной. Хозяин отеля узнал её по большой родинке на щеке.

— Ах, вот в чём дело! — с облегчением воскликнул Престо.

Значит, всё в порядке. Цорн, очевидно, делает настоящие чудеса. Престо скоро станет совершенно другим человеком. Впервые он ясно представил себе это, и ему вдруг стало как-то не по себе. Что же станет со старым Престо? Ведь это почти смерть и воскрешение в новом теле.

«Несчастный, жалкий уродец! Мы прожили с тобой нелёгкую жизнь! — мысленно обратился Престо к самому себе. — И ты всё-таки вывел меня в люди, а я, неблагодарный, обрекаю тебя на уничтожение! Не отказаться ли от этой затеи?»

Но, вспомнив о Люкс, Престо решил немедленно мчаться навстречу своей судьбе, которую приготовит ему кудесник Цорн.

Крутой поворот дороги — и перед Престо открылся чудесный сад, окружённый лёгкой и изящной решёткой. У широких ворот — два лежащих мраморных льва и небольшой домик с дорийскими колоннами. Шофёр дал гудок. Из домика вышел сторож, бритый старик в белом костюме. Он кивнул шофёру, как старому знакомому, и машина беспрепятственно въехала в ворота. За ними шла широкая дорожка, посыпанная золотистым жёлтым песком. Среди вечнозелёных дубов и каштанов виднелись отлично содержащиеся клумбы цветов, фонтаны, закованные в бетонные берега водоёмы, отражающие, как в зеркале, мраморные беседки, белизну которых подчёркивала тёмная зелень

кипарисов, неподвижных, словно окаменевших в горячем воздухе. А дальше по сторонам дороги на полянах, за живой изгородью из кактусов и вечнозелёных колючих кустарников, виднелись изящные коттеджи и виллы. Окружённое плакучими ивами, промелькнуло озеро с медленно плавающими лебедями. Престо с любопытством смотрел по сторонам, и его невольно начинало брать сомнение, — уж не ошибся ли шофёр. Это место совсем не напоминало лечебного заведения. Так выглядят фешенебельные дачные поселения американской денежной аристократии.

Но шофёр уверенно вёл машину берегом озера к длинному одноэтажному белому зданию с плоской крышей и широкой верандой перед ним. Это была контора медицинско-коммерческого предприятия доктора Цорна Он имел дело только с пациентами, которые могли платить за лечение бешеные деньги. Талантливый учёный экспериментатор-эндокринолог Цорн намного опередил своих коллег. Ему удалось открыть многие тайны организма и найти средства воздействия на процессы, протекающие в тёмных глубинах таинственных желез внутренней секреции. Как человек практичный, он не опубликовал свои открытия на благо всего страждущего человечества, а держал их в строжайшем секрете, чтобы быть монополистом в своей области и делать из этого деньги. Только несколько бедняков воспользовались научными достижениями Цорна. Он сразу хотел поставить дело на широкую ногу, но так как у него не хватало для этого личных средств, то ему пришлось прибегнуть к займам. И, чтобы убедить своих кредиторов в том, что они помещают капитал в верное дело, ему пришлось произвести несколько демонстраций Цорн нашёл бедняков-уродов, некоторым из них ему даже пришлось заплатить за право произвести над ними эксперименты. Почти на глазах капиталистов, к которым он обратился за помощью, Цорн произвёл несколько чудесных превращений, — произвольно увеличивал и уменьшал рост, превращал уродов в нормальных людей, успешно устраняя чрезмерную худобу или ожирение. Последнее в особенности поразило будущих кредиторов. Ожирение — чуть ли не профессиональная болезнь миллионеров сидячая жизнь, обильное питание. Да, Цорн открыл золотую жилу! И капиталисты выразили желание войти с Цорном в компанию. Другие предлагали ему организовать акционерное общество для изготовления и продажи препаратов его изобретения. Но Цорн сам был хорошим коммерсантом. Зачем компаньоны, зачем делиться с другими, если весь доход от своего предприятия он может сам получить целиком! И Цорн предпочёл кредит на высоких процентах организации акционерной компании. И он не ошибся. В несколько лет Цорн погасил долги и теперь приумножал свои капиталы.

С самого начала он делал ставку на пациентов-миллионеров. И, устраивая свою лечебницу-санаторий, он преследовал две цели во-первых, его богатые пациенты должны были найти все те удобства и роскошь, к которым они привыкли, во-вторых, сама обстановка, благодатный калифорнийский климат, вместе с искусством садоводов обязаны способствовать лечению. Каждому пациенту предоставлялся отдельный коттедж или вилла, — в зависимости от капиталов, — с полным штатом прислуги и отличными поварами. Пациенты должны были возможно меньше чувствовать лечебный режим. Правда, каждого вновь прибывшего пациента Цорн подвергал тщательному обследованию, но, сделав затем назначение, он мало беспокоил их, приглашая в свой

кабинет не чаще одного раза в три дня. Лечение состояло в приёме пилюль, — за этим следила специально приставленная к каждому пациенту сестра, — и во внутривенном вливании, которое производили ассистенты. Эти процедуры отнимали всего несколько минут в день. Остальным временем пациенты располагали совершенно свободно, читали, катались на лодках, ездили верхом, играли в лаун-теннис, вечерами слушали хороший симфонический концерт, посещали дансинг или кино.

Таково было предприятие Цорна, куда приехал Тонио.

Новый пациент

Появление Престо в конторе, как везде, произвело сенсацию. Зазвучал смех. Отовсюду выглядывали любопытные, улыбающиеся лица.

Девушка в белом халате густо покраснела, сдерживая подступающий к горлу давящий её смех. Она получила чек на крупную сумму, которая составляла целое состояние, и необыкновенно быстро закончила все формальности.

Престо была предоставлена одна из лучших вилл.

Тонио не знал, какую бурю он произвёл в конторе, когда вышел. Работа была прекращена. Все служащие повскакали со своих мест и возбуждённо начали обсуждать необычайное событие Тонио Престо, несравненный, неповторимый уродец, любимец экрана, решил изменить свой внешний вид! Это было похоже на святотатство. Люди уже не смеялись. Они были удивлены, потрясены, возмущены. Америка, весь мир, посещающий кино, ещё не знал, какое несчастье надвигается на него. Лишить миллионы зрителей любимого героя экрана! Это преступление! Престо не имеет права делать это! Он принадлежит всем! Конторщица, принимавшая Престо, одна из его бесчисленных поклонниц, разразилась истерикой, словно она собственными руками подписала Престо смертный приговор. Молодой счетовод произнёс целую речь. Он предлагал разослать в редакции крупнейших газет телеграммы, оповещающие о безумном намерении Престо, поднять на ноги всю американскую общественность, предупредить, пока не поздно, ужасное несчастье. Многие поддержали предложение счетовода.

Это было похоже на бунт. Только старый бухгалтер внёс струю охлаждения. Он напомнил о служебном долге.

— Мы не имеем права разглашать то, что происходит в учреждении, в котором работаем, — сказал бухгалтер. — Это может принести доктору Цорну моральный и материальный ущерб. И Цорн будет прав, если уволит недисциплинированных служащих и даже привлечёт их к суду и взыщет убытки. Ведь Цорн рискует потерять крупный гонорар. Кроме того. Престо такой же больной, как и другие пациенты, обращающиеся к Цорну. Он имеет право лечиться, и никто не может в этом препятствовать ему.

Короткая спокойная речь бухгалтера произвела своё действие. Сильное впечатление произвела угроза возможного увольнения. Не такое теперь время, чтобы рисковать служебным положением. Безработица пугала всех. И споры угасли, страсти остыли. Все почувствовали свою подневольность, зависимость от Цорна и уныло принялись за работу.

Только конторщица всё ещё нервно, отрывисто вздыхала и шептала, склонившись над бумагами:

— Нет, нет! Этого не должно быть.

На новоселье

На пороге белой, облицованной розовым мрамором виллы Престо встретила сестра. Она была в белоснежном халате и затейливом чепчике на каштановых волосах. Румяная, улыбающаяся, с приятным молодым лицом, она была олицетворением здоровья. Цорн с большой тщательностью подбирал персонал, в особенности женский. Некрасивым, угрюмым, раздражительным служащим сюда не было доступа. Пациентов Цорна должны были окружать только приветливые молодые лица. Это хорошо влияет на настроение больных. Конечно, такие лица могли лишь подчёркивать безобразие и всяческие отклонения от нормы самих пациентов. Тем с большей охотой будут лечиться у Цорна эти уроды! Так во всём сказывалась продуманная система Цорна, тесно переплетавшая медицинские и коммерческие цели.

Сестра приветливо кивнула головой, как старому знакомому, — Престо для всех был старым знакомым, — и сказала:

— Сегодня вы отдохните, мистер Престо. Доктор Цорн примет вас завтра утром. Разрешите ознакомить вас с домом и его порядками... Ой, мистер, у вас сейчас совершенно такое выражение, как в фильме «На перепутье»! — и она рассмеялась, хорошо рассмеялась: откровенно, молодо, добродушно. Этот смех не был неприятен Престо. Он даже сам улыбнулся, что с ним бывало редко, причём, как это ни странно, стал менее смешным, потом вздохнул и ответил:

— Да, действительно на перепутье... Ваше имя, миссис? Луиза Кальгаун? Очень хорошо. Показывайте же моё новое жилище.

Двухэтажная вилла с балконами, верандами, несколькими ванными комнатами была обставлена роскошно. Но не всё в этой роскоши понравилось строгому вкусу Престо. Слишком много ковров, гобеленов, бронзы, статуэток, картин, пестроты отделки и стилей.

«Всё это на вкус денежных мешков, ничего не понимающих в искусстве», — подумал Престо и с удовольствием вспомнил свою виллу, которую он обставлял с такою тщательностью. Здесь были рояли и дорогие радиоприёмники, телефоны и телеграфные аппараты, библиотека, бильярд. Слуги помещались в отдельной пристройке. Они должны были появляться и исчезать, как сказочные джинны, повинующиеся палочке волшебника, не беспокоя, если в них не было нужды.

— Как вам нравится? — спрашивала сестра.

— Отлично! Превосходно! — рассеянно отвечал Престо. Ему хотелось скорее остаться одному. Чем ближе был решительный момент «перевоспощения», тем большее волнение охватывало Престо. Он даже сам удивлялся этому волнению, потому что не совсем понимал его причину. Ведь всё уже решено. И ничего страшного нет. Это всё равно, что переменить старый, изношенный костюм на новый... А какой-то тревожный голос поднимался из глубины сознания: «Ещё не поздно отказаться от этой затеи».

Оставшись один. Престо вышел на большую веранду второго этажа, уставленную цветами. Он сел в плетёное кресло так, что куст цветущей олеандры укрывал его, сам же он мог хорошо видеть песчаную дорогу, пролежавшую за решёткой сада, который окружал виллу.

Был вечер. Солнце заходило за невидимым океаном. Недвижимый воздух благоухал цветами. Престо закурил сигару и погрузился в размышления.

Но движение на дорожке отвлекло его внимание.

Вот на специальной трёхколёсной коляске, широкой, как самое широкое сиденье многоместного автомобиля, санитар провёз какую-то бесформенную лиловую массу, в которой с трудом можно было узнать расплывчатые очертания человеческой фигуры. Масса комкалась, как студень или тесто, готовое вытечь через край квашни. Это была женщина с лиловым лицом, в лиловом платье...



Прошла необычайная пара — худой, как жердь, мужчина семифутового роста и карлица. Мужчина медленно, по-журавлиному, переступал ходулеобразными ногами, карлица катилась клубочком. Они оживлённо беседовали. Великан комично наклонял голову и даже сгибался в пояснице, чтобы видеть лицо своей спутницы. Кто знает, быть может, кудесник Цорн уравниет их рост, сделает красивую внешность и создаст новую пару любящих сердец?

Ещё одна коляска — полный мужчина со слоновыми ногами.

«Что за зверинец!» — невольно думал Престо, забывая о себе. Великое производство природы также имеет свой брак, и в большом количестве. Здесь собраны только те, кто имеет возможность уплатить Цорну десятки и сотни тысяч за своё лечение. А сколько бедняков принуждены до конца жизни нести своё уродство! Престо принадлежит к счастливым, которые имеют возможность превратить себя в нормального человека. И было бы глупо не воспользоваться этой возможностью! Решимость Престо подвергнуться «перевоспитанию» возросла.



На столике тихо и мелодично зазвенел звонок телефона. Одновременно зазвонили звонки во всех комнатах. Где бы ни находился жилец, он всюду мог слышать звонок, и ему оставалось только протянуть руку к трубке телефона. Так устранялась необходимость появления слуг, которое может причинить лишнее беспокойство.

— Алло! — сказал Тонио, прикладывая трубку к уху.

— Простите, мистер Престо, — послышался мужской голос. — Говорит

швейцар. Одна мисс хочет вас видеть.

Престо поморщился. Какая-нибудь поклонница-психопатка узнала о его приезде. Неужели и здесь от них не будет покоя? И Престо уже хотел ответить, что устал с дороги и не может принять посетительницу, как вдруг услышал по телефону уже женский голос:

— Мистер Престо! Я очень, очень прошу принять меня по важному делу. Я отниму у вас всего несколько минут.

В голосе было столько мольбы и главное — тревоги, что Престо заколебался. А может быть, это какая-нибудь больная, которая хочет предупредить его об опасностях лечения. Ведь и у Цорна могут быть неудачи. Заинтересовал Престо и голос женщины, — ему показалось, что он совсем недавно слышал его. Сестра? Нет, другая... И Престо ответил:

— Хорошо. Слуга проводит вас. Скажите ему, что я на верхней западной веранде.

Престо был избалован и не считал нужным идти навстречу.

Не меняйте своего лица!

Вошла молодая девушка в синем шёлковом платье. Остановилась у двери, молча кивнула головой, измерила глазами расстояние от двери до Престо и, уже не глядя на него, приблизилась к нему. Лицо бледное и взволнованное.

«Ну конечно, психопатка-поклонница», — решил Тонио и сухо предложил ей кресло возле себя.

Девушка уселась, не поднимая глаз. Престо понял, почему она не смотрит на него: смех может помешать разговору.

Девушка прижала кончики пальцев к вискам и молчала, будто собираясь с силами. Престо всё ждал, пуская кольца дыма.

— Мистер Престо! — наконец заговорила она дрожащим от волнения голосом. — Мы уже встречались с вами... я регистрировала ваше прибытие в конторе.

— Чем могу служить?

— Я делаю служебный проступок, являясь к вам, и, может быть, за это буду уволена...

— В таком случае вы поступаете неосторожно, — холодно сказал Престо. Даже вежливость не заставила его ободрить её, прийти на помощь — он опасался, что это даст волю бурным чувствам, которые, видимо, кипели в ней, и вызовет горячие излияния любви, восхищения, преданности. Он давно был сыт от таких сцен. — Как ваше имя?

— В данном случае моё имя не играет роли, — ответила девушка и впервые взглянула на него.

Заметив недовольную мину на физиономии Престо, она покраснела, перевела взгляд на острый носок своей туфли и возбуждённо воскликнула:

— Вы не думайте, что я психопатка, которая явилась сюда, чтобы излить свои личные чувства. Дело гораздо серьёзнее! — И девушка вновь прижала концы пальцев к вискам с такой силой, что длинные красные лакированные ногти впились в кожу. И вдруг заговорила быстро, бурно, словно в бреду: — Тонио! Престо! Не покидайте нас! Не изменяйте своей внешности! Не лишайте тех счастливых минут, которые вы даёте нам! Поймите, жизнь тяжела, и только вы даёте просвет в этой беспросветности, заставляете хоть на время за-

быть о тревогах, которые окружают нас, даёте от них отдых, а значит, и новые силы, поддерживаете нас, вселяете надежду в сердца теряющих всякую надежду на лучшее... Для богатых людей вы только паяц, который развлекает их от скуки безделья. Но ведь вас смотрят на экране миллионы таких же скромных тружеников, как я... Что станет с ними, когда вы уйдёте с экрана? Их жизнь станет ещё безотраднее.

Престо был смущён и даже взволнован. Конечно, это экзальтированная женщина. Конечно, она преувеличивает. Но она подняла вопрос, над которым до сих пор не задумывался Престо, — о социальной роли его творчества. Да, об этом надо будет подумать. Но прежде всего следует как-нибудь успокоить посетительницу.

— Мисс, — сказал он мягко, — я вам очень благодарен за такую высокую оценку, которую вы даёте мне. Но вы упускаете одно важное обстоятельство. Я тоже живой человек, и я имею неотъемлемое право предъявлять свои требования к жизни. Не находите ли вы эгоистичным ваше требование: «сохраните для нашего удовольствия ваше уродство, ваш нос-туфлю»? И почему вы считаете несчастными только себя? Вы не подумали о том, что, несмотря на свою славу и богатство, и я могу быть несчастным, как последний из бедняков?

Такого признания, такого оборота дела девушка не ожидала. Она удивлённо подняла брови и недоверчиво спросила:

— Вы?

— Да, я. Вы сказали, что для богачей я паяц. Но разве вы не знаете, что многие величайшие комики были меланхоликами и заставляли других смеяться, когда их собственная душа рыдала?

Не желая переходить пределы откровенности и чтобы не вызвать неосторожных вопросов посетительницы, он добавил:

— А у меня достаточно оснований, о которых я не могу распространяться, быть недовольным своей судьбой и желать изменить свою внешность.

Но посетительница была догадлива, или же ей помогло женское чутьё, и она ответила угасшим голосом:

— Да, это бывает.

Девушка опустила голову в глубоком раздумье. Престо выжидательно молчал.

— Не знаю... может быть, вы и правы, — наконец сказала она. — Такие задачи трудно решить... На одной чаше весов личная жизнь, на другой — интересы зрителей, ваших поклонников. Не все созданы быть героями, которые способны пожертвовать своими интересами ради других.

Это уже был вызов. Престо выпрямился и принял такую позу, которая привела бы Гофмана в восхищение. Девушка не глядела на него и потому сохранила всю свою серьёзность. Тонио уже собрался ответить ей должным образом, но девушка предупредила его и воскликнула:

— Но вы сделаете это, потому что у вас великая душа!

Престо молчал.

Неожиданно девушка бросилась перед ним на колени и, ломая руки, почти рыдая, заговорила:

— Принесите эту жертву! Умоляю вас! Престо! Тонио! Обещайте, что вы откажетесь от своего намерения!

«Умная женщина, а всё-таки психопатка!» — подумал Престо. Он усадил де-

вушку и строго сказал:

— Выслушайте же меня, мисс. Вы ломитесь в открытую дверь. Вы уговариваете меня не изменять внешности. Но это столь же нелогично, как просить или требовать от меня, чтобы я всегда выступал в одной и той же роли. Намереваясь изменить внешность, я совсем не собираюсь отказаться от своей профессии киноактёра. Тонио Престо явится только в новом облике и в новых ролях.

— Но наш старый, любимый Престо перестанет существовать, — с огорчением произнесла девушка и поднялась. — Я сделала, что возможно. Простите за беспокойство и прощайте, милый, незабвенный Престо!

Она быстро вышла. Престо вскочил с кресла и нервно заходил по веранде, высоко подбрасывая свои короткие ноги.

Незабвенный! Каково! Словно Престо уже покойник! Неприятный визит! Психопатка! Какое они имеют право вмешиваться в мою личную жизнь?..

Несколько успокоившись, Престо начал рассуждать хладнокровнее. Эта взбалмошная женщина как-то по-новому осветила его творчество. До сих пор ему казалось всё очень просто. Исключительная внешность и талант создали ему репутацию первого мирового комика и принесли материальный успех. Он умел превращать смех в доллары, и это было отлично. Правда, у него была своя творческая драма, о которой не подозревали его поклонники: в душе он был не комиком, а трагиком. Парадоксальным трагиком, который возбуждает смех! Желание устранить это противоречие и привело его к доктору Цорну так же, как и неразделённая любовь к Люкс. Но он никогда не задумывался над тем, что выполняет какую-то социальную роль. Пожалуй, он даже был невольным и бессознательным орудием в чьих-то руках. Он должен был уводить зрителей, — а их было, действительно, миллионы, вся Америка, весь мир, — от печальной действительности, заставляя их отвлекаться от проклятых вопросов, забывать невзгоды. Зрители смеялись не только в кино. Этот смех они уносили в свои лачуги и подвалы, делились им с другими, и жизнь казалась краше.

Ещё больше он убедился в этом, вспомнив картины, в которых выступал. За исключением классических трагедий, — уступке капризу знаменитого актёра, — все сценарии повествовали или о беспечной жизни богатых людей, причём Престо был в ней лишь случайным гостем, или же о судьбе бедняков, которые, как по волшебству, превращались в миллионеров, оставляя эту мечту каждому зрителю в поношенном платье и стоптанных ботинках.

А классические трагедии и драмы, в которых выступал Престо! Это была бы пародия, профанация великих произведений, если бы не необычайная и своеобразная сила таланта Тонио, которая делала всех этих Отелло и Лиров не только смешными, но и глубоко человечными, исторгая у зрителей и смех и слёзы. Но всё же смех был главной ценностью Престо. Этого отрицать нельзя. Миллионы несчастных, обиженных жизнью собирались к экрану кино, как озябшие путники к очагу, и смех Престо согревал их. Лишить их этого! Престо вспомнил, как он сам нищим ребёнком на время забывал в кино о голоде и холоде, смеясь над забавными приключениями комических актёров того времени. Жизнь была бы ещё печальнее, если бы у него отнять эти минуты забвения.

Что же делать? Не отказаться ли в самом деле от перевоплощения?..

Престо в волнении ходил по веранде. Солнце давно закатилось, на синем небе выступили звёзды, он не замечал этого.

«Однако разве в новом теле я не могу продолжать ту же линию? Совсем не обязательно быть уродом, чтобы исполнять комические роли!.. Комические! Но что же будет с моими мечтами о настоящей, высокой трагедии?..»

Визит девушки сильно взволновал его. Шаг, который он намеревался сделать, оказывался гораздо более серьёзным и сложным, чем Антонио предполагал. В эту ночь он уснул под утро, совершенно измученный, не придя ни к какому решению. Во сне его преследовали кошмары. Ему снились толпы народа. Мужчины, женщины, дети протягивали к нему руки и кричали: «Не покидай нас!» — и впереди всех девушка — «делегат миллионов». Она так крепко обнимала его за шею, что он задыхался и хрипел.

А наутро Престо, вспомнив волнения минувшего дня и ночи, сказал: «Всё это только нервы!» Принял ванну, позавтракал и отправился на приём к доктору Цорну.

Трудный случай в практике

Цорн принял Престо в большом кабинете, который ничем не напоминал кабинета врача: здесь не было ни стеклянных шкафов с устрашающими медицинскими инструментами, ни даже шкафов с толстыми внушительными книгами на разных иностранных языках, которые должны свидетельствовать об эрудиции их хозяина и тем самым внушать к нему уважение, ни черепов, ни скелетов. Очень удобная кожаная мебель, большой письменный стол красного дерева, покрытый поверх зелёного сукна толстым стеклом, на нём только чернильный прибор, украшенный бронзовой статуэткой бизона, телефон и две вазы с цветами. Букеты цветов в японских вазах стояли в разных углах комнаты. Картины на стенах, преимущественно весёлые пейзажи, и две статуи Афродиты, выходящей из пены морской, и Аполлона — образцы идеальной красоты человеческого тела. Никакая цена не дорога, чтобы только избавиться от своего уродства и приблизиться к этим образцам! Окно во всю стену выходило на зеркальный пруд и лужайку, засеянную красными маками. Такой кабинет производил на пациентов наилучшее впечатление.

Цорн сидел за письменным столом, откинувшись на высокую спинку кресла. Это был крепкий сорокалетний мужчина с типичным бритым краснощёким англо-саксонским продолговатым лицом, носом с горбинкой, выдающимся подбородком. Светлые короткие волосы гладко причёсаны. Цорн не носил очков. Его серые умные глаза смотрели весело и пронизательно. Тонкие губы улыбались. Костюм песочного цвета с гвоздикой в петлице хорошо облегал его стройное тело. В его внешности, как и в обстановке, не было ничего профессионального. И во всём этом был свой тонкий, хорошо продуманный психологический расчёт.

При появлении Престо Цорн поднялся и, протянув обе руки, пошёл ему навстречу, как к старому другу.

— Здравствуйте, здравствуйте, мистер Престо! — радушно воскликнул Цорн. — Очень рад вас видеть. Прошу садиться. Вот здесь вам будет удобнее.

Он усадил Престо не возле письменного стола, а у окна, и сел в кресло напротив. На маленьком круглом красного дерева столике стояли серебряный ящичек с сигарами и папиросами и электрическая зажигалка.

— Предпочитаете папиросы или сигары? — Цорн подвинул ящичек с многочисленными отделениями и пояснил: — Вот египетские папиросы, турецкие, гаванские сигары «Вегуэрос», «Регалия Байрон», — в продаже не найдёте, — это из Суматры, Явы, Виргинии....

Престо поблагодарил и взял «Вегуэрос» — лучшее произведение Гаваны. Цорн закурил папиросу.

— Когда мне вчера сообщили, что к нам пожаловал сам Тонио Престо, я, признаться, сразу не поверил. Неужели вы решились изменить свою внешность?

Цорн смотрел прямо в лицо Престо, любезно улыбался, но не смеялся, что немало удивило Престо. Цорн, очевидно, умел великолепно владеть собой.

— Почему бы и негр, — ответил Престо вопросом на вопрос.

Цорн сделал паузу, улыбнулся ещё шире, обнажив прекрасно сохранившиеся белые длинные зубы, и сказал:

— А вы можете поручиться, что ваши поклонники не учинят надо мною суда Линча?

Престо улыбнулся в свою очередь и едва не проговорился о вчерашней посетительнице.

— И дело не только в этом, — продолжал Цорн. — Я сам не уверен, имею ли право произвести над вами метаморфозу.

«Не хватает ещё того, чтобы Цорн отказался!» — с волнением подумал Престо и сказал:

— Но ведь вы делаете их десятками!

Тонио волновался и был особенно смешон. Но Цорн по-прежнему только улыбался. Железный человек!

— Я здесь пробыл всего несколько часов, — добавил Тонио, — и уже видел столько товарищей по несчастью...

— Да, но вы составляете исключение. Исключение даже в моей, несколько необычной практике, — возразил Цорн. — Для всех моих пациентов их физическая ненормальность является лишь печальным побочным обстоятельством. Она лишает их многого, не давая ничего ни им, ни обществу. Они ничего не теряют и выигрывают всё. Совершенно иное положение с вами. Ваша внешность неразрывно связана с вашим творчеством, с вашими публичными выступлениями...

«И он о том же!» — с досадой подумал Престо и крикнул:

— Я не раб публики!

— Разумеется, вы свободный американский гражданин, — ответил Цорн. — Но я сейчас говорю не о вас, а о себе. Согласитесь, что вы представляете совершенно исключительное явление природы, как неповторимое произведение искусства... Вы видели химер на парижском соборе Нотр-Дам? Они очень безобразны, и в то же время в них своеобразная красота. Что сказали бы про человека, который разбил бы химеры и на их место поставил благообразных херувимов? Не назвали бы его вандалом и варваром? История никогда не простила бы ему этого. Он опозорил бы своё имя. Я не хочу, чтобы это было моё имя... Боюсь, что вы и сами не обдумали до конца всех возможных последствий вашего намерения... Вы знаете, что моя врачебная практика — мой жизненный базис. Но я готов отказаться от гонорара и вернуть вам его, чтобы только не брать на себя такой огромной ответственности.

— Значит, вы отказываетесь изменить мою внешность? — упавшим голосом спросил Престо. В этот момент он выглядел глубоко несчастным. Неужели всё его мечты о новой жизни в новом теле, о личном счастье рушатся?

Но не удручённый вид разжалобил Цорна. Его вообще едва ли можно было разжалобить. Цорн совсем не собирался упустить такого выгодного пациента. Однако это действительно был трудный случай в его практике. Вне сомнения, перевоплощение Престо произведёт шум во всём мире. Конечно, Цорна не подвергнут суду Линча. Но возможно, что газеты будут бранить его, и ещё не известно, послужит ли это для него новой рекламой или же повредит практике. Да и излишняя реклама была нежелательна Цорну. Он имел достаточную практику, привлекая клиентуру из самых состоятельных классов. Широкая публика о нём мало знала, представители власти не интересовались им, и это было ему только на руку: шум мог привлечь нежелательное внимание медицинских организаций, и тогда кто знает, чем всё это кончится. В лучшем случае — убытками, превосходящими гонорар Престо, чтобы погасить весь этот шум и замять дело. Поэтому он хотел всячески гарантировать себя и даже установил в кабинете аппарат, который записывал на валик весь разговор с Престо. В случае надобности Цорн мог доказать, что он сделал всё возможное, что он сам усиленно отговаривал Престо.

Цорн развёл руками и сказал:

— Ваше уродство — такая же болезнь, как и всякая другая. И потому, как врач, я не имею права отказать вам во врачебной помощи. — Эту и последующие фразы он сказал особенно громко и отчётливо, — Это очень сложный конфликт, и лучшим выходом из него может быть добровольный отказ от вашего намерения. Поэтому я могу лишь просить вас, убедительно просить отказать-ся от вашего намерения... Обдумайте ещё раз всё хорошенько. Подождём день, два. И если вы придёте к решению...

— Моё решение твёрдо, — воскликнул Престо, — и два дня ничего в нём не изменят.

Цорн вздохнул, ещё раз развёл руками.

— Ну, что ж! Этим самым вы принимаете всю ответственность на себя. — И уже другим тоном, как врач, он спросил Тонио: — На что вы жалуетесь, мистер Престо?

— На судьбу.

Цорн, с видом понимающего человека, молча и сочувственно кивнул головой и сказал:

— Судьба для нас, современных людей, всего только закон причинности. Поэтому мы больше не умоляем судьбу. Мы сгибаем её в бараний рог... Вы — последний больной. Приём у меня окончен. Пойдёмте в парк и там побеседуем, — добавил он, посмотрев на часы.

Всё течёт...

Престо и Цорн шли по дорожке, усыпанной жёлтым песком, направляясь в отдалённую часть парка.

— Итак, вы жалуетесь на судьбу? — повторил Цорн.

— Да, — горячо ответил Престо. — Почему один человек рождается красавцем, а другой уродом? И это уродство, как проклятие, как печать Каина, неизменяемо, если не считать медленного возрастного изменения от младенче-

ства до старости?

Цорн покачал головой.

— Вы не правы. Вы совершенно не правы. Не только наше лицо, но форма всего нашего тела не представляют собою чего-либо стойкого, неподвижного. Они подвижны и текучи, как река. Тело наше непрерывно сгорает, улетучивается, и на месте уплывшего всё время строится новое. Через мгновение вы уже не тот, что были, а в продолжение, примерно, семи лет в вашем теле не останется ни одного атома из тех, что составляют сейчас ваше тело.

— И тем не менее сегодняшний я как две капли похож на вчерашнего, — со вздохом сказал Престо.

Цорн улыбнулся. Но это была не обидная для Престо улыбка. Доктор улыбнулся его словам, а не жестам.

— Да, иллюзия постоянства форм имеется. Но эта иллюзия получается оттого, что формы тела строятся вновь по тому же самому образцу, как и тело «уплывшее», сгоревшее в обмене веществ, исчезнувшее. А строится тело в том же самом виде только потому, что органы внутренней секреции своими гормонами направляют строительство по раз намеченному плану.

— Но разве это не говорит о постоянстве форм?

— Ни в коем случае! Отлитая из бронзы статуэтка не изменяется, пока время не разрушит её. Она имеет устойчивые формы. Иное дело — формы нашего тела. Довольно одной из желез внутренней секреции начать работать с малейшим отступлением от определённого плана, и формы нашего тела начнут изменяться. Да вот, не угодно ли посмотреть на этих больных.

Навстречу им по дорожке сада шёл человек гигантского роста. Пропорции тела его были неправильны. Он имел чрезвычайно длинные ноги и руки при коротком туловище и маленькой голове. Несмотря на свой огромный рост, у великана было совершенно детское выражение лица. Увидев доктора Цорна, он начал оправлять свой костюм, как мальчик, который боится получить замечание от взрослого.

Гигант поклонился врачу и прошёл мимо.

— Видите, какой гигант? Нормальный рост европейца колеблется между ста шестьюдесятью двумя сантиметрами у итальянцев и ста семьюдесятью семью у норвежцев. А рост этого великана — двести тринадцать сантиметров. Ему всего семнадцать лет. До десяти лет он рос совершенно нормальным ребёнком, а потом вдруг начал неудержимо тянуться вверх. Почему? Потому что у него передняя доля придатка мозга-гипофиза начала развиваться слишком быстро или, как говорим мы, врачи, это результат гиперфункции, то есть усиленной деятельности передней доли гипофиза. А вот карлица, — смотрите вправо. Ей тридцать семь лет, а рост её всего девяносто семь сантиметров. Задержка роста у неё произошла потому, что функция щитовидной железы была ослаблена.

— Да, но все эти изменения произошли в детском возрасте.

— Со взрослыми дело, конечно, сложнее. Но наука преодолевает все препятствия... Пойдёмте вот к тому домику у холма. Может быть, нам удастся посмотреть на мисс Веде.

У веранды домика сидела женщина, откинувшись на спинку большого кресла.

— Добрый вечер, мисс Веде! — любезно сказал Цорн.

Женщина, не поднимаясь, кивком головы приветствовала Цорна.

Престо, взглянув на женщину, содрогнулся. Это было какое-то чудовище с удлинённым лицом, резко выдающимся подбородком и затылком, с утолщённым носом и губами. У неё были уродливо большие руки и ноги.

— Как она страшна! — тихо сказал Престо, когда они прошли мимо больной.

— Да, уродлива, — ответил доктор. — Но поверите ли вы, что эта женщина ещё недавно блистала красотой, что всего два года тому назад она взяла в Чикаго приз красоты. И, поверьте, она действительно была необычайной красавицей. У меня есть её фотография, где она снята до болезни. Я покажу вам её.

— И что же так её изуродовало?

— Без видимой причины у неё начали разрастаться кости лица, главным образом подбородка, концы пальцев рук и ног, а также рёбра и остистые отростки позвонков. Болезнь началась с общей слабости. Акромегалия — так называется эта болезнь, и зависит она от болезненного увеличения, скорее всего опухоли передней доли гипофиза. Если бы это случилось в детстве, она стала бы великаншей, а в двадцать лет получилось вот такое уродство. Впрочем, искусственно я мог бы создать великана и из взрослого чело века.

— Она безнадежна?

— Нисколько. Как только нам удастся привести в норму функции её придатка мозга, формы её тела изменятся сами собой.

— Вы хотите сказать, что вновь уменьшатся её кости и она станет похожа на самоё себя?

Цорн кивнул головой.

— Не правда ли, разве это не кажется чудесным? А вы говорите о неизбежности форм человеческого тела. Нет ничего неизбежного. Всё течёт, всё изменяется.

Гормоны, гипофизы...

Вторую ночь Престо провёл почти так же плохо, как и первую. Он долго не мог заснуть. Сидя в глубоком сафьяновом кресле, он проверял в памяти волнующие впечатления дня. Очаровательная женщина, превращённая злым недугом в какую-то страшную ведьму, карлики, великаны, и среди всех этих уродцев и чудовищ — доктор Цорн как волшебник, который собирается разрушить злые чары и вернуть всем уродцам вид нормальных, здоровых людей.

Престо начинал дремать, и ему пригрезилось, что женщина-чудовище с огромным подбородком поднимается со своего кресла, идёт к нему и, простирая свои уродливые большие руки, говорит:

«Я люблю тебя, Тонио, жених оставил меня. Но ты мне нравишься больше, чем жених. Мы оба уроды. Мы стоим друг друга. И мы родим уродов, каких не видал ещё свет... Они будут так смешны, что все люди подохнут от смеха. И тогда землю наследуют наши потомки. Над ними уже никто не будет смеяться, потому что все будут ужасающе уродливы. И уродство будет признано красотой. И самый уродливый будет признан самым красивым...»

Тонио проснулся в холодном поту.

«Какой отвратительный сон...» — подумал он. И вдруг быстро сел на кровати и схватился за голову. Одна мысль поразила его: «Я бежал во сне от страшной мисс Веде. А разве я сам лучше? Да, Гедда Люкс была права, тысячу

раз права, отвергнув меня. Как несправедливо жесток я был с нею в последний раз... Что, если в самом деле Гедда умерла от смеха? Я оставил её без памяти. Быть может, у неё слабое сердце...»

Тонио соскочил с кровати и зашагал по комнате.

«Надо будет телеграфировать Гофману, спросить его. Впрочем, Гофман, наверно, уже уехал... Если я в самом деле убил её смехом, то начнётся следствие, меня арестуют, быть может, обвинят в убийстве и казнят. И я умру уродом... Нет! Нет! Если Гедда умерла, этого не исправишь. Кроме Гофмана, никто не знает о том, куда я уехал. Сначала надо излечиться от уродства, а там будет видно... Однако как расшатались у меня нервы! Надо взять себя в руки».

Тонио заставил себя лечь в кровать, но до самого утра не мог уснуть. «Безобразие — самая тяжёлая болезнь!» — повторял он в бреду. Только когда первые утренние лучи осветили верхушки деревьев, Тонио задремал, повторяя в полусне неизвестные мудрёные слова, которые звучали как заклинания: «Гипофиз... Гормон... Акромегалия... Гиперфункция...»

— Нет, право, от этого можно с ума сойти, — говорил Престо, проснувшись в одиннадцать часов утра. — Я должен знать совершенно точно, что такое эти гормоны и гипофизы, я должен знать всю механику, — тогда туман рассеется, и в голове будет порядок.

Умывшись, Престо подошёл к большому зеркалу в ванной комнате и внимательно рассмотрел своё лицо. О, недаром он был киноартистом! Он знал каждый миллиметр этого лица, безобразного и смешного.

— Лопухий, туфленосый уродец! — сказал Престо, обращаясь к своему отражению в зеркале. — Скоро тебе придёт конец. Ты сгоришь, утечешь, улетишь, а на смену тебе придёт... хотел бы я знать, как буду я выглядеть после лечения, — сказал Престо уже другим тоном.

Быстро одевшись, он пошёл к доктору Цорну, но тот был занят с больными, и Престо отправился бродить по парку.

У содержателя ярмарочного балагана глаза разгорелись бы при виде всех этих уродцев. Их хватило бы на составление не одной труппы карликов и великанов. Престо встречались мужчины и женщины, толстые, едва переваливающиеся на ногах-тумбах, и тощие, как капитан Фракасс, он видел мужчин с женским бюстом, бородатых женщин... всё это были жертвы игры неведомых Престо сил, скрывающихся в недрах человеческого организма.

Вот уродец с огромной головой и короткими ногами. Это — кретин. Он внимательно осмотрел Тонио и вдруг засмеялся смехом идиота.

— Джим! Джим! Иди скорее, посмотри на это чудо! Тонио Престо соскочил с экрана и пожаловал к нам. Иди, иди, посмотри бесплатный кинематограф! — закричал он, обращаясь к другому больному.

Престо узнавали все, кто только видел его на экране. А кто же не был в кино? Кретины, великаны, привлечённые «живым Престо», шли следом за ним. Это раздражало его. Он сделал крутой поворот на боковую дорожку и неожиданно вышел к теннисной площадке. Мужчины и женщины в белых спортивных костюмах с увлечением играли в теннис. Это были вполне нормальные люди. «Вероятно, выздоровевшие», — решил Престо.

В некотором отдалении стояли уроды. Они жадно наблюдали за играющими.

Как впоследствии узнал Престо, между уродами и людьми, вернувшими се-

бе нормальный вид, были своеобразные отношения. Уроды очень хотели быть в обществе пациентов, которые уже прошли курс лечения. Это поднимало настроение уродов, укрепляло их надежду на то, что они скоро будут такими же здоровыми, нормальными людьми. Выздоровевшие же очень неохотно встречались с уродами, чуждались их, так как вид уродов напоминал им собственное недавнее уродство. Они начинали волноваться. Некоторые женщины вынимали даже зеркальце, чтобы убедиться, что безобразная личина спала с их лица. И поэтому в городке Цорна всегда существовало несколько общественных кругов, как в иерархии общественных классов. «Плебеи и парии», уроды, по мере хода лечения переходили в «высший» класс вместе со своей кастой, своим кланом.

Скоро Престо заметили и здесь. Тогда он углубился в самый конец городка-парка. За невысокой стеной он услышал детские голоса. Там было детское отделение.

И снова назойливые взгляды встречных больных, смех, приглушённые голоса: «Престо! Смотрите, Престо!..»

Увы, здесь он был последним из париев.

Престо вернулся домой и до вечера никуда не выходил. Только с наступлением темноты, когда большинство больных разбрелось по своим виллам. Престо вновь направился к дому доктора.

Цорн повстречался ему на полдороге.

— Я к вам, — сказал Цорн. — Идёмте гулять. Перед сном это полезно. Как спали вы прошлую ночь?

— Плохо. Я думаю, в этом виноваты ваши гипофизы. Я хочу знать, что это за звери, иначе мне будет казаться, что я хожу окружённый злыми демонами, как это казалось моему далёкому предку.

— Ну что же, давайте знакомиться с «демонами».

— Если можно, доктор, пойдёмте вот этой дорожкой.

И Престо показал на крайнюю глухую дорожку, по которой почти никто не ходил.

Цорн кивнул головой и начал свои объяснения.

— Железы внутренней секреции вы только что назвали «демонами». Так вот, одни и те же демоны могут быть злыми и добрыми. Каким образом? Я вам сейчас объясню. Вы, конечно, знаете, что человеческое тело состоит из многих миллиардов живых клеток, то есть мельчайших комочков живого вещества. Эти маленькие клеточки, выполняя различные, присущие им функции, живут и действуют в удивительном взаимодействии и в полном согласии меж собой. Чем больше изучаешь жизнь тела, тем больше удивляешься этой гармонии частей, этому порядку и согласию, царящему между всеми клетками и частями организма. Кто устанавливает этот порядок? Вопрос, который давно интересовал учёных. В течение девятнадцатого века учёные полагали, что все части и клетки организма связываются и объединяются нервной системой, а мозг является центром, которому слепо подчиняются все клетки. Однако оказалось, что это не совсем так. Мозгу отведено более скромное, хотя и очень важное место. Он является центром передачи возбуждения с одной точки тела на другую. Такая передача носит название рефлекса. Но рефлексами вовсе не исчерпывается проявление жизни организма, центральная нервная система не есть главная система. Нервных систем, в сущности, несколько, и мозг не

есть центр всего тела. Организм управляется, как оказалось, более сложным порядком. Клетки вырабатывают особые химические вещества, которые стимулируют работу желез и мышц. Мышцы накапливают для клеток питательные продукты и продукты обмена, а железы вырабатывают особые вещества, называемые гормонами. Эти вещества не идут в отбросы организма и имеют роль активных деятелей. Они-то и определяют форму организма. Взаимный обмен гормонов даёт гармонию всему организму. Миллиарды клеток живут в точно установленном взаимодействии. Некоторые органы, например, выделяют только гормоны. Такие органы называются железами внутренней секреции, и если, скажем, один из этих органов, желез, работает слишком активно, то он начинает преобладать в работе организма, количество же других факторов уменьшается, и организм претерпевает существенные изменения: человек ненормально полнеет или худеет, в детском возрасте — усиленно растёт или же задерживается в росте; бывают и более глубокие изменения, приводящие к физическому уродству. Таким образом органы внутренней секреции, или железы, играют роль регуляторов, и их немало: щитовидная железа, паращитовидная железа, зубная железа, гипофиз, надпочечники и много других. Кстати, о щитовидной железе. Вы где родились?

— В горах Бурчиада.

— Я так и полагал. В местах, стоящих высоко над уровнем моря, в почвах выветриваются, выщелачиваются и вымываются дождями питательные соли, необходимые для координации действий организма при питании некоторых органов, и щитовидной железе в этих условиях не хватает материала. Потому-то в ваших местах так много больных зобом. Ведь зоб — это ненормальное развитие заболевшей от недостатка питания щитовидной железы. Ваша болезнь тоже происходит от нарушения деятельности желез внутренней секреции. Однако это нарушение имеет у вас несколько необычный характер. Дело в том, что у людей вашего типа обычно наблюдается замедленность движений и всех процессов душевной жизни. Они вялы, тяжелодумны, флегматичны, тупы и напоминают собою добродушных животных. Правда, живой ум встречается и между ними. Но у вас не только живой ум, у вас активный, деятельный, творческий ум и повышенная восприимчивость и чувствительность нервов. Скажите, приступы усиленного сердцебиения у вас бывают?

— Бывают, — ответил Престо.

Цорн кинул взгляд на его руки.

— Вы чуткий, нервный, впечатлительный. Вы легко возбудимы, в вашем организме как будто действуют две взаимно-противоположные силы. Я уже имею представление о вашем характере, темпераменте и умственном складе. С вами придётся, как видно, повозиться. Вы, конечно, хотите иметь нормальный рост, нормальные пропорции тела и лицо, какое было бы у вас, если бы нарушение желез внутренней секреции не наложило на него своей печати?

— Ну разумеется, — ответил Престо.

— Вы так и не видали своего настоящего лица. Постараемся выявить его. Я делаю то, чего пока не делают другие врачи. Меня называют колдуном, кудесником. Так же называли нашего селекционера Бербанка. Я делаю не больше его. Он творит чудеса, изменяя форму и всю «конструкцию» плодов и овощей. Я же работаю над изменением формы и содержания человеческого организма. Пройдёмте, посмотрим мой «музей». Я покажу вам кое-какие мои трофеи. Я

обогнал своих коллег, — продолжал Цорн, направляясь к дому. — Мне удалось создать замечательные препараты из гормонов желез внутренней секреции. При помощи этих препаратов мне удаётся изменять формы и рост даже взрослых людей в сравнительно короткий срок. Посмотрите, — сказал Цорн, когда они вошли в комнату, смежную с кабинетом, — вот как выглядит сила, которая произвела все эти чудеса.

Он взял альбом, раскрыл его и показал Престо фотографии. На левой стороне были сняты ужасные уроды, на правой — вполне нормальные люди, среди которых были даже очень красивые. Между лицами левой и правой стороны было только отдалённое, едва уловимое сходство.

— Это до лечения, а это после, — сказал с гордостью Цорн, показывая на левую, потом на правую страницу альбома.

И он имел право гордиться. Казалось, он мог лепить формы тела и лица людей по своему желанию.

— Это всё мои европейские трофеи. Ведь я начал свою работу во Франции у Сабатье, — сказал Цорн. — А вот первые американские. К сожалению, представители нашей официальной медицины, как мне пришлось слышать от Крукса, не очень доброжелательно относятся к моим опытам. В церковных кругах также ропщут. Впрочем, пока мне не мешают. А вот, — он показал на шкаф со стеклянными дверцами. На полках виднелись большие аптечные белые банки с латинскими надписями на этикетках. — Средневековый кудесник много дал бы за эти банки. В них содержатся порошки. Одни из них увеличивают рост, другие уменьшают...

— Неужели вы в состоянии уменьшить или увеличить рост уже взрослого человека?

— Да, смогу сделать даже такое «чудо». Вот этот порошок радикально излечивает от ожирения, этот — худых людей превращает в полных. Словом, живи я пятьсот лет тому назад, я мог бы «заколдовывать» и «расколдовывать» людей, получая за это огромные деньги.

— И покончили бы дни свои на костре.

Цорн улыбнулся.

— Возможно. Теперь меня не сожгут живьём. Но всё же допечь могут очень сильно. Косность человеческая переживает века.

Докторский приказ «раздентесь» Престо исполнил механически. Цорн тщательнейшим образом исследовал Тонио.

— Необходимо запечатлеть всю последовательность ваших превращений, — сказал Цорн. — Одного больного я снимал в одной и той же позе каждый день киноаппаратом. Получился изумительный фильм: превращение на глазах зрителей уроды в красавца. Но такие снимки отнимают слишком много времени.

На другой день после этого Престо принял первый порошок, который должен был начать невидимую работу в его организме.

В этот день Престо долго стоял перед зеркалом, как бы прощаясь с собой.

Кошунственный поступок

Дни шли за днями, одно лекарство за другим глотал Престо. Он внимательно наблюдал себя в зеркале, но изменений не замечал. Всё тот же туфлеобразный нос, те же уши-лопухи, тот же овал черепа, расширенного кверху. Пре-

сто терял терпение и уже начинал сомневаться в «магии» доктора Цорна.

Чтобы не быть центром всеобщего внимания, он давно отказался от прогулок по парку и выходил подышать воздухом только ночью. Время шло однообразно и довольно скучно. Он читал лос-анжелосские, сан-францисские и голливудские газеты, желая узнать, что там делается.

Некоторые газетные заметки невольнo останавливали внимание Престо, хотя они и не относились к судьбе Люкс. В штате Калифорния, в городе Бэркли, несмотря на протесты щепетильных и стыдливых соседей, двухлетний Рольф Эллисон разгуливал голый в течение четверти часа в солнечные дни на заднем дворе своего дома. Этому требовала его мать Лилиан Эллисон. Доктор предписал её сыну лечение солнцем. Но соседи пожаловались полиции. Один чувствительный супруг заявил, что нагота двухлетнего Рольфа страшно стесняет его жену.

Почтенный пастор Ноэль Гайнс из Франкфорта, штат Кентукки, заявил: «профессора, которые учат, что предками человека были хвостатые обезьяны, заслуживают виселицы».

В штате Арканзас в местном университете была проведена анкета по вопросу, кого они считают «величайшим музыкантом в мире». На первом месте в результате опроса оказался популярный дирижёр джаз-банда Пол Уайтмен, на втором — Бетховен. Третье место заняли двое: Падеревский и Генритови, директор музыкальной школы при университете. В Эль-Пазо, штат Техас, Альфред Э. Седдон, священнослужитель пресвитерианской церкви, пользующийся большой популярностью, заявил: «Электричество, как сила природы, существовало с тех пор, как существует человек на земле, — около шести тысяч лет. И я не скажу, почему бы при божьем попечении у Адама не могло быть в его жилище радио, посредством которого он мог слушать гимны ангелов».

Другие газеты печатали совершенно невероятные факты, которые придумывал «властитель дум» Роберт Рипли. Например, Рипли открыл в Бостоне мистера Коннерса, который поставил рекорд скорости взбега и сбегания по лестнице небоскрёба. Некий Блайстон написал с помощью микроскопа тысячу шестьсот пятнадцать букв на рисовом зерне. Один французский писатель заполнил четыреста листов канцелярской бумаги знаками препинания и послал их своему издателю за то, что тот упрекнул автора в небрежном отношении к правописанию.

Французский поэт Брейтейль писал два года любовное письмо одной актрисе и написал миллион раз «я вас люблю». Мисс Кук из Лондона писала завещание с двадцати до сорока лет, написала восемь томов и умерла, оставив пять тысяч долларов. Доктор Литтингер в Вене улыбался в течение тридцати дней...

Подобные заметки интересовали Престо тем, что они помогали изучать психологию американского обывателя, его доверчивость, проистекающую от невежества, его вкусы. Кое-что могло пригодиться и для трюков.

Но вот однажды Престо нашёл и то, что искал.

Газеты сообщили о тяжёлой болезни мисс Гедды Люкс. У неё произошёл странный припадок, едва не окончившийся смертью. Врач, вызванный горничной, нашёл мисс Люкс без чувств и посиневшей, с едва заметными признаками жизни. Врачу стоило больших трудов вернуть её к жизни. Горничная Люкс также чувствовала себя очень плохо, хотя она оправилась от непонятно-

го припадка раньше своей госпожи и нашла силы вызвать врача по телефону. Никаких следов угара или присутствия какого-нибудь газа, могущего вызвать подобное состояние, врачом обнаружено не было. О его причинах ни Гедда, ни её горничная ничего определённого сказать не могли.

Только несколько дней спустя репортёру маленькой газетки удалось получить кое-какие сведения, проливающие свет на то, что произошло. По его словам, горничная мисс Люкс сообщила своему знакомому шофёру, что её госпожа едва не умерла со смеху потому, что Престо имел дерзость сделать ей. Люкс, предложение «Престо был настолько смешон, что я сама едва не умерла от смеха», — говорила горничная.

Другие газеты не перепечатывали этого сообщения, считая его слишком неправдоподобным. Престо мог сделать предложение и получить отказ. Но умереть со смеху — это неслыханная вещь.

Ещё через день в той же газете была напечатана заметка о том, что к странному припадку мисс Люкс Тонио Престо безусловно имеет отношение. Несколько свидетелей подтвердили, что видели Престо в то злополучное утро выходящим из виллы Люкс. Вскоре после его отъезда виллу Гедды Люкс посетил врач. Во всяком случае, от мисс Люкс не поступало никакой жалобы, и следственные власти не могли открыто приступить к производству следствия. Подозрения, падающие на Тонио Престо, усиливались тем, что он неожиданно исчез, быть может, опасаясь ответственности за свой поступок. По словам его кинооператора Гофмана, Тонио Престо уехал в Европу лечиться. Сам Гофман почти одновременно с Престо выехал на Таити.

Ещё через день та же маленькая газетка, сообщавшая сплетни, оповестила мир о том, что факт кощунственного и святотатственного поступка Престо подтвердился Тонио Престо действительно имел дерзость оскорбить Люкс предложением брака. Эта весть была подхвачена другими газетами, и поклонницы и поклонники Люкс слали в редакции тысячи писем с выражением негодования, сочувствия и соболезнования «оскорблённой и осквернённой» Люкс.

«Кощунственный, святотатственный поступок! — с возмущением думал Престо. — Если бы я сейчас попался в руки поклонников Гедды Люкс, они растерзали бы меня. Вот суд толпы! Ну, что же, тем лучше! Пусть теперь мне не говорят, что я не имею права изменять свою внешность!»

Как всё-таки хорошо, что Престо скоро сбросит свою ужасную личину!

Престо подошёл к зеркалу и ещё раз внимательно осмотрел своё лицо. Никаких перемен.

«А Люкс всё же не хотела выдавать моей тайны, — думал Престо. — Горничная разболтала. Люкс! Как-то она встретит меня, когда я предстану перед нею в новом виде?»

Престо вдруг обуяло такое нетерпение, что, несмотря на присутствие в саду многих больных, он поспешил к доктору Цорну.

— Послушайте, доктор! Я не могу больше терпеть. Ваше лекарство не оказывает на меня никакого действия, — сказал Престо.

— Не волнуйтесь, — спокойно ответил Цорн. — Моё лекарство оказывает нужное действие. Но всё делается не так скоро, как у вас в фильме. Лекарство действует на гипофиз и на щитовидную железу. Они должны накопить нужное количество гормонов. Гормоны действуют на клетки. Видите, сколько

здесь передач? Притом не забудьте, что вам не десять лет отроду и кости ваши не столь податливы, как у ребёнка. Когда железы, если так можно выразиться, наберутся сил, процессы изменения пойдут гораздо скорее.

Престо оглянулся и увидел красивую молодую даму или девицу, сидящую в кресле. Только сейчас он сообразил, что вбежал в кабинет врача без предупреждения, во время приёма.

— Простите, — сказал он смущённо, обращаясь к даме.

Пациентка улыбнулась и сказала:

— Мы уже обо всём переговорили с доктором. — И, кивнув головой, дама лёгкой походкой вышла из кабинета.

— Новенькая? — спросил Престо.

— Наоборот, старенькая, — ответил, улыбаясь, Цорн.

— Но я не заметил, не видал такой среди больных...

— Да, вы не видели такой, и всё же вы видели её. Это та самая девица, которая сидела у своей веранды в кресле, помните, мисс Веде?

— Страшное чудовище? — с удивлением спросил Престо.

— Она самая.

Престо бросился к доктору и начал жать его руки.

— Простите, доктор, что я усомнился в вашем всемогуществе!..

— До всемогущества далеко, но всё же современная медицина кое-что может сделать. Идите и терпеливо ждите.

Чудо перевоплощения

Прошло ещё несколько дней после этого разговора, — дней, похожих на все минувшие. И вот началось «чудо перевоплощения», как сказал Престо, окончив утренний осмотр своего лица.

Зеркало не могло обмануть: провал переносицы заметно поднялся. Престо успокоился и сразу повеселел. Теперь уже не могло быть никакого сомнения: лекарства доктора Цорна пробудили внутренние силы его организма, началось преобразование его тела.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Переносица очень быстро начала принимать нормальный вид. А мясистый туфлеобразный конец носа будто «подсыхал», втягивался, словом, заметно уменьшался. Сжимались и уменьшались уши. Весь череп принимал более пропорциональный вид. И, удивительное дело! Престо начал расти. Пальцы, руки и ноги удлинялись, — это было заметно по брюкам и рукавам, делавшимся всё короче.

Однажды утром к Престо явилась миловидная сестра и, поздоровавшись, сказала с улыбкой:

— Вы начинаете расти, мистер Престо. Поздравляю. Скоро этот костюм для вас будет мал. У нас имеется склад обуви, белья и костюмов разного размера. Прислать ли вам одежду большего размера, или же вы будете заказывать новую? У нас имеются белошвейки, сапожники и портные.

Какой же пациент Цорна станет носить одежду с чужого плеча! Престо, как и другие, сказал, что он будет заказывать костюмы.

Только немногие пациенты увозили с собою гардероб одежды разных размеров. Большинство оставляло эти костюмы, как шкурку сказочной лягушки-царевны, чтобы они не напоминали о прошлом. Костюмы впоследствии продавались коммерческими агентами Цорна.

Сестра кивнула головой и вышла.

Через несколько минут с Престо уже снимали мерку, — портной, сапожник и белошвейка показывали образцы дорогих тканей и фасоны. Следом за ними явился шляпочник. А к вечеру Престо уже с ног до головы был одет во всё новое, чтобы через несколько дней повторить эту процедуру.

Внутренние силы действовали чем дальше, тем энергичнее. Раз прорвав застывшие формы, эти силы начали перестройку организма с необычайной быстротой. Тонио скоро потерял счёт всем новым приобретениям и изменениям. И когда в конце первого месяца «метаморфоз» он вынул свою фотографическую карточку и сравнил с теперешним своим лицом, то сначала обрадовался, а потом даже испугался: зеркало отражало новое, чужое лицо.

Это уже не был Антонию Престо, каким он знал себя с детства. Тонио Престо потерял своё прежнее лицо... Престо стало жутко. Как будто его сознание переселилось в тело неизвестного человека. Он пробовал делать движения руками, — получалось что-то новое, довольно плавное, даже изящное, но какое-то чуждое. Физические ощущения были новыми и странными. Каждый жест удавался ему удивительно легко. Члены тела сделались гибкими, подвижными. Не было больше угловатости движений. Походка Престо, напоминавшая движение летучей мыши, сделалась теперь плавной и лёгкой. Всё это было бы чрезвычайно приятно, если бы не было так ново, — ново до жути.

Изменения происходили не только в организме Престо, но как будто и в окружающем мире. Ребёнок растёт годами, медленно и незаметно. У Престо рост происходил быстро, «не по дням, а по часам», как у сказочных богатырей. И, по мере его роста, Тонио казалось, что пространство и масштабы быстро уменьшаются. Кровать, на которой он занимал, когда приехал, не более трети длины, стала как будто укорачиваться, стулья, столы уменьшаться. Ему уже не надо было прибегать к эквилибристике, чтобы сесть на стул или в кресло. На письменном столе он всё более раздвигал книги, письменные принадлежности. Он уже мог, приподнявшись на носках, самостоятельно снять с вешалки пальто, шляпу. А сколько со всем этим было возни! Раньше ему, как ребёнку, ежеминутно приходилось прибегать к посторонней помощи или же возбуждать смех, делая попытки самостоятельно достать что-нибудь высоколежащее, куда-нибудь взобраться. Мир не приспособлен для карликов...

Это были приятные новшества. Но всё же внутренние изменения привлекали наибольшее внимание Престо.

Тонио часами не отходил от зеркала. Он изучал своё обновлённое тело. Он любовался им и удивлялся чудесам науки. Да, теперь он верил, что человеческое тело не представляет собой отлитых на всю жизнь форм, что эти формы текучи и подвижны, как вода. Надо только уметь разбудить «внутренние силы» организма, строителей живого тела — гормоны.

Гормоны, гипофиз, щитовидная железа — теперь эти слова уже не казались Престо непонятными обрывками колдовского заговора.

— И всё же это очень странно, — говорил он, глядя в зеркало.

А из зеркала на него смотрел изящный молодой человек с красивым тонким носом, довольно высокий, очень стройный, худощавый.

И на этом новом теле был надет новый костюм. Престо посмотрел на старенький костюм, маленький костюм в клеточку, с короткими, почти детскими брюками. И этот костюм вдруг показался Престо жалким и трогательным.

Как будто этот костюмчик остался от умершего подростка-сына или брата.

— Тонио Престо умер. Нет больше Тонио, — тихо сказал Престо.

Неожиданно ему стало жалко этого уродца, который знал нужду, несогретое лаской детство, жизнь на улице.

Тонио вспомнил, как он мальчиком в поисках хлеба оставил родные горы и отправился на восток. Но трудно было с его ростом получить постоянную работу. В одном городе он продавал газеты, в другом служил живой рекламой — в шутовском костюме носил плакат: «Покупайте ваксу „Солнце“!» Мальчишки издевались над ним и не редко били. Пришлось снова отправиться в путь. Наконец, в одном городе ему посчастливилось попасть в бродячий цирк. Снова шутовской костюм, но здесь его не били. Он зазывал народ и имел у зевак успех. С этим цирком Престо посетил многие города и городишки Америки. В одном городе Калифорнии, где была киностудия, хозяину этого предприятия пришла мысль заснять бродячий цирк в картине по специально написанному сценарию. Цирк ещё не успел уехать из города, как в кино уже появился новый фильм. И Престо впервые увидел на экране самого себя. Его роль была невелика, — как всегда, он только зазывал.

Престо был глубоко взволнован, увидев своё изображение на экране. Тонио Престо — тогда он был ещё просто Том Джонсон — вырос в собственных глазах. Если его показали на экране, на том самом экране, на котором выступали все его любимые герои, то и он сам чего-нибудь да стоит. Его охватила довольно распространённая болезнь — непреодолимое желание сниматься для экрана. Микроб этой болезни недостаточно изучен, — играет ли тут роль простое тщеславие, или жажда быстрого обогащения, или же бессознательное желание победить время и смерть, законсервировав на плёнке хоть несколько моментов своей жизни, не известно, но сила болезни чрезвычайна.

Тонио явился к хозяину киностудии и предложил себя в качестве киноартиста. Тот только расхохотался. Тонио не успокоился. Он узнал о центре американской кинопромышленности, Голливуде, и, распростившись с цирком, отправился туда. Долго кинопредприниматели, режиссёры, операторы не хотели даже серьёзно говорить с ним. Однако один умный оператор задумался и сказал директору:

— А почему бы из этого кретина не сделать второго Джекки Кутана? Этот, по крайней мере, не вырастет, как тот.

Несколько сот метров плёнки в большом деле не составляют расчёта. Директор согласился сделать пробу. Престо суетился и махал руками, как ветряная мельница. Режиссёр безнадёжно махал рукой: «Да он понятия не имеет об игре!» — но оператор не сдавался.

Фильм имел у публики неожиданный для директора и режиссёра эффект. И в судьбе Престо произошёл волшебный поворот...

Престо старался вспомнить всю свою жизнь. Ему хотелось проверить, знает ли новый Престо всё то, что пережил старый. Не нарушило ли физическое «перевоплощение» единства сознания? Нет, память его действует нормально. Престо-новый является преемником всего психического наследства Престо-старого. И всё же в психике Престо произошли немалые изменения. Престо-новый стал спокойнее, положительнее. Он лучше владеет собой, не горячится, не мечется. И это тоже очень странно. В существе Престо как будто осталась только тоненькая ниточка, соединяющая его прошлое «я» с настоя-

щим, — ниточка единства сознания. Порвись эта ниточка, и Престо-старый умер бы окончательно, а новый молодой человек «родился» бы на свет в возрасте двадцати семи лет. А что, если в самом деле эта ниточка порвётся? Тонио забудет всё, что было с ним до начала лечения. Кем же он тогда будет? Тонио потёр свой лоб, отошёл от зеркала и опять посмотрел на себя.

— Да, Тонио Престо потерял лицо.

Злоумышленник

«Чудо перевоплощения» совершилось. Зеркало отражало не безобразного уродца, а красивого молодого человека, стройного, немного худощавого. И удивительней всего было то, что в новом Престо, с его безукоризненно правильными формами нормального человека, было нечто, заставлявшее вспомнить о старом Престо, то сходство, которое мы подмечаем в двух скульптурах, различных по форме, но принадлежащих резцу одного скульптора. Доктор Цорн осмотрел своё произведение с чувством художника, удовлетворённого своей работой.

— Отлично, — сказал он. — Желаю вам жизненного успеха. Внутренние процессы переустройства вашего тела закончились, но всё же вы ещё недельки две внимательно понаблюдайте за своей внешностью. Если заметите в лице хоть малейшее изменение, немедленно приезжайте ко мне.

Восхищённый Престо жал руку доктора.

Тонио оставил у доктора почти все деньги, которые взял с собой, — а их было около сотни тысяч долларов. У Престо осталось только на дорогу. Он послал телеграмму Себастьяну, предупреждая его о том, что приедет завтра утром.

В назначенный час наёмный автомобиль подкатил к подъезду виллы Престо. Старый слуга выбежал на широкую лестницу, спускавшуюся отлогим полукругом к усыпанной песком дороге, и вдруг с недоумением остановился. Вместо своего хозяина он увидел изящного молодого человека, который, заметив недоумение слуги, рассмеялся и сказал приятным баритоном:

— Что, не узнал меня, старина? Это я, Антонио Престо, но я побывал у врача, и он, понимаешь ли ты, изменил меня, переделал заново. Бери чемоданы!

Но Себастьян не двинулся с места. Он был преданный слуга, даже больше чем слуга. На карлика Престо он смотрел, как любящая няня на ребёнка, и оберегал его интересы больше, чем свои собственные. Себастьян знал, каким опасностям подвергается личность и имущество миллионера в Америке, а Престо был крупным миллионером. Себастьян с замиранием сердца читал в газетах о тех уловках и хитростях, к которым прибегают преступники, чтобы овладеть не принадлежащим им богатством. И в данную минуту Себастьян не сомневался в том, что имеет дело с одним из молодчиков, который хочет провести его и обворовать дом Антонио Престо.

— Но не на такого напал! — насторожившись, бормотал про себя старик.

Не только Себастьян, выдавший вида, но и глупый молокосос не попался бы на такую удочку. Обман был слишком очевиден. Мыслимое ли дело, чтобы человек так изменился!

— Ну, что же ты стоишь? — нетерпеливо спросил Престо.

— Уезжайте, откуда приехали! — грубо сказал Себастьян, поднимаясь на несколько ступеней, чтобы занять на всякий случай более удобную позицию около двери. — Хозяина нет, а без него я никого не пущу в дом. Мне дан стро-

гий приказ.

— Вот чудак, я же говорю тебе, что я сам и есть хозяин, Тонио Престо.

Престо сделал нетерпеливое движение рукой, которое чем-то напомнило Себастьяну жест старого уродца Престо От волнения и негодования, что Себастьян не пускает его, Престо возвысил голос, и в последней его фразе: «я сам и есть хозяин, Тонио Престо» — слышались нотки фальцета карлика Тонио.

Себастьян с недоумением ещё раз осмотрел незнакомого молодого человека.

«Что за чертовщина! — подумал старик, — В нём в самом деле как будто сидят два человека!»

Престо, быть может, удалось бы воспользоваться этой минутой колебания и убедить Себастьяна, если бы не вмешательство ещё одного свидетеля этой сцены. Шофёр заинтересовался разговором. Он искоса поглядел на Тонио. Разумеется, это не Престо. Кто же не знает Престо? Шофёр был явно на стороне Себастьяна и незаметно мигнул тому, как бы предупреждая. «Не пускай в дом этого человека, он опасный».

Себастьян понял этот жест и поднялся ещё на несколько ступеней. Теперь он стоял у самой двери. Престо уже терял терпение. Он тоже начал подниматься по лестнице, но Себастьян зорко следил за злоумышленником. С неожиданной для своего возраста быстротой он проскользнул в дверь и закрыл её на железный засов, на ключ, на крюк, на цепочку. В отсутствие Престо Себастьян сам придумал все эти сложные запоры и заказал их слесарю. Теперь старик был в полной безопасности и мог выдержать осаду целой шайки бандитов.

— Что, не удалось, мальчик? — с злорадной усмешкой сказал он, стоя за дверью.

Тонио начал стучать, но Себастьян не открывал двери. Ни просьбы, ни угрозы не помогли. Себастьян был твёрд, как скала.

— Упрямый, глупый старик, — в сердцах выбранился Престо.

Под насмешливым взглядом шофёра Тонио медленно сошёл с лестницы, обдумывая своё положение. Быть может, его собственный шофёр окажется толковее. Престо прошёл к гаражу, рядом с которым стоял небольшой домик, где жил шофёр. На двери висел большой засов.

— Вероятно, пустил мою машину в прокат, мошенник, — проворчал Престо. Ему ничего не оставалось больше делать, как остановиться в номере гостиницы. Он назвал один из лучших отелей в городе.

У Престо едва хватило денег, чтобы расплатиться с шофёром, Хорошо ещё, что он был в дорогом, прекрасно сшитом костюме и имел отличные чемоданы, с внушительными ярлыками лучших европейских и американских отелей, Швейцар с почтением открыл перед ним дверь.

— Ваша фамилия? — спросил у Тонио молодой человек в больших очках, сидевший за конторкой.

— Тонио Престо, киноартист, — выпалил Тонио.

Раньше ему не нужно было называть себя. Подавляя улыбку, швейцары, лакеи и метрдотели первыми почтительно называли его по имени. Его знали лучше, чем президента. Теперь ему пришлось назвать себя. Но этого мало. Слова «Тонио Престо» вызвали у конторщика неожиданный эффект. Он вдруг откинулся назад и несколько минут смотрел на Престо изумлённым взглядом.

Потом любезно, но холодно сказал:

— Вероятно, вы изволите быть однофамильцем известного Престо?

И тут Престо допустил малодушие. Он не захотел убеждать молодого человека в том, что противоречило очевидности — этот юноша в очках, так же как и Себастьян, не поверил бы ему. Зачем ставить себя в глупое положение человека, который явно присваивает чужое имя?

— Да, однофамилец, — ответил Престо и поспешил подняться на лифте и скрыться в свой номер.

«Что же будет дальше? — озабоченно подумал он. — Оказывается, потерять своё лицо — пренеприятная вещь».

Престо проголодался. Хорошо ещё, что в отеле можно было завтракать и обедать, не платя каждый раз. Престо позвонил и заказал завтрак. От внимания Престо не ускользнуло, что лакей как-то особенно смотрит на него. Видимо, весть о неизвестном молодом человеке, который имеет бестактность присвоить прогремевшее имя, уже обошла весь отель.

Престо позавтракал и повеселел. В конце концов всё объяснится, и он сам будет смеяться над своими злоключениями.

Теперь он решил осуществить свою давнишнюю мечту, которую лелеял всё время, пока находился в лечебнице Цорна: Престо решил сделать первый визит Гедде Люкс. Он извинится перед ней и... Как-то она теперь примет его?

Престо ещё раз критически посмотрел в зеркало и нашёл, что он — настоящий красавец. Вот когда он сможет играть роли в высоких трагедиях! Мечта его осуществится... Он — Ромео, Гедда — Юлия... Престо стал в позу и протянул руки к воображаемой Юлии. «Великолепно... Неотразимо. Она не устоит. Теперь она не откажет мне!» — подумал он и, переодевшись в новый костюм, вышел на улицу.

Снова отвергнутый

Вилла Гедды Люкс находилась за городом, недалеко от киногородка мистера Питча, в полумиле от собственной виллы Тонио. У Престо не осталось денег, чтобы нанять автомобиль.

«Придётся идти пешком», — думал он. И тут же утешил себя, что моцион — очень полезная вещь. Однако он скоро убедился, что даже самые полезные вещи приятны только тогда, когда их имеешь в меру. Для сокращения пути он решил идти по новой, только что проложенной дороге.

Жара стояла нестерпимая. Белое шоссе, ещё не покрытое гудроном, блестело так, что глазам было больно. Вдобавок по шоссе всё время туда и обратно сновали автомобили, которые так пылили, что Престо задыхался. Он давно успел позабыть, что автомобили оставляют позади себя так много пыли и что они могут доставлять столько неприятностей человеку, который принуждён плестись по дороге. А автомобилисты как будто издевались над пешеходом и, проезжая мимо, так вызывающе ревели в свои гудки и пускали столько пыли в глаза, что Престо сжимал кулаки от негодования.

Никогда ещё знакомый путь не казался ему столь длинным.

Когда Престо добрался, наконец, до виллы Люкс, то вид у него был очень непрезентабельный. Лицо и воротничок почернели от грязи и пота, волосы слиплись, костюм и ботинки покрылись слоем пыли. Он осмотрел себя и начал колебаться, показаться ли ему перед Геддой в таком виде. Но желание ско-

рее увидеть её заставило решительно нажать кнопку звонка. Дверь открылась, и Престо увидел ту самую горничную, которую он едва не убил смехом вместе с её госпожой. Девушка не узнала его. Она несколько презрительно осмотрела его костюм, но, взглянув на лицо, приветливо улыбнулась. Эта улыбка ободрила и окрылила Престо.

— Я хотел бы видеть мисс Люкс.

Тысячи молодых людей, мечтающих о славе киноартистов и артисток, жаждут видеть мисс Люкс в надежде воспользоваться её протекцией. Десятки тысяч людей всех возрастов и обоих полов сочли бы за счастье лицезреть «божественную» Люкс. Но у неё не хватило бы времени на работу, если бы она начала принимать всех приходящих.

— Мисс Люкс нет дома, — ответила горничная обычной фразой.

Но Престо знал эти уловки.

— Для меня она должна быть дома! — сказал он многозначительно. — Я её старый друг, и она будет очень рада видеть меня. — Девушка усмехнулась при слове «старый». — Да, да, не смейтесь, — продолжал Престо. — Я знал Гедду, когда она была ещё совсем маленькой девочкой. Я приехал на несколько дней по делам и решил повидаться с нею. Но по дороге мой автомобиль сломался и... — он многозначительно показал на свой костюм, — мне пришлось идти пешком.

— Как о вас прикажете доложить? — уже совсем любезным тоном спросила горничная.

Опять этот роковой вопрос!

— Видите ли, — замялся Престо, — я хочу сделать мисс Люкс сюрприз. Скажите мисс, что её хочет видеть старый Друг.

Горничная приоткрыла дверь,пустила Престо в большую приёмную и отправилась доложить своей госпоже, попросив Престо подождать ответа. Это была уже полупобеда.

«Женщины любопытны, — думал Престо. — Гедда наверно захочет посмотреть старого друга, в особенности после того, как горничная опишет ей мою наружность. А она наверно сделает это...»

— Пожалуйста, мисс просит вас пройти к ней в будуар, — сказала горничная, и Престо, волнуясь, прошёл в знакомую комнату, утопавшую в мягких коврах, на которых были разбросаны пуфы, подушки, львиные и медвежьи шкуры.

Люкс полулежала на кушетке и при входе Престо поднялась и с недоумением посмотрела на него. Опять обман! К каким только ухищрениям не прибегают эти поклонники и охотники за славой...

— Что вам угодно? — сухо спросила она.

Престо поклонился.

— Мисс, я не обманул вас. Я — ваш старый друг, хотя вы не узнаете меня. — Его приятный баритон и искренность тона произвели благоприятное впечатление.

— Прошу вас! — сказала Люкс, указывая на маленькое кресло.

Престо сел в кресло. Люкс опустилась на кушетку, минуту длилось молчание. Потом Престо начал говорить, многозначительно поглядывая на Люкс.

— Чтобы убедить вас в том, что я не обманул вас, я могу рассказать вам то, чего никто не знает, кроме вас и... ещё одного человека. Я повторю вам, что го-

ворил вам Тонио Престо в последнее свидание с вами, а также и то, что вы отвечали ему. Повторю от слова до слова.

— Он вам передавал это? — спросила Люкс.

Тонио улыбнулся.

— Да, он мне передавал это. Он очень извинялся, что причинил вам... беспокойство, заставив вас смеяться так много...

— Я едва не умерла.

Престо утвердительно кивнул головой.

— Я знаю это.

— Но при чём тут вы? — спросила Гедда. — Тонио просил вас передать его извинение?

— Да, он... завещал мне это.

— Он умер? — с испугом спросила Гедда.

Тонио не ответил на её вопрос.

— Позвольте напомнить вам, что вы ответили ему на его предложение.

— Боже мой, но я не могла предположить, что мой отказ убьёт его. Он был вашим другом. И теперь вы как будто явились мстить за него...

— Прошу вас, не спешите делать выводы и выслушайте меня. Итак, вы тогда сказали Престо, что между ним и вами стоит непреодолимая преграда. И эта преграда — его уродство. Ведь так? Значит, если бы не было этой преграды... он имел бы шансы?

— Да, — ответила Гедда.

— Так вот, — сказал Престо, — теперь этой преграды не существует. Антонио Престо не умер, но переменял свою внешность. Антонио Престо — это я. Ведь вы не можете сказать, что я безобразен?

Престо поднялся с кресла и сделал несколько шагов, как «живой манекен» в магазине модных костюмов. Люкс невольно откинулась назад. В глазах её отразился ужас. Мысль её напряжённо работала. Кто этот странный человек? Сумасшедший? Преступник?..

— Что вам от меня надо?.. — спросила Гедда, едва владея собой.

— Я пришёл за ответом и уже получил его, — ответил Престо, — Вы сказали: «Да».

— Но вы не Престо... Прошу вас, не мучайте меня! Что вам надо?

— Успокойтесь, мисс Люкс. Вам не угрожает опасность. Я не сумасшедший и не бандит. Я знаю, вам трудно поверить в то, что вот этот неизвестный молодой человек, разговаривающий с вами, есть действительно отвергнутый вами Антонио Престо. Но я постараюсь убедить вас в этой невероятной вещи.

И Престо рассказал Гедде всё, что произошло с ним после свидания, показал вырезки из газет о «чудесных превращениях» доктора Цорна, наконец, вынул фотографии, отметившие все этапы эволюции, происшедшей в теле Престо. Эти фотографии были убедительнее всего. И всё же, когда Гедда, оторвав взгляд от фотографий, посмотрела на красивого молодого человека и мысленно представила себе старого Тонио Престо, её разум отказывался верить, что такие превращения возможны.

Она задумалась. Наступило молчание, которое Престо не нарушал. Он ждал ответа Гедды, как приговора. Наконец Люкс подняла голову и сказала:

— Мистер... Престо... — Это начало не понравилось Тонио. Раньше Гедда не называла его так официально, обращаясь к нему по-товарищески: «Тонио». —

Допустим, что всё так, как вы говорите. Стена уродства не стоит перед нами. Но...

— Какое же ещё может быть «но»?.. — нетерпеливо спросил Престо.

— Я выслушала всё, выслушайте теперь вы меня. Вспомните наш разговор, когда вы ещё были уродом Тонио. Я говорила вам о том, что положение обязывает. Преклонение толпы много даёт, но и много требует. Я возвеличена волею той толпы, которая посещает кино. И я не должна ссориться с толпой. Я говорила, что толпе было бы приятнее всего, если бы я осталась вечной невестой. И тогда каждый клерк, каждый метельщик улиц, хранящий мой портрет, мысленно представлял бы себя в роли моего «героя». Толпа ещё простит мне, если я выйду замуж за подлинного героя...

— За бога или полубога, — сказали вы тогда.

— Да, за тех, кого превозносит сама толпа.

— Но разве Престо не бог? — гордо спросил Тонио.

— Вы больше не Престо. В этом-то и весь вопрос. Вы были бог-страшилище, но вы были неподражаемы в своём безобразии. Теперь вы красивы, как Нарцисс, но таким вас не знает толпа. Вы превратились в безвестного красивого юношу. А безвестная красота — это хуже, чем прославленное безобразие Престо. Я не хочу, не могу допустить, чтобы про меня сказали, что стареющая Люкс, — а я ведь старше вас на два года, вы это знаете, — что стареющая Люкс купила себе на свои миллионы молодого мужа, бездарного, неизвестного, но смазливую юношу. Да едва ли и вы сами согласитесь быть «мужем знаменитости». Для мужчины с самолюбием это непривлекательная роль. А вы избалованы славой и успехом.

— Кто вам сказал, что я никому не известен? Разве я не Тонио Престо? Престо надел на себя новую маску. Но разве он перестал быть Тонио? Разве мой талант не остался тем же? Раньше я смешил людей, теперь буду потрясать их сердца. Я был комик, паяц, теперь буду трагик. О, как я буду играть! Поверьте мне, зрители будут потрясены до глубины души, когда увидят на экране Престо-трагика. Если я был полубогом, то стану богом...

— «Буду, буду, стану»... Это всё только мечты. Путь до экрана очень тернист, труден, чаще всего непроходим для тех, кто мечтает о славе...

— Зачем вы говорите мне всё это? Разве я не знаю, что стать знаменитостью не легко? Но ведь я... допустим даже, что я никому не известный юноша. Но у меня есть хорошее наследство, оставленное мне Тонио Престо: общепризнанный талант, великолепное знание артистической техники, наконец, связи...

— Но у вас нет главного: невероятно смешного туплеобразного носа Тонио Престо. И толпа не признает вас.

— Я заставлю её признать. Смотрите же, это последняя отговорка. И если я приду к вам, увенчанный славой и преклонением толпы...

— Тогда мы продолжим этот разговор. Но помните, Престо, я не даю никаких обещаний и ничем себя не связываю.

— Вы влюблены? У вас есть жених? — спросил Престо.

— У меня есть живое сердце и свободная воля. Престо. Идите добывать вашу славу!

Это наш нос, а не ваш

Пробратся к мистериу Питчу обновлённому Тонио Престо оказалось ещё труднее, чем к Гедде Люкс. Драгоценнейшее время мистера Питча охраняло несколько слуг, немых и глухих ко всяким доводам, мольбам и убеждениям. Отчаявшись в силе словесного оружия. Престо решил прорвать блокаду. Он оттолкнул лакея и быстро пошёл вперёд. К счастью, Тонио хорошо знал расположение комнат и потому без особого труда добежал до кабинета мистера Питча и успел скрыться за дверью.

Престо увидел знакомый ему кабинет, уставленный глубокими кожаными креслами, устланный ковром и украшенный по стенам фотоснимками и портретами киноартистов. На видном месте, в центре стены, красовался его собственный портрет. Тонио Престо был снят в натуральную величину и изображал Отелло с платком Дездемоны в руках. Сколько раз Престо бывал в этом кабинете! Питч всегда был неизменно любезен с ним, предлагал хорошую сигару, усаживал в кресло, ухаживал за ним, как за дорогим гостем.

Мистер Питч сидел на своём обычном месте, у открытого американского бюро, и разговаривал с юрисконсультутом мистером Олкоттом.

— В контракте обусловлена неустойка в пятьсот тысяч долларов, — говорил мистер Питч, не обращая внимания на Престо. — Если мистер Тонио Престо сбежал неведомо куда, не закончив съёмки начатого фильма «Любовь и смерть», то он, Престо, обязан уплатить неустойку и убытки. Коммерческая часть даст вам справку, во сколько обошлась нам постановка незаконченного фильма по день исчезновения Престо и сколько мы теряем от того, что не пустим этой картины в прокат. Получится весьма солидная сумма. Подготовьте иск.

— Но к кому мы будем предъявлять его? — спросил юрисконсульт. — Не лучше ли подождать возвращения Престо? Быть может, его и в живых нет. Ходят разные слухи.

— Тем более. Мы назначим опеку для ответа на суде и наложим арест на его имущество. Неужели вы не понимаете моей цели?

Разговор этот был прерван появлением лакея, который, потоптавшись за дверью, решил нарушить строгий регламент и войти в кабинет без доклада, чтобы оправдать себя за своё невольное упущение.

— Простите, мистер, — сказал лакей, — вот этот мистера — и лакей глазами указал на Престо, — самовольно вошёл в ваш кабинет, несмотря на все мои...

Мистер Питч посмотрел на Престо. У мистера Питча были свои правила. Он строжайше наказывал слугам не пропускать к нему «шляющихся молодых людей», но уж если кто-либо из них так или иначе пробирался в его кабинет, мистер Питч был любезен и не подавал вида, что это вторжение неприятно ему.

Мистер Питч кивнул головой, приказывая лакею выйти, и очень любезно спросил мистера, пожаловавшего к нему, что мистериу угодно.

— Я могу сообщить вам кое-какие сведения об Антонио Престо, — сказал Тонио.

— Ах, вот как! Это интересно. Говорите скорее, он жив?

— И да, и нет. Вот такого, — Тонио показал на свой портрет в золочёной раме, — такого Престо нет. Тонио Престо жив, и он стоит перед вами в своём новом облике. Я — Тонио Престо.

Питч вопросительно посмотрел на Олкотта.

— Вы не верите мне, это вполне понятно. Родная мать не узнала бы меня, но я сейчас докажу вам, что я — Тонио Престо.

— Пожалуйста, не трудитесь доказывать, я вполне верю вам, — поспешно ответил мистер Питч. — Что же вам угодно, ээ... мистер Престо?

— Я слышал отрывок разговора о том, что вы хотите предъявить ко мне иск за то, что я уехал, не закончив сниматься в фильме «Любовь и смерть». Можете не предъявлять иска. Я уплачу вам неустойку и убытки. Но этот фильм должен быть заснят вновь. И я опять буду играть в нём роль мейстерзингера. Только новый фильм будет уже не комедией, а трагедией.

— Да-с, трагедией... — неопределённо подтвердил Питч. — Вы хорошо осведомлены о наших делах. Но... Это не пройдёт, молодой человек.

— Значит, вы не верите мне, что я Тонио Престо.

— Верю, верю, но... но вы Тонио Престо... совсем из другого теста. Вы нам не нужны, кто бы вы ни были. Такими штампованными Аполлонами, как вы, хоть пруд пруди, а Тонио Престо был неподражаем, неповторим в своём уродстве. Это был уникам. И если вы действительно перевоплотившийся Тонио Престо, чему я... верю, то по какому праву вы могли делать это перевоплощение? Вы заключили с нами генеральный договор на десять лет и ряд отдельных договоров на ваше участие в тех или иных фильмах. Ни один цивильный лист короля не стоит столько ни одному государству, сколько стоили нам вы. За что мы платили вам эти сумасшедшие деньги? За ваш неподражаемый нос. Мы купили его у вас дороже, чем на вес золота. Где же она, эта драгоценность? Что вы сделали с ней? Брильянт величиною в тифлеобразный нос — дешёвая побрякушка по сравнению с носом мистера Престо. Вы не имели ни морального, ни юридического права лишать нас вашего носа. Это был наш нос, а не ваш. Да, да! Нос Тонио Престо принадлежал всем, как чудесный дар природы. Как смели вы лишить общество этого дара? Вы видите, я обращаюсь к вам как к Тонио Престо. Что вы скажете в своё оправдание?

— Я найду своё оправдание не в словах, а в делах. Дайте мне выступить перед объективом, и вы увидите, что новый Престо дороже старого...

Питч подскочил в кресле.

— Вы не Престо! Теперь я вижу, что вы не Престо. Вы — молодой человек, мечтающий стать кинознаменитостью. Вы подслушали наш разговор о Престо и повели рискованную игру. Тонио Престо не сказал бы того, что говорите вы. Тонио Престо знает, что талант — дело второстепенное. Главное — реклама. С талантом нередко люди погибают под забором, в неизвестности, никем не оценённые и не признанные, а рекламой можно вознести бездарность на вершину славы. Престо был бесподобен, великолепен, очарователен. Но пусть черти сожгут меня, как старую киноплёнку, если таких же Тонио не найдутся десятки в ярмарочных балаганах...

— Вы сами только что говорили о том, что Престо и его нос — уникам.

— Да, говорил и буду говорить. Потому что на рекламу этого носа мною затрачено больше миллиона долларов, прежде чем этот нос показался на экране. Слава всякого киноартиста прямо пропорциональна суммам, затраченным на рекламу. Это хорошо знал Тонио Престо, как бы он ни ценил себя. Не делайте трагических жестов. Допустим, что вы самый настоящий Тонио Престо, то есть что вы были им. Допустим, что душа, талант у вас остались престовские. Что я, аппаратом душу снимаю? Как бы вы ни были гениальны, будь вы три-

жды гений, публика не знает вас, и в этом всё ваше несчастье. А делать из вас нового Престо, Престо-трагика, — это слишком хлопотливо, накладно, скучно. Довольно. Я временно прекращаю производство кинозвёзд и гениев. Слишком дорого. Вы не нужны нам, молодой человек. Кланяйтесь нашему старику Тонио Престо, если вы увидите его, и скажите, что мы с нетерпением ожидаем его и отечески облобызаем святейшую туфельку.

— Я всё же настаиваю...

— И напрасно. Я допускаю, что вы — гений. Но публика поверит в гениальность только тогда, когда я украшу путь гения радугой банковых билетов, а они мне нелегко достаются. Желаю вам успеха на каком-нибудь другом поприще. Может быть, вам удастся поступить к адвокату клерком или в банк счетоводом. Это даст вам немного, но кто же виноват? Вы сами изгнали себя из рая, если вы действительно были Тонио Престо. — Питч позвонил и приказал лакею проводить молодого человека.

Игра была проиграна.

— Кто этот молодой человек? Сумасшедший или жулик? — спросил юрист-консульт мистера Питча, когда дверь закрылась за Тонио. — Вы говорили с ним так, как будто наполовину верили тому, что он действительно Тонио Престо.

— Не наполовину, а почти на все сто процентов. Дело в том, что Гедда Люкс звонила мне по телефону. Она уверяла меня, что видела фотографии и разные документы, бесспорно подтверждающие, что Тонио Престо изменил свой внешний вид при помощи какого-то лечения. И только когда он заговорил об испытании его как киноартиста, я, признаюсь, немного усомнился в том, что он бывший Антонио Престо. Осёл! Он сам загубил себя. Он конченный человек. Он слишком избалован деньгами и успехом, чтобы перейти на более скромное амплуа в жизни. Привыкнув широко жить, он быстро промотает состояние, движимое и недвижимое. Вот почему я спешу предъявить иск.

— Вы дальновидны, как всегда! — польстил Олкотт своему патрону.

Мистер Питч закурил новую сигару, пустил струю дыма вверх и, когда дым растаял, сказал глубокомысленно:

— Вот так и слава. Когда нет денег на сигары, исчезает и дым славы.

Олкотт почтительно выслушал этот неудачный афоризм, как перл мудрости.

За счёт былой славы

Тонио был огорчён неудачей, жажда томила его. Выйдя от Питча, он почувствовал слабость в ногах. А ему ещё предстоял длинный и томительный обратный путь. Теперь Тонио шёл по прекрасной широкой дороге киногородка, мимо надземных построек, где помещались лаборатории, мастерские, дома и отели артистов и служащих.

На правой стороне дороги, возле громоздкого здания-склада декораций, находился небольшой ресторан, который охотно посещался в дни съёмок статистами, проводившими здесь томительные часы ожидания. Тонио машинально опустил руку в карман в надежде найти мелочь. Но, кроме измятого носового платка, в кармане ничего не было. Престо вздохнул и хотел пройти мимо ресторана, однако соблазн был так велик, что Тонио в раздумье замедлил шаги и наконец вошёл в ресторан.

За мраморным столиком сидели двое начинающих киноартистов, блондин и брюнет. Брюнет недавно выдвинулся из статистов в буквальном и переносном смысле: он ещё играл в толпе, но режиссёр выдвигал его вперёд так, что зрители могли выделить его из массы статистов. Ещё немного, и ему дадут маленькую эпизодическую роль. Тогда он будет настоящим киноартистом. А режиссёром, выдвинувшим молодого человека, был сам Тонио. Этот молодой человек, — как его фамилия? Смит. Один из миллионов Смитов... Ради Престо он бросился бы в огонь и в воду... Но, увы! Тонио не был похож на самого себя. И Смит, конечно, не поверит Тонио... Молодью люди пили фруктовую воду. Невыносимо! Престо как бы невзначай остановился у столика двух молодых людей.

— Кажется, мистер Смит? — спросил Престо брюнета, приподнимая шляпу. — Не узнаете? Я — Джонсон. Снимался в толпе в фильме «Любовь и смерть».

Смит сухо откланялся. Он не может знать фамилии всех тех, кто составляет безликую толпу.

— А я привёз вам привет от Тонио Престо, вчера я видел его, — продолжал Тонио.

Это известие произвело необычайное впечатление. Молодые люди оживились. Смит любезно поставил стул и позвал лакея.

— Неужели? Где вам удалось видеть его? Что вы хотите? Коктейль?

— Оранжед. Два, три оранжада!.. Ужасно жарко, — сказал Престо. — Да, я видел его вчера.

— И он действительно помнит обо мне? — интересовался Смит.

— Как же, он сказал, что из вас выйдет толк. А если Престо сказал... Уф... Прекрасный напиток.

— Но где он? Что с ним?

— Лечится. Я навещал свою сестру и случайно увидел его в лечебнице доктора Цорна.

— Престо болен? Надеюсь, ничего серьёзного? Я читал, что он уехал лечиться. Но чем он болен?

— Престо меняет амплуа. Из комиков переходит в трагики. И для этого он решил переменить внешность. Цорн делает чудеса. Из Престо он сделал молодого человека... как две капли воды похожего на меня.

Смит даже рот раскрыл от изумления.

— Сумасшедший! — наконец убеждённо проговорил он.

— Безумец! — подтвердил его товарищ.

— Но почему же? — спросил Престо.

— Потому, что ему теперь цена такая же, как... нам с вами...

Престо, утолив жажду, отправился пешком в город, мимо своей виллы и белой виллы Гедды Люкс.

«Однако как быстро и низко я падаю — думал он, шагая по шоссе. — Я начинаю жить за счёт былой славы, побираюсь в трактирах, как последний бродяга, вызывая расположение к себе тем, что я знаком с самим собой. Нет, так дальше не может продолжаться... Но что же делать? Как хочется есть... Человек, потерявший лицо...»

Подходя к гостинице. Престо привёл в порядок, насколько мог, свой запылённый костюм, чтобы не привлекать к себе подозрительного внимания

отельной прислуги. Он незаметно проскользнул к себе в номер, вымылся и переоделся. К счастью, в его чемодане был запасной костюм и свежее бельё.

Он заказал обед, как в былое время, обильный, изысканный, дорогой. Плотно пообедав, Антонио улёгся спать, попросив не беспокоить его, и проснулся только в десять часов вечера. Ещё перед сном в его голове созрел план дальнейших действий. Он не стал мешкать, быстро оделся, и передав ключи от номера коридорному, вышел из отеля.

Кража со взломом

Огни города остались позади Престо предстояло ещё раз измерить расстояние от отеля до своего дома. Но теперь идти было легче. Вечерняя прохлада освежала Престо бодро шагал по шоссе. Время от времени ему встречались прохожие — плохо одетые люди, бродячая, бездомная Америка.

В стороне от шоссе на пригорке, в тени эвкалиптов стояла красивая вилла. Его вилла! Сколько воспоминаний связано с нею. Когда-то ему казалось, что иметь собственную виллу — вершина жизненных успехов. С каким увлечением он строил эту виллу сначала в мечтах, а потом и на самом деле! Сколько изобретательности и вкуса проявил он, обдумывая общий план и каждую мелочь. В его вилле не должно быть пошлой аляповатой роскоши. Всё должно быть просто, строго и вместе с тем изящно. И ему это удалось. Его вилой восхищались. О ней писали. Ей подражали.

Особенно много остроумия он вложил в то, чтобы приспособить обстановку к своему маленькому росту. Глядя на мебель, никто не сказал бы, что она создана для детей и карликов. И вместе с тем это не была обычная мебель. Одни кресла и стулья имели сиденья, расположенные ниже обычного, а другие — скрытые ступеньки и скамеечки, выдвигавшиеся при нажатии кнопки.

Да, прекрасная вилла была у Престо! Сколько раз вот на этом самом повороте автомобиль круто сворачивал, и через несколько минут Престо подкатывал к подъезду. За сотню метров шофёр криком сирены предупреждал о приезде хозяина, — Престо неизменно встречал у широко открытой двери его верный слуга, старый Себастьян. И вот теперь Престо вздохнул и направился к дому, медленно поднимаясь в гору.

Было около одиннадцати часов вечера. В боковом окне светился огонёк Себастьян ещё не спал. Тонио осторожно прошёл возле решётки сада до группы молодых кипарисов, улёгся на тёплый песок. Звёзды ярко светили над головой. Пахло эвкалиптом. Время от времени на шоссе виднелись огни автомобилей и звучали гудки.

Двенадцать... Огонёк в крайнем окне всё ещё светился. Неужели Себастьян сторожит ночи напролёт? От него всего можно ожидать.

Всё реже пролетали, как светящиеся жуки, освещённые фарами автомобили. Престо не терпелось. Он поднялся и начал медленно и осторожно перелезать через высокую железную ограду. Он знал, что ворота запираются на ночь. Хорошо, что во дворе нет собак. Престо не любил их, потому что собаки не выносили его суетливых движений и всегда лаяли на него. И потому, несмотря на все уговоры Себастьяна, Престо запретил держать дворовых собак. Теперь он был очень рад этому: он мог безопасно подойти к дому. Престо привлекало окно, в котором ещё светился огонь. Тонио осторожно поднялся к нему. Штора была спущена. Спит или не спит Себастьян? Быть может, светя-

щееся окно — только его военная хитрость, которая должна была отпугивать от дома злоумышленников Тонио подождал ещё полчаса.

Наконец в час ночи он решил, что пора действовать.

Престо прошёл к противоположному углу дома и приподнялся к окну. Рама была закрыта. Надо выдавить стекло. Но как это сделать бесшумно? Престо пробовал осторожно нажимать на стекло, чтобы оно треснуло. Но оно не поддавалось. Разбить? Это может привлечь внимание старика, если он не спит. Престо нажал стекло легонько плечом. И вдруг стекло с треском разбилось.

«Кончено!» — подумал Престо, отбегая в сторону. Он перелез через ограду, лёг на землю и начал смотреть, выжидая, когда Себастьян выйдет из дома или откроет окно. Но дом по-прежнему был молчалив. Прошло несколько минут. Никаких признаков жизни. Престо вздохнул с облегчением. Себастьян крепко спит. Стекло разбито. Главное сделано.

Престо вновь перелез через ограду и подошёл к разбитому окну. Он осторожно начал вынимать осколки. Когда осталось вынуть всего несколько кусков. Престо поторопился и порезал себе указательный палец на правой руке. Замотав его носовым платком, он влез в окно и уверенно пошёл по комнатам.

Странное чувство овладело им. Антонио был у себя, в своём собственном доме, где каждая вещь была знакома ему, и тем не менее он должен был красться, как вор. Да он и был «вором». Он пришёл сюда за тем, чтобы украсть деньги из своего собственного нескораемого шкафа. Осторожно ступая, он прошёл через столовую со стенами и мебелью из чёрного резного дуба, большую овальную гостиную с белым роялем, поблёскивавшим в темноте, библиотеку, уставленную столами, шкафами и стеллажами. Здесь надо быть осторожным, чтобы не наткнуться на одну из лесенок, разбросанных в проходе. Вот, наконец, и кабинет. Несгораемый шкаф в стене возле письменного стола. col1 | col1 | col1 | 2-9 и под ними col1 | col1 | col1 | 6-12. Так нужно повернуть номера на двух кольцах, чтобы ключом открыть замок. Сложная система. Великолепно. Хорошо, что новый Престо получил в наследство память старого Престо и эта память не изменила ему. Разве это не доказательство того, что он тот же Престо или, по крайней мере, законный наследник его капиталов и всего имущества?

Престо начал набивать карманы банковскими билетами. И вдруг ему показалось, что в соседней комнате слышатся крадущиеся шаги. Престо окаменел и затаил дыхание... Нет, всё тихо... Померещилось. Он вновь принялся за работу. Неожиданно вспыхнувший свет электрического фонаря ослепил Престо и парализовал его движения.

— Руки вверх!

В дверях стояли четыре полисмена с направленными на Престо револьверами. Престо растерянно посмотрел на них. Он был безоружен. Кабинет имел только один выход. Выпрыгнуть в окно? Но Престо по своей неопытности не позаботился открыть его. А пока он будет открывать окно, полисмены успеют схватить его или убить... Сопротивление невозможно. Престо покорно поднял руки вверх. И в это время из другой комнаты, за спиной полисменов, послышался чей-то злорадный, раскатистый старческий смех.

— Я говорил вам, — узнал Престо голос Себастьяна, — что этот молодчик пожалует сюда.

Через несколько минут Престо уже сидел со стальными наручниками в по-



лицейском автомобиле. В полиции с Престо сняли предварительный допрос и очень смеялись, когда он называл себя Тонио Престо. Тонио был так возмущён грубостью обращения, что не стал доказывать своей правоты, но потребовал, чтобы завтра же утром ему устроили свидание с прокурором.

— Не спешите. Свидание с прокурором всегда предшествует свиданию с палачом. А за вами найдутся, вероятно, такие делишки, за которые вам придётся пяток минут посидеть на электрическом стуле, — сказал допрашивавший Престо сержант.

Необычный судебный процесс

Наутро Престо предстал перед лицом не прокурора, а судьи, который оказался большим буквоедом. Впрочем, буквоедство это имело и особые причины. Престо не знал, что Питч принял меры к тому, чтобы новый Престо не был признан правопреемником имущества карлика Престо. Если бы право нового Престо было немедленно признано, он мог лично выступить на суде, пригласить в защиту своих интересов виднейших адвокатов, пустить в ход деньги, — всё это осложнило бы дело. Опека гораздо больше устраивала Питча. Опекун для ответа на суде вместо «безвестно отсутствующего» Престо был бы выдвинут Питчем из своих людей, и такой опекун, конечно, поспешил бы признать все требования Питча. Нужно было, во всяком случае, затянуть, запутать дело, и судья успешно делал это. Несмотря на то, что Престо очень убедительно доказывал, что он есть Антонио Престо, только изменивший свой вид, что о краже не может быть и речи, судья стоял на своём:

— Допустим, что ваши фотографии настоящие, а не ловко подобранная коллекция похожих людей; допустим, что доктор Цорн, если я удовлетворю вашу просьбу и вызову его в качестве свидетеля, подтвердит всё сказанное вами; допустим, что знаменитый киноартист, который мне самому доставлял немало весёлых минут, и вы, совершенно не похожий на него молодой человек, одно и то же лицо, хотя лица у вас и разные. Всё это не изменяет положения. Ещё древние римские юристы находили, что слово кража «фуртум» происходит от слова «фурва» — мрак, тьма, так как кража обыкновенно совершалась «клям, обскуро эт плэрумквэ». О! — судья поднял палец вверх. — Это значит: тайно, во мраке и преимущественно ночью. Вы совершили тайно, во мраке, ночью.

— Но позвольте — возражал Престо. — Насколько мне известно, при краже всегда предполагается похищение чужого имущества, а это имущество моё.

— Вы не доказали и этого. Вы должны были законным путём восстановить вашу личность.

— Вернуть мой прежний вид?

— Это было бы лучше всего. По крайней мере судебным порядком, на основании всех имеющихся у вас данных, обязаны были доказать ваше тождество с исчезнувшим Тонио Престо.

— Но для этого мне необходимо собрать документы, навести справки и прочее. Я прошу освободить меня до суда из-под ареста.

— Под залог. Пять тысяч долларов.

— Разве того, что отняли у меня в полиции, недостаточно? Там было около ста тысяч долларов.

— Это ещё спорное имущество.

— Другого я не имею. Но послушайте, — взмолился Престо, — какое же вам ещё нужно обеспечение? Разве я могу убежать от суда, если от разрешения этого дела зависит всё моё благосостояние? Моё имущество превышает сотню миллионов. Неужели я убегу от них?

Судья задумался. Довод показался ему убедительным. Конечно, Престо не убежит от миллионов. И, конечно, Престо есть Престо. Судья и раньше слышал о Цорне и о чудесах, которые он производит. Престо не первому приходится доказывать своё тождество. Но главное не это. Главное — миллионы, которые вернутся в руки Престо. Совсем не пустое дело — оказать в трудную минуту услугу миллионеру. Мистер Питч, видимо, будет недоволен? Но что же делать? Судья сделал, что мог...

Юрисконсульт Питча недаром назвал своего патрона предусмотрительным. Мистер Питч, очевидно, предвидел и такого рода колебания судейской совести и постарался оградить свои интересы с другой стороны.

Судья собирался уже отпустить Престо, но в этот момент судье был подан срочный пакет от прокурора, который требовал отложить разбор дела гражданина, именующего себя Тонио Престо, и не принимать никаких действий, так как в этом деле имеются некоторые обстоятельства, вызывающие вмешательство прокуратуры.

Судья прочитал письмо и, махнув бумажкой, сказал:

— Не могу. Ничего не могу сделать. Ваше дело будет слушаться с участием прокурора. Пока вы должны отправиться в тюрьму.

Никакие доводы больше не помогли. И из полицейского участка Престо был переведён в тюрьму.

Начался один из самых запутанных, курьёзных процессов, которые когда-либо слушались в американских судах. Процесс этот оказался настоящей золотиносной жилой для газетных корреспондентов. Не только газеты, но и толстые журналы обсуждали казуистическое сплетение обстоятельств.

Имеет ли человек право изменять свой внешний вид?

Будет ли кражею похищение собственного имущества?

Действительно ли Престо превратился в новую личность?

Нужно ли Престо-новому утверждаться в правах наследства Престо-старого, или же Престо-новому достаточно доказать свою идентичность с прежним Престо?

Имела ли бы право жена Престо, если бы он был женат, требовать развода на том основании, что её муж изменился до неузнаваемости?

Не поведут ли такие изменения к новым преступлениям?

Не получают ли преступники «шапку-невидимку», скрывающую их от пред-

ставителей власти?

Как смотрит на такое превращение церковь с точки зрения норм религии и морали?

Не угрожают ли эти метаморфозы всем устоям нашего социального строя?..

Каждый из этих вопросов открывал необозримые возможности блеснуть своим остроумием и показать свою эрудицию.

Прокуратурой были собраны новые данные не в пользу Престо.

Служащий отеля, в котором остановился Престо по возвращении из лечебницы доктора Цорна, сообщил, что Престо сам по прибытии в отель признался в том, что он Престо, не настоящий Престо, а однофамилец киноартиста. Кроме того, из гражданского отделения суда была прислана справка о том, что мистер Питч успел наложить арест на капиталы и запрещение на недвижимое имущество Престо в обеспечение иска по договору в день, предшествующий краже. Таким образом, Престо мог обвиняться в попытке скрыть имущество, служащее обеспечением иска. Престо оставалось только утешаться тем, что показания Цорна и нескольких больных, лечившихся у него, были в его пользу. Престо — не обманщик, а действительно Тонио Престо, изменивший свой прежний вид. Однако это мало помогло ему. Прокурор, самолично побывавший в лечебнице Цорна, был поражён всем виденным. Вопреки обычаю, он дал интервью газетным корреспондентам и высказал свой взгляд на вещи. Увы, перевоплощение Престо оказалось действительно «трудным случаем в практике» Цорна.

— Основой нашего государственного строя является право частной собственности, — заявил прокурор. — Всякая собственность предполагает не только объект, но и субъект права собственности, проще говоря, — собственности без собственника не бывает. Будь это индивидуальная собственность или групповая, как акционерные общества, первичным носителем права собственности всегда является физическая личность, человек, лицо. Что же будет с обществом, если обладатель собственности станет менять своё физическое лицо, как перчатки? К кому мы будем предъявлять иски? С кого получать взыскания? Как станем бороться с злостными банкротами? Главное же, как сможем мы вести борьбу с преступниками, которые начнут подделывать свои лица под лица миллионеров так, как они сейчас подделывают чужие подписи? Как отличим мы настоящего капиталиста от поддельного? Произойдёт ужасный хаос. Деловая жизнь остановится. Страна погибнет в анархии. Нет, в нашей стране мы не можем допустить свободу изменения внешности человека. В детском возрасте, с лечебными целями, применение методов доктора Цорна, пожалуй, ещё можно допустить. Но для взрослых — ни в коем случае. И поэтому я вхожу в Конгресс с законодательным предложением: немедленно издать закон, воспрепятствующий взрослым людям — под страхом потери имущественных прав — изменять свой внешний вид какими бы то ни было способами, за исключением случаев неизбежного хирургического вмешательства для спасения жизни. Что же касается нашего обвиняемого, то, хотя обычно закон и не имеет обратной силы, я всё же считаю необходимым распространить санкцию закона, который должен быть издан, на мистера Престо и лишить его всех имущественных прав. Это послужит предупреждением для других.

— Будете ли вы держать Престо в тюрьме или же найдёте возможным выпустить его? — спросил один из корреспондентов у прокурора.

— Поскольку выяснилось, что Престо не мистификатор, «субъективно» его вина уменьшилась, — ответил прокурор. — Он мог «бона фиде» — по чистой совести — искренне заблуждаться относительно своих прав на похищение имущества у самого себя. Это, конечно, не уменьшает, с моей точки зрения, тяжести его преступления, но всё же даёт мне возможность выпустить его под расписку на свободу, пока Конгресс не рассмотрит моё предложение и не проведёт новый закон. В зависимости от того, как будет формулирован этот закон. Престо будет оправдан или обвинён в краже.

Прощальный ужин

Престо был выпущен на свободу без денег, без дома и без имени. Тонио Престо вернулся в отель. К нему в номер явился метрдотель и вежливо напомнил о том, что номер всё время числился за ним. Престо, так как в номере находились его вещи, и что необходимо заплатить по счёту.

— Хорошо, завтра утром я вам заплачу, — ответил Тонио, расхаживая по номеру.

Метрдотель поклонился, не очень доверчиво взглянул на Престо и ушёл.

— Однако где же я достану деньги? — вслух сказал Тонио.

Он подошёл к чемодану, открыл его и начал вытряхивать костюмы с надеждой найти в кармане завалившиеся случайно деньги. Денег не было. А они были ему необходимы. Если дать телеграмму Гофману и просить его прислать несколько тысяч телеграфом? Но при получении их опять могут встретиться затруднения. Впрочем, Гофман может выслать деньги на имя владельца отеля.

Престо думал и рассеянно просматривал газету. Одна заметка привлекла его внимание. В отделе театра и кино сообщалась самая последняя новость: мисс Гедда Люкс выходит замуж за мистера Лоренцо Марра. Лоренцо! Восходящая звезда, красавец Лоренцо, киноартист, не раз игравший вместе с Престо. Престо — несчастный, Лоренцо — счастливый любовник. Так было на экране, так случилось и в жизни. Вот он, тот полубог, которому Люкс отдала свою руку и сердце! Но разве он более красив, чем перевоплощённый Престо? Тонио посмотрел в зеркало. Да, да, Престо не менее красив, чем Лоренцо. Но у Лоренцо есть имя, а Престо потерял свою славу вместе со своим лицом.

Престо должен повидаться с нею. Проклятие! У него не осталось даже приличного костюма. Выходной истрепался в тюрьме. Престо взял перо и быстро написал телеграмму Гофману:

«Пришлите десять тысяч долларов на имя мистера Грин, отель „Империаль“, Голливуд Престо».

Затем Престо попросил к телефону владельца отеля и сказал ему:

— Мистер Грин, вы, видимо, знаете, что я вполне платежеспособен и только случайно попал в затруднительное материальное положение. Завтра меня выручит мой друг Гофман. Он пришлёт десять тысяч долларов на ваше имя. Прошу из этих денег взять, что вам следует по моему счёту, а остальные деньги вы передадите мне.

Владелец ресторана охотно пошёл на эту сделку, и скоро в кармане Престо лежали деньги, — за вычетом долга, более четырёх тысяч долларов. Гофман вместо десяти прислал только пять. В отеле Престо опять был открыт кредит, и лица лакеев вновь сделались почтительными. Антонио купил себе новый

костюм и, наняв автомобиль, отправился к Гедде Люкс.

— Мисс Люкс, — сказал Престо, увидав Гедду. — Я пришёл поздравить вас. Вы нашли своего бога?

— Да, нашла, — ответила она.

— Ещё раз поздравляю вас и желаю всяческих радостей... Я примирился со своей участью человека, потерявшего лицо. Вы верите мне, верите, что я действительно Антонио Престо, ваш старый товарищ и друг?

Люкс кивнула головой.

— Так вот... к вам у меня есть одна большая просьба. Я хотел бы устроить... прощальный ужин и пригласить на него всех моих бывших друзей. Их это ни к чему не обяжет. Просто мне хотелось бы ещё раз, в последний раз, побывать в их милой компании, а потом... потом ваш Антонио займёт подходящее ему скромное место в жизни. — Люкс боялась сцен и, видя Престо таким покорным, охотно приняла его приглашение.

— Но этого мало, — продолжал Престо. — Я прошу вас обеспечить успех моему прощальному ужину. Вот список приглашённых. В нём вы найдёте фамилии мистера Питча и счастливца Лоренцо Марра, Драйтон, Гренли и Пайн, декоратора Булинга, осветителя Мориса и кое-кого из второстепенных киноартистов. Мне хотелось бы, чтобы вы взялись за это дело. Когда вы получите принципиальное согласие приглашённых, я разошлю им приглашительные карточки. Итак, в понедельник, в восемь часов вечера, в круглом зале отеля «Империаль».

Вечер удался на славу. Все приглашённые явились полностью. Престо мог убедить самых недоверчивых людей, что он, хоть и в новой оболочке, но всё тот же старый Престо, не только изумительный актёр, но и прекрасный режиссёр. Новую актёрскую игру Престо гости оценили, впрочем, только впоследствии. Зато режиссёрские способности были в полной мере оценены во время самого ужина, который был обставлен чрезвычайно декоративно. Зал освещался нежным розовым светом, а через открытую на веранду широкую дверь падал лунный свет, создавая красивый световой контраст. Всё было заранее рассчитано. Невидимый оркестр играл прекрасные мелодии. На ужин было приглашено и несколько представителей печати, для которых нашлось немало материала и работы.

На почётном месте были усажены Гедда Люкс, её жених — по левую руку и мистер Питч — по правую. Мистериу Питчу нравилась затея Престо. Попивая тонкое вино, мистер Питч, чуть склонив голову к Гедде Люкс, с улыбкой говорил:

— Кто бы он ни был, этот новый Престо, он неплохо начинает свою новую жизнь. Пожалуй, из него выйдет толк. И притом... — Питч отхлебнул из бокала, — его сказочное превращение и его фантастический судебный процесс послужили для него отличной рекламой. Такую рекламу не сделаешь и за полмиллиона долларов. Да, он-таки сделает себя. И если он действительно обладает талантом старого Престо, то с ним, пожалуй, стоит повозиться.

Люкс слушала, с интересом поглядывая на Престо, а её жених прислушивался к словам Питча со скрытым беспокойством. Престо мог оказаться опасным конкурентом на экране и в жизни. Лоренцо казалось, что Люкс смотрит на Престо не только с любопытством, но и с нежностью.

Престо поднял бокал вина, жёлтого и прозрачного, как янтарь, и сказал ма-

ленький спич:

— Леди и сэры! Известно ли вам, что в Китае существует такое выражение: «человек, потерявший лицо»? Так говорят о каком-нибудь человеке, совершившем неблагоприятный поступок. «Человек, потерявший лицо» там подвергается гражданской смерти. Правда, в Китае... А Китай — азиатская страна... У нас, в культурнейшей стране мира, совершенно иное. У нас наше лицо крепко спаяно с нашим кошельком. И пока кошелек толст, нам не грозит потеря лица, в китайском смысле слова, какими бы проделками мы ни занимались. Но горе тем, кто осмеливается, как я, изменить своё физическое лицо. Тогда их лишают всего: денег, имени, дружбы, работы, любви. Да и может ли быть иначе в стране, где царит доллар? Да не подумают мои почтенные гости, что я критикую прекрасные законы нашей великолепной страны. О, нет! Я вполне признаю разумность этих законов и обычаев. Я подчиняюсь им. Я преклоняюсь перед ними. Я сделал ошибку, роковую ошибку, переменив своё лицо, и теперь приношу публичное покаяние. Я едва ли смогу, даже с помощью доктора Цорна, вернуть себе мой прежний вид. Но даю торжественное обещание не менять больше своего лица и прошу общество простить мне мою ошибку, совершённую по неопытности, и принять меня в своё лоно, как библейский отец принял блудного сына. И увидите, я буду достойным сыном!

Речь эта, несколько странная в середине, под конец понравилась всем. Престо аплодировали. Корреспонденты быстро строчили.

Антонио выпил бокал вина, поклонился и вышел на веранду.

— Нет, прямо молодец! — говорил восхищённый Питч. — Такой способности к саморекламириванию я не знавал даже у старого Престо. Решительно из него стоит сделать человека с именем. Да где же он? Я хочу с ним чокнуться.

— Я тоже! — неожиданно подхватила Гедда Люкс и поднялась вместе с Питчем.

Они прошли на веранду. Там Престо не было.

— Престо! Тонио Престо! Где же вы? — кричал мистер Питч, расплёскивая вино в бокале. — Тонио! Мальчик мой!

— Тонио! — мелодично звала и Люкс.

Но Тонио не было. Тонио как сквозь землю провалился. Обошли весь сад, принадлежащий отелю, на этот вечер предоставленный в полное и исключительное распоряжение пирующих, — Тонио не было. Вернулись в зал. Наконец, гости, потерявшие терпение, начали незаметно расходиться один за другим, обсуждая странное поведение хозяина.

— Может быть, это тоже для рекламы? — сказал Питч, возвращавшийся домой в своём автомобиле вместе с Люкс. — Но он перестарался, этот проказник Тонио. Всё надо делать в меру. — И, не смущаясь присутствием Люкс, Питч сладко зевнул.

Жертвы «колдовства»

Дни идут за днями, а о Тонио Престо ничего не слышно, — он словно в воду канул. Мистер Питч некоторое время поджидал появления блудного сына, но потом махнул рукой: время и работа не ждут Лоренцо Марр боялся возвращения Престо не только как артиста-конкурента, но и как соперника-претендента на руку и сердце Гедды Люкс. После знаменитого прощального ужина Люкс неожиданно заявила своему жениху, блистательному Лоренцу Марру,

что он не должен торопить её с замужеством. Неужели новый Престо околдовал её, и она ждёт его возвращения? С нею творится что-то неладное. Даже мистер Питч заметил, что Люкс изменилась, стала какая-то вялая, задумчивая, рассеянная, временами раздражительная. Впрочем, и сам Питч в последнее время чувствует себя нехорошо: какое-то недомогание, одышка. Но работать надо! Мистер Питч задумал ставить большой новый фильм под названием «Торжество любви» с Лоренцо Марром и Геддой Люкс в главных ролях. Мистер Питч деятельно готовится к этой постановке. В его кабинете с утра совещаются главные персонажи, режиссёры, операторы, архитекторы.

Мисс Люкс только что приехала. Она вошла в кабинет, подошла к столу мистера Питча и, протягивая ему руку через стол, сказала:

— Здравствуйте, мистер. Вы всё полнеете.

— Чертовски полнею, — ответил мистер Питч.

Каждый день он прибавлял в весе несколько фунтов и теперь выглядел ожиревшим боровом.

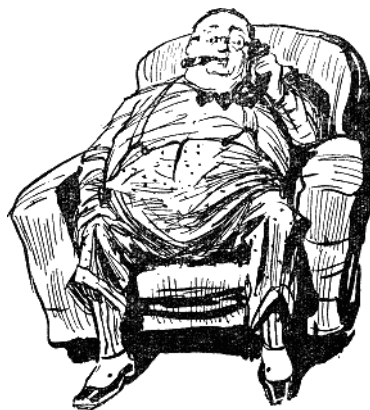
— А вы, кажется, перецеголяли моду? — спросил Питч, глядя на юбку мисс Люкс. Юбка была действительно слишком коротка.



Гедда смущённо посмотрела на свою юбку.

— Я не укорачивала её, — ответила она. — Я сама не понимаю, что случилось с моими платьями. Они как будто сами укорачиваются.

— Или вы растёте, — шутя сказал Питч. — А вы, Лоренцо, худеете не по дням, а по часам!



Лоренцо тяжело вздохнул и развёл руками. Он выглядел очень плохо, похудел так, что костюм висел на нём мешком. Красавец Марр даже как будто стал меньше ростом, брюки его удлинились и ложились буфами на ботинки.

— Я уже обращался к врачу. Прописал усиленное питание.

— У вас щёки провалились. Если так пойдёт дальше, вы не в состоянии будете сниматься. Никакой грим не поможет. Вам придётся взять отпуск и полечиться.

Поговорив ещё о делах и ролях, они отправились в ателье. Оператор Джонсон хлопотал около аппарата. Он попросил Люкс стать у отмеченной черты на полу, посмотрел в визир и заявил:

— Вы режетесь.

Люкс посмотрела на аппарат и на пол вокруг себя. Этого не могло быть. Она стояла почти в центре фокуса.

— Ваша причёска не видна. Вы выросли, мисс Люкс.

В ателье послышался смех.

— Я не шучу, — добавил Джонсон. — В пятницу я снимал вас на этом самом месте, вот черта, аппарат стоит неподвижно. Тогда вы входили в кадр, а теперь режетесь вверху почти до половины лба.

Люкс побледнела. Она с испугом смотрела на свою короткую юбку. Неужели она, Гедда, начала расти? Но ведь это немыслимо. Она не девочка. И тем не менее не только юбка, но и укоротившиеся рукава говорили о том, что она вырастает из своего платья, как подросток.

Намётанный глаз Джонсона сделал ещё одно открытие. Джонсон заявил, что Лоренцо не только похудел, но стал меньше сантиметра на три. Это уже было совершенно невероятным, и тем не менее Джонсон доказал, что это так.

Все с недоумением переглянулись. Артисты на вторых ролях, бывшие на ужине у Престо, осмелились заявить, что с ними также происходит что-то непонятное. Одни из них полнели с такою же быстротой, как и мистер Питч, другие худели, иные начинали расти, другие уменьшаться. Всех «пострадавших» охватил панический ужас. Люкс упала в обморок. Лоренцо хныкал.

Срочно был вызван врач, и все стали по рангу: впереди Питч, — он даже Гедде не уступил своей очереди, — за ним Гедда, приведённая в чувство, Лоренцо, за ним прочие артисты в живой очереди. Амбулаторный приём был открыт в кабинете Питча.

Врач внимательно осмотрел своих пациентов, но не нашёл никаких органических заболеваний. Он неопределённо качал головой и разводил руками. Все органы здоровы. Как будто всё в порядке. Только у мистера Питча доктор нашёл ожирение сердца, что неизбежно при такой полноте.

— Надо лечиться от ожирения. Диета, гимнастика, прогулки...

— Пробовал. Не помогает, — безнадёжно отвечал Питч. — Уж не отравил ли меня чем-нибудь на ужине Престо? — Доктор протестующе махнул рукой. — Ничего нет удивительного, — продолжал Питч. — Обратите внимание: полнеют, худеют, вырастают и уменьшаются в росте все, кто был на ужине у Престо.

— Но медицине неизвестны такие яды, — ответил доктор.

Мистер Питч не удовлетворился советами врача и через несколько дней созвал консилиум. Но и консилиум не утешил Питча. Ему посоветовали уехать на воды или лечь в специальную лечебницу, где лечат от ожирения.

Мистер Питч интересовался, как чувствуют себя Гедда Люкс и Лоренцо, и позвонил им. Гедда Люкс, голосом, прерывающимся от слёз, ответила, что она продолжает расти, что не успевает переделывать платья.

— Чем же это кончится? О съёмках нечего и думать, — говорила она, всхли-

пывая. — Если так пойдёт дальше, то скоро меня можно будет показывать на ярмарках.

— Вы тоже не можете себе представить, как я изменился, — хрипел Питч. — Я уже не могу сесть в кресло и сижу на трёх стульях. Моё тело напоминает студень. Я засыпаю во время разговора, меня душит жир.

Мистер Питч не узнал голоса Лоренцо в телефоне. Лоренцо говорил таким пронзительно-тонким голоском, что Питч два раза переспросил, кто говорит с ним. У Лоренцо было своё горе. И что хуже всего — лицо его изменилось: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким.

— Я похож на жабу, — пищал Лоренцо. — Это Престо заколдовал меня.

— И я о том же говорю. Но как он мог это сделать?

— Может быть, ему помогал доктор Цорн, у которого Престо лечился.

— Цорн! — закричал Питч. — Помогал ли он Престо околдовывать нас, я не знаю, но Цорн может помочь нам! И никто, кроме Цорна. Как это я раньше не подумал о нём! Сейчас же позвоню ему по телефону. Едем к нему!

Мышеловка

Странный кортеж приближался к лечебнице доктора Цорна. Целая вереница автомобилей ввозила во владения Цорна необычайных уродцев, как будто переезжал бродячий цирк. Мистер Питч едва вмещал своё разбухшее шарообразное тело в кузове огромного автомобиля. Мисс Люкс возвышалась над всеми. Зато Лоренцо, потерявшего всё своё величие, совсем не было видно. Он сделался так мал, что голова его не поднималась над кузовом открытого автомобиля. В одном автомобиле ехало страшное чудовище — подававший виды молодой актёр с признаками акромегалии.

Новые пациенты были быстро размещены в коттеджах лечебницы.

Как и всюду, мистер Питч был первым на приёме Цорна.

Цорн сообщил мистеру Питчу очень интересную новость. Накануне злополучного вечера кто-то похитил из его лаборатории банки, в которых хранились препараты из различных желез. Теперь мистер Питч не сомневался в том, что все их злоключения — дело рук Престо, который, очевидно, хотел отомстить таким своеобразным способом тем, кто легкомысленно отвернулся от него.

— Но есть надежда на излечение? — спросил мистер Питч.

— Полная, — уверенно ответил Цорн. — Довольно будет воздействовать на ваш мозговой придаток, как вы быстро станете сбавлять в весе.

И Цорн оказался прав. В три недели Питч потерял треть своего веса, причём Цорн заявил, что «до жира мы ещё не добрались, а спустили только воду».

Вообще с мистером Питчем было меньше всего хлопот. Болезнь его легко поддавалась лечению. Более сложную была болезнь Лоренцо и Гедды Люкс. Лоренцо стал настолько маленьким, что когда он стоял рядом с Геддой Люкс, то его можно было принять за её сына.

— Вы не смущайтесь, бывают люди и повыше, — сказал Цорн Гедде Люкс. — Наибольший рост, достоверно известный науке, — двести пятьдесят пять сантиметров. Правда, русский великан Махнов, говорят, был ещё выше и достигал двухсот восьмидесяти пяти сантиметров.

— Я буду счастлива только тогда, когда мне вернут мой рост.

— Хорошо, постараемся вернуть ваш прежний рост, — успокоил её Цорн.

Больше всех доставлял Цорну хлопот Лоренцо Марр. Он совсем пал духом, плакал, капризничал, как ребёнок, умолял, требовал, грозил самоубийством. Цорн потратил много труда, чтобы утешить его.

Остальные больные из киностудии покорно ожидали своей судьбы. Большинству из них лечение у Цорна на свой счёт было недоступно, и они радовались тому, что Питч принял расходы на себя, заявив, однако, «после сочтёмся». Питч не мог допустить, чтобы и второй незаконченный фильм бы выброшен.

Похудевший мистер Питч уговаривал Лоренцо и Люкс остаться такими, какими их сделали «яды», влитые Престо в вино.

— Вы будете производить фурор не меньше, чем производил старый Престо. — Питч сулил им миллионы, и Лоренцо уже начал колебаться. Но, посмотрев на Люкс, отказался от заманчивого предложения.

Лечение продолжалось, и все начали понемногу принимать свой прежний вид. Гедда Люкс уменьшалась в росте, малыш Лоренцо заметно подрастал, а Питч уже почти дошёл до своей обычной полноты. Все поговаривали о скором отъезде.

За несколько дней до их выписки в лечебницу прибыли новые больные: судья, прокурор и губернатор. Но в каком виде! Прокурор сделался малышом, наподобие Лоренцо, судья растолстел, как мистер Питч, а губернатор выглядел настоящим негром. А быть негром в Америке совсем невесело, в особенности губернатору. Он перенёс кучу всяческих неприятностей, прежде чем добрался до Цорна.

Губернатору пришлось познакомиться со всеми прелестями джим-кроуизма.[12]

Возмущённые дерзостью «негра», пассажиры едва не выбросили губернатора в окно, когда он явился в вагон-ресторан. На вокзале также произошёл ряд столкновений. В эти горькие минуты у губернатора даже начали появляться необычные для него мысли о том, что американские законы о неграх, быть может, и не совсем справедливы и гуманны и что их, пожалуй, следовало бы отменить.

Он ужасно боялся того, как бы ему не остаться негром на всю жизнь. Он не отпускал от себя двух преданных слуг, на глазах которых он постепенно превращался в негра, и во всех столкновениях и недоразумениях они свидетельствовали, что губернатор — не негр. Да, Престо сделал большую неприятность губернатору, заставив его побыть в шкуре негра. Губернатор несколько раз в день принимал горячие ванны, намыливался, остервенело тёр себя мочалкой, но кожа его не белела. Приглашённый врач нашёл, что кожа губернатора не окрашена сверху, а имеет тёмную пигментную окраску, как у негров.

Мистер Питч, выслушав печальные истории новых больных, заявил, что они, очевидно, также пали жертвой мщения Престо.

— Но как он мог это сделать? — недоумевал губернатор.

— Он мог подкупить слуг, и они подмешали порошки в питьё, — высказал предположение Цорн. — Это всё работа гипофиза — мозгового придатка. Гипофиз выделяет особое вещество, обладающее любопытным свойством. Ничтожное количество этого вещества, впрыснутое в кровь, вызывает расширение клеток, содержащих красящее вещество. Учёные уже несколько лет тому на-

зад делали такой опыт: впрыскивали вытяжку в кровь светлокожей лягушке, и кожа лягушки очень быстро темнела. Лягушка становилась негром.

Губернатор сделал гримасу, ему не понравилось сравнение. Эти учёные способны ставить на одну доску губернатора и какую-то светлокожую лягушку!

— Гипофиз оказывает действие и на цвет кожи человека, — продолжал Цорн. — Вам, вероятно, известно, что у беременных женщин часто появляются пятна на лице. Появление этих пятен находится в связи с циркулированием в крови гормона задней доли гипофиза, вызывающего это тёмное окрашивание.

Час от часу не легче! Теперь его сравнивают с беременной женщиной! И, чтобы прекратить эти неприятные научные пояснения, губернатор спросил:

— А лечение?

— Воздействие на тот же гипофиз.

— Так воздействуйте же на него! — воскликнул губернатор с таким жаром, как будто гипофиз был его смертельным врагом.

— Я всё-таки не понимаю цели, которую преследовал Престо, — пропищал прокурор. Он сидел в кресле и задумчиво смотрел на свои короткие ноги, которые не достигали пола. — Неужели только месть?

— Что же ещё может быть? — спросил губернатор.

Все замолчали.

Мистер Питч, который был умнее, высказал предположение:

— А не имеет ли это связи с вашим законодательным предложением в Конгресс и с вашим публичным выступлением, осуждающим изменение внешности взрослыми людьми?

Прокурор некоторое время с недоумением и вопросом смотрел на Питча, потом вдруг ударил себя ладонью по лбу.

— Тысяча чертей! — запищал он. — Вы правы. Престо загнал нас в мышеловку, которую я соорудил для него собственными руками! Он заставил всех нас совершить то же преступление, в котором обвиняли его мы, — изменение внешности, лица. И что, если Конгресс примет мой законопроект? Я сам настаивал на том, чтобы закон имел обратное действие.

Губернатор-негр простонал. Он тоже понял хитрый ход Престо. Безвыходное положение! Несмотря на всё искусство Цорна, после лечения они всё же могут несколько отличаться от прежнего вида. А если изменится лицо, на них также должен распространиться закон, и губернатор, прокурор, судья, Питч, Люкс, Марр будут лишены имущества, разорены...

— Нам остаётся только одно, — прохрипел толстый судья, — или отказаться от лечения...

— Ни в коем случае! — воскликнул губернатор. — Остаться негром на всю жизнь? Никогда! И потом, ведь мы всё равно уже потеряли своё лицо, хотя и невольно. Я не хочу подвергать свою судьбу капризам судебной казуистики!

— Ясно! Нам остаётся одно, — заключил прокурор. — Необходимо немедленно взять обратно наш законопроект. Тем более, что не один миллионер уже переменял своё лицо. Об этом я раньше тоже как-то не подумал. И Престо будет восстановлен в своих имущественных правах. Что делать? Он перехитрил нас.

Так окончилось это совещание, и Цорн принялся за лечение.

Все больные были на пути к полному выздоровлению. Мисс Люкс уменьшилась до своего нормального роста и вернула былую красоту. Подрос и Лоренцо. Но он был огорчён тем, что нос его стал как будто несколько толще прежнего. Он опасался, что ему не удастся доснять в начатом фильме и что вообще публика не признает его. Однако скоро исчез и этот недостаток.

Все больные решили выписаться в один день. Цорн одобрил это решение. Он мог проверять результаты лечения взаимным сравнением; к тому же излечившимся не мешало пробыть несколько контрольных дней для того, чтобы проверить стойкость достигнутых результатов.

Наконец настал и этот желанный день. Все исцелённые из группы «пострадавших от Престо» собрались в курзале. Несмотря на то, что Цорн был косвенно виноват в их злоключениях, больные сердечно благодарили его за успешное лечение. Особенно прочувственную речь сказал губернатор, который был бесконечно рад своему превращению из негра в белого человека.

По пути домой он с удовольствием приказал вышвырнуть негра, который имел дерзость войти в вагон для белых.

Часть вторая

У Изумрудного озера

Престо сидел на бочонке в тени старой сосны, курил трубку и читал Уолта Уитмена. «Это интересно», — подумал Тонио Престо. Вынул вечное перо и записную книжку, сел на траву и, превратив дно бочонка в письменный стол, начал записывать:

«Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишасщие ничтожными гротесками, калекками, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой...»

— Ничтожные гротески, калекки, шуты и уроды!.. Вот материал! Это может быть почище уродца Престо! — воскликнул Тонио. Он хотел продолжать записывать, но молодой сенбернар Пип, услышав голос хозяина, просительно залаял. Он сидел против Тонио, от нетерпения перебирал передними лапами, ворочал головой и приподнимал то одно, то другое ухо. Престо улыбнулся.

— Больше нет. Всё! — сказал Тонио. По утрам он угощал Пипа остатками завтрака.

Пип отрывисто залаял, подскочил и запрыгал возле Престо. Он звал на прогулку. Это был удивительно смышлённый пёс. Пип любил по утрам, после завтрака, ходить с Престо к Изумрудному озеру. Тонио забрасывал удочки, а Пип впивался глазами в поплавок. Он повизгивал и начинал дрожать, когда рыба клевала. Первая добыча доставалась ему. Иногда Престо носил пойманную рыбу к ближайшему горячему гейзеру и, опустив сетку в кипящую воду, варил, приготовляя себе второй завтрак. Пип неодобрительно относился к этой затее: он не мог победить страх перед клокочущим, шипящим, дышащим паром гейзером и не подходил близко.

Престо посмотрел на Изумрудное озеро, на синевшие вдали горы, потом на книгу и записную книжку и, наконец, на белый домик сторожа. Окна и дверь были открыты. Эллен ещё убирала его комнату.

— Нет, Пип, сегодня я не пойду с тобой гулять. Вот лягу здесь под сосной и буду смотреть на небо, — сказал Престо.

Пип шумно вздохнул. Он знал привычки Престо: уж если тот лёг под сосной, то кончено: никуда он не пойдёт. Пропала утренняя прогулка.

А Тонио Престо, к неудовольствию четвероногого друга, часто часами лежал под сосной. После необычайных треволнений последнего времени он нуждался в отдыхе, хотя приехал сюда и не для того, чтобы отдыхать.

Особенно суматошными были последние дни перед прощальным ужином, столь памятным для всех его участников.

Ещё во время судебного процесса к Престо обращались крупнейшие юристы Америки, предлагая свою помощь. Официально представлять на суде за Престо в обычном порядке они не могли: для этого нужна была нотариальная доверенность. Престо же находился на положении недееспособного. Суд не принял бы такой доверенности. Поэтому адвокаты предлагали только неофициальное, закулисное воздействие на чиновников и судей. Лучшим способом этого воздействия были деньги и личные связи адвокатов. Денег же Престо был лишён, — по крайней мере, не мог распоряжаться ими, — на его имущество был наложен арест. Крупные адвокаты имели собственные деньги, могли прибегнуть и к займам. Их расходы на негласное воздействие нельзя было учесть. И они могли ставить дутые счета. Притом за риск они требовали от Престо чудовищные гонорары. Тонио колебался.

За несколько дней до памятного ужина его посетил личный секретарь и помощник знаменитого нью-йоркского адвоката Пирса. Пирс некогда был членом Верховного суда, но затем сменил свою почётную должность на более доходную, перейдя в адвокатуру. Он считался крупнейшим юристом-законоведом страны. Главное же — у него сохранились личные связи с виднейшими судебными деятелями. Ему не надо было зазывать клиентов, — они сами шли к нему. Но Пирс принимал только дела о миллионных исках и наследствах, причём большинство из этих дел поручал своим многочисленным помощникам. Это было широко поставленное коммерческое предприятие, и Пирс быстро составил себе крупное состояние. И вот знаменитый адвокат прислал своего посла к Престо, якобы заинтересовавшись казусным делом. Это, впрочем, не помешало Пирсу поставить Престо такие условия, которые Тонио в душе назвал грабительскими. Состояние Престо должно было растаять чуть ли не наполовину. Несколько дней Престо вёл переговоры с представителем Пирса, который шёл только на незначительные уступки. Совершенно изнурённый изворотливостью адвоката, Престо принуждён был принять все условия и подписаться под всевозможнейшими обязательствами, вплоть до вексельных. Что делать? Волчий закон: на раненого набрасывается вся стая. Пирс ещё благороднее других: кое-что оставляет и Престо. К тому же дело находится в верных руках. Того, что сделает Пирс, не сделает ни один адвокат в Штатах, говорят — не было ещё случая, чтобы Пирс проиграл процесс, за который он взялся.

Теперь Престо мог заниматься другим, не менее важным делом, которое требовало полного уединения.

Доктор Цорн перед началом лечения говорил Престо:

— Вы ещё не видели своего настоящего лица, такого, каким оно должно быть, если бы болезнь с детства не изуродовала вас.

Престо увидел своё настоящее физическое лицо, но к нему теперь не подходила манера игры уродца Престо, как не подходило старое платье карлика

новому телу. Новое лицо, новое тело требовали и нового внутреннего содержания, новых целей в жизни, новых приёмов творчества в искусстве. В этом Престо убедился после разговоров с Питчем, Геддой Люкс и другими. Вопрос оказался сложнее, чем он ожидал. К новому физическому лицу ему надо было найти и новое лицо артиста, новый репертуар, новые роли. Над этим надо было серьёзно поразмыслить, размышления требуют сосредоточенности, а для сосредоточенности необходимо полное уединение.

«Так уединялся и Будда, желая найти своё лицо, сначала в роще из манговых деревьев на берегу реки Анома, а потом в дремучих лесах Урувелы. Где бы найти такие леса?» — думал Престо.

Он долго выбирал, куда ему поехать. Вспоминал уединённые места своей обширной родины, горы, леса, пустыни. Их было немало. Но забираться слишком далеко в глушь не годится: он должен следить за ходом дела. Быть может, адвокату потребуются какие-либо справки. Пирсу, конечно. Престо сообщит свой адрес, но только ему одному, и притом в строжайшем секрете.

И вдруг он вспомнил об Йолстоунском национальном парке. Парк, территория которого превышает территорию Бельгии! Есть где уединиться! Там найдутся такие глухие уголки, куда не заглядывают туристы. Он остановится не в отеле, а снимет комнату у какого-нибудь сторожа или лесника. Отлично! Кстати, он посмотрит этот прославленный парк, это мировое чудо. Престо за вечной работой и спешкой не удосужился побывать в знаменитом парке. Теперь он посмотрит, немного развлечётся в поездке, — это очень необходимо, — а затем уединится в рощу манговых деревьев и будет размышлять о своей судьбе.

И Тонио деятельно занялся приготовлением к путешествию. Он купил книг, путеводителей по Йолстоунскому парку, много книг по кинематографии, литературе и даже философии. Ему во многом надо разобраться. Он тщательно составил маршрут, меняя средства передвижения, чтобы лучше заметить следы. И в тот час, когда гости на званом ужине ещё допивали последние бокалы, окликая куда-то отлучившегося хозяина. Престо был уже далеко.

Сторож-учёный

Как ни был подготовлен Престо путеводителями и книгами, он был поражён, увидав Йолстоунский парк. Природа как будто собрала здесь все причудливые формы, все контрасты, все цвета, всё, что может удивлять и очаровывать. Горы, ущелья, водопады, озёра, леса сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Вода горячих ключей выбрасывала наружу частицы извести, которые, охлаждаясь, каменели и образовывали целую систему террас, словно выточенных из мрамора. Эти террасы, то узкие, то широкие, обведены подвесками и затейливыми кружевами из сталактитов. Совершенно белые террасы сменялись светло-жёлтыми, розовыми, синими, зелёными, коричневыми... Престо особенно заинтересовала высокая терраса, которая носила название Кухни Дьявола. Это было тёмное пространство, в котором слышался глухой гул. Как чёрные хлопья, кружились летучие мыши, почти задевая Престо и шофёра своими крыльями... И вдруг новая декорация — «Золотые ворота» из лавы, окрашенной в золотисто-жёлтый цвет, «Лебединое озеро», дикая гористая местность со снежными вершинами. Не остановиться ли здесь? Нет, слишком суровая картина. Дальше! Бассейн гейзера Герриса и горячих клю-

чей «Чёрный ворчун», «Человек минуты», выбрасывающий струю вверх каждую минуту, «Постоянный», извергающийся через двадцать минут. Ниже — разноцветные грязевые ключи, розовые, жёлтые, белые... Эти ключи с шумом выбрасывали горячую воду, и она падала на землю затейливыми каскадами. Подальше от этого шума!..

Бирюзовый источник с водой необычайной голубизны и прозрачности отражается в зеркальной поверхности Призматического озера. Вокруг множество гейзеров и горячих ключей, маленькие горные озёра, изумрудные ручьи с водопадами... Вот причудливый по форме гейзер «Улей», вот «Губка», «Лев». А дальше, среди скал, отливающих топазами и рубинами, лежит Изумрудное озеро. Оно очаровало Престо. Правда, здесь, как везде, виднелись отели для туристов, домики с бензиновыми колонками для обслуживания автомобилей, затейливыми киосками с прохладительными напитками то в виде огромной шляпы-котелка, — своеобразная реклама фирмы шляп, — то в виде буддийской статуи, то в стиле китайской беседки. И всюду назойливые рекламы — на стенах домов, на заборах, на придорожных деревьях, даже на скалах. Эти рекламы о зубной пасте, подтяжках, бритвах, патентованных лекарствах уродовали, обезобразивали красивейшие виды в мире. Но дальше от проезжей дороги виднелись ещё не тронутые места.



Престо заметил вдалеке одинокий домик, скромную хижину на склоне горы. К ней вела узкая, заросшая травой дорожка, по которой едва мог проехать автомобиль. Вероятно, жилище сторожа. Вот то, что надо. Престо приказал шофёру проехать к домику. Шофёр неохотно повиновался, — «машину сломаешь».

Но подъём на гору прошёл благополучно. Только в одном месте гейзер, расположенный возле самой дорожки, обрызгал машину и седоков жёлтыми горячими грязевыми каплями.

Был вечер. Солнце уже спускалось за вершину горы. Изумрудное озеро, принявшее оттенок заката, играло цветами перламутра. Престо даже невольно вздохнул, — такая красота. Не будет ли она отвлекать от размышлений? Ничего, к красоте привыкают, как ко всему.

Престо повезло. Хозяин домика сидел на обрубке дерева и курил короткую трубку. На нём была клетчатая рубашка с открытым воротом, заправленная в кожаные брюки, на ногах — высокие сапоги. Так удобнее ходить по колючим

зарослям. Он сидел без шляпы. Голова с проседью. Длинное, несколько усталое лицо, усы, борода. Он спокойно смотрел на подъезжавший автомобиль.

Престо приветствовал хозяина и вышел из машины. Он хотел бы снять одну-две комнаты. В отелях слишком шумно, ему же необходимо отдохнуть и немного поработать над своей книгой. Он журналист и немного писатель. Смит, Адам Смит.

Старик испытующе смотрел на Престо. Многие туристы, которые хотели устроиться подешевле, обращались к парковым сторожам с просьбой поселиться у них. Каждый такой турист выдумывал различные причины, почему ему в гостинице «неудобно».

Администрация парка неодобрительно относилась к тому, что туристы останавливались у сторожей. От этого страдали интересы владельцев отелей. Поэтому служащие парка, как ни хотелось им заработать, только в редких случаях принимали жильцов-туристов под видом родственников или друзей.

Престо заметил, что сторож колеблется, и поспешил сказать:

— Я буду платить вам столько же, сколько возьмут с меня в отеле... даже больше.

— Но у меня вы не найдёте тех удобств, — возразил сторож, видимо, сдаваясь.

— Я неприхотлив. Стол, стул, кровать, простой обед, больше мне ничего не требуется, — сказал Престо. — Мне нужна только тишина, а здесь, кажется, тихо.

— Да, если не считать шума гейзеров. Но к нему скоро привыкаешь и не замечаешь. Что же, посмотрите.

Хозяин провёл Престо в дом. Это была совсем не такая маленькая хижина, какую казалась издали. В доме было три комнаты, — одна из них довольно большая, — кухня и даже ванная. В маленькой комнате, которую хозяин показал только мельком. Престо заметил кровать с пологом, туалетный столик с зеркалом и маленькие женские туфли. В комнате хозяина стояла узкая кровать, довольно большой письменный стол, шкаф с книгами. На стенах висели хорошо изготовленные чучела птиц и барометр. Над письменным столом, в овальных рамках — небольшие портреты Дарвина и Геккеля, которые немало удивили Престо.

— Здесь у нас нечто вроде гостиной и парадной столовой, — указал хозяин на большую комнату, — но обычно мы обедаем в кухне.

— У вас большая семья? — с некоторой опаской спросил Престо.

— Я и племянница, — ответил хозяин. — Вот эту комнату я могу предложить вам.

Окна и дверь выходили в цветник, на холме росли сосны. Престо понравилась комната, и договор был заключён, чемоданы внесены, шофёр отпущен.

— Как только Эллен вернётся, она приведёт в порядок вашу комнату. А пока идёмте в кухню, я приготовлю чай. Наверно, с дороги пить хочется.

— Вы очень любезны, мистер...

— Простите, я ещё не назвал своего имени. Джон Барри.

За чаем Барри рассказывал Престо, сколько в парке буйволов, оленей, серн, медведей, какие живут птицы. Со многими обитателями парка Барри жил в дружбе, — некоторые медведи брали даже хлеб из его рук. Потом он начал рассказывать о деревьях, о необычных растениях, и не только Йолстоунско-

го парка. Кое-что из его рассказов было уже известно Престо по справочникам и путеводителям, — о гигантском росте и толщине секвой, о том, как на одном срезе с пня секвойи стояло пианино, сидело четверо музыкантов и ещё оставалось место для шестнадцати пар танцующих, как на другом срезе был поставлен домик, вмещавший типографию, где печатались «Известия дерева-гиганта». Как для Парижской выставки в тысяча девятисотом году американцы заготовили из секвойи «величайшую в мире доску», и эта доска так и осталась в Америке: ни один пароход не брался перевезти её в Европу целиком.

Подобные истории рассказывались всеми гидами падким на «колоссальные масштабы» американским туристам. Но ведь Барри был простым сторожем, и его знания, его правильная литературная речь удивляли Престо.

— Вы знаете историю названия секвойи? — спросил, улыбаясь, Барри. — Среди индейских вождей был один, которого звали Секвойя. Вы ошибётесь, если подумаете о нём, что это был дикарь, потрясающий томагавком, охотник за скальпами. Он был очень культурный человек, изобретатель индейской письменности. В его честь индейцы и назвали дерево секвойей. Американские секвойи были открыты учёными менее ста лет тому назад и названы «калифорнийскими соснами», или «мамонтовыми деревьями» Мамонтовыми, может быть, потому, что голые сухие суки старых секвой напоминают бивни мамонта. Первый, изучивший секвойю ботаник-англичанин захотел увековечить имя английского героя, полководца Веллингтона, и в честь его назвал дерево «Веллингтония гигантеа». Но американцы обиделись, запротестовали: их американское дерево назвать именем англичанина, да ещё генерала! И американские ботаники назвали дерево по имени своего национального героя, Вашингтона: «Вашингтония гигантеа». Однако позднее выяснилось, что то и другое название неправильно, так как новое дерево представляло собою новый вид, но не новый род. Поэтому вполне заслуженное название «гигантеа» могло быть оставлено, но родовое название должно быть иное, какое имело уже ранее известное дерево того же рода — «Секвойя семпервиренс» — секвойя вечноживущая. Так вождь индейцев победил национальных героев Англии и Америки. Эту историю гиды не очень охотно рассказывают туристам-американцам и англичанам, чтобы не оскорбить их национальное самолюбие.

— Мистер Барри! — не выдержал Престо. — Вы так много знаете. Почему же вы служите сторожем, а не заняли место по крайней мере гида?

— Именно потому, что много знаю, — с печальной улыбкой ответил Барри. — Да сторожем и спокойнее. Надо быть благодарным судьбе и за это.

— Но ведь вы человек образованный! — горячился Престо.

— Это я перед вами, пришлым человеком, так разболтался. — И, помолчав, Барри спросил: — Вы не из Гарднеровского газетного треста?

— Нет, нет! Можете быть со мною совершенно откровенны! — поспешил успокоить Престо.

— Да, я имею высшее образование, — сказал Барри. — Биолог. Был учителем, но изгнан за вольнодумство.

Престо вспомнил портреты Дарвина и Геккеля и догадался, в чём заключалось вольнодумство умного, высокообразованного учителя.

Ещё одна область жизни, которая не допускалась в киностудию Питча! Сценаристы, если и слышали о таких жизненных драмах и конфликтах, то не интересовались ими хотя бы потому, что хозяйева кинопредприятий боялись по-

добных тем, как огня.

«А между тем чем не сюжет? Взять хотя бы „обезьяний процесс“!» — подумал Престо.

— Администрация парка даже не подозревает, что я имею диплом Гарвард-колледжа, — продолжал Барри.

— Гарвард-колледж! Знаю. Как же. Старейший университет в Штатах, — сказал Престо. — Но вам, я думаю, нелегко живётся, и вы не один?

— Что же делать? Эллен — сирота. Дочь моей покойной сестры. В городах ей работы не найти. Пробовала, но безуспешно. Она ведёт у меня домашнее хозяйство. Если случается, на стороне работает. Ей обещают место судомойки в отеле. Она у меня молодец! — сказал он с любовью и, посмотрев на стенные часы, добавил уже с некоторым беспокойством: — Что-то она запоздала, уже совсем стемнело.

В этот самый момент за окном послышался весёлый собачий лай и детский, как показалось Престо, голосок:

— Тише, Пип! Сумасшедший!

— Вот и они! — радостно воскликнул Барри.

Через минуту в широко открытую дверь вбежала собака, запряжённая в маленькую колясочку, и остановилась против хозяина, весело лая и помахивая хвостом. Вслед за собакой вошла молодая девушка. Её каштановые коротко остриженные волосы придавали ей мальчишеский вид. Привычным глазом артиста Престо окинул её фигуру. Средний рост, безукоризненное сложение, крепкое, подвижное тело. На девушке была простая белая блузка с низким вырезом ворота и короткими рукавами, клетчатая короткая юбка. Голые загорелые ноги, обутые в сандалии. Почти бронзовый загар кожи южанки. Её лицо нельзя было назвать вполне красивым, — чуть-чуть вздёрнутый нос, полные губы, как-то по-детски сложенные, быстрый и умный взгляд карих глаз, — но в этом лице была та миловидность, которая привлекает больше красоты. В каждом её движении чувствовался избыток сил и жизнь. Вошла она запыхавшейся от быстрой ходьбы и воскликнула, обращаясь к собаке:

— Безобразник! едва не вывернул тележку... Купила муки, сахару... — Тут она увидела Престо и, ничуть не смущаясь, сказала: — Здравствуйте, мистер. Добрый вечер — как будто была давно с ним знакома.

Престо с улыбкой раскланялся с ней.

Это неожиданное появление запряжённой в тележку собаки в сопровождении девушки напомнило Престо цирковую сцену его юных лет. Ему вдруг стало радостно и весело.

А девушка прикрикнула на Пипа:

— Стой смирно! Сейчас распрягу! — и начала вынимать из тележки кульки и пакеты.

— Да ты познакомься с гостем как следует! — сказал Барри, ласково глядя на девушку.

— Ай, и правда. Всё торопишься. Простите! — воскликнула она, немного смутившись. — Я только освобожу Пипа от его сбруи. А то он опять наделает бед.

Девушка быстро сняла ошейник-хомут. Пип тряхнул головой, захлопал ушами и, виляя хвостом, улёгся у двери.

— Это наш жилец. Мистер Адам Смит, — отрекомендовал Барри. — Моя

племянница, Эллен Кей.

— Я уже догадался, — сказал Престо, пожимая маленькую руку. При этом он почувствовал, что ладони Эллен были жёсткие.

«Бедняжке немало приходится заниматься грубой работой», — с участливым сожалением подумал Престо.

И как бы в подтверждение этого Барри сказал девушке:

— Убирай продукты, Эллен, и поскорей вымой пол в гостиной, застели постель, поставь умывальник.

— Пожалуйста, не беспокойтесь! — воскликнул Престо. — Вы дайте только бельё, я сам застелю постель, а остальное можно сделать завтра. Уже поздно, и мисс Кей наверно устала.

— Устала? — с удивлением и даже обидой повторила девушка. И начала с такой быстротой перекидывать продукты из тележки в шкаф, что у Престо в глазах зарябило.

«Ну и жизни же в этой девушке!» — подумал он, невольно наблюдая за её движениями. Немножко быстрый темп для киносъёмки, но сколько непринуждённой грации в этих простых движениях! То, что киноартистам достаётся с большим трудом, после бесконечной режиссёрской муштровки и сотен метров испорченной плёнки, у неё выходит естественно, и она даже не подозревает об этом, думая о красоте своих движений не больше, чем игривый котёнок.

Не прошло и трёх минут, как продукты и тележка были убраны.

— Ещё вот что! — сказала девушка, как бы продолжая какой-то спор: — зовите меня просто Эллен. Я ещё не доросла до мисс Кей!

Девушка взглянула на него почти сердито и ушла в гостиную. А через минуту она уже хозяйничала там, сдвигая мебель и напевая песню.

— У вас замечательная хозяйка, — сказал Престо.

— Да. Я уж говорил вам, что она у меня молодец, — ответил Барри, видимо гордясь своей племянницей. — И какая способная! Из неё вышел бы толк... — Лицо Барри омрачилось.

Престо понял сторожа и, желая его утешить, сказал:

— Ну, время ещё не упущено, ведь она почти девочка.

— Не так уж молода, как кажется. Ей скоро восемнадцать. А мне не удалось дать ей даже законченного среднего образования...

И они замолчали, погружённые каждый в свои думы.

Эврика

Так произошло вселение Престо в дом Джона Барри.

По утрам Тонио занимался чтением и размышлениями. Он читал книги по истории американского кино, думал о лицах и масках знаменитых артистов в поисках своего пути, своего нового оригинального лица. А вечерами он беседовал с учёным сторожем и его племянницей.

Эллен вначале несколько дичилась. Но Престо привёз с собою много книжных новинок. Эллен проявила к ним живейший интерес. Через несколько дней она уже спорила с Престо о прочитанных романах, удивляя его меткостью и оригинальностью своих замечаний. Оказалось, что она хорошо знает европейских классиков и американскую литературу. Однажды она прочитала ему монолог Дездемоны, а потом изобразила сцену безумия Офелии. Престо

был поражён. У Эллен безусловно был драматический талант. Что, если сделать из неё киноартистку, партнёршу в высоких трагедиях?

А на другое утро Офелия превращалась в уборщицу, судомойку, кухарку.

Как только Престо вставал, Эллен являлась с вёдрами, тряпками и швабрами, изгоняла Престо и Пипа в сад и начинала уборку комнаты.

Лёжа на холме под сосною. Престо украдкой наблюдал за нею. Это было, конечно, нехорошо. Но он оправдывал себя тем, что наблюдение за окружающими людьми — его профессиональный долг: все наблюдения могут пригодиться для работы.

Эллен собирала складки короткой полосатой юбки, зажимала меж колен и, наклонившись, начинала мыть пол. Обметая паутину и пыль с потолка, она вся вытягивалась вверх, немного отклонялась назад. Её позы ежеминутно менялись. Престо смотрел на Эллен и думал: «Если бы её видел Гофман! Он был бы восхищён этим поворотом. Я никогда не подозревал, что в простых естественных трудовых движениях может быть столько грации и красоты. Удивительно! К каким ухищрениям, искусственным позам, поворотам, ракурсам приходится прибегать нашим знаменитым артисткам, кинозвездам, чтобы выгодно показать свою фигуру, красоту линий талии, бедра, спины, изящную ножку, чтобы скрыть природные недостатки! Всё это неизбежно связывает свободу их движений, делает из них красивых автоматов, манекенов. Сколько режиссёрской работы требуется для того, чтобы придать их движениям естественность и простоту!»

Престо вспомнил, как один режиссёр заставлял артистку проделывать простое движение ногой десятки раз, истратил несколько сот метров плёнки, пока получил то, что хотел. А у Эллен «всё идёт, ни один жест не пропал бы даром».

«Нет, из неё не следует делать Офелии и Дездемоны. Её пришлось бы муштровать, прививать непривычные жесты, заставлять думать о своих движениях, и с Эллен случилось бы то же, что с сороконожкой в сказке Уайльда, которая свободно бегала, пока её не попросили объяснить, как именно она передвигает ноги, — какую ставит раньше, какую позже. Сороконожка задумалась и... не могла сделать шагу. Эллен должна остаться собой. Значит, нужны будут и иные сценарии...»

Размышления Престо были прерваны Эллен. Она выглянула из окна и крикнула громче, чем этого требовало расстояние:

— Мистер Смит! Сегодня вечером в кино, которое возле отеля Россетти, идёт картина с участием Тонио Престо.

— Пойдёте? — спросил Престо.

— Непременно! — ответила девушка. — В последнее время редко ставятся его картины. Говорят, он куда-то исчез, или с ним что-то нехорошее произошло. Это было бы ужасно!

— Вы любите Тонио Престо?

— Кто же его не любит? — отвечала Эллен.

Престо было приятно это слышать, но последующие фразы девушки несколько огорчили его.

— Каждый любит посмеяться, а он такой смешной. Я прямо-таки обожаю его.

— И вышли бы за него замуж, если бы он предложил вам руку?

Эллен удивилась этому вопросу.

— За него? Замуж? — с брезгливостью и даже долей негодования на то, что ей задали такой вопрос, воскликнула она. — Никогда!

— Почему? — спросил Тонио, догадываясь об ответе. Но оказалось, что Эллен думала не только о безобразии Тонио, но и о том, чего он не ожидал.

— Мне кажется, это должно быть понятно. Какая мать захотела бы иметь детей уродов?

«Не само безобразие и уродство отталкивало её и не о себе она думала, а о детях! Как всё это не похоже на доводы и соображения Гедды Люкс! Вот здоровое понятие о браке», — подумал Престо и сказал, как будто мимоходом:

— Но ведь, говорят, он страшно богат.

— Никакое богатство не искупит горя матери, у которой несчастные дети! — отвечала Эллен. — Заболталась я с вами, а ещё не окончила уборки.

— Мисс Эллен, а мне можно с вами пойти в кино?

— Можно! — милостиво ответила Эллен уже из глубины комнаты.

В кино шла картина «Престо — ковбой» — одна из его ранних самостоятельных работ.

Сидя рядом с Эллен в тёмном зале и глядя на экран, Тонио вспоминал время, когда снимался этот фильм. Имя Престо уже гремело. Владельцы кинопредприятий старались переманить его, журналисты следили за каждым его шагом. Себастьян, как злой и неподкупный Цербер, строго охранял входы в дом. На территорию же киностудии владелец не пускал никого из посторонних. И вот, во время постановки массовой сцены со множеством статистов ковбоев, один догадливый журналист ухитрился верхом, в костюме ковбоя, въехать в запретную зону и замешаться в толпу статистов. А там, пользуясь перерывом в киносъёмке, добрался до Престо и попытался интервьюировать его. Эта проделка рассмешила Престо, но всё же он не ответил ни на один вопрос журналиста, что не помешало предприимчивому газетчику напечатать пространное интервью, обошедшее все газеты. Чего только не было в этом интервью! И предполагаемая женитьба Тонио Престо на вдове-миллионерше миссис. У., и новый договор, который будто бы предложила мистеру Престо крупнейшая кинофирма: она сулила ему содержание, «в три раза превышающее цивильный лист английского короля», и творческие планы Престо, который пишет сценарий нового фильма «Сотворение мира» и будет играть роль Адама... Всё это было так нелепо, дико и невероятно, что Престо даже не написал опровержения. Но американская публика, жадная до всяких сенсаций, несколько дней только и говорила об этом интервью. Интерес к Престо возрос ещё больше... А теперь? Теперь он ничто, «Табуля раза» — чистая соскобленная доска, на которой ещё неизвестно что будет написано...

В зрительном зале раздавались дружные взрывы смеха. И Эллен смеялась едва ли не больше всех.

Хорошо ли сделал Престо, изменив свою внешность? Не было ли это роковой ошибкой?.. Сотрясаемая смехом Эллен качнулась, и её плечо коснулось плеча Тонио. И от этого прикосновения Престо как-то вдруг сразу почувствовал своё тело, молодое, здоровое. Между ним и Эллен, — между ним и женщинами всего мира, между ним и любовью, которой ему так недоставало в жизни, — уже не существовало стены уродства. Ради этого стоило пожертвовать многим, даже славой. Сама слава не может дать столько счастья и наслажде-

ния, как любовь! А славу можно завоевать и вторично. Только бы найти своё лицо!

Даже здесь, в кино, он продолжал поиски нового пути. Комик он или трагик? Смех или слёзы должен исторгать он своей игрой?.. Ему казалось, что он колеблется только между этими двумя путями, не решаясь, на какой ступить. В его подсознании шла своя, сложная и напряжённая работа...

Он вышел из низов народа. Провёл горькое голодное детство. Он узнал прератности судьбы, зависимость маленького человека от каприза властителей жизни... Всё это создавало свои симпатии и антипатии, производило отбор жизненных явлений. Мимолётные факты, уличные сцены, которые ему приходилось наблюдать, прочитанные в книгах случаи и мысли других людей, мелькнув в его сознании, опускались в тёмные глубины подсознания и там подвергались обработке и систематизации. И когда накаплился достаточный материал, когда все эти отрывочные факты, мысли, впечатления сливались в единое целое, они вдруг всплывали на поверхность сознания как готовое решение.

Это и случилось с Престо в кино к концу сеанса. Он ещё не мог охватить новую мысль во всех подробностях, но главное было найдено. Да, он нашёл своё новое лицо! Его охватили такая радость и такое волнение, что он воскликнул, подобно Архимеду, нашедшему закон удельного веса:

— Эврика! Нашёл!

Зал кино дрожал от смеха, и восклицание Престо потонуло в шуме. Только сосед справа посмотрел на него недоумевая, а Эллен спросила:

— Вы что-нибудь потеряли и нашли?

— Да! Всё в порядке! — ответил Престо и вздохнул всей грудью. — Я нашёл свой удельный вес! — произнёс он тихо.

Мучительные колебания, размышления нового Будды кончились. Он словно родился вновь. Никакие трудности впереди не страшили его.

— Конец! — с сожалением сказала Эллен, когда экран погас.

— Начало! — весело отозвался Престо. И на вопросительный взгляд Эллен ответил: — Какой-то индийский мудрец сказал, что всякий конец есть в то же время и начало — начало чего-то нового.

Всю дорогу домой Тонио был необычайно оживлён и весел. Это заметила Эллен.

— Я и не знала, что вы такой забавный, — сказала она. — Вас словно подменили, или как будто вы нашли бумажник, туго набитый долларами.

— И подменили, и бумажник нашёл! — воскликнул Престо. — Смотрите, Эллен, какие чудесные звёзды, какая удивительная ночь!

— Вы ещё и поэт?

— Конечно, поэт. Хотите, напишу вам стихотворение?.. Эллен! А у вас нет желания самой играть в кино? Быть артисткой?

— Играть в кино-о? Да я и ступить-то не умею! — отвечала девушка со смехом.

— Если бы вы только смогли остаться сами собой... Киноартистки получают много денег...

— Нет, не хочу быть киноартисткой, — ответила Эллен. — Они все какие-то изломанные. — И Эллен так комично пошевелила плечами, подражая салонным львицам большого света, что Тонио рассмеялся.

— Вы, кажется, единственная в мире женщина, которая не хочет быть киноартисткой. Кем же вы хотите быть? Думали ль вы о своём будущем?

— Что же о нём думать? Оно и без моих дум придёт, — ответила девушка. — Настанут лучшие времена, дядюшка вновь получит место учителя, я найду работу...

— Потом?

— Потом... Потом выйду замуж и буду воспитывать детей.

«Всё тот же оптимизм среднего американца! Бедняжка! Сколько разочарований ожидает тебя!» — подумал Престо и сказал:

— Да будут исполнены ваши желания!

Загадочная находка

Престо действительно словно подменили. Эллен с удивлением наблюдала за своим жильцом. Раньше Адам Смит по утрам лениво валялся на траве под сосной или же часами сидел с удочкой на берегу озера. Теперь жилец проявлял необычайную энергию. По утрам писал много писем в своей комнате или делал какие-то выписки из книг, часто ходил на почту, где получал корреспонденцию до востребования. Эта корреспонденция за последние дни очень выросла. Жилец возвращался с целыми пачками писем и газет. Однажды во время уборки в его комнате Эллен из любопытства заглянула на лист бумаги, исписанный заметками и цифрами, и прочла:

«Во всём мире 52 000 кинотеатров, имеющих 21 миллион мест. Капиталы, вложенные в эти театры: 11 миллиардов золотых марок, 60 % этой суммы приходится на Америку.

Инвестиции (вложения капиталов) в киноиндустрию Америки достигают двух миллиардов долларов.

Стоимость фильмов от 200 000 до 40 миллионов долларов и выше каждая.

В год изготавливается 700 художественных фильмов.

Оклады артистов25

Плата за помещение и пр.20

Декорации19

Оклады режиссёров, ассистентов и операторов ...10

Сценарий10

Расходы по натурной съёмке ...8

Плёнка5

Костюмы5

..... 100

Расход одной кинофабрики в неделю (Голливуд) — несколько миллионов долларов в неделю. На жаловании — 71 писатель, 31 директор, 49 «звёзд», армия актёров, технические служащие...

Стоимость кинотеатра — миллион и больше долларов.

Банк — хозяин над всеми студиями, над Голливудом, над двадцатью семью тысячами кинотеатров. Цензура фильмов банком.

Посещаемость кино в Америке — до 10 миллионов человек в день. Цены от 25 центов до 2 долларов и дороже; первый экран — от 2 долларов.

Реклама — только газетная — 5 миллионов долларов.

P.S. Некоторые цифры устарели. Проверить новыми данными...»

Читать дальше у Эллен не было времени, да и не интересно. Мистер Смит, очевидно, пишет какую-то работу по кино.

В другой раз Эллен нашла на столе случайно забытый Тонио конверт. На конверте стоял адрес местной почтовой конторы, а адресовано оно было до востребования мистеру Антонио Престо.

Это поразило Эллен. Значит, знаменитый Тонио Престо ещё существует и, очевидно, живёт где-то поблизости. Но почему вскрытый конверт оказался на столе мистера Смита? Это была загадка. Может быть, Смит — близкий родственник или друг Тонио Престо. Что же, это возможно. Но почему мистер Смит никогда не говорил ей, что лично знает Престо? Эллен уже не раз приходила мысль о том, что между Тонио Престо, которого она великолепно знала по экрану, и их жильцом есть какое-то неуловимое сходство, несмотря на то, что Смит здоровый, нормальный молодой человек, а Престо урод. Эллен была чрезвычайно заинтересована своим открытием. Но ни с жильцом, ни даже со своим дядей она не решилась поговорить об этом. Нельзя же было признаться в своём нескромном любопытстве — чтении чужих бумаг. ореол тайны придал мистеру Смигу в глазах Эллен новый интерес. До сих пор она считала Смита скромным журналистом, неудачником, который не имеет средств даже остановиться в отеле. И вот, оказывается, что он имеет какие-то очень близкие и таинственные отношения с самим Тонио Престо. И, быть может, только по этим причинам Смит поселился в скромном доме сторожа. Она стала с усиленным вниманием наблюдать за жильцом, так что он в конце концов это заметил и однажды спросил её:

— За последнее время, Эллен, вы не спускаете с меня глаз. Уж не влюблены ли?

Девушка смутилась, потом как будто даже рассердилась и ответила:

— И не думала. Это вам только кажется.

— Что кажется? Что вы влюблены в меня? Этого я и не утверждаю. Но что вы как-то особенно поглядываете на меня, это факт.

«Ну, подожди же, я тебе отвечу!» — подумала Эллен и сказала:

— В этом, может быть, вы и правы. Дело в том, что вы чем-то напоминаете мне Тонио Престо.

Престо смутился в свою очередь. «Не прочитала ли она адреса на конверте? Кажется, я забыл однажды на столе. Нет, она этого не сделает. Эллен слишком мало интересуется мною, чтобы читать мои бумаги».

— Вот как! — воскликнул Престо, уже овладев собою. — А вы напоминаете мне, как две капли воды, одну знакомую... У вас большое воображение. Этак вы, пожалуй, вообразите, что я и есть Тонио Престо.

Эллен рассмеялась и воскликнула:

— Ну, моё воображение не столь велико. Таких чудес не бывает.

Престо вздохнул с облегчением, но после этого разговора стал как-то более задумчив и осторожен в разговорах с Эллен.

Настроение его снова изменилось. Он, видимо, нервничал. Ещё чаще ходил в почтовую контору. Часто Эллен слышала его нетерпеливые шаги по комнате. В сад он почти не выходил.

В эти дни он ожидал окончательного ответа по своему делу от адвоката Пирса. Пирс уже сообщил Престо, что после того, как губернатор, прокурор и прочие участники прощального ужина прибегли к помощи доктора Цорна,

чтобы изменить свою внешность, проект закона о лишении подобных лиц имущественных прав был взят обратно. Вся эта история была придумана хитроумным Пирсом. Его же агенты доставили Тонио и чудодейственные порошки Цорна, получив их каким-то неведомым путём, — вероятно, через подкупленных слуг Цорна.

«Я не сомневался в том, что законопроект будет взят обратно, — писал Пирс. — Таким образом, главное препятствие устранено, и остаётся лишь формальное установление идентичности вашей новой личности с прежним Престо. Доказать это будет не трудно. Победой является уже то, что суд признал вашу доверенность на ведение судебных дел и этим самым как бы признал вашу дееспособность и правоспособность...»

Теперь Пирс употреблял своё влияние и связи на то, чтобы суд скорее назначил дело к слушанию и чтобы «всё сошло гладко».

И вот настал день, который остался памятным для Престо и Эллен.

Знаменательный день

Утром в кухню, где была Эллен, вошёл почтальон и сказал:

— Примите телеграмму мистеру Антонио Престо.

Эллен с изумлением посмотрела на почтальона и ответила:

— У нас не живёт Антонио Престо.

Почтальон пожал плечами, посмотрел на телеграмму и протянул её Эллен.

— Адрес указан точно. Смотрите сами.

Эллен прочитала адрес.

— Да, — сказала она, — адрес наш, но Антонио Престо у нас не живёт. Очевидно, телеграфная ошибка. — И протянула телеграмму почтальону.

Почтальон взял, ещё раз пожал плечами и вышел.

Через окно его увидел Престо и окликнул:

— Алло! Кому телеграмма?

— Антонио Престо, — ответил почтальон.

— Давайте сюда. Я Антонио Престо.



Почтальон подошёл к окну с озадаченным видом.

— Да... — замялся он. — Но мне сказали, что в этом доме не проживает Антонио Престо. И потом... если это тот Антонио Престо, которого знает вся Америка, то вы, мистер, не очень-то похожи на него. — И почтальон в нерешительности вертел телеграмму в руке.

— Давайте, давайте! — с нетерпением воскликнул Престо, протягивая руку. — Вы доставили телеграмму по адресу, адресат принимает её, чего же вам ещё нужно?

— Но вот мисс сказала... — всё ещё колебался почтальон.

Престо выхватил у него телеграмму, моментально вскрыл и прочёл:

«Решение суда вашу пользу поздравляю Пирс».

— Отлично, — весело сказал Престо. — Не беспокойтесь. Телеграмму вы вручили адресату. Сейчас распишусь... Вот вам за доставку на дом и за хорошие вести.

И Престо протянул почтальону вместе с распиской десять долларов.

Почтальон расцвёл улыбкой, поблагодарил, пожелал всяческих благ и бодро зашагал в обратный путь.

— Победа! — не удержавшись, воскликнул Престо, потряс телеграммой над головой, сделал пируэт, повернулся и увидел Эллен, стоявшую в дверях его комнаты с расширенными от удивления глазами и побледневшим лицом.

— Зачем вы это сделали? — глухо спросила она.

— А вы всё видели и слышали? Что я такое сделал, мисс Эллен?

— Зачем вы приняли телеграмму на имя Антонио Престо? Зачем вы обманули почтальона?

— Я не обманул его и принял телеграмму потому, что я и есть Антонио Престо.

— Этого не может быть.

— А между тем это факт! — весело воскликнул Престо.

— Тогда, значит, вы обманули нас, меня и дядю, называя себя мистером Смитом?

— Да, в этом я виноват. Особенные обстоятельства вынудили меня к подобному поступку. Не осуждайте меня, пока не выслушаете моих объяснений. Когда вернётся из обхода мистер Барри, я расскажу вам всё.

Эллен ушла в кухню с хмурым лицом, не сказав больше ни слова. Всё это было слишком необычно, переворачивало все представления о жильце. Много из того, что она говорила мистеру Смигу, не решилась бы сказать Престо. Она вспоминала все свои разговоры с ним, вспоминала, как иногда сурово обходилась с неудачным журналистом. Потом она начала успокаивать себя: «Нет, это же не тот знаменитый Антонио Престо, которого она знала по экрану. Вероятно, однофамилец, быть может, родственник...» Сомнения и любопытство одолевали её так, что в этот день у неё работа валилась из рук.

Когда она с тряпками и швабрами в одной руке и ведром воды в другой явилась в комнату Престо, то вид её был очень смущённый. Как теперь обходиться с этим новоявленным Престо? Она уже не сказала ему, как обычно: «Теперь уходите-ка, не мешайте!», а посмотрела на него почти с виноватым видом и пролепетала:

— Мистер... Престо! Пройдите, пожалуйста, в сад...

— Сейчас! — ответил Престо. — Одну минутку... — Он что-то быстро строил на телеграфном бланке.

Эта случайная задержка рассердила Эллен. Ей показалось, что Престо нарочно задерживает её, важничает. И она хороша! Слово заискивает! И, уже с обычной суровостью, она сказала:

— Мне же надо убирать!

— Вот и всё! — сказал Престо. — Простите, что задержал вас. Пойду я не в сад под сосну, а, с вашего разрешения, на почту. Пил! — окликнул он собаку. — Идём гулять!

Сенбернар, давно заглядывавший в комнату, весело залаял и запрыгал.

Престо вышел.

— Мистер См... Мистер Престо! — окликнула его Эллен неожиданно для себя. Любопытство оказалось сильнее её.

Престо повернулся.

— Простите... — промолвила она, и щёки её заалели. — Скажите мне только, пока придёт дядя, вы... тот или не тот Тонио Престо?

— И тот, и не тот, — отвечал он. — Извините, я очень спешу на почту. Наберитесь терпения.

И он ушёл, сопровождаемый Пипом.

Опершись на палку швабры, Эллен несколько минут стояла в раздумье, а потом с ожесточением взялась за уборку.

Но события памятного дня на этом не кончились.

Адвокат Пирс обычно посылал всю корреспонденцию Престо на вымышленное имя Смита в почтовое отделение, как они условились. Последнюю же телеграмму Пирс послал на имя Антонио Престо, в дом лесника, полагая, что Престо больше нет нужды сохранять своё инкогнито. Эта телеграмма с полным адресом и настоящей фамилией сама должна была символизировать, что Престо-новый уже является полным и признанным правопреемником Престо-урода. Такая телеграмма не могла не доставить удовольствия клиенту, — думал Пирс. И он не ошибся. Но адвокат не подумал о всех последствиях своего поступка.

Журналисты крупнейших газетных трестов уже давно старались обнаружить местопребывание столь нежданно исчезнувшего нового Престо. Для журналистов это был своего рода спорт. Каждому хотелось первым найти его. На почте, на телеграфе у журналистов имелись свои платные агенты из служащих, которые были обязаны немедленно сообщать им обо всём, что их интересовало.

И вот, не успел Престо вернуться из почтовой конторы, как к дому Барри подкатил автомобиль с одним из вездесущих журналистов. Он жил в ближайшем отеле и получил на час раньше Престо телеграмму своего агента, служившего в нью-йоркском главном телеграфе, о посылке телеграммы на имя Антонио Престо по адресу Йолстоунского национального парка. И журналист немедленно выехал.

Он имел вид солидного коммерсанта. Его можно было принять за туриста. На ремнях, перекрещивающихся на груди, висели два фотоаппарата — маленькая кинема и зеркалка. Ещё не выходя из автомобиля, он успел снять домик лесника и Эллен, выглядывавшую из окна, со шваброй в руке. За несколько минут своего пребывания он нащёлкал несколько десятков снимков, с любезной бесцеремонностью вторгаясь всюду. Он обрушился на горевшую от смущения Эллен лавиной вопросов. Девушка так растерялась, что отвечала одними междометиями, и, тем не менее, журналист заполнял страницу за страницей стенографическими иероглифами. Но когда нежданный гость подошёл к письменному столу Престо с явным намерением просмотреть лежащие там бумаги, Эллен вышла из себя. Весь гнев, который накопился в ней против назойливого посетителя, вдруг прорвался. Она, как часовой, заслонила собою стол, угрожающе взяла швабру наперевес и сказала прерывающимся от волнения голосом:

— Мистер! Хозяина нет дома. Извольте сейчас же оставить комнату!

— Хе-хе! Вот вы какая гордячка! — И, принимая Эллен за дочь или служанку бедного лесника, он вынул толстый бумажник и зашелестел долларами, — Может быть, вы подо бреете, если...

— Вон! — крикнула Эллен, махнув шваброй перед самым лицом журналиста.

Он опешил, проворчал: «Ну, ну» — и под натиском Эллен, пятясь, вышел из комнаты.

«Что-то теперь будет?..» — подумала Эллен, чувствуя, что зашла далеко. Если журналист пожалуется Престо, как он посмотрит на её поступок?

И вдруг она услышала лай Пипа и вздохнула так, словно сбросила со спины тяжёлый мешок.

«Пусть теперь мистер Престо сам расправляется с ним как хочет».

А мистер Престо расправился очень просто.

— Никаких интервью, и поворачивайте обратно! — сказал он решительно. Престо привык обращаться с этой братией.

Журналист сразу понял, что здесь с интервью дело безнадежно. Он мог только сердито щёлкнуть три раза аппаратом, чтобы заснять найденного Престо, но тот с быстротой ящерицы повернулся спиной, прежде чем щёлкнул затвор.

Машина уехала. Престо застал Эллен в застывшей позе со шваброй в руках.

— Этот нахал, кажется, причинил вам беспокойство? — участливо спросил Престо.

— Да, но и я ему, кажется, тоже... — ответила Эллен и, под влиянием возбуждения, рассказала Престо обо всём.

Тонио рассмеялся и низко поклонился.

— Вы прекрасно защищали мои интересы, мисс. Однако досадно! Теперь журналисты налетят, как саранча. Я отчитаю этого Пирса за его неосторожность... Хоть из дому беги... Я, впрочем, скоро уеду, но до отъезда мне ещё о многом надо поговорить с вами и вашим дядюшкой. Так вот что: как только сюда кто-нибудь явится, говорите, что я уехал в Канаду. Не церемоньтесь, если понадобится, ещё раз пустите в ход и вашу победоносную швабру.

В этот день, действительно, было ещё несколько налётов журналистов, но Эллен энергично выпроводила их, умышленно напустив на себя роль грубой, неотёсанной, бестолковой женщины. И Престо, скрывавшийся в саду, с интересом наблюдал эти сцены и шептал: «Эх, Гофмана бы сюда с аппаратом!.. Ну, ничего! Мы ещё заснимем её в этой роли!»

Вечером, когда вернулся Барри, Престо за ужином рассказал леснику-учённому и его племяннице свою необычную историю, из которой Эллен не пропустила ни слова.

— Что же вы думаете делать дальше? — спросил Барри, когда Престо окончил свой рассказ.

— У меня уже готовый план, который я создал под вашей кровлей. О нём ещё никто не знает, и пусть это пока и останется между нами... Из моего рассказа вы видите, что даже крупные артисты всецело зависят от предпринимателей, — продолжал Престо. — Мистер Питч отверг меня. Ну, что же! Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. Постараюсь обойтись и без мистеров Питчей.

— Вы хотите вступить в Ассоциацию киноартистов, организовавших, как я

слышал, собственное кинопредприятие? — спросил Барри.

— Ассоциация киноартистов — только первая попытка киноработников коллективной защиты своих интересов, — ответил Престо. — Но, по существу, это объединение кинозвёзд. Ассоциация сильно пропитана коммерческим духом, и средним актёрам, не говоря уж о статистах, там живётся нелегко. Притом и творчески в этой Ассоциации я не был бы вполне свободен, а мне нужна полная свобода — свобода составлять сценарии, режиссировать, играть. То, что я затеваю в этой области, — заранее можно сказать, — совсем не понравится заправилам Ассоциации.

— Отсюда можно сделать вывод, что вы хотите организовать собственное предприятие? — спросил Барри.

— Именно.

Барри ничего не ответил, только повёл бровью и, затянувшись трубкой, пустил струю дыма.

— Вы сомневаетесь в успехе? — спросил Престо и, не ожидая ответа, продолжал: — А я верю в успех. Иск мистера Питча, лечение и, главное, судебный процесс очень истощили мой капитал. Но всё же у меня осталась достаточная сумма, чтобы начать дело. По крайней мере, её хватит на то, чтобы выпустить на экран первую картину. А что дальше? На займы я, конечно, не могу рассчитывать. Банки по чувствуют опасность в моём предприятии и не только не дадут мне денег, но и всячески будут вредить мне. Это я предвижу. Но я рассчитываю на другое. Моё предприятие не будет строго коммерческим, хотя, конечно, оно не должно быть и убыточным, иначе я не выдержу борьбы. Оно должно носить кооперативный характер в гораздо большей степени, чем Ассоциация киноартистов. Это будет не только объединение артистов, но и всех, без исключения, работников, вплоть до плотников и уборщиков. В одном Голливуде всегда имеется больше сотни безработных режиссёров, тысячи киноартистов. Они охотно согласятся в первое время получать даже меньше обычного, пока предприятие не начнёт давать доход, участниками которого они станут. Но такого ограничения, я думаю, и не понадобится. Наоборот, я постараюсь поставить средних и низших работников сравнительно в лучшие условия. Спайка на почве солидарности интересов поможет нам выдержать борьбу даже с левиафанами-киноконцернами. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Вам виднее, — сказал Барри.

— Я делаю ставку на людей, — с воодушевлением продолжал Престо. — Мне нужны верные помощники, которые понимали бы меня и на которых я мог бы положиться. И вот... я подумал о вас, мистер Барри...

— Обо мне? — с удивлением отозвался тот.

— Да, о вас и мисс Эллен. Эта дыра, хотя бы и самая живописная в мире, совсем не место для вас, образованного и умного человека. Не место и для мисс Эллен. И я предлагаю вам бросить сторожку и перейти ко мне на работу. Я гарантирую вам, что первый же оклад будет превышать вдвое содержание учителя, которое вы получали.

— Но я полный профан в кинематографии! — возразил Барри.

— Только поэтому вас и удивляет моё предложение. Кинопромышленность — ведь огромная и сложнейшая индустрия с самыми разнообразными специальностями. Для вас на первое время найдётся работа, с которой справится каждый грамотный человек. Ну, скажем, в договорном, счётном отделе.

Когда же вы лучше познакомитесь с кинопроизводством, сможете занять и более ответственный пост, вплоть до управляющего, который получает весьма солидный оклад. Найдётся работа и для мисс Эллен.

— Только не сниматься! — поспешно сказала девушка.

— Выбор работы всецело будет зависеть от вас, — постарался успокоить её Тонио.

— Всё это так неожиданно, — сказал Барри, видимо, колеблясь дать согласие.

Престо понял его сомнения: перед ним был человек, уже запуганный жизненными неудачами. Он боялся потерять то небольшое, что имел.

— Я откровенно сообщил вам, — начал убеждать его Престо, — что для меня лично это начинание сопряжено с риском. И рискую я большим, чем вы. Ваш же риск я не считаю большим. Ведь за год-два вы заработаете у меня столько, сколько не заработаете и за десять лет в этом парке. Вы приобретёте новые специальности, значит у вас расширятся и возможности устроиться помимо меня...

Барри всё ещё колебался. Тогда Тонио решил затронуть его слабую сторону. Тонио уже хорошо знал, как старый Джон любит свою племянницу и как огорчается, что эта неглупая, способная девушка пропадает здесь, в глуши, без образования и будущего.

— Подумайте о мисс Эллен! — воскликнул Престо. — Не век же ей возиться с тряпками и горшками!

— Обо мне не беспокойтесь! — вспыхнула Эллен. — Я не жалуясь и вполне довольна судьбой.

— Но вы можете быть ею довольны ещё больше, — возразил Престо. — Вы попадёте в другое общество, будете встречаться с интересными, образованными людьми...

— Мне и здесь хорошо, — хмуро ответила девушка.

«Вот упрямая девчонка! Как бы она всё не испортила!» — с досадой подумал Престо. Если бы она и её дядюшка знали о причине горячего красноречия Престо! Если бы Эллен догадалась, что всё дело было в ней, что на неё Тонио возлагал столько надежд в своей новой работе!

Слова Престо об Эллен и её последний ответ, в котором прозвучала невольная грусть, видимо, произвели впечатление на старого Барри. Уже сдаваясь, он сказал:

— Вы сами должны понять, мистер Престо, что мне трудно сдвинуться с места, если бы и хотел. Что же от вас скрывать? У меня нет никаких сбережений, даже на проезд и наём квартиры...

— Всё это пустяки! — уже весело воскликнул Престо, предвидя победу. — Вы получите аванс хоть сегодня же. Хватит и на переезд, и на квартиру, и на обзаведение... Да вам и не нужно будет нанимать квартиру. Ведь я получил от прежнего Престо неплохую, просторную виллу, а живу в ней один. Весь верхний этаж пустует. Вы прекрасно можете устроиться в нём с вашей племянницей. Для меня это будет только приятно. Я так привык к вам и сдружился с вами.

— Благодарю вас за вашу любезность, но это неудобно. Совершенно неудобно, — ответил Барри.

— Почему? — спросил Престо, но тотчас догадался. — Да, конечно. Обще-

ственное мнение... я холостяк, в моём доме нет женщин. Но ведь это глупости, мистер Барри! Во-первых, мисс Эллен будет жить не одна, а с вами, и даже не в одном этаже со мною. Мог же я сдать внаём верхнюю часть дома! А во-вторых... Мы можем найти для мисс Эллен компаньонку, этакую почтенную старушку. И тогда даже все наши ханжи, лицемеры и фарисеи не найдут, к чему придраться. Итак, по рукам?

— По рукам! — ответил Барри.

У Эллен сквозь густой загар проступил румянец. Глаза её засверкали. Она уже не могла сдерживать свою радость и с детским нетерпением спросила, обращаясь и к Престо и к дядюшке:

— Когда едем?

Опять дома

Престо приехал в свою виллу раньше Барри и Эллен: сторож-педагог задержался на несколько дней, чтобы ликвидировать свои дела с управлением парка и распродать ненужные вещи.

Возвращение Престо произошло при довольно торжественной обстановке. При «вводе во владение» присутствовали судебный чиновник и адвокат, помощник Пирса.

Указывая на Престо, чиновник сказал Себастьяну, открывавшему им дверь:

— Этот молодой человек — ваш хозяин, Антонио Престо, изменивший свой вид. Он является собственником виллы, и вы должны подобающим образом относиться к нему и исполнять его приказания.

Себастьян хмуро поклонился и пропустил посетителей.

Чиновник и адвокат прошли по всем комнатам, удивляясь художественным сокровищам, которые собрал Престо со строгим, изысканным вкусом знака. После оживлённого завтрака чиновник и адвокат ушли.

— Вот я и опять дома! — воскликнул Престо, с удовольствием потягиваясь в кресле. У ног стояла знакомая скамеечка, но теперь она не была нужна.

В дверь постучались.

— Войдите!

На пороге показался Себастьян. Он был очень смущён. Его седые брови хмурились, а губы запавшего рта шевелились. Престо решил прийти ему на помощь и весело спросил:

— Ну, как вы тут без меня жили, Себастьян?

Старый слуга только вздохнул, но продолжал молчать. Престо рассмеялся.

— Я вижу, вы никак не можете привыкнуть к моему новому виду.

— Мистер Престо! — наконец заговорил Себастьян и замолк, словно ему не хватило дыхания.

— Ну?

— Позвольте мне уйти от вас.

— Как уйти? Почему? Вы хотите меня оставить? — удивился Престо. — Вы, мой старый верный слуга, который столько лет ухаживал за мной, как за ребёнком?

Себастьян пожал плечами и ответил с печальной улыбкой:

— Да вы и были ребёнок. Всё равно, что ребёнок... А теперь вы выросли, и вам не нужна больше нянька.

В сердце сурового на вид старика было много нежности. Он смотрел на Пре-

сто, как на ребёнка, привязался к нему и действительно ухаживал за ним, как заботливая нянька. Престо знал об этом и в свою очередь был очень привязан к старику.

— Но, дорогой мой! — воскликнул Престо, вставая с кресла и подходя к Себастьяну. — Разве я нуждался только в том, чтобы мне подставляли под ноги скамеечки и доставали вещи, которые я не мог сам достать из-за своего малого роста? Ведь вы вели всё моё хозяйство, были в доме моей правой рукой...

Себастьян снова вздохнул и ещё больше нахмурился.

— Но я не могу оставаться в этом доме после того, что произошло, — ответил он.

— Что же такое произошло? — спросил Престо. — Уж не то ли, что вы не хотели меня пустить в дом?

— И устроил засаду, и предал в руки полиции, и оскорблял, — продолжал Себастьян. — Такие вещи не забываются, и я не хочу, чтобы вы рано или поздно за это уволили меня. Уж лучше я уйду сам.

— Вот чудак! — горячо заговорил Престо, — Послушайте, Себастьян! Даю вам честное слово, что я нисколько не обвиняю вас и не сержусь. Конечно, мне было неприятно. Но вы поступили так, как должен был поступить всякий честный слуга. Я сам на вашем месте поступил бы так же. Забудем эту историю и станем друзьями по-прежнему.

Морщинистое лицо Себастьяна немного просветлело, но седые брови всё ещё хмурились.

— Вам только кажется, что вы можете забыть, — сказал он.

— Совсем нет! — возразил Престо и ласково положил руки на плечи Себастьяна. Теперь их лица были на одном уровне. А когда-то Престо смотрел на слугу снизу вверх. На всех людей ему приходилось смотреть, закинув назад голову.

«А, пожалуй, в этом лице есть что-то, действительно напоминающее моего маленького Престо...» — подумал старик, впервые внимательно рассматривая новое лицо Престо.

— Так вы... действительно Престо? — спросил Себастьян.

— Ну разумеется, — улыбаясь, ответил Тонио. — Неужто вы до сих пор сомневаетесь в этом?

— Простите, но я человек простой, и у меня заходит ум за разум, когда я думаю обо всём этом. А вдруг, думаю я, моего мальчика убил какой-нибудь бандит, похожий на него, и объявил себя Престо. И я буду служить ему...

— Вот в чём дело! Ну, теперь, кажется, вы договорили всё до конца! Идите скорее за мною!

Престо подошёл к письменному столу, показал Себастьяну целую серию фотографических карточек, на которых последовательно изображались все фазы превращения старого Престо в нового, объяснил, почему и как это произошло. Себастьян был ошеломлён, качал головой, перебирал карточки, сверяя с живым лицом Престо.

— Чудеса! — наконец воскликнул он.

— Да, чудеса науки, — сказал Престо. — Ну, теперь вы верите, что я не бандит, убивший вашего мальчика? А если ещё не верите, я могу рассказать вам всё, всё, что произошло с тех пор, как вы вошли в мой дом, все наши разговоры, все мелочи жизни. Ни один бандит, как бы он ни был ловок, не может

знать этого! — И Престо, действительно, напомнил некоторые эпизоды, о которых никто не знал, кроме него и Себастьяна. И только тогда старик улыбнулся открытой улыбкой и воскликнул:

— Значит, и в самом деле мои мальчик подрос!

— Ну вот! Давно бы так, старина! — в свою очередь воскликнул Престо. — Значит, живём по-прежнему?

Себастьян закивал головой.

«Я одержал самую трудную победу» — подумал Престо и продолжал:

— А то выдумали уходить, когда вы мне сейчас так нужны. Больше, чем прежде. Ведь я начинаю новую жизнь, Себастьян... Кстати, как вы думаете, какая мебель потребуется, чтобы обставить комнату молодой девушки? Туалетные столики, трюмо, трельяжи?..

Себастьян усмехнулся одними глазами. «Вот оно куда повернула новая жизнь! Ну что ж, на то и вырос!..»

От наблюдательного Престо не ускользнул весёлый огонёк, сверкнувший в глазах старого слуги.

— Вы не думайте, что я собираюсь привести жену в дом, — поспешил сказать Престо. — Нет, я просто решил сдать внаём несколько комнат верхнего этажа. Зачем мне столько? Там поселится один джентльмен со своей племянницей. Я сдаю квартиру с обстановкой...

— Неужели до этого дело дошло? — с заботой спросил Себастьян.

— До чего, старина?

— До того, что эти суды и адвокаты так общипали вас, что приходится уж сдавать внаём комнаты. Ведь я тоже газеты читаю...

— Нет, Себастьян, наши дела ещё не так плохи. Но квартирант, видите ли, будет работать у меня секретарём. Личным секретарём.. Я открываю собственное предприятие. Нужно, чтобы он всегда был под рукой. А у него племянница...

— Понимаю! — многозначительно сказал Себастьян. И мысленно прибавил: «А всё-таки, если тут замешалась племянница, дело нечисто». И, с откровенностью старой няни, он спросил: — А кто она, племянница? Девушка? Молодая?

— Да.

— Так удобно ли ей, хоть и с дядей, в квартире холостяка...

«И он о том же! Второй и, наверно, не последний!» — подумал Престо, проклиная в душе лицемерные нравы общества. Поселение Эллен в его доме может дать пищу клевете. Но он не отступит, а Эллен не из тех девушек, которые придают всему этому значение!

— Вы правы, Себастьян. Но я подумал обо всём. Нам надо будет найти даму-компаньонку. Пожилую женщину из приличного общества. И тогда всё будет в порядке.

Себастьян кивнул головой, и они начали составлять список мебели и необходимых вещей для новых жильцов.

Новый Санчо-Пансо

— **П**овернитесь! Ещё! Проойдитесь! Присядьте! Поднимитесь! Жест удивления... ужаса... внезапной радости.

Престо стоял посредине большой комнаты, выходящей на север. Стена и

часть крыши были застеклены. Другие стены задрапированы чёрным бархатом. На паркетном полу выложен чёрный квадрат — поле фокуса киноаппарата. Это было домашнее ателье Тонио. В нескольких метрах от него, наклонившись к видоискателю киноаппарата, стоял Гофман. Сколько удачных поз, жестов Престо запечатлел Гофман в этом ателье, изо дня в день наблюдая уникального уроды-карлика! Теперь Гофман изучал нового Престо.

— На сегодня довольно. Нам ещё много о чём надо поговорить, Гофман! — сказал Престо и, выйдя из «магического» квадрата, прошёл к стеклянной стене, где стоял стол с двумя креслами. На столе лежали папки с бумагами, сигарный ящик, папиросы, электрическая зажигалка, пепельница.

Тонио закурил папиросу.

— Ну как? — спросил он у Гофмана с некоторым волнением.

Гофман не спеша обрезал сигару автоматическим ножичком, закурил, выпустил струю дыма и, наконец, ответил, глядя куда-то в сторону.

— Я ещё не вижу вашего нового лица, Престо. Вы много приобрели, но много и потеряли. Ваши движения стали более медленными, плавными. Это хорошее приобретение. Помните, сколько хлопот причиняли вы мне своими быстрыми, суетливыми движениями? Для вас было сделано исключение, во-первых, потому, что иначе вы не могли, и, во-вторых, потому, что в этом и заключалась одна из характерных особенностей вашего артистического лица. И всё же мне нередко приходилось прибегать к замедленной съёмке, в то же время заставляя ваших партнёров несколько ускорять движения, чтобы найти какую-то равнодействующую. Это была адски сложная работа. Теперь этой трудности нет. Но что есть нового? Пока я как-то не чувствую его... И, откровенно говоря, если бы вы пришли в киноателье на испытание как никому не известный молодой человек, который хочет попробовать себя в кино, я не уверен, что заинтересовались бы вами директор, кинооператор, режиссёр.

Престо бросил папиросу, как будто она была очень горька, и закурил сигару.

— Вы простите меня, что я так откровенно... — немного смутился Гофман.

— Откровенность лучше всего, — ответил Престо. — Ваши слова, не скрою, немного огорчают меня, но не удивляют. Я этого ожидал. Иначе и быть не могло. Но я верю в себя. Моё новое лицо! Чтобы его увидеть, мало повертеться перед вами... Вы знаете мой творческий метод. Мне нужно войти в роль, перевоплотиться в героя, зажить его жизнью, всеми его чувствами, тогда сами собою придут нужные жесты, мимика, позы и раскроют лицо. Вот, подождите. Я уже работаю над сценарием. И когда я явлюсь вам в роли нового героя, вы увидите моё новое лицо.

— Что же это за сценарий? — заинтересовался Гофман.

Престо нахмурился, а Гофман рассмеялся.

— Вижу, что у вас многое осталось от старого Престо! — воскликнул он. — Новый сценарий всегда был тайной для окружающих, пока вы не поставите последней точки. У, какой вы бывали сердитый во время этой работы! Словно одержимый. С вами и разговаривать в это время трудно было. Вы или раздражались, или непонимающими глазами смотрели на собеседника. Вы теряли сон и аппетит, словно тяжелобольной. Но вот наступал день, и вы являлись с весёлой улыбкой, становились добрым и общительным. И все в киностудии, начиная от звёзд и кончая плотниками, знали: новый сценарий родился!

Престо улыбнулся и ответил:

— Да, это правда. И в этом я, кажется, не изменился.

— Но если вы не хотите рассказать содержание нового сценария, то, может быть, познакомьте меня хоть с общими вашими планами? Ведь новое лицо, насколько я понимаю, должно создать и новое направление в вашем творчестве.

— Иначе и быть не может, — сказал Престо и протянул руку к папке. — Об этом я и хотел побеседовать с вами.

Тонио порылся в папке и вынул исписанный листок.

— Вот, как вам нравится этот отрывок из Уолта Уитмена: «...Признайтесь, что для острого глаза все эти города, кишачие ничтожными гротесками, калекками, бессмысленно кривляющимися шутами и уродами, представляются какой-то безрадостной Сахарой. В лавках, на улицах, в церквах, в пивных, в присутственных местах — всюду легкомыслие, пошлость, лукавство и ложь; всюду фатоватая, хилая, чваная, преждевременно созревшая юность, всюду чрезмерная похоть, нездоровые тела, мужские, женские, подкрашенные, подмалеванные, в шиньонах, грязного цвета лица, испорченная кровь; способность к материнству прекращается или уже прекратилась, вульгарные понятия о красоте, низменные нравы или, вернее, полное отсутствие нравов, какого, пожалуй, не найти во всём мире...» Так Уитмен писал о современной ему американской демократии. Согласитесь, что в настоящее время картина не лучше, а хуже, — заключил Престо.

Гофман слушал внимательно, сначала с удивлением, потом со всё возрастающим беспокойством и, наконец, с возмущением.

— Что вы на это скажете? — спросил Престо.

— Вы хотите вступить на этот гибельный путь? — уже с ужасом спросил Гофман.

— Почему же гибельный?

— На путь обличения социальной несправедливости? Путь политики? Хотите бросить вызов национальному самолюбию? Вас растопчут ногами! Против вас вооружатся все, имеющие власть и деньги. Но и зрители отвернутся от вас — зрителю не очень-то нравится быть в положении оперируемого больно-го под ножом злого хирурга.

— Не горячитесь, Гофман! Выслушайте меня.

Но Гофман продолжал, как проповедник, обличающий великого грешника:

— Вспомните судьбу картин режиссёра Эрика фон Строеим. Он не хотел давать «счастливых» картин. И что же? Их принимали холодно, несмотря на все художественные достоинства.

— Надо сделать так, чтобы их принимали восторженно, — возразил Престо. — Вы не думайте, что я собираюсь ставить грубо-агитационные картины, показывать одни чердаки и подвалы, ужасы эксплуатации и безработицы. Я хочу создать такие картины, чтобы зритель смеялся не меньше, а даже, может быть, больше, чем раньше. Я хочу показать и красоту и величие души, но там, где её раньше никто не видел. Мы с вами многое просмотрели, Гофман. Вы и не подозреваете, сколько может быть грации, изящества в простых трудовых движениях девушки, убирающей комнату или развешивающей бельё... Мы слишком много снимали дворцов и аристократов... Не бойтесь. На моих новых картинах смех не будет умолкать. Будет смех, будут и слёзы. Ведь публика

любит и поплакать. Вы это тоже знаете. Зритель выйдет из кино очарованный. А через день-два он задумается. И незаметно для себя придёт к выводу, что наш мир, наша прославленная демократия не так-то уж хороши, что надо искать какой-то выход, а не только упрямо верить в возвращение золотого века процветания, который ушёл и не вернётся больше... Вот моя цель!

— Это я вам так откровенно обо всём говорю, Гофман, — сказал Престо после паузы. — Но зритель, да и всё наше так называемое общество, пожалуй, не так скоро разберётся в «социальной коварности» моих новых фильмов.

— Разберутся! И скорее, чем вы думаете! — возразил Гофман. — Мистер Питч первый отвергнет ваши сценарии. А если не он, то цензура нью-йоркского банка, от которого он сам зависит, в лучшем случае изрежет, искромсает, исправит... или скорее же всего не даст «релиз».

— Мне не надо никакого релиза, — возразил Престо.

— Я не понимаю вас.

— А понять, казалось бы, нетрудно. Я организую собственное кинопредприятие.

Гофман откинулся на спинку кресла и воскликнул:

— Час от часу не легче! Но это просто безумие! Я знаю, что вы имеете кое-какой капитал. Но ваши средства — дубинка против пушки. На вас пойдут войной все силы банковского капитала, его лёгкая кавалерия — пресса, прокатные фирмы, владельцы кинотеатров. Питч расходует несколько миллионов в неделю, а его предприятие ещё не самое богатое в Голливуде. Вы просто идёте на верное разорение, Престо, и мне очень жаль вас. Кажется, карлик Престо был практичным человеком.

Тонио улыбнулся.

— Время покажет, кто из нас практичнее, старый или новый Престо. Не думайте, Гофман, что я поступаю опрометчиво. — Он хлопнул рукою по папкам. — Мы с вами ещё займёмся этим материалом, и вы увидите, что я всё предусмотрел. Как бы то ни было, весь риск падёт на одного меня. Я приглашу очень немногих крупных артистов. Если разорюсь, они всегда найдут другую работу. Всю остальную массу артистов и служащих я предполагаю нанять из безработных членов профессиональных союзов. Для них, на худой конец, это будет, по крайней мере, передышка.

— А если крупные артисты не пойдут к вам? Не станет же мисс Люкс играть роль прачки!

— Обойдусь и без них, — ответил Престо. — Мне трудно было бы обойтись только без опытного, талантливого оператора. Но я рассчитываю на вас, Гофман. Неужели и вы, мой старый друг, отречётесь от меня и скажете. «Я не знаю этого человека»?

Наступило напряжённое молчание. Гофман пускал кольца дыма, глубоко задумавшись. Потом он начал, как бы рассуждая вслух:

— Моё дело маленькое — вертеть ручку аппарата. И всё же мне не безразлично, что я наворачу. Работая с вами, я перейду во враждебный банк лагерь, составлю себе репутацию «красного». И банки будут мстить мне. Если вы разоритесь, мне трудно будет найти другую работу.

Престо не мог не согласиться с этим доводом, поэтому не возражал, с волнением ожидая отказа. Гофман вновь замолчал, следя за дымными кольцами.

— Но мне не хочется оставлять и вас, старина, в тяжёлое время. Вы делаете

большую глупость. Для меня это совершенно очевидно. И ещё просите меня помочь вам скорее разориться...

— Без вас я могу разориться ещё скорее, Гофман. Но не в этом дело. Поймите же, что я начал эту неравную борьбу прежде всего в интересах самих киноработников.

И Престо начал горячо говорить о беспощадной эксплуатации предпринимателями киноработников, об их бесправии, о подавлении личности, о бездарных «звездах», раздутых рекламой, о безвыходном положении талантливейшей молодёжи.

Всё это было хорошо известно Гофману, который и сам прошёл тяжёлую жизненную школу.

— Пора изменить это невыносимое положение, — закончил Престо. — Я мечтаю о кооперации, о коллективном отстаивании интересов киноработников. Мы сами не знаем своей силы"

— Зато хорошо знаем силу врага, — меланхолично отозвался Гофман.

«Откажется» — с тоской подумал Престо Но Гофман всё ещё пускал кольца дыма.

Престо — друг, но своя рубашка ближе к телу. Именно потому, что Гофман прошёл тяжёлую жизненную школу, ему не хотелось рисковать тем, что он уже имеет. Но так ли уж велик риск? Если новый Престо окажется плохим артистом и его сценарии будет иметь «опасные мысли», Гофман узнает об этом прежде, чем картина появится на экране, и он сумеет уйти вовремя. Этому можно будет даже придать вид протеста, и его репутация будет сохранена...

Гофман улыбнулся и сказал.

— Вы Дон-Кихот, Престо. А у каждого Дон-Кихота должен быть свои Санчо-Пансо. Ну, что же, берите меня оруженосцем, благородный рыцарь Ламанчский, хотя воевать нам придётся далеко не с ветряными мельницами!

Престо крепко пожал руку своему другу.

— С вами вместе мы победим всех великанов, дорогой Гофман, и я заранее назначаю вас губернатором острова! — воскликнул он.

— Ох, уж эти Дон-Кихоты — вздохнул новый Санчо-Пансо — Благодарю за честь. Не знаю, завоюем ли мы остров, но палочных ударов определённо немало падёт на наши головы.

— Мы ответим на них встречными ударами, Гофман. А теперь давайте готовиться к бою.

И, раскрыв папки, наполненные выписками и расчётами, сделанными на берегу Изумрудного озера, он начал посвящать Гофмана в свои планы

Борьба начинается

Престо развивал кипучую энергию. Он нанял большой дом, где устроил временную контору. С утра до вечера здесь стояла толчея: нанимались служащие, актёры, заключались всяческие договоры. Весть о новом кинопредприятии быстро разнеслась среди армии безработных Голливуда. Артисты, статисты, работники всех специальностей приходили толпами, становились в большие очереди. Престо сам принимал каждого кандидата, не исключая статистов, беседовал с ними, заставлял позировать, разыгрывать импровизированные сцены. В чём другом, но в людях недостатка не было. В четыре часа приём артистов и служащих прекращался, и, поспешно пообедав. Престо пе-

реходил к другим делам: говорил с комиссионерами о покупке или аренде земельного участка для постройки на нём киностудии, с подрядчиками, поставщиками, архитекторами.

Эта вторая половина дня проходила для Престо гораздо труднее, чем первая. О новом предприятии уже знали не только безработные, но и кинопредприниматели. Появление нового конкурента не могло не волновать их. Особенно озабочен был мистер Питч: Тонио, который долгое время был козырем в его игре, теперь становился опаснейшим соперником Питч и другие кинопредприниматели открыли против Престо военные действия. Под видом безработных, которые приходили наниматься, Питч подсылал к Престо своих шпионов и лазутчиков, переманивал наиболее талантливых артистов, вставлял палки в колёса где только можно.

Ко всему этому Тонио был подготовлен. Но ему было нелегко. Комиссионеры, например, нашли подходящий участок, все переговоры с собственником успешно закончили, оставалось только оформить сделку. Но в последний момент Питч узнал об этом и перехватил участок, не поскупившись уплатить вдвое больше.

Престо приходилось самому прибегать к хитростям и уловкам.

«Вот приедет Барри, его здесь ещё никто не знает, и он купит какой-нибудь участок на своё имя, как будто под плантацию или огород. Барри довериться можно», — думал Престо.

Конкуренты интересовались особенно тем, какие картины будет ставить Престо. Но, несмотря на все ухищрения, этого они никак не могли узнать. С журналистами Тонио или отказывался разговаривать, или же начинал нести такую околесицу, что даже у привыкших ко всему разбойников пера глаза лезли на лоб, и эти профессиональные лгуны не решались печатать подобные интервью. Нанятым артистам, которые проявляли слишком большое и подозрительное любопытство, Престо отвечал:

— Дойдёт до съёмок — узнаете.

Раздосадованный Питч пригласил к себе Люкс и сказал ей.

— Я рассчитываю на вашу помощь, мисс.

— В чём дело? — спросила она.

— Дело в том, — ответил Питч, — что этот Тонио Престо не даёт мне покоя. Он решительно не хочет снять маску и показать нам своё новое лицо. Что он замышляет? Какие картины будет ставить? Для меня крайне важно знать. Исторических картин со всякими замками, пирамидами и тысячами статистов он, конечно, не поставит. Для него это слишком дорогое удовольствие. Да и раньше не на внешних эффектах он делал ставку. По всей вероятности, Престо будет прибегать к дешёвым натурным съёмкам или обыгрывать неглубокие интерьеры. Но содержание! Содержание!

Питч задумался.

— Что же вы хотите от меня? — спросила Люкс, которой надоело ждать.

Питч не обратил внимания на её вопрос и продолжал, как бы рассуждая вслух.

— Мне хотелось бы иметь достоверные сведения от самого Престо. Я засылал к нему кое-кого, намекая на то, что если он придёт ко мне, то получит очень интересные предложения. Мы хотели не только узнать о его планах, но, если можно, и купить его. Банки отпускают на это очень значительные сум-

мы, перед которыми он, может быть, не устоял бы.

— Что же вы сделали бы с ним, если бы такая купля-продажа состоялась?

— На худой конец хотя бы законсервировал его, как консервируют новые изобретения, угрожающие старым предприятиям.

— Платить большие деньги и не давать играть? На это он не пойдёт.

— Ради больших денег люди на всё пойдут, — убеждённо ответил Питч — Впрочем, если бы он, сверх ожидания, оказался по-новому интересен, мы смогли бы прибрать его к рукам, заставить играть в тех ролях и сценариях, которые мы создадим.

— И что же Престо?

— Этот упрямец отказался идти ко мне. Остаётся, по крайней мере, узнать его планы, и вы должны мне помочь выпытать их у него. Ведь он вас любил и, наверно, ещё любит. Ко мне он не пошёл, но к вам, наверно, пойдёт, если вы пригласите его. Правда, между вами, кажется, произошло что-то вроде ссоры. Но женщины умеют, когда захотят, вертеть нашим братом, — со вздохом произнёс Питч, вспомнив, во сколько обошлось ему это женское уменье.

— Наконец, — продолжал он, — вы можете пригласить его по делу. Напишите ему письмо, намекните, что вы интересуетесь его начинанием. Ого! Если бы он заполучил вас, артистку с мировым именем. Для него вы были бы кладом. Ведь у него всё безликакая посредственность, мелочь, никому не известная молодёжь, серая масса, я знаю это. Только кликните, и он прибежит к вам.

Люкс задумалась. Она сама не прочь была повидаться с Престо. Правда, она дважды отвергала его и в его старом, и в новом виде. Но с тех пор многое изменилось. Ведь и Питч отверг нового Престо, а вот теперь сам засылает к нему парламентёров.

Люкс окончательно поссорилась со своим женихом, когда узнала его поближе, он слишком рано и круто начал предъявлять свои права в качестве будущего мужа, явно подбираясь к капиталам Люкс, а она умела крепко держать их в руках. Затем Люкс не могла не признать, что новый Престо очень интересный мужчина, нисколько не уступающий Лоренцо. И, наконец, он начал собственное предприятие, которое, в случае удачи, могло принести большие барыши. Он снова становился человеком с будущим. Правда, ещё неизвестным будущим, а Люкс была человеком осторожным и расчётливым. И она была ещё далека от того, чтобы связать себя хотя бы деловыми связями с Престо. Но его не следует выпускать из виду.

Чтобы придать большую цену своему поступку, Люкс сказала Питчу:

— Вы меня ставите в несколько затруднительное положение, мистер Питч. После того, что произошло между мною и Престо, который едва не убил меня, мне нелегко обращаться к нему. Но всё же я постараюсь повидаться с ним и выполнить ваше поручение.

— Вы же умница и прекрасно справитесь с этим делом! — воскликнул Питч.

И эти слова ещё выше подняли Престо в глазах Люкс: Питч был скуп на похвалы и комплименты и делал это только в исключительных случаях.

Потерянный поклонник

Когда человек окружён врагами, он поневоле становится подозрительным и осторожным. Получив и прочитав письмо Люкс, Тонио тотчас догадался,

что это манёвр Питча. Однако и он был не прочь повидаться с Люкс. Она всё ещё интересовала его. Тем осторожнее надо быть с нею. Люкс, конечно, будет спрашивать о планах. Нужно ли дольше скрывать их? Скоро начнутся репетиции, и тайна всё равно всем станет известной.

«Пусть Люкс воображает, что я не устоял перед её очарованием, как Самсон перед Далилой. Посмотрим, как она примет мой план!» — подумал Престо.

В назначенный день и час Престо вошёл в знакомый будуар, усталый коврами и уставленный оттоманками, пуфами, раздвижными креслами. Пёстро и разностильно. Но у хозяйки, подбирившей эту мебель, был свой расчёт: садясь и ложась на кресла и кушетки самой разнообразной формы, можно было показать наиболее выгодные позы, — показать товар лицом, — а это было очень важно, так как поднимало цену товара в глазах кинопредпринимателей и режиссёров, которые посещали «звезду». Красота тела для неё была главным богатством.

Люкс приняла Престо в костюме Клеопатры, лёжа на длинном египетском диване с кривыми ножками. Клеопатра — была её новая роль, а Люкс имела обыкновение «входить в новые роли», преображаясь и дома в новую героиню.

— Мне надо почувствовать себя царицей Египта, — говорила она, иногда заставляя даже свою камеристку одеваться в костюм египетской рабыни и подавать ей шоколад в египетской чашке. Впрочем, это была скорее причуда, расчёт на лишний эффект, чем серьёзная творческая работа.

Престо, взглянув на новоявленную Клеопатру, не почувствовал прежнего волнения. Несмотря на то, что Люкс была изумительно красива в этом экзотическом наряде, он всё же оставался холоден. Ему даже показалось, что перед ним не живой человек, а статуя из музея восковых фигур.

Люкс улыбнулась гостю одною из своих самых неотразимых улыбок, а в её арсенале их были дюжины, на все случаи жизни и артистической практики.

— Я очень рада вас видеть, Тонио, — певуче сказала она, в то же время внимательно наблюдая, какое произвела действие.

По-видимому, она ожидала большего эффекта. Мимолётная озабоченность мелькнула на её лице, но она тотчас придала ему беззаботное выражение.

— Садитесь. Мы так давно не виделись. Загорели и как будто немного похудели. У вас усталый вид. Много работаете? — спросила она его и в то же время подумала. «Почему он сегодня такой деревянный? Ни одного комплимента, не вздыхает, не смотрит на меня с тоской. Неужели я потеряла власть над ним?»

— Да, я много работаю, — ответил Престо, усаживаясь на низенький мягкий пуф.

— Слыхала. Вы начинаете собственное дело. Наверно, это будет что-нибудь оригинальное, как всё, что исходит из рук Тонио Престо.

Престо пропустил мимо ушей комплимент, — только кивнул головой.

— Очень оригинальное, мисс Люкс.

— И, наверно, вы придумали чудесные роли?

— О, да. Роль героини, кажется, удалась мне.

— Это очень интересно. Расскажите, расскажите скорее.

— Вы так живо интересуетесь, словно не прочь были бы и сами принять участие в моей работе? — спросил Престо, едва заметно улыбаясь.

Люкс медлила с ответом. Она именно этого и хотела, — дать Престо понять, что, быть может, не откажется перейти к нему на работу, если её об этом

очень попросят и если сценарий и роль будут по её вкусу, но вместе с тем Люкс хотела избежать определённого ответа, который связал бы её.

— Какой же артист не мечтает о выигрышной роли, — ответила она.

Теперь она ожидали, что Престо начнёт расхваливать роль героини, чтобы ещё больше заинтересовать её. Но Тонио неожиданно сказал.

— Боюсь, что эта роль не для вас. — И прибавил: — Вы не справитесь с нею.

Это был вызов, почти оскорбление.

— Роль может мне не понравиться, — возразила она ледяным тоном, — но чтобы я не справилась с нею!.. Вы, кажется, знаете меня не один день, Тонио, — уже более мягко, с дружеским упрёком закончила она.

— Я знаю, какая вы артистка!

«Даже не сказал гениальная или хотя бы талантливая», — с неудовольствием отметила Люкс.

— Дочь короля, графиня, молодая вдова миллионера, знаменитая артистка... — начал Престо перечислять лучшие роли Люкс. — Изумительные костюмы: шелка, золото, драгоценные камни, роскошные причёски... Но это не то, совсем не то, что у меня, мисс Люкс.

— Что же у вас? — спросила обиженным тоном Люкс. — Кто же ваша героиня?

— Прачка.

— Прачка? — скорее прошептала, чем проговорила она, глядя на Тонио расширенными глазами. Уж не издевается ли он над нею?

— Да, самая обыкновенная прачка, впрочем, молодая и симпатичная, — спокойно ответил Престо. — А герой... герой — безработный в рубище, который ходит по мусорным ящикам и собирает крючком кости и тряпки. Место действия — подвалы, чердаки и задние дворы.

Люкс несколько овладела собой, улыбнулась.

— Вы шутите, Тонио.

— Я говорю совершенно серьёзно. Мне, конечно, было бы очень приятно, если бы моя прачка обладала вашей внешностью. Контраст между богатством, которым природа наделила героиню, и тем, что дала ей жизнь, был бы очень эффектен, но, мне кажется, вам нелегко было бы войти в такую роль.

Лицо Люкс вдруг потеряло всё своё очарование. Оно сделалось холодным и почти злым. И Гедда сразу потеряла весь интерес к Престо. В её глазах он был конченный человек. Питч может быть спокоен: Престо сам свернёт себе шею.

— Так как же, мисс, вы думаете о новой роли? — спросил он, почти не скрывая иронии.

— Поищите вашу героиню среди прачек, мистер Престо, — ответила она ледяным тоном.

— Я так и сделаю, мисс, — вызывающе весело ответил Престо и подумал: «Простенькая Эллен — жемчужина по сравнению с этой мишурой».

Говорить им больше было не о чём. Престо раскланялся и вышел.

Люкс неподвижно лежала на египетском диване. Теперь она действительно походила на Клеопатру, которую только что ужалила в грудь змея. Пусть Престо сломает себе шею, — для неё это безразлично. Но как он мог так легко разлюбить её? Неужели она начала терять женское обаяние?.. Эта мысль заставила её похолодеть. Её обаяние — её капитал... «Нет, нет, — успокаивала она себя, — ни одно зеркало не говорит мне о том, что я начинаю увядать. Тут

что-то другое. Быть может, последствие метаморфозы, которую перенёс Престо, а может быть, он увлётся... какой-нибудь прачкой. Тем хуже для него! И он смел ещё мечтать обо мне!..»

А Престо, возвращаясь к себе на автомобиле, в свою очередь думал о Люкс:

«Она остаётся одной из самых очаровательных женщин. Это неоспоримо. Но чем ближе узнаёшь её как человека, тем больше разочаровываешься. У неё нет другой цели в жизни, как деньги, нажива... Нет, всё это звёзды не моего небосклона. Новое дело надо делать с новыми людьми, и я найду их среди талантливой молодёжи!»

На пороге виллы Престо встретил Себастьяна, чем-то смущённого.

— У нас гости, — сказал он.

— Кто? — небрежно спросил Тонио, предполагая, что кто-нибудь пришёл по делу.

— Жильцы приехали. Пожилой мистер и с ним молодая мисс. — И Себастьян хитро посмотрел на Престо.

— Это Барри! — воскликнул Престо. — Наконец-то! Где они?

— У себя, наверху. Раскладываются, приводят себя в порядок с дороги. Миссис Ирвин помогает им.

Миссис Ирвин, переселившаяся уже несколько дней тому назад на виллу Престо, была почтенная вдова, приглашённая на роль компаньонки Эллен.

— Отлично! Отлично! — оживлённо воскликнул Тонио. — Прикажите накрыть завтрак в голубой гостиной. Четыре прибора!

Эллен начинает новую жизнь

— Как я рад вас видеть, дорогой Барри, — говорил Престо за завтраком. — Я с нетерпением ожидал вас. Дела по горло.

— Меня задержала администрация парка, пока был найден подходящий заместитель. Они ведь очень разборчивы и о каждом новом служащем собирают предварительные справки — не член ли профсоюза, не участвовал ли в забастовках и прочее.

— Теперь мне будет легче, — сказал Престо и начал знакомить Барри с положением дел, в то же время поглядывая на Эллен и миссис Ирвин.

Почтенная дама, полная, флегматичная женщина с седеющими волосами, была поглощена едой. Больше всего она любила плотно покушать и подремать в кресле. И новая должность вполне удовлетворяла её. От неё ничего не требовали, кроме того, чтобы она жила в доме и ни во что не вмешивалась. Приятная служба!

Эллен поглощала завтрак с аппетитом молодого здорового человека, в то же время внимательно прислушивалась к разговору и время от времени поглядывала на Престо. Она была одета в простенькое, хорошо выстиранное и выглаженное собственными руками платье из светлой холстинки.

После завтрака миссис Ирвин удалилась в свою комнату, — смежную с комнатой Эллен, — подремать под болтовню своего старого друга — зелёного попугая, а Престо повёл Барри и Эллен показывать виллу.

Он ожидал, что дикарка Эллен будет себя чувствовать неловко в новой обстановке, но Эллен не проявляла ни малейшего смущения. Её не ослепили невиданная красота и богатство виллы, хотя она и проявляла живейший интерес к собранным Престо произведениям искусства. Престо, показывая на

картины и скульптуры, называл имена художников, а Эллен часто дополняла его пояснения. Видимо, дядюшка немало потрудился над её образованием.

Огромная, отделанная резным дубом, библиотека привела Эллен в восторг.

— Сколько книг, — воскликнула она.

Девушка с жадным любопытством перебежала от шкафа к шкафу, от стеллажа к стеллажу, ловко влезала по лесенкам, вынимала то одну, то другую книгу. Очень заинтересовался библиотекой и Барри. Словно руководимый каким-то чутьём, он быстро нашёл обширный отдел биологии, взглядом знатока пробежал по полкам, увидел прекрасные издания классиков естествознания, роскошные альбомы и воскликнул:

— Вот не ожидал, что киноартист проявляет такой интерес к научной книге!

— Наверное, не всякий артист, а настоящий, большой артист, — неожиданно для себя самой воскликнула Эллен, стоя наверху лесенки.

Эти искренние похвалы были очень приятны Престо.

— Кто хочет работать серьёзно, тот должен многое знать, — сказал он. — Один справочный отдел этой библиотеки заключает в себе более пяти тысяч томов. Там вы найдёте и историю костюмов всех времён и народов, и альбомы по архитектуре, и рисунки мебели, предметов домашнего обихода.

— Не ушла бы из этой библиотеки! — простодушно воскликнула Эллен.

— А вы и не уходите! — отозвался Престо, следя за каждым движением девушки, которая продолжала подниматься и спускаться по приставным лестницам.

Показав на огромную нишу, выходящую стеклянными окнами на север, — чтобы солнечные лучи не мешали заниматься, — он спросил:

— Как вам нравится этот уголок?

Пол был застлан ковром. На круглых столах стояли лампы с шёлковыми абажурами и лежали кипы новых американских и европейских журналов и газет. У оконного простенка, среди живых цветов, стоял бюст Афины.

— Очень нравится, — ответила Эллен.

— Ну вот, если хотите, вы здесь и будете заниматься. Я вас зачислю в сценарный департамент.

— В департа-а-мент! — протянула Эллен. — А что надо делать?

— Вы будете следить за газетами и журналами и делать вырезки. Что и как, я покажу вам. Работа интересная. В свободное же время — вся библиотека в вашем распоряжении. Согласны?

— Попробую, если справлюсь.

— Справитесь! — уверенно ответил Престо.

Но он совсем не думал оставить девушку на этой работе. Ещё там, на берегу Изумрудного озера, он решил, что Эллен должна быть артисткой на новые роли новых сценариев. У неё для этого все данные. Осторожно и исподволь он будет добиваться цели. А пока надо дать Эллен какую-нибудь работу, чтобы она не скучала. Притом для неё будет приятно, что она сама зарабатывает.

Однако Престо понимал, сколько трудностей стоит на его пути. Тонио помнил, с каким недоверием и предубеждением отнеслась Эллен к его предложению попробовать себя в кино. «Я и ступить-то не умею!» — ответила она. А между тем всё, что хотел он от неё, — это то, чтобы она и перед аппаратом только оставалась сама собой. Но тут планам Престо грозила опасность. Он

знал, как быстро женщины ассимилируются в новой среде, какую они обладают мимикрией-способностью подделываться под окружающую обстановку. Простенькое платье, в котором он встретил её, в первую минуту успокоило его, но потом он подумал: у Изумрудного озера Эллен и не могла сделать другое. Не было материала, хорошей портнихи, модных журналов да, наверно, и денег. Но что будет с нею, когда она войдёт в артистический круг? Ни одна женщина, тем более молодая, не захочет быть золушкой среди других. Эллен начнёт наряжаться и, что ещё хуже, подражать жестам, манере держаться, начнёт перенимать худшее у этих изломанных кукол. А нет ничего более ужасного, безвкусного, вульгарного, как подделка, неудачное подражание аристократическим манерам. Тогда Эллен пропала для экрана... Но Престо надеялся, что здоровая простота, которую ей привили условия жизни и разумное воспитание старика Барри, сохранят её от разлагающего пути.

В библиотеке появился Себастьян и сказал:

— Вас вызывают в контору, мистер!

Престо тяжело вздохнул. Ему не хотелось уходить, но сегодня он ещё не был в конторе, а там, вероятно, уж десятки человек ждут его.

— Хорошо. Передайте по телефону, что сейчас выезжаю, — ответил он и обратился к Барри. — Ну, что же, мистер, если вы не устали с дороги, едем со мною. Я познакомлю вас с моими ближайшими помощниками.

Неожиданный успех

Чем дальше подвигалось дело, тем больше препятствий приходилось преодолевать Престо. На него ополчились все силы американской реакции и капитала. Газеты были полны самыми грязными инсинуациями и клеветой по адресу недавнего любимца всей страны, «продавшегося красным». Вновь поднялась кампания против «человека, потерявшего лицо». Газеты требовали пересмотра дела и лишения Престо имущественных прав. Чтобы отбиваться, Престо приходилось подписывать всё новые крупные чеки на имя изворотливого, но жадного Пирса. Нависла угроза и уголовного обвинения в краже у Цорна медикаментов, и в «отравлении» целой группы киноработников и государственных служащих: прокурора, губернатора...

Несколько дней подряд газеты печатали с комментариями интервью, которое дала журналистам Люкс: женщины умеют мстить!

Она рассказывала, как Престо «на коленях умолял её принять участие в его предприятии, чтобы спасти его от неминуемого краха. Но она с негодованием отвергла его предложение, не желая пятнать своё имя в этом грязном, антиобщественном, преступном деле, направленном против американского народа и чести американской демократии...»

Эллен, выискивая в газетах и журналах нужные статьи, читала эти заметки. Встречаясь с Престо, она бурно выражала своё негодование. Престо был уж не рад, что дал ей такую работу, хотя искреннее возмущение Эллен и трогало его. В этой горячности было нечто большее, чем чувство возмущённой справедливости, и он с новым интересом приглядывался к девушке.

— Ничего, мисс Эллен! Всё это в порядке вещей и для меня в этом нет ничего неожиданного. Борьба на жизнь и смерть — незыблемая основа нашей прославленной демократии. И мы будем бороться. А вы поможете мне?

— Я готова сделать всё, чтобы помочь вам! — горячо и искренне воскликну-

ла Эллен.

Престо был растроган. Он взял её руку и сказал:

— Быть может, эта помощь очень скоро понадобится мне. Не забудьте же вашего обещания!

Он решил воспользоваться её настроением и со временем добиться согласия на участие в фильме. Дело с героиней-прачкой у Престо не ладилось. Известные и опытные артистки отказывались играть прачку, а молодые, находившиеся под влиянием условных штампов кинозвёзд, не справлялись с ролью. Их прачки напоминали танцовщиц из мюзик-холла или графинь, занимающихся стиркой, но очень далеки были от образа настоящей труженицы. И поэтому репетиции пока шли без съёмок.

Чтобы отвлечь Эллен от расстраивавших её газет и скорее достигнуть цели. Престо нередко говорил ей:

— Довольно о газетах. Поедемте лучше со мной в киностудию.

Девушка охотно соглашалась. Тайнственный закулисный мир кино интересовал её. А Престо тонко вёл свою линию. В её присутствии он умышленно поручал роль героини самым неподходящим артисткам. И когда они, как бы танцуя фокстрот, начинали топтаться возле корыта или вынимали бельё двумя пальчиками с приподнятыми мизинцами, как конфету из бомбоньерки, — Эллен не могла удержаться от улыбки и насмешливых замечаний и иногда возмущённо восклицала:

— Вот чудачка! Да разве это так делается? Она никогда не видела, как бельё стирают, полощут, развешивают!

— А вы ей покажите! — с невинным видом однажды сказал Престо. Эллен смутилась, но он продолжал: — Вы только окажете ей хорошую услугу. Надеюсь, вы не стесняетесь того, что умеете стирать бельё?

Престо попал в цель.

— Нисколько, — ответила она. — Я считаю, что никакая чёрная работа не унижает человека. Позвольте мне! — обратилась Эллен к артистке и принялась за работу с такой непринуждённостью, как будто находилась в сторожке на берегу Изумрудного озера.

К счастью, опасения Престо не оправдались: Эллен не утратила простоты и естественности своих движений. Тонио, видя её работу, затаил дыхание, а Гофман, который, не снимая, по обыкновению находился на посту возле аппарата, как-то крякнул и вдруг с ожесточением завертел ручкой.

«Даже Гофмана проняло!» — с радостью подумал Престо.

Артисты с вниманием и некоторым изумлением смотрели на Эллен. В студии стало совсем тихо. Эту напряжённую тишину нарушал только сухой треск аппарата. А Эллен, как ни в чём не бывало, продолжала заниматься стиркой. Когда, наконец, она кончила, Гофман перестал крутить ручку и взревел на всю киностудию:

— Нашли! Нашли, чёрт возьми! Да ведь это же дьявольски хорошо вышло!

И артисты, в большинстве молодёжь, ещё не заражённая духом зависти, дружно зааплодировали. Эллен, сама того не сознавая, показала всем предельную высоту всякого искусства: простоту.

И только теперь, видя неожиданный эффект своего выступления, она смутилась и покраснела. Все поздравляли её, Гофман безумствовал. Он тряс Эллен руки и кричал:

— Теперь мы победим! Вы прирождённая...

— Прачка! — добавила Эллен.

— Прирождённая артистка! Поверьте мне, старому волку! То, что другим даётся с величайшим трудом, годами учения, вам даром идёт в руки.

— Это, может быть, потому, что артисты играют, — возражала Эллен, — а я даже не думала об игре.

— Вы жили. Это-то и нужно, — горячился Гофман. — Чем больше игры, искусственности, тем хуже. Вы же сами не раз слышали, как мистер Престо просит артистов: «Только, пожалуйста, не играйте!»

Так Эллен, прежде чем дала своё согласие, стала артисткой по общему приговору видевших её первое выступление.

Но сама она ещё не верила этому и сомневалась.

Возвращаясь в автомобиле вместе с Престо на его виллу, она долго молчала. Престо искоса поглядывал на неё и тоже молчал. Пусть перебродится первое волнение. И только когда они проехали полпути, он спросил её:

— Ну как?

— А всё-таки я не буду артисткой, — ответила она.

— Почему?

— Ваше заключение слишком поспешно, — отвечала она. — Что я делала? Только работала, как всегда. Это каждый может, если делает своё обычное дело. Столяр точно так же строгал бы, землекоп копал, и у него это, конечно, вышло бы лучше, чем у артиста, который впервые берётся за рубанок или лопату. Но ведь ваша героиня в фильме не только стирает бельё. Она и радуется, и страдает, плачет и смеётся, разговаривает и молчит, а это уж не то, что бельё стирать. Нет, я не стану играть. Сама осрамлюсь и фильм испорчу.

— Отчасти вы правы, — сказал Престо, — но только отчасти. Конечно, с вами ещё предстоит большая работа. Но ведь и с артистами, которые берутся впервые за рубанок или лопату, тоже надо немало повозиться, чтобы, глядя на экран, над ними не смеялись профессионалы. Главное то, что у вас прирождённый талант, бесспорные задатки. Это я заметил ещё у Изумрудного озера, когда вы изображали безумие Офелии. Поверьте моей опытности и опытности Гофмана, который имел дело с сотнями новичков и умеет оценить человека по одному движению, по одному жесту.

Эллен всё ещё не сдавалась и возражала:

— Но ведь это были только мои привычные жесты.

— Поймите же, — продолжал убеждать её Престо, — что одно дело — стирать бельё в хижине сторожа и другое — перед аппаратом. Самая лучшая прачка забывает свои привычные движения, как только её начинают снимать. Она или смущается, и у неё всё летит из рук, или начинает стирать так, как ей кажется нужно для экрана. И только по-настоящему талантливые люди могут устоять перед этим испытанием — съёмкой.

В душе Престо и сам ещё не был вполне уверен, но Эллен безусловно представляла собой самый подходящий сырой материал, обещала больше других. Неведомым для Эллен осталось и то, что Престо заранее сговорился с Гофманом поддержать, поощрить Эллен, если и он найдёт, что из неё выйдет толк. И Эллен, видимо, не на шутку заинтересовала Гофмана, судя по искренней горячности, с которой он принял её первый дебют. Что же касается остальных артистов, то они были восхищены не только естественностью, но и красотой,

гармоничностью её движений. Даже для более опытных артистов было открытием то, что подметил Престо ещё на берегу Изумрудного озера: трудовые движения могут быть так же красивы и изящны, как художественная пластика, что самые хитроумные изощрения не могут лучше показать красоту форм, линий, динамику живого человеческого тела, чем эти трудовые позы и жесты.

Видя, что Эллен всё ещё колеблется. Престо сказал:

— Послушайте, мисс Эллен, совсем недавно вы сказали мне, что готовы сделать всё, чтобы помочь мне. И эту помощь теперь вы можете оказать мне. Вы знаете, что я переживаю нелёгкое время. Больше того, всё висит на волоске. В случае неудачи я разорён, моя карьера кончена. Но в своём падении я увлеку и других, — всех, кто связал свою судьбу с моею. Ведь, начиная это дело, я думал не только о себе. Об этом я говорил вам ещё в сторожке парка. Не отказывайтесь, Эллен. Поймите, что и я, и Гофман не поведём вас и себя на провал. В успехе мы так же заинтересованы, как и вы, и мы сделаем всё возможное, чтобы обеспечить этот успех. Дайте только ваше согласие!

— Если дело обстоит так, то я согласна, — сдалась, наконец, Эллен.

Престо, вздохнув с облегчением, воскликнул:

— Давно бы так! — и, улыбаясь, закончил: — Теперь и ваша судьба связана с моею. Вместе победить или вместе принять поражение!

Новое лицо Престо проявляется

Это была большая победа и первая большая радость, которую испытал Престо с тех пор, как принялся за неравную борьбу.

Работа в киностудии над постановкой приобрела для него новый интерес. Престо был чрезвычайно строгим и требовательным режиссёром. Экономя плёнку, он не снимал десятки раз один и тот же кадр, как это обычно делалось в Голливуде. Только после бесконечных репетиций, когда игра артистов вполне удовлетворяла его, Гофман начинал съёмку, и редкий кадр приходилось снимать вторично. Одну неудачливую молодую артистку Престо довёл до слёз, пока не добился того, чего хотел. Он сам перевоплощался во все роли, показывая, как надо играть. Волновался, сердился, иногда даже бранил артистов, или в отчаянии бросался на диван с видом полного изнеможения, чтобы через несколько минут вновь взяться за муштровку. К счастью, теперь ему не мешал смех, который он неизбежно возбуждал, когда был уродом. Артисты терпеливо переносили всё. Они видели полезность этой суровой школы и росли на глазах.

Не делал Престо исключения и для Эллен. Он был с нею строг не меньше, чем с другими. К его радости, он не обманулся в своих ожиданиях. Эллен была чрезвычайно понятлива. Стало совершенно очевидно, что она прекрасно справится с ролью героини.

Когда же дело доходило до съёмки, — артисты были уже в костюмах и гриме, являлся и Престо, тоже готовый к съёмке, — он становился неузнаваемым: добродушный, весёлый, как будто он явился не для ответственной работы, а для игры в поло. Это сразу поднимало настроение. Не было больше строгого, придирчивого учителя, был весёлый участник в игре, и игра начиналась.

Вертя ручку аппарата, Гофман ни за одним артистом никогда не следил с таким вниманием, как за Престо в его новом облике и новой роли.

Первые впечатления Гофмана были неопределенны. Новое лицо проявля-

лось не сразу, словно на плёнке с слабым проявителем. Облик Престо не имел характерных черт знакомой маски, по которой зритель сразу узнавал любимых комиков. Это был не человек-маска, а скорее — человек массы. Его лицо могло напомнить тысячи лиц, его ветхий костюм ничем не отличался от тысячи таких же ветхих костюмов безработных. Но началась игра, и новое лицо Престо стало постепенно проявляться. Тонио уже не был игрушечным уродцем, механизированным человеком, который пассивно принимает на себя удары судьбы, падает, поднимается и вновь падает, даже не возбуждая жалости, а только смех, как неодушевлённый предмет.

Новый Престо так же принимал удары, наносимые судьбой, он так же попадал в самые неприятные и нелепые положения. Но он не только неизменно поднимался, но и неизменно вновь бросался в бой со своими угнетателями, как бы они ни превосходили его в силе. Это и смешило и вызывало к нему человеческую симпатию. Игра нового Престо затрагивала более глубокие человеческие чувства. Несправедливость, удары, оскорбления, которые претерпевал Престо, за взрывом смеха тотчас будили чувства негодования, протеста, желания помочь.

Чем дальше подвигалась съёмка, тем больше удивлялся и поражался Гофман. Вместе с физической метаморфозой в существе Престо произошла и чудесная интеллектуальная метаморфоза. От старого Престо новый сумел получить в наследство всю силу юмора, несмотря на то, что новый его физический облик не имел никакого комического уродства. В новом Престо выявилось ещё одно драгоценное качество, которым, быть может, и обладал старый Престо, но оно не доходило до зрителя, поглощаемое и заслоняемое его физическим уродством: глубокая человечность.

Однажды, во время перерыва, Гофман подошёл к Престо и, крепко пожав ему руку, сказал:

— Вы превзошли все мои ожидания, Тонио. Я больше не сомневаюсь, что вы действительно обрели новое лицо. И с этим лицом нельзя не победить.

Престо улыбнулся радостно, но ответил печально:

— А между тем никогда я не был так далёк от победы, как теперь. Зайдите ко мне сегодня вечером, Гофман. Мне нужно о многом с вами поговорить.

Верный друг до чёрного дня

В тот же вечер Гофман сидел в кабинете Престо.

— Работа над фильмом приближается к концу, но ещё быстрее подходят к концу мои сбережения. Я разорён, Гофман, и нам не удастся окончить картину, — мрачно сказал Престо.

Гофман, нахмурился, молчал.

— Деньги плывут, как вода, — продолжал Престо. — Каждую неделю я подписываю чеки на несколько миллионов долларов. У меня осталось денег всего на неделю, но и для этого мне пришлось уже заложить мою виллу со всей обстановкой. Я уже не хозяин в доме...

— Этого можно было ожидать, — сказал Гофман.

— Да, я ошибся в расчётах, — склонив голову, ответил Престо. — В производственных расходах на постановку фильма я не ошибся. Постановка обходится даже дешевле, чем я предполагал. Мы экономим на ленте, на натуральных съёмках, почти совершенно обходимся без декораций, экономим на свете, на

статистах, на костюмах, которые нам стоят гроши. Я не имею сценарного департамента с десятками писателей, сценаристов, литературных референтов. Вы знаете, я сам писал сценарий ночами, после бешеной работы днём. Я работал, как одержимый, без сна и отдыха, экономил, где только мог. И если бы дело шло только о расходах на постановку, денег хватило бы с избытком. Но, признаюсь, я недооценил силы сопротивления и, главное, коварства наших врагов. Вы знаете, к каким только подлостям и каверзам не прибегали они, чтобы уничтожить меня, — борьба происходила на ваших глазах. Всюду чувствовали мы всеильную руку мощных концернов и банков, субсидирующих и монополизировавших кинопромышленность. Нам отказывались продавать киноаппаратуру, даже плёнку. Приходилось прибегать к подставным лицам, посредникам, комиссионерам и за всё платить втридорога. Прокатные конторы и владельцы кинотеатров заранее объявили о том, что они не допустят на экраны мой фильм. Надо было строить собственные кинотеатры. Каждый из них стоил не меньше миллиона, кроме одного, возле Сан-Франциско, построенного по вашей идее.

Гофман кивнул головой. В своё время он, действительно, подал Престо мысль — заарендовать возле Сан-Франциско участок старого военного аэродрома и построить кино, вернее только проекционную будку и гигантский экран для демонстрации картин не только вечером, но и при дневном свете. В этом своеобразном театре под открытым небом не было зрительного зала, не было кресел и стульев. Зрители могли въезжать в «зал» — на большую площадь аэродрома — прямо в автомобилях и смотреть картину, не выходя из них.

— Эта новинка, — продолжал Престо, — должна привлечь публику и сделать рекламу. Но она не спасёт положения. Притом такой театр доступен только владельцам автомобилей, а вы знаете, что я делаю ставку на малообеспеченный, трудовой люд. Пришлось строить обширные закрытые кинотеатры в главных городах Америки...

Да, всё это было известно Гофману, и Престо говорил ему о своих затруднениях только потому, что подводил итоги и ещё раз проверял себя, где им была допущена ошибка.

— И вот, баланс подведён. Сальдо — нуль, а работа не кончена, — меланхолично заключил он и вопросительно посмотрел на Гофмана, ожидая его ответа.

— Я предчувствовал, — сказал Гофман. — Что же теперь делать? Банки нам не придут на помощь, об этом, конечно, нечего и думать. Не найдётся и столь легкомысленного частного кредитора, который дал бы деньги, хотя бы и на ростовщических процентах, под разоряющееся и явно безнадёжное, с его точки зрения, предприятие. Значит, если мы хотим продолжать борьбу, нам надо изыскивать какие-то внутренние ресурсы. У меня, конечно, есть личные сбережения, но они вряд ли спасут положение.

— Ни одного цента я не взял бы из ваших сбережений, Гофман, если бы они и спасли положение, — возразил Престо. — Довольно того, что вы согласились работать в таком одиозном предприятии.

Гофман не мог скрыть радость и начал торопливо объяснять свою позицию:

— Вы правы, дорогой друг, правы больше, чем думаете. Участием в вашем

предприятию я действительно скомпрометировал себя...

— И если оно лопнет, что весьма вероятно, вас могут не принять на другую работу, и тогда ваши сбережения понадобятся вам, как никогда, — помогал Престо своему другу, видя, как тот ёрзает в кресле.

— Да, да... — торопился Гофман окончить этот неприятный разговор. — И они мне могут понадобиться скорее, чем мне хотелось бы.

— Вот как? Что вы хотите этим сказать?

Гофман развёл руками, вздохнул и ответил:

— Дело в том, что мне уже намекали... даже ставили в некотором роде ультиматум...

— Оставить меня? — догадался Престо.

— Да, разойтись с вами. А если я не сделаю этого, то все предприниматели подвергнут меня бойкоту, и работа в кино для меня будет потеряна...

— И вы решили?..

— Что вы на меня смотрите. Престо, как Цезарь на Брута? — смущённо спросил Гофман.

— Жду последнего удара, мой Брут, — холодно ответил Престо.

— Я ещё ничего не решил, мой Цезарь, — так же холодно возразил Гофман. — Я считал нужным только предупредить... — Неловкость положения вдруг разозлила его, и он резко воскликнул: — Ну что я могу поделывать? Один в поле не воин.

— Я от вас ничего и не требую, Гофман, — печально сказал Престо. — И не волнуйтесь. Всё это понятно, и всё это в порядке вещей.

Наступила тягостная пауза.

— Проклятая жизнь! — проворчал Гофман. — Поверьте, если бы я был в силах помочь вам...

— Вы бы и помогли, и нечего больше об этом говорить. Вы вольны поступать, как хотите, а я... может быть, вывернусь как-нибудь, — сказал Престо, поднялся и протянул руку. Гофман пожал её и вышел тяжёлой поступью.

Престо долго стоял, опустив голову. Потом прошептал с горькой улыбкой:

— Верный друг... до чёрного дня... Ну что ж? Теперь только добрый волшебник мог бы помочь мне спасти дело. Но, к сожалению, в жизни таких случаев не бывает...

Флёрдоранж

Престо проснулся в шестом часу утра в своей большой белой спальне, где окна были закрыты, а чистый, охлаждённый воздух подавался кондиционной установкой. Окинув взглядом комнату, Престо подумал: «Скоро со всем этим придётся расстаться», — вздохнул, посмотрел на часы. «Можно ещё полежать минут пятнадцать», — и протянул руку к ночному столику, на котором лежала стопка вечерних газет. Вчера он так устал, что не успел их прочитать.

Развернув первую газету, он начал быстро просматривать её. Одна статья привлекла его внимание. Престо читал и хмурился всё больше. Потом вдруг смял газету, бросил на пол и воскликнул с негодованием:

— Какая гадость! — откинувшись на подушку, он словно замер. Лежал неподвижно, с окаменевшим лицом. Только сдвинутые брови и учащённое дыхание говорили о внутреннем волнении и напряжённой работе мозга. Прошло уже двадцать минут, а он всё ещё лежал в той же позе.

И вдруг, как человек, решивший трудную задачу, он ожил и резким движением протянул руку к кнопке электрического звонка.

— Себастьян! Скорее горячей воды для бритья! Приготовьте костюм! — сказал он вошедшему старому слуге, а сам в ночной полосатой пижаме и туфлях на босу ногу устремился в ванную комнату, стены которой были облицованы розовым мрамором.

— Не знаете, мисс Эллен встала? — спросил он через открытую дверь, когда Себастьян принёс воду.

— Мисс всегда с птицами встаёт, — отвечал старик.

«Не изменила своим привычкам», — подумал Тонио, улыбаясь, и сказал:

— Отлично! Приготовьте скорее кофе на веранде и скажите Джеффри, чтобы подал машину.

Через несколько минут он взбежал на второй этаж, быстро прошёл длинный коридор и замедлил шаги, приближаясь к комнате Эллен. Постоял возле двери, из-за которой слышалось пение девушки, перевёл дыхание, согнал последние следы озабоченности с своего лица и постучался.

Эллен открыла дверь. Косые лучи утреннего солнца золотили её волосы и белое платье.

— Мистер Престо! — с удивлением, в котором не было ни тени недовольства, воскликнула она. — Что значит этот ранний визит?

— Мисс Эллен! — весело ответил Престо. — Утро чудесное, и мне пришла в голову мысль, не совершить ли нам прогулку, прежде чем ехать в студию. У нас сегодня большая работа, самые трудные кадры, а ничего так не освежает, как утренний воздух.

Беззаботное, весёлое настроение Престо передалось и Эллен. Давно уже она не видела его таким жизнерадостным.

— Отличная мысль! — ответила девушка, улыбаясь.

— Тогда бежим, спешим! Кофе уже готов, а пока мы будем завтракать, шофёр заправит и подаст машину.

Обжигаясь кофе и перебрасываясь шутками, они вели себя как школьники, которые придумали весёлую забаву и спешат выполнить её.

Со стороны подъезда послышался короткий низкий гудок, оповещавший, что машина прибыла.

— Слышите? — сказал Престо. — Это судьба зовёт нас. Поспешим же на встречу нашей судьбе!

В это утро поведение и слова Престо были загадочными.

Скоро последние строения Голливуда остались позади. Гладкая дорога уходила вдаль. На горизонте синели горы. По сторонам дороги потянулись плантации. В ветвях деревьев щебетали птицы. Чистое калифорнийское небо простиралось над плодородным краем. Утренний воздух был ещё свеж и наполнен запахом горьких трав. Престо и Эллен дышали всей грудью.

— Как хорошо! — восклицала Эллен и жмурилась в лучах ещё низкого солнца.

— Да, давно мы с вами не видали природы, — отозвался Престо.

В его лице, в позе отражалось глубокое удовлетворение, как у человека, благополучно перенёсшего тяжёлую операцию.

— Помните нашу хижину на берегу Изумрудного озера? — продолжал он мечтательно.

И, весело смеясь и споря, они начали вспоминать разные случаи.

— Ужасно строгой вы были хозяйкой, — шутил Престо. — Безжалостно изгоняли нас с Пипом, когда принимались за уборку комнаты.

— С мужчинами иначе нельзя, — отвечала Эллен. — Они не понимают, что мешают.

— С мужчинами! — рассмеялся Престо. — А кстати, какова судьба другого мужчины, подвергавшегося изгнанию?

Эллен вопросительно посмотрела на Престо.

— Да ведь вы меня вместе с Пипом изгоняли. Что с ним?

— Он в хороших руках, — ответила Эллен и, вздохнув, добавила: — Я не знала, удобно ли мне переезжать в ваш дом с собакой.

— Непременно выпишем его! — поспешно воскликнул Престо, подметив в тоне Эллен нотку грусти.

По краям дороги замелькали низкие белые каменные заборы плантаций. Апельсиновые деревья были в цвету. словно хлопья снега, белели среди густой зелени кисти цветов. Тонкий аромат наполнял воздух.

— Смотрите, сколько флёрдоранжа заготовлено для невест! — воскликнул Престо.

В одном месте ветки свесились через забор к самой дороге.

— Стойте, Джеффри! — приказал Престо шофёру.

Машина остановилась. Престо соскочил с автомобиля, сорвал несколько веток и вернулся.

— Едем дальше.

Машина двинулась. Престо подал флёр д'оранж Эллен.

— Приколите к груди. А эту кисть к причёске. Вот так. Одна невеста уже есть.

Эллен покраснела, невольно вынула из сумочки зеркальце и взглянула в него. В белом платье, с белым флёр д'оранжем она в самом деле теперь была похожа на невесту.

— Не хватает только фаты! — заметил Престо, любуясь Эллен.

— Какой сват нашёлся! — сказала Эллен, нахмурившись. — За кого же вы меня сватаете?

Престо посмотрел ей прямо в глаза, помолчал, наклонил голову и ответил тихо и серьёзно:

— За себя.

Эллен побледнела, опустила глаза.

— Ваши шутки заходят слишком далеко, мистер, — сурово возразила она.

— Это не шутки, — продолжал Престо тихо и серьёзно. — Мисс Эллен! Вы помните, что сказал я вам, когда вы согласились играть роль героини? «Ваша судьба теперь связана с моей судьбой». Почему же эту связь не сделать ещё крепче? Лучшей жены мне, право, не найти.

Это было так неожиданно, что Эллен, откинувшись на спинку, казалось, потеряла сознание. Глаза её были закрыты, лицо ещё больше побледнело. Потом губы её задрожали, и она прошептала, не поднимая глаз:

— Я не могу быть вашей женой, мистер Престо!

— Почему?

— Потому что... Потому что вы знаменитый артист, миллионер, а я простая и бедная девушка. У бедных девушек есть своё самолюбие, мистер.

— Я знаменитый артист? Я миллионер? — воскликнул Престо и, вновь понизив голос, продолжал: — Да, я был знаменитым артистом в моём прежнем существовании. Но теперь я такой же начинающий, никому не известный артист, как и вы. Да, я был миллионером. Но в настоящее время я такой же бедняк, как и вы. Известно ли вам, что даже вилла, в которой мы живём, заложена и нас могут выселить на улицу, если я в срок не уплачу долга? Как видите, мы теперь стоим одинаково. Вы стоите даже больше меня. Потому что такая девушка, как вы, может рассчитывать на лучшую партию.

— Я никогда не смотрела на брак как на выгодную сделку, — горячо возразила она. — Я не боюсь нужды и заботы.

— Тогда в чём же дело? Я не нравлюсь вам? Вы меня не любите?

— Вы любите другую, — уклонилась Эллен от прямого ответа.

— Вы намекаете на мисс Люкс? — спросил Престо. — Правда, я увлекался её красотой. Но когда узнал поближе, как человека, то убедился, что мы с нею совершенно разные люди... В моё последнее деловое свидание с нею я сам, был поражён тем, что её обаяние исчезло для меня. И тогда же я понял причину этого: вы вошли в мою жизнь.

На щёки Эллен возвращался румянец.

— Почему именно сейчас вы делаете мне предложение? Это так внезапно и, как будто, несвоевременно, если принять во внимание...

— Да, момент может показаться неподходящим. Но именно такой момент — лучшее испытание искренности и силы чувства... Вы знаете трагедию знаменитых и богатых людей. Эта трагедия заключается в том, что они никогда не уверены, отдадут ли им руку и сердце по любви или же из-за их славы и денег. Истинно любит только тот, кто не откажется от любимого и в тяжёлое время, перед лицом нужды и жестокой борьбы за жизнь, как это и показано в моём фильме. Будьте же такой героиней не только на экране, но и в жизни! Это даст мне новые силы для борьбы, — заключил он с искренним чувством и осторожно положил свою руку на руку Эллен, с волнением ожидая её ответа.

Она глубоко вздохнула, помолчала и, наконец, ответила:

— Ни в счастье, ни в несчастье я не оставлю вас, Престо... Если вы только любите меня.

— А вы? Вы любите меня?

— Я полюбила вас ещё там, на берегу Изумрудного озера. Полюбила прежде, чем узнала, что вы — Антонио Престо.

Престо поцеловал её руку и крикнул:

— Джеффри! В киностудию! На полную скорость! Мы и так, кажется, опоздали.

Статисты на авансцене

— Заедем сначала в контору к вашему дядюшке, — сказал Престо. Барри был очень удивлён, когда увидел входящими в его кабинет Престо и Эллен, украшенную флёр д'оранжем.

— Мистер Барри! — воскликнул Тонио, здороваясь со стариком. — Я пришёл вам сообщить о нашей помолвке. Надеюсь, вы, как опекун мисс Эллен и её ближайший родственник, ничего не имеете против нашего брака?

Барри хотел что-то ответить, но поперхнулся от волнения. Откашлявшись, он сказал:

— Поздравляю. Я очень рад. Но как это всё неожиданно!

— Для родителей и опекунов это часто бывает неожиданно, — смеясь, ответил Престо и крепко пожал руку старого педагога. — А теперь, — продолжал он, — я вас попрошу вот о чём. Сейчас же, немедленно пошлите объявление во все газеты о предстоящем бракосочетании.

— Для чего это? — удивилась Эллен.

— Так делается всегда, — ответил Престо. — Теперь, мисс Эллен, идём в киностудию.

Войдя в большой павильон. Престо сразу заметил, что здесь творится что-то необычайное. Всё помещение было полно: весь состав рабочих, декораторов, артистов был налицо. Пришли даже те, которые не участвовали в съёмке эпизода. Декорации отодвинуты. Возвышался только пульт управления, с которого режиссёр отдаёт свои приказания. Настроение у всех было приподнятое. Лица оживлены и взволнованы. Все как будто чего-то ожидали.

От толпы отделился один из статистов и громким голосом сказал:

— Всему коллективу известны затруднения, которые переживает наше кинопредприятие. Рабочие, служащие, киноартисты обеспокоены этим. К сожалению, мистер Престо не обсудил совместно с нами создавшегося положения вещей. Мы бы хотели его послушать сегодня.

Тонио Престо не мог не признать этот упрёк основательным. Привыкнув работать самостоятельно, он вёл себя не как глава кооперативного предприятия, а как директор фирмы. Ему казалось, что если сотрудники участвуют в дивидендах, то больше ничего и не нужно. Престо открыто признал свою ошибку, объяснив её своею неопытностью в общественных делах.

Затем статист-делегат сказал, что на митинге всех работников предприятия была принята такая резолюция: до окончания постановки картины все без исключения будут получать заработную плату в половинном размере, а если понадобится, то и меньше.

Это для Престо было большим облегчением, и он начал благодарить, но из рядов собравшихся послышались крики: «Не за что... Общее дело!.. Общие интересы. Лучше половина заработной платы, чем безработица!»

«Опять невпопад!» — с досадой на себя подумал Престо.

Вслед за этим был организован короткий митинг, на котором избрали комитет для руководства предприятием. А члены комитета избрали председателем Престо.

Кинопредприятие Престо ставилось на новые рельсы, изменяло свой характер.

Гофман хмурился и держался в стороне. Ему предлагали войти в ревизионную комиссию, но он отказался.

Когда со всем этим было покончено, рабочие взялись за работу с такой горячностью, словно шли на штурм.

Пока они наводили в павильоне порядок, нарушенный митингом, Гофман отвёл Престо в сторону и сказал с озабоченным лицом:

— Я хотел вас предупредить о новой серьёзной неприятности, касающейся лично вас и...

— Вы говорите о новой кампании, поднятой вечерними газетами?

— Я имею в виду и сегодняшние утренние статьи. Они дошли до ещё большего бесстыдства...

— Да, а я ведь забыл сообщить моим товарищам по работе одну новость! — воскликнул Престо, как будто забыв о газетах, и направился к Эллен.

Гофман недоумевал. Ему казалось странным, что Престо придавал так мало значения новой газетной кампании и, вместо того чтобы обсудить этот вопрос с ним, бежит сообщать какую-то новость.

А Престо, подойдя к Эллен и взяв её за руку, громко сказал:

— Алло! Прекратите на минуту работу!

Наступила выжидательная тишина.

— Я забыл, дорогие товарищи, поделиться с вами моей радостью. Мисс Эллен Кей оказала мне честь, согласившись стать моей женой.

Эллен смутилась и подумала:

«Ну зачем он придаёт нашей помолвке такую широкую огласку? Будто торопится весь мир оповестить об этом».

Послышались приветственные крики и дружные аплодисменты. Все бросились поздравлять Престо и Эллен. У Престо, как у президента на традиционном приёме в Белом доме, от рукопожатий заболела даже рука.

Артистки, которых уже давно привлекал флёр д'оранж Эллен, окружили её плотным кольцом. Наблюдательная Эллен обратила внимание на то, что некоторые артистки смотрели на неё как будто с сожалением, в иных глазах сквозила скрытая усмешка, а в улыбках оскорбляющая двусмысленность.

«Почему они на меня так смотрят? — думала она, испытывая смущение и тревогу. — Быть может, в них говорит скрытая зависть», — успокоила себя Эллен.

Декорации были поставлены на место, съёмка началась. Никогда ещё артисты не играли с таким подъёмом. Сам Престо и Эллен превзошли себя.

Гофман вертел ручкой, испытывая необычайное волнение. Если фильм пойдёт до конца на такой художественной высоте, то это будет мировой шедевр, и Гофман получит свою долю славы. Победителей не судят.

— Баста! — крикнул Престо, когда треск аппарата прекратился. — Мы сегодня, кажется, хорошо поработали. Ни одного кадра не пришлось переснимать.

Неожиданный удар

Вернувшись из киностудии, Эллен прошла в свою комнату. Она устала от работы и переживаний сегодняшнего дня. Ей хотелось разобраться во всём, что произошло. Эллен бережно поставила ветки флёр д'оранжа в вазочку, прикоснулась губами к белым ароматным цветам и опустилась в глубокое кресло.

Не удивительна ли жизнь? словно затейливый кинофильм «с неожиданными сюжетными поворотами», как говорит Престо. Спокойные видовые кадры Изумрудного озера. Тишина, нарушаемая только отдалённым шумом гейзеров, их вечно повторяющийся, однообразный ритм отмечает течение дней, недель, месяцев, похожих друг на друга...

И вдруг будто обезумевший киномеханик бешено завертел ручку проекционного киноаппарата...

Путешествие, мелькание станций, городов, новые впечатления, новые люди... Вилла Престо... И вот она — простушка Эллен Кей — киноартистка, а Тони Престо — её жених.

Ей радостно и немного жутко... Как странно смотрели на неё в студии ки-

ноартистки. Неужели они все такие завистливые? И пусть завидуют! Эллен наполняет чувство гордости. Она победила этих разряженных кукол!.. Жаль только, что у Тонио столько неприятностей и огорчений. Почему люди так злы? Что им сделал Тонио?

Но это пройдёт. Всё устроится. И она будет счастлива с Тонио. У них будут дети. Без детей не полна жизнь. Если родится мальчик, она назовёт его Тонио. Если девочка...

Эллен поворачивает голову, как бы ища ответа, видит возле кресла столик и на нём несколько писем.

Это удивило её. До сих пор она ни от кого не получала писем, а тут сразу несколько. Поздравительные? Но не могло же это быть так скоро...

Эллен разорвала первый конверт. Там лежала сложенная в несколько раз газетная вырезка. Эллен начала читать и вдруг почувствовала, что ей не хватает воздуха.

Статья была о Престо и о ней.

«Некогда всемирно известный киноартист, — говорилось в статье, — составивший карьеру не столько сомнительным талантом, сколько своим исключительным уродством, никогда не отличался нравственностью. Газета имеет самые достоверные сведения о грязных оргиях, которые устраивал этот отвратительный урод в своей вилле. Его моральное уродство уже тогда превосходило безмерное физическое уродство...»

Далее вспоминалась тёмная история с мисс Люкс, к миллионам которой подбирался ловкий проходимец, не знающий чести и совести.

"Только беспримерная доброта мисс Люкс избавила его от пожизненного тюремного заключения, — говорилось в статье, — а может быть, и электрического стула, давно вполне заслуженного этой аморальной личностью, этим чудовищем разврата...

"Его преступления уже не вмещались в карликовом уродливом теле. Подозрительные «учёные», применяющие неразрешённые законом методы лечения, превратили маленького уroda в большого негодяя. Пропорционально возросли и его преступные «художества». «Новый Престо» уже не удовлетворяется тайными преступлениями. Развращённый до мозга костей, он бросает открытый вызов морали, общественному мнению, издеваясь над нашими добрыми американскими нравами. Он топчет их ногами, оскорбляет самые святы чувства, позорит нашу страну.

«Он разыскал где-то девушку, — да будет её имя известно всем: некую Эллен Кей, — очевидно, столь же безнравственную, как он сам, или же дурочку, не умеющую в области морали отличить правую руку от левой. Незаконная дочь сторожа Йолстоунского парка, очевидно, польстилась на мифические миллионы Антонио Престо. Напечатанные фотографии — Эллен Кей у открытого окна, со шваброй в руке, и Престо возле того же дома — не оставляют сомнения в правдоподобии всей этой истории. И вот Престо открыто поселяет её в своём доме. Он...»

Но дальше Эллен не могла читать. Её реакция была более бурная и острая, чем у Тонио. Эллен сорвалась с кресла и, словно перенесённая вихрем, уже стояла перед Престо, влетев в его кабинет без предупреждения.

Судьба фильма решается

Взглянув на Эллен, Престо понял, что она знает всё. Этого надо было ожидать. Рано или поздно она узнала бы...

— Нашей свадьбе не бывать, и я сейчас же уезжаю из вашего дома! — воскликнула она, почти с гневом глядя на него.

Престо поднялся и стоял молча. Он понимал, что надо дать вылиться этой вспышке негодования.

— Вы обманули меня! Не любовь заставила вас сделать мне предложение. Вами руководили самые благородные, самые рыцарские чувства. Я понимаю это и благодарю. Но не могу принять этой жертвы. Вы только пожалели меня, а я... я поверила в вашу любовь...

Голос девушки прерывался, ноги не держали её. В отчаянии она почти упала в кресло и, закрыв лицо руками, зарыдала, как рыдают глубоко и незаслуженно обиженные дети.

Престо смотрел на неё с глубокой печалью, но всё ещё молчал. Пусть облегчит себя слезами. И только когда рыдания её стали утихать, он подал ей стакан воды.

— Выпейте и успокойтесь, — сказал он нежно, но в то же время строго, как ребёнку, которым она по своей натуре и была.

Зубы стучали о стекло стакана, вода проливалась на ковёр, но она отпила несколько глотков и успокоилась. Тогда Престо сказал:

— Вы глубоко оскорбили меня, мисс Эллен!

Тонио достиг цели: она ждала с его стороны оправданий, защиты, а он сам перешёл в наступление, обвинял её. Эта неожиданность заставила её сосредоточиться. Теперь она была способна слушать и понимать, что ей говорят.

— Я? Вас? — спросила, недоумевая, девушка и перестала даже плакать. Она продолжала только всхлипывать.

— Да, вы меня глубоко оскорбили, — повторил Престо.

Он вынул из верхнего бокового кармана шёлковый синий платок с белыми горошинками и вытер ей глаза. Эта вольность тоже поразила её, и она не знала, как на неё ответить. А Престо продолжал:

— Не будем больше плакать. Слезами не помочь. Поговорим серьёзно. Вы оскорбили меня тем, что усомнились в моей любви к вам. Я не чудовищный преступник, каким изображают меня газеты, но уж и не такой рыцарь, как вы себе представляете. Я горячо воспринимаю всякую несправедливость, но, поверьте мне, не поспешил бы делать предложение первой обиженной, если бы в этой обиде был даже сам косвенно виноват. Признаюсь, не будь этих омерзительных газетных статей, я сделал бы вам предложение не сегодня, а завтра, быть может, послезавтра. Но я сделал бы его. Газеты только дали толчок, заставили меня самого понять острее и глубже, как я люблю вас, как дороги мне ваши интересы и ваша честь. Ведь поймите, если бы даже вы сейчас ушли из моего дома, это ничего уже не изменило бы. Ваша репутация всё равно осталась бы запятнанной. Могу ли я допустить это, любя вас? Ваш уход только подлил бы масла в огонь, дал новую пищу для грязной клеветы и очень сильное доказательство правоты врагов, а моей виновности. Нет, на удар этих бесчестных и бессовестных людей, которые не пощадили даже вас, не остановились перед вторжением в частную жизнь, оскорбили честь девушки, можно было ответить только таким ударом, каким отвечаем мы. Наш брак сразу выбьет оружие из их рук, заткнёт им рот, и кампания клеветы прекра-

тится. Вот почему я и спешил не только с предложением, но и с широкой оглаской, которая так удивила вас. Вам всё станет ясным, — продолжал он, передохнув, — если вы подумаете о причинах, которые создали всю эту гнусную газетную кампанию. Ведь это только одно звено цепи их борьбы со мною. Им надо во что бы то ни стало погубить моё дело. Они боятся не только конкуренции. Их пугает то, что это первый шаг к объединению киноработников в их борьбе с предпринимателями. Их пугает и то новое лицо в моём творчестве, которое им уже известно, — вскрывать социальные язвы нашего строя. Вот почему они так яростно ополчились на меня. Сначала они хотели уничтожить меня, доведя до разорения прежде, чем первая картина увидит свет. Это почти удалось им, но я нашёл поддержку в моих товарищах по работе. Попутно враги всё время клеветали на меня. И вот теперь решили нанести новый коварный удар: последней клеветой поссорить, разлучить нас с вами, раздавить морально, причинить психическую травму и тем самым вывести из строя двух главных действующих лиц фильма — вас и меня. И фильм, рассчитывали они, не будет окончен, если бы даже у меня хватило денег. И чем острее вы будете воспринимать удар, тем скорее они достигнут цели, тем больше будут торжествовать. Неужели мы сделаем им такое удовольствие? Пережить это, конечно, нелегко. Мне самому кажется, что за несколько часов я постарел на двадцать лет. Но я креплюсь, и сегодня как будто играл даже лучше обычного, хотя уже знал о газетных статьях ещё вчера и носил эту тяжесть в груди. И ещё одно. От окончания фильма зависит судьба не только нас с вами, но и товарищей по работе, готовых отказаться даже от заработка, только бы спасти дело. Общественные организации приходят нам на помощь. Неужели же у нас не хватит сил, и мы уступим? Неужели именно теперь вы покинете меня и возьмёте обратно своё слово?.. Судьба фильма, судьба всего предприятия в ваших руках.

Эллен уже не плакала. Но лицо её выражало страдание. Она колебалась. Престо с волнением наблюдал за нею, ожидая ответа. Наконец она сказала:

— Мне очень трудно, но я постараюсь закончить картину.

— И стать моей женой? — быстро спросил Престо.

— На этот вопрос сейчас ответить ещё труднее... Не торопите меня. Престо. Дайте мне подумать.

— Хорошо. Я подожду. Работа над фильмом успокоит вас, и тогда мы займёмся нашими личными делами. Не так ли?

И, успокоенный, уверенный, что всё кончится благополучно, он поцеловал её руку.

Триумф

Объявления о предстоящем браке мисс Эллен Кей с мистером Антонио Престо сделали своё дело. Газетная кампания клеветы и инсинуаций затихла. Но следы её остались. Престо видел, как глубоко страдает Эллен. Играя роль героини, она собирала все свои силы, чтобы сосредоточиться, но её внимание, видимо, раздваивалось. Чего не бывало с самого начала постановки фильма, — некоторые кадры приходилось переснимать. К счастью, конец сценария был полон трагических переживаний героя и героини. Престо и Эллен могли вкладывать в исполнение личные глубокие переживания. И некоторые сцены проходили с потрясающей силой жизненной правды. Даже Гофман, привык-

ший ко всему, чувствовал необычное волнение и нервную дрожь в руке, вертевшей ручку киноаппарата. Игра Эллен временами поднималась до вспышек подлинной гениальности. После окончания съёмки таких сцен в ателье наступала необычайная тишина. Все были потрясены, подавлены исполнением. На глазах женщин и даже мужчин блестели слёзы. Однажды рыжий, дюжий шотландец-плотник, сам немало переживший в жизни, неожиданно шумно захлипал носом, и по его белому с веснушками лицу покатались крупные слёзы. Он сам был удивлён этим и смущён. Никогда в жизни он не плакал над собственными несчастьями, а тут не выдержал. Но разве миллионы таких же простых людей не переживали подобного? Гофман больше не сомневался в том, что это будет один из тех мировых фильмов, которые везде и всюду потрясают сердца и исторгают слёзы. «Быть может. Престо и прав, избрав этот новый путь», — думал Гофман.

А Престо, окончив съёмку, с головой уходил в хозяйственные дела. Теперь ему помогали комитет и правление официально открытого кооперативного товарищества. Начатое им дело было подхвачено другими. Это вначале несколько смущало его, подчас вызывало и неудовольствие — он уже больше не являлся единоличным вершителем судеб предприятия. Для него нелегко было освоиться с новым положением вещей, но отступить было поздно — другого выхода не было.

Скоро выяснилось, что отказ коллектива от части заработной платы ещё не спасает положения. Денег по-прежнему не хватало. Комитет и правление обратились к профессиональным организациям и организациям народного фронта. Предприятие приобретало, к неудовольствию Гофмана, всё более широкий общественный характер, становилось всё более «левым», всё более «красным». И борьба обострялась. Газеты писали о финансовом крахе престовского предприятия, потом о том, что оно захвачено «жидомасонами», либералами, коммунистами, что Престо «продался красным» и стал игрушкой в их руках. О фильме писались самые невероятные выдумки. Уверяли, что он потрясает все основы политики и морали, цивилизации и религии и чуть ли не угрожает самому существованию Штатов. Собирались голоса, требовавшие запрещения фильма.

В довершение неприятностей Эллен явно избегала Престо. Они виделись только в студии. Под разными предлогами Эллен отказывалась возвращаться домой с Престо в одном автомобиле, дома тотчас запиралась в своей комнате.

В таких условиях приходилось работать и заканчивать фильм. И всё же он был закончен.

Начались демонстрации фильма на экранах престовских кинотеатров. Успех превзошёл все ожидания. Публика валила валом. Игра нового Престо возбуждала такой смех, которому мог бы позавидовать и уродец Престо. Но в этом смехе было что-то новое. Это уже не был животный, физиологический смех. Скорее его можно было назвать смехом сквозь слёзы.

Особенное впечатление на зрителей произвели сцены, в которых участвовала никому не известная артистка Эллен Кей. Зрители, наполнявшие зал, почувствовали необычайную простоту и искренность игры Эллен. И поэтому восторгам публики не было конца. Какая-то пожилая женщина с большими красными руками, глядя, как управляется Эллен с бельём, громко воскликнула:

— Сразу видно, что эта артистка умеет стирать! И откуда они такую выкопали? Ишь, как орудует!

В её устах это была высшая похвала.

Подлинное искусство понятно всем. Мнение старой работницы совпадало с мнением нескольких виднейших критиков, которые явились посмотреть новый фильм.

— Поразительно! — сказал один из них своему собрату по перу. — Откуда Престо взял такую артистку? Поверьте мне, она затмит собою самые яркие звёзды кинематографии.

Престо, Эллен и Гофман сидели в отдельной ложе, внимательно наблюдая, какое впечатление производит картина на зрителей. В тех местах, когда зал дрожал от смеха или слышались всхлипывания женщин, расчувствованных игрою Эллен, они невольно сами поглядывали на экран.

— Вот видите, — говорил Престо, обращаясь к Эллен. — А вы ещё боялись, что испортите картину.

Гофман курил сигару за сигарой, одобрительно побряхтывая.

Необычайный успех сделал своё дело. Барыш есть барыш, а «деньги не пахнут», каково бы ни было их происхождение, — так смотрели на вещи ещё коммерсанты Древнего Рима, которые пустили в оборот эту поговорку. Многие предприниматели не устояли перед барышами, которые давал новый фильм, и начали брать его в прокат. Фронт был прорван. За отдельными предпринимателями потянулись компании, а следом за ними и крупные концерны. Фильм начал своё победоносное шествие по Америке и Европе.

Даже газеты враждебного лагеря не могли не признать высоких достоинств сценария, музыки, кстати сказать, написанной самим Престо, и мастерства исполнения. Новый Престо и Эллен сразу взойшли на небосклон мировой кинематографии как звёзды первой величины. Но и остальные участники, почти всё молодёжь, изумили своей игрой, что составляло бесспорную заслугу режиссёрского дарования Престо.

Питч рвал и метал в бессильной злобе.

«Надо было озолотить этого ловкача Престо, но не выпускать его из рук. Кто знал?..»

Люкс меланхолически думала:

«Я, кажется, сделала большую глупость, оттолкнув Престо. Но кто же мог подумать?..»

Это та...

Однажды Эллен в обществе Престо, Гофмана и двух киноартисток подъехала к фешенебельному кинотеатру. Исполнителей престовского кинофильма интересовало, как на него реагирует аристократическая публика. Престо с большим трудом удалось уговорить Эллен поехать с ним.

В автомобиле Тонио, пользуясь тем, что киноартистки были заняты оживлённым разговором с Гофманом, тихо спросил Эллен:

— Когда же вы дадите мне ответ, Эллен?

Она догадалась, о чём её спрашивает Престо, но ничего не ответила, только губы её дрогнули.

Сходя с автомобиля, Эллен увидела двух дам в дорогих манто. Они с острым любопытством смотрели на неё.

— Смотрите! Это та, о которой писали газеты! Новоявленная звезда экрана и amante (любовница) Престо, — довольно громко сказала остроносая дама.

— Да, это она! — подтвердила полная. И они бесцеремонно проводили Эллен взглядами.

Эллен смертельно побледнела, словно ей публично нанесли пощёчину.

Весь киносеанс она просидела неподвижно в глубине ложи, даже не взглянув на экран. Напрасно Престо пытался вывести её из задумчивости. Поведение Эллен уже начинало беспокоить его.

Зрительный зал бурно аплодировал, словно на экране были живые артисты.

«Неужели даже этот ошеломляющий успех не трогает её?» — с тревогой думал Престо.

Не проронив ни слова, Эллен вернулась домой и тотчас заперлась в своей комнате. Больше она не могла сдерживаться и дала волю слезам.

В дверь постучались.

«Престо, — подумала Эллен. — Как не вовремя. Бедный! Он ждёт ответа. Но что я могу ему сказать?..»

Она вытерла слёзы платком и открыла дверь.

Перед нею стояла компаньонка, миссис Ирвин.

— Простите, мисс, но я не задержу вас, — сказала она, глядя в покрасневшие от слёз глаза Эллен. Не ожидая приглашения, она уселась в кресло и сказала: — Вы плакали, мисс. Я это вижу по вашим глазам.

— Я и не скрываю, — ответила Эллен.

— Да, вам есть о чём поплакать. За необдуманные поступки, за легкомысленное поведение всегда приходится расплачиваться слезами, — нравоучительно заметила миссис Ирвин.

— За какие необдуманные поступки, какое легкомысленное поведение? — спросила Эллен, чувствуя, как кровь заливает её щеки, лицо.

Миссис Ирвин насмешливо смотрела на неё.

— Будет вам, — строго сказала она — Передо мной вам нечего изображать овечку и угнетённую невинность. Вы прекрасно знаете, о чём идёт речь.

— Уверю вас, что не знаю.

— Будто бы? — с улыбкой спросила миссис Ирвин. — Вы одна не знаете того, о чём пишут все газеты, кричат и говорят на всех перекрёстках во всех штатах Северной и Южной Америки?

— Неужели вы верите этой клевете? — с негодованием воскликнула Эллен.

Миссис Ирвин пожала плечами.

— Почему же обо мне ничего подобного не пишут? Нет дыма без огня. Но дело касается сейчас не вас, а меня. Мистер Престо обманул меня, ввёл в крайне невыгодную для меня сделку, пригласив в ваши компаньонки, а по существу — чтобы прикрывать моим присутствием разврат.

— Вы забываетесь, миссис Ирвин! Разговор в таком тоне не может продолжаться!

— Успокойтесь. Он скоро кончится, — строго сказала миссис Ирвин. — Поверьте, что мне самой говорить с такой особой, как вы, не доставляет ни малейшего удовольствия. Я не содержанка. Я бедная, но честная женщина. Честь, доброе имя — весь мой капитал, всё моё состояние. А я могу потерять его, оставаясь в этом доме... я вынуждена покинуть вас.

— И чем скорее вы это сделаете, тем лучше, — сказала Эллен, чувствуя, что ещё минута, и она не сможет сдержать себя.

— Об этом не беспокойтесь. Я уже приказала собрать мои вещи и подать автомобиль.

Гордо поднявшись, не протянув руки, даже больше не взглянув на Эллен, миссис Ирвин величественно выплыла из комнаты.

Эллен почти без чувств упала на кушетку.

Последний удар

Всё в порядке. Картина имеет успех. Предприятие спасено. Теперь осталось одно: покончить с одиночеством холостяка.

Престо в приподнятом настроении ходил по кабинету. Он ждал Эллен, которая должна была дать ему ответ: будет ли она его женой.

Эллен опаздывала, в нетерпении он всё ускорял шаги.

Но вот, наконец, в дверь постучались. Престо бросился открывать, с намерением без слов заключить в объятия свою невесту. Широко распахнул двери и увидел перед собою мистера Барри-дядюшку Эллен.

Старик был застёгнут на все пуговицы и имел озабоченный и даже печальный вид.

— Мистер Барри! — воскликнул Престо, не будучи в силах скрыть своё разочарование. — Рад вас видеть. Здравствуйте. Но, признаться, я ожидал встретить мисс Кей. Надеюсь, с нею всё благополучно?

— Она здорова, — ответил Барри. — Но... Эллен просила меня переговорить с вами.

У Престо сразу упало настроение.

— Прошу садиться, — сказал он осёкшимся голосом. — Почему же она не могла сама переговорить со мною?

Они сели.

— Это для неё было бы трудно... Тяжело... ведь она любит вас, мистер.

— Она отказывается быть моей женой? — быстро спросил Престо.

— Да, к величайшему сожалению.

— Но, боже мой! Почему? Какая причина?

— Я полагаю, что вы сами знаете её не хуже меня.

— Мерзкая клевета в газете. Но ведь это же дело конченное, — горячился Престо.

— Это дело не может быть конченным, мистер Престо. Вы знаете пословицу: бросай грязью, что-нибудь да останется.

— Ничего не останется. Брак — лучший способ смыть эту грязь. И стоит ли обращать внимание?

— Выслушайте меня, мистер Престо. Поверьте мне, что я сам глубоко опечален тем, что ваш брак расстраивается. Но я вполне согласен с Эллен. Этого не должно быть.

— Но зачем же тогда... до сих пор она ничем не дала понять, что её ответ будет отрицательный.

— Она щадила вас и заботилась о судьбе картины, не хотела вас расстраивать, пока не будет снят последний кадр. Ведь и вы хотели скрыть от неё клевету в газетах...

— Быть может, у неё снова возникли сомнения в том, по любви ли я же-

нюсь на ней или же только из благородного побуждения...

— Она верит в вашу любовь так же, как и я, и не сомневается, что вы её искренно любите. Но послушайте, что она говорит: «О клевете знает вся страна. И меня теперь знает вся страна как новоявленную кинозвезду. И чем больше будет моя известность, чем выше пьедестал, тем большее количество людей будет указывать на меня пальцами, двусмысленно подмигивать глазами, говорить: это, знаете, та самая...» Разве мало людей покрывали браком незаконную связь, но пятно всё же оставалось?

— Но ведь наши отношения были совершенно чисты!

— Не сомневаюсь в этом ни на одну минуту, — возразил Барри, — Но в этом-то и заключается весь ужас клеветы: каждый волен ей верить и не верить.

Престо схватился за голову и воскликнул:

— От этого с ума можно сойти! Неужели она решила отказаться и от артистической карьеры? Ведь она сразу получила то, о чём тщетно мечтают миллионы людей...

— Славу, деньги — хотите вы сказать? — перебил Барри. — Честь человека дороже славы и денег. По крайней мере, мы с Эллен так думаем.

— Я так же думаю, — с некоторым неудовольствием ответил Престо. — Но это потеря для искусства, для людей.

— Вы сами как-то рассказывали мне, как какая-то психопатка просила вас сохранить ваше безобразие, вашу незаживающую рану, для искусства и людей. И вы вполне разумно тогда ответили ей, что такое требование нелепо и эгоистично.

Престо признавал правдивость этих доводов. Он был подавлен и обезоружен.

Они печально глядели друг на друга. Наконец Престо сказал.

— Что же вы думаете с нею делать?

— Уйти в неизвестность, уйти туда, где нас никто не знает, и жить скромной и незаметной жизнью... И ещё она просила вас передать, что искренно желает вам счастья и никогда не забудет вас... Я не сомневаюсь, что она никого больше не полюбит, это не такая девушка. Но её жизнь разбита — Барри поднялся и протянул Престо дрожавшую от волнения руку. — Благодарю вас, мистер Престо, за всё и прощайте.

— Но разве я не могу видеть её, проститься с нею? — воскликнул Престо.

— Для неё это было бы слишком тяжело. Она уже уехала из дома.

И Барри, нетвёрдой походкой глубоко страдающего человека, вышел из комнаты.

Престо опустился на стул и сжал голову руками.

Вошёл Себастьян, повздыхал, потоптался возле двери и сказал.

— Мисс Кей уехала, а мистер Барри заказал автомобиль.

— Я знаю, Себастьян, — ответил Престо, не отнимая рук от головы.

Себастьян не уходил, он вздыхал возле двери.

— Я знаю также, о чём ты хочешь спросить меня, — сказал Престо. — Мисс Эллен и мистер Барри уехали совсем. Свадьбы не будет. Мы опять остались с тобой вдвоём, старина.

В комнате на время настала тягучая и томительная тишина. Потом, как бы забыв о присутствии Себастьяна, Престо сказал себе вслух.

— Впрочем, нет. Теперь я не один. Правда, враги нанесли очень тяжёлый

удар. Ну, что ж, этим самым они только помогли мне ещё яснее определить свой путь. Теперь меня уже никто не собьёт, — буду мстить и бороться до последнего издыхания.

Себастьян со страхом и уважением смотрел на пылающее лицо Тонио, полное решимости и гнева.

Голова профессора Доуэля (роман)

*Посвящаю жене моей
Маргарите Константиновне
Беляевой*



Первая встреча

— **П**рошу садиться.
Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.

Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель чёрного дуба. Тёмные обои, тёмные драпри. В полумраке поблёскивает только золото тиснёных переплётов в тяжёлых шкафах. Длинный маятник старинных стенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: сам профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжело-весная, суровая фигура Керна казалась частью мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперёд подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украшать такой маской», — подумала Лоран.



— Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчёт еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие...

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это ещё хуже.

— Но какое отношение...

— Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к чёрту.

— Но...

— Никаких «но»! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всём, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечёт за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована...

— Я согласна, если во всём этом нет...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой.

— Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

— Нет.

Керн ещё раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидела только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Чёрные волосы и костюм сливались с тёмными драпри двери.

— Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно тёмную комнату.

Щёлкнул выключатель, и яркий свет четырёх матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла... Сверкали стёкла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Тёплыми, жёлтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры... Стекло, каучук, металл...

Посреди комнаты — большой прозекторский стол. Рядом со столом — стеклянный ящик; в нём пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидела нечто, заставившее её вздрогнуть, как от электрического удара.

На неё смотрела человеческая голова — одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен, через отверстия в стекле, шли, соединившись уже попарно, трубки к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделённая от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного учёного-хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребрённые сединой густые русые волосы, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля. Только губы и нос его стали тоньше, виски и щёки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела жёлто-тёмный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

Это было слишком для нервов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал её и вывел из лаборатории.

— Это ужасно, это ужасно... — повторяла Лоран, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова?..

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращённая мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не всё даётся сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал своё тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть. Я предпочитаю, чтобы в моём трупе копался друг-учёный, а не могильный червь» — вот какое завещание оставил профессор Доуэль. И я получил его тело. Мне удалось не только оживить его сердце, но и воскресить сознание, воскресить «душу», говоря языком толпы. Что же тут ужасного? Люди считали до сих пор ужасной смерть. Разве воскресение из мёртвых не было тысячелетней мечтой человечества?

— Я бы предпочла смерть такому воскресению.

Профессор Керн сделал неопределённый жест рукой.

— Да, оно имеет свои неудобства для воскресшего. Бедному Доуэлю было бы неудобно показаться публике в таком... неполном виде. Вот почему мы обставляем тайной этот опыт. Я говорю «мы», потому что таково желание самого Доуэля. Притом опыт ещё не доведён до конца.

— А как профессор Доуэль, то есть его голова, выразил это желание? Голова может говорить?

Профессор Керн на мгновение смутился.

— Нет... голова профессора Доуэля не говорит. Но она слышит, понимает и

может отвечать мимикой лица...

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

— Итак, вы принимаете моё предложение? Отлично. Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание.

Тайна запретного крана

Мари Лоран нелегко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер её отец. На плечи Мари легла забота о больной матери. Небольших средств, оставшихся после отца, хватило ненадолго, приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала ночным корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась найти место. Было предложение ехать в гиблые места Новой Гвинеи, где свирепствовала жёлтая лихорадка. Ни ехать туда с больной матерью, ни разлучаться с нею Мари не хотела. Предложение профессора Керна явилось для неё выходом из положения.

Несмотря на всю странность работы, она согласилась почти без колебания.

Лоран не знала, что профессор Керн, прежде чем принять её, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели она работала у Керна. Обязанности её были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживавшими жизнь головы. Ночью её сменял Джон.

Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы. Керн строжайше запретил ей открывать кран цилиндра.

— Если повернуть кран, голова будет немедленно убита. Как-нибудь я объясню вам всю систему питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определённые часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Лоран следила за температурой жидкостей и давлением в баллонах. Хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Через сутки лента сменялась. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие Лоран, до её прихода.

Мари постепенно привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда Лоран утром входила в лабораторию с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей и веки её дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между нею и Лоран скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный. Опускание головою век означало «да», поднятие наверх — «нет». Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

— Как вы сегодня чувствуете себя? — спрашивала Лоран.

Голова улыбалась «тенью улыбки» и опускала веки: «хорошо, благодарю».

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Задавая вопросы, Лоран проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем с величайшей осторожностью обмыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой ушные раковины. Сняла клочок ваты, повисший на ресницах. Промыла глаза, уши, нос, рот, — в рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки её проворно и ловко касались головы. На лице головы было выражение довольства.

— Сегодня чудесный день, — говорила Лоран. — Синее-синее небо. Чистый морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце, совсем по-весеннему.

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули в окно и остановились на Лоран.

Она покраснела от лёгкой досады на себя. С инстинктом чуткой женщины Лоран избегала говорить обо всём, что было недостижимо для головы и могло лишний раз напомнить об убожестве её физического существования.

Мари испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребёнку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала Лоран, чтобы поправить ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керна, голова занималась чтением. Лоран приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала. На нужной статье шевелила бровями. Лоран клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Лоран привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивать страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и Лоран проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы и отмечая карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать отметки на полях, Лоран не понимала, при помощи же их бедного мимического языка не надеялась получить разъяснение и потому не спрашивала.

Но однажды, проходя через кабинет профессора Керна в его отсутствие, она увидела на письменном столе журналы со сделанными ею по указанию головы отметками. А на листе бумаги рукой профессора Керна были переписаны отмеченные места. Это заставило Лоран задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, Мари не удержалась от вопроса. Может быть, голове удастся как-нибудь ответить.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

На лице профессора Доуэля появилось выражение неудовольствия и нетерпения. Голова выразительно посмотрела на Лоран, потом на кран, от которого шла трубка к горлу головы, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Лоран поняла, что голова хочет, чтобы открыли этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но Лоран объясняла желание головы по-своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. И Лоран не решалась открыть запретный кран. Она не хотела быть повинной в смерти головы, боялась и ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет, — со страхом ответила Лоран на просьбу головы. — Если я открою этот кран, вы умрёте. Я не хочу, не могу, не смею убивать вас.

От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога.

Три раза она энергично поднимала вверх веки и глаза...

«Нет, нет, нет. Я не умру!» — так поняла Лоран. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и Лоран показалось, что губы пытаются сказать: «Откройте. Откройте. Умоляю!..»

Любопытство Лоран было возбуждено до крайней степени. Она чувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна.

В глазах головы светилась безграничная тоска. Глаза просили, умоляли, требовали. Казалось, вся сила человеческой мысли, всё напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

Лоран решилась.

Её сердце сильно билось, рука дрожала, когда она осторожно приоткрывала кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипение. Лоран услышала слабый, глухой, надтреснутый голос, дребезжащий и шипящий, как испорченный граммофон:

— Бла-го-да-рю... вас...

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже работать нормально: воздух с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А рассечение нервных стволов в области шеи нарушало нормальную работу мышц голосовых связок и придавало голосу глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент послышались шаги из кабинета и звук открываемого замка (дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета). Лоран едва успела закрыть кран. Шипение в горле головы прекратилось.

Вошёл профессор Керн.

Голова заговорила

С тех пор как Лоран открыла тайну запретного крана, прошло около недели. За это время между Лоран и головой установились ещё более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет или клинику, Лоран открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятными шёпотом. Тихо говорила и Лоран. Они опасались, чтобы негр не услышал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, хорошо действовали. Глаза стали живее, и даже скорбные морщины меж бровей разгладились.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь Лоран видела во сне голову профессора Доуэля к, проснувшись, подумала: «Видит ли сны голова Доуэля?»

— Сны... — тихо прошептала голова. — Да, я вижу сны. И я не знаю, чего больше они доставляют мне: горя или радости. Я вижу себя во сне здоровым, полным сил и просыпаюсь вдвойне обездоленным. Обездоленным и физически и морально. Ведь я лишён всего, что доступно живым людям. И только способность мыслить оставлена мне. «Я мыслю. Следовательно, я существую», — с горькой улыбкой процитировала голова слова философа Декарта. — Существую...

— Что же вы видите во сне?

— Я никогда ещё не видал себя в моём теперешнем виде. Я вижу себя таким, каким был когда-то... вижу родных, друзей... Недавно видал покойную жену и переживал с нею весну нашей любви. Бетти когда-то обратилась ко мне как пациентка, повредив ногу при выходе из автомобиля. Первое наше знакомство было в моём приёмном кабинете. Мы как-то сразу сблизились с нею. После четвёртого визита я предложил ей посмотреть лежащий на письменном столе портрет моей невесты. «Я женюсь на ней, если получу её согласие», — сказал я. Она подошла к столу и увидела на нём небольшое зеркало; взглянув на него, она рассмеялась и сказала: «Я думаю... она не откажется». Через неделю она была моей женой. Эта сцена недавно пронеслась передо мной во сне... Бетти умерла здесь, в Париже. Вы знаете, я приехал сюда из Америки как хирург во время европейской войны. Мне предложили здесь кафедру, и я остался, чтобы жить возле дорогой могилы. Моя жена была удивительная женщина...

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас омрачилось.

— Как бесконечно далеко это время!

Голова задумалась. Воздух тихо шипел в горле.

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына. Я очень хотел бы посмотреть на него ещё раз. Но не смею подвергнуть его этому испытанию... Для него я умер.

— Он взрослый? Где он находится сейчас?

— Да, взрослый. Он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет. В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тётки по матери. Нет, лучше бы не видеть снов. Но меня, — продолжала голова, помолчав, — мучают не только сны. Наяву меня мучают ложные чувства. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую своё тело. Мне вдруг захо-

чется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя как врачу это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз и, конечно, сквозь стекло вижу под собою пустое пространство, каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнётся припадок удушья, и тогда я почти доволен своим «посмертным существованием», избавляющим меня, по крайней мере, от астмы... Всё это чисто рефлекторная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Ужасно!.. — не удержалась Лоран.

— Да, ужасно... Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погружённый в научные занятия. И только, потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился. Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, шуме морского прибоя... Мною не утеряны обоняние, осязание и прочие чувства, но я отрезан от всего многообразия мира ощущений. Запах сена хорош на поле, когда он связан с тысячью других ощущений: и запахом леса, и с красотой догорающей зари, и с песнями лесных птиц. Искусственные запахи не могли бы мне заменить натуральных. Запах духов «Роза» вместо цветка? Это так же мало удовлетворило бы меня, как голодного запах паштета без паштета. Утратив тело, я утратил мир, — весь необъятный, прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать своё тело, себя. О, я бы охотно отдал моё химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Если бы вы знали, какое удовольствие доставляет мне прикосновение губки, когда вы по утрам умываете мне лицо. Ведь осязание-это единственная для меня возможность почувствовать себя в мире реальных вещей... Всё, что я могу сделать сам, это прикоснуться кончиком моего языка к краю моих пересохших губ.

В тот вечер Лоран явилась домой рассеянной и взволнованной. Старушка мать, по обыкновению, приготовила ей чай с холодной закуской, но Мари не притронулась к бутербродам, наскоро выпила стакан чаю с лимоном и поднялась, чтобы идти в свою комнату. Внимательные глаза матери остановились на ней.

— Ты чем-то расстроена. Мари? — спросила старушка. — Быть может, неприятности на службе?

— Нет, ничего, мама, просто устала и голова болит... Я лягу пораньше, и всё пройдёт.

Мать не задержала её, вздохнула и, оставшись одна, задумалась.

С тех пор как Мари поступила на службу, она очень изменилась. Стала нервная, замкнутая. Мать и дочь всегда были большими друзьями. Между ними не было тайн. И вот теперь появилась тайна. Старушка Лоран чувствовала, что её дочь что-то скрывает. На вопросы матери о службе Мари отвечала очень кратко и неопределённо.

— У профессора Керна имеется лечебница на дому для особенно интересных в медицинском отношении больных. И я ухаживаю за ними.

— Какие же это больные?

— Разные. Есть очень тяжёлые случаи... — Мари хмурилась и переводила

разговор на другие темы.

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..» — думала старушка. Но тут же опровергала себя: её дочь не скрыла бы от неё своего увлечения. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всём свете. Нет, тут что-то другое... И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать её думала, что она уже спит. Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на её месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала:

«Это всё, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, ещё можно немного шевелить кожей на лбу. И больше ничего...»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на неё! Старушка решила бы, что её дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала своё. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на неё внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры... Тугие двери... Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха... Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащённые удары болезненно отзываются во всём теле. Холодная дрожь пробегает по спине... Она открывает всё новые и новые двери... О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой? Да проснись же. Мари! Ты стонешь...

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит её волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

— Ты слишком часто стала видеть скверные сны, дитя моё...

Старушка уходит вздыхая, а Мари ещё несколько времени лежит с открытыми глазами и сильно бьющимся сердцем.

— Однако нервы мои становятся никуда не годными, — тихо шепчет она и на этот раз засыпает крепким сном.

Смерть или убийство?

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, Лоран прочла статью профессора Керн о новых научных исследованиях. В этой статье Керн ссылался на работы других учёных в той же области. Все эти выдержки были взяты из научных журналов и книг и в точности совпадали с теми, которые Лоран по указанию головы подчёркивала во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, Лоран спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в моё отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался.

— Но это возмутительно! Как вы допускаете это?

— Что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то смогу сделать я! — гневно воскликнула Лоран.

— Тише... Напрасно... Было бы смешно в моём положении иметь претензии на авторские права. Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава?.. И потом... если всё это откроется, работа не будет доведена до конца. А в том, чтобы она была доведена до конца, я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

Лоран задумалась.

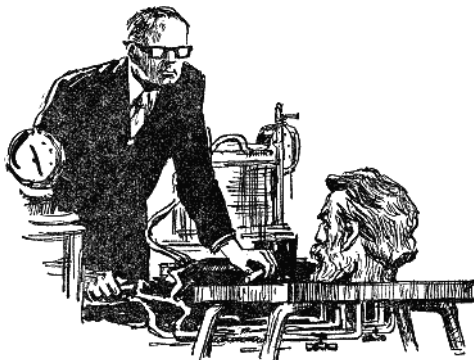
— Да, такой человек, как Керн, способен на всё, — тихо проговорила она. — Профессор Керн говорил мне, когда я поступала к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали своё тело для научных работ. Это правда?

— Мне трудно говорить об этом. Я могу ошибиться. Это правда, но, может быть... не всё правда. Мы работали вместе с ним над оживлением человеческих органов, взятых от свежего трупа. Керн был моим ассистентом. Конечной целью моих трудов в то время я ставил оживление отсечённой от тела головы человека. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но решили не оглашать наших успехов до тех пор, пока нам не удастся оживить и продемонстрировать человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись со всей проделанной мной научной работой для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной проблемой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился ужасный приступ астмы — одной из болезней, которую я как учёный пытался победить. Между мной и ею ища давняя борьба. Весь вопрос был во времени: кто из нас первый выйдет победителем? Я знал, что победа может остаться на её стороне. И я действительно завещал своё тело для анатомических работ, хотя и не ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего приступа Керн был около меня и оказывал мне медицинскую помощь. Он впрыснул мне адреналин. Может быть... доза была слишком велика, а может быть, и астма сделала своё дело.

— Ну, а потом?

— Асфиксия (удушьё), короткая агония — и смерть, которая для меня была только потерей сознания... А потом я пережил довольно странные переходные состояния. Сознание очень медленно начало возвращаться ко мне. Мне кажется, моё сознание было пробуждено острым чувством боли в области шеи. Боль постепенно затихала. В то время я не понял, что это значит. Когда мы с Керном делали опыты оживления собачьих голов, отсечённых от тела, мы обратили внимание на то, что собаки испытывают чрезвычайно острую боль после пробуждения. Голова собаки билась на блюде с такой силой, что иногда из кровеносных сосудов выпадали трубки, по которым подавалась питательная жидкость. Тогда я предложил анестезировать место среза. Чтобы оно не подсыхало и не подвергалось воздействию бактерий, шея собаки погружалась в особый раствор Ринген-Локк-Доуэль. Этот раствор содержит и питательные, и антисептические, и анестезирующие вещества. В такую жидкость и был погружён срез моей шеи. Без этой предохранительной меры я мог бы умереть вторично очень быстро после пробуждения, как умирали головы собак в наших первых опытах. Но, повторяю, в тот момент обо всём этом я не думал. Всё было смутно, как будто кто-нибудь разбудил меня после сильного опьянения, когда действие алкоголя ещё не прошло. Но в моём мозгу всё же затеплилась радостная мысль, что если сознание, хоть и смутное, вернулось ко мне, то, значит, я не умер. Ещё не открывая глаз, я раздумывал над странностью последнего припадка. Обыкновенно припадки астмы обрывались у меня внезапно. Иногда интенсивность одышки ослабевала постепенно. Но я ещё никогда не терял сознания после припадка. Это было что-то новое. Новым было также ощущение сильной боли в области шеи. И ещё одна странность: мне казалось, что я совсем не дышал, а вместе с тем и не испытывал удушья. Я попробовал вздохнуть, но не мог. Больше того, я потерял ощущение своей груди. Я не мог расширить грудную клетку, хотя усиленно, как мне казалось, напрягал свои грудные мышцы. «Что-то странное, — думал я, — или я сплю, или грежу...» С трудом мне удалось открыть глаза. Темнота. В ушах смутный шум. Я опять закрыл глаза... Вы знаете, что когда человек умирает, то органы его чувств угасают не одновременно. Сначала человек теряет чувство вкуса, потом гаснет его зрение, потом слух. По-видимому, в обратном порядке шло и их восстановление. Через некоторое время я снова поднял свои веки и увидел мутный свет. Как будто я опустился в воду на очень большую глубину. Потом зеленоватая мгла начала расходиться, и я смутно различил перед собою лицо Керна и в то же время услышал уже довольно отчётливо его голос: «Пришли в себя? Очень рад вас видеть вновь живым». Усилием воли я заставил моё сознание проясниться скорее. Я посмотрел вниз и увидел прямо под подбородком стол, — в то время этого столика ещё не было, а был простой стол, вроде кухонного, наскоро приспособленный Керном для опыта. Хотел оглянуться назад, но не мог повернуть голову. Рядом с этим столом, повыше его, помещался второй стол — прозекторский. На этом столе лежал чей-то обезглавленный труп. Я посмотрел на него, и труп показался мне странно знакомым, несмотря на то, что он не имел головы и его грудная клетка была вскрыта. Тут же рядом в стеклянном ящике билось чьё-то человеческое сердце... Я с недоумением посмотрел на Керна. Я ещё никак не мог понять, почему моя голова возвышается над столом и почему я не вижу своего тела. Хотел протянуть руку, но не ощутил её. «В чём дело?..» — хотел я спросить у Керна и только беззвучно шевельнул губа-

ми. А он смотрел на меня и улыбался. «Не узнаете? — спросил он меня, кивнув по направлению к прозекторскому столу. — Это ваше тело. Теперь вы навсегда избавились от астмы». Он ещё мог шутить!.. И я понял всё. Сознаюсь, в первую минуту я хотел кричать, сорваться со столика, убить себя и Керна... Нет, совсем не так. Я знал умом, что должен был сердиться, кричать, возмущаться, и в то же время был поражён ледяным спокойствием, которое владело мною. Быть может, я и возмущался, но как-то глядя на себя и на мир со стороны. В моей психике произошли сдвиги. Я только нахмурился и... молчал. Мог ли я волноваться так, как волновался раньше, если теперь моё сердце билось в стеклянном сосуде, а новым сердцем был мотор?



Лоран с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать. Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы помогаете ему вознестись на вершину славы. Вы работаете на него. Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и зарабатывает на этом деньги и славу. А вы!.. Что даёт он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего. Вы несчастный обрубок, в котором, на вашей горе, ещё живут желания. Весь мир украл у вас Керн. Простите меня, но я не понимаю вас. И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно. Что же я мог сделать? Ведь я лишён даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним!

— Если хотите, я прошёл через это. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала своё дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжело было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни... Я расскажу вам один случай, происшедший со мной в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой чёрный жук. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завезло авто, возвращающееся из загородной поездки. Жук покружился надо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я скосил глаза и следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша суставами, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймёте ли вы меня... я чувствовал всегда какую-то особую брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот я был бессилён даже перед этим ничтожным

врагом. А для него моя голова была только удобным трамплином для взлёта. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками. После некоторых усилий ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался всё выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый левый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол. Пустой случай. Но он произвёл на меня потрясающее впечатление... И когда пришёл профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что он не решится публично продемонстрировать мою голову. Без пользы же не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьёт меня. Таков был мой расчёт. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Однажды поздно вечером он вошёл ко мне с электрическим аппаратом, приставил к моим вискам электроды и, ещё не пуская тока, обратился с речью. Он стоял, скрестив руки на груди, и говорил очень ласковым, мягким тоном, как настоящий инквизитор. «Дорогой коллега, — начал он. — Мы здесь одни, с глазу на глаз, за толстыми каменными стенами. Впрочем, если бы они были и тоньше, это не меняет дела, так как вы не можете кричать. Вы вполне в моей власти. Я могу причинить вам самые ужасные пытки и останусь безнаказанным. Но зачем пытки? Мы с вами оба учёные и можем понять друг друга. Я знаю, вам нелегко живётся, но в этом не моя вина. Вы мне нужны, и я не могу освободить вас от тягостной жизни, а сами вы не в состоянии сбежать от меня даже в небытие. Так не лучше ли нам покончить дело миром? Вы будете продолжать наши научные занятия...» Я отрицательно повёл бровями, и губы мои бесшумно прошептали: «Нет!» — «Вы очень огорчаете меня. Не хотите ли папироску? Я знаю, что вы не можете испытывать полного удовольствия, так как у вас нет лёгких, через которые никотин мог бы всосаться в кровь, но всё же знакомые ощущения...» И он, вынув из портсигара две папиросы, одну закурил сам, а другую вставил мне в рот. С каким удовольствием я выплюнул эту папироску! «Ну хорошо, коллега, — сказал он тем же вежливым, невозмутимым голосом, — вы принуждаете меня прибегнуть к мерам воздействия...» И он пустил электрический ток. Как будто раскалённый бурав пронизал мой мозг... «Как вы себя чувствуете? — заботливо спросил он меня, точно врач пациента. — Голова болит? Может быть, вы хотите излечить её? Для этого вам стоит только...» — «Нет!» — отвечали мои губы. «Очень, очень жаль. Придётся немного усилить ток. Вы очень огорчаете меня». И он пустил такой сильный ток, что мне казалось, голова моя воспламеняется. Боль была невыносимая. Я скрипел зубами. Сознание моё мутилось. Как я хотел потерять его! Но, к сожалению, не терял. Я только закрыл глаза и сжал губы. Керн курил, пуская мне дым в лицо, и продолжал поджаривать мою голову на медленном огне. Он уже не убеждал меня. И когда я приоткрыл глаза, то увидел, что он взбешён моим упорством. «Чёрт побери! Если бы ваши мозги мне не были так нужны, я зажарил бы их и сегодня же накормил бы ими своего пинчера. Фу, упрямец!» И он бесцеремонно сорвал с моей головы все провода и удалился. Однако мне ещё рано было радоваться. Скоро он вернулся и начал впускать в растворы, питающие мою голову, раздражающие вещества, которые вызывали у меня сильнейшие мучительные боли. И когда я невольно морщился, он спрашивал меня: «Так как, коллега, вы решаете? Всё ещё нет?» Я был непоколебим. Он ушёл ещё более взбешённый, осыпая меня

тысячью проклятий. Я торжествовал победу. Несколько дней Керн не появлялся в лаборатории, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти. На пятый день он пришёл как ни в чём не бывало, весело насвистывая песенку. Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он, производя опыты, сделал несколько ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак. «Давно бы так!» — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через моё горло. Я объяснил ему ошибки и с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня.

Жертвы большого города

С тех пор как Лоран узнала тайну головы, она возненавидела Керна. И это чувство росло с каждым днём. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она в страшных кошмарах видела Керна во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время при встречах с Керном она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо: «Убийца!»

Она держалась с ним натянуто и холодно.

— Керн — чудовищный преступник! — восклицала Мари, оставшись наедине с головой. — Я донесу на него... Я буду кричать о его преступлении, не успокоюсь, пока не развенчаю этой краденой славы, не раскрою всех его злодеяний. Я себя не пощажу.

— Тише!.. Успокойтесь, — уговаривал Доуэль. — Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите. Я прошу вас подождать до конца наших опытов. Ведь и я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но так же и я без него. А ведь это всё, что мне осталось. Большого мне не создать, но начатые работы должны быть окончены.

В кабинете послышались шаги.

Лоран быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, всё ещё возмущённая. Голова Доуэля опустила веки, как человек, погружённый в дремоту.

Вошёл профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на Лоран.

— В чём дело? Вы чем-то расстроены? Всё в порядке?

— Нет... ничего... всё в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс...

Лоран неохотно протянула руку.

— Бьётся учащённо... Нервы пошаливают... Для нервных, пожалуй, это тяжёлая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно, благодарю вас.

— «Мне не нужно». Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья.

Лоран ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией... Временно, коллега, временно. Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы изготовим из них пару хорошо говорящих голов и продемон-

стрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн снова испытующе посмотрел на Лоран.

Чтобы раньше времени не обнаружить всей силы своей неприязни, Лоран заставила себя принять равнодушный вид и поспешила задать вопрос, первый из пришедших ей в голову:

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто этого не знает. Потому что сейчас это ещё не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, на прожекторском столе. Я уж позабочусь об этом.

Лоран, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким испуганным взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще. Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, этот современный молох, требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день, с непреклонностью законов природы, в городе гибнет от уличного движения несколько человек, не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну и вот эти обречённые, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут и, весело напевая, будут одеваться, чтобы идти, как они будут думать, на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время в другом конце города, так же беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофёр или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выедет из противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, не зная друг друга, до самой роковой точки пересечения их путей. Потом на одно короткое мгновение кто-то из них заезает — и готово. На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И тем не менее всё это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на мгновение в одну плоскость две часовые стрелки, идущие с различной скоростью.

Никогда ещё профессор Керн не был так разговорчив с Лоран. И откуда у него эта неожиданная щедрость? «Я удваиваю вам вознаграждение...»

«Он хочет задобрить, купить меня, — подумала Лоран. — Он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня».

Новые обитатели лаборатории

Наутро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Мужской труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было раздавлено. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, Лоран и Джон в белых халатах работали над трупами.

— Было ещё несколько трупов, — говорил профессор Керн. — Один рабочий упал с лесов. Забраковал. У него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта ещё... ночная красавица.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились ещё следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных апашей. Прямо в сердце, — видите? Нарочно так не попадёшь.

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Ещё несколько минут — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в вены и сонные артерии введены трубки.

Профессор Керн находился в приятно-возбуждённом состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены светила науки. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых превозносила научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна с его изумительным опытом оживления мёртвых человеческих голов придавали значение торжества национальной науки.

Весело посвистывая, профессор Керн вымыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи. Недурная будет встреча. Остаётся только открыть кран и... мёртвые оживут. Ну что же, мадемуазель? Оживляйте. Откройте все три крана. В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для Лоран это давно не было новостью. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала и виду.

Керн нахмурился, сделался вдруг серьёзным. Подойдя вплотную к Лоран, он, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Но у профессора Доуэля прошу воздушного крана не открывать. У него... повреждены голосовые связки и...

Поймав недоверчивый взгляд Лоран, он раздражённо добавил:

— Как бы то ни было... я запрещаю вам. Будьте послушны, если не хотите

навлечь на себя крупные неприятности.

И, повеселев опять, он протяжно пропел на мотив оперы «Паяцы»:

— Итак, мы начинаем!

Лоран открыла краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего. Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачны.

— Циркуляция есть. Всё идёт хорошо...

Вдруг глаза головы изменили своё направление, повернулись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живёт! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю.

Лоран открыла кран больше.

Воздух засвистал в горле.

— Что это?.. Где я?.. — невнятно произнесла голова.

— В больнице, друг мой, — сказал Керн.

— В больнице?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где моё тело?

— Его нет, голубчик. Оно разбито вдребезги. Только голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать.

— Как это отрезать? Ну нет, я не согласен. Какая же это операция? Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь. Мне руки надо. Без рук, без ног на работу никто не возьмёт... Выйдешь из больницы... Тьфу! И выйти-то не на чём. Как же теперь? Пить-есть надо. Больницы-то наши знаю я. Подержите маленько, да и выгоните: вылечили. Нет, я не согласен, — твердил он.

Его выговор, широкое, загорелое, веснушчатое лицо, причёска, наивный взгляд голубых глаз — всё обличало в нём деревенского жителя.

Нужда оторвала его от родимых полей, город растерзал молодое здоровое тело.

— Может, хоть пособие какое выйдем?.. А где тот?.. — вдруг вспомнил он, и глаза его расширились.

— Кто?

— Да тот... что наехал на меня... Тут трамвай, тут другой, тут автомобиль, а он прямо на меня...

— Не беспокойтесь. Он получит своё. Номер грузовика записан: четыре тысячи семьсот одиннадцатый, если вас это интересует. Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня? Тома звали. Тома Буш, вот оно как.

— Так вот что. Тома... Вы не будете ни в чём нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь.

— Что ж, даром кормить будете или на ярмарках за деньги показывать?

— Показывать покажем, только не на ярмарках. Учёным покажем. Ну, а теперь отдохните. — И, посмотрев на голову женщины. Керн озабоченно заметил: — Что-то Саломея заставляет себя долго ждать.

— Это что ж, тоже голова без тела? — спросила голова Тома.

— Как видите, чтоб вам скучно не было, мы позаботились пригласить в компанию барышню... Закройте, Лоран, его воздушный кран, чтобы не мешал

своей болтовнёй.

Керн вынул из ноздрей головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но ещё низка. Оживление идёт медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он ходил по лаборатории, посматривал на часы, и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался в большой комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на него и беззвучно шевелила губами.

Наконец Керн подошёл к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянные трубочки, которыми оканчивались каучуковые трубки, введённые в сонные артерии.

— Вот где причина. Эта трубка входит слишком свободно, и поэтому циркуляция идёт медленно. Дайте трубку шире.

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.



Голова Брике, — так звали женщину, — реагировала более бурно на своё оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить её, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах!.. Моё тело... моё бедное тело!.. Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте. Я не могу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него... нет, нет, не надо. Оно без головы... какой ужас!.. какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я малообразованна, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это, чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело. Осёл Жорж продырявил меня пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы.



И, обратившись к Лоран, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало.

Глядя в зеркало, Брике долго и серьёзно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я не могу сама сделать себе причёску...

— У вас, Лоран, работы прибавилось, — усмехнулся Керн. — Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Он посмотрел на часы и, подойдя близко к Лоран, шепнул:

— В их присутствии, — он показал глазами на головы, — ни слова о голове профессора Доуэля!..

Когда Керн вышел из лаборатории, Лоран пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на неё грустно. Печальная улыбка кривила губы.

— Бедный мой, бедный... — прошептала Лоран. — Но скоро вы будете отомщены!

Голова сделала знак. Лоран открыла воздушный кран.

— Вы лучше расскажите, как прошёл опыт, — прошипела голова, слабо улыбаясь.

Головы развлекаются

Головам Тома и Брике ещё труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брике были люди простые, и без тела жить им не было смысла. Немудрено, что они очень скоро затосковали.

— Разве это жизнь? — жаловался Тома. — Торчишь как пень. Все стены до дыр проглядел...

Угнетённое настроение «пленников науки», как шутя называл их Керн, очень озабочивало его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.

Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические картины с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своём убогом существовании. Из его горла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глазах навёртывались слёзы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем телёнка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собака, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вёл на поводу лошадь.

Тома как-то прохрипел необычайно высоким фальшивым голосом и вдруг крикнул:

— Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чём дело.

— Прекратите демонстрацию! — крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение ещё мелькало некоторое время и, наконец, исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слёзы, но это уже не были слёзы смеха. Всё его пухлое лицо собралось в гримасу, как у обиженного ребёнка, рот скривился:

— Как у нас... в деревне... — хныча, произнёс он. — Корова... курочка... Пропало, всё теперь пропало...

У аппарата уже хлопотала Лоран. Скоро свет был погашен, и на белой стене замелькали тени. Гарольд Ллойд улепётывал от преследовавших его полисменов. Но настроение у Тома было уже испорчено. Теперь вид движущихся людей стал нагонять на него ещё большую тоску.

— Ишь, носится как угорелый, — ворчала голова Тома. — Посадить бы его так, не попрыгал бы.

Лоран ещё раз попыталась переменить программу.

Вид великосветского бала совершенно расстроил Брике. Красивые женщины и их роскошные туалеты раздражали её.

— Не надо... я не хочу смотреть, как живут другие, — говорила она.

Кинематограф убрали.

Радиоприёмник развлекал их несколько дольше.

Их обоих волновала музыка, в особенности плясовые мотивы, танцы.

— Боже, как я плясала этот танец! — вскричала однажды Брике, заливаясь слезами.

Пришлось перейти к иным развлечениям.

Брике капризничала, требовала ежеминутно зеркало, изобретала новые причёски, просила подводить ей глаза карандашом, белить и румянить лицо. Раздражалась бестолковостью Лоран, которая никак не могла постигнуть тайн косметики.

— Неужели вы не видите, — раздражённо говорила голова Брике, — что правый глаз подведён темнее левого. Поднимите зеркало выше.

Она просила, чтобы ей принесли модные журналы и ткани, и заставляла драпировать столик, на котором была укрепена её голова.

Она доходила до чудачества, заявив вдруг с запоздалой стыдливостью, что не может спать в одной комнате с мужчиной.

— Отгородите меня на ночь ширмой или, по крайней мере, хоть книгой.

И Лоран делала «ширму» из большой раскрытой книги, установив её на стеклянной доске у головы Брике.

Не меньше хлопот доставлял и Тома.

Однажды он потребовал вина. И профессор Керн принуждён был доставить ему удовольствие опьянения, вводя в питающие растворы небольшие дозы опьяняющих веществ.

Иногда Тома и Брике пели дуэтом. Ослабленные голосовые связки не повиновались. Это был ужасный дуэт.

— Мой бедный голос... Если бы вы могли слышать, как я пела раньше! — говорила Брике, и брови её страдальчески поднимались вверх.

Вечерами на них нападало раздумье. Необычайность существования заставляла даже эти простые натуры задумываться над вопросами жизни и смерти.

Брике верила в бессмертие. Тома был материалистом.

— Конечно, мы бессмертны, — говорила голова Брике. — Если бы душа умирала с телом, она не вернулась бы в голову.

— А где у вас душа сидела: в голове или в теле? — ехидно спросил Тома.

— Конечно, в теле была... везде была... — неуверенно отвечала голова Брике, подозревая в вопросе какой-то подвох.

— Так что же, душа вашего тела безголовая теперь ходит на том свете?

— Сами вы безголовый, — обиделась Брике.

— Я-то с головой. Только она одна у меня и есть, — не унимался Тома. — А вот душа вашей головы не осталась на том свете? По этой резиновой кишке назад на землю вернулась? Нет, — говорил он уже серьёзно, — мы как машина. Пустил пар — опять заработала. А разбилась вдребезги — никакой пар не поможет...

И каждый погружался в свои думы...

Небо и земля

Доводы Тома не убеждали Брике. Несмотря на свой безалаберный образ жизни, она была истой католичкой. Ведя довольно бурную жизнь, она не имела времени не только думать о загробном существовании, но даже и ходить в церковь. Однако привитая в детстве религиозность крепко держалась в ней. И теперь, казалось, наступил самый подходящий момент для того, чтобы эти семена религиозности дали всходы. Настоящая жизнь её была ужасна, но смерть — возможность второй смерти — пугала её ещё больше. По ночам её мучили кошмары загробной жизни.

Ей мерещились языки адского пламени. Она видела, как её грешное тело уже поджаривалось на огромной сковороде.

Брике в ужасе просыпалась, стуча зубами и задыхаясь. Да, она определённо ощущала удушье. Её возбуждённый мозг требовал усиленного притока кислорода, но она была лишена сердца — того живого двигателя, который так идеально регулирует поставку нужного количества крови всем органам тела. Она пыталась кричать, чтобы разбудить Джона, дежурившего в их комнате. Но Джону надоели частые вызовы, и он, чтобы спокойно поспать хоть несколько часов, вопреки требованиям профессора Керна, выключал иногда у голов воздушные краны. Брике открывала рот, как рыба, извлечённая из воды, и пыталась кричать, но её крик был не громче предсмертного зеванья рыбы... А по комнате продолжали бродить чёрные тени химер, адское пламя освещало их лица. Они приближались к ней, протягивали страшные когтистые лапы. Брике закрывала глаза, но это не помогало: она продолжала видеть их. И странно: ей казалось, что сердце её замирает и холодеет от ужаса.

— Господи, господи, неужели ты не простишь рабу твою, ты всемогущ, — беззвучно шевелились её губы, — твоя доброта безмерна. Я много грешила, но разве я виновата? Ведь ты знаешь, как всё это вышло. Я не помню своей матери, меня некому было научить добру... Я голодала. Сколько раз я просила тебя прийти мне на помощь. Не сердись, господи, я не упрекаю тебя, — боязливо продолжала она свою немую молитву, — я хочу сказать, что не так уж виновата. И по милосердию своему ты, быть может, отправишь меня в чистилище... Только не в ад! Я умру от ужаса... Какая я глупая, ведь там не умирают! — И

она вновь начинала свои наивные молитвы.

Плохо спал и Тома. Но его не преследовали кошмары ада. Его снедала тоска о земном. Всего несколько месяцев тому назад он ушёл из родной деревни, оставив там всё, что было дорого его сердцу, захватив с собою в дорогу только небольшой мешок с лепёшками и свои мечты — собрать в городе деньги на покупку клочка земли. И тогда он женится на краснощёкой, здоровой Мари... О, тогда отец её не будет противиться их браку.

И вот всё рухнуло... На белой стене своей неожиданной тюрьмы он увидел ферму и увидел весёлую, здоровую женщину, так похожую на Мари, доившую корову. Но вместо него. Тома, какой-то другой мужчина провёл через двор, мимо хлопотливой курицы с цыплятами, лошадь, мерно отмахивавшуюся хвостом от мух. А он. Тома, убит, уничтожен, и голова его вздёрнута на кол, как воронье пугало. Где его сильные руки, здоровое тело? В отчаянии Тома закричал зубами. Потом он тихо заплакал, и слёзы капали на стеклянную подставку.

— Что это? — удивлённо спросила Лоран во время утренней уборки. — Откуда эта вода?

Хотя воздушный кран предусмотрительно уже был включён Джоном, но Тома не отвечал. Угрюмо и недружелюбно посмотрел он на Лоран, а когда она отошла к голове Брике, он тихо прохрипел ей вслед:

— Убийца! — Он уже забыл о шофёре, раздавившем его, и перенёс весь свой гнев на окружавших его людей.

— Что вы сказали. Тома? — обернулась Лоран, поворачивая к нему голову. Но губы Тома были уже вновь крепко сжаты, а глаза смотрели на неё с нескрываемым гневом.

Лоран была удивлена и хотела расспросить Джона о причине плохого настроения, но Брике уже завладела её вниманием.

— Будьте добры почесать мне нос с правой стороны. Эта беспомощность ужасна... Прыщика там нет? Но отчего же тогда так чешется? Дайте мне, пожалуйста, зеркало.

Лоран поднесла зеркало к голове Брике.

— Поверните вправо, я не вижу. Ещё... Вот так. Краснота есть. Быть может, помазать кольдкремом?

Лоран терпеливо мазала кремом.

— Вот так. Теперь прошу припудрить. Благодарю вас... Лоран, я хотела у вас спросить об одной вещи...

— Пожалуйста.

— Скажите мне, если... очень грешный человек исповедуется у священника и покается в своих грехах, может ли такой человек получить отпущение грехов и попасть в рай?

— Конечно, может, — серьёзно ответила Лоран.

— Я так боюсь адских мучений... — призналась Брике. — Прошу вас, пригласите ко мне кюре... я хочу умереть христианкой...

И голова Брике с видом умирающей мученицы закатила глаза вверх. Потом она опустила их и воскликнула:

— Какой интересный фасон вашего платья! Это последняя мода? Вы давно не приносили мне модных журналов.

Мысли Брике вернулись к земным интересам.

— Короткий подол... Красивые ноги очень выигрывают при коротких юбках. Мои ноги! Мои несчастные ноги! Вы видели их? О, когда я танцевала, эти ноги сводили мужчин с ума!

В комнату вошёл профессор Керн.

— Как дела? — весело спросил он.

— Послушайте, господин профессор, — обратилась к нему Брике, — я не могу так... вы должны придумать мне чьё-нибудь тело... Я уже просила вас об этом однажды и теперь прошу ещё. Я очень прошу вас. Я уверена, что если только вы захотите, то сможете сделать это...

«Чёрт возьми, а почему бы и нет?» — подумал профессор Керн. Хотя он присвоил себе всю честь оживления человеческой головы, отделённой от тела, но в душе признавал, что этот удачный опыт является всецело заслугой профессора Доуэля. Но почему не пойти дальше Доуэля? Из двух погибших людей составить одного живого, — это было бы грандиозно! И вся честь, при удаче опыта, по праву принадлежала бы одному Керну. Впрочем, кое-какими советами головы Доуэля всё же можно было бы воспользоваться. Да, над этим решительно следует подумать.

— А вам очень хочется ещё поплясать? — улыбнулся Керн и пустил в голову Брике струю сигарного дыма.

— Хочу ли я? Я буду танцевать день и ночь. Я буду махать руками, как ветряная мельница, буду порхать, как бабочка... Дайте мне тело, молодое, красивое женское тело!

— Но почему непременно женское? — игриво спросил Керн. — Если вы только захотите, я могу дать вам и мужское тело.

Брике посмотрела на него с удивлением и ужасом.

— Мужское тело? Женская голова на мужском теле! Нет, нет, это будет ужасное безобразие! Трудно даже придумать костюм...

— Но ведь вы тогда уже не будете женщиной. Вы превратитесь в мужчину. У вас отрастут усы и борода, изменится и голос. Разве вы не хотите превратиться в мужчину? Многие женщины сожалеют о том, что они не родились мужчиной.

— Это, наверное, такие женщины, на которых мужчины не обращали никакого внимания. Такие, конечно, выиграли бы от превращения в мужчину. Но я... я не нуждаюсь в этом. — И Брике гордо вздёрнула свои красивые брови.

— Ну, пусть будет по-вашему. Вы останетесь женщиной. Я постараюсь подыскать вам подходящее тело.

— О, профессор, я буду бесконечно благодарна вам. Можно это сделать сегодня? Представляю, какой я произведу эффект, когда вновь вернусь в «Ша-ну-ар»...

— Это так скоро не делается.

Брике продолжала болтать, но Керн уже отошёл от неё и обратился к Тома:

— Как дела, приятель?

Тома не слышал разговора профессора с Брике. Занятый своими мыслями, он угрюмо посмотрел на Керна и ничего не ответил.

С тех пор как профессор Керн обещал Брике дать новое тело, её настроение круто изменилось. Адские кошмары уже не преследовали её. Она больше не думала о загробном существовании. Все её мысли были поглощены заботами о предстоящей новой земной жизни. Глядя в зеркало, она беспокоилась о том,

что её лицо стало худым, а кожа приобрела желтоватый оттенок. Она измучила Лоран, заставляя завивать себе волосы, делать причёску и наводить грим на лицо.

— Профессор, неужели я останусь такая худая и жёлтая? — с беспокойством спрашивала она Керна.

— Вы станете красивей, чем были, — успокаивал он её.

— Нет, красками здесь не поможешь, это самообман, — говорила она по уходе профессора. — Мадемуазель Лоран, мы будем делать холодные обмывания и массаж. У глаз и от носа к губам у меня появились новые морщинки. Я думаю, если хорошо массировать, они уничтожатся. Одна моя подруга... Ах да, я и забыла вас спросить, нашли ли вы серого шёлку на платье? Серый цвет очень идёт ко мне. А модные журналы принесли? Отлично! Как жалко, что ещё нельзя делать примерки. Я не знаю, какое у меня будет тело. Хорошо, чтобы он достал повыше ростом, с узкими бёдрами... Разверните журнал.

И она углубилась в тайны красоты женских нарядов.

Лоран не забывала о голове профессора Доуэля. Она по-прежнему ухаживала за головой и по утрам занималась чтением, но на разговоры не оставалось времени, а Лоран ещё о многом хотела переговорить с Доуэлем. Она всё более переутомлялась и нервничала. Голова Брике не давала ей ни минуты покоя. Иногда Лоран прерывала чтение и принуждена была бежать на крик Брике только для того, чтобы поправить спустившийся локон или ответить, была ли Лоран в бельевом магазине.

— Но ведь вы же не знаете размеров вашего тела, — сдерживая раздражение, говорила Лоран, наскоро поправляла локон на голове Брике и спешила к голове Доуэля.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керна.

Керн усиленно работал, подготавливаясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без совета Доуэля Керн при всём желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И, — такова была сила интеллекта Доуэля, — он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы. И ему оставалось тешить своё самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

— Вы достойный преемник покойного профессора Доуэля, — как-то сказала ему голова Доуэля с едва заметной иронической улыбкой. — Ах, если бы я мог принять более активное участие в этой работе!

Это не было ни просьбой, ни намёком. Голова Доуэля слишком хорошо знала, что Керн не захочет, не решится дать ей новое тело.

Керн нахмурился, но сделал вид, что не слышал этого восклицания.

— Итак, опыты с животными увенчались успехом, — сказал он. — Я оперировал двух собак. Обезглавив их, пришил голову одной к туловищу другой.

Обе здравствуют, швы на шее срастаются.

— Питание? — спросила голова.

— Пока ещё искусственное. Через рот даю только дезинфицирующий раствор с йодом. Но скоро перейду на нормальное питание.

Через несколько дней Керн объявил:

— Собаки питаются, нормально. Перевязки сняты, и, я думаю, через день-два они смогут бегать.

— Подождите с неделку, — посоветовала голова. — Молодые собаки делают резкие движения головой, и швы могут разойтись. Не форсируйте. — «Успеете пожать лавры», — хотела добавить голова, но удержалась. — И ещё одно: держите собак в разных помещениях. Вдвоём они будут поднимать возню и могут повредить себе.

Наконец настал день, когда профессор Керн с торжественным видом ввёл в комнату головы Доуэля собаку с чёрной головой и белым туловищем. Собака, видимо, чувствовала себя хорошо. Глаза её были живы, она весело помахивала хвостом. Увидев голову профессора Доуэля, собака вдруг взъерошила шерсть, заворчала и залаяла диким голосом. Необычайное зрелище, видимо, поразило и испугало её.

— Проведите собаку по комнате, — сказала голова.

Керн прошёлся по комнате, ведя за собой собаку. От намётанного, зоркого глаза Доуэля ничего не ускользало.

— А это что? — спросил Доуэль. — Собака немного припадает на заднюю левую ногу. И голосок не в порядке.

Керн смутился.

— Собака хромала и до операции, — сказал он, — нога перешиблена.

— На глаз деформации не видно, а прощупать, увы, я не могу. Вы не могли найти пару здоровых собак? — с сомнением в голосе спросила голова. — Я думаю, со мной можно быть вполне откровенным, уважаемый коллега. Наверно, с операцией оживления долго возились и слишком задержали «смертную паузу» остановки сердечной деятельности и дыхания, а это, как вам должно быть известно из моих опытов, нередко ведёт к расстройству функций нервной системы. Но успокойтесь, такие явления могут исчезнуть. Постарайтесь только, чтобы ваша Брике не захромала на обе ноги.

Керн был взбешён, но старался не подавать виду. Он узнал в голове прежнего профессора Доуэля — прямого, требовательного и самоуверенного.

«Возмутительно! — думал Керн. — Эта шипящая, как проколота шинка, голова продолжает учить меня и издеваться над моими ошибками, и я принуждён, точно школьник, выслушивать её поучения... Поворот крана, и дух вылетит из этой гнилой тыквы...» Однако вместо этого Керн, ничем не выдавая своего настроения, с вниманием выслушал ещё несколько советов.

— Благодарю за ваши указания, — сказал Керн и, кивнув головой, вышел из комнаты.

За дверями он опять повеселел.

«Нет, — утешал себя Керн, — работа проведена отлично. Угодить Доуэлю не так-то легко. Припадающая нога и дикий голос собаки — пустяки в сравнении с тем, что сделано».

Проходя через комнату, где помещалась голова Брике, он остановился и, показывая на собаку, сказал:

— Мадемуазель Брике, ваше желание скоро исполнится. Видите эту собачку? Она так же, как и вы, была головой без тела, и, посмотрите, она живёт и бежит как ни в чём не бывало.

— Я не собачка, — обиженно ответила голова Брике.

— Но ведь это же необходимый опыт. Если ожила собачки в новом теле, то оживёте и вы.

— Не понимаю, при чём тут собачка, — упрямо твердила Брике. — Мне нет никакого дела до собачки. Вы лучше скажите, когда я буду оживлена. Вместо того чтобы скорее оживить меня, вы возитесь с какими-то собаками.

Керн безнадежно махнул рукой и, продолжая весело улыбаться, сказал:

— Теперь скоро. Надо только найти подходящий труп... то есть тело, и вы будете в полной форме, как говорится.

Отведя собаку. Керн вернулся с сантиметром в руках и тщательно измерил окружность шеи головы Брике.

— Тридцать шесть сантиметров, — сказал он.

— Боже, неужели я так похудела? — воскликнула голова Брике. — У меня было тридцать восемь. А размер туфель я ношу...

Но Керн, не слушая её, быстро ушёл к себе. Не успел он усесться за свой стол в кабинете, как в дверь постучались.

— Войдите.

Дверь открылась. Вошла Лоран. Она старалась держаться спокойно, но лицо её было взволнованно.

Порок и добродетель

— В чём дело? С головами что-нибудь случилось? — спросил Керн, поднимая голову от бумаг.

— Нет... но я хотела поговорить с вами, господин профессор.

Керн откинулся на спинку кресла.

— Я вас слушаю, мадемуазель Лоран.

— Скажите, вы серьёзно предполагаете дать голове Брике тело или только утешаете её?

— Совершенно серьёзно.

— И вы надеетесь на успех этой операции?

— Вполне. Вы же видели собаку?

— А Тома вы не предполагаете... поставить на ноги? — издали начала Лоран.

— Почему бы нет? Он уже просил меня об этом. Не всех сразу.

— А Доуэля... — Лоран вдруг заговорила быстро и взволнованно. — Конечно, каждый имеет право на жизнь, на нормальную человеческую жизнь, и Тома, и Брике. Но вы, разумеется, понимаете, что ценность головы профессора Доуэля гораздо выше, чем остальных ваших голов... И если вы хотите вернуть к нормальному существованию Тома и Брике, то насколько важнее вернуть к той же нормальной жизни голову профессора Доуэля.

Керн нахмурился. Всё выражение его лица сделалось настороженным и жестким.

— Профессор Доуэль, вернее его профессорская голова, нашёл прекрасного защитника в вашем лице, — сказал он, иронически улыбаясь. — Но в таком

защитнике, пожалуй, нет и необходимости, и вы напрасно горячитесь и волнуетесь. Разумеется, я думал и об оживлении головы Доуэля.

— Но почему вы не начнёте опыта с него?

— Да именно потому, что голова Доуэля дороже тысячи других человеческих голов. Я начал с собаки, прежде чем наделить телом голову Брике. Голова Брике настолько дороже головы собаки, насколько голова Доуэля дороже головы Брике.

— Жизнь человека и собаки несравнима, профессор...

— Так же, как и головы Доуэля и Брике. Вы ничего больше не имеете сказать?

— Ничего, господин профессор, — ответила Лоран, направляясь к двери.

— В таком случае, мадемуазель, я имею к вам кое-какие вопросы. Подождите, мадемуазель.

Лоран остановилась у двери, вопросительно глядя на Керна.

— Прошу вас, подойдите к столу, присядьте.

Лоран со смутной тревогой опустилась в глубокое кресло. Лицо Керна не обещало ничего хорошего. Керн откинулся на спинку кресла и долго испытующе смотрел в глаза Лоран, пока она не опустила их. Потом он быстро поднялся во весь свой высокий рост, крепко упёрся кулаками в стол, наклонил голову к Лоран и спросил тихо и внушительно:

— Скажите, вы не пускали в действие воздушный кран головы Доуэля? Вы не разговаривали с ним?

Лоран почувствовала, что кончики пальцев её похолодели. Мысли вихрем закружились в её голове. Гнев, который возбуждал в ней Керн, клокотал и готов был прорваться наружу.

«Сказать или не сказать ему правду?» — колебалась Лоран. О, какое наслаждение бросить в лицо этому человеку слово «убийца», но такой открытый выпад мог бы испортить всё.

Лоран не верила в то, что Керн даст голове Доуэля новое тело. Она уже слишком много знала, чтобы верить такой возможности. И она мечтала только об одном, чтобы развенчать Керна, присвоившего себе плоды трудов Доуэля, в глазах общества и раскрыть его преступление. Она знала, что Керн не остановится ни перед чем, и, объявляя себя открытым его врагом, она подвергала свою жизнь опасности. Но не чувство самосохранения останавливало её. Она не хотела погибнуть, прежде чем преступление Керна не будет раскрыто. И для этого надо было лгать. Но лгать не позволяла ей совесть, всё её воспитание. Ещё никогда в жизни она не лгала и теперь переживала ужасное волнение.

Керн не спускал глаз с её лица.

— Не лгите, — сказал он насмешливо, — не отягощайте свою совесть грехом лжи. Вы разговаривали с головой, не отпирайтесь, я знаю это. Джон подслушал всё...

Лоран, склонив голову, молчала.

— Мне интересно только знать, о чём вы разговаривали с головой.

Лоран почувствовала, как отхлынувшая кровь прилила к щекам. Она подняла голову и посмотрела прямо в глаза Керна.

— Обо всём.

— Так, — сказал Керн, не снимая рук со стола. — Так я и думал; Обо всём.

Наступила пауза. Лоран вновь опустила глаза вниз и сидела теперь с видом человека, ждущего приговора.

Керн вдруг быстро направился к двери и запер её на ключ. Прошёлся несколько раз по мягкому ковру кабинета, заложив руки за спину. Потом бесшумно подошёл к Лоран и спросил:

— И что же вы думаете предпринять, милая девочка? Предать суду кроважидное чудовище Керна? Втоптать его имя в грязь? Разоблачить его преступление? Доуэль, наверное, просил вас об этом?

— Нет, нет, — забыв весь свой страх, горячо заговорила Лоран, — уверяю вас, что голова профессора Доуэля совершенно лишена чувства мести. О, это благородная душа! Он даже... отговаривал меня. Он не то что вы, нельзя судить по себе! — уже с вызовом закончила она, сверкнув глазами.

Керн усмехнулся и вновь зашагал по кабинету.

— Так, так, отлично. Значит, у вас всё-таки были разоблачительные намерения, и если бы не голова Доуэля, то профессор Керн уже сидел бы в тюрьме. Если добродетель не может торжествовать, то, по крайней мере, порок должен быть наказан. Так оканчивались все добродетельные романы, которые вы читали, не правда ли, милая, девочка?

— И порок будет наказан! — воскликнула она, уже почти теряя волю над своими чувствами.

— О да, конечно, там, на небесах. — Керн посмотрел на потолок, облицованный крупными шашками из чёрного дуба. — Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот там, — Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля, — как воронье пугало, размышляя о бренности всего земного.

И, подойдя к Лоран вплотную, он, понизив голос, сказал:

— Вы знаете, что и вас и голову Доуэля я могу, в буквальном смысле слова, превратить в пепел и ни одна душа не узнает об этом.

— Я знаю, что вы готовы на всякое...

— Преступление? И очень хорошо, что вы знаете это.

Керн вновь зашагал по комнате и уже обычным голосом продолжал говорить, как бы рассуждая вслух:

— Однако что вы прикажете с вами делать, прекрасная мстительница? Вы, к сожалению, из той породы людей, которые не останавливаются ни перед чем и ради правды готовы принять мученический венец. Вы хрупкая, нервная, впечатлительная, но вас не запугаешь. Убить вас? Сегодня же, сейчас же? Мне удастся замести следы убийства, но всё же с этим придётся повозиться. А моё время дорого. Подкупить вас? Это труднее, чем запугать вас... Ну, говорите, что мне делать с вами?

— Оставьте всё так, как было... ведь я же не доносила на вас до сих пор.

— И не донесёте?

Лоран замедлила с ответом, потом ответила тихо, но твёрдо:

— Донесу.

Керн топнул ногой.

— У-у, упрямая девчонка! Так вот что я скажу вам. Садитесь сейчас же за мой письменный стол... Не бойтесь, я ещё не собираюсь ни душиить, ни отравлять вас. Ну, садитесь же.

Лоран с недоумением посмотрела на него, подумала и пересела в кресло у письменного стола.

— В конце концов вы нужны мне. Если я сейчас убью вас, мне придётся нанять заместительницу или заместителя. Я не гарантирован, что на вашем месте не окажется какой-нибудь шантажист, который, открыв тайну головы Доуэля, не станет высасывать из меня деньги, чтобы в итоге всё же донести на меня. Вас я, по крайней мере, знаю. Итак, пишите. «Дорогая мамочка, — или как вы там называете свою мать? — состояние больных, за которыми я ухаживаю, требует моего неотлучного присутствия в доме профессора Керна...»

— Вы хотите лишить меня свободы? Задержать в вашем доме? — с негодованием спросила Лоран, не начиная писать.

— Вот именно, моя добродетельная помощница.

— Я не стану писать такое письмо, — решительно заявила Лоран.

— Довольно! — вдруг крикнул Керн так, что в часах загудела пружина. — Поймите же, что у меня нет другого выхода. Не будьте, наконец, глупой.

— Я не останусь у вас и не буду писать это письмо!

— Ах, так! Хорошо же. Можете идти на все четыре стороны. Но прежде чем вы уйдёте отсюда, вы будете свидетельницей того, как я отниму жизнь у головы Доуэля и растворю эту голову в химическом растворе. Идите и кричите тогда по всему миру о том, что вы видели у меня голову Доуэля. Вам никто не поверит. Над вами будут смеяться. Но берегитесь! Я не оставлю ваш донос без возмездия. Идёмте же!

Керн схватил Лоран за руку и повлёк к двери. Она была слишком слаба физически, чтобы оказать сопротивление этому грубому натиску.

Керн отпер дверь, быстро прошёл через комнату Тома и Брике и вошёл в комнату, где находилась голова профессора Доуэля.

Голова Доуэля с недоумением смотрела на этот неожиданный визит. А Керн, не обращая внимания на голову, быстро подошёл к аппаратам и резко повернул кран от баллона, подающего кровь.

Глаза головы непонимающе, но спокойно повернулись в сторону крана, затем голова посмотрела на Керна и растерянную Лоран. Воздушный кран не был открыт, и голова не могла говорить. Она только шевелила губами, и Лоран, привыкшая к мимике головы, поняла: это был немой вопрос: «Конец?»

Затем глаза головы, устремлённые на Лоран, начали как будто тускнеть, и в то же время веки широко раскрылись, глазные яблоки выпучились, а лицо начало судорожно подёргиваться. Голова переживала муки удушья.

Лоран истерически крикнула. Потом, шатаясь, подошла к Керну, уцепилась за его руку и, почти теряя сознание, заговорила прерывающимся, сдавленным спазмой голосом:

— Откройте, скорее откройте кран... Я согласна на всё!

С едва заметной усмешкой Керн открыл кран. Живительная струя потекла по трубке в голову Доуэля. Судорожные подёргивания лица прекратились, глаза приняли нормальное выражение, взгляд просветлел. Угасавшая жизнь вернулась в голову Доуэля. Вернулось и сознание, потому что Доуэль вновь посмотрел на Лоран с выражением недоумения и как будто даже разочарования.

Лоран шаталась от волнения.

— Позвольте вам предложить руку, — галантно сказал Керн, и странная пара удалилась.

Когда Лоран вновь уселась у стола. Керн как ни в чём не бывало сказал:

— Так на чём мы остановились? Да... «Состояние больных требует моего постоянного, — или нет, напишите: — неотлучного пребывания в доме профессора Керна. Профессор Керн был так добр, что предоставил в моё распоряжение прекрасную комнату с окном в сад. Кроме того, так как мой рабочий день увеличился, то профессор Керн утроил моё жалованье».

Лоран с упрёком посмотрела на Керна.

— Это не ложь, — сказал он. — Необходимость заставляет меня лишить вас свободы, но я должен чем-нибудь вознаградить вас. Я действительно увеличиваю вам жалованье. Пишите дальше: «Уход здесь прекрасный, и хотя работы много, но я чувствую себя великолепно. Ко мне не приходи, — профессор никого не принимает у себя. Но не скучай, я тебе буду писать...» Так. Ну, и от себя прибавьте ещё каких-нибудь нежностей, которые вы обычно пишете, чтобы письмо не возбудило никаких подозрений.

И, уже как будто позабыв о Лоран, Керн начал размышлять вслух:

— Долго так, конечно, продолжаться не может. Но, надеюсь, я долго и не задержу вас. Наша работа приходит к концу, и тогда... То есть, я хотел сказать, что голова недолговечна. И когда она прикончит своё существование... Ну, что там, вы знаете всё. Проще сказать, когда мы кончим с Доуэлем работу, окончится и существование головы Доуэля. От головы не останется даже пепла, и тогда вы сможете вернуться к своей уважаемой матушке. Вы больше не будете опасны для меня. И ещё раз: имейте в виду, если вы вздумаете болтать, у меня есть свидетели, которые в случае надобности покажут под присягой, что бранные останки профессора Доуэля вместе с головой, ногами и прочими профессорскими атрибутами сожжены мною после анатомического вскрытия в крематории. Для этих случаев крематорий — очень удобная вещь.

Керн позвонил. Вошёл Джон.

— Джон, ты отведёшь мадемуазель Лоран в белую комнату, выходящую окном в сад. Мадемуазель Лоран переселяется в мой дом, так как сейчас предстоит большая работа. Спроси у мадемуазель, что ей необходимо, чтобы устроиться поудобнее, и доставай всё необходимое. Можешь заказать от моего имени по телефону в магазинах. Счета я оплачу. Не забудь заказать для мадемуазель обед.

И, откланявшись, Керн ушёл.

Джон проводил Лоран в отведённую ей комнату.

Керн не солгал: комната действительно была очень хороша — светлая, просторная и уютно обставленная. Огромное окно выходило в сад. Но самая мрачная тюрьма не могла навести на Лоран большей тоски, чем эта весёлая, нарядная комната. Как тяжело больная, добралась Лоран до окна и посмотрела в сад.

«Второй этаж... высоко... отсюда не убежишь...» — подумала она. Да если бы и могла убежать, не убежала бы, так как её бегство было бы равносильно приговору для головы Доуэля.

Лоран в изнеможении опустилась на кушетку и погрузилась в тяжёлое раздумье. Она не могла определить, сколько времени находилась в этом состоянии.

— Кушать подано, — услышала она, как сквозь сон, голос Джона и подняла усталые веки.

— Благодарю вас, я не голодна, уберите со стола.

Вышколенный слуга беспрекословно исполнил приказание и удалился.

И она вновь погрузилась в свои думы. Когда в окне противоположного дома вспыхнули огни, она почувствовала такое одиночество, что решила немедленно навестить головы. Особенно ей хотелось повидать голову Доуэля.

Неожиданный визит Лоран чрезвычайно обрадовал голову Брике.

— Наконец-то! — воскликнула она. — Уже? Принесли?

— Что?

— Моё тело, — сказала Брике таким тоном, как будто вопрос шёл о новом платье.

— Нет, ещё не принесли, — невольно улыбаясь, ответила Лоран. — Но скоро принесут, теперь уж вам недолго ожидать.

— Ах, скорей бы!..

— А мне также пришьют другое тело? — спросил Тома.

— Да, разумеется, — успокоила его Лоран. — И вы будете такой же здоровый, сильный, как были. Вы соберёте денег, поедете к себе в деревню и жени-тесь на вашей Мари.

Лоран уже знала все затаённые желания головы.

Тома чмокнул губами.

— Скорее бы.

Лоран поспешила пройти в комнату головы Доуэля.

Как только воздушный кран был открыт, голова спросила Лоран:

— Что всё это значит?

Лоран рассказала голове о разговоре с Керном и своём заключении.

— Это возмутительно! — сказала голова. — Если бы я только мог помочь вам... И я, пожалуй, смогу, если только вы сами поможете мне...

В глазах головы были гнев и решимость.

— Всё очень просто. Закройте кран от питательных трубок, и я умру. Поверьте, что я был даже разочарован, когда Керн вновь открыл кран и оживил меня. Я умру, и Керн отпустит вас домой.

— Я никогда не вернусь домой такой ценой! — воскликнула Лоран.

— Я бы хотел иметь всё красноречие Цицерона, чтобы убедить вас сделать это.

Лоран отрицательно покачала головой.

— Даже Цицерон не убедил бы меня. Я никогда не решусь прекратить жизнь человека...

— Ну, разве я человек? — с грустной улыбкой спросила голова.

— Помните, вы сами повторили слова Декарта: «Я мыслю. Следовательно, я существую», — ответила Лоран.

— Положим, это так, но тогда вот что. Я перестану инструктировать Керна. И уже никакими пытками он не заставит меня помогать ему. И тогда он сам прикончит меня.

— Нет, нет, умоляю вас. — Лоран подошла к голове. — Послушайте меня. Я думала раньше о мести, теперь думаю об ином. Если Керну удастся приставить тело трупа к голове Брике и операция пройдёт удачно, то есть надежда и вас вернуть к жизни... Не Керн, так другой.

— К сожалению, надежда эта очень слабая, — ответил Доуэль. — Едва ли опыт удастся даже у Керна. Он злой и преступный человек, тщеславный, как

тысяча Геростратов. Но он талантливый хирург и, пожалуй, самый способный из всех ассистентов, которые были у меня. Если не сделает этого он, который пользовался моими советами до настоящего дня, то не сделает никто. Однако я сомневаюсь, чтобы и он сделал эту невиданную операцию.

— Но собаки...

— Собаки — дело иное. Обе собаки, живые и здоровые, лежали на одном столе, перед тем как совершить операцию пересадки голов. Всё это произошло очень быстро. Да и то Керну, по-видимому, удалось вернуть к жизни только одну собаку, иначе он привёл бы их обеих ко мне похвастать. А тело трупа может быть привезено только через несколько часов, когда, быть может, начались уже процессы гниения. О сложности самой операции вы сами можете судить как медик. Это не то что пришить полуотрезанный палец. Надо связать, тщательно сшить все артерии, вены и, главное, нервы и спинной мозг, иначе получится калекка; затем возобновить кровообращение... Нет, это бесконечно трудная задача, непосильная для современных хирургов.

— Неужели вы сами не сделали бы такой операции?

— Я обдумал всё, уже делал опыты с собаками и полагаю, что мне это удалось бы...

Дверь неожиданно открылась. На пороге стоял Керн.

— Совецание заговорщиков? Не буду вам мешать. — И он хлопнул дверью.

Мёртвая Диана

Голове Брике казалось, что подобрать и пришить к голове человека новое тело так же легко, как примерить и сшить новое платье. Объём шеи снят, остаётся только подобрать такой же объём шеи у трупа.

Однако она скоро убедилась, что дело не так просто.

Утром в белых халатах к ней явились профессор Керн, Лоран и Джон. Керн распорядился, чтобы голова Брике была осторожно снята со стеклянной подставки и положена лицом вверх так, чтобы можно было видеть весь срез шеи. Питание головы кровью, насыщенную кислородом, не прекращалось. Керн углубился в изучение и промеры.

— При всём однообразии человеческой анатомии, — говорил Керн, — каждое тело человека имеет свои индивидуальные особенности. Иногда трудно бывает различить, предлежит ли, например, наружная или внутренняя сонная артерия. Не одинаковой бывает и толщина артерий, ширина дыхательного горла даже у людей с одинаковым объёмом шеи. Немало придётся повозиться и с нервами.

— Но как же вы будете оперировать? — спросила Лоран. — Приставив срез шеи к срезу туловища, вы тем самым закроете сразу всю поверхность среза.

— В том-то и дело. Мы с Доуэлем проработали этот вопрос. Придётся делать целый ряд продольных сечений — идти от центра к периферии. Это очень сложная работа. Придётся сделать свежие сечения на шее головы и трупа, чтобы добраться до ещё не отмерших, жизнедеятельных клеток. Но главное затруднение всё же не в этом. Главное — как уничтожить в теле трупа продукты начавшегося гниения или места инфекционного заражения, как очистить кровеносные сосуды от свернувшейся крови, наполнить их свежей кровью и заставить заработать «мотор» организма — сердце... А спинной мозг? Малей-

шее прикосновение к нему вызывает сильнейшую реакцию, зачастую с самыми тяжёлыми последствиями.

— И как же вы предполагаете преодолеть все эти трудности?

— О, пока это мой секрет. Когда опыт удастся, я опубликую всю историю воскрешения из мёртвых. Ну, на сегодня довольно. Поставьте голову на место. Пустите воздушную струю. Как вы себя чувствуете, мадемуазель? — спросил Керн, обращаясь к голове Брике.

— Благодарю вас, хорошо. Но послушайте, господин профессор, я очень обеспокоена... Вы тут говорили о разных непонятных вещах, но одно я поняла, что вы собираетесь кромсать мою шею вдоль и поперёк. Ведь это же будет сплошное безобразие. Куда я покажусь с такой шеей, которая будет похожа на котлету?

— Я постараюсь, чтобы рубцы были менее заметны. Но, разумеется, скрыть совершенно следы операции не удастся. Не делайте отчаянных глаз, мадемуазель, вы можете носить на шее бархатку или даже колье. Так и быть, я подарю его вам в день вашего «рождения». Да, вот ещё что. Сейчас ваша голова несколько усохла. Когда же вы заживёте нормальной жизнью, голова должна пополнеть. Чтобы узнать ваш нормальный объём шеи, придётся вас «раскормить» теперь же, иначе могут произойти неприятности.

— Но ведь я же не могу есть, — жалобно ответила голова.

— Мы вас раскормим по трубочке. Я приготовил особый состав, — обратился он к Лоран. — Кроме того, придётся усилить и подачу крови.

— Вы включаете в питательную жидкость жировые вещества?

Керн сделал неопределённый жест рукой.

— Если голова и не разжиреет, то «набухнет», а это нам и надо. Итак, — закончил он, — остаётся самое главное: молитесь богу, мадемуазель Брике, чтобы скорее погибла какая-нибудь красавица, которая одолжит вам после смерти своё прекрасное тело.

— Не говорите так, это ужасно! Человек должен умереть, чтобы я получила тело... И, доктор, я боюсь. Ведь это тело мертвеца. А вдруг она придёт и потребует отдать ей своё тело?

— Кто она?

— Мёртвая.

— Но ведь у неё не будет ног, чтобы прийти, — смеясь, отвечал Керн. — А если и придёт, то выскажете ей, что это вы дали её телу голову, а не она вам тело, и она, конечно, будет благодарна за этот подарок. Иду дежурить в морг. Пожелайте мне удачи!

Успех опыта во многом зависел от того, чтобы найти возможно свежий труп, и поэтому Керн бросил все дела и почти переселился в морг, поджидая счастливого случая.

С сигарой во рту он ходил по длинному зданию так спокойно, как будто гулял по бульварам. Матовый свет падал с потолка на длинные ряды мраморных столов. На каждом столе лежал труп, уже обмытый струёй воды и раздетый.

Заложив руки в карманы пальто и попыхивая сигарой, Керн обходил длинные ряды столов, заглядывал в лица и от времени до времени поднимал кожные покрывала, чтобы осмотреть тело.

Вместе с ним ходили и родственники или друзья погибших людей. Керн от-

носился к ним недоброжелательно, опасаясь, как бы они не вырвали у него подходящий труп из-под рук. Получить труп для Керна было не так-то просто. До истечения трёхдневного срока на каждый труп могли предъявить права родственники, по истечении же трёх дней полуразложившийся труп не представлял для Керна никакого интереса. Ему был нужен совершенно свежий, по возможности даже неостывший труп.

Керн не поспешил на взятки, чтобы иметь возможность получить свежий труп немедленно. Номер трупа мог быть заменён, и какая-то неудачница в конце концов была бы зарегистрирована как «пропавшая без вести».

«Однако нелегко найти Диану по вкусу Брике», — думал Керн, разглядывая широкие ступни и мозолистые руки трупов. Большинство лежащих здесь принадлежало не к тем, кто ездит на автомобилях. Керн прошёл из конца в конец. За это время несколько трупов было опознано и унесено, а на их места уже тащили новые. Но и среди новичков Керн не мог найти подходящего для операции материала. Находились трупы без головы, но или неподходящей комплекции, или имеющие раны на теле, или же, наконец, начинавшие уже разлагаться. День был на исходе. Керн чувствовал приступы голода и с удовольствием представил себе куриные котлеты в дымящемся горошке.

«Неудачный день», — подумал Керн, вынимая часы. И он направился к выходу среди двигающейся у трупов толпы, полной отчаянья, тоски и ужаса. Навстречу ему служащие несли труп женщины без головы. Обмытое молодое тело блестело, как белый мрамор.

«О, это что-то подходящее», — подумал он и пошёл вслед за сторожами. Когда труп был положен. Керн бегло осмотрел его и ещё больше убедился в том, что он нашёл то, что нужно. Керн уже хотел шепнуть служащим, чтобы они унесли труп, как вдруг к трупу подошёл плохо одетый старик с давно не бритыми усами и бородой.

— Вот она. Марта! — воскликнул он и вытер рукой со лба пот.

«Чёрт его принёс!» — выбранился Керн и, подойдя к старику, сказал:

— Вы опознали труп? Ведь он без головы.

Старик показал на большую родинку на левом плече.

— Приметная, — ответил он.

Керн удивился, что старик говорит так спокойно.

— Кто же она была? Ваша жена или дочь?

— Бог милостив, — ответил словоохотливый старик. — Племянницей она мне была, да и неродной. От моей кухни их трое осталось, — кухня умерла, а мне их на шею. У меня же своих четверо. Нужда. Но что сделаете, сударь? Ведь не котят, под забор не подкинешь. Так и жили. А тут случилось несчастье. Живём мы в старом доме, нас давно выселяли из него, но куда денешься? И вот дожили. Крыша обвалилась. Остальные дети ушибами отделались, а этой голову начисто срезало. Меня со старухой дома не было, мы с ней жареными каштанами торгуем. Я пришёл домой, а Марту в морг уже отвезли. И зачем в морг? Говорят, за компанию в других квартирах тоже людей подавило, и некоторые из них одинокие были, вот всех их сюда. Я домой пришёл, фюить, и войти нельзя, словно землетрясение.

«Дело подходящее», — подумал Керн и, отведя старика в сторону, сказал ему:

— Что случилось, того не поправишь. Видите ли, я врач, и мне нужен труп.

Буду говорить прямо. Хотите получить сто франков и можете отправляться домой.

— Потрошить будете? — Старик неодобрительно покачал головой и задумался. — Ей, конечно, всё равно пропадать... Мы люди бедные... А всё ж таки не чужая кровь...

— Двести.

— А нужда велика, детишки голодные... но всё-таки жалко... Хорошая девушка была, очень хорошая, очень добрая, и лицо как розан, не то что этот хлам... — Старик пренебрежительно махнул на столы с трупами.

«Ну и старик! Он, кажется, начинает расхваливать свой товар», — подумал Керн и решил изменить тактику.

— Впрочем, как хотите, — небрежно сказал он. — Трупов здесь не мало, и есть несколько не хуже вашей племянницы, — И Керн отошёл от старика.

— Да нет, как же так, дайте подумать... — семенил за ним старик, явно склоняясь к сделке.

Керн уже торжествовал, но положение неожиданно изменилось ещё раз.

— Ты уже здесь? — послышался взволнованный старческий голос.

Керн обернулся и увидел быстро приближающуюся толстенькую старушку в чистеньком белом чепце. Старик при виде её невольно крикнул.

— Нашёл? — спросила старушка, дико озираясь по сторонам и шепча молитвы.

Старик молча показал рукой на труп.

— Голубка ты наша, мученица несчастная! — заголосила старуха, приближаясь к обезглавленному трупу.

Керн видел, что со старухой будет трудно сладить.

— Послушайте, мадам, — сказал он приветливо, обращаясь к старухе. — Я тут беседовал с вашим мужем и узнал, что вы очень нуждаетесь.

— Нуждаемся или нет, у других не просим, — отрезала не без гордости старушка.

— Да, но... видите ли, я член благотворительного похоронного общества. Я могу принять похороны вашей племянницы на счёт общества и возьму все хлопоты на себя. Если хотите, можете поручить это мне, а сами идите к своим делам, вас ждут ваши дети и сироты.

— Ты что тут наболтал? — набросилась старушка на мужа. И, обернувшись к Керну, она сказала: — Благодарю вас, господин, но я должна всё выполнить как полагается. Как-нибудь справимся и без вашего благотворительного общества. Что глазами ворочаешь? — перешла она на обычный тон в разговоре с мужем. — Забирай покойницу. Поедем. Я и тачку привезла.

Всё это было сказано таким решительным тоном, что Керн сухо поклонился и отошёл.

«Досадно! Нет, решительно сегодня неудачный день».

Он отправился к выходу и, отведя привратника в сторону, тихо сказал ему:

— Так смотрите же, если будет что-нибудь подходящее, немедленно звоните мне по телефону.

— О, сударь, непременно, — закивал головой привратник, получивший от Керна хороший куш.

Керн плотно пообедал в ресторане и вернулся к себе.

Когда он зашёл в комнату Брике, она встретила его обычным в последнее

время вопросом:

— Нашли?

— Нашёл, да неудачно, чёрт побери! — ответил он. — Потерпите.

— Но неужели так-таки ничего подходящего и не было? — не унималась Брике.

— Были такие кривоногие каракатицы. Если хотите, то я...

— Ах нет, уж лучше я потерплю. Я не хочу быть каракатицей.

Керн решил лечь спать раньше обыкновенного, чтобы пораньше встать и вновь отправиться в морг. Но не успел он заснуть, как затрещал телефон у кровати. Керн выбранился и взял трубку.

— Алло! Я слушаю. Да, профессор Керн. Что такое? Крушение поезда у самого вокзала? Масса трупов? Ну да, конечно, немедленно. Благодарю вас.

Керн начал быстро одеваться, вызвал Джона и крикнул:

— Машину!

Через пятнадцать минут он уже мчался по ночным улицам, как на пожар.

Привратник не обманул. В эту ночь смерть собрала большой урожай. Трупы таскали беспрерывно. Все столы были завалены. Скоро пришлось класть их на пол. Керн был в восторге. Он благословлял судьбу за то, что эта катастрофа не случилась днём. Весть о ней, вероятно, ещё не распространилась в городе. Посторонних в морге пока не было. Керн рассматривал ещё не раздетые и не обмытые трупы. Все они были совершенно свежие. Исключительно удачный случай. Одно плохо, что и этот благодетельный случай не очень считался со специальными требованиями Керна. Большинство тел было раздавлено или повреждено во многих местах. Но Керн не терял надежды, так как трупы всё прибывали.

— Покажите-ка мне вот эту, — обратился он к служащему, нёсшему труп девушки в сером костюме. Череп был разбит со стороны затылка. Волосы окровавлены, платье тоже. Но платье не измято. «Видимо, повреждения тела не велики... Идёт. Телосложение довольно плебейское, — вероятно, какая-нибудь камеристка, но лучше такое тело, чем ничего», — думал Керн. — А это? — Керн указал на другие носилки. — Да это целая находка! Сокровище! Чёрт возьми, досадно всё-таки, что погибла такая женщина!

На пол опустили труп молодой женщины с необычайно красивым аристократическим лицом, на котором застыло только одно глубокое удивление. У неё был пробит череп выше правого уха. Очевидно, смерть наступила мгновенно. На белой шее виднелось жемчужное ожерелье. Изящное чёрное шёлковое платье было лишь немного изорвано внизу и от ворота до плеча. На обнажившемся плече виднелась родинка.

«Как у той, — подумал Керн. — Но это... какая красота! — Керн наскоро измерил шею. — Как по заказу».

Керн сорвал дорогое ожерелье из настоящих крупных жемчужин, бросил его служащим и сказал:

— Я беру вот этот труп. Но так как у меня нет времени произвести здесь тщательный осмотр трупов, то на всякий случай я беру и вот этот, — он указал на первый труп девушки. — Скорее, скорее. Оберните их холстом и выносите. Вы слышите? Толпа собирается. Вам придётся открыть морг, и через несколько минут здесь будет настоящее столпотворение.

Трупы были унесены, уложены на автомобиль и быстро доставлены в дом

Керна.

Всё необходимое для операции было уже заранее приготовлено. День, — вернее, ночь воскресения Брике наступила. Керн не хотел терять ни одной минуты.

Оба трупа были обмыты и принесены в комнату Брике завёрнутыми в простыни и уложены на операционный стол.

Голова Брике горела нетерпением посмотреть на своё новое тело, но Керн умышленно поставил стол так, чтобы голова не видела трупов, пока не будут закончены все приготовления.

Керн быстро произвёл сечение голов трупов. Эти головы были завёрнуты в холст и вынесены Джоном, края среза и стол вымыты, тела приведены в порядок.

Ещё раз критически осмотрев тела. Керн озабоченно покачал головой. Тело с родинкой на плече было безукоризненной красоты форм и особенно выигрывало по сравнению с телом «камеристки» — ширококостным, угловатым, неладно скроенным, но крепко сшитым. Брике, конечно, выберет тело этой аристократической Дианы. Однако при тщательном осмотре тела Керн заметил у Дианы, как называл он её, некоторый дефект: на ступне правой ноги была небольшая рана, причинённая каким-нибудь обрезком железа. Большой опасности это не представляло. Керн прижёт рану, заражения крови опасаться ещё не было оснований. Но всё же за успех операции с телом «камеристки» он был более спокоен.

— Поверните голову Брике, — сказал Керн, обращаясь к Лоран. Чтобы Брике не мешала своей болтливостью во время подготовительных работ, у неё был заткнут рот, то есть выключен баллон со сжатым воздухом. — Теперь можно пустить воздушную струю.

Когда голова Брике увидела трупы, она вскрикнула так, как будто неожиданно обожглась. Глаза её расширились от ужаса. Один из этих трупов должен стать её собственным телом. Впервые остро, до боли почувствовала она всю необычайность этой операции и начала колебаться.

— Ну, что же вы? Как вам нравятся тру... эти тела?

— Я... боюсь... — прохрипела голова. — Нет, нет, я не думала, что это так страшно... я не хочу...

— Не хотите? В таком случае я пришью к трупу голову Тома. Тома делается женщиной. Вы хотите, Тома, сейчас же получить тело?

— Нет, подождите, — испугалась голова Брике. — Я согласна. Я хочу иметь вот то тело... с родинкой на плече.

— А я вам советую выбрать вот это. Оно не так красиво, но зато без единой царапины.

— Я не прачка, а артисткам — гордо заметила голова Брике. — Я хочу иметь красивое тело. И родинка на плече... Это так нравится мужчинам.

— Пусть будет по-вашему, — ответил Керн. — Мадемуазель Лоран, перенесите голову мадемуазель Брике на операционный стол. Сделайте это осторожно, искусственное кровообращение головы должно продолжаться до последнего мгновения.

Лоран возилась с последними приготовлениями головы Брике. На лице Брике были написаны крайнее напряжение и волнение. Когда голова была перенесена на стол, Брике не выдержала и вдруг закричала так, как она ещё ни-

когда не кричала:

— Не хочу! Не хочу! Не надо! Лучше убейте меня! Боюсь! А-а-а-а!..

Керн, не прерывая своей работы, резко крикнул Лора:

— Закройте скорее воздушный кран! Введите в питательный раствор гедонал, и она уснёт.

— Нет, нет, нет!

Кран закрылся, голова замолчала, но продолжала шевелить губами и смотреть с выражением ужаса и мольбы.

— Господин профессор, можем ли мы производить операцию против её воли? — спросила Лоран.

— Сейчас не время заниматься этическими проблемами, — сухо ответил Керн. — Она потом сама нас благодарить будет. Делайте своё дело или уходите и не мешайте мне.

Но Лоран знала, что уйти она не может, — без её помощи исход операции оказался бы ещё более сомнительным. И она, пересилив себя, продолжала помогать Керну. Голова Брике так билась, что трубки едва не вышли из кровеносных сосудов. Джон пришёл на помощь и придержал голову руками. Постепенно подёргивания головы прекратились, глаза закрылись: гедонал производил своё действие.

Профессор Керн приступил к операции.

Тишина прерывалась только короткими приказаниями Керна, требовавшего тот или иной хирургический инструмент. От напряжения у Керна даже вздулись жилы на лбу. Он пустил в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. При всей своей ненависти к Керну Лоран не могла в эту минуту не восхищаться им. Он работал как вдохновенный артист. Его ловкие чувствительные пальцы совершали чудеса.

Операция продолжалась час пятьдесят пять минут.

— Кончено, — наконец сказал Керн выпрямляясь, — отныне Брике перестала быть головой от тела. Остаётся только вдунуть ей жизнь: заставить забиться сердце, возбудить кровообращение. Но с этим я справлюсь один. Вы можете отдохнуть, мадемуазель Лоран.

— Я ещё могу работать, — ответила она.

Несмотря на усталость, ей очень хотелось посмотреть на последний акт этой необычайной операции. Но Керн, очевидно, не хотел посвящать её в тайну оживления. Он ещё раз настойчиво предложил ей отдохнуть, и Лоран повиновалась.

Керн вновь вызвал её через час. Он выглядел ещё более уставшим, но лицо его выражало глубокое самоудовлетворение.

— Попробуйте пульс, — предложил он Лоран.

Девушка не без внутреннего содрогания взяла за руку Брике; за ту руку, которая всего три часа тому назад принадлежала холодному трупу. Рука была уже тёплая, и прощупывалось биение пульса. Керн приложил к лицу Брике зеркало. Поверхность зеркала запотела.

— Дышит. Теперь нужно хорошо спеленать нашу новорождённую. Несколько дней ей придётся пролежать совершенно неподвижно.

Сверх бинтов Керн наложил на шею Брике гипсовый лубок. Всё тело было спеленато, а рот крепко завязан.

— Чтобы она не вздумала говорить, — пояснил Керн. — Первые сутки мы продержим её в сонном состоянии, если сердце позволит.

Брике перенесли в комнату, смежную с комнатой Лоран, бережно уложили в кровать и подвергли электронаркозу.

— Питать мы её будем искусственно, пока не произойдёт сращение швов. Вам уж придётся поухаживать за ней.

Только на третий день Керн позволил Брике «прийти в себя».

Было четыре часа дня. Косой луч солнца прорезал комнату и осветил лицо Брике. Она легко повела бровями и открыла глаза. Ещё смутно соображая, посмотрела на освещённое окно, потом перевела взгляд на Лоран и, наконец, опустила глаза вниз. Там уже не было пустоты. Она увидела слабо колыхавшуюся грудь и тело, — её тело, прикрытое простынёй. Слабая улыбка осветила её лицо.

— Не пытайтесь говорить и лежите тихо, — сказала Лоран. — Операция прошла очень хорошо, и теперь всё зависит от того, как вы будете вести себя. Чем спокойнее вы будете лежать, тем скорее подниметесь на ноги. Пока мы будем с вами объясняться мимикой. Если вы опустите веки вниз, это будет означать «да», вверх — «нет». Чувствуете вы где-нибудь боль? Здесь. Шея и нога. Это пройдёт. Хотите вы пить? Есть? — Брике не ощущала голода, но хотела пить.

Лоран позвонила Керну. Он тотчас пришёл из своего кабинета.

— Ну, как себя чувствует новорождённая? — Он осмотрел её и остался доволен. — Всё благополучно. Терпение, мадемуазель, и вы скоро будете танцевать. — Он сделал несколько распоряжений и ушёл.

Дни «выздоровления» тянулись для Брике очень медленно. Она была примерной больной: сдерживала своё нетерпение, лежала спокойно и выполняла все приказания. Настал день, когда её, наконец, распеленали, но говорить ещё не разрешали.

— Чувствуете ли вы своё тело? — с некоторым волнением спросил Керн.

Брике опустила веки.

— Попробуйте очень осторожно пошевелить пальцами на ногах.

Брике, очевидно, попробовала, так как на лице её выразилось напряжение, но пальцы не двигались.

— Очевидно, функции центральной нервной системы ещё не вполне восстановились, — авторитетно сказал Керн, — Но я надеюсь, что они скоро восстановятся, а вместе с ними восстановится и движение. — Про себя же подумал: «Как бы Брике не захромала, в самом деле, на обе ноги».

«Восстановится — как странно звучит это слово», — подумала Лоран, вспомнив о холодном трупe на операционном столе.

У Брике появилась новая забота. Теперь она часами занималась тем, что пыталась шевелить пальцами на ногах. Лоран едва ли не с меньшим интересом следила за этим.

И однажды Лоран радостно вскрикнула:

— Шевелится! Большой палец на левой ноге шевелится.

Дальше дело пошло быстрее. Зашевелились и другие пальцы на руках и ногах. Скоро Брике уже могла немного поднимать руки и ноги.

Лоран была поражена. На глазах её совершилось чудо.

«Как бы ни был преступен Керн, — думала она, — он необыкновенный че-

ловек. Правда, без головы Доуэля ему не удалось бы это двойное воскрешение мёртвого. Но всё же и сам Керн талантливый человек, — ведь это утверждала и голова Доуэля. О, если бы Керн воскресил и его! Но нет, этого он не сделает».

Ещё через несколько дней Брике разрешили говорить. У неё оказался довольно приятный голос, но несколько ломающегося тембра.

— Выправится, — уверял Керн. — Ещё петь будете.

И Брике скоро попробовала петь. Лоран была очень поражена этим пением. Верхние ноты Брике брала довольно пискливым и не очень приятным голосом, в среднем регистре голос звучал очень тускло и даже хрипло. Но зато нижние ноты были очаровательны. Это было превосходное грудное контральто.

«Ведь горловые связки лежат выше места среза шеи и принадлежат Брике, — думала Лоран, — откуда же этот двойной голос, разные тембры верхнего и нижнего регистра? Физиологическая загадка. Не зависит ли это от процесса омоложения головы Брике, которая старше её нового тела? Или, быть может, это как-то связано с нарушением функций центральной нервной системы? Совершенно непонятно... Интересно знать, чьё это молодое, изящное тело, какой несчастной голове оно принадлежало...»

Лоран, ничего не говоря Брике, начала просматривать номера газет, в которых печатались списки погибших при крушении поезда. Скоро ей попала заметка о том, что известная итальянская артистка Анжелика Гай, следовавшая в поезде, потерпевшем крушение, исчезла бесследно. Труп её обнаружен не был, и над разрешением этой загадки изощрялись газетные корреспонденты. Лоран была почти уверена, что голова Брике получила тело погибшей артистки.

Сбежавший экспонат

Наконец в жизни Брике настал великий день. С неё были сняты последние бинты, и профессор Керн разрешил ей встать.

Она поднялась и, опираясь на руку Лоран, прошла по комнате. Движения её были неуверенны и несколько порывисты. Иногда она делала странные жесты рукой: до известного предела её рука двигалась плавно, затем следовала задержка и как бы принуждённое движение, переходившее опять в плавное.

— Всё это пройдёт, — убеждённо говорил Керн.

Немного беспокоила его только небольшая ранка на ступне Брике. Ранка заживала медленно. Но со временем и она зажила настолько, что Брике не испытывала боли, даже наступая на больную ногу. А через несколько дней Брике уже пыталась танцевать.

— Не пойму, в чём дело, — говорила она, — некоторые движения мне даются свободно, а другие затруднены. Вероятно, я ещё не привыкла управлять своим новым телом... А оно великолепно! Посмотрите на ноги, мадемуазель Лоран. И рост отличный. Вот только эти рубцы на шее... Придётся их закрывать. Но зато эта родинка на плече очаровательна, не правда ли? Я сошью платье такого фасона, чтобы она была видна... Нет, я решительно довольна своим телом.

«Своим телом! — думала Лоран. — Бедная Анжелика Гай!»

Всё, что так долго сдерживала в себе Брике, разом прорвалось наружу. Она забросала Лоран требованиями, заказами, просьбами о костюмах, белье, туфлях, шляпах, модных журналах, принадлежностях косметики.

В новом сером шёлковом платье она была представлена Керном голове профессора Доуэля. И так как это была мужская голова, Брике не могла не покетничать. И была очень польщена, когда голова Доуэля прохрипела:

— Отлично! Вы отлично справились со своей задачей, коллега, поздравляю вас!

И Керн под руку с Брике, сияя, как новобрачный, вышел из комнаты.

— Садитесь, мадемуазель, — галантно сказал Керн, когда они пришли в его кабинет.

— Не знаю, как мне благодарить вас, господин профессор, — сказала она, томно опуская глаза и затем кокетливо взглянув на Керна. — Вы так много сделали для меня... А я ничем не могу вознаградить вас.

— Это и не нужно. Я вознаграждён больше, чем вы думаете.

— Я очень рада. — И Брике окинула Керна ещё более лучистым взглядом. — А теперь разрешите мне уйти... выписаться из больницы.

— Как уйти? Из какой больницы? — Сразу даже не понял Керн.

— Уйти домой. Представляю, какой фурор произведёт моё появление среди подруг!

Она собирается уйти! Керн не допускал мысли об этом. Он проделал огромный труд, разрешил сложнейшую задачу, совершил невозможное вовсе не для того, чтобы Брике производила фурор среди своих легкомысленных подруг. Он сам хотел произвести фурор демонстрацией Брике перед учёным обществом. Впоследствии он, может быть, и даст ей некоторую свободу, но теперь об этом нечего и думать.

— К сожалению, я не могу отпустить вас, мадемуазель Брике. Вы должны

ещё некоторое время остаться в моём доме, под моим наблюдением.

— Но зачем? Я чувствую себя великолепно, — возразила она, играя рукой.

— Да, но вам может стать хуже.

— Тогда я приду к вам.

— Позвольте мне лучше знать, когда вам можно будет уйти отсюда, — уже резко сказал Керн. — Не забывайте, чем бы вы были без меня.

— Я уже благодарил вас за это. Но я не девочка и не невольница и могу распоряжаться собой!

«Ого, да она с характером!» — с удивлением подумал Керн.

— Ну, мы ещё поговорим об этом, — сказал он. — А пока извольте идти в свою комнату. Джон, вероятно, уже принёс вам бульон.

Брике надула губы, поднялась и, не глядя на Керна, вышла.

Брике обедала вместе с Лоран в её комнате. Когда Брике вошла, Лоран уже сидела за столом. Брике опустилась на стул и сделала небрежный, изящный жест кистью правой руки. Лоран не раз замечала этот жест и размышляла над тем, кому он, собственно, принадлежит: телу Анжелики Гай или Брике? Но разве не мог остаться в теле Анжелики Гай автоматизм движений, как-то закрепившийся в двигательных нервах?..

Для Лоран все эти вопросы были слишком сложными.

«Ими, вероятно, заинтересуются физиологи», — подумала она.

— Опять бульон! Надоели мне эти больничные блюда, — капризно сказала Брике. — Я с удовольствием съела бы сейчас дюжину устриц и запила стаканом шабли. — Она отпила несколько глотков бульона из чашки и продолжала: — Профессор Керн заявил мне сейчас, что он не отпустит меня из дому ещё несколько дней. Как бы не так! Я не из породы домашних птиц. Здесь можно умереть с тоски. Нет, я люблю так жить, чтобы всё вертелось колесом. Огни, музыка, цветы, шампанское.

Непрерывно тараторя, Брике наскоро пообедала, поднялась со стула и, подойдя к окну, внимательно взглянула вниз.

— Спокойной ночи, мадемуазель Лоран, — сказала она, обернувшись. — Я сегодня рано лягу спать. Пожалуйста, не будите меня завтра утром. В этом доме сон — лучшее препровождение времени.

И, кивнув головой, она ушла в свою комнату.

А Лоран уселась писать письмо своей матери.

Все письма контролировались Керном. Лоран знала, как строго он следит за ней, и потому даже не пыталась переслать какое-нибудь письмо без его цензуры.

Впрочем, чтобы не волновать свою мать, она решила, — если бы и могла переслать письмо без цензуры Керна, — не писать ей правды о своём невольном заточении.

В эту ночь Лоран спала особенно плохо. Она долго ворочалась в кровати, думая о будущем. Жизнь её находилась в опасности. Что предпримет Керн, чтобы «обезвредить» её?

Не спалось, видно, и Брике. Из её комнаты доносился какой-то шорох.

«Примеряет новые платья», — подумала Лоран. Потом всё стихло. Смутно, сквозь сон Лоран услышала как будто заглушённый крик и проснулась. «Однако мои нервы никуда не годятся», — подумала она и вновь уснула крепким предутренним сном.

Проснулась она, как всегда, в семь часов утра. В комнате Брике всё ещё было тихо. Лоран решила не беспокоить её и прошла в комнату головы Тома. Голова Тома по-прежнему была мрачна. После того как Керн «пришил тело» голове Брике, тоска Тома усилилась. Он просил, умолял, требовал, чтобы ему также скорее дали новое тело, наконец грубо бранился. Лоран стоило больших трудов успокоить его. Она с облегчением вздохнула, окончив утренний туалет головы Тома, и направилась в комнату головы Доуэля, который встретил Лоран приветливой улыбкой.

— Странная это вещь — жизнь! — сказала голова Доуэля. — Ещё недавно я хотел умереть. Но мой мозг продолжает работать, и не далее как третьего дня мне пришла в голову необычайно смелая и оригинальная идея. Если бы мне удалось осуществить мою мысль, это произвело бы целый переворот в медицине. Я сообщил свою идею Керну, и надо было видеть, как загорелись его глаза. Ему, вероятно, мерещился прижизненный памятник, поставленный благодарными современниками... И вот я должен жить для него, для идеи, а значит, и для себя. Право, это какая-то ловушка.

— И в чём же эта идея?

— Я как-нибудь расскажу вам, когда всё это более оформится в моём мозгу...

В девять часов Лоран решила постучать Брике, но ответа не получила. Обеспокоенная Лоран попыталась открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Лоран ничего больше не оставалось, как сообщить обо всём этом профессору Керну.

Керн, как всегда, действовал быстро и решительно.

— Ломайте дверь! — приказал он Джону.

Негр ударил плечом. Тяжёлая дверь треснула и сорвалась с петель. Керн, Лоран и Джон вошли в комнату.

Измятая постель Брике была пуста. Керн подбежал к окну. От ручки рамы вниз спускалась вязка из разорванной простыни и двух полотенец. Клумба под окном была измята.

— Это ваша проделка! — крикнул Керн, поворачивая грозное лицо к Лоран.

— Уверяю вас, что я не принимала никакого участия в побеге мадемуазель Брике, — твёрдо сказала Лоран.

— Ну, с вами мы ещё поговорим, — ответил Керн, хотя решительный ответ Лоран сразу убедил его в том, что Брике действовала без сообщников. — Теперь надо позаботиться о том, чтобы поймать беглянку.

Керн прошёл в свой кабинет и в волнении зашагал от камина к столу. Первой его мыслью было вызвать полицию. Но он тотчас оставил эту мысль. Полицию менее всего следовало вмешивать в это дело. Придётся обратиться к частным сыскным агентствам.

«Чёрт возьми, я сам виноват... Надо было принять меры охраны! Но кто бы мог подумать. Вчерашний труп сбежал! — Керн злобно рассмеялся. — И теперь, чего доброго, она разболтает обо всём, что произошло с нею... Ведь она говорила о фуроре, который произведёт её появление... Эта история дойдёт до газетных корреспондентов, и тогда... Не следовало показывать её голове Доуэля... Наделала хлопот. Отблагодарила!»

Керн вызвал по телефону агента частной сыскной конторы, вручил ему крупную сумму на расходы, обещая ещё большую в случае успешных розысков, и дал подробное описание пропавшей.

Агент осмотрел место побега и следы, ведущие к железной ограде сада. Ограда была высокая и оканчивалась острыми прутьями. Агент покачал головой: «Молодец девчонка!» На одном пруте он заметил кусок серого шёлка, снял его и бережно уложил в бумажник.

— В это платье она была одета в день побега. Будем искать женщину в сером.

И, уверив Керна, что «женщина в сером» будет им разыскана не позже чем через сутки, агент удалился.

Сыщик был опытным в своём деле человеком. Он разузнал адрес последней квартиры Брике и адреса нескольких прежних её подруг, завёл с ними знакомство, у одной из подруг нашёл фотографическую карточку Брике, узнал, в каких кабаре Брике выступала. Несколько агентов было разослано по этим кабаре на поиски беглянки.

— Птичка далеко не улетит, — уверенно говорил сыщик.

Однако на этот раз он ошибся. Прошло два дня, а на след Брике не удалось напасть. Лишь на третий день поисков завсегдатай одного кабачка на Монмартре сообщил агенту, что в ночь побега там была «воскресшая» Брике. Но куда она затем исчезла, никто не знал.

Керн волновался всё более. Теперь он опасался не только того, что Брике разболтает о его тайнах. Он боялся навсегда потерять ценный «экспонат». Правда, он мог сделать второй — из головы Тома, но на это требовалось время, колоссальная затрата сил. Да и новый опыт мог закончиться не столь блестяще. Демонстрирование же оживлённой собаки, разумеется, не произвело бы такого эффекта. Нет, Брике должна быть найдена во что бы то ни стало. И он удваивал, утраивал премиальную сумму на розыск «сбежавшего экспоната».

Каждый день агенты доносили ему о результатах поисков, но эти результаты были неутешительны. Брике точно провалилась сквозь землю.

Допетая песня

После того как Брике при помощи своего нового ловкого, гибкого и сильного тела перебралась через ограду и вышла на улицу, она подозвала такси и дала странный адрес.

— Кладбище Пер-Лашез.

Но, не доезжая до площади Бастилии, она сменила такси и направилась к Монмартру. На первые расходы она захватила с собой сумочку Лоран, где лежало несколько десятков франков. «Одним грехом больше, одним меньше, и притом это необходимо», — успокаивала она себя. Покаяние в содеянных преступлениях было отложено на долгий срок. Она опять ощущала себя цельным, живым, здоровым человеком, притом даже моложе, чем была. До операции, по её женскому счёту, ей было близко к тридцати. Новое же тело имело едва ли больше двадцати лет. Железы этого тела омолодили голову Брике: морщинки на лице исчезли, цвет его улучшился. «Теперь только и пожить», — думала Брике, мечтательно глядя в маленькое зеркальце, оказавшееся в сумочке.

— Остановитесь здесь, — приказала она шофёру и, расплатившись с ним, отправилась дальше пешком.

Было около четырёх часов утра. Она подошла к знакомому кабаре «Ша-нуар», где выступала в ту роковую ночь, когда шальная пуля прекратила на полуслове весёленькую шансонетку, которую она пела. Окна кабаре ещё горели яркими огнями.

Не без волнения вошла Брике в знакомый вестибюль. Утомлённый швейцар, очевидно, не узнал её. Она быстро прошла в боковую дверь и через коридор вошла в помещение для артистов, примыкавшее к сцене. Первой встретила её Рыжая Марта. Испуганно вскрикнув, Марта скрылась в своей уборной. Брике рассмеялась и постучала в дверь, но Рыжая Марта не открывала.

— О, Ласточка! — услышала Брике мужской голос. Под этим именем она была известна в кабаре за своё пристрастие к коньяку с ласточкой на этикетке. — Так ты жива? А мы тебя давно считали мёртвой!

Брике обернулась и увидела красивого, элегантно одетого мужчину с очень бледным бритым лицом. Такие бледные лица бывают у людей, которые редко видят солнце. Это был Жан, муж Рыжей Марты. Он не любил говорить о своей профессии. Его же друзья и собутыльники не считали тактичным спрашивать об источнике его существования. Достаточно было того, что у Жана частенько водились деньги и что он был «душа парень». В те ночи, когда у Жана оттопыривался карман, и вино лилось рекой, и Жан платил за всех.

— Откуда прилетела. Ласточка?

— Из больницы, — ответила Брике.

Боясь, чтобы у неё не отняли новое тело родственники или друзья той, которой оно принадлежало, Брике решила никому не говорить о необычайной операции.

— Моё положение было очень серьёзно, — продолжала она сочинять. — Меня сочли умершей и даже отправили в морг. Но там один студент, осматривавший труп, взял меня за руку и прощупал слабый пульс. Я была ещё жива. Пуля прошла возле самого сердца, не задев его. Меня тотчас отправили в больницу, и всё обошлось благополучно.

— Великолепна! — воскликнул Жан. — Наши все будут ужасно удивлены. Надо спрыснуть твоё воскрешение.

Дверной замок щёлкнул. Рыжая Марта, подслушивавшая из-за дверей этот разговор, убедилась в том, что Брике не привидение, и открыла дверь. Подруги обнялись и крепко поцеловались.

— Ты как будто стала тоньше, выше и изящнее. Ласточка, — сказала Рыжая Марта, с любопытством и некоторым удивлением рассматривая фигуру так неожиданно явившейся подруги.

Брике слегка смутилась под этим пытливым женским взглядом.

— Разумеется, я похудела, — отвечала она. — Меня кормили только бульоном. А рост? Я купила себе туфли с очень высокими каблуками. Ну и фасон платья...

— Но отчего так поздно ты явилась сюда?

— О, это целая история... Ты уже выступала? Можешь посидеть со мной минутку?

Марта утвердительно кивнула головой. Подруги уселись около столика с большим зеркалом, уставленного коробками с гримировальными карандашами и красками, флаконами духов, пудреницами, всевозможными коробочками со шпильками и булавками.

Жан примостился рядом, куря египетскую папиросу.

— Я сбежала из больницы. Форменным образом, — сообщила Брике.

— Но почему?

— Надоели бульоны. Понимаешь, бульон, бульон и бульон... Я прямо боялась захлебнуться в бульоне. А доктор не хотел меня отпускать. Он должен был ещё показать меня студентам. Боюсь, что меня будет разыскивать полиция... Я не могу вернуться к себе и хотела бы остаться у тебя. А ещё лучше — совсем уехать из Парижа на несколько дней... Но у меня так мало денег.



Рыжая Марта даже всплеснула руками — так это было интересно.

— Ну, конечно, ты у меня остановишься, — сказала она.

— Боюсь, что меня тоже будет искать полиция, — задумчиво произнёс Жан, пуская колечко дыма. — Мне тоже на несколько дней следовало бы скрыться с горизонта.

Ласточка была своя, и Жан не скрывал от неё своей профессии. Ласточка знала, что Жан — птица «большого полёта». Его специальностью был взлом сейфов.

— Летим, Ласточка, с нами на юг. Ты, я и Марта. На Ривьеру, подышать морским воздухом. Засиделся, надо проветриться. Веришь ли, я больше двух месяцев не видел солнца и уж начинаю забывать, как оно выглядит.

— Вот и прекрасно, — захлопала в ладоши Рыжая Марта.

Жан посмотрел на дорогие золотые часы-браслет:

— Но у нас есть ещё час времени. Чёрт возьми, ты должна нам допеть свою песенку... А потом летим, и пускай тебя ищут.

Брике с удовольствием приняла это предложение.



Её выступление произвело фурор, как она того и ожидала.

Жан вышел на эстраду в роли конферансье, вспомнил трагическую историю, происшедшую здесь с Брике несколько месяцев тому назад, и затем заявил, что мадемуазель Брике по желанию публики ожила после того, как он, Жан, влил ей в горло рюмочку коньяку «Ласточка».

— Ласточка! Ласточка! — заревела публика.

Жан сделал знак рукой и, когда крики смолкли, продолжал:

— Ласточка споёт шансонетку с того самого места, на котором её так неожиданно прервали. Оркестр, «Кошечку»!

Оркестр заиграл, и с половины куплета под бурные аплодисменты Брике допела свою песенку. Правда, шум стоял такой, что она сама не слыхала своего голоса, но этого и не нужно было. Она чувствовала себя счастливой, как никогда, и упивалась тем, что её не забыли и встретили так тепло. Что эта теплота была сильно подогрета винными парами, её не смущало.

Окончив пение, она сделала неожиданно изящный жест кистью правой руки. Это было ново. Публика зааплодировала ещё громче.

«Откуда у неё это? Какие красивые манеры. Надо перенять этот жест...» — подумала Рыжая Марта.

Брике сошла с эстрады в зал. Подруги целовали её, знакомые протягивали бокалы и чокались. Брике раскраснелась, глаза блестели. Успех и вино вскружили ей голову. Она, забыв об опасности преследования, готова была просидеть здесь всю ночь. Но Жан, пивший не меньше других, не терял контроля над собой.

От времени до времени он поглядывал на часы и, наконец, подошёл к Брике и тронул её за руку:

— Пора!

— Но я не хочу. Вы можете уезжать одни. Я не поеду, — ответила Брике, томно закатывая глаза.

Тогда Жан молча поднял её и понёс к выходу.

Публика подняла ропот.

— Сеанс окончен! — крикнул Жан уже у двери. — До следующего воскресенья!

Он вынес отбивавшуюся от него Брике на улицу и усадил в автомобиль.

Вскоре пришла и Марта с небольшими чемоданчиками.

— На площадь Республики, — сказал Жан шофёру, не желая указывать конечного пункта. Он привык ездить с пересадками.

Женщина-загадка

Волны Средиземного моря ритмично набегали на песчаный пляж. Лёгкий ветер едва надувал паруса белых яхт и рыбачьих судов. Над головой, в синей воздушной глубине, ласково ворчали серые гидропланы, совершавшие короткие увеселительные рейсы между Ниццей и Ментоной.

Молодой человек в белом теннисном костюме сидел в плетёном кресле и читал газету. Возле кресла лежали в чехле теннисная ракетка и несколько свежих английских научных журналов.

Рядом с ним, под огромным белым зонтом, у мольберта возился его друг художник Арман Ларе.

Артур Доуэль, сын покойного профессора Доуэля, и Арман Ларе были неразлучными друзьями, и эта дружба лучше всего доказывала правдивость пословицы о том, что крайности сходятся.

Артур Доуэль был несколько молчалив и холоден. Он любил порядок, умел усидчиво и систематически заниматься. Ему оставался всего один год до окончания университета, и его уже оставляли в университете при кафедре биологии.

Ларе, как истый француз-южанин, был чрезвычайно увлекающейся натурой, сумбурный, взбалмошный. Он забрасывал кисти и краски на целые недели, чтобы потом вновь приняться за работу запоем, и тогда никакие силы не могли оторвать его от мольберта.

Только в одном друзья были похожи друг на друга: оба они были талантливы и умели добиваться раз поставленной цели, хотя и шли к этой цели разными путями: один — большими скачками, другой — размеренным шагом.

Биологические работы Артура Доуэля привлекали внимание крупнейших специалистов, и ему сулили блестящую научную карьеру. А картины Ларе вызвали много толков на выставках, и некоторые из них уже были приобретены известнейшими музеями разных стран.

Артур Доуэль бросил на песок газету, прислонился головой к спинке кресла, прикрыл глаза и сказал:

— Тело Анжелики Гай так и не найдено.

Ларе безутешно тряхнул головой и тяжело вздохнул.

— Ты до сих пор не можешь забыть о ней? — спросил Доуэль.

Ларе повернулся с такой быстротой к Артуру, что тот невольно улыбнулся. Перед ним был уже не пылкий художник, а рыцарь, вооружённый щитом-палитрой, с копьём-муштабелем в левой руке и мечом-кистью в правой, — оскорблённый рыцарь, готовый уничтожить того, кто нанёс ему смертельное оскорбление.

— Забыть Анжелику!.. — закричал Ларе, потрясая своим оружием. — Забыть ту, которая...

Внезапно подкрававшаяся волна, шипя, окатила его ноги почти до колен, и он меланхолично закончил:

— Разве можно забыть Анжелику? Мир стал скучнее с тех пор, как замолк-

ли её песни...

Впервые Ларе узнал о гибели, вернее, о бесследном исчезновении Анжелики Гай в Лондоне, куда он приехал, чтобы писать «симфонию лондонского тумана». Ларе был не только поклонником таланта певицы, но и её другом, её рыцарем. Недаром он родился в Южном Провансе, среди развалин средневековых замков.

Узнав о случившемся с Гай несчастье, он был так потрясён, что единственный раз в жизни прервал свой «живописный запой» в самом разгаре творчества.

Артур, приехавший в Лондон из Кембриджа, желая отвлечь своего друга от мрачных мыслей, придумал это путешествие на побережье Средиземного моря.

Но и здесь Ларе не находил себе места. Вернувшись с пляжа в отель, он переделся и, сев на поезд, отправился в самое людное место — игорный дом Монте-Карло. Ему хотелось забыться.

Несмотря на сравнительно ранний час, возле приземистого здания уже толпилась публика. Ларе вошёл в первый зал. Публики было мало.

— Делайте вашу игру, — приглашал крупье, вооружённый лопаточкой для загребания денег.

Ларе, не останавливаясь, прошёл в следующий зал, стены которого были расписаны картинами, изображающими полуобнажённых женщин, занимающихся охотой, скачками, фехтованием, — словом, всем тем, что возбуждает азарт. От картин веяло напряжением страстной борьбы, азарта, алчности, но ещё больше и резче эти чувства были написаны на лицах живых людей, собравшихся вокруг игорного стола.

Вот толстый коммерсант с бледным лицом протягивает деньги трясущимися пухлыми веснушчатými руками, покрытыми рыжеватым пушком. Он дышит тяжело, как астматик. Глаза его напряжённо следят за вертящимся шариком. Ларе безошибочно определяет, что толстяк уже крупно проигрался и теперь ставит последние деньги в надежде отыграться. А если нет — этот рыхлый человек, быть может, отправится в аллею самоубийц, и там произойдёт последний расчёт с жизнью...

За толстяком стоит плохо одетый бритый старик с всклокоченными седыми волосами и маниакальными глазами. В руках его записная книжка и карандаш. Он записывает выигрыш и выходящие номера, делает какие-то подсчёты... Он давно уже проиграл всё своё состояние и сделался рабом рулетки. Администрация игорного дома выдаёт ему небольшое ежемесячное пособие — на жизнь и игру: своеобразная реклама. Теперь он строит свою «теорию вероятностей», изучает капризный характер фортуны. Когда он ошибается в своих предположениях, то сердито бьёт карандашом по записной книжке, подскакивает на одной ноге, что-то бормочет и вновь углубляется в подсчёты. Если же его предположения оправдываются, лицо его сияет, и он поворачивает голову к соседям, как бы желая сказать: вот видите, наконец-то мне удалось открыть законы случая.

Два лакея вводят под руки и усаживают в кресло у стола старуху в чёрном шёлковом платье, с бриллиантовым ожерельем на морщинистой шее. Лицо её набелено так, что уже не может побледнеть. При виде таинственного шарика, распределяющего горе и радость, её ввалившиеся глаза загораются огнём алч-

ности и тонкие пальцы, униженные кольцами, начинают дрожать.

Молодая, красивая, стройная женщина, одетая в изящный тёмно-зелёный костюм, проходя мимо стола, бросает небрежным жестом тысячефранковый билет, проигрывает, беспечно усмехается и проходит в следующую комнату.

Ларе поставил на красное сто франков и выиграл.

«Я сегодня должен выиграть», — подумал он, ставя тысячу, — и проиграл. Но его не покидала уверенность, что в конце концов он выиграет. Его уже охватил азарт.

К столу рулетки подошли трое: мужчина, высокий и статный, с очень бледным лицом, и две женщины, одна рыжеволосая, а другая в сером костюме... Мельком взглянув на неё. Ларе почувствовал какую-то тревогу. Ещё не понимая, что его волнует, художник начал следить за женщиной в сером и был поражён одним жестом правой руки, который сделала она. «Что-то знакомое! О, такой жест делала Анжелика Гай!» Эта мысль так поразила его, что он уже не мог играть. А когда трое неизвестных, смеясь, отошли, наконец, от стола. Ларе, забыв взять со стола выигранные деньги, пошёл следом за ними.

В четыре часа утра кто-то сильно постучал в дверь Артура Доуэля. Сердито накинув на себя халат, Доуэль открыл.

В комнату шатающейся походкой вошёл Ларе и, устало опустившись в кресло, сказал:

— Я, кажется, схожу с ума.

— В чём дело, старина? — воскликнул Доуэль.

— Дело в том, что... я не знаю, как вам и сказать... Я играл со вчерашнего дня до двух часов ночи. Выигрыш сменялся проигрышем. И вдруг я увидел женщину, и один жест её порастил меня до того, что я бросил игру и последовал за ней в ресторан. Я сел за столик и спросил чашку крепкого чёрного кофе. Кофе мне всегда помогает, когда нервы слишком расшатаются... Незнакомка сидела за соседним столиком. С нею были молодой человек, прилично одетый, но не внушающий особого доверия, и довольно вульгарная рыжеволосая женщина. Мои соседи пили вино и весело болтали. Незнакомка в сером начала напевать шансонетку. У неё оказался пискливый голосок довольно неприятного тембра. Но неожиданно она взяла несколько низких грудных нот... — Ларе сжал свою голову. — Доуэль! Это был голос Анжелики Гай. Я из тысячи голосов узнал бы его.

«Несчастный! До чего он дошёл», — подумал Доуэль и, ласково положив руку на плечо Ларе, сказал:

— Вам померещилось. Ларе. Возьмите себя в руки. Случайное сходство...

— Нет, нет! Уверяю вас, — горячо возразил Ларе. — Я начал внимательно присматриваться к певице. Она довольно красива, чёткий профиль и милые лукавые глаза. Но её фигура, её тело! Доуэль, пусть черти растерзают меня зубами, если фигура певицы не похожа как две капли воды на фигуру Анжелики Гай.

— Вот что. Ларе, выпейте брому, примите холодный душ и ложитесь спать. Завтра, вернее сегодня, когда вы проснётесь...

Ларе укоризненно посмотрел на Доуэля:

— Вы думаете, что я с ума сошёл?.. Не торопитесь делать окончательное заключение. Выслушайте меня до конца. Это ещё не всё. Когда певичка спела

свою песенку, она сделала кистью руки вот такой жест. Это любимый жест Анжелики, жест совершенно индивидуальный, неповторимый.

— Но что же вы хотите сказать? Не думаете же вы, что неизвестная певица обладает телом Анжелики?

Ларе потёр лоб:

— Не знаю... от этого действительно с ума сойти можно... Но слушайте дальше. На шее певица носит замысловатое кольцо, вернее даже не кольцо, а целый приставной воротничок, украшенный мелким жемчугом, шириной по крайней мере в четыре сантиметра. А на её груди довольно широкий вырез. Вырез открывает на плече родинку — родинку Анжелики Гай. Колье выглядит как бинт. Выше кольцо — неизвестная мне голова женщины, ниже — знакомое, изученное мною до мельчайших деталей, линий и форм тело Анжелики Гай. Не забывайте, ведь я художник, Доуэль. Я умею запоминать неповторимые линии и индивидуальные особенности человеческого тела... Я делал столько набросков и эскизов с Анжелики, столько написал её портретов, что не могу ошибиться.

— Нет, это невозможно! — воскликнул Доуэль. — Ведь Анжелика по...

— Погибла? В том-то и дело, что это никому не известно. Она сама или её труп бесследно исчез. И вот теперь...

— Вы встречаете оживший труп Анжелики?

— О-о!.. — Ларе простонал. — Я думал именно об этом.

Доуэль поднялся и заходил по комнате. Очевидно, сегодня уже не удастся лечь спать.

— Будем рассуждать хладнокровно, — сказал он. — Вы говорите, что ваша неизвестная певичка имеет как бы два голоса: один свой, более чем посредственный, и другой — Анжелики Гай?

— Низкий регистр — её неповторимое контральто, — ответил Ларе, утвердительно кивнув головой.

— Но ведь это же физиологически невозможно. Не предполагаете же вы, что человек высокие ноты извлекает из своего горла верхними концами связок, а нижние — нижними? Высота звука зависит от большего или меньшего напряжения голосовых связок на всём протяжении. Ведь это как на струне: при большем натяжении вибрирующая струна даёт больше колебаний и более высокий звук, и обратно. Притом если бы проделать такую операцию, то голосовые связки были бы укорочены, значит, голос стал бы очень высоким. Да и едва ли человек мог бы петь после такой операции: рубцы должны были бы мешать правильной вибрации связок, и голос в лучшем случае был бы очень хриплым... Нет, это решительно невозможно. Наконец, чтобы «оживить» тело Анжелики, надо бы иметь голову, чью-то голову без тела.

Доуэль неожиданно замолк, так как вспомнил о том, что в известной степени подкрепляло предположение Ларе.

Артур сам присутствовал при некоторых опытах своего отца. Профессор Доуэль вливал в сосуды погибшей собаки нагретую до тридцати семи градусов Цельсия питательную жидкость с адреналином — веществом, раздражающим и заставляющим их сокращаться. Когда эта жидкость под некоторым давлением попадала в сердце, она восстанавливала его деятельность, и сердце начало прогонять кровь по сосудам. Мало-помалу восстанавливалось кровообращение, и животное оживало.

«Самой важной причиной гибели организма, — сказал тогда отец Артура, — является прекращение снабжения органов кровью и содержащимся в ней кислородом».

«Значит, так можно оживить и человека?» — спросил Артур.

«Да, — весело ответил его отец, — я берусь совершить воскрешение и когда-нибудь произведу это „чудо“. К этому я и веду свои опыты».

Оживление трупа, следовательно, возможно. Но возможно ли оживить труп, в котором тело принадлежало одному человеку, а голова — другому? Возможна ли такая операция? В этом Артур сомневался. Правда, он видел, как отец его делал необычайно смелые и удачные операции пересадки тканей и костей. Но всё это было не так сложно, и это делал его отец.

«Если бы мой отец был жив, я, пожалуй, поверил бы, что догадка Ларе о чужой голове на теле Анжелики Гай правдоподобна. Только отец мог осмелиться совершить такую сложную и необычайную операцию. Может быть, эти опыты продолжали его ассистенты? — подумал Доуэль. — Но одно дело оживить голову или даже целый труп, а другое — пришить голову одного человека к трупу другого».

— Что же вы хотите делать дальше? — спросил Доуэль.

— Я хочу разыскать эту женщину в сером, познакомиться с ней и раскрыть тайну. Вы поможете мне в этом?

— Разумеется, — ответил Доуэль.

Ларе крепко пожал ему руку, и они начали обсуждать план действий.

Весёлая прогулка

Через несколько дней Ларе был уже знаком с Брике, её подругой и Жаном. Он предложил им совершить прогулку на яхте, и предложение было принято.

В то время как Жан и Рыжая Марта беседовали на палубе с Доуэлем, Ларе предложил Брике пройти вниз осмотреть каюты. Их было всего две, очень небольшие, и в одной из них стояло пианино.

— О, здесь даже есть инструмент! — воскликнула Брике.

Она уселась у пианино и заиграла фокстрот. Яхта мерно покачивалась на волнах. Ларе стоял возле пианино, внимательно смотрел на Брике и обдумывал, с чего начать своё следствие.

— Спойте что-нибудь, — сказал он.

Брике не заставила себя упрашивать. Она запела, кокетливо поглядывая на Ларе. Он ей нравился.

— Какой у вас... странный голос, — сказал Ларе, испытующе глядя в её лицо. — В вашем горле как будто заключены два голоса: голоса двух женщин...

Брике смутилась, но, быстро овладев собой, принуждённо рассмеялась...

— О да!.. Это у меня с детства. Один профессор пения нашёл у меня контральто, а другой — меццо-сопрано. Каждый ставил голос по-своему, и вышло... притом я недавно простудилась...

«Не слишком ли много объяснений для одного факта? — подумал Ларе. — И почему она так смутилась? Мои предположения оправдываются. Тут что-то есть».

— Когда вы поёте на низких нотах, — с грустью заговорил он, — я будто

слышу голос одной моей хорошей знакомой... Она была известная певица. Бедняжка погибла при железнодорожном крушении. Ко всеобщему удивлению, её тело не было найдено... Её фигура чрезвычайно напоминает вашу, как две капли воды... Можно подумать, что это её тело.

Брике посмотрела на Ларе уже с нескрываемым страхом. Она поняла, что этот разговор ведётся Ларе неспроста.

— Бывают люди, очень похожие друг на друга... — сказала она дрогнувшим голосом.

— Да, но такого сходства я не встречал. И потом... ваши жесты... вот этот жест кистью руки... И ещё... вы сейчас взяли руками за голову, как бы поправляя пышные пряди волос. Такие волосы были у Анжелики Гай. И так она поправляла капризный локон у виска... Но у вас нет длинных локонов. У вас короткие, остриженные по последней моде волосы.

— У меня раньше были тоже длинные волосы, — сказала Брике, поднимаясь. Её лицо побледнело, кончики пальцев заметно дрожали. — Здесь душно... Пойдёмте наверх...

— Погодите, — остановил её Ларе, также волнуясь. — Мне необходимо поговорить с вами.



Он насильно усадил её в кресло у иллюминатора.

— Мне дурно... Я не привыкла к качке! — воскликнула Брике, порываясь уйти. Но Ларе как бы нечаянно коснулся руками её шеи, отвернув при этом край кольца. Он увидел розовевшие рубцы.

Брике пошатнулась. Ларе едва успел подхватить её: она была в обмороке.

Художник, не зная, что делать, брызнул ей в лицо прямо из стоявшего графина. Она скоро пришла в себя. Непередаваемый ужас засветился в её глазах. Несколько долгих мгновений они молча смотрели друг на друга. Брике казалось, что наступил час возмездия. Страшный час расплаты за то, что она присвоила чужое тело. Губы Брике дрогнули, и она чуть слышно прошептала:

— Не губите меня!.. Пожалейте...

— Успокойтесь, я не собираюсь губить вас... но я должен узнать эту тайну. — Ларе поднял висевшую как плеть руку Брике и сильно сдавил её. — Признайтесь, это не ваше тело? Откуда оно у вас? Скажите мне всю правду!

— Жан! — попыталась крикнуть Брике, но Ларе зажал ей рот ладонью, прошепав в самое ухо:

— Если вы ещё раз крикнете, вы не выйдете из этой каюты.

Потом, оставив Брике, он быстро запер дверь каюты на ключ и плотно прикрыл раму иллюминатора.

Брике заплакала, как ребёнок. Но Ларе был неумолим.

— Слёзы вам не помогут! Говорите скорее, пока я не потерял терпения.

— Я не виновата ни в чём, — заговорила Брике, всхлипывая. — Меня убили... Но потом я ожила... Одна моя голова на стеклянной подставке... Это было

так ужасно!.. И голова Тома стояла там же... Я не знаю, как это случилось... Профессор Керн — это он оживил меня... Я просила его, чтобы он вернул мне тело. Он обещал... И привёз откуда-то вот это тело... — Она почти с ужасом посмотрела на свои плечи и руки. — Но когда я увидела мёртвое тело, то отказалась... Мне было так страшно... Я не хотела, умоляла не приставлять моей головы к трупу... Это может подтвердить Лоран: она ухаживала за нами, но Керн не послушал. Он усыпил меня, и я проснулась вот такой. Я не хотела оставаться у Керна и убежала в Париж, а потом сюда... Я знала, что Керн будет преследовать меня... Умоляю вас, не убивайте меня и не говорите никому... Теперь я не хочу остаться без тела, оно стало моим... Я никогда не чувствовала такой лёгкости движений. Только болит нога... Но это пройдёт... я не хочу возвращаться к Керну!

Слушая эту бессвязную речь. Ларе думал: «Брике, кажется, действительно не виновата. Но этот Керн... Как мог он достать тело Гай и использовать его для такого ужасного эксперимента? Керн! Я слышал об этом имени от Артура. Керн, кажется, был ассистентом его отца. Эта тайна должна быть раскрыта».

— Перестаньте плакать и внимательно выслушайте меня, — строго сказал Ларе. — Я помогу вам, но при одном условии, если и вы никому не скажете о том, что произошло с вами вплоть до настоящего момента. Никому, кроме одного человека, который сейчас придёт сюда. Это Артур Доуэль — вы уже знаете его. Вы должны повиноваться мне во всём. Если только вы ослушаетесь, вас постигнет страшная кара. Вы совершили преступление, которое карается смертной казнью. И вам нигде не удастся спрятать вашу голову и присвоенное вами чужое тело. Вас найдут и гильотинируют. Слушайте же меня. Во-первых, успокойтесь. Во-вторых, садитесь за пианино и пойте. Пойте как можно громче, чтобы было слышно там, наверху. Вам очень весело, и вы не собираетесь подниматься на палубу.

Брике подошла к пианино, уселась и запела, аккомпанируя себе едва повиноющимися пальцами.

— Громче, веселее, — командовал Ларе, открывая иллюминатор и дверь.

Это было очень странное пение — крик отчаяния и ужаса, переложённый на мажорный лад.

— Громче барабаньте по клавишам! Так! Играйте и ждите. Вы поедете в Париж вместе с нами. Не вздумайте бежать. В Париже вы будете вне опасности, мы сумеем скрыть вас.

С весёлым лицом Ларе поднялся на палубу.

Яхта, наклонившись на правый борт, быстро скользила по лёгкой волне. Влажный морской ветер освежил Ларе. Он подошёл к Артуру Доуэлю и, незаметно отведя его в сторону, сказал:

— Пойдите — вниз в каюту и заставьте мадемуазель Брике повторить вам всё, что она сказала мне. А я займу гостей.

— Ну, как вам нравится яхта, мадам? — обратился он к Рыжей Марте и начал вести с нею непринуждённый разговор.

Жан, развалившись в плетёном кресле, блаженствовал вдали от полиции и сыщиков. Он не хотел больше ни думать, ни наблюдать, он хотел забыть о вечной насторожённости. Медленно потягивая из маленькой рюмки превосходный коньяк, он ещё больше погружался в созерцательное, полусонное состояние. Это было как нельзя более на руку Ларе.

Рыжая Марта также чувствовала себя великолепно. Слыша из каюты пение подруги, она сама в перерывах между фразами присоединяла свой голос к доносившемуся игривому напеву.

Успокоила ли Брике игра, или Артур показался ей менее опасным собеседником, но на этот раз она более связно и толково рассказала ему историю своей смерти и воскрешения.

— Вот и всё. Ну, разве я виновата? — Уже с улыбкой спросила она и спела коротенькую шансонетку «Виновата ли я», повторённую на палубе Мартой.

— Опишите мне третью голову, которая жила у профессора Керна, — сказал Доуэль.

— Тома?

— Нет, ту, которой вас показал профессор Керн! Впрочем...

Артур Доуэль торопливо вынул из бокового кармана бумажник, порылся в нём, достал оттуда фотографическую карточку и показал её Брике.

— Скажите, похож изображённый здесь мужчина на голову моего... знакомого, которую вы видели у Керна?

— Да это совершенно он! — воскликнула Брике. Она даже бросила играть. — Удивительно! И с плечами. Голова с телом. Неужели и ему уже успели пришить тело? Что с вами, мой дорогой? — участливо и испуганно спросила она.

Доуэль пошатнулся. Лицо его побледнело. Он, с трудом владея собой, сделал несколько шагов, тяжело опустился в кресло и закрыл лицо руками.

— Что с вами? — ещё раз спросила его Брике.

Но он ничего не отвечал. Потом губы его прошептали: «Бедный отец», но Брике не расслышала этих слов.

Артур Доуэль очень быстро овладел собой. Когда он поднял голову, его лицо было почти спокойно.

— Простите, я, кажется, напугал вас, — сказал он. — У меня иногда бывают такие лёгкие припадки на сердечной почве. Вот всё уже и прошло.

— Но кто этот человек? Он так похож на... Ваш брат? — заинтересовалась Брике.

— Кто бы он ни был, вы должны помочь нам разыскать эту голову. Вы поедете с нами. Мы устроим вас в таком укромном уголке, где вас никто не найдёт. Когда вы можете ехать?

— Хоть сегодня, — ответила Брике. — А вы... не отнимете у меня моё тело?

Доуэль сразу не понял, потом улыбнулся и ответил:

— Конечно, нет... если только вы будете слушать нас и помогать нам. Идёмте на палубу.

— Ну, как ваше плавание? — весело спросил он, поднявшись на палубу. Затем посмотрел на горизонт с видом опытного моряка и, озабоченно покачав головой, сказал: — Море мне не нравится... Видите эту темноватую полосу у горизонта?.. Если мы вовремя не вернёмся, то...

— О, скорее назад! Я не хочу утонуть, — полушутя, полусерьёзно воскликнула Брике.

Никакой бури не предвиделось. Просто Доуэль решил напугать своих сухопутных гостей, для того чтобы скорее вернуться на берег.

Ларе условился с Брике встретиться на теннисной площадке после обеда, «если не будет бури». Они расставались всего на несколько часов.

— Послушайте, Ларе, мы неожиданно напали на след больших тайн, — сказал Доуэль, когда они вернулись в отель. — Знаете ли вы, чья голова находилась у Керна? Голова моего отца, профессора Доуэля!

Ларе, уже усевшийся на стуле, подскочил, как мяч.

— Голова? Живая голова вашего отца! Но возможно ли это? И это всё Керн! Он... я растерзаю его! Мы найдём голову вашего отца.

— Боюсь, что мы не застанем её в живых, — печально ответил Артур. — Отец сам доказал возможность оживления голов, отсечённых от тела, но головы эти жили не более полутора часов, затем они умирали, потому что кровь свёртывалась, искусственные же питательные растворы могли поддержать жизнь ещё меньшее время.

Артур Доуэль не знал, что его отец незадолго до смерти изобрёл препарат, названный им «Доуэль 217» и переименованный Керном в «Керн 217». Введённый в кровь, этот препарат совершенно устраняет свёртывание крови и потому делает возможным более длительное существование головы.

— Но живую или мёртвую мы должны разыскать голову отца. Скорее в Париж!

Ларе бросился в свой номер собирать вещи.

В Париж!

Наскоро пообедав, Ларе побежал на теннисную площадку.

Несколько запоздавшая Брике была очень обрадована, увидев, что он уже ждёт её. Несмотря на весь страх, который внушил ей этот человек, Брике продолжала находить его очень интересным мужчиной.

— А где же ваша ракетка? — разочарованно спросила она его. — Разве вы сегодня не будете учить меня?

Ларе уже в продолжение нескольких дней учил Брике играть в теннис. Она оказалась очень способной ученицей. Но Ларе знал тайну этой способности больше, чем сама Брике: она обладала тренированным телом Анжелики, которая была прекрасной теннисисткой. Когда-то она сама учила Ларе некоторым ударам. И теперь Ларе оставалось только привести в соответствие уже тренированное тело Гай с ещё не тренированным мозгом Брике — закрепить в её мозгу привычные движения тела. Иногда движения Брике были неуверенные, угловатые. Но часто неожиданно для себя она делала необычайно ловкие движения. Она, например, чрезвычайно удивила Ларе, когда стала подавать «резаные мячи», — её никто не учил этому. А этот ловкий и трудный приём был своего рода гордостью Анжелики. И, глядя на движения Брике, Ларе иногда забывал, что играет не с Анжеликой. Именно во время игры в теннис у Ларе возникло нежное чувство к «возрождённой Анжелике», как иногда называл он Брике. Правда, это чувство было далеко от того обожания и преклонения, которых он был преисполнен к Анжелике.

Брике стояла возле Ларе, заслонившись ракеткой от заходящего солнца, — один из жестов Анжелики.

— Сегодня мы не будем играть.

— Как жалко! А я бы не прочь поиграть, хотя у меня сильнее, чем обычно, болит нога, — сказала Брике.

— Идёмте со мной. Мы едем в Париж.

— Сейчас?

— Немедленно.

— Но мне же необходимо хоть переодеться и захватить кое-какие вещи.

— Хорошо. Даю вам на сборы сорок минут, и ни минуты больше. Мы заедем за вами в автомобиле. Идите же скорее укладываться.

«Она действительно прихрамывает», — подумал Ларе, глядя вслед удаляющейся Брике.

По пути в Париж нога у Брике разболелась не на шутку. Брике лежала в своём купе и тихо стонала. Ларе успокаивал её как умел. Это путешествие ещё больше сблизило их. Правда, он ухаживал с такой заботливостью, как ему казалось, не за Брике, а за Анжеликой Гай. Но Брике относилась к заботам Ларе целиком к себе. Это внимание очень трогало её.

— Вы такой добрый, — сказала она сентиментально. — Там, на яхте, вы напугали меня. Но теперь я не боюсь вас. — И она улыбалась так очаровательно, что Ларе не мог не улыбнуться в ответ. Эта ответная улыбка уже всецело принадлежала голове: ведь улыбалась голова Брике. Она делала успехи, сама не замечая того.

А недалеко от Парижа случилось маленькое событие, ещё больше обрадовавшее Брике и удивившее самого виновника этого события. Во время особенно сильного приступа боли Брике протянула руку и сказала:

— Если бы вы знали, как я страдаю...

Ларе невольно взял протянутую руку и поцеловал её. Брике покраснела, а Ларе смутился.

«Чёрт возьми, — думал он, — я, кажется, поцеловал её. Но ведь это была только рука — рука Анжелики. Однако ведь боль чувствует голова, значит, поцеловав руку, я пожалел голову. Но голова чувствует боль потому, что болит нога Анжелики, но боль Анжелики чувствует голова Брике...» Он совсем запутался и смутился ещё больше.

— Чем вы объяснили ваш внезапный отъезд вашей подруге? — спросил Ларе, чтобы скорее покончить с неловкостью.

— Ничем. Она привыкла к моим неожиданным поступкам. Впрочем, она с мужем тоже скоро приедет в Париж... Я хочу её видеть... Вы, пожалуйста, пригласите её ко мне. — И Брике дала адрес Рыжей Марты.

Ларе и Артур Доуэль решили поместить Брике в небольшом пустующем доме, принадлежащем отцу Ларе, в конце авеню до Мэн.

— Рядом с кладбищем! — суеверно воскликнула Брике, когда автомобиль провозил её мимо кладбища Монпарнас.

— Значит, долго жить будете, — успокоил её Ларе.

— Разве есть такая примета? — спросила суеверная Брике.

— Вернейшая.

И Брике успокоилась.

Больную уложили в довольно уютной комнате на огромной старинной кровати под балдахином.

Брике вздохнула, откидываясь на горку подушек.

— Вам необходимо пригласить врача и сиделку, — сказал Ларе. Но Брике решительно возражала. Она боялась, что новые люди донесут на неё.

С большим трудом Ларе уговорил её показать ногу своему другу, молодому врачу, и пригласить в сиделки дочь консьержа.

— Этот консьерж служит у нас двадцать лет. На него и на его дочь вполне можно положиться.

Приглашённый врач осмотрел распухшую и сильно покрасневшую ногу, предписал делать компрессы, успокоил Брике и вышел с Ларе в другую комнату.

— Ну, как? — спросил не без волнения Ларе.

— Пока серьёзного ничего нет, но следить надо. Я буду навещать её через день. Больная должна соблюдать абсолютный покой.

Ларе каждое утро навещал Брике. Однажды он тихо вошёл в комнату. Сиделки не было. Брике дремала или лежала с закрытыми глазами. Странное дело, её лицо, казалось, всё более молодело. Теперь Брике можно было дать не более двадцати лет. Черты лица как-то смягчились, стали нежнее.

Ларе на цыпочках подошёл к кровати, нагнулся, долго смотрел на это лицо и... вдруг нежно поцеловал в лоб. На этот раз Ларе не анализировал, целует ли он «останки» Анжелики, голову Брике или всю Брике.

Брике медленно подняла веки и посмотрела на Ларе, бледная улыбка мелькнула на её губах.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ларе. — Я не разбудил вас?

— Нет, я не спала. Благодарю вас, я чувствую себя хорошо. Если бы не эта боль...

— Доктор говорит, что ничего серьёзного. Лежите спокойно, и скоро вы поправитесь...

Вошла сиделка. Ларе кивнул головой и вышел. Брике проводила его нежным взглядом. В жизнь её вошло что-то новое. Она хотела скорее поправиться. Кабаре, танцы, шансонетки, весёлые пьяные посетители «Ша-нуар» — всё это ушло куда-то далеко, потеряло смысл и цену. В сердце её рождались новые мечты о счастье. Быть может, это было самое большое чудо «перевоспложения», о котором не подозревала она сама, не подозревал и Ларе! Чистое, девственное тело Анжелики Гай не только омолодило голову Брике, но и изменило ход её мыслей. Развязная певица из кабаре превращалась в скромную девушку.

Жертва Керна

В то время как Ларе был всецело поглощён заботами о Брике, Артур Доуэль собирал сведения о доме Керна. От времени до времени друзья совещались с Брике, которая сообщила им всё, что знала о доме и людях, населявших его.

Артур Доуэль решил действовать очень осторожно. С момента исчезновения Брике Керн должен быть настороже. Застать его врасплох едва ли удастся. Необходимо вести дело так, чтобы до последнего момента Керн не подозревал, что на него уже ведётся атака.

— Мы будем действовать как можно хитрей, — сказал он Ларе. — Прежде всего нужно узнать, где живёт мадемуазель Лоран. Если она не заодно с Керном, то во многом нам поможет, — гораздо больше, чем Брике.

Разузнать адрес Лоран не представляло большого труда. Но когда Доуэль посетил квартиру, его ждало разочарование. Вместо Лоран он застал только её мать, чистенько одетую благообразную старушку, заплаканную, недоверчивую, убитую горем.

— Могу я видеть мадемуазель Лоран? — спросил он.

Старуха с недоумением посмотрела на него:

— Мою дочь? Разве вы её знаете?.. А с кем я имею честь говорить и зачем вам нужна моя дочь?

— Если разрешите...

— Прошу вас. — И мать Лоран впустила посетителя в маленькую гостиную, уставленную мягкой старинной мебелью в белых чехлах с кружевными накидками на спинках. На стене большой портрет. «Интересная девушка», — подумал Артур.

— Моя фамилия Радье, — сказал он. — Я медик из провинции, вчера только приехал из Тулона. Когда-то я был знаком с одной из подруг мадемуазель Лоран по университету. Уже здесь, в Париже, я случайно встретил эту подругу и узнал от неё, что мадемуазель Лоран работает у профессора Керна.

— А как фамилия университетской подруги моей дочери?

— Фамилия? Риш!

— Риш! Риш!.. Не слыхала такой, — заметила Лоран и уже с явным недоверием спросила: — А вы не от Керна?

— Нет, я не от Керна, — с улыбкой ответил Артур. — Но очень хотел бы познакомиться с ним. Дело в том, что он работает в той области, которой я очень интересуюсь. Мне известно, что ряд опытов, и самых интересных, он производит на дому. Но он очень замкнутый человек и никого не желает пускать в своё святая святых.

Старушка Лоран решила, что это похоже на правду: поступив на работу к профессору Керну, дочь говорила, что он живёт очень замкнуто и никого не принимает. «Чем же он занимается?» — спросила она у дочери и получила неопределённый ответ: «Всеякими научными опытами».

— И вот, — продолжал Доуэль, — я решил познакомиться сначала с мадемуазель Лоран и посоветоваться с нею, как мне вернее достигнуть цели. Она могла бы подготовить почву, предварительно поговорить с профессором Керном, познакомить меня с ним и ввести в дом.

Вид молодого человека располагал к доверию, но всё, что было связано с именем Керна, возбуждало в душе мадам Лоран такое беспокойство и тревогу,

что она не знала, как вести дальше разговор. Она тяжело вздохнула и, сдерживая себя, чтобы не заплакать, сказала:

— Моей дочери нет дома. Она в больнице.

— В больнице? В какой больнице?

Мадам Лоран не стерпела. Она слишком долго оставалась одна со своим горем и теперь, забыв о всякой осторожности, рассказала своему гостю всё: как её дочь неожиданно прислала письмо о том, что работа заставляет её остаться некоторое время в доме Керна для ухода за тяжелобольными; как она, мать, делала бесплодные попытки повидаться с дочерью в доме Керна; как волновалась; как, наконец Керн сообщил ей, что её дочь заболела нервным расстройством и отвезена в больницу для душевнобольных.

— Я ненавижу этого Керна, — говорила старушка, вытирая платком слёзы. — Это он довёл мою дочь до сумасшествия. Я не знаю, что она видела в доме Керна и чем занималась, — об этом она даже мне не говорила, — но я знаю одно, что как только Мари поступила на эту работу, так и начала нервничать. Я не узнавала её. Она приходила бледная, взволнованная, она лишилась аппетита и сна. По ночам её душили кошмары. Она вскакивала и говорила сквозь сон, что голова какого-то профессора Доуэля и Керн преследуют её... Керн присылает мне по почте заработанную плату дочери, довольно значительную сумму, присылает до сих пор. Но я не прикасаюсь к деньгам. Здоровья не приобретёшь ни за какие деньги... Я потеряла дочь... — И старушка залилась слезами.

«Нет, в этом доме не может быть сообщников Керна», — подумал Артур Доуэль. Он решил больше не скрывать истинной цели своего прихода.

— Сударыня, — сказал он, — я теперь откровенно признаюсь, что имею не меньше оснований ненавидеть Керна. Мне нужна была ваша дочь, чтобы свети с Керном кое-какие счёты и... обнаружить его преступления.

Мадам Лоран вскрикнула.

— О, не беспокойтесь, ваша дочь не замешана в этих преступлениях.

— Моя дочь скорее умрёт, чем совершит преступление, — гордо ответила Лоран.

— Я хотел воспользоваться услугами мадемуазель Лоран, но теперь вижу, что ей самой необходимо оказать услугу. Я имею основания предполагать, что ваша дочь не сошла с ума, а заключена в сумасшедший дом профессором Керном.

— Но почему? За что?

— Именно потому, что ваша дочь скорее умрёт, чем совершит преступление, как изволили вы сказать. Очевидно, она была опасна для Керна.

— Но о каких преступлениях вы говорите?

Артур Доуэль ещё недостаточно знал Лоран и опасался её старушечьей болтливости, а потому решил не раскрывать всего.

— Керн делал незаконные операции. Будьте добры сказать, в какую больницу отправлена Керном ваша дочь?

Взволнованная Лоран едва собралась с силами, чтобы продолжать связно говорить. Прерывая свои слова рыданиями, она ответила:

— Керн долго не хотел мне этого сообщить. К себе в дом он не пускал меня. Приходилось писать ему письма. Он отвечал уклончиво, старался успокоить меня и уверить, что моя дочь поправляется и скоро вернётся ко мне. Когда моё

терпение истощилось, я написала ему, что напишу на него жалобу, если он сейчас же не ответит, где моя дочь. И тогда он сообщил адрес больницы. Она находится в окрестностях Парижа, в Ско. Больница принадлежит частному врачу Равино. Ох, я ездила туда! Но меня даже не пустили во двор. Это настоящая тюрьма, обнесённая каменной стеной... «У нас такие порядки, — ответил мне привратник, — что родных мы никого не пускаем, хотя бы и родную мать». Я вызвала дежурного врача, но он ответил мне то же. «Сударыня, — сказал он, — посещение родственниками больных всегда волнует и ухудшает их душевное состояние. Могу вам только сообщить, что вашей дочери лучше». И он захлопнул передо мной ворота.

— Я всё же постараюсь повидаться с вашей дочерью. Может быть, мне удастся и освободить её.

Артур тщательно записал адрес и откланялся.

— Я сделаю всё, что только будет возможно. Поверьте мне, что я заинтересован в этом так же, как если бы мадемуазель Лоран была моей сестрой.

И, напутствуемый всяческими советами и добрыми пожеланиями, Доуэль вышел из комнаты.

Артур решил немедленно повидаться с Ларе, его друг целые дни проводил с Брике, и Доуэль направился на авеню дю Мен. Возле домика стоял автомобиль Ларе.

Доуэль быстро поднялся на второй этаж и вошёл в гостиную.

— Артур, какое несчастье, — встретил его Ларе. Он был чрезвычайно расстроен, метался по комнате и ерошил свои чёрные курчавые волосы.

— В чём дело. Ларе?

— О!.. — простонал его друг. — Она бежала...

— Кто?

— Мадемуазель Брике, конечно!

— Бежала? Но почему? Говорите же, наконец, толком!

Но нелегко было заставить Ларе говорить. Он продолжал метаться, вздыхать, стонать и охать. Прошло не менее десяти минут, пока Ларе заговорил:

— Вчера мадемуазель Брике с утра жаловалась на усиливающиеся боли в ноге. Нога очень опухла и посинела. Я вызвал врача. Он осмотрел ногу и сказал, что положение резко ухудшилось. Началась гангрена. Необходима операция. Врач не брался оперировать на дому и настаивал на том, чтобы больную немедленно перевезли в больницу. Но мадемуазель Брике ни за что не соглашалась. Она боялась, что в больнице обратят внимание на шрамы на её шее. Она плакала и говорила, что должна вернуться к Керну. Керн предупреждал её, что ей необходимо остаться у него до полного «выздоровления». Она не послушалась его и теперь жестоко наказана. И она верит Керну как хирургу. «Если он сумел воскресить меня из мёртвых и дать новое тело, то может вылечить и мою ногу. Для него это пустяк». Все мои уговоры не приводили ни к чему. Я не хотел отпускать её к Керну. И я решил применить хитрость. Я сказал, что сам отправлю её к Керну, предполагая перевезти в больницу. Но мне необходимо было принять меры к тому, чтобы тайна «воскрешения» Брике в самом деле не раскрылась ранее времени, — я не забывал о вас, Артур. И я уехал на час, не более, чтобы стовориться со знакомыми врачами. Я хотел перехитрить Брике, но она перехитрила меня и сиделку. Когда я приехал, её уже не было. Всё, что от неё осталось, — вот эта записка, лежавшая на столике возле

её кровати. Вот, посмотрите. — И Ларе подал Артуру листок бумаги, на котором карандашом наспех было написано несколько слов:

«Ларе, простите меня, я не могу поступить иначе. Я возвращусь к Керну. Не навещайте меня. Керн поставит меня на ноги, как уже сделал это раз. До скорого свидания, — эта мысль утешает меня».

— Даже подписи нет.

— Обратите внимание, — сказал Ларе, — на почерк. Это почерк Анжелики, хотя несколько изменённый. Так могла бы написать Анжелика, если бы она писала в сумерки или у неё болела рука: более крупно, более размашисто.

— Но всё-таки как это произошло? Как она могла бежать?

— Увы, она бежала от Керна, чтобы теперь бежать от меня к Керну. Когда я приехал сюда и увидел, что клетка опустела, я едва не убил сиделку. Но она объяснила, что сама была введена в заблуждение. Брике, с трудом поднявшись, подошла к телефону и вызвала меня. Это была хитрость. Меня она не вызывала. Поговорив по телефону, Брике заявила сиделке, что я как будто всё устроил и прошу её немедленно ехать в больницу. И Брике попросила сиделку вызвать автомобиль, затем с её помощью добралась до автомобиля и укатила, отказавшись от услуг сиделки. «Это недалеко, а там меня снимут санитары», — сказала она. И сиделка была в полной уверенности, что всё делается по моему распоряжению и с моего ведома. Артур! — вдруг крикнул Ларе, вновь приходя в волнение. — Я еду к Керну немедленно. Я не могу её оставить там. Я уже вызвал по телефону мой автомобиль. Едем со мною, Артур!

Артур прошёлся по комнате. Какое неожиданное осложнение! Положим, Брике уже сообщила всё, что знала о доме Керна. Но всё же её советы были бы необходимы в дальнейшем, не говоря о том, что она сама являлась уликой против Керна. И этот обезумевший Ларе. Теперь он плохой помощник.

— Послушайте, мой друг, — сказал Артур, опустив руки на плечи художника. — Сейчас больше чем когда-либо нам необходимо крепко взять себя в руки и воздержаться от опрометчивых поступков. Дело сделано. Брике у Керна. Следует ли нам тревожить прежде времени зверя в его берлоге? Как вы полагаете, расскажет ли Брике Керну обо всём, что произошло с нею с тех пор, как она бежала от него, о нашем знакомстве с нею и о том, что мы многое узнали о Керне?

— Могу поручиться, что она ничего не скажет, — убеждённо ответил Ларе. — Она дала мне слово там, на яхте, и неоднократно повторяла, что сохранит тайну. Теперь она выполнит это не только под влиянием страха, но и... по другим мотивам.

Артуру были понятны эти мотивы. Он уже давно заметил, что Ларе проявлял всё большее внимание к Брике.

«Несчастный романтик, — подумал Доуэль, — везёт ему на трагическую любовь. На этот раз он теряет не только Анжелику, но и вновь зарождающуюся любовь. Однако ещё не всё потеряно».

— Будьте терпеливы. Ларе, — сказал он. — Наши цели сходятся. Соединим наши усилия и будем вести осторожную игру. У нас два пути: или нанести Керну немедленный удар, или же постараться сначала окольными путями узнать о судьбе головы моего отца и о Брике. После того как Брике убежала от него, Керн должен держаться настороже. Если он ещё не уничтожил голову моего отца, то, вероятно, хорошо скрыл её. Уничтожить же голову можно в

несколько минут. Если только полиция начнёт стучаться в его дверь, он уничтожит все следы преступления прежде, чем откроет дверь. И мы ничего не найдём. Не забудьте. Ларе, что Брике тоже «следы преступления». Керн совершал незаконные операции. Мало этого: он незаконно похитил тело Анжелики. А Керн — человек, который не остановится ни перед чем. Ведь осмелился же он тайно от всех оживить голову моего отца. Я знаю, что отец разрешил в завещании анатомировать его тело, но я никогда не слышал, чтобы он соглашался на опыт с оживлением своей головы. Почему Керн скрывает от всех, даже от меня, существование головы? Для чего она нужна ему? И для чего нужна ему Брике? Быть может, он занимается вивисекцией над людьми и Брике для него сыграла роль кролика?

— Тем более её надо скорее спасти, — горячо возразил Ларе.

— Да, спасти, но не ускорить её смерть. А наш визит к Керну может ускорить этот роковой конец.

— Но что же делать?

— Идти втроём, более медленным путём. Постараемся, чтобы и этот путь был возможно короче. Мари Лоран нам может дать гораздо более полезные сведения, чем Брике. Лоран знает расположение дома, она ухаживала за головами. Быть может, она говорила с моим отцом... то есть с его головой.

— Так давайте скорее Лоран.

— Увы, её тоже необходимо сначала освободить.

— Она у Керна?

— В больнице. Очевидно, в одной из тех больниц, где за хорошие деньги держат взаперти таких же больных людей, как мы с вами. Нам придётся немало поработать, Ларе. — И Доуэль рассказал своему другу о своём свидании с матерью Лоран.

— Проклятый Керн! Он сеет вокруг себя несчастье и ужасы. Попадись он мне...

— Постараемся, чтобы он попался. И первый шаг к этому — нам надо повидаться с Лоран.

— Я немедленно еду туда.

— Это было бы неосторожно. Нам лично нужно показываться только в тех случаях, когда ничего другого не остаётся. Пока будем пользоваться услугами других людей. Мы с вами должны представлять своего рода тайный комитет, который руководит действиями надёжных людей, но остаётся неизвестным врагу. Надо найти верного человека, который отправился бы в Ско, завёл знакомство с санитарями, сиделками, поварами, привратниками — с кем окажется возможным. Если удастся подкупить хоть одного, дело будет наполовину сделано.

Ларе, не терпелось. Ему самому хотелось немедленно приступить к действиям, но он подчинился более рассудительному Артуру и в конце концов примирился с политикой осторожных действий.

— Но кого же мы пригласим? О, Шауб! Молодой художник, недавно приехавший из Австралии. Мой приятель, прекрасный человек, отличный спортсмен. Для него поручение будет тоже своего рода спортом. Чёрт возьми, — выбранился Ларе, — почему я сам не могу взяться за это?

— Это так романтично? — с улыбкой спросил Доуэль.

Лечебница Равино

Шауб, молодой человек двадцати трёх лет, розоволицый блондин атлетического сложения, принял предложение «заговорщиков» с восторгом. Его не посвящали пока во все подробности, но сообщили, что он может оказать друзьям огромную услугу. И он весело кивнул головой, не спросив даже Ларе, нет ли во всей этой истории чего-нибудь предосудительного: он верил в честность Ларе и его Друга.

— Великолепно! — воскликнул Шауб. — Я еду в Ско немедленно. Этудный ящик послужит прекрасным оправданием появления нового человека в маленьком городишке. Я буду писать портреты санитаров и сиделок. Если они будут не очень безобразны, я даже немножко поухаживаю за ними.

— Если потребуется, предлагайте руку и сердце, — сказал Ларе с воодушевлением.

— Для этого я недостаточно красив, — скромно заметил молодой человек. — Но свои бицепсы я охотно пущу в дело, если будет необходимо.

Новый союзник отправился в путь.

— Помните же, действуйте с возможной скоростью и предельной осторожностью, — дал ему Доуэль последний совет.

Шауб обещал приехать через три дня. Но уже на другой день вечером он, очень расстроенный, явился к Ларе.

— Невозможно, — сказал он. — Не больница, а тюрьма, обнесённая каменной стеной. И за эту стену не выходит никто из служащих. Все продукты доставляются подрядчиками, которых не пускают даже во двор. К воротам выходит заведующий хозяйством и принимает всё, что ему нужно... Я ходил вокруг этой тюрьмы, как волк вокруг овчарни. Но мне не удалось даже одним глазом заглянуть за каменную ограду.

Ларе был разочарован и раздосадован.

— Я надеялся, — сказал он с плохо скрытым раздражением, — что вы проявите большую изобретательность и находчивость, Шауб.

— Не угодно ли вам самим проявить эту изобретательность, — ответил не менее раздражённо Шауб. — Я не оставил бы своих попыток так скоро. Но мне случайно удалось познакомиться с одним местным художником, который хорошо знает город и обычаи лечебницы. Он сказал мне, что это совершенно особая лечебница. Много преступлений и тайн хранит она за своими стенами. Наследники помещают туда своих богатых родственников, которые слишком долго зажились и не думают умирать, объявляют их душевнобольными и устанавливают над ними опеку. Опекуны несовершеннолетних отправляют туда же своих опекаемых перед наступлением их совершеннолетия, чтобы продолжать «опекать», свободно распоряжаясь их капиталами. Это тюрьма для богатых людей, пожизненное заключение для несчастных жён, мужей, престарелых родителей и опекаемых. Владелец лечебницы, он же главный врач, получает колоссальные доходы от заинтересованных лиц. Весь штат хорошо оплачивается. Здесь бессилён даже закон, от вторжения которого охраняет уже не каменная стена, а золото. Здесь всё держится на подкупе.

Согласитесь, что при таких условиях я мог просидеть в Ско целый год и ни на один сантиметр не продвинуться в больницу.

— Надо было не сидеть, а действовать, — сухо заметил Ларе.



Шауб демонстративно поднял свою ногу и указал на порванные внизу брюки.

— Действовал, как видите, — с горькой иронией сказал он. — Прошлую ночь попытался перелезть через стену. Для меня это нетрудное дело. Но не успел я спрыгнуть по ту сторону стены, как на меня набросились огромные доги, — и вот результат... Не обладай я обезьяньим проворством и ловкостью, меня разорвали бы на куски. Тотчас по всему огромному саду послышалась перекичка сторожей, замелькали зажжённые электрические фонари. Но этого мало. Когда я уже перебрался обратно, тюремщики выпустили своих собак за ворота. Животные выдрессированы точно так же, как дрессировали в своё время собак на южноамериканских плантациях для поимки беглых негров... Ларе, вы знаете, сколько призов я взял в состязаниях на быстроту бега. Если бы я всегда бегал так, как улепётывал минувшей ночью, спасаясь от проклятых псов, я был бы чемпионом мира. Довольно вам сказать, что я без особого труда вскочил на подножку попутного автомобиля, мчавшегося по дороге со скоростью по крайней мере тридцать километров в час, и только это спасло меня!

— Проклятие! Что же теперь делать? — воскликнул Ларе, ероша волосы. — Придётся вызвать Артура. — И он устремился к телефону.

Через несколько минут Артур уже пожимал руки своих друзей.

— Этого надо было ожидать, — сказал он, узнав о неудаче. — Керн умеет хоронить свои жертвы в надёжных местах. Что же нам делать? — повторил он вопрос Ларе. — Идти напролом, действовать тем же оружием, что и Керн, — подкупить главного врача и...

— Я не пожалею отдать всё моё состояние! — воскликнул Ларе.

— Боюсь, что его будет недостаточно. Дело в том, что коммерческое предприятие почтенного доктора Равино зиждется на огромных кушах, которые он получает от своих клиентов, с одной стороны, и на том доверии, которое питают к нему его клиенты, вполне уверенные, что уж если Равино получил хорошую взятку, то ни при каких условиях он не продаст их интересов. Равино не захочет подорвать своё реноме и тем самым пошатнуть все основы своего предприятия. Вернее, он сделал бы это, если бы мог сразу получить такую сумму, которая равнялась бы всем его будущим доходам лет на двадцать вперёд. А на это, боюсь, не хватит средств, если бы мы сложили наши капиталы. Равино имеет дело с миллионерами, не забывайте этого. Гораздо проще и де-

шевле было бы подкупить кого-нибудь из его служащих помельче. Но всё несчастье в том, что Равино следит за своими служащими не меньше, чем за заключёнными. Шауб прав. Я сам наводил кое-какие справки о лечебнице Равино. Легче постороннему человеку проникнуть в каторжную тюрьму и устроить побег, чем проделать то же в тюрьме Равино. Он принимает к себе на службу с большим разбором, в большинстве случаев людей, не имеющих родных. Не брезгает он и теми, кто не поладил с законом и желает скрыться от бдительного ока полиции. Он платит хорошо, но берёт обязательство, что никто из служащих не будет выходить за пределы лечебницы во время службы, а время это определяется в десять и двадцать лет, не меньше.

— Но где же он найдёт таких людей, которые решились бы на такое почти пожизненное лишение свободы? — спросил Ларе.

— Находит. Многих соблазняет мысль обеспечить себя на старости. Большинство загоняет нужда. Но, конечно, выдерживают не все. У Равино случаются, хотя и очень редко — раз в несколько лет, — побеги служащих. Не так давно один служащий, истосковавшийся по свободной жизни, бежал. В тот же день его труп нашли в окрестностях Ско. Полиция Ско на откупе у Равино. Был составлен протокол о том, что служащий покончил жизнь самоубийством. Равино взял труп и перенёс к себе в лечебницу. Об остальном можно догадаться. Равино, вероятно, показал труп своим служащим и произнёс соответствующую речь, намекая на то, что такая же судьба ждёт всякого нарушителя договора. Вот и всё.

Ларе был ошеломлён.

— Откуда у вас такая информация?

Артур Доуэль самодовольно улыбнулся.

— Ну вот, видите, — сказал повеселевший Шауб. — Я же говорил вам, что я не виноват.

— Представляю, как весело живёт в этом проклятом месте Лоран. Но что же нам предпринять, Артур? Взорвать стены динамитом? Делать подкоп?

Артур уселся в кресло и задумался. Друзья молчали, поглядывая на него.

— Эврика! — вдруг вскрикнул Доуэль.

«Сумасшедшие»

Небольшая комната с окном в сад. Серые стены. Серая кровать, застланная светло-серым пушистым одеялом. Белый столик и два белых стула.

Лоран сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит её русые волосы. Она очень похудела и побледнела. Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые с чёрной каймой халаты сестёр.

— Сумасшедшие... — тихо говорит Лоран, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая... Какая нелепость! Вот всё, чего я достигла...

Она сжала руки, хрустнув пальцами.

Как это произошло?..

Керн вызвал её в кабинет и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами, мадемуазель Лоран. Вы помните наш первый разговор, когда вы пришли сюда, желая получить работу?

Она кивнула головой.

— Вы обещали молчать обо всём, что увидите и услышите в этом доме, не так ли?

— Да.

— Повторите ж сейчас это обещание и можете идти навестить свою мамашу. Видите, как я доверяю вашему слову.

Керн удачно нашёл струну, на которой играл. Лоран была чрезвычайно смущена. Несколько минут она молчала. Лоран привыкла исполнять данное слово, но после того, что она узнала здесь... Керн видел её колебания и с тревогой следил за исходом её внутренней борьбы.

— Да, я дала вам обещание молчать, — сказала она наконец тихо. — Но вы обманули меня. Вы многое скрыли от меня. Если бы вы сразу сказали всю правду, я не дала бы вам такого обещания.

— Значит, вы считаете себя свободной от этого обещания?

— Да.

— Благодарю за откровенность. С вами хорошо иметь дело уже потому, что вы по крайней мере не лукавите. Вы имеете гражданское мужество говорить правду.

Керн говорил это не только для того, чтобы польстить Лоран. Несмотря на то что честность Керн считал глупостью, в эту минуту он действительно уважал её за мужественность характера и моральную стойкость. «Чёрт возьми, будет досадно, если придётся убрать с дороги эту девочку. Но что же поделаться с нею?»

— Итак, мадемуазель Лоран, при первой же возможности вы пойдёте и донесёте на меня? Вам должно быть известно, какие это будет иметь для меня последствия. Меня казнят. Больше того, моё имя будет опозорено.

— Об этом вам нужно было подумать раньше, — ответила Лоран.

— Послушайте, мадемуазель, — продолжал Керн, как бы не расслышав её слов. — Отрешитесь вы от своей узкой моральной точки зрения. Поймите, если бы не я, профессор Доуэль давно сгнил бы в земле или сторел в крематории. Стала бы его работа. То, что сейчас делает голова, ведь это, в сущности, посмертное творчество. И это создал я. Согласитесь, что при таком положении я имею некоторые права на «продукцию» головы Доуэля. Больше того, без ме-

ня Доуэль — его голова — не смог бы осуществить свои открытия. Вы знаете, что мозг не поддаётся оперированию и сращиванию. И тем не менее операция «сращения» головы Брике с телом удалась прекрасно. Спинной мозг, проходящий через шейные позвонки, сросся. Над разрешением этой задачи работали голова Доуэля и руки Керна. А эти руки, — Керн протянул руки, глядя на них, — тоже чего-нибудь стоят. Они спасли не одну сотню человеческих жизней и спасут ещё много сотен, если только вы не занесёте над моей головой меч возмездия. Но и это ещё не всё. Последние наши работы должны произвести переворот не только в медицине, но и в жизни всего человечества. Отныне медицина может восстановить угасшую жизнь человека. Сколько великих людей можно будет воскресить после их смерти, продлить им жизнь на благо человечества! Я удлиню жизнь гения, верну детям отца, жене — мужа. Впоследствии такие операции будет совершать рядовой хирург. Сумма человеческого горя уменьшится...

— За счёт других несчастных.

— Пусть так, но там, где плакали двое, будет плакать один. Там, где было два мертвеца, будет один. Разве это не великие перспективы? И что в сравнении с этим представляют мои личные дела, пусть даже преступления? Какое дело больному до того, что на душе хирурга, спасающего его жизнь, лежит преступление? Вы убьёте не только меня, вы убьёте тысячи жизней, которые в будущем я мог бы спасти. Подумали ли вы об этом? Вы совершите преступление в тысячу раз большее, чем совершил я, если только я совершил его. Подумайте же ещё раз и скажите мне ваш ответ. Теперь идите. Я не буду торопить вас.

— Я уже дала вам ответ. — И Лоран вышла из кабинета.

Она пришла в комнату головы профессора Доуэля и передала ему содержание разговора с Керном. Голова Доуэля задумалась.

— Не лучше ли было скрыть ваши намерения или по крайней мере дать неопределённый ответ? — наконец прошептала голова.

— Я не умею лгать, — ответила Лоран.

— Это делает вам честь, но... ведь вы обрекли себя. Вы можете погибнуть, и ваша жертва не принесёт никому пользы.

— Я... иначе я не могу, — сказала Лоран и, грустно кивнув голове, удалилась...

— Жребий брошен, — повторяла она одну и ту же фразу, сидя у окна своей комнаты.

«Бедная мама, — неожиданно мелькнуло у неё в голове. — Но она поступила бы так же», — сама себе ответила Лоран. Ей хотелось написать матери письмо и в нём изложить всё, что произошло с нею. Последнее письмо. Но не было никакой возможности переслать его. Лоран не сомневалась, что должна погибнуть. Она была готова спокойно встретить смерть. Её огорчали только заботы о матери и мысли о том, что преступление Керна останется неотомщённым. Однако она верила, что рано или поздно всё же возмездие не минует его.

То, чего она ждала, случилось скорее, чем она предполагала.

Лоран погасила свет и улеглась в кровать. Нервы её были напряжены. Она слышала какой-то шорох за шкафом, стоящим у стены. Этот шорох больше удивил, чем испугал её. Дверь в её комнату была заперта на замок. К ней не

могли войти так, чтобы она не услышала. «Что же это за шорох? Быть может, мыши?»

Дальнейшее произошло с необычайной быстротой.

Вслед за шорохом послышался скрип. Чьи-то шаги быстро приблизились к кровати. Лоран испуганно приподнялась на локтях, но в то же мгновение чьи-то сильные руки придавили её к подушке и прижали к лицу маску с хлороформом.

«Смерть!..» — мелькнуло в её мозгу, и, затрепетав всем телом, она инстинктивно рванулась.

— Спокойнее, — услышала она голос Керна, совсем такой же, как во время обычных операций, а затем потеряла сознание.

Пришла в себя она уже в лечебнице.

Профессор Керн привёл в исполнение угрозу о «чрезвычайно тяжёлых для неё последствиях», если она не сохранит тайну. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам не получил возмездия. Мари Лоран принесла в жертву себя, но её жертва была бесплодной. Сознание этого ещё больше нарушало её душевное равновесие.

Она была близка к отчаянию. Даже здесь она чувствовала влияние Керна.

Первые две недели Лоран не разрешали даже выходить в большой тенистый сад, где гуляли «тихие» больные.

Тихие — это были те, которые не протестовали против заключения, не доказывали врачам, что они совершенно здоровы, не грозили разоблачениями и не делали попыток к бегству. Во всей лечебнице было не больше десятка процентов действительно душевнобольных, да и тех свели с ума уже в больнице. Для этой цели у Равино была выработана сложная система «психического отравления».

«Трудный случай в практике»

Для доктора Равино Мари Лоран была «трудным случаем в практике». Правда, за время её работы у Керна нервная система Лоран была сильно истощена, но воля не поколеблена. За это дело и взялся Равино.

Пока он не принимался за «обработку психики» Лоран вплотную, а только издали внимательно изучал её. Профессор Керн ещё не дал доктору Равино определённых директив относительно Лоран: отправить её преждевременно в могилу или свести с ума. Последнего, во всяком случае, в большей или меньшей степени требовала сама система психиатрической «лечебницы» Равино.

Лоран в волнении ожидала того момента, когда её судьба окончательно будет решена. Смерть или сумасшествие — другого пути здесь для неё, как и для других, не было. И она собирала все душевные силы, чтобы сопротивляться по крайней мере сумасшествию. Она была очень кротка, послушна и даже внешне спокойна. Но этим трудно было обмануть доктора Равино, обладавшего большим опытом и недюжинными способностями психиатра. Эта покорность Лоран возбуждала в нём лишь ещё большее беспокойство и подозрительность.

«Трудный случай», — думал он, разговаривая с Лоран во время обычного утреннего обхода.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивал он.

— Благодарю вас, хорошо, — отвечала Лоран.

— Мы делаем всё возможное для наших пациентов, но всё же непривычная обстановка и относительное лишение свободы действуют на некоторых больных угнетающе. Чувство одиночества, тоска.

— Я привыкла к одиночеству.

«Её не так-то легко вызвать на откровенность», — подумал Равино и продолжал:

— У вас, в сущности говоря, всё в полном порядке. Нервы немного расшатаны, и только. Профессор Керн говорил мне, что вам приходилось принимать участие в научных опытах, которые должны производить довольно тяжёлое впечатление на свежего человека. Вы так юны. Переутомление и небольшая неврастения... И профессор Керн, который очень ценит вас, решил предоставить вам отдых...

— Я очень благодарна профессору Керну.

«Скрытная натура, — злился Равино. — Надо свести её с другими больными. Тогда она, может быть, больше раскроет себя, и таким образом можно будет скорее изучить её характер».

— Вы засиделись, — сказал он. — Почему бы вам не пройти в сад? У нас чудесный сад, даже не сад, а настоящий парк в десяток гектаров.

— Мне не разрешили гулять.

— Неужели? — удивлённо воскликнул Равино. — Это недосмотр моего ассистента. Вы не из тех больных, которым прогулки могут принести вред. Пожалуйста, гуляйте. Познакомьтесь с нашими больными, среди них есть интересные люди.

— Благодарю вас, я воспользуюсь вашим разрешением.

И когда Равино ушёл, Лоран вышла из своей комнаты и направилась по длинному коридору, окрашенному в мрачный серый тон с чёрной каймой, к

выходу. Из-за запертых дверей комнат доносились безумные завывания, крики, истерический смех, бормотание...

— О... о... о... — слышалось слева.

— У-у-у... Ха-ха-ха-ха, — откликались справа.

«Будто в зверинце», — думала Лоран, стараясь не поддаваться этой гнетущей обстановке. Но она несколько ускорила шаги и поспешила выйти из дома. Перед нею расстилалась ровная дорожка, ведущая в глубь сада, и Лоран пошла по ней.

«Система» доктора Равино чувствовалась даже здесь. На всём лежал мрачный оттенок. Деревья только хвойные, с тёмной зеленью. Деревянные скамьи без спинок окрашены в тёмно-серый цвет. Но особенно поразили Лоран цветники. Клумбы были сделаны наподобие могил, а среди цветов преобладали тёмно-синие, почти чёрные, анютины глазки, окаймлённые по краям, как белой траурной лентой, ромашками. Тёмные туи дополняли картину.

«Настоящее кладбище. Здесь невольно должны рождаться мысли о смерти. Но меня не проведёте, господин Равино, я отгадала ваши секреты, и ваши „эффекты“ не застанут меня врасплох», — подбадривала себя Лоран и, быстро миновав «кладбищенский цветник», вошла в сосновую аллею. Высокие стволы, как колонны храма, тянулись вверх, прикрытые тёмно-зелёными куполами. Вершины сосен шумели ровным, однообразным сухим шумом.

В разных местах парка виднелись серые халаты больных. «Кто из них сумасшедший и кто нормальный?» Это довольно безошибочно можно было определить, даже недолго наблюдая за ними. Те, кто ещё не был безнадёжен, с интересом смотрели на «новенькую» — Лоран. Больные же с померкнувшим сознанием были углублены в себя, отрезаны от внешнего мира, на который смотрели невидящими глазами.

К Лоран приближался высокий сухой старик с длинной седой бородой. Старик высоко поднял свои пушистые брови, увидел Лоран и сказал, как бы продолжая говорить вслух сам с собой:

— Одиннадцать лет я считал, потом счёт потерял. Здесь нет календарей, и время стало. И я не знаю, сколько пробродил я по этой аллее. Может быть, двадцать, а может быть, тысячу лет. Перед лицом бога день один — как тысяча лет. Трудно определить время. И вы, вы тоже будете ходить здесь тысячу лет туда, до каменной стены, и тысячу лет обратно. Отсюда нет выхода. Оставьте всякую надежду входящий сюда, как сказал господин Данте. Ха-ха-ха! Не ожидали? Вы думаете, я сумасшедший? Я хитёр. Здесь только сумасшедшие имеют право жить. Но вы не выйдете отсюда, как и я. Мы с вами... — И, увидев приближающегося санитаря, на обязанности которого было подслушивать разговоры больных, старик, не изменяя тона, продолжал, хитро подмигнув глазом: — Я Наполеон Бонапарт, и мои сто дней ещё не наступили. Вы меня поняли? — спросил он, когда санитар прошёл дальше.

«Несчастный, — подумала Лорана — неужели он притворяется сумасшедшим, чтобы избежать смертного приговора? Не я одна, оказывается, принуждена прибегать к спасительной маскировке».

Ещё один больной подошёл к Лоран, молодой человек с чёрной козлиной бородкой, и начал лепетать какую-то несурязицу об извлечении квадратного корня из квадратуры круга. Но на этот раз санитар не приближался к Лоран, — очевидно, молодой человек был вне подозрения у администрации. Он

подходил к Лоран и говорил всё быстрее и настойчивее, брызгая слюной:

— Круг — это бесконечность. Квадратура круга — квадратура бесконечности. Слушайте внимательно. Извлечь квадратный корень из квадратуры круга — значит извлечь квадратный корень из бесконечности. Это будет часть бесконечности, возведённая в энную степень, таким образом можно будет определить и квадратуру... Но вы не слушаете меня, — вдруг разозлился молодой человек и схватил Лоран за руку. Она вырвалась и почти побежала по направлению к корпусу, в котором жила. Недалеко от двери она встретила доктора Равино. Он сдерживал довольную улыбку.

Едва Лоран вбежала к себе в комнату, как в дверь постучали. Она охотно закрылась бы на ключ, но внутренних запоров у двери не было. Она решила не отвечать. Однако дверь открылась, и на пороге показался доктор Равино.

Его голова по обыкновению была откинута назад, выпуклые глаза, несколько расширенные, круглые и внимательные, смотрели сквозь стёкла пенсне, чёрные усы и эспаньолка шевелились вместе с губами.

— Простите, что вошёл без разрешения. Мои врачебные обязанности дают некоторые права...

Доктор Равино нашёл, что наступил удобный момент начать «разрушение моральных ценностей» Лоран. В его арсенале имелись самые разнообразные средства воздействия — от подкупающей искренности, вежливости и обаятельной внимательности до грубости и циничной откровенности. Он решил во что бы то ни стало вывести Лоран из равновесия и потому взял вдруг тон бесцеремонный и насмешливый.

— Почему же вы не говорите: «Войдите, пожалуйста, простите, что я не пригласила вас. Я задумалась и не слыхала вашего стука...» — или что-нибудь в этом роде?

— Нет, я слыхала ваш стук, но не отвечала потому, что мне хотелось остаться одной.

— Правдиво, как всегда! — иронически сказал он.

— Правдивость — плохой объект для иронии, — с некоторым раздражением заметила Лоран.



«Ключёт», — весело подумал Равино. Он бесцеремонно уселся против Лоран и уставил на неё свои рачьи немигающие глаза. Лоран старалась выдержать этот взгляд, в конце концов ей стало неприятно, она опустила веки, слегка покраснев от досады на себя.

— Вы полагаете, — произнёс Равино тем же ироническим тоном, — что правдивость плохой объект для иронии. А я думаю, что самый подходящий. Если бы вы были такой правдивой, вы бы выгнали меня вон, потому что вы ненавидите меня, а между тем стараетесь сохранить любезную улыбку госте-

приимной хозяйки.

— Это... только вежливость, привитая воспитанием, — сухо ответила Лоран.

— А если бы не вежливость, то выгнали бы? — И Равино вдруг засмеялся неожиданно высоким, лающим смехом. — Отлично! Очень хорошо! Вежливость не в ладу с правдивостью. Из вежливости, стало быть, можно поступаться правдивостью. Это раз. — И он загнул один палец. — Сегодня я спросил вас, как вы себя чувствуете, и получил ответ «прекрасно», хотя по вашим глазам видел, что вам впору удавиться. Следовательно, вы и тогда солгали. Из вежливости?

Лоран не знала, что сказать. Она должна была или ещё раз солгать, или же сознаться в том, что решила скрывать свои чувства. И она молчала.

— Я помогу вам, мадемуазель Лоран, — продолжал Равино. — Это была, если так можно выразиться, маскировка самосохранения. Да или нет?

— Да, — вызывающе ответила Лоран.

— Итак, вы лжёте во имя приличия — раз, вы лжёте во имя самосохранения — два. Если продолжать этот разговор, боюсь, что у меня не хватит пальцев. Вы лжёте ещё из жалости. Разве вы не писали успокоительные письма матери?

Лоран была поражена. Неужели Равино известно всё? Да, ему действительно было всё известно. Это также входило в его систему. Он требовал от своих клиентов, поставляющих ему мнимых больных, полных сведений как о причинах их помещения в его больницу, так и обо всём, что касалось самих пациентов. Клиенты знали, что это необходимо в их же интересах, и не скрывали от Равино самых ужасных тайн.

— Вы лгали профессору Керну во имя поруганной справедливости и желая наказать порок. Вы лгали во имя правды. Горький парадокс! И если подсчитать, то окажется, что ваша правда всё время питалась ложью.

Равино метко бил в цель. Лоран была подавлена. Ей самой как-то не приходило в голову, что ложь играла такую огромную роль в её жизни.

— Вот и подумайте, моя праведница, на досуге о том, сколько вы нагрешили. И чего вы добились своей правдой? Я скажу вам: вы добились вот этого самого пожизненного заключения. И никакие силы не выведут вас отсюда — ни земные, ни небесные. А ложь? Если уважаемого профессора Керна считать ищадием ада и отцом лжи, то он ведь продолжает прекрасно существовать.

Равино, не спускающий глаз с Лоран, внезапно замолчал. «На первый раз довольно, заряд дан хороший», — с удовлетворением подумал он и, не прощаясь, вышел.

Лоран даже не заметила его ухода. Она сидела, закрыв лицо руками.

С этого вечера Равино каждый вечер являлся к ней, чтобы продолжать свои иезуитские беседы. Расшатать моральные устои, а вместе с тем и психику Лоран сделалось для Равино вопросом профессионального самолюбия.

Лоран страдала искренне и глубоко. На четвёртый день она не выдержала, поднявшись с пылающим лицом, крикнула:

— Уходите отсюда! Вы не человек, вы демон!

Эта сцена доставила Равино истинное удовольствие.

— Вы делаете успехи, — ухмыльнулся он, не двигаясь с места, — Вы становитесь правдивее, чем раньше.

— Уйдите! — задыхаясь, проговорила Лоран.

«Великолепно, скоро драться будет», — подумал доктор и вышел, весело насвистывая.

Лоран, правда, ещё не дралась и, вероятно, способна была бы драться только при полном помрачении сознания, но её психическое здоровье подвергалось огромной опасности. Оставаясь наедине с собой, она с ужасом сознавала, что надолго её не хватит.

А Равино не упускал ничего, что могло бы ускорить развязку. По вечерам Лоран начали преследовать звуки жалобной песни, исполняемой на неизвестном ей инструменте. Как будто где-то рыдала виолончель, иногда звуки поднимались до верхних регистров скрипки, потом вдруг, без перерыва, изменялась не только высота, но и тембр, и звучал уже как бы человеческий голос, чистый, прекрасный, но бесконечно печальный. Ноющая мелодия совершала своеобразный круг, повторялась без конца.

Когда Лоран услышала эту музыку впервые, мелодия даже понравилась ей. Причём музыка была так нежна и тиха, что Лоран начала сомневаться, действительно ли где-то играет музыка, или же у неё развивается слуховая галлюцинация. Минуты шли за минутами, а музыка продолжала вращаться в своём заколдованном круге. Виолончель сменялась скрипкой, скрипка — рыдающим человеческим голосом... Тоскливо звучала одна нота в аккомпанементе. Через час Лоран была убеждена, что этой музыки не существует в действительности, что она звучит только в её голове. От унылой мелодии некуда было деваться. Лоран закрыла уши, но ей казалось, что она продолжает слушать музыку — виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

— От этого с ума сойти можно, — шептала Лоран. Она начала напевать сама, старалась говорить с собой вслух, чтобы заглушить музыку, но ничего не помогало. Даже во сне эта музыка преследовала её.

«Люди не могут играть и петь непрерывно. Это, вероятно, механическая музыка... Наваждение какое-то», — думала она, лёжа без сна с открытыми глазами и слушая бесконечный круг: виолончель, скрипка, голос... виолончель, скрипка, голос...

Она не могла дожждаться утра и спешила убежать в парк, но мелодия уже превратилась в навязчивую идею. Лоран действительно начинала слышать незвучавшую музыку. И только крики, стоны и смех гуляющих в парке умалишённых несколько заглушали её.

Новенький

Постепенно Мари Лоран дошла до такого расстройтва нервов, что впервые в своей жизни стала помышлять о самоубийстве. На одной из прогулок она начала обдумывать способ покончить с собой и так углубилась в эти мысли, что не заметила сумасшедшего, который подошёл близко к ней и, преграждая дорогу, сказал:

— Те хороши, которые не знают о неведомом. Всё это, конечно, сентиментальность.

Лоран вздрогнула от неожиданности и посмотрела на больного. Он был одет, как все, в серый халат. Шатен, высокого роста, с красивым, породистым лицом, он сразу привлёк её внимание.

«По-видимому, новенький, — подумала она. — Брился в последний раз не более пяти дней тому назад. Но почему его лицо напоминает мне кого-то?..»

И вдруг молодой человек быстро прошептал:

— Я знаю вас, вы мадемуазель Лоран. Я видел ваш портрет у вашей матери.

— Откуда вы знаете меня? Кто вы? — спросила удивлённо Лоран.

— В мире — очень мало. Я брат моего брата. А брат мой — я? — громко крикнул молодой человек.

Мимо прошёл санитар, незаметно, но внимательно поглядывая на него.

Когда санитар прошёл, молодой человек быстро прошептал:

— Я Артур Доуэль, сын профессора Доуэля. Я не безумный и представился безумным только для того, чтобы...

Санитар опять приблизился к ним.

Артур вдруг отбежал от Лоран с криком:

— Вот мой покойный брат! Ты — я, я — ты. Ты вошёл в меня после смерти. Мы были двойниками, но умер ты, а не я.

И Доуэль погнался за каким-то меланхоликом, испуганным этим неожиданным нападением. Санитар кинулся вслед за ними, желая защитить маленького хилого меланхолика от буйного больного. Когда они добежали до конца парка, Доуэль, оставив жертву, повернул обратно к Лоран. Он бежал быстрее санитаря. Минувя Лоран, Доуэль замедлил бег и закончил фразу.

— Я явился сюда, чтобы спасти вас. Будьте готовы сегодня ночью к побегу, — И, отскочив в сторону, заплясал вокруг какой-то ненормальной старушки, которая не обращала на него ни малейшего внимания. Потом он сел на скамью, опустил голову и задумался.

Он так хорошо разыграл свою роль, что Лоран недоумевала, действительно ли Доуэль только симулирует сумасшествие. Но надежда уже закралась в её душу. Что молодой человек был сыном профессора Доуэля, она не сомневалась. Сходство с его отцом бросалось теперь в глаза, хотя серый больничный халат и небритое лицо значительно «обезличивали» Доуэля. И потом он узнал её по портрету. Очевидно, он был у её матери. Всё это было похоже на правду. Так или иначе Лоран решила в эту ночь не раздеваться и ожидать своего неожиданного спасителя.

Надежда на спасение окрылила её, придала ей новые силы. Она вдруг как будто проснулась после страшного кошмара. Даже назойливая песня стала звучать тише, уходить вдаль, растворяться в воздухе. Лоран глубоко вздохнула, как человек, выпущенный на свежий воздух из мрачного подземелья.

Жажда жизни вдруг вспыхнула в ней с небывалой силой. Она хотела смеяться от радости. Но теперь, более чем когда-либо, ей необходимо было соблюдать осторожность.

Когда гонг прозвонил к завтраку, она постаралась сделать унылое лицо — обычное выражение в последнее время — и направилась к дому.

Возле входной двери, как всегда, стоял доктор Равино. Он следил за больными, как тюремщик за арестантами, возвращающимися с прогулки в свои камеры. От его взгляда не ускользала ни одна мелочь: ни камень, припрятанный под халатом, ни разорванный халат, ни царапины на руках и лице больных. Но с особой внимательностью он следил за выражением их лиц.

Лоран, проходя мимо него, старалась не смотреть на него и опустила глаза. Она хотела скорее проскользнуть, но он на минуту задержал её и ещё внимательнее посмотрел в лицо.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

— Как всегда, — отвечала она.

— Это какая по счёту ложь и во имя чего? — иронически спросил он и, пропустив её, прибавил вслед: — Мы ещё поговорим с вами вечером.

«Я ждал меланхолии. Неужели она впадает в состояние экстаза? Очевидно, я что-то просмотрел в ходе её мыслей и настроений. Надо будет доискаться...» — подумал он.

И вечером он пришёл доискиваться. Лоран очень боялась этого свидания. Если она выдержит, оно может быть последним. Если не выдержит, она погибла. Теперь она в душе называла доктора Равино «великий инквизитор». И действительно, живи он несколько столетий тому назад, он мог бы с честью носить это звание. Она боялась его софизмов, его допроса с пристрастием, неожиданных вопросов-ловушек, поразительного знания психологии, его дьявольского анализа. Он был поистине «великий логик», современный Мефистофель, который может разрушить все моральные ценности и убить сомнениями самые непреложные истины.

И, чтобы не выдать себя, чтобы не погибнуть, она решила, собрав всю силу воли, молчать, молчать, что бы он ни говорил. Это был тоже опасный шаг. Это было объявление открытой войны, последний бунт самосохранения, который должен был вызвать усиление атаки. Но выбора не было.

И когда Равино пришёл, уставился по обыкновению своими круглыми глазами на неё и спросил: «Итак, во имя чего вы солгали?» — Лоран не произнесла ни звука. Губы её были плотно сжаты, а глаза опущены. Равино начал свой инквизиторский допрос. Лоран то бледнела, то краснела, но продолжала молчать. Равино, — что с ним случалось очень редко — начал терять терпение и злиться.

— Молчание — золото, — сказал он насмешливо. — Растеряв все свои ценности, вы хотите сохранить хоть эту добродетель безгласных животных и круглых идиотов, но вам это не удастся. За молчанием последует взрыв. Вы лопнете от злости, если не откроете предохранительного клапана обличительного красноречия. И какой смысл молчать? Как будто я не могу читать ваши мысли? «Ты хочешь свести меня с ума, — думаете вы сейчас, — но это тебе не удастся». Будем говорить откровенно. Нет, удастся, милая барышня. Испортить человеческую душонку для меня не труднее, чем повредить механизм карманных часов. Все винтики этой несложной машины я знаю наперечёт.

Чем больше вы будете сопротивляться, тем безнадежнее и глубже будет ваше падение во мрак безумия.

«Две тысячи четыреста шестьдесят один, две тысячи четыреста шестьдесят два...» — продолжала Лоран считать, чтобы не слышать того, что говорит ей Равино.

Неизвестно, как долго продолжалась бы эта пытка, если бы в дверь тихо не постучалась сиделка.

— Войдите, — недовольно сказал Равино.

— В седьмой палате больная, кажется, кончается, — сказала сиделка.

Равино неохотно поднялся.

— Кончается, тем лучше, — тихо проворчал он. — Завтра мы dokonчим наш интересный разговор, — сказал он и, приподняв голову Лоран за подбородок, насмешливо фыркнул и ушел.

Лоран тяжело вздохнула и почти без сил склонилась над столом.

А за стеной уже играла рыдающая музыка безнадежной тоски. И власть этой колдовской музыки была так велика, что Лоран невольно поддавалась этому настроению. Ей уже казалось, что встреча с Артуром Доуэлем — только бред её больного воображения, что всякая борьба бесполезна. Смерть, только смерть избавит её от мук. Она огляделась вокруг... Но самоубийства больных не входили в систему доктора Равино. Здесь не на чём было даже повеситься. Лоран вздрогнула. Неожиданно ей представилось лицо матери.

«Нет, нет, я не сделаю этого, ради неё не сделаю... хотя бы эту последнюю ночь... Я буду ждать Доуэля. Если он не придёт...» — Она не додумала мысли, но чувствовала всем существом то, что случится с нею, если он не выполнит данного ей обещания.

Побег

Это была самая томительная ночь из всех проведённых Лоран в больнице доктора Равино. Минуты тянулись бесконечно и нудно, как доносившаяся в комнату знакомая музыка.

Лоран нервно прохаживалась от окна к двери. Из коридора слышались крадущиеся шаги. У неё забилось сердце. Забилося и замерло, — она узнала шаги дежурной сиделки, которая подходила к двери, чтобы заглянуть в волчок. Двухсотсвечовая лампа не гасла в комнате всю ночь. «Это помогает бессоннице», — решил доктор Равино. Лоран поспешно, не раздеваясь, легла в кровать, прикрывшись одеялом и притворилась спящей. И с ней случилось необычное: она, не спавшая в продолжение многих ночей, сразу уснула, утомлённая до последней степени всем пережитым. Она спала всего несколько минут, но ей показалось, что прошла целая ночь. Испуганно вскочив, она подбежала к двери и вдруг столкнулась с входящим Артуром Доуэлем. Он не обманул. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть.

— Скорей, — шептал он. — Сиделка в западном коридоре. Идём.

Он схватил её за руку и осторожно повёл за собой. Их шаги заглушались стонами и криками больных, страдающих бессонницей. Бесконечный коридор кончился. Вот, наконец, и выход из дома.

— В парке дежурят сторожа, но мы прокрадёмся мимо них... — быстро шептал Доуэль, увлекая Лоран в глубину парка.

— Но собаки...

— Я всё время кормил их остатками от обеда, и они знают меня. Я здесь уже несколько дней, но избегал вас, чтобы не навлечь подозрения.

Парк тонул во мраке. Но у каменной стены на некотором расстоянии друг от друга, как вокруг тюрьмы, были расставлены горящие фонари.

— Вот там есть заросли... Туда.

Внезапно Доуэль лёг на траву и дёрнул за руку Лоран. Она последовала его примеру. Один из сторожей близко прошёл мимо беглецов. Когда сторож удался, они начали пробираться к стене.

Где-то заворчала собака, подбежала к ним и завиляла хвостом, увидев Доуэля. Он бросил ей кусок хлеба.

— Вот видите, — прошептал Артур, — самое главное сделано. Теперь нам осталось перебраться через стену. Я помогу вам.

— А вы? — спросила с тревогой Лоран.

— Не беспокойтесь, я за вами, — ответил Доуэль.

— Но что же я буду делать за стеной?

— Там нас ждут мои друзья. Всё приготовлено. Ну, прошу вас, немного гимнастики.

Доуэль прислонился к стене и одной рукой помог Лоран взобраться на гребень.

Но в этот момент один из сторожей увидел её и поднял тревогу. Внезапно весь сад осветился фонарями. Сторожа, сзывая друг друга и собак, приближались к беглецам.

— Прыгайте! — приказал Доуэль.

— А вы? — испуганно воскликнула Лоран.

— Да прыгайте же! — уже закричал он, и Лоран прыгнула. Чьи-то руки под-

хватали её.

Артур Доуэль подпрыгнул, уцепился руками за верх стены и начал подтягиваться. Но два санитары схватили его за ноги. Доуэль был так силен, что почти приподнял их на мускулах рук. Однако рука соскользнула, и он упал вниз, подмяв под себя санитаров.

За стеной послышался шум заведённого автомобильного мотора. Друзья, очевидно, ожидали Доуэля.

— Уезжайте скорее. Полный ход! — крикнул он, борясь с санитарями.

Автомобиль ответно прогудел, и слышно было, как он умчался.

— Пустите меня, я сам пойду, — сказал Доуэль, перестав сопротивляться.

Однако санитары не отпустили его. Крепко сжав ему руки, они вели его к дому. У дверей стоял доктор Равино в халате, попыхивая папироской.

— В изоляционную камеру. Смирительную рубашку! — сказал он санитарам.

Доуэля привели в небольшую комнату без окон, все стены и пол которой были обиты матрацами. Сюда помещали во время припадков буйных больных. Санитары бросили Доуэля на пол. Вслед за ними в камеру вошёл Равино. Он уже не курил. С руками, заложенными в карманы халата, он наклонился над Доуэлем и начал рассматривать его в упор своими круглыми глазами. Доуэль выдержал этот взгляд. Потом Равино кивнул головой санитарам, и они вышли.

— Вы неплохой симулянт, — обратился Равино к Доуэлю, — но меня трудно обмануть. Я разгадал вас в первый же день вашего появления здесь и следил за вами, но, признаюсь, не угадал ваших намерений. Вы и Лоран дорого заплатите за эту проделку.

— Не дороже, чем вы, — ответил Доуэль.

Равино зашевелил своими тараканьими усами:

— Угроза?

— На угрозу, — лаконически бросил Доуэль.

— Со мною трудно бороться, — сказал Равино. — Я ломал не таких молоко-сосов, как вы. Жаловаться властям? Не поможет, мой друг. Притом вы можете исчезнуть прежде, чем нагрянут власти. От вас не останется следа. Кстати, как ваша настоящая фамилия? Дюбарри — ведь это выдумка.

— Артур Доуэль, сын профессора Доуэля.

Равино был явно удивлён.

— Очень приятно познакомиться, — сказал он, желая скрыть за насмешкой своё смущение. — Я имел честь быть знакомым с вашим почтенным папашей.

— Благодарите бога, что у меня связаны руки, — отвечал Доуэль, — иначе вам плохо пришлось бы. И не смейте упоминать о моём отце... негодяй!

— Очень благодарю бога за то, что вы крепко связаны и надолго, мой дорогой гость!

Равино круто повернулся и вышел. Звонко щёлкнул замок. Доуэль остался один.

Он не очень беспокоился о себе. Друзья не оставят его и вырвут из этой темницы. Но всё же он сознавал опасность своего положения. Равино должен был прекрасно понимать, что от исхода борьбы между ним и Доуэлем может зависеть судьба всего его предприятия. Недаром Равино оборвал разговор и неожиданно ушёл из камеры. Хороший психолог, он сразу разгадал, с кем имеет де-

ло, и даже не пытался применять свои инквизиторские таланты. С Артуром Доуэлем приходилось бороться не психологией, не словами, а только решительными действиями.

Между жизнью и смертью

Артур ослабил узлы, связывавшие его. Это ему удалось, потому что, когда его связывали смирительной рубашкой, он умышленно напряг свои мышцы. Медленно начал он освобождаться из своих пелёнок. Но за ним следили. И едва он сделал попытку вынуть руку, замок щёлкнул, дверь открылась, вошли два санитары и перевязали его заново, на этот раз наложив поверх смирительной рубашки ещё несколько ремней. Санитары грубо обращались с ним и угрожали побить, если он возобновит попытки освободиться. Доуэль не отвечал. Туго перевязав его, санитары ушли.

Так как в камере окон не было и освещалась она электрической лампочкой на потолке, Доуэль не знал, наступило ли утро. Часы тянулись медленно. Равино пока ничего не предпринимал и не являлся. Доуэлю хотелось пить. Скоро он почувствовал приступы голода. Но никто не входил в его камеру и не приносил еды и питья.

«Неужели он хочет уморить меня голодом?» — подумал Доуэль. Голод мучил его всё больше, но он не просил есть. Если Равино решил уморить его голодом, то незачем унижать себя просьбой.

Доуэль не знал, что Равино испытывает силу его характера. И, к неудовольствию Равино, Доуэль выдержал этот экзамен.

Несмотря на голод и жажду, Доуэль, долгое время проведший без сна, незаметно для себя уснул. Он спал безмятежно и крепко, не подозревая, что этим самым доставит Равино новую неприятность. Ни яркий свет лампы, ни музыкальные эксперименты Равино не производили на Доуэля никакого впечатления. Тогда Равино прибегнул к более сильным средствам воздействия, которые он применял к крепким натурам. В соседней комнате санитары начали бить деревянными молотами по железным листам и трещать на особых трещотках. При этом адском грохоте обычно просыпались самые крепкие люди и в ужасе осматривались по сторонам. Но Доуэль, очевидно, был крепче крепких. Он спал как младенец. Этот необычайный случай поразил даже Равино.

«Поразительно, — удивлялся Равино, — и ведь этот человек знает, что жизнь его висит на волоске. Его не разбудят и трубы архангелов».

— Довольно! — крикнул он санитарам, и адская музыка прекратилась.

Равино не знал, что невероятный грохот пробудил Доуэля. Но, как человек большой воли, он овладел собой при первых проблесках сознания и ни одним вздохом, ни одним движением не обнаружил, что он уже не спит.

«Доуэля можно уничтожить только физически» — таков был приговор Равино.

А Доуэль, когда грохот прекратился, вновь уснул по-настоящему и проспал до вечера. Проснулся он свежим и бодрым. Голод уже меньше мучил его. Он лежал с открытыми глазами и, улыбаясь, смотрел на волчок двери. Там виднелся чей-то круглый глаз, внимательно наблюдавший за ним.

Артур, чтобы подразнить своего врага, начал напевать весёлую песенку. Это было слишком даже для Равино. Первый раз в жизни он почувствовал,

что не в состоянии овладеть чужой волей. Связанный, беспомощно лежащий на полу человек издевался над ним. За дверью раздалось какое-то шипение. Глаз исчез.

Доуэль продолжал петь всё громче, но вдруг поперхнулся. Что-то раздражало его горло. Доуэль потянул носом и почувствовал запах. В горле и носоглотке щекотало, скоро присоединилась к этому режущая боль в глазах. Запах усиливался.

Доуэль похолодел. Он понял, что настал его смертный час. Равино отравил его хлором. Доуэль знал, что он не в силах вырваться из туго связывавших его ремней и смирительной рубашки. Но в этот раз инстинкт самосохранения был сильнее доводов разума. Доуэль начал делать невероятные попытки освободиться. Он извивался всем телом, как червяк, выгибался, скручивался, катался от стены к стене. Но он не кричал, не молил о помощи, он молчал, крепко стиснув зубы. Омрачённое сознание уже не управляло телом, и оно защищалось инстинктивно.

Затем свет погас, и Доуэль словно куда-то провалился. Очнулся он от свежего ветра, который трепал его волосы. Необычайным усилием воли он постарался раскрыть глаза: на мгновение перед ним мелькнуло чьё-то знакомое лицо, как будто Ларе, но в полицейском костюме. До слуха дошёл шум автомобильного мотора. Голова трещала от боли. «Бред, но я, значит, ещё жив», — подумал Доуэль. Веки его опять сомкнулись, но тотчас открылись вновь. В глаза больно ударил дневной свет. Артур прищурился и вдруг услышал женский голос:

— Как вы себя чувствуете?

По воспалённым векам Доуэля провели влажным куском ваты. Окончательно открыв глаза, Артур увидел склонившуюся над ним Лоран. Он улыбнулся ей и, осмотревшись, увидел, что лежит в той самой спальне, в которой некогда лежала Брике.

— Значит, я не умер? — тихо спросил Доуэль.

— К счастью, не умерли, но вы были на волоске от смерти, — сказала Лоран.

В соседней комнате послышались быстрые шаги, и Артур увидел Ларе. Он размахивал руками и кричал:

— Слышу разговор! Значит, ожил. Здравствуйте, мой друг! Как себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил Доуэль и, почувствовав боль в груди, сказал: — Голова болит... и грудь...

— Много не говорите, — предупредил его Ларе, — вам вредно. Этот висельник Равино едва не отравил вас газом, как крысу в трюме корабля. Но, Доуэль, как мы великолепно провели его!

И Ларе начал смеяться так, что Лоран посмотрела на него с укоризной, опасаясь, как бы его слишком шумная радость не потревожила больного.

— Не буду, не буду, — ответил он, поймав её взгляд. — Я сейчас расскажу вам всё по порядку. Похитив мадемуазель Лоран и немного подождав, мы поняли, что вам не удалось последовать за нею...

— Вы... слышали мой крик? — спросил Артур.

— Слышали. Молчите! И поспешили укатить, прежде чем Равино вышлет погоню. Возня с вами задержала его свору, и этим вы очень помогли нам

скрыться незамеченными. Мы прекрасно знали, что вам там не поздоровится. Игра в открытую. Мы, то есть я и Шауб, хотели возможно скорее прийти к вам на помощь. Однако необходимо было сначала устроить мадемуазель Лоран, а уж затем придумать и привести в исполнение план вашего спасения. Ведь ваше пленение было непредвиденным... Теперь и нам надо было во что бы то ни стало проникнуть за каменную ограду, а это, вы сами знаете, не лёгкое дело. Тогда мы решили поступить так: я и Шауб достали себе полицейские костюмы, подъехали на автомобиле и заявили, что мы явились для санитарного осмотра. Шауб изобразил даже мандат со всеми печатями. На наше счастье, у ворот стоял не постоянный привратник, а простой санитар, который, очевидно, не был знаком с инструкцией Равино, требовавшей при впуске кого бы то ни было предварительно созвониться с ним по телефону. Мы держали себя на высоте положения и...

— Значит, это был не бред... — перебил Артур. — Я вспоминаю, что видел вас в форме полицейского и слышал шум автомобиля.

— Да, да, на автомобиле вас обдул свежий ветер, и вы пришли в себя, но потом впали в беспамятство. Так слушайте дальше. Санитар открыл нам ворота, мы вошли. Остальное сделать было нетрудно, хотя и не так легко, как мы предполагали. Я потребовал, чтобы нас провели в кабинет Равино. Но второй санитар, к которому мы обратились, был, очевидно, опытный человек. Он подозрительно оглядел нас, сказал, что доложит, и вошёл в дом. Через несколько минут к нам вышел какой-то горбоносый человек в белом халате, с черепаховыми очками на носу...

— Ассистент Равино, доктор Буш.

Ларе кивнул головою и продолжал:

— Он объявил нам, что доктор Равино занят и что мы можем переговорить с ним, Бушем. Я настаивал на том, что нам необходимо видеть самого Равино. Буш повторял, что сейчас это невозможно, так как Равино находится у тяжелобольного. Тогда Шауб, не долго думая, взял Буша за руку вот так, — Ларе правой рукой взял за запястье своей левой руки, — и повернул вот этак. Буш вскрикнул от боли, а мы прошли мимо него и вошли в дом. Чёрт возьми, мы не знали, где находится Равино, и были в большом затруднении. По счастью, он сам в это время шёл по коридору. Я узнал его, так как виделся с ним, когда привозил вас в качестве моего душевнобольного друга. «Что вам угодно?» — резко спросил Равино. Мы поняли, что нам нечего больше разыгрывать комедию, и, приблизившись к Равино, быстро вынули револьверы и направили их ему в лоб. Но в это время носатый Буш, — кто бы мог ожидать от этой развалины такой прыти! — ударил по руке Шауба, причём так сильно и неожиданно, что выбил револьвер, а Равино схватил меня за руку. Тут началась потеха, о которой, пожалуй, трудно и рассказать связно. На помощь к Равино и Бушу уже бежали со всех сторон санитары. Их было много, и они, конечно, быстро справились бы с нами. Но, на наше счастье, многих смутила полицейская форма. Они знали о тяжёлом наказании за сопротивление полиции, а тем более, если оно сопряжено с насильственными действиями над представителями власти. Как Равино ни кричал, что наши полицейские костюмы — маскарад, большинство санитаров предпочитало роль наблюдателей, и только немногие осмелились положить руки на священный и неприкосновенный полицейский мундир. Вторым нашим козырем было огнестрельное оружие, которого

не было у санитаров. Ну и, пожалуй, не меньшим козырем была наша сила, ловкость и отчаянность. Это и уравнило силы. Один санитар наслез на Шауба, наклонившегося, чтобы поднять упавший револьвер. Шауб оказался большим мастером по части всяческих приёмов борьбы. Он стряхнул с себя врага и, нанося ловкие удары, отбросил ногою револьвер, за которым уже протянулась чья-то рука. Надо отдать ему справедливость, он боролся с чрезвычайным хладнокровием и самообладанием. На моих плечах тоже повисли два санитары. И неизвестно, чем окончилось бы это сражение, если б не Шауб. Он оказался молодцом. Ему удалось-таки поднять револьвер, и, не долго думая, он пустил его в ход. Несколько выстрелов сразу охладили пыл санитаров. После того как один из них заорал, хватаясь за своё окровавленное плечо, остальные мигом ретировались. Но Равино не сдавался. Несмотря на то что мы приставили к обоим его вискам револьверы, он крикнул: «У меня тоже найдётся оружие. Я прикажу своим людям стрелять в вас, если вы сейчас не уйдёте отсюда!» Тогда Шауб, не говоря лишнего слова, стал выворачивать Равино руку. Этот приём вызывает такую чертовскую боль, что даже здоровенные бандиты режут, как бегемоты, и становятся кроткими и послушными. У Равино кости хрустели, на глазах появились слёзы, но он всё ещё не сдавался. «Что же вы смотрите? — кричал он стоявшим в отдалении санитарам. — К оружию!» Несколько санитаров побежали, вероятно, за оружием, другие снова подступили к нам. Я отвёл на мгновение револьвер от головы Равино и сделал пару выстрелов. Слуги опять окаменели, кроме одного, который упал на пол с глухим стоном...

Ларе передохнул и продолжал:

— Да, горячее было дело. Нестерпимая боль всё более обессиливала Равино, а Шауб продолжал выкручивать его руку. Наконец Равино, корчась от боли, прохрипел: «Чего вы хотите?» — «Немедленной выдачи Артура Доуэля», — сказал я. «Разумеется, — скрипнув зубами, ответил Равино, — я узнал ваше лицо. Да отпустите же руку, чёрт возьми! Я проведу вас к нему...» Шауб отпустил руку ровно настолько, чтобы привести его в себя: он уже терял сознание. Равино провёл нас к камере, в которой вы были заключены, и указал глазами на ключ. Я отпер двери и вошёл в камеру в сопровождении Равино и Шауба. Глазам нашим представилось невесёлое зрелище: спелёнатый, как младенец, вы корчились в последних судорогах, подобно полураздавленному червя. В камере стоял удушливый запах хлора. Шауб, чтобы не возиться больше с Равино, нанёс ему лёгонький удар снизу в челюсть, от которого доктор покатился на пол, как куль. Мы сами, задыхаясь, вытащили вас из камеры и захлопнули дверь.

— А Равино? Он...

— Если задохнётся, то беда не велика, решили мы. Но его, вероятно, освободили и привели в чувство после нашего ухода... Выбрались мы из этого осинового гнезда довольно благополучно, если не считать, что нам пришлось расстрелять оставшиеся патроны в собак... И вот вы здесь.

— Долго я пролежал без сознания?

— Десять часов. Врач только недавно ушёл, когда ваш пульс и дыхание восстановились и он убедился, что вы вне опасности. Да, дорогой мой, — потирая руки, продолжал Ларе, — предстоят громкие процессы. Равино сядет на скамью подсудимых вместе с профессором Керном. Я этого дела не оставлю.

— Но прежде надо найти — живую или мёртвую — голову моего отца, — тихо произнёс Артур.

Опять без тела

Профессор Керн был так обрадован неожиданным возвращением Брике, что даже забыл побранить её. Впрочем, было и не до того. Джону пришлось внести Брике на руках, причём она стонала от боли.

— Доктор, простите меня, — сказала она, увидав Керна. — Я не послушалась вас...

— И сами себя наказали, — ответил Керн, помогая Джону укладывать беглянку на кровать.

— Боже, я не сняла даже пальто.

— Позвольте, я помогу вам сделать это.

Керн начал осторожно снимать с Брике пальто, в то же время наблюдая за ней опытным глазом. Лицо её необычайно помолодело и посвежело. От морщинок не осталось следа. «Работа желез внутренней секреции, — подумал он. — Молодое тело Анжелики Гай омолодило голову Брике».

Профессор Керн уже давно знал, чьё тело похитил он в морге. Он внимательно следил за газетами и иронически посмеивался, читая о поисках «безвестно пропавшей» Анжелики Гай.

— Осторожнее... Нога болит, — поморщилась Брике, когда Керн повернул её на другой бок.

— Допрыгались! Ведь я предупреждал вас.

Вошла сиделка, пожилая женщина с туповатым выражением лица.

— Разденьте её, — кивнул Керн на Брике.

— А где же мадемуазель Лоран? — удивилась Брике.

— Её здесь нет. Она больна.

Керн отвернулся, побарабанил пальцами по спинке кровати и вышел из комнаты.

— Вы давно служите у профессора Керна? — спросила Брике новую сиделку.

Та промычала что-то непонятное, показывая на свой рот.

«Немая, — догадалась Брике, — И поговорить не с кем будет...»

Сиделка молча убрала пальто и ушла. Вновь появился Керн.

— Покажите вашу ногу.

— Я много танцевала, — начала Брике свою покаянную исповедь. — Скоро открылась ранка на подошве ноги. Я не обратила внимания...

— И продолжали танцевать?

— Нет, танцевать было больно. Но несколько дней я ещё играла в теннис. Это такая очаровательная игра!

Керн, слушая болтовню Брике, внимательно осматривал ногу и всё более хмурился. Нога распухла до колена и почернела. Он нажал в нескольких местах.

— О, больно!.. — вскрикнула Брике.

— Лихорадит?

Да, со вчерашнего вечера.

— Так... — Керн вынул сигару и закурил. — Положение очень серьёзное.

Вот до чего доводит непослушание. С кем это вы изволили играть в теннис?

Брике смутилась:

— С одним... знакомым молодым человеком.

— Не расскажете ли вы мне, что вообще произошло с вами с тех пор, как вы убежали от меня?

— Я была у своей подруги. Она очень удивилась, увидав меня живую. Я сказала ей, что рана моя оказалась не смертельной и что меня вылечили в больнице.

— Про меня и... головы вы ничего не говорили?

— Разумеется, нет, — убеждённо ответила Брике, — Странно было бы говорить. Меня сочли бы сумасшедшей.

Керн вздохнул с облегчением. «Всё обошлось лучше, чем я мог предполагать», — подумал он.

— Но что же с моей ногой, профессор?

— Боюсь, что её придётся отрезать.

Глаза Брике засветились ужасом.

— Отрезать ногу! Мою ногу? Сделать меня калекой?

Керну самому не хотелось уродовать тело, добытое и оживлённое с таким трудом. Да и эффект демонстрации много потеряет, если придётся показывать калеку. Хорошо было бы обойтись без ампутации ноги, но едва ли это возможно.

— Может быть, мне можно будет приделать новую ногу?

— Не волнуйтесь, подождём до завтра. Я ещё навещу вас, — сказал Керн и вышел.

На смену ему вновь пришла безмолвная сиделка. Она принесла чашку с бульоном и гренки. У Брике не было аппетита. Её лихорадило, и она, несмотря на настойчивые мимические уговаривания сиделки, не смогла съесть больше двух ложек.

— Унесите, я не могу.

Сиделка вышла.

— Надо было измерить сначала температуру, — услышала Брике голос Керна, доносившийся из другой комнаты. — Неужели вы не знаете таких простых вещей? Я же говорил вам.

Вновь вошла сиделка и протянула Брике термометр.

Больная безропотно поставила термометр. И когда вынула его и взглянула, он показывал тридцать девять.

Сиделка записала температуру и уселась возле больной.

Брике, чтобы не видеть тупого и безучастного лица сиделки, повернула голову к стене. Даже этот незначительный поворот вызвал боль в ноге и внизу живота. Брике глухо застонала и закрыла глаза. Она подумала о Ларе: «Милый, когда я увижу его?..»

В девять часов вечера лихорадка усилилась, начался бред. Брике казалось, что она находится в каюте яхты. Волнение усиливается, яхту качает, и от этого в груди поднимается тошнотворный клубок и подступает к горлу... Ларе бросается на неё и душит. Она вскрикивает, мечется по кровати... Что-то влажное и холодное прикасается к её лбу и сердцу. Кошмары исчезают.

Она видит себя на теннисной площадке вместе с Ларе. Сквозь лёгкую заградительную сетку синее море. Солнце палит немилосердно, голова болит и

кружится. «Если бы не так болела голова... Это ужасное солнце!.. Я не могу пропустить мяч...» — И она с напряжением следит за движениями Ларе, поднимающего ракетку для удара.

«Плей!» — кричит Ларе, сверкая зубами на ярком солнце, и, прежде чем она успела ответить, бросает мяч. «Аут», — громко отвечает Брике, радуясь ошибке Ларе...

— Продолжаете играть в теннис? — слышит она чей-то неприятный голос и открывает глаза. Перед нею, наклонившись, стоит Керн и держит её за руку. Он считает пульс. Потом осматривает её ногу и неодобрительно качает головой.

— Который час? — спрашивает Брике, с трудом ворочая языком.

— Второй час ночи. Вот что, милая попрыгунья, вам придётся ампутировать ногу.

— Что это значит?

— Отрезать.

— Когда?

— Сейчас. Медлить больше нельзя ни одного часа, иначе начнётся общее заражение.

Мысли Брике путаются. Она слышит голос Керна как во сне и с трудом понимает его слова.

— И высоко отрезать? — говорит она почти безучастно.

— Вот так. — Керн быстро проводит ребром ладони вниз живота. От этого жеста у Брике холодеет живот. Сознание её всё больше проясняется.

— Нет, нет, нет, — с ужасом говорит она. — Я не позволю! Я не хочу!

— Вы хотите умереть? — спокойно спрашивает Керн.

— Нет.

— Тогда выбирайте одно из двух.

— А как же Ларе? Ведь он меня любит... — лепечет Брике. — Я хочу жить и быть здоровой. А вы хотите отнять всё... Вы страшный, я боюсь вас! Спасите! Спасите меня!..

Она уже вновь бредила, кричала и порывалась встать. Сиделка с трудом удерживала её. Скоро на помощь был вызван Джон.

Тем временем Керн быстро работал в соседней комнате, приготавливаясь к операции.

Ровно в два часа ночи Брике положили на операционный стол. Она пришла в себя и молча смотрела на Керна так, как смотрят на своего палача приговорённые к смерти.

— Пощадите, — наконец прошептала она. — Спасите...

Маска опустилась на её лицо. Сиделка взялась за пульс. Джон всё плотнее прижимал маску. Брике потеряла сознание.

Она пришла в себя в кровати. Голова кружилась. Её тошнило. Смутно вспомнила об операции и, несмотря на страшную слабость, приподняв голову, взглянула на ногу и тихо простонала. Нога была отрезана выше колена и туго забинтована. Керн сдержал слово: он сделал всё, чтобы возможно меньше изуродовать тело Брике. Он пошёл на риск и произвёл ампутацию с таким расчётом, чтобы можно было сделать протез.

Весь день после операции Брике чувствовала себя удовлетворительно, хотя лихорадка не прекращалась, что очень озабочивало Керна. Он заходил к ней

каждый час и осматривал ногу.

— Что же я теперь буду делать без ноги? — спрашивала его Брике.

— Не беспокойтесь, я вам сделаю новую ногу, лучше прежней, — успокаивал её Керн. — Танцевать будете. — Но лицо его хмурилось: нога покраснела выше ампутированного места и опухла.

К вечеру жар усилился. Брике начала метаться, стонать и бредить.

В одиннадцать часов вечера температура поднялась до сорока и шести десятых.

Керн сердито выбранился: ему стало ясно, что началось общее заражение крови. Тогда, не думая о спасении тела Брике, Керн решил отвоевать у смерти хотя бы часть экспоната. «Если промыть её кровеносные сосуды антисептическим, а затем физиологическим раствором и пустить свежую, здоровую кровь, голова будет жить».

И он приказал вновь перенести Брике на операционный стол.

Брике лежала без сознания и не почувствовала, как острый скальпель быстро сделал надрез на шее, выше красных швов, оставшихся от первой операции. Этот надрез отделял не только голову Брике от её прекрасного молодого тела. Он отсекал от Брике весь мир, все радости и надежды, которыми она жила.

Тома умирает во второй раз

Голова Тома хирела с каждым днём. Тома не был приспособлен для жизни одного сознания. Чтобы чувствовать себя хорошо, ему необходимо было работать, двигаться, поднимать тяжести, утомлять своё могучее тело, потом много есть и крепко спать.

Он часто закрывал глаза и представлял, что, напрягая свою спину, поднимает и носит тяжёлые мешки. Ему казалось, что он ощущает каждый напряжённый мускул. Ощущение было так реально, что он открывал глаза в надежде увидеть своё сильное тело. Но под ним по-прежнему виднелись только ножки стола.

Тома скрипел зубами и вновь закрывал глаза.

Чтобы развлечь себя, он начинал думать о деревне. Но тут же он вспоминал и о своей невесте, которая навсегда была потеряна для него. Не раз он просил Керна поскорее дать ему новое тело, а тот с усмешкой отговаривался:

— Всё ещё не находится подходящего, потерпи немного.

— Уж хоть какое-нибудь завалившее тельце, — просил Тома: так велико было его желание вернуться к жизни.

— С завалившим телом ты пропадёшь. Тебе надо здоровое тело, — отвечал Керн.

Тома ждал, дни проходили за днями, а его голова всё ещё торчала на высоком столике.

Особенно были мучительны ночи без сна. Он начал галлюцинировать. Комната вертелась, расстилался туман, и из тумана показывалась голова лошади. Выходило солнце. На дворе бегала собака, куры поднимали возню... И вдруг откуда-то вылетал ревущий грузовой автомобиль и устремлялся на Тома. Эта картина повторялась без конца, и Тома умирал бесконечное количество раз.

Чтобы избавиться от кошмаров. Тома начинал шептать песни, — ему казалось, что он пел, — или считать.

Как-то его увлекла одна забава. Тома попробовал ртом задержать воздушную струю. Когда он затем внезапно открыл рот, воздух вырвался оттуда с забавным шумом.

Тома это понравилось, и он начал свою игру снова. Он задерживал воздух до тех пор, пока тот сам не прорывался через стиснутые губы. Тома стал поворачивать при этом язык: получались очень смешные звуки. А сколько секунд он может держать струю воздуха? Тома начал считать. Пять, шесть, семь, восемь... «Ш-ш-ш», — воздух прорвался. Ещё... Надо довести до дюжины... Раз, два, три... шесть, семь... девять... одиннадцать, двенад...

Сжатый воздух вдруг ударил в небо с такой силой, что Тома почувствовал, как голова его приподнялась на своей подставке.

«Этак, пожалуй, слетишь, со своего шестка», — подумал Тома.

Он скосил глаза и увидел, что кровь разлилась по стеклянной поверхности подставки и капала на пол. Очевидно, воздушная струя, подняв его голову, ослабила трубки, вставленные в кровеносные сосуды шеи. Голова Тома пришла в ужас: неужели конец? И действительно, сознание начало мутиться. У Тома появилось такое чувство, будто ему не хватает воздуха; это кровь, питавшая его голову, уже не могла проникнуть в его мозг в достаточном количестве, принося живительный кислород. Он видел свою кровь, чувствовал своё медленное угасание. Он не хотел умирать! Сознание цеплялось за жизнь. Жить во что бы то ни стало! Дождаться нового тела, обещанного Керном...

Тома старался осадить свою голову вниз, сокращая мышцы шеи, пытался раскачиваться, но только ухудшал своё положение: стеклянные наконечники трубок ещё больше выходили из вен. С последними проблесками сознания Тома начал кричать, кричать так, как он не кричал никогда в жизни.

Но это уже не был крик. Это было предсмертное хрипение...

Когда чутко спавший Джон проснулся от этих незнакомых звуков и вбежал в комнату, голова Тома едва шевелила губами. Джон, как умел, установил голову на место, всадил трубки поглубже и тщательно вытер кровь, чтобы профессор Керн не увидел следов ночного происшествия.

Утром голова Брике, отделённая от тела, уже стояла на своём старом месте, на металлическом столике со стеклянной доской, и Керн приводил её в сознание.

Когда он «промыл» голову от остатков испорченной крови и пустил струю нагретой до тридцати семи градусов свежей, здоровой крови, лицо Брике порозовело. Через несколько минут она открыла глаза и, ещё не понимая, уставилась на Керна. Потом с видимым усилием посмотрела вниз, и глаза её расширились.

— Опять без тела... — прошептала голова Брике, и глаза её наполнились слезами. Теперь она могла только шипеть: горловые связки были перерезаны выше старого сечения.

«Отлично, — подумал Керн, — сосуды быстро наполняются влагой, если только это не остаточная влага в слёзных каналах. Однако на слёзы не следует терять драгоценную жидкость».

— Не плачьте и не печальтесь, мадемуазель Брике. Вы жестоко наказали сами себя за ваше непослушание. Но я вам сделаю новое тело, лучше прежне-

го, потерпите ещё несколько дней.

И, отойдя от головы Брике, Керн подошёл к голове Тома.

— Ну, а как поживает наш фермер?

Керн вдруг нахмурился и внимательно посмотрел на голову Тома. Она имела очень плохой вид. Кожа потемнела, рот был полуоткрыт. Керн осмотрел трубки и напустился с бранью на Джона.

— Я думал. Тома спит, — оправдывался Джон.

— Сам ты проспал, осёл!

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас!.. — шипела голова Брике. — Он умер. Я так боюсь покойников... Я тоже боюсь умереть... Отчего он умер?

— Закрой у неё кран с воздушной струёй! — сердито приказал Керн.

Брике умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза сиделки, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, её останется только выбросить, — сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы её дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Ещё через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел на термометр:

— Температура трупа. Кончено!

И, забыв о присутствии Брике, он со злобой дёрнул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынести её на ледник... Надо будет произвести вскрытие.

Негр быстро схватил таз и вышел. Голова Брике смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

В кабинете Керна зазвонил телефон. Керн со злобой швырнул на пол сигару, которую собирался закурить, и ушёл к себе, сильно хлопнув дверью.

Звонил Равино. Он сообщил о том, что отправил Керну с нарочным письмо, которое им должно быть уже получено.

Керн сошёл вниз и сам вынул письмо из дверного почтового ящика. Поднимаясь по лестнице, Керн нервно разорвал конверт и начал читать. Равино сообщал, что Артур Доуэль, проникнув в его лечебницу под видом больного, похитил мадемуазель Лоран и бежал сам.

Керн оступился и едва не упал на лестнице.

— Артур Доуэль!.. Сын профессора... Он здесь? И он, конечно, знает всё.

Объявился новый враг, который не даст ему пощады. В кабинете Керн сжёг письмо и зашагал по ковру, обдумывая план действия. Уничтожить голову профессора Доуэля? Это он может всегда сделать в одну минуту. Но голова ещё нужна ему. Необходимо только будет принять меры к тому, чтобы эта улика не попала на глаза посторонним. Возможен обыск, вторжение врагов в его дом. Потом... потом необходимо ускорить демонстрацию головы Брике. Победителей не судят. Что бы ни говорили Лоран и Артур Доуэль, Керну легче будет бороться с ними, когда его имя будет окружено ореолом всеобщего признания и уважения.

Керн снял телефонную трубку, вызвал секретаря научного общества и просил заехать к нему для переговоров об устройстве заседания, на котором он.

Керн, будет демонстрировать результаты своих новейших работ. Затем Керн позвонил в редакции крупнейших газет и просил прислать интервьюеров.

«Надо устроить газетную шумиху вокруг величайшего открытия профессора Керна... Демонстрацию можно будет произвести дня через три, когда голова Брике несколько придёт в себя после потрясения и привыкнет к мысли о потере тела. Ну-с, а теперь...»

Керн прошёл в лабораторию, порылся в шкафчиках, вынул шприц, бунзенговскую горелку, взял вату, коробку с надписью «Парафин» и отправился к голове профессора Доуэля.

Заговорщики

Домик Ларе служил штаб-квартирой «заговорщиков»: Артура Доуэля, Ларе, Шауба и Лоран. На общем совете было решено, что Лоран рискованно возвращаться в свою квартиру. Но так как Лоран хотела скорее повидаться с матерью, то Ларе отправился к мадам Лоран и привёз её в свой домик.

Увидев дочь живой и невредимой, старушка едва не лишилась чувств от радости; Ларе пришлось подхватить её под руку и усадить в кресло.

Мать и дочь поместились в двух комнатах третьего этажа. Радость мадам Лоран омрачилась только тем, что Артур Доуэль, «спаситель» её дочери, всё ещё лежал больной. К счастью, он не слишком долго подвергался действию удушливого газа. Брал своё и его исключительно здоровый организм.

Мадам Лоран и её дочь по очереди дежурили у постели больного. За это время Артур Доуэль очень подружился с Лоранами, а Мари Лоран ухаживала за ним более чем внимательно; не будучи в силах помочь голове отца, Лоран переносила свои заботы на сына. Так ей казалось. Но была ещё причина, которая заставляла её неохотно уступать своей матери место сиделки. Артур Доуэль был первый мужчина, поразивший её девичье воображение. Знакомство с ним произошло в романтической обстановке, — он, как рыцарь, похитил её, освободив из страшного дома Равино. Трагическая судьба его отца налагала и на него печать трагичности. А его личные качества — мужественность, сила и молодость — завершали очарование, которому трудно было не поддаться.

Артур Доуэль встречал Мари Лоран не менее ласковым взглядом. Он лучше разбирался в своих чувствах и не скрывал от себя, что его ласковость не только долг больного по отношению к своей внимательной сиделке.

Нежные взгляды молодых людей не ускользали от окружающих. Мать Лоран делала вид, что ничего не замечает, хотя, по-видимому, она вполне одобряла выбор своей дочери. Шауб, в своём увлечении спортом презрительно относившийся к женщинам, улыбался насмешливо и в душе жалел Артура, а Ларе тяжело вздыхал, видя зарю чужого счастья, и невольно вспоминал прекрасное тело Анжелики, причём теперь на этом теле он чаще представлял голову Брике, а не Гай. Он даже сам досадовал на себя за эту «измену», но оправдывал себя тем, что здесь играет роль только закон ассоциации: голова Брике всюду следовала за телом Гай.

Артур Доуэль не мог дожидаться того времени, когда доктор разрешит ему ходить. Но Артуру было разрешено только говорить, не поднимаясь с кровати, причём окружающим был дан приказ беречь лёгкие Доуэля.

Ему волей-неволей пришлось взять на себя роль председателя, выслушивающего мнение других и только кратко возражающего или резюмирующего «прения».

А прения бывали бурные. Особенную горячность вносили Ларе и Шауб.

Что делать с Равино и Керном? Шауб почему-то облюбывал себе в жертву Равино и развил планы «разбойных нападений» на него.

— Мы не успели добить эту собаку. А её необходимо уничтожить. Каждое дыхание этого пса оскверняет землю! Я успокоюсь только тогда, когда удушю его собственными руками. Вот вы говорите, — горячился он, обращаясь к Доуэлю, — что лучше предоставить всё это дело суду и палачу. Но ведь Равино сам нам говорил, что у него власти на откупе.

— Местные, — вставлял слово Доуэль.

— Подождите, Доуэль, — вмешивался в разговор Ларе. — Вам вредно говорить. И вы, Шауб, не о том толкуете, о чём нужно. С Равино мы всегда сумеем почитаться. Ближайшей нашей целью должно быть раскрытие преступления Керна и обнаружение головы профессора Доуэля. Нам надо каким бы то ни было способом проникнуть к Керну.

— Но как вы проникнете? — спросил Артур.

— Как? Ну, как проникают взломщики и воры.

— Вы не взломщик. Это тоже искусство не малое...

Ларе задумался, потом хлопнул себя по лбу:

— Мы пригласим на гастроли Жана. Ведь Брике открыла мне, как другу, тайну его профессии. Он будет польщён! Единственный раз в жизни совершит взлом дверных замков не из корыстных побуждений.

— А если он не столь бескорыстен?

— Мы уплатим ему. Он может только проложить нам дорогу и скрыться с театральных подмостков, прежде чем мы вызовем полицию, а это мы, конечно, сделаем.

Но здесь его пыл охладил Артур Доуэль. Тихо и медленно он начал говорить:

— Я думаю, что вся эта романтика в данном случае не нужна. Керн, вероятно, уже знает от Равино о моём прибытии в Париж и участии в похищении мадемуазель Лоран. Значит, мне больше нет оснований хранить инкогнито. Это первое. Затем, я сын... покойного профессора Доуэля и потому имею законное право, как говорят юристы, вступить в дело, потребовать судебного расследования, обыска...

— Опять судебного, — безнадёжно махнул рукой Ларе. — Запутают вас судебные крючки, и Керн вывернется.

Артур закашлял и невольно поморщился от боли в груди.

— Вы слишком много говорите, — заботливо сказала мадам Лоран, сидевшая подле Артура.

— Ничего, — ответил он, растирая грудь. — Это сейчас пройдёт...

В этот момент в комнату вошла Мари Лоран, чем-то сильно взволнованная.

— Вот читайте, — сказала она, протягивая Доуэлю газету.

На первой странице крупным шрифтом было напечатано:

СЕНСАЦИОННОЕ ОТКРЫТИЕ ПРОФЕССОРА КЕРНА

Второй подзаголовок — более мелким шрифтом:

Демонстрация оживлённой человеческой головы.

В заметке сообщалось о том, что завтра вечером в научном обществе выступает с докладом профессор Керн. Доклад будет сопровождаться демонстрацией оживлённой человеческой головы.

Далее сообщалась история работ Керна, перечислялись его научные труды и произведённые им блестящие операции.

Под первой заметкой была помещена статья за подписью самого Керна. В ней в общих чертах излагалась история его опытов оживления голов — сначала собак, а затем людей.

Лоран с напряжённым вниманием следила то за выражением лица Артура Доуэля, то за взглядом его глаз, переходивших со строчки на строчку. Доуэль сохранял внешнее спокойствие. Только в конце чтения на лице его появилась и исчезла скорбная улыбка.

— Не возмутительно ли? — воскликнула Мари Лоран, когда Артур молча вернул газету. — Этот негодяй ни одним словом не упоминает о роли вашего отца во всём этом «сенсационном открытии». Нет, этого я так не могу оставить! — Щёки Лоран пылали. — За всё, что сделал Керн со мной, с вашим отцом, с вами, с теми несчастными головами, которые он воскресил для ада бес-телесного существования, он должен понести наказание. Он должен дать ответ не только перед судом, но и перед обществом. Было бы величайшей несправедливостью допустить его торжествовать хотя бы один час.

— Что же вы хотите? — тихо спросил Доуэль.

— Испортить ему триумф! — горячо ответила Лоран. — Явиться на заседание научного общества и всенародно бросить в лицо Керну обвинение в том, что он убийца, преступник, вор.

Мадам Лоран не на шутку была встревожена. Только теперь она поняла, как сильно расшатаны нервы её дочери. Впервые мать видела свою кроткую, сдержанную дочь в таком возбуждённом состоянии. Мадам Лоран пыталась её успокоить, но девушка как будто ничего не замечала вокруг. Она вся горела негодованием и жаждой мести. Ларе и Шауб с удивлением глядели на неё. Своей горячностью и неукротимым гневом она превзошла их. Мать Лоран умоляюще посмотрела на Артура Доуэля. Он поймал этот взгляд и сказал:

— Ваш поступок, мадемуазель Лоран, какими бы благородными чувствами он ни диктовался, безрассу...

Но Лоран прервала его:

— Есть безрассудство, которое стоит мудрости. Не подумайте, что я хочу выступить в роли героини-обличительницы. Я просто не могу поступить иначе. Этого требует моё нравственное чувство.

— Но чего вы достигнете? Ведь вы не можете сказать обо всём этом судебному следователю?

— Нет, я хочу, чтобы Керн был посрамлён публично! Керн воздвигает себе славу на несчастье других, на преступлениях и убийствах! Завтра он хочет пожать лавры славы. И он должен пожать славу, заслуженную им.

— Я против этого поступка, мадемуазель Лоран, — сказал Артур Доуэль, опасаясь, что выступление Лоран может слишком потрясти её нервную систему.

— Очень жаль, — ответила она. — Но я не откажусь от него, если бы даже против меня был целый мир. Вы ещё не знаете меня!

Артур Доуэль улыбнулся. Эта юная горячность нравилась ему, а сама Мари, с покрасневшимися щеками, ещё больше.

— Но ведь это же будет необдуманном шагом, — начал он снова. — Вы подвергаете себя большому риску...

— Мы будем защищать её! — воскликнул Ларе, поднимая руку с таким видом, как будто он держал шпагу, готовую для удара.

— Да, мы будем защищать вас, — громогласно поддержал друга Шауб, потрясая в воздухе кулаком.

Мари Лоран, видя эту поддержку, с упрёком посмотрела на Артура.

— В таком случае я также буду сопровождать вас, — сказал он.

В глазах Лоран мелькнула радость, но тотчас же она нахмурилась.

— Вам нельзя... Вы ещё нездоровы.

— А я всё-таки пойду.

— Но...

— И не откажусь от этой мысли, если бы целый мир был против меня. Вы ещё не знаете меня, — улыбаясь, повторил он её слова.

Испорченный триумф

В день научной демонстрации Керн особенно тщательно осмотрел голову Брике.

— Вот что, — сказал он ей, закончив осмотр. — Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придётся говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и Брике прошипела:

— Поняла, но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав её.

Волнение его всё увеличивалось. Предстояла нелёгкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова со всеми аппаратами, поставили на особую площадку, снабжённую колёсами для передвижения по ровному полу и ручками для переноса по лестницам. Наконец всё было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

...Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали сидины и блестящие лысины мужей науки, облачённых в чёрные фраки и сюртуки. Поблёскивали стёкла очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к учёному миру.

Роскошные наряды дам, сверкающие бриллианты напоминали обстановку концертного зала при выступлении мировых знаменитостей.

Сдержанный шум ожидающих начала зрителей наполнял зал.

Возле эстрады за своими столиками оживлённым муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиняя карандаши для стенографической записи.

Справа был установлен ряд киноаппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты выступления Керна и оживлённой головы. На эстраде разместился почётный президиум из наиболее крупных представителей учёного мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней микрофон для передачи

по радио речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой Брике. Она возвышалась на правой стороне эстрады. Умело и умеренно наложенный грим придавал голове Брике свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжёлое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленных зрителей. Сиделка и Джон стояли возле её столика.

Мари Лоран, Артур Доуэль, Ларе и Шауб сидели в первом ряду, в двух шагах от помоста, на котором стояла кафедра. Один только Шауб, как никем не «расшифрованный», был в своём обычном виде. Лоран явилась в вечернем туалете и в шляпе. Она низко держала голову, прикрываясь полями шляпы, чтобы Керн при случайном взгляде не узнал её. Артур Доуэль и Ларе явились загримированными. Их чёрные бороды и усы были сделаны артистически. Для большей конспиративности было решено, что они друг с другом «не знакомы». Каждый сидел молча, рассеянным взглядом окидывая соседей. Ларе был в подавленном состоянии: он едва не потерял сознание, увидев голову Брике.

Ровно в восемь часов на кафедру взошёл профессор Керн. Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Киноаппарат затрещал. Газетный муравейник затих. Профессор Керн начал доклад о мнимых своих открытиях.

Это была блестящая по форме и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о предварительных, очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля. Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и о своих «скромных заслугах». Для слушателей не должно было оставаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни дам направляли на него бинокли и лорнетки. Бинокли и монокли мужчин с не меньшим интересом устремлялись на голову Брике, которая принуждённо улыбалась.

По знаку профессора Керна сиделка открыла кран, пустила воздушную струю, и голова Брике получила возможность говорить.

— Как вы себя чувствуете? — спросил её старичок учёный.

— Благодарю вас, хорошо.

Голос Брике был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, звук был почти лишён модуляций, тем не менее выступление головы произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам. Но Брике, которая когда-то упивалась лаврами от своих выступлений в маленьких кабачках, на этот раз только устало опустила веки.

Волнение Лоран всё увеличивалось. Её начинала трясти нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. «Пора», — несколько раз говорила она себе, но каждый раз ей не хватало решимости. Обстановка подавляла её. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесён профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедру взошёл седенький старичок, один из крупнейших учёных.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, о счастье об-



щаться с такими умами, которые дарят миру величайшие научные достижения.

И в тот момент, когда Лоран меньше всего этого ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унёс её. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломлённого старичка, почти сбросила его, заняла его место и со смертельно бледным лицом и лихорадочно горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при её появлении.



В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону Лоран, как бы желая удержать её. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул в дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала Лоран, указывая на Керна. — Он вор и убийца! Он крал труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с его головой. Он мучает и пыткой заставляет продолжать научные опыты, а потом выдаёт их за свои открытия... Мне сам Доуэль говорил, что Керн отравил его...

В публике смятение переходило в панику. Многие повскакали с мест. Даже некоторые корреспонденты уронили карандаши и застыли в ошеломлённых позах. Только кинооператор усиленно крутил ручку аппарата, радуясь неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой сожаления на лице. Дождавшись момента, когда нервная спазма сдавила горло Лоран, он воспользовался наступившей паузой, повернулся к стоявшим у дверей контролёрам аудитории и сказал им властно:

— Уведите её! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Контролёры бросились к Лоран. Но прежде чем они успели пробраться к

ней через толпу, Ларе, Шауб и Доуэль подбежали к ней и вывели в коридор. Керн проводил всю группу подозрительным взглядом.

В коридоре Лоран пытались задержать полицейские, но молодым людям удалось вывести её на улицу и посадить в автомобиль. Они уехали.

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошёл на кафедру и извинился перед собранием «за печальный инцидент».

— Лоран — девушка нервная и истерическая. Она не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днём в обществе искусственно оживлённой мною головы трупа Брике. Психика Лоран надломилась. Она сошла с ума...

Эта речь была прослушана при жуткой тишине зала.

Раздалось несколько хлопков, но они были заглушены шиканьем. Будто веяние смерти пронеслось над залом. И сотни глаз теперь уже смотрели на голову Брике с ужасом и жалостью, как на выходца из могилы... Настроение собравшихся было испорчено безнадежно. Многие из публики ушли, не ожидая окончания. Наскоро прочитали заранее заготовленные речи, приветственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почётным членом и доктором различных институтов и академий наук, и собрание было закрыто.

За спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув ему, стал готовить к обратной отправке голову Брике, сразу поблёкшую, усталую и испуганную.

Оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю своей злобе. Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофёр несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

Последнее свидание

Утром, на другой день после злополучного выступления Керна в научном обществе, Артур Доуэль явился к начальнику полиции, назвал себя и заявил, что он просит произвести обыск в квартире Керна.

— Обыск в квартире профессора Керна уже был произведён минувшей ночью, — сухо ответил начальник полиции. — Никаких результатов этот обыск не дал. Заявление мадемуазель Лоран, как и следовало ожидать, оказалось плодом её расстроенного воображения. Разве вы не читали об этом в утренних газетах?

— Почему вы так легко предположили, что заявление мадемуазель Лоран является плодом расстроенного воображения?

— Потому что, сами посудите, — отвечал начальник полиции, — это совершенно немислимая вещь, и потом обыск подтвердил...

— Вы допрашивали голову мадемуазель Брике?

— Нет, мы не допрашивали никаких голов, — ответил начальник полиции.

— Напрасно! Она также могла бы подтвердить, что видела голову моего отца. Она лично сообщила мне об этом. Я настаиваю на производстве вторичного обыска.

— Не имею к этому никаких оснований, — резко ответил начальник полиции.

«Неужели подкуплен Керном?» — подумал Артур.

— И потом, — продолжал начальник полиции, — вторичный обыск может только возбудить общественное негодование. Общество достаточно уже возмущено выступлением этой сумасшедшей Лоран. Имя профессора Керна у всех на устах. Он получает сотни писем и телеграмм с выражением соболезнования ему и негодования на поступок Лоран.

— И тем не менее я настаиваю, что Керн совершил несколько преступлений.

— Нельзя необоснованно бросать такие обвинения, — нравоучительно сказал начальник полиции.

— Так дайте же мне возможность обосновать их, — возразил Доуэль.

— Эта возможность уже была предоставлена вам. Властями был произведён обыск.

— Если вы категорически отказываетесь, я принуждён буду обратиться к прокурору, — сказал Артур решительно и поднялся.

— Ничего не могу для вас сделать, — ответил начальник полиции, тоже поднимаясь.

Упоминание о прокуроре, однако, произвело своё действие. Немного подумав, он сказал:

— Я, пожалуй, мог бы сделать распоряжение о производстве вторичного обыска, но, так сказать, неофициальным порядком. Если обыск даст новые данные, тогда я донесу об этом прокурору.

— Обыск должен быть произведён в присутствии моём, мадемуазель Лоран и моего друга Ларе.

— Не слишком ли много?

— Нет, все эти лица могут оказать существенную пользу.

Начальник полиции развёл руками и, вздохнув, сказал:

— Хорошо! Я командую несколькими агентами полиции в ваше распоряжение. Приглашу и следователя.

В одиннадцать часов утра Артур уже звонил у двери Керна.

Негр Джон приоткрыл тяжёлую дубовую дверь, не снимая цепочки.

— Профессор Керн не принимает.

Выступивший полицейский заставил Джона пропустить неожиданных гостей в квартиру.

Профессор Керн встретил их в своём кабинете, приняв вид оскорблённой добродетели.

— Прошу вас, — сказал он ледяным тоном, широко распахнув двери лаборатории и бросив мельком уничтожающий взгляд на Лоран.

Следователь, Лоран, Артур Доуэль, Керн, Ларе и двое полицейских вошли.

Знакомая обстановка, с которой было связано столько тягостных переживаний, взволновала Лоран. Сердце её сильно забило.

В лаборатории находилась только голова Брике. Её щёки, лишённые румян, были тёмно-жёлтого цвета мумии. Увидя Лоран и Ларе, она улыбнулась и заморгала глазами. Ларе с ужасом и содроганием отвернулся.

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находилась наголо обритая голова пожилого человека с громадным мясистым носом. Глаза этой головы были скрыты за совершенно чёрными очками. Губы слегка подёргивались.

— Глаза болят... — пояснил Керн. — Вот и всё, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

И действительно, при дальнейшем осмотре дома, от подвала до чердака, других голов не обнаружили.

На обратном пути вновь пришлось проходить через комнату, где помещалась толстоногая голова. Разочарованный Доуэль направился уже было к следующей двери, а за ним двинулись к выходу следователь и Керн.

— Подождите, — остановила их Лоран.

Подойдя к голове с толстым носом, она открыла воздушный кран и спросила:

— Кто вы?

Голова шевелила губами, но голос не звучал. Лоран пустила более сильную струю воздуха.

Послышался шипящий шёпот:

— Кто это? Вы, Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас...

Лоран заглянула в уши головы и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессором Доуэлем.

— Но ваше лицо? — задыхнулась Лоран от волнения.

— Лицо?.. — Голова говорила с трудом. — Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парафин введён под кожу носа... Увы, моим остался только мой мозг в этой изуродованной черепной коробке... но и он отказывается служить... Я умираю... наши опыты несовершенны... хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически.

— Зачем у вас очки? — спросил следователь, приблизившись.

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться. — Он лишает меня возможности слышать и видеть... Очки не прозрачны.

ные... чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... Снимите же мне очки...



Лоран дрожащими руками сняла очки.

— Мадемуазель Лоран... вы? Здравствуйте, друг мой!.. А ведь Керн сказал, что вы уехали... Мне плохо... работать больше не могу... Коллега Керн только вчера милостиво объявил мне амнистию... Если я сам не умру сегодня, он обещал завтра освободить меня...

И вдруг, увидав Артура, который стоял в стороне, словно оцепенев, без кровинки в лице, голова радостно произнесла:

— Артур!.. Сын!..

На мгновение тусклые глаза её прояснились.

— Отец, дорогой мой! — Артур шагнул к голове. — Что с тобой сделали?.. Он пошатнулся. Ларе поддержал его.

— Вот... хорошо... Ещё раз мы свиделись с тобой... после моей смерти... — просипела голова профессора Доуэля.

Голосовые связки почти не работали, язык плохо двигался. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

— Артур, поцелуй меня в лоб, если тебе... не... неприятно...

Артур наклонился и поцеловал.

— Вот так... теперь хорошо...

— Профессор Доуэль, — сказал следователь, — можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти?

Голова перевела на следователя потухший взгляд, видимо плохо понимая, в чём дело. Потом, поняв, медленно скосила глаза на Лоран и прошептала:

— Я ей... говорил... она знает всё.

Губы головы перестали шевелиться, а глаза заволоклись дымкой.

— Конец!.. — сказала Лоран.

Некоторое время все стояли молча, подавленные происшедшим.

— Ну что ж, — прервал тягостное молчание следователь, и, обернувшись к Керну, произнёс: — Прошу следовать за мною в кабинет! Мне надо снять с вас допрос.

Когда дверь за ними захлопнулась, Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и закрыл лицо ладонями:

— Бедный, бедный отец!

Лоран мягко положила ему руку на плечо. Артур порывисто поднялся и крепко пожал ей руку.

Из кабинета Керна раздался выстрел.

Звезда КЭЦ (роман)

*Посвящаю памяти
Константина Эдуардовича Циолковского*



Глава 1 Встреча с чернобородым

Кто бы мог подумать, что незначительный случай решит мою судьбу. В то время я был холост и жил в доме научных работников. В один из весенних ленинградских вечеров я сидел у открытого окна и любовался на деревца сквера, покрытые светло-зелёным молодым пушком. Верхние этажи домов пылали палевыми лучами заката, нижние погружались в синие сумерки. Вдали виднелись зеркало Невы и шпиль Адмиралтейства. Было удивительно хорошо, не хватало только музыки. Мой ламповый радиоприёмник испортился. Нежная мелодия, заглушённая стенами, чуть доносилась из соседней квартиры. Я завидовал соседям и в конце концов пришёл к мысли, что Антонина Ивановна, моя соседка, без труда могла бы помочь мне наладить радиоприёмник. Я не был знаком с этой девушкой, но знал, что она работает ассистентом физико-технического института. При встрече на лестнице мы всегда приветливо раскланивались. Это показалось мне вполне достаточным для того, чтобы обратиться к ней за помощью.

Через минуту я звонил у дверей соседей.

Дверь мне открыла Антонина Ивановна. Это была симпатичная девушка лет двадцати пяти. Её большие серые глаза, весёлые и бодрые, глядели чуть-чуть насмешливо и самоуверенно, а вздёрнутый нос придавал лицу задорное выражение. На ней было чёрное суконное платье, очень простое и хорошо облегавшее её фигуру.

Я почему-то неожиданно смутился и очень торопливо и сбивчиво стал объяснять причину своего прихода.

— В наше время стыдно не знать радиотехники, — шутливо перебила она меня.

— Я биолог, — пробовал оправдаться я.

— Но у нас даже школьники знают радиотехнику.

Этот укор она смягчила улыбкой, показав свои ровные зубы, и неловкость растаяла.

— Пойдёмте в столовую, я допью чай и пойду лечить ваш приёмник.

Я охотно последовал за ней.

В просторной столовой за круглым столом сидела мать Антонины Ивановны, полная, седая, розоволицая старушка. Она с суховатой любезностью поздоровалась со мной и пригласила выпить чашку чаю.

Я отказался. Антонина Ивановна допила чай, и мы направились ко мне.

С необычайной быстротой она разобрала мой приёмник. Я любовался её ловкими руками с длинными, подвижными пальцами. Говорили мы немного. Она очень скоро поправила аппарат и ушла к себе.

Несколько дней я думал только о ней, хотел зайти снова, но без повода не решался. И вот, стыдно признаться, но я нарочно испортил свой приёмник... И пошёл к ней.

Осмотрев повреждение, она насмешливо взглянула на меня и сказала:

— Я не буду чинить ваш приёмник.

Я покраснел как варёный рак.

Но на другой день снова пошёл — доложить, что приёмник мой работает великолепно. И скоро для меня стало жизненной необходимостью видеть Тоню, как я мысленно называл её.

Она дружески относилась ко мне, по её мнению, я, видите ли, был только кабинетный учёный, узкий специалист, радиотехники не знал, характер у меня нерешительный, привычки стариковские — сиднем сидеть в своей лаборатории или в кабинете. При каждой встрече она говорила мне много неприятного и советовала переделать характер.

Моё самолюбие было оскорблено. Я даже решил не ходить к ней, но, конечно, не выдержал. Больше того, незаметно для себя я начал переделывать свой характер: стал чаще гулять, пытался заняться спортом, купил лыжи, велосипед и даже пособия по радиотехнике.

Однажды, совершая добровольно-принудительную прогулку по Ленинграду, я на углу проспекта Двадцать Пятого Октября и улицы Третьего Июля заметил молодого человека с иссиня-чёрной бородой.

Он пристально посмотрел на меня и решительно двинулся в мою сторону.

— Простите, вы не Артемьев?

— Да, — ответил я.

— Вы знакомы с Ниной... Антониной Герасимовой?

Я видел вас однажды с ней. Я хотел передать ей кое-что о Евгении Палее.

В это время к незнакомцу подъехал автомобиль. Шофёр крикнул:

— Скорей, скорей! Опаздываем!

Чернобородый вскочил в машину и, уже отъезжая, крикнул мне.

— Передайте — Памир, Кэц...

Автомобиль быстро скрылся за углом.

Я вернулся домой в смущении. Кто этот человек? Он знает мою фамилию? Где он видел меня с Тоней или Ниной, как он называл её? Я перебирал в памяти все встречи, всех знакомых... Этот характерный орлиный нос и острая чёрная борода должны были запомниться. Но нет, я никогда не видал его раньше... А этот Палей, о котором он говорил? Кто это?

Я пошёл к Тоне и рассказал о странной встрече. И вдруг эта уравновешенная девушка страшно разволновалась. Она даже вскрикнула, услышав имя Палей. Она заставила меня повторить всю сцену встречи, а потом гневно набросилась на меня за то, что я не догадался сесть с этим человеком в автомобиль и не расспросил у него обо всём подробно.

— Увы, у вас характер тюленя! — заключила она.

— Да, — зло ответил я. — Я совсем не похож на героев американских приключенческих фильмов и горжусь этим. Прыгать в машину незнакомого человека... Слуга покорный.

Она задумалась и, не слушая меня, повторяла, как в бреду:

— Памир... Кэц... Памир... Кэц.

Потом кинулась к книжным полкам, достала карту Памира и начала искать Кэц.

Но, конечно, никакого Кэца на карте не было.

— Кэц... Кэц... Если не город, так что же это: маленький кишлак, аул, учреждение?.. Надо узнать, что такое Кэц! — воскликнула она. — Во что бы то ни стало сегодня же или не позже завтрашнего утра...

Я не узнавал Тоню. Сколько неукротимой энергии было скрыто в этой девушке, которая умела так спокойно, методически работать! И всё это превращение произвело одно магическое слово — Палей. Я не осмелился спросить у неё, кто он, и постарался поскорее уйти к себе.

Не стану скрывать, я не спал эту ночь, мне было очень тоскливо, а на другой день не пошёл к Тоне.

Но поздно вечером она сама явилась ко мне, приветливая и спокойная, как всегда. Сев на стул, она сказала:

— Я узнала, что такое Кэц: это новый город на Памире, ещё не нанесённый на карту. Я еду туда завтра, и вы должны ехать со мной. Я этого чернобородого не знаю, вы можете отыскать его. Ведь это ваша вина, Леонид Васильевич, что вы не узнали фамилию человека, который имеет сведения о Палее.

Я в изумлении вытаращил глаза. Этого ещё не доставало. Бросить свою лабораторию, научную работу и ехать на Памир, чтобы искать какого-то Палея!

— Антонина Ивановна, — начал я сухо, — вы, конечно, знаете, что не одно учреждение ждёт окончания моих научных опытов. Сейчас я, например, заканчиваю работу по задержке созревания фруктов. Опыты эти давно велись в Америке и ведутся у нас. Но практические результаты пока невелики. Вы, вероятно, слышали, что консервные фабрики на юге, перерабатывающие местные фрукты: абрикосы, мандарины, персики, апельсины, айву — работают с чрезмерной нагрузкой месяц-полтора, а десять-одиннадцать месяцев в году простаивают. И это потому, что фрукты созревают почти одновременно и переработать их сразу невозможно. Поэтому каждый год гибнет чуть ли не девять десятых урожая...

Увеличить число фабрик, которые десять месяцев в году находятся на простое, тоже невыгодно. Вот мне и поручили текущим летом отправиться в Армению, чтобы на месте поставить чрезвычайно важные опыты искусственной задержки созревания фруктов. Понимаете? Фрукты снимаются немного недозревшими и затем созревают постепенно, партия за партией, по мере того как заводы справляются со своей работой. Таким образом, заводы будут работать круглый год, а...

Я посмотрел на Тоню и запнулся. Она не перебивала меня, она умела слушать, но лицо её всё больше мрачнело. На лбу, меж бровей, легла складка, длинные ресницы были опущены. Когда она подняла на меня глаза, я увидел в них презрение.

— Какой учёный-общественник! — сказала она ледяным тоном. — Я тоже еду на Памир по делу, а не как искательница приключений. Мне во что бы то ни стало надо разыскать Палея. Путешествие не продлится долго. И вы ещё успеете попасть в Армению к сбору урожая...

Гром и молния! Не мог же я сказать ей, в какое нелепое положение она меня ставит! Ехать с любимой девушкой на поиски неведомого Палея, быть может, моего соперника! Правда, она сказала, что она не искательница приключений и едет по делу. Какое же дело связывает её с Палеем? Спросить не позволяло самолюбие. Нет, довольно с меня. Любовь мешает работе. Да, да! Раньше я засиживался в лаборатории до позднего вечера, а теперь ухожу, как только пробьёт четыре. Я уже хотел ещё раз отказаться, но Тоня предупредила меня:

— Вижу, мне придётся ехать одной, — сказала она поднимаясь. — Это осложняет дело, но, может быть, мне удастся найти чернобородого и без вашей помощи. Прощайте, Артемьев. Желаю вам успешного дозревания.

— Послушайте, Антонина Ивановна!.. Тоня!..

Но она уже вышла из комнаты.

Идти за ней? Вернуть? Сказать, что я согласен?.. Нет, нет! Надо выдержать характер. Теперь или никогда.

И я выдерживал характер весь вечер, всю бессонную ночь, всё хмурое утро следующего дня. В лаборатории я не мог смотреть на сливы — предмет моих опытов.

Тоня, конечно, поедет одна. Она не остановится ни перед какими трудностями. Что произойдёт на Памире, когда она найдёт чернобородого и через него Палея? Если бы я сам присутствовал при встрече, мне многое стало бы ясным. Я не поеду с Тоней — это значит разрыв. Недаром, уходя она сказала «прощайте». Но всё же я должен выдержать характер. Теперь или никогда.

Конечно, я не поеду. Но нельзя же быть невежливым — простая любезность требует помочь Тоне собраться в дорогу.

И вот ещё не пробило четырёх часов, я уже прыгал через пять ступенек, сбегая с четвёртого этажа. Не хуже старого американского киногероя, я вскочил на ходу в троллейбус и помчался домой. Кажется, я даже без стука ворвался в комнату Тони и крикнул:

— Я еду с вами, Антонина Ивановна!

Не знаю, для кого большей неожиданностью было это восклицание — для неё или для меня самого. Кажется, для меня.

Так я был вовлечён в цепь самых невероятных приключений.

Глава 2

Демон неукротимости

Я смутно помню наше путешествие от Ленинграда до таинственного Кэца. Я был слишком взволнован своей неожиданной поездкой, смущён собственным поведением, подавлен Тониной энергией.

Тоня не хотела терять ни одного лишнего дня и составила маршрут путешествия, используя все быстрые современные средства сообщения.

От Ленинграда до Москвы мы летели на аэроплане. Над Валдайской возвышенностью нас здорово потрепало, а так как я не выношу ни морской, ни воздушной качки, мне стало плохо. Тоня заботливо ухаживала за мной. В пути она стала ко мне относиться тепло и ровно — словом, переменилась к лучшему. Я всё больше изумлялся: сколько сил, женской ласки, заботливости у этой девушки! Перед путешествием она работала больше меня, но на ней это совершенно не отразилось, Она была весела и часто напевала какие-то песенки.

В Москве мы пересели на полуреактивный стратоплан Циолковского, совершающий прямые рейсы Москва — Ташкент.

Эта машина летела с бешеной скоростью. Три металлические сигары соединены боками, снабжены хвостовым оперением и покрыты одним крылом — таков внешний вид стратоплана. Тоня немедленно ознакомилась с его устройством и объяснила мне, что пассажиры и пилоты помещаются в левом боковом корпусе, в правом — горючее, а в среднем — воздушный винт, сжиматель воздуха, двигатель и холодильник; что самолёт движется силой воздушного винта и отдачею продуктов горения. Она говорила ещё о каких-то интересных подробностях, но я слушал рассеянно, новизна впечатлений подавляла меня. Помню, мы зашли в герметически закрывающуюся кабину и уселись на очень мягкие кресла. Самолёт побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся на воздух. Мы летели на огромной высоте, — быть может, за пределами тропосферы, — со скоростью тысячи километров в час. И говорят — эта скорость не предельная.

Не успел я как следует усесться, а мы уже оставили позади пределы РСФСР. За облачным покровом земли не было видно. Когда облака начали редеть, я увидел глубоко под нами сероватую поверхность. Она казалась углублённой в центре и приподнятой к горизонту, словно опрокинутый серый купол.

— Киргизские степи, — сказала Тоня.

— Уже? Вот это скорость!

Такой полёт мог удовлетворить даже нетерпение Тони.

Впереди блеснуло Аральское море. И в кабине говорили уже не о Москве, которую только что покинули, а о Ташкенте, Андижане, Коканде.

Ташкента я не успел рассмотреть. Мы молниеносно снизились на аэродроме, и уже через минуту мчались на автомобиле к вокзалу сверхскоростного реактивного поезда — того же Циолковского. Этот первый реактивный поезд Ташкент — Андижан по скорости не уступал стратоплану.

Я увидел длинный, обтекаемой формы вагон без колёс. Дно вагона лежало на бетонном полотне, возвышающемся над почвой. С обеих сторон вагона имелись закраины, заходящие за бока полотна. Они придавали устойчивость на закруглениях пути.

Я узнал, что в этом поезде воздух накачивается под днище вагона и по особым щелям прогоняется назад. Таким образом, вагон летит на тончайшем слое воздуха. Трение сведено до минимума. Движение достигается отбрасыванием назад воздушной струи, и вагон развивает такую скорость, что с разгона без мостов перепрыгивает небольшие реки.

Я опасливо поёжился, сел в вагон, и мы двинулись в путь.

Скорость «езды-полёта» была действительно грандиозна. За окнами ландшафт сливался в желтовато-серые полосы. Только голубое небо казалось обычным, но белые облака бежали назад с необыкновенной резвостью. Признаюсь, несмотря на все удобства этого нового способа передвижения, я не мог дождаться конца нашего короткого путешествия. Но вот под нами сверкнула река, и мы мигом перескочили её без моста. Я вскрикнул и невольно поднялся. Видя такую отсталость и провинциальность, все пассажиры громко рассмеялись. А Тоня восторженно захлопала в ладоши.

— Вот это мне нравится! Это настоящая езда! — говорила она.

Я тоскливо заглядывал в окно: когда же кончится это мутное мелькание?

В Андижане я запросил пощады. Надо же немного передохнуть после всех этих сверхскоростных передряг. Но Тоня и слушать не хотела. Её обуял демон неукротимости.

— Вы испортите мне весь график. У меня согласовано всё до одной минуты.

И мы вновь как одержимые помчались на аэродром.

Путь от Андижана до Оша мы пролетели на обыкновенном аэроплане. Его совсем немалую скорость — четыреста пятьдесят километров в час — Тоня считала черепашьей. На беду, мотор закапризничал, и мы сделали вынужденную посадку. Пока бортмеханик возился с мотором, я вышел из кабины и растянулся на песке. Но песок был невыносимо горячий. Солнце палило немилосердно, и мне пришлось убраться в душную кабину.

Обливаясь потом, я проклинал в душе наше путешествие и мечтал о ленинградском мелком дождике.

Тоня нервничала, боясь опоздать в Оше к отлёту дирижабля. На моё несчастье, мы не опоздали и прилетели на аэродром за полчаса до отлёта дирижабля. Этот металлический гигант из гофрированной стали должен был нас доставить в город Кэц. Мы добежали до причальной мачты, быстро поднялись на лифте и вошли в гондолу.

Путешествие на дирижабле оставило самое приятное воспоминание. Каюты гондолы охлаждались и хорошо вентилировались. Скорость — всего двести двадцать километров в час. Ни качки, ни тряски и полное отсутствие пыли. Мы хорошо пообедали в уютной кают-компании. За столом слышались новые слова: Алай, Кара-куль, Хорог.

Памир с высоты произвёл на меня довольно мрачное впечатление. Недаром эту «крышу мира» называют «подножием смерти». Ледяные реки, горы, ущелья, морены, снежные стены, увенчанные чёрными каменными зубцами, — траурный наряд гор. И лишь глубоко внизу — зелёные пастбища.

Какой-то пассажир-альпинист, указывая на покрытые зеленоватым льдом горы, объяснял Тоне:

— Вот это гладкий ледник, это игольчатый, вон там бугристый, дальше волнообразный, ступенчатый...

Внезапно сверкнула гладь озера...

— Кара-куль. Высота три тысячи девятьсот девяносто метров над уровнем моря, — сказал альпинист.

— Посмотрите, посмотрите! — окликает меня Тоня.

Смотрю. Озеро как озеро. Блестит. А Тоня восхищается.

— Какая красота!

— Да, блестящее озеро, — говорю я, чтоб не обидеть Тоню.

Глава 3

Я становлюсь сыщиком

Но вот мы идём на посадку. Я вижу с дирижабля общий вид города. Он расположен в очень длинной, узкой высокогорной долине меж снеговых вершин. Долина имеет почти прямое направление с запада на восток. Возле самого города она расширяется. У южного края её находится большое горное озеро. Альпинист говорит, что оно очень глубокое.

Сотни две домов сверкают плоскими металлическими крышами. Большинство крыш белые, как алюминий, но есть и тёмные. На северном склоне горы стоит большое здание с куполом — вероятно, обсерватория. За жилыми домами фабричные корпуса.

Наш аэродром расположен в западной стороне города, в восточной лежит какой-то удивительный железнодорожный путь — с очень широкой колеёй. Он идёт до самого края долины и там, по-видимому, обрывается.

Наконец-то земля.

Мы едем в гостиницу. Я отказываюсь осматривать город: устал с дороги, и Тоня милостиво отпускает меня на отдых. Сняв ботинки, я ложусь отдохнуть на широкий диван. Какое блаженство; В голове ещё шумят моторы всяческих быстроходов, глаза слипаются. Ну, уж теперь-то я отдохну на славу!

Как будто кто-то в дверь стучит. Или это ещё гремят в голове моторы... Стучат в самом деле. Как некстати.

— Войдите! — сердито кричу я и вскакиваю с дивана.

Появляется Тоня. Она, кажется, задалась целью известить меня.

— Ну, как отдохнули! Идёмте, — говорит она.

— Куда идёмте? Почему идёмте? — громко спрашиваю я.

— Как куда? Зачем же мы приехали сюда?

Ну да. Искать человека с чёрной бородой. Понятно... Но уже вечер, и лучше заняться поисками с утра. Впрочем, протестовать бесполезно. Я молча натягиваю на плечи лёгкое ленинградское пальто, но Тоня заботливо предупреждает меня:

— Наденьте шубу. Не забывайте, что мы на высоте нескольких тысяч метров, а солнце уже зашло.

Надеваю шубу, и мы выходим на улицу.

Я вдыхаю морозный воздух и чувствую, что мне дышать трудно. Тоня замечает, как я «зеваю», и говорит:

— Вы не привыкли к разрежённому горному воздуху. Ничего, это скоро пройдёт.

— Странно, что я в гостинице не чувствовал этого, — удивляюсь я.

— А в гостинице воздух искусственно сгущён компрессором, — говорит То-

ня, — не все переносят горный воздух. Некоторые совсем не выходят на улицу, и с ними консультируются на дому.

— Как жаль, что эта льгота не распространяется на специалистов по разыскиванию чёрных бород! — невесело сострил я.

Мы шли по улицам чистенького, хорошо освещённого города. Здесь была самая гладкая и самая прочная в мире мостовая — из природного выровненного и отшлифованного гранита. Мостовая-монолит.

Нам часто встречались чернобородые: видимо, среди населения было много южан.

Тоня ежеминутно дёргала меня за рукав и спрашивала: — Это не он?

Я сумрачно качал головой. Незаметно мы дошли до берега озера.

Вдруг раздался вой сирены. Эхо отдалось в горах, и разбуженные горы откликнулись унылыми завываниями. Получился леденящий душу концерт.

Берега озера осветились яркими фонарями, и озеро вспыхнуло, как зеркало в алмазной оправе. Вслед за фонарями зажглись десятки мощных прожекторов, устремив свои голубые лучи в синеву безоблачного вечернего неба. Сирена умолкла. Затихло и эхо в горах. Но город встрепенулся.

По озеру вдоль берега забегали быстроходные катера и глиссеры. Толпы народа стекались к озеру.

— Куда же вы смотрите? — услышал я голос Тони.

Этот голос напомнил мне о моей печальной обязанности. Я решительно повернулся спиной к озеру, к огням и начал выискивать в толпе бородатых людей.

Однажды мне показалось, что я увидел чернобородого незнакомца. Только я хотел сказать об этом Тоне, как вдруг она воскликнула:

— Смотрите, смотрите! — и показала на небо.

Мы увидели золотую звёздочку, приближавшуюся к земле. Толпа стихла. В наступившей тишине послышался отдалённый гром. Гром с безоблачного неба! Горы подхватили этот рокот и ответили глухой канонадой. Гром нарастал с каждой секундой, и звёздочка всё увеличивалась. Позади неё ясно обозначилась тёмная дымка, и скоро звёздочка превратилась в сигарообразное тело с плавниками. Это мог быть только межпланетный корабль. В толпе слышались восклицания:

— Кэц-семь!

— Нет, Кэц-пять!

Ракета вдруг описала небольшой круг и перевернулась кормой вниз. Пламя вырвалось из дюз, и она всё медленнее стала снижаться к озеру. Длина её намного превышала длину самого большого паровоза. И весила она, наверное, не меньше.

И вот эта тяжёлая громадина, не долетая до поверхности воды нескольких десятков метров, как бы повисла в воздухе: сила взрывающихся газов поддерживала её в висячем положении. Отбросы газов рябили и волновали поверхность воды. Клубы дыма расстилались по озеру.

Затем стальная сигара стала едва заметно опускаться и скоро кормой коснулась воды. Вода забурлила, заклокотала, зашипела. Пар окутал ракету. Взрывы прекратились. Среди пара и дыма показался верхний острый конец ракеты и опустился вниз. Тяжёлый всплеск воды. Большая волна, качая на своём гребне катера и глиссеры, пошла по озеру. Ракеты не было видно. Но



вот она блеснула в лучах прожектора и закачалась на поверхности воды.

Толпа дружными криками приветствовала благополучный спуск. Флотилия катеров набросилась на плавающую ракету, как касатки на кита. Маленький чёрный катер взял её на буксир и отвёл в гавань. Два мощных трактора вытащили её по специальному мосту на берег. Наконец открылся люк, и из ракеты вышли межпланетные путешественники.

Первый из них, как только вышел, начал громко чихать. Из толпы послышался смех и восклицания: «Будьте здоровы!»

— Каждый раз такая история, — сказал прилетевший с неба. — Как только попаду на землю — насморк, кашель.

Я с любопытством и уважением смотрел на человека, который побывал в бесконечных просторах неба. Есть же такие смельчаки! Я ни за что не решился бы полететь на ракете.

Прибывших встречали радостно, без конца спрашивали, пожимали руки. Но вот они сели в автомобиль и уехали. Толпа быстро поредела. Огни погасли. Я вдруг почувствовал, как окоченели мои ноги. Меня знобило и поташнивало.

— Вы совсем посинели, — сжалилась, наконец, Тоня. — Идёмте домой.

В вестибюле гостиницы меня встретил толстенький лысый человек. Покачав головой, он сказал:

— А вы плохо переносите, молодой человек, горы.

— Замёрз, — ответил я.

В уютной столовой мы разговорились с толстеньким человеком, который оказался врачом. Прихлёбывая горячий чай, я спрашивал его, почему их город и прилетевшая ракета называются Кэц.

— И Звезда также, — отвечал доктор. — Звезда Кэц. Слыхали? В ней-то, собственно, всё дело. Она создала этот город. А почему Кэц? Неужто не догадываетесь? Чьей системы был стратоплан, на котором вы сюда летели?

— Кажется, Циолковского, — ответил я.

— Кажется... — неодобрительно сказал доктор. — Не кажется, а так оно и есть. Ракета, которую вы видели, тоже по его плану сделана, и Звезда тоже. Вот почему и Кэц; Константин Эдуардович Циолковский. Понятно?

— Понятно, — ответил я. — А что это за Звезда Кэц?

— Искусственный спутник Земли. Надземная станция-лаборатория и ракетодром для ракет дальнего межпланетного сообщения.

Глава 4

Неудавшаяся погоня

Уже давно я не спал так крепко, как в эту ночь. И проспал бы до двенадцати дня, если бы Тоня не разбудила меня в шесть утра.

— Скорее на улицу, — сказала она. — Сейчас рабочие и служащие пойдут на работу.

И снова я с утра пораньше взялся за свою роль сыщика.

— А не лучше ли нам через справочное бюро узнать, проживает ли здесь Палей?

— Наивный вопрос, — ответила Тоня. — Я ещё из Ленинграда справлялась об этом...

Мы шли по монолитной мостовой. Солнце уже поднималось над горами, но меня знобило, и дышать по-прежнему было трудно. Ледники нестерпимо блестели.

Показался небольшой садик — плод работы местных садоводов над акклиматизацией растений. До постройки города Кэц здесь, на высоте нескольких тысяч метров, не произрастало никакой зелени, никаких растений, никаких злаков.

Ходьба утомила меня. Я предложил посидеть. Тоня согласилась.

Мимо нас двигался людской поток. Люди громко разговаривали, смеялись — словом, чувствовали себя вполне нормально.

— Это он! — крикнул я.

Тоня вскочила, схватила меня за руку, и мы со всех ног пустились догонять машину. Машина мчалась по прямому как стрела проспекту, который вёл на ракетодром.

Бежать было трудно. Я задыхался. Меня мучила тошнота. Кружилась голова, ноги и руки дрожали. На этот раз и Тоня почувствовала себя плохо, но упорно продолжала бежать.

Так мы бежали минут десять. Автомобиль с чернобородым ещё виднелся впереди. Вдруг Тоня перебежала дорогу и, расставив руки, загородила путь встречному автомобилю. Машина круто остановилась. Тоня быстро вскочила в кабину и втащила меня.

Шофёр посмотрел на нас с недоумением.

— Летите стрелой вон за той машиной! — приказала Тоня таким властным тоном, что шофёр, ни слова не говоря, повернул назад и дал полный газ.

Дорога была прекрасная. Мы быстро оставили за собой последние дома. И перед нами как на ладони предстал ракетодром. На широком «железнодорожном» пути лежала ракета, похожая на гигантского сома. Возле ракеты копошились люди. Вдруг завывла сирена. Люди поспешно отбежали в сторону. Ракета двинулась по рельсам, набирая скорость, и, наконец, заскользила с невероятной быстротой. Пока она ещё не пускала в ход взрывателей и двигалась при помощи электрического тока, как трамвай. Путь поднимался в гору градусов на тридцать. Когда до конца пути осталось не более километра, из хвоста

ракет вырвался огромный сноп пламени. Клубы дыма окутали её. Вслед за тем долетел звук оглушительного взрыва. Ещё через несколько секунд нас обдало сильной волной воздуха, — мы пошатнулись. Ракета, оставляя за собой цепочку дымовых клубов, взвилась к небу, быстро укоротилась до чёрной точки и исчезла.

Мы подъехали к ракетодрому. Но, увы, чернобородого среди оставшихся не было...

Глава 5

Кандидат в небожители

Тоня бросилась в толпу и начала расспрашивать всех: не видели ли они человека с чёрной бородой?

Люди переглядывались, вспоминали, и, наконец, человек в белом шлеме и белом кожаном костюме сказал:

— Это, наверное, Евгенийев.

— Конечно, Евгенийев. Другого чернобородого у нас сегодня не было, — подтвердил другой.

— Где же он? — с волнением спросила Тоня.

— Там. Пересекает стратосферу. На пути к Звезде Кэц.

Тоня побледнела. Я подхватил её под руку и отвёл в такси.

— Мы едем в гостиницу, — сказал я.

Тоня молчала всю дорогу. Покорно опираясь на мою руку, она поднялась по лестнице. Я отвёл её в номер и усадил в кресло. Откинув голову на спинку, она сидела с закрытыми глазами. Бедная Тоня! Как остро она переживала свою неудачу. Но, по крайней мере, теперь всё кончено. Не будем же мы сидеть в городе Кэц до возвращения чернобородого из межпланетного путешествия.

Постепенно лицо Тони начало оживать. Ещё не открывая глаза, она вдруг улыбнулась.

— Чернобородый улетел на Звезду Кэц. Ну что ж, мы полетим за ним!

От этих слов я едва не свалился с кресла.

— Лететь на ракете! В чёрные бездны неба!..

Я сказал это таким трагическим тоном и с таким испугом, что Тоня рассмеялась.

— Я думала, вы более храбры и решительны, — сказала она уже серьёзно и даже несколько печально. — Впрочем, если не хотите сопровождать меня, можете отправляться в Ленинград или Армению — куда вам вздумается. Теперь я знаю фамилию чернобородого и могу обойтись без вас. А сейчас идите в свой номер и ложитесь в кровать. Вы очень плохо выглядите. Горные высоты и звёздные миры не для вас.

Да, я, действительно, чувствовал себя скверно и охотно исполнил бы приказание Тони, но моё самолюбие было задето. В тот момент я больше всего на свете хотел остаться на Земле и больше всего боялся потерять Тоню. Что окажется сильнее? Пока я колебался, за меня решил мой язык.

— Антонина Ивановна! Тоня! — сказал я. — Я особенно счастлив, что вы приглашаете меня сопровождать вас теперь, когда я вам больше не нужен для

розысков чернобородого. Я лечу!

Она чуть заметно усмехнулась и протянула мне руку.

— Спасибо, Леонид Васильевич. Теперь я вам должна рассказать всё. Ведь я видела, как вас мучил Палей, которого я ищу с таким упорством. Признайтесь, вам не раз приходила в голову и такая мысль, что Палей сбежал от меня, а я, упрямая влюблённая девушка, гоняюсь за ним по миру в надежде вернуть любовь.

Я невольно покраснел.

— Но вы были настолько тактичны, что не задавали мне никаких вопросов. Ну, так знайте: Палей — мой друг и товарищ по университету. Это очень талантливый молодой учёный, изобретатель. Натура увлекающаяся, непостоянная.

Мы с ним, ещё на последнем курсе университета, начали одну научную работу, которая обещала произвести переворот в электромеханике. Работу мы поделили пополам и шли к одной цели, как рабочие, прорывающие туннель с двух сторон, чтобы встретиться в одной точке. Мы были уже у цели. Все записи вёл Палей в своей записной книжке. Неожиданно его командировали в Свердловск. Он уехал так поспешно, что не оставил мне книжку. Он всегда был рассеянным. Я писала ему в Свердловск, но не получила ответа. С тех пор он как в воду канул.

В Свердловске я узнала, что он переведён во Владивосток, но там следы теряются. Я пробовала самостоятельно продолжать работу. Увы, мне не хватало целого ряда формул и расчётов, сделанных Палеем. Когда-нибудь я подробно расскажу вам об этой работе. Она стала моею навязчивой мыслью, моим кошмаром. Она мешала мне заниматься другими работами. Бросить на полпути такую многообещающую проблему — я и сейчас не понимаю этого легкомыслия Палея. Теперь вы поймёте, почему весть о нём так взволновала меня. Вот и всё... Вы в самом деле отвратительно выглядите. Идите и ложитесь.

— А вы?

— Я тоже отдохну немного.

Но Тоня не стала отдыхать. Она отправилась в отдел кадров главного управления Кэц и там узнала, что на Звезду Кэц можно попасть, только законtrakтовавшись на работу. Физики и биологи были нужны. И Тоня, недолго думая, законtrakтовала себя и меня на год.

Она радостно вбежала ко мне в комнату и оживлённо начала рассказывать о своих приключениях. Затем вынула из лилового кожаного портфеля бланки, самопишущее перо и протянула мне.

— Вот ваше заявление. Подпишите.

— Да, но... годовой срок...

— Не беспокойтесь. Я выяснила, что управление не слишком строго придерживается этого контракта. Необычайность обстановки, условий существования, климата принята во внимание. И кто будет переносить плохо...

— Климат? Какой же там климат?

— Я имею в виду жилые помещения Кэц. Там можно устроить любой климат, с какой угодно температурой и влажностью воздуха.

— Значит, там такая же разрежённая атмосфера, как здесь, на высоте Памира?

— Да, примерно такая, — неуверенно ответила Тоня и прибавила скорого-

воркой: — Или немножечко меньше. В этом, пожалуй, главное препятствие для вас. Кандидаты на Звезду проходят строгий физический отбор. Те, кто легко подвергается горной болезни, бракуются.

Я, правда, очень обрадовался, узнав, что у меня ещё есть путь к почётному отступлению. Однако Тоня тотчас утешила меня:

— Но мы как-нибудь это устроим! Я слышала, там есть комната с обычным давлением атмосферы. Давление уменьшается постепенно, и приезжие быстро привыкают. Я поговорю о вас с доктором.

Мне стало не по себе, и я с отчаянием ухватился за последний довод:

— Как же с работой на Земле?

У Тони был готовый ответ.

— Нет ничего проще! Кэц — очень авторитетное учреждение, и довольно сообщить по месту работы, что вы законтрактовались, вас сейчас же отпустят. Только бы ваше здоровье позволило. Как вы себя чувствуете? — И она взяла мою руку, чтобы проверить пульс.

— Ну, когда такой доктор прикасается к руке, то невольно ответишь: «Прекрасно!»

— Тем лучше. Подписывайте скорее бумаги, и я пойду к доктору.

Так, не успев оглянуться, я был завербован в небожители...

— Слабость? Посинение кожи? Головокружение? Тошнота? — допрашивал меня доктор. — Рвоты не было?

— Нет, только сильно тошнило, когда мы бежали за автомобилем.

Доктор с минуту подумал и глубокомысленно сказал:

— У вас лёгкая степень болезни.

— Значит, можно лететь, доктор?

— Да. Думаю, можно. В ракете, правда, только десятая часть нормального атмосферного давления, но зато вы будете дышать чистым кислородом, не разбавленным на четыре пятых азотом, как в атмосфере. Этого вполне достаточно для дыхания. А на Звезде Кэц имеются внутренние камеры с нормальным давлением. Значит, вам придётся только немного потерпеть во время перелёта. Звезда находится на высоте всего в тысячу километров.

— Сколько же дней продлится перелёт? — спросил я.

Доктор насмешливо скосил глаза в мою сторону.

— Я вижу, вы мало понимаете в межпланетных путешествиях. Так вот, дорогой мой, ракета летит до Звезды восемь-десять минут. Но так как приходится перевозить непривычных людей, то полёт немного затягивается. Чтобы воспользоваться центробежной силой, снаряд летит под углом в двадцать пять градусов к горизонту по направлению вращения Земли. В первые десять секунд скорость возрастает до пятисот метров в секунду и лишь во время полёта через атмосферу несколько замедляется, а затем, когда атмосфера начнёт редеть, вновь повышается.

— Почему скорость замедляется при полёте через атмосферу. Торможение?

— Торможение преодолимо, но при чрезмерной быстроте полёта через атмосферу от трения сильно накаляется оболочка ракеты, и тяжесть со скоростью увеличивается. А почувствовать своё тело тяжелее в десять раз не очень-то приятно.

— А мы не сгорим от трения оболочки об атмосферу? — опасливо спросил я.

— Нет. Может быть, немного вспотеете — не больше. Ведь оболочка ракеты

состоит из трёх слоёв. Внутренний — прочный, металлический, с окнами из кварца, прикрытыми слоем обыкновенного стекла, и с дверями, термически закрывающимися. Второй — тугоплавкий, из материала, почти не проводящего тепла. Третий — наружный — хотя и относительно тонкий, но из чрезвычайно тугоплавкого металла. Если верхний слой накалится добела, то средний задержит тепло, и оно не попадёт внутрь ракеты, да и холодильники отличные. Холодильный газ непрерывно циркулирует между оболочками, проникая через рыхлую среднюю малотеплопроводную прокладку.

— Вы, доктор, настоящий инженер, — с восхищением сказал я.

— Ничего не поделаешь. Ракету легче приспособить к человеческому организму, чем организм к необычным условиям. Поэтому техникам приходится работать в контакте со мною. Посмотрели бы вы первые опыты. Сколько неудач, жертв!

— И человеческие были?

— Да, и человеческие.

У меня по спине забегали мурашки. Но отступить было поздно.

Когда я вернулся в гостиницу, Тоня радостно сообщила мне:

— Я уже знаю — всё прекрасно устроилось. Мы вылетаем завтра, ровно в полдень. С собою ничего не берите. Утром, перед полётом, мы примем ванну и пройдём дезинфекционную камеру. Вы получите стерилизованное бельё и костюм. Доктор сказал, что вы совершенно здоровый человек.

Я слушал Тоню как во сне. Страх поверг меня в оцепенение. Думаю, не стоит говорить о том, как я провёл последнюю ночь на Земле и что передумал...

Глава 6

«Чистилище»

Настало утро. Последнее утро на Земле. Я тоскливо посмотрел в окно — светило яркое солнце. Есть не хотелось, но я заставил себя позавтракать и отправился «очищаться» от земных микробов. Эта процедура заняла больше часа. Врач-бактериолог говорил мне о каких-то головокружительных цифрах — миллиардах микробов, гнездившихся на моей земной одежде. Оказывается, я носил на себе тиф, паратиф, дизентерию, грипп, коклюш и чуть ли не холеру. На моих руках были обнаружены синегнойные палочки и туберкулёз. На ботинках — сибирская язва. В карманах проживали анаэробы столбняка. В складках пальто — возвратная лихорадка, ящур. На шляпе — бешенство, оспа, рожа... От этих новостей я впал в лихорадку. Сколько невидимых врагов ожидало случая, чтобы наброситься на меня и свалить с ног! Что ни говори, а Земля имеет свои опасности. Это немного примирило меня с звёздным путешествием.

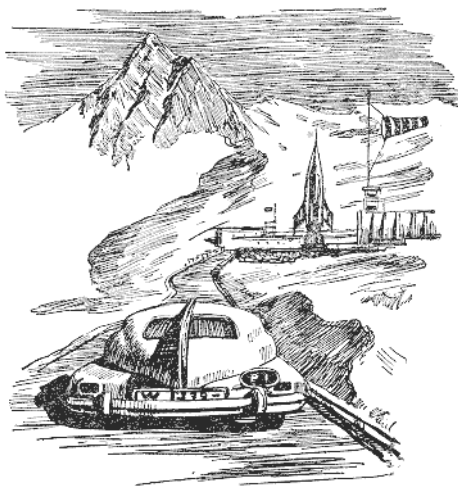
Мне пришлось перенести промывание желудка, кишок и подвергнуться новым для меня процедурам облучения неизвестными аппаратами. Эти аппараты должны были убить вредные микробы, гнездившиеся внутри моего организма. Я был порядком измучен.

— Доктор, — сказал я. — Эти предосторожности не достигают цели. Как только я выйду из вашей камеры, микробы вновь набросятся на меня.

— Это верно, но вы, по крайней мере, избавились от тех микробов, которые привезли из большого города. В кубическом метре воздуха в центре Ленинграда находятся тысячи бактерий, в парках только сотни, а уже на высоте Исаакия лишь десятки. У нас на Памире — единицы. Холод и палящее солнце, отсутствие пыли, сухость — прекрасные дезинфекторы. На Кэце вы снова попадёте в чистилище. Здесь мы очищаем только начерно. А там вас подвергнут основательной чистке. Неприятно? Ничего не поделаешь. Зато вы будете совершенно спокойны за то, что не заболите никакими инфекционными болезнями. По крайней мере, там риск сведён до минимума. А здесь вы рискуете ежеминутно.

— Это очень утешительно, — сказал я, облачаясь в дезинфицированное платье, — если только я не сгорю, не задохнусь, не...

— Сгореть и задохнуться можно и на Земле, — перебил меня доктор.



Когда я вышел на улицу, наш автомобиль уже стоял у тротуара. Скоро и Тоня вышла из женского отделения дезинфекционной камеры. Она улыбнулась мне и села рядом. Автомобиль тронулся в путь.

— Хорошо промылись?

— Да, баня была прекрасная. Смыл триста квадриллионов двести триллионов сто миллиардов микробов.

Я посмотрел на Тоню. Она посвежела, загорела, на щеках появился румянец. Она была совершенно спокойна, словно мы собрались в парк культуры. Нет, хорошо, что я согласился лететь с нею...

Полдень. Солнце стоит почти над головой. Небо синее, прозрачное, как горный хрусталь. Блестит на горах снег, синеют застывшие ледяные реки ледников, внизу весело шумят горные ручьи и водопады, ещё ниже зеленеют поля, и на них, словно снежные комья, видны стада пасущихся овец. Несмотря на жгучее солнце, ветер приносит ледяное дыхание гор. Как красива наша земля! А через несколько минут я оставлю её и полечу в чёрную бездну неба. Право, об этом лучше читать в романах...

— Вот наша ракета! — радостно крикнула Тоня. — Она похожа на рыбий пузырь. Смотрите, толстенький доктор уже ждёт нас.

Мы сошли с автомобиля, и я по привычке протянул руку доктору, но он быстро спрятал руки за спину.

— Не забывайте, что вы уже дезинфицированы. Не прикасайтесь больше ни к чему земному.

Увы, я отрешён от земли. Хорошо, что Тоня тоже «неземная». Я взял её под руку, и мы направились к ракете.

— Вот наше детище, — сказал доктор, указывая на ракету. — Видите — у неё нет колёс. Вместо рельсов она скользит по стальным желобам. В корпусе ракеты есть небольшие углубления для шаров, и она скользит на этих шарах. Ток для разгона даёт земная электростанция. Проводом служит металлический лоток-жёлоб... А у вас уже нормальный цвет лица. Привыкаете? Отлично, отлично. Передайте мой привет небожителям. Попросите врача Анну Игнатьевну Мёллер прислать с ракетой «Кэц-пять» месячный отчёт. Это очень симпатичная женщина. Доктор, имеющая самую малую в мире практику. Но дела у неё всё же хватает...

Волчье завывание сирены заглушило слова доктора. Люк ракеты открылся. На землю спустился трап.

— Ну, вам пора! Всего хорошего! — сказал доктор, вновь предупредительно пряча руки за спину. — Пишите.

Трап имел всего десять ступеней, но пока я поднимался, у меня сильно забилось сердце. Вслед за мною вошла Тоня, за нею механик. Пилот уже давно сидел на месте. Мы с трудом разместились в узкой камере, освещённой электрической лампой. Камера была похожа на кабину маленького лифта.

Дверь крепко захлопнулась. «Как крышка гроба», — подумал я.

Связь с Землёй была прервана.

Глава 7

Короткое путешествие

Ставни в окнах нашей каюты были закрыты, я не видел, что делается снаружи, и напряжённо ждал первого толчка. Стрелки часов сошлись на двенадцати, но мы оставались совершенно неподвижными. Странно. По-видимому, что-то задержало наш отлёт.

— Мы, кажется, двигаемся! — сказала Тоня.

— Я ничего не чувствую.

— Это, вероятно, потому, что ракета медленно и плавно идёт на своих шагах-колёсах.

Вдруг меня легко откинуло на спинку кресла.

— Конечно, движемся! — воскликнула Тоня. — Чувствуете? Спина всё больше придавливается к спинке кресла.

— Да, чувствую.

Но вот раздался грохот взрыва, он перешёл в вой. Ракета задрожала мелкой дрожью. Теперь уже не было никаких сомнений: мы летели. С каждой секундой становилось всё теплее. Центр тяжести начал перемещаться на спину. Наконец стало казаться, будто я не сижу в кресле, а лежу на спине в кровати, приподняв над собой согнутые в коленях ноги. Очевидно, ракета принимала вертикальное направление.

— Мы похожи на жуков, перевёрнутых на спину, — говорила Тоня.

— Да ещё придавленных сверху хорошим кирпичом, — добавил я. — Довольно сильно давит на грудь.

— Да. И руки стали свинцовыми — не поднять.

Когда взрывы прекращались, становилось легче. Несмотря на изоляционные прослойки и холодильники, было очень жарко: мы пролетали через атмосферу — ракета нагревалась от трения.

Опять передышка. Взрывов нет. Я вздохнул свободнее. Вдруг короткий взрыв, и я почувствовал, что валюсь на правый бок. Конечно, крушение. Сейчас мы грохнемся о Памир. Я судорожно хватаюсь за плечо Тони.

— Наверное, столкновение с болидом... — бормочу я.

Лицо Тони бледно, в глазах испуг, но она говорит спокойно:

— Держитесь, как я, за спину кресла.

Но вот положение ракеты выравнивается. Взрывы прекращаются. В ракете становится прохладнее. По телу распространяется ощущение лёгкости. Я поднимаю руки, болтаю ногами. Как приятно, легко! Пытаюсь встать на ноги и, незаметно отделившись от кресла, повисаю в воздухе, затем медленно опускаюсь в кресло. Тоня размахивает руками, как птица крыльями, и поёт. Мы смеёмся! Изумительно приятное ощущение.

Внезапно ставня иллюминатора открывается. Перед нами небо. Оно сплошь усеяно немигающими звёздами и чуть-чуть окрашено в карминный цвет. Млечный Путь весь испещрён разноцветными звёздами, он вовсе не молочного цвета, как мы видим его с Земли.

Тоня указывает мне на крупную звезду возле альфы Большой Медведицы — новая звезда в знакомом созвездии.

— Кэц... Звезда Кэц, — говорит Тоня.

Среди бесконечного количества, немигающих звёзд она одна трепещет лучами, то красными, то зелёными, то оранжевыми. То вдруг разгорается ярче, то угасает, то вспыхивает снова... Звезда растёт на глазах и медленно приближается к правой стороне окна. Значит, ракета направляется к ней по кривой линии. Звезда выбрасывает длинные голубые лучи и находит за край окна. Теперь на тёмном фоне неба видны только звёзды да беловатые туманности. Они кажутся совсем близкими, эти далёкие звёздные миры...

Ставня закрывается. Снова работают взрывные аппараты. Ракета маневрирует. Интересно бы посмотреть, как она причалит к небесному ракетодрому...

Небольшой толчок, остановка. Неужто конец путешествию? Мы ощущаем странную невесомость.

Дверь в капитанскую рубку открывается. Капитан, лёжа на полу, спускается вниз, придерживаясь за небольшие скобы. За капитаном, также ползком, следует молодой человек, которого мы до этого не видели.

— Простите за неприятные секунды, причинённые вам во время путешествия. Виноват мой молодой практикант: это он слишком резко повернул руль направления, и вы, вероятно, слетели со своих кресел.

Капитан прикасается указательным пальцем к молодому человеку, и тот легко, как пушинка, отлетает в сторону.

— Ну-с, всё кончилось хорошо. Надевайте тёплые костюмы и кислородные маски. Филипченко, — это был молодой пилот, — помогите им.

Из рубки выполз бортмеханик в межпланетном костюме. Он походил на водолаза, только скафандр меньше водолазного да на плечах был накинут плащ, сделанный из блестящей, как алюминий, материи.

— Эти плащи, — объяснил капитан, — если будет холодно, сдвиньте в сторону. Пусть солнечные лучи вас обогревают. А если станет очень жарко, то прикройтесь плащом. Он отражает солнечные лучи.

С помощью бортмеханика и капитана мы быстро нарядились в межпланетные костюмы и с волнением ждали выхода из ракеты.

Глава 8

Небесный младенец

Нас перевели в воздушную камеру и стали постепенно выкачивать воздух. Скоро образовалась «межпланетная пустота», и дверь открылась.

Я переступил порог. Трапа не было, — ракета лежала на боку. В первое мгновение я был ослеплён и ошеломлён. Подо мною ярко блестела поверхность огромного шара диаметром в несколько километров.

Не успел я сделать шаг, как возле меня появился «звёздный житель» в межпланетном костюме. Он с необычайной ловкостью и быстротой надел мне на руку аркан на шёлковом шнуре. Недурное начало. Я рассердился, дёрнул руку, гневно топнул ногой... и в тот же момент взвился вверх на десяток метров. «Звёздный житель» поспешно притянул меня за шёлковый шнурок к поверхности блестящего шара. Я понял: если бы меня не привязали, то при первом неосторожном движении я улетел бы в мировое пространство и поймать меня было бы нелегко. Но как же я не потянул за собой человека, который держал меня на аркане? Я посмотрел на «землю» и увидел, что на блестящей поверхности имеются многочисленные скобы, за которые цепляется ногами мой провожатый.

Рядом я увидел Тоню, у неё тоже был спутник, который держал её на аркане. Я хотел приблизиться к ней, но путь преградил мой провожатый.

Через стекло скафандра я видел его улыбающееся молодое лицо. Он прислонил свой скафандр к моему, чтобы я мог слышать, и сказал:

— Держитесь крепко за мою руку!

Я повиновался. Мой спутник выдернул ноги из скобы и ловко подпрыгнул. За его спиной блеснуло пламя, я почувствовал толчок, и мы понеслись вперёд над шарообразной «лунной» поверхностью. У моего провожатого была портативная ракета-ранец для недалёких полётов в межпланетных пространствах. Ловко стреляя то задними, то боковыми, то верхними, то нижними «револьверами» ранца, он увлекал меня всё дальше и дальше по дуге над поверхностью шара. Несмотря на ловкость моего спутника, мы кувыркались, как клоуны на цирковом манеже, — то вверх, то вниз головой, — но это почти не сопровождалось приливами крови.

Скоро наша ракета скрылась за горизонтом. Мы перелетали пустое пространство, отделявшее ракетодром от Звезды Кэц. Впрочем, если говорить о моих ощущениях, то мне казалось, что мы стоим на месте, а на нас летит блестящая труба, всё увеличивающаяся в размерах. Вот она повернулась на поперечной оси, и показался её конец, замкнутый блестящей полусферой. С этой стороны труба казалась небольшим шаром по сравнению с «луной-ракетодромом». И этот шар, как бомба, направлялся прямо на нас. Ощущение было не совсем приятное: вот-вот блестящая бомба разобьёт нас вдребезги. Но вдруг бомба с необычайной быстротой описала в небе полукруг и оказалась за нашей спиной. Это мой водитель повернул нас спиной к Звезде, чтобы затормозить полёт. Несколько коротких взрывов, несколько толчков невидимой широкой ладони в спину, и мой спутник ухватился за металлическую скобу на поверхности полушария.

Нас, вероятно, ждали. Как только мы «причалили», в стене полушария от-

крылась дверь. Спутник втокнул меня внутрь, влез сам, и дверь захлопнулась.

Вновь воздушная камера, освещённая электрической лампой. На стене манометр, барометр, термометр. Мой провожатый подошёл к аппаратам и занялся наблюдением. Когда давление и температура оказались достаточными, он начал раздеваться и жестом предложил мне последовать его примеру...

— Ну что, накувыркались? — спросил он смеясь. — Это я нарочно так летел.

— Хотели позабавиться?

— Нет. Я боялся, что вы можете натерпеться от жары и холода, не умея обращаться с плащом регулировки температуры. Поэтому я вертел вас, как кусок баранины на вертеле, чтобы вы равномерно «поджаривались» на солнце, — сказал он, окончательно освобождаясь от межпланетного костюма. — Ну, позвольте представиться; Крамер, лаборант-биолог Звезды Кэц. А вы? Работать к нам?

— Да, тоже биолог. Артемьев, Леонид Васильевич.

— Замечательно! Будем работать вместе.

Я начал раздеваться. И вдруг почувствовал, что физический закон — «сила действия равна силе противодействия» — обнаруживается здесь в чистом виде, не затемнённый земным притяжением. Здесь все вещи и сам человек превращаются в «реактивные приборы». Я отбросил костюм, говоря по-земному, «вниз», а сам, оттолкнувшись от него, подпрыгнул вверх. Получилось: не то я сбросил костюм, не то он меня подбросил.

— Теперь мне и вам надо почиститься — пройти дезинфекционную камеру, — сказал Крамер.

— А вам зачем? — удивлённо спросил я.

— Но ведь я прикасался к вам.

«Вот как! Словно я прибыл из зачумлённой местности», — подумал я.

И вот я опять в чистилище. Снова камера с гудящими аппаратами, которые пронизывают тело невидимыми лучами. Снова чистая, стерилизованная одежда, снова медицинский — последний — осмотр в маленькой белой амбулатории «звёздного врача».

В этой небесной амбулатории не было ни стульев, ни столов. Только одни ящики с медицинскими инструментами, прикреплённые к стенам лёгкими закрепками.

Нас встретила маленькая живая женщина-врач — Анна Игнатьевна Мёллер. В лёгком платье серебристого цвета, несмотря на свои сорок лет, она походила на подростка. Я передал ей привет и просьбу «земного врача» города Кэц.

После дезинфекции она сообщила мне, что в моей земной одежде нашлось ещё немало микробов.

— Я непременно напишу в здравотдел города Кэц, что у них плохо следят за ногтями. Под вашими ногтями была целая колония бактерий. Надо обрезать и чистить ногти перед отправкой на Звезду. Ну, а вообще вы здоровы и теперь относительно чисты. Сейчас вас отнесут в вашу комнату, а потом накормят.

— Отнесут? Накормят? — удивлённо спросил я. — Ведь я же не лежащий больной и не ребёнок. Надеюсь, я сам пойду и поем.

— Не хвалитесь! Для неба вы ещё новорождённый.

И она хлопнула меня по спине. Я стремглав отлетел в другой конец каме-

ры, оттолкнулся от стены, отлетел на середину и «повис», беспомощно болтая ногами.

— Ну как, убедились? — смеясь, сказал Мёллер. — А ведь у нас тут всё же тяжесть существует. Ползунок вы ещё. Ну-ка, пройдитеесь!

Какое там! Только через минуту мои ноги коснулись пола. Я попробовал шагнуть и снова взвился в воздух. Ударившись головой о «потолок» и почти не почувствовав удара, я беспомощно заболтал руками.

Дверь отворилась, и вошёл мой знакомый Крамер, биолог. Увидав меня, он расхохотался.

— Вот, возьмите на буксир этого младенца и проводите его в комнату шесть, — обратилась к Крамеру Анна Игнатьевна. — Он плохо переносит разрежённый воздух. Дайте ему половинный воздушный паёк.

— Нельзя ли для начала нормальное давление? — попросил я.

— Хватит половины. Надо привыкать.

— Давайте вашу руку, — сказал Крамер.

Цепляясь ногами за ремённые скобы на полу, он довольно быстро и легко подошёл ко мне, взял меня рукой за пояс и вышел в широкий коридор. Повертев меня, словно лёгкий резиновый мяч, он бросил меня вдоль коридора. Я вскрикнул и полетел. Толчок был так рассчитан, что, пролетев метров десять по косо́й линии, я приблизился к стене.

— Хватайтесь за ремешок! — крикнул Крамер.

Эти ремешки, вроде ручек портплекда, были всюду: на стенах, на полу, на потолке. Я ухватился за ручку изо всей силы, ожидая, что меня рванёт при остановке, но в тот же миг с удивлением почувствовал, что в руке не ощущается напряжения. Крамер был уже возле меня. Он открыл дверь и, подхватив меня под мышку, вошёл в комнату цилиндрической формы. Ни кровати, ни стада, ни стульев здесь не было. Только ремешки на стенках да одно широкое окно, завешенное прозрачной зеленоватой материей. И поэтому свет в комнате был зеленоватый.

— Ну, садитесь и будьте как дома, — пошутил Крамер. — Сейчас я прибавлю кислорода.

— Скажите, Крамер, почему у вас ракетодром отдельно от Звезды?

— Это у нас недавнее изобретение. Раньше ракеты причаливали прямо к Звезде Кэц. Но не все пилоты одинаково ловки. Совершенно без толчка трудно причалить. И вот однажды капитан звездолёта «Кэц-семь» сильно ударил Звезду Кэц. Пострадала Большая оранжерея: в ней разбились стёкла, и часть растений погибла. Работы по ремонту идут до сегодняшнего дня. После этого несчастного случая наши инженеры решили устроить ракетодром отдельно от Звезды. Вначале это был огромный плоский диск. Но практика показала, что для причала удобнее полусфера. Когда ремонт оранжереи закончится, мы заставим Звезду Кэц вращаться вместе с оранжереей на поперечной оси. Получится центробежная сила, появится тяжесть.

— А что это за разноцветные лучи, которые мы видели во время полёта? — спросил я.

— Это световые сигналы. Такую крохотную звёздочку нелегко найти в просторах неба. Вот мы и устроили «бенгальское освещение». Как вы себя чувствуете? Легче дышится? Больше не дам, иначе вы опьянеете от чистого кислорода. Вам не жарко?

— Немного холодновато, — ответил я.

Крамер одним прыжком очутился возле окна и отдернул занавеску. Ослепительные лучи солнца наполнили комнату. Температура начала быстро повышаться. Крамер прыгнул к противоположной стене и открыл ставню.

— А вот полюбуйте на эту красавицу.

Я повернулся к окну и замер от восхищения. Земля занимала половину небосклона. Я смотрел на неё с высоты тысячи километров. Она казалась не выпуклым шаром, как я ожидал, а вогнутой. Края её, очень неровные, с выступающими зубцами горных вершин, были словно подёрнуты дымкой тумана. Неясные, «размытые» очертания. Дальше от края Земли шли продолговатые серые пятна-облака, затемнённые толстым слоем атмосферы. Ближе к центру — тоже пятна, но светлые. Я узнал Ледовитый океан, очертания берегов Сибири и Северной Европы. Ослепительно ярким пятном выделялся Северный полюс. Маленькой искоркой отражалось Солнце в Баренцевом море.

Пока я рассматривал Землю, она приняла вид огромной Луны в ущербе. Я не мог оторвать глаз от гигантского полумесяца, ярко освещённого светом Солнца.

— Наша Звезда Кэц, — объяснил мне Крамер, — летит на восток и совершает полный оборот вокруг Земли в сто минут. Солнечный день у нас продолжается всего шестьдесят семь минут, а ночь — тридцать три. Через сорок-пятьдесят минут мы вступаем в тень Земли...

Тёмная часть Земли, слабо освещённая отражённым светом Луны, была едва видна. Граница тёмной и светлой полосы резко выделялась огромными, почти чёрными зубцами, — тенями гор. Но вот я увидел и Луну, настоящую Луну. Она казалась совсем близкой, но очень маленькой по сравнению с тем, какой кажется с Земли.

Наконец Солнце совершенно скрылось за Землёю. Теперь я видел Землю в виде тёмного диска, окружённого довольно ярким кольцом света зари. Это лучи невидимого Солнца освещали земную атмосферу. Розовый отсвет проник в нашу комнату.

— Как видите, у нас здесь темноты не бывает, — сказал Крамер. — Заря Земли вполне заменяет нам лунный свет, когда Луна заходит за Землю.

— Мне кажется, в ракете похолодало, — заметил я.

— Да. Ночная прохлада, — ответил Крамер. — Но это понижение температуры совсем незначительно. Средний слой оболочки нашей станции надёжно защищает её от теплового лучеиспускания, к тому же Земля излучает большое количество тепла, ночь на Звезде Кэц очень коротка, поэтому мы не рискуем замёрзнуть. Для нас, биологов, это очень хорошо. Но наши физики недовольны: они с трудом получают для опытов температуру, близкую к абсолютному нулю. Земля, как огромная печь, дышит теплом даже на расстоянии тысячи километров. Растения нашей оранжереи без вреда переносят короткую ночную прохладу. Мы даже не пускаем в ход электрических печей. У нас здесь чудесный горный климат. Скоро на ваших бледных ленинградских щеках заиграет румянец. Я здесь пополнел, у меня появился аппетит.

— Признаться, и я есть хочу, — сказал я.

— Так полетим в столовую, — предложил Крамер, протягивая мне бронзовую от загара руку.

Он вывел меня в коридор, и мы, подпрыгивая и хватаясь за ремешки, на-

правились в столовую.

Это была большая комната цилиндрической формы, позолочённая первыми лучами «утра». Большое решётчатое окно с толстыми стёклами окружала рамка ярко-зелёных вьющихся растений. Такой яркой зелени мне на Земле не приходилось видеть.

— А вот и он!

Я оглядываюсь на знакомый голос и вижу Мёллер. Она прилепилась к стене, как ласточка, а возле неё Тоня в лёгком сиреневом платье. Волосы Тони после дезинфекционных процедур взлохмачены. Я радостно улыбаюсь ей.

— Пожалуйста, пожалуйста сюда, — зовёт Мёллер. — Ну, чем вас потчевать?

Передо мной на полке герметически закрытые банки, баллоны, кубы, шары.

— Мы вас будем кормить из соски жидкой пищей, манной кашей. С твёрдыми кусками вы не справитесь: вылетят из рук — не поймаете. У нас всё больше вегетарианская пища. Зато собственные плантации. Здесь яблочный мусс, — она указала на закрытую банку, — здесь клубника с рисом, абрикосы, персики, маседуан из бананов, репа Кэц, — такой вы на Земле не ели... Хотите репы?

И Мёллер ловко сняла с полки цилиндр с трубочкой на боку. В задней стенке цилиндра имелась трубка пошире. Эту трубку Мёллер вставила в небольшой насос и начала качать. На кончике боковой трубки показалась желтоватая пена. Мёллер протянула цилиндр Тоне.

— Берите и сосите. Если сосать будет трудно, подкачайте воздуху. Наконечники стерилизованы. Чего гримасничаете? Наша посуда не так красива, как греческие чаши, но зато хороша для здешних условий.

Тоня нерешительно взяла трубку в рот.

— Ну как? — спросила Мёллер.

— Очень вкусно.

Крамер подал мне другую «соску». Полужидкая жёлтая каша из «кэцовской репы» была действительно очень вкусна. Маседуан из бананов тоже хорош. Я не успевал подкачивать насос. Затем следовало желе из абрикосов и клубничный мусс.

Я ел с удовольствием. Но Тоня была задумчива и почти ничего не ела.

В коридоре я нагнал её, схватил за руку и спросил:

— Чем вы озабочены, Тоня?

— Я сейчас была у директора Звезды Кэц, справлялась о Евгеньеве. Его уже нет на Звезде. Он отправился в длительное межпланетное путешествие.

— Значит, и мы последуем за ним? — с тревогой спросил я.

— Увы! — ответила она. — Нам надо работать. Но директор сказал, что, может быть, вы совершите межпланетное путешествие.

— Куда? — с испугом спросил я.

— Ещё не знаю. На Луну, на Марс, — может быть и дальше.

— Нельзя ли с Евгеньевым поговорить по радио?

— Можно. Радиосвязь Кэца не установлена только с Землёй: мешает слой Хевисайда. Он отбрасывает радиолучи. Мне как раз придётся работать на нём, чтобы короткими лучами пробить этот слой и установить радиосвязь с Землёй. Пока связь поддерживается световым телеграфом. Прожектор в миллион свечей даёт вспышки, которые прекрасно принимаются на Земле, если только

небо не покрыто облаками. Впрочем, на Памире, в городе Кэц, небо почти всегда безоблачно. С летящими же в межпланетном пространстве ракетами Звезда Кэц говорит по радио... Сейчас я пойду на радиостанцию и постараюсь наладить связь с ракетой, исследующей мировое пространство между Звездой Кэц и Луной... А вас директор просил зайти к нему. — Посмотрев на часы-браслет. Тоня добавила: — Хотя к директору сегодня уже поздно. Полетим вместе на радиостанцию. Комната номер девять.

Огромный коридор, ярко освещённый электрическими лампами, уходил вдаль, как туннель подземной дороги. Голоса здесь звучали тише обычного, потому что воздух был разрежён, и я не сразу услышал, что меня окликают.

Это был Крамер. Он летел к нам, махая небольшими крыльями. Сбоку и над спиной его торчали какие-то предметы, похожие на сложенные веера.

— Вот вам крылья, — сказал он, — чтобы вы совсем были похожи на небожителей. В раскрытом виде эти штуки немного напоминают крылья летучей мыши. Прикрепляются к кистям рук. Могут складываться и откидываться назад, и тогда вы можете свободно брать всё.

Крамер ловко прикрепил нам крылья размеров в большой лист лопуха, показал, как обращаться с механизмом, и улетел назад. Я и Тоня принялись за полёты. Мы не раз сталкивались головами, ударялись о стены, делали неожиданные повороты. Но неловкие движения не причиняли нам боли.

— В самом деле, мы похожи на летучих мышей, — со смехом сказала Тоня. — Ну, кто первый долетит до радиостанции?

Мы сорвались с места.

— А почему так пустынно в коридоре? — спросил я.

— Все на работе, — сказала Тоня. — Здесь, говорят, по вечерам публика летает роем. Как майские жуки в погожий день!

Мы подлетели к комнате номер девять. Тоня нажала кнопку, и дверь бесшумно открылась. Первое, что меня удивило, — это радист. Он с наушниками на ушах примостился на «потолке» и записывал радиотелефонограмму.

— Готово, — сказал он, пряча в сумку у пояса записную книжку: эта сумка заменяла ему ящик письменного стола. — Вы хотите поговорить с Евгеньевым? Попробуем.

— А это трудно? — спросила Тоня.

— Нет, нетрудно, но у меня сегодня не работает длинноволновый передатчик, а на короткой волне найти ракету, спирально поднимающуюся над Землёй, несколько сложнее. Я сейчас вычислю местонахождение ракеты и попробую...

Но в этот момент он неожиданно задел ногою за стену и отлетел в сторону. Его удержали шнуры радионаушников, и через мгновение радист принял прежнее положение. Вынув записную книжку, он посмотрел на хронометр и углубился в расчёты. А потом принялся за настройку.

— Алло... Алло! Говорит Звезда Кэц! Да. Да. Позовите к аппарату Евгеньева. Нет? Скажите ему, чтобы он, когда вернётся, вызвал Звезду Кэц. С ним должна говорить новая сотрудница Звезды Кэц. Фамилия...

— Антонина Герасимова, — поспешила сказать Тоня.

— Товарищ Герасимова. Слышишь? Так. Много? Хороший улов? Поздравляю.

Он выключил аппарат и сказал:

— Евгеньева нет в ракете. Он вылетел в межпланетное пространство на промысел и вернётся часа через три. Занят ловлей мелких астероидов. Прекрасный строительный материал. Железо, алюминий, граниты. Я вызову вас, когда Евгений будет у радиотелефона.

Глава 9 В библиотеке

За вечерним чаем ко мне подлетел Крамер.

— Вы свободны сегодня вечером? — спросил он меня и пояснил: — Не удивляйтесь, пожалуйста, на Звезде стоминутные сутки, но по привычке мы рабочий день исчисляем по земному времени. Закрывая ставни, делаем «ночь» и спим шесть-семь «звёздных» суток. Теперь по московскому времени восемь часов вечера. Не хотите ли познакомиться с нашей библиотекой?

— Охотно, — ответил я.

Как и все помещения на Звезде Кэц, библиотека представляла собой цилиндр. Окон не было. Боковые стены были сплошь заняты ящиками. По продольной оси цилиндра — от двери до противоположной стены — натянуты четыре тонких троса. Придерживаясь за них, посетители передвигались в этом своеобразном коридоре. Пространство между «коридором» и боковыми стенками заполнял ряд сетчатых коек. В помещении был чистый, озонированный воздух с запахом хвои. Газонаполненные трубки, пролегающие между ящиками, светились приятным матовым светом. Тишина. На некоторых койках лежат люди с надетыми на голову чёрными коробками, изредка подкручивая выступающие из коробок круглые рукоятки.

Странная библиотека! Можно подумать, что здесь не читают, а проходят какой-то курс лечения.

Перебирая руками трос, я двигаюсь за Крамером к противоположному концу библиотеки. Там на фоне сложенной стеной чёрных ящиков порхает девушка в ярко-красном шёлковом платье.

— Наш библиотекарь, Эльза Нильсон. Познакомьтесь, — говорит Крамер и шутя бросает меня к девушке. Она, смеясь, подхватывает меня на лету, и мы знакомимся.

— Что будете читать? — спрашивает она. — У нас миллион экземпляров книг почти на всех языках мира.

Миллион экземпляров! Где же они могут разместиться здесь? Но потом я догадываюсь:

— Фильмотека?

— Да, книги на плёнке, — говорит Нильсон. — Читают их с помощью проекционного фонаря.

— Легко и компактно, — добавляет Крамер. — Целый том, страница за страницей отпечатанный на плёнке, занимает места не больше, чем катушка ниток.

— А газеты? — спрашиваю я.

— Их заменяют радио и телевизор, — отвечает Нильсон.

— Книги на плёнках — это уже не новость, — говорит Крамер. — У нас есть вещи поинтереснее. Какую же программу вечера мы составим для товарища

Артемьева? Давайте так: сначала мировая хроника. Покажем, что на Звезде Кэц мы не отстали от мировых событий. Затем дайте «Солнечный столб»...

— Это новый роман? — спросил я.

— Да, в некотором роде, — ответил, улыбаясь, Крамер. — Ну, и хотя бы «Атмосферную электростанцию».

Кивнув головой, Нильсон вынула из ящика круглые плоские металлические коробки.

Крамер предложил мне лечь на койку. Затем, вложив эти коробки в ящик с рукоятками, надел его мне на голову.

— Лежите, слушайте, смотрите, — сказал он.

— Лежу, но ничего не вижу и не слышу. Абсолютная тишина и мрак.

— Поверните ручку справа, — сказал Крамер.

Я повернул. Что-то щёлкнуло, тихо зажужжало. Сильный свет ослепил меня. На мгновение я закрыл глаза и в то же время услышал голос.

«Тропические джунгли Африки расчищаются под культурное земледелие».

Я открыл глаза и увидел сверкающую в ослепительных лучах африканского солнца сине-зелёную поверхность океана, а на ней — растянутый в боевую линию огромный флот: дредноуты, сверхдредноуты, линкоры, крейсера и истребители всех видов и систем. Здесь были и старые военные корабли, изрыгающие из широкогорлых труб клубы чёрного дыма, и более новые теплоходы с двигателями внутреннего сгорания, и позднейшие — с электрическими двигателями.

Это зрелище было так неожиданно, что я невольно вздрогнул. Неужто опять война? Но какая же может, быть война, когда с капитализмом покончено во всём мире? Не угощают ли меня старым фильмом из времён последней войны, которая привела к революции?

«Военный флот — орудие истребления — мы превратили в мирный грузовой транспорт», — продолжал всё тот же голос.

Ах, вот в чём дело! Ослеплённый ярким светом, я сразу не заметил, что боевые башни с чудовищными морскими пушками сняты. Вместо них на кораблях установлены грузовые краны. Сотни хлопотливых катеров, буксиров, барж снуют между «боевой» цепью судов и новенькой гаванью. В гавани кипит разгрузочная работа.

Я снова повернул ручку. И... это тоже похоже на войну.

Огромный лагерь, белые палатки и фанерные домики, окрашенные в белый цвет. У домов и палаток люди в белых костюмах — европейцы и чернокожие. За лагерем дымовая завеса, поднимающаяся почти до зенита. Дым валит клубами, как при огромном пожаре...

Новый «кадр» — сплошная стена непроходимого тропического леса пылает в огне. На пепелище стоят огромные фургоны — коробки из металлической сетки на стальных каркасах. В них копошатся люди, выкорчёвывавшие небольшими машинами пни.

«Тропики — самые богатые солнцем места на Земле. Но они были недоступны для культурного земледелия. Непроходимые леса, болота, хищные звери, ядовитые гады, насекомые, губительные лихорадки наводняли тропики. Смотрите, чем они становятся теперь!..»

Равнина. Тракторы возделывают землю. Чернокожие трактористы сверкают белыми зубами в весёлой улыбке. На горизонте многоэтажные дома, густая

зелень садов. «Тропики прокормят миллионы людей... Идея Циолковского претворяется в жизнь...»

«Как, и здесь Циолковский? — удивляюсь я. — Сколько же идей успел он заготовить впрок будущему человечеству!»

И, словно в ответ на эту мысль, я увидел другие картины великой переделки Земли по идеям Циолковского.

Превращение в оазисы пустынь путём использования энергии солнца; приспособление под жильё и оранжерейное «озеленение» доселе неприступных гор; солнечные двигатели, машины, работающие силой приливов, отливов и морских волн; новые виды растений, которые используют больший процент солнечной энергии...

Но это уже по моей части. Об этих достижениях мне известно.

Мировая кинохроника окончилась. После минутного перерыва я вновь услышал голос. И всё, что он рассказывал, как наяву проходило перед моими глазами.

* * *

«Я участвовал в испытательном пробеге аэросаней нового типа, — говорил голос. — Условия были поставлены довольно тяжёлые: проехать сотни километров тундры далеко за Полярным кругом.

Я был начальником пробега и возглавлял колонну. Мы продвигались прямо на север.

Было темно. Северное сияние не полыхало на небе.

Только фары освещали путь. Стояли пятидесятиградусные морозы. Кругом безлюдная снежная равнина.

Мы ехали два дня, поглядывая на компас.

И вдруг мне показалось, что небо на горизонте порозовело.

— Начинается северное сияние. Будет веселее ехать, — сказал товарищ, который вёл наши сани.

Через полчаса северный небосклон разгорелся ещё ярче.

— Странное северное сияние, — сказал я спутнику. — Совершенно отсутствуют переливы света. И краски не те. Обыкновенно северное сияние вначале бывает зеленоватого цвета, потом расцветивается розовым разных оттенков. А этот свет как заря, и притом совершенно неподвижный. Он только постепенно усиливается и медленно переходит от розового к белому, по мере того как мы продвигаемся вперёд.

— Быть может, это зодиакальный свет? — сказал мой товарищ.

— Невозможно ни по месту, ни по времени. И не похоже: смотрите — световая полоса проходит почти от зенита до горизонта, постепенно расширяясь, как конус.

Мы так увлеклись созерцанием загадочного небесного явления, что не заметили глубокой лощины с довольно крутым склоном и едва не сломали санных лыж.

Через несколько минут, выбравшись из лощины, мы заметили значительное потепление. Термометр показывал тридцать восемь ниже нуля, а всего час назад было пятьдесят.

— Может быть, этот свет излучает тепло? — сказал я.

— Если так, то это совершенно необъяснимо, — возразил спутник. — Световой столб, отапливающий тундру!

Он рассмеялся.

Столб лежал на пути нашего маршрута, и нам ничего больше не оставалось, как ехать к этому световому конусу и узнать, если удастся, в чём дело.

Мы ехали, а вокруг становилось всё теплее и светлее. Вскоре мой товарищ погасил фары; в них больше не было надобности. Затем мы заметили усиливающуюся тягу воздуха в направлении светового конуса, а в его вершине разглядели ослепительно сверкающий узкий серп, словно серп Венеры, наблюдаемый в бинокль.

Увы, по мере нашего продвижения загадка не только не разгадывалась, но становилась ещё более запутанной.

— Этот свет поразительно напоминает солнечный, — сказал мой товарищ в недоумении.

Скоро стало светло как днём. Но справа, слева и позади нас были сумерки, переходившие на горизонте в полную тьму. Ветер, стлавшийся по земле, всё усиливался, поднимая снежную пыль. Мы продолжали путь в снежном самуме.

Между тем температура стремительно повышалась.

— Минус тридцать... Двадцать пять... Семнадцать. Девять... — сообщал мой спутник. — Ноль... Два градуса выше нуля... И это после пятидесяти холода! Теперь мне становится понятным ветер. Видимо, этот «солнечный столб» нагревает воздух и почву, — получается большая разница температур. Холодный воздух притекает снизу к тёплой зоне, а вверху, наверное, есть обратные течения тёплого воздуха.

Но вот мы приблизились к черте, на которую непосредственно падали световые лучи. Снежинки, увлекаемые ветром, таяли; буран превратился в дождь, который падал не с неба, а налетал сзади; снег на земле быстро таял, становился рыхлым и водянистым. На склонах бугров и лощин уже журчали ручьи. Санний путь портился. Тёмная морозная полярная зима, как в сказке, превращалась в дружную весну.

Ехать дальше становилось опасным: можно погубить сани. Я остановился. Остановился и весь поезд. Из аэросаней начали выскакивать водители, инженеры, корреспонденты, кинооператоры — участники пробега. Они не менее меня были заинтересованы необычным явлением.

Я распорядился поставить несколько саней боком, чтобы защититься от ветра, и открыл совещание. Оно продолжалось недолго. Все были согласны, что ехать дальше рискованно, и решили, что несколько человек должны сопровождать меня в пешеходной экспедиции, остальные останутся с санями. Мы же, разведав, в чём дело, вернёмся, а затем все вместе объедем «солнечный столб» стороной и продолжим наш путь.

На месте нашей остановки термометр показывал восемь градусов тепла по Цельсию. Поэтому, скинув меховые одежды, мы надели охотничьи сапоги и кожаные костюмы, взяли с собой небольшие запасы продовольствия, инструменты и отправились в путь.

Этот путь был нелёгким. Сначала наши ноги проваливались в рыхлый снег, потом мы увязали в грязи. Нам приходилось обходить речки, болота, небольшие озёра. К счастью, кромка грязи была не очень широка. Мы уже видели сухой «берег», покрытый изумрудно-зелёной травой и цветами.

— В конце декабря далеко за Полярным кругом — свет, тепло и зелёная тра-

ва! Ущипните меня за ухо, чтобы я проснулся! — воскликнул мой приятель.

— Но это не весна, а какой-то чудесный островок весны среди океана полярной зимы, — заметил другой спутник. — Если бы это была самая настоящая весна, то на всех здешних болотах и озёрах мы встретили бы массу птиц.

Наш кинооператор установил аппарат, навёл фокус и взялся за ручку. Но в этот момент налетел шквал и повалил его в грязь вместе с аппаратом. Плед кинооператора был поднят ветром на огромную высоту и заброшен неведомо куда.

Ураган не прекращался, и ветер буквально сбивал с ног. Здесь уже не было постоянного направления ветра; он дул порывами то в спину, то в лицо, то закручивался смерчем, почти приподнимая нас на воздух. Очевидно, мы подошли к той границе, где приток холодного воздуха встречался с нагретым, сталкивался и создавал вихревые восходящие потоки. Это была граница циклона, вызванного неведомым «солнечным столбом».

Мы уже не шли, а карабкались на четвереньках, ползли по грязи, цепляясь друг за друга из последних сил...

Совершенно измученные, мы добрались до сухой почвы и попали в зону полного штиля. Здесь только чувствовались восходящие токи от нагретой земли, как над полем в жаркий летний полдень. Температура поднялась до двадцати градусов тепла.

Мы просохли в несколько минут и расстегнули куртки. Весна переходила в лето.

Невдалеке поднимался небольшой холм, покрытый травой, цветами и стелющимися по земле полярными берёзками. Летали комары, мухи, бабочки, воскресшие под живительными лучами.

Мы взошли на холм и остановились как вкопанные. То, что мы увидели, было похоже на мираж.

Перед нами колосилась пшеница. На отдельных полосах росли подсолнечники, зеленела кукуруза. За полем — огороды с капустой, огурцами, свёклой, помидорами, грядки клубники и земляники. Ещё дальше — пояс кустарников: смородины, крыжовника и даже участков виноградных лоз с гроздьями зрелого винограда. За кустарниками — плодовые деревья: груши, яблони, вишня, сливы; за ними — мандарины, абрикосы и персики, и, наконец, в центральном кольце оазиса, где температура, очевидно, была очень высокой, росли апельсиновые, лимонные деревья, какао вперемежку с чайными и кофейными кустами.

Словом, здесь были собраны главнейшие культурные растения средней полосы, субтропиков и даже тропические.

Меж полями, огородами, садами были проложены дороги — концентрическими кругами и по радиусу к центру. Там возвышался пятиэтажный дом с балконами и радиомачтой наверху, ярко освещённый отвесными лучами. На балконах, на подоконниках открытых окон виднелись цветы, зелень. По стенам тянулись вьющиеся растения.

На полях, в огородах, в садах работали люди в лёгких костюмах и в широкополых шляпах...

Минуты две мы простояли в оцепенении. Наконец мой товарищ вымолвил:

— Это превосходит предел человеческого удивления. Ффу! — тяжело вздох-

нул он. — Вот так сказка из «Тысячи и одной ночи»!

Мы направились по радиальной дорожке к центру оазиса. Временами я поглядывал на небо, откуда исходили таинственные лучи. Ослепительный, как солнце, серп, превращался в диск.

Навстречу нам по дорожке, усыпанной жёлтым песком, меж апельсиновыми деревьями, отягчёнными зрелыми плодами, шёл загорелый человек в белой рубашке, белых брюках до колен и сандалиях на босу ногу. Широкополая шляпа бросала тень на его лицо. Он издали приветливо махнул нам рукой. Поравнявшись с нами, сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Мне уже сообщили о вашем приходе. Однако вы смелые люди, если сумели пробраться сквозь полосу наших циклонов.

— Да, у вас хорошие сторожа, — смеясь, ответил мой товарищ.

— Сторожить нам незачем, — возразил человек в белом костюме. — Пограничные вихри — это, так сказать, побочное явление. Но если бы мы захотели, то могли бы создать такое вихревое ограждение, через которое не пробралось бы сюда ни одно живое существо. И мышь и слон с одинаковой лёгкостью были бы подняты на десяток километров и отброшены назад в мёртвую снежную пустыню. Вы всё-таки подвергались большой опасности. А между тем с восточной стороны имеется крытый ход, по которому можно совершенно безопасно проникнуть сюда сквозь «зону Бурь»... Ну, давайте знакомиться, Крукс, Вильям Крукс. Директор опытного оазиса. Вы, видимо, не знали, что здесь существует такой оазис? Впрочем, это можно заключить по вашим изумлённым лицам. Оазис — не секрет. О нём сообщалось и в газетах и по радио. Но я не удивляюсь вашей неосведомлённости. С тех пор как трудящиеся взялись за переустройство мира, во всех частях земного шара производится столько работ, что стало трудно быть в курсе всего. Вы слышали о Звезде Кэц?

— Да, — ответил я.

— Так вот, наше «искусственное солнце», — Крукс указал на небо, — обязательно своим происхождением Звезде Кэц. Звезда Кэц — первая небесная база. Имея эту базу, нам уже не трудно было создать и наше «солнце». Вы, вероятно, догадываетесь, что оно собой представляет? Это вогнутое зеркало, состоящее из полированных металлических листов. Оно помещено на такой высоте, что лучи Солнца, находящегося за земным горизонтом, падают на зеркало и отражаются на Землю вертикально. Посмотрите на тени. Они отвесны, как на экваторе в полдень. Палка, прямо воткнутая в землю, не даёт никакой тени. Температура в центре оазиса тридцать градусов тепла и днём и ночью в продолжение круглого года. По краям оазиса она несколько ниже из-за притока холодного воздуха. Хотя этот приток очень незначителен: холодный воздух тотчас же увлекается вверх восходящими токами. Соответственно этим температурным зонам мы и располагаем наши растения. В центре, как видите, у нас произрастают даже такие теплолюбивые растения, как какао.

— Но если это ваше искусственное солнце погаснет? — сказал я.

— Если бы оно погасло, растения нашего оазиса погибли бы в несколько минут. Но погаснуть оно не может, пока светит настоящее Солнце. Поворачивая зеркальные листы под известным углом, можно регулировать температуру. Здесь она у нас постоянная. И мы собираем несколько урожаев в год. Это «солнце» лишь первое среди десятков других, которые скоро зажгутся на высоких широтах юга и севера земного шара. Мы кроём целой сетью таких оази-

сов полярные и приполярные страны. Постепенно воздух будет прогреваться и между оазисами. Мы создадим мощное «солнце» над Северным полюсом и растопим вековые льды. Прогрев воздух и породив новые воздушные течения, отоплим всё северное полушарие. Мы превратим ледяную Гренландию в цветущий сад с вечным летом. И, наконец, доберёмся до Южного полюса с его неисчислимыми природными богатствами. Освободим ото льдов целый материк, который вместит и прокормит миллионы людей. Мы превратим нашу Землю в лучшую из планет...»

Голос умолк. Наступила темнота. Слышно было только жужжание аппарата. Затем опять вспыхнул свет, и я увидел новую необычайную картину.

В просторах стратосферы, под небом аспидного цвета летают странные снаряды, похожие на оцетинившихся ежей. Внизу — лёгкие перистые облака, под ними — кучевые, слоистые... Сквозь пелену облаков виднеется поверхность Земли: зелёные пятна лесов, чёрные квадраты пашни, извилистые серебристые нити рек, блёстки озёр, тончайшие ровные линии железных дорог. «Ежи» мечутся по небу в разных направлениях, оставляя за собой дымовые хвосты. По временам «ежи» замедляют свой полёт, останавливаются. Тогда из «ежей» вырываются ослепительные молнии и почти отвесно падают на Землю.

...Большая кабина. Круглые, иллюминаторы с толстыми кварцевыми стёклами. Сложные, невиданные мной аппараты. Двое молодых людей у аппаратов. Третий сидит у стола за измерительными приборами и управляет работой двух:

— ...Пять тысяч... семь... Задержать полёт... Десять ампер... Пятьсот тысяч вольт... Стоп... Разряд!

Молодой человек у аппарата дёргает рычаг. Сухой треск необычайной силы разрывает тишину, молния срывается и летит на Землю.

— Вперёд, полный ход!.. — командует старший.

Он поворачивает лицо ко мне и говорит — Вы находитесь на атмосферной электростанции — тоже одно из предприятий Звезды Кэц.

Построив Звезду Кэц, мы смогли исследовать стратосферу с исчерпывающей полнотой, изучили атмосферное электричество. О нём знали давно. Были даже попытки использовать его для промышленных целей. Но эти попытки не увенчались успехом ввиду ничтожного количества атмосферного электричества. Считалось, что над одним квадратным километром накапливается всего 0,04 киловатт-часа энергии. Так оно и есть, если брать слои атмосферы, близкие к поверхности Земли. Разряды молнии дают неизмеримо больше — 700 киловатт-часов в одну сотую долю секунды. Но молния — случайный, редкий гость. Иное дело — высшие слои атмосферы. Там картина меняется.

Живя на Земле, мы находимся на дне воздушного океана. Сравнительно давно люди научились пользоваться горизонтальными воздушными течениями, которые гнали их парусные корабли и вращали крылья ветряных мельниц. Потом открыли причину этих течений — неравномерное нагревание воздуха солнечными лучами. Затем, когда люди начали летать, они узнали, что по той же причине происходят движения воздуха и по вертикали — снизу вверх и сверху вниз. И, наконец, совсем недавно установили, что в нашем воздушном океане вследствие притяжения Солнца, и в особенности Луны, проис-

ходят такие же приливы и отливы, как в водных океанах. Но так как воздух почти в тысячу раз легче воды, то приливные явления должны быть особенно сильными. Атмосфера в отношении приливов и отливов ведёт себя примерно так, как водный океан глубиной в восемь километров.

Луна притягивает массы атмосферы, и наш воздушный океан вздымается, выпячивается по направлению к Луне. Получаются огромные периодические движения воздушных слоёв. Эти приливы и отливы сопровождаются трением газовых частиц, которые сильно ионизированы. Поэтому высокие слои атмосферы являются хорошим проводником для радиоволн. И вот в этих сильно ионизированных слоях атмосферы при их движении относительно магнитного поля Земли возбуждаются, как в проводнике, индукционные токи Фуко.

Таким образом, в природе благодаря атмосферным приливам создаётся своеобразная динамомашинка, влияющая на магнитное состояние Земли. Это обнаружено на записях магнитографов.

Изучая работу этой грандиозной машины, этого своеобразного «вечного двигателя», мы нашли, что запасы атмосферного электричества неисчислимы. Они с лихвой покрывают потребности человечества в электроэнергии, надо только суметь «снять» это электричество.

То, что вы видите, — первое и несовершенное разрешение задачи. Ракеты снабжены остриями-иглами, принимающими на себя электричество, которое накапливается в своего рода лейденских банках. Затем происходит разряд «молний» над безлюдным местом, где существует приёмная станция с металлическими шарами, парящими высоко над нею и соединёнными с нею тросами.

Сейчас мы приступаем к строительству грандиозной атмосферной станции, работа которой будет совершенно автоматизирована. В стратосфере соорудим постоянные, неподвижные установки, соединённые друг с другом проводами. Эти установки будут накапливать электричество и отдавать его Земле по ионизированному столбу воздуха. Люди получают неисчерпаемый источник энергии, необходимый для великой переделки Земли.

Снова темнота, молчание... Затем вспыхивает голубой свет. Он постепенно переходит в розовый. Утро. Яблони в цвету. Молодая мать держит ребёнка. Он протягивает руки лучезарному дню...

Видение исчезло.

Вдруг я увидел небесные просторы и нашу планету Землю, летящую в мировом пространстве. Послышалась торжественная музыка. Земля улетала в неведомые дали, превращаясь в звезду. А музыка становилась всё тише и, наконец, словно утасла вдали. Сеанс был окончен. Но я ещё долго лежал с закрытыми глазами, переживая свои впечатления.

Да, Тоня, пожалуй, была права, упрекая меня в том, что я слишком замкнулся в своей работе. Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всём мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы! А ведь это только начало моих впечатлений. Что же ещё ждёт меня впереди?..

Глава 10

У директора

Кабинет директора несколько отличался от других комнат, которые я видел. Возле окна стоял стол из чрезвычайно тонкого алюминия. На столе — папки, аппараты внутреннего телефона, радио и много кнопок с номерами. Возле стола — алюминиевый вращающийся стеллаж для книг и папок. На Звезде существовала небольшая искусственная сила тяжести, и предметы «лежали» на месте, но разлетались при малейшем движении. Поэтому все они были прикреплены автоматическими закрепками.

У стола на лёгком алюминиевом кресле сидел директор, пристегнувшись ремешком.

Это был человек лет тридцати, бронзовый от загара, с тёмным румянцем на щеках, с орлиным носом и большими выразительными чёрными глазами. На нём был лёгкий, не стесняющий движения костюм. Директор дружески кивнул мне головой (на Кэце за руку не здоровались) и спросил:

— Как вы себя чувствуете в наших условиях, товарищ Артемьев? Не страдаете ли от недостатка кислорода?

— Как будто начинаю привыкать, — ответил я. — Но у вас здесь здорово прохладно и воздух разрежён, как на самых высоких горах Земли.

— Привычка, — ответил он. — Как видите, я чувствую себя превосходно. Лучше, чем на Земле. Там я был приговорён к смерти — третья стадия туберкулёза, кровохарканье, Меня чуть не на носилках внесли в ракету. И вот теперь я здоров как бык. Звезда Кэц делает и не такие чудеса. Это первоклассный курорт. Преимущество его перед земными в том, что каждому человеку здесь можно создать наилучший для него климат.

— Но как же вас при таком строгом отборе приняли на Кэц с открытой формой туберкулёза? — удивился я.

— Это было исключение для нужного человека, — с улыбкой рассказал директор. — Меня отправили в особой санитарной ракете и здесь долго выдерживали в изоляторе, пока не исчезли последние следы активного процесса. Наш врач, уважаемая Анна Игнатьевна Мёллер, занята хлопотами об открытии специальных надземных санаториев для больных костным туберкулёзом. Она уже делала опыты — результаты поразительные. Никакого давления на разрушаемые процессы кости. Никаких гипсовых кроваток, корсета, костылей. Интенсивнейшие ультрафиолетовые лучи солнца. Полное дыхание кожи. Морской воздух. Нет ничего проще создать его в наших условиях. Полный покой, питание. Самые безнадежные формы излечиваются в кратчайший срок.

— Но на землю этим людям возвращаться рискованно?

— Почему же, если процесс закончен? Многие вернулись и чувствуют себя прекрасно. Однако мы с вами отвлеклись. Ближе к делу... Так вот, товарищ Артемьев, биологи нам очень нужны. Работы здесь непочатый край. В первую очередь надо наладить снабжение Звезды фруктами, овощами собственной оранжереи. Пока с этим успешно справляется наш «огородник» Андрей Павлович Шлыков, но ведь мы всё расширяем небесные владения. На Земле люди могут расселяться только в четырёх направлениях: на восток, на запад, на север и на юг. А здесь ещё вверх и вниз — словом, во все стороны. Мы постепен-

но обрастаем всякими подсобными предприятиями. Новую оранжерею строим. Там работает помощник Шлыкова — Крамер.

— Я уже знаком с ним.

Директор кивнул головой.

— Так вот... — продолжал он, взмахнув рукой, в которой держал карандаш.

Карандаш выскользнул из пальцев и полетел по дуге мимо меня. Я хотел поймать его на лету, но ноги мои отделились от поля, колени приподнялись к животу, и я повис в воздухе. Только через минуту ступни моих ног коснулись «пола».

— Тут вещи непослушные, норовят убежать, — пошутил директор. — Так вот. Мы разводим фрукты и овощи в условиях почти полной невесомости. Вы подумайте, сколько интереснейших проблем открывается для биолога. Как ведёт себя в растениях при отсутствии силы тяжести геотропизм? Как происходит деление клеток, обмен веществ, движение соков? Как влияют ультракороткие лучи? Космические лучи? Да всего и не перечислишь! Шлыков делает открытие за открытием. А животные? Мы будем разводить и их. У нас уже есть несколько подопытных. Ведь этакая надземная лаборатория — клад для учёного, любящего своё дело. Вижу, и у вас глаза загорелись.

Я не видел своих глаз, но слова директора действительно обрадовали меня. Признаюсь, в этот момент я позабыл не только об Армении, но даже и о Тоне.

— Я горю желанием приступить к работе, — сказал я.

— И завтра же приступите, — сказал директор. — Но пока не здесь, не в оранжерее. Мы организуем научную экспедицию на Луну. Полетят наш старик астроном Фёдор Григорьевич Тюрин, геолог Борис Михайлович Соколовский и вы.

Услышав это, я сразу вспомнил Тоню. Оставить её, быть может, надолго. Не зная, что происходит здесь без меня...

— А зачем биолог? — спросил я. — Луна ведь совершенно мёртвая планета.

— Надо думать, что так. Но не исключена возможность... Вы поговорите с нашим астрономом, у которого есть кое-какие предположения на этот счёт. — Директор улыбнулся. — Старик наш немного с сумасшедшинкой. У него есть один пункт — философия. «Философия движения». Боюсь, что он заговорит вас. Но в своей области он крупнейшая величина. Что же делать? В старости люди часто имеют «хобби», как говорят англичане, свой конёк. Вы отправляйтесь сейчас к Тюрину и познакомьтесь с ним. Интересный старик. Только не давайте ему болтать много о философии.

Директор нажал одну из многочисленных кнопок.

— Вы уже знакомы с Крамером. Я вызову его, он вам поможет перебраться в обсерваторию. Не забудьте, что там нет и той ничтожной силы тяжести, которая действует здесь.

Влетел Крамер. Директор объяснил ему всё. Крамер кивнул головой, взял меня за руку, и мы вылетели в коридор.

— Я в этом полёте постараюсь научиться передвигаться в межпланетном пространстве самостоятельно, — сказал я.

— Одобряю! — поддержал Крамер. — Дед, к которому мы полетим, сердитый добряк. Редька с мёдом. Вы ему только не противоречьте, когда он будет о философии толковать. Иначе он расстроится и будет дуться на вас всю дорогу до Луны. А в общем чудесный старик. Мы его все любим.

Положение моё осложнялось. Директор советовал не давать Тюрину много философствовать. Крамер предупреждает — не злить старого астронома-философа. Придётся быть дипломатом.

Глава 11

Учёный паук

В межпланетных костюмах, с портативными ракетами-ранцами за спиной, мы прошли сквозь атмосферную камеру, открыли дверь и выпали наружу. Толчка ноги было достаточно, чтобы мы понеслись в безвоздушном пространстве. На небе снова было «полноземие». Огромный светящийся вогнутый «таз» Земли занимал полнебосклона — «сто двенадцать градусов», — объяснил Крамер.

Я увидел очертания Европы и Азии, север, затянутый белыми пятнами облаков. В просветы ярко блестели льды северных полярных морей. На тёмных массивах азиатских гор белели пятна снежных вершин. Солнце отражалось в озере Байкал. Его очертания были отчётливы. Среди зеленоватых пятен извивались серебристые нити Оби и Енисея. Чётко выделялись знакомы контуры Каспийского, Чёрного, Средиземного морей. Отчётливо вырисовывались Иран, Аравия, Индия, Красное море, Нил. Очертания Западной Европы были словно размыты. Скандинавский полуостров покрывали облака. Западная и южная оконечности Африки тоже были плохо видны. Неясным, расплывчатым пятном выделялся в синеве Индийского океана Мадагаскар. Тибет был виден отлично, но восток Азии тонул в тумане. Суматра, Борнео, белёсое пятно западного берега Австралии... Японские острова еле различимы. Удивительно! Я одновременно видел север Европы и Австралию, восточные берега Африки и Японию, наши полярные моря и Индийский океан. Никогда ещё люди не окидывали такого огромного пространства Земли одним взглядом. Если на Земле на осмотр каждого гектара тратить только одну секунду, то и тогда потребовалось бы четыреста-пятьсот лет, чтоб осмотреть всю Землю, — так она велика.

Крамер сжал мне руку и показал на светящуюся точку вдали — цель нашего путешествия. Пришлось оторваться от изумительного зрелища Земли. Я посмотрел на Звезду Кэц и на ракетодром, похожий на большую сияющую луну. Далеко-далеко, в тёмных глубинах неба, то вспыхивала, то гасла неведомая красная звёздочка. Я догадался: это к ракетодрому приближается с Земли ракета. Вокруг Звезды Кэц в тёмном пространстве неба было немало близких звёзд. Присмотревшись к ним, я убедился, что они — создание рук человека. Это были «подсобные предприятия», о которых говорил директор; я их ещё не знал. Большинство их имело вид светящегося цилиндра, но были и иные формы: кубы, шары, конусы, пирамиды. Некоторые строения имели ещё пристройки; от них шли какие-то рукава, трубы, диски, назначение которых не было мне известно. Другие «звёзды» периодически испускали ослепительные лучи. Часть «звёзд» стояла неподвижно, другая медленно двигалась. Были и такие, которые двигались друг возле друга, вероятно соединённые невидимой проволокой или тросом. Этим вращением, очевидно, создавалось искусственное тяготение.

Крамер вновь отвлек моё внимание. Показывая на обсерваторию, он приклонил свой скафандр к моему и сказал:

— Успеете ещё насмотреться. Нажимайте кольцо на груди и стреляйте. Нельзя терять времени.

Я нажал кольцо. В спину ударило, и я полетел кувырком. Вселенная завертелась передо мной. Я видел то синее Солнце, то гигантскую Землю, то тёмные просторы неба, усеянного разноцветными звёздами. У меня зарябило в глазах, закружилась голова. Я не знал, куда лечу, где Крамер. Приоткрыв глаза, я с ужасом увидел, что стремительно падаю на ракетодром. Я поспешно нажал другую кнопку, получил толчок в бок и метнулся влево от ракетодрома. Неприятнейшее ощущение! А главное, я ничего не мог поделать. Я сжимался; разгибался, извивался — ничего не помогало. Тогда я закрыл глаза и ещё раз нажал кнопку. Снова удар в спину... Обсерваторию я давно потерял из виду. Земля голубовато светилась внизу. Край её уже потемнел: приближалась короткая ночь.

Справа вспыхнул огонёк, — вероятно, взрыв портативной ракеты Крамера. Нет, я не буду больше стрелять без толку. И вот в момент моего жуткого отчаяния я увидел Звезду Кэц совсем не в том месте, где предполагал. Не помня себя от радости, я выстрелил и закувыркался пуще прежнего. Мною овладел страх. Эти цирковые упражнения были совсем не в моём духе... И вдруг что-то ударило меня по ноге, затем по руке. Уж не астероид ли?.. Если моя одежда прорвётся, я моментально обращусь в кусок льда и задохнусь... У меня по коже поползли мурашки. Быть может, в моём костюме уже образовалась скважина и межпланетный холод пробирается к телу? Я почувствовал, что задыхаюсь. Правая рука чем-то сжата. Стук в скафандр, и я слышу глухой голос Крамера:

— Наконец-то я поймал вас. Наделали вы мне хлопот... Я думал, что вы ловчее. Только не стреляйте больше, пожалуйста. Вы метались из стороны в сторону, словно пиротехническая шутиха. Я едва не упустил вас из виду. Вы бы тогда совсем пропали.

Крамер отбросил мой белый плащ, в котором я совсем запутался, и живительные лучи Солнца быстро согрели меня. Кислородный аппарат был в исправности, но я еле дышал от волнения. Крамер, подхватив меня под мышку, как при первой высадке из ракеты, стрельнул слева, справа, сзади. И мы помчались. Впрочем, движения я не ощущал, видел только, что «вселенная стала на место». И Звезда Кэц будто падает вниз, а навстречу нам несётся звёздочка обсерватории. Она разгорается всё сильнее и сильнее, как переменная звезда.

Вскоре я мог различить внешний вид обсерватории. Это было необычайное сооружение. Представьте себе правильный тетраэдр: четырехгранник, все грани которого — треугольники. В вершинах этих треугольных пирамид помещены большие металлические шары со множеством круглых окон. Шары соединены трубами. Как я узнал впоследствии, трубы эти служат коридорами для перехода из одного шара в другой. На шарах воздвигнуты телескопы-рефлекторы. Огромные вогнутые зеркала соединены с шарами лёгкими алюминиевыми фермами. Обычная на земле телескопная труба в «небесном» телескопе отсутствует. Здесь она не нужна: атмосферы нет, поэтому рассеивания света не происходит. Кроме гигантских телескопов, над шарами возвышаются сравнительно небольшие астрономические инструменты: спектрографы, астрогра-

фы, гелиографы.

Но вот Крамер замедлил полёт и изменил направление, — мы приблизились к одному из шаров по касательной линии и остановились вплотную возле трубы, которая соединяла шары, не коснувшись её. Такая предосторожность, как потом объяснил мне Крамер, была вызвана тем, что обсерватория не должна испытывать ни малейших толчков. Горе тому посетителю, который, причаливая, толкнёт обсерваторию. Тюрин гневно обрушится на гостя, заявив, что ему испортили лучший снимок звёздного неба и чуть ли не погубили его жизнь...

Крамер осторожно нажал кнопку в стене. Дверь открылась, и мы проникли в атмосферную камеру. Когда воздух наполнил её и мы сняли костюмы, мой проводник сказал:

— Этот старик буквально прирос к телескопу. Он не отрывается даже для еды. Пристроил возле себя баллончики, банки и посасывает из трубки пищу, не прекращая наблюдений. Да вы и сами увидите. Пока вы будете с ним беседовать, я слетаю в новую оранжерею. Посмотрю, как там идут работы.

Он вновь надел скафандр. А я, открыв дверь, ведущую внутрь обсерватории, попал в освещённый электрическим светом коридор. Лампы были у меня под ногами, — оказывается, я влетел в обсерваторию вниз головой. Чтобы случайно не раздавить ногами лампы, я поспешил ухватиться за спасительные ремешки у стен. Складные крылья были со мною, но я не решился пустить их в ход в святилище страшного старика. Таким рисовался он мне по рассказам Крамера и директора.

Было очень тихо. Обсерватория казалась совершенно необитаемой. Только мягко гудели вентиляторы, да где-то раздавалось шипение, по-видимому, кислородных аппаратов. Я не знал, куда мне направиться.

— Эй, послушайте, — сказал я и кашлянул.

Полное молчание...

Я кашлянул громче, затем крикнул:

— Есть здесь кто-нибудь?

Из дальней двери показалась лохматая голова юного негра:

— Кто? Что? — спросил он.

— Фёдор Григорьевич Тюрин дома? Принимает? — пошутил я.

На чёрном лице белозубым оскалом сверкнула улыбка.

— Принимает. А я спал. Я всегда сплю, когда у нас во Флориде ночь. Вы во время меня разбудили, — сказал словоохотливый негр.

— Как же вы из Флориды попали на небо? — не утерпел я.

— Пароходом, поездом, аэропланом, дирижаблем, ракетой.

— Да, но... почему?

— Потому, что я любопытный. Здесь так же тепло, как во Флориде. Я помогаю профессору, — слово «профессор» он произнёс с уважением, — он ведь совсем дитя. Если бы не я, он умер бы с голоду возле своего окуляра. У меня есть обезьянка Микки. С ней не скучно. Есть книги. И есть большая интересная книга — небо. Профессор рассказывает мне о звёздах.

«По-видимому, этот старик не такой уж страшный», — подумал я.

— Летите прямо по коридору до шара. В шаре есть канат. И он приведёт вас к профессору Тюрину.

Послышался крик обезьянки.

— Что? Не можешь посмотреть, кто здесь? С кем я разговариваю? Ха-ха! Она теперь барахтается в воздухе посреди комнаты и никак не может опуститься на пол. У неё непременно отрастут крылья, — убеждённо добавил негр. — Без крыльев тут плохо.

Я пролетел до сферической стены — ею заканчивался коридор, — открыл дверцы и очутился в «шаре». К стенкам шара были прикреплены машины, аппараты, ящики, баллоны. От входной двери наискось был протянут довольно толстый канат. Он пропадал в отверстии перегородки, которая разделяла шар на половины. Я ухватился за канат и, перебирая его руками, начал подвигаться вперёд-вниз или вверх, не могу сказать. С этими земными понятиями приходится распространиться раз навсегда.



Наконец я пролез в отверстие и увидел человека. Он лежал в воздухе. А от него во все стороны шли тонкие шёлковые шнуры, прикреплённые к стенкам. «Как паук в своей паутине», — подумал я.

— Джон? — спросил он неожиданно тонким голосом.

— Здравствуйте, товарищ Тюрин. Я Артемьев. Прилетел...

— А, знаю. Директор говорил. На Луну? Да. Летим. Отлично.

Он говорил, не отрывая глаз от окуляра и не делая ни одного движения.

— Садиться не приглашаю: не на чём. Да и не нужно.

Я постарался осторожно подобраться поближе к «пауку», чтобы лучше рассмотреть его лицо. Первое, что я увидел, — это огромную копну белоснежных густых волос и бритое, немного бледное лицо с прямым носом. Когда Тюрин чуть-чуть повернул голову в мою сторону, я встретил живой взгляд чёрных глаз с красноватыми веками. Вероятно, он переутомлял свои глаза.

Я кашлянул.

— Не кашляйте в мою сторону, беспорядок наделаете! — строго сказал он.

«Начинается, — подумал я. — Уж и кашлять нельзя».

Но, присмотревшись, я понял, почему нельзя кашлять.

Тюрин разложил в воздухе книги, бумагу, карандаши, тетради, носовой платок, трубку, портсигар. Малейшее движение воздуха — и вещи улетят. Придётся звать Джона на помощь, — ведь самому профессору, наверное, нелегко распутать свою паутину. Он, очевидно, этой паутиной поддерживает своё тело в неподвижном состоянии у объектива телескопа.

— Очень большая труба у вашего телескопа, — сказал я, чтобы начать разговор.

Тюрин рассмеялся довольным смехом.

— Да, земным астрономам о таком телескопе не приходится и мечтать. Только трубы никакой нет. Разве, подлетая, вы не заметили этого?.. Простите, чтобы не забыть, я должен продиктовать несколько слов.

И он начал говорить фразы, пересыпанные астрономическими и математическими терминами. Потом плавно протянул руку вбок и повернул рычажок на чёрном ящике, который также был привязан шнурами. Если бы эти движения показать на экране, зрители были бы уверены, что механик слишком медленно вертит ручку аппарата.

— Автоматическая запись на ленте — домашний секретарь, — пояснил Тюрин. — Спрятан в коробочке, работает безукоризненно и есть не просит. Это скорее, чем записывать самому. Наблюдаю и тут же диктую. Машина и математические исчисления помогает мне производить. На всякий случай карандаш и бумага при мне. Только не дышите в мою сторону... Да, так телескоп... Такого на Земле не построить. Там вес ставит предел величине. Это у меня зеркальный телескоп-рефлектор. И не один. Зеркала имеют в диаметре сотни метров. Рефлекторы гигантских размеров. И сделаны они здесь из небесных материалов, стекло — из кристаллических метеоров. Я тут настоящий промысел метеоров-болидов организовал... Да, о чём я... Разве на Земле можно заниматься астрономией? Они там кроты по сравнению со мной. Я здесь за два года опередил их на целое столетие. Вот подождите, скоро мои труды будут опубликованы... Возьмите планету Плутон. Что о ней знают на Земле? Время обращения вокруг Солнца в сутках знают? Нет. Среднее расстояние от Солнца? Наклонение эклиптики? Нет. Масса? Плотность? Сила тяжести на экваторе? Время вращения на оси? Нет, нет и нет. Открыли, называется, планету!..

Он по-стариковски захихикал.

— А белые карлики, двойные звёзды? А строение галактической системы? А общее строение вселенной?.. Да что говорить! Даже атмосферу планет солнечной системы толком не знают! До сих пор спорят. А у меня тут открытий на двадцать Галилеев хватит. Я не хвалюсь этим, потому что в данном случае не человек красит место, а место человека. Любой астроном на моём месте сделал бы то же. И работаю я не один. У меня целый штат астрономов... Уж если кто был гениален, так это тот, кто придумал надземную обсерваторию. Да, Кэц. Ему мы этим обязаны.

У отверстия что-то зашевелилось. И я увидел обезьянку, а затем курчавую голову Джона. Крепко запустив пальчики в густую шевелюру негритёнка, обезьянка восседала у него на голове.

— Товарищ профессор! Вы ещё не завтракали? — сказал Джон.

— Провались! — ответил Тюрин.

Обезьянка визгливо закричала.

— Вот и Микки тоже говорит. Выпейте горячего кофе, — настаивал Джон.

— Сгинь, пропади! Убери свою крикунью.

Обезьянка закричала ещё пронзительнее.

— Не уберу, пока не позавтракаете!

— Ну хорошо, хорошо. Вот видишь, уже начал, пью, ем.

Тюрин осторожно притянул к себе баллон и, открыв кран трубки, пососал

раз-другой.

Обезьянка и голова Джона скрылись, но через несколько минут вынырнули снова. Так повторялось до тех пор, пока, по мнению Джона, профессор не насытился.

— И это каждый день, — со вздохом сказал Тюрин. — Прямо истязатели. Но и то сказать, без них я совершенно забываю о еде. Астрономия — это, молодой друг мой, такая увлекательная вещь!.. Вы думаете, что астрономия наука? Наука о звёздах? Нет. По-настоящему говоря, это мировоззрение. Философия.

«Началось», — с испугом подумал я. И, чтобы ускользнуть от опасной темы, спросил:

— Скажите, пожалуйста, нужен ли биолог при путешествии на Луну?

Тюрин осторожно повернул голову и посмотрел на меня испытующе, недоверчиво.

— А вы что же, о философии и слушать не хотите?

Вспомнив напутствия Крамера, я поспешно ответил:

— Наоборот, я очень интересуюсь философией, но сейчас... осталось мало времени, мне нужно подготовиться. Я хотел бы знать...

Тюрин припал к окуляру телескопа и молчал. Неужто рассердился? Я не знал, как выйти из неловкого положения. Но Тюрин неожиданно заговорил:

— Я никого не имею на Земле. Ни жены, ни детей. В обычном смысле, я одинок. Но мой дом, моя родина — вся Земля и всё небо. Моя семья — все трудящиеся мира, такие же славные ребята, как и вы.

От этого внезапного комплимента у меня полегчало на душе.

— Вы думаете, здесь, в этом паучьем углу, я оторвался от Земли; её интересов? Нет. Мы здесь делаем большое дело. Вам ещё предстоит познакомиться со всеми научными разветвлениями Звезды Кэц.

— Кое с чем я уже познакомился в библиотеке. «Солнечные столбы»...

Тюрин вдруг плавно протянул руку, включил аппарат «автоматический секретарь» и продиктовал ему несколько фраз, по-видимому, записывая свои последние наблюдения или мысли. Потом продолжал:

— Я гляжу на небо. И что больше всего поражает мой ум? Вечное движение. Движение — это жизнь. Остановка движения — смерть. Движение — счастье. Связанность, остановка — страдание, несчастье. Счастье в движении — движении тела, мысли. На этом фундаменте можно построить даже мораль. Как вы полагаете?

Наступил критический момент. Я не знал, что ответить.

— Мне кажется, вы правы, — наконец сказал я. — Но эту глубокую идею необходимо продумать.

— Ага! Вы всё-таки находите, что это глубокая идея? — весело запищал профессор и впервые резво повернулся в мою сторону. Паутина заколебалась. Хорошо, что здесь невозможно падение.

— Я непременно продумаю эту идею, — сказал я, чтобы окончательно завоевать симпатию своего будущего товарища по путешествию. — А сейчас за мною залетит товарищ Крамер, и я хотел бы...

— Ну что бы вы хотели знать? Зачем на Луне может понадобиться биолог? Луна ведь совершенно мёртвая планета. На Луне полное отсутствие атмосферы и потому абсолютно отсутствует органическая жизнь. Так принято думать. Я позволю себе мыслить несколько иначе. Мой телескоп... Да, вот извольте

взглянуть на Луну. Цепляйтесь по этим шнурам, только осторожно. Не заденьте книг. Вот так! Ну, одним глазком...

Я взглянул в объектив и поразился. Поверхность Луны была на очень близком расстоянии, я отчётливо различал даже отдельные глыбы и трещины. Край одной такой глыбы блестел разноцветными огнями. Очевидно, это были выходы кристаллических горных пород.

— Ну, что скажете? — самодовольно сказал профессор.

— Мне кажется, что я вижу Луну ближе, чем Землю с высоты Звезды Кэц.

— Да, а если вы посмотрите на Землю в мой телескоп, то разглядите и свой Ленинград... Так вот. Я полагаю на основе моих наблюдений, что на Луне есть хотя бы ничтожное количество газов. Следовательно, могут быть и кое-какие растения... Завтра мы с вами полетим проверять. Я, собственно, не любитель путешествий. Мне и отсюда видно. Но на этой экспедиции настаивает наш директор. Дисциплина прежде всего... Так вот... Теперь вернёмся к нашему разговору о философии движения...

Бесконечное прямолинейное движение ничем не отличается от неподвижности. Бесконечность впереди, бесконечность позади, — нет масштаба. Всякий пройденный отрезок пути по сравнению с бесконечностью равен нулю.

Но как же быть с движением во всём Космосе? Космос вечен. Движение в нём не прекращается. Неужто же и движение Космоса — бессмыслица?

Я несколько лет думал о природе движения, пока не нашёл, наконец, где зарыта собака.

Дело оказалось совсем простым. Факт тот, что в природе вообще отсутствует непрерывное бесконечное движение — и прямолинейное, и по кривой. Всякое движение прерывисто, вот в чём секрет. Ещё Менделеев доказал закономерную прерывистость величин (даже величин!), в данном случае — атомов. Эволюционное учение заменяется, вернее углубляется, генетическим, всё большая роль отводится в развитии организмов скачкам, мутациям. Прерывистость магнитных величин доказана Вейсом, прерывистость лучеиспускания — Бланком, прерывистость термических характеристик — Коноваловым. Космос вечен, но все движения в Космосе — прерывисты. Солнечные системы рождаются, развиваются, дряхлеют и умирают. Рождаются новые разнообразные системы. Имеют конец и начало, а значит, и масштаб измерения. То же происходит и в органическом мире... Вам всё понятно? Вы следите за моей мыслью?..

На моё счастье, из люка вновь показалась голова негра с обезьянкой.

— Товарищ Артемьев, Крамер ждёт вас в атмосферной камере, — сказал он.

Я поспешил проститься с профессором и выполз из этого паучьего угла.

Признаюсь, Тюрин заставил меня подумать о его философии. «Счастье в движении». Но какое печальное зрелище, если посмотреть со стороны, представляет собой творец философии движения! Затерянный в тёмных пространствах неба, опутанный паутиной, неподвижно висит он дни, месяцы, годы... Но он счастлив, это несомненно. Недостаток движения тела заменяется интенсивным движением мысли, мозговых клеток.

Глава 12

Тюрин тренируется

Крамер ждал меня, не снимая своего скафандра, — он, видимо, торопился. Я быстро оделся. И мой провожатый, понизив атмосферное давление почти до полного вакуума, открыл наружную дверь. Крепко держа меня перед собой, он осторожно отделился от стенок обсерватории боковым скользящим движением и при помощи лёгких выстрелов повернулся к Звезде Кэц. Потом сделал несколько сильных выстрелов, и мы понеслись с огромной быстротой. Теперь Крамер мог бы выпустить меня из рук, но, видимо не доверяя больше моему «лётному искусству», он придерживал сзади мой локоть.

Взглянув на приближающуюся Звезду Кэц, я заметил, что она довольно быстро вращается на своей поперечной оси. Очевидно, ремонт оранжереи был окончен, и теперь искусственно создавалась более значительная сила тяжести.

Нелёгкая задача — пришвартоваться к крылу вращающейся мельницы. Но Крамер справился с этим. Он начал описывать круги над концом цилиндра Звезды в направлении его вращения. Уравняв таким образом наше движение с движением цилиндра, он ухватился за скобу.

Не успел я раздеться, как меня вызвала к себе Мёллер.

Не знаю, намного ли в ракете увеличилась тяжесть. Вероятно, она была не более одной десятой земной. Но я почувствовал знакомое приятное напряжение мускулов. Радостно было «ходить» ногами «по полу», вновь обрести верх и низ.

Я бодро вошёл к Мёллер.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я послала за Тюриным. Он сейчас будет здесь. Как вы его нашли?

— Оригинальный человек, — ответил я. — Однако я ожидал встретить...

— Я не о том, — прервала Мёллер. — Как он выглядит? Я спрашиваю как врач.

— Очень бледен. Несколько одутловатое лицо...

— Разумеется. Он ведёт совершенно невозможный образ жизни. Ведь в обсерватории есть небольшой сад, гимнастический зал, аппараты для тренировки мускулатуры, но он совершенно пренебрегает своим здоровьем. Признаться, это я уговорила директора отправить Тюрина на Луну и впредь буду настаивать на коренном изменении его жизненного режима, иначе мы скоро потеряем этого исключительного человека.

Явился Тюрин. При ярком освещении амбулатории он выглядел ещё более нездоровым. К тому же его ножные мышцы совершенно отвыкли от движения и, возможно, частично атрофировались. Он едва держался на ногах. Колени его подгибались, ноги дрожали, он беспомощно размахивал руками. Если бы его сейчас перенесли на Землю, он, вероятно, почувствовал бы себя, как кит, выброшенный на берег.

— Вот до чего вы себя довели! — укоризненно начала Мёллер. — Не человек, а кисель.

Маленькая энергичная женщина отчитывала старого учёного, как непослушного ребёнка. В заключение она отправила его на массаж, приказав по-

сле массажа явиться на медицинский осмотр.

Когда Тюрин ушёл, Мёллер обратилась ко мне:

— Вы биолог и поймёте меня. Тюрин — исключение. Все мы чувствуем себя прекрасно. Однако эта лёгкость «небесной жизни» сильно беспокоит меня. Вы не ощущаете или почти не ощущаете своего тела. Но каковы будут последствия? Кэц — молодая звезда. И даже наши старожилы находятся в условиях невесомости не более трёх лет. А что будет через десяток лет? Как такое приспособление к среде отзовется на общем состоянии организма? Наконец, как будут развиваться наши новорождённые дети? И дети детей? Весьма вероятно, что кости наших потомков будут становиться всё более хрящевидными, студенистыми. Мышцы атрофироваться. Это первое, что сильно беспокоит меня, как человека, отвечающего за здоровье нашей небесной колонии. Второе — космические лучи. Несмотря на оболочку нашего жилища, которая частично задерживает эти лучи, мы всё же получаем их здесь гораздо больше, чем на Земле. Пока я не вижу вредных последствий. Но опять-таки у нас ещё слишком мало материала для наблюдений. У мух-дрозофил здесь наблюдается усиленная мутация, причём многие рождаются с летальными генами — не дают потомства. Что, если такое же действие окажут лучи и на людей Звезды Кэц? Вдруг у них начнут рождаться дети-уроды или мертворождённые младенцы?.. В конечном счёте всё в наших руках. Все вредные последствия мы можем устранить. Искусственно создать любую силу тяжести, если нужно — даже большую, чем на Земле. Можем и изолироваться от космических лучей. Но нам надо проделать массу опытов, чтобы определить оптимальные условия... Видите, сколько работы для вас, биологов?

— Да, работы хватит, — сказал я, очень заинтересованный словами Мёллер. — Эта работа нужна не только для небесных колоний, но и для Земли. Насколько расширятся наши познания о живой и мёртвой природе! Я в восторге, что случай привёл меня сюда.

— Тем лучше. Нам нужны работники-энтузиасты, — сказала Мёллер.

Упоминание о «случае, который привёл меня сюда», навело меня на мысль о Тоне. Захваченный новыми впечатлениями, я даже не вспоминал о ней. Что с нею и как её поиски?

Я распростился с Мёллер и вылетел в коридор. В коридоре слышались весёлый смех, голоса, песни и жужжание крыльев; хоть и появилась небольшая тяжесть, но молодёжь по привычке действовала крыльями. Им нравилось делать прыжки, пролетая несколько метров, как летучие рыбы. Некоторые упражнялись в ходьбе по полу. Сколько молодых, весёлых, загорелых лиц! Сколько забав и проказ: вот группа девушек, нарушая «уличное» движение, затеяла игру в «мяч», причём «мячом» была одна из них — маленькая толстушка. Она визжала, перелетая из рук в руки.

Все гуляющие чувствовали себя весело и беззаботно. Видимо, работа совсем не утомляла людей в этом «легковесном» мире. Бочком, держась стены, я добрался до двери комнаты Тони. Тоня сидела возле окна на лёгком алюминиевом стуле. Видимо, за это время из склада принесли мебель.

За окном на чёрном небе огромное зарево — кольцо «ночной» Земли. Свет зари румянил лицо и руки Тони. Её лицо было задумчиво.

Мне захотелось растормошить её. Я подошёл к ней и сказал, улыбаясь:

— Ну, сколько вы теперь весите?

И, не долго думая, взял её за плечи и легко приподнял, как трёхлетнюю девочку. Вероятно, весёлое настроение толпы заразило и меня.

Она молча отстранилась.

— О чём вы грустите? — спросил я, чувствуя неловкость.

— Так... о маме вспомнила.

— «Земное притяжение» действует? Тоска по родине?

— Может быть, — ответила она.

— А что с Евгеньевым?

— Ещё не дозвонилась. Аппарат всё время занят. А как ваш разговор с директором?

— Завтра лечу на Луну.

Она вскинула на меня глаза.

— Надолго?

— Не знаю. Самый полёт, говорят, продолжается не более пяти-шести дней. А сколько пробудем на Луне, неизвестно.

— Это очень интересно, — сказала Тоня, пристально глядя на меня. — Я бы с удовольствием полетела с вами. Но меня временно посылают в лабораторию, которая находится на таком расстоянии от Земли, что туда не достигает земное лучеиспускание. Там в тени царит холод мирового пространства. Я лечу оборудовать новую лабораторию для изучения электропроводности металлов при низких температурах...

Глаза её оживились.

— Есть интереснейшая проблема! Вы знаете, что сопротивление электрическому току в металлах с понижением температуры понижается. При температурах, близких к абсолютному нулю, сопротивление тоже почти равно нулю... Над этими вопросами работал ещё Капица. Но на Земле требовались колоссальные усилия, чтобы достичь низких температур. А в межпланетном пространстве... это просто. Представьте себе металлическое кольцо, помещённое в вакууме, в температуре абсолютного холода. В кольцо направляется индуцированный ток. Его можно довести до необычной мощности. Этот ток будет циркулировать в кольце вечно, если не повысится температура. При повышении же температуры происходит мгновенный разряд. Если в кольце дать ток достаточно высокого напряжения, то мы сможем иметь своего рода законсервированную молнию, которая проявит свою активность, как только температура повысится.

— Молния, законсервированная в сосуде Дьюара, — подхватил я, — который снабжён взрывателем, падает на Землю. При ударе о землю пистон взрывается, температура в сосуде повышается, и молния производит своё разрушительное действие.

Тоня улыбнулась.

— Какие у вас кровожадные мысли! Я не думала о таком применении.

— Совсем не кровожадные, — возразил я. — С войнами покончено. Но можно взрывать скалы, айсберги...

— Ах вот что... Разумеется. Вопрос только в том, что при отсутствии сопротивления падает и напряжение, — значит, и мощность... Надо произвести подсчёт. Как бы и в этом деле пригодился Палей! — воскликнула она почти со страстью.

Это, конечно, была страсть учёного, но я не мог скрыть своего огорчения.

* * *

Нам не удалось вылететь на другой день: заболел Тюрин.

— Что с ним? — спросил я у Мёллер.

— Раскис наш философ, — ответила она, — от «счастья» заболел, от движения. В сущности говоря, с ним ничего особенного не приключилось... Жалуются на боль в ногах. Икры болят. Это пустяки, но как его такого на Луну пустить? И себе и вам хлопот наделает. При десятой части земной тяжести раскис. А ведь на Луне — шестая. Там он, пожалуй, и ног не потянет. Я решила дать ему потренироваться несколько дней. У нас в небе есть склады пойманных астероидов. Все эти небесные камни, куски планет, складываются в виде шара. Чтобы отдельные куски не разлетались от случайных толчков, наши геиосварщики расплавили и сварили поверхность этих планеток. К одной такой «бомбе» мы прикрепили стальным тросом полый шар и привели их в круговое движение. Получилась центробежная сила, тяжесть внутри полого шара равна тяжести на Луне. Вот в этом шаре и тренируется Тюрин. Давление и количество кислорода в шаре такие же, как и в скафандре межпланетного костюма. Слетайте, голубчик, навестите Тюрина. Только один не летите. Захватите с собой вашу няньку — Крамера.

Я разыскал Крамера в гимнастическом зале. Он выделял на трапеции головокружительные штуки. Цирковым гимнастам на Земле о таких трюках и мечтать не приходится.

— Полететь я с вами полечу, — сказал он, — но пора научиться летать самостоятельно. Ведь вы на Луну летите, а во время такого путешествия мало ли что может случиться!

Крамер привязал меня к себе длинной проволокой и предоставил мне лететь к «манежу» Тюрина. Я уже не кувыркался и «стрелял» довольно удачно, но уменья «приземлиться» к вращающемуся шару у меня не хватило, и Крамер поспешил мне на помощь. Через четыре минуты после отлёта мы уже вползали в металлический шар.

Встречены мы были неистовым визгом и криком. Я с любопытством окинул взглядом внутренность шара, освещённого большой электрической лампой, и увидел, что Тюрин сидит на «полу» и стучит кулаками по резиновому ковру, а возле него гигантскими прыжками скачет негритёнок Джон. Обезьянка Микки с весёлым визгом прыгает с плеч Джона до «потолка», хватается там за ремешки и падает вниз, на плечо или голову Джона. «Лунная тяжесть», видимо, пришлась по вкусу Джону и обезьянке, что нельзя было сказать про Тюрина.

— Вставайте, профессор! — звонко закричал Джон. — Доктор Мёллер приказала вам ходить по пятнадцать минут, а вы ещё и пяти не ходили.

— Не встану! — разгневанно пропищал Тюрин. — Что я, лошадь на корде? Истязатели! У меня и так ноги отваливаются!

В этот момент я и Крамер «свалились с неба» возле Тюрина. Джон первый увидел нас и обрадовался.

— Вот смотрите, товарищ Артемьев, — затараторил он, — профессор меня не слушает, опять хочет залезть в свою паутину...

Обезьянка вдруг заплевала, завизжала.

— Да уйми ты свой патефон! — ещё тоньше и пронзительнее закричал Тюрин. — Здравствуйте, товарищи! — обратился он к нам и, став на четвереньки,

тяжело поднялся.

«Ну как с таким на Луну лететь?» — подумал я и переглянулся с Крамером. Тот только головой качнул.

— Ведь вы, профессор, сами мне не раз говорили: чем больше движений, тем больше счастье... — не унимался Джон.

Такой «философский аргумент» со стороны Джона был неожиданным. Мы с Крамером невольно улыбнулись, а Тюрин покраснел от гнева.

— Надо же понимать! Надо понимать! — закричал он на самых высоких нотах. — Есть различного рода движения. Эти грубо физические движения мешают высшим движениям клеток моего головного мозга, моим мыслям. И потом всякое движение прерывисто, а ты хочешь, чтобы я маршировал без отдыха... Нате, ешьте моё мясо, пейте мою кровь!

И он зашагал с видом мученика, кряхтя, охая и вздыхая.

Джон отвёл меня в сторону и быстро зашептал:

— Товарищ Артемьев! Я очень боюсь за моего профессора. Он такой слабый. Ему опасно без меня лететь на Луну. Ведь он даже есть и пить забывает. Кто о нём будет заботиться на Луне?..

У Джона даже слёзы выступили на глазах. Он горячо любил своего профессора. Я, как умел, утешил Джона и обещал заботиться о профессоре во время путешествия.

— Вы отвечаете за него! — торжественно произнёс негритёнок.

— Да, конечно! — подтвердил я.

Вернувшись на Звезду, я всё рассказал Мёллер. Она неодобрительно покачала головой:

— Придётся мне самой заняться Тюриным.

И эта маленькая энергичная женщина действительно отправилась в «манеж».

Я тоже времени не терял даром: учился летать в межпланетном пространстве и, по словам моего учителя Крамера, сделал большие успехи.

— Теперь я спокоен, что во время путешествия на Луну вы не потонете в пучинах неба, — сказал он.

Через несколько дней Мёллер вернулась из «манежа» и объявила:

— На Землю профессора я бы ещё не решилась пустить, но для Луны он «в полной лунной форме».

Глава 13

К лунной орбите

Накануне нашего лунного путешествия я проводил Тоню в лабораторию мирового холода. Прощание было краткое, но тёплое. Она крепко пожала мне руку и сказала:

— Берегите себя...

Эти простые слова сделали меня счастливым.

На другое утро Тюрин довольно бодро вошёл в ракету. Джон, совершенно убитый горем, провожал его. Казалось, он вот-вот заплачет.

— Вы отвечаете за профессора! — крикнул он мне перед тем как дверь ракеты захлопнулась.

Оказывается, мы летим на Луну не прямым путём, а по спирали, обращённой вокруг Земли. И неизвестно, сколько продлится путешествие. В нашей ракете могут разместиться двадцать человек. А нас всего шестеро: трое членов научной экспедиции, капитан, штурман и механик. Всё свободное пространство ракеты занято запасами продовольствия, взрывчатых веществ и жидкого кислорода. А наверху ракеты прикреплен вагон на колёсах, предназначенный для нашего путешествия по лунной поверхности. Сопротивления воздуха нет, поэтому «лунный автомобиль» не уменьшит скорости полёта ракеты.

Скоро наша ракета покинула гостеприимный ракетодром Звезды Кэц. И сразу же Тюрин почувствовал себя очень плохо. Дело в том, что как только мы развивали скорость и взрывы учащались, вес тела менялся. И я понимал Тюрина: можно привыкнуть к тяжести, можно привыкнуть к невесомости, но привыкнуть к тому, что твоё тело то ничего не весит, то вдруг как будто наливается свинцом, невозможно.

Хорошо, что у нас были достаточные запасы продовольствия и горючего, поэтому мы могли не спешить, и взрывы были умеренные. Звук их передавался только по стенкам ракеты. К этим звукам можно было привыкнуть, как к жужжанию мотора или тиканью часов, но усиление тяжести!..

Тюрин вздыхал, охал. Кровь то прилиwała к его лицу, и оно становилось багровым, почти синим, то отлиwała, — лицо бледнело, желтело.

И только наш геолог Соколовский, жизнерадостный, плотный человек с пышными усами, неизменно был весел.

Когда невесомость тела возвращалась, астроном начинал говорить вслух, — привычка, которую он приобрёл в своём долгом одиночестве. Говорил он без связи: то сообщал интересные астрономические сведения, неизвестные земным астрономам, то изрекал «философские сентенции».

— Почему так привлекательно кино? Потому, что в нём мы видим движение...

Затем он начинал стонать и корчиться, потом снова говорить.

Я смотрел в окно. По мере того как мы удалялись от Земли, она казалась всё меньше. Наш «день» становился всё длиннее, ночи всё короче. В сущности, это были не ночи, а солнечные затмения.

А вот с Луной происходили забавные вещи.

Если наша ракета находилась в противоположной точке орбиты от Луны, Луна казалась маленькой, гораздо меньше, чем мы видим её с Земли, а если

мы по орбите приближались к Луне, она становилась невиданно огромной.

Наконец наступил момент, когда максимальные размеры Луны сравнялись с размерами Земли. Наш капитан, не раз совершавший путешествие к лунной орбите, сказал нам:

— Поздравляю. Мы одолели четыре пятых расстояния, отделяющего нас от Луны. Сорок восемь земных радиусов позади. При наших межпланетных путешествиях в пределах солнечной системы земной радиус — 6378,4 километра — служит единицей измерения. Это своего рода миля межпланетных навигаторов, — пояснил он.

Теперь размер Луны колебался в течение суток — время обращения ракеты вокруг Земли. Половину суток Луна «пухла», увеличивалась в размерах, половина «худела». Но эти сутки уже стали гораздо больше земных.

Безоблачный, сияющий день всё рос.

Капитан говорит, что притяжение Луны с каждым часом сказывается всё сильнее и искажает путь ракеты. Движение ракеты то ускоряется, то замедляется в результате цепких объятий нашего земного спутника. Луна не хочет отпустить нас от себя. Если бы не сила противодействия, заключающаяся в наших взрывных приборах, мы были бы вечными пленниками Луны. Насколько же опаснее притяжение огромных планет солнечной системы!

В первые часы полёта капитан надолго покинул управление, предоставив ракете автоматически лететь по намеченному пути. Это не было опасным. Но чем дальше, тем всё реже капитан отходил от пультов управления, хотя они и механизированы.

Мы неслись вокруг Земли уже примерно по той же орбите, что и Луна, поэтому путешествие вокруг Земли совершали в одинаковое с Луной время — около тридцати земных суток. Наша ночь — солнечные затмения стали так же редки, как лунные на Земле. Ракета всё реже нагоняла Луну, и, наконец, их движения уравнились. Ракета достигла такого же расстояния от Земли, как и Луна. Расстояние между ракетой и Луной сделалось неизменным.

Казалось, что Луна, Земля и ракета неподвижны, и только звёздный свод непрерывно движется.

— Скоро здесь небесные колонии будем строить, — нарушил молчание Соколовский.

— Ну нет, батенька мой, не так скоро, — отозвался Тюрин. — Надо сперва достать тут материалы. Нельзя всё притащить с Земли. Наоборот, мы ещё Земле должны посылать кое-какие «небесные» подарки. Вот коллекцию метеоритов мы уже послали. Хорошая коллекция. Весь рой Леонидов.

И Тюрин довольно рассмеялся.

— Это верно, — сказал Соколовский. — Нам надо много железа, никеля, стали, кварца для сооружения наших жилищ.

— И где же вы достанете эти ископаемые? — спросил я. Слово «ископаемые» вызвало взрыв смеха Соколовского.

— Не ископаемые, а излетаемые, — сказал он. — Метеориты — вот «ископаемые». Недаром я гонялся за ними.

— Метеоритный промысел организовал я. Это моя идея! — внёс поправку Тюрин.

— Я не оспариваю этого, профессор, — сказал Соколовский. — Идея ваша — осуществление моё. Вот и сейчас я послал Евгеньева в новую разведку.

Фамилия «Евгеньев» заставила меня вспомнить весь путь, приведший меня в небо. И подумать только, как быстро все эти личные дела отошли на задний план перед необычайными здешними впечатлениями!

— Вы знаете, товарищ Артемьев, что мы нашли целый рой мелких метеоритов совсем недалеко от Звезды Кэц? — обратился Соколовский ко мне. — Выше попадались и более крупные. При их исследовании нашли железо, никель, кремнезём, глинозём, окись кальция, полевои шпат, хромовое железо, железные окислы, графит и другие простые и сложные вещества. Словом, всё необходимое для построек плюс кислород для растений и воду. Обладая энергией Солнца, мы можем обработать эти материалы и получить всё, что нам надо, вплоть до карандашей. Кислород и вода, конечно, находятся здесь не в готовом, а в «связанном» виде, но химиков это не затрудняет.

— А я изучил по вашим данным движение этих остатков погибших небесных тел, — вмешался Тюрин, — и пришёл к интересным выводам. Часть метеоритов прилетела издалека, но большинство носилось вокруг Земли по той же орбите, что и Звезда Кэц...

— На это, профессор, обратил ваше внимание я, — сказал Соколовский.

— Ну да! Но выводы-то сделал я.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Соколовский.

— Я не спорю. Я только люблю точность. На то я и учёный, — возразил Тюрин и даже приподнялся в кресле, но тотчас же опустил и заохал.

— Мёллер права, — сказал он. — Совсем я ослабел за годы неподвижного лежания в мире невесомости. Надо будет изменить режим.

— Вот Луна вас проманежит, — рассмеялся геолог.

— Да. Так я хотел сказать о моей гипотезе, — продолжал Тюрин. — Метеоритов, вращающихся вокруг Земли, так много, что, надо думать, они являются остатком разорвавшегося маленького земного спутника — второй Луны. Это была совсем крошечная Луна. Когда мы точно подсчитаем количество и массу этих метеоров, то сможем реставрировать бывшие размеры этого спутника, как палеонтологи реставрируют костяки вымерших животных. Маленькая вторая Луна! Но она могла светить не слабее нашей Луны, так как находилась ближе к Земле.

— Простите, профессор, — неожиданно вмешался молодой механик, цветом кожи и худощавым сложением похожий на индуса. — Мне кажется, на таком близком расстоянии Земля притянула бы к себе маленькую Луну.

— Что? Что? — грозно вскричал Тюрин. — А крошечная Звезда Кэц почему не падает на Землю? А? Всё дело в быстроте движения... Но маленькая Луна всё же погибла, — примирительно сказал он. — Борющиеся силы — инерция и земное притяжение — разорвали её в клочья... Увы, увы, это грозит и нашей Луне! Она распадётся на осколки. И Земля получит прекрасное кольцо, как у Сатурна. Я полагаю, что это лунное кольцо даст не меньше света, чем Луна. Оно будет украшать ночи земных жителей. Но всё же это будет потеря, — со вздохом закончил он.

— Невознаградимая потеря, — вставил я.

— Гм... Гм... А может быть, и вознаграждена. У меня есть кое-какой проект, но о нём я пока помолчу.

— А как вы охотились за метеорами? — спросил я у Соколовского.

— Это забавная охота, — ответил геолог. — Мне приходилось охотиться за

ними не только на орбите Звезды Кэц и...

— В поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера, — перебил Тюрин. — Земными астрономами найдено немногим более тысячи этих астероидов. А мой каталог перевалил за четыре тысячи. Эти астероиды — тоже остатки планеты, более значительной, чем погибшая вторая Луна. По моим расчётам, эта планета была больше, чем Меркурий. Марс и Юпитер взаимным притяжением разорвали её на куски. Не поделили! Кольцо Сатурна — тоже погибший его спутник, раздроблённый на куски. Видите, сколько уже покойников в нашей солнечной системе. За кем очередь? Ой-ой... опять эти толчки!

Я снова заглянул в окно, придерживаясь руками за обитые кожей мягкие подлокотники кресла. За окном всё то же чёрное небо, сплошь усеянное звёздной пылью. Так можно лететь годы, столетия, и картина будет всё та же...

И вдруг мне вспомнилась моя давнишняя поездка в вагоне самого обыкновенного поезда со старичком паровозом. Лето. Солнце спускается за лес, золотая облака. В открытое окно вагона тянет лесной сыростью, запахом аконита, сладким запахом липы. В небе за поездом бежит молодой месяц. Лес сменяется озером, озеро — холмами, по холмам разбросаны дома, утопающие в садах. А потом пошли поля, повеяло запахом гречихи. Сколько разнообразия впечатлений, сколько «движения» для глаза, уха, носа, выражаясь словами Тюрина. А здесь — ни ветра, ни дождей, ни смены погод, ни ночи, ни лета, ни зимы. Вечно однообразный траурный свод неба, страшное синеватое солнце, неизменный климат в ракете...

Нет, как ни интересно побывать в небе, на Луне, других планетах, но эту «небесную жизнь» я не променяю на земную...

— Ну так вот!.. Охота за астероидами — самый увлекательный вид охоты, — вдруг услышал я басок геолога Соколовского.

Мне нравится слушать его. Он говорит как-то просто, по-домашнему, «по-земному», словно беседует в своём кабинете где-нибудь на седьмой линии Васильевского острова. На него, по-видимому, необычная обстановка не производит никакого действия.

— Подлетая к поясу астероидов, надо держать ухо остро, — говорит Соколовский. — Иначе того и гляди, какой-нибудь осколок величиной с московский Дворец Советов, а то и больше обрушится на ракету — и поминай её как звали! Поэтому летишь по касательной, всё более приближаясь к направлению астероидов... Замечательная картина! Вы подлетаете к поясу астероидов. Вид неба изменяется... Взгляните-ка на небо. По существу, его нельзя назвать совершенно чёрным. Фон чёрный, но на нём сплошная россыпь звёзд. И вот на этой светящейся россыпи вы замечаете тёмные полосы. Это пролетают не освещённые солнцем астероиды. Иные чертят на небе яркие, как серебро, следы. Другие оставляют полосы медно-красного света. Всё небо становится полосатым. По мере того как ракета поворачивает в сторону движения астероидов, набирает скорость, летит и уже почти наравне с ними, они перестают казаться полосами. Вы попадаете в необычайный мир и летите среди многочисленных «лун» различной величины. Все они летят в одном направлении, но ещё опережают ракету.

Когда какая-нибудь из «лун» пролетает близко от ракеты, вы видите, что она совсем не круглая. Эти «луны» имеют самые разнообразные формы. Один астероид, скажем, похож на пирамиду, другой приближается к форме шара,

третий похож на неотёсанный куб, большинство же — просто бесформенные обломки скал. Некоторые летят группами, иные под влиянием взаимного притяжения сливаются в «виноградную гроздь»... Поверхность их то матовая, то блестящая, как горный хрусталь.

«Луны» справа, «луны» слева, вверху, внизу... Когда ракета замедляет полёт, кажется, будто «луны» стремительно двинулись вперёд, но вот ракета снова набирает скорость, и они начинают как бы замедлять полёт. Наконец, ракета их обгоняет — «луны» отстают.

Опасно лететь медленнее астероидов. Они могут нагнать и вдребезги разбить ракету. Совершенно безопасно лететь в одном с ними направлении и с одинаковой скоростью. Но тогда видишь только окружающие астероиды. При этом кажется, что всё стоит неподвижно — и ракета, и «луны» слева, справа, сверху, сзади. Только звёздный свод медленно течёт, потому что и астероиды и ракета всё-таки летят и меняют своё положение на небе.

Наш капитан предпочитал летать немного скорее астероидов. Тогда небесные глыбы не налетят сзади. И вместе с тем двигаешься в рое «лун», рассматриваешь их, выбираешь. Словом, выступаешь в роли гоголевского чёрта, который собирается похитить с неба луну. Только маленькую. У нас ещё не хватает сил сорвать большой астероид с его орбиты и прибуксировать к Звезде Кэц. Мы боимся израсходовать всё горючее и оказаться пленниками астероида, который увлечёт нас за собой. Требовалось большое умение и ловкость, чтобы приблизиться к астероиду без толчка и взять его «на abordаж». Капитан так направлял ракету, что она, летя наравне с астероидом, как можно ближе подходила к нему. Затем боковые взрывы прекращались. Мы пускали в ход электромагнит: ведь почти все астероиды, кроме кристаллических, состоят главным образом из железа. Наконец, когда расстояние уменьшалось до ничтожной величины, мы выключали электромагнит, предоставляя остальное силе притяжения. Через некоторое время мы ощущали едва заметный толчок. В первое время, однако, причал не всегда сходил гладко. Иногда мы довольно-таки сильно сталкивались. Астероид — для нас незаметно — отклонялся от своей орбиты, зато ракета, как более лёгкая, отлетала в сторону, и приходилось снова маневрировать. Потом мы наловчились «причаливать» очень чисто. Оставалось только прикрепить астероид к ракете. Мы пробовали привязывать его запасными цепями, пробовали удерживать электромагнитом, но всё это было плохо. Впоследствии мы научились даже припаивать метеоры к оболочке ракеты, благо солнечной энергии у нас достаточно, а аппараты гелиогенной сварки мы всегда брали с собой.

— Но для этого надо было выходить из ракеты? — сказал я.

— Само собой. Мы и выходили. Даже путешествовали по астероидам. Помню один случай, — продолжал Соколовский, смеясь. — Мы подлетали к большому астероиду, имевшему вид плохо обточенной каменной бомбы несколько сплюснутой формы. Я вылетел из ракеты, уцепился за острые углы астероида и пошёл в «кругосветное» путешествие. И что же вы думаете? На сплюснутых «полюсах» я поднимался и стоял на ногах «вверх головой», а на выпуклом «экваторе» центр тяжести переместился, и мне пришлось становиться на голову «вверх ногами». Так я и шёл, цепляясь руками.

— Это была, очевидно, вращающаяся планетка, и изменялся не центр тяжести, а относительная тяжесть, — поправил Тюрин. — У поверхности полюсов

вращения тяжесть имеет наибольшую величину и нормальное направление к центру. Но чем дальше от полюса, тем тяжесть слабее. Так что человек, идущий от полюса к экватору, как бы спускается с горы, причём крутизна спуска всё растёт. Между полюсами и экватором направление тяжести совпадало с горизонтом, и вам казалось, что вы спускаетесь с совсем отвесной горы. А дальше почва представлялась уже наклонным потолком, и вам надо было хвататься за что придётся, чтобы слететь с планетки... С Земли в лучшие телескопы, — продолжал Тюрин, — видны планеты с диаметром не менее шести километров. А астероиды бывают величиною и с пылинку.

— На каких только мне не приходилось бывать, — сказал Соколовский. — На иных тяжесть так ничтожна, что достаточно было лёгкого прыжка, чтобы улететь с поверхности. Я был на одном таком с окружностью в семнадцать с половиной километров. Подпрыгнув на метр, я опускался двадцать две секунды. Сделав движение не больше, чем то, которое необходимо, чтобы перешагнуть порог на Земле, я мог бы тут подняться на высоту двухсот десяти метров — немного ниже башни Эйфеля. Я бросал камни, и они уже не возвращались.

— Вернутся, но не скоро, — вставил астроном.

— Побывал я и на относительно большой планетке с диаметром только в шесть раз меньше лунного. Я поднимал там одной рукой двадцать два человека — моих спутников. Там можно было бы качаться на качелях, подвешенных на суровых нитках, построить башню в шесть с половиной километров высотой. Я пробовал там выстрелить из револьвера. Что получилось, можете себе представить! Если бы я сам не был сброшен с планетки выстрелом, моя пуля могла бы убить меня сзади, облетев вокруг астероида. Она, вероятно, и сейчас носится где-нибудь вокруг планеты, как её спутник.

— Поезда на такой планете двигались бы со скоростью тысячи двухсот восьмидесяти километров в час, — сказал Тюрин. — Кстати, несколько таких планет можно приблизить к Земле. Почему бы не устроить добавочное освещение? А затем и заселить эти планетки. Покрывать стеклянной оранжереей. Насадить растения. Развести животных. Это будет великолепное жильё. Со временем так можно будет заселить Луну.

— На Луне то слишком холодно, что слишком жарко, — сказал я.

— Искусственная атмосфера под стеклянным колпаком и шторы умерят жар Солнца. Что же касается холода почвы во время лунных ночей, то у меня на этот счёт свои взгляды, — многозначительно заметил Тюрин. — Разве мы не отказались от теории раскалённого Ядра Земли с чрезвычайно высокой температурой? И тем не менее наша Земля тепла...

— Солнце и атмосферная шуба... — начал геолог, но Тюрин перебил его.

— Да, да, но не только это. В земной коре развивается тепло от радиоактивного распада в её недрах. Почему не может быть этого на Луне? И даже в более сильной степени? Радиоактивный распад сможет подогревать почву Луны. Да и не остывшая под лунной корой магма... Луна не так холодна, как кажется. И если там есть остатки атмосферы... Вот почему вы, биолог, включены в эту экспедицию, — обратился он ко мне.

Соколовский с сомнением покачал головой.

— На астероидах я что-то не встречал подогревания почвы радиоактивным распадом элементов.

— Астероиды меньше Луны, — пискливо ответил астроном.

Он ненадолго замолчал и вдруг опять ударился в философствование, словно две мыслительные линии в его мозгу шли параллельно.

Мёртвые немигающие звёзды заглядывают в окно нашей ракеты. Звёздный дождь, пересекая небосклон, мчится куда-то вбок и вверх, — ракета поворачивает.

— Мы набрали уже немало астероидов, — тихо говорит мне Соколовский, не обращая внимания на Тюрина, который, как пифия, изрекает свои фразы. — Прежде всего мы «подвели фундамент» под наш ракетодром. Чем больше его масса, тем он устойчивее. Случайные удары причаливающих ракет не будут смещать его в пространстве. Затем мы поставляем астероиды на наши фабрики и заводы, — вы ещё с этим познакомитесь. Недавно нам удалось поймать интереснейшую планетку. Правда, это совсем небольшой осколок — по-земному, тонны на полторы. Представьте себе, почти сплошной кусок золота... Недурная находка! Золотые россыпи в небе...

Очевидно, услышав эти слов, Тюрин заметил:

— В больших планетах элементы располагаются от поверхности к центру по их восходящему удельному весу: наверху силиций, алюминий-«сиал», ниже силиций, магний-«сима», ещё ниже никель, железо-«нифе», железо и ещё более тяжёлые металлы — платина, золото, ртуть, свинец. Ваш золотой астероид — обломок центрального ядра погибшей планеты. Редкий случай. На золотые россыпи неба много не рассчитывайте.

Меня клонило к сну. Мой организм ещё не отвык от земного распорядка дня и ночи, смены бодрствования и сна.

— Засыпаете? — спросил меня Тюрин. — Спокойной ночи. А со мною, знаете, творятся любопытные вещи. На обсерватории я совсем отвык от регулярного сна. И теперь похожу на тех животных, которые спят короткими промежутками. Вроде кота стал.

Он ещё говорил что-то, но я уже уснул. Взрывов не было. Тихо, спокойно... Мне снилась моя ленинградская лаборатория...

Когда через сутки я взглянул на небо, то был поражён видом Луны. Она занимала седьмую часть неба и прямо устрашала своей величиной. От неё нас отделяло всего две тысячи километров. Горы, долины, безводные «моря» были видны как на ладони. Резко выделялись контуры отдельных горных цепей, конусы в кратерах вулканов, давно погасших, безжизненных, как всё на Луне. Видны были даже зияющие трещины...

Астроном смотрел на Луну, не отрывая глаз. Он уже давно знал «каждый камень её поверхности», как он выразился.

— Вон, смотрите, у края. Это Клавиус, ниже — Тихо, ещё ниже — Альфонс, Птолемей, правее — Коперник, а дальше идут Апеннины, Кавказ, Альпы...

— Не хватает Памира, Гималаев, Кордильеров, — сказал я.

— А мы назовём так горные вершины на другой стороне Луны, — смеясь, сказал геолог. — Там они ещё никем не именованы.

— Вот это Луна! — восхищался Тюрин. — В сто раз больше «земной». О, ах!.. — застонал он. — Опять тяжесть.

— Капитан тормозит, — сказал геолог. — Луна всё сильнее притягивает нас к себе. Через полчаса будем на месте.

Я обрадовался и немного испугался. Пусть назовёт меня трусом тот, кто уже

совершил путешествие на Луну и не был взволнован перед первой посадкой.

Луна под нами. Она занимает уже полнеба. Её горы растут на глазах.

Но странно: Луна, как и Земля, с высоты кажется уже не выпуклой поверхностью шара, а вогнутой, словно пёстрый опрокинутый зонтик.

Тюрин стонал: контрвзрывание всё усиливалось. Тем не менее он не отрывал взгляда от Луны. Но она вдруг стала сдвигаться куда-то вбок. И только потому, что моё тело отяжелело с одной стороны, я понял, что ракета вновь переменила направление полёта. Направление тяжести переместилось настолько, что Луна «ощущалась» уже высоко над нами. Трудно было представить, как можно будет ходить «по потолку».

— Терпите, профессор, — обратился геолог к Тюрину. — Осталось всего два-три километра. Ракета летит совсем медленно: не больше сотни метров в секунду. Давление газов ракеты равно лунному притяжению, и ракета спокойно идёт по инерции.

Снова стало легко. Тяжесть исчезла.

— А куда мы спускаемся? — спросил оживший через двадцать секунд Тюрин.

— Кажется, близко к нашему собрату Тихо Браге. Осталось всего пятьсот метров, — сказал Соколовский.

— Ой-ой! Опять контрвзрывы! — застонал Тюрин.

Ну вот, всё в порядке. Теперь Луна внизу, под нами.

— Сейчас спустимся... — сказал Соколовский с волнением в голосе. — Только бы не повредить наш «лунный автомобиль» при посадке.

Прошло ещё десять секунд, и я почувствовал лёгкий толчок. Взрывы прекратились. Мы довольно мягко упали на бок.

Глава 14

На Луне

— С приездом! — сказал Соколовский. — Всё благополучно. — Мы даже не закрыли при посадке ставню, — заметил Тюрин. — Это неосторожность. Ракета могла удариться стеклом окна об острый обломок скалы.

— Ну, наш капитан не первый раз садится на Луну, — возразил Соколовский. — Итак, дорогие товарищи, надевайте межпланетные костюмы и пересаживайтесь на наш лунный автомобиль.

Мы быстро оделись и вышли из ракеты.

Я глубоко вздохнул. И хотя я дышал кислородом моего аппарата, мне показалось, будто газ приобрёл здесь иной «вкус». Это, конечно, игра воображения. Вторым моим ощущением, уже вполне реальным, было чувство лёгкости. Я и раньше, во время полётов на ракете и на Звезде Кэц, где была почти полная невесомость, испытывал эту лёгкость, но здесь, на Луне, тяжесть ощущалась как «постоянная величина», только значительно меньшая, чем на Земле. Шутка сказать, я весил теперь в шесть раз меньше своего земного веса!

Я осмотрелся. Над нами было всё то же траурное небо с немигающими звёздами. Солнца не видно, не видно и Земли. Полная темнота, прорезываемая лишь лучами света из бокового окна нашей ракеты. Всё это как-то не вязалось с обычным представлением о сияющем земном спутнике. Потом я догадался: ракета снизилась несколько южнее Клавиуса, на той стороне Луны, которая с Земли никогда не видна. А здесь в это время была ночь.

Кругом мёртвая пустыня. Холода я не чувствовал в своём электрифицированном костюме. Но вид этой чёрной пустыни леденил душу.

Из ракеты вышли капитан и механик, чтобы помочь снять наш ракетный автомобиль. Геолог жестом приглашает меня принять участие в общей работе. Я гляжу на ракету-авто. Она имеет вид вагона-яйца. Как она ни мала, вес её должен быть порядочный. Между тем я не вижу ни канатов, ни лебёдок, — словом, никаких приспособлений для спуска. Механик работает наверху, отвинчивая гайки. Капитан, Соколовский, Тюрин и я стоим внизу, готовые принять ракету. Но ведь она раздавит нас... Впрочем, мы на Луне. К этому не сразу привыкнешь. Вот уже кормовая часть «яйца» отвинчена. Ракета опустилась кормой. Соколовский ухватился за край отверстия дюзы. Капитан стоит посередине, я — у носовой части. Сейчас ракета соскользнёт вниз... Я уже держу руки наготове и вместе с тем думаю о том, куда и как отскочить, если тяжесть окажется не по моим силам. Однако мои опасения напрасны. Шесть рук, подхватив соскользнувшую ракетку, без особого напряжения ставят её на колёса.

Капитан и механик, помахав руками на прощание, ушли в большую ракету. Тюрин пригласил меня и Соколовского войти в наш автомобиль.

В нём было довольно-таки тесно. Но зато мы могли освободиться от наших костюмов и разговаривать.

Распорядился Соколовский, уже знакомый с устройством маленькой ракетки. Он зажёл свет, наполнил ракету кислородом, включил электрическую печь.

Внутренность ракеты напоминала закрытый четырёхместный автомобиль.

Эти четыре сиденья занимали только переднюю часть ракеты. Две трети кабины были заняты горючим, продовольствием, механизмами. В эту часть ракеты вела узкая дверь, в которую с трудом можно было протиснуться.

Раздевшись, мы почувствовали холод, хотя электрическая печь уже работала. Я ёжился. Тюрин набросил на себя меховую курточку.

— Сильно остыла наша ракетка. Потерпите, скоро нагреется, — сказал Соколовский.

— Уже заря занимается, — пропищал Тюрин, взглянув в небольшое окно нашего экипажа.

— Заря? — с удивлением спросил я. — Какая же на Луне может быть заря: ведь здесь нет атмосферы?

— Оказывается, может быть, — ответил Тюрин. Он никогда не был на Луне, но как астроном знал лунные условия не хуже земных.

Я посмотрел в окно и увидел вдали несколько точек, светящихся, как раскалённые добела куски металла.

Это были освещённые восходящим солнцем вершины гор. Их яркий ответ отражался на других вершинах. Передаваясь дальше и дальше и постепенно ослабевая, он создавал своеобразный эффект лунной зари. При её свете я начинал различать находящиеся в полутени горные цепи, впадины «морей», конусообразные пики. Невидимые горы на фоне звёздного неба зияли чёрными провалами с причудливыми зубчатыми краями.

— Скоро взойдёт солнце, — сказал я.

— Не так-то скоро, — возразил Тюрин. — На экваторе Земли оно восходит в две минуты, а здесь придётся ждать целый час, пока весь солнечный диск поднимется над горизонтом. Ведь сутки на Луне в тридцать раз длиннее, чем на Земле.

Я, не отрываясь, смотрел в окно. Зрелище было изумительное! Горные вершины ослепительно вспыхивали одна за другой, словно кто зажигал на них факелы. А сколько этих горных вершин на Луне! Лучи ещё невидимого Солнца «срезали» все вершины на одинаковом расстоянии от поверхности. И казалось, будто в «воздухе» внезапно появлялись горы причудливых очертаний, но с одинаково плоским основанием. Этих пылающих гор становилось всё больше и больше, и вот, наконец, обозначилась их «проекция», и они перестали казаться висящими на чёрном фоне.

В своей нижней части они были пепельно-серебристого цвета, а выше — ослепительно белого. Постепенно освещались отражённым светом и подножия гор. «Лунная заря» разгоралась всё ярче.

Буквально ослеплённый этим зрелищем, я всё же не мог оторвать глаз от окна. Мне хотелось разглядеть особенности в очертании лунных гор. Но горы были почти такие же, как и на Земле. Кое-где скалы нависали над пропастью, как огромные карнизы, и тем не менее не падали. Здесь они весили легче, притяжение было слабее.

На лунных равнинах, словно на поле сражения, были воронки разной величины. Одни маленькие, не больше тех, которые оставляет после разрыва снаряд трёхдюймовки, другие приближались к размерам кратера. Неужто это следы от упавших на Луну метеоритов? Это возможно. Атмосферы на Луне нет, следовательно, нет защитного покрова, который предохранял бы Луну, как Землю, от небесных бомб. Но ведь тогда здесь очень небезопасно. Что, ес-

ли такая бомба-метеор в несколько сот тонн упадёт на голову!

Я высказал свои опасения Тюрину. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Часть воронок вулканического происхождения, но часть, безусловно, сделана падающими метеорами, — сказал он. — Вы опасаетесь, что один из них может свалиться на вашу голову? Такая возможность, конечно, существует, но теория вероятности говорит, что риск здесь немногим больше, чем на Земле.

— Немногим больше! — воскликнул я. — Много ли падает больших метеоров на Землю? За ними охотятся, как за редкостью. А здесь, посмотрите, вся поверхность изрыта ими.

— Это правда, — спокойно ответил Тюрин. — Но вы забываете об одном: Луна у же; давно лишена атмосферы. Существует она миллионы лет, причём так как здесь нет ни ветров, ни дождей, следы от падения метеоров остаются неизменными. И эти воронки — летопись многих миллионов лет жизни. Если один большой метеор упадёт на поверхность Луны раз в столетие, это уже много. Неужто мы будем такими счастливчиками, что именно теперь, при нас, упадёт этот метеор? Я бы ничего не имел против, конечно, если только метеор упадёт не прямо на голову, а поблизости от меня.

— Давайте потолкуем о плане наших действий, — сказал Соколовский.

Тюрин предложил начать с общего осмотра лунной поверхности.

— Сколько раз я любовался в телескоп на цирк Клавиуса, на кратер Коперника! — говорил он. — Я хочу быть первым астрономом, нога которого ступит на эти места.

— Предлагаю начать с геологического исследования почвы, — предложил Соколовский. — Тем более, что видимая с Земли часть Луны ещё не освещена солнцем, а здесь наступило «утро».

— Вы ошибаетесь, — возразил Тюрин. — То есть вы не совсем точны. На Земле сейчас видят месяц в его первой четверти. Мы можем объехать этот «месяц» — восточный край Луны — за сорок пять часов, если пустим нашу ракету со скоростью километров двести в час. Остановимся мы только на Клавиусе и Копернике. Да кто тут начальник экспедиции: я или вы? — закончил он, уже горячась.

Прогулка по «месяцу» заинтересовала меня.

— Почему бы нам, в самом деле, не посмотреть величайший цирк и кратер Луны? — сказал я. — Их геологическое строение также представляет большой интерес.

Геолог пожал плечами. На лунной поверхности, видимой с Земли, Соколовский уже был однажды. Но если большинство за это путешествие...

— А вы не всходили на кратер? — с опаской спросил Тюрин.

— Нет, нет, — засмеялся Соколовский. — Человеческая нога ещё не ступала на него. Ваша будет первая. Я был «на дне» моря Изобилия. И могу подтвердить, что это название оправдывает себя, если говорить о геологических материалах. Я собрал там чудесную коллекцию... Ну, нечего терять время. Ехать так ехать! Но только позвольте мне развить большую скорость. На нашем авто мы можем делать тысячу и больше километров в час. Так и быть, доставлю вас на Клавиус.

— И на Коперник, — сказал Тюрин. — Попутно мы осмотрим Карпаты. Они лежат немного севернее Коперника.

— Есть! — ответил Соколовский и нажал рычаг.

Наша ракета дрогнула, пробежала некоторое расстояние на колёсах и, отделившись от поверхности, стала набирать высоту. Я увидел нашу большую ракету, лежавшую в долине, затем яркий луч света ослепил меня: Солнце!

Оно стояло ещё совсем низко над горизонтом. Это было утреннее Солнце, но как оно не походило на то Солнце, которое мы видим с Земли! Атмосфера не румянила его. Оно было синеватое, как всегда на этом чёрном небе. Но свет его был ослепителен. Сквозь стёкла окна я сразу почувствовал его тепло.

Ракета уже поднялась высоко и летела над горными вершинами. Тюрин внимательно всматривался в очертания гор. Он забыл о толчках, сопровождающих перемену скоростей, и о своей философии. Сейчас он был только астрономом.

— Клавиус! Это он! Я уже вижу внутри него три небольших кратера.

— Доставить прямо в цирк? — улыбаясь, спросил Соколовский.

— Да, в цирк. Поближе к кратеру! — воскликнул Тюрин. И вдруг запел от радости.

Для меня это было так неожиданно, словно я услышал пение паука. Я уже говорил, что у Тюрина был чрезвычайно тонкий голос, что, к сожалению, нельзя сказать о его слухе. В пении Тюрина не было ни ритма, ни мелодии. Соколовский лукаво посмотрел на меня и улыбнулся.

— Что? О чём вы? — вдруг спросил его Тюрин.

— Выискиваю место для посадки, — ответил геолог.

— Место для посадки! — воскликнул Тюрин. — Я думаю, здесь его достаточно. Поперечник Клавиуса имеет двести километров. Третью расстояния между Ленинградом и Москвой!

Цирк Клавиуса представлял собой долину, окружённую высоким валом. Тюрин говорил, что высота этого вала семь километров. Это выше Альп, высота Кордильеров. Судя по зубчатой тени, вал имеет неровные края. Три тени от небольших кратеров протянулись почти через весь цирк.

— Самое подходящее время для путешествия по цирку, — сказал Тюрин. — Когда Солнце над головой, на Луне невыносимо жарко. Почва накалена. Теперь же она только нагревается.

— Ничего, выдержим и лунный день. Наши костюмы хорошо предохраняют и от жары и от холода, — отозвался Соколовский. — Спускаемся. Держитесь крепче, профессор!

Я тоже ухватился за кресло. Но ракета почти без толчка стала на колёса, подпрыгнула, пролетела метров двадцать, снова упала, снова подпрыгнула и, наконец, побежала по довольно ровной поверхности.

Тюрин просил подъехать к центру треугольника, образуемого тремя кратерами.

Мы быстро направились к кратерам. Почва становилась всё более неровной, нас начало бросать из стороны в сторону, подкидывать на сиденьях.

— Пожалуй, лучше одним прыжком перенестись до места, — сказал геолог. — Того и гляди, колёса поломаешь.

В этот момент мы почувствовали сильный толчок. Что-то под нами крякнуло, и машина, осев набок, медленно потащила по кочкам.

— Ну вот, я говорил! — воскликнул с досадой Соколовский. — Авария. Придётся выходить наружу и исправлять повреждение.

— У нас есть запасные колёса. Починим, — сказал Тюрин. — В крайнем случае пешком пойдём. До кратеров осталось всего с десятков километров. Надо одеваться!

Он поспешно вынул трубку и закурил.

— А я предлагаю закусить, — сказал Соколовский. — Уже пора завтракать.

Как ни торопился Тюрин, ему пришлось подчиниться. Мы наскоро позавтракали и вышли наружу. Соколовский покачал головой: колесо было совсем испорчено. Пришлось ставить новое.

— Ну, вы возитесь, а я побегу, — сказал Тюрин.

И он действительно побежал. Этаким-то кисель! Вот что значит научная любознательность! Соколовский в удивлении развёл руками. Тюрин легко перепрыгивал через трещины в два метра шириной и только более широкие обегал кругом. Половина его костюма, обращённая к солнцу, ярко блестела, а другая почти пропадала в тени. Казалось, по лунной поверхности движется необычайный урод, прыгая на правой ноге и размахивая правой рукой. Левая рука и нога периодически сверкали узкой световой ленточкой — «месяцем» освещённой части. Фигура Тюрина быстро удалялась.

Мы провозились с колесом несколько минут. Когда всё было исправлено, Соколовский предложил мне подняться на верхнюю открытую площадку ракеты, где имелся второй аппарат управления. Мы тронулись в путь по следам Тюрина. Сидеть на вершине ракеты было интереснее, чем внутри. Я мог обозревать все окрестности. Справа от нас — четыре тени гор исполосовали ярко освещённую Солнцем долину. Налево — «горели» только вершины гор, а подножья их тонули в лунных сумерках. С Земли эта часть Луны кажется пепельного цвета. Горные цепи были более пологими, чем я ожидал. Мы ехали по самому краю «месяца», то есть по линии «терминатора», как говорил Тюрин, — границы света и тени.

Вдруг Соколовский легонько толкнул меня локтем в бок и кивнул головой вперёд. Перед нами была огромная трещина. Мы уже не раз с разбегу перескакивали такие трещины, а если трещина оказывалась слишком широкой, перелетали через неё. Вероятно, Соколовский предупредил меня перед прыжком, чтобы я не свалился. Я вопросительно посмотрел на него. Геолог прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Смотрите, наш профессор...

Я взглянул и увидел Тюрина, только что выскочившего из теневой полосы. Он бежал, размахивая руками, вдоль длинной трещины навстречу нам. Перепрыгнуть через трещину он не мог.

— Бойтесь, что мы опередим его и первыми станем в центре цирка, — сказал геолог. — Придётся остановиться.

Едва ракета стала, Тюрин с разбегу вскочил на верхнюю площадку. Луна решительно омолодила его.

Впрочем, я несколько преувеличиваю. Тюрин привалился ко мне всем телом, и видно было, как его одежда судорожно приподнималась на груди. Старик устал чрезвычайно.

Соколовский перед трещиной «нажал на педали». Произошёл взрыв — ракета рванулась вперёд и вверх. В то же время у меня перед глазами мелькнули ноги Тюрина. Утомление сказалось: он не успел крепко ухватиться за поручни и был сброшен. Я увидел, как его тело, описав дугу, начало падать. Он

падал медленно, но со значительной высоты. У меня замерло сердце. Убился профессор!..

А мы уже летели над широкой трещиной. Вдруг Соколовский круто повернул ракету назад, отчего я сам едва не сорвался, и мы быстро спустились на поверхность Луны невдалеке от Тюрина. Тюрин лежал неподвижно. Соколовский, как человек опытный, прежде всего осмотрел его одежду — нет ли разрывов. Малейшая дыра могла быть смертельна: мировой холод моментально превратил бы тело профессора в кусок льда. К счастью, одежда была цела, только испачкана чёрной пылью и немного поцарапана. Тюрин поднял руку, шевельнул ногой... Жив! Неожиданно он поднялся на ноги и самостоятельно направился к ракете. Я был поражён. Только на Луне можно падать так благополучно. Взобравшись на своё место, Тюрин молча показал рукою вперёд. Я заглянул в стекло его скафандра. Он улыбался!

Через несколько минут мы были на месте. Профессор первым торжественно сошёл с ракеты. Он совершал обряд. Он священнодействовал. Эта картина навсегда врезалась в мою память. Чёрное небо, испещрённое звёздами. Синеватое Солнце. С одной стороны ослепительно яркие горы, с другой — «висящие в пустоте» раскалённые добела горные вершины. Широкая долина цирка, почти до половины покрытая тенью с зубчатым краем; на усыпанной пеплом и пылью каменистой почве — уходящие вдаль следы колёс нашей машины. Эти следы на лунной поверхности производили особенно сильное впечатление. У самого края тени мерно шагает фигура, похожая на водолаза, оставляя за собой следы — следы ног человека! Но вот эта фигура останавливается. Смотрит на кратеры, на нас, на небо. Собирает камни и складывает небольшую пирамиду. Затем наклоняется и чертит пальцем на пепле:

«ТЮРИН».

Эта надпись, сделанная на лёгком пепле пальцем руки, крепче рунических надписей на земных скалах: дожди не смоют её, ветры не занесут пылью. Надпись сохранится на миллионы лет, если только случайный метеорит не упадёт на это место.

Тюрин удовлетворён. Мы вновь усаживаемся в наш экипаж и летим на север. Солнце понемногу поднимается над горизонтом и освещает отдельные утёсы гор, лежащих на востоке. Однако как медленно катится оно по небу!

Снова прыжок над трещиной. На этот раз Тюрин предупреждён. Он цеплялся руками за железные поручни. Я гляжу вниз. Ужасная трещина! Едва ли такие существуют на Земле. Дна не видно — черно. А в ширину она несколько километров. Бедная старушка Луна! Какие глубокие морщины на твоём лице!..

— Альфонс... Птолемея... Мы уже видали их, подлетая к Луне, — говорит Тюрин.

Вдали я вижу вершину кратера.

Тюрин прижимает свой скафандр к моему — иначе мы не можем разговаривать — и сообщает.

— Вот он!.. Коперник! Один из самых больших кратеров Луны. Его диаметр больше восьмидесяти пяти километров. Самый же большой кратер на Земле — на острове Цейлоне — имеет менее семидесяти километров ширины.

— В кратер. В самый кратер! — командует Тюрин.

Соколовский ставит ракету «на дыбы». Она круто взвивается вверх, чтобы перелететь край кратера. С высоты я вижу правильный круг, в центре которого возвышается конус. Ракета опускается у подножия конуса. Тюрин соскакивает на поверхность и прыжками бежит к конусу. Неужели он хочет взобраться на вершину? Так и есть. Он уже карабкается по крутым, почти отвесным скалам и с такой быстротой, что самый лучший альпинист на Земле не угнался бы за ним. На Луне лазить гораздо легче. Здесь Тюрин весит десять-двенадцать килограммов. Это небольшой вес даже для его ослабленных мышц.

Вокруг конуса, на некотором расстоянии от него, — каменный вал. Мне не совсем понятно его происхождение. Если это камни, выброшенные некогда извержением вулкана, тогда они были бы разбросаны по всему пространству и не образовали бы такого правильного кольца.

Объяснение пришло совершенно неожиданно. Я вдруг почувствовал сотрясение почвы. Неужто на Луне бывают «лунотрясения»? Я в недоумении оглянулся на Соколовского. Тот молча протянул руку по направлению к пику: с его вершины летели огромные скалы, дробясь по пути. С разгона эти скалы докатились до вала.

Так вот в чём дело! На Луне нет ни ветров, ни дождей — разрушителей земных гор. Но зато есть более опасный разрушитель — огромная разница температур между лунной ночью и лунным днём. Две недели на Луне держится около двухсот градусов холода, а две недели — около двухсот тепла. Разница в четыреста градусов! Скалы не выдерживают и трескаются, как настывшие стаканы, в которые налили кипятку. Тюрин должен это знать лучше меня. Как же он неосторожен, предпринимая свою экскурсию на гору... Видимо, профессор и сам понял это: прыгая с утёса на утёс, он быстро спускается вниз. Слева от него происходит новый обвал, справа — тоже. Но Тюрин уже около него.

— Нет, нет! Я не отказываюсь от своей мысли, — говорит он, — но я выбрал неудачное время. Восходить на лунные горы нужно или в конце лунного дня или ночью. Пока довольно. Летим в океан Бурь, а оттуда — прямо на восток, на другую сторону Луны, которую ещё не видел ни один человек.

— Хотел бы я знать, кто выдумал эти странные названия, — сказал я, когда мы двинулись в путь. — Коперник, Платон, Аристотель — это я ещё понимаю. Но что за океан Бурь на Луне, где никаких бурь не бывает? Море Изобилия, где ничего нет, кроме мёртвых камней, море Кризисов... каких кризисов? И что это за моря, в которых нет ни капли воды?

— Да, названия не совсем удачны, — согласился Тюрин. — Впадины на поверхности Луны, конечно, ложа бывших здесь когда-то океанов и морей. Но их названия... Надо же было как-нибудь назвать! Вот когда открывали маленькие планеты, то сначала называли их по установившейся традиции именами древнегреческих богов. Скоро все имена были исчерпаны, а новых планеток прибывало всё больше и больше. Тогда прибегли к прославленным именам людей: Фламариона, Гаусса, Пикеринга и даже известных филантропов вроде американца Эдуарда Тука. Так капиталист Тук приобрёл в небе земельные участки. По-моему, для мелких планет лучше всего номерная система... А Карпаты, Альпы, Апеннины на Луне — это от скудости фантазии. Вот я, например, придумал совершенно новые названия гор, вулканов, морей и цирков, которые мы откроем на другой стороне Луны...

— Вы не забудете, конечно, и кратера Тюрина? — спросил, улыбаясь, Соко-

ловский.

— На всех хватит, — ответил Тюрин. — И кратер Тюрина, и море Соколовского, и цирк Артемьева, если пожелаете.

Не прошло получаса, как Соколовский, «поддавший пару» нашей ракете, доставил нас в океан Бурь. Ракетка опустилась на «дно» океана. Дно было очень неровное. Кое-где поднимались высокие горы. Их вершины, возможно, когда-то выдавались островами. Иногда мы опускались в глубокие долины, и нас покрывала тень. Но совсем темно не становилось: отражённый свет падал от вершин освещённых гор.



Я внимательно смотрел по сторонам. Камни отбрасывали от себя сплошные длинные тени. Вдруг в одном месте я видел странную решётчатую тень — как от полуразвалившейся корзины. Я указал на неё Соколовскому. Он тотчас же остановил ракету, и я побежал к тени. По виду это был камень, но камень необычайной формы: он напоминал часть позвоночного столба с рёбрами. Неужели мы нашли останки вымершего чудовища? Значит, на Луне существовали даже позвоночные животные? Следовательно, она не так уже скоро лишилась своей атмосферы. «Позвонки» и «рёбра» были слишком тонки для своих размеров. Но ведь на Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле, и животные могли иметь здесь более тонкие скелеты. Притом это, наверное, было морское животное.

Геолог взял одно «ребро», валявшееся возле скелета, и разломил его. Снаружи чёрное, внутри оно имело сероватый пористый вид. Соколовский покачал головой и сказал:

— Я думаю, это не кости, а скорее кораллы.

— Но общий вид, очертания... — возразил я.

Научный спор готов был разгореться, но тут вмешался Тюрин. Ссылаясь на свои полномочия, он потребовал немедленного отправления. Он спешил осмотреть обратную сторону Луны, пока она была почти вся освещена Солнцем. Пришлось покориться. Я захватил несколько «костей», чтобы сделать анализ по возвращении на Кэц, и мы полетели дальше. Эта находка сильно взволновала меня. Если бы покопаться в почве морского дна, можно было бы сделать много неожиданных открытий. Восстановить картину кратковременной жизни на Луне. Кратковременной, разумеется, по астрономическим масштабам...

Наша ракетка мчалась на восток. Я смотрел на Солнце и удивлялся: оно довольно быстро поднималось к зениту. Вдруг Тюрин схватил себя за бока.

— Я, кажется, потерял свою лейку... Футляр цел, а аппарата нет... Назад! Я не могу остаться без фотографического аппарата! Я, вероятно, обронил его, когда вкладывал в футляр после съёмки этого злосчастного скелета! Здесь вещи так мало весят, что не мудрено обронить их и не заметить...

Геолог с неудовольствием дёрнул головой, но повернул ракету обратно. И тут я заметил необычайное явление: Солнце пошло вспять к востоку, постепенно скатываясь к горизонту. Мне показалось, что я брежу. Не слишком ли накалили мне голову солнечные лучи? Солнце, движущееся на небе то в одну, то в другую сторону! Я не решался даже сказать об этом своим спутникам и продолжал молча наблюдать. Когда мы, подъезжая к месту, убавили скорость и шли не более пятнадцати километров в час, — Солнце остановилось. Ничего не могу понять!

Тюрин, вероятно, заметил, что я слишком часто поглядываю на небо. Он усмехнулся и, прислонив свой скафандр к моему, сказал:

— Я вижу, вас беспокоит поведение Солнца. А между тем причина простая. Луна — небольшое небесное тело, движение её экваториальных точек очень медленное: они проходят менее четырёх метров в секунду. Поэтому, если ехать по экватору со скоростью около пятнадцати километров в час на запад, Солнце будет стоять на небе, а если скоротать наше движение, Солнце начнёт «заходить на восток». И наоборот: когда мы ехали на восток, навстречу Солнцу, то мы, быстро перемещаясь по лунной поверхности, заставили Солнце ускорить своё восхождение. Словом, мы здесь можем управлять движением Солнца. Пятнадцать километров в час на Луне легко и пешком пройти. И тогда над пешеходом, движущимся с такой скоростью по экватору на запад, Солнце будет стоять неподвижно... Это очень удобно. Например, очень удобно идти следом за Солнцем, когда оно близко к заходу. Почва ещё тёплая, света достаточно, но нет изнуряющего зноя. Хотя наши костюмы хорошо предохраняют нас от смены температур, однако разница между светом и тенью чувствуется довольно ощутительно.

Мы приехали на старое место. Тюрин начал поиски аппарата, а я, воспользовавшись случаем, стал вновь осматривать дно океана Бурь. Может быть, некогда на поверхности этого океана действительно бушевали ужаснейшие бури. Волны в пять-шесть раз превышали волны земных океанов. Целые водяные горы ходили тогда по этому морю. Сверкала молния, шипела вода, грохотал гром... Море кишело чудовищами гигантского роста, гораздо большего, чем самые большие животные, когда-либо существовавшие на Земле...

Я подошёл к краю трещины. Она была шириною не менее километра. Почему бы не заглянуть, что делается на глубине? Я засветил электрический фонарь и начал спускаться по пологим бокам трещины. Спускаться было совсем легко. Сначала осторожно, потом всё смелее прыгал я, опускаясь глубже и глубже. Надо мною сверкали звёзды. Кругом непроглядная темнота. Мне показалось, что с глубиной температура поднимается. Впрочем, может быть, я разогревался от быстрого движения. Жаль, что я не взял у геолога термометр. Можно было бы проверить гипотезу Тюрина о том, что почва Луны теплее, чем предполагали учёные.

На пути начали попадаться странные обломки камней цилиндрической

формы. Неужто это окаменевшие стволы деревьев? Но как они могли очутиться на дне моря, в глубокой расщелине?

Я зацепился за что-то острое, едва не разорвал костюма и похолодел от ужаса: это было бы смертельно. Быстро наклонившись, я оцупал рукою предмет: какие-то зубья. Повернул фонарь. Из скалы торчала длинная чёрная двусторонняя пила — точь-в-точь как у нашей «пилы-рыбы». Нет, «это» не могло быть кораллом. Я направлял свет в разные стороны и всюду видел пилы, прямые винтообразные бивни, как у нарвалов, хрящевые пластины, рёбра... Целое кладбище вымерших животных... Ходить среди этих окаменевших орудий нападения и защиты было очень опасно. И всё же я бродил как зачарованный. Необычайное открытие! Ради одного этого стоило совершить межпланетное путешествие. Я уже воображал, как в расщелину опустится специальная экспедиция, и кости животных, погибших миллионы миллионов лет тому назад, будут собраны, доставлены на Кэц, на Землю, в музей Академии наук, и учёные реставрируют лунных животных...

А вот это кораллы! Они не в шесть, а в десять раз больше самых крупных земных. Целый лес «ветвистых рогов». Некоторые кораллы сохранили даже окраску. Одни были цвета слоновой кости, другие — розовые, но больше всего красных.

Да, значит, на Луне существовала жизнь. Быть может, Тюрин прав, и нам удастся обнаружить остатки этой жизни. Не мёртвые останки, а остатки последних представителей животного и растительного царства...

Небольшой камешек, пролетев мимо меня, опустился в коралловый куст.

Это вернуло меня к действительности. Я поднял голову вверх и увидел на краю расщелины мигающие огоньки. Мои спутники, вероятно, уже давно сигнализировали мне. Надо было возвращаться. Я помигал им в ответ своим фонарём, затем поспешно собрал наиболее интересные образцы и нагрузил ими походную сумку. На земле эта кладь весила бы, вероятно, более шестидесяти килограммов. Значит, здесь весит не более десяти. Эта добавочная тяжесть не слишком обременяла меня, и я быстро поднялся на поверхность.

Мне пришлось выслушать от астронома выговор за самовольную отлучку, но когда я рассказал ему о своей находке, он смягчился.

— Вы сделали великое открытие. Поздравляю! — сказал он. — Мы, конечно, организуем экспедицию. Но сейчас не будем задерживаться. Вперёд и уже без всяких задержек!

Но одна задержка всё же произошла. Мы были уже у края океана. Перед нами поднимались «береговые» скалы, освещённые Солнцем. Чудесное зрелище! Соколовский невольно задержал машину.

Внизу скалы были из красноватых порфиров и базальтов самых разнообразных красок и оттенков: изумрудно-зелёный, розовый, серый, синий, палевый, жёлтый цвета... Это напоминало волшебный восточный ковёр, переливающий всеми цветами радуги. Кое-где виднелись белоснежные отроги, розовые обелиски. Выходы огромных горных хрусталей сверкали ослепительным светом. Кровавыми каплями висели рубины. Словно прозрачные цветы красовались оранжевые гиацинты, кроваво-красные пионы, тёмные меланиты, фиолетовые алмадины. Целые гнёзда сапфиров, изумрудов, аметистов... Откуда-то сбоку, с острого края скалы, брызнул целый сноп ярких радужных лучей. Так сверкать могли только алмазы. Это, вероятно, были свежие разломы

скал, поэтому блеск и разнообразие цветов не затянуло ещё космической пылью.

Геолог резко затормозил. Тюрин едва не выпал. Машина стала. Соколовский, вынимая на ходу из мешка геологический молоток, уже прыгал по сверкающим скалам. За ним я, за нами Тюрин. Соколовского охватило «геологическое» безумие. Это не была жадность стяжателя при виде драгоценностей. Это была жадность учёного, встретившего гнездо редких ископаемых.

Соколовский бил молотком по алмазным глыбам с остервенением рудокопа, заваленного обвалом и пробивающего себе путь спасения. Под градом ударов алмазы разлетались во все стороны радужными брызгами. Безумие заразительно. Я и Тюрин подбирали алмазные куски и тут же бросали, чтоб схватить лучшие. Мы набивали ими сумки, вертели в руках, поворачивая к лучам Солнца, подбрасывали вверх. Всё искрилось и сверкало вокруг нас.

Луна! Луна! С Земли ты кажешься однообразно-серебристого цвета. Но сколько разнообразных, ослепительных красок открываешь ты для того, кто ступил на твою поверхность!..

Впоследствии мы не раз встречали такие сокровища. Драгоценные камни, как разноцветная роса, выступали на скалах гор, пиков. Алмазы, изумруды — самые дорогие на Земле камни — не редкость на Луне... Мы почти привыкли к этому зрелищу. Но я никогда не забуду «алмазной горячки», охватившей нас на берегу океана Бурь...

Мы снова летим на восток, перепрыгивая через горы и трещины. Геолог нагоняет потерянное время.

Тюрин, придерживаясь одной рукой за подлокотник сиденья, торжественно приподнимает другую руку и даже привстаёт. Этим он знаменует наш перевал через границу видимой с Земли лунной поверхности. Мы вступили в область неизвестного. Ни один человеческий глаз ещё не видал того, что увидим сейчас мы. Моё внимание напрягается до крайних пределов.

Но первые километры принесли разочарование. Такое чувство бывает при первом посещении заграницы. Всегда кажется, что стоит тебе только переехать пограничную черту, и всё станет иным. Однако вначале видишь те же наши берёзки, те же сосны... Только архитектура домов да костюмы людей меняются. И лишь постепенно раскрывается своеобразие новой страны. Здесь разница была ещё менее заметна. Те же горы, цирки, кратеры, долины, впадины былых морей...

Тюрин волновался чрезвычайно. Он не знал, как поступить: наверху вагона-ракеты лучше видно, в самой же ракете удобнее вести записи. Выиграешь одно, проиграешь другое. В конце концов он решил пожертвовать записями: всё равно поверхность «задней» стороны Луны будет тщательно измерена и со временем занесена на карту. Сейчас нужно получить лишь общее представление об этой неведомой людям части лунного рельефа. Мы решили проехать вдоль экватора. Тюрин отмечал только самые крупные цирки, самые высокие кратеры и давал им названия. Это право первого исследователя давало ему большое наслаждение. Вместе с тем он был настолько скромн, что не спешил назвать кратер или море своим именем. Он, вероятно, заранее заготовил целый каталог и теперь так и сыпал именами героев социалистических революций, знаменитых учёных, писателей, путешественников.

— Как вам нравится это море? — спросил он меня с видом короля, который

собирается наградить земельной собственностью своего вассала. — Не называть ли его «морем Артемьева»?

Я посмотрел на глубокую впадину, тянущуюся до горизонта и испещрённую трещинами. Это море ничем не отличалось от других лунных морей.

— Если позволите, — сказал я после некоторого колебания, — назовём его «морем Антонины».

— Антония? Марка Антония, ближайшего помощника Юлия Цезаря? — спросил, не расслышав, Тюрин. Его голова была набита именами великих людей и богов древности. — Что же, это хорошо. Марк Антоний! Это звучит неплохо и ещё не использовано астрономами. Так и будет. Запишем: «Море Марка Антония».

Мне неловко было поправлять профессора. Так ближайший сотрудник Юлия Цезаря получил посмертные владения на Луне. Ну, ничего. На меня и на Тоню ещё хватит морей.

Тюрин попросил сделать остановку. Мы находились в котловине, куда ещё не достигали лучи Солнца.

Высадившись, астроном вынул термометр и воткнул его в почву. Геолог спустился вслед за Тюриным. Через некоторое время Тюрин вытащил термометр и, взглянув на него, передал Соколовскому. Они сдвинули свои скафандры и, видимо, поделились соображениями. Затем быстро поднялись на площадку ракеты. Здесь снова заговорили. Я вопросительно посмотрел на Соколовского.

— Температура почвы около двухсот пятидесяти градусов холода по Цельсию, — сказал мне Соколовский. — По этому поводу Тюрин не в духе. Он объясняет это тем, что в данном месте мало радиоактивных веществ, распад которых подогревал бы почву. Он говорит, что и на Земле океаны образовались именно там, где почва была наиболее холодна. На дне тропических морей температура действительно бывает холоднее, чем даже в морях северных широт. Он уверяет, что мы ещё найдём отеплённые радиоактивным распадом зоны. Хотя, между нами говоря, в общем тепловом режиме Земли тепло радиоактивного распада оставляет очень незначительную величину. Я думаю, и на Луне дело обстоит так же.

Соколовский предложил подняться повыше, чтобы лучше обозреть общий вид лунной поверхности.

— Перед нами развернётся вся карта. Её можно будет заснять, — сказал он Тюрину.

Астроном согласился. Мы крепко ухватились за подлокотники сидений, а Соколовский усилил взрывы. Ракета начала набирать высоту. Тюрин непрерывно щёлкал фотоаппаратом. В одном месте, на небольшой возвышенности, я увидел скопление камней или скал в виде правильного прямого угла.

«Уж не постройки ли это лунных жителей, которые существовали, пока Луна не превратилась в мёртвую планету, лишённую атмосферы?» — подумал я и сразу же отбросил эту нелепую мысль. Но правильная геометрическая форма всё же запомнилась мне, как одна из ещё не разгаданных загадок.

Тюрин ёрзал на своём кресле. Видимо, неудача с термометром сильно огорчила профессора. Когда мы пролетали над очередным «морем», Тюрин потребовал, чтобы Соколовский снизился в затенённую его часть, и снова измерил температуру. На этот раз термометр показал минус сто восемьдесят градусов.

Разница огромная, если только она не была вызвана значительным нагревом почвы от Солнца. Однако Тюрин окинул Соколовского взглядом победителя и безапелляционно заявил:

— «Море Зноя» — так будет оно называться.

Зной в сто восемьдесят градусов ниже нуля! Впрочем, чем это хуже «моря Дождей» или «моря Изобилия»? Шутники эти астрономы!

Тюрин предложил проехать сотни две километров на колёсах, чтобы ещё в двух-трёх местах измерить температуру почвы.

Мы ехали по дну уже другого моря, которому я охотно дал бы название «море Тряски». Всё дно было покрыто буграми, некоторые из них имели маслянистую поверхность. Не были ли это нефтяные пласты? Трясло нас немилосердно, но мы продолжали ехать. Тюрин довольно часто проверял температуру. Когда в одном месте Цельсий показал двести градусов холода, астроном торжественно поднёс термометр к глазам Соколовского. В чём дело? А в том, что если температура вновь понизилась несмотря на то, что мы едем навстречу лунному дню, то, значит, дело не только в нагреве почвы Солнцем. Пожалуй, профессор в этом прав.

Тюрин повеселел. Мы выбрались из котловины, объехали трещину, перевалили через каменную гряду цирка и, пробежав по гладкой равнине, поднялись над горами.

Перелетев через них, мы увидели грандиозную стену гор километров в пятнадцать высоты. Эта стена закрывала от нас Солнце, хотя оно уже довольно высоко стояло над горизонтом. Мы едва не налетели на эту неожиданно высокую преграду. Соколовский сделал крутой поворот и набрал высоту.

— Вот это находка! — восхищался Тюрин. — Эту горную цепь не назовёшь ни Альпами, ни Кордильерами. Это... Это...

— Тюриньеры! — подсказал Соколовский. — Да, Тюриньеры. Вполне звучное и достойное вас название. Гор выше этих мы, наверное, не найдём.

— Тюриньеры, — ошеломлённо повторил Тюрин. — Гм... гм... немножко нескромно... Но звучит отлично: Тюриньеры! Пусть будет по-вашему, — согласился он. Через стёкла скафандра я увидел его сияющее лицо.

Нам пришлось сделать большой полукруг, набирая высоту. Эти горы уходили в самое небо... Наконец мы вновь увидели Солнце. Ослепительное синее Солнце! Я невольно зажмурил глаза. А когда открыл их, мне показалось, что мы оставили Луну и несёмся в просторах неба... Я обернулся и увидел позади сияющую отвесную стену Тюриньеров, их основания уходили куда-то в чёрную бездну. А впереди — ничего. Внизу — ничего. Чёрная пустота... Отражённый свет постепенно гаснет, и дальше — полная тьма.

Вот так приключение! Луна с её обратной стороны, оказывается, имеет форму не полушария, а какого-то обрубка шара. Вижу, мои соседи волнуются не меньше меня. Я смотрю вправо, влево. Пустота. Мне вспомнились гипотезы о том, какую может быть невидимая часть Луны. Большинство астрономов утверждало, что эта часть такая же, как и видимая, только с другими морями, горами. Кто-то высказал мысль, что Луна имеет грушевидную форму. Со стороны Земли она шаровидна, а с другой стороны вытянута почти как груша. И оттого будто бы Луна всегда обращена одной, наиболее тяжёлой стороной к Земле. Но мы нашли нечто ещё более невероятное: Луна — половина шара. Куда же девалась вторая половина?

Полёт продолжался несколько минут, а мы всё ещё летели над чёрной бездной. Тюрин сидел словно оглушённый. Соколовский молча правил, всё усиливая взрывы: ему не терпелось узнать, чем всё это кончится.

Не знаю, как долго летели мы среди черноты звёздного неба, но вот на востоке показалась светящаяся полоска лунной поверхности. Мы обрадовались ей, как путешественники, переплывшие неведомый океан, при виде желанного берега. Так, значит, мы не свалились с Луны? Что же тогда было под нами?

Тюрин догадался первый.

— Трещина! — воскликнул он, стукнувшись о мой скафандр. — Трещина необычайной глубины и ширины!

Так оно и оказалось.

Скоро мы достигли другого края трещины.

Когда я оглянулся назад, Тюриньеров не было. Они исчезли за горизонтом. А позади нас зияло чёрное пространство.

Мы все трое были слишком потрясены нашим открытием. Соколовский, выбрав посадочную площадку, снизился, посадив ракету недалеко от края.

Мы молча переглянулись. Тюрин почесал рукою скафандр, — он хотел почесать затылок, как это делают люди, вконец озадаченные. Мы сдвинули наши скафандры: всем хотелось поделиться впечатлениями.

— Так вот какое дело выходит, — сказал, наконец, Тюрин. — Это уже не обычная трещина, каких немало на Луне. Эта трещина идёт почти от края до края на поверхности задней стороны Луны. И глубина её едва ли не больше десятой части всего диаметра планеты. Наш милый спутник болен и серьёзно болен, а мы и не знали это. Увы, Луна — наполовину треснувший шар.

Мне вспомнились разные гипотезы о гибели Луны. Одни утверждали, что Луна, вращаясь вокруг Земли, всё больше удаляется от неё. И поэтому будущим земным жителям Луна будет казаться всё меньше и меньше. Сначала сравняется с Венерой, затем будет видна как простая маленькая звёздочка, и, наконец, наш верный спутник навсегда уйдёт в мировое пространство. Иные, наоборот, пугают тем, что Луна в конце концов будет притянута Землёй и упадёт на неё. Нечто подобное будто бы было уже однажды на Земле: Земля имела второго спутника — небольшую Луну, которая в незапамятные времена упала на Землю. При этом падении образовалась впадина Тихого океана.

— Что же будет с Луной? — тревожно спросил я. — Упадёт ли она на Землю или уйдёт в мировое пространство, когда распадётся на части?

— Ни то, ни другое. Скорее всего она будет носиться вокруг Земли бесконечно долго, но в ином виде, — ответил Тюрин. — Если она расколется только на две части, то у Земли окажутся два спутника вместо одного. Две «полулуны». Но вернее всего — Луна разлетится на мелкие части, и тогда вокруг Земли образуется светящийся пояс, как у Сатурна. Кольцо из мелких кусков. Я предсказывал это, но, признаться, угроза потерять Луну стоит ближе, чем я думал... Да, жалко нашей старушки Луны, — продолжал он, глядя во мрак трещины. — Гм... м... А может быть, и не ждать неизбежного конца, а ускорить его? Если в эту трещину заложить тонну нашего потентала, то этого, вероятно, будет достаточно, чтобы разорвать Луну на части. Уж если суждено ей погибнуть, то, по крайней мере, пусть это произойдёт по нашей воле и в назначенный час.

— Интересно, как глубоко уходит трещина в лунную кору? — сказал Соколовский. Его, как геолога, интересовала не судьба Луны, а возможность про-

никнуть почти до центра планеты.

Тюрин быстро согласился совершить это путешествие.

Мы начали обсуждать план действий. Тюрин предлагал медленно спускаться в ракете-вагоне по отвесному склону трещины, тормозя спуск взрывами.

— Можно делать остановки и измерять температуру, — сказал он.

Но Соколовский считал такой спуск трудным и даже рискованным. Притом на медленный спуск уйдёт слишком много горючего.

— Лучше мы опустимся прямо на дно. На обратном пути можно сделать две-три остановки, если найдём подходящие для ракеты площадки.

Соколовский был нашим капитаном, и Тюрину на этот раз пришлось согласиться. Он только просил опускаться не очень быстро и держаться ближе к краю трещины, чтобы осмотреть геологический состав склона, насколько это возможно при полёте.

И вот мы начали спуск.

Ракета поднялась над чёрной бездной расщелины и, описав полукруг, пошла на снижение. Солнце, стоявшее уже довольно высоко, освещало часть склона на значительную глубину. Но противоположный склон трещины ещё не был виден. Ракета всё наклонялась, словно сани, летящие с горы. Нам приходилось откидываться назад, упираться ногами. Тюрин защёлкал фотоаппаратом.

Мы видели чёрные, почти гладкие скалы. Иногда они словно наливались синевой. Затем появились красноватые, желтоватые, зелёные оттенки. Я объяснял это тем, что здесь дольше сохранялась атмосфера и металлы, в особенности железо, подверглись большому действию кислорода, окисляясь, как на Земле. Впоследствии Тюрин и Соколовский подтвердили моё предложение.

Внезапно мы погрузились в глубокую тьму. Ракета вошла в полосу тени. Переход был так резок, что в первое мгновение мы точно ослепли. Ракета повернулась вправо. В темноте было рискованно лететь вблизи скал. Вспыхнули лучи прожекторов. Два огненных щупальца шарили во мраке, ничего не встречая. Спуск замедлился.

Проходила минута за минутой, а мы всё ещё летели в пустоте. Если бы не отсутствие звёзд по сторонам, можно было подумать, что мы несёмся в межпланетном пространстве. Но вот лучи света скользнули по острому утёсу. Соколовский ещё более замедлил полёт. Прожекторы освещали угловатые пласты отслоившихся горных пород. Справа показалась стена. Мы повернули влево. Но и слева виднелась такая же стена. Теперь мы летели в узком каньоне. Целые горы остроконечных обломков громоздились со всех сторон. Сесть было невозможно. Мы пролетали километр за километром, но ущелье не расширялось.

— Кажется, нам придётся ограничиться этим осмотром и подняться, — сказал Соколовский.

На нём лежала ответственность за наши жизни и за целостность ракеты, — он не хотел рисковать. Но Тюрин положил свою руку на руку Соколовского, как бы запрещаая этим жестом поворачивать руль высоты.

Полёт продолжался час, два, три, — я уж не могу сказать точно.

Наконец мы увидели площадку, лежащую довольно косо, но всё же на неё можно было спуститься. Ракета остановилась в пространстве, потом очень

медленно снизилась. Стоп! Ракета стояла под углом в тридцать градусов.

— Ну вот, — сказал Соколовский. — Доставить вас сюда я доставил, но как мы поднимемся отсюда, не знаю.

— Главное — мы достигли цели, — ответил Тюрин.

Сейчас он ни о чём больше не хотел думать и занялся измерением температуры почвы. К его величайшему удовольствию, термометр показывал сто пятьдесят градусов холода. Не слишком-то высокая температура, но всё же гипотеза как будто оправдывалась.

А геолог уже бил молотком. Из-под его молотка сыпались искры, но ни один кусок породы не отлетал в сторону. Наконец, утомлённый работой, Соколовский выпрямился и, прислонившись ко мне скафандром, сказал:

— Чистейший железяк. Чего и можно было ожидать. Придётся ограничиться готовыми обломками. — И он зашагал по площадке в поисках образцов.

Я посмотрел вверх и увидел звёзды, полосы Млечного Пути и ярко расцвеченные разноцветными искрами сияющие края нашей трещины. Потом я взглянул в направлении луча прожектора. И вдруг мне показалось, что возле небольшой боковой расщелины луч как будто колеблется. Я подошёл к расщелине. В самом деле: еле заметная струя пара или газа выходила из её глубин. Чтобы проверить себя, я взял горсть лёгкого пепла и бросил туда. Пепел отлетел в сторону. Это становилось интересным. Я нашёл обломок скалы, нависший над краем, и сбросил его, чтобы сотрясением почвы привлечь внимание моих спутников и позвать их к себе. Камень полетел вниз. Прошло не менее десяти секунд, прежде чем я почувствовал лёгкое сотрясение почвы. Затем последовало второе, третье, четвёртое — всё более сильные. Я не мог понять, в чём дело. Некоторые удары были так значительны, что вибрация почвы передавалась всему телу. И вдруг я увидел, как огромная глыба пролетела мимо меня. Попав в полосу света, она сверкнула, как метеорит, и исчезла в тёмной бездне. Скалы дрожали. Я понял, что совершил страшную ошибку. Произошло то, что бывает в горах, когда падение небольшого камешка вызывает грандиозные горные обвалы. И вот теперь отовсюду неслись камни, обломки скал, мелкие камешки. Они ударялись о скалы, отскакивали, сталкивались между собой, выбивая искры... Если бы мы находились на Земле, мы слышали бы громовые раскаты, гул, похожий на канонаду, бесконечно отражённую горным эхом, но здесь не было воздуха, и поэтому царила абсолютная тишина. Звук, вернее — вибрация почвы, передавался только через ноги. Невозможно было угадать, куда бежать, откуда ждать опасности... Застыв в смертельном испуге, я, вероятно, так и погиб бы в столбняке, если бы не увидел Соколовского, который, стоя на площадке ракеты, неистово махал мне руками. Да, конечно, только ракета могла спасти нас!

В несколько прыжков я был возле ракеты, вспрыгнул с разбегу на площадку, и в тот же момент Соколовский рванул рычаг. Мы резко откинулись назад и несколько минут летели вверх ногами — так круто поставил Соколовский нашу ракету. Сильные взрывы ракетных дюз следовали один за другим.

Соколовский направлял ракету вверх и вправо, подальше от склона расщелины. Удивляюсь, как он мог править в таком неудобном положении! Судя по его выдержке, он был человеком бывалым, никогда не терявшим присутствия духа. А ведь с виду совсем «домашний» балагур и весельчак.

Только когда наша ракета вошла в освещённое Солнцем пространство и значительно удалилась от краёв ущелья, Соколовский замедлил полёт и выпрямил ракету.

Тюрин вполз на сиденье и потёр скафандр. По-видимому, профессор немного ушиб затылок.

Как это часто бывает с людьми, благополучно избежавшими большой опасности, нас вдруг охватило нервное веселье. Мы заглядывали друг другу в стёкла скафандров и смеялись, смеялись...

Тюрин указал на освещённый склон лунной трещины. Случай приготовил нам площадку для посадки. И какую площадку! Перед нами был огромный уступ, на нём без труда мог бы поместиться целый ракетодром для десятков ракетных кораблей. Соколовский повернул ракету, и вскоре мы катились на колёсах, словно по асфальту. Подкатив почти к самой стене, остановились. Каменная или железная стена имела продольные трещины. В каждую из этих трещин могли бы въехать рядом несколько поездов.

Мы сошли на площадку «ракетодрома». Наше возбуждение ещё не улеглось. Мы чувствовали потребность двигаться, работать, чтобы скорее привести в порядок свои нервы.

Я рассказал Тюрину и Соколовскому о находке лунного «гейзера» и признался, что вызвал горные обвалы, едва не погубившие нас. Но Тюрин, заинтересованный гейзером, даже не упомянул о моём проступке.

— Ведь это же величайшее открытие! — воскликнул он. — Я всегда говорил, что Луна не такая уж мёртвая планета. Хотя бы ничтожные остатки газов, атмосферы — какого бы то ни было состава — на ней должны сохраниться. Это, вероятно, выходы серных паров. Где-нибудь в толще Луны ещё осталась горячая магма. Последние догорающие угли великого пожара. В глубине этой трещины, которая, наверное, проникает внутрь не менее чем на четверть лунного радиуса, пары нашли себе выход. И мы не взяли их на пробу. Необходимо сделать это во что бы то ни стало. Ведь это же произведёт мировую сенсацию среди учёных. Гейзер Артемьева! Не возражайте! Вы имеете на это всё права. Летим сейчас же.

И он уже прыгнул к ракете, но Соколовский отрицательно покачал головой.

— На сегодня с нас довольно, — сказал он. — Надо отдохнуть.

— Что значит «на сегодня»? — возразил Тюрин. — День на Луне продолжается тридцать земных дней. Так вы тридцать дней не сдвинетесь с места?

— Сдвинусь, — примирительно ответил Соколовский. — Но только если бы вы сидели у руля, когда мы вылетали из этой чёртовой щели, то поняли бы меня и рассуждали бы иначе.

Тюрин посмотрел на утомлённое лицо Соколовского и замолчал.

Мы решили обновить запас кислорода в скафандрах и разбрестись в разные стороны, не отходя слишком далеко друг от друга.

Первым делом я отправился к ближайшему ущелью, которое заинтересовало меня своей окраской. Скалы там были красноватых и розовых тонов. На этом фоне ярко выделялись густо-зелёные пятна неправильной формы, очевидно прослойки другой породы. Получалось очень красивое сочетание красок. Я постепенно углублялся в каньон. Одна стена его была ярко освещена Солнцем, по другой косо скользили солнечные лучи, оставляя внизу острый

угол тени.

Я был в прекрасном настроении. Кислород вливался в лёгкие чуть пьянящими струями. Во всех членах я ощущал необычайную лёгкость. Мне иногда казалось, что всё это я вижу во сне. Увлекательный, чудесный сон!

В одном из боковых каньонов сверкал «водопад» навеки застывших самоцветов. Они привлекли моё внимание, и я свернул вправо. Потом свернул ещё и ещё раз. И, наконец, увидел целый лабиринт каньонов. В нём было легко заблудиться, но я старался запомнить дорогу. И всюду эти пятна. Ярко-зелёные на полном свете, они в полосе тени были тёмно-рыжего оттенка, а в полутени — светло-бурого. Странное изменение окраски: ведь на Луне нет атмосферы, которая может изменять оттенки цветов. Я подошёл к одному из таких пятен и присмотрелся. Нет, это не выход горной породы. Пятно было выпуклым и казалось мягким, как войлок. Я уселся на камень и принялся разглядывать пятно.

И вдруг мне показалось, что оно немного сдвинулось с места от теневой полосы к свету. Обман зрения! Я слишком напряжённо смотрел на пятно. Сделав мысленную отметку на складке горной породы, я продолжал следить за ним. Через несколько минут я уже не мог сомневаться: пятно сдвинулось с места. Его край перешёл за теневую черту и стал зеленеть на моих глазах.

Я вскочил и подбежал к стене. Ухватившись за острый угол скалы, я дотянулся до ближайшего пятна и оторвал мягкий войлокообразный кусок. Он состоял из мелких нитей ёлкообразной формы. Растения! Ну, конечно, это растения! Лунные мхи. Вот так открытие! Я оторвал второй клочок от бурого пятна. Этот клочок был совершенно сух. Повернув его обратной стороной, я увидел беловатые «орешки», оканчивающиеся подушечками-присосами.

Биологическая загадка. По виду это растение можно скорее отнести к мхам. Но эти присосы? «Корненожки»! Растение, которое может передвигаться, чтобы следовать за двигающимися по скалам солнечными лучами. Его зелёный цвет зависит, конечно, от хлорофилла. А дыхание? Влага? Откуда оно её берёт?.. Мне вспомнились разговоры о Кэце, о небесных камнях, из которых можно извлекать и кислород и воду. Разумеется, и в лунных камнях находятся в связанном виде кислород и водород — элементы, входящие в состав воздуха и воды. Почему бы и нет?.. Разве земные растения не являются чудесными «фабриками» со сложнейшим химическим производством? И разве наши земные растения, вроде «Иерихонской розы», не обладают способностью замирать от зноя и засухи, а потом вновь оживать, когда их поставишь в воду? В лунную холодную ночь здешние растения спят, при свете Солнца начинают действовать «химическая фабрика», вырабатывая всё, что нужно для жизни. Движение? Но и земные растения не лишены его совершенно. А приспособляемость организмов беспредельна.

Я набил полную сумку мхами и в приподнятом настроении отправился назад, чтобы скорее похвалиться своей находкой.

Прошёл до конца бокового каньона, свернул направо, ещё раз направо. Здесь я должен был увидеть сверкающие россыпи рубинов и алмазов, но не увидел их... Пошёл назад, повернул в другой каньон... Совершенно незнакомое место!

Я ускорил ход. Уже не шагал, а прыгал. И вдруг на краю обрыва остановился в изумлении. Совершенно новый лунный ландшафт открылся передо

мною. По ту сторону пропасти возвышались горные цепи. Среди них выделялись три вершины одинаковой высоты. Они сверкали, как головы сахара. Я ещё никогда не видал таких белых вершин. Ясно, что это не снег. На Луне не может быть снега. Возможно, эти горы меловые или гипсовые. Но дело не в горах. Мне стало ясно, что я заблудился, и заблудился основательно.

Тревога охватила меня. словно весь этот необычайный лунный мир вдруг повернулся ко мне другой стороной. Как он был враждебен человеку! Здесь нет ни наших земных лесов, ни полей, ни лугов с их цветами, травами, птицами и животными, где «под каждым листом» уготован «стол и дом».

Здесь нет речек и озёр, изобилующих рыбой. Луна — скупой Кашей, который не накормит и не напоит человека. Заблудившиеся на Земле могут целыми днями поддерживать своё существование хотя бы корнями растений. А здесь? Кроме голых скал — ничего. Разве только этот мох. Но он, вероятно, так же несъедобен, как песок. Но если бы даже кругом меня были молочные реки с кисельными берегами, я всё равно погиб бы от голода и жажды, испытывая муки Танта́ла: ведь я не могу снять своего скафандра.

Скафандр! Я вспомнил о нём и вздрогнул, будто ледяной холод мировых пространств проник в моё тело. Вся «атмосфера», которая даёт мне возможность дышать и жить, заключена в небольшом баллоне за моей спиной. Его хватит на шесть часов; нет, меньше: уже прошло часа два, как я возобновил запас кислорода. А дальше? Смерть от удушья... Скорее выбраться к большому каньону, пока не истощился запас кислорода и физических сил!

Я вновь повернул назад и запрыгал, как кузнечик. Хорошо ещё, что здесь прыжки не утомляют так, как на Земле...

Вот и конец каньона. Передо мной новый каньон, ярко освещённый солнцем и покрытый сплошным зелёным ковром. Видимо, все мхи приползли сюда из теневых мест. Отвратительные мхи! Я больше не хотел смотреть на них, но всюду мои глаза встречали зелёный цвет, от которого рябило в глазах.

А может быть, это и есть тот каньон, по которому я шёл сюда, но его сейчас трудно узнать, потому что он стал зелёным?

Новый поворот — узкое ущелье, погружённое в глубокую тьму. Сквозь прогретый солнцем костюм на меня пахнуло холодом. Или это нервы шалят?..

Куда же теперь идти? Позади, за двумя поворотами, обрыв. Впереди — тёмный, узкий, неведомый каньон.

Я почувствовал страшную слабость и в изнеможении опустился на бугристый камень. Вдруг камень подо мной зашевелился и пополз... Я вскочил как ужаленный. Мои нервы были слишком напряжены. Живой камень! Новое животное! Новое сенсационное открытие! Но в эту минуту мне было не до открытий. Я позволил уползти неведомому животному, даже не взглянув на него. И, как автомат, пошёл дальше.

Я даже не размышлял о том, куда иду. Иногда мне казалось, что кислород в баллоне иссякает. Наступило удушье. Тогда я приостанавливался и хватался за грудь. Потом это проходило. Нервы, нервы! Если бы на Луне была атмосфера, упругая среда, хотя бы и не годная для дыхания! Можно было бы стучать камнем о камень, призывая на помощь. Атмосфера могла бы передать отсветы — «заревы» прожекторов ракеты. Впрочем, сейчас это не помогло бы: с неба лился ослепительный солнечный свет, от которого можно было бы ослепнуть, если бы не дымчатые стёкла скафандра.

В тот момент, когда я был полон отчаяния и готовился к близкому концу, я неожиданно увидел большой каньон; Я обрадовался так, словно вышел на Большой проспект Васильевского острова.

Вот удача! Не инстинкт ли вывел меня, когда я перестал мудрить и высчитывать?

Однако моя радость скоро опять сменилась тревогой. В какую сторону идти? Вправо или влево? Совершенно потерял ориентировку! Попробовал испытать свой «инстинкт», но на этот раз он безмолвствовал... Шаг направо — инстинкт не возражает, шаг налево — то же самое.

Пришлось вновь обратиться к помощи «верхней коры головного мозга» — размышлять. Когда я вышел из ракеты, то повернул направо. Значит, теперь надо свернуть налево. Пойдём налево.

Так я шёл, вероятно, не меньше часа. Голод давал себя чувствовать. А конца каньона всё ещё не было видно. Странно. Ведь первый раз я шёл до поворота менее получаса. Значит, иду не в ту сторону. Повернуть назад? Сколько потерянного времени! Я продолжал упорно идти вперёд. Вдруг каньон сузился. Ясное дело — иду не в ту сторону. Назад скорее!

Солнце уже палило немилосердно. Пришлось накрыться белым плащом. Голод всё больше мучил меня, начала сказываться и усталость, но я прыгал и прыгал, словно за мной гнались неведомые чудовища. Внезапно мне путь преградила трещина. Она невелика, через неё можно перескочить. Но этой трещины я не встречал, когда шёл сюда! Или, замечтавшись, я перепрыгнул её, не заметив? Меня прошиб холодный пот. Сердце лихорадочно забилось. Гибну! Я принуждён был лечь, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя. С чёрного неба на меня смотрело синее мёртвое Солнце. Вот так же безучастно оно будет освещать мой труп... Нет, нет! Я ещё не умер! У меня есть запас кислорода и энергии... Вскочив, одним махом я перелетел через трещину и побежал... Куда? Вперёд, назад — всё равно, только бы двигаться!

Каньон расширился. Я прыгал безостановочно не менее часа, пока не упал, вконец изнеможённый. И тут впервые по-настоящему почувствовал недостаток воздуха. Это уже не было самообманом. В движении я слишком много тратил кислорода, и запас его истощился раньше времени.

Конец, конец... Прощай, Тоня!.. Армения...

В голове начало мутиться...

И вдруг я увидел над собой ярко освещённый Солнцем бок нашей яйцевидной ракеты. Меня ищут! Спасён! Собрав последние силы, вскакиваю, машу руками, кричу, совершенно забывая о том, что мой крик не уйдёт дальше скафандра... Увы! Радость угасла так же быстро, как и вспыхнула: меня не заметили. Ракетка пролетела над каньоном и скрылась за вершиной горы...

Это была последняя вспышка энергии. Затем мною овладело безразличие. Недостаток кислорода сказывался. Тысячи синих солнц замелькали перед глазами. В ушах зашумело, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени пролежал я без чувств.

Потом, ещё не открывая глаз, я глубоко вздохнул. Живительный кислород вливался в мои лёгкие. Я открыл глаза и увидел над собой склонённое лицо Соколовского. Он озабоченно смотрел в стекло моего скафандра. Я лежал на полу внутри нашей ракеты, куда, очевидно, меня принесли. Но почему же они не снимают с меня скафандра?

— Пить... — произнёс я, не соображая, что меня не слышат. Но Соколовский, вероятно, по движению губ понял мою просьбу. Он усадил меня в кресло и, подвинув свой скафандр к моему, сказал:

— Вы хотите пить и есть, конечно?

— Да.

— К сожалению, придётся потерпеть. У нас авария. Горный обвал в ущелье причинил некоторые повреждения ракетке. Камнями разбиты оконные стёкла.

Я вспомнил «сторонние» удары, которые почувствовал, когда мы вылетали из «ущелья Смерти». Тогда я не обратил на них внимания.

— У нас есть запасные стёкла, — продолжал Соколовский, — но чтобы вставить их и запаять, нужно немало времени. Словом, мы скорее доберёмся до нашей большой ракеты. Лунное путешествие придётся закончить.

— А зачем вы меня перенесли внутрь ракеты?

— Затем, — отвечал Соколовский, — что мне придётся развить очень большую космическую скорость, чтобы за два-три часа доставить вас на место. Взрывы будут сильные, увеличение тяжести тела многократное. Вы же слишком слабы и не удержитесь на верхней площадке. Да и профессор Тюрин тоже будет вместе с вами в кабине.

— Как я рад, дорогой мой, что вы живы! — услышал я голос Тюрина. — Мы уже потеряли надежду найти вас...

В этом голосе была неожиданная теплота.

— Теперь лягте лучше на пол. Я тоже лягу с вами, а товарищ Соколовский сядет у руля.

Через минуту наша ракета с разбитыми стёклами уже взвилась над горными вершинами. Крутой поворот на запад. На мгновение ракетка почти легла на бок. Под собою я увидел бездну лунной трещины, которая едва не погубила нас, и посадочную площадку с каньоном. Ракетка дрожала от взрывов. Тело словно наливалось свинцом. Кровь прилиwała то к голове, то к ногам. У меня опять начали мутиться мысли... Я впал в лёгкий обморок, который на этот раз преодолел сам. Кислород — великолепное живительное средство. Чувствовалось, что Соколовский позаботился о том, чтобы в мой скафандр поступали усиленные дозы кислорода. Но давление не должно было превышать одной атмосферы, иначе не выдержал бы костюм. Он и так раздулся, как раздувается водолазный, когда «заедает» золотник, выпускающий излишек воздуха.

К концу этого путешествия я оправился настолько, что мог самостоятельно выйти из ракетки и перебраться в наш большой межпланетный корабль.

С каким удовольствием я сбросил костюм «водолаза»! А пил и ел за пять-рых!

К нам быстро вернулось хорошее расположение духа. И я уже со смехом рассказывал о своих зловключениях, о научных открытиях и никак не мог простить себе того, что упустил «лунную черепаху», которую принял за камень. Впрочем, я уже сомневался в её существовании. Быть может, это была только игра моего расстроенного воображения. Но мхи, «ползучие мхи», лежали в моей сумке, как трофей, принесённый из «страны Снов».

Наша экспедиция на Луну, при всей её кратковременности, дала богатые научные результаты. У нас было много сенсаций для земных учёных.

Обратный путь прошёл хорошо. Не было той подавленности, которая

невольно овладевает человеком, перед неизвестным. На Звезду Кэц мы летели как «домой». Но где она? Я посмотрел на небо. Где-то вверху над нами висел серп «новоземли». Внизу половину небосклона занимала Луна. Несмотря на то, что я едва не погиб на ней, её вид не возбуждал страха.

Я ходил по этой Луне, следы наших ног остались на её поверхности, «кусочки Луны» мы везли с собой на Кэц, на Землю. Это по-новому сближало, почти роднило нас с Луной...

Глава 15

Звёздные будни

— Ну-ка, покажитесь, покажитесь! — говорила Мёллер, поворачивая Тюрина во все стороны. — Загорел, помолодел «паук». Прямо женихом стал! А мышцы? Да не прыгайте, не форсите. Дайте пощупать ваши мышцы. Бицепсы слабоваты. А ноги хорошо окрепли. На сколько лет опять в своей паутине завязнете?

— Не-ет, уже теперь не завязну, Анна Игнатьевна! — отвечал Тюрин. — Скоро снова на Луну полечу. Там много работы. На Марс, на Венеру полечу.

— Ишь, расхрабрился! — шутила Мёллер. — Дайте-ка я вам анализ крови сделаю. Сколько кровяных шариков прибавило вам лунное Солнце... Лунные жители — редкие пациенты.

Покончив с врачебным осмотром, я поспешил к Тоне. Мне казалось, что она уже вернулась на Звезду. Только теперь я почувствовал, как соскучился по ней.

Я мчался по широкому коридору. Тяжесть на Кэце была меньше, чем на Луне, и я, как балерина, едва касаясь носками пола, порхал наподобие летучей рыбы. Кэцовцы поминутно останавливали меня и спрашивали о Луне.

— Потом, потом, товарищи, — отвечал я и летел дальше.

Вот и её дверь. Я постучал. Из-за двери выглянула незнакомая девушка. Каштановые волосы обрамляли её лицо с большими серыми глазами.

— Здравствуйте, — растерявшись, произнёс я. — Мне хотелось видеть товарища Герасимову. Разве она переселилась из этой комнаты?

— Товарищ Артемьев? — спросила меня девушка и улыбнулась, как старому знакомому. — Герасимова ещё не вернулась из командировки и вернётся не скоро. Я пока занимаю её комнату. Сейчас она работает в физико-технической лаборатории.

Вероятно, заметив моё огорчённое лицо, она прибавила:

— Но вы можете поговорить с ней по телефону. Зайдите в радиорубку.

Наскоро поблагодарив девушку, я помчался на радиотелефонную станцию. Пулей влетел в комнату радиста и крикнул:

— Физико-техническую лабораторию!

— Сейчас! — сказал он и завертел ручку аппарата. — Товарища Герасимову? Сию минуту... Алло! Алло! Пожалуйста.

— Я Герасимова. Кто со мной говорит? Артемьев?

Если эфир не лжёт, в её голосе слышится радость.

— Здравствуйте, я так рада вас слышать! Вы чуть не погибли? Я узнала об этом ещё до вашего прилёта. Нам сообщили из лунной ракеты... Но всё хоро-

шо, что хорошо кончается. А я здесь веду очень интересные работы в лаборатории абсолютного холода. Она устроена на балконе теневой стороны нашей ракеты. Приходится работать в межпланетных костюмах. Это несколько неудобно. Но зато абсолютный холод, что называется, под рукой. Я уже сделала несколько интересных открытий в области сопротивления полупроводников при низких температурах...

И она начала говорить о своих открытиях. Когда же она скажет о чернородом и Палее? Самому как-то неудобно спрашивать. Она собиралась побывать на Кэце, но не ранее как через «земной» месяц.

— А как ваши поиски? — не утерпел я.

Но увы, в этот самый момент радист сказал.

— Срочный вызов ракеты Кэц-восемь. Простите, я должен прервать ваш разговор.

Я вышел из радиостанции расстроенный. Тоня обрадовалась мне, это очевидно. Значит, она всё-таки равнодушна ко мне. Но говорила она больше о своих научных работах. И ни слова о Палее. И я не скоро увижу её...

В коридоре меня остановил молодой человек.

— Товарищ Артемьев, я вас ищу. Директор вас просит к себе.

Пришлось отправиться к Пархоменко. Он очень подробно расспрашивал меня о нашем путешествии на Луну. А я рассказывал довольно бестолково.

— Вижу, вы утомлены сегодня, — сказал директор. — Отдыхайте, а завтра принимайтесь за работу. Наш биолог товарищ Шлыков уже давно поджидает вас.

Мне хотелось скорее остаться одному. Но я был голоден и отправился в столовую. Там мне пришлось рассказать кэцовцам о путешествии. Я прямо стал знаменитостью — один из первых людей, побывавших на Луне! Меня слушали с огромным вниманием, мне завидовали. В другое время всё это заняло бы меня, но сейчас я был огорчён тем, что не повидался с Тоней. Скомкав свой рассказ и отговорившись усталостью, я, наконец, добрался до своей комнаты. В моё отсутствие к стене привесили откидную кровать из тончайшей сетки. В матрацах не было нужды. Я улёгся на кровать и отдался своим думам... Так и уснул, перелетая мыслью с Луны на Васильевский остров, в свою лабораторию, от Тони к неведомому Палею...

* * *

— Товарищ Артемьев! Товарищ Артемьев!..

Я проснулся и вскочил. У дверей комнаты стоял молодой человек с бритой головой.

— Простите, что я разбудил вас. Но, кажется, вам всё равно пора вставать. Мы с вами немного знакомы. Помните, в столовой? Аэролог Кистенко. Я вас расспрашивал о лунных мхах. Весть об этом уже дошла до города Кэца. Земные кэцовцы просят прислать образец. А я как раз посылаю в город Кэц аэрологическую ракету.

— Пожалуйста, — ответил я, вынимая из сумки кусочек «войлока».

— Отлично. Этот мох, кажется, тяжелее земного, но в общем весит немного. Вы удивляетесь, что я говорю о весе? Но ведь моя ракета полетит на Землю. Каждый день я отправляю в город Кэц по одной ракете. По пути на Землю она автоматически производит все аэрологические записи — состав атмосферы, интенсивность космических излучений, температуру, влажность и прочее на

разных расстояниях от Земли. Примерно три четверти пути ракета управляется радиолучом Звезды Кэц, а затем её перехватывает радиолуч города Кэц. И она падает на автоматически раскрывающемся парашюте в строго определённой точке, на площадке в один квадратный метр. Недурно? В этой же ракете отправляется и почта... Вес ракеты рассчитан точно. Поэтому важен вес мха. Ещё раз благодарю вас.

Он ушёл. Я посмотрел на часы. По «земному», ленинградскому, времени было уже утро. Я позавтракал и отправился на работу.

Открыв дверь в кабинет биолога Андрея Павловича Шлыкова, я на минуту остановился. Уж очень этот кабинет не был похож на земные кабинеты «завов». Если Тюрина можно было сравнить с пауком, притаившимся со своей паутиной в тёмной узкой щели, то Шлыков походил на гусеницу в зелёном саду. Весь кабинет его был наполнен вьющимися растениями с очень мелкой листвой. Это была как бы зелёная пещера, освещённая яркими лучами солнца. В глубине её на плетёной кушетке полулежал Шлыков, полный, бронзово-загорелый мужчина средних лет. Он показался мне несколько вялым и как будто полусонным. У него были тяжёлые, словно набрякшие, веки. Когда я появился, сонные веки поднялись, и я увидел серые, очень живые умные глаза. Их живость не гармонировала с его медлительными движениями.

Мы поздоровались. Шлыков стал расспрашивать меня о Луне. Образчик мха уже лежал возле него на длинном алюминиевом столике.

— Я не вижу ничего удивительного в том, что вы нашли на Луне этот мох, — сказал он отдельно и тихо. — Споры бактерий, споры плесневых грибов, известных на Земле, могут переносить очень низкую температуру, до двухсот пятидесяти градусов ниже нуля, сохраняя жизнеспособность. Дыхание? Оно может быть и интрамолекулярным, причём даже кислород не обязателен, хотя бы и в связанном виде. Вспомните наших азотобактерий. Питание? Вспомните наших амёб. Они не имеют даже рта. Если они находят «съедобный» кусочек, то обволакивают его всем телом и ассимилируют. Вот с вашей «черепашкой» дело несколько сложнее. Но я не отрицаю возможности существования и более сложных животных на Луне. Приспособляемость организмов почти беспредельна.. Ну что же, начало положено. И скоро мы будем знать о прошлом органической жизни Луны не меньше, чем о прошлом нашей Земли.

Шлыков остановился, записал что-то в книжке и продолжал:

— Теперь о нашей работе. Наша первейшая задача на Звезде Кэц, — я говорю о нас, биологах, — состоит в том, чтобы максимально использовать растения для наших нужд. Что могут давать нам растения? Прежде всего пищу. Затем очищение воздуха и воды, и наконец, материал отбросов, который мы должны утилизировать до последней молекулы.

Мы должны переделывать, изменять, усовершенствовать растения так, как нам нужно. Можем ли мы сделать это? Вполне. И гораздо легче, чем на Земле. Здесь нет ни заморозков, ни засухи, ни ожогов солнечными лучами, ни суховея. Мы искусственно создаём любой климат для любого растения. Температура, влажность, состав почвы и воздуха, сила солнечного излучения — всё в наших руках. На Земле в оранжереях можно создать лишь относительное подобие того, что мы имеем на Звезде Кэц. У нас здесь есть короткие ультрафиолетовые лучи, которые никогда не достигают поверхности Земли, рассеиваясь

в её атмосфере. Я говорю о космическом излучении. Наконец отсутствие тяжести. Вы, конечно, знаете, как действует земное притяжение на рост и развитие растений, как они реагируют на это притяжение...

— Геотропизм, — сказал я.

— Да, геотропизм. Корни чувствуют направление силы земного притяжения так же, как стрелка компаса север. И если корень отклоняется в сторону от этого направления, то лишь в «поисках» влаги, пищи. А как происходит деление клеток, рост, формирование растений при отсутствии силы тяжести? Здесь мы имеем лаборатории, в которых сила тяжести отсутствует совершенно. Поэтому мы ставим опыты, которые на Земле невозможны. Разрешив неясные ещё вопросы жизни растений, мы переносим наш опыт в условия земной весомости. Я хотел бы, чтобы вы начали свою работу с изучения геотропизма. В Большой оранжерее работает ассистент Крамер, в лаборатории вам будет помогать новая сотрудница Зорина.

Шлыков замолчал. Я было повернулся к двери, но он жестом руки остановил меня.

— Растения — это ещё не всё. У нас удивительно интересные работы над животными. Там работает Фалеев. Я им не очень доволен. Вначале он работал хорошо, а в последнее время словно его подменили. Если бы вы заинтересовались этим делом, я перевёл бы вас туда. Побывайте, во всяком случае, в этой лаборатории, посмотрите, что там делается. А сейчас отправляйтесь в Большую оранжерею. Крамер познакомит вас с нею.

Тяжёлые веки опустились. Кивнув мне на прощанье головой, Шлыков углубился в свои записи.

Глава 16

У Крамера портится характер

Я вылетел в коридор.

— Товарищ Артемьев! Вам письмо! — услышал я за собою голос. Молодая девушка-«почтальон» протянула мне конверт. Я схватил его с жадностью. Это было первое письмо, полученное мною на Звезде Кэц. Почтовая марка. Штемпель — Ленинград. У меня от волнения забилось сердце.

— Письмо из Ленинграда, — сказала девушка. — Я никогда не была в этом городе. Скажите, хороший город?

— Замечательный город! — с горячностью ответил я. — Это самый лучший город после Москвы. Но мне он нравится даже больше, чем Москва.

И я с увлечением начал рассказывать ей о чудесных новых кварталах Ленинграда, подступивших к Стрельне и Пулковским высотам, о его изумительных парках, о живописных каналах, придающих ему вид Венеции, о метрополитене, о ленинградском воздухе, совершенно очищенном от копоти фабричных труб и пыли, о стеклянных перекрытиях, защищающих пешехода от ветра на многочисленных мостах, о зимних садах для детей, о первоклассных музеях, о театрах, о библиотеках...

— Даже климат его стал лучше, — говорил я. — Торфяные болота на сотни километров вокруг осушены, заболоченные реки и озёра приведены в культурный вид, кое-какие каналы в черте города засыпаны и превращены в аллеи или покрыты сплошными мостами-автострадами. Влажность воздуха значительно уменьшилась, а чистота его дала ленинградцам добавочный солнечный паёк. Теперь у нас всякому автомобилю и грузовику, въезжающим в черту города, колёса окатывают водой, чтобы они не заносили в город грязи и пыли. Да что говорить! Ленинград — это Ленинград!

— Непременно побываю в Ленинграде, — сказала девушка и, кивнув головой, «упорхнула».

Я распечатал письмо. Мой лаборант сообщал мне, что в лаборатории заканчивается ремонт. Устанавливается новое оборудование. Покончив с установкой новейшей аппаратуры, лаборант отправляется в Армению вместе с профессором Габелем, так как на моё скорое возвращение они потеряли надежду.

Я был взволнован. Может быть, бросить всё и полететь на Землю?

Появление Крамера изменило направление моих мыслей. А когда я увидел оранжерею, то сразу забыл обо всём. Сильное впечатление произвела она на меня.

Но попал я туда не сразу. Крамер предложил мне надеть «водолазный» костюм, хотя и более облегчённого типа, чем для вылазок в межпланетное пространство. Костюм был снабжён радиотелефоном.

— В оранжерее давление значительно ниже, чем здесь, — объяснил Крамер. — И в её атмосфере гораздо больше углекислоты. На Земле углекислота составляет всего одну трёхтысячную часть атмосферы, в оранжерее — три сотых, а в некоторых отделениях — ещё выше. Это уже вредно для человека. Но зато для растений!.. Растут, как в каменноугольном периоде!

Крамер вдруг залился беспричинным продолжительным смехом, даже слишком продолжительным, как мне показалось.

— В этих скафандрах, — сказал он, когда приступ смеха прошёл, — имеется радиотелефон, так что нам не надо будет прислонять головы друг к другу, чтобы разговаривать. Скоро таким радиотелефоном будут снабжены и межпланетные скафандры. Это очень удобно, не правда ли? Его сконструировала, кажется, ваша знакомая, которую вы привезли с Земли.

Крамер подмигнул мне и снова захохотал.

«Неизвестно, кто кого привёз, — подумал я. — И почему Крамер сегодня так дико хохочет?..»

Мы пошли сквозь атмосферную камеру и не спеша направились по длинному коридору, соединяющему ракету с оранжереей.

— У нас несколько оранжерей, — болтал Крамер без умолку. — Одна длинная, которую вы видели подлета. Ха-ха-ха! Помните, как вы едва не улетели и я привязал вас, как собачку. Сейчас мы идём к новой, конической оранжерее. На ней, как и на ракете, существует вес, но очень незначительный. Всего тысячная доля земного. Лист, сорвавшийся с дерева на высоте метра от пола, падает целых двадцать секунд. Но этой силы тяжести вполне достаточно, чтобы все отбросы и пыль осаждались вниз и чтобы созревшие плоды падали на почву, а не витали в пространстве... Вы ещё не купались в «невесомой ванне»? Замечательно! «Пошёл купаться Веверлей...» — вдруг запел он и вновь разразился диким смехом. — У нас ведь есть ещё несколько опытных лабораторий, где сила тяжести совершенно отсутствует. Там и ванна... Ну вот мы и пришли. «Завеса сброшена...» — продекламировал он, открывая дверь.

Сначала меня ослепил свет. Потом, приглядевшись, я увидел колоссальной величины тоннель, расширяющийся воронкой. Входная дверь находилась в узком основании воронки. На противоположном конце воронка замыкалась огромной стеклянной полусферой выпуклостью наружу.

Сквозь стёкла лились потоки света. Сила его была необычайна. Слово тысячи прожекторов при киносъёмках слепили глаза. Стены тоннеля утопали в зелени всевозможных оттенков от ярко-изумрудного до почти чёрного. Этот зелёный ковёр пронизывали узкие мостки с лёгкими перилами из алюминия. Зрелище было изумительное. Но ещё больше удивился я, когда ближе познакомился с отдельными растениями. Я, биолог, ботаник, специально изучающий физиологию растений, оказывается, не имел ни малейшего представления от том, до какой степени растения могут быть податливым, «пластическим» материалом, как может измениться их внешний вид и внутренняя структура.

Мне хотелось всё обстоятельно и спокойно осмотреть. Но над ухом назойливо жужжал Крамер.

— Это всё Шлыков! Он гений. Скоро у него растения будут танцевать на задних ножках, как собачки, и петь по-соловьёному. Выдрессирует! «Зерновые хлеба, — говорит он, — используют одну шестидесятую долю солнечной энергии, а банан в сто раз больше. И дело не только в климате. Можно заставить все растения повысить использование энергии в сотни раз».

— Он уже мне говорил об этом, — попробовала прекратить словоизлияния Крамера, но тот не унимался.

— И Шлыков достиг этого. А результаты? Не угодно ли посмотреть на этот экземпляр? Что вы о нём скажете? Ха-ха-ха!

Я стоял в молчаливом удивлении. Передо мною был куст ростом с челове-



ка; листья в ладонь, а красные сочные плоды величиною с большой арбуз напоминали землянику. Это и была чудовищная земляника. Кустик не стлался по земле, а тянулся вверх. На тонком стебле висели эти огромные ягоды. (Вот что значит отсутствие тяжести!) Одни из них были совершенно красные, другие ещё не созрели.

— Каждый день мы снимаем десяток таких «ягодок» с одного этого куста, — тараторил Крамер. — Одни снимаем, другие дозревают. Лезут беспрерывно. Наши растения не знают даже того двухнедельного отдыха, который имеют на Земле тропические растения. Гони и гони! Вбирай лучи Солнца, отбросы и воду из почвы и превращай их в эти вкусные плоды. А Солнце здесь не заходит. Атмосфера оранжереи всегда прозрачна. Это одно. Второе — в здешней атмосфере уйма углекислоты, как во время каменноугольного периода.

— Вы уже говорили мне про углекислоту.

— Взгляните-ка на эти листья, — продолжал Крамер, несколько не смутившись. — Они почти чёрные и поэтому поглощают чуть ли не целиком солнечную энергию, но перегревания растений не происходит. Только уменьшается испарение воды. Вы знаете, сколько энергии тратит растение на испарение? В тридцать пять-сорок раз больше, чем на полезную работу. А здесь эта энергия идёт в «мясо». Видите, листья толстые, мясистые. Некоторые из них совсем лишены устьиц. А плоды какие огромные! Зато вот этот экземпляр только и делает, что выделяет воду, — сказал он, — указывая на растение, с конца листьев которого капала вода. — Не растение, а Бахчисарайский фонтан. Видали «фонтан Слез»? Капает и капает! Это наш естественный фильтр.

А вот тоже интересное растение, — продолжал он, двигаясь по узкому мостику. — «Киоск фруктовой воды», так сказать, сокоточащая рана. Видите: разрез на стволе, трубочка, и из неё тоже капает. Попробуйте на язык. Вкусно? Сладко? Лимонад! Обратите внимание на почву — измельчение частиц идеальное. И полезных бактерий на каждую тысячу твёрдых частиц приходится не одна, а несколько десятков. Зато посмотрите на горох, бобы, фасоль. Как яблоки!

А вот эти стеклянные отделения существуют для того, чтобы создать для некоторых растений особые условия; самый подходящий состав газовой среды, наилучшую температуру. Вредители отсутствуют. Сорняки отсутствуют. Светофильтры дают благоприятный состав лучей... Ира! Ира! Что ты делаешь,

сумасшедшая? — вдруг испуганно закричал он, подпрыгнул и полетел по оранжерее. — Ира! Ира! — кричал он где-то за кустами, словно его резали на части.

Что случилось с этим человеком? Ещё недавно он был спокойный, добродушный малый. А теперь у него страшно повышенная возбудимость. Я не мог понять, что так взбесило его. Я слышал шум, шипение и видел, как опавшие листья летели от широкого конца воронки к узкому.

— Зачем ты пустила вентилятор с такой силой? Ураган хочешь устроить? — орал Крамер. — Поломать растения?.. Убавь силу, не то я тебя на Землю сброшу!

Шум и движение листьев уменьшились. Откуда-то послышался пискливый голос:

— Вчера ведь сам распорядился ставить вентилятор на двадцать шесть...

— Это тебе приснилось!

Я медленно продвигался к стеклянной полусфере, поминутно задерживаясь у особо интересных растений. На тончайших стволах ярким пламенем горели цветы мака. «Коробочки» его были величиною с голову грудного ребёнка.

— Вот видишь? Вот видишь, как шатается и роняет семена мак! — кричал он.

Семена эти были с горошину.

Многометровый горох тянулся к середине «воронки». Корзинка подсолнуха в полметра диаметром почти не поднималась над почвой. Огурцы, морковь, картофель, земляника, малина, виноград, смородина, крыжовник, слива, рожь, пшеница, овёс, гречиха, свекловица, конопля... Я едва узнавал их: так были изменены их размеры и формы.

Не раз я останавливался в полном недоумении: что же это такое?..

Земные карлики превращались в гигантов и, наоборот, земные древесные великаны превращались в карликов. В особых, несколько затемнённых местах росли грибы — чудовищные шампиньоны...

А вот субтропики и тропики. Карликовые фиговые деревья с гигантскими плодами, чайные, кофейные, какаовые деревья, кокосовые пальмы величиною с зонтик, но с плодами, вдвойне превышающими земные размеры.

В одном стеклянном ящике я увидел настоящий тропический лес карликовых размеров. Пальмы, бананы, папоротники, лианы... Не хватало только слонов величиною с крысу, чтобы вообразить себя Гулливером в стране лилипутов...

Какими ничтожными казались мне все мои «земные» достижения!

Как легко разрешаются здесь проблемы, над которыми я так много лет ломал себе голову. Здесь в продолжение всего года свежие фрукты и овощи, и заводы, которые их перерабатывают, могут работать круглый год без перебоя...

А разве опыт Звезды Кэц нельзя перенести на Землю?

Взять хотя бы Памир. На высоте Памира ультрафиолетовых лучей меньше, чем на Звезде Кэц, но гораздо больше, чем в местностях, лежащих на уровне моря. Плоскогорье Памира можно превратить в сплошную оранжерею. Все расходы окупятся. В оранжерее можно создать любую атмосферу, увеличить количество углекислоты...

А безоблачное небо тропиков с их жарким климатом и избытком солнеч-

ных лучей?.. Когда мы окончательно победим джунгли, миллионы людей найдут там кров и пищу.

А земные пустыни? Мы уже успешно ведём там борьбу с песками, с безводьем. Но сколько ещё пустынь на Земле! И мы призовём на помощь Солнце, используя опыт Кэца. Солнце, выпившее воду, убившее своим зноем растения, возродит пустыни. Они станут сплошным зелёным садом...

Нет, земному шару никогда не будет угрожать перенаселение! Человечество может смело смотреть в будущее!..

— Или у вас столбняк, Артемьев? — услышал я резкое восклицание Крамера.

— Простите, замечтался, — ответил я, вздрогнув от неожиданности.

Я оглянулся — оранжерея-конус ожила. По узким дорожкам летали молодые девушки с корзинками. Их яркие, разноцветные костюмы выделялись на зелёном фоне, как цветы. Девушки собирали плоды. Невидимая музыка сопровождала их работу.

— Мифологическая картина, — расхохотался Крамер. — Звёздные девушки! Сказка наших дней! Скоро их заменят автоматами... Однако нам пора идти. Я ещё не показал вам лабораторию. Она находится вне Звезды Кэц. Там полная невесомость. Придётся переодеваться в межпланетные костюмы и перелетать довольно большое пространство. Вам пора научиться управлять портативной ракетой. Так и знайте: если вы улетите на этот раз, я не буду гоняться за вами!

Но на этот раз я «стрелял» более умело и не отставал от Крамера. И всё же этот небесный перелёт доставил мне некоторое волнение. У меня начала стынуть правая нога. Я забеспокоился, нет ли повреждения в костюме, не просачивается ли мировой холод. Но оказалось, что нога находилась в тени. Я повернул ногу к свету, и она согрелась.

Вот и лаборатория. Она имеет вид цилиндра. Внутри цилиндр разделён стеклянными перегородками. Из отсека в отсек приходится переходить через «изоляционные» камеры, потому что давление и состав воздуха в каждом отсеке различны. В одной стороне цилиндра во всю его длину — окна, на противоположной — растения. Некоторые из них посажены в стеклянные сосуды, чтобы можно было видеть развитие корней. Это меня удивляет: корни не любят света. Честь растений на грядках, другая — в горшках, которые расставлены на грядках, другая — в горшках, которые расставлены рядами в воздухе. И растут они необычайно: ветви и листья расходятся в виде лучей от горшка к окну. У одних корни развиваются «вверху», у других — «внизу». Но у большинства корни на затемнённой стороне. Отсутствие силы тяжести как бы уничтожило силу геотропизма, и здесь, по-видимому, «направление» роста даёт только гелиотропизм — сила, которая направляет растения к источнику света.

— Оставь! Уйди! Говорю тебе, уйди! — слышу я чей-то женский голос и смех Крамера.

Гляжу в конец лаборатории и вижу сквозь стёкла перегородок молодую девушку в лиловом костюме. Она витает где-то под «потолком», а Крамер, махая крыльями, подлетает к ней и толкает её. Девушка, отлетев в сторону, ударяется о «потолок», летит к противоположной стороне, стараясь при помощи таких же крыльев-вееров принять неподвижное положение. Ей, видимо, нужно стать лицом к тёмно-зелёному кусту. Но в мире невесомости не так-то легко принять нужное положение. Оставив веера, девушка снимает привязанный к

поясу металлический диск и устанавливает его в пространстве ребром к себе, как тарелку, которую несут в руках. Потом она поворачивает диск, и он вертится в одну сторону, девушка — в обратную. Чтобы повернуться до вертикальной оси, девушке приходится ставить диск боком, ребром вверх. Теперь диск поворачивает её тело как на трапеции.

Я приближаюсь к Крамеру и девушке. Мне кажется, я где-то видел её. Да, так и есть, она живёт в комнате Тони! Значит, мне с ней придётся работать. Я смотрю на неё сбоку и вверх, она и Крамер смеются, видя мои нелепые движения. Я чувствую себя рыбой, вытянутой из воды. Но девушка управляется с диском и крыльями не лучше меня. Один Крамер плавает, именно плавает, как рыба в воде. Он продолжает вертеться вокруг девушки, ставя её то вверх, то вниз головой по отношению к себе. Она и сердится и смеётся. Потом Крамер, взглянув на меня, говорит:

— Знакомьтесь, Зорина!

— Мы уже встречались, — отвечает Зорина и кивает мне головой.

— Ага, знакомы? Тем лучше, — почему-то сердито говорит Крамер. — Ну, идёмте, Артемьев. Ванна рядом. Перед работой и после работы мы здесь принимаем ванну.

Узкими переходами мы пробираемся в новый цилиндр — «предбанник» — диаметром около четырёх метров и почти такой же длины. Там мы раздеваемся, пролезаем в круглое отверстие и попадаем в «ванну». Это цилиндр такого же диаметра, но значительно длиннее. Гладкие алюминиевые стенки, боковое освещение — и ни капли воды. Я остаюсь на самой середине цилиндра и никак, без диска и крыльев, не могу добраться до стенок. Вишу в пустоте. Крамер возится у входа. Но вот он повернул ручку, что-то зашумело, и из крана, находящегося в круглой плоской стенке, замыкающей цилиндр, показалась вода. Струя под напором ударила в меня и разбилась на капли и шары. Я отлетел в сторону. Водяные шары, летая вокруг меня, сталкивались, всё увеличиваясь в размерах.

В тот же самый момент цилиндр начал вращаться на продольной оси всё быстрее и быстрее. Получилась центробежная сила. Капли и шары начали оседать на стенках. И скоро стенки цилиндра были покрыты метровым слоем воды. Вода была всюду — справа, слева, стояла сводом над головой. Только центральная часть цилиндра, по его большой оси, оставалась пустой. Я почувствовал, как меня начинает «притягивать» ближайшая стенка. Через несколько минут я погрузился в воду. А ещё через несколько секунд стоял «на дне». Крамер оказался на противоположной стенке цилиндра, головой ко мне. Но оба мы чувствовали себя вполне устойчиво: ходили по дну, плавали, ныряли. Эта необычная ванна мне очень понравилась. Тяжесть тела была небольшая, и держаться на воде было очень легко.

Крамер поплыл к входному отверстию и повернул медную ручку. Вода начала быстро убегать в небольшие дырочки, движение цилиндра замедлилось. Когда он остановился совершенно, в ванне уже не было воды, а наши тела вновь стали невесомыми.

В раздевальне я неловким движением выпустил из рук костюм и долго не мог поймать его. В этом мире невесомости вещи ведут себя очень коварно. Маленький толчок — и они убегают, начинают метаться из угла в угол, от стенки к стенке — поймай их! Крамер из этого сделал игру: он бросал вещи «дупле-

том в угол» и ловил их после того, как они прилетали обратно, иногда рикошетируя по несколько раз.

— Как вам нравится Зорина? Право, хороша? — неожиданно спросил он меня. При этом лицо его стало злым и мрачным. — Вы смотрите! — угрожающе произнёс он.

Уж не приревновал ли он Зорину ко мне? Вот чудак!

— Ну, теперь я вас провожу в зоологическую лабораторию, — сказал Крамер, подозрительно посмотрев на меня. — Мы можем пройти туда «тоннелем». Я доведу вас и оставлю.

Действительно, он покинул меня у самой двери лаборатории и на прощанье многозначительно повторил:

— Так смотрите же!

— На что смотреть? — не утерпел я.

Лицо его вдруг перекопилось.

— Вы не будете, так я буду смотреть в оба! — процедил он сквозь зубы и удалился.

Что за дикий, нелепый человек!

Я уже взялся за ручку двери, как Крамер вернулся. Держась кончиком ноги за ремешок в стене, «стоя» передо мной под углом в шестьдесят градусов, он сказал:

— И вот ещё что. Я вам не верю! Зачем вы прилетели сюда? Уж не за тем ли, чтобы познакомиться с работами Шлыкова и, улетев обратно на Землю, выдать там эти работы за свои? Шлыков — гений! И я не позволю никому...

— Послушайте, Крамер! — возмутился я. — Или вы больны, или должны отвечать за свои поступки. Вы оскорбляете меня без всякого основания. Подумайте сами, какую чепуху вы несёте! Кто из нас теперь способен выдавать чужие труды за свои? И к чему? В какое время и где мы живём?

— Так помните же! — прервал он меня, и, сделав огромный прыжок, скрылся в тоннеле.

Я был озадачен. В чём дело? Машинально открыв дверь, я вошёл в лабораторию.

Глава 17

Зоолаборатория

В ту же секунду я увидел перевёрнутое вниз лицо человека с широко открытыми, недоуменными глазами и выдающейся челюстью.

— Ну что вы прикажете делать? — воскликнул человек, словно читая мои мысли.

Я был совершенно сбит с толку. Час от часу не легче! До сих пор я встречал на Кэце нормальных, здоровых, жизнерадостных людей, а тут сразу два каких-то психопата!

— В чём дело, товарищ? — спросил я.



— Я не знаю, как мне поступить с козликом, собственно-с его ножками. Два раза уже переделывали стойло, а ноги у козлика всё растут. Не вмещаются, гнутся ножки, крючатся. Прямо хоть отрезай их!.. Вы Артемьев? А я Фалеев. Хорошо, что вы тоже биолог. Подумаем вместе. Зоологическая лаборатория самая беспокойная. Всякие рогатые, четвероногие проблемы одолели. Шлыков даёт всё новые и новые задания. А как их выполнить, когда результаты опытов бывают совершенно неожиданные? Отсутствие силы тяжести — это раз, действие космических лучей — два. Благодаря действию этих лучей получаются такие мутационные скачки, что руками разводишь! Да вы взгляните сами.

Фалеев довольно ловко перевернулся в воздухе и, подгребая воздух широкими ладонями, поплыл по лаборатории. Я, как умел, полетел за ним.

Животными здесь совсем не пахло: видимо, уборка и вентиляция помещения поставлены идеально. Стойла представляли собой простые перегородки из сеток. Возле одного стойла я увидел огромную свинью, которая напоминала шар, вернее — гигантское яйцо. Вместе с тем ноги у свиньи были длиннейшие и тонкие, как макароны. Мягкие копытца походили на два пальца, сложенные клешнёй. Если бы такую свинью внезапно перенесли на Землю, она расплющилась бы там в блин, раздавленная собственной тяжестью, как выброшенный из воды кит.



Козлик ещё больше поразил меня. Морда его была чрезвычайно вытянута, рога — длинные и кривые, как турецкие ятаганы, ноги тонкие, полутораметровой длины и оканчивались двумя хилыми придатками, расставленными под углом в тридцать градусов, как птичьи пальцы. Ростом этот «козлик» был

с большого барана, но на нём совершенно не было шерсти.

— Как голая африканская собака, — сказал Фалеев. — Это «мясной» козлик. А дальше вы увидите козла — производителя шерсти. Он совсем мал ростом, но зато его шерсть отросла на метр. И какая волна! Живая фабрика шерсти!

— Но ваш шерстяной козлик помещается, конечно, не в такой температуре? — спросил я.

— Само собой разумеется. Его мы держим в холоде, но хорошо питаем. С шерстью — это ещё простое дело. Шлыков задаёт задачи посложнее. Вот нам нужны струны для музыкальных инструментов и лаун-теннисных ракеток. Извольте вывести породу баранов с длиннейшими кишками. Шлыков не признаёт трудностей. Он говорит, что нет ничего невозможного. А указания даёт самые краткие. «Если, — говорит, — надо удлинять кишки, пробуйте разную пищу, меняйте корм». Корм кормом, а у барана вместо удлинения кишок вдруг разрастается желудок. Здесь действуют какие-то новые факторы... Вот с ногами козлика не знаю, что делать. Неужто опять перестраивать хлев? Тут прямо сказка про горох получается: прорубили пол, прорубили потолок, прорубили крышу, а он всё растёт. Только крыши прорубать мы не можем.

— А вы и крыши не рубите и ничего не перестраивайте, — сказал я. — Есть предположение, что космические лучи играли огромную роль в эволюции животных на Земле. Необычайно быстрые мутации, о которых вы говорите, подтверждают эту гипотезу. По-видимому, здесь происходит «скачкообразное» приспособление организмов к изменившимся условиям среды. Силы тяжести нет — тела не стоят, не имеют твёрдой опоры. Животные витают в воздухе. Они стремятся выйти из этого положения. Им становятся необходимы длинные конечности...

— Ну да! — перебил меня Фалеев. — Первые собаки здесь скулили невероятно. Они часами махали лапами, как белки в колесе, чтобы дотянуться до стенки или до кусочка мяса в прищепке. И, конечно, не сдвигались с места.

— Вот-вот, поэтому ноги и растут. А вы не увеличивайте размеров помещения. Если ноги станут такими длинными, что будут доставать до любой стены, я думаю, их рост приостановится. Или же сделайте такую решётку, за которую животные могли бы хвататься. Замените эту мелкую сетку другою, с более крупными ячейками, или же сделайте загородку из прутьев. Тогда у животных будут развиваться хватательные органы. Ваши козлы и бараны станут «четверорукими», как обезьяны, приспособятся к хватательным движениям. Будут лазить по клетке. Одной-двумя конечностями держаться, а свободными доставать, что им надо.

— А ведь верно! — воскликнул Фалеев. — С вами у нас дело скорее пойдёт. А то я как-то в последнее время совсем растерялся, прямо отупел... Знаете, — сказал он испуганно-приглушённым голосом, — тут недолго и с ума сойти, когда на твоих глазах кошмарные чудовища рождаются... А только куда нам лучше направить приспособляемость? Может быть, прямо на то, чтобы сразу делать животных летучими? По здешним условиям это практичнее всего. Козлы летучие! Горюшко! — Он плаксиво рассмеялся. — Но про четвероруких вы тоже неплохо придумали. У одной моей кошки отрос такой хвост, что она им, как обезьяна, орудует. Где лапами не достанет, там хвост в дело пускает. Ухватится кончиком, а лапами подтягивается, как на канате. Опять же, во время прыжков она рулит хвостом, как белка-летяга. И у неё как будто между лапа-

ми перепонки образовались. Совсем летягой скоро станет. А собака Джипси? Жутко, право... Да вот я сейчас... Джипси! Джипси...

Откуда-то донёлся собачий лай. И вдруг я увидел летящее к нам чудовище. Оно махало ногами, как собака во время самого быстрого бега, но приближалось медленно. Между тонкими его пальцами были видны небольшие перепонки. Эти перепонки помогали толкать тело вперёд, отбрасывая воздух. Собака была немного крупнее бульдога, тело её покрывала редкая шерсть каштанового цвета, хвост был длинный и пушистый, морда совершенно безволосая, короткая, почти плоская нижняя челюсть была недоразвита. Это было что-то среднее между собачьей мордой, обезьяньей и лицом человека. Действительно, жуткий вид! Собака подлетела совсем близко и посмотрела мне прямо в глаза. Я невольно вздрогнул: у Джипси были большие, совсем человечески грустные карие глаза, полные мысли... Джипси махнул хвостом, повернул своё тело и ухватился концами пальцев без когтей за край перегородки. Потом перевёл глаза с меня на Фалеева. В глазах был вопрос.

Фалеев вдруг смутился, словно имел дело не с собакой, а с человеком, который ему мало знаком. Эти человеческие глаза на собачьем «лице» были страшны. Я сам почувствовал смущение.

— Вот познакомься, Джипси, — сказал Фалеев, смотря куда-то мимо внимательных глаз собаки. — Наш новый товарищ — Артемьев.

Я полагал, что Фалеев обращается к собаке с такой речью в шутку, как многие любители собак. И я уже сделал движение рукою, чтобы погладить Джипси по его лысой голове. Каково же было моё изумление, когда собака кивнула мне головой и протянула лапу! Я был так поражён, что моя протянутая рука застыла на мгновение в воздухе. И вместо того чтобы погладить Джипси, как простую собаку, я, пересилив себя, вежливо пожал её тёплую безволосую лапу, хотя рукопожатия на Кэце и были отменены.

— Щенята Дианы накормлены? — спросил Фалеев.

Собака отрицательно покачала головой.

— Почему? Соски с молоком не принесены?

Джипси утвердительно кивнул.

— Ну, тогда лети, Джипси, нажми седьмую кнопку. Вызови Олю и поторопи её.

Собака, окинув меня испытующим взором, полетела в обратный путь. Я почувствовал, что моё сердце учащённо забилося.

— Видели? — тихо спросил Фалеев. — Всё понимает. Только отвечать не может. Речевого аппарата не приобрела, Приходится по вопросно-ответной системе изъясняться. Зато в развитии мозга произошёл колоссальный скачок. Право, жутко с такой собакой! Я стараюсь с нею ладить. Меня она как будто любит, а Крамера почему-то невлюбила. Увидит — сердито посмотрит и улетает от него. Она сама, видно, страдает от того, что говорить не может. Тут уж мне приходится её собачий язык изучать.

В глубине лаборатории послышался отрывистый лай.

— Вот видите, этак она призывает меня. Что-то там не ладится! Летим к ней!

К лаю Джипси присоединился визг щенка. Мы быстро понеслись по лаборатории.

Щенок с перепончатыми лапами просунул один палец в сетку и не мог его

вытащить. Он отчаянно визжал, смотря на нас взглядом ребёнка. Джипси суетился возле, безуспешно пытаюсь своими длинными пальцами вынуть застрявшую лапу щенка. Мы пришли на помощь и общими усилиями освободили палец.

Я решил «поговорить» с Джипси.

— Джипси! — Как трудно выдержать взгляд этих глаз! — Ты не умеешь говорить? Хочешь, я буду учить тебя?

Джипси быстро закивал головою, и мне показалось, что в глазах его сверкнула радость. Собака подлетела ко мне и лизнула мою руку.

— Это значит, что он очень доволен. Я вижу, вы будете с ним друзьями, — сказал Фалеев. — Ну, так как же, товарищ Артемьев, где вы намерены работать? В лаборатории физиологии растений или здесь?

— Пусть решит Шлыков, — сказал я. — А пока мне придётся поработать в оранжерее. До свиданья, товарищ Фалеев! До свиданья, Джипси!..

Остаток дня я провёл в оранжерее. Крамер находился в мрачном настроении и со мною не разговаривал. Он молча возился возле кустов клубники. Когда Зорина подлетала ко мне с каким-нибудь вопросом, Крамер угрюмо следил за нею и за каждым моим движением. Тяжело работать в такой обстановке! Я решил просить Шлыкова перевести меня в лабораторию физиологии животных.

Когда я сообщил свою просьбу Шлыкову, он очень обрадовался.

— Я решил значительно увеличить штат зоолаборатории, — сказал он. — В оранжерею я направлю новых работников, которые сегодня прибывают с Земли. А вы отправляйтесь к Фалееву. Не понимаю, что с ним стало? С каждым днём он становится всё более бестолковым и рассеянным. С ним происходит что-то неладное.

— На мой взгляд, не только с ним одним, — заметил я.

— А с кем ещё? — спросил Шлыков, приподнимаясь на своей кушетке.

— С Крамером. Это был первый человек, с которым я познакомился на Кэце. Тогда он был совершенно иным. Теперь же я не узнаю его. Он стал раздражителен, подозрителен, неуравновешен. Мне кажется, его психика не в порядке, — сказал я.

— Не знаю... Я редко вижу его. Но если вы это находите, надо будет показать его Мёллер. К Фалееву я перевожу и новую сотрудницу — Зорину.

— Зорину? — воскликнул я.

— А почему бы и нет? Вы имеете что-нибудь против неё?

— Против неё нет, ничего не имею, — ответил я. — Но, мне кажется, Крамер почувствовал недоброжелательство ко мне именно из-за этой девушки. И если она будет работать в одной лаборатории со мной...

— Ах, вот в чём дело! — рассмеялся Шлыков. — На Звезде Кэц родилась ревность. Тогда понятно, почему Крамер вдруг стал неуравновешенным. Но на это не стоит обращать внимания.

Что мне оставалось делать? И я рассказал Шлыкову, что дело здесь не только в Зориной, что Крамер подозревает меня в намерении похитить и присвоить открытия самого Шлыкова, и при этом он беспричинно хохочет... Но Шлыков сказал, что всё это проистекает из одного — ревности Крамера. Я решил подождать и посмотреть, как будет вести себя Крамер дальше.

Глава 18

Новый друг

Началась трудовая жизнь.

Я с увлечением работал в лаборатории.

Вечерами и в выходные дни мы развлекались в клубе, в общественном саду, в кинотеатре, в гимнастическом зале. Молодёжь устраивала «шарады». Делали «верблюда» из трёх человек, покрытых скатертью. Зорина вскакивала на верблюда и, погоняя, неслась по коридору. Словом, забавлялись, как дети. «Старики» не отставали от «молодёжи».

Один Крамер вёл себя по-прежнему странно. Он то хохотал как сумасшедший, то вдруг погружался в глубокую задумчивость. Нет, это не только ревность. Меня он оставил в покое, но продолжал следить за каждым моим шагом.

Я познакомился со многими кэцовцами и даже приобрёл друзей. Я всё больше входил во вкус «небесного» житья-бытья и тосковал только о Тоне.

Изредка я говорил с нею по телефону. Она сообщала мне, что чернородый всё ещё витает где-то между Марсом и Юпитером, в кольце астероидов, но скоро прилетит на Кэц и что она сделала какое-то очередное «поразительное открытие».

Мои новые друзья познакомили меня с небесной колонией. Молодой инженер Карибаев приглашал посетить завод, на котором он работал.

— Замечательное сооружение, — говорил он с небольшим акцентом. — Целая планетка. Шар. Большой шар! Только мы живём не на поверхности, а внутри шара. В диаметре он в два километра. Шар медленно вращается. От вращения получается сила тяжести — одна сотая земной. Слабая тяжесть помогла нам поставить самые сложные производства. У нас законы рычага, жидких тел и газов не осложняются весом. Звуки и вообще разные колебания распространяются, как на Земле. Барометр, правда, не работает, но он нам и не нужен. Часы, весы — пружинные. Массу можно определить и на центробежной машине. Магнитные, электрические и другие силы действуют яснее, чем на Земле. Для процессов штамповочных машин сила тяжести не нужна. Топок с жидким и твёрдым горючим мы избегаем. Для выработки электрической энергии мы используем Солнце при помощи самых разнообразных машин.

Представьте себе два цилиндра. Один цилиндр в тени, другой освещён Солнцем. Солнечная теплота превращает заключённую в цилиндре жидкость в пар. Пар бежит по трубе и вращает турбину. Затем пар попадает в холодный цилиндр, который стоит в тени, и охлаждается. Когда вся жидкость из горячего цилиндра переходит в виде пара в холодный, цилиндры автоматически меняются местами. Тот, который служил холодильником, становится паровым котлом, и наоборот. Разница температур между освещённой Солнцем стороной и теневой огромная. Машина работает автоматически и безотказно. Это почти «вечный двигатель», если не считать износа трущихся частей.

Другая солнечная установка имеет вид большого шара с маленьким отверстием. Шар внутри чёрный. Сквозь маленькое отверстие в шар попадает собранный зеркалом луч Солнца и нагревает внутреннюю поверхность шара.

Это тепло мы можем применять и для двигателя и для своих металлургических работ. Мы легко получаем шесть тысяч градусов тепла, то есть столько же, как на поверхности Солнца. Вы видели, когда летали на Луну, наш шар-завод?

— Видел, — ответил я. — Он похож на маленькую планетку.

— А позади шара заметили огромный квадрат, который закрывает часть звёздного неба?

— Не обратил внимания.

— Возможно, что вы пролетели с другой стороны и «квадрат» стоял ребром к вам. Когда он освещён Солнцем, то далеко виден, как необычайная «квадратная луна». Это фотоэлемент. Тончайший медный лист в десять тысяч квадратных метров, покрытый окисью меди. От него идут невидимые издали тонкие провода. Над ним помещается ещё более грандиозное сооружение, похожее на радиатор парового отопления. Термоэлектрическая установка. Металлические трубки из разного металла, спаянные посередине. При нагревании Солнцем места спая получается электрический ток.

Словом, мы имеем энергию в неограниченном количестве. Специальные металлообрабатывающие машины нетрудно было создать. Ковка, конечно, не может быть у нас применена. Молотки ничего не весят. Но ковку прекрасно можно заменить штамповкой, прессами. И поэтому на наших фабриках и заводах полное отсутствие дыма, копоти, грязи. Чистота, тишина, отличный воздух. Передвижение огромных тяжестей даётся легко. Наши ловцы метеоров собрали тысячи тонн железа, меди, свинца, олова, иридия, платины, хрома, вольфрама, которые «висят» за шаром «на дворе». Нужную нам глыбу мы притягиваем на завод тончайшими проволоками. Так просто устроен наш «внутризаводской транспорт». Иногда мы пользуемся и небольшими ракетами, «безвоздушными ракетокарами», заменяющими электрокары. Преимущественно мы применяем электросварку, но и иногда непосредственную «солнцесварку». Если вы хоть немного интересуетесь техникой, непременно побывайте на нашем заводе... Кстати, где вы были сегодня в двенадцать часов утра по нашему счёту времени?

— Кажется, в оранжерее или в лаборатории.

— Тревогу слышали?

— Нет.

— Ну, значит, в это время вы были в лаборатории, отдалённой от Кэца. Иначе не могли бы не слышать. Сирена гудела и завывала как бешеная. Я в это время был у Пархоменко. Посмотрели бы вы, какая суета поднялась на Звезде!

— Чем же была вызвана тревога?

— Редчайшим случаем, первым в летописи Звезды. Маленький метеор, быть может, величиною немного более песчинки, пронизал насквозь нашу Звезду, пробив по пути листья растений и плечо одной нашей сотрудницы. Метеор был ничтожно мал. Об этом можно судить по тому, что образованная им в оболочке Кэц скважина сама собой запаялась, вначале расплавившись от удара. Но Горева, сквозь комбинезон и плечо которой прошёл небесный гость, говорила, что видела вспышку и слышала треск, как от молнии. Сейчас же была объявлена тревога. Ведь метеор мог пробить большое отверстие в оболочке. Газ начал бы выходить, и мировой холод проник бы в ракету. Вот поэтому

наша ракета разделена на глухие отсеки. Двери моментально герметически закрываются, и утечки атмосферы из других отделений ракеты не происходит. В отделение, где случается авария, направляются рабочие в скафандрах. Горева успела выскочить из своей комнаты прежде, чем двери автоматически захлопнулись. На всякий случай у нас, впрочем, имеются ключи. Они дают возможность открыть дверь и выбежать, если она автоматически уже закрылась. Несмотря на переполох, всё шло в общем очень дисциплинированно и чётко. Мёллер осмотрела ранку Горовой и заявила, что никогда не приходилось ей видеть столь «стерильной» раны. Впрочем, едва ли можно назвать раной отверстие немногим больше булавочного укола. Эта «сквозная рана» не потребовала даже перевязки. Однако я заболтался, — сказал инженер, взглянув на ручные часы. — Так я вас жду!

Я обещал, что побываю на заводе непременно. Но обещанию этому не суждено было осуществиться. Иные события отвлекли меня.

Я почти переселился в зоолабораторию, часто даже не являлся обедать в Кэц переодевания в «водолазный» костюм, атмосферные камеры — всё это отнимало немало времени, а я дорожил каждой минутой. Ведь одна минута в этой лаборатории давала больше, чем многие часы на Земле; так быстро протекали здесь при опытах различные биологические процессы. Мутация мух-дрозофил происходила буквально на моих глазах. Я поражался разнообразию всё новых и новых разновидностей. Я весь был поглощён исследованием законов, которые управляют всеми этими изменениями. Понять их — значит, найти новое могучее орудие произвольного управления развитием и ростом животных. Я изучал ядра клеток и находящиеся в них хромосомы — носители наследственных признаков, — изучал хромосомные наборы или комплекты. Я уже мог безошибочно получать у дрозофил потомство «заказанного» пола и роста.

Какие перспективы развития земного животноводства! Правда, там нет космических лучей такой интенсивности, какая существует здесь. Но на Земле уже открыли способы искусственного получения космических лучей. Там это ещё слишком дорогое удовольствие, но опыты можно производить здесь, а результаты сообщать на Землю. И на Земле в особых камерах станут подвергать искусственному космическому облучению животных, для того чтобы наверняка получать желаемый результат. В стаде мы сможем получать столько коров и столько быков, сколько нам нужно, а не сколько желает природа. Мы по заказу сможем получать животных-гигантов. Слоноподобная корова каждый день даёт десятки вёдер молока. Разве это не заманчивая задача?

За работой я не забывал Джипси. Он решительно привязался ко мне и не отлетал ни на шаг. С ним было не скучно. Правда, не легко было привыкнуть к его внешности и небывалой натуре. Но я привык, и впечатление его уродства сгладилось. Даже глаза самого Джипси повеселели.

Ведь люди не всегда вежливы со своими четвероногими друзьями. Особенно этот Крамер. «Ну ты, лысый баран! — грубо приветствовал он Джипси, встречаясь с ним. — Не подходи!» — и грозил кулаком. Понятно, что Джипси терпеть его не мог.

Обучение Джипси «говорить» сводилось к созданию «условного языка». Мне приходилось запоминать те звуки, которые издавал Джипси по тому или

иному поводу. Звуки эти мало походили на членораздельную речь, но всё же они отличались друг от друга. Джипси сам стал помогать мне, обращая внимание на интонацию, силу тона, паузы. Так, постепенно мы начали довольно свободно изъясняться друг с другом. Неудобство было только в том, что Джипси всё же оставался «иностранцем», которого мог понять один я. Тем больше он ценил и любил меня. Он часто лизал мне руки — это собачье выражение ласки у него осталось. Да и как иначе он мог проявить свои нежные чувства?

Забавно было смотреть на Джипси, когда он с величайшей заботливостью и терпением обучал молодых щенят двигаться, «летать» в невесомом пространстве. Жаль, что эти картины не были засняты на киноплёнку!

Глядя на него, я думал: как плохо мы ещё используем животных для служения человеку! Джипси с его перепончатыми лапами мало приспособлен для движения по Земле. Его мышцы и скелет, вероятно, ослаблены. Но ничего нет проще создать здесь тип высокоразвитой собаки, годной для земных условий. Нужно только выращивать этих собак при искусственной тяжести. Развитие же их мозга при влиянии интенсивнейших космических лучей идёт здесь гораздо быстрее, чем на Земле. Я заметил у Джипси необычайно тонкий нюх и слух. Он мог бы быть не только прекрасным сторожем, который при случае может зажечь сигнальные огни, позвонить в звонок, вызвать лаем по телефону, но и своего рода живым реактивом на производстве. Он чувствует малейшие изменения запаха, температуры, звука, цвета и тотчас может подать сигнал. Это, конечно, идеально делают и наши автоматы. Но Джипси не автомат, и он может больше: не только «отмечать», но и изменять направление работы при помощи тех же автоматов.

Он очень любил, когда я посылал его с разными поручениями, и исполнял их почти всегда безошибочно. Если он не понимал меня, то мотал головой. «Да» и «нет» он уже передавал звуками «ва», «вва».

Его преданность была безгранична. Однажды в нашу лабораторию прилетел служащий, недавно прибывший с Земли, и неумело замахал предо мною веерами. Джипси вообразил, что новый человек хотел ударить меня, он буквально налетел на него и отбросил далеко в сторону. Несчастный едва не умер от страха, увидев такое кошмарное чудовище.

Мне будет нелегко расстаться с Джипси, а взять его на Землю невозможно. Там он чувствовал бы себя отвратительно.

Словом, я был очень доволен Джипси. Зато Фалеев приводил меня всё в большее недоумение. Этот человек поразительно изменялся у меня на глазах. Он становился всё бестолковее. Иногда, не понимая простых вещей, он долго «висел» предо мною. Работа у него совсем не ладилась. Он всё забывал, делал массу ошибок. Даже внешне он как-то опустил, оброс бородой, редко менял костюм, в ванну мне приходилось тащить его чуть не насильно. Самое же удивительное, — он начал изменяться физически. Я долго не верил своим глазам, но в конце концов убедился, что он становится всё выше, длиннее... Лицо его тоже удлинялось. Нижняя челюсть выдавалась всё больше. Пальцы на ногах и руках вытягивались, хрящи и кости утолщались. Словом, с ним происходило то, что происходит с человеком, заболевшим акромегалией. Однажды я подвёл его к зеркалу, в которое он, вероятно, не заглядывал уже месяц, и сказал:

— Посмотрите, на кого вы стали похожи!

Он долго смотрел в зеркало, потом спросил:

— Кто это?

Совсем не в себе человек!

— Разумеется, вы.

— Не узнаю, — сказал Фалеев. — Неужели это я? Страшнее Джипси. — Он сказал это совершенно равнодушным тоном и, отойдя от зеркала, тотчас заговорил о другом.

Нет, этого человека надо лечить, и лечить немедленно.

Я решил в тот же день слетать на Кэц и обо всём сообщить Мёллер.

Но в этот день произошло ещё одно событие, которое заставило меня сделать доклад Мёллер уже не об одном больном, а о двух.

Глава 19

Странное заболевание

Наши пружинные часы (часы с маятником не работают в мире невесомости) показывали уже около шести вечера. Фалеев улетел на Звезду Кэц, Зорина ещё оставалась в зоолаборатории. Эта девушка увлекалась работой не меньше меня и часто засиживалась здесь до ужина. Всегда весёлая, жизнерадостная, радушная, она была не только прекрасным работником, но и отличным товарищем.

Она часто обращалась ко мне с различными научными вопросами, и я охотно давал разъяснения.

Так было и на этот раз.

Вера Зорина изучала влияние холода на рост шерсти. Подопытное животное находилось в особой камере с довольно низкой температурой, и работать там приходилось в тёплом костюме. Эта камера помещалась в конце нашей трубообразной лаборатории.

Я сидел один у стеклянного ящика, рассматривая чудовищную дрозифилу величиною с голубя. Несмотря на такой рост, крылья у мухи были не больше пчелиных. Так как эти крылья почти не помогали ей во время полёта, то она предпочитала быстро лазить по стенкам своего стеклянного домика. Но эта гигантская муха уже не была бесполом существом. Дрозофила была самка — по моему заказу. Размышляя о последствиях своего успеха, я не сразу заметил, как ко мне полетел Джипси и начал изъясняться на своём собачьем языке. Потом я понял: меня просит к себе Зорина.

Я поднялся, Джипси полетел вперёд, махая своими перепончатými лапами, я за ним. Долетев до конца лаборатории, я надел тёплый костюм и «вошёл» в камеру. Под потолком «парил» баран. У него была такая длинная шерсть, что ног совершенно не было видно. Я пощупал мягкое шелковистое руно. Поистине золотое руно! Шерсть окружала барана, как облако.

— Недурно! — сказал я. — Вы делаете успехи.

— И представьте, — обрадовалась Зорина, — совсем недавно я стригла барана. Вот шерсть опять отросла и даже длиннее прежнего. Но она стала несколько жёстче. Это озаботило меня.

— Что вы, шёлк не может быть мягче, — возразил я.

— Но паутина тоньше шёлка, — в свою очередь, возразила Зорина. — Вот попробуйте снятое руно. — И она подала мне клочок белоснежной шерсти, лёг-

кой, как газ.

Зорина права: снятая шерсть была тоньше.

— Неужели после стрижки шерсть становится грубее? — спросила меня девушка.

Я не мог ответить сразу.

— Холодно здесь, — заметил я. — Выйдемте отсюда и побеседуем.

Мы перешли из камеры в лабораторию, сняли шубы и, «повесив их на воздух» рядом с собой, начали разговор. В окно заглядывало синее Солнце. Где-то внизу висел гигантский месяц Земли. Брильянтовой россыпью светился Млечный Путь. Белели пятнышки туманности. Знакомая, уже привычная картина... Зорина слушала меня, зацепившись пальцем ноги за ремешок в «потолке». Я, обняв Джипси за голову, примостился возле самого окна.

Вдруг Джипси тревожно проворчал: «Кгмррр...» В этот же момент я услышал голос Крамера:

— Небесная идиллия! Дуэт на Звезде!

Я переглянулся с Зориной. Её брови нахмурились. Джипси снова заворчал, но я успокоил его. Крамер, махая веером правой руки, делал медленные круги в воздухе, приближаясь к нам.

— Мне надо поговорить с Верой! — сказал он, остановившись и глядя на меня в упор.

— Я вам мешаю? — спросил я.

— Надо самому быть догадливым, — злобно ответил Крамер. — С вами у меня будет разговор попозже.

Я резко оттолкнулся ногой от стенки и полетел в противоположный конец лаборатории.

— Куда же вы, Артемьев? — услышал я за собой голос Зориной.

Оглянувшись на полдороге, я увидел, что Джипси колеблется — лететь ли за мной, или оставаться с девушкой, которую он любил не меньше меня.

— Идём, Джипси! — крикнул я.

Но Джипси, в первый раз за всё время, не исполнил моего приказания. Он ответил мне, что останется с Зориной и будет охранять её. Этот ответ Крамер, конечно, не понял. Для него «слова» Джипси были набором ворчанья, лая и чавканья челюстями. Тем лучше!

Я полетел к камере дрозofil и остановился, прислушиваясь к тому, что делается в другом конце лаборатории. Станный вид Крамера и поведение собаки, почувствовавшей опасность, настроили меня тревожно.

Но всё было тихо. Джипси не ворчал, не лаял. И голоса Крамера не было слышно. Наверное, он говорил очень тихо. Атмосфера в нашей лаборатории не так плотна, как на Земле, и потому звуки приглушены. Прошло минуты две в напряжённом ожидании. И вдруг до меня долетел неистовый призывный лай Джипси. Потом он умолк, и только слышалось глухое ворчанье.

Я рванулся и полетел обратно, хватаясь на лету за выступы перегоронок и этим нагоняя скорость.

Ужасная картина представилась моим глазам.

Крамер душил Зорину. Вера старалась разжать его руки, но ей это не удавалось. Джипси вцепился зубами Крамеру в плечо. И тот, пытаясь освободиться от собаки, делал резкие движения всем телом. Джипси отчаянно махал лапами. И все трое вертелись посреди лаборатории, как клубок.

Я с налёту врезался в группу сплетённых тел и схватил Крамера за горло. Больше мне ничего не оставалось делать.

— Джипси! Вызывай на помощь! Звонок! Телефон! — крикнул я.

Крамер хрипел, но не выпускал шеи Зориной. Его руки словно окостенели. Лицо было искажено, глаза безумны.

Джипси помчался к звонковому номератору и нажал кнопку «тревоги». Затем вновь вернулся ко мне и вцепился Крамеру в нос. Крамер закричал и отпустил руки. Джипси тотчас же разжал челюсти.

Но нам ещё рано было праздновать победу. Правда, мне удалось оттолкнуть Веру подальше от Крамера. Но в следующий момент он сильно ударил Джипси в его курносое «лицо» и набросился на меня. Началась необычная борьба. Я отчаянно махал крыльями, чтобы увернуться от Крамера. Однако мой противник, более привычный к движениям в невесомом пространстве, быстро изменял положение и неожиданно оказывался возле моей головы. Тогда Джипси бросался между нами, угрожая снова вцепиться в лицо Крамера.

Крамер неистово наносил мне удары кулаком и ногами. Но, на моё счастье, кулаки врага не имели ни малейшего веса. И я чувствовал удар только тогда, когда Крамер налетал на меня, оттолкнувшись от стены.

Наконец ему удалось схватить меня сзади, и его руки стали подбираться к моей шее. Тут Джипси повис на кисти его правой руки. Крамеру пришлось освободить левую, чтобы отбросить собаку, но в это время к нашей свалке присоединилась Вера. Она ухватила Крамера за ноги.

— Оставьте, Крамер! Вам не справиться одному с троими! — уговаривал я его.

Но он был как бешеный.

В лаборатории слышались голоса людей, и вскоре пять юношей растащили нас. Крамер продолжал драться, вырываться и неистово кричать. Пришлось четверым держать его, а одному слетать за верёвкой на наш небольшой склад. Крамера связали.

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство! — прохрипел он.

— Какой позор! — сказал один из прибывших. — Никогда ещё подобного не было на Кэц!

— Наш директор, товарищ Пархоменко, имеет и судебные полномочия. Я думаю, этот первый хулиганский поступок будет и последним, — сказал другой.

— Не судите его раньше времени, товарищи, — примирительно сказал я. — Мне кажется, что Крамера надо не судить, а лечить. Он болен.

Крамер стиснул зубы и замолчал.

Опасаясь, что он снова начнёт драться, его так и одели в «водолазный» костюм связанным по рукам и ногам и доставили на Кэц как груз. Мы с Зориной также последовали туда. В лаборатории оставили только одного дежурного и Джипси.

Когда мы прибыли на Кэц, я настоял на том, чтобы Крамера немедленно показали Мёллер. Я рассказал ей о его поведении с начала моего знакомства с ним вплоть до последнего его поступка. И помянул также о том, что и Фалеев, по моему мнению, заболел и телесно и психически и что, быть может, причина их болезни одна и та же.

Мёллер внимательно выслушала меня и сказала:

— Да, это весьма вероятно. Условия на Звезде слишком необычны. У нас уже были случаи острого помешательства. Один из первых «небесных переселенцев» вообразил, что он «на том свете». Можете представить себе, какие пережитки ещё существуют в нашей психике!

Она потребовала, чтобы к ней привели Крамера, а затем Фалеева.

Крамер не отвечал на вопросы, был угрюм и только один раз повторил свою фразу:

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство.

Фалеев проявлял «тихое недоумение», как в шутку выразилась Мёллер. Из ответов Фалеева она всё же, видимо, сделала кое-какие заключения. И когда обоих увели, она сказала:

— Вы совершенно правы. Они оба больны, и серьёзно больны. О суде над Крамером не может быть и речи. Его нужно только пожалеть. Это жертва научного долга. Но как же вы, биолог, не догадались о причине?

— Я здесь недавний гость, и я не медик... — смущённо ответил я.

— А между тем вы легко могли бы догадаться. Впрочем, и я, старая кочерыжка, не лучше вас. Тоже прозевала... Всё дело в космических лучах! Вы подумайте. Уже на высоте каких-нибудь двадцати трёх километров от поверхности Земли сила космического излучения в триста раз больше, чем на Земле. Через земную атмосферу до поверхности Земли проникает только ничтожное количество этих лучей. Мы же находимся за границей атмосферы и подвергаемся длительному действию космических лучей, в тысячу раз большему, чем на Земле...

— Позвольте, — перебил я. — Но ведь тогда все жители Кэц должны были перебеситься или выродиться в уродов. Однако этого не происходит.

Мёллер укоризненно покачала головой.

— И вы всё ещё не понимаете! Этим мы обязаны строителям Кэц. Хотя и существовало мнение, что космические лучи опасности не представляют, но строители Кэц всё же создали в оболочках наших небесных жилищ изоляционные слои, которые предохраняют от действия самых сильных космических излучений. Понятно?

— Я не знал этого...

— А вот часть лаборатории — физиологии растений и зоолаборатория — были созданы так, чтобы пропускать максимальное количество космических лучей. Мы должны были определить, как воздействуют они на организм животных и растений. Ведь все ваши опыты с дрозофилами и более крупными животными на чём основаны? Все эти мутации откуда происходят? От действия космических лучей. Вы это знаете?

— Я это знаю. И теперь понял...

— Наконец-то. Дрозофилы изменяются; из собак, козлов, баранов невесть какие чудища получаются. А вы сами что — из другого теста? На них действует, на вас не действует? И ведь я же знала это! Знала и предупреждала. А меня вот такие биологи, как вы, уговаривали: ничего опасного! Ну и довели одного до сумасшествия, другого до уродства. Космические лучи оказывали действие на железы, железы влияли на физиологические и психические функции. Это ясно... У Фалеева акромегалия. С этой болезнью мы скоро справимся. А с Крамером придётся повозиться. Да если и вы, друг мой, проработали бы в такой лаборатории года два, то, наверное, и с вами случилась бы такая же неприят-

ная история.

— Но что же теперь делать? Я не могу оставить работу.

— Вы и не оставляйте. Придумаем что-нибудь. Работают же рентгенологи, радиологи с опасными лучами, надо только умело изолировать себя. Изоляционные шлемы с козырьком, изоляционная одежда. Подопытные животные могут находиться под непосредственным действием лучей, научные же сотрудники — под «крышей», не пропускающей космический «дождь». И выходить под такой «ливень» в опытную камеру можно только с «зонтиком». Я сделаю распоряжение, и наши инженеры устроят всё нужное.

Глава 20

Чернобородый Евгеньев-Палей

Прошло восемь месяцев с тех пор, как я оставил Землю.

Звезда Кэц готовилась к празднику. Здесь каждый год с большой торжественностью празднуется день основания Звезды. Старожилы рассказывали мне, что к этому дню на Звезду Кэц слетаются все небесные колонисты, где бы они ни были. Делают доклады, выслушивают отчёты о годовой работе, сообщают о своих достижениях, делятся опытом, строят планы на будущее. В этом году готовился особенно торжественный праздник. Я ожидал его с большим нетерпением: я знал, что увижу, наконец, не только Тоню, но и неуловимого чернобородого.

На Звезде уже начались подготовительные работы. Из оранжереи приносили вьющиеся растения, цветы и декорировали главный зал. Художники рисовали плакаты, портреты, диаграммы, музыканты разучивали новые песни и кантаты, артисты репетировали пьесу, руководители научной работы составляли доклады.

Весело было летать по «вечерам» вдоль озеленённого «тоннеля», украшенного разноцветными лампами. Всюду была предпраздничная суета, слышались пение, музыка, молодые голоса. Каждый день появлялись новые лица. Преобладала молодёжь. Знакомые встречали друг друга шумными приветствиями и оживлённо делились впечатлениями.

— Ты откуда?

— С пояса астероидов.

— На кольце Сатурна был?

— Как же!

— Расскажи! Расскажи! — слышались голоса.

Вокруг рассказчика немедленно образовывалась плотная группа, вернее рой: тяжесть была ничтожна, и многие слушатели летали над головой рассказчика.

— Кольцо Сатурна, как вы знаете, представляет собой мириады летящих в одном направлении осколков. Это, вероятно, остатки разорвавшейся на части планетки — спутника Сатурна. Есть совсем небольшие камешки, есть огромные глыбы и целые горы.

— А можно ходить по кольцу, перескакивая с камня на камень? — спросил кто-то.

— Конечно, можно, — смеясь ответил рассказчик, и нельзя было понять, го-

ворит ли он правду, или шутит. — Я так и делал. Некоторые осколки действительно летят так близко, что можно перешагнуть с одного на другой. Но, вообще говоря, расстояния между ними не так уж малы. Однако при помощи наших портативных ракет мы легко перелетали с осколка на осколок. Вот где богатство, товарищи! Некоторые куски состояли из сплошного золота, некоторые — из серебра, но большинство было из железняка.

— И ты, конечно, привёз золото?

— Образцы привезли. Кольца Сатурна хватит нам на сотни лет. Мы будем извлекать камень за камнем из этого чудесного ожерелья. Сначала мелкие камни, а затем возьмёмся и за большие.

— И Сатурн лишится своего прекрасного украшения. Это всё-таки жалко, — сказал кто-то.

— Да, признаюсь, зрелище эффектное. Подлетая к кольцу в одной плоскости с ним, видишь только его ребро — тонкую светящуюся линию, которая прорезает также светящуюся планету. Если смотришь сверху, видишь сияющее кольцо необычайной красоты. Сбоку — золотую дугу, опоясывающую полнеба, то правильную, то вытянутую эллипсисом или даже параболой. Прибавьте к этому десять лун-спутников, и вы представите себе, какое поразительное зрелище ожидает путешественника.

— А на Сатурн не спускались?

— Нет, это мы тебе оставили, — сказал рассказчик. Все рассмеялись. — Вот на Фебе были, на Япете были. Маленькие луны, лишённые атмосферы, и больше ничего. Но вид неба отовсюду изумительный.

— Словом, мы изучили стратосферу, как атмосферу собственной комнаты. Для нас больше нет тайн... — послышался голос аэролога, пролетавшего мимо рука об руку с моим знакомым Соколовским.

Я помахал рукой геологу и вдруг увидел Тюрина. Он осторожно ступал по полу рядом с директором Пархоменко и что-то говорил о движении. Уж не собирается ли он сделать доклад о своей философии движения?..

Пархоменко подошёл к Зориной. Не первый раз я встречаю директора вместе с этой девушкой. Хорошо, что Крамер не видит. Он, бедняга, всё ещё сидит в изоляторе. Тюрин, с классической рассеянностью учёного, даже не заметил, что потерял своего спутника, и медленно пошёл дальше разглагольствуя:

— Движение — благо, неподвижность — зло. Движение — добро, неподвижность...

Звуки оркестра заглушили речь проповедника новой философии.

Я облетел весь главный коридор, заглянул в огромный зал, в столовую, на «стадион», в бассейн. Всюду порхающие, скачущие, лазающие люди. Всюду звонкие голоса и смех. Но среди них нет Тони... Мне стало тоскливо, и я отправился в зоолабораторию побеседовать со своим четвероногим другом...

Наконец настал день праздника. Для того чтобы многочисленные колонисты могли расположиться удобнее, силу тяжести на Звезде почти совершенно уничтожили. И собравшиеся разместились равномерно по всему пространству. Они облепили стены, наполняя зал, как мухи-дрозофилы стеклянную коробку.

В конце коридора была сооружена «эстрада». За нею помещался художественно исполненный светящийся транспарант. На нём была изображена наша Земля, над нею — Звезда Кэц, ещё выше — Луна. В большом овальном от-

верстии транспаранта виднелась платиновая статуя Константина Эдуардовича Циолковского. Он был изображён в своей любимой рабочей позе: положив дощечку с бумагой на колени. В правой руке его был карандаш. Великий изобретатель, указавший людям путь к звёздам, как будто прервал свою работу, прислушиваясь к тому, что будут говорить ораторы. Художник-скульптор передал с необыкновенной выразительностью напряжение лица глуховатого старца и радостную улыбку человека, «не прожившего даром» свою долгую жизнь. Это серебристо-матовая статуя, эффектно освещённая, оставляла незабываемое впечатление.

Стол президиума заменяло висящее в воздухе золотое кольцо. Оно напоминало «новоземие». Вокруг этого кольца, придерживаясь за него руками, расположились члены президиума. В центре появился директор Пархоменко. Зал приветствовал его возгласами и аплодисментами.

Я почувствовал, что кто-то прикоснулся к моей руке. Я обернулся — Тоня!

— Ты!.. — только и мог воскликнуть я. Так, неожиданно для себя, я стал называть Тоню на «ты».

Вопреки правилами Кэц, мы крепко пожали друг другу Руки.

— Работа задержала! — сказала Тоня. — Я сделала ещё одно открытие. Очень полезное здесь, но, к сожалению, очень мало применимое на Земле... Помнишь тот случай, когда маленький астероид едва не вызвал катастрофу, пронизав наше жилище? Это убедило меня в том, что как ни мало вероятны такие случаи с точки зрения вероятности, но они всё же случаются. И вот я изобрела...

— Значит, не открытие, а изобретение?

— Да, изобретение. Я изобрела аппарат, который реагирует на приближение даже малейших астероидов и автоматически заблаговременно отодвигает Звезду с их пути.

— Вроде радиоаппаратов, предупреждающих о появлении на пути корабля айсбергов?

— Да, с тою только разницей, что мой аппарат не только предупреждает, но и отодвигает наш «корабль» в сторону. Я после расскажу тебе подробнее... Пархоменко уже начинает свой доклад.

Всё стихло.

Директор поздравил собравшихся с «успешным окончанием звёздного года». Взрыв аплодисментов, и снова тишина.

Потом он, подводя итоги, говорил, что Звезда Кэц, детище Земли, «начинает возвращать долг своей матери». Он говорил, что у кэцовцев есть огромные достижения, что они своими трудами в области астрономии, аэрологии, геологии, физики, биологии обогатили всё человечество. Сколько сделано крупнейших научных открытий, сколько разрешено неразрешимых на Земле задач! Необычно ценные открытия сделал, например, Тюрин. Его «Строение Космоса» войдёт в историю науки как классический труд, создающий эпоху. Его имя становится в ряд имён таких титанов науки, как Ньютон и Галилей.

Высокую оценку получили и работы аэролога Кистенко, геолога Соколовского, «выдающегося изобретателя и экспериментатора товарища Герасимовой», упомянуты были мои скромные труды, как мне кажется, не в меру оценённые.

— Истинным героем — завоевателем небесных пространств проявил себя

товарищ Евгеньев, — сказал Пархоменко и начал аплодировать кому-то позади себя.

Евгеньев! Чернобородый! Я вытягиваю шею, чтобы разглядеть его, но герой скрывается. Он не вышел даже на аплодисменты.

— Он, товарищи, скромничает, — говорит Пархоменко. — Но мы заставим его сделать доклад о своих необычайных приключениях в поясе астероидов. Начальник экспедиции должен отчитаться перед нами.

Евгеньев, наконец, показался в кольце. Я сразу узнал его.

— А ты бы узнала? — спросил я Тоню.

Тоня улыбнулась.

— Среди безбородых — да, но среди таких же бородатых, как он, едва ли. Я ведь его только мельком видела, когда он ехал на аэродром.

Евгеньев заговорил. При первых же его словах Тоня вдруг сильно побледнела.

— Что с тобой? — испуганно воскликнул я.

— Да ведь это же Палей! Его голос... Но как он изменился! Палей-Евгеньев... ничего не понимаю!

Я, вероятно, побледнел не меньше Тони: так взволновала меня эта новость.

— Как только он кончит речь, пойдём к нему! — сказала Тоня решительным тоном.

— Может быть, тебе удобнее одной? Вам много о чём надо поговорить.

— У нас нет тайн, — ответила Тоня. — Так лучше. Идём!

И как только овации умолкли и чернобородый отошёл от «стола». Тоня и я направились к нему.

Торжественная часть заседания оканчивалась. «Рой мух» пришёл в движение. Играл оркестр. Все пели хором «Звёздный гимн». Начинаясь карнавал цветов.

С трудом пробираясь через толпу, мы, наконец, приблизились к Палею. Увидев Тоню, он заулыбался и крикнул:

— Нина! Товарищ Артемьев! Здравствуйте!

— Идём куда-нибудь в тихий уголок. Мне нужно поговорить с тобой, — сказала Тоня Палею и схватила плававший в воздухе букет душистых фиалок.

— И мне тоже, — ответил Палей.

Мы отправились в отдалённый угол зала, но и там было слишком шумно. Тоня предложила перейти в библиотеку.

Палей-Евгеньев был в отличном настроении. Он предложил нам «усесться» на стулья, хотя они нисколько не поддерживали нас. Сам он с необычайной скоростью и ловкостью подставил под себя стул, витавший в воздухе, и, придерживая его ногами, «уселся». Мы последовали его примеру далеко не с такой ловкостью. Тоня оказалась повернутой на бок — Палей поставил её стул рядом с собою. Я висел вниз головой по отношению к ним, но не хотел менять своего положения, чтобы не вызвать смеха Палея неумелыми движениями.

— Так оригинальнее, — сказал я.

Некоторое время мы молчали. Несмотря на всю внешнюю весёлость. Палей волновался. Тоня тоже не скрывала волнения. Что же касается меня, то моё положение было совсем неловким. Право, я охотно улетел бы, как ни хотелось мне послушать, о чём они будут говорить. Я почувствовал себя ещё более неловко, когда Палей, кивнув на меня головой, спросил Тоню:

— Товарищ Артемьев твой жених?

Мне показалось, что я падаю. Но, к счастью, здесь люди не падают, если даже упадут в обморок. Что ответит Тоня? Я пристально посмотрел на неё.

— Да, — ответила она без колебания.

Я вздохнул свободнее и почувствовал себя твёрже на «воздушном» стуле.

— Так я не ошибся, — тихо сказал Палей, и в его голосе мне почудилась грусть.

Значит, и я не ошибся, предполагая, что у них было что-то, кроме научного интереса.

— Я очень виноват перед тобой, Нина... — произнёс Палей, помолчав.

Тоня утвердительно кивнула головой.

Палей взглянула на меня.

— Мы — товарищи, — сказал он, — а с товарищами можно говорить вполне откровенно. Я любил тебя, Нина... Ты это знала?

Тоня немного опустила голову.

— Нет.

— Верю. Я хорошо умел скрывать свои чувства. А ты как ко мне относилась?

— Для меня ты был другом и товарищем по работе.

Палей кивнул головой.

— И в этом я не ошибся. Ты увлекалась нашей работой. А я страдал, сильно страдал! Помнишь, с какой радостью принял я предложение ехать на Дальний Восток? Мне казалось, что когда меня не будет возле тебя...

— Я была очень огорчена, когда наша работа прервалась на самом интересном месте. Все записи ведь вёл ты. У тебя остались формулы. Без них я не могла двигаться дальше.

— И только из-за этих формул ты искала меня по земле и по небу?

— Да, — ответила Тоня.

На этот раз Палей искренне рассмеялся.

— Всё, что делается, делается к лучшему. Ты не раз упрекала меня, Нина, что я человек увлекающийся. Увы! Это мой недостаток, но и моё достоинство... Без этого увлечения я не совершил бы «двенадцати подвигов Геркулеса», о которых сегодня говорил Пархоменко. Кстати, нас всех представляют к награде. Это награда за мой увлекающийся характер... Так вот, — продолжал он. — Уехал я на Дальний Восток и там... влюбился в Соню и женился на ней и уже имею прекрасную дочурку. Жена и дочь на Земле, но скоро приедут сюда.

У меня ещё больше отлегло от сердца.

— Почему же ты стал Евгеньевым? Евгений Евгеньев? — спросила Тоня.

— Евгений Евгеньев — это случайность. Фамилия Сони — Евгеньева. А она у меня оригиналка. «Почему бы тебе не носить мою фамилию» — сказала она мне перед тем, как идти в загс. «Твоя так твоя», — согласился я. Палея мне было не жалко: он человек увлекающийся. Бросает работу на самом интересном месте... Быть может, Евгеньев будет лучшим работником.

— Но почему ты не переслал мне своих записок?

— Во-первых, я был так счастлив, что забыл обо всём на свете. Во-вторых, я чувствовал себя виноватым перед тобой. После своего неожиданного отъезда я два раза был в Ленинграде. И один раз видел тебя с товарищем Артемьевым. Я слышал, как ты назвала его по фамилии. Но я сразу понял ваши отношения.

В то время я работал уже в системе Кэца, новая работа совершенно захватила меня. Я весь жил «небесными интересами». К нашей с тобой работе, признаться, потерял всякое влечение. Я помнил, что наши общие записки я должен вернуть тебе... И вот я встречаю товарища Артемьева. А надо сказать, что это случилось в очень горячее время. За час до отлёта на аэродром из Ленинграда мы вдруг получили телеграмму о том, что нам необходимо закупить некоторые физические приборы, только что выпущенные ленинградскими заводами. Мы с товарищем распределили покупки, условившись встретиться на углу улицы Третьего Июля и проспекта Двадцать пятого Октября. Поэтому-то я и уехал так быстро, что не успел сообщить своего адреса. Успел только крикнуть: «Памир, Кэц!» А приехал на Памир и завертелся. Потом улетел на Звезду Кэц, отсюда — в межпланетное путешествие... Вот и весь сказ. Виноват, кругом виноват!

— Но где же, наконец, эти записки? — воскликнула Тоня.

— Только не сбрось меня, пожалуйста, со стула, а не то упаду и разобьюсь на куски, — засмеялся Палей. — Увы, увы! Тебе совсем не надо было летать на небо, чтобы получить их. Они остались в Ленинграде, в доме почти рядом с твоим, у моей сестры.

— И ты не мог даже написать об этом! — с упрёком сказала Тоня.

— Повинную голову и меч не сечёт, — сказал Палей-Евгеньев, подставляя Тоне свою черноволосую голову.

Тоня запустила пальцы в его густую шевелюру и, улыбаясь, потрепала его. Оба они от этого движения закружились.

— Высечь тебя надо, негодника, а не к награде представлять!

— За что высечь, а за что и наградить, — шутливо возразил Палей.

Тоня вдруг обернулась ко мне и сказала:

— Ну, что же, летим на Землю, Лёня?

«Летим на Землю! Лёня!» Как обрадовали бы меня эти слова несколько месяцев тому назад! Теперь же обрадовало только слово «Лёня». Что же касается полёта на Землю, то...

— Об этом мы ещё поговорим. Нельзя же так скоро. И у тебя и у меня есть незаконченные работы, — ответил я.

— Как? — удивилась она. — Теперь ты не хочешь лететь со мной на Землю?

— Хочу, Тоня. Но я накануне величайшего открытия в биологии. И закончить эту работу можно только здесь. А дело прежде всего.

Тоня посмотрела на меня так, словно видела в первый раз.

— Ты, кажется, успешно дозрел на Кэце, — сказала она не то насмешливо, не то одобрительно. — Этой твёрдости характера я в тебе ещё не замечала. Что же, таким ты мне больше нравишься. Поступай, как хочешь. Но я здесь больше оставаться не могу. Свои работы я окончила даже с превышением плана, как говорится, а новые начинать не собираюсь. Мне необходимо закончить ту, которую я начала когда-то с Палеем.

— Да, Нина, — поддержал её Палей. — Впрочем, кажется, ты стала Тоней, как я Евгеньевым. Всё меняется! Ты должна закончить эту работу. Осталось немного. Нельзя такую проблему бросать на половине...

— А кто бросил? — спросила Тоня. — Ну, хватит счётов!.. Пойдём веселиться. Это моя последняя ночь на Звезде!

Глава 21

Наконец я выдерживаю характер

На другой день я сидел в своей зоолаборатории и работал вместе с Зориной. Мы уже были в особых изоляционных костюмах, предохраняющих от действия космических лучей. Над нами были воздвигнуты изоляционные крыши. Только на подопытных животных космические лучи лились, как дождь.

Зорина сообщила мне, что Фалеев поправляется. Его тело и лицо принимают прежний вид. Улучшается и психическое состояние. Но с Крамером всё ещё плохо, хотя Мёллер надеется на его поправку.

Дверь лаборатории открылась. Неожиданно появилась Тоня.

— Я улетаю, Лёня! — сказала она. — Перед дорогой зашла проститься и поговорить.

Зорина, чтобы не мешать нам, удалилась в другой конец лаборатории. Тоня посмотрела ей вслед и сказала:

— Жаль, что ты не едешь.

— Ничего, наша разлука ненадолго, — сказал я. В это время к нам подлетел Джипси.

— Тоня, помнишь я тебе рассказывал о действии космических лучей? Так вот посмотри, что они сделали с Джипси.

— Какой фантастический урод!.. — воскликнула Тоня.

Урод улыбнулся и завилял хвостом.

— Вот теперь мне кажется, что тебе опасно здесь оставаться, — сказала Тоня. — Явишься ко мне вот таким чудовищем.

— Не беспокойся. Я защищён этой одеждой и «зонтиками». Они сохранят моё тело, мой мозг и... мою любовь к тебе!

Тоня недоверчиво посмотрела на меня.

— Поступай как знаешь! — сказала она и, сердечно со мной простившись, ушла.

— Эх, Джипси, остались мы с тобой бобылями! — сказал я.

Джипси лизнул мою руку.

Глава 22

Земля и звёзды

Весна. Окна открыты. Вечерний ветер приносит запах молодых берёз. Я дописал страницу рукописи и взглянул в окно. Словно зацепившись за шпиль Адмиралтейства, на небе стоит полная луна. Из репродуктора льются звуки скрипки. Всё, как тогда, много лет тому назад... Но теперь я смотрю на Луну иными глазами. Это уже не далёкий, недоступный спутник Земли. На лунной поверхности остались следы моих ног. Они и сейчас такие свежие, как будто я только что прошёл по усыпанной пеплом и космической пылью почве.

Иногда всё это кажется мне сном...

Рядом с моим кабинетом кабинет Тони. Она, как и я, уже профессор.

Из столовой доносится пение сына-школьника.

На ковре возле моего кресла лежит моя любимая собака — чёрный пудель Джипси. Я назвал его так, вспоминая о другом Джипси, которого я оставил на Звезде. Какое трогательное было расставание!

Я не прерываю связи со своими кэцовскими друзьями. Все они живы и здоровы. Зорина вышла замуж за директора Пархоменко. Выздоровевший Крамер принял это как и полагается нормальному человеку: не слишком радостно, но не делая из этого драмы. Палей-Евгеньев работает главным инженером-конструктором и «облётчиком» ракет. Тюрин готовится к путешествию за пределы солнечной системы. Он решительно не хочет стариться.

Месяц тому назад я окончил большую книгу «Биологические опыты на Звезде Кэц». Материалом послужили работы Шлыкова, Крамера и мои собственные. Получилась чрезвычайно интересная книга. Она уже сдана в печать. Окончив её, мне захотелось ещё раз пережить все приключения, связанные с моей не совсем обычной женитьбой. И вот я заканчиваю и эту книгу.

...Мой сын поёт «Марш Звезды Кэц». Сколько раз я рассказывал ему о своём путешествии! Теперь он только и мечтает о том, как полетит на Звезду, когда вырастет большой. И он, наверное, будет жителем звёзд.

Золотая гора (повесть)

Болезнь, которая не поддается лечению

Голубое небо прозрачно, как хрустальные воды горного озера Высоко-высоко журавлиной стайей летят легкие перистые облака. Под облаками парит орел, распластав свои огромные крылья. Он делает медленные круги и смотрит вниз. Под ним расстилаются горы с белыми шапками снега, темная зелень лесов, горные озера, похожие на куски разбитого зеркала, белое кружево водопадов, серебряные ленты речек. Но не эта знакомая картина интересует орла. Его зоркие глаза прикованы к большому белому камню, что лежит у реки, на мшистом склоне холма. На камне сидит человек, а около него вертится черный как смоль живой комочек. Он, должно быть, очень жирный, этот комочек! Хорошо бы упасть камнем и, схватив черный комочек, отнести в гнездо, на вершину горной сосны, своим голодным детенышам... Но человек мешает... Зачем он пришел сюда, в это пустынное место? Что ему надо?

На эти вопросы человек, сидевший на белом камне, не мог бы ответить. Он откинулся на спину, посмотрел в голубую пустыню неба, увидел орла и, обняв руками черного пуделя, сказал:

— Не вертись, Джетти, и не волнуйся. Орел не возьмет тебя. Ты мешаешь мне думать, Джетти! — И человек, закрыв глаза, погрузился в свои думы, подставляя загорелое, бритое лицо под лучи осеннего, но еще теплого солнца.

Сегодня надо решить. Но сначала нужно разобраться в самом себе, продумать каждый свой шаг, сделанный на пути сюда, к этому белому камню.

Как это началось?.. Москва. Номер гостиницы. Датчанин Скоу-Кельдсен звонил по телефону и сообщил, что он получил билет в ложу иностранных корреспондентов на балет «Красный мак»...

Нет, это не главное. Началось это раньше, еще в Нью-Йорке, на Третьей авеню, в небольшой квартирке, которую занимал Клэйтон. Он заболел. Да, с этого все и началось! Заболел скукой.

Физически он был совершенно здоров, успешно занимался спортом и был даже чемпионом по легкой атлетике. В жизни ему везло. Сын небогатого фермера, Клэйтон рано начал зарабатывать самостоятельно. Ему было семнадцать лет, когда он из сонного Запада приехал в кипящий котел Нью-Йорка и быстро приспособился к новым условиям жизни. Переменив несколько профессий, он остановился на журналистике. К двадцати пяти годам он уже был видным сотрудником газеты «Нью-Йорк тайме». И тут он начал скучать. Город, знакомые — все ему надоело.

Чтобы спастись от непролазной одуряющей скуки, Клэйтон начал брать самые рискованные поручения. Он «провел» на баррикадах две мексиканские революции, кочевал с африканскими племенами, восставшими против французов, летал на Южный полюс с экспедицией, разыскивающей Оуэна...

Наконец, по совету одного друга Клэйтон отправился специальным корреспондентом в Москву. По мнению друга и самого Клэйтона, это предприятие было самое рискованное из всего предпринятого Клэйтоном. Поэтому Клэйтон и приехал в Москву. Действительность разочаровала его. Он не нашел тех

ужасов, о которых говорили ему «очевидцы». Клэйтон искал экзотики и не находил. В окружающей жизни он многого не понимал и не старался понять — он прошел американскую газетную школу, которая не приучила проникать в сущность явлений.

Новый Стэнли

Клэйтон переодевался в вечерний костюм, чтобы идти в театр, когда позвонил телефон. Завязывая на ходу галстук, Клэйтон подошел к телефону и, к своему удивлению, услышал голос Додда — своего приятеля по газете, одного из корреспондентов «Нью-Йорк тайме».

— Вы здесь? Какими судьбами? — удивился Клэйтон.

— Да, здесь. Приезжайте немедленно ко мне, — ответил Додд и дал адрес частной квартиры на Арбате.

— Но я... я иду сегодня в театр, — ответил Клэйтон. — «Красный мак» — балет, говорят, нечто изумительное. Может быть, вы пойдете ее мной? У нас ложа.

— Надеюсь, этот балет не снимут с репертуара, — насмешливо возразил Додд. — Приезжайте немедленно. Есть дело, и как раз в вашем вкусе! Сам редактор поручил его вам.

Клэйтон был хорошо вышколенным работником. Он не стал больше спрашивать Додда, быстро закончил свой туалет, вызвал по телефону абонированное такси и отправился на Арбат.

Додд — маленький человечек с красным лицом, безусый, но с небольшой светлой бородкой, похожий на карикатурное изображение дяди Сэма, — усадил Клэйтона на диван, предложил сигару и приступил прямо к делу. — Я имею для вас восхитительное предложение: немедленно ехать на Алтай разыскивать мистера Микулина.

Додд вынул записную книжку и, перелистывая страницы, продолжал:

— Микулин, Василий Николаевич... Русский ученый, работал в лаборатории Академии наук. Был избран действительным членом Лондонского королевского общества. Небывалый случай со времени избрания Менделеева. Обычно иностранных ученых, даже с выдающимся именем, избирают только членами-корреспондентами. Можете представить, что за голова должна быть у этого Микулина! Некоторое время работал в Ленинграде, а потом как-то незаметно исчез. О нем перестали говорить и писать, как будто он умер. Но смерть такого человека не прошла бы незамеченной. «Зачем Микулин поехал на Алтай? Почему мы, американцы, должны разыскивать его? Откуда Додд знает, что Микулин жив?..» — раздумывал Клэйтон.

— У Микулина в Англии был друг, — продолжал Додд. — Фамилия его Гиббс. Он американец, молодой ученый, приехавший в Англию для усовершенствования. Гиббс и Микулин — оба физики, оба работали в одной лаборатории. Наконец, оба изучали строение атома и старались осуществить давнишнюю мечту человечества о превращении элементов. Но Микулин был талантливее Гиббса. Надо прямо сказать, позабыв о национальном самолюбии: Микулин гениален, а Гиббс только на голову выше рядового научного работника. Микулин далеко ушел вперед и, по мнению Гиббса, был совсем близок к решению задачи. Быть может, Микулин тогда уже разрешил эту огромную задачу теоретически. Однажды, в минуту откровенности, — слушайте внима-

тельно, — Микулин сказал Гиббсу, что он, Микулин, на родине будет продолжать работу.

«Но для того чтобы скорее окончить мой труд, мне необходимо полное уединение, — сказал Микулин. — Я не могу сосредоточиться, когда в моей лаборатории снуют лаборанты, студенты и даже, как у вас здесь, высокие покровители наук. Я сибиряк, родился в Семипалатинске, недалеко от чудеснейшей русской Швейцарии — Алтая. Я знаю одно местечко южнее Рахмановских ключей, недалеко от китайской границы. Прекрасный горный климат, полное уединение, тишина, покой. Туда уйду я с одним или двумя помощниками, и пусть мир забудет меня до той поры, пока... пока я переверну мир!»

— Поверьте, Клэйтон, что эти слова не пустое бахвальство. Микулин действительно сможет перевернуть мир, если только ему удастся осуществить то, над чем сломало себе шею немало ученых. Представляете вы, что значит превращать один элемент в другой? Это значит из кирпичей, булыжника и песка вы можете делать чистейшее золото, из дерева — шелк, из стекла — алмазы, из алмазов... пасту для зубов, словом, возьмите пару любых предметов и превращайте их один в другой. Такой человек должен быть всемогущим. Но и этого мало. Микулин обещает освободить и использовать внутриатомную энергию. А это изобретение способно перевернуть весь мир. В руках этого человека, большевика, окажется почти сверхъестественное могущество. Он начнет снабжать свое правительство целыми вагонами золота. Чем это кончится? Всеобщая золотая «инфляция», полнейшее обесценение золота, всеобщие кризисы в капиталистических странах, банкротства, рабочие волнения... Бороться с Советской Россией? Но разве можно будет бороться со страной, которая обрушит на голову врага взбесившиеся силы природы — миллиарды, — не лошадиных, а дьявольских, — сил, сидящих в каждой песчинке! Вы понимаете, что будет?..

Да, Клэйтон понимал. Он чувствовал, как холодеет его сердце. Но мысль не хотела мириться с этой страшной судьбой обреченного мира. Может быть, не все потеряно, может быть, есть выход? — Золото можно заменить другим металлом, — сказал Клэйтон, — например, серебром или какими-нибудь редкими металлами. Впрочем, простите, я сказал, не подумав. Ведь Микулин может изготавливать любой металл, любое вещество...

— Вот именно, — кивнул головой Додд. — Теперь вы, надеюсь, понимаете, почему мы интересуемся Микулиным. Гиббс, возвратившись из Англии, как истинный патриот, счел своим долгом сделать доклад одному из членов правительства и нескольким финансистам. Сообщению этому вначале не придавали особого значения. Но когда узнали, что Микулин исчез из Ленинграда, то начали серьезно беспокоиться. На официальные запросы мы получали ответ, что Микулин уехал якобы в научную экспедицию. У нас этому ответу, конечно, не поверили. Пока Микулин работал в Ленинграде на глазах у всех, он не был так страшен; все его изобретения тотчас становились бы достоянием гласности. Если бы даже удалось ему сделать открытие, им воспользовались бы и другие страны, и силы, таким образом, уравнялись бы. Но это «бегство» Микулина наводит на очень серьезные размышления...

Клэйтон нервно поднялся и зашагал по комнате.

— Довольно! Мне все понятно. Итак, каковы мои ближайшие задачи?

— Ехать на Алтай разыскивать Микулина, постараться проникнуть в его

лабораторию, заслужить его доверие и узнать, разрешил ли он задачу получения искусственного золота.

— Но как же я найду его, имея такой неопределенный адрес: «Алтай, южнее Рахмановских ключей, у китайской границы»?

— А как Стэнли нашел Ливингстона? У Стэнли был еще Долее короткий адрес: Африка — и больше ничего. Мы не могли узнать более точно. Нам все равно не сообщили бы адреса, а расспросы только возбудили бы подозрение. Ведь наши цели... не совсем мирные, и потому нам надо соблюдать осторожность. Как видите, я не вызвал вас даже к себе в отель, а выбрал эту частную квартиру вполне надежного человека — Да, наши цели не совсем мирные. Поэтому мне груднее оправдать свое появление, если даже я и найду Микулина. С неба, что ли, свалиться? Инсценировать авиационную катастрофу? Наш редактор пойдет на такие расходы?

— Можете ломать целую эскадрилью самолетов, если понадобится, — усмехнулся Додд. — За редактором стоят люди, которые откроют неограниченный кредит. Вы лично не останетесь в убытке. Десяток тысяч долларов я вручу вам немедленно. Я буду жить в Кобдо. Постараемся завязать связь через перевал Улан-даба.

— Ну, а если Микулин нашел средство делать золото и извлекать внутриатомную энергию? — раздумчиво спросил Клэйтон.

— Вы сообщите об этом и получите соответствующие инструкции...

Где огонь падает с неба

Этот разговор происходил в мае. Как много событий произошло за это время! Клэйтон быстро собрался в путь и выехал из Москвы, так и не посмотрев «Красного мака». Клэйтон мчался на поезде, плыл на пароходе, ехал на косматых горных лошаденках и, наконец, шел пешком. Перед ним открылась совершенно новая страна, которая поразила его своей красотой. Высочайшие горы, поросшие пихтами, елями, лиственницами и увенчанные вечными снегами, бесчисленные водопады, красивые, быстрые горные речки с тополями и ивами на берегах, тучные пастбища... Многоголосый птичий крик, плескание рыбы в реках, простор и... безлюдье.

Чем ближе подвигался Клэйтон к Рахмановским ключам, тем больше он волновался. Удастся ли ему, как Стэнли, найти своего «Ливингстона» и как встретит Микулин незваного гостя? Мысль об инсценировке воздушной катастрофы Клэйтон давно оставил. Это было слишком сложное и рискованное предприятие. Почему не избрать прямой путь: явиться к Микулину в качестве богатого американского туриста, который случайно узнал, что в этих глухих местах живет русский.

От кого узнал? Скажем, от проводника. Ведь не может же быть, чтобы Микулин не поддерживал никаких связей с окружающим населением. Должен же кто-нибудь поставлять ему продукты питания.

Найти Микулина было не так легко. Десять дней пробродил Клэйтон вокруг Рахмановских ключей — горячего и холодного, — встречал много больных, пришедших к ключам за исцелением, расспрашивал всех, но никто не знал о русском, живущем в горах на юг от Рахмановских ключей. Но Клэйтон не падал духом, и в конце концов ему удалось встретить одного старого охотника, который случайно набрел в горах на неизвестный маленький поселок.

Кто живет — охотник не знал.

— Я ни за что не пойду туда еще раз, — сказал охотник. — Там огонь падает с неба на дом, и дом не горит.

Однако деньги — много денег — заставили охотника побороть страх и отправиться в горы вместе с Клэйтоном.

Путники перевалили через несколько горных кряжей с настоящей луговой альпийской растительностью, спустились в долину и оказались на краю огромного болота.

Старый охотник, по каким-то одному ему известным приметам, прыгая с кочки на кочку, пошел по болоту. Клэйтон последовал за ним, удивляясь не только его ловкости, но и бесстрашию: несмотря на весь опыт, предательская трясина могла ежеминутно засосать смельчака.

Перевалив еще через одну небольшую горную гряду, старый охотник остановился и сказал:

— Дальше не пойду. Озолоти — не пойду. Тут близко. Теперь ты сам найдешь. Иди все прямо. Мимо большого белого камня пройдешь, поверни направо. Там и увидишь. Назад пойдешь? Если скоро пойдешь, я тебя тут подожду, назад провожу.

Пойдет ли он назад и скоро ли? Этого Клэйтон не знал.

— Ты подожди меня день и ночь. Если не вернусь, иди. Только вот что! Через перевал Улан-даба ходил? В Кобдо был? Отлично! Иди в Кобдо, передашь письмо, я сейчас напишу.

Клэйтон написал Додду о том, что ему, Клэйтону, по-видимому, удалось найти местопребывание Микулина. Если все будет хорошо, он придет к болоту в полнолуние, через месяц. Додд может через охотника прислать письмо или явиться сам.

— Вот, возьми письмо. Если ты доставишь его, то получишь много денег и подарков. Может быть, с тобою сюда придет один господин, ты проведи его.

Старый охотник взял письмо, положил его под шапку-папаху, кивнул головой и уселся па кочку, а Клэйтон отправился дальше.

Он шел по южному склону горы, который защищен от северных холодных ветров.

Был второй час дня. Жара стояла невыносимая. Джетти — черный пудель, неизменный спутник Клэйтона во всех его путешествиях, плелся, высунув язык, с которого падала слюна. Ни малейшего ветерка. Даже листья тополя были недвижимы. Клэйтон спускался вниз по берегу горной речки. Джетти несколько раз подбегал к реке и лакал воду — Жарко, Джетти, кажется, гроза будет, — сказал Клэйтон. И в самом деле, где-то вдали глухо прогремел гром. Горное эхо несколько раз повторило рокошующий звук. Гроза быстро приближалась. Верхушки деревьев зашумели, и первые крупные капли дождя упали на лицо и руки Клэйтона. Поправив дорожный мешок за спиною, Клэйтон побежал к большой косматой ели, чтобы укрыться от дождя.

— Вот так, Джетти, ложись здесь! — устраивался Клэйтон под деревом. Собака легла, но сразу же вскочила на ноги и залаяла, поджав свой пушистый, давно не стриженный хвост. Что-то испугало собаку.

Сквозь шум дождя и рокотание грома Клэйтон услышал топот. Затем с пригорка на поляну вылетел золотистый конь, на котором сидела молодая девушка. На ней была короткая юбка цвета хаки и блуза с открытым воротником.

На ногах — высокие зашнурованные ботинки. Стриженные под скобку волосы развевались на ветру, лицо покраснело от быстрой езды. Девушка улыбалась и что-то кричала. Она промчалась мимо Клэйтона и скрылась внизу за густыми ивами. Секундой позже на поляну выехал молодой человек — блондин, похожий на калмыка, очень весело улыбающийся. Он подгонял свою лошадь, видимо желая догнать ускакавшую амазонку. Следом за молодым человеком по пригорку катился какой-то большой бурый шар. Клэйтон принял этот шар за большую собаку, но когда шар подкатился, оказалось, что это медвежонок. Вот почему так истерически лаял Джетти: он почуял зверя. Но медвежонок не обратил на пуделя никакого внимания: он нагонял наездников. Странно, однако, что наездники, убежавшие от медведя, улыбались так весело. Клэйтон быстро снял с плеча винтовку, но не выстрелил: он подумал, что, может быть, зверь ручной, а всадники убегали не от медведя, а от дождя.

«Советская Диана», как мысленно назвал Клэйтон всадницу, удивила его. Клэйтон никак не ожидал встретить в дебрях Алтая такую красивую женщину.

Но кто она? И кто этот мужчина? Микулин? Как жалко, что Додд не показал Клэйтону карточку Микулина.

Гром грохотал уже над самой головой Клэйтона, дождь лил водопадом, но Клэйтон не обращал на это никакого внимания. Он побежал следом за наездниками. Обогнув заросли ивы, он увидел большую поляну, примыкавшую к почти отвесной скале. У скалы стояли три деревянных дома. Над средним возвышались металлические мачты — радиостанция, как решил Клэйтон.

Дома были окружены цветниками.

Бродяга по призванию

Неподалеку стояли два сарая, за которыми виднелось поле ржи.

«Однако, тут целая ферма, — подумал Клэйтон. — Но где же наездники?»

В эту минуту из двери дома, над которым возвышалась антенна, выбежал молодой человек. Он побежал к мачте антенны, что-то осмотрел и вернулся к дому. Огромная молния, раздирая воздух, с оглушительным треском сорвалась с неба и ударила в острие металлического шеста «Громоотвод, — подумал Клэйтон. — Вот что испугало старого охотника».

«Черт возьми, это не громоотвод, а молниепривод», — подумал Клэйтон в следующую минуту. В самом деле, мачты и провода как будто собирали электрические разряды со всех сторон. Над домом разряды следовали беспрерывно. Сине-лилово-белая полоса молнии соединила небо с землей, и точкою соединения были вершины мачт. Даже здесь, на расстоянии добрых сотни метров от дома, жутко было стоять. Но каково было молодому человеку, который находился под самым потоком молний! Несмотря на громоотводы, молнии разветвлялись, смертоносные бичи разряжались совсем близко от молодого человека. А он как ни в чем не бывало ходил вокруг дома, что-то поправляя и осматривая. Неожиданно взгляд молодого человека остановился на Клэйтоне. Как будто тень недовольства прошла по его лицу, но вслед за этим он улыбнулся и приветливо махнул рукой, приглашая Клэйтона подойти.

Клэйтон не без содрогания направился к дому, на который низвергались молнии, как будто собранные со всего Алтая Кричать было бесполезно, потому

что удары грома были оглушительны. И когда Клэйтон приблизился, молодой человек только указал на дверь. Клэйтон вошел на крыльцо. В дверях он столкнулся с девушкой. Она была еще в том же мокром платье. Посмотрев на Клэйтона с изумлением, девушка выскочила на крыльцо и побежала по дорожке к домику с мезонином, стоявшему недалеко от скалы. Клэйтон вошел в комнату и огляделся. Стол у окна, две скамьи у стен, несколько табуреток. У стены шкаф с посудой. Очевидно, это была столовая. Клэйтон не решался сесть на скамью — с него так и текло. Джетти также оставлял после себя лужи.

Гром стал понемногу стихать, и скоро в комнату вошел молодой человек, пригласивший Клэйтона.

— Здравствуйте, — сказал он по-русски. — Вы иностранец? Я не ошибся. Садитесь, пожалуйста. Я сейчас растоплю печь, и вы сможете обсушиться. — Молодой человек улыбнулся. — Но мы еще не знакомы. Моя фамилия Микулин.

«Неужели этот молокосос способен перевернуть мир?» — думал Клэйтон, разглядывая лицо Микулина. Оно действительно выглядело очень молодым. Прекрасный лоб и в особенности глаза — большие, голубые, прозрачные и в то же время глубокие — привлекали особое внимание. От этих глаз трудно было отвести взгляд.

— А моя фамилия Клэйто... — удар грома прогремел очень своевременно... — Клэйн, говорю я. Американец, турист, вернее, бродяга по призванию. Я исколесил все пять частей света и был приятно поражен, попав на Алтай. Признаюсь, я не ожидал здесь встретить такую красоту.

— Но как вы прошли... через болото? — спросил Микулин.

— Охотник провел меня. Он сказал, что это самый близкий путь к китайской границе, куда я направляюсь. По дороге проводник занемог и отправился домой, а я пошел вперед один и вот, неожиданно наткнулся на вашу ферму. Вы здесь, как видно, неплохо живете. Когда я шел сюда, меня обогнали амазонка, наездник и медвежонок, которого я едва не подстрелил, вообразив, что он гонится за людьми.

Микулин рассмеялся.

— Это Аленка, Елена Лор, химик и мой помощник, наездник — Ефим Грачов, лаборант, а медведь — Федька. Воображаю, как была бы огорчена Аленка, если бы вы подстрелили ее медведя.

— Но что вы здесь делаете, в такой глуши? — спросил Клэйтон, разыгрывая роль наивного туриста.

— О, мы здесь двигаем науку! — с шутливой серьезностью ответил Микулин. — Видали мои молнии? Я их «засаливаю», собираю впрок, как мельник собирает воду.

Не прекращая разговора, Микулин принес железный ящик, оказавшийся электрической печкой, протянул шнур, вставил штепсель, и Клэйтон скоро почувствовал тепло.

— Вот видите, как молния отапливает нас! Сейчас на дворе тепло, и вы высохли бы на солнышке, но это скорее. Подождите, я пушу еще вентилятор со струей теплого и сухого воздуха. Ну вот, через пять минут вы будете сухи, как Сахара в полдень. Молния дает мне энергию для освещения, отопления и научных опытов. Я аккумулирую небесный огонь. Ведь самая «захудалая» молния в десять тысяч ампер в продолжение одной сотой секунды дает энергию не менее семисот киловатт-часов. За месяц над моим домом произошло сто

разрядов. Это дало мне семьдесят тысяч киловатт-часов. Недурно? Я изобрел такие «громоприводы», которые притягивают сюда молнии чуть ли не со всего Алтая, а все эти молнии я загоняю, как зверей в клетки, в небольшие аккумуляторы.

— А для вас самих разве они не представляют опасности? — спросил Клэйтон.

— Разумеется. В тысяча семьсот пятьдесят третьем году в Петербурге во время опыта был убит молнией академик Рихман. Малейшая неисправность — и конец. Лучше не иметь совсем никакого громоотвода, чем ставить плохо сконструированный. В этом отношении наши прадеды были не так уж неправы, опасаясь ставить громоотвод. Где-то я читал, что домовладелец из французского городка Сен-Омара Виссери де Буавалле поставил на крыше своего дома громоотвод в виде меча, направленного в небо и укрепленного на шаре, а шар был приделан к металлической палке. Это было в тысяча семьсот восемьдесят третьем году. Столь непочтительного вида громоотвод задел религиозные чувства сен-омарцев. Ведь это было почти вызовом небу, объявлением войны господу богу. Когда же граждане увидели на острие меча пляшущие язычки небесного пламени и низвергающуюся молнию, то пришли в ужас. Гнев бога мог спалить маленький французский городок, как Содом и Гоморру. Муниципальные власти предъявили к Виссери де Буавалле иск о снятии неприличного и опасного в пожарном отношении громоотвода. На этом процессе со стороны домовладельца выступал молодой адвокат — тогда еще двадцатипятилетний юноша Робеспьер! Это имя, конечно, известно вам? Этот процесс, нашумевший во Франции, положил начало известности Робеспьера. Он блестяще выиграл процесс и «отстоял» громоотвод. Процесс этот сыграл не малую роль в распространении громоотводов.

Что касается моих «громоприводов», то они как будто не представляют опасности. Я предусмотрел все. Меня может погубить только случайная неисправность. Работа в лаборатории сопряжена с гораздо большими опасностями.

Обсушились? Не хотите ли чаю? Или есть? Мы сейчас будем обедать. А вот и гроза прошла.

В комнату вошла высокая старуха. Она казалась последним представителем вымершей породы великанов. Старуха искоса взглянула на Клэйтона, сухо поклонилась и начала накрывать на стол.

Следом за ней вошла в комнату девушка. Теперь на ней была белая блузка и клетчатая юбка-шотландка.

— Познакомьтесь, — сказал Микулин. — Елена Лор. Мистер Клэйн. Турист по призванию.

Еще одно лицо появилось в комнате: молодой человек с калмыцким лицом. На этот раз он был в толстовке и брюках навыпуск в туфлях на босу ногу. Это несколько шокировало Клэйтона.

— Грачев, Ефим Яковлевич. А это наша завхоз, повар, ключница и прочее и прочее — Егоровна. Не хватает только ее почтенного супруга — Данилы Даниловича Матвеева, великого ловца зверей. Он вчера с вечера пошел на охоту и еще не вернулся. Когда все уселись за стол, Микулин рассказал гостю, как они живут. Лор и Грачев иногда вставляли свои замечания. Клэйтон слушал и в то же время внимательно наблюдал за этими людьми, пытаясь определить их

отношение друг к другу. Его больше всего интересовал вопрос, какое место в сердце каждого из молодых людей занимает Лор и кто из них завоевал ее сердце. По мнению Клэйтона, роман был неизбежен. Для этого имелись все данные: молодость всех троих, красота Лор, одиночество. Пожалуй, имелись данные даже для драмы: оба молодых человека неизбежно должны были влюбиться в Лор, но кто же из них счастлив? У Микулина больше данных: он красивее, он шеф этой маленькой общины, наконец, он гениален. А Грачев? Он интересен только своей необычайной веселостью и жизнерадостностью. Разве несчастный влюбленный может так смеяться, как Грачев? Но кто же, кто из них?.. Неужели эти молодые люди умеют так прекрасно владеть своими чувствами? У них ровные товарищеские отношения с Лор. Ни тени «ухаживания». Они не оказывают ей за столом услуг, общепринятых в кругу друзей и знакомых Клэйтона, как будто она не девушка, а их товарищ — юноша. И она тоже не оказывает ни одному из молодых людей особого внимания. Клэйтону даже показалось, что на него она поглядывает гораздо чаще, чем на своих товарищей по работе. Это внимание могло доставить Клэйтону большое удовольствие, но он скромно объяснил свой успех тем, что он здесь новый человек, а жизнь «колонистов», по-видимому, не отличается разнообразием.

Обед подходил к концу, и Клэйтон начал беспокоиться. Приличия требовали, чтобы он, поблагодарив хозяев за гостеприимство, отправился своим путем. Надо было придумать предлог, чтобы задержаться здесь на возможно большее время. Прикинуться больным — нельзя так внезапно. На всякий случай Клэйтон решил подготовить почву. Он незаметно перевел разговор на себя и сказал:

— Я, быть может, не совсем точно выразился, аттестовав себя бродягой по призванию. Это не совсем так. Скорее, я бродяга поневоле. Дело в том, что у меня странная болезнь. Англичане, пожалуй, назвали бы ее сплином. И только во время путешествий я успокаиваюсь. От времени до времени у меня бывают сердечные припадки. Иногда они быстро проходят, иногда же мучают меня по несколько дней... Позвольте вас поблагодарить... мне пора в путь!

Микулин и даже Лор предложили ему остаться. Клэйтон едва не согласился «погостить денек-другой», но выдержал характер: у него уже был готовый план. Он распрощался с новыми друзьями и вышел. Микулин, Лор и Грачев вышли его провожать.

— Если будете еще в наших краях, заходите! — крикнул ему Микулин.

— Благодарю, — ответил Клэйтон, удаляясь от дома. «Выдержка, выдержка», — шептали его губы.

Припадок

У белого камня, лежавшего недалеко от речки, Клэйтон встретил великана — седого старика с убитой косулей на плечах. Пояс его был увешан гирляндой из горных куропаток и дроф. Из-за спины торчало дуло ружья. Это и был, очевидно, великий ловец — Данилыч. Клэйтон почти с ужасом посмотрел на него. Старик остановился и учинил Клэйтону настоящий допрос. Узнав, что Клэйтон был у Микулина, старик смягчился и подал свою, похожую на тарелку, ладонь.

«Ну и пара, — подумал Клэйтон, пожимая руку великана и вспоминая старуху, прислуживавшую за столом. — Где они только подобрали друг друга».

— Куда идешь? — спросил старик. Он со всеми был на «ты».

— В Кобдо, — ответил Клэйтон.

— Так не пройти. Иди к перевалу... — и Данилыч подробно объяснил путь.

Они расстались. Но Клэйтон не пошел на перевал, а остался в лесу неподалеку от фермы Микулина и начал незаметно наблюдать за фермой. Мысль притвориться больным занимала его. Сначала он хотел выследить, по какой дороге Лор ездит на прогулку, и лечь на ее пути, притворившись больным. Но на это надо было потратить не менее двух дней, а Клэйтона охватило нетерпение. Ведь он ушел от Микулина, несмотря на приглашение остаться. Этим самым он достаточно замаскировал свои намерения. И Клэйтон решил «заболеть», не откладывая.

Он вернулся к белому камню и улегся на него. Из окон дома камень виден. Рано или поздно его должны заметить. Клэйтон корчился на камне, как полураздавленный червь, имитируя судороги, и наконец замер в глубоком обмороке. Он лежал неподвижно, одним глазом поглядывая на дом. Но его не замечали и никто не шел ему на помощь. Так пролежал он более двух часов. Это начинало надоедать. Бок болел от твердого камня. Клэйтон уже хотел встать и придумать что-нибудь другое, как вдруг одна мысль пришла ему в голову.

Джетти уже давно опротивело вынужденное бездействие, он нетерпеливо скреб камень лапами и отрывисто лаял. Клэйтон начал тихо стонать. Нервный пудель не мог переносить стоны и завыл, сначала тихо, а потом все громче. Этот вой был неожиданно поддержан густым гудением медвежонка Федьки. Получился довольно дикий дуэт, который должны были услышать все обитатели фермы. Однако Федька едва не испортил дела. Он вдруг выбежал из сарая и направился к белому камню. Увидав медведя, Клэйтон с трудом удержался, чтобы не вскочить и не убежать, хотя и знал, что медведь ручной. При этом медведи не трогают трупов, а Клэйтон лежал неподвижно, как мертвый. Джетти завизжал так, словно медведь уже драл его, медведь ревел еще громче. На этот шум вышла Егоровна и позвала Федьку. Но тот был слишком увлечен возможностью завязать знакомство с Джетти. Он не отходил от Клэйтона.

— Ах, трясы ты побери! — выбранилась Егоровна и направилась к белому камню. Она отогнала медвежонка, прикрикнула на пуделя, потом обратилась к Клэйтону.

— А вы что тут лежите?.. Спите, что ли?

Клэйтон протонал, не открывая глаз.

— Ишь ты, заболел немец! — Для Егоровны все иностранцы были немцами. Она наклонилась над ним, подвела руки под его спину и подняла Клэйтона с

такой легкостью, как будто он был маленький ребенок.

Клэйтон совсем иначе представлял свое возвращение на ферму. Он, бледный, с закрытыми глазами, лежит в красивой позе на дороге. Выезжает очаровательная наездница и видит его. Соскакивает с лошади, наклоняется к нему, быть может, целует... И вместо всего этого какая-то престарелая великанша несет его под мышкой, как зарезанного каплуна! Только бы Лор не видела этой картины.

Судьба смилостивилась над Клэйтоном. Никто не видел этого печального шествия.

Молодежь работала в лаборатории, а Данилыч свеживал косулю за сараем. Егоровна принесла Клэйтона в домик с мезонином, положила на скамью и тихо сказала:

— Вот еще навалился на нашу голову. Помрет, пожалуй, наделает хлопот. — И вышла из комнаты.

Клэйтон оглянулся, спрыгнул со скамьи и подбежал к окну. Егоровна скрылась в дверях лаборатории, но через минуту опять вышла в сопровождении Лор. Клэйтон быстро отбежал от окна, улегся на скамью и закрыл глаза... Дверь открылась, вошли Егоровна и Лор.

— Как будто дышал еще, — сказала Егоровна. Лор подошла к Клэйтону и взяла его руку.

— Пульс немного повышен! — сказала она. — Я сейчас схожу за нашатырным спиртом. А вы, Егоровна, приготовьте воды.

Вскоре девушка принесла дорожную аптечку и стала растирать виски Клэйтона одеколоном, давала нюхать спирт, брызгала водой. Только бесчувственный труп мог остаться равнодушным к такому заботливому уходу. Клэйтону хотелось продлить удовольствие, но в то же время не терпелось скорее посмотреть на девушку глазами, исполненными благодарности. Он не чужд был романтики, этот «бродяга по профессии».

Увы, сцена разрешилась совсем иначе. Лор слишком близко подставила склянку со спиртом к носу Клэйтона. Он чихнул так громко и неожиданно для самого себя и Лор, что та уронила склянку, а Егоровна ахнула густым басом.

— Вам лучше? — спросила Лор. — Как вы себя чувствуете? — и тут же расмеялась. — Вы так напугали меня!

— Простите... Да... Отлично чувствую! То есть ужасно... Боли в груди, сердце... спазмы!.. Припадок... Все пройдет, надеюсь...

— Лежите спокойно, — сказала Лор. — Я вам положу на сердце лед.

— Нет, не надо! — испуганно возразил Клэйтон. — От льда мне будет хуже...

— Не рассуждайте! — строго сказала Лор, как заправский врач.

В стране неизвестного

Клэйтон «поправлялся» очень медленно. Правда, встал он в тот же день вечером, но был ужасно слаб.

— Эти припадки обессиливают меня на много дней... — говорил он, — я очень огорчен, что доставил вам столько беспокойства.

Клэйтону очень хотелось сопровождать Елену Лор в ее прогулках, но он должен был выдерживать роль больного. Иногда «припадок» повторялся в легкой степени. Тогда Лор отказывалась от своей обычной прогулки и ухаживала за больным. Таким образом Клэйтон провел с девушкой немало часов. По мнению американца, это должно было возбудить ревность у Микулина или Грачева. Но очевидно, у этих людей были куски льда вместо сердца; никто из них не обращал внимания на то, что Лор проводила все свои свободные часы у постели больного.

Клэйтона поместили в том же доме, где жил Грачов. В среднем доме, примыкавшем к скале, находилась лаборатория. Там жил Микулин, а Лор занимала мезонин в доме, где помещались старики-великаны — супруги Матвеевы, старообрядцы, когда-то бежавшие в леса Алтая от гонений царского правительства. Вообще за эти несколько дней Клэйтон узнал многое. Он ближе познакомился со всеми обитателями фермы. Джетти подружился с медвежонком Федькой, и они целыми днями гонялись друг за другом. Лор очень любила Джетти, Грачов и Микулин дружески встречали больного и всегда осведомлялись о его здоровье.

Когда Клэйтону было «лучше», он заходил к Микулину. Ученый его любезно встречал и охотно давал разъяснения.

— Мы с Аленкой идем разными путями к одной цели. Аленка, — так Микулин называл Лор, — последовательница классической химии, я — физик. Иногда у нас происходят маленькие споры. Я утверждаю, что классическая химия отжила свой век и что на смену ей идет физика. Даже в тех областях, где химия считается неограниченным владыкой. В самом деле, сколько труда тратят химики хотя бы на то, чтобы создать синтетическим путем каучук! А я достигаю этого очень скоро при помощи своих катодных трубок высокого напряжения. Вот, любуйтесь.

Микулин подошел к стене и повернул рубильник. Между двумя огромными электродами-полюсами проскочила искра величиной с яблоко, как показалось Клэйтону.

Микулин передвинул рубильник, и искра превратилась в бешеные потоки голубовато-белого огня, который ревел, трещал, шипел так сильно, что Клэйтон невольно отступил к двери.

— Отойдите еще дальше! — крикнул Микулин. — На этом месте однажды едва не убило Аленку.

— А вы? — спросил Клэйтон.

— Мне надо! — ответил Микулин. Он повернул рубильник назад. Страшные огненные змеи исчезли, притаились. Но они были здесь, готовые каждую минуту выпрыгнуть по приказу своего укротителя. Да, Микулин, этот красивый юноша с выразительными глазами, был страшный своим могуществом человек.

— Это настоящая молния, — пояснил Микулин. — В ней два миллиона

вольт. Но я могу довести напряжение до десятка миллионов. Настоящая молния лопнет от зависти. Теперь смотрите сюда.

Микулин повернул другой рычаг.

Шесть длинных стеклянных лампочек, соединенных цепью, засветились приятным зеленоватым огнем.

— Это не так страшно, не правда ли? — спросил Микулин — А между тем здесь заключены те ужасные стихийные силы. Но я заставил их служить человеку. Вот из этого окошечка в трубке я выпускаю «пи-лучи». Это настоящие лучи смерти для многих живых существ. И в то же время они способны делать чудеса, превращая химические элементы. Пусть злится Лор! Это моя физическая катодная химия. Я разбиваю и перемещаю атомы по своему желанию. Из углеводородов я могу сделать искусственный каучук, из угля — бензин и нефть. Из дерева — сахар и шелк и скоро, кажется, я получу живую протоплазму. — Микулин погасил лампочки. — Идемте, пора обедать.

— Вы, кажется, скоро будете превращать камни в золото! — шутливо спросил Клэйтон, волнуясь в душе. Микулин уселся на ступенях крыльца, покачал головой и сказал:

— Не так скоро, как я сам предполагал. — Он взял несколько камешков и начал укладывать их в ряд. — Практическая химия имеет дело с очень небольшим количеством химических элементов. Кислород, водород, углерод, азот. Вот основные строители бесчисленного количества видимых веществ. Молекулы этих элементов вступают во всевозможнейшие отношения — вот так, как я раскладываю эти камешки. И каждый раз получается новое вещество: то анилиновая краска, то взрывчатое вещество, то ароматическая эссенция. Одним и тем же веществом я могу взорвать скалу или надушить ваш платок. Аленка Лор рекордсмен в этой области. Но все еще не то, что мне надо. Эта игра в камешки уже не занимает меня. Меня интересует превращение самих «камешков». Изучая природу самих атомов, перемещая расположение их электронов и протонов, я хочу превращать основные элементы: из кислорода делать водород, из углерода — азот. Тогда я буду мастером «перевоплощения» материи. Но как много трудностей на этом пути!

Я похож на путешественника в неведомых странах. Мне надо заготовить «фураж», прежде чем двинуться в путь, и Лор и Грачев помогают мне в этом. С этим багажом я двигаюсь в путь к намеченной цели. Эта цель кажется близкой, как горная вершина. Но вы знаете, как горный воздух скрадывает расстояния и обманывает? Вы идете день и ночь, падаете от усталости, а вершина как будто уходит от вас... Вот здесь, на Алтае, есть гора Белуха. Пять тысяч пятьсот метров. Еще ни одна человеческая нога не ступала на эту вершину. А между тем она не кажется такой высокой и недоступной. Попробуйте, взойдите на нее!.. То же происходит и со мной. Иногда мне кажется, что я совсем близко у цели. И когда мне оставалось сделать только последний шаг, я вдруг видел прежде скрытую от моих глаз расщелину, глубокий провал, который нельзя перейти. И надо было начинать все снова. Но цели-то своей я в конце концов достигну.

— И будете превращать булыжники в золото?

— И золото в булыжники, — ответил Микулин.

— Скоро?

— Да, теперь скоро. Предварительные работы закончены. В моей лаборато-

рии все приготовлено к опыту Теоретически вопрос решен. И быть может, не пройдет и несколько дней, как вы будете свидетелем осуществления мечты алхимиков. У всех этих алхимиков было зерно истины! Великий алхимик средних веков араб Абу-Мурзы-Джафар-аль-Софи говорил, что металлы — тела меняющейся природы, состоят из ртути, то есть ртути и серы, и потому им можно придать то, что им недостает, и отнять у них то, что находится в избытке Мы, современные «алхимики», действуем очень похожим методом: стараемся изменить атомное строение, отнимая или прибавляя недостающие электроны. В периодической системе Менделеева золото занимает семьдесят девятое, а ртуть — восьмидесятое место, и атомный вес их очень близок: золото сто девяносто семь и две десятых, ртуть — двести целых и шесть десятых...

— Обедать! — послышался сильный и низкий голос Егоровны.

— Идемте обедать, — поднялся Микулин, — а сегодня вечером приходите в лабораторию. Вы будете присутствовать в качестве благородного свидетеля при появлении первого золотого слитка.

«Однако мне везет», — подумал Клэйтон.

Все складывалось лучше и проще, чем он ожидал.

Неудавшийся опыт

После обеда Клэйтон вернулся в свою комнату и, как полагается больному, лег в постель. Но его мертвый час был наполнен довольно живыми размышлениями. Клэйтону надо было обдумать дальнейший план действий, если секрет получения золота искусственным путем будет открыт сегодня Микулиным. Убить! Но это не легко. Совсем нелегко. Пожалуй, легче убить Грачева. Но он только лаборант. Нечто вроде слуги. Подай, подогрей, возьми... Микулин? Говорят, он гениален... Вполне возможно. Однако Микулин обладает еще одним талантом: привлекать к себе симпатии окружающих. Клэйтон старался убедить самого себя, что Микулин замышляет погубить цивилизацию, но маска злодея спадала с лица Микулина и на Клэйтона смотрели большие глаза, от которых трудно было оторвать взгляд.

— Не может быть, чтобы Лор была равнодушна к этим глазам, — прошептал Клэйтон. И мысли его перешли к девушке прежде, чем он «покончил» с жизнью Микулина. Убить Лор? Убить молодую девушку, похожую на веселого мальчика? Да он и не собирался никого убивать! Он узнает о том, что секрет золота открыт, сообщит Додду, и пусть они делают, что хотят. Впрочем, нет. Клэйтон был бы плохим патриотом, если бы отказался выполнить свой гражданский долг. Надо меньше размышлять, а больше делать. «Я не возбуждаю у Микулина подозрений и спрошу у него прямо, как он думает использовать свои изобретения. Если он в самом деле думает сделать их орудием революционной борьбы, то с ним и со всеми ими не придется церемониться».

Вечером Клэйтон отправился в лабораторию. Там уже кипела работа. Лор и Грачев, видимо, волновались. Грачев хотел скрыть свое волнение под маской обычной шутливости.

— Как ты думаешь, Вася, — спрашивал он у Микулина, — скоро у нас из золота будут делать общественные уборные?

Микулин улыбнулся, как всегда. Ни малейшего напряжения мысли не видно было на его большом открытом лбу, как будто делал он совсем простое, обыденное дело.

— Сыпь сюда, на эту полочку, — приказал он Грачеву вместо ответа. Грачов насыпал на небольшую полочку у стеклянной трубки белого порошка.

Руки Грачева немного дрожали.

— Довольно?

— Довольно, Ефим, спасибо. Аленка, отойди, ты опять стоишь против трубки. Сейчас буду пускать ток...

Лор отошла. В лаборатории наступила торжественная тишина. Микулин повернул рубильник. Загудел мотор, затрещала искра. Пустотные трубки наполнились зеленоватым огнем. Четыре пары глаз внимательно смотрели на белый порошок.

— Идет! — крикнул Грачов. — Чернеет!

— Ничего не идет, — спокойно ответил Микулин. — Порошок не должен чернеть.

Вскоре белый порошок сделался черным как уголь. Микулин рассмеялся и, обратившись к Клэйтону, сказал:

— Простите, я поторопился позвать вас. Опять неудача! Хотя я не понимаю, как это могло случиться. Аленка, иди сюда на расправу.

На лицах Лор и Грачева было написано самое искреннее огорчение. Микулин и Лор засели за небольшой чертежный столик. Микулин начал быстро писать на старом чертеже химические формулы, от времени до времени обращаясь к Лор с вопросом:

— Так?

Смущенная девушка кивала головой.

— Пока все верно, — вздохнул Микулин. — Но был ли химически чистый препарат? Достаточно ли тщательно ты промыла посуду?

— А ну, пойдем в твою лабораторию. — И еще раз обратившись к Клэйтону, Микулин сказал:

— По независящим от дирекции обстоятельствам, спектакль не состоится. Публика может получить из кассы деньги обратно.

— Но может быть, позже? — спросил Клэйтон.

— Если вы имеете терпение подождать. Мы не окончим работу, пока не отыщем ошибку или причину неудачи. И если нам посчастливится, мы сегодня же попробуем повторить опыт.

— Я подожду, — сказал Клэйтон.

Выйдя на крыльцо, он сел на ступеньку и закурил трубку. Дверь в лабораторию была открыта. Проходили часы за часами, а Микулин, Лор и Грачов все еще работали в лаборатории. Иногда слышались вопросы Микулина и быстрые ответы Лор.

Месяц зашел за гору, утренний холодок заставлял ежиться. В лаборатории заговорили громче, потом затихли. Клэйтон подошел к окну и посмотрел. Три головы склонились над большой колбой, под которой горела бунзеновская горелка.

— Ага! — воскликнул Микулин. — Кто прав?

— Как всегда, ты, — ответила Лор. — Но кто виноват?

— А кто мыл посуду?

— Ефим.

— А-а! — зарычал Микулин и вытащил Грачева из лаборатории на крыльцо.

— Заждались? Вот он — преступник! — сказал Микулин. — Ефим Грачев, погубивший первый слиток золота. И из-за него общественные золотые уборы будут построены несколькими часами позже!

Грачев был так огорчен, что на глазах у него появились слезы.

— Ну, не грусти, Ефим. С кем не бывает, — утешал его Микулин. Лор тоже вышла из лаборатории, на ее лице также было написано огорчение и усталость. Она проработала всю ночь с большим напряжением. Глаза ее смыкались.

— Будем продолжать? — спросил Микулин. Он совсем не выглядел утомленным, но, посмотрев на своих усталых товарищей, сказал:

— Баста! Пора спать. Завтра мы до обеда успеем приготовить все для опыта. Грачев хотел протестовать, но Микулин настоял на своем.

— Пусть отдохнут, — сказал он Клэйтону, когда Лор и Грачев ушли. — Они много поработали. У самой цели перед нами опять открылась пропасть, и нам не удалось перейти ее сегодня. Но это пустяки. Пока они будут отдыхать, я поработаю в лаборатории и сам приготовлю все для опыта. А вам тоже пора спать, мистер Клэйтон. Ваша трубка давно погасла.

— У меня бессонница, — ответил Клэйтон. — И если бы я мог быть полезен, я охотно помог бы вам.

— Не откажусь от вашей помощи, — ответил Микулин, и они прошли в химическую лабораторию Лор.

Клэйтон был довольно сообразительным и ловким малым, и через час Микулин говорил:

— А знаете, из вас вышел бы прекрасный помощник! У вас все в руках спорится. Вы не привыкли к химической посуде, и все-таки ничего не бьете и не роняете.

Клэйтон был польщен этой похвалой. Они проработали до утра. Солнце уже давно осветило вершины деревьев и белый камень, когда наконец они кончили приготовления.

— Готово! — сказал Микулин. — Теперь пойдем, подышим свежим воздухом.

Удовольствие быть чертом

Они вышли из дому и направились мимо белого камня, вдоль берега речки. Утреннее солнце золотило ивы и тополя. Микулин посмотрел на снежную вершину дикой горы, окутанную легкой дымкой.

— Отличное утро, — сказал Микулин. — А гроза все-таки будет сегодня. Она, пожалуй, и лишняя. Мои аккумуляторы заряжены и мои кладовые полны консервированными молниями. Притом у меня есть небольшая гидростанция. Скоро опыты закончатся, и энергия нужна будет только для производства золота. Положим, на это потребуется немало энергии.

— Что вы будете делать с золотом? — не удержался от вопроса Клэйтон.

— Мы наденем ярмо на золотого тельца и заставим его пахать наше поле! В древнеиндийских книгах — Атава-Веда — золото называется жизненным эликсиром. Смотрите на этот край. Природные богатства его неисчислимы. Красота неопишима. Климат прекрасный. А кто здесь живет? Дикий зверь, птица да горсточка людей. Что можно сделать с этим диким краем? Тысячи водопадов и горных речек будут вращать колеса турбин. По красивым долинам заснуют новенькие трамвайные вагончики, задымят заводские трубы, вырастут дворцы-санатории, оживут горы и леса. И не только здесь, на Алтае, золото станет эликсиром жизни. — И Микулин начал с увлечением говорить о том, как быстро будет развиваться хозяйство страны, увеличиваться благосостояние масс. Но Клэйтона мало интересовала эта тема. Это было, так сказать, употребление золота для мирных целей. Клэйтона интересовало иное. Дождавшись паузы, он спросил:

— В Атава-Веда золото названо средством против колдовства. Против какого же колдовства вы собираетесь использовать золото?

— Против колдовства самого же золота. Против колдовства капитала, поработившего рабочих, ослепившего разум людей.

«Додд был прав. Вот когда Микулин показал свое настоящее лицо!» — подумал Клэйтон.

— Но ведь это причинит большие несчастья людям. И хочу сказать, пока вам не удастся осуществить ваш новый строй...

— А скажите, положив руку на сердце, разве строй любезной вашему сердцу Америки обеспечивает счастье большинству населения? И даже те немногие, кто наслаждается счастьем за счет несчастья других, разве богачи счастливы по-настоящему? Разве их не беспокоит мысль о крушении капитализма? Спокоен только тот, за кем будущее.

Микулин еще долго говорит о грядущем, но Клэйтон думал только об одной фразе: спокойным может быть только тот, за кем будущее. Черт возьми, выходит, что будущее за большевиками! Ну, он убьет Микулина, убьет Лор и Грачова, а дальше что? Всех большевиков он перебить не сможет. Счастливая Россия. Ей не грозят революции, не грозит страшный призрак, который не дает спокойно спать европейским и американским капиталистам.

«Лучший способ перестать бояться черта — самому стать чертом», — подумал Клэйтон.

— По-китайски Алтай называется Киншан — золотая гора, — продолжал Микулин. — И ему не напрасно дано такое название. В горах Алтая очень много золота — я делал разведки. Но это золото может спокойно оставаться в зем-

ле. Гораздо проще и дешевле будет получать золото лабораторным путем. Я поставлю производство на широкую ногу, и здесь в буквальном смысле возникнет золотая гора.

«А если этот черт будет обладать золотыми горами, то быть одним из чертей совсем не плохо!» — продолжал развивать свою мысль Клэйтон.

Микулин еще о чем-то говорит, а Клэйтон, почти засыпая, думает:

«И как это мне раньше в голову не приходило? Останусь здесь, женюсь на Елене Лор». Распростившись с Микулиным, Клэйтон вошел в дом, быстро разделся, лег на кровать и уснул мертвым сном.

Никогда не спал он так крепко. Но этот могучий сон был прерван сильнейшими ударами грома. Клэйтон открыл глаза и долго не мог сообразить, где он и что с ним. Гроза! Синие зигзаги режут за окном серую муть. Отсветы молний озаряют бревна стены. Где-то кричат... Или это ему показалось? В промежутке между ударами грома ясно послышался голос Микулина. А вот громopodobный голос Данилыча...

Клэйтон подбегает к окну. Удивительное зрелище! Один из металлических стержней на крыше того дома, в котором помещается лаборатория, надломился. Молнии ударяются об этот стержень и соскакивают на нижележащий шпиль уже не по проводу, а прямо по воздуху. Клэйтон понял всю опасность положения. Сильная молния может перепрыгнуть не на шпиль, а прямо на крышу. Вот один огненный клубок прыгнул на крышу, и она задымилась. Дом сторит, а с ним и все научное оборудование лаборатории, редкие машины... Клэйтон быстро оделся и выбежал на улицу.

Вокруг дома толпится вся колония: Микулин, Лор, старики Матвеевы и Грачов. Он в странном костюме, похожем на костюм водолаза. Это изоляционный костюм. На руках толстые резиновые перчатки. В правой руке палка с резиновым наконечником. Грачов забегает за угол дома и через минуту появляется на углу крыши. Он, видимо, хочет сбить палкой кусок обломанного, наклонившегося стержня.

Клэйтон даже сквозь удары грома услышал, как вскрикнула Лор, увидав Грачова на крыше. Несмотря на изоляционный костюм, Грачов подвергся страшной опасности. Микулин, желая перекричать гром, потрясая кулаками, требовал, чтобы Грачов немедленно вернулся обратно. Но, не обращая внимания на крики Микулина, Грачов продолжал медленно ползти по скользкой крыше. Несколько раз молния ударяла в шпиль на расстоянии какого-нибудь метра от смельчака.

Видя, что Грачов не слушает его, Микулин, крича на ухо, приказал Данилычу стянуть Грачова с крыши багром. Великану-старика ничего не стоило достать Грачова, не влезая на крышу. Но в тот момент, когда он уже поднимал багор, молния ударила в сломанный стержень. Минувя резиновый наконечник, она перескочила на мокрую палку, которую держал в руках Грачов, скользнула по ней и ослепительно взорвалась, как показалось Клэйтону, на груди Грачева. В то же мгновение раздался такой страшный удар грома, что Клэйтон зашатался, а Лор упала на колени. Клэйтон закрыл глаза, ослепленный молнией, но тотчас заставил себя опять открыть их. Тело Грачева, окруженное облаком пара и синим дымком, сползло с крыши и упало на землю.

— Ефим! — крикнула Лор и бросилась на грудь Грачева, как бы желая своим телом потушить еще тлеющую одежду. Клэйтон содрогнулся, почувствовав

запах горелого человеческого мяса. Лицо Грачева было иссиня-черно, изоляционный костюм, одежда и белье изорваны.

Микулин подбежал к Лор и поднял ее с земли. Она посмотрела на Микулина, тяжело вздохнула, закусил губу и замолкла. Она удивительно скоро справилась со своим волнением. Но Клэйтон не мог забыть ее короткий крик. О товарище и друге так не станет сокрушаться женщина, — по крайней мере, американская. Значит, Лор или любила Грачева, или же чувство товарищества у них гораздо глубже и сильнее, чем у людей того круга, в котором жил Клэйтон.

Опять загремело. Молния вновь ударила в стержень, перескочила на шпиль и ушла в землю. Гроза затихла, но положение продолжало оставаться серьезным. Данилыч унес труп Грачева, а Клэйтон думал, что предпринять. Вдруг его осенила блестящая мысль. Он сбегал к себе в дом за своей прекрасной автоматической винтовкой. Клэйтон был неплохой стрелок. Несколько выстрелов, и надломленный конец стержня упал, он уже не мог отводить молнии в сторону. Еще одна молния упала на стержень и ушла в землю уже по проводу. Опасность миновала. Микулин с благодарностью взглянул на Клэйтона. И этот взгляд обрадовал Клэйтона гораздо больше, чем он сам ожидал. Нет, решительно Микулин обладает тайной привлекать к себе сердца людей!

Наконец гроза окончилась, Лор ушла, и у дома остались Микулин, Егоровна и Клэйтон. Егоровну Микулин отослал к Лор.

— Бедный Грачов, — сказал Микулин. Его лицо как будто постарело, а в глазах появилась тайная глубокая и искренняя скорбь, какую Клэйтону не приходилось видеть никогда в жизни. Но прошло несколько мгновений, и спокойный взгляд Микулина уже был устремлен на крышу — на струйку дыма, курившегося в том месте, где был убит молнией Грачов.

Клэйтон все больше удивлялся этим людям. Их психология казалась ему необычной. Быть может, это психология будущего человека? Эта глубина переживаний и вместе с тем умение быстро «переключить» свое внимание на другое, сосредоточить все свои душевные силы на одном предмете? С какой самоотверженностью полез Грачов прямо в огонь, не думая ни о чем, кроме спасения лаборатории!

— А ведь крыша тлеет! — сказал Микулин. Он сбегал за топором, влез на крышу и начал обдирать гонт. Скоро показались красноватые языки пламени.

— Так и есть! — сказал Микулин и, продолжая работать топором, крикнул Клэйтону:

— Сбегайте, пожалуйста, в лабораторию и принесите огнетушитель. Он висит на стене у двери, направо!

И Клэйтон, который явился сюда для того, чтобы убить страшного Микулина, с готовностью побежал исполнять его приказания. Этот «холодный огонь», скрытый энтузиазм начал заражать Клэйтона. Он принес огнетушитель и взобрался на крышу. Отсюда он видел, как из дома, куда Данилыч внес труп Грачева, вышла Лор. Если бы не ее суровое лицо и чуть-чуть сдвинутые брови, никто не мог бы предположить, что эта девушка только что перенесла сильнейший удар.

— Потушили? Я ничем не могу вам помочь? — спросила Лор.

— Конечно, — ответил Микулин. — Иди отдохни, Аленка! Лор молча удалилась. Микулин и Клэйтон слезли с крыши. Вечером в тот же день в сосновом

гробу, сколоченном Данилычем, тело Грачева было опущено в землю. Засыпали. Молча постояли над могилой.

Только Данилыч что-то шептал.

Через несколько дней, сидя за вечерним чаем, Микулин сказал:

— Трудно теперь работать без Грачева.

— Да, — ответила Лор. — Придется выписать кого-нибудь из наших ребят. Но на это уйдет немало времени.

— Разрешите мне сделать одно предложение, — сказал Клэйтон. — Я одинок, решительно ничем не связан. Для меня «где хорошо, там и родина», как говорили римляне. Здесь мне очень хорошо. Болезненные припадки не повторяются. С каждым днем я чувствую себя здоровее. Я с большим удовольствием остался бы у вас по крайней мере до весны и помогал бы вам в лаборатории.

Микулин взглянул на Лор.

— А что, Аленка, ведь это не плохо? Мистер Клэйн уже помогал мне и оказался способным. У него ловкие руки.

Клэйтон строит мосты

Клэйтон достиг цели. Он присутствовал при опытах, мог следить за «путешествием» Микулина по неведомым странам молекул, атомов и электронов. Постепенно Клэйтон начал и сам знакомиться с этими удивительными странами. Его сведения были поверхностны и, быть может, не совсем точны. Но он обладал живым воображением, и даже во сне Клэйтону снились атомы и электроны. Он был в необычайном мире микрокосма. Он видел центральные ядра-протоны, вращающиеся вокруг самих себя, как солнца. Видел планеты-электроны, которые вертелись, как волчок, и облетали вокруг центрального ядра. Иногда крайняя «планетка» отрывалась от своей солнечной системы, подходя слишком близко к другому солнцу. Равновесие нарушалось. В маленьком мирке происходили настоящие «космические бури». Вечные странники — ионы, как кометы, прорезывали солнечные системы атомов и нередко становились пленниками. Закон всемирного тяготения царил и здесь. Бродячие электроны превращались в планеты, вращающиеся на привязи вокруг солнца. Это был мир вечного движения, как вечно меняющийся и в то же время устойчивый. Вечно нарушаемое равновесие тотчас восстанавливалось.

И вот приходит Микулин со своею «пушкой» и начинает бомбардировать электроны пи-лучами. Атомы расщепляются. Отдают внутреннюю энергию. Процессы, на которые природа тратит миллиарды лет, проходят в несколько минут... Клэйтону снятся груды золота, золотые горы Киншан. Придя наутро в лабораторию, Клэйтон рассказывал Микулину свои сны. Микулин внимательно слушал, иногда смеялся и говорил:

— Вы делаете успехи.

Клэйтон поражался работоспособности Микулина. Микулин работал, не отрываясь, целые дни и неизвестно, когда спал. Казалось, никакие интересы не существуют для него, кроме науки. Но Клэйтон знал, что научный энтузиазм поддерживается у Микулина чисто практическими целями — сделать жизнь трудящихся лучше, легче, богаче.

Наконец настал день, вернее, вечер, когда Микулин возобновил свой опыт с превращением элементов.

На этот раз уже Клэйтон положил белый порошок на полочку у окошечка

стеклянной лампы.

— А что это за порошок? — спросил Клэйтон.

— Висмут.

— И из него вы сделаете золото?

— Сейчас увидите.

Микулин повернул рубильник под напряжением тока в пять миллионов вольт, электроны завились винтом и с необычайной силой начали вылетать из окошечка. Никто их не видел, но зато видна была их работа: через несколько минут порошок висмута превратился в крупинку какого-то вещества, впрочем мало похожего на золото.

— Опять неудача?

— Все в порядке, — ответил Микулин, рассматривая полученный элемент. — Это свинец. Будем продолжать опыт.

Свинец был превращен в талий. А из талия получилась блестящая капелька ртути. Еще раз вспыхнули трубки-лампы зеленоватым огнем, и ртуть превратилась в горошину чистейшего золота. У Клэйтона дыхание перехватило.

— Что же вы будете делать с этим первенцем? — спросил он.

— Вновь превращу в висмут.

Клэйтон вздохнул. Золото превратить в порошок от расстройства желудка. Нет, решительно этот человек не от мира сего!

Микулин увидел огорченное лицо Клэйтона и рассмеялся.

— Вам так жалко этой горошины? Так и быть, я подарю вам ее. Можете сделать из нее брелок.

— Благодарю вас, — ответил Клэйтон, бережно опуская золотую горошину в карман. — Теперь вы займетесь производством золота?

— Вы ошибаетесь мой друг. Эта горошина обошлась мне ровно в три раза дороже, чем стоит такой же кусочек ископаемого золота. Мой способ добычи золота еще не рентабелен, как говорят хозяйственники. Мое открытие еще не имеет практической ценности. Нужно удешевить производство золота.

Клэйтон был и разочарован, и обрадован одновременно. Разочарован тем, что к золотым горам нужно еще долго идти, обрадован тем, что предстоит дальнейшая работа с Микулиным.

Потянулись рабочие дни. Микулин неустанно продвигался вперед по стране неведомого. Лор «заготовляла фураж», делала подготовительные опыты, Клэйтон помогал Микулину «строить мосты» через пропасти и совершать обходные движения. Иногда один и тот же опыт Микулин повторял по десять раз, иногда работа целой недели шла насмарку, и приходилось начинать все снова. Электроны вели себя совсем не так, как им полагалось по предварительным расчетам. Надо было найти причину, а для этого приходилось делать новые и новые опыты.

Сердце женщины

Клэйтон нередко провожал Лор в ее прогулках. Что касается Микулина, то он предпочитал гулять в одиночестве, чтобы ему никто не мешал думать. Притом и эти редкие прогулки Микулин совершал в предутренние часы, проработав всю ночь напролет. Таким образом Микулин не мешал Клэйтону.

Однажды Клэйтон и Лор заехали к самому болоту, и Клэйтон решил поговорить с девушкой о том, что давно занимало его.

— Присматриваюсь я к вам, новым для меня людям, и многого не понимаю, — начал он издалека.

— Что же вам непонятно? — спросила Елена.

— Да вот... хотя бы вы для меня загадка. Простите, что говорю о вас, но мне кажется, что...

— Пожалуйста, говорите.

— У нас, в Штатах, — с вашего разрешения, я буду откровенен, — девушку вашего возраста и вашей внешности сочли бы ненормальной, если бы она никого не любила. Женщина остается женщиной. И склянки с пробирками не могут, не должны заменять в ее сердце живого человека, живой любви. Я помню ваш короткий крик над трупом Грачева. Вы так горячо любили его? Этого я не заметил в ваших отношениях к Грачеву. Еще меньше это можно сказать про ваши отношения к Микулину. А возникновение любви к нему тем более вероятно, что здесь нет выбора.

— Почему же нет выбора? — задорно спросила Лор. — Вот вы, например?

Это было так неожиданно, что Клэйтон покраснел, как школьник.

— Я... я не выдерживаю никакого сравнения с мистер... товарищем Микулиным, — сказал он, запинаясь.

— Отчего же не выдерживаете? — не унималась Лор. — Вы мне нравитесь. Мне кажется, что я даже влюблена в вас. И даже очень!

Клэйтон едва не слетел с седла, перед ним была новая женщина, новый человек. Вместо ученой, веселой, но с холодным сердцем женщины, Клэйтон увидел какое-то двуликое существо, — не то прожженную кокетку, не то наивную девочку, которая говорит такие вещи, что голова идет кругом. Лор засмеялась, глядя на осевшую фигуру Клэйтона и его растерянное лицо. Потом вдруг стала серьезной.

— Да, я люблю вас.

— Любовь! — воскликнул Клэйтон и... мгновенно его лицо побледнело. Он едва не лишился чувств. Лор принуждена была поддержать его.

— Что с вами, Клэйн, вам дурно?

— Н-ничего... небольшой сердечный припадок., сейчас все пройдет. Круто повернув лошадь, он поскакал по направлению к дому. Лор последовала за ним.

Вдруг откуда-то из болота донесся протяжный стон.

— Что это, Клэйн, вы слышите?

— Наверно, болотная птица, выпь, — сказал он. Румянец уже вернулся на его щеки.

— Но выпь кричит по ночам.

— На болоте часто слышатся странные звуки, — сказал Клэйтон. — Мне говорили, что когда выходят газы, болото стонет.

Они замолчали, прислушиваясь, но кругом все было тихо. До самого дома Клэйтон ехал задумчивый. «Неужели его так расстроило мое признание?» — думала Лор.

Свидания на болоте

Лор соскочила с лошади, сама отвела ее в конюшню и поднялась к себе в мезонин. А Клэйтон, оставшись один в своей маленькой комнатке, схватился за голову.

Разговаривая с Лор о любви и кинув взгляд на болото, он на болотном островке увидел своего проводника-охотника и рядом с ним Додда. Охотник махнул рукой, но не крикнул: он видел, что Клэйтон не один. Потом скрылся за густыми ветвями ивы и несколько раз прокричал, как выпь. Выпь кричит в полночь. Не значит ли это, что в полночь Клэйтон должен прийти на болото. Ну да, конечно. Додд явился. Клэйтон совсем начал забывать о нем и о своем поручении. После сегодняшнего разговора с Лор у Клэйтона были на уме совсем другие мысли. Да и вообще за это время он во многом изменился. Общение с Микулиным не проходило даром. Незаметно для себя Клэйтон начинал все больше увлекаться мыслью о строительстве новых, неведомых в истории человечества форм жизни. Микулин умел рисовать грандиозные перспективы будущего, превосходившие своими масштабами даже американский размах. И если Клэйтон еще не совсем освоился с мыслью, что будущее за Советской Россией, а не за его Штатами, то от былой его национальной гордости не осталось и следа. Теперь он был не в силах убить Микулина, не говоря уже о Лор.

Но что делать? Что сказать Додду, который не знает его сомнений и колебаний? У Додда все ясно и непоколебимо: интересы Штатов выше всего Клэйтон посмотрел в окно. Солнце село. Быстро сгущались сумерки. Только на вершинах гор тихо догорал закат.

«Ну что я ему скажу?» — подумал Клэйтон.

Он вышел из дома, когда совсем стемнело, и медленно побрел к болоту. Где-то шумел горный водопад. Этот однообразный мягкий шум не нарушал молчания ночи.

Клэйтон подошел к краю болота. В тот же момент крикнула выпь и вдали сверкнул огонек. Это Додд, подавая знак, зажигал и гасил электрический фонарик.

Осторожно ступая по болоту, Клэйтон добрался до островка, на котором его ожидали Додд и охотник.

Додд по обыкновению крепко, до боли, пожал руку Клэйтона.

— Как дела? — спросил он. — Овладел Микулин секретом делать золото?

— Да, но он может делать золото только лабораторным способом. Его изобретение не имеет никакого практического значения. Сейчас он изыскивает способы найти средство делать золото наиболее дешевым путем. Но это ему не удастся.

— Не удастся сегодня, удастся завтра, — сказал Додд. — Вопрос о Микулине решен. Вот, возьмите... Это мина большой разрушительной силы. Вы установите ее в лаборатории Микулина с таким расчетом, чтобы она взорвалась, когда Микулин там будет работать со своими помощниками.

Клэйтон взял тяжеловесную коробку и сказал смущенно:

— Едва ли мне удастся... Микулин не разрешает мне входить в его лабораторию. Она усиленно охраняется. У Микулина много лаборантов, а на ферме — рабочих и сторожей... Мне удалось до сих пор оставаться на ферме только потому, что я притворился тяжело больным.

Додд зорко посмотрел на Клэйтона.

— Уж не трусите ли вы? — спросил он. — Даю вам пару дней на исполнение этого поручения. Если вас что-нибудь задержит, придите сюда и скажите. В крайнем случае, если вам в самом деле не удастся, у меня есть другой проект. Мы организуем вооруженное нападение. Итак, до свидания через два дня на этом самом месте.

— До свидания! Постараюсь выполнить поручение, — сказал Клэйтон и отправился в обратный путь, осторожно неся опасную коробку.

Когда болото осталось далеко позади, Клэйтон остановился, послушал и, убедившись, что никто за ним не наблюдает, вырыл руками яму под корнями ели, положил туда коробку и закопал.

Был третий час ночи, когда Клэйтон вернулся на ферму. В окне лаборатории светился огонек. Микулин еще работал. Клэйтон вошел в лабораторию, открыв дверь, которая никогда не закрывалась.

— Все работаете? — спросил Клэйтон, присаживаясь на белую табуретку.

— Да, и очень успешно, — ответил оживленно Микулин. — Мне удалось разрешить задачу раньше, чем я думал. Вот, не угодно ли полюбоваться?

Микулин высыпал из склянки на ладонь щепотку золотистого порошка.

— Золою. Здесь пять граммов. И получение этого золота не стоило пяти копеек. Теперь держитесь, Клэйн, мы с вами скоро перевернем мир. Клэйтон поднялся, прошелся по лаборатории и сказал:

— Послушайте, Микулин. Вы сказали: мы с вами перевернем мир. Почему вы так доверяете мне? Я ведь пришел неведомо откуда. А что, если я шпион, если я подослан сюда, чтобы убить вас или украсть секрет вашего изобретения?

Микулин внимательно посмотрел на Клэйтона — Я охотно отвечу на ваш вопрос. Недоверие всегда порождается страхом, а я не боюсь, потому и доверяю вам. Вы можете убить меня, но разве вы можете убить научную мысль! В худшем случае, вы только немного задержите ход событий. И потом, говоря лично о вас, — если бы вы захотели убить меня, то давно могли бы это сделать. Значит, или у вас не было такого намерения, или же вы не способны на убийство. Что же касается кражи моего секрета, то, пожалуйста, — если только вы что-нибудь поймете в нем.

— Хорошо, допустим, что вы не боитесь политических врагов, но ведь могут быть просто бандиты, — возразил Клэйтон. — Что, если они явятся сюда? Нас только трое мужчин. Я не видел у вас даже ружей. Как вы сможете защищаться? Не может быть, чтобы вы не дорожили своей личной жизнью. Наконец, на вас лежит ответственность за сохранение жизни живущих здесь женщин...

Микулин ссыпал порошок с ладони обратно в склянку и, не оборачиваясь, сказал:

— Или вы, Клэйн, влюблены, или же что-нибудь в самом деле обеспокоило вас. Говорите прямо, в чем дело?

Клэйтон смутился. Хорошо, что Микулин был занят своими колбами.

— Я, мне показалось... я сегодня гулял в лесу. Мне послышалось, как будто кто-то пел...

«Зачем я говорю это, — думал Клэйтон, — ведь я выдаю Додда. Может быть, Микулин пошлет своего великана на разведку».

— Ну и что же в этом удивительного? Тут нередко бродят охотники, — беспечно ответил Микулин. — Пусть поют. Тот, кто поет, не опасен.

На другой день Микулин окончательно убедился, что Клэйтон влюблен: в первый раз его помощник разбил две пробирки и сделал несколько ошибок, помогая Микулину в вычислениях.

Клэйтон очень волновался. Ему хотелось признаться во всем. Но вместе с тем он не хотел предавать своего недавнего товарища и к тому же соотечественника. Признаться Додду в том, что он, Клэйтон, не хочет выполнить поручения, Клэйтон также не решался. Додд сочтет его трусом и, может быть, даже предателем. Тогда Клэйтону несдобровать...

Не идти на болото также рискованно. Если Додд организует бандитское нападение, то не поздоровится и Клэйтону... Нет, надо идти, но как-нибудь затянуть дело. А там, может быть, найдется выход... Проще всего было бы бежать отсюда, предоставив Микулина и Додда самим себе. Но Клэйтон не мог уйти без Лор, а она, конечно, не покинула бы Микулина.

Так Клэйтон ничего и не придумал, отправляясь на болото в условленное время. Ночь была темная. И ему казалось, что кто-то крадется за ним. У Клэйтона замирало сердце, когда он слышал за собою хруст веток, шелест листьев, хотя ветра не было. Казалось, кто-то раздвигал ветки рукою... Неужели Микулин следит за ним? Один раз Клэйтон даже остановился и тихо спросил: «Микулин, это вы?..» — но не получил никакого ответа.

Вот и болото... Додд сигнализирует короткими вспышками огня...

— Я не слышал взрыва, — строго сказал Додд, еще не подавая руки.

— Мне удалось поставить мину, но она не взорвалась. Наутро ее нашел Микулин и учинил настоящий допрос. Он...

Додд схватил Клэйтона за руку выше локтя и крепко сжал ее.

— Вы лжете, Клэйтон. Мина не могла не взорваться, я сам заряжал ее. Говорите, что вы сделали с миной? Впрочем, можете ничего не говорить. Я больше вам не верю. Вы не тот. Вас как будто подменили. Скажите, что с вами случилось, Клэйтон? Может быть, там есть женщина?

«И он о том же», — с тоскою подумал Клэйтон. И вдруг неожиданно для самого себя сказал:

— Да, вы отгадали, Додд. Там есть женщина.

— Ну вот, теперь все понятно, — сказал Додд. — Вы больше не пойдете туда, Клэйтон. Недоставало, чтобы вы стали защищать Микулина. Вы пойдете с нами. У меня есть наготове дюжина отличных головорезов. Они быстро справятся с людьми Микулина, хотя бы их было там две дюжины.

— Но я не могу оставить ее, — с искренним чувством сказал Клэйтон.

— Вы не пойдете к ней. И никогда ее не увидите. Теперь вы должны повиноваться мне.

— Но почему должен, черт возьми! — возмутился Клэйтон.

— Хотя бы потому, — ответил спокойно Додд, направив на Клэйтона дуло револьвера.

— Это, конечно, отличный аргумент, но... послушайте, Додд. Вы говорите,

что у вас дюжина здоровых молодцов... В таком случае, буду я на вашей стороне или на стороне Микулина, это не решит исход сражения. Если я вам изменю, вы прикажете своим головорезам прирезать и меня, — только и всего. Но я не собираюсь изменять вам. Я только хочу быть возле девушки и спасти ее. Ведь не собираетесь же вы убивать молодую, красивую девушку... Если я останусь здесь, то Микулин поймет, что против него замышляется что-то неладное. И он примет свои меры. А он не так беззащитен, как вы думаете. У него есть молнии, которые он держит, как факир змей, в корзинке. Он может выпустить свои молнии, и они убьют вас. Если же я буду с ним, он будет спокоен, и вам легче осуществить свой план.

Додд подумал, проворчал «горе с этими влюбленными», но все-таки отпустил Клэйтона.

— Но помните, если только вы совершите что-нибудь во вред мне, вы будете убиты вместе с вашей красавицей! Я не пощажу никого. Еще одно поручение, подождите. Я буду через два дня. Вы должны сообщить нам, когда удобнее произвести нападение. Приходите сюда в среду в двенадцать часов ночи.

«Когда же кончится это мучение?» — думал Клэйтон, возвращаясь. И опять ему показалось, что за ним кто-то крадется. «Однако нервы мои начали расстраиваться», — думал он, оглядываясь назад.

На другой день, отговорившись нездоровьем, он не пошел в лабораторию. Ему надо было решить — идти с Доддом или против Додда. Но он ничего не решил, и второй день провел в тех же размышлениях на белом камне. А когда настала ночь, он побрел вдоль реки к болоту. И как в прошлый раз, чьи-то шаги преследовали его.

— У меня все готово, — сказал Додд. — Когда лучше произвести нападение?

— Завтра днем. Еще с утра несколько рабочих отправляется на охоту.

— Сколько остается на ферме? — спросил Додд.

— Человек двадцать, — ответил Клэйтон, — не считая меня.

— Надеюсь, вас не придется считать, — сказал Додд. — Я изменил свое решение. Вам нечего больше торчать у Микулина. Ночью он вас искать не будет, а завтра рано утром мы нападём на ферму. Извольте идти за мной.

— Что это, арест? — пытался протестовать Клэйтон.

— Называйте, как хотите, — отрезал Додд и, обернувшись к проводнику, сказал:

— Показывай нам дорогу!

Идти по болоту ночью очень рискованно. Старый охотник неодобрительно зачмокал губами и с крайней осторожностью двинулся в путь, в противоположную от фермы сторону. За проводником Додд пустил Клэйтона, а сам замыкал шествие.

«Это насилие, — негодовал Клэйтон. — Какое право имеет Додд так распоряжаться? Нет, он не может примириться с этим. Он должен вернуть себе свободу во что бы то ни стало».

Клэйтон шел и обдумывал план бегства. Он немного отставал от проводника и неожиданно кинулся под ноги Додду, тот упал, перевалившись через Клэйтона, и выругался. Клэйтон отполз назад и, поднявшись на ноги, побежал.

— Эй, где же вы? — крикнул Додд. Но Клэйтон бежал, не обращая внимания. Тогда Додд пригрозил, что он будет стрелять. Но Клэйтон все продолжал бежать.

Голоса Додда и проводника становились все тише и тише. Клэйтон уже различал опушку леса на краю болота. Ему везло: несмотря на то, что он бежал напрямик, он не только не провалился в окно, но даже ни разу не упал. Вот и твердая почва под ногами...

Ах... Сначала одна, а потом и другая нога Клэйтона увязли в болоте. Он пытался вытащить то одну, то другую, но от этих усилий ноги увязают еще глубже.

Клэйтон чувствовал, что его ноги медленно погружаются в вязкую тину. Вот они ушли до колен, вот и колени погрузились в холод тины. Клэйтон старался нащупать рукой куст или хоть пучок травы, но напрасно: вокруг не было никакой растительности.

«Погиб!» — подумал Клэйтон, обливаясь холодным потом. Во рту у него было сухо. Язык как будто распух. В глазах рябило. Клэйтон вдруг так ослабел, что сел на холодную тину, но тотчас с ужасом поднялся, он сразу провалился по пояс. Проходила минута за минутой, и тело Клэйтона погружалось все глубже. Вот оно погрузилось до груди... Клэйтон делал невероятные усилия, чтобы пошевелить ногами, но они были как будто парализованы. Клэйтон поднял руки вверх, чтобы сохранить их свободными возможно дольше... Вот тина дошла до подмышек... Еще несколько минут и — плечи опустятся в тину, потом голова. Клэйтон вдруг закричал. Но на ферме не услышат его крика. А кругом — пустыня... Быть может, этот предсмертный крик донесется до ушей старика-охотника и Додда, но они не придут на помощь дезертиру...

Вдруг чья-то сильная рука схватила Клэйтона за шиворот и начала вытягивать его из болота.

— Это вы... Додд? — спросил Клэйтон. Неизвестный не отвечал. Он продолжал тянуть. Это была нелегкая работа. Увязнувшее в болоте тело не поддавалось усилиям. Клэйтон начал раскачиваться, судорожно подергиваться. Но это, очевидно, не облегчало, а скорее затрудняло работу неизвестного. По крайней мере, он тихо, прерывающимся от страшного напряжения голосом, пробормотал:

— Не двигайся!.. Ирод!.. Только мешаешь! Его голос казался знакомым. Во всяком случае, это был не Додд. Неизвестный говорил на чистейшем русском языке.

Прошел добрый час, пока Клэйтон был извлечен наполовину. Его мог спасти только человек необычайной силы. Клэйтону казалось, что ноги его не выдержат и оторвутся. Он стонал от боли, но неизвестный продолжал тащить его из болота.

Когда Клэйтон был наконец вырван из тины, как пробка из узкого горлышка бутылки, неизвестный бросил его на твердую землю и сам в изнеможении опустился рядом. Тут Клэйтон, напрягая зрение, увидел, что его спас великан — старик Данилыч.

— Спасибо, Данилыч! — сказал Клэйтон, пытаясь подняться. Но Данилыч придавил его своей пятерней к земле.

— Лежи и не двигайся. Не надо бы и спасать тебя, иродово отродье...

— Почему вы так говорите со мной? — спросил Клэйтон, притворяясь ни в чем не повинным.

— Потому что лучшего не стоишь. Вот Василий Николаевич расправится с тобой. Ты что по ночам по болотам шляешься? С кем разговаривал? Ты дума-

ешь, я не видал? Я давно слежу за тобой.

«Так вот чьи шаги я слышал», — подумал Клэйтон.

Отбитая атака

У Клэйтона сжалось сердце, когда между стволами тополей мелькнул огонек в окне лаборатории. Было, вероятно, около четырех часов утра, а Микулин еще работал. Данилыч крепко схватил Клэйтона за шиворот и, приподняв одной рукой, внес в лабораторию.

— Шпиона поймал, — сказал он, опуская на пол задыхавшегося Клэйтона.

Данилыч подробно рассказал о том, как, запоздав на охоте, он случайно увидел у болота Клэйтона, который о чем-то говорил с двумя людьми, как после этого он, Данилыч, начал следить за Клэйтоном и как спас его.

— Я думал, — закончил старик свой доклад, — может быть, вы узнаете от него что-нибудь важное. Только для этого я и вытащил его из болота.

— Что это значит, мистер Клэйн? — спросил Микулин. Лицо его было сурово, сдвинутые брови говорили о непреклонной воле. Клэйтону стало страшно. Таким он еще никогда не видал Микулина.

— Я все объясню, — сказал Клэйтон. — Но позвольте мне говорить по-английски. Я волнуюсь, и говорить по-русски мне трудно. — Клэйтону было неприятно выступать в роли обвиняемого перед Данилычем.

Микулин, подумав, сказал:

— Данилыч имеет такое же право судить вас, как и я сам. Нам торопиться некуда. Можете говорить медленно, но говорите по-русски.

Клэйтону не оставалось ничего другого, как повиноваться. И он рассказал о своем долге пути из Нью-Йорка к Рахмановским ключам.

— Но я никогда не решился бы причинить вам зло. Если бы я хотел это сделать, я давно мог убить вас миной, которую передал мне мистер Додд. Я закопал эту мину под елью Данилыч крикнул и сказал:

— Это правда. Он что-то закапывал, я видал. Но я боялся. Думал, что там такое? Не убило бы.

— И еще одно, — продолжал Клэйтон, — если бы я хотел изменить вам, я не бежал бы от Додда, который принуждал меня идти вместе с ним.

— Может быть, вас что-нибудь здесь... задерживает?.. Например, любовь?..

Клэйтон покраснел.

— Хотя бы и так. Тем больше оснований доверять мне. А если вы все еще не верите, то я открою планы мистера Додда. Сегодня же на заре он нападет на вашу ферму. Додд предупредил меня, что первая пуля будет пущена в мою голову.

— Как ты думаешь, Данилыч, что сделать с мистером Клэйтоном? Старик задумался.

— Конечно, может, он и не виновен. Видишь, какое дело. А доверять ему больше нельзя, шаткий он. Я бы его не выпустил. Связал бы, пусть сидит, по крайней мере, пока эти головорезы не побывают здесь.

— Вы слышите, Клэйтон? Пусть будет так. Я оставляю вас здесь арестованным. Я не буду вас связывать веревками — у меня есть кое-что понадежнее: вас будут охранять несколько маленьких змеек. Они очень ядовитые.

Микулин передвинул свои аппараты, отгородил часть комнаты несколькими рядами проволоки и повернул рубильник.

— Вот так. Имейте в виду, что по этим проволокам идет ток, который может убить целый полк солдат. А теперь мы пойдем, подготовимся отбить атаку.

Клэйтон оказался запертым в углу комнаты. Ничтожные тонкие проволоки охраняли его лучше замков. Правда, окно было свободно, но на дворе виднелась внушительная фигура Данилыча. Микулин подошел к дому, в котором жила Лор, и крикнул:

— Аленка, Аленка! Вставай!

Окно в мезонине открылось, и Клэйтон увидел голову девушки.

— Зачем так рано? — спросила она.

— Все идите в лабораторию, — сказал Микулин. Через несколько минут все обитатели фермы стояли в нескольких шагах от Клэйтона.

— Что это такое? — спросила Лор. — Вы арестованы?

— Увы, да, — ответил Клэйтон.

Микулин повернул выключатель и снял проволоки.

— Я думаю, теперь вас можно освободить от этих сторожей. Ну-ка, расскажите еще раз свою историю.

— Хорошо, я расскажу, но позвольте раньше поговорить о делах более срочных. Додд наберевал не менее дюжины вооруженных бандитов. А нас, если только вы окажете мне честь включить и меня в число защитников, всего пять человек, считая и женщин. Вы не вооружены. Я полагаю, что...

— Не беспокойтесь, — ответил Микулин. — Мы вооружены лучше, чем вы полагаете. Итак, чтобы нам не было скучно ожидать гостей, начинайте, мистер Клэйтон. Лор еще не слышала вашей истории.

И Клэйтону пришлось снова рассказать о всех своих злоключениях.

— Ого, вот, кажется, и гости, — перебил Микулин рассказ Клэйтона. У белого камня показались люди. Впереди шел высокий тощий человек с ружьем наперевес.

— Это Додд! — воскликнул Клэйтон.

Додд отдал какое-то распоряжение, и бандиты, рассыпавшись цепью, начали подходить к ферме.

И вдруг один из них, шедший впереди, взмахнул руками и упал навзничь, как будто его поразила какая-то невидимая сила. Микулин молча усмехнулся. Вот еще два бандита упали на землю, на том же месте, где лежал первый. Очевидно, какая-то преграда защищала ферму от врагов. Но Клэйтон не видел проволоки, по которой мог быть пущен ток. Место было совершенно открытое.

— В чем дело? — спросил Клэйтон.

— Дело простое, — отвечал Микулин. — Мне удалось осуществить передачу энергии на расстояние. У меня уже давно все прилажено. Я пускаю узкий пучок радиоволны Пронизывая воздух, она делает его хорошим проводником электричества. Вы понимаете, не по эфиру, а по воздуху идет ток высокого напряжения. Он-то и убивает людей. Ясно?

Да, для Микулина это было ясно, но мистер Додд не мог понять, почему его люди падают. Видя, что бандиты начали колебаться и несколько из них бросилось в панике назад, Додд крикнул на беглецов, выстрелил для острастки из револьвера и сам побежал вперед, увлекая за собой колеблющихся. Увы, их всех постигла печальная участь. Клэйтон видел, как Додд, выронив револьвер,

грохнулся на землю. Два оставшихся в живых с дикими воплями скрылись в лесу.

— Ну, вот и все, — сказал Микулин. — Видите, как гладко прошло сражение.

— Теперь мне понятно, почему вы были так доверчивы и даже беспечны, — сказал Клэйтон.

— Надеюсь, «ваши друзья» теперь надолго оставят меня в покое?

— Они больше не друзья мне, — нахмурился Клэйтон.

— Да, мертвые не друзья живым. Но что мы будем делать с вами, Клэйтон? Оставить на свободе под поручительство мисс Лор? Аленка, ты поручишься за него? Возражений нет? Кто против? Принято. А теперь работать, работать.

Вечный хлеб (повесть)



I. Деревенские новости

Небольшой рыбацкий баркас медленно подплывал к острову Фэр, входящему в группу Фридландских северных островов Немецкого моря. Стоял осенний вечер. Крепкий северный ветер обдавал рыбаков брызгами ледяной воды. Лов был неудачный, и лица рыбаков, посиневшие от холода, хмурились.

— Зима в этом году будет ранняя, — сказал старый рыбак, попыхивая короткой носогрейкой.

— Да, похоже на то, — отозвался молодой и, помолчав, прибавил:

— У Карла опять сеть украли, новую!

Все оживились. Рыбаки начали обсуждать, кто бы мог заниматься у них кражами.

— Мое мнение такое, что это дело рук Ганса, — решительно заявил молодой рыбак.

— Ганса? Ну, уж ты придумаешь! — послышались удивленные голоса. Ганс был полубольной, тощий, как скелет, высокий старик, одиноко живший в старом, заброшенном здании маяка.

— Ганс? Да он еле ноги таскает! Какие же у тебя доказательства?

— А такие, — заявил молодой рыбак, — что Ганс толстеет. Это была правда. За последние недели лицо Ганса значительно округлилось, и эта загадочная полнота уже служила предметом деревенских разговоров.

— Говорят, Ганс нашел на берегу клад, выброшенный морем. От такого подарка немудрено пополнеть, — задумчиво сказал старый рыбак.

— Ганс занимается контрабандой.

— А я говорю вам, — не унимался молодой рыбак, — что Ганс крадет у нас сети и рыбу, продает их и жиреет. Вы заметили, поздно вечером он куда-то частенько отлучается. Какие такие у него дела? Все это очень подозрительно.

С молодым рыбаком спорили, но видно было, что его рассказ на многих произвел впечатление. И когда баркас подошел к берегу у старого маяка, один из рыбаков предложил:

— А что, если бы нам зайти к Гансу, посмотреть, как он живет? Обогреемся, а кстати и его пощупаем.

— Вот это дело! — оживился молодой рыбак и начал быстро выгружать рыбу и прибирать снасти.

В небольшом оконце маяка светился огонек. Старик Ганс еще не спал. Он радушно встретил гостей и предложил погреться у полуразвалившегося камина.

— Ну как лов? — спросил он, потирая жилистые руки с крючковатыми пальцами.

— Плохо, — ответил молодой рыбак. Он был зол на неудачный лов и непогоду, и ему хотелось сорвать на ком-нибудь злость. — А ты все полнеешь, Ганс, с чего бы?

Старик жалко улыбнулся и развел руками.

— Ты тоже полнеешь, Людвиг, — ответил он.

— Не обо мне речь. Когда человек своими сетями рыбу ловит да продает, в этом нет ничего удивительного, что полнеешь. А ты вот скажи нам секрет, как, не работая, пополнеть, тогда и мы, может, будем у теплого камина греться, вместо того, чтобы в море ревматизмы наживать.

Ганс был явно смущен. Он ежился, потирал руки, пожимал плечами. Все заметили смущение старика, и это заставило поверить в его виновность даже тех, кто сомневался.

— Надо бы произвести у него обыск, — тихо сказал рыжий Фриц, наклоняясь к уху другого рыбака, — я это тонко устрою. — И, обратившись к Гансу, он сказал:

— Как ты не боишься жить в такой развалине? Дунет хороший норд-ост, и тебя раздавит в лепешку.

— Стены толстые, как-нибудь доживу, — ответил Ганс.

— А если раздавит? — не унимался Фриц. — Тебе-то, старику, может быть, это и безразлично, а с нас спросят. Зачем не приняли мер безопасности. Еще под суд отдадут. Надо осмотреть твоё жилище.

— Что ж его осматривать? — растерянно проговорил Ганс. Он уже не сомневался, что посетители в чем-то его подозревают и пришли неспроста. — Приходите завтра, когда будет светло, и осмотрите, если желаете.

— Зачем завтра? Мы и сегодня можем осмотреть.

— Да ведь темно, лестницы разрушены, ушибиться можете. Ну что за спешка, право. Полсотни лет жил, а тут вдруг одну ночь не переждать.

Людвиг уже понял военную хитрость Фрица и засуетился.

— А ты фонарь зажги.

— Фонарь! У меня и масла нет.

Но Фриц уже шарил по круглой комнате.

— Масла? Вот фонарь. А вот и масло. Ты что же, старик, лукавишь? Фриц быстро налил масло, зажег фонарь.

— Идем.

Все поднялись и пошли за Фрицем. Ганс, тяжело вздыхая и шаркая ногами, шел следом за ними, поднимаясь в полутьме по сырым, стертým ступеням винтовой лестницы.

В комнате второго этажа лежал всякий хлам, покрытый пылью и мусором обвалившейся штукатурки. Сквозь разбитые стекла окон дул ветер. Свет спугнул несколько летучих мышей, и они шарахнулись по стенам, сдувая пыль и паутину. Фриц внимательно осматривал каждый угол, ворошил мусор тяже-

лыми рыбацкими сапогами, потом освещал стены и говорил:

— Ишь какие трещины!

Но ничего подозрительного он не нашел.

— Идем в третий этаж.

— Да ничего там нет, — проговорил Ганс. Но Фриц, не слушая его, уже карабкался в верхнюю комнату.

Здесь ветер пронизывал насквозь, проникая не только через открытые впадины окон, но и в огромные щели.

— Ты, кажется, ошибся, Людвиг, — тихо сказал Фриц.

— А вот посмотрим, — громко ответил Людвиг и, разозлившись, толкнул Фрица. — Неси сюда фонарь. Что это такое?

— На сеть не похоже, — сказал громко и Фриц, уже не считая нужным скрывать цель прихода. Фонарь осветил полку и стоящий на ней котелок, прикрытый дощечкой.

Фриц поднял дощечку и заглянул в котелок. Там лежала какая-то студенистая жидкость, напоминавшая лягушечью икру.

— Пойдем, Людвиг, это какая-то перекишенная дрянь. Я ж тебе говорил, что ты ошибся.

Людвиг уже сам злился на себя, что затеял всю эту историю и остался в дураках. Чтобы оттянуть момент своего посрамления, он вытащил из темного угла Ганса и грубо закричал на него:

— Ты что держишь в этом горшке?

К общему удивлению, вопрос Людвиг привел Ганса в крайнее смущение. От волнения у старика дрожала нижняя челюсть. Бессвязно он прошептал несколько слов и замолк. Это возбудило интерес к содержимому горшка у остальных рыбаков.

— Что же ты молчишь? — не унимался Людвиг. — Да ты знаешь, куда пойдешь за такие дела? — фантазировал он, вдохновленный смущением Ганса.

— Не спрашивайте, прошу вас, — проговорил Ганс упавшим голосом. — Здесь нет никакого преступления, но я дал слово...

Эти слова произвели на всех ошеломляющее впечатление. Неожиданно они оказались перед лицом какой-то загадки. Торжествующий Людвиг бережно ухватил горшок и, приказав Фрицу светить фонарем, спустился вниз.

— Это, кажется, будет поинтереснее краденых сетей, — сказал он возбужденно Фрицу, ставя горшок на стол у камина.

— А теперь, — обратился он к Гансу, — ты должен рассказать нам все.

— Но я дал слово...

— Тогда ты пойдешь в тюрьму.

— За что же?

— За это самое. Ты был у нас уже давно на подозрении. Недаром ты стал полнеть.

— Неужели вы знаете?

Людвиг ничего не знал. Но в этот осенний вечер он неожиданно открыл в себе способности сыщика.

— Да, мы знаем все, — уверенно ответил он. — Если ты не будешь запираяться, то мы, может быть, и не отправим тебя в тюрьму.

Старик был убит. Он низко опустил голову и, помолчав, сказал:

— Я не хотел нарушить слово и сделать неприятность тому, кто пожалел

меня, старика, и был моим благодетелем. Но если вы уже знаете... Это «вечный хлеб», который я получил от профессора Бройера.

Если Людвиг и имел способности сыщика, то ему не хватало профессиональной опытности. Забыв свою роль, он в полнейшем изумлении спросил:

— Вечный хлеб? Что это такое?

Услышав этот вопрос, заданный с искренним удивлением, и возгласы других рыбаков, Ганс понял, что они ничего не знали о «вечном хлебе» и что, очевидно, другое подозрение привело их сюда и случайно открыло тайну, бережно им хранимую. Если бы он еще не назвал фамилии профессора! Но отступить было уже поздно. И сразу сторбившийся Ганс тяжело опустился на скамью.

— Слушайте. Я скажу вам все...

II. Счастливый Ганс

— Я очень нуждался, больше того: я голодал, — так начал свое признание старик Ганс. — Однажды вечером, когда я от голодного истощения не в силах был выйти из дому, ко мне постучались. Я открыл дверь и увидел перед собой старого профессора Бройера, который, как вы знаете, живет недалеко от нашей деревушки в усадьбе.

— Знаем, говори дальше, — нетерпеливо прервал Ганса Фриц.

— Профессор Бройер сказал мне: «Я могу накормить тебя, Ганс, накормить на всю жизнь, если только ты дашь мне слово никому не говорить об этом». Я дал ему клятву, — старик тяжело вздохнул, — которую теперь нарушил... Тогда Бройер вынул из-под плаща банку и протянул ее мне. «В этой банке, — сказал он мне, — находится „вечный хлеб“, или „тесто“. Если ты съешь половину этого теста, то будешь сыт весь день. А через сутки тесто само нарастет, и банка будет опять полная. Не бойся, Ганс, — сказал профессор, — это не вредное тесто. Не смотри, что оно некрасиво выглядит. Тесто питательно и вкусно. Попробуй». Я не решался. Тогда профессор откушал сам и говорит: «Ну, вот видишь, я жив и здоров». Он оставил мне банку и просил наведываться к нему и сказывать, как я себя чувствую. Потом он ушел...

Рыбаки слушали рассказ Ганса с таким напряженным вниманием и удивлением, что многие из них даже раскрыли рты.

— И что же было дальше? — ерзая на стуле от нетерпения, спросил Фриц.

— Я долго не решался притронуться к тесту, — продолжал Ганс. — Оно так похоже на лягушечью икру. Противно было. Несколько раз я подходил к банке, но не мог побороть отвращения. От голода мне не спалось. Под утро, когда спазмы стали сводить мне желудок, я решил: все равно умирать... И, зачерпнув ложкой, я проглотил кусок теста. Оно оказалось довольно вкусным и напоминало растертое печеное яблоко. Не прошло минуты, как я почувствовал полную сытость. Силы быстро прибывали. Мысленно поблагодарив профессора за его чудесный подарок, я крепко уснул и проснулся бодрым и здоровым.

— А тесто? Ты посмотрел на тесто?

— Я съел меньше половины, а к утру банка была полна до краев. С тех пор я начал хорошо питаться и быстро пополнил.

Казалось, слушатели окаменели от изумления. Но когда старик окончил свой рассказ, все пришли в движение, заговорили, замахали руками, повска-

кали с мест.

— Это что же выходит? Вроде скатерти-самобранки?..

— Да, если бы нам дали такой клад, то больше ничего на свете и не надо. Ни тебе землю пахать, ни тебе в море болтаться — лежи на лавке да тесто закладывай в рот...

— А по нашим безродным местам, где и картошка-то плохо растет... Когда первое волнение несколько улеглось, всех охватило сомнение. Да возможно ли это? Не морочит ли их старый Ганс? Слишком необычайной, чудесной казалась эта сказка о «вечном хлебе».

— А ты не врешь, старик? — строго спросил Людвиг.

— Зачем мне врать? Я могу при вас покушать. — И Ганс, зачерпнув ложкой, с аппетитом проглотил большой кусок густого теста.

Все смотрели на него с таким видом, как будто он глотает живую змею.

— Не угодно ли кому попробовать?

Но никто не решался.

Однако недоверие было сломлено. Все вновь начали обсуждать это необычайное событие, завидуя счастливому Гансу.

Жены и дети, беспокоясь о долгом отсутствии мужей и отцов, разыскали их и скоро наполнили всю комнату К полуночи уже вся рыбацкая деревня знала о необычайной новости. И разговоры шли до утра. А рано утром, еще до восхода солнца, к старому маяку потянулось настоящее паломничество. Каждому хотелось посмотреть на чудесный «вечный хлеб» и насколько он вырос за ночь. Фриц и Людвиг сторожили у банки всю ночь и теперь явились свидетелями того, что действительно тесто «подошло», как опара, и заполнило всю банку.

Фриц первый решился испробовать тесто и удостоверил, что оно очень вкусно и сытно.

Никогда еще круглая комната маяка не видала столько народу. Теперь здесь шло беспрерывное заседание. Рыбаки не могли примириться с мыслью, что таким кладом обладает только Ганс. После долгих споров они решили послать депутацию к профессору Бройеру, расспросить его о хлебе и просить наделить этим хлебом всех. Депутатами были избраны Фриц, Людвиг и учитель Отто Вейсман, как самый грамотный и начитанный в деревне человек. Ганс просил взять и его, чтобы он мог оправдаться перед профессором.

Профессор Бройер был ученый с мировым именем. Его работы в области биохимии, поражавшие своей смелостью, возбуждали споры и в то же время живейший интерес среди ученых Европы и Америки. Несколько лет тому назад, будучи старым, но еще очень бодрым человеком, он неожиданно для всех оставил чтение лекций в берлинском университете и удалился «на покой», как говорил он, избрал своим местожительством отдаленную от центра местность и построил себе небольшой домик на острове Фэр. Ближайшим своим друзьям он говорил, что удаляется от «мирской суеты», чтобы заняться лабораторными опытами над разрешением одной задачи мировой важности. Однако в чем заключалась эта задача, он никому не говорил.

— В наших университетах, — не без горечи говорил он своим друзьям, — можно работать только по шаблону. Всякая революционная научная мысль возбуждает тревогу и опасения. За вами следят ассистенты, студенты, лаборанты, доценты, корреспонденты, ректор и даже представители церкви. По-

пробуйте при таких условиях революционизировать науку! Вас засмеют, утопят в интригах прежде, чем вы добьетесь какого-нибудь результата. Там я свободен. О моих ошибках не узнает никто, мой конечный успех будет говорить сам за себя.

И он «ушел от суеты», прекратив всякое общение, даже переписку с внешним миром.

Рыбаки дереvушки, по соседству с которой он поселился, не знали о мировой известности профессора, да и вообще очень мало знали его, так как он почти никуда не показывался. Изредка, ранним утром или на закате, его можно было видеть бродящим среди пустынных дюн. Его считали непонятным, немного чудаковатым стариком, и только. И неожиданно в руках этого старика оказалось богатство, которое может осчастливить всех.

Депутатов-рыбаков охватила невольная робость, когда они поднялись на небольшой холм и увидели белый домик среди тощего сада, возвышающийся над невысоким забором из дикого камня. Как-то он примет их! Подарит ли он им «вечный хлеб», как подарил Гансу?..

Учитель несмело нажал калитку — она была открыта — и вошел в сад. Вслед за ним вошли Фриц и Людвиг. Ганс плелся в хвосте с видом человека, которого ведут на суд. Навстречу вошедшим бросились две овчарки, необыкновенно жирные.

— Ишь, отъелись. Тоже небось тестом кормятся, — заметил Фриц. — Какие толстые! Если у него тесто собаки жрут, то неужели же он людям откажет?..

На лай собак вышел упитанный, свежий старичок лет шестидесяти, с хорошо сохранившимися русыми волосами на голове и седой бородкой. Это и был профессор Бройер. Он отогнал собак и радушно спросил рыбаков, что им нужно.

— Мы пришли просить, не можете ли вы дать нам «вечного хлеба», — сказал Отто Вейсман, решившийся действовать напрямик. — Если только этот хлеб действительно обладает такими свойствами, как уверяет Ганс.

Лицо профессора Бройера внезапно переменилось. Он нахмурил брови и так сверкнул глазами на Ганса, что тот сгорбился и задрожал.

— Господин профессор, я не виноват! — воскликнул Ганс, прижимая ладони к груди. — Они хитростью выманили у меня тайну.

— Да, он не виноват, — подтвердил Фриц и рассказал профессору, как ими была случайно открыта тайна «вечного хлеба». Лицо профессора несколько прояснилось, но все же продолжало оставаться хмурым. Он молчал несколько минут, очевидно обдумывая создавшееся положение. Это молчание казалось депутатам томительно долгим. Наконец профессор заговорил:

— Ганс прав. Один килограмм теста может пропитать человека всю жизнь и остаться в наследство сыну. Едва ли вы поймете, если я стану вам объяснять, из чего оно сделано. Да это для вас и неважно.

— Конечно, нам важно его есть, — ответил Людвиг. — Значит, вы дадите его нам?

— Нет, не дам. По крайней мере, сейчас не могу дать. Фриц и Людвиг взволновались.

— Но почему же Гансу? У вас вот и собаки такие толстые, тоже, наверно, едят ваше тесто.

— Да, едят, — ответил Бройер. И, остановив поднятой рукой Фрица, кото-

рый хотел говорить, профессор властным тоном, которого от него нельзя было ожидать, сказал:

— Подождите говорить и выслушайте меня внимательно. Я всю жизнь посвятил тому, чтобы изобрести этот хлеб, который избавил бы от голода все человечество. Для вас я трудился над изготовлением этого хлеба, и вы получите его. Мне кажется, я уже достиг цели, но опыты еще не закончены. А пока они не закончены, я не могу раздавать хлеб направо и налево.

— Но Ганс...

— Ганс — это тоже опыт, — сурово прервал Фрица профессор. — Я делал опыты над животными, вот над этими собаками и морскими свинками. Потом я делал опыт над самим собой. И, убедившись в полной безвредности, решил произвести опыт над Гансом. Но это еще не все. Я сам еще не изучил всех свойств хлеба. Может быть, длительное питание им окажется вредным для здоровья. Не спешите завидовать Гансу. Я не знаю, как будет вести себя «тесто» через месяц. Может быть, оно будет скисать и станет негодным для еды. Поэтому я говорю: подождите еще немного. Жили же вы без этого теста, можете подождать еще несколько месяцев. Я обещаю вам, что вас, вашу деревню я снабжу хлебом первыми, но при одном непременном условии: если вы сохраните эту тайну и не разболтаете ее среди рыбаков соседних деревень. Если мне станет известно, что еще хоть один человек узнал о «вечном хлебе», я уничтожу хлеб у Ганса и уеду отсюда. Это мое последнее слово.

— Господин профессор, — сказал учитель, — но как...

— Никаких возражений! — отрезал Бройер.

— Я не о том. Мне хотелось знать, как все-таки этот хлеб растет. Я, видите ли, здешний школьный учитель и, может быть, пойму.

— Я, видите ли, — ответил Бройер, — профессор берлинского университета, но мне самому потребовалось сорок лет труда, чтобы «понять» это. Ну, как вам объяснить? Если вы разрежете дождевого червя, то обе половинки отрастут и появятся два новых червя. Ясно? Нечто подобное происходит и с тестом. Меня ждет работа. До свидания. Так помните же о моих условиях. Или несколько месяцев терпения и молчания, и вы все получите хлеб, или же вы не получите ничего.

И, кивнув головой, профессор ушел в дом.

Разочарованные депутаты топтались на месте.

— Коротко и ясно, — сказал Людвиг. — Вместо теста можете резать дождевых червей. Одну половинку зажаривать и есть, а другую на вырост...

— Да ведь это для примера сказано, — возразил учитель.

— Примерами сыт не будешь. Собаки для опыта, Ганс для опыта. Почему же мы не годимся для опыта? Нет, этого дела я так не оставлю.

Огорченные депутаты пошли в обратный путь, чтобы сообщить односельчанам печальную весть об отказе.

III. Ганс становится «хлеботорговцем»

Волнение в деревне не прекращалось. Всем казалось несправедливым, что «вечным хлебом» обладает один Ганс. Рыбаки собрались на сходе, решили объявить тесто общей собственностью, реквизируют и поделить поровну. Однако шульц (старшина) признал это решение незаконным и отказался привести его в исполнение. Особенно волновались Людвиг и Фриц. Они даже осмеливались утверждать, что с законом нечего считаться, так как, когда писались законы, о «вечном хлебе» не знали. Однако большинство побоялось оказаться самоуправцами и нарушителями закона и нажать бед, если о самочинном законодательстве станет известно в центре. Во время одного из таких совещаний кто-то сообщил новость, что воры уже дважды похищали у Ганса часть теста. Воры были, по-видимому, совестливые, так как брали только не более тридцати граммов.

— Нашлись же умные люди, — сказал Фриц. — Я бы даже это и кражей не назвал. Тесто не может принадлежать одному человеку, я давно твержу это.

После того как Людвиг узнал о краже теста, у него твердо засела в голове мысль похитить у Ганса кусочек чудесного теста.

В одну темную ночь он захватил с собой веревку и отправился к маяку. Ему удалось закинуть веревку с узлом на конце в одну из стальных расщелин, подтянуться на руках и влезть в комнату, где хранилось тесто. Когда он протянул руку впотьмах к той полке, на которой стоял горшок, неизвестное существо бросилось на него с необычайным криком и исцарапало ему лицо и руки. Людвиг от неожиданности вскрикнул, отступил назад и свалился вниз по лестнице. На шум вышел Ганс с фонарем в руке.

— Что ты тут делаешь, Людвиг? — спросил старик.

— Я... Я хотел накрыть вора, который крадет у тебя тесто. Но это, наверное, сам черт. Он исцарапал мне все лицо своими когтями.

В черта, впрочем, Людвиг не верил и потому предложил Гансу пойти в верхнюю комнату с фонарем и осмотреть ее.

Когда они поднялись наверх, то увидели большого черного кота, который сердито ворчал на них.

— Вот так вор! — удивился Людвиг. — Неужели и кошки находят вкус в этом тесте? — И с горечью подумал: «Они небось не считаются с глупыми законами». Но едва не попавшись на месте преступления, он уже не повторял попытки украсть тесто. Впрочем, дело скоро приобрело иной оборот.

Ганс был обеспечен хлебом и не голодал. Но, у него свалились с ног сапоги, ветхая одежда расплзлась на поплневшем теле, он не имел дров, и ему приходилось мерзнуть в своем полуразвалившемся маяке. Словом, он оставался нищим, хотя и сытым нищим.

Этим воспользовались деревенские богатей. Они начали наперерыв искушать его продать им тесто за сапоги, новую шубу, дрова. Ганс долго крепился и не поддавался этим искушениям. Однако, когда в середине декабря наступили сильные морозы, он не удержался и начал торговать тестом. Сам он уже достаточно отъелся, старческий организм не требовал много. Ганс не съедал за день половины теста, и у него оставался небольшой излишек. Этот излишек он и пускал в торговый оборот, продавая каждый день кому-нибудь часть теста. На покупку теста установилась очередь. Чем дальше шла торговля, тем

больше охватывал Ганса дух наживы. Он запрашивал все большую цену, торговался, как ростовщик. Его ругали, но платили. Нельзя же отстать от других.

У Ганса появилась настоящая страсть к наживе. Он даже уменьшил свой дневной паек, чтобы расширить торговлю, и несколько похудел. Зато у него появились тяжелые сундуки, набитые шубами и кафтанами, в камине пылали большие поленья дров, а в маленьком сундучке под кроватью росли стопки денег. За каких-нибудь два месяца Ганс сделался самым богатым человеком в деревне.

Он даже помолодел от привалившего счастья. Теперь он начал бояться смерти и, опасаясь, как бы старый маяк в самом деле не раздавил его, купил новенький домик, перебрался туда и нанял служанку, чтобы она мыла ему белье, ухаживала за хозяйством и варила кофе, который он пил, «как настоящий богач», подражая пастору соседнего села, пившему по утрам кофе со сливками. Ганс выписал себе из города радиоприемник с комнатным громкоговорителем, целый день сидел в удобном кресле, попыхивал трубочкой и с самодовольной улыбкой слушал, что делается на белом свете. Его даже не мучила совесть. Когда изредка он вспоминал о профессоре Бройере, то думал: «Что же плохого я сделал? Профессор накормил, но не одел меня. Притом надо думать и о других. Несправедливо, в самом деле, одному владеть тестом».

Рыбаки также были довольны. Правда, теста было маловато. К тесту приходилось добавлять хлеб и рыбу. Но все же тесто было хорошим подспорьем в хозяйстве. Только несколько бедняков не имели средств, чтобы купить теста. Один из них, наслушавшись речей о том, что «вечный хлеб» должен быть общим достоянием, попытался было осуществить это на практике, запустив руку в банку с тестом, стоявшую случайно в открытом чуланчике, но был пойман на месте, избит хозяином, богатым рыбаком, и предан суду за кражу. К его удивлению, все рыбаки, купившие тесто, были крайне возмущены его поступком. Он пытался оправдываться, повторяя их же слова об общем достоянии. Но ему никого не удалось убедить.

— Когда тесто будет раздаваться, — отвечали ему, — тогда оно и будет общим достоянием. Как же ты хочешь силой и даром получить то, за что мы платили деньги? А ты знаешь, что такое для нас деньги? Это тяжелый труд рыбака, полный опасностей. Ты не тесто украл, а наш труд.

И вор был осужден со всей строгостью закона. Впрочем, в приговоре деревенские судьи не писали, какое он украл тесто. Рыбаки все ж таки сохраняли тайну «вечного хлеба» в пределах своей деревни. Им хотелось жить лучше соседних деревень. Притом они надеялись, что профессор всех их скоро наделит тестом вдоволь. И они скрывали от Бройера покупку хлеба у Ганса. Однако профессору скоро стало известно все. И не только ему.

Однажды Бройер сидел в своей лаборатории, когда ему сказали, что его ждет какой-то молодой человек, «прилично, по-городскому одетый». Профессор поморщился. Он не любил, чтобы ему мешали работать. А тут еще городской костюм неизвестного посетителя.

— Скажите, что меня нет дома, — ответил он слуге Карлу.

— Я говорил. Молодой человек ответил, что он подождет, пока вы вернетесь.

— Скажите в таком случае, что я сегодня не вернусь, — раздраженно ответил Бройер и углубился в занятия.

На другое утро слуга Карл доложил, что пришел вчерашний посетитель и вновь просит принять его. И слуга протянул визитную карточку.

Профессор, видя, что ему не отделаться от назойливого посетителя, вздохнул и вышел в гостиную. Навстречу ему поднялся бритый молодой человек с большими круглыми очками на носу, одетый с преувеличенной элегантностью.

— Простите, дорогой профессор, — быстро заговорил посетитель, — что я нарушил ваше уединение...

— Я очень занят и могу уделить вам не более пяти минут, — сухо ответил профессор.

— Я вас не задержу. Я — корреспондент берлинской газеты... — молодой человек назвал одну из крупных газет. Профессор недовольно крякнул, узнав, что имеет дело с корреспондентом. — Редакция поручила мне побеседовать с вами по поводу вашего величайшего изобретения...

— Какого изобретения? — насторожился Бройер.

— Изобретения «вечного хлеба», разумеется. Ведь это открывает такие грандиозные перспективы...

— Как, и вы о «вечном хлебе»? — крикнул профессор, весь побагровев. — Откуда вы взяли? Все это глупости, праздная болтовня. Никакого «вечного хлеба» я не изобретал.

Молодой человек выслушал эту горячую речь с улыбкой, которая еще больше раздражила профессора.

— Уважаемый профессор, — ответил он, — мы не смели бы проникнуть в тайны вашего творчества, если бы их не открыл нам случай. Это вышло помимо нас.

— Какой случай? — спросил профессор, чувствуя, что его тайна действительно раскрыта.

— Вы дали в виде опыта часть «вечного хлеба», или теста, как его называют, старому рыбаку Гансу. Ганс начал торговать этим хлебом среди своих односельчан...

— Не может быть! — вскричал профессор.

— Увы, это так. Он не оправдал вашего доверия. Одна из жен рыбаков не утерпела и послала кусочек теста в соседнюю деревню своей бедной, больной матери. Вторая дочь этой матери, живущая с ней, написала о чудесном тесте своему брату в Берлин. А этот брат — какая счастливая для нас случайность! — служит в нашей редакции рассыльным.

— Какая несчастная для меня случайность! — тихо проговорил профессор.

— Таким образом, наша газета узнала первая об изобретении, которому суждено перевернуть мир. Новость была столь ошеломляющей, что, признаться, мы не поверили словам нашего курьера и редакция командировала меня на место, чтобы проверить все.

Всякие отпирательства были бесполезны. Профессор понурил голову.

— Продолжайте.

— На месте я узнал, правда прибегнув к некоторой хитрости, что все действительно так и есть, как говорил рассыльный. «Вечный хлеб» существует в природе.

Бройер порывисто подошел к молодому человеку и крепко сжал ему руку.

— Послушайте, — задыхаясь, сказал он, — я очень прошу вас, не сообщайте

ничего в газетах. Опыт еще не окончен, и его нельзя разглашать... Это может наделать неисчислимые беды. Обещаю, даю вам слово, что вы первые узнаете о моем изобретении, когда я найду это своевременным. Я сам напишу вам об этом.

Молодой человек с участливой улыбкой на лице отрицательно покачал головой.

— К сожалению, это невозможно, дорогой профессор. В газете уже была помещена заметка. Не могли же мы ожидать, пока такую сенсационную новость перехватят другие газеты!

— Вам все только бы сенсации, — с горечью проговорил Бройер. — Ну напишите другую заметку, что при проверке на месте слухи оказались вздорными.

— Теперь уже поздно. Сюда наедут другие корреспонденты. Впрочем, я поговорю с редактором и сделаю все, что возможно. Но услуга за услугу. Я просил бы вас сообщить мне хотя бы краткие сведения о сущности вашего изобретения. Не для немедленного опубликования, а на тот случай, если потушить это дело не удастся. Чтобы, по крайней мере, в нашей газете первой появились кое-какие подробности об этом изобретении.

Бройер прошелся в волнении по комнате. Желая задобрить корреспондента, он решил удовлетворить его просьбу. И начал говорить, как перед аудиторией, невольно воодушевляясь, а корреспондент, открыв блокнот и вынув вечное перо, записывал речь профессора стенографически.

— Как вам, вероятно, известно, мысль о создании «искусственного хлеба», изготовляемого в лаборатории, давно занимала ученых. Но все они шли неверным путем, пытаясь решить вопрос исключительно силами одной химии.

Химия — великая наука и великая сила, но каждая наука имеет свои пределы. Если бы даже химикам удалось, скажем, получить белок химическим путем, а рано или поздно это, конечно, будет достигнуто, то проблема питания еще не будет разрешена. Первый вопрос — практический. Ученым удалось получить золото химическим путем, осуществить мечту древних алхимиков о превращении неблагородных металлов в благородные. Но стоимость добывания грамма золота лабораторным путем во много превышает рыночную стоимость того же грамма обыкновенного золота. Научно — великое открытие, практически — нуль. Второе — это то, что для нашего питания требуются не только белки, но и углеводы и жиры. Создать химически все необходимое для питания организма — разрешимая, но чрезвычайно трудная задача при современном состоянии наших знаний. И я решил призвать на помощь биологию. Живые организмы — та же лаборатория, где происходят самые изумительные химические процессы, но лаборатория, не требующая участия человеческих рук. И я уже много десятков лет тому назад начал работать над культурой простейших организмов, пытаюсь вырастить такую «породу», которая заключила бы в себе все необходимые для питания элементы. Эта задача была выполнена мною успешно ровно двадцать лет тому назад.

— Двадцать лет! И вы молчали о ней? — удивленно воскликнул корреспондент.

— Да, молчал, потому что этим разрешалась только половина дела. Мои простейшие представляли великолепное кушанье. Как одноклеточные, они размножались простым делением и в этом смысле представляли тоже «веч-

ный хлеб». Но чтобы поддерживать их «вечную» жизнь, требовался большой уход за ними, требовалось особое питание. А это обходилось не дешевле, чем выращивать, скажем, свиней. Словом, мое лабораторное золото стоило дороже, чем обыкновенное. И последние двадцать лет я посвятил тому, чтобы найти такую культуру простейших, которая не требовала бы никаких забот и расходов на «кормление».

— И вам удалось это?

— Удалось. Но, повторяю, опыты не закончены. Вот почему я так настоятельно прошу повременить немного с их опубликованием. Я нашел и вывел искусственным подбором такую «породу» простейших одноклеточных, которые добывают все необходимое им для питания непосредственно из воздуха.

— Из воздуха! — снова не удержался от восклицания молодой человек. — Но какое же питание может дать воздух? Воздух состоит только из азота и кислорода...

— И аргона, и водорода, — продолжал профессор, — и неона, и криптона, и гелия, и ксенона. Но кроме этих постоянных элементов, в атмосфере находятся еще в переменном количестве водяные пары, углекислый газ, азотная кислота, озон, хлор, аммиак, бром, перекись водорода, йод, сероводород, хлористый натрий, эманация радиоактивных элементов — радия, тория и актиния, затем неорганическая и, заметьте себе хорошенько, органическая пыль — бактерии. А это уже «мясо». Не правда ли, хорошенькая кухня?

Корреспондент даже бросил писать и с удивлением смотрел на профессора. Молодой человек никогда не думал, что воздушная «пустота» имеет такой сложный состав.

— Правда, не все в этой воздушной кладовой съедобно в сыром виде. Но мои простейшие берут то, что надо, перерабатывают в своем организме и изготавливают нам великолепное блюдо.

Профессор увлекся и еще долго говорил бы, если бы корреспондент сам не прервал его речь. Молодому человеку не терпелось. Он вскочил со стула, спрятав записную книжку и начал бегать по комнате, ероша свои волосы.

— Изумительно, непостижимо! Ведь это новая эра в истории человечества. Нет больше голода, нет бедности, нет войн, нет классовой вражды...

— Хотелось, чтобы это было так, — сказал профессор. — Но я не питаю таких надежд. Люди всегда найдут, из-за чего ссориться. Кроме хлеба, им нужна одежда, и дома, и автомобили, и искусство, и слава.

— Но все-таки это грандиозно! Но как вы думаете использовать ваше изобретение?

— Разумеется, я не стану спекулировать этим хлебом, как Ганс. «Вечный хлеб» должен быть общим достоянием.

— О, разумеется! Вы не только ученый. Вы прекрасный человек. Вы... вы — благодетель человечества! Позвольте пожать вашу руку. И молодой человек крепко пожал руку Бройера.

— Так помните же о вашем обещании, — сказал на прощание профессор.

— О, разумеется! Сделаю все возможное и невозможное.

И он выбежал из комнаты.

«Какие перспективы! — думал он, спеша на пристань. — И... сколько строк, сколько можно написать статей, какие гонорары заработать...»

А профессор Бройер сидел в своем кабинете над тиглями и колбами и ду-

мал о том, какие неприятности ждут его еще впереди.

IV. Короли биржи

В читальном зале Коммерческого клуба было тихо. В эту обширную комнату, устланную толстыми пушистыми коврами, не долетало ни одного звука уличного шума. Мягкий матовый свет падал на круглые столы с разбросанными на них журналами и газетами, зажигал золото солидных переплетов в массивных книжных шкафах, сверкал на стеклах очков солидных людей, развалившихся в глубоких удобных креслах. Эта тишина нарушалась только шелестом газетных листов, музыкальным боем часов и короткими фразами, которыми изредка перебрасывались посетители. Библиотечный зал — «самое тихое место в Берлине» — был излюбленным уголком высшей денежной знати. Сюда приходили они отдохнуть «в своем кругу» от лихорадочной суеты делового дня; нужно было иметь капитал не меньше миллиона, чтобы проникнуть в стены этого клуба.

Роденшток, полный, пожилой человек с сонными, заплывшими глазками и ленивыми движениями, — владелец большого завода сельскохозяйственных машин — отбросил в сторону газету, попыттел сигарой и вяло спросил своего соседа, тонкого, остролицего банкира Кригмана:

— Вы читали это?.. «Новая эра в истории человечества. Величайшее изобретение. Нет больше голода».

Кригман молча, движением кошки, поймавшей мышь, схватил газету и быстро пробежал газетную заметку. Отбросив в сторону золотое пенсне, он с недоумением посмотрел на Роденштока.

— Я не совсем понимаю. Это шутка или очередная газетная утка?

— Боюсь, что это бомба. Бомба страшной разрушительной силы, которая может взорвать всех нас.

— Но разве это мыслимо? «Вечный хлеб» — химера.

— Черт возьми, после аэропланов, рентгенов, радио и прочего нам пора бы уже привыкнуть к химерам. От этих ученых всего можно ожидать. Я уже наводил справки. Увы, одной химерой стало больше: «вечный хлеб» действительно существует...

Кригман тем же движением кошки схватил свое пенсне, бросил его на нос и воскликнул, нарушая тишину священного места:

— Но тогда ведь это действительно переворот!.. Что же произойдет с нашим экономическим строем? Рабочие, получив «вечный хлеб», бросят работать...

— Рабочие не бросят работать, — довольно грубо прервал Роденшток своего собеседника. Представитель старой, «довоенной» фирмы, Роденшток презирал в душе своего собеседника, только недавно составившего себе состояние на спекуляции валютой.

— Рабочие не бросят работать, — продолжал Роденшток. — Кроме хлеба, им нужно обуваться и одеваться. Цены на хлеб падут, зато поднимутся цены на промышленные товары. И нужда заставит их работать. Но пертурбации действительно могут произойти ужасные. Все цены потерпят колоссальнейшие изменения. Сельское хозяйство уничтожится. Крестьянам нечего будет продавать городу, их покупательная способность будет убита. Мы потеряем огром-

ный сельский рынок. Это приведет к колоссальным кризисам производства, безработице, волнениям рабочих. Целые отрасли производства, обслуживающие сельское хозяйство, принуждены будут совершенно прекратить существование. Кому нужны будут тракторы, сеялки, молотилки? Экономические потрясения вызовут сотрясения социальные, революционные. И быть может, вся наша цивилизация погибнет в этом катаклизме... Вот что такое «вечный хлеб»!

Роденшток рисовал все эти ужасы своим обычным, спокойным, вялым тоном, и это сбивало Кригмана с толку: может быть, Роденшток только шутит?

Слушая пророчество старого коммерсанта, Кригман то откидывал голову назад, втягивал ее в плечи, то, вытянув тонкую шею, выбрасывал голову вперед.

— Что же делать? — спросил он.

— Уничтожить «вечный хлеб», весь, до последнего остатка, — ответил Роденшток. И, понизив голос, добавил:

— А если понадобится, то уничтожить и «пекаря» этого хлеба.

Теперь Кригман знал, что Роденшток не шутит. Старый коммерсант, очевидно, все обдумал и принял определенное решение. Поэтому он и говорил так спокойно о таких страшных вещах. На душе Кригмана отлегло.

— А это можно... уничтожить?

— Это нужно, и этим решается вопрос. Уничтожить всегда легче, чем создать.

— Но как? В этой газете сообщается, что «вечным хлебом» питается уже целая рыбацкая деревушка. Не можем же мы взорвать ее на воздух.

— Зачем такие ужасы? Мы просто скупим хлеб у рыбаков. Эти люди не понимают всей его ценности. Они во всю свою жизнь не видали в глаза кредитного билета в сто марок. Если им предложить тысячу, они будут считать себя обеспеченными на всю жизнь.

— А изобретатель, этот профессор Бройер? Роденшток помолчал и затем сказал сквозь зубы:

— О нем другой разговор.

Роденшток посмотрел на часы и продолжал:

— Мои агенты уже действуют. Я послал скупщиков «хлеба» в рыбацкую деревню. И сегодня в девять Майер должен был привезти мне известие о том, как идут дела. Но он что-то запоздал.

Собеседники замолчали. Роденшток повесил голову на грудь и, казалось, дремал. Кригман вертелся в кресле, что-то бормотал. Взгляд его был сосредоточен, брови сдвинуты, — он думал.

Большие стенные часы, роняя мелодичный звон, пробили десять.

Роденшток встрепенулся и зажег потухшую сигару. В ту же минуту в комнату вошел молодой человек в штатском, но с военной выправкой. Это был секретарь Роденштока Майер.

Роденшток молча показал ему на свободное кресло около себя и, прикрыв глаза, сказал:

— Говорите.

Майер был, видимо, утомлен с дороги. Он с удовольствием опустился в мягкое кресло, откинулся, но тотчас выпрямил спину и начал свой доклад:

— Мы не можем похвалиться успехом, господин Роденшток. Несмотря на

все наши старания и уговоры, рыбаки решительно отказывались продать нам «тесто», как они называют «вечный хлеб». Они не хотели с нами даже разговаривать. И только когда мы предложили каждому рыбаку по три тысячи марок, они стали колебаться.

— Скоты! — пробурчал Роденшток.

— И все же не соглашались. Пришлось поднять цену до пяти тысяч...

— Грабители!..

— Тогда двое из них согласились: Фриц и Людвиг, как называли их. Фамилии их я еще не знаю.

— Ага, все-таки согласились?

— Да, и с остальными пошло легче. Мы уже скупили тесто более чем у половины рыбаков и надеялись к вечеру закончить скупку «хлеба», но тут обнаружилось одно обстоятельство, которое заставило меня прекратить скупку до получения ваших дальнейших распоряжений.

Роденшток поднял веки и сонно спросил:

— Какое обстоятельство?

— Вся операция имела смысл только в том случае, если нам удастся скупить весь «хлеб» до последнего грамма. Однако оказалось, что Фриц и Людвиг утаили часть «хлеба» «на вырост», как они говорили.

— Мошенники!

— Об этом они проболтались своим односельчанам, похваляясь перед ними, как-де хорошо им удалось одурачить скупщиков. А рыбаки, продавшие нам «хлеб» без остатка, конечно, были огорчены тем, что не поступили так же, как Фриц с Людвигом. И с досады выдали своих односельчан. Несчастье в том, что мы не знаем точно количества запасов теста, и потому нет никакой гарантии, что нам удастся извлечь весь «хлеб», особенно после того урока, который нам дали Фриц и Людвиг. Вот почему я прекратил дальнейшую скупку «вечного хлеба». По этой же причине я не приступал к выполнению и второй задачи, в отношении профессора Бройера.

Лицо Роденштока было еще сонно, но его брови уже ползли к переносице, собирая в складки кожу на лбу. Майер знал, что значит эта перемена, и вытянулся еще больше.

— Скверно, — тихо сказал Роденшток, но в этом тихом голосе уже слышался отдаленный удар грома.

— Скверно! — повторил он неожиданно громко, и лицо его побагровело.

«Ага, и ты умеешь волноваться», — не без злорадства подумал Кригман. И вдруг, поднявшись, он поднял вверх указательный палец и нагнул голову к Роденштоку.

— Слушайте меня, я хочу что-то сказать.

Глаза Роденштока не спали, теперь они метали молнии. Но он внимательно выслушал Кригмана.

— Кризисы, революции, войны — это все ужасно, — начал Кригман свой проект. — Но то, что ужасно для масс, может быть совсем не ужасным для отдельных людей. Умный человек должен из всего извлекать выгоду для себя, даже из войн.

«Да, ты не можешь пожаловаться на войну», — подумал Роденшток, глядя на Кригмана.

Кригман как будто уловил эту мысль.

— Вот вы, например, господин Роденшток, вы во время войны перековали на своих заводах орала на мечи и работали на оборону.

Роденшток поморщился. Это была правда. Он тоже не мог пожаловаться на войну.

— Вы говорите, «вечный хлеб» — это бомба. — И, мотнув головой, Кригман продолжал:

— На бомбах люди тоже неплохо зарабатывали. Пока там и кризисы и революции, на этом «вечном хлебе» можно сделать хороший оборот. Чтобы долго не распространяться, я скажу прямо. Зачем уничтожать «вечный хлеб»? Лучше будем торговать им. Купим патент на изобретение у профессора Бройера, заплатим ему какие угодно суммы — я для такого дела не пожалею всей личности моего банка, — организуем акционерное общество по продаже и экспорту «вечного хлеба» и наживем миллиарды, прежде чем случатся всякие там поражения. А тогда — пусть хоть потоп. Ведь перед нами мировой рынок. Шутка сказать! И мы единственные монополисты. Да ведь это греза, мечта! Нет, «вечный хлеб» не бомба. Хлеб есть хлеб, и он очень хорошо прокормит нас.

— Но мои заводы сельскохозяйственных машин...

— Они все равно обречены. «Вечный хлеб» существует, и вы его уже больше не уничтожите. Я думаю, не один Фриц и кто еще там припрятали себе кусочки теста хоть с горошину. Из горошины через год, может быть, вырастет гора. А будем мы монополисты, у нас будут горы золота.

— Пожалуй, вы правы, — задумчиво сказал Роденшток. — Майер, поезжайте немедленно к профессору Бройеру. Предложите ему миллион, два, сколько запросит. Не останавливайтесь ни перед какой ценой!

Майер встал, поклонился одной головой и, круто повернувшись на каблуках, вышел.

Через несколько дней Майер делал доклад Роденштоку и Кригману.

— Профессор решительно отказывается продать свое изобретение для коммерческой эксплуатации. Он говорит, что мечтой всей его жизни было избавить человечество от голода, и он решил предоставить «вечный хлеб» бесплатно всем нуждающимся.

— Идеалист! — иронически сказал Кригман.

— Просто дурак, — коротко отрезал Роденшток. — Вы называли ему сумму, которую мы предлагаем за его изобретение?

— Называл.

— И что же?

— Когда я сказал: «миллион», он весь закипел гневом. Когда я сказал: «пять», он... он выставил меня за дверь. Мне кажется, он не совсем нормален. Он даже не взял патента на свое изобретение.

— Как, не взял патента! — вскричал Кригман — Тогда мы с ним и считаться не будем. Сами заявим патент. И будем торговать. Пригласим какого-нибудь химика с головой, но без штанов, дадим ему пару-другую тысяч, он нам поклонится в ножки и произведет анализ хлеба. Кое-что можем изменить в составе «хлеба», сдобрить чем-нибудь ароматическим, что ли, и дело пойдет. Это все пустое!

— Но другим тоже известно о хлебе. Не одному вам могут приходить в голову такие гениальные коммерческие планы! — иронически сказал Роденшток.

Кригман задумался.

— Да, надо охранить наши «золотоносные россыпи» на острове Фэр, — сказал он. — Но я думаю, что при наших деньгах и связях это нам удастся.

— Другие тоже имеют деньги и связи, — не унимался Роденшток.

— Но что же делать? Это необходимо, и этим решается все, не так ли вы сказали?

Другого исхода не было. Роденшток принужден был согласиться. И, уже не споря больше, они начали обдумывать план действий.

V. Золотые россыпи

Фриц, в новом узком городском костюме, так не шедшем к его дюжей, коренастой фигуре, приехал из города и хвастал перед Людвигом своими покупками. Небольшая комната была похожа на магазин случайных вещей.

— Вот, садись на это кресло.

Людвиг недоверчиво осмотрел высокое, узкое кресло с бархатным сиденьем, сделанное из белого полированного металла, и уселся.

Фриц что-то повертел сзади, и вдруг кресло скользнуло вниз. Людвиг испуганно схватился за ручки, нелепо подняв ноги. Фриц, его жена и сын засмеялись.

— Вот занятная штука! Дорого стоит, но очень интересно.

Это было зубоврачебное кресло.

Людвиг вылез из кресла и продолжал осмотр.

— А это что? Биллиардные шары? Зачем они тебе?

— Сын играть будет вместо мяча. Уж больно гладкие, понравились мне. А вот, смотри, труба.

Фриц показал большую медную трубу.

— Эх, блестит как! Золото. Ну, конечно, купил кое-что жене: зонтик, на платье бархату, шубу лисью. Людвиг осмотрел трубу.

— Играть умеешь?

— Научусь.

— Ты трубу, а я пианино себе купил. Дочка играть учиться будет. Это лучше твоей трубы.

— Что пианино! У меня еще на пристани одна штука лежит. Всем вам нос утру. Хочешь, идем посмотрим.

Людвиг согласился, и они пошли, продолжая хвастать друг перед другом своими покупками.

На пристани уже толпились рыбаки. Они давно оставили рыбную ловлю и все обратились в завзятых спекулянтов с тех пор, как их маленькая деревушка неожиданно сделалась «золотым дном». Фриц оказался хитрее всех. Он первый сообразил, что если тесто так дорого, то питаться можно и рыбой, а все тесто растить на продажу. В последнее время он продавал тесто агентам Роденштока чуть ли не на вес золота и очень разбогател, далеко оставив за собой своих односельчан.

— А ну-ка, покажи, что у тебя есть? — говорили они, разглядывая с завистью и любопытством большой ящик. Фриц с помощью нескольких добровольцев из рыбаков вскрыл ящик и извлек оттуда новенький мотоцикл с коляской. Это было невиданное в деревне зрелище. Все ахнули. Ну и Фриц! Дей-

ствительно утер всем нос. Фриц хлопотал около мотоцикла, налил масла, смазал, что-то покрутил.

— И когда ты успел научиться? Неужто поедешь? Мотор заработал. Фриц вскочил на мотоцикл и проехал несколько шагов вверх. Но на глубоком песке колеса застряли. Мотоцикл пострелял немного и остановился. Эта неудача была встречена радостно-ироническими замечаниями. Как ни бился Фриц, он не мог оживить мотор.

— Ничего, выпишу шофера, пойдет. — И он поволок машину в гору.

Людвиг шел следом, прикованный взглядом к блестящему мотоциклу. Зависть разъедала сердце Людвигу. Он уже ненавидел Фрица. Того самого Фрица, с которым не раз разделял смертельные опасности на море.

Нет, Людвиг не успокоится до тех пор, пока у него не будет такой же машины. Для этого только надо достать хороший кусок теста. У Фрица еще есть. Он сам хвалился. И Людвиг знает, где Фриц хранит это сокровище. Сегодня вечером Фриц, вероятно, опять напьется пьяный и будет лежать как убитый... Сегодня ночью...

Людвиг не мог дождаться ночи. Когда в окнах погасли последние огни, Людвиг пробрался к дому Фрица. Собака залаяла, но скоро затихла, узнав Людвигу. Он переждал немного и начал осторожно выдавливать окно. Осколки стекла зазвенели, но никто не проснулся. Людвиг пролез через окно в дом и стал ощупью пробираться к новому дубовому буфету, где у Фрица хранилось теперь тесто.

Дверца буфета закрипела. Людвиг замер. В соседней комнате кто-то повернулся, скрипнув кроватью, что-то пробормотал во сне и захрапел. Людвиг достал небольшой кувшинчик и с драгоценной ношей стал пробираться к окну. Впотьмах он задел рукой за медную трубу. Она упала с ужасным грохотом. Фриц проснулся и выпрыгнул из спальни.

— Кто здесь?



Фигура Людвигу вырисовывалась на фоне окна, освещенного взошедшей луной.

«Воры!» — в одно мгновение подумал Фриц, и его вдруг охватила необычайная злоба. Он осмотрелся. На столе лежали бильярдные шары. Фриц схватил один шар и, не помня себя, бросил им в голову вора. Людвиг упал как под-

кошенный, опрокинувшись на зубоврачебное кресло. Поднялась испуганная жена и пришла с фонарем. Фриц осмотрел вора.

— Людвиг! — с удивлением воскликнул он, рассматривая огромную рану на голове. Биллиардный шар с такой силой врезался в череп, что вошел в него до половины и выглядывал из кровавой массы, как огромный, выпученный глаз.

Жена плакала. Фриц растерялся. Он убийца! Что теперь будет? Но скоро успокоился.

— Довольно тебе выть, — сказал он жене. — Я не совершил никакого преступления. Ко мне в дом забрался грабитель, напал на меня. Я стал защищаться. Ты скажешь это, должна сказать. Понимаешь? И мне ничего не будет.

Убийство Людвига взволновало всю деревню. Но рыбаки были на стороне Фрица. Каждый защищает свою собственность. Его даже не арестовали, и дело было прекращено. Жизнь пошла своим чередом. Майер со своими агентами успешно скупали тесто. Но нужно было спешить, чтобы сюда не наехали другие скупщики. Несколько подозрительных личностей уже появилось в деревушке. Майеру удалось сманить их на свою сторону, предложив большую сумму. Только с одним недавно приехавшим скупщиком Майеру пришлось повозиться. Этот скупщик не шел ни на какие переговоры, его нельзя было подкупить. Майер не спускал с него глаз. Скупщику удалось скупить более ста граммов теста, и он, видимо, старался уехать с добычей незамеченным. Но Майер ходил за ним как тень.

Однажды вечером они встретились у берега, недалеко от старого, безлюдного теперь маяка.

— Вы преследуете меня? — сказал неизвестный.

— Да, — ответил Майер, — и буду преследовать до тех пор, пока вы не согласитесь на мои предложения. Я не пущу вас с острова, и вы не унесете отсюда ни одного грамма теста.

Скупщик был, очевидно, человек не робкого десятка. Презрительно прищурившись, он ответил, опуская руку в карман:

— Вы угрожаете мне? Напрасно. Я умею защищаться. Майер понял жест скупщика и бросился к нему. В ту же минуту скупщик вынул из кармана револьвер. Но Майер успел выбить ловким ударом револьвер из руки противника. Завязалась рукопашная борьба. Они катались по песку, опрокидывая друг друга, как во французской борьбе. Майер был более ловкий, скупщик — более сильный. Это уравнивало шансы на исход борьбы. Майер начал уставать первым. Случайно он заметил лежащий в стороне отброшенный револьвер. Перекатившись два раза со своим противником с боку на бок, он оказался рядом с лежащим на земле револьвером. Но скупщик, очевидно, понял план Майера и также протянул руку к револьверу. В борьбе они вырыли яму, царапая песок руками. Наконец Майеру удалось левой рукой оттянуть назад голову врага, а правой ухватиться за револьвер. Однако противник успел сжать ему руку. Тогда Майер невероятным изгибом кисти повернул револьвер к голове врага и спустил курок. Глухо прозвучал выстрел, заглушаемый песчаными дюнами, прибоем и воем ветра. Борьба была окончена. Еще раз пролилась человеческая кровь.

Майер осмотрелся. Кругом было пустынно. Ни живой души. Только чайки испуганно кричали, низко пролетая над человеком и трупом. Майер взвалил

труп на спину, отнес его в здание маяка, втащил в верхнюю комнату и бросил у того самого места, где когда-то Ганс хранил свое сокровище — «вечный хлеб».

С самым упорным соперником было покончено. Но на смену ему могли приехать другие. Майер телеграфировал Роденштоку, что нужно принять какие-нибудь особые меры, чтобы ускорить скупку хлеба.

Когда Роденшток прочитал эту телеграмму Кригману, он сказал:

— Я уже придумал. Назовите меня старой метлой, если мое средство не выкачает всех запасов теста из лап этих скряг рыбаков. Они сами все отдадут нам, и мы на этом еще наживемся.

И, как по мановению волшебного жезла, в деревушке вдруг закипела новая, необычайная жизнь. Подходили корабли, груженные лесом и огромными ящиками. Наскоро сколоченные здания вырастали вокруг деревни как грибы. Скоро на зданиях появились красивые вывески: «Бар», «Кинематограф», «Танцевальный зал», еще и еще «Бар» и над самым большим зданием — «Казино». Жизнь рыбаков превратилась в вечный праздник. Жены наполняли кинематограф, упиваясь картинами роскоши привольной жизни, — Кригман сам подбирал картины, — а мужья пропадали в барах и игорном доме. Отрава азарта крепко захватила непосредственные натуры рыбаков, и они предавались игре до самозабвения.

Многие уже спустили все нажитое на спекуляции и в непреодолимой страсти продолжать игру и отыгаться бросали на игорный стол последнюю «валюту», тесто, которое принималось по весу, как золото. Недалек был тот день, когда охваченные безумной горячкой азарта рыбаки положат на зеленый стол последний кусочек заветного теста, хранимый ими, как сокровище. Однако планы Майера скоро были разрушены самым неожиданным образом.

В один темный, весенний вечер к старому, заброшенному зданию маяка подошли три молодых рыбака. Несколько лет они работали на заводах в Эссене, но безработица последнего времени заставила их вернуться в деревню и вновь заняться рыбным промыслом.

— Зайдемте сюда, — сказал старший из них, Иоганн, указывая рукой на открытую, изломанную ветром дверь маяка.

Все вошли и поднялись за Иоганном в верхнюю комнату.

— Что это здесь падалю пахнет? — сказал Оскар, потягивая носом.

— Какая-нибудь бродячая кошка подохла, — ответил Роберт.

— Я вам сейчас покажу эту кошку, — Иоганн зажег спичку. В слабом, дрожащем пламени товарищи Иоганна увидели лежащий на мусоре полуразложившийся труп человека в городском костюме. Они невольно вскрикнули.

— Это труп одного из спекулянтов, убитого Майером, — сказал Иоганн. — Я был свидетелем убийства. Но дело не в этом трупе. Одним спекулянтом меньше — невелика потеря. Я хотел поговорить с вами о другом. Пойдем на берег моря, здесь трудно дышать. — И когда они вышли на берег и уселись на песчаную отмель, Иоганн начал говорить:

— Вы видели труп. Вы знаете, что это не первое и, вероятно, не последнее убийство в нашей деревне. Товарищи, подумайте о том, что происходит. Люди будто с ума посходили. Убийства, кражи, пьянство, разврат, азарт... Господа Майеры совершенно развратили наших стариков, превратили их в завзятых спекулянтов и картежников.

— Да, эти безобразия пора прекратить, — сказал Оскар.

— Конечно, пора, — согласился Иоганн. — Но есть кое-что поважнее безобразий. Это «вечный хлеб», который и наделал всю кутерьму. Зачем понаехали сюда господа Майеры и их приспешники? Зачем они развращают, спаивают, обыгрывают в рулетку наших рыбаков?

— Для того, чтобы выманить хлеб и нажать миллионы, — отозвался Роберт.

— Правильно. Чтобы нажать миллионы за счет голодающих рабочих, надо прибавить. А между тем этот же хлеб, сделайся он достоянием рабочих, может стать огромным орудием в их борьбе с капиталистами.

— Довольно, мы поняли тебя! — сказал Оскар, поднимаясь с земли.

— Нам необходимо овладеть тестом, собрать его как можно больше. Но как это сделать?

— В этом весь вопрос, — ответил Иоганн. — Мы слишком бедны, чтобы конкурировать с Майерами в скупке хлеба...

— Уговорить, доказать нашим?

— Не докажешь. Поздно. Деньги и азарт сделали свое дело. Рыбаки не скоро проснутся от утара.

— Может быть, похитить? — предложил Роберт. Иоганн пожал плечами.

— Отчего бы и не похитить, если это нужно для великого дела. Но много ли мы похитим? Старики дрожат над своим сокровищем. Из-за теста брат убивает брата. Я кое-что придумал, и, может быть, мне удастся достигнуть цели. — Иоганн обернулся и посмотрел на дорогу, ведущую в деревню. Дорога была безлюдна. — Сейчас сюда должен прийти Майер, — сказал Иоганн. — Я назначил ему здесь свидание, предложив свои услуги по... организации бандитской шайки, которая могла бы ограбить рыбаков — отнять у них все оставшееся тесто. Покончить с тестом одним ударом, вместо того чтобы «выкручивать» его в рулетку! Майер, кажется, не совсем доверяет мне, но план ему нравится.

— Значит, ты хочешь, — сказал Оскар, — получить от Майера оружие, с нашей помощью ограбить рыбаков, овладеть тестом и послать его безработным, оставив этого спекулянта Майера с носом?

— Не совсем так, — ответил Иоганн. И, обернувшись еще раз к дороге, сказал:

— Вот он, кажется, идет. Спрячьтесь в маяк и слушайте, о чем я буду говорить с ним. Может быть, ваша помощь мне будет нужна.

Оскар и Роберт скрылись в здании маяка.

Иоганн зажег трубку и, выпуская клубы дыма, спокойно поджидал Майера. Шаги Майера уже слышались за спиной Иоганна, но рыбак продолжал смотреть на море с видом человека, погруженного в думы.

— Здравствуй, Иоганн! О чем это вы так задумались? — окликнул его Майер.

Иоганн лениво поднялся.

— Ах, это вы, господин спекулянт? Здравствуй! Майер дернул головой и нахмурился. Ему не понравилось это приветствие.

«Как грубы эти люди!» — подумал Майер и любезно спросил:

— Ну, как наши дела?

— Дела прекрасны, — ответил Иоганн. — Труп убитого вами спекулянта совсем протух.

Майер сразу изменился в лице.

— Труп? Убитого мною? Спекулянта?.. О чем вы говорите, дорогой мой?

— Вот об этом самом, — ответил Иоганн, указывая на маяк. — О трупе, который там тухнет. Не запирайтесь, Майер. Я был свидетелем вашего убийства. Вы не видали меня, но я вас хорошо видел. Я случайно бродил по дюнам.

— Это ловушка? — спросил Майер, чувствуя, что у него стыннут конечности.

— Шантаж? Сколько же вы хотите за молчание?

— Ага, наконец-то вы догадались! Я хочу многого, господин убийца. Не морщитесь и слушайте меня. Во-первых, вы должны мне дать все собранное вами тесто, все до последнего кусочка. Чтобы вы ничего не утаили, я самолично общу вас на вашей квартире.

— Это... наглость...

— Во-вторых, — не обращая внимания на Майера, говорил Иоганн, — вы должны немедленно закрыть все ваши богоугодные заведения. В-третьих, отдать нашим рыбакам все проигранные деньги. Подождите, это еще не все. И в-четвертых, вы должны убираться отсюда к черту на рога со всей вашей шатией. Даю вам три секунды на размышление.

Майер, бывший военный, привык к решительным действиям. Ему даже не потребовалось трех секунд, чтобы броситься на Иоганна и свалить его с ног. Повергнув врага на землю, Майер пытался убежать. Но Иоганн, уже лежа на земле, успел подставить ногу. Майер упал. Через две секунды Иоганн сидел на нем. Майер отбивался отчаянно. Но на помощь Иоганну уже спешили Оскар и Роберт. Увидев их, Майер заскрежетал зубами от злобы.

— Сдаюсь, — хрипло проговорил он, — отпустите мне руку, вы сломаете ее, черт вас возьми.

— Оскар, общи его!

Оскар вытащил из карманов Майера два револьвера.

— Ого, целая артиллерия! Ничего нет больше в карманах, Оскар? Ну, вот теперь можно и руку освободить. Все надо делать в свое время. Принимаете наши условия или предпочитаете лечь рядом в маяке с вашим уважаемым конкурентом? — спросил Иоганн.

— При... нимаю, — задыхаясь, ответил Майер.

— Так идем к вам.

В сопровождении Иоганна, Оскара и Роберта Майер поплелся по дороге. Он занимал отдельный домик у края деревни. Рыбаки произвели тщательный обыск и взяли все, как было условлено: тесто и деньги.

Когда наконец они ушли, обещав проводить его на пароход, было уже далеко за полночь.

Майер в изнеможении опустил голову на стол, просидел так несколько минут. Потом вдруг поднял голову, стукнул кулаком по столу и крикнул:

— Так опростоволоситься!

Несколько успокоившись, он начал составлять телеграмму Роденштоку. Работа не ладилась. Вдруг кто-то постучал в дверь. «Неужели опять эти разбойники?» — подумал Майер.

— Кто там?

— Срочная телеграмма.

Убедившись, что пришел действительно почтальон, Майер открыл дверь, получил телеграмму и вскрыл ее. Телеграмма была от Роденштока.

«Игорный дом и увеселительные заведения закрыть точка дела ликвидировать точка выезжайте немедленно».

Майер не мог понять, чем вызвана эта телеграмма, но она пришла весьма кстати. Теперь он может выполнить требование Иоганна, не нарушая интересов хозяев.

Рано утром Майер принялся за работу.

Погасли веселые огни в барах, закрылись кинематограф и танцевальные залы, угрюмо молчало пустое здание казино. Рыбаки, лишённые всех этих удовольствий, волновались и едва не пбили Майера, требуя открытия игорного дома. Они даже пытались силой овладеть зданием казино, но оказалось, что душа этого здания, рулетка, была ещё ночью вывезена и погружена на пароход. Игроки были несколько утешены тем, что получили от Иоганна проигранные в рулетку деньги. Рыбаки ходили, как после тяжелого похмелья, хмурые, молчаливые. Буйства, драки, пьянство и воровство понемногу прекратились. Люди бесцельно бродили по деревне, глядя друг на друга тупым, бессмысленным взглядом, не зная, что делать, о чем говорить. Иногда они оживлялись, вспоминая веселые, безумные ночи. Но разговор обрывался, и снова тускнели глаза и рот раскрывался в тяжелом зевке. О работе никто не думал. Все ожидали, что вновь начнется золотая горячка, спекуляция, игра и разврат. Но день проходил за днем, а все оставалось по-прежнему. Только весенний, бодрящий ветер весело проносился над деревней, освежая мутные головы.

Майер, прибыв в Берлин, узнал крупную новость. Приглашенному Кригманом химику удалось определить состав «вечного хлеба» и искусственно изготовить «тесто».

— Нам не нужны теперь ни Бройер, ни рыбаки, — сказал Роден-шток. — Мы будем сами изготавливать «вечный хлеб».

— Не страшны нам и конкуренты, — добавил Кригман, — пусть они даже скупают по граммам хлеб и растяг его. Мы будем изготавливать его тоннами и уьем их конкуренцией.

И акционерное общество по продаже и экспорту «вечного хлеба» начало свои операции.

VI. Борьба продолжается

Крупнейшие капиталисты Германии объединили свои капиталы в этом деле. Весь земной шар был оклеен кричащими рекламами компании:

Покупайте

«ВЕЧНЫЙ ХЛЕБ»!

Вкусно! Питательно!

Одного килограмма достаточно, чтобы прокормить человека всю жизнь!

В этой рекламе не было только одного: указания на дешевизну хлеба. Роденшток и Кригман долго спорили о ценах на хлеб. Кригман настаивал на том, чтобы хлеб вначале продавался по дорогой цене, доступной только богачам.

— Мы снимем сливки, а потом пустим хлеб по дешевой цене для массового распространения.

Против этого возражал Роденшток.

— Не забываете, что каждый килограмм «хлеба» через некоторое время превращается в два. Хлебом будут спекулировать. Не можем же мы обязать купивших не продавать его. Нам необходимо очень быстро повести наши операции, чтобы вернуть капитал с процентами, прежде чем поступивший на рынок хлеб будет использован спекулянтами для снижения цен.

Цены скоро пришлось снизить, но по иной причине: богатые люди отнеслись к хлебу скептически. Они не хотели отказаться от всего разнообразия изысканной кухни и пикантных блюд, чтобы «сесть на кисель», который вызывал у них брезгливое чувство.

Зато беднота, когда хлеб подешевел, набросилась на тесто с жадностью.

Агенты компании проникали в самые отдаленные уголки мира. Тысячи брошюр, кинолент и агитаторов знакомили население с выгодностью и незаменимыми качествами «вечного хлеба». Дела компании шли блестяще. Однако борьба вокруг «хлеба» скоро возгорелась.

На этот раз ее начал профессор Бройер. Когда он узнал о продаже хлеба акционерной компанией, то разослал в редакции газет открытое письмо, в котором протестовал против использования его изобретений. Он настаивал на том, чтобы правительство прекратило деятельность компании.

«Я не для того, — писал профессор, — потратил сорок лет моей жизни, чтобы предоставить возможность обогатиться на моем изобретении кучке спекулянтов. Я протестую против этого. Но еще больше я протестую против того, что мое изобретение получило широкое распространение в то время, когда я еще не закончил моих опытов. Это является не только возмутительным нарушением авторских прав, но и представляет угрозу для общества, поскольку хлеб еще не изучен до конца как новое питательное вещество».

— Он хочет запугать наших покупателей, — сказал Кригман, прочитав это письмо. — Напрасный труд. У нас есть отзывы врачей о полной безвредности хлеба и разрешение врачебного совета. Все, кто ест наш хлеб, находятся в полном здравии, благословляют нас и служат нам лучшей рекламой. Нет, господин профессор, вы опоздали, и вам не удастся испортить нам дело!

Однако письмо профессора произвело большое впечатление на общество.

Поднялись горячие споры. Правительство поняло, что совершило ошибку, дав разрешение акционерной компании торговать хлебом. Появление на рынке «вечного хлеба» уже сказалось на лихорадочном изменении цен. Весь коммерческий и промышленный мир находился в сильнейшем волнении. «Вечный хлеб» был слишком сильным средством воздействия на экономику не только страны, но и всего мира. Такое средство нельзя было оставлять в руках частных лиц.

И правительственные газеты доказывали необходимость объявления государственной монополии на «хлеб».

Рабочие газеты не соглашались с этим. Ссылаясь на волю изобретателя, они настаивали на объявлении «хлеба» общим достоянием и на бесплатной его раздаче.

Пока велись эти горячие споры, в рыбацкой деревне события шли своим чередом.

Ранним весенним утром рыбаки были удивлены необычайным зрелищем. По деревне, размахивая руками, без шляпы, с растрепанными волосами бежал профессор Бройер, направляясь к новому дому старика Ганса. Ганс только поднялся и наслаждался ароматным кофе со сливками в обществе своей экономки. Увидав профессора, он, по старой привычке, почтительно встал и, указывая на удобное кресло рядом с собой, сказал:

— Прошу садиться, господин профессор. Не угодно ли кофе? Профессор в изнеможении опустился в кресло. Он так устал от быстрого бега, что не мог выговорить слова и только отрицательно завертел головой. Отдышавшись немного, профессор сказал:

— Ганс, у вас есть еще «тесто», которое я подарил вам? Ганс насторожился.

— Нет, господин профессор. Виноват. Слабости человеческие. Все продавали, и я продавал. А последнее проиграл в рулетку.

Профессор строго посмотрел в глаза Ганса. Старик не выдержал этого взгляда и отвел глаза в сторону.

— Вы правду говорите, Ганс?

— Сущую правду. Профессор поднялся.

— Яне верю вам, Ганс, вы уже не раз обманули меня. Вы не сдержали своего слова.

— Виноват, господин профессор. Бройер досадливо махнул рукой.

— Теперь не до извинений. Знаете ли вы, Ганс, что вы сделали? Вы своим непослушанием наделали много вреда, и наделаете еще больше. Слушайте меня внимательно, Ганс. Я сейчас производил опыты над «хлебом». И я убедился, что его есть нельзя. Собачка, которой я дал «хлеб» на неделю раньше вас, издохла в страшных мучениях. И если вы не вернете мне сейчас же тесто до последнего кусочка, вас постигнет ужасная смерть. Вы почернеете, вас будут ломать судороги, пена у вас будет идти изо рта, как у бешеного. И вы умрете.

Ганс побледнел и присел на край кресла. Смерть! Он давно уже не думал о ней, наслаждаясь сытым, спокойным существованием. Умереть теперь! Не пить кофе со сливками, уйти от этих мягких кресел, пуховых перин! Нет, это слишком ужасно. Он смотрел на профессора, и вдруг хитрый огонек вспыхнул в глазах Ганса.

— А вы, господин профессор? Вы говорили, что тоже кушали тесто. Вы тоже

умрете?

Бройер смутился, но тотчас овладел собой.

— Да, может быть, и я умру. Но я принял противоядие.

— Тогда, конечно, вы не откажете и мне в противоядии.

— Нет, откажу, — сердито отрезал Бройер. — Пусть это будет преступление, но я не дам вам противоядия. Вы сами накажете себя за ваше преступление. Если же вы хотите жить, то сейчас же несите сюда тесто.

Ганс повеселел.

— Если уж так, делать нечего. Умирать никому не хочется. Сейчас, господин профессор.

Ганс вышел в другую комнату, прикрыл за собой дверь, долго копался там и наконец вышел. С тяжелым вздохом передал он профессору тесто.

Бройер посмотрел в небольшую металлическую банку.

— Это все?

— Неужели же я еще раз обману вас, господин...

— Хорошо. Если обманете, тем хуже будет для вас.

— А противоядие, господин профессор?

— Я принесу вам. Не беспокойтесь.

Когда Бройер вышел из комнаты, Ганс залился веселым старческим смехом и, обращаясь к своей экономке, сказал:

— А я ведь оставил себе маленький кусочек. Самый малюсенький. Сдается мне, что профессор тоже лукавит. Тут не отравление, ему тесто надо на что-нибудь другое.

У дома Ганса уже толпились рыболовы, ожидая услышать свежую новость от Ганса. Но эту новость им пришлось услышать от самого профессора. Он обратился к ним с той же речью, что и к Гансу. Уверял, что все они умрут через неделю, если не примут противоядия. А противоядие он обещал в обмен за тесто. Рыбаки слушали: одни с удивлением, другие с испугом. Но все они уверяли, что теста у них не осталось «ни порошиночки». Расторговались и проигрались.

Профессор кричал, пугал их, топал ногами, ничего не помогало. Теста нет, но противоядие он должен им дать. Только трое обещали принести тесто. Остальные были настроены уже враждебно.

— Обещал всех оделить, а теперь последнее отбираешь!

— Если отравил, так и лечи, — слышались угрожающие выкрики.

— Да поймите вы, несчастные, что я вас жалею, о вас беспокоюсь...

— Видим, как жалеешь...

— Вы сами не знаете, какие несчастья, какой ужас ожидает вас. Истошив весь запас убеждений, профессор в изнеможении опустился на ступеньки крыльца и закрыл лицо руками.

— Какой ужас, какой ужас! — тихо говорил он, покачивая головой. Некоторым рыбакам стало жаль его.

— Дадим уж ему по маленькому кусочку, пусть не убивается. Бройер услышал это. Подняв голову, он сказал:

— Все или ничего! Кусочками тут не поможешь.

— Вот это я уж и не понимаю, — сказал, выступив вперед, старый рыбак. — Почему это так выходит, что если все отдадим, то не отравимся?

— Если все не отдадите, то я не дам вам противоядия.

— Как так не дашь?

Настроение толпы вновь резко изменилось.

— Если не дашь, то раньше нас к бабушке пойдешь. Давай сейчас же! Толпа окружила Бройера, подхватила под руки и повела к дому, как арестованного. Профессор беспомощно висел на руках рыбаков и только говорил, как в бреду:

— Какой ужас!.. Какое несчастье!..

Придя домой, он шатающейся походкой прошел к себе в лабораторию и вынес оттуда большую склянку с прозрачной жидкостью.

— Вот, отпейте по глотку. Отнесите Гансу. Дайте отпить всем, кто ел тесто.



Рыбаки ушли, обсуждая странное поведение профессора.

— Рехнулся человек.

— Очень просто. Он и раньше был с придурью.

А профессор прошел к себе в кабинет и дрожащей рукой написал телеграмму на имя знакомого депутата.

«Сообщите правительству необходимости немедленного изъятия и уничтожения всех запасов „вечного хлеба“ точка сообщите это иностранным державам точка противном случае тире массовое отравление точка Бройер».

Так как вопрос о монополии на «вечный хлеб» решен был государством, то для обсуждения телеграммы Бройера было созвано совещание кабинета министров. Чтобы не возбуждать паники, телеграмма держалась в полном секрете. Министр финансов возлагал большие надежды на «хлеб», чтобы поправить государственные финансы и укрепить курс марки, и потому горячо убеждал членов кабинета не придавать значения телеграмме.

— Это или кунштюк изобретателя, недовольного тем, что ему не досталась роль «благодетеля человечества», или, что скорее, бред сумасшедшего. Наши лучшие профессора производили тщательный анализ «хлеба» и не нашли в нем никаких вредных веществ.

Заседание было очень бурное. Все соглашались только в одном, что нельзя спешить с опубликованием приказа об уничтожении «хлеба», пока это дело не будет всесторонне освещено. Министру здравоохранения спешно поручили произвести еще раз, через специалистов, исследование «хлеба», а также людей, которые питались им. Решено было также отправить двух профессоров: одного — психиатра и другого — химика, личных его знакомых, чтобы они, под видом дружеского посещения, справились о здоровье Бройера и попытались разузнать, какая опасность может угрожать тем, кто ел тесто.

Через несколько дней врачи, которым поручено было исследовать «хлеб» и питавшихся им, сделали доклад; они говорили, что вторичное исследование «хлеба» дало те же результаты. Хлеб питателен, богат витаминами, настолько удобоварим, что прекрасно усваивается желудком больных и даже грудных

детей, как дополнительное питание к молоку матери, и совершенно безвреден. Все питающиеся этим хлебом чувствуют себя прекрасно. Малокровные и худосочные поправились в короткий срок. В состоянии здоровья туберкулезных, перешедших на питание «тестом», произошло значительное улучшение.

Министр торговли, услышав этот доклад, вздохнул с облегчением.

— А я, признаться, из любопытства и по долгу службы скушал кусочек злополучного теста. И, прочитав эту телеграмму, все время ощущал, как будто из этой лягушечьей икры у меня в желудке развелись лягушки. Скоро прибыли и профессора, командированные на остров Фэр. Они сообщили, что нашли Бройера в очень подавленном состоянии.

— О психозе говорить нельзя, — докладывал психиатр, — но состояние нервной системы Бройера неутешительно. У него замечаются резкие изменения настроения, характерные для сильной степени неврастения. От полного угнетения он вдруг переходит к возбужденному состоянию. Нас встретил не совсем дружелюбно. Сообщить что-либо конкретное о своих опасениях отказался. Говорит: «Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте. Я исполнил свой долг и предупредил об опасности. Теперь поступайте как хотите и принимайте ответственность на себя».

Этим докладом министры были несколько смущены. Если бы не государственная монополия! Но брать на правительство ответственность за какую-то грозящую опасность... Однако практические интересы восторжествовали. С телеграммой Бройера решено было не считаться.

Кригман, которому удалось узнать об этой телеграмме, сказал Роденштоку:

— Правительство отнимает у нас «хлеб». Ну что ж! Свой капитал мы успели вернуть, хоть и с небольшими процентами. Если теперь и выйдет что неприятное с этим «хлебом», нас не будут обвинять в отравлении.

VII. Ненужное богатство

Весна принесла Гансу огорчение: от него ушла экономка, вышедшая замуж за рыбака соседней деревни. Старику трудно было привыкать к жизни холостяка: самому прибирать комнаты, готовить обед, мыть белье. Он ходил по деревне и приглашал к себе в услужение вдов и сирот. Но никто не шел. Женщины, как и мужчины, давно отвыкли от труда. Несмотря на опустошения, произведенные кабачками и рулетками, никто еще не нуждался так, чтобы идти работать у других. Старик должен был примириться со своей участью. Чтобы не готовить себе обед, он опять начал питаться «тестом», которое до сих пор берег на вырост и продажу.

В теплое весеннее утро он открыл буфет, чтобы взять ложкой тесто из банки. К своему удивлению, он увидел, что тесто подросло больше обыкновенного и даже свесилось через край банки, тогда как обычно оно едва доходило до края. Он побежал в погреб, где у него хранились запасы, которые он откладывал в расчете на будущую продажу. Там тесто вело себя обычно, почти не увеличиваясь.

Старик удивился и обрадовался.

«Должно быть, это от тепла оно так быстро пухнет», — решил он. Ганс вычерпнул полбанки и с аппетитом поел теста. Посидел на солнышке, покурил трубочку и в двенадцать часов дня улегся отдохнуть. Проснувшись в два часа, он опять любопытствовал заглянуть в буфет. Банка опять была полна до краев.

«Вот так штука! Если бы теперь приехали скупщики, можно было бы потрговать», — думал он, огорчаясь затишьем в торговле тестом.

Вечером он отправился в дом рыбака, который имел большую семью. Поговорил о том о сем и как бы между прочим спросил:

— А не понадобится ли вам тесто? Рыбак неопределенно пожал плечами.

— С нас почти что хватает своего. Кило, пожалуй, купил бы.

— А сколько дадите?

— Пару марок дам.

Ганс даже обиделся. И, поговорив о ранней весне, распрощался и ушел.

— Пару марок! — ворчал старик, возвращаясь к себе. — Платили люди тысячами, а тут — пару. И куда они запропастились? Не поймешь этих городских. То чуть с руками не оторвут, то и не показываются...

Огорченный неудачей, Ганс рано лег спать.

А когда наутро он проснулся и открыл буфет, то невольно отпрянул в изумлении. Тесто не только вылезло из банки, но и заполнило всю полку.

— Ну и прет! — воскликнул старик. — Этак, действительно, придется мне по две марки продавать.

Он обошел всю деревню, предлагая тесто. Но ему везде говорили:

— Не нуждаемся.

Через несколько дней уже все были сыты по горло. Правда, неожиданные холода задержали рост теста, но в каждой семье его было вполне достаточно для дневного питания. Отяжелел и Ганс. Если бы не заботы, он располнел бы еще больше. Его мучила мысль, что этакие богатства пропадают даром. Он не мог допустить мысли, чтобы выбросить тесто на улицу. И он пожирал его сам, с появившимся вдруг неистощимым старческим аппетитом. Наконец он по-

чувствовал, что уже не может есть так много. Он еле таскал растолстевшие, как бревна, ноги. Его мучила одышка. С трудом доплелся он до соседнего дома. Муж и двое детей сидели у калитки. Жена выглядывала из открытого окна.

— Добрый день, — любезно сказал Ганс. — Скучно мне одному сидеть. Не изволите ли вы прийти ко мне откушать теста?

Рыбак измерил расстояние между домами. Оно было не более тридцати шагов.

— Далеко идти, — апатично сказал он.

— Ну что там, далеко! Я же дошел, а я старше вас.

— Нет, спасибо, да я уже и сыт. Сегодня раз пять принимался за еду.

— Очень жаль.

И, опустившись рядом с рыбаком на скамью, Ганс откровенно сказал:

— Я уже не то что в гости, а как бы в виде помощи вас прошу. Уж очень быстро расти стало тесто. Три полки в буфете заняло. Ем, ем, а оно все растет. Пособили бы!

Жене рыбака как будто стало жалко Ганса.

— Надо пособить бедному человеку, — сказала она мужу, — в беду всякий попасть может. Нас много, мы еще справляемся, а он один да старый.

— Ну и иди, — равнодушно отозвался муж, — а я не хочу, лень. Жена рыбака пошла с Гансом, который не переставал благодарить ее.

— Да уж ладно, долг платежом красен. Когда-то, когда у нас теста не было, вы пожалели нашу бедность и с большой скидкой тесто продали.

— Как же, как же, — засуетился Ганс, — нам надо помогать друг другу. Вот, кушайте, пожалуйста, на здоровье.

Женщина зачерпнула ложкой теста и, преодолевая себя, съела большой кусок.

— Вот спасибо вам, выручили старика. Еще кусочек. Гостыя поднесла ко рту вторую ложку, но вдруг быстро отвела ее в сторону и сказала тихо, с каким-то испугом:

— Не могу, с души воротит.

— Ну хоть маленький кусочек, будьте настолько добры, не откажите в просьбе старику.

Ганс клянчил, как будто он умирал с голоду и выпрашивал милостыню.

— Говорю вам, что не могу, чего пристал? — уже грубо ответила женщина.

— Не прогневайся. И она вышла из комнаты. Ганс кланялся ей вслед и говорил:

— Ну что ж, не смею настаивать. И на том спасибо.

Ночью ему долго не спалось. Он высчитывал, сколько у него было бы денег, если бы он продал все тесто по тысяче марок за кило. Заснул он только под утро, но скоро был разбужен каким-то треском, раздавшимся в комнате. Ганс вскочил с кровати и осмотрелся. В серых сумерках утра он увидел, что разросшееся тесто выдавило дверку буфета и вытекло на пол.

Ганс был охвачен ужасом. Впервые он подумал о той опасности, которой угрожает тесто.

«Что же это будет? — подумал он. — Ведь этак тесто выживет меня из дому».

Он не спал остаток ночи. Ему мерещилось, что тесто, как серый змей, подползает к кровати и душит его... Рано утром он пошел к большой дороге, по

которой проходили иногда безработные, бродяги и нищие.

Ему удалось заполучить троих дюжих, но изголодавшихся парней обещанием хорошо накормить их.

Парни, видимо, никогда не ели теста. Они вначале отнеслись к предложенному блюду недоверчиво. Но когда Ганс показал им пример, они попробовали, одобрили и с жадностью набросились на тесто. Оно как будто таяло во рту, и съесть его, не обременяя желудок, можно было много. Желудки же у них были объемистые, а аппетит и того больше. В какие-нибудь двадцать минут гости опустошили две полки теста.

Ганс повеселел.

— Ну что? Хорошо?

— Не худо! — отвечали они, полузакрывая замаслившиеся от сытости глазки.

— То-то. Я человек добрый, сам голодал, знаю, что такое голод. Надо помогать ближнему. Человек я одинокий, есть лишний хлеб — отчего не накормить голодного?

— Спасибо.

— Не за что. Приходите завтра. Если хотите, каждый день приходите. Товарищей с собой приводите. Я добрый, я всех накормлю.

— Спасибо, придем.

Парни ушли. Ганс повеселел еще больше.

— Вот так-то лучше.

Тесто уже не казалось ему страшным змеем, выползающим из буфета и готовым проглотить его.

— Этакie парни сами всякого змея проглотят!

Он с нетерпением ожидал их на следующее утро, но они не пришли. День был теплый. Тесто снова наполнило весь буфет и выползло на пол. Ночью старика опять душили кошмары. Ему казалось, что тесто подползает к нему, лезет все выше и выше, поднимает серые руки... Он просыпался, обливаясь потом. Наконец он заснул и спал, вероятно, очень долго. Его разбудил чей-то крик.

— Хозяин, а хозяин!

Ганс открыл глаза и увидел, что солнце уже довольно высоко поднялось на небе. Ганс подошел к окну и распахнул его. У окна стояли трое. Двух из них он узнал: это были безработные, евшие у него тесто. Третий был нищий в заплатанной одежде.

Ганс очень обрадовался, увидев их, и поспешил открыть дверь.

— Милости просим! Проголодались? Я вас вчера поджидал, приготовил вам вкусенького теста.

Но гости не спешили войти. Один из безработных деловито спросил:

— Потребуется тесто есть?

Ганса несколько удивило его приветствие, но он с прежним радушием сказал:

— Прошу вас.

— А какая ваша цена будет? — с тою же деловитостью спросил безработный. Ганс даже открыл глаза от изумления.

— Цена? Да я же вас бесплатно кормлю!

— Ну да, еще бы того не хватало, чтоб мы вам платили. Я спрашиваю,

сколько вы нам заплатите за еду?

— Я — вам? За еду? Да где же это видано?

— Видано или не видано, а бесплатно мы есть не будем. Не хотите платить, не надо. Мы в другом месте работу найдем.

— Какая же это работа? Пойдите, да куда же вы уходите? — испугался Ганс. — Ну я могу немножечко дать.

— А сколько?

— Двадцать пфеннигов дам.

— Цена неподходящая. Нам по две марки за килограмм платят в вашей деревне. Нарасхват берут. Только ешь.

У Ганса помутилось в голове. Платить за то, что люди будут есть тесто. То самое тесто, за которое ему платили по тысяче и более за кило. Или эти люди смеются над ним, или он с ума сошел...

— Нет, я не буду платить. Найдутся другие...

— Не найдутся, во всей округе уже знают.

— Сам съем, — упрямо сказал Ганс.

— Твое дело. Если не лопнешь, завтра по четыре марки заплатишь. Идем, ребята!

И они ушли. Ушли, оставив его одного с тестом. А оно серой массой лежало на полу и уже опоясало весь низ у буфета. За ночь оно наполнит всю комнату... На Ганса напал ужас. Он бросился к окну и закричал удаляющимся «едокам»:

— Подождите, эй, вы, вернитесь!

Они вернулись, подсчитали на глаз вес теста и принялись за работу. Они не брезгали даже есть с пола, очистили все выползшее наружу тесто и две нижние полки. Больше они не могли съесть.

Трясущимися руками Ганс расплатился с «рабочими» и опустился в изнеможении в кресло.

Едоки приходили каждый день. С каждым днем они становились толще, ели меньше, за еду брали дороже. Деньги Ганса быстро таяли. Наконец он не выдержал. Однажды после их ухода он пытался сам есть до полного изнеможения. Он ел так много, что утром не мог подняться с кровати. Сердце противно замирало, щемило в груди.

Когда наутро пришли едоки, он сказал им слабым голосом:

— Выбросьте всю эту дрянь на улицу, подальше от дома.

— Давно бы так, — весело ответили бродяги. Им самим уже смертельно надоело есть тесто. — Другие односельчане уже давно выбросили.

Они быстро принялись за работу, и дом был, наконец, очищен от теста. Ганс хотел приподняться, чтобы расплатиться, но вдруг откинулся назад, посинел и захрипел.

— Ну, и этому крышка! — сказал нищий, подходя к Гансу.

— Лопнул от жира! Двое вчера уж померли в этой деревне. Что ж, возьмем себе что-нибудь на память о старичке — да на пристань. Довольно нам здесь проедаться. Где у него деньги-то были?

— Брось, Карл, — сказал безработный, — еще накроют.

— Кто тут накроет? Да в этой деревне никто с места не двинется целый день.

Нищий нашел сундучок с деньгами, набил карманы и ушел со своими спут-

никами, оставив холодеющий труп.

VIII. Хлебный потоп

Ужас вселился в деревню. В каждом рыбацком доме оказалась хоть крупица «вечного хлеба». Когда настали летние жары и «хлеб» начал быстро расти, все пережили кратковременную радость о небывалом «урожае». Но следующие же за этим дни убедили всех, что тесто растет с угрожающей быстротой, превращаясь из драгоценного питательного вещества в страшного врага, вырастая в могучий хлебный поток, который грозит всеобщей гибелью.

Общая опасность встряхнула всех. Надо было принимать какие-то меры, чтобы спастись от ужасной смерти.

Рыбаки, как и Ганс, в первое время пытались истребить тесто, поедая его. Они ели с отчаянием, остервенением, наедались до спазм в желудке, до обморока. Во многих из них проснулся какой-то звериный, первобытный эгоизм. Желая спасти себя, старшие и более сильные принуждали есть слабейших и младших. Ничего не помогало. Скоро всем стало очевидно, что «поедом» теста не истребишь. Оно наполняло комнаты, разбивая окна, выползало на улицу и растекалось серым потоком. Сила роста была так велика, что тесто, заполнив камин, поднималось вверх по каминной трубе, вылезало наружу и нарастало на крыше, как снежные сугробы. Многосемейные рыбаки еще кое-как справлялись с тестом. Они вовремя вынесли его из дому и выбросили на улицу. Ночами рыбаки подбрасывали куски теста своим соседям. Если их застигали на месте преступления, то жестоко избивали.

Один из этих преступников был застигнут Фрицем у своего дома. Взбешенный Фриц свалил «подкидчика» ударом кулака и тело несчастного бросил в хлебный сугроб. К утру тесто совершенно поглотило труп. Так Фриц совершил свое второе убийство. Он даже не скрывал этого, объясняя односельчанам, что это была лишь необходимая оборона. Городские судьи, может быть, и нашли бы в действиях Фрица «превышение пределов необходимой обороны». Но все рыбаки твердо стояли на том, что Фриц действовал как должно, что этот случай послужит уроком для других.

Изгнанные тестом из домов, растерянные, полупомешанные от страха, люди часто собирались на берегу моря и обсуждали свое положение. На этих собраниях рассказывались страшные вещи. Как погибла в тесте вся семья плотника: ночью, когда все спали, тесто завалило дверь и окно, и несчастные были удушены тестом... Как погибали грудные дети и беспомощные больные, оставленные в домах.

Одна мать, потерявшая ребенка, рассказывала:

— Я пошла к соседям просить помощи, чтобы помогли мне хоть вынести вещи из дому. Тесто заполнило у меня только одну комнату до половины, а в другой лежал мой ребенок. Я надеялась скоро вернуться. Но мне пришлось обойти всю деревню, прося помощи, однако никто не шел. У каждого были свои заботы. Не могу сказать, долго ли я была в отлучке. Когда же вернулась, то увидела, что вся комната почти до потолка заполнена тестом и через нее мне не пройти в комнату, где лежал мой ребенок. Я бросилась к окну, но оно было закрыто изнутри. Тогда я решила пройти сквозь тесто. Оно оказалось очень вязким, как густая тина. Я сделала несколько шагов и уже выбилась из

сил. Голова моя был еще выше теста, оно достигало плеч. Но скоро тесто начало покрывать мне шею, подошло под подбородок... Еще несколько минут, и оно удушило бы меня... Я тонула в нем, как в вязкой тине болота. Я начала кричать. Спасибо, мимо бежал Фриц. Он услышал мой крик и багром вытащил меня. А ребенка мы так и не могли спасти...

— Да, все это так и было, — подтвердил Фриц. — Я сам порядочно наглотался теста, прежде чем мне удалось вытащить Марту.

И это самоотверженное спасение погибающего казалось слушателям таким же простым и нужным делом, как и убийство «подкидчика», — слово, которое появилось с появлением нового вида преступления. Оно так же клеймило человека, как и прежнее слово «вор».

Рыбаки угрюмо молчали, слушая эти жуткие рассказы.

— Неужто всем нам погибать? — спросила молодая женщина.

— Или бросать дома и уходить отсюда подальше, — отозвался старый рыбак.

Фриц задумчиво смотрел на море.

— А почему бы нам не попробовать, — сказал он, — выбросить тесто в море, благо оно у нас под боком. В море места много. Может быть, тесто тонет в воде. А нет — ветер и волны унесут его от наших берегов, и дело с концом.

Эта мысль понравилась всем. Чем бы ни кончилась эта затея, она даст какой-то выход из томительного бездействия. И рыбаки горячо принялись за работу. День и ночь таскали они тесто к берегу и выбрасывали в море.

Тесто немного погружалось в воду, но не тонуло. Оно плавало на поверхности, как побуревший на весеннем солнце грязный прибрежный лед. Не уносило его и от берега. Волны прибоя выбрасывали часть теста назад на берег. Зато тесто оказалось по вкусу рыбам. Они появились у берегов в необычайном количестве, пожирая вкусное тесто.

Это развлекло рыбаков.

— А ведь сожрут, пожалуй... Смотри, какая гибель рыб.

— Вот так приманка! Хорошая была бы рыбная ловля!

— Ни одна сеть не выдержит. Да они уж и погнили, наши сети. Никто, однако, серьезно о рыбной ловле не думал. Все продолжали таскать тесто и выбрасывать в море.

На третий день один из рыбаков заметил:

— Что это значит? Сколько мы потаскали теста, сколько рыбы поели, а теста становится еще больше!

— Значит, и в воде растет.

Еще через несколько дней стало очевидным, что тесто не только продолжает расти в воде, но и растет гораздо быстрее, чем на земле, быть может, получив добавочное питание от воды. Тесто уже выпятилось над поверхностью воды, захватив огромное пространство моря, насколько глаз хватает. В довершение бед, оно затянуло всю прибрежную полосу, остановило прибой, сравнялось с берегом и поползло на сушу. Как будто море уже насытилось, не принимало больше и отдавало излишки назад земле. Подойти к берегу не представлялось возможным.

Последняя надежда рыбаков разбилась. В отчаянии стояли они у берега, не зная, что делать, как спастись. Перед ними было какое-то новое море — серая, студенистая масса, какой-то кисель, по которому, вероятно, нельзя даже

плыть на лодке... Позади стояли брошенные, опустевшие дома...

Один из рыбаков все-таки сделал попытку спустить лодку. Но она увязла в тесте, как в тине, а весла нельзя было повернуть.

— И море испортили, — хмурясь, сказал старый рыбак. — Теперь ни проезде, ни проходу... А с острова не убежишь... И кто это наделал таких дел?

Да, кто наделал? Эта мысль была подхвачена всеми. Отчаявшиеся в спасении люди искали виновного, чтобы на нем сорвать гнев за все несчастья.

— Кто же другой виноват? Конечно, профессор Бройер! Рыбаки забыли, не хотели вспоминать, как получили они тесто, как профессор уговаривал их отдать все запасы «вечного хлеба».

— Это он погубил нас! Он лишил нас жилища, обрек на смерть наших детей. Он обрушил на наши головы все несчастья. Смерть профессору Бройеру! Смерть душителю!

И разъяренная толпа бросилась на холм, к усадьбе профессора. Напрасно Иоганн, Роберт и Оскар пытались убедить толпу не делать безумных поступков. Гнев не рассуждает.

IX. Осада

Профессор Бройер переживал тяжелые дни. Он знал, что делается в деревне. Он сделал все возможное, чтобы предупредить несчастье, но все же чувствовал себя косвенным виновником происшедшего.

— Какой ужас! Какой ужас! — повторял он, шагая из угла в угол по своему кабинету. — Что за несчастная судьба! Сорок лет жизни потратить на то, чтобы сделать людей счастливыми и причинить им столько несчастий...

От вспышек отчаяния профессор переходил к лихорадочной работе: он изобретал средство, которое могло бы быстро уничтожить тесто или, по крайней мере, замедлить его рост. Он ночи просиживал, не отрываясь, за работой в своей лаборатории. Но ему необходимо было произвести огромное количество опытов, прежде чем он сможет добиться каких-нибудь практических результатов. На это нужно было время. А работать приходилось в постоянном нервном напряжении среди окружавших его ужасов. И он был близок к нервному расстройству. Бройер ожидал, что рано или поздно возмущенная толпа может произвести нападение, и приготовился к этому. Жизнь он не дорожил, но ему казалось, что только он один может спасти человечество, прежде чем оно погибнет от теста. И он решил отстоять свою жизнь во что бы то ни стало.

Когда испуганный, слуга вбежал в его кабинет и прерывающимся голосом сказал: «Толпа рыбаков бежит к нашему дому», — профессор Бройер только с грустью спросил:

— Уже?

Минуту он сидел в глубокой задумчивости, как осужденный, которому сказали: «За вами пришли. Идите на казнь». Но скоро овладел собой, выпрямился и спокойно отдал приказание:

— Закройте двери. Карл. Вставьте дубовые ставни в окна первого этажа.

Бройер и Карл быстро принялись за работу. Входная дверь была сделана из толстого, тяжелого дуба, окованного железом. Такая дверь могла долго выдерживать натиск. Довольно узкие окна нижнего этажа прикрывались ставнями

с железными болтами. Все было давно обдуманно. Карл успел даже закрыть ворота, хотя они были сделаны и не так прочно, как входные двери.

— Все-таки задержат их на время, — сказал слуга. Домик профессора приготовился к осаде. Крики толпы уже отчетливо слышались за стеною каменной ограды.

— Смерть душителю! — кричала разъяренная толпа, и удары тяжелыми рыбацкими баграми посыпались на доски ворот. Собаки, спущенные с цепи, подняли отчаянный лай. Толпа волновалась, ворота трещали и, наконец, поддались. Вооруженные баграми и гарпунами, рыбаки ворвались в сад, покончили с собаками и осадили дом.

— Открывай дверь! — кричали рыбаки. — Все равно тебе не уйти живым отсюда.

Профессор выглянул из узкого окна второго этажа. Несмотря на весь ужас положения, он невольно улыбнулся, увидя толпу осаждавших: ни одна армия в мире не состояла из таких толстых, неповоротливых людей! Заботы и труды последних дней сделали свое дело, но все же они были еще так невероятно толсты, что можно было подумать, будто они собраны на какой-то конкурс толстяков. Они страдали одышкой и быстро уставали. Это делало их менее опасными противниками.

— Я выйду, но прежде выслушайте меня, — сказал профессор, пытаясь убедить их словами. — Я предупреждал вас... — начал он. Но ему не давали говорить.

— Убийца! Душитель! Смерть! Смерть!

— Я скажу вам, как уничтожить тесто! — пытался он перекричать толпу.

Стоявшие вблизи, услышав эти слова, замолкли, но дальние продолжали кричать.

— Пока я не нашел средства, которое сразу избавит вас от теста, трите его меж камней, толките в ступе, жгите огнем. А главное, не мешайте мне работать. Вы уже раз не послушались меня...

Но слова Бройера были заглушены ревом толпы. Рыбаки начали работать баграми, как таранами. Однако ни двери, ни ставни окон не поддавались.

Рыбаки продолжали осаду. На смену уставшим становились другие и упорно долбили двери. К вечеру дверные доски уже значительно пострадали. В нескольких местах острые багры сделали сквозные дыры. Но и армия толстяков сильно устала. Осаждавшие уселись вокруг дома и начали обсуждать план действий. Многим работа баграми казалась слишком утомительной и длительной. Надо было придумать более быстрые способы взятия осажденной крепости. Беспорядочные крики толпы постепенно затихли. Неорганизованная толпа, очевидно, превращалась в организованную «армию», выделившую свой штаб, своих военачальников.

«Это хуже», — подумал Бройер.

— Ишь, руками размахивает, — сказал Карл, указывая на одного рыбака, — это Фриц, я знаю его.

Фриц что-то объяснял рыбакам. Они слушали его внимательно, потом все вновь громко заговорили и ушли за ворота, оставив у дома только нескольких человек.

«Неужели он убедил их не делать глупостей? — подумал Бройер. — Но тогда зачем они оставили этих часовых?»

Прошло около часа. И вдруг Бройер увидел возвращавшихся крестьян и сразу угадал их план. Они несли за спиной по связке хворосту.

— Что же это такое? Они хотят нас сжечь живыми? — в испуге проговорил Карл.

— Постараемся остаться в живых, — ответил Бройер, наблюдая, как рыбаки складывают у двери и стен здания связки хворосту. — А ну-ка, пустим в ход нашу «артиллерию», — сказал профессор.

Слуга принес огромную связку ракет. Прежде чем рыбаки успели сложить костры, Бройер и его слуга выпустили в осаждавших десяток ракет. Ракеты эти были особого свойства. Они невероятно шипели, трещали, изрыгали струи огня, прыгали из стороны в сторону и оставляли после себя удушающий смрад. Несмотря на весь свой страшный эффект, ракеты были совершенно безвредны. Однако они произвели среди врагов настоящую панику. Рыбаки бросились убежать, закрывая рот руками и чихая. Они были уверены, что их отравили удушливыми газами.

Было уже за полночь. Луна на ущербе показалась сквозь разорванные, быстро гонимые ветром тучи. Рыбаки, убедившиеся в полном своем здоровье, вернулись к дому в тот самый момент, когда профессор уже подумывал о том, чтобы бежать, пользуясь отступлением врагов.

В рассеянном свете луны Бройер увидел, что рыбаки, завязав платками нос и рот, приближаются к дому. В руках нападающих были зажженные фонари. Несмотря на свою толщину и неповоротливость, на этот раз нападающие действовали скоро и решительно. «Организация армии» сделала свое дело. Прежде чем Бройер успел выпустить новый заряд ракет, рыбаки подожгли костры и, отойдя в сторону, уселись.

— Скверно, — сказал Бройер, глядя, как языки пламени охватывают сухие ветви смолистого дерева. Он потер лоб и задумался.

— Другого средства нет, придется прибегнуть к газовой атаке... Это безвредный газ, и от него никто не погибнет. Но враги будут усыплены, по крайней мере, на три часа.

Бройер быстро прошел в лабораторию и вынес оттуда два баллона. Когда он отвинтил металлическую пробку, из баллона потекла вниз струя почти бесцветного газа. Выпустив один баллон, Бройер и слуга надели противогазовые маски и вслед за первым баллоном выпустили еще три. Действие газа было быстрое и полное. Как только газовая волна докатилась до рыбаков, они начали падать.

— Можно идти, — сказал Бройер.

Они вышли, закрыли за собой дверь, быстро растаскали горевшие костры, потушили пламя. Поднявшийся ветер разогнал газ.

— Тем лучше, через час-два они все будут на ногах. За это время мы будем далеко.

Бройер открыл гараж, вывел небольшой двухместный автомобиль и уселся с Карлом. Они выехали за ворота и быстро поехали по дороге, ведущей к ближайшему городу.

Х. Преступник

Утром рыбаки проснулись и с недоумением глядели друг на друга. Что такое произошло с ними? Вокруг дома валялись разбросанные ветви и сучья. Дом безмолвствовал.

Сломали двери, вошли внутрь. Везде было пусто.

— Ушел! Бежал! Перехитрил нас!

Разочарованные, они вернулись в деревню и только теперь вспомнили совет Бройера, как истреблять тесто. Принесли большой котел, развели под ним огонь и стали бросать в котел тесто. Из котла шел смрад, тесто быстро таяло в котле, оставляя на дне небольшой осадок. Те, у кого не было котлов, терли тесто между камней или толкли в ступе. Работа шла довольно успешно, но теста было слишком много и рыбакам приходилось сидеть за работой целый день, чтобы истреблять все нараставшее тесто.

В то время как рыбаки были заняты этим египетским трудом, профессор со слугою Карлом ехали по направлению к городу. Когда они проезжали одной деревушкой, им повстречался старый рыбак, который знал профессора Бройера в лицо.

— Вот едет душитель, — сказал рыбак, указывая крестьянам на проезжавшего Бройера. Среди крестьян послышались угрожающие крики. Карл включил полную скорость.

Но один из крестьян бросил в автомобиль навозные вилы. Вилы ударились в колесо и пробили шину. Кое-как беглецы выехали за деревню, сошли с автомобиля и начали надевать новую шину на колесо. Однако крестьяне увидели их и уже бежали к автомобилю с угрожающими криками. Бройер и Карл бросили автомобиль и поспешили скрыться в соседнем лесу.

Они не решались выйти на дорогу, просидели в своем убежище весь день и только ночью пустились в путь.

«Отверженный, — с горечью думал Бройер. — Каждый прохожий может убить меня как преступника, объявленного вне закона...»

Когда, наконец, путники явились в город, Бройер отправился к прокурору и, назвав себя, сказал:

— Я прошу вас арестовать меня и отправить в тюрьму, иначе толпа растерзает меня.

— Вы явились очень своевременно, — ответил прокурор, — я только что получил приказ арестовать вас.

— Чтобы охранить меня от толпы?

— Да, — неопределенно ответил прокурор. — И не только для этого. Вам, по-видимому, будет предъявлено обвинение.

Бройер был удивлен, но ничего не сказал. Он пожал плечами и безучастно позволил отвезти себя в тюрьму. Скоро его перевезли в Берлин.

— Знаете ли вы о тех несчастьях, которые причинили своим изобретением? — спросил его следователь, вызвав для допроса.

— Да, знаю. Но виновным себя признать не могу. Я предупреждал...

— О виновности речь впереди. Вы знаете то, что произошло в рыбацкой деревне, но, вероятно, не знаете того, что произошло во всем мире.

— Вероятно, то же самое, но в большем масштабе.

— В большем масштабе! — с возмущением в голосе проговорил следова-

тель.

— Как можете вы спокойно говорить об этом? Целые деревни, села, города затоплены вашим ужасным тестом. Сотни тысяч, миллионы людей остались без жилищ. Мореплавание и речное судоходство остановилось, так как воды рек и морей превратились в какую-то тину. Вы причинили катастрофу, с которой не может сравниться даже извержение вулкана. А вы спокойно говорите о «большем масштабе».

— Что же мне, падать ниц и просить прощения? — уже с раздражением сказал профессор. — Ведь не я раскидал тесто по всему земному шару, не я затеял эту торговлю «вечным хлебом». Скажите, по крайней мере, в чем именно вы меня обвиняете?

— В том, что вы, не закончив опытов, не исследовав всех качеств теста, имели преступную неосторожность передать часть теста старому рыбаку Гансу. С этого все и началось.

— Я принял все меры предосторожности. Старик Ганс обманул меня.

— Вы дали в руки полуграмотного человека страшную разрушительную силу. Хороша предосторожность! Благоволите сообщить мне все подробно. — И следователь, усевшись за стол, начал формальный допрос, который длился довольно долго.

Следователя особенно интересовал вопрос, почему Бройер не сообщил в своей телеграмме, какой именно опасности подвергается мир, а говорил только о вредности теста для здоровья, направив, таким образом, следствие на ложный путь.

— Если бы вы сказали правду, несчастье могло быть предотвращено. Были бы сделаны какие-либо холодильники или герметические сосуды.

— Я полагал, что угроза отравления — самое действенное средство заставить людей отказаться от употребления «хлеба» и истребить его.

Притом мне просто могли бы и не поверить, если бы я сказал правду. Притом никакие холодильники и сосуды не помогли бы. Их изготовление требует времени, тесто растет со скоростью размножения бактерий: через двенадцать часов каждая «палочка» дает шестнадцать миллионов потомства.

Когда к профессору был допущен защитник, от него Бройер узнал еще некоторые подробности.

— Да, дорогой профессор, наделали вы бед. Теперь люди только тем и заняты, что сидят и толкут в ступах тесто. Богатые еще могут нанимать бедняков работать за себя, а все остальные обречены на этот сизифов труд. Некоторые государства пробовали даже сваливать тесто на территорию соседних государств. Это вызвало ряд войн. Хорошо еще, что само тесто охладило воинственный пыл. Как тут повоюешь, когда ни пройти ни проехать. Люди и лошади вязнут в тесте. Только аэропланы подрались в воздухе, на этом дело и кончилось. Но дальше-то, дальше что будет, скажите мне? Вот газеты пишут, что ваше тесто расплзется по всей земле, покроет земной шар сплошной коркой, и тогда капут. Солнце подрумянит этот земной колобок. Он, может быть, будет вкусный и питательный, только есть его будет некому. Все живое умрет. Предусмотрительные люди — кто побогаче, конечно, — уже сейчас покупают участки на горах. Все швейцарские ледники захвачены кучкой богачей, которые хотят переселиться туда в надежде, что на такую высоту тесто не дойдет, притом же там холодно, а на холоде тесто растет медленно.

— Скажите мне, — прервал защитника Бройер, — но почему именно обвиняют меня? Ведь хлеб продавали Роденшток и Кригман! Адвокат улыбнулся.

— Дело в том, что правительство успело объявить монополию на хлеб и уже продавало от себя. Не может же правительство обвинить само себя! Чтобы оправдаться перед массами, надо свалить на кого-то вину, отвлечь внимание.

— Теперь мне все понятно, — сказал Бройер. — При таких условиях мне трудно оправдаться.

— Да, нелегко. Вы могли бы только одним купить себе оправдание — изобрести скорее «противоядие», средство, которое уничтожило бы ваше изобретение.

— Но для этого мне надо работать, — сказал горячо Бройер.

— Вам дадут эту возможность, — ответил адвокат. — Сегодня вас переведут в лабораторию, оборудованную здесь же, в тюрьме. Поверьте мне, для вас это будет лучший способ защиты.

XI. Спасенный Мир

— **П**озвольте представиться, приват-доцент Шмидт. Меня командировали вам в помощь. Я уже работал по биохимии у Роденштока и Кригмана. Мне удалось открыть состав вашего «хлеба» и вырабатывать его для экспорта.

— Вот как, — сказал Бройер, — значит, и вы «соучастник преступления»! Не по этому ли поводу вы и оказались моим помощником в тюремной лаборатории?

— Представьте, нет. Меня не тронули. Очевидно, признали, что и одной жертвы достаточно.

— Но Роденшток и Кригман тоже на свободе?

— О да, и процветают по-прежнему. Они сейчас изготавливают машины для механического истребления теста и на этом наживают большие деньги. Все состоятельные люди обзавелись такими машинами. Тысячи рабочих работают на истреблении «хлеба». Увы, рабочий день во всем мире удлиннен до двенадцати часов. Что делать! Везде объявлено военное положение. Рабочие работают как военнообязанные. Всякие забастовки караются самым жестоким образом.

Бройер опустил голову и сидел подавленный.

«Бедный Бройер! Об этом ли он мечтал?» — подумал Шмидт. Ему стало жалко старика.

— Посмотрите, как обставлена лаборатория! Не правда ли, недурно? Бройер вышел из своей задумчивости и взглядом знатока окинул лабораторию. Он остался доволен. Увидав микроскоп, реторты и колбы, он как будто пришел в себя после всех перенесенных волнений. Его потянуло к работе.

— Да, да, — сказал он, — хорошая лаборатория. Здесь кое-чего не хватает, но мы, конечно, получим все, что нужно. Работать, работать!

— Ну, вот и отлично! Мы с вами скоро справимся с тестом. Кстати, скажите, профессор, чем вы объясняете усиление роста теста? Только ли поднятием температуры с наступлением лета?

— Разумеется, не только этим. В самом летнем воздухе имеется больше бактерий, чем в зимнем. Культура моих «простейших» получает большее пита-

ние, и «хлеб» усиленно растет.

— Я так и предполагал, — сказал Шмидт. — Радикальное истребление «вечного хлеба» поэтому может идти двумя путями. Или мы должны будем найти культуру таких бактерий, которые бы поглощали «тесто» в большем количестве, чем оно разрастается, или же мы должны стерилизовать воздух, окружающий тесто, и таким образом лишить питания «простейших», из которых состоит ваше тесто.

— Я думал о первом способе, — сказал Бройер. — Ваш способ стерилизации воздуха мне кажется не менее интересным.

— Так вот и будем работать в двух направлениях. Бройер нашел в лице Шмидта опытного, талантливого работника и хорошего товарища. Бройер и Шмидт работали без устали, и их работа шла бы, вероятно, еще лучше, если бы посещения следователя не выбивали Бройера из колеи. После этих посещений Бройер впадал в тяжелую задумчивость или начинал нервничать. Шмидт, как умел, пытался успокоить Бройера.

— Не обращайтесь внимания на эту судейскую крысу. Ваше изобретение, что бы ни говорили, остается величайшим. Всякая научная работа сопряжена с неуспехом. Сейчас мы работаем над тем, чтобы уничтожить ваше изобретение. Но мы не остановимся на этой «разрушительной» работе. Мы найдем узду для вашего теста, сделаем его послушным орудием в руках человека и освободим человечество от голода.

Весь мир с напряженным вниманием следил за тем, что делается в тюремной лаборатории. Однако терпение людей, видимо, истощалось. Газеты все чаще писали о том, что пора назначить суд над профессором Бройером, так как, видимо, ему не удастся разрешить задачу. Шмидт, который успевал прочитывать газеты, скрывал эти сообщения от Бройера, чтобы не волновать его.

Однако Бройер однажды прочитал эти газетные статьи. Он долго сидел в задумчивости, а вечером уговаривал Шмидта лечь спать пораньше, так как Шмидт уже много ночей почти не спал.

Шмидт лег в кровать, — они спали здесь же, в лаборатории, — но не мог уснуть. Бройер вел себя в этот вечер особенно нервно, и Шмидт, представившись спящим, следил за Бройером сквозь прикрытые глаза. Бройер долго ходил по лаборатории, потом сел за работу. Успокоившийся за него Шмидт начал уже засыпать, как вдруг был разбужен криком Бройера:

— Эврика (нашел)!

Шмидт хотел было встать с кровати и поздравить Бройера с открытием, но что-то удержало его. Бройер быстро прошел к письменному столу, сжег на спиртовке какие-то бумаги, написал несколько строк и вынул шприц.

«Он хочет покончить с собой!» — подумал Шмидт, вскочив с кровати, бросился к профессору.

— Э, нет, дорогой профессор, так не годится! Я не позволю вам!

— Не мешайте мне, — сказал Бройер. — Если я и провинился, то и искупил свою вину: я открыл средство уничтожения теста. Но я слишком устал... Довольно.

— Устали — отдохнете. Такой мозг не должен погибать раньше времени. — Вырвав из рук профессора шприц, Шмидт продолжал:

— Позвольте вас поздравить, дорогой профессор! Представьте, вы можете поздравить и меня. Сегодня вечером я также благополучно разрешил задачу.

— Почему же вы не сказали мне?

— Мне хотелось еще кое-что проверить, — скромно отвечал Шмидт. На самом деле он, зная, что работа Бройера близка к концу, хотел предоставить ему честь первого открытия.

— А теперь, дорогой профессор, мы еще поживем. Поживем и поработаем. Мы усовершенствуем свой «хлеб» — ваш «хлеб», и все будут есть его и вспоминать добром его гениального «пекаря».

Профессор Бройер улыбнулся и протянул руку Шмидту. Скоро газеты и радио оповестили мир о том, что средство для радикального истребления хлеба найдено. «Грибок» профессора Бройера работал великолепно. Довольно было бросить в тесто несколько граммов этого грибка, как тесто начинало скисаться, оседать, и скоро на месте огромных гор студенистой массы оставалось лишь немного серой плесени. Плесень высыхала и превращалась в пыль. Хорошо действовали и стерилизаторы воздуха Шмидта, но средство Бройера было проще и дешевле, и потому оно вошло во всеобщее употребление.

Мир избавился от теста.

Человечество было спасено.

ХII. Свежий ветер

Над рыбацкой деревней проносился свежий ветер ранней осени. Сильнее чувствовался запах моря. Белые облака быстро неслись над морем. А между морем и небом летали птицы, оглашая воздух резкими гортанными криками. Белый прибой окатывал песчаные берега.

Вся рыбацкая деревня толпилась на берегу. Сети были починены, лодки проконопачены и осмолены. Сейчас они поедут в море на рыбную ловлю. Лица рыбаков сосредоточены. Быстро и уверенно работают мускулистые руки, крепя паруса.

— Свежий ветер, — сказал Фриц, становясь у руля.

— Хороший должен быть лов, — отозвался старый рыбак, шагая по колению в воде в высоких рыбацких сапогах к парусной лодке.

Казалось, большой баркас подпрыгивает на волнах от нетерпения, как застоявшаяся лошадь. Последние приготовления окончены.

Всех охватило радостно-приподнятое настроение. Ветер сразу натянул парус, и баркас, круто повернув носом в открытое море, быстро понесся по волнам.

Фриц приналег на руль. Свежий ветер обвевал открытую голову Фрица.

И ему казалось, что этот крепкий, соленый морской ветер делает его вновь бодрым и сильным. Как смутный, полузабытый сон, промелькнули перед ним картины последних месяцев: богатство, уплывшее так же неожиданно, как оно явилось, кражи, убийства, пьянство, бессонные ночи в игорном доме, бешеный азарт игрока, страшные картины хлебного потопа...

Неужели все это было с ним, рыбаком Фрицем? Невероятно! Чтобы проверить, явь или сон это кошмарное прошлое, Фриц начал всматриваться в суровое лицо старика рыбака, уверенно управлявшего парусом. Ни один мускул не дрогнет на этом как будто высеченном топором из дуба лице с плотно сомкнутым ртом и зоркими глазами старого морского волка.

Неужели лицо вот этого самого старика он видел там, в игорном доме, за зе-

ленным столом рулетки?.. Полуоткрытый рот, трясущиеся руки и глаза — безумные, страшные глаза, горящие алчностью...

Нет, это кошмар...

Фриц так задумался, что не успел вовремя повернуть руль. Боковая волна хлестнула через борт и окатила рыбаков.

— Малый, не зевай! — строго сказал старик.

Этот деловитый окрик спугнул кошмары Фрица. Ему стало весело. Он навалился на руль и направил лодку прямо в открытое море, навстречу свежему ветру.



Продавец воздуха (роман)



П РОДАВЕЦ В О З Д У Х А

I. Окаянный край

«Окаянный край!» — так писатель В. Г. Короленко назвал Туруханский край. Но название это вполне приложимо и к Якутии. Печальная тощая растительность: в местах, защищённых от ветра, — хилые кедры, тополь да корявые берёзки; дальше к северу — как будто скрюченный болезнью кустарник, ползучая берёза, стелющаяся по земле ольха, вереск; ещё дальше — болота и мхи. Когда глядишь на эти хилые, пришибленные деревья и кустарники, бессильно льнущие к земле, кажется, будто несчастные растения хотят уйти в глубину, скрыться от леденящих ветров, не видеть этого «окаянного края», куда закинула их злая судьба. И если бы их воля, они вытащили бы из мёрзлой земли свои корявые корни и поползли бы туда, на юг, где благодетельное солнце, тепло и ласковый ветер... Но деревья принуждены умирать там, где они родились; всё, что они могут сделать, — это пригнуться ниже под ударами ветра судьбы и ждать своей участи.

Не таков человек: он сам выбирает свой путь и свою участь, оставляет солнце, тепло и уют и идёт, влекомый стремлением к борьбе, в неведомые, негостеприимные страны, чтобы победить природу или сложить свои кости рядом с хилой, корявой берёзой на холодной земле...

Эти несколько мрачные мысли невольно приходили мне в голову, когда я пробирался со своим проводником и помощником, якутом Николой, вдоль берега реки Яны. База нашей экспедиции находилась в «столице» Якутии Верхоянске — маленьком городке с населением, которое могло бы вместиться в одном московском доме средней величины.

По внешности Верхоянск остался тем же, чем он был много лет назад: несколько десятков деревянных домов, большею частью без кровель, и столько же юрт, разбросанных без всякого порядка по обоим берегам Яны, в низменной болотистой местности, усеянной большими озёрами. Почти перед каждым домом имеется «собственное» озеро, но вода в нём мутная, пить её нельзя, и жители принуждены запасаться льдом на круглый год. Только вывески советских правительственных учреждений, магазинов Якторга и кооператива напоминают при первом ознакомлении с городом о современности.

Все мои сложные и дорогие инструменты: барографы Ришара, микробарографы, анемометры и барометры[13] — я оставил в Верхоянске. Со мною были только небольшой барометр, термометр и довольно примитивный флюгер, доставляющий немалое удовольствие Николе. Для него это была такая же занятная игрушка, как детская ветряная мельница.

Наша экспедиция, во главе которой я стоял, была организована для изучения метеорологических условий полюса холода, находящегося в окрестностях Верхоянска, главным же образом для выяснения причин изменения в направлениях ветров.

Дело в том, что с некоторого времени метеорологами было установлено странное явление: пассаты и муссоны[14] начали изменять своё обычное направление. В экваториальной зоне ветры, дующие обычно от востока и к экватору, начали отклоняться на север, и чем далее к северу, тем это отклонение замечалось сильнее. Синоптические карты[15] обнаружили, что в области Верхоянска образовался какой-то центр, куда и направляются ветры, как лучи, собираемые в огромный фокус. Это повлекло за собою (правда, ещё малозаметное) изменение средней температуры: на экваторе она несколько понизилась, на севере повысилась. Такое явление вполне понятно, если иметь в виду, что холодные ветры с Южного полюса начали направляться к экватору, а экваториальные тёплые — на север. Замечались и другие странные явления, пока обнаруженные лишь точными физическими инструментами да некоторыми инженерами, наблюдавшими за работой пневматических машин. Эти наблюдения говорили о том, что атмосферное давление несколько понижено. О том же говорили и наблюдения над ослаблением силы звука, в особенности на высотах (лётчики жаловались на перебои мотора уже на высоте двух тысяч метров).

Люди и животные, по-видимому, ещё ничего опасного и вредного в этих метеорологических изменениях не чувствовали и не замечали, но учёные, бодрствовавшие за своими инструментами, были обеспокоены и, ещё не волнуя общественного мнения, изыскивали меры к выяснению причин всех этих странных явлений. На мою долю выпала честь принять участие в этой работе.

И пока в Верхоянске заведующий хозяйственной частью экспедиции заканчивал последние приготовления и покупал лошадей и собак, я решил отправиться налегке, чтобы точнее определить направление нашего пути. В этих широтах ветер дул с запада на восток сильно и равномерно, так что даже с моими несложными инструментами можно было довольно точно ориентироваться. Наш путь лежал к отрогу Верхоянского хребта.

Мой спутник и проводник Никола был типичным якутом: у него были длинные тонкие руки, маленькие кривые ноги, медлительные и тяжеловатые движения. Его идеалом было ничего не делать, много есть и жиреть. Но, несмотря на этот «идеал», он был отличный, исполнительный работник и неутомимый ходок. Природа наградила его большой жизнерадостностью: без неё Никола едва ли выжил бы в «окаянном краю». Впрочем, для него этот край совсем не был окаянным: Якутия была самым лучшим местом на земном шаре, и Никола не променял бы свои мхи и корявые берёзы на роскошные пальмы юга.

Он или курил деревянную трубочку, или мурлыкал песни о солнце, не заходящем на небе, о реке, о камне, о пролетевшей птице, о всём, что видит. А его

чёрные глаза с немного скошенными веками видели многое, ускользавшее от моего внимания, несмотря на то, что Никола, как я убедился, не различал некоторых цветов: слишком бедны были краски его родины, и он видел мир почти таким же серым, как мы его видим в кино.

— Сильно хорошо лето, — говорил он, сплёвывая жёлтую от табака слюну. — Сильно тепло.

Он был прав: для Якутии стояло необычайно тёплое лето. Даже ночью (при незаходящем солнце) температура не опускалась ниже нуля, а днём поднималась до 30 °С, иногда и выше.

Мы переправились через реку и начали взбираться на горный склон, поросший тальником, лиственницей и кустарниковой берёзой. Несмотря на очень тёплую погоду, нам от времени до времени случалось переходить наледь, или «тарыны», — целые островки ещё не растаявшего льда. Огромные трещины — работа лютого холода — покрывали землю густой сетью, похожую на сеть морщин, украшавших лицо Николы.

Стояла «красная ночь»: багровое солнце медленно катилось на севере, окрашивая в красный цвет вершины холмов, покрытые снегом.

Мы благополучно перебрались через горный ручей, и я уже начал осматриваться кругом, выбирая стоянку для ночлега, как вдруг Никола остановился, вынул трубку, сплюнул и спокойно сказал:

— Крисит.

— Кто кричит?

— Селовек крисит.

Я прислушался. Ни единого звука не долетало до меня.

— Я не слышу, — сказал я.

— Далесе крисит! — И Никола махнул рукой в сторону. — Беда с ним, однако.

— Если беда, так пойдём на помощь. Может быть, на охотника напал зверь...

— Как хочес. Пойдём. Не надо ходить на зверя, когда стрелить не умеесь. Стрелить не умеесь — ворона обидит, — нравоучительно говорил Никола, быстро взбираясь на гору.

Я едва поспеивал за ним.

Мы прошли не менее километра, когда, наконец, и я услышал заглушённый крик человека. Острота слуха Николы была изумительна! Крик прекратился, и вдруг я услышал два глухих выстрела.

— Сильно дурак. Снасяла крисит, а потом стрелит. Надо снасяла стрелить, — продолжал ворчать Никола.

Мы взобрались на вершину и увидели заболоченную горную поляну. В каменистый берег упиралась топь, поросшая мхом. В нескольких метрах от берега я увидел человеческую фигуру, наполовину засосанную тиной.

Человек также, по-видимому, увидел нас и начал размахивать руками. Прыгая с камня на камень, мы поспешили ему на помощь. Я протянул утопавшему конец ружейного ствола, человек уцепился за ствол правой рукой — в левой он держал какой-то предмет, который казался мне похожим на вымазанный в грязи цилиндрический бидон для керосина.

— Бросай кусын! — крикнул Никола человеку. Но утопавший, по-видимому, ни за что не хотел расстаться с бидоном. Он кряхтел, раскачивался, напря-

гал правую руку, но продолжал держать в левой свой сосуд.

— Бросай на берег! — крикнул я.

Этого совета человек послушался. Он размахнулся, бросил бидон на берег, ухватился обеими руками за ствол ружья и начал вылезать из тины.

Не без труда удалось нам извлечь на берег неизвестного человека. Вид его поразил меня. Его довольно полное бритое лицо было совершенно европейского типа. На нём был измазанный грязью, но хороший костюм альпийского туриста, на голове — серое кепи.

Выйдя на берег, он прежде всего схватил бидон, которым, по-видимому, очень дорожил, потом протянул мне руку и сказал на ломаном русском языке:

— Очень благодарю вас. В этих местах я не надеялся на помощь. Ви услышали мой выстрелы?

— Да, выстрелы, и вот он, Никола, ещё раньше услышал ваш крик.

Неизвестный одобрительно кивнул головой в сторону Николы.

— Револьвер пропал, но это пустяк, — продолжал неизвестный. — Хорош якут. Ви удивлены? Я чшлен экспедиции изучений Арктики Английски королевски географически общества. Ви тоже наушный работник?

— Да, я от Академии наук СССР... Не хотите ли посушить вашу одежду? — спросил я, продолжая внимательно осматривать его.

То, что я принял за бидон, оказалось чем-то иным, но я не знал, что это такое. Цилиндр, отсвечивавший сквозь грязь ртутью, заканчивался вверху узким горлышком и, судя по натяжению руки, державшей его, был довольно тяжёлым.

— Осушиться? Нет, благодарю вас. Мне не надо. Благодарю вас.

Кивнув головой, он неожиданно повернулся и начал быстро подниматься вверх по склону.

Я с недоумением смотрел ему вслед. Человек, только что спасённый от смерти, мог бы проявить больше внимания к нам. И откуда он появился здесь? Мне не приходилось слышать об экспедиции, отправленной сюда из Англии. И этот странный бидон...

— Сильно дурак. Ливольвел бросил, кусын спасал, — высказал Никола своё мнение о неизвестном.

Потом он задумался, неодобрительно мотнул головой и начал собирать сучья для костра. Мы сами вымокли, спасая англичанина.

— Эй! Эй! — вдруг услышал я голос неизвестного. Он стоял на большом поросшем мхом камне и махал рукою.

— Услуга за услугу! — крикнул англичанин. — Не ходите туда, — он протянул руку по направлению ветра, — там смерть! — И, кивнув головой, он спрыгнул с камня и скрылся.

«Что за странное предупреждение! — думал я. — Не ходить в ту сторону, куда дует ветер?» Но именно туда мне и нужно было идти. Я должен был исследовать тот «фокус», куда направлялись ветры со всех сторон земного шара.

II. «Мёртвый каюк»

Как только мы остановились, туча комаров облепила нас. Но, очевидно, это был пустяк по сравнению с тем, что здесь обычно бывает летом.

— Однако, сильно мало комаров, — сказал Никола. — Ветром сдувает.

— Куда уж больше! — проворчал я.

— Надо сильно больше. Солнце не видно, гор не видно. Вот сколько комара надо, — ответил Никола, разжигая костёр и устанавливая походный чайник на треножнике из сучьев.

Пока вода вскипела, Никола раскурил трубку, растянулся на земле и погрузился в думы. Против обыкновения он не пел и не говорил. Молчание продолжалось довольно долго. Потом Никола, выпустив густую струю дыма, сказал:

— Однако, плохо. Сильно плохо.

Никола, видимо, был чем-то озабочен.

— Что плохо, Никола? — спросил я его.

— Этот человек... Сильно нехорошо. Пусть бы он тонул. Три раза лето и три раза зима — я видел такой человек.

— Ты знаешь его? — с удивлением спросил я Николу.

— Не его. Похож на него. Там!.. — и Никола показал рукой на север.

— Не говори загадками, Никола, — нетерпеливо сказал я. — В чём дело?

И Никола рассказал мне на своём бедном словами, но богатом образами и меткими выражениями языке удивительную историю.

Это было три года назад. Никола со своим отцом и братом рыбачили в Селлахской губе.[16] Был конец лета. Ветер дул ещё с берега, но ледяные глыбы, всё в большем количестве появлявшиеся в Северном Полярном море, говорили о близком наступлении зимы. Никола советовал вернуться скорее домой, но лов был хороший, и отец Николы, старый опытный рыбак, не торопился. Он уверял, что вместе с морозами подует северный ветер, который быстро принесёт их к берегу.

Однако умиравшее лето не хотело уступить зиме без боя. Южный ветер всё усиливался и перешёл в шторм. Рыбаков относил к острову Макара. Небольшой парус сорвало, рулевое весло сломалось о ледяную глыбу. Седые волны трепали маленький каюк, как щепку. Но привыкшие к опасностям своего промысла, рыбаки не теряли присутствия духа. Лыдины им давали пресную воду, а рыбы было в изобилии. Им приходилось страдать только от холода, но недаром они выросли в самом холодном месте земного шара. Их организм стойко сопротивлялся. Полузамёрзшие, оледенелые, они подбадривали друг друга шутками.

На третий день их странствования случилось несчастье: их каюк попал между ледяными глыбами, которые смяли его, как яичную скорлупу. Рыбаки едва успели выбраться на льдину и продолжали на ней путешествие.

Предсказание отца Николы, хоть и с опозданием, исполнилось: береговой ветер утих, и скоро потянуло ровным ледяным дыханием с севера. Льдина направилась к берегу, но до него было далеко. А голод начинал не на шутку беспокоить потерпевших крушение. Рыба погибла вместе с каюком. Ловить руками было не так-то легко. Рыбаки начали слабеть от голода. Море, взбаламученное переменой ветра, кипело. Ледяные брызги окатывали путников с ног до головы. Иногда волны перекатывались через них.

— Сильно плохо было, помирать надо, — пояснил мне Никола.

Однажды ночью — хотя солнце в это время уже заходило за горизонт, но ночи были очень светлые — рыбаки увидали «сильно большой каюк», который шёл прямо на них, сверкая огнями.

Это был пароход, но такой огромный, какого Никола никогда не видал в своей жизни. Рыбаки закричали и замахали руками. Пароход приближался, но людей на нём не было видно. Однако, судя по тому, что он направлялся прямо к льдине, рыбаки решили, что их заметили на пароходе. «Почему только он не кричит?» — думал Никола. Чем ближе подходил пароход, тем он казался больше. «Мне надо было смотреть вот так», — объяснил Никола, поднимая лицо к небу.

Радость рыбаков скоро сменилась ужасом. Нос огромного парохода уже был в нескольких метрах от них, а на палубе его не было видно ни одного человека... Ещё минута и киль парохода врезался в льдину и разбил её пополам. Раздался страшный треск, ледяная вода залила Николу, — он почувствовал, что льдина ушла из-под его ног. Когда Никола вынырнул, отца и брата не было. Они оказались на той половине льдины, которая пошла мимо левого борта, а Никола оказался справа от парохода... С тех пор Никола никогда больше не видал ни отца, ни брата и не знает, что с ними.

Никола барахтался в воде, а железная стена пароходного корпуса проплывала мимо него. Сомнения не было: команда парохода не заметила их... Никола был обречён на гибель, если сам не позаботится о себе. Давлением воды Николу относило от парохода, но он был хороший пловец и, делая невероятные усилия, держался вблизи. Мимо Николы проплывали освещённые иллюминаторы. Никола кричал, но никто не показывался в иллюминаторе.

Вдруг Никола увидел конец троса, спущенного с палубы. Рискуя вырвать руки из плеч, Никола бросился к нему, но волной Николу отнесло в сторону, и он проплыл мимо троса, когда тот находился всего на расстоянии полуметра от руки. Никола приходил в отчаяние. Но ему не суждено было умереть. Скоро он увидел болтающийся над самой водой трап, спущенный с палубы. Вскочив на обломок льдины, Никола подпрыгнул, протянув руки к трапу. Льдина перевернулась под ним, но Никола уже держался за трап. Он был спасён. Быстро поднялся Никола по трапу и взошёл на палубу корабля, ожидая встретить удивлённые лица матросов.

Но удивляться пришлось не матросам, а самому Николе: палуба была пуста. Ни одного человека! Мёртвый корабль! Только снизу глухо доносился гул мощной машины...

Никола никогда не слышал легенды о Летучем Голландце, но бедного якута обуял такой ужас, как если бы он попал на этот легендарный корабль.

Ужас был так велик, что в первую минуту Никола подумал, не прыгнуть ли за борт. Но, посмотрев на бушующий океан, он одумался.

«Может быть, люди боятся холода и находятся в каютах», — решил он и начал осмотр парохода, пробираясь по трапам и коридорам осторожно, как вор. Каюты были пусты, не исключая капитанской; рубка, кубрик и камбуз также.

Никола переходил от ужаса к недоумению. Если все здесь умерли, то должны были остаться хоть трупы тех, кто пережил других. Если все бежали с корабля, то он не может идти. А если он идёт, то машинист, кочегары и рулевой должны быть на месте.

Никола сошёл в котельную, но и там никого не было. В машинном отделении также никого. Как будто пароход шёл, управляемый невидимой рукой мертвеца. Никола почувствовал, что у него поднимаются от ужаса волосы. Не помня себя от страха, он взошёл на палубу и пробрался к штурвалу. Никого! Гонимый ужасом, Никола побежал на нос корабля. И здесь он впервые увидел человека, стоявшего на самом носу с опущенной головой.

— Эй! Это я!.. Кто ты?.. — крикнул Никола хриплым голосом.

Человек стоял неподвижно. Это было страшно, как всё на пароходе, но Никола чувствовал такую потребность видеть возле себя хоть одно живое существо, что, пересилив страх, подошёл к человеку, стоявшему на носу, и заглянул ему в лицо. Это был мертвец! Никола только теперь увидел, что мертвец был привязан тонким линём к фальшборту...

По описанию Николы этот мертвец был очень похож на англичанина, которого мы вытащили из болота: такой же бритый и так же одетый. Теперь мне было понятно мрачное настроение Николы: встреча с нашим англичанином напомнила Николе о самом трагическом происшествии в его жизни.

— Ну и что же было дальше, когда ты увидел мертвеца?

— Я завыл, как волк, — ответил Никола.

И он продолжал свой рассказ. Страшней «мёртвого парохода» Никола не встречал ничего во всю свою жизнь. Но на пароходе было по крайней мере тепло и сухо. Голод превозмог ужас, и Никола отправился на поиски съестного. Он нашёл несколько бочек пресной воды, но с провиантом дело обстояло хуже. Николе удалось разыскать только мешок сухарей, завалившийся за пустые ящики. Однако для невзыскательного якута и это было хорошей находкой.

«Мертвецы, значит, пьют воду, но мало едят», — решил Никола и не без страха засунул первый сухарь в рот. Он боялся, что из-за его спины вдруг протянется мёртвая рука и мертвец крикнет: «Отдай мои сухари!»

Но мертвецы оказались покладистым народом и не помешали Николе съесть сразу десяток сухарей и запить их двумя ковшами воды.

Когда Никола поел и обсушился, то почувствовал себя совсем неплохо. Он выбрал себе удобную каюту и, на всякий случай похвалив мертвецов за их доброту, улёгся, не раздеваясь, на мягкую койку. Последней его мыслью была та, что пароход, очевидно, прислан специально для него каким-то духом-покровителем. Жалко, что погибли брат и отец, но одному судьба жить, а другому умереть!..

Никола крепко уснул и проспал очень долго. Его разбудили скрежет, треск и покачивания парохода. Открыв глаза, Никола долго не мог понять, что с ним и где он. Вспомнив, что он находится на «мёртвом каюке», он вскочил. С каюком, по-видимому, творилось что-то неладное: как будто ожили мертвецы и пляшут, гремя костями. Николе опять стало страшно. Он поднялся на палубу. Резкий, сильный ледяной ветер едва не сбил его с ног. Пароход качало. Никола посмотрел вперёд и обмер от ужаса. С громом и скрежетом вокруг судна плясали, сталкивались и ломались большие ледяные глыбы. Но не это испугало Николу. Подхваченный сильным течением, пароход бешено летел между двумя отвесными скалами в узком проливе и направлялся прямо на такую же отвесную каменную стену. Мертвецы играли плохую шутку, и судно, пожалуй, было подослано Николе не духом-покровителем...

Никола подбежал к мертвецу, привязанному на носу парохода, и, схватив его плечо, начал так трясти, что мог бы вытрясти из него жизнь, если бы кто-то другой не сделал этого ещё раньше.

— Ты сто делаешь?! Не видишь? — закричал Никола. — Верти назад!

Мертвец упал туловищем вперёд, кепи его свалилось за борт. Но он не слушал Николы, и пароход продолжал нестись к скале. Никола бросился к штурвалу, но скоро понял, что рулём тут не поможешь, пролив был слишком узок. С последней надеждой Никола вбежал в капитанскую рубку и крикнул в слуховую трубку приказ в машинное отделение:

— Садни ход! — как это делал капитан парохода на Лене.

Но дух машиниста не хотел повиноваться. Машина гудела...

— Сильно дураки! — выбранил Никола своих воображаемых спутников.

Он привык к быстроте решений. Видя тщетность своих усилий предотвратить катастрофу, он сделал всё, что можно было успеть, для спасения себя: быстро слетел вниз, принёс мешок с сухарями, бросил в шлюпку и взобрался в неё сам, ожидая событий. И они наступили очень скоро. Пароход ударился о скалу с такой силой, что Никола вместе со шлюпкой сразу оказался лежащим на палубе. Страшный треск столкновения был заглушён ещё более ужасным рёвом взорвавшихся котлов, и пароход начал тонуть. Он лёг на правый борт, так что волны покатались по палубе. Никола воспользовался этим и стащил шлюпку в воду.

Водовороты завертели шлюпку, льдины мешали грести. А пароход при своём погружении мог увлечь за собою и его. Это был очень опасный момент. Но Никола, поглядывая на пароход, понемногу выбивался на простор и, наконец, попал в течение, огибавшее скалу. Его шлюпка быстро понеслась вдоль каменного отвеса скалы и завернула за угол, прежде чем закружился страшный всасывающий водоворот на месте погружения парохода.

Никола был спасён. Через два дня он на шлюпке добрался до острова Макара, а оттуда уже прямо по льду — зима наступила — до берега...

Никола замолчал, окончив рассказ о своей одиссее, и начал в задумчивости остругивать палку охотничьим ножом, имевшим рукоять из мамонтовой кости, сделанной в виде длинной оленьей головы с вытянутой шеей. Никола был большой мастер резать по кости.

Я также задумался... История с «мёртвым каюком» была так необычна, что казалась вымыслом. Но я знал Николу: он мог приукрасить события, но не был лжецом. Неожиданная мысль пришла мне в голову.

— Как назывался тот пароход? — спросил я Николу. В ответ он только неопределённо чмокнул губами и отрицательно покачал головой.

— Ты видал надписи на спасательных кругах? Не вспомнишь ли ты хоть первую букву? На что она похожа? Никола подумал и сказал:

— На эти козлы для чайника. — И он нацарапал на ладони концом ножа фигуру, довольно близко напоминающую букву А.

Неужели моё предположение верно?..

Я вспомнил, что три года назад из Англии была отправлена экспедиция, снаряжённая крупным капиталистом мистером Бэйли, на ледоколе «Арктик». Экспедиция была прекрасно оборудована всем необходимым и предполагала пройти вдоль всего берега Сибири, вплоть до Аляски. На борту парохода находилось несколько крупнейших учёных.

Однако экспедиция эта закончилась трагически. Последние передачи по радио были получены с ледокола, когда он находился недалеко от мыса Борхая. Затем несколько дней «Арктик» не подавал о себе вестей, потом появились тревожные SOS, и с тех пор всякие вести прекратились. Только на другой год рыбацкими судами были обнаружены на одном из небольших голых островов две разбитые шлюпки ледокола, а к устью Лены был прибит волнами спасательный круг «Арктика». Это, по-видимому, всё, что осталось от ледокола. Отважных мореплавателей почтили должным образом, записали их имена в длинный список жертв науки, вычеркнули «Арктик» из списка судов. Этим дело и окончилось.

И вот теперь, в «окаянном краю», из уст якута мне пришлось выслушать историю, которая проливала некоторый свет на судьбу ледокола и вместе с тем окутывала эту судьбу ещё большей тайной. Куда девались его пассажиры? Каким образом пароход без команды оказался идущим на всех парах в океане? И как он мог идти? Машины не могли действовать без управления. Или должен был взорваться котёл, или, что вернее, котлы должны были остыть без топки и пароход остановиться.

И кто этот англичанин, спасённый нами из болота? Он сам назвал себя членом английской арктической экспедиции. Но он совсем не выглядел человеком, потерпевшим крушение несколько лет назад и долго прожившим в одном из самых глухих углов земного шара. Наконец, что значит его предупреждение? Почему смерть угрожает мне, если я пойду туда, куда дует ветер? В этом предупреждении тоже скрывается какая-то тайна. Но он не запугает меня! «Идти по ветру» — задача нашей экспедиции.

Как бы то ни было, мне необходимо быть осторожным. Благоразумие подсказывало, что мне следует вернуться в Верхоянск и идти на исследование со всей экспедицией. И если бы я послушался этого голоса благоразумия, многое вышло бы иначе. Однако моё любопытство и беспокойный дух исследователя неудержимо влекли меня вперёд. Обманывая собственную осторожность, я уверял себя, что пойду вперёд ещё несколько километров, чтобы посмотреть, какая опасность может подстергать меня.

— Чай готов, — сказал Никола, снимая с огня кипевший чайник.

III. «Ноздря» Ай-Тойона

Утомлённые путешествием, мы крепко уснули, укутав головы от комаров. Когда Никола разбудил меня, незаходящее солнце передвинулось на восток. Было утро. Ветер, несколько утихавший ночью, начал опять свою работу. Он дул равномерно, без порывов, всё более усиливаясь.

— Идём туда, — сказал я, указывая Николе направление по ветру.

Перед нами поднималась горная гряда.

— Опять туда? — спросил Никола, видимо несколько встревоженный. — Надо назад. Дальше я не пойду.

Этот ответ удивил меня. Никола, бесстрашный и исполнительный Никола отказывался продолжать со мною путь! Может быть, его напугали слова англичанина?

— Почему ты не пойдёшь туда? — спросил я его.

— Один мой товарищ и ещё один товарищ шли, и они не вернулись, — ответил Никола, нахмурясь. — Оттуда никто не возвращается. Там ноздря Ай-Тойона.

Я уже знал, что Ай-Тойон — «священный старик» — верховное божество якутов. Но мне никогда не приходилось слышать о ноздре Ай-Тойона.

— Неужели ты ещё веришь бабьим сказкам о тойонах и ерах? И как ты можешь бояться, если я иду с тобою?

— Я знаю, ты сильно большой человек. Большевик ты. Но оттуда никто не возвращался.

Никола не льстил мне, называя меня «сильно большим человеком» — большевиком. (Для него все городские жители, приехавшие из больших городов России, были большевиками.) Его похвала была искренна. Якторг освободил его, как и других якутов, от эксплуатации прасолов, покупавших за бесценок пушнину и спаивавших якутов водкой; его дети учились в школе, а жена была вылечена от болезни, насланной злым духом — ером. Всё это была «агитация фактами», понятными Николе. Там, где является сомнение в могуществе богов, колеблется и вера в них. И мне казалось, что Никола уже терял эту живую веру в богов и относился к ним как к поэтическому вымыслу, обобщающему те или иные явления, — так, как мы иногда говорим о «фортуне», о «карающей Немезиде», забывая о религиозном происхождении этих слов и передавая ими только известные понятия. Боги Николы явно подгнивали, но не умерли ещё совершенно в его сознании. Они оживали тогда, когда он встречался с каким-нибудь непонятным и страшным явлением. Так было с ним на пароходе мертвецов, так, очевидно, было с ним и теперь. Страх заглушал голос разума и пробуждал первобытные верования в злых духов...

— Что же это такое, ноздря Ай-Тойона?

— Обыкновенная ноздря. Ай-Тойон дышит. А там, — Никола показал на гору, — его ноздря.

— Но почему же он дышит только в себя? Видишь, ветер дует всё время в одну сторону? — спросил я Николу.

— Ай-Тойон сильно большой. Тысячу лет, однако, он может брать воздух в себя и тысячу лет выпускать...

Очевидно, я присутствовал при рождении новой легенды.

— Глупости всё это! Идём со мной, Никола, и ты сам убедишься, что нет ни-

какой ноздри Тойона.

Но Никола не двигался с места и отрицательно качал головой.

— Идешь?

— Сильно боюсь. Однако, и ты не ходи! — сказал он. Я колебался. Идти одному было рискованно. Слова англичанина были брошены неспроста. Меня действительно могли ожидать непредвиденные опасности. Но во мне вдруг заговорило самолюбие. Мой отказ Никола мог понять так, будто и я поверил в эту глупую ноздрю.

— Если ты отказываешься, я иду один! — решительно сказал я и направился вверх по склону горы. Ветер дул мне в спину, облегчая путь.

— Не ходи! — закричал мне Никола. — Не ходи!

Я, не оглядываясь, продолжал путь.

Скалы поднимались всё выше и круче. Скоро я начал уставать и пошёл медленнее. Перед крутым подъёмом я остановился, чтобы перевести дух, и вдруг услышал за спиною чьё-то сопенье. Я оглянулся. Передо мной стоял Никола. Он улыбался своим широким ртом, скаля кривые зубы.

— Однако, ты пошёл, и я пошёл, — сказал он, видя моё недоумение.

— Молодец, Никола! — радостно сказал я. Мне приходилось кричать. Ветер выл и свистал так, что мы с трудом слышали друг друга.

— Ты не боишься, Никола?

— Сильно боюсь, однако. Пойдём!

Мы начали карабкаться по скалам. Скоро ветер сорвал мой походный флюгер, висевший у меня за спиною. Никола бросился было за ним, но я остановил его. Ветер дул с таким постоянством, что флюгера не нужно было. Никола же рисковал сорваться в пропасть, гонимый этим сумасшедшим ветром.

— Иди сюда! Держись за меня! Пойдём вместе! — крикнул я якуту.

Мы уцепились друг за друга и, помогая один другому, продолжали путь. Нам приходилось сильно откидываться назад, и всё же мы не всегда могли удержаться на ногах. Мы падали на землю и с трудом поднимались. Ветер, как тяжёлые мешки с песком, давил нам на спину. Мы обливались потом и выбивались из сил. Я уже начал сожалеть о своём опрометчивом поступке, но возвращаться не хотелось. Мы были недалеко от вершины, и я дал себе слово только заглянуть, что делается по ту сторону каменной гряды, и вернуться назад, не искушая больше судьбы. Это небольшое расстояние до вершины горы нам пришлось ползти по земле. Ветер, казалось, готов был раздавить нас, как слизней. Он был плотный и тяжёлый. Можно было подумать, что мы находимся на большой глубине океана и сотни тонн воды давят нас своею тяжестью. Нам приходилось закрывать рот и нос, чтобы задерживать воздух, который душил нас; выдыхали же мы с большим трудом, как это бывает с больными астмой.

Я знал, что на самом гребне горы ветер будет свирепствовать ещё больше. Чтобы нас не снесло в какую-нибудь пропасть, я принял меры предосторожности, высмотрел расщелину меж скал и направил наш путь туда, чтобы можно было двигаться, укрываясь за гранитными выступами.

Мы благополучно проползли по узкой расщелине, загибавшейся на середине углом, и, наконец, подползли к самому гребню. Я наклонил голову и посмотрел вниз. Открывшееся зрелище изумило меня.

Я увидел огромный отлогий кратер, подобный лунному. Но что меня осо-

бенно удивило — скат этого огромного кратера был как будто отшлифован. Ни камня, ни выступа. Совершенно гладкая, пологая воронка, а глубоко внизу, в центре её, виднелась круглая дыра чудовищного, как мне показалось, диаметра. Неужели шлифованная воронка и геометрически правильная дыра на дне кратера естественного происхождения? Трудно было допустить это.

Крепко уцепившись за острый выступ скалы, Никола махнул рукой, что-то показывая мне, и крикнул, но я не расслышал, что он сказал, и посмотрел по направлению его руки. Я увидел в воздухе дерево, которое несло вдоль окружности кратера, описывая огромный круг, как будто его кружил смерч. Мы стали наблюдать за деревом. Оно продолжало описывать правильные круги, вернее — двигаться по спирали: каждый круг становился уже и проходил ниже предыдущего, причём движение дерева всё ускорялось. Это был какой-то воздушный Мальштрем!.. [17] Вот дерево сделало ещё несколько кругов и скрылось в чёрном колодце на дне кратера.

Я стоял перед новой загадкой. Было очевидно, что ветер направлялся куда-то под землю. Это было непонятно и бессмысленно, как «ноздря» Ай-Тойона.

«Но где же другая „ноздря“, из которой воздух должен выходить обратно?..»

Мои размышления были прерваны новым явлением. Огромный камень, весом с добрую тонну, сорвался вдруг с вершины скалы. Но он не полетел вниз, как было бы естественно. Он пролетел в воздухе по спирали почти две трети окружности кратера, прежде чем достиг дна и скрылся в круглом колодце.

«Какова же должна быть сила ветра!» — подумал я и невольно вздрогнул, вообразив себя на месте камня.

Мы стояли перед совершенно исключительным, загадочным явлением природы, и хотя я не верил в божественную «ноздю», всё же я уже с большим уважением вспомнил мифотворчество Николы: в его вымысле была доля правды; мы открыли какую-то чудовищную «ноздю» в коре земного шара, втягивающую воздух с поверхности земли.

«Это сообщение произведёт в научном мире сенсацию!» — мелькнула тщеславная мысль. Однако теперь не время и не место предаваться таким мыслям. Надо подумать о том, как выбраться из этого воздушного водоворота. С величайшими предосторожностями освободив одну руку, я тронул Николу за плечо и кивнул ему головой, приглашая вернуться.

«Но почему не засоряется эта дыра?» — подумал я... И в этот самый момент произошло нечто такое, что сразу вымело все мысли из моей головы.

Никола слишком поспешно и неосторожно отнял обе руки, и вдруг его тело под давлением плотных масс воздуха начало быстро соскальзывать с площадки, на которой мы лежали. Я едва успел ухватить Николу за ноги, но с ужасом почувствовал, что и моё тело движется к краю обрыва. Я начал цепляться носками сапог за выбоины, чтобы задержать наше продвижение, но всё было напрасно: мы медленно, неуклонно продвигались к краю пропасти. Тело Николы уже наполовину висело в воздухе. Ветер сдул мешок, висевший на его спине. Мешок ещё держался на ремнях и висел горизонтально впереди головы Николы. Ещё мгновение — и уже всё тело Николы висело над пропастью. Вдруг я почувствовал, что Никола дёргает меня ногами, как бы желая освободить их. Я не мог понять этого поступка. Никола с трудом повернул ко мне го-



лову и крикнул:

— Брось!

Он был верный товарищ и настоящий мужчина. Видя неизбежную гибель, он хотел по крайней мере спасти меня. Я не мог принять этой жертвы и продолжал крепко держать его ноги. Тело Николы вытянулось в струну. Мешок с провизией, чайником и инструментами оторвался и помчался влево, вдоль края гигантской воронки. В ту же секунду Никола так сильно дёрнул ногами, что я невольно выпустил их. И Никола с бешеной скоростью помчался вслед за мешком, как бы догоняя его. Ещё мгновение — и моё тело последовало за Николой...

Ужасные, незабываемые минуты! Первое ощущение, которое я вслед за тем испытал, было то, что ветер будто утих: теперь мы летели в его потоке. Вместе с тем я чувствовал необычайное уплотнение окружающей меня среды, как будто я находился на большой глубине океана. С большим трудом мог я отвести в сторону руку, желая ухватиться за край кратера. Я летел всего в каком-нибудь метре от скал. Но дышать мне было как будто немного легче.

Повернув голову, я посмотрел на Николу, летевшего впереди меня. Он, видимо, также пытался зацепиться за стену кратера. Несмотря на своё неуклюжее тело, он изгибался дугою, как червяк, протягивая свои длинные руки и раскидывая ноги. На одно мгновение ему удалось коснуться ногой каменной стены. Но это не остановило, а только несколько задержало его полёт. Его тело перевернулось и немного приблизилось к моему. Он опять вытянулся пластом, а я протянул руки вперёд, желая ухватить его. Но если бы даже всего один сантиметр отделял нас, я не в силах был бы достать его, так как расстояние между нами оставалось неизменным. Мы были бессильны предпринять что-либо.

Мешок уже сделал полный круг и летел теперь немного ниже места нашего падения. Вслед за мешком это место пролетел Никола, а потом и я. Вблизи

стена кратера не казалась уже так отшлифованной, как издали. В ней кое-где виднелись трещины, выбоины, выступы скал. Но зацепиться за них было немыслимо. Если бы даже это и удалось, рука была бы оторвана бешеным потоком, как мушиная ножка. Приходилось подчиниться своей участи и ждать, что будет.

Вероятно, Никола одновременно со мной заглянул вниз, чтобы посмотреть, что нас ожидает. Там виднелась чёрная круглая дыра, всё увеличивавшаяся по мере того, как мы приближались к ней воздушной винтовой дорогой, летя всё суживающимися кругами всё скорее и скорее...

У меня начало мутиться сознание. Круги становились всё меньше, мы опускались всё глубже... Наш смертный час настал. Я не сомневался в том, что гибель неизбежна. Я должен был упасть в бездну и разбиться насмерть о каменное дно. Когда мы летели уже над самым колодцем, я нашёл ещё силу заглянуть вниз, и — быть может, это был бред — мне показалось, что я вижу свет огромных электрических ламп и решётку внизу. Эта решётка вдруг завертелась, свет померк, я потерял сознание...

IV. Неожиданная встреча

Когда сознание начало возвращаться ко мне, я прежде всего почувствовал своё тело: оно ныло и болело. Ещё не открывая глаз, я ощутил чьё-то прикосновение. С трудом разомкнув веки, я увидел перед собой моего верного спутника и друга Николу. Но я не узнал его сразу. Вместо обычной меховой одежды из оленьей шкуры на нём был надет серый больничный халат.

Я лежал на чисто застланной кровати, покрытой серым пушистым одеялом, в небольшой комнате без окон, освещённой электрической лампой, спускавшейся с потолка.

— Приехали! — сказал Никола, приветствуя меня своей неизменной улыбкой.

— В ноздрю Ай-Тойона? — попробовал я пошутить. — Вот видишь, Никола, никакой ноздри нет.

— А ты её видел? Может быть, она как раз такая, — и Никола обвёл рукою комнату.

— С электрическим освещением?!

Наш разговор был прерван. Дверь открылась, и в комнату вошла молодая девушка в белом халате — сестра милосердия, как решил я. Я уже не сомневался, что нахожусь в больнице. Но долго ли я был без памяти, как избежал смерти и как попал в эту больницу, я себе не уяснял.

Сестра обратилась ко мне с вопросом на неизвестном мне языке. Я жестами дал понять, что не понимаю, и в то же время рассматривал девушку. Она была молодая, краснощёкая и очень здоровая. Русый локон выбивался из-под белой косынки. Она улыбнулась, сверкнув белыми ровными зубами, и повторила вопрос на английском языке. Этот язык мне был более знаком — я читал по-английски, но говорить не умел. И я опять развёл руками. Тогда девушка в третий раз повторила свой вопрос по-немецки.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она.

— Благодарю вас, хорошо, — ответил я, хотя, признаться, чувствовал себя далеко не хорошо.

— У вас что-нибудь болит?

— Что у меня не болит! Я как будто прошёл через мельничные жернова, — ответил я.

— Могло быть хуже, — сказала девушка, добродушно улыбаясь.

— Где я нахожусь, не будете ли вы так добры объяснить мне? — спросил я.

— Вы это скоро узнаете. В состоянии ли вы подняться с кровати?

Я сделал попытку приподняться и закусил губу от боли.

— Лежите, я сейчас принесу вам завтрак. — И она ушла, беззвучно ступая мягкими туфлями.

Никола чувствовал себя лучше. Правда, он потирал себе то бок, то спину, однако уже был на ногах. Расхаживая по небольшой комнате, он кряхтел и придерживал правое колено.

— Трубка пропал, табак пропал, курить хочется, — сказал он.

Вновь открылась дверь, и вошла сестра, на этот раз с человеком лет тридцати, бритым, одетым в шерстяную фуфайку и в сары — сапоги из конской кожи. Это напомнило мне, что я нахожусь в приполярных странах. Человек нёс с собой такую же, какая была надета на нём, одежду для меня и Николы, а сестра принесла на подносе завтрак: яичницу, тартинки и чашки дымящегося какао.

— Кушайте, — сказала она приветливо, — а когда почувствуете себя в силах подняться, наденьте костюм и позвоните в этот вот звонок.

Она кивнула головой человеку в фуфайке и вышла с ним из комнаты. Я принялся за яичницу, поставленную на столик возле моей кровати. Несмотря на перенесённые волнения, мы с Николой позавтракали с аппетитом. Какао доставило Николе ещё не испытанное им наслаждение. Он даже закрыл глаза и причмокивал, втягивая большими глотками горячий напиток.

Однако в этой больнице, очевидно, залёживаться долго не полагалось. Покончив с завтраком, я с трудом поднялся и осмотрел своё тело, вымытое кем-то и одетое в чистое бельё. По всему телу виднелись многочисленные кровоподтёки, но кости были целы. Правое плечо вспухло и сильно болело. Похоже было на то, что кость в плечевом суставе вывихнута и вправлена. Да, могло быть и хуже...

Мы с Николой переоделись, помогая друг другу, и я нажал кнопку звонка, находившуюся у двери. Скоро к нам в комнату вошёл человек в фуфайке и знаком предложил нам следовать за ним.

Мы вышли из комнаты и отправились по длинному загибающемуся коридору, освещённому электрическими лампочками. По обеим сторонам в стенах мы видели двери с крупными номерами: 32, 33, 34... и против них: 12, 13, 14... Как в отеле или наркомате.

Мы шли довольно долго, всё время заворачивая. Откуда-то доносился ровный непрерывный гул. Где-то работали огромные машины. Нет, это скорее похоже на завод!

Наш провожатый неожиданно остановился у двери № 1 и постучал. Мы вошли в большой кабинет с прекрасной мебелью, устланный коврами. Я обратил внимание на то, что и в этом кабинете не оказалось окон. Стены были заставлены шкафами с книгами и увешаны техническими чертежами. В углу стоял несгораемый шкаф, а возле большой шведской конторки — вращающаяся этажерка с папками. У конторки, освещаемой лампой под зелёным абажу-

ром, сидел бритый человек и что-то писал. На столе затрещал телефон. Сидящий за столом взял трубку.

— Алло! — и он отдал краткое приказание на неизвестном мне языке.

Потом он откинулся на спинку вращающегося кресла и повернулся к нам лицом. На нём был серый пиджак и вместо жилета серая шерстяная фуфайка с острым вырезом на груди, из которого выглядывал отложной воротничок и клетчатый галстук. Можно было подумать, что мы находимся в кабинете директора фабрики. Окончив осмотр костюма, я перевёл глаза на лицо иностранца и невольно вскрикнул от удивления. Перед нами был англичанин, которого мы вытащили из болота.

Он также, по-видимому, был удивлён этой встречей.

— А, старые знакомцы! — сказал он. — Садитесь. Мы сели возле стола. Минуту англичанин смотрел на нас, как бы раздумывая, потом неодобрительно покачал головой и, постучав по столу чертёжным угольником, сказал:

— А вы всё-таки не послушались моего совета.

— И пока живы, — заметил я, стараясь держаться непринуждённо.

— Пока! — многозначительно ответил англичанин. — Это чистая случайность, что вы не разбились, как яичная скорлупа...

Он побарабанил пальцами по столу и вдруг быстро повернулся вместе с сиденьем кресла и углубился в бумаги, как бы забыв о нас. Наступила довольно томительная пауза. Потом он так же резко опять повернулся лицом к нам.

— Те, кто идёт по ветру, не возвращаются! — отчеканил он, повторяя слова Николы, сказанные мне. — Или они умирают прежде, или... теперь... Но вы спасли мне жизнь. Я в долгу перед вами, и я не хочу вашей смерти. Но, — англичанин поднял палец вверх. Потом опять повернулся вполборота, что-то быстро написал на листке бумаги и спросил: — Как вас зовут и кто вы?

— Клименко, Георгий Петрович. А его зовут Никола. Англичанин тщательно записывал мои ответы, как судебный следователь. Он спросил меня о возрасте, должности, образовании, цели путешествия (это последнее интересовало его больше всего). Я не считал нужным скрывать что-либо от него.

— А можно узнать, с кем я имею честь говорить? — спросил я, чтобы несколько уравнять наше положение. Англичанин как-то фыркнул и бросил:

— Можно. Вы имеете честь говорить с мистером Бэйли...

— Мистер Бэйли? — удивлённо переспросил я. — Тот самый, который снарядил экспедицию на «Арктике»? Значит, вы не погибли?

— Для всех, кто там, против ветра, я погиб. Но для вас, как видите... Вот что, мистер... Калименко...

— Клименко, — поправил я.

Но мистеру Бэйли не давалась моя фамилия, и он повторил её на свой лад:

— Вы, мистер Калименко, не уйдёте отсюда. Вы тоже погибли для всех, кто живёт против ветра. Вы метеоролог, это хорошо. Вы мне будете полезен. Нужно сделать, чтобы вас не искали вант... товарищи.

— Это невозможно. Как только обнаружится, что я пропал без вести, на поиски будет снаряжена экспедиция.

— О, вы очень любите разыскивать пропавших людей! — с иронией сказал Бэйли. — Своих и чужих: Нобиле, Кулик, Горский...

Это удивило меня. По-видимому, Бэйли знал всё, что делается «против ветра», то есть во всём мире. Очевидно, он имел радиостанцию.

— Да, мы не привыкли оставлять без помощи человека, нуждающегося в ней, — ответил я с некоторой горячностью.

— Очень хорошо, — с той же иронией ответил Бэйли. — Но мы устроим так, что вам не нужна будет никакая помощь. Не беспокойтесь. Я уже сказал, что пощажу вашу жизнь. Но можно будет взять вашу одежду, в которой вы путешествовали, разорвать, окровавить её и бросить на пути тех, кто будет искать вас. Вас разорвали звери. Кончено! Экспедиция вернётся назад. Я не хочу, чтобы сюда кто-нибудь приходил... Вы можете идти, — закончил Бэйли, неожиданно обращаясь к Николе.

И когда Никола вышел из комнаты, мистер Бэйли поднялся, прошёлся по кабинету и сказал:

— Мне ещё надо с вами поговорить.

— Мне также, — ответил я, всё ещё пытаюсь «уравнять положения», если только можно уравнивать положения пленника, каким я был, и человека, в руках которого находилась моя жизнь.

И, не давая говорить Бэйли, я быстро продолжал;

— Вы говорите о том, что не желаете, чтобы кто-нибудь узнал о вашем существовании и нашёл дорогу сюда. Это невозможно. Допустим, что вам удастся инсценировать мою гибель. Но научные исследования не будут приостановлены. Я ещё не знаю, что вы здесь делаете, но для меня уже вполне ясно, что это по вашей вине изменилось направление ветров, а следовательно, изменился и климат. Пока население ещё не очень обеспокоено, но учёные всего мира уже давно с тревогой следят за необычными явлениями, происходящими в атмосфере. Рано или поздно все почувствуют понижение атмосферного давления. На смену нашей экспедиции пойдут «по ветру» другие, и ветер неизбежно приведёт их сюда.

— Я это знаю, — ответил Бэйли, с нетерпением выслушав меня. — Рано или поздно это должно случиться. Они придут сюда, и... тем хуже для них! А вы... вас я однажды уже предупредил, но вы не послушались меня. Вот вам ещё одно предупреждение: не пытайтесь убежать отсюда. Это может вам стоить жизни. Больше я не пощажу вас. Скажите это и вашему якуту. Поняли? Я предоставлю вам некоторую свободу, если вы дадите мне слово... Впрочем, можете не давать: вы сами увидите, что бежать отсюда невысказано. У вас здесь будет много работы. Теперь идите, мистер Калименко. Уильям покажет вам вашу комнату.

Бэйли позвонил. Вошёл слуга.

— Уильям, проводите мистера Калименко в комнату номер шестьдесят шесть. До свиданья.

— Разрешите Николе поселиться в одной комнате со мной? — сказал я.

Мистер Бэйли подумал.

— Пожалуй, можно, — сказал он. — Но помните: никаких заговоров. До свиданья.

Я откланялся, и мы с Уильямом отправились по длинному дугообразному коридору, затем спустились этажом ниже и углубились в настоящий лабиринт. Меня удивило то, что на всём пути мы не встретили ни одного человека. Я спросил моего проводника, где же люди, но он ничего не ответил. Быть может, он не знал ни русского, ни немецкого языка, а вернее — не хотел говорить.

V. С неба на лекцию

Я вошёл в мою «камеру заключения». Комната имела около тридцати квадратных метров, высота же едва ли достигала четырёх метров. Стены были покрыты фанерой. Одна лампочка на потолке, другая на письменном столе. Две узкие кровати у стен и несколько простых стульев.

После роскошного кабинета мистера Бэйли эта комната показалась мне более чем скромной. Но... «могло быть и хуже», — вспомнил я слова сестры милосердия и потому не очень опечалился. Уильям ушёл, и скоро моё внимание было привлечено большим чертежом, закрывавшим половину стены.

На синей чертёжной бумаге я увидел профиль подземного городка мистера Бэйли, изображённого в разрезе, и отдельно планы каждого этажа. На чертежах не имелось пояснительных надписей, но всё же они давали общее представление о всём сооружении. Центр городка занимала огромная труба, в которую мы упали. Вокруг этой трубы шли пронумерованные помещения. Городок имел пять этажей ниже уровня земли и три этажа в стенах кратера. Ниже восьмого этажа виднелись две пещеры, по-видимому естественного происхождения.

Вправо от центральной трубы, вдоль пятого (считая сверху вниз) этажа шла боковая труба, и оканчивалась она далеко за пределами комнат, выходя наружу. Эта труба больше всего заинтересовала меня. Первою моей мыслью было, что эта труба предназначена для отвода воздуха, входящего сверху. Однако если бы через эту боковую трубу выходило столько же воздуха, сколько входило, то на поверхности должно было бы существовать второе воздушное течение — и убыли воздуха не замечалось бы, тогда как тщательно составленные нами синоптические карты показывали, что воздушные течения со всех концов земного шара направляются к одному месту, не встречая никакого обратного течения.

Если же ветер всасывается в подземный городок и никуда оттуда не выходит, то — чёрт возьми! — давлением воздуха весь городок должен был бы давно взорваться, как котёл, переполненный паром...

Дверь открылась, и в комнату вошёл Никола. Он тщательно закрыл за собой дверь и, почесав голову, вздохнул. Я ожидал, что он будет укорять меня за пренебрежение к его советам, но он заговорил об ином: Никола сообщил мне, что в одном из коридоров он встретил «двух Иванов» — двух якутов, пропавших год назад в «нозд্রে» Ай-Тойона.

— Ты ещё верить в ноздрю? — спросил я его.

— Лучше было бы нам попасть в ноздрю Ай-Тойона, чем этого ёра, — ответил озабоченно Никола.

Он успел перекинуться несколькими словами со здешними якутами и узнал, что они работают в какой-то большой трубе по уборке и отвалке мусора, приносимого ветром из центральной трубы. Я посмотрел на план. Так вот для чего существует боковая труба!..

«Два Ивана» жаловались Николе, что их держат, как рабов, никуда не пускают, «но кормят сильно хорошо».

В комнату постучались. Вошёл Уильям и пригласил нас на своём непонятном языке, подкреплял слова жестом следовать за ним.

Мы повиновались. В коридоре у двери стоял якут «Иван-старший». Уильям поручил ему Николу, а со мной двинулся дальше. Мы пересекли коридор, сели в кабину лифта № 50, поднялись этажом выше и остановились у двери № 13. Уильям без стука отворил дверь, и я следом за ним вошёл в большую комнату. Здесь, видимо, была лаборатория. На столе в идеальном порядке были расставлены сложные аппараты с компрессорами, медными трубами, змеевиками и холодильниками. Целыми рядами были расставлены стаканы, чаши, сосуды. Их посеребрённая поверхность блестела при ярком свете двух дуговых ламп.

Вид этой ослепительной посуды был таков, как будто богатый наследник вынул из сундуков дедовское серебро, чтобы полюбоваться своими сокровищами. Но я уже знал, что такие сосуды (с посеребрёнными стенками для отражения теплоты) употребляют при опытах с жидким воздухом.

Жидкий воздух!.. Ведь его плотность в 800 раз больше атмосферного. Не представляет ли городок Бэйли фабрику для превращения атмосферного воздуха в жидкий?

Занятый своими мыслями, я сперва не заметил человеческую фигуру, склонённую над одним из столов. Это была женщина в белом халате. Она подняла голову, и я узнал сестру милосердия. Она также узнала меня и улыбнулась, видя недоумение, отразившееся на моём лице.

— Пожалуйста, пройдите в кабинет, отец ждёт вас, — сказала она, протягивая руку по направлению ко второй двери.

Я постучал и вошёл в комнату. Она была почти такой же величины, как первая, но здесь не было инструментов. Зато все стены были уставлены полками с книгами, а на большом письменном столе лежали груды листов, исписанных химическими формулами.

При моём появлении из-за стола поднялся очень высокий, пожилой, но ещё моложавый на вид человек с русыми волосами, серыми глазами и румяными щеками. Его добродушная улыбка очень напоминала улыбку девушки. Он крепко пожал мою руку и сказал:

— Мистер Бэйли и Элеонора уже говорили мне о вас. Мы нуждаемся в таких людях, как вы. К сожалению, вы не химик, но всё же ваша специальность довольно близко соприкасается с моею... Вы, так же как и я, «питаетесь воздухом», — улыбнулся он.

Он говорил так просто, как будто я пришёл к ним по своей воле и предлагал им свои знания и труд.

— Моя фамилия Энгельбрект, — сказал он. — Садитесь, прошу вас.

— Энгельбрект! — с удивлением воскликнул я, продолжая стоять. — Вы Сванте Энгельбрект, гибель которого на «Арктике» оплакивалась всем культурным миром?

— Слухи о Моей смерти были значительно преувеличены, — повторил знаменитый шведский учёный остроумно Марка Твена. — Да, я живой Сванте Энгельбрект.

— Но почему... Что заставило вас скрываться? Энгельбрект нахмурился.

— Садитесь, прошу вас, — сказал он. — Я служу у мистера Бэйли главным инженером. Мы изготавливаем жидкий воздух, водород и гелий, добываем из воздуха азот, кислород...

— И что же вы делаете с ними? — не удержался я от вопроса.

— Это уже дело предпринимателя мистера Бэйли. Очевидно, он продаёт...

— Но как?.. Я как будто не слышал о концессии...

— Финансовая сторона дела мало интересует меня, — несколько торопливо прервал меня Энгельбрект. — Об этом вы можете узнать у мистера Бэйли. Я работаю по контракту и, кроме своих лабораторий, ни во что не вмешиваюсь. Мистер Бэйли — человек с исключительно широкой инициативой и большим деловым размахом. Он не скупится на расходы, чтобы обеспечить мне спокойную научную работу. Когда вы ознакомитесь с ней, то увидите, что нами сделаны ценнейшие научные открытия, ещё неизвестные миру. Мистер Бэйли пускает их в оборот, это его дело. В его финансовые затеи я не вмешиваюсь, — ещё раз, видимо торопясь сообщить всё необходимое, повторил учёный. — Я испытываю единственный недостаток: в лаборантах. Мне даже нет времени самому делать опыты. Я их провожу только здесь, — и Энгельбрект показал на листы бумаги, испещрённые формулами. — Мне помогает дочь, Элеонора.

— Сестра милосердия?

Энгельбрект улыбнулся.

— Она у нас и сестра милосердия, и учёный-лаборант, и хозяйка моего маленького хозяйства, — сказал он с теплотой в голосе. — Она молодец. И я надеюсь, что вы поможете ей работать в лаборатории. Она введёт вас в курс дела. Если вы не справитесь с каким-нибудь заданием, обращайтесь ко мне, я вам всегда помогу, если это понадобится... Итак, за дело! — закончил Энгельбрект, протягивая мне руку. — Не теряйте времени.

Я откланялся и вышел в лабораторию.

— Сговорились? — спросила Элеонора.

Я развёл руками с видом покорности судьбе.

— Садитесь и давайте работать, — просто сказала она мне, подвигая ближе к себе свободный табурет.

Я уселся с видом прилежного ученика. Она приступила к настоящему экзамену.

— Способ добывания жидкого воздуха?.. Гм... гм... Он состоит в том... — начал я свои ответы, разглядывая волосы Элеоноры, выбивающиеся из-под белой косынки, — в том, что охлаждением, получаемым от расширения самого воздуха, пользуются для его охлаждения. Воздух сжимают постепенно до двухсот атмосфер, а потом давление падает сразу до двадцати, и температура вследствие происходящего расширения понижается до тридцати градусов ниже нуля. Так проделывают несколько раз, пока температура не достигнет ста восьмидесяти градусов ниже нуля. Тогда при давлении в двадцать атмосфер воздух может уже перейти в жидкое состояние...

«Какие у неё красивые волосы...» — это, конечно, не вслух.

Элеонора поймала мой взгляд, прежде чем я успел опустить веки, поправила выбившийся локон, едва заметно улыбнулась и сказала с важностью, так не шедшей к ней:

— Поверхностно и не совсем точно, однако для начала сойдёт. Вы знаете этот аппарат?

— Аппарат Линде для сгущения воздуха, — ответил я, радуясь, как школьник, своему знанию. Элеонора кивнула.

— Да, но это детская игрушка. Вы увидите сложные машины, которые сконструировал мой отец. Экзамен продолжался.

— Однако вам ещё надо приобрести много теоретических знаний. Добывание жидкого воздуха...

И она, не отрываясь от работы, начала свою первую лекцию. Я сосредоточивал всё своё внимание, но мысли мои всё время отвлекались. В данную минуту мне было гораздо интереснее знать, каким образом она и её отец оказались в этом подземном городке, почему погиб «Арктик», кто был тот мертвец, которого видел Никола на носу корабля, как Бэйли использует жидкий воздух, какие отношения между ним и Энгельбректами... Тысячи вопросов теснились в моей голове, но я не решался задать их моей учительнице.

— ...Жидкий воздух представляет легко подвижную прозрачную жидкость бледно-голубого цвета с температурой минус сто девяносто три градуса Цельсия при нормальном атмосферном давлении, — продолжала Элеонора. — Полученный из аппарата воздух бывает мутным вследствие примеси замёрзшей углекислоты, которая в незначительном количестве содержится в воздухе. После профильтрования через бумажный фильтр воздух становится прозрачным...

«Бедная девушка! Невесело, должно быть, ей в такой дыре. Неужели она с отцом добровольно решила на эту ссылку?» — думал я.

— ...При испарении жидкого воздуха сначала выделяется кипящий азот, точка кипения которого минус сто девяносто четыре градуса Цельсия, потом аргон... Что выделяется при испарении жидкого воздуха? — вдруг переспросила она, уловив мой рассеянный взгляд.

— Аргон, — ответил я машинально, поймав последнее звуковое впечатление её грудного голоса.

Элеонора нахмурилась.

— Вы невнимательно слушаете меня, — сказала она с упрёком.

— Простите, но ведь я всего только несколько часов назад свалился с неба. Согласитесь, что неожиданно попасть после такого необычайного воздушного путешествия на лекцию о жидком воздухе...

На лице строгой учительницы появилась улыбка. И вдруг, не выдержав, она расхохоталась с детской весёлостью.

— Пожалуй, вы правы, вам надо отдохнуть и прийти в себя.

Я очень обрадовался этой «перемене» и поспешил спросить её:

— Но скажите, каким образом я остался в живых?

— Вас случайно заметили, когда вы летели. Вентиляторы были остановлены, и вы довольно мягко упали на первую решётку. Труба имеет целый ряд сит для задерживания мусора. Всё это станет вам понятным, когда вы осмотрите устройство. Завтра воскресенье, и я покажу вам.

— Ещё один вопрос...

Но Элеонора уже сосредоточенно работала.

— Идите и отдыхайте, — сказала она с мягкой повелительностью.

Лицо моё, вероятно, выразило огорчение, потому что, взглянув на меня, девушка поспешила прибавить с её обычной добродушной улыбкой:

— Мы с вами ещё сегодня увидимся в библиотеке после шести. Второй этаж, номер сорок один. — И, кивнув мне, она вновь углубилась в работу.

Я ушёл к себе...

VI. Подземный городок

На второй день моего пребывания в «плёну» я уже довольно хорошо ознакомился с городком, Элеонора охотно давала мне объяснения.

Первый верхний этаж был отведён под жилые комнаты для администрации городка. Здесь находился высший технический персонал, квартира мистера Бэйли, квартиры Энгельбректов, инженеров и... офицеров.

— Офицеров? — с удивлением переспросил я. Элеонора смутилась. Она, видимо, открыла больше, чем следует, и теперь не знала, как исправить свою ошибку.

— Такой большой городок не может оставаться без охраны, — ответила она. — Мы имеем нечто вроде милиции или сторожевой охраны. Во главе стоит несколько начальствующих лиц, которых мы и называем офицерами... Вы только никому не говорите о том, что я сообщила вам. Мистер Бэйли просил меня ничего не говорить вам о нашей охране, а я проболталась... Чисто по-женски! — сказала она, негодуя на себя.

Я уверил девушку в том, что буду нем как рыба.

— А каково количество вашей милиции? — спросил я. Но Элеонора стала уверять, что она больше ничего не знает о вооружённых силах.

— Счёт этажей идёт у нас сверху, — продолжала она знакомить меня с устройством необычного городка. — Во втором этаже, в двух внешних его кольцах, помещаются служащие средней квалификации.

Я также помещался во втором этаже и потому спросил с шутливой обидой:

— Вроде меня?

— Да, вроде вас, — ответила Элеонора, — но только они знают несколько больше, чем вы. А вдоль всего внутреннего кольца расположены библиотеки и лаборатории. Третий этаж отведён для рабочих. В этом же этаже помещаются склады для провизии, кухни, столовые, бани, клубы, кино...

— Даже кино!

— И кино и театр. Что же в этом удивительного? Если бы у нас не было развлечений, то, пожалуй, многие умерли бы от скуки.

— Не проще ли разбежаться от скуки? Элеонора как будто не слышала моего вопроса.

— Четвёртый этаж, или первый под уровнем земли, занят машинами, перерабатывающими жидкий воздух в азот в виде аммиака, азотной кислоты и цианамида — вещества, очень важного для промышленности и сельского хозяйства. — Она говорила безостановочно, точно боясь, что я опять прерву её. — У нас добывается азотной кислоты более миллиона тонн в год, и мы всё время расширяем производство. Кроме того, мы добываем кислород. В одном из секторов четвёртого этажа производится сортировка материала, который попадает извне через главную трубу. На уровне четвёртого этажа в трубе устроена целая система сит, начиная с таких, сквозь решётку которых может пролезть человек, и кончая столь густыми, что они не пропускают даже пыли.

— Меня с Николой, значит, тоже «отсортировали» в сортировочной?

— Да. В трубу попадают иногда самые неожиданные предметы и существа. Больше всего втягивает труба обломков деревьев. Иногда ветер приносит и вырванные с корнем огромные кедры, ели, сосны, пихты, лиственницы. Весь этот материал идёт на топливо. Весною и осенью во время перелёта в трубу

втягивается несметное количество птиц. Часть их мы замораживаем, делая годовые запасы, а часть, охладив жидким воздухом, превращаем в хрупкий камень, который затем измельчается в порошок и хранится в кладовых, а может быть, и экспортируется. Нередко в трубу попадают мелкие четвероногие хищники, попадают и более крупные: енотовые собаки, песцы, а были случаи, когда к нам пожаловали в гости, совершив воздушное путешествие, белый медведь и даже тигр! В пятом этаже проходит труба, по которой пневматически выбрасываются все уже негодные отбросы, поступающие в неё из четвёртого этажа. Во всех подземных этажах — от четвёртого до восьмого — происходит превращение атмосферного воздуха, поступающего из центральной трубы, в жидкий воздух. В каждом из этих этажей имеются склады для хранения жидкого воздуха. Особенно много таких складов в шестом этаже. Наибольший интерес представляют седьмой и восьмой этажи. В седьмом этаже при помощи жидкого воздуха мы добываем жидкий водород, имеющий температуру всего двадцать градусов выше абсолютного нуля.[18] А при помощи жидкого водорода мы превращаем в жидкое состояние гелий. Это самое трудное и сложное производство. Весь восьмой этаж отведён под жидкий гелий — очень ценный продукт. Мы имеем его уже несколько сот тысяч литров.

— Но куда же идёт вся эта гигантская продукция?!

— Мы не интересуемся коммерческими операциями мистера Бэйли, — ответила Элеонора, повторяя слова, уже слышанные мною от её отца.

Мне хотелось задать ей ещё несколько вопросов: где помещается машинное отделение, что находится в подземных пещерах? Но прозвонил электрический звонок, созывающий на завтрак, и мне ничего больше не пришлось узнать.

Это было в воскресенье, когда я совершал с Элеонорой прогулку по «проспекту» первого этажа — длинному, идущему по кругу коридору. Бесконечное хождение по кругу наводило тоску. Глядя на номера дверей по сторонам, можно было подумать, что находишься в огромной тюрьме. Это впечатление усиливалось тем, что коридор был совершенно пуст. Как будто «заключённым» не разрешалось выходить на прогулку.

Я только позже узнал, что жители городка, в особенности обитатели привилегированного первого этажа, имели возможность совершать прогулки по окрестным горам и лесам. И, конечно, среди них не находилось ни одного человека, который не предпочёл бы эти прогулки на свежем воздухе бесконечному кружению по «тюремному» коридору.

Когда звонок прозвонил, двери комнат стали открываться, из них начали выходить, и коридор ожил. Я с большим интересом присматривался к обитателям городка. Среди них совершенно не встречалось женщин. Это был поистине мужской городок, и Элеонора, очевидно, составляла такое же исключение, каким бывала в старину дочь капитана на каперском корабле. Затем все они были молоды. Самому старшему из них, наверно, было не больше тридцати пяти лет.

Я напрасно искал среди них людей в военной форме. «Офицеров» не было, все были одеты в штатские костюмы. Но выправка, особая чёткость движений обличали в некоторых из них военных. Во всяком случае, можно было безошибочно сказать, что почти все они прошли военную школу.

Я был новичок и чужой среди них. Но, как хорошо воспитанные люди, они

не задерживали на мне любопытных взоров. Любезно поздоровавшись с моей спутницей, они мельком взглядывали на меня и шли дальше, весело разговаривая, увы, на неизвестном мне языке.

Для жителей первого этажа имелась отдельная столовая в первом этаже. Мне очень хотелось проникнуть туда, чтобы иметь возможность ближе познакомиться с местной «аристократией». Но мистер Бэйли принял меры к тому, чтобы я не сталкивался с обитателями городка. Так, меня задерживали в лаборатории после занятий до тех пор, пока рабочие не разойдутся по своим комнатам; на занятия же я должен был являться позже, после того как все рабочие уже прошли на работу. Кроме того, мне был закрыт доступ в общественные столовые. Обед подавали в мою комнату, а завтракал я в лаборатории вместе с Элеонорой. По воскресеньям же, как это было и сегодня, завтрак приносили в мою комнату.

Я простился с Элеонорой и спустился на лифте во второй этаж.

Мне так хотелось увидеть рабочих городка, что я решился на некоторое нарушение — установленных для меня правил: не заходя к себе в комнату, я спустился на лифте в третий этаж и пошёл по коридору навстречу толпе, направляющейся в общественную столовую. Эта толпа поразила меня. Я знал, что имею дело с настоящими рабочими городка, и всё же рабочих, того типа человеческой породы, который создан классовым обществом, я не увидел.

Эта толпа рабочих по внешнему виду ничем не отличалась от толпы верхнего этажа. Те же почти изысканные, прекрасные костюмы, те же изящные манеры, то же пропорциональное сложение, хорошо тренированные, здоровые, более ловкие, чем сильные, тела, лица интеллигентов. И только если всматриваться очень внимательно, между обитателями первого и третьего этажей можно было уловить некоторую разницу, — даже не разницу, а оттенок, какой существует, например, в одном и том же классе общества, но в смежных кругах этого класса, как «средне-высший» круг капиталистов или родовой аристократии разнится от высшего круга.

И здесь, как и в первом этаже, не встречались ни женщины, ни старики. Толпа состояла только из мужской молодёжи.

Все эти особенности поразили и заинтересовали меня. Но оставаться дольше, чтобы продолжать свои наблюдения, я не мог. Я поспешил к себе на второй этаж. В моей комнате я застал Уильяма, который подозрительно посмотрел на меня. Я объяснил ему, что по рассеянности опустился ниже своего этажа.

Я принялся за завтрак, исподлобья наблюдая за Уильямом. Он, конечно, приставлен шпионить за мной. Но сейчас не это интересовало меня. Я наблюдал его лицо и сравнивал его с теми, которые видел в коридорах. Он был несколько старше тех, но у него также было выхоленное лицо. Такое лицо могло быть у директора крупного торгового предприятия. И вот этот «директор конторы» подаёт мне завтрак, как лакей!

Станный городок, странная фабрика мистера Бэйли...

VII. Неудачный побег

Работа в лаборатории шла своим чередом. Через несколько дней я даже удостоился похвалы Элеоноры.

— Из вас выйдет толк, — заметила она.

В другое время и при других обстоятельствах эта похвала доставила бы мне большое удовольствие. Но я отнюдь не собирался делать здесь карьеру и окончить свою жизнь в качестве безропотного служащего мистера Бэйли. Мысль о побеге не оставляла меня. Возвращаясь после работы в свою спартанскую обитель, я поджидал Николу, который приходил несколько позже меня, и мы шёпотом начинали наши совещания.

Никола был откомандирован к другим якутам работать в трубе, по которой при помощи воздушного напора выбрасывался мусор и все отбросы городка в огромную пропасть, лежавшую с внешней стороны кратера. Никола, который уже успел познакомиться с китайцами поварами и как-то объясниться с ними, сообщил мне и о кое-каких хозяйственных особенностях нашего городка.

Здесь ничего не пропадало. О запасах дичи, попадавшей в трубу, я уже знал. Свежее мясо добывалось охотой. Обитатели городка охотились, вооружённые ружьями, действующими сжатым воздухом. Был ещё один довольно любопытный вид охоты: на крупного зверя шли с бомбами, наполненными жидким воздухом, заключённым в теплонепроницаемые оболочки.

Достаточно было повернуть «запал», чтобы в бомбе начала энергично развиваться теплота. Жидкий воздух расширялся, превращался в газообразный, и брошенная бомба разрывала зверя с такой силой, как будто она была начинена динамитом.

Никола объяснил мне только эффект такого рода оружия, но мне уже нетрудно было понять внутреннее устройство. Однако жидкий воздух был не единственным источником энергии, которым пользовались в городке. Когда рыли новые шахты, употребляли какое-то иное взрывчатое вещество. Неизвестным источником энергии приводились в движение и все сверхмощные машины этого своеобразного завода. Когда я обратился за разъяснениями к Элеоноре, она ответила:

— Это не по моей части.

«На этом заводе, — подумал я, — слишком много производственных тайн... Мало того, что Бэйли лишил меня свободы и сделал своим рабом, он, может быть, заставляет меня работать в интересах английских капиталистов... Что, если весь этот жидкий воздух превратится в их руках в страшное орудие против нас? Нет, надо скорее бежать, чтобы предупредить правительство об опасности через ближайший же совет или ячейку».

Я по несколько раз заставлял Николу объяснять мне подробнейшим образом устройство отводной трубы — план давал слишком схематичное представление. И Никола объяснял мне. Труба имеет не менее двух километров. Когда-то она, очевидно, выходила на самый край обрыва с внешней стороны кратера, но сваливаемый мусор постепенно удлинял площадку перед трубой, и теперь эта площадка протянулась вперёд на полкилометра. По ней проведены рельсы для вагонеток, на которых и подвозят отбросы к краю пропасти. Скат на месте свалки довольно крутой. Стены пропасти ещё круче, но, по мнению Николы, выбраться из неё всё же можно. Это единственный путь к бег-

ству.

Я ещё раз подошёл к плану и внимательно осмотрел чертёж трубы. Неожиданно моё внимание было обращено на какие-то знаки: там, где на плане труба кончается, едва виднелись нацарапанные ногтем или спичкой изображения стрел, направленных к устью трубы, а над стрелами стояли восклицательные знаки.

Что означали эти знаки? Кто сделал их? Не предупреждал ли меня мой предшественник, живший в этой комнате, — такой же заключённый, как и я, — не идти этим путём, где меня ждала какая-то опасность?.. Стрелки могли означать направление ветра. Но ветер дул из трубы, вынося мусор. Наружный воздух втягивался только центральной трубой кратера. Во время уборки мусора и ночью, когда люди спали, в боковой выводной трубе ветер вообще не дул, как сказал мне Никола. Как бы то ни было, для нас не было другого пути, а медлить, когда я должен был предупредить власти о нависшей угрозе, не было оснований.

Не откладывая задуманного плана в долгий ящик, мы решили с Николой двинуться в путь в ближайшую же ночь, как только все уснут.

«Дежурят ли ночью сторожа?» — думал я. Скрыться от них будет довольно трудно, так как огни в коридорах не гасились круглые сутки, — это я уже знал. Кроме того, рискованно было пускаться в путь в наших довольно лёгких домашних костюмах. Начиналась осень, и ночами, не смотря на потепление климата, могли быть заморозки. Зима же в этих широтах наступает очень быстро. Вопрос о провианте меньше беспокоил меня. Хотя мы были безоружными, но со мной был Никола, который мастерски мог изготовить лук и стрелы и даже связать силки из собственных волос. Он знал тысячи способов ловли птиц, зверей и рыб, и с ним голодная смерть не угрожала.

Мы тихо сидели в своей комнате, прислушиваясь к отдалённым звукам. Где-то глубоко под землёй гудели моторы, а над нами завывал ветер в трубе. Скоро замолкло и это завывание: ночью лаборатории не работали...

Полночь. Я кивнул Николе головой, и мы тронулись в путь. Никола шёл впереди. Мы благополучно прошли весь коридор, никого не встретив, спустились в пятый этаж, взошли на небольшую лесенку и оказались в маленькой комнатухе — не больше кабины лифта, — из которой дверь выходила во внутренность боковой трубы. В кабине оказался дремлющий сторож. Я отшатнулся назад, но в это время Никола вдруг тихо и быстро заговорил на якутском языке. В стороже он узнал якута — Ивана-старшего. Никола, видимо, в чём-то горячо убеждал Ивана, а тот отрицательно качал головой, вздыхал и чесал свою реденькую бородку.

— Не хочет пустить, — объяснил мне Никола. — Сильно боится и нам не велит. Смерти боится.

Повернувшись к Ивану, Никола вновь начал убеждать его пропустить нас. Иван, видимо, начинал колебаться. Потом он махнул рукой, открыл дверь, ведущую в трубу, и первый перешагнул порог.

— Он пойдёт с нами вместе пропадать, — пояснил Никола.

Труба была большая, как железнодорожный тоннель. Когда дверь за нами закрылась, мы погрузились в полную темноту. Как ни тихо мы шли, шаги наши гулко отдавались в трубе, выложенной железными листами. В конце трубы делала большой отлогий поворот, завернув за который я вдруг увидел блед-

ный свет месяца... Этот свет взволновал меня как символ свободы. Ещё несколько шагов — и мы выйдем из нашей тюрьмы! Я уже чувствовал запах прелых листьев и мха.

Отверстие всё расширилось. Месяц осветил стены трубы. Там, где она кончалась, я увидел железные полосы, пересекавшие трубу в виде небольшого мостика. Никола уже занёс ногу на этот мостик, но я дёрнул его за рукав и остановил. Я подумал, что этот мостик мог быть сделан для автоматической сигнализации. Мостик был неширок, однако через него было трудно перепрыгнуть. Я задумался, как обойти препятствие. Никола не понимал меня и торопил идти скорее. Я объяснил ему мои опасения.

Мы начали совещаться. Никола предложил такой план: он и я должны подняться, раскачать и перебросить через мостик Ивана, как самого малого и лёгкого из нас, затем Иван принесёт досок или обломков деревьев, и мы соорудим «мост над мостом» — так, чтобы можно было перейти по деревянному настилу, не задевая железных полос. Но Иван не соглашался на маленькое воздушное путешествие — он боялся разбиться.

— Я и так пробегу, — ответил он. — Боком, боком...

И, прежде чем мы успели возразить, Иван отошёл назад, разогнался и побежал по наклонной стенке трубы, сбоку мостика... Несколько шагов он сделал благополучно, но у самого края поскользнулся на гладком сыром откосе и во весь рост грохнулся на железный мостик... Если мостик был соединён с сигнализацией, то она заработала вовсю!

Нам больше ничего не оставалось, как, не обращая внимания на мостик, бежать вслед за Иваном. В два прыжка я выскочил из трубы, Никола последовал за мной. Мы бросились бежать по шпалам, обегая стоявшие вагонетки. В две-три минуты мы пробежали не менее половины площади, отделявшей нас от кручи. Падение в мягкий мусор не страшило меня.

Я бежал со всей быстротой, на которую был способен; кривоногий Никола не отставал от меня, но Иван, уже давно не тренировавшийся в беге, остался позади. Я приостановился, чтобы обождать его, но Никола, обгоняя меня, крикнул:

— Догонит! Беги!.. — и помчался вперёд.

Я вновь побежал, нагоняя Николу. Конец площадки уже виднелся перед нами. На другом конце пропасти вздымались угрюмые скалы, освещённые месяцем.

Вдруг я услышал позади себя какой-то звук. Звук, всё усиливаясь, перешёл в мощное равномерное гудение. В то же время я почувствовал, что подул встречный ветер. Я бежал равномерным шагом, и этот ветер не зависел от быстроты моего бега. «Быть может, заработал центральный вентилятор?» — подумал я, но было ещё слишком рано. Работа начиналась в шесть утра, а сейчас не более часа ночи.

Звук поднялся ещё на несколько тонов, а встречный ветер стал таким сильным, что я принуждён был нагнуться вперёд. Бег мой всё более замедлялся. Я задыхался. Воздух становился всё плотнее. Я понял всё: сзади нас был пущен вентилятор. Я не знал, что выводная труба могла не только выдувать, но и вбирать в себя воздух...

«Так вот что означали стрелки и восклицательные знаки на плане!» — мелькнула мысль. И в ту же минуту ветер от вентилятора завыл, как разъ-

ярённое чудовище, увидевшее, что добыча ускользает из его пасти.

Ветер перешёл в ураган. Я наклонил голову вперёд и старался протолкнуться в этой невидимой воздушной «тесноте», которая давила всё сильнее. Но я не мог сделать больше ни одного движения вперёд. Никола упал на землю и пополз на четвереньках. Я последовал его примеру. Но и это не спасло. Мы делали невероятные усилия, цепляясь за землю руками и ногами, но ветер срывал нас и неудержимо тянул назад.

Наши лёгкие были наполнены воздухом, как шары, готовые лопнуть. Голова кружилась, в висках стучало. Мы изнемогали, но ещё не сдавались. Наши руки и ноги были окровавлены. Только бы дотащить до края площадки... Но мы уже не видели его. Ветер повернул мне голову назад, и среди тучи я увидел Ивана. Его тело, подобно перекаати-полю, вертелось, прыгало и несло к устью трубы.

Что-то мягкое ударило мне в голову, но я не мог повернуть её, чтобы посмотреть, и лишь догадался, что это было тело Николы. От удушья я начал терять сознание. Борьба была напрасна. Мои мускулы ослабели, руки бессильно отделились воздушному течению. Меня понесло обратно в трубу. Я окончательно потерял сознание.

VIII. «Мистер Фатум»

Очнулся я лежащим в той же трубе, недалеко от входной двери. Рядом со мною лежали Никола и Иван. На этот раз я почти совершенно не пострадал. Вероятно, действие вентилятора было приостановлено, как только мы влетели в трубу, и сжавшийся воздух сдержал наш полёт. Я потряс за плечо Николу, он вздохнул и сказал, как в бреду:

— Сильно, сильно дуло.

Скоро заворочался и Иван.

Мы вошли в двери. Тут Иван, качая головой, распростился с нами и остался стоять на своём посту, а мы отправились в нашу комнату. Весь подземный городок спал по-прежнему. Мы дошли до комнаты, никого не встретив. С отчаянием бросился я на кровать, не раздеваясь, так как ежеминутно ожидал, что в комнату войдут и арестуют нас за побег.

Однако часы шли за часами, а нас никто не тревожил. Мы были в отсутствии не более двух часов.

«Неужели никто не заметил нашей попытки к побегу? Вентилятор мог действовать автоматически, а к гуденью обитатели подземного городка так привыкли, что, вероятно, не замечают его», — приходили в голову успокоительные мысли. Незаметно для себя я уснул.

Звонок разбудил нас в обычное время — в шесть часов. Никола уходил раньше меня, и, лёжа с закрытыми глазами, я слышал, как он, одеваясь, сопел и мурлыкал песню. Я завидовал его безмятежности. Потом я снова уснул до второго звонка — в семь часов тридцать минут. Я наскоро выпил стакан кофе с сухарями и отправился в лабораторию.

— Вы сегодня бледны, — сказала Элеонора, посмотрев на меня.

— Не выспался, — ответил я.

— Что же вам мешало?

— Мысли. Я не могу примириться с моим невольным заточением и нико-

гда не примирюсь с ним.

Лицо Элеоноры нахмурилось. Я по-своему истолковал перемену в её лице. Быть может, я нравлюсь ей и она огорчена тем, что свободу я предпочитаю её обществу? Но у неё, видимо, было другое на уме.

— Надо уметь подчиняться неизбежному, — грустно сказала она, как будто и сама находилась в таком же положении, как и я. Это удивило и заинтересовало меня.

— Неизбежному? Какой-то мистер Бэйли, коммерсант с довольно подозрительными операциями, иностранец, самовольно обосновавшийся на нашей территории, совсем не похож на фатум,[19] которому надо подчиняться. И если вы такая фаталистка... — начал я с некоторым раздражением.

— Я не фаталистка, — ответила она. — Не надо быть фаталистом, чтобы понимать такой простой факт, что обстоятельства иногда сильнее нас.

— Значит, мы слабее обстоятельств, — не унимался я, чувствуя, что задел больной для Элеоноры вопрос.

— Ах, вы не понимаете! — ответила она и углубилась в работу.

Но я не хотел пропускать случая. Девушка была, видимо, в таком настроении, что могла при некоторой настойчивости с моей стороны сказать мне то, что не сказала бы в другое время.

— Так объясните мне! — ответил я. — Из ваших слов я понял пока одно: что вы здесь такой же пленник, как и я.

— Вы ошибаетесь, — ответила девушка. — Только сегодня утром отец убеждал меня уехать отсюда, и... мистер Бэйли не возражает против этого...

— И тем не менее вы не уезжаете. Значит, что-то удерживает вас. Значит, вы пленница, если не мистера Бэйли, то тех настроений, которые не позволяют вам уехать отсюда. Позвольте, я, кажется, догадываюсь! Вы сказали, что ваш отец убеждал вас уехать. Вместе с ним или же без него?

Элеонора смутилась.

— Без него, — тихо ответила она.

— Теперь дело наполовину ясно. Вы не хотите уехать без него, а он не может или не хочет уехать. Вернее, что его не отпускает «мистер Фатум».

Элеонора улыбнулась одними глазами и промолчала.

— Вы как-то рассказывали мне, — продолжал я, воодушевившись, — что ваш род очень знаменит в Швеции, хотя знаменит и не в том смысле, как это можно было предположить по вашей звучной фамилии. Вашим предком, говорили вы, был рудокоп Энгельбрект, руководивший в пятнадцатом веке народным восстанием против короля Эрика Померанского.[20] Почтенный предок!.. Неужели же Энгельбректы в продолжение пятисот лет растеряли все духовные черты славного рудокopa и способны только склонять головы перед порабощателями?

Удар был слишком силён. Я не ожидал, что задену самое больное место Элеоноры. Она не раз рассказывала мне про своего предка-революционера, которым, видимо, гордилась. И теперь это невыгодное для потомков сравнение с предком взволновало и возмутило её. Элеонора вдруг поднялась, выпрямилась и откинула голову. Щёки её побледнели, брови нахмурились. В глазах сверкнули огоньки, которых я раньше не видал. Она гневно посмотрела на меня и сказала прерывающимся голосом:

— Вы... вы... — у неё перехватило дыхание. — Вы ничего не понимаете, —

докончила она тихо и вдруг, закрыв лицо руками, заплакала.

Я совершенно растерялся. У меня в мыслях не было обидеть девушку. Я хотел только вызвать её на откровенность. Гнев её огорчил меня.

— Простите, — сказал я таким жалобным голосом, что камень должен был расчувствоваться (а сердце Элеоноры не было камнем).

Плечи её перестали вздрагивать, она быстро овладела собой.

— Ну, простите, пожалуйста, я не хотел обидеть вас... Элеонора отняла от лица руки и заставила себя улыбнуться.

— Забудем это... нервы расшатались... Осторожнее! — вдруг вскрикнула она, заметив, что я бросил кусок железа на стол, где стоял кубик твёрдого спирта, похожий на стекло (мы только что заморозили чистый спирт в жидком воздухе). — Разве вы не знаете, что твёрдый спирт не горит, а взрывается от удара?!

— «Эфир замерзает в кристаллическую массу... — продолжал я шутя, подражая её менторскому тону, — каучуковая трубка от действия жидкого воздуха становится твёрдой и хрупкой и может быть превращена в куски и в порошок; живые цветы приобретают вид фарфоровых изделий, и фетровую шляпу можно разбить на куски, как фарфор».

— Вы забыли сказать об упругости металлов под действием жидкого воздуха, — уже непринуждённо улыбаясь, сказала Элеонора.

Я продолжал в том же тоне.

— «...Свинец приобретает почти двойное сопротивление разрыву... — ответил я. — Упругость и временное сопротивление разрыву для большинства металлов возрастают...»

— Ну, довольно, — прервала Она меня. — Давайте работать.

Она взяла бокал с посеребрёнными стеклянными стенками, посмотрела в небесного цвета жидкость и, заметив на поверхности какую-то соринку, вдруг опустила палец в сосуд с жидким воздухом.

— Что вы делаете? — крикнул я, в свою очередь испуганный. — Вы обожжёте себе палец!

Я только недавно присутствовал при её «показательном опыте», когда чайник, наполненный жидким воздухом и поставленный на кусок льда, «закипал» холодными парами потому, что для жидкого воздуха даже лёд являлся раскалённым телом по сравнению с низкой температурой самого жидкого воздуха. И эта низкая температура должна обжигать тело сильнее, чем раскалённый металл.

Но, к моему удивлению, Элеонора не вскрикнула, вынула палец из сосуда, встряхнула и показала мне. Палец был невредим.

— Жидкий воздух, прилегающий к поверхности пальца, сильно испаряется, так как температура его гораздо ниже температуры пальца. Вследствие этого образуется как бы оболочка из паров жидкого воздуха, — вы видели? — которая и предохраняет на мгновение палец от ожога. Но не думайте повторять опыта, — сказала она, заметив, что я протянул палец к сосуду. — Это надо делать умело, очень быстро и не касаясь стенок сосуда.

Мы углубились в работу. Элеонора, казалось, забыла о нашей размолвке, но я не мог этого позабыть. Бедная Нора! — так уже осмеливался я называть её в мыслях. Она, значит, была несчастной жертвой Бэйли! Это открытие увеличивало уже существующую симпатию к девушке. Вместе с тем память моя впи-

сала в личный счёт мистера Бэйли ещё одно преступление.

И незаметно для себя я начал думать о том, чтобы бежать уже вместе с Элеонорой.

В лаборатории было тихо. Мы сосредоточенно работали. Вдруг я вздрогнул от выстрела.

— Опять вы слишком плотно закрыли пробкой сосуд! — сделала мне выговор Нора.

Да, это была моя вина. Жидкий воздух в комнатной температуре лаборатории быстро испаряется, и давлением паров выбивает пробки.

— Сильно закроешь — взрывается, слабо закроешь — испаряется слишком быстро, — шутливо проворчал я.

— Трудная работа?.. Зато вы не можете пожаловаться на вредность нашего производства, — отвечала Нора. — Воздуха у нас более чем достаточно.

— Не от этого ли у вас такие румяные щёки? Нора бросила на меня — в первый раз — лукавый женский взгляд, который чрезвычайно обрадовал меня: значит, она не сердится!

Двери лаборатории открылись, появился Уильям и сказал что-то по-английски. Нора перевела.

— Мистер Бэйли просит мистера Клименко к себе. Пожалуйста на расправу, — добавила она, улыбаясь.

«Неужели уже все знают о нашем побеге?» — подумал я. Это взволновало меня, но спокойная улыбка Норы несколько ободрила. Увы, я не знал, что мистер Бэйли всех, кроме отца Норы, приглашал к себе только «на расправу». В подземном городке он был высшим, безапелляционным судьёй.

С тяжёлым сердцем я отправился к мистеру Бэйли.

— Желаю вам отделаться легко! — крикнула мне Нора вдогонку.

IX. «Высочайшее помилование»

В кабинете уже находились Никола и Иван под конвоем двух джентльменов, вооружённых автоматическими пистолетами, действующими сжатым воздухом. Мистер Бэйли стоял у своего письменного стола.

— Подойдите! — сурово сказал он мне, не приглашая сесть.

Я подошёл к столу. Мистер Бэйли уселся. Я не хотел стоять перед ним и тоже сел. Бэйли сверкнул глазами. Брови его зашевелились.

— Вы пытались бежать? — спросил он меня, хотя в голосе его слышалось больше утверждения, чем вопроса.

— Мы хотели прогуляться, — слегка улыбаясь, ответил я.

— Не лгите и не отпирайтесь! Вы пытались бежать. О последствиях я предупреждал вас.

Мистер Бэйли отдал какой-то приказ одному из вооружённых людей. Тот подошёл ко мне и пригласил следовать за собой.

Суд продолжался менее минуты — оставалось, очевидно, привести в исполнение приговор. Я поднялся и последовал за конвоиром. Двое других повели Николу и Ивана. На повороте Ивана и Николу увели в сторону, а я отправился дальше. Мы спустились вниз, прошли по коридору. Конвоир остановился у железной узкой двери, открыл её и довольно бесцеремонно втолкнул меня в маленькую камеру со сплошными железными гладкими стенами и небольшой электрической лампой на потолке. Дверь захлопнулась, щёлкнул замок. Я остался один.

«Карцер... Это ещё не так плохо. Я дёшево отделался», — подумал я, осматривая свою тюрьму. Здесь было сухо и чисто, но холодно. На стене висел термометр Цельсия. Такие термометры висели в каждой комнате и даже в коридорах подземного городка — здесь очень внимательно следили за температурой. Термометр показывал всего шесть градусов тепла.

После бессонной ночи и волнений я чувствовал себя слабым и разбитым. Мне хотелось спать. Ноги мои едва держали меня. Но в комнате не было даже стула. Я опустился на холодный каменный пол и начал дремать. Однако я скоро проснулся от холода. По моему телу пробежала дрожь. Я поднялся и посмотрел на термометр. Он показывал два градуса ниже нуля. «Что бы это значило? — подумал я. — Недосмотр истопника или умысел?»

Чтобы согреться, я начал ходить по камере, но она была так мала, что я мог сделать только два шага вперёд и два назад. Я начал прыгать и махать руками. Я устал ещё больше, но мне удалось восстановить кровообращение. Однако довольно было мне присесть, как холод с новой силой охватил моё тело. Зубы выбивали мелкую дробь. Взглянув опять на термометр, я увидел, что он уже показывал одиннадцать ниже нуля.

Я почувствовал, как холод проникает мне внутрь, леденит спину и сжимает сердце. Но это ощущение я испытывал уже не только от низкой температуры. Страшная мысль овладела мною: мистер Бэйли решил меня заморозить! Поддаваясь инстинкту, я подбежал к двери и начал стучать.

— Отоприте!.. Отоприте!.. — кричал я в исступлении. Но никто не отзывался. Я до крови разбил руки. Наконец опустился на пол...

«Обстоятельства бывают сильнее нас. Не надо быть фаталистом, чтобы понять это...» — вспомнил я слова Элеоноры. Но я всё же боролся, я пытался бе-

жать, я умираю в борьбе за свободу! А она... Впрочем, быть может, и она боролась. Мне вспомнился рассказ Николы о трупе, привязанном на носу ледокола. Так расправляется мистер Бэйли со своими врагами. Быть может, Элеонора и права — борьба с Бэйли безнадежна...

Как холодно!.. Руки и ноги невыносимо болят. Я растираю пальцы, но они деревенеют, не сгибаются... С трудом поднимаюсь и смотрю на термометр. Двадцать ниже нуля... Борьба окончена! Я должен примириться со своей судьбой.

Я уселся на пол и погрузился в забытие. В конце концов смерть от замерзания не так уж страшна. И, пожалуй, она легче, чем смерть на электрическом стуле. Скоро я не буду чувствовать боли и усну...

...Какой-то шорох у двери. Или мне чудится? Я пытаюсь подняться, но холод сковывает моё тело. Всё тихо. Шорох мне почудился.

В камере как будто потеплело. Но это обман чувств. Организм отдаёт — тепло в воздух, разность температуры тела и окружающего воздуха уменьшается, и поэтому является кажущееся ощущение тепла. Это испытывают все замерзающие. Значит, конец. Время шло, но сознание больше не покидало меня, а ощущение тепла всё увеличивалось. Странно! Я никогда не замерзал, но был уверен, что замерзающие должны чувствовать себя как-то иначе. Чтобы проверить свои сомнения, я попробовал шевелить пальцами и, к своему удивлению, убедился, что они шевелятся свободно, хотя незадолго перед этим я не мог согнуть их. Я посмотрел на термометр.

Пять выше нуля!

Температура повышается! Я спасён, и мои страхи были напрасными. Очевидно, мистер Бэйли хотел только напугать меня.

Через несколько минут температура в камере поднялась до двенадцати градусов — обычная температура в жилых помещениях подземного городка. Я поднялся и начал разминать свои члены. Пальцы опухли и покраснели. Но я чувствовал, как кровь горячо и сильно согревает их. Благодаря тому, что температура поднималась так же равномерно, как и понижалась, я избег отмораживания.

Однако что же будет со мной дальше? Долго ли меня будут держать в одиночном заключении?..

И как бы в ответ на этот вопрос за дверью опять раздался шорох, и я услышал звук поворачиваемого ключа. Дверь отворилась, вошёл Уильям и жестом пригласил меня следовать за ним.

Я уже не сомневался, что останусь в живых, и бодро вышел из камеры. Уильям вновь провёл меня в кабинет мистера Бэйли.

На этот раз Бэйли пригласил меня сесть, а сам, поднявшись из-за стола, начал ходить по кабинету.

— Мистер Клименко, — сказал он. — Вы вполне заслужили смертный приговор, и если остались в живых, то можете благодарить за это мисс Энгельбрект...

Я с удивлением посмотрел на Бэйли.

— Вы приговорены были мною к смерти. Я выбрал для вас наиболее лёгкий способ перейти в небытие. Мною уже был отдан приказ привести приговор в исполнение... Но у нас чувствуется недостаток в квалифицированных рабочих. Мисс Элеонора не справляется... Вы были её помощником, и, прежде

чем окончить заботы о вашем деле, я решил спросить её, оказываете ли вы существенную помощь в её работе. Она не знала о том, что угрожает вам... Я просто попросил её дать отзыв. Она сказала, что вы отличный работник и незаменимый помощник. Она не соглашалась, чтобы я... перевёл вас на другую должность. И я принуждён был... отменить решение. Вы помилованы! — закончил он очень торжественно, ожидая, вероятно, выражения благодарности с моей стороны.

Но я промолчал и только кивнул головой. Мистер Бэйли криво усмехнулся.

— Мисс Энгельбрект очень горячо... даже слишком горячо доказывала вашу полезность. Она не знает о вашем побеге. Вы ничего не говорили ей?

— Ничего не говорил, — ответил я.

— Неблагодарный! И вы хотели бежать... от неё!

— Бежать из неволи, из плена, — поправил я мистера Бэйли.

— Но она — её присутствие, её общество не удерживало вас?

— Я прощу не вмешиваться в мои личные чувства и отношения, мистер Бэйли, — сказал я сухо. — Вам, конечно, нет до них никакого дела.

— Вы так полагаете? — спросил он. — Нет, мистер Клименко, мне есть очень большое дело!

Я понял мысль мистера Бэйли. Он, видимо, хотел узнать, не влюбились ли мы друг в друга, я и Элеонора. Эта любовь скрасила бы жизнь Элеоноры, а меня привязала бы к подземному городку лучше цепей. Я был настолько возмущён этими расчётами, что моему зарождающемуся чувству к Элеоноре грозила большая опасность. Бэйли был плохим психологом. Он, очевидно, не знал, что ничто так не губит любовь, как принуждение. А он даже не старался скрывать того, что готов сыграть роль свата, чтобы превратить узы Гименея в цепи, приковывающие меня к его «фабрике».

— Вы помните, — продолжал Бэйли, — я потребовал от вас слова не убежать отсюда, но не настаивал на том, чтобы вы дали это слово. Я не верю в человеческую честность и в особенности не верю... не волнуйтесь! — не верю в слово человека, данное при таких обстоятельствах, в которых находитесь вы. Как говорит ваша русская поговорка: «Как волка ни кушай, то есть ни корми, он всё смотрит в лес». И я решил: пусть лучше вы сами испытаете на практике, что убежать отсюда нельзя. Тогда вы успокоитесь и будете работать. И вы сделали эту практику... Теперь вы наш... И я думаю, что у нас вам не будет очень скучно, если у вас не... деревяшка вместо сердца.

Я поднялся со стула с таким злобещим видом, что мистер Бэйли немного отошёл от меня и сухо рассмеялся.

— Ну, не сердитесь, — сказал он более миролюбиво. — Я же не сказал ничего обидного ни для вас, ни для мисс Элеоноры. Она прекрасная девушка и сделала бы честь любому мужчине. Идёмте со мной. Теперь я могу показать вам многое, что вы ещё не видели. Это вам будет полезно знать.

Х. Подземное путешествие

Мистер Бэйли открыл потайную дверь и прошёл в соседнюю комнату. Я последовал за ним.

— Кстати, — сказал мистер Бэйли, — если интересуетесь, можете прочитать последнее радио. Вашу гибель уже оплакивают. Вы утонули вместе с Николой в Лене. От вас остался только мешок с инструментами. Всё сделано очень чисто, мистер «покойник».

Говоря это, Бэйли подошёл к большому шкафу и открыл его. В шкафу висело несколько водолазных, как подумал я, костюмов. Мистер Бэйли исправил мою ошибку:

— Это не водолазные костюмы. Это костюмы, в которых можно было бы гулять в межзвёздных пространствах, где царит абсолютный холод в двести семьдесят три градуса. Костюмы сделаны из материала совершенно нетеплопроводного, и при них резервуары с кислородом.

— А это для чего? — спросил я, показывая на металлическое остриё с шариком наверху, приделанное к колпаку скафандра.

— Это антенна. Костюмы снабжены радиотелефонами с собственными маленькими радиостанциями. При помощи радио мы с вами сможем разговаривать. Одевайтесь!

Я снял с вешалки костюм. Он оказался легче, чем водолазные костюмы. Мистер Бэйли помог мне одеться и тщательно застегнул костюм особыми кнопками.

— Ну вот, мы и готовы, — сказал он. Я прекрасно слышал его, хотя наши головы были заключены в толстые шлемы. — Удобно, не правда ли? Для водолазов это было бы незаменимо.

— Но вы, конечно, не сделали это изобретение достоянием общества, — заметил я несколько желчно.

— Общества! — презрительно ответил он. — Что может дать мне общество? Мне некогда заниматься такими мелочами.

Мистер Бэйли подошёл к стене, повернул рычаг, и посреди пола открылся люк. Я заглянул вниз и увидел лесенку, которая вела к площадке, окружённой лёгкой железной оградой.

— Сходите, — предложил Бэйли.

Я спустился на площадку, Бэйли последовал за мной, повернул рычажок на решётке, и мы начали плавно опускаться вниз. Наш спуск продолжался довольно долго. Когда лифт остановился, Бэйли открыл дверцы, и мы вышли. Прямо перед нами была низкая железная дверь. Бэйли открыл её, и мы попали в небольшую комнату, очень узкую. Бэйли открыл вторую дверь; я не мог определить, из чего она была сделана, — она была чёрная и гладкая, как эбонит.

— Она сделана из состава, не пропускающего тепла, — пояснил Бэйли.

Опять такая же маленькая комнатка, и опять дверь. Таким образом мы прошли пять комнат и открыли пять дверей.

— В каждой камере температура приблизительно на пятьдесят градусов ниже, чем в предыдущей, — продолжал пояснения Бэйли. — Сейчас мы войдём в помещение, где стоит температура, близкая к холоду мирового пространства.

Мистер Бэйли открыл шестую дверь, и я увидел изумительное зрелище!..

Перед нами был огромный подземный грот. Десятки ламп освещали большое озеро, вода которого отличалась необычайно красивым голубым цветом. Казалось, как будто в эту подземную пещеру упал кусок голубого неба.

— Жидкий воздух, — сказал Бэйли. Я был поражён. До сих пор мне приходилось видеть жидкий воздух только в небольших сосудах нашей лаборатории. Я никогда бы не мог вообразить, что можно сгустить и хранить такое огромное количество жидкого воздуха.

Вместе с тем я почувствовал, что мой костюм как будто сжимается, и не мог понять почему.

— Здесь большое давление. Нас сдавило бы в лепёшку, если бы не особая упругость ткани наших костюмов. С помощью мистера Энгельбректа я добился того, что жидкий воздух почти не испаряется. Обратите внимание на свод. Он весь выложен теплонепроницаемым материалом. В этой пещере даже лампы особенные: из светящихся бактерий! Это абсолютно холодный свет... Да, этого голубого озера было бы достаточно, чтобы оживить Луну, — дать ей атмосферу, если бы только Луна могла удержать этот подарок. У меня здесь несколько таких озёр. Но всего этого мало, слишком мало. Плотность жидкого воздуха только в восемьсот раз больше плотности атмосферного. Нужны были бы целые океаны, чтобы сгустить весь атмосферный воздух в жидкость. Считайте сами: площадь земного шара равняется примерно пятистам десяти миллионам квадратных километров. Значит, слой воздуха только на расстоянии одного километра от поверхности Земли равен по объёму по крайней мере полумиллиарду кубических километров. А более или менее однородный по плотности воздух тянется на восемь километров вверх. Это уже составит массу более пяти триллионов килограммов, или одну миллионную часть массы земного шара... Сколько ещё не использованного сырья!

— Сырья? — невольно вырвалось у меня. Бэйли невозмутимо продолжал:

— Подсчитать совершенно точно запасы воздушного сырья, конечно, очень трудно. Мировое межпланетное пространство переходит в нашу земную атмосферу постепенно через зону разрежённых газов. Точные определения химического состава воздуха сделаны на высоте девяти километров. Шары с самопишущими приборами поднимаются немного выше тридцати семи с половиной километров. Пролетающие метеориты загораются на высоте ста пятидесяти — двухсот километров. Значит, и на этой высоте есть ещё достаточно плотный воздух. Нисселю удалось подметить зажигание метеоров даже на высоте семисот восьмидесяти километров. Наконец, о высоте атмосферы говорят и огни северного сияния. Человек давно любовался этой небесной иллюминацией, но только сравнительно недавно мы узнали, что спектр этих необычайно красивых огней состоит главным образом из линий благородных газов и особенно гелия. Линии кислорода, азота, неона и гелия сверкают в северном сиянии ещё на высоте восьмисот километров. Возможно, что электрические силы вихрями отрывают и поднимают к высоким слоям атмосферы атомы её газов. Но как бы то ни было, эти атомы существуют даже на такой огромной высоте. Но это ещё не всё. Не думайте, что атмосфера находится только над поверхностью Земли. Американский учёный Клерк высчитал, что только до глубины в шестнадцать километров, доступной для наблюдения, газообразные вещества по весу составляют три сотых ко всей массе вещества. Так что об-

щий запас воздушного сырья...

— Но не думаете же вы лишитесь земной шар всей его атмосферы? — с удивлением воскликнул я.

— А почему бы нет? — ответил мистер Бэйли. — Пойдёмте дальше, и вы убедитесь, что это вполне возможно. Сванте Энгельбрект — гениальный человек. Он стоит тех денег, которые я плачу ему.

«Неужели в деньгах всё дело?! — подумал я. — Быть может, отец Норы корыстный человек. Получая много денег, он зарыл себя в этой кротовой норе вместе с дочерью и не желает возвратиться на родину; дочь изнывает от скуки, но не желает покинуть отца... Не в этом ли и заключается драма Норы?»

— Земной шар без атмосферы — это была бы катастрофа! — сказал я.

— О да, — иронически ответил Бэйли. — Люди станут задыхаться, растения погибнут вместе с людьми, ледяной холод спустится на Землю со звёздных высот... Жизнь прекратится, и земной шар станет таким же мёртвым телом, как оледенелая Луна... И это будет, будет, чёрт возьми! — закричал Бэйли.

В эту минуту мне казалось, что я имею дело с помешанным.

— Вы хотите погубить человечество? — спросил я.

— Мне просто нет никакого дела до человечества. Оно само идёт к гибели. В конце концов наша планета не вечна. Она обречена на гибель не мною. А произойдёт это раньше или позже — не всё ли равно.

— Далеко не всё равно. Человечество ещё может жить миллионы лет. Наш земной шар ещё очень молод. Он гораздо моложе Марса.

— Вы можете поручиться, что человечество проживёт ещё миллионы лет? Довольно налететь какой-нибудь шальной комете, и ваш земной шар скоро постижно скончается.

— Вероятность этого ничтожна.

— С вашей близорукостью точки зрения земного червя. Астрономы говорят иное. Огромные вспышки наблюдаются ими во всех углах мировой бездны. И если брать космические масштабы, то в одной только нашей, так называемой галактической системе, в маленьком переулочке Вселенной, именуемом Млечным Путём, столкновения происходят, вероятно, не реже, чем столкновения автомобилей на улицах большого города.

— Да, но для нас, червей Земли, интервалы между этими катастрофами равны миллионам лет... И с какой целью вы хотите погубить человечество?

— Я уже сказал вам, что мне нет дела до человечества. Я не хочу губить, но не желаю и отказываться от своих целей ради спасения человечества.

— Каких целей?

Мистер Бэйли не ответил.

Мы шли вдоль изумительного голубого озера. Едва заметный пар поднимался над ним. Несмотря на все предосторожности, жидкий воздух всё же немного испарялся. Действие теплоты земного шара и солнца сказывалось даже сквозь все изоляционные преграды.

В стене грота виднелась чёрная дверь.

— Войдём сюда, — сказал мистер Бэйли. Он открыл дверь, мы спустились по отлогому коридору и вошли в другую пещеру. Она была гораздо меньше. Здесь не было голубого озера. Это был какой-то склад. Вернее, целый городок, где вместо домов стояли огромные шкафы из того же чёрного глянцевого материала. «Улицы» были расположены с прямолинейностью плана американ-



ских городов. Бэйли открыл дверцы одного из шкафов и, выдвинув при помощи механизма ящик, показал содержимое: там лежали блестящие шарики величиною с грецкий орех. Я с интересом ждал объяснений.

— Вам должно быть известно, — начал Бэйли, — что один литр воды при обыкновенной температуре поглощает до семисот литров газа аммиака, а при нуле градусов количество поглощаемого аммиака увеличивается до тысячи сорока литров, причём объём воды почти не увеличивается.

Я кивнул головой и ответил:

— Газ размещается в промежутках между частицами воды.

— Вот именно. Промежутки между молекулами газа по отношению к величине самих молекул громадны. Расположение молекул может быть уподоблено расположению планет в Солнечной системе — они отстоят друг от друга на громадных, сравнительно с их размерами, расстояниях. Если вы читали Фламариона, то помните, что он говорит о кометах. Комету, состоящую из разрежённых газов и занимающую пространство в сотни тысяч кубических километров, можно было бы вместить в напёрсток, уплотнив эти газы... Так вот, такие «напёрстки» перед вами. Хитроумному Энгельбректу удалось превратить жидкий воздух в чрезвычайно плотное тело. В одном этом ящике заключено воздуха больше, чем в огромном озере из жидкого воздуха. Попробуйте взять один из этих шариков!

Я протянул руку и попытался вынуть шарик, но не мог этого сделать.

— Они все сплавлены вместе, — ответил я. Бэйли рассмеялся.

— Сколько весит один кубический метр обыкновенного комнатного воздуха? — спросил он меня.

— Около килограмма.

— Килограмм с четвертью. А в этом шарике заключён один кубический километр воздуха. Не всякая лошадь свезёт воз, нагружённый одним таким шариком.

Я был поражён, и моё изумление доставило мистеру Бэйли большое удовольствие.

— Да, — повторил он, — Энгельбрект стоит тех денег, которые я плачу ему. Теперь вы поверите, что переработать всё воздушное сырьё не такая уж невозможная вещь. Представляю, какой поднимется в мире переполох, когда люди начнут задыхаться!

И, протянув руку к сверкающим шарикам, мистер Бэйли сказал с пафосом:
— Отсюда я могу править миром! Меня поразило, что он, сам того не зная, почти буквально повторил слова пушкинского «Скупого рыцаря».

— «Что не подвластно мне?» — продекламировал я вслух.

И продолжал:

*«...Как некий демон,
Отселе править миром я могу;
Лишь захочу — воздвигнутся чертоги...
...Мне всё послушно, я же — ничему;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мощь мою: с меня довольно сего сознанья...»*

— Это вы хорошо сказали, — ответил Бэйли, внимательно выслушав меня. — Я не знал, что вы поэт.

— Это не я сказал, а Пушкин.

— Всё равно. Хорошо сказано. Пушкин? Помню. Он подражал нашему Байрону и нашему Вальтеру Скотту. Но конец нехорош. Мне мало одного сознанья власти. Я капиталист, коммерсант. Мёртвый капитал — это не капитал. Я должен торговать, и я торгую... Торговец воздухом!.. Ха-ха-ха! Кто бы мог подумать?

— С кем же вы торгуете? — спросил я.

— А с кем я должен торговать? — с неожиданным раздражением воскликнул мистер Бэйли. — Не с вашими ли наркомторгами?

— Значит, с заграницей? Не скажу, чтобы эта торговля была законной. Вы обосновались на нашей, советской территории...

— И перерабатываю ваш прекрасный русский воздух, и нарушаю монополию внешней торговли, и так далее, и так далее. Я буду торговать с Англией, Германией, Францией, наживу капитал, а вы отберёте его у меня? Я поеду в Англию, а вы там сделаете революцию и доберётесь до меня и моих капиталов? — говорил мистер Бэйли со всё возрастающим раздражением. — Нет, довольно! Вы испортили весь мир. Нет на земном шаре угли, где бы не угрожала красная опасность. Я мог бы скрутить вас теперь в бараний рог. Вы ещё не знаете о всех моих ресурсах. Но это мне надоело. Я хочу торговать спокойно и уверенно.

— Тогда вам лучше было бы перебраться на Луну, — с иронией сказал я.

— И очень просто! Здесь нет ничего смешного. Луна слишком мала, чтобы удержать атмосферу, но я могу устроить подлунные жилища. В воздухе недостатка не будет. А для межпланетного путешествия у меня есть кое-какие возможности лучше пороховой ракеты.

— Вы это серьёзно? — спросил я, с недоумением глядя на него.

— Совершенно серьёзно.

— И там вы откроете контору по продаже воздуха? Но вы сказали, что уже ведёте торговлю?

— Да, веду, и очень успешно.

— С кем, можно ли узнать?

— С Марсом, — ответил он. — Да, с жителями планеты Марс. Это очень выгодный рынок для сбыта воздуха. Вы знаете, что на Марсе барометр стоит в

двенадцать раз ниже, чем у нас. У бедных марсиан не хватает воздуха. И они очень хорошо платят за этот товар.

«Сумасшедший! — подумал я. — Этого ещё недоставало!»

— Что же, они прилетают к вам, или вы отправляете туда своего комиссионера?

— Зачем? Я бросаю на Марс из особой пушки вот эти снаряды. Там они взрываются и превращаются в воздух. А марсиане таким же образом транспортируют мне взамен свой продукт иль.

— Иль? Что это такое?

— Радиоактивный элемент, обладающий огромной энергией. Этой энергией приводятся в движение все мои машины, на этой энергии работает пушка, посылающая снаряды на Марс. Иль может дать энергию и для ракеты, в которой я полечу на Луну.

— Но почему же марсиане не прилетели на Землю за воздухом? Марс более старая планета, и марсиане должны были обогнать нас в технике.

— Они и обогнали. Но у марсиан очень слабый организм. Уже шестьсот лет назад они делали опыты межпланетных путешествий. Но они неизменно гибли, не будучи в состоянии перенести условий путешествия. Во время полёта тела невесомы. Такое состояние вредно влияло на кровообращение и все жизненные функции. И смелые путешественники неизменно умирали — одни в пути, другие вскоре после возвращения на Марс. Они назвали эту болезнь «левитацион» — так можно перевести на наш язык их слово.

— Как же вы всё это узнали и как установили с ними отношения?

Мистер Бэйли нахмурился.

— Довольно того, что я сказал вам. Если вы не верите, я покажу вам иль. Да, впрочем, вы сами однажды были свидетелем того, как я едва не погиб в болоте при получении марсианской посылки.

Но я не мог поверить Бэйли — так всё это было необычно — и продолжал возражать:

— Однако такая посылка, пролетая через воздушную оболочку Земли, должна была нагреться и превратиться в пар, как осколок болида.

— Вы же сами признали, что техника марсиан должна далеко уйти вперёд по сравнению с человеческой. Их снаряды снабжены регуляторами движения. Управляются они по радио марсианскими инженерами.

Я хотел задать мистеру Бэйли ещё несколько вопросов, но он закрыл шкаф и сказал мне:

— Пойдёмте дальше. Я вам покажу ещё одно интересное и поучительное для вас зрелище.

Бэйли привёл меня к узкой двери, через которую мы вышли в слабо освещённый коридор.

— Ещё один вопрос, — сказал я, — почему вы устроили ваш завод в Якутии?

— Потому, что это место удобно для моего производства. Здесь полюс холода.

— Однако в центре Гренландии не теплее, там даже летом температура не поднимается выше тридцати градусов мороза.

— Это удобство кажущееся. Когда мои вентиляторы заработали бы, с юга потянули бы тёплые воздушные течения и значительно подняли бы температуру Гренландии. Да в конце концов теперь для меня температура окружаю-

щего воздуха не так важна. Мне это было важно вначале. Теперь у меня дело поставлено так, что я мог бы иметь холод мирового пространства даже на экваторе, конечно в моём подземном городке. Притом в Гренландии торчат американские метеорологи, изучающие «родину циклонов». Мне же необходимо было забраться в такой укромный уголок, где мне никто не помешает, пока я не поставлю производство. Теперь мне не страшны люди, но я страшен для них. Горе тем, кто пойдёт по ветру!.. Кстати, я не сообщил вам ещё одной новости. Вас больше не ищут, но ваша экспедиция скоро тронется в путь, как только приедет ваш заместитель. Могу вас уверить, что экспедиция погибнет вся, до одного человека! Наступает зима. Я подниму такую бурю, что участники экспедиции умрут, прежде чем сделают половину пути от Верхоянска до меня.

— Правительство вышлет вторую экспедицию будущим летом. Вас не оставят в покое, — сказал я.

— Тем хуже для них, — ответил Бэйли и открыл дверь.

Мы вошли в огромную круглую полуосвещённую пещеру. Мистер Бэйли повернул выключатель, и пещера ярко осветилась. Я увидел изумительное зрелище.

С потолка спускались сталактиты, а с земли тянулись вверх сталагмиты самых причудливых форм. На потолке сверкали призмы горного хрусталя. Витые колонны, как в буддийском храме, странные наплывы на стенах и «занавески» по углам придавали пещере фантастический вид.

Прямо передо мной посреди пещеры стоял огромный мамонт. Его хобот был вытянут вперёд, как будто этот колосс собирался затрубить призыв к бою. Огромные ноги — толще моего туловища — были широко расставлены, голова пригнута. Вся колоссальная туша мамонта блестела, как будто она была покрыта стеклом. Вокруг мамонта расположились более мелкие представители животного мира: медведи бурые и белые, волки, лисы, соболя, горностаи... Целый ледяной зверинец!

На уступах скал сидели блестящие птицы — полярная сова, гуси, утки, вороны. А вдоль стен расположились... «двуногие» представители приполярных и полярных стран: якуты, самоеды, вогулы, чукчи — все в национальных костюмах, вооружённые самодельными стрелами, луками, капканами. Одни из них стояли в позе охотника, другие — с упряжкой собак или оленей, иные держали в руке рыбачий гарпун или весло. Здесь же лежали домашняя утварь и промысловые орудия.

Это был целый музей, необычайно богатый и разнообразный. Все экспонаты были покрыты прозрачным веществом, блестящим, как стекло, и позволявшим хорошо видеть малейшие подробности.

— Поразительно! — сказал я.

Мистер Бэйли самодовольно усмехнулся.

— Ваши учёные только собираются устраивать ледяной музей, а я уже устроил его. Вы знаете, что вечная мерзлота сохраняет трупы в полной неприкосновенности. Вот этот мамонт, которого мы выкопали, пролежал в мерзлоте не одну тысячу лет, а мясо его так свежо, что можно было бы зажарить и есть. Наши собаки очень охотно ели — как бы это сказать по-русски — мамонтятину.

— Но ведь здесь не только ископаемые животные, здесь имеются медведи, лисы... И потом эти люди?..

— Да, я собирал и живые экземпляры.

— Ж и в ы х л ю д е й?

— А почему бы нет? Какая разница? Рано или поздно каждого из этих людей задрал бы медведь или они просто умерли бы естественной смертью и бесследно погибли бы, как погибают звери. А участь попавших в мой музей прекрасна. Они сохраняются при помощи холода не хуже египетских мумий. Они обессмертили себя.

— Для кого? Кто видит их?

— Вы, я, не всё ли равно? Я не собираюсь делать из моего музея учебно-вспомогательное учреждение и завещать его кому бы то ни было. Это моя прихоть, моё развлечение. Не всё же одни дела! Надо чем-нибудь развлекаться.

— И для этого вы... убивали людей?

— Не я первый сказал, что охота на людей — самый увлекательный вид охоты... Впрочем, не думайте, что я стал бы заниматься охотой специально за «двуногими зверями». Вот ещё! Здесь только те, кто имел неосторожность бродить вблизи моего городка. О нём никто не должен был знать. И тот, кто «шёл по ветру», не возвращался назад...

Но это ещё не всё, — продолжал он, помолчав. — Я покажу вам ещё одно отделение моего музея. Идёмте!

Мы прошли в смежную пещеру. Она была значительно меньше. В глубине пещеры вдоль стен стояли статуи людей, блестящие, как стекло.

Мы подошли ближе.

— Вот, полюбуйте, — сказал мистер Бэйли, указывая на статуи. — Такова судьба тех, кто пытается бежать отсюда. Вот видите этот пьедестал? Он был предназначен для вас.

Мистер Бэйли включил большую лампу. Яркий свет осветил статуи. Я приоткрыл глаза к ним ближе и содрогнулся. Это были трупы людей, покрытые жидким стеклом или каким-то иным прозрачным составом.

— Я замораживаю людей, затем их обливают водой, которая моментально превращается в лёд. Так они могут простоять до второго пришествия... Очень поучительное зрелище, не правда ли? Я показываю эти мумии всем провинившимся в первый раз, и действие бывает очень благотворное: у виновных пропадает всякая охота нарушать установленные мною законы... А работники мне, конечно, нужны, особенно квалифицированные...

Я насчитал одиннадцать трупов. Пять из них принадлежали якутам, три, по-видимому, иностранцам, остальные были похожи на сибирских охотников. Тонкий слой льда позволял хорошо видеть. На трупах были костюмы, в которых их застала смерть. У большинства трупов лица казались спокойными, только у одного якута осталась на лице страшная улыбка.

— Как вам нравится мой «пантеон»? [21] — спросил Бэйли.

— Отвратительное зрелище, — ответил я. — Нужно быть уверенным в полной безнаказанности, чтобы хранить эти улики преступлений.

— А вы ещё не потеряли веру в возмездие? — иронически спросил Бэйли. — Да, с этой иллюзией, говорят, легче живётся. Однако нам пора возвращаться.

XI. Пленники подземного городка

Из нашего путешествия я вернулся совершенно разбитым и подавленным. А Бэйли ещё не всё показал мне! Я не видел машин, не видел смертоносных орудий, действия идя. Но и того, что я видел, было совершенно достаточно, чтобы лишить человека покоя. Бэйли оказался сильнее и страшнее, чем я мог думать. Борьба с ним должна быть чрезвычайно трудной. А его безумные действия угрожали всему человечеству.

Он сам оставался для меня загадкой. Его «коммерческая» деятельность не могла преследовать только выгоду. В самом деле, на что мог использовать несметное богатство один человек, поставивший себя вне общества, больше того, обрекающий всё человечество, всю жизнь на Земле на ужасную гибель? Это мог сделать только маньяк. Быть может, Бэйли вобрал в себя все отчаяние капиталистов, обречённых историей, и, как Самсон, решил погибнуть вместе со своими врагами? Нет. Дикая мысль! Люди его класса не торопятся сами погибать, если они здоровы.

Я вошёл в лабораторию. При виде меня Нора весело кивнула головой, причём её румяное лицо чуть-чуть вспыхнуло. Она склонила голову над пробиркой.

— Мисс Энгельбрект, — довольно торжественно сказал я, — позвольте поблагодарить вас...

— За хороший отзыв? Какие пустяки! Вы стоите этого. Когда вы не очень задумываетесь, вы отличный работник... Не забивайте только слишком туго пробок в сосудах с жидким воздухом и не...

— Это совсем не пустяки! — горячо прервал я её. — Вы спасли мне жизнь!

Нора посмотрела на меня с удивлением и даже испугом.

— Это вы не шутите?

— Нет, конечно. Мне угрожала смерть за попытку побега.

— Смерть? Я не думала, что дело так серьёзно, иначе бы я ещё более... Но кто же угрожал вам смертью? Неужели...

— Разумеется, мистер Бэйли. О, он не пощадит тех, кто не повинуется его воле! Приходилось ли вам видеть его страшный «пантеон»?

Нора отрицательно покачала головой и спросила, что это значит. Я рассказал ей о своём путешествии в обществе Бэйли по подземному городку и обо всём, что узнал от «торговца воздухом».

К моему удивлению, Нора выслушала меня с большим интересом. Очевидно, многое из того, что я сказал ей, она слышала впервые. По мере того как я говорил, лицо её всё более хмурилось. Удивление сменялось недоверием, недоверие — возмущением.

Закончив свой рассказ, я поднял бокал с жидким воздухом и сказал:

— Вот в этом сосуде мы изготавливаем смертный напиток для человечества. Моя жизнь пощажена только для того, чтобы я содействовал гибели других, гибели нашей прекрасной Земли со всеми живыми существами, живущими на ней. И я не знаю, радоваться ли мне моему спасению, или... не выпить ли мне самому этот бокал?..

Зазвонивший телефон прервал мою патетическую речь. Нора быстро подошла к телефону.

— Алло... Да... Мистер Клименко, вас просит к телефону мистер Бэйли.

Я подошёл к телефону.

— Да, это я... Нет... Слушаю!

— Вы чем-то смущены? — спросила Нора, когда я отошёл от телефона.

— Дело в том, что мистер Бэйли опоздал. Оказывается, он забыл меня предупредить, что я не должен говорить вам о том, что видел и слышал.

— И что же вы ответили?

— Я ответил, что ещё ничего не говорил, и обещал не говорить.

Нора вздохнула с облегчением.

Потом она взяла бокал с жидким воздухом, который я перед тем держал в руке, в задумчивости посмотрела на голубую жидкость и вдруг бросила бокал на пол. Стекло разбилось. Жидкий воздух разлился и под влиянием теплоты пола начал шипеть и быстро испаряться. Через минуту на полу валялись одни осколки стакана.

«Великолепно! — подумал я. — Теперь у меня есть союзник!»

Нора испытующе посмотрела мне в глаза.

— Вы всё мне рассказали?

— Всё, — ответил я, но сразу же невольно смутился: я вспомнил о видах мистера Бэйли на мой брак с Норой. Я не хотел говорить об этом девушке. Но она заметила моё смущение.

— Вы что-то скрываете. Вы не всё сказали!

— Но это пустяки, не относящиеся к делу.

— Не лгите. Пустяки не заставили бы вас смутиться. Я был в большом затруднении и решил перейти от обороны к нападению.

— А вы сами разве всё говорите мне? Помните наш разговор, когда я неосторожной фразой обидел вас?.. Простите, что я вспоминаю об этом. Тогда вы сказали мне:

«Вы ничего не знаете». Почему же вы сами тогда не объяснили мне всего, чего я не знаю?

На этот раз была смущена Нора.

— Есть вещи, о которых трудно говорить...

— Этими словами вы оправдываете и моё молчание.

— Нет, не оправдываю. Вы не дали окончить мою мысль. Есть вещи, о которых трудно говорить. Но бывают обстоятельства, когда нельзя больше молчать. Приходится говорить обо всём, как бы трудно это ни было.

— И вы мне скажете?

— Да, если и вы не скроете от меня ничего. Я попался в собственные сети. Торг совершился, и мне оставалось только выдать свою тайну. Всё же я постарался сгладить цинизм Бэйли.

— Бэйли сказал... что у меня деревяшка вместо сердца, если я решился бежать, пожертвовав ради свободы обществом такой девушки, как вы.

Нора сначала улыбнулась: это звучало как комплимент. Но она была умна и скоро разобралась в том, что скрывается под таким комплиментом. Брови её нахмурились.

— Я должна быть благодарна мистеру Бэйли за его высокую оценку, — сказала она. — К сожалению, мистер Бэйли ко всему подходит с коммерческой точки зрения. Было время, когда он сам претендовал на «моё общество»... И даже тогда мне казалось, что им руководит не сердце, а расчёт... Он видел, что я скучаю, что меня тянет к людям. Отец очень нагружен работой. Он очень

любит меня, но... науку, кажется, любит ещё больше, — с некоторой горечью и ревнивым чувством сказала Нора. — Моя тоска мешала общей работе. И мистер Бэйли... Вы понимаете?.. Он сделал мне предложение.

— И вы? — спросил я, задерживая дыхание.

— Ну, конечно, решительно отказала ему, — ответила Нора.

Я не мог сдержать вздох облегчения.

— Я не знала тогда о его делах и мало интересовалась ими. Но он мне просто не нравился. Он долго не терял надежды прельстить меня своими миллионами, наконец оставил меня в покое, когда я решительно заявила, что уеду, если он будет надоедать мне своими предложениями. Это напугало его, и он дал слово «забыть меня»... И вот теперь мистер Бэйли, очевидно, создал новый вариант прежнего плана, да при этом он хочет убить сразу двух зайцев. Проще говоря, он хотел бы поженить нас с вами. Не так ли?..

Я покраснел. Нора рассмеялась. Этот смех обрадовал меня. Значит, на этот раз планы мистера Бэйли не были ей так неприятны! Но Нора сразу же охладила меня. Или это была только женская хитрость? Лукаво посмотрев на меня, она с деловым видом заметила:

— Но я не думаю, конечно, выходить замуж за вас, мистер Клименко.

— А за кого же? — уныло спросил я. — Простите, сорвалось... Такие вопросы не задают... Однако сегодня мы ничего не делаем! — решил я переменить разговор.

— Да, вы правы, — ответила она и, подняв второй бокал с жидким воздухом, вылила жидкость на стол.

Это произошло так быстро, что я не успел снять руку со стола. Часть жидкого воздуха плеснула мне на пальцы; воздух зашипел испаряясь. Я почувствовал ожог.

— Боже! Что я наделала! — вскрикнула девушка. — Простите меня.

Она бросилась к аптечному шкафчику, вынула мазь против ожога, вату и бинт.

В её лице было столько искреннего огорчения, она так заботливо ухаживала за мной, что я был вполне вознаграждён.



Дверь из кабинета отца Норы открылась, и на пороге появился он сам.

— Ну что же, Нора, готово? — спросил Энгельбрект.

— Мы не успели закончить, — ответила Нора. — Мистер Клименко ожёг себе руку.

— Ничего серьёзного? — спросил учёный.

— Пустяки, — поспешил сказать я.

— Надо быть осторожным, — поучительно проговорил он. — Так я жду! Дверь закрылась.

Рука была перевязана, и мы уселись за стол. Нора вздохнула.

— Я решила больше не работать, — сказала она, — но отец требует. Ему это нужно...

— А ваш отец знает обо всём, что касается мистера Бэйли? — спросил я.

— Это я сама хотела бы теперь знать. Я хочу поговорить с отцом и спросить его обо всём... Когда мы собирались в эту несчастную экспедицию, отец сказал мне, что мы направляемся исследовать Великий Северный путь. Мы высадились недалеко от устья реки Яны. Тогда нам говорили, что лёткики, бывшие на нашем ледоколе, сообщили, что дальнейший путь на восток затёрт льдами. Предстояла зимовка. С парохода был снят весь груз. Его было очень много, гораздо больше, чем надо для зимовки. Я видела груды больших ящиков. Но что в них было — не знаю. Мы расположились на зимовку. Часть экипажа находилась ещё на ледоколе. Там же остались два профессора, участвовавшие в нашей экспедиции. Один радиоинженер, а другой астроном...

— А зачем был нужен астроном в полярной экспедиции?

— Не знаю. Эти два профессора ещё во время плавания в чём-то не поладили с мистером Бэйли. Они держались особняком и иногда тихо совещались в укромных уголках. Однажды утром, когда я вышла из своей палатки, чтобы принять участие в работах по разгрузке, я увидела, что парохода уже нет. Мне сказали, что ночью его унесло ветром в океан вместе с двумя профессорами. Труп астронома нашли потом выброшенным морем на берег, а радиоинженер так и погиб вместе с пароходом. Я была очень удивлена. В ту ночь не было бури. Я обратилась с вопросом к мистеру Бэйли, но он, смеясь, — он мог смеяться! — ответил мне, что я очень крепко спала и поэтому не слыхала бури. «Но море совершенно спокойно», — сказала я, указывая на океан. «В это время года не бывает больших волн, — ответил мистер Бэйли. — Плавающие льды уменьшают волнение. А ветер был сильный, сорвал ледокол с якорей и унёс его в океан».

Элеонора замолчала, делая запись в тетради и следя за колбой, стоявшей на весах. Потом опять начала говорить:

— Ещё одна странность: с парохода были выгружены на берег два самолёта большой грузоподъёмности. Для зимней стоянки они были не нужны. Их выгрузили, как я потом узнала, для переброски всего нашего багажа вглубь страны. Самолёты переносили куда-то ящик за ящиком. Отец объяснил мне, что мистер Бэйли изменил план. Так как пароход погиб, то он решил заняться геологическими исследованиями на материке. Переброска, несмотря на зиму, продолжалась. Часть груза была отправлена на автомобилях, поставленных на лыжи. Вся эта работа заняла несколько месяцев и стоила нескольких человеческих жизней. Мы заменяли погибших матросов якутами, которые иногда случайно наталкивались на нашу стоянку. Вообще же место было очень безлюдное, и мы работали без помех и далеко от любопытных глаз. Наконец мы с

отцом прилетели на место новой стоянки. Это была совершенно пустынная горная страна. В мёрзлой земле, как кроты, рылись буровые машины. Я мало понимаю в машинах. Но даже меня поражала их мощь. Если бы вы видели, как работали эти изумительные машины!.. От времени до времени сюда доставляли на аэропланах новые машины и материалы. Очевидно, мистер Бэйли имел связь с внешним миром. Подземный городок строился со сказочной быстротой.

Всё это было не похоже на геологические разведки. Но мистер Бэйли объяснил мне, что он напал на урановую руду и будет добывать радий. Кроме того, он решил заняться добыванием азота из воздуха и изготовлением жидкого воздуха. В конце концов, чем занимается мистер Бэйли, меня не интересовало. Я рано начала помогать моему отцу в его научных работах и уже не раз кочевала с ним из города в город. Меня не пугали эти переезды. Но в такой дыре мне ещё никогда не приходилось жить. У отца были прекрасные предложения от солидных фирм. И я спросила его, что побудило его принять предложение мистера Бэйли. Отец ответил, что мистер Бэйли за один год работы предложил ему сто тысяч фунтов стерлингов. Целое состояние! «Я хочу обеспечить твоё будущее», — сказал мне отец. Прошёл год, но отец продолжал работать у мистера Бэйли. Какого я спросила отца, не пора ли нам возвратиться на родину. Отец несколько смутился и ответил, что сейчас он очень занят (в то время он делал опыты с превращением кислорода в водород, действуя электрическим током) и не хочет прерывать работы. — Здесь прекрасные лаборатории и такая тишина, какой не найти во всём мире. Хорошо работается, — точно оправдывался он. Я была несколько разочарована. Тогда отец сказал, что если я хочу, то могу ехать одна и жить пока у тётки... Моя мать умерла, когда я была совсем маленькой... Я не хотела покидать отца и осталась в подземном городке.

— Что же всё-таки заставило отца остаться? Большая оплата?

— Не думайте, что мой отец корыстолюбив, — поспешно ответила Нора. — Никто не откажется от больших денег, если они сами идут в руки. Но ради одних денег он не остался бы.

— Но почему он смутился, когда вы задали ему вопрос о том, скоро ли вы уедете отсюда?

— Не знаю. Быть может, потому, что науку он предпочёл моим интересам. Так по крайней мере думала я тогда. Но теперь, после того что я услышала от вас, мне приходит мысль, что мой отец... не совсем добровольно остался у мистера Бэйли. Или же... Но я не хочу об этом думать... Я должна всё выяснить. Я поговорю с отцом.

— И если окажется, что мистер Бэйли держит вашего отца в плену?

Лицо Норы сделалось суровым и решительным.

— Тогда... Тогда я буду бороться, и вы поможете мне! Я протянул ей мою здоровую руку. Нора пожалала её.

— Нора, ну что же твоя работа? — услышали мы опять голос Энгельбректа.

— Через пять минут будет готова, — ответила она, принимаясь за склянки.

— И знаете что, — сказал я, когда дверь в кабинет отца Норы закрылась. — Перестаньте бить посуду и разливать жидкий воздух. Это ребячество. Будем до времени работать, как мы работали раньше. Нельзя возбуждать ни у кого ни малейшего подозрения.

Нора молча кивнула головой и углубилась в работу.

В этот день я ночевал один в своей комнате. Николы не было. Очевидно, Бэйли решил разъединить нас. Это для меня было большим ударом. Я уже привык и даже привязался к якуту. Кроме того, он был нужен для выполнения моих планов. Рано или поздно борьба между мною и Бэйли должна была принять открытые формы. Я ни на минуту не оставлял мысли о побеге или по крайней мере о том, чтобы предупредить наше правительство о грозящей опасности.

На третий день вечером Никола явился. Он был по обыкновению весел и детски беспечен. Суровая природа закалила его, и он привык легко переносить невзгоды судьбы.

— Никола! — радостно встретил я его.

— Здравствуй, товарищ! — ответил он. И, усевшись на полу на скрещённых ногах, запел, покачивая головой: — Никола сидел на хлеб и вода, это не беда. Никола немного ел, много пел.

— Никола, да ты даже в рифму умеешь сочинять! — удивился я.

— Не знаю, — ответил он. — Мои дети в школе учатся, песни знают. Я слышал.

— Ну, а с Иваном что?

— Жив Иван. Со мной сидел. На работы пошёл. Бэйли, очевидно, решил, что мои «пособники» не заслуживают большого наказания. Вернее же, он берёт их как рабочую силу.

— Плохи наши дела, Никола, — сказал я. — Больше не будешь убегать со мной?

— Сильно ветер мешал. Ничего. Если ты побежишь, и я с тобой.

ХII. Новое знакомство

Бэйли, вероятно, полагал, что урок, данный им мне, и зрелище его ужасного «пантеона» окончательно выбили из моей головы мысль о побеге и примирили меня с положением. Во всяком случае, после нашего с ним путешествия мне была предоставлена большая свобода. Я получил доступ в те части городка, вход в которые раньше мне был запрещён. Только в машинное отделение и в арсенал, где хранились орудия, мне не удавалось проникнуть. Зато я смог завязать новое полезное знакомство — с радистом.

Это был довольно пожилой шотландец, сносно говоривший по-немецки. Когда-то он работал в Германии на заводе, изготовлявшем радиоаппаратуру. Мистер Люк вопреки общему представлению об англичанах был очень разговорчив, и это было мне на руку. Притом он оказался завзятым шахматистом, а так как я был игроком первой категории, то он поставил целью своей жизни обыграть меня, хотя играл значительно слабее.

Шахматы очень сблизили нас. Вечерами, когда Люк сдавал дежурство, он неизменно являлся ко мне со своими литыми чугунными шахматами в виде статуэток, изображавших английского короля и королеву, офицеров, похожих на Дон-Кихота, и пешек, напоминавших средневековых ландскнехтов.

Люк скоро входил в азарт, и его пешки при передвижении так громко стучали по деревянной доске, как будто по мосту шли настоящие ландскнехты. При этом он беспрерывно говорил:

— Пехота, вперёд!.. Вы так? А мы вот так! Я умышленно задумывался над его ходом и в это время задавал ему какой-нибудь вопрос, систематически выведывая от него всё, что мне нужно и интересно было знать. Таким способом я узнал, что мистер Люк — старый холостяк, совершенно одинокий; на родину его не тянет, и живёт он у Бэйли, по-видимому, по своей охоте, прельстившись хорошим жалованьем и неограниченной возможностью поглощать джин, до которого Люк был большой охотник.

— Где много джина, там и родина, — говорил Люк. — Но я пью умело. На работе я всегда трезв, как вода.

Я учёл это новое обстоятельство, и в моей комнате появлялась перед приходом Люка бутылка джина, которую мне беспрепятственно выдавал буфетчик. Бэйли по своим коммерческим соображениям считал нужным удовлетворять по мере возможности желания своих вольных и невольных работников, чтобы заглушать в них тоску по свободе и не вызывать недовольства.

Для достижения своих целей я решил даже пожертвовать престижем игрока первой категории. От времени до времени я проигрывал последнюю партию Люку. Когда джин и упоение победой окончательно развязывали ему язык, я приступал к своим главным вопросам.

Признаюсь, это была не совсем честная по отношению к Люку игра. Но разве Бэйли поступал со мною честно? Я решил, что в борьбе с ним все средства хороши. Это была военная разведка применительно к условиям и обстоятельствам. Мои задачи были поважнее, чем этика приятельских отношений.

— Ну, что сегодня говорит радио, мистер Люк? — спрашивал я, позёвывая.

И мистер Люк начинал мне рассказывать о новостях. Так я узнал, что вместо меня во главе экспедиции был поставлен мой Друг, молодой учёный Ширяев. Несмотря на то, что уже началась зима, экспедиция выступила в путь.

Однако поднявшиеся бураны и ветер, достигавший силы десяти баллов, заставили экспедицию вернуться в Верхоянск. После доклада экспедиции о положении дела из центра был получен приказ отложить экспедицию до весны и заняться пока на месте метеорологическими наблюдениями.

Эта весть и обрадовала и опечалила меня. Ширяев был осторожнее меня — он не хотел жертвовать жизнью своих спутников и своей и потому избежал участи, уготованной ему Бэйли. Я радовался за моего друга. Но до весны мне уже не приходилось ждать помощи со стороны. Впрочем, это тоже к лучшему, — успокаивал я себя. Бэйли погубит всех, кто неосторожно приблизится к его подземным владениям. На борьбу с ним должны быть брошены мощные силы государства...

Но для успеха необходимо предупредить правительство, чтобы оно отнеслось к задаче со всей серьёзностью. Быть может, за зиму мне удастся так или иначе установить связь с внешним миром.

Я вооружился терпением, продолжая вместе с тем свою «шпионскую» работу.

С Люком мы всё более сближались. И однажды в минуту откровенности он мне приоткрыл тайну «Арктика». Люк был один из немногих, посвящённых в эту тайну, хотя Бэйли не сообщил и Люку всей правды о своих целях. По словам Люка, «Арктик» с разведёнными парами был направлен в открытый океан, на север, для того чтобы инсценировать кораблекрушение. Бэйли и не думал продвигаться далее на восток. Он просто хотел «пособрать в вашем СССР кое-какие полезные ископаемые без возни со всякими концесками».

— О, он очень хитрый, мистер Бэйли! — почти с восхищением сказал Люк. — Коммерсант! Что же вы хотите? У вас богатства лежат даром, как собака на траве, а он сделал из них деньги. Хорошо вас провёл мистер Бэйли! — и Люк захохотал. — Машинист развёл пары, штурман укрепил колесо штурвала и — фьють! Когда «Арктик» пошёл на всех парах, остававшиеся на ледоколе соскочили в моторную лодку и вернулись на берег, а пароход один продолжал путь. Ловко?

— На пароходе никого не осталось? — спросил я Люка.

— Никого, — ответил он.

Я боялся возбудить подозрение мистера Люка и потому не спросил его о судьбе двух исчезнувших профессоров. После некоторых колебаний я, однако, решился задать осторожный вопрос:

— И всё сошло благополучно, без аварий и без потерь?

— Несколько человек погибли при перевозке с берега сюда, да ещё на берегу мы потеряли двух профессоров. Говорят, они отправились на охоту и не возвратились.

— Но вы искали их?

— Как будто да. Тогда было не до этого. У всех было работы по горло. Зима надвигалась.

Или Люк не хотел мне сказать всего, или же он многого сам не знал. Во всяком случае, на него рассчитывать было нельзя. К советской власти он, видимо, относился враждебно. Это был типичный служака. Его идеалы сводились к тому, чтобы получать хорошее жалованье, пить джин да собрать деньги, купить, вернувшись на родину, домик и жить, ничего не делая, на ренту.

Однажды я сказал ему, что очень интересуюсь радио, но, к сожалению, не

имел возможности ближе познакомиться с этим замечательным изобретением.

— Это очень просто, — ответил Люк. — Приходите ко мне на станцию, лучше во время ночного дежурства, и я вам покажу.

Я воспользовался этим предложением и зачастил к мистеру Люку.

С каким волнением услышал я после перерыва в несколько месяцев знакомый голос диктора «Коминтерна»! Радиогазета!.. Последние новости...

«...Теперь послушаем, товарищи, какую зиму предсказывают наши метеорологи. Мы можем обрадовать дачников-„зимников“: им не придётся мёрзнуть в своих сквозных дачках. Учёные обещают, что зима в этом году будет очень тёплой, гораздо теплее даже, чем была в прошлом году...»

«Ещё бы! — подумал я. — Вентиляторы мистера Бэйли создают свой воздушный Гольфстрим. Тёплые воздушные течения идут в Северное полушарие от экватора и поднимают температуру».

«...Но зато на юге Африки, в Южной Америке и в Австралии наблюдается значительное понижение температуры...» — продолжал диктор.

«Задышали ледяные пустыни Южного полюса!» — мысленно ответил я диктору... О, если бы я мог отсюда, через тысячи километров, крикнуть ему, что нечего радоваться тёплой зиме, что огромное несчастье надвигается на человечество!

«...Теперь послушаем музыку. Оркестр студии исполнит „Менуэт“ Боккери-ни».

Лёгкий, изящный менуэт зазвучал. Но от этой музыки мне стало ещё тяжелее. Там жизнь идёт своим чередом. Люди работают, развлекаются, живут, как всегда, не зная, какая беда нависла над ними.

Я снял с ушей радиотелефон. Люк сидел, углубившись в приём, переводя точки и тире Морзе на буквы. Он быстро записывал телеграмму. Каждое утро эти телеграммы подавались мистеру Бэйли.

Наконец он оторвался от работы и, не снимая наушников, спросил меня:

— Интересно?

— Да. Но я принимал и у себя дома на радиоприёмник. Мне интересно знать, как это делается и как производится не только приём, но и передача. У вас имеется передающая радиостанция?

Быть может, я сам был слишком подозрительным и осторожным, но мне показалось, что в лице Люка появилась какая-то насторожённость.

— Вы хотите передать привет родным и знакомым? — спросил он меня с улыбкой. — Да, передающая радиостанция у нас есть, но мы не пользуемся ею. Мы не хотим обнаруживать нашего местопребывания.

В тот момент я поверил Люку. Но скоро выяснилось, что он сказал неправду. Однажды я зашёл на радиостанцию позже обыкновенного и застал его за передачей.

— Вы решили открыть своё местопребывание? — сказал я с простодушной улыбкой. — Что, застал вас на месте преступления?

Мистер Люк нахмурился, но потом заставил себя рассмеяться.

— Уж не шпионите ли вы за мною? — сказал он шутливо. Но от этой шутки у меня заныло сердце.

— Какие глупости! — отвечал я. — Зачем мне шпионить? — И уже с хорошо разыгранной обидой в голосе я сказал: — Если я помешал, то могу уйти.

— Оставайтесь, — ответил Люк. — Тогда я вас не обманул: наша большая передающая станция молчит. Но эта... Этакой станции нет во всём мире, кроме одного места, где принимается моя передача. Эта станция работает на таких коротких волнах, что обычные станции не могут принимать её. Таким образом тайна передачи сохраняется... Коммерческие тайны! — пояснил он. — Но только вот что, мистер Клименко: я вам очень много доверил, потому что вы мой друг. Но вам лучше не говорить о том, что вы видели меня за передачей. И не заходите в это время ко мне... Это служебная тайна.

Я успокоил Люка и вернулся к себе. Последнее открытие убедило меня в том, что Бэйли имеет союзников во внешнем мире. Это делало его ещё более опасным. А Люк, по-видимому, начинает относиться ко мне с недоверием. Если бы не боязнь потерять шахматного партнёра, он, пожалуй, закрыл бы мне вовсе доступ на радиостанцию. И теперь мне надо держать себя с удвоенной осторожностью.

XIII. Затишье перед бурей

— Мы дышим в лаборатории самым чистым, насыщенным кислородом воздухом. И всё же мне чего-то не хватает, — призналась Нора. — Каких-то «воздушных витаминов». Быть может, нам не хватает этих запахов земли, запахов хвои, не хватает созерцания неба, хотя бы этого северного неба... Истинное наслаждение дыханием я испытываю только здесь, наверху.

Мы стояли на балконе небольшой площадки в расщелине кратера с его внешней стороны.

На внешнем склоне горы было несколько таких балконов. Они соединялись покатыми тоннелями с тремя верхними этажами. Каждый тоннель был снабжён лифтом. Эти площадки с балконами могли служить для сторожевых наблюдений. Но ураганный ветер, всасывающий в кратер всех приближающихся к горе, делал совершенно излишним постоянное наблюдение. И привилегированные обитатели верхних этажей пользовались балконами только для того, чтобы подышать «настоящим» воздухом и посмотреть на небо.

Нора облюбовала себе один балкон и с милостивого разрешения Бэйли получила его в единоличное пользование. Она хранила у себя ключ от входа в тоннель, ведущий на балкон (второй ключ от этой двери был у самого Бэйли). Дверь эта находилась недалеко от её комнаты, и Нора могла подниматься на балкон во всякое время. Она подолгу бывала здесь и любила «беседовать со звёздами». Это было совершенно уединённое место, так как выступы скал закрывали балкон и с соседних площадок не видно было, что на нём делается.

Площадка круто обрывалась. Горы кругом были занесены снегом. На тёмном небе сверкали звёзды. Ветра не было.

— «Воздушные витамины»... Это вы хорошо сказали, — ответил я. — Я не чувствую запахов земли, всё уже занесено снегом. Но хвоей пахнет. И ещё чем-то, как будто далёким дымком.

— А где дым, там жильё, люди...

— Которые также наслаждаются «воздушными витаминами». И всего этого их хочет лишит мистер Бэйли!

— Смотрите!

Я посмотрел на север. От горизонта поднимался бледный световой столб.

Всё выше, выше, до зенита. Из молочного столб превратился в бледно-голубой, потом в светло-зелёный. Верхушка столба начала розоветь, и вдруг от неё, как ветви от ствола дерева, потянулись во все стороны широкие отростки. А от горизонта поднималась завеса, переливающаяся необыкновенно нежными и прозрачными оттенками всех цветов радуги. Полярная ночь чаровала. На небе разыгрывалась безмолвная симфония красок. И цвета переливались, как звуки оркестра, то вдруг разгораясь в мощном аккорде, то нежно замирая в пианиссимо едва уловимых оттенков.

— Как прекрасен мир! — с некоторой грустью в голосе сказала Нора.

Я взял её руку в меховой перчатке. Нора как будто не заметила этого и продолжала стоять неподвижно, глядя на расстилающуюся перед нами панораму горных цепей и долин. Белый снег отражал небесные огни и непрестанно менял окраску, то голубея, то розовея. Это была красота, которая покоряет на всю жизнь. Безлюдье... Пустыня... Переключка прекрасных, но глухонемых огней... Мы как будто были заброшены в совершенно иной, фантастический мир. А там, за горными цепями, на юго-западе и юго-востоке копошился людской муравейник.

— Мисс Энгельбрект, вы говорили с вашим отцом? — прервал я молчание.

Нора точно вернулась на землю из надзвёздных высот.

— Да, говорила, — ответила она, опустив голову.

— И чем же кончился ваш разговор? Нора устало подняла голову.

— Чем кончился наш разговор?.. — переспросила она, как бы не расслышав. — Отец поцеловал меня в лоб, как это делал, когда я ещё девочкой уходила вечером спать, и сказал: «Спи спокойно, моя дочурка». И я ушла в свою комнату. Отец! Милый отец, с которым я никогда не разлучалась ни на один день, как будто ушёл от меня, стал далёким, непонятным и даже... страшным... Я уже не могу относиться к нему с прежним доверием.

Мы опять замолчали. А небесный гимн северного сияния всё разрастался, ширился, как могучий световой орган, холодный, беззвучный, прекрасный, чуждый всему, что волновало нас...

* * *

Потянулись скучные однообразные дни. Мы с Норой по-прежнему занимались в лаборатории, но девушка работала уже без прежнего энтузиазма. Раньше Норе доставляло огромную радость заслужить одобрение отца. Теперь всю работу она проделывала механически, как подневольный слуга, работающий за кусок хлеба. Она глубоко страдала. Побледнел её прекрасный румянец, запали глаза, она заметно похудела, у неё появилась рассеянность. Посуда летела из её рук, она нередко ошибалась. Профессора Энгельбректа я видел только изредка, но и в нём была заметна перемена. Он как-то осунулся, постарел, лицо его потемнело.

По вечерам, после работы. Нора и я выходили иногда на нашу площадку полюбоваться северным сиянием, подышать «воздушными витаминами», а главное, побеседовать. Нора была одинока в своём горе, и я был единственный человек, в обществе которого она могла найти моральную поддержку.

Уже несколько дней ветер не бушевал над кратером. Было необычайно тихо.

— Мистер Бэйли, очевидно, решил дать передохнуть воздуху, — как-то пошутил я.

— Да, но этому нечего радоваться, — ответила Нора. — Мы переходим на новый способ сгущения воздуха. Зимой воздух приносил целые тучи снежной пыли. Это затрудняло работу. Снег, удалённый из вентилятора, требовал слишком много места и труда для уборки. Вы видите эту гору? Это искусственная гора. Она не успевает стаивать за лето. Ещё через год здесь был бы целый Монблан. Отец призвал на помощь все силы химии и электричества и нашёл новые способы поглощения и разложения воздуха. Увы, процессы переработки воздуха пойдут теперь ещё быстрее. И скоро земля начнёт задыхаться, как в припадке астмы.

— Нора, бежим отсюда! — вдруг сказал я. Девушка посмотрела на меня.

— Возьмёмся за руки и прыгнем с этой площадки? — шутливо спросила она.

Это уже было похоже на кокетство. Не давая мне ответить, Нора в том же тоне продолжала, глядя вниз:

— Пожалуй, мы и не разбились бы. Мы скатились бы вниз и упали бы в мягкий снег. Потом пошли бы вон туда...

Я внимательно смотрел на путь, указываемый Норой. А ведь в самом деле этим путём можно бежать! Здесь нет трубы. Извилистое ущелье может защитить от ветров, если их поднимет «бог ветров» Бэйли.

— Не шутите. Нора, это прекрасный путь для побега, — высказал я вслух мою мысль. — Немножко высоко... Если вы не решаетесь, я бегу один.

Что-то вроде испуга мелькнуло в глазах Норы.

— И оставите меня одну? Нет, я не пущу вас...

— По приказу его величества мистера Бэйли?

— Я не пущу вас, — продолжала Нора. — Вас могут поймать, как и в первый раз, и тогда вам уже не поможет никакое заступничество. Притом вы не приспособлены для такого путешествия. Ваша жертва будет напрасна. Отважиться на такое путешествие имеет право только человек, рождённый в этой мёртвой пустыне, — какой-нибудь якут, как ваш Никола... В самом деле, почему бы вам не снарядить его? Он прекрасно справится с задачей. И скоро на наши головы полетят снаряды. И мы «умрём, как герои», — сказала она с горькой иронией.

— Наши войска будут предупреждены, и, может быть, нам удастся избежать этой почётной смерти. Вероятно, осаждённый мистер Бэйли сдастся, когда убедится, что борьба безнадежна, — постарался я смягчить мрачные перспективы. — Ваше предложение неплохое. Я готов идти на риск, но вы правы: Никола лучше справится с этой задачей.

— А Никола согласится?

— Никола! Вы не знаете его. Это золотой человек. Он столько раз смотрел смерти в глаза, что наш проект нисколько не испугает и не удивит его.

У меня стало легче на душе. Нора тоже повеселела. Круг безысходности как будто разомкнулся. Теперь у нас был определённый план. Мы всячески обдумывали его, и это отвлекало Нору от мрачных мыслей.

Встретившись с Николой в нашей комнате, я подозвал его и тихо шепнул:

— Никола, я нашёл, откуда можно бежать. Можешь ли ты пробраться в Верхоянск? Я дам тебе тёплую одежду, револьвер и мешок с сухарями и вяленным мясом.

— А ты? — спросил тоже тихо Никола.

— Нам нельзя вдвоём. Нас могут поймать. Но если не дойдёшь ты, тогда отправлюсь я. Впрочем, если ты не хочешь идти один...

— Засем не хочешь? Мне тут скучно. А засем в Верхоянск?

— Ты передашь письмо. Идёшь?

— Ну да, — ответил Никола.

— Но только ты подумай хорошенько, Никола, я не принуждаю тебя. Ведь если тебя поймут, то на этот раз ты не отделаешься так легко. Тебя могут убить.

— Медведь бьёт и селовек бьёт, — формулировал Никола свой фатализм. — А когда идти, сейсяс?

— Нет, подождём немного. Надо всё обдумать и приготовить. Притом скоро начнёт выглядывать солнце. Зима на исходе.

— Не надо солнца. Я всё вижу. Сильно хосю сейсяс. С большим трудом мне удалось отговорить Николу от немедленного путешествия. Мы начали готовить Николу к побегу. Тёплую доху и сапоги я решил отдать свои. Никола мог «украсть» их у меня. Револьвер мне удалось достать у Норы. Оставалось припасти пищу. Это было труднее всего. Приходилось за обедом незаметно класть в карман кусочки хлеба и сухарей. Никола тоже экономил, но я не позволял ему уменьшать свои порции: он должен был набираться сил.

И Нора откладывала запасы. У неё вдруг появился «волчий аппетит». Скоро сумка, хранимая под моей подушкой, значительно наполнилась. Ещё несколько дней, и Никола мог двинуться в путь.

Надо было, однако, позаботиться и о том, чтобы на меня не пало подозрение. Если Никола не доберётся до Верхоянска и погибнет, то отправлюсь я. Мне необходимо было беречь себя на этот случай.

XIV. «Шутики» мистера Клименко

По моему совету Никола за несколько дней до побега начал говорить в кругу товарищей по работе о том, что ему очень наскучило пребывание в подземном городке и что он решил бежать.

— Товарищ Клименко ничего не знает. Если бы он знал, мне попало бы от него, — говорил Никола.

Все отговаривали Николу, пугали страшной карой, но Никола стоял на своём: зверь бьёт, человек бьёт — всё равно. Он не может больше.

Была опасность, что кто-нибудь из посвящённых в тайну Николы донесёт Бэйли о предстоящем побеге. Но на этот риск пришлось идти. На всякий случай Никола наводил на ложный след. Он говорил, что хочет повторить свою первую попытку: бежать из выводной трубы. Если бы Бэйли и донесли о планах Николы, Бэйли мог быть совершенно спокоен, зная, что эта попытка заранее обречена на неудачу. Таким образом, всё как будто было подготовлено.

Наконец настал день, вернее ночь, побега. Я условился с Николой, что он уже в походном снаряжении придёт на площадку, когда все уснут.

В условленный час я и Нора стояли на площадке. Ночь была довольно тёмная. Только бледные полосы, как далёкий луч слабого прожектора, бороздили иногда небо.

Время шло, а Никола не являлся. Я уже начал беспокоиться, когда дверь на площадку отворилась и Никола вошёл.

— Почему ты так запоздал? — спросил я. Никола широко улыбнулся.

— Я хитрый, — ответил он. — Я был на работе в трубе и поджидал, когда все уйдут. Потом я посол спина вперёд, стоб видели мой такой след.

Недаром Никола был завзятым следопытом. Он знал, как звери путают следы, сбивая охотника, и он решил воспользоваться этой звериной мудростью, прибавив к ней человеческую хитрость. Идя задом, он проложил свежий след на остатках снега и мусора в трубе, так что при расследовании могло показаться, как будто он прошёл по трубе к выходу.

— Ну, желаю успеха! — сказал я с волнением, передавая ему письмо.

— Нисего, — ответил он. И, посмотрев вниз, сказал: — Однако, высоко. Нисего. Внизу мягко. Прощай, товарищ! — он пожал мою руку и кивнул Норе: — Прощай, девушка.

Потом он смело перешагнул через железную ограду балкончика, повисшего над бездной, спустился на руках до края и, провисев в воздухе секунду, разжал пальцы.

Я нагнулся вниз, жадно разглядывая полумрак. Тело Николы, всё уменьшаясь, летело вниз. Ему нужно было пролететь не менее сорока метров, прежде чем достигнуть снежного откоса.

Вот его ноги коснулись снега, и всё тело нырнуло в снежную массу, точно он сделал прыжок в воду. Я напрягал зрение, но ничего не видел. Никола исчез в снежном сугробе. Быть может, он разбился, потерял сознание?.. Волнистые зелёно-розоватые полотна северного сияния заколыхались на небе, осветив снег неверным дрожащим светом. Я разглядел дыру, пробитую в снегу телом Николы, но его по-прежнему не было видно.

— Смотрите, смотрите, вот что-то шевелится внизу... — с волнением сказала Нора.



— Где? Я ничего не вижу. Это вам мерещится. От вспышек сияния тени двигались, то сгущаясь, то бледнея.

— Да не там! Ниже, гораздо ниже!

Я посмотрел ниже места падения и увидел на расстоянии добрых двух десятков метров от него что-то очень маленькое, копошащееся в снегу.

— Это рука! — воскликнула Нора, которая видела лучше меня.

Я напрягал зрение и, наконец, убедился в том, что из-под снега виднеется действительно рука Николы. Силою падения он пробил рыхлый, ещё не слежавшийся верхний пласт снега, пулюю пронзил его на несколько десятков метров и теперь прорывал дыру, чтобы вылезти наружу. Вот показалась его вторая рука, лохматая шапка. Вот он вылез наполовину. Наклонившись вниз, он, наконец, выбрался совсем и обернулся к нам лицом, взмахнув руками в рукавицах.

Я едва удержал готовый вырваться крик приветствия.

Никола ещё раз махнул нам рукою, лёг на бок и покатился вниз по пологому склону. Так докатился он до самого дна ущелья, превратившись в едва заметную точку. Затем, барахтаясь и увязая в снегу, он пополз к выходу из ущелья. У него не было лыж — мы не могли достать их, — но он этим не смущался. «Сделаю», — говорил он мне.

Да, Никола не пропадёт! Он был приспособлен к суровой жизни «окаянного края», так же как звери, на которых он охотился. Только бы он не попался в руки Бэйли, а с природой и четвероногими врагами он справится.

Свет погас. Мы потеряли из виду Николу, но ещё долго смотрели в тёмную бездну.

— Пора идти. Нам нельзя долго оставаться здесь, — сказала Нора.

— Да, идём, — ответил я, отрываясь наконец от бездны. — Завтра — день расплаты. Мистер Бэйли, вероятно, призовет меня на допрос... Нора, я хочу об-

ратиться к вам с просьбой. Нет ли у вас второго револьвера?

— Зачем он вам?

— Если Бэйли признает меня виновным в побеге Николы, я... всажу в мистера Бэйли пулю. Нора задумалась.

— Не знаю... У меня нет другого револьвера. Может быть, у отца. Если я сумею достать, то завтра принесу вам. Приходите пораньше в лабораторию.

Я с благодарностью пожал её руку. Да, Нора имела характер. Она не побоялась стать соучастницей побега, не боится помочь и в замышляемом много убийстве.

Я плохо спал. Около двух часов ночи, когда я только что задремал, в дверь громко постучались. Поспешно одеваясь, я спросил, кто стучит.

Я услышал голос Уильяма. «Так! Бэйли всё уже известно, и он зовёт меня на допрос», — решил я и открыл дверь. Вошёл Уильям в сопровождении двух вооружённых людей. Я невольно обратил внимание на их лица — энергичные и породистые. Два «джентльмена» подошли ко мне и тщательно обыскали. В этот момент я порадовался, что не успел получить от Норы револьвер. Затем Уильям и молодые люди тщательно и со знанием своего дела обыскали всю мою комнату. К счастью, в ней не было ничего компрометирующего меня. Закончив с обыском, «джентльмены» повели меня в кабинет Бэйли.

Он встретил меня бурей негодования.

— Это опять ваши шутики! — закричал он, грозно потрясая кулаками. — Вы не можете примириться с тем, что я торгую с Марсом и нарушаю ваш внешторг? О да, мистер Бэйли преступник! Его надо судить Верховным Судом! Скажите, пожалуйста! Мистер Бэйли лишит воздуха русских рабочих, и воздух будут выдавать только по карточкам, в кооперативах, членам профсоюза? Ха-ха-ха! Не так ли? Английские интриги империалистов? О, я знаю, что вы думаете. А я думаю, что вам придётся занять ваше место в пантеоне. Пьедестал давно ждёт вас.

Я уже был готов к этому нападению и потому хорошо играл свою роль. Выждав, когда Бэйли замолчал, я со спокойным видом, но с «искренним» удивлением спросил его:

— В чём дело, мистер Бэйли? Я не понимаю вас. Мне кажется, я не заслужил упреков. Я усердно работаю в лаборатории и ни в чём не провинился.

— Ложь! Вы всё прекрасно знаете. Где Никола?

— Не знаю. Сегодня он не ночевал со мною. Я думал, что он на работе или в чем-нибудь провинился и его отправили в карцер.

— Ложь! Ложь! — закричал Бэйли. — Это ваши шутики! Позвать рабочих, которые были с Николой!

Рабочие явились. Якуты подтвердили, что Никола уже несколько дней назад говорил о побеге, стосковавшись по свободной жизни. Никола говорил, что боится говорить Клименко об этом, что Клименко рассердится. Только они не верили, что он серьёзно думает бежать, поэтому и не донесли.

Эти показания несколько охладили гнев Бэйли. Моя непричастность к делу устанавливалась целым рядом свидетельских показаний.

— Я не верю вам и не верю им, — сказал Бэйли. — Одна шайка! Вы покрываете друг друга.

И вдруг, изобразив беспристрастного судью, он неожиданно для меня закончил:

— Но я не могу судить вас без улик. Расследование будет продолжаться. А пока вы остаётесь в подозрении. Идите.

Я вернулся к себе, радуясь, что всё обошлось так благополучно. Только бы им не пришлось в голову осмотреть долину. Но хитрость Николы с обратными следами должна направить розыски на ложный путь.

Утром, когда я пришёл в лабораторию. Нора шепнула:

— Я не нашла револьвера.

— Тем лучше, — ответил я. — Мистера Бэйли не так-то легко убить. Я уже был на допросе.

И я рассказал Норе о ночных событиях. Она выслушала моё сообщение с большим вниманием.

— Только бы не нашли следов в долине, — закончил я свой рассказ.

— Не беспокойтесь, — ответила она. — Рано утром я была на площадке. Снежный буран скрыл следы. Боюсь только, как бы этот буран не скрыл навсегда самого Николу...

— Никола не пропадёт, — успокоил я её. — Он отлежится. И будет спать в снегу, как в колыбели.

В этот же день вечером ко мне пришёл мистер Люк со свёртком под мышкой.

— Что это у вас? Новые шахматы? — спросил я его.

— Здесь шахматы и ещё кое-что, — ответил он, раскрывая свёрток. — Вот это радиоприёмник. Я сам сделал его для вас. Мистер Бэйли распорядился, чтобы вы больше не ходили ко мне на радиостанцию. А я знаю, что вы очень любите слушать ваш «Коминтерн». И я решил вам сделать маленький подарок. Вам будет не так скучно.

Я готов был расцеловать Люка за его «маленький подарок». Люк не подозревал, какую огромную услугу оказывал он мне. В награду за это в тот вечер мистер Люк два раза дал мне мат.

Затем он собственноручно установил радиоприёмник, испытал его и сказал:

— Слушайте вашу Москву.

Пожелав мне спокойной ночи, он ушёл, а я с жадностью начал слушать.

XV. Мир задыхается...

Недели шли за неделями. Я продолжал оставаться на подозрении у мистера Бэйли, но он не трогал меня. По-видимому, он начал убеждаться в моей невинности. Понемногу я перестал беспокоиться за себя. Зато радиовести очень огорчали меня. Недостаток воздуха ощущался всё сильнее. Уменьшение атмосферного давления замечали уже не только учёные, но и рядовые граждане.

Прежде всего разрежённость воздуха почувствовали жители горных местностей, и многие из них вынуждены были спускаться в долины. А в долинах недостаток воздуха сказался на больных. Астматики начали умирать во время припадков; туберкулёзные задыхались, усиленно дышали, ускоряя этим процесс и вызывая кровоизлияния.

Машины, работа которых была рассчитана на обычное атмосферное давление, отказывались служить. Аэропланные моторы давали перебои даже на незначительной высоте. Поршни и насосы машин капризничали. Всё это расстраивало производство и транспорт.

В довершение несчастий наступили сильные холода, сопровождаемые бурями, причём бури эти носили странный характер. Смерчевые вихри носились, как вестники смерти. Как будто чья-то злая рука спешила лишить Землю её атмосферы, сворачивала воздушные струи в «жгуты» и бросала их за облака. А оттуда, с надзвёздных высот, спускались на Землю ледяные потоки холода. Земля остывала. Лишённая значительного слоя своей толстой атмосферной шубы. Земля начала усиленно отдавать мировому пространству своё внутреннее тепло.

Катастрофа наступала скорее, чем можно было ожидать, судя по огромным запасам воздушного «сырья».

Я спросил у Норы, чем объясняет её отец наступление всех этих грозных явлений. Нора ответила, что для её отца и мистера Бэйли всё это явилось, по-видимому, некоторой неожиданностью.

— Отец даже хотел с вами посоветоваться, — сказала Нора. — Ведь это больше относится к вашей специальности.

И я удостоился чести быть приглашённым к Энгельбректу. На совещании присутствовал и Бэйли. Он нисколько не был огорчён происходящим в мире, скорее наоборот: продавец воздуха находился в приятном возбуждении, как игрок, уверенный в своих картах.

Совещание наше длилось довольно долго. Мы делали различные подсчёты и пришли к выводу, что воздух, переработанный в подземном городке, составляет ещё слишком небольшую часть атмосферы, и убыль его из общей массы окружающего Землю воздуха не могла непосредственно вызвать столь катастрофических явлений.

— Но в чём же дело? — спросил Бэйли, поглядывая на меня и Энгельбректа.

Наконец-то я мог уравнивать наше положение! Мистер Бэйли нуждается в моём мнении! Я напустил на себя самый глубокомысленный вид и высказал своё мнение:

— Вентиляторы мистера Бэйли изменили обычные направления ветра, вследствие чего на земном шаре изменилось и «натяжение» атмосферной оболочки: воздух уплотнился там, где обычные воздушные течения совпали с ис-

кусственно созданным направлением, и разределся в местах, где раньше существовали противоположные воздушные течения. Вследствие этого увеличилась разница между максимумом и минимумом атмосферного давления. Циклоническая деятельность усилилась. Сталкивающиеся циклоны стали увлекать воздушные вихри вверх, выше области их обычного влияния. Таким образом, нарушилась обычная циркуляция воздуха не только по горизонтали, но и по вертикали...

Я видел, что Бэйли и Энгельбрект слушали моё объяснение с напряжённым вниманием.

— Возможно, что эта картина и не совсем точно соответствует действительности, — закончил я, — но в основном, я думаю, моё предположение верно. Основная же моя мысль заключается в том, что вентиляторы мистера Бэйли, нарушив обычную циркуляцию воздуха, явились толчком к тому, чтобы в игре приняли участие стихийные силы... Вы, мистер Бэйли, похожи на доктора Фауста, который вызвал «духа Земли», но не мог с ним справиться.

Сравнение с Фаустом было принято Бэйли благосклонно. Он усмехнулся и сказал:

— Фауст был совершенно непрактичным человеком. Пусть «Духи Воздуха» играют на свободе. Всё дело в том, чтобы использовать эту игру наиболее выгодным для себя способом.

На этом наше заседание закончилось.

А радио приносило всё новые вести. Перед лицом ужасной катастрофы борьба за существование обострилась. Если не выжить, то пережить других должны были сильнейшие. А сильнейшими в мире капитализма были, конечно, капиталисты.

Снабдил ли их сам Бэйли «воздушными консервами», начали ли богачи самостоятельно добывать жидкий воздух, чтобы не умереть от воздушного голода, как бы то ни было, но в руках капиталистов оказалась эта новая, самая дорогая валюта. Жидкий воздух победоносно выступил на рынок, заставив пасть перед собою ниц все другие ценности. Жидкий воздух продавался в особой упаковке, гарантирующей от взрыва и испарения.

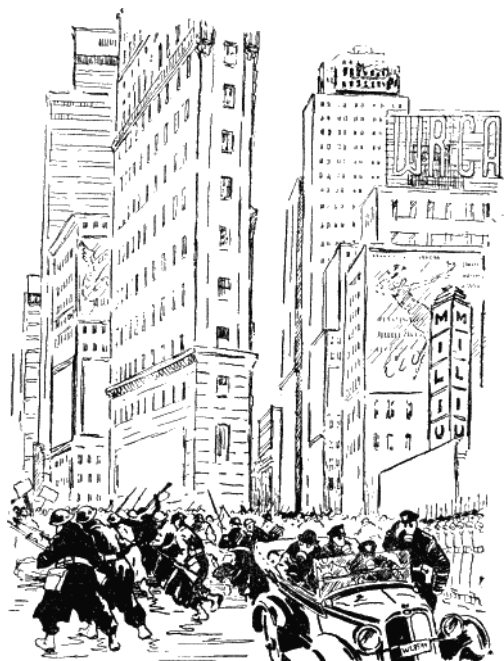
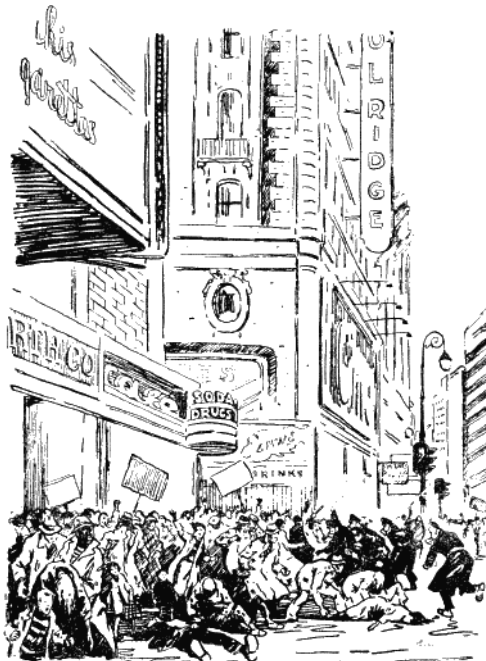
На новую валюту богачи начали скупать продукты питания и всевозможнейшие консервы. Охлаждённая Земля, по-видимому, не могла больше рожать плодов и злаков. Сельское хозяйство и животноводство должны были погибнуть. Больше всех мог прожить тот, кто собрал наибольшие запасы питания, воды, воздуха и тепла. Надземное строительство прекращалось. Кое-где люди начали уже зарываться в землю, как кроты. Там было теплее: внизу, в герметически закрытых квартирах, можно было свободно дышать, постепенно используя запасы жидкого воздуха.

Удивительно, до чего быстро развёртывались события там, вдали от нашего городка!..

Вся эта лихорадка эгоистических мер самоспасения протекала на глазах рабочих, которые во многих местах начали уже волноваться. Ссылаясь на то, что ветер со всех концов земного шара тянул в ледяные пустыни Сибири, буржуазная, а за нею и соглашательская печать убеждали, что ужасная катастрофа, постигшая мир, была делом московских коммунистов, которые решили таким путём «поставить на колени» мир.

Безумие охватило весь мир. Европа и Америка лихорадочно вооружались

для войны с «извергами человечества».



А капиталисты продолжали свою политику. Рабочие отказывались получать деньги, всё более обесценивавшиеся, и требовали «воздушной платы». Капиталисты вынуждены были пойти на эту уступку, однако они установили чрезвычайно низкую норму: жидкий воздух отпускался в особых «термических» баллонах с таким расчётом, чтобы рабочие не могли делать запасов. Так как воздуха во многих местах (особенно в Западной Европе, Африке и Америке) уже не хватало, то рабочим ничего больше не оставалось как работать за право дышать. В продаже появились маски, подобные противогазовым, и в этих масках появлялось всё больше людей в общественных местах. Но так как маски не были снабжены радиостанциями, как скафандры нашего подземного городка, то люди могли изъясняться только жестами.

«Это и к лучшему, — откровенно говорили фашисты, — меньше будет агитации». Впрочем, люди состоятельных слоёв обзавелись портативными радиотелефонами. Ими же была снабжена полиция.

Но агитаторы всё же умудрились вести пропаганду при помощи листовок.

Классовая борьба резко обострилась и как-то сразу обнажилась. Напряжение дошло до крайних пределов. В разных местах вспыхивали «воздушные бунты»; толпа нападала на склады жидкого воздуха и громила их. На улицах уже пролилась кровь.

Я не спал ночи напролёт, слушая радио. Было от чего прийти в отчаяние. Даже мистер Люк потерял свою обычную беспечность. Он по привычке заходил ко мне после дежурства, но без шахмат.

— Скверные дела, — начал он ворчать. — Что толку в деньгах, которые скопил я у мистера Бэйли? Деньги ничего не стоят. Положим, за баллон, даже за бутылку жидкого воздуха я могу купить хорошенький домик. Но зачем теперь мне этот домик? Земля задыхается...

— Кто же в этом виноват? — раздражённо спросил я.

— Паникёры и спекулянты, — ответил он.

— А паника из-за чего?

— Из-за глупости. Хватило бы на наш век воздуха. Мистер Бэйли всего не сожрал бы.

Нет, Люка не привлечёшь на свою сторону. Даже перед лицом мирового несчастья он остался всё тем же: домик и собственное благополучие у него по-прежнему были на первом плане. Люк начал действовать мне на нервы. Я делал вид, что у меня болит голова иди много работы, и старался скорее отделаться от него, чтобы засесть за свой радиоприёмник.

Нервы мои совсем расшатались. Работа валилась из рук. Нора также чувствовала себя плохо. От её прекрасного румянца не осталось и следа. Бледная, похудевшая, сидела она, устремив глаза в одну точку.

— Всё гибнет, — тихо шептала она. — Мы дышим здесь чистым, насыщенным кислородом воздухом, а там — там гибнут люди, задыхаются дети... И никто из них не знает о причине...

Пришёл день, когда я решился ответить ей, как должен был, может быть, ответить давно.

— Они узнают, — сказал я. — Никола погиб, это очевидно. Сегодня ночью я отправлюсь в путь... Мистер Бэйди занят своими американскими «конкурентами» и новой перестройкой, надзор ослаблен, и, я думаю, мне удастся бежать...

Нора повернула ко мне лицо и, как сомнамбула, беззвучно сказала:

— Вы тоже погибнете, как Никола. — И в её лице было выражение безнадёжности, почти равнодушия.

— Пускай погибну. Лучше смерть, чем это ужасное бездействие в то время, когда тысячи людей близки к гибели.

— Да, лучше смерть, чем это... — так же беззвучно проговорила Нора.

В этот день она рассталась со мной без обычной улыбки. С каждым днём её улыбка бледнела, делалась всё более печальной и теперь, наконец, угасла, как и её румянец.

— Прощайте, — сказал я, протягивая ей руку.

— Прощайте, — ответила она.

— Вы... придёте провожать меня? На площадку?

— Приду, — ответила она. — Куда? На площадку? Ах да, да... — и она опять поникла головой.

XVI. Игра начинается

Я оставил девушку и тихо вышел из лаборатории. Вернувшись в свою комнату, я устало опустился на стул. Я чувствовал себя опустошённым. Обрывки мыслей проносились в голове. Никола погиб. Мир гибнет. Гибнет Нора... она скоро сойдёт с ума...

Машинально, по привычке, я надел наушники радио.

Говорил «Коминтерн»... Нет музыки, нет весёлых песен... Бесперывная информация о Земле, которая задыхается. У нас, правда, не так, как за рубежом... Нет звериной борьбы за последний глоток воздуха. Правительство делает всё, чтобы уменьшить панику и спасти население. Но что можно сделать!.. Положение разбросанного по деревням крестьянства особенно тяжёлое. Неужели гибель?..

Я уже хотел положить трубку, как вдруг услышал весть, от которой у меня захватило дыхание.

«...Больше бодрости, товарищи! Правительством сегодня получено чрезвычайно важное сообщение, которое в корне может изменить положение...»

И, повысив голос, диктор отчётливо сказал:

«Алло! Алло! Ноздря Ай-Тойона! Есть! — Потом своим обыкновенным голосом диктор добавил: — Вам, товарищи, непонятно это обращение, но скоро вы все узнаете о ноздре Ай-Тойона и вздохнёте — в буквальном смысле слова — вздохнёте с облегчением».

Первый вздохнул с облегчением я.

«Ноздря Ай-Тойона. Есть!» Это были условные слова, которые я просил мне сообщить по радио в том случае, если Николе удастся передать письмо моему заместителю Ширяеву. А Ширяев должен был передать мой доклад в Москву. Итак, Никола жив, и правительство знает всё о подземном городке мистера Бэйли!

Я быстро оделся и побежал на площадку. Норы ещё не было. Небо пело огнями. И мне казалось, что эта песнь была уже не такая холодная, чуждая Земле. Мне самому захотелось петь, кричать. И я вдруг запел, впервые за долгое время моего заключения:

*«За благом вслед идут печали,
Печаль же ра-адости залог...»*

— Вы с ума сошли! — услышал я за собою голос Норы. — Вас могут услышать. Петь на морозе?! Вы простудите горло.

— Да, я с ума сошёл! Пусть услышат. Пусть простужу горло. Никола жив! «Ноздря Ай-Тойона! Есть!»...

— Что с вами, Георгий? — впервые назвала меня Нора по имени.

Я вдруг схватил её, поднял на воздух и закружил по площадке.

— Сумасшедший! Пустите меня и расскажите, в чём дело.

— Ух, слушайте! Всё прекрасно. Я получил весть по радио. Никола жив! Он отнёс моё письмо по назначению. Мы должны ждать скорого наступления событий. Пленённый воздух скоро будет освобождён. И мы с вами скоро взлетим на воздух! Но это ничего. Постараемся бежать в последнюю минуту, когда над нами зареют бомбовозы. О, это будет великолепный день!

— Георгий, неужели это правда? — воскликнула она, и румянец вновь по-

казался на её щеках.

Её радость была не меньше моей. Однако скоро сияющее лицо девушки омрачилось. Я уже мог безошибочно читать все оттенки выражения этого лица. Она опять думала об отце. Его поведение всё ещё оставалось для неё мрачной загадкой. Потом мысли Норы приняли другое направление.

— Вам пока не надо отправляться в опасное путешествие, — сказала она. — Это хорошо. Но вообще радоваться нам ещё преждевременно. Мистера Бэйли не так-то легко победить. Он будет защищаться до последней крайности. Он страшный противник.

— Пустяки! — крикнул я. — Не может один человек устоять против сил всего государства, против мира.

— Как знать? — ответила Нора. — Вы не можете вообразить, какими страшными орудиями разрушения обладает мистер Бэйли.

— Но по крайней мере это будет борьба, а не безропотное подыхание. И потом... у мистера Бэйли есть «внутренние враги». Правда, их немного, но они могут быть опаснее вражеских армий.

— Этих внутренних врагов только двое: вы и я, — сказала Нора. — Но вы правы. Они могут сделать много. О, если бы и мой отец!.. — Она опустила голову.

Потом вдруг выпрямилась и решительно сказала:

— Настанет минута, и я поставлю отцу прямой вопрос: друг он или враг — ледяной ветер вдруг потянул снизу. Из кратера послышалось гудение.

— Вентилятор опять заработал, — сказала Нора. — Мистер Бэйли спешит переработать остатки воздушного сырья. Холодно... Идём...

В этот вечер я простился с Норой, унося с собою воспоминание о её улыбке, как будто я увидел солнце после долгой зимы.

И опять я уселся за радиоприёмник.

«Коминтерн» передавал последнее правительственное сообщение.

Начальнику экспедиции Ширяеву удалось установить центр направления ветров. Правительство снаряжает новую экспедицию для полного выяснения причин необычайного поглощения воздуха на такой-то широте и сто тридцать пятом градусе восточной долготы.

Я улыбнулся, выслушав это сообщение. Я знал, что Ширяев никуда не двигался из Верхоянска. Честь открытия «точки поглощения воздуха» была приписана ему по моему совету, чтобы отвести от меня подозрение мистера Бэйли, которому, конечно, будет передана эта важная радиотелефонограмма. Я представлял, как взбесится мистер Бэйли, узнав, что местоположение его подземного городка уже открыто. Это должно показаться ему тем более правдоподобным, что его мощные вентиляторы некоторое время бездействовали, и работники экспедиции могли довольно близко подойти к кратеру без риска быть втянутыми воздушным потоком.

Как обычно, наше правительство действовало быстро и решительно. К сожалению, я ничего не мог сообщить Реввоенсовету о вооружённых силах мистера Бэйли: это для меня оставалось тайной. Мне удалось только узнать, что население городка не превышает пятисот человек. Меня сначала удивляло такое небольшое количество рабочих и служащих. Но у мистера Бэйли всё было механизировано и рационализировано до последней возможности.

Пятьсот человек против целой армии — ничтожная горсточка! Но какие

машины истребления пустят в ход эти люди? Я мог только предупредить наших бойцов, что борьба предстоит трудная и надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

Так или иначе, развязки ждать недолго. Карты сданы, игра начата...

* * *

Мистер Бэйли приказом объявил городок на военном положении. «Гарнизон» подготавливался к осаде. На гребне кратера появились сторожевые вышки с установленными на них радиоухпами, улавливавшими звуки. В склонах с внешней стороны кратера открылись люки, о существовании которых я не знал, и иллюминаторы с толстыми стёклами. Грозные дула пушек выглядывали из отверстий люков. Как будто облегчая путь врагу, гигантские вентиляторы опять бездействовали.

Приближалась весна. Стояла тихая, безветренная погода. Солнце после зимней спячки начало выглядывать из-за горизонта, освещая снежные вершины гор багровым светом.

Настали дни напряжённого ожидания. Но в городке не чувствовалось особого оживления. Он казался таким же безлюдным и мёртвым, как всегда. Работы в лабораториях не прекращались. Но, по-видимому, лаборатории и мастерские работали теперь «на оборону». Бесперывно сновали подъёмники, доставляя снаряды на скрытые батареи. Машины заменяли целые армии людей.

Я и Нора по-прежнему занимались в нашей лаборатории, превращая длинные столбцы формул профессора Энгельбректа в новые способы обработки в переработки нашего воздушного «сырья». Мы проделывали ряд опытов, не зная их конечного синтеза, их результатов и целей. Это очень заботило Нору. Быть может, мы способствовали изготовлению новых способов истребления человечества? На вопросы Норы отец не отвечал ничего определённого.

Вечерами мы с Норой выходили на нашу площадку и наблюдали пустынное небо. Летучих вестников не было (я был убеждён, что новая экспедиция появится на крыльях). Главные Воздушные Силы СССР находились далеко от нас, и я высчитывал, как скоро они могут быть сюда переброшены. По моим расчётам, должно было пройти ещё несколько дней, прежде чем аэропланы зареют над нашими головами, неся нам смерть, но человечеству освобождение...

— Смотрите, как будто у орудий появились люди, — сказала в один из этих томительных вечеров Нора.

Я посмотрел на тёмные люки и увидел движущиеся тени. Очевидно, радиоуши уловили приближение аэропланов, и защитники городка готовились к воздушной атаке.

Мы с волнением ожидали, что будет дальше. Кругом всё было тихо. Солнце зашло за горизонт, и только ущерблённая луна тускло освещала дикий пейзаж, расстилавшийся у наших ног. Было холодно, но мы не уходили.

Прошло не менее часа. И вдруг яркий свет ослепил нас. Десяток огромных прожекторов вспыхнул кольцом вокруг кратера, далеко освещая окрестности. Из полярной ночи мы как будто перенеслись в сияющий тропический полдень. Когда глаза привыкли к свету, мы увидели на горизонте несколько серебристых стрекоз. В то же время уши наши уловили едва заметный рокот моторов.

— Летят, — в волнении сказала Нора.

— Да! — тихо ответил я, следя за тем, как далеко на западе маленькие стрекозы превращались в ласточек, ласточки в соколов... Всё ближе, ближе... Раз, два, три, четыре... пять, шесть... семь, восемь, девять, десять... Целая стая, расположенная журавлиным строем!

— А вот ещё там, смотрите! — воскликнула Нора. С юга приближалась такая же эскадрилья.

— И с севера!..

Рокот моторов уже наполнял собою воздух, отдавался в долинах, возвращался эхом. Западная эскадрилья продолжала лететь по прямому направлению на кратер, а северная и южная медленно загибали на восток, так, чтобы пройти над городком, сбрасывая бомбы, следом за первой эскадрильей...

— Скоро от нас ничего не останется! — сказала Нора. Я вспомнил о нашем плане побега, но продолжал стоять и смотреть как прикованный.

Аэропланы уже настолько приблизились, что при ярком свете прожекторов я мог различить красные звёзды на нижней стороне крыльев.

— Странно, — сказала Нора. — У мистера Бэйли должны быть дальнобойные пушки. Аэропланы уже на расстоянии выстрела, почему же городок молчит?

— Вам хочется скорее видеть подстреленными этих птиц? — шутя спросил я.

— Я скорее хочу видеть развязку... так же как и вы. Да, это была правда. Я сам был во власти нервного нетерпения — узнать неотвратимое, увидеть скорее силу оружия мистера Бэйли. И ждать нам пришлось недолго. Люди на батареях засуетились, затем я заметил движения, сопутствующие выстрелам из орудий. Но я не услышал никакого звука.

— Это пневматические пушки, и стреляют они воздушными бомбами, — пояснила Нора.

— Воздушные бомбы? Что это? — спросил я, напрягая зрение, чтобы не пропустить момента, когда снаряды достигнут аэропланы.

Но действие воздушных бомб оказалось иное.

— Смотрите не вверх, а вниз, — сказала Нора. Я посмотрел вниз и увидел, как по белой поверхности снега вздымается снежная пыль.

— И только-то! — Я готов был улыбнуться.

Но что это?.. Снег как будто закипел в месте падения бомб. Поднялись огромные клубы пара, и вдруг со страшным рёвом, свистом, шумом от земли поднялись смерчи. Снежный витой столб взлетел, казалось, до самого неба, начал быстро расширяться, расти, в то же время распыляясь и превращаясь в бешеную снежную пургу. Бэйли поднял снежную бурю! Я посмотрел на аэропланы. Белая пелена приближалась к ним с необычайной скоростью. Вот головной аэроплан вдруг встал на дыбы, завертелся и полетел назад, как кусок бумаги, гонимый самумом.

Второй, третий... Не прошло нескольких секунд, как вся воздушная стая закружилась в воздухе, подобно осенним листьям, сорванным с дерева ураганом.

Серая мгла затянула небо.

Когда она постепенно рассеялась, небо было так же пустынно, как всегда. Месяц зацепился острым краем за пик скалы, будто он боялся разделить судь-

бу аэропланов, и уныло смотрел на мёртвые склоны...

Я стоял поражённый, тяжело дыша. Меня била лихорадка. Нора прислонилась к стене и, бледная, смотрела расширенными глазами туда, где за несколько минут перед тем гордо реяли стальные птицы. Потом она тяжело вздохнула. В её словах была знакомая безнадежность:

— Трудно бороться с мистером Бэйли... Вот результат...

— Это не конец, это начало! — сказал я, но, признаюсь, в эту минуту сомнение в успехе вползло в мои мысли. — Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше нечего смотреть, — ответила Нора. — Нужно быть безумным, чтобы решиться на вторичную атаку.

Нора оказалась права: атака не возобновлялась. Надо было время, чтобы оправиться от удара и учесть опыт первого сражения.

Но мы продолжали стоять, глядя на запад...

XVII. «Показательный взрыв»

На другой же день после первого наступления самолётов Красной Армии атака возобновилась. Мы с Норой сидели в лаборатории, когда услышали тревожный сигнал. Взглянув друг на друга, мы по молчаливому согласию разом бросили наши пробирки, быстро оделись и поднялись на балкон.

Было двенадцать часов дня. Серая пелена облаков покрывала небо. Высоко над нами слабо гудел один аэроплан. Но его не было видно. Я понял тактику наших лётчиков: забрать большую высоту и лететь под прикрытием ниже лежащих облаков. Наше командование, очевидно, решило не бросать больших сил, а действовать одиночными налётами. Это была вполне разумная тактика в данных условиях. Но, увы, и она не достигла цели.

Мистер Бэйли был поистине повелителем бурь. Прежде чем аэроплан достиг зенита, пришли в действие гигантские вентиляторы, пустившие в небо мощный столб воздуха. Этот воздушный таран пробил дыру в облаках, которые быстро рассеялись. Выглянуло голубое небо... А аэроплан? Мы так и не видели его. Среди рёва поднявшейся бури я уловил несколько захлёбывающихся перебойных звуков мотора, как прерывающийся предсмертный клёкот раненого орла. Ветер отбросил самолёт вместе с тучами далеко в сторону...

В тот же день я узнал по радио результаты первых боёв. Если только число жертв не было скрыто «по стратегическим соображениям», что утверждал Бэйли, — потери нашего воздушного флота были не так велики, как я боялся: три лётчика были убиты, шесть ранены, два аэроплана разбиты. Большинству же воздушных машин удалось выровняться, но их отнесло на несколько сот вёрст. Несмотря на эти потери, дух наступающих не был сломлен. Правительство объявило, что не прекратит борьбы, пока враг не будет уничтожен.

— Посмотрим, кто кого уничтожит! — высокомерно говорил Бэйли. — Они ещё не кушали всех моих гостинцев.

В течение нескольких следующих дней воздушные атаки продолжались, но с тем же результатом. Усилители звуков задолго предупреждали о появлении самолётов, несмотря на применение глушителей, почти уничтожавших шум моторов. Всякий раз аэропланы отбрасывало далеко назад. «Ноздря Ай-Тойона» уже сделалась известной всему миру. Она усиленно выпускала воздух и теперь совсем не втягивала его в себя (чтобы вместе с аэропланом не

втянуть и бомбы, которые могли бы разорваться в вентиляторе).

Наконец наши лётчики, по-видимому, убедились в невозможности атаковать город с воздуха. Воздушные атаки прекратились.

— Поумнели, — сказал Бэйли. — Жалко только воздуха, столько пришлось выпустить его. Но война не бывает без потерь; я опять вберу мой воздух к себе. Они ещё придут ко мне, на коленях приползут! И будут вымаливать маленький глоточек!..

Опять потянулись дни тревожного ожидания. Сторожевые стояли на своих наблюдательных вышках, напоминая о войне, но в городке жизнь шла своим чередом.

Через несколько недель это затишье было нарушено звуками далёкой канонады. Похоже было на артиллерийскую стрельбу, но разрывов я не слышал. Это случилось ночью перед утром. Я быстро оделся и вышел в коридор. Там я неожиданно столкнулся с Бэйли.

— Ваши товарищи не унимаются, — сказал он злобно. — Они подвезли дальнобойные пушки и хотят разгромить городок. Глупцы! Они не понимают, что этим только ускорят смерть всего мира. Теперь нет нужды скрывать вашего присутствия у меня. Идёмте со мной на радиостанцию, вы мне нужны.

— Отправьте радиотелеграмму, — сказал Бэйли Люку, когда мы вошли к нему.

Люк сел к передатчику. Бэйли начал диктовать:

— «Командующему армией. Прекратите немедленно бомбардировку. Если хоть один снаряд попадёт в подземный городок мистера Бэйли, то произойдёт мировая катастрофа. В городке находятся огромные запасы жидкого водорода. При истечении водорода и воспламенении его произойдёт соединение водорода с жидким воздухом, и это соединение, несмотря на весьма низкую температуру жидкого воздуха, произведёт гремучий газ с колоссальным жаром пламени вследствие сильной концентрации кислорода в жидком воздухе. Развившаяся теплота в одно мгновение превратит весь жидкий воздух в газообразный. Произойдёт взрыв небывалой силы. Поднявшийся ураган сметёт с лица земли города и селения. Разразится неслыханная в истории человечества катастрофа. Калименко».

— Вы хотите, чтобы эта радиотелеграмма шла от меня? — удивлённо спросил я.

— Да, от вас. А вы сами разве не хотите предупредить страшную катастрофу? Вам они скорее поверят, чем мне. Я не лгу. Вы сами видели жидкий водород, озёра жидкого воздуха и груды воздушных шариков. Наконец, если не верите мне, можете спросить у профессора Энгельбректа.

«Неужели Энгельбрект на стороне Бэйли?» — мелькнула у меня мысль.

— Я не могу послать такой радиотелеграммы, — отвечал я.

— Почему?

— Потому что я верю только тому, что видел глазами. Действие воздушных шариков мне неизвестно.

— Ах, вот как! Вы не верите мне? Ну хорошо, я предоставлю вам случай убедиться. Это мне будет стоить недёшево, но вашим товарищам обойдётся ещё дороже.

И, обратившись к Люку, он добавил:

— А телеграмму вы всё-таки пошлите от имени Калименко. Обойдёмся и

без его согласия!

— Но я протестую!

— Сколько хотите... Идёмте отсюда. Я стоял не двигаясь.

— Хотите, чтобы я арестовал вас?

Я был в его руках. Арест ничему не помог бы, а я ещё могу причинить Бэйли вред, если останусь на свободе. Пришлось повиноваться.

Телеграмма была отправлена и принята. Некоторое время пушки молчали: вероятно, командование сносилось с Москвой. Но на другой день пушки вновь загремели. Один снаряд взорвался у подошвы кратера. Бэйли решил, что рисковать больше нельзя, и отдал распоряжение «дать наглядный урок». Снова была отправлена радиотелеграмма, предупреждавшая на этот раз, что мистер Бэйли «разрядит» одну миллионную часть запасов своего воздушного оружия, чтобы убедить врага и весь мир, какое действие должен произвести взрыв всего горodka.

* * *

На западный склон кратера выкатили несколько бочек, наполненных безобидными на вид блестящими шариками. Все люки были плотно закрыты. Бэйли пригласил меня и Нору наблюдать за действием взрыва из небольшого оконца, проделанного в скале, недалеко от её вершины. В оконце было вделано стекло толщиной в пять сантиметров.

— Ну, полюбуйте сами, — сказал он, — как действуют мои шарики.

— Пока они спокойно лежат, несмотря на то, что в воздухе температура всего двенадцать градусов ниже нуля, а атмосферное давление даже ниже обычного.

— А вы хотите, чтобы шарики взорвались моментально? Тогда нам не удалось бы их вынести наружу. Энгельбректом изобретён состав, замедляющий испаряемость и взрыв. Подождите немного...

— Но если так, почему же этим предохранительным составом вы не осумкуете все шарики?

— Никакой состав не поможет против жара, развиваемого взрывом артиллерийского снаряда. Вот смотрите, начинается!..

Действительно, я увидел, что шарики, лежавшие сверху, начали — как будто куриться. Вскоре бочки покрылись облаком пара. Это облако выросло с необычайной быстротой, затягивая всё пространство перед нашими глазами.

— Это ещё не взрыв, — сказал Бэйли. — Это только испарение предохранительной оболочки. А вот... — Но он не успел договорить.

Что-то треснуло, ухнуло, и я потерял сознание.

...Когда я открыл глаза, то увидел над собой небо, на котором тучи вертелись и рвались, как в бешеном водовороте. От внешней стены нашего помещения не осталось и следа. Весь верх также снесло, причём порыв урагана был так велик, что на нас, к нашему счастью, не упало ни одного камня, — они были унесены, как солома. Рядом со мной лежала Нора, а у задней стены — Бэйли с разбитой головой. Под ним расползлась лужа крови.

Я посмотрел на горную долину и не узнал её. От леса не осталось и следа. Деревья были вырваны с корнем и унесены неведомо куда. Горные пики и даже целые вершины сорваны. Прямо передо мною между горами открылась новая долина, за которой виднелась безбрежная снежная пустыня... Там ещё бушевал ветер, но вокруг нас было относительно тихо.

Я попытался сесть. Всё моё тело болело и ныло гораздо сильнее, чем в тот день, когда меня втянул вентилятор. Я ещё раз посмотрел на Бэйли. Рот его был полуоткрыт, глаза остекленели. Он был мёртв. Тем лучше!.. Он сам приготовил себе смерть.

Я наклонился над Норой и начал приводить её в чувство. Она была невредима, но лежала в глубоком обмороке. Мне пришлось немало повозиться с ней. Искусственное дыхание не возвращало её к жизни. Я был на грани отчаяния, когда вспомнил о способе восстанавливать биение сердца частым постукиванием кулака в области сердца. Это помогло. Пульс усилился и Нора наконец открыла глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Благодарю вас, сносно. Где мистер Бэйли?

— Убит, — ответил я, не скрывая своей радости.



Но в этот момент я услышал за собою хрип. Вслед за этим Бэйли глухо проговорил:

— Чёрт возьми!.. Я, кажется, перестарался.

Он задвигал руками по полу.

— Я не могу поднять головы, — так же глухо продолжал он. — Помогите мне.

Я подполз к Бэйли и усадил его, прислонив к стенке. Голова его свесилась набок.

— Давление пятьдесят тысяч атмосфер... Главная волна должна была идти в сторону нагрева... Нагреватель был поставлен на запад. А между тем такая контузия... — бормотал Бэйли, разбираясь в своей ошибке. Потом он застонал и закрыл глаза.

Одна мысль вдруг молнией пронеслась в моём мозгу. Мистер Бэйли был в моих руках! Если я его... Никто не узнает!.. Я поднял большой осколок камня и уже занёс над головой Бэйли. Нора внезапно схватила мою руку и отвела в сторону.

— Как вам не стыдно... убивать раненого, больного, беззащитного человека? — шептала она.

Я смутился. Камень выпал из моей руки.

— Но разве вы сами...

— А? Что?.. О чём вы шепчетесь? — спросил мистер Бэйли, приоткрыв правый глаз.

— Вас нужно отнести в комнату, я сейчас позову людей, — сказала Нора, потирая свои щёки, побелевшие от холода. — Мистер Клименко, позовите кого-нибудь на помощь.

Я колебался. Но в этот момент сквозь разломанную дверь пролез Уильям. Одежда его была порвана, лицо в синяках и ссадинах. Видимо, ему также досталось от взрыва. Следом за ним явились двое слуг. Они взяли Бэйли на руки и, с большим трудом просунув его тело в развороченную дверь, унесли.

Нора смотрела на картину разрушения.

— Какой ужас! — сказала она.

— Вы скоро раскаетесь в вашем милосердии.

— Может быть, но иначе я не могла, — ответила девушка. — Это было сильнее меня.

XVIII. Бэйли снимает маску

Норе пришлось ухаживать за раненым Бэйли. Положение его было довольно серьёзно. Его мучили головные боли. Временами он бредил. Первые ночи Нора не отходила от него.

— Ну как? — при каждой встрече спрашивал я Нору с тайной надеждой, что Бэйли не выживет.

— Всё в том же положении, — отвечала Нора и, видя моё разочарование, смущённо говорила: — Вы, вероятно, упрекаете меня в слабоволии, но это сильнее меня, я уже говорила вам. Я не могу...

— А как его настроение?

— Сегодня утром мистер Бэйли пришёл в себя и сказал: «Я набил себе порядочную шишку, но у моих врагов шишка будет, наверное, побольше».

Бэйли был прав. «Показательный взрыв» произвёл огромные опустошения. На тысячи километров к западу, куда была направлена главная сила взрыва, страна представляла печальное зрелище. Как будто гигантская бритва прошлась по земному шару, сбрив начисто вековые леса, селения, города... Реки вышли из берегов, и наводнения доканчивали дело бури. Кто не погиб от ветра, тот нашёл смерть в волнах. Трупы людей и животных были раскиданы повсюду, целые дома заносило на вершину гор или в озёра, иногда за сотни километров.

Полоса между шестидесятыми и семидесятыми градусами северной широты особенно пострадала. По счастью, для наиболее густо населённых мест европейской части СССР и Западной Европы очаг воздушного взрыва находился далеко. Уральский горный хребет также несколько задержал ураган. Уфа, Свердловск, Пермь и другие города, лежащие недалеко от Уральского хребта, пострадали меньше Поволжья; на Урале ветер сделал как бы огромный прыжок и обрушился всей массой на Самару, Нижний Новгород, Вологду и дальше — Москву, Ригу, Варшаву. Польша, Германия, север Франции и Англия имели такой вид, как будто — здесь произошло сильнейшее землетрясение. Далее вихрь пронёсся по Атлантическому океану, потопив там множество судов, перекинулся на восточные берега Северной Америки и, произведя в Канаде и Со-

единённых Штатах огромные разрушения, помчался через Тихий океан к берегам Японии, обогнув таким образом весь земной шар. Пролетев пустынями Азии, ветер сделал полный круг. В одну бурную ночь наша гора тряслась, как в лихорадке, под напором восточного ветра. Так, всё более замедляясь, вихрь четыре раза обошёл вокруг земного шара. Его периодические порывы продолжали ощущаться ещё долгое время.

Урок был дан хороший! Весь мир содрогнулся от ужаса.



Сказка о преступлении большевиков, готовившихся удушить мир, рассеялась. Имя Бэйли было у всех на устах, после того как он сам дал радиотелеграмму «Всем! Всем! Всем!», призывавшую признать его власть и сложить оружие. В наиболее пострадавших государствах царила паника. Печать требовала перемирия, предлагая сейчас же начать с мистером Бэйли переговоры о соглашении.

И только Советский Союз объявил, что не сложит оружия до тех пор, пока враг не будет побеждён. Это решение вызвало взрыв возмущения в печати

Германии, Англии, Франции и Соединённых Штатов. Если СССР упирается, то европейские державы и Америка могут заключить мир с мистером Бэйли и через голову СССР. Если же СССР будет противиться этому, то «против него вооружится весь мир».

И действительно, скоро от имени правительств Германии, Франции, Англии и Соединённых Штатов Америки мистеру Бэйли была прислана радиотелеграмма, предлагающая ему изложить условия мира.

Бэйли не заставил себя долго ждать. Он ультимативно выставил три пункта:

1. Повсеместное установление диктатуры крупного капитала.
2. Физическое истребление коммунистов.
3. Монополия продажи воздуха остаётся за мистером Бэйли, как гарантия, обеспечивающая незыблемость устанавливаемой им политической системы.

Наконец-то Бэйли открыл своё настоящее лицо. Я до сих пор сомневаюсь, действительно ли он занимался «внешторгом» с Марсом. Но «земные» его цели стали мне вполне понятны, когда я узнал об ультиматуме. Бэйли преследовал социально-политические задачи: он хотел на вечные времена закрепить рабочий класс, предоставляя ему возможность работать за право дышать, дышать в буквальном смысле слова!

Буржуазные правительства нашли условия мистера Бэйли более чем приемлемыми для себя. Но и рабочих массах этот ультиматум вызвал живейший протест. Однако с рабочими капиталисты надеялись быстро расправиться. «Кто против нас, тот останется без воздуха», — лаконически отвечали защитники соглашения с Бэйли.

Мир стоял перед новым ужаснейшим кровопролитием. Впрочем, реакционная печать (уже через два дня после ультиматума) цинично заявляла, что на этот раз революция, если рабочие захотят поднять её, будет «совершенно бескровной», намекая на то, что классовый враг попросту будет удушен.

Я сообщил эти новости Норе. Она выслушала их молча, только губы её дрогнули.

— Так дальше продолжаться не может, — сказала она, помолчав. — Я должна сегодня же переговорить с отцом. Приходите в полночь на нашу площадку. Я расскажу вам всё, что узнаю от него.

Вечером ко мне зашёл мистер Люк. Он был необычайно мрачен. Вопреки обыкновению он не предложил мне играть в шахматы. Угрюмо бродя по комнате, он выкрикивал время от времени крепчайшие проклятия.

— Вы не в духе, мистер Люк? — спросил я его.

— Будешь не в духе, — буркнул он. — Пусть дьяволы разорвут требуху мистера Бэйли и всех ваших «товарищей»!

— В чём дело, мистер Люк?

Люк расставил широко ноги, скрестив руки на груди, и трагическим тоном ответил:

— Дело в том, что в городке нет больше ни капли джина!

— Как? — воскликнул я с удивлением. — Неужели запасы городка истощаются?

— Истопились! — мрачно огрызнулся Люк. — Нет джина, а скоро нечего будет и есть, кроме мороженого мяса. — Он помолчал и, махнув рукой, продолжал: — Эх, ну что скрывать! Вы всё равно не уйдёте из этой мышеловки. Нам

доставлялись запасы со стороны, на аэропланах. Мистер Бэйли всё время поддерживал связь с внешним миром. При всём его богатстве ему одному не удалось бы соорудить и поддерживать такое предприятие. Мистер Бэйли не один. У него много союзников. И они всё время поддерживали его, пополняли наши запасы... Но теперь мы в блокаде. Ваши лётчики — и бури их не берут! — установили такой кордон, что ворона не пролетит, а не то что аэроплан. Мы отправили нашим союзникам в Англию уже три отчаянные телеграммы и получаем всё тот же ответ: «Нет возможности. Потерпите, скоро будет заключён мир». Потерпите! — сердито закончил Люк. — Им хорошо там терпеть. А како-во мне тут!..

То, что сказал мистер Люк, было для меня откровением. В одном отношении Бэйли оказался сильнее, чем я думал раньше. Он не был, оказывается, борцом-одиночкой, он стоял во главе заговора капиталистов! Быть может, силы всего международного капитала поддерживали Бэйли. «Продавец воздуха» — это только ловкий манёвр, чтобы среди рабочих и населения не возбудить гнева против всех капиталистов. Дело было поставлено так, как будто один маньяк или злодеи завладел воздухом, а капиталисты лишь принуждены принять его условия!

С другой стороны, положение самого Бэйли и его городка, как я узнал от Люка, было почти катастрофическим. А если капитулирует городок, то и весь заговор сорвётся. Этого не знали рабочие, не знало и правительство СССР. Недаром иностранные государства так спешат заключить мир с мистером Бэйли. Наступают решительные дни. Теперь все средства хороши... И если Нора не имеет сил прикончить мистера Бэйли, то это сделаю я!

Новости, сообщённые мне Люком, были так важны, что я решил вознаградить его и вытащил из-под кровати припасённую мною за неделю до этого бутылку джина.

Мистер Люк, увидев заветную бутылку, издал рычащий звук и набросился на неё, как зверь на добычу. Он начал пить прямо из бутылки и оторвался не раньше, чем высосал половину. Потом он вытер губы, любовно закупорил бутылку, опустил в карман и, поблагодарив меня, ушёл.

XIX. Развязанные руки

Я посмотрел на часы. Было без десяти минут двенадцать — время идти на площадку.

Норы ещё не было. На небе расцветали лилово-зелёные букеты, сновали весёлые жёлтые и голубые полосы. У горизонта плясали какие-то бледно-оранжевые занавески. Сегодня на небе была праздничная иллюминация. Спектры кислорода и неона танцевали кадрили со спектрами азота и гелия.

За мною тихо скрипнула дверь. Я обернулся. Нора!

Она была бледна, как труп замерзающего. Ни слова не говоря, девушка подошла ко мне, положила руки на мои плечи, приблизила лицо и вдруг крепко поцеловала. От неожиданной ласки у меня захватило дыхание.

— Нора! — тихо воскликнул я.

Она быстро отошла от меня и сказала:

— Теперь всё будет хорошо. Мне нужно сходить вниз к озеру жидкого воздуха. Отец послал меня туда, — выразительно добавила она, — и мистер Бэйли. Идёмте со мной.

— Нора! Нора! Но что сказал отец? И что всё это значит? Почему вы так бледны?

Всё, что я хотел сказать Норе, вылетело у меня из головы. Поведение девушки было настолько необычно, и она говорила так повелительно, что я последовал за нею, как автомат. Она шла очень быстро. Несколько раз я окликал её и пытался заговорить, но девушка только ускоряла шаги.

Мы вошли в комнату, где хранилась одежда для путешествия в пещерах абсолютного холода.

— Помогите мне скорее одеться, — сказала Нора, — и не спрашивайте ни о чём. Вы скоро всё узнаете.

Я принуждён был покориться. Быстро надев «водолазные» костюмы, мы спустились на лифте, в молчании миновали ряд дверей и вошли в подземную пещеру. Голубое озеро жидкого воздуха чуть дымилось. Холодный свет ламп ярко освещал путь.

Мы шли берегом озера. Нора начала замедлять шаги и несколько раз споткнулась, как будто ноги не держали её. Я взял её под руку, но она освободила свою руку и сказала мне:

— Пройдёмте вперёд.

— Зачем?

— Так надо.

Я покорно сделал несколько шагов вперёд — и вдруг услышал слабый крик. Я быстро оглянулся и вздрогнул от ужаса.

— Что вы делаете?! — закричал я. Но было уже поздно.

Нора раскрыла свой изоляционный костюм, обнажив грудь и голову. Холод в двести семьдесят три градуса ниже нуля должен был убить её моментально. Я подбежал к девушке и трясущимися руками пытался натянуть ей на голову скафандр и закрыть одежду на груди. Тело Норы в одно мгновение покрылось пушистым инеем и затвердело, как сталь... Даже её глаза, оставшиеся открытыми, покрылись плёнкой инея, а с губ, открытых улыбкой, упал ледяной комочек — последнее дыхание Норы. Часть инея отделилась от её тела и хлопьями снега осыпалась на пол.

— Нора! Нора... Что ты наделала!.. — кричал я, обезумев.

Я стоял перед снежной статуей девушки, не зная, что делать. И вдруг я заметил у её ног четырёхугольный запущённый инеем предмет. Я поднял его, стёр иней и увидел, что это письмо.

Взглянув ещё раз на Нору, я увидел, что иней спустился ниже, запусив всю её фигуру. Я решил перенести её в «пантеон» и поставить на пьедестал, уготованный мистером Бэйли для меня. Мне казалось, что это будет лучший способ похорон бедной девушки. Я обнял рукой её зачоченевший стан и попытался поднять труп. Но ноги девушки не отрывались, припаянные льдом, образовавшимся от испарившейся внутренней теплоты её тела. Я сделал усилие и вдруг почувствовал, что тело Норы треснуло и разломилось на несколько кусков. Вздогнув, я отпустил руку, и верхняя половина тела упала на сторону, сдерживаемая только одеждой. Несколько кусков замороженного тела, как осколки разбитого изваяния, выпали из распахнувшейся одежды. Нора, живая горячая Нора в одно мгновение превратилась в хрупкую, нежнее фарфора, статую!..

Я глубоко был огорчён и потрясён этим превращением. Оторвав наконец ноги девушки от земли, я взвалил на плечи фарфоровые останки, отнёс их в «пантеон» и положил на пьедестал. Увы, я смог восстановить там только бюстовый памятник Норе... Осторожно очистив её лицо от инея и посмотрев в последний раз на губы, которые так недавно целовали меня, я вышел из мрачной пещеры, поднялся, поспешил к себе, осторожно согрел и высушил письмо и начал читать его.

Нора писала:

«Милый друг!

Простите, что я заставила вас пережить неприятные минуты. Но я боялась, что без вас не совершу того, что надо было совершить. Ваше присутствие поддерживало меня.

Я говорила с отцом. Я принудила его сознаться во всём. И теперь я знаю, что заставляло его работать с мистером Бэйли.

Мистер Бэйли обманул отца. Он завлёл отца в этот городок, обещая отпустить через год. Но когда год прошёл, Бэйли объявил отцу, что не отпустит его. Если же отец не послушается Бэйли, то мы не выйдем живыми отсюда — ни он, ни я. Отец очень любит меня. Он не мог рисковать моей жизнью и остался у мистера Бэйли. Но отцу тяжело было признаться, что он находится в плену. И потому он уверял меня, что его задерживает работа.

Таким образом, я связывала отца. И из-за меня отец принуждён был принимать участие в этом ужасном деле.

Когда-то вы бросили мне упрёк в том, что я не похожа на моего предка-революционера, рудокопа Энгельбректа. Да, я должна признаться, что не имею его силы воли и его неукротимой энергии. Века и поколения потомков, очевидно, распылили его железный характер. Я не решилась убить мистера Бэйли. И долго не могла решиться задать отцу роковой вопрос о его соучастии в преступлении. Но всё же я хочу умереть, как достойная правнучка рудокопа Энгельбректа. Это всё, что я могу сделать. Теперь отец свободен. Мне тяжело писать ему. Но передайте ему мои слова: „Отец, твои руки больше не связаны. Поступи так, как поступил бы на твоём месте рудокоп Энгельбрект“. Прощайте. Н о р а».

Я несколько раз прочитал письмо. Бедная Нора! Она поторопилась. Если бы я успел сказать ей о том, что узнал от Люка, то, может быть, она была бы жива... И... она любила меня. Но теперь со всем этим кончено. Однако не всё в письме Норы было для меня ясно. Быть может, её отец объяснит мне.

Было уже утро. Я пошёл к профессору Энгельбректу.

Он сидел в кабинете, погружённый в формулы. Увидев меня, профессор поднял голову от бумаг и спокойно спросил:

— Вы не видели моей дочери?

— С вашей дочерью... с мисс Элеонорой случилось большое несчастье, — сказал я. Энгельбрект побледнел.

— Что такое? Говорите!

Я молча положил на стол письмо Норы. Руки профессора заметно дрожали, но он старался овладеть собой. Прочитав письмо, он посмотрел на меня и глухо спросил:

— Что с ней?

Я рассказал о том, что произошло в пещере абсолютного холода. Я уже был почти спокоен.

Энгельбрект опустил голову и закрыл лицо руками. Так он просидел несколько минут. Я не нарушал молчания. Когда он отнял руки и поднял голову, я не узнал его лица — так оно изменилось и постарело.

Энгельбрект с трудом поднялся, пошатнулся и опять сел.

— Я убил её...

Потом он вдруг с силой ударил по столу кулаком, и глаза его засверкали гневом.

— Бэйли убил её!

Казалось, в Энгельбректе пробуждалась душа его предка.

— Идёмте со мной к этому бандиту! — крикнул он.

— Один вопрос, профессор, — сказал я.

— Говорите, но скорее...

— Мисс Элеонора пишет, что, по вашим словам, Бэйли угрожал убить вас и её, если вы решитесь уехать от него. Между тем мисс Элеонора говорила, что он не задерживал её.

— Это была игра мистера Бэйли, игра на психологии. Он знал, что Нора не уедет без меня. Я же принуждён был поддерживать в моей дочери иллюзию того, что она вольна уехать. Если бы она узнала о своей неволе, то положение всех нас осложнилось бы ещё больше. Она почувствовала бы себя несчастной.

— Ну, а если бы она всё-таки решилась уехать?

— Мистер Бэйди не выпустил бы её.

— Но почему же вы... не убили Бэйли?

— Я не раз думал об этом. Но убийство мистера Бэйли не изменило бы положения. Мистер Бэйли только одно из звеньев преступной цепи. Вы знаете, из кого состоит всё население городка, за исключением нескольких якутов чернорабочих? Из сыновей банкиров и тузов! И они не выпустили бы меня, если бы я убил Бэйли. Они убили бы меня и Нору. Они могли убить меня, а её оставить в живых... Что было бы с ней? Бедная девочка, она была права: она связывала мне руки. Но если бы я знал, что Нора так поступит...; Впрочем, теперь об этом поздно говорить. Да, мистер Бэйли шутить не любит. Со мной поступили бы точно так же, как с моими коллегами-профессорами, погибшими

в Арктике. Их убили за то, что они не хотели повиноваться мистеру Бэйли.

Профессор начал шарить в ящике письменного стола.

— Чёрт возьми, куда девался мой револьвер? Я хотел сказать, что ещё Нора искала его и не могла найти, но промолчал.

— Ну, обойдёмся. Идёмте, мистер Клименко.

— Что вы намерены делать? — спросил я.

— Поговорить по душам с мистером Бэйли... Наш приход к Бэйли был не совсем удачным. Он уже сидел в кресле, а вокруг него сгруппировались его приближённые. Их было не менее десяти человек.

Увидя это зрелище, Энгельбрект нахмурился, но отступить было поздно.

— А, уважаемый профессор, как кстати! — сказал Бэйли. — Я только что хотел послать за вами. У нас тут маленький военный совет. Вот только голова моя ещё плохо работает...

Бэйли замолчал и начал перебирать на лежавшем перед ним блюде блестящий бисер. Этот бисер был последним изобретением Энгельбректа — спрессованный воздух, заключённый в особые оболочки. В них воздух не испарялся в обыкновенной температуре и мог безопасно перевозиться. Только быстрое повышение температуры могло вызвать взрыв. Бэйли усиленно готовился к экспорту воздуха, считая вопрос о мире на предложенных им условиях предрешённым.

— Да, голова... — продолжал мистер Бэйли. — Непорядки в голове. Говоришь — и вдруг понесёшь чепуху. Но это пройдёт. Присядьте, сэр... — Меня Бэйли не пригласил сесть, он только покосился на меня, но не попросил удалиться.

— Я отказываюсь работать. Можете больше не считать меня в числе ваших служащих, — сказал Энгельбрект, продолжая стоять.

— От-ка-зываетесь?! — спросил Бэйли, и лицо его потемнело. — Что это значит, сэр?

— Это значит то, что я сказал.

— Здесь всё значит только то, что я сказал, — ответил Бэйли уже гневно. — Вы забываетесь, мистер Энгельбрект. Если вы сейчас же...

— Довольно! — вдруг закричал Энгельбрект. — Я не хочу больше оставаться в этой бандитской шайке!

— Это бунт. Вы знаете, что угрожает вам?

— Мерзавец! — вдруг проревел Энгельбрект. — Ты убил мою дочь, ты ужасом наполнил землю, ты... ты... — И вдруг, подняв руки, Энгельбрект бросился на Бэйли и начал душить его.

От Энгельбректа этого никто не ожидал. Несколько мгновений клеветы Бэйли сидели как окаменелые, потом вдруг всей гурьбой набросились на профессора. Я поспешил ему на помощь. Поднялась невообразимая свалка. Энгельбрект был необычайно сильным человеком. Мои кулаки также работали исправно. Но врагов было больше. Они одолевали нас. Бэйли бежал за письменный стол и забаррикадировался стульями, управляя оттуда сражением.

От волнения он вновь начал бредить и иступлённо выкрикивал:

— Долой! На Марс! На Луну... Конец мира! Сто тысяч фунтов стерлингов за грамм!

А Энгельбрект разбрасывал врагов, рвался к Бэйли и хрипел:

— Убью... растерзаю!

Силы наши истощались. Я крикнул Энгельбректу:

— Назад! Отступайте, или мы погибли...

Энгельбрект пришёл немного в себя. Оглянувшись, он увидел, что положение безнадежно. Трое врагов валялись на полу, но остальные, вооружившись стульями, готовы были броситься в новую атаку.

В руках двоих уже сверкали дула автоматических револьверов.

Мы с Энгельбректом, бешено защищаясь, отступили к двери и побежали по коридору, преследуемые по пятам врагами. Завернув за угол, вскочили на площадку лифта, спустились этажом ниже. Ещё несколько мгновений — и мы очутились недалеко от выводной трубы. Вход в неё оказался закрытым.

— Скорей! Сюда! — крикнул Энгельбрект, хорошо знавший расположение городка.

XX. Обречённые

Мы вбежали в пещеру, смежную с трубой, и поспешили закрыть дверь. Это было ещё не оконченное отделкой помещение, в котором предполагалось хранить запасы сгущённого воздуха. Холодильники ещё не были установлены, и в пещере была сносная температура. Временно здесь хранились запасные вагонетки и инструменты. Пещера не освещалась.

— Подвозите вагонетки! — скомандовал Энгельбрект, загораживая вход.

Мы подкатили к железной двери вагонетки, навалили на них кирки, лопаты, всё, что оказалось под рукой и что могли нащупать в кромешной тьме. Вход был забаррикадирован.

— Так, — сказал профессор, окончив работу. — Здесь мы можем продержаться.

Шаги наших преследователей глухо доносились из-за двери.

Скоро мы слышали удары в дверь. Мы молчали. Через некоторое время удары прекратились, и всё затихло. Убедились ли наши враги в невозможности открыть дверь или изменили план атаки, мы не знали, но рады были этой передышке. Мы едва стояли на ногах от усталости. Энгельбрект лёг в вагонетку и потянулся.

— Глупо вышло, — сказал он. — Выдержки не хватило. Такой уж у меня характер. Терпишь долго, а потом прорвётся.

Он замолчал.

— Вы считаете меня соучастником преступлений мистера Бэйли? — заговорил он потом.

— Но ведь вы не могли... — поспешил я его успокоить.

— Нет, я мог. Я мог предупредить катастрофу, спасти людей, пожертвовав жизнью своей и жизнью дочери. Нелегко принести такую жертву. Но лучше погибнуть двум, чем тысячам, не правда ли?

— Зачем заниматься самобичеванием? — пожал я плечами.

— Это не самобичевание. Ваше мнение обо мне для меня не безразлично. Дочь не написала последнего письма мне, но написала вам. Она любила вас, разве я не видел...

Я промолчал. Энгельбрект, этот большой, сильный человек, тяжело мучился и не мог уже таить своего горя.

— Но не подумайте обо мне слишком плохо, — сказал он. — Если я и вино-

вен перед человечеством, то и наказан за то тяжко. Я ночи не спал в поисках выхода. Я искал способ пустить фабрику мистера Бэйли «на воздух», но так, чтобы это не вызвало катастрофы. Последнее время вы с Норой как раз работали над этим. Ваша совесть может быть спокойна: вы работали не на Бэйли, а против него. И опыты были очень удачны. Они подходили к концу. И если бы Нора не поспешила... Бедная девочка!.. Но я долго не мог разрешить задачу. Бывали дни, когда я приходил в отчаяние. И тогда я решал: сегодня должно всё кончиться. Я убью Нору, потом Бэйли, а затем себя... Но когда Нора входила ко мне, сияющая свежестью и молодостью... Ах!.. — Энгельбрект тяжело вздохнул. — У меня не поднималась рука. Потом у Норы появилось недоверие ко мне. Разве я не видел этого страшного вопроса в её глазах? Не преступник ли её отец, человек, которого она так любила и в честности которого никогда не сомневалась?

Энгельбрект вдруг поднялся и сделал шаг ко мне:

— Умерла моя девочка. Мне очень трудно... Но, знаете, какая гигантская тяжесть спала с моей души! Кончилось «раздвоение личности»... Мы с вами обречены. Не о себе я теперь думаю. Я сожалею только об одном, что мне не удалось удушить бандита... Нас, вероятно, хотят уморить голодом. К счастью, они не могут нас заморозить. Впрочем, не всё ли равно? Разве Нора не заморозила себя...

Смерть девушки сильно поразила и меня. Я любил её и лишился в тот момент, когда узнал, что и она любит меня. Но на моей душе не было того тяжкого груза, который давил Энгельбректа. Притом я был молод, и моё настроение не могло быть так безнадежно, как у Энгельбректа. Мне хотелось жить.

— Скажите, а отсюда никак нельзя выйти на волю? — спросил я Энгельбректа.

Профессор был слишком погружён в свои мрачные думы, и мой вопрос не сразу дошёл до его сознания.

— Выйти на волю? — наконец переспросил он. — Да, это нелегко. Вот эта стена выходит наружу.

— Так за чем дело стало? — сказал я. — У нас есть кирки. Правда, здесь совершенно темно, но мы можем работать впотьмах.

— Можем, — безучастно ответил Энгельбрект. — Но прежде чем мы пробьём скалу, мы сдохнем с голоду. Напрасный труд. Ложитесь, как я, и ждите спокойно смерти.

Но в мои расчёты вовсе не входило спокойно ожидать смерти. Отдохнув, я поднялся, ощупью разыскал кирку и подошёл к стене.

Звенящие удары слышались во тьме.

— Не здесь, возьмите левее, — донёсся голос Энгельбректа. — Там стена тоньше.

Я перешёл на несколько шагов влево и приступил к работе.

Утомившись, я присел отдохнуть и услышал кряхтенье Энгельбректа и лязг железа — профессор спрыгнул с вагонетки.

— Я слишком устал, устал душою, чтобы долбить скалу ради спасения своей жизни. Но вы молоды и ещё найдёте своё счастье. Я должен помочь вам ради Норы...

Загремело железо — это Энгельбрект выбирал кирку.

— Разве так рубят скалы? — услышал я голос профессора уже вблизи се-

бя. — Посторонитесь. Вот как это делал старый рудокоп Энгельбрект.

И я услышал мощные ровные удары.

Мы проработали несколько часов. Я уже бросил в полном изнеможении свою кирку, а удары «старого рудокопа Энгельбректа» ещё долго раздавались в обширной пещере. Эхо гулко отдавало эти удары.

— На сегодня довольно, — сказал наконец Энгельбрект.

Он отбросил кирку. Но прежде чем лечь спать, мы оттащили от двери вагонетки и уставили их на рельсы в ряд через всю пещеру, так что первая вагонетка упиралась в дверь, а последняя в противоположную стену.

— Так. Если теперь ещё навалить на вагонетки инструменты и насыпать камней, то сам чёрт не откроет двери.

Наконец, совершенно утомлённые, мы улеглись и крепко уснули.

Я проснулся от холода. Хотелось есть. Из темноты послышался продолжительный зевок Энгельбректа.

— Проснулись? — спросил я.

— Давно не сплю. Есть хочется, но ничего не поделаешь, придётся приниматься за работу, не позавтракав.

И он взялся за кирку. Вначале удары были неуверенные и неравномерные. Потом Энгельбрект втянулся и работал со вчерашней энергией. Я также взялся за кирку.

Голод давал себя чувствовать, обессиливая нас. Перерывы для отдыха мы делали всё чаще и чаще. Время тянулось бесконечно долго. Казалось, скалы сегодня стали крепче, чем были вчера. Наконец я бросил кирку в бессильном отчаянии и мешком свалился на груды камней. Энгельбрект работал ещё некоторое время, потом замолкли и его удары.

— Плохие дела, — сказал он мрачно. — Так мы долго не протянем, а углубились едва на одну треть. Мы работали неэкономно. Надо рубить шахту поменьше и бить по очереди.

Так прошёл ещё один день, если только мы не ошибались во времени. Мы вновь постарались уснуть, лёжа в одной вагонетке, чтобы согреть друг друга. Холод ощущался всё сильнее и мучительнее. Мне не спалось. Желудок сжимался в голодных спазмах. Ноги холодели, голова горела, всё тело ныло. Мрачные мысли, как ни боролся я с ними, не давали покоя. Я терял надежду выбраться отсюда. Мне хотелось поговорить с Энгельбректом, но он лежал тихо и, быть может, спал. Мне жалко было будить его...

Потеряв всякую надежду уснуть, я поднялся, добрался во тьме до дыры, которую мы пробивали в стене, и начал измерять пройденное нами расстояние. Камни покатались из-под ног и загремели.

— Кто там? — услышал я голос Энгельбректа.

— Это я. Вы не спите?

— Нет, — ответил профессор. — Думы проклятые одолевают... И холодно... Давайте погреемся. Энгельбрект поднялся и взял кирку.

— Чёрт, тяжёлая какая стала! — выбранился он. Послышались удары киркой, потом вдруг наступило молчание, и я услышал тяжёлый вздох.

— Не могу, — сказал Энгельбрект. — Руки не держат кирки... Но я заставлю их держать! — И он вдруг начал молотить с необычайной силой, так что из-под кирки посыпались искры.

Это была последняя вспышка энергии. Кирка отлетела в сторону, и Энгель-

брект растянулся на груди камней.

— Отдохните, я заменю вас, — сказал я, принимаясь за работу.

Но у меня дело пошло ещё хуже. Мне казалось, что я размахивался изо всей силы, а кирка только царапала скалу, отбивая мелкие осколки. При таком темпе работы мы и в десять дней не пробьём скалы! Голодная смерть должна наступить гораздо скорее...

Мне кажется, что я уснул или впал в забытё с киркою в руке. Я не знаю, как долго продолжалось это. Быть может, так пролежал я целые сутки, а может быть, всего несколько минут. И я не могу с уверенностью сказать, во сне или наяву я принимался несколько раз за работу, бил с ожесточением отчаяния и вновь падал на землю. Время от времени я чувствовал невыносимые приступы голода. Но постепенно это ощущение притуплялось. Я начинал впадать в оцепенение. Время стало, и я не знал, сколько дней прошло с тех пор, как мы заперли себя в этой мышеловке. Я всё больше погружался в тёмную пропасть забытё. Иногда мелькала мысль о смерти, но и она уже не волновала меня.

Тупое безразличие засасывало меня, как тина. Но критическое чувство ещё не совсем погасло. Помню, я с некоторым интересом наблюдал за теми процессами умирания, которые происходили во мне. В этом «умирании» наблюдался определённый ритм. Периоды коматозного[22] состояния сменялись некоторыми просветлениями чувств и сознания, как будто последние запасы жизненных сил собирали остатки «горючего», чтобы ещё и ещё раз осветить сознание... Ибо только сознание могло найти выход и спасти умирающий организм. И организм отдавал последние соки, последний трепет клеток моему мозгу — последней надежде на спасение...

В один из таких светлых промежутков я услышал очень слабые, отдалённые удары кирки.

«Вероятно, заработал Энгельбрект. Неужели у умирающих с голоду так ослабевают слух? — подумал я. — Или это бред?»

— Это вы стучите, профессор? — спросил я Энгельбректа.

— Я о том же самом хотел спросить вас, — ответил он слабым голосом, который, однако, я слышал совершенно отчётливо и ясно.

— Я не гложу, и это не галлюцинация, — размышлял я вслух. — Что же могут означать эти удары? Кто производит их? Откуда они?..

— Я уже несколько минут или часов думаю об этом, — ответил Энгельбрект. — Мне казалось, что это вы работаете, но я начал гложу. Звуки несутся из проделанного нами отверстия, я лежу около него. — Помолчав немного, он продолжал: — Очевидно, мистеру Бэйли не терпится прикончить нас, и он отдал распоряжение пробить стену. Он большой законник и, вероятно, хочет судить нас по всей форме, чтобы потом заморозить и поставить в — пантеон.

Мы замолчали, прислушиваясь. А звуки всё усиливались, приближались. Потом внезапно прекратились. Их заменил новый звук — скрежет вращающегося сверла.

— Бурава пустили в ход, — спокойно сказал Энгельбрект. — Этак они скоро доберутся до нас...

Новая опасность как будто вернула нам силы. Не скажу, что я боялся смерти, — я уже находился в её преддверии, но эти новые звуки нарушили однооб-

разие нашей жизни и ритм нашего постепенного умирания. Сознание окончательно вернулось к нам.

— Что же мы будем делать? — спросил я.

— Встретим врага и умрём в борьбе, как подобает мужчинам, — ответил Энгельбрект.

Я иронически улыбнулся, не опасаясь того, что Энгельбрект увидит мою улыбку.

— Вы в силах поднять руку? — спросил я.

— Мне хватит сил, чтобы опустить камень на голову первого, кто просунет её сюда, — сказал он. — Ползите ко мне.

Мы подползли к краю проделанной нами маленькой шахты и улеглись по обеим её сторонам, положив возле себя камни с острыми краями. Однообразный скрежет бурава усыплял меня, но я всячески боролся с сонливостью. Когда же звуки послышались совсем близко от нас, прошёл и сон. Я насторожился, как кошка, готовая изловить мышь.

— Ещё несколько минут, и они будут здесь, — шепнул Энгельбрект.

И в эту минуту я понял, что давало нам новые силы: ненависть к нашим врагам!

Бурав взвизгнул, стена затрещала, мелкие камни посыпались в нашу сторону. Визги и скрежет сменились жужжаньем. Дыра и ещё дыра в тонкой стене, отделявшей нас от врагов... Удары кирки. Дыра увеличилась настолько, что в неё мог пролезть человек. Так решил я, потому что работа сверла и кирок прекратилась и в темноте послышалось шуршание, которое мог производить человек, пролезающий в отверстие. Напрягая ослабевшие мышцы, мы с профессором подняли камни. Я прислушивался к каждому шороху. Ближе, ближе... Совсем близко...

«Можно!» — подумал я и размахнулся. Но камень вдруг выпал из моих рук, когда я неожиданно услышал знакомый шёпот...

XXI. «Лопнул купец»

— Сильно темно...

— Никола! — закричал я.

— О! Товарищ Клименко! — ответил он. И я почувствовал, как мохнатая рукавица жмёт ту руку, которая едва не разбила ему голову.

— Как ты попал сюда?

— Сильно крисис! — сказал Никола и, обернувшись назад, обратился к кому-то стоявшему за отверстием: — Влезайте, товарищи. Тут свои. А мы, — продолжал он, обращаясь к профессору, — присли тебя спасать, купца Бели убивать.

— Да кто «мы»?

— Красный Армия присол; о!

— Но почему вы решили пробивать и сверлить стену именно этой шахты? Ты знал, что я нахожусь здесь?

— Нисего не знал. Только ты сам говорил, серез эту новую шахту хорошо пройти в город, — ответил Никола.

Ничего подобного я не мог припомнить. И только много времени спустя, вспоминая то время, когда мы обдумывали с Николой ночами план побега, я вспомнил, что действительно указывал на эту шахту как на самый удобный путь проникновения в подземный городок. Я не ожидал, что Никола окажется столь сообразительным и памятливым. Случай неожиданно загнал нас в эту же шахту, и здесь произошла счастливая встреча.

Никола поспешил рассказать мне, «как это было».

Наше командование не переставало строить планы взятия подземного городка. Когда налёт аэропланов оказался безуспешным, а бомбардировка невозможной, за дело взялись сапёры. Решено было провести подкоп. Задача облегчалась тем, что весь кратер был засыпан глубоким снегом. В нём нетрудно было проделать траншеи и подойти к самой скале. Сапёры употребили более трёх недель на эту работу сперва «тихой сапой», [23] а потом подземной галереей. Выбор был сделан удачно. В этой пещере Никола сам работал не раз. Он знал, что здесь никто не живёт и ночью, когда нет рабочих, можно войти незамеченным.

Пока Никола рассказывал, в пещеру через отверстие влезали один за другим красноармейцы.

— Тут никто не увидит, можно зажечь огонь, — сказал Никола, и в его руках сверкнул электрический фонарик.

— Сильно хороша стука! — сказал он. — Чик — и готово. Ай-ай-ай! — продолжал он, осветив моё лицо. — Сильно похудел. Давно не кусал. А это товарищ? Кусайте скорей! — и Никола, развернув походный мешок, начал угощать меня и Энгельбректа.

Насытившись, я рассказал Николе и командиру отряда о всех происшествиях. Мы начали обсуждать план дальнейших действий. Было уже утро, и командир решил, что нам лучше подождать до следующей ночи, чтобы напасть врасплох.

Мы старались соблюдать тишину, чтобы не привлечь внимания врага. Разложили небольшой костёр. Никола согрел чай и усиленно кормил нас. День прошёл незаметно в разговорах и в обсуждении плана дальнейших действий.

В шесть вечера начальник поставил несколько часовых, отдал приказ ложиться спать, чтобы отдохнуть перед «делом». Насытившись и согрившись у огня, я крепко уснул, и, когда Никола разбудил меня ночью, я был свеж и бодр. Правда, ещё чувствовалась некоторая слабость в ногах, но это не остановило меня. Я хотел принять участие в нападении.

Мы осторожно отвалили вагонетки и освободили выход. Только бы дверь не была заперта!.. Красноармеец потянул дверь — она подалась. Я и Энгельбрект были настолько не опасны для «армии» Бэйли, что запирать нас снаружи не сочли нужным: и по ту и по эту сторону двери нас ожидала смерть.



Начальник отряда отдал распоряжение, и красноармейцы с ружьями наперевес двинулись по коридору. Он был пуст. Только у лифта мы встретили первого часового. Он дремал и, разбуженный нашим приближением, попытался поднять тревогу, но начальник направил на него дуло револьвера.

— Стой, братишка! — по-русски, но достаточно выразительно сказал он.

Часовой сдался. Мы поднялись на лифте в первый этаж. Когда последний красноармеец был уже наверху, мелькнула чья-то тень и скрылась за поворотом коридора. Через несколько минут в городке будет поднята тревога! Мы ускорили шаг и почти подбежали к кабинету Бэйли.

Дверь была открыта. Я распахнул её и ворвался в кабинет.

Бэйли ещё не спал. Он сидел в кресле и перебирал рукой лежавший на блюде «воздушный» бисер. Голова его была обвязана платком.

Увидев меня впереди вооружённого отряда красноармейцев, Бэйли широко раскрыл глаза. Нижняя челюсть его отвисла. Он откинулся на спинку и смотрел на нас с нескрываемым ужасом.

— Гражданин Бэйли? — спросил начальник отряда.

— Это он, — сказал я.

Краском сделал шаг к Бэйли.

— Вы арестованы.

Лицо Бэйли перекосилось. Глаза его ещё больше расширились и запылали огнём безумия. У него вновь начался один из припадков, которыми он страдал в последнее время после ранения.

— А-а-а-а-а!!! — дико закричал он. — Большевики! А-а!! И здесь? Всюду?! Нет спасения!.. Вы хотите лишить меня воздуха?

Он запустил скрюченные пальцы в свои сокровища — «воздушный» бисер — и вдруг схватил несколько бисеринок, с трудом поднял их, положил в рот и проглотил.

Энгельбрект первый понял, что должно последовать за этим. Он схватил Бэйли за шиворот и потащил к выходу.

— Что вы хотите с ним делать? — спросил краском, не понимая ещё угрожавшей всем опасности.

Бэйли, продолжая бредить, отбивался от Энгельбректа.

— Скорей наверх!.. Помогите мне, он стал вдвое тяжелее! — отчаянно кричал Энгельбрект.

Я, Никола и два красноармейца подхватили Бэйли, потащили по коридору, бросили в лифт и поднялись вместе с ним на площадку, где не раз я беседовал с Норой и любовался северным сиянием, дыша «воздушными витаминами».

Бэйли продолжал кричать и пытался вырваться от нас.

Вдруг я заметил, что изо рта Бэйли вылетел клуб белого холодного пара. Тело его начало быстро распухать, в особенности грудь. Внутренняя теплота желудка расплавила оболочки бисеринок. Воздух начал испаряться, и с Бэйли происходило то же, что происходит с глубоководной рыбой, вытасченной на поверхность океана: внутреннее давление превосходило давление атмосферного воздуха и распирало тело. Ещё мгновение и...

Но Энгельбрект не стал ожидать этого мгновения. Он схватил мистера Бэйли и перебросил его тело через перила.

Уже в воздухе тело Бэйли неимоверно распухло, а изо рта валил пар, как из открытого паровозного клапана. Прежде чем Бэйли долетел до снежного откоса, раздался взрыв. «Воздушные» бисеринки взорвались. Среди белого воздуха я увидел руки и ноги Бэйли, оторвавшиеся от тела и летящие в разные стороны. В несколько мгновений белое облако превратилось в воздух, которым с силой отбросило нас к стене. Но я удержался на ногах и посмотрел вниз. До снега долетела только голова Бэйли. Всё его тело было разорвано на мельчайшие части и унесено неведомо куда.

Несколько минут мы стояли неподвижно, поражённые этой необычайной смертью. Первым нарушил молчание Никола.

— Лопнул купец, — сказал он.

Да, «лопнул купец», лопнуло и всё его воздушное предприятие!

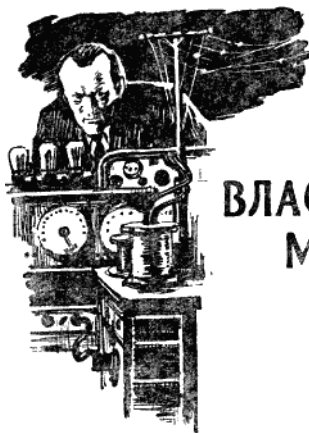
* * *

Красноармейцы быстро справились с гарнизоном подземного городка. Его радиостанция оповещала мир о победе.

А в это время Энгельбрект медленно и осторожно поднимал температуру в подземных пещерах, вместе с тем уменьшая и атмосферное давление. Все отверстия, трубы и люки были открыты. Белый холодный пар вылетал из них, превращаясь в живительный воздух. Жизнь возвращалась к земле.

«Ноздря» Ай-Тойона «выдыхала» воздух.

Властелин мира (роман)



ВЛАСТЕЛИН МИРА

Часть первая

Глава 1

Кандидат в наполеоны

— Не брызгайте мне на платье, Штирнер! Вы не умеете грести.
— Ну конечно! Женщины, отправляясь кататься на лодке, имеют обыкновение надевать платье из такой материи, на которой брызги воды оставляют неизгладимые пятна.

— Эту остроту вы позаимствовали у Джерома Джерома, из его повести «Трое в лодке»?

— Вы очень начитанны, фрейлейн. Я не виноват в том, что это наблюдение Джером сделал раньше меня. Истина остается истиной, хотя бы в лодке ехало и не четверо, а пятеро.

— Нас только четверо! — отозвалась со своей скамьи Эмма Фит.

— Прекрасная, златокудрая кукла, — ответил Штирнер, — четвертым пассажиром в лодке Джерома была собака; первым в нашей лодке является мой Фальк...

— Почему первым?

— Потому что он гениален. Фальк! Подай носовой платок фрейлейн Фит, — видишь, она уронила его.

Фальк, красивый белый сеттер, ловко прыгнул и подал платок.

Все засмеялись.

— Вот видите! — самодовольно сказал Штирнер — Фрейлейн Глюк, выходите за меня замуж! Мы откроем с вами бродячий собачий цирк. Я в рыжем парике клоуна стану показывать чудеса дрессировки, а вы будете сидеть у кассы. Только представьте себе эту идиллию: публика валит к нам валом, собаки танцуют, в кассе шелестят деньги... А после сеанса мы пируем за столом в обществе прелестнейших преданнейших четвероногих друзей. Великолепно! Это гораздо веселее, чем работать у Карла Готлиба.

— Благодарю вас, но я не люблю бродячей жизни.

— Гм... При вашем капитале, для вас я слишком ничтожная партия?

— При моем капитале?.. — с недоумением спросила Эльза Глюк.

— Почему же вы удивляетесь? Вы притворяетесь, будто не знаете своего капитала. Ваши чудесные волосы тициановской Венеры... Ведь это натуральный

цвет? Не делайте возмущенное лицо, я знаю, что натуральный. А тициановские женщины, было бы вам известно, красили волосы особым составом, — где-то даже сохранился рецепт этого состава. Ну вот, видите. Мировые красавицы, вдохновлявшие кисть Тициана, искусственно создавали то, что щедрая природа отпустила вам без предъявления рецепта... А ваши синие, как небесная бездна, глаза! Уж они, конечно, не искусственно окрашены...

— Перестаньте...

— Ваши зубки — жемчужное ожерелье...

— Потом следует описание коралловых губок, не так ли? Можно подумать, что вы не секретарь скучного банкира, а коммивояжер ювелирной фирмы. Так я же вам отплачу, несносный, за эти ювелирные комплименты! А ваше длинное лицо, ваш длинный нос, ваши длинные волосы, ваши длинные руки, они, конечно, настоящие?..

— А вам больше по душе все круглое? Вот этакое круглое лицо, как у Отто Зауера. Круглые глаза и, быть может, круглый капиталец через десяток лет...

— Вы договорились до пошлости, — с недовольством в голосе произнесла Эльза Глюк.

— Пожалуйста, не считайте капиталы в чужих карманах, — отозвался Зауер, юрисконсульт банкира Готлиба. Зауер был не в духе во время разговора Штирнера с Эльзой и молча рассекал длинными веслами воду, розовевшую в закатных лучах солнца.

Штирнер почувствовал, что он действительно зашел далеко в своих островах, и стал говорить более серьезно.

— Простите, я никого не хотел обидеть. Я только хотел сказать, что в любви, как и во всем, существует тот же закон борьбы за существование: побеждает сильнейший. Самцы-олени бьются смертным боем, и рогатая, четвероногая самка достается победителю. А кто сильнейший в нашем обществе? Тот, кто владеет капиталом. — Представьте себе, фрейлейн, — обратился Штирнер к Эльзе, — что я стал бы вдруг богат, как Крез, нет, еще богаче, — как уважаемый патрон Карл Готлиб, — тогда мое лицо в глазах женщины, наверно, показалось бы уж не таким длинным?

— Еще длиннее! — смеясь, ответила Эльза.

— Э! — недовольно произнес Штирнер. — Это оттого, что с вашим капиталом красоты вы и среди Готлибов вольны выбирать себе по вкусу. А что остается делать нам — мелкой сошке, всяким секретарям и секретаришкам, которые близко стоят у стола пиршества, но принуждены только подбирать падающие крохи, глотать слюну, видя, как другие упиваются всеми благами жизни?

— Какие у вас некрасивые слова, Штирнер! — сказала Фит.

— Простите, я обращаю серьезнейшее внимание на свой лексикон... Честность, — продолжал Штирнер, — вот наш порок, которым пользуются стоящие над нами. Гейне как-то сказал: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я один среди них жулик». Но так как кругом — о присутствующих, конечно, не говорят — тоже сплошные жулики, то, чтобы овладеть счастьем, — и он многозначительно посмотрел на Эльзу Глюк,[24] — надо, очевидно, стать таким сверхжуликом, по сравнению с которым все остальные жулики казались бы добродетельными людьми.

— Что-то вы, Штирнер, сегодня неудачно развлекаете дам, — опять вме-

шался в разговор Отто Зауер. — Теперь ваши шутки приобретают слишком мрачный оттенок...

— А? — машинально спросил Штирнер, вдруг понурил голову и замолчал. Лицо его стало старческим. Глубокая складка легла меж бровей. Он казался погруженным в глубокую думу, как будто разрешал какой-то трудный вопрос. Фальк положил одну лапу ему на колено и внимательно смотрел в лицо.

Весла неподвижно лежали в руках Штирнера, с них беспрерывно стекали капли воды, красные, как кровь, в лучах заходящего солнца.

Эльза Глюк, глядя на сразу постаревшее лицо Штирнера, вдруг вздрогнула и, как бы ища помощи, обратила свой взор на Зауера.

Вдруг Штирнер сильно ударил веслами о воду, бросил их и расхохотался.

— Послушайте, фрейлейн Эльза, а что, если бы я стал могущественнейшим человеком на земле? Если бы одному моему слову, одному жесту повиновались все, как повинуются Фальк?.. Фальк! Пиль! — крикнул Штирнер, бросая в воду стек. И Фальк стрелой кинулся за борт лодки. — Вот так! Если бы я стал властелином мира?

— Знаете, Штирнер, — сказала Эльза, — у вас молодое, но ужасно старомодное лицо. Такие лица встречаются среди фотографий в семейных альбомах. И о них обыкновенно говорят так: «А вот это дедушка в молодости». Вы вот точь-в-точь такой же «дедушка в молодости». Нет, в Наполеоны вы решительно не годитесь! Разве биржевой наполеончик из вас выйдет.

— Ах, вот как? В таком случае я лишаю вас короны, дворца, золотой кареты, бриллиантового ожерелья и всех ваших придворных пажей и статс-дам. Я лишаю вас моей милости. И знайте, что я вас совсем не люблю. Не подумайте, что я собирался совершать подвиги, как средневековый рыцарь, только для того, чтобы удостоиться получить вашу руку и сердце. Совсем нет! Вы для меня лишь мерило моих достижений. Первая ставка — не больше, вот вам!

— Ну что же! А пока не угодно ли вам приналечь на весла? Пора домой.

Штирнер втащил в лодку мокрого Фалька, который, встряхнувшись, окатил всех брызгами. Глюк и Фит вскрикнули.

— Пропали ваши водобоязненные платья, — сострил Штирнер, сильно налегая на весла.

Лодка быстро поплыла вниз по течению. Солнце скрылось за лесом. Вверху река сверкала, как расплавленное золото, вокруг лодки легли уже синие тени. Потянуло сыростью. Эмма накинула на плечи пушистый платок.

Все замолчали. Зеркальная поверхность реки была неподвижна. Изредка мелкая рыбка прорывала спокойную гладь, сверкнув по поверхности чешуей.

— Я не знал, что вы так честолюбивы, Штирнер, — прервал молчание Зауер. — Скажите, что же тогда заставило вас бросить ученую карьеру и перейти к нам в число скромных служащих Готлиба? Ведь, если не ошибаюсь, вы довольно успешно работали в области изучения мозга, и я даже встречал в газетах несколько заметок о ваших удачных опытах... Как называется эта молодая наука, которой вы тогда увлекались? Рефлексология?

— Я очень смутно представляю, что это за наука, — сказала Эльза.

— Милостивые государыни и милостивые государи! — начал Штирнер таким тоном, будто он читал лекцию в избранном обществе. — Рефлексология есть наука, изучающая ответные реакции человека и вообще всякого живого существа, возникающие в связи с воздействием внешнего мира и характери-

зующие собою вообще все отношения живого существа к окружающей среде. Понятно?

— Совершенно непонятно, — ответила Эмма.

— Постараюсь выразиться проще. Рефлекс есть передача нерву возбуждения с одной точки тела на другую через посредство центра, то есть мозга. Каждое воздействие извне через органы чувств, путем рефлекса через центр, вызывает к деятельности те или иные органы тела, иначе говоря, вызывает реакцию. Ребенок протягивает руку к огню. Огонь жжет. Это воздействие огня на кожу передается нервами в мозг, а от мозга идет к руке ответная реакция: ребенок отдергивает руку. Представление огня связывается у ребенка с представлением боли. И всякий раз, когда ребенок видит огонь, он начинает боязливо отдергивать руку. Получилось то, что мы называем, по-ученому, условным рефлексом... Приведу более сложный пример. Вы даете собаке есть и одновременно, каждый раз, когда она ест, играете на флейте. Обед с музыкой. Во время еды у собаки обильно отделяется слюна. Через некоторое время, когда игра на флейте тесно свяжется в сознании собаки со вкусовыми ощущениями, вам довольно будет заиграть на флейте, как у собаки начнет усиленно выделяться слюна. Условный рефлекс!.. И подумать только, что самые «святые» чувства человека, как долг, верность, обязанность, честность и даже знаменитый кантовский «категорический императив», являются условными рефлексами совершенно такого же порядка, как и выделение собачьей слюны! Процесс создания таких рефлексов сложнее, но существо то же. При таком научном освещении, признаюсь, все эти высокие добродетели не возбуждают во мне особого почтения... Вот поэтому-то мне подчас и кажется, что кому-то выгодно это слюноотечение добродетели, кто-то играет на флейте религии, морали, долга, честности, а мы, глупые, распускаем слюни. Не пора ли бросить весь этот старый хлам и перестать плясать под дудку старой морали?..

Зауер решил изменить разговор и вновь задал Штирнеру вопрос, почему он оставил ученую карьеру.

— Вы так много знаете, Штирнер, — сказал он. — Быть может, на ученом поприще вы скорее достигли бы известности и всяческих успехов.

— А вот почему оставил я ученую карьеру, уважаемый Зауер, — ответил Штирнер с лукавой искоркой в глазах. — Я анатомировал около тысячи человеческих мозгов и, представьте, нигде не нашел ума. И я решил, что с мозгами гораздо приятнее иметь дело, когда они лежат, хорошо зажаренные, на обеденном столе нашего добрейшего патрона.

— Какие гадости вы опять говорите! — услышал Штирнер за собой голос Фит.

— Тысячу извинений! Но уверяю вас, что наш Готлиб не питается человечесиной. Разве только иносказательно, ха-ха! Я чувствую, например, что завтра утром он скушает банкирский дом «Тепфер и К°»... Я же хотел только сказать, что средневековым властителям хорошо было заниматься наукой, когда у них под руками были горы всякой снеди и бочки вина. А теперь... вот я и Зауер всего только скромные служащие банкира, и даже вы, прекраснейшие фрейлейн, его машинистка и стенографистка, получаете больше, чем молодой доктор великолепнейших наук. Как видите, я откровенен. Не я первый и не я последний предпочел чечевичную похлебку будущим благам первородства. Впрочем, как знать? В школе нас учили, что прямая линия — кратчайшее рас-

стояние между двумя точками. Но ведь вся эта математика — сущая абстракция. В реальном мире нет прямых линий... Стоп! Вот мы и приехали. Ну а теперь, — обратился он к Эмме Фит, — дайте мне вашу руку и позвольте проводить до станции.

Штирнер и Фит ушли вперед.

Зауер расплатился за прокат лодки и под руку с Эльзой медленно направился к железнодорожной станции.

Стемнело. Небо усеяли звезды. Дорога была безлюдна.

— Смотрите, как мерцают звезды! Вероятно, наступит ненастье... — сказал Зауер.

— Да, но мы успеем добраться, — ответила Эльза.

— Вы довольны нашей прогулкой, Эльза?

— Не слишком ли фамильярно вы зовете меня? — улыбаясь, спросила Эльза и, не давая Зауеру говорить, продолжала: — Ну не оправдывайтесь. Я была бы довольна, если бы не этот несносный болтун, Штирнер. Бывают же такие пустые люди! Трещит как сорока, никому не дает вымолвить слова. И какие претензии!

— Да, болтун... — задумчиво сказал Зауер. — Но я бы вам посоветовал, Эльза, быть осторожнее с этим болтуном.

Эльза удивленно посмотрела на Зауера.

— Разве я была с ним неосторожна? — И, рассмеявшись, она воскликнула: — Нет, Отто, вы просто ревнуете меня! Но не рано ли? Я еще вам не дала слова. Могу и передумать.

— Вот вы пошутили, а у меня сердце сжалось... Болтун! Конечно, болтун, но он себе на уме. Вы слышали, что он говорил про честность да про кривые линии? Это опасная философия. И я, право, боюсь его, боюсь за вас и за нашего старика Готлиба... Этот болтун говорит неспроста. В его словах что-то есть. Что он замышляет? Я не удивлюсь, если он совершит что-нибудь ужасное...

Эльза вспомнила сосредоточенное, вдруг постаревшее лицо Штирнера, освещенное багровым лучом заходящего солнца, и ей опять стало жутко. Она невольно сжала крепче руку Зауера.

— И ведь как вкрался он в доверие Готлиба! Тот его теперь ни на шаг не отпускает, переселил к себе в дом... Вечерами Штирнер забавляет старика своими дрессированными собаками...

— Надо отдать ему справедливость, Отто, его собаки изумительны.

— Я этого не отрицаю. Его собаки превосходят все известное в области дрессировки животных. В особенности этот Фальк.

— А его черный пудель, — вспомнила Эльза, — который умеет считать, узнает любую букву алфавита, угадывает без слов все его приказания. Мне иногда жутко делается...

— Да, будто сам черт сидит в этом пуделе. Возможно, что Штирнер умен и талантлив. Но талантливое зло опаснее вдвойне. — И Зауер значительно посмотрел на Эльзу.

— Обо мне вы не беспокойтесь, Отто. На меня его чары не действуют. Мне он был просто безразличен. Но после сегодняшнего вечера, когда я увидела его лицо... Я не знаю, как выразить это... Впрочем, может быть, мы несправедливы к нему. Что это?.. Ах!..

Из темноты бесшумно появился Фальк и, взяв зубами за край платья Эль-

зы, с веселым ворчаньем потянул ее вперед.

Зауер рассердился на собаку и стал гнать ее. Но Эльза рассмеялась.

— Вы, кажется, становитесь суеверным, Отто. Штирнер, очевидно, прислал Фалька предупредить нас, чтобы мы поторопились.

Глава 2 Под колесами поезда

Дверь из кабинета открылась, и на пороге показался банкир Карл Готлиб в сопровождении личного секретаря Людвиг Штирнера.

Утреннее солнце, заливавшее всю комнату через стены из сплошного стекла, заиграло на золотых очках Карла Готлиба. Банкир сощурил глаза и улыбнулся. Ему было около шестидесяти лет, но никто не дал бы ему столько, видя его белое, свежее лицо с румянцем во всю щеку. Гладко выбритый, пахнувший дорогим мылом, хорошими сигарами и духами, всегда довольный, веселый и живой, он воплощал в себе житейское благополучие.

— Ну как прошла ваша загородная прогулка? — спросил он, пожимая по очереди руки Глюк, Фит и Зауера. — Весело? Много наловили рыбы? Погода была прекрасная, не правда ли? Будьте так любезны, Зауер, отправить вот эти телеграммы. Биржевой бюллетень получен? Как сегодня курс доллара? Так... так... Хлопковые акции? Идут в гору? Великолепно. Опротестуйте вот эти векселя банкирского дома «Тепфер и К°». Я не могу делать дальнейших поблажек. Вы сегодня прекрасно выглядите, фрейлейн Фит... А вы о чем-то мечтаете, фрейлейн Глюк? Хе-хе!

И он с лукавым видом погрозил ей пальцем.

— Я, кажется, догадываюсь. Весна несет с собой опасные бактерии. Да-а!

Поправив букетик фиалок в петличке черного сюртука, он посмотрел на часы и сказал:

— Сейчас десять часов. Поезд отходит в десять сорок пять. Я уезжаю и буду обратно в два часа пятнадцать минут. Еду принимать завод. Мы со Штирнером живо покончим с формальностями. Кстати, проветрюсь, засиделся... Машина подана? Идем, Штирнер!

И, мягко ступая, банкир Готлиб вышел, крикнув уже за дверью:

— Где же вы, Штирнер?

— Сию минуту! — Штирнер быстро прошел в смежную комнату и крикнул: — Фальк! Брут!

Навстречу ему с веселым лаем выбежали две собаки: сеттер, бывший на прогулке, и Брут — огромный дог тигровой масти.

Проходя мимо Глюк, Штирнер склонил голову набок и насмешливо спросил:

— Вы еще не решили?

— Чего?

— Выйти за меня замуж...

Громко рассмеявшись, он бросился со своими собаками догонять патрона.

Эльза нахмурилась. Зауер что-то проворчал, сидя за своим столом.

За окном прошумел отъезжающий автомобиль.

В комнате наступило молчание. Фит трещала на пишущей машинке, Зауер нервно перелистывал какие-то бумаги.

— Собачник! — вновь тихо проговорил он.

— Что вы там ворчите? — окликнула его Глюк.

— Везде со своими собаками! — ответил Зауер. — Не могу выносить этого кривляющегося господина! Вчера еще говорил о Готлибе, что он чуть ли не питается человечинной, намекая, очевидно, на строгость Готлиба к должникам, а сегодня, видали? Так и юлит около патрона. В глаза смотрит не хуже Фалька!.. Вы думаете, зачем он собак взял? Будет развлекать ими старика на лоне природы...

— Вы, кажется, становитесь придирчивым, Зауер! — сказала Эльза. — А «Тепфера и К°» Готлиб скушал — Штирнер угадал...

— Сам же и убедил Готлиба, чтобы тот предъявил векселя ко взысканию, в этом нет сомнения, — хмуро ответил Зауер.

— Зауер просто ревнует! — пропела Фит, улыбаясь.

— Будьте добры переписать эту ведомость! — сухо сказал Зауер, передавая Фит бумагу.

Фит посмотрела, как провинившийся ребенок, и робко ответила:

— Пожалуйста!

Машинка затрещала. Все погрузились в работу, прерываемую звонками телефона.

Около одиннадцати часов раздался новый телефонный звонок. Не отрываясь от делового письма, Зауер привычно слушал телефон.

— Алло! Да, да... Кабинет личного секретариата банкира Карла Готлиба. Что такое? Не слышу! Говорите громче! Случилось? Что случилось? Как? Не может быть!..

Самопишущее перо выпало из рук Зауера. Лицо его побледнело. В голосе слышались такие нервные ноты, что Глюк и Фит бросили работу и с тревожным любопытством следили за ним.

— Попал под поезд?.. Но как же так?.. Извините, но это вполне понятное любопытство!.. Так... так... слушаю... так... Все будет сделано!..

Зауер положил трубку телефона и, проведя рукой по волосам, встал из-за стола.

— Что случилось, Зауер? — с тревогой спросила Фит, поднимаясь. — Кто попал под поезд? Да говорите же скорей!

Но Зауер опять уселся в кресло и сидел молча.

— Да... Я ожидал чего-нибудь в этом роде, — сказал он после паузы и, нервно поднявшись, быстро заговорил: — Мне только что сообщили по телефону, что Карл Готлиб попал под поезд..

— Но он жив? — спросили одновременно Фит и Глюк.

— Подробности неизвестны...

— Хорошие подробности! — сказала Фит. — Жив человек или нет?

— Я просил объяснить происшедшее, но мне ответили, что теперь не до объяснений... Надо срочно приготовить кровать и вызвать врачей.

— Значит, он жив? — сказала Глюк.

— Может быть... — Зауер нажимал кнопки электрических звонков, вызывая лакеев, отдавал распоряжения, звонил к врачам... В доме поднялась суматоха. Прибежала встревоженная экономка.

Готлиб был одинок, и все его хозяйство вела «домоуправительница», как ее звали, чистенькая старушка фрау Шмиттоф.

Она была так потрясена, что Эльзе пришлось ухаживать за ней.

Послышался гудок подъехавшего автомобиля.

— Доктор! — вскрикнула Фит.

— Нет, это рожок нашего автомобиля, — ответил Зауер. — Ганс, идите скорее к подъезду!

Лакей Ганс быстро вышел, семеня большими ногами.

В комнате сгустилось напряженное ожидание. Фрау Шмитгоф, полумертвая от страха и волнения, сидела в кресле, тяжело дыша.

Из отдаленных комнат послышался тяжелый топот ног, сбивающихся с шага.

— Несут... — прошептала Фит. — Хоть бы он был жив.

Двери широко распахнулись.

Четыре человека несли обезображенный, окровавленный труп Карла Готлиба.

Шмитгоф истерически вскрикнула и упала в обморок.

У Готлиба были отрезаны ноги выше колен.

Пятый человек, в форме железнодорожного служащего, нес какой-то тюк. Фит и Глюк узнали плед Готлиба. Из-под распахнувшегося края пледа выглядывал лакированный ботинок банкира.

«Ноги. Это его ноги... Какой ужас! — подумала Глюк. — Но зачем их несут? Зачем они теперь нужны ему?» — промелькнула нелепая мысль.

Черты Готлиба мало изменились, но лицо было необычайной белизны, как лист бумаги.

«От потери крови!» — подумала Эльза.

И еще одна подробность поразила ее: в петличке черного сюртука Готлиба сохранился букетик фиалок. Почему-то этот цветок на груди мертвеца необычайно взволновал Эльзу.

Печальная процессия проследовала через кабинет в спальню Готлиба, оставляя на паркете капли крови.

Следом за трупом Готлиба шел Штирнер. Лицо его было бледнее обыкновенного, но спокойно. Он осторожно обходил капли крови на паркете, чтобы не наступить на них, с таким видом, как будто это были дождевые лужи среди дороги.

За ним по пятам шел Фальк. Нервно-расширенными ноздрями собака обнюхивала капли крови.

Глюк с непонятным ей самой ужасом посмотрела на Штирнера. Он встретил ее взгляд и, как ей показалось, улыбнулся одними глазами.

Вернувшийся из спальни Зауер подошел к Штирнеру и, глядя ему испытующе в глаза, спросил:

— Как это случилось?

Штирнер выдержал и этот взгляд — только брови его пошевелились — и спокойно ответил:

— Я не был очевидцем. Готлиб просил меня отправить срочную телеграмму. Это отняло у меня всего пять минут, не больше. А когда я вернулся, все было кончено. Очевидцы говорят, что моя собака, Брут, испугалась паровоза и, метнувшись в сторону, попала под ноги Готлиба. Старик не устоял на ногах и упал с дебаркадера на рельсы вместе с собакой. Брута разрезало пополам, бедная собака!.. А Готлибу отрезало ноги...

— Вы жалеете только собаку?



— Не говорите глупостей, Зауер. И не придавайте слишком большого значения официальным способам выражения «душевного прискорбия». Готлиб был славный старикашка, и мне жалко его. Но отсюда не следует, что я не могу выразить сожаления о гибели четвероногого друга.

— Как странно!.. — задумчиво проговорил Зауер, как бы придавая особый смысл своим словам. — Готлиб погиб от Брута!

— Мой Брут не человек, а собака, и Готлиб не Цезарь, а банкир, — ответил Штирнер, насмешливо улыбаясь, и прошел в спальню Готлиба.

Глава 3 Два завещания

Весть о трагической кончине Карла Готлиба, крупнейшего банкира Германии, взволновала весь коммерческий мир. Кабинет банкира был одним из нервных узлов финансовой и промышленной жизни страны. Готлиб финансировал не только банки, но и крупную промышленность. Не мудрено, что неожиданная смерть Готлиба явилась событием дня. Газеты обсуждали возможные последствия этой кончины для тех или иных кредиторов, гадали об изменявшемся соотношении финансовых сил и о судьбе банка, потерявшего своего главу. Задавался вопрос: станет ли кто-либо на место Готлиба, или банк будет ликвидирован? Газетные корреспонденты осведомляли читателей о наследниках — родственниках Готлиба: младший брат покойного, землевладелец Оскар Готлиб, имеет сына Рудольфа двадцати четырех лет и четырех дочерей. Какая-то газета высчитала даже, какой капитал придется на долю молодого человека и богатых невест, хотя точно никто не знал, как велико было имущество.

Коммерсанты волновались, газеты шумели, а в доме Карла Готлиба заканчивался последний акт трагикомедии человеческой жизни.

В доме уже распоряжались на правах законных наследников экстренно вызванные Оскар Готлиб, красный, загорелый, неповоротливый человек, и его веснушчатые лопухие дети.

Оскар Готлиб хмурился и поджимал губы. Возможность разбогатеть разжигала искорки в его прищуренных глазах. Но чувство такта и отчасти искреннее сожаление о потере брата делали его сдержанным. Зато его дети ликовали открыто, без удержу предаваясь сладкому предвкушению обладания богатством. Сын Рудольф, Луиза и Гертруда — старшие дочери Оскара — ходили из комнаты в комнату, осматривали картины, трогали дорогие безделушки, присаживались на мягкие кресла, ощупывали руками материю, делили вещи между собой, спорили, смеялись, строили планы...

Изуродованное тело Карла Готлиба, вместе с отрезанными ногами, похоронили в дорогом склепе тяжеловесной архитектуры. Следующий за похоронами день назначили для вскрытия завещания.

Акт этот был обставлен довольно торжественно. Были приглашены и некоторые служащие Карла Готлиба, в том числе Зауер, Штирнер, Глюк и Фит.

Штирнер со скучающим видом сидел за письменным столом и рисовал на листе бумаги собак.

— Послушайте, вы секретарь моего покойного дядюшки? — окликнул его Рудольф Готлиб. — Будьте так добры, проводите меня в верхний этаж, я хочу осмотреть...

Штирнер молча надавил кнопку звонка на столе. В дверях показался лакей.

— Ганс, проводите господина Готлиба-младшего в верхний этаж! — и Штирнер опять углубился в рисование собак.

Рудольф промолчал, но краска гнева залила его веснушчатое лицо.

Зауер, который наблюдал эту сцену, сидя в углу с Глюк и Фит, усмехнулся.

— Смотрите, Эльза, Штирнер держится так, как будто он сам наследник... Признаться, я не понимаю его игры. Он точно сам напрашивается на то, чтобы новые хозяева выбросили его за дверь...

— Еще неизвестно, что будет с нами, — озабоченно сказала Эмма.

— Ну что же, уволят — придется поступить кассиршей в бродячий цирк, — рассмеялась Эльза.

— Перестаньте шутить, Эльза. Я говорю совершенно серьезно. Штирнер явно ведет какую-то большую игру. — Понизив голос, Зауер продолжал: — Вам не кажется, что смерть Карла Готлиба произошла при странных обстоятельствах?

Эльза посмотрела на Зауера.

— Что вы хотите сказать, Отто? Ведь Штирнера даже не было в момент катастрофы...

— Ага! Значит, и вам эта мысль приходила в голову — мысль о том, что смерть Готлиба не случайна? Собака! Что, если собака действовала по необъяснимому внушению? Если я не ошибаюсь, Штирнер в своей научной работе как раз занимался вопросами внушения и передачи мыслей на расстояние... Вы знаете, какие чудеса он проделывает со своими собаками? Помните вечером, когда мы возвращались с прогулки, Фальк подбежал к вам...

— Какие ужасы! — прошептала Фит. — Вдруг он внушит собакам и они загрызут нас?..

Зауер усмехнулся.

— От этого он не получит пользы... Собаки Штирнера, простите мне, охотятся на более крупную дичь. Но какую пользу извлечет он из смерти Готлиба? Этот странный человек окружает себя глубокой тайной. Вы знаете, мы с

ним служим более года и каждый день видимся, но ни я, ни кто-либо другой никогда не были в его комнате. Что он там делает? Какие замыслы обдумывает он в тиши?..

— ...И не подумаю. Ты можешь взять себе пейзаж Коро, но Святого Себастьяна я не уступлю!

Сестры Готлиб прошли мимо, споря о дележе дядюшкиного наследства.

Зауер замолчал.

По дому раздались звонки, сзывающие всех в большой кабинет покойного хозяина. Там уже сидел за письменным столом нотариус, сухонький бритый старичок, в очках в черной черепаховой оправе. Он был большой формалист и категорически отказался сообщить наследникам что-либо о содержании завещания до его вскрытия. И теперь Готлибы с невольным волнением смотрели на толстый портфель нотариуса, скрывавший тайну наследства.

Нотариус не спеша извлек из портфеля пакет, предъявил его для обозрения целостности печатей, вскрыл и начал читать.

По завещанию все имущество переходило брату покойного, Оскару Готлибу, с выделением довольно крупной суммы фрау Шмитгоф и более мелких — старым служащим.

Готлибы вздохнули с облегчением, выслушав завещание до конца. Но их лица вдруг вытянулись, когда нотариус среди наступившей тишины сказал:

— Это первое завещание...

— Значит, есть и второе? — с тревогой спросил Оскар Готлиб.

— Есть, и я оглашу его, — ответил нотариус. После той же процедуры осмотра печатей он вскрыл и огласил и второе завещание, сделанное всего за месяц до смерти Карла Готлиба.

— «В отмену всех ранее составленных завещаний все принадлежащее мне благоприобретенное движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно ни заключалось, завещаю в полную собственность служащей у меня стенографисткой Эльзе Глюк. По личным обстоятельствам, я не могу открыть мотивы, по которым я лишаю моих родственников наследства и передаю его Эльзе Глюк, но дабы первые не оспаривали судебным порядком завещанных ей прав у последней, укажу, что к этому побудили меня: 1) одна услуга, оказанная мне Эльзой Глюк, — услуга, о которой я не буду говорить, но ценность которой не покрывается даже оставленным капиталом, и 2) некоторые обстоятельства совершенно личного характера, заставившие меня вычеркнуть брата моего, Оскара Готлиба, из списков близких мне людей...» Переведенное на доллары имущество наследователя, по предварительному подсчету, определяется в два миллиарда, — закончил нотариус.



Оскар Готлиб откинулся на спинку кресла. Глаза его стали мутны. Он со свистом дышал широко открытым ртом, нервно перебирая пальцами. Кажется, его поразил удар. Сестры Готлиб, обнявшись, рыдали, склонив головы на плечи друг друга.

Рудольф побледнел так, что все веснушки, как брызги грязи, выступили на его лице.

— Не может быть!.. Не может быть!.. — вдруг закричал он истерически. — Ложь! Обман! Преступление!.. Мы этого так не оставим! Здесь все мошенники!

Нотариус пожал плечами.

— Молодой человек, будьте осторожны в словах. Я выполнил только свой долг. Вы можете оспаривать завещание законным порядком, если находите его неправильным. А пока я принужден передать его наследнику.

Встав из-за стола, нотариус подошел к Эльзе Глюк и почтительно передал ей завещание.

Эльза подняла брови в полном недоумении и машинально взяла бумагу.



Ошеломленный Зауер уставился на Эльзу. Эмма Фит не знала, радоваться ей или плакать. И только нотариус и Штирнер сохраняли спокойствие.

Вдруг Оскар Готлиб покачнулся и стал сползать с кресла. К нему бросились на помощь.

— Доктора!..

Поднялась суматоха.

Глава 4 Счастливая невеста

До утверждения завещания Карла Готлиба над его имуществом была учреждена опека, причем Оскар Готлиб добился того, что опекуном был назначен он. Поэтому Готлибы остались жить в доме покойного банкира, и молодой Рудольф Готлиб по-прежнему держался с независимостью будущего владельца, твердо надеясь, что правосудие «восстановит права законных наследников».

Выявление огромного имущества покойного требовало присутствия всех служащих. Поэтому на другой день после вскрытия завещания к работе вернулись все, не исключая и Эльзы.

— Вы?.. — удивленно встретил ее Зауер. — В качестве кого явились вы сюда?

— В качестве стенографистки, — просто отвечала она.

— Миллиардерши не служат стенографистками! — ответил он ей. Отведя Эльзу в сторону, Зауер сказал: — Прошу вас, присядьте... Нам с вами нужно серьезно переговорить...

Они уселись. Отто, бледный после бессонной ночи, тер лоб рукой, собираясь с мыслями.

— Со вчерашнего дня у меня в голове такой кавардак, что я потерял способность связной речи. Или я подозревал Штирнера в преступлении неоснова-

тельно, или... или он опаснее, чем я думал... Но одно для меня ясно, что между мною и вами воздвигается неодолимая преграда... Вы уходите от меня, Эльза!

Эльза с недоумением и упреком посмотрела на него.

— Скажите мне искренно, Эльза, положив руку на сердце, вы ничего не знали о том... счастье, которое ожидало вас?

— Ничего не знала, — твердо отвечала Эльза.

— Но должны же вы знать по крайней мере о той вашей необычайной, — подчеркнул Зауер, — услуге Карлу Готлибу, которая оценена им выше всех его богатств?

— Насколько помню, никакой услуги я ему не оказывала.

Зауер опять приложил руку к своему разгоряченному лбу.

— От этого можно сойти с ума... Допустим, что тут замешан Штирнер, — впрочем, я уже сам не уверен в этом, — допустим, он как-нибудь повлиял на старика Готлиба, ловко убедил его в этой несуществующей услуге, которая будто бы обязывала Готлиба быть вам благодарным... Но почему Штирнер тогда не употребил завещание на свое имя? Или... — Зауер вдруг весь как-то выпрямился, и лицо его исказилось болью. — Простите, Эльза, но я должен задать вам еще один крайне щекотливый вопрос: может быть, между вами и Карлом Готлибом были близкие...

Эльза встала возмущенная.

— Ну, ну, не буду, успокойтесь! Садитесь, прошу вас... Вы же видите, что я вне себя... Мне приходят в голову совершенно нелепые мысли. Ах, это такая попытка!.. Я должен сразу высказать вам все мои сомнения, они мучили меня всю ночь. Чего я не передумал!.. Я думал, может быть, вы... дочь Готлиба...

— Послушайте, Зауер, я сейчас же уйду, если вы...

— Или, может быть... — ха-ха-ха! — вы действуете заодно со Штирнером и являетесь только ширмой для него...

Эльза встала вторично, но Зауер взял ее за руку и насильно посадил.

— Садитесь! Вы должны это выслушать. Поймите, то, что я говорю вам так резко, открыто, в лицо, будут говорить и уже говорят за вашей спиной. Неужели вы не понимаете, что это завещание бросает тень на ваше доброе имя?

— Слушайте, Зауер, я люблю вас, — видите, я говорю вам это открыто, — но всякому терпению есть конец. Если в вас говорит даже безумие, то... я не переношу таких форм безумия. Кто дал вам право оскорблять меня безнаказанно?

— Право, право! Кто дал право подвергать меня пыткам ужасных подозрений... Откуда они? — Зауер замолчал и устало опустил голову.

Эльзе стало его жалко. Она ласково коснулась его руки и тихо сказала:

— Никто вас не подвергал пыткам, вы сами мучаете себя. И для чего? Ведь поймите, Отто, что в наших отношениях ничего не изменилось, и я не понимаю, о какой стене вы говорите.

— Как ничего не изменилось? А миллионы, миллиарды Карла Готлиба! Вы одна из самых богатых женщин в стране, а я... У меня своя, мужская гордость. Я беден и не хочу, чтобы про меня говорили, что я женился на деньгах. Деньги! Разве это не стена?

— Да кто вас убедил в том, что эта стена из мешков с золотом будет стоять между нами? Никакой стены нет и не будет!

Отто Зауер смотрел на Эльзу, еще не понимая, но уже чувствуя облегчение.

— Что вы хотите сказать, Эльза?

— Да то, что совсем не надо быть юрисконсультом Отто Зауером, не спать ночей, доводить себя до помешательства, чтобы понять всю неловкость получения этого наследства. Я и не думаю принимать дара Карла Готлиба. Я откажусь от прав на наследство, вот и все.

— Эльза! Вы? — Зауер крикнул так громко, что Эмма Фит, работавшая в другом конце комнаты, прекратила свою трескотню на машинке.

— Что с вами, Зауер? Вы меня испугали.

— Ничего, фрейлейн, это от радости, оттого, что я вдруг стал богат! Богат безмерно!..

— Значит, вы женитесь на Эльзе? — по-своему поняла Эмма и бросилась целовать смеющуюся подругу и поздравлять сияющего Зауера.

— Что это за семейная сцена! С чем вас поздравляют? — вдруг услышали они голос вошедшего в комнату Штирнера.

— Такое счастье! Эльза выходит замуж за Зауера!.. И они будут безмерно богаты! — воскликнула Эмма, обращаясь к Штирнеру.

— Это правда? — спросил Штирнер.

Эльза и Зауер переглянулись. Эльза помедлила несколько мгновений и потом твердо сказала:

— Да, это правда. Можете нас поздравить.

Зауер был так счастлив, что крепко пожал протянутую Штирнером руку.

— Ну что ж, поздравляю вас, мои будущие хозяева, если, впрочем, вы пожелаете воспользоваться моими услугами. А если нет, всего хорошего! Чемодан на плечи, собираю своих собак и отправляюсь с бродячим цирком... Делать нечего, придется искать другую кассиршу... Может быть, куколка согласится? Эмма, вы согласны? Что с вами, деточка? Вы плачете?

— Это... от... радости! — проговорила Эмма.

— Так ли? — смеялся Штирнер. И, погрозив ей пальцем, он сказал: — Куклы также должны уметь скрывать свои чувства. Признайтесь, вам немножечко жалко Людвигу, а? Чутьочку любили его, а?..

Вошел лакей.

— Господин Готлиб-старший просит господина Отто Зауера в кабинет.

Зауер кивнул головой Эльзе и неохотно вышел из комнаты. Оставшись наедине с Эльзой, Людвиг Штирнер вдруг стал серьезным.

— Это решено, фрейлейн Глюк?

— Да, это решено.

Штирнер задумался. Потом спросил:

— А я? Я не имею у вас ни малейших шансов на успех?

— Теперь меньше, чем когда-либо... Послушайте, Штирнер, вы, как мне кажется, единственный человек, который может рассеять туман во всем этом деле. Ответьте мне на несколько вопросов.

— Я вас слушаю.

— Можете ли вы объяснить мне тайну завещания?

— Она умерла вместе с Карлом Готлибом.

— Этот ответ не совсем удовлетворяет меня. И еще один, самый тяжелый вопрос: существует ли связь... между составлением завещания и внезапной смертью Карла Готлиба?

— Самая тесная: как только умер Готлиб, стало возможным предъявить завещание к утверждению и вступить в права наследства, — это вам скажет

каждый юрист.

— Или вы не хотите меня понять...

— Или вы из деликатности выражаетесь слишком туманно. Говорите прямо: не являюсь ли я виновником смерти старика?

Эльза покраснела.

— Вы сами виноваты, Штирнер. Помните, вы называли честность пороком... И мне трудно примириться с мыслью, что среди знакомых, которым пожимаешь руку...

— Есть рука, обогреть кровью невинного младенца шестидесяти лет? И с такими руками я осмеливаюсь просить вашей руки...

— Послушайте, Штирнер, где же вы? Так нельзя. Мы давно ждем вас, — проговорил Оскар Готлиб, появляясь в дверях комнаты. Штирнер неохотно поднялся и вышел.

— О чем он с тобой так долго говорил? — подбежала к Эльзе любопытная Эмма.

— Он мне предлагал руку, сердце и земной шар в виде свадебного подарка.

— И что же? Два предложения в один день! Счастливая!

— Эмма, ты знаешь, я отказалась от наследства, — сказала Эльза.

Эмма широко раскрыла свои глаза.

— Ну, и ты не умней Штирнера!

Глава 5 Запутанная история

Оскар Готлиб не умер, но неожиданная потеря наследства, которое ушло из его рук, потрясла его старый организм. С осунувшимся, почерневшим, опухшим лицом сидел он в кабинете известного адвоката Людерса и говорил, склонив голову набок и нервно покручивая в руках карандаш.

— Это дело о наследстве — какая-то сплошная чертовщина и нелепица. Может быть, мой сын Рудольф прав, утверждая, что тут одна шайка. Шайка преступников или сумасшедших. Судите сами. На другой день после вскрытия завещания я пригласил к себе Отто Зауера, юрисконсульта моего покойного брата, чтобы переговорить с ним о деле. Зауер, как близкое доверенное лицо покойного Карла, мог, как мне казалось, пролить свет на эту невероятную историю завещания. Но Зауер или действительно ничего не знал об изменении завещания, или не хотел мне говорить правды. Зато Зауер неожиданно сообщил мне другую новость, что Эльза Глюк отказывается от наследства. Я вызвал к себе Глюк, и она подтвердила это. У меня как камень свалился с сердца. Не прошло, однако, нескольких дней, как завещание было предъявлено в суд к утверждению тем же Зауером по доверенности Эльзы Глюк. «Что же вы делаете?» — спросил я его. Зауер пожал плечами: «Наследница изменила свое намерение».

— А Эльза Глюк? С ней вы говорили еще раз? — спросил адвокат, попыхиывая сигарой.

— Говорил. Она произвела на меня странное впечатление. Какое-то каменное спокойствие на лице, тусклый взгляд, вялые движения, будто она не выспалась. «Фрейлейн Глюк, — говорю ей, — ведь вы же отказались от завещания?» — «Не знаю, не помню... может быть», — вяло ответила мне она. «Так зачем же вы подали завещание к утверждению?» Она удивленно смотрит на ме-

ня и молчит, молчит как убитая. Так я мучился с ней около часа. А потом она вдруг поднялась и, ни слова не говоря, вышла.

— Может быть, она изменила свое решение под влиянием жениха? — спросил адвокат. — Ведь Зауер ее жених?

— Я тоже так думаю. Но удивительно, что и этот жених тоже выглядит каким-то помешанным. Он мрачен как туча, будто получение его невестой огромного наследства — страшное несчастье. Зауер мрачен, зол и раздражителен. Или он хороший актер, или они все там помешались...

— Но как бы то ни было, — продолжал Оскар Готлиб, положив карандаш в карман и тотчас вынув его обратно, — завещание предъявлено, и надо бороться. Как ваше мнение, господин адвокат?

Людерс откинул на спинку кресла голову без единого волоска на розовом черепе и, следя за тающим кольцом дыма, начал говорить, как бы рассуждая сам с собой:

— Опровергнуть завещание в исковом порядке по формальным основаниям нельзя: завещание совершено нотариальным порядком, с соблюдением всех законных требований. Протоколом судебного и полицейского дознания установлено, что смерть Карла Готлиба явилась результатом несчастного случая, исключаящего злой умысел. Что же остается нам? Доказать ненормальность завещателя в момент составления завещания. Это единственный, но и весьма шаткий путь...

Пустив новое колечко дыма, Людерс обратился к Оскару Готлибу:

— Скажите мне по чистой совести, каковы были у вас отношения с покойным братом? Не было ли у вас... э... э... размолвок, неладов?

— Никаких! — решительно ответил Оскар Готлиб.

— Но этот намек во втором завещании?

Оскар Готлиб покраснел и заерзал на стуле.

— Этот намек! Поймите, что этот намек и служит главной причиной моего желания предъявить иск о недействительности второго завещания. Этот намек позорит меня. Если нелегко примириться с лишением прав на наследство, то еще тяжелее примириться с этой инсинуацией покойного... Я не знаю, чем она вызвана, но здесь какое-то недоразумение. Возможно, что кто-нибудь злонамеренно очернил меня в глазах брата.

— Да, запутанная история... Постараюсь сделать все, что можно, но за успех ручаться трудно.

И, пустив третье колечко дыма, знаменитый адвокат перешел на более легкую и приятную для него тему о гонораре.

Глава 6 Судебный процесс

Судебный процесс Оскара Готлиба с Эльзой Глюк возбудил большой шум. Головокружительный гонорар, который должен был, в случае выигрыша дела, получить знаменитый адвокат Людерс, огромная сумма, оставленная Готлибом по завещанию, неожиданность его посмертной воли, красота новоявленной наследницы, внезапная смерть Готлиба через месяц после составления завещания — все это служило неисчерпаемой темой для газетных заметок и в еще большей степени для обывательских разговоров. Высказывались самые невероятные предположения, велись горячие споры, заключались па-

ри. Больше всего интересовались взаимными отношениями братьев Готлиб, а также отношением Эльзы Глюк к Карлу Готлибу и Зауеру. Какие нити связывали этих людей? Что произошло между Оскаром и Карлом Готлибом? Почему покойный лишился наследства своего брата? Этот вопрос интересовал и суд.

Иск Оскара Готлиба, построенный умелой рукой адвоката Людерса, основывался на том, что завещатель в момент завещания не находился «в здравом уме и твердой памяти». К доказательству этого были приложены все старания. Труп Карла Готлиба потревожили и лучшие профессора произвели анатомирование мозга. В представленном по этому поводу в суд протоколе были очень подробно описаны вес, цвет мозга, количество мозговых извилин, начинающийся склероз, но основная задача была не решена.

Сделать прямые выводы о психической ненормальности Карла Готлиба эксперты не решались, хотя — не без влияния Людерса — и нашли «некоторые аномалии».

Но у Людерса про запас имелись еще хорошо подготовленные свидетели. С ними Людерсу оказалось управиться легче, чем с экспертами.

Карла Готлиба, стоявшего во главе огромного дела, окружало много людей. Среди них не трудно было нанять свидетелей, готовых дать за приличное вознаграждение какие угодно показания. Руководимые опытной рукой, свидетели приводили много мелких случаев из жизни покойного, которые подтверждали мысль о том, что Карл Готлиб, возможно, был ненормален.

Главный бухгалтер рассмешил публику, описав одну странность покойного: его чрезмерное, доходящее до мании, увлечение рационализацией. Карл Готлиб, например, устроил особый лифт, на площадке которого было установлено кресло, стоящее у его письменного стола. Лифт соединял три этажа. Готлиб нажимал кнопку, и из своей квартиры, находящейся во втором этаже, проваливался в первый, где помещался банк. Подписав бумаги или лично поведавшись с нужным клиентом, он возносился на своем кресле, подобно театральному божееству, во второй этаж, прямо к столу и продолжал начатую работу.

Готлиб не любил, чтобы во время его работы являлись слуги или служащие. «Это расстраивает работу мыслей», — говорил он. Поэтому по всему дому были проведены особые движущиеся бесконечные ленты — транспортеры. Если Готлибу нужна была книга из библиотеки или стакан кофе, он заказывал нужную вещь по телефону, и на бесшумно двигающейся ленте транспортера к его столу подъезжали поднос со стаканом кофе, книга, ящик с сигарами.

— Его увлечение гигиеной также граничило с манией, — говорил один из свидетелей. — Во всех комнатах были расставлены термометры, гигрометры и сложные аппараты, определяющие состав воздуха и очищающие его. Готлиб не признавал обычной вентиляции: «Наружным воздухом, отравленным пылью и бензиновой гарью, не очистишь воздух в доме», — говорил он. И воздух очищался химически. Специально приставленное лицо следило за тем, чтобы температура неизменно стояла на двенадцати градусах Цельсия: летом она искусственно охлаждалась до этого предела, чтобы воздух был не сух и не влажен, чтобы в нем не убывал кислород и не появлялась углекислота; воздух искусственно озонировался.

Новые, более покладистые или лучше оплаченные Людерсом, эксперты-психиатры, на основании этих показаний, дали свое заключение с мудрым

названием психоза покойного Готлиба. Дело начало явно склоняться в пользу Оскара Готлиба. Оставался только один вопрос, осложнявший решение суда, — отношение Карла к Оскару. Правда, и по этому вопросу ряд свидетелей дал благоприятные показания, подтвердив наличие «братских чувств» между Карлом и Оскаром. Но разрыв между братьями мог произойти на какой-нибудь интимной почве, неизвестной даже близким людям. К счастью для Оскара, доказать существование происшедшей между братьями ссоры никто не мог. Людерс уже предвкушал победу, мысленно распорядившись крупным гонораром. Дача в Ницце... Новый автомобиль... Мариэтт... Людерс улыбнулся и сощурил глаза, как кот. Ради этого стоило повозиться с экспертами и свидетелями!.. Людерс старался вовсю, внеся в дело свои недюжинные способности и ораторский талант.

В тот день, когда суд должен был вынести решение, огромный зал суда не мог вместить всех желающих услышать приговор. Любопытные искали глазами Эльзу Глюк, но ее не было. Зауер защищал ее интересы.

Людерс превзошел себя и произнес блестящую речь. Он тонко анализировал показания свидетелей и экспертов, делал неожиданные сопоставления и выводы, блестяще отпарировал выступление мрачного Зауера. Несколько раз остроумные замечания Людерса покрывались аплодисментами публики, в большинстве, видимо, стоявшей на стороне «законных наследников», то есть Оскара Готлиба. При всей внешней беспристрастности судей было видно, что и они склоняются в пользу Готлиба.

— Что касается отношений покойного Карла Готлиба к моему доверителю, Оскару Готлибу, — сказал в конце своей речи Людерс, — то, каковы бы они ни были, какое значение могут иметь симпатии и антипатии душевнобольного? Зауер говорит, что Карл Готлиб вел крупное дело. — Людерс пожал плечами. — История знает примеры, когда безумные короли управляли огромными государствами, и народ даже не догадывался об этом...

Часть публики зааплодировала. Председатель суда позвонил в звонок.

В этот момент со своего места поднялся Оскар Готлиб. Он имел какой-то сонный вид. С безжизненным лицом, волоча ноги, он равнодушно подошел к столу, за которым сидели судьи, и вяло сказал:

— Прошу слова.

Наступила глубокая тишина.

Как бы что-то припоминая, с трудом подбирая слова, Оскар Готлиб проговорил:

— Неверно... Неверно говорил Людерс. Карл был нормален и здоров. И Карл по заслугам лишил меня наследства. Я виноват перед ним.

Зал напряженно затих. Людерс растерялся, потом бросился к Оскару Готлибу и с раздражением дернул его за рукав.

— Что вы говорите? Опомнитесь! Вы губите все дело! Вы с ума сошли, — шипел он, задыхаясь, на ухо старику.

Оскар отдернул руку и с неожиданным раздражением крикнул:

— Что вы тут шепчете? Не мешайте! Уйдите! Я виноват перед Карлом... Я не могу говорить, в чем моя вина... Это дело семейное... Но это и неважно...

Даже судьи были поражены.

— Но отчего же вы только теперь говорите об этом? — спросил председатель суда.

— Потому теперь... потому... — Готлиб задумался, как бы потеряв мысль, потом продолжал: — Потому что я не знал, что некоторые обстоятельства стали известны покойному брату. Я узнал об этом только сегодня. Не я, а Эльза Глюк заслужила это завещание.

Судебный зал вдруг зашумел как прорвавшаяся плотина. Звон колокольчика председателя заглушался поднявшимися криками, Людерс был бледен; покачиваясь, подошел он к пюпитру и дрожащей рукой налил воды. стакан звенел о зубы, и вода пролилась на грудь.

Зауер казался удивленным не менее других.

А Рудольф Готлиб, красный, разъяренный, бросился к отцу и, тряся его за плечи, что-то кричал. Но Оскар был безучастен ко всему. Тогда Рудольф подбежал к судебному столу и, потрясая кулаками, покрывая шум зала, закричал:

— Неужели вы не видите, что он сошел с ума? Тут все или сумасшедшие, или преступники... Я этого так не оставлю!

Суд прекратил заседание. Председатель приказал очистить зал.

Глава 7 Пропавший наследник

Виске было отказано, завещание утвердили. Эльза Глюк становилась наследницей.

Ни Рудольф, ни Людерс, у которого сорвался огромный гонорар, не хотели примириться с этим. Но как быть? Освидетельствовать Оскара Готлиба, признать его ненормальным и учредить над ним опеку в лице Рудольфа, чтобы иметь возможность апелляции?

Дело осложнялось тем, что Оскар тотчас после суда исчез бесследно. Заочно объявить его недееспособным не представлялось возможным. Рудольф залезал в долги, швыряя деньги на поиски пропавшего отца, обещал крупную награду. Но отец не находился. Срок для обжалования близился к концу.

В отчаянии Рудольф бросился к Эльзе Глюк. Она еще не перебралась в дом Карла Готлиба, переходивший к ней по завещанию, но пунктуально являлась туда, не прекращая работы. В комнате личного секретариата Штирнер что-то диктовал ей, она записывала. Могло показаться странным, что она сидит за прежней работой, но Рудольф был в таком состоянии, что не обращал ни на что внимания.

— А, молодой человек, ну как ваши дела? — спросил его Штирнер с улыбкой.

— Это вас не касается, молодой человек, — с раздражением ответил Рудольф, — мне нужно переговорить с фрейлейн Глюк! — и Рудольф вопросительно посмотрел на Штирнера, как бы приглашая его выйти. Штирнер прищурил один глаз.

— Кон-фи-денциально? Пожалуйста! — и он вышел.

Рудольф, взъерошив волосы, стал бегать по кабинету:

— Фрейлейн!.. Фрейлейн!.. — начал он и вдруг, закрыв лицо руками, заплакал навзрыд.

— Что с вами? — спросила Эльза, растерявшаяся от такой неожиданности.

Рудольф подбежал к ней, бросился на колени и, ломая руки, стал просить прерывающимся от слез голосом:

— Умоляю вас!.. Не губите меня. Откажитесь от наследства! Ну на что оно

вам? То есть оно громадно, кто же откажется от богатства? Но ведь оно не для вас, я хочу сказать, вы ни при чем, оно к вам пришло неожиданно... Ах, у меня мысли путаются... А я?.. Я ведь только и жил мыслью об этом... Отец скопидом, дрожит над каждым грошом. Я наделал столько долгов... Вы! Почему вы? С какой стати вы? Ведь это же нелепо, ни с чем не сообразно, чудовищно! Ведь это... я не знаю, что говорю, но вы поймете, поймете и пожалеете меня... Откажитесь от наследства, иначе... я покончу с собой.

— Я не могу этого сделать, — спокойно ответила Эльза.

— Как не можете? Кто же вам может помешать? Разве вы не отказывались от него?

— Я не помню...

— Сжальтесь, сжальтесь, умоляю! Иначе я... покончу с... да, я уже говорил об этом... — Рудольф вскочил и, трепля рукой свою рыжеватую шевелюру, вновь забегал по комнате. Он казался безумным. Вдруг он остановился и, уставив взгляд в одну точку, сжал левой рукой подбородок. — Проклятие! Проклятие этим рыжим волосам, этому веснушчатому лицу! — и он дергал себя за волосы и бил по щекам. — Если бы я был хоть красив... А вы, вы прекрасны... Если бы вы, если бы я... если бы я сделал вам предложение?

Эльза улыбнулась. Раскрасневшийся, с взлохмаченными рыжими волосами, он был необычайно смешон в эту минуту.

— Благодарю вас, но у меня есть жених.

— Конечно, чепуха. Я просто с ума схожу и выбалтываю свои мысли. Вы прекрасны, но не вы, ваше богатство нужно мне. Я, однако, не мог думать, чтобы такая красота могла быть такой недоброй и... корыстной! — добавил он желчно после короткой паузы.

Эльза нахмурилась.

— Я не корыстна.

— Тогда что же мешает вам отказаться от наследства и сделать меня и моих сестер счастливейшими людьми?

Подбежав к ней, он вдруг схватил ее за руку и, глядя прямо в глаза, со всей силы ненасытного желания, задыхаясь, молвил:

— Откажитесь! Откажитесь! Откажитесь!..

По спокойному лицу Эльзы прошла тень. Брови нахмурились, в ней как будто поднималась борьба.

Рудольф, несмотря на все свое волнение, заметил это и начал просить с удвоенной силой.

Но в тот момент лицо Эльзы вновь приняло спокойное выражение, веки полузакрылись, и она тихо, но решительно сказала:

— Пустите, — высвободила руки и, ни слова больше не говоря, пошла к двери.

— Куда же вы? Подождите! — Рудольф бросился за Эльзой, пытаясь ухватить ее за руку. Но в этот момент дверь комнаты открылась, вбежала собака и с угрожающим ворчанием стала между Рудольфом, и Эльзой. Вслед за собакой появился Штирнер.

— Э, это уж нехорошо! — сказал он. — Кто же хватает за руки чужих невест?

Рудольф стоял, дрожа как в лихорадке, и мерил Штирнера недружелюбным взглядом. Штирнер спокойно и насмешливо смотрел на него.

Рудольф топнул ногой, быстро повернулся на каблуках и выбежал из комнаты. Прыгнув в автомобиль, он стал бормотать, как в бреду:

— Все погибло! Все погибло!..

— Куда прикажете? — спросил шофер.

— Все погибло! Все погибло! К Людерсу...

С этими же словами — «все погибло!» — он вбежал в кабинет Людерса, не обращая внимания на клиентку, которая сидела у адвоката.

— Людерс! Все погибло!.. Она отказала... Эльза отказала по всем пунктам, этого и надо было ожидать... Завтра истекает срок на подачу апелляции. Отец пропал... Если бы мы хоть знали, что он умер... Но нет, и тогда было бы поздно!.. Опекун не учредишь в несколько часов... Все погибло... Остается одно: подать апелляцию... Доверенность моего отца на ваше имя не уничтожена...

— Но это безнадежно при наличии в деле заявления Оскара Готлиба.

— Все равно, подавайте!.. Может быть, отец найдется к тому времени, когда дело будет пересматриваться.

Людерс пожал плечами, но подумал, что, пожалуй, это и верно. Главное — не пропустить срока, а там обстоятельства могут повернуться иначе.

Апелляция была подана. Но Оскар Готлиб по-прежнему не подавал о себе никаких вестей. Все способы проволочек были исчерпаны, дело было проиграно Готлибами во всех инстанциях.

Эльза Глюк вступила в права наследства.

Глава 8 Стекло́нный дом

Увлечение покойного банкира рационализацией сказалось и на архитектуре его дома, построенного по последнему слову американизированной строительной техники. Красота этой новой архитектуры определялась новым канонem: утилитаризмом. Весь огромный, растянутый в длину трехэтажный дом Готлиба был сделан из железа, стекла и бетона и внешне был скучно прямолинейен, как разграфленный лист гроссбуха. Ни одной радующей глаз кривой линии, ни одного украшения. Огромные стекла во всю стену придавали дому вид какого-то гигантского аквариума. Казалось, стекла были слишком хрупкой защитой для миллионов, которыми ворочал банк Готлиба. Но «золотые рыбки» этого аквариума хранились глубоко на дне его — в подземном этаже. Сталь и бетон этого казнохранилища способны были выдержать налет не только земных, но и воздушных бандитов. Сотни автоматических звонков и световых сигналов, особые перископы, дающие возможность находящимся в первом этаже сторожам видеть, что делается в подвале, автоматически хлопяющиеся двери, электрические заградители и киноаппараты обрекали на неудачу всякую попытку проникнуть сюда силой или хитростью. В свое время Готлиб не мало бросил денег на то, чтобы через репортеров, описывающих все эти чудеса заградительной техники, оповестить весь мир о неприступности его банковской твердыни и отбить охоту любителей легкой наживы проникнуть в подвалы. И действительно, за десять лет был только один случай покушения, и он окончился очень плачевно для смельчаков: двое взломщиков, лучшие специалисты своего дела, были захлопнуты автоматической дверью, как мыши в мышеловке.

Автоматически приведенный в действие киноаппарат заснял это происше-

ствие, и картина демонстрировалась во всех кинематографах, как образец наказанного порока. Правда, злые языки утверждали, что все это ограбление было инсценировано самим Готлибом, пригласившим, за приличное вознаграждение, известных «артистов» уголовного дела и обещавшим им выход на свободу, когда шум вокруг дела утихнет, но тем не менее картина возымела действие. Банкир и его вкладчики спали спокойно.

В первом, надземном, этаже помещался банк со всеми его отделениями. Здесь же помещались вооруженные сторожа, в которых, в сущности, не было и нужды. Но банкир содержал довольно большой штат их «для декорации».

Квартира Готлиба помещалась во втором этаже, где середину занимали гостиная, приемная, личный секретариат и кабинет. Правый конец здания был разделен на две комнаты, соединенные с кабинетом; в одной помещалась спальня Готлиба, в другой жил Штирнер. Эти комнаты Штирнер держал всегда на запоре, не допуская туда служащих даже для уборки. В левом же конце этажа помещался «зверинец» Штирнера: его ученые собаки, волки, свиньи, кошки и медведь. Все они жили совместно в трогательном единении. Бросив ученую карьеру, Штирнер продолжал «по-любительски», как говорил он, изучать психологию животных.

Почти две трети верхнего, третьего, этажа, его середину, занимала картинная галерея — гордость Готлиба и предмет шуток и острот знатоков. Здесь в таком же трогательном единении, как звери Штирнера, бок о бок уживались подлинный Андреа дель Сарто с грубо поддельным Корреджио, мазня неизвестного дилетанта с карандашным рисунком Леонардо да Винчи. Все картины были расставлены на станках, расположенных в ряд перпендикулярно стеклянным стенам; Готлиб называл это «рационализацией освещения». Середина зала была пуста, если не считать стоявшего на помосте рояля. Для торжественных обедов приносились из кладовых какие-то замысловатые раскладные рационализированные Готлибом столы, которые в сложенном виде занимали очень мало места, но собрать их было истинным мученьем: слуги выходили из себя, когда им приходилось складывать бесконечные кусочки, доски, бруски... Эта работа напоминала китайскую головоломку. Отдельные части, неверно пригнанные, рассыпались, не слушались, не входили в пазы. Слуги нервничали, Готлиб еще больше.

— Ну как же вы не понимаете? Это так просто! — и он подбегал сам, складывал, выдергивал, подставлял, ронял, ушибался и сердился больше всех.

Теперь с этим было покончено. Столы мирно почивали в разобранном виде, как и их разобранный на части несчастный хозяин. Зал был пуст. Поэтому приятно было отсюда войти в смежный зимний сад. Широкие листья пальм покрывали большой аквариум. Вьющиеся растения оплетали искусственный грот. Яркие орхидеи радовали глаз пестротой красок.

Уютные диванчики между лаврами и цветущими олеандрами давали возможность отдохнуть и послушать певчих птиц, летавших на свободе.

К другому концу зала примыкала библиотека, которая находилась под двумя кабинетами Готлиба, помещавшимися во втором и первом этажах. Все эти три комнаты соединялись лифтом с установленным на нем креслом. В библиотеку, состоявшую исключительно из роскошных изданий в дорогих, тисненых золотом переплетах, Готлиб любил «взлетать» на своем подъемном кресле после работы, чтобы выкурить здесь сигару. Но книг он не читал. Из-

редка вынимал он какую-нибудь из них, раскрывал и разглядывал рисунки.

— Маки-домовой, *Tarsus spectrum*... Бывают же такие несуразные животные! Прямо в очках! Фу, гадость, еще во сне приснится! — и он захлопывал книгу и сладко потягивался после трудового дня.

Две крайние комнаты пустовали. Одна из них находилась над спальней покойного Готлиба, другая — над комнатой Штирнера.

В эту последнюю комнату Штирнер ввел Эльзу, когда осмотр дома был окончен.

— Вот и все ваши владения. Я думаю, что вам здесь будет хорошо. Здесь много света и воздуха, как, впрочем, и во всем доме, недаром у вашего завещателя был такой прекрасный, свежий вид и румяные щеки.

При упоминании о завещателе Эльза вздрогнула, и легкая тень пробежала по ее лицу.

Штирнер нахмурился.

— Эльза, — серьезно сказал он, — неужели все это вас не радует? Ведь вы сейчас одна из богатейших женщин в мире. Вы можете исполнить всякий ваш каприз. Если вам не нравится этот дом, вы можете остановиться в любом из двадцати шести домов, принадлежащих вам теперь в городе, вы можете жить на ваших виллах в Ницце, в Ментоне, в Ospidalletti, на Майорке, в Алжире, я уж не помню где... — О чем-то подумав, он продолжал: — Но вам здесь *должно* понравиться.

— Да, мне здесь *должно* понравиться, — как эхо прозвучал ответ Эльзы.

— В соседней комнате будет помещаться ваша прислуга. В этой комнате, как и везде, электрических звонков больше, чем в мебели обойных гвоздиков, а телефонов еще больше, чем звонков... Не сходя с кресла, вы можете потребовать все что угодно. Чашка кофе сама подъедет к вам на транспортере... До скорого свидания!

Когда он ушел, Эльза устало опустилась в кресло и, склонив голову, закрыла лицо руками. Где-то далеко пробили часы, и звон их гулко разнесся по пустому залу.

Эльза долго сидела неподвижно. Она думала о своей жизни, так странно сложившейся. Дочь бедных родителей, круглая сирота, она рано узнала нужду. Еще девочкой она была необычайно красива. Эта красота принесла ей в жизни много радостей и много горя. Одна состоятельная старушка, фрау Беккер, одинокая вдова, увидя в приюте красивого ребенка, взяла девочку к себе. В то время Эльзе было двенадцать лет. До семнадцати она прожила у фрау Беккер. Эти пять лет были лучшими в ее жизни. Старушка любила ее, даже баловала, дала хорошее образование, и Эльза привязалась к ней, как к матери. Но старушка неожиданно умерла, не оставив завещания. Родственники бросили Эльзе подачку в такой оскорбительной форме, что она отказалась от их помощи и взялась за работу. Прошло два тяжелых года, в продолжение которых ей пришлось узнать свет с неприглядной стороны. При ее красоте ей не трудно было получить место в магазине, и она находила эти места, но быстро бросала их из-за слишком открытых признаний ее красоты со стороны хозяев. Она решила перейти на другую работу. Вечерами изучала она стенографию, и когда изучила, ей посчастливилось поступить к Готлибу. Здесь же она познакомилась с Зауером и полюбила его за одно то, что он с уважением относился к ней и был всегда корректен и выдержан.

Получение наследства выбило ее из колеи.

Она никак не могла понять, как и почему она приняла наследство, после того как решила отказаться от него.

— Почему? Почему? — спрашивала она себя.

Вдруг лицо ее стало спокойным. Глаза полузакрылись. Так она просидела несколько минут. Наконец она вздохнула полной грудью, как человек, вышедший из душного помещения на свежий воздух. С удивлением она чувствовала, что от ее смутной тревоги и тоски не осталось следа. Она встала, сладко потянулась, как бы разминая затекшие члены, и с любопытством осмотрела комнату.

— Право, здесь очень занятно. Какой интересный рисунок на ковре! А сколько света! Как легко дышится!

Она глубоко вздохнула и с новым чувством какого-то обостренного любопытства стала осматривать свое новое помещение: библиотеку, картинную галерею и чудесный зимний сад.

— И это все мое!..

В первый раз она подумала: «А ведь Штирнер прав! Какая я счастливая!..»

Глава 9 Пятьдесят процентов прибавки

Штирнер, оставив Эльзу, быстро спустился во второй этаж. В комнате личного секретариата он застал Зауера, Эмму Фит и старушку экономку фрау Шмитгоф.

Зауер смотрел на него недружелюбно, Фит и Шмитгоф — с тревогой. После того как Эльза Глюк стала полноправной хозяйкой, все они не знали, как сложатся их дальнейшие отношения.

— Здравствуйте, господа! — оживленно сказал Штирнер. — Я от новой хозяйки! Не беспокойтесь ни о чем: вы все останетесь, я уже говорил с Эльзой... фрейлейн Глюк... Работы у нас теперь будет много... Наша прекрасная хозяйка не знакома с банковским делом, и на нас — главным образом на меня и вас, Зауер, — выпадает тяжесть управления делами банка Эльзы Глюк.

— Прошу за меня не решать и не определять моих обязанностей, — желчно сказал Зауер.

— Да... Но как же иначе? Ну, мы еще поговорим. Меня ждет одно неотложное дело.

Штирнер быстро прошел в кабинет, что-то написал на письменном столе Готлиба, спрятал написанное в ящик стола, запер на ключ и прошел в свою комнату. Скоро он вышел обратно и вновь уселся за письменный стол Готлиба.

В кабинет вошла Эльза, а вслед за ней явились Зауер, Фит и Шмитгоф.

Эмма и экономка благодарили Эльзу за то, что она оставляет их у себя.

— А! Фрейлейн Глюк, очень рад, что вы пожаловали ко мне! — сказал Штирнер. — Как вы чувствуете себя?

— Благодарю вас, хорошо.

— Вам понравился дом?

— Очень! — ответила она оживленно. — Весь верхний этаж залит солнцем. Кажется, будто плаваешь в солнечном океане. А этот зимний сад — очаровательный уголок. Право, нет нужды ездить в Ниццу, имея недалеко это зеленое

убежище!

— Отлично! Значит, все в порядке? — весело улыбнулся Штирнер.

На Зауера неожиданное оживление и жизнерадостность Эльзы произвели обратное впечатление. Он насторожился, подозрительно посмотрел на нее и стал кусать губы.

— А теперь будьте любезны снять с ваших плеч деловую обузу, — сказал Штирнер. — Согласно вашему желанию, я заготовил полную доверенность на мое имя... Будьте добры подписать ее.

Зауер, Шмитгоф и даже наивная Фит были удивлены. Всем казалось естественным, что доверенность будет дана Зауеру — жениху Эльзы, или по крайней мере управление делами будет разделено между ним и Штирнером.

— Да, да, — охотно ответила Эльза и взяла перо.

— Одну минутку! — Штирнер позвонил, и в комнату вошел старичок нотариус с двумя свидетелями.

— Извините, — встретил его Штирнер, — что мы беспокоим вас, приглашая, по старой памяти, на дом...

Старичок любезно закивал головой.

Эльза подписала доверенность. В несколько минут формальности были закончены.

— Надо, чтобы все было по форме. Благодарю вас! Вы свободны, — сказал Штирнер.

Нотариус, Фит и Шмитгоф вышли.

— Вы, Зауер, остаетесь юрисконсультom. Но наш новый банкир добрее старого и увеличивает ваше жалованье на пятьдесят процентов. Вы так, кажется, распорядились?

— Да, да! — ответила Эльза.

— Благодарю вас за честь, но я отказываюсь от ваших прибавок и от места... — ответил позеленевший Зауер.

— Но почему, Отто? Ты шутишь! — спросила Эльза, глядя на жениха.

— Ну, вы тут договаривайтесь с хозяйкой, а мне некогда. Надо спуститься в банк, благо старик Карл изобрел такой хороший способ сообщения.

И, нажав кнопку, Штирнер провалился в люк.

— Ты шутишь, Отто? — повторила Эльза, оставшись одна с Зауером, и ласково прикоснулась к его руке.

Зауер брезгливо отдернул руку и поморщился.

— Не знаю, кто из нас шутит... Мне кажется, что вы, фрейлейн Глюк...

— Отто!..

— Но только ваши шутки похожи на издевательство... издевательство над человеческим достоинством, любовью, доверием, дружбой.

Зауер заговорил с обидой в голосе:

— Эльза! Что с тобой, Эльза? Ты уверяла меня, что откажешься от наследства, и ты обманула меня... Зачем?

— Отто, но разве ты не понимаешь, что так надо было? И не ты ли сам выступал на суде от моего имени?

— Да, я выступал... Я не знаю, почему я выступал... Это какое-то бесовское наваждение... Впрочем, ты просила меня и я сделал... Ведь я ни в чем не могу отказать тебе... Но ты? Ты обманула меня! Ты стала миллионершей и опять разбудила во мне всех демонов сомнений, которые терзают меня. Это наслед-

ство позорит тебя, пятнает нашу любовь. И это еще не все: ты вдруг выдаешь доверенность Штирнеру!.. Какие новые черные подозрения пробуждаешь ты?.. Ты с ним заодно. Ты... близка ему! Ты соучастница его преступлений. Ты дурачила меня как мальчишку.

— Отто!

— Молчи! Неужели ты не понимаешь, что вокруг твоего имени сплетут легенды, тебя смешают с грязью, и эта грязь долетит сюда с улиц, в эти золотые хоромы — они не защитят тебя. Ты живешь с ним в одном доме, ты...

— Успокойся, Отто, умоляю тебя!

— Нет, не успокоюсь!.. Тебе всего этого оказалось еще мало. Ты хочешь унижить меня, предлагаешь пятьдесят процентов прибавки. Ха-ха-ха!.. Любовь и достоинство за пятьдесят процентов!

Зауер закатился истерическим смехом и не мог сдержаться.

Потрясенная Эльза беспомощно смотрела на него. В ней происходила ужасная, борьба. Наконец нервы ее не выдержали, и она расплакалась.

Зауер утих, нервно всхлипывая, и от времени до времени тяжело вздыхал.

— Как я несчастен... как я несчастен!.. — тихо говорил он, сидя на кресле и положив голову на руки.

Эльза подошла и обняла его.

— Отто, неужели ты думаешь, что я такая дурная? Ведь я же люблю тебя! Ну успокойся, милый мой, родной... Я все сделаю, что ты скажешь...

— Правда?

— Правда, — твердо ответила Эльза. — Не вини меня, я сама не знаю, как все это произошло...

Зауер поднялся. Вслед за ним поднялась и Эльза.

— Мне не надо богатства, я люблю тебя, только тебя, — сказал он, сжимая ее руки. — И ради моей любви я требую: завтра же, слышишь, завтра, не позже, мы обвенчаемся с тобой, и завтра же ты выгонишь из дома проклятого Штирнера со всеми его собаками!

— Я согласна.

— Эльза!

— Отто!..

Площадка лифта бесшумно поднялась.

— Ого! Целуются! — вдруг услышали они за собой насмешливый голос Штирнера и, оторвавшись друг от друга, оглянулись. — Какая трогательная сцена!

Штирнер сидел за письменным столом, покуривая сигару.

— Вы здесь зачем? — негодуяще воскликнул Зауер.

— По долгу службы, — насмешливо ответил Штирнер. — Доверие, которым облекла меня наша хозяйка...

— Наша хозяйка изменила свое решение и дает вам полный расчет, — перебил его Зауер, — доверенность на ваше имя будет уничтожена. В вознаграждение же за ваши заслуги вам будет выдано полностью двухмесячное содержание с надбавкой пятидесяти процентов.

— Придется мне открывать бродячий цирк, — сказал Штирнер, почесав лоб.

Но, оставшись один, он нахмурился, вынул из ящика стола какие-то чертежи, просмотрел их, сердито проворчал что-то, поспешно вошел в свою комна-

ту и надолго заперся в ней.

Глава 10 «Девушка с разбитым кувшином»

Прошел месяц. Эмма Фит сидела на своем обычном месте и писала на ре-мингтоне.

Зауер, побледневший, небрежно причесанный, небритый, долго ходил большими шагами по кабинету, искоса поглядывая на Эмму. Потом он подошел к ней и, покачиваясь из стороны в сторону, в упор стал смотреть ей в лицо.

Резвые пальцы Эммы начали делать перебои на клавишах ремингтона. Она покраснела под пристальным взглядом Зауера и, не прерывая работы, спросила:

— Почему вы так смотрите на меня, господин Зауер, как будто никогда не видали? Вы мешаете мне работать...

— Фрейлейн Эмма, а ведь вы прехорошенькая!

Эмма покраснела еще больше, но попыталась сделать вид, что не расслышала его слов.

— Странное дело! — продолжал Зауер. — Более года, как вы здесь служите, я встречаюсь с вами каждый день, но только за последний месяц у меня как будто открылись глаза: приятный овал лица, мягкие волосы, к которым хочется прикоснуться и погладить, изумительные глаза! В них детская наивность и лукавство маленького бесенка. Вы живая «Девушка с разбитым кувшином».

— Я не разбивала никаких кувшинов.

— Это картина Греза. А вы...

— Перестаньте, Зауер.

Эмме приятно было слушать Зауера, но она скрывала свои чувства, боясь гнева Эльзы. А Эльза уже не раз заставляла их за такой беседой. Эльза с достоинством проходила мимо, но Эмма чувствовала, что ее «хозяйка», как шутя теперь она звала ее, все видит и понимает.

— Господин Зауер, я не узнаю вас!

— Я сам не узнаю себя, деточка. Философы уверяют, что познать самого себя — самая трудная задача в мире...

Зауера действительно нельзя было узнать.

Корректный, аккуратный, педантичный Зауер перестал, чего никогда не было раньше, заботиться о своей внешности, начал ходить по ресторанам, покупивать в подозрительной компании, халатно относиться к делу.

— Вот что, дорогая фрейлейн Фит, довольно вам трещать на этом неблагодарном музыкальном инструменте. Пора кончать. Идемте наверх, я покажу вам в зимнем саду новых золотых рыбок в аквариуме. Их недавно выписал Штирнер в подарок нашей хозяйке.

Эмма колебалась.

Зауер, улыбаясь, многозначительно посмотрел на дверь кабинета.

— Бойтесь хозяйки?

Эмма вспыхнула и поднялась.

— Только на одну минуту! Я спешу домой...

Но эта минута длилась более получаса. Зауер болтал и любезничал без умолку. Эмма краснела от тайного страха быть застигнутой. Посмотрев на ча-

сы, Эмма вдруг поднялась.

— Боже, я опоздала!.. — И она, поправляя прическу, вышла из зимнего сада в пустынный зал.

— Послушайте, Эмма, едем сегодня с вами в театр, а вечером поужинаем в «Континентале» и послушаем джаз-банд.

Эмма, привыкшая видеть Зауера серьезным, не могла удержаться от смеха. Зауер подхватил ее под руку и, скользя по паркету, повлек к выходу.

Эту сцену наблюдала Эльза, стоявшая меж станками картин. Она часто бродила по галерее.

Когда Зауер и Эмма удалились, побледневшая Эльза вышла из своего угла, прошла в зимний сад и устало опустилась на скамейку перед аквариумом. Журчал фонтан, золотые рыбки медленно двигались за зеленью стекла, всплывали на поверхность и пускали пузырьки воздуха. Было тихо. Птицы сидели на ветвях, нахохлившись, как под дождем.

Эльза опустила голову и увидела лежащий на полу портфель из желтой кожи, с серебряными инициалами «О.З.».

В то же время она услышала приближающиеся шаги.

«Отто Зауер забыл портфель и идет за ним», — мелькнула у нее мысль. Она хотела скрыться в гроте, чтобы не встречаться с ним, но, подумав, осталась на месте.

Зауер вошел, напевая шансонетку. Увидев Эльзу, он сделал удивленное лицо, немного смутился, но тотчас принял непринужденный вид.

— А! Извольте прогуливаться по садам? Как вам нравятся золотые рыбки? Я думаю, под хорошим соусом они очаровательны.

Но Эльзу не рассмешила шутка.

— Послушайте, Зауер, что все это значит?

— О чем вы говорите, повелительница?

— О том, что было здесь сейчас, и вообще о всем вашем поведении за последний месяц.

Зауер покраснел.

— Фрейлейн Глюк, я могу задать вам тот же вопрос. Что значит ваше поведение? Вы исполнили ваше обещание? Разве вы уже моя жена, а Штирнер уволен? На каком основании вы предъявляете права на свободу моих поступков?

— Никаких прав я не предъявляю. Я не отказываюсь от своих обещаний, хотя и не выполнила их.

— Почему?

Эльза смутилась в свою очередь. Почему? Она сама не знала. Здесь опять был провал в ее сознании. И она испытала знакомое уже ей неприятное ощущение утраты памяти. Ее мысль билась о невидимую преграду, как муха о прозрачное стекло. Эльза опустила голову и молчала.

А Зауер пытливо рассматривал черты ее лица и ее фигуру и думал, удивляясь:

«И как только я мог любить ее? Ничего особенного! Таких красивых живых манекенов сколько угодно в любом магазине модного платья. Ее шея красива, но несколько длинна, странно, что я не замечал этого раньше. А эти узкие плечи... А родинка у левого глаза — она совсем не на месте. Эта родинка решительно портит ее!..»

— Вы не отвечаете!.. Вам нечего сказать?

Наконец Эльза ответила:

— Но ведь и вы не оставили службу. Почему?

Она попала в больное место Зауера. Он действительно не ушел по непонятной для него самой причине. Месяц тому назад, как-то неожиданно для самого себя, Зауер охладил к Эльзе и воспламенился любовью к Эмме. Временами он чувствовал тяжесть этого, как и других своих поступков: такой разлад с самим собой выбивал его из колеи. Он испытывал как бы раздвоение личности, и это мучило его. Чтобы забыться, он начал курить и вести рассеянный образ жизни.

Но ему не хотелось признаться в том, что он сам себе не может ответить на вопрос, почему он не уходит из этого дома. Это раздражало его, и он повернул вопрос в другую сторону.

— А, так вам хочется поскорее избавиться от меня? Теперь все понятно!..

Эльза с укором посмотрела на него.

— Отто, вы опять будете оскорблять меня?

— Будьте совершенно покойны! Мы в достаточной степени измучили друг друга, и нам пора прекратить эту игру. Если хотите знать, я не уйду отсюда потому, что люблю Эмму Фит. Да, люблю и сегодня же сделаю ей предложение!

Это объяснение казалось ему наиболее правдоподобным, хотя где-то в подсознании он и чувствовал, что обманывает себя: разве не мог он уйти вместе с Эммой?

Эльза откинулась на спинку и только тихо сказала:

— Отто!..

Наступило молчание. В душе Зауера шевельнулось что-то похожее на жалость. Но тотчас промелькнула мысль: лжет, притворяется, как всегда. И он стал говорить с раздражением:

— А чего же вы от меня ожидали? Недоставало, чтобы я согласился играть роль чичисбея, как это водилось когда-то в Венеции!.. Официальный друг дома! От этой почетной должности отказываюсь. При вашем богатстве найдутся другие охотники. А меня увольте. Эмма Фит с неба звезд не хватает, миллиардами не ворочает, вся ее душа состоит из одной простенькой пружинки, но эта девушка сумеет быть честной женой.

Эльза не возражала, склоняя голову все ниже, как под ударами бича.

Зауер поднял портфель.

— Зауер беден, но Зауера нельзя купить за пятьдесят процентов прибавки к жалованью! Простите, меня ждут.

И, преувеличенно любезно раскланявшись, он вышел. Шаги его четко отдавались в огромном зале.

Эльза сидела, как пришибленная. Бой часов привел ее в себя.

Она вздрогнула.

— Пять часов. Как поздно!

Сгущались зимние сумерки.

Эльза вышла в зал и огляделась по сторонам. Случайно ее взгляд скользнул по роялю; вдруг ей захотелось играть. Она подняла крышку инструмента, уселась и заиграла.

Ей казалось, что еще никогда она не играла с такой охотой...

Вдруг она вздрогнула.

Прямо перед собой она увидела лицо Штирнера. Когда он вошел?.. Он стоял, прислонившись к роялю, и глядел на нее. Его лицо было бледнее обыкновенного, серьезно и печально. Тонкие губы нервно вздрагивали.

Эльза вскрикнула и прекратила игру.

— Играйте, прошу вас! — сказал он искренно и просто. Эльза, оправившись от испуга, продолжала. Он некоторое время внимательно слушал игру, а потом медленно и тихо стал говорить:

— Как прекрасно вы играете! Это «Лебедь»? «Лебедь» Сен-Санса... Говорят, лебедь поет перед смертью... Но лебеди живут долго, очень долго и преждевременно умирают только смертельно раненные. Неужели и вы ранены? Кем? Разве стоит он того, чтобы из-за него умирать?

— О ком вы говорите? — спросила Эльза, переставая играть и опуская руки на колени.

— О нем, о Зауере! Разве это секрет?

В Эльзе заговорила гордость женщины.

— Господин Штирнер, — сухо сказала она, поднимаясь из-за рояля, — я вас прошу не вмешиваться в мои личные дела!

— Да ведь это и мои личные дела, фрейлейн Эльза, ведь вы знаете, что я люблю вас!

— Но вы знаете, что я не люблю вас.

— В этом, увы, все несчастье... мое и ваше, да, да, и ваше, хотя вы и не понимаете этого. Как бы все было великолепно, если бы вы любили меня! Если бы вы *сами* полюбили меня, — многозначительно сказал Штирнер.

— А как же иначе можно полюбить?

Штирнер не ответил.

— Послушайте, Эльза, давайте поговорим серьезно. В этом рационализированном зале негде даже присесть... Пройдемся в зимний сад, прошу вас!

Они уселись на той же скамье, на которой только что сидела Эльза.

— Вы прошли тяжелую школу и знаете жизнь, — начал Штирнер. — Вы знаете, как трудно красивой, бедной девушке честно заработать кусок хлеба. Теперь вы богаты. Но и богатство имеет свои неприятности. Для мужчины вы становитесь приманкой вдвойне. На красоту очень часто зарятся донжуаны и ловеласы, на богатство — подлецы и проходимцы. Вы не гарантированы теперь, что ваш избранник будет любить вас, а не ваше богатство. Что ожидает вас тогда? С Зауером кончено. Вы одиноки. Посмотрите на вещи трезво. Почему бы мне и не стать вашим мужем? Вы не любите меня. Но, говорят, наиболее счастливые браки те, где сватом бывает не любовь, а разум. Вы можете полюбить меня позже, такие случаи не редки... И потом... У меня огромное дело, грандиозные планы, а ваше отношение ко мне связывает меня, не дает возможности развернуться во всю ширь, отдаться всецело работе... В последний раз говорю вам: решайте!

Эльза отрицательно покачала головой.

— Нет, нет! — поспешно сказал Штирнер. — Не говорите мне сейчас ничего. Обдумайте все спокойно, взвесьте мое предложение и дайте мне ответ... сегодня у нас четверг... в воскресенье вечером, в шесть часов. Это последний срок!

Поклонившись, Штирнер вышел.

Часы гулко пробили шесть.

Глава 11

Несостоявшееся свадебное путешествие

Наутро Эльза проснулась с давно уже покинувшей ее ясностью мысли. Ей надо было решить — принять ли предложение Штирнера или отказать ему. Почему ей непременно надо было решить это, она не интересовалась. После утреннего завтрака Эльза уселась в своем любимом уголке зимнего сада, перед аквариумом, чтобы принять окончательное решение.

Однако ей помешали. Вошел слуга и доложил, что ее ожидает в приемной Оскар Готлиб, который очень просит принять его.

«Оскар Готлиб? Откуда он взялся?» — подумала Эльза. Целый рой мимолетных воспоминаний о судебном процессе промелькнул в ее памяти.

Эльза спустилась в приемную второго этажа.

Навстречу ей с низким поклоном шел старик, в котором она не сразу узнала брата покойного банкира. Оскар Готлиб похудел. Он отпустил окладистую седую бороду вместо небольших бачков. Лицо стало длиннее, щеки впали, а мешки под глазами увеличились. Но перемена коснулась не только внешности. Во всей его позе и жестах чувствовалась какая-то пришибленность и приниженность, глаза беспокойно бегали.

— Приношу мои извинения за беспокойство, — сказал он, целуя Эльзе руку, — только крайняя необходимость принуждает меня к этому...

— Прошу вас, — указала Эльза на кресло.

Они уселись. Оскар Готлиб вздыхал, вертел в руках шляпу и молчал. Несколько овладев собой, он заговорил нетвердым голосом.

— Я, право, не знаю, как начать... Прежде всего позвольте уверить вас, что я совершенно примирился с совершившимся фактом... Совершенно... Но самый факт неожиданного лишения наследства поставил меня в необычайно затруднительное положение. Дело в том, что уже после смерти брата и... после вашего отказа от наследства я совершил... я заложил свое имение... Что делать? Молодежь так жадна на развлечения... Большой город... Наряды... Столько соблазнов. Да и хозяйство надо было поправить. Обязательство было краткосрочное. Не думал же я, что вы перемените свое решение и все так обернется! Это я говорю не в упрек, а так, в пояснение. И вот теперь, через неделю, имение пойдет с молотка за неуплату долга. И я разорен... Разорен окончательно, на старости лет, с кучей детей на руках... Их у меня пятеро да жена-старуха...

— Какова же сумма вашего долга?

Оскар Готлиб замялся.

— Большая, солидная сумма, по моим средствам конечно. Двести тысяч...

Эльза подумала.

— Будьте добры подождать, я сейчас дам вам ответ.

Готлиб не ожидал, что все устроится так просто, и стал заранее горячо и униженно благодарить.

Эльза прошла через комнату личного секретариата, в которой никого еще не было, хотя в этот час занятия уже начинались.

«Странно, — подумала Эльза, — что бы это значило?»

И она вошла в кабинет Карла Готлиба, где теперь постоянно работал Штирнер. Здесь она застала его.

— Штирнер, сюда явился Оскар Готлиб...

Штирнер поднял брови.

— Нашелся? Или воскрес из мертвых? Ну что ж, лучше поздно, чем не во время. Что ему надо?

— Он просит денег... Его имение продают с молотка.

— Сколько?

— Он говорит, что имение заложено за двести тысяч.

Штирнер поморщился.

— Врет! Имение со всем инвентарем не стоит ста тысяч. Песок да кочки... Дадим ему сто тысяч и пусть проваливается!

— Послушайте, Штирнер, я все-таки чувствую себя невольной виновницей его несчастий и потом... он так жалок... Ему не легко было явиться сюда. Дайте ему двести тысяч... Пожалуйста!

Штирнер рассмеялся.

— Пожалуйста! Это великолепно! Глава банкирского дома почтительнейше просит своего приказчика! Фрейлейн Глюк, все принадлежит вам и ваше слово — закон. Мое дело маленькое: вертеть колесо и исполнять приказания начальства.

Он быстро подписал чек на двести тысяч, положил чековую книжку в стол и запер на ключ.

— Вот чек.

— Благодарю вас.

— Опять! Когда вы научитесь быть хозяйкой?

Эльза вышла из кабинета и протянула Готлибу бумагу.

— Вот чек на двести тысяч...

Оскар Готлиб взял чек трясущейся от волнения рукой и стал вновь благодарить и извиняться.

— Пожалуйста, не благодарите меня, — смущенно ответила Эльза, — лучше расскажите мне, что с вами случилось. Куда вы пропали после судебного заседания?

Они опять уселись.

— Болел... болел, да и очень странной болезнью. Когда я вышел из суда, меня вдруг охватила боязнь людей и стыд... Мне стыдно было показаться им на глаза... Вы знаете, что портреты всех участников судебного процесса печатались во многих газетах. И мне казалось, что каждый встречный, каждый проезжающий извозчик, даже мальчишки указывают на меня пальцами и говорят: «Вот человек, лишенный братом наследства за неблаговидный поступок!» И так как никто не знал, в чем состоит этот неблаговидный поступок, то каждый мог думать, что ему угодно: может быть, я совершал подлоги — делал на векселях подписи брата, а может быть, и покушался отравить его. И я бежал... — Старик вздохнул. — Да, я много пережил горьких минут, фрейлейн... Бежал я совсем недалеко. Меня искали по всему свету, а я жил в этом же самом городе. Я укрылся в надежном месте, у своего старого, одинокого друга. «Если ты выдашь тайну моего пребывания хоть одному человеку, я покончу с собой», — сказал я ему. Но об этом не надо было и говорить, он не выдал бы и так.

— Но, простите, — Эльза засмеялась, — вам не было стыдно этого друга?

— Нет! И что удивительно, я не знал его адреса, но нашел его квартиру по какому-то непонятному наитию... Так, шел и пришел... Еще не менее удиви-

тельно: друг встретил меня так, как будто ожидал этой встречи, хотя мы несколько лет не видались и даже не переписывались с ним; долгое время я не удосуживался разыскать и навестить его. «Вот ты и пришел», — сказал он мне просто. У него я и прожил. И все время я испытывал чувство страха и стыда. Иногда, вечерами, я как будто приходил в себя. И даже подумывал о том, чтобы выйти на другой день подышать свежим воздухом. Но ночью вдруг я чувствовал, что страх и жгучий стыд вновь наполняют меня так, что на голове шевелятся корни волос... прямо наваждение какое-то! Я плотнее, с головой, укрывался одеялом и лежал притаившись, боясь пошевелинуться. А наутро не выходил в столовую, отговариваясь головной болью. Окна в моей комнате были завешены наглухо.

— Как это странно, — задумчиво сказала Эльза.

— Я читал газеты и, холодея от страха, следил за поисками. Но, к счастью для меня, они шли по ложному пути. За все время я только один раз смеялся: когда прочитал в газетах, что «меня» нашли где-то в Аргентине, забыл сейчас, в каком городе. Конечно, это оказалось ошибкой. Мой «двойник» был фермером, приехавшим в город по своим делам. Судя по портрету в газете, он действительно похож на меня.

— И долго у вас продолжалось это состояние?

— Ровно до того самого дня, когда последняя судебная инстанция окончательно и бесповоротно решила дело в вашу пользу. Тогда мне все сразу стало безразлично, и я вернулся домой, где и жил, пока не получил извещения о предстоящих торгах. И я решил, что единственный человек, который может спасти меня...

Он не закончил своего рассказа, так как в комнату вошли Зауер и Эмма Фит. Готлиб поднялся и поспешил уйти.

Вид Зауера и Эммы поразил Эльзу. Зауер был во фраке, Эмма в белом платье с букетом белых цветов на груди. Лица их сияли.

Зауер вел Эмму под руку.

— Позвольте вам представить, фрейлейн Глюк, мою жену Эмму Зауер. Поздравьте нас, мы обвенчаны!

Эльза побледнела и поднялась.

Эмма бросилась целовать ее, но, видя смущение Эльзы, остановилась в нерешительности. Эльза поборол волнение, холодно поцеловала Эмму и протянула руку Зауеру. Эмма была слишком счастлива, чтобы заметить эту холодность. Она стала лепетать, сложив по-детски руки на груди:

— Этот Отто, — и она бросила лучистый взгляд на мужа, — такой забавный. Вчера мы были с ним в театре, и вдруг он говорит: «Сейчас мы должны с вами обвенчаться. Едем!»

— И ты так сразу решилась? — спросила Эльза.

Эмма сделала уморительную гримаску, которая говорила: «Кто же отказывается от счастья?»

— Все вышло как-то само собой. И мы, не ожидая окончания спектакля, хотя было очень интересно... шла пьеса... господи, я уже забыла!.. но это все равно какая... поехали искать пастора. Отто чуть не с кровати поднял его! Такой смешной, заспанный старикашка! Он что-то прочитал, раз-раз и готово! Ты не сердись на меня, Эльза? — с неожиданной робостью вдруг спросила она.

Невольная улыбка проскользнула по лицу Эльзы при виде этой детской на-

ивности. И уже с искренним чувством она обняла свою подругу и поцеловала ее.

— Можно ли сердиться на куколку? Ведь ты счастлива?

— Ужасно! — ответила Эмма и даже нахмурила брови.

Но улыбка сошла с лица Эльзы, когда ее взгляд остановился на Зауере. Он смотрел на Эмму влюбленными глазами.

«Нет, этот брак не месть со стороны Зауера, — подумала она, — Зауер действительно любит Эмму... Какое-то наваждение. Наваждение! Кто сказал это слово? Да, Оскар Готлиб... и он говорил о наваждении. Что же все это значит? Я чувствую, что у меня опять начинают путаться мысли...»

— А-а, новобрачные! — Голос Штирнера, стоявшего в дверях кабинета, прервал вереницу ее мыслей.

«Он уже знает?» — с удивлением подумала Эльза.

Ей трудно было еще раз переживать сцену поздравления, в особенности при Штирнере, и она незаметно вышла.

— Поздравляю, поздравляю, — весело сказал Штирнер.

Зауер самым радушным образом крепко пожал руку Штирнера. Казалось, от прежнего недоброжелательства не осталось следа.

— Мы думаем сегодня же вечером выехать в свадебное путешествие, — говорила Эмма, — вы и Эльза не будете против?

На лице Штирнера промелькнуло недовольное выражение, но он тотчас любезно улыбнулся Эмме.

— Конечно, разумеется, прекрасная куколка! Куда вы думаете ехать?

— В Ниццу или в Норвегию, мы еще не решили. Он хочет в Норвегию, а я в Ниццу...

— Значит, вы будете совершать свадебное путешествие каждый поодиночке? — смеясь, сказал Штирнер. — В Норвегии сейчас вы отморозите ваш маленький носик! — продолжал он. — Надо беречь ее, Зауер. Конечно, вы поедете в Ниццу!

— Ну, прощайте, нам надо собираться в дорогу! — И, схватив мужа за руку, она потащила его к выходу. — Скорей, скорей, Отто, ты такой мешок! Я уверена, что мы везде будем опаздывать с тобой на поезд!

Зауер жил во флигеле, в небольшой уютной квартире.

Молодые вбежали с веселой оживленностью и поспешно стали укладываться, говоря без умолку.

— Итак, в Ниццу?

— Ну что ж, в Ниццу так в Ниццу.

— Господи, все это так скоро, как на пожаре!.. Какой тяжелый чемодан!..

— Можем не ехать... Из него надо выбросить книги... Подай мне несессер...

— Не ехать? Да ты с ума сошел! Конечно, мы едем! Но дорожное платье?..

— Мы купим его в дороге. А для начала твое серое прекрасно подойдет.

Они уселись на полу перед большим чемоданом и стали выбрасывать книги.

Вдруг на минуту они застыли, будто прислушиваясь к какой-то мысли, потом удивленно посмотрели друг на друга.

— Что мы сидим, как китайские болванчики, на полу? — наконец спросила Эмма. — Зачем ты вытащил этот чемодан? Тебе нужно ехать по делу?

— Я никуда не собираюсь ехать, — ответил Зауер. — Я не знаю, зачем мы

вытащили этот чемодан. Может быть, тебе хотелось посмотреть эти книги?

— Книжки? Эти скучные книжки? Какие мы глупые! Мы помешались от счастья!

Звонко рассмеявшись, она поднялась, перепрыгнула через чемодан и поцеловала Зауера.

Зауер хмурился. Случай с зачем-то выдвинутым чемоданом заставил его призадуматься.

— Что ты надулся? Недоволен мною? — и она так плутовски склонила голову, что Зауер вновь стал весел.

— Конечно, недоволен, — сказал он, смеясь. — Ты не успела поселиться у меня, а уже вносишь беспорядок!

— Честное слово, это не я! Это он сам! — указала она ногой на чемодан. — Куш на место! Куш! Да помоги же, несносный!

Эмма и Зауер задвинули чемодан под кровать. О поездке никто из них больше не вспоминал...

Глава 12 В шесть часов вечера

— Не забудьте, Эльза, что завтра воскресенье. В шесть часов вечера я получу ваш ответ. А сейчас я уезжаю из города по срочному делу. Вернусь ночью или утром. Всего хорошего!

Штирнер вышел из зимнего сада.

Эльза осталась одна. Но она думала не об ответе Штирнеру: мысли ее были направлены в другую сторону. Она не могла оправиться от удара, который причинил ей Зауер своей неожиданной женитьбой на Эмме Фит.

Она чувствовала себя одинокой, как никогда.

Золотые рыбки медленно двигались в аквариуме, блестя на поворотах и плавно помахивая мягкими хвостиками.

Эльза завидовала им. Эти рыбки жили в неволе, в стеклянном ящике, как и она. Но у них было свое маленькое игривое общество, и они не знали мучительных сомнений. Она себя чувствовала более несчастной, чем в самые тяжелые дни своей трудовой жизни. Что дало ей богатство?

Судебный процесс, в котором была какая-то тайна, и богатство отделили ее от шумной толпы простых людей, которые живут, как им нравится, гуляют по улицам, ходят в кинематограф. Каждый ее выезд обращал внимание, тысячи любопытных взглядов встречали ее. И она отказалась от выездов. Не было удовольствия, которого она не могла бы себе разрешить, и вместе с тем она была лишена их всех. Только прозрачная стена из стекла отделяла ее от широкого мира, переливающегося всеми красками, но эта стена была непреодолима для нее. С тоской в голосе она шептала:

— Какая я несчастная, какая я несчастная!

Вот, как вчера, как третьего дня, как много дней тому назад, пробили часы, гулко отдаваясь в пустынных комнатах. Где-то внизу прорычал автомобиль. Это отъехал Штирнер...

Штирнер! Завтра ему нужно дать ответ. Она чувствовала — это последний срок.

— Почему нужно?

Время шло. И странно: после отъезда Штирнера мысли ее все больше про-

яснялись. Будто какая-то пелена спадала с глаз. Оскар Готлиб, его болезнь, похожая на «какое-то наваждение», любовь Зауера к Эмме, странная и неожиданная, как наваждение...

Вся цепь нелогичных, нелепых, противоречивых поступков окружавших ее людей с того самого момента, как погиб Карл Готлиб, — разве не похоже все это на «наваждение»? Вот слово, которое дает ключ к тайне! Но откуда оно, это наваждение? Кто устоял против него? Штирнер! Он один.

Штирнер!..

А что, если он и есть причина всего этого? Его странный разговор в лодке, его намеки на какое-то могучее орудие, при помощи которого он может покорить мир. Неужели это не пустая болтовня? Неужели он обладает этим средством и играет людьми, как кошка с полупридушенными мышами? Но откуда у него эта сила? В чем она? Кто он, кудесник, новый Калиостро? Свенгали?..

Эльзе вдруг сделалось так холодно, что она задрожала.

Штирнер представился ей коршуном, который носится над птицей в степи. И эта птица — она. Не уйти, нет, никуда не уйти от этого человека. Он не упустит ее из цепких когтей.

Эльза поднялась, тяжело дыша, и вновь опустилась на диван.

Ее охватил ужас.

— Нет, нет, нет! — вдруг вскрикнула она так, что птицы в испуге вспорхнули с веток.

В зале эхо отчетливо повторило ее слова. И странно, это неожиданное эхо как-то ободрило ее, как будто кто-то подкрепил ее, как будто невидимый друг вторил ей: «Конечно, нет!» Нельзя сдаваться без борьбы, нельзя сделаться безвольной игрушкой другого, отдать себя нелюбимому человеку.

Она вошла в зал, чтобы успокоиться.

«Что делать? Что делать?» — подумала она, блуждая по залу. Случайно одна картина бросилась ей в глаза. Какой-то всадник бедуин на арабской лошади мчится по пустыне, в развевающемся белом плаще с капюшоном, спасаясь от нагонявших его преследователей.

«Вот как надо встречать смертельную опасность! Быть может, он погиб, но он боролся до конца... Бежать! Бежать во что бы то ни стало!»

Эльза подошла к роялю и села на табурет. Перед ней вдруг пронеслась недавняя сцена, когда Штирнер стоял и слушал ее музыку. Никогда еще его длинное, бледное лицо с иронической улыбкой не возбуждало в ней такого содрогания и отвращения.

«Бежать немедленно! Но как! У нее нет даже денег!»

— Миллиардерша! — с горечью прошептала она. — Миллиардерша — нищая!..

Вчера еще она подарила Готлибу двести тысяч, но для себя она никогда не брала денег у Штирнера. Что-то, быть может гордость, удерживало ее.

Да и для чего ей нужны были деньги? Она почти никогда не выезжала в город. Если же и делала какие-либо покупки, то ей доставляли их на дом, и Штирнер расплачивался.

Она вспомнила вдруг, что у нее в сумочке должны были остаться деньги от последней полочки жалованья. Она быстро пошла в свою комнату и лихорадочно раскрыла сумку.

Деньги на месте. Их не много, но выехать хватит. А дальше? В каждом горо-

де любой банк открыл бы ей неограниченный кредит, но вексель отошлют для оплаты в ее банк, и тогда Штирнер узнает, куда она уехала.

Эльза задумалась.

— Ах, все равно! Лучше быть нищей, чем покориться тому, что ожидает ее здесь...

И она наскоро оделась и спустилась во второй этаж. У входной двери лежал пятнистый дог. Он ласково помахал хвостом, увидя ее. Эльза погладила его и хотела сдвинуть с места, но дог не трогался. Она сделала попытку обойти его и открыть дверь. Дог вдруг вскочил, встал на дыбы, положил ей передние лапы на плечи и угрожающе зарычал, отодвигая ее назад.

Она была испугана этой неожиданной выходкой собаки и отступила.

— Буцефал! Что с тобой? — ласково сказала она.

Собака завиляла хвостом, но при новой попытке Эльзы зарычала на нее еще более грозно. Штирнер оставил верных сторожей! Позвать на помощь? Она не хотела подымать шума. Вдруг у нее мелькнула мысль. Она быстро прошла в кабинет Готлиба. Дверь оказалась открытой. Сесть в кресло, стоявшее на площадке лифта, нажать кнопку — дело одной минуты. Она спустилась в отделение банка, радуясь удаче.

«Я перехитрила вас, Штирнер!»

Сторожа с удивлением посмотрели на ее необычное появление, но почтительно пропустили. Она боялась, что им дан приказ от Штирнера не выпускать никого.

С сильно бьющимся сердцем переступила Эльза порог дома, ставшего ей ненавистным, вдохнула полной грудью весенний воздух и замешалась в уличной толпе. Какое счастье! Она была свободна. Завернув за угол, она наняла таксомотор и приказала ехать на ближайший вокзал. Только бы скорее подалее отсюда!..

На вокзале она удивила носильщика, спросившего, куда ей взять билет.

— Все равно... Сколько можно проехать вот на эти деньги?..

Эльза сделала неосторожность: удивив носильщика, она оставила след в памяти этого человека и тем самым давала нить для розыска, — но она была как в лихорадке и не обдумывала своих слов.

Ее нервное напряжение улеглось только после того, как паровоз прогудел последний раз и вагон плавно качнулся. До последней минуты она боялась погони Штирнера, хотя и знала, что его нет в городе.

Когда промелькнули предместья города и открылись поля, она готова была плакать от радости. Вечернее солнце золотило здания ферм. Стада паслись, медленно бродя по изумрудно-зеленой весенней траве.

Все приводило ее в восторг. Она, не отрываясь, смотрела в окно и весело напевала:

«Я вольная птица, хочу я летать...»

О будущем она не думала. Она упивалась свободой. Только когда зашло солнце, ландшафт затянули сумерки и в вагоне зажгли свет, она задумалась...

— Э, хуже не будет! — Она быстро разделась и, утомленная пережитыми волнениями, крепко уснула.

Она не помнила, долго ли спала.

Но вдруг проснулась, как от толчка, и с недоумением оглянулась вокруг. Вагон... Как попала она в вагон? В душе быстро нарастало смятение и какое-то

еще не оформившееся чувство. Это чувство росло, крепло, прояснялось...

Назад! Она немедленно, сейчас же должна вернуться. Назад! Штирнер! Милый Штирнер! Он ждет ее! И перед нею предстало печальное, бесконечно дорогое лицо, каким она видела его, когда играла на рояле.

Она быстро оделась и вышла в коридор. Заспанные пассажиры с полотенцами в руках направлялись умываться. Был ранний час утра.

— Проводник, скажите, скоро остановка?

Толстый проводник с возмутительной медлительностью вынул большие серебряные часы, не спеша открыл крышку и, подумав, ответил:

— Через двенадцать минут, фрейлейн.

Эльза топнула каблуком.

— Возмутительно! Как долго ждать! А обратный поезд когда пойдет?

— Встречный пойдет в одно время.

Эльза от нетерпения кусала губы.

Когда поезд наконец подошел к станции, она почти на ходу выбежала из него и вошла в вагон встречного поезда, идущего назад.

Она не имела билета, и контролер составил протокол, но Эльза даже не заметила этого, механически отвечая на все вопросы.

Когда она назвала свою фамилию, контролер с почтительностью и любопытством посмотрел на нее.

Эльза от нетерпения не находила места. Она вышла из купе, ходила от окна к окну и привлекала внимание пассажиров своим странным видом и беспокойными движениями. Она готова была плакать от досады, что скорый поезд идет так медленно.

— Скоро мы приедем? — спрашивала она ежеминутно, и пассажиры, которым надоело отвечать на ее вопросы, стали сторониться ее. Тогда она пошла в свое купе, легла ничком на диван и, сжав виски до боли, как в бреду, твердила:

— Людвиг! Людвиг! Людвиг!.. Когда же я увижу тебя?

Наконец поезд остановился.

Эльза, толкая пассажиров, пронеслась по дебаркадеру и по залу, выбежала из вокзала и прыгнула в автомобиль.

— Банк Эльзы Глюк! Скорей, скорей, скорей! Как можно скорей!..

Штирнер стоял среди кабинета, ожидая Эльзу.

С растрепанными волосами ворвалась она в кабинет, бросилась к нему и с рыданием крепко обняла его.

— Людвиг, милый, наконец-то!..

На лице Штирнера отражались счастье и печаль.

— Моя! — тихо произнес он, целуя Эльзу в закрытые глаза.

Часы пробили шесть.



Часть вторая

Глава 1

Биржевая паника

Коммерческий мир переживал панику.

Начиная с мая, биржа вступила в полосу жесточайших потрясений. За месяц было зарегистрировано более двух тысяч конкурсов. В июне число их поднялось до пяти. Пока гибли мелкие предприятия, финансовые газеты пытались ослабить впечатление надвигающейся катастрофы и успокаивали общественное мнение тем, что кризис лишь очистит экономическую жизнь страны от «несолидных и лишних предприятий, выросших на почве валютной спекуляции». Но в июне жертвою кризиса сделалось несколько старейших и крупнейших предприятий. Этот удар тяжело отразился на промышленности и на массе мелких держателей акций. И газеты уже не скрывали тревоги. Надвигалась настоящая катастрофа, тем более страшная, что само возникновение кризиса не поддавалось обычным объяснениям «экономической конъюнктуры». Как будто новая, неведомая болезнь страшной эпидемией прокатилась по финансовым предприятиям, захватывая все новые жертвы. В начале июля во всей стране осталось только три крупнейших банка, которые устояли: Мюнстерберга, Шумахера и Эльзы Глюк. Первые два понесли уже потерю до тридцати процентов своего капитала. Банк Эльзы Глюк не только не понес потерь, но почти утроил свой капитал. Последняя борьба за существование должна была произойти между этими тремя финансовыми колоссами. Банк Эльзы Глюк имел капитал, превышающий капиталы Мюнстерберга и Шумахера, взятые в отдельности. Но при объединении этих банков против банка Эльзы Глюк перевес мог оказаться на стороне двух против одного.

Правда, могла быть и иная комбинация: войти в соглашение или даже слить капиталы, выговорив себе известные права, с банком Эльзы Глюк. И Мюнстерберг и хитрый Шумахер, каждый в отдельности, тайком друг от друга, делали эту попытку, подсылая верных людей к Штирнеру «позондировать

почву». Но этот «злой гений», как называли Штирнера в биржевых кругах, не шел ни на какие соглашения. Он был оскорбительно насмешлив, беспощаден и неумолим к своим соперникам. Необычайное счастье в биржевой игре, безошибочное предугадывание биржевых курсов, совершенно непонятное влияние на окружающих делали Штирнера страшным.

Банкиры и биржевые маклеры рассказывали друг другу пониженным голосом, как бы боясь, что их подслушает неведомый враг, о многочисленных случаях странной гибели банкиров, обращавшихся лично к Штирнеру. О чем говорил с ними Штирнер, они никому не рассказывали. Но, побывав у него, эти банкиры будто лишались рассудка и всего своего опыта, совершали нелепые сделки, которые лишь ускорили их разорение, а их капиталы переливались в подземные кладовые банка Эльзы Глюк. Несколько этих разорившихся людей покончили жизнь самоубийством. Поэтому Мюнстерберг и Шумахер и решили действовать через целую цепь посредников, опасаясь личного свидания.

Когда переговоры со Штирнером не привели ни к чему, для Шумахера и Мюнстерберга стало ясным, что только слияние этих двух банков, враждовавших между собою более полу столетия, даст возможность если не победить, то продолжать упорную борьбу со «злым гением».

Борьбу эту им казалось вести тем легче, что они обладали большинством акций крупнейших торгово-промышленных предприятий страны: каменно-угольные шахты, производство анилиновых красок, автомобильные и радиозаводы, электрическое освещение, городские железные дороги, судостроительные заводы... Акции этих предприятий находились в руках миллионов мелких держателей — небогатых фермеров, канцелярских служащих, пароходных коков и даже мальчиков, поднимающих лифты. Все они связали судьбу своих небольших сбережений с судьбой банков Мюнстерберга и Шумахера. За банкирами было широкое «общественное мнение».

Утром пятнадцатого июля Зауер, преданнейший и усерднейший помощник Штирнера, вошел в кабинет с очередным докладом.

Зауер крепко пожал протянутую Штирнером руку.

— Здравствуйте, Зауер! Как здоровье вашей куколки?

— Благодарю вас. Мой испуг оказался напрасным. Вчера был врач.

— И что же он нашел у фрау Зауер?

Зауер со счастливым и несколько смущенным лицом ответил:

— Она готовится стать матерью...

— Вот как? Поздравляю! Передайте ей мой привет. А на бирже что творится? Есть новости?

— Есть, и крупная новость. Мюнстерберг и Шумахер создают единый фронт против нас. Они подали заявление об образовании акционерного общества, и, как говорят в биржевых кругах, правительство пойдет им навстречу.

— Я знал это.

Зауер сделал удивленное лицо. Штирнер усмехнулся.

— Что же им остается делать? — ответил Штирнер. — Звери всегда сбиваются в кучу для защиты от более крупного врага. А правительство? Оно само хочет иметь прослойку между государственным банком и мною. Потому что если треснут толстый Мюнстерберг и худой Шумахер, то в государстве останутся только две финансовые силы, только две, Зауер: я, то есть банк моей жены, и Государственный банк. И еще не известно, кто кого победит.

Даже Зауер, привыкший к головокружительным успехам своего друга, был удивлен.

— Не слишком ли высоко залетаете, Штирнер?

— Друг мой, мы живем в мире неустойчивого равновесия. Для нас только два пути: или вверх, или вниз. При остановке катящееся колесо должно упасть набок. Как реагирует биржа на предстоящее слияние банков?

— За один день бумаги Мюнстерберга и Шумахера поднялись на пятьдесят пунктов, — ответил Зауер.

— Бросьте наших маклеров скупать эти бумаги.

— Вы играете на Мюнстерберга и Шумахера?

— Я играю на Глюк. Неужели вы не понимаете еще моей игры? Накручивайте, Зауер, накручивайте. Чем они будут выше, тем лучше. Мне надоело охотиться на мелкую дичь, и я хочу кончить всю эту биржевую возню одним ударом.

Подписав бумаги, Штирнер отпустил Зауера, но потом, что-то вспомнив, окликнул его.

— Послушайте, Зауер, узнайте домашние адреса министра торговли и промышленности и министра финансов.

— Их адреса вы можете найти вот в этом справочнике.

— Ах, да... Благодарю вас. Как вы думаете, Зауер, не удалось бы нам пригласить их ко мне под каким-нибудь предлогом?

— Не думаю.

— Они не удостоят этой чести Людвиг Штирнера? Посмотрим, что будет через месяц-два, а пока обойдемся и без этого визита. Дайте мне, пожалуйста, план города.

Зауер подал.

— Благодарю вас. Вы свободны, Зауер.

Штирнер разложил большой план на столе, положил компас и повернул план так, чтобы север на нем точно соответствовал стрелке компаса. Затем он тщательно отметил точками на плане места, где жили министры, и банк Эльзы Глюк, соединил эти точки линиями и записал в блокнот углы.

— Так... Ну-с, господа министры, если гора не идет к Магомету...

Не договорив, он прошел в свою комнату, смежную с кабинетом, и заперся на ключ.

Минут через десять в кабинет вошла Эльза и уселась в глубокое кресло у письменного стола. Щелкнул замок, и Штирнер вышел из своей комнаты. Эльза быстро поднялась и пошла к нему навстречу, протягивая руки. Штирнер поцеловал обе руки.

— Ты хотел меня видеть, Людвиг?

Он взял ее под руку и повел.

— Да, мой друг, я кончил свою утреннюю работу и хочу позавтракать с тобой в зимнем саду.

Эльза была обрадована.

— Ты так мало со мной видишься, Людвиг.

— Что делать, дорогая, у нас идут бои... Знаешь ли ты, что твое состояние утроилось, а через несколько дней в твоих руках будут капиталы всех частных банков страны?

Они уселись за большим столом, накрытым для завтрака. Штирнер налил

в бокалы вина.

— Ты будешь королевой биржи.

Он отпил глоток.

— Да и биржи никакой не будет. Вся биржа будет здесь. Если бы ты уже не была моею женой, с каким удовольствием многие принцы крови предложили бы тебе руку и сердце! И если во всем этом богатстве, во всем твоим могуществе немножко виноват и я, то признайся, что Штирнер не такой уж пустой болтун!

— Я этого никогда не говорила! — горячо возразила Эльза.

— Да? Тем лучше.

Они чокнулись.

— Людвиг, я была бы более счастлива, если бы ты устроил не мое состояние, а время, которое ты уделяешь мне. Если бы ты знал, как я томлюсь в одиночестве. Я только и живу ожиданием, когда увижу тебя.

— Еще немного терпения, моя дорогая! Я скручу по рукам наших последних соперников, брошу их к твоим ногам, как военную добычу, и тогда...

Вошел Зауер и почтительно поклонился Эльзе. Она ответила ему любезным кивком головы.

— Простите, пожалуйста, что я беспокою вас. В гостиной вас, Штирнер, ждет какой-то господин, говорит, что явился по неотложному делу. Я сильно подозреваю, что это агент Шумахера. Он лично желает переговорить с вами.

Штирнер вышел.

— Ну как Эмма? — спросила Эльза.

— Благодарю вас... Все хорошо...

— А что я вам говорила? Ведь я была права! Напрасно волновались. У Эммы будет ребенок!.. Подумать только. Ей самой в куклы еще играть. Я непременно найду к ней сегодня...

— Она будет очень рада вас видеть.

Штирнер вернулся.

— Вы не ошиблись, Зауер. Старая лиса Шумахер готов в последнюю минуту предать своего союзника, если только я приму его к себе на правах компаньона... И запугивает и сулит всякие выгоды — словом, пускает весь арсенал своей спекулятивной мудрости.

— Что же вы ответили?

— Я сказал: передайте господину Шумахеру, что мне ни компаньоны, ни гувернантки не нужны. Садитесь, Зауер, с нами завтракать.

Они весело болтали, как люди, связанные искренней дружбой и взаимным уважением. От прежних бурь не осталось и следа.

Глава 2 Побеждает сильнейший

В тот день, когда правительство должно было утвердить новое акционерное общество, объединявшее банки Мюнстерберга и Шумахера, Штирнер вызвал к себе Зауера рано утром и отдал приказ:

— Продайте все акции Мюнстерберга и Шумахера, спустите все до последней бумаги.

— Но они поднялись за одну ночь на двадцать шесть пунктов. Получены достоверные сведения, что утверждение акционерного общества обеспечено.

Мне кажется...

— Не беспокойтесь ни о чем и выполните точно мой приказ. Поезжайте сейчас же на биржу сами и сообщите мне обо всем по телефону.

Зауер пожал плечами и уехал.

А через час уже звонил телефон.

— Акции берут нарасхват. Они идут в гору.

— Отлично, Зауер. В котором часу заседание правительства?

— В два часа дня.

— Успеете за это время продать все акции?

— Для этого достаточно часа.

— Тем лучше. Телефонуйте мне через час.

Не прошло получаса, как Зауер сообщил:

— Акции проданы все до единой. На бирже творится что-то невероятное. Толпа запруживает всю площадь перед биржей. Уличное движение приостановлено. С большим трудом проезжают трамваи, автомобили не могут...

— Это мне неинтересно. Как наши акции?

— Увы, понижаются.

— Великолепно. Выждите, когда они понизятся еще больше, и тогда начинайте скупать...

— Людвиг, ты очень занят? — спросила Эльза, входя в кабинет.

— ...Скупите все, что будут предлагать, — продолжал Штирнер говорить в телефон. — Звоните почаще. — И, обратившись к Эльзе, сказал: — Да, я очень занят, дорогая. Завтракай одна. Сегодня я не отойду от телефона весь день и, вероятно, всю ночь.

Эльза сделала недовольный жест. Штирнер положил трубку телефона и подошел к Эльзе.

— Что делать, милая, потерпи. Сегодня я даю генеральное сражение. Я должен его выиграть, а завтра ты будешь некоронованной королевой, в твоих руках будут богатства...

— Людвиг! — с упреком сказала Эльза.

— Ну хорошо, не буду говорить об этом. Как Эмма? Ты была у нее?

— Врач сказал, что у нее почки не в порядке — кто бы мог подумать? — и ей опасно иметь ребенка...

— Так, так, — рассеянно слушал Штирнер.

— Но она говорит, что умрет, но не откажется от ребенка.

— Так, великолепно.

Опять затрещал звонок. Штирнер вздрогнул и, наскоро поцеловав Эльзу в лоб, сказал ей:

— Будь умница, не скучай. Когда все это кончится, мы с тобой поедем на Ривьеру. Алло! Я слушаю.

Эльза вздохнула и вышла.

— В двенадцать часов? То есть через час? Тем лучше! Как только вы узнаете о решении правительства, непременно сообщите...

Бросив трубку, Штирнер в волнении зашагал по кабинету.

— Вместо двух правительство решит этот вопрос в двенадцать. Значит, действует! Теперь я верю в успех, как никогда. А если здесь победа, то победа во всем! И Штирнер всемогущ!

Он закинул голову назад, полузакрыв глаза и застыл на минуту с улыбкой

на лице.

— Однако не время упиваться властью. Надо собрать все силы для последнего удара.

Штирнер пошел в свою комнату и заперся на ключ.

Через час он вышел усталый, побледневший, поправил нависшую на лоб прядь волос, опустил в кресло и полузакрыв глаза.

Звонок. Штирнер вскочил, как на пружине, и сорвал телефонную трубку.

— Алло! Да, да, я... Это вы, Зауер?

Но звонил не Зауер, а один из агентов Штирнера, Шпильман.

— Ошеломляющая неожиданность! Только что кончилось заседание. Правительство отклонило утверждение устава акционерного общества. Шумахер, бывший на заседании, крикнул в лицо министру: «Предатель». Мюнстерберга хватил удар, и он в бессознательном состоянии отвезен домой.

Штирнер не дослушал. Дрожащей от волнения рукой он опустил телефонную трубку и так громко крикнул на весь кабинет: «Победа!», что проснулся лежавший у его кресла Фальк и, вскочив, с недоумением посмотрел на своего хозяина.

— Победа, Фальк! — Бросив в угол кабинета платок, Штирнер приказал: — Пиль!

Собака в несколько прыжков добежала до платка, схватила его и принесла хозяину.

— Вот так все они теперь! Ха-ха-ха!.. — Нервно смеялся Штирнер. Он поднял собаку за передние лапы и поцеловал ее в лоб. — Но их я не буду целовать, Фальк, потому что они глупее тебя и они меня ненавидят. О, тем приятнее заставить их носить поноску!

Опять звонок.

— Зауер! Да, я уже знаю. Мне сказал Шпильман. Как реагирует биржа?

— Взрыв бомбы произвел бы меньшее впечатление. Биржа превратилась в сумасшедшей дом.

— Акции Мюнстерберга?

— Головокружительно падают. Вы гений, Штирнер!

— Теперь не до комплиментов. Когда акции крахнувших банков будут котироваться по цене оберточной бумаги, можно будет скупить их... Мы сумеем вернуть им ценность. Но это успеется. Дело сделано, и вы можете уехать, Зауер!

— Я не могу выйти. Люди превратились в обезумевшее стадо. Сюда не могут даже пробраться санитары «Скорой помощи», чтобы унести упавших в обморок и смятых толпой.

— Ну что ж, если вы лишены свободы, сообщите мне, что у вас делается.

И Зауер сообщил. Фондовые маклеры устроили десятиминутное совещание, на котором решили, что удержать бумаги Мюнстерберга, Шумахера и всех связанных с ними банков нет никакой возможности. Крах совершился. Каждая минута приносила разорение целых состояний. Бумаги ежеминутно переходили из рук в руки. После полуночи нервное напряжение достигло наивысшей точки. Не только площадь перед биржей, но и соседняя площадь были запружены автомобилями крупных держателей бумаг. Они сидели в своих лимузинах всю ночь, бледные и утомленные, с блуждающими глазами. Бюллетень за бюллетенем приносили вести о непрерывном понижении курсов.

Эти курсы передавались по телефону, но уже в момент отправки телефонограммы не соответствовали действительности. Толпы людей, как во время стихийного бедствия, разбили лагерь на соседнем бульваре и платили за право сидеть на бульварной скамейке больше, чем стоит номер в лучшей гостинице. Под утро два маклера и один банкир впали в буйное помешательство.

— Смерть Штирнеру! — кричал маклер.

С большим трудом удалось отвезти помешанных в больницу.

Только когда забрезжил рассвет, волнение улеглось, как пламя догоревшего пожара. Вчерашние богачи выходили из биржи постаревшими на десять лет, сгорбленными, поседевшими, с дрожащими ногами. Толпа поредела. Зауер, наконец, получил возможность выйти из здания биржи и, шатаясь от усталости, вдохнул полной грудью свежий воздух.

«Такая же паника царит сейчас во всей стране... — подумал он. — В эту ночь разорились сотни тысяч людей — миллионы мелких вкладчиков потеряли свои сбережения. Этот сумасшедший кричал о Штирнере, винил во всем его. Но Штирнер не виноват. Побеждает сильнейший. Штирнер молодец. Гениальная голова!»

Зауер улыбнулся и тотчас устало зевнул.

А Штирнер, получив от Зауера последнее сообщение по телефону, встал из-за стола и сладко потянулся. Его волнение улеглось. Он испытывал чувство той приятной усталости, которое охватывает человека, когда он хорошо поработал и доволен результатами труда. Он победил. И его победа больше, чем победа над банкирами и министрами. Он победил сопротивляемость человека! Готлибы, Эмма, Зауер, Эльза... Теперь вот они!..

— Никто в мире больше не может сопротивляться мне, весь мир скоро будет моей собственностью! — гордо сказал он.

Ему не хотелось спать.

Он прошел наверх и постучал в комнату Эльзы.

Она была одета и не спала. Быстро открыла дверь и, сияя, протянула ему руки.

— Наконец-то ты вспомнил обо мне, Людвиг!

Глава 3 Белая вилла

Банк Эльзы Глюк, он по-прежнему назывался по девичьей фамилии Эльзы, сделался неограниченным владыкой финансового мира.

Впрочем, сама Эльза никак не почувствовала увеличения своего могущества. По-прежнему бродила она одиноко в своих пустых комнатах, живя мыслью о коротких свиданиях со Штирнером. Но он все еще был слишком занят, чтобы уделять ей больше времени. Эльза всегда чувствовала, когда он хочет ее видеть. Сладкий трепет пробегал по ее телу, и она без зова спешила вниз, зная, что Штирнер свободен и не отошлет ее от себя. Но, бывало, тянулись дни, протекала неделя, а Штирнер только по утрам показывался к ней, рассеянно здоровался и исчезал. Иногда он отлучался из города на несколько дней. И тогда на нее нападала какая-то апатия, и она даже не хотела его видеть. А если встречала его тотчас после возвращения, то была холодна. Штирнер недовольно морщился и спешил в свою запретную даже для нее комнату. После нескольких минут пребывания Штирнера в его комнате она вдруг замеча-

ла, как горячее чувство любви начинает наполнять ее. И когда Штирнер выходил из своей комнаты, она встречала его взглядами, полными нежности.

Штирнер еще хмурился, будто какая-то мысль тяготила его. Но искреннее чувство Эльзы скоро захватывало и Штирнера. Он был внимателен и любезен, и она жадно ловила эти редкие минуты...

Их отъезд затягивался. Штирнер поставил себе новую задачу: прибрать к своим рукам всю промышленность страны, пользуясь тем, что большинство предприятий было должниками банка Эльзы Глюк.

Заводчики и фабриканты боролись упорно, но Штирнер методически захватывал в свои руки их фабрики и заводы.

И только когда борьба была решена в пользу Штирнера, он позвал Зауера и Эльзу и сказал:

— Наконец я могу отдохнуть и совершить с некоторым опозданием наше свадебное путешествие. Вы, Зауер, справитесь с делом. Борьба, в сущности, кончена. Остается только легализовать наши права: опротестовать векселя «последних могокан», объявить торги на их фабрики и заводы и закрепить за собой предприятия, потому что кто же купит их, кроме нас? Завтра утром мы вылетаем. Как здоровье жены?

Зауер сокрушенно покачал головой:

— Вы бы ее не узнали, Штирнер, она очень изменилась к худшему.

— Ну еще бы, это в порядке вещей, — улыбаясь, ответил Штирнер.

— Нет, я не о том, — несколько смутившись, ответил Зауер, — у нее очень опухли ноги и лицо: почки. Она не послушалась врачей, а теперь уже роды неизбежны. — И с искренней озабоченностью он сказал: — Я очень беспокоюсь за свою куколку...

— Теперь уже приходится заботиться о двух куколках сразу. Не бойтесь, Зауер. К вашим услугам будут лучшие профессора. Не забывайте телеграфировать мне обо всем. Передайте мой привет вашей жене.

В ночь перед отлетом Штирнер не спал. Он чем-то занимался в своем кабинете. Эльза дремала у себя. Но и сквозь сон она чувствовала, что по ней как будто проходят какие-то нервные или электрические токи, и все усиливающаяся любовь к Людвигу переполняла ее. Несколько раз она в полусне протягивала руки и нежно шептала:

— Людвиг! Милый Людвиг!..

А с первыми лучами солнца она уже вылетела вместе с ним на собственном самолете.

Они летели в Ментону, на одну из принадлежавших ей вилл, купленную Карлом Готлибом незадолго до его смерти.

После долгой жизни взаперти и полуодиночества этот полет в обществе Людвига казался ей сказочно прекрасным.

Ей одновременно хотелось смотреть на Людвига и любоваться разворачивающейся внизу панорамой. Глядя на открывавшийся перед нею необъятный простор, она весело напевала:

Я вольная птица, хочу я летать!..

— Глупая песенка, — обратилась она со смехом к Штирнеру, — «хочу я летать». Надо петь: «Я вольная птица, с тобой я лечу». Смотри, как смешно: отсюда мы видим только черепичные крыши, и дома кажутся красивыми квадра-

тиками на зеленом ковре. А это что за муравьи? Да ведь это стадо! Какое крохотное! Что там за снежные горы сияют вдали?

— Альпы.

— Уже Альпы! Мы будем лететь выше орлов!..

Никогда она не чувствовала себя такой счастливой. Спуск совершился благополучно на небольшом аэродроме около Ниццы. Через час они были в своей вилле.

Вилла была расположена недалеко от Вентимильи, у границы, разделяющей здесь владения Франции и Италии.



Прекрасная белая вилла, стоявшая почти у берега моря, облицованная мрамором, вся утопала в зелени. Апельсиновые деревья были покрыты крупными плодами. На площадке перед виллой росли пальмы. Красная гвоздика ярким ковром покрывала эту площадку.

Единственным неудобством виллы было то, что близко проходило полотно железной дороги. Поезда шли почти непрерывно, громяхая над головой. Но Эльза даже не замечала этого неудобства: ночью она хорошо спала, и шум не будил ее, а днем они совершали прогулки в горы, катались на своей яхте или летали на гидроплане вдоль берега, к Ницце и обратно. Замок игрушечного княжества Монако, прилепленный к желтым скалам, как ласточкино гнездо, сам казался игрушкой. Белой ниточкой протянулся у берега прибой. На пляже видны были гуляющие величиною менее булавки. А когда пилот, поворачивая обратно, направлял серый нос гидроплана в открытое море, зрелище было еще более изумительным. Края горизонта, высоко поднятые благодаря оптическому обману, превращали море в синюю чашу, над которой была опрокинута голубая чаша неба. И казалось, что гидроплан находился в центре шара. Внизу проплывали игрушки-парусники... Эльзе хотелось смеяться от радости и счастья.

Она возвращалась на виллу бодрая и жизнерадостная, как никогда.

После рационализованного, холодного, полупустого стеклянного ящика — дома Готлиба — вилла казалась необычайно уютной и «жилой». Здесь Готлиб не успел еще ввести своих чудачеств. Вся обстановка была несколько старомодна, но красива и удобна. Не новый, но хороший рояль очень понравился Эльзе, и она играла на нем в теплые вечера. Дверь на балкон была открыта, над водной гладью поднималась луна, бросая на море серебряную полосу, а ожившие от ночной прохлады туберозы дышали сладкой истомой.

И пьесы, которые она играла, были такими же красивыми, полнозвучными и спокойно-радостными, как эти южные ночи.

Казалось, отдыхал и Штирнер. Даже очертания лица его стали мягче, и ироническая улыбка не кривила губы. Только иногда, останавливая взгляд на Эльзе, Штирнер вдруг становился задумчив и печален.

Две недели прошли незаметно.

Но в начале второй недели Эльза почувствовала в себе какую-то перемену.

Она как будто стала пробуждаться от сна. Эльза уходила к себе и подолгу сидела одна. Непрошенные мысли снова начали беспокоить ее. И, чему она сама удивлялась, Людвиг как будто становился ей менее дорог. Она глядела на его лицо, и оно становилось как будто все более длинным и неприятным.

Штирнер замечал это и хмурился все больше. Не радовали его и телеграммы Зауера. Он сообщал о ряде неудач. За время отсутствия Штирнера возродилось несколько банков. Некоторые крупнейшие заводчики и шахтовладельцы сумели получить заграничный кредит и оплатили векселя, выйдя таким образом из-под финансовой кабалы Штирнера. Но главное — с отъездом Штирнера против него поднялась большая газетная кампания. Объединение в руках одного банка Эльзы Глюк всего финансового и промышленного богатства страны признавалось опасным для государства и интересов населения. Правительственные газеты были так же вооружены против Штирнера, как и частные.

Необычайный, беспрецедентный успех Штирнера давал тему для самых различных предположений и толкований, причем большинство газет склонялось к тому, что чем бы ни был вызван этот успех, он выходит из обычных рамок, а потому необходимо бороться с этим могуществом также необычными мерами, не предусмотренными в законе. Возможно, что правительство издаст специальное законодательное постановление, направленное против Штирнера. Министры, не утвердившие устава акционерного общества Мюнстерберга и Шумахера, принуждены были под влиянием общественного мнения подать в отставку, хотя негласное следствие, которое велось против них, не могло установить наличия корыстных мотивов в их поведении, иначе говоря — подкупа их Штирнером. Мюнстерберг не перенес удара и умер, Шумахер делал попытку покончить с собой, выжил и уехал в Америку.

Таковы были новости последней недели. О Штирнере знал уже весь мир. Имя его было у всех на устах. Здесь, в Ментоне, он с женой держался особняком. Каждый их выход возбуждал такое любопытство, смешанное со страхом, что Штирнер сам избегал показываться в обществе.

Пока Эльза была нежна с ним, он не чувствовал особого одиночества. Но за последние дни она становилась все холоднее к нему, а он делался все более мрачным.

Потом он вдруг принялся за работу, заказал железные листы, проволочную сетку, изоляторы, целый ворох электротехнических материалов, приказал отнести все это в отдельную комнату и там заперся на целый день.

На другое утро Эльза была вновь нежна и переполнена любовью к нему. Но казалось, и это уже не радовало его.

Чтобы рассеяться, он предложил ей прогуляться в горы, — они уже давно не выходили из дому. На этот раз Эльза охотно согласилась.

Они зашли далеко и остановились отдохнуть в небольшом, белом, чистеньком домике. Гостеприимная, словоохотливая и любопытная старушка принесла им молока и, осведомившись, откуда они, заговорила:

— Вот вы откуда! Там, говорят, теперь появился какой-то человек — Штирнер. Чего только у нас про него не говорят! Они с женой теперь самые богатые люди во всем мире, но только темное это богатство! Сколько народу погибло из-за него, сколько разорилось, сколько крови и слез пролилось...

В дверь постучались, и тотчас, не ожидая ответа, в комнату вошел запыхав-

шийся слуга с виллы.

— Простите, господин Штирнер, вы приказали все срочные телеграммы доставлять немедленно... — и, утирая пот со лба, он подал телеграмму. — Вот, только что получена.

Старушка от волнения выронила из рук полотенце, задрожала, с ужасом уставившись на Штирнера. Штирнер раскрыл и прочел телеграмму. Затем он вдруг поднялся и нахмурился.

— Вы можете идти, Жан! — сказал он слуге и, бросив золотой ошеломленной старухе, подал руку Эльзе.

— Идем! Нам надо немедленно собираться в дорогу.

Старушка долго смотрела вслед, потом осторожно взяла двумя щепочками золотой и, шепча молитву, выбросила монету в выгребную яму.

— Проклятые деньги!

— Что случилось, Людвиг? — тревожно спросила Эльза. — Милый, неужели опять туда? Так скоро! — И она, как бы прощаясь, с грустью окинула взглядом небо, берег и море.

— Мое присутствие необходимо. Зауер телеграфирует, что мои враги воспользовались моим отсутствием и вновь начали борьбу.

Лицо Людвига вдруг стало жестким.

Высвободив свою руку из-под руки Эльзы так резко, что она в испуге отшатнулась, он со злостью крикнул, потрясая кулаком:

— Куш на место, проклятые!

Фальк, услышав знакомое слово, покорно улегся на дороге, положив морду на протянутые лапы.

По приезде домой Штирнер нашел положение дел серьезнее, чем он ожидал. Десятки разорившихся банкиров объединились, создали новые банки, успешно конкурировавшие с банком Эльзы Глюк. Им удалось не только отвлечь часть банковской клиентуры, но и выкупить несколько крупных фабрик и заводов, находившихся в финансовой кабале у Штирнера. Вдобавок правительством уже был подготовлен закон «О банковских учреждениях», явно направленный против Штирнера. И Штирнер, забыв об Эльзе, вновь погрузился в борьбу, целыми днями не выходя из своей комнаты.

На этот раз, однако, Штирнеру удалось скоро справиться со своими противниками. Конкурировавшие банки были вновь прибраны к рукам, об издании законов, ограничивающих свободу операций Штирнера, не было и речи. Больше того, был издан ряд новых законов, легализовавших новые порядки, введенные Штирнером в банковской практике.

Для него вновь наступила полоса относительного спокойствия.

Он чаще виделся с Эльзой, возобновил свои научные занятия, посещал свой «зверинец» и строил какие-то сложные приборы.

Но, несмотря на все это, он чувствовал себя утомленным. Он жил слишком нервной жизнью, растрачивал много нервной энергии. Приглашенный врач нашел у него психастению. Это болезненное состояние обостряло у него чувство одиночества, в особенности теперь, когда жизнь протекала относительно спокойно. Даже ласки Эльзы не успокаивали, а иногда и раздражали его.

— Не то, не то! Ты ли ласкаешь меня, или я сам ласкаю себя твоей рукой? — говорил он непонятные Эльзе фразы.

Но ее музыка действовала на него еще благотворно. Вечерами злой дух оди-

ночества особенно мучил его, как Саула, и Штирнер бежал к своему «Давиду» — как называл он в такие минуты Эльзу, — и просил ее:

— Играй, играй, Эльза! Я хочу музыки, она успокаивает меня...

И Эльза садилась за рояль и играла овечьими тихой тоской ноктюрны Шопена.

Перед ними вставали картины их безоблачного счастья в первые недели поездки на юг. Из зимнего сада доносился запах цветов, окутывало очарование южной ночи. Но теперь к этому очарованию примешивалась печаль об утерянном счастье.

— Простите, что я помешал вам, — вдруг услышали они голос Зауера. — Поздравьте меня, сегодня утром у меня родился сын!

Штирнер и Эльза поднялись, почему-то взволнованные этой вестью.

— Я даже не мог сообщить вам об этом по телефону, — продолжал Зауер. Он выглядел очень усталым, но счастливым. — Не спал всю ночь... волновался. Сейчас она спит.

— Благополучно?

— Роды были трудные. Жена очень слаба. Осложнения с почками. Врачи говорят, что ей необходимо будет поехать на юг и, вероятно, надолго. Но она не соглашается ехать без меня. Вы отпустите меня?

И Зауер просительно смотрел на Штирнера и Эльзу.

Штирнер задумался.

— Конечно, Людвиг! — сказала Эльза.

— Дня через два я дам ответ. Думаю, что это будет возможно. А пока позвольте поздравить вас с Зауером-младшим!

Зауер поклонился.

— Простите, но я спешу. — И, быстро попрощавшись, он вышел. А Эльза и Штирнер стояли, облокотившись о рояль, погруженные в свои думы.

Глава 4 Массовый психоз

Прошла неделя, а Зауер с женой еще не уезжали. Последние дни Штирнер почти не выходил из своей комнаты и был очень мрачен. Даже музыкальные вечера в большом зале были отменены. Эльза иногда пыталась повидаться со Штирнером, но что-то удерживало ее. Одинокó бродила она по залу, останавливалась, заламывала руки и тихо шептала:

— Как я несчастна!..

В конце недели образ Штирнера начал как-то тускнеть в ее сознании. Иногда перед нею проносилось его лицо, и оно казалось ей чужим и страшным.

Все чаще окидывала она взором окружающую обстановку с недоумением, как будто в первый раз видела ее. А в конце недели ее начал преследовать образ Зауера. Милый Зауер, как она могла забыть его? О том, что Зауер женат, что у него родился ребенок, она совершенно не думала, как будто этого и не было. Случайно встретившись с Зауером, она окинула его таким нежным взглядом, что он посмотрел на нее с недоумением, потом вдруг смутился и задумался, как будто припоминая какую-то ускользавшую мысль.

— Отто, — сказала она, вновь называя его по имени, — я так давно не виделась с вами... Отчего вы избегаете меня. Отто?.. — И, потянувшись к нему, она тихо добавила: — Я так одинока... Мне не хватает вас, Отто...

Они были одни.

Отто присел на стул рядом с Эльзой и усиленно тер лоб ладонью. Нежные слова Эльзы разбудили спавшие воспоминания. Лицо Зауера выражало мучительную борьбу. И вдруг какая-то мысль прорвалась и осветила его лицо. Он схватил Эльзу за руку и, глядя на нее влюбленными глазами, заговорил прерывающимся от волнения голосом:

— Да, да, мы так давно не видались! Эльза, милая Эльза! Как я мог забыть о вас? Я не знаю, что происходит с нами, но сейчас как будто рассеялся туман, и я увидел вас после долгой разлуки. Где вы были, Эльза? Что было с вами?

Они сидели, будто и в самом деле встретились после долгой печальной разлуки, и не могли насмотреться друг на друга.

Перебивая друг друга, они стали говорить о своей любви, о тоске одиночества, о радости этой встречи.

Часы с башенным боем били час за часом, гулко раздавались удары в пустых комнатах, а они, не замечая времени, продолжали сидеть и говорить...

Они не строили никаких планов, не вспоминали прошлого, не думали о будущем. Они просто упивались настоящей минутой, упивались этим лучом, так неожиданно разорвавшим мрак, окружавший их настоящие мысли и чувства. Еще раз проббили часы.

— Уже двенадцать, как поздно! — сказала Эльза. — До завтра, мой милый. — И она первая обняла и поцеловала Зауера долгим и крепким поцелуем.

Но это «завтра» не пришло.

Штирнер на время выпустил их из-под своего влияния только потому, что был с головой погружен в новые заботы. Он работал над каким-то сложным аппаратом, который должен был расширить его мощь, его власть над людьми. К созданию же этого аппарата его побуждали новые осложнения и новые огромные задачи.

Благодаря принятым им мерам продукция находившейся в его руках промышленности возросла необычайно, товары подешевели, внутренний рынок был уже перенасыщен ими. Штирнер стоял перед катастрофическим кризисом перепроизводства. Его могло спасти только завоевание иностранных рынков. Но на пути к этому стояли огромные препятствия. Иностранные государства, опасаясь конкуренции его дешевых товаров, установили высокие защитительные пошлины. Нужно было сломать во что бы то ни стало этот барьер. Экономическая война, которую он вел с иностранными конкурентами, находилась в том периоде, когда она неминуемо должна была перейти в вооруженное столкновение. Но объявить настоящую войну было делом сложным. Правда, с правительством он делал, что хотел. Но все же правительство было средостением между его волей и действием. И он решил, что настал момент уничтожить правительство. Он сам станет единым, неограниченным правителем страны. Он подчинит своей воле миллионы людей, внушит им мысль о необходимости войны, и они с радостью пойдут умирать, как умирали солдаты Наполеона.

Но для этого должно быть орудие необычайной мощности, «дальнобойности», покоряющее мысли и волю людей, орудие массового внушения, радиоволны... И он усиленно работал над этим, позабыв на время об окружающих его людях.

В тот самый день, когда Эльза и Зауер с поцелуем расстались друг с другом, задача Штирнера была разрешена. И только ночью он вспомнил об Эльзе и Зауере. Он вспомнил. И в их душах все переменялось. Зауер вновь любил свою маленькую «куколку» Эмму и боготворил ребенка, а Эльза уже в предутреннем сне с нежностью повторяла имя Людвиг.

Наутро она пришла к нему в кабинет и, поцеловав в лоб, сказала:

— Милый Людвиг, у меня к тебе две просьбы!

— Здравствуй, дорогая... Целых две! Приказывай, повелительница.

— Здесь Готлиб.

— Опять Готлиб?

— Это молодой Готлиб, Рудольф.

— Но молодой как две капли воды похож на старого. Ему нужны деньги, не так ли?

— Рудольф поссорился с отцом, когда узнал, что старик получил от нас двести тысяч и ничего не дал ему, и Рудольф Готлиб просит...

— Ни в коем случае!

— Но мы так богаты, Людвиг!

— Именно потому, что мы так богаты. Бросить подачку старику куда ни шло. Но дать этому мальчишке — значит дать ему повод думать, что мы не совсем ладно отняли у него лакомый кусок и сами сознаем это. Тогда от него не отвяжешься. Он начнет шантажировать нас. Старику немного надо, и он удовлетворен. А Рудольф... Он еще опасен. Нет, нет, дорогая. Я не могу этого сделать в твоих же интересах.

— Но я почти обещала ему...

Штирнер подумал. Он был в хорошем настроении. Какая-то мысль заставила его улыбнуться.

— Я сам поговорю с ним. Садись, Эльза, одну минутку. — Штирнер скрылся в своей комнате и скоро оттуда вернулся.

— Я сыграю над ним шутку, которая отведит его от этого дома. Я просто мог бы заставить его забыть наш дом, но мне совсем не улыбается брать его в число «опекаемых», — сказал Штирнер непонятную Эльзе фразу.

Штирнер позвонил и приказал вошедшему лакею пригласить Рудольфа Готлиба.

Готлиб вошел. Он не был похож на просителя. Жадность, приведшая его сюда, боролась в нем с напыщенной гордостью.

— Садитесь, молодой человек, — сказал Штирнер, — вам нужны деньги?

Рудольфа передернуло от этого обращения, но он сдержался. Только веснушчатое лицо его вспыхнуло.

— Да, мне нужны деньги, — сказал он, оставаясь стоять, — и, как мне кажется, моя... просьба не совсем безосновательна.

«Дурак! — подумал Штирнер. — Этим началом он сам обезоруживает себя!»

— Господин Готлиб, если вы ставите так вопрос, то обратитесь в надлежащие судебные учреждения и доказывайте там основательность ваших «законных» претензий.

— Кроме норм юридических, есть нормы моральные, — ответил Рудольф заранее приготовленную фразу. — Мне нечего доказывать мои моральные права.

— Моралью ведает благотворительность, а здесь не благотворительное

учреждение.

— Довольно вывертов! — вдруг вспыхнул Рудольф. — Или вы удовлетворите меня, или я...

— Ах, вы угрожаете? Таких посетителей я имею обыкновение выводить с особым почетом.



Штирнер свистнул. Из смежного кабинета слышались мягкие, но тяжелые шаги. В кабинет, переминаясь с ноги на ногу, вошел на задних лапах бурый медведь. Он молча приблизился к Рудольфу и, упершись лапами в грудь, стал толкать его к выходной двери.

Рудольф побледнел и полуживой от страха дошел до двери, потом вдруг с истерическим криком бросился бежать от преследующего его медведя.

Эльза была испугана, Штирнер хохотал, откинувшись в кресле.

— Вот лучший способ отвадить нежелательных посетителей. Больше не явится, будь покойна!

И он опять засмеялся.

Позвонил телефон.

— Алло! Штирнер, да, я вас слушаю. А, опять вы, господин Готлиб? Вы этого так не оставите? Ого! А вы хорошо стреляете? Так, так. Только не советую охотиться на меня вблизи дома! Имейте в виду, что я отдал приказ моим четвероногим друзьям о том, что если вы еще раз попадетесь им на глаза, то они должны разорвать вас на части, как глупого козленка!.. Что, смерть вашего дядюшки? Убийца? Скажите пожалуйста!.. Так, так... Желаю успеха! Дурак, — сказал Штирнер, кладя трубку телефона.

— Людвиг, можно ли так пугать людей?

— Дорогая моя, это наиболее безобидное орудие в арсенале человеческой борьбы. Но у тебя была еще вторая просьба?

— Теперь уж я не знаю...

— Не беспокойся. Твой второй протезе не попадет в объятия медведя. Кто он?

— Это Эмма. Я была у нее. И она умоляла меня отпустить с ней Зауера на

юг. Ей необходимо лечиться, а без мужа она не поедет.

— Да, можно. Теперь можно. Я обойдусь без Зауера. — И, взяв в руки утренний выпуск газеты, Штирнер повторил: — Теперь можно! Кстати, ты не читала сегодняшней газеты? Вот прочти, любопытная заметка. Читай вслух.

Эльза взяла газету, на которой Штирнером было подчеркнуто красным карандашом заглавие:

«МАССОВЫЙ ПСИХОЗ

Вчера вечером в городе наблюдалось странное явление. В одиннадцать часов ночи, в продолжение пяти минут, у многих людей — число их пока не установлено, но, по имеющимся данным, оно превышает несколько тысяч человек — появилась навязчивая идея, вернее, навязчивый мотив известной песенки „Мой милый Августин“. У отдельных лиц, страдающих нервным расстройством, подобные навязчивые идеи встречались и раньше. Необъяснимой особенностью настоящего случая является его массовый характер. Один из сотрудников нашей газеты сам оказался жертвой этого психоза. Вот как он описывает событие:

— Я сидел со своим приятелем, известным музыкальным критиком, в кафе. Критик, строгий ревнитель классической музыки, жаловался на падение музыкальных вкусов, на засорение музыкальных эстрад пошлыми джаз-бандами и фокстротами. С грустью говорил он о том, что все реже исполняют великих стариков: Бетховена, Моцарта, Баха. Я внимательно слушал его, кивая головой, — я сам поклонник классической музыки, — и вдруг с некоторым ужасом заметил, что мысленно напеваю мотив пошленькой песенки: „Мой милый Августин“. „Что, если бы об этом узнал мой собеседник? — думал я. — С каким бы презрением он отвернулся от меня!..“ Он продолжал говорить, но будто какая-то навязчивая мысль преследовала и его... От времени до времени он даже встряхивал головой, точно отгонял надоедливую муху. Недоумение было написано на его лице. Наконец критик замолчал и стал ложечкой отбивать по стакану такт, и я был поражен, что удары ложечки в точности соответствовали такту песенки, пронесившейся в моей голове. У меня вдруг мелькнула неожиданная догадка, но я еще не решался высказать ее, продолжая с удивлением следить за стуком ложечки.

Дальнейшие события ошеломили всех!

— Зуппе, „Поэт и крестьянин“, — анонсировал дирижер, поднимая палочку.

Но оркестр вдруг заиграл „Мой милый Августин“. Заиграл в том же темпе и в том же тоне... Я, критик и все сидевшие в ресторане поднялись как один человек и минуту стояли, будто пораженные столбняком. Потом вдруг все сразу заговорили, возбужденно замахали руками, глядя друг на друга в полном недоумении. Было очевидно, что эта навязчивая мелодия преследовала одновременно всех. Незнакомые люди спрашивали друг друга, и оказалось, что так оно и было. Это вызвало чрезвычайное возбуждение. Ровно через пять минут явление прекратилось.

По наведенным нами справкам, та же навязчивая мелодия охватила почти всех живущих вокруг Биржевой площади и Банковской улицы. Многие напевали мелодию вслух, в ужасе глядя друг на друга. Бывшие в опере рассказывают, что Фауст и Маргарита вместо дуэта „О, ночь любви“ запели вдруг под аккомпанемент оркестра „Мой милый Августин“. Несколько человек на этой почве сошли с ума и отвезены в пси-

хиатрическую лечебницу.

О причинах возникновения этой странной эпидемии ходят самые различные слухи. Наиболее авторитетные представители научного мира высказывают предположение, что мы имеем дело с массовым психозом, хотя способы распространения этого психоза остаются пока необъяснимыми. Несмотря на невинную форму этого „заболевания“, общество чрезвычайно взволновано им по весьма понятной причине. Все „необъяснимое“, неизвестное пугает, поражает воображение людей. Притом высказываются опасения, что „болезнь“ может проявиться и в более опасных формах. Как бороться с нею? Как предостеречь себя? Этому никто не знает, как и причин появления „болезни“. В спешном порядке создана комиссия из представителей ученого мира и даже прокуратуры, которая постарается раскрыть тайну веселой песенки, нагнавшей такой ужас на обывателей. Будем терпеливы и сохраним спокойствие. Быть может, все окажется не столь серьезным и страшным, как кажется многим».

Эльза окончила чтение и посмотрела на Штирнера.

— Что же все это значит, Людвиг? — спросила она.

— Это значит, что все великолепно! Идем завтракать, дорогая!

Глава 5

Комитет общественного спасения

Веселая немецкая песенка, всполошившая население огромного города, вопреки успокоительным уверениям газет, оказалась делом серьезным, внушающим большие опасения.

Не прошло и недели с тех пор, как тысячи людей вынужденно пели эту песенку, случилось событие, которое еще в большей степени взволновало не только общество, но и правительство.

Ровно в полдень в части города было приостановлено на одну минуту все движение. Можно было подумать, что происходит какая-то «минутная забастовка протеста». Но забастовка небывалая по своей организованности и своеобразию.

Работа учреждений вдруг приостановилась, как по мановению волшебного жезла.

Чиновники перестали писать, будто мгновенный паралич сковал их руки. Приказчики в магазинах замерли с протянутым покупателю товаром и стояли без звука, с раскрытым ртом и застывшей улыбкой, как в столбняке.

В ресторанных оркестрах музыканты превратились в статуи с остановившимися смычками в руках. Замерли в своих позах и посетители — кто с поднятой чашкой в руке, кто с куском мяса на поднесенной к открытому рту вилке.

Но особенно поражал вид улиц и площадей, охваченных странным столбняком. Вот конвойные с арестованным посередине. Арестованный легко мог бы убежать от своих окаменевших стражников, если бы и сам не застыл с поднятой ногой. На базаре голодный мальчик, с расставленными на бегу ногами и сильно наклонившимся телом, протягивает руку к пирожку. Торговка бросается на него с видом курицы, защищающей цыплят от налетающего коршуна. В этой окаменевшей группе столько движения, выразительности, живости, что скульптор дорого бы дал, чтобы иметь возможность приводить в такое со-

стояние своих натурщиков. Будто моментальный фотографический снимок закрепил мгновенную игру мимики лиц и движений мускулатуры.

Тою же катаlepsией были охвачены и прохожие на тротуарах. Удивительнее всего было то, что это странное явление захватило городское движение полосой. Всякий прохожий, вступая в таинственную зону, мгновенно каменил, а по ту и другую стороны этой зоны обычное движение не прекращалось. Автомобили, въезжавшие с разгона в эту «мертвую зону», проскакивали ее. Вернее, их выносила машина. Шофер же и пассажиры на целую минуту теряли способность не только двигаться, но и думать.

И автомобили не заворачивали на поворотах, врезались в дома, наезжали один на другой, нагромождаясь целыми поездами. Произошло крушение двух поездов городской железной дороги, причем один поезд, разбив упор, свалился на улицу.

Не успело общество прийти в себя от этого потрясения, как город постиг новый удар. Полосой через город прошла волна какого-то массового пятиминутного помешательства. Крайнее возбуждение охватило всех. И пунктом помешательства на этот раз было слово «война».

— Война, война до победы! Смерть врагам! — кричали мужчины, размахивая палками и зонтами, кричали женщины, старики и дети в необычайном задоре и нестройно пели национальные гимны. Лица всех были страшны. Кажалось, эти люди уже опьянены кровью и видят перед собой смертельного врага.

— Смерть или победа! Война! Да здравствует война!

Жажда действия, борьбы, крови была так сильна, что на улицах произошел ряд побоищ. Мужчины и дети дрались между собой. Женщины окружили полную даму, показавшуюся им иностранкой, и били ее зонтиками так, что от зонтиков остались одни изогнутые прутья. Их лица были бледны, глаза горели ненавистью, шляпы падали на землю, волосы распускались. А они продолжали избивать несчастную женщину с каким-то садизмом, почти сладострастным упоением жестокостью. Везде им чудились иностранные шпионы. Толпа мужчин, остановив проезжавший автомобиль «скорой помощи», вытаскивала воображаемого шпиона. Мужчины сорвали бинты с обожженного тела несчастного. Больной кричал, а обезумевшие люди рылись в перевязках в поисках секретных бумаг.

Все они, и мужчины, и женщины, старики и дети, были в таком состоянии, что действительно пошли бы умирать на поля сражений и умерли бы, думая не о себе, а только о том, чтобы убивать.

Припадок безумия прошел так же внезапно, как и начался.

Ошеломленные, потрясенные люди смотрели на избитых и раненых, на следы крови на земле, на свои истерзанные, растрепанные костюмы и волосы и не могли понять, что все это значит.

Комиссия, созданная для расследования причин массового помешательства людей на мотиве веселой песенки, скоро была преобразована в комитет общественного спасения.

Спасения от кого? Комитет не знал этого. Но что обществу угрожала огромная, небывалая в истории опасность от неизвестного, невидимого врага — будь то человек или неизвестный микроб, — в этом никто больше не сомневался. Новый неведомый враг казался правителям опаснее войн и революций

именно потому, что он был неведом. Неизвестно было, откуда придет новая опасность и как бороться с нею. Возбуждение общества было необычайно. Каждый день десятки людей сходили с ума и кончали жизнь самоубийством, не будучи в состоянии переносить напряженное ожидание новых неведомых бед. С величайшим трудом правительство и печать поддерживали обычное течение жизни. Казалось, еще немного, и распадется не только государство, но и все основы общежития, и общество превратится в сплошной сумасшедший дом.

В столице это чувствовалось особенно сильно. Находились проходимцы, которые, однако, не поддавались в такой степени панике. Они сами поддерживали эту панику, распространяя чудовищные слухи.

— Скоро наступит новый приступ болезни, и люди начнут перегрызать друг другу горло...

— Люди перестанут дышать и умрут в страшных мучениях от удушья...

— Наступит внезапный сон, и никто больше не проснется...

И всему этому верили.

После того, что было, все казалось возможным.

Люди за бесценок распродавали свои дома и вещи тем, кто спекулировал на панике, и уезжали из города в места, еще не захваченные эпидемией.

Комитет общественного спасения заседал почти беспрерывно. Заседания эти, из опасения быть открытыми невидимым врагом, — если он живое существо, — происходили в глубоком подвальном помещении городской ратуши и обставлялись большой тайной. Несмотря на то, что члены комитета попеременно совещались день и ночь, тайна оставалась нераскрытой.

Среди приглашенных экспертов-ученых существовало разногласие.

Психиатры высказывали мысль о массовом психозе и гипнозе. Вспышка кровожадных воинственных чувств еще поддавалась этому научному объяснению, но труднее было объяснить одновременное исполнение массами людей одной и той же песенки. Эта песня, несмотря на невинность «заболевания», казалась ученым более страшным явлением, чем внезапное возбуждение уличной толпы. Наука знает примеры заразительности эмоций, ярко выраженных внешним образом, знает примеры «преступности толпы», массового гипноза. Но формы массового «скрытого» гипноза ей неведомы.

Ссылка на факиров, будто бы способных производить нечто подобное, казалась неубедительной. Все их чудеса, совершаемые будто бы с помощью массового гипноза, не проверены, не изучены и переплетены с выдумкой фантазеров-путешественников.

«Микробная гипотеза», пытавшаяся объяснить таинственные явления действием нового микроба, также не привела ни к чему.

Сотни лиц, подвергшихся новой «болезни», были тщательно исследованы, врачи произвели анализ их крови, но никакого микроба не нашли.

— Вопрос будет решен совершенно в иной области, — говорили инженеры-электрики. — Вероятнее всего, мы имеем дело с радиоволнами, которые непосредственно воспринимаются организмом человека.

— Люди-радиоприемники? — с иронией спрашивали их старые инженеры. — Это что-то из области фантастики!

— А само радио разве не из области фантастики? — отвечали первые.

Старики пожимали плечами.

— Докажите!

— И докажем!

И, подобно своим коллегам-медикам, инженеры усаживались за опыты.

В то время как ученые сидели в своих лабораториях над микроскопами и катодными лампами, желая раскрыть тайну, над раскрытием этой же тайны усиленно работал Иоганн Кранц.

Иоганн Кранц не принадлежал к почтенной корпорации ученых. Он был всего только полицейским сыщиком. Человек с большим профессиональным опытом и неплохой головой, Кранц не задавался даже вопросом, кто враг: микроб или человек. Кто бы он ни был, врага нужно найти по тому методу, который не раз приводил Кранца к цели. Следы преступления! Вот что интересовало сыщика. Их было более чем достаточно, надо только умело пользоваться ими. И Кранц усиленно принялся за работу, возбужденный ее важностью и таинственностью, а также и тщеславным желанием опередить многодумных очкастых ученых.

В большом кабинете за письменным столом, заваленным трофеями его «побед» — снимками преступников, дактилоскопическими оттисками, отмычками, вещественными доказательствами, он сидел ночи напролет над большим планом города, систематизируя все сообщения газет и полицейские донесения о последних событиях.

Он буквально плавал в табачном дыму, изредка проветривал комнату, вновь дымил и наносил на план какие-то пунктирные линии, как будто он уже преследовал по пятам опознанного им преступника.

— Готово! — воскликнул он, сведя две линии в тупой угол на карте города.

Был четвертый час утра. Кранц спешно сложил план города, всунул в потрепанный портфель, вызвал автомобиль и помчался в комитет.

— Срочное сообщение! Тайна раскрывается! — крикнул он, влетая в сводчатый зал.

Собрание, несмотря на поздний час довольно многолюдное, всполошилось.

— Вы открыли тайну? — спросил взволнованно один из членов комитета.

— Тайна раскрывается, сказал я, и она будет раскрыта, — ответил Кранц. — Я нашел местопребывание преступного микроба или человека. Я нашел тот фокус, откуда исходят таинственные влияния, — продолжал Кранц, спешно вынимая план и раскладывая его на столе.

Все обступили его, и он начал объяснять:

— Метод мой очень прост: я систематизировал весь материал о необъяснимых происшествиях, чтобы точно определить районы, захваченные «эпидемией помешательства». И вот что случилось. Случай с песенкой дал мне немного. Эта эпидемия захватила часть города по кругу радиусом около двух километров. Дальше двух километров навязчивый мотив наблюдался все слабее и на третьем километре он никого не затронул. Центр этого круга находился приблизительно около Биржевой площади и Банковской улицы. Именно вблизи этого места отмечалась такая сила навязчивости мотива, что о нем не только думали, но и пели его вслух. К сожалению, определить математически точно этот центр не удалось, так как установить убывающую градацию силы навязчивости на основании опросов не удалось.

Лица, бывшие в одном и том же месте, дают довольно разные показания; очевидно, субъективные особенности заставляли каждого воспринимать по-

разному.

— И только-то? — сказал кто-то разочарованно.

— Совсем не только-то. Следующая эпидемия дала гораздо больше. Эта эпидемия шла по известному направлению, захватив сравнительно узкий сектор, и заканчивалась в определенном месте. Получилось нечто вроде луча, который начинался от здания банка Эльзы Глюк.

Толпа зашумела.

— Штирнер! Это, конечно, он! Я говорил!

Имя Штирнера не раз уже упоминалось в комитете.

— Не спешите с выводами, господа, — прервал Кранц. — Я также был уверен, что нити привели меня к Штирнеру. Но для проверки я с нетерпением ожидал следующего «сеанса». «Военное помешательство» и было этим сеансом. Оно также прорезало город, как луч, и подошло к дому Готлиба — теперь Эльзы Глюк. Получился тупой угол. Но если свести концы, то исходная точка окажется за домом Эльзы Глюк. Она падает на смежный дом. Вот, извольте ли видеть.

И он показал план, давая объяснения.

— Что же помещается в этом смежном доме, где вершина угла?

— Ресторан «Амбир». Вот куда должны быть направлены наши поиски. — И Кранц шлепнул по карте жирной ладонью, как будто прихлопнул муху.

Доводы Кранца были просты и убедительны. После небольшого совещания комитет решил произвести в ресторане «Амбир» и номерах помещавшейся в том же доме гостиницы повальный обыск.

Тотчас была по телефону поставлена на ноги вся полиция.

Большой отряд солдат сплошным кольцом окружил дом. Обыскали перепуганных жильцов, перевернули все вверх дном от чердака до подвала, но, несмотря на все старания, не нашли ничего подозрительного.

Кранц был смущен, но не сдавался.

— Всю эту фантазмагорию мог производить кто-либо из посетителей ресторана.

Это также было невозможно.

Всем жившим в доме строжайше запретили говорить кому-либо о ночном обыске. Нескольких лиц, возбуждивших подозрение, арестовали, а за посетителями ресторана решили установить негласное наблюдение.

Однако весть разнеслась по городу.

Возбужденная толпа разгромила ресторан, и его пришлось закрыть.

Кранц кряхтел и ругался, раздосадованный неудачей.

— Ну, мы еще поборемся! — говорил Кранц. — Кто бы ни был наш противник, он теперь знает, что мы на верном пути. Посмотрим, осмелится ли он еще раз напомнить о себе! Третья линия решит его судьбу.

Глава 6

Неудавшееся покушение

— **С**частье! Радость! Блаженство! Как прекрасна жизнь! Какое наслаждение!

Молодой человек с отуманенным взглядом и широкой улыбкой на лице обнял уличный фонарь, как будто это был его близкий друг.

— Милый фонарь! Счастлив ли ты так же, как я...



— Дорогая моя, как я люблю вас! Как все вы мне милы и дороги! — обнимал изможденный, плохо одетый старик молодую женщину в дорогом костюме. И она целовала старика в жесткую щетину щек и шептала в ответ:

— Я так счастлива! Мне кажется, я нашла своего покойного отца... Он был похож на вас... Отец, дорогой отец!..

А рядом обнимались старые политические враги: монархист и анархист.

— Довольно борьбы! Жизнь так прекрасна!

Какой-то оборванец сорвал цветок на соседнем бульваре и, как сокровище, преподнес полицейскому.

— Друг мой, возьми! От меня!..

Толстый полицейский с сизым носом нежно поцеловал бродягу и взял у него цветок.

— Душевно благодарен! Цветы — радость жизни!.. Я так люблю цветы и песни!..

— Споем?

— Споем.

Они уселись на травке и, обнявшись, запели сентиментальную песенку, проливая слезы умиления.

— Берите, все берите!.. — кричал в исступленном восторге хозяин ювелирного магазина, набивая карманы посетителей кольцами и драгоценными камнями, жемчужными ожерельями и золотыми часами. — С собой в могилу все равно не возьмешь! Пусть радость наполнит ваши сердца, как она наполняет мое! К черту торгашество! Да здравствует всеобщее счастье!

В суде был оправдан важный политический преступник. И прокурор, известный своей жестокостью, отказавшись на этот раз от обвинения, обнял преступника, томно положил ему на грудь свою голову и, плача от умиления, бормотал:

— Друг мой, брат мой!.. Хорошо прощать и любить!..

Даже на бойне профессиональные скотобойцы обнимали приведенных на убой быков и нежно целовали их между глаз.

— Мордашка моя!.. — гладили они руками животных. — Испугался? Испей

водички, отправляйся щипать травку в соседнем парке. Довольно крови! Дыши!..

Это произошло всего через несколько дней после разгрома ресторана. Злой гений, овладевший городом, казалось, бросал вызов и смеялся над попытками комитета бороться с ним. Как бы в вознаграждение за минувшее мрачное помешательство и за жертвы внезапной остановки городского движения неведомый враг подарил людям небывалое блаженство. Состояние блаженства было так велико, что люди, испытавшие его, готовы были на все, чтобы еще раз вкусить неведомого наслаждения. На этот раз все сохранили полное воспоминание о пережитом. И толковали о потерянном рае.

Это было едва ли не более страшно, чем вспышка кровожадности и жестокости. Какою властью над человеческими душами обладал этот неведомый враг? Он мог отравить людей ядом наслаждения или страдания, сделать их слепым орудием своих желаний, сделать блаженными или измучить, искалечить, убить, убить без единого выстрела, тихо, бесшумно, неизвестно откуда... Есть от чего прийти в отчаяние!

В глубоком подземном помещении ночью члены комитета сидели подавленные, молчаливые, тоскливо поглядывая на Кранца, который подводил итоги, систематизируя донесения о последнем происшествии, чтобы определить сектор города, охваченный безумием блаженства.

Изредка слышались нетерпеливые голоса:

— Как идет дело, Кранц?

— Прекрасно!

Кто-то сердито фыркнул.

— Хуже некуда!

— Напротив, — отвечал Кранц, — все идет великолепно. Никогда еще у меня не было столь увлекательной задачи. И почтенной, да, да, да!

Кранц быстро шевелил своими красными, толстыми пальцами, перебирая листки, и отмечал от времени до времени новый пункт на плане города.

— Кранц, как древний рыцарь, — продолжал он, — освобождает город от дракона, и ему ставят памятник. Кранцу, конечно, а не дракону, хе-хе! Или, вернее, нам вместе: Кранц с копьем в руке, а у его ног — пронзенный дракон.

— Как вы можете шутить? — спросил прокурор, недавно плакавший на груди преступника. — Кругом сплошной ужас. Если я буду отказываться от обвинения, государство погибнет...

— Я всегда шучу, даже перед дулом бандита. Что делать? Профессиональная привычка. Встречая опасность, можно только или смеяться, или убегать. А дела идут отлично, говорю я. Поветрие безумия опять носило характер направленной волны, и пусть меня изрешетят бандиты, если вершина этого луча не идет опять к тому же месту. Еще пяток рапортов просмотрю — и готово...

Члены комитета в волнении обступили Кранца.

Наступило напряженное молчание.

Кранц нанес последние штрихи на карту.

— Есть!

— Опять к дому Эльзы Глюк! — вскрикнул чиновник министерства внутренних дел.

— Да-с, опять. Извольте посмотреть на план. — Кранц отодвинул план от себя на середину стола и стал объяснять: — Вот, извольте ли видеть, пучок но-

мер первый, полоса безумия, когда остановилось все движение, а вот пучок номер второй — безумие войны. Здесь углы не сходились на доме Эльзы Глюк. Вершина падала на соседний дом, где помещался ресторан. Туда мы и направили поиски.

— И ошиблись.

— Вполне понятно: мы полагали, что источник воздействия один. Но третий пучок, поистине «счастливый» пучок — сектор безумного счастья, открыл нам ошибку. Оказывается, воздействие было из двух точек. Но обе эти точки находятся в доме Эльзы Глюк. Дом этот, как видите, очень длинен. Точки воздействия, очевидно, находились на двух противоположных концах дома. Вот почему и казалось, что вершина тупого угла, если источник воздействия один, должна пасть на соседний дом. Третий сектор дал нам другую вершину, где сошлись линии номер первый и третий. Ясно?

Все зашевелились.

— Я же говорил, что это дело Штирнера!

— Я еще раньше утверждал это.

— Злодей! Изверг! Теперь он в наших руках!..

— Кранц, мы успеем арестовать этого преступника еще сегодняшней ночью!

— Арестовать недолго, — отвечал Кранц, — но не лучше ли отложить до утра?

— Почему же до утра? — нетерпеливо спросил прокурор, который не мог простить Штирнеру свой отказ от обвинения и постыдную сцену братания с преступником.

— Очень просто, — отвечал Кранц. — Мы имеем дело не с обычным преступником, поэтому должны принять все меры предосторожности и обдумать каждый шаг, чтобы бить наверняка. Банк крепко запирается на ночь и хорошо охраняется. Если мы пойдем ночью, то, несмотря на все предосторожности, мы поднимем суматоху, которая предупредит врага. Лучше пойти утром, в час открытия банка, когда там еще немного клиентов. Прийти в штатском, вооружившись только револьверами. Войти по одному, не возбуждая подозрения банковских сторожей и служащих, а потом сразу броситься наверх, застать врага врасплох и захватить.

Несмотря на все нетерпение, прокурор принужден был признать эти соображения опытного сыщика правильными и отложить арест Штирнера до утра.

— Но я думаю, — продолжал Кранц, — что там, может быть, придется отложить и еще на один день...

— Этого не доставало! — воскликнул сухой старик в очках, министр внутренних дел, лично прибывший в комитет.

Кранц поднял брови.

— Что делать, ваше высокопревосходительство, я уже изволил докладывать, что надо обдумать каждый шаг, буквально каждый шаг. Мы должны хорошо знать все расположение дома Эльзы Глюк, все входы и выходы, точно знать комнату, где помещается Штирнер, и прочее. Надо собрать эти сведения, а на это потребуется время.

Все вновь приуныли.

Вдруг начальник полиции ударил ладонью себя по лбу:

— Позвольте! Я, кажется, нашел выход. Поистине сама судьба благоприятствует нам! Только на днях я зачислил в мою канцелярию одного молодого человека — Рудольфа Готлиба; известна вам эта фамилия?

— Еще бы! Неудавшийся наследник. Племянник покойного банкира!

— Вот вам проводник, Кранц, — улыбаясь, сказал начальник полиции. — Лучшего не найти. Он на правах будущего наследника изучил весь дом сверху донизу. К Штирнеру питает самое искреннее чувство ненависти. Словом, человек вполне подходящий.

— Отлично, но где его достать?

— Нет ничего легче! — Начальник полиции позвонил по телефону и отдал распоряжение.

Не прошло часа, как заспанный Рудольф Готлиб сошел в подвал, где заседал комитет.

Сонливость Рудольфа прошла сразу, когда он узнал, зачем его вызвали. У него загорелись глаза. Сжимая кулаки, Готлиб воскликнул:

— Теперь я посчитаюсь с вами, господин Штирнер!

Начальник полиции сиял.

— Господин начальник, — обратился к нему Рудольф, — убедительно прошу вас не отказать в одной покорнейшей просьбе!

— В чем дело, мой друг?

— Разрешите мне собственноручно убить эту гадину!

— Ну как же так, без следствия и суда? — замялся министр юстиции. — Ведь у нас пока нет прямых улик.

— А знаете, господа, — вдруг вмешался в разговор прокурор, — молодой человек прав. Дело слишком серьезное, чтобы играть в правосудие. Что все это проделал Штирнер, едва ли кто из нас сомневается. Кранц прав, говоря, что мы имеем дело не с обычным преступником. Значит, к нему должны быть применены необычные меры. Этого требует охрана государства и граждан. Если мы будем возиться со Штирнером, я не уверен, что во время суда над ним он не заставит меня вместо обвинительной речи целоваться с ним и предложить ему папироску. Когда на карте стоит судьба страны, — а это так и есть, — с нашей стороны было бы прямо преступно рисковать и, быть может, выпустить врага из рук во имя соблюдения формальностей. И потом... гм... мы в своем кругу... Разве Штирнер не может быть убит при попытке к бегству? Как ни осуждают такой способ, по существу, в нем нет даже обмана, потому что какой же преступник не желает *избежать* наказания и не воспользуется всяким случаем к бегству? Таким образом, мы одним ударом отделаемся от врага.

— Совершенно верно! — отозвался начальник полиции. — Кто попирает законы общества и государства, тот вне закона!

— Вы метко стреляете, Готлиб? — спросил Кранц.

— Пуля в пулю, весь заряд.

— Ну что ж, в добрый час! — сказал начальник полиции.

До наступления утра обсуждался план нападения. Было решено идти только четверым: Рудольфу Готлибу, Кранцу и двум надежным агентам полиции. Эти двое брались как резерв.

— Чем меньше, тем лучше, — говорил Кранц.

В девять часов утра отряд был в сборе, вооружен парабеллумами, снабжен точными инструкциями.

— В добрый час! — еще раз сказал начальник полиции.

Отряд благополучно проник в банк, поднялся во второй этаж и, руководимый Рудольфом, направился к кабинету. Встречавшимся лакеям тихо, но повелительно приказывали стоять на месте.

Кабинет был пуст. Один из агентов стал у входной двери, другой — у двери, смежной с комнатой Штирнера, а Рудольф в сопровождении Кранца приоткрыл дверь таинственной комнаты Штирнера и бегло осмотрел ее. Комната была почти лишена мебели. Кровать с тумбочкой, небольшой шкаф и туалетный столик составляли всю обстановку. Половина комнаты была отгорожена дубовой, довольно массивной перегородкой. Штирнер сидел у зеркала за туалетным столиком и брился. На весь этот осмотр потребовалось не больше нескольких минут. Штирнер еще не успел повернуть головы на шум открываемой двери, как две собаки Штирнера бросились на Рудольфа прежде чем он успел вынуть револьвер. В то же время Штирнер, сидевший задом к двери, увидел Рудольфа в отражении зеркала и, вскочив со стула, в два прыжка был у перегородки, открыл дверь и скрылся за нею. Рудольф и Кранц, отбиваясь от собак, — им дана была инструкция стрелять только по Штирнеру, чтобы не поднимать раньше времени шума, — бросились к перегородке и стали стучать.

— Откройте, Штирнер! — кричал Готлиб. — Откройте, чего вы испугались?

Дверь открылась назад так неожиданно, что Рудольф, напиривший на нее, споткнулся.

— Осторожнее, не упадите! — спокойно сказал Штирнер. — Куш, Фальк! Куш, Бич!

Собаки покорно улеглись, положив морды на протянутые лапы, но продолжая внимательно следить глазами за посетителями.

— Я к вашим услугам, господин Рудольф Готлиб! — сказал Штирнер, усаживаясь опять за туалетный столик.



Рудольф Готлиб положил на этот же столик револьвер, взял кисточку и стал намыливать шею и щеки Штирнера.

Потом Рудольф взял бритву и начал ею брить.

Штирнер откинул голову назад, и Рудольф внимательно и осторожно брил горло.

— Немного беспокоит, Готлиб... Поточите бритву!

Рудольф направил бритву на ремне и продолжал брить.

Кранц стоял возле как на часах.

— Благодарю вас, Готлиб. Вы прекрасно бреете. У вас талант, и я советую вам не зарывать его в землю. Открывайте парикмахерскую. Вы? — вопросительно обратился Штирнер к Кранцу.

— Кранц! Иоганн Кранц! К вашим услугам! — вдруг ожил Кранц. И, бросив револьвер, схватил платяную щетку и начал чистить платье Штирнера.

— Благодарю вас, вот вам за труды! — и Штирнер дал им по мелкой монете.

Они униженно раскланялись и пошли к двери. Выйдя из дома, все они разошлись в разные стороны. Агенты пропали без вести.

Кранц явился в тюрьму и потребовал, чтобы его засадили в одиночную камеру. Начальник тюрьмы принял это за шутку, но Кранц весь покраснел от гнева и затопал ногами.

— Я имею распоряжение от самого министра арестовывать всех, кого найду нужным, и прошу не рассуждать! Вы не смеете не доверять словам служебного лица!

Начальник тюрьмы пожал плечами и отдал распоряжение. Кранца увели и заперли. Начальник тюрьмы справился по телефону, но получил ответ, что никто не давал приказа арестовывать Кранца, что, наоборот, его очень ждут в комитете. Кранц, однако, категорически отказался выходить из тюрьмы.

— Если вы попытаетесь вывести меня силой, я буду стрелять! — угрожающе кричал он. — Меня сам Кранц засадил, сам Кранц только и может выпустить!

Начальник тюрьмы махнул рукой.

— С ума спятил или напился!

Так как Кранц никогда не расставался с оружием, то было опасно применять к нему силу.

— Черт с ним, пусть сидит!

И Кранц сидел, наблюдая из дверного волчка за часовым в коридоре.

— Ты что плохо смотришь? — кричал он часовому. — Разве можно надолго останавливаться в одном конце? Службы не знаешь? Иди сюда, проверь замок, чтобы я не убежал.

Кранц, очевидно, составлял исключение из правила, о котором говорил прокурор: Кранц не обнаруживал никаких попыток к бегству.

Из всех участников неудавшегося нападения в комитет вернулся только один Рудольф Готлиб! Но от него трудно было добиться толку. Он был растерян и мрачен.

На все вопросы, нетерпеливо задававшиеся ему членами комитета, он отвечал какой-то несуразицей.

— Выбрил!

— Кто выбрил? О чем вы говорите?

— Я выбрил Штирнера.

Члены комитета переглянулись в недоумении.

— Может быть, это иносказательно, преступный жаргон, обозначающий убийство? — тихо спросил министр начальника полиции.

— Что-то не слышал такого выражения, — ответил начальник.

— Да вы скажите толком, жив Штирнер или убит?

Рудольф обвел всех мутным взором, потом, горько улыбнувшись, ответил:

— Живей нас! Начисто выбрил! Надо будет открыть парикмахерскую!

Глава 7 «Трильби»

— Людвиг, наконец-то! — встретила Эльза Штирнера обычными словами и протянула руки. — Ты совсем забыл меня!

Они стояли в зимнем саду, разглядывая друг друга как после долгой разлуки. В самом деле, они не виделись уже почти месяц, и за это время оба несколько изменились. У Штирнера лицо стало как-то суше, глаза запали, взгляд сделался беспокойным, и резкие переходы настроения стали появляться чаще. Эльза похудела так, что выступали ключицы и удлинился овал лица. Но ее взгляд стал неподвижным, больше затуманился, движения сделались вялыми и автоматическими. Внутренне она изменилась еще больше. Под влиянием ненормальной душевной жизни, в которой она жила, казалось, начался распад ее личности. Она думала отрывками, неожиданно, без связи переходя от мысли к мысли. Так же неожиданно ломалось ее настроение. Из живого человека она все больше превращалась в автомат. Это отражалось и на характере ее свиданий со Штирнером. Их разговор то обрывался на полуслове, то вспыхивал необычным оживлением...

Штирнер усадил Эльзу рядом с собой и прижал щеку к ее щеке. Она провела рукой по другой его щеке.

— Гладенький? Это Рудольф Готлиб выбрил меня!

— Готлиб? — удивленно спросила Эльза.

— Да, Готлиб, он хочет открыть парикмахерскую и тренируется, брея своих друзей.

Штирнер трескуче рассмеялся.

— Я не понимаю, Людвиг, ты шутишь?

— И не нужно понимать. Забудь о Готлибе.

Наступила пауза.

— Ты так изменился, Людвиг. Ты утомлен...

— Пустяки!

— Зачем ты так много работаешь? Может быть, у тебя есть неприятности?

Штирнер поднялся и стал нервно ходить.

— Неприятности? Наоборот. Все идет прекрасно. Но я устал... да... Я смертельно устал, — тихо проговорил он, полузакрыв глаза. — Забыться... Ты холодна ко мне, Эльза!

Открыв опять глаза, он скрестил руки и внимательно стал смотреть в глаза Эльзы.

Под этим взглядом она вдруг побледнела и стала тяжело дышать полуоткрытым ртом. Как в опьянении, она с протяжным стоном бросилась к Штирнеру, обвила руками его голову и, задыхаясь, стала покрывать поцелуями глаза, лоб, щеки. Наконец до боли, до крови впиалась в его губы.

Штирнер неожиданно оттолкнул ее.

— Довольно! Иди на место! Успокойся!

Эльза покорно уселась на диван. Порыв ее прошел так же внезапно, как и начался, оставив лишь утомление.

— Не то, не то... Проклятие! — бормотал Штирнер, быстро шагая между пальмами.

— Чем занималась ты, Эльза, последнее время? — спросил он, успокоившись.

— Я думала о тебе... — вяло произнесла она.

Штирнер кивнул головой с видом доктора, предположения которого оправдываются.

— А еще что ты делала?

— Я читала. В библиотеке я нашла старинный роман «Трильби» и перечитала его. Ты читал?.. Свенгали гипнотизирует Трильби, и она делается игрушкой в его руках. Мне было жаль Трильби. Я подумала, какой ужас потерять свою волю, делать, что прикажут, любить, кого прикажут.

Штирнер хмурился.

— И я подумала: как хорошо, что мы любим друг друга свободно и что мы счастливы.

— Ты счастлива?

— Да, я счастлива, — по-прежнему вяло говорила Эльза. — Свенгали, какой это страшный и сильный человек!..

Штирнер вдруг резко расхохотался.

— Почему ты смеешься?

— Ничего, так. Вспомнил одну смешную вещь... Свенгали — щенок. — И, направив на нее опять сосредоточенный взгляд, он сказал: — Забудь о Свенгали! Так что ты читала?

— Я ничего не читала.

— Мне казалось, ты говорила про какой-то роман?

— Я не читала никакого романа.

— Музицировала?

— Я давно не играла.

— Идем, сыграй мне что-нибудь. Я давно не слышал музыки...

Они вышли в зал. Эльза уселась за рояль, начала играть «Весну» Грига. Играя, она тихо говорила:

— Эта вещь напоминает мне Ментону. Тихие вечера... Восходящая из-за моря луна... Запах тубероз... Как мы были счастливы тогда, в первые дни!

— Разве теперь ты не счастлива?

— Да, но... я так мало вижу тебя. Ты стал нервным, переутомленным. И я думала, зачем это богатство? Много ли нужно, чтобы быть счастливым? Уйти туда, к лазурным берегам, жить среди цветов, упиваться солнцем и любовью.

Штирнер вдруг опять трескуче, резко рассмеялся.

— Завести огород, иметь стадо коз. Я пастушок, ты прекрасная пастушка. Поль и Виргиния... Любимая белая козочка с серебряным колокольчиком на голубой ленте. Венки из полевых цветов у ручья. Идиллия!.. Ты еще слишком много думаешь, Эльза. Идиллия!.. Людвиг Штирнер в роли доброго пастыря козлиного стада! Хе-хе-хе!.. Ты, может быть, и права, Эльза. С четвероногим стадом меньше забот, чем с двуногим. Забудь о Ментоне, Эльза! Надо забыть обо всем и идти вперед, все выше, выше, туда, где орлы, и еще выше... достиг-

нуть туч, похитить с неба священный огонь или... упасть в пропасть и разбиться. Оставь! Не играй эту сладкую идиллию. Играй что-нибудь бурное. Играй пламенные «Полонезы» Шопена, играй Листа, играй так, чтобы трещали клавиши и рвались струны.

Покорная его словам, Эльза заиграла с мощью, превосходящей ее силы, «Полишинель» Рахманинова. Казалось, мятущаяся душа Штирнера переселилась в нее.

Штирнер ходил по залу большими шагами, нервно ломая пальцы.

— Так!.. Вот так!.. Крушить! Ломать!.. Так я хочу!.. Я один в мире, и мир — моя собственность!.. Теперь хорошо... Довольно, Эльза... Отдохни!..

Эльза в изнеможении опустила руки, тяжело дыша. Она почти теряла сознание от сверхъестественного напряжения.

Штирнер взял ее под руку, провел в зимний сад и усадил.

— Отдохни здесь! У тебя даже лоб влажный...

Он вытер ей носовым платком лоб и поправил спустившиеся пряди волос.

— Что пишет Эмма? Ты давно получала от нее письма?

Эльза несколько оживилась.

— Да, забыла тебе сказать. Вчера я получила от нее большое письмо.

— Как ее здоровье?

— Лучше. Но врачи говорят, что ей нужно еще пробыть на юге месяца два. Ребенок тоже здоров.

— Чтобы сообщить это, ей потребовалось большое письмо?

— Она много пишет о муже. Она жалуется, что у Зауера стал портиться характер. Он сделался мрачен, раздражителен. Он уже не так внимателен к ней. Эмма боится, что его любовь к ней начинает охладевать...

Штирнер с тревожным любопытством выслушал это сообщение Эльзы. Казалось, любовь Зауера к Эмме интересует его больше, чем любовь Эльзы к нему самому. Штирнер задумался, нахмурился и тихо прошептал:

— Не может быть!.. Неужели я ошибся в расчетах? Огромное расстояние... Но ведь это ошибка... Нет! Не может быть!.. Надо проверить...

Он вдруг быстро встал и, не обращая на Эльзу никакого внимания, не противившись с нею, быстро вышел из зимнего сада.

— Людвиг, куда же ты? Людвиг! Людвиг!..

В большом зале замирали удаляющиеся шаги.

Эльза опустила голову и задумчиво смотрела на рыбок, плавающих в аквариуме. Беззвучно двигались они в зеленом стеклянном кубе, помахивая мягкими хвостиками и открывая рты. Маленькие пузырьки, блестящие, как капли ртути, всплывали на поверхность.

Опять одна!..

Глава 8 Паническая зона

Прокурор посетил лично Кранца в его «самовольном» заключении, желая узнать подробности неудавшегося налета на Штирнера.

— Послушайте, Кранц, — начал прокурор вкрадчиво, — вы всегда были образцовым служащим. Скажите мне, что произошло у Штирнера и почему вы подвергли себя одиночному заключению.

Кранц стоял навытяжку, руки по швам, но не поддавался на увещания.

— Преступник, оттого и сижу. А в чем мое преступление, сказать не могу. Отказаться от дачи показания — мое право. Можете судить!

— Но как же вас судить, если мы не знаем нашего преступления?

— А мне какое дело? Буду сидеть в предварительном заключении, пока не узнаете. Если Кранц сказал «нет», значит, нет. Дело кончено, не будем говорить. Но я, заключенный, имею жалобу на тюремный режим.

— В чем дело, Кранц? — заинтересовался прокурор.

— Безобразия! Подали к обеду борщ. Зачерпнул я ложкой и выловил кусок мяса, граммов на двести. А поверх борща — жирок. Если такими борщами в тюрьмах начнут кормить, то и честные люди станут разбойниками. Непорядок! Я вам заявляю категорически, господин прокурор: если только пищу не ухудшат, я объявляю голодовку, так и знайте! Или такое, например, здесь водится: конвойные провожают преступников из одиночных камер в уборную, расположенную в конце коридора, вместо того чтобы ставить парашу. Разве это порядок? Им, может быть, параша выносить лень, а я из-за этого сбежать захочу, а меня при попытке к бегству... того... Прошу принять меры к неуклонному выполнению тюремных правил внутреннего распорядка!

Прокурор даже рот приоткрыл от удивления.

Правда куску мяса в двести граммов и жирку в борще он не удивился: прокурор хорошо знал, что другие заключенные не вылавливают кусков мяса из жидкой, вонючей похлебки. Но требование об ухудшении пищи! Таких требований еще никогда не приходилось выслушивать прокурору.

«Бедняга, — подумал прокурор, — у него совсем мозги набекрень после визита к Штирнеру!» — И, желая быть как можно мягче, прокурор заговорил:

— Я вас очень прошу, Кранц, скажите мне обо всем, как старшему товарищу. Ведь мы так много работали вместе... Ну дайте хоть какое-нибудь показание!

— Дать вам показание? Вот вы чего захотели! Если преступники будут давать показания, то что останется делать нам, сыщикам? По миру идти? Вы хотите оставить нас безработными? Нет-с, я не сделаю подлости против своих товарищей! Пусть они раскроют мое преступление и получат награду!

Прокурор был ошеломлен этой неожиданной логикой и огорчен неудачей.

Кранц заметил это. Казалось, ему стало жалко прокурора. Кранц порылся в карманах, извлек оттуда мелкую серебряную монету и протянул ее прокурору, как нищему.

— Вот все, что могу вам дать!

Прокурор машинально протянул руку, взял монету и с недоумением смотрел на нее.

— Приобщите к вещественным доказательствам. Деньги, полученные преступным путем...

Это была монета, полученная Кранцем от Штирнера «на чай».

Прокурор молча удалился, вертя меж пальцами вещественное доказательство.

«Какого ценного работника мы потеряли! — думал он. — И все Штирнер! Неужели нам не удастся покончить с ним?»

Когда члены комитета, с нетерпением ожидавшие прокурора, спросили его, чем кончился его визит к Кранцу, прокурор только рукой махнул и безнадежно опустил в кресло.

— Что же делать? Неужели Штирнер непобедим? — спросил министр внутренних дел.

Поднялся начальник военного округа, которого называли «железный генерал», — сухой, бодрый старик с щетинистыми фельдфебельскими усами.

— Что делать? — начал он неожиданно громким и молодым для его лет голосом. — Я вам скажу, что делать. Объявить Штирнеру настоящую войну. Простите мне, старику, господин министр, но у вас, штатских, должно быть, нервы слишком слабы. Послали пару полицейских, они проворонили дело, и вы уже говорите о непобедимости какого-то проходимца, едва ли даже нюхавшего порох. Вот что надо делать, — и «железный генерал» начал кричать, как будто он уже командовал на поле сражения миллионной армией, — объявить в городе осадное положение. Оцепить дом Эльзы Глюк сплошным кольцом линейных войск и идти на приступ. Да, на приступ! На всякий случай подвезти артиллерию. И если, — чего я не допускаю, — пехотная атака почему-либо не удастся, смести с лица земли весь дом. Картечи и гранаты еще никому заговаривать не удавалось. Вот что надо делать, а не паникерствовать!

Энергичная речь «железного генерала» внесла струю бодрости и оживления.

Против проекта генерала раздавались отдельные голоса, но и они возражали не по существу самого проекта.

— Могут пострадать соседние дома...

— Чем виноваты живущие со Штирнером, хотя бы его жена?..

— Я сказал, что до бомбардировки, по всей вероятности, не дойдет, — отвечал генерал. — Но если бы и так: война без жертв не бывает. Лучше пусть погибнет несколько сот человек, чем все государство.

— Нельзя ли хоть предупредить граждан и эвакуировать их?

— Нельзя! Предупредить их, значит предупредить врага. Лучше этого дела не откладывать. Сегодня ночью, если на то будет ваше согласие, я сам поведу моих обстрелянных солдат, и посмотрим, что запоет этот непобедимый!

— Но только без артиллерийского огня! — сказал военный министр.

— Почему?

— Потому что он уничтожит не только Штирнера, но и его орудие, а оно... может пригодиться и нам.

С этим все согласились.

В окрестностях города на совещании штаба «железный генерал» изложил свой план.

— Перед нами не легкая задача. Мы ограничены директивами правительства — не прибегать к артиллерийскому огню. Я имею приказ — захватить Штирнера живым; если это будет невозможно, убить его, но сохранить в неприкосновенности дом со всеми находящимися в нем предметами. Мы имеем дело с необычным врагом. Мы должны вести борьбу в центре города. И тем не менее тактика уличных боев едва ли здесь применима. Какой же это уличный бой, когда мы не можем нащупать врага, его слабые стороны? Если же нам удастся благополучно проникнуть в дом и только там столкнуться со Штирнером, то это... гм... это уже будет «домашний бой». Первое, о чем мы должны позаботиться, это исключить всякую возможность бегства Штирнера. Далее. Нам известно, что Штирнер излучает лучи, или направляя их по известному сектору, или охватывая ими определенную окружность. Притом, по-

видимому, его лучи, — будем так называть его орудие, — не на всех действуют одинаково. Все это заставляет нас распределить наши силы по всему району боя и иметь резервы. Пусть пехота движется по улицам к месту боя сплошной массой. Если первые ряды будут поражены и, скажем, в панике бросятся назад, задние должны наступать, силою подвигая головные отряды вперед. Так, может быть, нам удастся попасть к самому дому Штирнера. Кто знает, может быть, таким путем они окажутся в «мертвой зоне», вне «обстрела», как это имеет место при артиллерийских боях. Я буду сопровождать головной отряд.

— Ваше превосходительство, — сказал адъютант Корф, — это было бы крайне неосмотрительно с вашей стороны.

— Господин полковник, — довольно резко ответил генерал, — разрешите мне самому определить свое место на поле сражения. Подчеркиваю, для данного случая.

Полковник, привыкший к грубостям генерала, смолчал и только густо покраснел.

— Я сам знаю, что это рискованно, — продолжал генерал. — Но всякая война — риск, а не игра в домино. Чтобы руководить боем, я должен знать орудие врага. Я должен испытать на себе действие враждебного «огня», чтобы убедиться, так ли он смертоносен для закаленного бойца, как и для слабонервного обывателя.

Наступило молчание. Штабные офицеры стояли хмурые. Адъютант прервал это тяжелое молчание. Он знал, что спорить с упрямым генералом невозможно. Адъютанту не нравился весь этот план наступления, «с генералом на белом коне впереди», напоминающий старинные банальные олеографии. Но делать было нечего. Оставалось только подумать о последствиях.

В двенадцать часов ночи из разных частей города к Банковской улице и Биржевой площади потянулись отряды солдат в полном боевом снаряжении. С головным отрядом ехал сам «железный генерал» на прекрасной арабской лошади золотистой масти.

— Целая армия на одного, да еще на штатского!.. Это позор, но, черт возьми, лучше такой позор, чем гибель страны!

Генерал проехал улицу, примыкающую к Биржевой площади. Дом Эльзы Глюк одной стороной выходил на эту площадь, а другой — на Банковскую улицу.

— Посмотрим, что он у нас запоет! — сказал генерал, зорко всматриваясь в видневшийся дом Эльзы Глюк, и прищипорил коня.

Арабский скакун, красиво перебирая тонкими ногами, пошел на площадь, но лошадь вдруг без видимой причины захрапела, прижала уши и сразу подавалась корпусом назад, задрожав всем телом. Генерал был озадачен. Что могло испугать Абрека, который не дрожал даже от рева пушек? Генерал похлопал лошадь по шее.

— Что ты, Абрек, дурачишься? — сказал он и дал шпоры.

На этот раз Абрек, вступив на площадь, поднялся на дыбы и, повернувшись на задних ногах, бросился назад. В тот момент, когда лошадь поворачивалась и задние ноги ее на мгновение переступали черту, отделявшую улицу от площади, генерал почувствовал, как холодок жути пробежал и по его спине. А Абрек находился уже в нескольких десятках метров от площади.

— Что за чертовщина? — проворчал генерал. Его вдруг охватил тот порыв

гнева и ярости, который, бывало, находил на него в самые опасные минуты. Генерал повернул лошадь к площади и изо всех сил вонзил шпоры в бока. Абрек, не привыкший к такому жестокому обращению, мотнул головой, прижал уши и бросился вперед полным карьером. С разгона он влетел на площадь и тут, страшно захрипев, сделал такой прыжок в сторону, что генерал — лучший кавалерист во всей армии, — как срезанный, свалился с лошади. Но он, казалось, даже не заметил этого. Его сознание, нервы, весь его организм, так же как и у его лошади, были потрясены необычайным, сверхъестественным ужасом. Он пришел в себя только на улице, куда вытащил его Абрек, волоча за ногу, запутавшуюся в стремях. Отряды пехотинцев уже подошли к этому месту.

«Видали!.. Какой позор!..» — думал генерал. Он поднялся, отряхнулся и, подавляя смущение, сказал подъехавшему адъютанту:

— Ничего... Не беспокойтесь, пустяки! Проклятый Абрек, чего-то испугавшийся, выкинул такой фокус, что сам дьявол не усидел бы.

Генерал не сказал о том паническом ужасе, который испытал он сам, чтобы «не понижать боевого настроения» и не опозориться еще больше перед офицерами и солдатами.

— Все части стянуты?

— Все на местах. Улицы, ведущие на площадь, и даже проходные дворы заняты...

— Банковская улица?

— Вход в эту улицу также занят.

— Хорошо! Ждите сигнала!

Как только по приказу генерала сияющие дуги ракет склонились над домом Глюк, войска двинулись на приступ.

Тут произошло нечто невероятное.

Такой паники не приходилось видеть генералу за всю свою долгую боевую жизнь. Генерал стоял недалеко от площади на площадке автомобиля и кричал своим громовым голосом:

— Вперед! Вперед! Стрелять буду!..

Но его никто не слушал. С солдатами творилось что-то необыкновенное. В смертельном ужасе металась они, бросая винтовки, давя друг друга. Стон и крики стояли над площадью. Задние ряды напирали, вступившие на площадь рвались назад... Генерал отдал приказ — теснить беглецов. Сплошные ряды войск, запрудившие улицу, выдавливали на площадь головные колонны. Площадь превратилась в беснующийся ад, но она понемногу наполнялась.

Вдруг какая-то новая волна разлилась более широким кругом, и паника охватила также войска, шедшие по улице. Волны эти набегали, как ледяное дыхание смерти, прокатываясь по рядам, и стройные колонны солдат превращались в дикое стадо обезумевших животных. Солдаты бросались друг на друга, спасались в подъездах, воротах домов, а оттуда им навстречу в паническом ужасе выбегали граждане.

Паника наполнила и дома. Люди прятались под кровати, залезали в шкафы. Некоторые выбрасывались из окон на головы солдат, на штыки. Женщины хватали детей и с дикими воплями металась по комнатам, как будто весь дом был объят пламенем. По коридорам и лестницам домов бурлили потоки людей, потерявших голову. Одни бежали вверх, другие — вниз, катились по

лестнице, топтали упавших женщин и детей. Ужаснее всего было то, что никто не знал причин паники, никто не знал, от кого нужно спасаться. Но постепенно в этом хаотическом, бурлящем потоке образовалось движение в одну сторону; возможно, что солдаты задних рядов, до которых еще не докатились волны паники, видя картину всеобщего смятения, побежали назад и увлекли за собой других. Этот поток обратного движения все рос. Казалось, люди нашли путь к спасению, и они побежали все в одном направлении с такой бешеной скоростью, как будто их преследовали тысячи пулеметов.



Пробежав три улицы, адъютант увидел своего «железного генерала» — человека, не знавшего страха. Генерал без каски, в разорванном мундире, с безумными глазами, перескакивал через груды упавших тел, пробивая дорогу огромными кулачищами.

А «заградительная паническая зона», как после назвали это явление, все ширилась. Она захватила собой и здание, в котором заседал комитет общественного спасения. Члены комитета и все правительство бежали.

Только к утру паника утихла, но комитет не решался возвращаться в город.

Столица была потеряна. Оставалось спасать страну. Но в это уже почти никто не верил. Когда члены комитета разыскали друг друга, в соседней деревушке был устроен военный совет. «Железный генерал» был совершенно подавлен неудачей и находился в полном отчаянии...

— Перед чертом штыки бессильны, — сказал он и мрачно опустил голову.

Штирнер победил. Он мог распоряжаться страной по своему желанию, как ни один деспот в мире.

Глава 9 «Дружеская помощь»

Иностранные государства с интересом следили за исходом борьбы немецкого правительства со Штирнером. Французские и английские банкиры не скрывали своего удовольствия, когда телеграф и радио приносили известия о разорении и гибели крупнейших немецких банкиров — конкурентов на меж-

дународном денежном рынке.

— Отлично! Молодец Штирнер! — говорили иностранные банкиры и уже подсчитывали будущие барыши.

Они считали Штирнера необычайно удачливым финансистом, но были уверены, что он в конце концов сорвется, как сорвался когда-то выросший как на дрожжах концерн Стиннеса. Могущество Штирнера росло, превосходя все ожидания, всякую меру. История капитализма не знала такой быстрой и головокружительной карьеры, какую оказалась карьера этого финансового Наполеона. «Солнце Аустерлица» разгоралось над ним все ярче, и не было никаких признаков, указывающих на приближающееся «Ватерлоо».

Все чаще, все упорнее стали проникать слухи о том, что успех Штирнера имеет какие-то необычайные причины, что в его руках есть какие-то таинственные средства воздействия на людей, которых он обезволивает, подчиняет своему влиянию, делает игрушкой в своих руках.

Когда Штирнер стал на путь борьбы с правительством, опасливо зашевелились не только иностранные банкиры, но и государственные деятели.

Поражение «железного генерала» и бегство правительства произвели ошеломляющее впечатление во всем дипломатическом мире.

Один против всех! Один против государства! Без армии, пушек, без единого выстрела — и он вышел победителем из борьбы!..

Оставаться пассивными зрителями больше было нельзя. Иностранным государствам приходилось определить свое отношение к узурпатору.

Во Франции Штирнер на время заслонил собой вопросы и внутренней политики и даже колониальных войн. Событиям в Германии были посвящены специальные закрытые заседания совета министров и палаты депутатов. Собрания эти носили бурный характер.

Незначительным большинством голосов в конце концов было принято решение: принципиально участие в борьбе со Штирнером признать необходимым, предложив свою помощь Германии, но активно выступить, только обезопасив себя со стороны Англии.

Англия относилась к событиям в Европе более спокойно, хотя внимательно наблюдала за ходом борьбы со Штирнером. Английский кабинет министров довольно скоро установил единство мнения.

— Германия достаточно обессилена европейской войной, и дальнейший развал Германии может нарушить европейское равновесие. Штирнер, по мнению кабинета, непосредственной угрозы для других стран в настоящий момент не представляет, может быть, его властолюбие не идет так далеко. Если во Франции смотрят иначе, это их дело. Но нельзя допускать, чтобы Франция единолично вмешалась во внутренние дела Германии, хотя бы и с согласия последней. Кроме того, хотя Штирнер и узурпатор, но он, по-видимому, не плохой хозяйственник. Нужно посмотреть, как он поведет дело. А как вывод из всего этого: следует предложить Франции обождать с выступлением. Если же Штирнер проявит намерение вмешаться в дела иностранных государств или затронет их интересы, выступить совместно с Францией.

Ответ этот, сообщенный Франции, вызвал негодование среди милитаристов, которые взывали к достоинству нации.

— Нельзя вечно идти на поводу Англии! — говорили они, призывая к немедленному выступлению, хотя бы уже только для того, чтобы доказать

независимость французской политики.

Однако к немедленному выступлению встретились препятствия дипломатического свойства. Германское правительство, не без основания опасавшееся, что «искренняя помощь» со стороны Франции обойдется слишком дорого, не торопилось принять руку этой помощи.

Притом немецкое правительство еще не теряло надежды покончить со Штирнером собственными силами.

Несмотря на неудачный исход сражения, «железный генерал» пользовался еще большим авторитетом в военных и министерских кругах, а он был решительным противником иностранного вмешательства.

— Что нам даст это вмешательство, — говорил он, — кроме нового унижения и новых налогов? Я уже предлагал на военном совете пустить в ход дальнобойные пушки, чтобы снести с лица земли проклятое гнездо... Но мне возражали: это поведет к напрасной гибели, быть может, нескольких тысяч наших граждан, ни в чем не повинных мирных жителей. Такой сентиментализм вреден! Лучше обречь на гибель несколько тысяч, чем все государство!

— И не только это, ваше превосходительство, — прервал его речь военный министр, в душе завидовавший популярности «железного генерала». — Решающим мотивом, который заставил нас отказаться от применения артиллерийского огня, было выдвинутое мною соображение, что, уничтожив тяжелой артиллерией до основания дом Готлиба, мы вместе со Штирнером начисто уничтожим и его изобретение. А оно... Его жалко уничтожить! Если бы нам удалось овладеть орудием Штирнера, ого! — министр даже мечтательно закрыл глаза. — Мы посчитались бы с Францией, мы уничтожили бы всех наших врагов, мы...

— Правили бы миром? — резко ответил «железный генерал». — Остановка за малым: захватить живьем Штирнера. Я уже пробовал. Пусть попробуют другие!

После долгих прений атака Штирнера из тяжелых дальнобойных орудий была решена.

И когда огромная дальнобойная пушка выпустила из чудовищного жерла снаряд в два человеческих роста длиною и он, разрезая воздух с потрясающим шумом, понесся по направлению столицы, «железный генерал» не мог скрыть своего восторга. Для него этот громовой удар был сладок, как симфония.

— Ого! — и он расхохотался. — Летит! Ну-те, господин Штирнер, заставьте свернуть этот гостинец с пути!

— Теперь огонь батареи! Скорее, пока он там не одумался, если еще не переселился на небо.

Казалось, обрушилась земля. От сотрясения воздуха солдаты не могли устоять на ногах. И только «железный генерал», как бог войны, стоял с сияющим лицом. Казалось, он стал еще выше. Морщины около глаз собрались в хищно-веселую улыбку.

— Огонь! — крикнул он. Но, несмотря на звучный голос, его никто не услышал: потрясенные барабанные перепонки отказывались воспринимать слабые звуки человеческого голоса.

Генерал в нетерпении махнул рукой, показывая на орудия.

Прислуга занялась подготовкой к следующему выстрелу, но вдруг, будто обессилив, артиллеристы склонились и стояли неподвижно на своих местах.

— Что же вы? — крикнул «железный генерал». — Огонь!

Солдаты не двигались.

«Железный генерал» подбежал к одному из них и дернул за плечо, но солдат как будто даже не заметил этого.

«Железный генерал» стал неистово ругаться и топтать ногами. Его сознание леденила мысль о том, что Штирнер жив и уже пустил в ход свое невидимое оружие.

Так же неожиданно артиллеристы ожили и стали вдруг поворачивать орудия, стоявшие на круглых площадках, в обратную сторону. Никогда еще они не делали этого так четко, автоматически и быстро. Ошеломленный генерал не успел прийти в себя, как пушки были повернуты и грянул залп, один, другой, третий... Залпы не смолкали, пока не был расстрелян весь запас снарядов. И снаряды летели один за другим, неся смерть соседним городам и мирным селениям.

«Железный генерал» уже не кричал, не волновался. Он понял все, понял, что его приказы напрасны перед этой неведомой силой, сковавшей волю солдат. Сознание катастрофы подавило, ошеломило его. Он сам чувствовал себя скованным неведомой силой. В изнеможении опустился он на землю и низко склонил побледневшее лицо.

А когда последний залп замолк и наступила звенящая тишина, генерал вынул из кобуры револьвер и приставил к виску. Кто-то выбил револьвер из его рук.

— Стыдно, ваше превосходительство! — сказал адъютант.

Генерал как будто даже не заметил этого. Он продолжал сидеть, тупо глядя на землю. Крутом, как трупы, валялись упавшие от изнеможения солдаты.

* * *

Вечерело. Молодой месяц пробирался по светлому еще небу между клубами облаков. Но люди не видали месяца, не слышали свиста птицы в соседнем лесу. Они были полумертвы.

Только адъютант еще бодрился. Он даже нашел в себе силы послать из походной радиостанции телеграмму правительству об исходе сражения, хотя в этом едва ли была нужда: снаряды, падавшие на города и селения, сами разнесли весть о катастрофе.

— Скверно... — тихо сказал адъютант, уселся недалеко от генерала на походный стул и закурил папиросу, рассеянно глядя на небо.

Его внимание неожиданно было привлечено точкой на горизонте, то появлявшейся, то исчезающей между туч. Опытный глаз адъютанта скоро определил, что это летит аэроплан. И летит, по-видимому, прямо на Берлин. За ним следовал другой, третий, целая эскадрилья.

«Чьи это могут быть аэропланы? — подумал адъютант. — Мы не отдавали распоряжения нашим летчикам... Может быть, военный министр распорядился, узнав об исходе сражения? Но было бы безумием посылать людей на верную гибель после того...» Не окончив мысли, он подошел к генералу и осторожно тронул за плечо.

— Ваше превосходительство!

— Да, да... Все кончено! Корф, зачем вы отняли у меня револьвер? — вспомнил вдруг генерал. — Отдайте мне. Все равно я не переживу этого позора.

— Ваше превосходительство, на Берлин летит эскадрилья аэропланов.

— Глупость... чушь, вам мерещится.

— Извольте посмотреть!

Рокот аэропланов уже ясно был слышен среди вечерней тишины.

Генерал устало повернул голову.

— Черт! Действительно! Дурачье! Этого еще не доставало. Запросите по радио: чьи?

Адъютант послал радиogramму, но ни один аэроплан не ответил.

Генерал начал ругаться: он оживал.

«Наконец-то пришел в себя!» — подумал адъютант, улыбаясь.

Генерал быстро поднялся на ноги и как-то весь вострепнулся, словно его окатили бодрящим, холодным душем.

— У вас молодые глаза, Корф, чьи аэропланы, вы не видите?

Аэропланы уже были довольно близко, но летели они на значительной высоте, притом быстро темнело от сгущавшихся туч. Над местом канонады собиралась гроза. Ветер крепчал. Он качал аэропланы, но, видимо, руководимые опытной рукой, они хорошо справлялись с ветром...

— Трудно разобрать...

— Осветите аэропланы прожекторами!

Через несколько минут яркие лучи света залили аэропланы. Генерал и адъютант вооружились биноклями.

— Или мне мерещится, — сказал генерал, — или...

— Вам не мерещится. Я совершенно ясно вижу... Это американские аэропланы.

— Час от часу не легче! — Генерал грузно опустился на стул и, положив бинокль на колени, смотрел на удаляющиеся аэропланы.

— Вы понимаете, что происходит? — спросил он адъютанта.

Корф, продолжая смотреть в бинокль, пожал плечами.

— По-видимому, они держат путь на Берлин... Значит, Америка.

— Но как? Почему?

— Их, кажется, ветром относит несколько в сторону.

Вмешательство Северо-Американских Соединенных Штатов в борьбу со Штирнером было неожиданностью не только для «железного генерала», но и для всей Европы.

Пока между европейскими государствами происходили дипломатические переговоры, в Вашингтоне, который зорко следил за всем происходящим, быстро было принято решение.

Америка не могла оставаться безучастной. Мало того, что разрушительная работа Штирнера понижала платежеспособность одного из европейских должников, Вашингтон еще раньше военного министра Германии учел все те последствия, которые могут произойти, если германское правительство, покончив с самим Штирнером, сумеет овладеть его средством борьбы. Америка раньше других оценила все значение этой новой могучей силы. Если овладеть этой силой самой Америке было трудно, то нужно было уничтожить орудие Штирнера вместе с ним, чтобы его тайна не попала в другие руки. И чем скорее это сделать, тем лучше. Но как? Американская техника уже значительно овладела способом управления аэропланами по радио, и они могли пролетать большие пространства без летчиков, по установленному в месте отправки направлению, и автоматически сбрасывать разрывные снаряды большой разру-

шительной силы на заранее определенном месте. Единственно, что еще не было закончено, это механизм для получения с летящих аэропланов съемки всего пролетаемого пути, чтобы все время следить за полетом и корректировать его. Но откладывать выступление до окончания этих работ было признано рискованным. Точность механизмов и тщательно составленные военные географические карты, казалось, могли обеспечить успех... Америка также рано поняла и то, что со Штирнером возможна лишь борьба механизмами, отправленными без людей с большого расстояния от него. Правда, Атлантический океан и путь по Европе от западного берега Франции был слишком велик. На таком большом протяжении воздушные течения могли изменить первоначальный полет аэропланов, несмотря на все автоматические «выпрямители». Поэтому необходимо было отправить их в путь по крайней мере с территории Франции, но для этого требовалось ее согласие, равно как нужно было и согласие Германии на этот налет на Берлин. Для американской дипломатии не составило труда получить от европейской дипломатии нужный ответ.

Американским правительством были посланы по этому поводу Франции и Германии очень почтительные ноты, составленные в самых изысканных формах дипломатической вежливости. А одновременно с почтительными нотами были посланы короткие, но энергичные напоминания о немедленной уплате задержанных платежей государственного долга.

Ответ не замедлил: Франция и Германия ответили такими же любезными нотами, с выражением согласия на вмешательство Америки, и одновременно до унижения почтительно они просили об отсрочке платежей.

Америка великодушно согласилась на отсрочку и послала свои аэропланы. Она даже не дождалась замедлившегося ответа Германии, будучи в нем вполне уверена, и американские аэропланы, которые увидели «железный генерал» и его адъютант, летели над Германией в тот момент, когда министр только еще подписывал ответ.

Однако Америка была обманута в своих расчетах. Буря отнесла аэропланы в сторону. Только один из них сбросил бомбы на столицу, снесши до основания королевский дворец. Остальные аэропланы посбрасывали свои смертоносные грузы в окрестностях города, произведя значительные опустошения.

Американцев не смутила неудача, они отправили новую эскадрилью. Но тут немцы, видя плачевные результаты воздушной экспедиции, сначала взмолились, прося избавить их от такой сокрушительной помощи, а потом, видя, что им нечего терять, послали энергичный протест, взывая вместе с тем к общественному мнению Европы. Америка не обратила бы на этот протест внимания, если бы не изменилось положение на театре военных действий.

Штирнер, очевидно, все усовершенствовавший свое необычайное орудие, вдруг послал направленное мыслиизлучение, прорезавшее не только Германию, но и всю Францию до самого океана.

Все попавшие в полосу этого луча узнали, что думал Штирнер.

«Вы хотите поднять мировую войну против меня? Я принимаю вызов! Ваши орудия ничтожны по сравнению с моим. Оставьте поэтому борьбу. Если же безумие овладело вами, я сделаю вас еще безумнее. Шлю последнее предупреждение!»

И, очевидно изменив несколько угол луча, Штирнер послал новое мыслиизлучение. Все, кто попал в этот луч в Германии и Франции, действительно обе-

зумели. Буйное помешательство охватило даже экипаж и пассажиров парохода, плававшего у берегов Франции. Люди бросались в безумии в волны, кочегары взорвали котлы, пароход потонул. Больницы для душевнобольных переполнились. Буйнопомешанные бродили по улицам, бросались на прохожих, наводя панику. Несколько человек особенно опасных и сильных пришлось застрелить.

Вся Европа переживала панику. В Вашингтоне царило непривычно-подавленное настроение. Несколько американцев-инженеров, участников экспедиции, подпавших под действие лучей Штирнера, привезенные из Франции, производили удручающее впечатление. Впервые Америка переживала такой удар, тем более чувствительный национальному самолюбию, что он был нанесен могущественному государству одним человеком, да еще европейцем.

На время пришлось прекратить военные действия, и Штирнер отдыхал от того постоянного огромного напряжения, в котором он находился во время «боев».

Глава 10 В поисках равного оружия

Зауеры жили на побережье Средиземного моря, в Оспидалетти, недалеко от Ментоны.

Эмма имела основание жаловаться в своем письме к Эльзе на мужа. В первое время по приезде Отто Зауер был очень нежен и внимателен к своей больной жене. Он сам выносил ее на руках на широкую веранду, заботливо усаживал в кресло и вывозил в колясочке ребенка. Целыми днями просиживали они так, любуясь лазурным морем, следили глазами за проходящими пароходами и легкими, изящными яхтами, за гидропланами, с воркованием летавшими вдоль побережья. Они почти не говорили друг с другом, но это молчание было легким молчанием счастливых людей. Изредка Эмма с радостной улыбкой протягивала Зауеру руку, он пожимал ее и не выпускал из своей.

Южное солнце оказывало на ее здоровье благотворное влияние. Скоро румянец вернулся на ее щеки, силы прибывали, и через три недели она уже была на ногах.

Но радость выздоровления стала скоро омрачаться тем, что Зауер начал относиться к жене все более холодно. Она уже не находила, проснувшись, на столике у кровати свежего букета окропленных водой гвоздик, ниццких фиалок и темно-красных душистых роз. Зауер все реже сидел с нею на веранде. И молчание их стало тягостным. Оно уже не сближало, а отдаляло их.

— Ты уходишь? — тоскливо спрашивала Эмма, видя, что Зауер поднимается.

— Не могу же я торчать здесь целый день, — грубо отвечал он и уходил к себе в комнату или из дому.

Однажды, войдя неожиданно в комнату мужа, она застала такую картину.

Зауер с грустью и нежностью смотрел на портрет Эльзы, сидя у письменного стола с открытым ящиком.

Будто тонкая игла пронзила сердце Эммы. Эмма вспыхнула, хотела выйти незамеченной. Но Зауер увидел ее в отражении большого зеркала. Их взгляды встретились, Эмма смутилась еще больше. А Зауер нахмурился, лицо его стало злым. Он бросил карточку в стол, со стуком задвинул ящик и, не оборачи-

ваясь, глядя в ее зеркальное отражение, раздраженно сказал:

— Что у тебя за манера врывать в комнату, когда я... занимаюсь?

— Прости, Отто, я не знала...

И она тихо вышла из комнаты. Сердце маленькой Эммы было ранено.

Она забралась в свою комнату и долго плакала, склонившись над колыбелью сына.

— Бедный мой мальчик, крошка моя! — плакала она, осторожно целуя головку ребенка, и несколько слез упало на его волосы.

Вечером она не спала и думала, думала... Это было так не похоже на маленькую Эмму.

«Так вот почему охладел ко мне Отто! — думала она, ломая руки. — Он любит другую. Эта другая — Эльза! Это так естественно. Ведь они любили друг друга. Как я могла забыть об этом? Почему я согласилась стать женой Зауера? Почему Зауер женился на мне, если он любит Эльзу? Но он любил и меня, мое сердце не обманешь. А Эльза?..»

Все это было слишком сложно для Эммы. Тяжелые мысли, неразрешимые вопросы, как горная лавина, обрушились на нее и сразу раздавили нежный цветок ее счастья.

— Отто, Отто! — шептала она в отчаянии и плакала бессильными слезами.

Бороться? Она не создана для борьбы.

К утру она приняла решение: написать Эльзе то самое письмо, которое Штирнера взволновало больше, чем Эльзу.

Женское чутье подсказало Эмме верный тон письма: она ни слова не упомянула в письме о случае с карточкой. Она только делилась с Эльзой, как с подругой, своим горем.

Полусознательно Эмма ставила этим письмом ловушку своей сопернице, надеясь, что та как-нибудь выдаст себя, если она продолжает любить Зауера.

С нетерпением Эмма ожидала ответа Эльзы и, наконец, получила его.

Руки не повиновались, когда она вскрывала конверт, сердце замирало, а строки прыгали перед ее глазами.

Но, прочитав письмо, Эмма вздохнула с облегчением.

— Нет, Эльза не умеет лгать!

Эльза утешала Эмму, уверяла, что Отто опять будет нежен к «своей маленькой куколке», главное же, что успокоило Эмму, — Эльза больше писала о себе, о своей любви к Штирнеру, о своем счастье, о своих тревогах... Она искренно выражала беспокойство, что Штирнер стал плохо выглядеть, что он переутомлен и чрезвычайно нервен. У Эммы отлегло от сердца. Конец письма даже рассмешил ее.

«Ты не узнала бы теперь Штирнера. Он отпустил бороду и теперь стал похож на пустычника-монаха...» — писала Эльза.

— Представляю себе! Вот чудовище-то!

Эмма повеселела.

Но Зауер скоро заставил ее вновь погрузиться в безысходное отчаяние.

После случая с портретом Эльзы Зауер стал с Эммой еще больше резок и груб.

Он приходил теперь на веранду, когда там сидела Эмма, только для того, чтобы посмотреть на сына. Не обращая внимания на Эмму, Зауер усаживался у детской коляски и начинал возиться с малышом.

Эмма с волнением следила за мужем, ловила его взгляд, но Отто не замечал ее. Иногда решалась заговорить.

— Эльза писала, что Штирнер плохо выглядит и очень переутомлен...

— Мир только выиграет, если подохнет эта скотина, — сквозь зубы отвечал Зауер.

Эмма была удивлена резкой переменой Зауера к Штирнеру. Теперь Зауер не мог слышать его имени. Но Эмма не решалась спросить о причинах этой перемены. И они сидели молча.

Как-то Эмме показалось, что Зауер в хорошем настроении. По крайней мере он был спокойнее обычного. Над морем летала стая аэропланов.

— Отто, а почему аэропланы не падают? — спросила вдруг Эмма.

— До какой степени ты глупа, Эмма! — ответил Зауер. — Поразительно, как я этого не замечал раньше!..

Эмма побледнела от горя и обиды.

— Ну что ж, можешь оставить меня, — ответила она дрогнувшим от слез голосом. — Возьму маленького Отто и уйду...

— Пожалуйста! Удерживать не буду. Но сына я тебе не отдам! — И, поправив одеяльце на ребенке, он вышел.

Эмма, уже не сдерживая слез, подошла к ребенку и склонилась над ним.

— Неужели я лишусь и этого?

На дорожке сада закрипел под чьими-то ногами песок.

— Могу я видеть господина Зауера?

Эмма наскоро вытерла лицо платком и обернулась. Перед нею стоял молодой человек в летнем белом костюме, с рыжими волосами и веснушками на лице.

«Где я видела это лицо?» — подумала Эмма.

— Вы не узнаете меня? Мы, кажется, встречались.

— Ах, да, да, господин Готлиб!

— Рудольф Готлиб, вы не ошиблись.

На голоса вышел Зауер. Готлиб поклонился.

— Господин Зауер, мне нужно с вами поговорить по весьма важному делу.

Они прошли в кабинет.

— Надеюсь, вам известно из газет, — начал Готлиб, — о всех событиях последнего времени.

— Я не читаю газет, — ответил Зауер.

Готлиб поднял с изумлением брови.

— Но об этом говорит весь мир!

Зауер был несколько смущен. С самого приезда на Ривьеру он совершенно не читал газет, как будто забыл об их существовании. Почему? Он сам не знал этого. И теперь вопрос Готлиба заставил его самого призадуматься.

— Я хотел отдохнуть, — ответил Зауер, чтобы как-нибудь объяснить странность, — а в газетах всегда есть что-нибудь, что взволнует или расстроит... все эти политические дрязги...

— В таком случае я должен вам осветить положение вещей. Дело идет уже не о политических дрязгах, а об опасности, которая угрожает целой стране, быть может, всему миру.

Готлиб рассказал Зауеру о необычайной войне между комитетом спасения и Штирнером и о бесславном поражении «железного генерала».

Зауер слушал с возрастающим вниманием, прерывая иногда рассказчика ругательствами по адресу Штирнера.

Эти реплики, видимо, очень нравились Готлибу.

— Я чрезвычайно доволен, — сказал Готлиб, окончив рассказ, — что вы, кажется, так же мало расположены к Штирнеру, как и я. Каждый из нас имеет свои причины ненавидеть Штирнера. Но вы с ним работали, были его правой рукой, и я, признаюсь, опасался, что вы и сейчас на его стороне. Тогда моя миссия не увенчалась бы успехом... Я послан комитетом, — собственно, это была моя идея, — но я имею полномочия... Мне казалось, что вы единственный человек, который может открыть тайну необычайного влияния Штирнера на людей, тайну той силы, которою он обладает. В настоящее время большинство ученых склоняется к тому, что Штирнер овладел тайной передачи мысли на расстояние. Но секрет этой передачи не открыт. И если бы вы захотели... вы могли бы оказать нам огромную услугу... и награда...

Зауер поднялся и в волнении прошел по комнате.

— Награда? Свалить этого изверга Штирнера — лучшая награда для меня!

В этот момент Зауер подумал об Эльзе.

Ему вспомнилась сказка о принцессе, попавшей в руки злого волшебника. Штирнер — этот волшебник. А он, Зауер, рыцарь, который должен освободить принцессу от чар. Освободить! Но как?..

— Я охотно помог бы вам, господин Готлиб, если бы хоть что-нибудь знал наверное. Собственно говоря, у меня имеются только догадки. Насколько мне известно, Штирнер до поступления на службу к вашему покойному дядюшке занимался научной деятельностью в области изучения мозга и передачи мысли на расстояние. Он делал опыты над животными, и я сам видел, что эти животные проделывали чудеса. Я лично думаю... — Зауер помолчал, как бы колеблясь, затем продолжал, — что ваш дядюшка, Карл Готлиб, погиб не естественной смертью... Это собака, бросившаяся под ноги старика в момент приближения поезда, — пусть Штирнера не было в этот момент, — она могла действовать по его внушению.

Рудольф Готлиб привстал и вытянул вперед голову. От волнения он тяжело дышал.

— Я всегда думал, что в деле наследства скрыто преступление! — воскликнул он. — Но почему вы не высказали своих подозрений во время процесса? Больше того, на суде вы защищали интересы Эльзы Глюк...

Зауер пожал плечами.

— Я думаю, что я, как и все окружающие Штирнера, находился под влиянием этого ужасного человека. Я не ученый и не знаю, каким путем Штирнер внушает людям свои мысли. Но я думаю, что власть его ограничена известным кругом воздействия. Сужу я об этом потому, что только здесь, вдали от него, я почувствовал, как стал постепенно освобождаться от какого-то гипноза, «размагничиваться» от того заряда, который, очевидно, получен мною перед отъездом. Или Штирнер не достиг еще возможности действовать на большие расстояния, или же он сделал мне, при моем отъезде, недостаточно сильное внушение, и оно со временем ослабело.

— Вы правы, — сказал Готлиб. — Но Штирнер, по-видимому, непрерывно совершенствуется, круг, сила и длительность его воздействия все увеличиваются. И кто знает, может быть, уже завтра мы не будем в безопасности и здесь.

Зауер вздрогнул.

— Опять? Опять подпасть под власть этого человека? Сделаться игрушкой в его руках? Нет, лучше бежать на край света! А еще лучше уничтожить Штирнера. Освободить, себя и других!..

— И если это так, если тайна успеха Штирнера в этом, то бороться с ним можно только равным оружием. Кто даст нам его?

Они молчали. Зауер что-то обдумывал.

— Да, вы правы, — сказал он. — Бороться можно только равным оружием. Мне сейчас пришла мысль. Не может же быть, чтобы только один Штирнер занимался разрешением проблемы о передаче мысли на расстояние. Надо поискать среди ученых...

— Мы искали, — сказал Готлиб, — обращались к ученым, работавшим в этой области. Но их так мало. Мы запрашивали одного итальянского ученого. Он ответил, что то, что делает Штирнер, еще недоступно современной науке. Или Штирнер гений в этой области, ушедший вперед, или тут что-нибудь иное.

— Но не один же итальянец...

— Мне приходилось читать об опытах еще одного ученого. Правда, он даже не имеет профессорского звания.

— И потому вы не обратились к нему? — с иронией спросил Зауер.

— Признаюсь...

— А Штирнер разве гнет нас в дугу своим профессорским званием? Надо непременно найти этого ученого! Нельзя упускать ни одного шанса.

Подумав немного, Зауер сказал:

— И нельзя упускать ни одной минуты. Вот что: я еду с вами, мы разыщем этого ученого и послушаем, что он нам скажет. Да, еще одно. Штирнер жил на вилле в Ментоне, это рядом. Надо заглянуть туда, не оставил ли он после себя каких-нибудь следов.

Зауер быстро собрался в дорогу.

— Эмма, — сказал он, встретив жену на веранде, — я уезжаю.

— Надолго? — тревожно спросила Эмма.

— Не знаю, но думаю, что надолго. — Холодно простившись с нею, он быстро вышел в сопровождении Готлиба.

А Эмма не знала, плакать ли о том, что Зауер покинул ее, или радоваться, что он не лишил ее ребенка.

Зауер, имевший доверенность от Штирнера, беспрепятственно проник в виллу Эльзы Глюк и внимательно осмотрел все помещение.

В одной из комнат, почти пустой, был найден огромный кусок металлического сплава. На полу валялись обрывки проволочной спирали, обломки фарфоровых изоляторов, клеммы, зажимы.

— Чистая работа! — сказал Готлиб, разглядывая сплавленную глыбу металла. — Штирнер умеет прятать концы в воду. Ясно, что здесь стоял какой-то аппарат. Но как удалось ему расплавить весь металл, не обуглив даже пола?

— Ну что ж, нам здесь делать больше нечего, Готлиб. Едем искать противоядное оружие. Где находится ваш недипломированный ученый?

— В Москве.

Московский изобретатель

Месяц спустя Зауер и Готлиб входили во двор-колодец на Тверской-Ямской, недалеко от Триумфальных ворот. Шестиэтажные дома плотно обступали асфальтированную площадку. Голоса игравших детей гулко отдавались среди высоких стен.

— Кажется, здесь, — сказал Готлиб, просматривая номера квартир у входной двери дома. — Идем, Зауер. Пока все идет хорошо.

— Фу, черт возьми, когда же кончится эта лестница? Удивительно, как это могут люди жить без лифта! — ворчал Зауер, тяжело дыша. — Какой номер квартиры?

— Двадцать девятый.

— А это двадцать пятый. Значит, на самый верх.

— Ничего, вам полезен моцион, вы слишком быстро полнеете, Зауер, — сказал Готлиб и нажал кнопку.

Зауер был разочарован тем, что он увидел, войдя, наконец, к Качинскому. Ни обстановка комнаты, ни сам изобретатель не соответствовали тому, что представлял себе Зауер.

Он ожидал увидеть кабинет, заваленный и заставленный всякими машинами, с тем беспорядком, который присущ изобретателям.

Жилище Качинского не напоминало лаборатории современного Фауста.

Это была небольшая комната, с широким венецианским окном. У окна стоял большой письменный стол с пишущей машинкой. Другая машинка помещалась на небольшом столике, примыкавшем к узкой стороне письменного стола. Эти машины, одна с русским, другая с латинским шрифтом, да небольшой чертеж ветряного двигателя по системе Флетнера на стене у стола были единственными неясными указателями характера работ владельца комнаты.

Над широким турецким диваном висела неплохая копия с картины Греза, изображающая девушку с характерным «грезовским» наивно-лукавым выражением глаз.

Зауер посмотрел на эту головку и поморщился. Ему вспомнилась Эмма. Он сравнивал ее с грезовскими девушками, когда так неожиданно влюбился в нее.

Рядом с головкой Греза висели два пейзажа. На отдельном маленьком столике помещалась чугунная статуэтка, изображавшая одну из конных групп Клодта, стоящих в Ленинграде, на Аничковом мосту.

Небольшой буфет, шкаф с зеркалом, стол посреди комнаты, застланный чистой скатертью, и несколько оббитых кожей стульев с высокими спинками дополняли обстановку.

На всем лежала печать чистоты и аккуратности. И это тоже сбивало с толку Зауера. Сидя в этой комнате, можно было представить, что находишься в Берлине, Мюнхене, но никак не в Москве.

Совсем иначе представлял он себе и русского изобретателя. Эта порода людей, по мнению Зауера, должна отличаться особыми чертами. Но перед Готлибом и Зауером стоял скромный на вид, еще молодой человек, со светлыми зачесанными назад волосами, светлыми глазами, гладко выбритым лицом, правильным носом и со скульптурно очерченной линией рта. Он был одет в темно-коричневую вельветовую блузу и брюки покроя галифе, заправленные в сапоги с узкими голенищами.

Рядом с ним стояла жена, в белой блузке, радушная и приветливая.

«Уж не ошиблись ли мы?» — подумал Зауер. Но они не ошиблись. Гости представились, и скоро завязалась оживленная беседа.

«И этот человек, — подумал Зауер, — быть может, обладает такой же могучей силой, как Штирнер, но живет и выглядит так просто! Неужели он не чувствовал соблазна использовать эту силу в личных интересах, как Штирнер? Стать необычайно богатым, могущественным. Или здесь люди действительно мыслят и чувствуют иначе?..»

Зауер постарался косвенно получить ответ на интересующий его вопрос.

— Скажите, — обратился он с шутливой улыбкой к жене Качинского, — а вам не страшно иметь такого мужа, который может внушить окружающим все, что ему захочется, вам, например?

Качинская удивленно подняла брови.

— Зачем? Что особенного он мне может внушить? Мне и в голову никогда не приходила эта мысль. Для опытов у него есть лаборатория.

Качинский улыбнулся.

— Но все-таки это опасная сила, — сказал, несколько смутившись, Зауер.

— Как всякая другая, — ответил Качинский. — Нобель изобрел динамит, для того чтобы облегчить человеческий труд в борьбе с природой — взрывать гранит. А человечество сделало из этого изобретения самое страшное орудие истребления. И огорченному Нобелю оставалось только учредить на «динамитные доходы» премию мира, чтобы хоть немного искупить свой невольный грех перед человечеством. Штирнер в этом случае не исключение. Он только использовал эту новую силу в своих единоличных целях.

— Все зависит от того, в чьих руках находится топор, — продолжал Качинский. — Один рубит им дрова, другой — человеческие головы. Опасность такого использования предвиделась еще до того, как Штирнер бросил вызов обществу. Когда первые мои опыты сделались известны широкой публике, меня прямо осаждали взволнованные обыватели. Несколько женщин приходили ко мне и уверяли, что злые люди уже подвергают их внушению на расстоянии. В отчаянии эти несчастные просили меня спасти их от «злых чар». Одна из них говорила мне, что какие-то студенты Харьковского университета так «заряжают» ее электрическими токами, что, когда она проходит мимо железных фонарных столбов, от нее с треском отлетает искра. «А когда я иду в калошах и шелковой шляпе, — говорит она, — тогда искры нет. Что мне делать? Я ложусь спать и чувствую, что электроволны наполняют меня, и слышу голос: „Теперь ты в нашей власти!“» Я посоветовал ей накрываться шелковым одеялом, а в руку брать металлический предмет, соединенный с трубами отопления. «Заземлитесь, как в радиоприемнике». И она уверяла потом, что это помогло ей. Как только она «заземлялась», ее «крючило», ток уходил в землю. Она спокойно засыпала. Что мог я еще сделать? Это была просто нервно- или душевнобольная. Несколько мужчин угрожали убить меня, если я стану применять свое изобретение.

«Я не желаю, — кричал один из них, — чтобы вы начинали мой мозг вашими мыслями!»

— И они правы в своих опасениях, — сказал Готлиб, желая скорее перевести разговор на практическую почву. — Ужасы, которые Штирнер сеет вокруг себя...

— Да, да, я тоже предвидел эту возможность, — сказал Качинский, — и поэтому я с самого начала работал в двух направлениях: над тем, как усовершенствовать передачу мысли на расстояние и как оградить людей от причинения им вреда.

— И что же, вам удалось это? — с интересом спросил Готлиб.

— Я думаю, что я разрешу задачу, — ответил Качинский.

— Позвольте мне задать один вопрос, — сказал Зауер. — Весь мир сейчас говорит о передаче мыслей на расстояние. Но, к стыду моему, я не знаю, в чем тут дело и почему только теперь вдруг люди открыли то, что, по-видимому, должно было существовать всегда.

Качинский оживился, а Готлиб недовольно вздохнул.

«Пойдет теперь теория, когда надо действовать!» — подумал он.

— В кратких чертах дело сводится вот к чему: каждая наша мысль вызывает ряд изменений в мельчайших частицах мозга и нервов. Эти изменения сопровождаются электрическими явлениями. Мозг и нервы во время работы излучают особые электромагнитные волны, которые расходятся во все стороны совершенно так же, как и радиоволны.

— Но почему же мы до сих пор не могли мысленно разговаривать друг с другом?

— Эти электроволны небольшой мощности и притом своеобразной природы. Поэтому в другом сознании отмечается излученная кем-либо мысль только в том случае, если эта мысль попадает в мозг, если можно так выразиться, одинаково настроенный.

— Словом, если «приемник»-мозг может принимать волны той же длины, какие посылает «передающая станция», то есть излучающий мозг?

— Совершенно верно. И случаи таких передач наблюдались давно между близкими людьми. Но так как эти случаи невозможно было проверить и тем более объяснить научно, то наука их чаще всего просто отрицала, тем более что этими загадочными случаями пользовались всякие спириты, «телепаты», теософы и прочие мистики, пытавшиеся на этих научно необъясненных фактах доказать существование «духа», который может проявлять себя независимо от тела.

Качинский сделал паузу и продолжал:

— Один из таких «таинственных» случаев и натолкнул меня самого заняться вопросом о передаче мыслей на расстояние.

— Это интересно! — сказал Зауер.

Готлиб в нетерпении повернулся на стуле.

— Дело было в Тифлисе. Мой друг болел тифом в тяжелой форме, и я часто навещал больного. Однажды я вернулся от него поздно ночью, потушил огонь и лег в кровать. Пробыло два часа. И вслед за боем часов я услышал совершенно отчетливо звук... как будто кто-то ложкой ударил несколько раз о край бокала из тонкого стекла. «Кошка!» — подумал я и зажег свет. Но, осмотрев комнату, я не нашел ни кошки, ни какого-либо стеклянного предмета, который мог бы дребезжать. Я не придал значения этому случаю и скоро уснул.

Наутро, войдя в дом друга, я увидел ту особую суету, которая без слов сказала мне все. Друг мой умер в эту ночь. Его труп еще лежал в кровати, и я стал помогать убирать его.

«Когда он умер?» — спросил я.

«Ровно в два часа ночи», — ответила его мать.

Подходя к кровати, я толкнул ногой тумбочку, на которой стояли лекарства. Ложка, лежавшая в большом бокале тонкого стекла, повернулась, и я услышал знакомый звук.

«Где я слышал его? — с недоумением подумал я. — Вчера ночью. Нет никакого сомнения, что это тот же звук». И я спросил у матери моего друга, как умер ее сын.

«Ровно в два часа ночи я поднесла к его губам ложку с лекарством. Он только слабо шевельнул губами, но не мог уже пить. Я положила ложечку в стакан и наклонилась над ним. Он был мертв».

Случай этот заставил меня глубоко задуматься. Я, конечно, совершенно не допускал никакой сверхъестественности. Но чем же можно тогда объяснить этот случай? В то время я читал курс лекций по радио в одной из школ. Я, как вам, вероятно, известно, по профессии инженер-электрик. И первая мысль, которая у меня мелькнула, подсказала мне, что странное явление передачи звука должно быть электрического порядка, схожее с радиопередачей. Не излучил ли мозг умирающего друга электроволны, которые дошли до меня? Я стал изучать работу мозга и нервов уже здесь, в Москве. К моему удивлению, я нашел ряд очень близких аналогий в строении нервной системы и мозга с конструкцией радиостанции. Частицы мозга играют роль и микрофона, и детектора, и телефона; фибриллярные нити нейронов имеют на конце виток, удивительно напоминающий проволочную спираль — соленоид, вот вам самоиндукция. Интересно, что с физиологической точки зрения даже профессор-физиолог, с которым я работал, не в состоянии был удовлетворительно объяснить значение этой спирали. В свете же электротехники она получает вполне логичное объяснение. Природа, очевидно, создала этот виток для усиления электротоков. Есть у нас в теле даже лампы Раунда — это ганглиозные колбочки сердца. Источник энергии сердца соответствует батарее аккумуляторов, а периферическая нервная система — заземлению. Так, изучая строение человеческого тела с точки зрения электротехники, я пришел к полному убеждению, что наше тело представляет собой сложный электрический аппарат — целую радиостанцию, способную излучать и принимать электромагнитные колебания. Вот, пожалуйста, посмотрите чертеж.

Но мне нелегко было, бесспорно, доказать наличие электромагнитных волн. Я вел свои опыты в лаборатории Дугова, который успешно занимается опытами внушения животным. Свой опыт я поставил таким образом: я собственноручно смастерил клетку из густой железной сетки, стоящую на изоляторах; сетка могла, по желанию, заземляться. Перед клеткой мы сажали собаку, а в клетке помещался Дугов. Когда клетка не была заземлена, собака удачно выполняла мысленные приказы Дугова. Но достаточно было заземлить металлическую оболочку клетки — и никакого внушения не доходило до собаки. Я думаю, вы понимаете почему: электромагнитные волны, попадая на металлическую сетку, уходили в землю, не достигая собаки. Таким образом задача была разрешена. Наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом, было установлено. Иными методами электромагнитная природа мозговых и нервных колебаний была доказана и работами наших ученых: академиком Лазаревым, профессором Бехтеревым, а в Италии — профессором Казамали.

Готлиб окончательно терял терпение.

— Это все чрезвычайно интересно, — наконец сказал он, — но, признаться, мы интересуемся не столько научной стороной, сколько практическими результатами ваших работ. Вы изволили сказать, что вам удастся разрешить задачу охраны населения от преступного использования нового средства воздействия на людей. Но вы еще не разрешили этой задачи. Короче говоря: сможете ли вы обезвредить Штирнера?

— Теоретически для меня вопрос решен, но опытной проверки в большом масштабе я еще не делал. Мы ограничивались опытами передачи мысли животным на коротком расстоянии. Моя «машина-мозг» вполне осуществима для современной техники. Я изучаю природу электромагнитных волн, излучаемых мозгом человека, устанавливаю их длину, частоту и так далее. Воспроизвести их механически уже не представляет труда. Усильте их трансформаторами, и мысли-волны потекут, как обычная радиоволна, и будут восприниматься людьми.

Машина моя строится и состоит из антенны, усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и индукционной связи с колебательным контуром антенны. Вы можете излучить определенную мысль на антенну моей «передающей радиостанции», она усилит это излучение и пошлет в пространство. Вот новая «пушка», при помощи которой мы будем обстреливать Штирнера.

Готлиб вздохнул с облегчением.

— И скоро можно будет пустить эту пушку в дело?

— Недели через две, я думаю, удастся послать первый выстрел.

— В чем же он будет состоять?

— Мы застанем Штирнера врасплох и внушим ему, чтобы он вышел из дома и приехал к нам. И он будет в наших руках.

— Но где вы установите вашу «пушку»?

— Я думаю, что нам придется поехать возможно ближе к нашей цели. Повторяю, пушка не испробована на опыте, и я не ручаюсь за ее действие на большом расстоянии.

— Но не опасно ли вступить в сферу влияния Штирнера? Ведь он обладает орудием более дальнобойным, совершенным и испытанным?

— Другого выхода нет, мы должны пойти на риск.

— А изолироваться мы не можем? Ведь вы говорили, что думали и над защитными средствами? — спросил Зауер.

— Конечно. Можно покрыть себя тонкой металлической сеткой, и электроволны, излученные мыслями Штирнера, будут осаживаться на сетку и проходить в землю. Мы будем нечувствительны к его излучениям, но в то же время такая изоляция лишит нас самих возможности излучить мысль. Правда, мы можем действовать механически, при помощи «машины-мозга». Но мною еще недостаточно изучены электромагнитные волны мозгового излучения, и потому пока придется рисковать собой. Я буду передавать мысли на антенну без изоляционного костюма. Если же почувствую влияние излучения Штирнера, вы накинете на меня сетку. Сами же вы будете в изолированных костюмах.

— А что, если прямо идти в этих защитных костюмах в дом Штирнера и расправиться с ним? Авось на этот раз он не заставит меня щекотать его бритвой, вместо того чтобы перерезать ему горло?

— Это значит идти на убийство...

— Туда ему и дорога!

— ...не только Штирнера, но и тех, кто пойдет его убивать. Штирнер, конечно, дорого продаст свою жизнь. Постараемся захватить его живым. Так будет лучше, и победа будет полней.

Готлиб встал. За ним поднялись Качинский и Зауер.

— Позвольте вас поблагодарить... — начал Готлиб.

— Не за что, — ответил Качинский — Поблагодарите, когда Штирнер будет в наших руках.

Глава 12 Немая война

Штирнер сидел в кабинете за столом над чертежами и вдруг почувствовал неудержимое желание выйти из дома. Он уже поднялся и направился к двери, как промелькнувшая мысль заставила его остановиться: что, если он сам оказался под воздействием чужой воли? Неужели они открыли его секрет и действуют тем же орудием? Очевидно, их воздействие еще не обладало достаточной силой: Штирнер не потерял способности рассуждать. Но непреодолимое желание выйти на улицу он ощущал совершенно ясно. Легкий холодок прошел по спине Штирнера. Он погиб, если сейчас же не освободится от влияния чужой мысли! Что делать? Как спасти себя? А его ноги непроизвольно уже донесли его до двери. У двери висело шелковое драпри. Рядом проходили радиаторы отопления. С чрезвычайным усилием воли Штирнер сделал шаг в сторону, сорвал шелковое драпри, накинул его на голову и уцепился руками за металлическую трубу отопления. Тотчас же он почувствовал, как желание выйти на улицу уменьшилось. Посылаемые неведомым врагом электромагнитные токи быстро уходили в землю. Штирнер вздохнул с облегчением. Но это еще не спасение. Надо было обдумать создавшееся положение.

«В моей комнате, — думал Штирнер, — есть железная клетка, в которой я делал первые опыты. Если бы пробраться туда, войти в клетку, заземлиться... Как-нибудь отсижусь, а там видно будет. Но успею ли я добежать? Не разобьет ли противник мой волевой импульс, как только я отойду от заземления? Если бы еще не этот линолеум на полу! Черт возьми! Меня начинают бить моим же оружием. Это скверно. Прежде всего надо изолироваться. У меня есть металлическая сетка. Можно будет накинуть ее на себя... Потом я сделаю настоящий костюм. Но как достать ее? Эльза! Надо вызвать Эльзу».

Между Штирнером и Эльзой давно установился такой полный контакт, что довольно ему было подумать, даже без применения каких-либо усилений излучения мысли, как она немедленно являлась. Штирнер начал мысленно призывать ее, как всегда ясно представляя весь путь, который должна та пройти. Но Эльза не шла. Шелковая материя на голове Штирнера задерживала излучения...

— Проклятие! — Штирнер приоткрыл шелк и полуобнажил голову. В ту же минуту он почувствовал желание выйти из дому. Штирнер поспешно натянул на голову шелк и задумался. Одним глазом через щелку в шелковой материи он увидел недалеко на стене кнопку электрического звонка.

— Спасибо покойному Готлибу, он везде насажал этих звонков. Может быть, мне удастся вызвать слугу...

Звонок находился на расстоянии двух метров. Скользя рукой по металличе-

ской трубе, он стал приближаться к звонку. Труба окончилась. Следующий сектор отопления находился на расстоянии семидесяти сантиметров. Штирнер нагнулся, левой рукой ухватился за конец трубы, а правую протянул к трубе следующего сектора, следя в то же время, чтобы шелк не сполз с головы. Для этого он закусил края материи зубами. Так перебрался он к следующему сектору и, держась за трубу, нажал звонок.

— Что, если они послали внушение и слугам? Я пропал...

Штирнер с облегчением вздохнул, когда вдали послышались шаркающие шаги старика Ганса.

Ганс вошел в кабинет и с невозмутимым лицом вышколенного лакея, который умел скрывать удивление за маской почтительности, стал перед закутаным в шелк Штирнером.

— Ганс, в моей комнате... — сказал Штирнер и запнулся. Он еще никого не пускал в свою комнату. «Э, теперь не до того, — подумал он. — Я смогу ему внушить, чтобы он забыл все, что увидит там». — В моей комнате находится металлическая сетка. Принесите ее немедленно сюда. Вот вам ключ...

Придерживая одной рукой шелк, как будто стыдливо закрывая свою наготу, Штирнер вынул другой рукой ключ и подал его Гансу.

Ганс молча удалился и принес тонкую металлическую сетку.

— Набросьте на меня!

Старик исполнил приказание с таким привычным видом, как будто он подавал пальто.

— Благодарю вас, Ганс. Теперь идите... Пойдите! Вы ничего не испытываете, Ганс? Никаких особенных желаний? Ну, например, выйти на улицу?

— Куда там на улицу! Если правду сказать, господин Штирнер, я чувствую желание полежать... Больные ноги отдыха просят!..

— А давно появилось у вас это желание?

— Да уж лет двадцать к кровати стало тянуть...

— Идите, Ганс!

Штирнер быстро прошел в свою комнату, помещавшуюся позади кабинета.

— Ну погодите! — сердито ворчал он, приводя в движение машины. Внизу загудели мощные моторы, загорелись лампы, машина заработала. «Выстрел» был послан, и он достиг цели.

В окрестностях города стоял большой грузовой автомобиль, на площадке которого была установлена радиостанция не совсем обычного устройства. Это была станция, спроектированная по схеме Качинского, для передачи с усилением излучений мысли.

Шофер, Зауер и Готлиб были в особых костюмах, сделанных из тончайшей проволоочной сетки, прикрывавшей все тело, не исключая лица.

— Наряд не совсем обычный, — смеялся Качинский, — но если мода узаконит его, он покажется даже оригинальным. В будущем мы просто станем делать в наших костюмах тончайшую металлическую подкладку. К сожалению, я не знаю, как обойтись без вуали. Но ведь носили же вуаль женщины! А мы будем изготавливать наши вуали не толще и не тяжелее шелковых.

— Снаряд послан, — говорил Качинский. — Я послал Штирнеру приказ выйти из дома и идти сюда.

— А как мы узнаем, что снаряд попал в цель? — спросил Готлиб.

— Я думаю, он так или иначе известит нас, если и не явится, — сказал Ка-

чинский. — Дело в том, что мы имеем и механическую приемную радиостанцию, кроме нашего собственного «приемника» — мозга. А в ней имеется прибор, автоматически записывающий излучения другой станции.

И Штирнер действительно «известил» их, хотя и совершенно неожиданным для нападающих образом.

В тот момент, когда Качинский без изолирующего костюма отправлял новую «мысль-снаряд», он вдруг упал на площадку автомобиля, сделал попытку подняться и упал снова. Он хотел сесть, но голова, а за ним и все тело свалилось на сторону.

Зауер и Готлиб бросились к Качинскому.

— Вы ранены? Контужены? Как вы себя чувствуете? — спрашивали они его. — Что у вас болит?

— Ничего не болит и чувствую себя вполне здоровым, — отвечал Качинский, делая новую попытку сесть и вновь падая на сторону, — но, черт возьми, я совершенно потерял чувство равновесия!..

Зауер, Готлиб и шофер были поражены. Готлиб поспешил накинуть на Качинского металлическую сетку, чтобы оградить его от новых излучений.

— Ну да, конечно!.. Чему же вы удивляетесь? Штирнер, очевидно, парализовал мозговые центры, которые управляют равновесием. Однако он далеко ушел в своих работах! Чувство равновесия — один из сложнейших и наименее разработанных вопросов. Профессор Бехтерев...

«А все-таки эти изобретатели совсем особая порода людей, — думал Зауер. — Его свалили с ног, и он беспомощно копошится на земле, как раздавленный червь, а сам рассуждает о своей рефлексологии!..»

— Это он нарочно, — продолжал Качинский, — чтобы показать своему противнику, с каким опасным врагом нам приходится иметь дело. Чувство равновесия...

— Это все очень интересно, господин Качинский, но сейчас нам надо позаботиться о вашем здоровье. Я думаю, — обратился Готлиб к Зауеру, — нам придется на этот раз отступить и эвакуировать нашего первого раненого в этой необычайной войне, чтобы оказать ему медицинскую помощь.

Несмотря на протесты Качинского, который хотел продолжать дуэль на расстоянии, Зауер и Готлиб решили отступить.

— Помните, что на вас лежит ответственность за миллионы людей. Что, если Штирнер убьет вас или, скажем, лишит разума?

— Ну что ж, едем... — со вздохом согласился Качинский.

— Да, Штирнер — опасный противник, — продолжал Качинский, лежа в автомобиле. — Он обладает более мощным оружием. И сила его передачи так велика потому, что он, очевидно, пользуется направленной волной. Попробуем и мы действовать направленными волнами!..

— Вы лучше скажите, как вы теперь будете жить без чувства равновесия?

— Может быть, мне удастся найти его! — ответил Качинский.

Готлиб с сомнением покачал головой.

Качинский выглядел совершенно беспомощным. Он не мог даже протянуть руки, она тотчас падала в сторону как плеть, хотя все члены его тела были совершенно невредимы.

— Посмотрите, Зауер, нет ли какой-нибудь записи на ленте аппарата.

Зауер посмотрел. Лента была испещрена кривыми линиями.

— Здесь что-то начерчено, но я ничего не понимаю.

— Я скоро сделаю прибор, который будет переводить эти знаки на буквы. — Качинский сделал безуспешную попытку протянуть из-под сетки руку. — Поднесите к моим глазам ленту, Зауер! Так... гм... он хочет напугать меня!.. Вот какую мысль он излучил:

«Вы проиграли сражение, так как потеряли свой единственный шанс: заставить меня врасплох. Штирнер».

— Посмотрим, кто победит! — крикнул Качинский, в волнении поднял голову, которая тотчас же упала назад. — О дьявол! Но вы не запугаете меня этим, Штирнер!

Подъехали к больнице. Качинского перенесли на руках. Стены комнаты завесили металлическими сетками.

Врачи ничего не могли понять в болезни Качинского, и ему пришлось с улыбкой объяснить им.

— К сожалению, медицина бессильна помочь вам, — сказал старший врач, разводя руками.

— Я знал это, — ответил Качинский. — Придется создавать новую медицину или прибегнуть к гомеопатии.

Врач недовольно тряхнул головой.

— Гомеопатия — шарлатанство.

— Не всегда, — улыбаясь, ответил Качинский. — Принцип гомеопатии — лечить подобное подобным. Вот в каком смысле я говорю о гомеопатии.

Зауер первый понял мысль Качинского.

— Вы хотите применить для лечения ваш мыслепередающий аппарат?

— Ну конечно. Я передам моей «машине-мозгу» мысль, что мои мозговые центры, ведающие чувством равновесия, должны восстановить свою деятельность, потом сам восприму это излучение, усилив его. Так как Штирнер действовал на расстоянии, а я буду подвергать себя контрвоздействию возле самого источника излучения, то думаю, что мне удастся вернуть потерянное чувство равновесия... Сделаем опыт!

Врачи с недоверчивым интересом следили за опытом. Но когда Качинский неожиданно поднялся с земли и начал размахивать руками, стоя на одной ноге, все зааплодировали.

— Это прямо чудо! — крикнул молодой врач.

— Если не была симуляцией сама «болезнь» Качинского, — тихо проворчал старый врач.

Так было положено начало новой медицине, получившей впоследствии широкое применение в самых различных областях — от лечения нервных болезней до совершения безболезненных операций без применения наркоза.

— Скажите, — спросил Зауер Качинского, когда они остались одни, — почему «удар», посланный Штирнером, поразил только вас? Ведь если Штирнер сумел точно определить направление, откуда послано вами мыслеизлучение, то его ответный луч мог встретить на пути других людей, не защищенных сетками. Почему же луч не задел их?

Качинский подумал.

— Я думаю, это уж не так трудно объяснить. Штирнер, получив мое мыслеизлучение, мог тотчас проанализировать его длину, частоту волн — словом, все те характерные особенности, которыми отличается моя передающая ра-

диостанция, то есть мой мозг. Ведь каждый мозг излучает электроволны, несколько отличающиеся от излучения мозга других людей. Установив характерные особенности моего мыслеизлучения, Штирнер послал ответную «пулю», поразившую меня, на волне той же длины и частоты. И она воспринята была только мною. Это самое естественное объяснение. Но я думаю, что он мог послать излучение и «на предъявителя», если так можно выразиться.

— То есть?

— То есть он мог послать мысленное внушение: «у человека, излучившего мысль против меня, должны парализоваться двигательные-волевые центры». Я человек, пославший это излучение, значит у меня...

— Но разве можно делать такие внушения? Были такие случаи в практике гипноза?

— Не помню, хотя ничего невозможного в этом нет. Во всяком случае, первое объяснение мне самому кажется проще и логичней. Ну, с этим кончено. Теперь за дело! — бодро сказал Качинский. — На этот раз мы попытаемся действовать иначе. Мы окружим Штирнера целым кольцом наших «пушек» и будем действовать на него сразу со всех сторон. Конечно, он может парировать наши удары, обходя круг своим направленным лучом. Но пока он будет делать этот круг, каждая наша «пушка» успеет излучить по снаряду мысли.

— А что, если нам направить наши излучения и на слуг в доме? Ведь если мы заставим их уйти из дому, Штирнеру некому будет приносить пищевые продукты, он будет обречен на голод и принужден будет сдаться, — сказал Готлиб.

— Прекрасно. Мы применим и этот способ, — согласился Качинский.

Срочно были изготовлены радиомашинки, излучающие мысль. Когда все было готово, «главнокомандующий» выехал на позицию с тридцатью «орудиями», которые были расставлены вокруг города на расстоянии нескольких километров.

Качинский отправил Штирнеру ультиматум:

«Наши мыслеизлучения должны убедить вас в том, что настал конец вашему исключительному использованию новой силы — передачи мысли на расстояние. Наравне с вами этой силой владеют другие. Дальнейшая борьба при таких условиях бессмысленна. Она только усилит общественные бедствия и страдания масс. Если даже вы изолируете лично себя от влияния наших мыслеизлучений, мы парализуем вашу разрушительную деятельность; на всякое ваше мыслеизлучение массового характера мы ответим контрилучением, контрприказом. Мы можем гарантировать оставление вас живым при немедленном выполнении следующих условий:

- 1. Немедленно вернуть нормальное состояние и свободу воли всем подвергшимся действию ваших мыслеизлучений.*
- 2. Совершенно прекратить в дальнейшем всякое мыслеизлучение с вашей стороны.*
- 3. Сдать все машины и электроустановку, обслуживающие мыслеизлучения.*

В случае вашего отказа или неполучения ответа я не остановлюсь перед крайними средствами.

Качинский».

В то же мгновение он отправил и мысленный приказ всем слугам Штирне-

ра бежать из дома.

Но Штирнер был наготове.

Он прочитал автоматически записанную мыслерадиограмму и тотчас отправил ответ:

«Я сложу оружие тогда, когда сам найду это нужным».

Вдруг он заметил, что слуги бегут из дома. Он сразу понял причину этого бедствия и послал сильнейшее излучение с приказом вернуться.

Слуги заметались, как в пламени пожара. Перекрещивающиеся излучения двух противоположных мыслей бросали их из стороны в сторону, и они метались по дому. Два «желания» раздирали их одновременно: бежать из дома во что бы то ни стало и ни в коем случае не покидать его. Люди то бросались к дверям, то бежали обратно. Некоторые из них цеплялись за мебель, косяки дверей, отопительные трубы, чтобы удержаться на месте. И вся эта необычайная суэта происходила без единого звука.

Излучения Штирнера были ближе и, очевидно, сильнее. Они удерживали слуг. Постепенно слуги вернулись на свои места.

А в это время Штирнер уже послал новое излучение мысли.

Он поднял поголовно все население, еще оставшееся в городе, и дал приказ идти и разрушить машины врагов.

И люди бросились из города, как при землетрясении, выполнять приказ Штирнера. Эта атака была неожиданной. И толпе удалось разбить несколько мыслепередатчиков. Но большинство бойцов Качинского вовремя поняли значение бегущей толпы и излучили волны паники. И люди заметались в бешеном хороводе, смешались в водовороте двух излучений, не будучи в силах ни вернуться, ни наступать...

Штирнер и не надеялся на полный успех этой атаки. Ему нужно было только отвлечь внимание для главного удара. Он направлял волны в разные стороны, по кругу, и враги, не защищенные сеткой или неосторожно открывавшие этот неудобный наряд, падали, пораженные параличом, безумием. Этих раненых отвозили в тыл или лечили довольно успешно по способу Качинского. Нападающие не унимались. Их было больше, они поспешно заменяли выбывших из строя, становились у своих мыслеотправительных машин и излучали мыслеволны день и ночь.

Штирнер засыпал на несколько часов в своем изолирующем костюме, но спать долго было опасно. Можно было ожидать физического нападения. Он одел в изолирующие костюмы всех слуг и вооружил их.

Штирнер устал, но не сдавался. Он спешно заканчивал новое усовершенствование своей передаточной машины, которая, по его мнению, должна была привести в негодность машины его врагов.

Война продолжалась несколько дней.

Однажды, передавая мыслеизлучения, парализовавшие воздействие Штирнера, Качинский стоял на автомобиле без изоляционного покрывала. Вдруг он соскочил с автомобиля и куда-то побежал. Зауер, закрывшись с головой изоляционной сеткой, спал на брезенте, а дежуривший Готлиб в первую минуту не придал значения бегству Качинского.

Была темная ночь. Прожекторы не зажигались, чтобы не обнаружить местонахождения мыслепередатчика. Прошло несколько минут, а Качинский не

возвращался. Готлиба стало охватывать чувство беспокойства. Он разбудил Зауера и сообщил ему о бегстве Качинского.

— Что вы наделали! — закричал Зауер. — Неужели вы не поняли, что Качинский попал под направленный луч Штирнера? Он погиб. Сколько времени прошло с тех пор, как он убежал?

— Минут десять. Он спокойно сошел с автомобиля, — оправдывался Готлиб. — Я думал, может быть, он пошел по делу.

— Ну можно ли так опростоволоситься, Готлиб? — Зауер сбросил покрывало — для скорости работы они накидывали на себя только металлические покрывала — и излучил мысль:

«Качинский, вернитесь! Качинский, вернитесь!..»

В тот же момент Зауер соскочил с автомобиля и побежал в темноту.

— Мы пропали!.. — услышал Готлиб удаляющийся голос Зауера.

Готлиб догадался отдать приказ шоферу переехать в другое место, чтобы выйти из зоны воздействия направленного излучения. Спешно он дал мыслеприказ всем передатчикам излучать мысль:

«Качинский и Зауер, вернитесь!..»

Мысль была излучена одновременно двадцатью мыслепередатчиками. Минут через десять из темноты показалась темная, качающаяся вперед и назад согнутая фигура, как будто она шла против сильнейшего ветра. Это был Зауер. Его удалось спасти. Но Качинский, очевидно, слишком близко подошел к очагу лучеизлучения со все усиливающейся мощностью воздействия, и рассеянное излучение идущих наугад мыслепередатчиков уже не смогло вернуть его.

— Скорей покрывало! — вскрикнул Зауер. Готлиб накинул на Зауера металлическую сетку.

— Спасибо, Готлиб. На этот раз вы хорошо сделали. Вы спасли меня... Но если бы вы знали, что я пережил, когда меня дергало!.. Шаг вперед, два назад... Препоганое чувство! Качинский вернулся?

— Увы, нет.

— Бедный Качинский! Он погиб... Погиб не вовремя... Без него мы не справимся со Штирнером.

— Будем продолжать борьбу, Зауер. Мы умеем обращаться с машинами. Наконец, если нам не удастся захватить Штирнера в плен мыслительным приказом, попытаемся напасть на него со старым оружием в руках. Оденем в изоляционные одежды большой отряд, вооружимся до зубов и проникнем к нему в дом. Изоляция сохранит нас от излучения, а пули, к счастью, не поддаются внушению... И мы прикончим его!

Глава 13

«Чертовски интересная ночь»

Качинский, почти падая от усталости, подбежал к дому Эльзы Глюк.

Его, очевидно, ждали. Перед ним раскрылись двери. Прыгая через несколько ступеней, Качинский вбежал на второй этаж и, тяжело дыша, вытирая пот со лба, вошел в кабинет и в изнеможении опустился в кресло.

Дверь из комнаты Штирнера открылась. На пороге появился человек, весь покрытый металлической сеткой с густой металлической вуалью на голове, совершенно скрывавшей черты лица. Это был Штирнер.

— Ваша фамилия? — спросил он.



— Качинский.

— Поляк?

— Русский.

Штирнер помолчал.

— Вы мой пленник, — начал он после паузы. — Вы знаете, что я могу остановить ваше дыхание и вы умрете мучительной смертью от удушья. Я могу сделать из вас покорного раба. Я все могу сделать с вами.

— Я знаю, — ответил Качинский. — И это доставит вам удовольствие?

Штирнер опять помолчал.

— Война не знает пощады, — продолжал Качинский. — Я обречен и знаю это, но вы тоже обречены. И уж если со мной покончено и я лично больше не опасен вам, то позвольте мне, как ученому, обратиться к вам с просьбой.

— Говорите.

— Я хочу осмотреть ваши изобретения. Мне интересно узнать, каким путем шли вы в ваших изысканиях, как сконструированы ваши аппараты.

Штирнер был удивлен. Он подумал немного, потом подошел к Качинскому и протянул ему руку.

Но Качинский не принял рукопожатия.

Штирнер отступил назад и спрятал руку под сетку.

— Вот как! У вас там, в России, все такие герои? — с насмешкой спросил он.

— Я не вижу геройства в том, что отказался пожать вашу руку, — просто ответил Качинский. — Мы стоим на двух полюсах, и моя рука слишком далека от вашей, вот и все.

— Хорошо. Я удовлетворю вашу просьбу и, пожалуй, оставлю вам жизнь до утра, если вы согласитесь дать приказ своим соратникам прекратить излучения до девяти часов утра.

Качинский подумал. В конце концов несколько часов «перемирия» не имеют значения. И потом ему хотелось сообщить своим, что он жив.

— Я согласен.

Штирнер провел Качинского в свою комнату, где была установлена мысле-

излучающая станция.

— А это что такое? — спросил Качинский, обращая внимание на небольшой ящик из проволочной сетки, в котором мог поместиться человек в сидячем положении. — Вы также прошли через это?

— Да, — ответил Штирнер. — Это моя железная клетка, которой я пользовался в своих опытах, чтобы установить наличие электромагнитных волн, излучаемых мозгом.

— Удивительно! — сказал Качинский. — Мы шли одинаковым путем!

— Но разошлись в пути. Извольте излучить приказ вашему штабу.

Качинский сосредоточился перед аппаратом и передал приказ. Штирнер тотчас проверил верность передачи по автоматической записи.

Через четыре секунды та же лента дала ответ.

«Дайте доказательства, что это говорит Качинский», — излучил мысль Зауер.

Качинский передал содержание их последних разговоров, а также бесед в Москве. Видимо, Зауер удовлетворился.

«До девяти часов утра ни одного излучения и нападения не будет. Зауер».

— Ну вот и прекрасно, — сказал Штирнер. — А теперь я запроу вас в кабинете и покажу все свои чертежи. Вы проведете интересную ночь! — Штирнер закрыл дверь кабинета на замок и положил ключ себе в карман. — Садитесь вот здесь, у стола. Мне нужно кое-что передать из моей комнаты.

— Но я надеюсь, что вы не используете перемирия во вред нам?

— Не беспокойтесь. Эта мыслепередача будет частного, так сказать, семейного характера. — Штирнер усмехнулся и прошел в свою комнату.

Где-то внизу зашумел мотор. Через четверть часа Штирнер вышел из комнаты.

— Ну, вот и я! — И, вынув из шкафа пачку с чертежами, он бросил их на стол. — Наслаждайтесь! Здесь вы найдете все, вплоть до плана дома. Вы видите, я не скрываю ничего. Мощные динамо-машины я установил в подвале.

Штирнер замолчал, походил по кабинету, потом, круто обернувшись, спросил Качинского:

— Вы не удивлены моим поведением? Я не убил вас, предложил вам, моему врагу, ознакомиться с моими военными тайнами — вот с этими чертежами.

— Нет, не удивлен. Если вы не убили меня и предоставили возможность ознакомиться с этими планами, значит, на это у вас есть свои соображения. Поэтому я и не спешу выражать ни удивления, ни благодарности за ваш «великодушный» поступок.

— Вы правы. Я поступаю так не из великодушия... — Штирнер помолчал. Он будто колебался, раскрыть ли ему перед Качинским причину своего поведения. Потом он медленно, как бы через силу, сказал: — Я проиграл сражение.

— Разумеется, — быстро ответил Качинский, — вы проиграли. С тех пор как ваша тайна открыта, — а известна она теперь не одному мне, — ваша монополия кончена. Ваша власть раскололась надвое, и дальнейшая борьба...

— Неправда! — крикнул Штирнер и топнул ногой. — Я еще не пустил в ход всех моих средств. Я ушел далеко по сравнению с вами по пути усовершенствования моих приборов. Я имею еще неведомое вам изобретение. Аккумуля-

ция волн и мысли миллионов людей, чудовищные усилители... Если бы я пустил сейчас все это в ход, то я раздавил бы вас, заглушил бы комариное жужжание ваших мыслеизлучений, как сверхмощная радиостанция глушит слабое лепетание радиолилипутов. Я пятидесятитысячная киловаттная станция, а ваши ресурсы по сравнению с моей мощностью...

— И все-таки вы побеждены!

— Не там, где вы думаете. Не в технике...

— А в чем же?

— Я взял на себя ношу не по силам. То, что я затеял, было бессмыслицей. Чтобы властвовать над миром так, как хотел это сделать я, надо было стать излучающей волю машиной. Я же всего только человек. И я изнемог. Я истощил свою волю, истощив чисто физический запас своей нервной энергии. Вот вам одна из причин моего поражения. Теперь все равно. Кончено! Возьмите эти чертежи, используйте их, как хотите, сделайте их общим достоянием.

Штирнер посмотрел на часы и вздрогнул.

— Вот и все. Выполните строго наши условия. Это совершенно необходимо для меня. На всякий случай — уж не посетуйте — я запру вас и, кроме того, оставлю вот этих сторожей. — И Штирнер показал на трех огромных догов тигровой масти. — Они умеют исполнять приказания. Имейте в виду, что при первой вашей попытке проникнуть в мою комнату или попытке к бегству они разорвут вас на части. — И Штирнер вышел из кабинета, заперев дверь снаружи.

Качинский раскрыл большую папку. В ней хранились листки, испещренные математическими вычислениями и формулами, планы, чертежи, схемы. Весь этот условный язык, непонятный для непосвященных, был ясен и понятен Качинскому. Цифры и формулы превращались в мысли, мысли — в образы. Стройные колонны цифр и букв отражали работу железной логики ума, их создавшего. Качинский восхищался оригинальностью замысла, красотой мысли, смелостью построения, как шахматный игрок восхищается партией шахматного маэстро. Качинский скоро углубился в чертежи и забыл обо всем на свете.

Среди вороха бумаг Качинский нашел записную тетрадь. Это было нечто вроде дневника, который вел Штирнер. Беглые заметки, без дат. Отрывки мыслей, наброски схем, сделанные торопливой рукой. Выписки из книг. Домашние счета. Качинский просмотрел несколько страниц.

— Однако это интереснее, чем я думал, — прошептал он и стал поглощать страницу за страницей...

«Новый год. Что принесет он? Был у Гере! Профессор не в духе. Шимпанзе Фриц заболел и поранил Гере руку (укусил).

Читал „Гусеницы на дереве“. Если начать раздражать одну гусеницу так, что она начнет сокращаться, то соседние гусеницы также начнут сокращать мышцы и корчиться. Чем объяснить?

Фрицу лучше. Рука Гере поджила. Старик, кажется, боялся заражения крови. Говорил ему о гусеницах. Только туману напустил в своих „объяснениях“ и ничего не объяснил. Условный рефлекс. Так же, как плачут дети, видя другого плачущего ребенка. Но в том-то и дело, что гусеницы извиваются, если верить сообщению, не видя той, которую раздражают пальцами.

Прачка ограбила: три марки двадцать пять пфеннигов за стирку! Надо бу-

дет поискать прачку подешевле. Не хватило на книгу.

Аррениусу (книгу которого я не могу купить из-за прачки) удалось обнаружить в растворах, содержащих в своем составе соли, кислоты или основания и проводящих хорошо электрический ток, распадение нейтральных в электрическом отношении молекул растворенных солей на заряженные электрически части, которые получили название *ионов* (вот он, ион, — „странник“, отщепившийся электрон)...

Хозяин требует за квартиру. Обещает выселить. Надо будет опять взяться за переводы.

Кормили пуделя под музыку. Я играл на флейте. Закреплял условный рефлекс. После работы профессор Гере совершал свою обычную прогулку и проводил меня. Дорогой он рассказал мне любопытную вещь. Он уверяет, что если взять пару насекомых, самца и самку, разлучить их — самку посадить в маленькую клеточку, а самца вынести за город на значительное расстояние и там выпустить, — то самец прилетит к самке. Как он найдет дорогу? Профессор Гере говорит, что у насекомых хорошо развита зрительная память и что в этом нет ничего удивительного. Многие насекомые (пчелы) обладают такой памятью. Но мне кажется это неправдоподобным. Как только появятся насекомые, сделаю такой опыт, причем я самца понесу за город в закрытой коробке.

Гере вырезал собаке одно мозговое полушарие. Операция, кажется, не совсем удачно прошла. Бедная собака! Воет еще жалобнее, чем выла с обеими половинками мозга. Я впрыснул ей морфий — успокоилась. Я заметил, что успокаивающее действие морфия было периодическим: собака затихала постепенно, паузы между припадками становились все длиннее. Когда же морфий перестал действовать, такая же периодичность наблюдалась и в возобновлении болевых ощущений.

Мне посчастливилось: получил книгу для перевода. Химию. Трудную. Но зато мне выдали аванс, и я удовлетворил своих самых назойливых кредиторов: хозяина квартиры, в том числе и нашей конуры, и лавочника. В химии, оказывается, есть не мало любопытного. Сегодня, переводя, узнал, что во многих химических процессах наблюдается периодичность. Например, если влить в склянку ртуть, а на ртуть налить перекись водорода известной концентрации, то между ртутью и перекисью водорода начнет происходить химический процесс, заключающийся в том, что перекись водорода разлагается на воду и кислород. И как показывает запись, периодически наблюдается замедление и ускорение выделения кислорода. Самое же любопытное то, что на эти *периодические реакции яды и наркотики производят своеобразное действие, как и на человеческий организм!* Не говорит ли это за то, что в организме человека и животного происходят, по существу, совершенно такие же химические реакции? Не удивительно ли — морфий производит на реакции в склянке лаборатории такое же *успокаивающее* действие, как и на собаку, которую мы оперировали?

Разные науки иногда неожиданно сближаются.

Мы производили с профессором Гере опыты, изучая процессы утомления. Утомление глаза. Пурпур, разложившийся на свету, восстанавливается в темноте.

Раздражение нерва можно доводить повторными возбуждениями до из-

вестного предела, затем наступает реакция, и нерв просто перестает реагировать на раздражения. Период чувствительности нерва зависит от полного разложения чувствительного вещества в нем. (Таким чувствительным веществом, например, в глазу оказывается пурпур.)

Что касается нервных центров, расположенных выше спинного мозга, то раздражение их электричеством вызывает периодические „реакции“, не зависящие от периода действующего тока и характера раздражения. Двигательные возбуждения, передаваемые от центра мышцам, происходят от 16 до 30 раз в секунду. (Тоже периодичность, как и в химических процессах.)

Герге находит у меня замечательные способности к дрессировке собак. Пожалуй, если бы я начал выступать в цирке, то заработал бы больше, чем переводами. А до профессуры еще далеко! Да и что даст профессура? Надоела нужда.

12 мая — великий день! Я оставил у себя в маленькой клеточке у открытого окна бабочку-самку, а самца в закрытой коробочке отнес за город и там выпустил. Я очень боялся, что самец попортит крылышки и не в состоянии будет лететь. Они действительно немного пострадали, но бабочка-самец полетела по направлению к городу. Я вернулся, ее еще не было. Но примерно через час бабочка прилетела и начала кружиться перед своей плененной подружкой. Я отпустил обеих на свободу. Я был поражен. Как унесенная мною за город бабочка нашла дорогу обратно? Она была наглухо закрыта и не видела дороги. Герге ошибается. Бабочка вернулась, руководствуясь каким-то неведомым нам чутьем. Что это за чутье? И еще мне вспомнились гусеницы. А они каким чутьем знают, что одна из них судорожно извивается в чьих-то пальцах? Я думал весь день...

И вдруг мне показалось, что я отгадал загадку, что я у порога какого-то огромного открытия. Может быть, это и есть то, что зовут интуицией? Непосредственное, внезапное постижение. Впрочем, постиг я позже. Когда меня „осенила“ мысль, это было еще не „озарение“, а радость, безмерная радость от предчувствия, что сейчас я узнаю что-то важное. В интуиции нет, конечно, ничего таинственного, хотя не все понятно нам. Мне кажется, что интуиция есть тот момент, когда целый ряд впечатлений, мыслей, отрывочных знаний, накопленных, быть может, за большой срок, вдруг ассоциируется — вступает между собой в связь; эта связь устанавливается в мозгу. И все мысли приводятся в систему, объединяются и дают какой-то вывод, какую-то новую мысль. Так по крайней мере было у меня. Теперь я могу проследить, как дошел я до своего открытия. Думая о мотыльках и гусеницах, я, скорее в шутку, подумал о том, что, может быть, они сообщаются по радио. Конечно, у них должна быть своя собственная „природная“ радиостанция. Их усики, быть может, их антенна. Аналогия мне понравилась, и я продолжал думать об этом. Почему бы нет? Две разлученные бабочки могут общаться сигналами. Но какая энергия может передавать их? Хотя бы и электричество! Вспомним аррениусовские химические растворы, производящие ионы, то есть электричество. В организме живых существ происходят сложные химические процессы, сопровождающие работу мышц и главным образом нервов и мозга. В этой работе наблюдается известная периодичность. Значит, нервные центры периодически освобождают или излучают ионы. Эти ионы летят, воспринимаются нервной системой другого существа, и... вот вам и радиосообщение!

Я еще не сделал всех выводов, но чувствовал, что мое открытие глубже, важнее, значительнее, чем простое объяснение того, как встретились две разлученные бабочки. Бабочки только дали новое направление моим мыслям. Быть может, бабочки нашли дорогу друг к другу и без участия радио. Может быть, у них развито обоняние или имеется неведомое нам чувство *направления*. Бабочки теперь могут улетать, разлучаться и встречаться, находя друг друга каким угодно способом. До бабочек мне нет дела. У меня есть более интересные объекты для изучения: животные, человек...»

«Удивительно, — подумал Качинский. — Я и Штирнер пришли к одному и тому же выводу, хотя шли различными путями. Вернее, у нас с ним были различные исходные точки. Но и он и я воспользовались новейшими изысканиями в области химии, физиологии, физики. Если бы мы ничего не знали о радио, об ионной теории, о рефлексологии, то ни он, ни я ничего не изобрели и не открыли бы. Теперь мне понятно, почему ученые, иногда живущие на противоположных концах земли, делают одно и то же открытие, можно сказать, день в день, час в час...»

«...Несколько дней я ходил как помешанный, — писал далее Штирнер в своем дневнике. — Я сделал научное открытие. Говорить или не говорить о нем профессору Гере? Я не утерпел и рассказал, быть может, не совсем связно и толково. Но он, по-видимому, усвоил самую главную мою мысль. Профессор насмешливо посмотрел на меня поверх своих маленьких очков, и его беззубый рот сжался в улыбке, отчего его усы и часть бороды под нижней губой приподнялись, как иглы ежа.

— Вы утверждаете, — сказал он, — что вы, хе... что работающий, то есть мыслящий, человеческий мозг излучает радиоволны и что поэтому можно передавать мысли на расстояние?

— Точнее говоря, передаются на расстояние не сами мысли, а те электро-волны, которые излучаются мозгом. Каждая мысль, каждое настроение „выделяет“ свою особую волну, определенной длины и частоты. Эти радиоволны воспринимаются другим мозгом и „проявляются“ в сознании, как та же мысль или то же настроение, что и у отправителя.

Гере слушал внимательно, утвердительно качал головой и, когда я кончил, отчеканил:

— Чепуха! Не сердитесь, но это чепуха, мой молодой друг. Вы всегда были склонны к поспешным заключениям. И если вы дальше пойдете по этой дороге, то из вас никогда не выйдет серьезного ученого.

— Но почему же чепуха? — обиделся я.

— Потому, что это ненаучно. А ненаучно потому, что это не доказано на опыте. Ну, вот мы стоим с вами в двух шагах друг от друга. Попробуйте передать какую-нибудь мысль мне!

Я немного смутился.

— Для этого надо, чтобы наши „станции“ — мозг и нервы — были одинаковы настроены.

— Ну что же, настройте!

— Настроить их нельзя. — Гере сделал торжествующий жест. — Позвольте, я еще не кончил. Настроить нельзя так, как настраивается радиоприемник. Но у близких людей одинаковая настройка бывает. Разве мало рассказывают случаев...

— О видении на расстоянии, телепатии, спиритизме, столоверчении и прочей чепухе? Берегитесь, мой молодой друг. Вы вступили на очень скользкий путь.

— Но ведь между моей теорией и всей этой чепухой нет ничего общего! Я был огорчен, но не обескуражен.

Опять безденежье... Неужели хозяин выселит меня?

А все-таки я прав. Я не успокоюсь, пока не докажу этому старому грибу, Гере, что я прав. Но как поставить опыт?

Завтра обещают уплатить за перевод.

Эврика! Гере удивляется моей способности дрессировать собак. Он не знает секрета моей дрессировки. Я не строю свою дрессировку на условных рефлексах. Я иду иным путем. Я внушаю собакам.

А секрет этого внушения в том, что я стараюсь очень четко, очень ясно для самого себя представить весь путь и каждое движение, которое должна делать собака, выполняя мой приказ. Вчера был курьезный случай. Гере так надоел мне своей воркотней и своими поучениями, что я подумал: хоть бы Вега (белый шпиц, который до безумия любит Гере) покусала его. Я по привычке ясно представил себе, что Вега бежит к Гере и хватает его за ногу. И что же? Вега действительно подбежала с громким лаем к Гере и разорвала ему брюки. Разве это не передача мысли на расстояние? Гере огорчен и испуган. Поведение Веги настолько резко выпадает из круга всех рефлексов, которые мы привили ей, что Гере серьезно предполагает у Веги начинающееся бешенство. Он посадил бедняжку в изоляционную камеру и наблюдает за ней. Ставит ей воду и очень удивляется, что Вега пьет, как всегда. Мне смешно, а Вега скучает в своем карцере. Но не могу же я объяснить причину ее поступка. Курьезно! Я искал способа доказать Гере возможность передачи мысли на расстояние, а теперь приходится ждать другого случая. Впрочем, этот случай можно создать. Поставлю опыт внушения в присутствии Гере. Пусть Гере сам даст задание, например, чтобы собака пролаяла определенное число раз.

Занял двадцать марок. Уплатил за комнату.

Вега еще сидит. Я пробовал внушить ей через стенку, чтобы она пролаяла три раза. Обычно она верно выполняла мои мысленные приказы. Но теперь мое внушение не действует. Что бы это значило?

Нашел причину. Стенка „карцера“ оббита железным листом, а лист прикасается к канализационной трубе, уходящей в землю. Великолепно. Сама судьба помогает мне и „ставит опыт“: мое мыслеизлучение попадает на железную стенку и уходит в землю через канализационное заземление, не достигая собаки. Если сделать железную клетку, которую можно будет по желанию заземлять или же изолировать от земли, засесть в эту клетку и оттуда делать внушения собаке, то...»

— Удивительно! — прошептал Качинский. — Вот как возникла у него мысль сделать железную клетку!

В дневнике Штирнера был, очевидно, значительный пропуск, так как следующие записи уже относились ко времени службы автора у Карла Готлиба.

«Мой почтенный патрон, Карл Готлиб, — писал далее Штирнер, — очень любит собак. Как это ни странно, собаки „сосватали“ нас и сделали мою карьеру у Готлиба. Я познакомился с ним у Гере. Оказывается, они школьные товарищи и однолетки, чего никак нельзя предположить, глядя на них вместе: Ге-

ре — старый гриб, а Готлиб цветет как херувим. Готлиб очень заинтересовался моими дрессированными собаками и просил заходить к нему. У Гере Готлиб бывает не более раза в год. Поэтому я и не встречался ранее с банкиром. И вот я личный секретарь Карла Готлиба! Он доволен мною, я — им.

Со стариком Гере давно покончено. Я так и не доказал ему на опыте возможности передачи мысли на расстояние. И к лучшему. Я решил работать самостоятельно. Эти старики с именем имеют обыкновение присваивать себе труды молодежи. „В лаборатории Гере были произведены опыты... Под руководством Гере...“ — и кончено. Вся слава Гере. Впрочем, меня интересует сейчас не слава, а кое-что поважнее. Для себя я проделал опыт внушения через железную клетку и бесспорно убедился в том, что мысль сопровождается излучением электроволн. Теперь нужно приняться за изучение природы этих электроволн.

Занят по горло. Вечерами конструирую аппарат для улавливания радиоволн, излучаемых человеческим мозгом. Это должен быть приемник необычайной чувствительности для приема радиоволн очень короткой длины. Приемник будет с диапазоном настройки на длину волны от сорока сантиметров до метра.

Вот схема.

Эльза Глюк! Необычайно интересная девушка. Между нею и нашим юрисконсультантом — никак не запомню его фамилию — что-то не то горькое, не то кислое. А, вот! Зауер! Между Глюк и Зауером существуют какие-то отношения, вполне корректные, но... Жених, может быть? Что нашла она в этом круглолицем?

Неудачи! Приемник не воспринимает радиоволн моей мысли. Переделываю. Теперь работаю по ночам. А вечерами изучаю в университете анатомию и физиологию, но изучаю с точки зрения радиотехники. Необычайно! Человеческое тело, как приемная и отправительная радиостанция! Очень интересно.

Но для того чтобы изучить эту радиостанцию, мне пришлось взяться за изучение радиотехники. Черт возьми, может быть, завтра окажется крайне необходимым взяться за изучение астрономии! Хорошо еще, что теперь квартирный хозяин не надоедает мне своими напоминаниями о долгах. Живу у Готлиба и получаю хорошее жалованье. После своего полуголодного существования чувствую себя Крезом. Имею возможность приобретать необходимые материалы для моих машин.

Эльза Глюк. Глюк — счастье. Кому достанется Глюк? Неужели круглому?

Опять незадача. Слышу какой-то свист, завывания. Неужели это „музыка мысли“? Надо лучше отизолировать комнату от внешнего мира, чтобы не было никаких посторонних влияний.

Наконец-то!..

Глюк не обращает на меня внимания. Фит — живая кукла, хорошенькая, но пустая. Она, кажется, влюблена в Зауера. Но его сердце занято Эльзой. В этом уже нет сомнения. А Эмма? Трагедия!

Идет, идет дело на лад! Ничего нет удивительного. Выражаем же мы свои мысли знаками-буквами в письме, газете. Для меня теперь мысли и чувства имеют иной язык и иную номенклатуру. Длина волны — эн. Частота икс — страх. Чувство страха имеет такую радиоволну. Радость — иную. Я, кажется, скоро буду искусственно изготовлять чувства и рассылать их по радио. Не хо-

тите ли повеселиться или поплакать? Любопытно, что чувства животных имеют электроволны, очень близко напоминающие соответствующие электроволны (страха, радости и пр.) людей.

Нет, это было бы слишком необычайно!!!

Черт возьми! Это же гениально! Я сам себя возвожу в гении. Я сделал маленькую передающую радиостанцию и начал излучать волну, которая соответствует чувству горя у собаки. Теперь мой аппарат очень точно регистрирует электроволны, излучаемые мозгом человека и животных, и у меня составилась целый „словарь“ волн — чувств — мыслей. Так вот, я завел мой „граммофон“ — маленькую передающую станцию — на печальный лад. Она излучала радиоволны собачьей печали. Рядом со станцией я посадил моего Фалька на изоляционном стуле, чтобы радиоволны лучше воспринимались им. И что же? Мой Фальк вдруг загрустил и завыл! Радиоволны собачьей грусти были восприняты им! От радости я схватил моего пса в объятия и закурился с ним по комнате.

Когда я, наконец, пришел в себя, то решил повторить опыт, и посадил пса за перегородкой. Но Фальк уже не выл. Очевидно, радиоволны воспринимаются им только на близком расстоянии. А что, если усилить мощность моей передающей радиостанции?

Я решительно не понимаю Эльзы Глюк. Но почему она так интересуется мной? Быть может, я влюблен в нее? Глупости! Мне не до этого.

Необычайный курьез! Я настроил себя на грустный лад. Мой аппарат записывал излучаемую моей грустью волну. Волна имеет довольно сложное колебание. Затем я ту же волну излучил из моего передающего аппарата, значительно усиливающего передачу. Я настроился на самый веселый лад и начал ждать результатов. Поразительно! Я загрустил и, право же, готов был завывать, как Фальк. Я сам себе передал волны грусти. И ведь удивительнее всего то, что я прекрасно сознавал, что никаких причин грустить у меня нет, что эта грусть „искусственного происхождения“. Можно ли это назвать самогипнозом? Мне кажется, в данном случае имеется нечто иное, чем внушение или самовнушение. Общее с гипнозом только то, что в данном случае, как и в гипнозе, имеется налицо, так сказать, влияние той или иной мысли или настроения. Но здесь это вызывается механически: в нервных волокнах искусственно вызываются те же электрохимические процессы, которые всегда сопровождают данное настроение или мысль, и в результате сознание регистрирует возникновение этого настроения или мысли. Удивительная механика!

Однако как же я буду проделывать дальнейшие опыты? Как мне влиять на других, не подпадая самому под влияние излучения? Для этого два пути: во-первых, направленное излучение и, во-вторых, изоляция (металлическая сетка на голове).

Сетка помогает. Начну работать направленными волнами. Какие антенны для этого удобнее? Пожалуй, вот такого вида. Необходимо построить антенну по типу „фокусных зеркал“, собирающих лучи в определенном фокусе. Таким путем я могу значительно усилить действие излучения.

Я не даю воли своим мыслям, но иногда у меня голова кружится: какие перспективы открываются передо мною! Эльза!..

Вчерашний опыт. Я излучил мысленный приказ Фальку принести мне книгу из другой комнаты. Приказ этот восприняла передающая станция и излучи-

ла. Фальк выполнил приказ. Я отнес книжку на место и повторил механически излучение, то есть сам я мысленно уже не давал никакого приказа, но излучил при помощи передатчика ту же волну, что и при мысленном приказе. Фальк вновь принес книгу. Эти радиоволны записываются аппаратом, как голос на пластинке граммофона. И теперь мне можно будет отдавать повторные приказания одним поворотом рычага.

Сегодня я сделал любопытный опыт. Я попытался мысленно передать свой приказ человеку. У Карла Готлиба живет старый слуга, Ганс. Я мысленно приказал ему прийти в мою комнату. Я сосредоточивал всю силу своей мысли и как бы представлял себя на месте Ганса, мысленно проделывал весь путь от его комнаты до моей — словом, я поступал так, как будто внушал Фальку. Но старик Ганс не шел. Это меня не удивило. Между мною и Фальком давно установился полный „рапорт“ — связь, как говорят гипнотизеры. Притом Фальку я делал мысленные приказания на близком расстоянии. Излучаемые моим мозгом радиоволны слишком ничтожной мощности, чтобы они могли дойти и возбудить аналогичные электроколебания (то есть мысли или образы) в мозгу другого человека. С Гансом мы слишком различные люди. Не мудрено, что его мозг — его приемная станция — не мог воспринять сигналы, посылаемые моим мозгом. Тогда я тот же мысленный приказ отправил, усилив мощность передачи, через мою передающую радиостанцию. Признаюсь, я с большим волнением ожидал, что будет дальше. И, к своему неизъяснимому удовольствию, я услышал шаркающие шаги Ганса: у него больные ноги, и он всегда ходит в мягких туфлях. Он открыл мою дверь, не постучав, чего с ним никогда не было, и вдруг с недоумением и смущением остановился. Что делать дальше, я не приказывал ему, и теперь он не знал, чем объяснить свое появление.

— Простите, но... мне послышалось, что вы звали меня... — сказал он, переминяясь с ноги на ногу.

— Да, да, — поспешил я успокоить старика. — Я хотел узнать, вернулся ли из клуба господин Готлиб.

— Они еще не возвращались, — ответил повеселевший Ганс. Теперь он не сомневался в том, что явился на мой зов. Неприятное ощущение от необъяснимости своих поступков у него прошло.

— Благодарю вас, можете идти, Ганс.

Старик поклонился и вышел. А я?.. Я готов был догнать его и от радости схватить и кружиться с ним по комнате, как я делал это с Фальком, завывшим от грусти.

Опыт удался! А что означает он? То, что я могу повелевать и другими людьми. Я могу заставлять их делать все, что мне хочется. Я могу! Я все могу! Разве это не всемогущество?

Захочу, и люди принесут мне свое богатство и сложат у моих ног. Захочу, они выберут меня королем, императором. К черту корону! Захочу, и меня полюбит самая красивая женщина... Эльза! Нет, нет... Этого я не сделаю. Штирнер, ты теряешь голову! Возьми себя в руки, Штирнер, иначе ты наделаешь глупостей! Штирнер! Давно ли нищий студент, потом аспирант профессора Герре... Средний, рядовой человек, с довольно некрасивым, длинным лицом... И ты мечтаешь о власти, славе, любви только потому, что тебе посчастливилось случайно напасть на интересное научное открытие?!

Вчера мы были на прогулке: я, Эльза Глюк, Эмма Фит и Зауер. Я, кажется,

наговорил много лишнего. Полушутя-полусерьезно я делал Эльзе предложение. Этого и следовало ожидать... Но пусть она не шутит со мной! Впрочем, она и не шутит. Зачем только Зауер смотрит победителем? У меня чешутся руки испытать на нем силу моих мыслепередатчиков».

* * *

«Как давно я не писал! Жена опять хандрит. Надо еще и еще усилить мощность моих передатчиков.

Я затеял крупную игру. Или сверну себе шею, или...

Зачем я не послушался голоса благоразумия? Теперь уже поздно останавливаться, но игра завела меня слишком далеко. Я устал, измотался от вечного напряжения.

Черт бы меня побрал! Лучше бы мне не бросать профессора Гере!

Война!..

Довольно! Устал смертельно. Пора кончать игру...»

Глава 14 Игра окончена

Эльза Глюк сидела в зимнем саду, вся укутанная тонкой металлической вуалью.

Приближалась гроза, и дальние раскаты грома глухо отдавались в соседнем зале. Было душно. Эльза, как всегда, думала о Людвиге и вся встрепенулась, услышав его шаги. Она очень удивилась, когда Штирнер, войдя в зимний сад, вдруг сбросил с себя металлическое покрывало и, подойдя к ней, сбросил такое же покрывало и с нее.

— Сегодня можем отдохнуть, Эльза, от этого неприятного убора. Уф! — и он с облегчением вздохнул.

Эльза давно не видела лица Штирнера и удивилась, как оно изменилось. Нос обострился еще больше, как у тяжелобольного, и еще глубже западали глаза. А волосы на голове и борода сильно отросли.

— Ты так изменился, Людвиг! Тебя трудно узнать! Штирнер усмехнулся.

— Тем лучше. Не правда ли, я похож теперь на старца пустытника? Пойдем, Эльза... Ты сыграешь мне... Я давно не слышал музыки... В последний раз...

Они вошли в зал. Эльза уселась за роялем и стала играть ноктюрн Шопена.

— Подожди, Эльза... Перестань... не то... Можно ли играть эту грустную ласкающую мелодию, когда приближается гроза?.. Ты слышишь раскаты грома? Гроза!.. Она возрождает, освежает одних и несет гибель другим... Сегодняшней ночью Штирнер умрет...

Эльза в волнении поднялась.

— Людвиг, что с тобой? Ты пугаешь меня!

— Ничего... Не слушай меня... Ты еще наслушаешься в эту ночь... Нам о многом надо переговорить с тобой... Играй скорей... Играй Бетховена — похоронный марш на смерть героя. Герой! Ха-ха-ха!

Эльза заиграла.

Штирнер ходил большими шагами по залу, ломая руки.

— Похоронный марш на смерть развенчанного героя... Говорят, Бетховен писал его на смерть Наполеона, но потом разочаровался в нем и назвал марш просто: «На смерть героя». О чем я хотел говорить? — Штирнер посмотрел на



часы и сказал: — Довольно, Эльза. Минуты сочтены. Теперь поцелуй меня, поцелуй крепко, как ты не целовала еще никогда.

...Штирнер оторвался от губ Эльзы.

— Сладкий самообман!..

Часы пробили двенадцать ночи.

— Конец! — тихо прошептал Штирнер.

И в то же мгновение Эльза почувствовала, что с нею творится что-то необычайное.

Как будто сползла с нее какая-то пелена, подобная металлической сетке, которую носила она последнее время. Мысли необычайно прояснились. Она вдруг стала снова прежней Эльзой, какой была до смерти Карла Готлиба. Какие-то чары рушились. С удивлением смотрела она на большой, неуютный зал, утопающий в полумраке. Молния осветила лицо Штирнера, и она вздрогнула, увидев перед собой незнакомое, бородатое лицо.

— Что это? Где я? — спросила он с недоумением. — Кто вы?

Штирнер с болезненным любопытством следил за этой переменной.

— Это зал Карла Готлиба, покойного банкира. Стенографистка Эльза Глюк никогда не была здесь... А перед вами Людвиг Штирнер. Вы не узнали меня? Эльза!.. Я виноват перед вами и не прошу прощения. Единственно, что оправдывает меня, это то, что я действительно любил и... люблю вас... люблю глубоко и искренне...

Эльза опустилась на круглый стул у рояля и, откинувшись назад, почти с ужасом смотрела на Штирнера.

— Не смотрите так на меня, Эльза! — Штирнер потер ладонью лоб, как бы собираясь с мыслями. — Да, я люблю вас. И разве любовь меня первого толкнула на преступление? Я долго боролся с собой. Вы помните наш далекий разговор на прогулке, в лодке? Я тогда говорил о могучей силе, которой владел я. Это были не пустые слова. Я действительно обладал этой силой. Я прежде других открыл способ передачи мыслей на расстояние. В моих руках оказалась сила, которой не владел еще ни один человек в мире. И у меня... закружилась

голова. Самые грандиозные планы носились в моей голове. Пользуясь этой силой, я внушил вам любовь ко мне...

Эльза с ужасом отшатнулась от него.

— Я внушил Зауеру любовь к Эмме. Я двигал людьми, как марионетками, я дергал их за ниточку, и они плясали по моему желанию. Я хотел богатства, и оно пришло ко мне. Но пока я не убедился вполне в моем всемогуществе, я был осторожен. Я шел окольными путями. Кривая! Она вернее ведет к цели. И об этом я говорил тогда, в лодке. Чтобы не возбудить подозрения против себя, я сделал так, что наследство Готлиба получил не я, а получили его вы, а я... получил вас с хорошим приданым! Ха-ха-ха!..

Расширенными глазами Эльза смотрела на Штирнера.

— Я наделал много зла людям. Но не думайте, что зло само по себе доставляло мне удовольствие. Я хотел стать великим. Мне казалось, что власть моя беспредельна. Довольно было мне захотеть славы, и люди стали бы рукоплескать мне, воспевать мои самые бездарные произведения. Но ведь это было бы в конце концов самовосхвалением, тем же самым самообманом, как и внушенная вам любовь ко мне.

И вдруг, опустив голову, с тою же горечью в голосе он продолжал:

— Я похож на Тора. Эльза, вы помните скандинавскую сагу о боге Торе? Он считал себя всемогущим, как я. Как-то забрел он в страну, где жило племя великанов. Они стали смеяться над его небольшим ростом. Тор рассердился и предложил им испытать его силу. Великаны сказали: «Выпей воду из этого рога». Он пил без конца и не мог выпить. Великаны предложили ему бороться со старухой, но он не мог победить ее, хотя от напряжения по колена ушел в землю. Рог был соединен с морем, даже бог Тор не в силах выпить море. А старуха была сама смерть. И я, как Тор, хотел выпить море, я один хотел повернуть историю человечества, навязать свою волю миллионам «капель» человеческого океана. При помощи своих машин я хотел создать нечто вроде «фабрики счастья», но я создавал только грубые суррогаты.

Штирнер нервно посмотрел на часы.

— Я, кажется, говорю не то... Так много надо сказать... Эльза, если бы вы знали, как я страдал, загнанный как зверь в темный угол, окруженный бесчисленными врагами, всегда настороже, в постоянном, неослабевающем нервном напряжении.

Если бы хоть один друг, — искренний, преданный друг был около меня... Если бы вы любили меня не искусственной, мною созданной любовью! Быть может, я бы еще боролся. Но я был одинок. Я устал... Я бесконечно устал!..

Штирнер умолк, опустив голову.

Эльза смотрела на Штирнера и думала, что в этом бледном, измученном лице нет ничего таинственного, страшного. Это лицо неврастеника, переутомленного человека. Что же представляет собой Штирнер? Быть может, талантливого изобретателя и экспериментатора, но заурядного человека, который случайно открыл способ подчинять себе волю других людей и почти обезумел от своего «могущества». Он наделал тысячи глупостей и, не победив «мира», сам был раздавлен непосильной тяжестью, которую он взвалил на себя. Это Эльза поняла скорее чувством, чем умом. Она видела перед собою не героя трагедии, не сверхчеловека, а просто страдающего человека, который жестоко расплачивается за свои ошибки. Такой Штирнер был понятнее ей и возбудил

в ней жалость.

— Вы должны были очень страдать! — тихо сказала она.

— Благодарю вас! Эти слова участия для меня дороже, чем искусственно внушенные поцелуи!.. Да, я смертельно устал. И я... — Штирнер сделал паузу и глухо проговорил: — Я решил отказаться от борьбы. Я решил покончить со всем, покончить и с самим Штирнером.

Он снова вынул часы и посмотрел на них.

— Штирнеру осталось жить всего несколько минут.

Эльза в ужасе смотрела на него.

— Вы приняли яд?

— Да, принял, но яд не совсем обычный. Сейчас вы узнаете об этом... Но прежде чем покончить со Штирнером, я решил хоть немного искупить вину перед вами. Я вернул вам ваше прежнее сознание. Я внушил вам в одиннадцать часов ночи, что ровно в двенадцать вы станете прежней Эльзой. Вся искусственная жизнь спадет с вас, как шелуха. Будьте свободны, будьте сами собой. Устраивайте жизнь, как хотите, любите кого хотите, будьте счастливы...

Эльза глубоко вздохнула.

— А Штирнер? Что делать со Штирнером, которому честные люди отказываются пожать руку? — продолжал он. — Штирнер должен умереть. Я отдал приказ моей мыслепередающей машине. Я поставил ее на полную мощность. Ровно в час ночи, — Штирнер опять посмотрел на часы, — всего через шесть минут, она излучит этот приказ, посланный от Штирнера — Штирнеру. И Штирнер забудет о том, что он Штирнер. Он потеряет свою личность. Он забудет обо всем, что было в его жизни. Это будет новый человек, наделенный новым сознанием. Это будет Штерн. Штерн уйдет отсюда туда, куда ему приказал идти Штирнер. И Штерн даже не будет подозревать, что в железной клетке его подсознательной жизни будет влачить существование скованный Штирнер!.. Это смерть... Смерть сознания!

— Но вас могут поймать? — с невольной тревогой спросила Эльза.

— Кто узнает в этом анахорете Штирнера? В таком виде, с бородой, меня никто не видал. Я все обдумал заранее. Сегодня ночью излучения врагов не будет. А если бы они и были, они не опасны для какого-то Штерна. Излучения направлены и должны поражать сознание Штирнера. Его больше не будет!..

Эльза расширенными глазами смотрела на Штирнера. Перед ней должна была произойти тайна какого-то перевоплощения.

— Еще одно, Эльза. Когда я уйду, здесь все пойдет вверх дном. От вас, наверно, отберут все ваше имущество. Я позаботился, чтобы вы не нуждались. Вот здесь, — Штирнер протянул Эльзе пакет, — вы найдете деньги на дорогу и адрес одного человека, на имя которого я перевел крупную сумму денег. На ваше имя держать их опасно. Он получил крепкое внушение, и деньги будут в целости. Поезжайте туда. Это очень далеко. Но тем лучше. Вам надо отдохнуть от всего пережитого. Пора! Прощайте, Эльза!..

— Подождите, один вопрос... скажите, Штирнер, вы... виноваты в убийстве Карла Готлиба?

Часы пробили час. Вдруг по лицу Штирнера прошла судорога. Глаза его закатились, стали мутными. Он ухватился за край рояля, тяжело дыша.

Эльза с замиранием сердца следила за этой переменной.

Штирнер вздохнул и постепенно стал приходить в себя.

— Ответьте же, Штирнер, на мой вопрос!

Штирнер посмотрел на нее с полным недоумением и сказал каким-то новым, изменившимся, спокойным голосом:

— Простите, сударыня, но я не имею чести вас знать и не знаю, о каком вопросе вы говорите. — Потом Штирнер поклонился и размеренным, незнакомым шагом вышел из зала.

Эльза была потрясена. Штирнера больше не было.

Глава 15 У разбитого аквариума

Эльза совсем не спала в эту ночь. Уже рассветало, а она все сидела на том же месте, у рояля. События этой ночи потрясли ее. Она разбиралась в том сложном запутанном клубке, в том хаосе, который внес в ее сознание Штирнер. Она вспомнила все, что пережила со времени смерти Карла Готлиба: свое неудачное бегство от Штирнера, неожиданную любовь к нему, поездку в Ментону. Но вспомнила, как о чем-то чужом, как будто все это прочла она в романе. Так же ясно вспомнила она и то время, когда она была невестой Зауера. Но что-то и в этой картине прошлого изменилось. Думая о Зауере, она чувствовала, что еще любит его. Но любит как-то иначе: образ Зауера потускнел. Что с ним стало? Изменился ли он? Что он вообще за человек?.. К своему удивлению, Эльза поймала себя на мысли, что, в сущности, она не знала Зауера. Как сложатся теперь их отношения? Ее размышления были прерваны неожиданным появлением Эммы. Эмма была в дорожном костюме, усталая, побледневшая.

— Эльза! — крикнула она и бросилась со слезами к подруге.

— Здравствуй, Эмма! Отчего же ты плачешь? Почему не предупредила о приезде? Где твой мальчик? — забросала Эльза вопросами плачущую Эмму.

— Малютка там, внизу, с няней. Отто бросил меня и не оставил даже денег. Я продала платья и кое-какие безделушки и собрала на дорогу.

— Оставил без денег, с ребенком?

— Он совсем сошел с ума. Я чувствовала себя такой несчастной и одинокой. У меня никого нет, кроме тебя... — И вдруг с новым припадком истерического плача Эмма прерывающимся голосом заговорила: — Не отнимай у меня Отто! Он любит тебя. Он хранит твою карточку и смотрит на нее. Я совсем не следила за ним, я вошла случайно, но он грубо прогнал меня... Он любит тебя!.. Не отнимай его. У тебя все есть, ты такая счастливая. У тебя есть богатство, ты любишь Людвига, зачем тебе еще Отто?..

Эльза улыбнулась краем губ, но глаза ее оставались печальными. «Бедная Эмма, — думала Эльза, глядя на изменившееся, похудевшее лицо подруги. — Куда девался ее румянец во всю щеку, серебристый смех? Бедная куколка, что сделал с нею Отто? Неужели он такой бессердечный?»

— Я не счастливей тебя, — серьезно сказала Эльза, гладя рукой растрепавшиеся волосы Эммы, — у меня нет богатства, я больше не люблю Штирнера, и Штирнера больше нет...

Эмма от удивления на минуту забыла о своем горе.

— Он умер? Почему же ты не писала мне об этом? И разве мертвых не любят? Сколько новостей!..

Эльза опять улыбнулась.

Лицо Эммы сделалось печальным.

— Это значит, — всхлипывая, начала она, — это значит, что ты призналась ему в любви к Отто, и Штирнер в отчаянии убил себя. Значит, ты отнимешь у меня Отто?

— Успокойся, глупенькая девочка, — ласково сказала Эльза, — я не отниму у тебя твоего Отто. Ведь он твой муж и отец твоего ребенка.

— Это ничего не значит! — ответила Эмма. — Он говорил, он говорил не раз, что вся его любовь ко мне была одним чертовским наваждением, что если бы не это наваждение, он никогда не полюбил бы такую дуру. И такой брак, говорит он, можно расторгнуть. А если Отто говорит, это верно. Ведь я действительно глупенькая. Но только... ведь и глупенькие хотят счастья! — И она опять заплакала. — Ведь любил же он меня такую, какая я есть! А потом... потом он стал будто мстить мне за то, что любил меня.

И Эмма, прерывая разговор плачем, подробно рассказала Эльзе историю своей любви. Она слишком долго страдала в одиночестве и теперь говорила обо всем, что наболело, о грубости, придирчивости Отто, о его насмешках, издевательствах, оскорблениях.

Эльза слушала, и ее сердце невольно холодело. Отто вставал перед нею в новом свете. Это уже не было «наваждением». Он так поступал уже после того, как освободился от власти Штирнера.

Он мог разлюбить Эмму. Но неужели у него не хватало такта, корректности, наконец, простой порядочности, чтобы удержаться от такого обращения с женой? И, вспоминая уже о своей любви к Зауеру, Эльза подумала: «Неужели прав Штирнер в том, что мы лишь слепые игрушки инстинкта, который может заставить полюбить человека с ослиной головой? Ужасно!..»

Эльза слушала подругу, думая о своем, и прислушивалась ко все увеличивающемуся шуму во втором этаже.

«Что бы там могло быть?»

А там происходил последний акт борьбы.

Вооруженный отряд в защитных металлических костюмах, во главе с Зауером и Готлибом ворвался в дом Эльзы.

Зауер ударял рукояткой парабеллума в дверь кабинета и кричал:

— Откройте, Штирнер, или мы взломаем дверь!

Неожиданно нападающие услышали доносившийся из кабинета голос Качинского и лай собак.

— Штирнера нет, а я открыть дверь не могу. Штирнер, уходя, запер ее снаружи и приставил собак.

— Это вы, Качинский? Вы еще живы? — Обратившись к солдатам, Зауер приказал: — Ломайте двери!

Несколько дюжих плеч навалились на дверь, и она затрещала. За дверью послышался неистовый лай догов. Доги просунули в образовавшиеся проломы оскаленные, покрытые пеной морды.

Несколько выстрелов уложили собак на месте.

— Зачем же убивать животных? — послышался спокойный голос Качинского.

— А вы предпочли бы, чтобы собаки разорвали нас? — проворчал Зауер, пролезая в образовавшуюся брешь. Он был удивлен, увидев, что Качинский спокойно сидит за столом; подперев голову руками, изобретатель сосредото-

ченно рассматривал чертежи.

— Где Штирнер? — спросил Зауер.

— Не знаю, — ответил Качинский, не поднимая головы, — он обещал меня утром ослепить, удушить или что-то в этом роде, но, вероятно, забыл или занят чем-нибудь... — Хлопнув рукой по чертежам, Качинский воскликнул: — Вот великолепная штука! Штирнер не обманул. Я провел чертовски интересную ночь! Этот Штирнер прямо гениален. Схемы антенны усилительного устройства с трансформаторами и катодными лампами и схема индукционной связи с колебательным контуром антенны...

Зауер и Готлиб переглянулись: неужели Штирнер отнял у Качинского разум?

— Нужно обыскать все здание сверху донизу и поставить караулы у мыслепередающих станций, — сказал Зауер.

Осмотр начали с комнаты Штирнера, где помещалась одна из мыслеизлучающих станций. Вторая такая же станция находилась в другом конце дома, рядом со «зверинцем».

Станция не работала.

— Ну что ж, господа, я думаю, теперь безопасно. Можно снять наши защитные маски, — сказал Готлиб и первый снял со своей головы сетку. Его примеру последовали другие. Среди пришедших было несколько старых знакомых Готлиба: прокурор, начальник полиции и «железный генерал», который принимал участие в военной экспедиции против Штирнера «в целях изучения новых методов ведения войны».

Он разводил руками, как бы оправдываясь в своих прежних неудачах военной экспедиции против Штирнера, и говорил:

— Кто же его знал, что на Штирнера надо идти с дамскими вуалями на голове? — И, нахмутив свои большие седые брови, он печально сказал, указывая на Качинского: — Теперь вот они будущие полководцы, вы, господа инженеры. Наша песенка спета! Что мы сделаем штыком, если эта штука может повернуть штык в любую сторону? — и он с недоброжелательством указал на машину, видневшуюся через дверь комнаты Штирнера.

— Однако надо оповестить всех, что орудия мысленного воздействия нами захвачены. — И Зауер прошел в комнату Штирнера. — Фу, черт, — проворчал он, глядя с недоумением, на незнакомую конструкцию машины. — Качинский, — позвал он на помощь изобретателя, — вы понимаете в этом что-нибудь?

Качинский подошел к машине и стал уверенно поворачивать рычаги. Машина заработала.

— Нужно послать излучение, которое освободило бы всех пораженных Штирнером, — сказал Качинский.

— Правильно! — ответило несколько голосов. И Качинский принялся «лечить на расстоянии», как выразился кто-то из стоящих в комнате.

— Ну что? — спросил Зауер одного из солдат, обыскивавших подвальное помещение.

— Штирнер не найден! — ответил он.

— Ищите в первом этаже! Обыщите каждую щель!

— Виноват, господин прокурор, — обратился Качинский к прокурору, — могу ли я взять эти чертежи? Штирнер передал их мне...

— Сейчас я ничего не могу разрешить трогать и брать отсюда. Все это является следственным материалом. Потом, может быть...

— Очень жаль! — ответил Качинский.

«Хорошо, однако, что я успел ознакомиться со всем этим и записать важнейшие формулы. Обойдемся и без чертежей! — подумал Качинский. — А они, пожалуй, и в формулах не все поймут».

— Я также хочу обратиться к вам с просьбой, господин прокурор, — сказал Готлиб. — Необходимо вызвать дополнительный отряд для охраны подвала, в котором хранятся огромные ценности. Я полагаю, что настаивать на этом я имею право, поскольку я являюсь законным наследником. Думаю, что теперь вопрос о нашем праве на наследство ни в ком не вызовет сомнения.

— Ваши права — вопрос будущего, — ответил прокурор. — Но против усиленной охраны я ничего не имею.

Зауер все больше хмурился, слушая этот разговор. Он подошел к Готлибу и язвительно произнес:

— Не слишком ли вы забегаете вперед, господин Готлиб? Как вам должно быть хорошо известно, суд присудил наследство в пользу Эльзы Глюк, и решение вошло в законную силу.

— Но оно может быть пересмотрено ввиду вновь открывшихся обстоятельств! — И, вдруг вспыхнув, недавний союзник крикнул: — Да вы с какой стати вмешиваетесь в это дело? Довольно морочили всех! Если вы еще раз станете на моей дороге к наследству, я потребую, чтобы вас арестовали. Вы выступали от имени Глюк и, значит, являетесь соучастником преступления!

— Но вопрос о причинах лишения наследства вашего почтенного родителя... — горячился Зауер.

Спор их был прекращен появлением Кранца.

— Ого! — в волнении размахивал он руками. — Вот оно самое! Вот где мы с вами, Готлиб, брили господина Штирнера, и чистили его платье, и, кхе... получили на чаек с его милости! Помните, ваше превосходительство, вещественное доказательство, которое я преподнес вам в тюрьме, — обратился он к прокурору, — монетку помните? Это самое и есть мое преступление. Цена крови, так сказать. Вместо того чтобы убить, я почистил платице у господина Штирнера!

— Никто не поставит вам в упрек этого преступления, Кранц. Довольно вы насиделись, теперь вас ждет серьезная работа. Клетку мы захватили, но птичка улетела. Штирнера нет.

— Найдем, найдем! Из-под земли выроем! — весело сказал Кранц, потирая руки.

— Печальные новости, — послышался голос Качинского. Он отложил трубку телефона и сказал: — Сейчас телефонировали с одного завода, что как только прекратилось действие влияния Штирнера, сотни рабочих упали замертво, очевидно наступила реакция после ужасного переутомления, в котором держал их все время Штирнер. Требуется немедленная помощь.

Зауер, хмурый и злой, вышел из комнаты и поднялся на третий этаж. В зимнем саду он застал Эльзу и свою жену.

Эмма бросилась к нему с радостным криком:

— Отто!

Но он грубо оттолкнул ее.

— Откуда ты? — хмуро спросил он жену. — Уйди, мне надо поговорить с фрау... Штирнер.

Эльза с упреком посмотрела на него, Эмма со слезами на глазах — на Эльзу, как бы говоря: «Видишь, как он относится ко мне?»

— Ну? — сказал Зауер, сурово глядя на жену.

Эмма вздохнула и послушно вышла.

— Отто Зауер, я не узнаю вас, — с упреком сказала Эльза.

— Она мое несчастье! Я не знаю, как отделаться от нее, — с раздражением сказал Зауер — Вы должны знать, что моя любовь к ней была искусственно вызвана Штирнером.

— Это не дает вам права так относиться к ней. Она не виновата ни в чем, и она любила вас раньше не по приказу Штирнера.

— Какое мне дело до нее? — так же раздраженно ответил Зауер. — Где Штирнер?

— Он ушел.

— Куда?

— Я не знаю. Он не сказал мне, но в доме его нет наверно.

— Вы лжете! Вы скрываете его!

Эльза встала.

— Послушайте, Зауер, если вы не оставите этот тон, я сейчас же уйду.

Зауер заставил себя успокоиться и сел рядом с Эльзой.

— Простите меня, Эльза, — почти ласково сказал он. — Я слишком изнервничался за это время. Вы говорите, Штирнера нет. Вы, значит, свободны?

Эльза в ответ кивнула головой.

— Что же мешает нам теперь быть вместе?

— Зауер, но ведь у вас ребенок, жена...

— Не говорите мне о ней, Эльза!

Он взял ее руку. Эльза нахмурилась и тихо, но решительно отняла свою руку. Не только жена и ребенок отдаляли ее теперь от Зауера. Новые черты характера Зауера делали его чужим. А может быть, это и не новые черты; может быть, эта грубость и черствость всегда жили в нем под покровом холодной корректности, и она раньше только не замечала их?

И еще одно удерживало Эльзу. Штирнер, каким она узнала его в последнюю ночь, поразил ее воображение. Он был преступен. Он учинил насилие над свободой ее воли и чувств, но он прошел через ее жизнь, оставил след. И та бездна страдания, которую он открыл перед нею в последнюю ночь, не могла не взволновать ее. Вернув ей свободу, он показал, что доля порядочности еще сохранилась в нем.

Зауер не понимал, что творится в душе Эльзы, и думал, что в ней говорит лишь женская стыдливость.

Он сделал новую попытку взять ее за руку и начал говорить, все более увлекаясь:

— Скажите «да», Эльза, и мы будем счастливы. Мы оба много страдали и заслужили право на счастье. И еще, Эльза, вы помните, я радовался, когда вы отказались от наследства, потому что я боялся потерять вас? Я думаю, что теперь оно не будет стоять стеной между нами. Штирнера нет. Что мешает вам воспользоваться вашим правом? Готлиб? Мне не страшен этот щенок!

Эльза посмотрела на Зауера и вновь отняла свою руку. Во взгляде Эльзы За-

уер заметил удивление и страх.

— Не думайте, что во мне говорит корыстолюбие! — поспешил он оправдаться, по-своему поняв этот страх. — Нет, я люблю вас, только вас, а не ваше богатство. Но будьте же практичны. Поймите, что рай в шалаше — мечта поэтов. Подумайте о своем будущем. Дайте мне доверенность, и я ручаюсь, что спасу по крайней мере часть вашего состояния в размере оставленного вам наследства.

Эльза встала и подняла руки, как бы защищаясь.

— Нет, Зауер, нет! Не говорите мне о наследстве! Я не хочу переживать еще раз все эти ужасы, всю эту грязь... Прекратим этот разговор... Я так устала... Я не спала всю ночь и еле стою на ногах...

— Но это не последнее ваше слово? — спросил Зауер вслед удаляющейся Эльзе.

Она быстро ушла, ничего не ответив.

Эльза вбежала в свою комнату и обняла плачущую Эмму.

— Не плачь, моя девочка! Я не отниму от тебя Отто, но боюсь, что тебе не удастся вернуть его.

— Ты думаешь? — спросила Эмма, беспомощно взглянув на Эльзу.

— Может быть, потом... — сказала Эльза, чтобы утешить подругу, хотя и не верила в это возвращение. — А теперь нам с тобой надо отдохнуть. Я не оставлю тебя. Мы поедем далеко, чтобы забыть обо всем. Не плачь! Тебе надо беречь себя. И ты совсем не одинока. У тебя есть сын, мы будем вместе воспитывать его. В нем ты найдешь свое счастье.

— Да, поедем. Не оставляй меня, Эльза!

Зауер продолжал сидеть в зимнем саду, перед аквариумом, опустив голову, хмурый и злой.

— О черт!.. — вдруг крикнул он и неожиданно для себя ударил кулаком в стеклянную стенку аквариума.

Стекло разбилось, вода вылилась, и рыбки, опустившись на дно, жадно открывали рты и били хвостами по сырому песку...

Часть третья

Глава 1 Домик у моря

Листья пальм, колеблемые ровным береговым ветром, мерно покачивались, как огромные веера, приводимые в движение невидимой рукой. Несмотря, на ранний час, солнце палило немилосердно. От пальм ложились на землю иссиня-черные тени.

Небольшой дом с плоской крышей и широкой верандой, выходящей на берег океана, стоял на склоне горы. За домом начинался тропический лес. Пальмы густо обступили дом, укрывая его от зноя широкими листьями. Живая ограда из колючих растений опоясывала участок вокруг усадьбы.

Дом стоял особняком. За невысоким горным кряжем находился небольшой городок.

На веранде за утренним кофе сидела молодая русоволосая женщина в летнем белом костюме и в плетеных туфлях местного изделия на босу ногу.

— Еще чашку прикажете? — спросил старый слуга в белой блузе, белых шароварах и таких же плетеных туфлях.

— Нет, Ганс, благодарю вас. Можете убирать кофе. Как ваши ноги, Ганс?

— Благодарю вас, отлично. Это солнышко прекрасно излечило меня. Еще немножко, и я буду танцевать!

— Фрау Шмитгоф дома?

— Ушла за провизией. Скоро должна прийти. Вам что-нибудь нужно фрау?

— Нет, благодарю вас, ничего.

Ганс вышел.

Эльза вздохнула, взяла веер, сделанный из пальмового листа, повернула легкое плетеное кресло к океану и, тихо махая веером, стала смотреть на сверкающую в утренних лучах солнца поверхность воды.

Прошло три года с тех пор, как поселилась она здесь вместе с Эммой, ее маленьким сыном и фрау Шмитгоф, которая упросила взять ее с собой.

Первое лицо, которое она встретила здесь, был Ганс, старый слуга Карла Готлиба. Он и был тем доверенным человеком, которому Штирнер перед своим уходом вручил заботы об Эльзе.

Штирнер постарался «закрепить» верность Ганса мыслеизлучением большой силы. Штирнер тогда достиг большого успеха в мысленном внушении на продолжительный срок, — он сам готовился внушить себе «перевоплощение личности» на всю жизнь. Ганс был первым опытом в этом направлении. Когда опыт с Гансом был закончен и по испытанию дал вполне прочные результаты, Штирнер улыбнулся, довольный своей работой.

«Как легко теперь делать людей верными и честными!» — подумал он, отпуская Ганса.

Но эта искусственно закрепленная внушением верность была только предосторожностью. Ганс, по всей вероятности, и без внушения остался бы верен и точно выполнил бы все приказания Штирнера. На имя Ганса была положена крупная сумма в банке ближайшего города. Но полной хозяйкой денег и дома была Эльза. Ей очень нравился этот укромный уголок, далекий от шумных центров и всего, что могло ей напомнить прошлое. Она хотела одного: чтобы о ней скорее забыли.

Их переселение сюда было похоже на бегство. Они никому не сказали, куда едут, уехали внезапно, без предупреждения, а здесь даже переменяли свои фамилии. Эльза стала называть себя Беккер — по фамилии доброй старушки, приютившей и воспитавшей ее в детстве. Эмма приняла девичью фамилию своей покойной матери — Шпильман. Только Шмитгоф оставила прежнюю фамилию.

— Я слишком привыкла к своей фамилии и буду путаться, если перемену ее. И потом... может быть, это незаконно, и я боюсь ответственности, — говорила она.

Маленькая колония жила тихой и мирной жизнью. Боясь быть открытыми, они ни с кем не переписывались и даже не получали газет. Шмитгоф и Ганс вели небольшое хозяйство. Чернокожая нянька помогала Эмме ухаживать за ребенком. Два негра работали в саду и в огороде и присматривали за парой лошадей и ослом. Но в лошадях почти не было надобности. Изредка Эмма ездила с сыном кататься. Обычно же они ограничивались пешими прогулками по берегу океана.

Все так загорели, что их трудно было узнать. Особенно маленький Отто, или Крепыш, как его звали. Темноволосый, курчавый, почти всегда голый, бронзовый от загара, он совсем походил бы на мальчика-туземца, если бы не европейские черты лица.

Эмма в первое время несколько скучала без привычной обстановки большого города, но скоро втянулась в новую жизнь. Сквозь загар на ее щеках проступал прежний румянец, и ее смех теперь часто сплетался со смехом ее ребенка, как два звонких колокольчика, наполнявших звоном весь небольшой дом. Вечером Эльза иногда играла на рояле: от этой культурной привычки она не могла отказаться. Ребенок засыпал. Эмма усаживалась у ног Эльзы на циновке и замолкала.

Каждая из них думала о своем.

Эльза вставала позже. За утренним кофе она с немой улыбкой прислушивалась к веселым голосам, звеневшим у берега океана.

Крепыш пропадал на берегу все дни.

Он собирал раковины и камешки, ловил крабов, бросал обратно в воду мелкую рыбку, выкидываемую на берег волнами океана.

Трусиха Эмма первое время боялась всего. Боялась, что океан в бурю смоеет их домик, боялась скорпионов, змей, которые могли вползти в дом, боялась львов. Львы действительно водились здесь, но далеко, в глубине леса. Они никогда не подходили близко к дому. Только раз или два обитатели дома слышали их отдаленный рев. И Эмма в ужасе будила Эльзу... Но потом она привыкла ко всему.

Эльза медленно махала веером, следя за белой яхтой, показавшейся в океане, у входа в залив. По заливу нередко шныряли пироги туземцев-рыболовов. Появление европейского судна было событием для обитателей этого уголка. Океанские пути лежали в стороне. Небольшие суда появлялись иногда на горизонте, но они или шли мимо, или заходили в порт соседнего городка. На этот раз белая яхта заворачивала в залив.

Эльза испытала неприятное чувство человека, опасющегося, что его покой и обычный уклад жизни могут быть нарушены.

Яхта, мерно покачиваясь, приближалась к берегу.

На яхте развевался красный флаг.

«Странно», — подумала Эльза.

Между тем яхта пристала к берегу.

Слышно было, как заворчала якорная цепь; паруса опустились, и яхта закачалась на месте. В шлюпку спустились два матроса и три человека в белых костюмах с пробковыми шлемами на голове. Шлюпка отчалила. Вот трое в белом вышли на берегу у того места, где находилась Эмма с ребенком и черной няней. Голоса-колокольчики умолкли. Крепыш прижался к матери и с испугом смотрел на незнакомых людей. Матросы вынимают из шлюпки тюки и по пояс в воде переносят и складывают их на берегу. Мужчина в белом подходит к Эмме с поклоном, и снимает пробковый шлем, что-то говорит и показывает на тюки. Эмма кивает головой. Матросы и трое в белых костюмах развязывают тюки, вынимают колья, брезент, веревки. Они разбивают палатку. Этого еще не доставало! Почему именно здесь?

Эмма что-то говорит няне, которая берет ребенка на руки, и они трое быстро поднимаются по каменистой дорожке к дому.

Эльза все быстрее машет веером и в нетерпении ожидает их. Эмма опережает няню с ребенком и почти бежит к веранде. Эльза видит взволнованное, побледневшее лицо Эммы и неизвестно почему начинает волноваться сама.

— Кто это? Что им здесь нужно? — спросила Эльза подругу, взбегавшую по легким ступеням лестницы в густую тень веранды. От быстрого подъема на гору, усталости и волнения Эмма не смогла справиться с дыханием. Пряди волос прилипли к ее влажному лбу.

— Птицы сегодня не достала, но купила хорошей рыбы! — услышала Эльза за собой голос фрау Шмитгоф, вернувшейся с провизией.

— Кто эти люди? — повторила свой вопрос Эльза, не отвечая Шмитгоф.

— Приехал Штирнер и с ним еще двое каких-то... — ответила Эмма, глядя испуганно на подругу.

Эльза побледнела, выронила веер из рук и откинулась на спинку.

— Не может этого быть! Ты ошиблась, Эмма.

— Он, он! Уверяю тебя, это он! У него, правда, сильно изменилось лицо, но это он. Его глаза нельзя забыть! А с ним двое каких-то неизвестных. Один помоложе, а другой пожилой, с усами.

Наступила пауза. Эльза была глубоко взволнована.

Она стала дышать так часто, будто не Эмма, а она только что вбежала на гору.

— О чем он говорил с тобой? — спросила Эльза.

— Они приехали на охоту и просили разрешения разбить палатку. Штирнер почему-то назвал себя Штерн.

— Штерн! — вскрикнула Эльза. — Да, это он, сомненья нет.

— Почему он Штерн? — спросила Эмма.

Эльза на минуту задумалась, потом сказала:

— Он переименовал имя, так же как и мы...

— Ты знала это и молчала? — с упреком сказала Эмма.

— Я не думала, что мы встретимся когда-нибудь с ним. У него больше оснований забыть свое прошлое и не открывать его, чем у нас. И потому я прошу тебя, Эмма, и вас, фрау Шмитгоф, предупредите также и Ганса, что если Штирнер явится сюда, никто из нас не должен называть его прежним именем и не

подавать виду, что мы знали его. Как бы он ни был виноват, он уже не тот. Он покончил со своим прошлым, и мы должны сохранить его тайну.

— А если эта тайна известна его спутникам?

— Не думаю...

— А если Штирнер сам выдаст себя, узнав нас? Я думаю, что, увидя тебя, Эльза, он не сохранит спокойствия. Это будет так неожиданно! — И, всплеснув руками, она по-детски воскликнула: — Как интересно! — И тут же озабоченно добавила: — Если только он опять не наделает никаких бед...

— Не беспокойся. Он не наделает бед. И он никого из нас не узнает, в этом ты можешь быть совершенно уверена. Ведь не узнал же он тебя. Разве только меня... немножко... как случайную знакомую, — добавила она, как будто вспоминая о чем-то. — Но, может быть, они и не придут сюда?

— Придут, наверно придут, — сказала Эмма. — И вот почему. Штирнер сказал мне: «Надеюсь, что мы вас ничем не побеспокоим. Но если среди ваших слуг есть туземец, знающий местность, мы будем очень просить вас разрешить нам взять его в проводники на день-два». Идут, идут сюда! — вдруг закричала она. — Меня уж все равно они видели такой растрепанной дикаркой, — безнадежно махнула рукой Эмма, — а ты иди хоть переодень туфли да чулки натяни! Нельзя же так. Ведь Штирнер, тьфу, Штерн, Штерн, Штерн как-никак был твоим...

Эльза не дослушала, быстро поднялась и ушла к себе. Не забота о наряде заставила ее уйти, а желание наедине справиться со своим волнением.

Сейчас она опять встретится лицом к лицу со Штирнером, с этим загадочным человеком, который ей сделал столько зла, но который искренне любил ее.

Эльза быстро ходила из угла в угол. Рой воспоминаний кружил ей голову. Она сама удивилась силе своего волнения. Ей казалось, что ею все было забыто, все стало невозвратным прошлым. Только одна тайна осталась нераскрытой и изредка мучила ее: виновен ли Штирнер в смерти Карла Готлиба? Эту тайну Штирнер унес с собой. Эльза подошла к зеркалу и начала бессознательно поправлять волосы.

«Какая я стала черная!» — подумала она, глядя на свое лицо.

— Впрочем, он все равно не узнал бы меня, — прошептала она со вздохом.

Около дома слышались голоса.

— Однако что же я? — И она вдруг бросилась к шкафу и стала перебирать платья. «Вероятно, все это покажется им ужасно старомодным», — подумала она. Наконец выбрала легкое белое платье, быстро оделась, осмотрела себя еще раз в зеркало и, глубоко вздохнув, вышла на веранду.

Глава 2 Охотники на львов

К Эльзе подошел пожилой человек с пушистыми седыми усами. — Позвольте мне, как самому старшему из нашей компании, представить других, — сказал он с поклоном. — Дугов, заведующий зоологическими садами в Москве. А это вот Качинский. Он стоит во главе всего дела передачи мыслей на расстояние.

Качинский поздоровался.

— Ну-с, а это, — Дугов указал на Штирнера, — это мой ближайший помощ-

ник Штерн.

Штирнер протянул руку Эльзе, и они несколько церемонно поздоровались.

Все уселись за стол. Эльза позвонила и попросила принести завтрак. Поднос заметно дрожал в руках старого слуги, когда он подходил к столу, искоса поглядывая на Штирнера. Эмма вдруг улыбнулась, глядя на дверь. Эльза оглянулась, чтобы посмотреть, что рассмешило Эмму, и увидела испуганное лицо фрау Шмитгоф, выглядывавшее из-за дверей.

Дугов выпил бокал вина за здоровье хозяек и сказал:

— Мы очень просим извинить нас за то, что нарушили ваше одиночество, но, право, это вышло случайно, фрау Беккер. Мы, пользуясь отпуском, решили поохотиться в здешних местах на львов. В наших зоологических садах недостает нескольких экземпляров этих прекрасных животных той породы, которая встречается только здесь. Вот мы и отправились со Штерном сюда, а к нам присоединился и Качинский, который хочет испытать на деле то оружие, которым он сам нас вооружил.

— Что же это за оружие? Где оно? — спросила любопытная Эмма.

Дугов засмеялся.

— А вот пойдете с нами на охоту и увидите!

— На львов? Ни за что! — в ужасе воскликнула Эмма. — Я дрожу, когда слышу отдаленный рев...

— Ого! Значит, нас не обманули, и охота должна быть удачная! — сказал Дугов, потирая руки. — А вас мы побеспокоили потому, — продолжал он, — что не хотим своим прибытием в городок возбуждать лишний шум. Толпа зевак всегда мешает. И мы решили завернуть в ваш залив. — Дугов протянул руку к берегу. — Жить мы будем в палатке. Вас же мы попросим только об одном: если среди ваших служащих имеются туземцы, разрешите использовать их в качестве проводников.

Эльза охотно согласилась на просьбу Дугова. Она старалась не глядеть на Штирнера, но не могла удержаться, чтобы не скользнуть несколько раз взглядом по его лицу. Наконец она не выдержала и обратилась к нему:

— Скажите, господин Штерн, если я не ошибаюсь, вы не русский?

— Да, я не русский, — ответил Штерн.

— А вы... давно живете в России?

— Около трех лет.

Вежливость не позволяла продолжить этот разговор, похожий на допрос. И все же Эльза неожиданно для себя спросила:

— А раньше где вы жили?

Штирнер рассмеялся самым добродушным образом. И этот смех удивил Эльзу: так не похож он был на прежний, иронический, сухой и злой, смех Штирнера. Действительно, перед нею был другой человек.

— Где я жил раньше и вообще что было со мною раньше — это загадка для меня самого. Не верите? Спросите моих товарищей. Я абсолютно не помню ничего, что было со мной до приезда в Москву, и «забвение» в первое время крайне угнетало меня. Я обращался за советами к профессорам, и они находили у меня какое-то сложное психическое заболевание с мудреным названием, что-то вроде шизофрении. При этом заболевании человек может как бы утрачивать свою личность, память о прошлом. Вот товарищ Качинский предлагал мне испытать его собственный метод лечения. — Штирнер, улыбаясь, раз-

вел руками. — При всем моем доверии и уважении к Качинскому я отказался. Это лечение что-то вроде гипноза, а я чувствую к нему органическую неприязнь.

Эльза посмотрела на Качинского. Он утвердительно кивнул головой и сказал:

— Я предлагал Штерну свои услуги. Но он отказался. А без его согласия я, конечно, не стал делать опытов.

— В Москве я служил рабочим на заводе «Динамо», — продолжал Штирнер. — Потом поступил в зоологический сад — я очень люблю животных — и там познакомился с заведующим Дуговым, который был так любезен, что скоро сделал меня своим ближайшим помощником.

— Вы стоили того, дорогой мой, — ответил Дугов.

— А через Дугова я познакомился и с «передатчиком мыслей», как шутя зовут у нас Качинского. Вот и все, что я могу рассказать о себе.

— А у вас так широко поставлено теперь это дело передачи мысли на расстояние? — спросила Эмма.

— Ого! — отозвался Дугов. — Что-то необычайное! Передача мысли на расстояние действительно достигла широкого применения. Через несколько десятков лет вы не узнаете мира.

— И то, что уже достигнуто, изумительно, — сказал Штирнер. — Неужели вы не читали в газетах?

— Мы не выписываем газет.

Штирнер посмотрел на Эльзу и нахмурился, как бы стараясь что-то вспомнить.

— Странно, — сказал он, — мне кажется, что я как будто где-то когда-то мельком видел вас. Может быть, случайная встреча в пути?..

— Возможно, — ответила Эльза, смутившись. — Так вы говорите, что передача мыслей творит чудеса?

— Да, чудеса. Чудеса, фантазии и химеры мы воплотили в жизнь. — И, вдруг вдохновившись, Качинский стал быстро говорить: — Вы не узнали бы Москвы, если вам когда-нибудь приходилось бывать в ней. Первое, что вас поразит, — это то, что Москва стала городом великого молчания. Мы почти не разговариваем друг с другом с тех пор, как научились непосредственно обмениваться мыслями. Каким громоздким и медленным кажется теперь нам старый способ разговора! Возможно, что со временем мы и совсем разучимся говорить. Скоро и почта, и телеграф, и даже радио мы сдадим в архив. Мы научились уже разговаривать друг с другом на расстоянии. Вот сейчас, если хотите, я могу обменяться мыслями с моим приятелем в Москве.

Качинский замолчал, полузакрыв глаза и сосредоточился, приложив к виску какую-то коробочку. Эльза и Эмма с удивлением следили за игрой его лица, отражавшей этот молчаливый разговор. Качинский открыл глаза и улыбнулся.

— Друг здоров, но очень занят — он на заседании. В Москве идет снег. Ивин шлет нам всем привет. Просит нас, чтобы мы привезли его жене попугая.

Эмма даже рот приоткрыла от удивления.

— Но как же, — спросила она, — не перемешаются все эти мысли?

— Взаимные мешания существуют, но не в такой степени, как в радиопередаче. Наши «радиостанции» более точны, чем старые; мы всегда знаем, как

настроен приемник нашего собеседника, и быстро устанавливаем нужную связь.

— Где же ваша радиостанция? — спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Качинский, с улыбкой показывая на свой лоб. — Наш мозг — наша радиостанция. У нас есть и настоящие усилительные машины, но теперь мы пользуемся ими только для передачи мыслей, так сказать, массового восприятия: новостей дня, лекций, концертов. Отдельные же лица для общения друг с другом имеют усилители, которые помещаются в кармане. Вот он! — и Качинский показал коробочку, которую только что держал у виска. — На близком расстоянии усиления не нужно и сейчас. А скоро мы и вообще обойдемся без искусственного усиления. Постепенным упражнением мы достигаем все большей мощности нашей природной «радиостанции».

— И вы можете передать концерт, как по радио?

— Лучше, чем по радио. Мы просим наших лучших композиторов мысленно импровизировать и излучать импровизацию. Какой восторг слушать свободный полет фантазии! Или, например, шахматы, которыми у нас так увлекаются. Сотни тысяч людей мысленно следят за игрой шахматных маэстро. Особенно интересна игра «в открытую», когда шахматисты излучают весь процесс обдумывания ходов. Да всего не расскажешь!

— Приезжайте и посмотрите своими глазами, — сказал Штирнер, поймав взгляд Эльзы.

— Да, это лучше всего, — согласился Качинский. — Мысленно мы передаем не только звуки, но и краски, образы, сцены — словом, все, что может вообразить человек. Когда передача мысли станет общим достоянием, больше не будет театров, кинематографов, школ, душных помещений, скопления людей. Знания, развлечения, зрелища станут доступны каждому. Чрезвычайно полезной оказалась мыслепередача и в нашей рабочей жизни. У нас теперь идеальные трудовые коллективы, которые выполняют работу со стройностью лучшего оркестра.

Дело сводится к координированию при помощи мыслепередачи деятельности нервных систем. Сочетание движений само по себе чрезвычайно важно в тех случаях, где применяется коллективный труд. Для этого, например, во все времена, начиная с глубочайшей древности, употреблялись песни. У нас когда-то распевалась песня «Эй, дубинушка, ухнем». На слоге «ух» работавшие как бы слагали общие усилия в одной точке времени и пространства. Но этот способ годился и помогал только в тех случаях, где приходилось применять грубую физическую силу. В более сложных процессах пытались применять иные способы координирования трудовых движений. Устраивались так называемые конвейерные системы, когда все процессы шли «лентой» так, что остановка в одном месте производила остановку всей ленты. Волей-неволей приходилось применяться к общему темпу работ. Эта система заставляла работать в одинаковом темпе людей с различной нервной и физической организацией. На смену механическому принуждению пришла наша мыслепередача, которая не принуждает, а помогает рабочим координировать работу своей нервной системы и мышц с работой коллектива.

Когда-то в Москве удивлял так называемый Персимфанс: первый симфонический оркестр без дирижера. Это была действительно первая попытка создать коллектив, связанный внутренней спайкой — координированием рабо-

ты нервных систем многих людей. Но все же и в Персимфансе было больше механической спайки: члены его подчинялись больше заранее установленным музыкальным темпам, чем единой воле коллектива.

Иное дело, когда невидимый «дирижер» воздействует непосредственно на волевые центры. Слаженность работы получается изумительная и, конечно, и производительность труда максимальная.

— Но разве все это не подавляет личность, ее свободу? Ведь могут же быть люди, которые захотят использовать эту силу во зло другим!

— Был такой человек, его звали Штирнером, мне о нем приходилось кое-что слышать, — сказал Штирнер. — Этот человек действительно наделал много вреда, используя в личных целях мощную силу мысли. Но вот Качинский сумел обезвредить Штирнера.

— А вы не знаете, где теперь Штирнер? — не удержалась Эльза от жуткого вопроса, обращаясь к Штирнеру.

— Не знаю, и пусть он благодарит судьбу, что я не знаю, где он... Если бы я встретил этого человека, не поздоровилось бы ему.

Качинский улыбнулся.

— Зачем мстить Штирнеру? У нас есть более мягкие способы вырвать ядовитое жало. Правда, мы прибегаем к ним лишь в исключительных случаях. И потом надо же быть справедливым: Штирнер оставил нам огромное наследство. Без его изобретений мы не имели бы таких успехов в области передачи мысли. Наконец, он сохранил мне жизнь. В нем было свое благородство.

— В России не может быть того, что натворил Штирнер, — продолжал Штирнер. — С тех пор как передача мысли на расстояние сделалась общим достоянием, произошло, так сказать, уравнивание сил. Если вы не желаете воспринимать чужие мысли, вы всегда можете «выключить ваш приемник», и дело с концом.

— Собственно говоря, возможность внезапного «мысленного нападения» не исключена, — сказал Качинский. — Но мы строго следим за этим и своеобразно караем. При помощи сверхмощных усилителей, которые у нас имеются, мы делаем преступнику соответствующее «внушение», и он навсегда делается безопасным, так как самая мысль о повторном преступлении не может уже возникнуть в его сознании. Нам не нужны теперь тюрьмы, мы делаем из всякого преступника полезного члена общества.

Эльза о чем-то задумалась.

Дугов заметил это и, опасаясь, что своими разговорами они утомили хозяев, отвыкших от посещения посторонних людей, посмотрел на часы и сказал:

— Однако мы заговорились. Пойдемте, Штерн, нам надо готовиться к охоте. Простившись с дамами, Дугов и Штирнер спустились с террасы.

— Надеюсь, вы будете у нас обедать? — спросила Эльза вслед.

— Если это не очень беспокоит вас, — ответил с поклоном Дугов.

Где-то заплакал маленький Отто. Эмма извинилась и вышла.

Глава 3 Штирнер и Штерн

Эльза осталась одна с Качинским.

Ее охватило волнение. Из всего, что рассказывал Качинский, ее больше всего поразило и заинтересовало одно: Качинский может вернуть Штирнеру

его прежнее сознание, сделать хоть на несколько минут из Штерна прежнего Штирнера. Ей очень хотелось этого. Почему? Она сама едва ли отдавала себе в этом отчет. «Я хочу узнать тайну смерти Готлиба», — думала она. Но не только это возбуждало ее желание увидеть прежнего Штирнера. Быть может, в ней бессознательно говорило чувство женщины, которое не могло примириться с тем, что человек, который любил ее и решил так своеобразно покончить с собой, вместе со своей личностью убил и чувство любви к ней. Быть может... Быть может, она странными изгибами чувства начинала любить этого человека. Она сидела молча, не зная, как приступить к своей цели.

— Скажите, господин Качинский, — начала она нерешительно, — вы не могли бы здесь же, у нас, испробовать ваш способ, чтобы вернуть прежнее сознание Штерна. Возможно ли это?

— И да и нет. Вообще говоря, восстановление памяти вполне возможно. Медицина знает много таких случаев. Их бывает немало на войне, когда от сильной контузии люди совершенно теряют память о прошлом и даже забывают свое имя, но потом память возвращается. Известны такие случаи и при гипнозе. Окончательная потеря памяти может быть только тогда, когда органически разрушаются самые центры памяти в мозговом веществе. Это, так сказать, травматическая потеря памяти. Она безнадежна. Но в данном случае разрушение мозговой ткани едва ли было, иначе оно отразилось бы на всей психической деятельности. А Штерн во все остальном, кроме воспоминания прошлого, вполне нормален. Я могу в пример привести себя. Во время моей борьбы со Штирнером он поразил мои мозговые центры, управляющие равновесием. Я был совершенно беспомощен и тем не менее сумел восстановить чувство равновесия.

— Значит, можно? — оживилась Эльза. — Почему же вы ответили «и да и нет»?

— Да вообще можно, но... вы же слышали, что сам Штерн не желает подвергаться этому опыту? Это во-первых... Но почему вас так интересует прежнее сознание Штерна?

— Дело в том, что мне кажется... я была знакома с этим человеком... даже наверно очень хорошо знакома... Но он забыл обо мне, как обо всем прошлом. Мне хотелось бы пробудить в нем одно воспоминание. И потом... узнать одну тайну, очень важную тайну, которую он хотел мне сказать, но не имел возможности...

Качинский посмотрел на нее с удивлением. «Роман?» — подумал он.

— Против его желания я, к сожалению, лишен возможности удовлетворить ваше любопытство, — ответил он.

Эльза нахмурилась.

— Это не любопытство. Это очень серьезно, — сказала она с некоторой обидой в голосе. — Настолько серьезно, что я просила бы вас сделать опыт, не спрашивая его разрешения. Всего на десять минут. И кто бы он ни был в прошлом, он опять станет Штерном и ничего не будет знать о вашем опыте. Ведь в этом же нет ничего преступного. Я прошу вас, очень прошу!

На этот раз нахмурился Качинский.

— Если я сам первый начну изменять нашим принципам охраны свободы чужого сознания, то вряд ли это будет похвальным, — сурово ответил он.

Эльза начала раздражаться. «Качинский не понимает важности дела. Так

я же покажу ему, что тут нечто более серьезно, чем женское любопытство!» — подумала она и сказала:

— Штерн говорил, что вы обезвредили некоего Штирнера. Как это было? Я прошу рассказать мне.

Качинский рассказал.

— Значит, вы видели в лицо Штирнера в том стеклянном доме?

— Нет, в лицо я его не видел. Он был в густой металлической маске.

— Если вы так упрямы, что не хотите исполнить мою просьбу, то я принуждена открыть тайну: Штерн и есть Штирнер, а я его жена, урожденная Эльза Глюк, по мужу Штирнер.

Качинский был поражен.

— Неужели Кранц был прав? — сказал он после паузы.

— Кто такой Кранц?

— Кранц — сыщик. Он поставил целью своей жизни отыскать Штирнера. Не так давно он встретил в Москве Штерна и стал уверять меня, что это и есть Штирнер. Тогда мне стоило больших трудов убедить Кранца, что он введен в заблуждение внешним сходством.

— Теперь, надеюсь, вы признаете мою просьбу основательной? — спросила Эльза, довольная произведенным эффектом.

— Штерн — это Штирнер! — мог только произнести Качинский и глубоко задумался.

Эльза выжидательно смотрела на него.

— Ну что же, да или нет?

— Нет!

— Но если Штерн-Штирнер согласится на опыт?

— Он не согласится.

— Посмотрим! Я сама поговорю с ним. Подождите здесь, я сейчас приду.

Качинский остался на террасе, следя за удаляющейся Эльзой.

Она спустилась вниз к палатке на берегу и стала о чем-то говорить со Штирнером, который внимательно слушал ее, потом кивнул головой.

«Неужели ей так скоро удалось уговорить его? — подумал Качинский. — Ведь он всегда с ужасом отказывался, когда я предлагал ему сделать попытку вернуть память о прошлом».

Эльза пригласила Штирнера идти за собой.

— Он согласен, — сказала Эльза, поднимаясь на веранду, — согласен и даже сам просит вас об этом.

— Вы согласны? — спросил, еще не веря, Качинский.

— С большим удовольствием. Ничего не имею против, — ответил Штирнер.

Качинский задумался: «В конце концов я ведь каждую минуту могу погасить у Штирнера память о прошлом. Я буду следить за ним».

— Ну что ж, пусть будет по-вашему, — сказал Качинский. Он вынул из кармана коробочку — аккумулятор-усилитель, приложил к виску и мысленно приказал, фиксируя Штирнера глазами:

— Садитесь и усните!

Штирнер покорно уселся и тотчас уснул, закрыв глаза и опустив голову.

— Обычно к усыплению мы не прибегаем, — сказал Качинский, обращаясь к Эльзе, — но это трудная операция. Я верну ему прежнее сознание всего на десять...

— На двадцать! — сказала Эльза.

— Ну, на пятнадцать минут, не больше. Надеюсь, за это время он не натворит больших бед. На всякий случай я буду следить за ним из комнаты, уже с этим вы должны примириться. Ровно через пятнадцать минут он вновь станет Штерном.

Качинский замолчал и стал сосредоточенно смотреть на Штирнера.

— Сейчас он проснется. Я ухожу.

Качинский ушел в дом и стал у двери так, что с веранды его не было видно.

Штирнер несколько раз глубоко вздохнул, приоткрыл глаза и вдруг опять закрыл их, ослепленный ярким солнцем. Переход от полумрака большого зала в доме Готлиба к сверкающей поверхности океана был слишком резким. Наконец, щурясь, он открыл глаза.

— Что это? Где я? Эльза? Ты?.. — он бросился к ней и стал целовать ее руки. — Милая Эльза! Но что это значит? Я не соберусь с мыслями...

— Садитесь, Людвиг, — ласково сказала она, — слушайте и не перебивайте меня. У нас только пятнадцать минут на это свидание... Я вам все объясню. Вы ушли в ту бурную ночь, превратившись в Штерна. И вот мы опять встретились с вами. Как? Я вам скажу потом, если у нас останется время. А теперь я прошу вас скорее сказать мне то, что мучило меня все это время, эти три года.

— Три года? — удивленно повторил Штирнер.

— Скажите мне правду: вы не виноваты в смерти Карла Готлиба?

— Я же вам говорил, Эльза. Смерть Готлиба действительно произошла от несчастной случайности.

— Но второе завещание было составлено всего за месяц до смерти. Это тоже случайность?

— Нет, это не случайность. В этом я, если хотите, виновен. Я действительно поторопил Готлиба составить последнее завещание, так как дни его были сочтены. Несмотря на свой цветущий вид, он был смертельно болен сердечной болезнью. Ему врачи не говорили об этом, но мне, как доверенному лицу, сказали, что дни его сочтены, больше месяца он не проживет. Поэтому я и внушил ему мысль скорее составить завещание. Почему на ваше имя, а не на свое, я, кажется, уже говорил вам. Эта «кривая» была ближе к цели, — сказал он со знакомой иронической улыбкой.

— Но моя услуга Готлибу, о которой упоминается в завещании?..

— Она была, хотя я, пожалуй, несколько преувеличил ее. Я как-то передал вам несколько полученных нами для оплаты векселей, подписанных Карлом Готлибом, и вы, может быть случайно, заметили и обратили мое внимание на то, что почерк не похож на обычный. Я не подал вам тогда виду, но потом произвел тщательное расследование и нашел с десятков таких векселей. Это были подложные векселя. Откуда они появились? Кто их подделал? После долгих и осторожных разведок я пришел к убеждению, что это дело рук Оскара Готлиба — брата покойного Карла. Я собрал уничтожающие улики и представил их нашему старичку Карлу. Таким образом, вы оказали ему услугу, хотя я не говорил ему, что вы первая заметили подлог — вы открыли ему глаза на недостойное поведение брата; Карл страшно рассердился, тогда же сказал мне, что лишит Оскара наследства — эта мысль не была внушена мною — и послал Оскару резкое письмо. Оскар ответил письмом, в котором униженно просил о прощении, сознался в вине, но оправдывался своим тяжелым материальным по-

ложением. Письмо это должно храниться в одном из нескораемых шкафов Готлиба...

— И оно нашлось! — воскликнула Эльза. — Это правда... Теперь я верю вам!

— Кто же его нашел?

— У Зауера были ключи. Когда вы ушли, Зауер поссорился с Рудольфом Готлибом, который вновь предъявил свои права на наследство. А Зауер, видимо, хотел во всем заменить вас и решил бороться с Готлибом, чтобы сохранить имущество за мной. Прежде чем шкафы были опечатаны, Зауер успел вскрыть один из них, нашел пачку подложных векселей и письмо Оскара Готлиба и предъявил их прокурору, чтобы доказать правильность завещания Карла Готлиба, лишившего брата наследства. Раздраженный Рудольф Готлиб выстрелил в Зауера, ранил его в живот, и Зауер скончался от перитонита, а Рудольф Готлиб был приговорен к десяти годам заключения и отбывает теперь наказание. Дело о подлоге Оскаром векселей пришлось прекратить в самом начале, так как Оскар при первом же допросе внезапно умер от апоплексического удара...

— Сколько несчастий! — сказал Штирнер. — Но ведь в них я не виноват, Эльза?

— Да, хотя косвенно, быть может, и виноваты. Но не будем говорить об этом. Теперь скажите мне, почему вы оказались в Москве?

Штирнер пожал плечами.

— Когда я обдумывал свое бегство, то решил, что врагам менее всего придет в голову искать меня в Москве. Да и московская милиция, уж конечно, не имела контакта с нашей. И я решил «отправить» Штерна туда. Что было со Штерном, я не знаю.

— Об этом я могу сказать немного из того, что я узнала от Штерна.

И Эльза рассказала Штирнеру обо всем, что произошло со Штерном, не упоминая только фамилии Качинского, вплоть до того момента, как он приехал.

— Но как вам удалось вернуть мое прежнее сознание? — спросил Штирнер.

— Я попросила об этом одного из ваших новых друзей. Я хотела поговорить с прежним Штирнером хотя бы несколько минут, чтобы узнать то, что вы мне сказали.

— И я согласился на то, чтобы мне вернули сознание?

— Да, вы согласились.

— Странно, — сказал Штирнер. — Я предвидел такую возможность и, внушая себе изменение личности, отдал приказ Штерну, чтобы он ни в коем случае не соглашался подвергать себя внушению.

— Ну, значит, Штерн не послушался вас, а послушался меня, — улыбаясь, ответила Эльза.

— Эльза, Эльза, зачем вы это сделали? Как тяжело почувствовать опять на своих плечах груз пережитого! — с тоскою сказал Штирнер.

— Он скоро опять спадет с вас, — ответила Эльза.

— Да, но мне теперь труднее расстаться с вами, чем раньше. Забыть вас опять...

Штирнер встал, протянул руку и, глядя на нее с любовью, сказал:

— Эльза!.. — В этот момент вдруг глаза его и лицо сделались спокойными, и он, несколько смутившись тем, что держал ее за руки, сказал: — Так как же, фрау Беккер, едете вы с нами на охоту? Я согласен, думаю, что и мои товарищи

будут не против. Наша охота будет вполне безопасной.

Эльза поняла, что перед нею стоит опять Штерн. Время истекло. Качинский с часами в руках вошел на террасу и спросил Штирнера:

— Скажите, Штерн, о чем вы говорили с фрау Беккер на берегу, только об охоте?

— Ну да, — ответил Штирнер, с удивлением глядя на Качинского. — А о чем же иначе? Фрау Беккер подошла ко мне и просила взять ее с собой на охоту. Она говорила, что вы и Дугов согласны, если я также соглашусь. Я согласен. Вот я и пришел сказать об этом. Ведь так? — обратился он к Эльзе.

— Да, так, — ответила она, улыбаясь.

Качинский посмотрел на Эльзу укоризненно и покачал головой.

— Почему вы качаете головой, Качинский? — спросил Штирнер.

— Но ведь все обошлось благополучно, — сказала Эльза Качинскому.

— Что благополучно? О чем вы говорите, господа? — недоумевал Штирнер.

Качинский махнул рукой.

— Так, пустяки. Фрау Беккер схитрила, желая принять участие в охоте... — сказал он, поглядывая с упреком на Эльзу. — А вы... серьезно хотите идти? — спросил Качинский Эльзу.

— Конечно, серьезно! — ответила она, смеясь.

Качинский опять развел руками.

— Итак, завтра утром идем? — спросил Эльзу Штирнер.

Глава 4 «Лебедь» Сен-Санса

Вечером после ужина все сидели на веранде и оживленно разговаривали. Гости рассказывали о Москве, о чудесах, которые творит передача мысли на расстояние, о необычайных возможностях, которые развернет это мощное орудие, когда человечество овладеет им в совершенстве.

Эмма слушала с увлечением, вздыхала и поглядывала на Эльзу, как бы говоря: «Как там интересно! А мы-то живем здесь!..»

Огромный шар луны поднялся из-за горизонта, проливая серебро бликов через весь океан до самого берега. И волны бережно качали этот подарок неба. Океан дышал вечерней влажной прохладой. Цветы пахли сильнее пряным, сладковатым запахом.

Где-то недалеко пели туземцы. Напев их был так же ритмичен и однообразен, как прибой. Под впечатлением этой южной ночи разговор на веранде становился все медленней и, наконец, затих.

Слышнее стал доноситься шорох гальки, обтачиваемой волнами.

— А мы-то тут живем!.. — с тоской вдруг dokonчила вслух свои мысли Эмма.

— Вы несправедливы, фрау, — отозвался Дугов и провел широко рукой вокруг. — Разве все это не очаровательно?

— Да, но... сегодня и завтра — одно и то же... Хочется нового! Здесь хорошо, и все-таки чего-то не хватает.

— Я знаю, чего не хватает! — сказал, улыбаясь, Дугов. — Музыки! По крайней мере нам для полноты впечатлений. Фрау Беккер, ведь вы играете? Я видел у вас инструмент. Сыграйте нам что-нибудь этакое... лирическое! Мы будем слушать, молчать и созерцать.

— Просим, просим! — поддержал Качинский Дугова.

— С удовольствием, — просто ответила Эльза, вошла в комнату и села у рояля.

«Сегодня я хорошо буду играть», — подумала она, прикоснувшись пальцами к прохладным, чуть-чуть влажным от вечерней сырости клавишам и чувствуя нервный подъем.

— Что бы такое сыграть? — И прежде чем она успела подумать, ее пальцы, как бы опережая ее мысль и повинувшись какому-то тайному приказу, начали играть «Лебедь» Сен-Санса.

Ласковые, тихие звуки полетели в ночь, по серебристой дороге океана, к луне, сливая очарование звуков с очарованием ночи.

— Как прекрасно вы играете!..

Эльза вздрогнула. Опершись на рояль, перед ней стоял Штирнер и внимательно смотрел на нее. Когда он вошел?

— Простите, я помешал вам? Но я не мог не прийти сюда... Эти звуки... Продолжайте, прошу вас!..

Эльза, не прерывая музыки, с волнением слушала Штирнера и думала о своем. «„Лебедь“, это „Лебедь“ Сен-Санса...» — так говорил он когда-то там, давно, в стеклянном зале. Нет, он не мог быть злым до конца. И тогда его голос был так же нежен, как и теперь.

— «Лебедь»... «Лебедь» Сен-Санса!.. Десятки раз я слышал эту пьесу в исполнении лучших музыкантов, — говорил Штирнер, глядя на Эльзу, — но почему эта музыка, ваша музыка так волнует меня? Мне кажется, я когда-то слышал ее так же, как иногда мне кажется, что где-то я встречал вас.

От волнения грудь Эльзы стала подниматься выше.

— Это не только кажется. Мы действительно встречались с вами, — быстро ответила она, продолжая играть.

— Где? Когда? — так же быстро спросил Штирнер.

— Ночью, в грозу, в большом зале со стеклянными стенами и потолком...

Штирнер потер лоб рукою и сосредоточенно вспоминал о чем-то.

— Да... действительно... Я вспоминаю что-то подобное...

— И еще раньше мы виделись с вами... часто... в той жизни, о которой вы забыли... — по-прежнему быстро и нервно продолжала Эльза бросать фразы. — Вы забыли меня... и когда вы стали Штерном, то на один мой вопрос вы ответили: «Простите, сударыня, но я не знаю вас».

— Как? Неужели? И мы... были очень хорошо знакомы с вами?

Эльза колебалась. Пальцы ее начали путаться. Потом она решила и, обрвав музыку, посмотрела Штирнеру прямо в глаза.

— Очень... — И тотчас она заиграла «Полишинель» Рахманинова, чтобы в бравурной музыке скрыть свое волнение. Взволнован был и Штирнер.

— Но тогда... тогда вы знаете, кем был я раньше?

Эльза молчала. Звуки «Полишинеля» росли, ширились, крепились.

— Фрау Беккер, умоляю, скажите мне! Здесь какая-то тайна, я должен ее знать!

Эльза неожиданно оборвала музыку и, серьезно, почти с испугом глядя на Штирнера, сказала:

— Я не могу вам сказать этого, по крайней мере сейчас.

— Что же вы не играете? — послышался голос Дугова.

Эльза начала играть снова.

Штирнер молчал, склонив голову. Потом он опять тихо начал:

— Ваша музыка... вы сами... Почему?.. — Он не договорил свою мысль, как бы ища подходящего выражения. — Почему вы так волнуете меня? Простите, но я должен высказать. Я не донжуан, легко увлекающийся каждой красивой женщиной. Но вы... поворот вашей головы, складки вашего платья, легкий жест — все это необычайно волнует меня, вызывает какие-то смутные, даже не воспоминания, а... знакомые нервные токи, если так можно выразиться... — И вдруг с горячностью, которой она не ожидала, Штирнер подошел к Эльзе, взял ее за руку и сказал: — Фрау Беккер, я не буду настаивать на том, чтобы вы сказали, кем я был раньше. Но если мы были с вами знакомы, вы все же должны мне рассказать об этом времени... о нашей дружбе... быть может... больше, чем дружбе... Это... это так важно для меня!.. Пойдемте туда, на берег моря, и там вы расскажете мне.

Они вышли на веранду.

— Концертное отделение кончилось? — спросил Дугов. — Очень жаль, мы только настроились слушать.

— У фрау Беккер болит голова, — ответил за нее Штирнер, — мы пройдемся к берегу моря подышать прохладой.

Штирнер и Эльза спустились к берегу.

Качинский провожал их внимательным и задумчивым взглядом. Весельчак Дугов усмехнулся в усы. Эмма подметила эту улыбку и рассердилась на него.

«Ничего не знает, не понимает, а тоже — улыбается!» — подумала она. И, глядя на две фигуры, сидящие на прибрежных камнях, Эмма вздохнула.

Глава 5 Укрощенные

Небольшой отряд выступил в поход.

Впереди шли два проводника-негра, вслед за ними — Дугов, Эльза, Штирнер и Качинский.

— Где же ваши ружья? — с недоумением спросила Эльза.

— Вот здесь! — ответил Дугов, стукнув себя по лбу.

— Как, опять здесь? Ваш мозг? Это и радиопередатчик, и ружья, и, может быть, собственная электрическая лампочка? — шутя спросила Эльза.

— Не только может быть, но так оно и будет. Человеческая мысль — величайшая сила, или, как это там, Качинский, сказано у Аррениуса?..

«Самый великий источник энергии это — человеческая мысль... Электромагнитные колебания, которые возникают в клеточках человеческого мозга, — это величайшая сила, которая владеет миром».

— Видите, какое могучее оружие заключено в нашем мозгу! — сказал Дугов.

Они вошли в чащу тропического леса. Здесь стоял полумрак. Пестрые птицы порхали среди ветвей и паутины лиан. Пробивающиеся кое-где лучи солнца, как луч прожектора, выхватывали из полумрака группы листьев различной окраски и зажигали радугу на цветном оперении птиц. Дорожка исчезла. Идти по преющим листьям и гнилым стволам упавших деревьев становилось все труднее. Штирнер помогал Эльзе преодолевать препятствия пути.

Со вчерашнего вечера Штирнер стал необычайно внимателен и любезен к Эльзе.

— Сколько продлится наше путешествие? — спросила Эльза, которая начала уже уставать. — Я думаю, звери живут далеко в глубине леса.

— А зачем нам искать их? — сказал Дугов. — Зверь сам должен бежать на ловца. Вот найдем полянку и покличем их.

Скоро они вышли на лесную поляну, ярко освещенную солнцем. Все невольно сощурились после полумрака чащи. Огромные красные и желтые, пятнистые цветы, вроде тюльпанов, покрывали поляну сплошным ковром.

— Какая прелесть! — воскликнула Эльза.

Все уселись, беспечно беседуя.

— Ну, пора, — сказал Дугов. Он вышел на самую середину поляны и остановился. Выдвинул несколько голову вперед и вверх. Лицо его сделалось серьезным и сосредоточенным. Он медленно стал поворачиваться во все стороны, как бы пронизывая взором чащу леса.

Вдруг Эльза вздрогнула. Где-то далеко она услышала рычанье льва, как отдаленный раскат грома. Ему ответило другое, третье...

— Клюет! — улыбаясь, сказал Качинский.

А Дугов продолжал медленно поворачиваться в той же сосредоточенной позе.

Рычанье все приближалось. В ветвях испуганно завозились и закричали обезьяны. Волнение охватило даже птиц: они вспорхнули с ветвей и перелетели выше.

Вот послышался хруст веток под мягкими, но тяжелыми шагами зверей.

Они идут отовсюду, окружают безоружных, беззащитных людей... Эльзе сделалось страшно. Что, если новое оружие окажется бессильным?.. Все они погибнут ужасной смертью!..

Штирнер заметил ее испуг, взял за руку и, глядя в ее глаза, сказал:

— Успокойтесь!

Ее волнение улеглось.



В это время огромный лев, ломая заросли, выбежал на поляну, зажмурился от яркого света и остановился. Потом он тихонько подошел к Дугову и, ласково рыча, потерся головой о его ноги. Дугов почесал его между ушей, и лев растянулся у ног укротителя. Послышалось что-то вроде мяуканья, и на поляну выбежала львица с двумя львятами. Они также улеглись у ног Дугова. Еще один лев прыгнул из леса огромным прыжком.

— Однако довольно! — сказал Дугов. — Наша яхта не поднимет всех этих гостей. Пожалуй, ты лишний, — обратился он к первому льву, похлопывая его по голове, — ты уже не так красив, иди назад, старина!

Лев лизнул огромным языком руку Дугова и побежал в чащу.

— А вот этот красавец, — продолжал Дугов, проведя рукой по спине огромного льва, прыгнувшего через всю поляну, — посмотрите, не шерсть, а настоящее золотое руно!.. А ты чего плачешь, маленький? Лапу занозил? Бедный малыш! Дай я тебе вытащу занозу.

Дугов вытащил из лапы звереныша большой шип колючего растения.

Львица спокойно смотрела на эту операцию.

— У них очень нежные лапы, — сказал Дугов, обращаясь к Эльзе, — и они часто страдают от заноз. Но почему же вы не подходите, фрау? Вы видите, они безопасны, как дети!

Эльза подошла и стала гладить львов. Они ласково ворчали, терлись головами и норовили лизнуть руку.

— Ну, пора и домой. Уже солнце склонилось на вечер. Где же наши проводники?

Одного из них нашел Качинский в густой траве. Бедный негр лежал как мертвый, парализованный страхом. Другой сбежал при первых звуках львиного рева. Но и тот, которого нашли, был мало способен служить проводником. Он дрожал так, что ожерелье из раковин, висящее на его шее, непрерывно звенело. При виде львов он боялся шевельнуться. Качинский стал фиксировать его взглядом. Негр успокоился и пошел вперед.

На этот раз Дугов шел позади, а вслед за ним послушно, как собаки, следовали лев и львица с двумя детенышами.

Впереди шел проводник, за ним — Эльза со Штирнером, за Штирнером — Качинский.

В самой густой чаще, где было почти темно, над ними вдруг затрещали ветви деревьев. Штирнер вскрикнул и заслонил собой Эльзу. Огромный ягуар, прыгнувший на нее, упал на Штирнера и сбил его с ног. В ужасе вскрикнула и Эльза. Однако ягуар не растерзал Штирнера, как ожидала она, а внезапно убежал в чащу, поджав хвост, как побитая собака.

— Однако и наша охота не совсем безопасна! — слышался голос Дугова. — Вы не ранены, Штерн?

— Цел и невредим, — отвечал Штирнер, поднимаясь с земли. — Только изорван костюм.

— Вы можете теперь убедиться в силе нашего оружия, фрау Беккер, — сказал Качинский, подходя к Эльзе. — Ягуар не подвергался воздействию мысли и пытался напасть на нас. Но прежде чем он упал на Штерна, я уже успел дать зверю мысленный приказ убираться подобру-поздорову. И, как видите, он позорно бежал. Электромагнитные волны при излучении мысли летят со скоростью трехсот тысяч километров в секунду, то есть со скоростью света. Вы ви-

дите, что мы обладаем самым скорострельным оружием в мире. Довольно было стотысячной доли секунды, чтобы обезвредить врага.

— Но все же нам надо быть осторожнее, — сказал Штирнер, поглядывая на Эльзу. Он испугался не столько за себя, сколько за нее.

— Теперь не опасно, чаща редет, мы скоро выйдем из леса, — ответил Дугов.

— Какие прекрасные попугаи! — воскликнула Эльза, когда ее волнение несколько улеглось.

— Ах, чуть было не забыл! — воскликнул Качинский. — Я обещал Ивину привезти его жене попугая. — И, выбрав на ветке самого красивого, он послал мысленный приказ. Попугай уселся на плечо Качинского.

Негр смотрел на Качинского с суеверным почтением.

Качинский заметил этот взгляд и рассмеялся.

— Для него, — он указал на негра, — мы высшие существа, всемогущие боги, способные творить чудеса. Так уж устроен человек: он или обожествляет, или отрицает то, чего не может понять.

— Это может показаться чудом не только для негра, — ответила Эльза.

— А между тем здесь нет никакого чуда, — сказал Дугов. — Всякая дрессировка животных основана на том, что мы вызываем и закрепляем у животных так называемые условные рефлексы. Наши успехи в передаче мысли на расстояние сделали только возможным сразу закреплять в сознании все, что мы желаем. Да, — продолжал он после паузы, — вспомните, Качинский, наши первые опыты, это была детская забава по сравнению с тем, что мы делаем теперь!

— Будьте справедливы к нашим первым опытам, — ответил Качинский. — Без них мы не имели бы нашего зоологического сада, которым восхищается весь мир.

— Что это за сад? — спросила Эльза.

— О, это стоит посмотреть! Огромная площадь в окрестностях Москвы остеклена и превращена в зимний сад необычайных размеров. Тропическая растительность привольно растет в этом саду. А среди цветов и растений расхаживают на воле львы, тигры, козы, антилопы, пантеры и дети — множество детей, которые проводят там целые дни, играя со зверями, катаясь на тиграх, возясь с молодыми львятами. Однако вот и конец нашего путешествия. Уже виден наш дом...

Появление необычайного шествия взволновало всех обитателей дома. Эмма, увидя приближавшихся львов, в ужасе вскрикнула и, ухватив ребенка, бросилась в дом, запирая двери и окна. Старая негритянка побежала с отчаянным криком к берегу. Шмитгоф упала в обморок. Ганс еле стоял на ногах. В конюшне хрипели и бились лошади, почуя диких зверей, а осел неистово ревел.

Но постепенно все улеглось. Эльза уговорила Эмму выйти на веранду и, чтобы ободрить подругу, стала возиться со львами. В конце концов даже маленький Отто осмелел и близко подошел к молодым львятам, не решаясь еще прикоснуться к ним.

— Не желаете ли, фрау Шпильман, — обратился Дугов к Эмме, — я оставлю вам одного льва? Он будет развлекать вашего сына и сторожить ваш дом.

— Благодарю вас, но... пожалуйста, уберите скорее их отсюда!

Дугов засмеялся, посмотрел на львов и перевел взгляд на матросов, сидев-

ших у палатки. Матросы тотчас поднялись выполнять мысленное приказание. Они стали складывать палатку и готовить лодки к отплытию. Львы, медленно и осторожно ступая по каменистой дороге, спустились к берегу и улеглись на песке. Матросы перевезли их по одному на яхту.

— Вы уже уезжаете? — спросила Эльза печально.

— К сожалению, мы не можем оставаться долее. Нас ждет большой дирижабль. Но мы надеемся, что наше приятное знакомство этим не закончится. Мы будем изредка навещать вас, нам нужно будет много новых зверей для пополнения филиалов нашего сада, которые мы открыли в Харькове, Тифлисе и других городах. А еще лучше, если бы вы побывали у нас и посмотрели наши чудеса.

Эльза поклонилась.

Дугов подошел к Эмме.

— А вы, фрау, очень много потеряли, что не пошли с нами на охоту. Вы увидели бы много чудес. — Посмотрев на небо, где над заливом кружилось множество птиц, Дугов продолжал: — Впрочем, чтобы вознаградить вас за то, чего вы не видели на охоте, я могу показать вам одно «чудо».

Дугов стал смотреть на птиц.

Они тотчас изменили свой полет, выстраиваясь в треугольник. В таком порядке подлетели они к дому. Треугольник превратился в круг. Круг все расширялся и, отдаляясь, как бы растаял в воздухе, сливаясь с далью.

Эмма с восхищением всплеснула руками.

— Еще! Еще! — закричал мальчик.

Пока Дугов на прощанье потешал Эмму и ребенка, Штирнер, отойдя с Эльзой в сторону, горячо о чем-то говорил с нею. Эльза смущалась, краснела, но, видимо, была довольна словами Штирнера.

— Ну, нам пора! — сказал Дугов.

Все спустились к берегу. Качинский, Дугов и Штирнер уселись в шлюпку и взялись за весла.

— До свидания! — крикнул Штирнер, глядя на Эльзу, и взмахнул веслами.

В заходящих лучах солнца капли воды стекали с его весел, как капли красного хиосского вина. Вот шлюпка достигла яхты, и путешественники поднялись на нее. Паруса натянулись от попутного ветра. Гремит якорная цепь...

— До свидания! — еще раз донеслось до Эльзы. С яхты махали платками. Эмма, Эльза и мальчик махали в ответ.

У самого борта выстроились все львы, положив лапы на перила. Шерсть зверей в лучах заката казалась золотым руном. Новые аргонавты отплывали...

Дугов посмотрел на львов, и все они вдруг закивали головами и замахали лапами, как бы прощаясь с обитателями маленького домика. Мальчик и Эмма засмеялись. Улыбнулась и Эльза, хотя лицо ее было грустно.

Уже паруса яхты скрылись вдаль, солнце опустилось в изумрудную гладь океана, которая быстро подергивалась пепельным оттенком, а две женщины и ребенок все еще стояли на берегу и глядели в ту сторону, где на поверхности океана переливался след от яхты.

— Да, пожалуй, действительно нам нужно поехать туда и посмотреть все эти чудеса, — наконец задумчиво сказала Эльза.

— Разумеется! — живо ответила Эмма. — Мы слишком засиделись здесь!

Эльза долго не могла уснуть в эту ночь. А когда под утро она задремала, то

ей казалось, что она услышала голос Людвига, который звал ее.

— Да, да, милый Людвиг! — прошептала она сквозь сон.

Но Эльза ошиблась.

Не Штирнер, а Штерн думал в это время о ней.

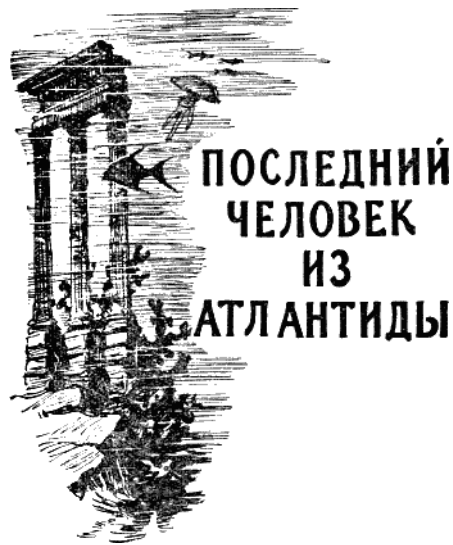
Штерн сидел на палубе яхты, под южным звездным небом, на низком плетеном стуле, облокотившись на голову спящего льва. Луна уже зашла, от воды тянуло предутренним свежим ветерком, а он все еще не спал и думал о фрау Беккер, живущей в одиноком домике на берегу океана.

Мерная волна укачивала. Штерн склонил голову на косматую гриву льва и незаметно уснул.

Первый луч солнца осветил их — человека и льва.

Они мирно спали, даже не подозревая о тайниках их подсознательной жизни, куда сила человеческой мысли загнала все, что было в них страшного и опасного для окружающих.

Последний человек из Атлантиды (повесть)



Как была открыта Атлантида

Глава 1

Подводная экспедиция

— Это мысль!
Отложив книгу в сторону, мистер Солли еще раз повторил:
— Да. Это мысль! — и погрузился в раздумье.

Мистер Солли — удачливый нью-йоркский фабрикант и биржевик, нажившийся на военных поставках во время мировой войны.

Война — прекрасная вещь для таких людей. Чем выше росли горы трупов на полях сражений, тем больше округлялся текущий счет мистера Солли. К концу войны мистер Солли «стоил» несколько миллиардов долларов.

Но когда он достиг вершины финансового могущества, с ним случилась неприятная история. Роскошные обеды, обильно орошаемые тонкими винами, вызвали заболевание мозговых сосудов. И он слег от мозгового удара, когда менее всего ожидал этого. У него отнялись правая рука и нога. Удар был легкий, и при тщательном медицинском уходе через несколько месяцев больной оправился. Паралич, казалось, прошел. Но врач категорически запретил мистеру Солли возвращаться к коммерческой деятельности.

— Довольно, поработали, — сказал врач. — Если вы хотите сохранить здоровье, вы должны совершенно изменить образ жизни. Путешествуйте, занимайтесь коллекционированием, благотворительностью — одним словом, чем хотите, лишь бы заполнить ваше время и развлечься, но избегайте умственного и нервного напряжения. Иначе я не отвечаю за вашу жизнь.

После такого ультиматума перед мистером Солли встал нелегкий вопрос: чем наполнить жизнь и как использовать свои несметные богатства?

Он был одинок. Это еще больше осложняло положение. Ему не о ком было заботиться, кроме как о самом себе.

Ехать в Африку и охотиться на львов, как это сделал Рузвельт?

Слишком сильные ощущения такого спорта не привлекали Солли.

Благотворительность?

Одна мысль об этом вызывала на его жирном, красном лице гримасу брезгливости. Слишком избито, пошло. Написать чек на сотню тысяч долларов в пользу университета, чтобы потом полюбоваться на свой портрет в газете? Пустое и скучное занятие.

Мистер Солли попробовал заняться коллекционированием. Начал скупать картины старых итальянских мастеров. Но все эти Леонардо да Винчи и Рафаэли, очевидно, не учли американского спроса. Большинство уникалов[25] было уже скуплено. Оскандалившись с покупкой «подлинного» Корреджио, оказавшегося ловкой подделкой, Солли почувствовал отвращение к живописи.

Потом следовали коллекции австралийских бумерангов, китайских колокольчиков... Коллекция, составленная из трехсот пятидесяти видов живых блох, собранных со всех стран мира, заставила говорить о себе некоторое время. Но все это было не то... Нужно было найти что-нибудь выдающееся, что, быть может, обессмертило бы его имя.

Вкусив от плодов богатства и власти, мистер Солли втайне мечтал и о славе. Но как купить ее? Это было совсем не так просто, как с биржевыми акциями.

И вот, когда он уже терял надежду найти достойную его цель жизни, простой случай пришел на помощь.

Личный секретарь мистера Солли случайно оставил на письменном столе пеструю книжку с серыми и голубыми полосками обложки. Это был томик на французском языке: *«Роже Девинь. Исчезнувшие материк. Атлантида, шестая часть света»*.

Миллионер, скучая, просмотрел эту книгу, но несколько строк остановили его внимание.

«Необходимо создать, — писал автор, — экспедицию из кораблей всех наций для исследования Атлантического океана, чтобы найти священную землю, в которой спят общие предки древнейших наций Европы, Африки и Америки».

«Подводная экспедиция для отыскания Атлантиды... Это идея!»

Закурив сигару, мистер Солли погрузился в честолюбивые мечты. Он, мистер Генри Солли, открывает этот исчезнувший материк. Он будет новым Колумбом. Он водрузит звездное американское знамя на этом исчезнувшем материке. А коллекции со дна океана! Там уж, наверно, не будет подделок. Все уникалы неизмеримой ценности. «Недурное помещение для капитала, — мелькнула мысль, привыкшая ко всему подходить с коммерческим расчетом. — И слава, слава...»

Да, решительно над этим следует подумать. Надо изучить вопрос. Мистер Солли осмотрел приложенную библиографию в конце книги:

«Одна коллекция книг в Смитсоновском институте содержит более 50 000 томов...»

«Ну, это уж слишком! — мистер Солли поморщился, представив себе эти груды книг. — Впрочем, для чего существуют ученые? Мы поручим им сделать необходимые выборки. А пока познакомимся с Девинем».

Забыв даже о строгом режиме врача, мистер Солли засиделся за полночь, погруженный в чтение книги. Пришедший на другое утро личный секретарь мистер Картер увидел своего патрона необычайно оживленным и был ошеломлен его словами.

— Картер! Мы отправляемся в подводную экспедицию разыскивать Атлантиду...

Картер широко открыл глаза, потом покосился на оставленный вчера томик Девиня и понял все.

«Уж лучше бы блох своих ловил», — подумал Картер. Ему совсем не улыбалась эта экспедиция. Он только недавно был помолвлен.

Но с обычной любезностью он промолвил:

— К вашим услугам, сэр.

Глава 2 Атлантида и Мэри

Работа закипела. Мистер Солли был неузнаваем. Апатия и вялость исчезли бесследно. С утра до вечера он совещался с учеными, инженерами, моряками. Солли входил во все мелочи и проявлял свои недюжинные практические и организаторские способности.

Инженеры вырабатывали типы подводных кораблей. Воплощалась в жизнь фантазия Жюля Верна об открытии Атлантиды «Наутилусом» капитана Немо. Солли забраковал проект постройки одного большого подводного корабля.

— Он нам может понадобиться лишь в конце, когда Атлантида будет найдена. И потом большие субмарины[26] дорогоньки даже для моего кармана. Нам нужны ищейки, флотилия мелких судов, которые будут рыскать под волнами океана и производить предварительные изыскания.

Остановились на типе небольшой подводной лодки и стали вырабатывать ее конструкцию.

На подводных лодках предполагалось устроить окна из толстого стекла и сильные прожекторы для наблюдения изнутри судна. В дне корпуса должны были находиться отверстия, через которые на дно океана могли бы опускаться особые зонды для исследования почв. Наконец особые люки могли выбрасывать и забирать обратно водолазов. С надводным миром предполагалось поддерживать постоянную связь при помощи радио. Решили построить пять таких субмарин. Смета все росла, но это не смущало Солли. По его плану, суда необходимо было построить в два года; расходы могли быть покрыты одними процентами с его капитала. Первая лодка должна была быть готова через полгода. Если ей посчастливится, остальные можно будет и не строить.

Несмотря на все эти кипучие сборы, дело могло расстроиться и только потому, что в судьбу открытия Атлантиды оказалась замешанной судьба белокурой Мэри, невесты Картера. Секретарь миллионера был так же увлечен ею, как Солли Атлантидой. В ее лице Атлантида приобрела сильную соперницу.

Картер смотрел на затею Солли как на одну из его причуд, которые могут пройти так же быстро, как прошли его другие увлечения. Но эта причуда могла надолго оторвать его от мисс Мэри Ривс.

И он повел тайную интригу, чтобы разрушить эту затею. Он уверял врача, что увлечение Солли Атлантидой вредно для его здоровья. Он умышленно усложнял работу, чтобы оттянуть отъезд. Он разыскивал профессоров, которые не верили в существование Атлантиды, и просил их уговорить старика Солли отказаться от его затеи. Он создал целую кампанию в печати. Большинство ученых осмеивали фантазерство Солли. Газеты помещали карикатуры.

Но Солли был непреклонен.

На несчастье Картера, Солли нашел в лице профессора Ларисона фанатичного сторонника экспедиции.

Старик Ларисон, с шарообразным, безволосым черепом и узкими, веселыми глазками, переселился к Солли и прямо гипнотизировал его своими возбужденными речами об Атлантиде, ее несметных богатствах, погребенных на дне океана.

Потеряв всякую надежду расстроить экспедицию. Картер заявил Солли в одно утро о своем уходе.

— Как, вы покидаете меня в такую минуту? — спросил Солли огорченно. — Но какая причина?

Все это было сказано с таким искренним огорчением, что Картер после некоторого колебания решил сказать правду.

— Я предполагаю скоро вступить в брак и не нахожу возможным в такое время отправиться в экспедицию, которая займет, может быть, несколько лет.

Солли опустил голову. Потом он вдруг вскочил с кресла и, махнув обеими руками, закричал:

— Так за чем дело стало! Женитесь скорей и берите ее с собой!

«С собой... — это была новая мысль, которая еще не приходила Картеру в голову. — И согласится ли Мэри?»

Неожиданно для него Мэри согласилась принять участие в экспедиции и даже выразила живейший интерес.

Мэри перестала быть опасной для Атлантиды.

Глава 3 В поисках Атлантиды

Прошло еще три года. Годы разочарований и обманутых надежд. Уже четыре года субмарины бороздили пучины Атлантического океана между северо-западными берегами Африки и восточными берегами Северной и Южной Америки. Было сделано много интересных геологических и палеонтологических находок, но следов Атлантиды не находилось. Целые отряды водолазов зондировали дно морское на сотни метров вглубь, но везде находили только вулканический туф, кристаллизовавшийся под давлением воды, гранит и глинистый сланец.

Участники экспедиции были явно утомлены. У Мэри Картер значительно остыл интерес к Атлантиде.

Ее муж проклинал Атлантиду, Ларисона и Солли. Но хороший оклад удерживал его в экспедиции. Сам Солли временами впадал в сомнение. Расходы росли, ему давно пришлось тронуть основной капитал, и он, Солли, «стоил» уже намного меньше, чем до экспедиции.

Подводная экспедиция Солли вначале возбудила громадный интерес. На время Атлантида стала самой модной темой. О ней читались бесчисленные лекции, велись ученые споры. Некоторым мерещились богатства, погребенные на дне океана. Поднимался даже вопрос об основании акционерного общества для ведения совместных с Солли работ. Но простой расчет заставил подождать результатов экспедиции Солли. А эти результаты пока были плачевны. Газеты и журналы писали об экспедиции все холоднее, потом перешли к вышучиванию, высчитыванию, сколько стоит «миф об Атлантиде», и, нако-

нец, замолчали совершенно. Это для Солли было хуже всего. В довершение неприятностей он потерял часть состояния, заключенного в нефтяных акциях.

Дальнейшее «закапывание денег в океан», как писали в газетах, грозило ему разорением.

Солли стал молчалив и раздражителен.

Не унывал один Ларисон.

— Все наши неудачи ничего не доказывают. Просто мы допустили ошибку в исследованиях. Но эту ошибку легко исправить. Дело в том, что до сих пор мы ковыряли только вершины вулканических гор Атлантиды. Помните, что еще Платон упоминал об этих высоких горах. Города лежали у их подошвы. Следовательно, чтобы искать их, нужно опуститься в долины по крайней мере на три тысячи метров глубины, лежащие на дне океана, и проделать в почве несколько глубоких косых траншей. И мы найдем Атлантиду. Она ждала вас десятки тысяч лет, и неужели теперь, когда вы так близко от нее и от славы, — да, от славы! — вы бросите все?

Хитрый Ларисон давно нашел слабую струнку Солли. Слава!

— Сколько она стоит? То есть сколько это будет стоить еще? — спросил он.

Стали подсчитывать. Работы на дне океана стоили безумно дорого. Но упорство и привычка рисковать заставили Солли решиться на этот шаг.

Для последних исследований выбрали местность на 120 северной широты и 400 западной долготы.

На дно были опущены громадные воздушные колокола, так как на глубине трех тысяч метров давление воды было слишком велико для работы водолазов. Сверла, приводимые в движение электричеством с кораблей, стоящих на поверхности океана, бурили и дробили землю, которая через герметические люки выбрасывалась из колокола. Несколько раз вода проникала под колокол. Шесть рабочих уже поплатились жизнью. Все труднее было найти охотников на место выбывших, все дороже оплачивался труд. Три месяца шла эта упорная работа. Героические усилия экспедиции привлекли вновь к ней внимание «надземного мира». Неутомимый Ларисон энергично руководил работами на дне океана. Солли большую часть времени проводил на плавучем доке, устроенном около места работ, — на открытом воздухе. Пребывание в подводных лодках было для него тяжело. Зато морской воздух очень укрепил его здоровье. Физически он чувствовал себя прекрасно. Но это лечение обошлось ему не дешево. В одно утро, посидев над счетами и подведя баланс, он увидел, что ему хватит средств продолжать работу только на два месяца.

А дальше — конец. Он разорен и, вдобавок, опозорен, как старый фантазер и мечтатель.

Вечером, когда Ларисон, усталый, но бодрый и шумный, как всегда, поднялся к нему со дна океана, Солли поведал печальную новость. Ларисон в первый раз почувствовал себя растерянным. Он никогда не думал, что этот золотой мешок может иссякнуть. Но Ларисон был слишком поглощен своими работами, чтобы предаваться отчаянию.

— Этого не может быть!

— То есть как не может быть? Вот посмотрите итог — Не может этого быть, говорю я, чтобы работа прекратилась на самом интересном месте. Мы дошли до мягкого туфа. Работать легче. И только сегодня я нашел что-то чертовски

напоминающее кусок черепицы от крыши. Деньги? Их надо достать!

— Но как?

Ларисон пожал плечами и ушел к себе. Он долго писал в этот вечер, сделал какие-то распоряжения и наутро, наскоро позавтракав, нырнул «к себе» на дно океана.

Глава 4 Неожиданная помощь

Два роковых месяца были на исходе. Солли занимался тем, что подсчитывал, что останется ему на скромную жизнь, когда он бросит «глупую затею» с Атлантидой и ликвидирует ее. Вызванный управляющий делал ему доклад. После ликвидации овечьих ранчо в Техасе оставались кое-какие крохи в несколько сот тысяч долларов.

Солли в задумчивости пускал струи дыма, рисуя картину своего будущего. Он уедет в уединенное имение в южных штатах и будет доживать свой век в полном одиночестве. С африканского берега тянуло горячим дыханием раскаленных пустынь.

Вдруг на севере показался ряд кораблей. Когда они подошли, Солли увидел развевающиеся вымпелы.

— Это что еще за флотилия?

Он не знал, что это шла неожиданная международная помощь. Ларисон не дремал. Он написал горячее воззвание в газеты разных стран с призывом ко всему культурному человечеству помочь экспедиции «во имя науки». Его горячо написанное воззвание произвело впечатление. Был сформирован вспомогательный флот, корабли которого подходили теперь к плавучему маяку. Солли давно уже не читал газет: «Ничего, кроме неприятностей». И потому не знал о воззвании Ларисона.

Помощь пришла вовремя, и работа закипела с удвоенным темпом. Вскоре были найдены неоспоримые следы Атлантиды: каменная кладка из черных, белых и красных камней, хорошо сохранившихся в водонепроницаемом слое. Открытие произвело необычайную сенсацию во всем мире. Почти все государства, словно желая наверстать потерянное, приняли участие в раскопках.

Работа шла медленно, но теперь это уже была не слепая работа крота.

Каждый месяц приносил все более радостные новости. Солли, оживший и вновь повеселевший, проплывал на субмарине вдоль места работ и в окно иллюминатора глядел, как из синевы океана, освещенной прожектором, показывались то полуразрушенный ряд колонн, сквозь которые проплывали рыбы, мягко шевеля плавниками, то стены дома, то покосившийся портик храма...

На пятом году экспедиции были найдены развалины храма Посейдона, а в них — громадная библиотека, состоящая из бронзовых полированных пластин, на которых были вытравлены надписи. Надписи прекрасно сохранились. Их удалось расшифровать одному русскому ученому-лингвисту. Постепенно Атлантида раскрывала свои тайны: храмы, пирамиды, статуи, дома, бронзовое оружие, утварь и бесчисленное количество «бронзовых книг» атлантов.

По окончании раскопок была создана международная конференция из представителей дипломатии и ученого мира для разрешения вопроса о судьбе извлеченных со дна океана ценнейших археологических коллекций.

Было решено не дробить «центральное ядро» археологического материала, дающее полное, почти исчерпывающее представление об Атлантиде, ее цивилизации и жизни. Но между Европой и Америкой завязался горячий спор: кому владеть этим ядром?

В конце концов спор был разрешен в пользу Америки, но в виде уступки Европе, там был создан Международный музей Атлантиды.

Это было грандиозное здание, построенное в стиле атлантов и состоявшее из трехсот шестидесяти громадных залов, наполненных статуями, утварью, предметами культа и тому подобным. К этому главному зданию примыкал ряд других: Международный институт по изучению Атлантиды и библиотека, включавшая уже более двухсот тысяч томов книг по Атлантиде.

Первая речь на торжественном открытии этого музея и института была предоставлена профессору Ларисону. Она продолжалась более шести часов и была прослушана с захватывающим интересом. Мистер Солли также не был забыт на этом торжестве, и его самолюбие было удовлетворено. Ведь в конце концов его скука и лишние деньги помогли открыть Атлантиду. Дубликатов археологических находок было достаточно, чтобы создать богатейшие музеи в Европе. Среди них самыми полными и богатыми оказались музеи Москвы, Парижа и Лондона.

На этом мы и закончим краткую историю открытия Атлантиды. Далее идет уже история самой Атлантиды. Эту историю написал неутомимый старик Ларисон. Такой энтузиаст, как Ларисон, не мог написать сухого ученого трактата. Он написал скорее роман, чем историю. Но роман, в котором каждое положение обосновано на научных данных. К сожалению, Ларисон неожиданно умер, и рукопись, о которой знали многие из его друзей, считалась потерянной. Лишь недавно она была найдена среди хлама на чердаке его уединенного дома.

Рукопись снабжена примечаниями Ларисона, которые мы сохранили. Вот эта рукопись.

Последний человек из Атлантиды

Предисловие

Я пишу для себя. На изучение Атлантиды я потратил долгие годы. Я слишком сжился с нею. Я бродил среди развалин Атлантиды на дне океана. Там передо мною проносились картины ее бывшего величия и ужасного конца. По многим документам, найденным на дне океана и на поверхности земли в различных странах, я познакомился с судьбой ее обитателей и даже отдельных лиц. И у меня явилась непреодолимая потребность записать все это. Я не предполагаю печатать эту рукопись.

Моя повесть об Атлантиде слишком научна для романа и слишком романтична для науки.

Но я не могу не написать ее, потому что эти видения преследуют меня, как галлюцинации.

Может быть, описав их, я буду с бóльшим спокойствием продолжать свои научные работы.

Профессор Ларисон.

Глава 1 Атлантида

Солнце склонилось к западу. Вечерний береговой ветер доносил до самого корабля ароматы цветущих апельсиновых деревьев, магнолий и душистых горных трав.

Пассажиры вышли на верхнюю палубу пятиэтажного корабля и любовались величественной картиной.

Перед ними дремали в лучах горячего солнца берега великой Атлантиды.

У самого берега возвышался знаменитый Посейдонский маяк[27] — одно из мировых чудес. Он имел форму конуса, усеченная вершина которого, казалось, упиралась в небесный свод. Маяк был сложен из громадных каменных кубов красного, черного и белого цвета, расположенных красивым узором. Вокруг маяка спиралью вилась широкая дорога, по которой свободно проезжало рядом шесть колесниц.

День и ночь по винтовой дороге тянулись повозки. Одни из них доставляли смолистые деревья на вершину маяка, другие увозили обратно пепел и угли. На верху маяка была круглая площадка, на которой свободно мог разместиться целый городок. Здесь были огромные запасы дров, ямы для пепла и углей, решетки для костров и целая система шлифованных вогнутых бронзовых зеркал. Смолистое дерево, смешанное с серой и нефтью, давало яркое пламя, которое не могла погасить даже буря. На случай ливня был установлен бронзовый навес. Бронзовые зеркала, как сильные конденсаторы, собирали свет и бросали лучи в океан на много десятков миль.

Маяк стоял у гавани, окруженный садами, среди которых были разбросаны дома кубической формы из камней черного, красного и белого цвета. Дальше почва постепенно возвышалась, переходя в горную цепь.

На склонах горы, как расплавленное золото, сверкали под солнцем своей бронзовой облицовкой здания Посейдониса — столицы мира и Атлантиды. Еще выше, как сторожевой дозор, высился полукруг гигантских гор с снежными вершинами.

А вдоль всей горной цепи протянулось одно из самых чудесных произведе-



ний искусства атлантов, создание великого ваятеля Атлантиды — Адиширны-Гуанча: бог Солнца, изображенный в виде полулежащего на левом боку юноши. В правой руке, протянутой вдоль бедра, он держал рог, из которого низвергался громадный водопад. Опершись на локоть, он протянул раскрытую ладонь левой руки и с улыбкой рассматривал расположенные на ней храмы, с великим храмом Посейдониса посередине, громадные пирамиды иobelisks. Вся фигура бога была высечена из горной цепи. Требовалось два с половиной дня пути, чтобы пройти от склоненного локтя статуи до конца ноги. Десятки тысяч рабов трудились на нею.

Статуя эта с моря, на расстоянии нескольких часов пути от берега, производила необычайное, ни с чем не сравнимое впечатление. Громадные храмы и пирамиды на ладони статуи казались прекрасными маленькими игрушками.

Снежные вершины окаймляли статую бога Солнца, как белое облако, утопавшее в синеве тропического неба.

Пассажиры с немым благоговением смотрели на эту величественную панораму.

— Да, велик бог Атлантиды, — задумчиво сказал один из них.

Он сидел на золотом троне, под полосатым балдахинном, в шелковой пурпуровой одежде, вышитой яркими узорами. Красные рубины сверкали на его одежде, как угли, в лучах заходящего солнца. Черная длинная борода его на щеках была завитая в мелкие кольца, а ниже заплеталась в жгуты. На голове конусообразная тиара была усыпана драгоценными камнями.

Это был владыка далекого Ашура, один из царей, подвластных Атлантиде.

Он приехал с обычными дарами на годовой праздник Солнца.

Корабль входил в бухту.

Матросы опускали громадные пурпуровые паруса, на которых разноцветными шелками были расшиты крылатые быки. И паруса падали вдоль мачт, построенных в форме «Л», как на сложенный дождевой зонтик. Один ряд за другим гребцы опускали тяжелые весла, обитые тонкими листами бронзы. Только в самом нижнем ярусе весла ударяли еще по воде под ритмические звуки флейты.

Наконец был опущен и небольшой носовой треугольный парус. Он затре-

петал на ветру, как крылья бабочки, и замер.

Корабль входил в широкий канал, берега которого были скованы белым камнем.

Канал проходил через три гавани, лежащие одна за другой. При приближении корабля к первой гавани слышались громкие звуки громадных бронзовых труб морской стражи.

Шесть таможенных барок, плоских, с заостренными и приподнятыми носами и короткими мачтами в форме «Л», подплыли и остановились полукругом около прибывшего корабля. На барках стояли солдаты с длинными пиками, короткими мечами и в касках из полированной бронзы.

Начальник морской стражи вошел на палубу корабля.

Он протянул руку в знак почтения, — свободные атланты не падали на колени даже перед царями, — и просил продолжать путь. Весла вновь мерно опустились в воду.

Но вот канал неожиданно оборвался, и корабль вошел в Большую Гавань Посейдониса, освещенную заходящим солнцем. Ветер трепал флаги на верхушках целого леса мачт. Крик человеческих голосов, звуки песен, скрип ворот, лязг бронзовых цепей сливались в однообразный шум.

Корабль проследовал дальше в большой канал, длиной в девять километров. По берегам канала потянулись дома, храмы, склады, богатейшие поля маиса и пшеницы, орошаемые сетью мелких каналов. Среди зелени садов были разбросаны низкие белые кубообразные дома из белого, красного и черного камней, сложенных простым, но красивым узором.

Направо, в последних лучах заходящего солнца возвышалось здание Морской Биржи с высокими обелисками, испещренными надписями. Перед нею шумела и волновалась толпа, разноплеменная, пестрая: скандинавцы, даже здесь не оставлявшие своих меховых одежд со скрытыми под ними коварными мечами; азиаты в красных колпаках и длинных одеждах, расписанных золотом; нубийцы — продавцы слоновой кости в конических тиарах, звенящие своими амулетами; желтолицые продавцы лошадей и барышники...

Наконец корабль остановился в третьем, внутреннем, морском бассейне, на поверхности которого скользили, как быстрые водяные жуки, небольшие лодки, фелюги, гондолы.

Путешественники сошли с корабля и расположились в черных гондолах, украшенных диском солнца.

Гондолы быстро поплыли вдоль прямого канала, который пересекался тремя концентричными каналами. Внутри этих каналов, закованных в красную бронзу, возвышался Священный Холм города Посейдониса.

Без сумерек пала на землю южная ночь. Издали, от Морской Биржи, донеслись заглушенные расстоянием звуки песен, шум толпы...

На холме высились громадные бронзовые колонны-«фонари», с вершины которых падали яркие лучи света.

На фоне неба чернели леса у края снежных горных вершин, защищавших Атлантиду от северных гиперборейских ветров...

Между первым и вторым кольцевым каналами были расположены громадные здания казарм. В них помещались испытанные в своей верности воины, которых набирали главным образом среди белокурых, длинноволосых галлов и смуглых берберов.

Гости сошли с гондол и стали пешком подниматься на Священный Холм.

На его вершине уже ясно виднелись пирамиды, окружавшие храмы, с храмом Посейдона посередине. Храмы окружало роскошное ожерелье дворцов, монастырей, часовен, висячих садов, астрономических башен и научных лабораторий жрецов.

По обе стороны дороги росли драконовые деревья с их острыми листьями и корнями, сок которых похож на кровь. Среди пальм струились фонтаны.

Взошла луна, и свет ее ярко осветил город. Аромат цветов наполнял воздух.

От времени до времени от казарм доносились резкие звуки труб.

Никто не встречался на пути, кроме стороживших воинов, стоявших неподвижно, как статуи. Закованные в блестящие латы, они блестели при свете луны, как бронзовые монолиты. Это были «кавалеристы Нептуна» — сыновья жрецов и царей. Только знатное происхождение доставляло им честь стоять на страже в этих запретных местах.

На высоте холма сильнее чувствовалось освежающее дыхание океана...

Храм Посейдона был воздвигнут на усеченной пирамиде, покрытой бронзой. Он имел стадий[28] в длину и весь был покрыт серебром, золотом и бронзой. Внутри храма статуи и колонны были украшены слоновой костью. На верху храма возвышалась гигантская статуя бога, стоящего на своей колеснице, запряженной крылатыми конями. Вокруг статуи высились ряды астрономических колонн, бронзовых nereid и золотые статуи царей и цариц, происшедших от десяти сыновей Посейдона.

Все эти архитектурные сооружения, облицованные сверкающей бронзой, производили впечатление несколько варварского, но поражающего великолепия.

Недалеко от храма, из скалы, вытекало два источника: один с холодной, другой с горячей водой. Источники вливались в бассейны, над которыми были воздвигнуты бани: одна летняя, и другая, крытая, — на время зимних дождей.

Проводник привел гостей к одному из дворцов, стоявших недалеко от храма Посейдона, в лавровой роще. Цветущие глицинии обвивали колонны.

Луна освещала бронзовую облицовку двери, на которой был изображен лик бога Солнца, в виде человеческой головы с разбросанными, пылающими волосами.

На стук проводника дверь открылась.

— Трижды великий царь Атлантиды предоставил этот дворец в ваше распоряжение, — сказал проводник царю Ашура, протягивая руку.

Почетная стража атлантов потрясла копьями и ударила ими о щиты в знак салюта, и гости вошли во дворец.

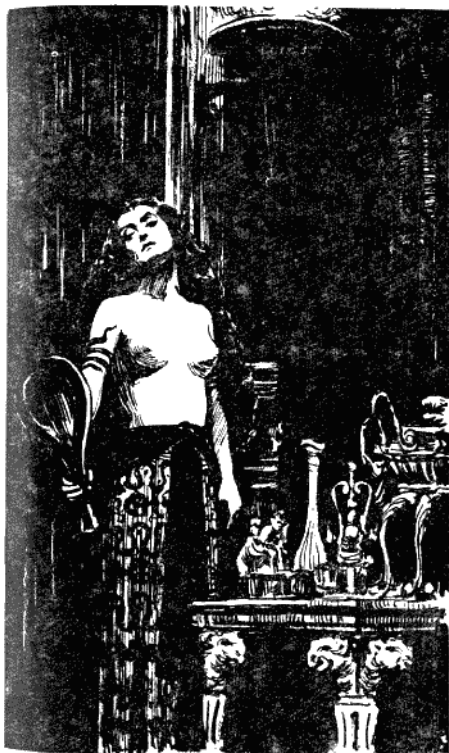
Глава 2 Сель

— Какая душная ночь! Эта бронзовая облицовка за день так накаляется, что даже ночью дышать нечем. Надо сказать нашему архитектору Кунтинашару, чтобы он выстроил мне дворец из пористого камня, как у Шишена-Итца. Открой завесу, Ца!

Старуху, няньку царевны Сель, звали Гу-Шир-Ца. Но Сель с детства называла ее кратко: «Ца».

Старуха отдернула лиловую завесу, расшитую серебряными лилиями. В открывшейся раме между колоннами сверкнула полоса поверхности океана, переливающаяся лунным серебристым светом. В комнату ворвался свежий ветер и колыхнул широкие концы пояса Сель.

Сель стояла у столика из слоновой кости, заставленного коробочками из яшмы, хрустальными и золотыми флаконами удлинённой формы, миниатюрными чашечками из оникса и сердолика для белил и румян и маленькими статуэтками.



В протянутой руке она держала зеркало из полированной бронзы. Полотняный кусок материи с вытканными змеями и цветами, узко стянутый у бедер, прикрывал ее тело до пояса. Сверх полотна был повязан темно-синий широкий пояс, завязанный узлом у живота. Концы пояса спускались ниже колен. Грудь, шея и руки были обнажены. Руки выше локтя были перехвачены браслетами в виде обвивавшихся змеек. Мелкая чешуя их отливала зеленоватым золотом. На их приподнятых головках сверкали изумрудные глаза.

Сель любовалась собой в зеркало, поправляя распущенные черные волосы.

С одной стороны девушка была освещена красным огнем высокого бронзового светильника, с другой — голубым лучом луны, падавшим сквозь высокие колонны. Бронзовое зеркало несколько золотило ее смуглый цвет кожи, и вместе с двойным освещением ее лицо, отраженное в зеркале, приобрело необычайно сложную окраску.

— Ца, сделай мне прическу. Много приехало гостей на праздник? И Сель улеглась на низкую кушетку, покрытую шкурой леопарда.

— Едут и едут... Одних царей шестнадцать уже приехало... Царь Шеркурлы, Агада, Эреха, Ура, Ишна, Марсама, Атцора — всех не перечесать... Могуч Гуан-Атагуераган! Весь мир покорили атланты. Взять, к примеру, хотя бы царя Ашура. Каково ему-то на поклон ехать! А не откажешься...

— Ца, какой я сегодня сон видела! Будто мою голубку схватил коршун и уносит. Я стала кричать, а голоса нет... Вдруг орел поднялся и камнем на коршуна! И они задрались так, что летели перья. Но тут я проснулась. Какая доса-

да!.. Я так и не узнала, спас ли орел голубку... Как ты думаешь, что означает этот сон? Спросить разве у Эльзаира? Он хорошо толкует сны.

— И спрашивать нечего. Я сама растолкую. Голубка — это ты. Из-за тебя уж давно пух и перья летят: ссорятся женихи, значит. Вот слыхала я, что царь Ашура опять сватается за тебя. Он и в прошлом году сватался.

— Этот черный, с длинной бородой в кудряшках? Ни за что! Чтобы я поехала с этим коршуном на край света, оставила свою прекрасную страну? Ни за что!

— Слово царское — закон. Не все по нашей воле делается!

— Я сама себе — слово царское. Ну, это мы посмотрим! Что ты долго возишься с прической?

— Готово. Какое платье прикажешь подать к завтрашнему празднику?

— Завтра не платье, а латы, меч и копье! И она сделала резкое движение рукой, как бы рассекая мечом воздух. Под тонкой кожей заиграли хорошо развитые мускулы.

— Я завтра еду с отрядом своих амазонок. Пусть знают все иностранные соколы и орлы, что дочери атлантов владеют копьем и мечом не хуже их воинов. Может быть, это отобьет у них охоту брать в жены амазонку.[29]

Протянув плащ под правую руку, она свободным движением закинула конец его на левое плечо.

— Заколи на плече! Опять волочиться будет, — ворчливо сказала Ца и подала Сель булавку, сделанную из красной яшмы в виде человеческого сердца, пронзенного золотой стрелой.

Сель улыбнулась, взглянув на этот древний символ несчастной любви. Брошь была сделала рабом Адиширной-Гуанчем, ваятелем и придворным ювелиром.

— Что делает Адиширна-Гуанч? Как его Золотые Сады? Он успеет их закончить к празднику?

— Говорят, все готово. Он там, в садах.

— Я пойду посмотреть на его работу!

— Что ты. Сель!.. — замахала руками Ца. — Отец строго запретил входить в Золотые Сады, пока они не будут окончены. Завтра их откроют, тогда смотри сколько хочешь!

— Я потихоньку!.. У меня есть ключ.

— Ни один ключ не подходит к замкам, открывающим Золотые Сады.

— А мой подойдет!

Ца подозрительно посмотрела на свою воспитанницу.

— Откуда он у тебя?.. Уж не сам ли Адиширна-Гуанч преподнес его тебе?

— А хоть бы и так! — И, рассмеявшись, Сель обняла Ца. — Идем со мной, моя старушка...

Ца была обезоружена лаской своей любимицы.

— А вдруг отец придет туда и застанет тебя?

— Он сейчас занят своими государственными делами. Вот что: пройдем к нему и посмотрим, что он делает. Если у него с докладом Ши-шен-Итца, то можно бродить безопасно в Золотых Садах хоть до утра.

Ца неодобрительно покачала головой, но поплелась, ковыляя, за девушкой.

Глава 3

Гуан-Атагуераган, царь Атлантиды

Царь занимался государственными делами в длинной, узкой комнате без колонн. Стены были покрыты бронзовыми барельефами, изображавшими подвиги царей Атлантиды. Низ стен, на высоте двадцати локтей, был увешан цветными коврами с вытканными сценами из мифологии. Над самым потолком сквозь квадратные окна виднелось звездное небо. Другой ряд окон выходил во внутренние помещения дворца, на второй этаж. Сюда и забралась Сель со своей нянькой и заглянула вниз из-за шелковой занавески окна.

Гуан-Атагуераган сидел у узкой стены в конце коридорообразной комнаты на высоком троне из драгоценного дерева. Спинка трона украшалась золотым диском солнца. Львиные лапы, вырезанные из слоновой кости, поддерживали ножки трона.

По одну сторону стоял в длинной черной одежде один из жрецов — Вестник Солнца, который совершал объезды владений Атлантиды.

По другую сторону — любимый жрец царя — Шишен-Итца.

У трона на разостланной по мозаичному полу шкуре пещерного медведя лежал на животе раб-скорописец.

Перед ним стоял небольшой пюпитр с листами папируса, тушью и кисточкой.

Царь сидел, устремив неподвижный взор в пространство, и медленно диктовал.

— Пиши: «Я — царь, могучий, почитаемый, исполин, первый, сильный, отважный, лев и богатырь Гуан-Атагуераган, могущественный царь, владыка Атлантиды. Я — непреодолимое оружие, разрушитель городов, похитатель врагов, царю Урузала, поднявшему восстание против власти моей, — гнев мой падет на тебя.

Я воздвигну пирамиду из голов непокорных. С живого сдеру кожу твою и растяну ее на городских воротах, как охотник растягивает шкуры затравленных зверей. Я воздвигну столб перед воротами города, со всех бунтовавших вельмож я сдеру кожу и этими кожами обтяну тот столб, как сделал это в Мушизимбардуне. Иных я посажу на колья, вверх столба, а еще иных на колья, расставленные вокруг него. Я отрежу пленным ноги и сложу в кучи. Я отрежу уши, носы и руки. Подростков обоего пола я сожгу живьем. И гнев мой постигнет тебя даже у края земли...»

Перепиши приказ и поставь мою печать, — обратился он к Шишену. — Пошли тысячу кораблей с Непобедимыми Легионами, — обернулся царь к Вестнику Солнца, — и пусть они не оставят камня на камне. Власть атлантов должна стоять незыблемо, как сама земля!

До сих пор это так и было. Бронзовое оружие, неисчислимый флот и расчетливая дальновидная политика подчинила атлантам все известные народы мира. Их власть, как бронзовое кольцо, опоясала земной шар. Там, где трудно было достигнуть цели одной силой оружия, атланты пускали в ход политику. Пользуясь междоусобными войнами, они приходили на помощь одной из воюющих сторон, брали под свою защиту, побеждали врага и постепенно подчиняли своей воле оба враждующих государства. У атлантов завязались торговые сношения с отдаленнейшими государствами. Цивилизация атлантов, их архитектура, астрономия, медицина проникли во все страны мира. Изменяясь на новых местах, эта цивилизация все же сохраняла свои основные черты.

Лишь тайны своей металлургической промышленности, секрет выработки бронзы, которой придавалась крепость стали, бережно хранились атлантами.

Восстания были редки. Но если они были, их подавляли с беспощадной жестокостью.

Высота научных знаний касты жрецов и варварская пышность и жестокость правления уживались в Атлантиде.

Покончив с Вестником Солнца, царь обратился к Шишену-Итца:

— У тебя что?

— Трижды великий, могучий, непобедимый...

— Короче. Мы одни, и у меня немного времени до восхода солнца.

— Верховный Совет жрецов просит подтвердить на новый год прежний порядок взимания десятины в пользу храмов со всех государственных доходов.

— Довольно будет и пятой части. Жрецы скоро будут богаче меня.

— Но это вызовет недовольство и даже, может быть... Царь нахмурил брови. Над его длинным носом легли две глубокие складки — признак сдерживаемого гнева.

— Что такое?.. Недовольство?.. Жрецы забываются. Они берут на себя слишком много. Они хотят управлять от моего имени. Я не могу потерпеть ограничения моей власти!.. На заседаниях Верховного Совета жрецы стараются подавить мой авторитет авторитетом своих знаний. А если я и настаиваю на своем, они призывают авторитет божества. Воля богов для меня священна, но так ли интересуются боги нашими земными делами, как это представляют жрецы? Довольно! Я слишком долго терпел своеволие! Отныне в Совете вместо семи Верховных жрецов будет только три. Четыре места я отдаю военачальникам и лицам царствующего дома Посейдонисов. Заготовь приказ!

Шишен-Итца вытер ладонью выступивший на лбу холодный пот.

— Великий царь...

— Довольно слов! Я хочу быть великим на деле...

— Пусть гнев твой обрушится на меня, но это невозможно...

— Ну, теперь они не скоро кончат, — шепнула Сель и, дернув няньку за одежду, побежала по крутой малахитовой лестнице.

Нянька ковыляла вслед за нею, трясая старой головой.

— Быть беде... быть беде... Не может быть здорово тело, когда руки ссорятся с головой...

— Что ты ворчишь там?

— Нельзя обижать жрецов! Гнев богов страшнее царского гнева!

Глава 4 Адиширна-Гуанч

Сель подошла к высокой золотой стене, ограждавшей Золотые Сады. У стены была низкая дверь. Вынув из-под плаща бронзовый ключ. Сель открыла замок, пружина которого издала мелодичный звон. Тяжелая дверь подалась с трудом.

— Идем!

Ца тяжело вздыхала и колебалась.

— Ну, оставайся здесь, если боишься. Я одна пойду! — решительно сказала Сель и проскользнула в полуоткрытую дверь.

Сгорбившись, кряхтя и мотая головой, старуха последовала за нею. В прохо-

де она зацепилась платьем за острый край золотого листа и изорвала платье.

— Не к добру это... не к добру, — ворчала она.

А Сель уже стояла на высокой площадке и смотрела как зачарованная на волшебную картину, расстилавшуюся перед нею.

Золотые Сады спускались широкими террасами. Каждая терраса сверкала в лунных лучах своими золотыми деревьями, листьями, плодами, феерическими цветами. Все это было вычеканено из золота и серебра. На цветах сидели бабочки, раскрыв свои крылья, на ветках — птицы; свернутые ужи, громадные ящерицы и улитки виднелись в золотой траве. Целые поля маиса были вычеканены из золота и серебра с волшебным искусством. По обе стороны дорожки, усыпанной золотым песком, дремали громадные золотые львы.

Самый сильный ветер не мог поколебать ни одной ветки, ни одного листа в этом необычайном саду.

Сель долго не могла оторваться от этой картины...



Даже старуха Ца, забыв о своем неповиновении царскому слову, в восторге хлопнула кривыми, костлявыми пальцами по коленям и воскликнула:

— Вот так внук!

— Какой внук? — с недоумением спросила Сель.

— Адиширна, внук он мне...

— Я и не знала!.. Отчего же ты не говорила мне об этом?

— Мы люди маленькие, кому интересно наше родство. А только нельзя не похвалиться. Ведь такие способности дали ему боги!.. Не всякому и жрецу впору сделать такое... А так рабом и умрет... Что делать!.. Одному на роду написано царствовать, а другому быть рабом... Каждому свое...

— Я и не знала, — сказала еще раз в задумчивости Сель. — Да... Одному царствовать, а другому быть рабом. Но боги или люди создали это разделение?..

Ца взмахнула руками.

Не дав ей ответить. Сель быстро заговорила:

— Слушай, Ца, ты ведь меня любишь?.. Ну, конечно! Я знаю. Не целуй край моего плаща. Так слушай, Ца: сиди вот здесь, на этом золотом льве — не бойся,

он не проснется и не тронет тебя. Сиди смиренно и дожидайся меня. Я скоро вернусь... Я одна!..

Прежде чем Ца успела открыть рот, Сель уже бежала вниз по золотистой дорожке.

На второй террасе были видны люди в коротких одеждах рабов. Некоторые из них имели только повязку у бедер. Они возились около фонтанов.

Около группы склоненных рабов стоял стройный юноша в черной короткой рубаше, перетянутой широким кожаным поясом. Руки выше локтей и широкая грудь его были открыты. Густые, вьющиеся волосы стянуты узким ремешком. Несмотря на этот простой костюм, юноша был прекрасен, как молодой бог.

Это был раб Адиширна-Гуанч, гениальный художник, скульптор и ювелир. Сель подбежала к нему сзади и в смущении остановилась.

Рабы прервали работу и подняли голову. Адиширна повернулся и замер от удивления...

— Ты?!

— Я пришла посмотреть на работы, — сказала она. — Что ты тут делаешь?..

Чтобы скрыть смущение и радость, художник с жаром принялся объяснять:

— А вот посмотри. Струи фонтанов сделаны из бриллиантов. Мы сейчас оживим их!

Наклонившись к колодцу в земле, он крикнул на берберском наречии:

— Ширан, дай свет!

Фонтан осветился лучом света, идущим из-под земли. Свет переливался цветами радуги, скользил внутри бриллиантовых струй фонтана, и это создавало иллюзию струящейся воды.

Сель была по-детски восхищена.

— Да ты колдун, — сказала она смеясь и поправила красную розу на своей груди. — Покажи, что здесь есть еще интересного.

— Вон там пруд...

— Идем! — повелительно сказала она. Сель и Адиширна отделились от рабов и подошли к уединенному пруду.

— Вода в нем сделана из горного хрусталя!

Адиширна наклонился к земле, повернул скрытый рычаг, и пруд осветился голубым светом.

Еще один поворот рычага, и в хрустальной глубине медленно поплыли золотые рыбки, шевеля плавниками и хвостиками.

— Колдун, колдун! — И, по-детски восхищенная, Сель захлопала в ладоши.

— Здесь нет колдовства, — сказал художник, и румянец удовольствия покрыл его смуглые щеки. — Законы механики, не больше! Все эти птицы, — и он махнул рукою по направлению веток с сидящими птицами, — могут петь и махать крыльями. Желаете посмотреть?

— Нет, не надо... — сказала Сель и задумалась. — Скажи мне, Адиширна, как пришла тебе в голову мысль создать этот волшебный сад?

— Как пришла мне в голову эта мысль? — медленно проговорил художник, опуская голову.

Он что-то обдумывал и, казалось, колебался. Потом, решительным движением вскинув голову, он взглянул прямо в глаза Сель.

— Вот как... Для меня этот сад — символ.

— Что же он означает? — спросила Сель, несколько смущенная пристальным взглядом художника, но не опуская глаз.

— Посмотри на этот сад! — с воодушевлением начал художник. — Ты видишь в нем роскошные плоды, но не можешь насладиться их вкусом. Ты видишь диковинные цветы, но не можешь сорвать их. А если захочешь сделать это, они только больно уколют руки. Здесь все чарует глаза, и ничто не доступно для обладания... Жизнь — это тот же Золотой Сад...

Вздохнув, художник опустил голову и замолчал.

Молчала и Сель.

Потом, подойдя к нему ближе, она спросила взволнованным, тихим голосом:

— Ты... ты хотел бы обладать всеми цветами мира?

— Только одним! — воскликнул художник, вновь окинув ее горячим взглядом.

— Каким же? — спросила Сель.

— Этот цветок ты! — страстно воскликнул юноша.

— Но ты забыл, что сад, в котором растет этот цветок, для тебя запретный, — лукаво смеясь, возразила Сель и, повернувшись, побежала к ждущей ее Ца.

Глава 5 При свете звезд

Синий купол звездного неба покрывал Атлантиду.

На вершине огромной пирамиды, у храма Посейдониса, жрец Эльзаир, астроном и астролог, наблюдал движение небесных светил.

На обширной площадке, мощенной шашками черных и белых мраморных плит, стояли различные астрономические инструменты из бронзы.

Астроном записывал на бронзовых пластинках свои наблюдения. Он макал стилос, сделанный из вещества, не растворяющегося в едких кислотах, в стеклянный сосуд в виде раскрытой пасти льва, и наносил на пластинку знаки, напоминающие ассирийскую клинопись. Кислота выедала на пластинках эти знаки неизгладимыми темными углублениями. Небольшая глиняная лампа, изображающая дельфина, с волокнистым фитилем, вставленным в масло, бросала слабый свет на полированные таблицы.

Жрец так был погружен в свое занятие, что не слышал, как в люк, закрывавший вход на площадку, постучались.

Стук повторился.

— Кто там?

— Именем Солнца!

Жрец поднял люк, и на площадку вошли пять жрецов: Кунтинашар — архитектор и математик, Анугуан — историк, законовед и дипломат, Зануцирам — химик и инженер металлургической промышленности, Агушатца — врач и Нуги-Эстцак — философ и хранитель культа.

— Как твои наблюдения, Эльзаир? — спросил Кунтинашар. Эльзаир развел руками.

— Или в моей голове, или в небе творится что-то неладное. Планеты сдвигаются со своих орбит, и даже все неподвижные звезды будто сдвинулись немного вправо с предначертанного им в вечности места... Смотри сам...

Кунтинашар подошел к инструментам, внимательно осмотрел их, произвел градусные измерения, проверил цифры таблиц и пожал плечами.

— Да, загадочное явление...

— Я сообщу об этом Ацро-Шану, хранителю Высших Тайн. Если не сумеет и он объяснить, то одни боги знают, что творится в небесах!

— Просматривал ли ты таблицы за прежние годы? — спросил историк Ану-гуан.

— Я просмотрел уже за четыре тысячи пятьсот лет. Ничего подобного в записях не встречается.

— Ну, вот что, — произнес Зануцирам, — вы, звездочеты и математики, интересуетесь только небом, а нам интересно то, что творится здесь, на земле. Нуги-Эстцак, посмотри, хорошо ли прикрыта подъемная дверь!

— Кого?.. — спросил рассеянно Нуги-Эстцак. Философ не слышал вопроса. Мысли его были далеко. Посмотрев на него и безнадежно махнув рукой, Зануцирам подошел к двери, поднял ее, убедился, что внизу никто не подслушивает, и, плотно закрыв, сказал вполголоса:

— Мы одни... Агушатца, скажи, что ты сегодня узнал во дворце? Агушатца осмотрелся кругом, как бы не доверяя и этому уединенному месту, и так же тихо начал говорить...

— Плохие новости... Царь жаловался на боль головного мускула,[30] и я был у него... Ничего серьезного.

— Ничего серьезного? Да, это плохие новости, — с иронией проговорил Зануцирам.

— Есть хуже, — продолжал Агушатца. — Возвращаясь из опочивальни царя, я встретил царского скорописца. И он успел шепнуть мне, что Гуан-Атагуераган уменьшил наши доходы наполовину и изменил не в нашу пользу состав Верховного Совета.

— Этого надо было ожидать...

— Так дальше продолжаться не может!

— Здесь нас пять из семи членов Верховного Совета. Великий Ацро-Шану, хранитель Высших Тайн, живет в тысячелетиях, — он выше наших забот. Шишен-Итца с тех пор, как царь пленился его дочерью и «породнился» с ним, взяв ее в свой гарем, готов лизать царские пятки. Только мы одни можем защитить интересы великой касты жрецов. Мы — соль Атлантиды. Мы — истинная сила ее. Мы храним знания, накопленные десятками тысячелетий.

— Так откажемся строить, откажемся лечить, выделывать бронзовое оружие и строить корабли, — и царь сразу почувствует, что значит ссориться со жрецами!

— Нож хочет перестать быть острым, а солнце горячим? — с улыбкой произнес архитектор Кунтинашар. — Не забросят ли нож и не разведут ли костры, если угаснет солнце, чтобы обогреться? Ты увлекаешься, Агушатца. Это опасный путь!.. А что, если обойдутся без на?? Посмотри на этого выскочку, раба Адиширну-Гуанча. Он не накапливал знания тысячелетиями, как наша каста, и он вырос в грязи, а сумел создать произведения, достойные богов. Он был и остался рабом, и тем не менее мне, великому Кунтинашару, приходится завидовать этому мальчишке! Да, завидовать! Перед вами я не скрываю этого. Когда приезжают иноземцы, что поражает их больше всего? Не мой маяк, а его бог Солнца, на чьей ладони мы помещаемся сейчас со всеми нашими хра-

мами и пирамидами. «Кто создал это чудо?» — спрашивают иноземцы. Раб. Не я!.. Как это перенести? А среди этого сброда найдется немало таких, как Адиширна. Мы держим их в полуживотном состоянии и этим охраняем наши законные права. Но что, если развяжут их скрытые силы?.. Твой план, Агушатца, никуда не годится...

— Но что же нам предпринять?..

— Надо убрать неугодного нам царя.

Эта мысль была у всех жрецов, но никто не осмеливался высказать ее первой.

И они сидели в выжидательном молчании.

— Ты — философ, Нуги-Эстцак, — нарушил молчание жрец-архитектор, — скажи нам, что бы ты сделал, если бы камень преградил тебе дорогу?

— Чтобы решить эту задачу, не нужно быть философом, — простодушно ответил Нуги-Эстцак, — на это хватит ума и у раба. Я отбросил бы ногой камень в сторону...

Жрецы переглянулись и поняли друг друга.

— Да, но как это сделать?.. — задумчиво произнес архитектор.

— Вот как, — добросовестно показал философ, шаркнув своей сандалией по скользким плитам. Жрецы улыбнулись.

— Если бы это было так просто! — произнес архитектор.

— А что этот... головной мускул, — обратился к Агушатце астроном, — чем его излечивают?

— Настой из двенадцати горных трав, собранных на заре в новолуние.

— Нет ли чего-нибудь покрепче? Да, покрепче! Чтобы сразу мускул этот самый головной...

— Есть, конечно. Но, может быть, ты сам подашь царю это питье «покрепче», Эльзаир? Первый глоток он заставляет выпить раба, второй — меня, а потом пьет сам.

— Какое возмутительное недоверие к жрецам!..

— Бросим загадки, — сказал Кунтинашар, — Гуан-Атагуераган обречен нами на смерть!..

— История знает такие примеры, — воскликнул историк Анугуан, — восемь тысяч двести двадцать семь лет тому назад был убит царь Абунарцалаган, пять тысяч шестнадцать лет тому назад был такой же случай цареубийства «для блага великой Атлантиды». Так и записано в летописи нашего тайного архива: «для блага великой Атлантиды».

— Но жрецам, — сказал Кунтинашар, — не следует принимать непосредственного участия. Надо создать дворцовый переворот. Пусть это будет делом рук брата царя — Келетцу-Ашинацака. Маленькому князьку Атцора заманчиво сделаться властелином мира. Его не трудно будет убедить в том, что он законный наследник, неправильно устраненный от престола. За доказательствами дело не станет. Можно призвать на помощь магию и астрологию — это по твоей части, Эльзаир. Возведенный на престол с нашей помощью, он будет послушным орудием в наших руках. Воспользуемся его приездом на праздник Солнца и посвятим его в наш план.

— Этот план лучше других, — сказал Анугуан, толстенький старик с полузакрытыми глазами. — Но здесь есть одно препятствие: Келетцу-Ашинацак родился с сердцем овцы. Он вялый, нерешительный и боязливый. Едва ли нам

удастся склонить его на такой поступок... Что ж, попробуем! А если не удастся, про запас у меня имеется план получше... Я имею сведения, что среди рабов...

В подъемную дверь кто-то сильно постучал три раза. Жрецы переглянулись, быстро разошлись в разные стороны и сделали вид, что углубились в астрономические наблюдения за звездами.

— Три стука... Царь... — шепнул Эльзаир и открыл люк. Вошел царь в сопровождении двух вооруженных белокурых телохранителей и жреца Шишена-Итца.

Царь подозрительно оглядел жрецов.

— Почти весь Верховный Совет совещается со звездами? — сказал царь, иронически улыбаясь.

— Великий царь! Звезды меркнут, когда восходит солнце! — певуче, на придворный манер, произнес Эльзаир.

— До зари еще далеко! — холодно отстранил царь льстивое приветствие Эльзаира. — Составь мне гороскоп на завтра. Мне хочется узнать, Атцор вместе с Атлантидой погибли на дне океана. На поверхности остались лишь вершины гор, составляющие теперь Азорские острова — Ларисон успешно ли пройдет завтрашнее празднество, на которое съехались все мои вассалы.

— Гороскоп составлен, трижды великий владыка. Звезды благоприятствуют тебе. Вот он: «Государю-царю моему доношу я, Эльзаир, главный астроном города Посейдониса. Привет с пожеланием мира царю моему. Да будут милостивы боги к царю-государю моему. В шестой день месяца Ану приступили мы к наблюдению нашему, и видели мы...»

Царь слушал и исподлобья испытующе смотрел на присутствующих.

Лица жрецов были непроницаемы...

Глава 6 Праздник Солнца

Ночь была на исходе. Воздух посвежел. Побледнели звезды. Потянуло предутренним ветерком.

На огромной площадке, обрывающейся на востоке крутыми утесами к океану, при свете факелов служители храма спешно заканчивали убранство алтарей. Рабы снимали лестницы, веревки, брусья, окончив декоративные работы. Наконец все было готово.

Наступил великий годовой праздник Солнца.

К нему Посейдонис готовился целые месяцы. Это был не только религиозный праздник. Это была демонстрация, которая должна была показать всем приезжим подвластным царям и правителям великолепие, богатство и могущество метрополии.

С горы, от Священного Холма, по горной извилистой дороге показались огни, вытягиваясь и изгибаясь вдоль пути, как длинный светящийся змей. В тишине ночи слышались визгливые звуки флейт, громохание бронзовых колесниц, тяжкие вздохи громадных слонов.

Головная колонна уже входила на площадку, разливаясь по ней огнями факелов, а светящийся хвост процессии еще виднелся на Священном Холме.

Впереди шел отряд воинов, сверкавших бронзовым вооружением, за ним — жрецы в роскошных тяжелых служебных одеяниях, усыпанных драгоценными камнями. На черных носилках, с золотыми дисками солнца по сторонам,

четыре служителя храма несли самого Адро-Шану — великого Верховного жреца, хранителя Высших Тайн, который один раз в год, в праздник Солнца, оставлял свой недоступный даже многим жрецам дворец у храма Посейдониса и являлся миру.

Он считался самым старым человеком на земле. Одни определяли его возраст в двести лет, другие — еще более. Народ был уверен в его бессмертии.

Иссохшее, морщинистое лицо его напоминало мумию. Густая белая борода достигала колен. На этом безжизненном пергаментном лице — большие, молодые, горящие как угли глаза производили жуткое впечатление.

Толпа невольно отхлынула. Многие рабы пали на колени.

Верховного жреца бережно усадили на высокий престол пред главным жертвенником. Остальные жрецы заняли свои места у жертвенников, расположенных полумесяцем, замыкавшим выступ площадки. В центре этого полумесяца стоял еще более высокий трон царя атлантов, на семидесяти двух постепенно суживающихся мраморных ступенях.

Вверху спинки трона был укреплен большой бронзовый диск солнца, поддерживаемый двумя переплетающимися бронзовыми змеями. Вокруг этого трона расположены были семьдесят два трона царей главнейших стран, подчиненных Атлантиде.

В шествии этих царей, окруженных придворной стражей, были представлены все окраски и оттенки человеческой кожи — от черной, как эбонит, кожи нубийцев, до белой, как слоновая кость, северных галлов; все одежды, все разнообразие вооружения и украшений.

Когда прибывшие заняли свои места, все огни внезапно были погашены, как будто опустили темный занавес на весь этот пестрый, разноплеменный человеческий муравейник.

Только вверху мерцали побледневшие звезды.

Резко прозвучала большая бронзовая труба, и вдруг стало тихо. Если бы не пофыркивание коней и слонов да случайный лязг медного вооружения, от времени до времени нарушавшие тишину, можно было подумать, что вся громадная площадь пуста...

Среди этой жуткой тишины вдруг раздался голос жреца. Высоким тенором, надрывно, с переливами и неожиданными паузами, так же неожиданно прерываемыми вскриками, он пел об ужасах мрака, таящего в себе неведомые опасности, о страхе смерти, о тоске души, лишенной солнца...

Как бы в ответ на этот вопль раздался хор детских голосов. Хор пел однообразную, заунывную мелодию, а жрец покрывал ее своими плачущими переливами...

Вдруг, как будто из недр земли, послышался тихий хор басов. Он незаметно вплелся в хор детей, как шум прибоя.

Наконец тысячи бронзовых труб огромного органа, приводимого в движение паром, потрясли прибрежные скалы — и вдруг все сразу смолкло...

Резкий, неожиданный переход к полной тишине потряс толпу больше раскатов грома...

Нервы присутствовавших были напряжены до последнего предела. Люди в толпе сдавливали руками грудь, будто им не хватало воздуха, падали на землю, некоторые рвали на себе волосы...



Но ритуал был построен искусной рукой. В этот самый последний, крайний, опасный предел первого напряжения, среди страшной тишины, которая, как обрушившаяся скала, придавила всех, послышался простой, спокойный, задумчивый старческий голос Верховного жреца. Не пение, а молитва, похожая на простую беседу, полная тихой ласки и надежды.

— Бог-Солнце, услышь наше моление и даруй страждущему, истомленному человечеству свой благостный свет...

К невидимому жрецу из толпы протягивались руки...

— Ты один — защитник наш...

— Спаситель...

— Заступник перед всемогущими богами... — слышались сдержанные, рыдающие выкрики из толпы.

Слабый голос Верховного жреца окреп. Он уже не молил, а почти приказывал богу:

— Озари благостным светом народ твой, трижды священный бог; теплом твоим, как покрывалом, покрой землю твою, да произрастит она плоды на потребность человеку. Дай лицезреть нам сияющий лик твой!..

Читая молитвы, жрец наблюдал за песочными часами. Они стояли на алтаре, скрытые от глаз толпы священными сосудами.

Восток заалел. Черная фигура жреца уже ясно выделялась на розовом фоне неба. И вдруг жрец протянул руку с жезлом и громким, повелительным голосом воскликнул:

— Явись!.. Явись!.. Явись!..

И, словно послушный его воле, из-за горизонта брызнул золотой луч, сверкнул край солнца, и оно поднялось, сияющее над океаном, и сразу залило своим светом площадку, загорелось на полированной бронзе воинов, засверкало на парче и бриллиантах царей и жрецов и всю землю наполнило яркими красками. Будто только теперь из-под земли поднялись высокие мачты, увитые розами, арки из зелени и живых цветов, яркие флаги и пестрые ковры...

Весь океан, насколько мог охватить глаз, был покрыт разукрашенными пятипалубными кораблями неисчислимого флота атлантов...

«Да, могуч царь Атлантиды и трудно бороться с ним», — невольно думали гости, глядя на усеянный судами океан.

Воины ударяли медными мечами о щиты, радостный крик понесся по океану навстречу солнцу...

Тысячеголосый хор запел гимн Солнцу — трижды священному богу, жизнеподателю, светлому, сильному, радость несущему.

Ритуал закончился обычными жертвоприношениями быков и тельцов. На пылающий жертвенный огонь были пролиты вино и масло.

От бронзовых курильниц прямыми столбами, розовыми в лучах восходящего солнца, поднимались еще клубы дыма душистых трав и смол, когда по трубному сигналу толпа всколыхнулась, чтобы идти на поле бога Войны, где предстоял парад войскам.

Вторичный звук труб заставил толпу двинуться в путь.

Шествие растянулось лентой по прекрасной военной дороге, которыми славилась Атлантида.

Весь путь был усеян цветами и зелеными ветками.

Впереди шествия на высоком золотом шесте, увитом красными розами, сверкал диск солнца.

На повороте дороги, перед самой колесницей царя, вдруг выросла фигура старика.

На нем была накинута одежда из разорванной шкуры козленка. Длинные, взлохмаченные седые волосы головы и борода покрывали его до пояса. На бронзовом от загара лице пылали большие умные глаза.

Старик властным движением руки остановил колесницу царя.

Стража бросилась к старику, но царь сделал жест рукой, и воины отошли в сторону.

Царь боялся и уважал старика На-Шана, пророка и прорицателя.

Во что еще бить вас, — грозно закричал старик, — продолжающих ваши беззакония?.. Вся голова больна, и все сердце в скорби... От стопы ноги до головы нет ничего целого... Язвы и багряные пятна и гноящиеся раны, не очищенные от гноя, не перевязанные и не размягченные маслом...

Его голос перешел в истерический крик.

— Земля ваша пуста! Ваши города будут сожжены огнем и опустеют от безлюдья, и земля обратится в пустыню. Где была тысяча виноградных лоз, вырастет терновник и колючий кустарник, и во дворцах царей возрастет репейник и на укреплениях — терновник... Совы и демоны будут перекликаться в

развалинах... Вот грядет гнев бога, и огонь пожирающий поглотит вас... Горе, горе, горе!..

Толпа притихла в благоговейном ужасе. Царь слушал смущенный, но старающийся сохранить вид невозмутимого величия.

«Неужели гнев богов, — думал царь, — обрушится на меня? В чем я согрешил перед ними?..»

И вдруг его взгляд встретился с устремленным на него взором жреца Кунтинашара. И взор показался царю полным укора и угрозы...

Их взгляды скрестились, как мечи...

Глава 7 Акса-Гуам-Итца и Ата

У склона скалы прилепился маленький глинобитый домик с плоской крышей. Маленькое квадратное оконце не имело рамы; двери из тонких досок на ременных завесах, прибитых бронзовыми гвоздями, были открыты.

В тени дома сидела старуха и прядла. Космы седых волос падали ей на лицо, изборожденное глубокими морщинами, и она время от времени отводила костлявой рукой прядь волос от ввалившихся глаз. Ее длинный нос почти соединился с выдающимся острым подбородком.

Перед нею на земле сидела хорошенькая худенькая девочка. Перебирая грязными ручонками камешки, она смотрела в лицо старухи.

— Ну дальше, бабушка!

— Дальше: Да... о чем я?.. — шамкала старуха, связывая порвавшуюся нить пряжи.

— О Золотом веке, — как же ты забыла, бабушка?

— Да, да... О Золотом веке... Ну, вот, говорю я, давно, давно это было...

— И все было золотое?.. И хлеб золотой? И камни, и яблоки?

— Время было золотое... Все люди жили счастливо, как боги на небе. Не было ни царей, ни рабов, ни бедных, ни богатых. Бог-Солнце грел, ласкал и баловал людей, как любимого первенца. Из зеленых ветвей люди делали себе пояса и венки на голову и так ходили, свободные и радостные, среди садов, которые круглый год давали им сладкие плоды.

Чистые источники утоляли жажду. Люди рождались среди цветов, наслаждаясь жизнью до глубокой старости, и мирно засыпали вечным сном, окруженные детьми, внуками и правнуками. И смерть их была так же легка, проста и спокойна, как закат солнца...

— А потом?

— А потом люди согрешили, и боги прогневались на них.

— Чем они согрешили?

— Они захотели быть равными богам и все знать.

— И боги отняли у них этот Золотой век?

Послышались шаги.

К дому подходил Акса-Гуам-Итца, сын жреца Шишена-Итца. На нем была черная шелковая туника, расшитая по краям золотым узором; на ногах его были легкие светло-желтые сандалии. Он подхватил девочку на руки, а она, смеясь, вырывалась.

— Здравствуй, бабушка! — сказал Акса-Гуам, опуская девочку на землю. — Ата дома?

- На работе. Скоро придет.
- Даже сегодня на работе?
- Для нас нет праздников...
- А старик Гуамф?
- В доме.

Акса вошел в помещение. Все оно состояло из одной комнаты, чисто выбеленной известкой и перегородженной домотканой полотняной занавеской с вышитыми на ней мелкими цветами. Грубый деревянный стол, несколько скамеек и шкафчик с глиняной посудой составляли всю меблировку. В углу поместилась домашняя мельница для помола зерен: каменный куб и на нем каменный цилиндр с ручками. Рядом стояла высокая каменная ступа с пестом для выжимания масла. В другом углу, на мраморном постаменте, стояла небольшая статуя Бога-Солнца, прекрасная скульптура, сделанная еще в детстве Адиширной-Гуанчем.

Дед Гуамф, лысый, с седой бородой, сидел на лавке у окна и мастерил силки для птиц. При входе Акса-Гуама он поднялся и рукой приветствовал гостя.

— Сиди, сиди, дедушка Гуамф. С праздником! Что же ты не пошел на встречу Солнца?

— Куда уж мне! Там меня задавят, старика. Будет. Шесть десятков лет провести в сырых шахтах — это не шутка. А солнышко я и здесь встретил, как полагается. Слава ему, оно не гнушается посылать свет свой и нам, бедным рабам...

— А Адиширна-Гуанч где?

— Все возится со своими Золотыми Садами.

— Говорят, он создал удивительные вещи.

— А какой для него из всего этого толк? Одно только, что плетью не бьют. У меня вот они какие рубцы на спине от ременных семихвосток. А состарится он и тоже будет, как я, птиц силками ловить, чтобы прокормить себя.

— Послушай, Гуамф. Тебе не приходили в голову мысли, что могло бы быть иначе?

— Как иначе-то?

— Но ведь всякому терпению может быть конец. Вас миллионы...

— Вот куда ты гнешь? Бунтовать? Пробовали. И бунтовали. Только что же из этого вышло? У нас кирки да лопаты, а у них мечи, острые копья...

— А если бы...

Гуамф неожиданно вспылал.

— Если бы... Если бы... Оставь! Не ковыряйся в старых ранах! Пусть грызут привычной болью...

Акса-Гуам опустил голову и задумался.

— Ну, однако, пойду я, — сказал он, поднимаясь. — Я, вероятно, встречу Ату на дороге... Прощай, старик!

— Да хранит тебя пресветлый бог!..

Не успел Акса-Гуам выйти из дома, как услышал на дворе чужие голоса и остановился. Выглянув из окна, он увидел, что во двор вошли два человека в одеждах служителей храма. Акса-Гуам не хотел, чтобы они видели его здесь.

— Повивальная бабка Цальна здесь живет? — спросили они.

— Здесь, — ответила Цальна, в испуге роняя веретено. — Я Цальна.

— Именем Солнца приказываю тебе явиться сегодня после захода солнца к

воротам священного храма. Мы встретим тебя Там и проведем дальше.

— Слушаю... — Цальна низко поклонилась. — Роды, осмелюсь спросить?

— Там узнаешь!

Служители храма удалились.

Акса-Гуам вышел из дома и пошел по белой, сверкающей на солнце дороге. Палящий зной умерялся тенью финиковых пальм и платанов.

По правой, нагорной, стороне лежали шахты, где добывали руду.

Слева, до самых берегов океана, на сколько хватает глаз, раскинулись рабочие поселки. Жалкие глинобитые сакли прижимались друг к другу, как испуганное стадо.

В грязи маленьких дворишков катались черномазые голые дети.

В шахтах, несмотря на праздничный день, шли работы.

Акса-Гуам спустился в одну из шахт.

Его жреческая черная одежда с вышитым золотом диском на груди служила ему пропуском.

Надсмотрщик склонил голову и протянул к нему руку, в знак почтения.

Акса-Гуам небрежно кивнул головой и углубился в лабиринт шахт. Своды шахт были укреплены толстыми, покосившимися бревнами. Кое-где мерцали небольшие масляные светильники. Было душно и жарко.

Выходящие газы не раз взрывались в этих шахтах от пламени светильников. Нередко происходили и обвалы. Рабочие гибли сотнями, но на это мало обращалось внимания: в них недостатка не было. Если руда была богатая, на месте обвала производили раскопки. Заживо погребенные рабочие выходили тогда из своих могил. Но если пласт руды был тонок или обвал требовал слишком много времени на восстановление шахты, они просто забрасывались с зарытыми рабами, а шахта прокладывалась в другом месте.

Чем дальше пробирался Акса-Гуам, тем уже и ниже становилась шахта. Приходилось идти согнувшись.

Навстречу ему ползли на четвереньках рабы, впряженные в бронзовые корытца, наполненные рудой.

Некоторым из них Акса-Гуам кивал головой и тихо говорил:

— После вечерней смены... в старых шахтах... Шахта сузилась еще больше.

Здесь, лежа на боку, забойщики рубили рудоносную почву бронзовыми кирками.

Нагнувшись к одному из забойщиков, Акса-Гуам шепнул ему:

— Скажи своим... сегодня после вечерней смены, в старых шахтах.

— Будем, — ответил забойщик и отер с лица обильные струи пота, застилавшие глаза.

Акса-Гуам вышел из шахты и вздохнул всей грудью.

Дальше шли поля, где месяцами обжигалась руда. Целые пирамиды ее высились кругом, курясь дымом. Под ними рабы день и ночь поддерживали пламя.

Акса-Гуам бросил им ту же фразу и пошел дальше.

Солнце жгло все сильнее. Дорога стрелой тянулась между курящимися пирамидами. Здесь было тяжело дышать, и Акса-Гуам, несмотря на усталость, ускорил шаги.

Груды обжигаемой руды кончились. Начались поля, где руду дробили и просеивали сквозь бронзовые сита.

Еще дальше потянулись каменные ограды, над которыми поднимались густые клубы дыма. Здесь помещались плавильные печи.

Рядом высилась еще более высокая стена, окружавшая целый город, где очищенные руды меди и олова превращались в сплав бронзы. Здесь же изготовлялось бронзовое оружие. Сюда никто не имел доступа, кроме жрецов, наблюдавших за работами. Рабы жили при заводах и не выпускались за ограду стены, которая охранялась стражей.

Ата работала у плавильных печей, перетаскивая в узкой корзине на спине шлак.

Акса-Гуам остановился у ворот. В ворота непрерывной вереницей въезжали повозки с рудой, обратно — порожние. Рабы хлестали ослов, надсмотрщики — рабов. Полна движения была и дорога. Непрерывным потоком двигались нагруженные поклажей ослы, лошади, верблюды и слоны. Свист плетей сливался с ревом животных и короткими выкриками рабов.

Женщины несли за спиной, в плетеных корзинках, детей.

За стеной прозвучала бронзовая труба, и рабы начали выходить из ворот.

Акса-Гуам стал в стороне на гряде шлака.

— Ата!..

Одна из рабынь обернулась.

Черные удлиненные глаза ее сверкнули радостью. Акса-Гуам повернулся и пошел вверх от дороги, по горной тропинке. Ата, сестра Адиширны-Гуанча, последовала за ним на некотором расстоянии.

Вслед ей пронеслось несколько шуток и замечаний из толпы рабов:

— Бегай, бегай за ним! Он тебя в жены возьмет — во дворце жить будешь!

— Мало им гаремов своих. За рабынями таскаются! Тьфу! — со злобой произнес чернокожий раб и погрозил кулаком вслед удалявшейся паре.

Ата догнала Акса-Гуама за поворотом тропинки, скрывшей их от большой дороги.

Акса-Гуам протянул руки к Ате.

— Не бери моих рук, они грязны от работы... Я сейчас вымоюсь в ручье, — сказала она с краской смущения на лице. Акса-Гуам взял ее за плечи и поцеловал в лоб.

— Что же ты не на празднике? — сказала Ата, плескаясь у горного ручья.

Позолоченные солнцем брызги падали на ее смуглую кожу. С невольной грацией она вытянула руки навстречу падающей сверху хрустально чистой струе.

Акса-Гуам залюбовался ею.

Она была так же хорошо сложена, как Адиширна-Гуанч. В такой же короткой черной рубахе, перетянутой ремненным поясом, она казалась его младшим братом. Только тяжелая коса, закрученная на затылке, удлинявшая еще больше ее удлиненный череп атлантов, да контуры девичьей груди говорили о том, что она не мальчик. Кончив умываться, она сорвала дикий шиповник и приколола к волосам.

— Ну вот... — и она сама протянула Акса-Гуаму руку, Акса-Гуам горячо пожал ее, и рука об руку они углубились в густую тень лавровой рощи, к тому месту, где из расселины скалы ниспадал горный ручей.

Они сели.

Воздух был наполнен запахом полыни, горьких горных трав. Откуда-то тя-



нуло ароматом цветущих апельсиновых деревьев.

Снизу, с дороги, доносился разноголосый шум.

Дальше виднелась полоса океана, греющегося в лучах полуденного солнца.

Высоко над ними лежало поле бога Войны.

Временами оттуда доносились громовые раскаты бронзовых труб и крики толпы.

Но в роще было тихо. Только звенящий многоголосый хор цикад стоял в воздухе... Однообразный, он сам сливался с тишиной. Это была звенящая тишина.

— Почему ты не на празднике? — с лукавой улыбкой повторила свой вопрос Ата. Она держала в руках сорванную ветку лавра и медленно обрывала листья.

— Оттого, что я здесь! — с такой же улыбкой произнес Акса-Гуам.

— А вдруг там заметят твое отсутствие?

— Ну что же! Отец посердится, тем дело и кончится. Довольно того, что я был на встрече Солнца. И в конце концов все это очень скучно. Наши войска будут ослеплять глаза иноземных гостей своей полированной бронзой, трубы будут так реветь, что лошади станут взвиваться на дыбы и падать на колени. Конечно, это величественное зрелище, но я видал его уже много раз. На свете есть более интересные вещи!.. — и он с ласковой улыбкой взглянул на нее.

— А потом? — спросила Ата, опуская длинные густые ресницы, от которых под ее глазами ложились синие тени. — Что будет дальше?

— Потом будут военные игры. Затем уже при свете факелов состоится церемония подношения подарков. Это интереснее. Белолицые люди в меховых одеждах, говорят, привезли из гиперборейских стран живого белого медведя и какого-то диковинного зверя вроде рыбы, с круглой головой и сильными плавниками. Говорят, они водятся на краю света, где вода от холода становится твердая, как хрусталь.

Ата слушала с детским любопытством, широко открыв глаза.

— Где же эти животные?

— Они подошли от жары...

— Бедные звери!.. Ну, что же будет потом?

— Потом наш царь будет одаривать гостей тканями, редкими благовониями из душистых смол, корней и сока цветов, винами, золотом, камнями — всем, чем только богата наша страна, только не бронзовым оружием...

— А твоя сестра тоже на празднике? Ведь она теперь царица? — задала Ата неожиданный вопрос. Акса-Гуам нахмурился.

— Нет, она не царица. Она будет в царском гареме. Отец, Шишен-Итца, в восторге от этой «чести»... Бедная сестра моя... Как она рыдала! Она ненавидит царя... Но я не допущу этого!.. — Акса-Гуам потряс сжатым кулаком. — Ну, довольно об этом. Скажи и ты что-нибудь мне про себя... Почему тебя поставили на эту тяжелую работу? Я уже не раз задавал тебе этот вопрос.

— Оставь, не все ли равно!

— Нет, на этот раз ты не уклонишься от ответа! Иначе я расправлюсь с тобой, как с рабыней!

И, взяв у нее ветку лавра, он шутя стал бить ее по плечу.

— Говори же, говори!

— Ну слушай, если ты уж так настаиваешь. Я служила в доме жреца Кунтинашара. Однажды вечером, когда я ставила ему на ночь прохладное питье, он сказал мне: «Ты нравишься мне, Ата. Я хочу иметь тебя в своем гареме». — «А ты не нравишься мне, Кунтинашар, и я не хочу быть в твоём гареме», — отвечала я.

— Так и сказала?! — восхищенно воскликнул Акса-Гуам, хлопая в ладоши.

— Так и сказала.

— Ну а он что?

— Он улыбнулся, считая это ответом девочки, которая говорит, не обдумывая своих слов.

«Не забывай, что ты раба, а я господин твой. Иди ко мне!»

Я стояла неподвижно.

Он поднялся и пошел ко мне.

Тогда я одним прыжком уклонилась от него и схватила короткий меч, лежавший у его изголовья.

Он испугался и страшно рассердился.

«Змея!» — прохрипел он и вызвал раба, дежурившего за дверью. «Отправить ее немедленно на тяжелую работу в Черный город...» Вот и все...

— Какая смелость! — воскликнул Акса-Гуам. — Он мог тут же убить тебя этим же мечом.

И, улыбнувшись, он прибавил:

— Да, не везет Кунтинашару. Твой брат заставляет зеленеть его от зависти, а ты... Но, слушай, Ата! Так дальше продолжаться не может. Надо изменить все это. Ты знаешь, что я люблю тебя и для меня ты не рабыня. Отец никогда не согласится на наш брак, это противно законам. Но мы изменим законы. Мы всю Атлантиду перепашем бронзовым плугом!..

— Я знаю, что никогда не буду твоей женой. Эта мысль мне и не приходила в голову. Мне довольно твоей любви.

— Но я хочу, чтобы ты была моей женой. И не только это. Любовь к тебе мне открыла глаза на ужас рабства, несчастная судьба моей сестры — на ужас царского самовластья. И я увидел целый океан страдания рабов... Их заглу-

шенные стенания преследуют меня, отравляют мне жизнь. Мне кажется, что в каждом из них стонет твоя луца. Освободить их, освободить тебя — вот что хочу я...

Ата смотрела на него широко открытыми глазами, в них светился ужас.

Но Акса-Гуам уже не видел ее. Он говорил, как в бреду:

— Я говорил с Адиширной, предлагая ему примкнуть к готовящемуся восстанию рабов. Он витает в грезах, он слишком художник, чтобы много думать об этом. Но и он примкнет к нам, ты увидишь. Его помощь необходима. Среди рабов уже давно идет брожение... Я стану во главе восстания. Я сам поведу их на Священный Холм. Мы овладеем арсеналами и скрестим мечи с воинами царя. И мы победим их, потому что с нами правда!

В этот самый момент легкий волнообразный подземный толчок колыхнул землю.

Ата покачнулась и побледнела.

— Что это?..

— Мы не оставим камня на камне! А потом мы создадим новую, свободную Атлантиду, где не будет ни рабов, ни царей, а только радость свободного труда. И настанет вновь Золотой век!

Второй, более сильный толчок заставил Акса-Гуама вернуться к действительности.

Колыхнулись листья деревьев. Небольшой камень, лежавший у самого края утеса, сорвался и покатился вниз, ударяясь о камни с постепенно замирающим цоканьем.

— Что-то эти колебания почвы стали повторяться все чаще! Увидев бледное от испуга лицо Аты, он шуткой постарался успокоить ее.

— Видишь, Ата, сама земля содрогается от преступлений жрецов и царя!

Но Ата не улыбнулась. Она с тоской посмотрела на Акса-Гуама и тихо прошептала:

— Не делай этого!

— Ты боишься?

— За тебя...

— Ты будешь с нами, Ата?

— Я умру за тебя...

Глава 8 В магическом круге

В комнате уже находились жрецы: Кунтинашар, Зануцирам, Анугуан, Агущатца и Нуги-Эстцак.

— Вот и Эльзаир, — сказал Кунтинашар. — Нет только Келетцу-Ашинацака.

— По обыкновению, колеблется. Мы нарочно назначили это свидание в полдень, когда царь и весь его двор засыпают. Но Келетцу-Ашинацак придет за гороскопом, который я составил для него, — сказал Эльзаир.

— Его звезда, конечно, восходит?

— Так же верно, как то, что звезда царя Гуана-Атагуерагана заходит.

— Хорошо уметь повелевать звездами! — с улыбкой сказал Кунтинашар.

— Не смейся! Звезды не лгут, — обиделся астролог.

— Еще бы звезды лгали! Лгут только люди!.. Но не будем препираться. Анугуан, ты хорошо подготовил старуху?

— Цальна угадывает с полуслова. Хитрая старушонка! Надо ей бросить пару солнечных дисков.[31]

Пусть они погреют ее старые кости.

Дверь открылась, и в комнату вошел брат царя Атлантиды — Келетцу-Ашинацак, царь Атцора, в сопровождении жреца Шитца.

Жрецы встали и подняли руки в знак благословения и приветствия.

— Да будет свет твоего величия с нами, — сказал Кунтинашар.

— Привет вам. Ну, как мой гороскоп, Эльзаир? Хорошо? Все благополучно?

У Келетцу-Ашинацака были близорукие глаза, которыми он пристально смотрел, закинув несколько голову.

Его маленькие сухие ручки были в непрерывном движении. Он суетливо тербил пальцами рыжеватую бороду. Только при торжественных выходах он сдерживал эти невольные суетливые движения, не приличествующие царскому величию.

— Слава Солнцу! Великий царь, твой гороскоп прекрасен! Звезды благоприятствуют тебе. Позволь мне прочесть. И Эльзаир начал нараспев:

— Великому и славному, могущественному властелину Атцора...

— Не надо, не надо... — замахал Келетцу сухими ручками, — главное!.. Да... главное говори... и своими словами... да...

— Твоя звезда, великий царь, в своем восходящем течении горела ярче всех и пересекла путь звезды трижды великого царя Атлантиды Гуана-Атагуерагана, и лучи его звезды померкли в лучах звезды властелина Атцора.

Келетцу-Ашинацак был взволнован, обрадован и испуган.

— Что же это значит? Что это значит? — спросил он, обводя жрецов пристальным взглядом сощуренных, близоруких глаз и усиленно теребя рыжеватую бороду.

— Великий царь! — выступил жрец Анугуан. — Чтобы ответить тебе на этот вопрос, я изучил все бронзовые таблицы государственного архива со дня твоего рождения. И вот что узнал я: законный царь Атлантиды — ты.

— Я?.. Вот как! Но я младший? Хотя мы родились двойней!..

— Ты — старший, великий царь! Об этом говорят не только наши таблицы!

Анугуан подошел к стене, открыл потайную дверь и впустил Цальну.

— Вот повивальная бабка, которая принимала тебя и твоего царственного брата. Говори, старуха, кто родился первым: царь Келетцу-Ашинацак или Гуан-Атагуераган.

— Первым родился царь Келетцу-Ашинацак. Я хорошо заметила у первенца большую родинку на правом плече...

— Родинку?.. Да, у меня есть большая родинка на плече.

— Потом родился Гуан-Атагуераган. Когда младенцев омыли и показали родителю, трижды великому царю Атагуераган-Кукулькану, то он сказал, указывая на Гуана:

— Вот первенец и наследник мой!

— Но почему же? Почему!.. — обиженно воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Не гневайся, великий царь! Твоему родителю не понравился цвет волос на твоей голове. И еще: лицом ты был похож на овцу... И потом: ты родился слабенький, и отец боялся, что ты можешь умереть или будешь хилым царем...

— Хилым царем? Да? Так и сказал?

— Или хилым мужем, — я уж точно не помню...

— Ты больше не нужна, Цальна, — сказал Кунтинашар. И Цальна, низко кланяясь, удалилась. Жрецы выжидательно молчали. Келетцу-Ашинацак сидел озадаченный, теребя свою бородку. Наконец Анугуан нарушил молчание.

— Великий царь! Я — хранитель законов. И я считаю, что во имя святости закона ты должен быть восстановлен в своих правах!

В близоруких глазках Келетцу вспыхнула радость, но он испуганно замахал ручками.

— Что ты!.. Что ты!.. А как же брат?

— Мы предложим ему уступить место добровольно. Если же он не согласится, то...

— Конечно, не согласится! Конечно! Столько лет царствовал — и вдруг...

— Если не согласится, то у тебя есть армия и флот. Часть войск и военачальников Гуана-Атагуерагана недовольна им. Среди подвластных Атлантиде царей ты всегда можешь найти союзников. Мы — с тобой. Тебе нужно лишь одно: заявить о своих правах. Остальное сделаем мы... с тобой и от твоего имени.

— Я не знаю... Это так неожиданно...

— Твои колебания понятны, великий царь, — сказал Эльзаир. — Родственные чувства... любовь к брату... Но наш земной путь предначертан на небесах. Если ты еще сомневаешься, то мы сделаем вот что. Данной мне богами властью я вызову тень твоего отца. Пусть он сам решит судьбу престола.

— Тень отца? — с испугом и интересом воскликнул Келетцу-Ашинацак.

— Да, тень отца!

И, отворив скрытую в стене дверь, Эльзаир повелительно сказал:

— Войди!

Келетцу-Ашинацак нерешительно вошел. Жрецы последовали за ним. Совершенно круглая комната, окрашенная в голубой цвет, с куполообразным потолком, напоминала небесное полушарие. Сходство дополняли разбросанные по куполу золотые звезды. В центре мозаичного пола из синих камней был выложен геометрически правильный круг со вписанным в него пентаклем. Посреди круга возвышался узкий бронзовый трон, с диском солнца на верху спинки. По сторонам трона стояли два высоких бронзовых светильника в виде трех перевитых змей. Их загнутые хвосты служили ножками. Три золотые головки, с изумрудными глазами и открытыми, как для укуса, ртами, склонились над пламенем.

— Садись! — так же повелительно сказал Эльзаир. Келетцу-Ашинацак боязливо переступил черту круга и взобрался по ступенькам на трон.

— Сейчас разорвется завеса времени!..

И Эльзаир, подняв руку, стал торжественно и протяжно произносить заклинания: АЦАН, ЦИТА, АТИЦ, НАЦА.

При каждом его слове пламя светильников меркло и, наконец, совсем погасло.

Комната погрузилась в непроницаемый мрак.

У Келетцу-Ашинацака от нервного напряжения зазвенело в ушах и перед глазами пошли зеленые круги.

Томительное молчание длилось.

Вдруг вдали послышались нежные звуки флейты. В тот же момент на стене

появилась змейка голубоватого света.

Световая змейка беспрерывно двигалась, то разгораясь, то бледнея. Ее движения и сила света были неразрывно связаны со звуками флейты. Мелодия звучала быстрее и сильнее — быстрее извивалась и ярче светилась змейка. Звуки замедлялись и затихали — бледнел и замедлялся в своем движении свет; однообразная мелодия состояла всего из пяти повторяющихся нот.

Эта однообразная музыка и игра света гипнотизировали Келетцу. Он никак не мог понять, видит ли он светящиеся звуки, или слышит игру света.

Одновременно присоединилась вторая световая змейка и вторая флейта. Потом третья, четвертая, звуки и световые змейки догоняли друг друга, сплетались, расходились. Постепенно из отдельных змеек образовался светящийся круг. Тогда движение змеек прекратилось, умолкли и звуки флейты. Круг горел ровным фосфорическим светом. Он стал углубляться и превратился в круглое окно, за которым было пустое пространство, наполненное легким туманом.

Перед пораженным Келетцу-Ашинацаком предстала, как ему показалось, тень его отца.

Тень подняла руку по направлению к Келетцу, и в комнате ясно прозвучал голос:

— Келетцу-Ашинацак! Трон Атлантиды ждет тебя...

Все погрузилось во тьму.

Келетцу вскрикнул и потерял сознание.

Жрецы вынесли его в первую комнату и привели в чувство.

— Трижды великий царь Атлантиды! — торжественно обратился к нему Кунтинашар.

— Я еще не царь Атлантиды... — слабо произнес Келетцу с блуждающим взором.

— Для нас ты уже царь. Тень отца твоего возвела тебя на престол!..

— Да, но тень отца сказала: «Трон ждет тебя...» Может быть, по смерти брата?..

Кунтинашар бросил раздосадованный взгляд на Эльзаира.

— Ответ твоего отца совершенно ясен: «Трон ждет тебя». Значит, нельзя медлить, — сказал Эльзаир.

— Да, да... Хорошо. Я подумаю... Я слишком устал. Я дам ответ... да... Шитца, проводи меня...

И Келетцу-Ашинацак, опираясь на руку жреца, удалился.

— Не мог ты заставить эту тень говорить иначе! «Трон ждет тебя». Сказал бы: «Келетцу! Я приказываю тебе силой отнять трон у Гуана. Ты законный наследник престола», или что-нибудь в этом роде, — сердился Кунтинашар. — Удивительная у вас, магов, привычка говорить туманно, загадками. Вот и перетуманил!

— Кто ж его знал!.. — смущенно проговорил Эльзаир. — Ему все разжевать и в рот положить надо...

— А царек ничего... подходящий был бы царек, — сказал Зануцирам. — Очень удобный!..

— Удобный, когда будет царем. А посадить-то его как?

— Надо начать с другого конца, — сказал Анугуан. — Мне известно, да теперь и вам известно, что готовится восстание рабов. Во главе стоит Акса-Гу-

ам-Итца, сын Шишена-Итца — верного царского пса! То-то молодость! Увлечся, говорят, какой-то рабыней и теперь всю Атлантиду перевернуть хочет! Вот этого-то Акса-Гуама мы и используем. Если восстание направить умелой рукой, они могут убить Гуама-Атагуерагана. Нам это и нужно. С рабами же скоро расправимся и на престол возведем эту атцорскую овечку — Келетцу. И мы будем неограниченными правителями Атлантиды. А сорвется восстание и уцелеет голова Гуана-Атагуерагана — слетит голова Акса-Гуама, да и его отцу несдобровать. Мы же останемся в стороне.

— Вот истинный дипломат Атлантиды! Хранитель законов, поддерживающий восстание рабов! — со смехом сказал Кунтинашар.

Легкий волнообразный подземный толчок отбросил всех влево. Где-то зашуршала обвалившаяся штукатурка.

— Эти подземные толчки начинают беспокоить меня!

— Пустяки! — беспечно сказал Кунтинашар.

— Но не всегда дело кончается пустяками, — возразил Анугуан. — Наши таблицы повествуют о нескольких ужасных землетрясениях и извержениях вулканов. Вот эта самая пирамида, которая крепче скалы, дала три тысячи семьсот лет тому назад громадную трещину, и ее пришлось переключивать. Что же было тогда с дворцами и храмами?..

— Ты собираешься жить три тысячи лет, Анугуан? Я думаю, на наш век хватит! А там... Пусть хоть все пирамиды лопаются, как скорлупа печеных яиц!

Сладко зевнув, он прибавил:

— Однако пора и на покой!

Глава 9 Змееныш

— **К**ончено!
Адиширна-Гуанч положил бронзовое зубило и молоток, отошел от статуи и окинул ее взглядом.

Перед ним, как живая, стояла Сель в короткой легкой тунике, с копьем в правой руке, приготовленным для метанья. Вся фигура дышала порывом. Правая нога выдвинута вперед и согнута в колене. Левой рукой, на ремешке, она сдерживала пару остромордых, поджарых собак с напряженными для прыжка мускулами. Волосы Сель были плотно обтянуты лентой, сколотой впереди булавкой в виде полумесяца. Этот полумесяц символически изображал ее имя. [32]

Адиширна залюбовался своим произведением. Такой он увидел Сель в первый раз на охоте, в лесу.

Большая луна уже поднялась над океаном. Лунный луч скользил по мраморному лицу статуи, и Адиширне показалось, что Сель улыбнулась ему.

В порыве любви он подошел к статуе и поцеловал ее в холодные мраморные губы.

— Кхе, кхе, кхе... боги святые, он с ума сошел... Адиширна в смущении отпрянул от статуи и обернулся. Перед ним стояла нянька царевны Сель — бабушка Гу-Шир-Ца.

— Что случилось? Говори скорее!

Ца стала рыться непослушными, старческими руками в складках своей одежды, причитая и охая; наконец извлекла свернутый кусок материи и пода-

ла Адиширне.

— На вот... читай...

Адиширна вырвал из рук Ца кусок материи, раскрыл и в волнении начал читать при свете луны. Потом он вскрикнул, засунул послание за пазуху и быстро убежал.

Адиширна-Гуанч мчался по широким улицам к Священному Холму. Жители Атлантиды наслаждались прохладой ночи. Из темной зелени садов неслись звуки песен, флейт и воркование китцар.[33] Дома были освещены. Отдернутые занавеси меж колонн открывали для глаза внутренние помещения. Атланты возлежали у столов, увитых розами и уставленных блюдами и чашами. Рабы наливали вино в чаши тонкой рубиновой струей, высоко поднимая узкие, длинные амфоры. Слышались шутки и смех.

—..Ты мало пьешь, оттого и боишься землетрясений, — услышал Адиширна отрывок фразы. — Пей больше, и ты привыкнешь к колебаниям почвы. Земля пьяна и шатается. Будем пить и мы. Раб, вина!..

Адиширна продолжал быстро идти. В густой тени лавровой роци зазвучала веселая песня. Чей-то женский голос пел:

*Атлантида тихо дремлет
В голубых лучах луны...
Как луна целует землю,
Поцелуй меня и ты!*

Мужской голос отвечал:

*Пусть зажгутся страстью очи!
Поцелуями, любовью,
Виноградной, сладкой кровью
Мы наполним чашу ночи!*

Оба голоса слились в дуэт:

*Будь что будет!
Не печалься!
Ярко светит нам луна...
Песни пой и обнимайся,
Чашу ночи пей до дна!*

Раздался смех и звук поцелуя. Адиширна вошел на подъемный мост у Священного Холма.

— Кто идет? — окликнул воин.

— Адиширна, раб. Меня вызвали во дворец Шишен-Итца починить трубы в ванной комнате.

Адиширна-Гуанч, гениальный скульптор и ювелир, которые родятся один раз в тысячелетие, принужден был исполнять по требованию жрецов и царя самые различные работы, вплоть до починки водопроводов и дверных замков. Адиширну знали на Священном Холме, и он беспрепятственно переступил запретную черту.

На Холме не было такого оживления, как в самом городе. Дворцы стояли особняком, окруженные высокими стенами.

Адиширна свернул на боковую дорогу, густо обсаженную кипарисами. Кипарисы стояли сплошной стеной, и здесь было почти темно. Пахло смолистой хвоей. Впереди послышался треск песка под чьими-то сандалиями. Адиширна



спрятался меж кипарисов.

Медленной походкой, напевая под нос песню, прошел один из сторожей. Когда его шаги замолкли вдали, Адиширна отправился дальше. В конце аллеи светились огни дворца.

Адиширна пробрался через чащу кипарисов и стал в обход приближаться ко дворцу. Занавесы между колоннами были закрыты. За ними слышались голоса. На площадке перед дворцом, у одной из колонн, укрывшись за кустом олеандра, стоял раб Куацром, слуга в доме жреца Шишен-Итца, и подслушивал.

Адиширна подошел к нему и тихо спросил:

— Где Акса-Гуам?

Куацром махнул на него, приложил ладонь к своему рту в знак молчания и показал на занавес.

Адиширна прислушался к голосам. Говорили жрец Шишен-Итца и его жена.

— Позор! Позор! Проклятие на твою голову! Ты родила и вскормила своей грудью змееныша! Акса, мой сын, — изменник и предатель!.. Он замышляет цареубийство. Он проводит время с рабами и подготавливает восстание... Он опозорил мое великое в истории Атлантиды имя... Я должен сейчас же донести на него царю!..

— Но, может быть, можно все исправить... Не допустить восстания. Расстроить их планы. Не спеши, молю тебя!.. Адиширна быстро отвел Куацрома в сторону:

— Донос?

— Донос.

— Слушай, Куацром... Надо во что бы то ни стало помешать Шишену-Итца... задержи его, придумай что-нибудь... мне сейчас некогда об этом думать... царь не должен знать о заговоре, понимаешь? По крайней мере, чем позже он узнает о нем, тем лучше. Где Акса-Гуам?

— Он в старых шахтах, на тайной сходке рабов.

— Ладно. Так помни же, Куацром!..
Адиширна быстро зашагал по кипарисовой аллее.

Глава 10 В старых шахтах

Адиширна вмешался в толпу рабов.
Акса-Гуам кончал речь.

Он говорил о тяжелых страданиях рабов, об их жизни, похожей на вечную каторгу, и призывал их восстать, сбросить цепи, убить царя, захватить власть в свои руки и стать свободными, какими они и были когда-то.

Яркие лучи луны обливали людской муравейник. Полуголые рабы заполняли громадную котловину заброшенных старых шахт. Рабы облепили своими телами кучи щебня, сидели на утесах, деревьях, камнях...

Адиширна внимательно оглядел толпу и сразу почувствовал: в ней нет единства.

Одни из рабов жадно слушали Акса-Гуама, полуоткрыв рот и кивая утвердительно головами, другие стояли неподвижно и смотрели на него недоверчиво и враждебно.

— Смерть или свобода!.. — крикнул Акса-Гуам и сошел с утеса. Его место занял раб, по прозвищу Злой. Он имел светлую окраску кожи. Серые глаза его смотрели насмешливо. Злая улыбка кривила рот.

— Акса-Гуам, жреческий сынок, говорил нам о наших страданиях. Спасибо ему, что он просветил нас, без него мы и не знали бы об этом! В толпе послышался смех.

— Но откуда у него вдруг появилась такая любовь к рабам? Не вместе ли с любовью к одной из наших девушек? — и он покосился на Ату, стоявшую рядом с Акса-Гуамом. — А что, — обратился он прямо к Акса-Гуаму, — если твоя любовь пройдет или Ата бросит тебя? Тогда ты восплаешь к рабам такой же ненавистью? Вы, рабы, — продолжал он, обращаясь к толпе, — хотите стать свободными. С чего вы начинаете? С того, что выбираете себе нового царька Акса-Гуаму. А что, если он подведет нас под плети, а потом сбежит на свой Священный Холм?.. Только сами рабы могут освободить себя от рабства! Восстание — не дело влюбленных в расшитых золотом одеждах. Вот мое мнение! — И он сошел со скалы.

Толпа пришла в сильное возбуждение. Теперь толпа казалась единодушной. Но это единодушие явно было не в пользу Акса-Гуама. На него устремились тысячи враждебных глаз. Над толпой поднимались кулаки.

— Не верьте ему!..

— Он подослан жрецами! — слышались возгласы. — Гнать его вон!

На скале появился Кривой. Надсмотрщик выбил ему глаз, и с тех пор за ним утвердилось это прозвище. Кривой хитро прищурил свой единственный глаз и поводил головой из стороны в сторону, потом приложил указательный палец к кончику носа и сказал:

— Так вот...

Толпа заинтересовалась этим комическим началом и затихла.

— Злой прав. Но только он смотрит одним глазом, которым я не вижу...

— Хо-хо, — засмеялись в толпе.

— А теперь я посмотрю другим глазом, которым я вижу... Скажите мне, по-

ложу руку на сердце, верите ли вы сами в успех восстания, в то, что вы будете свободны, что вы победите легионы атлантов? Нет, не верите. И все-таки восстание будет. Почему? Потому, что нет сил больше терпеть. Потому, что нам хуже не будет: убитым — мир, живым — та же каторга. В это время приходит к нам Акса-Гуам и говорит: «Я с вами. Я помогу вам». А хоть бы и так? Лучше с нами, чем против! Что побудило его прийти — не все ли равно? Наша девушка? Верно! Но ведь девушек-то наших у них полные гаремы. Выбирай любую. А он к нам. Может, и почувствовал горе наше? Что же выходит? Верить — не верьте ему, а гнать тоже незачем... Авось пригодится. Верно я говорю?

И, ткнув опять пальцем в кончик носа, он сошел со скалы.

Акса-Гуам вытер со лба пот. Он совершенно не ожидал такого поворота дела. Он привык смотреть на рабов как на безгласное стадо, забитое и покорное. Довольно сказать им ласковое слово, погладить по шерсти, и они пойдут за ним. Он снизошел до них. Он так долго умилялся своей ролью благодетеля и спасителя — и вдруг вся эта сходка превратилась в какой-то суд над ним. Эти резкие свободные речи о нем, о его личной жизни, этот язвительный или насмешливый тон... Он чувствовал, как против его воли в нем поднимается вековая ненависть и презрение его касты к рабам...

Суровый и гордый, поднялся он на скалу.

— Я пришел помочь вам, а вы судите меня. Я не собираюсь делаться вашим царьком. Пусть Злой станет во главе восстания... Я...

Толпа вдруг заволновалась, расступилась. Через толпу, расталкивая рабов, быстро шел Куацром. В руках он нес какой-то мешок.

— Расступись! Расступись! Важное известие!.. Куацром подошел к скале, поднял мешок и вытряс из него на землю какой-то круглый шар.

— Что это?.. — с недоумением спросил Акса-Гуам и вдруг сильно побледнел и в ужасе отшатнулся.

Освещенная лунным светом, на него смотрела остекленелыми глазами голова его отца, жреца Шишена-Итца...

Акса-Гуам схватился за скалу, чувствуя, что теряет сознание.

Ата истерически вскрикнула.

— Шишен-Итца узнал о восстании и шел к царю, чтобы донести на тебя и предупредить его о восстании, — заявил Куацром. — Адиширна сказал мне: «Задержи во что бы то ни стало Шишена-Итца, чтобы он не донес о заговоре рабов». Я не мог иначе задержать его... Лучше он, чем ты. Он был злой господин... Чтобы не сразу узнали, кто убит, я отрезал голову и унес в мешке... Вот... Я сделал, как мне было приказано... Толпа выслушала эти слова в полном молчании. Акса-Гуам сел на камень и опустил голову на руки. Ата боязливо жала к нему, не решаясь открыто проявить участие. Когда первое впечатление прошло, рабы начали обсуждать создавшееся положение. Теперь царь неизбежно должен был узнать о готовящемся восстании. Так же неизбежна была тяжкая расплата за заговор. Надо было решаться действовать немедленно. После долгих и горячих споров план восстания был выработан. Решено было идти приступом на Священный Холм.

Но тут неожиданно на скалу поднялся Адиширна-Гуанч.

— Этот план никуда не годится, — сказал он решительным голосом.

— Брат! — воскликнула Ата.

Акса-Гуам поднял голову и с недоумением посмотрел на Адиширну.

— Священный Холм прекрасно укреплен со стороны каналов. Мосты могут быть подняты. Вы должны будете наполнить трупами каналы, прежде чем перейти их. Но там вас встретит бронзовая щетина копий. Мы поведем на приступ только часть нашей армии, чтобы отвлечь внимание. Главные же силы мы пустим в обход и обрушимся на Священный Холм со стороны гор. Это кратчайшая дорога и к царскому дворцу. Но нам нужно раньше овладеть оружием. Я подумаю над этим...

— Итак, на заре!.. — Адиширна не успел закончить. Сильный подземный толчок потряс скалы и волной прокатился по долине. Зашуршали падающие камни.

— Если подземные силы раньше не разрушат Священный Холм, — добавил он.

Но слова его потонули в шуме взволнованной толпы. Муравейник пришел в движение. Рабы расходились, обсуждая события.

Акса-Гуам, Ата, Адиширна и Гуамф шли по дороге.

— Прости меня, Акса, я был невольным виновником смерти твоего отца!.. Но я думал, что Куацром умнее...

Акса-Гуам только мрачно кивнул головой.

Они вышли на безлюдную боковую дорожку. Ата взяла Акса-Гуама за руку и крепко сжала ее, желая утешить. Акса-Гуам ответил рукопожатием.

— Ты тоже примкнул к... восстанию? — спросил Акса. Он хотел сказать: «примкнул к нам», но после речей рабов не смог сказать этого.

— Я не верю в восстание! — сказал Адиширна. — Я преследую личные цели и откровенно говорю об этом.

И, вынув из-за пазухи кусок материи с письменами Сель, он подал его Акса-Гуаму.

Акса-Гуам прочитал:

«Отец выдает меня замуж за царя Ашура. Я скоро должна уехать. Отец узнал о моем свидании с тобой в Золотых Садах от раба и очень рассердился. Он запер меня в Соколином Гнезде. Сель».

Акса-Гуам знал Соколиное Гнездо. Это была своего рода тюрьма для лиц царского дома. Подземный ход вел из самого дворца к горе. Внутри горы была проложена винтовая лестница, которая выводила в помещение, вырубленное на громадной высоте: небольшой балкончик над отвесным, как стена, утесом. Побег был невозможен.

— У меня один путь к Сель — через дворец! — сказал Адиширна. Оба замолчали, думая каждый о своем.

— Брось это дело! — сказал Гуамф Акса-Гуаму.

Ата только крепче сжала его руку и пристально посмотрела ему в глаза.

Он тяжело вздохнул, до боли сжал руку Аты и сказал глухим голосом:

— Поздно!

Глава 11 Ацро-Шану и Крицна

Дворец хранителя Высших Тайн Ацро-Шану стоял особняком у храма Посейдона, окруженный высокой стеной.

Дворец имел два этажа: нижний помещался под землей. В верхнем были парадные залы для приема, украшенные со сказочным великолепием. Золо-

тые статуи богов, мебель, треножники, осыпанные драгоценными камнями, ослепляли глаза.

Ацро-Шану очень редко бывал здесь. Только ранним утром, проведя ночь за бронзовыми таблицами, он приходил иногда подышать свежим воздухом. Он садился у балюстрады на открытой площадке, щурил глаза и тихо дремал или думал. Раб приносил скромный завтрак — маленькую пресную булочку в виде двух сплюснутых шаров и чашу ключевой воды.

Как только жар усиливался, он спускался в свои подземные комнаты. Здесь всегда стояла ровная прохладная температура. Хорошая вентиляция освежала воздух. Дневной свет проникал, преломленный шлифованными зеркалами. Зеркала эти вращались по ходу солнца. Но в дневном свете не было нужды: Ацро-Шану работал только ночью.

Нижнее помещение представляло полный контраст с верхним этажом. Белые мраморные стены не имели никаких украшений. Комнаты были обставлены почти скудно, самой необходимой деревянной мебелью. Простая деревянная кровать была покрыта двумя шкурами леопардов. Вдоль стен длинной анфилады комнат тянулись полки с рядами бронзовых таблиц. Каждая полка имела надпись на бронзовой пластинке и номер; сами пластинки были также классифицированы и пронумерованы. Один каталог этой библиотеки занимал целую комнату.

Была ночь.

Ацро-Шану сидел в деревянном кресле у длинного стола. Огонь светильника золотил бронзовые пластинки, горами лежащие на столе. Заслонив рукой глаза от света, Ацро-Шану внимательно читал. Рядом с ним сидел молодой жрец Крицна — его ученик. Тишина была необычайная. Ни один звук не проникал сверху.

Старик откинулся на спинку кресла и, полузакрыв глаза, тихо сказал:

— Бедная Атлантида!

Крицна не осмелился нарушить молчания.

— Я стар... мне сто сорок девять лет. Пора на покой, — начал Ацро-Шану после долгой паузы. — Тебя избрал я, Крицна. Тебя посвящу в Высшие Тайны Атлантиды. Ты молод. Моложе других. Но в тебе сильный дух и бесстрашная мысль. Чувствуешь ли ты себя готовым, чтобы узнать истину? Готов ли во имя ее расстаться с самым дорогим для тебя?

— Готов! — твердо произнес Крицна.

— Так слушай: Высшая Тайна в том... что ее нет! Крицна смотрел на жреца с недоумением.

— Для толпы, даже для царей и низших жрецов у нас много тайн. Мы знаем, как лечить болезни. Мы знаем ход небесных светил. Мы даже знаем, когда должно наступить затмение солнца или луны. Мы можем вызывать мертвых. Чего же больше? Да, мы обладаем великими знаниями, но в них нет ничего таинственного... Тысячи лет мы наблюдали за ходом болезней человека и записывали эти наблюдения. Тысячи раз мы испробовали — сперва на больных рабах — тысячи разных трав, настоев и смесей. Тысячи больных умирали от наших лекарств, но от некоторых они выздоравливали. Мы тщательно записывали все это, сверяли записи, делали выводы. Так ощупью, слепо, опытным путем мы создавали нашу медицину. Почему настоль горькой коры известного нам дерева исцеляет лихорадку? Мы не знаем сами. Мы лишь знаем его целеб-

ное действие... Тысячи лет мы наблюдали светила неба и записывали наши наблюдения. Сравнивая их, мы заметили закономерность и периодичность многих небесных явлений и научились предсказывать наступление этих явлений... У нас нет других тайн, кроме тысячи накопленных наблюдений. Но и это тайны лишь потому, что наш опыт мы скрываем от непосвященных. И только в этом наше могущество!

— А вызывание духов?..

— Мы прибегаем ко многим средствам, чтобы удержать свое влияние и власть. Зная заранее о затмении солнца, мы говорим, что гнев богов сокровит солнечный свет и лишь по нашей молитве вернет его людям. И при помощи этого мы заставляем самого царя повиноваться нашей воле.

— И царь не знает?..

— Царь верит в тайну и суеверен так же, как и последний из рабов. Воспитание царей находится в наших руках... Ты спрашивал о вызывании духов. Отражение на парах при помощи зеркал восковой фигуры и слуховая трубка... Вот и все привидение... Как-нибудь я объясню тебе, как это делается...

Крицна был поражен. После некоторого колебания он сказал:

— Но это обман!

— В чем истина? Разве сами чувства не обманывают нас? И потом народ любит чудо и тайну, и мы даем их народу. Обман? Да! Но это дало нам возможность посвятить себя исключительно знанию и сделать много полезных народу открытий...

— Почему же не посвятить в эти знания и народ?.. И что получают рабы от всех полезных открытий?.. Ацро-Шану нахмурился.

— Рабы?.. Кто же будет копать в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?..

Крицну не удовлетворил этот ответ. Целый вихрь мыслей и сомнений закружился в его голове. Несколько успокоившись, он спросил:

— Ну, а боги?..

— Их нет!

Крицна почувствовал, что у него кружится голова.

Искоса посмотрев на него, Ацро-Шану смягчил удар.

— Если хочешь, они есть, но не таковы, какими представляют их цари и рабы. Солнце «божественно» своей оплодотворяющей силой, теплом и светом. Но ни один раб не исполняет с такой точностью свою работу, как солнце свой восход, течение по небу и заход. Может ли оно убавить свой свет или ускорить свой путь? Солнце не бог, а раб времени и пространства...

Крицна молчал, опустив голову...

Лицо его было бледно, густые брови нахмурены. Громадное напряжение мысли и внутренняя борьба отражались на этом лице.

Ацро-Шану незаметно наблюдал за ним, как врач наблюдает больного, производя над ним опасную операцию.

— Я знаю, Крицна, это трудно... Сомнения терзают тебя и будут терзать... Но ты выйдешь победителем... А когда буря уляжется в твоей душе...

Вошел раб. Это было необычно. Во время занятий никто не имел права входить в комнату Ацро-Шану.

Жрец нахмурился и недовольно забарабанил иссохшими пальцами по столу.

— Что-нибудь срочное?.. Раб преклонил одно колено.

— Трижды священный! Вестник Солнца и Эльзаир просят тебя впустить их по неотложному делу.

— Пусть войдут!

Эльзаир и Вестник Солнца вошли, опустив головы.

Ацро-Шану благословил их поднятием руки.

— Говорите...

— Трижды священный! — сказал Эльзаир. — Я не осмеливался раньше нарушить твой покой... Меня уже давно беспокоят необычайные явления в небесах... Светила как будто сошли со своих мест... Их путь не проходит уже по точкам, установленным на наших пирамидах и инструментах... Не предсказывают ли эти явления, думал я, великих бедствий?.. И вот является Вестник Солнца, и его сообщения как будто подтверждают мои опасения...

— Говори! — обратился Ацро-Шану к Вестнику Солнца.

— Трижды священный! Я совершил свой обычный объезд по нашим владениям для сбора налогов и ревизий. И везде я заставал ужасные картины. На восток и на запад от Атлантиды все острова в огне вулканов. Многие города уже погибли от извержения и землетрясений. Земля колеблется, здания рушатся, и люди мечутся, как стадо испуганных овец...

— Бедная Атлантида!.. — вновь тихо произнес Ацро-Шану. — Ты прав, Эльзаир! Твои наблюдения имеют связь с наступлением печальных событий, о которых говорит Вестник Солнца. И все же ты ошибся, Эльзаир. Планеты не сместились со своих мест, и неподвижные звезды так же неподвижны, как и раньше.

— Но мои наблюдения?.. Проверь их сам! Это истина! Я видел своими глазами!..

— А ты веришь глазам? — И, обратившись к Крицне, он сказал:

— Слушай. Вот хороший пример твоей «истины». Что ты думаешь, Эльзаир, если после чаши крепкого вина тебе покажется, что все шатается вокруг?

Эльзаир покраснел от обиды.

— Но я был трезв...

— Я не о том. Подумаешь ли ты, что колонны сместились с мест, или найдешь причину явлений в своей голове?.. Так и здесь. Сместились не звезды, а пирамиды, и потому вершины пирамид и твои инструменты не совпадают с обычными течениями звезд.

Эльзаир был совершенно озадачен.

— Но пирамиды стоят незыблемо на земле!

— А сама земля?.. Эльзаир начал понимать.

— Не проще ли допустить, что сдвинулась одна земля, а не весь небесный свод? Так оно и есть. Подземные силы огня изменили положение самой земли; сдвинулись и все твои точки наблюдений. Только сейчас я изучал явления, предшествовавшие ужасным землетрясениям, постигавшим уже Атлантиду тысячелетия тому назад... Тогда было то же самое... И так же, как теперь, первыми начали действовать вулканы на соседних с Атлантидой островах; они меньше Атлантиды, и подземным силам огня легче справиться с ними — прорваться наружу! Увы!.. На основании моих исследований я пришел к заключению, что мы перед небывалой катастрофой... Атлантида обречена!.. Сообщения Вестника Солнца лишь говорят о том, что мы ближе к катастрофе, чем я

предполагал...

Эльзаир и Вестник Солнца стояли пораженные. Только Крицна не проявил особого волнения: «подземные силы» клокотали в нем самом.

— Сзовите на завтра Верховный Совет... Если мы бессильны предупредить несчастье, позаботимся о спасении.

— Крицна, сообщи во дворец о созыве Верховного Совета.

Крицна поднялся наверх и вышел на мраморную балюстраду дворца.

Внизу лежала Атлантида, упоенная лунным светом и ароматом цветов. Как всегда, со стороны города доносились смягченные расстоянием звуки музыки и песен. Вдали мерно вздыхал океан.

Но Крицна ничего не видел. Он крепко сжал голову и стоял с искаженным лицом под яркими лучами луны. «Все ложь и обман... Нет богов... нет тайны... Есть только жадная, корыстная каста жрецов, которая из знания делает тайну, чтобы угнетать народ и утопать в роскоши...»

Взгляд его упал на золотую статую Бога-Солнца, сияющую в лучах луны.

Вдруг, в порыве бешеного гнева, Крицна сбросил статую с пьедестала.

Она со звоном покатила по мраморным плитам пола.

Глава 12 Восстание рабов

Жрецы и двор давно знали о готовящемся восстании рабов, хотя время восстания им еще не было известно. Священный Холм спокойно ожидал событий.

До сих пор эти восстания не представляли большой опасности для «государства», то есть для его господствующих каст: царского дома, жрецов, военачальников. Эти восстания походили скорее на неорганизованные бунты.

Однако на этот раз события разворачивались иначе. Задолго до рассвета, еще в полной тьме, рабы тихо, бесшумно оставили шахты. Так же бесшумно наносились внезапные удары тяжелыми бронзовыми кирками в головы надсмотрщиков и сторожей. И они падали как снопы, не издав ни звука.

Не прошло часа, как весь Черный город оказался в руках восставших. Мрак и тишина скрывали события.

У дорог и тропинок, ведущих к Священному Холму, были поставлены сторожевые отряды, чтобы задержать случайно уцелевших надсмотрщиков и сторожей, которые могли предупредить о событиях Священный Холм. Но это было сделано лишь из предосторожности: в Черном городе не осталось ни одного сторожа, ни одного надсмотрщика с уцелевшим черепом...

Рабы двинулись к старым шахтам.

Здесь находился штаб восстания.

— Если мы и не победим, мы дадим почувствовать Священному Холму растущую силу рабов, — сказал Злой, обращаясь к толпе. — Нам нужно во что бы то ни стало вооружиться бронзовыми мечами и копьями. Арсеналы охраняются большими и хорошо вооруженными отрядами воинов. Нам не одолеть их нашими мотыгами и кирками. Итак, чтобы достать оружие из арсенала, нам нужно уже быть хорошо вооруженными. Много готового оружия имеется еще на заводе. Это здесь, под рукой. Завод охраняется меньшим отрядом, чем арсенал. Но при первом же натиске они могут зажечь огни с сигналом тревоги и вызвать к себе на помощь дежурные легионы. Надо овладеть заводами так

же быстро и бесшумно, как мы овладели Черным городом. Но как это сделать?

— Мне известно, — сказал Акса-Гуам, — что перед рассветом сменится отряд, охраняющий завод. Смена будет идти по дороге Дракона. У двух источников эта дорога проходит в глухом месте через котловину... Нападем на этот отряд, покончим с воинами, наденем их доспехи, явимся на завод в виде смены и займем ее место. Тогда завод будет в наших руках со всем его оружием.

— А пароль? — спросил Адиширна.

— Я узнал его: «Змей и Солнце».

План был принят.

На дороге Дракона, у двух источников, произошло первое сражение.

Рабы пропустили отряд, отрезали отступление и сразу напали на него с трех сторон: спереди, с тыла и с левой стороны дороги, — правая обрывалась крутым утесом.

Удар был неожиданный, но закаленные в боях воины атлантов оказывали упорное сопротивление. Щиты защищали их от камней. Копья были длиннее мотыг и кирок. Воины разили ими рабов без особого вреда для себя. Отряд мог быть легко сброшен с утеса, но надо было по возможности полностью сохранить вооружение воинов. На стороне рабов был численный перевес. Копья застревали в телах рабов, но прежде чем воины успевали извлекать острие копья, к древку тянулись десятки рук и цепко хватались за него, несмотря на удары других копий. Мало-помалу большинство копий перешло в руки рабов. Движения воинов затруднялись недостаточной шириной дороги. Потеряв копья, воины пустили в ход мечи. Но копья дали явный перевес рабам: мечи были короче копий. Один за другим падали воины, загромаждая трупами дорогу, что еще больше затрудняло маневрирование.

Отряд был обречен...

Через какой-нибудь час он представлял груды тел. Ни одного человека в отряде не осталось в живых. Рабы быстро сняли с трупов воинов вооружение, смыли кровь у источника и надели его на себя.

Акса-Гуам нарядился в доспехи начальника отряда, и все двинулись в путь. У дороги остался заградительный отряд.

«Смена стражи» у завода произошла благополучно. Начальники отрядов обменялись паролями, и ночная смена, звеня бронзовым оружием, потянулась в обратный путь.

К их приходу все трупы были сброшены с утеса, путь был очищен, следы сражения заметены.

Покончить с небольшим отрядом внутренней стражи завода не представляло большого труда. Громадные заводы, изготавливавшие бронзовое оружие, были в руках восставших.

На заводе оказалось семь тысяч готовых мечей и копий и пять тысяч еще не полированного, но годного к бою оружия. Рабы ликовали. Никогда еще восстание не начиналось такой удачей. Крепла вера в победу над Священным Холмом.

Приближалась заря, и надо было спешить покончить с арсеналом и до восхода солнца перебросить главные силы в горы.

Вооруженные рабы, представлявшие уже грозную военную силу, быстро двинулись к арсеналу.

Их вооружение ввело гарнизон арсенала в заблуждение.

— Кто идет? — спросил выдвинутый вперед дозор.

— По распоряжению Кетцаль-Коотля, начальника вооруженных сил Атлантиды, легионы охраны для подкрепления гарнизона, — ответил Акса-Гуам.

Половина рабов успела перейти мост, когда обман был обнаружен, и то лишь по недосмотру самих рабов: часть слишком ретивых рабов, не получивших вооружения, последовала за отрядом со своими кирками. Их заметили и подняли тревогу. Но было уже поздно. Мечи скрестились, потрясая тишину ночи лязгом бронзы. Воины атлантов сражались с обычной стойкостью. Рабы теснили их, воины отступали внутрь громадного арсенала, отдавая с боя каждый шаг. С треском ломались тяжелые двери складов, толпы полуголых рабов вливались туда, выходя обратно в полном боевом вооружении. Рабы побеждали.

Еще продолжались отдельные схватки в самих складах и в углах широких мощеных дворов, а вооруженные ряды рабов уже двигались быстрым маршем по горной дороге в обход Священного Холма. Короткие стычки по дороге со сторожевыми отрядами не задерживали этого стремительного продвижения.

За одну ночь безоружные, бессильные рабы превратились в грозную армию, вооруженную шестнадцатью тысячами мечей и копий.

Несмотря на все предосторожности, от Священного Холма не удалось скрыть захвата арсенала. Арсенал помещался у подножия Священного Холма. Шум битвы явно доносился туда в тишине ночи. Но это же сражение у арсенала дало возможность главным силам рабов продвинуться далеко вперед в горы, прежде чем рабы были замечены. Во главе этих главных сил были Кривой и Адиширна. На долю Злого и Акса-Гуама выпала трудная задача: с меньшими силами вести наступление на Священный Холм со стороны наиболее защищенной и принять на себя главный удар лучших легионов атлантов — «кавалерии Нептуна» и «Непобедимых».

Священный Холм уже ослепительно сверкал бронзой своих храмов и дворцов в утренних лучах солнца, когда Акса-Гуам и Злой со своими отрядами подошли к кольцевому каналу у подножия Священного Холма. Подъемные мосты были подняты. Вся набережная на стороне Священного Холма горела, как бронзовая стена, вооружением выстроившихся в боевом порядке воинов.

Рабы приуныли, глядя на густой лес копий противника... Канал преграждал путь рабам.

Но обе враждующие стороны недолго стояли в выжидательном молчании.

В канале у берега стояло множество мелких судов. Злой махнул рукой на эти суда, и работа закипела. Рабы стягивали баркасы и фелюги к одному месту и под ударами копий, пущенных с того берега, составляли плавучие мосты. Набережная поднималась над водой на полтора человеческих роста, но это не останавливало рабов. Они двинулись по мостам и, становясь друг на друга, карабкались на берег. Копья сбрасывали их. Скоро из тел рабов на судах у берега выросло возвышение, по которому ползли, как муравьи, новые ряды рабов. Весь канал покраснел от крови вниз по течению. Трупы покрывали поверхность воды. Но главное было сделано: прежде чем солнце достигло зенита, рабы были на другом берегу. Многие из них впервые вступили на Священный Холм. Воины атлантов отошли на широкую площадь перед каналом, чтобы получить большую свободу маневрирования, и здесь началась длительная, упорная борьба.

У воинов атлантов было большое преимущество в том, что они стояли на холме, рабы же внизу, на узкой площадке, имея за собой канал. Подкрепление к рабам могло вливаться лишь медленно, по мере захвата площади. Груды тел затрудняли движение. Рабы стали ослабевать. Атланты усилили натиск. Наступил момент, когда прижатые к каналу ряды рабов могли быть сброшены в воду.

Злой и Акса-Гуам сражались в первых рядах. Оглянувшись, Злой увидел, что рабы отступают.

«Конец!» — подумал он.

Но в этот момент среди воинов атлантов также произошло замешательство. Их задние ряды спешно отступали.

Как потом оказалось, на горном фронте положение атлантов было отчаянным. Адиширна и Кривой лавиной обрушились с гор и вплотную подошли к самому дворцу царя. Туда и было спешно вызвано подкрепление.

Отряд Акса-Гуама и Злого вздохнул свободнее. Скоро рабы перешли в наступление и упорно теснили врага к вершине Священного Холма.

Но в это самое время на Священном Холме произошли события, предрешившие исход восстания.

В ту ночь, когда рабы подняли восстание, у царя Гуан-Атагуерагана был прощальный прием отъезжающих после праздника Солнца подвластных царей.

Чтобы поразить их в последний раз богатством и великолепием двора, прием происходил в Изумрудном Зале, помещавшемся в подземной части дворца. Все стены громадного зала были сплошь покрыты драгоценными камнями. Эти камни, подобранные по цветам, изображали фантастические цветы и пейзажи.

На бронзовом небе сияло топазовое солнце, хризопразовые деревья отражали свою зелень в изумрудных водах.

Желтые и розовые бериллы, красные рубины венчиками цветов поднимались из хризолитовой травы.

Трон стоял у стены, сплошь выложенной одними изумрудами, разные оттенки которых составляли сложный узор. Это была в буквальном смысле изумрудная стена; она была отделена от капитальной стены коридором, в котором помещались светильники. Свет их проникал сквозь изумруды, производя необычайный световой эффект.

Царь был предупрежден уже о восстании. Церемония приема была затянута, чтобы ко времени ее окончания порядок на Священном Холме был восстановлен: приезжие цари не должны были знать о восстании. Это было тем легче сделать, что в Изумрудный Зал не проникал никакой звук с поверхности земли.

Но восстание ворвалось и в это скрытое помещение.

Прежде чем подоспели на помощь горному фронту воины, снятые с поля сражения у канала, Адиширна и Кривой овладели дворцом. Звук мечей уже слышался в соседнем зале. И вдруг вооруженные рабы ворвались в Изумрудный Зал. Почетные караулы царей и сами цари принуждены были пустить в дело мечи.

Только Гуан-Атагуераган восседал еще на престоле с величавой неподвижностью статуи и наблюдал за битвой. Но в душе его было смятение. Дворцовая

стража и цари дрались с мужеством отчаяния, но ряды их редели с каждой минутой... Смерть смотрела в глаза царя Атлантиды...

В то мгновение, когда падали последние защитники дворца, царь вдруг вспомнил о возможном спасении. Он хотел гордо встретить смерть, как подобает царю Атлантиды. Но мысль о спасении заставила его сбросить маску величия. Быстро сбежав по ступенькам трона, он вынул тяжелый бронзовый меч, крепко сжав рукоятку, усыпанную бриллиантами, и с размаху разрубил изумрудную стену. Несколько ударов образовало проход в стене. Крупные изумруды, как горох, покатались на мозаичный пол. Царь бросился в образовавшийся проход. По его пятам к проходу кинулось несколько рабов.

Вдруг один из рабов, увидев крупные изумруды, наклонился к полу, стал пригоршнями собирать их, засовывая в рот и за панцирь. Другие рабы, с разбегу, налетели на него и упали. Куча тел заслонила проход.

Царь бежал...

Пылающий гневом Кривой подбежал к замешкавшимся у разбитой стены рабам и стал избивать их.

Адиширна потрясал мечом и призывал к порядку. Ничего не помогло. Не видя больше противника, толпы рабов рассеялись по залам дворца и занялись грабежом. В кладовых нашлись громадные амфоры с вином. Вино наливали в вогнутые щиты, и, истомленные зноем и битвой, рабы жадно пили и тут же падали от опьянения...

Глава 13 Конец восстания рабов

Как только жрецы узнали о восстании, они собрались на совет в одной из пирамид. Здесь они были в безопасности. Подземные ходы, соединявшие дворцы и пирамиды, были хорошо скрыты. От своих служителей жрецы узнали о ходе борьбы.

Несмотря на посланный жрецами приказ военачальникам подавить восстание немедленно, сверху приходили неутешительные вести.

Исход продолжавшегося сражения был сомнителен. В окрестностях Посейдониса были расположены громадные гарнизоны. С помощью их не представляло труда подавить восстание, но теперь каждый лишний час битвы причинял жрецам убытки: рабы разоряли их дворцы, и притом большинство рабов составляло «движимое имущество» жрецов. Этот живой товар не плохо расценивался на Морской Бирже.

Только к закату солнца успех правительственных войск определился окончательно. Армия Кривого и Адиширны была оттеснена в горы и рассеяна в лесах. Кривой был убит во дворце, и труп его разрублен на части «кавалерией Нептуна». Адиширна-Гуанч пропал без вести.

Покончив с главными силами рабов, воины атлантов двинулись на остатки армии Злого и Акса-Гуама. Рабов прижимали к каналу, они падали в канал и тонули.

Небольшая группа рабов со Злым во главе, как разъяренные львы, защищали мосты, прикрывали отступление.

Наконец, пронзенный в горло, пал Злой. Священный Холм был очищен. Оставались лишь отдельные группы рабов, которых воины травили, как собак, загоняли во дворы и тупики и зверски убивали.

Акса-Гуам был ранен в руку и голову. Его оттеснили от отряда Злого.

Отбиваясь от нападавших воинов, он стал в углубление бронзовой стены, окружавшей дворец Верховного жреца Ацро-Шану, прислонившись спиной к узкой бронзовой калитке.

От кровотечения из ран и усталости у Акса-Гуама кружилась голова и глаза застилало туманом. Как во сне, он машинально махал мечом, отбивая удары копий.

Неожиданно калитка открылась за ним, и он едва не упал навзничь. Подозревая ловушку, он обернулся и увидел перед собой Крицну — ученика Ацро-Шану. Крицна поддержал его и, ухватив за руку, втолкнул в калитку. Сюда же бросился один из воинов. Крицна выхватил из слабеющей руки Акса-Гуама его меч и ударил воина по голове. Тот свалился. Но за ним вырос другой. Длинным копьем он пронзил грудь Крицны.

— Закрой калитку! — успел крикнуть Крицна и упал, обливаясь кровью.

Акса-Гуам захлопнул калитку и заложил тяжелый бронзовый засов. Он склонился к Крицне. Глаза Крицны тускнели. Кровь с клокотанием выходила из раны в груди и изо рта.

— Умираю... так лучше... все ложь и обман... и жизнь обман... — хрипло говорил он с паузами. — Оставь меня... беги...

И Крицна склонил голову на землю. Легкая судорога прошла по его телу.

Акса-Гуам медленно шел по саду. Он не думал о бегстве... Он ни о чем не думал. Он был слишком разбит телом и духом.

Из-за стены доносились звуки удаляющегося сражения, крики и стоны.

Но здесь было тихо и мирно, как всегда.

Пальмы горели своими веерообразными вершинами в лучах вечернего солнца. Цветы благоухали. В яркой зелени деревьев кувыркалились и кричали бело-розовые и красно-зеленые попугаи, привязанные за ногу золотыми цепочками.

— Доброе утро, Ацро-Шану! — картаво и резко прокричал вслед Акса-Гуаму попугай.

Акса-Гуам спускался по желтой песчаной дорожке, усаженной по сторонам цветущими белыми лилиями и белыми туберозами. Их сильный, сладкий запах пьянил ему голову.

На ветке большого апельсинового дерева сидела ручная обезьяна и внимательно чистила большой, зрелый, сочный плод. Увидев Акса-Гуама, она сорвала еще один апельсин и с насмешливым криком запустила в него. Как оранжевый мяч, апельсин покатился по желтой дорожке. Акса-Гуам вспомнил, что со вчерашнего дня он ничего не ел. Он поднял апельсин и с наслаждением стал есть его сладкую, сочную, душистую мякоть. Обезьяна что-то закричала ему вслед на своем языке.

Он невольно улыбнулся, кивнул обезьяне головой. Она приветливо закивала в ответ. И странно: ему стало как-то легче на душе.

Он подошел к мраморному водоему, снял с себя тяжелые доспехи и вымылся холодной ключевой водой. Оставшись в короткой черной тунике жреца с расшитым на груди золотыми нитками диском солнца, он почувствовал себя легко и свободно. С удовольствием он растянулся на зеленой траве, расправляя усталые члены.

«Если бы не болели раны, было бы совсем хорошо», — подумал он. Сладкая

истома сковывала тело. Он невольно закрыл глаза и стал погружаться в дремоту.

Вдруг словно какой-то толчок разбудил его. Он быстро сел. Ата! Что с ней?.. Как мог он так долго не думать о ней! Ата умоляла его позволить ей сражаться вместе с ним.

— Многие наши женщины-рабыни вооружаются и идут на Священный Холм, чтобы умереть или победить... Я не могу остаться дома... Я сильна, и я хочу быть с тобой...

Но он настоял на своем. Он убедил ее остаться, уверяя, что, если она будет рядом с ним на поле сражения, опасения за ее жизнь будут отвлекать его и это скорее может погубить их и повредить восстанию.

Со слезами на глазах она простилась с ним прошлой ночью на старых шахтах...

«Что с нею?.. Не пошла ли она разыскивать меня и не убили ли ее воины атлантов?»

Одним прыжком он поднялся на ноги и быстро пошел вниз по дорожке. Перелез через стену и стал спускаться со Священного Холма.

Кратчайшая дорога вела мимо дворца его покойного отца.

Минуту Акса-Гуам колебался, но потом решительно зашагал по этой дороге. Она уже вся была очищена от рабов. От времени до времени встречались отряды воинов. О его участии в восстании знали немногие обитатели Священного Холма. В своей одежде жреческой касты он беспрепятственно шел вперед.

Подходя к дворцу отца, он невольно замедлил шаги. Дворец одной стороной выходил на дорогу, поднимаясь своими тяжелыми колоннами над бронзовой оградой.

Вдруг Акса-Гуам остановился. У него перехватило дыхание. В одном окне стояла его мать с растрепанными, седыми космами волос и безумными глазами. Она узнала его и, указывая на него пальцем протянутой руки, истерически захохотала:

— Вот он!.. Вот он!.. — кричала она. — Змееныш! Змееныш! Где ты прячешь голову твоего отца? Она нужна Агушатце... Он делает мумию. Разве бывают мумии без головы?.. Отдай голову отца!.. Отдай голову!.. Две рабыни подхватили ее под руки и силой оттянули от окна. Акса-Гуам зажал уши и бросился бежать. Но крик матери стоял в его ушах:

— Отдай голову твоего отца!..

Только добежав до моста у канала, он несколько успокоился. Бедная мать!.. Голова отца... Она на старых шахтах... Голова жреца... Акса-Гуам даже не знает, закопали ли ее в землю...

Глава 14 Гибель Аты

В Черном городе еще не улеглось волнение. Толпы рабов наполняли улицы. Воины атлантов не преследовали рабов. Священный Холм очищен, а от кары рабам не убежать.

На широкой площади, где перекрещивались две дороги, какой-то раб узнал его:

— Смотрите, он! Вот он! Вот Акса-Гуам, царь рабов!

— Предатель!

— Изменник!

Толпа окружила его. В него полетели камни.

Разъяренные женщины протягивали к нему кулаки и кричали:

— Отдай мне убитого мужа!

— Ты погубил моего сына!

— Где брат мой?

Какой-то раб-фракиец подскочил к нему и сбил его ударом на кучу щебня. Потом посадил, нахлобучил ему на голову свой красный колпак и закричал:

— Коронование царя рабов!

Кольцо толпы сжималось все теснее. Град камней падал на Акса-Гуама. Окровавленный и бледный, сидел он в красном колпаке и смотрел на толпу невидящим взором.

— Что смотреть на него? — сказал раб-бербер с копьем в руках. — Разве в нем не кровь врагов наших? Отойдите!

Рабы отошли в сторону, и раб-бербер пустил копьё прямо в грудь Акса-Гуама.

Но прежде чем оно вонзилось, из толпы раздался женский отчаянный крик, чье-то тело метнулось между Акса-Гуамом и летящим копьем.

Копье пронзило насквозь грудь молодой женщины.

Это была Ата.

Она повернула голову к Акса-Гуаму и успела только сказать:

— Мою жизнь... — Кровь хлынула из горла и раны, и она замолчала, тяжело хрипя.

— Ата! — крикнул Акса-Гуам. Но силы изменили ему. Он потерял сознание и свалился с кучи камня к трупу Аты.

Толпа отхлынула и затихла, взволнованная неожиданной смертью Аты.

Но тот же раб-бербер, рассерженный тем, что ему испортили меткий удар, которым он хотел похвастаться, закричал:

— Еще одну рабыню сгубил он! Смерть ему! — и бросился к Акса-Гуаму. Несколько рабов последовали за ним.

— Стой, собака! — вдруг вырос как из-под земли старик Гуамф, заслоня собой тела Аты и Акса-Гуама.

Рабы остановились в смущении. Старика Гуамфа знали и уважали в Черном городе.

— Уйди, старик! — понижая тон, сказал раб-бербер.

— Звери вы или люди? — накинулся на него Гуамф. — Вам мало крови? Так убейте и меня, старика!

И, обратившись к рабу-берберу, Гуамф продолжал:

— Где ты был, Ширна, когда брали Священный Холм? Ни один из рабов, которые бились там, не поднимет руку на Акса-Гуама: кто бы он ни был, он бился вместе с нами и за нас отдавал жизнь, как последний из рабов. Где ты достал копьё, Ширна, которым хотел убить Акса-Гуама и убил мою внучку? Поднял на дороге после сражения? Я знаю тебя и твою шайку! Когда нас давят, вы подлизываетесь к надсмотрщикам и доносите на своих. Когда мы воюем, вы подуськиваете других и выжидаете дома, кто победит, чтобы лягнуть копытом побежденного. Нам всем жилось бы легче, если бы не было таких, как ты. И ты смеешь судить побежденного?

Раб-бербер смутился и исчез в толпе.

— Слушайте, рабы! Акса-Гуам потерял отца, — продолжал старик. — Мать его лишилась рассудка. Девушка, которую он любил, лежит перед вами с копьем в груди. Ему нет дороги назад, на Священный Холм...

Не дослушав конца речи, толпа рабов вдруг отхлынула и побежала к шахтам. По дороге, со стороны Священного Холма, медленно двигался отряд конницы. Не прошло пяти минут, как площадь была пуста. Слышно было только цоканье бронзовых подков по каменным плитам дороги да бряцание оружия.

Как победители, гордые и самоуверенные, воины атлантов медленно проехали, не кинув даже взора на группу у каменной кучи: трупов валялось слишком много на дороге, а дряхлый старик не стоил внимания.

Стало совсем тихо. Только жужжал рой синих мух, блестящих в закатных лучах, собравшийся над зияющей раной Аты.

Гуамф оттащил Акса-Гуама от дороги и скрыл за кустом труп Аты.

Акса-Гуам пришел в себя.

Гуамф ласково положил ему руку на плечо:

— Ты не сердись очень на них. — Он махнул рукой в сторону шахт. — Тяжело опять становиться в ярмо... Помнишь, как я сам рассердился на тебя, когда ты заговорил об освобождении рабов? Когда это будет и будет ли? Может быть, когда-нибудь, через тысячи лет, и взойдет наша звезда и исцелит раны наши. Но только тогда уж нас не будет, а может быть, не останется следа и от самой Атлантиды... И никто не будет знать, что и мы боролись за дело рабов и через тысячелетия посылали привет тому, кто будет счастливее нас...

— Пить... — хрипло прошептал Акса-Гуам и застонал от боли.

Глава 15 Обреченные

Заседание Верховного Совета открылось в Медном Зале царского дворца. Стены зала были покрыты медными листами с барельефами, изображающими подвиги царей Атлантиды. Развешанное внизу по стенам бронзовое оружие атлантов, от древнейших, грубо отделанных секир до мечей и панцирей последней отделки, полированных до зеркального блеска, придавало залу вид музея. Все члены Верховного Совета были в сборе, кроме Верховного жреца Ацро-Шану.

Но царь не стал ожидать его. Сидя на высоком бронзовом троне, в полукруге кресел, занимаемых членами совета, царь открыл заседание.

— Именем Солнца и волею нашей...

В Атлантиде произошло неслыханное событие. Восставшие рабы посягнули на мою священную жизнь. От руки презренной черни погибли все мои гости и цари. Лишь царь Ашура избежал ужасной гибели, бежав вслед за мной, и любезный брат мой, царь Атцора, — он не был во дворце по причине недомогания.

В восстании — о великий позор! — принимал участие и один из сыновей жрецов. Отец его поплатился своею головой за сына-изменника... Главные зачинщики: Акса-Гуам-Итца, — пусть гнев богов падет на его голову, — и раб Адиширна-Гуанч, — да разверзнется под ним земля, — до сих пор не разысканы. Кто в этом повинен, Кетцаль-Коотль?

Военачальник склонил голову.

— Они будут разысканы, трижды великий...

— Если они не будут разысканы живыми или мертвыми, прежде чем солнце трижды скроется за утесом Льва, ты не увидишь, Кетцаль, четвертого восхода солнца. Но рабы... — и царь в гневе даже привстал с кресла, что было совершенно необычайным нарушением этикета. — Гнев мой не имеет границ. Пусть рабское племя помнит из поколения в поколение, что значит гнев царя Атлантиды. Я истреблю их всех до единого. Я подвергну их таким пыткам, от которых содрогнется сама земля. Повелеваю набрать в наших колониях новых рабов! Рабы обречены. Все до единого...

Кетцаль-Коотль тяжело вздохнул.

— Не гневайся, трижды великий... Почти все рабы покинули Черный город... Их бегство было столь поспешно, что в их квашнях остался замешанный хлеб. Они укрылись в лесах... Остались лишь старики, старухи и дети-сироты...

— И ты, старая собака, не сумел выследить дичь... Это измена. Все вы изменники и заговорщики!.. Оцепить леса!..

— Сделано!

— Обыскать все тропинки с охотничьими собаками...

— Ищут, и многих уже поймали.

— Травить их, как диких зверей. Пусть вся Атлантида зальется их кровью.

В зале произошло движение.

На черных носилках четыре служителя храма осторожно внесли Ацро-Шану, Верховного жреца.

Поддерживаемый под руку, жрец медленно сошел с носилок, благословил царя, подошел к своему креслу и, не опускаясь в него, обратился к царю с речью:

— Трижды великий, могучий, непобедимый, богами хранимый владыка Атлантиды! Моя старая грудь разрывается от тоски, глаза источают слезы и язык мой не повинуется мне... Но боги бессмертные повелели мне сообщить тебе о великом бедствии, которое надвигается на Атлантиду. Увы, увy... Мы все погрешили перед богами, и гнев их обрушился на нас...

Гуан-Атагуераган заметно побледнел.

— Говори скорее, в чем дело, — сказал он глухим голосом.

— Атлантида обречена... Атлантида должна погибнуть... от страшного землетрясения. Огонь пожрет ее. Боги открыли мне прошлой ночью, что гибель Атлантиды неизбежна. Бог-Солнце, пылающий и грозный, явился мне в виде воина. Одежды его были как расплавленная бронза, и свет лица его ослеплял. И он сказал мне: «Спасайтесь!.. Спасайтесь, пока не поздно. Ибо не останется камня на камне и не уцелеет ни одно живое существо. Огонь истребит, океан поглотит Атлантиду. И там, где стояли высокие горы, только волны морские будут вздымать гребни свои. И сама память об Атлантиде сотрется в веках...»

Ацро-Шану говорил грозно, как пророк, и каждое слово его леденило сердце...

Царь откинулся, судорожно сжал ручку трона и прикрыл глаза. По его лицу прошла судорога.

— Ты лжешь, старик!.. Вы все лжете!.. Я не верю вам! Вы хотите запугать меня. Не за то ль, что уменьшил ваши доходы?

— Ничто не спасет Атлантиду! Страшный день гнева близится! — восклик-

нул Ацро-Шану.

И как бы в подтверждение этих слов, вдруг прокатился сильный волнообразный подземный удар.

Со светильников сорвались языки пламени и некоторые из них погасли. Бронзовое оружие со звоном и лязгом обрушилось на пол. Кресла и царский престол покачнулись. С оглушительным треском расселась капитальная стена. По всему мозаичному полу, от входных дверей, протянулась большая трещина. Постепенно суживаясь, она доходила до самого подножия престола.

Царь с ужасом смотрел на эту трещину, как на подползавшую змею, которая готова ужалить его.

Снаружи слышались крики и плач испуганных женщин и детей. Но в самом зале стояла гнетущая тишина. В эти немногие мгновенья сознание людей должно было примириться с мыслью, которая переворачивала всю их жизнь. Это было так неожиданно, так необычайно странно и нелепо, что мозг отказывался понять... И царь смотрел как загнипнотизированный на зловещую трещину и не мог произнести ни слова.

Раздался второй толчок.

Зазвенело оставшееся на стенах оружие и затрепетали хрустальные подвески на бронзовых светильниках...

Царь встал с престола и, забыв об этикете, подошел к окну, чтобы освежить голову. Ветер доносил сюда соленую свежесть океана.

Царь посмотрел вниз на огни Атлантиды, расстилавшейся у подножия Священного Холма.

— Бедная Атлантида... — прошептал он, повторяя слова Ацро-Шану. Убитый, растерянный, обернулся он к собравшимся. Хрустнул пальцами, униженными кольцами и перстнями, и, обводя взором жрецов, спросил:

— Что же делать теперь?..

Члены Верховного Совета поднялись со своих кресел и образовали шумную толпу. От торжественности заседания не осталось и следа. Они говорили все разом, не слушая друг друга и размахивая руками. Только Ацро-Шану сохранял полное спокойствие.

— Тише! — сказал он. — Стыдно! Вы не рабы! Если потеряем спокойствие, кто позаботится о нашем спасении? Наступило молчание. Все были смущены.

— С Атлантидой кончено, — продолжал Верховный жрец. — Надо подумать о нашем спасении. А оно может быть только в одном — бегстве. Не теряя ни одной минуты, мы должны собираться в путь; мы должны взять с собой наше оружие, нашу армию — это первое и главнейшее, так как нужно будет заново строить свое могущество... Многие друзья отвернутся от нас и станут врагами. Нужно взять с собой наши драгоценности, наших животных, семена наших хлебных растений. Наш флот может перевезти только армию... Для жителей Священного Холма и свободных граждан должны быть построены новые огромные корабли-ковчеги. Предстоят бури и ливни, и корабли должны быть построены так, чтобы бороться с ними!.. Надо немедленно браться за работу. Каждая минута дорога...

— Но кто будет строить корабли? Кто возьмет на себя всю черную работу по сборам в путь? Рабы бежали! — сказал Кунтинашар.

— Надо вернуть рабов, — ответил Ацро-Шану. — Надо объявить им помилование и поставить на работы.

— Никогда! — гневно воскликнул царь. — Помиловать бунтовщиков? Царевбийц? Никогда! Мы привлечем к работам воинов!

— У воинов будет достаточно своей работы! — осмелился возразить Кетцаль-Коотль. — И потом... Мои воины? Какие же они столяры и плотники? Воины умеют только владеть мечом! Их пришлось бы еще долго учить новому ремеслу.

— Сейчас не время для мести... — сказал Ацро-Шану. — У нас нет выбора: или помиловать рабов, или погибнуть вместе с ними.

— Лучше погибнуть, чем помиловать! — упрямо ответил царь.

— Ну что ж! Твоя воля священна. Будем готовиться к гибели, — сказал Ацро-Шану, лукаво взглянув на царя из-под нависших бровей.

— Но... я успею спастись! — смущенно произнес царь, помолчав.

— Да, ты можешь успеть. Но что будет с тобой, если при тебе не будет армии, жрецов, оружия, всяческих запасов и золота? Ты будешь как тростник, ветром колеблемый.

Царь колебался.

— Вот что... — продолжал Ацро-Шану с той же скрытой улыбкой. — Ты жаждешь мести. Она не минует рабов. Мы можем пообещать им помилование. Но ничто не помешает нам взять лишь столько рабов, сколько нам нужно для путешествия и устройства на новом месте. Остальных мы оставим, в последний момент пообещав вернуться за ними. Поверь, что гнев богов достигнет их здесь вернее, чем меч Кетцаль-Коотля. Ни один не уцелеет... А когда обживешься на новом месте и обзаведешься новыми рабами, можно будет покончить с мятежниками, вывезенными из Атлантиды. Не так ли?..

Царь нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Согласен!.. Кетцаль-Коотль! Разошли вестников по всем лесам. Объяви им от моего имени о царской милости.

Глава 16 Крылатый змей

Во все города и селения Атлантиды были разосланы гонцы. На площади у храмов звучали бронзовые трубы этих вестников несчастья. Глашатаи кричали перед испуганной толпой:

— Гнев богов обрек Атлантиду на гибель!.. Все население волей царя призывается на общественные работы... Мы должны спешно готовиться к бегству!..

Посейдонис походил на встревоженный муравейник. Люди бегали по улицам испуганные, бледные, как во время пожара. Общее несчастье сблизило людей и нарушило кастовые преграды. Незнакомые люди различных каст окликались друг друга:

— Слыхали?

— Да. Ужасно!.. — и разбегались в разные стороны.

Казалось, вся Атлантида потеряла голову. Люди перебирали свои вещи, отбрасывая ценное, складывая ненужное, сутились без толку, забывая о сне и еде. Некоторые впадали в странное оцепенение: сидели молча, ничего не слыша, как статуи. Женщины плакали, прижимая детей к груди.

Так длилось несколько дней, пока Священный Холм не организовал правильных работ.

Хмурые, плохо верящие в «царскую милость», возвращались рабы из лесов. Другого выхода им не оставалось. Все же часть рабов не вернулась в Черный город. Одни из них не верили в неизбежную гибель Атлантиды, другие предпочитали лучше умереть свободными, чем вернуться к рабству.

Близкая опасность, казалось, удесятряла силы людей. Работы шли днем и ночью с короткими перерывами на сон и обед.

По горным дорогам из лесов тянулись беспрерывной лентой обозы, снабжавшие доки и верфи строительными материалами. Люди и животные падали замертво на дороге, их оттаскивали в сторону, очищали путь, и работа продолжалась с тою же лихорадочной поспешностью.

Готовые корабли нагружались оружием, домашним скарбом, животными, не только домашними, но и дикими: атланты хотели сохранить по возможности все, что напоминало бы им на новых местах их солнечную родину. Каждому свободному гражданину разрешалось взять по семи пар домашних животных и птиц и по две пары диких.

Новые верфи покрывались тысячами строящихся судов; на судах были сооружены крытые палубы на случай бурь и ливней.

При всей напряженности и лихорадочности работ скоро выяснилось, что с первыми отходящими кораблями можно будет вывезти лишь ничтожную долю накопленных тысячелетиями богатств Атлантиды. Царские и жреческие сокровища казались неисчерпаемыми. Решено было взять в первую очередь самое ценное и менее громоздкое. Если катастрофа замедлится, оставшееся имущество можно будет вывезти постепенно. Однако на это было мало надежды. Чтобы вывезти в первую очередь хотя бы часть несметных богатств правящих каст, нужно было сознательно бросить почти на верную гибель не только рабов, но и часть свободного населения Атлантиды. Однако, чтобы избежать паники и восстаний. Священный Холм заверял население, что все оно, до последнего раба, будет увезено до наступления катастрофы.

Наконец сборы царствующего дома были окончены. Все члены царской семьи собрались во дворце царя перед тем, как отправиться на корабли. Не было только Сель, находившейся еще в Соколином Гнезде. Послали за нею. Но посланный вернулся в смущении: Сель не было в Соколином Гнезде.

Ее жених, царь Ашура, был огорчен этим известием, а Гуан-Атагуераган разгневан. Он возлагал большие надежды на брак царя Ашура со своей дочерью. Теперь царь Атлантиды особенно нуждался в дружбе и помощи могучего подвластного царя! Увы! Останется ли он подвластным? Удастся ли сохранить хотя бы дружбу его?..

Царь потребовал немедленно привести для допроса няньку Сель, старуху Гу-Шур-Ца.

Она явилась перед грозные очи царя, низко кланяясь, всхлипывая и утирая слезы краем плаща.

— Где Сель? — спросил сурово царь.

— Трижды великий!.. — И Ца упала на колени. — Не гневись на рабу твою... Я не виновата... Я хранила ее как зеницу ока, но в прошлую ночь крылатый змей спустился с горы... Крылья его были, как у летучей мыши, а ноги, как у льва... Из ноздрей его шел дым, и огнем дышала пасть его... Сель сидела на балконе и отдыхала в ночной прохладе. Вдруг змей схватил ее в свои когти и взвился с ней на воздух... Я успела уцепиться за плащ Сель. Змей и меня при-

поднял на воздух... Но плащ упал с плеча Сель, а вместе с ним упала и я... Вот все, что осталось от Сель... — И Ца бросила к ногам царя голубой шелковый плащ Сель, расшитый серебряными лилиями.

Все были поражены рассказом. Но царь подозрительно посмотрел на жрецов.

— Что ты скажешь, Кунтинашар?

— Трижды великий... Я не знаю, что сказать. Бежать Сель не могла... Может быть, ее похитили... Царь глубоко задумался.

— Одно несчастье преследует его за другим... Неужели боги наказывают его за ссору с жрецами?.. Гордость и страх боролись в его душе. Страх победил.

— Да будет воля богов!.. — И обратившись к жрецам, он сказал:

— Молитесь богам, чтобы не до конца преследовал нас гнев их... А я... я сделаю все, что могу... Я восстанавливаю ваши права!.. Корабли ждут нас. Но пусть продолжаются поиски Сель после нашего отъезда. Может быть, нам удастся спасти ее...

И тяжело вздохнув, он обратился к рабам:

— Носилки!..

Последний царь Атлантиды, мерно колыхаясь на золотых носилках, спускался со Священного Холма, чтобы никогда сюда не возвращаться...

Глава 17 «Золотой век»

Акса-Гуам поправлялся медленно. Он долго бредил восстанием. Наконец лихорадка оставила его.

— Ну что, сынок, ожил? — ласково спросил его дедушка Гуамф. Акса-Гуам посмотрел вокруг. Он лежал в старой шахте. Слабый свет виднелся со стороны входа.

— Три недели я тебя берег в этой мышинной норе от ваших ищеек. Первое время очень опасно было. Ну, теперь у них столько забот, что не до тебя. Адиширна был. Тайком пробрался. Зовет в лес. Говорит, хорошо у них там!..

Акса-Гуам ушел к Адиширне, как только позволили силы. Гуамф проводил его. Ночью, тайными тропами пробирались они среди гигантских стволов, поднимавшихся ввысь, как колонны храма. Когда-то, в старину, эти стволы и брали для колонн. Теперь они шли на постройку кораблей.

— Ну и проказник внук мой! Такую штуку выкинул, что... Да вот сам увидишь! — болтал дедушка Гуамф и смеялся беззубым ртом.

Среди стволов, у пещеры, показалось пламя костра. Когда путники подошли ближе, они увидели Адиширну, который жарил на вертеле горную серну.

— Ого-го! — закричал дедушка Гуамф.

Адиширна вскочил и схватился за меч. Но узнав Акса-Гуама и деда, он бросился к ним навстречу.

Акса-Гуам дружески поздоровался с ним.

Вдруг, привлеченная их голосами, из пещеры вышла женщина.

Акса-Гуам взглянул на нее и отшатнулся, пораженный неожиданностью.

— Царевна!.. Сель!..

— Да, это она, — сказал Адиширна... — Моя жена!.. — прибавил он с радостным смущением.

— Но почему ты здесь, Сель?..

Все расположились около костра, и Адиширна рассказал Дкса-Гуаму историю похищения Сель «крылатым драконом». Этим «драконом» был сам Адиширна. Он решил во что бы то ни стало похитить Сель. Проникнуть через дворец ему не удалось. Тогда он рискнул на последнее средство. Достал канат, укрепил его на вершине горы, над Соколиным Гнездом, и спустился по канату к балкону Сель. — Канат оказался коротким: до балкона не хватало всего каких-нибудь два локтя. Адиширна поднялся по канату, привязал конец его у ступни ноги и бросился вниз головой. Протянутые руки достали до рук Сель. Привыкшая к физическим упражнениям, сильная и ловкая, Сель сама поднялась по канату, а вслед за ней и Адиширна. Чтобы избавить няньку от царского гнева, Адиширна успел крикнуть ей о «крылатом драконе», который похитил царевну.

— Так удалось мне сорвать недоступную розу Золотых Садов, — закончил он рассказ, весело взглянув на Сель.

Акса-Гуам не понял этих слов, но Сель ласково улыбнулась Адиширне в ответ.

Дедушка Гуамф зашевелился.

— Ну, дети, мне пора... Цальна, наверно, давно уже ворчит. Навещайте старика! А когда отчалят все корабли, спускайтесь с ваших гор. Здесь хорошо, да больно холодно... Жрецы говорят, что Атлантидапогибнет в огне. А я так не очень им верю! Ну, погремит, потрясет, тем дело и кончится. Мало я па своем веку этих подземных толчков пережил! Земля прочно построена. Поверьте мне, старику!.. Да хранят вас боги!..

И он скрылся во мраке леса.

Акса-Гуам поселился в соседней пещере.

Но ему не легко было смотреть на счастливую пару. При виде Адиширны и Сель его рана — потеря Аты — болела сильнее.

И он старался забыть в движении, пропадая целыми днями на охоте. Адиширна и Сель с эгоизмом влюбленных были очень довольны этим увлечением Акса-Гуама охотой. Акса-Гуам обеспечивал их провизией, и они все время могли проводить вместе. Они переживали «золотой век». Поглощенные своею любовью, они не думали о катастрофе. Кругом был простор не тронутой человеком природы. Далеко внизу, как игрушечный, виднелся великий Посейдонис; еще дальше — голубая пелена океана. Чистый горный воздух был наполнен ароматами горьких трав и хвои, близость пояса вечных снегов умеряла зной.

Особенно радостны были восходы солнца. Разноголосый хор птиц, румянец зари и разливающаяся по океану золотая река солнечных лучей приводили их в такой восторг, что они падали на колени перед восходящим светилом, воздевали руки и начинали петь гимн солнцу. Это было не религиозное обожествление солнца, но чистый восторг перед великолепием мира...

Потом приходил Акса-Гуам, уставший, часто окровавленный, и приносил на плече свежую дичь, горных коз, меха убитых зверей.

Пока аппетитно дымилось поджариваемое мясо, Акса-Гуам рассказывал о своих охотничьих приключениях...

И дни проходили незаметно.

Казалось, их «золотой век» никогда не кончится.

Но катастрофа сама напомнила о себе.

Еще накануне извержения вулкана в жизни леса стало твориться что-то неладное. Птицы срывались со своих гнезд и беспокойными криками целыми стаями тянулись к океану. Из земли вылезали змеи и большие ящерицы; змеи с шипеньем целыми клубками скатывались вниз. Среди деревьев мелькали горные козы, лисицы и крупные дикие звери. Блеяли козы, звери рычали и бежали все в одном направлении — вниз. Ломая деревья и громко трубя, промчался слон-отшельник. В воздухе стояла необычайная тишина и то особенное напряжение, которое испытывают нервные люди перед грозой. Но земля была неподвижна. Уже несколько дней не чувствовалось ни малейшего колебания почвы. Однако непонятное беспокойство овладело обитателями лесов. [34]

Адиширна и Сель уговаривали Акса-Гуама не идти на охоту.

— Пустяки! — ответил Акса-Гуам. — Сегодня-то и охотиться! Смотрите, козы бегут целыми стадами. Прощайте! Я скоро вернусь! — И он бодро зашагал в чащу.

Адиширна и Сель с тревогой проводили его глазами.

Акса-Гуам вышел на поляну и с изумлением остановился. Вся она была покрыта стадами бегущих коз. Он уже стал выбирать, в какую из них бросить копье, как вдруг ужасный толчок бросил его на землю. Как одна, удали и все козы, но тотчас поднялись и с жалостливым блеянием побежали вниз еще быстрее. Вслед за толчком раздался взрыв необычайной силы. Человеческое ухо не способно было уже воспринять его как звук. Акса-Гуаму показалось, что его ударили в оба уха. Он опять упал, почти потеряв сознание. Лежа на земле, он увидел, как над самым высоким горным хребтом вздымается огромный столб пара. С оглушительным грохотом жерло вулкана выбрасывает целые горы мелких и крупных камней. Пар, вода и пепел, поднимаясь все выше, распластывались над вершиной, как зонтик. Небо быстро затягивалось мглой. Над вулканом в несколько минут образовались темные тучи. Засверкала молния, загредел гром. Дождь и мелкие камни затрещали по листьям деревьев и скалам. Ухо несколько привыкло к грохоту вулкана и уловило новые звуки: отдаленный рев, быстро приближающийся.

— Откуда этот рев? — воскликнул Акса-Гуам и вдруг увидел, что столбы пара и тучи окрасились багровым отсветом...

— Огонь!.. Огонь и горячий пар растопили вековые льды и снега на вершине гор!..

Так оно и было. Через несколько минут огромные водопады уже неслись с вершин гор, увлекая в своем течении тысячепудовые камни, стволы деревьев, барахтавшихся животных и зверей.

Еще минута — и один из водопадов обрушился в долину, на высоком берегу которой находился в это время Акса-Гуам. Путь к пещере был отрезан. Нечего было и думать перебраться через это бешеное течение... Приходилось думать лишь о собственном спасении.

Пары спускались ниже, наполняя воздух удушливым запахом серы и углекислоты... Кружилась голова... Несколько камней больно ударили по телу... Акса-Гуам поднялся, обмотал голову шкурой леопарда, которая была на нем, и бросился вниз, по горному кряжу, разделявшему два потока.

Высеченная из скал статуя Бога-Солнца преграждала путь водопадам, и они растекались по обе стороны. Священный Холм не заливался водой, и туда бе-

жал Акса-Гуам...

С величайшими усилиями ему удалось добраться до Холма.

Но здесь он увидел новые ужасы — ужасы человеческого безумия.

Сюда, на Холм, собрались брошенные, обреченные на гибель рабы. Власти больше не было. Не было ни царей, ни жрецов, ни воинов. Все были свободные, вольные, все были равны. И все были безумно богаты... Да, да!.. В Атлантиде остались еще несметные богатства. Землетрясение разрушило скрытые сокровищницы, и из храмов, пирамид, дворцов просыпались прямо на дорогу, в грязь, целые горы золота, бриллиантов, изумрудов... Безумие охватило толпу... Рабы собирали драгоценности, набирали в мешки, дрались, отнимали друг у друга, убивали... Закапывали бриллианты, хватали пригоршнями драгоценные камни, жадно прижимали их к груди или вдруг разбрасывали с безумным смехом. И самоцветные камни горели в грязи, как капли крови, в багряном свете вулкана. Иные надевали роскошные, кованные золотом и усыпаные бриллиантами тяжелые облачения жрецов и праздничные одежды царей и с высокими коронами и тиарами на головах плясали безумный танец... И все это покрывалось беспрерывным грохотанием вулкана...

«Что, если кто-нибудь из них узнает меня?» — в ужасе подумал Акса-Гуам.

Но все они были слишком возбуждены, чтобы понимать что-нибудь.

Близкий к безумию, он бросился к Черному городу.

«Дедушка Гуамф, Цальна!.. Что с ними?..»

Он был уже недалеко от их дома, когда новый подземный удар потряс почву. И вдруг громадная трещина разверзлась между ним и домом дедушки Гуамфа. Из недр земли поднялся пар, насыщенный серой.

В клубах пара он увидел, как на другой стороне трещины появилась девочка Ле, сестра Адиширны.

Она размахивала ручонками и что-то кричала.

Он не мог помочь ей... Ветер отнес в сторону пар, и он увидел, как большой камень, упавший с неба на голову Ле, замятво уложил кудрявую шалунью...

— Здесь больше некого спасать!.. — крикнул он с отчаянием и бросился к порту. В гавани еще стоял один из последних кораблей. Гребцы с усилием налегали на весла, но встречный ветер затруднял выход в открытый океан. Акса-Гуам бросился в волны и поплыл. Среди высоких бурных волн, освещаемых зловецим красным светом, виднелись головы рабов. Они плыли к кораблю, но немногие из них достигли цели: одних топили волны, других убивали падающие на головы камни с неба. Подплывавших совсем близко поражали с корабля метко пущенные копья.

Акса-Гуам упорно плыл, стиснув зубы. Мрак сгущался, волны поднимались все выше. Гребцы бились из последних сил и медленно подавали корабль вперед. Акса-Гуама увидели. Копья замелькали вокруг него. Акса-Гуам нырнул, проплыл под водой до самого корабля и слабеющей рукой ухватился за бронзовое кольцо...

Глава 18 Гибель Атлантиды

Адиширна и Сель не пострадали от первого извержения, выбросившего массы паров, грязи и камней. Пещера укрыла их от каменного дождя, а потоки воды низвергались вниз бушующими водопадами по сторонам и водяной за-

весой с верхней скалы. В воде недостатка не было, а в пещере хранились запасы сушеных плодов и вяленого мяса, заготовленного Акса-Гуамом.

Но сам Акса-Гуам пропал бесследно. Адиширна и Сель оплакивали его гибель.

Прошло несколько дней.

Когда вода несколько спала, Адиширна и Сель вышли из своего убежища. Оглядевшись вокруг, они были поражены. Местность стала неузнаваемой. По сторонам пещеры еще бурлили потоки мутной воды. Громадные стволы лежали как трупы на поле сражения. Уцелевшие деревья, лишенные листвы, с поломанными сучьями наводили уныние. Вода произвела громадные выбоины и колеи, вывернула и переместила скалы, нанесла кучи камней, ила и грязи, смешанной с пеплом. Среди поваленных деревьев и мусора виднелись вспухшие трупы животных и птиц.

Земля была опустошена, обезображена и пустынна. Мертвое молчание нарушалось лишь завыванием ветра.

Угрюмо и безотрадно было и небо. Солнце скрылось, и тяжелая пелена туч, пара и пепла задернула когда-то сияющий голубой полог неба.

Атлантида потеряла все свои краски и все свое величие... Адиширне казалось, будто он смотрит на ужасный, обезображенный труп любимого существа. Он был потрясен как художник и человек. Мысль о неизбежной гибели впервые вошла в его сознание, чтобы не оставлять его.

Как испуганные, брошенные дети, прижались они друг к другу и долго с немим ужасом смотрели на опустошенный мир...

Слезы струились по щекам Сель.

Адиширна заметил их и поспешил успокоить свою подругу.

— Не печалься. Сель! Не все еще погибло! Что было бы с нами, если бы мы раньше сошли вниз? Тебя отняли бы от меня и увезли далеко, а меня ждала неизбежная смерть. Но теперь мы подумаем о нашем спасении. Мы проберемся в порт и посмотрим, не осталось ли там какого-нибудь парусного судна. Если нет, я сколочу плот, прикреплю парус, и мы постараемся перебраться на восточный материк. Пролив невелик. И в нем много мелких островов.[35] Завтра с рассветом мы двинемся в путь.

— О, если бы вулкан хоть несколько дней дал нам сроку... Завтра рано утром мы отправляемся в путь...

Но вулкан не дал им отсрочки.

В ту же ночь, когда Сель мирно спала на разостланных шкурах, а Адиширна обдумывал план бегства, подземные силы огня вдруг опять заработали. Извержение паров было только началом.[36]

Сильный подземный толчок вдруг потряс пещеру. Большой камень оторвался от верхнего свода и ударил в плечо спящей Сель. Она вскрикнула от боли и проснулась. Адиширна подбежал к ней и быстро вынес из пещеры.

При свете костра Адиширна с ужасом увидел, что плечо раздроблено. Он готов был сейчас же нести на руках свою драгоценную ношу, но это было невозможно: вверху была отвесная стена, а внизу два бурных потока, обтекавших скалу, сливаясь, замыкали выход. Нечего было и думать перейти этот бурный поток с катящимися в нем камнями во тьме ночи, с живою ношей на руках...

Адиширна положил Сель на землю.

Оглушающий рев ветра, бушевание бури, громыхание камней, увлекаемых

бурным потоком, удары грома, шум ливня, тьма... И вдруг, покрывая все звуки, из самых недр земли раздалось глухое рокотанье. Оно росло, приближалось, сотрясало почву. Дрожавшая земля начала подниматься, опускаться, качаться из стороны в сторону. Подземный рев вырывающихся чудовищ огня все возрастал и вдруг превратился в оглушительный взрыв сверхъестественной силы. Вся верхушка конуса вулкана взлетела на облака. Обломки скал взлетали в воздух, освещенные снизу все усиливающимся заревом расплавленной лавы, которая поднималась вверх по жерлу вулкана. Тучи стали багровыми, как будто они налились кровью. На темном фоне гор, с боку усеченной вершины вулкана, вдруг появилось пятно ослепительной яркости. Это расплавленная лава переплеснулась через край вулканического жерла. Скоро донеслось ее горячее дыхание. Воздух накалялся и все более насыщался серой и углекислотой. Становилось трудно дышать. Громадные камни, выброшенные на воздух, падали обратно в жерло. Прорывающиеся из недр земли, сжатые жерлом пары вновь выбрасывали их. Это создавало необычайный шум, лязг и грохот, словно работала какая-то чудовищная кузница. Мелкие камни долетали до Адиширны и Сель и с сухим треском падали вокруг них. Адиширна был так поражен, что сидел неподвижно, устремив безумный взор на все увеличивающуюся ослепительную полосу у вершины вулкана.

Расплавленная лава, как солнечное ожерелье, опоясала уже всю вершину вулкана. Ожерелье ширилось, от него стали отделяться такие же ослепительные яркие «подвески»-потоки и стекать вниз по вековым пластам ледников. Лед плавился, превращался в пары, багровые в зареве вулканического огня. Новые бурные потоки воды устремились вниз.

Когда Адиширне казалось, что все уже потеряно, он с радостью заметил, что потоки лавы, охлаждаемые воздухом, почвой и водой, затвердевают, спускаясь ниже, медленно тускнеют и, наконец, покрываются темноватой корой. По этой коре еще вспыхивают некоторое время, как искры потухающего костра, прорывающиеся струи расплавленной лавы. Постепенно гаснут и они. Но новые потоки лавы вдруг переплескиваются через край жерла и с необычайной быстротой катятся по гладкой и горячей коре уже застывшей лавы. Только достигнув ее края и расплываясь по холодной неровной почве, эти потоки замедляют движение и так же медленно застывают.

С каждым новым потоком лава спускалась все ниже, и пласт ее становился чем выше, тем толще.

От удушливого воздуха и тяжелой раны Сель потеряла сознание.

Адиширна держал ее на руках, как ребенка, пытался привести в чувство и машинально повторял:

— Только бы дождаться утра!

Он не знал, что утро давно настало, что день склонился уже за полдень, но небо и земля были погружены в тот же полумрак, освещаемый багровым светом вулкана.

Над вершиной вулкана кружились вихри пара и туч. В свете огня они казались пламенными. Молнии, как змеи, перевивали этот хаос. Удары грома заглушались непрерывным грохотанием вулкана.

Ждать больше было нельзя. Уже довольно крупные камни падали все чаще вокруг них. Несколько камней ушибло Адиширну и Сель. Она дышала все тяжелее. Озаренное багровым светом, с мутными зрачками глаз и приоткрытым

ртом, ее лицо, искаженное застывшей гримасой страдания, казалось лицом мертвеца.

Сам Адиширна дышал с трудом, часто вдыхая отравленный воздух широко открытым ртом. Он ощущал, как струи горячего ливня смешиваются на его теле с выступавшим холодным потом. Голова кружилась, в ушах шумело, стучало в висках...

Он с трудом поднялся, взял на руки безжизненное тело Сель и вдруг в изнеможении опустился на землю... Ноги дрожали от слабости и волнения. Почва колебалась, уходила из-под ног или вдруг вырастала, подламывая ноги в коленях. Он чувствовал, что близок к потере сознания. Усилием воли он поборол слабость. Завернув голову Сель и свою звериными шкурами, он отправился в путь, чувствуя в слабеющих руках как будто все увеличивающуюся тяжесть тела Сель. Он падал вместе с Сель, слушал ее дыхание и вновь шел среди стонущего, искалеченного леса, спотыкаясь о камни, стволы и трупы животных, пока бурный поток не преградил ему путь. Адиширна остановился в нерешительности. Вода клокотала, огромные камни, увлекаемые потоком, гремели по острым выступам русла. Обернулся назад, как будто ища спасения. Но потоки лавы спустились еще ниже. Они уже почти достигли их покинутой пещеры... Надо было решаться.

Адиширна искал переправы.

Собрав силы, он стал переходить поток вброд. Но бурное течение сразу сбило его с ног, и он погрузился вместе с Сель в воду. В тот же миг он был прибит к берегу, больно ударившись боком о скалу. С трудом вышел он на берег и положил Сель. Вода несколько освежила его. Сель подавала слабые признаки жизни.

Отдохнув, он пустился в дальнейший путь. Здесь было уже меньше падающих камней, деревья сохранили часть листвы, и она задерживала проникновение удушливых газов. Дышать стало легче, и Адиширна ускорил шаги. Но идти было трудно, почва колебалась по-прежнему. Приходилось обходить трещины и образовавшиеся складки горной породы. Наконец он спустился на Священный Холм.

Здесь уже не было того безумного возбуждения, которое наблюдал Акса-Гуам. Большинство рабов укрылось в подземельях. На улицах встречались сошедшие с ума. Их было много. Они хохотали, прыгали и размахивали руками или отчаянно рыдали и рвали на себе волосы. Иные сидели на земле, неподвижные, безучастные ко всему, как статуи...

Новый подземный удар потряс землю. С вершины вулкана поднялся столб дыма и огня, вознесся выше туч, раскинулся над кратером, как распущенный зонт, и вдруг стал быстро спускаться на землю.

При первом же порыве ветра, принесшем клубы едкого дыма, Адиширна почувствовал присутствие в воздухе отравленных паров. Он задыхался. Бежать в порт было поздно... Адиширна оглянулся кругом и увидел, что он находится у дворца Ацро-Шану, Верховного жреца, хранителя Высших Тайн. Ворота в стене, ограждавшей сад, были открыты. Он бросился в сад, вбежал во дворец и по знакомым коридорам спустился в подземное помещение.

Здесь воздух был чище. Но все стены дали трещины. Он вбежал в библиотеку и остановился в изумлении. Потолок комнаты обвалился и в образовавшийся пролет было видно багровое небо. На полу валялось несколько трупов

рабов, служивших у Ацро-Шану, придавленных обрушившейся частью потолка. У одного из столов стоял светильник. Груды бронзовых пластинок лежали на столе.

У стола сидел сам Ацро-Шану в своей черной жреческой одежде. Спокойный, как всегда, он старательно писал стилосом на бронзовой пластинке.

— Ты здесь?! — в изумлении воскликнул Адиширна. Ацро-Шану поднял голову и посмотрел на Адиширну. Насмешливый огонек сверкнул в его живых черных глазах.

— А! «Крылатый дракон» слетел с гор и принес похищенную голубку?..

Адиширна опустил Сель на пол и начал приводить ее в чувство.

— Оставь ее! — строго сказал Ацро-Шану. — Забвение — ценный дар природы. Не лишай ее этого дара. Иди сюда!

Адиширна повиновался. Укрыв Сель, он подошел к жрецу.

— Ты не уехал? — спросил он жреца.

— Я умру с Атлантидой, — спокойно ответил Ацро-Шану и с улыбкой прибавил:

— И потом надо же кому-нибудь вести летопись. Без записи событий этих последних дней Атлантиды ее история не будет полна.

— Но какой смысл, если Атлантида погибнет?.. — с недоумением спросил Адиширна.

— Погибают народы, живет человечество, — ответил Ацро-Шану.[37] — Расскажи мне, что происходило с тобой и что ты видел, — я запишу. Все мои рабы погибли, и круг моих наблюдений ограничен.

Было что-то властное в словах Ацро-Шану.

Адиширна, как в полусне, начал рассказывать. Ацро-Шану старательно записывал, иногда задавал вопросы.

Пол, стены и мебель дрожали, бронзовые пластинки позванивали и передвигались на столе, качало стул, на котором сидел Ацро-Шану. Струи ливня заносились в пролет обрушившегося потолка и лужами растекались по полу, смешиваясь с лужами крови убитых рабов, а Ацро-Шану писал спокойный и бодрый, как всегда.

Удушливые газы начали постепенно проникать и сюда. У Адиширны кружилась голова.

Он смотрел на каменные плиты, пытаясь в затуманенном сознании восстановить какое-то событие, и никак не мог понять: кажется ли это ему, или в самом деле каменные плиты пола отходят друг от друга, между ними образуется трещина, она все растет. И вдруг он ясно осознал, что это не сон и не бред: громадная трещина прошла по полу, превратилась в зияющую щель и отделила его от Сель. Сель, лежащая на другой стороне образовавшейся трещины, вдруг вместе с полом отплыла куда-то от него. Толстые стены шатались, с треском рвались, разваливались, все качалось и рушилось. Ацро-Шану вместе со своими таблицами и стилосом в руке куда-то внезапно провалился...

Адиширна бросился к трещине в полу и протянул к Сель руки, но что-то ударило его в плечо и свалило с ног. Он упал на пол и увидел, как пропасть между ним и Сель со все ускоряющейся быстротой увеличивалась, превращалась в бездну, которая быстро заполнилась огнем. Стены далеко отошли друг от друга, открывая вдруг вид на вулкан и океан. Пол высоко поднялся, и Адиширна, уже теряя сознание, увидел последнее: как пропасть разодрала на

две части весь материк через горный хребет от берега до берега океана. Открывшаяся бездна была полна огня. Океан устремился в эту огненную бездну. Вода превратилась в пар и рвала материк еще больше, освобождая новые огненные массы... Безумная борьба стихий... Все это длилось, быть может, несколько мгновений...

Адиширна стремительно полетел вверх, вместе со всем Священным Холмом, достигая косматых туч, и потом так же стремительно упал вниз и погрузился в бездну океана с Посейдонисом, со всеми храмами, пирамидами, маяком, горною цепью, людьми и животными.

Конец!



В одну ночь Атлантиды не стало.

На том месте, где стоял цветущий Остров Блаженных, заклокотала в бешеном водовороте гигантская воронка, превосходящая размерами величайшие материки.

Огонь и пары прорывались через нее и выросли в огненно-водяные конусы.

Постепенно затихла эта борьба воды и огня, пока над погибшей Атлантидой не успокоилась гладь океана, усеянная всплывшими стволами деревьев, трупами людей и животных.

Глава 19 Корабль мертвецов

Большой корабль, расшатанный, без мачт, без весел, увлекаемый стремительным течением, плыл по бурному океану под темным, свинцовым небом, с которого падал зловещий, сумрачный свет.

Казалось, небо, отягченное косматыми громадами туч, обрушилось на океан. А океан в бешеном порыве заплескивал вершины громадных водяных гор за облака. Ураган с ливнем, волны и тучи неслись в дикой пляске, обнимаясь, смешиваясь в безумном хаосе стихий.

Рев ветра и грохот разъяренных волн потрясали полуразбитый корабль, и

он трещал, скрипел и дрожал предсмертной дрожью раненого животного.

Ураган обгонял тучи и волны, волны обгоняли корабль, и все вместе они неслись с бешеной скоростью, будто низвергаясь с поверхности земли в мировую бездну. От времени до времени огненные снопы разрывали темные тучи, громовой раскат заглушал рев бури. На мгновение молния освещала водяную вершину, в которую она зарывалась с чудовищным шипением, окутывая паром место падения.

При вспышке молний во мраке пяти палуб были видны сидящие один за другим рабы, прикованные цепями.

Все они были мертвы.

В трупном оцепенении они еще держали скрюченными пальцами обломки тяжелых весел. В остекленевших глазах застыл последний ужас смерти. Ветер трепал уцелевшие тряпки на их полуобнаженных телах.

Все они разделили участь поработившего их «Государства Солнца». В пучине океана и огне вулканов погибла великая Атлантида, вслед за нею погибли ее рабы...

Погибли и спасавшиеся бегством жрецы.

Только в одном человеке сохранилась еще жизнь.

Суровый старик с длинной седой бородой, живой еще под саваном воды, струившейся по его черной длинной одежде, стоял на носу корабля, со взглядом темным и ледяным, в котором чувствовалось дыхание бездны, и крепко сжимал руками треножник, поддерживающий медный диск.

Жрец пытливо всматривался во мрак, ища берега сохранившегося еще мира, где корабль мог бы пристать.

В короткие мгновения, когда сквозь тучи проглядывало небо, атлант по звездам пытался определить направление.

Огромные волны вздымались на пути и сдерживали быстроту движения корабля.

Корабль входил в одну из многочисленных флотилий, отплывавших от берегов обреченной Атлантиды, когда ее гибель стала очевидной.

Один из многих...

Что случилось с остальными кораблями?..

Первой отплыла из Атлантиды флотилия с царствующим домом и семьями жрецов. Жрец сопровождал эту флотилию.

Она пересекла африканский пролив и высадилась на берег.

В это время Атлантида уже вся дрожала от потрясавших ее подземных ударов, а в ее столице — великом Посейдонисе многие здания дали трещины. Сгустился мрак, шел непрерывный ливень. Изредка еще проглядывавшее солнце было красно и тускло: разгневанный лик божества. Жрец вспомнил печальный караван, который потянулся в глубь Африки. Караван этот напоминал собой погребальное шествие. Да так оно и было: умирало «Государство Солнца», гибли великие Острова Блаженных, погибала высокая цивилизация...

Бесконечной лентой потянулся караван через кустарники и леса Западной Африки, откуда атланты набирали себе рабов. Все дальше и дальше двигалось это мрачное шествие, до стран Тольтеков, Майя и Карли...

Тянулись дни более мрачные, чем ночь. Рыдали женщины, кричали дети, стонали рабы, подгоняемые плетями, ревели ослы и верблюды. Тяжелые бронзовые колесницы тонули в грязи. Красный свет факелов вырывал из тьмы то

золотую статую бога, мерно покачивающуюся на руках жрецов, то громадную, лоснящуюся от дождя тушу священного слона, то блестящие бронзовые копья и мечи то испуганное лицо матери с ребенком на руках...

На мгновение свет упал на золотые носилки. Из них выглянуло лицо того, кто так недавно владел миром: последнего царя Атлантиды, Гуана-Атагуерагана.

«Власть атлантов должна быть незыблемой, как сама земля», — вспомнил жрец любимую фразу царя. И вот он, бледный, измученный, владыка мира, еще более жалкий, беспомощный и ничтожный от желания сохранить маску величия и гордости...

Вой урагана и свист смерча сливали все звуки в один долгий, непрекращающийся однообразный вопль умирающей земли...

Доставив на африканский материк этих первых беглецов, жрец вернулся в Атлантиду руководить отплытием остальных флотилий.

Мрак сгустился над Атлантидой еще больше. Почва лихорадочно дрожала. Все чаще следовали короткие толчки, один сильнее другого. Посейдонис освещался факелами. Одна из вершин вулкана курилась, и над ней стояло злое багровое зарево. Многие здания уже обрушились.

Жрец прошел на Священный Холм, к храму Посейдониса. Сюда доносились шум толпы, рыдания народа, покинутого и обреченного на смерть или изгнание. Этот шум заглушался громаханием вулкана, который тяжело дышал и будто собирался с силами.

Каста жрецов отплыла с последней флотилией. В Атлантиде остались только покинутые рабы. Остались еще некоторые граждане, слишком привязанные к своей солнечной родине и не верившие в близкую гибель Атлантиды.

Вершина вулкана была вся в огне, когда на последней флотилии стали поднимать бронзовые якоря. Подземные удары чувствовались даже на воде, и корабли вздрагивали.

Наконец корабли отчалили, оставляя навсегда цветущую Атлантиду. Аромат ее цветов смешивался теперь с удушливым запахом вулканической серы.

Вся гора, у подошвы которой стоял храм Посейдониса, была теперь освещена, но не благостным, радостным светом Бога-Солнца, а страшным, кровавым подземным огнем.

Оставшиеся на берегу рабы протягивали руки к отплывающим кораблям, падали на колени, умоляя взять их. Многие бросались вплавь, доплывали до кораблей, цепляясь за весла, и мешали грести. Тогда меткие стрелы с бронзовыми наконечниками и копья, пущенные с палуб, убивали их.

Женщины с берега протягивали детей или грозили кулаками и бросали вслед отходящим кораблям камни. Некоторые из них сходили с ума и с безумным смехом кидали детей в море...

Корабли вышли из бухты; ветер сразу натянул паруса на треугольных мачтах и понес беглецов во мрак, по безбрежному океану, в неизвестное будущее. И вот он один... Быть может, единственный уцелевший из всех отплывших с последней флотилией...

Куда понесет его течение? Увидит ли он когда-нибудь солнце?

День ото дня воздух становился холоднее. Тучи все еще покрывали небо, но цвет их приобретал серый оттенок. Таким же серым был океан.

День уже можно было отличить от ночи. Днем сумрачный, серый полусвет освещал корабль, синие, застывшие лица мертвых, их тусклые глаза.

Холод пронизывал ледяным дыханием тело жреца, привыкшее к теплу вечного лета. Но с наступлением холода уменьшился трупный запах от людей и животных, погибших на корабле.

Окоченевшими от холода руками жрец натянул на себя меховую одежду, которая хранилась среди запасов корабля.

Жрец заметил, что течение движется в косом направлении, то замедляясь, то вновь овладевая кораблем. Корабль вошел в область подводных рифов.

Наконец изгнанник увидел берег земли.

Безотрадные, угрюмые, дикие скалы, покрытые снегом, высились над серым океаном...

Медленно падали с серого неба крупные хлопья снега. Так вот она, новая земля, где придется ему окончить свои странствования!..

Быстрое течение принесло корабль к берегу и выбросило на отмель.

Последний атлант сошел на землю.[38]

Суровый старик поднялся на бугор и осмотрел чуждый, враждебный мир.

Кругом было мертво и пустынно. Только неизвестные птицы с резким криком летали над волнами океана.

Наступила ночь. Странник укрылся в пещере, зажег священный огонь, поставил треножник с диском солнца, протянул к согревающему свету заочневшие руки и слабым надтреснутым голосам запел гимн Солнцу...

Он долго сидел в эту ночь. И пляшущее пламя костра освещало его скорбное, задумчивое лицо...

Наконец, истомленный усталостью, он уснул, завернувшись в меховой плащ, грезя о солнце Атлантиды.

Наутро он стал устраиваться на новом месте. Перетащил с корабля бронзовые инструменты и оружие. При помощи корабельных досок соорудил дверь в пещеру. Сложил в ней запасы продовольствия и шкатулки, в которых хранились священные книги и семена.

Каждое утро он поднимался задолго до восхода солнца, шел на берег моря и ждал восхода солнца.

Небо по-прежнему было затянуто серой пеленой. Но он верил: солнце вернется — воскреснет сияющий бог.

И оно вернулось после одной ясной, морозной ночи. Северный ветер, поднявшийся с вечера, снял с неба серую пелену, открыв темно-синее небо, на котором сверкали неизвестные созвездия.

Утро пришло такое же ясное и морозное. На востоке небо окрасилось розовым светом утренней зари.

И вдруг из-за горизонта поднялось солнце...

Оно казалось изможденным пережитой борьбой с силами мрака. Но его бог был с ним после долгой, бесконечной печальной разлуки. На одно мгновение солнце будто остановилось над самым морем, по обе стороны его диска тянулись края горизонта. А прямо от солнца, по морю, прошла к берегу, на котором стоял жрец, золотая полоса, как золотой мост от солнца к человеку.

В этот момент диск солнца, линия горизонта и золотая полоса на поверхности океана составляли фигуру, удивительно напоминающую священный сим-

вол атлантов, который можно найти везде: у Полярного круга и у тропиков, в Южной Америке и в глубинах Средней и Восточной Азии.

Суровый, седой жрец, взволнованный и растроганный, упал на колени, протянул руки к восходящему солнцу и запел гимн Солнцу.

Голос его окреп.

Простая, но красивая и торжественная мелодия зазвучала над пустынными берегами, будя эхо в прибрежных скалах...

Он пел о могуществе трижды священного бога, который побеждает ужасы мрака, дарует людям радостный свет и тепло, придает земле многообразие красок, наливает соком плоды и исцеляет болезни.

Он пел о солнце, которое играет бриллиантами в каплях росы, румянит облака и расплавляет в золото струи воды.

Он пел о солнце, которое превращается в горячую кровь человека, и в сладкий сок винограда, и в золотое зерно.

Он пел о солнце, которое есть радость и жизнь.

Он пел и не видел, как, привлеченные его пением, из-за утесов показывались белолицые люди в звериных шкурах, с голубыми глазами и русыми волосами. На кожаных ремнях у них висели каменные топоры.

Они с недоумением смотрели на диковинного старика в длинной черной одежде, поющего на незнакомом языке.

Откуда он взялся?.. Что ему здесь нужно?.. Какую опасность таит он в себе?..

Глава 20

Последний человек из Атлантиды

Суровый климат оказался губительным для старого атланта. Вскоре после высадки на берег он заболел. Вспомнив о том, что в полуразрушенном, выброшенном на берег корабле хранились запасы лекарств, жрец, преодолевая слабость, поднялся на его палубу.

И вдруг ему показалось, что он бредит.

У одной из мачт, греясь в бледных лучах северного солнца, сидел человек. Лицо его было измождено и носило следы болезни. Но все в нем обличало жителя Атлантиды: удлинённый череп и нос, черные волосы, цвет кожи золотисто-бронзового оттенка, одежда...

Жрец подошел ближе. Неизвестный оглянулся, и оба они одновременно воскликнули:

— Шитца!

— Акса-Гуам!

Они стояли в нерешительности: жрец Шитца и Акса-Гуам, примкнувший к восстанию рабов против Священного Холма, обреченный на смерть царем и жрецами...

И они дружески протянули друг другу руки в знак приветствия.

В эту ночь бывшие враги долго сидели у костра и рассказывали о пережитом.

В ту ужасную ночь, когда произошло первое извержение вулкана, Акса-Гуам вплавь достиг последнего отплывавшего корабля и уцепился за бронзовое кольцо. Под покровом ночи, по канату ему удалось проникнуть через полуоткрытый люк в трюм корабля, где он и скрывался во все время путешествия. От

недостатка свежей пищи у него сделалась какая-то неизвестная в Атлантиде болезнь: опухли ноги, зубы шатались, десны кровоточили.[39] Воздух был отравлен трупным запахом. Если бы не близость люка, через который проникал свежий воздух, он задохнулся бы. Он перенес необычайные мученья и уже почти не мог двигаться от слабости и боли в опухших ногах, когда корабль прибило к берегу.



Свежий воздух и солнце медленно возвращали ему силы.

Шитца, в свою очередь, рассказал ему о своих странствованиях, вплоть до встречи с ним.

— Здесь живут белокурые люди в одеждах из звериных мехов. Это дикари, которые делают грубые топоры и ножи из отесанных камней.[40] Они не умеют обрабатывать землю и питаются сырым мясом убитых животных. Даже добывание огня неизвестно им. Они едва не убили меня. Но вид разведенного мною костра привел их в священный трепет, а наше блестящее бронзовое оружие — в необычайный восторг. Теперь они почти боготворят меня. Язык их груб и беден. Он напоминает скорее язык животных, чем людей: рассерженные, они ворчат по-звериному, а нападая на зверя или врага — рычат, режут и лают, как он. Но они любопытны и переимчивы. Они понимают ласку, и тогда становятся доверчивыми, как дети... Кто знает, может быть, когда-нибудь и они станут такими же людьми, как атланты!

Шитца устал и закрыл глаза. Он тяжело дышал. Лихорадочный огонь пожирал его и зажег румянец на старом, изможденном лице.

— Я скоро умру... Как хорошо, что я встретил тебя!.. Ты закроешь мне глаза и похоронишь по нашему обычаю. Проходит все... народы умирают, как человек, и гибнут целые государства... Быть может, ты последний человек из Атлантиды. Что случилось с другими?.. Умрешь и ты, и память об Атлантиде изгладится в грядущих тысячелетиях... Скоро восход... Вынеси меня на берег...

Акса-Гуам вынес жреца и положил лицом к востоку.

Шитца не мог уже говорить. Он смог только улыбнуться первым лучам солнца и умер.

Акса-Гуам остался один, — быть может, один во всем мире, последний человек из Атлантиды.

Он познакомился с обитателями этих унылых мест и скоро завоевал своими знаниями их глубокое уважение.

Когда настала весна, он научил их обрабатывать землю и засеять вспаханные мотыгами поля. Он научил их добывать огонь посредством трения сухих кусков дерева или высекая искру из кремня в сухие листья и мох. Многим ремеслам и знаниям научились они от него. Одни из них стали оседлыми земледельцами, другие продолжали заниматься охотой и войнами. А в долгие зимние вечера он рассказывал им чудесные истории о Золотом веке, когда люди жили счастливые, среди вечно цветущих садов и деревьев, которые дают плоды несколько раз в год, — жили, не зная забот и нужды... Говорил о богатстве и великолепии Островов Блаженных, о Золотых Садах с золотыми яблоками, о героических битвах и об ужасной гибели целого народа и страны, о страшных ливнях, сопровождавших эту гибель, о спасении на кораблях немногих из них, о своем плавании, которое длилось сорок дней и сорок ночей, и о своем спасении...

Люди слушали эти рассказы с захватывающим любопытством детей, передавали друг другу, прибавляли и украшали эти повествования от себя, берегли, как священное предание.

Ариэль (роман)

Посвящаю дочери Светлане



Глава первая По кругам ада

Ариэль сидел на полу возле низкого окна своей комнаты, напоминающей монашескую келью. Стол, табурет, постель и циновка в углу составляли всю мебель.

Окно выходило во внутренний двор, унылый и тихий. Ни кустика, ни травинки — песок и гравий, — словно уголок пустыни, огороженный четырьмя тюремными стенами мрачного здания с крошечными окнами. Над плоскими крышами поднимались верхушки пальм густого парка, окружавшего школу. Высокая ограда отделяла парк и здания от внешнего мира.

Глубокая тишина нарушалась только скрипом гравия под неторопливыми шагами учителей и воспитателей.

В таких же убогих, как и у Ариэля, комнатах помещались воспитанники, привезенные в мадрасскую школу Дандарат со всех концов мира. Среди них были и восьмилетние и взрослые девушки и юноши. Они составляли одну семью, но в их негромких и скупых словах, в их глазах нельзя было заметить ни любви, ни дружбы, ни привязанности, ни радости при встрече, ни горя при разлуке.

Эти чувства с первых же дней пребывания в школе искоренялись всеми мерами воспитателями и учителями: индусами-браминами, гипнотизерами и европейцами, преимущественно англичанами, — оккультистами новых формаций.

На Ариэле была туника — рубашка с короткими рукавами из грубой ткани. На ногах не было даже сандалий.

Это был рослый светловолосый юноша лет восемнадцати. Но по выражению лица ему можно было дать иногда и меньше: светло-серые глаза смотрели с детским простодушием, хотя на высоком лбу уже намечались легкие морщинки, как у человека, который немало пережил и передумал. Цвет его глаз и волос указывал на европейское происхождение.

Лицо Ариэля с правильными англосаксонскими чертами было неподвижно, как маска. Он безучастно смотрел в окно, как смотрит человек, погруженный в глубокое размышление.

Так оно и было: наставник Чарака-бабу заставлял Ариэля по вечерам подводить итоги дня — вспоминать все события, происшедшие от восхода до захода солнца, проверять свое отношение к ним, проверять свои мысли, желания, поступки. Перед отходом ко сну Ариэль должен был давать отчет — исповедоваться перед Чаракой.

Заходящее солнце освещало кроны пальм и облака, быстро летящие по небу. Дождь только что прекратился, и со двора в келью проникал теплый влажный воздух.

Что же случилось за день?

Проснулся Ариэль, как всегда, на рассвете. Обмывание, молитва, завтрак в общей столовой. На толстом деревянном подносе подавали лучи — лепешки из муки, совершенно несъедобные жареные земляные орехи и воду в глиняных сосудах.

Воспитатель Сатья, как всегда, переводя тяжелый взгляд с одного воспитанника на другого, говорил им, что едят они бананы, вкусные рисовые лепешки с сахаром и пьют густое молоко. И школьники, поддаваясь внушению, с удовольствием съедали все поданные кушанья. Только один мальчик-новичок, еще не подготовленный к массовому гипнозу, спросил:

— Где же бананы? Где рисовые лепешки?

Сатья подошел к новичку, приподнял за подбородок его голову и повелительно сказал, строго посмотрев в глаза:

— Спи! — И повторил внушение, после чего и этот мальчик стал с аппетитом есть жесткие орехи, принимая их за бананы.

— А ты почему надела шарф? — спросил другой наставник, худой индус с черной бородой и бритой головой, обращаясь к девочке лет девяти.

— Холодно, — ответила она, зябко пожимая плечиками. Ее лихорадило.

— Тебе жарко. Сними сейчас же шарф!

— Уф, какая жара! — воскликнула девочка, снимая шарф, и провела по лбу рукой, как бы вытирая выступивший пот.

Сатья нараспев начал читать поучение: воспитанники должны быть нечувствительны к холоду, жаре, боли. Дух должен торжествовать над телом!

Дети сидели тихо, движения их были вялы, апатичны.

Вдруг тот самый мальчик, который в начале завтрака спросил: «Где же бананы?» — вырвал у соседа кусок лучи и, громко засмеявшись, засунул его в рот.

Сатья одним прыжком очутился возле ослушника и дернул его за ухо. Мальчик громко заплакал. Все дети словно окаменели перед таким неслыханным нарушением дисциплины. Смех и слезы беспощадно искоренялись в этой школе. Сатья схватил одной рукой мальчика, другой — широкий сосуд. Мальчик совсем затих, только руки и ноги его дрожали.

Ариэлю стало жалко новичка. Чтобы не выдать своих чувств, он опустил голову. Да, ему было очень жалко этого восьмилетнего малыша. Но Ариэль знал, что, сочувствуя товарищу, он совершает большой проступок, в котором должен покаяться своему воспитателю Чараке.

«Покаяться ли?» — мелькнула мысль, но Ариэль подавил ее. Он привык к

осторожности, скрытности даже в своих мыслях.

По приказу Сатьи слуга увел мальчика с сосудом на голове. Завтрак был закончен в полном молчании.

В этот день после завтрака должны были уехать несколько юношей и девушек, окончивших школу.

Ариэль чувствовал скрытую симпатию к уезжавшему темнокожему, большеглазому юноше и стройной девушке и имел основание предполагать, что и они также дружески относились к нему. Несколько лет совместного пребывания в Дандарате связывали их. Но свои чувства они прикрывали маской холодности и равнодушия. В редкие минуты, когда глаза надзирателей и воспитателей не следили за ними, тайные друзья обменивались одним красноречивым взглядом, иногда рукопожатием — и только. Все трое хранили свою тайную дружбу — единственное сокровище, которое согревало их юные сердца, как маленький цветок, чудом сохранившийся в мертвой пустыне.

О, если бы воспитатели проникли в их тайну! С каким ожесточением они растоптали бы этот цветок! Под гипнозом они заставили бы признаться во всем и внушением убили бы и это теплое чувство, заменив его холодным безразличием.

Прощание произошло во дворе возле железных ворот. Не глядя друг на друга, уезжающие сказали ледяным тоном:

— Прощай, Ариэль!

— Прощай, прощай! — И разошлись, даже не пожав рук.

Опустив голову, Ариэль направился в школу, стараясь не думать о друзьях, подавляя чувство печали, — для тайных мыслей и чувств будет время глубокой ночью. Об этих думах и чувствах он не скажет никому даже под гипнозом! И в этом была самая последняя глубокая тайна Ариэля, о которой не догадывались даже хитрый Чарака и начальник школы Бхаравя.

Потом были уроки по истории религии, оккультизму, теософии. Обед с «бананами», уроки английского языка, хиндустани, бенгали, маратхи, санскрита... Скучный ужин.

— Вы очень сыты! — внушает Сатья.

После ужина — «сеанс». Ариэль уже прошел этот страшный круг дандаратского ада, но должен присутствовать при «практических занятиях» с новичками.

Узкий темный коридор, освещенный только слабым, колеблющимся огоньком светильни с коптящим фитилем из бракованного хлопка, ведет в большую комнату без окон с таким же тусклым огоньком. В комнате — грубый стол и несколько циновок на полу.

Ариэль с группой старших воспитанников неподвижно, молча стоит в углу на каменном полу.

Слуга вводит четырнадцатилетнего мальчика.

— Пей! — говорит наставник, протягивая кружку.

Мальчик покорно глотает остро пахнущую, горьковатую жидкость, стараясь не морщиться. Слуга быстро снимает с мальчика рубашку и натирает его тело летучими мазями. Мальчика охватывает тревога, смертельная тоска. Потом наступает возбуждение. Он часто и тяжело дышит, зрачки его расширены, руки и ноги дергаются, как у картонного паяца.

Учитель поднимает с пола лампу с мерцающим огоньком и спрашивает:

— Что видишь?

— Я вижу ослепительное солнце, — отвечает мальчик, щуря глаза.

Все чувства обострены. Тихий шепот кажется ему громом, он слышит, как мухоловки бегают по стенам, как дышит каждый человек в комнате, как бьется сердце у каждого из присутствующих, как где-то на чердаке шевелятся летучие мыши... Он видит, слышит, замечает, чувствует то, чего не замечает ни один нормальный человек.

У одних это состояние кончается бредом, у других — сильнейшим нервным припадком. Некоторых Ариэль уже больше не видел после таких бурных припадков: они или умерли, или сошли с ума.

Сам Ариэль имел крепкий организм. Он прошел все испытания, сохранив свое здоровье.

Когда зажглись первые звезды, дверь комнаты открылась. Вошел Чарака, ведя за руку смуглого мальчика с испуганным лицом.

— Садись! — приказал он мальчику.

Мальчик сел на пол как автомат. Ариэль подошел к Чараке и поклонился.

— Это новый. Его зовут Шарад. Ты поведешь его сегодня. Ты доволен собой?

— Да, отец, — ответил Ариэль.

— Тебе не в чем покаяться? — недоверчиво спросил Чарака. — Совершенства может достигнуть лишь тот, кто никогда не бывает доволен собой. — Пытливо посмотрев в глаза Ариэля, Чарака спросил: — О прошлом не думал?

— Нет, — твердо ответил Ариэль.

В этой школе воспитанникам воспрещалось думать о жизни до поступления в школу, вспоминать раннее детство, родителей и задавать вопросы, касающиеся их прошлого и будущего. Никто из воспитанников не знал, что их ожидает, к чему их готовят, почти никто не помнил и своего прошлого. Тем, у кого были еще слишком свежие воспоминания и крепкая память, гипноз помогал забыть прошлое.

Чарака еще раз пытливо посмотрел в глаза Ариэля и вышел.

Шарад сидел все в той же неподвижной позе, как маленький бронзовый истукан.

Ариэль прислушался к удаляющимся шагам Чараки и улыбнулся — в первый раз за весь день.

Перед воспитанниками Дандарата было только два пути: для большинства — полное, абсолютное обезволивание и, в лучшем случае, полная расшатанность нервной системы. Для ничтожного меньшинства — наиболее сильных физически и интеллектуально — путь тончайшего лицемерия, хитрейших ухищрений, артистической симуляции. Ариэль принадлежал к последней группе. Ему удавалось даже противостоять гипнозу, симулируя сомнамбулическое состояние. Но таких, как он, было немного. Малейшая ошибка — и обман разоблачался. Наставники были хозяевами души и тела своих воспитанников.

Ариэль быстро и бесшумно подошел к Шараду и прошептал:

— Тебя будут пугать, но не бойся, что бы ты ни увидел. Все это нарочно...

Мальчик с удивлением и недоверием посмотрел на Ариэля. В школе с ним еще никто так дружески не говорил.

— И главное: не плачь, не кричи, если не хочешь, чтобы тебя били!

Шарад перестал плакать. За окном бесшумно металась летучие мыши,

иногда влетая в окно. На стенах комнаты маленькие домашние ящерицы ловили насекомых. Мальчик засмотрелся на них и успокоился.

Ариэль зажег масляную светильню. Красный язычок пламени тускло осветил комнату. Проникавший через окно ветер колебал пламя, и на стенах плясала тень Ариэля. Углы комнаты оставались во мраке.

В противоположном от мальчика углу что-то зашевелилось. Шарад взгляделся и похолодел от ужаса. Из щели выползла большая желтая змея с короткой толстой головой, раздутой шеей, плоским брюхом, со светлым, окаймленным черными линиями рисунком на шейной части, похожим на очки. Наи!

Вслед за первой наи — очковой змеей — выползла другая, черно-бурая, за нею — совсем черная, потом серая, еще и еще. Змеи расползались по комнате, окружали мальчика.

— Сиди, не двигайся, молчи! — шептал Ариэль, бесстрастный, как всегда, и сам словно застывший.

Змеи подползли совсем близко. Они высоко поднимали переднюю часть туловища, сильно расширяли шеи в виде плоского щита и смотрели прямо в глаза мальчику, готовясь броситься на него.

Ариэль едва слышно засвистел унылую, однообразную мелодию, в которой чередовались всего три тона.

Змеи замерли, прислушиваясь, потом опустили головы и, медленно отползая в угол, скрылись в отверстиях пола.

Шарад продолжал сидеть неподвижно. Капли холодного пота покрывали его лицо.

— Молодец! — прошептал Ариэль. Но эта похвала была незаслуженной: мальчик не кричал и не двигался потому, что был парализован страхом.

В комнату ворвался порыв ветра, принесший с собой сладкий запах жасмина. На небе звезды покрылись тучами. Загремел гром, и скоро зашумел тропический ливень. Воздух сразу стал свежее. Вспыхивали молнии, освещая стену дома на противоположной стороне и отражаясь в воде, которая быстро покрыла весь двор, превратившийся в озеро.

Мальчик облегченно вздохнул, выходя из своего оцепенения. Однако его ждали новые испытания.

Стена из циновки, разделявшая комнаты, неожиданно поднялась, и Шарад увидел ослепительно освещенную комнату, пол которой был застлан белой клеенкой. Посреди комнаты стоял огромный тигр. Свет падал ему в глаза, и золотистое полосатое животное щурилось, недовольно потряхивая головой. Упругим хвостом зверь бил по полу.

Но вот глаза тигра стали привыкать к яркому свету. Щурясь, он уставился на Шарада, издал тихое короткое рычание и, опустившись на передние лапы, весь напрягся, готовясь к прыжку.

Шарад схватился за голову и неистово закричал. Он почувствовал, как кто-то прикасается к его плечу. «Загрызет!» — цепenea от ужаса, подумал мальчик. Но прикосновение было слишком легким для лапы зверя.

— Зачем ты закричал? — услышал он голос Ариэля. — Наставник накажет тебя за это! Идем! — Ариэль взял Шарада за руку и почти насильно поставил на ноги.

Только теперь Шарад осмелился открыть глаза. Стена из циновки была на месте. В комнате полумрак. За окном шумит утихающий ливень. Слышатся

отдаленные, глухие удары грома.

Пошатываясь, Шарад побрел за Ариэлем, почти не соображая.

Они прошли длинный полутемный коридор, вошли в узкую дверь. Ариэль пропустил Шарада вперед и сказал громко:

— Иди! Здесь лестница. Не упади. — И шепотом добавил: — Будь осторожен! Не кричи, что бы с тобой ни произошло. Не бойся. Тебя пугают для того, чтобы ты привык ничего не бояться.

Ариэль вспомнил, как он сам впервые подвергался этим испытаниям. Тогда он шел один. Его никто не предупреждал и не утешал.

Шарад, дрожа от страха, спустился по полуобвалившимся ступеням лестницы. Перед ним было темное подземелье. Пахло сыростью. Воздух тяжелый, застоявшийся. Каменный пол покрыт жидким холодным илом. Сверху капали крупные капли. Где-то журчала вода. Мальчик, не зная куда идти, протянул вперед руку, чтобы не удариться о невидимую преграду.

— Иди, иди, — подтолкнул его Ариэль.

Шарад двинулся вперед в глубокой темноте. Где-то слышались заглушенные стоны, дикие завывания, безумный хохот. Потом наступила зловещая тишина. Но темнота казалась наполненной живыми существами. Шарад чувствовал чьи-то холодные прикосновения. Внезапно раздался чудовищный грохот, от которого дрогнула земля.

— Иди! Иди!

Мальчик прикоснулся рукой к осклизлой стене. Скоро и другая рука коснулась стены. Подземелье суживалось. Шарад уже с трудом пробирался вперед.

— Иди! Иди! — повелительно приказал Ариэль. И тут же шепнул: — Не бойся, сейчас...

Но он не договорил. Шарад вдруг почувствовал, что земля уходит из-под ног и он падает в бездну...

Упал он на что-то мягкое и влажное. На него опускается тяжелый свод и прижимает к земле. Он задыхается, стонет.

— Молчи! — слышит он шепот Ариэля.

Но вот свод поднимается. Кругом все та же темнота. Вдруг из темноты возникает светлое облако. Оно принимает форму гигантского старика с белой длинной бородой. Из светящихся, как туман при луне, одежд поднимается костлявая рука. Слышится глухой, низкий голос:

— Если хочешь жить, встань и иди не оглядываясь!

И Шарад повиновался. Тихонько плача, он встает и бредет по коридору. Стены подземелья начинают светиться тусклым красноватым светом. Становится тепло, потом невыносимо жарко. Стены все краснеют и сдвигаются. Сквозь щели пробивается пламя. Его языки пылают все ярче, все ближе. Еще немного — и вспыхнут волосы, загорится одежда. Шарад задыхается, начинает терять сознание. Кто-то подхватывает его, и последнее, что он слышит, — это шепот Ариэля:

— Бедный Шарад!..

Глава вторая

Дандарат

Ариэль проснулся, и первую его мыслью было «Бедный Шарад!» Нервное потрясение Шарада было столь велико, что его пришлось поместить в школьную больницу. Врач заставил Шарада выпить горячего молока с водкой, и ребенок уснул, а Ариэль, его невольный проводник, вернулся к себе.

Пока Ариэль умывался, взошло солнце. Прозвонил гонг. Вместо грубой будничной рубахи Ариэль надел полотняную одежду. В школе ожидали приезда именитых гостей.

После завтрака преподаватели и старшие воспитатели собрались в большом зале, уставленном креслами, стульями, скамьями. В конце длинного зала возвышалась эстрада, застланная ковром и украшенная гирляндами цветов. Окна были плотно закрыты, и зал освещался электрическими лампами в причудливых бронзовых люстрах.

Скоро начали появляться и гости в самых разнообразных костюмах. Здесь были важные смуглые седобородые старики в шелковых одеждах, украшенных жемчугами и драгоценными камнями, и тощие факиры, и представители разных каст со знаком касты на лбу, начертанным глиной из Ганга, одетые в грубую дхоти[41] и старомодную короткую куртку, украшенную лентами, в башмаках деревенской работы с загнутыми носками. У иных сбоку висели даже маленькие медные котелки, по обычаю аскетов. Были и такие, одежду которых составляли простыня и деревянные сандалии.

Последними появились сагибы. Белокожие, рослые, самоуверенные англичане в белых костюмах заняли кресла в первом ряду.

Школьное начальство подобострастно ухаживало за ними.

На эстраду взошел белокожий человек в индийском костюме — начальник школы Бхарава. На чистейшем английском языке он приветствовал гостей в изысканнейших выражениях и просил их «оказать честь посмотреть на достижения Дандарата в деле воспитания слуг мира, господ и истины».

Воспитатели начали показывать своих наиболее талантливых воспитанников. Это было похоже на сеансы «профессоров магии и оккультных наук».

Один за другим выходили на эстраду воспитанники. Они воспроизводили целые сцены и произносили речи под влиянием гипноза, повторяли с необычайной точностью сказанное кем-нибудь из присутствующих. У некоторых воспитанников внимание было изощрено до такой степени, что они замечали движения присутствующих, незаметные для других. По словам учителей, некоторые из воспитанников могли видеть излучения, идущие из головы упорно думающего человека, «слышать рефлекторные движения звуковых органов, бессознательно фиксирующих звуками процесс мышления», то есть не только «видеть», но и «слышать» работу мозга. Все это здесь же «подтверждалось на опыте», вызывая одобрение гостей.

Демонстрировались и юноши-феномены, которые якобы вырабатывали в себе сильные электрические заряды, зажигающие лампочку накаливания, дающие крупные искры, окружающие ореолом их тела. Другие видели в темноте.

Затем следовали специалисты иного рода: услышав несколько слов собеседника, наблюдая его лицо, движения, внешние признаки, они безошибочно рассказывали о ближайших событиях его жизни.

Ариэль смотрел на это представление и думал:

«Они бы лучше показали те испытания, которым подвергаются воспитанники».

Ариэль прошел через все эти круги ада. Последним испытанием, которому он подвергся, было «приятие духа». Ариэль с внутренним содроганием вспомнил этот мрачный обряд, выполняемый воспитанниками последних ступеней обучения. Их заставляли присутствовать при кончине людей, держать умирающих за руки, а когда наступал момент смерти, им приказывали целовать умирающих в губы и принимать в себя последний вздох. Это было отвратительно. Но Ариэль умел сдерживать себя.

Поднявшийся шум отвлек Ариэля от его мыслей.

Начальник школы приглашал гостей в другой зал, где их ожидало представление в ином роде. Здесь должна была происходить раздача дипломов членам теософической «Белой ложи» из рук самого «учителя учителей» Иисуса-Матерейи.

Огромный зал утопал в зелени и цветах. Эстрада, устланная ковром, напоминала беседку, увитую плющом, розами и жасмином. Сквозь открытые окна в зал проникали порывы знойного ветра. Становилось жарко. Входящие сбрасывали с плеч шали и обмахивались пальмовыми веерами. Толстый заминдар[42] незаметно засунул в рот лист бетеля.

В первом ряду на двух золоченых креслах, обитых желтым шелком, уселись пожилой англичанин в очках, с волнистой седой бородой, и мэм-сагиб — полная женщина с круглым свежим лицом и стриженными завитыми седыми волосами, в индийском костюме, — вожди теософического общества мистер Броунлоу и миссис Дрейден. Директор школы поднес ей букет цветов.

Когда все расселись, хор девочек и мальчиков в голубых костюмах, украшенных гирляндами из белых олеандров, запел гимн. При последних звуках гимна в беседке появился Матерейя. Все встали. Многие из гостей упали на колени. «Учитель учителей» был одет в небесно-голубого цвета длинную одежду. Его голова с волнистыми, падающими на плечи волосами и небольшой бородкой напоминала изображения Христа итальянских художников. На красивом, слишком женственном — «сладостном» — лице застыла «божественная» улыбка. Он благословляюще поднял руки.

Мэм-сагиб с восхищением смотрела на его красивое лицо. Она любовалась им без тени религиозного чувства.

Бородатый Броунлоу перехватил ее взгляд и нахмурился.

Началась церемония раздачи дипломов, сопровождаемая многочисленными поклонами. Некоторые члены ложи снимали с груди знаки отличия, чтобы получить их еще раз из рук Матерейи, простирались перед ним на полу, а он поднимал над ними руки и раздавал цветы.

Потом «учитель учителей» начал говорить и привел слушателей в такую экзальтацию, что слышались истерические выкрики, многие упали в обморок, другие бились в судорогах.

Еще раз благословив всех, Матерейя — новое воплощение Будды — ушел.

Сагиб поднялся, взял под руку мэм-сагиб. Они прошли в дверь за эстрадой,

как люди, все здесь хорошо знающие, и оказались в комфортабельном, по-европейски мебелированном кабинете, даже с камином, в котором в этом климате не было никакой нужды.

Сагиб сел за письменный стол директора школы, мэм-сагиб поместилась в кресле рядом с ним.

Вошедший вслед за ними директор школы уселся на стул лишь после того, как высокий гость сказал:

— Присядьте, мистер Пирс, и расскажите, как у вас идут дела.

Мистер Пирс, известный в школе под именем Бхаравы, с разрешения миссис Дрейден закурил сигару, взятую с собственного письменного стола, подумал: «Ты сам лучше меня знаешь о школе».

И это была правда.

Мистер Пирс и сагиб — мистер Броунлоу — оба были англичанами, и оба работали на одном поприще. Религия — один из устоев общественной системы, которой они служили, — давала зловещие трещины, теряла свое обаяние в народных массах. Нужны были какие-то подпорки, суррогаты, «заменители». Нужно было поддержать веру в божество, в дух, поддержать мистические настроения. И на сцену появились общества теософии, спиритизма, оккультизма, издававшие тысячи книг во всех странах мира. Центр их находился в Лондоне. Нельзя было не использовать Индию, окруженную в глазах европейцев и американцев ореолом таинственности, с ее «оккультными знаниями», йогами и факирами. В самой же Индии религия так хорошо помогала англичанам поддерживать свое господство.

Здесь был построен великолепный храм с куполом-полусферой. Здесь же, неподалеку от Мадраса, была создана школа Дандарат для увеличения числа адептов и жрецов таинственных наук, где для Азии готовились будущие «учителя учителей», вроде Иисуса-Матерейи, Кришнамутри-«Альциона» — «великого учителя, подобного Кришне или Будде», и всякие медиумы, прорицатели, гипнотизеры, чудотворцы, ясновидящие — для Европы и Америки.

Мадрасская школа существует неофициально. К этому побуждают не только своеобразный уклад и необычайные методы воспитания, но и некоторые причины более щепетильного свойства. Сюда помещают детей только те родители, родственники или опекуны, которые по той или иной причине на время или навсегда хотят избавиться от ребенка. Некоторые же из детей просто похищаются у родителей агентами Дандарата.

Здесь обучают истории религий и языкам тех стран, куда воспитанник предназначается для работы.

Особенно талантливые, то есть особенно нервные, из оканчивающих школу остаются в ней в качестве воспитателей.

Гипноз в системе воспитания занимает большое место. Крайнее обострение восприимчивости дает возможность некоторым воспитанникам выступать в качестве «чтецов мыслей», воспринимая незаметные для других движения губ, глаз, едва уловимые звуки наставника, и производить разные «чудеса».

Для той же цели служат и всякого рода трюки, вроде светящихся ореолов вокруг тела, ароматов, исходящих от тела «святого», чрезвычайно ловко задуманные и выполняемые. Среди воспитателей и «научных консультантов» школы немало и талантливых людей с большими знаниями.

Такова была школа Дандарат.

Мистер Пирс, дымя сигарой, делал доклад. Броунлоу и Дрезден поощрительно кивали головами.

— Как обстоит дело с выпускниками? — спросил мистер Броунлоу.

Пирс назвал несколько имен воспитанников, объяснил их специальность и места, куда они направляются.

— Я еще не решил, по какому пути направить Ариэля, — сказал Пирс.

— Это тот, трудновоспитуемый? — спросил Броунлоу. — Как его настоящее имя?

— Аврелий Гальтон.

— Помню. Его поместили опекуны?

— Совершенно верно, — отозвался Пирс. — Мистер Боден и мистер Хезлон из Лондона. Они недавно запрашивали о нем. Я ответил, что здоровье Аврелия не оставляет желать лучшего, однако...

Броунлоу недовольно поморщился, сделал пальцами рук нетерпеливое движение, скосив глаза, опасливо взглянул на миссис Дрейден, которой не полагалось знать все, и прервал Пирса:

— Так что же вы хотите с ним сделать?

— Могу лишь сказать, что на роли медиума, ясновидящего, пророка он не годен. Для этого у Ариэля слишком крепкая голова и, несмотря ни на что, слишком здоровая нервная организация, — добавил он с долей огорчения и даже с виноватым видом. — Трудновоспитуемый. Притом эти Боден и Хезлон...

— Знаю. Они писали и мне, — снова прервал Пирса Броунлоу. — У Чарлза Хайда есть интересные новости. Поговорите с ним об Ариэле. Может быть, подойдет.

— Кто это Чарлз Хайд? — спросила миссис Дрейден.

— Вы не знаете? — учтиво обратился к ней Пирс. — Один из научных сотрудников нашей школы. Чрезвычайно интересный человек.

— Итак, поговорите с ним! — повторил, поднимаясь, Броунлоу.

Глава третья

Опыты мистера Хайда

— Так вы говорите, человек-муха? Ха-ха-ха! До сих пор люди умели из мухи делать слона, а вы хотите из мухи сделать человека...

— Не из мухи человека...

— А из человека муху? Час от часу не легче. Ха-ха-ха!..

Такой разговор происходил в лаборатории Чарлза Хайда, великого, но не признанного миром ученого, нашедшего приют в Дандарате. Это было подходящее для него место. Соперники-ученые давно говорили, что место Хайда в сумасшедшем доме. Разница же между этим домом и Дандаратом заключалась только в том, что дома для умалишенных существуют, чтобы лечить душевнобольных, а Дандарат здоровых делал душевнобольными.

Среди воспитателей и «научных консультантов» также встречались психически ненормальные, хотя в своем роде и незаурядные люди. К таким принадлежал и Хайд.

Открытые окна узкой, как коридор, лаборатории были завешены циновками от света и палящих лучей солнца. В полумраке виднелись столы, уставленные мудреными машинами всевозможных геометрических форм. Кубы, шары, цилиндры, диски из меди, стекла, каучука были переплетены проводами, как лианами. Настоящие джунгли научной аппаратуры, через которые не легко пробраться непосвященному. Книги отсутствовали. Вся колоссальная библиотека книг, посвященных разносторонним наукам, помещалась под огромным совершенно лысым черепом гидроцефала, красным, как зрелый помидор. Оттуда обладатель феноменальной памяти извлекал без всякого труда любую нужную справку.

За годы жизни в Индии Хайд разжирел, обленился, отпустил окладистую рыжую бороду, приобрел местные привычки.

Целыми часами он валялся на циновке в одних коротких белых штанах. Возле него всегда стояли кувшин со льдом и лимонами, жестяная банка с бетелем и другая — с табаком. Его губы были словно окровавлены от слюны, окрашенной бетелем. В одной руке он держал веер, которым беспрерывно обмахивался, в другой — трубку, жевал бетель, курил и думал, от времени до времени заставляя двух своих ассистентов, одного — бенгалийца, другого — англичанина, записывать приходящие ему в голову мысли или проделывать опыт. Если они ошибались, Хайд раздражался, кричал, но не поднимался с циновки. А через минуту он уже добродушно хохотал.

У его ног на низеньком стуле из бамбука сидел его коллега по Дандарату, тоже непризнанный ученый, Оскар Фокс. Он был худ, как аскет, бритое лицо пожелтело от малярии. На этом хмуром, со впавшими щеками лице лежала печать озлобленности неудачника. Говорил он тоном обиженного человека, не отрывая глаз от часов-браслета, и через каждые пятнадцать минут пунктуально вынимал из жестяной коробочки пилюли и глотал.

Уже больше года Хайд и Фокс работали по заданию Дандарата: создать летающего человека — найти средство, при помощи которого человек мог летать без всякого аппарата, как летаем мы в сновидениях. Если тайна будет соблюдена, теософы и оккультисты получат новое могущественное орудие для

пропаганды своих идей. С летающим человеком можно разыграть немало чудесных сцен, поставив в тупик официальную науку. Такая задача всего больше подходила для ученых, подобных Хайду и Фоксу, — немного авантюристам и шарлатанам, немного мечтателям и вместе с тем людям, безусловно, талантливым. В Дандарате они нашли то, чего не могли найти нигде: материальные средства для осуществления самых фантастических проектов. И они изобрели для Дандарата немало «чудес белой и черной магии». Но все это было не больше как остроумные фокусы. С летающим человеком дело обстояло сложнее.

Хайд и Фокс шли различными путями. Фокс был инженер и физик, Хайд — биофизик. Фокс представлял собою тип ученого, который творит с огромными усилиями, вечно сомневаясь в успехе. Он не решался на лобовую атаку научной проблемы, производил многочисленные опыты-рекогносцировки, ходил вокруг да около, начинал и бросал. Не доверяя себе, он часто беседовал с Хайдом. И довольно было тому выразить сомнение или посмеяться, как Фокс бросал свой проект и принимался выдумывать новый.

Хайд, наоборот, был уверен в себе и шел напролом. Хайд не говорил Фоксу, каким путем он думает создать летающего человека. Единственно, что он открыл Фоксу, — это то, что «разрешение придет на базе физики, физиологии и биофизики».

И на этот раз разговор начался с того, что Фокс заявил:

— Мне кажется, я напал на удачную мысль. Проблема создания летающего человека лежит в проблеме летания мухи.

Когда Хайд перестал смеяться, Фокс обиженно начал объяснять, стараясь доказать, что его идея не так уж смешна и нелепа, как кажется уважаемому коллеге.

Он долго говорил о наблюдениях ученых над полетом мухи, о том, насколько сложна эта кажущаяся простота. Говорил «об особых мускулах в груди мухи „прямого“ и „непрямого“ действия». При полете крылья описывают восьмеркообразную фигуру. Благодаря этим своим особенностям муха может летать при сравнительно небольшой затрате сил и небольшой площади крыльев, поднимая относительно большой вес своего тела. И вот если создать аналогичный аппарат, то человек вполне сможет летать на небольших крыльях без всяких моторов, используя свою мускульную силу.

— Великолепно!.. Очаровательно! Восхитительно! Прелестно!.. Чудесно! — После каждого произнесенного слова Хайд хохотал, не переставая обмахивать веером лицо.

Фокс пожелтел от обиды и спросил:

— Что же во всем этом смешного? Или вы меня не поняли, или же...

— Или же вы ничего не поняли, — прервал его Хайд. — Да, очевидно, вы совершенно не поняли сущности задания. Что вы предлагаете? Новый летательный аппарат. Только и всего. Аппарат. Механизм, который можно прицепить на плечи любому олуху...

— Почему же олуху?

— Аппарат, который можно пустить в серийное производство. Создать сотни, тысячи людей-мух. С таким проектом можно выступать не в Дандарате, а в военном министерстве. Летучие солдаты, разведчики, снайперы, бомбометчики — это, конечно, неплохо. И вообще неплохо. Долой лестницы, лифты, эскалаторы! Люди-мухи, как пчелы из улья, вылетают из всех окон небоскребов,

роем летят по улицам. Замечательно! А какой простор для альпинистов! Они на своих мушиных крыльях облепят Эвересты и Монбланы, как настоящие мухи сахарную голову. Видите, вы меня самого увлекли вашим проектом. Но, дорогой мой, нам надо совсем другое! Мы должны создать уникам — человека, который мог бы летать без всякого аппарата, вот так — взял да и полетел...

— Но если сделать такого человека, можно сделать и сотни, тысячи? — возразил Фокс.

— Можно конечно.

— В чем же разница?..

— Разница в том, что довольно поймать одну вашу человеко-муху, и любой инженер, рассмотрев ваш аппарат, сумеет сделать такой же. Если же поймут моего летающего человека, то никто ничего не откроет и не поймет. Секрет известен мне одному. И этот летающий человек будет единственным в мире. Сделать второго, десятого могу только я один — и лишь по специальному заказу Дандарата. Понятно?

Фокс был совсем обескуражен. Проглотил пилюлю, и она показалась ему особенно горькой. Помолчав, он сказал:

— Но то, о чем вы говорите, я считаю просто невозможным. Это напоминает досужие вымыслы о левитации факиров. Об этом говорят и пишут немало. Но нам, ученым, не к лицу верить басням. Я девять лет живу в Индии и никогда не видел случая левитации. И если бы мне о ней сказал очевидец, человек, которому я вполне доверяю, я сказал бы ему: «Друг мой, вы жертва ловкого обмана или гипноза».

— Оставим факиров в покое. Уильям! — крикнул Хайд. Из соседней комнаты вышел молодой человек с бледным, истомленным лицом. — Покажите мистеру Фоксу опыт номер первый.

Уильям вышел и вернулся с подносом, на котором стояла небольшая шка-тулка.

— Откройте шкатулку ключом, мистер Фокс, и приподнимите крышку.

Фокс с недоверием повернул ключ. Но ему не пришлось даже приподнять крышку — она сама открылась под давлением пружины; из шкатулки вдруг вылетела черная пористая масса в кулак величиной, отвесно поднялась, с легким стуком ударилась в потолок и словно прилипла к нему.

Озадаченный Фокс, задрав голову, молча смотрел на комок, напоминающий черную губку.

— Достаньте, Уильям! — приказал Хайд.

Уильям принес лестницу, схватил губку рукой и слез.

— Возьмите, мистер Фокс, но держите крепче, не упустите.

Фокс не почувствовал веса губки. Наоборот, губчатая масса хотя и незначительно, но давила снизу вверх. Уильям взял из рук Фокса губку, положил в шкатулку, запер и ушел.

— В этом первом опыте я забрался в вашу область, Фокс, — сказал Хайд. — Физика тонких пленок. Пористая масса с микроскопически тонкими перегородками, пустоты которой наполнены водородом. Первый летающий металл. Сверхлегкие, невесомые и, наконец, летающие металлы! Какой переворот в строительной и транспортной технике! Небоскребы, уходящие в стратосферу, летающие города! Меня озолотили бы за это изобретение. Но они отвергли, не признали меня, тем хуже для них! Пусть моим изобретением воспользуется

Дандарат для своих чудес! Представьте скалу, прикованную к земле цепями. Подходит человек, хватается скалу, цепи снимаются, и человек не только поднимает скалу, но и сам вместе с нею взлетает на воздух. Эффектно?

— И это вы называете левитацией? — насмешливо спросил Фокс. — Тогда и детский воздушный шар — левитация!

— Это я не называю левитацией, — возразил Хайд. — Это было бы левитацией, если бы удалось создать самого человека из пористой невесомой массы. Тогда достаточно было бы незаметного толчка ноги, чтобы человек высоко поднялся на воздух. Но такая задача не по силам даже мне. Есть более простой путь. Уильям! Покажите опыт номер второй!

Уильям, словно подавая блюдо к столу, вынес деревянный поднос, на котором стоял черный ящик с ручками, а на нем — белый куб. Уильям поставил поднос на пол перед Фоксом.

— Поверните ручку! — скомандовал Хайд.

И Фокс увидел, как куб плавно поднялся к потолку, продержался там некоторое время и так же плавно опустился, когда Уильям повернул ручку обратно.

— Чудеса электротехники? Электромагнетизм? — спросил Фокс.

— Угадали только наполовину! — смеясь, ответил Хайд. — Вы же физик! Подумайте, догадайтесь!..

Фокс тупо смотрел на куб.

Хайд снова засмеялся и самодовольно сказал:

— Да, этот орешек не раскусить современным физикам! Работа моя настолько подвинулась вперед, что я могу кое-что открыть вам. Броуновское движение молекул. Понятно?

Фокс молча, широко открытыми глазами смотрел на Хайда.

— Удивлены? Еще бы! Броуновское движение беспорядочно, хаотично. Правда, теория вероятности говорит нам, что теоретически не исключен такой случай, когда все молекулы одновременно устремятся вверх. И тогда камень или человек мог бы подняться над землей. Но вероятность такого случая выражается отношением одного к единице со столькими нулями, что практически такой случай менее возможен, чем, скажем, столкновение Солнца с каким-нибудь небесным телом. Просто сказать, вероятность равна нулю. Обычно частица, ударяясь о другие, испытывает одинаковое стремление двигаться и вправо, и влево, и вверх, и вниз и поэтому остается на месте. Немудрено, что современные ученые заявляли: «Мы не можем питать никаких иллюзий относительно возможности пользоваться броуновским движением, например, с целью поднятия кирпичей на вершину строящегося здания», а значит, и для преодоления человеческого телом притяжения Земли. На этом вопросе был поставлен крест. Но я подумал: мысль овладеть стихийной, разрушительной, неукротимой, своевольной силой молнии показалась бы людям минувших веков столь же безумной и невозможной. А теперь та же сила покорно течет в наших проводах, двигает наши машины, дает свет и тепло.

— И вы поставили себе задачу овладеть броуновским движением, управлять беспорядочными скачками молекул?

— Не только поставил эту задачу, но, как видите, и разрешил ее. Уильям! Покажите мистеру Фоксу танец колб!

На столе появился длинный плоский аппарат, уставленный стеклянными

колбами. Эти колбы вдруг начали подпрыгивать выше и выше. Одни из них поднимались и опускались медленно, другие сновали вверх-вниз с большой быстротой.

Уильям повернул рычажок аппарата, и одна колба вдруг пулею вылетела в окно.

— Вы видите один из этапов моих работ. Эта кадриль колб доставила мне немало хлопот. Легче выдрессировать бегемота, слона, муху, чем молекулу. Главная трудность в том, что резвость моих балерин-молекул очень различна. В колбах заключены молекулы водорода, азота, углекислого газа. Подумайте сами, легко ли заставить танцевать колбы в одном темпе: при нуле Цельсия скорость движения молекул водорода равна тысяче шестистам девяноста двум метрам в секунду, азота — четыреста пятидесяти четырем, углекислоты и того меньше — тремстам шестидесяти двум. Для водородной молекулы эта скорость превышает не только скорость полета ружейной пули, но и артиллерийского снаряда, приближаясь к скорости снарядов сверхдальнобойных пушек. При повышении же температуры скорость движения молекул возрастает. Видали, как вылетела водородная колба? Представьте себе пули, снаряды, которые движутся внутренними силами самих молекул!

— Как же вам удалось превратить хаотическое движение молекул в направленное? — спросил Фокс.

— Это длинная история. Пока довольно сказать, что, изучая молекулярное движение, физики учитывали только роль тепла, игнорируя электрические явления. Мне пришлось углубиться в изучение сложной игры сил, происходящей в самих атомах, из которых состоят молекулы, и овладеть этой игрой.

— Так что, по существу, это уже не броуновское движение, а скорее электрическое? — спросил Фокс.

— Оба явления находятся в связи.

Фокс задумался.

— Допустим, — сказал он, — что вам удалось овладеть молекулярным движением, призвав на помощь электрические факторы притяжения и отталкивания, изменения потенциала, перезарядки, если я вас понял. Но все, что вы показывали, относится к неорганическому миру.

— А разве тело человека состоит не из неорганических веществ, не из молекул и атомов? — возразил Хайд. — Трудности заключались не в этом. Первая из них в том, чтобы привести к одному знаменателю движения молекул различных скоростей, иначе человеческое тело было бы просто разорвано. Мне пришлось связать две области: физику и электрофизиологию. Для усиления же электрического потенциала я вводил в организм искусственные радиоэлементы, которые и снабжали его лучистой энергией. Получилась цепь: от импульсов мозга, мысли — к нервной системе, от нервной системы — к явлениям электрофизическим, от них — к молекулярным.

— И вам это удалось?

— Судите сами. Сатиш, гусеницу!

Второй помощник Хайда принес цветок в горшке с сидящей на листе гусеницей и ударил по ветке. Гусеница свалилась, но на полпути до пола вдруг остановилась в воздухе.

Фокс провел рукой, думая, что гусеница висит на паутине, но паутины не было. Сатиш осторожно взял гусеницу, положил на лист и унес. Вслед за этим,

уже без приказания, он принес маленького цыпленка с не отросшими еще крыльями и выпустил на пол.



Сатиш громко хлопнул в ладоши.

Испуганный бескрылый цыпленок вдруг поднялся на воздух, с писком пометался по комнате и вылетел в окно, выходящее в парк.

Фокс подошел к окну и увидел, как цыпленок опустился на траву.

— Не отходите от окна, Фокс, — сказал Хайд.

Сатиш вынес в сад кошку, посадил на дерево и потом позвал:

— Кудэ! Кудэ! Иди скорей! Смотри, кошка! Кошка!

Послышался лай, и к дереву подбежала маленькая собачка Кудэ (Малютка).

Увидав кошку, она залаяла, сделала прыжок и вдруг с жалобным визгом понеслась в небо. Ее лай и визг слышались все дальше, глуше.

— Кудэ! Кудэ! Кудэ! — закричал Сатиш.

Собака, которая была уже на высоте сотни метров, начала спускаться. Скоро она была уже возле Сатиша. Радостно подпрыгнув, она вновь едва не улетела, но Сатиш вовремя подхватил и унес ее.

— Теперь предпоследний номер нашей программы, — весело сказал Хайд. — Не отходите от окна, мистер Фокс.

Сатиш посадил на дорожку большую жабу и легонько толкнул ее ногой. Жаба подпрыгнула и полетела над кустами, деревьями все выше и выше. Скоро Фокс потерял ее из виду, но еще долго смотрел в синеву неба.

— Ну что вы скажете? — спросил Хайд.



Фокс молча сел на стул, машинально посмотрел на ручные часы, вздрогнул, быстро положил в рот сразу две пилюли, но на этот раз даже не почувствовал их вкуса.

— Надеюсь, все это уже можно назвать левитацией? — сказал Хайд, обмахиваясь веером. — Вы, конечно, обратили внимание на поведение левитантов? Гусеница, которую вы видели, обладала способностью опускаться вниз на паутине. Я закрыл у нее выводные протоки паутинных желез, поэтому в момент поднятия она не могла выпустить паутину и висеть на ней. Но нервные центры работали обычно и посылали соответствующие импульсы. Этого было достаточно, чтобы привести в действие по-новому организованное молекулярное движение и произвести электрическую перезарядку молекул в отношении заряда Земли, и гусеница «повисла в воздухе».

Цыпленок — птица, почти разучившаяся летать, но сохранившая инстинкты, необходимые для летания. И, пользуясь этими инстинктами, она могла более полно использовать новую способность левитации, чем гусеница.

Собака может только прыгать. И хотя она умственно высокоразвитое жи-

вотное, однако неожиданный полет ошеломил ее, и она улетела бы в небо и погибла, если бы зов Сатиша не дал ей стимула — желания вернуться назад. Что же касается жабы, стоящей на довольно низкой ступени развития, то она погибла, долетев до холодных и бедных кислородом слоев воздуха. Как показали опыты, со смертью животного исчезает и способность к левитации, и наша лягушка, быть может, уже упала на голову какого-нибудь изумленного крестьянина...

Впрочем, способность к левитации исчезает, должна исчезнуть после того, как в организме произойдет распад искусственных радиоэлементов.

Из всех этих опытов, — продолжал Хайд, — вы, конечно, и сами сделали общий вывод: использовать левитацию можно тем шире, чем больше развиты высшие нервные центры животного. Полное же овладение левитацией возможно только человеком.

— Опыт с жабой вы назвали предпоследним, но последнего так и не показали, — сказал Фокс.

— Не трудно догадаться, что последний опыт и будет человек, — ответил Хайд.

— Будет! Значит, такого опыта вы еще не проделывали?

— Вы видите, что почва для этого вполне подготовлена, — возразил Хайд — Возьмите этот опыт с собакой, нервная система которой и, в частности, полушария головного мозга, видимо, не пострадали от левитации, несмотря на то, что в ее организме должны были произойти большие изменения в кровообращении, в работе нервной системы и другие. И я жду только...

В это время в дверь постучались, и в комнату вошел Бхарава-Пирс.

— А, мистер Пирс! Почтенный гуру![43] Бхарава-бабу! — с насмешкой сказал Хайд. — Какие новости?

— Мистер Броунлоу послал меня к вам...

— Броунлоу уже беседовал со мной. Кого он назвал?

— Ариэля Аврелия Гальтона.

— Пусть первым летающим человеком будет Ариэль, — безразличным тоном сказал Хайд.

— Я вижу в этом даже перст судьбы, — заговорил Пирс, возводя глаза к потолку. — Вы знаете, что в Дандарате принято давать воспитанникам новые имена. Аврелия мы назвали Ариэлем по созвучию, Ариэль — спутник планеты Урана. Вместе с тем Aizu — воздушный. Уран же — божество, олицетворяющее небо.

— Пощадите, мистер Пирс! Вы так вошли в свою роль саниаси[44] Бхаравы, что забываете, перед кем мудрствуете!

— Привычка — вторая натура, — с улыбкой, уже другим тоном ответил Пирс. — Я вот о чем хотел спросить вас, мистер Хайд. Опыт не угрожает жизни Ариэля?

— Думаю, что нет, — отвечал Хайд. — Но если вы так дорожите его жизнью, сделайте первый опыт на себе. Для меня безразлично, с кого начать. Летающий директор школы! Это было бы эффектно!

Пропустив злую шутку Хайда мимо ушей, Пирс задал новый вопрос:

— А умственными способностями опыт не угрожает?

— Весьма возможно.

— Ну что же делать? Имея в виду важность дела, мы должны идти на неко-

торый риск, — со вздохом сказал Пирс.

— Терпеть не могу, когда вы говорите таким иезуитским тоном. Ведь я насквозь вас вижу, мистер Пирс. Больше всего вам хотелось бы, чтобы Ариэль остался жив, но сошел с ума, однако и не настолько, чтобы его нельзя было использовать для ваших теософических и — ха-ха-ха! — оккультных целей. Ведь так, старая лисица?

Пирс хотел вспылить, но, вспомнив, что Хайд человек нужный, сдержался и сухо ответил.

— Наш долг — повиноваться высшим предначертаниям. Я очень рад, что вы уяснили, в каком направлении необходимо действовать. Ариэль придет к вам сегодня вечером. Но будьте осторожны, мистер Хайд. Подготовьте его к тому, чем он станет. Неожиданное получение способности летать не шутка. Как бы он сразу не разбил себе голову

Глава четвертая

Друзья

Шарад вернулся из больницы в комнату Ариэля. Между ними установились необычные для воспитанников Дандарата отношения.

По правилам школы, старший должен был руководить младшим, являясь первым и ближайшим воспитателем и «вероучителем», гуру. Никакой близости, интимности, дружбы не допускалось. Слепое подчинение младшего старшему было основой воспитания. Но Ариэль сохранил в душе долю самостоятельности под личиной полного повиновения. Чувство самосохранения заставляло его быть лицемерным, прибегать к симуляции. И в этом он достиг виртуозности. По такому же пути Ариэль и вел Шарада. Малыш инстинктивно понял, что от него требуется. Он принимал сокрушенный вид, когда при посторонних Ариэль сурово бранил его за проступки, которых он не совершал. Когда же они оставались одни, Ариэль тихо шептал на ухо своему воспитаннику поучения, от которых пришли бы в ужас учителя и воспитатели Дандарата. Нередко у Ариэля вырывались слова: «Как я ненавижу их» — и Шарад понимал, о ком говорит гуру Ариэль. Шарад в не меньшей степени ненавидел Пирса и всех его мучителей, но у него это чувство было парализовано страхом. Мальчик дрожал и оглядывался, боясь за себя и за Ариэля, когда Ариэль доверял ему свои сокровенные мысли.

Однажды вечером Ариэль тихо беседовал с Шарадом. В коридоре слышались крадущиеся шаги Бхаравы. Ариэль, слух которого был чрезвычайно тонок, тотчас отошел от мальчика и начал громко бранить его. Шарад сделал виноватую рожицу. Бхарава вошел в комнату, пытливо, как всегда, посмотрел на воспитанников и обратился к Ариэлю с такими словами:

— Сын мой! Не жалея сил и труда, мы растили и холили тебя. Настало время сбора плодов. Ты уже юноша. Твое образование закончено. Пора приниматься за работу — послужить тем, кто кормил и воспитывал тебя, отблагодарить за их заботы, кров и стол. Дандарат оказал тебе высокую честь, предназначив к великому служению, и я надеюсь, что ты вполне оправдаешь наше доверие.

Во время этой речи, произнесенной напыщенным тоном, Ариэль смотрел прямо в глаза Бхараве, как человек, которому нечего скрывать. Юноша понял,

что решается его судьба, в его жизни наступает перелом. Но ни один мускул не дрогнул на его лице, ни малейшего волнения не отразилось на нем.

Шарад тоже понял, что ему предстоит разлука с единственным человеком, который облегчал его существование. Шарад еще не умел владеть собой так, как Ариэль, поэтому он опустил глаза и даже старался не дышать, чтобы не обратить на себя внимания страшного Бхаравы.

Ариэль «взял прах от ног» Бхаравы, то есть нагнулся, прикоснулся рукой к стопам Бхаравы, той же рукой прикоснулся к своему лбу и сказал:

— Мои мысли, мои желания, мои поступки, моя жизнь принадлежат вам.

Бхаравы, кончив испытующий осмотр, остался доволен. В первый раз за все годы обучения он приласкал Ариэля — дотронулся кончиками пальцев до его подбородка и затем поцеловал их.

— Иди за мною, Ариэль. Твой первый шаг будет шагом уже на новой стезе жизни!

Ариэль последовал за ним, как хорошо выдрессированная собака.

А Шарад, оставшись один, закрыл лицо руками и, не будучи в силах сдерживать себя, заплакал.

Какова же была его радость, когда в полночь он вдруг почувствовал знакомое прикосновение руки и услышал шепот Ариэля.

— Это ты, дада?[45] — спросил он шепотом.

— Я, Шарад, не бойся.

— Что с тобой было, дада?

— Тише!.. Бхаравы... Знаешь, он совсем не индус, а англичанин Пирс... Он повел меня к Чарлзу Хайду, это ученый. Тоже сагиб. Хайд, когда увидел Бхараву, воскликнул: «Вот и вы, мистер Пирс! И Ариэль?» Бхаравы так озлился... замигал Хайду. Хайд тогда поправился, сказал: «Добрый вечер, Бхаравы-бабу!» Но я уже понял, что Бхаравы не индус. Впрочем, я и раньше догадывался об этом. Здесь у нас лгут на каждом шагу.

— И что же делал этот Ха? — торопил Шарад.

— Хайд? Он только осмотрел меня как доктор, потом сказал Бхаравы: «Вполне годен. Здоров. Через несколько дней он у нас». Но тут Пирс вновь начал делать гримасы, и Хайд приказал: «Приходи рано утром, до завтрака, понимаешь? До завтрака. Ничего не ешь, но хорошенько вымойся. Прими ванну, а не только обычное ваше омовение». Вот и все.

— Почему же ты так долго не приходил?

— Бхаравы делал мне наставления: «Повиновение, повиновение и еще раз повиновение!» — и Ариэль тихонько рассмеялся.

В эту ночь друзья мало спали. Шарад горевал о предстоящей разлуке с другом. Ариэль гадал о том, что ожидает его.

Глава пятая

На новой стезе

Когда на другое утро Ариэль, простившись с Шарадом, явился к Хайду, тот встретил его в белом халате и белой шапочке.

Они вошли в комнату, напоминающую и операционную и рентгеновский кабинет, только с более сложной и необычной аппаратурой.

Хайд приказал Ариэлю раздеться и лечь на стол, устланный белой клеенкой.

Ариэль, как всегда, беспрекословно повиновался, предполагая, что его будут погружать в гипнотический сон, который Ариэль умел артистически симулировать. Но он ошибся.

Хайд приказал Ариэлю проглотить разведенный в воде порошок и затем крикнул:

— Уильям, маску!

Молодой человек в белом халате и белом колпаке наложил на лицо Ариэля маску с ватой, от которой исходил сильный приторный запах.

— Дыши глубже, Ариэль, и громко считай! — приказал Хайд.

— Раз... два... три... — начал Ариэль.

К концу второго десятка он стал сбиваться со счета, делать паузы и скоро потерял сознание...

— Ну вот и все, — услышал он, когда вновь пришел в себя и открыл глаза. Его тошнило, в голове шумело. Он лежал уже на полу в кабинете-лаборатории Хайда. — Ну что, плохо себя чувствуешь? Ничего, это скоро пройдет. Полежи спокойно, — сказал Хайд.

Он так и лежал на циновке, уже полураздетый, как всегда, с красными от бетеля губами и курил трубку, обмахиваясь веером.

Помня предупреждения Пирса, Хайд решил осторожно подготовить Ариэля к роли летающего человека.

И когда Ариэль окончательно пришел в себя, Хайд сказал ему:

— Ты сильный, Ариэль? Мог бы ты приподнять такого же юношу, как сам?

— Не пробовал, но думаю, что мог бы, — помедлив ответил он. Жизнь в Дандарате приучила его к осторожным ответам.

— Каждый здоровый человек может приподнять тяжесть, равную весу его тела и даже больше! Уильям! Поскачи-ка на стуле! — приказал ученый явившемуся на его зов Уильяму.

Уильям, уже подготовленный к этому, сел верхом на венский стул, обвил ногами его ножки, а руками ухватился за спинку и начал подпрыгивать, двигаясь по комнате скачками, как это делают дети.

Ариэль с удивлением смотрел на галопирующего Уильяма.

— Обрати внимание, Ариэль, ноги у Уильяма не касаются пола. Уильям только рывком вверх и вперед дергает стул и приподнимается вместе с ним на воздух. При каждом рывке он подскакивает вместе со стулом не более чем на три-пять сантиметров и на столько же подвигается вперед. Но если бы Уильям при том же весе был сильнее, то, не правда ли, он подскакивал бы выше и прыгал дальше? Не так ли? И чем сильнее, тем выше и дальше. В этом нет ничего чудесного и необычайного. Ну, так вот. Запомни теперь, Ариэль. Пока

ты находился под наркозом... пока ты спал, я ввел... влил в твое тело... ну, жидкость, которая во много раз увеличила твою силу. И теперь ты сможешь прыгать на стуле лучше Уильяма. Попробуй! Вставай, садись на стул и прыгай, как Уильям.

Уильям уступил место Ариэлю, привязав предварительно к обручу стула бечеву, конец которой держал в руке.

— Прыгай, Ариэль!



Ариэль дернул стул и неожиданно для себя сделал такой прыжок, что ударился бы головой о потолок, если бы не бечева. Но эта же бечева задержала полет по дуге, и Ариэль упал вместе со стулом на пол, повалив и Уильяма.

Хайд громко рассмеялся, но вдруг нахмурился. Он, видимо, волновался, даже перестал жевать бетель.

— Ты не ушибся, Ариэль?

— Немного... Только колено и локоть, — ответил Ариэль, совершенно ошеломленный всем происшедшим.

— А что ты чувствовал, когда полетел?

— Я... Мне как будто что-то легко ударило в голову и плечи... Что-то давило, только не снаружи, а изнутри...

— Так... Так... Этого и надо было ожидать, — пробормотал Хайд. — Но не очень сильно? Не больно?

— Нет. Только в первый момент. Я очень удивился и даже немного испугался.

— И это не мешало тебе думать? Ты не терял сознания хотя бы на мгновение?

— Нет, — ответил Ариэль. — Кажется, что нет.

— Отлично! — воскликнул Хайд и пробормотал: — По крайней мере для меня. Пирс не всем будет доволен, но это его дело. Ну, а что ты упал, ушибся, в этом виновата бечева. Без нее, впрочем, ты рисковал бы разбить себе голову об потолок. Бечеву же мы привязали потому, что ты еще не умеешь управлять своей силой. Слушай, Ариэль, слушай внимательно. Теперь ты умеешь делать

то, чего не умеет делать ни один человек. Ты можешь летать. И для того чтобы полететь, тебе надо только пожелать этого. Ты можешь подниматься, летать быстрее или медленнее, поворачиваться в любую сторону, опускаться по своему желанию. Надо только управлять собой, как ты управляешь своим телом, когда идешь, встаешь, садишься, ложишься. Понимаешь? Ну, попробуй еще попрыгать на стуле. И уже не дергай стула, а только подумай о том, что тебе надо приподняться, лететь.

Ариэль уселся на стул, взялся за спинку и подумал: «Я сейчас поднимусь!» И он действительно поднялся на высоту метра, облетел комнату и плавно опустился возле Хайда, сам не веря себе.

— Молодец! Ты делаешь быстрые успехи.

— А без стула я могу летать? — спросил Ариэль.

Хайд расхохотался, брызгая красной слюной.

— Ну конечно! Ха-ха-ха! Ты думал, что стул — летательный аппарат, вроде помела ведьмы? Ты теперь стал летающим человеком. Первым человеком, который может летать без всяких механизмов и крыльев. Гордись!

Ариэль встал со стула. «Поднимусь!» И он поднялся, неподвижно повиснув в воздухе.

— Ха-ха-ха! Авантюрист? Шарлатан? — грохотал Хайд, вспоминая своих ученых коллег, не признававших его. — Не угодно ли?

Дверь кабинета открылась. На пороге стоял Бхарава, из-за его плеча выглядывал Фокс.

Пирс-Бхарава, увидав Ариэля между полом и потолком, широко открыл рот и словно окаменел. Фокс болезненно сжал сухие губы и изогнулся в виде вопросительного знака. Ариэль плавно поворачивался, опускался и снова медленно поднимался.

— Входите, мистеры! Что же вы? — торжествуя окликнул их Хайд.

Пирс наконец пришел в себя и бросился закрывать окно, ворча: «Какая неосторожность!» Потом обошел вокруг Ариэля, качая головой.

— Поздравляю вас, коллега! — выдавил из себя Фокс, подойдя к Хайду и кривя рот в улыбку.

— Ну что? Это лучше вашей мухи? — спросил Хайд, фамильярно хлопнув Фокса по плечу так, что тот покачнулся.

Ариэль опустился на пол. А Бхарава-Пирс поспешил к телефону, вызвал Броунлоу и попросил его немедленно прибыть к Хайду.

— Как же ты чувствуешь себя, когда летаешь? — спросил Бхарава Ариэля.

— Хорошо. Вначале немного неприятно... тело, плечи...

— Так, так! В голове мутится? Мысли мешаются?

— Нет.

— Умственные способности у Ариэля не нарушены, увы... Гм... Да, да! — сказал Хайд.

Пирс многозначительно посмотрел на него.

Скоро появились мистер Броунлоу и миссис Дрейден.

Ариэля заставляли подниматься к потолку, летать по комнате стоя, лежа, «рыбкой», как сказала миссис Дрейден, переворачиваться, совершать всяческие фигуры высшего пилотажа. Миссис Дрейден ежеминутно ахала то от страха за Ариэля, то от восхищения и восклицала:

— Прелестно! Чудно! Очаровательно!

Броунлоу, с довольным видом потирая руки, поощрял Ариэля на все новые воздушные трюки.

— Да вы замучаете его! — добродушно воскликнул Хайд и приказал Ариэлю опуститься на пол.

Все, кроме Хайда, уселись, и Бхарава, обращаясь к Ариэлю, произнес речь, как всегда высокопарную, изобилующую цитатами и восточными метафорами.

Он снова говорил о великой чести, которой удостоился Ариэль, ставший чуть ли не сыном Индры, бога неба и атмосферы, и братом Маруты, бога ветров, о великом могуществе, которое получил Ариэль, но и о великой ответственности. Бхарава внушал Ариэлю, устремив на него гипнотический взгляд, беспрекословное, абсолютное повиновение и угрожал страшными карами за малейшееслушание.

— Если же ты вздумал бы улететь, то помни, что тебя ждет такая ужасная, мучительная, страшная смерть, какой не умирал еще ни один человек. Куда бы ты ни улетел, на высокие горы, в темные джунгли, в дикие пустыни или даже на край света, помни, мы найдем тебя всюду, потому что власть наша безгранична. И тогда... — Бхарава начал рисовать картины всевозможных пыток и мучений так красочно, что миссис Дрейден стала ежиться и ахать. — И еще помни: ни одному человеку не должен ты показывать, что можешь летать. Не смей даже говорить об этом. Не смей и летать, подниматься хотя бы на дюйм от пола без нашего приказания. Не летай, даже находясь один в комнате!

И Бхарава начал делать руками жесты, которые, вероятно, должны были закрепить внушение. Затем уже своим обычным голосом он строго сказал:

— Сейчас можешь идти к себе. Помни всегда о моих словах.

Ариэль поклонился и направился к двери, стараясь ступать, как обычно, и опасаясь взлететь при каждом шаге. «Я должен идти, идти, а не лететь!» — мысленно твердил он.

Когда Ариэль вышел, Пирс опасливо проводил его взглядом сквозь неприкрытую дверь. Потом он вздохнул с облегчением и сказал, как бы отвечая своим мыслям:

— Нет, он не улетит! Как всех воспитанников Дандарата, мы совершенно обезволили его.

— Все-таки неосторожно было отпускать Ариэля одного, — заметил Броунлоу.

— Что же вы, на цепочке его будете теперь держать и отпускать, как привязанный шар? — насмешливо спросил Хайд.

— Можно было отправить с провожатым, который держал бы его за руку, — возразил Броунлоу, — и затем посадить под замок в комнату без окон.

— А если бы он и с провожатым улетел? — насмешливо спросил Хайд.

Дрейден вскрикнула от удивления, а Броунлоу поднял брови на лоб.

— Возможно ли это?

— Вполне, — ответил Хайд, — если только провожатый не будет тяжелее самого Ариэля.

— Еще одно осложнение, — воскликнул Броунлоу.

— Обо всем этом надо было подумать раньше. Я свое дело сделал, а как вы будете охранять и демонстрировать вашего Индру, это уже не моя забота, —

заявил Хайд.

— Мистер Броунлоу, — вмешался Пирс, — ваши опасения совершенно неосновательны. Ариэль уже давно на крепкой цепочке: он не только обезволен, но и находится в постоянном гипнотическом трансе. Я так часто внушал ему под гипнозом полное повиновение, что теперь всякое мое приказание он воспринимает как непреложное и не нарушит его даже под страхом смерти. Это надежнее железных оков. Я беру всю ответственность на себя.

Броунлоу промолвил, пожав плечами.

— Пусть будет так!

Хайд заговорил о вознаграждении и начал шумно торговаться с Пирсом. Они так спорили, что миссис Дрейден, опасаясь того, что у нее начнется мигрень, поднялась. Вслед за нею поднялся Броунлоу.

— Мы с вами еще поговорим, мистер! — сказал Пирс Хайду, провожая гостей.

Они вышли из дома — Пирс с Броунлоу, а Фокс с миссис Дрейден.

Она расспрашивала Фокса, каким образом удалось «этому кудеснику Хайду» создать летающего человека, и, не вслушиваясь в ответы, прерывала его все новыми вопросами:

— А животных можно сделать летающими? Кошку, например? — спрашивала она.

— Да, я сам видел, как летела собака, потом жаба...

— Изумительно! Я непременно закажу мистеру Хайду, чтобы он превратил мою кошечку Кюин в летающую. Она будет по вечерам отгонять от веранды летучих мышей, которых я страшно боюсь и которые мне портят лучшее время суток. Ведь в этой Индии, в Мадрасе, только и живешь вечерами. Как это будет восхитительно!

И так как миссис Дрейден была не только оккультисткой, но и поэтессой, то, подняв свои бесцветные глаза к небу, она начала импровизировать:

*По небу летела летучая мышь,
За нею летела летучая кошка.*

У Пирса и Броунлоу разговор шел в ином направлении.

Пирс спрашивал Броунлоу, будут ли они создавать при помощи Хайда других летающих людей, или же Ариэль останется единственным. И в последнем случае, чтобы Хайда не переманили их враги, не следует ли принять соответствующие меры...

«Не убить ли Хайда?» — с полуслова понял Броунлоу и сказал:

— Пока надо принять меры к тому, чтобы он не ушел от нас. Других летающих людей мы делать не будем. Но с Ариэлем может что-нибудь случиться. Хайд будет нам еще нужен. Следите только за тем, чтобы и Хайд был изолирован от внешнего мира. Ясно?

Пирс кивнул головой и ответил:

— Будет исполнено.

Глава шестая

К неведомой судьбе

Выйдя от Хайда, Ариэль направился к общежитию по дорожке сада. Он ступал медленно, словно только учился ходить, и так нажимал подошвами сандалий, что хрустел песок, которым была усыпана дорожка. Он не сомневался, что за ним следят.

Ариэль все еще находился под впечатлением своих полетов по комнате. Он может летать! Эта мысль наполняла его радостным волнением, причины которого он боялся понять сейчас здесь, в саду, при свете солнца, под взглядами Бхаравы, которые он чувствовал на себе. Ариэль подавлял, не допускал на поверхность сознания мысли, которые, словно ликующая песнь, звучали в его душе: «Свобода! Освобождение!» Он упивался лишь отзвуками этой песни.

Только повернув за угол, он разрешил себе подумать осторожно, чтобы мысль не перешла в действие: «Если бы я только захотел, то сейчас же мог бы подняться и улететь из этой ненавистной школы, от этих ужасных людей!» И он еще усерднее, еще тверже наступал на этот хрустящий песок. Ариэль никогда за все годы пребывания в школе не оставлял мысли выбраться на волю, узнать свое прошлое, разыскать родных.

Несмотря на запреты и гипнотические внушения, он ночами, оставаясь один, старался вызвать в памяти воспоминания раннего детства, до поступления в Дандарат. Иногда картины этого прошлого — обрывки того, что сохранила память, — он видел и во сне, причем сны бывали даже ярче, чем сознательно вызываемые воспоминания.

Он видел совсем другую страну, свинцовое небо, уличные фонари, тускло мерцающие сквозь густой серо-бурый туман, огромные, мокрые от сырости и дождя здания, людей, которые внезапно возникали и так же внезапно исчезали в сумеречных клубах тумана...

Он сидит в автомобиле и смотрит на этот дымчатый, сырой, расплывчатый мир...

И вдруг иная картина...

Большая комната. Огромный камин, в котором пылают дрова. Ариэль сидит на ковре и строит из кубиков дом. Рядом на шелковой подушке сидит белокурая девочка и подает ему кубики. В мягком кресле, возле камина, с книгой в руках, строго поглядывая поверх очков, сидит старуха в черной кружевной наколке на седой голове.

В комнату входит человек в черном костюме. У него злые, круглые, как у филина, глаза и отвратительная фальшивая улыбка. Ариэль так боится и ненавидит этого человека. Человек в черном костюме идет по ковру, улыбаясь все шире, в глазах его злоба. Он растаптывает домик из кубиков. Ариэль плачет и... просыпается.

За окном вырисовываются листья пальмы, на глубоко-синем небе — крупные звезды... Мечутся летучие мыши... Душная ночь, Индия... Дандарат...

Иногда Ариэль видел себя в маленькой душной качающейся комнате. За круглым окном — огромные страшные зеленые волны. А напротив Ариэля на диване еще более страшный, чем волны, черный человек, тот самый, который растоптал во сне или наяву игрушечный домик...

Других воспоминаний раннего детства память не сохранила. Ужасы Дандарата, через которые Ариэль прошел, заслонили прошлое. Но оно живет в душе Ариэля, как несколько былинки в песчаной пустыне.

Одиночество, безрадостное детство и юность. Ни родных, ни друзей... Вот только Шарад... Бедный Шарад! Он ступил лишь на первую ступень лестницы мучений. Если бы удалось его избавить от этого ада!

«Я могу летать...» Но Ариэль усилием воли отгоняет эту мысль и твердо ступает по земле.

— Ариэль, дада! — радостно шепчет Шарад, увидев входящего друга, но тотчас умолкает, взглянув на строгое выражение его лица. Сейчас не время для беседы.

Прозвонил гонг, сзывающий на завтрак, и друзья отправились в столовую молчаливые, не глядя друг на друга.

В этот день Шарад получил несколько замечаний от воспитателей за рассеянность. День тянулся медленно.

Перед закатом солнца в комнату Ариэля зашел Бхарава и сказал Ариэлю, чтобы он не забыл взять у эконома новую одежду.

— Завтра в пять часов утра я зайду за тобой. Будь готов. Вымойся, надень новую одежду.

Ариэль покорно наклонил голову.

— Как Шарад? — спросил, уходя, Бхарава.

— Плохо овладевает сосредоточением, — ответил Ариэль.

— Надо постороже наказывать, — сказал Бхарава и, метнув на Шарада сердитый взгляд, вышел.

Перед сном, как всегда, Ариэль заставил Шарада прочитать несколько отрывков из священных книг — Шастров. Он был спокоен, строг и требовал, чтобы Шарад читал громко, нараспев.

От внимания Шарада, однако, не ускользнуло, что Ариэль несколько раз бросал взгляд на окно и в это время по лицу Ариэля проходила тень озабоченности. Деревья в парке шумели от порывов ветра, предвещавшего дождь. Раздавались отдаленные раскаты грома, но на небе еще ярко сверкали звезды. И только когда с правой стороны бледно-туманная полоса Млечного Пути начала темнеть от надвигавшейся тучи, Ариэль вздохнул с облегчением. Вскоре послышалось шуршанье первых крупных капель дождя. В темноте мелодично прозвучал гонг — настал час отхода ко сну.

Шарад захлопнул толстую книгу, Ариэль задул светильник. Они сидели на циновке плечом к плечу в тишине и мраке.

Шарад услышал, как Ариэль поднялся. Следом за ним встал и Шарад. Ариэль обнял его и приподнял.

— Какой ты легонький! — шепнул Ариэль и чему-то тихо засмеялся. — Хочешь, Шарад, я подниму тебя еще выше?

И мальчик почувствовал, как Ариэль поднял его почти до потолка, подержал на высоте и опустил. Неужели у Ариэля такие длинные руки?

— Ложись, Шарад! — шепнул Ариэль.

Они легли на циновку, и Ариэль зашептал в самое ухо мальчика:

— Слушай, Шарад! Хайд сделал из меня летающего человека. Понимаешь, я теперь могу летать, как птица.

— А где же твои крылья, дада? — спросил Шарад, ощупывая плечи Ариэля.

— Я могу летать без крыльев. Так, как мы летаем во сне. Они, наверно, хотят показывать меня людям, как чудо. А я... я хочу улететь из Дандарата!

— Что же со мной будет без тебя, дада? — заплакал Шарад.

— Тише! Не плачь! Я хочу взять и тебя с собой. Ты легонький, и я думаю, что смогу улететь вместе с тобой...

— Возьми! Возьми меня отсюда, дада! Здесь так плохо, так страшно. Я умру без тебя, — шептал мальчик.

— Возьму... Слышишь, как шумит дождь? Это хорошо. В темноте нас никто не увидит... Окно открыто... Тсс!.. Чьи-то шаги... Молчи!..

Дверь скрипнула.

— Ты спишь, Ариэль? — услышали они голос Бхаравы. — Ариэль!

— Мм... — промычал Ариэль, потом, как бы вдруг проснувшись, воскликнул: — Ах, это вы, гуру Бхаравы!

— Почему ты не закрыл окно, Ариэль? Посмотри, сколько натекло воды на пол! — Бхаравы закрыл окно, опустил шторы и ушел, ничего больше не сказав.

Ариэль понял: Бхаравы следит за ним, не доверяет. Окно можно открыть, но что, если за окном Бхаравы поставил сторожей? Стоит поднять штору, и начнется тревога...

Шарад, лежа на циновке, дрожал как в лихорадке. За окном уже шумел ливень. Удары грома раздавались все ближе, чаще, громче. Вспышки молний сквозь светлую штору освещали комнату голубым пламенем. Ариэль стоял у притолоки окна с нахмуренным лицом. Потом он снял с деревянного кольца на стене полотенце и шепнул Шараду:

— Иди за мной.

Они приоткрыли циновку-стену, проникли в соседнюю комнату, бесшумно вышли в коридор. Здесь было совершенно темно. Ариэль шел вперед, ведя Шарада, который держался за конец полотенца. Все спали. Кругом была тишина. Они спускались и поднимались по лестницам, неслышно проходили длинные коридоры, наконец начали подниматься по крутой деревянной лестнице.

Ариэль отбросил люк, ведущий на крышу. Их сразу ослепила молния, оглушил гром, вымочил ливень. Они поднялись на плоскую крышу.

— Садись мне на спину, Шарад! — шепнул Ариэль.

Шарад забрался ему на спину, Ариэль привязал его полотенцем, выпрямился и посмотрел вокруг. При вспышке молнии он увидел широкий двор, залитый водой, и сверкавшие, как озеро, корпуса Дандарата, стены. Вдали виднелись огни Мадрасы, за ним океан. Ариэль чувствовал, как Шарад дрожит у него на спине.

— Скоро полетишь? — шепнул Шарад в самое ухо.

Ариэля охватило волнение. Неужели он в самом деле сейчас поднимется на воздух? Летать в комнате было легко, но сейчас, в бурю, с Шарадом на спине... Что, если они упадут посередине двора?

Вдруг послышались неурочные в это время частые сигналы гонга. Тревога! Ариэль представил себе злое лицо Бхаравы, вспомнил его угрозы и взлетел над крышей.

Он почувствовал головокружение. Мысли мутились.

Как самолет, делающий круг над аэродромом, прежде чем лечь на курс, Ариэль пролетел над крышей. На дворе уже кричали, прогремел выстрел, замелькали огни фонарей, в окнах вспыхнул свет ламп.

Сквозь потоки дождя Ариэль устремился вперед, летя для облегчения по ветру, который дул с юго-запада.

Внизу быстро промелькнул двор, плоские крыши, парк, стены...

Ариэля относил ветром к океану. Слева при вспышках молнии виднелись цепи гор, впереди — огни Мадраса. В форте Сен-Джордж пылал огненный глаз маяка.

Ариэль летел теперь над песчаной равниной так низко, что виднелись рисовые поля. И снова песок... Дождь хлестал по телу, свистел в ушах ветер, развевая волосы.

Под ними, блестя огнями, прополз поезд. В океане виднелся пароход. Приближаясь к порту, он давал продолжительные гудки.

Вот и Мадрас. Грязная речонка Кувам, вздувшаяся от ливня. Узкие кривые улицы «Черного города», низкие кирпичные дома попеременно с бамбуковыми хижинами. Европейская часть города была хорошо освещена. Ариэль и Шарад слышали гудки автомобилей, звонки трамваев. Над крышами города поднимался купол обсерватории, дворец набоба.

Они пролетели над ботаническим садом. При свете фонарей и вспышках молний можно было различить ореховые и финиковые пальмы, индийские смоковницы, пускающие корни из ветвей, бамбуковые роци, кофейные деревья.

С дорожки сада слышались крики удивления. Тут только Ариэль сообразил, какую неосторожность делает, пролетая над городом. Но он был сам так ошеломлен полетом, что мысли его путались. Временами ему казалось, что все это происходит во сне. Шарад что-то кричал, но Ариэль за шумом дождя и ветра не мог разобрать его слова. Наконец Шарад крикнул ему в ухо:

— Нас видят люди, дада!

Вместо ответа Ариэль круто повернул на запад, к горам. Он чувствовал, что слабеет. Все его тело было покрыто испариной, он тяжело дышал. Но надо улететь как можно дальше от Дандарата, Мадраса.

Гроза проходила, дождь утихал, но ветер дул сильно. Их снова начало относить к океану. Там они могут погибнуть. И Ариэль напрягал последние силы. Шарад крепко держался за Ариэля, который чувствовал на своей спине теплоту тела маленького друга. Спасти его и себя во что бы то ни стало!

Так летели они среди бури и мрака навстречу неведомой судьбе.

Глава седьмая

Боден и Хезлон

Контора адвокатов Боден и Хезлон — Лондон, Сити, Кинг-Вильям-стрит — помещалась возле самой церкви Марии Вулнот.

Из окна конторы можно было видеть в нише статую мадонны, потемневшую от лондонских туманов и копоти, а звон церковных часов заглушал даже шипенье и кашель старинных конторских часов в черном, изъеденном жучком футляре таких огромных размеров, что в нем могли бы поместиться и Боден и Хезлон — сухонькие, бритые старички в старомодных сюртуках, похожие друг на друга, как братья-близнецы.

Тридцать лет они сидели друг против друга за конторками музейного вида, отделенные от клерков стеклянной перегородкой. Через стекло они могли следить за служащими и в то же время говорить о секретных делах фирмы, не опасаясь ушей клерков. Впрочем, говорили они очень мало, понимая друг друга с полуслова.

Прочитав письмо, Боден делал на его уголке таинственный значок и передавал Хезлону. Тот, в свою очередь, прочитывал бумагу, смотрел на иероглиф, кивал головой и писал резолюцию для клерков. Лишь в редких случаях их мнения расходились, но и тогда требовалось всего несколько коротких слов или отрывочных фраз, — чтобы прийти к соглашению.

Это была старая известная фирма, специализировавшаяся на делах о наследствах, завещаниях и опеке и принимавшая только богатых клиентов. Немудрено, что Боден и Хезлон составили себе крупное состояние, размеры которого значительно превышали законные нормы гонорара. Но эта сторона дела оставалась тайной фирмы, сохраняемой в гробсбухах за толстыми стенами несгораемых шкафов.

В это редкое для Лондона солнечное утро мистер Боден, как всегда, первый разбирал корреспонденцию и перебрасывал прочитанные бумаги на конторку своего компаньона.

В уголке плотного голубоватого конверта стоял почтовый штемпель Мадраса. Боден быстро разорвал конверт и углубился в чтение письма, все больше поджимая свои тонкие сухие губы.

Кончив письмо, он включил радио. Голос диктора сообщал биржевые курсы, но Боден не слушал его. Радио было включено только для того, чтобы клерки через стеклянную перегородку не могли услышать ни одного слова из того, что будут говорить Боден и Хезлон. Очевидно, предстояло очень важное совещание, и Хезлон уставился на Бодена своими круглыми, как у филина, выцветшими глазами.



Но диктор напрасно старался: Боден еще ничего не говорил. Он молча перебрал письмо Хезлону, который с большим вниманием прочитал его и устре-

мил свои белесые глаза в глаза компаньона. Так они просидели некоторое время, словно ведя молчаливый разговор.

И в самом деле, за эти минуты ими было много сказано друг другу, вернее — каждый из них думал об одном и том же, освежая в памяти все обстоятельства одного из самых выгодных, но и самых сложных своих дел — дела Гальтона.

Несколько лет назад умер старый клиент Бодена и Хезлона — богатый землевладелец и фабрикант баронет сэр Томас Гальтон. После него остались малолетние дети — Аврелий и его сестра Джейн. По завещанию все огромное недвижимое имущество Томаса Гальтона и львиная доля движимого переходила к его сыну Аврелию; опекунами до совершеннолетия наследников назначались Боден и Хезлон. Для них эта опека была настоящим золотым дном. Они так ловко распорядились имуществом вместе с членами опекунского совета, что из года в год приумножали свое собственное состояние. Но их мысль не могла примириться с тем, что при наступлении совершеннолетия наследников этот источник дохода должен иссякнуть и к Аврелию перейдет хотя и сильно уменьшившееся, но все же еще значительное состояние. В случае смерти Аврелия до достижения им совершеннолетия имущество перешло бы по наследству к его сестре Джейн, а она была старше своего брата, и конец опеки наступил бы еще раньше — по достижении ею совершеннолетия. Поэтому для ловких опекунов самым выгодным выходом было положение, при котором Аврелий продолжал бы жить, но оказался недееспособным и по достижении совершеннолетия. Юридически это было бы возможно в том случае, если бы Аврелий оказался душевнобольным и был признан таковым установленным порядком. К этому и были направлены усилия Бодена и Хезлона. Они уже не раз помещали своих подопечных в дома для умалишенных, где подкупленные ими врачи умело делали из нормальных детей душевнобольных людей. Однако это обходилось недешево. В мадрасской школе Дандарат оказались более покладистые люди, результат же, как было известно Бодену и Хезлону, получался тот же. Мадрасская школа представляла и ту выгоду, что Индия была далеко и потому опекунские власти, с которыми, впрочем, Боден и Хезлон жили в ладу, и, главное, подрастающая Джейн не могли бы следить за судьбой Аврелия. И он в раннем детстве был отвезен самим Боденом в Дандарат. Но так как эта школа официально не существовала, то в опекунских отчетах фигурировала мифическая школа-санаторий для нервнобольных детей. Бланки, подписи и отчеты этой школы фабриковались Дандаратом.



В Дандарате мистер Боден, привезя маленького Аврелия, имел продолжительную беседу с директором школы Пирсом-Бхаравой, дав ему указания: жизнь и физическое здоровье Аврелия Гальтона должны быть сохранены во что бы то ни стало. Что же касается нервной системы и психики, то они должны быть предельно расшатаны. Общеευропейского образования Аврелию ни в каком случае не давать. Умственно не развивать. Никаких практических зна-

ний, никакого знакомства с жизнью. Если не удастся свести с ума, держать его по крайней мере в состоянии инфантилизма — детской стадии развития.

Пирс быстро понял, чего от него требуют, и обещал создать из Аврелия классического идиота. Не так быстро, но все же сговорились и о деньгах.

Вполне удовлетворенный, Боден вернулся в Лондон. Весь отчет компаньону о поездке состоял из двух слов: «Олл райт!» — и Хезлон больше ни о чем не спрашивал.

Пирс два раза в год присылал Бодену и Хезлону официальные отчеты для опекунского совета и неофициальные донесения. Вначале они были очень утешительные. Но затем начали появляться такие фразы: «Ариэль-Аврелий, к сожалению, оказался трудновоспитуемым», — и компаньоны прекрасно понимали, что это значит.

Но они не теряли надежды. На худой конец, если Аврелий и не станет умалишенным, то все же нетрудно будет получить признание его недееспособности. Боден и Хезлон в каждом отчете опекунскому совету писали об умственной отсталости, дефективности своего опекаемого. Когда же он предстанет совершеннолетним детиной с пушком на губах перед врачебной экспертизой, опекунским советом и судом и не в состоянии будет ответить на обычные вопросы: «Какой сегодня день, какого месяца, сколько вам лет, какой вы национальности, вероисповедания» и тому подобное и на каждый вопрос будет неизменно отвечать: «Я не знаю», — его слабоумие будет очевидно для всех. Остальное dokonчат дружеские отношения с судебно-медицинскими экспертами и членами опекунского совета.

Так шли годы. До совершеннолетия Аврелия осталось всего несколько месяцев, когда было получено письмо, заставившее Бодена включить радиорепродуктор.

Пирс сообщал о том, что курс учения в школе Дандарат Аврелием закончен, но он, разумеется, может остаться в ней до совершеннолетия.

Так как «умственное состояние Аврелия-Ариэля Гальтона, к сожалению, оставляло желать лучшего», то он, Пирс, принужден был подвергнуть Ариэля специальному лечению по методу профессора Хайда, «мистеры Боден и Хезлон знают, какой это опытный врач и глубокий ученый. К величайшему пригорбю, даже вмешательство профессора Хайда не оказало заметного действия на умственные способности Ариэля, но опыт все же прошел не безрезультатно: Аврелий неожиданно для всех и самого мистера Хайда получил необычайную и поистине чудесную способность, которой трудно поверить, если не видеть самому: способность подниматься на воздух без всякого аппарата. Этот божественный дар делает Ариэля весьма полезным для тех великих целей, которые ставит себе наша организация».

В черновике Пирс вначале написал «бесценным», но потом поправил на более осторожное: «весьма полезным».

«И если уважаемые мистеры Боден и Хезлон не возражают, то ТО и ООЗ (что значило Теософическое общество и Общество оккультных знаний) готовы немедленно использовать Ариэля для своих целей, разумеется, после того, как он будет признан недееспособным».

Наконец-то усердие диктора пригодилось: придвинувшись к Хезлону, Боден проговорил:

— Не сошел ли Пирс с ума?

— Это случается с теми, которые имеют дело с ненормальными, — ответил Хезлон, кивнув головой.

— Как бы то ни было... — и, не договорив, Боден начал быстро что-то писать на телеграфном бланке. Набросав несколько строк, он передал Хезлону бланк, на котором было написано:

«Никаких шагов до получения наших указаний. Примите все меры охраны.»
Боден, Хезлон».

Хезлон кивнул головой и передал клеркам через форточку телеграмму, написав адрес.

— Пожалуй, одному из нас придется поехать, — сказал Хезлон.

— Да, — отозвался Боден.

И компаньоны уставились друг на друга, обдумывая новую ситуацию.

— Джейн... — после паузы сказал Боден, давая направление мыслей своему компаньону.

— Да, — ответил тот.

И они погрузились в размышление, глубине которого могли бы позавидовать йоги.

Глава восьмая

Камень преткновения

Обсуждая любой вопрос, относящийся к судьбе Аврелия, нельзя было не подумать о Джейн. Она была его сестрой и возможной наследницей. Но главное — она была Джейн. Ее характер доставлял опекунам много огорчений и неприятностей. Для них она была камнем преткновения, вечной заботой. Боден и Хезлон ненавидели ее.

Еще в детстве Джейн отличалась строптивостью и непокорностью. Когда же она подросла, то начала проявлять к опекунам явную недоброжелательность и недоверие. Боден и Хезлон со времени отъезда Аврелия в Индию старались внушить ей, что ее брат — душевнобольной, что он находится на излечении и свидание с ним невозможно, так как это повредило бы ему. Но она упрямо твердила: «Я не верю вам. Где вы его прячете? Я хочу его видеть».

Пока Джейн была под опекой, Боден и Хезлон кое-как справлялись с нею. Но она была старше Аврелия, несколько месяцев назад исполнилось ее совершеннолетие, которое она ознаменовала актом черной неблагодарности по отношению к опекунам: для управления своим имуществом Джейн пригласила злейшего врага и конкурента Бодена и Хезлона — адвоката Джорджа Доталлера, которому выдала полную доверенность на ведение всех своих дел. От Джейн и Доталлера теперь можно было ожидать всяческих каверз и неприятностей.

Еще вчера она допустила бестактный поступок, возмущивший почтенных компаньонов до глубины души: явилась к ним в контору вместе со своим новым советчиком и учинила настоящий скандал, громко требуя — так что могли слышать клерки — указать местопребывание брата и угрожая обратиться к суду.

Боден с возмущением протестовал «против этого грубого вмешательства в их опекунские права».

— В своих действиях мы обязаны давать отчет только опекунскому совету, — сказал он.

— В таком случае я сама обращусь в опекунский совет и заставлю его сообщить, где находится мой брат! — воскликнула девушка и, даже не подав руки, ушла со своим адвокатом.

И Джейн может добиться своего. Она не остановится и перед тем, чтобы поехать в Индию на розыски брата. И вдруг найдет его в роли какого-то летающего человека под антрепризой теософов и оккультистов! Дело пахло скандалом. Нужно во что бы то ни стало задержать ее отъезд, а пока...

Боден оторвал взгляд от глаз своего компаньона и быстро настроил текст новой шифрованной телеграммы Пирсу:

*«Аврелия скрыть в надежном месте. Будьте готовы к приему его сестры.
Боден, Хезлон».*

Пирс знает все обстоятельства. Боден познакомил с ними Пирса, еще когда привозил Аврелия.

В опекунском совете Джейн может получить только адрес вымышленной «школы-санатория для нервнобольных детей». Конечно, она не найдет этой школы. Но если бы дандаратовцы сгруппировались и начали показывать летающего человека, то весть о таком чуде, конечно, разнеслась бы не только по всей Индии, но и по всему миру, и, будучи в Индии, Джейн, наверно, захотела бы увидеть это чудо. Положим, Аврелия она не узнает, он уже совершеннолетний юноша, а видела она его ребенком. Но все же надо исключить всякую возможность их встречи.

Не успел Боден перебросить Хезлону бланк телеграммы, как клерк протянул через форточку руку и положил на стол Бодена только что полученную телеграмму, переданную по радио:

*«Аврелий скрылся. Организуем поиски.
Пирс».*

Вначале Боден даже ничего не понял. Не успел он послать телеграмму с приказом скрыть Аврелия, как получает известие о том, что Аврелий скрылся. Скрыт, быть может. Телеграфная ошибка? Но эта фраза — «организуем поиски» — говорила об ином.

— Улетел-таки! Ротозей! — прошипел Боден и бросил телеграмму с таким отчаянным жестом, что она едва не угодила в лицо Хезлону.

Хезлон прочел, и они снова, как сычи, уставились друг на друга.

Поездка в Индию становится неизбежной. А это не дешево стоит. Вероятно, придется потратить немало денег на поиски Аврелия.

Ни Боден, ни Хезлон не любили расходов, хотя бы и за счет Аврелия. Ведь его счет — их счет. Нельзя ли переложить эти расходы на других? И Боден еще раз сказал:

— Джейн.

— Да, — отозвался Хезлон, мысли которого всегда шли параллельно мыслям Бодена.

Глава девятая

Человеческий муравейник

Мисс Джейн была очень удивлена, когда вечером того же дня к ней явился Боден.

«Очевидно, угроза подействовала», — подумала она, приглашая визитера садиться.

— Мы с вами вчера повздорили, Джейн, — сказал Боден, усаживаясь. — Но вы должны понять меня. Ведь я не один. Если бы я удовлетворил ваше требование и указал адрес Аврелия, мой компаньон мог бы обидеться, считая, что вы не доверяете ему, — о себе я не говорю, — если хотите убедиться, в каких условиях находится ваш брат...

— Мне совершенно безразлично, обидится или не обидится ваш компаньон. Я сестра и имею право знать все о своем брате и видеть его, — возразила Джейн.

— Совершенно так же думаю и я, — примирительно сказал Боден. И, помолчав, воскликнул: — Послушайте, Джейн! Мне очень тяжело, что между нами происходят недоразумения.

— Кто же в этом виноват, мистер Боден?

— Если мы скрывали до сих пор от вас местопребывание вашего брата, то делали это только по настоянию врачей, которые находят, что ваше свидание с братом могло бы вредно отозваться на его здоровье. Для него опасны всякие волнения, даже радостные.

— Я не верю вам.

Боден вздохнул с видом человека, которого незаслуженно оскорбляют.

— Поймите же, что исполнить ваш каприз...

— Каприз? Желание сестры узнать о судьбе своего брата вы называете капризом?

— Но, выполняя ваше желание, я могу причинить вред Аврелию, за которого отвечаю как опекун. Отказывая же вам, возбуждаю ваш гнев и ваши подозрения. От этого страдают доброе имя, честь и гордость нашей компании. Пусть же будет по-вашему. Вы уже совершеннолетняя, и вы сестра Аврелия. Вы можете отвечать за свои поступки. Я укажу вам, где находится Аврелий, но с одним условием. Если вы поедете к нему, я должен буду присутствовать при вашем свидании. К этому меня обязывает мой долг опекуна.

Джейн не хотелось ехать с Боденом, но его предложение упрощало дело: с ним легче и скорее найти брата, и она не возражала.

— Поскольку же эта поездка, — продолжал Боден, — сопряжена с потерей времени и расходами, делается же она для выполнения вашего кап... желания...

— Я и оплачу все расходы, — живо ответила Джейн. — Не только ваши, но и расходы мистера Доталлера, который поедет со мной.

Боден поморщился. Опять этот Доталлер! Но опекун знал Джейн: ее не переспоришь. И он должен был согласиться.

— Заказать билеты на океанский пароход? — спросил он.

— Я закажу сама, и не на пароход. Мы летим на аэроплане.

— Так не терпится? Это будет дорого стоить.

— Мне, а не вам.

Боден подумал. Он побаивался лететь на аэроплане. Но чем скорее они придут в Мадрас, тем лучше. О бегстве или «улете» Аврелия он ничего не сказал. Это было слишком необычайно, невероятно. Возможно, что Пирс в самом деле сошел с ума. Тем более необходимо расследовать все на месте.

— Это будет недешево стоить, — повторил Боден. — Путь не близкий.

— Франция? Швейцария? Италия? — спросила Джейн.

— Индия, — ответил Боден.

— Индия! — с удивлением воскликнула Джейн. — Да, это не близко. — Она немного подумала. — Все равно, тем более. Я зафрахтую пассажирский аэроплан.

После ухода Бодена Джейн глубоко задумалась. Так вот куда Боден и Хезлон отправили ее брата! Это неспроста. Индия! С ее ужасным для европейцев климатом, лихорадками, чумой, холерой, змеями, тиграми... Это почти все, что знала Джейн об Индии.

Она прошла в библиотеку и начала отбирать книги. Ее нетерпение познакомиться с этой страной было так велико, что девушка открывала наугад страницу за страницей и читала. Ее голова наполнялась каким-то сумбуром. Все было так сложно, необычно, непонятно... Смешение рас, смешение племен, языков, наречий, каст, религий... Смуглокожие арийцы, индусы, кофейные дравиды, еще более темные туземцы... Арийские языки — хиндустани, бенгали, маратхи; дравидские — телугу, тамиль, тибето-бирманские... Больше двухсот наречий... Касты — браминов-жрецов, кшатриев-воинов, вайшиев-торговцев, промышленников и шудра-земледельцев, с внутренними кастовыми подразделениями, число которых доходит до 2378... Касты наследственных врачей, кондитеров, садовников, гончаров, звездочетов, скоморохов, акробатов, поэтов, бродяг, плакальчиков, нищих, могильщиков, палачей, собирателей коровьего навоза, барабанщиков... И у всех у них, вероятно, свои костюмы. Какая пестрота!.. «Чистые касты» — кондитеров, продавцов благовоний, продавцов бетеля. Это еще что такое?.. Цирюльников, гончаров... Все они враждуют друг с другом, боятся прикоснуться друг к другу... Каменщики презирают трубочистов, трубочисты — кожевников, кожевники — обдирателей падали. Одно дыхание париев оскверняет на расстоянии 24–38–46 и даже 64 шагов. Самое оскверняющее дыхание у обдирателей падали... Брамины, буддисты, христиане, магометане... Бесконечные секты и религиозные общества... «Тридцать три миллиона богов». Шесть миллионов вдов. Почему так много? Ах вот: вдовы в Индии не имеют права вторично выходить замуж. В том числе сто тысяч вдов моложе десятилетнего возраста и триста тысяч — моложе пятнадцатилетнего... Вдовам бреют головы, ломают стеклянные браслеты на руках и ногах, родственники мужа отбирают драгоценности. Жуткая жизнь полутюрьмы-полутраура... Многие вдовы не выносят и кончают жизнь самоубийством...

О новой Индии, о новых людях, новых женщинах в книгах Джейн ничего не было сказано. У нее получилось жуткое представление об этой стране как об огромном хаотическом копошащемся человеческом муравейнике. И среди трехсот миллионов черных, шафрановых, «кофейных» муравьев где-то затерялся ее брат... Джейн даже вздрогнула и, бросив книги, вызвала по телефону Доталлера.

Глава десятая

Бездомные нищие

Ариэль задыхался. Капли дождя смешивались с каплями пота. Он чувствовал, что не в силах больше лететь с грузом на спине. Надо отдохнуть.

Во мраке ночи под ним чернел лес, возле которого виднелось более светлое пространство, вероятно пески.

Они спустились возле ручья, у баньянового[46] дерева, воздушные корни которого, сползая вдоль ствола, образовали у его подошвы темную сеть спутанных колец. Молодая поросль бамбуков окружала дерево. Это был укромный уголок, где они могли отдохнуть, не опасаясь, что их кто-нибудь увидит.

Тяжело дыша, Ариэль развязал полотенце. Шарад спрыгнул со спины и тотчас упал на землю перед Ариэлем, стараясь обнять его ноги и воздавая божеские почести своему спасителю.

Ариэль грустно улыбнулся и сказал, поднимая мальчика:

— Я не бог, Шарад. Мы оба с тобой бедные, нищие беглецы. Ляжем вот здесь и отдохнем. Мы далеко улетели.

Шарад был немного разочарован объяснением Ариэля. Хорошо иметь другом бога. Но он был слишком утомлен, чтобы раздумывать обо всем этом.

Они забрались в гущу корней, не думая об опасных змеях и насекомых. Ариэль заботливо подостлал под голову Шарада свернутое полотенце, и мальчик тотчас крепко уснул.

Ариэлю, несмотря на всю усталость, не спалось. Он был слишком взволнован.

Ветер разогнал тучи. На небе засверкали крупные звезды. Луна заходила за темный лес. Последние легкие белые облака проходили перед диском луны, словно ночные чары. Откуда-то, быть может из недалекого сада, доносился незнакомый сладко-пряный аромат цветов. Он проникал до самого беспокойного сердца, будя тревогу при мысли о возможной близости людей.

Новый порыв ветра сдернул с земли полосу белого тумана.

И Ариэль, к своему неудовольствию, увидел, что они находятся далеко не в безлюдной местности. За песчаной полосой черной сталью блестела река. Огоньки привязанных у пристани лодок отражались в ней, мерцая, а весь мрак, казалось, теперь сосредоточился в густой листве деревьев на противоположном берегу. Луна скрылась за лесом. И только какая-то большая звезда, быть может планета Юпитер, словно страж ночи, среди множества более мелких звезд, усыпавших небо, наблюдала за спящей землей.

Эта тихая картина действовала успокоительно. У Ариэля начали смежаться веки. Не выпуская из руки теплую руку Шарада, Ариэль задремал, прислонившись к змееобразным корням.

В полусне он представлял себе новые страны, какие-то смутные, неведомые края, где под чистыми небесами дни похожи на взоры широко открытых глаз, а ночи — на робкие тени, дрожащие под опущенными ресницами, где змеи не жалят, а люди не мучают и не убивают друг друга. Или он читал об этом? В книге жизни, а может быть, у бенгалийского поэта? Сон сна...

Что-то закололо глаза. Ариэль открыл их и увидел старое джамболяновое дерево, листва которого была овеейна тонкой вуалью утреннего тумана, и

сквозь него просвечивали красные лучи восходящего солнца. Роса на бамбуковых зарослях сверкала золотом.

Откуда-то слева доносилась песня. Ариэль повернул голову. Между стволами виднелся пруд с каменной лестницей, спускающейся к воде, и окруженный кокосовыми пальмами.

В пруду полный человек совершал утреннее омовение. Он, затыкая уши, делал положенное число погружений. Рядом с ним, вероятно, брамин, боявшийся осквернения даже в очищающей воде, отогнал ладонями с поверхности сор и потом сразу погрузился. Третий не решался даже войти в пруд: он ограничился тем, что намочил полотенце и выжал воду себе на голову. Одни медленно сходили по ступенькам, другие, бормоча утреннюю молитву, бросались в пруд с верхней ступени. Иные растирали на берегу тело, другие меняли купальное белье на свежее, поправляли складки, некоторые собирали на лугу цветы.

В дальнем конце пруда утки ловили водяных улиток и чистили перья.

Ариэль думал, что опустился в джунглях, но оказалось, что вокруг всюду были люди.

Залетали пчелы, слышались птичьи голоса, с реки неслись песни. Шарад продолжал спать.

Ариэль взял из лужи комков глины и начал натирать свое лицо, шею, руки и ноги.

Где-то, быть может в храме, зазвонил гонг. Знакомый звук тотчас разбудил Шарада. Он быстро сел, непонимающими глазами осмотрелся, увидел незнакомую обстановку и улыбающегося юношу шоколадного цвета.

Шарад испугался и хотел уже заплакать.

— Не бойся, Шарад, это ведь я, — ласково сказал Ариэль.

Шарад упал перед ним на землю. Вчера Ариэль летал, сегодня из белого превратился в темнокожего дравиду. Только бог способен на это.

— Встань же, Шарад. Посмотри, я вымазался глиной, чтобы не обращать на себя внимания белым цветом кожи. Помни: мы с тобой нищие, которые ходят по дорогам и просят милостыню.

— Ходят? А почему не летают? Летать так интересно.

— Потому что, если я буду летать, меня поймают, как птицу, и засадят в клетку.

— А ты их самих обрати в птиц или в собак, дада! — воскликнул Шарад.

Ариэль засмеялся, махнул рукой.

— Идем, Шарад.

Они вылезли из своего убежища и поплелись по дороге, изрытой ночным ливнем. В утреннем солнце лужи блестели, как червонное золото.

Вдоль дороги тянулась колючая изгородь, за нею небольшой пруд, покрытый зелеными водяными растениями. Черный бородатый человек стоял по пояс в воде и чистил зубы изглоданным концом ветки. Он равнодушно посмотрел на Ариэля и Шарада и продолжал заниматься своим туалетом.

По дороге прошел высокий кабуливал — житель далеких гор — в широкой хламиде. За его спиной болтался мешок, в руках он держал корзины с виноградом, изюмом, орехами. Он спешил на деревенский базар.

Ариэль и Шарад отошли от дороги, как парии, стали на колени и запели.

Кабуливала поставил одну корзину на землю и бросил в сторону нищих

гроздь винограда. Ариэль и Шарад поклонились до земли. Когда он прошел, Шарад подбежал к виноградной кисти, жадно схватил ее и принес Ариэлю.

Впряженный в скрипучую телегу, медленно прошел буйвол. На его шее сидел голый мальчик с бритой головой и клочком волос на темени. Старик, лежавший в телеге, увидев нищих, бросил Шараду рисовую лепешку.

— Вот мы и сыты, — сказал Ариэль.

Позавтракав, они побрели вдоль дороги. Впереди, в роще гуавовых деревьев, виднелись крытые дерном хижины. Их стены были вымазаны глиной. На лугу перед деревней уже шумел базар. Продавцы фруктов, сыра, остуженной воды, гирлянд из цветов, рыбы, сушеных цветов громко зазывали прохожих, полуголые дети толпились возле продавцов игрушек-свистков из пальмового листа, раскрашенных палочек, деревянных трещоток, стеклянных куколок.

Под деревом баэль сидел сухой, как скелет, в огромной чалме индус и играл на свирели, надув щеки. Из его плоской корзины, качая головами, поднимались змеи.

Толпа на значительном расстоянии окружала заклинателя змей. Худенький мальчик обходил зрителей с деревянной чашкой, и крестьяне бросали мелкие монеты не больше анна.[47] Рупии водились лишь в карманах самых богатых крестьян.

Рядом сидел другой заклинатель змей — толстый мужчина с черной бородой. Играя на длинном, утолщенном к концу фাগоте, он так надувал щеки, что казалось, они вот-вот лопнут.

Женщины в цветных сари, в чадрах, со звенящими браслетами на руках и ногах толпились возле продавцов шарфов и ярких тканей.

— Добрые господа, пожалейте меня! Помогай вам бог! Дайте мне горсточку от вашего изобилия, — просил слепой нищий с деревянной чашкой в руках.

Извивались акробаты, пели нищие, звучали флейты, гремели барабаны, блеяли козы, ревели ослы, кричали дети...

— Чай чури, чай?[48] — нараспев зазывал женщин продавец стеклянных и медных запястий.

У Шарада разгорелись глаза. Он тянул за руку Ариэля к толпе детей, окружавших незамысловатые игрушки. С завистью посмотрел Шарад на маленькую девочку, которая, забыв все на свете, пронзительно свистела в только что купленный красный свисток.

Ариэль также был увлечен зрелищем. После мертвящей тишины и однообразия жизни Дандарата этот ослепительный свет, разноголосый шум, яркие, пестрые краски, движение людей, горячий ветер, треплющий шарфы, полы сари и чадры, флаги, листья деревьев вливали в него незнакомое возбуждение, дурманили голову. Подобно Шараду, он был опьянен открывающейся жизнью.

Заглушая шум, со стороны дороги вдруг послышался резкий звук автомобильного гудка. Пробиваясь через толпу, к базару медленно подъезжала забрызганная грязью машина. В ней сидело несколько сагибов-англичан в белых европейских костюмах.

К Ариэлю вернулась вся его осторожность. Он крепко сжал руку Шарада.

Автомобиль остановился. Два сагиба с фотоаппаратами врезались в толпу, которая почтительно расступилась перед ними, оставляя широкий проход.

Они шли прямо к Ариэлю.

«Погоня!» — с ужасом подумал Ариэль и повлек Шарада к роще. Но не так-то легко было пробиться сквозь густую толпу, а сагибы были уже совсем близко. Они смотрели по сторонам, словно выискивали кого-то.

Ариэль схватил Шарада и взлетел на воздух.

Взрыв адской машины не произвел бы в толпе большего переполоха. Весь базар словно слился, как одно существо, в едином крике удивления и ужаса. Многие попадали на землю, прикрывая голову плащами и руками. Заклинатель змей выронил длинную свирель из рук, и она упала в корзину, змеи зашипели и начали расползаться. Живые лестницы акробатов рассыпались, словно карточные домики. Парикмахер оставил клиента и с ножницами и гребешком прыгнул в пруд. Люди давили и толкали друг друга, опрокидывали корзины, палатки, лезли под телеги. Мальчишки неистово хлопали в ладоши и визжали.

Сагибы стояли с открытыми ртами и окаменелыми лицами.

Когда переполох немного утих, один из сагибов, мистер Линтон, сказал своему спутнику:

— Теперь, мистер, вы не будете отрицать, что левитация существует?

— Поистине Индия — страна чудес, — ответил тот, — если... если только мы не стали жертвой массового гипноза. Как жаль, что мне не удалось сфотографировать полет. Но я был так ошеломлен...

Глава одиннадцатая

Начистоту, или оба хороши

Мистер Линтон послал в мадрасскую газету сообщение о необычайном происшествии, свидетелями которого было несколько человек. Статью напечатали с примечанием от редакции:

«Наш специальный корреспондент побывал на месте происшествия и опросил свидетелей, которые подтвердили факты, приведенные в статье мистера Линтона. По-видимому, мы имеем дело с ловким фокусом или же с новым бескрылым летательным аппаратом. Дальнейшие расследования этого загадочного дела производятся. Личность летающего человека и сопровождающего его мальчика не установлена».

Это сообщение было перепечатано другими газетами и возбудило большой шум и спор. Индусские газеты прогрессивного религиозного общества «Брамо-Самадж» смеялись над легковерными:

«Может ли здравомыслящий человек двадцатого века поверить, что какой-то юноша среди белого дня, на глазах толпы, похищает мальчика, как коршун цыпленка, и улетает с ним?»

Надо сказать, что большинство свидетелей было уверено в похищении юношей ребенка.

Газеты же и журналы браминских консервативных «правоверных» сект использовали эту необычную историю для поднятия религиозного фанатизма. Они писали о великих тайнах йогов, о левитации, о чуде, выдавая неизвестного юношу чуть ли не за новое воплощение божества, явившегося на землю, чтобы укрепить падающую религию и устыдить маловерных.

Английские теософические газеты воздерживались от высказывания своих

мыслей, ожидая директив из лондонского центра. Но редакторы склонялись к тому, что в интересах английского владычества в Индии, пожалуй, выгоднее поддерживать версию о чуде. Поднявшиеся среди индийского населения распри и раздоры во всяком случае были «положительным» явлением: чем больше в народе раздоров и распрей, тем легче управлять им.



Крупный ученый-бенгалиец Рагупати на запрос «Брамо-Самадж» уклонился от прямого ответа: «Ученый может высказывать свое мнение только о тех фактах, которые он сам мог проверить в надлежащих условиях. Могу лишь сказать, что мне никогда не приходилось быть свидетелем левитации и современная наука не имеет даже гипотетических объяснений возможности подобных явлений».

Когда Бхарав-Пирс прочитал заметку о случае на ярмарке, он схватился за голову.

«Это Ариэль и Шарад. Вот куда они улетели!» И Пирс с ужасом думал о скандале, которым разразится Броунлоу.

Гроза не заставила себя ждать.

В тот же день мистер Броунлоу явился к Пирсу. Таким взбешенным Пирс еще никогда не видал главу индийских теософов.

Броунлоу едва не побил Пирса, грозил его выбросить из Дандарата, называл простофилей и ротозеем.

— Вы взяли ответственность на себя. Теперь на себя и пеняйте. Где ваша хваленая цепочка гипноза, которая удерживает Ариэля крепче железной цепи? Что теперь мы скажем Бодену и Хезлону? Что ответим лондонскому центру? Как справимся с шумом, поднятым газетами? Упустить такой козырь из своих рук!

Когда Броунлоу устал кричать и немного успокоился, Пирс сказал:

— Зато теперь мы знаем если не точное местопребывание, то район, в котором находился Ариэль. Он улетел не так далеко, как я ожидал. Очевидно, с грузом Шарада Ариэль не может летать быстро, а Шарада он не оставит. И мы поймем их...

— Поймаем! — прервал его Броунлоу. — Поймаем птиц, улетевших из клетки. Для этого пришлось бы всех ловцов сделать летающими, как Ариэль, а это недопустимо.

— Однако ловят же люди птиц силками-кормушками, — возразил Пирс. — Ариэль и Шарад должны пить и есть. Мы разошлем, если потребуется, сотни людей, пообещаем награду крестьянам, оповестим население. Признаюсь, Ариэль обманул, перехитрил меня. В этом я виноват. Но кто бы мог подумать, что он умеет так артистически притворяться? Моя вина, и я не пожалею своих собственных денег, чтобы исправить эту ошибку. Помогут и Боден и Хезлон. Я уже уведомил их и получил телеграмму, что Боден летит сюда на аэроплане. А когда Ариэль и Шарад снова попадут к нам, нетрудно будет подкупить газеты и свидетелей, и всему будет придан характер шутки, мистификации, газетной утки. Когда же все это забудется...

— Мы начнем демонстрировать Ариэля и заставим вспомнить всю эту историю. Нет, летающий человек потерян для Дандарата. Ариэль и Шарад должны быть пойманы, но только для того, чтобы не стало известно о Дандарате, о том, что представляет наша школа, ее могут закрыть, а нас...

— А нас посадят на скамью подсудимых? До этого, надеюсь, дело не дойдет. Лондон не допустит. Это скомпрометировало бы не только вице-короля Индии, но и правительство метрополии. Какие цели преследует Дандарат? Чью волю мы исполняем? Неужели вы думаете, что я буду молчать обо всем этом, если предстану перед судом?

— Будете.

— Я расскажу все начистоту.

— Вы не сделаете этого. Пирс.

— Сделаю. Мне больше нечего будет терять. И в Лондоне знают об этом. Я открою такие вещи, узнав о которых ахнет весь мир...

— Не забывайте. Пирс, что и за вами водились кое-какие делишки, прежде чем вы нашли приют в Дандарате. Вас избавили от каторги, надеюсь, что вы будете беспрекословным и молчаливым исполнителем.

— Избавили от каторги, чтобы теперь отправить на каторгу за чужие преступления? А вы, вы сами, проповедник всеобщей любви, кротости и милосердия? Вы полагаете, что я не знаю вашей карьеры? Будьте покойны: мною собраны кое-какие справки о вас... Я уже не говорю о вашей многополезной деятельности в Дандарате. Сколько детей похищено у родителей по вашему приказанию? Сколько загублено, изуродовано, сколько покончило самоубийством? У меня все записано. И за все это я должен отвечать? Я один?

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, как два петуха перед новой схваткой.

Но благоразумие восторжествовало. Броунлоу фамильярно хлопнул Пирса по плечу и, насмешливо улыбаясь, сказал:

— Оба хороши! Не будем ссориться. Надо выходить из положения, Бхарава-бабу.

— Давно бы так! — воскликнул Пирс.

— А с Ариэлем нам, по-видимому, лучше всего покончить...

— Прикончить, — уточнил Пирс.

— Когда он попадет в наши руки.

И они начали обсуждать план предстоящих совместных действий.

Глава двенадцатая

«Воздушные зайцы»

Поднявшись над рынком, Ариэль полетел к роцце. В висках стучало. Шарад оттягивал руки и затруднял полет. Чтобы лучше разрезать воздух, Ариэль летел, держась почти горизонтально, прижимая Шарада к груди.

Ариэль старался лететь над лесом, избегая открытых мест. Но лес скоро кончился. Почти до горизонта тянулись поля. Кое-где торчали фабричные трубы.

Ариэль и Шарад видели, как крестьяне, работавшие на полях, поднимали вверх голову и оставались с раскрытыми от удивления ртами, иные падали на землю или убегали. Шарада это очень забавляло. Он высовывал язык, болтал ногами, но Ариэль думал лишь о том, хватит ли у него сил долететь до роцци, которая виднелась вдали.

Вдруг Ариэль услышал позади себя жужжанье гигантского шмеля. Оглянувшись, он увидел приближающийся аэроплан, летевший довольно низко и не очень быстро. Неужели это погоня? Ариэль хотел уже камнем опуститься на землю, но, обдумав, решил, что Пирс не станет гоняться за ним на аэроплане. Да и как бы он поймал его в воздухе? Но пирсовским разведчиком самолет мог быть. А если люди начнут стрелять с самолета?..

Пока Ариэль раздумывал, аэроплан был уже совсем близко. Летчик не мог не заметить Ариэля и Шарада. И Ариэль вдруг решил подняться над самолетом и пропустить его под собой.

Когда аэроплан проходил под ними, Шарад крикнул:
— Дада, опускайся на крыло!

Ариэль за шумом мотора не слышал голоса Шарада, но он и сам решил опуститься на крыло. Здесь лучше всего укрыться от выстрелов, если люди будут стрелять в них. Ускорив полет, Ариэль снизился к поверхности фюзеляжа, не выпуская из рук Шарада.

Только после того как Шарад уцепился за выступ, Ариэль ослабил напряжение своих рук, а потом и сам «мысленно сел» на крыло, отчего аэроплан слегка нырнул. Теперь Ариэль мог отдохнуть. Но из осторожности он еще раз «обезвесил» свое тело, и, летя над Шарадом, связался с ним полотенцем. Теперь они могли лететь «воздушными зайцами».

Шарад был в восторге. Наконец под ним твердая опора. Правда, металлическая поверхность нагрелась от солнца так, что жгла тело, но с этим неудобством можно было примириться. Главное то, что они летели на север к Бенгалии, держа курс вдоль берега Бенгальского залива. Отлично. Они могут далеко улететь, не тратя сил. Вероятно, это почтово-пассажирский аэроплан линии Мадрас-Калькутта.

Ариэля беспокоило одно: что будут делать пассажиры, если заметят его и Шарада? И он был настороже.

Прошло, вероятно, не более получаса, как у края правого крыла, возле кабины показалась голова в пилотском шлеме и очках. Ариэль с волнением следил за головой в шлеме. Не покажется ли рука с револьвером? Но голова скоро скрылась под крылом и не появлялась. Быть может, люди совещались. Летчик, наверное, обратил внимание на толчок и увеличение веса аэроплана.

На горизонте показался маяк, круглый купол обсерватории. Что-то очень знакомое... И вдруг Ариэль вскрикнул: он узнал Мадрас.

У Ариэля не было никакого жизненного опыта, никаких практических знаний. Как жестоко он ошибся! Аэроплан летел не на север, а на юг — в Мадрас. Ну конечно! Ведь океан по левую сторону. И как только он не сообразил! Ариэль схватил ничего не понимающего Шарада и ринулся вниз. К счастью, под ними были густые заросли бамбука и тростника. Оглушенные ревом моторов, они некоторое время не слышали друг друга. И только когда шум в ушах утих, Ариэль объяснил Шараду, почему они так внезапно покинули аэроплан.

— Теперь мы поступим умнее. Дождемся тумана или сумерек и незаметно опустимся на аэроплан, который полетит на север. В другой раз я уже не ошибусь.

Хотелось есть, но ведь в Дандарате они так привыкли голодать! Шарад пожевал молодые побеги тростника. Боясь попасться в руки врагов, они не выходили из своего убежища.

К вечеру небо заволочло тучами. Ночью шел дождь, а к утру поднялся густой туман. И вдруг в тумане послышался гул моторов. Ариэль и Шарад, крепко связавшись полотенцем, поднялись в воздух. Сесть на крыло в тумане было нелегко и небезопасно. Аэроплан едва не сбил их, и когда Ариэль бросился в сторону, полетел вперед. Пришлось, напрягая силы, догонять его. Это, наконец, удалось. Теперь Ариэль осторожно опустился на крыло, и оно дало едва заметный крен. Они летели почти весь день, страдая от жары, жажды и голода, но каждый час, каждая минута уносили их все дальше от ненавистного Дандарата и страшного Пирса.

К вечеру поднялась гроза. Самолет трепало. Он нырял в воздушных ямах, поднимался на гребни воздушных волн. Во время одного сильного порыва Ариэль и Шарад были сброшены с самолета. Догнать аэроплан у Ариэля не хватило сил, и они начали опускаться на землю.

— На этот раз нам удалось улететь далеко, Шарад, — сказал Ариэль.

Глава тринадцатая

Вишну и парии

Еще в воздухе они увидели развалины длинного здания без крыши. Ариэль и Шарад приземлились на груды щебня в одной из комнат этого здания, вспугнув целую тучу летучих мышей, ютившихся по углам. Мыши долго летали, пока, наконец, не успокоились. Беглецы нашли местечко, защищенное от дождя и ветра, обнялись и заснули.

На заре Ариэль поднялся первым, стараясь не разбудить Шарада. Он вылез через пролом в стене и оглянулся.

Солнце еще не всходило. Ключья легкого тумана тянулись над землей, как ночные призраки, вспугнутые первым веянием утра. Растения были покрыты крупными каплями росы. Развалины неуклюжего здания придавали местности унылый вид. Безобразное дерево ашат протянуло свои толстые цепкие корни сквозь зияющие трещины в стене. Среди цветущих кустарников кое-где возвышались обломки этой стены. Два полуразрушенных столба указывали на место бывших ворот. От них к берегу реки шла аллея из деревьев шишу. Под сенью вековых деодаров виднелись бугорки, похожие на могилы. В тумане поблескивал пруд с размытыми берегами. Вода из него вытекала ручейками, а его дно служило ложем для корней кориандра. Запах его цветов наполнял весь сад. За чертою сада начиналось небольшое кукурузное поле, с краю стояла хижина, крытая соломой. Глиняные стены потемнели от ливней.

Заря окрасила туман. Защебетали птицы, ожили вороньи гнезда. Первый луч солнца зажег бриллиантом росинку на листе кустарника. Ариэль засмотрелся на сверкающую точку. Но она вдруг исчезла. Жадное солнце выпило ее. Ариэлю стало грустно. Красота и радость так быстротечны... Присев на камень, он задумался.

Звуки и шорохи пробуждающегося дня мешали сосредоточиться.

Из хижины за кукурузным полем вышел старик в одном дхоти и, напевая, начал свою ежедневную утреннюю работу — он обмазывал свою избу свежей глиной.

Вскоре из хижины вышла девочка-подросток в сизом сари, которое было когда-то голубым. Черные волосы девочки были заплетены в косы. В руках она несла медный таз и котелок. Посуда и запястья на руках и ногах звенели при каждом ее шаге.

И девочка пугливо посматривала в сторону развалин. Это начинало беспокоить Ариэля. Уж не видели ли эти люди, как он спускался с Шарадом?

Девочка подошла к ручью и начала чистить посуду песком.

— Иди ко мне, милый, — услышал Ариэль ласковый голос и вздрогнул. Повернувшись, он увидел сквозь кисею редящего тумана юношу, который стоял по пояс в воде у противоположного берега пруда; на берегу — огромного буйвола с кроткими, покорными глазами. Как бы отвечая на зов юноши, буйвол шумно вздохнул и медленно вошел в пруд, поднимая широкой грудью легкую волну. И юноша начал усердно мыть буйвола, который пофыркивал от удовольствия и медленно качал головой.

Не этот ли юноша и заставлял старика и девушку поглядывать в сторону развалин? Юноша и девушка действительно переглядывались друг с другом,

но не обменивались ни одним словом.

Вымыв буйвола, юноша вывел его из пруда, бросил взгляд на девушку и, хлопывая по лоснящейся коже буйвола, пошел по заросшей травой дорожке. Девушка провожала их взглядом, пока они не скрылись за рощей.

— Дада! Ариэль-дада! Где ты? — послышался голос Шарада. Проснувшись и не найдя возле себя Ариэля, он забеспокоился и выбежал во двор. — Ах, вот где ты, дада! Я есть хочу, дада! Очень!

Ариэль заметил, как девушка-подросток, увидав Шарада, выронила из рук котелок и, бросив посуду, побежала к хижине. Края ее сари развевались, обнажая крепкие смуглые ноги, бились по плечам и спине, а запястья громко брнчали. Старик посмотрел на девушку, потом и он, отряхивая глину с рук, поспешно скрылся в хижине.

— Вот что ты наделал, Шарад, — сказал Ариэль, поднимаясь из-за куста. — Нас заметили.

— Прости, дада, но я так перепугался, когда не увидел тебя возле.

— Что нам теперь делать? Убежать? Улететь?

— Как ты хочешь, — покорно отвечал Шарад. — Но мне очень, очень хочется есть. Еще никогда так не хотелось, даже ноги дрожат. Ведь мы вчера весь день не ели и всю прошлую ночь... Может быть, у них найдется горсточка риса?

«Едва ли в этом глухом месте могли быть сообщения Пирса. И в конце концов всегда можно улететь. Шарад прав. Надо попросить пищи у этих крестьян», — думал Ариэль. Он сам чувствовал голод и слабость. При такой слабости, пожалуй, не улетишь.



Пока он раздумывал, дверь хижины открылась и на пороге появился старик. В руках он держал деревянное блюдо с двумя мисками, а локтем прижимал циновку. Из-за спины выглядывала девушка в новом красном сари, с венком в руках. Торжественно шли они по краю кукурузного поля, направляясь к развалинам, старик — впереди, девушка — следом за ним.

Ариэль и Шарад, держась за руки, молча ожидали, что будет дальше.

Не доходя шагов семидесяти, старик приостановился. Девушка взяла из-под его локтя циновку и разостлала ее на земле, старик поставил на циновку блюдо. Потом они оба поклонились Ариэлю до земли.



— Привет тебе, неведомый посланник неба! Позволь моей внучке коснуться головою твоих ног. Благослови нас. Кто выше людей, того не осквернит близость отверженных. А если мы недостойны твоего благословения, то даруй нам радость принять от нас пищу, которую мы приносим тебе от чистого сердца!

Ариэль не сразу понял, почему старик воздает ему такие почести. А Шарад, не отрывая жадного взгляда от блюда, толкал Ариэля в бок и шептал:

— Пойдем, дала! Я вижу жареный рис и молоко!..

Ариэль пошел к старику. В то же время старик и внучка, пятась, удалялись.

— Благодарю вас, добрые люди, — ответил Ариэль, дойдя до лежащего на земле блюда. — Почему вы отходите от нас? Мы с удовольствием разделим с вами ваш утренний завтрак. Шарад, подними блюдо и циновку. Неси к дому! — И добавил тише: — Но не вздумай есть, пока я не разрешу.

Старик и его внучка остановились, не переставая кланяться. Когда Ариэль и Шарад подошли, девушка, покраснев, дрожащими руками протянула Ариэлю венки и в смущении что-то пробормотала.

Ариэль поклонился, взял из ее рук венки и надел себе на шею.

Когда дошли до хижины, старик с сияющим лицом обошел свое жилище и ввел гостей на небольшую веранду. Стена дома, примыкавшая к веранде, была закопчена пламенем светильен.

Девушка разостлала циновку. Шарад поставил блюда на пол, и все уселись вокруг.

— Принеси сахарной патоки, лучи и еще рису, Лолита, — сказал старик.

Но девушка, словно зачарованная, смотрела на Ариэля, а он глядел в ее большие темно-карие, подведенные сажей глаза.

— Лолита! — повторил старик.

Она вздрогнула и бросилась исполнять приказание.

— Прошу принять пищу из рук недостойного раба!

Шарад не заставил повторить просьбу. Ариэль тоже с аппетитом принялся за еду.

— Жаль, что рис нельзя подкислить, нет сока незрелого манго, — продолжал старик. — На моем участке растут манговые деревья, — и он указал рукой, — но мне уже трудно доставать плоды.

Ариэль посмотрел по направлению руки старика.

— Скажи мне, бабу, как твое имя? — спросил он старика.

— Низмат, — ответил старик, взволнованный тем, что гость назвал его отцом.

— Вблизи нет людей? — спросил Ариэль.

— Только за роццей живет юноша Ишвар со своей слепой матерью.

«Вероятно, это его я и видел, — подумал Ариэль. — Его нечего опасаться. Он добрый. Как ласково обращался он со своим буйволом...»

Ариэль прикинул расстояние до деревьев и сказал:

— Так я сейчас принесу несколько плодов.

И, даже не поднимаясь на ноги, он, как сидел, взлетел на воздух и, когда поднялся выше дома, понесся к деревьям.

Необычайное чувство легкости овладело им.

Впервые летел он под открытым небом без груза. Его вдруг охватил такой восторг, что он готов был петь, кувыркаться в воздухе. Пролетая над старым джамболяновым деревом, он словно нырнул в воздухе, на лету сорвал несколько листьев и бросил их, забавляясь этой игрой. Подлетел к манговому дереву, сделал круг над большими тяжелыми листьями, спустился ниже и, вертикально повиснув в воздухе, начал срывать оранжево-желтые величиной с гусиное яйцо плоды, как будто он стоял на земле и снимал их с ветвей. Набрал несколько плодов, он «ласточкой» вернулся на веранду, вспугнув голубей на крыше и павлина возле веранды.

Низмат лежал распростертым на циновке. Лолита сидела на полу, возле разбросанных мисок, лепешек и деревянных блюд, которые она, очевидно, выронила из рук. Только Шарад с раскрасневшимся лицом и блестящими глазами смеялся и хлопал себя по коленам. Какой переполох произвел его друг! Сам Ариэль был смущен, видя растерянность девушки и изумление старика.

— Простите, я, кажется, напугал вас, — сказал он.

— Свет мой, ласкающий глаза! Свет, улаждающий сердце! Полна твоя радость во мне! О господин всех небес! Ты сделал меня участником твоей славы! О Вишну, воплощавшийся в Раму и Кришну! Не твое ли десятое воплощение удостоились видеть глаза мои, не видевшие радости жизни? — И Низмат, стоя на коленях, протянул Ариэлю руки.

— Я... Нет, нет, Низмат-бабу, я не Вишну! Я простой смертный человек, такой же, как и ты. Я умею только летать. Меня сделали таким без моей воли. Ты же знаешь, что люди летают на аэропланах, и ты не считаешь их богами. Летают и мухи, и стрекозы, и птицы...

Но Ариэль видел, что старик не верит ему, не верит потому, что не хочет отказаться от своей радости видеть божество. Быть может, и не нужно отнимать от старика эту радость.

— Ну, хорошо! Считаю тебя за кого хочешь, но относись ко мне как к простому человеку. Я приказываю тебе это! Садись рядом и ешь со мной. Пусть ест и Лолита. И расскажи мне, как ты живешь.

— Да будет воля твоя! — ответил старик. — Садись, Лолита, — приказал он внучке. — Ешь, и да возвеселится сердце твое!

И Низмат начал рассказывать о себе.

Он принадлежал к последним из париев. Двери храмов были закрыты для него. Он не мог брать воду из общественных колодцев. Должен был сходить с дороги, хотя бы в грязь и болото, на много шагов при встрече с людьми высшей касты или высшей ступени своей касты, чтобы не осквернить их своим

дыханием, даже взглядом. Он всю жизнь голодал со своей семьей. Его старший сын, радость очей его и утешение старости, заболел, когда ему исполнилось двадцать лет. Жена позвала знахаря, и колдун всю ночь прижигал больного раскаленным железом и читал заклинания. Но злой дух, вселившийся в сына, был сильнее, и к утру сын умер. Такова воля бога. От холеры, лихорадок, голода умерли жена, второй сын, его жена и дети. Осталась одна внучка-Лолита. Умер и ее муж.

— Лолита вдова? — с удивлением спросил Ариэль. — Сколько же ей лет?

— Скоро будет пятнадцать. Она вдовеет уже три года.

— Но почему же Лолита не носит белой вдовьей одежды? Почему не сняты ее волосы? Почему на ней стеклянные запястья? Почему родственники мужа не разбили их? — спросил Шарад, который больше Ариэля знал обычаи страны.

— Мы слишком бедны для соблюдения всех обрядов и обычаев, да у покойного мужа Лолиты и не было родственников, — ответил Низмат. — Сосед Ишвар любит Лолиту, — при этих словах девушка опустила глаза и покраснела, — и готов жениться на ней. Но его мать не соглашается на то, чтобы ее сын женился на вдове, как это теперь иногда делают люди, забывающие старые законы. Слепая помнит еще то время, когда вдов сжигали живыми с трупами умерших мужей. Ее самое должны были сжечь, но сагибы не позволили. Но старуха твердо держится старого закона: вдовы не должны вторично выходить замуж. Оттого в нашей стране так много вдов, — вздохнул Низмат. — И род мой угаснет.

Ариэль задумался. Обо всем этом не приходилось слышать в Дандарате. Ариэлю хотелось спросить, а любит ли Лолита Ишвара, но он удержался. Боялся ли он еще больше смутить Лолиту, или же услышать из ее уст утвердительный ответ?..

Чтобы перевести разговор на другую тему, он спросил:

— А какие это развалины?

— Когда-то здесь находилась фабрика индиго, — ответил Низмат. — Ее хозяин, сагиб, человек жестокий, умел превращать в синее индиго кровь своих рабочих. Он одарил местного раджу Раджкумара, и раджа отнял у нас, крестьян, землю и передал сагибу. Лишенные земли крестьяне, чтобы не умереть от голода, принуждены были работать на фабрике, позабыв о кастовых различиях. Я тоже работал на ней. Несколько мусульман, крестьян соседней деревни, тоже лишенных земли, потребовали возвращения отнятых полей, которые засеивались под индиго. Фабрикант-сагиб принимал на работу не только мужчин, но и женщин, и стариков, и детей от семи лет. Рабочие умирали. Умер и сам сагиб. Одни говорят — от лихорадки, другие — от укуса змеи, ходили и такие слухи, что его удушил один мусульманин. Из населения трех деревень остались в живых только я с внучкой да слепая Тара с сыном Ишваром. Пришлие рабочие разошлись. Фабрика развалилась. Теперь кустарники и цветы все больше покрывают развалины. Мать-природа залечивает раны, нанесенные земле. Когда сагиб умер, — продолжал Низмат, — раджа объявил, что возвращает нам землю в аренду. Надо же ему иметь хоть какой-нибудь доход: земли стало много, а крестьян — всего две семьи. Но Тара и я могли взять только маленькие клочки, хотя аренда была и не велика... Если бы объединить наши хозяйства, зажить одной семьей...

Он замолчал. Молчал и Ариэль. Шарад доедал последнюю лепешку. Лолита из-под опущенных век смотрела на Ариэля. Он чувствовал ее взгляд, и это волновало его.

Глава четырнадцатая

И боги могут завидовать людям

Ариэль и Шарад отдыхали после перенесенных волнений. Низмат и Лолита ухаживали за ними; на Ариэля они чуть не молились, Шарад уже называл Лолиту сестрою — диди. К нему скоро вернулась детская жизнерадостность. Низмат полюбил его, как сына, «дарованного ему небом», Лолита баловала, как младшего брата. Шарад нашел семью.

Ариэль задумался о судьбе Шарада и о своей собственной судьбе. Среди этих простых любящих людей он чувствовал бы себя совсем хорошо, если бы к нему относились, как к Шараду. Излишняя почтительность, которая граничила с обожанием и религиозным поклонением, очень стесняла и смущала его. Каждое утро Лолита, склоняясь до земли, подносила ему венки и гирлянды, словно жертвоприношения. Он читал в глазах вдовы-подростка, как в открытой книге: почтение, смешанное с долей страха, — вот что было в ее душе. В этих больших темно-карих глазах с длинными загнутыми черными ресницами он хотел бы видеть более простые, дружеские чувства. Ариэль пытался шутить с нею, показывая всем своим видом и поведением, что он обыкновенный человек, но лицо Лолиты оставалось серьезным, строгим, почтительным, и это огорчало Ариэля.

Он уходил в лес, забирался куда-нибудь в чащу, ложился на траву и думал.

Как странно и печально сложилась его судьба! Он не знал родителей, не видел ни любви, ни дружбы, ни ласки, не имел настоящего детства, ничему не учился, кроме нескольких языков, зубрежки текстов священных книг. И вдруг его сделали летающим человеком. Он может летать свободнее и легче, чем птица! Разве это не прекрасно? Разве об этом не мечтают люди? Не видят себя летающими во сне? Не эти ли мечты и сновидения породили аэропланы, дирижабли? Да, стать летающим человеком было бы очень хорошо, если бы это не отделяло его от людей. Что ждало его в Дандарате? И Пирс и Броунлоу по-прежнему заставляли бы его исполнять их волю, обходились бы с ним как с охотничьим соколом, показывали бы его людям как чудо природы. Здесь простые люди — Низмат, Лолита — принимают его за божество. Да и только ли Низмат и Лолита? А Шарад?.. Быть может, и остальные люди будут так же относиться к нему? Разве он не обладает свойством, которое должно казаться людям сверхчеловеческим, сверхъестественным? Примириться с ролью божества? Но это значит обречь себя на великое одиночество и скуку... Лолита, такая милая, нежная женщина-полуребенок, всегда будет смотреть на него снизу вверх, как на недостижимое существо. Быть может, он и нравится ей, но Лолита, наверное, сочла бы святотатственной мыслью о том, чтобы между ними могли быть иные отношения, кроме «божеского» покровительства с его стороны и преклонения — с ее.

И потом, он не может навсегда остаться жить с ними. Его ищут. Он редкая птица, улетевшая из клетки. Ему нужно менять место, уходить и улетать все дальше. На его несчастье, у него белая кожа, хотя и загоревшая под жгучими

лучами солнца Индии. Он слишком бел для индуса и здесь будет обращать на себя внимание. Красить кожу глиной неприятно и ненадежно: первый дождь смывает такую окраску. Выдать себя за сагиба, разыскать европейский костюм? По-английски он говорит хорошо. Но что скажет о себе людям? Об этом надо подумать. Летать он не будет. Разве только в темные ночи, перед рассветом, когда люди крепко спят. С Шарадом придется расстаться. С ним и летать тяжелее, и узнать их вдвоем могут скорее. Шарад устроен. Его будут лелеять как «дар божества», как ниспосланного небом сына Низмата.

А Лолита?.. Ариэль вздохнул. Пусть она найдет возможное для нее счастье и почти невероятное, редкое счастье для индийской вдовы, — пусть выходит замуж за Ишвара. Он добрый юноша, и она будет с ним счастлива. Ариэль поможет им. Жаль, что мать Ишвара слепа. Она покорила бы «воле божества», если бы увидела Ариэля, спускающегося к ней с неба. Но ей расскажут, и она поверит.

Над головой Ариэля раздался пронзительный крик. Он увидел в густых ветвях деревьев двух белобородых обезьян, одну — большую, другую — поменьше. Большая отнимала у меньшей какой-то плод. Меньшая визжала, большая царапала ее, хватала за уши, за хвост. Меньшая так жалобно кричала, быть может звала на помощь мать, но Ариэль не утерпел и взлетел к обезьянам.

Обезьяны были так поражены, что сразу замолчали. Но когда Ариэль протянул к ним руку, желая разнять, обе кинулись в разные стороны, перепрыгивая с ветки на ветку, с дерева на дерево. И, только удалившись на большое расстояние, закричали, вероятно, сигнал тревоги, на который отозвались другие обезьяны и птицы в разных местах леса. Ариэль грустно улыбнулся: «И обезьяны боятся меня», — и оглянулся. Над его головой был сплошной покров сочных зеленых листьев. Стволы деревьев обвиты вьющимися растениями и переплетены лианами. Кое-где лучи солнца пробивались сквозь листву и золотыми пятнами ложились на землю, поросшую кустарниками и травой. Место глухое. Никто не видит. Но все-таки напрасно он взлетел. Не выдержал.

Лавируя между лианами, Ариэль стал медленно спускаться. Послышался шорох. Ариэль оглянулся и увидел Ишвара. Уронив связку хвороста, юноша пал ниц. Ариэль опустил голову и сказал:

— Встань, Ишвар, не бойся!

Ишвар приподнялся. Лицо его было бледно. Руки дрожали. Бог сошел к нему и назвал по имени! Богам известно все.

— Ты любишь Лолиту, Ишвар?

— Все сердце полно ею, господин, как чаша розовым маслом! — воскликнул Ишвар. — Если эта любовь греховна, прости меня. А если не простишь, отними мою любовь вместе с моей жизнью!

— Я благословляю любовь твою, Ишвар, — ответил Ариэль в том же тоне. — Иди и скажи об этом матери твоей Таре.

— Твои слова наполняют радостью сердце мое, иссохшее от любви. Но пусть доброта и милосердие твое наполнят до краев душу мою. Верни зрение матери моей, чтобы она могла видеть счастливое лицо сына своего!

Ариэль смутился.

— У каждого своя карма, Ишвар, — ответил он и улетел.

А Ишвар долго еще стоял на коленях, глядя на деревья, за которыми скрылся Ариэль... В этот же день Ариэль имел долгую беседу с Низматом. В конце

этой беседы Низмат позвал свою внучку и сказал:

— Наш великий гость, Лолита, благословляет твой брак с Ишваром. Тара должна согласиться. Не может отказать.

Щеки Лолиты покрылись румянцем, а в глазах вспыхнула радость. Она бросилась к ногам Ариэля и «приняла прах от ног его». Ариэль поднял Лолиту. Сколько благодарности было в ее глазах!

— Будь счастлива! — сказал он и улыбнулся. Но улыбка бога была печальною. И боги могут иногда завидовать простым людям!

Глава пятнадцатая

Может ли дорожная пыль мечтать о Солнце?

— Ты очень любишь его, диди? — спросил Шарад Лолиту. Он поливал цветы в горшках, расставленных по карнизу веранды. Лолита сидела над жаровней возле хижины и поворачивала лопаткой в кипящем масле овощи.

— Кого, Шарад?

— Твоего жениха, Ишвара.

Лолита задумалась и не отвечала.

— Что же ты молчишь?

— Я не знаю, Шарад, люблю ли я его, — наконец ответила она.

— Но почему же ты обрадовалась, когда Ариэль сказал, что он поможет свадьбе? Я видел, как у тебя загорелись глаза.

Лолита вновь замолчала. Руки ее заметно дрожали.

— Ты еще маленький, Шарад, и тебе трудно понять. Ишвар хороший юноша. Я знаю, он любит меня, хотя мы не сказали с ним и двух слов.

— Почему?

— Мать не позволяет ему ходить к нам, разговаривать со мною, даже глядеть на меня, чтобы не оскверниться. Но он все-таки смотрит, и я вижу, что любит, хотя и не решается говорить об этом.

— Разве он сам не парий?

— Да, он парий, но его род стоит на ступеньку или две выше нашего... Остаться вдовою на всю жизнь — это очень тяжело, Шарад. И потом дедушка Низмат так печалится, что его род угаснет. И он стареет. Ему уже очень трудно работать. А если Низмат умрет, что будет со мною? Мне останется только броситься в воду, как это делают у нас многие вдовы.

Шарад задумался.

— А Ариэля ты любишь?

— Замолчи, Шарад! — с испугом воскликнула Лолита. Кровь отхлынула от ее щек, брови нахмурились. — Об этом нельзя даже думать!

— Почему? — не унимался Шарад.

— Может ли дорожная пыль, которую все попирают ногами, мечтать о солнце в небе?

— Солнце освещает и цветок лотоса и пыль на дороге, — важно ответил Шарад и плутовато прищурился. — Ариэль совсем не солнце, он простой человек, как и я. Только я не умею летать, а его научили.

Пришел Низмат. Шарад незаметно ускользнул с веранды и побежал в лес. Как ищейка, он кружил по зарослям бамбука, пока не нашел Ариэля, в задум-

чивости лежащего под деревом.

— Я хочу тебе что-то сказать, дада! — И, опустившись возле Ариэля на колени, Шарад рассказал ему о разговоре с Лолитой.

Дандарат научил Ариэля скрывать свои чувства, но все же Шарад заметил, что его рассказ взволновал друга.

— Теперь идем завтракать, дада. Низмат уже пришел с работы.

— Идем, Шарад! — И Ариэль ласково потрепал мальчика по волосам.

Они направились к хижине.

— Старик работает, и Лолита работает, а я валяюсь на траве, — сказал Ариэль Шараду. — Но что с ним поделаешь? Сколько раз я предлагал ему свою помощь, Низмат об этом и слушать не хочет.

Старик встретил Ариэля, как всегда, радостно и почтительно. Теперь Низмат только и мечтал о свадьбе своей внучки. Как он ни беден, а свадьбу надо сделать не хуже, чем у людей. Чтобы были свадебные флейты, песенные причитания в ладе байрави и балдахин на дворе из бамбуковых шестов, увитых гирляндами цветов. Вместо канделябров можно достать побольше свечей. Хорошо бы пригласить духовой оркестр, но это дорого стоит. Гирлянд наделают Лолита и Шарад. И следует поскорее назначить день свадьбы.

— Может быть, отложим до праздника пуджи? — сказал Ариэль.

— Зачем откладывать до осени? — возразил Низмат. — Чем скорее, тем лучше. С Тарой ты еще не говорил, господин?

— Нет... Завтра поговорю, — ответил Ариэль. Он был очень рассеян, почти ничего не ел, зато часто поглядывал на Лолиту, но ее взгляд был упорно прикован к полу.

После завтрака Ариэль вновь ушел в лес. В своих прогулках он все дальше отдалялся от хижины.

Однажды он вышел из лесу и вдруг остановился как вкопанный, пораженный неожиданным зрелищем. Перед ним ослепительно сверкала поверхность большого квадратного озера в рамке из белого камня. На противоположной стороне возвышались белые замки, огромные, как горы, изукрашенные, как чеканные золотые вещи, и легкие, как кружево.

Один замок погружался белой стеной в воды пруда и отражался в них со всеми галереями дивной резной работы, легкими башенками, высокими и низкими, не одинаковой высоты и разного вида, напоминавшими фантастические цветы, с балконами, лоджиями и причудливыми крышами.

В центре здания величественный свод тянулся к маленькой, тоненькой, резной колоколенке удлинненным круглым куполом. Сооружение сверху донизу было покрыто резьбой, арабесками, живым движением прихотливых линий. Все это было похоже на странную фантазию сна.

Когда Ариэль рассказал Низмату о своей находке, тот удивился:

— Вот куда ты зашел, господин! Это дворцы нашего раджи Раджжумара.

С тех пор волшебный вид дворцов притягивал Ариэля, как магнит. Красота архитектуры впервые открылась перед его глазами и глубоко запала в душу.

Он нередко пробирался к заповедным дворцам и сквозь заросли любовался ими, как живыми существами. Иногда до него доносился мягкий звон гонга, голоса людей.

Таинственный и запретный для него мир!

И на этот раз, взволнованный обуревавшими его мыслями, он бессозна-

тельно шел к замкам, отстраняя руками ветви, не слыша разноголосого пения и щебетания птиц и переклички визгливых обезьян.

«Неужели она любит меня? Не Ишвара, а меня?» — думал Ариэль, и его сердце сладко сжималось, а дыхание перехватывало.

Остаться с этими милыми простодушными людьми, жениться на Лолите, обрабатывать землю... Но сможет ли «дорожная пыль» подняться до солнца? А почему бы ей и не подняться силой любви?.. Ишвар будет несчастен. Но он несчастен и так. Тара не соглашалась на его брак с Лолитой, быть может, не согласится и теперь, несмотря на уговоры Ариэля. Слепые недоверчивы. Проклятый дар! Несчастье быть не таким, как все!.. Может быть, ему и удастся убедить Лолиту. А Пирс? Пирс, который не успокоится до тех пор, пока не посадит его на цепь. Этот Пирс, словно зловещая тень, омрачает свет его жизни... Нет, не ему, Ариэлю, обреченному на вечное изгнание, мечтать о личном счастье. Уйти... оставить Лолиту...

Щебетание птиц казалось ему брэнчанием запястий на смуглых руках и ногах Лолиты, солнечные блики — сверканием ее глаз, ароматное дуновение — ее дыханием... Лолита словно растворилась во всей природе, окружала, обволакивала, обнимала его, как воздух. У него кружилась голова...

Глава шестнадцатая

Опять в неволе

Незаметно для себя Ариэль свернул в сторону, вышел к берегу озера и пошел по дороге к замкам, не замечая на этот раз их ослепительного великолепия.

Истерический женский крик вывел его из задумчивости.

Ариэль остановился и оглянулся.

Слева от него тянулась низкая каменная ограда, отделявшая сад раджи от дороги. Полуголый темнокожий человек мел дорогу. За оградой в саду виднелся колодец. Возле колодца стояла женщина из «правоверных» в зеленом шелковом сари. Она с ужасом наклонялась над колодцем, рвала на себе всклокоченные волосы и неистово кричала:

— Мой сын! Мой сын! Спасите! Он упал в колодец!

Метельщик бросил метлу, перескочил через забор и побежал к колодцу, чтобы вытащить упавшего.

Но женщина, увидав метельщика, бросилась навстречу, как разъяренная львица, широко раскинув руки.

— Не смей! — закричала она. — Не подходи! Твое дыхание оскверняет!

— Но ты звала на помощь, — возразил растерявшийся метельщик и остановился.

— Пусть лучше мой сын захлебнется, умрет, чем будет осквернен твоим прикосновением! — фанатично воскликнула она.

Полуголый мужчина, парий, принадлежавший к роду наследственных метельщиков, опустив голову, как побитая собака, поплелся к забору, перескочил его и вновь взялся за метлу, нервно подергивая головой.

А женщина снова закричала:

— Спасите! Спасите!

От замка бежали слуги. Но все они тоже были парии. Видя, как встретила

женщина метельщика, слуги останавливались на установленном обычае расстоянии, не зная, что делать. Некоторые из них побежали обратно к замку, быть может догадавшись позвать на помощь кого-нибудь из высшей расы.

Женщина охрипла, перестала кричать. Теперь она — с неммым ужасом смотрела в колодец. Настало жуткое молчание.

И вдруг Ариэль услышал заглушенный детский жалобный плач, похожий на бляение козленка.

Забыв обо всем, он рванулся вверх, описал дугу от дороги к колодцу и, замедлив полет, начал опускаться в него. Зрители вскрикнули и окаменели, мать ребенка упала на землю возле колодца.

Ариэля охватила прохлада. Колодец был глубокий. После яркого солнца Ариэль ничего не видел. Но скоро на дне заблестела вода и в ней черное пятнышко. Ребенок, наверное, барахтался: от черной точки расходились блестящие круги. Что-то задело Ариэля за руку. Это была веревка.

Опустившись на дно, Ариэль увидел, что к веревке привязано ведро. Оно плавало боком и уже наполовину наполнялось водою, а в ведре — мальчик лет трех-четырёх. При каждом движении ведро наполнялось все больше. Еще минута — и ребенок потонул бы.

Ариэль схватил ребенка и начал медленно подниматься. Вода стекала с ребенка и струями падала вниз. На каменных позеленевших стенах колодца виднелись крупные капли влаги.

Яркий свет и тепло охватили голову и плечи Ариэля. Он зажмурился, потом, прищурившись, приоткрыл глаза, чтобы наметить место, куда положить спасенного ребенка, снова закрыл глаза, перемахнул через край колодца и подлетел к женщине. Кто-то вырвал младенца из его рук. В то же время он почувствовал, как несколько рук схватило его.

Ариэль широко открыл глаза и увидел людей, одетых в богатые шелковые ткани, расшитые золотыми узорами. Радугой блеснул большой алмаз на чьей-то малиновой одежде.

— Отвяжите веревку от ведра, — повелительно сказал человек с алмазом.

Несколько слуг бросились к колодцу, подняли ведро, отвязали веревку.

Ариэль был передан в руки слуг. Они крепко вязали его, причем люди в богатых одеждах отошли от них подальше, чтобы не оскверниться.

— Ведите его во дворец! — продолжал командовать человек с алмазом.

И прежде чем изумленный Ариэль успел произнести слово, его повели ко дворцу связанным и окруженным плотным кольцом слуг, которые держали конец веревки.

«Не улететь!» — подумал Ариэль.

Он слышал, как мать спасенного ребенка сказала подбежавшей старой женщине:

— Дамини! Возьми Аната и отнеси ко мне в зенан![49] Я не могу прикасаться к нему. Быть может, он осквернен.

Глава семнадцатая

Яблоко раздора

— Когда же мы пойдем наконец в школу-санаторий, мистер Боден? Вот уже шесть дней, как мы в Мадрасе, а я еще ничего не знаю о судьбе брата.

— Терпение, Джейн, — ответил Боден, запивая бифштекс портером. Где бы ни находился англичанин, на его столе должны быть любимые английские блюда и напитки. — Я уже говорил вам, что в школе карантин. Эта проклятая страна не выходит из эпидемий. Того и гляди самхватишь что-нибудь вроде тропической лихорадки, если не хуже. Здесь зараза преследует человека на каждом шагу. Лакей может преподнести вам на хорошо сервированном столе холеру, газетчик-туземец передаст со свежим номером газеты чуму.

— Разве не грызуны и их насекомые переносят чуму? — спросила Джейн, кое-что вычитавшая об Индии из своих книг, и отодвинула тарелку с недоуменной рыбой.

— Самая страшная — легочная чума — передается через предметы. Разве это вам не известно? Вот почему я рекомендую вам не выходить из дому и не читать газет.

— Я и так словно в одиночном заключении, — со вздохом сказала Джейн. — Приехать в Индию и не видеть ничего, кроме этих крыш. — Джейн махнула рукой в сторону «Черного города» — квартала туземцев, беспорядочно раскинувшегося за речонкой Кувам.

Они сидели на плоской крыше восьмиэтажного отеля, оборудованного с европейским комфортом. Полосатый, оранжевый с зеленым тент защищал от палящих лучей солнца. Между столами стояли пальмы в кадках и вазы с цветами. На столах шумели электрические вентиляторы. В мельхиоровых ведерках — прохладительные напитки во льду.

Отель стоял недалеко от речки. Из окон своего номера Джейн наблюдала красочную жизнь «Черного города». На узких извилистых улицах двигались толпы темных, шоколадных, шафрановых людей в пестрых костюмах, и Джейн, вспоминая прочитанные книги, старалась определить, к какой расе принадлежат эти люди. Двигались ослы, буйволы, лошади, скрипели телеги, бегали собаки. Пронзительно кричали продавцы льда, лимонада, цветочных гирлянд. Свистели флейты, глухо трещал барабан, протяжно пели нищие, саниасы — «святые» — нараспев декламировали священные гимны, собирая слушателей; всюду с обезьяньей увертливостью шныряли полуголые дети.

Накаленные солнцем плоские крыши были пусты. Когда же солнце заходило, воздух становился немного прохладнее, небо загоралось крупными звездами и всходила луна, какая-то особенная, индийская луна, заливающая весь мир фантастическим зеленоватым светом и угольно-черными тенями, — улицы пустели, зато плоские крыши все больше покрывались людьми, выходящими подышать вечерней и ночной прохладой. Они приносили сюда циновки, подушки, блюда с едой, и начиналась оживленная беседа. От крыши к крыше крикливые голоса передавали последние новости — о смертях, болезнях, рожденьях, свадьбах и сватовстве, о семейных ссорах, покупках и хозяйственных потерях. По этому беспроволочному телеграфу все события дня скоро делались достоянием «Черного города».

Если бы Джейн знала местные языки, она услышала бы интересные разговоры и о летающем человеке, который волновал все умы. Но Джейн все это представлялось только «крикливой тарабарщиной», которая лишь действовала ей на нервы.

Нередко, даже слишком часто, по улицам двигались похоронные процессии. Пронзительные звуки флейты надрывали душу. Трупы несли за город, чтобы предать их сожжению. Женщины в белых траурных одеяниях рыдали.

В этом «Черном городе» умирали едва ли не чаще, чем рождались.

Джейн спешила отойти от окна, чтобы не видеть этой обильной жатвы смерти.

Не мудрено, что Бодену удалось запугать девушку. Со времени приезда в Мадрас она посетила только ботанический сад, который поразил ее роскошью тропической растительности. На обратном пути ей привелось увидеть слона, покрытого попоной, с сидящим на нем проводником.

«Но, может быть, этот слон из цирка?» — подумала девушка.

— И Доталлер где-то все время пропадает, — сказала она, рассеянно очищая банан. Она питалась почти исключительно бананами и яйцами, считая их наиболее защищенными от заразы.

— Мистер Доталлер, как и я, не сидит сложа руки, — возразил Боден, перешедший уже к любимым коктейлям и ликерам. — Мы скоро надеемся сообщить вам хорошие новости...

Боден и Доталлер действительно не сидели сложа руки. По крайней мере их головы усиленно работали.

В пути они смотрели друг на друга как враги, и каждый старался изучить характер и слабые стороны другого. Их цели расходились: Бодену было выгодно, чтобы Аврелий сделался ненормальным, но продолжал жить как можно дольше; Доталлера больше устраивала смерть Аврелия, так как в таком случае имущество покойного перешло бы к Джейн. От Джейн же Доталлер имел полную доверенность на ведение дел. Пользуясь ее житейской неопытностью, он мог безнаказанно перекладывать ее капитал в свой карман.

Боден подолгу задумывался, — в дороге перед ним не было привычных совиных глаз компаньона, — и это делало его менее решительным.

Как поступить? Открыть Джейн глаза на поведение Доталлера или же заключить с ним союз? Беда была в том, что Джейн настолько не доверяла Бодену и Хезлону, что и поссорься она с Доталлером — все равно управление своим имуществом она бы не передала почтенным компаньонам. Но чем заинтересовать Доталлера? Заключить тройственный союз Боден-Хезлон-Доталлер и делить барыши на три части? Но имущество Аврелия было гораздо больше, чем его сестры. Для Бодена и Хезлона такой тройственный союз был невыгоден. Тут надо придумать какую-то иную комбинацию. Как не хватало здесь Бодену глаз Хезлона!

Боден все же начал нащупывать почву для соглашения. Доталлер держался уклончиво. В Мадрасе же он повел самостоятельную линию.

Пирс, с которым Боден виделся без ведома Джейн каждый день, однажды сказал Бодену, что Доталлер уже делал кое-какие намеки Пирсу: если Аврелий будет найден и умрет, то Пирс получит большую сумму. Этот мошенник Пирс, в свою очередь, намекнул Бодену, что останется ли в живых Ариэль или умрет, это будет зависеть от условий, кто больше даст Пирсу — Боден или До-

таллер.

— Прежде всего надо найти Ариэля, — сказал Пирсу Боден.

— И что тогда вы намерены с ним делать? — спросил Пирс.

— Судебным порядком признать его недееспособным, как психически больного, и держать у себя в Лондоне под крепкими замками. Не забывайте, что я его опекун! — раздраженно ответил Боден.

Этот ответ не понравился двуликому Янусу — Пирсу-Бхараве. Летающий человек — ценнейшее приобретение для Теософического общества, а значит, и лично для Пирса, и упустить его из рук, так же как и убить, невыгодно. Но лучше убить, чем упустить.

Пирс не сказал об этом Бодену, а в душе решил, что все-таки лучше, когда наступит время, сторговаться с Боденом: пусть Боден, добившись пожизненной опеки над Ариэлем, распоряжается его имуществом, Ариэля же можно будет предоставить теософам, хотя бы даже за большое вознаграждение, — лондонский центр пойдет на это.

Но прежде всего надо разыскать Ариэля. Пирсу было известно, что Ариэль и Шарад летели на крыле самолета, направлявшегося в Мадрас, и невдалеке от города оставили самолет. Дальше следы беглецов терялись.

— Во всяком случае, они должны находиться где-то в окрестностях Мадраса, — сказал Пирс. — Голод заставит их прийти к людям. Мои агенты разосланы во все селения.

— Но Ариэль может улететь, — возразил Боден.

— С Шарадом он, во всяком случае, далеко не улетит, а Шарада не оставит, — уверенно заявил Пирс.

Ни тот, ни другой еще не знали, что Ариэль и Шарад улетели с обратным рейсом самолета на северо-восток — в Бенгалию.

— Теперь последний вопрос, — сказал Боден. — Вам, Пирс, все-таки надо поговорить с мисс Гальтон. Не могу же я повести ее в несуществующую школу-санаторий. Вы должны изображать собой директора этого мифического санатория. — И Боден объяснил Пирсу, как тот должен держать себя и о чем говорить с Джейн.

Свидание Пирса с Джейн Гальтон состоялось в тот же день.

В европейском костюме и больших черепаховых очках Пирс имел солидный, внушающий доверие вид.

Он извинился, что не мог посетить ее раньше. В школе был карантин. Пирс выразил сожаление по поводу печальной судьбы ее душевнобольного брата. Школа-санаторий сделала все возможное, чтобы вернуть Аврелию душевное здоровье, лучшие психиатры лечили его, но болезнь оказалась слишком упорной. Во время одного из рецидивов Аврелий убежал, несмотря на строжайший надзор. Ведь эти душевнобольные обладают необычайной хитростью, смелостью и находчивостью. Он проник на одну из крыш, с крыши перепрыгнул на дерево и убежал. Но пусть она не беспокоится. Его поймают. Все меры к этому приняты.

Джейн хотела подробно расспросить Пирса о характере заболевания Аврелия, но в это время неожиданно явился Доталлер, где-то пропадавший трое суток. Вид он имел усталый и был взволнован. Он даже не побрился и не переменил дорожного костюма.

— Аврелий найден! — не здороваясь, воскликнул он и бросился в кресло.

— Где? Как? — слышались вопросы.

— Смертельно устал. Дайте мне, пожалуйста, напиться!

Джейн подала ему стакан с водой.

— Благодарю вас. Вот как я разыскал его: только мы прилетели в Мадрас, в первый же день я обратился к одному своему коллеге, адвокату Вултону, который уже двадцать лет живет в Индии и знает ее как свою ладонь. У него огромные связи. Я просил его, если он узнает что-нибудь новое о летающем человеке, немедленно сообщить мне.

— О летающем человеке? — с удивлением спросила Джейн.

— Да, об Аврелии. Это его мания, разве вам не говорили? Он воображает, что может летать... И вот три дня назад мистер Вултон вызвал меня к себе и сообщил, что у него был один клиент из Удайпуры. Клиенту довелось слышать от знакомого, посетившего местного раджу, что у этого раджи появился летающий человек. Других подробностей я не узнал, но один конец нити был у меня в руках.

— Почему же вы не сказали нам об этом? — с неудовольствием спросил Боден.

— Нельзя было терять ни минуты, вы сами должны понимать, — сердито возразил Доталлер.

— Надо было телеграфировать с дороги. Мы бы помогли, — волновался Боден, но Доталлер оставил его замечание без ответа и продолжал:

— Прямо от Вултона я поехал на аэродром и полетел в Калькутту, оттуда в Удайпуру, там разыскал знакомого Вултона, узнал от него, где находится резиденция этого раджи, и направился к нему. Раджа Раджкумар, говорят, типичный восточный деспот и самодур, не изволил меня принять. Тогда мне удалось подкупить кое-кого из слуг и узнать, что летающий человек действительно находится во дворце раджи. Как он попал туда, мне не сказали. Говорят, раджу летающий человек очень забавляет. Узнав все это, я тотчас отправился в обратный путь и, как видите, немедленно явился к вам, чтобы сообщить о моей находке. В чем же вы можете упрекнуть меня, мистер Боден?

— Вернулись вы лишь потому, что раджа не принял вас и вам понадобилась наша помощь, — желчно заметил Боден.

— Хотя бы и так, что же в этом плохого? — возразил Доталлер. — Если бы раджа принял меня и отдал мне Аврелия, мы вернулись бы вместе с ним, только и всего.

Боден не считал нужным продолжить спор с Доталлером. Но и для Бодена и для Пирса было ясно, что Доталлер пытался захватить все нити в свои руки. К счастью, Доталлеру это не удалось.

Доталлер, однако, рассказал далеко не все, что он узнал, видел и делал.

Ему действительно удалось узнать, где находится Аврелий. Узнал он и о том, при каких обстоятельствах Аврелий попал во дворец раджи, хотя и не поверил, что Аврелий может летать. С самим раджей ловкий адвокат и не пытался встретиться. У него была другая цель. Доталлер познакомился со слугами раджи из самых низших и наиболее презираемых. Адвокат рассчитывал, что среди них найдет подходящий для своей цели материал. Он хотел подкупить их, чтобы они убили Аврелия. Но слуги оказались настолько запуганными, что предложение сагиба привело их в неопишуемый ужас. Сагибы всегда выходят сухими из воды, а туземцев-слуг ждут ужаснейшие пытки, если ра-

джа узнает об их предательстве и преступлении.

«Если бы мне предложили золотой слиток величиною с этот дворец, уходящий вершинами в небо, я и тогда не согласился бы», — ответил Доталлеру седобородый старик садовник. В таком духе ответили и другие слуги.

Доталлер сразу понял, что с этими людьми не сговоришься. Больше того: боясь ответственности, они могли донести радже о замыслах сагиба. Долго оставаться во владениях раджи при таких обстоятельствах было опасно.

Добиться аудиенции у раджи Доталлеру было нетрудно: как все местные князьки, он охотно принимал у себя сагибов. Но отпустит ли раджа Аврелия? Это еще вопрос. Все слуги утверждали, что раджа очень дорожит летающим человеком. И если раджа и отпустит, что выиграет Доталлер? Не мог же Доталлер, получив Аврелия, сам убить его. Адвокат был слишком осторожен, чтобы стать непосредственным участником убийства. Если же Аврелий погибнет во дворце раджи, Доталлер останется в стороне. Иное дело, если Аврелий бесследно исчезнет после того, как раджа передаст его в руки Доталлера. Конечно, Доталлер может сослаться на бегство Аврелия и последующую случайную гибель его. Но Доталлер недаром был адвокатом. Он знал из своей практики защитника, как малейшая оплошность, непредусмотрительность приводит преступника к роковым последствиям и как иногда, через несколько лет, открываются преступления, казалось бы, совсем позабытые. Нет, не дело джентльмена пачкать свои руки в крови. Пусть это делают другие, управляемые умелыми руками!

В конце концов можно помириться с тем, что Аврелий останется в живых. Главное — вырвать его из рук Бодена и Пирса. Аврелий скоро будет совершеннолетним. Доталлер, используя Джейн, примет меры к тому, чтобы суд признал Аврелия нормальным. Опека будет упразднена. Юноша поселится с Джейн и, конечно, как и его сестра, выдаст ему, Доталлеру, доверенность на ведение всех дел.

И Доталлер составил новый план. Если к радже приедут сестра Аврелия, его опекун и Доталлер и заявят свои права на Аврелия, упомянув при этом, что Аврелий сын лорда и крупного капиталиста, раджа вынужден будет уступить. Джейн не захочет больше расставаться со своим братом. Все будет в порядке.

— Я уже сказал, — продолжал после небольшого общего молчания Доталлер, — что раджа деспот и самодур. Но если к нему явитесь вы, мисс Джейн, и вы, мистер Боден...

— А я о чем говорил? — не выдержал Боден. — Без нас не обошлось!

— И я говорю о том же. Вы, кажется, хотите ссориться, мистер Боден?

— Я тоже должен ехать, — заявил Пирс.

— Ваша поездка не необходима, как мне кажется, — поморщившись, возразил Доталлер.

— Крайне необходима, — настаивал Пирс. — Как директор школы-санатория, где Аврелий Гальтон находился на излечении, я могу засвидетельствовать радже, что юноша невменяем и потому должен находиться в условиях особого режима.

Боден, оценивая положение, при котором Доталлер в настоящий момент является наиболее опасным соперником, решил иметь при себе лишнего союзника и поддержал Пирса. Джейн не возражала, и Доталлер принужден был согласиться.

Решили, не теряя времени, вылететь в тот же день.

Доталлер взял на себя роль путеводителя. Без особых приключений добрались они до сказочных дворцов раджи.

Глава восемнадцатая

Неудачные поиски

Наконец-то Джейн увидела настоящую Индию. Несмотря на свою взволнованность предстоящим свиданием с больным братом, которого она не видела много лет, девушка была захвачена красотой дворцов и парков. Как нарочно, перед главным дворцом провели слонов, богато украшенных вышитыми золотом попонами! Эти-то уж были настоящими, не из цирка!

Раджа очень любезно принял гостей в европейски обставленном кабинете и в европейском костюме, чем разочаровал Джейн. Ее интересовало, каким образом они будут изъясняться с раджей. Но оказалось, что раджа прекрасно говорит по-английски. И все же это был типичный восточный человек. Бело-снежный пластрон крахмальной рубашки только оттенял смуглость его кожи. Лицом раджа напоминал Джейн Отелло.

Боден кратко изложил цель их визита.

По мере того как Боден говорил, лицо раджи все более выражало растерянность.

— Я очень огорчен, — сказал он, когда Боден закончил свою речь, — что лишен удовольствия выполнить вашу просьбу: Аврелий Гальтон, как вы называете чудесного юношу, действительно находился у меня, но теперь его нет... И я... ничего не могу больше прибавить к этому. Ваш Аврелий исчез.



Все были ошеломлены таким неожиданным известием. Джейн, Боден, Пирс и Доталлер наперебой задавали вопросы, но раджа, нервно теребя курчавую бороду, твердил одно:

— Ничего не могу прибавить к тому, что сказал. Слуги заявили мне, что юноша исчез прошлой ночью, и больше о нем я ничего не слышал... Не хотите ли чаю? Вы, вероятно, устали с дороги? Нет? Так, может быть, вы пожелаете осмотреть мои алмазы?

— Сэр! — воскликнул Боден. — Вы, позволю себе думать, вполне понимаете всю ответственность...

Он не договорил. Маска фальшивой европейской любезности мигом исчезла с лица раджи. Глаза его так сверкнули, что Боден поперхнулся и побледнел.

— Позволю себе думать, что вы также понимаете всю ответственность ваших слов, сэр! — прервал он Бодена. — Я считал бы для себя крайне оскорбительной одну вашу мысль о том, что я, — он сделал особое ударение на слове «я», — говорю нечто не совсем соответствующее действительности.

Все поняли, что разговор окончен и больше они ничего от раджи не добьются. Расставание было гораздо более холодным и натянутым, чем встреча.

Спускаясь по мраморной лестнице, утопавшей в коврах и цветах, Боден тихо сказал Джейн, чтобы утешить ее и себя:

— Не печальтесь, Джейн, Аврелий, очевидно, совершил очередной побег. Это, конечно, очень печально, но мы все же не сегодня-завтра найдем его. Далеко он не уле... не убежал.

Джейн вздохнула.

— Раджа не хочет расстаться с летающим человеком. Он, наверно, скрывает его у себя, — сказал Пирс Доталлеру, когда они уже шли парком вдоль невысокой каменной ограды. — Но мы поднимем на ноги всех, если потребуется, дойдем до вице-короля и добьемся обыска во дворце и выдачи Аврелия.

Доталлер думал о чем-то своем. Пирс шел молча впереди всех.

До слуха Пирса вдруг донесся голос из-за ограды. Несколько слов, произнесенных на языке хиндустани, заставили его остановиться и прислушаться к разговору.

Посредине улицы стоял метельщик, возле него — худой старик и девушка-подросток.

— Пусть в следующем рождении я буду последним гадом, если я вру! — воскликнул метельщик, видимо возмущенный недоверием. — Я говорю со слов человека, который сам, своими руками, связал летающего человека, перед тем как его бросили по приказу раджи в бездонный колодец.

Старик махнул рукой и, болезненно сморщив лицо, глухо промолвил:

— Все кончено. Пойдем, Лолита!

Но девушка не двигалась. Она безумными глазами посмотрела на старика, потом твердо сказала:

— Он не может умереть!.. Он сказал: «Жди меня, Лолита», — и я буду ожидать его...

— Что же вы, мистер Пирс? — воскликнул Доталлер, подходя к Пирсу. Но, взглянув на его побледневшее лицо, он с тревогой произнес, понижая голос: — Что случилось?

— Ничего, ничего... Сердечный припадок. У меня это бывает... Сейчас пройдет.

Доталлер смотрел на него недоверчиво.

Вечером, когда к подъезду гостиницы уже был подан автомобиль, Пирс решил, что ему незачем более скрывать тайну. Он сказал Бодену:

— Мистер Боден! Нам больше не о чем спорить. Ариэля-Аврелия Гальтона нет в живых. Он убит по приказу раджи.

И Пирс рассказал об услышанном им разговоре.

За стеной вдруг раздался громкий крик. О, эти предательские тонкие стены индийских провинциальных гостиниц!

Пирс и Боден застали Джейн в слезах.

На шум прибежал Доталлер. Узнав о случившемся, он едва сдержал радость. Все обернулось самым лучшим для него образом!

Глава девятнадцатая

Владыка разгневан

Анат, которого Ариэль вытащил из колодца, был сыном человека с алмазом — Мохиты, первого советника и любимца раджи.

Быть любимцем раджи очень выгодно. Раджа Раджкумар обладал сокровищами, общую сумму которых он даже сам хорошо не знал. Немногие европейцы знают, что некоторые индийские раджи являются первыми богачами мира, по сравнению с которыми прославленные миллиардеры — Ротшильды, Морганы, Рокфеллеры, Вандербильды — сравнительно бедные люди. Веками, из поколения в поколение, раджи приумножали свое богатство, заключающееся главным образом в драгоценных камнях и золоте.

Обо всех этих богатствах мало известно лишь потому, что раджам нет нужды продавать свои алмазы, а если и была бы нужда, то это не всегда и возможно: на мировой бирже немного покупателей на такие камни, как «Великий Могол» или «Регент». Их недвижимое имущество — дворцы, поместья — также велики. Но они не могут равняться по ценности с этими горами бриллиантов и алмазов.

Не мудрено, что раджи могут награждать своих любимцев так, как никогда не могли награждать своих фаворитов могущественнейшие и богатейшие короли Европы.

Но благоволение и любовь раджи надо заслужить угождениями. Как все люди, проводящие праздную жизнь в замкнутом мире, как писал Вольтер — «в мире без горизонтов», раджа боялся больше всего скуки, хотя и имел неплохое образование, прекрасно владел английским языком. Его жена, Шьяма, говорила по-французски, как парижанка. Вместе с ней раджа несколько раз посещал Европу — Лондон, Париж, Берлин. Но фраки и смокинги после свободной и легкой национальной одежды, театры и рауты, европейская кухня, весь уклад жизни были для него стеснительными, развлечения — чуждыми. И он торопил с отъездом жену.

Дома, совершив обряд очищения, сбросив стеснительные одежды, Раджкумар вздыхал с облегчением и чувствовал себя счастливым. В легком шелковом халате он часами лежал на тахте. Мальчик-слуга обведал его пальмовым веером. Раджа брал купленные в Европе книги и журналы, выбирал роман «полегче» и углублялся в чтение.

Европейцем можно быть и в Индии!

Он был в своем роде «просвещенный абсолютист». Принадлежал к религиозному обществу «Брамо-Самадж», не поклонялся идолам, не слишком усердно выполнял обременительные религиозные обряды, ел дичь, приготовленную поваром-мусульманином, следил за книжными новинками, читал философские книги, одинаково соглашаясь и с Руссо и с Ницше. Любил общество сагибов и дружил с ними.

Провалявшись два-три дня с новой книгой, он вдруг начинал чувствовать, что змея скуки вновь заползает в его сердце.

И тут на сцену появлялся Мохита, до тонкости изучивший своего владыку.

— Что нового, Мохита? — спрашивал раджа, небрежно бросая книгу на ковер.

Мохита «брал прах от ног владыки», в высокопарных выражениях приветствовал его и коротко докладывал о хозяйственных делах, о новых договорах, заключенных с сагибами и крестьянами, о поступлении арендной платы, о взысканиях с неисправных должников.

Но сегодня раджа рассеянно слушал его и прерывал, повторяя вопрос:

— Что у тебя нового, Мохита?

— Труппа мальчиков и девочек подготовила новые танцы.

Раджа вспомнил парижский канкан, усмехнулся:

— Старо. Впрочем, покажи.

Мохита хлопнул в ладоши, бархатный занавес на высоком своде возле двери раздвинулся, и в комнату, звеня запястьями, бубенчиками и колокольчиками, вбежали девочки, окутанные легким газом, и мальчики в пестрых костюмах. Под звуки флейт они начали танцевать. Их движения были грациозны, на испуганных лицах застыли улыбки.

— Старо, — еще раз повторил раджа и махнул рукой.

Флейты умолкли, дети перестали танцевать, сбившись в кучу, как испуганное стадо овец.

Раджа начал рассказывать Мохите о канкане, в каких костюмах выступают женщины, какие выкидывают антраша — «понимаешь, ноги выше головы, и все оборки — фьюить!» — и он приказал сделать девочкам такие костюмы, — пышные юбки, каблук повыше, — и обучить их канкану. Озадаченный Мохита поклонился.

— Еще что у тебя?

— Танец горбунов, хромых и слепых.

Это было ново.

— Покажи.

Дети убежали, не скрывая радости, что все обошлось благополучно: никого не приказали сечь или посадить в подземелье на хлеб и на воду, что бывало нередко.

Раздались глухие звуки барабана, и в комнату, ковыляя, падая, спотыкаясь и охая, вбежала толпа людей необычайного вида, в нелепых костюмах из цветных лоскутов. Мохита не терял времени в отсутствие своего владыки. Где он только раскопал этих уродов? Горбуны с большими головами и ртами, как у жаб, наскокивали на хромых, сбивали с ног своими горбами, падали, слепые сталкивались лбами и с визгом хватались за ушибленное место, гремели барабаны.

Раджа хохотал. Мохита сиял.

— Позови раджину Шьяму! — воскликнул раджа.

Раджина явилась в модном парижском платье и туфлях с необыкновенно высокими каблуками.

Взглянув на танцующих, она воскликнула:

— Прелесть! — и вдруг, сев на пол, обняв колени, неудержимо засмеялась, так раскачивая головой, что ее прическа растрепалась.

Раджа снял с пальца перстень с огромным бриллиантом и бросил Мохите, который подхватил сверкнувший подарок на лету и низко поклонился.

Один слепой, сбитый с ног горбуном, упал навзничь. Ударившись головой о выступ колонны, он завопил самым неподдельным образом и крикнул:

— О, чтоб вам околеть, проклятые учителя!

Лицо раджи мигом потемнело, как и лицо Мохиты: когда туча омрачает солнце, на землю ложатся тени.

— Это он не на тебя, господин, а на горбунов! — поспешил заявить Мохита.

Но раджа, отвернувшись к стене, пробормотал со злостью:

— Сто плетей! И оставьте меня.

Все удалились. Хорошо, что Мохита успел получить перстень. Но господин разгневался. Мохита приказал слугам прибавить слепому и от себя сто плетей. Этого было вполне достаточно, чтобы освободить несчастного от всех горестей, которые еще могла ему дать жизнь.

Мохита досадовал. Ведь у него было для раджи припасено еще несколько номеров. Голые рабы, вооруженные железными палками с когтями на конце. Раджа особенно любил это развлечение. Когда рабы начинали наносить друг другу раны и кровь обливала их смуглые тела, поклонника Руссо охватывал настоящий азарт, глаза его загорались, ноздри раздувались.

— Бей его! Царапай! Сильнее! Так! Так!.. — поощрял он своих гладиаторов и бывал очень огорчен, когда один из них бездыханным падал на землю и игра прекращалась.

В запасе была и охота на тигров. Подготовлен великолепный слон с огромными клыками, к которым были прикреплены остроконечные медные коронки.

Но раджа сегодня больше Мохиту не призывал, и тот терял голову, не зная, чем вернуть себе милость владыки.

В это-то время и случилось происшествие с его сыном. Когда слуга сообщил Мохите, что его сын упал в колодец, он побежал туда и был свидетелем того, как Ариэль пролетел с улицы, погрузился в колодец и вытащил мальчика.

О сыне Мохита не беспокоился. Это был ребенок от его первой, уже нелюбимой жены, а у него их было три.

Но летающий человек поразил Мохиту.

Мохита не раздумывал о том, что представляет собою летающий человек — сверхъестественное ли это существо, или новый вид фокусничества. Главное, это совершенно необычайное, новое зрелище, новый номер. С летающим человеком, кто бы он ни был, не страшно явиться пред грозные очи владыки. Увидев такое чудо, раджа обо всем позабудет, и Мохита вернет его расположение.

И Мохита распорядился связать летающего юношу, будь он хотя бы самим воплощенным Кришной.

Глава двадцатая

Мир восстановлен

Мохита вел связанного и окруженного слугами Ариэля во дворец по черному ходу мимо кухонь, наполненных черными, шоколадными и шафрановыми полуголыми, в белых колпаках поварами. Они поднялись по узкой лестнице во второй этаж, миновали женскую половину дворца, зенан, где шумно, под присмотром слуг, возились дети. В одной комнате пожилая женщина посмотрела на Ариэля сквозь очки, одна сторона которых была привязана к уху красной ниткой. Пол другой комнаты был устлан синими и белыми половиками и коврами, по которым были разбросаны подушки из пестрых шелковых тканей. На низенькой кушетке сидела девушка с наброшенным на голову краем голубого шарфа. Плечи ее судорожно вздрагивали. На колени падали крупные слезы. Рядом с девушкой стоял старик в белой одежде, со знаками касты на лбу из красной и желтой глины. Он сурово отчитывал девушку, быть может, такую же пленницу, как и Ариэль.

По крытой галерее с легкими, вычурными колоннами, открывавшей вид на зеркально-спокойное озеро, они перешли на половину раджи. Огромные залы со сводами, покрытыми лепными орнаментами, с колоннами и нишами, испещренными арабесками, фантастическими цветами, зверями и птицами, сменялись, как в причудливом калейдоскопе. Ариэлю иногда казалось, что все это он видит во сне. Сильно пахло аттаром — душистым маслом с раствором эссенции далматской розы и пряным запахом цветущих олеандров в больших вазах, украшенных блестящей цветной глазурью. От ароматов и пестроты у Ариэля начала кружиться голова.

— Стойте здесь, — приказал Мохита слугам, охранявшим Ариэля, когда они подошли к пурпуровому занавесу с золотыми кольцами.

Из-за занавеса слышался чей-то гневный голос. Слуга дернул Ариэля за конец веревки, связывавшей его руки. Ариэль остановился.

Мохита с волнением скользнул за занавес.

Кланяясь до земли, он начал приближаться к радже, лицо которого все больше хмурилось. Кроме этого лица, Мохита ничего не видел.

— Я тебя не звал, Мохита! Зачем ты явился? — сурово спросил раджа.

Мохита, все еще униженно кланяясь и извиваясь всем телом, подошел к владыке и что-то прошептал ему на ухо. На лице раджи появилось выражение удивления, недоверия, любопытства, снова удивления и снова недоверия.

Мохита, волнуясь, следил за этими переменами.

«Только бы не выгнал!» — подумал Мохита.

— Хорошо. Покажи его. Но если ты обманываешь меня, то помни: твои жены сегодня же наденут белое платье вдов!

Мохита, не дослушав раджу, бросился за занавес и приказал ввести Ариэля.

Ариэль вошел в зал и в первую минуту был ослеплен. Яркие лучи солнца проникали откуда-то сверху и играли золотом стен, колонн, сверкали на драгоценных камнях, усыпавших одежды людей, стоявших около воздушных витых колонн. На малиновых коврах и подушках, под синим пологом, лежал огромный слиток золота, сверкая радугой.

Придя в себя, Ариэль увидел, что то, что он принял за слиток золота, был



сам раджа в шитом золотом одеянии. Бриллианты и алмазы его костюма должны были стоить миллионы, а на лбу сверкал такой огромный бриллиант, что его трудно было даже оценить.

Раджа был темнокожий, с плосковатым носом и толстыми, почти негритянскими губами, человек, хотя в его жилах текла, как удостоверляли родословные записи, кровь чистейшего индуса.

Своими черными блестящими глазами раджа молча уставился на Ариэля. Только школа Дандарата помогла Ариэлю выдержать этот взгляд.

Потом раджа посмотрел на окружающих его людей, одеяния которых могли поспорить в яркости и пестроте с оперением павлинов и попугаев.

Раджа приказал Ариэлю подойти поближе.

Слуги подтолкнули Ариэля в спину.

— Кто ты? — спросил раджа.

Ариэль, еще не решив, как ему вести себя, молчал.

— Кто ты? — переспросил раджа по-английски, думая, что Ариэль не знает языка хиндустани.

Юноша по-прежнему молчал.

Мохита, в свою очередь, задал тот же вопрос на языках бенгали, маратхи, потом с арийских языков перешел на дравидские — телугу, тамиль, наконец, на тибето-бирманские... Тот же результат.

Раджа нахмурился и сказал:

— Он или глух, или упрям. Но я заставлю его говорить! — И его глаза сверкнули. — Ты умеешь летать? — спросил раджа, переходя снова на хиндустани.

Мохита не выдержал и, подойдя к Ариэлю, ударил его по затылку:

— Да говори же, осел, если не хочешь совсем потерять язык!

Губы Ариэля дрогнули, но он ничего не сказал. Он решил, что если представится глухим и не покажет своей способности летать, его, может быть, отпустят.

Раджа вырвал из рук слуги веер, которым тот обмахивал его, и бросил в Мохиту, затопал ногами, заревел:

— Негодяй! Привел мне какого-то идиота!..

— Смилуйся, владыка жизни моей! — воскликнул Мохита, бросаясь перед раджей на колени. — Я не лгал! Спроси их, — он указал на слуг, — спроси мою жену Бинтьяба-сини. Все видели, как этот человек или дух во плоти летал! Прикажи бить его плетью, и он заговорит и полетит!

— Ему не уйти от плетей, но пока получишь их ты! — Раджа хлопнул в ладоши.

Занавес по правую сторону трона раздвинулся. Возле раджи появился огромный курчавый человек, черный, как эбонитовое дерево, с плетью-семихвосткой в руке, всегда готовый выполнить приказание владыки.

Раджа молча указал на Мохиту. Палач, со свистом взмахнув плетью, ударил. Мохита, лежа на полу, неистово завизжал и весь скорчился, подобрав руки и ноги.

Ариэль выпрямился и вдруг сказал:

— Прекратите это! Да, я могу летать!

Плеть палача застыла в воздухе, а раджа в испуге откинулся на подушки, потом закричал слугам:

— Держите крепче веревку! Если улетит, со всех вас голову сорву!

Ариэль опустился на пол. Мохита охал, но лицо его сияло. Гроза миновала! Он поднялся на четвереньках и сел тут же на полу.

— Кто ты? — вновь спросил раджа, не без страха глядя на Ариэля.

Ариэль больше всего опасался того, что его могут отправить обратно в Дандарат, и потому сказал:

— Я не знаю, кто я и откуда пришел.

Раджа был совсем озадачен.

— Как же так ты не знаешь? Ведь ты залетел в мой парк с улицы. Ну, а раньше где ты был?

— Я это знаю столько же, как и новорожденный младенец. Я осознал себя на улице, откуда прилетел. — Ариэль говорил первое, что ему пришло в голову.

— Но откуда же ты знаешь о новорожденных младенцах? — спросил раджа. Ариэль смутился, не зная, что ответить.

— Ты, кажется, путаешь, — сказал раджа. Но в его голосе уже не было гнева. Летящий человек глубоко поразил его воображение.

С этим чудесным человеком надо быть осторожнее. И потом, какое приобретение! Ни фараоны, ни величайшие императоры и короли не обладали такой игрушкой! Если бы только приручить эту двуногую птицу!..

— Как тебя зовут?

Ариэль подумал и ответил:

— Сиддха.

Это было имя одного из духов индусской мифологии.

— Сиддха? Пусть будет Сиддха, — сказал после паузы раджа.

— Всемиловнейший владыка! — напомнил о себе оживший Мохита.

Раджа бросил на него благосклонный взгляд и сказал:

— Казначей выдаст тебе крор рупий... И семьсот лаков[50] рупий... за семь рубцов на теле, которые ты получил.

Мохита поклонился до земли. Столько тысяч рупий раджа, конечно, не даст ему, но все же не оставит без награды.

— Послушай, Сиддха, оставайся у меня, и ты не пожалеешь.

В зал вошла раджина Шьяма.

Шьяма была в национальном наряде. Золотой обруч художественной чеканной работы украшал лоб и был прикреплен к черным волосам булавкой с крупными камнями изумрудов и кровавых рубинов, массивное ожерелье кованого золота охватывало шею, на ногах низко спускались платиновые обручи с погремушками. На ней было ярко-зеленое платье, как и полагается правоверной, и руки ее от плеч до кистей были закрыты золотыми запястьями, перевязанными шелковыми шнурками, поддерживавшими также и хрупкие стеклянные браслеты, спущенные на кисти рук. Среди всех этих украшений туземной работы на руках раджины было несколько золотых браслетов с драгоценными камнями работы лучших парижских ювелиров.

Глядя на нее, трудно было себе представить, что эта женщина, похожая на сказочную царицу, умеет щеголять в европейских платьях и туфлях на высоких каблуках.

— Послушай, Шьяма... — сказал раджа. — Мохита раздобыл мне новое чудо.

При этом верный наперсник начал улыбаться и кланяться. Раджа уже был в хорошем настроении и хотел загладить вспышку своего гнева похвалой Мохите в присутствии жены.

— Смотри, этот юноша умеет летать, — продолжал он, указывая на Ариэля пальцем с нанизанными до среднего сустава перстнями.

— Так это он! Я уже слышала, что он спас Аната. Его надо вознаградить за это, — сказала Шьяма, приближаясь к Ариэлю. — Почему он связан? Бедняжка!.. И какой красивый!.. Развяжите ему руки! — приказала она слугам.

— Развяжите руки, но обвяжите веревкой вокруг тела, — поспешил сказать раджа, беспокожно заерзав на подушке. — И держите крепче конец веревки! Ну, а теперь, Сиддха, покажи, что ты умеешь.

На этот раз Ариэль тотчас начал подниматься на воздух. Слуги постепенно отпускали веревку словно от привязанного аэростата. Ариэль поднялся к высокому потолку и начал описывать круги, разглядывая лепные украшения.

Раджа с интересом и беспокойством следил за ним, откинувшись на подушку. Шьяма отошла подальше, чтобы лучше видеть, и следила за летающим человеком с побледневшим от волнения лицом.

— Изумительно! — воскликнула она.

— Довольно, Сиддха! Спускайся.

Ариэль спустился.

— Что же все это значит? — спросила взволнованная Шьяма — Кто он? Бог? Человек?

— Сиддха не хочет сказать нам об этом, — ответил раджа. — Но он скажет и будет жить у нас. Не правда ли, Сиддха? И ты не улетишь от нас? Бог ты или человек, но тебе и на небе не будет так хорошо, как у меня. Не улетишь?

— Нет!

— Ну вот и великолепно. Но, уж не обижайся, пока все-таки мы будем приглядывать за тобой.

— Ты, может быть, голоден, Сиддха? — дружелюбно спросила Шьяма.

Ариэль посмотрел на нее с благодарностью. Об этом могла подумать только женщина. Но Ариэль немного ошибался: Шьяма была доброй женщиной, но, задавая этот вопрос, она имела заднюю мысль: «Боги не нуждаются в пище». И

своим ответом Сиддха откроет свою сущность — божескую или человеческую.

— Да, я проголодался, — просто ответил Ариэль, улыбнувшись.

«Не бог!» — подумала Шьяма.

А раджа вполголоса давал Мохите строжайшие и точнейшие указания о том, как беречь и содержать Сиддху. В заключение, сняв с пальца два перстня, раджа бросил их Мохите. Мир был восстановлен.

Глава двадцать первая

Согласен

Ариэля отвели в комнату, которая помещалась рядом со спальней раджи. Раджа хотел иметь Сиддху поближе к себе.

К летающему существу приставили двенадцать слуг, словно он был принцем крови. Впрочем, слуги являлись и сторожами пленника.

С низкими поклонами они предложили господину Сиддхе принять ванну с душистыми эссенциями, облачили в дорогие одежды, принесли обильный и вкусный обед.

Среди фруктов были редкие плоды, в том числе бирманские мангустаны, которых Ариэль никогда не видел и не знал, как их есть. Со смущением он давил и щипал плоды, пробовал кусать.

Прислуживавший ему за столом почтенный седой индус, величественно, как брамин, скрывая в усах улыбку, сказал:

— Разрежь их ножом, господин, и отведай то, что находится внутри. — «Для бога он не слишком-то много знает», — подумал старик.

После обеда Ариэль с удовольствием растянулся на тахте. Смуглый мальчик, склонившись над ним, обвевал его веером. Мимо высокого, с решеткой, окна пролетали ласточки, и Ариэль завидовал им.

Здесь лучше, чем в Дандарате, и все же он не спокоен. Он уже мог составить себе представление о радже, который с такой легкостью переходит от ласки к жестокости. Сейчас Ариэлю хорошо, но что ждет его завтра?.. С каким удовольствием он обменял бы эту позолоченную клетку на скромную хижину Низмата! Что-то думают о нем старик, Лолита и Шарад? Он исчез так внезапно... Неужели всю жизнь он обречен переходить из одной клетки в другую? Почему он не так свободен, как ласточки? Если бы не эта железная решетка, Ариэль улетел бы вместе с ними в голубой простор неба.

В продолжение дня раджа несколько раз заглядывал в комнату Ариэля, ласково справлялся, хорошо ли ему, доволен ли он пищей и слугами.

Радже не терпелось поиграть с новой игрушкой, но Шьяма убедила его не беспокоить Сиддху — пусть сегодня отдохнет. А раджа, несмотря на весь свой восточный деспотизм, во многом уступал своей любимой раджине, которая считалась одной из красивейших и умнейших женщин Индии и была ему полезной помощницей в его делах с сагибами. Того, чего не мог добиться от сагибов он, легко добивалась Шьяма несколькими ловко сказанными словами и очаровательной улыбкой.

А ночью несколько раз Ариэль, просыпаясь от легкого шороха, видел возле себя раджу в халате и туфлях с загнутыми кверху носками.

Наутро дверь открылась, вошел раджа в том же халате, с пачкой газет в руках и, присев возле Ариэля, сказал:

— Вот мы кое-что и узнали о тебе, Сиддха! Я не люблю читать газеты, но мой секретарь указал мне на заметку о летающем человеке. Это, конечно, ты. И, конечно, не вчера на дороге возле моего дворца возник ты в этом мире... Послушай, Сиддха, или кто бы ты ни был, — продолжал раджа ласково и нежно ворковать, как голубь. — Доверься мне, и ты не проиграешь... Пойдем, я покажу тебе кое-что. Но я уже предупреждал тебя. Не обижайся: пока мы с тобой не сговорились и не стали друзьями, я буду держать тебя на цепочке. Мои кузнецы и ювелиры работали всю ночь и изготовили золотую цепь. Но она тяжеловата и вместе с тем недостаточно прочна. Пришлось сделать железную с золотым обручем-поясом. Пареш! — крикнул раджа.

Позванивая цепочкой, вошел слуга, надел на Ариэля, опоясав талию, золотой обруч, замкнул его и передал радже ключ и конец цепи.

— Идем! — повторил раджа, крепко держа в руке цепь.

Он повел Ариэля по бесконечной анфиладе залов, украшенных золотом, мрамором, слоновой костью, майоликой. Всюду мозаика, лепка, инкрустации, вазы, статуи, цветы...

Стены одного зала были сплошь покрыты янтарем, другого — горным хрусталем, третьего — пластинами из слоновой кости. Над дверями высились огромные слоновьи клыки в золотой оправе, украшенные мельчайшей резьбой.

Из «слоновьего зала» лестница вела вниз.

Они опускались долго, пока не пришли в подземелье. Раджа взял светильню и пошел по коридору, освещая путь. Еще одна лестница, еще в более глубокое подземелье, и, наконец, они остановились перед чугунной дверью с литыми барельефами, изображавшими фантастических змей и драконов.

— Мы находимся под озером, которое ты видел, — сказал раджа и открыл тяжелую дверь. — Иди.

«Уж не хочет ли раджа засадить меня в подземелье?» — подумал Ариэль, входя в темное помещение.

Вдруг что-то щелкнуло, и вспыхнул ослепительный свет.

Вдоль стен, под низким каменным сводом стояли шкатулки с окованными медью крышками. Эти крышки внезапно подскочили, и перед изумленным взором Ариэля неожиданно открылось зрелище, которое редко приходится видеть человеку. Одни шкатулки, как кровью, были наполнены доверху крупными рубинами, другие были полны изумрудами цвета морской воды, в иных радугой сверкали алмазы и бриллианты. Здесь были ларцы с топазами, хризолитами, жемчугом, бирюзой, яхонтами, агатами, сапфирами, гранатами, хризопразами, аквамаринами, турмалинами... Красные, голубые, черные, зеленые, желтые, сверкающие и матовые камни...

Дальше стояли сундуки со слитками золота, с золотым песком, с серебром, с платиной.

Казалось невероятным, что столько сокровищ собрано в одном дворце у одного человека.

— Ты понимаешь, Сиддха, что означают эти красивые камешки и золото? Это власть над людьми. Один камешек в руку — и любой чиновник-сагиб делает все, что я пожелаю... Я передал им немало таких камешков. Камешек побольше — и вице-король Индии сделает все по моему желанию, камешек еще побольше — и сам король Великобритании присылает мне грамоту на титул

сэра с любезными письмами. Я покажу их тебе. Так вот, Сиддха, кто бы ты ни был, каково бы ни было твое прошлое, я смогу оставить тебя, если ты сам пожелаешь. И ты получишь у меня то, чего нигде не найдешь. Подумай. Можешь сейчас не давать ответа. Я приду к тебе после завтрака.

Они вернулись во дворец.

Ариэль остался один. Он больше всего боялся вновь попасть в руки Пирса. И никто, кроме раджи, не сможет защитить Ариэля, если Пирс разыщет его. В этом Ариэль не сомневался. Пока раджа благоволит к нему. Почему бы и не отдаться в его руки? Лолита близко, с ней он сумеет увидаться. «Если же раджа сменит милость на гнев... — Ариэль улыбнулся и подлетел к потолку. — Неужели не удастся улететь?»

И когда раджа явился после завтрака, Ариэль правдиво рассказал обо всем, что знал о себе и о школе Дандарата.

Раджа очень заинтересовался его рассказом и в особенности школой.

— А нет ли там еще каких-нибудь чудесных юношей вроде тебя? — спросил он.

— Есть такие, тело которых может светиться или испускать аромат, есть отгадчики мыслей, предсказатели будущего...

— Надо будет непременно сказать Мохите об этом. Но ты, юноша, все-таки чудо из чудес. Итак, согласен ли ты остаться у меня по доброй воле? Если да, то я сниму решетку с окна и брошу в пруд эту цепочку.

«А если не соглашусь, ты бросишь в пруд меня самого», — подумал Ариэль и ответил:

— Согласен. Но как зовут тебя и кто ты?

Раджа рассмеялся.

— Ты действительно свалился с неба. Я раджа Раджкумар. Позволяю тебе просто называть меня Раджкумаром. Ты все-таки необыкновенный человек, хотя и человек. Я очень рад, Ариэль. Отныне будешь пользоваться полной свободой в пределах моих дворцов и парков. Но не дальше! Даешь слово?

Ариэль подумал о Лолите — о ней он не говорил радже, — хотел попросить разрешения летать по окрестностям, но решил, что с такой просьбой обращаться еще рано, и ответил:

— Даю слово.

Раджа был необычайно доволен. Без цепочки с летающим человеком можно было придумать гораздо больше забав.

Это было главное.

В этот же день решетка с окна была снята, а цепочка заброшена в озеро.

Глава двадцать вторая

Новая игрушка

Можно было подумать, что раджа, падкий на забавы, помешался на Сиддхе-Ариэле. Он забросил не только дела, но и все свои любимые развлечения — бои гладиаторов, охоту. С утра до вечера он проводил время с Ариэлем, заставляя его проделывать разные штуки или придумывая новые. Ариэль покорно и даже охотно повиновался радже.

Собрав в самый большой и высокий зал всех своих домочадцев, раджа, развалившись на подушках, командовал:

— Поднимись к потолку, Ариэль! Летай кругами! Стоя! Лежа! Быстрее! Еще быстрее! Перекувырнись! Ко мне, Ариэль! Возьми обезьяну и летай с нею!

Ариэль подхватывал обезьяну и поднимался. Обезьяна неистово визжала от испуга и рвалась из рук. Зрители хохотали до слез, и раджа больше всех. Однако обезьяна, оцарапав Ариэля, вырвалась из его рук и упала, к счастью, на подушки, но все же ушиблась и долго визжала.



Ариэль поднимался и с ручными голубями, и с попугаями, выпуская их под потолком, и гонялся за ними, сам кувыркаясь, как турман.

Приходилось летать и с мальчиками и с девочками. Мальчикам это нравилось, девочки визжали не меньше обезьян. Летал он и с блюдами, уставленными сладостями или наполненными цветами, цветы он разбрасывал зрителям и ловко ловил на лету.

Когда фантазия раджи на изобретения домашних развлечений истощилась, перешли в парк. Радже особенно нравился один номер: Ариэль должен был плавно подняться с земли на самую вершину купола дворцовой башенки, оттуда стремительно падать вниз головой в озеро, перед самой водой поворачиваться, становиться на поверхность воды и, шагая, будто он идет по воде, возвращаться к радже.

Ариэлю самому нравилась эта забава. Он поднимался вдоль стены, рас-

смаatrивая узоры, лепку, трещины, ласточкины гнезда. Мелькали этаж за этажом, колонны, галереи, балконы... Он улыбался людям, выглядывавшим из окон. Однажды поймал на лету розу, протянутую из окна самой Шьямой. Он кивнул ей головой и уже не выпускал цветка.

Так поднимался он все выше и выше.

И вот он стоит на вершине яйцевидного купола, под солнцем, подставляя грудь порывам ветра. Над ним — синее небо, кругом — беспредельный простор. Со свистом проносятся ласточки. Внизу блестят зеркала озер и прудов, зеленеют купы деревьев и роскошных парков. В эти минуты ему хотелось петь. Вот так и улетел бы! Куда?.. К хижине Лолиты! Но нельзя... Не сейчас... Внизу раджа, маленький, как букашка, уже смотрит, вздернув голову, ожидая прыжка. Пора прыгать.

И — странное дело! — с земли он поднимался спокойно и радостно, но перед прыжком с большой высоты чувствовал страх и стеснение в груди, быть может как парашютист, опасющийся того, что вдруг парашют откажет и не раскроется. Вдруг так же неожиданно откажет и эта необычайная способность летать?

подавив инстинкт самосохранения, Ариэль бросался вниз головой и, пролетев немного, задерживал полет. Ему удавалось это. Значит, все в порядке! И падал уже спокойно.

— Озолотить такого человека мало! — восклицал раджа в восторге. И уже придумывал новое развлечение.

Надо повести Ариэля в обезьянник — так назывались развалины старого дворца, где поселились обезьяны. Они настолько привыкли к людям, что из рук выхватывали пищу, но все же сами в руки не давались. Ариэль мог бы ловить молодых обезьян. Сколько будет сумятицы и смеха!

Или пойти с Ариэлем охотиться на тигров. Раджа воображает себя сидящим на слоне, тигр бросается на шею слона, а в это время Ариэль сверху налетает на тигра и всаживает ему в затылок нож...

Можно заставить Ариэля ловить в лесах птиц... Пролетать сквозь цветочные обручи... Подниматься ночью с фонарем высоко-высоко в небо и бросать оттуда цветы... А почему бы и самому не полетать с помощью Ариэля?

Раджа жмурился от удовольствия, представляя бесконечную цепь новых увлекательных развлечений, на которые можно приглашать важных сагибов и именитых соседей. Сами боги служат великолепному радже Раджкумару!..

Не только раджа, но и все обитатели замка увлекались Ариэлем-Сиддхой. Его имя не сходило с уст. «Слыхали, что проделал Сиддха вчера? А как он ходил по потолку вниз головой!.. А как ночью над большим озером зажигал в воздухе огни!..» Рассказы следовали один за другим. Все удивлялись, многие завидовали, иные и сожалели: «А все-таки он в клетке, хоть и золоченой. Я бы на его месте, — шептал на ухо собеседник другу, — захватил бы мешок с бриллиантами, сколько поднять можно, да и улетел бы!»

Слухи о летающем человеке раджи Раджкумара поползли по окрестностям. Они дошли до Низмата и его внучки, дошли в конце концов и до адвоката Доталлера.

Глава двадцать третья

Мохита собирает материал

Среди многочисленных обитателей дворцов раджи только один человек смотрел на Ариэля хмуро и с затаенной злобой. Это был Мохита.

Первые дни он радовался необычайному успеху своей находки. Но очень скоро он стал замечать, что внимание раджи всецело поглощено Ариэлем. Сиддха-Ариэль оттеснил всех. Мохита был забыт неблагодарным раджей, как будто Ариэль в самом деле спустился с неба во дворец раджи. Ариэль становился новым фаворитом. Раджа забрасывал его ценными подарками, с которыми Ариэль не знал, что делать. Мохита был забыт и зеленел от зависти. Вначале он надеялся на то, что изменчивому, капризному радже Ариэль скоро надоеет, как надоедали ему все другие новинки. Но дар Ариэля таил в себе неистощимые запасы нового. Одна выдумка сменялась другой, одна забава — иной, еще более интересной. Раджа рассылал приглашения своим соседям, набобам, раджам, крупным английским чиновникам, прося их, однако, не сообщать о виденном журналистам.

Все это терзало корыстного и завистливого Мохиту. И он пришел к решению: тем или иным путем, но с Сиддхой-Ариэлем должно быть покончено.

Вначале он хотел тайно убить его, но это было рискованно. Надо было придумать более тонкий план.

Обстоятельства скоро пришли ему на помощь.

Шьяма, как и все, интересовалась Ариэлем. Будучи женщиной хотя и взбалмошной, но доброй, она и жалела его, понимая лучше других, как должна была чувствовать себя эта редкостная «птица» в золотых чертогах Раджкумара. Шьяма оказывала Ариэлю всяческое внимание, заботилась о нем, требовала от мужа, чтобы он давал Ариэлю отдых, беседовала с ним в своей комнате в те часы, когда какие-нибудь совершенно неотложные дела отвлекали раджу от забав со своим новым любимцем. Она расспрашивала Ариэля о его жизни, внимательно читала газетные заметки, в которых сообщалось что-либо новое о летающем человеке, наводила справки. Так созрела в ней мысль, узнав прошлое Ариэля, разыскать его семью и вернуть его родным.

Комната Ариэля была в том же этаже, но, чтобы попасть из комнаты Ариэля в гостиную Шьямы, нужно было по лестнице спуститься в нижний этаж и затем снова подняться на третий. Для Ариэля имелся более короткий путь. Когда Шьяма выходила на балкон и звала Ариэля, он появлялся на своем балконе и перелетал к балкону раджины. Шьяма не находила нужным скрывать эти свидания. Она считала, что «жена Цезаря выше подозрений».

Эти воздушные визиты были скоро замечены Мохитой, в обязанности которого входило и шпионство за всеми во дворце.

В голове Мохиты созрел план. Мохита втайне ненавидел Шьяму, и она отвечала тем же. У каждого из них были для этого большие основания. Мохита невзлюбил раджину за то, что она имела влияние на раджу, которого он хотел бы всецело захватить в свои руки, всячески потворствуя самым низменным инстинктам и вкусам деспота. Шьяма невзлюбила Мохиту, видя в нем злого, мелочного, продажного человека.

Между Шьямой и Мохитой шла давняя глухая борьба, иногда переходящая

и в открытые столкновения.

И вот для Мохиты представлялся случай убить сразу двух зайцев: отделаться и от нового фаворита раджи и от Шьямы. Тогда влияние Мохиты на раджу возросло бы беспредельно. План казался тем более исполнимым, что до крайности самолюбивый и несдержанный раджа, как это Мохита хорошо знал, был чрезвычайно ревнив. На этой почве однажды в Париже едва не разыгрался крупный скандал; в Индии по этой же причине один важный сагиб поплатился головой, а раджа принужден был потерять много крупных «камешков», чтобы замять это дело.

Возбудить ревность раджи, сыграть на этом старом, испытанном средстве... Но Мохита был хитер и осторожен. Одной ревности может оказаться мало, раджа слишком дорожит Ариэлем. А если он начнет проверять, раздумывать — все сорвется. Хитрая Шьяма сумеет оправдаться. И кто такой Ариэль? Это не принц крови, не важный сагиб, чтобы ревновать к нему.

Тут надо действовать ловко и прежде всего как-то опорочить Ариэля в глазах раджи, вызвать неудовольствие, подозрительность и по какому-то другому поводу. Если удастся вооружить властелина против нового фаворита, тогда «всякая вина будет виновата». И Мохита не только сам следил за каждым шагом Ариэля, но приказал делать это и своим помощникам. Слежка у него была поставлена образцово.

Вскоре Мохита собрал вполне удовлетворяющий его материал. Он заметил, и его помощники доносили ему о том же: Ариэль в свободные минуты очень охотно посещает слуг-париев — эти люди напоминали ему о Низмате, Лолите, Шараде. Между слугами раджи и Ариэлем завязывались все более дружеские отношения. Ариэль любил детей и посещал их, не делая исключения даже для самых отверженных каст: метельщиков, обдирателей кож, уборщиков слоновых стойл. Он забавлял детей полетами, носил им фрукты, сладости со стола раджи.

Особенно привязался он к одному больному ребенку, похожему на Шарада, внуку старого садовника.

Мальчик вывихнул ногу и не мог ходить. И Ариэль часто брал его на руки, поднимался с ним на воздух невысоко над цветочными клумбами и раскачивал, словно на качелях. Это приводило мальчика в восторг. Обнимая худыми ручонками шею Ариэля, мальчик заливался радостным смехом.

Слуги раджи, наблюдавшие эту сцену, улыбались и смахивали слезы. Их любовь и уважение к Ариэлю еще больше увеличились, когда старый садовник показал им изумруд и сказал:

— Это дал мне Ариэль для того, чтобы я продал и на полученные деньги пригласил хорошего доктора из города. Наш-то костоправ только измучил внука: никак не может вылечить.

— Откуда же у Ариэля изумруд? — удивлялись слуги.

— Подарок раджи, — отвечал садовник.

Изумруд переходил из рук в руки, сверкая на темных ладонях.

— За этот камешек можно не только доктора пригласить, но и свадьбу справить, — говорили одни.

— Да, человек он или бог — мы не знаем, только и боги нас не жалеют так, как Ариэль!

И когда это необыкновенное существо вылетало из окна своей комнаты и

спускалось к ним, слуги с простодушием детей начинали рассказывать Ариэлю о своих нуждах и невзгодах. Подарки раджи всегда переходили от Ариэля в руки слуг.

«Отлично, — думал Мохита. — Ариэль разбрасывает направо и налево подарки самого раджи, и кому же? Собакам-париям! Это не может понравиться владыке. Надо будет сказать, что у меня пропал перстень... Так, намек... Ариэль на любой этаж в любую комнату заглянуть может и влететь, если никого нет... Слуги жалуются ему. Они видят в нем защитника. Он утешает их, горюет с ними, этим развращает... Недоставало того, чтобы зараза недовольства из городов проникла к нам! Сегодня слуги жалуются, завтра начнут требовать... Раджа не потерпит этого!..»

Но Мохита еще ничего не говорил радже. Он собирал сведения.

Вскоре произошло следующее.

Раджа принимал какого-то важного иностранца-туриста, который интересовался «экзотикой».

Раджа показал гостю бой гладиаторов. Из-за этих боев между раджей и раджиной происходили ссоры: раджина не терпела этих кровавых развлечений, бранила за них и его и Мохиту, но бои гладиаторов продолжались, только раджа устраивал их без раджины.

И на этот раз он пригласил иностранца на бой, когда раджина уехала кататься в автомобиле.

Возле раджи находился и Ариэль, теперь неизменный его спутник. Его «номер» раджа хотел показать гостю на десерт, под конец.

Бой был в самом разгаре. Кровь уже лилась. Раджа с раздутыми ноздрями и горящими глазами подзадоривал бойцов.

Один из них сильно поранил другого. Тот упал. Первый занес свое железное оружие, чтобы нанести последний удар. Но в это время Ариэль, на глазах изумленного гостя, перелетел через его голову на арену и отдернул руку бойца. Раненый воспользовался этим и на четвереньках убежал с арены.

Лицо раджи потемнело от гнева. Ариэль самовольно вмешался и прервал бой на самом интересном месте! Сорвал и свой «номер» этим неожиданным полетом. Испортил все дело!

Раджа выхватил копьё из рук телохранителя, намереваясь бросить в Ариэля. Заметив этот жест, Ариэль взлетел над ареной.

— Brut! Bete noire! Грубое животное! — вдруг послышался голос раджины.

Все оглянулись. В суматохе никто не заметил, как к рингу подъехал автомобиль. В нем сидела раджина. Мохита уже успел стовориться с шофером.

Раджа кусал себе губы. Когда же, наконец, раджина перестанет вмешиваться в его дела? И как она смеет бранить его при иностранце, да еще по-французски, — на языке, понятном европейскому гостю?

— Не вмешивайся не в свое дело! — воскликнул раджа и в бешенстве бросил копьё по направлению к автомобилю. Копьё со звоном пробilo переднее стекло, осыпав отклонившегося шофера осколками.

Именитый гость обтирал потное лицо надушенным платком, скрывая улыбку: ему посчастливилось наблюдать интересную картину экзотических нравов!

Мохита за спиной раджи потирал руки. Первая ссора раджи с Ариэлем! И не последняя — с раджиной. Как знать? Может быть, дело обернется и так, что

это будет их последняя ссора. Мохита и раньше осторожно вливал яд ненависти к раджине, намекая на то, что она командует господином, что господин под башмаком у жены, что над этим уже смеются и что раджа очень хорошо сделает, если скорее вернет себе свободу и сделает раджиной пятнадцатилетнюю дочь соседнего раджи, красивую, как полная луна, и кроткую, как голубка...

Но и после этого Мохита еще не открыл своих карт, ожидая новой провинности Ариэля.

И дождался...

С первого же дня поселения у раджи Ариэль не переставал тосковать по Шараду, Лолите, Низмату.

Даже радости полета не утешали его. Ночами, когда раджа спал, Ариэль подходил к окну. Облитые лунным светом, дремали парки. Недвижимы листья пальм, цветы лилий и лотосов у пруда. Ароматы кружили голову. Быть может, и Лолита в это время мечтает о нем при луне, и их взгляды сходятся в синем небе на серебристом диске. Ариэль легко, словно пушинка от тихого дуновения, поднимался над полом, вылетал в окно. Невыразимая радость полета наполняла его. Он поднимался вначале тихо, потом все быстрее, вдоль дворцовой стены. Вот и крыша... Мелькнули знакомые гнездышки ласточек... Выше и выше!.. И перед ним внизу открывались дали страны, чудесной, как сновидение. Он простирал руки то к луне, к синим просторам неба, усеянным звездами, то к цветущей земле... Внизу белела стена вокруг владений раджи. Дворцы сверху теряли свое величие и казались нагромождением причудливых плодов-крыш разнообразной формы. Дальше шли леса, среди них виднелась дорога. Где-то в этих лесах стоит убогая хижина Лолиты. Если подняться еще выше, можно увидеть и пруд. Его отделяет от хижины одно небольшое поле.

— Лолита! — крикнул однажды Ариэль во весь голос. Он был так высоко, что внизу его не могли слышать.

И вдруг, забыв все, — и свое обещание радже и то, что за ним могут следить, — Ариэль кинулся вниз, к лесу, туда, где он оставил свое сердце.

Ему без труда удалось найти хижину. Она была темна. Лолита и Низмат спали внутри. Шарад — на веранде. Броситься бы к спасенному мальчику, разбудить... Сейчас еще не время... начнется переполох во дворце раджи... И снова его станет преследовать Пирс. Ариэль глубоко вздохнул, нежно поцеловал голову спящего Шарада... Оглянулся. Подлетел к манговому дереву, сорвал несколько плодов и положил их возле Шарада.

Потом, мысленно попрощавшись с близкими, он отправился в обратный путь.

«Прилетел назад! Жалко... — проворчал Мохита, сидевший на плоской крыше малого дворца, где он жил со своей семьей. — Но как бы то ни было, Ариэль нарушает данное слово и куда-то летает по ночам. Ну, теперь как будто достаточно!»

Глава двадцать четвертая

Гроза разразилась

Улучив момент, когда Ариэль находился у Шьямы, а раджа был особенно раздражен чем-то, Мохита со всяческими ужимками, лицемерными вздохами и недомолвками приступил к делу.

Он никого не обвиняет, ничего не доказывает. Но долг верного раба заставляет его открыть глаза своему владыке на вещи, которые ему, Мохите, не нравятся. Конечно, во всем этом нет ничего плохого, но нельзя и пройти мимо таких фактов.

Мохита с прежними оговорками начал перечислять факты.

Сначала он рассказал об Ариэле — о его подарках слугам, подозрительных беседах с ними, о ночных полетах. Потом осторожно начал говорить и о поведении раджины.

Увидев Ариэля в первый раз, Шьяма нашла его очень красивым. Разве она не сказала этого? И тогда же — какая забота! — спросила, не голоден ли он. Когда Ариэль летал во дворце и бросал сверху цветы, лучшие розы падали на колени Шьямы. Знак почтения со стороны Ариэля? Только ли почтения? С каким чувством раджина подхватывала эти розы и подносила их к лицу — не к губам ли? Чтобы поцеловать их? С каким восторгом, с каким выражением глаз смотрела она на летающего юношу! Раджа не видел всего этого потому, что ослеплен Ариэлем. Но глаза Мохиты все видят... А разве она сама не подала Ариэлю цветок в тот раз, когда он, этот красивый юноша, взлетел на купол дворца? И Ариэль сохранил цветок раджины.

Ариэль слишком часто бывает среди слуг; быть может, готовит заговор, а раджина покровительствует ему и — кто знает? — не участвует ли сама в этом заговоре, быть может грозящем жизни владыки?

В последнее время раджина и Ариэль устраивают свидания, да еще открыто, словно для того, чтобы все видели, как мало она заботится о своей чести и о добром имени своего высокого супруга. Ариэль летает в зенан, закрытый, по закону, для всякого постороннего.

Кровь ударила в голову раджи. Его темное лицо приобрело лиловый оттенок.

— Это ложь! — прохрипел он. — Ты играешь своей головой, Мохита!

Мохита пал ниц и воскликнул:

— За честь господина души моей я не пожалею своей головы. Иди к раджине и убедись сам. Полюбуйся, как они воркуют, словно влюбленные голубки, или готовят черный заговор против тебя!

Раджа поднялся, шатаясь от обуревавшего его гнева. Лицо его искажалось судорогой. Теперь оно было страшным: словно скрытые молнии освещали его синеватым пламенем. Полный ярости и жажды мести, направился он на половину жены. Мохита последовал за ним.

Раджа приоткрыл занавес.

Возле окна, выходящего на балкон, среди подушек сидели Шьяма и Ариэль. Перед ними на низком лакированном столике стоял золотой поднос с фруктами. Ариэль что-то рассказывал, Шьяма глядела ему в лицо, внимательно слушая.

Гортанный крик потряс воздух. Ариэль и Шьяма с испугом повернули головы к занавесу и увидали раджу.

Раджа, как тигр, прыгнул к Ариэлю, повалил его на подушки и схватил за горло. Шьяма бросилась к радже. Мохита свистнул — у него уже все было подготовлено. Вбежали слуги.

— Связать этого змееныша и эту падаль! — приказал раджа слугам. — Ариэля — в башню, а эту негодную — в подземелье!

Раджа хотел сказать наоборот: «Ариэля — в подземелье, а Шьяму в круглую башню», но в пылу гнева оговорился. Мохита понял его ошибку и хотел исправить.

— Верно ли я понял тебя, владыка?

Но раджа подумал, что Мохита хочет защитить раджину, и крикнул:

— Не рассуждать!

Мохита попятился назад и прикусил язык.

Шьяма выпрямилась. Она была бледна, глаза пылали гневом.

— Ничтожество! — воскликнула она, с презрением глядя на мужа. Подбежав к Мохите, ударила его по щеке. — Негодяй!..

Слуги стояли в нерешительности, опасаясь прикоснуться к раджине; часть их направилась, по знаку Мохиты, к Ариэлю.

— Что же вы? Шкуру сдеру! — кричал взбесившийся раджа.

Слуги, подталкивая друг друга, начали приближаться к раджине.

Шьяма выхватила из-под халата кинжал. Сверкнул клинок.

— Я убью себя прежде, чем кто-либо прикоснется ко мне! — угрожающе крикнула она и направила острие кинжала к груди.

Слуги замерли.

Что было дальше, Ариэль не видел. Его уже окружили. Связав, его подняли и понесли.

Ариэль не сопротивлялся: он был изумлен той внутренней силой, с какой вырвался протест Шьямы, и словно оцепенел.

Он был брошен в круглую башню. Дверь за ним закрылась.

Некоторое время Ариэль лежал на полу у самого окна, пораженный всем происшедшим. Шея болела, в голове мутилось.

Когда мысли его несколько прояснились, он начал раздумывать. Мохита, очевидно, следил за ним и донес радже о его полетах за пределы владений раджи. Но чем виновата раджина?.. В чем подозревали ее? Так вот чем кончилась его жизнь у раджи! И как наказан он за свою нерешительность! Следовало давно улететь из этой клетки.

Бедная, добрая раджина! Неужели и она стала жертвой каких-то гнусных подозрений и доносов? Ей не дали даже оправдаться... Улететь? Железная дверь закрыта, на окне толстая решетка...

Ариэль видел часть парка, каменный забор и за ним, совсем близко, дорогу.

Какая-то девушка стоит возле стены на дороге и внимательно смотрит на дворец.

Ариэль вздрогнул: он узнал Лолиту.

Весть о том, что Ариэль находится у раджи, дошла до нее, и она иногда пробиралась ко дворцу.

Ей удалось увидеть, что Ариэль летал над куполом дворца. От ее глаз не укрылось, как красивая женщина подала ему цветок, когда он пролетал мимо окна, и сердце ее сжалось. Придорожной ли пыли мечтать о солнце? Ариэль, конечно, нашел во дворце достойное счастье!

Но плоды манго, неожиданно появившиеся возле Шарада, мог принести только Ариэль. Значит, он прилетал! Значит, он не забыл их! И Лолите так захотелось хоть издали увидеть Ариэля.

Сегодня во дворце творилось что-то неладное: слышались возбужденные крики, люди металась по двору и парку. Но Ариэля не было видно. И Лолита уже хотела уйти, как вдруг услышала голос Ариэля:

— Лолита! Это я, Ариэль! Если вырвусь отсюда, прилечу к тебе!.. Жди меня! — Позади него заскрежетал засов двери, и он поспешил опустить голову на пол.

Лолита, услышав слова Ариэля, задрожала.

Он был за решеткой. Что же это значило?..

Глава двадцать пятая

Владыка изменчив

Слуги запрятали Ариэля в мешок, завязали сверху и понесли. Помощник Мохиты хриплым голосом отдавал приказания.

Мешок был старый, не очень плотный. Ариэль увидел свет и, почувствовав свежий воздух, понял: его несли через двор. Потом свет померк, воздух стал душным и более прохладным... Его несли по длинным коридорам, затем стали спускаться по крутой лестнице. Снова переходы, лестницы... Наконец его опустили на холодные плиты. Мелькнул желтый свет светильни. Мешок развязали и молча положили в него два тяжелых камня. На глазах одного из слуг Ариэль заметил слезы, на лицах других — молчаливое сочувствие. Но помощник Мохиты неотступно следил за каждым движением слуг. Ариэль увидел края каменного колодца. «Вот где должен кончить свои дни летающий человек», — подумал он с горечью.

Двое слуг завязали мешок, подняли Ариэля и со стоном бросили в глубокий колодец...

А во дворце, в комнате Шьямы, Мохита ползал на коленях за своим владыкой, бил себя кулаком по лбу и вопил:

— Смилуйся, господин!..

Раджа метался по комнате, пинками отбрасывал от себя Мохиту и кричал:

— Ты, ты, ты один во всем виноват! О гнусный, проклятый гад! Ты лишил меня лучшего украшения моего дворца, лучшего моего утешения — летающего человека! Ты оклеветал и его и честнейшую женщину! Если Шьяма умрет, а она, наверно, умрет...

— Боги сохранят ее, владыка! Доктор сказал...

— О лукавый раб! Как повернулся твой язык оклеветать лучшую в мире женщину? Почему это змеиное жало не покрылось язвами? Ты заставил меня, лживая собака, совершить преступление... Перед смертью не лгут, а она крикнула мне...

— Она не умрет, владыка!..

— Что не повинна ни в чем и что это ты, гнусный злодей, оклеветал ее. У меня открылись глаза. — Раджа хлопнул в ладоши.

— Пощади, владыка! Выслушай меня!

— погоди ж ты, гаденыш!.. Взять эту гнусную тварь! — обратился раджа к убежавшим слугам. — Бросьте его в клетку с тиграми! О, ты достойно позабавишь меня этим зрелищем!

Слуги схватили Мохиту. Он заревел так, как будто его уже бросили в клетку с тиграми.

Но когда его вынесли в другую комнату, он сразу перестал кричать и тихо заговорил, обращаясь к слугам:

— Вы не бросайте меня тиграм сегодня. Подождите до завтра. Тысячу рупий получит каждый из вас... Завтра гнев раджи пройдет, и он сам казнит вас, если вы поспешите бросить меня в клетку. Я еще пригожусь ему. И вам пригожусь! Слышишь, Банким, слышишь, Ганендра?.. По тысяче рупий!.. Завтра же раджа спросит: «Где мой любимый Мохита?» Нет Мохиты! «Кто посмел его бросить? Отрубить ему голову!..» А если не бросите, скажет: «Хорошо, что сохранили моего дорогого Мохиту». И щедро вознаградит вас... И на всякий случай накормите тигров до отвала. Так, чтобы куски мяса у них из горла торчали. Чтобы звери на меня и смотреть не хотели.

...Все это произошло вечером накануне того дня, когда Боден, Пирс, Доталлер и Джейн явились к радже.

Глава двадцать шестая

Борьба за жизнь

Колодец был глубок. Пролетев несколько секунд, Ариэль попробовал замедлить падение. Это удалось, хотя и с очень большим трудом. Но удастся ли подняться? Камни тянули вниз.

С шумным всплеском мешок ударился о поверхность воды. По телу Ариэля прошла дрожь — вода была холодная. Чтобы не терять понапрасну сил, он старался держать над водой хоть голову. Намокшая ткань мешка плохо пропускала воздух, который и без того был тяжелым и почти лишенным кислорода. Ариэль рисковал не только утонуть, но и задохнуться.

Когда умолк шум падения, в наступившей тишине раздались голоса:

— Конец!.. Жалко!..

— А ты, Акшай, говорил, что он если не бог, то сродни богам. Был бы богом, не дал бы утопить себя, как щенка.

— Сегодня он, завтра кто-нибудь из нас...

На этом и закончились похоронные речи. Скоро раздались звуки удалявшихся шагов и захлопываемой двери.

Ариэль с открытым ртом рванулся вверх. Ему казалось, что его тело разрывается. На мгновение он даже потерял сознание, камни тянули вниз. Погрузился в холодную воду и очнулся.

«Если мне не подняться сразу — гибель неизбежна», — мелькнула мысль. Затаив дыхание, сжав зубы, стиснув пальцы рук, он стал вновь подниматься, на этот раз еще более медленно. Начался поединок двух сил: одна тянула вверх, другая — вниз.

Главное — не потерять сознания, не уступить силе, которая увлекает вниз,

там смерть...

Вверх, вниз, снова вверх, еще и еще немного... Ариэль обливался потом и дрожал всем телом. Почувствовал во рту соленый вкус крови. Резало глаза.

Выше! Выше!

Но нет больше сил... Не прекратить ли эти ужасные страдания сверхчеловеческого напряжения? В голове шум и звон, какие-то взвизги... Быть может, лопаются кровеносные сосуды... Кто это? Где? Сверкает голубоватая сталь кинжала, слепит глаза до боли... Упасть, не жить...

А что, если спасение близко?..

Ариэль старается нащупать стенки колодца, но ни на что не наталкивается. Поднимается все выше и вдруг ударяется обо что-то головой. Где же он? Неужели, уходя, слуги накрыли колодец каменной плитой? Тогда все кончено!

С последним проблеском сознания Ариэль догадывается: он ударился о свод над колодцем. Только бы не упасть обратно.

Он теряет сознание.

Вероятно, Ариэль очень долго пролежал в обмороке. Придя в себя, он с радостью убедился, что лежит на твердом и сухом месте.

Только летающий человек мог выбраться живым из этого колодца!

Но ведь он все еще оставался связанным в мешке с камнями.

Он сделал попытку развязать руки, но узлы были затянуты туго. Единственное, что удалось ему, — это прогрызть небольшую дыру в мешке. Дышать стало легче. Что делать дальше?

Так он пополз вдоль стены, повернул за угол, дополз до двери, ощупал ее сквозь мешок, попробовал толкнуть, дверь не поддавалась. Пополз дальше. Снова завернул за угол. Стена уходила все дальше и дальше. Какой-то коридор. Быть может, он выведет его на свободу... Отдыхая, временами впадая в полубморочное состояние, Ариэль медленно подвигался вперед. Мешок стал прорываться. Веревки ослабевали от движений.

Вот он почувствовал струю свежего воздуха, откуда-то ворвавшегося в душное теплое подземелье, и вскоре действительно нашел отверстие. Попробовал проникнуть в него, но оно было такое узкое, что прошла только голова.

Снова пополз. Миновал несколько таких отверстий, служивших, очевидно, вентиляцией. И, наконец, нашел одно, более широкое. Он начал протискиваться в него. Ветхий мешок, наконец, прорвался, камни высыпались. Ариэль легко поднялся вверх, долетел до какого-то поворота и сразу почувствовал свежий воздух.

Ариэль радостно вздохнул всей грудью. Надо выбрать направление... Ариэль повернулся в сторону зари. Восток... Позади — запад, направо — юг, налево — север. Куда лететь? К Лолите, Низмату, Шараду! Он повернул к дороге.

Пролетая над парком и колодцем, из которого он вытащил мальчика, Ариэль услышал, как кто-то изумленно вскрикнул.

— А он все-таки сродни богам! — воскликнул слуга, качая головой. Это был Акшай. — Улетай, улетай, голубчик! — приветствовал он Ариэля. — Я никому не скажу, что видел тебя! Только сам больше не попадайся! Видно, твои небесные родственники не очень-то помогают тебе в трудную минуту!

Ариэль не только не слышал этих слов, но и не разглядел человека у колодца: ему было не до того. Хотя он летел теперь без груза, но чувствовал, что силы покидают его. Все переживания вчерашнего дня, ужасная ночь, нечелове-

ческое переутомление... Нет, не долететь ему до хижины доброго Низмата... Ариэль опустил в кустах возле дороги и погрузился в тяжелый сон.

Глава двадцать седьмая

Находка

С восходом солнца на дороге показались крестьяне, странствующие монахи, ослы, нагруженные корзинами.

Время уже близилось к полудню, когда на дороге появился запыленный автомобиль, в котором сидели трое мужчин и молодая девушка. Завидя автомобиль, испуганные крестьяне сходили с дороги и низко кланялись.

— Остановитесь, Джемс, — сказал один из сагибов, обращаясь к шоферу, когда машина приблизилась к лежавшему у канавы человеку. — Здесь, кажется, совершено преступление. Видите эту окровавленную голову?

Сидевшая в автомобиле девушка побледнела.

— Какое дело нам до всего этого, мистер Доталлер? — возразил старый сагиб, лицо которого чем-то напоминало филина. — Мало ли на дорогах Индии убивают людей? Ведь это дикари! Поезжайте, Джемс!

Машина рванулась вперед.

— Стойте, Джемс! — строго крикнул Доталлер. — Подайте машину назад. Мы не можем проехать мимо этого, мистер Боден. Обратите внимание: это белый человек. Быть может, он англичанин и еще жив. Ведь бестии-туземцы всегда готовы спровадить на тот свет сагиба. Как хотите, а я выйду и осмотрю его.

Машина остановилась.

— Он еще стонет! Он жив! — воскликнул Доталлер. — Какие-то веревки, надо развязать его, — продолжал он, нагнувшись, и с брезгливостью отрезал болтавшиеся на руках и ногах обрывки веревок. Эй, вы! Кто-нибудь! Идите сюда! — крикнул он, обращаясь к остановившимся невдалеке крестьянам.

Этот жест был понятен и для тех, кто не знал английского языка, но никто не сделал ни одного движения.

— Ослы! Трусливые олухи! — бранился Доталлер. — Джемс, будьте так любезны, помогите мне!

В тот же момент Пирс в ужасе воскликнул:

— Это он!

— Кто он? — быстро спросила девушка, побледнев еще больше.

— Он... ваш несчастный брат Ариэль... Аврелий Гальтон...

Джейн коротко вскрикнула и откинулась на спинку автомобиля.

Боден и Пирс поспешили к Ариэлю.

Общими усилиями мужчины перенесли Ариэля в машину.

Джейн молча ломала руки, глядя на брата.

Ариэль был без сознания.

— Поехали, Джемс! — скомандовал Доталлер.

Резкий гудок автомобиля. Толпа шарахнулась в стороны, и машина двинулась.

Когда толпа крестьян осталась позади и автомобиль стал набирать скорость, проходившая мимо девушка в бедном сари простерла перед собой руки и вскрикнула:

— Ариэль!

При этом крике радость прошла по лицу Ариэля, он слабо улыбнулся, но веки его не поднялись.

«Этого еще не доставало! Нищая уличная девчонка знает его имя!» — подумала Джейн.

«Это надо будет выяснить!» — подумал Пирс, с удивлением проводив нищенку глазами.

Глава двадцать восьмая

Он улетел

Ариэля привезли в гостиницу небольшого городка, находящегося в нескольких милях от резиденции раджи, уложили в постель и послали за доктором.

Ариэль бредил. Джейн не отходила от брата. Она давала ему пить, смачивала ароматическим уксусом виски и, глядя на измученное лицо брата, думала: «Только бы он не умер!»

Доталлер думал: «Только бы он не выжил!» Пирс думал: «Уж теперь я не выпущу его из рук!» Боден... Но Боден без совиных глаз своего компаньона совсем разучился рассуждать. «Только бы извлечь из всего этого пользу... А как?»

Осмотрев Ариэля, врач сказал по-английски:

— Лихорадка... Возможно, на нервной почве. Он пережил какие-то большие потрясения...

— И очень основательные, — отозвался из угла Пирс.

— Это опасно? — спросила Джейн.

— Нет, мисс. Если на нервной почве, то это не опасно, но...

Врача смущало кровотечение из носа, ушей и рта, которое, по-видимому, недавно произошло у больного. Этому он не мог дать объяснения, но постарался не обнаружить своего замешательства.

Прописав лекарства, он поспешил уйти. Пирс не отходил от кровати Ариэля. Он все время прислушивался к бреду.

— Кинжал... Шьяма... Она убила себя... Какая низость! Лолита... Но я могу летать... Мы улетим с тобой...

«Не о той ли болтает он девчонке, которая встретила на дороге?» — подумала Джейн. Пирс обратился к ней:

— Вот видите, мисс, вы сами теперь можете убедиться, что ваш брат душевнобольной. Его манией является мысль, будто он может летать, как птица.

При звуках голоса Пирса Ариэль вздрогнул, по лицу прошла судорога, он открыл глаза и в ужасе крикнул:

— Пирс! Бхарава? Опять Дандарат? — и снова потерял сознание.

— О чем он? Что его так взволновало? — спросила Джейн, испуганная криком брата и его видом. — Что это такое — Дандарат?

— Люди в горячке болтают всякий вздор, все, что взбредет в голову, — ответил Пирс, отходя, однако, от кровати. Он стал так, чтобы Ариэль не мог его видеть.

Врач верно определил болезнь: у Ариэля было только сильное нервное потрясение. И как иногда бывает в таких случаях, клин был вышиблен клином:

голос и вид Пирса, мысль о том, что он вновь попал в Дандарат, пробудили в Ариэле инстинкт самосохранения, прервали бредовое лихорадочное состояние. Ариэль скоро пришел в себя. Научившись в Дандарате скрывать свои мысли и чувства, он решил не подавать виду, что сознание вернулось к нему, и начал симулировать бред, незаметно наблюдая за окружающими. Он заметил миловидную девушку. «Сиделка», — подумал он. Незаметно осмотрев комнату, он с облегчением убедился, что находится не в Дандарате. Значит, еще можно бежать от Пирса, которому удалось-таки выследить его!

Из соседней комнаты слышались чьи-то возбужденные голоса. Это Доталлер схватился с Боденом из-за Ариэля. Пирс не выдержал и ушел к ним. Осталась одна девушка.

Если бы ушла и она! Окно открыто, Пирс не позаботился закрыть его, считая Ариэля тяжелобольным. Не попытаться ли улететь? Но хватит ли сил? Он еще очень слаб, хотя чашка крепкого бульона и подкрепила его. Чем, однако, он рискует? Разве сейчас он не в руках Пирса?

Ариэль вдруг поднялся над кроватью в том положении, как лежал, не сбрасывая простыни, которой был укрыт. Девушка вскрикнула от ужаса. Описав по комнате дугу, Ариэль вылетел в окно.

На крик Джейн все прибежали в комнату.

— Он улетел... Или я тоже заболела и брежу?.. Ведь это Аврелий сорвался с кровати и улетел в окно.

Пирс бросился к окну и увидел Ариэля в голубом небе, высоко над пальмами.

— Этот негодный опять перехитрил меня! — в бешенстве воскликнул он.

— Так, значит, это правда? Боже мой! Но ведь это же невероятно? Аврелий летает? Мой брат Аврелий Гальтон — летающий человек?

— Да, да, да! — закричал Пирс в лицо девушке. — Летает и улетает, черт бы его побрал! Это я сделал его летающим человеком на свою и вашу голову, если хотите знать!..

Глава двадцать девятая

Воздушный бой

Ариэль летел с такой быстротой, что задыхался. На лету он подхватил края простыни и плотно укутался, чтобы она не вздувалась и не тормозила полета. Только у локтя трепетал, словно белое крыло, угол простыни, и жители заброшенного городка с недоумением следили за полетом невиданной белой птицы.

Внизу виднелись плоские крыши, узкие извилистые улицы и сады, за городом — гора, поросшая лесом, за горой — песчаная долина, еще дальше темнела зелень лесов.

Вырвавшись из страшного плена, Ариэль уже не думал, куда лететь, не выбирал направления, только бы улететь подальше...

С левой стороны подул сильный горячий ветер, который начал относить Ариэля в сторону, мешая полету. Ариэль вдруг увидел, как из-за горизонта, окутанного голубой дымкой, поднимаются клубы дымчато-сизых туч. Будет гроза. Ариэль изменил направление и полетел еще быстрее.

Пролетев около часа, он почувствовал, что устал. Солнце жгло немилосердно. Хотелось пить и есть.

Надо спуститься и отдохнуть.

Он посмотрел вниз, выбирая место. Блестели рельсы железнодорожного пути, среди высоких красных кирпичных зданий поднимались фабричные трубы, вокруг зданий жалкие лачуги рабочего поселка. Дальше от людей!..

Бесконечные поля, у горизонта темные пятна леса, серебряная излучина реки. Туда!..

Поля медленно уползали назад. Впереди уже виднелись заросли тростника. Но что, если люди увидят его? Надо здесь спуститься, выбрать место в уединении.

Вдруг над головой послышались шум и глухое хлопанье крыльев. Ариэль увидел огромного орла, который летел над ним так низко, что обдавал ветром и оглушал. Его блестящие глаза были устремлены на Ариэля, кривой хищный клюв приоткрыт, выставлены огромные когти. Ариэль метнулся в сторону, орел за ним.

Начался воздушный бой.

Орел стремительно падал, человек с такой же стремительностью уклонялся от ударов и, сделав небольшой полукруг, пытался сверху схватить птицу за крылья или за шею. Но и орел так же ловко изворачивался. Один раз орлу удалось оцарапать ногу Ариэля. Рассерженный Ариэль умудрился ударить птицу другой ногой в спину, заставив ее перекувырнуться в воздухе.

Надо было изучить повадки и тактику врага.

Человек скоро убедился, что орел быстрее всего падает вниз, подобрав крылья, и очень быстро летит по прямой, но не сразу набирает скорость при поворотах, несколько мешкает со своими огромными крыльями, больше же всего требуется ему времени при переходе на вертикальный подъем. Правда, все это определяется несколькими секундами и даже долями секунды, но и эти мгновения могут решить исход боя. Выходило, что безопаснее всего — иметь преимущество высоты. Началось состязание на высоту.



Огромная птица и человек, кувыркаясь, поднимались все выше и выше. Оба начинали уставать.

Ариэлю, и без того уставшему, приходилось плохо. Сколько раз он проскользнул под самыми когтями орла, и сколько раз крепкими перьями орел больно ударял по лицу!.. Наконец он так ударил крылом по голове Ариэля, что тот на мгновение потерял сознание, но тотчас взлетел вверх и схватил орла за шею. Орел взметнулся вверх, даже кувыркнулся в воздухе, пытаясь освободиться, но это не удалось. Испуганная птица полетела по прямой к горам, видневшимся за лесом.

Ариэль попробовал управлять полетом, то прикрывая один глаз орла, то поворачивая его голову. Но орел не понимал, что от него требуют, и начинал беспорядочно метаться. И Ариэль оставил свои попытки.

На пути к горам виднелась река, где Ариэль мог напиться, — это было главное.

Они опустились на лесной поляне недалеко от реки. Ариэль тотчас взлетел и скрылся в зарослях тростника. Орел, тяжело рухнувший в густую траву, некоторое время лежал с распростертыми крыльями, открывая и закрывая клюв и неподвижно глядя перед собой одурелыми глазами. Потом посрамленный король воздуха встряхнулся, подобрал крылья, снова распустил их и полетел, провожаемый взглядом Ариэля.

Глава тридцатая

Чуждый небу и земле

Когда шум крыльев утих, Ариэль услышал звук свирели и, взглянув вниз, увидел мирную картину.

На илистом берегу реки паслось стадо буйволов. Вот большой синеватый буйвол с загнутыми рогами погрузился в ил по шею, другие буйволы направились за ним, и вскоре из тины виднелись только их плоские носы.

На пригорке полуголые пастушки предавались своим детским забавам — лепили из тины домики, стены, дворцы, фигурки буйволов, вставляли в руки глиняных человечков палочки из камыша, другие плели из травы корзинки и сажали в них кузнечиков; иные низали бусы из черных и красных орехов, ловили лягушек, играли на самодельных флейтах и пели протяжные песни со странными трелями.

Ариэль, на время позабыв о жажде и голоде, с интересом и завистью наблюдал за пастушками. Они были счастливы по-своему. Их детство проходит среди природы, их никто не преследует, их не мучают и не пугают, как детей в Дандарате... Ариэлю нечем было вспомнить свое детство, только далекие, почти совсем стертые временем воспоминания о доме в туманном городе, о комнате, ковре, игрушках, маленькой светлоголовой девочке... Но и эти воспоминания омрачаются зловецей фигурой человека в черном, который — во сне или наяву — растоптал его игрушки, грубо растоптал его детские годы...

И вдруг Ариэль вспомнил свою болезнь, свой недавний бред... Ведь это было вчера или даже сегодня!.. Среди лиц, окружавших его кровать, он видел старого человека, лицо которого напомнило лицо того черного, хотя старик был одет в белый костюм, какие носят европейцы в Индии. Неужели все это не было бредом? Рядом с Пирсом этот зловеций старик с острым носом-клювом и совиными глазами. Почему он оказался в комнате?.. И был еще один, высокий, бритый, который все время так зло глядел на Ариэля. Что нужно этим людям и что объединило их? Только девушка смотрела на него с состраданием. Вероятно, она добрая, как Лолита, Низмат, Шьяма. И все-таки как мало добрых людей на свете!

Отдаленные раскаты грома вернули Ариэля к действительности.

Воздух был раскален и необычайно душен. Вновь захотелось есть и пить. А пастушки, как нарочно, оставив игры, сели в кружок и начали полдничать, вынимая из сумок и корзинок рисовые лепешки, кокосовые орехи и виноград.

Попросить? Но если они видели, как он прилетел на орле, то, вероятно, в ужасе убегут от него... Убегут, но, может быть, оставят лепешки? Ариэль поднялся, завернулся в простыню и пошел к детям.

Увидев незнакомого белого человека, ребята насторожились.

— Здравствуйте, братики! Я бедный акробат. Хотите, я покажу вам забавную штуку? — спросил Ариэль.

Он вдруг встал на руки, потом поднялся на пальцах рук, потом оперся на указательный палец левой руки. Продержавшись так с минуту, он снова встал на ноги.

Дети были восхищены. Такой замечательной шутки не проделывал ни один ярмарочный акробат. Когда же Ариэль, подпрыгнув, перекувырнулся

несколько раз в воздухе и встал на ноги, их восторгу не было границ. Они шумно, наперебой, предлагали ему лепешки, сушеный виноград, кокосовые орехи. Ариэль напился воды и хорошо поел.

Гром прогремел совсем близко. Ариэлю очень хотелось остаться с детьми, но страх перед Пирсом гнал его дальше.

Простившись с детьми, Ариэль углубился в чащу деревьев и, когда она совершенно скрыла от него берег с детьми и буйволами, взвился над лесом и внимательно осмотрелся.

Тучи покрыли уже половину неба и наложили густую тень на поля, которые он только что миновал. Ветер налетал порывами. Тем лучше. Этот ветер, который гонит перед собой тучи, поможет ему улететь возможно дальше от преследователей. И Ариэль поднялся еще выше. Синие тучи стояли уже совсем над его головой.

Вдруг ураганный ветер подхватил Ариэля, бросил сначала вниз, а потом, завертев, понес вверх, в самую гущу туч. Ариэль попытался бороться с ветром, но сразу почувствовал, что это невозможно. Чтобы не тратить напрасно сил, он решил отдаться во власть циклона. В конце концов для него в этом нет ничего страшного. Ведь упасть и разбиться он не может. Когда циклон утихнет и не будет поддерживать его, он перейдет на самостоятельный полет.

Обезвесив свое тело, Ариэль почувствовал, что ветер совершенно утих. Дышалось легко. Ни малейшего движения воздуха не ощущалось. «Это потому, что я лечу с такой же быстротой, как и циклон», — догадался Ариэль.

Но, глянув вниз, он невольно вздрогнул: несмотря на то, что он находился на большой высоте, под ним необычайно быстро проносились поля, горы, леса, реки, деревушки... При взгляде же вверх ему показалось, что синие горы, бурые скалы, черные пропасти, переплетенные ослепительными лианами молний, падают на него... И вдруг они обрушились, окружили, завертели... Где небо? Где земля? Все было покрыто сизой мутью, кругом сверканье, грохот, неожиданные порывы ливня то сверху, то снизу, то с боков. Встречные ветры кружили и вертели его, как сорванный лист. Вода заливала уши, рот, нос, в голове мутилось.

Наконец он попал в нисходящее течение воздуха. Дождь и ветер, казалось, внезапно прекратились, — он падал вместе с ними. Но стоило ему чуть задержаться, как волны воздуха и потоки воды обрушивались на него и давили вниз.

Совсем неожиданно он увидел невдалеке землю. Нет, не землю, а беспредельное темное море, вспыхивающее от молний. Неужели циклоном его занесло в океан?.. Долго ли он сможет продержаться в воде?.. Нет, это не океан. При вспышке молнии Ариэль увидел вершины деревьев, крыши домов... Наводнение!..

И вдруг золотой луч уже низкого солнца осветил какой-то островок. Туда! Во что бы то ни стало!

Преодолевая сопротивление ветра, Ариэль летит к островку. Он видит хижины убогой деревни. Тучи вновь скрыли солнце, но ураган уже понесся дальше, ветер утих, только ливень еще продолжается, хотя и не с такой силой.

Ариэль почти падает возле беседки, увитой лианами, слышит возле себя чье-то тяжелое дыхание.

С блестящей от дождя синеватой шерстью, раздувая бока, лежит буйвол, ве-

роятно приплывший издалека и истомленный борьбой со стихией.

Отдохнув немного, Ариэль, шлепая по лужам, полным лягушек, утопая в грязи, идет по размытой дороге к человеческому жилью. Под последними порывами ветра скрипят бамбуки.

Вот и хижина. Ливень смыл глиняные стены забора и столбы ворот. Их створки беспомощно висят на петлях.

Двор порос травой. Дерновая кровля дома провалилась. Ариэль вступает на веранду и, вспугнув серую ящерицу, входит в дом. По полу со звуком «тик-тик» бегают маленькие скорпионы. Стены дома покрыты плесенью. Узкая лестница ведет на крышу.

В углу голый старик, которого можно было принять за статую, — так неподвижно он сидел, опустив глаза, в позе глубокого раздумья. Скелет, обтянутый кожей, с длинной белой бородой.

— Саниаси! — окликнул его Ариэль.

Старик не сразу вышел из своего сосредоточенного состояния, подняв голову, посмотрел на Ариэля невидящими светло-голубыми, как у буйвола, глазами и сказал нараспев:

— Радость обретения бесконечного в конечном!.. — И снова опустил глаза.

Здесь Ариэль не смог найти помощи и крова. Он вышел.

Совсем стемнело. Пройдя по деревне, Ариэль убедился, что она была полуразрушена и пуста. Только в одной хижине, освещенной тусклой светильней, двигались четыре белых призрака — это были женщины-обмывательницы, пришедшие к покойнику.

Ариэля вдруг охватило сознание такого одиночества и затерянности, что он заплакал едва ли не в первый раз с тех пор, как плакал в детстве, когда черный человек растоптал его игрушки.

Несмотря на наступающую ночь, он вдруг рванулся вверх и полетел над залитой водою мертвой равниной, стараясь не глядеть вниз.

Последние тучи быстро уходили за горизонт.

Перед Ариэлем на бездонной синеве ночного неба блеснула яркая звезда. Он полетел к ней, как к огню маяка.

К звездам! Подальше от земли и людей!..

Глава тридцать первая

В джунглях

Ариэль проснулся под потолком полуразрушенного храма и не сразу понял, где он. Но вскоре он вспомнил мертвую, залитую водой пустыню с отражавшимися в ней звездами. Он летел над нею долго-долго, почти всю ночь. На горизонте, над блестящей темно-синей гладью воды, показалась черная полоска леса. Берег! Отдых! Ариэль полетел еще быстрее.

Когда он достиг опушки леса, то был настолько утомлен, что уже не стал искать сухого места, подлетел к большому ветвистому дереву и устроился, как в гнезде. Прислонив голову к стволу, он тотчас уснул.

Проснувшись от первых лучей солнца, он с удивлением заметил, что висит в воздухе возле дерева. Во сне он, вероятно, бессознательным движением отодвинулся от своей опоры. Но, засыпая, он из осторожности обезвесил свое тело, потому и не упал на землю, а продолжал висеть в воздухе. Для него это было полезным открытием: он может спать в воздухе! И эта возможность очень пригодилась ему.

Воздух, когда он проснулся, наполнен был густыми испарениями, пронизанными багрово-оранжевыми лучами восходящего солнца. Возле уже пели в ветвях птицы, визжали обезьяны. А внизу, у толстых извилистых корней деревьев, огромная кобра грелась в лучах солнца. Что было бы с ним, если бы он упал во время сна на землю!

Кобра напилась воды из лужи, приподняла голову на треть длины своего тела, покачивая ею, осмотрелась и увидела в траве пеструю птичку.

Ариэль заметил опасность, угрожающую птице, и хотел вспугнуть ее, но кобра молниеносно набросилась на свою жертву и проглотила ее прежде, чем та успела пискнуть.

«Вот так и Пирс охотился за мной, — подумал Ариэль. — Но кобра голодная, а зачем это надо Пирсу?»

Однако и Ариэль был голоден, и ему пора было подумать о пище.

Он снова поднялся над вершинами деревьев и увидел, что находится у края диких, первобытных джунглей. Насколько глаз хватает виднелись, словно волны на зеленом море, купы огромных деревьев. Ариэль полетел над этим морем зелени. Среди лесной поляны виднелись развалины храма с грубо высеченными колоннами, перевитыми лианами. Внизу рос густой кустарник.

Неплохо бы здесь поселиться. Ариэль опустил вниз сквозь отверстие в полуразрушенной крыше.

Влажный, застоявшийся воздух охватил его. Крыша частично сохранилась. Здесь можно укрыться от непогоды и тропических ливней. В углу этой сохранившейся части храма стояла черная статуя сидящего в кресле Индры в три человеческих роста. Ладони рук лежали на коленях. Одна нога опущена на землю, другая подвернута. Глаза полузакрыты. На голове конусообразная митра, на груди — ожерелье. По бокам — фигуры божков в рост человека.

На коленях Индры можно устроить постель, набросав хвороста, листьев и моха.

Статуя находилась в узкой длинной комнате. Направо шли колонны, отделявшие соседнее помещение храма, с низким сводчатым потолком, правая же

стена была почти вся открыта, свод поддерживался только четырьмя квадратными колоннами. Это открытый путь для диких зверей.

Но разве звери не окружают его со всех сторон?

Ариэль вылетел из храма и начал перелетать от дерева к дереву, как пчела, ищущая медоносных цветов. К своей радости, он убедился, что в этом лесу немало съедобных плодов. Недалеко был и источник. Недаром здесь построили храм! Возле берегов ручья трава была притоптана зверями, пробиравшимися к водопою.

К вечеру Ариэль устроился на новоселье. Он успел даже сделать небольшой запас плодов на случай непогоды и устроить из веток и мха постель на коленях Индры. Но не успели спуститься сумерки, как Ариэль понял, что он не единственный жилец в этом храме. Кроме множества скорпионов, ящериц и летучих мышей, которых он заметил еще днем, обитателями руин оказались и змеи. Они сползались сюда после дневной охоты и свивались клубками, чтобы ночью было теплее... Скоро весь пол покрылся этими клубками. Змеи шипели, размещаясь на покой. Рыжие летучие мыши, питавшиеся плодами, летали тучами, задевая нового жильца крыльями. Иногда они опускались к полу, беспокоя змей, и те шипели на них. При таком близком соседстве бесчисленного количества змей спать и на коленях Индры было небезопасно. И Ариэль, вспомнив свое утреннее открытие, решил спать на потолке, над головой Индры.

Иногда его будили голоса ночных животных и птиц, но скоро он привык и к ним.

Для Ариэля началась новая жизнь в джунглях. Первые дни он радовался тому, что далеко улетел от своих преследователей, предпочитая им диких зверей и змей. Только по вечерам, засыпая, он чувствовал свое одиночество, свою сиротливость и вспоминал немногих друзей — Лолиту, Низмата, Шарада. Но о возвращении к ним еще рано думать. Надо выждать, пока Пирс прекратит свои поиски, убедившись в том, что на этот раз Ариэль пропал бесследно.

Теперь, не опасаясь людей, он мог свободно наслаждаться радостью полета. До сих пор ему приходилось только улетать от преследований или забавлять своими полетами других. В джунглях же он мог летать, чтобы летать.

При первых же лучах солнца Ариэль стремительно поднимался в голубой простор. Влажный, тяжелый воздух джунглей сменялся легким и освежающим. И Ариэль вместе с ранними птицами пел свою утреннюю песню.

Иногда он совершал довольно длительные полеты. Любовался игрою света в облаках, очарованием лунных ночей со сладостным чувством свободы, простора, легкости.

И он летал часами, пока тело не напоминало ему о том, что он все же пленник земли: когда чувствовалась усталость, хотелось пить, есть или спать, он возвращался в свое обиталище.

Однажды в звездную ночь Ариэль попробовал уснуть высоко над лесом. Но, проснувшись, он увидел, что поднявшийся во время его сна ветер далеко отнес его в сторону, и он едва разыскал дорогу назад. С тех пор он не решался спать в небе.

Шли дни, и Ариэль все больше обживался в джунглях. Он изучал привычки и нравы птиц и животных, с одними враждовал, с другими дружил. Как-то тигр подстерег его у ручья и прыгнул в его сторону. Ариэль едва успел отле-

теть. Вторым прыжком тигр бросился к человеку, висящему в воздухе, Ариэль отлетел еще выше. Рассерженный тигр начал бешено прыгать, стараясь достать добычу. Ариэль не мог удержаться, чтобы не подразнить зверя, пока тот, вконец рассерженный неудачей, не исчез в джунглях. А летающий человек некоторое время еще преследовал его криками. Обезьяны и попугаи охотно приняли участие в посрамлении грозы джунглей.

Нашлись и друзья. Несколько обезьян, которые вначале удирали от Ариэля и сердито кидали в него чем попало, в конце концов подружились и запросто приходили к нему, а он прилетал к ним, угощая отборными плодами. Два попугая часто сопровождали его в полетах по лесу, встречая его, картавили: «Ариэль! Ариэль!»

Он научил их говорить: «Лолита, Низмат, Шарад». И ему казалось, что он беседует с друзьями.

Он видел страшные битвы слонов и буйволов с тиграми, видел огромные стада диких слонов. С высоты они казались ему какими-то мелкими крысами, а их хоботы — толстыми хвостами, закинутыми на голову. Подлетая ближе, он слышал глухой топот их могучих ног, треск ломаемых деревьев, удары бивней, сухой шорох складчатой кожи и сталкивающихся хоботов, ворчанье и рев. Он видел сотни колышущихся ушей, поднятых хоботов, безостановочно колеблющихся хвостов. Видел огромных старых слонов с белыми клыками, покрытых листьями и ветками, застрявшими в морщинах и складках их кожи, с одним клыком, с рубцами на шее — следами минувших битв. Видел сутевых черненьких слонят всего в два-три фута вышиной, бегавших под брюхами слоних, и молодых слонов, у которых клыки только что показывались.

Незаметно для себя Ариэль превращался в одичавшего человека. Волосы его отросли, ходил и летал он голым, лишь с повязкой из листьев на бедрах. Рубашку и простыню он бережно хранил под камнями.

Целыми днями в окружении птиц и обезьян он перелетал от дерева к дереву в поисках пищи, высоко поднимаясь при малейшей опасности. Если бы он одичал совершенно, то так и окончил бы свои дни в джунглях. Этого не случилось, и причиной тому были прирученные им попугаи.

«Лолита! Низмат! Шарад!» — кричали они с утра до вечера, и эти крики отдавались в его сердце радостью и тяжелым упреком, заставляли думать о своей судьбе.

Происшествие во дворце раджи и встреча с Пирсом оставили глубокий след в душе Ариэля. Он как будто сразу перешел от своего искусственно привитого инфантилизма к зрелости, хотя еще сам не вполне сознавал происшедшую в нем перемену.

До сих пор он был пассивным орудием в руках других. В Дандарате он научился только симулировать, скрывать свои мысли и настроения. Улетев из Дандарата, он жил в страхе вновь оказаться в руках Пирса. Парализованный этим страхом, он даже не думал о какой-то активной борьбе, о том, чтобы отстаивать свое право жить так, как ему хочется, а не так, как того хотят другие.

Страх загнал его в эти дебри, лишил общества людей, среди которых есть и добрые, обрек на одиночество. И вдруг в нем проснулись человеческая гордость и возмущение. Нет, он не останется в джунглях! Он полетит к людям и добьется своего права жить среди них!

Почему бы ему не воспользоваться своим необычайным преимуществом? Летающий человек может многое сделать! Что именно — он еще не представлял, он еще мало знал жизнь людей. «Но время само покажет, что надо делать», — решил Ариэль и начал собираться в путь.

Он нашел орех, сок которого окрашивал кожу в коричневый цвет. В таком виде его можно было принять и за индуса и за европейца с сильным загаром. Окраска несколько бледнела после купанья, но все же сохранялась. Он осмотрел рубашку и простыню, выстирал их и даже попробовал выгладить нагретыми на солнце камнями. Сделав небольшой запас плодов, он однажды ранним утром пустился в путь.

Глава тридцать вторая

«Новообращенный»

Пастор Эдвин Кингсли снял очки, вздохнул, откинулся на спинку кресла и поднял вверх глаза. На стене перед ним висел портрет короля с длинным англосаксонским лицом и фамильными большими, немного выпуклыми глазами, рядом портреты вице-короля Индии, сурового лорда с тонкими губами, и епископа Кентерберийского в церковном облачении. Король и вице-король повернули головы в сторону, как бы отворачиваясь от пастора, а епископ смотрел прямо в глаза с упреком, как показалось Кингсли, миссионеру, не оправдавшему надежд.

Что скажет его преосвященство, до сих пор покровительствовавший пастору, когда прочтет его последний отчет?

Три недели пастор Кингсли корпел над этим отчетом, стараясь изложить положение вещей в благоприятном для себя свете.

Обращение жителей Индии в христианство вначале шло очень успешно. Кингсли в своих отчетах давал понять, что причиной больших успехов были его миссионерская рачительность и талант проповедника.

На самом деле причина была иная: пастор привлекал в стадо Христово овец — «язычников» — из самых низших, презируемых каст. Для них переход в христианство был выгоден, так как несколько улучшал их бесправное положение. Немалую роль играли и серебряные крестики и дешевые подарки, которые получали при крещении обращенные в христианство. Но вдруг все изменилось. Некоторые индийские религиозные общества, обеспокоенные увеличением числа переходивших в христианство, придумали особый обряд очищения для париев, что ставило их в правовом отношении на ступеньку выше. И хотя такое новшество вызывало возражения со стороны наиболее консервативных обществ «правоверных», оно имело успех. Многие парии предпочитали теперь очищение крещению. И миссионерские успехи Кингсли сразу прекратились. Все труднее становилось привлекать прозелитов. Отпадали от христианства и обращенные.

Пастор Кингсли оказался в очень затруднительном положении. Он потерял аппетит и покой. Днем он трудился до пота над хитроумным отчетом, ночами изобретал средства, которые могли бы поправить дело. Он составлял красноречивые проповеди, совершал миссионерские поездки в самые отдаленные селения прихода, но ничего не помогало. Этих язычников и идолопоклонников можно пронять только чудом, доказав превосходство христианского бога.

Но где взять чудо?

— Джон! Завтрак мистеру Кингсли! — услышал пастор голос своей сестры, старой девы мисс Флоренсы Кингсли.

Вошел мальчик-индус с подносом, на котором стояли дымящийся кофейник, чашка, тарелка с яичницей и гренками.

Это был крестник «тетушки Флоренсы» (так звали в доме сестру пастора), Пареш, получивший при крещении имя Джона. На нем был серебряный пояс — подарок крестной, ради которого он и крестился; на шее крестик и серебряный амулет, доставшийся от покойных родителей. С ним Пареш-Джон ни за что не хотел расстаться.

Принимая кофе, пастор посмотрел на крест и амулет и, вздохнув, подумал: «Вот и все они таковы. На груди и крест и амулет, а в груди...»

— Мистер пастор, кажется, занят... — услышал пастор из другой комнаты голос своей дочери Сусанны. Она с кем-то говорила на хиндустанском.

Мистер Кингсли насторожился. А вдруг это какой-нибудь индус, слушавший его проповедь и пожелавший принять крещение? И, забыв о завтраке, пастор наскоро надел на пижаму халат и поспешил в переднюю.

Перед ним стоял стройный темнокожий юноша с красивым лицом и длинными волосами отшельника. На нем были лишь рубаха и какой-то странный белый плащ. В чем только ходят эти туземцы!

— Ты ко мне? — спросил пастор.

— Да, — скромно ответил юноша, потупив глаза. — Я хотел, мистер, поговорить с вами... Но, кажется, я не вовремя?

Сусанна, девушка лет двадцати, в холщовом платье с выбритой после тифа головой, хмуро смотрела то на отца, то на юношу.

Пастор, узнав, что юноша пришел с ним серьезно поговорить, позвал его в свой кабинет.

Нежданный гость назвал себя Биноем. Он индус, сирота. Хочет отдать себя служению богу. Изучал брамаизм, буддизм, коран, но эти религии не удовлетворяют его. О христианстве он знает, но хотел бы глубже изучить это верование. Что ему не нравится в религиях его родины? То, что их боги не проявляют себя видимо, осязательно, не приходят на помощь людям.

Пастор нахмурился и подумал: «Он довольно развит для туземца, но у него практический ум. Сей род лукавый требует знамений, чудес. С такими трудно. Но все же можно доказать ему, что бытие бога проявляется не только в чудесах, — дались всем им эти чудеса!.. Главное — не упустить его, окрестить во что бы то ни стало, хотя бы для этого понадобилось и кое-что подороже серебряного крестика. В отчете должны фигурировать новые обращенные!»

— Мы поговорим об этом с тобой, мой друг, — ласково сказал пастор. — Но для этого нам придется часто видеться. Где ты живешь?

— Я странник, ищущий истинного бога, — ответил гость.

Пастор подумал немного и торжественно заявил:

— Ты останешься у меня, Биной! Да, да. У меня найдутся угол и горсть риса для человека, ищущего бога! Флоренса! — крикнул он. И когда вошла седая костлявая женщина в черном платье, он сказал ей: — Вот это Биной. Надеюсь, твой будущий крестник. Он будет жить у нас. Отведи его в мансарду.

Тетушка Флоренса, с любопытством оглядев юношу, кивнула головой.

— Идем!

Когда они вышли, в кабинет пастора вбежала Сусанна.

— Послушай, отец, — начала она возбужденно. — Мне кажется, ты в своем миссионерском рвении забываешь обо всем. Разве нельзя было поместить этого бродягу у церковного сторожа? Ведь эти грязные цыгане — рассадники заразы. Довольно того, что я болела тифом, недостает еще заразиться холерой или чумой!

— Ни один волос не упадет с головы человека без воли божьей, — наставительно ответил мистер Кингсли, стараясь скрыть смущение.

— Ни один волос! У меня и так бритая голова. Это ты можешь говорить в своих проповедях. Я не хочу, чтобы в нашем доме жили нищие!

— Но это необходимо, дочь моя. Что же делать? Каждая профессия имеет свои опасности. А если бы я был врачом? Хожу же я напутствовать умирающих...

Он, всегда уступающий своей дочери, на этот раз проявил неожиданное упрямство. И Биной остался.

Ариэль давно обдумывал план. Уже в Дандарате он смутно догадывался, к чему его готовили, превратив его в летающего человека: его, очевидно, хотели показать как чудо, чтобы укрепить веру, религию. Но почему бы ему самому не использовать эту роль в своих целях? Ему необходимо было найти какой-то приют, осмотреться, ближе узнать людей, быть может собрать немного денег, чтоб начать самостоятельную жизнь. Дальнейшие планы были неясны. Они часто менялись, но в них неизменно включались Лолита, Шарад, Низмат.

Пролетая ночью над небольшим городком, Ариэль увидел эту высокую колокольню, и тогда план первого шага в обществе людей созрел у него.

Он вскоре почувствовал враждебное отношение Сусанны. Она избегала встреч и едва отвечала на поклоны. Зато тетушка Флоренса, которую Сусанна называла «миссионером в юбке», покровительствовала Биной.

Вечерами пастор вел с юношей длинные беседы. Уступая дочери, он не приглашал больше Биной в кабинет, а поднимался к нему в мансарду, где Биной жил отшельником. Он был чрезвычайно скромн в пище и целыми днями сидел над библией и евангелием.

Рвение и быстрые успехи Биной радовали и поражали пастора, который не подозревал, что его ученик уже изучил историю религии — почти единственное, чему учили в Дандарате.

Скоро Биной был торжественно крещен, получив еще одно имя, Вениамина, или, как сокращенно называл его пастор, а за ним и тетушка Флоренса, — Бен. Он все еще оставался жить у пастора для укрепления в вере и укрепил ее настолько, что едва не уложил в гроб своего наставника.

Глава тридцать третья

«Чудо»

Это случилось в один из воскресных дней.

Пастор в полупустой церкви говорил проповедь на тему о вере, о чудесах, о божественном вмешательстве в дела людей.

— Бог всемогущ, и если он не приходит людям на помощь, то лишь потому, что они не с достаточной верой просят его об этом. Ибо, истинно говорю вам, сказано в писании, если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «Перейди отсюда туда», — и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас...

При этих словах Бен-Ариэль, сидевший на первой скамье, неожиданно вышел на середину церкви, крепко сжал молитвенник, поднял глаза к небу и воскликнул:

— Верю, господи, что ты совершишь по вере моей! Подними меня над землей!

И вдруг все увидели, как тело юноши заколебалось и приподнялось так, что ступни ног оказались футах в двух от пола. Он то повисал в воздухе, то медленно опускался и благодарил бога.

Пастор схватился за пюпитр кафедры, чтобы не упасть. Он побледнел, нижняя челюсть его дрожала.

В церкви наступила такая тишина, что слышно было, как мимо окон пролетали ласточки. Люди словно окаменели. Потом поднялось нечто невообразимое. Стены здания задрожали от истерических, иступленных воплей людей. Присутствующие повскакивали со своих мест. Одни в панике с криками бросились к дверям, давя друг друга, другие кинулись перед Беном на колени, простирали к нему руки, иные били себя в грудь и, смеясь и плача, восклицали:

— Есть бог! Есть бог! Есть!

Если бы Пирс видел все это! Недаром он и лондонский центр возлагали на летающего человека такие надежды!

Ариэль стоял и смущенно улыбался, будто он еще не осознал того, что произошло.

Пастор поднял руку, пытаясь водворить порядок, но он сам был потрясен не меньше других. Судорожно махнув рукой, он сполз с кафедры, — ноги не держали его, и тут же, потрясенный чудом, задыхаясь, он сел на пол.

В амазонке и черном чепчике Сусанна возвращалась верхом на буланой лошадке домой после утренней прогулки. Она гарцевала по полям в то время, когда люди молились в церкви и слушали проповедь ее отца.

Своевольная, капризная, Сусанна доставляла мистеру Кингсли немало хлопот. Она ненавидела хозяйство, увлекалась охотой и верховой ездой, любительскими спектаклями в кружке англичан и фотографией. Она издевалась над филантропией тетушки Флоренсы и говорила ужасные вещи. Приводя в содрогание своего отца, она, например, заявляла, что всем философам предпочитает Чараку — грубого материалиста, доказавшего, что душа и тело тождественны. Она ненавидела Индию и мечтала о возвращении в Лондон. Пастор

объяснял причуды дочери влиянием вредного для европейцев индийского климата и ее возрастом. «Выйдет замуж, вся эта дурь пройдет», — успокаивал себя пастор.

Обедня еще не окончилась, а из церковных дверей валил народ, крича, размахивая руками. Уж не пожар ли там? Сусанна пришпорила лошадку и увидела мальчика Пареша-Джона, который жил у них в доме «для укрепления в вере Христовой», что, по-видимому, требовало выполнения всей черной работы, быть может для развития христианского духа смирения и покорности.

— Эй, Джипси! — сдерживая лошадь, крикнула Сусанна, словно звала собачку.

Сусанна считала, что «эта обезьянка» недостойна носить имя Джона наравне с сагибами, и звала мальчика «Джипси» (цыган). Она всех индусов считала цыганами и, когда отец возражал, говорила: «Почитайте „Народоведение“ Ратцеля».

Джон вприпрыжку приблизился к Сусанне.

— Что там такое случилось? — спросила она, указывая хлыстиком на церковь.

— Ах, мисс! Там, мисс, такие дела, мисс, что, мисс...

Сусанна нетерпеливо взмахнула хлыстиком над самой головой Джона.

— Бен... Биной, мисс, подскочил на воздух, мисс, и все очень испугались, — выпалил мальчик.

— Не болтай глупостей!

— Правда, мисс! Вот так... — И Джон начал подпрыгивать. — Это у него очень ловко вышло. Будто он стоял на невидимой скамейке! — И Джон снова запрыгал, стараясь держаться подальше от хлыста Сусанны.

Опираясь на плечо церковного сторожа и пошатываясь, из церкви вышел пастор.

— Отец! Что случилось? — спросила уже встревоженная Сусанна. Она любила своего отца, хотя в душе немного досадовала на слабость его характера.

Пастор молча двигался к дому, она ехала возле него, похлопывая хлыстом по шее лошади.

— Скажи же наконец!

— Потом, дитя мое, — слабо ответил пастор. — Мне надо... немного прийти в себя.

— Лучший способ знать, что делается в церкви, — ходить в церковь, — пробормотал сторож, недружелюбно взглянув на подрезанный хвост лошади.

Сусанна щелкнула хлыстом и крикнула:

— Джипси, чертенок!

И соскочила с лошади.

Джон, действительно похожий на цыганенка, выбежал из кухни с тряпкой в руке.

— Отведи лошадь в конюшню, — приказала девушка, расправляя складки амазонки. — Вот и вы, тетушка Флоренса! Наконец-то я узнаю, в чем дело. Вы плачете, тетушка? Что с вами?

— Это от радости, Сузи. Господь сподобил меня видеть чудо.

— Чу-удо? — протянула Сусанна. — Это прыжки-то Биной — чудо?

Тетушка нахмурилась и даже немного побледнела.

— Не говори так! Бог накажет тебя! Ты ведь не видела. Бен великий святой!

Он не прыгал, а поднялся в воздух. Все видели это. Бог сделал чудо по великой его вере.

— Я всегда ожидала от тебя чего-нибудь подобного! — со вздохом сказала Сусанна. — Тетушка Флоренса становится фанатична, и это к добру ее не приведет, не раз думала я.

— Безбожница! — с негодованием воскликнула старая дева и сейчас же смиренно добавила: — Не судите и не судимы будете. Да простит тебя и меня, грешную, божье милосердие! — И она проследовала в дом.

Сусанна, задумавшись, стояла на дорожке палисадника. К дому приближалась толпа.

— Святой! Саниаси! Благослови меня! Прикоснись к своему сыну! Позволь прикоснуться к стопам твоим! — слышалось из толпы.

Не доходя несколько десятков футов до изгороди сада, крестьяне остановились — они не решались приближаться к дому. Из толпы вышел Бен-Ариэль. Крестьяне проводили его поклонами и пошли назад, продолжая возбужденно разговаривать.

Опустив голову, Ариэль вошел в садик и направился к веранде.

— Послушай, Биной, Бен, или как тебя там... — остановила Сусанна юношу. Ариэль остановился.

— Что ты такое выкинул в церкви?

— Бабу... пастор мистер Кингсли сказал, что если сильно верить, то для человека нет ничего невозможного. Такова сила христианского бога. Я с верой обратился к господу, чтобы он помог мне подняться над полом, и бог внял мне. Вот и все.

— И поднял тебя сам бог? Под мышки или за волосы?

Ариэль молчал. Замолчала и Сусанна, усмехнулась и, расширив ноздри, почти крикнула:

— Чепуха! Не верю! Ну, проделай передо мной этот фокус, если не хочешь, чтобы я назвала тебя лжецом!

Ариэль вздохнул, посмотрел на калитку, на клумбу гвоздик и легко ступил на головку цветка, причем цветок даже не пригнулся. Так по головкам гвоздик он перешел клумбу и остановился на дорожке, скромно взглянув на Сусанну.

— Забавный фокус, — сказала Сусанна, стараясь скрыть смущение. — Не воображай, что ты убедил меня в своем даре делать чудеса.

— Я только сделал то, что вы требовали от меня, — кротко ответил Ариэль.

— Так... отлично! И как же ты думаешь использовать эти фокусы?

— Бог укажет мне путь.

Сусанна топнула ногой.

— Терпеть не могу ханжества! — воскликнула она, потом продолжала в раздумье: — Допустим, что ты как-то ухитришься делать это, что это не гипноз. Ну, и дальше? Неужели ты будешь проделывать все эти фокусы только для того, чтобы повергать в истерику старух и стариков в церкви или удивлять девушек-простушек, порхая по клумбам, как бабочка? Или, быть может, ты собираешься получать медяки на ярмарках? Мужчина должен заниматься настоящим мужским делом. Я бы на твоём месте поступила в пожарные. Да, в пожарные! Спасала бы людей из горящих зданий, взлетая на высокие этажи, куда не достигает пожарная лестница. Или работала бы в обществе спасения

на водах, а не изображала бы собой чудотворца и не жила бы в глуши на чужих хлебах.

— Может быть, я так и поступлю, — ответил Ариэль, низко поклонился и прошел в дом.

«Ловкий мошенник!» — задумчиво глядя на цветы, подумала Сусанна.

Глава тридцать четвертая

Брожение умов

Пастор, придя домой, долго ходил из угла в угол по своему кабинету, задевая ногами легкие «походные» стулья и столики из бамбукового тростника. Как многие англичане в Индии, он не обзаводился основательной мебелью, считая свое пребывание кратковременным, и так проходили годы.

Кингсли был в чрезвычайном волнении. Он сжимал руки так, что хрустели пальцы, он хватался за голову.

Что произошло? Чудо? Одно из чудес, о которых он так много и красноречиво разглагольствовал в проповедях? «Есть бог!» — вспомнил он чей-то возглас в церкви. Но ведь это невозможно! Против чудес восставал его практический разум англичанина двадцатого века.

А если он не верит в возможность чуда, то, значит, не верит и в бога? Эта пришедшая вдруг мысль поразила его.

Он знал, что религия нужна. И он был одним из чиновников, усердно выполняющих свою работу. Простым людям трудно справиться! И в его обязанность входило поддерживать эту веру. И вдруг появляется этот мальчишка Бен и переворачивает все вверх дном, ставит его, пастора, перед самим собой в нелепейшее положение. Конечно, Бен не заставит его поверить в чудо бога, чудо творца. Но все же что значит это сверхъестественное явление? Как понять его? Как держаться дальше?..

Очень заманчиво использовать Бена. Но это рискованная игра, в которой можно скомпрометировать и себя, и миссионерство, и англичан. А отлично бы использовать... Сколько можно обратить неверных, какой блестящий представить отчет!..

Пока пастор в сотый раз измерял свой кабинет, блаженная тетушка Флоренса стояла с молитвенно сложенными руками в комнате Ариэля, восторженно смотрела на него и говорила:

— Значит, ты можешь двигать и горы? Прошу тебя, милый Бен, сделай это чудо! Видишь гору? — И она кивнула головой в сторону окна. — Отодвинь ее подальше. Из-за этой горы я никогда не вижу солнца в моей комнате.

— Это могло бы погубить людей и животных, находящихся на горе и в ее окрестностях, — уклончиво отвечал Ариэль.

Тетушка задумалась. Жажда чудес обуревала ее.

— Ну, пусть хоть стол сдвинется с места!.. И можешь ты сделать меня молодым? Или перенести меня в Англию?.. Пусть по слову твоему распустится этот увядший цветок... Ну, избавь меня по крайней мере от камней в печени!

— Нельзя искушать господа понапрасну, — отвечал Ариэль, которому надоела настойчивость тетушки Флоренсы.

— Как понапрасну? Камни в печени причиняют мне ужасные боли, операции же я боюсь, как...

— Значит, вас бог наказал камнями в печени!

Флоренса замолчала, вспоминая грехи, за которые бог мог наказать ее камнями в печени... Все-таки чудотворцы — несговорчивые люди... Предложить ему подарок? Еще обидится, скажет, что это симония — торговля чудесами. Вот если самой заполучить такое горчичное семечко веры...

— Слушай, Бен, не сердись. Но, может быть, ты смог бы передать мне немножечко своей веры, хоть с пылинку?

— Это зависит от вас. Верьте, и дастся по вере вашей!

Тетушка Флоренса зажмурилась, сжала кулаки, покраснела от натуги.

— Верю, что поднимусь на воздух! Верю, господи, верю!.. — Она приподнималась на носках... — Кажется, уже! Боже, неужели? Как страшно! Кажется, поднимаюсь! Верю, верю, верю, верю! — Она крепко зажмурила глаза.

Ариэль, окончательно потеряв терпение, вдруг схватил тетушку Флоренсу, вмиг посадил ее на шкаф и выбежал из комнаты. На лестнице он едва не сбил с ног пастора.

— Иди за мной, Бен!

Пастор привел Ариэля в свой кабинет, усадил в кресло, долго шагал по комнате.

Наконец он сказал:

— Слушай, Бен, как ты это делаешь?

— По вере моей, — скромно ответил тот.

Пастор хотел вспылить, но сдержался.

— Покажи ноги! — приказал он.

Кингсли нагнулся и, кряхтя, осмотрел. Ноги как ноги. На подошвах никаких пружинок, аппаратов.

— Не научили ли тебя левитации факиры? — спросил он, хотя всегда утверждал, что левитация — досужие вымыслы праздных туристов. Но теперь ему легче было поверить в чудеса факиров, — все-таки это могли быть только ловкие фокусы, — чем в чудо христианского бога.

— Я не знаю, что такое левитация, — простодушно возразил Ариэль.

— Ну, хорошо. Если ты сейчас обманываешь меня, то обманываешь бога, и он накажет тебя: пошлет проказу. А если не обманываешь, то желаешь ли послужить ему?

— Вся моя жизнь принадлежит богу, творящему чудеса, — ответил Ариэль.

— Хорошо, иди, Бен.

И когда Ариэль вышел, пастор сказал:

— Жребий брошен. Будь что будет! Это все-таки лучший выход из положения. Я использую Бена, что бы он ни представлял собою, обращу в христианство массу язычников, составлю блестящий отчет и уеду в Англию со славой великого миссионера, а потом мой преемник пусть разделяется тут со всем, как знает!

И ему уже грезились награды, столичный ректорат, а может быть, и епископство.

В кабинет вбежала Сусанна, размахивая газетами.

— Отец, я всегда говорила, что твой Бен авантюрист. Вот, смотри, в газетах пишут о летающем человеке. Это, конечно, он.

— Но он все-таки летает, этот человек?

— И летчики летают, и жуки летают, но не выдают себя за чудотворцев!

— Слушай, Сусанна! Если ты хочешь скорей вернуться в Лондон, не показывай никому газет, ничего ни с кем не говори о Бене и не вмешивайся ни во что. Прошу тебя... Это продлится всего несколько дней, и тогда, даю тебе слово, мы поедем в Англию окончательно!

Ариэль уже не застал тетушки на шкафу.

Призвав на помощь веру, она хотела плавно спуститься со шкафа, но упала, ушибла колени, упрекнула себя в недостатке веры и отправилась в свою темноватую комнату.

Известие о чуде в церкви разнеслось по всем окрестностям. Можно было подумать, что Ариэль свел людей с ума. Тетушка все время то подпрыгивала, зажмурив глаза, то, свирепо уставив их на кастрюли или ножницы, шипела:

— Поднимись! Поднимись! Верю!..

Возле кухни прыгал Джон, тщетно пытаясь подняться на воздух и выкрикивая:

— Верую! Хоп!.. Мало веры. Еще! Верую! Хоп! Еще! Прибавилось веры! Верую! Хоп!..

В деревнях люди прыгали с крыш, пытались ходить по воде, фанатически кричали «верую!», ушибались, вязли в тине...

Но, увы, ни у кого не находилось веры даже с горчичное зернышко, или же всесилие веры было обманом, о чем уже громко говорили наиболее пострадавшие.

Терять время не приходилось. На дверях церкви пастор наклеил объявление о предстоящем торжественном молебне по случаю дарования чуда.

Глава тридцать пятая

Деловой разговор

Пастор Кингсли торжествовал. Успех чуда превзошел все его ожидания. Он каждый день совершал богослужения, и небольшая церковь не могла вместить всех приходящих. Пастор говорил красноречивые проповеди о силе веры, о могуществе христианского бога, сразу получившего перевес над всеми «языческими» богами.

Теперь он обращал в христианство десятками и сотнями. Отчет его приобретал все более блестящий вид.

Правда, прихожане слушали проповеди не очень внимательно. На каждом богослужении все с нетерпением ожидали появления чудотворца. И Ариэль после каждой проповеди выступал перед изумленными зрителями.

Новообращенные надоедали пастору вопросами, как поскорее «обзавестись верой», которая творит чудеса, почему никто другой не творит их, кроме Бена? Пастор разъяснял, как умел, призывал к терпению, давал советы, составил даже нечто вроде руководства для укрепления веры.

Люди бормотали наспех заученные молитвы, смысла которых не понимали, и мечтали о том, каких чудес они натворят, когда овладеют верой. Надо сказать, что большинство не мечтало ни о переброске гор, ни об остановке солнца, а лишь о новом доме, о новом сари, буйволе, осле, о каждодневной горсти риса, об исцелении от болезней, и никто — о царствии небесном.

На сеансах чудес, которые пришлось вынести за стены церкви, не вмещавшей всех желающих, начали появляться и европейцы, сначала местные саги-

бы, а потом и приезжие иностранцы.

Пастор заметил двоих из них, с американским акцентом, и ему бросился в глаза тот исключительный интерес, который они проявляли к Бену. «Вероятно, это журналисты. Они могут испортить все дело», — с опаской подумал пастор Кингсли. И беспокойство это было не напрасным.

Однажды эти двое подошли к Ариэлю. Не обращая никакого внимания на шум и гам окружавшей его толпы, один из них сказал Ариэлю по-английски:

— Не будете ли вы любезны, мистер, уделить нам несколько минут для делового разговора?

К удивлению пастора, Бен быстро ответил на чистейшем английском языке:

— К вашим услугам, мистеры! — И, выйдя с ними из толпы, направился к поджидавшему на дороге отличному американскому автомобилю.

Пастор видел, как все трое уселись в автомобиль, но не уехали, а начали совещаться. Когда разговоры были окончены, Ариэль попрощался с ними и вышел из автомобиля.

— С кем это ты разговаривал? — спросил пастор Ариэля по возвращении домой.

— С двумя приезжими мистерами.

— Это я видел. О чем шел разговор?

— Они интересовались мною, — ответил Ариэль. — Мне скоро придется расстаться с вами, мистер Кингсли. Позвольте поблагодарить вас за приют и за все ваши заботы.

Пастор подумал. Главное сделано, ведь скоро и сам он уедет, и, пожалуй, даже неплохо, что Бен еще раньше оставит его.

— Ну что же, Бен, ты человек свободный и можешь располагать собой. Когда ты думаешь уехать?

— Завтра. Если вы найдете это нужным, я еще могу в последний раз показать чудо.

— Отлично, мальчик мой, — ласково сказал пастор и поспешил сообщить дочери приятную для нее весть:

— Бен уезжает.

— Ты, папа, всегда говорила вещи, которые расстраивают меня!

Отец с недоумением посмотрел на дочь и подумал:

«Женщина всегда остается загадкой для мужчины, даже если она твоя родная дочь!..»

Глава тридцать шестая

Полет

Для достойного завершения своей миссионерской деятельности в Индии пастор Кингсли решил при помощи Бена дать последнее «гала-представление»: вознесение святого на небо, подобно праведнику Еноху, взятому живым на небо.

Это должно произвести чрезвычайный религиозный эффект и вместе с тем явиться наилучшим способом ухода Бена.

Пухлый миссионерский отчет был снабжен сводками об огромном количестве обращенных в христианство. Епископ будет доволен и по заслугам вознаграждает апостольские труды Кингсли. Пастор в предвкушении успеха потирал руки. Бен охотно дал согласие, и все должно сойти отлично. Святой улетит на небо, а пастор уложит чемоданы и в тот же день уедет в Англию.

В торжественный день, назначенный для вознесения, многие крестьяне и горожане уже на заре заняли большую лужайку перед церковью, чтобы лучше видеть чудо. Даже пастухи пригнали стада к роще, чтобы увидеть необычайное зрелище. Для местных сагибов были поставлены в несколько рядов стулья.

К десяти часам утра у церкви собралось несметное количество народу. Многие приехали издалека на буйволах, лошадях, ослах. Люди стояли и на телегах, ребятишки гроздьями висели на деревьях.

Тетушка Флоренса сшила для Бена длинную одежду, наподобие той, которую рисуют художники, изображая Христа, а Сусанна — кто бы мог это ожидать! — сплела венок из темно-алых гвоздик.

В этом наряде Ариэль появился перед толпой. Вид его был чрезвычайно эффектен.

Приветственные крики, жест пастора, взобравшегося на специально сооруженную кафедру, — и в толпе наступила благоговейная тишина. Из церкви, двери и окна которой были открыты, раздались торжественные звуки органа. Когда орган замолк, пастор начал речь, но толпа волновалась и, видимо, не могла дожидаться ее окончания. Кингсли пришлось сократить проповедь.

Ариэль вышел на середину зеленого луга, улыбнулся, поднял руки и начал медленно подниматься. Слабый ветерок колебал края его длинной одежды и локоны отросших волос. Это было захватывающее зрелище.

Несколько секунд толпа как зачарованная безмолвно наблюдала за Ариэлем, потом вдруг заволновалась, зашумела. Люди падали на колени, в экстазе кричали, протягивая руки вверх: «Господи, зачем ты покидаешь нас?» Они, очевидно, уже считали его богом. Матери поднимали на руки детей и кричали: «Благослови, господи!»

Подлетев до высоты колокольни, Ариэль остановился в воздухе, взмахнул руками, приглашая толпу замолчать, и, когда шум утих, громким голосом сказал:

— Алло! Алло! Цирк Чэтфилда — лучший в Америке и во всем мире! Алло! На днях открытие представлений в здешнем городе! Спешите покупать билеты! Там вы увидите и не такие чудеса!

И, бросив в толпу венок, упавший к ногам совсем опешившей тетушки

Флоренсы, Ариэль взвился в воздух, перелетел церковный шпиль и скрылся за рощей.

Вскоре оттуда раздался густой автомобильный гудок. Испуганный осел протяжно заревел. «И-го! и-го! и-го!» Этот рев подхватили другие ослы.

Они словно смеялись над одураченным пастором Кингсли.

Глава тридцать седьмая

Законтрактованный небожитель

Ариэль не видел, что случилось дальше, но последствия нетрудно было угадать — это был полный провал миссионерской деятельности пастора Кингсли, грозивший ему, быть может, даже ссылкой в глухой приход провинциальной Англии.

Сын директора американского циркового треста Джемс Чэтфилд и директор управления передвижными цирками Эдвин Григг приехали в Индию с десятком передвижных цирков шапито. Чэтфилд и Григг руководили гастролями, попутно изучая «местный рынок». Но основной их задачей была вербовка в Индии исполнителей для выступлений в Америке. Ведь публике необходимо подавать все новые и новые номера, а европейские гастролеры-наездники, гимнасты, эквилибристы, фокусники мало чем отличались от американских. Экзотика могла бы иметь успех. И Чэтфилд и Григг в каждом городе и даже деревушке, через которые им приходилось проезжать, посещали базары, ярмарки, народные празднества и знакомились с местными народными зрелищами, ярмарочными акробатами, заклинателями змей, певцами, музыкантами, факирами, фокусниками, отбирая лучших из них для своего цирка.

Индусы не очень соглашались покинуть родину и отправиться в далекое путешествие, но Григг показывал им на ладони американские доллары, предлагал авансы, сулил крупные заработки и таким образом подобрал уже значительную экзотическую труппу.

Вместе с Чэтфилдом он уже составлял проект эффектного зрелища «Тайны Индии» с роскошной декорацией, обезьянами, попугаями, буйволами, слонами, крокодилами, факирами.

Однажды Чэтфилду попался листок местной английской газеты, в которой была статья под заглавием: «Кто же, наконец, он?» В статье говорилось о таинственном летающем человеке, который от времени до времени появлялся то в одном, то в другом месте, бесследно исчезая.

Чэтфилд прочитал статью и со смехом передал Григгу.

— Вот они, мистер Григг, чудеса Индии! О каких только глупостях не пишут местные газеты! Очевидно, индийская публика еще более доверчива и глупа, чем американская. На такую газетную утку не осмелился бы, пожалуй, ни один наш журналист.

Григг внимательно прочитал статью и сказал:

— Хорошо было бы получить этого летающего человека в нашу труппу.

— Еще бы! — расхохотался Джемс Чэтфилд.

— Я говорю совершенно серьезно, — ответил Григг. — Мне уже приходилось беседовать с некоторыми из завербованных нами индусов о летающем человеке. И они уверяют, что это не выдумка.

— Но никто из них, конечно, не видел его?

— Укротитель змей... никак не могу запомнить его имя, уверял, что собственными глазами видел летающего человека, когда он похитил какого-то мальчика с ярмарки и улетел с ним неведомо куда.

Чэтфилд недоверчиво покачал головой.

Но ему скоро пришлось поверить в существование летающего человека: на пути циркового маршрута встречалось все больше людей, которые уверяли, что своими глазами видели летающего человека, и даже указывали местность, где он сейчас находится. Заинтересованный не на шутку Чэтфилд распорядился даже изменить маршрут, чтобы только разыскать летающего человека.

Так Чэтфилд и Григг встретились с Ариэлем возле церкви и побеседовали с ним сначала коротко в автомобиле, а затем и основательно.

Практические янки совсем не интересовались, что представляет собою Ариэль, как он летает, каково его прошлое.

Если бы даже Ариэль сам сказал: «Я бесплотный дух. Я ангел», — Джемс Чэтфилд, не удивляясь и ни на секунду не задумываясь, ответил бы: «Олл райт! Я предлагаю вам ангажемент. Каковы ваши условия?»

С такой деловой лаконичностью Чэтфилд и говорил с Ариэлем.

— Мистер... мистер?..

— Бен, — ответил Ариэль.

— Олл райт, мистер Бен. Мы заинтересованы тем, что вы умеете летать. Поступайте к нам на работу. Вы будете летать в Америке и получать за это хорошее вознаграждение.

Ариэль знал, что Америка далека от Индии. Но за океаном он будет в безопасности. Надо получить эту самостоятельную работу по добровольному соглашению и потом прилететь сюда за друзьями. Сама судьба идет ему навстречу.

И, недолго думая, он согласился.

Таким ответом мистер Чэтфилд был совершенно озадачен. Уж не с ангелом ли в самом деле они имеют дело? Соглашаться, не поторговавшись, даже не поинтересовавшись, сколько ему будут платить! Неужели этот оригинал не понимает, что он «sans pair», как говорят французы, не имеет себе равного и, значит, может заломить любую сумму? А если он не ангел и не идиот, то преступник, которому хочется скорее удрать за океан, куда, очевидно, перелететь он сам не может. Недаром Григг говорил о похищении мальчика... Но не все ли равно? Главное — можно нажить большие деньги.

Старый, опытный Григг скорее разгадал Ариэля: этот юноша просто не знает ни жизни, ни себе цены.

— Ну, об условиях мы еще поговорим, — вмешался Григг в разговор, опасаясь, как бы директорский сынок сам не навел Ариэля на мысль о том, что он уникал. — Об оплате мы всегда сговоримся.

— Я хотел бы только...

Чэтфилд и Григг насторожились.

— Чего вы бы хотели?

— Прежде чем мы отправимся за океан, мне хотелось бы посетить два места... Повидать моих друзей и... еще одно лицо. Причем, быть может, мне потребуется ваша помощь...

— Конечно, разумеется, мы к вашим услугам, мистер Бен. Все, что в наших

силах!

— Ну, что вы скажете, мистер Григг? — спросил Чэтфилд, когда они остались одни.

— Скажу, что мы нашли клад, мистер Чэтфилд. Индия — действительно страна чудес.

— Надо будет позаботиться о рекламе, — заметил Джемс.

Реклама была его любимым коньком.

— Этот пастор не нашел своего призвания. Ему бы цирковым режиссером быть. Придумал блестящий номер. Но почему бы нам не использовать это вознесение для нашей рекламы? Надо стовориться с Беном. Пусть до высоты в пятьдесят метров он играет в пользу пастора, а выше — в наших интересах. Ведь мы же купили Бена! Он будет восхвалять с неба наш цирк.

Григг возражал, находя эту затею мало практичной и даже бестактной. Упрямый Джемс настаивал, и Григгу пришлось уступить.

Старый Григг оказался прав: эта небесная реклама принесла им немало хлопот и неприятностей. Пришлось иметь дело с представителями церкви и английской администрацией.

Зато в другом вопросе Григг не уступил. Чэтфилд размышлял о том, как они будут демонстрировать в Америке летающего человека, и захотел телеграммой оповестить Америку о скором прибытии летающего человека. «Мировое чудо!»

Поседевший на арене цирка и прекрасно знавший психологию публики, Григг горячо возражал. Конечно, публика пойдет смотреть летающего человека, как она ходила смотреть первые полеты на аэроплане, и на этом можно нажить немало. Но люди быстро ко всему привыкают. Кто теперь будет платить деньги за то, чтобы посмотреть на летящий аэроплан? То же будет и с летающим человеком! Кто посмотрит на него один-два раза, в третий раз уже не пойдет.

— Но мы успеем нажить миллионы! — горячился Джемс.

— А почему нам не нажить десятки миллионов? — возражал Григг.

— Как же вы думаете сделать это? Как хотите использовать Бена?

— Прежде всего забудьте, что он умеет летать. Не сообщайте об этом в Америку и в пути никому не говорите. Поймите, публике приедаются все, кроме одного — борьбы, состязания, с их вечной сменой неожиданных положений и неизвестностью финала. Перед редчайшими в мире животными публика останавливается лишь на минуты, а какие-нибудь глупые петушинные бои она готова смотреть часами. Страсти разгораются, люди волнуются, заключают пари.

— Я, кажется, начинаю понимать вас. Пожалуй, вы правы, — подумав, сказал Чэтфилд.

— На все сто процентов, — убежденно ответил Григг.

Найдя бесценный клад в лице Бена, Чэтфилд и Григг решили передать ведение дел в Индии старейшему руководителю одного из цирков и немедленно вместе с Беном выехать в Америку.

Когда они покинули городок, затерянный меж гор, предоставив пастору выпутываться из положения. Джемс спросил Ариэля, куда он хотел заехать.

Ариэль откровенно рассказал американцам свою историю. Чэтфилд был от нее в восторге и нередко прерывал Ариэля смехом.

Григг думал: «Бен-Ариэль, очевидно, жертва чьих-то козней. Кто знает, быть может, он сын богатых и знатных родителей. Это надо иметь в виду. Лолита — пустое юношеское увлечение. Почему бы и не заехать к этой девочке-вдове? В конце концов можно взять с собой Лолиту, Низмата, Шарада и пристроить их к делу. Но Ариэль хочет побывать в Дандарате и повидаться с Пирсом. Лучше этого избежать. Пирс, видимо, опасный конкурент. Конечно, они — Григг и Чэтфилд — постоят за Ариэля и не допустят, чтобы Пирс овладел Ариэлем. Риск, однако, остается риском. Ариэль, так охотно согласившийся уехать в Америку, чтобы быть дальше от Пирса, сам ищет свидания с ним. Зачем? Ариэль говорит — чтобы узнать тайну своего происхождения, которую Пирс, безусловно, должен знать. Пусть так! Но, узнав свое происхождение, не предпочтет ли Ариэль вернуться к родным, вместо того чтобы ехать в Америку?..»

Своими опасениями Григг поделился с Чэтфилдом. На этот раз Чэтфилд и Григг быстро пришли к соглашению: принять все меры к тому, чтобы Ариэль не заезжал в Дандарат и не видался с Пирсом. А если Ариэль все же повидается с ним и узнает свое происхождение, то на этот случай заранее взять с Ариэля обязательство работать в цирке не менее года.

Только под этим условием они гарантируют ему свою помощь при встрече с Пирсом.

Ариэль принял эти условия.

Глава тридцать восьмая

«Все проходит, как сон»

Вечером, в огнях заката, показались мраморные златоглавые громады дворцов Раджкумара. При виде их у Ариэля сильно забилося сердце. Ведь и судьба Шьямы интересовала его. Проезжая мимо дворцов, он смотрел на балконы, и ему показалось, что на одном из них он видит Шьяму. Но это могла быть и другая женщина, похожая на нее. Перелететь расстояние от автомобиля до балкона он мог бы в одну минуту, но Чэтфилд взял с него слово не летать, и Ариэль удержался.

Вот и озеро, и роща, а за нею хижина Низмата. Волнение Ариэля усилилось. Ему еще больше захотелось взлететь и помчаться к своим друзьям.

Чтобы не мешать свиданию, Григг приказал шоферу остановиться возле манговых деревьев, с которых когда-то Ариэль срывал плоды для Шарада.

Он вышел из машины и невдалеке увидел Шарада и Лолиту. Не будучи в силах сдержать себя, он побежал, едва касаясь ногами земли. Видя это, Григг сказал Чэтфилду:

— Смотри, как он бежит! Мы из него сделаем мирового бегуна.

Лолита и Шарад, сидевшие на ступеньках крыльца, при виде приближавшегося сагиба встали. Они не узнали Ариэля. И вдруг Шарад закричал:

— Дада! — И бросился навстречу другу, но остановился смущенный: на Ариэле был прекрасный европейский костюм, шляпа-панама. Волосы коротко острижены.

— Ну, что же ты? — со смехом воскликнул Ариэль, обнял и расцеловал мальчика, который вцепился в его руку.

А Лолита, тоже уже узнавшая Ариэля, совершила пронам,[51] склонившись

до земли. Опять перед Ариэлем стояла эта стена преклонения!.. Ариэль хотел обнять Лолиту, сказать, что он любит ее, хочет, чтобы она стала его женою. Но этот поклон связал его движения и мысли.

— Здравствуй, Лолита!.. Вот видишь, я исполнил свое обещание!.. — смущенно сказал он, подходя к девушке. — Я приехал. А где Низмат?

— Он совсем болен, — ответила Лолита, восторженно глядя на Ариэля.

Ариэль быстро вошел в хижину. В наступающих сумерках он увидел Низмата, лежащего на циновке. Ариэль поздоровался со стариком, в глазах которого блеснула радость.

— Господин! Ты? Лолита была права! Ты не мог умереть. И ты пришел ко мне. Благодарю тебя! — говорил он с трудом. — Видишь, умираю...

— Ты не умрешь, Низмат! — возразил Ариэль, беря иссохшую руку старика.

— Все рожденное подлежит смерти, — спокойно ответил он. — Сухие цветы не должны омрачать взор, и их сжигают...

Ариэль стал успокаивать старика. Нет, Низмат скоро поправится. Ариэль пришлет доктора, и Низмат, когда наберется сил, поедет в Америку вместе с Лолитой и Шарадом. Ариэль любит Лолиту и хочет, чтобы она была его женой.

Низмат думал, закрыв глаза и медленно двигая перед собой руками, словно отгоняя что-то. Потом заговорил. Он благодарил Ариэля за высокую честь. Судьба Лолиты очень беспокоит его. Она заявила, что ни за кого не выйдет замуж. Ведь слепая Тара сказала, что она проклянет сына, если он женится на Лолите. И Лолита отказалась от Ишвара еще раньше, и Ишвар в отчаянии ушел в город и не появлялся с тех пор. Когда Низмат умрет, что будет с Лолитой? Но боги, полубоги и сагибы не женихи для нищей девочки.

— Сам Кришна был бы счастлив иметь такую жену! — пылко возразил Ариэль.

Низмат слабо улыбнулся, приоткрыл глаза и, взглянув на Ариэля, спросил:

— Но будет ли счастлива жена в таком неравном браке?

Ариэль смутился, а затем стал горячо доказывать Низмату возможность этого союза.

Однако он понимал, что увезти Лолиту сейчас он не сможет. Нельзя Низмата оставить одного или только с Шарадом.

— Ну, мы еще поговорим об этом, — сказал огорченный Ариэль и вышел на веранду.

— Лолита! — сказал Ариэль, взяв ее за руку. — Я пришлю доктора, и дедушка поправится... Только не приглашайте знахаря. Он убьет Низмата, как убил его сына. Я должен ехать, но я еще вернусь, Лолита. Я возьму вас с собой. Когда дедушка поправится, я хочу, чтобы ты стала моею женой!

Он не отрывал глаз от бледного лица Лолиты. Оно было прекрасно, но выражало скорее страдание и испуг, чем радость, и это причиняло Ариэлю острую боль. Как хотел бы он сделать счастливою эту девушку!

— Что же ты молчишь, Лолита?

— Я не знаю, что ответить, господин мой.

— Но ты... любишь меня?

Девушка стояла, потупив взор. Ее рука дрожала в руке Ариэля.

— Она все время ждала тебя, все говорила только о тебе! — закричал Шарад. — И мы поедем! Все вместе!

— Подождите, я сейчас вернусь! — сказал Ариэль и быстро зашагал к автомобилю.

— Простите, мистеры, но вы, кажется, обещали мне немного денег?.. — смущенно начал он. — Мой друг, старый Низмат, очень болен, ему необходимы врач, лекарства...

Григг охотно дал Ариэлю несколько крупных кредиток и напомнил, что надо спешить с отъездом. Григга сейчас мало интересовали деньги, главное — увезти Ариэля. И если для бедной индийской семьи это была значительная сумма, то по масштабам американского циркового треста — совершенно ничтожная.

Ариэль с чувством искренней благодарности взял деньги.

«Как я был глуп, — думал он, возвращаясь. — Надо было раньше взять у них деньги и купить подарки. Низмату — трубку и хорошего табаку, Лолите — шарф и браслеты, а Шараду — трикотажную полосатую рубашку. Как бы они были рады! Но я пришлю им...»

— Вот, Низмат, возьми эти деньги, — сказал он, вернувшись к старику. — Непременно вызови врача. И получше питайся. Я буду вам присылать деньги. Поправляйся скорее. До свидания, Низмат!

— Спасибо. Прощай! — ответил Низмат.

На крыльце Ариэль подошел к Лолите и поцеловал ее в лоб.

— Прощай, моя Лолита! Береги дедушку и Шарада. Я буду присылать вам деньги и посылки, и писать письма, и скоро вернусь за вами.

Лолита, как будто в бреду, сказала, глядя в пространство:

— Я буду тебя ждать, но сны проходят... Все проходит, как сон... Майа!

Ариэль с удивлением посмотрел на нее, потом улыбнулся и воскликнул:

— Это не пройдет, дорогая, как сон! Жди меня!

— Возьми меня с собой, дада! — взмолился Шарад, ласкаясь.

— Я буду очень рад, если ты поедешь со мной, Шарад. Но, может быть, Лолите будет очень трудно одной с больным дедушкой?

— Да, это правда, — со вздохом ответил Шарад. — Надо подождать, пока дедушка поправится, и тогда мы все приедем к тебе.

— Я сам прилечу за вами.

Медленно, с тяжелым чувством Ариэль возвращался к автомобилю.

Гудок — и автомобиль тронулся.

Ариэль ехал в глубокой задумчивости. Зачем он оставил их? Зачем едет в далекую, неведомую Америку? Что его ждет там? Не лучше ли было остаться с Лолитой, Шарадом, Низматом?.. Но он вновь стал бы беззащитным летающим человеком, игрушкой судьбы, добычей злых людей. Погубил бы себя и Лолиту. Нет, он поступает правильно! Сначала надо завоевать свободу, крепко стать на ноги, узнать все о себе, и тогда он соединится со своими друзьями, чтобы никогда больше с ними не разлучаться.

А в его ушах все еще звучали загадочные слова Лолиты:

«Сны проходят... Все проходит, как сон... Майа!»

Глава тридцать девятая

«Возвышенный» разговор

Пирс и вся его теософическая компания уже начали примиряться с мыслью о потере Ариэля. Летающий человек еще раз заставил говорить о себе «чудом пастора Кингсли», которое, по словам газет, оказалось ловкой рекламой американского циркового треста. После этого Ариэль исчез, очевидно захваченный американскими циркачами. Пирс понимал всю трудность вырвать Ариэля из их рук. Это мог бы еще сделать опекун Боден. И Пирс сообщал Бодену и Хезлону в Лондон о положении вещей.

«Если мы и услышим, — писал Пирс, — о летающем человеке, то скорее всего из Соединенных Штатов Америки, куда и должны быть направлены ваши поиски».

Пирс кошачьими шагами шел через двор Дандарата, направляясь в свой кабинет. Небо было безоблачное, солнце только что поднялось над горизонтом и уже накаляло воздух. Последние дуновения прохладного утреннего ветерка замирали. Как всегда, во дворе и в зданиях стояла тишина. Только похрустывал гравий под его неторопливыми шагами.

Чуткое ухо Пирса уловило чьи-то шаги со стороны ворот. Он быстро оглянулся и увидел приближающегося к нему Ариэля, возмужавшего, одетого в прекрасный белый костюм.

Пирс был поражен неожиданностью. Обрадовался, но тотчас насторожился. Уж слишком уверенным, твердым шагом приближался к нему юноша.

А за ним на некотором расстоянии следовали два джентльмена.

По первому его зову на помощь могут прийти воспитатели, надзиратели, слуги... И Пирс, изобразив на лице приятное изумление, как будто только что узнав Ариэля, поспешил к нему навстречу с радушно протянутыми руками.

— Рад тебя видеть, Ариэль! Ты хорошо сделал, что сам вернулся! — И он крепко сжал правой рукой запястье левой руки Ариэля. Он хотел так же дружески сжать и правую руку, но Ариэль предупредил его и своей правой рукой сжал запястье левой руки Пирса. Так, крепко сцепившись, они стояли и смотрели друг другу в глаза, один предугадывая намерения другого.

«Черт возьми! Кто же кого из нас поймал?» — с тревогой думал Пирс. Джентльмены, шедшие позади Ариэля, остановились и с интересом наблюдали эту сцену.

— Может быть, мы пройдем ко мне? Там удобнее будет поговорить. Ты не голоден, Ариэль? Не устал с дороги? — спросил Пирс, едва сохраняя самообладание.

— Мистер Пирс! — твердо сказал Ариэль, не отвечая на вопрос. — Я пришел для того, чтобы узнать от вас вот здесь, сейчас же, о моем происхождении. Вы должны дать мне немедленный ответ.

Неожиданно для себя обращаясь к Ариэлю на «вы», Пирс ответил:

— Вас привез в Дандарат пятнадцать лет назад неизвестный мне человек. Он не сообщил мне ни своего имени, ни вашего происхождения... В школе Дандарата немало таких детей.

Рука Ариэля сжалась еще сильнее, и Пирс вдруг почувствовал, что юноша поднимает его на воздух. У Пирса от ужаса похолодели руки. Он хотел закри-

чать, но понял, что этим только ухудшит свое положение. Ариэль имеет соучастников, быть может его сопровождают подкупленные бандиты. Ариэль унесет его и на свободе расправится с ним. И Пирс только крепче сжал левую руку Ариэля, чтобы не оторваться; его голова находилась у груди юноши.

Приподняв Пирса над землей, Ариэль, оставшись неподвижным в воздухе, заявил:

— Теперь мы можем продолжить разговор, здесь нам никто не помешает. Слушайте же меня, мистер Пирс!

Голос Ариэля был суров, но в нем чувствовалась некоторая прерывистость — Пирс был тяжел.

Легко сказать «слушайте»! Пирс стучал зубами и с прежним ужасом поглядывал вниз на гравий, желтевший внизу.

— Если вы сейчас же не расскажете всю правду обо мне, я выпущу вашу правую руку и начну вертеть вас, пока вы не оторветесь и не разобьетесь вдребезги. Или вы хотите бороться со мною и здесь, в воздухе?

— Скажу... Всю правду скажу, — едва прохрипел Пирс, потерявший от волнения голос.

Ариэль тотчас подлетел с Пирсом к изумленным Чэтфилду и Григгу и, тяжело дыша, опустился возле них.

— Мистер Григг... Прошу... записать показания вот этого человека!

Григг вынул блокнот, вечное перо, и Пирс словно простуженным голосом рассказал все, что знал об Ариэле. Он указал и адреса Бодена и Джейн Гальтон.

Ариэль отпустил руку Пирса и сухо сказал:

— Можете идти. Но помните, если вы дали ложные показания...

— Абсолютно верные! — воскликнул, сторбившись, Пирс. Ноги его дрожали, и он с трудом побежал к себе через двор.

— Ну-с, мы исполнили наше обещание. Надеемся, что и вы исполните свое, — сказал Джемс, вопросительно взглянув на Ариэля.

— Я тоже исполню. Мы едем с вами в Америку, — ответил Ариэль. — Сестра может приехать ко мне. Я ей напишу.

И они направились к автомобилю.

Глава сороковая

«Биной непобедимый»

Чэтфилд-старший был чрезвычайно доволен индийской находкой. План Григга был вполне одобрен главою циркового треста.

Ни один человек в Америке не должен знать, что Биной-Бен-Ариэль-Аврелий Гальтон — летающий человек. Правда, слух о нем доходил и до Америки, но над заметкой посмеялись, как над газетной уткой. В лицо же никто Ариэля не знал.

Чэтфилд объяснил Ариэлю его роль: он не должен подавать виду, что умеет летать, но, ловко пользуясь этим необычайным даром, он будет побивать все мировые рекорды по бегу, плаванию, прыганью через препятствия, в соревнованиях воздушных гимнастов.

Обучение Ариэля под наблюдением Григга и Чэтфилдов длилось довольно долго. Для Ариэля, конечно, не представляло никаких затруднений брать препятствия любой высоты, перелетать под куполом цирка с трапеции на трапецию через всю арену.

Сложность обучения заключалась лишь в том, чтобы, как говорил опытный Григг, «не перейти границы физически возможного для человека». Надо работать так, чтобы публика видела нечто ошеломляющее, но не невероятное. Приходилось действовать осторожно: при прыганьи, например, в высоту Ариэль должен был так рассчитывать прыжки, чтобы лишь на несколько сантиметров превышать мировые рекорды. Чэтфилды и Григг тренировали Ариэля в беге с лучшими бегунами. Обучение происходило в безлюдной местности. Ариэлю показывали приемы различных школ бега, обучали всем повадкам, в присутствии же тренеров заставляли имитировать усталость, прерывистое дыхание.

Для поддержания интереса в публике в некоторых забегах или заплывах он должен был делать вид, что выдыхается, допускать соперников опережать его, а затем в последнюю минуту первым приходит к финишу. Словом, он должен поступать как опытный игрок, который не сразу показывает свое преимущество во всем блеске.

Цирковые номера подготовлялись в специально предназначенном для этого передвижном цирке. Чэтфилд-сын особенно интересовался номерами с лошадьми: трюками на полном карьере, сальто-мортале. Ариэль, конечно, проделывал настоящие чудеса, и старому Григгу, к неудовольствию молодого Чэтфилда, все время приходилось сдерживать Ариэля:

— Это уж слишком! Не делайте четверных сальто-мортале! — сердито вмешивался он.

Пока шла подготовка, Чэтфилд-сын, не жалея трестовских денег, — все окупится сторицею! — начал рекламную кампанию, по своим масштабам необычную даже для Америки.

Еще не видя Биной — «Мирового чуда, найденного в дебрях таинственной Индии», о нем уже знали, а по портретам в газетах, журналах, на плакатах и афишах американцы изучили черты Ариэля лучше, чем лицо президента.

Болельщики уже бредили им, всяческими путями добивались его видеть. Завзятые игроки заранее заключали пари. Журналисты громоздили в прес-

се горы всяческих сенсационных сообщений о предстоящих выступлениях «Непобедимого».

«Биной Непобедимый» — этот титул получил Ариэль авансом, еще не выступая. Но он сразу же заслужил его, как только начались его небывалые триумфы.

Ариэль побеждал одного мирового чемпиона за другим. Особенно удивительно было то, что он устанавливал новые мировые рекорды в разных видах спорта. Его буквально носили на руках — в этих случаях он спешил придать своему телу нормальный вес.

Беспроигрышная игра таила и свои опасности. Завзятые игроки, проигрывая, ворчали и поговаривали о ловком обмане. Да и ставили против него все меньше, разнообразные пари потеряли свою остроту.

Чэтфилды и Григг решили, что настал момент прибегнуть к старому, испытанному цирковому трюку и тем еще больше поднять интерес к состязаниям: Биною пришлось «потерпеть» несколько поражений, после которых, конечно, следовали еще более блистательные победы.

Так шло время. Ариэль объехал почти все крупнейшие города Америки. Трест Чэтфилдов нажил небывалые в истории цирка барыши.

Чэтфилд-отец по мере успехов все внимательнее присматривался к Ариэлю и думал: «Теперь-то он, уже наверное, заговорит об увеличении гонорара...»

Однако Чэтфилд-отец ошибся, думая, что Ариэль оказался зараженным духом наживы.

Как только он начал зарабатывать большие деньги, из Америки в далекий уголок Индии потекли денежные переводы и посылки.

На этот раз не были забыты ни шарфы и браслеты для Лолиты, ни одежда для Шарада, ни трубки и табак для Низмата. Среди своих триумфов Ариэль никогда не забывал друзей. Изредка он получал от них письма, исполненные любви и благодарности. Низмат поправился. Все ждут его. И Ариэль не раз готов был бросить все и лететь к хижине у баньяновых деревьев. Помогал он и бедным цирковым служащим. Слава и деньги давали Ариэлю возможность полностью проявлять настоящую человеческую сердечность.

Глава сорок первая

Два мира

Однажды, выйдя победителем в одном из труднейших номеров программы, Ариэль, раскланиваясь перед бурно аплодировавшей ему публикой, с удивлением заметил в ближайшей к сцене ложе девушку, которая с огорченным видом, сложив на барьере руки, смотрела на него. Лицо девушки показалось ему знакомым. Да, это была та самая девушка, которую он видел во время болезни, когда попал в руки Пирса. Сестра!

Неужели это его сестра Джейн? Ведь он ей телеграфировал в Лондон по приезду в Америку.

Откланявшись бесконечное количество раз, взволнованный Ариэль ушел к себе.

Неужели он ошибся?.. В раздумье он начал переодеваться. Униформист подал визитную карточку. На ней было напечатано: «Леди Джейн Гальтон. Лондон», — и ниже приписано карандашом, острым, уверенным, почти мужским почерком: «Буду ждать возле подъезда. Д.Г.».

Какое-то смутное воспоминание мелькнуло в памяти Ариэля: «Джейн Гальтон... Да, это она, моя сестра!»

Ариэль быстро переоделся и вышел. Не сразу разобрался в массе автомобилей, окружавших цирк. В толпе его узнали. Начались овации. Ариэль растерянно оглядывался, по привычке отвешивая поклон за поклоном.

Вот она!..

И он подошел к Джейн, не зная, как приветствовать ее.

Джейн первая сухо протянула ему руку, как бы желая предупредить со стороны брата какое-либо проявление родственных чувств. Ариэль смущенно пожал ее узкую руку, затянутую в коричневую лайковую перчатку. Он видел, что сестра все время хмурилась.

— Сейчас подадут автомобиль, — сказала она.

Среди шума он скорее понял, чем услышал эти слова.

Оба поспешили сесть в машину.

И только когда они выбрались из сплошного гудящего потока автомобилей, Джейн повернулась к Ариэлю и, едва заметно улыбнувшись, спросила:

— Ты узнал меня, Аврелий?

— Да, конечно, Джейн. Ты там, в Индии, была так близко от меня... Если бы я тогда знал!.. — И он взял ее за руку, но Джейн тотчас освободила свою руку и быстро промолвила:

— В отеле мы поговорим обо всем!

Когда они вошли в комнату, которую она занимала, Джейн взяла брата за руку и печально посмотрела на него. Потом она поцеловала его в лоб.

— Вот, наконец, я и нашла тебя, Аврелий! — тихо сказала она.

— И я нашел тебя, сестра! — ответил Аврелий, еще не осмеливаясь, в свою очередь, поцеловать ее.

Они сели.

— Я не писала тебе потому, что раньше хотела собрать справки... Меня так много раз обманывали... Но в том, что ты мой брат, я не сомневаюсь. Вот, смотри, я покажу тебе портреты наших отца и матери.

Она открыла шкатулку и протянула Аврелию фотографическую карточку. Он увидел молодую женщину с грустными глазами и рядом с нею самодовольно улыбающегося дородного мужчину в сюртуке с орденской ленточкой.

Ариэль не удержался и воскликнул:

— Неужели я стану таким, как отец?

— Очень плохо, если ты не станешь таким, — тоном упрека ответила Джейн.

— Но эти морщины, брюшко...

— Старость никого не красит. Наш отец был достойнейшим человеком, Аврелий! — продолжала Джейн наставительно. — Именно это я имею в виду. Нашего отца иначе не называли, как «светлая личность». В его жилах текла благородная кровь одной из лучших фамилий Англии, он был уважаемым гражданином, верующим христианином и прекраснейшим хозяином. Он оставил тебе большое состояние, к сожалению значительно расстроенное опекунами Боденом и Хезлоном, как уверяет мистер Доталлер.

Аврелий начинал понимать, к чему ведет Джейн.

— Ну что же? Значит, в нас с тобой течет благородная кровь. Я как будто ничего не сделал такого, в чем меня можно упрекнуть.

Джейн вздохнула.

— Я не упрекаю тебя. Но меня многое огорчает... Что сказал бы наш отец, сэр Томас Гальтон, если бы узнал, что его сын циркач?

Ариэль вспыхнул.

— Но, Джейн, ты ведь знаешь, как все случилось. И в конце концов, я не нахожу ничего позорного в моей работе. Это честный труд, и я зарабатываю немало.

— Циркачей, конечно, нельзя сравнивать с бандитами и фальшивомонетчиками, — недовольно сказала Джейн, — но то, что подходит для черни, для подонков общества, не к лицу сыну лорда.

И, не давая Ариэлю возможности возразить, она продолжала:

— А твои полеты? Сейчас ты не летаешь, но я ведь знаю секрет твоих успехов. Я сама видела, как ты улетел от нас тогда в Индии. Человек летающий похож на насекомое или на птицу. Это нарушает все божеские и человеческие законы, и для нас это, наконец, просто неприлично, Аврелий! Летающий лорд — это уж что-то немыслимое! Шокинг!!! Это отвратительно! Этому нет названия...

«Летают же люди в аэропланах!» — хотел было возразить Ариэль, как сказал когда-то Лолите. Но Лолита считала его полубогом, Джейн это возмущает как что-то унижительное.

— Я знаю, что ты скажешь, Аврелий, — быстро продолжала Джейн. — Конечно, ты не виноват в том, что из тебя сделали летающего уродца. Но ошибки — свои и чужие — надо исправлять... К счастью, в Англии никто не знает твоей истории, все думают, что ты учишься в Оксфорде, и все еще можно исправить. Но ты навсегда, слышишь ли, навсегда должен забыть о своих полетах, если это твое свойство нельзя уничтожить какой-нибудь операцией... Я справлялась у мистера Пирса. К сожалению, этот безумный ученый, который сделал тебя летающим... Как его фамилия?

— Мистер Хайд.

— Да. Этого Хайда уже не существует. С ним что-то произошло. Кажется, он

сам захотел сделаться летающим человеком, что-то напутал и, подскочив к потолку, разбил себе голову. Кровоизлияние в мозг и смерть. Достойная смерть для такого сумасброда! — в голосе Джейн слышались злобные нотки. — К другим же ученым обращаться рискованно — это может получить огласку, да и едва ли кто поможет. Поэтому для тебя один выход — забыть о своем... пороке и никогда не прибегать к полетам, если бы даже на твоих глазах тонул ребенок... И второе, — продолжала она, едва передохнув: — Ты должен сейчас же расторгнуть контракт с цирком, бросить эту цыганскую жизнь и отправиться в Англию.

— Но я связан обещанием...

— Фамильная честь дороже денег. Полагаю, что у нас, во всяком случае, найдется сумма, чтобы уплатить неустойку...

Молчал и Ариэль. Он не был согласен с Джейн. Не так представлял он себе эту встречу с сестрой, не такую представлял он Джейн.

— Я думаю, следует предупредить мистера Чэтфилда и согласиться на несколько прощальных выступлений... — неуверенно начал Ариэль.

— Ни в коем случае! Это было бы большой ошибкой. Пока тебя все считают безвестным индусом. Но уже одно мое появление может направить мысли людей в иную сторону, а затем пойдут и розыски. Ты ведь сам знаешь, как тобой интересуются журналисты, как следят за каждым твоим шагом и стремятся узнать и сообщить что-нибудь новое о тебе и твоём прошлом. И если они узнают правду, наша жизнь будет разбита — твоя и моя. Я не перенесу позора, который ляжет на наш род, и мне останется только уйти в монастырь. Наш отъезд должен произойти внезапно. Я уже заказала билеты на пароход. Отправляйся за своими вещами и приезжай ко мне. А твоим циркачам мы можем сообщить решение и с дороги, остальное уладит мистер Доталлер. Это удивительно светлая личность.

— Сегодня у меня вечер свободен, но на завтра назначено представление и билеты распроданы. На кассе об этом аншлаг, как всегда, — не без гордости прибавил Ариэль.

— Вернут деньги обратно, только и всего! Можешь же ты заболеть. Они уже достаточно нажились на твоих выступлениях.

Ариэль желал только одного: закончить этот разговор.

— Хорошо, Джейн, я приеду к тебе, как только соберусь, — сказал он нетерпеливо.

— Не позже полуночи, — ответила Джейн, посмотрев на часы, и добавила: — Пароход отходит завтра в восемь. У нас есть еще немного времени. Теперь я расскажу тебе подробно о наших родных, о круге моих знакомых, которые скоро будут и твоими знакомыми, о Лондоне...

Был уже поздний вечер, когда Ариэль возвращался к себе. Он думал об ультиматуме сестры.

Глава сорок вторая

Страдающая мать

Возле двери своей комнаты Ариэль увидел молодую, прекрасно одетую женщину.

Глаза ее покраснели от слез, лицо выражало волнение.

— Мистер Биной! — сказала женщина прерывающимся голосом. — Я жду вас уже несколько часов... Была на дневном представлении в цирке, хотела повидаться с вами, но вы уехали с какой-то дамой... Я узнала в конторе цирка ваш адрес и приехала сюда. Решила дождаться вас здесь... Боже! Если бы вы знали, что я пережила!.. Час проходил за часом, а когда каждая минута дорога...

— И вы все эти часы простояли возле моей двери? — с сочувствием спросил Ариэль.

Его часто осаждали посетители — поклонники и поклонницы. Но эта женщина не была похожа на них.

Несомненно, какое-то глубокое личное горе привело ее сюда. Но чем он может помочь?

Ариэль поспешил открыть дверь и предложил войти в комнату. Не снимая дорогого манти и шляпы, женщина вдруг бросилась перед ним на колени.

— Вы один можете помочь несчастной матери, которая на коленях умоляет вас...

— Прошу вас, встаньте, миссис... Ради бога! Садитесь, успокойтесь... В чем дело?

— Не встану, пока вы не дадите слова помочь мне в моем горе... Я так страдалась...

Она горько заплакала.

— Разумеется, если это в моих силах... хотя я спешу, у меня немного времени...

— Я отниму у вас совсем немного времени...

Ариэлю удалось, наконец, поднять женщину и усадить в кресло. Она вынула надушенный платочек с кружевной обшивкой, приложила к глазам и, всхлипывая, начала свое повествование.

Мистер Биной иностранец и, быть может, не знает ужасных нравов Америки и этого чудовищного города — Нью-Йорка... Ни один богатый человек не может в нем чувствовать себя в безопасности. Слышал ли он о гангстерах? Американский крупный бандит ничем не напоминает парижского апаша. Известно ли мистеру Биною имя Аль Капоне? Нет? Таких, как Аль Капоне, здесь немало. Крупнейшие американские гангстеры очень богатые люди. Они имеют особняки, автомобили, яхты и крупный текущий счет в банке. Полицию они подкупают, и полицейские власти покровительствуют им. Гангстеры безнаказанно совершают свои преступления, грабят банки, среди белого дня на улицах похищают миллионеров и, что ужаснее всего, их детей. За детей они требуют выкуп, а получив его, все же убивают детей. И как это ни странно, чем богаче человек, тем меньше он может рассчитывать на помощь полиции, когда дело касается гангстеров...

Посетительница тяжело вздохнула.

— Простите, что я говорю обо всем этом подробно, — продолжала она через минуту, — но это необходимо, чтобы вы поняли меня и мое безвыходное положение... — Она опять приложила платок к глазам. — Моя фамилия Уоррендер. Мы с мужем одни из богатейших людей Штатов. Но самое большое наше сокровище — наш единственный сын Сэм. Ему всего три года... И он... похищен... Ему грозит ужасная смерть.

Миссис Уоррендер зарыдала. Ариэль был потрясен этой драмой матери.

— Успокойтесь, миссис. Выпейте воды!.. Но чем же я могу помочь вам?

Она отпила несколько глотков, ее зубы стучали о край стакана.

— Благодарю... Сейчас я все объясню. Бандиты прислали нам уже несколько писем с требованием выкупа в пять миллионов долларов. Муж уплатил бы их немедленно, но мой брат убедил его обождать. Когда бандиты получают деньги, они могут тотчас убить Сэма... моего крошку... — Она вздрогнула. — Марк, мой брат, хочет выиграть время, в надежде найти средство спасти ребенка. Полиция, конечно, подкуплена бандитами. «Мы делаем все возможное, но, к сожалению, пока не напали на следы преступников, похитивших вашего сына...» — говорит начальник. Тогда мы, вернее — Марк, потому что я и мой муж от горя совершенно потеряли голову, Марк обратился к частным сыщикам, засыпал их деньгами, и они кое-что узнали. Даже многое. Узнали, например, где находится мой сын. Полиция его искала или делала вид, что искала, в трущобах города, в окрестностях, даже в горах, а он, бедняжка, находится в самом центре города, на девяносто третьем этаже одного из величайших биндингов. Кто бы мог подумать?.. Перехожу к самому главному...

Уоррендер сделала паузу, посмотрела на Ариэля и неожиданно спросила:

— Мистер Биной, вы умеете летать?

— Я? Летать? Что за странная мысль? Почему вы задаете мне такой вопрос?

— Потому что от этого зависит все. Конечно, это странно, невероятно. Быть может, вы думаете, что я от горя сошла с ума? Но это не моя мысль. Один из сыщиков, о которых я говорила, человек в высшей степени наблюдательный и умный, сказал мне, что он пришел к заключению: вы можете летать, и в этом секрет ваших спортивных успехов.

Ариэль растерялся и не знал, что возразить, но посетительница, не замечая его смущения, продолжала:

— Он, мистер Тутс, этот сыщик, долго наблюдал за вашими выступлениями, делал какие-то подсчеты, подобрал весь газетный материал о «летающем человеке» в Индии... Ведь вы из Индии?.. И он сказал нам: «Единственный человек, который может спасти вашего сына, — это мистер Биной, если только он согласится. Просите его!» И вот я решила сама прийти умолять вас.

Она сделала движение, чтобы вновь стать на колени, но Ариэль удержал ее.

— Прошу вас, сидите спокойно, — почти приказал он. — Разрешите мне подумать, смогу ли я помочь вам.

Итак, в Америке есть люди, которые догадались о том, что он летающий человек.

Значит, скоро его тайна будет достоянием всех. И тогда произойдет грандиозный скандал.

Каково будет негодование проигравших игроков, ставивших свои ставки на его поражения! Вслед за открытием его тайны обнаружится и тайна его

происхождения. А новый скандал для Джейн? Чем европейские предрассудки лучше азиатских?.. Джейн оказалась не той, о какой он мечтал, но все же она была его сестрою. Надо уезжать отсюда, и как можно скорее, решил Ариэль.

Но как исполнить просьбу миссис Уоррендер?

Мать, конечно, рассчитывает на то, что летающий человек сможет вырвать ее ребенка из рук бандитов, влетев в окно девяносто третьего этажа небоскреба.

Его полет над городом заметят многие. Джейн, конечно, возмутилась бы от одной мысли о полете. Ведь это нужно было для спасения ребенка. Но перед нею не было лица этой страдающей матери! Матери маленького Сэма!

Разве можно устоять перед горем матери?

И едва ли кто узнает его, тем более вечером. Лететь он может на большой высоте, и в конце концов разве он сегодня рано утром не уезжает из этой страны?..

Но успеет ли он?

— Я готов был бы помочь вам, миссис, но, к сожалению, в моем распоряжении очень мало времени, всего два-три часа. Меня срочно вызывают...

— Больше двух часов и не понадобится, — быстро и радостно ответила миссис Уоррендер. — Наш билдинг не далеко и почти рядом с тем, где томится мой бедный мальчик. Автомобиль ждет меня. Вы согласны? Вы не отказываете? — спрашивала она, умоляюще глядя на Ариэля.

Миссис Уоррендер крепко пожала руку Ариэля, и они вышли из отеля.

Глава сорок третья

Снова обман

В роскошной квартире многоэтажного дома, куда привезла Ариэля миссис Уоррендер, он застал сыщика Тутса, Марка и мистер Уоррендера, отца похищенного ребенка. Отец казался совершенно убитым, почти невменяемым. Не вставая с кресла, он протянул Ариэлю руку, на его лице промелькнула болезненная улыбка, и он жестом пригласил садиться.

У него были энергичные черты лица и коротко подстриженные, седеющие на висках волосы.

— Благодарю вас, мистер, что вы откликнулись на наше горе. Поговорите с ними. — Он указал на Тутса и Марка. — Я... не в силах, простите.

— Задача проста, мистер, — начал Тутс свои объяснения, — надо только действовать быстро и решительно. Вот план города, фотография билдинга. Крестиками отмечены: этаж, квартира, окно. Окна всегда открыты. Вот план квартиры...

Тутс коротко, ясно, деловито наметил план действия.

— Если сегодня ребенок не будет в наших руках, завтра будет поздно. Идемте, я покажу вам, откуда вы можете совершить взлет...

С плоской крыши, где у Уоррендеров был разбит сад, Ариэль стремительно поднялся по отвесной линии.

Он так давно не летал и с удовольствием отдавался знакомому чувству свободы, легкости, простору воздушной стихии. И отказаться от этого?..

О, если бы возможно было унести Лолиту в какую-нибудь прекрасную свободную страну с чудесными цветами и деревьями... Почему он не унес ее в

джунгли? Свил бы гнездо на раскидистом дереве и жил бы с нею и Шарадом.

Но мечтать было некогда. Внизу бурлил и грохотал чужой огромный город. А над головой в синей бездне неба мирно мерцали звезды. Ариэль вновь посмотрел вниз. Он видел, словно огромный план, остров Манхеттен, разделенный на квадратики кварталов с темным прямоугольником центрального парка и Бродвеем, протянувшимся через город. Все берега изрезаны зубцами доков и пристаней. Вот широкий черный Гудзон, отражающий огни бесчисленных пароходов и каботажных судов. Лонг-Айленд... Статуя Свободы с неугасимым светом в протянутой руке. Улицы, залитые светом, казались светящейся решеткой. Темными, угрюмыми утесами возвышались небоскребы. Рабочий день был окончен, и свет в их окнах погашен. Бесчисленные клерки разошлись по домам. Нижние же этажи небоскребов и других зданий пылали огнями витрин, реклам, отбрасывая красноватый отблеск на стены. На некоторых темных небоскребах змеились световые экраны. Кое-где в окнах верхних этажей еще горел свет. Эти огоньки казались крупными звездами, упавшими с неба и не долетевшими до земли.

А вдали до горизонта протянулась черная гладь океана с движущимися звездами паромных огней.

Ариэль чувствовал прохладное дыхание океана и с удовольствием вбирал в грудь, чистый воздух высот.

Он не без труда нашел нужный небоскреб, этаж, квартиру, окно и полетел к цели. Это было первое окно от угла.

Тутс не обманул: окно было открыто и освещено.



Ариэль сначала заглянул в окно. Хорошо меблированная комната была пуста.

Тогда он влетел в окно и опустился на пол.

Двери прямо и налево. За дверью налево должна быть детская.

Войти туда, схватить ребенка, укутав одеяльцем, чтобы не простудить, и вылететь...

Если кто встретится, ни о чем не говорить и действовать быстро, пользуясь

неизбежным замешательством.

Ариэль направился к двери налево и тихо открыл ее. Он увидел детскую. В кроватке лежал ребенок, над ним нежно склонилась молодая женщина. Ребенок не спал. Он ворочался, тихо плакал.

— Мама, — вдруг позвал он, протягивая ручонки.

Молодая женщина взяла ребенка на руки и поцеловала с нежностью матери. Ребенок положил ей на грудь голову и обнял ручонками за шею.

— Крошка моя, не плачь, Сэм, не плачь, детка!..

Женщина стояла спиной к Ариэлю.

Ариэль стоял в полном недоумении и нерешительности. Он не сомневался, что видит около ребенка мать. Но кто же тогда миссис Уоррендер и о каком маленьком Сэме она говорила! Не вырывать же ребенка из рук матери! Качая сына, женщина повернулась и заметила Ариэля. Она улыбнулась, доверчиво пошла к нему навстречу, воскликнув:

— Наконец-то! Я так ждала вас!..

Ариэль окончательно перестал что-либо понимать. Он неподвижно стоял в дверях, не зная, что сказать, что предпринять.

— Сэм еще с утра жаловался на боль в головке, — сказала женщина и протянула Ариэлю ребенка. — Одно несчастье за другим...

Ариэль догадался, что его принимают за доктора. И чтобы распутать хоть одно недоразумение, он промолвил:

— Простите, миссис, я не доктор.

Женщина побледнела, вдруг прижала ребенка крепко к груди, отступила на несколько шагов и со страхом спросила:

— Кто же вы? Как вы вошли? Вы не от них ли? Не от этих ужасных людей, которые хотят отнять у меня мое сокровище?.. — И она замолчала, глядя на сына взглядом, исполненным тревоги.

Нет! Ариэль был решительно не годен для таких дел! И лучше всего было бы ему повернуться, выбежать в другую комнату и улететь через окно, представив несчастной женщине думать, что все сейчас происшедшее было галлюцинацией. Но у Ариэля явилась мысль, что его обманом вовлекли в какое-то гнусное преступление, и ему хотелось узнать правду.

— Простите, миссис, не бойтесь меня... Я вам сейчас все объясню. Очевидно, здесь происходит какое-то недоразумение.

— Джордж! — крикнула женщина, дрожа всем телом.

Ее волнение передалось ребенку, и он заплакал.

Послышались быстрые шаги, и в комнату вошел мужчина средних лет. Увидев Ариэля, он побледнел, как и его жена, стал между нею и Ариэлем, как бы защищая ее, и сурово, почти грубо спросил:

— Кто вы? Что вам здесь нужно?.. — Потом, взглядевшись в Ариэля, воскликнул с искренним удивлением: — Мистер Биной?!

— А ваша фамилия, сэр?

— Уоррендер. Чем могу служить?

— Уоррендер? — с таким же удивлением воскликнул Ариэль. Они некоторое время смотрели друг на друга с недоумением. Потом Ариэль, уже окончательно убедившись в том, что его обманули, решил откровенно рассказать обо всем родителям Сэма.

— Я должен поговорить с вами, мистер.

И в кабинете Уоррендера Ариэль рассказал, как он был вовлечен в дело, умолчав только о своей способности летать.

— Бандиты хотели использовать мою исключительную ловкость. Я проник к вам... по карнизу из соседней квартиры. Я чрезвычайно рад, что не стал орудием этих ужасных людей, — закончил Ариэль.

Уоррендер покачал головой и сказал:

— Я верю вам, мистер Биной. Вы были введены в заблуждение и действовали из благородных побуждений. Простите меня, но, несмотря на ваш спортивный гений, вы, по-видимому, очень неопытный молодой человек и малознакомый с нашей страной. Впрочем, столь ловкий ход мог сбить с толку и не такого простодушного юношу... Ужасно подумать! Ведь если бы случайно жена не была возле ребенка, который немного захворал, катастрофа была бы неминуема. Ребенок погиб бы, наша жизнь была бы разбита, но и эти хитрые и безжалостные люди рассчитывали на то, что, приняв, вольно или невольно, участие в одном преступлении и тем самым скомпрометировав себя, вы всецело оказались бы в их руках, стали бы их рабом, их слепым орудием, потому что они всегда могли бы посадить вас на электрический стул, — обычный способ казни в нашей стране, — свалив на вас свои преступления. Полиция у них на откупе... Ужасно! Еще одно их покушение не удалось. Но что будет завтра?

И мистер Уоррендер, в свою очередь, рассказал Ариэлю о кошмаре, в котором он и его жена живут целый месяц, показывая анонимные письма с требованием денег.

— Я переплатил уже немало, но чем больше давал, тем больше они требовали, угрожая во что бы то ни стало похитить ребенка. Из своего особняка я, для безопасности, переселился сюда. Здесь, думалось мне, нужно следить только за дверями, не беспокоясь об окнах. Я нанял слуг специально для наблюдения за приходящими сюда людьми, но кто поручится, что и среди слуг нет сообщников гангстеров-похитителей детей? Нам, кажется, остается только одно — покинуть эту страну! — с грустью закончил он.

Ариэль посмотрел на часы. Время уже было близко к полуночи. Он поднялся.

— Я вполне верю вам, мистер Биной, — сказал мистер Уоррендер на прощанье. — Бандиты так не ведут себя. Можете спокойно покинуть мою квартиру. Должен, однако, вас предупредить, что бандитам нельзя изменять безнаказанно. А вы изменили им. Жизнь ваша в большой опасности. И самое лучшее было бы для вас: немедленно оставить Нью-Йорк, а еще лучше совсем уехать из Америки.

— Благодарю вас за совет, мистер Уоррендер! Я так и поступлю! Вы правы. В этой стране даже добрый поступок вдруг превращается в ужасное преступление!

И на прощанье мистер Уоррендер крепко пожал руку человеку, который едва не унес его сына на мучительную смерть.

Выйдя из кабинета Уоррендера, Аврелий в раздумье зашагал по длинному коридору.

Так вот к чему в этом ужасном мире приводит его способность летать! Пирс, и раджа, и пастор, и Чэтфилд, и бандиты — для всех он только орудие их личных корыстных целей. Здесь ему никогда не выбраться на самостоятельную, независимую дорогу, не построить честной и спокойной жизни.

Чудесный дар, о котором грезят люди в мечтах и сновидениях, превращается здесь в какое-то проклятие. Нет, скорее бежать из этого города, от этих черствых, жестоких людей!

Что же делать дальше? Его положение очень рискованное. А вдруг Уоррендер или его жена все же позвонили полиции? К тому же возле билдинга могли дежурить гангстеры и их сообщники. И Ариэль решил вылететь в одно из окон, выходящих в коридор.

Ариэль стремительно летел через город...

Наметив наиболее затемненную часть парка, он быстро опустил и вышел на аллею. Навстречу ему бежало несколько человек, очевидно заметивших падение какого-то предмета.

— Кто-то упал? — задыхаясь, спросил один.

— Не кто-то, а что-то, — ответил другой. — Вы не видели, мистер? — обратился он к Ариэлю.

— Да, я тоже видел... Вон там... Кажется, за решеткой возле клумбы, — ответил Ариэль, указывая в сторону. И он поспешил дальше, вздохнув с облегчением. Все окончилось благополучно!

Глава сорок четвертая

К друзьям

— Почему ты запоздал? Где твои вещи? Почему ты так тяжело дышишь? — забросала Джейн брата вопросами.

— Ты уже готова, Джейн? Едем скорее... Расскажу дорогой... Со мной едва не случилось большое несчастье...

В автомобиле, по пути к порту, он рассказал сестре выдуманную историю. Он подвергся нападению бандитов, которые хотели его похитить ради выкупа. В Америке это обычная вещь. Ему удалось вырваться, сделав гигантский прыжок... Нет, нет, он не летал. Это было не больше того, что он показывал в цирке. Как хорошо, что билеты на пароход уже куплены.

— Ты и сам теперь видишь, насколько я была права, когда настаивала на скорейшем отъезде! — наставительно сказала Джейн.

— И я уже думал об этом, — искренне ответил Аврелий.

Джейн покровительственно хлопнула его по руке и сказала:

— Всегда слушайся меня.

Аврелий вздохнул свободно только тогда, когда огромный океанский пароход отвалил от пристани и водная полоса стала все шириться и шириться. К счастью, гангстеры не умеют летать!

Ариэль стоял у борта, глядя, как в туманной дали расплываются очертания и меркнут огни города, не менее интересного и страшного, чем далекий Мадрас.

Путешествие длилось много суток. Каждую полночь на всех судовых часах стрелки автоматически передвигались на час вперед, от времени до времени низкий мощный гудок потрясал воздух, предупреждая встречный пароход. Пассажиры развлекались кино и танцами, но Джейн упростила Ариэля не выходить из каюты. Они опасались, что на пароходе могут оказаться люди, которые видели «Мировое чудо — Биноя Непобедимого». И он, сказавшись больным, послушно сидел в своей каюте весь путь, скучая и глядя через иллюми-

натор на однотонную водную поверхность.

У него была только одна радость — это воспоминание о далеких друзьях.

От этих воспоминаний он бы ни за что на свете не отказался. Он не мог не думать о Лолите, Шараде, Низмате.

Однажды — это было уже невадалеке от Лондона — Ариэль не утерпел и рассказал Джейн о Лолите. Джейн заставила брата подробно описать внешность девушки и, задумавшись, сказала.

— Уж не та ли это нищая, которая вскрикнула, когда мы нашли тебя у дороги и вынули из мешка?

— Может быть, — смущенно ответил Ариэль. Об этом он не знал. Неужели Лолита была тогда так близко?

— Ну и что же ты думаешь об этой Лолите?

— Я... Она, конечно, очень бедная, хотя и не нищая... Так в Индии живут миллионы людей... Она прекрасна, как сон. И я очень люблю ее и не забуду ее никогда.

— Уж не хочешь ли ты жениться на этой черномазой замарашке? — И Джейн рассмеялась сухим, злым смехом. — Этого еще недоставало! Великолечно! Сэр Аврелий Гальтон вступает в законный брак с леди Локитой!

— Лолита, а не Локита! — вспыхнул Аврелий.

Но Джейн, считая спор бесполезным, сказала:

— Тебе надо заказать приличные костюмы, Аврелий. Фрак, смокинг, сюртук. В Америке ты ходил, словно клерк. Барбара, моя приятельница, рассмеется, если увидит тебя в таком костюме.

И в дороге и дома Джейн не давала брату покоя. Он словно получил строгую гувернантку, которая ежеминутно поправляла его: то он не так сказал, то не так повернулся. Она заставляла его улыбаться, разговаривая с неприятными для него людьми, потому что этого требует хороший тон. Учила говорить комплименты. Ариэль терпеливо переносил эти истязания, называя их в душе дрессировкой. Особенно ее возмущало обращение брата с прислугой.

— Ты разговариваешь с ними, словно они равные тебе! — восклицала она.

— Но разве они не такие же люди, как и мы? — возражал Ариэль.

Джейн читала ему нудные лекции о классовом неравенстве, о том, что с прислугой надо быть холодно-корректным. Зато в обращении с людьми своего круга нужно проявлять исключительную любезность.

— Но если этот человек мне противен? — восклицал Ариэль.

— Нет, ты невозможен. Ты совершенно невоспитан! — приходила в отчаяние Джейн.

Однажды Ариэль, Джейн и Доталлер отправились за город посмотреть принадлежавшие Гальтонам кирпичные заводы. Там все навело на Ариэля уныние. Приземистые бараки, глинистая почва, рвы и канавы карьеров, хлюпающая под мостками вода.

Но Джейн не замечала этого: ведь из этой грязи, этой глины делаются деньги!

Какая-то старая женщина из рабочего поселка переходила через мостки, упала и не могла подняться.

Ариэль бросился к ней и поднял ее, перепачкав лайковые перчатки и пальто, сшитое лучшим лондонским портным.

Джейн, не стесняясь Доталлера, тут же, в присутствии опешившей старухи,

начала выговаривать брату. По ее мнению, это был совершенно ненужный поступок. Ариэль угрюмо молчал, вытирая платком испачканные глиной руки.

Через неделю после приезда в Англию настал день совершеннолетия Ариэля.

Джейн с волнением готовилась к этому торжеству, не уставая повторять Ариэлю, что в этот день он будет принят в круг великосветского общества.

Пригласительные билеты были разосланы лучшим аристократическим фамилиям.

Утром в день совершеннолетия Ариэля явился опекун Боден в сопровождении мистера Хезлона.

И тут между ними и Джейн произошла бурная сцена. Джейн начала говорить с бывшими опекунами об отчете, и страсти разгорелись. Конечно, ни она, ни опекуны не кричали и не размахивали руками. Наоборот, разговор велся в полутонах, слова сопровождались сдержанными жестами. Но в каждом слове был яд, в каждом взгляде — стрела. И, по существу, это был самый торгашеский спор со взаимными обвинениями и оскорблениями.

На Ариэля эта сцена произвела настолько гнетущее впечатление, что он не выдержал и мрачный ушел в свою комнату. Нервы его были взвинчены. Ему казалось, что этот воздух душит его. Несмотря на холодную осеннюю погоду, он открыл окно, и в комнату ворвались клубы тумана и запах фабричной гари. Ариэль захлопнул окно и зашагал по комнате. В его душе нарастал протест, зарождалось какое-то решение.

Конец торжественного дня переполнил чашу терпения.

Когда собрались приглашенные, Ариэлю показалось, что он видит какой-то маскарад, какую-то страшную пародию на человечество. Здесь все было фальшиво: фальшивы улыбки, фальшивы слова, фальшивы волосы, зубы, румянец у дам. Свежие лица были редким исключением. Девушки с рыжими волосами, с веснушками, с длинными зубами. Сухопарые или толстые, задыхающиеся от жира мужчины во фраках. И каждому из них Ариэль должен был пожать руку, радушно улыбаясь, сказать несколько приветливых слов. И все это под пронизывающими взорами Джейн, которая следила за каждым его шагом, за каждым словом.

После обеда сидевший рядом с Ариэлем самодовольный, важный лорд Форбс начал пространно говорить об Индии. Он называл индусов не иначе как «эти скоты» или «эти грубые животные, которые поклоняются корове».

Ариэль долго сдерживался, но, наконец, не выдержал и воскликнул:

— Большинство этих простых, трудолюбивых, честных людей заслуживает гораздо большего уважения, чем многие из присутствующих, которые, кстати сказать, живут за счет этих людей!

Произошел неслыханный скандал. Все сразу смолкли. Лорд Форбс задрожал от ярости и стал тыкать недокуренной сигарой вместо пепельницы в сигарный ящик. Джейн побледнела, потом, призвав на помощь все свое самообладание, постаралась замять неловкость. Но как она набросилась на Ариэля, когда гости разошлись! Забыв о хорошем тоне, она кричала, что отказывается от такого брата, что в нем не кровь аристократа, а кровь плебея, что ей придется отдать брата на воспитание в такое заведение, где из него сумеют сделать человека, или же их пути совершенно разойдутся. Ариэль лишится всего и будет выброшен на улицу, где он, очевидно, и найдет то общество, к которому

его так тянет.

К ее удивлению, а потом и к некоторому страху, Ариэль не возражал ни одним словом, сохраняя мрачное спокойствие. Это показалось Джейн подозрительным. Она сделала вид, что раскаялась, и даже извинялась за свою горячность.

— Ты, конечно, не виноват. Нельзя одним прыжком перепрыгнуть с цирковой арены в аристократический салон. Отчасти я сама виновата, тебя еще рано было показывать обществу. Но ты сам поймешь...

— Я уже понял. Все понял, — ответил Ариэль. — Не беспокойся, Джейн. Я больше не доставлю тебе никаких неприятностей! Уже поздно. Я устал. Спокойной ночи! — И он ушел к себе, оставив сестру в недоумении.

Ариэль закрыл двери своей комнаты на ключ и в волнении шагал назад и вперед, потом спокойно собрал самые необходимые вещи и с небольшим чемоданом вышел из дому.

Стояла туманная ночь. В нескольких шагах ничего не было видно. Ариэль нанял такси и приказал ехать в порт.

К своей радости, он узнал, что через час отходит большой океанский пароход, курсирующий между Лондоном и Бомбеем, Коломбо, Мадрасом. Он взял билет в третьем классе, — невыносимой была мысль совершить путешествие в обществе людей, похожих на сэра Джорджа Форбса, члена палаты лордов, из-за которого вышла последняя ссора с Джейн.

Через час огромный океанский пароход отделился от пристани, направляясь к берегам далекой Индии.

Люди, стоявшие на берегу, наблюдали, как в глубоком тумане движется темная расплывчатая масса, сверкая полосой иллюминаторов. В этот предутренний час пароход казался каким-то сказочным, созданным воображением чудовищем. Еще некоторое время мерцали тусклые огни, все более расплываясь и бледнея. Наконец и они потонули в тумане.

Пароход, увозящий Ариэля, исчез, как видение сна.

Остров погибших кораблей (роман)

Часть первая

I. На палубе



Большой трансатлантический пароход «Вениамин Франклин» стоял в генуэзской гавани, готовый к отплытию. На берегу была обычная суета, слышались крики разноязычной, пестрой толпы, а на пароходе уже наступил момент той напряженной, нервной тишины, которая невольно охватывает людей перед далеким путешествием. Только на палубе третьего класса пассажиры суетливо «делили тесноту», размещаясь и укладывая пожитки. Публика первого класса с высоты своей палубы молча наблюдала этот людской муравейник.

Потрясая воздух, пароход проревел в последний раз. Матросы спешно начали поднимать трап.

В этот момент на трап быстро взошли два человека. Тот, который следовал сзади, сделал матросам какой-то знак рукой, и они опустили трап.

Опоздавшие пассажиры вошли на палубу. Хорошо одетый, стройный и широкоплечий молодой человек, заложив руки в карманы широкого пальто, быстро зашагал по направлению к каютам. Его гладко выбритое лицо было совершенно спокойно. Однако наблюдательный человек по сдвинутым бровям незнакомца и легкой иронической улыбке мог бы заметить, что это спокойствие деланое. Вслед за ним, не отставая ни на шаг, шел толстенький человек средних лет. Котелок его был сдвинут на затылок. Потное, помятое лицо его выражало одновременно усталость, удовольствие и напряженное внимание, как у кошки, которая тащит в зубах мышь. Он ни на секунду не спускал глаз со своего спутника.

На палубе парохода, недалеко от трапа, стояла молодая девушка в белом платье. На мгновение ее глаза встретились с глазами опоздавшего пассажира, который шел впереди.

Когда прошла эта странная пара, девушка в белом платье, мисс Кингман, услышала, как матрос, убиравший трап, сказал своему товарищу, кивнув в сторону удалившихся пассажиров:

— Видал? Старый знакомый Джим Симпкинс, нью-йоркский сыщик, поймал какого-то молодчика.

— Симпкинс? — ответил другой матрос. — Этот по мелкой дичи не охотится.

— Да, гляди, как одет. Какой-нибудь специалист по части банковских сейфов, если не хуже того.

Мисс Кингман стало жутко. На одном пароходе с нею будет ехать весь путь до Нью-Йорка преступник, быть может, убийца. До сих пор она видала только в газетах портреты этих таинственных и страшных людей.

Мисс Кингман поспешно вошла на верхнюю палубу. Здесь, среди людей своего круга, в этом месте, недоступном обыкновенным смертным, она чувствовала себя в относительной безопасности. Откинувшись на удобном плетеном кресле, мисс Кингман погрузилась в бездеятельное созерцание — лучший дар морских путешествий для нервов, утомленных городской суетой. Тент прикрывал ее голову от горячих лучей солнца. Над нею тихо покачивались листья пальм, стоявших в широких кадках между креслами. Откуда-то сбоку доносился ароматический запах дорогого табака.

— Преступник. Кто бы мог подумать? — прошептала мисс Кингман, все еще вспоминая о встрече у трапа. И, чтобы окончательно отделаться от неприятного впечатления, она вынула маленький изящный портсигар из слоновой кости, японской работы, с вырезанными на крышке цветами, и закурила египетскую сигаретку. Синяя струйка дыма потянулась вверх к пальмовым листьям.

Пароход отходил, осторожно выбираясь из гавани. Казалось, будто пароход стоит на месте, а передвигаются окружающие декорации при помощи вращающейся сцены. Вот вся Генуя повернулась к борту парохода, как бы желая показаться отъезжающим в последний раз. Белые дома сбегали с гор и теснились у прибрежной полосы, как стадо овец у водопоя. А над ними высились желто-коричневые вершины с зелеными пятнами садов и пиний. Но вот кто-то повернул декорацию. Открылся угол залива — голубая зеркальная поверхность с кристальной прозрачностью воды. Белые яхты, казалось, были погружены в кусок голубого неба, упавший на землю, — так ясно были видны все линии судна сквозь прозрачную воду. Бесконечные стаи рыб шныряли меж желтоватых камней и коротких водорослей на белом песчаном дне. Постепенно вода становилась все синее, пока не скрыла дна...

— Как вам понравилась, мисс, ваша каюта?

Мисс Кингман оглянулась. Перед ней стоял капитан, который включил в круг своих обязанностей оказывать любезное внимание самым «дорогим» пассажирам.

— Благодарю вас, мистер...

— Браун.

— Мистер Браун, отлично. Мы зайдем в Марсель?

— Нью-Йорк — первая остановка. Впрочем, может быть, мы задержимся на несколько часов в Гибралтаре. Вам хотелось побывать в Марселе?

— О нет, — поспешно и даже с испугом проговорила мисс Кингман. — Мне смертельно надоела Европа. — И, помолчав, она спросила: — Скажите, капитан, у нас на пароходе... имеется преступник?

— Какой преступник?

— Какой-то арестованный...

— Возможно, что их даже несколько. Обычная вещь. Ведь эта публика имеет обыкновение удирать от европейского правосудия в Америку, а от американского — в Европу. Но сыщики выслеживают их и доставляют на родину этих заблудших овец. В их присутствии на пароходе нет ничего опасного — вы можете быть совершенно спокойны. Их приводят без кандалов только для то-



го, чтобы не обращать внимания публики. Но в каюте им тотчас надевают ручные кандалы и приковывают к койкам.

— Но ведь это ужасно! — проговорила мисс Кингман.

Капитан пожал плечами.

Ни капитан, ни даже сама мисс Кингман не поняли того смутного чувства, которое вызвало это восклицание. Ужасно, что людей, как диких животных, приковывают на цепь. Так думал капитан, хотя и находил это разумной мерой предосторожности.

Ужасно, что этот молодой человек, так мало похожий на преступника и ничем не отличающийся от людей ее круга, будет всю дорогу сидеть скованным в душной каюте. Вот та смутная подсознательная мысль, которая взволновала мисс Кингман.

И, сильно затянувшись сигаретой, она погрузилась в молчание.

Капитан незаметно отошел от мисс Кингман. Свежий морской ветер играл концом белого шелкового шарфа и ее каштановыми локонами.

Даже сюда, за несколько миль от гавани, доносился аромат цветущих магнолий, как последний привет генуэзского берега. Гигантский пароход неумолимо разрезал голубую поверхность, оставляя за собой далекий волнистый след. А волны-стежки спешили заштопать рубец, образовавшийся на шелковой морской глади.

II. Бурная ночь

— **Ш**ах королю. Шах и мат.

— О, чтоб вас акула проглотила! Вы мастерски играете, мистер Гатлинг, — сказал знаменитый нью-йоркский сыщик Джим Симпкинс и досадливо почесал за правым ухом. — Да, вы играете отлично, — продолжал он. — А я все же играю лучше вас. Вы обыграли меня в шахматы, зато какой великолепный шах и мат устроил я вам, Гатлинг, там, в Генуе, когда вы, как шахматный король, отсиживались в самой дальней клетке разрушенного дома! Вы хотели укрыться от меня? Напрасно! Джим Симпкинс найдет на дне моря. Вот вам шах и мат, — и, самодовольно откинувшись, он закурил сигару.

Реджинальд Гатлинг пожал плечами:

— У вас было слишком много пешек. Вы подняли на ноги всю генуэзскую полицию и вели правильную осаду. Ни один шахматист не выиграет партии, имея на руках одну фигуру короля против всех фигур противника. И, кроме того, мистер Джим Симпкинс, наша партия еще... не кончена.

— Вы полагаете? Эта цепочка еще не убедила вас? — и сыщик потрогал легкую, но прочную цепь, которой Гатлинг был прикован за левую руку к металлическому стержню койки.

— Вы наивны, как многие гениальные люди. Разве цепи — логическое доказательство? Впрочем, не будем вдаваться в философию.

— И возобновим игру. Я требую реванша, — докончил Симпкинс.

— Едва ли это удастся нам. Качка усиливается и может смешать фигуры, прежде чем мы кончим игру.

— Это как прикажете понимать, тоже в переносном смысле? — спросил Симпкинс, расставляя фигуры.

— Как вам будет угодно.

— Да, качает основательно, — и он сделал ход.

В каюте было душно и жарко. Она помещалась ниже ватерлинии, недалеко от машинного отделения, которое, как мощное сердце, сотрясало стены ближних кают и наполняло их ритмическим шумом. Игроки погрузились в молчание, стараясь сохранить равновесие шахматной доски.

Качка усиливалась. Буря разыгрывалась не на шутку. Пароход ложился на левый бок, медленно поднимался. Опять... Еще... Как пьяный...

Шахматы полетели. Симпкинс упал на пол. Гатлинга удержала цепь, но она больно рванула его руку у кисти, где был «браслет».

Симпкинс выругался и уселся на полу.

— Здесь устойчивей. Знаете, Гатлинг, мне нехорошо... того... морская болезнь. Никогда я еще не переносил такой дьявольской качки. Я лягу. Но... вы не сбежите, если мне станет худо?

— Непременно, — ответил Гатлинг, укладываясь на койке. — Порву цепочку и сбегу... брошусь в волны. Предпочитаю общество акул...

— Вы шутите, Гатлинг. — Симпкинс ползком добрался до койки и, охая, улегся.

Не успел он вытянуться, как вновь был сброшен с кровати страшным толчком, потрясшим весь пароход. Где-то трещало, звенело, шумело, гудело. Сверху доносились крики и топот ног, и, заглушая весь этот разноголосый шум, вдруг тревожно загудела сирена, давая сигнал: «Всем наверх!»

Превозмогая усталость и слабость, цепляясь за стены, Симпкинс пошел к двери. Он был смертельно испуган, но старался скрыть это от спутника.

— Гатлинг! Там что-то случилось. Я иду посмотреть. Простите, но я должен запереть вас! — прокричал Симпкинс.

Гатлинг презрительно посмотрел на сыщика и ничего не ответил.

Качка продолжалась, но даже при этой качке можно было заметить, что пароход медленно погружается носовой частью.

Через несколько минут в дверях появился Симпкинс. С его дождевого плаща стекали потоки воды. Лицо сыщика было искажено ужасом, которого он уже не пытался скрыть.

— Катастрофа... Мы тонем... Пароход получил пробоину... Хотя толком никто ничего не знает... Приготовляют шлюпки... отдан приказ надевать спасательные пояса... Но еще никого не пускают садиться в шлюпки. Говорят, корабль имеет какие-то там переборки, может быть, еще и не утонет, если там что-нибудь такое сделают, черт их знает что... А пассажиры дерутся с матросами, которые отгоняют их от шлюпок... Но мне-то, мне-то что прикажете де-

лать? — закричал он, набрасываясь на Гатлинга с таким видом, будто тот был виновником всех его злоключений. — Мне-то что прикажете делать? Спасаться самому или следить за вами? Мы можем оказаться в разных шлюпках, и вы, пожалуй, сбежите.

— А это вас разве не успокаивает? — с насмешкой спросил Гатлинг, показывая цепочку, которой он был прикован.

— Не могу же я остаться с вами, черт побери.

— Словом, вы хотите спасти себя, меня и те десять тысяч долларов, которые вам обещали за мою поимку? Весьма сочувствую вашему затруднительному положению, но ничем не могу помочь.

— Можете, можете... Слушайте, голубчик, — и голос Симпкинса стал заискивающим, Симпкинс весь съежился, как нищий, вымаливающий подаюние, — дайте слово... дайте только слово, что вы не сбежите от меня на берегу, и я сейчас же отомкну и сниму с вашей руки цепь... дайте только слово. Я верю вам.

— Благодарю за доверие. Но никакого слова не дам. Впрочем, нет: сбегу при первой возможности. Это слово могу дать вам.

— О!.. Видали вы таких?.. А если я оставлю вас здесь, упрямец? — И, не ожидая ответа, Симпкинс бросился к двери. Цепляясь, карабкаясь и падая, он выбрался по крутой лестнице на палубу, которая, несмотря на ночь, была ярко освещена дуговыми фонарями. Его сразу хлестнуло дождевой завесой, которую трепал бурный ветер. Корма корабля стояла над водой, нос заливали волны. Симпкинс осмотрел палубу и увидел, что дисциплина, которая еще существовала несколько минут тому назад, повергнута, как легкая преграда, бешеным напором того первобытного, животного чувства, которое называется инстинктом самосохранения. Изысканно одетые мужчины, еще вчера с галантной любезностью оказывавшие дамам мелкие услуги, теперь топтали тела этих дам, пробивая кулаками дорогу к шлюпкам. Побеждал сильнейший. Звук сирены сливался с нечеловеческим ревом обезумевшего стада двуногих зверей. Мелькали раздавленные тела, растерзанные трупы, клочья одежды.



Симпкинс потерял голову, горячая волна крови залила мозг. Было мгновение, когда он сам готов был ринуться в свалку. Но мелькнувшая даже в это мгновение мысль о десяти тысячах долларов удержала его. Кубарем скатился он по лестнице, влетел в каюту, упал, прокатился к двери, ползком добрался до коек и молча, дрожащими руками стал размыкать цепь.

— Наверх! — Сыщик пропустил вперед Гатлинга и последовал за ним.

Когда они выбрались на палубу, Симпкинс закричал в бессильном бешенстве: палуба была пуста. На громадных волнах, освещенных огнями иллюминаторов, мелькали последние шлюпки, переполненные людьми. Нечего было и думать добраться до них вплавь.

Борта шлюпок были облеплены руками утопавших. Удары ножей, кулаков

и весел, револьверные пули сыпались со шлюпок на головы несчастных, и волны поглощали их.

— Все из-за вас! — закричал Симпкинс, тряся кулаком перед носом Гатлинга.

Но Гатлинг, не обращая на сыщика никакого внимания, подошел к борту и внимательно посмотрел вниз. У самого парохода волны качали тело женщины. С последними усилиями она протягивала руки и, когда волны прибивали ее к пароходу, тщетно пыталась уцепиться за железную обшивку.

Гатлинг сбросил плащ и прыгнул за борт.

— Вы хотите бежать? Вы ответите за это. — И, вынув револьвер, сыщик направил его в голову Гатлинга. — Я буду стрелять при первой вашей попытке отплыть от парохода.

— Не говорите глупостей и бросайте скорей конец каната, идиот вы этакий! — крикнул в ответ Гатлинг, хватая за руку утопавшую женщину, которая уже теряла сознание.

— Он еще и распоряжается! — кричал сыщик, неумело болтая концом каната. — Оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей!

Мисс Вивиана Кингман пришла в себя в каюте. Она глубоко вздохнула и открыла глаза.

Симпкинс галантно раскланялся:

— Позвольте представиться: агент Джим Симпкинс. А это мистер Реджинальд Гатлинг, находящийся под моей опекой, так сказать...

Кингман не знала, как держать себя в компании агента и преступника. Кингман, дочь Миллиардера, должна была делить общество с этими людьми. Вдобавок одному из них она обязана своим спасением, она должна благодарить его. Но протянуть руку преступнику? Нет, нет! К счастью, она еще слишком слаба, не может двинуть рукой... ну, конечно, не может. Она шевельнула рукой, не поднимая ее, и сказала слабым голосом:

— Благодарю вас, вы спасли мне жизнь.

— Это долг каждого из нас, — без всякой рисовки ответил Гатлинг. — А теперь вам нужно отдохнуть. Можете быть спокойны: пароход хорошо держится на воде и не потонет. — Дернув за рукав Симпкинса, он сказал: — Идем.

— На каком основании вы стали распоряжаться мною? — ворчал сыщик, следуя, однако, за Гатлингом. — Не забывайте, что вы — арестованный и я всякую минуту могу на законном основании наложить ручные кандалы и лишить вас свободы.

Гатлинг подошел вплотную к Симпкинсу и спокойно, но внушительно сказал:

— Послушайте, Симпкинс, если вы не перестанете болтать свои глупости, я возьму вас за шиворот, вот так, и выброшу за борт, как слепого котенка, вместе с вашим автоматическим пистолетом, который так же намозолил мне глаза, как и вы сами. Понимаете? Уберите сейчас же в карман ваше оружие и следуйте за мной. Нам надо приготовить для мисс завтрак и разыскать бутылку хорошего вина.

— Черт знает что такое! Вы хотите сделать из меня горничную и кухарку? Чистить ей туфли и подавать булавки?

— Я хочу, чтобы вы меньше болтали, а больше делали. Ну, поворачивай-

тесь!

III. В одной пустыне

— Скажите, мистер Гатлинг, почему корабль не потонул? — спрашивала мисс Кингман, сидя с Гатлингом на палубе, вся освещенная утренним солнцем. Кругом, насколько охватывал глаз, расстилалась водная гладь океана, как изумрудная пустыня.

— Современные океанские пароходы, — отвечал Гатлинг, — снабжаются внутренними переборками, или стенками. При пробоях вода заполняет только часть парохода, не проникая дальше. И если разрушения не слишком велики, пароход может держаться на поверхности даже с большими пробоями.

— Но почему же тогда пассажиры оставили пароход?

— Никто не мог сказать, выдержит ли пароход, чтобы оказаться способным держаться на поверхности. Посмотрите: киль ушел в воду. Корма поднялась так, что видны лопасти винтов. Палуба наклонена под углом почти в тридцать градусов к поверхности океана. Не очень-то удобно ходить по этому косо-гору, но это все же лучше, чем барахтаться в воде. Мы еще дешево отделались. На пароходе имеются громадные запасы провианта и воды. И если нас не слишком отнесло от океанских путей, мы можем скоро встретить какое-нибудь судно, которое подберет нас.

Однако шли дни за днями, а голубая пустыня оставалась все так же мертва. Симпкинс проглядел глаза, всматриваясь в морскую даль.

Потекли однообразные дни.

Мисс Кингман очень скоро вошла в роль хозяйки. Она хлопотала на кухне, стирала белье, поддерживала порядок в столовой и «салоне» — небольшой уютной каюте, где они любили проводить вечера перед сном.

Трудный вопрос, как держать и поставить себя в новом, чуждом для нее обществе, разрешился как-то сам собой. К Симпкинсу она относилась добродушно-иронически, с Гатлингом установились простые, дружеские отношения. Больше того, Гатлинг интересовал ее загадочностью своей судьбы и натуры. Из чувства такта она не только никогда не спрашивала Гатлинга о его прошлом, но не допускала, чтобы и Симпкинс говорил об этом, хотя Симпкинс не раз пытался в отсутствие Гатлинга рассказать о его страшном «преступлении».

Они охотно беседовали друг с другом по вечерам, при закате солнца, покончив со своим маленьким хозяйством. Симпкинс торчал на своей сторожевой вышке, ища дымок парохода, как вестник спасения, профессионального триумфа и обещанной награды.

Из этих разговоров мисс Кингман могла убедиться в том, что ее собеседник образован, тактичен и воспитан. Беседы с остроумной мисс Кингман, по-видимому, доставляли и Гатлингу большое удовольствие. Она вспоминала свое путешествие по Европе и смешила его неожиданными характеристиками виденного.

— Швейцария? Это горное пастбище туристов. Я сама объездила весь свет, но ненавижу этих жвачных двуногих с Бедкером вместо хвоста. Они изжевали глазами все красоты природы.

Везувий? Какой-то коротыш, который пыхтит дрянной сигарой и напускает на себя важность. Вы не видали горной цепи Колорадо? Хэс-Пик, Лоне-Пик,

Аранхо-Пик — вот это горы. Я уже не говорю о таких гигантах, как Монт Эверест, имеющий 8800 метров высоты. Везувий по сравнению с ними щенок.

Венеция? Там могут жить одни лягушки. Гондольер повез меня по главным каналам, желая показать товар лицом, все эти дворцы, статуи и прочие красоты, которые позеленели от сырости, и глазастых англичанок. Но я приказала, чтобы он вез меня на один из малых каналов, — не знаю, верно ли я сказала, но гондольер меня понял и после повторного приказания неохотно направил гондолу в узкий канал. Мне хотелось видеть, как живут сами венецианцы. Ведь это ужас. Каналы так узки, что можно подать руку соседу напротив. Вода в каналах пахнет плесенью, на поверхности плавают апельсиновые корки и всякий сор, который выбрасывают из окон. Солнце никогда не заглядывает в эти каменные ущелья. А дети, несчастные дети! Им негде порезвиться. Бледные, рахитичные, сидят они на подоконниках, рискуя упасть в грязный канал, и с недетской тоской смотрят на проезжающую гондолу. Я даже не уверена, умеют ли они ходить.

— Но что же вам понравилось в Италии?..

Тут разговор их был прерван самым неожиданным образом:

— Руки вверх!

Они оглянулись и увидели перед собой Симпкинса с револьвером, направленным в грудь Гатлинга.

Сыщик уже давно прислушивался к их разговору, ожидая, не проговорится ли Гатлинг о своем преступлении. Убедившись в невинности разговора, Симпкинс решил выступить в новой роли — «предупредителя и пресекаателя преступлений».

— Мисс Кингман, — начал он напыщенно, — мой служебный долг и долг честного человека предупредить вас об опасности. Я не могу больше допускать эти разговоры наедине. Я должен предупредить вас, мисс Кингман, что Гатлинг — опасный преступник. И опасный прежде всего для вас, женщин. Он убил молодую леди, опутав ее сначала сетью своего красноречия. Убил и бежал, но был пойман мною, Джимом Симпкинсом, — закончил он и с гордостью смотрел на произведенный эффект.

Нельзя сказать, что эффект получился тот, которого он ожидал.

Мисс Кингман действительно была смущена, взволнована и оскорблена, но скорее его неожиданным и грубым вторжением, чем речью.

А Реджинальд Гатлинг совсем не походил на убитого разоблачением преступника. С обычным спокойствием он подошел к Симпкинсу. Не обращая внимания на наведенное дуло, вырвал после короткой борьбы и отбросил в сторону револьвер, тихо сказав:

— Вам, очевидно, еще мало десяти тысяч долларов, обещанных вам за удовольствие некоторых лиц видеть меня посаженным на электрический стул. Только присутствие мисс удерживает меня разделаться с вами по заслугам!

Ссору прекратила мисс Кингман.

— Дайте мне слово, — сказала она, подходя к ним и обращаясь больше к Симпкинсу, — чтобы подобные сцены не повторялись. Обо мне не беспокойтесь, мистер Симпкинс, я не нуждаюсь в опеке. Оставьте ваши счета до того времени, пока мы не сойдем на землю. Здесь нас трое — только трое среди беспредельного океана. Кто знает, что ждет нас еще впереди? Быть может, каждый из нас будет необходим для другого в минуту опасности.

Становится сыро, солнце зашло. Пора расходиться. Спокойной ночи!
И они разошлись по своим каютам.

IV. Саргассово море

Джим Симпкинс спал плохо в эту ночь. Он ворочался на койке в своей каюте и к чему-то прислушивался. Ему все казалось, что Гатлинг где-то поблизости, подкрадывается, чтобы расправиться с ним, отомстить, быть может, убить. Вот чьи-то шаги, где-то скрипнула дверь... Сыщик в ужасе сел на койку.

— Нет, все тихо, померещилось... Ой, черт возьми, какая душная ночь! И потом — москиты и комары не дают покоя. Откуда могла взяться вся эта крылатая нечисть среди океана? Или я брежу, или мы близко от земли? Не пойти ли освежиться?

Симпкинс уже не первую ночь ходил освежаться в трюм парохода, где находились запасы консервов и вина.

Он благополучно добрался до места, пробираясь ощупью впотьмах по знакомым переходам, и уже глотнул хороший глоток рома, как вдруг услышал какой-то странный шорох. В этом лабиринте трудно было определить, откуда слышались эти звуки. У Симпкинса похолодело в груди.

— Ищет. Нечего сказать, хорошая игра в прятки. Только бы он не нашел до утра. А там придется просить заступничества мисс Кингман. — И он стал, затаив дыхание, пробираться в дальний угол трюма, почти у самой обшивки. Именно там, за обшивкой, вдруг послышался шорох, как будто какое-то неведомое морское чудовище, выплывшее со дна моря, терлось шершавой кожей о борт парохода. Таинственные звуки стали слышнее. И вдруг Симпкинс почувствовал, как от мягкого толчка колыхнулся весь пароход. Ни волны, ни подводные камни не могли произвести такого странного колебания. Вслед за этим толчком последовало еще несколько вместе с каким-то глухим уханьем.

Симпкинса охватил ледяной ужас далеких животных предков человека: ужас перед неизвестным. Горе тому, кто не сумеет сразу побороть этот ужас: слепые инстинкты гасят тогда мысль, парализуют волю, самообладание.

Симпкинс почувствовал, как холодом пахнуло в затылок и волосы на голове поднялись. Ему казалось, что он ощущает напряжение каждого волоса. С диким ревом бросился он, спотыкаясь и падая, вверх, на палубу.

Навстречу ему шел Гатлинг. Симпкинс, забыв обо всем, кроме страха перед неизвестным, чуть не бросился в объятия того, от которого только что спасался, как мышь в норе.

— Что это? — спросил он каким-то шипящим свистом (нервные спазмы сдавили его горло) и схватил Гатлинга за руку.

— Я знаю не больше вашего... Пароход мягко качнулся набок, потом опустилась носовая часть и вновь поднялась. Я наскоро оделся и вышел посмотреть.

Луна ярко освещала часть палубы. Пострадавшая после аварии килевая часть парохода была погружена в воду, и палуба здесь лежала почти на уровне воды.

Симпкинс остался выше, следя за Гатлингом, который осмотрел всю килевую часть палубы.

— Странно, странно... Спуститесь же сюда, Симпкинс, не будьте трусом.

— Благодарю вас, но мне и отсюда хорошо видно.

— Симпкинс, это вы? Что там случилось?

— Мисс Кингман, прошу вас сойти сюда, — сказал Гатлинг, увидав Вивиа-

ну, спускавшуюся вниз по палубе.

Она подошла к Гатлингу, а следом за ней осмелился спуститься и Симпкинс. Присутствие девушки успокоило его.

— Полюбуйтесь, мисс!

В ярких лучах луны палуба ярко белела. И на этом белом фоне виднелись темные пятна и следы. Будто какое-то громадное животное всползло на палубу, сделало полукруг и свалилось с правого борта, сломав, как соломинку, железные прутья перил.

— Обратите внимание: это похоже на след от тяжелого брюха, которое волочилось по палубе. А по бокам — следы лап или скорее плавников. Нас посетило какое-то неизвестное чудовище.

Симпкинсу опять стало страшно, и он незаметно стал пятиться назад по покатой палубе.

— А это что за сор? Какие-то растения, очевидно оставленные неизвестным посетителем? — И мисс Кингман подняла с пола водоросль.

Гатлинг внимательно осмотрел водоросль и неодобрительно покачал головой.

— Саргассум, группы бурых водорослей... Да, сомнения нет! Это саргассовы водоросли. Вот куда занесло нас. Черт возьми! Дело приобретает плохой оборот. Нам надо обсудить положение.

И все трое поднялись на верхнюю палубу. Опасность сблизил их. Симпкинс махнул рукой на свои «права», он понял, что только знания, опыт и энергия Гатлинга могли спасти их.

Больше всего сыщика беспокоило неизвестное чудовище. Какой-то саргассовой водоросли он не придавал значения.

— Что вы думаете, Гатлинг, о нашем непрошеном госте? — спросил Симпкинс, когда все уселись на плетеные стулья.

Гатлинг пожал плечами, продолжая крутить в руке водоросль.

— Это не спрут, не акула и не какой-нибудь другой из известных обитателей моря... Возможно, что здесь, в этом таинственном уголке Атлантического океана, живут неведомые нам чудовища, какие-нибудь плезиозавры, сохранившиеся от первобытных времен.

— А вдруг они вылезут из воды и станут преследовать нас?

— Мы должны быть готовы ко всему. Но, признаюсь, меня беспокоят не столько неизвестные чудовища, сколько вот этот листок, — и он показал листок водоросли. — Пароход все-таки слишком велик и крепок даже для этих неизвестных гигантов подводного мира. Им не проникнуть и в наши тесные каюты. Наконец, у нас есть оружие. Но какое оружие может победить вот это? — и он опять показал на водоросль.

— Что же страшного в этом ничтожном листке? — спросил Симпкинс.

— То, что мы попали в область Саргассова моря, таинственного моря, которое расположено западнее Корво — одного из Азорских островов. Это море занимает площадь в шесть раз больше Германии. Оно все сплошь покрыто густым ковром водорослей. «Водоросль» по-испански — «саргасса», отсюда и название моря.

— Как же это так: море среди океана? — спросила мисс Кингман.

— Вот этот вопрос не решили еще и сами ученые.

— Как вам должно быть известно, теплое течение Гольфстрим направляет-

ся из проливов Флориды на север к Шпицбергену. Но на пути это течение разделяется, и один рукав возвращается на юг, доходит до Азорских островов, идет к западным берегам Африки и, наконец, описав полукруг, возвращается к Антильским островам. Получается теплое кольцо, в котором и находится холодная, спокойная вода — Саргассово море. Посмотрите на океан!

Все оглянулись и были поражены: поверхность океана лежала перед ними неподвижной, как стоячий пруд. Ни малейшей волны, движения, плеска. Первые лучи восходящего солнца осветили это странное, застывшее море, которое походило на сплошной ковер зеленовато-бледных водорослей.

— Не хочу пугать вас, Симпкинс, но горе кораблю, попавшему в эту «банку с водорослями», как назвал Саргассово море Колумб. Винт, если он у нас и был бы в исправности, не мог бы работать: он намотал бы водоросли и остановился. Водоросли задерживают ход парусного судна, не дают возможности и грести. Словом, они цепко держат свою жертву.

— Что же будет с нами? — спросил Симпкинс.

— Возможно, то же, что и с другими. Саргассово море называют кладбищем кораблей. Редко кому удается выбраться отсюда. Если люди не умирают от голода, жажды или желтой лихорадки, они живут, пока не утонет их корабль от тяжести наросших полипов или течи. И море медленно принимает новую жертву.

Мисс Кингман слушала внимательно.

— Ужасно! — прошептала она, вглядываясь в застывшую зеленую поверхность.

— Мы, во всяком случае, находимся в лучших условиях, чем многие из наших предшественников. Пароход держится хорошо. Может быть, нам удастся починить течь и выкачать воду. Запасов продуктов хватит для нас троих на несколько лет.

— Лет! — вскричал Симпкинс, подпрыгнув на стуле.

— Да, дорогой Симпкинс, возможно, что несколько лет вам придется ожидать обещанной награды. Мужайтесь, Симпкинс.

— Плевать я хотел на награду, только бы мне выбраться из этого проклятого киселя!

...Потянулись однообразные, томительные, знойные дни. Тучи каких-то неизвестных насекомых стояли над этим стоячим болотом. Ночью москиты не давали спать. Иногда туман ложился над морем погребальной пеленой.

К счастью, на пароходе была хорошая библиотека. Мисс Кингман много читала. По вечерам все собирались в большом роскошном салоне. Вивиана пела и играла на рояле. И все чаще Симпкинс стал являться на эти вечерние собрания с бутылкой вина: с горя он запил.

Гатлингу пришлось запереть на ключ винные погреба. Симпкинс пробовал возражать, но Гатлинг был неумолим.

— Недостает того, чтобы нам пришлось еще возиться с больным белой горячкой. Поймите же, нелепый вы человек, что вы скоро погибнете, если вас не остановить.

Симпкинсу пришлось покориться.

V. В царстве мертвых

Казалось, что пароход стоит неподвижно. Но, по-видимому, какое-то медленное течение увлекало его на середину Саргассова моря: все чаще стали

встречаться на пути полусгнившие и позеленевшие обломки кораблей. Они появлялись, как мертвецы, с обнаженными «ребрами»-шпангоутами и сломанными мачтами, некоторое время следовали за кораблем и медленно уплывали вдаль. Ночами Симпкинса пугали «привидения»: из зеленой поверхности моря появлялись вдруг какие-то столбы бледного тумана, напоминавшие людей в саванах, и медленно скользили, колыхались и таяли... Это вырывались испарения в тех местах, где в сплошном ковре водорослей находились «попыньи».

В одну из лунных ночей какой-то полуразрушенный бриг голландской постройки близко подошел к пароходу. Он был окрашен в черный цвет с яркой позолотой. Его мачта и часть бульварков были снесены, брашпиль разбит.

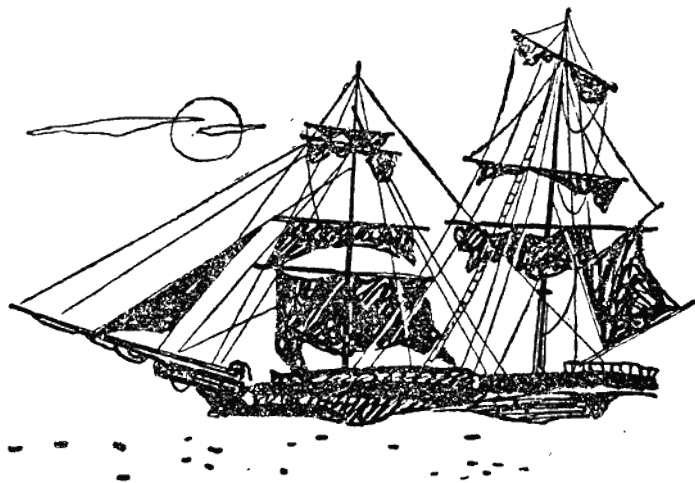
Со смешанным чувством любопытства и жути смотрела Вивиана на этот мертвый корабль. Быть может, это их будущее; настанет время — и их пароход будет так же носиться по морю, не оживленный ни одним человеческим существом. И вдруг она вскрикнула:

— Смотрите, смотрите, Гатлинг!

Прислонившись к сломанной мачте, там стоял человек в красной шапке. В лучах яркой луны на темном, почти черном лице сверкали зубы. Он улыбался, улыбался во весь рот. У ног его лежала бутылка.

Сознание, что они не одни, что в этой зеленой пустыне есть еще одно живое человеческое существо, взволновало всех. Симпкинс и Гатлинг громко крикнули и замахали руками.

Человек в красной шапке, все так же улыбаясь, махнул рукой, но как-то странно, будто показав что-то позади себя. И рука сразу опустилась, как плеть. Луна зашла за облако, и человека уже не стало видно. Но бриг подплывал все ближе к пароходу.



Наконец бриг уже почти вплотную подошел к борту корабля. В этот момент луна вошла и осветила странную и жуткую картину.

К обломку мачты был привязан скелет. Лохмотья одежды еще сохранились на нем. Уцелевшие кости рук болтались на ветру, но остальные уже давно выпали из плечевых суставов и валялись на полу палубы. Кожа на лице сохранилась, иссушенная горячим солнцем. На этом пергаментном лице сверкала улыбка черепа. Полуистлевшая красная шапка покрывала его макушку.

Один момент, и Гатлинг прыгнул на палубу брига.

— Что вы делаете, Гатлинг? Бриг может отойти от парохода. Тогда вы погибнете.

— Не беспокойтесь, мисс, я успею. Здесь есть что-то интересное.

Гатлинг подбежал к скелету, схватил запечатанную бутылку и прыгнул на палубу парохода в тот момент, когда бриг отошел уже почти на метр.

— Сумасшедший! — встретила Гатлинга побледневшая мисс Кингман, радуясь его благополучному возвращению. — Ну, ради чего, в самом деле, вы так рисковали? — спросила Вивиана, глядя на бутылку. — Этого добра у нас достаточно.

— А вот посмотрим. — Гатлинг отбил горлышко бутылки и извлек полуистлевший листок синеватой бумаги. Выцветшие, почти рыжие буквы еще можно было разобрать.

Очевидно, гусиным пером, со странным росчерком и завитушками, было написано:

«Кто бы ты ни был, христианин или неверный, в чьи руки попадет сия бутылка, прошу и заклинаю тебя исполнить мою последнюю волю. Если меня найдешь после смерти моей на бриге, возьми деньги, что лежат в белом кожаном мешке, в капитанской каюте, 50 000 гульденов золотом. Из них 10 000 гульденов себе возьми, а 40 000 гульденов передай жене моей, Марте Тессель, в Амстердаме, Морская улица, собственный дом. А если потонет бриг, а бутылку одну найдешь в море, перешли ей, Марте Тессель, жене моей, мое последнее приветствие. Пусть простит меня, если огорчал ее в чем... Все наши умерли... Весь экипаж до матроса... Кар, Губерт... первые... Я один жив, пока. Неделю... без пищи... привяжусь к мачте... кто заметит... Прощайте... Густав Тессель. Бриг „Марта“, 1713 года сентябрь 15-го дня».

Когда Гатлинг кончил читать, наступило молчание.

— Как это жутко и странно! Мы получили поручение от мертвеца передать привет его жене, которая уже двести лет как в могиле... — И, вздрогнув, мисс Кингман добавила: — Сколько ужасных тайн хранит это море!

— Пятьдесят тысяч гульденов, — думал вслух Симпкинс, провожая глазами удалявшийся бриг. — Сколько же это будет по курсу на сегодняшнее число?..

Часть вторая

I. Тихая пристань

— Земля! Земля! Мисс Кингман! Гатлинг! Идите сюда скорее. Мы приближаемся к какой-то гавани. Видны уже верхушки мачт и трубы пароходов. Вон там. Смотрите туда... левее!

Гатлинг посмотрел в подозрную трубу.

— Открытая вами гавань имеет чертовски странный вид, Симпкинс. Эта «гавань» тянется на много миль: мачты и трубы и опять мачты... Но обратите внимание: ни одна труба не дымит, а мачты... Их оснастка, паруса?.. Посмотрите, мисс Кингман, — и Гатлинг передал ей подозрную трубу.

— Да это скорее *какое-то* кладбище кораблей! — воскликнула Вивиана. — Мачты и трубы изломаны, от парусов остались одни клочья. И потом... где же земля? Я ничего не понимаю...

— Нельзя сказать, чтоб и для меня все было понятно, мисс, — ответил Гатлинг, — но я думаю, что дело обстоит так: в Саргассовом море, в этом стоячем болоте, очевидно, есть свои течения, хотя и очень замедленные водорослями. Очевидно, мы попали в одно из этих течений, которое, увы, и привело нас к этой «тихой пристани». Вы посмотрите, в какую «гавань» входим мы. Вот кто встречает нас, — и он жестом показал вокруг.

Чем ближе подходил пароход к необычной гавани, тем чаще встречались на пути печальные обломки кораблей. Здесь были разбитые, искалеченные, полусгнившие суда всех стран и народов. Вот пирога из целого куска дерева... А вот один скелет рыбацкого барка: наружная обшивка обвалилась, шпангоуты торчали, как обнаженные ребра, и килевая часть походила на рыбий спинной хребет... Еще дальше виднелись более или менее сохранившиеся суда: барки, шхуны, тендеры, фрегаты, галеры... Ржавый современный пароход стоял бок о бок с португальской каравеллой шестнадцатого века. Она имела красивые изогнутые корабельные линии. Низкий борт возвышался затейливыми надстройками на носу и корме. Стержень руля проходил сквозь всю корму, по серединам бортов были отверстия для весел. «Санта Мария» — отчетливо виднелось на борту.

— Удивительно! — воскликнул Гатлинг. — Почти на таком же судне плыл Колумб, и одна из его каравелл также называлась «Санта Мария», две другие — «Пинта» и «Нина». А вот смотрите, — и дальнзоркий Гатлинг прочитал на борту линейного корабля: — «Генри». Дальше, видите, трехпалубное судно: «Суверен морей» и «1637 год» на его борту. А между ними колесный пароход первой половины девятнадцатого века — не более пятидесяти метров длины.

Проход между судами становился все уже. Несколько раз пароход останавливался, натыкаясь на крупные обломки, наконец остановился совершенно, подойдя вплотную к сплошной массе тесно прижатых друг к другу кораблей, как бы слившихся в своеобразный остров.

Спутники молчали. У всех было такое чувство, будто их заживо привезли на кладбище.

— Уж если судьба занесла нас сюда, надо познакомиться с этим необыкновенным островом. Симпкинс! Идем!

Симпкинс явно был не расположен пускаться в экскурсию по этому мрачному кладбищу.

— Какой смысл? — попытался он уклониться.

— Будьте же мужчиной, Симпкинс. Кто знает, что таит в себе этот остров? Может быть, здесь есть и обитатели.

— Привидения старых голландских мореплавателей?

— Это мы посмотрим. Во всяком случае, кто бы ни обитал здесь, лучше, если мы первые узнаем о них. Этот остров может стать нашей могилой, но кто знает, быть может, здесь мы найдем и средство к спасению. Надо осмотреть суда; не окажется ли какое-нибудь еще годным для плавания?

— Осмотреть суда! — Симпкинс вспомнил «Марту» с ее 50 000 гульденов золотом. Он колебался.

— Но как оставим мы одну мисс Кингман?

— Обо мне не беспокойтесь. Я не боюсь привидений, — ответила она.

— Мы вот что сделаем, мисс, — предложил Гатлинг, — положите в топку солому. Если вам будет грозить какая-нибудь опасность, подожгите солому; мы увидим дым, выходящий из трубы, и тотчас же поспешим на помощь. Идем.

Гатлинг перебрался на стоявшее рядом трехпарусное судно восемнадцатого века «Виктория». Симпкинс неохотно последовал за ним.

Они медленно продвигались в глубь острова.

Едва ли что-нибудь в мире могло быть печальнее зрелища этого громадного кладбища. Море хоронит погибшие корабли, земля — людей. Но это кладбище оставляло своих мертвецов открытыми, при полном свете горячего солнца. Приходилось ступать с большой осторожностью. Полуистлевшие доски дрожали под ногами. Каждую минуту путешественники рисковали провалиться в трюм. На этот случай каждый из них имел по веревке, чтобы оказать помощь друг другу в нужную минуту. Перила обваливались. Обрывки парусов при одном прикосновении рассыпались в прах. Везде толстым слоем лежали пыль тления и зелень гниения... На многих палубах валялись скелеты, блестящие на солнце белизной костей или темневшие еще сохранившейся кожей или лохмотьями одежды. По расположению скелетов, по проломленным черепам можно было судить о том, что обезумевшие перед смертью люди ссорились, бунтовали, бесцельно и жестоко убивали друг друга, кому-то мстя за страдания и погубленную жизнь, Каждый корабль был свидетелем великой трагедии, происходившей на нем пятьдесят, сто, двести лет тому назад.

Какой нечеловеческий ужас, какие страшные страдания должны были испытать живые обладатели выбеленных солнцем черепов, скаливших теперь зубы в страшной улыбке! И все они улыбались, улыбались до ушей...

Даже Гатлингу делалось жутко от этих улыбавшихся оскалов, а Симпкинса трясла лихорадка.

— Уйдем отсюда, — просил он. — Я не могу больше!

— Подождите, вот там хорошо сохранившийся корабль. Интересно спуститься в каюты.

— По лестницам, которые обломаются под вашими ногами? — Симпкинс вдруг озлился. — Гатлинг! Я не сделаю больше ни шагу. Довольно. Прошу вас больше не командовать мною. Вы забыли о том, кто вы и кто я! Куда вы ведете меня? Зачем? Чтобы сбросить где-нибудь в трюме и таким образом отделаться от меня без шума! О, я знаю: я мешаю вам.

Гатлинга взбесила эта речь:

— Замолчите, Симпкинс, или я в самом деле швырну вас за борт.

— Не так-то просто, — язвительно произнес Симпкинс и, прислонившись к деревянному ограждению у борта, направил на Гатлинга дуло револьвера. Гатлинг быстро шагнул вперед, но, прежде чем он схватил за руку Симпкинса, раздался выстрел и звук обрушившихся перил. Пуля пролетела над головой Гатлинга. В то же время он увидел, как Симпкинс, нелепо взмахнув руками, упал за борт вместе с обломками перегнивших перил. За бортом глухой плеск воды... тишина... потом фырканье Симпкинса. Гатлинг посмотрел за борт. Сыщик барахтался в зеленой каше водорослей. Водоросли свисали гирляндами с головы, опутывали руки, цепко держали свою жертву. Симпкинс напряг все усилия, чтобы зацепиться за обшивку корабля. После целого ряда попыток это ему удалось. Но руки его устали, водоросли тянули вниз, еще немного — и он пошел бы ко дну.

Гатлинг отошел от борта, сел на бочку и закурил трубку.

— Гатлинг, простите. Я был глупый осел, — слышал Гатлинг голос Симпкинса, но продолжал молча дымить трубкой. — Гатлинг... спасите... Гатлинг!

Гатлинг подошел к борту. Он колебался. Все же человек просит о помощи. Но какой человек? Продажный сыщик, шпион, который не остановится даже после спасения сейчас же предать Гатлинга в руки властей, чтобы получить свои тридцать сребреников.

— Нет, нет, — и Гатлинг опять сел и начал усиленно дымить...

— Гатлинг, умоляю! Гатлинг! Гатлинг! — стонал Симпкинс.



Гатлинг усиленно дымил трубкой.

— Га-ат... — и вдруг этот крик перешел в какое-то захлебывающееся рыдание.

Гатлинг скрипнул зубами, отбросил трубку и, раскрутив конец веревки, кинул ее утопавшему.

Последними усилиями Симпкинс схватил веревку, но, как только Гатлинг начинал тащить его, Симпкинс срывался: водоросли цепко держали его, в руках уже не было силы.

— Обвяжитесь веревкой! — крикнул ему Гатлинг.

Симпкинс кое-как обвязался, закрутил узел и стал подниматься на палубу.

Стоя перед Гатлингом, Симпкинс был так взволнован, что только беспрерывно повторял: «Гатлинг!.. Гатлинг!.. Гатлинг!..» — и протягивал ему руку.

Гатлинг поморщился, но, посмотрев на искреннюю животную радость в глазах спасенного, добродушно улыбнулся и крепко пожал мокрую руку.

— Не могу вам выразить, Гатлинг...

— Стойте, — вдруг насторожился Гатлинг, быстро вырывая свою руку, — смотрите, на нашем пароходе дым из трубы. Мисс Кингман зовет нас. Там что-то случилось. Бежим!

II. Обитатели островка

Оставшись одна, мисс Кингман принялась за приготовление завтрака. Она вычистила и зажарила пойманную Гатлингом рыбу, спустилась в трюм и взяла в складах провизии несколько апельсинов. Когда она, с корзиной в ру-

ках, поднялась на палубу, то увидела необыкновенную картину: за их обеденным столом — вернее, на столе и стульях — хозяйничали обезьяны. Они визжали, ссорились, бросались кексом и засовывали себе за щеки куски сахара. При появлении мисс Кингман они насторожились и с криком отступили к борту. Вивиана засмеялась и бросила им пару апельсинов. Это сразу установило дружеские отношения. Не без драки покончив с парой апельсинов, шимпанзе, приседая и гримасничая, подошли к мисс Кингман и стали смело брать плоды у нее из рук. Не было сомнения, что они привыкли к обществу людей.

И действительно, люди не заставили себя долго ждать.

Поглощенная забавными проделками неожиданных гостей, мисс Кингман не видела, как из-за борта парохода осторожно выглянули две головы. Убедившись, что на палубе нет никого, кроме женщины, неизвестные быстро перелезли через борт и, закинув ружья на плечи, стали приближаться к мисс Кингман.

Она вскрикнула от неожиданности, увидя эту пару.

Один из них — толстенький, коротенький человечек с бледным, несмотря на южное солнце, обрюзгшим, давно не бритым лицом — сразу поражал некоторыми контрастами костюма и всего внешнего облика. На его голове была шляпа-котелок, измятая, грязная, просвечивавшая во многих местах. Смокинг, несмотря на дыры и заплаты, все еще сохранял следы хорошего покроя. Но брюки имели самый жалкий вид, спускаясь бахромой ниже колен. Стоптанные лакированные туфли и изорванный фуляровый бант на шее дополняли наряд.

Другой — высокий, мускулистый, загорелый, с черной бородой, в широкополой мексиканской шляпе сомбреро, в темной рубашке, с голыми по локоть руками и в высоких сапогах — напоминал мексиканского овцевода. Движения его были быстры и резки.

— Бонжур, мадемуазель, — приветствовал мисс Кингман толстяк, раскланиваясь самым галантным образом. — Позвольте поздравить вас с благополучным прибытием на Остров Погибших Кораблей.

— Благодарю вас, хотя я не назвала бы мое прибытие благополучным... Что вам угодно?

— Прежде всего позвольте представиться: Аристид Додэ. Фамилия моя Додэ, да, да, Додэ. Я француз...

— Быть может, родственник писателю Альфонсу Додэ? — невольно спросила мисс Кингман.

— Э-э... н~ то чтобы... так... отдаленный... Хотя я имел некоторое отношение к литературе, так сказать... Крупнейшие бумажные фабрики и... обойные на юге Франции.

— Не болтай лишнего, Тернип, — мрачно и сердито произнес его спутник.

— Как вы нетактичны, Флорес! Когда же я научу вас держаться в приличном обществе? И прошу не называть меня Тернип. Они, изволите ли видеть, назвали меня так в шутку, по причине моей головы, которая, как им кажется, напоминает репу... — и, сняв котелок, он провел по голому желтоватому черепу, сохранившему, по странной игре природы, пучок волос на темени.

Мисс Кингман невольно улыбнулась меткому прозвищу.

— Но что же вам от меня надо? — опять повторила свой вопрос Вивиана.

— Губернатор Острова Погибших Кораблей, капитан Фергус Слейтон, издал

приказ, которому мы должны слепо и неуклонно повиноваться: каждый вновь прибывший человек должен быть немедленно представлен ему.

— И уверяю вас, мисс или миссис, не имею чести знать, кто вы, вы встретите у капитана Слейтона самый радушный прием.

— Я никуда не пойду, — ответила мисс Кингман.

Тернип вздохнул.

— Мне очень неприятно, но...

— Будет тебе дипломата разыгрывать! — опять грубо вмешался Флорес и, подойдя к Вивиане, повелительно сказал: — Вы должны следовать за нами.

Мисс Кингман поняла, что сопротивление будет напрасным. Подумав несколько, она сказала:

— Хорошо. Я согласна. Но разрешите мне переодеться, — и она показала на свой рабочий костюм и фартук.

— Лишнее! — отрезал Флорес.

— Ведь это не займет много времени, — обратился Тернип одновременно к Флоресу и мисс Кингман.

— О, всего несколько минут! — и она оставила палубу.

Через несколько минут Флорес заметил, что пароходная труба задымила. Он сразу понял военную хитрость.

— Проклятая баба перехитрила. Видишь дым? Это сигнал. Она зовет кого-то на помощь! — И, снимая с плеча винтовку, он стал бранить Тернипа: — А все ты! Растаял. Вот я скажу твоей старухе!

— Вы неисправимы, Флорес. Не могли же мы тащить силой беззащитную женщину.

— Рыцарство! Галантность! Вот тебе Фергус пропишет рыцарство... Не угодно ли? — И, взяв ружье наперевес, он кивнул головой к борту, через который перепрыгивали Гатлинг и все еще мокрый Симпкинс, весь в зеленых водорослях, с прицепившимися к одежде крабами: — Это еще что за водяной?..

Начались переговоры. Гатлинг не побоялся бы помериться силами с этими двумя оборванцами. Но если они не врут, борьба ни к чему не приведет: на Острове, как они уверяют, живет целое население — сорок три хорошо вооруженных человека. Силы неравны — победа должна остаться на стороне их.

Оставив в залог Симпкинса, Гатлинг отправился обсудить положение с мисс Кингман. Она также была согласна с тем, что борьба бесполезна. Было решено идти всем вместе представляться капитану Фергусу.

III. Губернатор Фергус Слейтон

На Острове Погибших Кораблей оказались довольно хорошие пути сообщения.

Перебравшись через старый трехпалубный фрегат, Тернип, шедший впереди, вывел пленников на дорогу: это были мосты, переброшенные между кораблями и над провалившимися палубами. Вдоль этой дороги тянулась какая-то проволока, прикрепленная к небольшим столбам и сохранившимся мачтам.

— Сюда, сюда! Не оступитесь, мисс, — любезно обращался он к мисс Кингман. За ней следовали Гатлинг и Симпкинс. Мрачный Флорес, надвинув свое сомбреро до бровей, заключал шествие.

На полпути им стали встречаться обитатели, одетые в лохмотья, все обросшие, загорелые: белокурые жители севера, смуглые южане, несколько негров,

три китайца... Все они с жадным любопытством смотрели на новых обитателей Острова.

Среди небольших парусных судов разных эпох и народов, в центре Острова, поднимался большой, довольно хорошо сохранившийся фрегат «Елизавета».

— Резиденция губернатора, — почтительно произнес Тернип.

На палубе этой «резиденции» стояло нечто вроде почетного караула: шесть матросов с ружьями в руках, в одинаковых и довольно приличных костюмах.

Губернатор принял гостей в большой каюте.

После наводящего уныние вида разрушенных кораблей эта каюта невольно поражала.

Она имела вполне жилой вид и убрана была почти роскошно. Только некоторая пестрота стиля говорила о том, что сюда стащили все, что находили лучшего на кораблях, которые прибывало к этому странному Острову.

Дорогие персидские ковры устлали пол. На консолях стояло несколько хороших китайских ваз. Темные стены с резными карнизами черного дуба были увешаны прекрасными картинами голландских, испанских и итальянских мастеров: Веласкеса, Рибейры, Рубенса, Тициана, фламандского пейзажиста Тейньера. Тут же был этюд собаки, делающей стойку, и рядом, нарушая стиль, висела прекрасная японская картина, вышитая шелком, изображавшая в стиле Гокпан журавля на осыпанном снегам суку дерева и конус горы Фудзияма.

На большом круглом столе стояли старинные венецианские граненые вазы шестнадцатого века, французские бронзовые канделябры времен Директории и несколько редких розовых раковин. Тяжелая резная мебель, обтянутая тисненой свиной кожей, с золотыми ободками по краям, придавала каюте солидный вид.

Прислонясь к книжному шкафу, стоял губернатор Острова — капитан Фергус Слейтон.

Он выгодно отличался от прочих обитателей крепким сложением, выхоленным, хорошо выбритым лицом и вполне приличным капитанским костюмом.



Несколько приплюснутый нос, тяжелый подбородок, чувственный рот производили не совсем приятное впечатление. Серые холодные глаза его устремились на пришедших. Он молча и спокойно смотрел на них, как бы изучая их и что-то взвешивая. Это был взгляд человека, который привык распоряжаться судьбой людей, не обращая внимания на их личные желания, вкусы и интересы. Скользя взглядом по Симпкинсу и, очевидно, не считая его достойным внимания, он долго смотрел на мисс Кингман, перевел взгляд на Гатлин-

га и опять на Кингман...

Этот молчаливый осмотр смутил Вивиану и начал сердить Гатлинга.

— Позвольте представиться: Реджинальд Гатлинг, мисс Вивиана Кингман, мистер Джим Симпкинс. Пассажиры парохода «Вениамин Франклин», потерпевшего аварию.

Слейтон, не обращая внимания на Гатлинга, все еще продолжал смотреть на мисс Кингман. Затем он подошел к ней, любезно поздоровался, небрежно протянул руку Гатлингу и Симпкинсу и пригласил сесть.

— Да, знаю, — проговорил он, — знаю.

Гатлинг был необычайно удивлен, когда Слейтон точно указал, где и когда их пароход потерпел аварию. Об этом никто из них не говорил островитянам.

Слейтон обращался почти исключительно к мисс Кингман.

— Если случай занес вас на этот печальный Остров, мисс Кингман, то мы, островитяне, должны только благодарить судьбу за ее прекрасный дар, — отпустил Слейтон тяжеловатый комплимент даже без улыбки на лице.

— Увы, я не склонна благодарить судьбу, которая так распорядилась мною, — отвечала мисс Кингман.

— Кто знает, кто знает? — загадочно ответил Слейтон. — Здесь не так плохо живется, мисс, как может показаться с первого раза. Вы музицируете? Поете?

— Да...

— Отлично. Великолепно. Здесь вы найдете прекрасный эраровский рояль и богатую нотную библиотеку. Книг тоже хватает. Среди наших островитян есть интересные люди. Вот хотя бы этот Тернип. Правда, он порядочно опустился, но он много видел, много знает и когда-то занимал хорошее положение. Теперь он смешон, но все же интересен. Потом Людерс, немец. Это наш историк и ученый. Он изучает историю кораблестроения, ведь наш Остров — настоящий музей, не правда ли?

— Историю кораблестроения? Это интересно, — сказал Гатлинг.



— Это имеет отношение к вашей специальности? — небрежно спросил

Слейтон, посмотрев на него сощуренными глазами.

— Да, я инженер по кораблестроению, — ответил Гатлинг.

Мисс Кингман удивленно посмотрела на него. Она и не знала об этом.

— Ну вот и у вас будет интересный собеседник, мистер...

— Гатлинг.

— Мистер Гатлинг... Людерс собрал интереснейшую библиотеку из корабельных журналов и посмертных записок всех умерших на окружающих нас кораблях. Ну... этот материал я не советую читать... Правда, его хватило бы на десяток романистов, но слишком мрачно, слишком. Саргассово море покажется вам после чтения этой библиотеки одним из кругов дантовского Ада.

— А что, на этих кораблях, вероятно, много и... редкостей всяких находили? — вставил слово и Симпкинс.

Слейтон более внимательно посмотрел на Симпкинса и, отметив в памяти какое-то наблюдение или вывод, ответил:

— Да, есть и... — он нарочно сделал такую же паузу, как и Симпкинс, — редкости. У нас целый музей. Я покажу его вам как-нибудь, если вы интересуетесь редкостями.

Но чего нам, к сожалению, недостает, — обратился Слейтон опять к мисс Кингман, — так это женского общества. Со смертью моей покойной жены, — Слейтон вздохнул, — на Острове осталось только две женщины: Мэгги Флорес и Ида Додэ, или Тернип, как зовут у нас ее мужа. Это старая, почтенная женщина. Я предоставлю вас ее заботам.

— Кушать подано, — объявил лакей-негр, наряженный по случаю прибытия новых поселенцев во фрак и белые перчатки.

— Прошу вас откусать на новоселье, — и губернатор провел гостей в столовую, где был накрыт хорошо сервированный стол.

Во время завтрака Слейтон еще раз удивил Гатлинга своей осведомленностью о том, что делается на свете. Слейтон знал самые последние мировые новости.

Губернатор заметил удивленные взгляды и в первый раз самодовольно засмеялся:

— Мы, если хотите, Робинзоны. Но Робинзоны двадцатого века. Вы заметили провода, прикрепленные к мачтам и столбам? Остров Погибших Кораблей имеет телефонную связь. Мы могли бы устроить и электрическое освещение, но у нас не хватает горючего. Зато мы имеем радиоприемную станцию и даже громкоговоритель. Все это мы достали на радиофицированных судах, прибывших к Острову в последние годы. Желаете послушать? — и Слейтон привел в действие радиоприемный аппарат.

И в каюте старого фрегата, среди Острова Погибших Кораблей, вдруг послышалась модная песенка, исполняемая в Нью-Йорке известной певицей, которую не раз слышала мисс Кингман.

Никогда еще звуки песен так не потрясали ее.

IV. Новая жизнь

Женская часть населения Острова приняла мисс Кингман с живейшим участием.

Если с Мэгги Флорес у мисс Кингман установились дружеские отношения сверстниц, то старая, строгая на вид, но добрая жена Аристида Тернипа-Додэ — Ида — сразу взяла в отношении мисс Кингман покровительственный тон

заботливой матери. Женщин было так мало на Острове! Притом миссис Додэ основательно предполагала, что Вивиана будет нуждаться в ее защите. И она приняла девушку под свою опеку.

Мэгги Флорес в первый же день рассказала Вивиане Кингман свою печальную повесть. Когда судьба забросила ее на Остров, она вышла замуж, с соблюдением существующих на Острове «законов» и обрядностей, за губернатора Фергуса Слейтона. От этого брака у нее родился ребенок, который в настоящее время был единственным представителем нового поколения на Острове. Фергус был груб и даже жесток с нею, но она терпела... Во время германской войны на Остров занесло немецкую подводную лодку и на ней троих оставшихся в живых: матроса, капитана и молодую француженку с потопленного этой же подводной лодкой пассажирского парохода.

Когда француженка появилась на Острове, Фергус захотел сделать ее своей женой. Между Фергусом и немецким капитаном подводной лодки произошла ссора. Немец был убит, и француженка стала женой Слейтона. Мэгги получила развод и скоро оказалась женою Флореса.

Он тоже груб, но он любит Мэгги, силен и не дает ее никому в обиду.

Потом... потом француженка умерла. Слейтон говорил, что она случайно отравилась рыбным ядом. Но на Острове говорили, что она покончила с собой, так как любила убитого Фергусом немецкого капитана. И овдовевший Фергус Слейтон пожелал вновь вернуть Мэгги. Но Флорес сказал, что, только переступив через его труп, Слейтон сумеет получить Мэгги обратно.

Для Слейтона переступить через труп так же легко, как через бревно. Он не остановился бы перед этим. Но на сторону Флореса стало все население Острова. Губернатор понял, что с этим шутить не приходится, и отступил.

— И я осталась женою Флореса, — закончила свой рассказ Мэгги. — И вот в такую-то минуту, дорогая мисс Вивиана, явились вы... Вы понимаете всю затруднительность вашего положения? Если Фергус Слейтон вам нравится, ну, тогда все в порядке. А если нет или сердце ваше занято другим, — и она многозначительно посмотрела на Вивиану, — то будьте осторожны. Будьте очень осторожны со Слейтоном!..

Мисс Кингман покраснела.

— Сердце мое не занято, — ответила она, — но я не собираюсь становиться женою Слейтона.

Разговор перешел на другие темы. Мисс Додэ рассказывала Вивиане о том, как живет им на Острове.

— У нас довольно большие запасы продовольствия, главным образом консервов. Но так как неизвестно, будут ли пополняться эти запасы, то они расходуются лишь в самом крайнем случае, особенно мука. Хлеб, вино, мясные и овощные консервы выдаются только больным. Обыкновенной же пищей служит рыба, пойманная в море. От однообразия в пище нередко бывают заболевания цингой. Таким больным выдают паек из склада.

— Скажите, а не могут потонуть все эти корабли?

— Наш профессор Людерс говорит, что здесь небольшая глубина. Корабли же тонули здесь несколько веков, поднимая дно. И теперь мы находимся на самом настоящем Острове из погибших кораблей. У нас есть здесь любимые места прогулок, свои улицы и площади — на палубах больших кораблей, «горы» и «долины»... С нами живут шесть обезьян, несколько собак и приручен-

ных птиц, которых мы поймали, когда они отдыхали на Острове во время перелета. — Старуха вздохнула. — Что сказать? Человек привыкает ко всему! А все-таки хотелось бы еще повидать землю и схоронить свои старые кости в земле...

Опасения Мэгги оправдались. Мисс Кингман скоро пришлось столкнуться со Слейтоном.

Он пригласил ее к себе на вечерний чай. И когда она пришла, он почти без предисловия сделал ей предложение стать его женой. Она ответила решительным отказом. Слейтон стал просить ее, потом угрожать:

— Поймите же, что это неизбежно. И в ваших же интересах. Со мной вы будете в безопасности, вы будете обеспечены всем необходимым. За вами будет прекрасный уход... Я знаю, ваш отец богат. Но все его богатства — гроши по сравнению с тем, что я имею. Я покажу вам полные сундуки золота, груды бриллиантов и жемчуга; вы целыми пригоршнями будете брать изумруды из моих сокровищ. Все будет ваше.

— Я не ребенок, чтобы играть в камешки. А здесь все эти сокровища только и годны на то, чтобы пересыпать их из руки в руку.

— Соглашайтесь! Соглашайтесь по доброй воле, иначе... — и он крепко сжал ей руку у локтя.

— Не оставила ли я здесь подноса? — открыв дверь, спросила вдруг миссис Додэ и вошла в каюту.

Слейтон недовольно поморщился, отошел от мисс Кингман и молча ждал.

Старуха продолжала шнырять по каюте. Он потерял терпение:

— Скоро вы уберетесь отсюда?

Миссис Додэ подбоченилась, стала в самую боевую позу, смерила взглядом Слейтона с ног до головы и вдруг налетела на него, как наседка, защищающая своего цыпленка:

— Нет, не уберусь! Нет, не уберусь, пока вы не ответите мне на все мои вопросы. Вы губернатор Острова?

— Я губернатор! Дальше!

— Вы издаете законы?

— Я издаю законы!

— Кто же будет повиноваться вашим законам, если вы первый не исполняете их?

— Да в чем дело, сумасшедшая вы женщина?

— Вы сумасшедший, а не я! Вы издали закон о том, что каждая женщина, попадающая на Остров, должна выйти замуж! Так, хорошо. Но женщине предоставляется право свободно выбирать себе мужа... А вы что делаете?

— Вы подслушивали?

— Да, да, подслушивала и очень хорошо сделала! Разве так у нас производятся выборы мужа? Вы хотели обмануть и ее и всех, кто не лишен права рассчитывать на ее выбор. Вы хотели обойти закон, но это вам не удастся. Я развоню об этом на весь остров, и все будут против вас. Вы не забыли историю с Мэгги и Флоресом? Так вот вам и последний вопрос: намерены ли вы исполнить закон и назначить выборы Вивианой Кингман мужа по всей форме, как полагается?

Фергус был раздражен, но почувствовал, что ему придется подчиниться.

— Хорошо! Мы выполним эту формальность, если этого вам так хочется! Но

вы увидите, что результат будет тот же. Не согласится же мисс выйти замуж за негра или за одного из моих оборванцев.

— Это мы увидим. А теперь, деточка, идем ко мне, — и она увела мисс Кингман с видом победительницы.

V. Выбор жениха

Солнце опускалось за горизонт, освещая красными лучами ярко-зеленую поверхность Саргассова моря и Остров Погибших Кораблей с его лесом мачт. Этот исковерканный бурями, искрошенный временем лес, его изломанные сучья-реи, клочья парусов, редкие, как последние листья, — все это могло бы привести в уныние самого жизнерадостного человека.

Но профессор Людерс чувствовал себя здесь великолепно, как ученый-археолог в любимом музее древностей.

Усевшись на палубе голландской каравеллы, он с воодушевлением рассказывал Гатлингу, показывая широким жестом вокруг:

— Здесь, перед вашими глазами, вся история кораблестроения. Вы не можете себе представить, какие здесь есть исторические драгоценности. Вон там, у колесного парохода прошлого столетия, виднеется корабль доколумбовской эпохи. С таким рулем плавали в океане! А вот там, за трехпалубным бригам, хранится жемчужина моего музея: скандинавское одномачтовое девятивесельное судно десятого века с западных берегов Гренландии. В незапамятные времена оно было выброшено бурей на обломки ранее погибших кораблей и потому прекрасно сохранилось. Посмотрите на его красивую удлиненную форму, с острой приподнятой кормой и еще более высоким носом, увенчанным резной головой не то птицы, не то дракона. Какими судьбами оно попало сюда? Какие безумно храбрые люди пустились в этом утлом челне в далекое плавание? А там, внизу, в неподвижных холодных глубинах, наверно, лежат развалины финикийских и египетских кораблей, и, кто знает, быть может, здесь же, под нами, покоится флот великой Атлантиды, среди леса водорослей и колонн погибшей цивилизации?

— Масса Гатлинг! Капитан Фергус Слейтон просит вас пожаловать к нему.

Гатлинг увидел полуобнаженного негра, черное тело которого приобрело в лучах заходящего солнца оттенок старой бронзы.

— Что ему нужно?

— Просит пожаловать к нему, — повторил негр.

Гатлинг неохотно поднялся и отправился по зыбким мосткам в «резиденцию» губернатора.

Слейтон принял его, стоя в своей обычной позе.

— Гатлинг, мне нужно с вами поговорить. Вы любите мисс Кингман? — задал он Гатлингу неожиданный вопрос.

— Не считаю нужным отвечать вам! Это касается только меня!

— Вы ошибаетесь! Это касается и меня!

— Вот как? Тогда могу сообщить, что я лично, как говорят, никаких «видов» на мисс Кингман не имею. Мы с ней друзья, и я глубоко уважаю ее. Но эта же дружба накладывает на меня и некоторые обязанности...

— В чем они состоят?

— В том, что я никому не позволю распоряжаться судьбою мисс Кингман против ее доброй воли.

— Не забывайте, Гатлинг, что здесь я имею привилегию позволять что-либо

или не позволять. Только я! — И после паузы он добавил: — Вот что, Гатлинг! Я имею возможность доставить вас на берега Азорских островов. Я смогу весьма солидно обеспечить вас на дорогу.

Гатлинг весь покраснел от гнева и сжал кулаки.

— Молчать! — крикнул он. — Вы смеете предлагать мне взятку? Вы смеете думать, что я способен за деньги предать человека? — И вслед за этими словами он набросился на Слейтона.

Слейтон отразил удар и дал свисток. Десяток разноплеменных оборванцев, составлявших личную охрану Слейтона, ринулись на Гатлинга из-за распахнувшихся дверей.

Гатлинг отбрасывал их во все стороны, но борьба была неравная. Через несколько минут он был крепко связан.

— Бросить его в темный карцер! Кстати, посадите под арест и Симпкинса!

И когда Гатлинга увели, Слейтон спросил одного из слуг, все ли готово к церемонии выбора жениха.

— Отлично. Итак, сегодня в девять вечера!

* * *

Большой зал кают-компании был разукрашен на славу. Стены пестрели флагами всех наций, взятыми с погибших кораблей, и кусками цветной материи. Через всю комнату, вдоль и поперек, тянулись гирлянды водорослей. На воздухе эти водоросли быстро бурели и имели довольно жалкий вид, но, что делать, другой зелени нельзя было достать. Зато на столах красовалось несколько букетов крупных белых цветов, напоминавших водяные лилии. Разноцветные фонари, подвешенные к потолку, дополняли убранство. Длинный стол был уставлен холодными блюдами, вином и даже бутылками шампанского.

Население Острова буквально сбилось с ног с самого утра.

К вечеру нельзя было узнать всех этих жалких оборванцев.

У каждого из них в заветном сундучке оказался довольно приличный костюм. Никогда еще не брились они так тщательно, не причесывали с таким старанием отвыкшие от щетки и гребешка волосы, никогда не изводили столько мыла и воды и никогда так долго не заглядывались на себя в осколки зеркал...

Эти осколки отражали самые различные лица: и черное, как сажа, лоснящееся лицо негра, и узкие глаза желтолицего китайца, и изъеденное солью и ветрами лицо старого морского волка, и ярко-красное лицо индейца с затейливыми украшениями в ушах.

Но все они — старые и молодые, белые и черные — думали об одном:

— Право же, я недурен! Чем черт не шутит! И кто знает тайны капризного сердца женщины?

Словом, каждый из них, как бы ни были малы шансы, лелеял надежду занять место жениха.

Посреди кают-компании была воздвигнута трибуна.

Сюда, на это возвышение, ровно в девять вечера в белом платье, как и полагается невесте, была возведена мисс Кингман с сопровождавшими ее Идой Додэ и Мэгги Флорес.

При ее появлении грянул хор. Это пение не отличалось стройностью, оно было для музыкального уха Вивианы даже ужасно, но зато хористов нельзя

было упрекнуть в недостатке воодушевления. Качались фонари и колыхались флаги, когда несколько десятков хриплых и сиплых голосов ревели и грохотали: «Слава, слава, слава!»

Бледная, взволнованная и хмурая, поднялась «невеста» на высокий помост.

Слейтон обратился к ней с приличествующей случаю речью. Указал на «незыблемость» закона о том, что каждая вступающая на Остров Погибших Кораблей женщина должна выбрать себе мужа.

— Быть может, мисс, этот закон вам покажется суровым. Но он необходим и, в конце концов, справедлив. До издания этого закона вопрос разрешался правом силы, поножовщиной между претендентами. И население Острова гибло, как от эпидемии...

Да, все это было, может быть, и разумно, но мисс Кингман было от этого не легче. Ее глаза невольно искали поддержки. Но ни Гатлинга, ни даже Симпкинса она не видела среди присутствующих. Слейтон заметил этот взгляд и улыбнулся.

Каждый претендент должен был с поклоном подходить к невесте и ждать ответа. Движением головы невеста отвечала «да» или «нет».

Один за другим потянулись женихи... Вся эта вереница возбуждала у мисс Кингман только ужас, отвращение, презрение, иногда и невольную улыбку, когда, например, перед нею предстал с палочкой в руке, «в наилучшем виде», самый древний поселенец Острова — итальянец Джулио Бокко.



Надо сказать, что Слейтон боялся в душе этого Мафусаила как конкурента. Действительно, у Бокко были шансы. Вивиана, глядя на него, замедлила с ответом, как бы что-то обдумывая, но потом также сделала отрицательный жест головой и тем, не зная того сама, спасла жизнь Бокко, так как в эту короткую минуту колебания Фергус Слейтон уже решил избавиться от Бокко, если счастье выпадет на его долю. Все продефилировали перед мисс Кингман. Последним предстал Слейтон...

Но мисс Кингман, скользнув глазом по его фигуре, решительно потрянула головой:

— Нет.

— Ого! Вот так штука! Что же теперь делать? — слышались возгласы.

Слейтон был взбешен, но сдерживал себя.

— Мисс Кингман не пожелала выбрать никого из нас, — сказал он с внешним спокойствием. — Но это не может отменить наших законов. Придется изменить только способ выбора. Я предлагаю вот что: мисс Кингман должна

стать моей женой. Если же кто-либо желает оспаривать ее у меня, пусть выходит, и мы померяемся силами. Кто победит, тот и получит ее. — И Слейтон, быстро засучив рукава, стал в боевую позу.



Минута прошла в выжидательном молчании.

И вдруг при общем смехе старик Бокко, сбросив костюм, смело ринулся на Слейтона. Толпа окружила их. Видно было, что Бокко был когда-то хорошим боксером. Ему удалось ловко отразить несколько ударов Слейтона. Раз, на третьем выпаде, он сам нанес довольно чувствительный удар Слейтону в челюсть снизу, но тут же покотился на пол от сильного удара в грудь. Он был побежден.

Вслед за ним вышел новый претендент — ирландец О'Гара. Он был дюжий, широкоплечий малый и считался одним из лучших боксеров.

Бой разгорелся с новой силой. Но Слейтон, сильный, спокойный и методичный, скоро осилил и этого противника. Обливаясь кровью, О'Гара лежал на полу, выплевывая выбитые зубы.

Третьего соперника не находилось...

Победа осталась за Слейтоном, и он подошел к мисс Кингман и протянул ей руку. Вивиана пошатнулась и ухватилась за руку старухи Додэ-Тернип.

VI. Поражение Слейтона

Гатлинг сидел в темном карцере, обдумывая свое положение. В это время в дверь кто-то тихо постучал.

— Мистер Гатлинг! Это я, Аристид Тернип-Додэ... Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, Тернип. Не можете ли вы сказать, день сейчас или ночь?

— Вечер, мистер Гатлинг. И, можно сказать, высокаторжественный вечер. Мисс Кингман выбирает себе мужа... Все мужское население участвует в этой церемонии, за исключением двоих женатых: меня и Флореса. Поэтому нам и поручили дежурство: мне — у вашей камеры заключения, а Флоресу — у Симпкинса.

— Послушайте, мистер Тернип, откройте мне дверь.

— С величайшим удовольствием сделал бы это, но не могу. Боюсь. Вы не знаете Слейтона. Он расплющит меня в лепешку и бросит на съедение крабам.

— Не бойтесь, Тернип. Даю вам слово, что...

— Ни-ни. Ни за что не открою. А вот, гм... — и он понизил голос, — если вы сами выберетесь оттуда, тогда я ни при чем...

— Куда же я выберусь?

Тернип понизил голос до шепота:

— В левом углу каюты, на высоте человеческого роста, есть этакий кошачий лазок, прикрытый фанерной дощечкой. Вы дощечку-то отдерните, ну и... А напротив — Симпкинс, между прочим...

Тернип не успел еще закончить фразы, как Гатлинг уже лихорадочно шарил руками по стенам, нашел дощечку и быстро оторвал ее. В карцер проник луч света, Гатлинг поднялся на руках и пролез через узкое окошко в полутемный коридор, который выводил на палубу. В стене напротив было такое же окно, забитое фанерой. Не там ли помещается Симпкинс? Гатлинг оторвал фанеру и скоро действительно увидел выглядывавшее из окна удивленное лицо сыщика.

— Живей вылезайте оттуда! Черт знает что такое! Приходится еще выручать из тюрьмы своего собственного тюремщика! Экий вы неловкий! Держитесь за мою руку! Ну! Так! Идем.

Гатлинг в сопровождении Симпкинса вошел в зал «выбора невесты» в тот момент, когда Слейтон протягивал руку к мисс Кингман.

В каюте произошло движение, потом наступила выжидательная тишина.

Зловеще-взволнованный вид Гатлинга обещал присутствовавшим, что должны развернуться интересные события.

— На чем остановились выборы? — громко спросил Гатлинг, стоя у порога каюты.

Слейтон вздрогнул. Едва заметная судорога прошла по его лицу, но через мгновение он уже овладел собой. Повернувшись к Гатлингу, он спокойно сказал, указывая на мисс Кингман:

— Вы опоздали. Она по праву будет моей женой.

— Я возражаю. Вы незаконно лишили меня и Симпкинса свободы и устранили от выборов.

— Никаких разговоров...

Но в толпе уже начиналось волнение. В этот момент Гатлинг впервые заметил, что у Слейтона есть своя партия, которая готова поддержать его во всем, но есть и враги. Они-то и кричали о том, что вновь пришедшие должны быть допущены к «конкурсу».

— Хорошо! — вскричал Слейтон. — Продлим наше соревнование! — И, сжав кулаки, он поднял их к лицу Гатлинга: — Желаете помериться силами?

— Даже настаиваю на этом!

Толпа довольно загудела.

Бой предстоял жаркий.

— На палубу! На палубу! — раздались голоса.

Все вышли на палубу. Очертили круг. Враги сняли тужурки и засучили рукава. Старик Бокко взял на себя роль арбитра. Островитяне затаив дыхание следили за каждым движением противников.

По данному сигналу они одновременно сошлись в центре круга. Гатлинг повел горячую атаку. Слейтон методично и как-то вяло отбивал.

Из толпы слышались замечания. В пылу увлечения к боксерам стали обращаться на «ты».

— Береги силы, Гатлинг! Ты видишь, что Слейтон хочет вымотать их у тебя и потом прикончить!

— Горячностью не поможешь!

— Слейтон возьмет! Молодец наш Фергус! Ого, какой удар!..

Чем больше разгоралась борьба, тем ярче проявлялись настроения двух враждебных партий. Они незаметно размежевались: «слейтонисты» стояли уже позади. Увлечение было так велико, что толпа повторяла жесты боксеров, как кордебалет повторяет все па танцмейстера.

Гатлинг действительно горячился первое время — его нервы были слишком напряжены. Но после нескольких ошибок он стал биться более хладнокровно. Зато Фергус Слейтон, получив несколько ударов от противника, разгорячился сам. Теперь их нервный «тонус» уравнивался, и уже можно было судить о боевых особенностях противника.

Слейтон был сильнее физически, тяжеловеснее; Гатлинг, уступая в силе и весе, был необыкновенно ловок и быстр в движениях. Слейтон нападал реже, но чувствительнее; Гатлинг наносил ряд неожиданных ударов, путавших расчеты противника. Исход борьбы был неясен. Бокко дал знак перерыва. «Слейтонисты» подхватили Фергуса, усадили, сняли рубашку и начали усиленно растирать полотенцами. Гатлинга заботливо окружила другая партия.

После перерыва бой начался вновь, с еще большим ожесточением. Напряжение зрителей дошло до высшей точки. Со стороны могло показаться, что боксируют не два человека, а все население Острова: все они, повторяя движения борцов, делали выпады, отступления, приседания... то наклонялись в сторону, то кидались головой в живот невидимого врага...

Борьба подходила к концу, и на этот раз явно не в пользу Гатлинга.

Слейтон, казалось, был неистощим. Он черпал силу из каких-то скрытых запасов энергии и наносил теперь удары с несокрушимым упорством. У Гатлинга заплыл левый глаз от громадного кровоподтека, изо рта шла кровь. Несколько раз он, казалось, замертво падал на землю, но необычайным напряжением воли поднимался вновь, чтобы получить новый удар. «Слейтонисты» уже торжествовали победу ревом и гулом.

Но вдруг Гатлинг, собравшись с силами, набросился на Слейтона и нанес ему такой удар в челюсть, что Слейтон, закинув голову, рухнул на пол. Однако, поднявшись с трудом, он стал отступать, пятясь, к борту корабля, желая выждать несколько секунд, чтобы отдышаться и вновь перейти в наступление. Но Гатлинг, как маньяк, с безумным, широко раскрытым правым глазом, прижал его к борту и здесь нанес такой ужасный удар в переносицу, что Слейтон, мотнув в воздухе ногами, полетел за борт.

Крики ужаса и восторга, насмешливые возгласы, хохот, аплодисменты — все смешалось в дикой какофонии.

«Слейтонисты» спешно вылавливали из зеленых водорослей свое поверженное божество...

Когда он появился на палубе, новый взрыв криков и смеха встретил его. Весь мокрый, опутанный водорослями, он походил на утопленника, пробывшего добрые сутки в воде. Лицо его опухло и было окровавлено. Несмотря на это, Слейтон старался сохранить достоинство.

Шатающейся походкой он подошел к Гатлингу и протянул ему руку:

— Вы победили! Она ваша!

Ответ Гатлинга удивил всех присутствующих:

— Нет, она не моя. Я совершенно не желаю навязывать себя насильно и делаться ее мужем только потому, что удачно отвесил удар по вашей переноси-

це!

Толпа затихла, выжидая, что будет дальше. Слейтон побагровел:

— Черт возьми! Кончится ли это когда-нибудь? Довольно! Мисс Кингман! Как губернатор Острова, я предлагаю вам сделать выбор немедленно, или я прикажу бросить жребий!

— Жребий! Жребий!.. — закричала толпа.

Мисс Кингман вздрогнула, нетвердо подошла к Гатлингу и подала ему руку.

— Наконец-то, — с кислой улыбкой сказал Слейтон и подошел поздравить ее.

— Мисс Кингман, — шепнул ей на ухо Гатлинг, — вы совершенно свободны, и я не предъявляю на вас никаких прав. Я не смею думать, чтобы вы соединили свою судьбу с судьбой... преступника, — еще тише добавил он.

Часть третья

I. Заговор

— Проклятые доски, как они скрипят! Не оступитесь, мистер Гатлинг! Дайте мне вашу руку. Я знаю дорогу как свои пять пальцев. Ведь два десятка лет брожу я по «улицам» этого острова. Время-то как бежит!.. Двадцать лет!

И Гатлинг услышал, как Тернип тяжело вздохнул.

Стояла глухая ночь. Звезд не было видно. Вторые сутки весь Остров затянут сплошной завесой тумана.

Слышно было, как в воде плескалась рыба, иногда кто-то будто вздыхал. Где-то глубоко в трюме скребла крыса в поисках зерна. Путники медленно, ощупью, пробирались вперед. От времени до времени доносился какой-то стон: «куу-ва», «куу-ва», отдаленно напоминавший крик филина.

— Что это? — тревожно спросил Гатлинг.

Тернип опять тяжело вздохнул:

— Черт его знает что! Никто не знает, кто это плачет и стонет по ночам. Наши говорят, что это души погибших ходят во мраке и стонут. Я не верю этой чепухе. А другие уверяют, что это какое-то морское животное, которое водится в здешних местах.

Гатлинг вспомнил о ночном посещении палубы их парохода каким-то существом, очевидно живущим в морской пучине.

— Все может быть! — ответил Тернип. — Но не исключено, что вам это и померещилось. В этих водах вредный туман кружит голову.

— Но следы на палубе? Мы все их видели!

— Может быть... может быть... Сядем отдохнем, мистер Гатлинг. Одышка проклятая!..

И они уселись на палубе старенького парохода.

— Теперь близко. Один бриг, два фрегата и еще один колесный пароходик, и мы у цели...

— Вы сами бывали на этой подводной лодке?

— Бывал не раз и говорил с немецким матросом, который плавал на ней. Он только в прошлом году умер от цинги. Я не специалист, но матрос уверял, что все механизмы лодки в исправности и ее еще можно привести в порядок.

— Знает ли об этом Слейтон?

— Думаю, что знает. Не с этой ли лодкой он и вас хотел переправить на

Азорские острова?

— Но почему же тогда он сам не захотел воспользоваться ею, чтобы выбраться из этих гиблых мест?

— У нас передают друг другу на ушко, что его там, на материке, давно ждет виселица. И выходит, что Остров Погибших Кораблей — самое подходящее для него место: уж тут никто не найдет. Да я на крыльях готов бы улететь отсюда! Слейтон — деспот и грубиян. Он форменно поработил нас. Каково это на старости лет получать зуботычины и питаться одной рыбой! А я так люблю покушать... ох как люблю!.. Хоть бы один раз еще пообедать по-человечески!..

И они замолчали, каждый думая о своем.

После того как Гатлинг победил Слейтона, «публично опозорил его», как говорили на Острове, и вырвал у него из рук мисс Кингман, Гатлинг был «обреченным» и знал это. Слейтон ждал только случая; он хотел так уничтожить соперника, чтобы самому остаться в стороне и не вооружить еще больше против себя мисс Кингман. Гатлинга могло спасти одно бегство. Но как бежать отсюда? Ни плот, ни лодка не могли двигаться в этой зеленой каше водорослей. Тернип дал ему мысль о бегстве на германской подводной лодке.

В строжайшей тайне подготовлялся побег.

В заговоре участвовали, кроме Гатлинга и Тернипа, мисс Кингман, Симпкинс, жена Тернипа и три матроса, имевшие некоторое понятие о работе с машинами. Нужно было только привести лодку в порядок.

— Ну что? Идем!

— Ох, идем! — покорно ответил Тернип, и они двинулись в путь.

Лодка действительно оказалась в относительном порядке. Кое-что заржавело, кое-что требовало починки. Но все главные части механизма были целы. Имелся даже радиотелеграфный аппарат.

Началась работа по ремонту. Она шла медленно. С величайшими предосторожностями приходилось пробираться ночью обходными путями мимо «резиденции», где стояла стража, и работать до зари, чтобы за час до рассвета быть уже на месте.

Мало-помалу лодка была приведена в порядок и наполнена провизией: консервами, хлебом и вином. Но за два дня до предполагавшегося отплытия случилась одна неприятная неожиданность. Увлечшись работой, Гатлинг несколько запоздал. Когда он возвращался обратно с двумя матросами, им встретились островитяне из партии Слейтона, которые вышли на заре ловить рыбу. Они подозрительно осмотрели Гатлинга и прошли мимо... Не приходилось сомневаться, что Слейтон сегодня же узнает об этой подозрительной ночной прогулке Гатлинга в обществе двух матросов и примет меры...

Надо было действовать немедленно.

И Гатлинг распорядился сейчас же оповестить участников побега, чтобы они вооружились (это было предусмотрено) и шли к подводной лодке. Остров проснется не ранее как через час. Этого было достаточно. Через двадцать минут беглецы были в сборе.

С невольным волнением они тронулись в путь к подводной лодке.

Она заблаговременно была отведена на относительно свободное от зарослей место, где можно было погрузить ее в воду. Небольшой плот стоял у старого парохода.

II. Бегство

Беглецы уже достигли двух третей пути, когда заметили погоню. Она приближалась от «горы» — самого высокого фрегата, спускаясь по покатоному мостику. Надо было спешить.

Тернип и его почтенная половина изнемогали от усталости, догоняя молодых спутников. С палубы на палубу — вверх, вниз, вверх, вниз — по шатким мосткам бежали Гатлинг, мисс Кингман, супруги Додэ-Тернипы, Симпкинс и три матроса.

Пропустив мимо себя всех, Гатлинг задержался у узкого мостика, соединившего обломки каравеллы со стареньким пароходом, сломал доски и бросил их в воду. Таким образом удалось задержать погоню, которой пришлось от этого места разбиться по обходным путям.

Слышно было, как Слейтон, бывший во главе погони, громко ругался у разрушенного мостика.

Беглецы выиграли время, чтобы отплыть на плоту от берега по направлению к подводной лодке. Но плыть приходилось с большой медлительностью. Хотя здесь было относительно свободное от водорослей место, все же саргассы цеплялись за плот, и ежеминутно приходилось останавливаться и руками расчищать путь.

Плот едва пересек половину пути, а погоня уже подходила к тому месту, откуда отплыли беглецы.

— Сдавайтесь! Вернитесь, или я никого не оставлю в живых! — кричал с «берега» Слейтон, потрясая винтовкой над головой.

Вместо ответа один из матросов с плота потряс кулаком.

— А, собака! — закричал Слейтон и выстрелил. Пуля ударилась в плот.

Завязалась перестрелка.

Островитяне занимали более выгодное положение. Они находились под прикрытием мачт и обломков, тогда как плот был весь на виду.

Среди преследователей находилось все население Острова.

— Господи! — проговорила старуха Тернип. — Посмотрите, мисс, даже Мэгги Флорес притащилась со своим беби; она вон там, выглядывает из-за палубы, видите?..

Слейтон что-то приказал. Часть островитян спустилась к воде и стала наскоро сбивать плот. Отъезжавшие атаковали их выстрелами. Вот упал в воду один... вот и другой, мотнув головой, со стоном выбирается на палубу рыбацкого баркаса...

Беглецы пока отделялись счастливо. Островитяне, отвыкшие стрелять, не попадали в цель. Пули ложились вокруг плота, поднимая брызги. Скоро, однако, один из матросов на плоту был ранен в ногу. Пуля пронизала вуаль, развевавшуюся на голове мисс Кингман. Гатлинг предложил женщинам лечь.

С Острова уже отплывал плот с пятью вооруженными островитянами.

Беглецы гребли, выбиваясь из последних сил.

Вот наконец и лодка, возвышающаяся своей надводной частью, с небольшим мостиком наверху.

Гатлинг вскочил на лодку, открыл люк и спустил женщин.

В это самое время он был ранен в плечо. Побледнев от кровотечения, он продолжал отдавать приказания.

— Проклятый Слейтон! — воскликнул матрос-ирландец, увидав рану Гатлинга. — Я же угощу тебя! В цель!

И, тщательно прицелившись, он выстрелил.

Фергус Слейтон выронил ружье из рук и упал. Грудь его окрасилась кровью.

Видно было, как по его зову к нему подошла Мэгги и, склоняясь, протянула ребенка. Слейтон слабеющей рукой коснулся головы ребенка и что-то говорил Мэгги и Флоресу...

Но следить за этой сценой беглецам не было времени: погоня на плоту уже причаливала к подводной лодке. И в то время, как люк подводной лодки хлопнулся за последним из беглецов — Гатлингом, островитяне уже карабкались к мостику...

Лодка дрогнула и стала быстро погружаться в воду...

Растерявшиеся преследователи, теряя уходившую из-под ног опору, забрахтались в воде и, путаясь в водорослях, стали взбираться на плот.

Этот самый момент погружения был встречен криками «ура» экипажем подводной лодки.

Последние опасения исчезли: механизм действовал безукоризненно. Яркий электрический свет заливал каюту. Мотор работал без перебоев. Легкие дышали свободно.

Но предаваться радости было не время. Раненые требовали забот. Мисс Кингман и старуха Тернип взяли на себя роль сестер милосердия. Раненому матросу перевязали ногу, Гатлингу — плечо.

С большими усилиями удалось уложить Гатлинга на койку. Его лихорадило, плечо опухло и болело, но он желал лично управлять лодкой.

Ночью ему сделалось хуже. Старуха Тернип, утомленная бегством и волнениями дня, ушла спать, и у больного осталась дежурить мисс Кингман.

Гатлинг не спал. Вивиана смочила ему виски водой.

Он слабо улыбнулся и сказал:

— Благодарю вас... я чувствую себя лучше... не утомляйтесь, отдохните.

— Я не устала!

— Как все это странно! — начал он после паузы. — Вам выпало на долю ухаживать за преступником...

Мисс Кингман нахмурилась:

— Не говорите об этом!

— А я почему-то хочу говорить сегодня именно об этом. Скажите, мисс Кингман, откровенно: вы верите в мое преступление?

Мисс Кингман смутилась.

— Я не знаю, совершили ли вы преступление, но я знаю, что вы лучше многих так называемых «честных людей», — ответила мисс Кингман.

— Вы верите мне... Я хочу вам рассказать все.

— Право, лучше, если бы вы уснули.

— Нет, нет... Слушайте... Я служил инженером у Джексона... Судостроительный завод... не слышали? Я любил Деллу Джексона, дочь старика Джексона. После войны дела Джексона пошатнулись. Ему грозил крах. И, как это часто бывает в кругу капиталистов, Джексон составил план поправить свои дела путем брака своей дочери с сыном крупного банкира Лорроби. Делла любила меня. Но она была очень привязана к старику отцу и решила, что должна принести себя в жертву, несмотря на то что неуравновешенный, дегенеративный Лорроби был ей глубоко антипатичен. Я не считал себя вправе разубеждать ее,

но написал ей письмо, в котором просил повидаться с ней в последний раз в окрестностях города. Я решил уехать в Европу, и у меня уже был пароходный билет в кармане. Оставив свою машину с шофером у дороги, я углубился в рощу, но в условленном месте не нашел мисс Джексон. Я был очень огорчен, однако у меня не было времени на дальнейшие поиски или ожидания. Побродив еще немного по этому безлюдному месту, я сел на машину, прибыв в гавань перед самым отплытием парохода, и покинул берега Америки.

Однажды, читая газету уже в Генуе, я был поражен сообщением из Нью-Йорка: Делла Джексон была убита. Тело ее найдено недалеко от назначенного нами места свидания. Среди ее бумаг следственные власти нашли мое письмо с приглашением на свидание, именно туда, где она была найдена, и в тот день, когда ее убили...

Показания опрошенного шофера, который возил меня, завершили картину. Все улики падали на меня. Обоснованными казались и мотивы убийства: все знали, что я имел виды на мисс Джексон и что Лорроби оттеснил меня. Соперничество. Ревность. Мечь... В той же газете имелось крупное объявление о выдаче вознаграждения в десять тысяч долларов тому, кто обнаружит пребывание и передаст в руки полиции убийцу мисс Джексон — Реджинальда Гатлинга... Моя голова была оценена. Мне приходилось скрываться. Симпкинс выследил меня и должен был получить приз за мою поимку, если бы не наше кораблекрушение... Вот и все, — устало закончил Гатлинг.

Мисс Кингман выслушала рассказ с напряженным вниманием.

— Но кто же убил мисс Джексон?

Гатлинг пожал плечами:

— Это для меня остается тайной... Может быть, случайный грабитель... Но важно то, что мне не оправдаться... Все улики против меня... И желанный для всех нас берег — спасение для вас, но гибель для меня. Как только я сойду на землю, я опять стану преступником, и... наши дороги разойдутся, — тихо закончил он, глядя на нее.

Мисс Кингман со скорбным лицом наклонилась к его голове и поцеловала в лоб:

— Я верю вам! И для меня вы никогда не будете преступником.

— Благодарю, — и он закрыл глаза.

III. Вез воздуха

Наутро Гатлинг чувствовал себя лучше. Лихорадка уменьшилась. Он пошел в радиоаппаратную и послал радиотелеграмму с сигналом «SOS» (сигнал бедствия — «Спасите наши души!») и указанием долготы и широты, на которых находилась лодка.

Весь экипаж подводного судна был в тревоге. Электричество горело тускло. Становилось тяжело дышать. Кислород был на исходе. Надо было во что бы то ни стало подняться на поверхность океана, но густые водоросли цепко держали свою добычу...

Старики Тернип, хватая воздух широко открытыми ртами, лежали на полу. Молодые чувствовали себя немного лучше.

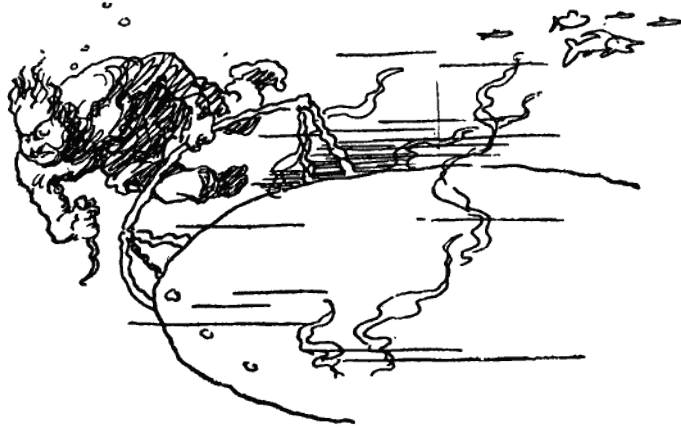
Лампы были готовы погаснуть каждую минуту от недостатка тока...

— Остается единственное средство, — сказал Гатлинг, — выбраться наружу через люк для торпед и попытаться ножом расчистить путь среди водорослей. — И он взял нож. — Попытаюсь сделать это...

— Вы с ума сошли, Гатлинг. С вашей рукой...

— Это невозможно! — послышались и другие голоса. И все переглянулись, как бы ища, кто бы взялся за это рискованное предприятие.

— Вот что, Гатлинг, — неожиданно выступил Симпкинс, — вы спасли мне жизнь, и я у вас в долгу. Я берусь за это дело. Не прекословьте. Здесь нет никакой жертвы. Ведь, в конце концов, если уж умирать, так не все ли равно где. Дамы могут отвернуться! — Быстро раздевшись и вооружившись ножом, он сказал: — Я готов! Если через двадцать минут субмарина не поднимется на поверхность — значит, я погиб!



Быстро отвернули внутреннюю крышку люка, Симпкинс пролез в узкую трубу, крышку завернули, и одновременно автоматически открылась внешняя крышка...

Симпкинс исчез. Потянулись томительные минуты ожидания.

А Симпкинс в это время, как невиданная торпеда, вылез из бока подводной лодки и, цепляясь за водоросли, стал быстро работать ножом. Почувствовав, что ему не хватает воздуха, он всплыл на поверхность, отдышался и вновь нырнул в зеленоватую морскую глубину. Работа подвигалась медленно.

Все короче были периоды пребывания под водой, все дольше приходилось отдыхать на поверхности...

В полумраке субмарины задыхались люди и с искаженными покрасневшими лицами напряженно смотрели за минутной стрелкой часов...

Десять... Пятнадцать... Семнадцать... Деятнадцать... Двадцать... Двадцать пять... Двадцать шесть... Кончено...

Половина экипажа была в полуобморочном состоянии... В лампах светился только красный огонек, как потухающий уголь. Слышались стоны. Люди хватили себя за грудь; одни катались по полу, забивались в углы под мебель, другие лезли вверх, громоздясь на столы и стулья, и искали жадными, раскрытыми, как у рыбы на берегу, ртами хоть глоток свежего воздуха. Глаза выкатывались из орбит. Холодный пот покрывал лоб. Но воздух везде был отравлен.

И в эти последние минуты отчаяния людям стало казаться, будто лодка легко поднялась носовой частью, качнулась опять вниз и медленно начала подниматься. Да, это не галлюцинация. Стрелка прибора, указывавшего глубину погружения, говорила о том же. Еще и еще...

— Мы на поверхности!

Дрожащими руками Гатлинг и два матроса спешили отвинтить крышку.

Внезапно яркий свет ослепил всех. Струя живительного морского воздуха влилась в лодку.

Воздух. Свет. Жизнь.

И в радостной суете люди карабкались вверх, вытаскивали стариков Тернип, раненого матроса.

Гатлинг бросился к телу Симпкинса, лежавшему на краю судового корпуса... Симпкинс впал в обморок от переутомления, но скоро пришел в себя.

И вдруг новый взрыв радости: на горизонте, дымя черными трубами, показался огромный американский пароход. Он шел сюда. Он заметил лодку. Он подал сигнал.

Бурная радость перешла в молчаливое волнение... Чем ближе подходила серая громада парохода, тем больше порывались какие-то звенья, которые соединяли всех этих людей в одно целое. Это целое распалось на отдельных людей, со своими личными заботами, своей судьбой, своими дорогами.

Чем ближе пароход, тем дальше становились они друг от друга.

Дочь миллиардера, грязные матросы, опустившийся Тернип — что общего между ними? Симпкинс и Гатлинг — опять враги.

Гатлинг был спокоен, но грустен.

А Симпкинс уже переоделся и весело насвистывал песенку.

Еще несколько минут ожидания — и они на пароходе.

IV. Спасение

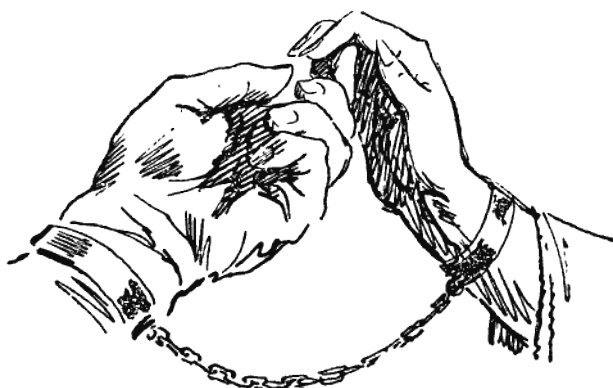
Навстречу к ним шел капитан; пассажиры окружили их плотным кольцом... Симпкинс с профессиональным видом, как тень, следовал за Гатлингом...

Что же ему оставалось делать? В порыве великодушия и умиления собственным геройством он обещал Гатлингу перед тем, как взойти на пароход, сохранить тайну его личности и предложил бежать, как только пароход придет в ближайшую гавань. Но Гатлинг, этот непонятный человек, сухо и с горечью ответил ему: «Делайте свое дело», как будто Гатлингу все безразлично... В конце концов, десять тысяч долларов не валяются, и Симпкинс уже успел шепнуть что-то на ухо капитану.

Матросы-островитяне, одичавшие и отвыкшие от людей, жались в сторонке. Мистер Тернип всем своим видом старался показать, что он не то, что эти грязные люди, хотя и не чище их. Он умудрился сохранить свою дырявую шляпу-котелок и теперь надвинул ее на лоб с видом денди...

Пока шли расспросы, зоркий глаз сыщика успел заметить какой-то портрет в газете, которую держал один из пассажиров парохода.

Симпкинс попросил газету, бегло прочитал сообщение и, вдруг вскрикнув, подошел к стоявшим рядом Гатлингу и мисс Кингман, неожиданно вынул из кармана ручные кандалы и с профессиональной ловкостью надел один «браслет» на руку Гатлинга, а другой — на руку мисс Кингман, сковав таким образом их руки.



Все были поражены. А Симпкинс раскрыл газету и громко прочитал:

Тайна убийства Деллы Джексон

На днях совершенно неожиданно открылась тайна убийства мисс Деллы Джексон, в котором обвинялся Реджинальд Гатлинг. В банке Лорроби была обнаружена крупная кража из несгораемой кассы. Так как один из ключей этой кассы находился у сына банкира Лорроби, который вел в последнее время крайне распутный образ жизни, то подозрение пало на него, и у него был произведен тщательный обыск. Пропавших денег у него не нашли, и участие его в краже осталось неустановленным. Однако при обыске в руки следственных властей попали документы, уличающие Лорроби в убийстве своей невесты, мисс Деллы Джексон. В шкатулке для писем было найдено письмо мисс Деллы Джексон к Лорроби. В этом письме она категорически отказывается выйти за него замуж после того, как узнала, при помощи «частного бюро поручений», о некоторых подробностях его личной жизни. Лорроби имел неосторожность вести дневник, в котором подробно излагает историю преступления. Упомянутое письмо было получено им в день убийства. Зная о сопернике — Гатлинге, Лорроби давно шпионил за ним, пользуясь услугами подкупленной им горничной Джексон, которая и сообщила ему о готовящемся свидании. Полагая, что действительной причиной отказа мисс Джексон явилась ее любовь к Гатлингу, Лорроби в порыве ревности решил отомстить мисс Джексон. Он явился на место свидания раньше Гатлинга, убил мисс Джексон наповал и скрылся, никем не замеченный.

В преступлении Лорроби сознался. Таким образом, благодаря стечению обстоятельств едва не погиб жертвой судебной ошибки Реджинальд Гатлинг, невиновность которого выяснилась вполне. К сожалению, Гатлинг, по-видимому, погиб при крушении парохода «Вениамин Франклин».

— Вот он, Гатлинг! — крикнул Симпкинс, заканчивая чтение газеты. — А так как не напрасно же я ловил его и столько с ним провозился, то я и решил приговорить его к пожизненному лишению свободы... с мисс Кингман, если она ничего не имеет против.

Она явно ничего не имела против.

Публика приветствовала этот «суровый» приговор громкими аплодисментами.

Часть четвертая

I. Научная экспедиция

Старик Кингман — отец Вивианы — очень обрадовался возвращению дочери. Он уже не надеялся видеть ее, так как Вивиана Кингман значилась в списке погибших пассажиров парохода «Вениамин Франклин». К браку дочери Кингман отнесся благожелательно. Он только коротко спросил Гатлинга, знакомясь с ним:

— Профессия?

— Инженер, — ответил Гатлинг.

— Хорошо. Дело... — И, подумав, Кингман добавил: — В Европе, кажется, существует убеждение, что мы, американские богачи, мечтаем выдать своих дочерей за прогоревших европейских графов. Это неверно. Глупцы существуют везде, и американские глупцы желают породниться с европейскими, но я предпочитаю для своей дочери мужа, который сам пробил себе дорогу. При этом я у вас в неоплаченном долгу: вы спасли мою дочь! — И Кингман крепко пожал руку Гатлинга.

Однажды, когда молодые супруги сидели над географической картой, обсуждая план задуманного ими путешествия, зазвонил телефон, и Реджинальд, взяв трубку, услышал знакомый голос Симпкинса, который просил свидания «по важному делу». Прежде чем дать согласие, Гатлинг громко сказал в трубку телефона:

— Это вы, Симпкинс? Здравствуйте! Вы хотите нас видеть? — и посмотрел вопросительно на жену.

— Что ж, пусть придет, — негромко ответила Вивиана.

— Мы ждем вас, — окончил Реджинальд телефонный разговор.

У Симпкинса все делалось скоро — «на сто двадцать процентов скорее, чем у стопроцентных американцев», как говорил он.

Скоро Гатлинг услышал шум подъехавшего автомобиля. Явился Симпкинс и еще у дверей заговорил:

— Новость! Крупная новость!

— Что такое, Симпкинс? — спросил Гатлинг. — Неужели еще один из ваших преступников оказался честным человеком?

— Я открыл загадку преступления капитана Фергуса Слейтона!

— В чем эта загадка?

— Пока это, гм, следственный материал, не подлежащий оглашению...

— Тогда вы не сказали ничего нового, Симпкинс! Еще на Острове мы знали, что у Слейтона темное прошлое.

— Но какое! Я пришел предложить вам один проект — быть может, просить вашей помощи.

— Мы вас слушаем.

— Мне надо раскрыть загадку Слейтона до конца. Как отнесетесь вы к проекту еще раз посетить Остров Погибших Кораблей?

— Вы неисправимы, Симпкинс! — сказал Гатлинг. — Для вас мир представляет интерес, поскольку в нем есть преступники.

— Что ж, смотрите на это как на спорт. Но почему вы рассмеялись?

— Мы рассмеялись потому, — ответила Вивиана, — что ваш проект мы как раз обсуждали до вашего прихода.

— Ехать на Остров и раскрыть загадку Слейтона? — спросил Симпкинс, удивленный и обрадованный.

— Не совсем так. Нас больше интересуют секреты другого преступника...

— Другого? Неужели я не знаю о нем? — заинтересовался Симпкинс. — Кто же этот преступник?

— Саргассово море, — улыбаясь, ответила Вивиана. — Разве мало погубило оно кораблей? Открыть тайны этого преступного моря, предостеречь других — вот наша цель.

— Словом, мы едем в научную экспедицию для изучения Саргассова моря, — закончил Гатлинг.

— Вот оно что! Но я надеюсь, что вы не откажете взять меня с собой для того, чтобы я мог попутно сделать свое дело...

— Разумеется, Симпкинс! Но какой смысл вам ехать? Ведь Слейтон убит...

Симпкинс многозначительно шевельнул бровями.

— Слейтон мне уже не нужен. Но тут замешаны интересы других. На Острове мне удалось добыть кое-какие документы.

— Вот как?

— Симпкинс не теряет времени даром, — самодовольно заметил сыщик. — Но, к сожалению, я захватил не все документы. Их надо добыть, и тогда все станет ясным.

— Интересы других? Это другое дело. Едем, Симпкинс!

— Когда вы отплываете?

— Я думаю, через месяц...

— Кто еще с вами?

— Океанограф — профессор Томсон, два его ассистента, команда, и больше никого.

— Итак, едем. Мой адрес вы знаете. — И, раскланявшись, Симпкинс поспешно вышел, а Гатлинги опять углубились в изучение карты.

— Вот гляди, — указывал Реджинальд на карту, — эта прямая линия, проведенная, как по линейке, — путь от Нью-Йорка до Генуи. Мы пойдем по этому пути до триста двадцатого градуса восточной долготы и свернем на юг, — и Гатлинг сделал пометку карандашом.

Новый посетитель оторвал их от работы. Вошел профессор Томсон — известный исследователь жизни моря. После суетливого Симпкинса Томсон поражал своим спокойствием и даже медлительностью. Этот добродушный, склонный к полноте человек никогда не торопился; но надо было удивляться, как много он успевал сделать.

Гатлинги радушно встретили Томсона.

— Изучаете наш путь? — спросил он и, мимоходом бросив взгляд на карту, сказал: — Я думаю, нам лучше сразу взять курс южнее, на Бермудские острова, и от них идти на северо-восток. Но об этом мы еще поговорим. Сегодня я получил три ящика оборудования для химической и фотографической лабораторий. Аквариум готов и уже установлен. Завтра будет получена заказанная по моему списку библиотека. Через неделю наша биологическая лаборатория будет оборудована вполне. Ну а как у вас по инженерной части?

— Недели на три, — ответил Гатлинг. — Через месяц мы можем бросить вызов Саргассам.

Томсон кивнул головой. Он понял, что значит слово «вызов». Гатлинги ку-



пили для экспедиции небольшой, устаревший для военных целей корабль «Вызывающий», и он под руководством Гатлинга был приспособлен для мирных целей. Его пушки уступили место аппаратам для вытягивания драг. Кроме биологической лаборатории, был устроен целый ряд кладовых для хранения научной добычи. Гатлинг немало поработал, чтобы приспособить корабль для плавания среди водорослей Саргассова моря. На носовой части в киль корабля был вделан острый резец, который должен был разрезать водоросли. Чтобы водоросли не мешали работе винта, он был защищен особым цилиндром из металлической сетки.

Радиоустановка, два легких орудия и пулеметы на случай столкновения с островитянами дополняли оборудование.

Все участники экспедиции работали с таким увлечением и усердием, что корабль был готов к отходу даже раньше назначенного срока.

Наконец настал час отхода. Участники уже были на корабле. Ждали только Симпкинса. Большая толпа знакомых и просто любопытных стояла на набережной.

— Куда он запропастился? — недоумевал Гатлинг, посматривая на часы. — Сорок минут третьего.

— Подождем немного, — сказал профессор Томсон.

Три... Половина четвертого... Симпкинса все нет. Капитан торопил с отходом. «Надо до сумерек выбраться из прибрежной полосы с большим движением, — говорил он, — тем более что надвигается туман».

В четыре решили отчалить. Сирена душераздирающе закричала, как раненая фантастическая исполинская кошка... и корабль отчалил. С берега махали шляпами и платками.

Вдруг несколько человек, стоявших у самого края пристани, шарахнулись в сторону, и на их месте появился Симпкинс, взмокший, растрепанный, со сбившейся на затылок шляпой. Он неистово кричал, взмахивая руками.

Капитан «Вызывающего» выругался и приказал дать задний ход. А Симпкинс уже свалился в катер и плыл к кораблю, не переставая махать руками.

— Тысяча извинений! — кричал он, поднимаясь по трапу. — Ужасно спешил... Непредвиденная задержка... — И он появился на палубе.

— Что с вами? — полуиспуганно, полунасмешливо спросила Вивиана, оглядывая Симпкинса.

Его нос распух, на скулах виднелись синяки.

— Ничего... маленький бокс со старым знакомым, Косым Джимом... Этакая неожиданная встреча! Убежал, негодяй; его счастье! Если бы я не спешил... — И, успокаивая сам себя, он добавил: — Ничего, не уйдет. Это мелкая дичь... Сделаю примочку, и все пройдет.

Туман затянул берега. Корабль шел медленно. Время от времени кричала сирена.

— Сыро, идем вниз, — сказала Вивиана и спустилась с мужем в биологическую лабораторию. Там уже работали профессор Томсон и два ассистента — Тамм и Мюллер.

Лаборатория представляла собою довольно вместительную комнату с большим квадратным окном в стене и двумя шестиугольными иллюминаторами в потолке. Левую сторону занимала фотографическая лаборатория, правую — химическая. Над широкими столами с ящиками, как в аптеках, полки с книгами. На свободных местах стен укреплены различные остроги, гарпуны, полки и полочки с пузырьками и препаратами. Каждая пядь площади использована. Даже на потолке прикреплены овальные коробки, какие употребляют натуралисты, и пружинные весы. Посреди лаборатории стоял огромный стол. Здесь были расположены микроскопы, принадлежности для препарирования, набивки чучел и приготовления гербариев: скальпели, ножницы, пинцеты, прессы. Несколько табуреток с вращающимися сиденьями были укреплены так, что могли передвигаться вдоль стола. Томсон не спеша ходил по лаборатории, не спеша переставлял банки, мурлыча себе под нос, и работа спорилась в его руках.

Вечер прошел довольно тоскливо. А ночью сирена не давала спать. К утру сирена затихла, и Вивиана уснула крепким, здоровым сном.

Утро настало солнечное, ясное. Пили кофе на палубе, под тентом. Океан вздыхал темно-синими волнами ровно и ритмично, свежий морской воздух вливал бодрость; и, забыв свои ночные страхи и сомнения, Вивиана сказала:

— Как хорошо, Реджинальд, что мы отправились в это путешествие!

— Еще бы, — отозвался за него Симпкинс, уже снявший повязки, — мы сможем раскрыть загадку Слейтона.

— И загадки Саргассова моря, — задумчиво сказал профессор Томсон. — Тамм, приготовьте драгу. Надо исследовать дно.

Пока Тамм снаряжал к спуску драгу, Томсон продолжал:

— Море — это многоэтажное здание. В каждом «этаже» живут свои обитатели, которые не поднимаются в верхние и не спускаются в нижние «этажи».

— Ну, это, положим, не только в море, — сказал Симпкинс. — И на земле житель подвала «не вхож» в бельэтаж...

— Маленькая разница, — вмешался в разговор Мюллер, люди из подвала могли бы жить и в «бельэтаже», как вы говорите, а морские жители... для них это было бы гибелью. Если глубоководная рыба неосторожно поднимется вы-

ше установленного предела, она там разорвется, как взрывается паровой котел, когда его стенки не выдерживают внутреннего давления.

— Гм... так что морские обитатели «бельэтажа» могут спать спокойно, не боясь нападения снизу?

— В каждом «этаже» есть свои хищники.

Тамм опустил драгу — прямоугольную железную раму с мешком из сети. К мешку, для тяжести, были прикреплены камни.

— На какую глубину опустить? — спросил Тамм, разматывая вместе с Мюллером трос.

— Метров на шестьсот, — ответил Томсон.

Все молча наблюдали за работой.

— Убавить ход! — сказал Томсон.

Капитан отдал распоряжение.

— Ну, что-то нам послала судьба?

Два матроса пришли на помощь Мюллеру и Тамму.

Едва драга появилась на поверхности, как Тамм и Мюллер одновременно вскрикнули:

— Линофрина!

Все с любопытством бросились рассматривать морское чудовище. Вся рыба как будто состояла из огромного рта с большими зубами, не менее огромного мешка-желудка и хвоста. На подбородке этого чудовища был ветвистый придаток (для приманки рыб, как пояснил Томсон), а на верхней челюсти — нечто вроде хобота с утолщением посередине.

— Это светящийся орган, так сказать, собственное электрическое освещение.

— А зачем ему освещение? — спросил Симпкинс.

— Оно живет в глубине, куда не проникает луч солнца.

— Жить в вечном мраке — тоже удовольствие! Угораздило же их выбрать такую неудачную квартиру!

— Вас еще больше удивит, если я скажу, что они испытывают на каждый квадратный сантиметр своей поверхности тяжесть в несколько сот килограммов. Но они даже не замечают этого и, поверьте, чувствуют себя прекрасно.

— Смотрите, смотрите, саргассы! — воскликнула вдруг Вивиана, подбегая к перилам.

На синей поверхности океана действительно виднелись отдельные округленные кистеобразные кустики, окрашенные в оранжевый и золотисто-оливковый цвета.

Все обрадовались саргассам, как будто встретили старого знакомого.

Между вторым и шестым августа корабль шел уже вблизи Бермудских островов. Третьего августа плыли еще только отдельные кусты водорослей. Они были овальной формы, но под легким дуновением южного ветра вытягивались в длинные полосы. Гатлинг горел от нетерпения скорее попробовать на сплошных саргассах свои технические приспособления. Наконец седьмого августа появились сплошные луга саргассов. Теперь уже, наоборот, синяя гладь океана выглядывала островками среди оливкового ковра.

— Вот оно, «свернувшееся море», как называли его древние греки, — сказал Томсон.

Гатлинг с волнением следил, как справится «Вызывающий» с этой паути-

ной водорослей. Но его волнение было напрасно: корабль почти не замедлял хода. Он резал саргассы, и они расступались, обнажая по обеим сторонам корабля длинные расходящиеся синие ленты воды.

— Пожалуй, ваши предосторожности были излишни, — сказал профессор. — В конце концов, для современных судов саргассы совсем уже не представляют такой опасности. Да и вообще их «непроходимость» преувеличена.

Поймав несколько водорослей, Томсон стал рассматривать их. Вивиана тоже наблюдала.

— Вот видите, — пояснил он ей, — белые стебли? Это уже отмершие. Саргассы, сорванные ветром и захваченные течением в Карибском море, несутся на север. Пять с половиной месяцев требуется, чтобы они прошли путь от Флориды до Азорских островов. И за это время они не только сохраняют жизнь, но и способность плодоношения. Некоторые саргассы совершают целое круговое путешествие, возвращаясь к себе на родину, к Карибскому морю, и затем совершают вторичное путешествие. Другие попадают внутрь кругового кольца и отмирают.

— Ах! Что это? Живое! — вскрикнула от неожиданности Вивиана.

Томсон рассмеялся.

— Это австралийский конек-тряпичник, а это актеннарии — самые любопытные обитатели Саргассова моря. Видите, как они приспособились? Их не отличить от водоросли!

Действительно, окрашенные в коричневый цвет, испещренные белыми пятнами, с изорванными формами тела, актеннарии чрезвычайно походили на водоросли Саргассова моря.

II. Новый губернатор

На Острове Погибших Кораблей с момента отплытия подводной лодки события шли своим чередом.

Когда капитан Слейтон упал, сраженный пулей, Флорес молча постоял над лежащим окровавленным губернатором, потом вдруг дернул за руку склонившуюся над ним Мэгги и коротко, но повелительно сказал ей:

— Уйди!

Плачущая Мэгги, прижав ребенка, ушла.

Флорес наклонился к капитану со злой искоркой в прищуренных глазах.

Капитан Слейтон был его соперником в любви и в честолюбивых замыслах. У них были старые счеты. Насытившись видом поверженного, умирающего врага, Флорес вдруг приподнял Слейтона и толкнул его в воду.

— Так лучше будет, — сказал он и, обратившись к островитянам, крикнул: — Эй, вы! Капитан Фергус Слейтон убит, и его тело погребено мною! Остров Погибших Кораблей должен избрать нового губернатора. Я предлагаю себя. Кто возражает?

Островитяне угрюмо молчали.

— Принято. Подберите раненых и ружья. Идем!

И он зашагал по направлению к своей новой резиденции, радуясь, что все разрешилось так скоро. Однако его удовольствие было неполным. Какая-то неприятная, беспокоящая, еще неясная мысль мешала ему, как тихая зубная боль, которая вот-вот перейдет в острую. Флорес шагал по знакомым «улицам», мосткам, переброшенным через корабли, пересекал полусгнившие палубы, поднимался на «горы» высоко сидящих в воде больших кораблей, спус-

кался в «долины» плоскодонных судов, а какая-то беспокойная неясная мысль все сверлила его мозг...

Замешкавшись у одного перехода, он услышал голоса следовавших за ним ирландца О'Гара и старика Бокко.

— Как собаку, в воду... — говорил Бокко.

— Не терпится ему! — ответил О'Гара.

Голоса замолкли.

«Так вот оно что, — подумал Флорес, влезая на борт старого фрегата. — Недовольство!» И Флорес вспомнил угрюмое молчание, сопровождавшее его избрание.

Флорес не ошибся. Даже на огрубевших, одичавших островитян произвел неприятное впечатление слишком упрощенный способ похорон губернатора.

Флорес был не глуп. Подходя к губернаторской резиденции, находившейся на фрегате «Елизавета», новый губернатор уже обдумал план действия.

Войдя в большую, прекрасно обставленную каюту — бывший кабинет капитана Слейтона, — Флорес опустился в глубокое кожаное кресло, развалившись с независимым и вместе с тем гордым видом. Затем он звучно хлопнул три раза в ладони, совсем как Слейтон, даже лучше — отчетливее и громче.

На пороге появился негр.

Флорес посверлил глазами его черное лицо, но ничего не мог прочитать на нем.

— Боб, — сказал Флорес, — где у Слейтона хранился гардероб? Проведите меня и покажите.

Боб, не выразивший удивления при виде Флореса на месте Слейтона, был поражен подчеркнуто вежливым обращением нового губернатора вместо прежнего — фамильярного.

Но в этом у Флореса был свой расчет: показать разницу изменившегося положения. И он не ошибся. Боб как-то съежился и, поспешно засеменив к выходу, ответил почтительно-вежливо:

— Прошу вас.

Они вошли в большую полутемную каюту, превращенную в гардеробную. Две стены были заняты шкапами. Почти половину каюты занимали огромные сундуки черного дуба с резьбой, окованные позеленевшей медью с серебром.

Негр открыл выдвижные дверцы шкафов. В них в большом порядке висели костюмы различных эпох, профессий, национальностей — как в костюмерной большого оперного театра.

— Вот штатские костюмы, — пояснил негр, вынимая пахнувшие сыростью старинные сюртуки с высокими воротниками, широкими отворотами, цветные и шелковые жилеты.

Флорес отрицательно покачал головой.

Во втором шкафу были более современные костюмы: смокинги, сюртуки и даже фраки.

— Не то, не то.

Перед гардеробом с морскими форменными костюмами Флорес остановился несколько долее. Он пощупал рукой одну тужурку из прекрасного английского сукна — костюм капитана, но, подумав о чем-то, закрыл и этот шкаф.

— Не то, Боб. И это всё?

— Есть еще здесь, — ответил негр, показывая на сундуки.

— Откройте.

Не без труда Боб поднял тяжелые крышки. Флорес удивился, не почувствовав запаха сырости и тления. Крышки так хорошо были пригнаны, что внутри сундуков было совершенно сухо.

Когда негр поднял чистый кусок полотна, аккуратно прикрывавший костюмы, у Флореса невольно вырвалось восклицание и глаза его разгорелись. Здесь были сложены драгоценные испанские костюмы, покроя которых показывал, что им не менее двухсот лет.

Камзолы из аксамита (бархата) — малиновые, голубые, красные — были расшиты золотом и осыпаны жемчугом. Манжеты и фрезы (большие воротники в несколько рядов) из тончайшего кружева, шелковые шнуры «бизетт»[52], «блонды»[53] цвета небеленого полотна — все это поражало своей роскошью и тонкостью работы. Женские костюмы были еще роскошнее. Длинные, с висевшими до полу рукавами, с зубцеобразными вырезами по краям, эти яркие шелковые, парчовые и бархатные платья были тяжелы от нашитых изумрудов, рубинов, жемчугов...

«Какое богатство! — подумал Флорес. — А мы питаемся одной рыбой».

Он отобрал несколько костюмов:

— Отнесите в мой кабинет. А чулки и башмаки?

— Все есть. — И, сгибаясь под тяжестью ноши, Боб перетащил костюмы в каюту Флореса.

Оставшись один, Флорес выбрал темно-вишневый, шитый серебром камзол и оделся.

Когда он посмотрел на себя в зеркало, то сам был поражен эффектом. Он преобразился не только внешне, но как будто и внутренне. Откуда это суровое достоинство, этот уверенный взгляд, эти плавные жесты?

Он хлопнул в ладоши и сказал негру, с изумлением уставившемуся на него:

— Пригласите миссис Мэгги!

«Миссис Мэгги!» — Негр поспешно бросился исполнять приказание.

Флорес немного ошибся в эффекте: вошедшая Мэгги не на шутку испугалась, когда, отворив дверь каюты, увидела сиявшего серебром и жемчугом испанского гранда[54]. Даже смех Флореса не сразу привел ее в себя.

— Одевайся скорее, вот твой костюм, — сказал Флорес, указывая на голубое платье.

Мэгги, одетая более чем просто — в легкую блузу и короткую заплатанную юбку, едва-едва коснулась платья и стояла в нерешительности.

— Ну, что же ты?

— Я... я даже не знаю, как его надевать.

Правду сказать, Флорес не больше ее знал все сложные части всех этих «бизетт» и «блонд» и не мог оказать ей помощи. Но природное чувство женщины помогло Мэгги найти место каждой принадлежности туалета. И пока Флорес поправлял концы шарфа и примерял перед зеркалом шпагу с золотым эфесом, она была тоже готова.

Обернувшись, они смотрели с изумлением друг на друга, не узнавая и восхищаясь.

Действительно, это была прекрасная пара. Смуглый, загорелый Флорес был очень эффектен.



«Черт возьми! Но ведь она прямо красавица! Где были мои глаза?» — подумал Флорес.

— Теперь можно начать торжественный прием, — сказал он громко и, вызвав негра, отдал приказание созвать всех. Это тоже было новостью. Слейтон никого не пускал в свой кабинет.

Если бы на Остров Погибших Кораблей внезапно прибыли люди другой планеты, это произвело бы, вероятно, не большее впечатление. Все островитяне буквально окаменели от удивления. Даже историк Людерс стоял, приоткрыв рот, с видом крайнего изумления.

Когда все собрались, Флорес обратился с речью:

— Граждане! Островитяне! Друзья! Не чувство личного тщеславия заставило меня надеть этот костюм, но желание поддержать достоинство славного Острова Погибших Кораблей... Мы поднимем это достоинство еще выше. Для выполнения намеченных мною целей мне необходимы помощники. Вы, О'Гара, — и Флорес испытующе посмотрел на ирландца, — назначаетесь моим личным секретарем. При докладах и на празднествах вы будете являться в этом камзоле; он поступает в ваше полное распоряжение. — И Флорес указал на красивый темно-синий костюм.

О'Гара густо покраснел, и Флорес не без удовольствия заметил, что ирландец польщен.

«Одним соперником меньше», — подумал новый губернатор.

— Вы, Бокко, назначаетесь... — Флорес потер лоб, — тоже моим секретарем. Вот ваш придворный костюм.

Бокко почтительно поклонился.

«Другим соперником меньше, — отмечал Флорес. — Кто еще? Людерс? Он неопасен, но все-таки, на всякий случай...»

— А вы, Людерс, вы человек ученый, я назначаю вас, гм... советником по делам колоний. Вашему званию подойдет камзол черного бархата с серебром.

Удивительная вещь! Даже Людерс, до сих пор менее других обращавший внимание на свой костюм и ходивший в каких-то отрепьях, был тоже, видимо, польщен. Однако назначение его крайне удивило.

— Благодарю за честь, но какие же у нас дела с колониями, когда мы отре-

заны от всего мира?

— Да, но мы можем расширить наши владения, и у нас будут колонии.

Островитяне переглянулись. Не свел ли с ума золоченый камзол их нового губернатора?

Но Флорес был спокоен и самоуверен.

— Вы знаете, — продолжал он, — что рядом с нашим Островом, в двух километрах, не более, расположен другой небольшой островок из погибших кораблей. Он близок, но до сих пор мы не могли даже побывать на нем — саргассы охраняли его. Теперь мы организуем экспедицию и присоединим его к нашим владениям.

Всем понравилась эта затея, и островитяне шумно выразили одобрение.

— И еще одно: нам нечего постничать и скаредничать, когда мы безмерно богаты. Всем будут выданы новые костюмы — для будней и праздников. Я дам вам также ружейные патроны, и вы будете охотиться на птиц; я думаю, рыба всем надоела. А чтобы птица показалась вкуснее, мы испечем хлеба и разопьем бочку хорошего старого испанского вина!

— Ура-а! Да здравствует губернатор Флорес! — кричали доведенные до высшей точки восторга островитяне, а О'Гара и Бокко громче всех.

Когда Флорес и Мэгги остались одни, Мэгги посмотрела на мужа влюбленными глазами и сказала:

— Послушай, Флорес, я даже не ожидала...

— Чего?

— Что ты так умеешь...

— Хорошо управлять? — И Флорес, нелюдимый, вечно хмурый, мрачный Флорес засмеялся.

III. Курильщик опиума

Легкий сизоватый туман заволакивал Остров Погибших Кораблей. Сломанные мачты и железные трубы пароходов, как призраки, маячили в тумане.

Старик Бокко и китаец Хао-Жень сидели на палубе старой бригантины. Китаец сидел неподвижно, как статуэтка, поджав ноги и положив ладони рук на колени, и смотрел на высокую мачту.

Бокко чинил сеть и от скуки расспрашивал китайца о его родине и близких людях. Наконец он спросил китайца, был ли тот женат.

Какая-то тень пробежала по лицу китайца.

— Не был, — ответил он и добавил тише: — Невеста была, хорошая девушка.

— Ну и что же ты?

— Нельзя — фамилия одна...

— Родственница?

— Нет. Просто фамилия. Закон такой.

Своим неосторожным вопросом Бокко пробудил в душе китайца какие-то далекие воспоминания. Он завозился и поднялся.

— Пойду я, — заявил китаец.

— Да куда тебя тянет? Опять дурман свой пойдешь курить? Сиди.

Но китаец уже неверной, шатающейся походкой направился по мосткам к отдаленному барку.

Бокко покачал головой:

— Пропадет парень. И так на что похож стал!

Бокко не ошибся. Хао-Жень шел курить опиум. В одном из старых кораблей китаец как-то нашел запас этого ядовитого снадобья и с тех пор с увлечением предался курению. Его лицо побледнело, стало желтым, как солома, глаза глубоко впали, смотрели устало, без выражения, руки стали дрожать. Когда узнали о его страсти, ему строжайше запретили курить, опасаясь пожара. Еще капитан Слейтон несколько раз жестоко наказывал Хао-Женя, запирали его в трюм, морил голодом, требуя, чтобы китаец выдал запасы опиума, но не мог сломить упорство китайца. Его скорее можно было убить, чем заставить отдать опиум. Он хорошо спрятал запасы и умудрялся курить, как только надзор за ним ослабевал.

Хао-Жень пришел на старый барк, стоявший косо, под углом почти в 45°. Под защитой этого наклона, укрывавшего его от взоров островитян, он и устроил себе курильню у самой воды.

Дрожащими от волнения руками он приготовил все для курения и жадно втянул сладковатый дым.

И постепенно туман стал приобретать золотистый оттенок. Клубы золотых облаков сворачивались в длинную ленту, и вот это уже не лента, а река, великая Голубая река. Желтые поля, желтые скалы, домик, выдолбленный в скале, с развевающимся по ветру бумажным драконом у входа. Отец стругает у дома, по китайскому обычаю, не от себя, а к себе. По реке плывет рыбак, стоя на корме и вращая веслом. Все такое близкое, знакомое, родное! У реки цветут ирисы, прекрасные лиловые ирисы.

Когда Хао-Жень пришел в себя от дурмана, стояла ночь. Туман разошелся. Только отдельные клочья его, как призраки, быстро неслись на север. Было тихо. Изредка плескалась рыба. Из-за горизонта поднималась красная луна. Она не отражалась в воде. Водоросли, как матовое стекло, только слабо отсвечивали. Лишь кое-где, в небольших «полянках» — в местах, свободных от водорослей, — вода зажигалась лунным светом.

Недалеко от острова прямо по водорослям двигался силуэт, который четко выделялся на фоне восходящей луны. Китаец протер глаза и стал всматриваться. Знакомая фигура. Ну да, конечно, это он, покойный капитан Слейтон! На нем только нет тужурки. Но ведь мертвецы не чувствуют ночной сырости. Зачем бродит он тут? Что ему надо? Зубы Хао-Женя стали выбивать дробь.

Утром китаец шептал на ухо своему другу Бокко:

— Капитан ходила. Слейтон ходила ночью по воде. Сам видал. Плохо покойника похоронили. Шипко худо есть так человека хоронить. Вот и ходит. Плохо будет! Худо будет, м-м-м...

Бокко кивал, с жалостью смотрел на китайца и думал: «Пропал, бедняга, совсем ума лишился от проклятого зелья».

Через несколько дней этот разговор повторился. Китаец опять видал мертвого капитана, медленно гулявшего по морю. Бокко не вытерпел.

— Надоел ты мне со своим покойником! Вот что — я буду сегодня с тобой дежурить ночью. И смотри у меня, если ты увидишь, а я не увижу, — придется вам, двум покойничкам, разгуливать по морю вместе! Брошу тебя в воду, так и знай!

Ночь стояла темная. Небо было густо обложено тучами. Накрапывал дождь, Бокко бранился, кутаясь в латаный плащ.

Около часа ночи во тьме, невдалеке от Острова, Бокко первый заметил

ть человека. Было так темно, что трудно было различить очертания фигуры. Но нечто похожее на человека действительно шло по воде и исчезло во мраке.

Бокко почувствовал, как у него холодеют руки.

— Видишь? — шепнул китаец, хватаясь трясущейся рукой за плечо Бокко.

— Ш-ш!

И они сидели до утра, не будучи в силах от страха шевельнуться.

Только когда взошло солнце, Бокко вздохнул с облегчением. Скоро весть о призраке капитана Слейтона облетела все население Острова и дошла до Флореса. Он не верил в привидения, но эта весть о бродячем призраке Слейтона взволновала его как неясная опасность.

«Почему они видели именно Слейтона? Что они, сожалеют о нем? Обвиняют меня за то, что я бросил Слейтона в море, вместо того чтобы попытаться оказать ему помощь? Но ведь он был полумертв. Или... глупости! Люди просто от скуки с ума сходят. Надо скорее развлечь их», — думал Флорес.

А вечером он тайно вызвал к себе Бокко и просил его проводить к тому месту, где они видали призрак. Но ни в эту, ни в следующую ночь призрак не появлялся. Флорес повеселел.

— Ну, вот видите! Я же говорил вам, что это одно воображение. Довольно глупостями заниматься! Извольте завтра явиться ко мне на совещание. Нам надо обдумать план экспедиции. Да не забудьте надеть свой официальный костюм — вы что-то давно не надевали его.

— Берегу, — простодушно ответил Бокко. — Этакая ценность!

— На наш век хватит, Бокко!

IV. Исчезнувший остров

Еще с вечера «Вызывающий» вступил в полосу, свободную от саргасс. А рано утром, когда супруги Гатлинги вышли на палубу, то увидели, что вокруг расстилается синяя гладь океана, поверх которой только кое-где мелькают небольшие пятна саргасс.

— Странно, неужели мы так уклонились к югу? — спросил Гатлинг профессора Томсона, который рассматривал какую-то небольшую рыбу, попавшуюся в сеть.

— Мы идем самым краем теплого течения, где оно борется с холодными. Эти холодные течения и отнесли в сторону часть водорослей. Завтра мы повернем на север, в самую гущу саргасс.

— Какая странная рыба! — воскликнула Вивиана. — Посмотри, Реджи.

Голова рыбы была снабжена широким, овальной формы щитком, составленным из черепицевидных пластинок; нижняя часть тела у нее была окрашена в более темный цвет, чем верхняя.

Томсон бережно опустил рыбу в большой таз с водой. Рыба тотчас повернулась на спину и плотно приложила щиток ко дну таза.

— А ну-ка, возьмите рыбу, — предложил Томсон.

Гатлинг взял рыбу за хвост и попробовал поднять, но напрасно: рыба будто приросла ко дну таза. Томсон смеялся:

— Видите, какая диковинная рыба! Это эхенеида, или «рыба-прилипала». Про эту рыбу в древности ходили целые легенды, будто она, приликая к подводной части корабля, может задержать его ход. Вот смотрите, — и Томсон, хотя не без труда, оторвал «прилипалу» от таза.

— Профессор, в море плавают целое стадо черепах, — доложил ассистент Томсона Мюллер. — Не разрешите ли вы мне поохотиться на них вот с этой маленькой рыбкой? Я видел, как это делают туземцы в Африке.

Получив разрешение, Мюллер надел на хвост рыбы кольцо с крепким шнуром и бросил ее в воду. В прозрачной воде видны были все движения рыбы. Сделав несколько безуспешных попыток вырваться, она стала подплывать к большой черепахе, которая, видимо, мирно спала на поверхности океана; эхенеида присосалась к брюшному щиту черепахи. Мюллер дернул бечевку. Черепаха заметалась, но не могла отделаться от прилипалы и через минуту была вытащена вместе с рыбой на палубу судна.

— Bravo! — Вивиана захлопала в ладоши.

На палубе появился Симпкинс. Он только что встал и щурился от яркого солнца. Попыхивая трубочкой, Симпкинс равнодушно посмотрел на черепаху и процедил углом рта:

— Суп из черепахи — это будет недурно. А это что за пиявка?

— Это не пиявка, а рыба-прилипала. Черепаха, Симпкинс, предназначена не для супа, а для научной коллекции.

— Смотрите, какая прелесть! — воскликнула вновь Вивиана, указывая на море.

Над поверхностью океана летели рыбы. Целые стаи их поднимались над водой и пролетали значительное пространство в несколько десятков метров, поддерживаемые передними плавниками, которые у них превращены как бы в крылья.

Все залюбовались этим зрелищем.

— *Dactylopteres* — «летучки», — пояснил профессор Томсон.

— Неужели и все птицы вышли из моря? — спросила Вивиана.

— Океан — колыбель всей органической жизни на земле. Вы видите летающих рыб, но есть и такие рыбы, которые прогуливаются по суше и даже взлезают на корни деревьев. Все это предки земноводных и птиц.

— Очень интересно, — сказал равнодушно Симпкинс, — но как будто мы собирались на поиски не только черепах и прилипал, а и Острова Погибших Кораблей. Мы же забираемся все южнее и уже вышли из пояса саргасс. Скоро наступит дождливое время — и так уж часто дождит, — когда же мы займемся Островом?

— Терпение, Симпкинс; сегодня мы поворачиваем на север, и с каждым часом вы будете ближе к цели.

Симпкинс пожал плечами с таким видом, как бы хотел сказать: «Ох уж эти ученые!» — и, заложив руки в карманы, стал смотреть на море, сплевывая через борт.

— А вот и акула! — крикнул он, оживившись. Очевидно, и в море его интересовал только преступный элемент. — Ого, какая большая! Только почему она белая?

— Да, это интересный экземпляр, — сказал Томсон, — типичная представительница Саргассова моря. Саргассы задерживают солнечный свет, и здешние акулы, очевидно, не «загорают» так, как их братья, живущие в открытых местах; кожа здешних акул остается лишенной пигмента (окраски).

Акула плыла рядом с кораблем. Ее движения были быстры, сильны и красивы.

Матросы уже приготовили веревку и намазывали салом железный крюк.

— А почему акула не ест этих маленьких рыбок, что вертятся около нее? — спросила Вивиана.

— Это рыба-лоцман, неразлучный спутник акулы.

В это время крюк с приманкой был брошен. Первою заметила приманку рыба-лоцман. Она обнюхала приманку и быстро подплыла к акуле, стараясь обратить ее внимание на добычу.

— Ишь ты, подводчица! — переводил Симпкинс события на язык уголовной практики.

Акула повернулась, заметила добычу и жадно схватила в пасть крюк.

— Черт возьми, это уж вышла провокация со стороны рыбы-лоцмана! — воскликнул Симпкинс.

Акула метнулась и так дернула веревку, что два матроса упали на палубу и корабль дал легкий крен. Началась борьба. Матросы то отпускали веревку, то подбирали, подтягивая все более обессилевавшее животное. Прошло не менее часа, прежде чем удалось вытащить акулу на палубу. Утомленная, она лежала как мертвая.

— Ага, попалась, голубушка! — с торжеством сказал Симпкинс, подходя к акуле.

— Бьюсь об заклад, — сказал Гатлинг, — что вы сожалеете, Симпкинс, об отсутствии у акулы рук.

— Почему?

— Вы бы надели на них «браслеты».

— Еще прилипала! — с удивлением воскликнула Вивиана, увидав рыбу, присосавшуюся к животу акулы.

— Обычная вещь, — ответил Томсон. — Прилипалы часто делают это и имеют тройную пользу для себя: так сказать, даровой проезд, полную безопасность от других хищников под прикрытием страшного для всех обитателей моря врага и кое-какие крохи от обильного стола прожорливых акул.

— Словом, везде одно и то же, — заметил Симпкинс, — вокруг больших преступников всегда вертится малое жулье для мелких поручений.

— Еще немного, Симпкинс, и вы напишете ученый труд: «Преступный мир обитателей моря», — сказал, улыбаясь, Гатлинг.

Симпкинс подошел поближе к акуле и вдруг, ухватив рукой прилипалу, начал тянуть:

— А ну-ка, посмотрим, удержишься ли ты?

Прилипала будто приросла к животу акулы. Тогда Симпкинс с силою дернул рыбу. Акула неожиданно встрепенулась огромным телом и хлопнула Симпкинса хвостом с такой силой, что он, взмахнув в воздухе ногами, перелетел через борт и упал в море.

Профессор Томсон взволнованно крикнул матросу:

— Скорее бросайте веревку!

Гатлинга удивило это волнение и поспешность ученого. Симпкинс был неплохой пловец, купание же в теплой, почти горячей воде не угрожало простудой.

Но Томсон опасался другого: он знал, что акулы часто проходят стаями. Там, где плыла одна, могут оказаться и другие.

И его опасения были не напрасны. Невдалеке действительно вдруг показа-

лись неизвестно откуда взявшиеся акулы. Они быстро приближались к Симпкинсу, который еще не заметил их. Между тем корабль уже отнесло на несколько метров от Симпкинса.

— Скорей, Симпкинс, скорей! — кричали ему.

Капитан отдал приказ остановить машину, а догадливые матросы, не ожидая приказаний, с лихорадочной поспешностью спустили шлюпку.

— Чего вы волнуетесь? Я плаваю, как пробка! — крикнул Симпкинс, еще не подозревавший опасности, но, видя, что все взгляды направлены не на него, а куда-то в море, оглянулся, похолодел от ужаса и стал с отчаянием работать руками и ногами. Но намокшая одежда замедляла плавание.

Когда шлюпка с тремя матросами подплыла к Симпкинсу, акулы были около него. Одна из них, подплыв под Симпкинса, уже повернулась на спину и раскрыла свою широкую пасть, усаженную несколькими рядами зубов, но кто-то из матросов всадил в открытую пасть весло, которое моментально было раздроблено в мелкие щепы. И это спасло Симпкинса. Другой матрос помог ему влезть в шлюпку.

Хищники, рассерженные тем, что добыча ушла от них, бились у шлюпки, пытаясь перевернуть ее. Несколько раз им почти удавалось это. Шлюпка крутилась, накренялась, черпая краем воду. Матрос отбивался обломком весла, другие усиленно гребли. Наконец с большим трудом матросы и Симпкинс причалили к борту и взошли на «Вызывающий».

Все с облегчением вздохнули.

Симпкинс тяжело дышал. С его одежды вода стекала на палубу, растекаясь лужами.

— Благодарю вас, — наконец промолвил он. — Пойду переодеваться. — И, далеко обходя лежащую акулу, шлепая мокрыми ногами, Симпкинс спустился в каюту.

Научная коллекция Томсона быстро росла. Морские иглы и коньки, актенарии, летучие рыбы, еж-рыба, пятнистые синероги, крабы, креветки, моллюски, изящные гидроидные полипы, кладокорины и сальпы красовались в банках со спиртом в виде чучел и скелетов, заполняя лабораторию и смежные каюты.

«Вызывающий» повернул на север и шел по сплошному ковру водорослей.

Несмотря на часто перепадающие дожди, Томсон неутомимо занимался исследованием Саргассова моря. Гатлинг помогал ему, и время проходило незаметно. Вечерами, после обеда, они усаживались в уютно обставленной каюте и слушали увлекательные рассказы Томсона об обитателях моря — странном, необычайном мире, так непохожем на знакомый надводный мир.

Из всех участников экспедиции один Симпкинс скучал и чувствовал себя несчастным. Его организм привык к постоянному движению. Нервный подъем, неразлучный с рискованными предприятиями, ему был необходим, как наркотик. И в этой спокойной обстановке Симпкинс чувствовал себя больным. Зевая, бродил он по кораблю, мешал всем — от капитана до кочегара, ворчал, курил и презрительно плевал в море.

Стояли хмурые, серые дни. Иногда туман заволакивал все белой пеленой. В этой части океана не было опасности столкнуться с проходящим кораблем, и потому «Вызывающий» шел, не задерживая хода; только изредка, на всякий случай, завывала сирена, и этот звук наводил жуть среди окружающей тиши-

НЫ.

— И где этот Остров запропастился! — ворчал Симпкинс.

А Остров Погибших Кораблей действительно будто смыло с поверхности океана. По всем расчетам, он должен был находиться в этих местах. «Вызывающий» бродил в самом центре Саргассова моря, меняя направление, но Острова не было.

Проходили дни за днями, а вокруг было то же серое небо, коричневая поверхность саргасс, непроглядная даль в тумане.

Уже не только Симпкинс, но и Гатлинги стали беспокоиться о том, удастся ли им найти Остров, не отмеченный ни на одной карте.

Однажды вечером все собрались обсудить положение. Капитан пожимал плечами:

— Что же я могу поделать! Мы ищем, как слепые. Так мы можем плавать год — и без всякого результата. Наше путешествие затянулось. Команда выражает недовольство. «В этом болоте только лягушек ловить», — ворчат матросы.

— Что же вы предлагаете? — спросил Гатлинг.

Капитан опять пожал плечами.

— Я предлагаю прекратить эти бесцельные поиски и вернуться.

Гатлинг задумался.

— Ваше мнение, профессор?

Томсон развел руками:

— Что я могу сказать? Каждый день плавания обогащает науку. Но если все решат вернуться, я, конечно, не буду возражать.

— Хорошо вы защищаете интересы науки! — вспыхнул Симпкинс. Он вдруг оказался самым горячим защитником науки, впрочем, только для того, чтобы продолжать поиски Острова. — Возражайте! Требуйте! Настаивайте!.. А капитан... и вы тоже хороши! «Бесцельное блуждание! Не найдем!» Да знаете ли вы, по каким местам мы плаваем? Может быть, вот на этом самом месте Колумб проезжал! И тоже матросы брюзжали. А Колумбу, думаете, легче было Америку открыть или путь в Индию? Тогда все были уверены, что Америки никакой нет и что корабль может дойти до края земли и свалиться к черту на рога. А Колумб не побоялся и нашел! И мы найдем!

Как ни комична была эта речь в устах Симпкинса, но его неожиданное красноречие произвело впечатление, и капитан, несколько смутившись, ответил:

— Да, но Колумб все-таки шел по одному направлению, у него были свои торговые расчеты, и они не обманули его, хотя нашел он и не то, что искал, а мы просто кружимся на месте. Вот если вы будете так любезны указать мне точно направление, я не буду кружиться, — уже несколько обиженным тоном закончил капитан.

— В морском деле я ничего не смыслю. Но что касается розыска, то я кое-что смыслю, — ответил Симпкинс. — Каждая профессия создает свои навыки, дисциплинирует мысли в известном направлении. Я много думал о том, как найти Остров, и, кажется, придумал. Это тоже долгий путь, но он скорее приведет нас к цели. Скажите, Гатлинг, как в первый раз мы попали на Остров?

— Была буря, пароход потерпел аварию. Вы же сами знаете.

— Дальше?

— Винт и руль оказались сломанными, и нас понесло.

— Вот-вот, это самое! Винт и руль оказались сломанными, и нас понесло. А что, если бы и нам сломать руль и винт? — спросил Симпкинс.

Вивиана и остальные посмотрели на Симпкинса с нескрываемой тревогой. Он заметил это и рассмеялся:

— Не бойтесь, я еще не сошел с ума. О руле и винте я сказал иносказательно. Остановим машину, бросим управлять рулем и будем следить за течением. Вот что я предлагаю. Ведь нас понесло к Острову каким-то течением, не так ли?

Гатлинг кивнул.

— Запомним это, во-первых. — И Симпкинс заложил один палец. — Если из погибших кораблей образовался целый остров, то, очевидно, внутри Саргассова моря существуют постоянные течения, которые относят все корабли, потерпевшие аварию, к одному месту. Верно?

— Так.

— Два, — заложил Симпкинс второй палец. — Ну-с, а вывод ясен: мы будем медленно двигаться по кругу, останавливая время от времени машину, и следить, нет ли течения, которое относило бы корабль в глубь моря. Это течение и приведет нас к Острову. В этом весь фокус! — И Симпкинс победоносно поднял три пальца.

План заинтересовал не только капитана, но и Томсона.

— Внутренние течения Саргассова моря?.. Над этим действительно следует подумать. До сих пор изучалось только течение Гольфстрима вокруг Саргассова моря.

— Откуда могут появиться сильные подводные течения в Саргассовом море? — спросила Вивиана.

— Вы хотите, чтобы я дал вам ответ на один из труднейших вопросов океанографии, — ответил Томсон. — Какие причины вызывают морские течения? Сами ученые не пришли еще к соглашению в этом вопросе. Одни объясняют возникновение течений действием приливов и отливов, другие — разностью плотностей воды, наконец, третьи главную роль отводят ветрам. Пожалуй, это и будет наиболее вероятным решением. По крайней мере, направление морских течений совпадает в среднем с направлением главных воздушных течений. А еще вернее, что мы имеем совокупность ряда причин. Если прав Симпкинс и внутри Саргассова моря существует внутреннее течение по направлению к Острову Погибших Кораблей, то оно может быть ветвью, или отклонением, главного течения — Гольфстрима. Такие отклонения чаще всего вызываются какими-нибудь механическими преградами на пути главного.

— Но какие же механические преграды могут быть среди океана? — задала новый вопрос Вивиана. — Здесь нет ни островов, ни мелей.

— А подводные горы? Вы забыли о них? Представьте себе, что несколько восточнее под водой находится кряж, который пересекает Гольфстрим. Представьте далее, что в этом кряже есть узкий проход — ущелье, направленное своим выходом к Острову, который играет с нами в прятки. Гольфстрим — это настоящая река, воды которой несутся со скоростью двух с половиной метров в секунду. Вся эта масса быстро текущей воды напирает на горный кряж, находит только один узкий проход и устремляется в него. Вот вам и внутреннее течение Саргассова моря.

— И оно, наверное, есть! Иначе не было бы и Острова! — отозвался Симпкинс.

— Да, пожалуй, совет Симпкина неплох, — согласился капитан. — Что ж, попробуем «сломать руль и винт», как вы говорите.

— И, если мы найдем Остров, вся честь открытия «Америки» будет принадлежать вам, — сказал Гатлинг, обращаясь к Симпкину.

— К черту Остров! Мне надо разыскать кое-какие документы, ну а вместе с документами я разыщу, кстати, вам и Остров.

V. Великие события

Над резиденцией губернатора Острова Погибших Кораблей на высокой мачте развевался большой флаг из голубого шелка с нашитым на нем коричневым венком из водорослей и золотым орлом с распростертыми крыльями в середине. Это тоже была выдумка Флореса. Он засадил Мэгги на целую неделю за вышивание. И когда флаг был готов, его подняли с большой торжественностью.

Флорес, в золоченом кафтане, окруженный своими пестрыми, как попугаи, «сановниками», сказал приличествующую речь.

— Островитяне, — сказал он, — саргассы, оторванные бурями от берегов своей родины, были принесены сюда. Все мы, как эти водоросли, также оторваны от своей родины и принесены сюда, чтобы здесь найти новую родину, образовать новое общество. Нас немного. Наши владения не обширны. Но зато мы можем гордиться тем, что независимы... Свободны, как этот орел с распростертыми крыльями. Вот какой символ вложил я в этот герб на нашем флаге... Да здравствуют саргассы, охраняющие нашу свободу, да здравствует наш Остров! Да здравствуют островитяне!

Островитяне бурно аплодировали и кричали «ура», с восторгом глядя на красивое знамя, трепетавшее от ветра.

Флорес хотел к этому торжественному дню организовать оркестр. Среди всякого скарба, собранного капитаном Слейтоном, нашлось несколько старых струнных инструментов разных стран и народов, однако струны давно поломались, новых найти нельзя было, и Флорес думал уже отказаться от этой затеи, когда неожиданно О'Гара пришла в голову мысль использовать морские рупоры, которых было больше, чем жителей. Правда, они могли только усиливать звук человеческого голоса, но зато напоминали трубы духового оркестра. Островитяне с увлечением принялись за обучение «музыке» и на торжестве поднятия флага исполнили «Марш островитян». Это была очень странная музыка, где каждый играл песнь своей родины, стараясь перекричать других. Получилось нестройно, но так внушительно и громогласно, что даже рыбы испуганно шарахались в сторону, путаясь в водорослях.

Но Флорес своими «реформами» внес и более глубокие изменения в жизнь островитян. Он сумел перессорить их между собой, и они уже не составляли однородной массы с тех пор, как появилась «аристократия»: О'Гара и Бокко перестали обедать в общей столовой, держались особняком, высокомерно. Простые граждане отвечали им презрением и завистью.

— Прекрасно, — посмеивался Флорес, — я могу спать спокойно.

В то утро, когда Флорес назначил совещание, чтобы обсудить план экспедиции на соседний остров, О'Гара и Бокко, разодетые в свои роскошные костюмы, шли к резиденции с важным видом сановников, небрежно кивая головой

островитянам, встречавшимся на пути.

И — неглупые по природе, но почти впавшие в детство от однообразной жизни — островитяне невольно робели перед этим блеском и почтительно склоняли головы.

Совещание было довольно продолжительным. Как ни близок соседний остров, добраться до него было трудно. Можно построить лодку. Но среди водорослей она в лучшем случае подвигалась бы с невероятным трудом и большой медлительностью.

В конце концов, проще всего было бы устроить плавучие мостки. Но для этого надо было много строительного материала, а он был чрезвычайно ценен на Острове. Правда, море изредка приносило обломки кораблей, но они шли, с большой экономией, на печение хлеба и изредка — горячей пищи. Несколько старых судов было уже сломано, чтобы сделать мосты между кораблями и парходами; сломать новые суда значило уменьшить «государственную территорию».

Вдобавок строительный материал необходим для разрешения квартирного кризиса. Правда, погибших судов было едва ли не больше, чем обитателей Острова. Но дело в том, что эти суда стояли под самыми различными углами наклона к поверхности моря. Одни лежали с небольшим креном, другие — на боку, а иные — и совсем вверх дном. Жить в «квартире», где пол наклонен под углом в 45°, постоянно ходить по «косогору», сползая вниз и с трудом выбираясь наружу, — удовольствие небольшое. И между островитянами происходили нескончаемые споры из-за помещений с более или менее ровной поверхностью пола. Чтобы хоть немного разрешить этот квартирный кризис, пришлось часть запасного материала пустить на приспособление жилищ.

— Если мы потратим материал на мост, то зато на новом острове могут оказаться корабли, годные для жилья, — сказал О'Гара, — часть населения эмигрирует, и квартирный вопрос разрешится. Если же наши надежды не оправдаются, мы можем снять доски с плавучего моста и, таким образом, ничего не потеряем.

В конце концов, другого ничего не оставалось, и совещание решило строить мост.

Островитяне с волнением ожидали исхода совещания, расположившись на палубе «Елизаветы». В однообразной жизни Острова самой большой ценностью было развлечение, новизна впечатлений. Ради этого островитяне готовы были пойти даже на жертвы. И когда всем стало известно решение совещания, работа закипела.

Всеобщее увлечение было так велико, что нашлись даже добровольные жертвователи, которые ломали у себя часть пола или «лестницу» — простую доску с набитыми поперек брусками, — чтобы только скорее удлинить мост. Экономия, однако, заставляла не делать его широким. По мосту мог пройти только один человек. Но эта же экономия удлиняла время постройки, так как одному человеку все время приходилось ходить за материалом. Однако и из этого скоро нашли выход: островитяне встали в ряд и передавали друг другу доски. В три дня было пройдено более половины пути.

Наконец наступил торжественный момент: к вечеру пятого дня, когда уже стемнело, была положена последняя доска, соединившая два острова.

Как ни велико было желание тотчас же идти на новый остров, островитя-

не принуждены были вернуться, так как Флорес отдал приказ отложить вступление на остров до утра следующего дня.

Взволнованные островитяне не спали почти всю ночь и поднялись до зари в этот знаменательный день в истории Острова Погибших Кораблей.

Они собрались все до одного на палубе фрегата; палуба на боку лежавшего корабля спускалась к самой воде — отсюда начинался мост.

— Наши труды увенчались успехом, — сказал Флорес, обращаясь к островитянам. — С первым лучом солнца мы поднимем на новом острове наш флаг!

И островитяне двинулись в путь.

Впереди шел Флорес со знаменем, за ним Бокко, О'Гара, Людерс, дальше следовали остальные обитатели Острова.



Вода хлюпала под мостками, доски шатались. Несколько человек упали в воду и со смехом вскарабкались, опутанные водорослями. Многим понравилось это неожиданное прибавление к наряду. Островитяне нагибались, вытягивали длинные коричневые водоросли и украшали себя. Индеец затянул за унывную военную песню. Перед путниками росла громада океанского парохода. Он лежал боком, закрывая собою новый остров. Рядом с приподнятой над водой кормой стоял небольшой баркас, куда и была положена последняя доска моста. Флорес взошел на баркас. Остров был небольшой — всего около десятка судов. Но островитян ждало небольшое разочарование: суда эти стояли не вплотную друг к другу, а на некотором расстоянии. Приходилось и здесь возводить новые мостки, чтобы соединить эти разбросанные суда в одно целое. Однако решили не откладывать торжества. Не без труда взобрались островитяне по наклонной палубе парохода и на его вершине укрепили флаг.

Расположившись на палубе, островитяне с жадностью всматривались в новые для них формы и очертания. Вероятно, ни один спектакль не дал столько наслаждения жителю большого города, сколько дало островитянам зрелище этих разбитых, искалеченных кораблей. И едва ли не больше всех был доволен островом Людерс.

— Корвет с одной открытой батареей о двадцати орудиях... Начало девятнадцатого века. Ого! Голландский парусник по крайней мере начала восемнадцатого века. Вот это дедушка! Эк, куда его занесло! А вот и другой старичок — колесный пароход. Он родился в самом начале девятнадцатого столетия в Америке и даже в молодости мог плестись со скоростью только пяти морских миль в час, — пояснял Людерс.

Однако всеобщее внимание приковало жуткое зрелище: на корвете «с открытой батареей о двадцати орудиях» вся палуба была покрыта скелетами. Кости, выбеленные солнцем, ослепительно сверкали. На ногах скелетов кое-где еще сохранились лохмотья — быть может, последние куски истлевших са-

пог. Зато хорошо сохранилось, хоть проржавело, оружие: пушки, шпаги, кортики...

Островитяне приутихли. Каждый в меру своего воображения представлял, какие картины ужаса сопровождали гибель этих кораблей.

— Надо будет убрать скелеты, — сказал Флорес. — Здесь достаточно судов, годных для жилья. Ну что же, на сегодня довольно? Завтра придем, наведем остальные мостки и осмотрим внутренность кораблей.

Все неохотно стали спускаться. Один из островитян, поскользнувшись, скатился с палубы и упал в воду. Но он, к удивлению всех, не погрузился, а остался лежать на поверхности.

— Тут мелко! — закричал он.

Это заинтересовало всех. Островитяне начали ногами исследовать почву. Оказалось, что под ногами были палубы и обломки затонувших кораблей. При известной осторожности можно было перебраться с одного корабля на другой. Островитяне рассыпались по острову, криками выражая свой восторг.

Вдруг из трюма небольшой, сравнительно новой барки послышался какой-то звериный рев и вслед за тем испуганный крик индейца, зовущего на помощь. Индеец выскочил из трюма и пустился бежать.

— Там... зверь... страшная обезьяна... горилла...

Все островитяне, как испуганное стадо, собрались в одно место, теснясь и прячась друг за друга. Они не были трусами перед явным врагом. Но там было какое-то неизвестное существо.

— Кто со мной? — крикнул Флорес. Бокко боялся потерять свое высокое звание и камзол — и он двинулся за Флоресом. Вслед за ним пошел и О'Гара.

Флорес осторожно заглянул внутрь барки. Оттуда послышалось ворчание. Когда глаза привыкли к темноте, Флорес увидел, что в углу сидит существо, похожее на человека, голое, с большой косматой головой. Волосы его головы и бороды, сбившиеся в колтуны, падали почти до колен. На руках были длинные кривые ногти.

— Кто ты? — спросил Флорес по-английски, потом по-испански.

— Кто ты? — спрашивали островитяне на разных языках, но ответа не было. Все же было ясно, что это не горилла, а человек — безоружный, худой, истощенный человек. Флорес прыгнул вниз, схватил незнакомца и вынес на руках. Тот даже не оказал сопротивления.

Как это ни просто было сделать, поступок Флореса поднял его авторитет еще на одну ступень.

— Свяжем на всякий случай нашего пленника и идем! Пора обедать!

Островитяне повиновались.

Первые островитяне с Флоресом во главе уже подходили к Острову Погибших Кораблей, а задние находились еще на новом Острове.

Вдруг в нескольких шагах от Флореса метнулся какой-то предмет, раздался взрыв, мостки разлетелись в щепки, и Флорес, а за ним еще пять человек упали в воду. Однако Флорес уцепился за какую-то балку, и, когда его зрение прояснилось, он увидел нечто, от чего едва не потерял сознание.

На Острове, у самого края моста, с ручной бомбой в руке стоял капитан Фергус Слейтон... Правда, он оброс бородой и стоял в грязной разорванной рубашке, но это был он.

VI. «Арестовать его!»

Слейтон не умер во время перестрелки при бегстве Гатлинга и его друзей. Пуля перебила ему ключицу, но рана не была смертельна. Сброшенный Флоресом в воду, он упал на мелкое место — на днище перевернувшегося баркаса. На его счастье, все островитяне ушли за Флоресом, и никто не видел, что он не утонул. С огромным напряжением сил, истекая кровью, он влез в трюм стоявшего боком парусника. Парусник этот не так давно прибило к Острову.

«Если я потеряю сознание, то умру от потери крови, — думал тогда Слейтон. — Надо сделать перевязку...» Он стал шарить в трюме и нашел кусок старого паруса. Стиснув зубы от боли, с последним напряжением сознания и воли Слейтон сделал себе перевязку и впал в забытие. Он очнулся только ночью. Прохлада освежила его. Голова кружилась от потери крови и легкой лихорадки. Мучила жажда. В углублении палубы он нашел лужу дождевой воды и выпил ее до последней капли. В голове прояснилось. Что было делать дальше? Здесь его могли найти. Надо было перебраться на соседний Остров Погибших Кораблей, лежавший невдалеке. Никто из островитян еще не проникал туда. Там Слейтон мог быть в безопасности. Один только Слейтон знал, что к этому Острову лежит путь по палубам затонувших кораблей, едва прикрытых водою. И, осторожно ступая, Слейтон в эту же ночь перебрался на Остров.



Между малым и большим Островами находилось несколько разбросанных судов, где можно было найти все необходимое для жизни: сухари, консервы и даже вино. Недаром Слейтон прожил много лет на Острове. Он знал все эти скрытые запасы и пути к ним. И ночами он бродил «по морю», осторожно нащупывая ногой лежавшие почти на поверхности моря палубы и днища затонувших кораблей. Ими почти сплошь было покрыто дно моря вокруг Острова. Запасшись продовольствием на несколько дней, он уходил на малый остров и жил там, пока запасы не иссякали.

Во время этих ночных вылазок Слейтон и был замечен китайцем. Но Слейтон не видел Хао-Женя. Когда же китаец явился ночью с Бокко, чтобы посмотреть на «тень губернатора», от острого слуха Слейтона не ускользнули звуки, шорох, шепот, раздавшиеся вдруг среди глубокой ночной тишины. И Слейтон

из осторожности не выходил несколько ночей. Вот почему Флорес и не увидел его.

Слейтон не оставлял мысли вновь завладеть Островом. Флорес не казался ему опасным соперником. Но все же для того, чтобы выступить открыто, нужно было прежде всего набраться сил. И Слейтон откладывал свое выступление, пока его рана окончательно не зажила. Когда он наконец оправился совершенно, почувствовал себя вновь здоровым и сильным, то стал обдумывать план нападения.

План этот не отличался сложностью. Он явится на большой Остров, когда все будут спать, и направится к резиденции нового губернатора. По всей вероятности, и дежурные часовые на «Елизавете» будут спать. Если даже этого и не случится, одно появление «мертвого капитана» должно парализовать их ужасом. В крайнем случае можно будет прикончить их, без шума, морским кортиком... Со спящим Флоресом — Слейтон не сомневался, что испанец занял его место, — будет легко справиться. А островитяне? У них не будет оснований возражать — ведь он только вновь займет свой пост, вероломно похищенный у него Флоресом.

Однако когда Слейтон, внимательно наблюдавший за большим Островом из своего убежища, увидел начатую постройку моста, он изменил свой план: теперь он сможет захватить в плен всех островитян, когда они перейдут на новый Остров, отрезав им путь возвращения. Еще накануне того дня, когда была окончена постройка моста, Слейтон в глухую ночь перебрался на большой Остров, вооруженный ручными гранатами, и спрятался в трюме необитаемого голландского корвета, стоявшего недалеко от берега. Отсюда он и вышел, когда увидел, что последний островитянин перебрался на новый Остров.

Слейтон быстро подошел к месту, где начинался мост, и, спрятавшись за толстой мачтой, ожидал возвращения островитян.

Бросив бомбу, он спокойно ожидал, когда Флорес придет в себя.

Слейтон мог убить Флореса на месте, но не хотел осложнять свое возвращение к власти убийством.

«Пусть это сделают сами островитяне, — подумал он. — Флоресу не уйти от смерти».

И когда испанец посмотрел расширенными от ужаса глазами в глаза Слейтона, бывший губернатор спокойно сказал, мерно покачивая в руке вторую бомбу:

— Если вы не окажете мне полного повиновения и сейчас же не признаете меня губернатором, я брошу вторую бомбу, и с вами будет покончено.

Флорес колебался. Подумав, он ответил:

— Хорошо. Я согласен, если вы обещаете, что сохраните мне жизнь.

— Вы видите, я уже сохранил вам ее, — ответил Слейтон.

Флореса удивило это непонятное великодушие. В самом деле, разве Слейтон не мог сейчас же убить его?

Слейтон бросил одну из досок, лежавших на берегу, к краю разрушенной части моста.

Флорес и все островитяне в полном молчании взошли на Остров.

«Что будет дальше? Кто победит?» — думали островитяне, с ужасом глядя на Слейтона.

Слейтон рассчитывал на свое необычайное влияние. Его слово всегда было

законом. Перед ним трепетали. И теперь, несмотря на то что он был исхудавшим, обросшим всклокоченной бородой, в разорванной рубаше — той самой, которая была на нем во время бегства Гатлинга, со следами крови, — он был страшен, еще более страшен, чем раньше. Он видел, какое впечатление произвел на островитян, и остался этим доволен.

— Арестовать его! — спокойно произнес Слейтон, указывая на Флореса.

Флорес вздрогнул и вдруг выпрямился.

— Вы только что обещали мне сохранить жизнь, — сказал он.

— Да, жизнь, но не свободу, — холодно ответил Слейтон. — А что касается вашей жизни, пусть этот вопрос решают островитяне на основании законов Острова. Вы сами знаете вашу вину!

Да, Флорес знал свою вину и знал закон, по которому за убийство островитянина и за покушение на убийство полагалась смертная казнь.

Наступил решительный момент.

— Что же вы стоите! Арестовать его! — повторил Слейтон, нахмурившись.

Несколько человек нерешительно двинулись к Флоресу.

— Остановитесь, безумцы! — закричал Флорес. — Он устроил мне ловушку, он обманул меня. Но это ловушка и для вас. Неужели вы хотите вновь подпасть под власть этого деспота, опять питаться сырой рыбой и ходить в рубищах?

Слейтон не учел одного — что хитрый Флорес сумел снискать популярность островитян. Видя, что их настроение под влиянием слов Флореса изменяется, Слейтон хотел прервать речь своего противника, но Флорес вдруг крикнул:

— Арестовать его!

У Бокко ноги дрожали от страха, но «долг прежде всего» — он первый, за ним О'Гара, а потом и все остальные бросились с разных сторон к Слейтону и схватили его, прежде чем он успел бросить вторую бомбу.

Слейтон не ожидал такого исхода и крепко выругался.

Флорес победил.

Слейтона привели в «тюрьму» — глухую железную каюту на угольщике — и у входа приставили стражу.

Флорес выиграл первое сражение. Но что будет дальше? Слейтона нельзя оставить живым и вместе с тем с ним трудно покончить гласно и законно — за ним нет видимой вины, за которую можно было бы казнить его.

Флорес ходил большими шагами по каюте, обдумывая, что предпринять. Он боялся оставить Слейтона живым даже до утра. Его надо убить, это ясно. Но убить так, чтобы об этом на Острове никто не узнал. Значит, вместе со Слейтоном придется убить и часового, потом... Саргассы умеют хоронить свою тайну. И все будут думать, что Слейтон сумел выбраться, убить часового (для этого труп часового можно оставить) и бежал.

Да, так Флорес и сделает. Но кого же принести в жертву, кого поставить часовым в эту ночь? Китайца — лучше всего. Все равно он скоро умрет от своего опиума. От него никакой пользы. Он полусонный, слабый, малоподвижный. С ним легко будет справиться.

Итак, значит, сегодня ночью призрак Слейтона перестанет пугать островитян...

VII. Старик Вокко

План Симпкинса оказался верным. «Вызывающий» скоро нашел течение, направлявшееся в самую глубь Саргассова моря. Правда, течение это было довольно медленное, но путники были уверены, что оно приведет их к Острову Погибших Кораблей. Многие признаки подкрепляли эту уверенность. Чем дальше подвигался «Вызывающий» по этому пути, тем чаще стали встречаться обломки судов, разбитые барки, лодки, перевернутые вверх дном... Над одной из таких лодок капитан Муррей заметил стаю птиц; они резко кричали и дрались в воздухе.

— Делят добычу. На лодке, вероятно, есть трупы, — сказал он. Когда пароход подошел ближе, путники увидели печальную картину: на дне лодки лежал труп человека. Птицы так плотно покрыли этот труп, что его почти не было видно. А вокруг лодки кишели акулы, которые с разгона бились о лодку, пытаясь перевернуть ее и овладеть добычей.

Однажды вечером, когда Вивиана работала в лаборатории, помогая Томсону набивать чучела, она услышала крик Симпкинса:

— Остров! Я вижу Остров Погибших Кораблей!

Все выбежали на палубу.

На севере, у самого горизонта, в лучах заходящего солнца виднелись трубы пароходов и сломанные мачты. Эта картина слишком врезалась в память Гатлингов и Симпкинса, чтобы ее забыть. Даже капитан Муррей, никогда не видавший Острова, не сомневался в том, что они достигли цели. Ни в одной гавани нельзя было увидеть мачт и труб, наклонившихся в самых различных положениях, — как будто сильнейшая буря растрепала все это скопище кораблей и они вдруг застыли в самый разгар бури...

Всех охватило волнение. Стояли молча и не отрываясь смотрели на это жуткое кладбище...

— Полный ход! — отдал капитал команду.

Этот бодрый призыв спугнул жуткое раздумье, охватившее всех при виде Острова. Нервное настроение уже искало выхода в движении, деятельности, работе.

— Как-то встретят нас островитяне? — сказал Гатлинг.

— Если бы был жив Слейтон, без боя, наверно, не обошлось бы. Но он убит, и это значительно облегчает положение. Кто бы ни занял его место, нам нетрудно будет сговориться.

Уже почти совсем стемнело, когда пароход подошел к Острову и сигнализировал островитянам, чтобы они прислали парламентаря.



«Вызывающего» должны были заметить на Острове, тем более что сирена ревела почти непрерывно, резко нарушая окружающую тишину. Пассажиры ожидали увидеть на судах толпу островитян, прибежавших посмотреть на невиданное зрелище. Но на Острове было пустынно, нелюдимо...

— Что они там, вымерли все? — спросил в нетерпении Гатлинг.

— И очень просто, — ответил Симпкинс, — какая-нибудь эпидемия.

— Однако смотрите, — сказала Вивиана, — на высокой мачте виднеется какой-то флаг! Его раньше не было.

— Это на «Елизавете» — резиденции губернатора, — заметил Гатлинг.

— Нельзя сказать, чтобы островитяне радушно встречали нас, — сказал Томсон.

— Тогда и с ними нечего церемониться, — вдруг засуетился Симпкинс. — Надо разбудить этот муравейник. Дайте холостой выстрел!

— Подождите немного, — ответил Гатлинг.

Сирена продолжала надрывно кричать, но Остров по-прежнему выглядел мертвым.

— Э, черт, в самом деле! — рассердился вдруг капитан и, не спрашивая согласия Гатлинга, отдал приказ выстрелить холостым из небольшой пушки. Чтобы впечатление было сильнее, капитан приказал прекратить призывы сирены. В наступившей тишине, как удар грома, прозвучал оружейный выстрел.

— Ага, подействовало! — вдруг торжествующе закричал Симпкинс. — Видите, появилась какая-то фигура.

— Да, кто-то идет. Спустите шлюпку и идите к берегу, прикачал капитан.

Матросы быстро спустили шлюпку и стали приближаться к Острову.

Островитянин, помахивая белой тряпкой, приблизился к шлюпке и, переговорив о чем-то с матросами, перебрался к ним. Через несколько минут он уже был на палубе.

— Бокко! — еще издали узнала Вивиана.

Бокко чрезвычайно удивился, узнав старых знакомых. Он был одет в старый, залатанный костюм.

— Ну, здравствуйте, жених! — весело воскликнула Вивиана. — Ведь вы были тоже в числе моих женихов, когда меня на вашем Острове чуть не на узелки разыгрывали? Помните? — И она протянула ему руку.

Смущенный и растерянный Бокко пожал руку Вивианы.

— Здравствуйте, мисс Кингман.

— Гатлинг, — улыбаясь, поправила она.

— Гатлинг? Простите, запамятовал.

— Нет, вы не запамятовали. На Острове я была Кингман, а теперь Гатлинг, — и она показала на мужа.

— Ах вот оно что! А я-то, старый, и не догадался сразу. Охо-хо-хо, — вздохнул он, — вот уж не думал увидеть вас еще раз! Неужто опять занесло течением?

— Нет, по доброй воле.

— Н-ну? — недоверчиво воскликнул Бокко. — Радости тут мало, чтоб по доброй воле.

— Вот что, Бокко, — прервал его Гатлинг, — скажите, кто теперь у вас губернатором?

Бокко растерянно развел руками и с глубоким вздохом ответил:

— Слейтон. Капитан Фергус Слейтон.

Симпкинс даже подпрыгнул от удивления:

— Не может быть! Ведь он...

— Живехонек. Сегодня Слейтон — губернатор. Вчера был Флорес, а кто завтра будет — еще не знаю. Такие дела. Радости мало.

— Так как же это?..

Бокко рассказал все, что произошло на Острове, вплоть до того момента, когда Слейтон был посажен под арест.

— А утром, — закончил Бокко, — просыпаемся, звонит гонг у резиденции губернатора. Приходим на «Елизавету» и видим Слейтона. «Я, — говорит, — ваш губернатор. А Флорес — преступник. Он бросил меня в воду. Сейчас он в тюрьме сидит. Завтра будем его судить». Вот какие дела!

Бокко не знал о событиях прошлой ночи, а они действительно приняли неожиданный оборот. В то время как Флорес пробирался в ночной тьме к месту заключения Слейтона, чтобы убить соперника, Слейтон ходил, как зверь в клетке, по узкой железной темнице и обдумывал план бегства. Он был из тех людей, для которых препятствия существуют только для того, чтобы преодолеть их.

Слейтон впотьмах оцупал стенки своей тюрьмы. Они были гладки и непроницаемы. Ни окна, ни даже щели — выхода не было. Однако после целого ряда попыток Слейтону удалось обнаружить над дверью небольшое круглое отверстие, через которое едва ли прошла бы даже его голова. Подтянувшись на мускулах рук, Слейтон выглянул наружу. Возле самой двери стояла какая-то фигура.

— Кто стоит на страже? — строго крикнул Слейтон, так, как он это делал, когда проверял ночные посты.

Китаец вздрогнул, услышав знакомый повелительный голос. Он мечтал о Голубой реке, и этот голос спугнул его грезы. Собравшись с мыслями, китаец ответил:

— Хао-Жень.

— Ты почему не отвечаешь сразу, когда тебя спрашивает губернатор? Заснул, болван? Открой засов, мне надо проверить заключенных.

У китайца спутались мысли. Голос Слейтона звучал над ним. Во тьме ничего не было видно. И Хао-Жень не мог определить, где находится губернатор.

Хао-Жень давно отвык рассуждать. Он умел только повиняться. Капитан Слейтон требует. Этого было достаточно. Китаец быстро отодвинул засов. В это время подошел Флорес. Враги неожиданно встретились у самой двери. Слейтон втолкнул Флореса в железную каюту. Между ними завязалась борьба. Случайно Слейтону подвернулся развязавшийся шелковый шарф Флореса. Слейтон схватил его и сдавил им горло противника. Флорес еще барахтался, но Слейтон успел выбежать и закрыть дверь засовом. Потом он подошел к китайцу, взял его за плечи, поднял тщедушное тело на воздух и, тряхнув, прошипел:

— Разве так стоят на страже? Ты едва не упустил преступника. Идем!

Китаец встряхнулся, вздохнул от радости, что дешево отделался, и поплелся вслед за Слейтоном.

Так Слейтон вновь оказался губернатором Острова. Когда пришел «Вызывающий», Слейтон выслал Бокко парламентом.

Поделившись новостями с новоприбывшими, старик боязливо посмотрел на Остров и поспешно сказал:

— Однако я заговорился, — и вдруг, приняв вид официального лица, важно заявил: — Губернатор Острова Погибших Кораблей прислал меня узнать, кто вы и зачем приехали на Остров.

Гатлинг задумался, потом, положив руку на плечо Бокко, сказал:

— Вот что, Бокко, бросьте этот тон, и будем говорить с вами, как старые друзья. Мы не ожидали опять встретиться здесь со Слейтоном. Вы знаете, что расстались мы с ним не очень дружелюбно. Но против островитян мы не замыслием ничего плохого. Мы с женой и профессором Томсоном приехали сюда, чтобы исследовать Саргассово море. Ну а кстати решили навестить и вас. И уж раз мы приехали, то на Острове мы побываем, хочет этого капитан Слейтон или не хочет. Но чтобы не затруднять вас рискованными переговорами со Слейтоном, мы пошлем ему радиотелеграмму: ведь на Острове есть радиоприемник.

Тотчас же была отправлена радиотелеграмма:

«Гатлинги, Симпкинс и профессор Томсон желают высадиться на Острове. О согласии сигнализируйте белым флагом. Гатлинг».

Радиотелеграмма, очевидно, была получена, потому что через некоторое время со стороны резиденции раздался ружейный выстрел. Пуля ударилась в шлюпку, отщепив край борта.

— Коротко и ясно! — сказал Гатлинг.

— Ну что ж, стесняться больше нечего. Во избежание кровопролития пошлем еще одну радиотелеграмму. А ты, Вивиана, на всякий случай спустишься в каюту.

«Если вы немедленно не дадите согласия, я прикажу бомбардировать Остров», — гласила вторая радиотелеграмма; ответом на нее был второй выстрел.

Гатлинг хотел было уже отдать приказ обстрелять Остров, но Томсон предложил отложить военные действия до утра.

— Темно уже — пожалуй, действительно лучше обождать до утра. Остров не убежит, — поддержал эту мысль и капитан Муррей.

Гатлинг согласился. Оставив на палубе для охраны корабля несколько матросов, Гатлинг спустился в кают-компанию. Капитан Муррей, Симпкинс, Томсон и Бокко последовали за ним.

Вивиана разливала чай. Все уселись; Бокко — на кончике стула: новые люди и непривычная обстановка смущали его. Обжигаясь, он пил горячий чай, краснел и кряхтел.

— А все-таки... нехорошо это выходит, — сказал он, вдруг нахмурившись.

— Что нехорошо? — спросила Вивиана.

— Да вот это самое: начнется пальба. Ну, что тут хорошего? Сколько народу покалечить можно!

— Но что же делать, Бокко? — недоумевал Гатлинг. — Вы сами видали, что Слейтон не принял наших мирных предложений.

— Что делать? О том я и думаю, что делать. А делать больше нечего, как только идти мне на Остров, чтобы шепнуть на ухо нашим островитянам: не слушайте капитана Слейтона, не стреляйте. Скажите вашим матросам, чтобы спустили меня... Прощайте, спасибо за чай!

VIII. Опять на острове

В эту ночь никто не спал на «Вызывающем». Гатлинг бродил по палубе, вслушиваясь в ночную тишину. Что будет с Бокко? Послушают ли его островитяне? Иногда Гатлингу казалось, что он слышит сдержанный шум голосов, скрип досок на полусгнивших палубах под чьими-то ногами. А может быть, это предутренний ветер шумит по сломанным реям и мачтам, треплет обрывки парусов, колышет корабли, и они скрипят и стонут, как стонут старики во сне, жалуясь на свои немощи? Если бы хоть была лунная ночь! Как томителен этот мрак!

За час до восхода солнца с Острова вновь послышался шум. Теперь уже не было сомнения: там что-то происходило. Голоса слышались ясно; несколько человек пробежали по Острову с фонарями и медленно вернулись к резиденции губернатора.

«Неужели бедный Бокко погибнет?» — с волнением думал Гатлинг.

Перед самым восходом солнца на палубу вышли уже все пассажиры «Вызывающего». И когда наконец солнце взошло, все удивленно воскликнули — на большой мачте у резиденции губернатора виднелся большой белый флаг.

— Капитан Слейтон пошел на капитуляцию! — воскликнул Гатлинг.

— Смотрите, Бокко идет сюда, — заметила Вивиана.

Бокко семенил старыми ногами к «Вызывающему», раскланивался, махал рукой и еще издали крикнул в морской рупор:

— Можете сходить на Остров! Капитан разрешил!

Поспешно спустили шлюпку, в которую сели Гатлинги, Томсон со своими ассистентами — Таммом и Мюллером, Симпкинс и четыре матроса.

Бокко приветствовал прибывших низким поклоном.

— Капитан просит вас в свою резиденцию.

— Вы живы, Бокко, мы так беспокоились за вас! — сказала Вивиана, пожимая ему руку.

— Что там произошло у вас на Острове ночью? — спросил Гатлинг.

Бокко улыбнулся с таинственным видом и повторил:

— Губернатор просит вас к себе. Он вам объяснит все.

С волнением Вивиана вступила вновь на Остров Погибших Кораблей. Она шла по зыбким мосткам, перекинутым от корабля к кораблю, думая о том, что так же шли они и в первый приезд. Но тогда они были потерпевшие кораблекрушение, беззащитные пленники, которые шли навстречу неизвестному. Теперь они были под защитой «Вызывающего».

Гатлинг просил Вивиану вернуться на корабль.

— Кто знает, может быть, Слейтон зазывает нас в ловушку?

Но Бокко успокоил:

— Не беспокойтесь, вы все в полной безопасности.

Путники двинулись дальше. Гатлинг давал объяснения Томсону, вспоминал различные случаи из своего первого пребывания на Острове. Наконец путники подошли к резиденции. Здесь их уже ждали.

Негр сверкнул белыми зубами, раскрыв рот в широкой улыбке.

— Тоже один из бывших претендентов на руку Вивианы, — с улыбкой отрекомендовал его Гатлинг.

— Губернатор просит вас к себе, — сказал негр.

Приезжие спустились по знакомой лесенке вниз и вошли в кабинет губернатора.

Он стоял у стола и приветливо кивнул головой.

— Милости просим.

— Флорес! — с изумлением воскликнула Вивиана.

— К вашим услугам, — ответил он, пожимая руку гостям, — прошу извинения за свой вид.

Все лицо Флореса посинело, шея вспухла, а на виске виднелся большой шрам, из которого еще сочилась кровь.

— Вы ранены? — спросила Вивиана. — Может быть, вам сделать перевязку?

— Нет, благодарю вас, — ответил Флорес, прикладывая к виску платок. — Пустая царапина.

— Не томите, Флорес, скажите, где Слейтон? Он жив?.. — нетерпеливо спросил Симпкинс.

Флорес развел руками.

— Позавчера он неожиданно появился на Острове и был арестован мною. Ночью я пошел проверить караул. Около самого угольщика, куда был посажен Слейтон, на меня вдруг набросился какой-то человек. Это и был Слейтон, которому, очевидно, удалось выбраться из своей тюрьмы. Между нами завязалась борьба. Он едва не задушил меня моим шарфом. Потом... — Флорес запнулся, — потом Слейтон бросил меня в каюту, где он был заключен, и запер. Что было дальше, я узнал только тогда, когда Бокко освободил меня. Он сам расскажет вам о происшедшем.

— Мне удалось переговорить с островитянами и убедить их не повиноваться Слейтону, — сказал Бокко. — Перед утром Слейтон созвал всех и приказал нам готовиться к бою с вами. — Бокко показал на Гатлинга. — Но все, как один, отказались. Слейтон кричал, топал ногами. «Убью», — говорит. А я тут и говорю: «Что с ним церемониться? Давайте свяжем его!» Мы к нему — он от нас. Мы было следом побежали, да где там! Он бросился в воду и пропал. Пошли разыскивать Флореса. Догадался я в угольщик заглянуть, а он там лежит. Выпустили его, и — вот он!

Симпкинс слушал с напряженным вниманием.

— Слейтон жив. Слейтон на Острове. Симпкинс на Острове. Значит, Слейтон будет пойман, — выпалил он неожиданно.

IX. «БОГИ МСТЯТ»

На другой день Томсон, его ассистенты, Гатлинг и Симпкинс получили приглашение профессора Людерса побывать у него. Старый ученый жил на краю Острова, на испанской каравелле. Она имела квадратную корму, башенки на носу и корме, высокий борт, бугшприт и четыре прямые мачты: фок, грот и две бизани. Три задние мачты были с латинскими парусами, на передней — две реи.

Зыбкий мостик вел в это убежище старого ученого.

— Удивительно! — воскликнул Гатлинг, вступая на этот мостик. — Неужели даже паруса могли сохраниться? Ведь этому кораблю не менее двухсот лет.

— И все триста будут, — ответил Людерс, сопровождавший гостей. — Я собственными руками реставрировал эту драгоценность. Признаюсь, она имела довольно жалкий вид. Одного я не мог сделать: выпрямить посадку каравеллы — соседние суда сдавили ее и сильно накренили. Это причиняет мне некоторые житейские неудобства. Да вот вы сами увидите. Прошу следовать за мной.

По узкой деревянной лесенке гости спустились вниз и вошли в большую каюту. Деревянные скамьи с точеными ножками стояли у стен. Одну стену занимал самодельный шкаф, на полках которого видны были старинные рукописи и судовые журналы.

— Будьте осторожны, — предупредил Людерс, — я уже привык ходить по наклонному полу. Здесь, в этой библиотеке, огромные богатства.

— Богатства? Какого рода? — спросил Симпкинс.

— Научного. Впрочем, пожалуй, и не только научного. Вот документы с корабля «Сивилла». Некий Себастьяно Сапрозо, состоявший на испанской службе, вез несколько бочек золота из Бразилии в Испанию. Себастьяно не достиг берегов Испании. Корабль прибило к Острову.

— Вы достали этот документ с «Сивиллы» — значит, она и сейчас существует? — спросил Симпкинс.

— Да, за старым угольщиком, на юг от «Елизаветы».

— Ну а золота вы не искали?

— Зачем оно мне? — просто ответил Людерс. — Возможно, что сохранилось и золото. Оно, как говорится в документе, лежит в трюме. Но корабль настолько ветхий, что было бы безумием спускаться в трюм. В соседних каютах, — продолжал Людерс, — у меня хранятся коллекции.

— Скажите, вы не исследовали подводную часть Острова? — спросил Томсон.

— Увы, нет, — со вздохом ответил Людерс. — У нас есть водолазные костюмы, но я не мог починить воздушные насосы. Драга, лоты — вот все, что было мне доступно.

— Откуда взял Себастьяно столько золота? — заинтересовалась Вивиана.

— Это интересная история. Себастьяно Сапрозо был захвачен в плен индейцами племени бороро в лесах Центральной Бразилии. Военственные бороро решили убить Себастьяно и повели его к месту казни. Сапрозо удалось вырваться из рук индейцев. Этот авантюрист, очевидно, прошел большую жизненную школу и, вероятно, был профессиональным ярмарочным акробатом и жонглером. Он стал перепрыгивать через головы дикарей, переворачиваться всем телом в воздухе и выделять такие необычайные пируэты и сальто-мортале, что привел своих порабитителей в неистовый восторг. От ненависти к чужеземцу индейцы перешли чуть ли не к его обожествлению. Себастьяно оставили в живых, но не вернули ему свободы. Несколько месяцев он жил среди индейцев, изучил их несложный язык и нравы. Нередко ему приходилось видеть, как индейцы приносили огромные куски золотых самородков и относили в глубь леса в дар какому-то лесному божееству. Где находилось это божеество, Сапрозо не мог узнать, ибо местопребывание идола окружалось тайной. Однако случай помог Сапрозо. Вот как описывает сам Себастьяно этот случай.

Людерс раскрыл старинную, в полуистлевшем кожаном переплете рукопись и, перелистав пожелтевшие от времени листы пергамента, украшенные затейливо нарисованными заглавными буквами и наивными рисунками, прочел:

— «Однажды утром, когда все мужчины были на охоте, а женщины занимались растиранием корней маниоки, из которой они делают опьяняющий напиток кашири, я, проходя по окраине селения, услышал стоны из шалаша, сто-

явшего одиноко, у самой опушки леса. Я вошел в шалаш и увидел девушку, опутанную сетями. Большие черные муравьи нестерпимо кусали ее. Все тело несчастной извивалось, лицо было перекошено от боли, на губах выступила розовая пена — она искусала себе губы, — мутные глаза закатились. Тронутый видом этих мучений, я развязал сеть и стал выбирать муравьев, топтать их ногой и выбрасывать из шалаша. Потом я взял сеть и опять прикрыл ею девушку, которая в знак благодарности стала целовать мне руки. Тогда я решил, что девушка может поблагодарить меня более существенным образом, и сказал ей:

— Сегодня ночью, когда шаман освободит тебя от сетей, ты придешь к Голубому ручью и пойдешь со мной...

Девушка кивнула головой и сказала:

— Я исполню то, что ты приказываешь. Я исполню ради той милости, которую ты оказал мне, облегчив мои страдания.

Ночью она пришла к Голубому ручью, и мы углубились с ней в чащу леса. К полуночи пришли мы на лесную поляну с высоким холмом посередине. Полная луна стояла над головой, ярко освещая большого деревянного идола на вершине холма. Этот идол до колен, которые стояли от земли выше роста человеческого, был засыпан сверкающими золотыми самородками. Я поклонился идолу до земли, незаметно взял с земли самородок величиною с гусиное яйцо и, повернувшись к девушке, сказал:

— Теперь я ловду. Укажи мне путь к морю.

Девушка задумалась и сказала:

— Хорошо. Ты один не найдешь дороги. Скоро придут сюда жрецы с приношениями. Бежим!..

И мы побежали. Двадцать раз я мог погибнуть без этой девушки. Она предостерегала меня от капканов, отравленных колючек, глубоких ям, прикрытых листьями, охраняющих священное место; она умела находить ручьи и съедобные ягоды. Она знала каждую тропинку в лесу. Мы вышли к берегу в тот момент, когда команда „Сивиллы“, отчаявшись в моем возвращении, поднимала якорь и паруса, готовясь к отплытию. Меня увидели и послали шлюпку. Я рассказал моим товарищам все, что было со мной, показал им слиток и убеждал их пойти за золотом. Они согласились, и нам удалось перенести на корабль столько золота, что мы наполнили им три бочки из-под солонины».

— Вот откуда это золото, — закончил Людерс, опуская рукопись на колени.

— Что же стало с девушкой? — спросила Вивиана.

— Девушка сказала Себастьяно, что ее убьют, если она вернется домой, и она уехала с ним. Дальше рукопись повествует о приключениях плавания, о буре, о прибытии сюда, о гибели экипажа. Вот последние строки этого дневника:

«Числа не знаю. Голова в огне. Руки дрожат. Кругом трупы. Нет сил выбросить мертвых за борт. Сегодня перед восходом солнца умерла на моих руках бедная девушка. Умерла спокойно, с улыбкой на губах. А вечером накануне она в бреду со страхом говорила: „Боги мстят!..“ Бочки с золотом — кому они...» Здесь рукопись обрывается.

Людерс окончил чтение, и все сидели некоторое время молча, под впечатлением прослушанной истории.

— Да, — наконец сказал Людерс, — таких историй у меня целая библиотека.

Я собрал их едва ли не больше, чем Слейтон.

Я вижу, что эта история взволновала вас, — продолжал Людерс, обращаясь к Вивиане. — Если вы ничего против не имеете, я предложу вам маленькую экскурсию по Острову. Почти вся история кораблестроения пройдет перед вашими глазами.

Все охотно согласились и поднялись наверх. Людерс как будто спешил вознаградить себя за многолетнее молчание и говорил без умолку.

— Посмотрите на эту водную поверхность, — говорил он, указывая на безграничную гладь океана. — Тихий и Атлантический океаны занимают двести пятьдесят пять миллионов квадратных километров — вдвое большую площадь, чем все пять частей света вместе. Недаром океан издавна служил символом бесконечности, мощи, непокоренной воли. Он неистощим в своей доброте и в гневе... Он бесконечно много дает, но может и отобрать все — самое жизнь. Неудивительно, что в древности его обожествляли. Но и этот «бог» был побежден в тот самый момент, когда первобытный человек, упавший в воду, случайно ухватился за плавающий ствол дерева и убедился, что этот ствол держит его на воде. С этого момента начинается история покорения, океана — история мореплавания. Придать куску дерева наибольшую устойчивость, научиться управлять им по желанию — вот к чему сводился прогресс в области кораблестроения на протяжении многих тысячелетий. В моем «музее» вы можете найти много таких первобытных судов. Вон там, между старым линейным кораблем и маленьким парходиком, вы видите несколько бревен, связанных ветками. Плот — это уже огромный шаг вперед по сравнению с простым, необделанным стволом дерева: плот отличается большей устойчивостью и грузоподъемностью... А там, недалеко от него, высоко подняла свой нос легкая пирога. Но без весла и паруса эти суда могли плыть только по течению. Древние египтяне, вавилоняне, финикийцы уже знали употребление весла и паруса. К сожалению, в моей коллекции существует большой пробел. Я могу показать вам суда, которые строились в незапамятные времена доисторической жизни человека и которые совершенно таким же образом строятся до сих пор на островах, населенных дикими племенами; но я не находил здесь ни египетских, ни греческих судов. Обойдем этот почтенный парусник, и я покажу вам самое древнее судно Острова Погибших Кораблей.

Все спустились по мосткам и через минуту остановились у остова судна странного вида.

— Вот полюбуйтесь, — сказал Людерс, протягивая руку.

Прямо перед Вивианой было лицо полужверя-получеловека. Птичий нос, огромные круглые невидящие глаза, львиный оскал морды производили сильное впечатление своей грубой, но выразительной красотой. Лицо было вырезано из дерева и прикреплено к заостренному носу узкого, длинного судна. Солнце, ветер и соленые волны произвели большие разрушения на этом фантастическом лице. Покрытое трещинами, как морщинами, оно казалось таким же старым и загадочным, как сфинкс.

— Тысячу лет смотрит это чудовище на волны океана, — сказал Людерс, — многое могло бы рассказать нам, если бы его деревянный язык мог говорить. Оно рассказало бы нам о бесстрашных людях севера — викингах, — которые на этом утлом суденышке отважились бросить вызов седым просторам океана. Их вмещалось не менее семидесяти, этих смельчаков. Они гребли веслами,

а в помощь веслам ставили четырехугольный ют и в передней части судна — короткую палубу для воинов. В восьмом-девятом веке еще не строили юта. Вот эти щиты на юте служили для защиты гребцов.



— Меня удивляет вот что, — сказал Гатлинг, — как могла эта северная морская птица залететь так далеко на юг? Безумным пиратам — безумным в своей храбрости, — как и всем прочим, нужно было питаться и пить пресную воду. Но разве они могли на этой скорлупе иметь запасы для такого далекого путешествия?

— Я тоже думал об этом, — ответил Людерс. — Вероятнее всего, сильнейшая буря отнесла это судно далеко на юг. И несчастные мореплаватели должны были перенести общую участь всех затерянных на океане: голод, жажда, кровавая борьба из-за последнего глотка пресной воды. Живые питались трупами умерших товарищей, пока солнце не заставило выбросить за борт разложившиеся останки... Переживал других сильнейший. Он один, томимый жаждою, носился еще несколько дней по беспредельной глади океана, окруженный акулами в воде и стаяй хищных птиц над головою, до последней минуты не теряя надежды увидеть землю. Умер и этот последний, и одинокий корабль стал игрушкой ветров, блуждая по морю, пока течение не принесло судно к нашему Острову. Но этот печальный Остров увидели только слепые, деревянные глаза химеры...

...Недалеко отсюда стоят две ганзейские «когти». Всего каких-нибудь три-четыре столетия отделяют постройку этих кораблей от того времени, когда впервые вышло в море вот это суденышко. Но посмотрите, какой прогресс!..

Сопровождаемая Людерсом экскурсия, переходя с палубы на палубу, направилась к ганзейским кораблям четырнадцатого столетия.

— Эти почтенные купеческие суда были сооружены не только для торговых целей, но и для борьбы с разбойничьими судами норманнов, одно из которых вы видели. Обратите внимание: подобно скандинавским судам, «когти» имеют возвышения на носовой и кормовой части. Здесь помещались катапульты и даже огнестрельные орудия. Поверхность парусов увеличилась. Управление судами, ввиду сильного давления на паруса, производилось уже не веслом, а рулем, прочно укрепленным на ахтерштевне. Эти суда свободно бороздили поверхность Средиземного моря... Вы не устали? — спросил Людерс Вивиану, заметив, что она слушает его рассеянно.

— Нет, — ответила Вивиана, — я просто задумалась.

— О чем?

— О жертвах моря, о всех этих драмах...

— Эти жертвы и драмы, мистрис Гатлинг, все уменьшались с прогрессом

судостроения. Поглядите на эту португальскую каравеллу. На таком вот судне Колумб отправился в свое путешествие в неведомые страны. Эти каравеллы, в сущности, заканчивают собой «героический» период мореплавания. Девятнадцатый век принес с собой применение пара как нового могучего двигателя. Морские путешествия сделались безопаснее и... скучнее. Если вы не устали, пройдем к западному берегу нашего Острова. По странной игре случая туда приносило течением почти исключительно паровые суда. Вы увидите там дедушку пароходов — небольшой колесный пароходик «Саванна», выстроенный в тридцатых годах девятнадцатого века. Он имеет всего тридцать метров длины. А в сороковых годах прошлого столетия был выстроен уже первый винтовой пароход из железа. В нем были заложены уже все начала современного кораблестроения.

Вивиане не хотелось обижать Людерса, но хождение по зыбким мосткам и косым палубам Острова утомило ее, хотя она и не желала в этом сознаться. Притом история пароходостроения не слишком интересовала ее. Ее муж сам был корабельным инженером. У него было много книг по кораблестроению и много моделей.

— А не отложить ли нам прогулку на кладбище пароходов? — спросил Симпкинс, которому хотелось скорее вернуться к себе и обдумать план, созревший в его голове.

— Пожалуй, — согласился Гатлинг. — Времени у нас еще много, и мы успеем не спеша осмотреть все достопримечательности Острова.

— Ну что ж, — несколько разочарованно сказал Людерс. — Отложим.

Он проводил гостей и, распроставшись на полпути с ними, вернулся к себе.

— Этот Остров Погибших Кораблей, — сказала Вивиана мужу, возвращаясь от Людерса, — может быть назван Островом Ужасов. Едва ли есть на земном шаре другое место, где на таком небольшом пространстве было бы сосредоточено столько человеческого страдания...

А Симпкинс, отстав от Гатлингов, медленно направился к югу и долго смотрел на «Сивиллу» — полуразрушенный корабль. В этот день, отговариваясь головной болью, Симпкинс даже не явился к обеду. Золото лесного бога занимало все его мысли. Он достанет это золото во что бы то ни стало!

Симпкинс не мог дожидаться ночи и, как только стемнело, стал собираться в путь. Он взял вместительный дорожный мешок, электрический фонарь, большой нож и веревку — с револьвером сыщик никогда не расставался — и вышел из каюты.

Яркие звезды усеяли небо. Пахло сыростью, гнилым деревом, водорослями, немного дегтем — обычный запах Острова, становившийся к ночи сильнее. Было тихо. Все уже спали, кроме двух часовых у резиденции губернатора. Симпкинс шел уверенно — он уже хорошо изучил Остров — и скоро был у цели. «Сивилла» стояла всего в двух метрах от сплошной массы кораблей, составлявших Остров. Симпкинс отодрал большую доску с палубы баркаса и перебросил на «Сивиллу». Осторожно ступая, он перешел на ее борт. При первом прикосновении перила обломились.

«Ого, здесь надо быть осторожным!» — подумал Симпкинс. Доски палубы полусгнили. Нога мягко ступала по этому гнилью. Симпкинс дошел до сломанной мачты, привязал к ней веревку, другой конец которой находился у пояса, зажег фонарь и стал медленно спускаться вниз по почти отвесной лестнице.

Чтобы ступени не обломались, он не ступал на них, а съезжал всем телом. Здесь пол был как будто прочнее. Но надо было опуститься еще ниже — в трюм.

Симпкинс вновь поднялся наверх, отвязал веревку, спустился в среднюю часть корабля, прикрепил веревку к столбу и не без волнения начал спускаться по второй лестнице, ведущей в трюм. Воздух тут был необычайно удушливый. Пол и стены покрыты слизью и мхом. В конце трюма, на спускавшемся вниз полу, фонарь осветил воду. Очевидно, часть трюма была затоплена. Среди всякого корабельного скарба виднелись скелеты.

С верхних палуб они были убраны островитянами, но сюда, очевидно, никто не проникал.

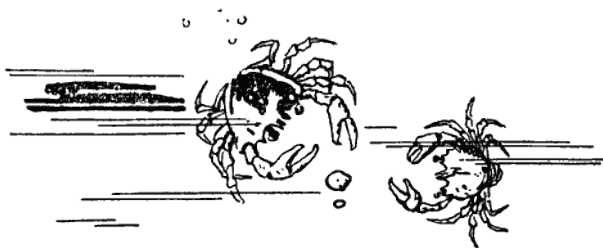
«Тем лучше, — подумал Симпкинс. — Ну-ка, посмотрим!» И он стал осматривать бочки. Почти все они были пусты. На дне одной из них он нашел человеческие кости: почти во всех копошились пролезшие сюда сквозь щели крабы, черви, слизняки. Симпкинс чувствовал органическое отвращение к этим существам, но он перемогал себя и продолжал поиски, все приближаясь к залитому водой пространству. И здесь, уже ступая по воде, он нашел эти заповедные бочки с золотом. Правда, их было не три, а две, и в одной золота было только наполовину, но и того, что осталось, было достаточно, чтобы обеспечить его на всю жизнь... Золото было покрыто сверху таким слоем плесени, что оно могло остаться незамеченным, если бы Симпкинс не знал, что искал. Он брезгливо стер плесень, и огромные куски золота, отшлифованного индейцами, засверкали. Симпкинс от волнения тяжело дышал. Он наполнил золотом мешок, набил карманы, наконец стал класть за пазуху. Осклизлые, холодные куски неприятно прикасались к коже, но это было золото, золото! Еще один кусок...



Но Симпкинсу не удалось взять еще один кусок. Гнилой пол провалился под тяжестью нагруженного золотом человека. И Симпкинс почувствовал, как погружается в воду. Он едва успел ухватиться руками за край пола. Послышался новый треск — это провалились в воду бочки с золотом. Трудно было держаться за прогнившие насквозь, рассыпающиеся под руками доски. Золотой груз неудержимо тянул его вниз. Симпкинс чувствовал, что гибнет. Если освободить себя от части золота... Нет, нет! Он выберется, выберется во что бы то ни стало! Надо тянуть за веревку. Симпкинс ухватился обеими руками. Фонарик, прикрепленный к груди, зацепившись за доски пола, оторвался и упал в воду. Тьма... Симпкинс выбрался и потянул веревку. Где-то послышался треск. Очевидно, не выдержал и гнилой столб, к которому была привязана веревка. Симпкинс сорвался и погрузился в воду и тут заметил, что фонарик,

упавший на дно корабля, продолжает светить. И в этом слабом свете Симпкинс увидел водоросли, длинных змееобразных рыб, а невдалеке — волнующиеся щупальца осьминога.

Ноги Симпкинса коснулись дна корабля, и стоячая вода сомкнулась над его головой. Симпкинс стал лихорадочно снимать с себя мешок с золотом и выбрасывать золото из карманов. За тридцать секунд он опорожнил груз на две трети и страшным усилием поднялся на поверхность. Ему удалось возобновить дыхание, но груз был еще слишком тяжел, и он вновь погрузился в воду. Спрут приближался, протягивая колеблющиеся щупальца. Симпкинс поспешно стал выбрасывать золото — все до последнего куска. Свет фонаря привлекал морских обитателей, рыб и осьминогов, и они начали собираться отовсюду. Выбросив последний кусок золота, облегченный Симпкинс вынырнул вновь. На этот раз ему удалось зацепиться за обломки и вскарабкаться на пол. И тут, в животном страхе, он неистово закричал.



Где-то далеко, на другом конце корабля, послышался голос. Симпкинс уже хотел повторить крик, но нервная спазма сдавила горло. Он узнал голос капитана Слейтона, хотя и не мог разобрать слов. Слейтону что-то отвечал китаец. Если Слейтон найдет его здесь, Симпкинс погиб. Симпкинс неслышно, как уж, прополз по полу и спрятался между бочек. Голоса замолкли. Так он пролежал до утра.

Когда слабый луч света проник сверху, Симпкинс тихо пополз вверх, никем не замеченный вылез наружу и, весь мокрый, подавленный, разбитый, пробрался к себе.

Х. Тайна капитана Слейтона

На палубе «Елизаветы» в плетеных креслах сидели Мэгги и Вивиана. На коленях Вивиана держала корзину с апельсинами, а вокруг ее кресла суетились четверорукие обитатели Острова — обезьяны. Одна из них сидела на спинке кресла и с упоением грызла большой апельсин. Другая, подсев к Вивиане, копалась в корзине, выбирая самый сочный и зрелый плод. Три другие, уморительно гримасничая, вертелись вокруг молодой женщины в ожидании новой подачи.

— Уйди отсюда, Джилли, — сказала Мэгги обезьяне, сидевшей на спинке кресла, и, обращаясь к Вивиане, добавила: — Он обрызгает вас соком апельсина. Иди ко мне, малыш! — И Мэгги сняла обезьяну и усадила к себе на колени.

— Что же было дальше, Мэгги? — спросила Вивиана.

Мэгги продолжала рассказ о своей жизни на Острове после отъезда Гатлингов. Вивиана внимательно слушала, продолжая кормить обезьян.

Вдруг, прервав Мэгги, Вивиана испуганно спросила:

— Кто это?

Мэгги посмотрела в направлении взгляда Вивианы. К «Елизавете» приближался человек в парусиновом костюме, с длинными волосами до плеч и боль-

шой бородой.

— Это новый? Я не видала этого человека.

— Это «дикий человек», — ответила Мэгги. — Так прозвали его островитяне. Я хотела и о нем рассказать вам, но он сам напомнил о себе. Мы нашли его на новом Острове. С «диким человеком» было много хлопот. Он всех боялся, забивался в угол и сидел там, как волчонок. Он ел только сырую рыбу, глотая, как зверь, целыми кусками. Он был грязен, зол, угрюм, недоверчив. За все время, пока он на Острове, от него никто не услышал слова. Он немой. Почему-то только к старику Бокко он относился доверчиво. Бокко уговорил его помыться и надеть этот костюм. Но остричь ему волосы и ногти так и не удалось.

— Он не опасен? — спросила Вивиана, следя за приближающимся к ним незнакомцем.

— Нет, он очень тихий. Удивительно, что он идет сюда. Вероятно, ваш костюм, необычный на Острове, привлек его внимание.

«Дикий человек» взошел на палубу, приблизился к сидящим женщинам и стал внимательно, в упор смотреть в глаза Вивианы. Она не могла выдержать этого пристального взгляда. Ей стало жутко.

— Идем в каюту, — сказала она Мэгги. И, оставив обезьянам корзину с апельсинами, на которую те набросились шумной, крикливой гурьбой, Вивиана спустилась в каюту. Мэгги последовала за ней.

— Какое странное впечатление оставляет этот туземец!.. Да нет... у него белый цвет кожи и черты лица европейца. Это скорее одичавший человек. Почему он так странно посмотрел на меня?

Вивиана взволнованно ходила по большой кают-компани.

— Он похож на один из этих погибших кораблей, — продолжала она. — Может быть, и он, как эти обветшалые развалины, блистал когда-то молодостью, жил полной жизнью...

— Стоит ли так волноваться! Успокойтесь. Сыграйте мне что-нибудь. Я так соскучилась по музыке! — предложила Мэгги, желая отвлечь Вивиану.

— Да, это хорошо, я буду играть, — согласилась Вивиана.

Она быстро подошла к роялю, склонив голову, немного подумала и начала играть «Патетическую» сонату Бетховена.

Вдруг кто-то вошел, и Вивиана, прервав игру, откинулась назад и увидала перед собой лицо незнакомца. Это лицо со всклокоченными волосами было страшно. Глаза незнакомца широко раскрылись, он тяжело дышал, нижняя челюсть судорожно тряслась.

Как вошел он сюда? Мэгги сидела спиной к двери и не слыхала его шагов, заглушенных музыкой.

Вивиана быстро поднялась, оперлась на рояль и, еле владея собой, смотрела на незнакомца. А он, не спуская с нее напряженного взгляда, пытался что-то сказать.

— Бе-бее-ее...ххо!.. — Его хриплая речь была похожа на бляение.

И вдруг, словно забыв о Вивиане, незнакомец, весь согнувшись, раскрыв длинные скрюченные пальцы, стал жадно осматривать клавиши рояля — как коршун, готовый впустить когти в добычу. Дальше произошло нечто еще более странное и неожиданное. Незнакомец сел за рояль и стал играть.

Это была жуткая музыка, такая же нечленораздельная, как его речь. Длинные ногти мешали ему играть. Незнакомец нетерпеливо рычал, прерывал на

мгновение игру, отгрызал мешавший ноготь зубами и опять продолжал играть.

И как ни была чудовищна его игра, все же в ней можно было узнать «Патетическую» сонату Бетховена. Не могло быть сомнения в том, что этот человек когда-то изучал музыку.

Ошеломленная Вивиана отошла в сторону, опустила в кресло и стала слушать. И — удивительное дело — музыка скоро увлекла ее... На ее глазах совершалось просветление человеческого сознания. Чем больше играл неизвестный, тем правильнее становилась его игра, тем более четко выделялись музыкальные фразы. Правда, огрубевшие пальцы и теперь плохо слушались его, но он все больше овладевал инструментом. И наряду с грубыми ошибками неповинующихся рук вырывались места необычайной выразительности.

Был обеденный час. Гатлинг, услышав звуки рояля, зашел в каюту позвать Вивиану и как вкопанный остановился у двери. Вивиана сделала мужу знак, чтобы он не нарушал игры.

Не дождавшись к обеду Гатлингов, в каюту пришли одни за другим Томсон, его ассистенты, Флорес, Людере и, наконец, Симпкинс. Сыщик был грустен, почти подавлен. Но тем не менее и он с большим интересом, даже с большим, чем другие, наблюдал за игрой незнакомца. Все молчали и затаив дыхание слушали.

А незнакомец продолжал играть. Кончив одну сонату, он начинал другую, третью, четвертую. Лицо его просветлело, глаза загорелись мыслью, а на устах появилась скорбная улыбка. Прошел час, другой, незнакомец все играл. И вдруг, оборвав музыкальную фразу на половине такта, он откинулся назад и упал замертво.

Неизвестный пролежал в обмороке полчаса. Когда стали уже беспокоиться о том, что его не удастся привести в чувство, он открыл глаза. Он был, по-видимому, еще во власти звуков. Потом он сел на диван, осмотрел всех и, увидав женщин, стал застегивать ворот рубахи.

Музыка произвела удивительное действие. Незнакомец начал говорить, хотя своего имени и прошлого он еще не мог вспомнить. Он стал общительнее, но вместе с тем как-то застенчивее. Охотно позволил остричь себе волосы и ногти, сбрить бороду и усы.

Когда он, одетый в один из костюмов Слейтона, гладко выбритый, причесанный, умытый, явился в кают-компанию, это был новый человек.

«На кого он похож? — думала Вивиана, глядя на лицо незнакомца. — Где-то я видела такой нос, подбородок. Или нет, не совсем такой. У этого более правильные черты лица». И вдруг вспомнила. И, чтобы проверить догадку, обратилась к Симпкинсу:

— Не правда ли, он похож на капитана Слейтона?

Эти слова почему-то сильно подействовали на Симпкинса.

— Эге, — оживленно ответил он. — Я недаром-таки приехал на Остров!

Когда незнакомец вышел, Симпкинс, обратившись к Гатлингам, сказал:

— Теперь, мне кажется, можно открыть всем тайну капитана Слейтона, которая и привела меня на Остров. Здесь я нашел больше того, на что рассчитывал. Не могу сказать, что и сейчас для меня уже все ясно, но главные нити преступления Слейтона в моих руках. А вот и Флорес... Садитесь и слушайте. Вам, Флорес, тоже будет интересно узнать про вашего соперника.

И, усевшись удобнее в кресло, Симпкинс начал:

— Когда я был на Острове в первый раз, в качестве потерпевшего крушение, то по своей профессиональной привычке заинтересовался личным архивом губернатора Слейтона. Уверенный в полной своей безопасности, губернатор был не очень осторожен и хранил бумаги в ящичке письменного стола.

— Симпкинс, неужели вы?..

— Лазаю по чужим столам? — ответил Симпкинс Гатлингу. — Цель оправдывает средства, дорогой мой! Да, я делал это в отсутствие Слейтона. Подобрать ключ — дело пустое. Я просмотрел его переписку и узнал любопытнейшие вещи. Остальные сведения я получил уже на континенте. В результате моих розысков получилось «дело о гражданине Гортване, именуемом себя Слейтоном». Если изложить обстоятельства этого дела стилем обвинительного акта, получится приблизительно вот что.

В Канаде, провинции Квебек, в городе Монреале проживал пароходовладелец Роберт Гортван, занимавшийся перевозкой грузов и пассажиров по реке Святого Лаврентия. У Гортвана было два сына. Старшего звали Авраам, младшего — Эдуард. Два человека, родившиеся на двух концах земли, больше могут походить друг на друга, чем эти два брата. Младший — Эдуард — был хорошим сыном, добрым человеком и необычайно талантливым музыкантом.

Старший — Авраам — вел так называемый «рассеянный образ жизни». А так как отец был порядочный скопидом, то Авраам однажды запустил руку в отцовский письменный стол. Этого мало. Когда кража была обнаружена, Авраам свалил вину на брата. Отец, однако, не поверил Аврааму, да он скоро и сам проболтался где-то под пьяную руку. Отец лишил его наследства, завещав весь свой капитал младшему сыну, Эдуарду. Старик скоро умер от огорчения и, кажется, ожирения сердца. Эдуард стал богатым наследником. В то время он кончил консерваторию и отправился концерттировать по Европе. По своей доброте Эдуард выделил значительную часть полученного наследства брату. Но тот прокутил все и стал снова нуждаться. Тогда Авраам придумал план, как воспользоваться всем богатством брата.

Получив при помощи шантажа несколько тысяч долларов от одного монреальского банкира, Авраам пустил деньги «в оборот»: подкупил врачей, кое-кого из судебных чиновников и добился того, что Эдуард был признан душевнобольным, а он, Авраам, назначен опекуном. Бедного музыканта засадили в сумасшедший дом, а Авраам, взяв в свои руки имущество брата, повел опять разгульный образ жизни. Но скоро ему не повезло. Он не сумел отчитаться в опекунском совете. А не сумел потому, что в связи с парламентскими выборами в совете оказались новые люди, с которыми он, по-видимому, не сошелся в цене. Аврааму угрожало раскрытие всех его махинаций с братом. Вдобавок в сумасшедшем доме появился новый врач — чудаки и идеалист, не признававший взятки. Этот врач, освидетельствовав Эдуарда, нашел его здоровым. Тогда Авраам решил перевести брата куда-нибудь подальше, пока все уляжется, и стоворился с одним врачом, имевшим частный пансион на Канарских островах. Во время переезда их настигла буря и принесла на Остров Погибших Кораблей. Спаслись в шлюпке только трое: Авраам, Эдуард и санитар, который скоро погиб — едва ли не Слейтон помог ему расстаться с бранным миром. А брата Авраам оставил на Новом Острове, куда их первоначально прибило, сам же на шлюпке ночью перебрался на Остров Погибших Кораблей, заявив, что

он — единственный из спасшихся. Эдуард без шлюпки не мог перебраться на большой Остров. Но Авраам, по-видимому, изредка навещал его — узнать о его здоровье.

— Но почему же он не убил брата? — спросил Гатлинг.

— Завещание было составлено так, что в случае смерти Эдуарда все имущество переходит в пользу Говардского университета, где учился Эдуард. И Слейтон решил так: продержат брата на Новом Острове, пока тот совсем не одичает. Тогда ненормальность Эдуарда не будет вызывать сомнений. Вот почему Слейтон сам и не предпринимал экскурсий на Новый Остров. Собрав на Острове огромные богатства, которые во много раз превышали состояние его брата, Авраам предоставил Эдуарда самому себе...

Я не знал точно одного: жив ли еще Эдуард. Теперь мы знаем и можем спасти несчастного. Стоило ли ради этого заглянуть в чужой стол?

— Но ведь вы не знали, что найдете там, — ответил Гатлинг.

— Чужого мне не надо, я человек бескорыстный. Теперь нам нужно только овладеть Слейтоном. Это нетрудно. Я уже нашел его.

— Нашли? Неужели?! — сразу воскликнули слушатели.

— Да-с, нашел, рискуя собственной жизнью, — скромно ответил Симпкинс.



XI. Вода и огонь

В то время как Симпкинс выслеживал Слейтона, изыскивая способ захватить его по возможности без кровопролития, Томсон со своими помощниками и Людерс усиленно занимались изучением Саргассова моря. Они совершили несколько подводных экспедиций, опускаясь на дно моря в водолазных костюмах.

Им удалось получить довольно точные представления о разрезе Острова Погибших Кораблей. Людерс с увлечением работал над чертежом и однажды, когда все сидели за вечерним чаем, явился с большим листом бумаги.

— Вот полюбуйте, — сказал он торжественно, разворачивая трубку. — Остров Погибших Кораблей расположен на подводной усеченной вершине горы вулканического происхождения. Вокруг Острова — у подножия горы — глубина дна достигает одной тысячи пятисот метров, а от вершины горы до поверх-

ности океана всего сто метров. Все это пространство заполнено погибшими кораблями, составляющими как бы пирамиду.

— Надгробный памятник, — заметил Гатлинг.

— Да, памятник над тысячами жертв моря. Но эта пирамида вместе с тем оказалась городом, населенным подводными обитателями.

— Как, есть еще и подводные обитатели Острова? — спросила Вивиана.

— Кальмары, каракатицы, осьминоги. Едва ли есть на земном шаре другое место, где бы эти существа скоплялись в таком огромном количестве. И понятно почему. Полуразрушенные корабли оказались чрезвычайно удобными квартирами для осьминогов. Они вползают туда сквозь пробоины и выглядывают из окон иллюминаторов, поджидая добычу.

— Но ведь это очень опасно, — продолжала Вивиана, — спускаться на дно в таком месте!

— Еще бы! Приходится ограничивать подводные экспедиции открытыми местами и держаться поближе друг к другу. Но зато мы можем любоваться интересными картинами. Недавно мы видели любопытное зрелище. Осьминог поймал краба и стал играть с ним. Краб сопротивлялся, пытался освободиться от цепких щупальцев, но скоро изнемог в борьбе. А осьминог еще долго играл крабом, придавая ему всевозможнейшие положения. Иногда он отпускал жертву и тотчас ловил.

Теперь у нас осталась неисследованной только глубоководная часть Острова. Между прочим, мы заметили, что морское течение чем глубже, тем становится сильнее. Это течение, очевидно, и приводит потерпевшие аварию суда к Острову Погибших Кораблей. Мы думаем завтра заняться изучением этого течения. Идемте с нами, Гатлинг, вы еще не опускались на морское дно, — предложил Людерс.

Вивиана с опасением посмотрела на мужа. Томсон уловил этот взгляд и сказал:

— Не беспокойтесь, миссис, там нет осьминогов. Мы опустимся прямо с «Вызывающего» на открытом месте в наших водолазных костюмах. Они имеют резервуары с запасом сжатого воздуха. Кроме того, к нашим услугам будут тросы, при помощи которых нас в любую минуту смогут поднять на поверхность. Это совершенно безопасно.

— Совершенно безопасно? В таком случае я иду с вами, — решительно заявила Вивиана. Томсон был несколько смущен таким неожиданным оборотом. Но он уже знал характер Вивианы и не спорил. Попытка мужа уговорить ее осталась безуспешной.

— Но вы не справитесь с водолажным костюмом, — вступился Людерс. — Вы знаете, что он весит на воздухе двести килограммов?

— Но в воде он будет намного легче! — ответила Вивиана. — Я очень сильная. Не беспокойтесь за меня.

На другой день, рано утром, Гатлинги, Людерс, Томсон и его ассистенты надевали на себя водолазные костюмы.

Каждый раз перед опусканием Томсон объяснял матросам, оставшимся на корабле, и водолазам значение сигналов.

— Повторяю! Дернуть один раз значит: «Я на грунте, чувствую себя хорошо». Четыре раза: «Поднимайте наверх»[55]. Частое подергивание более четырех раз: «Мне дурно, тревога...» Ну, надевайте костюмы.



Вивиана не могла ступить в тяжелом костюме, как, впрочем, и остальные. Их спустили в воду при помощи лебедки. Но в воде все почувствовали себя легче и свободнее.

Путники опустились на склон подводной горы и, придерживаясь за тонкие, но прочные стальные тросы, прикрепленные к поясам, стали спускаться вниз. На глубине десяти метров уже стояли сумерки. Томсон и Людерс, шедшие впереди, зажгли электрические фонари, но скоро погасили их: свет собирал к себе обитателей моря. Было опасно привлечь внимание акулы или осьминога. Чем ниже спускались водолазы, тем становилось темнее и холоднее. Вместе с тем все больше чувствовалось движение воды куда-то вниз, как будто среди спокойных вод океана протекала быстрая река и путники шли посреди ее течения. Становилось трудно держаться на ногах. Водолазы крепче сжимали трос, который опускался сверху по мере спуска.

В зеленой полумгле промелькнуло темное тело — быть может, акулы. Неизвестный хищник проплыл мимо путников, скрылся и вновь появился с другой стороны. Все подошли ближе друг к другу. Морское чудовище уплыло. Но вдруг оно неожиданно, со страшной быстротой промчалось мимо Томсона, и, если бы он не наклонился, оно могло бы распилить его надвое, в лучшем случае порвать водолазный костюм, и Томсон был бы залит водой. Даже в подводных сумерках Томсон узнал пилу-рыбу. Он обернулся к спутникам и жестами показал на грозившую опасность. Говорить путники не могли. Людерс лег на землю и предложил всем последовать его примеру. Пила-рыба несколько раз промчалась над ними, причем один раз задела трос Тамма, сильно рванув его. К счастью, одно подергивание, которое, очевидно, было замечено наверху, означало: «Чувствую себя хорошо». Иначе его подняли бы и он мог быть убит рыбой.

Несколько минут водолазы лежали неподвижно. Рыба, не видя больше добычи, уплыла. Все облегченно вздохнули в своих металлических колпаках и стали осторожно подниматься. Но как только они двинулись вперед, их преследователь вновь появился. Людерс отчаянно ругался, хотя его никто не слышал. Положение было серьезное. Как отвязаться от хищника? Опасно было двигаться вперед, но не менее опасно и подняться наверх. Что делать?

Мюллеру пришла удачная мысль. В тот момент, когда рыба отплыла на

значительное расстояние, он отошел в сторону, засветил ручной электрический фонарь и положил его на камни так, что свет падал в сторону от путников, оставляя их в тени. Затем Мюллер вернулся, и все стали ждать, что будет дальше. Хитрость удалась. К фонарю стали приближаться всевозможные рыбы. Скоро явилась туда и пила-рыба. Ее глаза, ослепленные светом, не видели водолазов, стоявших в тени. Зато среди освещенных светом рыб нашлось немало вкусной снеди, и пила-рыба начала пожирать ее.

Скоро, однако, появилась новая большая рыба — пятнистая акула, и между нею и пилой-рыбой завязалась смертельная борьба. В освещенном пространстве воды два хищника нападали друг на друга. Они расходились, сходились, гонялись друг за другом. Акула норовила подплыть снизу и, перевернувшись, вонзить острые зубы в брюхо пилы-рыбы. Но пила-рыба быстрым, как взмах сабли, движением ускользала от удара. Однако после нескольких схваток пила-рыба была ранена. Вода окрасилась кровью. Но ей также удалось нанести акуле ужасный удар своей пилой. Кровь, как красный туман или зарево пожара, наполнила поле битвы.

И вдруг сверху стали дергать трос по три раза — сигнал опасности: «Поднимаем».

Что еще могло произойти там?

Скоро водолазы почувствовали, что их поднимают наверх. Всех охватило волнение. Наверху, очевидно, происходило что-то неладное. Прошло еще несколько томительных минут. Все недовольно смотрели вверх, как будто ожидая оттуда разъяснения.

Когда водолазов подняли в шлюпку и раздели, то они узнали, что произошло в их отсутствие на Острове.

— Симпкинс и Флорес, — сказал капитан Муррей, — затеяли осаду корабля «Сивилла», где, оказывается, скрывается последнее время Слейтон с китайцем. Слейтон отказался сдаться, и теперь они начали пальбу — слышите?

Со стороны Острова действительно слышались одиночные ружейные выстрелы.

— Мы пока что держим нейтралитет, — улыбаясь, добавил Муррей.

Гатлинг взял полевой бинокль и навел его на место сражения. У края Острова, возле «Сивиллы», под прикрытием толстых мачт и накренившихся бортов кораблей засели нападающие. Осажденных не было видно. С той и другой стороны от времени до времени слышались выстрелы.

Вдруг на палубе «Сивиллы» показался китаец. Почти голый, он размахивал каким-то предметом.

Затем он подбежал к стоявшему рядом с «Сивиллой» грузовому пароходу и бросил в него бомбу. Раздался треск разорвавшейся бомбы, и вдруг с парохода начали подниматься огромные черные клубы дыма.

— Нефть! Так горит нефть! — воскликнул капитан Муррей, первый понявший опасность.

Горела действительно нефть, находившаяся в цистернах старого парохода. Языки пламени начали лизать борта парохода. Горящая жидкость спускалась все ниже, растекалась по воде, продолжая гореть. Как будто загорелось само море. А клубы черного дыма поднимались все выше, как над кратером вулкана, заволакивая солнце и покрывая все густой пеленой.

Перестрелка прекратилась. На Острове поднялась суматоха. Сирена «Вызы-

вающего» тревожно завывла. Огненное кольцо между тем все расширялось, захватывая близлежащие корабли. Китаец бегал над пламенем вдоль борта парохода, размахивая руками, и что-то безумно кричал.

— Желтая река! Великая Желтая река!

Вдруг в дыму рядом с китайцем показался Бокко. Он схватил китайца и потащил на другую сторону корабля, к мостику. Корма «Сивиллы» загорелась. Какая-то фигура промелькнула среди дыма, направляясь к носу корабля. Это, очевидно, был Слейтон, но на него никто не обратил внимания. Прозвучал одинокий выстрел. Стрелял Флорес, но, по-видимому, промахнулся. Слейтон продолжал бежать, бросился в воду и поплыл к Новому Острову.

— Едва ли он спасется там, — сказал задумчиво Муррей. — Горящая нефть разливается на огромное пространство.



Вивиана беспокоилась за Мэгги и ее ребенка. Скоро, однако, Мэгги оказалась вместе с остальными островитянами. Несмотря на пламя, распространявшееся с огромной быстротой, островитяне забежали к себе, чтобы захватить кое-что из своего имущества.

— Скорее, Мэгги, скорее! — кричала Вивиана.

Шлюпки непрерывно подвозили островитян. Мэгги с ребенком уже были на борту. Китайца принес на руках О'Гара. Эдуард Гортван приплыл с Флоресом. Флорес был угрюм. Казалось, он один с печалью расставался с Островом. В другом месте ему не удастся быть губернатором.

— А Бокко где? — спросила Вивиана.

— Замешкался. Сейчас придет, — ответил О'Гара, придерживая вырывающегося китайца. Несчастный сошел с ума.

— Мои рукописи! — вдруг закричал Людерс, спускаясь в отъезжавшую шлюпку.

— Остановитесь, безумец! — схватил его за руку Гатлинг. — Почти весь Остров в огне. Вы задохнетесь.

— Нет, ветер относит дым в сторону! — И он отплыл.

— Симпкина тоже нет, — волновался Муррей. — Если ветер прогонит нефть в эту сторону, путь к спасению будет отрезан.

На палубу парохода вошел Бокко. В его руках был красный узелок, из которого выглядывал кусок позумента его «придворного» мундира...

Ветер изменился, и горящую нефть быстро гнало к «Вызывающему».

— Кого еще нет? — спросил Муррей. — Скоро придется отвести пароход от берега.

— Людерса и Симпкинса...

— Вон кто-то бежит!

Это старый Людерс бежал по мосткам, нагруженный рукописями.

Море горело уже почти у самого места переправы, когда Людерс подбежал и свалился в шлюпку, но тотчас вскочил, вылавливая из воды упавший корабельный журнал.

— Где Симпкинс? — крикнули ему с борта, когда шлюпка приблизилась.

— Я видал, он... Ох, дайте перевести дыхание, задыхаюсь... Он бежал к резиденции губернатора. Дайте руку, голова кружится...

Людерса подхватили дюжие матросские руки. Плоскодонная барка — пристань Острова — загорелась.

— Скверно, — сказал Муррей. — Для Симпкинса путь отрезан.

Сквозь густые клубы дыма Гатлинг наконец увидел фигуру человека, показавшегося на палубе «Елизаветы». Симпкинс бежал сюда. Но на полдороге он увидал, что пламя преграждает ему путь. Мгновение он постоял и нерешительности и бросился по боковым мосткам в ту сторону Острова, куда еще не дошла горящая нефть.

«Вызывающий» был уже под парами.

— Отдать якорь! — скомандовал Муррей. — Задний ход! Право руля! Полный ход!

Пароход огибал Остров, идя в ту сторону, куда бежал Симпкинс. Вот Симпкинс добежал до последнего корабля и уселся в ожидании помощи. Переменившийся ветер застилал пароход густым слоем дыма, так что трудно было дышать. Быстро спустили шлюпку.

— Скорей, скорей! Задыхаюсь! — кричал Симпкинс.

Наконец его взяли на шлюпку и доставили на корабль.

Карманы Симпкинса были сильно оттопырены, лицо расплывалось в улыбке. Заметив пытливый взгляд Гатлинга, он хлопнул руками по карману и сказал:

— Вещественные доказательства! Однако пойду переодеваться, весь прокоптился...

Капитан отдал команду идти полным ходом. Жара от пожара становилась невыносимой. Дым душил, пламя захватывало все новые пространства.

— Если бы не водоросли, которые задерживают разлитие нефти, без жертв не обошлось бы, — заметил Муррей.

Через четверть часа «Вызывающий» выбрался из полосы дыма. Все вздохнули с облегчением. На палубу вышел Симпкинс. Он умылся, переоделся и насвистывал что-то веселое. Вивиана смотрела на Остров. Над ним, как необъятный, гигантский зонтик, касавшийся вершиной высоких перистых облаков, расстился дым, багровый в лучах заходившего солнца. А внизу кипело горящее море. Как пламенные столбы, падали одна за другой высокие мачты. В свете пожара Саргассово море, покрытое водорослями, казалось морем, наполненным кровью...

Подводные земледельцы (роман)

Глава 1 Нептун Иванович огорчен



— Жан! Иоганн! Джон! Джонни! Джиованни!.. Иоанн! Иван! Ваня! Ванюшка!

— А-а-аах! — кто-то сладко зевнул и перевернулся на другой бок.

Слышно было, как заскрипели пружины кровати. Тишина. И снова первый голос начинает выкликать с разными ЙВГОнациями, то повышая, то понижая силу звука:

— Жан! Иван! Джон!.. — И вдруг крикнул изо всех сил: — Ванька, шельмец! Стань передо мной, как лист перед травой.

— Ах-ах, фут возьми! — За перегородкой взвизгнула пружина, босые ноги зашлепали по полу. Кто-то засопел носом, повозился впотьмах, открыл дверь, пошарил у стены, щелкнул выключателем.

Электрическая лампочка, висящая под потолком, осветила золотистые сосновые бревна стен, широкое окно, завешенное плотной шторой темно-синего сукна, большой чертежный стол у стены, на столе — старый номер «Известий», чертежные принадлежности, землемерные планы, несколько книг, папки с бумагами. У другой стены на узкой железной походной кровати лежал, заложив руки за голову, мужчина средних лет, плотный, широкоплечий, рыжеволосый, с небольшими усами и бородкой клином. Голубые, широко открытые глаза смотрели в потолок пристально, а на левой щеке виднелась метина: глубокий красноватый шрам.

— Собирайся, Ванюша, пора! — сказал лежащий на кровати.

Ванюша еще раз вздохнул. Уж очень хотелось ему спать. Он стоял посреди комнаты в одних трусах, заспанный, со слипающимися глазами. Лицо его имело полудетскую мягкость и округленность черт, а черные жесткие волосы стояли ежиком. Он поднимал брови, чтобы глаза скорее раскрылись, шевелил губами и разбрасывал руки в стороны, разминаясь после сна. Потом подошел к окну, отдернул занавеску и, глядя в непроницаемый мрак, сказал:

— Темно еще, Семен Алексеевич!

— Пока соберемся, в самый раз будет, — отвечал Семен Алексеевич Волков.

Ванюшка Топорков вышел в другую комнату и зажег там свет. Эта комната была такой же, как и первая. Кровать, простой стул, полка с книгами над

небольшим столиком и шкафчик у кровати составляли всю ее обстановку. Ни в одной из этих комнат не видно было печки. Зато, если нагнуться, под столом можно было заметить пластинки электрического отопления. Это высшее проявление электрификации в домашнем быту так не шло ко всему облику бревенчатой избушки.

Ванюшка Топорков начал сборы, не переставая говорить из-за перегородки. У него был своеобразный недостаток речи: Ванюшка не выговаривал шипящих «ж», «ш», «щ». Вместо «ж» и «ш» у него выходило «ф», а вместо «щ» нечто среднее между «в» и «ф», но ближе к «ф». Любимой его присказкой было «шут возьми», причем у него получалось «фут возьми». Чем больше он волновался, тем больше картавил.

— Семен Алексеевич. Какой я сон видел. Как будто приплыл к нам больфуффий фельтобрюхий кит, лег на крыфу нафего дома и раздавил его, как яичную скорлупу. Мофет это быть?

— Выдержит крыша, не бойся. Что ты там долго возишься?

— Сейчас, Семен Алексеевич.

Ванюшка открыл шкаф и вынул оттуда теодолит[56] особого устройства, треножник, землемерную цепь, резиновый мешок. Нагрузив все это на себя, он вышел в другую комнату. Волков уже поднялся с кровати и усиленно занимался гимнастикой.

Ванюша смотрел на него, невольно повторял все его движения, сначала потихоньку, а потом, бросив вещи на цел, по-настоящему. Он приседал, вставал, размахивал руками, нагибался, разгибался и, наконец, удовлетворенный, закончил:

— Ха-арофо, фут возьми! Утренняя зарядка.

Он опять собрал вещи и открыл наружную дверь избушки.

За этой дверью, в некотором расстоянии от нее, была вторая дверь — железная, плотно пригнанная. Ванюшка повозился у круглого запора и открыл ее. Перед ним открылась железная камера.

Камера эта имела объем в два кубических метра. Прямо перед Ванюшкой в железной стене виднелась круглая дверь в метр поперечником, похожая на большой иллюминатор. В правой стене был железный шкаф с отодвигающейся вбок дверцей, а в левой, внизу, виднелись два небольших круглых зарешеченных отверстия, по сорок сантиметров в диаметре.

Ванюшка внес в камеру землемерные инструменты. Вслед за ним в камеру вошел Волков, одетый, как и Ванюшка, в одни трусы. Ванюшка открыл шкаф и начал вынимать оттуда странные предметы: две полумаски, состоящие из большого черного резинового носа и прикрепленных к нему очков. От очков шла резина, придерживающая их, а от носа (снизу — от ноздрей) — две резиновые трубки. Затем Ванюшка извлек пару электрических фонарей с резиновыми лентами и проводами, ранец, наушники, кортик и, наконец, тяжеленные сандалии со свинцовыми подошвами. Волков и Ванюшка начали быстро надевать на себя все эти доспехи. Прежде всего надели ранцы, сделанные из черного металла, затем черные носы и очки. Длинные трубки, свисавшие с носов, они, помогая друг другу, прикрепили к особым отверстиям в ранцах за спиной. Потом надели на голову аппараты, напоминающие радионаушники. Эти аппараты держались гибкой металлической пластинкой, надеваемой на голову. К ушам плотно прикреплялись круглые наушники, а от наушников

шли две трубки, падавшие немного ниже плеч и оканчивавшиеся небольшими раструбами, как в трубке телефона. При помощи резиновой ленты на голове были прикреплены фонари. Затем путники застегнули пояса, на которых были привешены длинные кортики. Наконец, на ноги надели тяжелые сандалии, прикрепив их ремнями.

Судя по их уверенным и быстрым движениям, такой маскарад производился очень часто и сделался привычным. Тем не менее Ванюшка, посмотрев на Волкова, на его черный огромный нос, на выпуклые очки, на болтающиеся трубки-уши, выпирающий горбом ранец и шишковидный фонарь на голове, не мог все же удержаться от смеха.

— Ах, фут возьми! Прямо не человек, а нарочно! Прямо дядюшка с Марса.

Волков, не обращая внимания на Ванюшку, плотно закрыл шкаф, осмотрел дверь в избушку, подошел к стене и круто и сильно повернул круглый кран. В одно из отверстий вдруг с шумом хлынула вода вместе с маленькими рыбками. Вода залила голые ноги до колен, и, когда дошла до пояса, Ванюшка начал подпрыгивать: тело еще не остыло от теплоты кровати, и прохладная вода не совсем приятно щекотала его. Чтобы уж сразу привыкнуть к перемене температуры, Ванюшка сел на пол и скрылся с головой, не ожидая, пока вода дойдет доверху.



Через две минуты камера наполнилась водой. Освещенные сильной электрической лампой, в зеленоватой воде заплясали мелкие рыбки. Ванюшка, чувствуя, что он стал легче, поднялся с пола и навьючил на себя землемерные инструменты. Волков отвинтил круглую дверь, похожую на иллюминатор, и сдвинул ее вбок. Перед ними открылось темное отверстие, наполненное водой. Они шагнули через порог, высотой в треть метра, и вышли наружу. На голове Волкова ярко вспыхнул электрический фонарь. Волков задвинул круглую дверь, загасил фонарь и шагнул вперед.

Путников окружала почти полная тьма, но они уверенно продвигались вперед. Шли по косогору из мягкого ила. Слева, где был берег, и впереди густе-

ла темно-зеленая муть, вверху вода была несколько светлее. Слабые лучи света пробивались сквозь пятиметровую толщу воды. А справа слепила непроглядная тьма. Там была глубина, туда спускалась покатошь дна.

Иногда голое тело задевали длинные ленты водорослей. Иногда с размаху налетит горбуша[57] и испуганно вильнет в сторону или причудливая рыбка агонмал царапнет своими костными щитками. Ванюшка наступил на большую раковину и споткнулся.

Он взял трубку, свисавшую с уха Волкова, поднес близко к своему рту, выдул из внешнего отверстия трубки воздух и, прижав сильно губы, сказал:

— Может быть, засветить фонарь?

— Надо беречь электричество, — ответил Волков. — Скоро посветлеет. Пойдем по фукусной тропе, там дно чище и мельче.

Они свернули влево, к берегу. Стало светлее. Да и солнце поднималось выше над океаном, вонзая горячие лучи в прохладу вод.

Через четверть часа Ванюшка посмотрел вверх. Теперь вода над головой была совсем светлая. Ванюшка видел перед собою качающиеся водоросли, зеленоватые и бурые. Глядя на эти разнообразные узорчатые растения, можно было подумать, что их создал художник, который старался восполнить недостаток оригинальных идей богатством, тщательностью и разнообразием отделки. Здесь были водоросли, похожие на веревки со многими узлами, водоросли елковидные, лапчатые, лентообразные, с зазубренными краями. На расстоянии двух-трех метров Ванюшка отчетливо видел эти растения, а дальше все вуалировалось, как на земле в туманный день. Только этот туман был особенный, зеленовато-серый. Большие крабы быстро убегали от человеческих ног, скрываясь в зарослях. Голотурии-трепанги, похожие на неуклюжих червей, покрытых отростками, копались в иле. Многочисленные рыбки шныряли между водорослями.

На долю морской растительности отпущено природой только три краски: зеленая, бурая и черная. Зато животный мир щеголяет и черной, и белой, и желтой, и оранжевой, и синей, и фиолетовой. Когда солнце поднялось еще выше над головой, Ванюшка увидел все это пестрое великолепие рыб, моллюсков, креветок.

Отклоняясь все больше влево, к берегу, Ванюшка вышел на такое место, что голова его вдруг поднялась над поверхностью воды. Солнце, отраженное легкой зыбью, сразу ослепило его. Когда глаза несколько привыкли, он посмотрел на небо, на берег... Нет, все-таки надземный мир неизмеримо богаче красками, чем подводный. Как изумительна голубизна неба, сколько оттенков света на облаках, горах, какие леса, какая зелень лугов, желтизна глины и песков, выступавших у подмытых водою берегов.

Ванюшка увидал берег, покрытый лесом, чаек на волнах, китайскую фанзу под высокой елью, ярко освещенную солнцем. Как отчетливо все видно! Как будто Ванюшка под водой смотрел в плохо наведенный бинокль, а теперь этот бинокль точно наведен на фокус.

Кто-то тронул Ванюшку за руку. Наверно Волков. Ванюшка бродил по дну океана не за тем, чтобы любоваться видами. Надо было приниматься за работу. Ванюшка погрузился в воду, вынул из резинового мешка землемерную цепь, а Волков — книжку, сделанную из пластинок, на которых он выцарапывал записи стилетом. Ванюшка устанавливал инструмент, отходил на указан-

ное расстояние, притрагивался к кнопке на голове, и над его лбом зажигался сильный электрический фонарь. Волков наводил зрительную трубу теодолита на свет и записывал углы.

Они спускались все ниже по покатому дну. Здесь было темнее. Давление воды чувствовалось: труднее было двигаться, приходилось глубже и чаще дышать носом, выпуская воздух из легких через рот. Пузырьки ритмически вылетали изо рта Ванюшки, который при этом выпячивал губы и раздувал щеки. Он находил, что так дышать «вкуснее».

Яркий свет фонаря освещал длинные ленты бурых водорослей, огромные листья агар-агара[58], похожие на листья лопуха и усеянные дырочками. Водоросли медленно колыхались и тянулись к берегу — начинался прилив. Ванюшка отошел от Волкова на значительное расстояние. Они переговаривались кастаньетами, которые держали в руке меж пальцев.

«Семен Алексеевич, почему звук так скоро доходит до меня?» — выстукивал Ванюшка.

«Потому что в воздухе звук проходит 322 метра, а в воде 1450», — отвечал Волков.

«А почему так?»

Но Волков был занят — не время теперь перестукиваться.

И вдруг слух Ванюшки уловил какой-то совсем иной звук — отдаленное постукивание. Кто бы это мог стучать? Быть может, Пунь звала завтракать? Но еще рано. Макар Иванович? Но он не собирался сегодня выходить в море.



«Вы слышите?» — выстукивал Ванюшка Волкову. «Да, — отвечал тот. — Кто-то стучит в воде». Волков и Топорков прекратили работу, сошлись вместе и погасили фонари, а Ванюшка даже взялся за рукоять кортика. Стук прекратился. Ванюшка не утерпел. Он нажал кнопку и снова зажег фонарь. Зеленая муть осветилась. На расстоянии пяти метров маячила неясная фигура — вернее, расплывчатое пятно шарообразной фигуры на человеческих ногах. По мере приближения очертания фигуры делались все более отчетливыми. Теперь уже можно было различить, что по дну океана идет огромный человек, очень медленно размахивая веслоподобными руками. Его туловище напоминало

бочку — так оно было толсто и кругло. Еще несколько шагов — и к ним подошел старик с длиннейшей серой бородкой, которая развевалась во все стороны, как дым, при каждом движении воды. На нем были большие очки, а каучуковый черный нос придавал лицу странный вид. Длинная рубаха и порты, закрученные до колен, составляли его костюм. На огромных босых ногах были надеты сандалии с тяжелыми подметками. Вокруг туловища обмотана сеть, а в сети бились живые рыбы. Эта сеть с рыбами и придавала фигуре старика издали такой необычайный бочкообразный вид.

Старик остановился, расставил руки, опустив их вниз. С растопыренными пальцами эти руки напоминали трезубцы Нептуна, а сам старик — морского бога. Волков так и прозвал его: Нептун Иванович Конобеев. Настоящее имя его было Макар. Он улыбался во весь рот, пуская пузыри и обнажая здоровые длинные белые зубы. Волков кивнул ему головой и оцупал его руки.

В них не было кастаньет. Волков удивился. Чем же Нептун Иванович стучал в воде? У старика не было слуховой трубки, не знал он и азбуки Морзе, а поэтому с ним приходилось объясняться жестами. Волков указал на свои кастаньеты и опять оцупал руки великана. Макар Иванович улыбнулся, оскалил рот — и вдруг защелкал зубами. Получился звук гораздо более громкий, чем от кастаньет. Ванюшка, забыв, что он под водой, рассмеялся, выпустив фейерверк пузырей, потом закашлялся и едва не захлебнулся. Он зажал рот руками, кое-как сдержался, но ненадолго. Новый приступ смеха охватил его. Тогда Ванюшка быстро отстегнул сандалии со свинцовыми подошвами и, оттолкнувшись от дна, поднялся вверх, как детский воздушный шар, оторвавшийся от нити.

Он вынырнул на поверхность. Волны закачали его, а прибой понес к берегу.

Ванюшка всплыл недалеко от рыбацкой лодки, на которой сидели два японца. Увидев страшное чудовище, выплывшее из морской глубины, японцы с расширенными от страха глазами прыгнули в воду, как испуганные лягушки, и быстро поплыли в сторону от черноносого чудовища. А Ванюшка еще поддал жару — вдруг заулюлюкал нечеловеческим голосом.

На поверхности океана было ветрено, солнечно и весело. Тут можно было смеяться, не опасаясь захлебнуться. Насмеявшись вдоволь, Ванюшка затих на мгновение, лежа на волнах, и посмотрел на берег. Вдали виднелась фанза под высокой елью, около фанзы стояла, как толстенький крепенький грибок, женская фигура, а у самого берега выла собака, повернув морду прямо к воде. Ванюшка кивнул головой, прошептал «фут возьми!» и, сделав глубокий вдох, опустился на дно.

В подводной мути ему не сразу удалось найти Волкова и Конобеева. Прилив на поверхности океана отнес Ванюшку к берегу, и ему пришлось плыть над знакомыми тропинками, путаясь в длинных лентах водорослей и временами останавливаясь, чтобы разрезать осклизлые ленты кортиком. Вода выжимала вверх. Ванюшка принужден был нырнуть до дна, разыскать несколько камней и, взяв их в руки, отправиться в путь достаточно «уравновешенным» для подводных путешествий.

Вот где-то вдали, в зеленой мгле, вспыхнул огонек и послышались призывные удары кастаньет. Ванюшка ответил условными тремя ударами и ускорил шаги. Огонь двигался навстречу ему. Скоро Ванюшка подошел к Волкову и Ко-

нобееву, Волков схватил говорительную трубку Ванюшки и сделал такой вид, как будто крутит его за ухо, потом, приложив трубку к губам, сказал:

— Джонни! Нельзя быть таким легкомысленным. Ты рисковал помереть от смеха. Вот твои калоши!

— Это была бы самая веселая смерть, Семен Алексеевич, — ответил Ванюшка, надевая тяжелые сандалии. — Воет! — прибавил он.

— Кто воет?

— Хунгуз. Будет опять нагоняй Макар Ивановичу, — и, обратившись к Конобееву, Ванюшка сложил рот трубочкой и завыл, пуская пузыри.

Лицо Конобеева вдруг омрачилось. Брови над большими очками сдвинулись, а усы и волосы бороды около рта взъерошились. «Морской бог» был чем-то рассержен или огорчен. Он замахал руками-веслами и направился быстро к берегу.

— Семен Алексеевич! Можно мне посмотреть хоть одним глазком, как она его ругать будет? — спросил Ванюшка.

— Жан! Ты забываешь о своих обязанностях! — строго сказал Волков. Они вновь принялись за работу.

Глава 2

«Рыбе — вода, земля — человеку»

— **А** Макар Иванович быстро шел, направляясь к берегу. Дно океана все поднималось. Чем ближе к берегу, тем почва становилась более илистой от наносной земли и перегноя. И все сильнее чувствовалось движение воды. Прибой подгонял Конобеева, как сильный ветер. Старик откинулся назад и едва успевал перебирать ногами. Если бы не его огромная сила, его давно перевернуло бы и выбросило с волнами на берег, как сорванную корабельную мачту. Но Конобеев все еще боролся. Однако, когда он вышел на песчаный откос, где вода едва покрывала голову, даже он, Нептун Иванович, не мог устоять. Океан пересилил. Прибою помогал сильный ветер, дувший к берегу. Водяные массы, упругие, как футбольные мячи, вращаясь, поднимали со дна ил, песок, крабов, креветок, вырывали водоросли и все это катили вместе с собою к берегу и выбрасывали с шумом, шипением, гулом. Они, эти водяные шары, сбили с ног Конобеева и вместе с его сетью, наполненной рыбой, выбросили на отмель и с оглушительным шипением откатились назад.

Большая собака — сибирская лайка серой шерсти — с испуганным тьявканьем, поджав пушистый хвост, отскочила от Конобеева, потом вдруг, захлебываясь радостным лаем, подбежала к нему и начала лизать его мокрое лицо, влажные стекла очков, каучуковый черный нос, бороду, похожую на водоросли, огромные руки...

«Ах! Ах!» — истерически вскрикивала собака; потом, неожиданно повернувшись на месте волчком, помчалась вихрем к фанзе, стоявшей под елью. На лай собаки из фанзы вышла пожилая толстенная коротенькая женщина, с пухлыми красными руками и красным круглым лицом. На голове ее был повязан чистенький белый платок с черным горошком; синяя просторная кофта из китайского полотна и черная длинная юбка колыхались при каждом движении. Женщина вперевалку, по-утиному, заковыляла к берегу.

Конобеев смущенно поднялся с мокрого песка и направился к ней на-

встречу, а собака с радостным лаем бегала то к женщине, то к старику, пока они не сошлись, после чего лайка начала прыгать вокруг них.

— Здравствуй, старуха! — сказал Конобеев, потряхивая сетью, в которой трепетала рыба. — Вот я тебе... того... рыбки принес!

Но старуха не обратила на сеть с рыбой никакого внимания.

— Сними ты хоть поганую образину с лица, смотреть тошно! — сказала она строго. — Водяной. Прямо водяной! И течет с него, как с утоплого. Ха-а-рош! Нечего сказать. Иди, переоденься в сухое, что ли!

— Ничего, высохну. Теперь тепло. Да мне и назад скоро в воду. Работа ждет.

— Да ты хоть чаю напейся. Отсырел небось там, в воде. Давно чаю не пил.

Конобеев шумно вздохнул и снял с себя очки, каучуковый нос и ранец.

Его собственный нос был немногим краше каучукового: большой, мясистый, рыхлый и вдобавок поросший седыми длинными волосами. Удивительны были руки с большими, малоподвижными, очень широко расставленными пальцами и складчатой толстой кожей. А на ладонях у старика были настоящие мозольные подушки. На эти ладони он свободно клал горячий уголек, не обжигаясь.

— Однако так и быть, пойдем, старуха! Рыбу в кадушку с водой пусти. Завтра ушицу сварить. Больше горбуша, но есть и сельдь, иваси...

Жена Конобеева, Марфа Захаровна, знала, что ее старик любит чаевать. Для этого она его и заманила с коварством женщины в китайскую фанзу, где жила. Когда Конобеев переступил порог фанзы, Марфа Захаровна, быстро двигаясь по фанзе своей утиной перевалкой, приготовила чай, положила на стол свежий хлеб и, глядя на мужа, вливавшего в огромный рот стакан за стаканом, начала отчитывать его за «беспутную жизнь».

— Ну где же это видано, где это слыхано, чтобы человек, как горбуша, в воде жил? Рыбам — вода, птицам — воздух, а человеку — земля. Так испокон веку сам бог положил. Залез ты в мокрое место.

— Однако человек по воздуху теперь летает лучше всякой птицы, — возражал Конобеев, прихлебывая чай.

Марфа Захаровна не обратила внимания на эту реплику и продолжала, все более повышая тон:

— Коли женился ты на мне, так и живи со мной, а не с горбушами и сельдями. Какой ты муж после этого, когда тебе селедка милей, чем жена? Сорок лет жили вместе, а тут на тебе! Как подменили человека. Сдурел на старости лет. Не хочу и не желаю. Либо я, либо селедка. Теперь женщине вольная воля. Вот пойду в загс, да и разведусь с тобой.

— Однако... — начал Конобеев, но поперхнулся чаем. Залаяла собака, а из-за двери показался Ванюшка.

— Правильно, Марфа Захаровна, правильно, мамафа! — крикнул Ванюшка, появляясь в дверях в одних трусах. — Теперь не старый режим. А только вы напрасно, мамафа, на Макар Ивановича сердаете. Вы бы лучше пришли сами к нам жить...

— Что? Я! Под воду? К селедкам? Я не русалка, прости господи, чтобы под водой жить. С лягушками, с гадами морскими.

— Нет там лягушек, Марфа Заха...

— Да никогда!

— А вы бы хоть глянули, Марфа Захаровна. У нас там очень даже отлично.

В самом море-океане стоят фелезные хоромы-колпаки, а под колпаками — избушка. А в избушке и светло, и тепло, и никакой воды — сухо вполне. И чаек, и сахарок, и самоварчик найдется.

— Ты бы лучше штаны надел, чем старых людей учить. Бесстыдник! А еще комсомолец.

— Боитесь, значит?

— Ничего не боюсь. А отсыреть не желаю.

— А вот Пунь не побоялась. Корейка-то смелей вас. Она у нас на все руки. И варит, и фарит, и белье стирает, и пол моет.

— Пол моет? Под водой-то?

— Да что же вы, в самом деле думаете, что у нас все водой залито — и полы, и кровати, и самоварные трубы? Ничего подобного! Суше, чем в вашей фанзе. Эх, вот только что плохо: не умеет по-нашенски варить обед Пунь. Как наварит своих корейских куфаний — один только Цзи Цзы и лопает с аппетитом. А если бы вы, Марфа Захаровна, нам ффи стготовили, как, помните, угоффяли меня? Я до сих пор пальчики облизываю. Вы бы нам варили да фарили, да пироги рыбные пекли с рыбной начинкой, да пельмени...

Похвала подействовала — Марфа Захаровна смягчилась, но о том, чтобы спуститься под воду, и слышать не хотела.

— Приходи сам сюда пельмени есть, — ответила она, улыбнувшись.

— Однако нам пора, — сказал Конобеев и начал надевать на себя маску и водолазное облачение.

— Глаза бы мои на тебя не глядели! — качая головой, сказала старуха.

— Ничего особенного, однако, — ответил Конобеев и направился с Ванюшкой к берегу навстречу налетающим волнам. Волны грохотали, пена шипела на песке, брызги летели дождем, а Конобеев смело шел вперед.

— Держись за меня! — крикнул он Ванюшке, когда они подошли к волнорезу. Ванюшка ухватился за богатырскую руку старика. Первая волна обдала их и едва не сбила с ног.

Наклонив головы, прижавшись друг к другу, Конобеев и Топорков бросились вперед. Волны покрыли их. На мгновение показалась еще раз косматая седая голова Макара Ивановича и скрылась.

Марфа Захаровна, сложив красные руки на круглом животе, склонила свое круглое красное лицо. Губы кривились; она готова была заплакать. А собака Хунгуз, подойдя к самой воде, вдруг подняла морду и начала выть. Потом сердито залаяла на волны и начала бегать по берегу, как бы желая броситься вслед ушедшим под воду. И снова завывала, жалобно и протяжно...

Глава 3

Под пятью куполами

Трудно идти по дну океана навстречу приливу. Труднее, чем по земле против ветра в шторм. Конобеев нагнул голову и таранил ею упругую движущуюся массу воды. А Ванюшка шел на буксире, держась руками за бедра старика-великана.

Когда спустились в подводную лощину, стало сразу тише. Здесь чувствовался только водяной «ветерок». Ванюшка отцепился от Конобеева и поднял голову вверх. Солнце стояло над ними светящимся размытым пятном. Волнение на поверхности мешало видеть резко очерченный шар, как это бывало во время штиля.

«Полдень. Пора обедать», — подумал Ванюшка.

И в этот самый момент послышался звук колокола. Под водой он был слышен очень отчетливо. Колокол прозвонил двенадцать. В зеленоватой мгле мерцал огонек. Это светился маяк на крыше подводного жилища. Его гасили только тогда, когда все были в сборе. Конобеев распрямил спину и быстро пошел на свет. Ванюшка едва поспевал за своим вожаком.

Сквозь лес длинных водорослей свет маяка разгорался все ярче по мере того, как путники подвигались вперед. Ванюшка много раз уже любовался подводным ландшафтом — и не мог налюбоваться. Как будто он попал на неведомую планету, где все иное. Длинные полосы, ленты, шнуры, веревки бурых водорослей тихо колебались, извивая, как полусонные змеи, свои гибкие тела. Среди этих лент, протянутых, как серпантин, резко выделялись широкие пальмовидные листья ламинарий.

Скоро можно было различить уже и подводное жилище. Издали оно напоминало пять куполов-полусфер византийского храма: как будто храм провалился в землю до самых куполов. Дом стоял в долине между двумя поперечными возвышенностями, которые предохраняли от морских «ветров» — прилива и отлива.

Здесь всегда было тихо.

Яркий свет подводного прожектора собирал множество рыб, шнырявших между водорослями, как разноперые птицы в тропическом лесу. Только эти птицы были молчаливые.

Путники вошли в железную камеру и плотно закрыли за собою дверь. Ванюшка повернул кран, и вода начала уходить в трубу. Через пять минут сильные насосы освободили камеру от воды; другие насосы наполнили ее воздухом. Ванюшка и Конобеев сняли водолазные костюмы и мокрую одежду, переоделись и вошли через железную и деревянную двери в деревянную избушку. Они были у себя дома.

Под средним, самым большим, куполом находилось «общественное здание» из четырех комнат. В одной помещалась общая столовая, в другой — кухня с кладовой, в третьей — библиотека-читальня и в четвертой — машинное отделение.

Вокруг этого большого центрального купола с маяком были расположены четыре меньших. Купол с выходною дверью, направленный к берегу, назывался западным. Он прикрывал собою избушку в две комнаты, в которой по-

мещались Топорков и Волков. Затем следовали: северный купол — там жилистряпуха Пунь и ее муж Цзи Цзы; западный — в двух комнатах этой избушки помещались Конобеев и Гузик; и, наконец, южный — в этом куполе было две комнаты: одна — лаборатория-мастерская Гузика, а другая — запасная — для «приезжающих», где иногда ночевали приходившие с берега по делам к Волкову и Гузику.

Ванюшка вышел в столовую. Она, кроме выходной двери, имела еще две: прямо — в кухню и влево — в библиотеку-читальню. В этой комнате, как и в других комнатах центрального дома, совсем не было окон. Сильная электрическая лампа под потолком хорошо освещала большой, застланный китайской чистой скатертью стол с шестью приборами и шесть табуреток у стола. Еще несколько запасных табуреток стояли у стен. Рядом с дверью в кухню, у стены стоял буфет карельской березы; на круглом столике сверкал полированными боками большой самовар, лучший друг Конобеева.

В столовой еще никого не было. Ванюшка потянул носом, поморщился и прошел в кухню.

У электрической плиты возилась маленькая скуластая Пунь в синем платье и белом переднике. Ее черные как смоль жесткие волосы были гладко зачесаны и собраны сзади в пучок, склотый двумя шпильками с шариками на концах.

История ее появления в подводной колонии была такова. Волков нанял для работы корейца Цзи Цзы, или — по корейскому произношению — Кые Ца. Сговорились о плате. Цзи Цзы получил задаток и в назначенный день явился со своею подругой жизни, которую отрекомендовал:

— Пунь.

— Почему «Пунь»? — спросил Волков, который знал, что «пунь» — это мелкая корейская монета.

— Больше не стоит, — ответил Цзи Цзы.

— А ты сам сколько стоишь? — спросил, улыбаясь, Волков.

— Сто пунь будет нянь, а десять нянь будет кань. Вот сколько я стою. Кань! — ответил Цзи Цзы.

— Но зачем же ты привел свою жену? — спросил Волков, поглядывая на женщину, покорно стоявшую около своего властелина.

Цзи Цзы удивился вопросу и в недоумении пожал плечами:

— Как зачем? Чтобы она работала.

— Но ведь я нанимал тебя. А ты что же будешь делать?

— Я буду получать деньги, — ответил спокойно Цзи Цзы.

Валков решил, что женщина может пригодиться в доме по хозяйству, а Цзи Цзы возьмется рано или поздно за работу, и согласился принять Пунь, которая беспрекословно надела водолазную маску и последовала за мужем в воды океана. Так же беспрекословно она пошла бы за ним даже «в страну теней».

Пунь оказалась на редкость полезным членом подводной колонии. Она варила обед, мыла посуду, полы, стирала белье, наводила чистоту и еще успевала помогать мужчинам в их работе вне дома. Зато Цзи Цзы ровно ничего не делал, если не считать получения жалованья.

Он целыми днями валялся на кровати, покуривал трубочку. Однажды Волков указал корейцу, что он своим курением портит воздух. Цзи Цзы ничего не сказал, надел водолазную маску и отправился на берег. Что он там делал, бы-

ло неизвестно. Вероятно, в хорошие дни валялся на берегу. Но к обеду он являлся аккуратно.

— Здравствуй, Пунь, чего ты нам сегодня наворотила? — обратился Ванюшка к поварихе, заглядывая в горшки и сковороды. Морская капуста, соус, вероятно, тоже из водорослей, трепанги, иваси, еще какой-то пряно пахнущий неведомыми травами соус...

— Халасе наваратила! — весело ответила Пунь, потряхивая сковородку.

— Щец бы! — вздохнул Ванюшка, но Пунь не поняла его и начала в чем-то оправдываться.

Она вдруг быстро-быстро заговорила по-корейски, и ее тоненький голосок раздавался, как птичье щебетанье.

— Ладно уж! — покровительственно ответил Ванюшка и прошел в библиотеку. Стены этой комнаты были заставлены книжными шкапами. За круглым столом сидел Конобеев, наклонившись над иллюстрированным журналом.

— Мастодронт, читающий последние политические известия! — рассмеялся Ванюшка, увидав старика за таким «неподходящим» занятием. Действительно, со своим громоздким телом, огромной бородой, руками, которые были способны задушить акулу, но не обращаться с книгой, он как-то не подходил к этой обстановке.

— Гляди, однако, — сказал Конобеев, с невероятными усилиями переворачивая корнеобразными нестигающимися пальцами страницу журнала.

— Краб лучше тебя листы ворочал бы. Чего смотреть-то, однако? — спросил Ванюшка.

Конобеев показал на снимок летящего аэроплана.

— Летают, однако!

— Ну и что же? — спросил Ванюшка, не поняв, что Конобеев в душе продолжает спорить со своей старухой, отстаивая право жить под водой. И, не ожидая объяснений Макара Ивановича, Ванюшка прошел в машинное отделение.

Там пахло особенно — «электричеством», как шутя говорил Ванюшка.

— Здравствуй, Гузик! Сегодня мы с тобой еще не видались! — весело крикнул Топорков молодому человеку, сидевшему спиной к нему на корточках около электрической машины.

— Вот тебе и два с половиной диэлектрическая постоянная эбонита! — ответил Гузик.

— Заговариваешься, братишка?

— А, это ты, Ваня? Здравствуй! — Гузик поднялся, отряхнулся и повернулся к Ванюшке лицом. Густые каштановые, немного вьющиеся волосы над высоким лбом и большие, очень прозрачные светло-серые глаза, всегда задумчивые, смотрящие куда-то вдаль, как бы пронизывающие вещественные предметы, — «рентгеновские», как выразился однажды Волков. Эти глаза невольно обращали на себя внимание.

Молодой инженер-электрик, ученый изобретатель Микола Гузик был прост, как ребенок, и феноменально рассеян. Но эта рассеянность относилась лишь к внешнему миру и внешним вещам, и происходила она оттого, что Гузик умел так глубоко внутренне сосредоточиваться, что забывал обо всем окружающем.

— Идем обедать, что ли! — сказал Ванюшка.

— Да, да... — ответил Гузик и, переведя взгляд прозрачных глаз с неведо-

мых мировых высот на динамо, опять уселся на корточки и начал возиться у машины.

— Микола-чудотворец! — закричал вдруг Ванюшка и начал трясти Гузика за плечи. — Довольно! Айда в столовую! — И он потащил своего ученого друга. — Макар Иваныч, обедать! — крикнул он мимоходом Конобееву.

В столовой уже сидел Волков. Пунь подавала на стол. К общему удивлению, Цзи Цзы не пожаловал к обеду.

— Где Кые Ца? — спросил Волков Пунь.

— Цолт зял (черт взял), — ответила она. — И пусть!

Гузик мог не есть целыми днями. Но, усевшись за стол и глубоко задумавшись, он ухитрился незаметно для себя съесть и больше, чем надо. Однажды он один съел большую сковороду печенки, приготовленной для всех. Теперь молодой изобретатель принялся за соус, сделанный из морской капусты, и поглощал его с большим аппетитом, пронизывая Конобеева невидящим взглядом.

— А ну-ка, дай попробовать! — сказал Ванюшка, пододвигая к себе соусник и накладывая на тарелку.

Соус был очень вкусный и питательный, но Ванюшка недовольно повел носом.

— Не то! — сказал он, вздохнув.

— Непривычка, и больше ничего, — возразил Волков, — морская капуста вкуснее земной и гораздо питательнее. Когда ты привыкнешь, то не захочешь другой. И я уверен, что морская капуста скоро будет таким же необходимым блюдом за каждым столом, как картошка. Ведь картофель вначале тоже не хотели и даже боялись есть. Саранча, муравьи, ласточкины гнезда кажутся тебе омерзительными, а между тем у многих племен кушанья эти являются самым лакомым блюдом.

Ванюшка даже кулаком ударил себя по груди.

— Семен Алексеевич! Чувствую, понимаю! Если бы не понимал, то и на дно бы не полез. Ради чего я полез? Ради этой самой морской капусты полез. Но только, Семен Алексеевич, не привык я еще. Вот Марфа Захаровна недавно угощала нас щами. Натуральными. Ах, невозможно забыть, Семен Алексеевич! Красота! — И вдруг, хлопнув Конобеева по спине, Ванюшка воскликнул: — Макар Иваныч, помнишь? Нет, как хочешь, а Марфу Захаровну мы сюда доставим. Если под водой у нас щами запахнет, совсем другой океан будет. Красота! Только как, Макар Иваныч? На какой бы крючок, на какую приманку нам эту рыбку поймать — Марфу Захаровну, то есть?

Конобеев вздохнул и даже ложку отложил в сторону.

— Не сделано еще такого крючка, на который можно было бы таких самостоятельных старух ловить, — отвечал он. — Греха боится, по глупости бабской. Староверка она у меня.

— А ты тоже старовер? — спросил Ванюшка.

— Был, да весь вышел, однако! — ответил Конобеев. — Темнота.

Макар Иванович о чем-то глубоко задумался, потом, не окончив обеда, поднялся из-за стола и вышел.

— Скучает! — тихо сказал Ванюшка, кивнув вслед Конобееву. — Эх ты, крученье-мученье с этим полом, с длинным подолом.

А Конобеев прошел в свою комнату, хмурый, озабоченный. Его густые бро-

ви, усы и борода топорщились и беспрерывно шевелились. Он надел водолазный костюм. Старику хотелось на берег, но на глаза Марфе Захаровне он не решался показываться. И он отправился далеко на юг, на разведки. Эти разведки Конобеев очень любил. Потом он докладывал обо всем виденном под водой Волкову: где какая почва, где растут водоросли, где они не растут, но расти могут.

Конобеев пробродил целый день, вернулся поздно ночью, улегся на полу — он не любил спать на кровати — и начал так ворочаться и вздыхать, что разбудил Гузика.

— Чего вы ворочаетесь, Макар Иванович? — спросил его Микола.

— К непогоде. Тайфун будет, — отвечал Конобеев. — Всегда чую!

Но не одно приближение тайфуна заставило его ворочаться и вздыхать по-слоновьи. Ему было жалко старуху, Марфу Захаровну, которая в эту ночь ворочается одна в китайской фанзе под елью. Ель шумит, дверь скрипит, собака лает, а она одна...

Жалко старуху, но и бросить воду он не может. Нет, никак не может! Да и как бросить налаженное дело, шутка ли?

Макар Иванович начал вспоминать свою жизнь вплоть до того момента, как он встретился с Волковым.

Глава 4

Подводный совхоз

Конобеев родился и вырос в Приморье. Отец его был зверолов. И Макар Иванович еще десятилетним мальчишкой уже ходил с отцом на медведя. Сколько он их потом уложил на своем веку, выходя на зверя «один на один»! Но не в пример отцу, который был настоящим «лесным человеком», у Макара Ивановича была общественная жилка. Еще в старое время, до революции, он пытался организовать артель охотников и рыболовов. Но из этого ничего не вышло. Конобеев доверчиво роздал членам артели деньги, которые скопил, продавая пушнину; его обманули, ушли с деньгами и не вернулись.

После революции Макар Иванович перекочевал к самому берегу океана и занялся рыбной ловлей — сначала один, потом небольшой артелью от Дальсельсоюза. Но время от времени в нем просыпался охотник, и он бросал невод и острогу, чтобы взяться за ружье и рогатину. Во время этих охотничьих запоев Конобеев и встретился с агрономом Волковым, тоже завзятым охотником. Они скоро подружились, как два истых профессионала.

Волков не так давно поселился в Приморье. Раньше он работал в Белоруссии по колхозному строительству. Но у него была беспокойная натура. Наскучив работой землемера, он пристроился к одной научной экспедиции, которая отправлялась на Дальний Восток. Красота и своеобразие этого края так пленили Волкова, что он остался там жить.

У него было настоящее чутье охотника и меткий глаз. Если Конобеев «стоял» четырех десятков медведей, то у Волкова были другие заслуги: он собственноручно убил двух тигров, — неплохой стаж для новичка. Правда, одного тигра ему пришлось убить, случайно наткнувшись на него и обороняясь. Лишь исключительное хладнокровие и находчивость спасли ему жизнь. Тигр был убит, но, уже издыхающий, успел царапнуть щеку Волкову одним когот-

ком, оставив отметину на всю жизнь.

Сидя у костра, Конобеев и Волков рассказывали друг другу бесконечные истории из охотничьей жизни.

Однажды утром они вышли на берег моря. Стоял конец октября. Погода была на редкость тихая. На океане отлив обнажил отмели с наметанными на них кучами морских водорослей. Недалеко от берега два японца занимались странным занятием. Один из них сидел в тупоносой лодке, нагруженной связанными в пучок бамбуковыми ветвями. Второй японец, поставив голую ногу на край лодки, другой ногой, налегая всей тяжестью тела, наступал на конический заступ, имевший две рукоятки, как в детских ходулях. Поднимая и опуская заступ, он двигался вдоль борта лодки; следуя за ним, его товарищ брал пучки бамбуковых веток и втыкал их в дно.

Волкову впервые приходилось видеть такое зрелище.

— Что они делают? — спросил он Конобеева.

Старик усмехнулся.

— Капусту садят!

— Нет, в самом деле?

— Однако в самом деле капусту садят, — ответил Конобеев. — Морскую капусту.

— Но ведь это не капуста, а ветки бамбука.

— Ну да, ветки бамбука. Вишь ты, какая штука: когда морская капуста выпустит семя...

— Споры?

— Никаких споров. Обыкновенное семя. Семя это летит до воде, как пыль по воздуху. А вот эти самые кусты задерживают семя. И на этом месте начнет капуста расти. Место Тут неглубокое, удобное для того, чтобы капусту потом пал-уумн- с крючками срывать. Вот они и садят ветки. Огород, значит, разводят, вроде как подводные земледельцы. Одна-ко к нам лезут! Тесно у них на островах, податься некуда, вот и лезут. Да нешто одни японцы нас обирают? А американцы что делают? Глаза бы не видали! Одних котов[59] тыщами изводят.

— Макар Иваныч, это что же такое? Контрабандная реквизиция общественного достояния? — услышал Волков чей-то молодой голос и обернулся. Перед ним стоял веселый черномазый юноша, сверкая белыми зубами. На нем была надета кепка, толстовка и кожаные штаны, заправленные в огромные рыбацкие сапоги с голенищами выше коленя.

— Ванюшка? Здравствуй! — отозвался Конобеев и, обратившись к Волкову, пояснил: — Ванюшка Топорков в нашей артели работает. Комсомолия. Ты чего не на работе? — спросил он Ванюшку.

— Выходной я, Макар Иваныч! Я говорю: что это делается? Здравствуйте, гражданин, — поздоровался он с Волковым. — Как они смеют грабить достояние!

— Я и то говорю... Тесно у них, — ответил Конобеев.

— Знаю, что тесно, — не унимался Ванюшка. — Да ведь кто грабит? Подручные Таямы Риокицы, промышленника толстопузого. Он же бедняку-японцу и продаст эту капусту за четыре дорога, а бедняк опять голодный будет. Гнать их отсюда без всяких дипломатических нот. Эй вы! — крикнул он, замахнувшись ракушкой на японцев. — Брысь отсюда! Что за безобразие, фут возьми!

Брысь, брысь! — И он решительно зашагал к лодке прямо по воде, поднимая тучи брызг.

Японцы о чем-то быстро поговорили между собою, потом положили в лодку заступ и взялись за весло. Скоро лодка скрылась из вида.

Трое — Конобеев, Ванюшка и Волков — уселись на берегу. Над ними с пронзительными криками летали чайки. Куда-то в сторону тянули бакланы. Со всем недалеко от людей спокойно ходили кулики и клевали.

Макар Иванович вынул кисет, набил зеленоватым табаком трубку с коротким мундштуком, закурил, затянулся и начал медленно говорить:

— Однако теперь морской капусты совсем мало у нас добывают. А раньше много больше добывали. В Китай, в Японию продавали... И чего это столько добра зря пропадает! Глядеть жалко!

— Миллионы миллионов, — поддержал Ванюшка.

— Да, а если бы нам самим взяться за разведение морской капусты, как это японцы делают, — задумчиво сказал Волков, — мы могли бы удесятить сбор и сбыт капусты. А если все это механизировать, машинизировать...

— Совхоз! О! — воскликнул Ванюшка. — Это... это, фут возьми, что такое? Экспортный товар. Валютный! А? Что ты скажешь, дед Макар?

— Однако хорошо было бы, — подумав, ответил Макар Иванович.



Ванюшка вдруг вскочил, как с горячей плиты. Он ударил кулаком правой руки по ладони левой и заговорил, как на собрании:

— Граждане, кто за подводный совхоз? Единогласно! Ах, фут возьми! Вот это будет номер! — И он раз мечтался, захваченный необычайностью идеи: — Мы будем работать под водой в водолазных костюмах. Мы выстроим на дне настоящие города. Проведем дороги. Наставим электрических фонарей. И по этой подводной дороге будем ездить на подводных автомобилях к подводным знакомым! Вот так фут возьми! Работать мы будем на подводных тракторах... А как, телефонные провода можно в воде прокладывать? — спросил он Волкова.

Можно, только хорошо изолировать их. Кабели называется. Будут у нас телефоны, и радио, и уха каждый день, потому что с рыбами в одной квартире.

Прямо воду нагревши уху ешь!

Он забрасывал Волкова вопросами: хорошо ли под водою видно, слышно ли звуки, которые издаются над водой, как изменилась бы жизнь, если бы человечество жило в океане.

— Ведь нам объясняли, — говорил он, — что все живое вышло из воды. А вот если бы и обезьяны, и сам человек развился в воде?

— Однако далеко хватил! — сказал Конобеев. — Мы про Капусту начали говорить. — Эти слова охладили фантазию Ванюшки и вернули его к практическим вопросам.

— Прежде чем думать о том, чтобы жить под водой, надо подумать об усовершенствовании водолазных костюмов, — сказал Волков. — В современных водолазных костюмах долго не проработаешь, да и слишком это сложно и дорого. Ведь наша задача должна сводиться к тому, чтобы завести правильное хозяйство — садить морскую капусту японским способом на новых участках земли. Японцы могут втыкать свои бамбуковые ветки лишь на очень небольшой глубине, там, где вода над плантацией при отливе не превышает одного-полтора метров. Работать на большой глубине не позволяют их несовершенные орудия. Конический заступ не сделаешь слишком длинным, иначе с ним трудно будет обращаться, а садить кустики в сделанные ямы, ныряя с лодки, слишком трудно и утомительно, на значительной же глубине и невозможно. Если же сконструировать хороший, удобный водолазный костюм, не связанный с определенной базой, то площадь подводных плантаций можно увеличить во много-много раз. Можно, конечно, механизировать и копание ямок, хотя о подводных тракторах и автомобилях нам мечтать пока не приходится. Трактор без горючего не двинется, а горение под Водой...

— Можно двигать электричеством, — не унимался Ванюшка. — Вот подождите, я напишу своему приятелю в Ленинград. Он электротехник и изобретатель. Он работает в лаборатории самого академика Иоффе. Слыхали про такого? Он нам — не Иоффе, а приятель мой, Микола Гузик, — и водолазные костюмы придумает, и подводные тракторы. А может, и сам Иоффе поможет. Башковитый малый!

— Однако на все это нужна монета, — опять охладил Конобеев юношеский пыл Ванюшки.

— А много? — спросил Топорков дрогнувшим голосом, повернув голову к Волкову.

— Очень много, — ответил тот.

Наступила пауза. Три головы усиленно думали. Ванюшка, забыв о деньгах, опять фантазировал, Конобеев вспоминал свои неудачи с организацией артели, а Волков думал, можно ли создать подводный совхоз хотя бы на самых скромных началах. Безусловно, сделать можно многое, даже не переселяясь на дно океана. Главный вопрос в деньгах. Дело новое и может встретить естественное недоверие...

— Валюта! Вот она! Бери ее! — крикнул Ванюшка, продолжая ткать нить своих мечтаний, и так махнул руками, что спугнул стайку птиц, клевавших почти у самых его ног.

На этот раз не было принято никакого практического решения. Однако начало было положено. Эти три случайно сошедшихся человека представляли уже некоторую силу. Один без другого они едва ли смогли бы что-нибудь сде-

лать и, вероятно, ограничились бы только тем, что помечтали бы о подводных плантациях и вернулись каждый к своим делам. Но при сложении этих трех человеческих величин, вопреки школьной арифметике, сумма была равна трем плюс икс. Этот икс являлся как бы процентом на капитал объединенного труда. Недаром кипящая вода весит несколько больше, чем при температуре замерзания. Ванюшка, Конобеев и Волков дополняли друг друга. У Ванюшки был «огонь», фантазия, смелость мысли, не связанной старыми предрассудками, искрящийся энтузиазм молодости. Конобеев имел практическую сметку и долгий-долгий житейский опыт, а Волков обладал знаниями и упорством в достижении цели. Огонь сжигает, вода гасит огонь. Но если на огне Ванюшкиного энтузиазма подогреть холодную воду конобеевского Жизненного опыта в котле волковского знания, то может Получиться пар, который будет двигать машину!..

Друзья (они были уже друзьями, связанными общей идеей) решили встретиться через несколько дней.

Глава 5

Письмо Миколы Гузика

Через несколько дней Волков, Конобеев и Ванюшка встретились на заранее условленном месте на берегу моря.

— Идет дело на лад! — воскликнул Ванюшка. — Я написал Гузику в Ленинград. Он, понимаете, из ударной бригады дослан в вуз. Башковитый малый. И мой приятель. Одно время мы с ним вместе работали, там и подружились.

— Однако из этого дела ничего не выйдет, — неожиданно сказал Конобеев, шевеля усами и густыми бровями. — Я говорил с нашим артельным завом. Спрашиваю его: что, Мол, если бы начать капусту разводить, как японцы, можно ли на это деньги из артели получить или из Дальсоюза. А зав говорит, что и думать нечего. Сажать капусту, говорит, нечего; одним прибоем, говорит, тысячи тонн на берег выбрасывает, так и гибнет, ни себе, ни людям. Эво-на сколько! — и Конобеев указал на груды гниющих водорослей, выброшенных волнами на берег.

— А вон смотри! Это что? — воскликнул Ванюшка, указывая на лодку, в которой сидели два уже известных японца. Они продолжали сажать кусты бамбука. — Покажи нашему заву.

— То дело десятое, однако, — возразил Конобеев. — Японцы у себя всю морскую капусту до последнего кустика выщипывают, можно сказать, дно языком вылизывают, а у нас что? Хы! Собака на сене.

— А ты что раньше сам говорил? — вспыхнул Ванюшка.

— Говорил, что неплохо бы.

— Семен Алексеевич! Что же это такое? — спросил Ванюшка, покрасневший от волнения и разочарования. — Это же трудовое дезертирство. Неверие!..

— Я думаю, что Макар Иванович не прав, — ответил Волков. — Из того, что мы плохо используем свои природные богатства, вовсе не следует, что мы и не должны их использовать. Наоборот, надо использовать то, что сам океан на берег выбрасывает, что еще хранится в его водах, и то, что можно создать своими руками. Я навел кое-какие справки. Сейчас нами добывается водорослей

свыше восьми тысяч тонн, а в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году добывалось больше десяти тысяч! — Ванюшка свистнул. — Тогда мы продавали капусту в Китай в качестве пищевого продукта. Макар Иванович прав — сейчас мы добываем меньше, чем раньше. Слушайте дальше. Химические исследования, произведенные не так давно, показали, что морская капуста действительно содержит много питательных веществ и годна и для питания человека, и для корма скота. В ней содержится от шести до тридцати процентов белка и немного жира — примерно процента полтора-два. Таким образом, в капусте есть все необходимые для питания вещества. Японская капуста «аманори» богата протеином[60] и является очень хорошим питательным веществом. Японцы большие мастера готовить из аманори различные кушанья. Они кладут высушенную капусту в приправы или едят ее отдельно приготовленной. Особенно вкусными получаются консервы аманори с бобовой соей.

— Слыхал? — спросил Ванюшка Конобеева, многозначительно кивая головой.

— Однако все это я слыхал, когда еще тебя на свете не было, — отозвался старик.

— Мы могли бы отправлять капусту и на внутренний и на внешний рынки. Но морская капуста, — продолжал Волков, — может быть использована не только как питательное вещество. Из золы ее получают очень ценные удобрения, так как в ней имеются калиевые соли. Америка добывает этих солей из водорослей на много миллионов долларов ежегодно. Наконец, в водорослях много солей, йода, брома и даже мышьяка. В 1916–1917 годах здесь был завод, который давал до тысячи килограммов йода в год. «Ляминариа дигитата» содержит три процента йода и до двадцати пяти Процентом углекислого калия. В пищу наиболее часто употребляются «ульва» из зеленых водорослей, «порфира» и «редимения» — из красных, «аляриа» и «ляминария».

— А сколько всего можно добыть водорослей? — спросил Ванюшка.

— Один американец высчитал, что в Тихом океане один только вид водорослей — «макроцистис» — может дать тысяч шестьдесят тонн ежегодной жатвы. А запасы всех видов водорослей невозможно сейчас даже учесть.

— Эвона, однако? — сказал Конобеев, проведя широко рукой с севера на юг. — По берегам всего Татарского пролива до бухты Пластун, по берегам Сахалина и на полдень аж до самой Кореи. Неисчислима, как песок морской!

Новое экстренное собрание было созвано Ванюшкой, когда он получил ответ от Миколы Гузика.

«Ты, Ванюшка, спрашиваешь меня о водолазных костюмах. Наилучшие из них — японские. Это аппарат, который Закрывает нос и глаза (очки). В японских костюмах можно погружаться до 80 м. Глубже опускаться в таких аппаратах затруднительно (давление воды: погружение на каждые 10 м увеличивает давление примерно на одну атмосферу). Для более глубокого погружения существуют жесткие аппараты, в которых можно опускаться на глубину 200 м. В таком аппарате давление воды поглощается стенками. Среднее погружение в мягком аппарате — 40 м. Но и при жестком и при мягком аппарате водолаз связан со своей базой (подача воздуха). Освобождение водолаза от базы (относительное) может быть достигнуто снабжением аппарата сжатым воздухом. Но это „освобождение“, как я сказал, относительное. Полную независимость от базы водолаз не может по-

лучить уже потому, что в воде трудно ориентироваться (на глубине 8 м в самое светлое время можно видеть по горизонтальному направлению не далее 2–4 м).

Так обстоит дело с существующими аппаратами. Но...»

Ванюшка прервал чтение и, подняв указательный палец руки вверх, сказал:

— Дальше идет самое интересное!

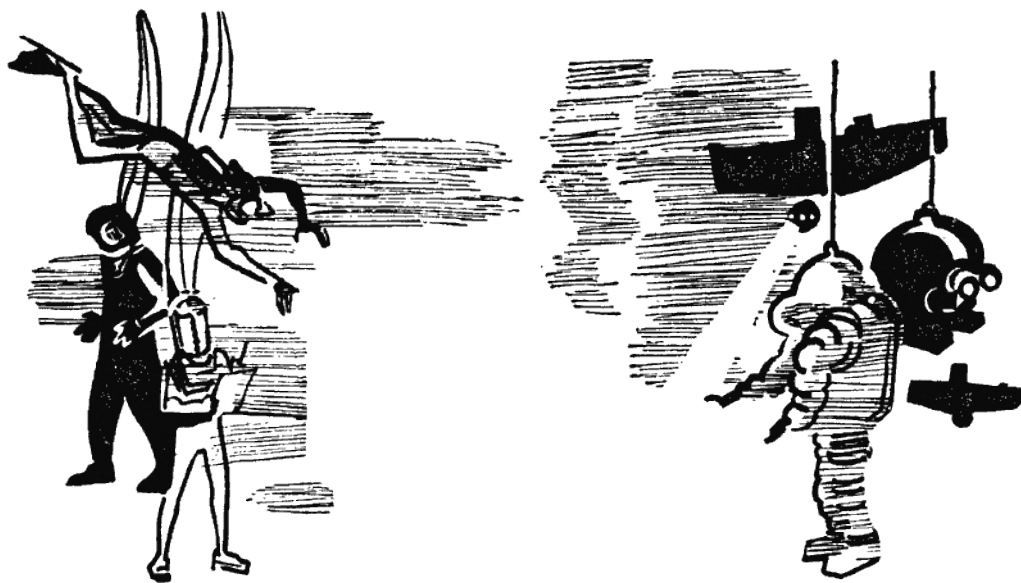
«...но изобретение нашей лабораторией нового компактного аккумулятора открывает большие горизонты в самых многочисленных областях применения электрической энергии, в том числе и в водолазном деле. Представь себе маленькую коробочку — вроде спичечной. И вот в этой коробочке, которую ты легко можешь положить в жилетный карман (если ты уже обзавелся жилетом), содержится запас электричества, достаточный для того, чтобы в продолжение нескольких суток двигать автомобиль с предельной скоростью. В твоём жилетном кармане спрятана „электростанция“ в несколько сот лошадиных сил. Этой энергией ты можешь неделю освещаться, отапливаться, можешь вращать ею мельничные жернова, приводить в движение станки, тракторы. Я решил применить аккумулятор к водолазному делу. Ты дал мне идею! Я создам совершенно новый вид водолазного аппарата.

Ты, вероятно, знаешь, что кислорода, необходимого для дыхания, в природе более чем достаточно. В атмосфере его 23 %, в земной коре — 47,2 %, а в морях и океанах — 85,8 %, то есть больше, чем в воздухе и земной коре, вместе взятых. Этот кислород надо только извлечь из воды. А извлечь его можно при помощи электролиза. При помощи аккумулятора водолаз получит из морской воды воздух, разлагая воду электричеством. Вся „лаборатория“ для добывания кислорода будет помещаться за спиной в ящике величиною не больше походного ранца. Но этого мало. Тот же аккумулятор даст ток и для сильной лампы в тысячу и больше свечей. Лампа будет помещаться над головой водолаза и освещать ему подводные окрестности на несколько десятков метров. Наконец еще одно. В своем ранце ты можешь иметь не один, а два, три, десяток аккумуляторов. Ты „всосешь“ в аккумуляторы электричество целой электростанции. Ты сам станешь ходячей электростанцией. И ты сможешь использовать электрический ток еще в одном направлении: для вращения небольшого винта, который позволит тебе плавать с большой быстротой. Ты понимаешь, какие перспективы это открывает? Ты станешь настоящим морским жителем, ты будешь проплывать под водой десятки и сотни километров. Тебе не нужно будет иметь никакой базы, с которой бы ты был связан. Если захочешь, ты сможешь даже поселиться под водой. Ваш план о подводном земледелии заинтересовал многих моих приятелей-ученых. Они считают этот план вполне осуществимым и многообещающим. Сейчас я произвожу опыты, конструирую новый водолазный аппарат. Когда все будет готово, я напишу тебе. Сообщи, как идут у вас дела с организацией подводных плантаций. Эта мысль так заинтересовала меня, что, пожалуй, я сам не удержусь и прикачу к вам пробовать мой водолазный костюм.

М. Гузик».

Ванюшка опустил письмо на колени и посмотрел на слушателей. На них письмо, видимо, произвело большое впечатление, особенно на Волкова, кото-

рый понял в нем гораздо больше, чем Конобеев. На Макара же Ивановича произвело впечатление то, что о разведении подводной капусты знают в Ленинграде ученые люди и что они находят это дело осуществимым и хорошим.



У всех настроение поднялось. Конобеев хлопнул по коленям огромными лапищами и сказал глухим басом свое любимое:

— Однако!.. Выходит так, — продолжал он после паузы, — что дело на мази. Остановка за деньгами.

— Макара Иваныч, ты же сейчас говорил, что из этого дела ничего не выйдет.

— В Ленинграде сидят люди поумнее нашего зава, — ответил Конобеев.

— Теперь надо только обхлопотать это дело, — сказал Ванюшка. — В Далькрайсоюз пойдем, в Амурсельсоюз толкнемся, все краевые учреждения облазим. А если здесь поддержки не найдем, до Москвы доберемся. На такое дело деньги должны найтись. И мы найдем их! В лепешку разобьемся, а достанем!

На том и порешили.

С этого дня начались для подводных земледельцев «хождения по мукам».

В одном краевом учреждении их принял хмурый человек в очках. Он слушал их, покуривая папиросу и пощипывая реденькую мочальную бородку. Иногда поднимал правую бровь, что у него выражало удивление, иногда едва заметно усмехался краешком губ и складками в углах век. Ванюшка на этот раз решил действовать прямо и изложил весь план о подводном земледелии, о подводных плантациях, насаждаемых водолазами, о грандиозных цифрах добычи капусты. Только о подводных тракторах он не решился сказать. Но и того, что он сказал, было достаточно, чтобы заставить хмурого человека расселиться. В конце доклада Ванюшки хмурый человек показал даже свои кривые зубы, обнаженные улыбкой. Надо ему отдать справедливость, он умел слушать.

Когда Ванюшка окончил, вытер вспотевший лоб и уселся на стул, как подсудимый, сказавший свое последнее слово, хмурый человек, не переставая улыбаться, поправил очки и сказал:

— Так! — Голос его с хрипотцой не предвещал ничего хорошего. — Грандиозно! Великолепно! — Он затянулся папироской и, переменяя тон на деловую скороговорку, неожиданно начал сыпать слова, как горох: — Но нужно ли весь этот подводный огород городить, дорогие мои? Знаете ли вы, какую площадь

занимает Дальневосточный край? — Хмурый человек поднялся и указал на карту, висевшую на стене. — Вот, полюбуйте!

— Видали! — не очень-то любезно ответил Ванюшка.

Хмурый человек посмотрел на него строго, как учитель на ученика, который перебивает учителя, и продолжал:

— Дальний Восток занимает площадь в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. Вы понимаете, какая это махина? Для примера можно сказать, что на поверхности Дальневосточного края укладываются Италия, Бельгия, Румыния, Португалия, Чехословакия, Финляндия, Дания, Франция, Германия, да еще останется излишек без малого в полмиллиона квадратных километров. А населения во всем крае меньше, чем в одной Москве! Если бы плотность Далькрая была такая, как, скажем, в Полтавщине, то есть около семидесяти пяти человек на квадратный километр, то в наших привольных местах можно было бы разместить сто семьдесят восемь миллионов пятьсот шестьдесят тысяч человек, — больше, чем во всем СССР! Есть где разойтись! Земли непочатый край. Мы еще далеко не освоили этого огромного участка земной суши. Пашите, насаждайте плантации, садите огороды, сколько вашей душе угодно. Устраивайте совхозы, колхозы, фермы. Не проще ли это, чем лезть под воду, чтобы насаждать морскую капусту? — И хмурый человек победоносно посмотрел на Ванюшку поверх очков. Ванюшка не сдавался.

— Но разве это противоречит одно другому? — спросил он. — Пусть кто хочет пашет землю, а мы хотим пахать дно океана, потому что это даст нам экспортный товар, валюту. Мы желаем использовать природные богатства края. Мы...

Но человек в очках был против «фантастических проектов».

Друзья ушли ни с чем. Сколько еще таких диспутов, стычек, разговоров пришлось им вести, прежде чем, наконец, необходимые суммы были отпущены! Рабкоры писали корреспонденции, шумели, «бузили». Волкову и Ванюшке пришлось побывать даже в Москве.

Глава 6

В «море-окияне»

Самый трудный и скучный период организации кончился. Дальше начиналось дело. В мае приехал Гузик с несколькими водолазными костюмами. Приезд этот был целым событием в жизни подводных земледельцев. Предстояла проба аппаратов. Гузик, Волков, Конобеев и Ванюшка выехали на катере. Океан был спокоен, погода отличная.

У друзей было веселое, радостное настроение. Расположившись на палубе катера, Гузик показывал аппараты и давал объяснения:

— Вот это — «летний» костюм. Он устроен по типу японских водолазных костюмов для небольшой, сравнительно, глубины — метров до семидесяти. Летним я его называю потому, что весь он состоит только из наносника с очками, фонаря да ранца-лаборатории, где аккумулятор превращает морскую воду в кислород. Надев такую маску на лицо и привязав ранец за спину, можно опускаться на дно голым, что, конечно, приятно лишь в теплое время года, когда тепла и океанская вода. В таком «костюме» из носа и очков вы будете иметь полную свободу движений. Для подводных работ это очень ценно. Этих аппаратов я привез пока парочку, но сделать их можно очень много в короткий срок.

— Заткнем за пояс японцев! — весело сказал Ванюшка, примеряя маску. — Хорошо! Очень хорошо! — хохотал он, поглядывая на себя в маленькое зеркальце. Конобеев протянул лапищу ко второму аппарату. Но Макара Ивановича ждало разочарование. Каучуковый наносник покрывал лишь самый кончик его носа — уж очень велик да мясист был нос Макара Ивановича.

— Не с твоим носом водолазом быть, Макар Иваныч! — шутил Ванюшка. — Этот нос семерым бог нес, одному достался. Впрочем, если отрезать с килограмм, то, может быть, и войдет.

— Однако нечего зубоскалить, — обидчиво отвечал Макар Иванович. — И ничего плохого нет. Сказано: чем носовитей, тем красовитей.

— Не печальтесь, Макар Иванович. Я вам сделаю аппарат по особому заказу. Каучука и на ваш нос хватит, — успокоил старика Гузик.

А оглашенный Ванюшка уже сверзился за борт в своей маске, нырнул, но скоро выплыл наружу, едва не задохнувшись. Он еще не привык вдыхать кислород носом, а выдыхать углекислоту ртом. К аппарату надо было привыкнуть.

— Успеешь еще наглотаться морской воды! — крикнул ему Гузик. — Лезь, слушай дальше!

Ванюшку подняли на борт.

— Харафо, только вода в рот лезет! — сказал Ванюшка.

— Это — «зимний» костюм, — продолжал свои пояснения Гузик. — Это, собственно, обычный водолазный костюм, если не считать того, что снабжение кислородом происходит из собственного «газогенератора». Но тут, впрочем, есть еще одно маленькое усовершенствование, — скромно заявил он. — В материи — подкладке костюма — имеются металлические нити, которые соединены с аккумулятором. Нити могут нагреваться и давать тепло. В таком костюме можно, не боясь схватить насморк, опускаться в ледяные волны Ледо-

витого океана или подниматься на высоту в десять тысяч километров над поверхностью Земли.

Наконец последнее — жесткий аппарат для подводных глубин, — продолжал Гузик. — В нем можно погружаться на триста метров и более. Он снабжен особо сильными фонарями. Не знаю, понадобится ли вам этот аппарат. Ведь уже на глубине пятидесяти метров дно опустевает, а на глубине четырехсот — нет крупных водорослей. Морская флора сосредоточена на узкой полосе, идущей не далее полутора морских миль от берега. А дальше и глубже все бесконечное протяжение дна морей является пустыней, лишенной всякой растительности.

— Да, но нам жесткий аппарат может понадобиться для исследовательских целей. В конце концов дно океана изучено далеко не полно, — возразил Волков.

В тот раз на дно моря погружались Волков и Ванюшка, а толстоносый Конобеев только с завистью смотрел на них и кричал с таким огорченным видом, что Гузику стало жаль старика, и он обещал изготовить наносник кустарным способом здесь же, на месте, в своей временной лаборатории.

И уже в следующую поездку Конобеев с удовольствием натянул на свой грушевидный нос черную резиновую покрышку. В больших очках, с огромным черным носом, с седой бородкой и длинными усами он выглядел необычайно комичным.

— Прямо водяной! — кричал Ванюшка, покатываясь со смеху.

— Еще поважнее, сам Нептун — морской бог! — отзывался Волков, вторя Ванюшке.

— Нептун Иваныч! Здорово!

Так и пошло за Конобеевым этот «Нептун Иваныч».

* * *

Рыбаки и охотники живут в мире случая, удачи, риска, приключения, неожиданности. Это накладывает особый отпечаток на их психологию. Будничная обстановка, лишенная острых переживаний, неожиданностей и риска, кажется им скучной и пресной. Им нужна вечная игра с огнем, опасностями; им нужна новизна и острота впечатлений. Таков был и старик Конобеев. Охотничьи чувства и инстинкты с годами не угасали, а сильнее разгорались в нем. Его серые глаза под мохнатыми черными бровями оживали, загорались искрами, когда ему приходилось бороться с волнами или диким зверем. И вот теперь предстояло ему новое удовольствие, неиспытанное ощущение, быть может, целая цепь новых приключений. Бедная Марфа Захаровна! Ее ждали новые испытания, новая полоса одиночества. Когда ее спрашивали, где муж, она лишь безнадежно махала рукой.

Конобееву предстояло опуститься на дно океана, того самого океана, который безжалостно поглощал рыбаков, их сети и добычу; отправиться в гости к рыбам, посмотреть, как они там живут-поживают. В водолазной полумаске Конобеев чувствовал себя сказочным морским царем. Гузик, несколько волнуясь, объяснял старику, как надо вдыхать и выдыхать воздух, но Конобеев отмахивался с таким видом, словно он всю жизнь ходил в этой полумаске и родился на дне океана.

— Однако не задохнись! — говорил он. — Вот только одно плохо: курить там нельзя. Сделай милость, Микола, придумай как-нибудь, чтобы я с трубкой

мог ходить. — Гузик, смеясь, обещал придумать.

Конобеев хорошо помнит, как он впервые в рубахе и портах (так старик считал приличнее — трусов он не признавал) опустился на дно океана. Вода была прохладная и приятно покалывала закаленное тело, заставляя двигаться быстрее, как на морозе. С дыханием Макар Иванович — отличный пловец и нырец — скоро справился, пуская через рот струю пузырей. По этим пузырям в штиль с поверхности легко было определить, где находится водолаз.

Погрузившись в таинственный полумрак морского дна, Макар Иванович от удовольствия фыркнул и зашагал в глубину. Засветил фонарь. На свет собралось невероятное количество рыб посмотреть на невиданное зрелище. Они оказались любопытными не меньше людей.

«Рыб-то, рыб сколько! — думал Конобеев, приходя в рыболовный восторг и хватая их прямо руками. — Экая досада, сети не захватил! Однако теперь вы от меня не уйдете!» — И он шагал по подводному лесу водорослей, окруженный полчищами рыб, блестящих боками при повороте, как серебряные ножи. Это было так забавно, необычайно и красиво, что Конобеев вдруг, забыв, где он находится, загоготал во всю силу легких, пустив на поверхности столько пузырей, что сидевшие на катере серьезно обеспокоились за старика. Правда, пузыри вскоре начали появляться регулярно, но они удалялись все дальше и дальше. Скоро их не стало видно.

Конобеев для первого раза гулял несколько часов подряд, почти до захода солнца. Вернулся возбужденный, сияющий.

— Ну и жизнь под водой, однако! — сказал он. — И зачем это люди на земле живут, а не в море-окияне?

Глава 7 Тайфун

Как ни приятно было бродить во неизведанных тропах подводной тайги, Макару Ивановичу пришлось сдерживать свои охотничьи страсти и приняться за дело. А работы было хоть отбавляй.

Японские рыболовы и браконьеры, шнырявшие у наших берегов, с удивлением и неудовольствием поглядывали на большую белую палатку, которая появилась в одну ночь на берегу небольшой реки, впадающей в океан. Это был «главный штаб», где жили Ванюшка и Волков. Скоро рядом с этой палаткой появились другие; через несколько дней на берег было навезено много досок, бревен, кирпичей. Завизжали пилы, застучали топоры. Стали расти временные бараки.

В числе приглашенных рабочих было много японцев и китайцев, которые должны были готовить капусту так, как она готовится у них на родине. А русские рабочие учились у японцев и китайцев. Волков заботился о том, чтобы экспортный товар удовлетворял всем требованиям зарубежных потребителей морской капусты. Извлеченные из воды водоросли промывали в особых чанах, очищали от песка и ила, сортировали вручную, еще раз очищали, мелко изрезывали и клали ровными слоями определенного размера на бамбуковых циновках, разостланных на открытом воздухе в наклонном положении. Из этих слоев водорослей получались сухие пластины. Высушенные пластины, склеившиеся в желатинообразную массу, отдирались от циновки и

прессовались для придания им равномерной толщины. Плитки в 25х30 сантиметров складывались по десяти штук и аккуратно связывались. Волков обращал большое внимание на то, чтобы плитки были приготовлены аккуратно и одинаково, как плитки шоколада.

Задумчивый Гузик, постояв однажды на берегу, где производились эти работы, сказал:

— Человеческие руки хорошо устроены, но их можно было бы устроить еще лучше. — И, посидев несколько вечеров над чертежами и расчетами, он придумал несложные, но очень целесообразно устроенные машины для сортировки и резки водорослей. После этого работа пошла еще быстрее и аккуратнее.

Старания Волкова и Гузика увенчались успехом. Японские и китайские покупатели-оптовики скоро оценили качество советской заготовки и начали предъявлять усиленный спрос. Старые купцы-японцы, получив образцы, долго мяли в руках гибкие, тонкие, как писчая бумага, пластинки, присматриваясь к пурпурно-коричневому цвету со светлыми крапинками и слегка блестящей поверхности, взвешивали на руке, нюхали, пробовали на зуб, любовались аккуратной обработкой и упаковкой — и заявляли:

— Да, это хорошо!

Скоро пришлось удвоить, утроить, удесятерить число рабочих. Работа кипела. Водоросли, выброшенные бурями и волнами на берег, также не пропадали. Их пережигали в золу, добывая щелочи, или отвозили на небольшой завод для добывания йода. За первые полгода завод дал более двух тысяч килограммов выхода йода.

Однако добывать водоросли приходилось пока почти исключительно старым японским способом на сравнительно мелких местах: рабочие на лодках скользили вдоль берегов с шестами в руках. На конце шестов были крючья, которыми водоросли зацеплялись и извлекались на поверхность и укладывались на лодку, пока она не наполнялась доверху. Добычу отвозили на берег и снова отплывали «щипать траву», как говорил Ванюшка. Ему не терпелось скорее перенести работу на дно и пустить в ход подводные сельскохозяйственные машины: тракторы, косилки...

Волков, Ванюшка, Гузик и Конобеев ежедневно опускались в водолазных костюмах на дно океана и ходили по своим будущим подводным плантациям, производя нивелировочные и землемерные работы.

С первых же шагов выяснилось, какие огромные перспективы открывает водолазная обработка. В то время как японцы своим обычным способом могли обрабатывать плантации на небольшой глубине в три-пять метров, подводные земледельцы, снабженные гузиковскими водолажными костюмами, имели возможность работать на глубине нескольких десятков метров. А это расширяло площадь подводной агрикультуры на многие тысячи гектаров. Огромные пространства на глубине двадцати — пятидесяти метров не нужно было и засеивать: они уже были покрыты густыми зарослями водорослей, богатых йодом.

Летом, в конце июня, разразился сильнейший тайфун. Конобеев первый предсказал его приближение по таинственным, одному ему известным приметам. Накануне он долго смотрел на безоблачное небо, на синюю спокойную гладь океана, нюхал воздух, раздувая ноздри мясистого, поросшего волосами

носа, качал головой и ворчал:

— Будет буря, однако. Тайфун идет. Надо бы убрать палатку.

— Мы укрепим ее, — беспечно сказал Ванюшка. Конобеев махнул безнадежно рукой:

— Чем укрепить-то, однако? Тайфун деревья с корнем выворачивает, а не то что закрепы. Уходить надо. В пещеру уходить.

Гузик обеспокоился за свои инструменты — в его палатке находилась походная лаборатория и много ценных точных приборов и аппаратов. Недалеко от берега была гора с большой пещерой, куда Гузик и перенес свои сокровища. Скептик Волков не пожелал двинуться с места, хотя Конобееву удалось все же настоять на том, чтобы убрали в пещеру водолазные костюмы.

Ночь была тихая, душная, влажная. Ни один лист не дрожал на дереве. Природа словно замерла в ожидании. Волков сидел в своей палатке и при свете электрической лампы, питаемой все тем же аккумулятором, работал, склонившись над простым сосновым столом. Ванюшка на другом столе щелкал на счетах, одновременно слушая радиопередачу. Вдруг он приподнял голову и палец, которым считал, и посмотрел на Волкова.

Прядь тонких рыжеватых волос спустилась на лоб Волкова, голубые глаза при свете лампочки казались почти синими. Тень углубляла шрам на щеке. Губы были плотно сжаты, лоб изборожден легкими складками, говорившими о большом напряжении мысли. Ванюшка сидел не шелохнувшись, с приподнятым средним пальцем правой руки. Потом вдруг соскочил со стула и бросился к Волкову, забыв снять с головы радионаушники. Он потянул за собой радиоприемник и едва не разбил лампы.

— Семен Алексеевич! Макар Иваныч правду сказал! — воскликнул Ванюшка взволнованным и несколько торжественным голосом.

— Не мешай, Иоганн, — отозвался Волков и зашевелил губами, собирая рассеянные мысли.

— Семен Алексеевич! — не отставал Ванюшка. — Складывайте манатки и айда в пещеру к Гузику! Тайфун идет! Сейчас зародился восточнее Филиппинских островов семнадцатого июня. Первые дни он шел довольно медленно и к двадцать второму июня дошел только до берегов Китая. Здесь он изменил северо-западное направление и, повернув на северо-восток, двинулся уже с очень большой скоростью. Двадцать третьего он пронесся над Кореей, вызвав очень сильные ливни, а завтра, двадцать четвертого, его ждут у наших берегов. Вот, фут возьми! Макар-то Иваныч? Ему и радио не надо! Нюхом чует, своим волосатым носом. — Ванюшка помолчал, и, когда заговорил вновь, его голос звучал еще тревожнее и торжественнее: — Семен Алексеевич! Идет тайфун. Слышите? А? Фумит лес? Вот, фут возьми, как гудит!

Волков прислушался. У палатки ветра еще не было, но приближался странный гул, как будто где-то поблизости проходила градовая туча. Вошел Конобеев. Он был спокоен, как всегда. Сколько тайфунов он видел на своем веку, и на берегу и в открытом море, в углу рыбачьем суденышке! Брови старика сдвинулись сурово, и больше обыкновенного топорщились усы.

— Однако собирайся, Семен Алексеевич! — просто сказал он. И, не ожидая ответа, начал быстро загребать огромными ручищами вещи и уносить их. Волков крякнул и принялся помогать.

Гул увеличивался. Океан тяжело вздыхал и издавал новые необычные зву-

ки — «аах! аах!» — будто сердился, что его, старика, будит взбалмошный ветер. И все глубже и выше колебалась его поросшая пенистыми волнами грудь. Но старику-океану не суждено было заснуть в эту ночь. Небо еще сверкало звездами и молодым месяцем, как будто вымытым, — такой он был чистый и прозрачный. А Конобеев торопил.

— Может быть, пройдет стороной? — спросил Волков. Ему не хотелось разорять палатку.

— Однако поторапливайся! — вместо ответа проворчал Конобеев, нагружая себя двумя столами, четырьмя стульями и складной кроватью.

Когда Волков отнес вещи в пещеру и возвращался в палатку за другими, месяц уже не казался чисто вымытым. Он стал тусклым и как будто пожелтел. Рванул первый порыв ветра.

А старик-океан уже ворчал: «Ага! Ага!» Наконец-то ты явился, тайфун!

Да, он явился. Его ждали, и все же его появление было неожиданно. Он во мгновение ока смахнул звезды, разлил по небу, как спрут сепию, свинцовые тучи, забросил куда-то потускневший месяц, нажал воздушной лапой на землю, сплющил леса, хлестнул потоками воды, смешал границы неба и земли в круговороте водяных и воздушных столбов, свил сотни тысяч тонн воды, неба и океана в жгуты, связал узелком, в несколько минут ввергнул природу в первозданный хаос... Барометр пал до семисот сорока — «лежал в обмороке».

Волков стоял у входа в пещеру, когда мимо него пронеслось, как быстро мелькнувшее крыло чайки, вытянувшееся во всю длину полотнище палатки, которую так и не успели снять. Вместе с ним были унесены пальто, одеяло и землемерные инструменты Волкова. Треножник был найден много дней спустя закинутым на вершину высокой ели, в десятке километров от места стоянки. Зато осторожный Гузик торжествовал: он сохранил все инструменты.

Конобеев уютно устроился в уголке большой пещеры и крепко уснул под завывание ветра и шум дождя. А Ванюшка не мог спать. На него тайфун действовал возбуждающе, как гроза, как пожар, как все выходящее из ряда вон. Ему было жутко и весело. Хотелось петь, кричать, двигаться. Надо было что-нибудь придумать, дать разрядиться нервному напряжению. Наружу не выглянешь — унесет, как палатку. А что, если пойти осматривать пещеру? Ванюшка предложил Гузику. Но тот уже погрузился в свою созерцательную нирвану, долго отвечал невпопад, пока не понял, чего от него требуют, и достаточно вразумительно ответил:

— Не мешай, я обдумываю!

Волков также отказался. Конобеев спал. Ванюшка недовольно крикнул.

— В таком случае я пойду один.

Он надел на спину ранец с аккумулятором и привязал к голове фонарь. Подумав немного, надел и наносник с очками.

Фонарь ярко вспыхнул, осветив темные зеленоватые своды пещеры.

— Прощайте, иду! — сказал Ванюшка и зашагал в глубину.

Глава 8

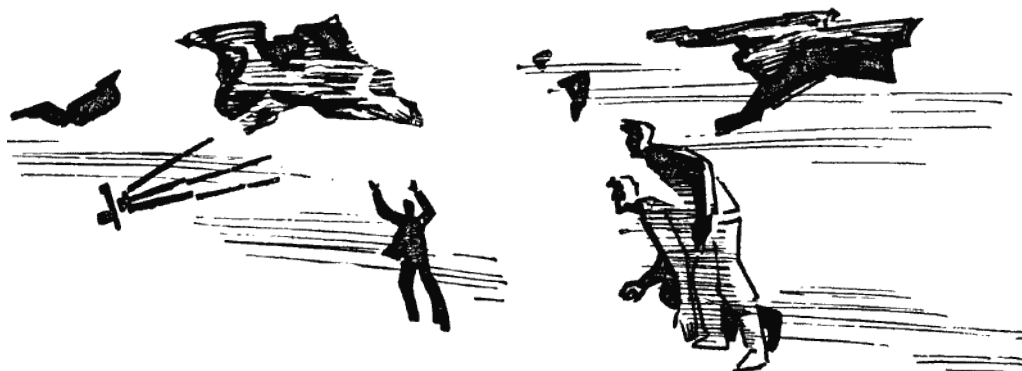
Пещерное эхо

Под сводами царила тишина. Уши были свободны от наушников, и Ванюшка слышал, как эхо перебрасывало шум шагов от стены к стене. Странное эхо! Как будто он не один шел в пещере, а несколько человек шагали впереди, сзади, с боков... Вот в такой обстановке зарождались легенды о духах, двойниках, привидениях. Ванюшка не верил всему этому и все же почувствовал холодок в спине, когда, крикнув, услышал многоголосое эхо: пещера играла звуками, перебрасывая их, как мяч.

— Ох! — крикнул Ванюшка.

«Ох! Ох! Ох! Ох! Ох! Ох!» — застонала пещера.

Ванюшка принужденно засмеялся, пещера подхватила его смех, унося раскаты его все дальше, пока они не замерли где-то далеко...



Хорошо, что у Ванюшки такая сильная лампа! При ярком свете не страшно.

Чем дальше Ванюшка подвигался вперед, тем наряднее, богаче, красивее становились стены пещеры. Фантастическими кружевами спускались с потолка сталактиты. Со дна пещеры навстречу им поднимались острия сталагмитов. Кое-где сталактиты встречались со сталагмитами, образуя вычурные колонны, напоминавшие китайскую резьбу по слоновой кости.

Пещера то суживалась, то расширялась. Ее своды иногда нависали так низко, что Ванюшке приходилось нагибать голову, и потом неожиданно поднимались высоко вверх, как в готическом храме. В обширных и высоких залах зияли темные входные провалы, расходящиеся в разные стороны коридоров. Ванюшка, чтобы не заблудиться, решил всегда поворачивать в крайний левый проход. Несколько раз он заходил в тупики, выбирался из них и снова поворачивал влево. Наконец дошел до большой пещеры, стены которой были покрыты зеленоватыми, розовыми и красными кристаллами. Кое-где эти кристаллы горели, как капли крови, в иных местах светились изумрудом молодой травы. Ванюшка залюбовался невиданным зрелищем.

«Может быть, все это — драгоценные камни. Вот богатство, фут возьми!» — думал Ванюшка, медленно направляя свет фонаря то в одну, то в другую сторону. Осветив почву под ногами, он увидел каменистый спуск, отлого бегущий вниз. В глубине, в стене было темное отверстие. «Подземный ход!» — подумал Ванюшка. Он смело двинулся вниз и вдруг вскрикнул от неожиданности. Ноги коснулись совершенно невидимой холодной воды или чего-то такого же холодного, как вода. Холодный газ? Ванюшка ударил ногой — и фонтаном взлетели сверкающие брызги. Да, это вода! Еще никогда в жизни Ванюш-

ке не приходилось видеть такой чистой, прозрачной воды. Она была прозрачнее самого лучшего стекла. Дно подземного озера было видно на всем протяжении до малейшего камушка. Из этой пещеры был только один выход — назад, если не считать темного отверстия под водой, ведущего куда-то под землю. А что, если пойти вперед, в это темное отверстие?

Ванюшка еще раз попробовал воду. Холодна! Но ведь он привык к купанию. Надо только сразу окунуться!

Ванюшка прикрепил наносник, соединил трубки с аппаратом, вырабатывающим кислород, и бросился в воду. Вода тотчас наполнила резервуар в ранце, и аппарат начал выделять кислород.

Вода была так холодна, что Ванюшка едва не выбежал на берег, но усилием воли сдержал себя и заставил продвигаться вперед.

Вход в подземный туннель был довольно низкий. Ванюшке пришлось согнуться. Фонарь освещал гранитные стены, которые сжимались все теснее. Ванюшка то плыл, то полз на четвереньках. В одном месте возникло опасение, что не удастся пролезть дальше. Но когда это узкое место было преодолено, туннель начал быстро расширяться. Стены раздвигались, свод поднялся выше уровня воды. Ванюшка всплыл на поверхность и увидел, что он находится в огромной пещере, наполненной водой. Свисавшие с потолка пещеры сталактиты напоминали странных чудовищ. Чудовища тянулись к воде и отражались в ней; дно из серо-зеленого камня было видно совершенно отчетливо. Множество рыб плавало в этом подземном озере, где не имелось никакой растительности. Чем питались эти рыбы, помимо пожирания себе подобных? Ванюшка поймал рукой одну рыбу странного вида — колючую, сухую, негибкую — и убедился, что она была совершенно слепа. Вместо глаз у нее были только небольшие углубления. Все рыбы этого озера, никогда не видящего света, были слепы! Ванюшка обследовал стены пещеры под водой и убедился, что они имеют несколько боковых каналов, через которые беспрестанно врывались и выплывали рыбы. Быть может, по соседству имелись водоемы, которые содержали все необходимое для поддержания жизни этого слепого царства.

Переплыв озеро, Ванюшка вышел на берег и пошел по огромному, все суживающемуся туннелю. И вдруг он вздрогнул и остановился, к чему-то внимательно прислушиваясь. Нет, все тихо. Ему померещилось. Это, вероятно, капризы эха. Разве здесь могут быть люди? Ванюшка сделал еще несколько шагов вперед и снова остановился. На этот раз до него достаточно отчетливо донеслись заглушенные расстоянием человеческие голоса — как будто мужской и женский, — о чем-то спорившие. Кто они, эти люди, и где они находятся? Как могли пробраться сюда? Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Он решил подкрасться незамеченным и понаблюдать за неизвестными. Закрыв ладонью свет фонаря, оставив только маленький лучик, и, осторожно ступая, направился в сторону, откуда доносились голоса.

Голоса раздавались все яснее, все ближе, а перед Ванюшкой были только бесплодные, мертвые своды пещеры. Впереди виднелась каменная гряда, не доходившая до верха пещеры. За прикрытием этой гряды Ванюшка мог подойти незамеченным на близкое расстояние. Теперь уже можно было разобрать отдельные слова.

— Смотрите, Борис Григорьевич, какой странный беловатый отсвет на сво-

де пещеры! — сказал женский голос.

Ванюшка невольно поднял голову вверх и увидел, что один луч прикрытого рукою фонаря дает небольшой отблеск на своде пещеры. Этот отблеск и был замечен кем-то, находящимся по другую сторону каменной гряды. Ванюшка поспешил погасить фонарь. В то же время он заметил колеблющийся, то усиливающийся, то меркнувший красноватый свет на сводах пещеры. Такой свет мог исходить только от костра.

— Это тебе показалось, — ответил мужской низкий голос. — Игра теней... Да, так я и говорю, — продолжал мужской голос после небольшой паузы. — Меня, как чеховского Епиходова, преследуют двадцать два несчастья...

Ванюшка слышал не только человеческие голоса, но и доносившиеся откуда-то гуденье, шум ветра, завывание бури... Все объяснялось просто; Ванюшка, сделав дугу, заворачивал все время налево, должен был выйти к краю горной цепи, в которой находились пещеры. В горах, очевидно, имелось несколько пещер, соединенных друг с другом внутренними переходами. В одну из этих пещер и зашли люди, укрываясь от бури, так же как и Ванюшкины приятели. Но что же это за люди?! Ванюшка подкрался к самому краю скалистой гряды и заглянул, укрываясь меж камней.

Он увидел большую пещеру. Через узкое входное отверстие врывался ветер и колебал пламя костра. Ближе к выходу, у костра, лежал человек, прикрытый рваным тулупчиком; судя по ногам в синих штанах и китайской обуви, это был китаец. По другую сторону костра сидел высокий широкоплечий человек — лысый, с коротко подстриженными усами и черными бровями. Человек этот держал на палке над костром чайник.

«Чудак, — подумал Ванюшка. — И чай-то толком не умеет вскипятить, а тоже, по пещерам шляется».

А еще ближе к Ванюшке на фоне пламени костра четко выделялась фигура женщины или девушки, среднего роста, хорошо сложенной, в короткой юбке и кепи на голове. Ванюшка видел только черный силуэт. Подбоченясь и подняв голову вверх, девушка смотрела на свод пещеры, очевидно ожидая, не повторится ли странное световое явление.

«Молодая и, наверное, красивая», — решил Ванюшка.

Не опуская приподнятой головы, девушка сделала несколько шагов вперед и вдруг вскрикнула: ее ноги коснулись холодной, прозрачной до невидимости воды.

— Здесь вода! Кто бы мог думать? — сказала девушка удивленно, отдергивая ногу.

«И ты попала на этот фокус, голубушка», — подумал Ванюшка и, не сдержавшись, тихо засмеялся.

— Ах! — испуганно вскрикнула девушка. — Тут кто-то есть! Я слышала смех.

— Тебе все мерещится, Аленка. Я не думал, что ты такая трусиха, — сказал мужчина с чайником. — Ты бы лучше помогла мне держать чайник. Рука устала. Это эхо здесь такое. Ты крикнула, эхо повторило.

— Но я крикнула «ах», а эхо повторило «ха-ха-ха», — наоборот, да еще в кубе. Так не бывает.

— А ну-ка, крикни! — предложил мужчина. Девушка снова крикнула коротко и отрывисто: «Ах!» Ванюшке пришла мысль позабавиться. Он вдруг от-

ветил, понижая тон: «Ах-ах!»

Девушка подняла руки к голове, а мужчина уронил чайник в костер. Китаец под рваным полушубком заворочался, приподнялся и стал прислушиваться.

— Странное эхо! — сказал мужчина, стараясь палкой подцепить чайник за ручку. — Какое несчастье! Аленка! Из-за твоего эха я уронил чайник.

— Это не эхо, — ответила девушка. — Эхо не может изменять высоту тона. Здесь есть человек. — И, сделав несколько шагов вперед, она спросила: — Кто там?



Ванюшка тихо застонал, потом вдруг показал из-за камней свой большой черный нос и круглые стекла очков. Девушка крикнула и подалась назад. Китаец с причитаниями выбежал из пещеры; мужчина у костра сидел, широко раскрыв глаза и даже приоткрыв рот. Потом пошарил у себя в заднем кармане, вынул револьвер, схватил горящую головню и бросился к каменной гряде, за которой скрывался Ванюшка.

Что делать? Крикнуть «не стреляйте» или же убежать? Ванюшка решил до конца играть роль «пещерного духа». Он вдруг побежал к озеру и бросился в воду.

Опустившись на дно, обернулся к берегу и смотрел, что будет. Мужчина подбежал к воде, прицелился и выстрелил. Благодаря преломлению лучей в воде пуля не попала в цель. Ванюшка замахал руками, повернулся и исчез в туннеле.

«Завтра я увижу этих людей и расскажу им все, — подумал он. — А пока пусть поудивляются».

Ванюшка вернулся в пещеру, где находились Волков, Гузик и Конобеев.

Макар Иванович продолжал храпеть; Гузик, как статуя Будды, сидел с поджатыми ногами и с неподвижным взглядом, устремленным в космические глубины. Волков задремал рядом с Конобеевым, но проснулся при входе Ванюшки.

— Где ты шатался? — спросил он.

Ванюшка многозначительно махнул рукой:

— Такие дела, Семен Алексеевич! Я теперь не человек, а пещерное эхо. Завтра все расскажу, а теперь спать!.. — И, быстро сняв с себя водолазный аппарат, Ванюшка улегся.

Скоро его храп присоединился к храпу Макара Ивановича.

Глава 9

На плечах тайфуна

Утром ветер утих, но океан ревел и бушевал с ужасной силой. Пришлось ночевать в пещере. За утренним чаем Ванюшка рассказал о своем ночном приключении в подземных лабиринтах. Он решил, несмотря на дождь, сейчас же отправиться на поиски вчерашних людей, которых он так озадачил, и познакомиться с ними. Стройный силуэт девушки на фоне костра не выходил у него из головы. Этот силуэт рисовался ему на скалах, тучах, далеких горах — везде...

В дождь гораздо приятнее было бы путешествовать в одних трусах, но Ванюшка принарядился: надел длинные брюки, желтые ботинки и толстовку. Этот необычайный для такой погоды наряд заставил даже Гузика спуститься со своих надзвездных высот, чтобы выразить удивление, Волков делал вид, что не замечает желтых башмаков Ванюшки, а Конобеев хлопнул веслами-руками по бедрам и сказал кратко свое любимое:

— Однако!

Нагибаясь под сильными струями дождя, Ванюшка отправился бродить по окрестным пещерам. Без особого труда удалось найти ту, в которой он видел ночью людей у костра. Но увы! Теперь в этой пещере никого не было. Зола костра была еще теплая. На черных углях валялся распаявшийся чайник. Консервная банка «бычки в томате», пустая коробочка из-под папирос, кусочек бечевы — вот все, что осталось от неизвестных путешественников. Да у самого выхода Ванюшка нашел китайскую туфлю. Испуганный китаец, очевидно, уронив ее с ноги во время бегства, уже не осмелился вернуться за нею. Теперь про эту пещеру, наверное, будет сложена легенда!..

Ванюшка обошел пещеру несколько раз, осмотрел все уголки за каменной грядой... Пусто! И никаких следов, которые указали бы, куда направились путники. Неужели он, Ванюшка, так напугал их, что они ушли, не дожидаясь рассвета? И зачем он не познакомился с ними вчера ночью? Ванюшка не мог простить себе этого.

Вернулся он в свою пещеру весь мокрый, грязный, усталый и раздраженный. Походил из угла в угол и вдруг заявил, что сейчас опустится на дно моря.

— Да ты и до воды не доберешься! Посмотри, что опять делается, — сказал Волков, указывая на выходное отверстие пещеры. Сквозь частую сетку дождя виден был бушующий океан и дрожащие под страшным напором ветра деревья.

— Очень просто дойду, — упрямо ответил Ванюшка. — Ходил же я пещеру искать.

— Тогда было тише, а сейчас опять разыгралось.

— Зато на дне тихо. Рыбы небось и не знают, что тут творится. Семен Алексеевич, да как и не идти-то? Ведь сами знаете, тайфуны как зарядят, так и пойдут крутить. Шутка сказать, от июня до ноября они вертят! Правда, не беспрерывно, а все-таки дуют да дуют. Так что же, мы все это время сложа руки сидеть будем? И так вся работа на берегу остановилась. Как хотите, а я пойду. Не сидится мне.

Ванюшка взял черный наносник и очки.

— Надень по крайней мере полужесткий водолазный костюм, — посоветовал Волков. — Посмотри, целые водяные горы обрушиваются на берег. Они разможат тебя, раздавят, как яичную скорлупу.

— Что правда, то правда, — ответил Ванюшка и влез в полужесткий костюм, облегаяющий тело. Особенностью этого водолазного костюма была жесткая оболочка у груди, принимающая на себя давление воды.

— До свидания, товарищи! — сказал Ванюшка и надел на голову скафандр. Волков помог ему прикрепить ранец с аппаратом, доставляющим в скафандр кислород. Ванюшка тронулся в путь.

Между падением на берег волн проходило всего несколько секунд. За этот короткий промежуток времени Ванюшка хотел добраться до волнореза. Но об этом нечего было и думать. Тяжелые свинцовые подошвы и не менее тяжелый свинцовый костюм связывали свободу движений на поверхности земли. Ванюшка походил вдоль берега и, махнув рукой, направился обратно. Однако Волков ошибся, думая, что благоразумие победило. Ванюшка отошел от берега и, сделав дугу, взошел на высокий обрыв. У подножия обрыва была довольно большая глубина, и Ванюшка не раз бросался здесь в воду и нырял. Теперь он решил использовать это место, чтобы опуститься на дно, избегая столкновения с волнами.

Ванюшка переждал, когда волна разбилась об утес, и бросился вниз. Это было тоже рискованно. Следующая волна, если бы он не успел опуститься достаточно глубоко, могла разбить его об утес. Волков внимательно смотрел, стоя у входа в пещеру, на волны. Ванюшки не видно. Он, очевидно, погрузился в глубину.

— Однако глянь-ка на небо! — услышал Волков голос Макара Ивановича. Волков поднял глаза вверх по указанному рукой Конобеева направлению.

Среди косматых волнующихся свинцовых туч образовалось зловещее темное пятно. Пятно все увеличивалось — и вдруг из центра его показалась воронка, которая, вращаясь с ужасающей быстротой, начала спускаться все ниже и ниже, как хобот чудовищного животного. В то же время на поверхности океана под черным облаком кто-то невидимый смешал волны в одну клокочущую массу. Масса эта, вращаясь со все ускоряющейся быстротой, начала выпучиваться, превращаясь в воронку, обращенную заостренным концом вверх, и поднимаясь навстречу воронке, спускавшейся с неба.

— Смерч! — сказал Волков. Ему уже приходилось видеть смерчи — постоянные спутники тайфуна. Но на этот раз зрелище было на редкость интересное.

Обе воронки — спускающаяся из черного облака и поднимающаяся с поверхности океана — соединились, образовав гигантский водяной столб, расширявшийся внизу и вверху. Этот столб двигался по поверхности океана со скоростью тридцати пяти километров в час. Посмотрев на верхний конец водяного столба, Волков увидел, что в том месте, где этот столб вливался в тучи, он как бы переходил в очень длинную водяную трубу, которая резко выделялась своим более светлым цветом на черном фоне тучи. Эта труба непрерывно извивалась, как огромная змея. Иногда «змея» завивалась узлом, и на этом месте Волков видел черный круг с еще более черной точкой посередине. Эта водяная труба была в полтора раза длиннее самого смерча и пропадала где-то далеко в облаках. Жутко было смотреть на страшную вращающуюся водяную змею. Вот смерч побледнел, труба разорвалась у верхнего конца, и в то же вре-

мя порвался смерч у нижнего конца. Нижняя воронка сровнялась с поверхностью океана, а верхняя, крутясь, поднялась к облакам и скрылась в черной туче... Через несколько минут явление повторилось, — снова гигантский столб двигался по поверхности взбаламученного океана. И еще раз смерч порвался, причем нижняя его воронка, постепенно опускаясь, помчалась по направлению к берегу и там разбилась. Было видно, как эта воронка налетела на берег и упала на высокий склон. Целая Ниагара воды вдруг забушевала на склонах берега, ниспадая в океан.

— Однако врагу не пожелаешь быть в это время в океане, — сказал Конобеев. — А приходилось.

Через двадцать минут смерчи исчезли. Небо очистилось. Далеко на востоке еще виднелся один столб, наклонившийся и медленно, словно с трудом, двигавшийся на север. Вот и он побледнел, разорвался внизу и исчез.

Тучи быстро уносило на север. Скоро выглянуло солнце. А к обеду небо было уже безоблачно, ветер утих, лишь океан продолжал бросать на берег волну за волной.

Ванюшка к обеду не вернулся. Проходил час за часом, его все не было. Волков, Гузик и Конобеев начали беспокоиться. Конобеев решил отправиться на поиски, хотя найти Ванюшку на дне океана было не легче, чем иголку в сене.

— Однако, может быть, его разбило волной около утеса! — говорил Конобеев. — Поищу! — И Конобеев опустился в водолазном костюме с того же места, с которого прыгнул в воду Ванюшка. Обшарил все дно вокруг утеса, но Ванюшки не нашел.

А к вечеру, при закате солнца, Ванюшку принесли на самодельных носилках рабочие промысла. Они нашли его в десятке километров от пещеры.

Когда Ванюшка окончательно пришел в себя, то рассказал своим друзьям, что произошло с ним.

— Не всякому человеку удастся покататься на спине тайфуна и остаться в живых, — так начал он рассказ о своем необычайном приключении. — Спрыгнул я в глубину благополучно и пошел. Фонаря не зажигал, — он мало помог бы мне в мутной от песка и ила воде. Добрался до котловины, которая находится метрах в сорока от берега, знаете? Там было совсем тихо. Вода почти не двигалась. Буря катилась над моей головой. Я спокойно пошел по дну. «Теперь можно зажечь фонарь», — подумал я. Нажал кнопку. И, как вы думаете, что я увидел? Фут возьми, рыб! Видимо-невидимо! Их было здесь столько, что мне положительно приходилось проталкиваться через них, как будто я попал в сельдяную бочку. Понимаете? Они набились сюда в котловину из боязни, что буря выбросит их на берег. Умная тварь, хоть и не говорит! Тут и сельди, и треска, и горбуша, и иваси, разные жесткоперые, и большие, и малые. И даже не гоняются друг за другом — не до этого: животы спасают.

А уж сколько там водорослей в этой котловине — уйма! Прямо получился котел ухи с капустой. И водоросли не движутся, тихо. Разве только какую водоросль рыба большая двинет, тогда бурые ленты чуть шелохнутся и опять замрут. Иду я, иду, рыбки передо мной бочками сверкают серебряными, синими, медными, красными, иду и радуюсь. Как это хорошо выходит: там, над толловой, светопреставление, а у меня тут тишь да гладь, и я сухой хожу! Тепло мне и сухо. Вот, думаю, отсижусь тут, пока рыбы наверх полезут, тогда, значит, будет ясно, что буре конец.

Прошел я несколько шагов и стал замечать, что как будто откуда-то ветерком понесло. Тихо-тихо начали водоросли в одну сторону поворачиваться, и у рыбок какое-то беспокойство замечается. Все они повернулись навстречу ветерку и зашевелились тревожно, будто шепчутся. Откуда, думаю, водяным ветерком потянуло? Может быть, я в такую струю попал? Вернулся назад метров на пять — ничего подобного. То есть я хочу сказать, что и здесь ветерок. Значит, дело не в струе, а в том, что почему-то вся вода в котловине в движение пришла, как будто кто большой ложкой мешать начал. И чем дальше, тем больше. И все в одну сторону. Натягиваются струнами ленты водорослей, работают рыбки плавниками, как корабельный винт во время шторма, а их все относит, и меня вместе с ними. Попробовал идти против течения. Куда тут!

Неужели, думаю, и здесь придется отлеживаться? Не иначе. Не успел я лечь, как вдруг сильное течение приподняло меня от земли и потянуло куда-то в сторону. Я руками, ногами за землю, за водоросли — ничего не помогает. Несет меня вместе со всем рыбным народом в неизвестном направлении, заворачивает по кругу, ровно на карусели.

Тут, должен вам признаться, растерялся я маленько, фонарь погасить забыл, хоть и не помогал он мне в таком происшествии. В глазах зарябило; рыбы, водоросли в один переплет сплелись.

Ну и покатался же я тут!.. Как чайника в стакане чая, когда ложкой быстро сахар размешивают, так и я летал. Хорошо, что дух не захватывало, потому что кислород у меня собственный. А сердце замирало, скрывать не стану.

И вдруг чувствую я, что меня не только крутит, но и поднимает, прямо как по штопору вверх. Что за притча такая?.. И вдруг на одно мгновение вижу я дневной свет. И вижу, что высунулась моя голова из водяного столба, который над морем поднялся и вертится, и я верчусь вместе с ним. Увидел я берег и горы с лесом, и разбитый рыбацкий челн на берегу и опять нырнул внутрь столба водяного. А меня так закрутило, что я ноги и руки подобрал поближе к телу, того и гляди оторвет. Рядом со мной какая-то рыба вертится, огромная, вот хоть обнимись с ней. Еще разок выглянул я на свет из столба водяного, а он пополам разорвался, и нижняя часть, в которой я был, на берег несется. Закачало, закрутило меня так, что я сознание потерял. А пришел в себя — двинуться не могу; сильно грохнуло и дышать тяжело — кислорода нет...

Ну и вот, спасибо, рабочие подросли и скафандр открыли. Отдышался. Если бы не разорвался смерч, подняло бы меня выше туч, грохнулся бы я оттуда — и капут. Выходит, что на смерче я покатался, на самом тайфуне. Не шутите со мной, теперь я человек особенный.

Рядом с Ванюшкой рыбаки нашли мертвую акулу, жительницу южных морей, с распоротым на скалах брюхом. Тут же валялось содержимое ее желудка: задняя часть свиньи, передняя часть барана, голова породистого бульдога, корабельный скребок, карман клетчатого пальто с газетой «Таймс», целая кладовая трески, две эмалированные кружки и молодая акула.

Да, Ванюшка дешево отделался. После его рассказа Конобеев рассказал несколько случаев из своей долголетней рыбацкой практики, когда рыбацкие суда были захвачены водяным смерчем. И он не помнит случая, чтобы хоть один из людей вернулся живым из этого путешествия.

Глава 10

Новоселье

— Нет, без подводного жилища нам никак невозможно, — говорил Ванюшка. — Тут буря за бурей, океан рычит, к нему не подступишься, назад тебя выбрасывает, как мусор какой. А живи мы на дне океана, нам бури были бы нипочем. Ходили бы мы с вами, Семен Алексеевич, по дну моря-окияна да планы снимали. Ты изобретатель, Гузик, и должен ты нам такой подводный дом изобрести, чтобы его ни смерч не сдул, ни кит не раздавил. Можешь?

— Что? Где? Кого кит раздавил? — спрашивал Гузик, слетая с заоблачных высот. — Подводный дом? Ну да, я же об этом давно думаю. Все высчитано, взвешено, обдуманно. — И он начал развивать свой план.

Подводные дома должны быть выстроены из железа и так крепко соединены с почвой, чтобы никакие тайфуны не разрушили их. Пресную воду можно провести по трубам с берега или же опреснять морскую воду. Наконец, можно заложить буровые скважины в морском дне и поискать пресной воды. Нет ничего невероятного в том, что под морским дном окажется река или озеро пресной воды. Воздух, как и воду, можно получать по трубам с поверхности, чтобы не тратить запасы аккумуляторного электричества на добывание кислорода из морской воды. Отопляют же удобнее всего электричеством. Можно, конечно, тепло пара или горячей воды подавать с берега по трубам, хорошо изолированным, но это сложнее. Электрическое отопление, электрическая кухня, электрическое освещение. Для того чтобы зимою не было холодно, можно железные стены обмазать изнутри особым составом с пробковыми опилками, как это делается на арктических кораблях, чтобы не было внутреннего «потения» стенок.

— А почему бы не железные колпаки изнутри деревом — благо это очень дешевый материал? — предложил Волков. — Дерево, вдобавок, будет хорошо изолировать от холода окружающей воды...

— ...которая все же почти весь год имеет температуру выше нуля, — подхватил Гузик. — Можно и деревянные, — согласился он. — Но прежде всего надо железо для колпаков, много железа.

— А его достать труднее всего, — заметил Ванюшка. — Наши доменные печи всегда голодны, как акулы. Сколько их ни корми железом, все мало. У них отнимать нельзя. Надо бы как-нибудь самим разыскать.

— Разыскать железные рудники и потом добывать руду? — спросил Волков. — Долгая песня.

Зачем рудники?

— Однако, — вставил Конобеев, раскуривая трубку, — на даю моря сколько этого самого железа лежит! Тыщи пудов!

— Откуда? — спросил Ванюшка.

— То-то, откуда. Мал ты, молод. Наклали его туда, на Дно, когда тебя еще на свете не было. В девятьсот четвертым — пятом году, вот когда. Когда с японцами воевали и они нам клали. То-то. Вместе с косточками вице-адмирала Макарова железо лежит. Я служил тогда во Владивостокской эскадре, которой командовал Эссен. Чего только не Насмотрелся, чего не наслышался! Хорошего мало. Сколько кораблей, сколько людей погибло! На одном «Петропавловске»

семьсот человек, в Цусимское сражение семь тысяч: «Варяг», «Кореец», «Енисей», «Боярин», «Стерегущий», «Страшный», «Петропавловск»... У Цусимы целые две эскадры ко дну пошло. Пересчитать невозможно Порт-артурский флот перед сдачей крепости почти весь уничтожен. Железа-то, железа сколько!

— Да, но и Цусима и Порт-Артур не близко. Притом в Порт-Артуре многие затонувшие суда уже давно подняты японцами.

— Многие, да не все. Есть, однако, и поближе Цусимы. Владивостокская эскадра была слабенькая и больше охотилась за торговыми японскими судами. Только один раз вступила в морское сражение у Ген... Гензана — городок такой есть в Корее, и там даже потопила японский транспорт «Киншию-Мару». А несколько торговых небольших судов были потоплены не очень далеко отсюда. Я бы, пожалуй, и место нашел.

— А что же, это мысль, — сказал Гузик. — Почему нам не поискать этих затонувших судов?

— Не легко их будет поднять, — заметил Волков.

— Мы и не станем поднимать их. Я сумею разрезать железный корпус под водой, и мы перетащим его по частям. Только бы нам найти!

Решили, не откладывая, взяться за поиски «дефицитного товара» — железа затонувших судов. Дело это было не из легких. Конобеев мог указать местонахождение потонувших судов лишь очень приблизительно. Пользуясь периодом затишья, друзья вчетвером выплыли на катере. Конобеев по каким-то признакам узнал дорогу и указал место. Спустили лаг, который показал двести метров. На такой глубине можно было работать только в жестком аппарате. Ванюшка, который никому не хотел уступать возможность первому опуститься на такую глубину, надел с помощью других тяжелый водолазный наряд и бросился в глубину. Там он зажег фонарь в тысячу свечей и начал бродить по дну. Здесь росли неизвестные Ванюшке водоросли, стебли которых были длиннее высочайших надземных деревьев. Жажда света вытянула эти веревки-стебли, прикрепленные к глубокой почве среди вечного полумрака. Стебли поддерживали специальные воздушные мешки на листьях. В одном месте Ванюшка попал в густую заросль этих подводных лиан и едва выбрался из них. Их трудно было перервать, а оплетали они тело, как веревки. «Надо будет брать с собой нож», — решил Ванюшка. И с той поры все опускающиеся на дно океана брали с собою длинный кортик.

Морское дно было пустынно. Оно не пестрело мелкими веселыми рыбками, как на поверхности. Иногда проплывали неведомые угрюмые тени, привлеченные светом фонаря, — большие неповоротливые рыбы. Однажды свет фонаря, упавший на каменистую почву, осветил человеческие кости: два полуразвалившихся скелета. В ребрах одного из них поселился большой краб, который при свете фонаря беспокойно заерзал. Продолжая поиски, Ванюшка набрел на затонувшую рыбацью шхуну, деревянное двухмачтовое судно. Ванюшка хотел проникнуть в каюты, но его водолазный аппарат был слишком громоздок и не прошел бы в люк.

Ванюшка осветил нос корабля и прочел на нем название, написанное по-английски «Gay». Вот где нашел свой конец «Веселый». От такелажа и парусов не осталось и следа. Корпус судна и даже уцелевшие мачты были покрыты ракушками. Руль отломан, якорная цепь разорвана, якорь отсутствовал. Ни одной шлюпки на палубе. Возможно, что люди оставили тонувшее судно и спас-

лись на шлюпках. Ванюшка бродил по дну в продолжение нескольких часов, но без успеха. Проголодавшийся и уставший, он надул пневматический мешок кислородом и поднялся на поверхность, как на воздушном шаре.

— Не нашел! — сказал он, когда с него сняли аппарат.

— Однако я маленько ошибся, — заметил Конобеев. — Надо больше на полдень взять курс.

Волков, Ванюшка и Гузик по-нескольку раз в день опускались на дно океана. И только через несколько дней Гузику посчастливилось, наконец, напасть на то, что он искал. На неглубоком месте, на «банке», как называют моряки морские мели, недалеко друг от друга лежали два больших коммерческих парохода. Один из них лежал боком, другой — вверх дном. У первого была пробоина в борту, у второго не хватало носовой части, — очевидно, он наткнулся на плавучую мину. Железа тут было более чем достаточно. Гузик уселся на песок и начал обдумывать план автогенной резки металлического судна под водой.

Когда у Гузика начинала работать творческая мысль, он забывал, где он и что с ним. Ученый-изобретатель просидел неподвижно на дне океана более трех часов. Наверху, на палубе катера, начали уже беспокоиться, так как перед погружением они условились, что Гузик пробудет под водой не более часа. И Гузик очень удивился, когда увидел Ванюшку, шедшего к нему по дну в «летнем» водолазном костюме, то есть в трусиках и в полумаске.

— Ты чего тут застрял? — спросил Ванюшка через слуховую трубку.

— Думал, — отвечал Гузик. — И уже придумал. Есть! Плыдем на поверхность.

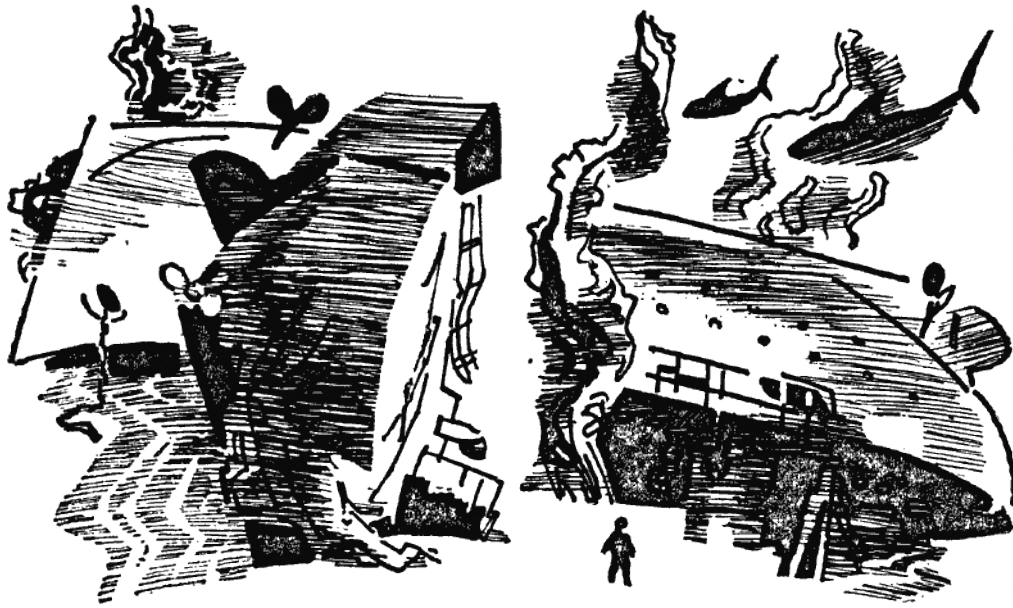
Гузик придумал и осуществил очень остроумный аппарат для подводной автогенной резки металла. Железный корпус парохода резался легко и быстро, как бумага. Отдельные куски поднимались при помощи кранов на поверхность и нагружались на шхуну. Работали попарно, чаще всего Гузик и Ванюшка. В полдень, когда солнце стояло над головой, в воде было настолько светло, что можно было работать без фонарей. На дне около пароходов виднелись человеческие кости, полузанесенные песком и илом. По мере того как отнимался кусок за куском металлического корпуса, открывалась внутренность затонувшего парохода: каюты, наполненные человеческими скелетами, трюм, где в полусгнивших ящиках оказался целый склад оружия, котельное отделение...

Железных корпусов двух коммерческих пароходов было вполне достаточно для изготовления колпаков, которые покрыли собою пять первых деревянных избушек подводного поселения. Восторжествовала идея Волкова — обшить железные колпаки изнутри деревом.

Постройка подводных жилищ не представляла особого труда. На дно был уложен бетонный фундамент, деревянные дома доставлялись в сложенном готовом виде на плотках к месту постройки, талями погружались в воду и брались на причал при помощи якорей. Затем над ними возводили железные купола, откачивали воду, внутренность куполов высушивали при помощи электрических плит и снабжали дома необходимым оборудованием. Производство всех этих работ значительно облегчалось тем, что в распоряжении строителей были почти идеальные водолазные костюмы, которые не стесняли свободу движений и не зависели от базы.

Ванюшка, опустившись впервые в подводное жилище, был в восторге. Он ходил из «квартиры в квартиру» и повторял: «Вот это фтука, фут возьми!» И

заявил, что больше не поднимется на поверхность и отныне превращается в водяного жителя.



Макару Ивановичу Конобееву также очень понравился их новый «хутор». В подводной долине меж гор всегда было тихо — ни ветров, ни бурь, ни дождей, ни метелей. Тихо колыхались водоросли, весело сустились рыбы, важно восседали на дне большие крабы. Нравилась Конобееву и «хоромы» — ему еще не приходилось жить в таких светлых, чистых и теплых комнатах. Но не этот уют и удобства тянули его, а сам океан — неведомый, необъятный, полный своеобразной красоты.

— Однако тут не хуже тайги! — говорил Макар Иванович. На его языке это был лучший комплимент.

— Вот и будем жить в подводной тайге, — отвечал Валков.

Жить под водой было удобно и нужно для дела. Теперь никакие бури, никакие тайфуны не могли помешать выйти из дому и отправиться бродить по подводным полям. Работы было много. Волков решил устроить совхоз по всем правилам. Нужно было измерить подводные поля, нанести план, чтобы правильно вести хозяйство: знать, сколько заготовить пучков, сколько нанять рабочих, какой ожидать урожай. Волков, Ванюшка, Конобеев и Гузик решили немедленно переселиться под воду. Все они, кроме Конобеева, были людьми свободными, холостыми; один Макар Иванович был женат. Больших затруднений старик не предвидел: ведь пропадал же он целыми месяцами на охоте. Марфа Захаровна привыкла к одиночеству.

Так думал он и однажды вечером, сидя в своей фанзе за самоваром, сказал ей:

— Однако завтра я переселяюсь на дно, в подводное жилище. — Марфа Захаровна посмотрела на него с недоумением. Ее красное лицо стало еще краснее.

— Как это переселяешься? — спросила она. — Куда это на дно? Ты в своем уме?

— Ум не шапка, чужой не наденешь. Правду говорю. На дне моря-окияна жить буду. Слыхала небось, дом строили? Ну вот, и выстроили. Очень хорошо.

— А я?

— А ты тоже пойдешь со мной.

— С тобой? Под воду? Я не русалка. Сама не пойду и тебя не пущу!

— Не хочешь, неволить не буду. Такое дело. А меня остановить не имеешь права. Я сам себе волен.

Марфа Захаровна в слезы. И лицо ее стало совсем как спелая клюква. Макар Иванович немного растерялся. Он не мог понять, что так взволновало его старуху. Едва ли боязнь за него. В тайге было не меньше опасностей, чем в воде. Притом опасность, риск были слишком обычными спутниками его близкой к природе жизни почти первобытного человека. К опасностям охоты на дикого зверя Марфа Захаровна относилась так же спокойно, как жена человека каменного века. Голод страшнее зверя. Слабого, голодного человека одолеет и малый зверек. Чтобы быть сильным, надо убивать крупных зверей; чтобы жить, надо рисковать жизнью. Эта философия крепко сидела в старухе и помогала спокойно относиться к тому, что ее муж в одиночку выходил на медведя. В чем же теперь дело? Ведь Макар Иванович обещал видаться с Марфой Захаровной даже чаще, чем раньше; он будет жить под боком.

Марфа Захаровна, всхлипывая и беспрестанно сморкаясь р платочек, объяснила ему свой взгляд на вещи. Макар Иванович мог уходить на охоту, оставляя жену в китайской фанзе, купленной за медвежью шкуру, — этого требовала суровая жизнь. Но он возвращался к ней в дом, у них был этот самый общий дом, семейный очаг. А теперь Макар Иванович собирался перебраться на жительство в другой дом, обзавестись каким-то своим углом. Это было равносильно измене, было похоже на то, что старик бросал Марфу Захаровну. Все это она изложила в таких туманных выражениях, что Макар Иванович ничего не понял, кроме того, что старуха недовольна его намерением уйти под воду.

— Однако пойдем вместе, — предложил он ей. Но тут она понесла такую околесицу, что Макар Иванович даже поперхнулся чаем. Марфа Захаровна решительно заявила, что жить под водой крещеному человеку грех, потому что вода создана господом богом для рыб, а не для человека. И что такого человека после смерти «земля не примет и вода изрыгнет». И откуда только набралась такой премудрости! Наверное, начетчик научил.

Макар Иванович, как всегда, поднялся из-за стола только после того, как весь самовар был выпит.

— Однако ты некрещеную рыбу ешь! — выдвинул он неожиданный аргумент, который так поразил старуху, что она замолчала. На этом разговор закончился. А утром на другой день Конобеев, надевая водолазный костюм, сказал:

— Прощай, старуха. Когда захочешь меня видеть, подойди к берегу, опусти руки в воду и постучи камушком о камушек. В воде хорошо слышно. Я стук твой услышу и вылезу.

Марфа Захаровна посмотрела на своего мужа с испугом. Он превращался в ее глазах в водяного. Он уже знал, что делается у них там, под водой, как слышно, как видно... И этот страшный большой черный нос, эти глаза-очки!..

— Когда же ты придешь? — спросила старуха, присмирив, дрогнувшим голосом.

— Как справлюсь, — неопределенно ответил он и зашагал к берегу. Старуха поплелась вперевалку за ним, а впереди бежал Хунгуз и тревожно лаял.

— Чувствует животная!.. — промолвила Марфа Захаровна, вздыхая.

— Ну, прощай, — еще раз сказал Конобеев. Марфа Захаровна посмотрела на каучуковый нос, ровный и гладкий, без единого волосика, к виду которых на мясистом носу мужа она так привыкла, и тяжело вздохнула.

— Прощай. Бог тебе судья.

Но Конобеев не слышал последнего напутствия жены. Он смело вошел в воду и зашагал, погружаясь все более. Волны шипели песком вокруг него, как бы сердясь, что человек идет туда, куда ему нет доступа. Марфе Захаровне этот «змеиный шип» казался дурным предзнаменованием. Хунгуз, видя «утопающую» хозяйина, завыл, заскакал на берегу, бросился в воду... Конобеев отогнал собаку рукой и погрузился в волны с головой.

Плакала старуха, выла собака.

Глава 11

«Пленники моря»

Конобеев не раз выходил на берег, видался с женою, пил чай, уговаривал опуститься вместе с ним на дно, но она упрямо отказывалась и бранила его, называла водяным и безбожником. Макару Ивановичу было жалко старуху. Она хоть и по глупости своей, а сильно страдала. Жили вместе тридцать лет и три года, как в пушкинской сказке, да и разлучились... Конобеев нередко думал об этом, когда ему не спалось, и не мог понять: оттого ли не спится, что думы одолевают, или оттого, что сна ни в одном глазу. И вот однажды, проворочавшись на кровати почти до утра, он явился к Волкову и сказал:

— Семен Алексеевич! Однако помогите мне уломать старуху к нам переехать жить. Оно бы ловчее было. Самоварчик бы ставила нам, уху, щи, кашу варила. Надоели эти корейские кушанья, что Пунь нам готовит. Пунь была бы по стирке, за чистотой смотрела, а моя старуха — за харчем.

Ванюша, присутствовавший во время этого разговора, сказал:

— Семен Алексеевич! Мы вот что сделаем — пойдем всем миром: вы, я, Макар Иваныч, Гузик. Будем ее просить вроде как депутацией. Не откажется.

Волков безнадежно махнул рукой.

— Ничего не выйдет, — ответил он. — Я уже говорил с ней и убеждал ее. Крепкая старуха. Стоит на своем — и баста!

— Тогда вот что: скажем, что Макар Иваныч помирает, она испугается и придет...

— Однако она со страху и помереть может, — возразил Конобеев. — Уж лучше без обману. Пойдем попросим всем миром, может, что и выйдет.

И, захватив на всякий случай водолазный костюм для Марфы Захаровны, все отправились на берег.

Марфа Захаровна стирала белье у фанзы и была даже несколько напугана, когда увидела, как из волн морских вышло четыре чудовища — впереди них ее муж-богатырь, как дядька Черномор, — и вся эта процессия двинулась к фанзе. Марфа Захаровна наспех вытерла руки, спустила фартук и в выжидательной позе остановилась у двери. Хунгуз с радостным лаем бросился к хозяину. Процессия людей с большими черными носами и огромными очками подошла к фанзе. Все сняли водолазные полумаски и с поклонами подошли к Марфе Захаровне. От этой торжественности у Марфы Захаровны даже закололо в носу.

Волков произнес речь, в которой говорил о том, что Макар Иванович заболел с тоски, что он не спит по ночам и что от всего этого и работа у него не клеится, и если бы Марфа Захаровна согласилась жить в море, то она очень помогла бы всем им. Ее можно было бы принять в штат служащих и платить ей деньги... (Тут Марфа Захаровна отрицательно махнула рукой.) А если и не из-за денег, то все же она должна согласиться ради того, чтобы помочь им всем.

Потом говорил Ванюшка, потом Гузик. И все они просиди ее. Никогда еще столько людей не просили Марфу Захаровну! Она была смущена, взволнована и польщена. И неизвестно, что побудило ее решиться: то ли что ее просят, или, быть может, мимоходом брошенное Волковым упоминание о том, что ее приглашают на службу и что ей будут платить жалованье... Она не была корыстолюбива и не привыкла обращаться с деньгами. Муж доставлял ей «натурой» все необходимое. Но у нее далеко отсюда был внучек, сын ее дочери, в котором она души не чаяла. И теперь Марфа Захаровна получала возможность делать ему подарки, а потом, собрав денег, даже поехать повидаться с ним перед смертью. А может быть, и самолюбие ее было задето? Ванюшка опять говорил о том, что Пунь не побоялась опуститься на дно.

Марфа Захаровна, выслушав все речи, обращенные к ней, ударила руками по толстым бедрам и засмеялась.

— Ах вы, сукины коты! — неожиданно обратилась она к членам депутации. — Что выдумали! Столько народу ко мне одной, будто я барыня какая. Ну, что мне с вами делать? Возьму грех на душу. Ведите, топите меня, старую!

— Зачем топить, мамаша! — ответил повеселевший Ванюшка. — Представим в лучшем виде. Примерьте носик, мамаша! — И Ванюшка протянул Марфе Захаровне водолазную полумаску.

Марфа Захаровна испуганно ахнула и отшатнулась.

— Не бойтесь, мамаша, не укусит, — продолжал Ванюшка. — Наденьте на нос, а я помогу вам завязать. — Он взял из ее рук полумаску и начал прилаживать на лице. — В лучшем виде, мамаша. Теперь ранец. Вот так. Приподнимите ручки.

Ремни под мышки. Не тяжело? Ранец-то почти пустой, один воздух.

— К носу плотно пришлось? — спросил Гузик и взял Марфу Захаровну за черный каучуковый нос. Она легонько взмахнула руками и снова опустила их: делайте, мол, что хотите, ваша воля!

— Хорошо! Можно присоединить трубки с кислородом. Пусть поучится дышать. Вы, Марфа Захаровна, воздух в себя носом тяните, а из себя ртом выпускайте.

— Да что вы, в самом деле, сейчас меня хотите под воду тянуть? А обратиться как же? Я так не могу! Я все свое хозяйство должна с собою взять.

— Возьмем, возьмем, все возьмем, не волнуйтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Вы только дышите. Вот так. Ну, начинайте! Раз! Раз! Так, хорошо. Идемте, мамаша. Вашу ручку. Гузик, бери за другую. — И в сопровождении двух кавалеров, больше похожих на конвоиров, Марфа Захаровна направилась к берегу океана.

— Ой, батюшки, боюсь! Ой, умру!

— Вот видите, Марфа Захаровна, я же говорил вам, что вы от страху в море не хотите идти, — сказал Ванюшка. — А Пунь, та не побоялась, так за своим

муженьком и зашагала.

Это подействовало. Марфа Захаровна сделала еще несколько шагов. Но, когда волны начали обдавать подол длинной старомодной юбки, старуха вновь остановилась.

— Позвольте, но как же это так? — сказала она. — Ведь я вымочусь, вся вымочусь и на полу у вас там наслежу. А переодеться я ничего не взяла с собой.

— Не беспокойтесь, мамаша, — сказал Ванюшка. — Мы там вас живо электричеством высушим, вам и переодеться не надо будет. Прямо, можно сказать, сухою из воды выйдете. Ну, смелее, крещается раба божия Марфа!.. — И он потащил ее в воду.

— Ах! Уф! — кричала Марфа Захаровна.

— Закройте ротик, Марфа Захаровна, захлебнетесь, мамаша! В воде ахать и охать воспрещается! — строго сказал Ванюшка.

Когда вошли в воду до пояса, Гузик сказал, что пора надеть наушники. Все плотнее натянули на уши аппарат и быстро вошли в воду. Марфа Захаровна что-то еще кричала, но ее уже не слышали. Однако, когда она погрузилась в воду с головой, то вдруг начала биться в руках, как пойманная рыба. Гузик и Ванюшка пытались удержать ее, но подоспевший Конобеев вырвал свою старуху из их рук и вынес на поверхность почти потерявшую сознание. Когда она отдышалась, то объяснила, что без привычки наглоталась воды и едва не захлебнулась.

Пришлось здесь же на берегу устроить совет.

— Это без привычки, мамаша, вы поучитесь немножко, — твердил Ванюшка. Но Гузик убеждал, что гораздо проще принести зимний водолазный костюм со скафандром. В таком аппарате Марфа Захаровна может дышать, как ей заблагорассудится, — вода не воьется в рот. С этим все согласились. Пока Марфа Захаровна передевалась в сухое, Ванюшка «слетал» на дно и принес из подводного жилища новенький водолазный костюм, в который и облачили Марфу Захаровну. Теперь дело пошло легче.

Еще несколько шагов, и Марфа Захаровна спустилась под поверхность океана и вступила в новый для нее, необычайный мир. Ее все пугало и удивляло. И свет фонарей, внезапно загоревшийся на голове Гузика и Ванюшки, и неожиданно громкий голос мужа, сказавшего ей через слуховую трубу: «Однако не робей, старуха!», и рыбы, шнырявшие возле самой ее головы.

Несмотря на тяжелые свинцовые подошвы, старуха чувствовала себя легче, как будто она сразу стала сильнее, моложе. Это было довольно приятное, новое ощущение. Но зато быстрота и резкость движений пропали. Все шло медленно, словно подражая плавности движений водорослей. Гузик и Ванюшка уже не поддерживали Марфу Захаровну за руки. Она шла самостоятельно.

— Однако вот мы и дома! — услышала Марфа Захаровна голос мужа.

— Где? — Она ничего не видела. Свет фонаря, выхватывая круг из зеленоватой мглы, освещал лишь два-три десятка метров водяного пространства с бесконечным количеством водорослей. В силу причудливых законов подводного видения Марфе Захаровне казалось, будто она идет в глубину какой-то трубы, наполненной мохнатой бурой паутиной. Но вот за длинными лентами и красивыми лапчатыми листьями она увидела что-то большое, темное, круглое — слишком правильно округленное для того, чтобы быть естественным созданием природы, которая умеет изготавливать круглые предметы только слишком

больших или очень маленьких размеров: солнца, планеты, росинки, дождевые капли...

Когда подошли еще ближе, Марфа Захаровна увидела железную стену с большой круглой «заплатой». Это был вход: Волков подошел к «заплате», откатил вбок железную дверь и жестом пригласил Марфу Захаровну переступить порог. Все вошли в камеру. Дверь задвинулась. Вода начала быстро вытекать. Скоро камера освободилась от воды. Над головой Марфы Захаровны загорелась электрическая лампа. Гузик и Ванюшка погасили свои головные фонари, подошли к Марфе Захаровне и помогли ей снять тяжелый водолазный костюм.

— Поздравляю с прибытием! — сказал Ванюшка.

Глава 12

Хунгуз

Волков, Конобеев, Гузик и Ванюшка быстро сбросили свои полумаски и ранцы, спрятали водолазные костюмы в железный шкаф и явились перед Марфой Захаровной в обыкновенном виде, который для нее, женщины старой и строгого нрава, казался довольно неприличным. Она старалась не смотреть на полуобнаженные тела мужчин. Один только Конобеев был приличен в своих широких штанах и длинной рубахе.

— Ну, идем, старуха, — сказал он, взяв старуху за руки, чего раньше никогда не делал. Это было непривычно и трогательно. — Покажу тебе, как живут морские жители.

Марфу Захаровну ввели в восточный домик, где помещались Конобеев и Гузик. По случаю прибытия гости Гузик переселился в лабораторию, помещавшуюся в южном домике.

Когда Марфа Захаровна вошла в чистенькую комнатку подводной избушки, она была чрезвычайно удивлена и даже поражена. Неизвестно, как представляла она это подводное жилище, но, наверно, ей мерещились осклизлая тина, копошащиеся в полутьме морские гады и ужасная сырость — как же может быть иначе в воде! И когда она увидела толстые бревна стен, пахнущие смолой («совсем как на земле!»), чистый белый пол, который можно мыть, не боясь занозить руки (так хорошо были оструганы половицы), стол, табуреты, кровати, дощатую перегородку — все сухое, земное, настоящее, — она не верила глазам своим. Было тепло, даже жарко, — Гузик постарался. Электрическая лампа светила ярко. Марфа Захаровна стояла посередине комнаты, сложив руки на круглом животе, и вид у нее был такой, словно она молится в храме. Конобеев наблюдал за нею, самодовольно улыбаясь.

— Однако ты боялась замочиться, отсыреть, замерзнуть, — сказал он. — Тут тебе будет лучше, чем в китайской фанзе. Ну скажи, старуха, неплохо?

— Грех с вами! — неопределенно ответила Марфа Захаровна. — А окно-то зачем? — вдруг заинтересовалась она, поднимая занавеску. — Тьма-то какая!.. Нет, тут не то что на земле. Ночь вечная! Затоскуешь без солнышка.

— Эту ночь мы сейчас в день превратить можем, — ответил Конобеев. — Сейчас, вишь ты, железный ставень закрыт, а вот мы откроем его да свету пустим... — Конобеев повернул рычажок и выключатель. Железный засов отодвинулся, яркий свет осветил пространство за стеклом, и Марфа Захаровна

увидала рыб, подплывших к стеклу. Через несколько минут их собралось множество.

— Однако целая уха! — сказал Конобеев. — Если скучно станет, в окошко погляди, что делается.

— А что тут делается? Все одно. Рыбы и рыбы.

— Однако ты приглядишься и увидишь, что и тут разное бывает. По рыбам ты многое узнаешь: ночь или день, утро или вечер, солнце над головой или тучи, тихая погода или буря. Я уже насквозь всю эту Премудрость узнал. Вот тут и будешь жить со мной. А теперь пойдём, покажу тебе кухню и твою помощницу.

Конобеев открыл деревянную и железную двери и провел Марфу Захаровну в коридор с железными ставнями. После теплой и сухой избы здесь чувствовался холодок и как будто тянуло сыростью. Марфа Захаровна поежилась.

— Небось не отсыреешь. Вот и пришли, — сказал Конобеев. Они вошли под крышу большого центрального купола, где помещались столовая, библиотека-читальня, машинное отделение и кухня. Еще пара дверей, и они в столовой. Здесь их приветствовал Ванюшка.

— А вот и кухня, — сказал Конобеев, открывая деревянную дверь.

Пунь, увидав входящую Марфу Захаровну, отвесила ей низкий поклон. Она охотно пала бы ниц на землю, чтобы показать глубокое почтение, но Ванюшка отучил ее от этой «азиатской рабской церемонии», как он говорил. Смуглое лицо Пунь сморщилось в улыбке. Она сказала нараспев:

— Мама халасо! — Этими словами Пунь выражала свое удовольствие по поводу того, что в подводном жилище появилась еще одна женщина.

Марфа Захаровна привыкла к подводному жилищу скорее, чем ожидал Конобеев. Она, как практическая женщина, быстро оценила все выгоды и удобства нового жилища. Только к одному она никак не могла привыкнуть — к «электрическому чаю». Ей недоставало самовара. В конце концов Гузик должен был приделать электрическую грелку к ее самовару. Правда, самовар вскипал не от углей, как это полагалось, но, вскипев, он ничем не отличался от настоящего «православного» самовара. И еще одно огорчало старуху — это то, что на берегу осталась собака Хунгуз, к которой она привыкла.

— Лаёт небось сердешный день и ночь, — говорила она и не обманывалась в своих предположениях.

Когда, несколько дней спустя, Конобеев вышел на берег, он застал там Хунгуза, похудевшего от тоски. Пес, вероятно, оплакивал свою хозяйку, безвременно погибшую в волнах океана. Увидав Конобеева, Хунгуз завизжал от радости и стал лизать мокрые руки старика. Конобеева растрогала эта ласка. Он ничего не сказал жене о встрече с Хунгузом, чтобы не расстроить ее, но, встретив Гузика, заявил: «Однако надо и Хунгуза взять сюда. Пропадет с тоски пес. Жалко. Тварь тоже чувствует».

— Как же мы доставим его сюда? Разве что в большом водолажном костюме. — Лицо Гузика вдруг сделалось грустным. Оно всегда казалось таким, когда молодой ученый задумывался. Конобеев посмотрел на Гузика и, вздохнув, отошел. Не до собаки, видно, Гузику. У него дела поважнее.

Но Конобеев ошибся. Гузик как раз думал о собаке.

«А в самом деле, — думал он, — почему бы не сконструировать водолазный костюм для собаки? Сделать такой аппарат, в котором она смогла бы не толь-

ко прийти сюда, но и бегать по дну моря?»

Гузик отправился на берег, подозвал Хунгуза, измерил объем его шеи, головы и длину морды и вновь нырнул в океан.

Через пару дней он вышел из лаборатории с собачьим скафандром и небольшим «ранцем» в руках.

— Макар Иванович! Идемте на берег за Хунгузом, — сказал он, подмигнув Конобееву. Старик посмотрел на скафандр, похожий на голову допотопного животного, понял все и начал быстро собираться в дорогу.

Гузику и Конобееву не без труда удалось надеть на голову собаки скафандр и привязать к спине аппарат, вырабатывающий кислород. Хунгуз отчаянно мотал головой и старался лапами снять с себя мешавший ему скафандр. У него, вероятно, было такое же чувство, как у сказочной лисы, которая не могла вынуть голову из горшка. Правда, Хунгуз мог видеть сквозь большие очки, но аппарат на спине мешал ему. Хунгуз начал кататься по земле, пытался стряхнуть с себя тяжесть, но аппарат держался крепко.

— Однако довольно ему колобродить, — сказал Конобеев и, подхватив собаку на руки, направился с нею к воде. Хунгуз отчаянно забился, когда вода коснулась его лап. Конобееву пришлось порядочно принажать на бока собаки, чтобы она не вырвалась и не убежала обратно на берег.

Погрузились в воду. Солнце стояло над головой, и под водою было довольно светло. Хунгуз все еще бился в руках Конобеева. Они медленно подвигались вперед. На песчаной подводной отмели, хорошо отражавшей свет солнца, Гузик остановил Конобеева и попросил спустить собаку. Гузику надо было посмотреть, как собака будет ходить по дну. Хунгузу трудно было надеть на все четыре лапы обувь с грузом, чтобы предупредить всплытие наверх. И поэтому Гузик, оставив лапы Хунгуза свободными, положил груз в аппарат, помещавшийся на спине. Хунгуз, получив свободу, пробежал несколько шагов и вдруг, свалившись на сторону, начал всплывать, перебирая лапами. Тяжесть была недостаточна, и, кроме того, положенная на спину, она не обеспечивала такой устойчивости, какую давали свинцовые подошвы.



Гузик недовольно крикнул, выпустив пузыри изо рта, и схватил Хунгуза, всплывшего уже на высоту человеческого роста. Конобеев был так удивлен неожиданным взлетом собаки вверх, что стоял неподвижно, расставив руки.

У Гузика в сумочке, на всякий случай, уже были заготовлены «калоши» для Хунгуза. Ученый передал собаку Конобееву и начал тут же, под водой, привязывать к каждой ноге Хунгуза по мешочку со свинцовыми пластинками. Окончив эту работу, Гузик вынул часть тяжести из аппарата, помещавшегося на спине собаки, и спустил ее на песок. Хунгуз стоял, мотая в недоумении го-

ловой. И вдруг около самого его носа проплыла довольно большая рыба и, словно вызывая на игру, начала удаляться. Хунгуз не мог видеть ни одного предмета, удалявшегося от него, чтобы не погнаться за ним, будь это заяц, автомобиль или человек. И Хунгуз побежал за рыбой, устремив вперед морду. Охотничий инстинкт был разбужен, и пес сразу забыл всю необычайность обстановки и своего положения. Правда, бег Хунгуза был далеко не таким быстрым, как на земле. Но все же меньший объем и горизонтальное положение тела давали ему возможность двигаться с гораздо большей быстротой, чем людям. И не успели Конобеев и Гузик сообразить, что случилось, как Хунгуз уже скрылся в зарослях водорослей. Этого еще не хватало! Опыт удался в большей степени, чем того хотел Гузик.

Конобеев вдруг взмахнул руками и, делая огромные шаги, двинулся вслед за собакой. Гузик тоже сообразил, чем это может кончиться. Собака, не имея возможности пользоваться обонянием, заблудится в подводной «тайге» и подохнет от голода или же задохнется в тот момент, когда аккумулятор перестанет работать и доставлять кислород. Надо спасти собаку во что бы то ни стало! Конобеев и Гузик засветили фонари, надеясь, что собака пойдет на огонь. Гузик застучал в кастаньеты, а Конобеев пробовал даже свистеть, но, кроме пузырей, у него ничего не получалось.

— В чем дело? — неожиданно послышался голос Ванюшки, который подошел незаметно к Гузику и проговорил в трубку.

— Ты откуда? — спросил в свою очередь Гузик.

— Работал неподалеку с Семеном Алексеевичем, услышал твой стук и явился.

Гузик рассказал Ванюшке об исчезновении Хунгуза. Ванюшка принял участие в поисках. Они разошлись в разные стороны, долго бродили, но собаки не нашли. Усталые и опечаленные, Гузик и Ванюшка вернулись домой. Старик еще не приходил. Молчаливо уселись за стол, стараясь не смотреть на Марфу Захаровну, которая состряпала им прекрасные «электрические щи», как называл Ванюшка в веселые минуты блюда, приготовленные на электрической плите. И вдруг в соседней комнате залаял Хунгуз. Марфа Захаровна была так поражена этим, что выронила из рук кастрюлю. Хунгуз ворвался в комнату, бросился к ней, стал на задние лапы и с веселым лаем начал лизать ей лицо. У старушки даже слезы на глазах выступили.

— Хунгузик мой! — ласкала она его. Вслед за собакой в комнату явился и Конобеев.

— Где ты нашел его, папаша? — спросил Ванюшка.

— Я решил так, — ответил Конобеев, — что собака не пойдет в глубокое место, где темно и страшно, а пойдет на свет, а когда пойдет на свет, то непременно выйдет на берег. Так оно и вышло. Я вылез на берег, а Хунгуз мой уже там. По песку катается и головой крутит. Я его сгреб в охапку и прямо сюда, не спуская с рук.

— Теперь надо его на веревочке водить, пока не привыкнет! — сказал Ванюшка.

К двуногим подводным жителям прибавился четвероногий.

Глава 13

Морской волк

Хунгуз довольно быстро привык к водолазному аппарату и часто сопровождал Конобеева в его подводных путешествиях. Иногда они выходили на берег. Конобеев снимал там с себя и Хунгуза водолазные аппараты, оставляя их в сторожевой будке, вынимал припрятанные в пещере ружье, сумку, патронташ и отправлялся на охоту, чтобы снабдить обитателей подводного жилища свежим мясом. Хунгуз сопровождал Конобеева, выслеживая дичь. Когда ягдташ Конобеева был полон, старик и собака возвращались на берег. Здесь Конобеев надевал себе и собаке аппараты, прятал ружье, клал настрелянную дичь в герметически закрывающийся металлический ящик, прятал в пещеру ружье и патроны и возвращался в подводное жилище, нагруженный добычей. Птица складывалась в ледник. Надоедала дичь, и Конобеев принимался за рыбную ловлю. На нем лежало снабжение небольшой колонии рыбой и мясом.

Ловить рыбу не представляло труда. Она сама шла на свет фонаря. Хунгуз, переселившись под воду, вначале только пугал рыб, но Конобеев скоро приучил его к новой охоте. И теперь Хунгуз или спокойно лежал у ног Конобеева, пока тот, сидя на подводном камне, выжидал добычу, или же загонял рыбу поближе к сети, бегая вблизи освещенного фонарем места. Конобеев устроил особую сеть, которая прикреплялась к дуге.

Один из концов этой дуги, поставленной вертикально, Конобеев держал в руке, сидя спокойно и неподвижно. Как только рыбы набиралось достаточно, Конобеев вдруг гасил свет и быстро накрывал сетью рыб, наклоня дугу до земли. Затем он задергивал сеть снизу, и рыба, таким образом, оказывалась не только пойманной, но и «упакованной» для переноски домой.

Конобеев хорошо изучил места, где водилась нужная ему рыба. Иной раз он поднимался ближе к поверхности, где обитала мелкая рыбешка, но там было достаточно светло и днем рыбу нельзя было заманить на огонь. Мелкую рыбку приходилось ловить ночью. Хунгуз скакал по окрестностям, будоража рыбу волнением воды. Рыбки, завидев свет, плыли к нему, где и попадались в сети.

Иногда старик отправлялся в подводные низины и там ловил рыб покрупнее. На самых крупных рыб он охотился с острой ночью и тогда совсем походил на Нептуна. Конобеев особенно любил эти ночные прогулки. Идти приходилось очень тихо, чтобы не спугнуть рыб колебанием воды, которое они чувствовали на очень далеком расстоянии. Фонарь не зажигался. Хунгуз шел позади хозяина. Иногда рыбы, испуганно шарахаясь в заросли водорослей, задевали хвостом по лицу или плечу Конобеева. Хунгуз боязливо взвизгивал или ворчал в своем скафандре.

Придя на место лова, Конобеев зажигал фонарь, постепенно усиливая свет. Завидев — иногда в нескольких шагах от себя — огромную рыбищу чуть ли не в центнер весом, он осторожно подкрадывался к ней сзади, потому что боками — наибольшей площадью своего тела — рыба скорее чувствовала угрожающее волнение дотоле спокойной воды и одним движением скрывалась в густых зарослях.

Конобеев не переставал удивляться силе и ловкости рыб. Он выходил один на один на медведя и всегда оставался победителем. Но с рыбой своего роста Конобеев не всегда мог справиться. Чаще она вырывалась вместе с острогой, нередко тянула старика за собой в продолжение нескольких километров и сдавалась, лишь совершенно обессилев. Подчас между ним и рыбой происходило настоящее единоборство, во время которого Хунгуз прыгал вокруг Конобеева, сжимавшего рыбу в объятиях, и отчаянно лаял в скафандре. Прижимая рыбу одной рукой, Конобеев другой вынимал нож и приканчивал добычу, вонзая его в сердце.

Для приманки мелких рыб Конобеев пользовался не только светом, но и запахами. Он заметил, что некоторые маленькие рыбки очень любят запах мяты. Конобеев нарвал много мяты, растущей на берегу, и натирался ею, перед тем как идти ловить рыбку. Ванюшка долго не мог понять такую странность: когда он отправлялся бродить по дну океана вместе с Конобеевым, то к старику — и только к нему — приплывало несметное количество мелкой рыбешки, которая буквально облепляла его, как туча комаров. Он мог бы ловить их руками.

— Почему они к тебе так лезут? — удивленно спрашивал Ванюшка.

— Слово такое знаю, — улыбаясь, отвечал Конобеев.

Однажды во время рыбной ловли произошел случай, который надолго остался в памяти и Конобеева и... Хунгуза. Конобеев сидел на подводной поляне с сетями в руках и горящим фонарем на голове. На этот раз рыба шла плохо. Даже для такого знатока-рыболова, каким был Конобеев, не все было ясно в поведении рыб. Почему на одном и том же месте вчера их было много, а сегодня совершенно нет? Куда ушли они? Что напугало их или привлекло на другое место? Конобеев знал сезонные передвижения рыб. Знал он и о постоянных передвижениях рыбных стад с места на место в поисках лучших подводных «лугов», более изобильной пищи. Рыбы передвигались, как стада овец или диких лошадей по первобытным степям. Хищная рыба следовала за мелкой. Иногда крупные хищники заставляли бежать целые полчища мелких рыб далеко на юг или север. В воде, как и на земле, был свой круговорот: весы жизни и смерти вечно качались, уравнивая биологическое равновесие. Обо всем этом Конобеев мог бы рассказать много интересного. Но все же и для Макара Ивановича было многое непонятно. Почему эта подводная долина сегодня похожа на город, покинутый своими жителями?.. Придется переменить место. Конобеев тронул ногой Хунгуза, покойно лежавшего возле него, поднялся и отправился в путь, погасив фонарь. Места были знакомые, и понапрасну не было нужды тратить электрическую энергию аккумуляторов. Хунгуз шел впотьмах, ориентируясь по движению воды конобеевского кильватера.

Макар Иванович спокойно прошел несколько сот метров и вдруг почувствовал, что почва под ногами изменилась. Казалось, на гладком доселе пути кто-то разбросал камни или большие створки раковин. Подошвы тяжелых водолазных башмаков поминутно наступали на что-то твердое и как будто подвижное. Идти стало трудно. Конобеев почувствовал, как что-то больно ущемило его ногу у лодыжки. Что за оказия? Макар Иванович согнулся, схватил рукой жесткий предмет и на ощупь определил, что это был краб. Зажег фонарь, нагнулся, осветил почву и увидал, что по дну ползло неисчислимое пол-

чище больших и малых крабов. Это было настоящее «великое переселение народов». Крабы шли сплошной массой, направо и налево, впереди и сзади, и никогда еще Макару Ивановичу не приходилось видеть их такое множество. Еще один краб вцепился в ногу. Конобеев отдернул его с такой силой, что зажатая клешня оторвалась от туловища и осталась на ноге. Ее пришлось отрывать отдельно.

Щипками Конобеева не испугаешь. Как Пропустить такой случай? Если не идет рыба, то можно наловить крабов. И нет ничего легче. Не обращая внимания на щипки, Конобеев положил на землю сеть. Через несколько секунд она была облеплена крабами. Оставалось только задернуть сетку сверху — и добыча в руках. Но в этот самый момент Конобеев почувствовал, что около его ноги сзади кто-то трется. Макар Иванович осветил место позади себя и увидел почти обезумевшую от боли и страха собаку. Крабы насели на Хунгуза сплошной массой, так что его почти не было видно. Пес катался по земле, отбивался лапами, на которых также висели крабы. Еще несколько минут — и его бы живо растерзали десятиногие раки.

Хунгуза пришлось лечить несколько дней. А когда он вылез, то еще долго дрожал, выходя на подводную прогулку. Если же ему приходилось увидеть хоть маленького краба, пес, поджав хвост, обращался в паническое бегство.

Так постепенно научился он различать опасных и безопасных обитателей моря. Хунгуз делался «старым морским волком».

Глава 14

Гузик срывает подводные аплодисменты

Семейная драма Конобеева разрешилась благополучно. Марфа Захаровна сделала завхозом подводного жилища. Впервые за все время существования океана собака разгуливала по подводным равнинам и делала стойку на рыб, дремавших в водорослях. Жизнь на дне океана наладилась.

Но Волков и его товарищи не забывали и о земле. На берегу кипела работа. Гузик на время переселился на землю и руководил работами по постройке химического завода, который должен был добывать из водорослей йод, калийные соли, бром и мышьяк. Работы на берегу и под водой требовали все большего количества людей. Как грибы, выросли временные бараки для рабочих на пустынном берегу, где еще недавно было веками ненарушимое царство пернатых.

Вокруг химического завода быстро вырос небольшой поселок. Высоко поднялась к небу заводская труба и начала выбрасывать клубы черного дыма. Тихину морского берега нарушил заводской гудок, который был хорошо слышен даже в подводном жилище. Бараки для рабочих растягивались длинной полосой вдоль берега — граница подводного совхоза все дальше заходила на север и юг.

Волков и Ванюшка ежедневно наносили на план все новые и новые гектары подводных плантаций. Им приходилось то пробираться по густым зарослям, пуская иногда в ход нож, чтобы проложить себе путь, то бродить по голым, обнаженной каменистой почве. На такой почве спорам водорослей негде было зацепиться, и здесь растительности не было. Но Волков собирался «засе-

ять» и эти бесплодные равнины. Надо было лишь придумать машину для пробивания в гранитном дне небольших дыр, в которые можно было бы вставлять пучки ветвей. Ветви задержат споры, и водоросли быстро вырастут. Придумать такой механический заступ должен был все тот же Гузик, присяжный изобретатель подводного совхоза.

Теперь, проходя из подводного жилища на работу, они встречали под водой многочисленных рабочих, которые медленно ходили в водолазных костюмах, напоминая фантастических марсиан. Рабочие собирали водоросли в небольшие тюки, связывали и прикрепляли к крюку на конце веревки, опускавшейся сверху. Затем они дергали за веревку, и водоросль поднималась на борт лодки или большой барки. Караван таких барок выводился в океан буксирным пароходом, который расставлял их одну за другой на протяжении нескольких километров. Барки становились на якорь и спускали лодки. Вечером, по окончании работы, нагруженные доверху барки вновь собирались буксирным пароходом и отводились к берегу, где их разгружали. Вся добыча поступала на завод. Такой способ добывания был более удобен, чем японский.

Японцы не могли чисто «косить» водоросли своими примитивными баграми и шестами. После них еще много водорослей оставалось на дне. Притом водоросли росли на глубине, которая превосходила длину шестов, и были для них совершенно недоступны. Водолазы же могли спускаться на значительную глубину, добывая таким образом еще никем никогда не использованные богатства подводного мира.

Но Ванюшку не удовлетворял и этот способ добывания водорослей водолазами вручную. Он мечтал о подводных косилках. И Гузик обещал ему спроектировать их, когда наладит производство на химическом заводе.

Когда Ванюшка поднимался со дна на поверхность, его всегда поражали шум и суета надводного мира. В воде гораздо тише. А здесь! Неистово кричат чайки, жужжит паровая лесопилка, перекликаются рабочие, стучат топорами, заготавливая пучки ветвей... Все еще первобытным способом, вручную. Ванюшка хотел бы механизировать все, что только можно. Поймав Гузика, который возился в химической лаборатории над установкой перегонного куба, Ванюшка начал упрашивать его, чтобы тот поторопился с косилкой.

— Будь другом, поспеши! И еще я просил тебя сделать заступ, который мог бы в граните ямки делать. Динамитом, чем хочешь, только чтобы скоро и хорошо. И еще... подожди, куда же ты? И еще надо придумать машину ветви рубить и вязать. Вручную мы далеко не уедем.

Гузика отрывали другие рабочие, и Ванюшка, безнадежно махнув рукой, крикнул на прощанье:

— Приходи хоть обедать к нам под воду! Тут с тобой и поговорить не дадут.

— Ладно! — отвечал Гузик и спешил в котельную.

В тот день за обедом Гузик казался задумчивее обычного. Ванюшка убеждал его скорее изготовить механический заступ, а Гузик как будто не слышал. Он ел морскую капусту, приготовленную Марфой Захаровной, и неопределенно мычал. После обеда Гузик коротко предложил всем мужчинам отправиться вместе с ним. Зачем, куда — на эти вопросы он не дал никакого ответа. Эта таинственность заинтересовала Ванюшку. Наверно, что-нибудь опять новое выкинет Гузик.

Марфа Захаровна и Пунь остались дома хозяйничать, а мужчины, надев во-

долазные костюмы, вышли из подводного жилища. День был сумрачный, и пришлось тотчас зажечь фонари. Гузик жестами показал, чтобы все стояли неподвижно и ждали его, а сам отправился за дом. Прошло несколько минут, и вдруг с другой стороны дома, откуда никто не ожидал, вспыхнул яркий свет. Ванюшка направил в ту же сторону свет своего фонаря и увидел необычайное зрелище: Гузик выехал на каком-то странном экипаже, полутракторе-полутанке, на гусеничном ходу. Ванюшка бросился к своему другу-изобретателю и начал осматривать экипаж.

Да, это был подводный трактор — «заступ», о котором Ванюшка так долго мечтал. На машину были направлены все фонари, и Гузик начал демонстрацию.

Он проехал мимо них и потом показал рукою позади себя. Трактор оставил в почве полосу углублений — по пяти в ряд, — идущих несколько вкось. Ванюшка пригляделся, как трактор роет ямы. Сзади машины виднелись пять металлических стержней, которые последовательно, слева направо, поднимались, опускались, захватывали пальцами-скребками куски земли и выбрасывали ее в сторону, оставляя в почве ровные, узкие и довольно глубокие ямы. Но это было еще не все. Гузик, сорвав подводные аплодисменты, уехал за дом и через некоторое время вернулся оттуда на той же машине, нагруженной пучками веток. Он проехал по целине. На этот раз трактор не только выкапывал ямки, но и садил в них пучки кустов. Это было великолепное зрелище. Гузик ездил по гладкой почве, и везде, где он проезжал, тотчас «вырастал» кустарник.

— Bravo! — закричал Ванюшка.

Но его никто не слышал, кроме его самого. Тогда он подбежал к трактору, уселся рядом с Гузиком и начал аплодировать перед самым его лицом. Тот сразу не понял этого жеста и даже немного растерялся. Затем Ванюшка схватил слуховую трубку Гузика и крикнул:

— Молодец, Микола! На «ять» сделал, фут возьми! Теперь ты только придумай такой заступ, чтобы гранит ковырять можно было.

Гузик махнул головой и пригласил всех следовать за ним. Ванюшка, имея в виду сопротивление подводной среды, не утерпел и уселся на трактор, который двигался довольно быстро. Он хорошо брал всякие неровности почвы и, как настоящий маленький танк, бесстрашно нырял в ложбины и влезал на бугры. Ванюшке приходилось наклоняться вперед, как при сильном ветре. Вот и ровное плато, лишенное водорослей. Маленькая подводная пустыня. Выход горной породы. Трактор быстро пробежал по каменистой почве и остановился. Металлические стержни-руки поднялись, а на смену им из-под трактора выдвинулись пять буравов, которые начали быстро сверлить дыры в каменистой почве. Правда, эту быстроту нельзя было сравнить с быстротой копки ям: там вся работа шла на ходу, здесь же приходилось периодически останавливаться, сверлить камень и снова продвигаться вперед на несколько десятков сантиметров, чтобы опять сделать остановку. Но все же это был большой успех.

Закончив опыты, вернулись в подземное жилище. Ванюшка обнял и расцеловал Гузика. Но тот не был склонен к изъявлению нежных чувств. Отстранив от себя Ванюшку, он сказал:

— Вот видишь, я все сделал, о чем ты просил меня. Но, пожалуй, мы смо-

жем обойтись без сверления ям в граните. Это все-таки дороговато стоит. Вот когда пустим в ход вторую электростанцию, тогда дело другое. У нас будет дешевая энергия.

— А как же быть с подводными бесплодными каменистыми равнинами?

— Это тебе скажет Волков, мы уже беседовали с ним, — ответил Гузик.

— Бесплодные равнины можно превратить в цветущие, если можно так выразиться, поля иным способом, — ответил Волков. — Есть вид водорослей, который в Японии называется «фунори». Японцы разводят фунори как раз на каменистой почве таким образом. Они бросают на дно камни, преимущественно горные, так как горные камни более шероховатые, чем морские, обточенные уже водой. Этих камней с шероховатой поверхностью, оказывается, достаточно для того, чтобы задержать, закрепить споры фунори. И водоросль быстро начинает разрастаться на камнях. Набросать камней, пожалуй, будет дешевле, чем сверлить дыры. Впрочем, мы можем использовать оба способа. Во всяком случае в пределах нашей досягаемости, а вернее, в тех пределах, до которых простираются морские водоросли, мы не оставим ни одного сантиметра неиспользованным. Но в первую очередь мы будем эксплуатировать то, что, как говорится, лежит под руками. Ведь мы еще не собираем и десятой части даже естественно растущих водорослей.

— Вот так фут возьми, Семен Алексеевич! Сколько же мы сможем заготовить водорослей?

— Думаю, что через год-два мы обгоним американцев. Могу поручиться за то, что будем получать несколько миллионов долларов дохода в год. Но об этом мы еще успеем помечтать. А сейчас пойдём-ка с тобой, Ванюшка, на работу. Сегодня нам еще много надо пошагать!..

Глава 15

Под водяным одеялом

Постепенно удаляясь все более на север, Волков и Ванюшка исследовали площадь дна, покрытую водорослями, чтобы взять на строгий учет эти естественно растущие богатства.

Здесь было довольно глубоко, и потому приходилось работать в полном водолазном костюме со скафандром. Костюм замедлял движения, но зато в нем легче дышалось — вода не давила на грудную клетку, а поэтому и усталость чувствовалась меньше. Но Ванюшка был «болен темпами». Медлительность мучила его, причиняла почти физическую боль.

— Много времени на переходы теряем, — говорил он. — Какие же это темпы! Надо бы заказать Гузику изобрести подводный автомобиль, что ли.

В самом деле, на этот раз они зашли очень далеко. Здесь не встречались рабочие-водолазы, срывавшие капусту, зато было очень много рыб, быть может, перекочевывавших сюда из вод подводного совхоза, где стало слишком беспокойно.

«Конобеева бы сюда», — подумал Ванюшка, поражаясь необычайному количеству рыб. Треска шла густой массой. С ее необъятным количеством можно было сравнить лишь темные тучи роев саранчи. Рыбы, кем-то напуганные, метались как обезумевшие, наскакивая друг на друга. Даже сильный свет фонаря их не пугал. Они бились в стекло скафандра, подплывали под руки, словно в поисках спасения. Потом вся масса вдруг повернула вправо, на восток. Прошло не менее получаса, пока «горизонт» не очистился от этого необычайного скопления рыб.

— Уф, фут возьми, даже дышать как будто легче стало! — сказал Ванюшка. — Вот она, валюта! Тыщи, миллионы на свободе ходят, сами в руки идут. Возьмите нас! Эх! Надо бы добраться скорее и до этого добра. А это еще что такое?..

Какой-то шест коснулся скафандра Ванюшки и быстро поднялся. Ванюшка хотел схватить за конец, но Волков остановил его.

— Гаси фонарь! — сказал Волков. — Это, наверно, рыбаки или ловцы водорослей. Они заметили свет в глубине воды, а может быть, увидели нас и испугались.

— Нашим нечего пугаться! — ответил Ванюшка. — Наши рыбаки знают, что теперь под водой водолазы с фонарями ходят. Испугаться могли только японцы, которые нашу капусту воруют. Дай-ка я выплыву на поверхность да гляну.

Ванюшка нажал кнопку у аппарата, и водород, получившийся при электролизе воды для добывания кислорода и обычно выпускавшийся наружу, начал надувать резиновый баллон, который поднял Ванюшку на поверхность.

В десятке метров от Ванюшки, покачиваясь на волнах, стояла японская лодка, тупоногая, расписанная по краям красными узорами. Два японца смотрели на берег и не видели Ванюшку. Ванюшка решил посоветоваться с Волковым, как наказывать хищников. Он выпустил из баллона водород и опустился вниз, влекомый тяжестью грузил в подметках.

— Японцы, — сказал он Волкову. — Давайте проучим их! Поднимемся и вы-

дернем весла из их рук. Нет, это не годится. Их унесет в океан, и они могут погибнуть. Ведь они только рабочие. Я знаю, это лодки Таямы. Я просто уцеплюсь за их шест, если они еще опустят его. Вот он! — Ванюшка схватил конец шеста.

Шест задвигался и медленно пошел вверх вместе с Ванюшкой. Японец решил, что на конце шеста хорошая добыча — большой пук водорослей. Каково же было его удивление, когда из воды показался скафандр водолазного костюма! Ванюшка подплыл к лодке и жестами дал понять, что он перевернет лодку, если они не уберутся отсюда немедленно.

Японцы тотчас же взялись за весла и поплыли прочь.

Ванюшка был очень взволнован этой встречей. Вернувшись домой, он заявил Волкову:

— Семен Алексеевич, они продолжают воровать народное достояние. Я не могу допустить этого. Мы должны устроить сторожевой пост. Я сам буду сторожить. Если нас сейчас обкрадывают, то что же будет, когда мы насадим капусту на мелких местах? Их надо проучить. Я сейчас вызову Гузи-ка по телефону с берега и поговорю с ним.

Когда Гузик явился, Ванюшка изложил ему свой план. Территория подводного совхоза все расширяется. За этой территорией тянутся пространства, никем не охраняемые. Необходимо улучшить подводную охрану. Для этого нужно выстроить подводную сторожку в нескольких километрах к северу от главного подводного жилища. В сторожку переселятся Ванюшка и Конобеев.

— Марфа Захаровна будет против! — перебил Волков. — Нельзя так: зазвать старушку под воду и оставить одну.

— Мы будем меняться с ним дежурствами. Макар Иваныч и теперь днями пропадает. Необходимо провести телефон.

— На такое расстояние проводить телефон трудно, — возразил Гузик. — Ведь в воде приходится изолировать провода. Необходимо, значит, прокладывать кабель. Это стоит недешево. Притом за кабелем нужно смотреть. Его могут повредить и морские животные, и люди. Удобнее поставить небольшие радиостанции на короткой волне. Вода передает радиоволны. Одного аккумулятора хватит надолго, чтобы питать радиостанцию. Таким образом можно установить связь между отдаленнейшими уголками подводного совхоза.

— Еще одно надо, — продолжал Ванюшка. — Вот случится тревога. Я вызову вас радиосигналом. А пока вы доберетесь до меня, меня двадцать раз могут убить, и рыбы съедят, ничего не останется. Изобрети ты, пожалуйста, подводный автомобиль. Ведь если ты электричеством обеспечен, то чего проще! Я так думаю, тут и изобретать нечего, разве только гусеничный ход приладить. Дорог, правда, под водой еще нет хороших, но со временем мы и шоссе проведем. Полный автодор, одним словом.

— С автомобилем ничего не выйдет. Шоссе провести, дорогой мой, не так-то легко. Под водой есть и горы, и пропасти, и расщелины, и обрывы, и болота. Попробуй проложить дорогу да мосты построить! — возражал Гузик. — Все деньги ухлопаешь, а скорости настоящей не достигнешь. Положим, можно сделать кузов автомобиля в виде хорошо обтекаемого тела рыбы. Но колеса все-таки будут вязнуть. В подводное болото влезешь — не вытащишь машину. Ты прав в одном отношении: изобретать мне действительно почти ничего не приходится. Мне остается только использовать величайшее изобретение на-

шей советской техники — наш маленький, но мощный аккумулятор. Немного конструктивной выдумки, и задачу подводного транспорта мы разрешим, не прибегая к постройке автомобиля. Довольно взять обыкновенный винт, какой применяется в моторных судах, только поменьше, и укрепить его... на твоей голове. И винт потянет тебя за мое почтение!

— А голову не оторвет? Ты смотри у меня, Гузик!

— Не оторвет. Аппарат можно укрепить у плеч, но винт выдвинуть впереди головы, так что ты будешь разрезать воду твоим медным лбом.

— Ты не ругайся, Гузик. Медные лбы только у твердолобых. А сопротивление воды? Наше тело не похоже на тело рыбы.

— Сделаем особый плащ из полужесткого материала, который придаст обтекаемую форму твоему телу. И ты помчишься вперед...

— С какой скоростью?

— Да хоть бы и сотню километров в час!

Ванюшка был в восторге. Однако ждать, пока будет выстроена сторожка, поставлена радиостанция и изготовлен винтовой двигатель, он не мог. Не терпелось! И Ванюшка решил отправиться на дежурство в ту же ночь, чтобы рано утром быть на месте.

— Я возьму несколько запасных аккумуляторов, и мне хватит кислорода на несколько дней. Возьму пресной воды и запас пищи в резиновый мешок. Когда захочу есть или пить, всплыву на поверхность, выйду на берег, позавтракаю — и снова в воду. Если что случится, буду стучать камнями.

Простившись с товарищами, он отправился в путь. Было темно. Ванюшка зажег свой фонарь и время от времени посматривал на компас, прикрепленный сверху резиновой перчатки.

Ступив несколько шагов влево, начал вдруг медленно падать куда-то в бездну. Хорошо, что это случилось в воде. Будь это на земле, Ванюшка разбился бы вдребезги. Да и водолазный костюм кстати: падая в морскую бездну, юноша не рисковал утонуть.

Чем ниже, тем медленнее «тонул» Ванюшка. Свет его фонаря освещал каменную отвесную стену и длинные веревкообразные стебли подводных растений. Ванюшка ухватился за одну из этих веревок. Она медленно начала опускаться вместе с ним. Однако надо же подниматься вверх! Ванюшка взмахнул руками — и остался на месте. Веревка опутала его ноги. Он согнулся и начал развязывать ее. Не поддается. Ножом ее! Ванюшка вынул кортик. Ах!.. Кортик выскользнул из рук и нырнул вниз, блеснув, как рыба.

Без ножа плохо и опасно. Вдруг откуда-нибудь вылезет осьминог. Надо опуститься еще ниже и найти кортик.

Ванюшка с трудом разорвал стебли водорослей и осторожно опустился. Вот он и на дне. Угрюмое подводное ущелье меж скал. Внизу — среди водорослей — целое кладбище лодок, рыбацких баркасов, шхун... Человеческие ребра, черепа... Куски мачт, железная острога, гарпун, якорь, еще якорь... А вот и оброненный кортик. Здесь совсем не видно рыб. Почему бы это? Зато на дне много рыбьих скелетов. Странное подводное рыбье кладбище! Почему здесь не водится рыба?.. Вот одна показалась вверху. Она мечется, словно попала в сети... Вот она исчезла во тьме водяного «неба». Вот другая, нет — та самая. Она едва ворочается, лежит на боку, опускается. Отравлена!.. Быть может, здесь имеются газы, отравляющие рыб, как в знаменитой собачьей пещере в

Италии? Углекислота?!. Хорошо, что Ванюшка в водолажном костюме. Но и ему как будто становится тяжело дышать в этом жутком ущелье смерти. Скорей наверх!.. Ванюшка собирает в баллон водород и всплывает.

Ночь. Небо чистое. Звезды. Волны качают Ванюшку. Он уже привык к их баюканью. Он может даже уснуть на волнах. Но что это? Волна вдруг бросает его и пребольно ударяет о что-то. Берег далеко. Что же это может быть здесь? Ни лодки, ни буя. Ах вот оно что! Когда волна спала, Ванюшка увидел обнажившийся черный утес. Так вот отчего внизу так много погибших судов! Этот опасный подводный утес — вершина подводного горного пика — погубил уже не одно судно.

Ванюшка опускается вниз и идет по неровной почве. Опять лес водорослей. Здесь очень глубоко. Самое подходящее место для ловли. И далеко от совхоза. Ванюшка решает здесь прождать до утра. Еще рано. Он смотрит на часы, прикрепленные к правой руке. Два часа ночи, а вышел он в девятом часу вечера. Почти шесть часов в пути! Надо отдохнуть! На этом песке хорошо уснуть. Ванюшка не без труда ложится, обматывает вокруг себя водоросли и, легонько покачиваясь, засыпает сладким сном. Он так храпит в своем скафандре, что рыбы пугаются. Даже крабы, подозрительно косясь, боком пятятся подальше в сторону. Ванюшка может спать спокойно. Одежда его крепка и надежна, кислорода хватит на много часов. Почему бы и не проспать ночку под водой, как спят рыбы?

Глава 16

Ванюшка-дипломат

Проснулся он от усиливающегося покачивания. Начинаясь прилив. Ванюшка лежал на мелком месте, где вся масса воды перемещается вперед во время приливов и отливов. Открыл глаза. Утро. Поверхность воды чуть-чуть розовела от солнца. Над самой головой Ванюшки маячило темное пятно. Это дно лодки.

Ванюшка сразу вспомнил, зачем он сюда пришел. Разорвал водоросли, всплыл на поверхность и увидел лодку, нагруженную бурыми водорослями, и в ней двух японцев. Еще несколько лодок медленно передвигались вдоль побережья, а в открытом океане стояла большая шхуна Таямы Риокици. Ванюшка подплыл к лодке и потребовал, чтобы его доставили на шхуну. Но японцы не поняли — или не пожелали понять — его мимического языка. Ванюшка погрозил им кулаком и направился к шхуне.

Подплыв к корме, он ухватился за якорную цепь и начал делать знаки матросам, стоявшим на борту. Поднялась суeta. К борту подошел японец в резиновом плаще и кожаном шлеме. Японец пристально посмотрел на Ванюшку, потом сделал знак, приказав матросам, чтобы они подняли его. Ванюшке бросили конец троса и подняли на палубу. Он быстро снял с головы скафандр и обратился к японцу в плаще и шлеме:

— Вы Таяма Риокици?

Один из матросов тотчас перевел этот вопрос.

— Нет, — отвечал японец в плаще. — Я шкипер господина Таямы. А кто вы и что вам надо?

— Мне надо видеть Таяму, а зачем, вы сами можете догадаться. Вы ловите

водоросли у наших берегов.

Японец минуту подумал и быстро сказал что-то матросу по-японски. Матрос кивнул и убежал.

— Прошу обождать! — сказал шкипер, любезно улыбаясь, в то время как глаза его были суровы.

Скоро матрос вернулся, скороговоркой передал что-то японцу. Тот, улыбаясь еще любезнее, сказал Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просит вас к себе. Но вам удобнее будет, если вы снимете ваш водолазный костюм.

Ванюшка подумал. Одет он был более чем легко. Не уронит ли он советский престиж, если явится к Таяме в одних трусах? Ведь он, Ванюшка, выступает в важной роли дипломата. Вдобавок он совсем не желает, чтобы ему приказывали.

— Мне так удобно, — ответил он японцу. — Визит мой не продлится долго. Если Таяма опасается, что я замочу его каюту, то мы можем встретиться с ним здесь, на палубе.

Японец в шлеме опять послал матроса к Таяме. Наконец эти предварительные дипломатические переговоры о месте конференции окончились: Таяма просил Ванюшку пожаловать к нему в каюту, не стесняясь костюмом. Ванюшка отправился в своем водолажном костюме, оставив на палубе только скафандр. Правду сказать, водолазный костюм не создан для визитов. На суше он тяжел, в особенности его свинцовые подошвы. Ванюшка с трудом передвигал ноги, спускаясь по узкому трапу.

Кабюта капитана была устроена внутри шхуны и освещалась только фонарем, висевшим у потолка. Посредине комнаты сидел, поджав ноги, толстый человек с лицом Будды. Трудно было сказать, сколько ему лет, весел он или печален' — бронзовая маска лица была непроницаема. На нем было надето два халата: нижний — белый с отворотами, открывавшими тучную шею, и верхний — голубой, с широкими рукавами. Полы халата на коленях были подвернуты в виде валика. Будда сидел, опустив глаза на ковер и склонив голову, как будто он глубоко задумался или молился.

Ванюшка остановился у двери и зорким взглядом окинул комнату. Направо виднелась узкая дверь, а за нею — самая обыкновенная «европейская» каюта.

И еще одно увидел Ванюшка: из-за двери в капитанскую каюту выглядывала хорошенькая, на вид совсем юная японка с косо посаженными миндалинками черных глаз, коротко остриженная. На японке была матроска и короткая синяя юбка, на ногах — легкие европейские туфли. Девушка смотрела на Ванюшку с полудетским-полуженским любопытством. Ванюшка улыбнулся и весело мигнул ей.

Будца, очевидно, умел, глядя на пол, видеть, что делается вокруг. Он неожиданно проговорил несколько японских слов, после которых японочка, улыбаясь в ответ на приветствие Ванюшки, скрылась за дверью и прикрыла ее.

— Прошу вас, садитесь, — сказал Таяма по-русски, и довольно правильно.

Я вижу гражданина Таяму Риокици? — спросил Ванюшка, не без труда усаживаясь на подушку в своем водолажном костюме.

Таяма еще ниже наклонил голову и сказал:

— Вы видите перед собою вашего покорнейшего слугу. Я сам и моя шхуна в вашем распоряжении. Если вы пришли ко мне по делу, то дело не уйдет. Вы мой гость, и вы должны осчастливить меня, разделив со мною утреннюю трапезу.

В капитанской каюте опять мелькнула матросская блузка японки. Ванюшке очень хотелось вновь подмигнуть ей, но положение обязывало, и дипломат только повел бровью. Таяма, как ожившая статуя, принял с колен руки и налил из бутылки две рюмки.

Трнкий аромат прекрасного рома наполнил комнату.

— Благодарю, не пью! — сказал Ванюшка, поднимая руку. — И вообще я хотел бы поговорить раньше о деле.

Будда опять превратился в статую. Потом в его руках неожиданно появился веер, которым Таяма начал обмахивать свое лицо, хотя в каюте не было жарко. Быть может, это был только хитрый маневр. И в самом деле: Ванюшка засмотрелся на «фокусный» веер, произошла пауза, которой воспользовался Таяма. Не давая говорить Ванюшке, он начал говорить сам — жаловаться на плохие времена, на перенаселенность Островов, на безвыходное положение тысяч японских семейств.

— Я не спрашиваю, кто вы и зачем пришли. Я знаю это. Вы вправе требовать, чтобы мы ушли от ваших берегов, и мы уйдем. Но не судите нас строго. Мы берем лишь то, что вы сами не используете. Зачем богатства пропадать напрасно, если им можно накормить голодных? Сравните наши страны. Япония имеет всего триста восемьдесят пять тысяч квадратных километров, а у вас один Дальневосточный край раскинулся на площади в два миллиона семьсот семнадцать тысяч семьсот квадратных километров. У нас на одном квадратном километре теснятся полтора человека, а у вас не приходится и одного — ноль и семь десятых. Можно ли судить нас строго? Но я вижу, я знаю, — вы устраиваете подводный совхоз... сос... совхоз. Вы хотите использовать ваши богатства так, как они никогда не использовались раньше. И мы не будем мешать вам. Мы уважаем собственность. Не трудитесь убеждать меня. Я сейчас же дам распоряжение ловцам, чтобы они снимались с якоря. Я больше не буду плавать у ваших берегов. Можете передать это вашим товарищам: товарищу Волкову и другим уважаемым товарищам.

Ванюшка был удивлен и раздосадован.

Удивлен тем, что Таяма так хорошо обо всем осведомлен и знает организаторов подводного совхоза даже по фамилиям. Раздосадован же тем, что победа досталась слишком легко, что Таяма сдался без боя, что он своим фокусом с веером сумел вырвать инициативу в ведении переговоров, сказал все, что ему было нужно, и поставил Ванюшку в такое положение, когда тому не о чем больше было говорить. Катись, мол, колбасой — и только. Конечно, Ванюшка не дипломат, но провести себя он не позволит и в обиду не даст. Надо на прощанье по крайней мере сказать откровенно, что он о Таяме думает. Пусть скиснет от этих слов! Тоже — ромом задобрить хотел!

— Так вот что, гражданин Таяма, — сказал Ванюшка. — О вашей тесноте мы сами очень даже хорошо знаем. Но только мы знаем еще, что и в Японии не всем тесно живется. Есть там Худые, а есть даже и очень толстые. Вы о себе заботитесь, а не о бедноте. А вот когда японский пролетариат свернет вам шею, тогда мы с ним поговорим особо, у нас с ним будет отдельный разговор.

С ними, с бедняками, мы всегда сговоримся и, может быть, эти земли им отдадим, потому что наш Союз — родина всех пролетариев. А пока вы в Японии хозяева, мы вас не допустим у наших берегов хозяйничать.

Ванюшка поднялся и, довольный собой, вышел из каюты. Тяжело ступая, он начал подниматься по ступеням.

Таяма, сохранявший в продолжение всей Ванюшкиной речи неподвижность статуи, трижды ударил в ладоши. Мимо Ванюшки стрелой промчался матрос.

В следующую минуту несколько матросов, спускавшихся по трапу, с поразительной для них неловкостью сбились в кучу на узенькой площадке и, всячески извиняясь, задержали Ванюшку по крайней мере на две-три минуты. Наконец ему удалось выбраться на палубу.

Матрос, который обогнал его на трапе, держал в руках его скафандр, а шкипер внимательно рассматривал. Ванюшка подошел к ним и протянул руку к скафандру. Шкипер через переводчика сказал Ванюшке, что в скафандре имеется повреждение и что поэтому гостю лучше не покидать судна, пока повреждение не будет исправлено.

— Никакого повреждения в скафандре нет, — ответил Ванюшка. — Давайте его сюда.

Но, взяв скафандр в руки, Ванюшка увидел, что сбоку действительно имеется небольшое углубление, сделанное каким-то режущим предметом. Сквозной дыры еще не было, но все же вода могла проникнуть внутрь, в особенности при некотором давлении. В таком скафандре нельзя опускаться на дно. Ванюшка готов был поклясться, что этого повреждения не было в то время, когда он поднимался на палубу. Снимая скафандр, он не мог не заметить изъяна на блестящей гладкой поверхности аппарата. Ванюшка подозрительно посмотрел на шкипера-японца.

— Что это значит? — спросил он.

— Вероятно, вы ударились под водою об острую скалу! — ответил японец. — Но это пустяки. Наши мастера быстро поправят повреждение. Вам придется немного погостить у нас.

Погостить на шхуне после того, как он высказал откровенное мнение о Таяме, не очень-то улыбалось Ванюшке. Но делать было нечего. Бросать водолазный костюм он не хотел, до берега доплыть нелегко...

— Если вы не хотите снять костюма, то я советовал бы вам по крайней мере снять ящик со спины и грузила с ног, — предложил шкипер.

Это был неплохой совет. В конце концов, почему бы и не снять ранца и грузил?

— А скоро починят скафандр?

— Я полагаю, что на это уйдет не больше часа, — ответил японец. — Здесь ветрено. Быть может, вы сойдете в кают-компанию?

Глава 17

Старые счета

Ванюшка сбросил ранец и грузила и, не снимая костюма, отправился в кают-компанию. Кок принес ему на подносе печенье, уже знакомую бутылку рома и стакан чаю, поклонился и вышел. В кают-компании никого не было, чему Ванюшка был рад. Он покосился на бутылку и отставил ее, чай же выпил не без удовольствия. «Этим ты меня не подкупишь!» — думал он о Таяме.

Поскучав полчаса, он решил подняться на палубу. Но в этот самый момент в каюту вошла молодая японка, уже в японском национальном костюме — в розовом кимоно и маленьких, шитых золотом туфельках. В руках она держала грушевидную четырехструнную гитару с бледно-розовой лентой у колков. За нею появился матрос-переводчик, который сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Господин Таяма Риокици просил передать уважаемому гостю, что он приказал своей дочери поиграть — занять уважаемого гостя музыкой и пением, чтобы уважаемому гостю не было скучно, пока чинят его скафандр. — И, низко поклонившись, матрос вышел, прикрыв дверь.

Ванюшка злился на себя, на Таяму, на маленькую японку.

Японка между тем, приветливо улыбаясь и приседая, подошла к стулу, уселась, положила на колени гитару с месяцеобразными прорезами в деке и начала играть при помощи тонкой треугольной костяной пластинки — плектрона, как играют на мандолине. Взяв несколько аккордов, она запела. Звуки инструмента были очень нежные, а маленький голосок девушки еще нежнее. Она пела какую-то сладкогрустную песенку. Ванюшка не понимал слов, но он понял, что это была песня о неразделенной любви.

Ванюшка положил голову на ладонь, оперся о стол и заслушался...

Какие-то голоса, как будто спорившие, привели юношу в себя. В его душе вдруг зародилось беспокойство. Не заманил ли его хитрый Таяма в ловушку? Быть может, его скафандр и ранец с аккумулятором и аппаратом, вырабатывающим кислород, будут спрятаны, а Ванюшку посадят под замок! Он вдруг поднялся — так резко, что японка уронила плектрон и оборвала пение, — сердито посмотрел на испуганную девушку и, едва не сбив с ног матроса, стоявшего за дверью, выбежал на палубу.

Шкипера не было. Матросы поднимали на палубу шлюпки и лодки. Таяма, по-видимому, сдерживал слово и собирался уходить. Но ведь он может захватить с собою в качестве пленника и Ванюшку!

— Где мой ранец? Где шкипер? — набросился Ванюшка на матроса, но тот не понимал по-русски и только пожимал плечами.

Матрос сделал шаг, чтобы позвать шкипера, но Ванюшка остановил его. Быстро сбежав по ступеням трапа, он направился без предупреждения в каюту капитана. Здесь он застал такую картину. Возле стола стояли шкипер, сам Таяма и молодой матрос с длинным носом и короткими волосами, в очках, похожий скорее на инженера или врача, чем на простого матроса. Все они внимательно рассматривали скафандр и вскрытый аппарат для добывания кислорода. Тут же на столе лежал знаменитый аккумулятор Гузика, а на листе ватмана виднелись наспех сделанные наброски карандашом. Японец в очках снимал чертежи.

— Вы что тут делаете?! — закричал Ванюшка, позабыв о том, что он одинок и незащищен. — Вы не только нашу капусту крадете, но и наши секреты, наши изобретения?

— Простите, — сказал японец в очках по-русски. — Естественное любопытство. Мы хотели ознакомиться с аппаратом, пока будет чиниться ваш скафандр. Он готов. Вы можете...

— А эти чертежи зачем? — не унимался Ванюшка. — Тоже любопытство? Давайте их сюда! — Он схватил чертежи и засунул их за пазуху в водолазный костюм. — Давайте аккумулятор!

Ванюшка быстро собрал аппарат, надел скафандр, прикрепил дыхательные трубки и вышел из каюты, не говоря ни слова. И, удивительное дело, его никто не задержал. Он поднялся на палубу, надел на ноги грузила и прыгнул за борт, не осмотрев даже, хорошо ли исправлен скафандр. Уже в воде он оглянулся на борт шхуны. Из окна небольшого иллюминатора выглянуло лицо молодой девушки. Японка улыбнулась и махнула маленькой ручкой, словно вы точенной из слоновой кости.



И неожиданно, по какой-то непонятной для него самой ассоциации, Ванюшка вдруг вспомнил девушку, которую он видел в пещере. «Вот та — это да, фут возьми!» — громко сказал он в скафандре. Образ японки побледнел, а силуэт девушки, стоявшей на фоне костра, обрисовался так четко, как будто он видел его на самом деле. Ванюшка крякнул и опустился на дно.

Вернувшись в подводное жилище, Ванюшка рассказал о своем визите к Таяме Риокици. Это было во время обеда. Марфа Захаровна приготовила уток, доставленных с берега ее мужем, и больших крабов. А Пунь угостила пастилой, сделанной из морских водорослей. На этот раз даже Ванюшка похвалил кулинарные способности Пунь:

— Оказывается, она не кухарка, а кондитер. Очень вкусно. И знаете что, Семен Алексеевич? Давайте изготавливать эту пастилу для продажи. Ходко пойдет!

— Это идея, — ответил Волков и спросил Ванюшку, где он так долго был.

Когда Ванюшка упомянул имя Таямы Риокици, Конобеев вдруг так стукнул волосатым кулаком по столу, что запрыгали тарелки, и сказал:

— Убить мало этого паразита! Из-за него я чуть не утоп!

И Конобеев рассказал давнишнюю историю. Оказалось, что между ним и Таямой были старые счеты. Конобеев и Таяма не раз сталкивались во время рыбной ловли.

Еще до мировой войны и революции у Конобеева была небольшая рыболовная артель, а Таяма, богатый купец и промышленник, вел дело на широкую ногу. Его шхуны бороздили воды Японского и Охотского морей, а иногда заплывали и в Берингово море. Рыба, водоросли, морские котики — все это хищнически уничтожалось Таямой у наших берегов. Отсутствие охраны и малочисленность прибрежного населения развязывала руки Таяме, который обнаглел настолько, что не стеснялся ловить рыбу или бить котиков на глазах русских рыбаков и промышленников. Больше того, иногда он вступал с ними в настоящие сражения из-за лучших мест ловли.

Излюбленным приемом Таямы был такой. В свежий ветер одна из его шхун начинала носиться по волнам как бешеная. Она наскакивала на русские рыбацьи баркасы, зацепляла полуспущенным якорем сети, рвала их или увлекала за собой. Сам Таяма или его штурман ругательски ругали в это время на русском языке экипаж и рулевого шхуны, которые не умели-де обращаться с управлением и не знали своего дела. Перевернув с десятков русских баркасов и изорвав сотни метров сети, экипаж шхуны Таямы укрощал «взбесившееся» судно.

Однажды шхуна Таямы налетела таким образом на баркас, в котором находился Конобеев. В это время он спускал в воду огромную сеть.

Увидав перед собою вырастающую стену борта шхуны, Конобеев поднял вверх огромные кулачища и закричал. В голосе его слышались такие громopodobные раскаты и такая убедительная чувствовалась угроза, что даже дисциплинированный рулевой Таямы смутился и начал быстро вертеть колесо штурвала, желая избежать столкновения. Но расстояние было слишком малое. Шхуна наскочила на баркас и перевернула его вместе со всеми находящимися в нем рыбаками. Конобеев упал в воду и запутался в сети. И он, вероятно, погиб бы, если бы не счастливая случайность. Сеть зацепилась за полуспущенный якорь шхуны, который и потащил ее за собой. Быстрым движением Конобеева подняло на поверхность; он выхватил нож, которым потрошил рыбу, разрезал сеть и освободился.

Таяма тотчас сделал распоряжение спустить шлюпку и выловить Конобеева. Но Макар Иванович отказался от помощи. Когда шлюпка подплыла к нему и один из матросов протянул руку, Конобеев закричал:

— Прочь руки! Я не приму помощи от убийц! — и поплыл дальше.

Берег едва виднелся вдали, море было бурное. Конобеев выбивался из сил, но продолжал плыть в своих огромных рыбацких сапогах. Шлюпка следовала издали, надеясь, что он утомится и примет помощь. Скоро Макар Иванович действительно выбился из сил и начал тонуть. Шлюпка немедленно поспешила на помощь. Матрос протянул Конобееву весло, но тот, злобно выругавшись, так сильно рванул его, что маленький японец вместе с веслом упал в воду. Японцы, забыв о Конобееве, начали вылавливать из бурных волн упавшего товарища, а Макар Иванович, отдышавшись, поплыл дальше.

Выловив упавшего матроса, японцы вернулись на шхуну, предоставив Конобеева самому себе и волнам.

— Таяма уверен, что я утонул! — закончил Макар Иванович.

Тут же за обедом все решили, что Ванюшка был Прав, предлагая устроить подводную сторожку. И, не откладывая дела, с этого же дня приступили к устройству целых трех сторожек. Предполагалось, что постоянно дежурить под водой будут лишь в одной сторожке, а две другие послужат запасными базами, где подводный охранник сможет отдохнуть и пообедать, не поднимаясь на поверхность, или же снестись с центральной базой при помощи небольшой коротковолновой радиостанции.



Сторожки имели вид колпака высотой в пять и диаметром в шесть метров. Железный колпак с внутренней стороны был покрыт изоляционной оболочкой, которая сохраняла тепло и предохраняла стены от потения. В колпаке были заключены: шкаф с продуктами, запас пресной воды, электрическая плита, шкафчик с необходимой посудой, кровать, застланная серым пушистым одеялом. Далее: ковер на полу, под ним — линолеум, деревянный пол и бетон, как основание, дверь, снабженная наружной камерой для впуска и выпуска воды, круглое окно с толстым стеклом, наконец, электрическая лампочка на потолке и сильный рефлектор для освещения подводного мира за окном. На отдельном столике помещалась приемно-передающая радиостанция. И еще одним аппаратом была снабжена подводная сторожка: перископом, который можно было поднимать на поверхность, чтобы обзирать окрестности. Вначале этот перископ был установлен на постоянном стержне, но стержень этот очень скоро сломала проходившая шхуна. Пришлось сделать его выдвижным и убирать по надобности.

Третья — крайняя — сторожка находилась в двадцати километрах от главного подводного жилища, которому Волков дал громкое название «Гидрополис» — водяной город.

— А почему бы и не быть водяным городам? — говорил он. — С тех пор как существует чудеснейший аккумулятор, многое стало возможным. Водолаз может теперь находиться под водой неограниченно долгое время, передвигаться с быстротой акулы, освещать свой путь лучше, чем освещают сто глубоководные рыбы. Мы сможем строить подводные жилища, снабженные всем необходимым. И кто знает, быть может, через много-много веков, когда население земли увеличится и на суше станет слишком тесно, часть людей уйдет на постоянное жительство под воду. Здесь имеется еще огромная неиспользованная площадь. Сами океаны могут дать неограниченные запасы электроэнергии.

гии, если использовать разность потенциалов электродов в разной температуре воды верхних и нижних слоев. Электроэнергия путем электролиза даст нам кислород, она же даст свет и тепло. Представьте себе подводные города, залитые электрическим светом, подводные автомобили, велосипеды, трамваи, поезда, своеобразные подводные дирижабли, телеграфы, телефоны, подводные сады и парки с лужайками для детей, с кучками песку, с прирученными вместо собачек рыбами. Разве это не заманчивая перспектива? Гидрополис — только первая ласточка.

Месяц спустя после того, как были выстроены сторожки, Гузик преподнес Ванюшке подарок — маленький винтовой двигатель, при помощи которого можно было проплывать под водой огромные пространства. Теперь Ванюшка проделывал под водой концы в сотни километров, побывал в проливе Татарском и мечтал об исследовании берегов Охотского моря.

Вернувшись из одного такого путешествия в Гидрополис, Ванюшка сказал Волкову:

— Семен Алексеевич! Это же безобразие. Столько богатства у нас пропадает! Так нельзя. Видали вы карту первой пятилетки? Там Чукотского полуострова и Камчатки вы даже не найдете: они прикрыты картой Кузнецкого бассейна. Прикрыты! И что прикрыто? Миллиарды! Леса, звери, рыбы, золото, ископаемые всяческие, птицы, водоросли — миллиарды тонн водорослей, а значит, целые цистерны йоду, целые горы калийных удобрений, корма для людей и скота. Надо заселить погуще наше побережье. Протянем наши промыслы сплошной ниткой до Берингова пролива, заселим рабочими, а потом и начнем разворачивать производство за производством, промысел за промыслом!

В январе приступили к первой «жатве». Посаженные пучки ветвей задержали споры водорослей, которые разрослись теперь пышными плантациями. Хорошо принялись и фунори на засыпанных горными камнями местах. Ванюшка ходил на подводные нивы и любовался урожаем. На плантациях уже работало несколько сот человек. Механические косилки скашивали и связывали длинные ленты водорослей. На глубоких, с изрезанным профилем морского дна местах водолазы вырывали водоросли просто руками или же подрезали их ножом.

На берегу работа кипела еще оживленнее. Если бы теперь Хунгуз захотел побегать по берегу, то он едва ли нашел бы свободное место: все было завалено горами водорослей. Немного выше расположились сортировщики, промывщики, еще дальше — сушильщики. Водоросли, предназначенные для химической переработки, отвозились на завод целыми поездами вагонеток с маленьким электровозиком во главе. Сердцем электровозика был все тот же аккумулятор, величиною со спичечную коробку.

«Страдная» пора продолжалась от января до весеннего равноденствия. Работы было столько, что Ванюшка на время позабыл о Таяме. Но Таяма сам напомнил о себе.

Глава 18

Таяма отдает визит

Поздно вечером, когда все собрались после трудового дня в столовой и зашли за чай, зазвонил телефон с берега. Заводской инженер-химик, который в это время еще работал в лаборатории, сообщил, что недалеко от берега бросила якорь какая-то шхуна, с которой высадился толстый японец внушительного вида. Фамилию свою он не называет и говорит, что у него есть важное дело к Семену Алексеевичу Волкову, которого он желает видеть немедленно.

— Это Таяма! — воскликнул Ванюшка. — Пусть придет сюда.

— Зовите! — сказал Конобеев с угрожающим видом. — Однако сюда он войдет, а отсюда его вынесут.

— Таяме не следует показывать нашего подводного жилища, — возразил Волков, — если только это действительно Таяма. Но почему, Ванюшка, ты думаешь, что это Таяма?

— Кто же может быть иной? Важный, пузатый, как следует купчишке. Идем все к нему!

— Разумеется, — ответил Волков. — Я не имею ни малейшего желания говорить с ним с глазу на глаз.

— А почему бы раньше не узнать, что у него на уме? — сказал Гузик, как бы рассуждая сам с собой. — Таяма хитрый и опасный соперник. Если мы придем все вместе, то он, конечно, не скажет того, что скажет одному Семену Алексеевичу. Давайте сделаем так...

— Семен Алексеевич будет говорить один, а мы устроимся за перегородкой в резерве и накроем Таяму! — закончил Ванюшка. — Айда!

Ванюшка не ошибся: посетителем был Таяма. В дорогой меховой шубе и такой же шапке, он ожидал Волкова в конторе завода.

Когда Волков вошел, Таяма назвал свое имя, вежливо, но с достоинством поклонился, сняв шапку, и сказал:

— Разрешите поговорить с вами по одному важному делу.

Волков предложил сесть.

Таяма говорил долго и внушительно. Он начал издавека, как и в разговоре с Ванюшкой. Говорил об ужасной тесноте и перенаселенности островов Японского архипелага, говорил о нужде, о безработице, о непрекращающейся эпидемии самоубийств, о самоубийствах целых семейств, долго распространялся о неосвоенных просторах Дальневосточного края, привел даже русскую пословицу о собаке, которая лежит на сене: сама не ест и другим не дает!

— Позвольте внести фактическую поправку, — не утерпел Волков. — Во-первых, «собака» сама начала усиленно есть дальневосточное сено, — вы видите и знаете, как быстро мы развиваем эксплуатацию морских водорослей. Но это лишь первые шаги. Во-вторых, «собака» и другим дает есть, если только это происходит в рамках законности. Разве между Советским правительством и Японией не заключаются различные договоры о торговле, о рыбной ловле и прочее?

— То, что вы делаете, — капля в море по сравнению с тем, что у вас есть, — возражал Таяма. — Что же касается договоров между правительствами, то это ужасно сложная, громоздкая вещь. Отдельным лицам гораздо проще догово-

риться. К этому, собственно, и сводится цель моего визита... — Волков насто-рожился. Таяма заметил это и поспешил добавить: — Но не думайте, пожалуй-ста, что я хочу предложить вам незаконное... что-нибудь вроде... взятки.

— Нельзя ли ближе к делу?

— Одним словом, я предлагаю вам следующее: я буду ловить рыбу и добы-вать водоросли в тех местах, которые еще не освоены вами, вашим подво-дным... — как это? — завхозом. Согласитесь, что убытка от этого вам не будет: и рыба, и водоросли дают ежегодный прирост, превышающий убыль от улова. Если же я скажу, что из моего улова рыбы и добычи водорослей я буду давать вам четверть — натурой или стоимостью, — то ясно, что для вас это явится чи-стой выгодой, так сказать, расширением производства. Вы превысите план выработки, получите благодарность...

Волков поднялся.

— Вы хотите подкупить меня?

Поднялся и Таяма.



Дверь с треском открылась, и в комнату влетел Ванюшка. А за ним появи-лась огромная фигура старика, закрывшего выход своим массивным телом.

Желтоватая кожа Таямы потемнела.

— Нас подслушивали? — сказал он, делая возмущенное лицо.

Конобеев подошел к Таяме вплотную. Пушистая борода Макара Ивановича почти коснулась лица Таямы. Уже тихим, но зловецим, как отдаленный гром, голосом Конобеев спросил:

— Узнаешь?

Таяма внимательно посмотрел в лицо Макара Ивановича. Кто один раз в жизни видел это характерное лицо, тот не забывал его никогда. Таяма отсту-пил на шаг, не отрывая взгляда. Видно было, что он напрягал всю силу воли, чтобы не показать волнения.

— Да, я узнаю вас, — после паузы, несколько охрипшим голосом ответил Таяма. — Помнится, в бурю моя шхуна столкнулась с вашей лодкой, вы тону-ли, мои матросы хотели помочь вам, но вы...

— Врешь! — крикнул Конобеев с такой силой, что даже Ванюшка, привык-ший к его голосу, невольно присел. — Врешь, гадина! Ты утопил меня, как уто-

пил многих наших рыбаков. Но я поднялся со дна моря, чтобы рассчитаться с тобой за себя и за тех. — Страшная волосатая рука протянулась к Таяме, огромные пальцы-клещи сомкнулись на груди японца, и Конобеев одной рукой приподнял сто двадцать пять килограммов таямовских мехов и жира. Таяма взлетел вверх, как перышко. А вытянутая рука Макара Ивановича даже не дрогнула.

Конобеев направился к двери. Открыв ее пинком ноги, он вынес полузадохнувшегося японца на улицу, донес до шлюпки и бросил так, что Таяма пролетел три метра, прежде чем попал на руки своих матросов. Вместе с хозяином они повалились на дно шлюпки, зачерпнувшей полным бортом и едва не перевернувшейся.

— Эффектно! — сказал Гузик задумчиво и тотчас перевел глаза на горизонт, где мерцал сигнальными огнями далеко проходивший пароход.

Глава 19

Неведомый враг

Визит Таямы несколько дней служил темой для разговоров, но потом о нем начали забывать. Стояло горячее время, и новые заботы и события отвлекли внимание.

Началось с того, что Марфа Захаровна, непревзойденная специалистка варить капусту, подала на стол нечто несообразное. Даже Ванюшка, самый ревностный поклонник ее кулинарного искусства, отхлебнув из ложки, вдруг сделал гримасу, как грудной младенец, которому дали намазанную горчицей соску.

— Что это за гадость такая? — воскликнул он. Марфа Захаровна покраснела, причем оказалось, что от обиды ее красное, как спелый помидор, круглое лицо было способно краснеть еще больше. Правда, надеясь на свой талант, она не попробовала сама капусту.

Но разве она не варила так, как всегда! Марфа Захаровна подошла к столу, взяла ложку своего мужа, зачерпнула капусту, попробовала и вдруг вразвалку, как испуганная утка, выбежала из кухни и плюнула в мусорное ведро. Капуста имела отвратительный горько-соленый вкус.

— Понять не могу, что бы это значило! — сказала она, возвращаясь из кухни. — Капуста была свежая, хорошая, солила я ее как будто в меру, как всегда. Прямо ума не приложу!..

— Влюблены, наверно, — пошутил Ванюшка. А Волков вышел из столовой и через несколько минут вернулся, держа в руках стакан воды.

— Так я и думал. Попробуй немножко на язык! — сказал он, обращаясь к Ванюшке.

— Нас отравили? — спросил тот, беря стакан.

— Я не стану угощать тебя отравой, — ответил Волков. — Попробуй и скажи.

Ванюшка омочил губы, попробовал на язык, как это делают дегустаторы, и с удивлением сказал:

— Настоящая морская соленая вода! Откуда вы ее достали?

— Из нашего водопроводного крана, — ответил Волков.

— Как же она могла попасть туда? Ведь у нас в кране пресная вода с берега!

— Очевидно, где-нибудь прорвалась водопроводная труба и морская вода проникла туда, — сказал Гузик, мечтательно глядя в потолок. — Надо будет осмотреть и исправить, вот и все.

Он вышел из столовой; вслед за ним отправился Ванюшка, а Волков и Конобеев остались обедать. Щи были испорчены, но осталось второе — жареная рыба.

Через полчаса Гузик явился и сделал доклад.

— Так и есть. Труба повреждена. По-видимому, трактор задел ее. Не надо было поручать Цзи Цзы. Какой он тракторист?

— Ну, что же делать? Научится, — ответил Волков. — Я рад, что он хоть за что-нибудь взялся. А где Ванюшка?

— Пошел на берег сказать рабочим, чтобы починили трубу и телефонный кабель.

— Как, и... телефонный кабель?

— Ну, разумеется, — ведь он положен почти рядом с трубой.

Не успели починить трубу и телефонный кабель, как под водой случилось новое происшествие.

Рано утром Волков и Ванюшка были разбужены Конобеевым. Он звал их поскорее посмотреть на то, что делается на «дворе», как он говорил по привычке. А делалось, вероятно, что-нибудь необыкновенное, так как Макар Иванович явился в спальню Волкова прямо в мокром «зимнем» водолазном костюме, сняв только с головы скафандр.

— Я, вишь ты, вышел пораньше, хотел идти на шестой километр работать, однако вижу — несуразное случилось.

— Да что же случилось? — допытывался нетерпеливый Ванюшка, облачаясь в водолазный костюм.

— Мамай, одним словом, — ответил Конобеев.

Волков и Ванюшка вышли из дома и, засветив фонари, посмотрели вокруг. В разных местах на недавно скошенных «лугах» валялись кучки свежесорванных водорослей. Пока в этом ничего удивительного не было: буря на море нередко перебрасывает водоросли с места на место. Волков и Ванюшка пошли следом за Конобеевым. Но чем дальше они шли, тем больше валялось на земле сорванных водорослей. И еще одна подробность не ускользнула от глаз Волкова: в это утро им почти не встречалась рыба, как будто что-то испугало ее и рыба уплыла далеко отсюда. Путники прошли около километра, пока пришли к плантации, на которой еще не были сняты водоросли, — сегодня сюда должны были прийти косцы. Увы, печальное зрелище представилось их глазам! Вся плантация была изуродована, водоросли вырваны вместе с пучками веток, разбросаны, перемешаны с песком и илом. Эти водоросли могли пойти разве только на золу. Лучшие нивы, лучшие, отборные сорта фукусов, алярия и ламинария были уничтожены. Конобеев взял слуховую трубку Волкова и сказал:

— Однако и дальше не лучше!

Они отправились дальше, и Волков убедился, что и дальше действительно было не лучше. Водоросли были уничтожены на много гектаров к северу.

— Это Таяма вредительствует! — крикнул Ванюшка в трубку Волкова, но тот отрицательно покачал головой. Испортить в одну ночь такую огромную площадь было невыносимо. Для этого нужна армия людей. Откуда их может

взять Таяма?

Волков нагнулся, осветил дно фонарем и начал изучать. Под водой следы человеческих ног на песке быстро сглаживались, и только свежие следы оставляют некоторые неровности: Волков искал их, но не находил. Лишь кое-где виднелись длинные продольные бугорки как будто недавнего происхождения. Такие бугры могли быть сделаны лапами якоря, когда он волочился по песку.

— Что вы думаете, Макар Иванович? — спросил Волков Конобеева.

Старик пожал плечами.

Волков, Конобеев и Ванюшка вернулись лишь к обеду, усталые и опечаленные. Огромные пространства подводных полей были опустошены, погибли сотни, а может быть, и тысячи тонн водорослей. И хуже всего было то, что причина оставалась неизвестной.

Ванюшка несколько ночей подряд не ложился спать, он ночевал в море, бродил по подводным полям, переносился с места на место при помощи винтового двигателя и внезапно освещал прозелень моря то там, то здесь. Однако, кроме рыб, он не встречал никого.

Море было пустынно. Водоросли тихо покачивались, рыбы поедали друг друга — все было как всегда. И тем не менее через неделю снова погиб огромный участок подводных плантаций.

Ванюшка потерял сон и аппетит.

В бесплодных поисках виновника «потравы» подводных лугов прошла зима. Несмотря на солидные убытки, причиненные подводному совхозу неизвестным вредителем, было собрано огромное количество водорослей. Ко времени весеннего равноденствия сбор прекратился. На берегу началась переработка сырья, а под водой намечались новые места для засева, заваливались камнями бесплодные каменистые равнины. С наступлением весны и лета работы стало меньше, и часть рабочих-подводников была направлена на рыбную ловлю.

Ванюшка, сбросив «зимний» водолазный костюм, в трусах и полумаске совершал далекие путешествия. Однажды недалеко от крайней сторожки он вновь застал рыбаков Таямы. На этот раз мечь Ванюшки была уже подготовлена; уходя на разведку, он всегда захватывал с собой большой бурав. Подплыв к рыбацкому баркасу со стороны кормы, Ванюшка начал буравить дно и скоро сделал дыру. Японцы увидели течь и поспешно заделали дыру, но Ванюшка уже провертел вторую, а за ней третью. Перепуганные японцы поспешили к шхуне, которая и приняла их на борт. Поднявшись на поверхность, Ванюшка крикнул, что он будет теперь поступать так с каждым японским судном, которое только появится в советских водах.

В тот же день вечером, не возвращаясь в Гидрополис, Ванюшка вызвал по радио Конобеева к себе.

— Макар Иванович, — говорил Ванюшка, — таямовские бандиты опять появились. Приходите ко мне, мы их разделаем так, что отобьем охоту являться сюда.

Конобеев прибыл через несколько часов, глубокой ночью.

— Однако я что-то встретил, когда плыл сюда, — сказал он, не без труда влезая в маленькую сторожку.

— Что же вы встретили, Макар Иванович? — спросил Ванюшка.

— Да похоже как вроде морской коровы. Большое, пузатое проплыло мимо. Жаль, не очень близко, не мог я рассмотреть, да и водоросли в этом месте больно густые. Ну только никто как она нам вредила все время. Я пошел вслед за ней, смотрю — вся водоросль так и помята, так и порвана, — будто медведь в овсе валялся.

— Идем, Макар Иванович, — сказал Ванюшка, схватывая полумаску и ранец с аккумулятором. — Может быть, нам удастся нагнать ее. Если не убьем, то хоть узнаем, кто этот паразит!

Глава 20

Во мраке вечной ночи

Они пошли с погашенными фонарями в полной тьме, протянув руки вперед, как слепые. Неприятно было так идти: то неожиданно оступишься и попадешь в яму, то запутаешься в водорослях, то споткнешься обо что-то: не то утерянный якорь, не то обломки разбитого баркаса...

Шли долго. Ванюшка уже начинал уставать. Видно, и на этот раз ему не повезет поймать жар-птицу... И вдруг он и Конобеев почувствовали на своем теле движение воды — ощущение, похожее на то, когда на земле обнаженный человек чувствует давление ветра. Откуда-то сильно «дуло». Они повернулись в сторону этого подводного водяного ветерка. Но не успели они сделать нескольких шагов, как «ветерок» превратился в сильный «ураган», столь резко оттолкнувший их назад, что Ванюшка упал, а Конобеев пошатнулся. Наклонив голову, старик рванулся вперед. Ванюшка поднялся и последовал за ним. Неожиданно кто-то схватил Ванюшку за плечо. На ощупь это была человеческая рука. Конобеев? Но он ушел вперед. Значит, тот человек, который производил опустошения на полях! По движению воды Ванюшка почувствовал, что человек другой рукой хочет схватить его за горло. Ванюшка пошарил рукой у пояса кортик и замахнулся, пытаясь вспороть неведомому врагу живот. Но враг схватил Ванюшкину руку. Ужаснейшая боль! Ванюшка вскрикнул; в тот же момент сильнейший свет ослепил его глаза и погас. Но этого короткого мгновения было достаточно, чтобы Ванюшка мог увидеть наклонившееся над ним огромное бородатое лицо Конобеева.

— Сдурел ты, что ли? — заорал Ванюшка в водяную тьму. Конобеев отпустил руки. Он схватил слуховую трубку и виновато забормотал:

— Однако история-то какая от тьмы случилась! Сослепу чуть друг друга не прикончили! Идем, что ли. Ушло чудовище, а ты на меня наткнулся!

Ванюшка уселся на дно и зажег фонарь.

— Гаси! — крикнул Конобеев. — Может быть, оно недалеко ушло.

Ванюшка погасил, и вдруг где-то далеко-далеко в глубине блеснул как будто ответный огонек. Блеснул и погас... Потом еще раз блеснул и погас уже в другом месте.

— Видел? — спросил Ванюшка. — Что это? Пойдем туда! — сказал он, показывая в ту сторону, где в последний раз блеснул огонек.

Они взяли за руки и пошли. Дно быстро понижалось.

Друзья входили в глубокую подводную низину. Время от времени на встречу им «воял ветерок».

— Большой зверь шевелится, однако, — сказал Конобеев, приглушая голос,

хотя он говорил в трубку, плотно прижав губы к краям ее.

Ванюшке стало немного страшно. Впервые он подумал о том, что они подвергаются большой опасности.

Когда же в темной пучине вдруг опять сверкнул огонек, Ванюшка побежал вперед, оставив Конобеева. Скорее бы встретиться с этим неведомым врагом! Может быть, это самая безобидная рыба, только снабженная световым аппаратом, как многие обитатели глубоких вод?!

Ранюшка почувствовал, что вода все сильнее давит грудную клетку. Труднее становилось втягивать в себя кислород. Зато выдыхание происходило с необычайной быстротой. Очевидно, они шли уже на значительной глубине. Еще несколько метров вниз — и ноги Ванюшки заболтались в воде, не ощущая почвы. Вода начала выдавливать его вверх. Какая досада, что он не надел зимнего водолазного костюма с бочкообразной грудью! Тогда можно было бы проникнуть на гораздо большую глубину. Все тело сдавлено, но особенно достаётся груди. Ванюшка болтался в водном пространстве, как человек, попавший в мир невесомого. Он не мог идти дальше. Более тяжелый Макар Иванович плавал где-то под ним... Он поймал Ванюшку за ногу и потянул вниз.

— Однако ты пропадешь тут, малый, — крикнул Конобеев в трубку.

— Ничего... Макар Иванович! — задыхаясь, ответил Ванюшка.

Он не хотел сдаваться, но Конобеев, подхватив юношу под мышки, вдруг одним ударом правой руки поднялся вместе с ним на десяток метров вверх. Ванюшка чувствовал, как с каждым метром скатывается с него тяжесть, сковавшая все тело. Правда, Ванюшка теперь прибавил в весе, но зато он может дышать нормально. Какая досада, что им не удалось выследить чудовище! Но теперь они уже кое-что знают.

Надо только продолжать слежку. Ванюшка посмотрел вверх. Оттуда виднелся слабый свет. Утро! Однако как незаметно прошла ночь!

«Солнце! Благодатное солнце! Хорошо, интересно под водой, но скучно без солнца. Правда, через небольшой слой воды оно и светит и греет подводный мир, но все же...» — Ванюшка не успел додумать своей мысли. Его внимание было привлечено длинным шестом, который медленно погружался в воду. Посмотрев вверх, Ванюшка увидел дно лодки и смутное отражение человека, нагнувшегося из-за борта над водою. Лодка находилась почти над самой сторожкой. Ванюшка толкнул Конобеева локтем.

— Опять японцы взялись за свое! — сказал он. — Сейчас я просверлю им доньшко.

— погоди, однако! — крикнул прямо в воду Конобеев и, отстранив Ванюшку, зашагал к шесту. Макар Иванович был обозлен неудачами прошлой ночи. Притом он помнил свое обещание, данное Таяме. А это, конечно, были его агенты, и Конобеев решил, наконец, расправиться с купцом по-настоящему. Слово старика Конобеева твердо!

Глава 21

Неожиданная встреча

Конобеев рванулся вперед. Своею головою Нептуна он начал таранить воду с такой силой, что рыбы, проплывавшие сзади него, крутились в водовороте. Ухватившись за шест, Макар Иванович дернул его с такой силой, что лодка перевернулась и люди начали падать в воду. Один, два, три... Двое мужчин и женщина. Один мужчина, быстро всплыв на поверхность, направился к берегу. Ванюшка определил, что это японский рыбак или матрос. Другой мужчина, барахтаясь, шел ко дну. Женщина отчаянно пыталась уцепиться за перевернутую лодку. Лодку отнесло в сторону. Женщина, делая беспорядочные движения руками и ногами, стала погружаться головою вниз, прямо на Ванюшку. Он отошел в сторону и протянул вверх руки, намереваясь подхватить ее. Рот у нее был плотно закрыт, глаза широко раскрыты и смотрели с ужасом на подводное чудовище — человекоподобное существо с большим черным носом, протягивающее к ней руки. Вот женщина открыла рот. Она захлебывается!..

Что делать? Вынести ее на поверхность или стащить в сторожку, благо она рядом? Ванюшка увидел, что Конобеев несет на руках утонувшего мужчину, открывает дверь в камеру сторожки и вносит туда. Ванюшка подхватил женщину на руки и поспешил за стариком.



Закрыли железную дверь и пустили в ход насосы. Они работали исправно, но Ванюшке казалось, что никогда еще вода не вытекала так медленно. Он держит женщину в руках, высоко подняв ее голову к потолку, чтобы дать ей скорее воздуха, как только схлынет вода. У потолка ярко горела лампа. Вот вода опустилась до уровня плеч. Теперь Ванюшка мог хорошо рассмотреть лицо женщины. И вдруг он вскрикнул от удивления.

Да ведь это она, та самая девушка, которую встретил он в пещере и напугал своим эхом! О которой он так много думал, тщетно искал! И неужели он встретил ее теперь лишь для того, чтобы похоронить ее тут?

Вода опустилась еще только по щиколотку, а Ванюшка уже хотел открыть

дверь сторожки. Конобеев удержал его. Наконец камера освободилась от воды. Ванюшка и Конобеев перенесли утонувших людей в избушку и положили на пол. Начали приводить их в чувство.

Прошло несколько томительных минут. Ванюшка волновался все более. Но вот девушка стала оживать. Исчезла бледность лица, дрогнули веки. Она почти сознательно взглянула в лицо Ванюшки и едва заметно улыбнулась. Ванюшка пришел в восторг.

— Фывы? — спросил он. Это должно означать «живы».

Но девушка не поняла его. Может быть, подводные люди говорят на особом языке.

— Как вы сюда попали, фут возьми? — задал Ванюшка второй вопрос.

— Это мне нравится! — ответила девушка насмешливо и тут же закашлялась. — Маленькая... прогулка... на дно...

Взволнованный Ванюшка картавил больше обыкновенного.

— Я в пещере вас видел, давно, а теперь вы тут. Вот я и удивляюсь, как вы... опять здесь... сюда попали...

— Бррр... Гррр... Апчхи!.. Аленка, ты жива? — услышался голос мужчины, пришедшего в себя.

«Аленка! Елена! Так вот, значит, как ее зовут! — подумал Ванюшка. — Лена, Леночка. А тот называет ее Аленка. Кто он ей? Отец, должно быть. А может быть, муж?..» — и в сердце Ванюшки вонзилась игла. Неприятное, незнакомое, болезненное чувство. Он еще не знал, что это — ревность.

— А вы, Борис Григорьевич? — спрашивает девушка.

«Борис Григорьевич, вы... Кто же он? Отец?..» — мучительно пытается разгадать Ванюшка.

— А я хотел пустить пузыри, — отвечал Борис Григорьевич, — да вот сей почтенный старец начал на мне играть, как на гармошке, пришлось опять начать эту музыку. — Борис Григорьевич приподнялся, уселся на полу, упершись руками, и, подняв голову вверх, спросил: — Кому мы обязаны нашим неожиданным спасением?

Конобеев крякнул. Один только Ванюшка понимал смысл этого неопределенного междометия: хорошо, мол, спасение, если я сам едва не утопил вас!

— Я вижу, — продолжал Борис Григорьевич, не дождавшись ответа, — перед собою, очевидно, водолазов, хотя вы больше похожи на новую, черноносную породу людей, которые, наверное, произошли от морской сырости.

Аленка рассмеялась, а Ванюшка начал подозрительно быстро снимать свой каучуковый нос.

— Где мы находимся? Который теперь час? — продолжал Борис Григорьевич. — Что стало с нашим лодочником и моими инструментами?

— Находитесь вы под водой, — ответил Ванюшка за Конобеева, к которому был обращен вопрос, — в подводной сторожке подводного совхоза; час теперь девятый, лодочник ваш удрал, бросив вас утонуть, и теперь, наверное, уже сушится на берегу — он плавает, как рыба, — а инструменты ваши, наверное, лежат на дне морском рядом с нашей сторожкой. Мы подберем их, высушим и предоставим вам в полной исправности. А носы у нас, между прочим, как и у вас.

— Подводный совхоз? Это великолепно! — вскричал Борис Григорьевич, вскакивая с пола. Он оказался очень высоким мужчиной, под стать Конобее-

ву, лысый, с черными, коротко подстриженными усами и черными бровями. Остатки волос на висках были совершенно седые. — Мы давно уже слышали о подводном совхозе; еще в прошлогоднюю экспедицию здесь уже поговаривали о нем, а в этом году мы непременно хотели познакомиться с этим чудом природы. И вот, как говорится, не бывает бы счастьем, да несчастье помогло. Позвольте представиться: член Академии наук, профессор Борис Григорьевич Масютин. А эта сидящая на полу девица, виновница всего происшествия, — Елена Петровна Пулкова — родная дочь Пулковской обсерватории, попросту Аленка, аспирантка, от слова «аспире» — «дуть, веять, стремиться». Самое стремительное и легкомысленное существо в мире.

Аленка поднялась с пола, оправила мокрое платье и подала руку Ванюшке и Конобееву.

— Макар Иванович Конобеев, Иван Иванович Топорков. Служащие подводного совхоза. Очень приятно познакомиться, — сказал Ванюшка, крепко сжимая руку Масютина и еще крепче — Аленки. — Вас попросту зовут Аленка, а меня Ванюшка. Вот и очень хорошо. Позвольте просушить ваше платье. — Ванюшка пустил струю горячего воздуха.

— Я вижу, у вас тут все электрифицировано. Молодцы! Подходи, Аленка, сушишься первая. Если я начну сушиться, то ваш аппарат непременно испортится.

— Тут двоим места хватит, становитесь, Борис Григорьевич, — пригласила девушка.

— Мне, понимаете, удивительно не везет, — продолжал Масютин, с удовольствием поворачиваясь то одним, то другим боком перед теплой струей воздуха. — Терпеть не могу путешествовать. То ли дело сидеть у себя в кабинете на Морской. Я люблю ночью работать. Все спят. Тихо. Самоварчик ворчит — у меня такой маленький есть, — папиросы покуриваешь. И никаких тебе происшествий. Я домосед. И, несмотря на это, только и делаю, что путешествую.

— Потому что вы любите это, — сказала Елена Петровна.

— Я! Люблю? Путешествовать? Терпеть не могу. Ненавижу! Я не выношу путешествия, как такового. Но я люблю, это правда, извлекать из-под земли разные полезные ископаемые, редкие металлы и прочее такое. Я, видите ли, химик, геолог, физик. Геолог и химик преимущественно. Для меня нет большего удовольствия, как вытащить откуда-нибудь из-под земли за ушко да на солнышко какую-нибудь урановую смолку, апатит, сланец. Но если бы все это можно было вытащить из ящика письменного стола, я с места никуда бы не сдвинулся. Ты уже суха, Аленка? Женщины одеваются легче. А я еще подсушусь...

Глава 22

Друзья — враги

Поворачиваясь перед аппаратом, Борис Григорьевич продолжал: — Химики — народ особенный. Вы думаете, химия наука? Нет, химия — это мирозерцание. Я вижу все совсем иначе, чем вы. Вы видите, например, охру и говорите, что это желтая краска, та самая, которой натирают паркетные полы. А для меня это железо, сторевшее в огне кислородного горения. Вы не замечаете, что весь мир объят страшным пожаром кислородного горения, — а я вижу этот страшный неугасимый пожар. Вы ходите по глине, и для вас она только глина. А для меня это алюминий, сторевший в огне кислородного горения, окислившийся, что одно и то же. Если бы не кислород, вы ходили бы не по глине, а по горам алюминия. И нам пришлось бы и горшки и печки делать из чистейшего алюминия. Да, все металлы, все почти элементы мира сторают в огне кислорода. И мы также стораем. Вы говорите — старость, а я говорю — горение. Вы говорите — человек умер, я говорю — сторел.

Вот я и обсох. Хорошо! Да, о чем я? Приехали сюда — опять несчастье. Но в этом уж Аленка виновата. Она химичка, но с биологическим уклоном. Ну вот, потащила меня покататься на лодке. Планктон, видите ли, ее интересует.

— Борис Григорьевич, но ведь вы сами... — начала девушка.

— Молчи, Аленка, молчи! Я пятьдесят два года Борис Григорьевич, а такой непоседы не встречал. Одним словом, наняли какого-то китайца или японца — я их плохо различаю, — поехали или поплыли, как у вас там говорится. Драги, шесты, сачки, крючки, все как следует. Плыдем. И вдруг какой-то морской дуралей, акула или спрут, приняв наш инструмент, вероятно, за аппетитную приманку, так дернул за шест, что все мы полетели в воду.

— Борис Григорьевич, — решил прервать многоречивого собеседника Кобоев. — Вы меня простите, старика. Это я — дуралей морской и есть. Я вас чуть не потопил. Случай такой вышел. У нас японцы рыбу да водоросли воруют...

— Хе-хе-хе! — вдруг неожиданно высоким тоном засмеялся Масютин. — Поймали рыбку, да не ту? Макар Иванович, вы тут ни при чем, это все планида моя надо мною шутит. Я уже говорил вам, что со мной происходят самые невероятные вещи.

— А черта вы когда-нибудь видели, если с вами такое невероятное приключается? — неожиданно спросил Ванюшка.

— Черта? — удивленно протянул Масютин. — Нет, черта не видел.

— Вы забыли, Борис Григорьевич, — отозвалась Пулкова. — А помните в пещере?..

— Да, да, в самом деле! Чем не черт? Эдакий черноносый нас испугал.

— Так это ж я! — сказал Ванюшка. Аленка всплеснула руками.

* * *

Появление гостей взволновало жителей Гидрополиса. Обитатели торжественно собрались в столовой за обеденным столом и начали рассуждать о том, куда удобнее поместить гостей. Масютин настаивал, что он будет жить на берегу с Аленкой и приходить к ним в гости.

— Если я поселюсь у вас, то со мной, а значит, и со всем вашим подводным

домом, непременно стряется какое-нибудь несчастье: либо «рыба-кит» проглотит вас, либо пожар приключится.

— В воде-то? — испуганно спросила Марфа Захаровна.

— Да, я не удивлюсь, если вода загорится от моего присутствия.

Но Аленке очень хотелось пожить под водой, и она уговорила Масютина не уходить на берег.

— Какая ты непонятливая, Аленка! Ведь мы же стесним их!

— Нисколько, — неожиданно вступил в разговор молчаливый Гузик, — мы прекрасно разместимся. — И он начал объяснять, куда кому надо переселиться, чтобы освободить помещение для гостей.

— Хороси девуска будет зить со мной! — вдруг заявила Пунь, стоявшая у дверей. Вслед за этим она подошла к Пулковой и погладила ее по голове. Все рассмеялись.

Пунь настояла на своем; Аленка согласилась жить в домике, где помещалась Пунь, пока не вернется ее муж. Ванюшка с Гузиком поместились в лаборатории, а Масютин — с Волковым.

И надо же было случиться, что в этот самый день вечером неожиданно явился Цзи Цзы, пропадавший более двух недель. Пунь встретила мужа в столовой, где он пил чай, и заявила ему, чтобы он к ней больше не являлся.

Цзи Цзы так озлился, что его желтоватое лицо стало лиловым. Жена, рабыня, смеет ему указывать! Нет, решительно ее надо скорее убрать отсюда. Иначе она забудет все корейские обычаи и станет настоящей большевичкой...

Цзи Цзы поднялся из-за стола, не допив чая, и, подойдя к Пунь, крепко схватил ее за руку.

— Идем отсюда! — грозно сказал он, но Пунь запротестовала и стала вырываться.

Супруги начали громко спорить и кричать. Цзи Цзы уже поднял руку, чтобы «вразумить» жену по своему обычаю, но подоспевший на крик Ванюшка остановил его.

— Не смей бить женщину! — крикнул он.

Цзи Цзы посмотрел на Ванюшку с нескрываемой злобой, но отпустил жену. Потом глухо сказал по-русски:

— Не надо так? Ухожу! — И он ушел.

Скоро Ванюшка услышал шум воды, наполнявшей камеру. Очевидно, Цзи Цзы надел водолазный костюм и уплыл, решив ночевать на берегу. Этой семейной сцене не придали особого значения. Один Ванюшка был в восторге от того, что Пунь показала себя настоящей женщиной. Ванюшка плохо спал в эту ночь. Ворочался и Гузик.

В четыре часа утра Ванюшка тихонько поднялся, чтобы не будить своего товарища, и вышел. Он надел водолазный костюм, побывал на берегу, нарвал большой букет луговых цветов и поставил его в вазу на обеденный стол.

— Это еще что такое? — удивленно спросил Волков, заглянув в столовую.

Ванюшка, смутившись, ответил:

— Товарищ Пулкова говорила мне, что очень любит полевые цветы, вот я и решил сделать ей су... сюрприз. Только вот, пока плыл, маленько букет разлохматился. — И Ванюшка начал неумелыми пальцами поправлять цветы.

В этот момент дверь в столовой тихо приоткрылась, и в образовавшуюся щель Волков увидел лицо Гузика. Дверь тотчас захлопнулась. Это заинтересо-

вало Волкова, и он, неслышно открыв дверь, выглянул в коридор. Там он увидел Гузика с большим букетом цветов, спасавшегося в лаборатории. Волков усмехнулся: «Совсем голову потеряли ребята».

Это была правда: у Ванюшки все валилось из рук. Гузик сделался рассеянным, как никогда. Он забывал являться к обеду, отвечал невпопад, ухитрялся часами сидеть неподвижно, глядя в одну точку.

— Изобретает! — тихо говорил Ванюшка, указывая на Гузика.

Гости чувствовали себя очень хорошо. Борис Григорьевич Масютин очень сдружился с Марфой Захаровной. Они вместе попивали чаек. Масютин рассказывал ей о своих злоключениях, приводя старушку в трепет. Подводным миром Масютин интересовался мало. В своей комнате, рядом с комнатой Волкова, он приводил в порядок свои путевые заметки и обдумывал большой научный труд.

— Хорошо, — говорил он. — Вот где надо строить кабинеты для ученых — под водой! Тишина необычайная. Нигде мне так хорошо не работалось, как здесь.

А Пулкова целые дни проводила в подводных экскурсиях. Она собрала богатую коллекцию водорослей и мечтала о том, чтобы проникнуть в глубоководные долины океана, где надеялась найти новые виды красных водорослей. Ванюшку беспокоили одиночные прогулки девушки, но сопровождать ее он не мог, так как принужден был работать с Волковым.

Однажды, возвращаясь к себе, он неожиданно встретил Пулкову, которая, сидя на коленях на дне, забавлялась маленькими крабами. Ванюшка был очень взволнован, увидев ее. Ему давно хотелось поговорить с девушкой наедине. О чем, он еще сам не решил, но о чем-то страшно важном.

Увидев его, Аленка приветливо помахала рукой. Ванюшка подошел, опустился рядом с нею на песок, взял ее слуховую трубку и спросил:

— Гуляете?.. — Ему хотелось сказать совсем другое; он готов был крикнуть в трубку: «Я люблю вас!» — но не решился.

Пулкова показала на маленьких крабов, которые пытались удрать от нее, а она вновь и вновь ловила их руками.

— Жаркая сегодня погода... теплая вода, хочу я сказать, — продолжал Ванюшка.

Он ждал, что Пулкова что-нибудь ответит ему, но она брала в руку его слуховую трубку и отвечала только кивком головы.

— Вы тоже черноволосая! — произнес он в третий раз, решительно не зная, как вызвать девушку на разговор.

Она улыбнулась, кивнула головой и продолжала забавляться крабами, ритмически выпуская изо рта пузырьки отработанного воздуха. У Ванюшки защемило сердце. «Не любит она меня! А может, кокетничает — разве женщин поймешь?» — поспешил он успокоить сам себя. Он тяжело вздохнул через свой черный каучуковый нос и выпустил огромное количество мелких пузырей.

— Однако пора идти! — сказал он. — Вы будете к завтраку?

Девушка отрицательно покачала головой. Ванюшка вздохнул еще раз, поднялся и медленно зашагал к подводному жилищу.

Аппетит у него пропал. Он шел и бранил себя за свою нерешительность. Так нельзя; надо узнать, любит она или нет.

Вернуться, что ли, и спросить ее?

Незаметно для себя, в раздумье, он повернул назад. Но когда приблизился к тому месту, где она сидела, ему показалось, что в глазах его двоится: как будто не одна, а две смутные размытые тени маячили перед ним. Он подошел еще ближе и остановился, не веря глазам. Пулкова сидела на дне все в той же позе, но уже не занималась крабами. В руках ее был цветок полевой ромашки; она обрывала его лепестки, как бы гадая: «любит, не любит». А перед нею, также на коленях, сидел Гузик, медленно покачиваясь вверх и вниз вместе с водой.

«Так вот что ты изобретал!» — с горечью прошептал Ванюшка; и во второй раз нехорошее чувство ревности вспыхнуло в его душе.

Глава 23

За красными водорослями

Пулкова решила осуществить давнишнее желание — проникнуть в таинственные глубины океана, чтобы обогатить свою коллекцию глубоководными водорослями. Спускаться в глубину нужно было в особом жестком бочкообразном водолазном костюме. Волков убеждал девушку не отправляться в такое рискованное путешествие одной, но она уверяла, что с нею ничего не может случиться.

— Мы не дадим вам водолазного костюма, — шутя заявил Волков.

— Я сама возьму, — ответила Пулкова.

— Сами? Да понимаете ли вы, какая это тяжесть? Без посторонней помощи вы не в состоянии будете даже надеть на себя этот костюм.

Пулкова ничего не ответила, но втайне решила настоять на своем. И вот однажды утром, когда в доме оставались только Масютин, углубленный в свою работу, Марфа Захаровна, вязавшая по привычке чулки, и Пунь, Пулкова вызвала корейнку и попросила ее помочь облачиться в глубоководный водолазный костюм. Пунь, души не чаявшая в «холосей девуске», охотно исполнила ее просьбу.

Выйдя на подводную улицу, Аленка пустила в ход винтовой двигатель. Пропеллер завертелся; тело девушки приняло почти горизонтальное положение, и она быстро двинулась в путь. Пулкова уже давно собиралась посетить морскую долину, находившуюся к востоку от Гидрополиса, далеко в сторону от подводных дорог. Она как-то была вместе с Масютиным у края этой долины и видела там огромные водоросли — целые подводные дремучие леса.

Подплыв к опушке подводного леса, Аленка остановила двигатель, опустилась и пошла по мягкому илистому дну.

Здесь было совсем тихо, не чувствовалось ни малейшего волнения воды. Лишь от движения самой Пулковой тихо раскачивались соседние водоросли да рыбы танцевали свой бесконечный танец страха и любопытства: туда — сюда, вперед — назад...

Аленка попала в узкое ущелье, из которого, казалось, не было выхода. Надо вернуться назад. Девушка сделала шаг, но нога зацепилась за что-то. Дернула ногу. «Что-то» не отпускало — оно шевельнулось и сжало ногу у колена, а в следующее мгновение чьи-то объятия охватили девушку у пояса. Пулкова наклонила голову, чтобы свет фонаря упал вниз, и увидела большие глаза и

несколько хоботообразных щупальцев спрута. Спрут смотрел внимательно, как бы изучая жертву. Свет фонаря, видимо, не очень беспокоил его.

Он медленно поднимал одну из своих ног, желая охватить Пулкову у плеч. Аленка была испугана, но не очень. При ней острый кортик, сейчас она вынет его, обрежет спрут\ноги и освободится.

Спрут поднимал ногу медленно, широко распластав ее на высоте плеч девушки. Когда нога была вытянута во всю длину, спрут с неожиданной быстротой обвил тело у плеч и начал присасываться. К счастью, руки девушки ниже локтей еще были свободны. Она протянула левую руку к кортику. Но в это время спрут неожиданно употребил военную хитрость — выпустил целое облако сепии. Свет фонаря Пулковой потускнел, как свет солнца во время лесного пожара.

Через минуту облако стало еще гуще.

Пулкова не могла различить даже собственной протянутой руки. Бороться при таких условиях было трудно. Спрут действовал на ощупь, Пулкова же не могла так хорошо, как он, ориентироваться в темно-коричневом полумраке. Опустив руку вниз, чтобы вынуть из ножен кортик, она нащупала ногу спрута, обвившуюся по поясу. Рукоять кортика была покрыта ногою спрута. Эти ноги были идеально приспособлены для сдавливания жертвы. Довольно мягкие в свободном состоянии, напрягаясь, они становились упругими, как самая твердая резина. Это был совершеннейший «аккумулятор» мышц, всегда готовых к страшному напряжению и сокращению. С каждым мгновением спрут сжимал все сильнее. Пулкова попыталась оторвать ногу спрута, но это оказалось невозможным. Тогда она начала надавливать пальцами на то место, где пояс соприкасался с ногою спрута, чтобы как-нибудь продвинуть пальцы, а потом и руку между поясом и ногою и вытащить кортик. Напрасно! Спрут уже плотно присосался к резине костюма, и между ногой отвратительного головоногого и водолазным костюмом не было ни малейшей щели.



Скоро кольцо, обхватившее Аленку ниже плеч, спустилось и закрепило

правую руку. Вслед за этим настала очередь и для левой руки. Пулкова судорожно сжала в пальцах кастаньеты, при помощи которых могла дать знать о себе.

Если ей самой не удалось освободиться от спрута, то единственная надежда на помощь друзей. Только бы спрут не прижал кисти ее руки!..

«Не хочу! Не хочу!» — что-то кричало в Аленке. И сердце холодело от ужаса...

Она шевелит пальцами, но пальцы отказываются повиноваться. Рука онемела... Как глупо поступила! Надо было сразу, в первую же минуту, выхватить кортик! Но что это? Огонек вдали! Едва заметная мутная точка. Ее ищут! Спасение! Спасение!! Спасение!!!

Пулкова разминает застывшие пальцы, делает невероятные усилия, чтобы шевельнуть ими... Едва слышный стук раздается в тишине моря... Пулкова с напряженным вниманием следит за далеким огоньком... Вот он повернул вправо. «Не туда! Не туда!» — хотелось крикнуть Пулковой. Вот опять огонек приближается. Неужели услышал?.. Нет, опять повернул в сторону... стал маленьким... исчез...

Глава 24

«Холосая девуска»

За вечерним чаем сидели в столовой Масютин, Конобеев и Марфа Захаровна; Пунь мыла посуду в кухне.

— Что-то наших долго нет, — заботливо промолвила Марфа Захаровна, наливая стакан чая Масютину. — Совсем жидкий; надо подварить — одна вода.

— Да, вода, — проговорил Масютин, пододвигая к себе стакан. — Я как-то сказал, что океан — это только вода, и больше ничего. Оно не совсем так. — И ученый, оседлав любимого конька, завел нескончаемый разговор о химии, удивляя Конобеева непривычно большими величинами: — В океане есть соли: поваренная, та самая, которой Марфа Захаровна подсаливает кушанья, хлористая магnezия, сернокислая магnezия, гипс. Знаете ли вы, какой объем имеют все океаны? Миллиард двести восемьдесят шесть миллионов кубических километров!

— Это много? — наивно спросил Конобеев, поглаживая свою роскошную бороду.

— Солнце этой водой не потушишь, но если бы устроить пожарную кишку, из которой вода вырывалась бы струей в километр толщиной, то можно было бы такой струей не только Солнце достать, но еще выше скакнуть, чуть не в десять раз. С Земли вы могли бы поливать огороды на Луне, Меркурии, Марсе, Венере. А если струю пустить потоньше, то и на Сатурне, на Нептуне и на Уране. Если всю соль собрать, которая в океанах растворена, то можно всю Северную Америку покрыть слоем в два с половиной километра толщиной. Почти двадцать миллионов кубических километров соли растворено в океане.

— А золото есть? — спросил Конобеев.

— Ого! Золота в океанах шесть триллионов килограммов. Если из океанов добывать золота каждый год столько, сколько из земли добывается, то на десять миллионов лет хватит. Шутка?

— Отчего же его не добывают?

— Добывают, да мало. Невыгодно пока. Но я сейчас работаю как раз над тем, как бы подешевле да побольше можно было золота из океанской воды добывать; тогда мы загремим!

Приняв от Марфы Захаровны стакан чая, неизвестно какой по счету, он продолжал:

— Океаны, моря — неисчерпаемый источник богатств. Возьмите хотя бы Каспий. Нет никакого сомнения, что на дне этого моря имеются нефтяные источники. Недаром на поверхности его появляются жирные пятна, а вода иногда «пылает». Если бы спустить воду Каспийского моря...

— И что это Аленки нет? Беспокоит она меня, — не утерпела Марфа Захаровна.

В этот момент Пунь уронила на пол тарелку, громко заплакала и, выйдя из кухни в столовую, сказала:

— Я виновата. Аленка не слусалась. Большой водолазный костюм надела и посла глубоко, глубоко...

— Однако жесткий водолазный костюм она не могла надеть: тяжел больно он! — заметил Конобеев.

Пунь заплакала еще больше и ответила:

— Я помогла ей. Холосый девуска плосит...

— Святители-угодники! Чувствовало мое сердце! — прошептала Марфа Захаровна. Все были взволнованы.

— Однако чего же ты молчала? — грозно спросил Конобеев.

Пунь закрыла лицо руками и, всхлипывая, ответила:

— Думала, плидет, сецас плидет.

Масютин поднялся и, подойдя к радиотелефону, начал вызывать Ванюшку, который должен был находиться в сторожке. Но ни он, ни Волков не отзывались. Впрочем, Волков через несколько минут явился. Узнав об исчезновении Пулковой и отсутствии в сторожке Ванюшки, он сначала улыбнулся — пришла в голову мысль, что молодые люди гуляют вдвоем по подводным лесам, — но потом забеспокоился.

— Нам надо немедленно идти на розыски, — сказал он. — Гузик дома?

Изобретатель работал в лаборатории. Он побледнел, когда узнал, что Пулкова ушла утром и не возвращалась. После экстренного совещания мужчины решили оставить дома Пунь и Марфу Захаровну, приказав им послать на поиски Ванюшку, когда он вернется, а сами быстро надели легкие водолазные костюмы, запаслись утроенным количеством аккумуляторов, вооружились кортиками — и отправились в путь, условившись сигнализировать друг другу кастаньетами и вспышками света.

Ночь была совершенно темная. Четыре человека разбрелись в разные стороны, пустили в ход маленькие гребные винты и с огромной скоростью начали буравить своими телами водную стихию. На всем ходу они врезались в густые водоросли, вспугивали больших рыб, мирно спавших в неподвижных слоях воды, проносились над глубокими пропастями, обходили подводные горные вершины. Время от времени гасили свет фонарей, чтобы посмотреть, не светит ли вдали фонарик Пулковой.

Вода посветлела над головой. Наступало утро. Гузик совершенно выбился из сил, у Масютина испортился двигатель и закапризничал аппарат, вырабатывающий кислород. В конце концов Гузику пришлось взять неудачливого

профессора на буксир и уже при свете солнца тащить в Гидрополис. Только Волков и Конобеев продолжали свои безуспешные поиски.

В подводном жилище Масютин и Гузик застали одну заплаканную Марфу Захаровну. Она сообщила им, что Ванюшки до сих пор нет, а Пунь ушла.

— Куда ушла? — удивленно спросил Масютин.

— Надела водолазный костюм и отправилась искать Аленку. «Не вернусь, — говорит, — пока не разыщу».

Друзья немного отдохнули. Гузик исправил повреждения в водолажном костюме Масютина, и они снова отправились на поиски.

А в это самое время Аленка лежала уже на песчаной косе, в двух шагах от линии прибойя. С головы девушки был снят скафандр. Она пришла в себя. Прямо в глаза ей светило солнце. У ног ее сидела сияющая Пунь. Это она спасла Елену.

Пунь знала направление, куда отправилась Пулкова. Но и Пунь не нашла бы Елену в глубоководном подводном каньоне, если бы не счастливая случайность: спрут, обвивая щупальцем голову Елены, коснулся выключателя и зажег фонарь. Вспыхнул свет, который был замечен Пунь.

Она начала работать руками изо всех сил, чтобы опуститься в глубину, но это было нелегко сделать.

Легкий водолазный костюм решительно отказывался «утопить» Пунь. Тогда корейнка, перевернувшись головой, пустила в ход гребной винт. Дело пошло на лад. Она стала погружаться в бездну между двумя отвесными скалами.

Корейнка ужаснулась, увидев «холостую девушку» в объятиях отвратительного спрута. Пунь хотела броситься на помощь своей любимице, но не могла этого сделать: гребной винт пришлось остановить, и давление воды было так значительно, что корейнка ежеминутно могла быть выброшена вверх, как пробка. С величайшим трудом ей удавалось удерживаться, цепляясь пальцами за неровности скалы. Так, сантиметр за сантиметром, подвигалась она к спруту, не отпуская рук от скалы.

Заметив приближавшегося врага, спрут медленно повернулся и направил на Пунь немигающие глаза. Корейнка, держась левой рукой за скалу, правой выхватила кортик и начала наступать на спрута, который уже освободил пару ног, чтобы схватить непрошеного посетителя. Пунь уже замахнулась кортиком, намереваясь обрубить ногу, но спрут в этот момент выпустил огромное облако сепии и скрылся за дымовой завесой. Тогда Пунь решила на отчаянное средство. Высоко подняв правую руку, вооруженную кортиком, она выждала, пока холодный и скользкий конец ноги спрута, шероховатый только на том месте, где имелись присосы, не коснется ее тела и не обвился вокруг бедер. Тогда Пунь отняла левую руку от скалы, — теперь спрут держал ее, и она не рисковала взлететь наверх, — сделала небольшой надрез на обвинившей тело ноге. Давление ужасного кольца несколько ослабло. Спрут подтягивал тело Пунь все ближе к себе. Этого она и ожидала. Нащупав левой рукой тело спрута, Пунь начала быстро и уверенно наносить удары, стараясь поразить его в самое сердце. Мускулы щупальца, обвинившего ее тело, ослабели; щупальце разжалось и беспомощно повисло. Пунь поняла, что спрут издыхает, и принялась осторожно обрубить остальные щупальца, присосавшиеся к водолазному костюму Пулковой. Когда последнее было отрублено, Пунь, обхватив Пул-

кову, быстро поднялась с нею на поверхность.

На поверхности океана было раннее утро. Пунь заглянула через стекло скафандра в лицо Пулковой — и ужаснулась. Лицо Аленки было бледное и неподвижное, как у мертвеца.

Изнемогая от усталости, Пунь, наконец, добралась до берега, набежавшая волна выбросила ее на песчаную отмель вместе с Пулковой. Не теряя времени, корейка быстро сняла с головы Елены скафандр и начала трясти ее за плечи, не зная, как привести в чувство. Ветер, яркий солнечный свет и морской воздух скоро вернули Пулковой сознание. Она открыла глаза, посмотрела на Пунь и поняла все.

— Холосая девуска, — ласково сказала Пунь, целуя Елену.

Глава 25

Рыбка на крючке

В тот самый день, когда Пулкова отправилась в свое рискованное путешествие, Ванюшка находился у северных границ подводного совхоза. Ему хотелось во что бы то ни стало выследить неизвестного врага, который портил водоросли. Целый день Ванюшка плавал вдоль и поперек подводных плантаций, но не встретил ничего необычного.

Вечер в воде наступает гораздо раньше, чем на земле.

Даже на небольшой глубине уже сгущаются серо-зеленые сумерки, в то время как на земле еще тихо тает закат. Скоро в воде стало совершенно темно. Плыть без света было рискованно, зажигать же фонарь Ванюшка не решался, чтобы не привлечь внимания врага.

Вода похолодела. Ванюшка устал, а близость сторожки соблазняла возможностью поесть и хорошенько выспаться.

Глаза слипались. И тут, совершенно неожиданно, далеко на востоке он увидел в воде странное размытое световое пятно. Постепенно пятно начало растягиваться, превращаясь в длинный конус. Очевидно, источник света перемещался и, все усиливаясь, с поразительной быстротой приближался к Ванюшке. Тогда Ванюшка решил, что безопаснее будет опуститься ниже и пропустить неизвестного пловца над собой. Скоро водное пространство вокруг осветилось ярче, чем в солнечный полдень. Многочисленные рыбы сверкали в сияющем конусе света серебром чешуи. Ванюшка поспешно опустился в темную глубину и, зацепившись за густую водоросль, взволнованно смотрел на загадочного подводного бродягу. Это была подводная лодка. Ванюшка хорошо рассмотрел ее длинный продолговатый корпус, когда лодка проплывала над самой его головой.

Это была особенная лодка, странной формой корпуса напоминавшая акулу. Когда субмарина с необычайной быстротой пронеслась над ним, Ванюшка выплыл из своего убежища и поплыл вслед, пытаясь нагнать. Но это было нелегко, лодка обладала исключительно быстрым ходом.

И Ванюшка никогда не догнал бы ее, если бы субмарина, круто повернувшись, не остановилась.

И вдруг на гладком теле «акулы» как будто выросли крылья. Эти крылья состояли из сложной системы кос и стержней, снабженных крючками. Медленно опустившись почти на дно, лодка двинулась в путь, захватывая крючьями

водоросли и подрезая их косами почти под корень. Иногда лодка начинала хлопать крыльями, чтобы сбросить нависшие водоросли, и снова принималась за свою разрушительную работу.

Ванюшка ругался всеми ругательными словами, какие только знал, и специально для этого случая придуманными, видя те разрушения, которые производила субмарина. Не могло быть никаких сомнений в том, что это был тот самый неуловимый враг, тот вредитель, который наделал столько хлопот подводным совхозникам.

Кто находился внутри субмарины? Таяма? Но может ли частный человек иметь подводную лодку? Ванюшка решил проследить возможно дальше, куда она направится. Пользуясь тем, что субмарина шла сравнительно медленно, Ванюшка подплыл к ней сзади и ухватился за один из торчавших стержней.

Несколько часов подводная лодка занималась своим вредительским делом, уничтожив водоросли на огромном расстоянии. Ванюшка беспомощно болтался в воде, вцепившись в непрерывно двигавшийся стержень. Потом лодка остановилась и неожиданно сложила крылья. Косы и стержни плотно прижались к бокам, войдя в пазы. Крюк, за который держался Ванюшка, также вошел в особый паз так быстро, что Ванюшка едва успел выпустить руки, а ниже лежащий крюк неожиданно прижал его ногу. Крюк не переломил ногу и даже не сдавил ее слишком больно, но, несмотря на все усилия, Ванюшка не мог освободить ее.

— Вот так фут возьми! Попался на крючок, как рыба! — прошептал Ванюшка, пуская пузыри. Руки его были свободны. Он попытался приподнять крюк, но не смог даже сдвинуть его с места.

А субмарина понеслась вперед с необычайной скоростью. Давлением воды, как ветром в бурю, Ванюшку отклонило назад, и ему с большим трудом удалось выпрямиться, пригнуться и лечь на корпус лодки головой вперед.

Это было безумное путешествие. Ванюшка летел среди морских просторов неведомо куда, но уж, наверно, навстречу своей гибели. Долго ли продлится это путешествие?.. У Ванюшки мог иссякнуть кислород, он мог умереть с голоду; наконец, если он благополучно достигнет вместе с лодкой ее пристани, то там его найдут и, конечно, не пощадят. Невесело!

Сколько времени прошло в этом молчаливом беге, Ванюшка не мог определить. Он так устал, что, несмотря на всю необычайность положения, задремал.

Проснулся он от особого ощущения тепла: вода вокруг словно утратила свою плотность и стала прозрачная. Очевидно, субмарина шла не глубоко под уровнем океана, и на земле наступило утро. У Ванюшки невольно сжалось сердце. Что принесет это утро?

Через минуту яркий солнечный свет осветил Ванюшку. Лодка покачалась и, наконец, неподвижно остановилась.

Ванюшка оглянулся вокруг. Над ним был застекленный свод гигантского павильона. Лодка качалась в бетонированном бассейне. Люк открылся, и оттуда вышли три молодых японца: один из них — в костюме морского офицера и два — в матросских. Ванюшка лежал на поверхности лодки, погруженный в воду по плечи. Японцы еще не видали его. Офицер — очевидно, капитан — поднял свисток-сирену, висевший у него на шнурке, и издал короткий пронзительный свист. Все три моряка стояли спиной к Ванюшке, глядя на широ-

кую стеклянную дверь в стене, которой замыкался свод. От двери до бассейна шла лестница из белого мрамора. Скоро стеклянная дверь открылась, и к бассейну спустился в японском халате, с веером из слоновой кости в руке Таяма. Улыбаясь, он сказал несколько слов по-японски и вдруг, перестав махать веером, высоко поднял свои светлые пушистые брови и вскрикнул, как птица. Моряки, как по команде, повернули назад головы и увидели Ванюшку. Он привстал и, кивнув мокрой головой, сказал, несколько гнусава, так как нос его был зажат аппаратом:

— Доброго утра!

Таяма даже рот открыл от изумления, услышав это приветствие. Потом лицо его нахмурилось. С треском сложив веер, он начал нервно бить им себя по ладоням и, подойдя к самому краю площадки, сказал, обращаясь к Ванюшке:

— Вы опять изволили пожаловать ко мне в гости! Прошу вас, выходите же сюда.

— И рад бы, да не могу, — отвечал Ванюшка. — Я тут за крючок зацепился маненько.

— За крю... заце... — неожиданно высоким голосом вскрикнул Таяма и вдруг залился таким неудержимым смехом, что его толстый живот запрыгал, шелковый халат затрепетал, как флажок на ветре, щеки задрожали, а маленькие, заплывшие, узкие, косые глазки прослезились.

Смех прекратился так же неожиданно, как начался. Таяма вдруг ударил себя по ладони левой руки веером, точно приказывая самому себе замолчать. Лицо купца стало бесстрастно, как маска; он спокойно отдал какое-то распоряжение. Матрос подошел к Ванюшке и сковал его руки ручными кандалами; другой матрос опустился в люк подводной лодки. Крюк, прижавший ногу Ванюшки, приподнялся. Первый матрос вытащил Ванюшку из воды и перенес, держа на руках, на мраморную лестницу.

— Это что же такое? — угрожающе спросил Ванюшка, приподнимая скованные руки и обращаясь к Таяме.

Но купец не спеша повернулся и раскачивающейся походкой вышел из стеклянного павильона.

Матросы, подтолкнув Ванюшку сзади, жестами приказали ему идти.

«Вот так влопался, фут возьми!» — подумал Топорков.

Они вышли из павильона. Ванюшка увидел небольшой, но чрезвычайно живописный карликовый японский садик. Маленькие корявые столетние сосны, миниатюрные беседочки, игрушечные мостики, переброшенные через ручьи, прудик, цветочные клумбы придавали саду необычайный вид. Налево виднелся небольшой японский домик с открытой верандой, на которую вела лестница в несколько ступеней без перил. На веранде сидел на полу, поджав ноги и положив руки на колени, молодой человек в национальном японском костюме; против него в такой же позе — «косоглазенькая», дочь Таямы. Она посмотрела на Ванюшку, и взгляд ее — только взгляд — выразил мгновенную смену радости, удивления и огорчения.

Ванюшка прошел мимо японского домика и обогнул его. Один из матросов крикнул пожилому японцу, который стоял за домом в тени вишневого дерева. Пожилой японец быстро посмотрел на Ванюшку и еще быстрее повернулся к нему спиной и скрылся за углом дома.

Ванюшка готов был держать пари, что он видел перед собою Цзи Цзы! Но

этого не могло быть: муж Пунь, кореец Цзи Цзы, не мог оказаться в Японии!

Карликовый садик кончился. Через ворота в живой изгороди Ванюшка со своими конвоирами вышел на большой, хорошо мощный двор с различными службами, автомобильным гаражом и каменным двухэтажным домом с верандой. Это был настоящий европейский уголок. Возле водопроводной колонки стоял большой автомобиль с темно-синим кузовом. Молодой японец-шофер в кожаном костюме поливал колеса и крылья автомобиля из шланга и затем тщательно вытирал их тряпкой. Увидав необычайного арестанта с черным носом, ранцем за спиной и резиновой трубкой, идущей от носа к ранцу, японец в кожаном костюме прекратил работу и проводил Ванюшку внимательным взглядом. В этом взгляде Топорков подметил нечто такое, что заставило его так же внимательно посмотреть на шофера.

Конвоиры остановились посередине двора. На балконе второго этажа появился Таяма. Он застегивал воротник крахмальной рубашки, пыхтя от натуги. Отдышавшись, он указал рукой на гараж, отдал короткое распоряжение и скрылся.

Матросы сняли с Ванюшки водолазный костюм и отвели его в пустой гараж. Двери закрылись, щелкнули замки. Ванюшка с ручными браслетами на руках остался один.

Глава 26

Серп и молот

Ванюшка осмотрел свою тюрьму. Широкие двери закрывались плотно. Слабый свет проникал через небольшое окно у самого потолка. Второе окно, тоже у самого потолка, вело, очевидно, в ту часть гаража, где помещалась легковая машина Таямы. Здесь, в Ванюшкиной тюрьме, находился старый грузовик и разный автомобильный хлам: старые колеса, шины, бидоны из-под бензина. Ванюшка осмотрел все углы, подошел к дверям и начал стучать подошвами, с которых еще не были сняты свинцовые пластины-грузила. Дверь открылась, яркий луч света ослепил его. Ванюшка посмотрел на двор и увидел, что в автомобиле, уже блестевшем, как новенький, сидели Таяма, его дочь и молодой человек, который был с «косоглазенькой» на веранде дома. Все они были в белых европейских костюмах. Японка увидела Ванюшку, но в этот момент автомобиль выехал за ворота.

Ванюшка жестами начал объяснять матросу, стоявшему у дверей, что он хочет пить и есть и что ему мешают кандалы. Жесты он подкрепил энергичными русскими ругательствами.

— Фтоб сейчас сняли эти футки, фут возьми! — кричал он, потрясая кулаками.

Японец неопределенно кивнул головой и запер дверь.

Через несколько минут явилась девочка-японка в длинном балахоне, с черными взлохмаченными волосами, и принесла миску риса. Ванюшка вдруг озлился. Вареный рис совсем не улыбался ему, привыкшему к основательным мясным блюдам Марфы Захаровны.

— Не хочу я кафы! Кафой не наефся, фут возьми! — Он едва не выбросил миску с рисом, но, подумав, взял ее обеими руками и сказал, обращаясь к девочке: — Мяса хочу, хлеба... Бурфуи проклятые!..

С отвращением съел пресный, безвкусный, как жеваная бумага, рис. Напала тоска. «Браслеты» уже успели натереть руки. Таяма, наверное, его пустит в расход. Эх, пропала жизнь! Ванюшке вдруг стало жалко себя. Вспомнился ему подводный совхоз, вспомнилась Аленка. Всех жалко, и совхоза жалко. Сколько сделано, а еще больше сделать надо... Ну что ж, если и придется погибнуть, то он умрет, как солдат на посту. Эта мысль вдруг наполнила Ванюшку бодростью. Нечего нюни распускать! Он сумеет, если понадобится, встретить смерть, как настоящий мужчина.

Свет солнца на потолке давно погас, и через окно Ванюшка увидал звезды. Шум голосов, слышавшихся со двора, постепенно затихал. Где-то далеко заиграли на рояле. От этих звуков у Ванюшки вновь неудержимо защемило сердце. Где-то под полом скребли крысы. Вот теперь они шуршат за стеной. Да крысы ли это? Ванюшке показалось, словно кто-то осторожно ходил в соседнем помещении гаража, — и в этот самый момент Ванюшка едва не вскрикнул от удивления.

Рама в окне на внутренней стенке вдруг тихо откинулась и опустилась; в образовавшемся отверстии появилась чья-то голова, и неизвестный человек, осторожно спустив к Ванюшкиным ногам легкую металлическую лестницу, слез, подошел к Ванюшке и, дружески улыбаясь, протянул ему руку. Лицо незнакомца показалось Ванюшке знакомым. Он видел это лицо совсем недавно! «Шофер!» — вспомнил вдруг Ванюшка.

— Комерэйд! — тихо прошептал шофер. Ванюшка не понял его. Японец постоял, задумавшись, потом, пошарив, нашел на полу кусочек мелу, нарисовал на стене серп и молот и, указав Ванюшке на эту эмблему, ткнул пальцем себе в грудь.

— Товарищ! — тихо прошептал Ванюшка, и японец так же тихо ответил:

— Товарищ!

Теперь для Ванюшки все было ясно. Здесь, в чужой стране, у него есть друзья, как и во всем мире. Эти друзья спасут его. Ванюшка предполагал, что шофер предложит ему немедленно бежать из тюрьмы через окно. Но шофер жестами дал понять Ванюшке, чтобы он ждал, а сам убрался тем же путем, каким явился, и унес лестницу.

Прошло некоторое время, и в окне вновь появилась голова шофера. Вслед за ним появилась вторая голова. Второй спаситель — белый как лунь старик — также дружески пожал руку Ванюшке и, приблизив толстые губы к самому его уху, начал говорить.

В молодости старик занимался рыболовством, ходил на промысел в русские воды и научился с грехом пополам говорить по-русски. Шофер пригласил его как переводчика и просил передать следующее:

— Сегодня утром он, шофер, ездил с господами в город. Таяма отвез свою дочь и ее жениха к сестре своей...

«Так вот кто был тот молодой человек! Жених косогазенькой!» — мелькнула мысль у Ванюшки.

— ...а сам заехал к начальнику полиции и, захватив его с собой, вернулся домой. По пути рассказывал о своем пленнике, спрашивал, как поступить с ним. Начальник полиции ответил, что, конечно, надо его... чкр! — И садовник жестом показал, как отрубают голову.

У Ванюшки вдруг похолодело на сердце и подтянуло живот.

— «Но как лучше спрятать концы в воду?» — спросил Таяма. «Именно в воду, — ответил начальник полиции. — Отвезите труп коммуниста в вашей подводной лодке и бросьте на съедение рыбам!» Но вот он — коммунист, — продолжал старик, показывая пальцем на шофера, — и вы коммунист. И он сказал, что спасет вас, но это трудно. С острова некуда бежать, а на острове вас скоро разыщет полиция. Надо обдумать, как спасти вас.

Все замолчали Потом Ванюшка тихо зашептал:

— Я могу спастись, если удастся достать мой водолазный костюм. Надо выкрасть его у Таямы.

Садовник перевел слова Ванюшки шоферу. Тот отрицательно покачал головой:

— Невозможно. Дом Таямы — крепость.

Ванюшка улыбнулся.

— Но в этой крепости, — ответил он, — есть предатель, который поможет нам.

— Кто ЭТО?

— Дочь Таямы, — ответил Ванюшка. Жених? Это ничего не значит. Он, Ванюшка, видал, каким взглядом она посмотрела на него!

Шофер радостно улыбнулся. «Золотая лилия», так зовут по-японски дочь Таямы, каждое утро совершает прогулку на автомобиле. И шофер может поговорить с ней. Но так как это сделать можно только завтра, то побег придется отложить до следующей ночи.

— А если меня завтра чкр!.. — повторил Ванюшка звук и жест садовника. Шофер ответил:

— Они не решатся убить вас и закопать ваше тело на земле Таямы. Они должны вывезти вас на подводной лодке. Но я сделаю так, что механизм лодки испортится и механик заявит, что на исправление потребуется не менее суток.

И неожиданные друзья, пожав Ванюшкину руку, неслышно удалились.

Глава 27

«Фив!»

Впоследствии, когда Ванюшка вспоминал о том, что с ним произошло дальше, ему казалось, что он видит сумбурный сон.

Томительный день. Надоевший разварной рис. «Браслеты» на руках. Запах пыли, каучука, керосина. Луч солнца сквозь узкое окно. Жара. Томительное течение минут. Полусон, полузабытье. Его кто-то будит, осторожно трогая за руку. Это шофер. Он снимает ручные кандалы. Вместо желтого теплого солнечного света — серебристый свет луны. Шофер увлекает Ванюшку к лестнице.

Ураганный теплый ветер дует в лицо. Деревья шумят. Луна прыгает в облаках; скоро облака окончательно закрывают луну. Шофер тянет Ванюшку за руку. Они проникают в карликовый садик. Тьма, ни зги не видать. Неожиданно шофер, идущий впереди, останавливается. Слышится шепот. Это старик-садовник.

Старик нырнул куда-то во мрак и через некоторое время вернулся с водолажным аппаратом. Ранец, фонарик, нанос-ник с трубкой, гребной винт — как будто все в порядке. Ванюшка быстро надел на себя аппарат, подвязал башмаки с грузилом и тяжелой походкой двинулся дальше. Буря выла, заглушая звуки его шагов. Недалеко от стеклянного павильона, где находилась подводная лодка, Ванюшка заметил темную фигуру. На мгновение луна выглянула из-за туч, и Ванюшка узнал дочь Таямы. «Косоглазенькая», — подумал он благодарно. Но на дворе вдруг послышались крики, и вслед за тем раздалось два выстрела. Неожиданно в саду вспыхнули электрические фонари, осветив его, как днем.

— Тревога! — сказал старик. — Спасайся скорей, прыгай в бассейн!

Садовник скрылся в кусты. Шофер пожал руку Ванюшке и тоже поспешил скрыться.

А со стороны двора в сад уже вбегало несколько вооруженных людей. Они начали стрелять. Ванюшка видел, как «косоглазенькая» вдруг слабо вскрикнула и упала. Стиснув зубы, Ванюшка бросился в павильон и, не оглядываясь, ринулся в темную воду бассейна.

Кислородный аппарат действовал исправно. Ванюшка зажег фонарь и увидел, что находится в широком подводном туннеле. Погасив фонарь и пустив в ход маленький гребной винт, быстро поплыл. Скоро по усилившемуся движению воды понял, что находится в открытом океане. На поверхности, вероятно, была сильная буря, если даже здесь, на порядочной глубине, Ванюшку изрядно качало. И вдруг ему показалось, что море вокруг него как будто стало светлее. Ванюшка оглянулся и, к своему ужасу, увидел ослепительный свет прожектора. Сомнений не было, за ним гнались на подводной лодке.

Что делать? Опуститься вниз? Но он не мог в своем легком водолажном костюме погружаться на большую глубину. И, немного подумав, Ванюшка решил подняться на поверхность. Рассвирепевший океан как будто только и ждал этого. Он начал играть с Ванюшкой. Подбрасывая его вверх и вновь опуская в бездну, обрушивал каскады пены, вертел, трепал, носил из стороны в сторону. У Ванюшки закружилась голова; и, уловив момент, он опять опу-

стился вниз, но сразу попал в полосу яркого света и принужден был вновь подняться на бушующую поверхность океана. Так повторялось несколько раз. Наконец он заметил, что подводная лодка ушла вперед.

Под утро он почувствовал недостаток кислорода. Очевидно, аккумуляторы истощались. Ванюшка всплыл на поверхность и надул водородом резиновый мешок. Буря утихла; светало.

Почти весь день Ванюшка носился на волнах, изнывая от жажды и еле живой от усталости.



Наконец, когда солнце уже было на закате, он увидел невдалеке шхуну с красным флагом — советским флагом! Он начал кричать, рискуя надорвать горло. Наконец его заметили и, почти потерявшего сознание, приняли на борт.

Только на пятые сутки после захода солнца Ванюшка высадился на берег у пристани химического завода подводного совхоза. Тотчас потребовал себе заряженный аккумулятор и, забежав на минуту в контору, поспешил сообщить в Гидрополис о своем прибытии. К телефону подошел Гузик, и по тому, как он вскрикнул, услышав голос Ванюшки, можно было судить, насколько друг обрадовался его возвращению.

В подводном жилище Ванюшку встретили с самой бурной и искренней радостью. Старуха Конобеева даже прослезилась.

— Тебя-то мы и в живых не чаяли видеть, — сказала она, утирая слезу уголком платка, которым была повязана ее голова.

— Фыв! — сказал Ванюшка, и только один Волков, который лучше других привык к его произношению, понял, что это должно означать «жив». — Фыв, и еще сто лет про-фыву. — Он потер кулаком слипающиеся глаза и сказал сонным голосом: — Сил нет, спать хочется. Завтра вечером мы устроим торфественный уфин, и я вам все расскафу.

Он едва дошел до кровати и, не раздеваясь, уснул.

А наутро, когда Волков пришел будить его, чтобы идти вместе на работу, он нашел только пустую кровать. Пунь сказала, что Ванюшка ушел с «холосей девуской». Волков улыбнулся.

«Им много надо рассказать друг другу», — подумал он и отправился на работу один.

Глава 28

Прерванный ужин

Вечером все вновь собрались в столовой. Марфа Захаровна и Пунь сбились с ног, готовя кушанья. Тут были и знаменитые сибирские пельмени, и пироги с рыбой, и жареные утки, и рыба, и сладкая пастила из водорослей, и варенья, и фруктовые воды. Все принарядились и выглядели празднично. Волков был избран председателем и объявил повестку дня «торжественного заседания», которое должно было состояться перед ужином:

1. Елена Пулкова. Информация. — Это означало, что Пулкова должна была подробно рассказать Ванюшке о своем приключении в подводном каньоне. В сущности говоря, большой надобности в таком докладе не было, так как Аленка уже, наверное, рассказала Ванюшке обо всем во время прогулки, но то был неофициальный доклад.

2. Иван Топорков. Информация. — Ванюшка должен был рассказать обо всем, что с ним произошло за время его отсутствия.

3. Семен Алексеевич Волков. Доклад. — Волков предполагал в кратких чертах описать все работы по устройству подводного совхоза и достижения.

Когда повестка дня была оглашена и утверждена собранием, Ванюшка поднялся, необычайно покраснев, стараясь прикрыть смущение развязностью тона и поглядывая на Пулкову, которая тоже почему-то смутилась и опустила глаза.

— Товарищи, — сказал он сдавленным голосом, — позвольте, так сказать, перед официальной частью в общем и целом сделать маленький доклад, так сказать, по личному вопросу... целиком и полностью... — Ванюшка вздохнул, еще раз взглянул на Пулкову и продолжал: — Дело в том, что я... что мы с Еле...

Но тут произошло нечто неожиданное. Подводный город содрогнулся. Громовой удар послышался за стеною. Что-то заскрежетало, зашумело. Второй глухой удар последовал за первым. В углу разошлись бревна, и в расщелине показалось нечто черное, длинное, остроносое и тотчас ушло назад. А в образовавшееся отверстие и через щели раздавленных бревен хлынула вода.

Все окаменели от неожиданности, с недоумением глядя друг на друга. В тот же момент погас свет. Ноги ощутили холод воды, быстро поднимавшейся.

В жуткой тьме послышалось завывание двух существ. То были Хунгуз и Пунь, а Марфа Захаровна точно лаяла коротко и отрывисто: «Ах! ах! ах!» — и залилась истерическим плачем.

— Однако, старуха, где ты? — вскричал Конобеев.

— Аленка! — изменившимся голосом звал Ванюшка.

— Я говорил, что принесу несчастье Гидрополису! — промолвил Масютин, но его никто уже не слушал.

— Тише! — покрыл все голоса голос Волкова. — Без паники! Скорей через библиотеку и лабораторию к выходу в коридор! Мы перейдем в мой домик, который, быть может, не залит водой.

Все поднялись и уже по пояс в воде бросились к выходу.

Железная дверь отодвинулась, и люди начали вбегать в коридор, который соединял центральный дом с домиком Волкова. Здесь также не было света.

Кто-то задвинул железную дверь. Вода перестала вливаться, хотя и сюда ее набралось по колено. Друзья вошли в избушку Волкова и здесь остановились.

— Придется скорее пройти в склад и надеть водолазные костюмы, — слышался голос Волкова. — Быть может, вода настигнет нас и здесь.

Голос Масютина ответил:

— Но здесь только три водолазных костюма, а нас всех семеро.

— Можно пройти в склад по боковому коридору, недаром же мы их сделали, — промолвил Ванюшка. — Товарищ Масютин, Семен Алексеевич, Аленка! Надевайте скорее водолазные костюмы. Гузик, где ты? Открывай боковую дверь в коридор. Гузик! Да где же ты, фут возьми?

Гузик не отзывался.

— Фто за фтука! Товарищи, Гузика нет! — уже с тревогой в голосе крикнул Ванюшка.

— Этого еще не хватало! — проворчал Волков.

Ванюшка постоял минуту, что-то соображая, и вдруг бросился к железной двери, крикнув на ходу:

— Ты, Макар Иванович, женщин провожай, а я поплыву Гузика разыскивать.

— Однако куда ты поплывешь, оглашенный, без водолажных снарядов?

Но Ванюшка не слушал Конобеева. Он открыл железную дверь и, с трудом справляясь с идущим навстречу потоком, ринулся по коридору, через который он только что бежал. Плывая у самого потолка, Ванюшка мог дышать.

Из столовой он проплыл в библиотеку-читальню, а из нее — в машинное отделение, причем для того, чтобы проникнуть в двери, ему каждый раз приходилось нырять. Из машинного отделения дверь вела в пространство между деревянным домом и металлическим колпаком. Ванюшка поплыл туда и попытался пустить в ход предусмотрительно поставленные на случай внезапной аварии помпы. Они действовали. Вода начала спадать. Откачав ее, Ванюшка открыл вторые железные двери, вошел под колпак южного дома и, наконец, открыл дверь комнаты. Свет ослепил его. В лаборатории, у электрической плиты, стоял Гузик, освещенный водолажным фонарем. Он занимался странным делом: поджаривал на горячей плите какие-то бумажки.

— Гузик, с ума ты сошел! Фто ты тут делаеф? — вскрикнул обрадованный Ванюшка. — Где ты пропадал?!

Гузик посмотрел на Ванюшку с обычной растерянностью и ответил:

— Понимаешь, я вспомнил, что в машинном отделении остались мои чертежи и формулы очень важного изобретения, и вернулся, чтобы спасти их. Они лежали в ящике стола и маленько подмокли...

Друзья надели костюмы и направились по длинному коридору, соединявшему южный дом с западным, стоявшим лицом к берегу. Здесь, в комнате Волкова, Гузик и Ванюшка нашли всех остальных обитателей подводного жилища.

* * *

Все были подавлены случившимся. И у всех было такое чувство, словно они сдавали крепость врагу. Шли в темноте по знакомой дороге. Даже фонари зажигать не решались. И только над поверхностью воды начали вспыхивать один за другим фонари, пока не зажглись все семь, растянувшись световой гирляндой.

Женщин устроили в конторе, а мужчины тотчас отправились в океан, чтобы исправить повреждения. Оказалось, что лодка пробила насквозь железный коридор, соединявший восточный и северный домики. Стальной нос протаранил толстую железную броню центрального колпака! Но какой же крепости должна быть лодка и какой силы мотор, приводящий ее в движение!

Глава 29

Электромагнит действует

После первого нападения надо было ожидать второго. В конторе завода Волков собрал «военный совет», чтобы обсудить план защиты. Первым взял слово Гузик.

— Субмарина Таямы, — заявил он, — своего рода чудо военной техники. Если нам удастся захватить ее как военный приз, то это будет отличное приобретение.

— Захватить! Легко сказать, — отозвался Ванюшка. — В сети ты ее не поймашь.

— Существует сеть, — ответил Гузик, — которую она не пробьет. Видал ли ты когда-нибудь детские игрушки — уточки, рыбки, сделанные из легкого металла, пустые внутри и с железным наконечником? Эти уточки и рыбки пускают в блюдце с водой и при помощи маленького магнита заставляют их двигаться. Так вот: я думаю поймать лодку Таямы, как игрушечную рыбку, при помощи магнита. Но так как «рыбка» велика, то и магнит должен быть особенный. Я опояшу металлическим кольцом наш подводный дом и при помощи тока большой мощности превращу это кольцо в электромагнит гигантской силы.

Этот план заинтересовал всех, хотя и высказывались сомнения в его осуществимости. С особой горячностью возражал Ванюшка. Гузик был непреклонен. Его, как изобретателя, пленяли новые способы ведения войны. И в конце концов смелый план был принят.

Целый день подводники потратили на то, чтобы склепать и укрепить будущий электромагнит. Все источники электроэнергии, имевшейся в распоряжении Гузика, были пущены им в ход. Наконец, когда электромагнит получил достаточную мощность, произвели опыт. Ванюшка надел на голову гребной винт, а на ноги толстые железные подошвы. Гузик заранее объяснил Ванюшке его роль. Ванюшка должен был изображать собой подводную лодку. Он отошел на несколько десятков метров от подводного жилища, поднялся при помощи гребного винта на два-три метра вверх и протянул ноги с железными подошвами по направлению к подводному жилищу. Гузик включил ток.

В тот же момент Ванюшка почувствовал, что он падает, но как-то странно: в горизонтальном направлении. Электромагнит действовал! Тогда Ванюшка поспешил пустить в ход гребной винт. «Падение» замедлилось, как будто над головой юноши вдруг раскрылся парашют. Но все же Ванюшка продолжал двигаться ногами вперед к подводному жилищу, и чем дальше, тем быстрее. Наконец ноги довольно ощутительно ударились о железный пояс. У Ванюшки было такое ощущение, будто он спрыгнул на землю с крыши дома.

Он хотел оторвать ступни от электромагнита. Не тут-то было. Ноги точно вросли в железную полосу К Ванюшке подбежал Волков, схватил его за руки

и, пустив в ход свой гребной винт, начал тянуть юношу как на буксире. Ванюшка не отрывался. Вслед за Волковым подошли Масютин, Конобеев и присоединили силы своих гребных винтов, цепляясь друг за друга, как дедка за репку. Но даже четыре гребных винта не могли оторвать Ванюшку, а сам он, рискуя быть разорванным на части, начал кричать, дергать руками и мотать головой, разбрасывая во все стороны лучи своего фонаря. Но друзья не поняли его, приписывая эти движения выражению восторга. И Ванюшке плохо пришлось бы, если бы в этот момент Гузик не выключил ток. Вся четверка отлетела от магнитного пояса и помчалась вперед, влекомая быстро вращающимися гребными винтами.

Гузик был удовлетворен результатами опыта. Но все же решение задачи зависело от одного неизвестного: какова сила двигателя подводной лодки.

Еще до наступления ночи все были на местах. Гузик стоял наготове в машинном отделении Гидрополиса, а Ванюшка, Волков, Конобеев и Масютин расположились на четырех углах подводного жилища, лежа с погашенными фонарями в густых водорослях. Ванюшка смотрел в чернильный водный мрак, но ничего не видел. Минуты текли медленно. Ему уже захотелось спать, когда вдали мелькнуло едва заметное световое пятнышко. А через минуту Ванюшка уже не сомневался в том, что видит прожектор подводной лодки. Он побежал к подводному жилищу и начал стучать по стенке железного колпака, желая предупредить Гузика о приближении врага. В ответ на этот стук вспыхнул прожектор Гидрополиса, и все окна подводного жилища ярко засияли огнями. Ванюшка начал еще сильнее стучать в стенку.

— Ну, что ты колотишься, как припадочный! — услышал вдруг Ванюшка голос Гузика, незаметно подошедшего к нему. — Я нарочно осветил Гидрополис, чтобы Таяме удобнее было найти его.

— А вдруг Таяма при ярком свете увидит пояс? — с опаской спросил Ванюшка.

— Увидит, когда будет поздно, да и, увидав, ничего не поймет. Не беспокойся. Когда лодка приблизится на расстояние трехсот-четырехсот метров, стукни мне, и я пущу ток.

Не доходя нескольких сот метров до Гидрополиса, подводная лодка повернула, замедлив ход, и поплыла вокруг подводного жилища, словно отыскивая удобное место для атаки или высматривая, не угрожает ли ей какая-либо опасность. Ванюшка постучал Гузику. Лодка сделала полный круг и начала второй, уже на расстоянии не более сотни метров. Но тут Ванюшка заметил, что лодка начала двигаться как-то странно. Она виляла из стороны в сторону, как автомобиль в руках неопытного шофера, причем Ванюшка заметил, что расстояние между лодкой и Гидрополисом быстро уменьшается.

«Действует!» — подумал Ванюшка, холодея от волнения.

Свет прожектора все усиливался. Как огромная серебристая акула, быстро разрезала субмарина зеленоватые воды. Только нос ее не напоминал морду акулы, он был слишком острый и походил на голову щуки.

Глава 30

Сложение сил

Но тут картина вновь изменилась. Подводная лодка вдруг остановилась под тупым углом по направлению к Гидрополису и дала задний ход. Гребной винт работал с такой силой, что вокруг Ванюшки поднялось настоящее волнение, и со дна, как дым, закрутились вихри ила. Ванюшка принужден был переползти на несколько метров. С нового места субмарина была хорошо видна. Казалось, она была привязана невидимым тросом, который тщетно старалась разорвать. Но все же, видимо, и «трос» испытывал огромное напряжение и как будто вытягивался.

И вот случилось, казалось, непоправимое. Медленно-медленно, как улитка, субмарина начала отходить назад. Борьба была решена в пользу Таямы!

— Так нет же! — закричал Ванюшка, поднимаясь на ноги.

Он вдруг подбежал к подводной лодке с быстротой, какая только была возможна под водой. Ему пришла в голову мысль: схватиться за выступы сложенных «крыльев» и, пустив в ход свой гребной винт, тянуть подводную лодку к дому, как упирающегося козла. Он подплыл к лодке, ухватился за нее и начал тянуть. «Ведь там, где противники почти равны, ничтожная прибавка силы может дать одной стороне перевес!» — думал Ванюшка.

Его расчет оправдался: лодка остановилась. Тут на помощь Ванюшке подошли Волков и Конобеев, которые поняли и оценили его план. Волков схватился за лодку с другой стороны, а Конобеев, уцепившись снизу, потянул субмарину, упираясь огромными ножищами в илистую почву.

«Сложение сил» подействовало. Лодка сначала медленно, а потом со все увеличивающейся скоростью двинулась прямо на Гидрополис.

— Ура-а! — крикнул Ванюшка и в тот же момент был сброшен вместе с Волковым развернувшимися «крыльями» лодки.

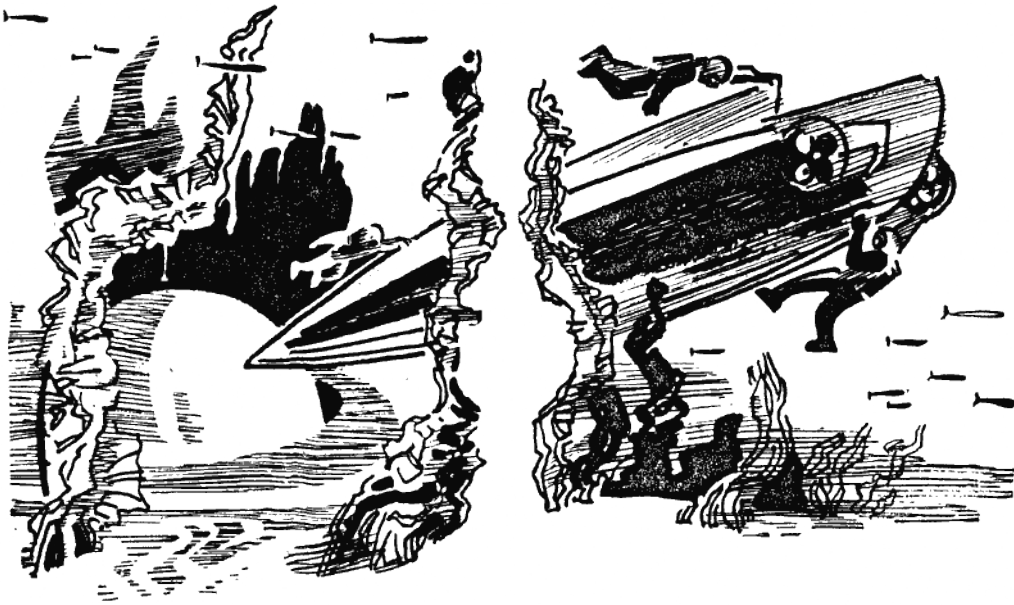
Едва ли это было сделано умышленно, крылья, состоящие из металлических кос, полос и крючьев, были развернуты, вероятно, для того, чтобы увеличить сопротивление. Скоро и Конобеев принужден был оставить лодку, которая рванулась вдруг с такой силой, что старик упал. Друзья с ужасом смотрели на этот бешеный прыжок, который мог нанести подводному жилищу страшные повреждения.

Однако случилось нечто неожиданное: на расстоянии каких-нибудь десяти метров субмарина круто повернула боком. Винт остановился, лодка правой стороной пришвартовалась к железной полосе электромагнита и замерла.

— Стоп! Приехали! — крикнул Ванюшка в слуховую трубку Волкова. — Теперь, кафется, крепко влип Таяма!

Все поспешили к подводной лодке. Как бы не веря своим глазам, Ванюшка схватился за крюк, выступающий сбоку лодки, и потянул. Конобеев также ухватился за лодку и начал ее тянуть. Но даже этот геркулес оказался бессильным сдвинуть ее с места. Лодка держалась так крепко, словно была припаяна к железной полосе.

— Надо отправить радиограмму людям в подводной лодке, — сказал Ванюшка и, пройдя в машинное отделение подводного дома, протелеграфировал:



«Сдавайтесь. Вы в плену, и вам не удастся бежать».

Ответа не последовало. Ванюшка еще раз послал телеграмму, изменив длину волны:

«Гражданину Таяме. Говорит Иван Топорков, служащий подводного совхоза. Сдавайтесь. Телеграфируйте ответ через пять минут, иначе мы взорвем вас вместе с лодкой».

— С ума ты сошел! — вскрикнул Гузик. — Разве можно взрывать подводную лодку? Для того ли я старался?

— Это я фтоб напугать их, — ответил Ванюшка.

Но японцы упорно молчали. Они либо испугались угрозы, либо вовсе не получили радиограммы.

— Значит, не фелают с нами разговаривать, — решил Ванюшка. — Ну что ф, подофдем. Когда у них кислорода не хватит и начнут задыхаться, небось заговорят. Ты, Гузик, слушай, а я пойду посмотрю, что там делается.

И Ванюшка вышел из подводного жилища и подплыл к субмарине.

Если нельзя было видеть, то Ванюшка попытался услышать, что делается в подводной лодке. Зацепившись за крюк, он приложил к стальной стенке конец своей слуховой трубки, как врач, выслушивающий больного. Ему повезло. Металлические стенки субмарины очень хорошо пропускали звуки. Там, по видимому, происходила довольно бурная сцена. Ванюшка отчетливо слышал возбужденные голоса, о чем-то горячо спорившие. Ему даже показалось, что он узнал голос Таямы. Внезапно голоса замолкли. Послышалась глухая возня, как будто там, внутри лодки, что-то перетаскивали или боролись. Любопытство Ванюшки было возбуждено до крайности. Шум голосов усилился. Неожиданно послышался страшный треск. Револьверные выстрелы?.. Потом долго говорил один голос, как будто убеждавший. И снова возня, а вслед за нею — мертвая тишина.

Неожиданно кто-то тронул Ванюшку за ногу. Внизу под ним стоял Гузик с зажженным фонарем на голове и жестом приглашал Ванюшку сойти вниз. «Наверное, телеграмма получена».

Ванюшка не ошибся. Гузик сказал, что от Таямы получен ответ. Таяма сдается.

Глава 31

Харакири

Яркие лучи утреннего солнца заливали спокойную гладь океана, когда подводная лодка Таямы поднялась на поверхность. Волков, Конобеев и Масютин с четырьмя водолазными костюмами для пленного экипажа взобрались на мостик субмарины. Люк открылся, и друзья увидели белую чалму огромных размеров. Короткая толстая фигура с видимым трудом поднялась на мостик — человек средних лет с характерным японским лицом, одетый в белый морской костюм. То, что все приняли за чалму, оказалось неумело сделанной повязкой, сквозь ткань просачивалась кровь.

— Однако Таяма! — вскрикнул Конобеев. — Паразит проклятый!

Волкову пришлось тронуть Конобеева за руку, чтобы привести в себя.

— Макар Иванович, не теряйте головы! — внушительно сказал Волков.

Но Конобеев ничего не слышал. Старик положил на площадку пару принесенных водолазных костюмов и, не спуская с Таямы глаз, начал протягивать к нему страшные огромные ручищи с узловатыми, поросшими волосами пальцами. А Таяма, бледный, с опухшим, болезненным лицом, стоял неподвижно и смотрел куда-то в пространство. И только когда рука Конобеева придвинулась совсем близко, Таяма, не изменяя неподвижности тела, сделал правой рукой молниеносное, короткое движение: средним и большим пальцем он сжал руку Конобеева у кисти. Макар Иванович — лесной великан, таежный зверь, который умел молча и спокойно переносить удары медвежьей лапы, срывающей кожу вместе с мясом, — вдруг завопил так, что его услышали на берегу.

Таяма, как будто ужалив, принял руку и вновь стоял неподвижно. Рука Конобеева упала вниз, как плеть. Старик уже не кричал, но смотрел на врага с безграничным удивлением. Масютин и Волков невольно улыбались. Они поняли, что произошло. Таяма применил один из приемов джиу-джитсу, доказав лишний раз, что ловкость, тренировка и умение побеждают грубую силу.

— Я требую, — сказал Таяма по-русски, воспользовавшись паузой, — чтобы меня, как пленного, оградили от оскорблений.

Волков внушительно посмотрел на Конобеева, а тот, растирая левой рукой правую, глухо проворчал:

— Однако ладно уж! Семь бед — один ответ!

— Следующий! — крикнул Волков в отверстие люка. На площадку поднялся новый пленник. На этот раз не только Конобеев, но и Волков вскрикнул от удивления. Перед ними с застывшей улыбкой каменного изваяния стоял Цзи Цзы. Он был в своем обычном корейском костюме. Правую руку держал на перевязи.

— Однако ты как сюда попал? — спросил его Конобеев. — Изменил нам? На сторону Таямы передался? Не твои ли это с водопроводом проделки были? Ну, подожди, ужотко повесим тебя на одном суку с Таямой!

— Эй, эй! — крикнул кто-то снизу в люк и произнес несколько слов на японском языке.

Волков нагнулся, посмотрел вниз и увидел, что человек в рабочем костюме поднимает на руках безжизненное тело матроса. Волков и Масютин извлекли это тело на площадку подводной лодки. Молодой японец-матрос был еще жив.

Но на его груди сквозь разорванную рубашку виднелась рана, нанесенная холодным оружием. Нечего было и думать о том, чтобы такого тяжело раненного отправлять в Гидрополис. Волков вызвал с берега шлюпку, на которой раненого осторожно доставили на берег и поместили в больницу.

Последним поднялся на мостик молодой японец в рабочем замасленном костюме, с черными как смоль, короткими волосами и энергичным лицом. Он протянул руку Волкову и, приветливо улыбаясь, сказал на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, товарищ!

Волков пожал ему руку и начал расспрашивать, но японец уже истощил свой запас русских слов и только беспомощно разводил руками. Затем он закрыл крышку люка, надел водолазный костюм и отправился вместе с Волковым и Масютиным в Гидрополис.

Таяму и Цзи Цзы конвоировали Ванюшка и Конобеев.

* * *

За большим круглым столом в библиотеке-читальне Гидрополиса собрались подводные совхозники, чтобы допросить пленных.

Первым — через переводчика — давал показания механик. По его словам, никто из экипажа подводной лодки не мог понять, почему она вдруг начала отклоняться от своего пути.

— Я, признаться, и теперь не понимаю, что случилось и какая невидимая сила притянула подводную лодку, как магнитом, к вашему подводному жилищу, — откровенно сознался механик.

Гузик самодовольно улыбнулся. Его авторское самолюбие было удовлетворено.

— В ваших словах вы сами даете ответ на вопрос, — сказал он японцу-механику и охотно рассказал ему об электромагните.

— Что же было дальше? — спросил Ванюшка, с нетерпением ожидавший конца объяснений Гузика.

— Мы не знали причины, но мы видели, — продолжал механик, — что лодка идет не туда, куда мы направляем ее, и мы поступали так, как если бы она попала в стремительный поток. Ничего не помогало. Мы не могли выбраться из этого заколдованного места и в конце концов...

— Влипли! — не утерпел Ванюшка.

— Влипли, — перевел переводчик.

— Влипли, — улыбаясь, кивнул головой механик. — И вот тут-то, — продолжал он рассказ, — в подводной лодке разыгрались страсти. Когда были получены телеграммы Топоркова, Таяма, взывая к нашему патриотизму, заявил, что он предпочитает взорвать лодку и погибнуть вместе с нею и нами, чем сдать. «Надеюсь, — сказал он, обращаясь к нам, — что вы вполне согласны со мной!» Но тут его ждало разочарование. Я знал, что не из одного патриотизма и национальной гордости Таяма решается на такое героическое средство. Уничтожить подводную лодку ему было необходимо, чтобы не скомпрометировать многих лиц. Частенько гостями нашей подводной лодки были люди в штатском, но... с весьма военной выправкой. Капиталистические круги Японии с большой тревогой и неудовольствием смотрят на быстрый рост колонизации советского Дальнего Востока и на начавшуюся усиленную эксплуатацию естественных богатств. Немудрено, что Таяма, много лет промышлявший

у ваших берегов, старался всеми силами уничтожить подводный совхоз. Чтобы получать нужные сведения и причинять мелкий вред, он подкупил одного из ваших служащих...

— Цзи Цзы? — спросил Волков.

Механик утвердительно кивнул головой и продолжал:

— С какой осторожностью и тщательностью Таяма подбирал штат своих служащих! И все же он проглядел опасность; в самой подводной лодке оказались: один коммунист — это я — и один сочувствующий — раненый матрос, который в решительную минуту перешел на мою сторону, на нашу сторону, на нашу сторону!

Ванюшка тряхнул головой и промолвил:

— Здорово, фут возьми!

— Когда Таяма приказал взорвать подводную лодку, — продолжал механик, — я заявил, что отказываюсь исполнить его приказания и не допущу, не позволю взорвать ее. Услышав мои слова, Таяма взбесился: «Вы не позволите? — тихо переспросил он меня. — Что это, бунт?» — «Да, это бунт», — ответил я. Таяма заскрипел зубами, посмотрел на остальных и, очевидно, решил сразу выяснить положение. «Ты со мною, Цзи Цзы?» — спросил он корейца. Цзи Цзы утвердительно кивнул головой. «А ты?» — обратился он к матросу. Матрос посмотрел на меня, на Таяму и не колеблясь ответил: «Я не оставлю товарища!» — и указал на меня. Тогда, выхватив неожиданно нож, Таяма, как тигр, бросился на матроса и нанес ему рану в грудь. Матрос упал. В ту же минуту сильным ударом мне удалось выбить из руки Таямы нож и отбросить его далеко; затем я бросился к машине, схватил Спрятанный за нею револьвер и выстрелил в Таяму, ранив его в голову; следующим выстрелом я ранил в руку Цзи Цзы.

— Скажите, — перебил механика Ванюшка, — а почему вы не взорвали подводное жилище миной, а протаранили его?

Японец пожал плечами.

— Я думаю, — отвечал он, — что Таяма не хотел употреблять слишком... военных способов войны. Если только он захочет отвечать, от него вы можете получить ответ на ваш вопрос.

Волков спросил механика, как его зовут, и затем сказал:

— Товарищ Хокусаи! Наш допрос — неофициальный. Виновных мы предадим законному суду. Но уже теперь можно сказать, что даже среди обвиняемых вы не окажетесь. — Волков поднялся и крепко пожал руку механика. — А теперь, — продолжал Волков, — пройдите в столовую, хорошенько отдохните и позавтракайте.

Раненый матрос, которого допрашивали в больнице, подтвердил все показания механика. Цзи Цзы также довольно верно описал весь ход событий в подводной лодке. Но, когда его спросили, как он попал к Таяме и что там делал, кореец заявил с напускным спокойствием:

— Я — человек свободный. У кого хочу, у того и служу. А кому служу, тому и ответ даю.

— Ну вот подожди, ты не то запоешь, когда тебе придется давать ответ перед судом, — сказал Ванюшка.

Остался недопрошенным только Таяма. Его показания должны были открыть много интересного. С тех пор как привели его в подводное жилище, он

уселся в угол прямо на полу и, низко опустив голову, сидел неподвижно, как японская статуя.

Волков сказал Ванюшке, чтобы он сходил к Таяме и привел его на допрос. Ванюшка, взяв конвойных, отправился исполнять это поручение. Широко открыв дверь комнаты, он громко крикнул:

— Гражданин Таяма! На Допрос!

Таяма продолжал сидеть неподвижно. Ванюшка еще громче повторил свой приказ. Таяма немного приподнял голову, посмотрел на Ванюшку, неожиданно громко произнес несколько японских слов нараспев. Вдруг Ванюшка заметил в правой руке Таямы довольно большой блестящий нож с широким лезвием. Как Таяма умудрился спрятать его? Ванюшка бросился к Таяме, желая обезоружить его, но было уже поздно. Таяма быстро и хладнокровно занес нож с левой стороны внизу живота, вонзил по рукоять и быстрым движением разрезал живот слева направо с такой ловкостью, как будто харакири было для него самым обычным делом. Поток крови залил пол. Таяма с некоторым недоумением смотрел на кровь несколько мгновений, потом медленно упал лицом вперед...

Впоследствии, когда Ванюшка, поинтересовавшись, спросил у китайца-конвоира, который знал японский язык и присутствовал при харакири, что сказал Таяма перед смертью, китаец ответил:

— Таяма сказал: «Когда из четырех японцев двое оказываются коммунистами и когда измена проникает в собственный дом, не надо больше жить».

Глава 32

Заседание продолжается

Подводное жилище освещено внутри так, что глазам больно. Все усаживаются за длинный стол. Волков избирается председателем. Он встает и говорит:

— Товарищи, несколько дней назад наше торжественное заседание было прервано по не зависящим от нас причинам. — Волков повысил голос: — Заседание продолжается, товарищи! И теперь, надеюсь, никто не прервет его, и никто больше не помешает нашей работе. — Послышались аплодисменты; и горячее других аплодировали два японца — механик с подводной лодки и матрос, который настолько уже поправился, что врач разрешил ему присутствовать на празднике. — Повестка остается прежней! Слово принадлежит товарищу Елене Пулковой.

Гости — многочисленные представители различных цехов совхоза — с интересом прослушали рассказ Пулковой.

Вслед за Ванюшкой выступил Волков с докладом об основании и развитии подводного совхоза.

— Товарищи! — начал он, обращаясь к гостям — рабочим и служащим. — Многие из вас уже застали существующим и Гидрополис, и химические заводы, и склады, и многочисленные постройки на берегу. Но вот посмотрите, что здесь было еще совсем недавно. — Волков показал на фотографию, висящую на стене. — Вы видите этот дикий, нетронутый, первобытный уголок природы? На этом самом месте товарищу Топоркову, Конобееву и мне пришла впервые мысль заняться сбором и эксплуатацией подводных водорослей. Там, где

только дикие птицы нарушали своими криками тишину, зазвучали фабричные гудки.

На том месте, где искали мы звериные следы, возвышаются теперь здания заводов, складов и домов-коммун. То, что вы видите здесь, повторяется и на Северном Сахалине и на Камчатке. Всюду мы начинаем побеждать дикую стихию и овладевать несметными богатствами океана и недр земли. Мы боремся с климатом, с бурями, с природой. Мы боремся с вредителями — с мелким зверьем, вроде Цзи Цзы, и с такими крупными хищниками, как Таяма. И мы побеждаем, и мы победим! Смотрите, что сделали мы на нашем фронте!

И Волков, указывая на диаграммы, графики и планы, начал говорить о том, как постепенно расширялась площадь подводного совхоза по береговой линии на юг и север и как завоевывались все новые подводные плантации, как увеличивалась добыча водорослей, как вырастали заводы, как рос экспорт, как расширялось применение водорослей в различных областях химической промышленности...



Его доклад продолжался около двух часов и был прослушан всеми с большим вниманием.

— Позвольте мне сделать маленькую информацию, — сказал Масютин, поднимаясь со стула. И ученый сделал интересное сообщение о том, что ему удалось найти в водорослях ванадий, который употребляется в технике для придания стали особой крепости. — Но это еще не все. Самое интересное я приберег под конец. Помните, я говорил о том, что дно океана может содержать полезные ископаемые, как и прочие недра земли? Представьте себе, я нашел — и совсем недалеко от Гидрополиса — пласты чудеснейшего каменного угля, который выходит прямо на поверхность океанского дна.

Все захлопали в ладоши и начали поздравлять Масютина.

— А теперь, товарищи, под музыку можно и поужинать! Мы сегодня хотим угостить всех собравшихся двенадцатью блюдами, приготовленными из морской капусты. Это бенефис Марфы Захаровны и Пунь.

— Нет, позвольте! Прошу еще не закрывать официального заседания, — перебил Ванюшку Масютин. — Когда мы собрались в прошлый раз, то, помнится, наглое вторжение Таямы прервало на самом интересном месте какое-то

внеочередное сообщение товарища Топоркова. Я думаю, мы все заинтересованы в том, чтобы наш милый Ванюшка окончил это прерванное сообщение.

— Просим! Просим! — слышались голоса, и все выжидательно смотрели на Ванюшку. Он чуть-чуть покраснел, отмахнулся рукой, как от мухи, но, вынуждаемый общими просьбами, принужден был подняться.

— В такой торфественный день о такой мелочи не стоило бы и говорить. Дело маленькое, личное, так сказать. Ну уф, если вы хотите, скафу...

Ванюшка ткнул себя указательным пальцем в грудь, потом показал тем же пальцем на сидящую против него Пулкову и сказал кратко:

— Фенюсь.

Под небом Арктики (роман)

1. Черный и белый

— Опять кошка за стеной мяучит, — сказал Игнат Бугаев, быстро проглядывая графики нагрузки электростанции.

Уборщица гурьевской гостиницы для приезжающих не поняла шутки и серьезно ответила:

— Это не кошка. Это ваш сосед Джим Джолли играет на гавайской гитаре.

— Негр?

— Да, негр. Он недавно приехал к нам из Америки. Музыка вам не мешает? Я могу сказать...

— Нет, Ашимэ, музыка мне не мешает... — Бугаев задумчиво барабанил толстыми пальцами по графикам, затем быстро встал, вышел в коридор и постучал в соседний номер. Плачущие, мяукающие звуки гитары прекратились.

— Войдите! — послышался певучий тенор.

Посреди комнаты, с опущенной гитарой в левой руке, стоял негр Джим Джолли. Он был высокого роста, здоров и молод. Ворот клетчатой рубашки «апаш» и подвернутые выше локтей рукава открывали темную могучую грудь и мышцы атлета.

— Позвольте познакомиться, товарищ, — сказал по-английски Бугаев. — Я инспектор высоковольтной линии, инженер Игнатий Бугаев.

Глаза негра еще грустили, а толстые губы складывались в радушную улыбку, и уже сверкнули ослепительно-белые зубы. Джим протянул руку, и Бугаев заметил, что ладонь была значительно светлее его темной руки.

— Очень рад познакомиться. Джим Джолли. Рабочий. Эмигрант, — ответил негр.

— Вы не совсем оправдываете свою фамилию, товарищ, — сказал Бугаев. — «Джолли» — веселый, шумный, живой. А ваши глаза и ваша гитара грустят. О чем? О родине? О девушке с цветком на груди?

Они уселись у открытого окна. Джим задумчиво смотрел на море, на далекие дымные пряжи траулеров, на перистые облака, освещенные пурпуром заката. Его темные пальцы уже перебирали по привычке струны гитары. И под аккомпанемент тихой, грустной песенки он начал говорить о себе. Бугаев слушал слова и незнакомый мотив. Странная музыка с ломающимся ритмом пояснила недосказанное. «Эти синкопы, — думал Бугаев, — говорят больше слов. Джим вышел из «старого ритма» и не вошел еще в новый... Одиночество? Да, конечно, и одиночество. Джим похож на растение, перенесенное на чужую почву. Ботаники называют это «интродукцией». «Интродукционные» растения, вероятно, тоже должны переболеть ностальгией — тоской по родине...»

Джим Джолли работал в Северной Америке на консервном заводе в Кэй-Вест, или «Ки-Уэст», как сказал он. Это самая южная часть Флоридского полуострова. Консервный завод «Бэйлдон и сын». Большое было дело. Свыше ста миллионов долларов. Кризис съел. Из года в год сокращалось производство. Джим был хорошим работником, и его держали до конца. А конец был таков: Бэйлдон и сын не только закрыли дело, но и сломали завод — пустопорожний

участок, казалось, легче продать. Но его никто не покупал. На развалинах завода образовался «пещерный» поселок безработных. Питались рыбой, которую сами ловили. Донашивали последнее тряпье. А дальше что?

Джим давно мечтал о поездке в СССР, как и многие его товарищи. Но у них всех не хватало средств на дорогу. Пожалуй, не хватало и решимости. А у Джима она была. И вот три друга Джима сложили свои гроши с его небольшими сбережениями и снарядили его в дорогу. Это был аист не только товарищеской солидарности, но и расчета: устроившись в СССР, Джим выслал бы деньги на дорогу одному из «пайщиков», тот по приезду в СССР — следующему, и так — пока все «пайщики» не переберутся на новую родину.

— Вот и вся короткая история длинного пути от Ки-Уэста до Хурьеф, — улыбаясь закончил Джолли.

— Не Хурьеф, а Гурьев, — поправил Бугаев. — И что же вы хотите делать?

— Консервы, — ответил Джим, издавая на гитаре заключительный аккорд.

— Мне указали этот город. Я не знал СССР. Но у вас здесь другая рыба, другие методы обработки. Надо переучиваться. Мне следовало бы ехать во Владивосток. Крабы — моя специальность. Но это снова длинный путь, а на поездку у меня уже нет средств.

— А другой специальности у вас нет? — спросил Бугаев.

Джим Джолли пожал плечами:

— Я работал в Чарлстоне на стройках. Когда кризис приостановил строительство, пришлось перейти в пищевую промышленность. Думал, что это вернее: люди могут перестать строить, но не есть.

— А оказалось, что они могут перестать и есть? — усмехнувшись сказал Бугаев. У него был густой бас, и Джолли даже вздрогнул, когда Игнат внезапно громко спросил:

— Бетон замешивать умеете?

— Приходилось.

— Отлично, Джим, отлично! Вы будете бетонщиком. Мне писала Вера Колосова... Если вы будете мне аккомпанировать на вашей гитаре, Джолли, я могу вам продеklamировать стихи-сказку о голубоглазой девушке, которая живет далеко-далеко, в полуночном краю. Она похожа на ледяную королеву. — Джим улыбнулся. — Но так как вы не играете, то я продолжаю говорить грубой прозой. Она инженер-строитель. И сейчас строит чудесное здание, в котором из полярного холода будут делать тепло и свет.

— Это тоже похоже на сказку, — сказал Джим.

— Когда вы ближе познакомитесь с нашей страной, вы увидите, что у нас немало таких сказок жизни. Да, так о Вере. Она мне писала, что у нее на стройке не хватает бетонщиков. Разрешите мне отвезти вас в подарок Вере Колосовой.

Джим рассмеялся.

— Боюсь, что она не поблагодарит вас за такой подарок. Я поеду с вами, товарищ Бугаев. Но мне хотелось бы знать, что это за ледяная страна и что это за волшебная фабрика для переработки холода в тепло.

— У нас еще будет время поговорить. Пока я должен предупредить об одном: это страна льда, холода, снежных бурь, мрака. После солнечной Флориды такая страна, быть может, покажется вам адом. Подумайте хорошенько.

— Оттуда идет почта в Америку?

- Ну, разумеется. Там есть и почта, и телеграф, и радио.
Джим хлопнул по ладони Бугаева своей ладонью.
— Значит, по рукам. Точка, — закончил Игнат по-русски.

2. Живая карта

Джим с интересом наблюдал маленькую кабину дирижабля. Джолли еще никогда не приходилось летать на дирижаблях. Внизу — койка Бугаева, над ней — подвесная койка Джима с высокой сеткой, как в детских кроватках. Стены обтянуты голубым дерматином с тисненными цветами. Наружная стенка скошена к полу, в стене — низкое, но широкое окно. Занавески. У окна — небольшой столик, застланный белой скатертью, перед столом — два табурета из дюралевых труб. Ничего лишнего. Светло, тепло, пожалуй, даже жарко. Но не душно. На столике работает маленький пропеллер-освежитель. В углу жужжит вентилятор. Как в жаркий день на поле шмели и пчелы. И на фоне этого жужжания приятная музыка — вальс из оперы «Евгений Онегин». Радио... Клонит ко сну. Джим закрывает глаза и видит то густо-синие просторы Мексиканского залива, то гурьевские траулеры... а впереди его ожидает неведомая страна льдов и метелей, которых он не видал никогда в жизни...

Джим встряхнул головой и посмотрел в окно. Степь. Тень дирижабля бежит по земле. Уходит вдаль бесконечная вереница опор высоковольтной передачи. На горизонте блестит озеро, синеют леса. Дирижабль уже несколько дней летит низко над землей. Сколько сменилось картин за эти часы полета! Поля, безводные степи, леса, пустыни и снова леса. Чем дальше на север, тем их становится больше. И всюду — в степях, пустынях, даже в лесах среди длинных широких просек — хлопотливые тракторы, грузовики, краны, деррики, вагонетки, паровозы... Целые полки и батальоны рабочих... День за днем, шаг за шагом люди отвоевывают пустынные пространства, проводят каналы, строят дороги, прорубают просеки в лесах... Какое упорство! Какое напряжение! Впереди — первобытная природа, глушь, леса; позади — дороги, поселки, заводы, города.

В пустынях Средней Азии Джим видел множество солнечных и ветросиловых установок. Знойное, иссушающее солнце стало давать воду, вода рождает зелень лугов, сады, рощи, тени, прохладу. Не будет ничего удивительного и в том, если из холода они станут добывать тепло.

А дальше, на север, — леса. Сплошные сибирские леса. С ними, пожалуй, борьба труднее, чем с пустынями. Когда летишь над этими лесами, кажется, весь земной шар покрыт ими. Им нет ни начала, ни конца. Миллиарды деревьев заняли необозримые пространства и стоят на страже своих владений.

В небе летит аэроплан, за ним пять планеров на буксире. «Воздушный поезд». Вот один планер отцепился и снижается на лесную поляну. Он несет лесорубам почту, продовольствие... Уже много таких воздушных поездов видел Джим.

...Высоко в небе медленно движется цельнометаллический дирижабль «Циолковский», его моторы не работают. Он плывет по течению воздушной реки. Бугаев объяснил: «Безмоторный воздушный транспорт».

Радиомузыка кончилась. Стало слышнее шмелиное жужжание судовых пропеллеров и вентиляторов. Началась передача «последних новостей». Но Джим еще плохо понимает русский язык.

Джолли становится скучно. Он идет в кают-компанию.

Бугаев сидит у окна. Ворот белой рубашки расстегнут. На маленьком столе бумага, карандаши. Бугаев держит в руке радиотелефонную трубку, поглядывает в окно, задает невидимым собеседникам вопросы, кого-то бранит, быстро записывает ответы.

Бугаев видит Джима, кивает головой и спрашивает:

— Кофе хочешь? — Они уже на «ты».

— Благодарю, я завтракал, — отвечает Джим.

Бугаев познакомил Джима с картой. Вот южная магистральная линия. Она идет от Эльбы до Чарджуйя прямо на юг, затем сворачивает на восток — Ташкент, Чирчик, Нарын, Алма-Ата; затем идет на северо-восток — на Иртыш, Бийск, Красноярск, Илим — и оттуда на восток — на Зею, Селенджу, Бурею, Пермскую, Совгавань, берега Тихого океана...

— А вот северная линия: Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск. Выше, севернее этой линии, находятся лишь отдельные станции. Указываю наиболее северные — Тобольск, Вилюйск, Якутск, Алдан, Колыма. А дальше... Дальше белое пятно. Неосвоенная пустыня. Тундра. Тайга. Несметные спящие богатства.

— Мы ведем на Арктику наступление с юга и штурмуем ее ледоколами со стороны Ледовитого океана. Ведь Арктика — это «мастерская погоды». Метеорологи только тогда смогут безошибочно предсказывать погоду, когда вся Арктика покроется сетью радио- и метеостанций. Арктика — это страна несметных и еще почти не изведанных богатств. Мы только приоткрыли арктический сундук и уже нашли апатиты, железную руду, уголь, графит, нефть, цветные металлы, торф, сланцы и прочее и прочее, притом в таких количествах, которые изменяют все наши представления о мировых запасах полезных ископаемых. А ее бесконечные леса? А неисчислимое количество морского зверя и рыбы полярных морей, рек, озер? А пушные богатства лесов? А бесчисленные стада диких оленей?

Арктика — это страна будущего, а не страна «погибели и ужаса», какой она была и какой еще кажется многим до сих пор.

Арктика... — Бугаев неожиданно замолчал и хрустнул пальцами. — Мы еще не победили до конца эту страну, — сказал он тише. — Ты спросишь почему...

— Холод? Климат?

— Нет, не холод и не климат — главное препятствие. «Сопrotивляемость» Арктики заключается в ее просторах, в бездорожье, в том, что она слишком велика.

В борьбе с бездорожьем мы применяем все виды «оружия» — морской и воздушный флот.

Ты, наверно, читал о наших последних ледоколах-гигантах? Им не страшны больше льды. Великий Северный морской путь проложен.

Наши ледоколы взрывают айсберги, ломают лед тяжелыми корпусами, а иногда и растапливают его. Нос ледокола превращается в раскаленный «электроутюг», который расплавляет лед. Это — наше последнее изобретение.

Но этот утюг требует большого расхода энергии.

Источники энергии у нас есть. Арктика богата каменным углем и в особенности лесом. Но мы не идем по линии наименьшего сопротивления. Мы бере-

жем лес и уголь для более ценного использования в химической промышленности. Зато

Арктика богата даровой энергией ветра. И мы все более и более используем эту энергию. Полноводные реки Сибири многие месяцы в году скованы льдом. Наши ученые работают над задачей круглогодичного использования энергии этих рек. Сейчас производятся интереснейшие опыты борьбы с образованием льда, замерзанием рек.

Мы взялись вплотную за использование тепловой энергии земли, многочисленных «печей» — сопки Камчатки. Камчатские сопки уже начали давать нам энергию и с каждым годом будут давать все больше. Большое количество энергии мы могли бы перебрасывать с юга, с наших солнечных станций. Но Арктика должна кормить энергией сама себя. И мы решили использовать безграничный источник арктической энергии — холод. Об этой идее я не буду тебе говорить подробно, ты узнаешь на месте сам.

Смотри на карту. Мы находимся вот здесь — севернее Байкала, недалеко от Ангарской гидроэлектростанции. Там мы оставим дирижабль и пересядем на аэроплан, который понесет нас прямо на север через сплошные лесные массивы. Меня вызывают в новый город, Челюскин, для консультации.

— Там живет и «снежная королева»? — спросил Джим.

— Там и живет. Ты уже заинтересовался ею? Но, предупреждаю, она уже невеста, — смеясь ответил Бугаев.

3. Дорожное приключение

Леса, леса, леса... В кабине самолета тепло. Однообразно гудит мотор. Машину покачивает. Опытный пилот Семенов держит курс прямо на север по сто третьей параллели. Вооруженный русско-английским словарем, Джим медленно читает новый русский роман. Игнат у соседнего окна работает с логарифмической линейкой, что-то записывает.

Неожиданно пилот выключает моторы, самолет качнуло.

Игнат взглянул в окно. Казалось, земля вдруг поднялась дыбом и прыгнула на аэроплан. Самолет снижается крутой спиралью на небольшую поляну.

— Держись! — крикнул Игнат Джиму. Но самолет без толчка уже коснулся земли, пробежал по траве и остановился.

— Только наш Семенов мог так ловко сесть, — восхищенно воскликнул Игнат. Он открыл дверь в кабину летчика. Семенов сидел, откинувшись на спинку кресла. Лицо бледное. Из носа течет кровь. Бортмеханик Доронин уже подает первую помощь — смачивает Семенову спиртом виски, вытирает ватой окровавленные руки и лицо.

— У него, — объяснил Доронин, — произошло кровоотечение из носа, головокружение... Как себя чувствуешь, Семенов?

Семенов улыбнулся и ответил хрипловатым голосом:

— Сейчас лучше, но голова еще кружится. Понять не могу, отчего это...

Больного летчика осторожно перенесли в кабину кормового отсека и уложили на полу, на разостланном матраце, высоко приподняв голову.

Джим посмотрел в окно кабины. Угрюмая, непроходимая стена леса. Впечатлительному Джиму показалось, что темные лиственницы враждебным и торжествующим строем обступили упавшую с неба стальную птицу. Теперь она вместе с людьми была пленницей леса. Кругом — безлюдье, лесные боло-

та на сотни, быть может, тысячи километров. Заблудишься, умрешь от голода прежде, чем доберешься до людей. В аэроплане продуктов питания всего на несколько дней... Большой Семенов... Невеселая картина!

Но Бугаев совершенно спокоен. Он выжимает воду из полотенца своими крепкими руками и кладет компресс на голову Семенова.

— Что приумолк? — спросил Игнат Джима. — Не беспокойся. Мы везде дома. Если лес еще не вполне побежден, то и над нами он уж не властвует больше. Мы сами не выйдем из лесу — нас найдут.

Слышно было, как Доронин работает на аварийном радиоаппарате и затем разговаривает по радиотелефону. Через несколько минут он вернулся.

— Ближайшее селение находится недалеко, в трехстах километрах, ближайший авиапункт — в пятистах, — сказал он. — Но где-то совсем рядом работает радиостанция корабля «Тайга».

— Корабля? — спросил Семенов, приподнимая голову и пытаясь улыбнуться. — Кто из нас болен, ты или я?

— Может быть, я оглох, не расслышал, — развел руками Доронин. — Но неизвестный радист ясно сказал: «Говорит корабль «Тайга». Мы находимся всего в тридцати километрах от вас, прямо на восток. Через два часа пришлем врача, как только вернется «Стрекоза».

— Но ведь прямо на восток тысячи километров сплошного леса, — снова сказал Семенов.

— Я и сам знаю, что кругом лес и до моря далеко. Какими волнами и ветрами занесло сюда корабль?

— Ты бы и спросил об этом, — сказал Игнат.

— И спрашивал. А радист смеется. Приходите, говорит, и сами посмотрите.

— Да, но за два часа пройти лесом тридцать километров немислимо. Может быть, это мистификация какая, — размышлял вслух Бугаев. — Или это воздушный корабль, перенесший аварию, как и мы.

— С сигналами бедствия не шутят, — почти сердито ответил Доронин.

Время тянулось медленно. На исходе второго часа после аварии «Тайга» сообщила, что «Стрекоза» вылетела и через несколько минут будет на месте. Значит, это не доктор, а аэроплан? И таинственный корабль действительно существует?

Скоро послышался гул мотора. Последние красные лучи солнца осветили серебристую «Стрекозу», показавшуюся над лесом. Это был маленький двухместный аэроплан — вертолет, имеющий два пропеллера.

«Стрекоза» сделала круг над поляной, выбирая место посадки. Вертолет почти отвесно опустился рядом с машиной Семенова.

Из кабины вышла немолодая женщина в кожаном пальто с небольшим чемоданом в руке.

Доктор Дубровина осмотрела Семенова и заявила, что его необходимо доставить на аэроплане в больницу. Она оставила лекарства из своей дорожной аптечки, объяснила, как ухаживать за больным, и улетела.

— Алло! — послышался голос из радиорепродуктора. — Говорит авиабаза. Санитарный аэроплан прибыл. Мы можем отправить его к вам. Разложите костры, чтобы он мог найти вас.

Игнат, Джим и Доронин поспешили развести костры по краям поляны. Стояла свежая ночь. Потрескивали сучья. Пахло горячей хвоей и сыростью леса.

Костры освещали стену лиственниц, окружавших поляну.

Вдруг Игнат увидел голубой огонек, мелькавший между стволами. В ту же минуту послышался шум аэроплана. Он покружил над поляной и снизился в десятке метров от путников.

— Тоже неплохая посадка, — сказал Доронин одобрительно.

— Если поискать, в этой тайге, оказывается, не так уж мало людей, — удивился Джим.

— Я же тебе говорил, что мы везде дома, — отозвался Игнат.

Летчик вышел из пилотской кабины, осмотрел поляну и покачал головой. Доронин понял его: нелегко сесть, но еще труднее взлететь с этой поляны. Того и гляди — «вмажешь» в дерево и разобьешься.

Подшли из леса люди с фонарями. Один из них был бородатый мужчина лет за пятьдесят, похожий на старого таежного охотника, другой — молодой, почти юноша. Оба они были в кожаных костюмах.

Познакомились. Молодой оказался капитаном, а бородатый — штурманом загадочной «Тайги». Игнату не терпелось разузнать, что же это, наконец, за корабль. Но сначала надо было решить более важные вопросы. Прилетевший летчик предложил доставить Семенова в больницу, вместо Семенова вести аэроплан может другой пилот, но Семенов заявил, что он никому не может доверить свою машину. Он был уверен, что через день-два поправится и полетит дальше. Чтобы не волновать больного, ему не возражали.

С первыми лучами солнца Семенова перенесли в санитарный самолет. Доронин помог осмотреть моторы. Машину оттащили на край поляны. Самолет поднялся, сделал крутой вираж, качнулся и скрылся за лесом. Выровняется ли?.. — с волнением думал Доронин, прислушиваясь к звукам. Но моторы рокотали ровно, звуки удалялись. Скоро самолет стал виден уже на большой высоте. Сделав полукруг, он взял на юг.

— Добрый путь, товарищ! — крикнул Доронин прочувствованно, словно Семенов мог слышать его.

— Идем, что ли? — сказал Фома.

4. Корабль «Тайга»

Капитан, штурман, Джим и Игнат, попрощавшись с Дорониным, направились в лес.

— Телефонируй нам, если медведи нападут на тебя! — крикнул Игнат, обращившись, и улыбнулся.

— За себя я не боюсь, — ответил Доронин. — В кабине меня не достанут. Да и оружие у меня есть. Однако и вы напоминайте о себе.

Путники углубились в лес. Пахнет багульником, хвоей, землей. Косые лучи солнца освещают кровавые пятна листьев крушины. Капитан поглядывает на компас, но у Фомы Груздева свои компасы: он смотрит на сучья деревьев, на стволы, на траву и идет более уверенно, чем Симаков, вооруженный компасом.

Наконец путники выбрались на большую поляну. Первое, что они здесь увидели, был парящий высоко над лесом воздушный змей необычайной формы. Судя по высоте, это должно было быть огромное сооружение! — что-то вроде разрезанного на две половины вдоль большой оси цилиндра длиной метров в тридцать. По бокам цилиндра — две полукруглые плоскости, обращенные своими закругленными краями назад; под цилиндром — площадка и на ней будка. Позади «змея» — огромный хвост из нескольких воронок, соединенных тросом. На нижней площадке под цилиндром копошились две человеческие фигуры.

— Оказывается, ваша «Тайга» — воздушный корабль? — сказал Игнат, обращаясь к Симакову.

— Нет, «Тайга» — не воздушный корабль, — возразил капитан. — То, что вы видите, — это только высотная электросиловая установка «Тайги». Наша «Тайга» возит за собой свою летучую электростанцию, привязанную на стальном канате.

— Но что же представляет собой сам корабль? — нетерпеливо спросил Игнат.

— Скоро вы это увидите, — спокойно ответил капитан.

Путники прошли еще немало лесных полян, пока, наконец, вышли на широкую лесную просеку. Эта просека имела необычный вид. Низко спиленные деревья — так низко, что над землей не видно было пней, лежали по обе стороны просеки, как скошенная трава. Над просекой уже далеко позади путников маячил в небе «змей», в конце просеки путники увидели высокую трубу, а затем и огромное черное сооружение, занявшее своей тушей всю просеку и поднимавшееся темной массой вровень с верхушками деревьев. Над корпусом этого сухопутного дредноута виднелись трубы. Средняя труба была шире и едва ли не выше фабричной трубы. Ее-то и увидели они еще издали. Другие трубы были значительно ниже. Целая паутина оттяжек укрепляла их. На «носу» и «корме» поднимались мачты: очевидно, радиостанция. Ни одна труба не дымила. В корпусе «корабля» виднелись круглые иллюминаторы.

Путники подходили с кормы и потому не могли определить форму и длину этого необычайного корабля. Казалось, он стоял прямо на земле. И только подойдя вплотную, они смогли осмотреть «Тайгу». Корпус корабля напоминал корпус подводной лодки. Но по размерам это был настоящий корабль в три этажа. На носу возвышалась капитанская рубка с прожектором над ней. Впе-

реди ее, пониже, — три пропеллера, и один пропеллер на корме. Корабль покоился на широких платформах, имеющих колеса-катки, напоминающие катки дорожных трамбовочных машин. Внизу, под иллюминатором, были закрытые люки и выходные двери. Несколько трапов вело на верхнюю палубу.

— Ну вот и сама «Тайга», — сказал Симаков. — Это — вездеход, приспособленный для длительных экспедиций по тайге и тундре при любых климатических условиях и во все времена года. Вы еще успеете подробно ознакомиться с ним, а сейчас идемте завтракать. Все мы достаточно проголодались. Да и отдохнуть не мешает. Мы почти не спали в эту ночь.

Следом за капитаном все поднялись по трапу на палубу. В конце ее Игнат заметил мирно лежащую «Стрекозу». Она занимала совсем немного места и напоминала дремлющее насекомое.

— Как дела, капитан? — услышал Игнат чей-то надтреснутый басок. Возле средней трубы стоял худощавый загорелый молодой человек. Это был механик Алексей Жуков. Руки его были запачканы маслом.

— Все в порядке, — ответил на ходу Симаков. — Вот, гостей привел, будем завтракать. А у тебя как?

— Олл-райт, — ответил Жуков.

— Олл-райт, — повторил Джим и улыбнулся. Гости познакомились с Жуковым.

Все спустились в кают-компанию, находившуюся в среднем этаже, вместительную комнату с высоким потолком. Дорожка из линолеума кремового цвета разделяла комнату на две половины. По обе стороны стояли столы, накрытые чистыми скатертями. На потолке — матовые лампы. В углу — черный дигл громкоговорителя. У стены — экран. Между столиками — в дубовых бочонках кусты цветущих олеандров. Все блестело и сверкало чистотой.

— Мне здесь нравится, — сказал Джим. — Вот какие чудеса скрывают непроходимые советские леса!

Женщина в белом халате внесла дымящийся завтрак. Игнат толкнул Джима и тихо сказал:

— Смотри, да ведь это доктор, которая прилетала к нам.

Симаков рассмеялся и сказал, обращаясь к Дубровиной:

— Марианна Ивановна! Наши гости удивляются, что вы сегодня за официантку.

— Мы сами себя обслуживаем, — поздоровавшись с гостями, сказала Дубровина. — Больных у нас нет, времени у меня больше, чем у других, вот я и хозяйничаю. Ешьте хорошенько. Обед будет поздно.

Джим и Игнат послушались доброго совета и плотно позавтракали. Насытившись, Игнат обратился к капитану:

— Ну, расскажите мне подробнее о корабле.

5. Изобретатель рассказывает

Перед нашей страной стояла грандиозная задача: до конца открыть Сибирь с ее неисчерпаемыми источниками энергии и природных богатств. Север непроходим. Моря забаррикадированы льдами. Арктика отрезана необозримыми пространствами тундры, тайги, лесов, столь же непроходимых, как льды полярных морей. Льды уже пробиты нашими ледоколами. А леса оставались непроходимыми, потому что у нас не было лесного «ледокола». Настала пора приняться и за леса. На необозримые «вольные» пространства была наложена сетка квадратов — сначала только на карте, и каждый квадрат — каждый километр в этом квадрате — должен был подвергнуться тщательному обследованию: геологическому, геохимическому, ботаническому, гидрологическому. Разве эту задачу можно быстро разрешить лошадиной тягой и пешим хождением? Вопрос о средствах передвижения в тайге требовал быстреего разрешения. Воздушное сообщение хорошо как средство быстрой связи, но для изыскательских партий, нагруженных всякими инструментами, припасами, образцами руд и прочим, нужно было что-то иное. Необходимо было построить корабль-вездеход, который мог бы легко преодолевать бездорожье, вмещать в себя всю изыскательскую партию, инструменты, запасы продовольствия на долгие месяцы. Корабль, который был бы и «вагоном», и «домом», и походной лабораторией, весьма прилично оборудованной. И я несколько лет думал о конструкции такого вездехода. Потом мы стали работать изобретательской бригадой на Челябинском заводе.

Десятки проектов были забракованы челябинским комитетом общества изобретателей, несколько — центром. Но, в конце концов, проект был утвержден и средства на постройку отпущены. Еще два года ушли на строительство и опыты. Наш корабль-вездеход родился. Он поступил в ведение уральского филиала Академии наук и академического совета по изучению производительных сил. Этот совет выработал план и маршрут нашей первой, опытной экспедиции. Мы занимаемся изысканием ископаемых, изучаем лесные богатства, попутно делаем просеки, ведем метеозаписи и многое другое. Ежедневно сообщаем по радио рапорты о наших работах.

Оправдывает ли «Тайга» свое назначение? Наше детище, увы, очень и очень несовершенно. Еще много придется внести улучшений, но в основном мы как будто разрешили задачу. Мы можем производить исследования в продолжение всего года, несмотря на морозы, пургу, полярную ночь. Это значит, темпы освоения Севера по крайней мере утраиваются.

Джим захлопал в ладоши.

— Очень хорошо. Олл-райт! — воскликнул он.

Симаков продолжал:

— Нам необходимо было преодолеть две основные трудности. Первая — энергетическая. Чтобы двигать такую махину, как «Тайга», надо иметь двигатели во много тысяч лошадиных сил. Устроить этаким жюльверновский «паровой дом»? Для лесной области, где топливо можно брать на месте, — куда ни шло; но что прикажете делать в голой тундре, где ни деревца, ни кустика, ни травинки? Брать запас угля на несколько месяцев? — Невозможно. Помимо того, что корабль «раздулся» бы во много раз, он стал бы еще тяжелее, а «плавать» ему предстояло по болотам, по грязи, по кочкам. Он увяз бы. Жид-

кое топливо не намного улучшило бы положение.

— Аккумуляторы? — спросил Игнат.

— Думали и о них. Но даже самые новейшие «электрические консервы» все же не обеспечили бы энергией на много месяцев это стальное чудовище.

И мы решили использовать ветер, создав ветряную станцию. Это — воздушный змей. Он может быть запущен на 500 метров и работает без отказа. В здешних широтах на такой высоте ветер дует неизменно. Но энергии змея недостаточно. И мы поставили воздушные турбины — виндроторы. Они работают не так безотказно, но все же дают нам немало энергии. Наконец... вы видели среднюю трубу огромной высоты? Все ее устройство очень просто. Снаружи никаких подвижных частей. Видна лишь одна башнеобразная цилиндрическая труба вроде дымовой трубы из листового железа. На верхнем конце, на некотором расстоянии, она окружена коротким цилиндром. Это внешнее кольцо поддерживается снизу очень узкими ребрами. Нижний конец высокой трубы открыт. И вот, под каким бы углом ни дул ветер, результат будет один и тот же: в цилиндрической башне создается вертикальный поток воздуха. Иными словами, постоянно изменяющий свое направление и силу ветер здесь превращается в почти постоянный воздушный поток. Скорость меняется, но направление — вверх по трубе — остается неизменным. У нижнего основания ветряной башни установлена горизонтально лежащая турбина. Такое устройство обеспечивает легкий доступ к машинам, защищенным в то же время от всех влияний непогоды.

— Ну а для чего эти маленькие трубы? — спросил Игнат.

— Принцип их работы также прост. Цилиндр разрезан пополам, и половинки ставятся горизонтально на опорный диск таким образом, что края одной половины заходят за край другой; между ними — промежуток. В эту щель и попадает воздух. Он вертит ротор, ротор приводит в движение динамо.

— И совокупной энергии всех этих установок достаточно для того, чтобы снабдить воздушный корабль энергией?

— И да и нет. Как я сказал, одной высотной станции недостаточно. Внизу же ветер все же дует непостоянно. А в тех случаях, когда «Тайга» идет сплошным лесом, внизу совсем тихо. И нам пришлось призвать на помощь еще одно изобретение — систему «аккумуляторов» для ветряных установок Уфимцева. В кратких словах, дело сводится к следующему.

Ветер — даровая энергия, которая везде под руками. Но все несчастье в том, что ветер — капризная стихия. Он то дует, то перестает дуть, сила ветра также изменяется непрерывно. Были предложены сотни, если не тысячи остроумных проектов усовершенствованных ветряков. Но изобретатели, ученые не «смотрели в корень», не ставили перед собой задачи бороться с основным недостатком ветряных двигателей — непостоянством их работы.

Сила ветра, как я уже сказал, меняется часто. Даже на протяжении одной минуты она непостоянная. Как выровнять эти минуты неравенства? Создается аккумулятор, так называемый инерционно-кинетический. Попросту говоря, это — усовершенствованное маховое колесо, в котором развивается сила инерции. Он движется, и потому он «кинетический». В нем использована сила инерции, и потому он «инерционный». Для того чтобы в нем самом было меньше трения и максимум полезного действия, его поместили в особом футляре, из которого выкачан воздух или же который наполнен водородом. Ве-

тер дует — маховик вертится. Ветер перестал дуть, а маховик еще вертится несколько минут, продолжая отдавать запасенную энергию. «Скачущая» на протяжении минут энергия ветра несколько выравнена, а минутные перерывы в подаче энергии устранены.

Но это — лишь начало. В работе ветра бывают не только минутные, но и часовые перерывы, иногда в продолжение многих часов. Как бороться с этим? Аккумулятором номер второй. Это обычный электрический аккумулятор.

Далее идут перебои в подаче энергии ветра, которые могут длиться днями. И на сцену выступает аккумулятор номер третий. Вы знакомы с электролизером Шмидта? При прохождении электрического тока через подкисленную или щелочную воду вода разлагается на кислород и водород. Электролизер Шмидта, преследующий эту цель, состоит из чугунных пластин с закраинами, свинченных с асбестовыми прокладками в одну целую батарею. Промежутки между пластинами заполнены слабым раствором поташа. Образующиеся при прохождении тока водород и кислород отводятся порознь и собираются в сосудах. Этот электролиз производит та же энергия ветра. Ветряк «в свободные часы» запасает сам для себя газовое горючее, получаемое из воды.

Кислород — «побочный продукт» — идет на различные ну-лады, водород же служит горючим для газового двигателя с его динамо.

Наконец, имеется еще один резервный, обычный тепловой двигатель, скажем, на нефти, со своей динамо. Но к нему почти никогда не приходится прибегать.

Так была разрешена проблема выравнивания непостоянства энергии ветра. Эти аккумуляторы могут быть применены к ветрякам любой конструкции. Суть изобретения — в комбинированных способах аккумуляирования энергии ветра.

— И ветер тянет «Тайгу» без отказа? — спросил Игнат.

Симаков нахмурился.

— Бывают все же заминки, — сказал он как бы нехотя. — Приходится тогда отстаиваться, чтобы запастись энергией в аккумуляторы. Но таких случаев было мало. Ведь у нас по ходу работ бывают длительные остановки, во время которых мы и можем запастись большими количествами энергии.

— Итак, проблема энергии более или менее разрешена. А какая была вторая трудность при проектировании вездехода? Механизм передвижения? — спросил Бугаев.

— Да, но с этой проблемой интереснее всего было бы познакомиться, «поплавав» на нашем корабле.

6. Джим осматривает корабль

Игнат отправился в радиорубку справиться о Семенове и Доронине, а Джим занялся осмотром необычайного сухопутного «корабля».

Вдоль всего корпуса шел коридор. Стены и двери коридора — из серого матового металла. На потолке — лампы в кубических стеклянных абажурах, сделанных словно из кусков льда. На полу — линолеум. Чисто, как в больнице. На двери, против кают-компания, — черная блестящая табличка с надписью на русском языке. Джим осторожно приоткрыл дверь. Никого. Большая, как кают-компания, комната в три окна-иллюминатора. Все стены уставлены полками. На них папки, ящики с номерами. Ряды стеллажей, заполненных такими же ящиками. Какой-то склад...

Соседняя каюта — амбулатория. Джим заглядывает и сюда. Стены и мебель сверкают белизной. Хирургический стол. Стеклянный шкаф с набором медицинских инструментов.

Рентген, кварц и еще какие-то неизвестные Джиму аппараты. Рядом на стене — мраморная распределительная доска с рубильниками и выключателями, амперметрами, вольтметрами. Под стеклянным колпаком — микроскоп. В углу — весы.

«Неплохое медицинское оборудование для такого небольшого экипажа», — думал Джим.

Третья комната — лаборатория. Джим уже смело открыл дверь, полагая, что никого не застанет.

— Ах, простите... — смущенно говорит он и закрывает дверь. За дверью слышен смех и как будто слова: «Куда же вы? Войдите...» Но он не решается и бредет по коридору дальше, унося мимолетное впечатление: блеск химической посуды и инструментов, образцы минералов на столах и две женские головы, склоненные над микроскопами. Одна — с гладко зачесанными темными волосами, другая — стриженная, золотоволосая. Черная, кажется, постарше; золотая — помоложе, белая, румяная. Кто из них так звонко рассмеялся? Золотая?! И почему смеялась? Наверно, Джим выглядел очень глупо... Вернуться? Нет, нет... И не постучал. Подумают: «Какой невоспитанный!» Теперь он будет осторожней.

Джим перешел на другую сторону коридора и осторожно постучал в дверь, на которой была табличка с надписью «Клуб». «Войдите», — глухо послышалось ему. Он приоткрыл дверь. Комната была пуста. Неужто это та девушка слышала его стук и отозвалась? Почему он так взволнован? Хорошо, что здесь никого нет.

Всю стену занимает экран телевизора. Большой ламповый приемник. В углах комнаты два настольных бильярда с блестящими шарами — шарикоподшипниками. Стеклянный шкаф. В нем пинг-понг, шахматы, домино... Ковер во всю комнату. Мягкие кресла. Занавески на иллюминаторах. Красивая люстра. Сидя в этой комнате, трудно представить, что находишься в «непроходимых» сибирских лесах, за тысячи миль от городов и железных дорог.

В среднем этаже осталась одна неосмотренная каюта — библиотека. Джим направился туда. В библиотеке он застал врача Дубровину. Она извлекала из радиобильдаппарата листы газеты «Правда».

Наконец Джим спустился по трапу в нижний этаж. Здесь находились элек-

трифицированная кухня, машинное отделение, склады провианта, горючего, запасных частей. Здесь же, в отдельной кладовой, Фома хранил шкуры убитых на охоте животных и целую коллекцию ружей, ящики с патронами, охотничьи ножи... Осмотр кончен. Джим поднимается на второй этаж. В коридоре встречает Бугаева.

— Все в порядке, — говорит Игнат. — Наш аэроплан вылетел вперед. Семенов чувствует себя молодцом. Идем на палубу.

7. Пленники огня

К Симакову подошел Фома:

— Гарью пахнет, капитан.

— Я ничего не чувствую, — сказал Симаков, нюхая воздух.

— У меня ноздри старого таежника. Сегодня ветер на юг, а потянет на север, и вы почувствуете, — ответил Фома.

— Ну, что тебя беспокоит? — спросил Симаков. — Наверное, охотники костер развели.

Фома неопределенно закивал головой.

— Все может быть, — ответил он. — А только... не лучше ли нам выбраться отсюда поскорее?

— Ты думаешь, что в тайге пожар? — уже с некоторым беспокойством спросил Симаков.

— Пахнет, да! — за бородатого штурмана ответил Джим, втягивая воздух широкими ноздрями. Почувствовали запах гари и Бугаев и Симаков.

— Пожалуй, ты прав, — сказал капитан. — Надо удирать.

По сучьям деревьев, с лиственницы на лиственницу, прыгали с испуганным писком белки. Их было множество, и все они неслись на север, убегая от пожара. Внизу по просеке мчались три зайца. В стороне, в чаще, показался большой медведь. Он вышел на просеку, встал на задние ноги, понюхал воздух и, вновь тяжело опустившись на передние, поспешно зашагал в лес, с необычайной быстротой поворачивая свое тело.

Над лесом с криком летели стаи птиц. Фома хлопал по бокам своими тяжелыми ручищами и стонал. В нем проснулся охотник. Сколько дичи! Но сейчас не до нее. Приходилось звонить в колокол, созывая всех на авральные работы.

Один за другим на палубе появлялись обитатели «Тайги»: механик Алексей Жуков, геологи — золотистоволосая Анна Фокина и черная, как цыганка, Зинаида Камнева, врач Дубровина, студенты-практиканты — Митя Дудин (Игнат узнает в нем пилота «Стрекозы») и Федя Грицай. Выбежали даже две собаки-лайки, встревоженные колоколом и поднявшейся суматохой. Они возбужденно лаяли с борта на птиц и зверей.

Наконец появился толстяк-радист Гребенщиков. Он сообщил, что со «Змея», высотной электросиловой установки, сообщают о начавшемся пожаре.

— Знаем. Наш Фома пронюхал этот пожар раньше, чем они с неба заметили.

Джим посмотрел на «Змея».

— Им там хорошо, — сказал он. — До них не только огонь, но, пожалуй, и дым не дойдет.

— А если проволока, которой «Змей» привязан к «Тайге», перегорит, что тогда? — возразил Игнат.

— Не так уж страшно, — отозвалась Анна Фокина.

«Это она смеялась», — подумал Джим, услышав голос девушки.

Момент был такой, что не до официальных представлений. Гости познакомились с экипажем немым кивком головы.

— Все полые части «Змея» наполнены водородом, — продолжала Фокина. — «Змей» не упадет; его отнесет за линию пожара.

— Однако ветер на юг, и «Змей» может упасть в пламя, — тревожно сказала Камнева.

— Внимание! — крикнул капитан. — Все по местам. Работу машин на полный ход!

Жуков побежал к своим моторам. Фома стал за штурвал. Капитан Симаков с Игнатом и Джимом отправились к капитанской рубке, под нею сгруппировались остальные.

Загудели моторы. «Тайга», дрогнув всем телом, медленно двинулась вперед. Скоро сухопутный корабль подошел вплотную к стене лиственниц. Дальше идти было некуда. Бешено загудели пропеллеры на носу.

— Неужели одной винтовой тягой можно двигать это чудовище? — спросил Игнат.

— На снегу можно, — ответил Симаков. — Здесь же пропеллеры только помогают: «Тайга» движется на колесах, которые вращаются при помощи моторов. Будет время, расскажу подробно. А кое-что и сами увидите.

— Рама! — крикнул он.

Впереди вездехода выдвинулась металлическая рама, укрепленная на низких колесах. Передние концы рамы были соединены тонкой металлической пластинкой. Позади пластины, на некотором расстоянии от нее, проходила металлическая труба. Она шла параллельно пластине и также соединяла своими концами боковые металлические стержни. Все вместе и составляло «раму», напоминающую связанные впереди, но очень широко расставленные оглобли.

— Ток! — продолжал командовать Симаков, наклоняясь к слуховой трубе.

Джим и Игнат увидели, как тонкая металлическая полоса впереди «оглобель» покраснела и накалилась добела. Полоса врезалась в лиственницу и прошла сквозь ее ствол с легкостью ножа, разрезающего масло. Соки дерева обратились в пар, вырвавшийся из разреза. Показался дымок. Но в тот же момент из трубы, находившейся за пластиной, через дыры начали вырываться струи пенистой жидкости, облеплявшей место среза. Вспыхивающее пламя тотчас тушилось. Шипение усилилось. Пар и дым покрыли электрический нож.

— Клешни!

Две пары рычагов, оканчивающихся железными клешнями, вынырнули откуда-то снизу. Дудин и Грицай ловко управляли железными руками. Клешни схватили дерево выше среза и отвалили в сторону. «Тайга» подвинулась вперед. Камнева, Фокина, Дубровина помогали Дудину и Грицаю направлять падение деревьев в тех случаях, когда «руки» не успевали вовремя сделать это. «Тайга» оцетинилась механизированными баграми, клешнями, рычагами.

Работа была напряженная, небезопасная, требующая большой ловкости и сноровки. Капитан время от времени справлялся по радио, с какой быстротой

движется пожар. С вышки «Змея» ему сообщали об этом.

— В каком направлении лежит ближайшая граница леса? — спросил капитан змеевиков.

— Перед нами до горизонта сплошной лес, — отвечали со «Змея». Симаков нахмурился.

— Придется послать на разведку Анну, — сказал он.

— На авиетке «Стрекоза»? — спросил Игнат.

Капитан кивнул головой.

— Геолог-авиатор. Я вижу, вы тут универсалы, — сказал Игнат.

— Приходится, — ответил Симаков. — Анечка любит летать.

Он отдал распоряжение.

Через несколько минут «Стрекоза» уже взвилась почти отвесно над вездеходом, взяв курс на север, и скрылась за лесом. Вскоре она вернулась.

Симаков начал подсчитывать, что движется быстрее — «Тайга» или пожар. Судя по тому, как он мотал головой, итоги получались неутешительные.

— Ну, что? — спросил Игнат.

— Пожар нагоняет, — ответил Симаков. — А к вечеру ветер должен усилиться.

Пожар усиливался. Огонь, охватывавший все большее лесное пространство, сам создавал ветер. Он уже гудел по верхушкам деревьев, разнося едкий дым, но искр еще не было видно.

Над «Тайгой» затрещала и круто опустилась на палубу «Стрекоза». Возбужденная, раскрасневшаяся Анна Фокина указала кратчайший путь из леса.

День угасал. На небе зажигались первые звезды. Звери уже все пробежали, птицы пролетели.

— Теперь бы тучи, дождик, а небо, как назло, чистое, — ворчал Симаков.

Со «Змея» сообщили, что пожар делает прыжки: поднявшийся ветер переносит горящие сучья, ветки, вызывая новые очаги. Дело принимало нештучный оборот.

Откуда-то вновь появились обезумевшие животные. Разные обитатели леса бежали вперемежку, не обращая внимания друг на друга. Становилось трудно дышать.

— Уложить трубу и роторы! — приказал Симаков.

Высокая труба ветросиловой установки оказалась складной. Она осела, словно провалилась. Роторы были положены набок, как пароходные трубы при прохождении парохода под мостом.

— Остановить моторы воздушной тяги!

Часть моторов затихла. Пропеллеры, покружившись на холостом ходу, остановились. Дудин и Грицай быстро сняли их и уложили внутрь корпуса.

— Дугу!

— Есть дугу! — по-морскому ответил Грицай.

В носовой части сухопутного корабля, над палубой, поднялись три металлические дуги, одна выше другой.

— Задраить иллюминаторы!

— Есть задраить иллюминаторы!

Джим и Игнат ожидали, что будет дальше. «Тайга» напоминала корабль перед наступлением циклона. Она готовилась вступить в борьбу с огненной бурей и стихией леса. Лес цепко держал в своих лапах, огонь упорно нагонял ко-

рабль.

Симаков глубоко вздохнул. «Тайга» была готова для штурма.

— Дать лесорезы. Полный ход! — раздалась новая команда.

«Тайга» быстро двинулась вперед, как танк в атаку. Накаленный добела резак подкашивал толстые стволы, и они падали в разных направлениях. Деревья, шумя, как морские волны, опускались прямо на «Тайгу», падали на дуги и по ним соскальзывали вниз. Иные падали поперек дороги. «Тайга» переползала, поднимаясь то носом, то кормой, как корабль при килевой качке. Иногда на пути наваливалось столько стволов, что приходилось отступать и снова двигаться, чтобы разбросать их.

— Это уже напоминает борьбу ледокола со льдом, — заметил Игнат.

— Да, но за ледоколом не гонится, по крайней мере, огненный смерч, — заметил Джим.

Совсем стемнело. Несмотря на шум моторов, треск падающих деревьев и шипенье огнетушителей, уже слышался гул наступающего пожара. Потемневшее ночное небо на юге становилось багровым. Мелкие искры пролетали над «Тайгой», как метеоры.

— Сюда может попасть искра, весь этот мусор необходимо убрать, — сказал Игнат.

— Ты прав, — ответил капитан. — Вот тебе и Джиму нашлась подходящая работа.

Джим и Игнат стали сбрасывать с палубы груды сучьев, хвои, шишек.

— Тепленько становится работать, — сказал через некоторое время Игнат, утирая пот с лица и поглядывая на Джима.

Черная фигура негра уже была ярко освещена заревом пожара и казалась бронзовой.

— Да, теплеет, — заметил Джим, также останавливаясь, чтобы передохнуть.

На помощь Джиму и Игнату пришли Фокина и Камнева.

Мимо пробежал Грицай и сказал на ходу:

— Скверное дело. Не хватает огнегасительной пены. Запасы истощаются. Дубровина не успевает изготавливать. Кто-нибудь помогите ей.

Анна сбросила охапку мусора за борт и ушла.

В лесу уже было светло и горячо, как в июльский полдень.

— Невеселые дела, Джим, — тихо сказал Игнат. — Пожалуй, спокойней нам было бы продолжать путь на аэроплане. На худой конец из этого ада могут вырваться один-два человека на «Стрекозе».

— Да, пожалуй, вот эти там наверху уцелеют. — Джим показал рукой: высоко над лесом ярко светился «Змей».

— Нет, и там им не сладко, — продолжал он, следя глазами за клубами багрового дыма, поднимавшимися к самому «Змею».

В это время Игнат и Джим работали на корме, возле лебедки, к которой был привязан «Змей».

Прибежал Грицай и начал отдавать трос.

— Змеевики Тестов и Гринев просят поднять их повыше, поджариваются и задыхаются. Они сейчас висят над самым пожаром, — объяснил Грицай.

«Змей» начал медленно подниматься.

Палуба была очищена вовремя. На нее все чаще летели искры и головни.

Но работу нельзя было бросать ни на одну минуту: непрерывно накапливались новые обломки, сучья, шишки от деревьев, падающих на дуги и скатывающихся вниз.

Игнат подошел к капитанской рубке.

— Как дела? — спросил он Симакова. — До конца леса далеко?

— Не менее десяти километров, — ответил капитан.

От жары на носу уже трудно было стоять. Позади «Тайги» по стволам и пням скошенных деревьев змеились огоньки. Одно сухое дерево пылало. Пожар разгорался совсем близко от вездехода. Его корпус все более нагревался. Было тяжело дышать. Жар усиливался с каждой минутой. Но ни один человек из всего экипажа, не исключая девушек, не проявлял паники. Игнат шутил:

— А ты еще боялся, Джим, что окоченеешь от холода на севере. Пожалуй, тут теплее, чем в твоей Флориде.

Джим улыбался, сверкая зубами.

На самой палубе вспыхнула куча хвои, другая, третья... Дудин бегал, заливая пламя огнетушителем.

Пожар трещал, гудел, завывал, свистел. Птицы и звери уже давно опередили «Тайгу». Только одни люди вели последнюю борьбу с пламенем. Они изнемогали. Дудин пустил в ход палубные шланги, но в баке было не так много воды, чтобы ее хватило до конца лесного пути. При этом вода нужна была и для охлаждения моторов и бензиновых баков, которые могли взорваться от нагревания. Змеевики ежеминутно сообщали свои наблюдения. Они уже давно видели границу леса и давали направление. Граница была близка, но сплошное море огня — еще ближе. К счастью, ветер переменился. Дым и горячий воздух относил в сторону. Иначе все задохнулись бы прежде, чем пожрало бы их пламя.

— Я вижу просвет, — закричал Игнат своим громовым голосом.

Все встрепенулись, посмотрели вперед, но за дымом ничего не было видно. Однако Игнат не ошибся. Всего несколько рядов деревьев отделяло тайгу от границы леса.

Засыпаемые искрами, задыхающиеся, пленники огня продолжали бороться за свою жизнь, сбрасывая с палубы загоравшиеся сучья. Грицай с остатками воды в ведре обегал людей и окатывал их. От одежды поднимался пар.

Вдруг раздался с кормы крик Дудина:

— Трос. «Змей» зацепился за сук дерева. Стоп. Остановите машину.

Эти слова тотчас же были переданы капитану. Каждый пережил тяжелую секунду внутренней борьбы. Положение для всех было ясным: задержка «Тайги» хотя бы на несколько минут может стоить жизни всем. Спастись возможно, только пожертвовав «Змеем» и змеевиками. Позади на много километров бушевало огненное море. И «Змей» неминуемо упадет в огонь. Но допустить гибель товарищей... никогда. Всем спастись — или погибнуть всем.

— Стоп.

«Тайга» остановилась, как взнузданный конь. Дудин, облив себя остатками воды из ведра, дергал трос, пытаясь освободить его.

«Не задерживайтесь из-за нас. Спасайте вездеход и экипаж», — радировали змеевики.

Капитан только досадливо махнул рукой. Дудин продолжал то накручивать на лебедку, то отпускать трос. Но трос прочно зацепился за сук. Дерево

уже пылало внизу. Огни пламени, перебираясь с ветки на ветку, приближались к тросу. Трос разогреется, металл сделается мягче и порвется...

Все, забыв о личной безопасности, с волнением следили за работой Дудина. Фома, простучав тяжелыми сапогами по железной палубе, исчез в люке.

— Игнат, есть у тебя револьвер? — спросил Джим.

Игнат дрогнул от этого вопроса и с тревогой посмотрел на Джима. Неужели у него не выдержали нервы и он хочет покончить с собой? Но Джим, преодолевая волнение, улыбался. Игнат после короткого колебания передал револьвер Джиму. В ту же минуту из люка поднялся Фома с винтовкой в руках. Ему и Джиму пришла в голову одна и та же мысль. Они начали посылать в сук пулю за пулей. Сук надломился — трос был освобожден. Все вздохнули с облегчением.

А кругом «Тайги» бушевало пламя. Жар становился нестерпимым. Остаться далее на палубе было невозможно. Симаков отдал приказ всем спуститься во внутреннее помещение корабля. Но сам он решил оставаться на капитанском мостике.

— Живьем соришь, — возражал Игнат.

Симаков упорствовал.

— Я должен... — Симаков задохнулся от дыма, закашлялся и пошатнулся.

Игнат схватил его своими огромными ручищами, как ребенка, и понес к люку.

В кают-компании Симаков очнулся и вновь пытался выйти на палубу. Игнат сжал руку капитана и строго сказал:

— Сиди, «Тайга» движется вперед и сама выберется из пожара. Осталось каких-нибудь полкилометра.

Анна Фокина уронила голову на стол. Обморок... Джим бросился к ней на помощь. Но что он мог сделать? Поднял золотоволосую голову девушки, растерянно дул в лицо. Дубровина с белым, как у мертвеца, лицом шатаясь и цепляясь за горячие стены, побежала к аптечке за спиртом. Но возле двери сама упала.

— Однако дело — табак, — проговорил Фома, ни к кому не обращаясь.

— Алло. Вы живы? — телеграфировали змеевики. — «Тайга» находится у края леса. Осталось не более...

— Что такое? Почему он не договорил? — взволновался Симаков и закричал в телефонную трубку: — Тестов! Тестов! Алло! Гринев! Не отвечают. Неужели «Змей» оторвался? Я иду на палубу, — сказал Симаков решительно.

Игнат видел, что на этот раз отговаривать бесполезно.

— Погоди. Раньше батьки не лезь в пекло, — загудел Фома, расставляя перед Симаковым руки, — говорю, погоди, а не то стукну. Сиди. Я сейчас...

Фома, переваливаясь, как медведь, вышел и скоро вернулся с кожаным пальто, шлемом и темными очками.

— Вот, надень. Да водой облейся. Полведра я еще сберег. Симаков быстро оделся. Фома облил его с ног до головы.

— Теперь идем.

Игнат также последовал за ними.

С трудом взобрались по горячей железной лестнице до люка. Фома, надев кожаные рукавицы, открыл люк. Их обдало горячим багровым дымом. Фома быстро захлопнул люк.

— Крышка. Каюк, — сказал он. — Нельзя выходить. Все равно сторишь. — И он насильно свел Симакова с лестницы.

Шатаясь, дошли до кают-компания. Люди сидели и лежали на столах, там было не так жарко, как на накалившемся полу. Молчание, гул моторов, шум пожара...

— Однако как будто посвежело немного, — сказал Фома.

И в тот же момент раздался голос змеевика, несший весть о спасении.

— «Тайга» вышла из пожара. Живы ли вы? Мы живы. Холодный ветер быстро остуживал стенки «Тайги». Спасены.

8. «Змей» в болоте

«Тайга» остановилась. Все выходят на палубу, усыпанную пеплом и углями. Кое-где еще дымятся полуобгоревшие суки. Небо хмурое. Сеет дождь, как сквозь сито. Взоры поднимаются вверх. Там, где гордо реял «Змей», пустота. Кругом ночь. Молчание...

— Штурман, механики, по местам! Полный ход! — командует Симаков.

— Нельзя полный ход. Аккумуляторы истощились, — докладывает Дудин.

Симаков хмурится и отдает новую команду:

— Поднять трубу Дюбо и виндроторы.

— Есть поднять Дюбо и виндроторы, — отвечают Гришин и Дудин.

Через несколько минут «Тайга» медленно поворачивается и идет к пожарищу. Огнем проложена в лесу огромная брешь. По краям еще пылают, как факелы, одинокие деревья. «Тайга» движется устало, словно израненное чудовище. Ветер медленно вливает силы в истощенные аккумуляторы. А люди, как неумолимые муравьи, уже хлопчут, убирают палубу от мусора, золы, углей. Вот вспыхнул первый прожектор и залил голубым светом дорогу впереди.

— Симаков! Я лечу на разведку, — говорит Анна Фокина.

Капитан ласково улыбается. Он сам хотел предложить ей это, но пожалел ее.

— А силы не сдадут в полете? — спрашивает он заботливо.

— После такой бани просто необходимо проветриться.

— Товарищ Фокина, — говорит Джим, — можно и мне с вами лететь?

— Летите, — отвечает Симаков. — Я за тебя, Анна, буду спокойней. Его помощь может понадобиться.

Анна садится за руль, и, послушная ее движениям, изящная «Стрекоза» взмывает вверх и несется над пожарищем. Их обдает теплым воздухом. Доносится запах гари. Джим искоса поглядывает на Анну Фокину. Из-под шлема у нее выбивается золотистая прядь волос и трепещет на зарумянившейся щеке.

«Стрекоза» делает резкий вираж, кружится на месте. Джим заглядывает вниз и видит две вспыхивающие точки голубого света. «Стрекоза» садится на землю. К машине подбегают с карманными электрическими фонарями Тестов и Гринев. Фокина выбегает из кабины и обнимает молодых людей.

— Тестов! Гринев! Живы? — радостно восклицает она.

— Целехоньки.

— А «Змей»?

— И он в порядке. Упали за пожарищем, на болоте. Решили пешком до «Тайги» добраться.

— «Тайга» навстречу идет. А ты что, Тестов, прихрамываешь?

— Ушибся немного.

— Это не дело. Тебе трудно идти. Товарищ Джим! Уступите ему место. Я доставлю его на «Тайгу».

«Стрекоза» улетела.

Спотыкаясь, ежась от дождя и ветра, Джим бредет следом за Гриневым. Свет карманного фонаря освещает впереди обгорелые стволы деревьев, кочки, лужи...

Вдали вспыхнул прожектор «Тайги». Джим вздыхает с облегчением.

9. Лесной экзамен

Все собрались в кают-компании обедать.

Когда утолили первый голод, Симаков сказал:

— Ну, а теперь, товарищи, давайте подведем итоги.

— Оставь, Симаков, — прервал его Игнат. — Нашел время производственное совещание устраивать! Успеешь еще. После такой передряги отдохнуть надо, повеселиться. Вот Джим Джолли нам на гавайской гитаре сыграет. Он ее от самой Флориды таскает и даже в кровати не расстается с ней. Проснется, поиграет и снова уснет.

Джим принес гитару и заиграл, собрав вокруг себя всех обитателей вездехода.

— Ну, а мы с тобой, старик, сядем сюда в уголок и поговорим, если тебе так не терпится, — сказал Игнат. — Пожар показал много...

— Недостатков в конструкции «Тайги», — вставил «старик».

— Скажем, недоделок, — смягчил Игнат. — Первое — электропилка деревьев. Срезать дерево раскаленной добела металлической полосой, конечно, скорее, чем пилой. Но пожарная опасность велика. Ведь мы сами вызвали пожар вокруг «Тайги»...

— У нас не хватило огнегасительной пены.

— Это — не возражение. Вернее, это доказывает то же, о чем говорю и я. Сколько материалов для изготовления этой самой пены мы должны возить с собой, чтобы подпиливать и гасить деревья на протяжении сотен километров лесного пути!

Я думаю, что придется перейти к резке пилами, только усовершенствовать их, довести скорость резки до максимума. Второе. Что больше всего доставило хлопот во время пожара? То, что деревья, сучья, хвоя падали на палубу. Мы сами заготавливали костер на вездеходе. Если бы не было палубы, то, я думаю, вездеход можно было бы сделать таким действительно вездеходом, что он смог бы пробиваться и сквозь пламя.

— Ну, уж это ты перехватил, — сказал Дудин, прислушиваясь к разговору. — Мы изжарились бы внутри «Тайги».

— Ты так думаешь? — обратился к нему Игнат. — Тебе приходилось читать о построении межпланетного корабля? При вылете из земной атмосферы должно происходить такое огромное трение, что оболочка ракеты может расплавиться. И тем не менее люди собираются лететь на ракете, не зажариваясь при этом. Как предполагают они этого достигнуть? Внешнюю оболочку сделают из самого тугоплавкого металла, скажем, из хромовой или марганцовистой стали. Под этой оболочкой — изоляционные слои, асбестовые прокладки, затем внутренняя металлическая стенка и охладители из жидкого кислорода

или аммиака. Ракета герметически закрыта. Внутри — баллоны со сжатым или жидким кислородом, аппараты, поглощающие углекислоту. Если бы «Тайга» представляла собой такую межпланетную ракету, но двигающуюся на колесах, она могла бы совершенно спокойно идти сквозь пламя лесного пожара.

— Но ведь межпланетная ракета пролетает земную атмосферу всего в несколько секунд и попадает в температуру мирового холода, который быстро охлаждает ее, — сказал Гришин.

— Если бы ракета была плохо укрыта от внешнего жара, то и нескольких секунд было бы достаточно, чтобы испепелить и ее, и людей. Разве не сгорают в атмосфере метеориты? Огонь лесного пожара не даст такую высокую температуру. Все дело в металле.

— Больше всего хлопот нам доставила палуба. Хотя она и в уровень с лесом, а сильной воздушной тягой не только сучья, но и деревья на нее забрасывало. Палуба же необходима потому, что на ней установлены все ветросиловые двигатели. Эта труба и роторы очень громоздки. Они добывают энергию ветра, но на ходу, вероятно, создают большое сопротивление и этим самым тормозят движение.

— Все это совершенно верно, — ответил Симаков. — Лесной экзамен «Тайга», конечно, не выдержала. Это очевидно. Мы учтем опыт и подумаем, какие внести изменения. Но на снегу, а его нам ждать недолго, я думаю, наш вездеход так не оскандалится. И тут хороши именно пропеллеры. По легкой снежной дороге их вполне достаточно...

— Это еще тоже вопрос, друг мой! — возразил Игнат. — Аэросани — не пример. Сани легки, а «Тайга» со всем своим грузом весит, наверно, не меньше хорошего паровоза.

Беседу прервал Джим. Он запел негритянскую песню, в которой веселье, подавленная природная жизнерадостность и страстность его расы пробиваются сквозь тоску печальной исторической судьбы народа.

Это пение было так неожиданно, что даже Симаков забыл мысль, которую хотел высказать. Все сидели молча, как зачарованные.

Довольный произведенным эффектом, заглушая аплодисменты, Джим запел новую песню в таком зажигательном и стремительном темпе, что у слушателей заходили руки и ноги. Фокина первая не удержалась, сорвалась с места и начала танцевать, за нею — Камнева, Дудин, Гришин, Игнат, даже Дубровина. Фома, притопывая своей ножицей, хлопал руками по бедрам и бубнил басом:

— Ну и Джим! Вот так Джим! Это прямо... Джим!..

Поздно вечером, проходя по палубе, Игнат заметил Анну Фокину и Джима возле капитанской рубки.

— Не финики там растут, а фиги, хлопок, миндаль, виноград, лимоны, апельсины, гранаты, персики... — говорил Джим, очевидно, рассказывая о своей родине.

10. «Приехали!»

«Тайга» оставила крайнюю северную границу произрастания леса и шла по пустынной голой местности. Кое-где еще виднелись жалкие, словно обципаные ветром деревца, корявые, пригнувшиеся к земле березки, узловатые, кривые. Они почти стлались по земле. Почва пошла болотистая. В воздухе пахло кислым. Болотные газы вырывались из земли, пыхтели, чмокали, крякали, пузырили тинистую воду. Геологи сидели в своих рабочих кабинетах и обрабатывали материал: сортировали образцы ископаемых, пронумеровывали, раскладывали по ящикам, отмечали в журнале место нахождения, площадь залегания.

Камнева подводила итоги и составляла отчет. Изыскание полезных ископаемых среди сплошных массивов леса было новым делом. В наркомлесовские владения врывается геолог. Под охраной доселе недоступных лесов хранились огромные богатства самых различных полезных ископаемых.

Джим ходил возле лаборатории и не мог дождаться, когда Анна Фокина окончит свою работу. Он то вздыхал, то напевал песенку. В конце концов Фокина вышла в коридор, взяла его за руку и ввела в лабораторию.

— Я вижу, что вам скучно и вы болтаетесь без дела. Извольте засесть за работу. Вы поможете мне разбирать образцы. Но если только будете рассеяны — прогоню.

Джим старался так, что на его темном лбу выступили капельки пота.

Игнат ближе познакомился со штурманом Фомой Груздевым и узнал его биографию. Груздев тридцать лет провел в тайге. Он — охотник-следопыт — исколесил Сибирь от Урала до Камчатки и много повидал на своем веку. Был и на приисках, но там ему не понравилось.

— «Злато, злато! Сколько из-за тебя злато!» — любил он повторять, рассказывая об Алдане царских времен. — Народ там был поганый. На злате помешанный. Вот, к слову, был, а не выдумка. Отплывает на устье Куты приискатель. А у него жена да двое детей. Жена с детьми на берег пришла: «Возьми меня, — говорит, — с собой. Что мне с детьми одной делать?» А у приискателя только золото на уме. Послал жену подальше. Веслом лодку отпихнул. Песню запел. Жена одного ребенка в реку бросила и другим размахнулась. Другого успели отнять, а первый так и потонул. А приискатель — хоть бы что. Даже песню петь не бросил — уехал...

— Как же ты попал на «Тайгу»? — спросил Игнат.

— Знаю тайгу, вот и попал на «Тайгу». Тайга — она такая, что и карты не помогут. Сколько этих экспедиций видал я! Едут люди и с картами, и с компасами, а заедут в болото — и лошадей и себя погубят. Тайгу знать надо. Или вот на таком корабле ездить...

— Тебе нравится на «Тайге»? Не скучаешь по охоте?

— Бывает. Привык я бродить. И к «Тайге» привык. Люди хорошие. Как остановка — я ружьишко за плечи и пошел бродить. Провиант доставляю. И мне приятно, и все довольны.

Он посмотрел на горизонт и, тряхнув головой, пробурчал себе в усы:

— Пакостное место. Иди-ка, паря, к капитану да скажи ему, чтоб объехал он это болотце.

Игнат отправился к Симакову и передал ему совет Фомы.

— Мы должны испытать «Тайгу» во всяких условиях, — ответил Симаков.

— Твое дело, — проворчал Фома.

«Тайга» вошла в заболоченную низину, поросшую по краям осокой. Множество диких гусей снялось и с громким гоготаньем пролетело над «Тайгой».

«Тайга» двигалась все медленнее. День был хмурый, осенний, похожий на глубокие сумерки. Низкие тучи смешивались с туманом, поднимавшимся над землей. Пестрые краски осени тускнели. Преобладал серый и черный цвет.

Внутри «Тайги» зажглись уже огни. Из круглых иллюминаторов на лужи и засохшую траву падали лучи света, ползли по земле и вдруг, остановившись, осветили кочки, поросшие мхом, морошкой, голубикой...

— Приехали! — ухмыльнулся Фома.

Широкие, тяжелые колеса «Тайги» увязли в топкой тине. Симаков приказал перейти на гусеничный ход. Механизмы работали хорошо, замена произошла быстро.

— Полный ход!

«Тайга» двинулась, проползла несколько метров и снова остановилась.

— Задний ход! — крикнул Симаков в машинное отделение.

Корпус «Тайги» задрожал от напряжения, но «Тайга» по-прежнему стояла на месте.

— Прочно сели, — сказал Игнат. — Придется опять авралить.

— Да, — коротко ответил Симаков.

Зазвонил колокол. Весь экипаж поднялся на палубу. Симаков объяснил положение. Надо очистить грязь, набившуюся в ленты гусеничного хода и под корпус судна. Все вооружились лопатами и принялись за работу.

— Когда ледокол затирает льдом, никто не говорит, что ледоколы — негодная вещь и что поэтому надо признать себя побежденными стихией и отказаться от плавания в полярных морях, — сказал Симаков, работая с Игнатом.

Уже совсем стемнело, и пришлось зажечь прожекторы. От работы всем было жарко. К ночи подул с севера ветер, разогнал тучи. С ветром пришел холод. Лужи затянулись тонким льдом. Болотная тина твердела, как замешанный бетон.

— А что, если разложить костры и отогреть землю? — предложила Камнева.

Симаков оглянулся. Кругом ни кустика. Надо потратить немало времени, чтобы найти в этой пустыне дров для костров. Лес уже далеко. Да и не помогут костры...

В полночь измученные люди бросили лопаты. Решили отдохнуть и назавтра снова приняться за работу.

Утром подул южный ветер, потеплело, и лед растаял. Но «Тайга» по-прежнему стояла неподвижно.

Джим бросил лопату и побежал, прыгая с кочки на кочку, в сторону от «Тайги», на небольшую возвышенность. Он пробыл там некоторое время и затем вернулся возбужденный, улыбаясь.

— Олл-райт! Я придумал! — крикнул он еще издали. — Там, на пригорке, озерцо. Много воды. Надо взять шланги и перекачать воду сюда. Тина станет жидкой...

— И мы увязнем еще глубже, — добавил Игнат. — Эх ты, изобретатель!

Лицо Джима вытянулось. Но Симаков задумался.

— Тихий задний ход! — приказал Симаков Жукову, взобравшись на свой капитанский мостик.

Путешественники стояли на палубе и ожидали, что будет дальше. «Тайга» качнулась, медленно двинулась назад, приостановилась, еще раз двинулась, снова остановилась... В четверть часа вездеход прошел всего десяток метров. Но он явно вылезал из вязкой низины, приближаясь к более плотной почве. Лопастни колеса начали захватывать липкую грязь.

— Сменить лопасти на гусеницу!

— Не спеши смеяться над ним, — сказал он Игнату. — Ты еще не знаком с конструкцией «Тайги». Джим дает неплохой совет. Если здесь будет достаточно воды, она приподнимет корпус «Тайги». Мы пустим в ход ребристые колеса. Они будут играть роль и паровозных и сухопутных колес...

— Мы наберем целые тонны илу, — возразил Игнат.

— Посмотрим, — ответил Симаков.

Собрали и соединили пожарные шланги, но их всех не хватило до озерца. Пришлось прорыть небольшой канал. Наконец вода была пущена и начала быстро заполнять низину. Гусеничный ход был сменен на колесно-лопастный.

«Тайга» пошла еще быстрее и наконец вышла из топкого места. Задним ходом она двигалась еще некоторое время, затем повернула и начала обходить гиблую низину.

В тот же день змеевики заявили, что у них кончились продукты.

— Идем спускать «Змея», — предложил Дудин Игнату. Они прошли на корму. Дудин выключил ток, идущий по тросу со «Змея», и начал наматывать на электрическую лебедку этот тонкий стальной трос. «Змей» спускался все ниже и вырастал на глазах. Игнат отчетливо видел стоящих у перил площадки Тестова и Гринева. Они махали ему рукой и что-то кричали. Хвост «Змея» коснулся земли. Еще через несколько минут огромное сооружение плавно опустилось и стало на выдвижные подпорки. Игнат быстро сбежал по трапу и направился к «Змею». Змеевики шли уже к нему навстречу.

— Ну, показывайте ваше поднебесное жилище, — сказал он.

— И мне покажите, — отозвался за его спиной Джим.

«Змей» стоял на земле и легко покачивался. Взлезать пришлось по веревочному трапу.

— У вас тут внизу еще тепло, — сказал Тестов. Он был в меховой шубе, валенках, шапке, как и его товарищ.

— А у вас на высоте? — спросил Игнат.

— Злющий, холодный ветер.

Посередине огороженной площадки находился небольшой домик, отапливаемый и освещаемый электричеством. Холодный ветер превращался генератором в свет и в тепло. Шкаф для продуктов, столик, два стула и одна висючая койка, в которой спали змеевики по очереди. Электрические нагреватели, плитки, радиоприемник, небольшая радиостанция, телевизор. На столе ящичек с книгами и другой, поменьше, — аптечный. На открытой площадке метеорологические инструменты, анемометр, барограф, термометр.

— Боковые плоскости, пространства под полом и над потолком наполнены водородом, — объяснил Гринева. — Газ значительно облегчает, почти уравнивает вес «Змея». Для подъема, вернее, для того, чтобы запустить «Змея»,

требуется ветер силою в пять-шесть баллов. Подъем облегчается так называемым эффектом Магнуса: при боковом напоре ветра на вращающийся ротор получается разность воздушного давления — внизу больше, вверху ротора меньше, — и «Змей» идет вверх.

— А можно мне подняться на «Змее»? — спросил Игнат.

— И мне тоже, — не отставал Джим. Змеевики переглянулись.

— Одному из вас, пожалуй, можно. Но только это уж дня на три, пока не кончится запас продуктов. Кто из вас больше знаком с электротехникой?

— Я инженер-электротехник, как тебе известно, — сказал Игнат.

Он оделся потеплее и с нетерпением ожидал подъема. Перетащить заготовленный ящик с продуктами было недолго. Но пятибалльного ветра пришлось ожидать несколько часов. Наконец он задул. «Тайга» двинулась, трос натянулся, «Змей» несколько секунд постоял, словно в раздумье, и начал отделяться от земли. Выше, выше. Ледяной ветер обжигал щеки Игната. Бугаев плотнее надвинул на лоб шапку-ушанку.

11. Ночь на «Змее»

— Не так-то здесь приятно, как ты ожидал? — спросил с улыбкой Тестов. — А ведь это еще только цветики.

— Пустяки, — ответил Игнат. — Что я, ветра не видал?

Чем выше они поднимались, тем сильнее и холоднее становился ветер.

Надев меховые рукавицы, Игнат вооружился морским биноклем, но скоро оставил его: ложился туман, дали задернуло пеленой. Временами низко несущиеся облака окутывали «Змея», и тогда даже боковые плоскости на самом «Змее» виднелись лишь темными, расплывчатыми пятнами. На «Тайге» вспыхнули огни. Яркий сноп света, пробивая туман, освещал путь вездехода. Это зажгли прожектор на носу, над капитанской рубкой.

— На «Тайге» все сейчас сидят в теплой кают-компании и пьют горячий чай, — сказал Игнат почти с завистью. Руки его окоченели, несмотря на меховые перчатки.

— Ну, что же, и мы можем попить, — ответил Тестов. Они вошли в домик.

— Словно на плотках, — сказал Игнат.

Тестов зажег лампу и включил электрическую печь. Температура быстро начала подниматься. Затем, осмотрев динамо, Тестов соединил привод с вращающейся частью ветряка. Ветер начал производить электроэнергию.

— Теперь мы можем выключить аккумуляторы, — сказал он.

Появился электрический чайник, и в нем быстро закипела вода.

— Будем пить чай с музыкой, — продолжал Тестов как гостеприимный хозяин. Повозившись с наушниками около радиоаппаратов, Тестов выбрал номер повеселей. Игнат увидел на экране телевизора сцену. В Ленинградском театре шла опера. Музыка и пение наполнили домик, летающий на высоте 500 метров.

— Чего же тебе надо? И тепло, и светло, и чай есть, и музыка играет, — сказал Тестов. Некоторое время они сидели молча и пили чай. Игнат любил попить, но Тестов поглядывал на него искоса всякий раз, когда тот наливал новую чашку. Наконец не вытерпел и сказал: — У нас тут, брат, паек. Смотри, чтобы воды на три дня хватило.

— Ты бы так и сказал. Я уж четвертую пью.

Игнат отодвинул от себя чашку и вытер со лба пот.

После чая музыка умолкла, экран погас. Тестов объяснил Игнату, что он должен делать, за чем следить в свое дежурство.

Бугаев подошел к библиотечному ящичку и посмотрел на корешки книг.

— Старье. Все читал. Отстали вы тут, — сказал он с видом столичного жителя.

— Ну что ж, возьми книгу из телебиблиотеки, — ответил Тестов.

— У вас тут и телебиблиотека есть? — удивился Игнат.

— Ну еще бы! Вот, видишь? Игнат вызвал по радио Ленинскую библиотеку в Москве, выбрал книгу и уселся за стол, положив перед собой металлический белоснежный лист, похожий на бристольский картон, потянул из стены шарнир, на котором был укреплен черный ящик с объективом внизу, и включил аппарат, погасив лампу. На белом поле четко отразилась в немного увеличенном виде обложка последнего журнала. Тонкий провод, оканчивавшийся кнопкой, спускался от ящика на стол. От времени до времени Игнат нажимал кнопку, и страницы журнала переворачивались.

Гудел мотор. Ветер. В подвесной кровати уже посвистывал носом Тестов. Игнат читал до полуночи, наконец нажал кнопку три раза подряд. Световая книга исчезла. Он зевнул и потянулся. Положил рыжую голову на стол и вздремнул, но тотчас же проснулся. Спать нельзя: ведь он на вахте! Ему захотелось освежиться. Тихо оделся, вышел на площадку. Ветер и колючие снежные иглы обожгли лицо. «Эге, — подумал Игнат, — кажется, разыгрывается снежная буря. Зима настает».

Огней иллюминатора на «Тайге» не было видно. Даже сильный свет прожектора как будто потускнел, расплылся. «Завтра «Тайга» станет на лыжи и пойдет быстрее...»

Игнат вернулся в домик. Порыв ветра из раскрытой двери долетел до Тестова, тот заворчал и закрылся одеялом, съехавшим с плеч. Чтобы не беспокоить его, Игнат надел наушники и начал витать по эфиру. Он побывал в Москве, Тбилиси, Ташкенте, Париже, Нью-Йорке, Мадриде, Осло. Слушал музыку, смотрел на экране телевизора спектакли, боксерские состязания, скачку верблюдов, полуголых людей, летящих, стоя на доске, по высоким волнам прибоя под горячими лучами тропического солнца... А спать все-таки хочется. Он снял наушники и снова опустил голову на стол...

— Вахтенный! Заснул? — услышал он голос Тестова.

— И не думал, — ответил Игнат, моргая рыжими ресницами. — Только вздремнул маленько, — рассмеялся он.

— То-то, вздремнул, — тоном упрека продолжал Тестов. — Хорошо, что у нас все предусмотрено. — Тестов посмотрел на ленту самопишущих приборов и подошел к радиотелефону. — Алло, «Тайга»! Да. «Змей». Какая у вас сила ветра? Шесть баллов? А у нас девять и до десяти. Дежурьте у лебедки. Если ветер усилится, придется спустить «Змея».

— Признаться, я сам виноват, не объяснил тебе всего, — сказал Тестов, обращаясь к Игнату. — Но кто мог ожидать такого ветра! Следить за генератором не так уж важно. Если что и приключится с ним, автоматическая сигнализация сейчас же доложит об этом. Да я и сам всегда просыпаюсь, даже не в свое дежурство, если только начинаются перебои. А вот за напором ветра следить надо. Трос может выдержать напряжение при силе ветра, не превышаю-

щей десяти баллов... А ветер сейчас доходит уже до десяти. Если трос оборвется, мы кувырком полетим на землю. Хорошо еще, что на «Змее» установлен автомат, который начинает действовать, когда сила ветра переваливает за девять баллов. Сигнал передается и вниз, на «Тайгу».

«Змей» бросало из стороны в сторону. Были моменты, когда люди с «Тайги» уже начинали наматывать трос, но к утру ветер унялся, утихла и снежная буря. Тучи умчались, стоял легкий мороз. Осеннее солнце долго не показывалось над горизонтом. Игнат смотрел в бинокль. Озеро Таймыр покрылось льдом.

— В одну ночь! То-то север! И земля бела, — сказал Игнат, наблюдая побелевшую тайгу. Стало светлее и словно еще просторнее.

Земля замерзла, и «Тайга» быстро подвигалась вперед. Вездеход изменил своему северо-восточному направлению и шел почти прямо на север. Первые лучи солнца осветили блестящую поверхность речки. «Тайга» быстро направилась к ней, спускаясь к воде по отлогому берегу.

Ломая тонкий лед, «Тайга» вошла в реку и, медленно покачиваясь, поплыла.

— Молодец Симаков! — воскликнул Игнат.

«Тайга» шла по течению, выискивая место для переправы. Но противоположный берег был очень крутой.

— Это уже хуже, — рассуждал Игнат. — Вездеход все-таки — не вездеход. На крутой берег подняться не может. Тут, пожалуй, и я ничего не придумаю. Нельзя же изобрести танк, который бы лазал по стенам.

Это путешествие продолжалось весь день. И только к вечеру невдалеке от впадения притока в Таймыр «Тайга» вышла на другой берег, значительно отклонившись от курса. Теперь, направляясь к мысу Челюскин, приходилось идти на северо-восток.

Вновь пошел снег.

«Тайга» сменила колеса на лыжи и быстро шла на север, гудя всеми пропеллерами. Труба и роторы были уложены, чтобы уменьшить сопротивление.

— А «Змей» должен сильно тормозить. Теперь хоть отрежь его.

— Идем на аккумуляторах, — сказал Тестов. — Тебе повезло. Надоело, верно, летать на «Змее»? «Змея» тоже скоро уложим. Вон лебедка уже заработала.

— Куда же его уложить, этакую громадину?

— Он у нас складной. На палубу и уложим, — ответил Тестов.

— А аккумуляторы истощатся, что тогда?

— Мы остановимся у станции подземной газификации. До нее хватит. А пока там стоять будем, опять заработают все ветряки и запасут новые «консервы» электричества. Их хватит до самого Челюскина. Вот когда прокатимся с шиком!

«Змей» снижался, Игнат уже без бинокля хорошо видел Джима и махал ему своей шапкой-ушанкой.

12. Тоска по родине

«Тайга» скользила на лыжах по снегу со скоростью пятнадцати километров в час.

— Неплохая скорость для такой махины, — говорил Игнат. — Все-таки ты молодец, Симаков.

Капитан повеселел. Стоя на своем капитанском мостике, он говорил Игнату:

— В этих широтах санная дорога стоит по крайней мере восемь месяцев в году. Если бы «Тайга» была приспособлена только для зимы, она и в этом случае оправдала бы себя. Ведь только благодаря ей теперь можно производить изыскания и полярной зимой. Насколько это ускоряет наше освоение Арктики!

* * *

Приближающаяся полярная ночь скверно влияла на Джима. Его организм слишком привык к солнцу, его зрение — к яркому освещению. Игнат заметил, что Джим видит хуже его, и предполагал, что у Джима вообще плохое зрение, пока не понял, что глаза у Джима еще не приспособились к скудному освещению севера.

Игнат прошел к каюте Джима и еще в коридоре услышал ноющие звуки гавайской гитары, с которой Джим не расставался. Из этого инструмента, как будто приспособленного для жалобных стенаний, веселый Джолли еще недавно извлекал брызжущие весельем трели и рулады. Но теперь гитара печально роняла вибрирующие звуки, словно оплакивая умирающее солнце.

— Грустишь? — спросил Игнат, входя в каюту. Джим печально улыбнулся и продолжал молча терзать струны своими ловкими черными пальцами. — О чем или о ком? — продолжал Игнат свой допрос. Джим не отвечал. — О солнце плачешь? — продолжал Игнат. — Скудная страна? Негодный климат? Дикая, безлюдная, слепая, мертвая пустыня? Белый саван снега?.. Где зеленая травка? Где розовые, красные, лиловые цветы? Дайте мне весеннюю ветку миндаля с розовыми цветами! И чтобы на ней сидела райская птичка и пела веселые песни. Ти-ти-ли! Ти-ти-ли! И чтобы бананы падали в рот, а зеленые попугаи кричали: «Да здравствует солнце!» И обезьяны качались на хвостах, — начал Игнат декламировать под музыку. — Об этом поешь? Об этом плачешь? Жаль, я не поэт. Жаль, что с нами нет Степана Асаткина. Он сочинил бы такие банановые стансы под твою музыку, и вы распевали бы их вместе. Тебе надо познакомиться с ним.

А только вот что, дружище... — И Игнат подсел к Джиму, положил ему руку на плечо. — Ты приехал в эти мрачные полярные места из своей Флориды, которая купается в солнце, не зная зимы и снега. Ведь снега там нет? Почему ты приехал сюда? Потому, что солнца там много, а людей еще больше. Тут солнца нет, но зато места для людей хоть отбавляй.

— Свободного места еще в солнечных странах много, — ответил Джим.

— Так ведь там мы тоже не сидим сложа руки. Пустыни в поля, в сады переделываем. Доберемся и до других мировых пустынь. Но нельзя же и о таком кусочке не подумать, как наш Север. Ведь тут богатства непочатый край.

Джим рванул струны. Послышался дикий аккорд.

— Попробуй уговорить нашего штурмана Фому уехать с тобой отсюда в

твою Флориду. Ни за какие бананы не поедет. Но я не о том. Человек ко всему привыкает. А вот нам надо так устроить жизнь, чтобы и приезжий человек вроде тебя не скучал, не томился по солнцу...

— Вы не можете приказать солнцу, чтобы оно светило здесь, как в тропиках, — сказал Джим.

— А мы и не будем приказывать ему. Мы сами смастерим здесь и свет, и тепло, и солнце, и тропики. И даже бананы тебе вырастим в оранжереях, если ты без них жить не можешь. Подумай, стоит ли за это дело взяться? Победить тьму, холод, льды. Раздвинуть вширь нашу планету, которая становится тесновата.

— Мечты, — меланхолично отозвался Джим.

Игнат даже кулаком по столу стукнул.

— А электрификация такой страны, как бывшая «Расея», — не мечты? А Днепрогэсы — не мечты? Переделка пустынь в сады — не мечты? Наши солнечные, ветросиловые установки — не мечты? И ты своими руками мог ощупать эти мечты. А этот «Змей» — не мечта? А «Тайга», на которой мы с комфортом путешествуем, — не мечта? И, наконец, новые люди — это не мечта? Друг мой, ты еще не вошел во вкус этой увлекательной работы: мечтать, чтобы тотчас превращать мечту в действительность. Вот как войдешь в эту работу, так у тебя просто не останется времени на меланхолию. Мечты!.. — все еще волновался Игнат. — Вот, подожди, приедем в Челюскин, посмотрим на «Ледяной город». Ты увидишь еще одну мечту, которую можно ощупать руками, мечту, созданную людьми. «Даешь солнце» — говоришь? Дадим тебе солнце. И если не выполню обещания — можешь ехать в свою Флориду и назвать меня обманщиком.

— Во Флориду я не вернусь. Но я тогда поеду в Узбекистан.

— Можешь поехать и в наше Закавказье. Там найдешь настоящую Флориду. Апельсины, лимоны, корица, гвоздика, ваниль, ананасы, какао. Чего твоя тропическая душа пожелает. Но я уверяю тебя, что ты и в «Ледяном городе» найдешь солнце. И даже будешь есть апельсины. Если не доморощенные, так привозные.

Джим не отвечал, только начал быстрее перебирать струны.

— Комрайд Джолли! Товарищ Джим! — послышался вдруг звонкий голос Анны Фокиной.

Джим весь вострепнулся, просиял, отбросил на койку гитару и выбежал в коридор.

Игнат посмотрел ему вслед и пробормотал, как врач, ставящий диагноз:

— Ностальгия — тоска по родине, — осложненная, кажется, острым сердечным заболеванием.

И, усмехнувшись, прибавил:

— А я ему лекции по экономике и социологии читал...

13. Город, не отмеченный на карте

Снова холодный ветер, снежная буря, зги не видать. Как это не похоже на мечты Игната о тепле, солнце и бананах!

Прожектор погашен. Горят только фары, повешенные ниже пропеллеров и освещающие лишь небольшое пространство впереди вездехода. «Тайга» идет медленно. Капитан стоит на мостике и вглядывается в тьму. Игнат замечает вдали светящийся огонек. Он то гаснет, то появляется вновь. Свет белый, похожий на электрический. До Челюскина еще не так близко. По крайней мере сутки пути.

Световая точка начинает расплываться в светящуюся туманность.

— Что за огонь? — спрашивает Игнат капитана.

— По моим расчетам, это должен быть рабочий городок, где производится газификация угля, — ответил Симаков.

Светящаяся туманность при приближении к ней распалась на отдельные точки. Они растягивались длинной цепочкой дуговых фонарей. Странно было видеть эту линию огней среди безжизненной, мертвой снежной пустыни. Отблески света ложились голубоватыми пятнами на белый атлас тайги. Между огнями вездехода, пересекая путь, быстро двигалось какое-то животное.

— Смотри: собака! — с удивлением воскликнул Игнат.

— Не собака, а полярный волк, — послышался басок подошедшего сзади Груздева.

— Здесь водятся волки?

— Не только волки. Если есть волки, то должна быть и волчья снесь. Мясо. Сюда дикий олень заходит. И песцы водятся. И куропатки. Про белых медведей и говорить нечего. На побережье их империя была.

— А ты и тут, Фома, охотился? На медведей?

— Где я не охотился и на какого зверя не охотился! — ответил Фома. — И на медведя, и на тигра.

— Сколько же тигров убил?

— Сколько тебе и зайцев не убить. Пятьдесят без одного тигров убил. Из бердана. Один на один. Осьмнадцать живьем словил артелью — четверо нас в артели было.

Подошел Джим. Игнат перевел ему рассказ Фомы о его охотничьих подвигах.

— Здесь водятся тигры? — спросил Джим, показывая рукой на тайгу.

Фома усмехнулся:

— На Уссури водятся.

— Как же вы ловили их?

— Сетями веревочными. А то и просто в одеяло.

Игнат перевел ответ. Джим засмеялся, но Фома с обидой прикрикнул на него:

— Правду говорю! Это теперь люди начали хитрые ловушки строить. Енотов ловил и стрелял. А на Чукотке белых медведей перебил — не перечсть. Только запуган теперь зверь. Другая жизнь начинается, не звериная.

— Да, эти огни охраняют новые рабочие поселки от зверья, — сказал Симаков. — А знаешь, сколько жиру тратили на отопление и освещение своих жилищ жители одной только Чукотки? Больше четырех тысяч тонн в год. Им

стали доставлять керосин, а теперь появляется и электрический свет.

— А шкуры? — продолжал Фома. — Из шкур жители дома строили. Прямо сказать, золотые дома. Тигр — полосатое золото. Шкуры белого медведя, тюленя, моржа, оленя — то же золото. А зря пропадало. Был я в прошлом году на мысе Сердце-Камень. Был на Ходырке-реке, Вилуйского района. Там теперь пункты снабжения. Большой привоз товаров. И пищу, и доски, и прочие строительные материалы везут. На шкуры меняют. Да вы сами увидите, как теперь туземцы начали жить. Совсем другая жизнь пошла.

За линией огней уже отчетливо виднелись стандартные двухэтажные деревянные дома. Их окна были ярко освещены. Игнат рассмеялся.

— Чего ты? — опросил Симаков.

— Беда теперь географам. Чуть не каждый день переделывай карты и учебники географии.

— Да, теперь, чтобы знать географию СССР, надо непрерывно пополнять свои знания. Кто отстал, тот заблудится в СССР.

— А труб не видно на крышах. И дыма не видать.

— Электрическое отопление.

— Не слишком ли дорогое удовольствие? — спросил Игнат.

— Не слишком, — ответил Симаков. — Однако нам пора «причаливать».

«Тайга» остановилась, снова зазвонили колокола. Все вышли на палубу и принялись за работу. Трубы, роторы были подняты, «Змей» запущен.

Ветер начал вырабатывать энергию, заряжать аккумуляторы.

— Ведь здесь есть электрическая станция. Не проще ли на станции зарядить аккумуляторы? — спросил Джим.

— Не надо терять ни одного ватта энергии, если можно обойтись без этих потерь. Ведь каждый электрон поступает у нас в «общий котел». В этом вся экономическая суть кустования и единой сети, — поучительно сказал Игнат.

В городе уже заметили прибытие «Тайги». Несколько человек в меховых одеждах спешили к вездеходу.

— Ну, как дела? Не сгорели? — спросил молодой человек, подходя к Симакову и хлопая меховой перчаткой по его перчатке. Это был председатель городского совета Шаров.

— А ты уж знаешь? — спросил капитан.

— Ваш радист сообщил нам.

— Это, наверно, Гребенщиков успел, — с некоторым неудовольствием заметил Симаков. Он готовил сюрприз к Октябрьским праздникам и не хотел, чтобы о «Тайге» узнали раньше времени.

— Я излучил направленную волну только сюда и на Челюскин, — сказал смущенный Гребенщиков. — Положение было слишком серьезным, и я на всякий случай сговаривался о помощи. Я полагал, что автожиры типа «Стрекозы» могли бы нас вынести из пламени.

— Никто тебя об этом не просил. Нарушение дисциплины...

— Будет вам ссориться, едем в нашу гостиницу. Отдохнете — расскажете. А вы у нас не замерзли, товарищ? — обратился Шаров к Джиму. — Отогреем, отогреем!

Джим улыбнулся, сверкнув зубами, как клавишами открывшегося рояля. Его все еще удивляла эта «большая семья». С кем бы они ни встречались, всюду были, словно старые знакомые, с которыми только вчера расстались. Об-

щие интересы, общий язык, товарищеское обращение.

— Меня зовут Шаров. А вас? Джим? Ну, идем. Морозец совсем легонький, двадцать два градуса. Покажу вам наш городок и производство. Как он называется? Еще без названия. Как-то все некогда было об этом подумать, — со смехом ответил Шаров на вопрос Игната. — Сами мы в шутку называем его Медвежанск. Может быть, так и останется это название. А почему Медвежанск? Потому что когда мы сюда приехали с первой партией и расположились еще в походных палатках, то припожаловали к нам медведи. Да сколько! Десятка два. Мы думали, что нам тут и конец пришел. Однако они не трогали нас. Только ходили вокруг на почтительном расстоянии, воздух нюхали, между собой о чем-то разговаривали.

— Ну, конец-то не нам, а их царству пришел, — отозвался другой молодой человек, приплясывавший на снегу. — Мы тоже сюда не с голыми руками приехали. У нас пулемет был. Иван, пулеметчик, как затрещал, так сразу дюжину медведей уложил, остальные разбежались. Сала у нас сколько было! Шкуры эти висят в горсовете как знамя Медвежанска.

У всех прибывших поднялось настроение. Огни, веселые молодые голоса, смех, шутки действовали возбуждающе. В одних этих огнях и бодром смехе чувствовалась победа над стихией, гордая радость человека, покорившего мертвую пустыню. Экспансивный Джим начал уже напевать, позабыв на время о своем флоридском солнце, а Игнат заявил, что он нисколько не устал и хочет прежде всего осмотреть производство, а затем и город. Остальные поддерживали его желание.

— Идем на станцию, если так, — сказал Шаров. На пути к ним присоединилось еще несколько человек. Все они были молоды. Веселой гурьбой обступили приезжих. Забавно изображали «диких туземцев» и исполняли национальный танец «медведь». Так с танцами и довели до места. Вошли в небольшой каменный дом.

Здесь было тепло и светло. Внутреннее помещение занято цилиндрическими резервуарами, соединенными трубами. Возле машин работало несколько человек в синих спецовках. Джим присматривался к ним и не мог различить, кто здесь рабочий, кто инженер. Вначале он подумал, что главный инженер — высокий старый коренастый человек в очках, но он оказался простым рабочим. А главный инженер — миловидный юноша, и этот юноша назвал себя... товарищем Глебовой.

Инженер Глебова была немного простужена и, давая объяснения, говорила хрипловатым контральто, но Джим даже не вслушивался в эти объяснения, потому что плохо понимал.

Покончив со станцией, они вошли в небольшой кирпичный дом. В первой комнате находился только пульт управления, во второй — кабина лифта. И больше ничего. Глебова снова начала объяснять. На вопросительный взгляд Джима Игнат коротко ответил:

— Мы осматриваем новую установку, которая превращает энергию угля непосредственно в электрический ток.

Джим сделал вид, что понял, и кивнул головой. Глебова показала пальцем вниз и сказала:

— Под вашими ногами находится батарея гигантских элементов.

— Ну, показывайте нам их скорее! — воскликнул Игнат.

Глебова предложила снять меховые одежды.

— Лифт, к сожалению, может вместить только четырех человек, включая лифтера, — сказала она. Игнат попросил в первую очередь спустить его вместе с Джимом.

Лифтер повернул рычаг, и кабина начала быстро опускаться.

— Выходите!

Перед ними была просторная галерея, в которой стояли огромные резервуары высотой с дом, похожие на мартеновские печи. Стены и своды галереи были скреплены железобетоном. Яркие лампы освещали эту галерею. В конце ее виднелась вторая, за нею третья... целый подземный город, уходящий вдаль своими широкими и высокими «улицами» с «домами»-резервуарами. У одной стены находился застекленный кабинет. В нем за письменным столом работал человек, отпивая чай из стакана. «Под землей в Арктике, а как будто у себя в квартире», — удивился Джим.

— Мой помощник, инженер Степанов, — сказала Глебова.

На звук голосов он обернулся, кивнул головой и продолжал работать. Свет ламп отражался на каменных плитах. Воздух чистый, теплый и... полное безлюдье. Шаги гулко отдавались под сводами высокой галереи. Глебова шла впереди и на ходу рассказывала:

— Для наблюдения за этой гигантской батареей элементов у нас всего три инженера.

— Эх, жаль, Джим, ты еще мало понимаешь в этом, — обратился Игнат к Джолли. — Я вижу, тебя не волнует необычайный элемент под землей. Если бы был со мной друг Степан Асаткин, в нем заговорил бы поэт: «Далеко за Полярным кругом, на глубине сотни метров лежал никому не нужный, бесполезный уголь. Пришли люди — и этот уголь стал теплом, светом, пищей, одеждой, культурой, радостью...»

День закончился «пиршеством». Шаров угостил путешественников вкусным и разнообразным обедом, удивив Джима свежей зеленью и лесной земляникой.

— Плоды наших заполярных электрооранжерей, — сказал Шаров. — Зелень, овощи на Севере — первейшая вещь. Вы, наверно, давно не ели зелени? У вас на «Тайге» никто не болел цингой?

— С тех пор как витамины начали изготавливать химическим путем, цинга уходит в область преданий, — ответил Симаков. — Но, разумеется, свежая зелень не в пример приятнее порошков.

— А вот и апельсины. Это еще не полярные, к сожалению, — на аэропланах и дирижаблях привозят, — сказал Шаров. — Но дайте срок, быть может, и до местных доживем. Вот, посмотрите, что там, на Челюскине, делается.

Джим с удовольствием уничтожил апельсины. Гостеприимный предгорсовета наделил ими гостей на дорогу. Ночевать они решили в «Тайге». Дудин и Гришин ушли до окончания обеда: поднялся буран, пришлось убирать трубу и «Змея».

Ветер бушевал всю ночь. Когда Игнат проснулся и вышел на палубу, он увидел, что «Тайга» занесена снегом почти до нижних иллюминаторов.

— Пожалуй, придется откапывать, — сказал он Симакову, который уже стоял на своем капитанском мостике.

— Выберемся, — уверенно ответил тот. Он отдал приказ, и пропеллеры за-

работали. Но «Тайга» засела основательно. Пришлось поставить вместо полозьев гусеничный ход. Дело пошло скорее. Вездеход выбрался из сугроба и вновь стал на лыжи.

— Поехали!

14. Беспокойная ночь

Было только четвертый час пополудни, но на темно-синем с зеленоватым оттенком полярном небе уже горели звезды. Полярная ночь. Ровный ледяной ветер дул прямо в лицо. С сухим шипением, как песок пустыни, переносился с места на место мелкий снег. Ветер, играя снежной пылью, поднимал ее до палубы и бросал в лицо, колот тончайшими кристаллическими иглами.

Полярная ночь не была такой темной, как ожидал Джим. Звезды, усеявшие все небо, тускло освещали белый снег. На небе висел месяц. Холод, казалось, заморозил и небо, и месяц, и звезды и сделал их ледяными, хрустальными. Так они были прозрачны и... холодны. Да, даже звезды казались Джиму разноцветными, прозрачными холодными льдинками. Прямо впереди, на севере, небо светилось у горизонта ровным голубым заревом. Высоко над ним вспыхивали и гасли полосы бледно-голубого света

— словно жители планет переговариваются световыми сигналами, — сказал Игнат.

Джим в первый раз видел северное сияние. И хотя оно было не слишком эффектным, Джолли с любопытством наблюдал эту немую игру небесных огней. Он начинал понимать красоту Севера.

— Странно, — продолжал Игнат, — над горизонтом свет остается постоянным — не усиливается, не выбрасывает лучей. Можно подумать, что это — не северное сияние, а далекие огни города.

Симаков усмехнулся.

— Так оно и есть, — ответил он. — Мы подъезжаем к Челюскину.

— Надо предупредить о нашем приезде, — воскликнул Игнат и отправился в радиорубку. Он вызвал Челюскин и просил передать Степану Асаткину и Леониду Меркулову: «Пусть выходят встречать».

Но они не вышли, а выехали. Скоро Игнат увидел быстро приближающийся свет фар. Степан и Леонид прикатили на аэросанях. С ними был лопарь, которого Степан представил Игнату и Джиму:

— Андрей Иванович Лелькин. Главный инженер самой северной электростанции в мире. Пересаживайтесь к нам в аэросани. Скорее докатим.

И через несколько минут Джим и Игнат уже мчались к Челюскину, оживленно разговаривая.

Челюскин постепенно открывался перед ними. Фонари — их было гораздо больше, чем на станции подземной газификации, деревянные избушки, каменные дома, склады лесных материалов, сараи, кирпичи, камни, лебедки, краны, гусеничные тракторы...

Джим был заинтересован:

— Так это и есть «Ледяной город»?

— Это еще эмбрион — зародыш города, — сказал Степан.

— Уже становится похоже на ледяной город, — воскликнул Игнат, указывая на ледяные столбы, служащие опорами для проводов. — Ловко придумано!

— Мы здесь широко используем «местный строительный материал», — ска-

зал Степан. — А лед — великолепный материал: всегда под рукой, прочный, дешевый, податливый. Сюда нелегко доставлять лес. И мы пользуемся льдом везде, где только можно. Это все наш метеоролог Верховский придумывает. Вы познакомьтесь с ним. «Дед Мороз». Интересный старик. Поглядите на эти ледяные кубы.

— Ледяной дом? — спросил Игнат.

— Ледяной тепляк, — пояснил Асаткин. — Строить на таком морозе — нелегкая штука. Рукавицы мешают, без рукавиц, того и гляди, отморозишь руки. Теперь мы почти все работы производим в тепляках. Возводим над постройкой легкий футляр из тонкой фанеры или даже картона и обливаем водой. Получается ледяной тепляк с любой толщиной стен. Он великолепно сохраняет тепло. Отопление — электрическое или газовое.

— Но что будет со всеми этими тепляками и ледяными столбами, когда настанет лето?

— Летом тепляки не нужны, а столбы пусть тают. Это временная проводка для освещения строек. Работа будет закончена прежде, чем придет тепло.

— Мы тебе и Джиму уже приготовили домишко. Гостиницы для приезжающих у нас еще нет. Замерз, Джим? — спросил Пелькин Джима, как старого друга.

— Холодно, — ответил Джим.

— А что, Пелькин, бросил ли бы ты свой Север ради знойной Флориды? — спросил Игнат.

— Конечно, нет, — ответил лопарь.

— Вот, видишь, Джим. Андрей Иванович говорит, что лучшие места на земном шаре начинаются только за Полярным кругом. — Все рассмеялись.

— Мы согреем тебя, — утешил Асаткин. — Вот и избушка. Это всего только сторожка...

— От кого же здесь приходится сторожить? — с удивлением спросил Джим.

— От белых медведей главным образом. Несмотря на огни, эти любопытные животные нередко посещают нас. Недосмотри — заберутся в наши холодильники.

— Да, по части хранения продуктов на Севере куда лучше, чем во Флориде. Мясо не портится, — сказал Игнат.

Все вошли в небольшую избушку. Стены пахли свежей лиственницей. Электрическое освещение уже проведено, но электропечь еще не установлена. В углу на кирпичях стоит небольшая железная печь. Возле нее груда щепы и обрезков.

Пелькин быстро растопил печь, поставил чайник. Меркулов принес из аэросаней чемоданы с хлебом, консервами, оленьей колбасой. Друзья решили не идти в столовую, а обедать здесь же, чтобы поговорить и «вспомнить старину».

Меркулов и Асаткин были «кочевыми строителями». Они исколесили весь СССР от края до края. Их пути с Игнатом то расходились, то вновь скрещивались. Это была встреча после нескольких лет разлуки.

Джим с интересом прислушивался к жизни «людей без оседлости». Он хорошо знал «бродячую Америку». Но там люди слонялись из края в край в поисках работы. Их преследовали как бродяг, арестовывали, сажали в тюрьму. Эти бездомные считались почти вне закона. Родина для них была не родиной,

а страной, населенной враждебными племенами в полицейской форме. Безработные чувствовали себя почти так же, как первые пионеры-англичане среди девственной природы и враждебно настроенного индейского населения.

А эти Асаткин и Меркулов! Они не бездомны. Они только живут в большом-большом доме, где одна «комната» называется Средняя Азия, другая Дальний Восток, третья... да всех комнат и не перечесть.

Человеческий голос радиочасов сообщал время каждые четверть часа. Друзья не заметили, как пришла полночь. Пелькин, Асаткин и Меркулов начали прощаться.

— Не забудьте выключить радиочасы, иначе этот глашатай ночью будет беспокоить вас. Поставьте вот эту стрелку на шесть утра. Не рано? И в шесть вы будете разбужены, — сказал, уходя, Пелькин. — Спокойной ночи.

Они ушли. Игнат устало потягивался, а Джим сидел у печки и всё подкладывал дрова. Печь накалилась.

— Неужели тебе еще холодно? — спросил Игнат, раздеваясь.

— К утру выдует, — ответил Джим. — Дом недавно сложен.

Наконец они выключили радиочасы, погасили свет и улеглись. Игнат тотчас захрапел. Джиму не спалось. То ли мешали рулады, которые выводил носом Игнат, то ли вспоминалась родина. Там сейчас день. Сияет яркое, горячее солнце. И на улицах так же тепло, даже еще теплее, чем в этой избушке... А здесь за стенами, пахнущими смолой, завывает ветер, поднимая снежные вихри. Кругом на тысячу километров ледяная пустыня. Волки, медведи... Вспомнилась Анна Фокина. Увидит ли он ее завтра? Джиму стало грустно. Жаль, гавайская гитара в чемодане. Поиграл бы на ней, совсем тихонько, чтобы не разбудить Игната. Впрочем, его, пожалуй, и пушечными выстрелами не разбудишь... Нет, он, Джим, не останется здесь. Уедет в Узбекистан, в Закавказье. Там больше солнца, больше похоже на родину.

Под полом, у печки, послышался треск. Сырое подсыхает. Снова треск и чьи-то тяжелые вздохи. Игнат вздыхает? Нет, он храпит ровно, ритмически. Сильный треск, шипенье, как в водопроводном кране, когда нет воды, свист, чмоканье... И вдруг Джим почувствовал, что кровать под ним шатается. Или он видит сон? Джим ущипнул себя за щеку. Нет, он не спит. Треск не прекращается. Джим начинает беспокоиться. Он спускает ноги на пол и чувствует во тьме, что половица, на которую он ступил, стоит ребром. В образовавшуюся щель несет ледяным холодом. Надо скорее зажечь огонь. Джим идет по полу, спотыкается, падает. Ноги леденеют. Где этот проклятый выключатель? Джим зажег свет. В тот же момент раздался грохот. Доски пола приподнимались, поворачивались, из-под них начала выступать вода. Джим разбудил Игната. Тот спросонья не мог понять, в чем дело.

— Скорей! Скорей вставай! — торопил его Джим. Избушка быстро наполнилась водой. Еще один выстрел. Стена покоробилась, между бревнами образовалась щель. В эту щель со свистом начал входить морозный воздух. Вода поднималась, замерзала, лед с треском ломался, из щели выпирали потоки воды и тотчас замерзали. На глазах удивленных Джима и Игната избушка превращалась в ледник.

Они начали быстро одеваться. Лед уже на полметра наполнил избушку. Он выдавил дверь, которая с треском распахнулась, и теперь в избушке стало так же холодно, как и на дворе.

Едва два друга выбежали на улицу, как произошло новое извержение. На их глазах вся избушка наполнилась льдом доверху. Лед выдавил окна, вышел наружу. С грохотом оружейных выстрелов он разрывал дерево, камень, все, куда попадала вода и где она замерзала.

Изумленные Джим и Игнат стояли и смотрели на это необычайное зрелище. Лед набил избушку до потолка, выширал из окон и двери, спускался до земли. Наконец все затихло. Свет соседнего фонаря освещал полуразрушенную сторожку.

— Ноги не замочили? Идите скорее в мою сторожку греться и сушиться. Не то без ног останетесь. Разотрите ноги снегом, снимите сапоги! — командовал неведомо откуда появившийся сторож — чукча или якут. Джим, да и сам Игнат еще не могли различить его. Сторож заставил разуть ноги и натереть снегом. Только когда ноги стали красными, как лапы гуся, сторож отвел Джима и Игната в свою избушку, стоявшую по соседству.

— Что случилось? — спросил Джим.

Игнат уже понял и объяснил ему:

— Это все «шутки» вечной мерзлоты. Ты не знаешь, что такое вечная мерзлота? Слой мерзлой почвы, не оттаивающий летом. Местами здесь даже в тридцатиградусную летнюю жару солнце нагревает почву только на полтора метра. А ниже лежит слой промерзшей почвы и льда. Он не оттаивает никогда. Хотя, конечно, мерзлота на самом деле не вечна. Возможно, что ко-гда-то в этих широтах был более теплый климат и мерзлоты не было. Так же возможно, что климат со временем потеплеет и мерзлота исчезнет. Но теперь с ней немало приходится возиться. Она мешает земледелию, хотя небольшая мерзлота и не препятствует произрастанию некоторых растений. Но особенно много хлопот мерзлота доставляет строителям. Фундаменты, стены зданий трескаются, иногда все здание разрушается. Большинство, например, железнодорожных зданий, лежащих на трассе Великого сибирского пути, построено в полосе вечной мерзлоты. И ремонт этих зданий, разрушаемых мерзлотой, обходится, если не ошибаюсь, миллионов в пять в год.

— Но почему же это происходит?

— Очень просто, — ответил Игнат. — Нашу избушку или сторожку построили на мерзлой почве. Неприятное свойство мерзлоты — ее водонепроницаемость. Отсюда и проистекают все каверзы, которые причиняет мерзлота строителям. Грунтовые воды зажаты в сравнительно тонком слое грунта. Сверху — смерзающаяся зимой почва, а снизу — слой мерзлоты. Этот слой летом дает пльвуны и оползни. Зимой — еще хуже. По мере того, как зимние морозы все больше, все ниже промораживают верхний слой почвы, грунтовые воды, находящиеся между этим верхним слоем и нижним, мерзлотным, сжимаются сильнее. Происходит огромный напор — до двух тысяч килограммов на квадратный сантиметр. Вода прорывает верхний мерзлый слой в наиболее тонком или слабом месте. А слабое место — наиболее отепленное. Ты накалил печь, почва под полом прогрелась, грунтовые воды прорвались, наполнили дом доверху, и дом превратился в сплошной кусок льда. Мне рассказывали о таком анекдотическом случае на Якутско-Амурской магистрали, когда отопителем оказалась поставленная осенью вверх дном бочка. Наступили морозы, почва вокруг бочки начала промерзать довольно сильно. А под бочкой сохранился еще сравнительно теплый воздух, и там промерзание шло медленнее.

Получилась разность давления. Грунтовые воды прорвались и наполнили бочку снизу. Иногда эти воды образуют огромные бугры пучения, высотой до десяти метров и шириною метров в пятьдесят. Мерзлота — наш враг, с которым мы ведем упорную борьбу.

Игнат и Джим высушили чулки, меховые сапоги. Игнат посмотрел в окно. Сторож, по-видимому, сообщил уже о происшествии. Возле обледеневшей сторожки стояло несколько человек. Старик в очках, одетый в большую доху до пят, возился с фотографическим аппаратом. Рядом стояла женщина, также в дохе. Туземцы размахивали рукавицами и о чем-то говорили.

— Пойдем, посмотрим, что они там делают.

— Что, неудачно выспались? — спросил Пелькин, подходя к ним. — Это у нас бывает. Видно, очень вы натопили.

Фотограф, оказавшийся метеорологом Верховским, ворчал: аппарат отказывался работать.

— Затвор не действует на холоде, — говорил он. — Придется подогреть. — Кто-то сбегал за щепками и разложил костер. Верховский, держа аппарат над пламенем, приготовился. Женщина в дохе нажала карманный фонарик. Вспыхнул ослепительный свет необычайной силы.

— Вера! — вскрикнул Бугаев.

— Игнат!

Яркая вспышка магния ослепила Джима. Он услышал, как закрипел снег под ногами Игната.

— Почему ты не сообщил о своем приезде? — спросила Вера.

Джим понял, что девушка, явившаяся им в ослепительной вспышке магния, и была «снежная королева» — инженер Вера Колосова.

15. Дед Мороз

— Вот это уж настоящий ледяной город, — воскликнул Игнат. Джим с удивлением смотрел на невиданное зрелище. На берегу замерзшего моря стоял целый городок куполообразных ледяных домов. Освещенные ярким электрическим светом, они имели необычайный вид, словно дома фантастического города неведомой планеты. Ледяные дома-куполы не имели окон. Несколько ступенек, высеченных из огромных кирпичей льда, вели к низкой и узкой двери. Между домами бродили люди в меховых одеждах и бегали собаки. При виде незнакомых людей лайки залаяли, но тотчас замахали хвостами.

— Где здесь дом Верховского? — спросил Игнат встречного эскимоса.

— Деда Мороза? — улыбнулся эскимос и указал на ледяной купол, ничем не отличавшийся от других.

Джим и Игнат подошли к двери. Она была завешена изнутри оленьими шкурами.

— Электрического звонка нет, — сказал Игнат, оглядывая дверь. — Стучать в ледяную стену — не услышат. Приходится входить без доклада. — И он попытался приподнять шкуру. Но она была плотно прикреплена.

— Сейчас я открою, — послышался голос Верховского. Край шкуры приподнялся. Наклонившись, Игнат и Джим вошли в жилище. Их встретил хозяин, метеоролог Верховский. Посмотрев на его большую седую бороду, Игнат усмехнулся и сказал:

— Вас тут Дедом Морозом зовут. Это за вашу седую бороду?

— И не только за бороду, — ответил старый ученый, похожий на игрушечного елочного деда-мороза. — С морозом я тут борюсь и эксплуатирую его на потребу человека. Садитесь, гостями будете, расскажу.

На нем была фуфайка, кожаные штаны и пимы. Гости огляделись. Внутренность ледяного дома была столь же оригинальна, как и его внешний вид.

—словно под куполом обсерватории находишься, — заметил Игнат.

— Это модернизированное «иглу» — эскимосское жилище, — сказал Дед Мороз, — по-современному оборудованное.

Современное оборудование заключалось в электрическом освещении, электрической печке, плите. На деревянном полу стоял обеденный стол с тремя стульями. У входной двери — «кухня». Вдоль сводчатых стен тянулся стол-кольцо, имеющий разрыв только у двери, для прохода внутрь помещения. На столе — книги, метеорологические приборы, груды бумаг, журналов. Над этим бесконечным столом имелся железный прут, по которому можно передвигать электрическую лампочку в любое место.

— А электрическая кухня у вас зачем? Разве вы не в общественной столовой обедаете?

— Иногда заработаешься, не хочется идти, готовлю дома, — ответил метеоролог. — Вот отдушина вентиляции, видите? И светло, и тепло, и воздух хороший.

И Верховский рассказал историю ледяного города.

— Я приехал сюда с первой партией строителей. Приходилось жить в палатках. Это было летом. Нас доставил сюда ледакол. Днем в палатках было даже жарко, ночью холодновато. Но и летом иногда снежок выпадал. Следом за

нами должен был прибыть пароход с продовольствием и лесным строительным материалом. Но его затерло. Наш ледокол пошел на выручку. Он пробивался сквозь тяжелые льды очень медленно. А зима была на носу. Надо было что-нибудь предпринять, чтобы не оказаться в палатках к зимним морозам. Но что тут предпримешь? Полоса лесов лежит далеко на юге. У нас было несколько грузовиков, пилы, топоры. Подсчитали — не успеть вырубить, вывезти, построить. Пока думали-гадали, стукнул мороз. Замерзло побережье, замерзли реки. Вот мне и пришла в голову мысль: надо строить дома из льда. — Верховский махнул рукой на потолок. — Как будто нехитрая штука, а сложить такой дом не так-то просто. Я засадил наших архитекторов — Верочку Колосову и ее помощников — за чертежи и расчеты. Надо было точно вычертить фигуру каждого ледяного «кирпича», из которого потом можно было бы складывать эти сводчатые дома.

Для них это была задача вроде той, которую разрешил знаменитый итальянский архитектор Брунеллески, когда он проектировал купол флорентийского «дуомо» — собора. Но, однако, ничего — справились наши Брунеллески. Правду сказать, первые иглу вышли такие, что эскимосы, наверно, смеялись бы. Хорошо, что материал уж больно податливый. Там обрубил, там водицей зальешь, морозцем прихватит — что твой бетон. Замечательный материал. А тут, на наше счастье, и эскимосы забрели. И что вы думаете? Вот это строители! Делали из снега дома на собственный аршин — ладонь да рукавицу. Один эскимос форму кирпичей на снегу вырезает, другой из этих кирпичей снежный дом строит. Растет дом прямо на глазах. Верите ли, за полчаса по дому делали. Внутри скребком поскребут, выровняют — и готово. Лежанку снежную соорудят, на нее шкур набросают. Дверь ледяной глыбой закрывается. Зажгут три-четыре лампы на тюленьем жиру — тепло станет так, что раздетым можно ходить. Весной, когда свод подтаивать начинает, дыры-проталины новыми снежными кирпичами затыкают.

Так мы выстроили первые ледяные поселения и эту зиму прожили настоящими эскимосами. Мука, сухари у нас были.

Но мяса, жиров не хватало. И тут нам эскимосы и чукчи помогли охотиться на зверя. Ружья у нас были. Мясом, жиром себя обеспечили. Жиром и освещались, жиром и отоплялись, жиром и питались.

Цингой, правда, несколько человек заболело у нас без привычки к такой пище. Сообщили об этом по радио. Нам на аэропланах витаминные препараты доставили. И все больные скоро на ноги встали.

Но все же эта первая зима была тяжелая.

Летом привезли строительные материалы. Доставлять их сюда нелегко. Тут я и подумал: почему бы нам вообще не использовать местный строительный материал — лед — где только можно? Поговорил с нашими инженерами, обсудили это дело и развили настоящую ледяную индустрию. Столбы-опоры для временной проводки электричества видали? Ледяные. Дома эти — иглу — ледяные. Тепляки на стройках и некоторых работах — ледяные... Об этих тепляках надо отдельно сказать. Сейчас чай приготавливаю.

— Тоже ледяной?

— Горячий.

— Нам не холодно, — сказал Игнат. — Вот даже наш тропический Джим и тот, кажется, не мерзнет. Ты не замерз, Джим?

— Не замерз, а горячего чаю попою, — ответил Джим, поеживаясь.

— Но скажите, пожалуйста, — задал вопрос Игнат, — от внутреннего тепла, от вашей электрокухни разве не подтаивают ледяные стены?

— Конечно, немного подтаивают, но сущие пустяки. Если на сантиметра два в месяц станут, что это значит при толщине стены в метр? А если бы и больше таяли, не велика беда. Облейте сверху водой, новый слой льда нарастет. Только и дела, что к весне ваша ледяная избушка во внутренней кубатуре выиграет — просторней станет. Так я хотел рассказать о тепляках.

— Простите, перебиваю вас, — сказал Джим. — Вот мерзлота выселила нас из деревянной сторожки и разрушила ее. А здесь не может такого случиться?

— О мерзлоте будет особый разговор? Пока скажу только одно: избушка строилась на мерзлом грунте, а иглу строится на ледяном фундаменте. Лед — плохой проводник тепла. Он не дает разогреваться почве и пучиться. Так о тепляках.

С чем тут, на Крайнем Севере, нам пришлось больше всего бороться? С холодом и мраком. Ну, от мрака мы только первую зиму страдали. Летом установили ветряки, которые нам дали первую энергию, а с нею и свет. Потом заработала станция подземной газификации, а дальше не за горами и температурная станция — наша главная цель. Теперь света у нас достаточно. А с холодом пришлось повозиться. Нельзя же вести строительство на Крайнем Севере только в короткое полярное лето. Этак и в двести лет всего, что мы затеяли, не выстроишь. Надо было во что бы то ни стало разрешить вопрос о круглогодичном строительном сезоне. Дело как будто и не такое уж страшное. В меховой одежде тепло. Но в ней трудно работать на открытом воздухе. Главное же — руки. В меховых рукавицах неудобно. Это уже не работа — медвежьими лапами. Ну, многие наши рабочие, особенно из пришлых, и снимали рукавицы: в работе, мол, руки не замерзнут. По своей родной зиме, по своим морозам мерили. А тут как прихватит, гладишь — руки и отморожены. — Верховский вздохнул. — Несколько человек так по неосторожности рук лишились. Гангрена — и отрезай пальцы, а то и всю кисть. Конечно, деревянные тепляки мы сразу строить начали. Но дерева не хватало. Тут опять о льде вспомнили. Легонький дощатый или фанерный тепляк водой окатишь — и готово. Тепла не пропускает. А потом и целиком изо льда строить научились. «Завод ледяного литья» открыли. Из тонких листов железа форм понаделали. Водой формы нальешь, на мороз выставишь — готово. Замерзло. Потом в теплое помещение их внесешь, чтобы стенки маленько оттаяли, и вынимай свободно. Вот тебе ледяной столб с пазами. Вот тебе ледяная доска любого размера и толщины. Ледяную доску в паз ледяного столба запустишь, водой прильешь — и спаялось без малейшей щели. Но с водой без привычки тоже истории выходили. Вода на морозе — что огонь. Одному рабочему голые руки облили, они сразу в ледяные слитки обратились. Пришлось осторожно оттаивать. Другого случайно из шланга теплой водой облили. Он в ледяную статую превратился. Хорошо, что лицо не залили. Говорит, даже смеется, ему еще теплей под шкурами стало, а ни рукой, ни ногой двинуть не может. И к земле примерз. Пришлось вырубить его из ледяного пьедестала, в тепляк отнести и там оттаивать.

Понемногу овладели и ледяным производством. За тепляками склады для провианта начали делать. Летом гусей, уток набьем; белых медведей — круглый год стреляй. И в ледяные склады. На ледяных столбах ледяные полки, ле-

дяная крыша, ледяные заборы... С этими заборами курьез у нас вышел. Строили мы их выше роста человека и толщиной в четверть метра. Не должен медведь перелезть (склады наши на окраине стоят). А продукты пропадать начали. Видно, медведи хозяйничали. И освещение электрическое не спасало, даже электротрещотки не помогали. Начали мы следить. И что же вы думаете? Подкапывались медведи. И дышат, и лижут, и скребут когтями лед и в конце концов лаз проделают. Пришлось тогда ледяные стены толще делать и со скатом. Пару медведей подстрелили на месте преступления. Тогда кончилось их мародерство. Все-таки и сейчас еще забредают пришлые медведи, ходят вокруг складов. А здешние нас уж знают. Близо не показываются. Вроде границы теперь у нас: мы их видим, они — нас, а границу они не переходят.

После складов взялись мы за постройку ледяных дорог для аэросаней. Красота! Полтора ста километров в час летишь. Стрелую.

— Снегом путь не замечает?

— Да ведь в этих широтах вообще осадков мало. Полотно ледяной дороги несколько приподнято, чтобы снег ветром сдувало. Нет, не мешает снег.

— А мосты?

— Ого! И мосты ледяные. Непременно прокатитесь. Ну, вот. За ледяной индустрией пришла ледяная скульптура. Верочка Колосова оказалась настоящим скульптором. В свободное время она начала из льда бюсты высекать. Медведя белого сделала. Красота. А я ей мысль подал — сделать металлическую форму. Нашли глины, вылепила она большие бюсты Ленина и Сталина, отлили составную чугунную форму, чтоб не разорвало, и начали из льда бюсты фабриковать. Теперь эти бюсты в каждом полярном селении, в каждом оленеводческом колхозе, в каждом заповеднике.

Замечателен и ледяной парк культуры и отдыха.

— Парк? — недоверчиво спросил Игнат.

— Парк, — подтвердил Верховский. — И когда только ребята успели соорудить все это?! Забавно. Ледяные фантастические деревья. Ледяные башни. Внутри — ход наверх, а по поверхности конуса, сверху вниз, винтом, спиралью, — ледяная дорожка для санок. Ледяные американские горки, да какие! Съедешь вниз — а там еще несколько километров с разгона мчишься. Катки с катапультами для конькобежцев. Катапульти, конечно, не ледяные. Дворец чудес. Право, настоящий дворец, в три этажа, с залами внутри и затейливыми башенками снаружи! И в каждом зале — причудливые вещи, сделанные из льда. И статуи, и звери, и даже леса. Мебель ледяная, на стенах барельефы. Электричеством освещается, вечером войдешь — красота. Волшебство. Сказка из «Тысячи и одной ночи». Чудо, которое не найдешь и не создашь в теплых странах.

Подумайте, ведь это только вода, замерзшая вода. Вот что делает мороз!

Нет, что ни говорите, мороз — это замечательная штука. Как это у Пушкина?..

*...могучая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов...*

Или у Некрасова: «Мороз-воевода дозором обходит владения свои». Что и

говорить — воевода. С ним не шути. Но если умело за него взяться, то и он из воеводы в нашего слугу обернется. Вот построим свою температурную станцию и мороз в свет, в тепло, в работу превратим.

— И весь ваш ледяной город с весной растает, как Снегурочка, — сказал Игнат.

— Растает, — тяжело вздохнул Верховский, словно он и в самом деле был Дедом Морозом, оплакивающим гибель своего царства! — Растает. Как подумаешь об этом — тоска возьмет. Верите ли, у меня начинает под ложечкой сосать, когда солнце на лето поворачивает и из-за горизонта показывается. Нет, право, жалко. Тут это короткое лето ни к чему. Мало от него радости.

— А может, и не растает! — вдруг крикнул он и насмешливо посмотрел на Игната.

— Читали ли вы о таком проекте: устроить среди Атлантического океана искусственный остров-аэропорт изо льда? В теплом климате, в теплом море! Лед там пришлось бы делать искусственный — холодильниками, сохраняя его под термоизоляцией... А замораживание почвы при крупных земляных работах? Тут, в конечном счете, только энергия нужна. Скоро мы будем богаты ею, и тогда, я думаю, мы сохраним на круглый год многие наши ледяные сооружения.

— Вам бы на Южный полюс перебраться. Там лед и летом не тает.

— Доберемся и до Южного, дайте срок. Там, наверно, для нас еще такие богатства под ледяным покровом припрятаны, о которых мы и воображать не смеем.

Вот и чай готов, а вот и свежая медвежатина. Отличный кусок. Убили мы этого медведя в прошлом году, а смотрите, какое свежее мясо.

— Но ведь летом ваши холодильники тают, — удивился Игнат.

— А мы, голубчик, в них храним только такой запас провизии, который нам нужен на зиму. К тому времени, как начинает теплеть, и склады пустеют. А все прочие запасы мы храним в вечной мерзлоте. Там мясо хоть тысячу лет свежим пролежит. Слыхали про найденного в вечной мерзлоте мамонта? Мясо его так хорошо сохранилось, что волки и собаки его ели. Говорят, и ученый какой-то попробовал мамонтичины. Вот и мерзлота на что-нибудь пригодилась, хотя она и доставляет много неприятностей нашей Верочке.

— А много ее, этой мерзлоты? — спросил Джим.

— Много ли? Пожалуй, Флорид с сотню влезет. Южная граница мерзлоты идет от Мезени через Березов на Туруханск, выходит за пределы СССР, появляется вновь у Благовещенска, поворачивает на юг, огибает малый Хинган, ползет к южным частям Охотского моря...

— Почему же такая изломанная граница?

— От разных причин зависит: от толщины снежного покрова, от почвы, влажности, от высоты над уровнем моря.

Шкуры у дверей зашевелились.

— Кого-то еще принесло. — Старик открыл меховую дверь. — А-а-а, Верочка. А мы только что о твоём смертельном враге говорили.

— О каком враге? — спросила Колосова. Ее щеки от мороза горели. Иней на шапочке и меховом воротнике быстро превращался в блестящие капельки.

— Ну, какой же у тебя враг? Конечно, не человек. Все человеки нашу Верочку любят. Мерзлота — вот твой враг.

— Ах, да. Это верно. — Девушка вздохнула.

— Что, опять? — спросил Верховский.

— Опять, — печально ответила девушка.

— Ну, что же делать. Враг силен, как говорится, но мы победим его, Верочка. Садись с нами, попей, расскажи.

Девушка махнула рукой.

— Не до чая мне. Я хотела бы, чтобы вы посмотрели, Верховский... когда кончите чай пить, — добавила она, поглядев на Игната, с аппетитом уплетавшего копченую медвежатину и запивавшего куски горячим чаем.

— Мы сейчас. Мы уже кончаем, — сказал Игнат, быстро прожевывая кусок. — Мы тоже пойдем.

Все быстро оделись и вышли на мороз.

16. Прекрасное видение

Игнат и Джим перебрались в гостиницу. В номере было еще два человека — представитель Союзкинорадио, приехавший устраивать звуковое телекино, и этнограф «с лингвистическим уклоном», как он сам себя отрекомендовал. Он приехал изучать северные народы и выискивал корневую связь их языков с языками Северной Америки. Он был убежден, что американские индейцы пришли в Америку из Азии через перешеек, который существовал когда-то на месте Берингова пролива. Этнограф приехал из Вотяцкого края, где он изучал вотяков.

Джиму было неинтересно слушать рассказы этнографа о вотяках. Его больше интересовал кинотехник Костин, веселый, сильно сутуловатый калека (левая нога у него была короче правой). От постоянного движения вдоль костыля на большом и указательном пальцах Костина были мозоли.

Однажды, когда за стенами гостиницы бушевала полярная вьюга, Костин предложил Джиму, Игнату и этнографу посмотреть картину.

Костин погасил электрическую лампу под потолком, включил ток в аппарат и в полутьме начал колдовать.

Зрители увидели бескрайные ледяные поля Северного Ледовитого океана, то гладкие, как поверхность замерзшего озера, то с хаотически нагроможденными глыбами льда. Панорама двигалась, и Джим ясно представил себе, что он летит на аэроплане и под ним проходят мертвые, снежные пространства, освещенные сумеречным светом. Вот поднимаются изъезженные солнцем, теплыми ветрами и дождями ледяные горы — айсберги — с нависшими арками, наполовину обрушившимися ледяными мостами, пещерами — и снова беспредельная гладь... Вот поднимаются обледенелые, заснеженные скалистые ребра какого-то острова. Белый медведь оглядывается, поворачивает голову вверх, кажется, смотрит прямо на Джима и, вероятно, испуганный шумом аэроплановых моторов, спешит укрыться в прибрежных торосах.

Остров уплывает назад — и снова пустыня, снежная равнина без конца и края.

Но вот она начала как будто поворачиваться по кругу. Или это аэроплан спиралью поднимается вверх? Горизонт расширяется, приподнимается. Видны отчетливо контуры прибрежных заливов, бухт, мысов, островов. Игнат узнает и называет их.

И вдруг все это мертвое пространство ожило. От губы к губе, от бухты к бух-

те, от залива к заливу, от Большой Земли к островам по белому фону снега задвигалось множество темных палочек, подобных палочкам Коха, как их изображают в курсах бактериологии. Это, конечно, уже мультипликация, наложенная на киноснимки с натуры.

— Если бы вы могли видеть сквозь лед, вы увидели бы такую картину, — послышался голос невидимого диктора. — Это подводные лодки, которые осуществляют связь между отдельными пунктами побережья, полярными станциями, зимовками, островами... А вот большая палочка отделилась от наших берегов и, пересекая Северный полюс, идет к берегам Америки. То движется большой пассажирский подводный корабль, совершающий рейсы подо льдом между СССР и Северной Америкой...

Джим был ошеломлен. Как? Эти неутомонные люди забираются даже под лед холодных арктических морей? И там жизнь, движение, работа? Джим уже привык к тому, что в дикой тайге и даже в мертвой тундре человека встретить легче, чем можно было бы ожидать. Но подо льдом! Нет, это невероятно! Конечно, подводная лодка может проплыть некоторое пространство подо льдом. Джим помнит попытки Вилкинса.

Но ведь его, Джима, хотят уверить, что здесь существует регулярное, оживленное подводное и подледное движение...

— Подводные лодки перевозят почту, витаминозные продукты, медикаменты, меха, радиоаппаратуру, — продолжает диктор. — У нас нет теперь зимовщиков, отрезанных от мира на восемь-десять месяцев в году. В случае необходимости каждый зимовщик может быть перевезен в Москву, Ленинград и заменен другим зимовщиком.

— Видели? Слышали? — спрашивает Костин. — Ну то-то! А если не все верят тому, что подводная связь действительно существует, можете полюбоваться видом подводных лодок снаружи и изнутри.

И на экране появились изображения подводных лодок, по внешнему виду мало чем отличающихся от обычных, военных.

— Никогда я не согласился бы работать в подводной лодке, в холодной воде, подо льдом! — сказал Джим.

— Да там ведь тепло! — рассмеялся Игнат. — Смотри, вон термометр двадцать три градуса показывает.

— А все-таки жутко, — поддержал Джима этнограф. — Как подумаешь, что кругом ледяная вода, а над головой, может быть, пятиметровый лед, так тебя и при тридцати градусах тепла мороз продерет!

— Привычка, — возразил Игнат.

— Правильно! — отозвался Костин. — Вот не хотите ли побеседовать с самими моряками подводного плавания? Я сейчас установлю двухстороннюю связь со своим старым приятелем, капитаном подлодки «У-246», и его командой.

Он повозился, попрыгал, и померкнувший экран вновь ожил.

На экране появился человек средних лет с подстриженными усами и веселыми прищуренными глазами. На нем была форма Военно-морского флота.

— Костин! Ты звал меня?

— Товарищу Ершову, капитану подлодки «У-246», почтение! — ответил кинемеханик в микрофон. — Мои сожители по номеру интересуются подводной связью. Будь добр, расскажи, как оно и что.

— Рассказать можно, а только вертеться перед телевизорным аппаратом я не люблю. Полюбовались — и довольно! Выключаюсь.

Экран погас, и в тот же момент послышался голос Ершова:

— Вот теперь побеседуем. Ну, что же вам рассказать? Как мы овладели подледным транспортом? Не сразу, конечно. Были и неудачи, но о них скажу позже. Факт тот, что овладели; а овладели потому, что мы люди упорные.

— Прости, пожалуйста, — послышался из-за аппарата голос Костина. — Ты где сейчас находишься, Ершов?

— Где? Где же мне находиться? Не на печке, конечно. В подлодке, как всегда.

— Под водой?

— Под водой.

— Подо льдом?

— Под двухметровым сплошным льдом.

— И ничего?

— Не ничего, а отлично. У нас тепло, светло, уютно. Чистый воздух. Механизмы работают, как хронометр. Точно по расписанию будем на месте.

— Ну то-то! — сказал Костин. — А то у нас тут есть такие ребята, которые считают, что хуже подлодки на земле и места нет.

— Да они, наверно, никогда не бывали в современной подлодке? Поплавали бы со мной, иное сказали бы! — горячо воскликнул Ершов. — Ведь у нас есть настоящие подводные корабли с большим тоннажем и просторными пассажирскими каютами. Мы засняли переброску нескольких тысяч рабочих, инженеров, техников вместе с материалами и громоздкими деталями машин. Посмотрите, как у нас все это организовано.

Зрители снова увидели картины на телевизоре.

Перед ними была большая бухта чистой воды, защищенная от натиска дрейфующих льдов мощной дамбой. На берегу — дугообразная пристань, уставленная многочисленными кранами. Возле пристани стояли в ряд, как гигантские веретена, подводные корабли. Над водой поднимались только черные лоснящиеся спины этих новых, чудовищно больших обитателей воды. На пристани стояли люди в теплых меховых костюмах. Они похлопывали мохнатыми рукавицами, притоптывали ногами. Видно было, что стоит злющий мороз. Но мокрые спины подводных гигантов не обледеневали. От них даже шел пар, как от лошадей, пробежавших на морозе много километров. Наружная поверхность подводных кораблей нагревалась электричеством. Наверху корпусов подводных кораблей виднелись открытые люки. Шла погрузка. Огромные стрелы кранов высоко пролетали над головами стоящих на берегу людей, захватывали грузы в ящиках, подавали их в трюмы кораблей.

Джим приехал из страны высокоразвитой техники. Он видал сооружения крупных океанских портов, но то, что он увидел сейчас на экране, поразило его. Конструкции, принципы погрузочных механизмов были как будто те же. Удивляло другое: темпы и слаженность работы. Краны двигались бесшумно и с такой быстротой, что кружилась голова, глядя на них. Это была какая-то вереница быстро вращающихся каруселей. Какая мощь! Какая победа над трением, тяжестью!

Джим ахнул, когда увидел, как промчался в карусели огромный десятиколесный паровоз, и не успел он скрыться в недрах трюма, как за ним последо-

вали другие, такие же тяжелые и громоздкие машины. Краны стояли на таком расстоянии один от другого, что концы их стрел могли бы на ходу задеть друг друга, если бы не часовая точность механизмов, вращающих стрелы в одном направлении.

Не прошло и нескольких минут, как все грузы были поглощены подводными чудовищами.

Раздался мелодичный звук, краны мгновенно остановились, вытянув свои стрелы в направлении порта. Через несколько секунд началась посадка людей.

Следя за ними, зрители как будто также совершили посадку и бегло осмотрели внутренность многоэтажного подводного корабля. Здесь было все, что бывает на больших океанских пароходах: и прекрасные каюты, и бассейны для плавания, и площадки для игр, и библиотека, и зрительные залы. Но много было и особенностей в машинах и аппаратах: лаборатории для переработки морской воды в кислород; кондиционные установки для создания искусственного климата; мощные машины для взрывов и плавки плавучих льдов; склады подводных костюмов для больших глубин с запасом кислорода, питьевой воды, еды и двигателями, позволяющими водолазам плавать быстро в любом направлении по горизонтали и вертикали. Даже аппараты и приборы для геологических исследований на дне моря.

И в способах погрузки, и в устройстве подводных кораблей было так много «поэзии» техники, что все были восхищены.

Подводный корабль шел с огромной скоростью... Новый порт, какие-то горы, покрытые снегом, город, завод... Молодой румяный рабочий всходит на платформу вокзала — один из многих тысяч людей, переброшенных с неслыханной быстротой вместе с машинами, материалами за тысячи километров подо льдами.

Зрители невольно глубоко вздохнули, окончив просмотр этого изумительного, волнующего фильма. Ершов, дав зрителям прийти в себя, продолжал:

— Мы не собирались, как некоторые другие, с места в карьер пересечь весь Северный Ледовитый океан. Мы начали с каботажного плавания. Первые подлодки могли проходить без подъема на поверхность лишь небольшие пространства. Мы долго и тщательно изучали дно полярных морей, льды, подводные течения. Приспосабливали подлодки для подледного плавания и совершенствовали их. У нас были сверла, которыми можно буровать лед, и трубки для получения наружного воздуха, и хорошие взрывчатые вещества. Увеличивалась и прочность корпуса на сжатие, совершенствовались аккумуляторы, радиосвязь, радиолоты, предупреждающие о препятствиях на пути. На «станции» нас ожидала всегда готовая прорубь — гидропорт. Вот как это дело осторожно осваивалось. И наладили так, что теперь риска никакого. Радиус действия все расширяется. И вот уже первые большие пассажирские подледные корабли пересекли океан от европейских к американским берегам.

— А происшествия все-таки были? И неудачи? — спросил Костин.

— Человек и ходить-то не научится без того, чтобы не падать, — ответил Ершов. — Были и неудачи, были и происшествия. В подлодке все несчастные происшествия сводятся к тому, что всплыть почему-либо нельзя и экипаж рискует задохнуться. Был и с нами такой случай, когда я на «Окуне» плавал — так звали нашу подлодку. Попал этот «Окунь» в ледяную ловушку. Был свире-

пый шторм. Волнение такое, что наш «Окунь» даже на порядочной глубине плясал, как стеклянный чертик в баночке. Пришлось опуститься еще ниже. Запас кислорода у нас был еще часов на шестьдесят, но все же положение было серьезное. Подняться на поверхность — нечего и думать: винты моментально поломались бы в диком хаосе трущихся, ломающихся, перемеживающихся льдин. Но сколько часов, суток еще продлится шторм?..

Мы медленно двигались вперед, к полярной станции — цели нашего плавания. И вдруг — стоп! Толчок, от которого мы все попадали. Кое-как осмотрелись, видим: мы находимся в ледяной пещере. Быть может, мы сбились с курса и вошли в пещеру, которая образовалась в спускавшемся в воду леднике какого-нибудь острова; а может быть, она находилась и в айсберге; а может быть, это просто было нагромождение льда на мелководье. Как бы то ни было, из пещеры надо выбираться. Она была такого размера, что развернуться подлодка не могла. Пришлось осторожно идти задним ходом. Через несколько минут напряженного молчания мы вновь почувствовали толчок. Лед забил выход из пещеры. Мы оказались в ледяной ловушке. Нас было четверо: я — капитан, мой помощник штурман Чудаков и механики Шанин и Бурмин. С ними я и сейчас плаваю. Начали мы совещаться, что делать. К счастью, радиостанция была в порядке. От полярной же станции, по нашим расчетам, мы находились недалеко. Мы, конечно, тотчас радировали о своем положении. Но на помощь извне особой надежды возлагать не приходилось. Во-первых, шторм. Аэроплан не полетит. А если и прилетит, что он может сделать? Водолазов с полным оборудованием с собой не привезет. Да и водолазы в шторм работать не смогут. Бомбу сверху бросить? Бомба вместе с ледяной пещерой и нас могла бы взорвать. Ледоколов поблизости не было, да и от них в наших условиях трудно было ожидать помощи. Вот разве более мощная, чем наша, подлодка могла бы попытаться пробить ледяную пробку, закупорившую нашу пещеру, если эта пробка не очень велика. Но и на это время нужно.

— Я, — говорит механик Бурмин, — возьму с собой заряд аммонала, выйду в пещеру, заложу заряд в пробку, прилажу провода и вернусь. Взорвем электрической искрой.

— Что же получится? — возражает второй механик, Шанин. — Вся ледяная пещера при взрыве разрушится и раздавит нас.

— Может, и не раздавит, — говорит штурман Чудаков. — Ведь мы в воде, а лед легче воды.

— Нам прежде всего надо обследовать место выхода из пещеры. Может быть, пробка совсем и не велика. Может быть, наша подлодка ударилась о торос, увлеченный вниз штормом, — высказал я свое мнение.

— Обследовать — это первое дело, — согласился Бурмин, а за ним и все остальные.

Мы быстро снарядили Бурмина, помогли ему одеться в водолазный костюм, нацепили ему на спину кислородный аппарат, дали в одну руку электрический фонарь, в другую кайло и выпустили наружу через особый люк. Через полчаса слышим удары кайла по корпусу: сигналы подает, чтобы мы люк открыли. Открыли. Слушаем — тишина. А потом опять звонкий стук по корпусу. Что там стряслось? Пришлось срочно Шанина на выручку посылать. Скоро оба вернулись. Оказалось, у Бурмина электрический фонарь испортился. На подводную лодку он кое-как набрел, а люк впотьмах никак не мог най-

ти. Пробка, по его мнению, совсем не велика. Просто набились куски льда. Бурмин уверял, что в одном месте даже пробил дыру. Но работы на несколько часов хватит, а на сколько именно, точно не учтешь: может быть, новых кусков льда течением принесет. Взрывать, значит, нечего. Не стена, а каша, но как эту кашу расхлебать — вот вопрос.

Пришлось по очереди работать. Куски льда втягивались в пещеру и поднимались вверх. Становилось тесно. Работали час за часом, с опаской следя за расходом кислорода.

Ну, дальше я должен вас разочаровать. Вы ждете описания, как не хватило кислорода, как все стали задыхаться, как в последнюю минуту нас спасли. Может быть, оно так и интереснее было бы слушать, но в действительности все произошло иначе. Кислорода хватило. Из пещеры выбрались самостоятельно. Но когда прошли несколько узлов, снова все упали от толчка. Неужто новая ледяная стена? Нет, железная. Мы столкнулись, к счастью, на малом ходу, с подлодкой, которая прибыла выручать нас. У нее был поврежден радиоаппарат, и поэтому она не могла предупредить нас о своем приходе. Этой лодкой был предупредительно захвачен большой запас кислородных баллонов. Мы умудрились получить их под водой. Обе лодки отстоялись, пока не прекратился шторм.

Вот и весь рассказ, — закончил Ершов.

— А как вас на ледяное поле выбросило? — спросил Костин.

— Это уж и совсем не интересное приключение! — ответил Ершов.

— А ты все-таки расскажи, — не унимался Костин.

— Ну, хорошо, расскажу. Шторм выбросил нас на ледяное поле. Лдины смерзлись, и наша подлодка осталась дрейфовать на льдине. До полярной станции было не очень далеко, пожалуй, пешком дошли бы; но как же подлодку бросить? Вызвали помощь. Прилетел аэроплан на лыжах. Взрывами полыню сделали. Подлодку ото льда оторвали, к аэроплану привязали и подтянули к краю полыни. Потом я в подлодку вошел, а люди столкнули ее в воду. Я принял обратно груз, экипаж, опустился и продолжал плавание. Только и всего. А теперь до свидания.

— Ну, что? — обратившись к Джиму, этнографу и Игнату, спросил Костин. — Видели? Слышали? Довольны? Так и быть, покажу я вам еще одну картину, но только одним глазком.

На телевизоре появилось изображение глобуса, обращенного к зрителю Северным полушарием. От Лондона вдруг побежала черта на Париж, Берлин, Варшаву, Москву и дальше на восток, к Чукотскому полуострову, через Берингов пролив, на Фербенкс, Чикаго, Нью-Йорк... Глобус повернулся, открылась территория Северной Америки. Черная линия от Нью-Йорка пошла вниз, к южным штатам, до самого Кей-Веста на оконечности Флоридского полуострова.

— Что это? — восторженно воскликнул Джим, увидав на глобусе знакомые места.

— А это вот что, — ответил Костин. И Джим увидел на экране огромный, странного вида электропоезд, который стремительно двигался по колее, превышавшей шириною обычную колею в два раза.

— Самый короткий транссибирский путь из Европы в Америку, — пояснил Костин.

— Как? И он уже существует? — воскликнул Джим и даже приподнялся на

стуле.

— Все будете знать, скоро состаритесь, — сказал Костин. — На сегодня довольно. Надо же и для клуба что-нибудь оставить.

Экран погас, зажглась лампочка под потолком, а Джим все еще смотрел на белый прямоугольник экрана.

17. Приключение на ледяной дороге

В комнату постучались. Джим, игравший на гавайской гитаре грустную песенку, вскрикнул от неожиданности. На пороге стояла Вера Колосова, свежая и румяная как всегда.

— Я не помешала? — Девушка быстро сняла доху. Игнат помог ей стащить тяжелую шубу через голову. Теперь она стояла в шерстяной фуфайке и серой вязаной юбке. Затем сняла и валенки, поставив их в углу, — валенки были покрыты снегом, снег таял, и от них текло. В шерстяных чулках, по-домашнему, она подошла к столу и уселась на подставленный Джимом табурет. Джим снова начал наигрывать песенку — на этот раз более веселую. Некоторое время все молчали. — Вы не обманете меня этой песней, Джим, — наконец сказала девушка. — Вы тоскуете, я знаю. И вы хотите уехать. Ведь я слышала, как вы говорили об этом с Игнатом.

Джим молча кивнул головой, продолжая перебирать струны.

— Так вот, — продолжала девушка. — Я говорила о вас с де-дом и еще кое с кем из наших. Ваше настроение нас очень беспокоит. Я буду откровенна. То, что переживаете вы, пережил почти каждый из нас, по крайней мере, пока работа не захватила. Вы переживаете, быть может, острее других потому, что ваша родина — полная противоположность здешним местам. Вы больны ностальгией — тоской по родине. Это настоящая болезнь. И из нас многие не выдерживают. В особенности южане. Вчера уехал один украинец, третьего дня — товарищ с Кавказа. Сбежал даже один человек с Урала, хотя на Урале и не зреют мандарины. Словом, происходит то, что называется текучестью рабочей силы. А это вредно отражается на строительстве. У нас есть клуб, есть кино, товарищ Костин ставит большую телевизорную установку. Мы будем видеть спектакли столичных театров — оперы, драмы, балеты. У нас есть библиотека. Мы устраиваем полярный зоопарк. Но всего этого, видимо, мало.

— Пожалуй, от некоторых из этих развлечений получается даже обратное действие, — вставил Игнат. — Посмотрит человек оперу — и его еще больше потянет в Москву, Ленинград. Увидит на экране телевизора морской пляж в Коктебеле, а потом выйдет из театра — кругом ночь, пурга — и завоет волком. Придет домой и начнет чемоданы укладывать.

— Да, бывает и так, — согласилась Вера.

— Ну, что же ты придумала? — спросил Игнат.

— Нам необходимо...

— Устроить тропики за Полярным кругом? — спросил с улыбкой Игнат.

— Да, устроить тропики. Настоящие. Не призрачные тропики на экране, а настоящей водой...

— И, быть может, даже с настоящим солнцем?

— Почти. Оно будет светить и греть не меньше и давать нам все свои живительные лучи, как и настоящее солнце... Хотите делать солнце, Джим? Хотите делать тропики? Эта работа как раз подходит к вам. Чем лучше вы будете ра-

ботать, тем скорее вы и другие тоскующие получите уголок тропиков, где вы будете чувствовать себя почти как дома.

— Я не умею делать солнце, — сказал Джим и снова попытался улыбнуться.

— Мы научим, — ответила Вера.

— погоди, довольно говорить загадками. Что ты затеяла? Устроить оранжерею? Ботанический сад под стеклом? — спросил Игнат.

— Только не под стеклом. Мы уже разработали проект, в плане он стоял на второй очереди. Теперь мы убедились, что это вопрос первоочередной важности, и решили начать работу, не откладывая. Мы будем строить подземный курорт. Курорт, в котором можно будет проводить все свободное время, купаться, валяться на пляже под яркими лучами «солнышка».

— Курорт под землей! Сколько же времени вы будете ковырять землю, чтобы ваш курорт был немножко больше кротовой норы? Не проще ли сделать оранжерею?

— Догадливый Игнат, а не догадался. Мы хотим использовать огромные подземные шахты, образовавшиеся после газификации угля.

— Кто же знал, что вы успели высосать из земли столько угля?

— Ну, Джим, возьмитесь за эту работу и доведите ее до конца. Если вы и после этого будете тосковать и рваться на юг, мы не будем удерживать вас. На эту работу мы как раз и решили направить всех меланхоликов вроде вас... Но предупреждаю, что сейчас это место — наши будущие тропики, — пожалуй, еще более угрюмое, чем зимняя тундра.

— И это неплохо. Когда ты выйдешь оттуда, тебе и тундра покажется краше, — заметил Игнат.

Джим все еще продолжал щипать струны.

— Едем сейчас со мной и Игнатом, — продолжала Колосова. — Прокатимся на аэросанях по ледяной дороге.

— Игнат встал и, ни слова не говоря, отнял у Джима гитару и нахлобучил ему шапку.

Затем он сам быстро начал одеваться.

— Ехать так ехать, как сказал попугай, когда его кошка тянула из клетки. Попадешься, Джим, в эти коготки — не вырвешься.

Джим рассмеялся, посмотрел на Колосову и тоже начал одеваться.

Через минуту они уже быстро шли по городу.

Вот и окраина. Ряд фонарей стоит ровным строем, как сторожевая охрана. За чертою города видны ледяные гаражи. Ярко светятся окна станции. От станции убегают вдаль, как две серебряные полосы, широкие ледяные дороги. Вблизи — несколько подъездных путей, соединенных с гаражами.

— А это что за бугор? — спросил Игнат, указывая на возвышающийся за станцией холм мерзлой земли.

— Строим плотину из мерзлого грунта, — отвечала Колосова. — Запруживаем небольшую речку. Будет лишний резервуар воды. Я говорила, что с водой у нас плохо.

— А летом искусственными холодильниками будете оберегать вашу плотину от таяния?

— Нет, дешевле и проще, — ответила Колосова. — Тело плотины покрывается изоляционным слоем — торфом — сантиметров на двадцать. Сверху — напластования песка и валежника, чтобы защитить от доступа теплой летней

воды. Вот в основном и все. Такая плотина обойдется дешевле бетонной...

— И вечная мерзлота может быть на что-нибудь полезна! — Игнат вдруг рассмеялся. Колосова с недоумением посмотрела на него. — Я вспомнил наш разговор с Джимом, — пояснил Игнат. — Нам надо вести с тобой, Верочка, разговоры на более теплые темы, чтобы совсем не заморозить нашего друга.

Вера ответила улыбкой. Вероятно, Игнат уже рассказал ей о недоумениях Джима.

— Ну, что же, будем говорить о горячем подземном курорте, где будут уютные уголки под цветущими олеандрами.

Когда подошли к станции, Игнат внимательно осмотрел путь. Он был на полметра выше почвы и имел вид лотка. На закруглениях края лотка сильно приподнимались, чтобы вследствие развивающейся центробежной силы аэросани не сходили с пути.

— Однако эта дорога недешево должна стоить, особенно если иметь в виду, что ее придется строить ежегодно.

— Разумеется, такую роскошь мы могли себе позволить только обладая достаточным запасом электроэнергии. Сейчас, пока еще не выстроены все предприятия, у нас оказывается даже некоторый избыток энергии.

— Эту энергию вы получаете за счет газификации угля, конечно. Но когда мы построим температурную станцию, энергии будет еще больше, — сказал Игнат.

— К тому времени будет окончена и линия электропередачи, соединяющая полярные станции с общей сетью. И все пойдет в общий котел. Тогда, конечно, мы не станем затрачивать энергию на эти местные ледяные дороги. К тому времени побережье Северного моря будет опоясано тройным поясом — воздушного, морского и земного транспорта. Первая электролиния уже прокладывается от Игарки. А что касается трудностей прокладки ледяной дороги, то они уже не так велики. Вот, посмотри на эту машину.

За крайним ангаром стоял огромный гусеничный трактор. С боков его прикреплены рычаги, оканчивающиеся загнутыми лопастями. Наверху ковш. Позади возвышалось сооружение, напоминающее небольшой тендер. Под тендером виднелись два яйцевидных вала.

— Вот машина, делающая ледяную дорогу. Она идет вперед, рычаги опускаются, лопасти на ходу захватывают снег и перебрасывают в ковш. Снег падает в котел, где и растапливается электропечью. Аккумуляторы Буассье помещаются позади, в тендере. Вода вытекает вот здесь, за тендером. Таким образом, эта машина, двигаясь вперед со скоростью десяти-пятнадцати километров в час, оставляет за собой готовую ледяную дорогу. Впрочем, не совсем готовую. При первом проходе лоток оказывается еще не достаточной толщины и отсутствуют закраины. Толщину и закраины наращивают особые машины при вторичной и третьей прогонке, причем скорость машин каждый раз увеличивается. В общем, за сутки можно провести около ста километров пути.

Если снежный покров ровен и имеет достаточную толщину, то нет необходимости подгрести снег и обращать его в воду. Достаточно проехать на таком «танке» — и задние катки выдавят в снегу ледяной лоток. Две-три маршрутные поездки — и лотки делаются идеально гладкими. Сейчас на этой линии курсируют аэросани. Их лыжи поставлены под небольшим углом, соответственно кривизне поперечного сечения лотка.

Вдали показались подъезжающие аэросани. Их фары ярко сверкали. Уже за два километра шофер выключил мотор и остановил пропеллер. Аэросани шли по инерции, как буер, все убавляя ход. Путь заканчивался не тупиком, а менее гладким лотком, постепенно повышавшимся.

— Нелегко было приловчиться подходить к станции, — объяснила Колосова, — и наши шоферы часто пролетали мимо. Пришлось на конечных пунктах устроить подъездные пути, заканчивающиеся возвышением.

— Но как же переходить на другой путь? Здесь стрелок не видно.

— Небольшой парусный руль и в помощь ему — руль-конек, как у буера. А вот выезжают и наши сани.

Двери гаража раскрылись, и оттуда медленно выехали большие аэросани с закрытой кабиной. В то же время подъехали и встречные аэросани, остановившись у самого края пути.

— Вот как наловчились! Не хуже гидросамолета, который точка-в-точку подходит к пристани-поплавку, — заметил Игнат.

Вера, Игнат и Джим поздоровались с шофером аэросаней и уселись в кабину. Мотор заворчал, и сани со все увеличивающейся скоростью двинулись в путь. Вдоль лотка фонарей не было, да в них не было и нужды: яркие фары саней освещали блестящий, ровный, гладкий, как отполированная сталь, путь. Кабина имела хорошо обтекаемую форму, и аэросани неслись, как стрела. Электрические печи отлично грели. Несмотря на трескучий мороз и бешеную скорость, пассажирам было тепло. Игнат даже жаловался на жару и оттягивал воротник своей якутской шубы. Вера погасила свет в кабине.

— Так эффективней, — сказала она.

И в самом деле, как только свет погас, путешественников окутала глубокая тьма. Только фары впереди саней вычерчивали серебряные линии на окраинах пути.

— Странное ощущение. Совершенно не чувствуешь трения, словно летишь на аэроплане. Этому достижению, пожалуй, и шарикоподшипник позавидовать может.

Когда глаза немного пригляделись, пассажиры увидели звезды и бесконечную снежную равнину. Метеором промчались встречные сани. И снова ночь. Четверо людей пересекают снежную пустыню без края и предела... В этой сумасшедшей езде было своеобразное очарование. Даже Джим ожил и замурлыкал. Вера с улыбкой кивнула головой Игнату. Она следила за Джимом, как за настоящим больным.

Шофер резко затормозил. Сирена неистово загудела, заглушая даже рокот мотора.

— Что бы там могло быть? — спросила Колосова. — Тормозим мы только в самых исключительных случаях: стальные коньки-тормоза портят путь.

— Может быть, через дорогу перебирается стадо оленей? — сделал предположение Игнат.

— Слишком долго перебирается...

Сирена продолжала неистово реветь. Сани все замедляли ход.

— Что у вас случилось? — спросила Вера шофера по слуховой трубке.

— Белый медведь. Переходил путь, увидел огни фар и, дурак, начал убегать вперед по лотку. Никак не могу согнать его с дороги. От испуга, вероятно, сообразительность потерял. Да и выбраться ему трудно. Вот и бежит перед на-

ми, — ответил шофер.

Вера со смехом передала сообщение спутникам.

— Револьвер при тебе? — спросил Игнат Джима.

Тот кивнул головой.

— Ну, то-то. Тут никогда не надо расставаться с оружием. Через год-два оно будет не нужно: медведи отойдут в область истории.

Сверкнули фары встречных аэросаней... Треск, звон разбитого стекла. Сани летят в сторону. Сердито ревет медведь где-то совсем над ухом. Мотор остановился. Все оглушены. меховые одежды предохранили от удара. Но у Веры болит лоб, у Игната — плечо. Джим хватается за бок. Сани повалились. Джим копошится под Игнатом. Вера лежит сверху. Игнат выбирается из кучи и, открыв дверцу, которая теперь на потолке, вылезает из кабины. Следом за ним — Вера и Джим. Фары погасли. Шофера не видно. В лотке темнеет туша медведя. Он, видимо, еще жив и ревет. От морды поднимается белый пар. Не ушибся ли шофер о рулевое колесо?.. Игнат пытается открыть дверцу, но она не поддается. Вера вскрикнула. Игнат оборачивается и видит, что медведь уже поднялся. Он стоит над самой Верой на задних лапах, заносит переднюю, готовясь ударить, дышит паром в лицо. Игнат хватается за револьвер. Но револьвер под шубой... Игнат заслоняет собой Веру. Сбоку слышится короткий сухой выстрел. Зверь беззвучно и тяжело падает на снег.

— Тебя не царапнул медведь? — спрашивает Вера Игната.

И в этом вопросе, полном тревоги и любви, для Джима открывается многое. Игнат! Безоружный, он своим телом старался защитить девушку. Нет, их сердца не из вечной мерзлоты...

— Только разорвал мех на рукаве, — отвечает Игнат. — Однако нам надо скорее освободить шофера. Ты жив, Шумилов? — кричит он шоферу.

— Жив, хотя маленько пришибло, — слышится голос того. — Дверная рама погнулась, не открыть.

— Придется высадить стекло, — говорит Игнат. — Наклони голову, Шумилов, чтобы тебя стеклом не поранить.

Шофер вылезает.

— Лицо порезал, — говорит он, утирая кровь. — Ничего, до свадьбы заживет. Машину жалко... Большой ремонт. Лыжи сломаны, пропеллер сломан. Пострадала и кабина. Капитальный ремонт. Мотор цел.

— Но как же это произошло?

— Показались встречные сани. Медведь испугался шума и света фар и повернул назад. Это вышло так неожиданно, что я не успел затормозить и налетел на него...

— Или он на нас, — сказал Игнат. — Хорошо еще, что тихим ходом шли.

— Что же нам теперь делать? — спросила Вера, постукивая меховыми сапожками.

— Будем ждать попутных аэросаней, они нас довезут. Здесь часто ходят.

— А может быть, остановить встречные и отвезти вас в Челюскин? — заботливо спросила Вера шофера.

— Не стоит. Рана пустяшная. До станции ближе, чем назад. Там есть аптечка. Повязку сделаю — только и всего.

Все замолчали. И в этом молчании вдруг остро почувствовали, как, в сущности говоря, враждебна человеку окружающая природа и как он беспомо-

щен, когда одинок... Джим почти с нежностью посмотрел на ледяную дорогу, которая связывала их с другими людьми.

— Давайте пока попробуем поставить аэросани на лыжи, — предложил шофер.

Все четверо взяли за верх кабины и кое-как повернули сани. Скоро показали огни аэросаней, приближавшихся со стороны Челюскина.

— Вот как только остановить? Может не заметить, — сказал шофер, — налетит на нас...

— Запалим коробку спичек, — предложил Игнат. — У кого есть?

— А если есть спички, то можно зажечь и газету. У меня есть. — И шофер вынул кипу газет.

Игнат зажег спичку. Ветра не было, и газеты запылали.

— Увидел! Тормозит! — сказал шофер.

Сани остановились, не доезжая трех метров. Шофер подъехавших саней вышел из своей кабины.

— Что случилось, товарищ? Шумилов машину свернул?

— Вот кто свернул, — сказала Вера, показывая на тушу медведя.

— Хорошая шкура. И цела. В ухо ухлопали. Непременно заберем с собой.

— А ты кого везешь, Пуркин?

— Двух девушек-геологов.

— С «Тайги», вездехода? — живо спросил Джим.

— Да.

— Это Анна Фокина и Зинаида Камнева? Мы тоже туда. Вот и отлично. Уместимся!

— Как-нибудь уместитесь, — ответил Пуркин.

— А с моей машиной что делать? — спросил Шумилов.

— На буксире дотянем. Только правую лыжу сменить надо. Сейчас я выну запасную.

Подъехали еще двое аэросаней прежде, чем поврежденные сани были поставлены на новые лыжи и прицеплены.

Остаток путешествия прошел весело. Джим начал петь негритянские песни, а все хором — и здоровые, и потерпевшие аварию — подтягивали ему. Сани шли с замедленной скоростью, таща на буксире разбитого собрата. Как бывает на трамвайных путях во время задержки движения, несколько саней нагнали и шли позади длинным поездом.

— Словно деревенская свадьба в старину, — смеясь сказала Зинаида Камнева.

Джим устроился рядом с Анной Фокиной. Он расспрашивал ее, будет ли она в Челюскине, где остановится, и очень обрадовался, когда узнал, что вездеход еще раз посетит Челюскин, быть может, весной, а быть может, и раньше.

— Я буду очень рад видеть вас, — застенчиво сказал Джим.

— И я также, — просто ответила девушка.

— Как они тут объясняются в любви? — подумал он. — Начинают с вечной мерзлоты, а кончают вечной любовью или наоборот?..

Наконец сани свернули с магистрали, пропустили весь поезд задержанных и остановились возле станции.

18. «Путешествие к центру земли»

Станция представляла собой четыре ледяных иглу, соединенных внутренним ходом. В одном иглу путники нашли большой запас лыж.

— До шахт километра два, нам придется пробежать их на лыжах, — сказала Колосова.

Пять человек в меховых одеждах, следуя друг за другом, заскользили по снегу навстречу одинокому огоньку. Бедный Джим! Он не умел ходить на лыжах и не поспевал за девушками.

В довольно большом каменном здании заброшенной газификационной станции светилось только одно окно.

Перед спуском в шахту произошел небольшой спор: Фокина и Камнева настаивали на том, чтобы спускаться как можно медленнее. Они хотели ознакомиться с вертикальным геологическим разрезом шахты.

— Быть может, мы обнаружим выход полезных ископаемых, — горячилась Камнева. — Ваши подземные курорты — очень хорошая вещь, но для курорта можно подыскать и другие шахты, если эти представляют какую-нибудь ценность для разработок.

— Да уж осматривали не раз, и не одна комиссия, — возразила Вера. — Ничего интересного. Суглинок со слоем мерзлоты на глубину двухсот метров. Эта часть пути закреплена уже камнями, цементом и железными обручами. Ниже небольшой слой базальта, а под ним угольный слой небольшой толщины, но большого протяжения. Снова прослойка базальта и снова небольшой пласт угля. Мы выбрали именно это место потому, что под пластами угля... вернее так: самый нижний его пласт лежал на огромном своде, под которым находились колоссальные пещеры. Эти пещеры мы и хотим использовать.

— Ты что-то путаешь, Вера. Ты не геологичка. Ну разве могло быть такое расположение пластов и пород? — продолжала Камнева, обращаясь к Фокиной, и они начали обсуждать геологические вопросы.

— Вот что. Мы спустимся «экспрессом» — я, Джим, Вера, а вы можете отправиться вторым рейсом с какой хотите скоростью. Встретимся внизу, если вы не слишком замешкаетесь, — сказал Игнат, которому не терпелось, как всегда. На том и порешили.

Подъемная машина работала уже на электричестве, подаваемом по подземному кабелю с Челюскина. Джим, Вера и Игнат быстро спустились в помещение, где когда-то стояли элементы. Часть громадных труб и огнеупорных резервуаров, где клочкотала некогда расплавленная медь элемента, была уже разобрана. Два десятка рабочих возились над большим газгольдером. Их голоса глухо отдавались в этом мрачном месте. Здесь для Игната не было ничего нового: он уже видел подземную станцию газификации.

— Опускаемся дальше, — сказал он.

Кабина для спуска в угольные шахты была, как и все подъемное устройство, довольно примитивная — простая деревянная клеть с железными скрепами.

— Это — временное устройство, — объяснила Вера. — Ведь пока горел и не выгорел до конца весь уголь, сюда никто не спускался.

— Еще бы, — отозвался Игнат. — И горел он, наверно, несколько лет.

Они вышли из деревянной кабины. Было совершенно темно. Скоро сверху

дали свет, и несколько лампочек вспыхнуло на черном бугристом своде. Эта шахта совсем не напоминала обычные угольные шахты. Здесь не было ни главного продольного штрека, или, как его зовут, «главной откаточной», ни других. Все пространство представляло собой как бы огромную двояковыпуклую линзу — пещеру с неправильными, словно изрытыми поверхностями, покрытыми черным слоем. Он почти совершенно поглощал лучи света, и казалось, что лампочки горят тускло, не освещая пространства вокруг себя. Здесь уже не было рабочих. Ни малейшего признака жизни. Мертвая тишина. Мрак, зловеще надвигавшийся со всех сторон, молчаливый, угрожающий.

— Да, в хорошенькое местечко завела ты нас, — сказал Игнат. — Самое подходящее для того, чтобы разгонять тоску Джима. В могиле веселей. Это даже не «пещера смерти», а «пещера небытия». Если бы тут было еще холодно — прямо ложись и помирай.

— Ниже еще теплей будет, — сказала Колосова. — На глубине пятнадцати-двадцати метров слои земли имеют уже постоянную температуру летом и зимой, соответствующую средней годовой данной местности.

— Ну, что ж, едем дальше — к центру земли.

— Дальше придется не ехать, а спускаться по веревочной лестнице, — сказала Колосова. Она прошла к крайней лампочке, и ее спутники увидели отверстие в земле. Рядом с провалом в два метра диаметром возвышался вкопанный в землю отрезок рельса. К нему была привязана лестница, уходящая в провал. Тут же стояли, прямо на земле, десять аккумуляторных ручных фонарей.

— Нам придется снять верхнюю одежду, — сказала Вера и первая начала стаскивать шубу.

— На какую глубину мы теперь провалимся? — спросил Джим, заглядывая в черную бездну.

— Подземные пещеры далеко еще не исследованы нами. Средняя глубина 760 метров.

— Значит, там должно быть градусов тридцать тепла?

— Да, — ответила Вера. — Не меньше тридцати. Ниже вечной мерзлоты — вечная теплота, какое бы время года и какая бы погода ни были на поверхности земли.

— Ты, я вижу, не хуже Камневой и Фокиной наострилась в геологии, — сказал Игнат, снимая шубу. — Эх вы, хоть бы табуретку какую принесли сюда. И шубу положить некуда. Весь измажешься, как трубочист, — ворчал он, бросая шубу на черную землю. И вдруг дернул клок своих рыжих волос.

— Слушай, Вера. У меня есть идея. Вот мы строим в полярных областях температурные станции, двигатели, которые должны работать, используя разницу температуры морской воды и воздуха. Температура морской воды даже зимой, подо льдом, около нуля, а воздуха — тридцать-сорок и больше холода. Так? Ну, а в этой самой пещере, куда мы собираемся лезть, говоришь, побольше тридцати. Разница с внешним холодным воздухом чуть не в сто градусов. Ведь тут такой температурный двигатель можно построить...

— Верно! — неожиданно заявил Джим. — Станция нужнее, чем курорт. Стройте станцию, а я поеду в Гурьев, консервы делать. — И он даже натянул рукава своего полушубка, словно собираясь немедленно отправиться в Гурьев.

— Остановись, дезертир труда, и снимай свою шубу! — рывкнул на него Иг-

нат. Все рассмеялись. — Сначала побывай в аду, а потом будем рассуждать.

— Твоя идея неплоха, Игнат. Поговори об этом с Пелькиным. Я думаю, для ее осуществления не надо даже отказываться от курорта. Наоборот: курорт получит собственную станцию, если не для отопления — тропическое тепло здесь и так обеспечено, — то для освещения, вентиляции, водоснабжения, «соляризации» и прочего. Курорту потребуется довольно большое количество энергии. Ведь это должен быть вполне благоустроенный, электрифицированный курорт. А уезжать вы, Джим, подождите. Посмотрите, что мы тут с вашей помощью устроим. Если вам внутреннего жара земли будет недостаточно, наставим столько мощных ламп, что хоть купайся в свете и тепле.

— Кто первым полезет? Давай — я, — предложил Игнат.

— Нет, уж лучше я, — возразила Вера. — Я спускалась не раз. Берите фонари.

Все пристегнули фонари. Вера начала быстро спускаться вниз. Игнат и Джим следили за тем, как огонек ее фонаря постепенно погружался в глубину.

— Кошка, прямо кошка! — подумал Джим.

Хотя веревочная лестница была новая, но из осторожности Игнат подождал, пока Колосова не спустилась и не дернула лестницу.

— Теперь спускайся ты, а то еще сбежишь без меня, — приказал Игнат.

Джим повиновался. Следом за ним стал спускаться и Игнат. Вера уже ожидала их внизу.

— А это что такое? — удивился Игнат: возле места спуска стояли кровать, два шкафа, стол, стулья. На столе — телефон. — Мебель в аду! Оригинально. Тут кто-нибудь живет?

— Пока никто. Но мы поставили это на всякий случай. Наши «следопыты» изучают пещеру и... мало ли что может случиться! Здесь имеется запас пищи, воды, аптечка и телефон. Представь, что лестница оборвалась. И сиди, пока наверху не беспокоятся и не спустятся узнать, в чем дело. Телефонная связь везде необходима.

Игнат осмотрел пещеру. Совсем не велика.

— Это — только начало, — сказала Вера. — Идем за мной.

Пещера имела в высоту не более десяти метров и тянулась, как коридор. Сверху кое-где нависли буро-серые массы. По бокам неровные, серые стены. Камни, рытвины под ногами.

— Как будто известняк, — сказал Игнат. — А потолок на нас не обрушится?

— Потолок выдерживал верхние пласты угля, — ответила Колосова. — Теперь этой массивной, тяжелой нагрузки не существует. Конечно, мы укрепим весь свод...

— Представляю, как нарядно будут выглядеть электрические солнца на этом буром бугристом небе.

— Не смейся, Игнат. — Мы устроим такое небо, что не уступит и флоридскому.

Пещера становилась все уже, потолок нависал над головой. Передовой фонарь Веры осветил вход в другую пещеру. Джим и Игнат вскрикнули, пройдя вслед за Верой узкую щель. Перед ними была огромная пещера, напоминавшая внутренность готического собора. Сверху спускались великолепные сталактиты, им навстречу с земли поднимались причудливые наплывы сталагмитов. Некоторые из них напоминали троны, иные поднимались в виде ост-

роверхих готических церквей, иные были похожи на грандиозные кровати с пологом над ними; в глубине, на белом холмике, возвышалось подобие часовни, окруженной звероподобными лежащими фигурами. Там перекинулся мост с перилами и столбами, будто обледеневшими от боры... Местами сталактиты и сталагмиты соединялись, образуя колонны с широкими основаниями и капителями. Несколько широких и высоких дверей виднелось в стенах этого грандиозного зала.

Игнат и Джим стояли несколько минут молча, подавленные величиим необычайной архитектуры и фантастичностью отделки. Какой гениальный, но безумный художник воплотил здесь свой величественный бред? Десятки мыслей, ассоциаций невольно возникали в мозгу Игната. То ему казалось, что он видит величайшее произведение искусства, погребенное ка-кой-то катастрофой... Вулкан пролил лаву и окутал толстой пеленой изумительные по красоте колонны, столы, кресла, кровати, беседки. То он воображал себя на иной планете, где иные каноны искусства, иная, своеобразная архитектура. То его мысль переносилась в Академический театр, где шел балет, декорации изображали фантастические, сказочные владения короля гор... Мозг южанина Джима был поражен еще более, почти потрясен. С трудом оторвав глаза от зала, Джим молча посмотрел на Игната и Веру, словно спрашивая их, не брежит ли он.

— У тебя сильный голос, Игнат. Стань на это возвышение и крикни отрывисто, — сказала Вера.

— Хо! — крикнул Игнат своим мощным басом. И словно разбудил спящих духов этого волшебного царства. «Хо-хо-хо...» — начало отражаться многократное эхо... Пауза — и снова где-то вдали: «Хо-хо-хо...» Снова пауза — и снова едва слышное эхо. Джим встрепенулся. А потом вдруг начал, как безумный, кричать и смеяться. Игнат и Вера также закричали, потом, по знаку Игната, замолкли.

Можно было подумать, что в пещере поднялся шабаш ведьм. Смех, шум, крик, вой, лай — все звуки отражались от стен, преломлялись, создавали новые созвучия, новые тембры голосов... И этот неистовый концерт не умолкал, звуки только все больше удалялись, как будто невидимые певцы и крикуны, сплетаясь воздушным хоромом, улетали в глубину подземелья.

Игнат дернул себя за вихор.

— Черт возьми, — сказал он, — мы крепкие безбожники, а и то жутко слушать. Что же должен был вообразить и подумать обо всем этом пещерный человек, дикарь? Вот откуда вера в духов, богов, чертей и всякую нечисть.

— Эту пещеру мы назвали «Зал многократного эха». Но идем дальше.

Колосова вела их мимо заколдованных сказочных животных, по «обледенелым» известковым мостам, вдоль величественных колонн, направляясь к боковой двери.

Новая пещера, меньшей величины, но столь же причудливо разукрашенная. За ней — третья, четвертая... В каждой из них было своеобразие, свой «гвоздь», как выразился Игнат.

— Да это лучше Кунгурской пещеры! — воскликнул он.

Почва постепенно понижалась. И чем ниже спускались путники, тем становилось теплее. Игнат уже давно вытирал пот с лица. А Джиму было в самый раз. Он отвернул ворот рубашки и пел. Хороший признак. Его развлекало под-

земное путешествие.

Наконец они пришли в такую огромную пещеру, по сравнению с которой даже «Зал многократного эха» казался кротовой норой.

— Тут, пожалуй, Дом Советов целиком уместится, — оказал Игнат. Вера направила фонарь вперед, и путники увидели серебристую полосу воды.

Они подошли к большому озеру.

— Вода проточная, — сказала Вера. — Через это озеро протекает река; она исследована уже почти на два километра. Река имеет два притока. Со временем мы проведем отсюда воду в город. На весь Челюскин хватит. Ну, что ты скажешь, Игнат? Разве здесь нельзя устроить пляж и купанье? Смотрите, Джим. На берегу этого озера, вот здесь, где вы сейчас стоите, вырастут настоящие пальмы, лавры, апельсины, магнолии. Пляж покроется золотистым песком. Здесь будет пристань для лодок. Можно будет плавать по пещерам, и каждая пещера будет садом. Разве не стоит поработать над этим? Я еще не все рассказала вам, а если рассказать все, то это будет как волшебная сказка. Хотите строить сказку, Джим? Вы будете жить в такой обстановке, в какой едва ли жили на родине. Мы сотворим собственные тропики под землей, за Полярным кругом. Мы победим природу. Разве это не интересно, Джим? Разве готовить рыбные консервы интересней?

— Но я другого ничего не умею, — ответил Джим, смутившись.

Колосова напряженно смотрела на него. Это был решительный момент. Победить Джима — значило победить текучесть рабочей силы. Вера положила на плечо Джиму руку совсем по-товарищески, но от этого ласкового прикосновения волна горячей крови подступила к сердцу Джима.

— Обещайте мне, Джим, работать здесь, пока мы не засветим под землей ослепительное, горячее солнце, пока мы не окончим работы. Ну, не умрете же вы тут со скуки? Я сама вас буду учить, что делать. Работа найдется... Ну что же, Джим?

Тонкий слух Джима уловил доносившиеся издали женские голоса. Вероятно, это Камнева и Анна Фокина забавляются в пещере многократного эха. Девушка с золотистыми волосами. Джим улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Я согласен.

Вера крепко пожала ему руку. На этот раз она ошиблась, приписывая весь успех себе, своему уменью обходиться с людьми.

— Я верю вашему слову, Джим, — сказала она. — Теперь идем назад. Всего сразу не осмотришь. На это надо несколько дней. Ведь мы теперь часто будем бывать здесь.

На обратном пути они едва не заблудились. Здесь столько было коридоров, столько дверей и пещер, что немудрено потерять направление.

Случайно они нашли почти круглую пещеру, наполненную водой. Вода бурлила, клокотала, шумела под землей.

— Подводный водопад, — сказала Колосова приглушенным голосом. — Я здесь еще никогда не была.

— Недурно упасть в эту штуку, — заметил Игнат, глядя на темную, словно кипящую воду так, будто это был страшный, коварный зверь.

Наконец они добрались до зала эха. Здесь Игнат еще раз пустил свое громкое «Хо». К удивлению, эхо принесло не только его низкий, басовый рокот, но и высокие женские крики. Игнат посмотрел на Веру с недоумением.

— И в самом деле, духи гор начинают с нами заигрывать, — оказал он улыбаясь.

Помолчали.

— И... а, ааа... и... а... а... — вновь послышался женский крик.

— «И-а-а!» Хотел бы я знать, что это такое на языке... вот забыл, как феи гор называются!

— Я знаю, да не скажу, — ответил Джим, сверкая зубами.

— Игн-а... — послышалось снова.

— Это тебя зовут феи гор, — сказала Вера, прислушиваясь. — Ну да, «Игнат»! Это наши геологи, наверно, заблудились. Ах, легкомысленные девушки! Неужели они пошли без провожатого?

— Фокина, Камнева! Фо-окина! — крикнул Игнат. Эхо подхватило и начало повторять: «Фок. Кам. Фок...» Голоса отозвались. Теперь они были как будто совсем близко, справа. Вера направилась туда.

— Мы здесь! — послышалось слева.

— Мы здесь! — кричали справа, сзади, со всех сторон. Сложная, путаная архитектура настолько искажала звук и его отражения, что было почти невозможно определить направление. Эта игра продолжалась около получаса. И только совершенно случайно Джим заметил девушек за «королевским ложем».

— Веселое приключение, которое могло закончиться не очень весело, — заметила Вера и пробрала геологов. Но сегодня она не могла сердиться: ею была одержана первая победа над большим ностальгией — так она думала.

19. Человек, который хочет сделать солнце

Верхом на олене ехал по тундре человек, закутанный в теплые тунгусские одежды. В правой руке он держал небольшую палочку, при помощи которой управлял оленем. И всадник и олень, видимо, были измучены долгим путем. Человек подбодрял себя и оленя песней:

— Холодный ветер. Сильный ветер. Прямо в ноздри ветер. И на четырех ногах трудно бежать в такой ветер.

Всадник легонько похлопал оленя по шее и палочкой указал, куда они держат путь. Олень понял. Он мотнул усталой головой, приподнял ее, фыркнул и прибавил ходу.

И когда первые фонари блеснули из-за горизонта, как яркие луны, олень побежал еще быстрее, забыв о трех сутках непрерывного бега.

— Вот молодец! Вот хорошо бежишь! Скорей добежишь — скорее отдохнешь, — продолжал напевать человек. — Вот и дом из дерева. Вот и дом из камня. Вот и дом изо льда. Вот солнце, сделанное человеком, чтобы отгонять мрак. Одно солнце, два солнца, три солнца, много солнц. Они связаны жилами оленя и прибиты к столбам. Вот уже и люди видны, которые умеют делать солнце. Ашихин тоже скоро научится делать солнце. И будет жить в большом доме. И солнце будет у него в комнате.

— Эй, эй! Послушай, человек! — обратился он к встречному. — Где хозяин живет?

— Хозяева были, да все вышли, — ответил бородатый человек с вологодским выговором.

Ашихин остановил оленя и с огорчением посмотрел на бородатого челове-

ка.

— Куда вышли? — спросил он.

— Да тебе кого надо? Какого хозяина? Ишь, запарил животное! — заметил бородач, глядя на вздымавшиеся бока оленя.

— Кого? — Ашихин в замешательстве почесал затылок, запустив руку под меховой шлем. Он искал нужные слова. Бородач терпеливо ждал. — Ну... хозяин... Самый главный, который у вас? Самый главный?

Бородач усмехнулся:

— Главный инженер, что ли?

Ашихин неуверенно кивнул головой.

— Поезжай прямо по улице. Вон дом около фонаря, видишь? А следующий и будет инженера, Пелькина. Понимаешь? Андрей Пелькин. Главный инженер. Из лопарей он у нас. Толковая башка.

Ашихин поблагодарил и тронул палочкой оленя. Олень вздохнул и зашагал.

Все дома были одинаковые, и все фонари одинаковые. А Ашихин постеснялся спросить поточнее, у которого фонаря дом главного. Мудреная штука — город. Вот Ашихин проскакал на своем рогатом скакуне сотни километров по тундре без дорог, без карты, без компаса и не сбился с пути, не сделал ни одного лишнего километра. А на этой городской улице он сразу заблудился. И зачем люди в городах делают все такое одинаковое?

— Подожди, — оказал Ашихин оленю, — идет какой-то человек.

Ашихин спросил, где дом Пелькина.

— Да вот он и есть, — ответил прохожий, указывая на дом, возле которого остановился Ашихин. — Только он еще спит.

— Ничего, я подожду, — обрадовался Ашихин.

И едва только Ашихин спрыгнул, уставшее животное повалилось на снег, легло на бок и начало лизать снег. Ашихин уселся на ступеньках, погружаясь в дремоту. Ему снился чудесный сон. Он видел шары, много шаров. Они были сделаны изо льда. Ашихин брал в руки шар, сдавливал ладонями, и шар вдруг начинал светиться, как те солнца, которые привешены к столбам. Потом он бросал яркие шары, и они катились по снегу, раскатывались во все стороны, бежали все дальше по тундре, к поселкам, к рыбацким хижинам на берегу моря, вскакивали на столбы и светили. Ярко светили, весело. Жители смотрели и хлопали в ладоши и хвалили Ашихина, который научился делать солнце на радость людям...

— Ты что тут сидишь? — вдруг услышал Ашихин женский голос и с трудом открыл глаза — ресницы слиплись от мороза и покрылись инеем. — Замерзнешь!

Перед ним стояла румяная молодая девушка. Ее русый локон, выбившийся из-под шапки, совсем поседел от инея. И этот серебристый локон придавал свежему, молодому лицу девушки особую прелесть. Быть может, Ашихин и в самом деле замерзает и видит перед смертью хорошую, светлую девушку? Она улыбается ему. И он отвечает ей с улыбкой:

— Я приехал к главному, к Пелькину.

— К главному Пелькину? — продолжая улыбаться, спрашивает девушка, и ее зубы сверкают при свете фонаря, как молодой снег. — Почему же ты не постучался?

Ашихин посмотрел на небо, но свет фонаря мешал ему видеть звезды.

— Я рано приехал. Ночью приехал. Будить не хотел, — ответил он.

Девушка нажала пуговку. Дверь открылась, и на пороге показался человек в шерстяном свитере, кожаных брюках и меховых сапогах.

— Здравствуй, Пелькин. Вот тут тебя ожидает товарищ. Он, кажется, всю ночь просидел на крыльце.

Через несколько минут все втроем уже были в комнате Пелькина.

— Ну, рассказывай, зачем приехал, товарищ, — радушно обратился к нему Пелькин. Ашихину приятно было видеть, что у «главного» лицо северянина, лицо лопаря. Но Ашихин не знал по-лопарски, а по-русски хотя и говорил, но плохо.

— Ты кто? — спросил Пелькин.

— Ламут. Тунгус. Ашихин.

Ашихин приготовился рассказать, зачем приехал, но слова не шли. Развлекала необычайная обстановка этого дома. На табуретке стоял блестящий золотистый вогнутый диск. В нем красным накалом горела звезда. Диск был похож на осеннее солнце, когда оно только показывается над горизонтом и снова заходит. И от солнца шло тепло. Яркая лампа светила с потолка. Много он видел ярких ламп. Их называют электрическими — слово, которое он слышал, знает, но еще не может ни выговорить, ни понять.

— Я хочу с тобой работать. Хочу учиться. Хочу уметь делать солнце, лампы, — сказал он.

Пелькин и Колосова переглянулись.

— Прекрасная находка, — сказала она быстро Пелькину. — Нам надо как можно больше привлекать к работам местное население. Я беру Ашихина к себе, — сказала Вера. — Он будет работать вместе с Джимом. Негр и тунгус. Отлично. Ашихин научит Джима любить Север.

— Подожди, дай подумать, Вера, — сказал Пелькин.

Приход Ашихина взволновал Пелькина. Он вспомнил свою жизнь, свою карьеру от лопарского мальчика, бродившего со стадами оленей по тундрам, до главного инженера заполярной линии электрификации Севера. Путешествие на ледоколе, полет на аэроплане, авария, первое знакомство с переносной ветросиловой установкой, сыгравшей такую роль в его судьбе... Педагогические курсы в Мурманске, годы учения в Ленинграде... Пелькин был одним из первых нацменов Севера, поднявшихся на уровень высших технических знаний. За ним идут другие... Вот этот Ашихин...

— Ты хочешь учиться? Это хорошо, Ашихин. Но учиться лучше в большом городе. Тебе нужно ехать в Ленинград, в институт народов Севера.

Ашихин отрицательно покачал головой:

— Я знаю, там есть наши. Я слышал о Ленинграде. Только я хочу здесь. Может быть, моя голова не такая, что надо в Ленинград. Я попробую здесь, поработаю.

— Может быть, ты и прав, — с той же задумчивостью продолжал Пелькин. — Здесь тоже можно учиться. Хорошо. Оставайся. Можешь жить пока у меня.

— У меня есть олень, он лежит и отдыхает.

— Устроим и оленя. Издалека приехал?

Ашихин назвал оленеводческий колхоз, отстоящий от Челюскина километ-

ров на триста. Пелькин покачал головой.

— Хочу делать лампы.

— Делать лампы можно скоро научиться, — ответил Пелькин, — только лампы делают не здесь, а в Ленинграде.

На лице Ашихина отразилось разочарование.

— Ты не огорчайся, — утешил его Пелькин. Он вынул лампочку и показал ее Ашихину. Тунгуз почти с благоговением принял ее в свои руки и держал бережно, как драгоценность. Так держит только археолог редчайший предмет старины.

Пелькин ввинтил лампочку и включил свет. Ашихин хлопнул в ладоши.

— Ну отдохни, выспись, а потом примемся за работу, — сказал Пелькин.

— А олень?

— Хорошо, давай раньше устраивать твоего оленя, — рассмеялся Пелькин. Ему понятна эта забота об оленях. Животное, которое стоит этих забот. Без оленя едва ли могло бы существовать человечество в северных широтах. Не было бы на свете ни Пелькина, ни Ашихина, ни...

Оставшись в доме один, Ашихин подошел к выключателю и долго осматривал его, осторожно трогал пальцем. Потом повернул, как Пелькин. Свет в лампе погас. Ашихин испугался и повернул еще раз. Свет снова вспыхнул. Ашихин вскрикнул от радости. Он тоже умеет делать свет. Это совсем нетрудно...

20. Что такое теплопады?

Пелькин уделял много времени, внимания и сил техпропаганде. Смотрел он на это дело широко. Важно не только выучить новые кадры техминимуму. Надо помочь рабочему осмыслить его работу, объяснить, какое место она занимает в целом. Что мы строим. Как наши станции связаны с другими. На одну из таких бесед в клубе он пригласил и Ашихина.

— Ты еще многого не поймешь из того, что я буду говорить, но не смущайся. Кое-что поймешь, остальное узнаешь потом.

В клубе было светло и тепло, даже жарко. Люди сидели в меховых сапогах, оставлявших следы на полу. Кого только здесь не было! И сибирские татары, и украинцы, и белорусы. Много самоедов, лопарей — земляков Пелькина, которых он перетянул к себе, тунгусов, якутов, попадались и кавказцы.

Три лампы с матовым абажуром освещали зал. По стенам развешаны плакаты, лозунги, в углу бюсты вождей, окруженные живыми цветами в горшках.

На помосте стоял большой стол. За столом Пелькин. Он объяснял рабочим, что такое «температурная станция», как холод можно превратить в тепло и свет.

Он говорил о том, что для превращения теплоты в работу всегда необходимо иметь два уровня температуры.

Продумывая этот закон, французский физик Д'Арсонваль выступил с интересным предложением. Это было очень давно, еще в конце прошлого столетия. 17 сентября 1881 г. появилась в одном журнале его замечательная статья. Он предлагал создать очень своеобразный двигатель, использующий разницу температур.

Пелькин рассказал, как развивалась эта полуфантастическая идея, вспоминал имена ученых, которые работали над этим вопросом, — Кемпбелла, Дор-

нига, Брейера, Бушера, Клода и других, как упрощался проект Д'Арсонваля. Уже отпала надобность тянуть трубы от экватора до полюса. Можно на экваторе использовать разницу температуры между поверхностными и глубинными слоями воды, говорили одни. Можно поступить еще проще, говорил Баржо.

Почему бы не устроить теплопады в холодных местностях земного шара? Там котел и холодильник еще ближе друг к другу. В Канаде, в Восточной Сибири много местностей, где воздух почти круглый год имеет температуру 30 и более градусов ниже нуля. А вода, в особенности морская, всегда имеет температуру в 2–3 градуса тепла. Получается почти та же разница, что и для океанской воды у тропиков в глубине и на поверхности. Там противоположные температурные концы — «котел» и «холодильник» — находятся на расстоянии 1000 и более метров друг от друга; а на Севере температурный контраст разделен лишь слоем льда. Значит, здесь не надо строить колоссальных труб в километр и более длиной, не надо заботиться об очистке этих труб от морских солей на таком огромном протяжении. Полярная станция может стоять дешевле — во много раз дешевле, чем экваториальная...

— А какова стоимость? — спросил кто-то с места.

— Если считать на киловатты, то каждый киловатт номинальной мощности обойдется раз в пять-восемь дешевле, чем стоимость гидравлической станции такой же мощности, — ответил Пелькин.

— Вы видите, товарищи, — продолжал он, — какое огромное значение имеет этот проект для нас, для нашего Севера.

Огромные пространства тайги и в особенности тундры бедны энергетическими источниками. Не строить же нам теплоэлектроцентрали на дровах. И вот найден блестящий выход: превращать холод в энергию, точнее говоря, черпать энергию в разнице температуры воды и воздуха и превращать эту энергию в работу, в свет, в тепло.

Везде, где есть холодный воздух и более теплая вода, можно установить температурный двигатель. Значит, не только по берегам полярных морей, но и на сибирском континенте, у рек и озер. Тайга и тундра получают неиссякаемые источники дешевой энергии.

В нашей температурной паросиловой установке вместо воды мы используем бутан, который кипит даже на морозе, когда температура воздуха минус десять градусов. А при двух-трех градусах тепла — при температуре морской воды — бутан будет кипеть всюду. Теплопады можно устроить и на юге. Жаркое солнце там будет нагревать котел, а холодильником послужит речная или озерная вода.

Вот вам краткая история, товарищи, д'арсонвальской фантазии. Видите, как по-разному можно использовать одно и то же физическое явление. Тропические морские теплопады, полярные теплопады, солнечные континентальные теплопады. Может быть, кто-нибудь из вас придумает еще и новое использование.

Ну, на сегодня довольно, — закончил Пелькин.

Слушатели начали расходиться, молодежь уже спорила о новых системах теплопадов и о наилучшем принципе аккумуляирования энергии.

С Пелькиным остались инженеры Колосова, Верховский, Игнат Бугаев и Джим.

21. Суматошный день

— Товарищ Колосова! Дед тебя зовет, — сказал вошедший в комнату рабочий, весь заиндевелый.

— Что случилось? — спросила Вера.

— Работа на радиостанции приостановилась.

— Почему?

— Грунт никакая сила не берет. Не говоря о кирке и лопате, динамитный патрон закладывали — не берет.

— Вот она, мерзлота-то! — сказал Пелькин, кивнув головой Игнату. — Промерзлый слоистый сланец. Хуже гранита. Который месяц бьемся. Попробуй тут в земле кабель проложить! Идем, что ли, посмотрим.

Дед уже издали, увидав Колосову, начал кричать:

— Этак мы никогда не кончим, золотце. Шутка сказать! Еще и фундамента не заложили. Даже ров не вырыли. Работы еще сколько. А к началу навигации надо станцию во что бы то ни стало пустить.

Возле ям стояли рабочие, повесив головы, словно над могилой. Игнат заглянул в одну из них. Рабочий стукнул киркой по краю. Железо зазвенело. Хоть бы маленький кусок отвалился.

— Тут не патрон динамитный закладывать надо, а целую бочку, — сказал рабочий, хмурясь. — А кирка совсем ни к чему по здешнему грунту. В жизни не видал такого.

— Так что же тут думать? — закричал Игнат громовым голосом. — Бочку так бочку! За чем дело стало? Давайте ваши патроны. Давай динамиту, пироксилину, аммоналу! Закладывай шнур, или как там у вас называется. Сверли дыру, одним словом! Руби, коли!

Все засмеялись. Бурная энергия Игната передалась другим. Рабочие зашевелились. Принесли патроны, начали закладывать.

— Закладывай еще! А ну, еще! — командовал Игнат. — Еще! Еще!

Когда приготовления были окончены, у ямы остался один запальщик, все отошли далеко в сторону.

Через несколько минут грянул такой взрыв, что людей едва не свалило с ног волной воздуха. Из ямы вырвался, как из кратера, столб дыма, щебня, кусков камня.

Едва камни упали на землю, как рабочие уже бросились к яме. На месте взрыва зияло большое отверстие.

— Вот это да! — сказал тот же рабочий.

— А ты говоришь! — в тон ему отозвался Игнат.

Дед Мороз тряс руку Игната:

— Спасибо тебе, золотце, раскачал наших ребят. Теперь пойдет. Вижу, что пойдет.

— А радиостанция велика будет, Дед? — спросил Игнат. Верховский совсем расплылся от улыбки. Его большой нос горел багрянцем, очки сверкали.

— Первоклассная станция будет. На тысячу киловатт в антенне. Радиомачта сто метров высоты. Все суда на море наши метеорологические сводки слушать будут, вся Сибирь, и Канада, и в Штатах. На метеорологической станции и радиостанции у меня десяток человек работает. И довольно. А такими делами ворочаем... Ребята подобрались хорошие. Взять хоть радиста Грунина. Пря-

мо талант. Ведь тут мало радиотехнику знать. На Севере радисту приходится быть исследователем, экспериментатором. Природа тут для радиоволн таких электромагнитных сетей, ловушек, барьеров понаставляла, что не всякий радист сквозь эти дебри и волчьи ямы свою волну проведет. Есть такие места, что ни на длинной, ни на короткой не проедешь. И принимать нелегко. Шумит, трещит полярный эфир, магнитные бури сумбур в эфире делают. Тут радисту комбинировать приходится и волны, и мощность, и часы, и дни приема. Тут изобретательность, находчивость, сметка нужны.

— Отойдем. Наши артиллеристы вошли в раж. Опять заложили бочку... Ну, а шарики ваши как летают?

Дед залился мелким смехом.

— И про шарики слышал? — спросил он. — Шарики летают. Летают, золотце. Я эти шарики во времена оны с самим Павлом Александровичем пускал. Я только маленько приспособил их к нашим условиям.

И он с увлечением начал рассказывать Игнату о молчановских шарах-зондах, пускаемых в верхние слои атмосферы для автоматической записи метеорологических данных.

— Привязной шар высоко не пустишь, а свободные тем неудобны, — говорил он, — что выпустишь их, а где упадут — неизвестно. В населенных местах это — небольшое неудобство. Народ стал культурный. Найдет и по адресу доставит. Мало шаров не возвращалось, разве какой упадет в болото или в лес на вершину дерева и никто не увидит его. А в тундре какой народ? Кто найдет? Кто принесет? Снегом заметет, и крышка. Вот я и придумал маленькое усовершенствование...

Усовершенствование это заключалось в том, что шар-зонд мог подниматься на заранее рассчитанную высоту, где он разрывался. Благодаря тяжести прибора шар-зонд падал на землю почти вертикально. Самый сильный ветер относил шар лишь на незначительное расстояние. Перед самой землей раскрывался парашют, и зонд плавно опускался, аппараты не разбивались. Кроме того, на зонде горела небольшая лампочка, питаемая батареей. По свету лампочки можно было следить за падением шара и легко найти его на земле.

— На полюс холода, в Верхоянск, надо бы молодых стратонавтов посылать. Там почти такой же холод, как в стратосфере. В Верхоянске почти семьдесят градусов холода бывает. Это холоднее, чем на высоте восемнадцати километров. И у нас немногим теплее. Я так считаю: 55 градусов холода, значит, мы «взлетели» на десять километров, шестьдесят градусов — на двенадцать. Зато на высоте восемнадцати температура сразу повышается. Выше 50 километров много озона, который сильно поглощает солнечные лучи. Англичанин Эпльтон предполагает, что на высоте 300 километров летом должно быть 900 градусов по Цельсию! Каково! Там, наверно, сейчас жара. А мы тут с морозом боремся.

Дед еще долго говорил бы, но ему помешали. Прибежал рабочий и сообщил: к новой стройке приполз полузамерзший человек. Как будто американец. Его осторожно отогрели и отнесли в больницу. Но врач говорит, что руки и ноги сильно отморожены. Как бы не пришлось ампутировать.

— Кто он? Откуда? — слышались вопросы.

— Больной очень слаб и еще не может говорить. Его отпаивают теплым молоком с коньяком. Впрочем, одно слово он выговорил — что-то вроде «эйропл»

эйн».

— Так, — многозначительно сказал Дед. — Этим все сказано. По-видимому, американский аэроплан потерпел аварию. Вот она, метеорология-то. Сунулись в воду, не зная броду. Американские рекордсмены! С Аляски или Канады, наверно, летели.

— Надо немедленно послать наш самолет на поиски разбитого аэроплана. Быть может, кто-нибудь остался в живых, — сказал Пелькин.

Дед кивнул головой. Нелегко найти в полярную ночь, да и не зная, где искать. Не лучше ли подождать, пока придет человек в себя, расскажет толком?

Верховский, Пелькин, Игнат и Вера отправились в больницу. Они услышали, как на аэродроме загудел мотор. Большой аэроплан с сильным прожектором поднялся над «Ледяным городом» и направился на северо-запад. Встретили Симакова. Он сказал им, что был в больнице, видел американца. Тот уже пришел в себя и объяснил, где случилась авария. Недалеко от Челюскина. Наш летчик отправился на поиски. Но едва ли он поможет кому. По словам больного, второй спутник убит. Сам он каким-то чудом уцелел, увидел далекое зарево — огни Челюскина — и добрался ползком.

В этот суматошный день случилось еще одно происшествие. На окраине города загорелись сараи с лесоматериалами. Быть может, кто-нибудь обронил огонь из трубки. Мороз стоял как на двадцати километрах высоты. Тушить было очень трудно. Вода замерзала, не долетев до огня. Приходилось совсем близко подтягивать шланги к огню. Несмотря на то что шланги были окутаны слоем холодонепроницаемой ткани и походили на бревна, в некоторых шлангах вода замерзала.

— Хорошо еще, что водопроводные трубы не лопаются, — сказал Игнат. Верховский, стоявший возле него и наблюдавший за тушением пожара, махнул рукой:

— И трубы лопаются, вода замерзает. Это же — несчастье. Тут инженеру, строителю переучиваться надо. Физику холода изучить на все сто процентов. Словно на иной планете. За что ни возьмись, делай поправку на холод да на мерзлоту. Вот Верочка. Она прямо больна этой самой мерзлотой. Честное слово, я даже боюсь за нее. Ведь все расчеты, все строительные нормы, весь опыт в других широтах создавались. Никогда еще не было на Крайнем Севере такого огромного строительства. Ошибки неизбежны. А она уж больно близко к сердцу эти ошибки принимает.

Игнат смотрел на пожарных.

— А знаете, о чем я думаю, — сказал Игнат, глядя на огонь. — Вы правы, тут всему переучиваться надо, все создавать по-иному. Вот и огнетушение. Тут надо придумать что-то иное. Надо горячей водой тушить. Да, да. Нагревать электричеством. Придется и об этом подумать. Эй! Эй! — закричал Игнат, вдруг заглушив гул голосов и треск пламени. — Давайте на этот склад больше воды! Растаскивайте доски! — И он рванулся в гущу копошившихся возле пожара людей.

— Ну, идем, что ли? Без тебя справятся, — сказал Верховский, дергая Игната за рукав.

— Куда идти? Зачем? — спросил он еще возбужденным, охрипшим голосом.

— Идем, говорю, — настойчиво повторил Верховский. — Я покажу тебе кое-

что интересней пожара.

Игнат еще раз взглянул на догоравший штабель бревен — другие удалось отстоять, — сдвинул меховую шапку со вспотевшего лба и неохотно ответил:

— Ну, что же, идем, Дед. Но только, если не интересно...

— Интереснее ты еще никогда не видел, — уверял Верховский.

— Как для кого...

Верховский легко и быстро зашагал вперед. Они направились к брошенной строительной площадке, где была обнаружена в подпочве большая линза льда, сохранившаяся со времен ледникового периода. Электрические фонари ярко освещали площадку. Среди бугров земли и ледяных осколков двигались люди. Визжали буровые машины, скрежетали экскаваторы, ворочали длинными шеями, щелкали пастью ковшей, заглатывавших мерзлый грунт.

— Что это? — удивился Игнат. — Работа идет на полный ход. На линзе? Нет, видно, мерзлота свела с ума нашу Веру.

Верховский только посмеивался. Когда подошли ближе, он сказал:

— Тут уже не Вера орудует. Помнишь, нашел я кости, шерсть мамонта. Я тогда же телеграфировал о находке Академии наук. И вот, как видишь. Теперь тут палеонтологи работают. Докопались до двух мамонтовых туш. Одна целехонька. Ну, мамонты — это еще не диво. Наши ученые нашли здесь такое диво, что ахнешь. Идем сюда. — И Верховский махнул рукой в сторону нового иглу.

Сильно нагнувшись, они вошли внутрь куполообразного снежного здания. В зените потолка горела ртутная лампа, ярко освещая оледенелый «небосклон». Игнат оглянулся и увидел на снежной лежанке человека среднего роста, очень широкого в костях, с подогнутой левой ногой и откинутой правой рукой. Большой палец руки сидел значительно ниже, чем у современного человека. Смуглое лицо с широким носом и толстыми губами. Узкий, покатый лоб с сильно развитыми надбровными дугами, сливающимися над переносьем в большой надбровный валик. Большая крепкая челюсть со срезанным подбородком. Длинные густые паклеобразные волосы до плеч. На теле — звериная шкура. На ногах — грубо сделанные кожаные полусапоги. Часть обнаженных ног и грудь покрыты густыми волосами. Возле откинутой руки лежит каменный топор.

Игнат застыл от изумления.

— Так и нашли... с топором, — тихо, почти шепотом сказал Верховский. — Понимаешь? Человек ледникового периода. В полной целостности и исправности, то есть в сохранности.

— Вот так находка! — с волнением произнес Игнат.

— Находка — первый сорт, — ответил Дед. — Когда-то один ученый, заведующий мерзлотной лабораторией Геологического института Академии наук, мечтал: «Во мне живет уверенность, что со временем мы обнаружим в вечной мерзлоте и неразложившиеся трупы людей, современных мамонтам. И если череп неандертальского человека возбудил интерес во всем научном мире, то какой же будет подъем научной мысли, когда мы обнаружим неразложившийся труп первобытного человека». И вот нашли, обнаружили. Представляешь, какой шум поднимется теперь во всем научном мире?

22. Сын солнца

Молодой тунгус Ашихин учился; он уже настолько изучил электромонтаж, что был отправлен в шахты на работы по электрификации подземного курорта.

Пещеры сильно поразили воображение Ашихина. Он не мог представить, что под мерзлой, засыпанной снегом землей существуют такие обширные пещеры, где тепло совсем по-летнему. Там же, под землей, он встретился с черным человеком, которого в первый раз видел на лекции Пелькина.

Джим потряс руку Ашихина и сказал:

— Идем, я покажу тебе, где работать.

У большого мрачного подземного озера, отражающего черной поверхностью свода пещеры, освещаемые дуговыми фонарями, копошились люди. Свет и тени, черные и белые цвета. Словно картина на экране кино. Третью озера была покрыта плотами, на плотках возведены леса, поднимающиеся к высокому своду. На лесах работали люди, скальвая с «потолка» нависшие глыбы. В одной этой пещере могло разместиться одновременно не менее тысячи человек. По проекту Колосовой, вся пещера должна быть покрыта железобетонным колпаком, огромной полусферой, вполне гарантирующей от обвала. Игнат допытывался, какое будет небо — серое железобетонное или же выкрашенное в голубой цвет, но Колосова держала свои планы в секрете. Она заявила, что, когда начнут отделку, никого сюда не пустит, кроме рабочих.

Рядом с лесами возвышались огромные кучи песка. Игнат взял горсть и начал разминать, как муку.

— А песочек-то — красота. Золотой песок! — похваливал он.

Этот песок подвозился издалека. Он был найден под снегом у небольшой замерзшей речки Фомою Груздевым во время охоты с Джимом, Игнатом и Ашихиным. Игнат заявил, что этой находкой Фома утер нос геологам. И в самом деле, они долго и тщетно искали осенью песок в окрестностях «Ледяного города» и не нашли. А Фома нашел под снегом. Он шел с ружьем, балагурил, рассказывал о своих охотничьих приключениях, а сам незаметно присматривался к неровностям почвы. Фома рассказывал:

— Лежу я под тигром и думаю: капут пришел Фоме Груздеву. Вот здесь копнуть надо. — Фома прервал свой рассказ на самом интересном месте и остановился. — Вот здесь копнуть надо.

Спутники, заслушавшись, сразу даже не поняли такого перехода.

— Речушка должна тут быть под снегом. И песок, — разъяснил он.

— Ах, черт лысый! — воскликнул Игнат и, отстегнув от пояса саперную лопату, начал копать снег. Фома стоял с киркою наготове. Песок лежал на большом протяжении по берегам неведомой речки. Его запасов должно было хватить на все нужды строительства и даже для пляжа подземного курорта.

Фома хорошо знал почву тундры и тайги, не хуже геологов знал содружество тех или иных ископаемых, зависимость их месторождений от характера почвы. За долгую бродячую жизнь все это наметалось у него в глазу. Он слишком долго читал открытую книгу природы и научился читать ее лучше, чем буквы в печатных книгах.

Этот охотничий эпизод вспомнил сейчас Игнат. Песок есть, есть, значит, и бетон. На площадке будущей теплопадной станции уже пломбировали трещи-

ну, образованную в гранитной почве действием замерзшей воды. В подземелье к бетонному делу Вера приставила Джима. Вначале ему это показалось малоинтересным, не скоро он вошел во вкус. Теплота подземелья очень облегчала работу. Цемент схватывался очень быстро. Успевай только замешивать.

— Вот тебе и новая квалификация, — сказал Игнат, глядя на его работу. — Видно, что ты уже имел дело с бетоном. И пропорцию хорошо берешь, и замешиваешь. Вырастешь в инженера-бетонщика. Не хуже консервирования рыбы.

— Интересно, — сказал Джим улыбаясь.

Джим сам не мог разобраться в новых, сложных мыслях и чувствах, которые были связаны с его работой. Сама по себе эта работа — замешивание бетона — была почти так же однообразна, как и консервирование рыбы. Интереснее она, значит, была другим. Консервная банка уходила из рук Джима и больше не существовала для него. Она была и оставалась на всех стадиях работы собственностью хозяина. Не Джим и не его товарищи-рабочие будут есть эти консервы, не они получают доход от продажи. Здесь же, на его новой родине, все было иначе. Джим все больше проникался мыслью, что здесь он не только рабочий, но и хозяин, что он делает для себя и таких же рабочих, как он сам, что заработной платой не погашается его право на произведение его рук, не уничтожается связь с тем, что он изготовил. Он видит, как замешанный им бетон по транспортерам и лифтам движется, поднимается к своду пещеры и покрывает ее неприглядную поверхность ровным слоем. На его глазах неровный, бугристый свод пещеры превращается в правильную, гладкую полусферу. Это будет свод неба подземного курорта, предназначенного для отдыха самого Джима и других строителей Челюскина. Скорее бы заголубел небесный свод, взойшло подземное солнце, зазеленели пальмы и бананы.

Быстро движутся транспортеры, но еще быстрее движутся руки Джима и его товарищей. Ведь от этой быстроты зависит приближение того дня, когда за Полярным кругом появятся тропики, когда жизнь в Челюскине станет еще интереснее, радостнее, приятнее. Здесь будут отдыхать и веселиться тысячи рабочих и с ними он, Джим. Вон на том берегу у озера он ляжет под цветущими деревьями, будет греться на солнце и думать: «Я тоже принимал участие в работе. Я делал «небо» для меня и моих товарищей».

Они будут набираться здесь сил и с новой энергией примутся побеждать природу, климат, строить сердце Челюскина — температурную станцию. И из Челюскина через льды и снега — по тундре и тайге — потечет живительный ток. И оживут мертвые пустыни, завертятся колеса электропоездов, задвигаются рычаги машин, вспыхнут яркие искусственные солнца среди вечной тьмы. Благодетельное тепло наполнит дома, заводские помещения, оранжереи. Новые люди придут сюда, на край света, и с улыбкой радостного изумления скажут: «А здесь совсем не плохо!» Они могут не знать о Джиме, это не важно. Но какое чувство самоудовлетворения будет испытывать Джим от мысли, что и он внес во все это свою трудовую лепту.

А оживленные богатства Севера растекутся щедрыми потоками по всей стране, и такими же щедрыми потоками другие — более южные области страны — пришлют сюда то, чего не хватает под небом Арктики.

Все эти мысли постепенно выяснялись, цеплялись друг за друга, крепились, расширялись в голове Джима. Работа становилась все интереснее, живее,

осмысленнее. Все веселее улыбалось лицо Джима, все быстрее двигались руки. Он неохотно бросал работу, когда сигнал оповещал об окончании рабочего дня. Только теперь он понял, что труд сам по себе может быть радостью.

Ашихин с другими монтерами вел проводку электрических линий дальше, углубляясь в бесконечную вереницу пещер.

23. Иван Иванович Власов

В северо-западной части неба полыхало северное сияние. Сначала появились бледные пятна, светящиеся, как легкие облака, освещенные луной. Потом по небу начали шнырять с какой-то невидимой границы над горизонтом голубовато-зеленоватые лучи. Лучи гасли, загорались вновь, перекрещивались, растягивались широкими полотнищами, свисали бахромой, края бахромы наливались розоватым светом. И вдруг весь небосклон вспыхнул и заиграл нежными цветами радуги.

Игнат не раз любовался и не мог налюбоваться этим зрелищем. Полярная ночь стала светлее. Отсветы падали на снег. Игнат остановился и глядел на световую симфонию. На светящемся фоне он заметил черные движущиеся точки. Одна, две, три, четыре, пять, шесть... Птицы? Они не залетят на такую огромную высоту. Да и нет здесь сейчас никаких перелетных птиц. Неведомые птицы увеличивались в размерах с необычайной быстротой. Да ведь это снижаются из стратосферных высот наши стратопланы! Полторы тысячи километров в час! Они летят почти со скоростью вращения земли вокруг своей оси. Вот загрелись взрывы ракетных двигателей: стратопланы летели быстрее звука. У стратопланов начали отрастать крылья. Чем быстрее полет, тем меньше была площадь крыла. Перед посадкой же скорость полета уменьшалась, крылья постепенно раздвигались до полной величины.

Стратопланы начали делать круги над стратодромом, тормозя скорость полета. В хвостовой части у выходных дюз уже не видно было дыма: взрывы давно прекратились, но громовые раскаты все еще нарастали — звук последних взрывов реактивных двигателей только догонял стратопланы. Они наконец успели снизиться и сесть, а небо и земля все еще грохотали.

На горизонте показались новые черные точки.

Только недавно стратопланы овладели стратосферной трассой, люди еще не успели привыкнуть к ним так, как к аэропланам.

— Летят! — услышал Игнат голоса рабочих, проходивших по улице.

— Новая партия строителей.

— Наверно, из Ленинграда. Несколько часов — и на месте. Это тебе не старый сибирский экспресс! — слышался смех.

Над старичком-паровозом теперь смеялись, называли его «технической улитой», медленно ползущей по рельсам. Подумать только! А когда первый поезд прошел двадцать километров в час, это казалось такой безумной скоростью, что его называли молнией.

Да, это летели рабочие. Пелькин и Колосова неплохо разработали конвейер заполярного строительства электростанции. В летнюю навигацию по северным морям на пароходах забрасывались строительные материалы и первые партии рабочих. Сначала строился город, начиная с дорог и тротуаров, затем жилые дома, город теплофицировался, освещался, проводилась канализация, водопровод. Квартиры обставлялись мебелью. Одновременно в пригородах

появлялись огороды, строились оранжереи, свинарники, крольчатники. В ледяных иглу и стандартных домах легкого типа приходилось жить только этим первым поселенцам. Когда начиналось капитальное строительство электростанций, их оборудование, монтаж, прилетали новые партии рабочих и получали уже готовые квартиры. В этих фундаментально построенных домах они жили, пока станция не пускалась в эксплуатацию. Затем монтеры перелетали на новую стройку, а их квартиры занимались уже постоянными жильцами — работниками эксплуатации. Стандартные же дома, построенные для новых партий, разбирались и по частям перебрасывались на новую стройку.

Игнату хотелось пойти на огромный ледяной стратодром. Но он спешил к Ивану Ивановичу Власову посмотреть оранжереи, Пелькин и Верховский отправились с ним.

Оранжереи находились за чертой города и были защищены от вторжения медведей колючей проволокой. Они занимали площадь в десяток гектаров. И это было только начало. Оранжереи имели застекленные рамы, на зиму покрытые соломенными щитами, облитыми водой. Летом они открывались — в это время освещались и отеплялись солнцем. Весной и осенью было комбинированное освещение и отопление: солнечное и электрическое.

Иван Иванович Власов сортировал семена в своей маленькой конторке. В оранжереях было тепло и влажно. Пахло свежей зеленью и цветами. Лампы в пятьсот свечей каждая, опущенные над грядками, ярко освещали помещение. Как нитка ожерелья, они уходили далеко в глубь оранжереи. Конторка Власова была отделена от оранжереи стеклянной перегородкой. Это был кабинет агронома. На большом столе рядом с семенами, опытными горшками с рассадой, пробирками, стаканчиками, пробами земли, кувшинчиками, химическими аппаратами, микроскопами виднелись электротехнические приборы. На стене — распределительный щит. Не видно было только графика нагрузки: здесь она днем и ночью долгу зиму оставалась на одной высоте — как по линейке.

Иван Иванович был молчаливый старик маленького роста. Ему перевалило за шестьдесят, но в его рыжеватых волосах, сохранившихся пониже огромной лысины, не было ни одного седого волоса. Он имел длинный стаж работы на Севере. Изучал это дело еще молодым человеком в заполярном совхозе. Затем спустился южнее — работал на Урале, в заброшенном городке. Застал еще те времена, когда многие местные жители ели самодельными костяными вилами. Местные жители были уверены, что у них ничего не вырастет и расти не может. Городок стал большим городом на глазах Власова. И он немало потрудился, чтобы в этом бесплодном крае росли зерновые хлеба. На улицах города появились газоны и клумбы, на которых летом зацвели тюльпаны, астры, левкой. Вырастил клубнику-викторию, крыжовник, вишню и научил плодоводству местное население. Распространил по краю морозоустойчивую яблоню. На его селекционной станции удалось вырастить даже люфу и египетский папирус. Потом он работал на Игарке и, наконец, приехал сюда. Он был фанатиком своего дела, агрономом-революционером. Он был последователем жесткой мичуринской школы, не переносил неженки растительного мира и отбирал только те, которые проявляли свою жизнеспособность в самых суровых условиях. На оранжереи он смотрел как на временный компромисс.

В челюскинских оранжереях он установил цикл посадки и сбора урожая.

Так как электрическое солнце светило без отказа, то садить и выращивать растения можно было в любое время года. И он круглый год бесперебойно доставлял в столовую свежие овощи и ягоды.

— Если бы нашего Ивана Ивановича переселить на Северный полюс, то он начал бы с того, что на самой «шишечке» полюса посадил бы кочан капусты, — смеясь, говорили рабочие. — Земли там нет. С собой в карманах принес бы.

Иван Иванович не был доволен лучами электросолнца. Чего-то в них не хватало, по его мнению, или было что-то лишнее. Витаминосность растений была ниже нормы.

— Ну, ведите нас и показывайте ваше заболевшее солнце, — сказал Игнат.

Власов провел гостей в самый конец оранжереи. Там было несколько помещений, в которых стояли растения, освещенные одни красными, другие зеленоватыми огнями, иные желтыми или синими.

— У меня много желтых и красных ламп, мало синих. Лампы одного цвета мы употребляем для подгонки растений и быстрого плодоношения, другого — для осаживания роста. Разные цели, разные растения — разный и цвет лучей. А бывает нужно подобрать и несколько цветов, чтобы и росли скорее и вширь раздавались.

— В чем же у вас незадача? — спросил Игнат.

— В том, что семена растений у меня одинаковые, температура одинаковая, почва одинаковая, а два растения в одинаковых условиях неодинаково растут. Я думаю, что лампы неодинаковые. Может быть, неодинаковое наполнение газом.

— Вы так уверены, что и семена, и растения, и все условия, кроме света, у вас одинаковые? Ведь лампы сделать одинаковыми легче, чем найти два одинаковых зерна, два семечка, — сказал Игнат.

Власов немного даже обиделся.

— Я это знаю. Я делаю свои выводы на сотнях и тысячах наблюдений. Нет, мои растения в порядке. Непорядок в ваших лампах.

— Хорошо, я проверю несколько ламп, — сказал Игнат. — Но только держитесь, если они окажутся в порядке!

24. Аэрофикатор

Он прилетел на закате весеннего дня. Уверенно сделал посадку, осмотрел трехмоторную амфибию, сам ввел в ангар и явился к Пелькину.

— Ольгов! Главный аэрофикатор Севера. Каким ветром тебя занесло? И без предупреждения! — удивился и обрадовался Пелькин, увидав воздушного гостя.

Ольгов, крепкий мужчина сорока четырех лет с двадцатилетним стажем летчика, пожал руку хозяина.

— Чаю! — первое слово, которое он произнес. — Здорово, Пелькин, как живешь? Каким ветром занесло, говоришь? Попутным, отличным.

Его грубоватое, квадратное, бритое лицо было добродушно и в то же время энергично. Говорил он глуховатым баском. В полетах Ольгов проводил едва ли не больше времени, чем на земле, и это наложило своеобразную печать на его психику. На земной муравейник он привык смотреть сверху вниз. В нем не было гордости сокола, с презрением относящегося к узам, ползающим по земле. Нет, он был очень общительный и веселый человек. Но его и на земле не оставляло ощущение пространственной свободы, простора. Это был человек нового психического склада. Он жил на озере Имандра, где находился северный аэропорт, но имел квартиру в Ленинграде. У него был годовой билет во все ленинградские театры, и, приезжая на побывку домой, Ольгов или посещал театры, или проводил время в кругу друзей. Через несколько дней он уже начинал скучать по своей амфибии и уезжал на Север.

Когда подали чай, Ольгов засел за стол всерьез и надолго. Он мог сутки и более не есть, не пить, не спать, а затем съесть гору, выпить море и проспаться пару суток. Его организм уже приспособился к такому необычному режиму.

Пелькин не мешал гостю и лишь после шестой или седьмой чашки сказал:

— Ты мне все-таки не ответил, зачем прилетел к нам. Ведешь ледокол?

— Веду. А прилетел для того, чтобы с Симаковым сразиться — капитаном вездехода.

— Сразиться? Из-за чего же? — удивился Пелькин.

Вечером у Пелькина нередко собиралась техническая интеллигенция «Ледяного города». И на этот раз пришли к чаю Игнат и Джим. Познакомились. Ольгов очень заинтересовался, когда узнал, что Джим из Флориды.

— Там я еще не летал, — сказал Ольгов, — а интересно бы полетать. Но жить на юге — брррр! Не выношу юга! — воскликнул Ольгов. — Я как только попадаю на юг, так и заболеваю. Люблю Север. На Севере я здоров, бодр, шагаю, как белый медведь. На охоту хожу. На лыжах бегаю. Собак ездовых обучаю. На своей амфибии притащил их из Алтая. Хорошая у меня машина. Не очень быстросходная, но надежная, устойчивая.

— Ты где же сейчас летаешь?

— Сейчас мой маршрут Мурманск — Шпицберген. А база — на озере Имандра. С Имандры так и летим на Шпицберген. Там бухточка подходящая для посадки есть. Полеты на Шпицберген для меня будничная работа. А так мало ли чего не случается! Траулер пропавший разыскивать, или ледокол затрет. Чего со мной не было! Даже самолет в воздухе горел, и ничего, жив, не берет меня никакая сила. Закаленный боец.

— Нет, ты мне все-таки скажи, зачем тебе Симаков нужен.

— А чтоб поколотить его, — добродушно ответил Ольгов. — Выдумал тоже черта в ступе — вездеход.

— Тебе конкуренцию делает, — рассмеялся Пелькин. Ишь ты, поднебесный человек, на нас плюешь с высокого потолка, а как за живое взяло, так с облаков спустился и сам в драку лезешь.

— Что? Конкуренция? Никакой конкуренции тут нет и быть не может. Для меня и стратопланы не конкуренция. Каждому свое. И я ни на какой стратоплан свою старушку-амфибию не променяю. Симакову я хочу сказать по душам, что ни к черту этот вездеход не нужен. Я ему бока намну за фантазерство.

— Да чего ты так взъелся? — спросил Игнат. — Ты, брат, как Юпитер, сердисься, а говорят, Юпитер сердится, когда не прав. Я сам ездил на вездеходе и видал его в разных переделках. Усовершенствовать надо, но, в общем, штука полезная.

— Для чего полезная? На какую надобность? — горячился Ольгов.

— Ну, геологические разведки...

— Ты вот послушай меня. Видно, и вы мало знаете о нашей работе. Геологические разведки! Эка невидаль! А мы этим не занимаемся? Мы уж сколько лет геологов обслуживаем. Ведь вездеход по горам лазить не будет? Через пропасти не перескочит? То-то.

— Какая же геологическая разведка может быть на аэроплане?

— А вот какая. Самая настоящая...

Ольгов не успел договорить. В комнату вошел новый гость — американский летчик Смайльс, потерпевший аварию. Когда Ольгов узнал об этом, он забросал Смайльса вопросами, забыв об окружающих. Два человека воздуха встретились друг с другом и заговорили о своем небе. Долго ли летал, на какой машине, какая скорость, отчего произошла авария, как боролся с вышедшей из повиновения машиной? Смайльс едва успевал отвечать, а Ольгов делал быстрые замечания: правильно, это была ошибка, ловко, ах, черт возьми... — и снова задавал вопросы. В несколько минут он узнал всю летную биографию своего товарища по профессии. Из рабочих. Отбывал военную службу в воздушном флоте. Научился летать. Служил у предпринимателя — научился высшему пилотажу, всяким головоломным трюкам, выступал на потеху толпе, рискуя своей жизнью. Прыгал с парашютом на трапеции вниз головой... Перешел на службу к богачу-рекордсмену, который «на нем» делал рекорды. Участвовал в нескольких полетах на скорость, на дальность полета без спуска. Летали с шефом, но не долетели до Южного полюса... И, наконец, потерпели аварию в последнем рекордном полете, направляясь через Сибирь в Париж.

Богач-спортсмен застрелился во время падения. Смайльс выжил...

— И еще будете летать? — спросил Ольгов.

— Нет, — ответил Смайльс. — Довольно с меня. Но вы рассказывали, кажется, о себе. Продолжайте, я послушаю.

Ольгов начал прерванный разговор, обращаясь преимущественно к Смайльсу.

— Я говорил о том, какое разнообразное применение имеет у нас аэроплан на Севере. Геологические разведки, например. Я беру на борт двух-трех геологов и отправляюсь с ними на разведку. На дне кабины несколько фотокамер. Одна с кинолентой для засъемки всего маршрута, другая — с объективом-те-

лескопом, третья — стереоскопическая. Мы летим низко, бреющим полетом. Геологи зорко всматриваются в геологическое строение почвы, наблюдая в бинокль. Они видят землю так близко, как рукой подать. На интересных местах делают снимки телеобъективом и стереоскопическими аппаратами. Их двое. Иногда мы снимаем стереоскопически и так: делаем один снимок, пролетаем секунды две, делаем второй. Эти два снимка, сделанные под разными углами, и дадут в стереоскопе один.

Геологи настолько наметали глаз, что сразу определяют, где бесплодная почва и где могут быть редкие земли, которые их интересуют. За несколько часов мы обзреваем огромную площадь. Затем на отмеченные места летит вторая экспедиция. Вся она состоит из двух-трех геологов. Я снижаюсь на озере — в хибинских тундрах этих озер на каждом шагу, высаживаю своих пассажиров, доставляю им продовольствие, инструменты, на всякий случай снабжаю радиостанцией. Они работают месяц-два, собирают образцы, бурят скважины, все, что полагается, и сообщают по радио, когда прилететь за ними.

Таким путем удалось сравнительно в очень короткий срок составить великолепную подробную геологическую карту Хибин. Без аэроплана на эту работу ушли бы годы, долгие годы.

А вездеход? Какой же он вездеход, если он по горам не ходит!

Или возьми море. Черт побери! Твой вездеход и тут бессилён. А мы, летчики... Вот я документы, почту вожу на Шпицберген через море, мурманские рыбные тресты обслуживаю. Наши гидропланы кружатся над морем, как чайки, и выскивают косяки рыбы. Идет сельдь, треска — по радио сообщаю.

В бурю раскидывает траулеры, нет вестей от кого-нибудь. Надо идти на розыски. И идешь, и находишь, если не пошел ко дну, — сообщаешь долготу и широту, и туда отправляются на помощь быстроходные дизельные траулеры. Мы летаем на острова, выглядываем, где появились скопища моржей, тюленей, и направляем туда промысловые суда. А охота на китов! Это ж красота! Вылетаешь солнечной полярной ночью и пошел прямо на север. Внизу — вода, голубые моря, а по морю синяя речка течет — Гольфстрим. С высоты цвет его воды резко отличается от вод Баренцева моря. Минуешь Гольфстрим — снова голубые просторы. Смотришь на горизонт. И вдруг в лучах красноватого, низко стоящего над горизонтом солнца фонтаны золотые из воды — стадо китов!.. Спины блестят, лоснятся на солнце, когда поворачиваются, в воде лавируют. Красота! И летит по эфиру телеграмма. Спешат наши охотники.

А олени! Мы и оленеводам помогаем. Разбредутся олени стада летом, и собрать их — нелегкая штука. Раньше, бывало, к осени многих голов так и не досчитывались. Теперь мы на своих аэропланах и пастухами заделались, по тундрам рыщем. Не то что стадо — и один олень от нас не укроется. Будьте покойны. Бывало так, что не только найдем, да еще и пригоним. Боятся они шуму аэропланного. Вот и начнешь пугать их. Залетаешь с той стороны, откуда гнать надо, снизишься и гудишь. Бегут олени. Круг сделаешь, и снова над ними. Направление дашь, подчас этого довольно бывает.

— Это все отлично, — возразил Игнат, — но нельзя смотреть и на земные дела с высоты своего полета. Высота уменьшает масштабы, и все земные предметы и дела кажутся тебе меньше, чем они на самом деле. Взять хотя бы тот же вездеход «Тайга». Это, братец, совсем не такая ничтожная и бесполезная бу-

кашка. Ты не читал отчет Симакова о результатах его первого, пробного рейса по тайге? То-то и есть. А я читал. Вездеход «Тайга» открыл уже в непроходимых доселе лесных дебрях столько полезных ископаемых, что уже сейчас приходится делать пересчет общих запасов золота, угля, нефти, сланцев и прочего. А ведь это только, повторяю, первый рейс. Технически корабль «Тайга», конечно, еще несовершенен. Над его усовершенствованием сейчас работают десятки инженеров и изобретателей. Но толчок этому делу дал Симаков. Перед отъездом я виделся с Симаковым, и он говорил мне, что имел недавно

разговор по радио с Кремлем. Теплый, хороший разговор. Его очень ценят и, наверно, наградят орденом. Если хочешь намять ему бока, оставайся в Челюскине. Симаков еще вернется сюда, а отсюда прямо в Москву со своим вездеходом. Но только смотри, чтобы тебе самому бока не помяли, если ты круто обойдешься с ним.

— Намну! Все равно намну, — воскликнул Ольгов. — Намну бока хотя бы за то, что он скрытничал, никому не говорил о своих успехах, если они так велики.

— Но ведь это же был первый, опытный рейс, — сказал Игнат. — Когда испытывают аэроплан новой конструкции, тоже ведь не спешат трубить об этом до окончания испытаний...

— Аэроплан! — гордо ответил Ольгов. — Это совсем другая материя.

Спор готов был вспыхнуть снова, но тут Джим спросил Ольгова:

— Товарищ Ольгов! Но неужели вас никогда не тянет на юг?

— Никогда не променяю я Север на юг! — решительно ответил Ольгов. — Север — мой дом, обжитое место. Меня на Севере всюду знают, знают и любят. Я везде и нигде. Сегодня я здесь, завтра там. А больше — на Имандре. Охота там хороша. Приезжайте, Смайльс, в гости, охотиться будем. Жаль, что вы свое летное дело бросаете. Вот, говорят, у публики такое мнение, что потерпел летчик аварию — и уже не годен. Сломался человек. Уверенности нет. Бросает воздушную службу. Я не верил этому. Как так? Да знаете ли вы, что за двадцать лет авиационной работы у меня было немало аварий? И ничего. Летая и бросать не думаю. Еще двадцать лет готов летать. Но вот теперь сам вижу, что есть такие люди, которые бросают. — И он с дружеским упреком хлопнул Смайльса по плечу.

Смайльс вдруг поднялся, немного побледнел от волнения и торжественно сказал:

— Товарищ Ольгов и вы все, товарищи. Я внимательно выслушал, как у вас работает авиация. И только теперь впервые понял разницу. Это же совсем не то, что у нас в Америке. Правда, аэропланы и там широко применяются и для транспорта, и в хозяйстве. Но летчик, работающий на линии, это тот же машинист, кондуктор. Настоящая отвага есть у спортсменов, рекордсменов, которых жизнь заставила рисковать головой. Тщеславие или деньги, или то и другое вместе — ничтожные пружины героизма. Ваша работа осмысленная, целевая, полезная. Тут есть и риск для любителей, тут и будни, согретые сознанием великой важности, полезности дела... Словом, я хочу работать с вами, Ольгов, если вы примете меня...

— Ур-ра! — закричал Ольгов. Все подхватили этот крик и начали качать смутившегося Смайльса.

— Полетел! Летай, летай! — кричали и смеялись вокруг него.

Он беспомощно болтал в воздухе руками и ногами.

Вошедший Ашихин остановился у порога и смотрел на радостных и веселых людей.

25. «Северопуть»

У Веры Колосовой были свои заботы. Трещина в гранитном грунте была забетонирована, и на берегу моря быстро росло величественное здание первой температурной электростанции. Этому зданию не угрожала мерзлота. Но упорная борьба с ней продолжалась. Еще несколько зданий покосились и дали трещины. Приходилось ремонтировать их.

Новое событие внесло большое оживление в жизнь города. Радио сообщило о приближении к мысу Челюскину нового ледокола, открывавшего навигацию в этом году. О ледоколе «Северопуть» писали в газетах, передавали информацию по радио. Это был настоящий левиафан, имевший грузоподъемность в сто пятьдесят тысяч тонн. Его цельностальной сварной корпус оригинальной конструкции может выдержать самое сильное сжатие льдов. Ему не грозила судьба «Челюскина», раздавленного льдами в 1934 году. Пуск его в эксплуатацию означал начало бесперебойного морского сообщения вдоль Великого сибирского пути. Полярный гигант обладал еще электроледорезами. В крайних случаях, когда необходимо было выбиться из слишком тяжелых льдов или бороться с давлением наседавших ледяных масс, ледокол мог пустить в ход эти ледорезы. Металлические пластины накалялись электричеством добела и разрезали ледяные глыбы. Однако это приспособление еще не было пущено в ход, — оно требовало огромного количества электроэнергии. Только после того как все теплопады, расположенные на берегах арктических морей, войдут в эксплуатацию, можно будет, не считаясь с расходами тока, пустить в ход электроледорезы. Челюскинский теплопад должен был дать этим летом первый ток для зарядки аккумуляторов ледорезов.

«Северопуть» является вместе с тем и авиаматкой. На его борту установлено несколько мощных гидропланов, которые в случае аварии могли перенести на континент весь экипаж ледокола. А экипаж этот был не слишком многочисленен, так как все управление было электрифицировано, автоматизировано.

— Сегодня прибывает «Северопуть», — сообщало утром радио. Через несколько минут после этого сообщения на площадку аэродрома спустилась амфибия с первыми пассажирами ледокола — специальными корреспондентами столичных газет. Вечером на горизонте появился сам левиафан полярных морей. Он известил о своем приближении ракетами, пушечным выстрелом и мощным гудком сирены. Берег ответил звуками оркестра.

Город разукрасился флагами.

Когда ледокол подошел ближе и повернулся бортом, береговые зрители увидели второй ледокол, доселе скрывавшийся за огромной массой «Северопути». Второй ледокол казался совсем маленьким. На его борту была надпись: «Челюскин».

Да, это был сам «Челюскин», погибший во льдах, найденный и поднятый Эпроном, отремонтированный и снова вступивший в строй.

Жители города Челюскина знали о подъеме затонувшего ледокола, о том, что он отведен для ремонта в архангельский док. Дальнейших сведений о ле-

доколе не поступало, и о нем забыли. «Северопуть» готовил для челюскинцев сюрприз. Ледовый ветеран приближался к городу-тезке. Земной Челюскин горячо приветствовал морского.

Гостей поместили в новой гостинице, красовавшейся на берегу моря.

К этой встрече Челюскин готовился уже давно. Теплопад был готов. Оставалось только ждать морозов, чтобы пустить в движение теплопады и дать первый ток на зарядку аккумуляторов ледореза. «Северопуть» собирался в обратный долгий путь. Разве это возможно? Не остановят ли льды даже этот сверхмощный ледокол? Не слишком ли дорого обойдется рейс со сплошным форсированием льдов? Об этом говорили, спорили, читали лекции. Капитан ледокола был уверен, что «Северопуть» справится с задачей.

Несколько дней остановки были употреблены на то, чтобы разгрузить привезенные для Челюскина материалы и машины. Гости за это время осматривали достопримечательности ледяного города. К величайшему сожалению Деда, Челюскин в это время года был уже не ледяным. «Снегурочка» растаяла. И Дед едва не плакал, видя, как солнце уничтожает великолепнейшие изделия ледяной индустрии и скульптуры.

— Приезжайте к нам зимой, и вы увидите настоящий ледяной город, — говорил он, обращаясь к морякам. — Но все же и сейчас у нас есть что посмотреть. Он пригласил их в Музей-ледник, находящийся в одной из пещер вечной мерзлоты.

26. Назойливое солнце

В этот своеобразный музей приходилось спускаться под землю по широкой, хорошо освещенной лестнице с отлогими ступенями. Чем ниже спускались, тем становилось холодней.

— Температура здесь стоит круглый год и круглые сутки ниже нуля, — объяснял Дед. — Большую пещеру мы оставили почти неприкосновенной, сделав только проходы и пол. Вот наш экспонат номер первый.

Почти всю пещеру занимал большой наплыв вечной мерзлоты, а в нем — найденная в этой же пещере огромная туша мамонта. Туловище его осело назад, и задние ноги до брюха вмерзли в ледяную массу. Все тело выражало напряжение: видимо, мамонт когда-то увяз в болотистой почве. Это было, вероятно, осенью — днем или вечером. До наступления ночи мамонту не удалось выбраться, а ночью ударил мороз. Ведь и на протяжении ледникового периода летом было относительно тепло, и температура повышалась намного выше нуля, растопляя ледяной покров. Мамонт вмерз еще живым. Он отчаянно боролся за свою жизнь. У его передних ног почва была изрыта. Камни свалены в кучу. Вероятно, он цеплялся за них хоботом и таким образом стащил в одно место. Его хобот был опущен; нижняя часть выдавалась немного вперед. Грозное тело покрыто длинной шерстью. Сохранились даже маленькие глаза, с испугом устремленные вдаль. Что видел он перед смертью? Хмурое небо, ледяные поля, под которыми он искал мох, разбивая ледяной покров своими мощными бивнями... Сколько столетий, быть может, тысячелетий, смотрел он вот так невидящими мертвыми глазами на далекий берег моря, пока геологическая катастрофа не погребла его и не засыпала сверху землей! Случай приготовил ему ледяной склеп.

Дед взял на себя роль проводника и лектора. Надземные владения его были

уничтожены солнечными лучами, но оставалось еще это подземное царство. Лучи солнца не смели заглядывать сюда, в эту обитель вечного холода.

Он увлекал гостей все дальше. Показал семейство полярных медведей, стоявших на большой льдине. Устроители музея немало потрудились над тем, чтобы придать экспонатам естественный вид живых животных. Пока еще не наступило трупное окоченение, их телам было придано нужное положение. Медведица наклонила голову над краем льдины, как бы заглядывая в воду; двое медвежат смотрели туда же. Медведь-самец стоял на высокой льдине и всматривался вперед, приподняв голову. Он стоял на страже.

В следующей пещере находились мелкие полярные животные, дальше птицы, рептилии и даже насекомые.

— У нас здесь представлены почти все животные полярных и приполярных стран, — сказал Верховский. Это первый музей подобного рода. Мы хотим, чтобы он оставался первым и по своему значению, по своей полноте. Подумайте только: пройдут не сотни, а тысячи лет; лицо земли станет неузнаваемым; белые медведи, быть может, исчезнут, а вот эти будут стоять нетленными, неприкосновенными памятниками минувших эпох.

— А если мы изменим климат настолько, что в здешних широтах будет тепло, как сейчас на юге? — спросил один из посетителей.

— Ну, разумеется, тогда придется искусственно охлаждать музей. Технически вещь совершенно простая.

— У нас есть не только «полярная» пещера, но и тропическая. Верочка, веди нас в подземный курорт!

Но Вера запротестовала. Курорт еще не совсем готов. А она уже не раз заявляла, что никому не покажет его до тех пор, пока он не будет окончен.

Обращаясь к гостям, Колосова сказала:

— Вы скоро вернетесь в Челюскин, к тому времени курорт будет готов, и я приглашу вас на открытие.

Вместо подземного курорта пришлось закончить день осмотром полярного зоопарка. Полярные звери жили в природных условиях, под родным небом и прекрасно себя чувствовали. Это был не только зверинец, но и питомник, дававший хороший приплод.

Гости вернулись к себе на ледокол.

На берегу Игнат встретил Джима Джолли.

— А, Джим! Давно тебя не видел. Ты в последнее время, кажется, и ночуешь в своей шахте?

— Да, — ответил он. — И ночую. И, наверно, все полярное лето просижу под землей.

— Что-о? — удивился Игнат. — Просидишь полярное лето под землей? В своем ли ты уме? Не ты ли так тосковал по солнцу? И вот, когда это солнце не сходит с горизонта, ты прячешься от него в кротовую нору.

Джолли нахмурился и отвечал:

— Я обещал Вере Колосовой, тебе, всем вам не уезжать до окончания работы, и я хочу исполнить обещание. Джим хранит данное слово. Но если бы я не дал этого обещания, я уехал бы немедленно. Вашу темную зиму я еще могу с трудом переносить, но ваше полярное лето — нет.

— Но солнце!..

— От него я и хотел бы сбежать. Это какое-то фальшивое, ненастоящее

солнце. И назойливое. Оно почти не греет, по крайней мере меня, а только слепит. У нас на родине, во Флориде, света хоть отбавляй, а солнца не видишь. Оно где-то у тебя над головой. Оно светит, греет, но не ослепляет глаз. Только утром и при закате оно стоит низко над горизонтом, но оно быстро поднимается, быстро заходит, наконец, можно отвернуться от него. А здесь, куда бы ты ни посмотрел, оно торчит перед глазами и слепит их. Оно стоит низко над горизонтом. У меня глаза болят. Если я долго буду смотреть на солнце, я ослепну. И потом... Это солнце украло ночь. Я не могу без ночи. На что это похоже? Проснешься часа в два-три ночи неведомо отчего. Откроешь глаза — и снова это солнце ослепляет тебя. Выйдешь на улицу — бродят бессонные люди. Их также солнце подняло с кровати, выгнало на двор. Бродят, говорят тихо, как сомнамбулы. Спят наяву. Ночное солнце! Нелепость какая-то. Тут даже малые ребята до часу ночи не спят, по улицам бегают. А мыши, видно, ждали ночи и не дождались, и пустились при свете солнца раздобывать пищу. Разве тут отличишь день от ночи?

— А вот петух отличает, — заметил Игнат. — Однажды я по часам проверял: в полночь поют. Солнце светит, а они поют.

— Я не петух.

— Ты не обижайся. Я к примеру. Оказывается, полярное лето с непрерывным днем на некоторых действует более угнетающе, чем полугодовая ночь. Но с этим бороться очень легко. Нужны только плотные занавески на окна, чтобы сделать искусственную ночь...

Грянул оркестр, громкие крики прокатились по берегу. «Северопуть» и «Челюскин» отдали концы и тронулись в путь.

27. Город принимает гостей

Снова музыка, снова крики «ура». Огромный ледокол, как плавающий город, медленно подходит к берегу. Здание температурной станции ярко освещено. Две перекрещивающиеся дуги высоко висят над городом. Дуги увешаны сильнейшими фонарями. А на скрещивании дуг, в зените, горит солнце. Ослепительно-яркое солнце. Нет больше тьмы, нет полярной ночи.

Колосова пригласила моряков осмотреть подземный курорт.

— Волшебство! Сказка из «Тысячи и одной ночи»! — говорили гости, бродя по пещерам.

Над головой виднелась голубая полусфера неба. Ослепительное, горячее солнце двигалось по небу. Здесь были и утренняя заря с ее свежей прохладой, и горячий полдень, и предзакатный ветерок, и изумительный закат солнца. Его последние лучи золотили верхушки пальм — настоящих пальм, лавров, кипарисов, магнолий, банановых, апельсиновых, лимонных деревьев. Мягкий, ласкающий ветер приносил ароматы цветов.

На золотистом песке широкого пляжа, у голубого озера, лежали люди в купальных костюмах, загорали на солнце или плавали и ныряли в воде. Среди кустов и клумб тропических растений били фонтаны. Каскады низвергались со скал. Вдали виднелись уютные уголки, беседки, увитые вьющимися цветущими желтыми розами.

— Уголок вечной весны, — говорила Вера. Она была в легком белом платье; теплые одежды остались наверху. Вера раскраснелась от солнца. — Да, здесь мы победили природу. Здесь мы делаем климат по своему желанию. Нам по-

винуется солнце.

Мы могли бы делать здешние сутки длиннее или короче, но обычно наше искусственное солнце движется с той же скоростью, как и настоящее на экваторе. Для вас мы сделаем исключение. Вы хотите посмотреть тропическую ночь? Пожалуйста! Солнце начало быстро закатываться за горизонт. Короткий вечер, сумерки, прохлада. Сильнее запахли цветы магнолии. И вот зажглись звезды. Вот восходит красавица-луна. Засеребрилась вода в озере, фосфорически блестят листья деревьев. Тишина. Даже музыка умолкла. Летят минуты, проходит ночь. И снова утро, снова день. Щебечут птицы. Зеленые попугаи, яркие, как бабочки, колибри порхают с ветки на ветку, с цветка на цветок. Жужжат шмели, пчелы, собирая мед с чашечек цветов.

Гости садятся в лодки, совершают прогулку по озеру, по подземным рекам. Пещеры, утопающие в зелени и цветах. Пещеры со сталактитами и сталагмитами, пещеры, населенные прирученными животными, птицами и амфибиями...

Вот пляж, прибой волн, безоблачное голубое небо. Яркое солнце. За пляжем — роща цветущих платанов, оливковых деревьев, кипарисов. На пляже загорают девушки и юноши. В прибрежном прибое с веселыми криками и смехом плещутся ребята, плавают верхом на «морских лошадках», играют с огромным мячом.

Каналы, реки, озера и автомобильные дороги соединяют пещеры. Рядом с морским пляжем расположена пещера, превращенная в зал водного спорта. За одним стадионом следовал другой. Ожесточенно сражались команды футболистов, теннисисты ловко бросали мячи, а там, дальше, широко раскинулось поле, на котором состязались дискометатели, копьеметатели. В стороне, на зеленой лужайке, шла борьба тяжело- и легкоатлетов, еще дальше — гимнасты поражали зрителей ловкостью и быстротой своих движений. На глазах зрителей возникали и исчезали, как в калейдоскопе, живые пирамиды, геометрические фигуры.

Когда беглый осмотр был окончен, старый штурман ледокола потер лоб и сказал:

— Если бы мне рассказали обо всех этих чудесах, я не поверил бы. Использование дара природы — подземных пещер — это понятно. Техника, которая делает чудеса, — это мне знакомо. Но для меня самое большое и непонятное чудо: когда вы смогли, успели все это сделать?

* * *

Джим торопливо шел к подземному курорту. Ему хотелось присутствовать при осмотре его моряками. Джим шел и думал. Он работал всю свою жизнь, с самого раннего детства. Но там, на родине, труд не доставлял ему никакого удовольствия. Это была житейская необходимость. Он консервировал рыбу. Каждая банка переходила на склад заводчика, и с нею было покончено навсегда. Здесь же он впервые за всю свою жизнь почувствовал, что окончанный труд не уходит от него. Между Джимом и оконченной работой остается прочная связь. Вот он бетонировал небесный свод в подземном курорте. И теперь разве сам Джим не радуется, опускаясь в свои подземные владения? Разве он не испытывает чувства гордости, самоудовлетворения, когда видит восхищение рабочих курортом? Джим улыбаясь оглянулся вокруг. Давно ли он приехал в Челюскин? Но как невероятно разросся и изменился город за это время.

Прекрасные каменные здания, жилые дома, театры, кино, больницы, библиотеки, школы, магазины, бани, теплопадная электростанция.

И все это сделали такие же рабочие, как и он: Игнат, Вера, Верховский, Ашихин, Пелькин, Власов, Симаков, Фокина, Камнева, Семенов, — Джим вздохнул. Ему вспомнилась Анна Фокина. Где-то она теперь? Скоро ли вернется в Челюскин?

И вдруг... не обман ли слуха? Он услышал ее смех и увидел ее. Она вышла, оживленно беседуя с красивым высоким молодым человеком. Они шли под руку. Джим почувствовал холод в сердце. Он хотел круто свернуть, но было уже поздно. Девушка увидела его, быстро подошла, поздоровалась и познакомилась со своим спутником. Джим смущенно поздоровался, сказал «Очень рад», извинился и ушел.

Анна Фокина посмотрела ему вслед, покачала головой, сжала руку своему спутнику, сказала:

— Подожди меня одну минуту, Вячеслав! — и нагнала Джима. — Пойдите Джим, куда же вы бежите? Послушайте, мне надо с вами поговорить. Я все вижу и все понимаю. Молчите. Я знаю, вы любите меня. Не огорчайтесь, Джолли, так вышло. Вячеслав и я — мы давно жених и невеста. Но мы, понимаете, потеряли друг друга. Самым настоящим образом. — Фокина нервно рассмеялась. — Это у нас бывает. Мы не виделись с ним почти два года и уже решили, что навсегда потеряли друг друга. Мы встретились сейчас. Совершенно случайно, и чувство любви вспыхнуло снова. А вы... Вы нравились мне... да... и я, но так случилось. Не огорчайтесь, милый Джим. Мы еще увидимся, Джим, не правда ли?

Все это девушка проговорила быстро, горячо, крепко пожала руку Джима и вернулась к своему спутнику, прежде чем Джим мог что-либо ответить.

Джим мрачно зашагал дальше. Ну вот и все. Конец. Больше ничего его не привязывает к Челюскину...

В подземном курорте Джим взял пирог, собственноручно сделанную им на индейский образец, и по подземной реке уплыл в самую отдаленную пещеру. Там он долго сидел в раздумье, вспоминая весь свой путь от Гурьева до Челюскина, все впечатления, события, людей. Потом медленно поплыл обратно.

28. Джим и его товарищи

Джим шел к Костину, погруженный в свои думы. Джим очень подружился с ним после того вечера, когда увидел на экране дорогу, связывающую Европу с Америкой. Не раз Джим заходил в лабораторию Костина, расспрашивал нового друга о дороге и просил показать картинку на экране.

От Костина Джим узнал, что дорога эта только строится. Прямое сообщение от Лондона — дело будущего, так как постройка тоннеля под Ла-Маншем вновь отложена Англией по политическим и стратегическим соображениям. Полным ходом идет строительство только в пределах СССР.

— Мы считаем, — говорил Костин, — что путешествие в поездах дальнего следования должно быть обставлено с таким же комфортом, как и путешествие на трансатлантических пароходах. И поэтому при проектировании нового транссибирского двухколейного пути наши инженеры решили увеличить ширину колеи больше чем вдвое. Соответственно увеличиваются и все габариты электровозов, мостов, платформ и прочего.

Костин попрыгал со своей палкой-костылем возле аппаратов, и Джим увидел на экране внутреннее устройство новых вагонов. Невидимый диктор начал давать пояснения:

«Весь поезд представляет собой как бы единый комбинат для обслуживания пассажиров дальнего следования. Одни вагоны предназначены для индивидуального, другие — для общего пользования. Вагоны первого рода в большинстве двухэтажные. Они разделены на квартиры в одну, две, три комнаты каждая. При каждой такой квартире — отдельная электрокухня с мусоропоглотительным ящиком, уборная, ванная, душ, поездной телефон, радиотелефон, телевизорный экран, часы поясного времени, внутрипоездной транспорт, при помощи которого можно получать обед и книгу из библиотеки и фрукты и цветы из поездного магазина.

Вы видите, что размер каждой комнаты-купе гораздо больше, просторнее, чем в пульмановских вагонах. Здесь имеются удобные кровати, мягкие кресла и диваны, столы, шкафчики. Кондиционная установка дает возможность всегда иметь чистейший воздух и климат по желанию.

В окне мелькают придорожные пейзажи. Тепло, светло, уютно, спокойно. Нет толчков, тряски, не слышно лязга и стука колес.

Посмотрим теперь вагоны с местами общего пользования. Вот вагон-ресторан, универмаг. Здесь продают книги, журналы, газеты, конверты, чернила, бумагу. Рядом — парфюмерное отделение, дальше — кондитерское и гастрономическое отделения. В следующем вагоне, в верхнем этаже, имеется парикмахерская, внизу — комнаты для детских игр с игрушками, книжками, мастерскими. Дети в пути не соскучатся. В другом вагоне взрослые пассажиры найдут и для себя развлечение. Здесь и бильярды — представьте, в этом поезде можно играть на бильярде, — настольные пинг-понги, лото. Найдется где и потанцевать, есть кинотеатр с телевизорной установкой. И даже бассейн для плавания. Наконец, имеется амбулатория, зубоврачебный кабинет, хорошо оборудованная операционная и палата на несколько коек для лежащих больных. Словом, пассажир такого поезда не лишается ни одного из тех удобств, которые он имеет и к которым привык, живя в культурном центре.

Создать такие просторные и комфортабельные вагоны и поезда-комбинаты

технически было не так уж трудно. Гораздо труднее оказалось строить путь для этих поездов, пролегающий по негостеприимным приполярным и полярным местам. Темнота, холод, метели, вечная мерзлота — все было против нас, но мы вышли победителями.

Чтобы ветер и снежные бураны не мешали движению, решено было весь путь покрыть тоннелем, стенки которого сделаны из прозрачной, прочной пластмассы. Наши изобретатели позаботились о том, чтобы поверхность тоннеля не подвергалась обледенению. Но при устройстве тоннелей пришлось разрешить одну большую задачу. Ведь покрытие пути создавало разницу температуры почвы внутри тоннеля и за его пределами. Поэтому наши изобретатели, ученые, инженеры направили свое внимание на санацію — оздоровление мерзлотной почвы. Они растопляли линзы мерзлотного грунта, а затем пломбировали их. Такая санація тоже недешево стоит, но зато в полосе железной дороги мы навсегда освободились от тех неприятностей, которые причиняет вечная мерзлота».

— Посмотрим теперь, как идет строительство.

И Джим увидел, как в тайге прорубались просеки, укреплялись болота, через полноводные сибирские реки перебрасывались массивные мосты. С особым интересом следил Джим за работами по прокладке тоннеля под Беринговым проливом.

Джима поразила картина железнодорожного пути, который шел по снежным равнинам Сибири, под холодными водами Берингова пролива, переходил на американский континент и шел туда, на юг, к солнечной Флориде.

И у Джима постепенно сложился план, о котором он никому не говорил, даже Игнату. Этот новый путь явился настоящим искусителем: побывать на родине, увидеть друзей и флоридское солнце... А потом... потом видно будет. Может быть, он вернется в СССР и будет работать в Гурьеве, а может быть... там видно будет.

И случилось так, что именно в этот вечер Костин сообщил Джиму свежую новость: строительство окончено, первый поезд прямого сообщения Москва — Нью-Йорк находится уже в пути.

— А во Флориду вагон идет? — спросил Джим.

— Да, идет, — ответил Костин.

Джим захлопал в ладоши и выбежал из лаборатории.

Он бежал к Игнату и Вере сообщить им наконец о своем плане и просить их помощи. Он уже придумал и убедительную фразу, чтобы подкрепить свою просьбу: это не дезертирство, это болезнь — ностальгия.

Игнат и Вера были крайне удивлены заявлением Джима, но все же помогли ему устроиться проводником на европейско-американском экспрессе.

Игнат, провожавший Джима, махнул ему рукой и крикнул дрогнувшим голосом:

— Ладно уж! Кланяйся там своей Флориде! — и стер с лица теплую слезу.

«Не вернется, чертенок», — думал Игнат, провожая глазами экспресс, уходящий в бесконечный тоннель...

* * *

...Джим вернулся. Вернулся через двадцать дней. Он пришел в квартиру Игната смущенный, радостно улыбающийся. А за его спиной стояли еще четыре Джима. Может быть, они не все были Джимы, но все четверо негры, очень по-

хожие на Джима. Они также весело улыбались, чуть-чуть напряженно и выжидательно.

После первых приветствий Вера опросила Джима, дружески кладя ему на плечо руку: что заставило его вернуться?

Джим отвечал очень сбивчиво, неопределенно и не совсем понятно....

Он начал тосковать о Челюскине. И не только о людях, о добрых, веселых, приветливых, внимательных товарищах. Он почувствовал, что тоскует и по северной природе. Он вспоминал северные сияния, нежную красоту зорь.

Игнат многозначительно посмотрел на Веру и сказал:

— Север уже захватил, очаровал Джима. Это происходит почти со всеми.

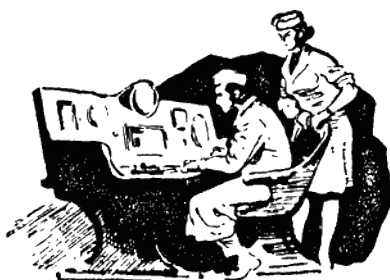
Тосковал Джим и о работе, которая только здесь так осмысленна и полна внутренним содержанием. Джим заговорил уже совсем непонятно и смутился.

— Одним словом, я испытал настоящую... настоящую.

— Тоску по родине? Ностальгию? — подсказал Игнат.

— Вот именно, тоску по родине. Ностальгию. И я... я останусь работать вот с ними, с товарищами.

Лаборатория Дубльвэ (роман)



Нина Никитина вошла в большой прохладный вестибюль. На его пороге кончалась власть климата, времен года и суток. Бушевала ли над Ленинградом зимняя вьюга, или беспощадно палило июльское солнце, в новом здании Института экспериментальной медицины был свой постоянный климат с твердо установленной температурой и влажностью. После уличного зноя на чисто отфильтрованный воздух освежал, как морской бриз.

Никитина огляделась вокруг: лифт-экспресс («Первая остановка на десятом этаже»), слева — медленно ползущий вверх пологий эскалатор, прямо — широкая мраморная лестница. Нина решительно двинулась к лестнице. Кабинет Зайцева был на десятом этаже, но ей хотелось выиграть время: еще немного подумать перед тем, как дать окончательный ответ...

Нина Никитина — аспирант, еще не имеющий звания кандидата биологических наук, — должна сегодня до некоторой степени решить свою судьбу: будет ли она работать с профессором Сугубовым. «Друзья-соперники», как их называют, оба крупные ученые, оба работают в одной области: над «узловой» проблемой медицины — проблемой долголетия, но у каждого своя школа, свое направление... И какие разные у обоих характеры!

Нина охотно пошла бы к Лаврову, но друг ее Семен Зайцев настойчиво советует работать со своим шефом — Сугубовым.

— Лавров — мечтатель, а Сугубов прочно, обеими ногами стоит на земле.

Нина медленно поднимается вверх, этаж за этажом. Ей видны длинные светлые коридоры, серосеребристые двери с надписями: «Сывороточно-вакцинный отдел», «Отдел физиологии», «Лаборатория по изучению лучей», «Отдел микробиологии»...

Бесшумно прокатились электровагонетки с оперированными больными. Мелькают фигуры в белоснежных халатах.

Но вот и десятый этаж. У двери кабинета Зайцева маленький микрофон.

— Семен, можно?

— Нина? Входи, входи!

В кабинете темно. Только на большом столе, перед которым сидит Зайцев, одно за другим вспыхивают матовые стекла. Рядом — медицинская сестра, а перед нею — маленькая лампочка, освещающая только одну страницу тетради.

— Сейчас кончаю. Садись, Нина.

Зайцев занят «обходом» больных своего отделения. На матовых экранах появляются то кривая температуры и давления крови, то изображения пульсирующего человеческого сердца и дышащих легких. Одновременно слышатся

удары сердца, сердечные шумы, легочные хрипы. Хитроумные приборы дают возможность видеть движение сосудов, рельеф слизистой оболочки желудка, печени и желчного пузыря, спинного и головного мозга...

Быстро мелькают анализы крови, мочи, выделений желез внутренней секреции. В несколько минут организм человека открывает перед врачом свои сокровеннейшие уголки.

Как ни слаба еще врачебная опытность Никитиной, она прекрасно понимает, что на небольших матовых экранах возникают и исчезают изображения органов старых людей: старческие, уставшие, расширенные сердца и легкие, склеротические сосуды, гипертрофированные простаты... Целый ряд болезней, порожденных преждевременной, патологической старостью.

— Ну, вот и все!

Зайцев быстро выключил аппараты. Экраны погасли, открылись металлические шторы, солнечный свет залил комнату. Зайцев дал сестре несколько дополнительных указаний и, широко улыбаясь, повернулся к Никитиной.

— Еще раз здравствуй, Нина! Подсаживайся поближе.

Зайцев и Никитина — друзья с детства. Зайцев на шесть лет старше Нины. Он высок, худощав, черноволос.

— Ну, как решила? Сугубов или Лавров? Конечно, Сугубов? Да?

— Видишь ли...

— Так ты еще не решила? Колеблешься? Неужто опять повторять все сначала? Ну, слушай же...

* * *

В вестибюль вошел высокий, плечистый молодой человек с усами и остроконечной бородкой. На нем белый костюм, широкополая шляпа — панама.

Швейцар принял шляпу.

— Здравствуй, Миша. Когда рыбу удить поедем?

— В выходной день, Леонтий Самойлович.

— Профессор Лавров здесь?

— Нет еще.

Молодой человек взглянул на свои часы-браслет.

— Так. Ну, смотри, чтобы все было готово. Полетим на Чудское озеро. — И направился к лифту.

— Здравствуйте, Леонтий Самойлович, — поздоровался с ним научный сотрудник. — На последней олимпиаде в парке были?

— Нет, я теперь все свободное время за городом пропадаю. А кто победил? Разумеется, Самохин! Ведь это я указал ему настоящую дорогу. Раньше парень увлекался выжиманием тяжестей да бросанием диска!.. Ознакомился с особенностями его ног, с их строением, с влечениями самого Самохина. «Послушайте, товарищ Самохин, — говорю я ему, — да ведь вы самой природой созданы для бега и прыжков». Самохин послушался моего совета, а теперь, видите, в мировые чемпионы выходит.

Сугубов (это был он, известный профессор Сугубов) вошел в лифт, сел в удобное кресло, нажал кнопку и быстро понесся вверх.

Тем временем в вестибюль вошел новый посетитель — бодрый, жизнерадостный старик с большими нависшими усами. Казалось, все его лицо излучало улыбку. Улыбались голубые глаза, улыбались морщинки вокруг глаз, улыбались усы. Глядя на это румяное, оживленное лицо, молодой швейцар

невольно улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ Лавров! — весело воскликнул он.

— Здравствуйте, маэстро! — ответил профессор и шевельнул правой бровью. — Когда реванш?

— Через выходной день, Иван Александрович, если вы свободны, — ответил «маэстро».

Швейцар был одним из лучших мастеров шахматной игры и нередко состязался с Лавровым.

— Почему не в следующий? — спросил Лавров.

— В ближайший выходной едем на рыбную ловлю с Леонтием Самойловичем.

— Вот и попадете под дождь за измену шахматам!

— Дождь нам не страшен, Иван Александрович.

Мы с Леонтием Самойловичем закаленные рыболовы и охотники.

— А он здесь?

— Пришел.

— Точен, как всегда. А меня в пути девочка задержала. Маму, изволите ли видеть, потеряла. Ну, пришлось покататься с ней на моем электромобиле. Хорошо, хоть скоро маму нашли... Так через выходной день у вас на квартире?

Лавров поднялся на десятый этаж. Он шел по широкому светлому коридору, и все встречные уже издали начинали улыбаться, как будто ожидая, что профессор вот-вот отпустит одну из своих обычных шуток.

* * *

— Уверю тебя, Нина, ты не пожалеешь. Сугубов не только крупный ученый, но и великолепный педагог. Вот мы и пришли...

Зайцев и Никитина стояли перед дверью кабинета профессора Сугубова. Получив в микрофон разрешение войти, Зайцев открыл дверь и... Нина так смутилась, что быстро отступила назад, готовая вот-вот убежать. Оба профессора, Сугубов и Лавров, сидели в кабинете и горячо о чем-то спорили.

— Да входите же, чего вы испугались? — не совсем любезно крикнул Сугубов, недовольный тем, что спор прервался на самом интересном месте.

— Мы зайдем в другой раз... — дипломатично откликнулся Зайцев, но Сугубов настойчиво предложил им войти.

Зайцев учел обстановку и быстро изменил план действий. Никитина до последней минуты колебалась... Отлично, так и запишем!

— Я воспользовался тем, что вы здесь вместе, Иван Александрович и Леонтий Самойлович. Мне хочется, чтобы вы совместно решили один вопрос. Суд Соломона, так сказать. Вот эта аспирантка...

— Видал, видал, — перебил его Сугубов, — вы слушали у меня лекции? Ваша фамилия...

— Никитина.

— Так вот, — продолжал Зайцев, — Никитина не может решить вопроса, с кем ей работать: с профессором Лавровым или с профессором...

— Но мы же за нее решать не можем, — снова перебил Сугубов. — И соперничать нам не пристало. Кто ей кажется краше, пусть того и выбирает.

Лицо Лаврова, как всегда, излучало улыбку. Он по очереди переводил взгляд с одного собеседника на другого и, наконец, заговорил:

— Леонтий Самойлович! Мне кажется, что здесь самым правильным будет

именно соломоново решение...

— Разрубить этого младенца пополам? — Сугубов насмешливо кивнул головой в сторону Никитиной.

— Зачем же рубить? Пусть поработает и у вас и у меня. Ну, скажем, по четным дням у вас, по нечетным у меня... или по пятидневкам. Когда она ближе познакомится с работой каждого из нас, ей легче будет сделать окончательный выбор. Правильно я говорю, товарищ Никитина?

Нина утвердительно кивнула головой.

— Как же это так, работать и у вас и у меня? — возразил Сугубов. — Вы что-то совсем странное предлагаете, Иван Александрович.

— Соглашайтесь, Леонтий Самойлович, — сказал Зайцев. — В самом деле, это лучший выход: Никитина только выиграет, ознакомившись с методами двух школ.

Сугубов широко развел руками.

— Ну ладно, пусть будет так. Соломоново решение принимаю, но за благие результаты не ручаюсь.

Так, неожиданно и вопреки обычаю, Никитина стала помощницей двух ученых, двух «друзей-соперников».

* * *

Сугубов правил сам. Никитина сидела с ним рядом. Маленький светло-серый, блестящий, как зеркальное стекло, аккумуляторный электромобиль бесшумно двигался по широчайшему проспекту, выложенному гладким настилом из желтых полос разных оттенков — от бледно-желтого до бурого. Каждая полоса была обсажена липовыми, каштановыми или сосновыми деревьями.

— Красота! — проникновенно сказал Сугубов. Он был в великолепном настроении. — Гляжу и не нагляжусь, не налюбуюсь на наш Ленинград.

Авто Сугубова двигалось со средней скоростью по светло-желтой полосе в липовой аллее. Профессор не спешил, он хотел подышать утренним воздухом. Рядом, по более темной полосе, в аллее каштанов (садоводы привили им благоухающие цветы белой акации и садовой сирени) быстро двигались более торопливые машины. Посредине улицы, в сосновой аллее, столь же бесшумно катились двухэтажные электрические вагоны на больших колесах с толстыми резиновыми шинами. Перекрестки не задерживали движения: автомобили и вагоны переходили перекресток, поднимаясь по пологому перекрытию-путепроводу или же спускаясь в пологую выемку пути под перекрытием. Для перевода машин с одной полосы скорости на другую были устроены подземные тоннели.

Дома стояли не угрюмой сплошной стеной, как в старых, отживающих свой век кварталах города, они как бы росли на просторе, окруженные светом, воздухом, зеленью. Цветы устилали подножия домов, пестрели на окнах, уступах, балконах, красовались на плоских крышах, свисали с арок, обвивали колонны.

Раннее утреннее солнце золотило белоснежные вершины домов. Зеркала новых каналов отражали необычайно прозрачное для Ленинграда голубое небо. Великолепный проспект уходил вдаль, незаметно поднимаясь к Пулковским высотам. Несмотря на оживленное уличное движение, тишина стояла такая, что можно было разговаривать вполголоса.

— Чувствуете? Ведь липой пахнет! А тут еще на каштанах белая акация и

сирень в цвету. Что делает наука! Цветы с весны до поздней осени! Пчеловодство — в центре города!

В самом деле, над цветущими деревьями и над газонами с гудением летали пчелы. На газонах кое-где стояли синие и красные ульи, сделанные в виде моделей многоэтажных домов затейливой архитектуры. Хорошо регулируемое уличное движение не мешало пчелам, и пчелы не мешали людям.

— Радостно сознавать, что в этом замечательном преобразовании Ленинграда есть и твоя доля труда, — продолжал Сугубов. — Чудак Лавров посмеивался надо мной, говорил, что я размениваюсь, что я превратил себя в санитарного врача. А хоть бы и так!.. Мы объявили войну пыли — домашней, уличной, производственной. Мы объявили войну дыму — печному, заводскому, фабричному. Вы видите, чем кончилась эта война!

Никитина знала о том, что Сугубов в водолазном костюме опускался на дно старых каналов, чтобы и там навести чистоту и порядок, что он заглядывал на задние дворы и в канализационные трубы, путешествовал по тоннелям подземного Ленинграда...



За эту работу Сугубов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Теперь нам дано все не только для счастливой, но и для долгой жизни, — продолжал Сугубов. — Проблема долголетия, нормальной, здоровой старости решена Октябрьской революцией. И если тем не менее многие из нас умирают преждевременно, так это только потому, что сами допускают в круг своей жизни какие-то вредности. Вот эти-то вредности мы, врачи, и обязаны устранять.

К примеру, вчерашний случай с Прониной, работницей завода «Синтез». Молодая девушка — и вдруг непорядок в легких! Похоже на отравление газами. Вот мы и посмотрим, не осталась ли какая-нибудь вредность на том производстве, где работает Пронина...

Электромобиль подошел к перекрестку, откуда надо было свернуть в сторону, и Сугубов направил машину в специальный тоннель. И здесь, под землей, свет казался естественным, солнечным. Воздух такой же чистый и теплый, как и на поверхности...

Тоннель шел некоторое время в том же направлении, как и надземная дорога.

Никитина вздрогнула: навстречу двигался электромобиль... Столкновение неизбежно! И... тотчас же улыбнулась: во встречных пассажирах она узнала себя и Сугубова.

— Ф-фу, никак не могу привыкнуть к этим зеркалам перед поворотами!

Сугубов затормозил. Но если бы он зазевался, то за него ход машины затормозил бы автоматический тормоз с фотоэлементом.

Далее тоннель разветвлялся. Сугубов свернул налево, и вскоре авто поднялось на улицу, пересекавшую проспект.

В этом квартале, среди домов оригинальной архитектуры, Никитину давно интересовал многоэтажный дом, построенный в виде уступчатой пирамиды. Каждой квартире принадлежала часть уступа, представлявшего собой большую площадку. С внешнего края она была огорожена изящной решеткой серебристого цвета, а от соседних участков отделялась густыми стенами ползучих растений. В дождь, в зимнюю и осеннюю погоду эти сады-площадки могли прикрываться прозрачными, как стекло, шторами из пластмассы, прекрасно защищающими от холода. Здесь росли не только цветы, но и плодовые растения, кусты ягод, клубники.

В это летнее утро все шторы были открыты, и дети заполняли сады-площадки. Ребята качались на качелях и качалках, пели, играли. Но их звонкие голоса не только не долетали до улицы, но и не мешали занятиям взрослых обитателей дома-пирамиды. Об этом позаботились советские ученые-акустики, создавшие остроумные изоляционные завесы-звукопоглотители.

Никитина в последний раз оглянулась на дом-пирамиду. Издали он был похож на изумительный водопад, зеленые воды которого ниспадали вниз.

— Хотела бы я жить в этом доме! — сказала Никитина.

Она уже побывала в доме-пирамиде у своей подруги и ознакомилась с его своеобразным устройством. Немало трудных задач пришлось разрешить архитекторам, проектируя здание. Жилые квартиры занимали только поверхность пирамиды. Вся внутренняя часть была занята универмагом, кинотеатром, клубом, библиотекой, амбулаторией, аптекой. Отличное искусственное освещение ничем не отличалось от солнечного. Прекрасная вентиляция, водопровод, отопление, канализация с необычной проводкой труб — все это доставило строителям немало хлопот. Зато счастливые обитатели квартир чувствовали себя в центре города, как на даче: принимали солнечные и воздушные ванны или же, сидя в плетеных креслах где-нибудь под вишней, грушей или яблоней, пили чай с вареньем из ягод, собранных в собственных садах...

— Не угодишь человеку, — отозвался Сугубов. — Вы говорили, что у вас прекрасная квартира? Так нет, дай лучше! За чем же дело стало? На Пулковском проспекте закладываются две новые пирамиды. Подайте заявку, и к ноябрю ваше желание исполнится. Буду у вас на новоселье.

Открылся гранитный берег Невы, обсаженный соснами. По реке вверх и вниз сновали голубые «автобусы» речного транспорта.

Сугубов и Нина подъезжали к новому мосту. Как и все другие, он имел перекрытие в виде цельного полуцилиндра из пластмассы, прозрачного и прочного.

При въезде на мост Сугубов задержал ход машины, а Никитина немного нагнула голову, как будто желая уберечь ее от невидимого препятствия. И в са-

мом деле, в тот же момент она почувствовала на руках, голове, плечах, спине легкий тепловой удар, подобный удару струй теплой воды из душа. Удар повторился трижды.

Они проезжали воздушные завесы, предупреждавшие возникновение сквозняка на мосту. Воздух падал под значительным давлением, и поэтому невидимая завеса обладала заметной упругостью. Приходилось даже несколько сдерживать ход машины при въезде на мост.

— На таком мосту, — сказал Сугубов, — простуды не схватишь. Тепло и ниоткуда не дует, воздух свежий и чистый. Кажется, мелочь, но и эта мелочь на какую-то долю процента увеличивает среднюю продолжительность жизни ленинградца. Погодите, мы еще и не то... — Сугубов не кончил фразы, въехав в полосу воздушных завес на другом конце моста.

За мостом начинался рабочий город завода «Синтез»: жилые дома, магазины, школы, библиотеки, кино, театры, в том числе большой телевизорный театр, передающий постановки академических театров Москвы и Ленинграда.

Но вот квартал жилых домов кончился, и автомобиль, продолжая двигаться по той же прекрасной дороге, въехал в настоящий дремучий лес. Повеяло свежестью и смешанным запахом мха, папоротника, сосны и ели. Щебетали лесные птицы. Возле самой дороги на стволах деревьев усердно стучали дятлы, и белки прыгали с ветки на ветку.

Несколько лет тому назад лес был посажен как защитная зона, отделяющая жилой рабочий город от заводов с его дымными трубами. Теперь трубы перестали дымить, а лес стал местом прогулок.

Но вот и конец леса. Открылось широкое поле, покрытое густой золотистой пшеницей. За нивой виднелась ажурная железная решетка, за нею — купы деревьев, а над ними — стеклянные громады завода «Синтез».

Когда Сугубов вошел в цех, в котором работала больная Пронина, его встретили инженер и представители рабочкома. Вскоре сюда же подошли секретарь партийного комитета и заведующий охраной труда. Сугубов был для них не только суровым критиком, но и добрым советником.

— Опять по нашу душу, Леонтий Самойлович? — спросил инженер.

— Что поделаешь! — засмеялся Сугубов. — За вами следи да следи! Производство ваше сложное. Тут и ацетон, и бензин, и сернистый ангидрид...

— Помилуйте, Леонтий Самойлович, — вступил заведующий охраной труда, — не вы ли сами раз двадцать вымывали и прочищали наш воздух! У нас тут фильтры, циклоны, вентиляторы... Да вы понюхайте, пожалуйста! Разве тут пахнет чем! Не цех, а курорт...

Все рассмеялись.

Сугубов сам не без удовольствия окинул взглядом огромный цех и глубоко вдохнул чистейший воздух. Да, это был его идеал: рабочий у станка должен дышать таким же чистым воздухом, каким дышит горный пастух или рыбак в море.

Никитина с интересом рассматривала цех, огромный, как зал столичного вокзала. Сложные агрегаты, перегонные кубы, змеевики, мешальные машины...

Блестящий паркетный пол, зеленые кустарники и целые деревья у стен. Только не цветы! Сугубов был против цветов: их аромат мог замаскировать проникновение вредных газов.

Но больше всего заинтересовали Никитину свет, тишина и воздух. Слепящие и прямые солнечные лучи сюда не допускались — только рассеянные. Когда солнце заходило за тучу или садилось за горизонт, контролеры-фотоэлементы включали дополнительное искусственное освещение ровно столько, чтобы поддержать силу света на одном уровне. Звукопоглотители уничтожали все производственные шумы.

Профессор Сугубов недоверчиво бросил:

— Нос наш — плохой контролер. Вредные вещества могут и не иметь ощутимого запаха. Ведь это факт, что ваша работница, товарищ Пронина, лежит в моей клинике. Очень похоже, что ее легкие пострадали от какого-то отравляющего вещества.

Председатель рабочкома был явно смущен. После некоторого колебания он решительно заявил:

— А, пожалуй, вы правы, Леонтий Самойлович. Подруга Прониной — Лиза Серова — тоже заболела и жалуется на легкие...

— Вот видите! — воскликнул Сугубов. — Товарищ Никитина, возьмите-ка пробу воздуха!

Никитина надломил тонкий кончик запаянной стеклянной трубки, воздух цеха вошел в сосуд, и трубку снова запаяли.

— Я был у Серовой, — сообщил секретарь парткома. — Ее квартира рядом с квартирой Прониной. Вот я и думаю: нет ли какой вредности, каких-нибудь ядовитых газов в доме, где живут обе подруги? Ведь у нас в цехе других случаев заболеваний не было.

— Обследуем и дом и квартиру, — сказал Сугубов. — Но только откуда быть вредным газам в квартире? О других заболеваниях не слышно?

Сугубов прошел по цехам завода, проверил работу фильтров, вентиляторов, дал несколько указаний заведующему охраной труда и, попрощавшись, вышел с завода. Никитина за это время взяла еще несколько проб воздуха.



По приезде в ВИЭМ Никитина тут же отдала первую пробу воздуха в лабораторию для анализа. Затем вместе с Сугубовым направилась в палату, где лежала Пронина. Сугубов учинил Прониной форменный допрос, но та по-прежнему упрямо твердила, что не знает причины своего заболевания.

— Ваши легкие отравлены каким-то ядовитым газом, — сердито сказал ей, наконец, профессор. — Пока не узнаю каким, не могу лечить. Придется выпи-

сать вас из больницы.

Тут Пронина не выдержала и рассказала совершенно неожиданную историю. У подружки ее, Лизы Серовой, есть жених, молодой химик завода «Синтез» Рябинин. Живет он в одном доме с ними. Рябинин любит химию, устроил у себя в квартире домашнюю лабораторию и проделывает там разные опыты. Недавно он объявил Серовой и Прониной, что изобрел необычайный газ, и притом совершенно безвредный... На себе проверил! «Понимаете, человек грезит наяву! Никакое кино не доставит столько удовольствия, как этот безвредный наркоз». И Рябинин тут же пригласил подруг к себе на сеанс. Все шло хорошо. Но тут под влиянием наркоза Серова замахала руками — ей показалось, что она летает, — задела и разбила баллончик с каким-то другим газом. С каким именно газом, Пронина не знает. Рябинин тоже пострадал, но меньше. Обо всем этом они с Серовой решили не говорить, боясь навлечь на Рябинина неприятности, — жених ведь...

И Пронина заплакала: обидно стало, что пришлось выдать тайну друзей.

Никогда еще Никитина не видела Сугубова таким взбешенным.

— Скажите-ка мне адрес этого вашего жениха... Да не плачьте вы, ничего с ним не будет! Его можно застать дома? Едемте, Никитина!

Подошел лаборант и подал бумажку.

— Анализ воздуха.

Сугубов наскоро просмотрел анализ.

— Азот, кислота, аргон, двуокись углерода, вот... 0,01 — даже меньше средней нормы... Водород, неон, криптон, гелий, озон, ксенон... Все в порядке.

* * *

В этот день Никитина возвращалась домой в аэробусе. Она сидела возле окна и задумчиво смотрела на лучи проспектов и каналы новых районов города. Когда-то мелководные речки: Черная, Волковка, Пулковка, Большая и Малая Кировка, Дудергофка, Красинька и другие — были соединены друг с другом, наполнены водой из Невы, закованы в гранит и превращены в новые каналы, по которым сновали бесчисленные суда водного транспорта.

День медленно угасал.

«Какой интересный, содержательный день!» — думала Нина.

И как хорошо, что она работает с Сугубовым! Широчайший охват тем, внимание, чуткость к человеку... Взять хотя бы Пронину. После признания девушки выяснилось, что причина ее болезни — «частный случай», который никак не может повлиять на «продолжительность жизни ленинградца». Тем не менее Сугубов не поручил этого дела никому другому и не успокоился до тех пор, пока сам не расследовал его до конца. Да, он любит и жалеет людей, хотя умеет и бранить их. Неудачливый изобретатель «психического кино на дому» Рябинин, вероятно, до конца своих дней не забудет той головомойки, которую закатил ему Сугубов. Зато легкие Прониной, Серовой и самого Рябинина будут излечены в кратчайший срок... Замечательный человек Сугубов! Он умеет совместить борьбу за продолжение жизни всех ленинградцев с борьбой за сохранение и продление жизни каждого человека в отдельности. Зайцев был прав, рекомендуя работать с Сугубовым. У него действительно можно многому научиться. Она останется работать у него.

Аэробус опустился по вертикали и плавно, без толчка, сел на плоскую крышу большого здания.

Открылись двери, автоматически выдвинулись лесенки. Пассажиры вышли из вагона. В двери с противоположной стороны уже входили новые пассажиры. Спустя минуту все лесенки снова были убраны, двери захлопнулись, и аэробус бесшумно поднялся вверх.

Никитина спешила к своему дому по легкому и узкому пешеходному мостику, переброшенному через дорогу на высоте второго этажа. Лифт спустил ее с мостика возле самого дома, другой лифт поднял на пятый этаж, в коридор, широкий и длинный. Вот и дверь ее квартиры. Она не заперта: кражи давно отошли в область преданий.

Во внутреннем стенном ящике возле двери Нина нашла ужин, заказанный ею в «Гастрономе», взяла горячей воды, которая всегда была наготове в чистой, как лаборатория, кафельной кухне, заварила чай и принялась ужинать в своей уютной столовой. Рядом — рабочий кабинет с удобным письменным столом из черного дуба, с мебелью, обитой коричневой кожей. Тут же в шести вместительных шкафах помещалась библиотека девушки. Пол был устлан мягким ковром. Стены оклеены легко моющимися обоями темно-коричневого цвета. Стены спальни, наоборот, были светлые, почти белые, с серебристым узором, яркий свет заливал все уголки спальни. Посреди комнаты на ковре — синяя кровать с белоснежной постелью, в углу — туалетный столик с зеркалом в синей раме, возле кровати — два легких синих стула. Последняя небольшая комната служила то комнатой для приезжающих — здесь стояли два дивана, то лабораторией — в нескольких стенных ящичках помещались химикалии, микроскоп, инструменты для биологических опытов, то просто «рабочей комнатой». Ящики помещавшегося в углу простого стола были наполнены разными столярными и слесарными инструментами и материалами. Нина в шутку называла иногда эту комнату еще и «зимним садом». Возле окна на столе находился японский карликовый сад с толстыми деревьями двухсотлетнего возраста, но всего двадцати-тридцати сантиметров высоты.

...С ужином кончено. Остатки отправлены в мусоропоглотительную трубу. Руки вымыты. В кондиционной установке повернута ручка, чтобы усилить обмен воздуха и проветрить комнату после ужина, телефон включен. И в тот же момент Никитина слышит голос Зайцева. Она может разговаривать с ним, не беря в руку телефонной трубки и продолжая спокойно сидеть в мягком кресле: репродуктор и микрофонная установка на столе хорошо переносят звуки в ту и другую сторону.

— Нина! Я говорил с тобой, но ты не отзывалась.

— Аппарат был выключен. Не люблю разговаривать с цыплячьим крылышком в руке.

— Скажи мне, чем кончилось ваше расследование по делу об отравлении Прониной? И какому наказанию подвергнут преступник? Наверно, добрейший Леонтий Самойлович у этого Рябинина все колбы перебил?

— И колбы и ребра, — смеясь, ответила Нина и рассказала о поездке к Рябину.

— А каково твое решение: попробуешь еще поработать с Лавровым или останешься с Сугубовым?

— К Лаврову мне теперь переходить незачем. Остаюсь у Сугубова.

— Очень рад... Сегодня вечером никуда не идешь? Нет? Ну, до свиданья! — И голос Зайцева умолк.

Нина поднялась, прошла в кабинет, села за стол и раскрыла толстую книгу. Многочисленные микроскопические фотоснимки вдоль широких полей книги поясняли почти каждую строчку. Пристроив аппарат, проецирующий эти рисунки в увеличенном виде на небольшом настольном экране, девушка углубилась в занятия. В движении, в красках видела она на экране и работу желез, выделяющих гормоны, и разрушение красных кровяных телец, и превращение в новые кровяные тельца кровяных клеток-эритробласт, и причудливые блуждания лейкоцитов. Иногда картины пояснял голос самого автора книги.

Вот Нина видит кожный покров пальца, как бы изнутри его. Вдруг покров прорывается, и в прорыв проникает конусообразное тело, похожее на нос межпланетной ракеты, но с очень грубо «обтесанной» поверхностью. Появляется и исчезает. Это швея уколола себе палец иглой. С «ракеты» — острия иглы — свалились на края и на дно образовавшегося отверстия огромные глыбы камня, целые утесы (в действительности это ничтожные пылинки, молекулы твердых частиц). Вместе с ними проникли сквозь брешь прокола и странные тельца в виде шариков, соединенные в цепочки. Это страшные стрептококки, которые могут вызвать у человека и рожу, и заражение крови, и различные гнойные процессы. Враг проник в организм! Какой-то неведомый «беспроволочный телеграф» сейчас же разносит эту весть по окружающим тканям и сосудам тела. И вот целые полчища лейкоцитов уже спешат навстречу врагу. Они то вытягиваются в ниточку, проникая сквозь стенки сосудов, то собираются в комочек, то выпускают бесформенные ножки, чтобы быстрее двигаться через ткани тела и нащупывать дорогу, и тогда начинают походить на диплодов, неуклюжих животных минувших эпох. Наконец они добираются до места, отрывают от цепочки один смертоносный шарик, медленно обволакивают его своим телом — плазмой и... «съедают», переваривают, растворяют... В ожесточенном бою массами гибли кокки, но гибли и лейкоциты, убитые ядами, которые выбрасывали из себя бактерии. На этот раз победили лейкоциты. Враг уничтожен. Жизнь швеи спасена. А швея? Она и не подозревала о напряженной схватке, в которой участвовали миллионы бойцов под кожей ее пальца. Она заметила лишь небольшое нагноение...

Но — изумительное дело! — те же самые лейкоциты становятся врагами стареющего человека, внося в его организм болезненные изменения. Можно часами смотреть на эти полные захватывающего интереса картины, забыв о еде, о сне, обо всем...

«Радиогвернер», заведенный самой же Ниной, уже несколько раз напоминал ей о позднем времени, с каждым разом все громче, все настойчивее.

— Да иду! Вот надоедливый! — наконец не выдержала она, улыбнулась, сладко зевнула, погасила аппараты и закрыла увлекательную книгу, подсунув под нее стопку исписанных листов бумаги. Нина писала научный труд на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

«Восемь часов! Пора вставать!» — произнес отчетливо радиобудильник.

Нина открыла глаза. В спальне стоял сумеречный свет ленинградского осеннего утра. По железному подоконнику стучали капли дождя. Ленинградцам удалось значительно улучшить климат своего города, но изменить его более решительно они не могли. Переделка климата в пределах одного города невозможна, а борьба за изменение климата в мировом масштабе еще только

начиналась.

Вековечный спор европейского ледника — Гренландии — с печкой Европы — Гольфштремом — продолжался: ленинградская погода оставалась неустойчивой, осень и зима несли с собой дожди и туманы вперемежку с заморозками, морозами и неожиданными оттепелями.

Нина проснулась в плохом настроении. Отчего бы это? Действие осени, дождя, серого утра? Нет, не то: ее настроение было испорчено еще вчера... И вдруг она вспомнила: Лавров!

Вчера утром, как всегда, она вошла в кабинет Сугубова. Леонтий Самойлович, сердито нахмутив брови, ходил по комнате. За столом сидел улыбающийся Лавров.

При появлении Нины он поднялся с кресла и, подойдя к ней, сказал:

— Товарищ Никитина, позвольте вам напомнить о вашем первом появлении в этом кабинете. Тогда, помните, вы колебались, с кем вам работать, со мною или с Леонтием Самойловичем. И мы решили: будете работать попеременно у профессора Сугубова и у меня. Вместо одной пятидневки вы непрерывно проработали у профессора Сугубова более двух месяцев. Но не пора ли вам поработать и у меня?

В этот момент Никитина почти ненавидела Лаврова: нетактично! Неужели старик не понимает, что она уже сделала выбор? Как бы отвечая на ее мысли, Лавров улыбнулся.

— Насильно мил не будешь, и я не напоминал бы вам о нашем договоре, если бы не одно обстоятельство. Мой лаборант, моя правая рука, уехал в длительную командировку, и вся моя работа стала. Вот тут-то я и вспомнил о вас. Ну, думаю, и вы сама и профессор Сугубов, конечно, не откажете мне в товарищеской услуге...

Вот как поставил вопрос этот хитрый Лавров! И возразить нечего... Нина в последней надежде обратила умоляющий взгляд на Сугубова. Но форма просьбы, видимо, и его обезоружила...

И вот сегодня Нина должна начать работать с Лавровым. Она сердито бьет ногой по кровати, нехотя встает и направляется в ванную. Гидроэлектромассаж изгоняет дурное настроение. Вчерашняя сцена в кабинете уже не кажется ей столь неприятной.

* * *

— А где же профессор Лавров? — спросила Никитина, обводя глазами кабинет.

Из-за бюро в углу кабинета выглянула женщина.

— Товарищ Никитина? — спросила она. — Профессор Лавров пошел в лабораторию регенерации. Он просил вас разыскать его, как только вы придете.

Никитина кивнула головой и вышла из кабинета.

Направо и налево по коридору — двери, двери без конца... Но сколько же у него лабораторий! У Сугубова только одна — химическая, и в ней производятся самые разнообразные анализы. «Моя лаборатория — весь Ленинград», — говорит Сугубов.

«Лаборатория КВ», «Лаборатория УКВ», «Лаборатория...», «Лаборатория...» — читала Нина надписи на дверях. А вот, наконец, и «Лаборатория регенерации».

— Можно войти? — спрашивает Нина в микрофон у двери и слышит в от-

вет:

— Нельзя.

— Но мне нужно видеть профессора Лаврова.

— Профессора Лаврова срочно вызвали в рентгеновский кабинет.

Нина досадливо пожалала плечами. Встречная санитарка указала ей, как пройти в рентгеновский кабинет. Оказывается, их несколько десятков, но главный находится в подвальном помещении. Никитина решила пойти в главный кабинет.

Не без труда разыскала она в лабиринте широких коридоров и залов подвального этажа огромную стальную дверь. Над ней ярко-красным светом горели зловещие слова:

НЕ ВХОДИТЬ! ВКЛЮЧЕНО 3 000 000 ВОЛЬТ!

На вопрос, в кабинете ли профессор Лавров, Нина получила ответ:

— Да, он здесь и просит вас подождать. Аппарат будет скоро выключен.

Через три минуты красные буквы погасли, и тяжелая стальная дверь открылась.

Лавров сидел в кресле перед высокой стеной, не достигающей до потолка. Эта толстая стена из бетона и свинца должна предохранять врача от действия чудовищного аппарата. Над стеной поднимается перископ.

— Вы еще не видали эдакой тяжелой артиллерии? Не хотите ли заглянуть в перископ? — предложил Лавров Нине.

Никитина посмотрела и увидела: такой же пустой зал, посередине — сложный аппарат с огромной двенадцатиметровой стеклянной лампой. Больного не видно. Вероятно, он уже увезен автоматической вагонеткой...

— Ну, вы еще насмотритесь на все это, Нина. Идем в лабораторию!

* * *

Лаборатория регенерации несколько напоминала магазин живой природы. На высоком столе у одной из стен в несколько этажей были установлены аквариумы, террариумы, клетки с птицами и белыми мышами. За стеклами виднелись морские звезды, гидры, лягушки, дождевые черви, раки, пауки, ящерицы, полипы. У многих ящериц были двойные и тройные хвосты. У лягушек раздвоенные ноги, у асколотла пятая нога на спине — результат действия регенеративных сил...

На столе, расположенном посреди комнаты, заведующий лабораторией Марин с ассистентом, рыжеволосой девушкой, производили какую-то сложную операцию на спине асколотла. На длинном столе возле другой стены — стеклянная посуда, приборы химической лаборатории. В углу шкаф с химикалиями.

Осмотрев лабораторию, Нина с недоумением обратилась к Марину:

— Я не совсем понимаю, какое отношение имеет изучение регенерации к проблеме старости...

— Косвенное, — коротко ответил Марин.

— Знакомитесь с нашим хозяйством? — обратился к Никитиной Лавров.

— У вас много помощников? — ответила Нина вопросом на вопрос.

— У них у всех своя работа. А мне нужна такая помощница, которая ходила бы за мной, как нянька. Работа найдется, не беспокойтесь. Разве этого мало? О, если бы можно было работать дни и ночи! Но... голова начинает уста-

вать. — Он похлопал по своему высокому лбу. — Работы бесконечно много. Вы сами знаете, что, несмотря на все успехи, медицина страшно отстала от общего прогресса страны. Медицина в неоплатном долгу у народа. И каждый недозжитый день каждого гражданина СССР увеличивает этот долг.

И Лавров с горячностью стал доказывать, что неизлечимых болезней нет. Дело лишь в том, что медицина еще не нашла средств для излечения этих болезней.

— Но мы найдем эти средства, обязательно найдем!

Никитина внимательно слушала Лаврова. Перед ней был как будто совершенно другой человек. Ее поразили не слова ученого — нет, она и сама не раз об этом думала. Ее поразила глубокая убежденность Лаврова. Так вот какой огонь пылал под холодным пеплом старости!

— Я вовсе не хочу преуменьшать достижения нашей медицины, они велики. Именно благодаря им с каждым годом все больше граждан доживает до старости. Не в этом дело. Дело в том, что в большинстве случаев старость и является самой страшной и неизлечимой болезнью. Вы знаете, что именно здесь я расхожусь с профессором Сугубовым. В самом деле, даже и при самых благоприятных условиях, какие у нас сейчас имеются, предел человеческой жизни — семьдесят — семьдесят пять лет. А теория говорит, что жить мы должны сто двадцать — сто пятьдесят лет и при этом почти до конца дней своих быть бодрыми, здоровыми, работоспособными, обладать светлым умом и твердой памятью. Откуда же появляется эта «собачья старость», с ее специфической дряхлостью, старческим слабоумием?.. В чем тут корень зла? Может быть, капитализм и предшествующие ему эпохи испортили гены людей, создали вредные мутации? Как бы то ни было и что бы ни утверждал профессор Сугубов, стариков одолевает склероз, лейкоциты размножаются и поедают благородные ткани, всяческие отбросы, «шлаки» организма постепенно засоряют его, размножаются вредоносные бактерии, работа желез разлагивается, а неразрывно с этим и весь организм расшатывается. Вот что делает нашу старость патологической, болезненной, вот что отравляет наши последние дни! Теперь, надеюсь, вам понятна моя «школа», линия моих работ? Я веду активную борьбу с патологическими явлениями старости: со «шлаками», лейкоцитами, бактериями. Я стремлюсь достигнуть «великого очищения» старческого организма от всех вредоносных факторов, а тем самым продления счастливых дней наших соотечественников... Ну-с, а теперь скажите, следует мне в этом помочь? — заключил Лавров, и добрая, лукавая улыбка заиграла на его губах.

Работа у Лаврова захватила Никитину.

Ей действительно приходилось неотступно ходить за Лавровым. Она записывала в блокнот указания профессора многочисленным научным сотрудникам, новые мысли, которые рождались у него во время работы, проверяла исполнение работ. Затем отправлялась в лабораторию ультракоротких волн или в главный рентгеновский кабинет и помогала Лаврову производить опыты. Для каждого класса и вида бактерий, живущих в организме, он старался подобрать такой вид лучистой энергии, который убивал бы только эти определенные бактерии и был совершенно безвреден для других, а также и для клеток организма. Работа чрезвычайно тонкая и сложная!

Опыты производились исключительно над животными.

Нина была хорошо осведомлена почти о всех работах своего патрона. Толь-

ко в лаборатории Z и W Лавров никогда не заходил вместе с ней. Однажды Нина поинтересовалась, что помещается в этих лабораториях.

— Много будете знать — скоро состаритесь, — отшутился Лавров. Но неожиданно сам открыл перед Ниной дверь лаборатории Z: — Входите!

Темно...

Щелкнул выключатель, вспыхнул свет под потолком, и Нина увидела комнату, напоминающую купол обсерватории. Стены, постепенно переходившие в круглый потолок, были сплошь покрыты свинцовыми листами, так же как и дверь. Окна отсутствовали. Пол из блестящей, немного эластичной при нажиме ногой массы.

Лавров прикрыл дверь. Щелкнула задвижка, и сверху до полу опустилась мелкая металлическая сетка.

— Прислушайтесь: здесь тише, чем в знаменитой павловской «Башне молчания». Сюда не долетает ни один звук. И ни один ток, ни одно электроколебание не могут проникнуть из внешнего мира. Сюда нет доступа даже космическим лучам.

Нина слушала и смотрела с огромным вниманием. Вот она, та научная романтика, о которой она мечтала еще на школьной скамье!.. А Лавров тем временем бесшумно ходил по комнате и знакомил девушку с новой для нее обстановкой и приборами.

Посреди комнаты стоит глубокое кожаное кресло с очень отлогой спинкой. Перед креслом на уровне головы висит маленькая лампочка рубинового стекла. Над головой, впереди, сбоку и сзади, нечто вроде купола из металлических прутьев.

— Радиоантенна, — пояснил Лавров.

От антенны идут провода к аппарату, установленному на высоком столике позади кресла.

— Приемник. Настраивается на длину волны от ноль одной до пяти метров. Электромагнитные волны, излучаемые мозгом испытуемого, воспринимаются антенной и передаются в детектор приемника. Здесь они настолько усиливаются, что могут уже воздействовать на механические части аппарата: вот осциллограф — прибор, записывающий кривую колебаний; вот высокочувствительный панцирный гальванометр, а вот аппарат, трансформирующий электроколебания в звуковые колебания.

Теперь осмотрите место экспериментатора. Оно, как видите, находится за аппаратом и представляет собою металлическую сетку или клетку. В эту клетку я сажусь сам... Чего не сделаешь для науки! Клетка заземлена. Следовательно, волны, излучаемые моим собственным мозгом, не могут достичь антенны и смешаться с волнами мозга испытуемого. Волны моего мозга, достигнув металлической сетки, уходят в землю... Итак, я вхожу в клетку, закрываю дверь, сажусь на этот стул перед этим небольшим столиком. Аппараты на столе соединены с приемником проводами. Вот радионаушники. Я надеваю их во время опыта себе на голову. А эти циферблаты дают характеристику излучаемой волны: длину, ампераж, вольтаж и прочее.

— Ну, а теперь не хотите ли сесть, или, вернее, прилечь, на это кресло? Не бойтесь, это не электрический стул.

— Я нисколько не боюсь и охотно подвергну себя опыту, — ответила Нина и сейчас же уселась в кресло, откинувшись на отлогую спинку.

— Вот так! Свободнее! — поощрял Лавров, окидывая девушку таким взглядом, как будто собирался ее фотографировать. Затем он подошел к двери, выключил лампу под потолком и зажег маленькую лампочку, висящую перед креслом. Комната стала похожа на лабораторию фотографа.

— Красный свет больше всего способствует сосредоточенности, а она необходима в нашем опыте. — Лавров еще раз испытующе осмотрел Нину и затем прошел к своему месту. Захлопнулась железная дверь клетки, щелкнул выключатель... Нина смотрела на рубиновый огонек, и ее клонило ко сну.

— Полное спокойствие чувств, мыслей и тела, — как будто из-за стены слышался голос Лаврова, — ослабьте все ваши мышцы. Никакого напряжения. Так...

Голос Лаврова умолк. Тишина невероятная, сверхъестественная... Нине становится даже жутко. Уж не гипноз ли это?

— То-то молодость! — вновь слышит она голос ученого. — Волна-то какая! Стрелку прибора вон куда метнуло! Но и мы, старики, еще не сдаемся!..

Снова пауза.

— Теперь сложите в уме двадцать девять и восемьдесят восемь... Перемножьте шестнадцать на тридцать семь... Что-о? Еще не сосчитали? Вот так штука!

— Что же делать... — оправдывается Нина. — Говорят, великий математик Пуанкаре и тот путался в устном счете.

— Ну хорошо, оставьте счет. Займемся другим. Вспомните какой-нибудь страшный случай из вашей жизни.

— Страшный? Кажется, ничего страшного не было. Вот разве во время одного полета ночью, когда мы потеряли ориентировку и наш аппарат задел летящий дирижабль... Вы знаете эту конструкцию, каждая кают-кабина автоматически «проваливается», затем у нее выбрасываются крылья, и она планирует. Так вот, когда я «провалилась», а затем наша каюта, превратившаяся в планер, задела другой такой же планер и мы начали кувыркаться вниз друг через друга, тогда... тогда, помнится, действительно было страшно. Но ведь это длилось секунды, пока не раскрылся запасной парашют.

— Ну, вот вы и постарайтесь так ярко представить эту жуткую картину, чтобы сердце усиленно забилося.

Снова пауза.

— Фу! Кажется, я достаточно напугала себя! — воскликнула Нина.

— Отлично, отлично!

Лавров вышел из клетки, зажег лампу под потолком, вынул из аппарата узкую длинную ленту — цереброрадиограмму — и показал ее Нине.

— Видите, какая ровная ниточка? Ваш мозг спокоен. И вот «узелки»: амплитуда колебаний увеличилась. Это вы счетом занимались... А вот здесь снова тонкая линия и — внезапный размах! Рисунок кривой напоминает воронку. Это вы с поднебесных высот падали. Ну, вот и весь опыт... — Лавров задумался, затем решительно встряхнул головой, как бы отгоняя непрошенные мысли, и сказал: — Идем дальше.

Они вышли в коридор. Возле двери лаборатории W Лавров приостановился, протянул было руку, но тотчас же быстро отошел от двери и зашагал дальше.

Лавров посмотрел на большие часы, висевшие в коридоре, приостановил-

ся, как-то странно взглянул на Никитину, немного подумал и, наконец, сказал:

— Вот что, Нина. Сейчас я спешу на заседание ученого совета, а мне нужно поговорить с вами по очень серьезному делу. Не зайдете ли вы ко мне запросто на квартиру? Часов в восемь. Кстати, познакомитесь с моей семьей, с ребятами.

Нина была несколько удивлена этим приглашением, но охотно приняла его.

* * *

Был туманный осенний вечер. Но Нина не боялась простуды и ехала в открытом электротакси рядом с шофером, плотным мужчиной средних лет.

Новый проспект был ярко освещен, но фонарей нигде не было видно. Мягким голубоватым светом светились фасады зданий с колоннами и статуями, отчего они казались воздушными, словно сотканными из световых лучей. Светились колонны портиков между зданиями. Большие площади освещались одним «солнцем» в несколько миллионов свечей. «Солнце» висело в центре двух перекрещивающихся дуг так высоко, что не беспокоило глаз. А в такие туманные дни, как сегодня, площади освещались очень эффектно и необычайно: «солнце» не горело над головой, но зато весь воздух, наполненный туманом, светился зеленовато-лиловым светом, как газонаполненная трубка. Дело в том, что на самой земле между клумбами были установлены электрические дуговые лампы с направленным вверх светом. Ломкие фиолетовые лучи вольтовой дуги, встречая молекулы тумана, многократно преломлялись, рассеивались, и весь насыщенный туманом воздух начинал светиться...

Повернувшись к шоферу, Нина спросила его:

— Чем вы занимаетесь, товарищ?

Шофер серьезно ответил:

— Веду машину.

«Не сообразил», — подумала Нина. А ведь ее вопрос так прост и понятен. Разве современный человек не многогранен по своей культуре, запросам, интересам, занятиям? Вот, например, колхозник Зорин — прекрасный астроном: недавно он открыл новую переменную звезду; Габрилович — математик с мировым именем, одновременно отличный скрипач; про Лаврова рассказывают, что он виртуоз работы на токарном станке... А уж о людях вроде шоферов и вагоновожатых, голова которых в свободное от работы время не слишком занята заботами основной профессии, — о них и говорить не приходится. Все они имеют «вторую жизнь», какие-то другие интересы. А руль — это ясно. Об этом и спрашивать нечего. Нет, ты мне скажи, что еще, помимо руля, наполняет твою жизнь...

— А вы чем занимаетесь? — неожиданно спросил шофер.

— Стихи пишу, — полунасмешливо, полусерьезно отозвалась Нина.

— Нет, правда?

— К сожалению, правда, — ответила Нина уже с некоторым смущением. — Я только никому об этом не говорю. Вот вам сказала: ведь вы случайный собеседник...

— Стихи! Это же очень интересно. Быть может, и сонеты пишете?

— Пишу. Отвратительные... и знаю, что плохо, а тянет.

— Может быть, не так уж плохо, — сказал шофер. — Прочитайте что-нибудь

на память.

— А вы понимаете в этом деле? — спросила Нина.

— Немножко понимаю. В итальянских сонетах эпохи Ренессанса, во всяком случае, неплохо разбираюсь.

И шофер, наконец, рассказал, чем он занимается: уже много лет он увлекается историей искусств; его специальность — эпоха Возрождения.

— Несколько моих работ о флорентийских художниках — мастерах раннего Возрождения — уже напечатано... Сколько радости дает искусство! Прочитайте же мне одно из ваших стихотворений. Если можно, сонет.

— Как-нибудь в другой раз... по телефону!

И они обменялись номерами телефонов.

Машина въезжала в пределы старого города. Нина попросила шофера проехать по проспекту 25 Октября. Уже давненько не заглядывала она сюда.

Новое время наложило свою печать и на проспект 25 Октября. Давно исчезли паутина проводов и «аллеи столбов», исчезли грохочущие трамваи и даже троллейбусы. Только бесшумные двухэтажные автобусы и авто на аккумуляторах двигались по улицам, а возле тротуаров медленно катились удобные одноместные кресла-самоходы — любимый способ выезда в город пожилых людей, одиноких старух и стариков пенсионеров. Молодые люди скользили по тротуарам на автороликах — этот способ передвижения был изобретен совсем недавно.

Стены домов солнечной стороны были выложены блестящими полированными листами из нержавеющей металлического сплава. Летом эти листы время от времени промывались. Из того же полированного и блестящего, как стекло, металла были сделаны прожекторы, укрепленные на краю крыши. Особые механизмы передвигали эти рефлекторы вслед за солнцем. Таким образом, в солнечные дни рефлекторы отражали солнечные лучи прямо в окна домов теневой стороны.

Перед Ниной открылся Кировский проспект. Он мало изменился. Только кое-где на месте старых неуклюжих «доходных» домов появились новые здания, выстроенные по проектам талантливого архитектора Марии Титовой.

Пластмассовая мостовая проспекта не была разделена цветными полосами и аллеями. Большие деревья росли только по краям проспекта, вдоль тротуаров. Не было здесь и подземных тоннелей для поворота и перехода с полосы одной скорости на другую. Шоферу пришлось, озираясь налево, повернуть машину поперек улицы и переехать на противоположную сторону, к № 26/28.

— Я буду ждать вашего звонка! — крикнул шофер, провожая Нину глазами. Так хотелось узнать ее имя, но... побоялся, что девушке не понравится такая навязчивость.

* * *

Дверь автоматически открылась перед Ниной. Она вошла в просторную переднюю, и тотчас же где-то под верхним карнизом вспыхнул свет.

Семья Лавровых, очевидно, была довольно большая. На паркетном полу, в углу возле зеркала, стояло несколько пар электророликов разных размеров, а возле окна — «стариковское» электрокресло.

На вешалке висели пальто и непромокаемые плащи из «стеклянной шерсти», мягкие, белые, отливающие серебром.

Из внутренних комнат в переднюю донесся разноголосый собачий лай.

Чей-то резкий, крикливый голос картаво спрашивал:

— То там? То там? То там?

— Это я, Никитина!

В переднюю вбежали две белые собачки. Вслед за ними, мягко переступая с ноги на ногу, вошли леопард и молодая львица, крадущейся походкой приблизились к Нине и начали обнюхивать ее.

— Вадик! Зачем ты выпустил Найфа и Пойнт? Они могут испугать... — слышался из внутренних комнат женский голос.

— То там? То там? То там? — монотонно кричал картавый голос.

— Они сами, бабушка! — И в переднюю быстро вошел черноглазый мальчик лет восьми, с бронзовым от загара лицом, в белой рубашке с короткими рукавами и в штанишках по колени. Мальчик вежливо поздоровался и спросил, не напугали ли Нину звери.

— Дедушка просит вас в столовую... Идем, Пойнт, Найф! — Мальчик ухватил львицу за клочок мягкой шерсти и пошел вперед; маленькие собаки убежали; леопард следовал за Ниной, замыкая шествие и как бы отрезая девушке путь к отступлению.

Так, торжественным цугом, вошли они в столовую.

Эта комната, с тремя окнами и гардинами на них, казалась уголком музея старого быта и культуры. Она переносила посетителя в прошлое, лет на сто назад. Тяжелая мебель черного дуба с резными украшениями, огромный буфет, стулья с высокими спинками. Возле окон и на подоконниках цветы в горшках, на стенах — клетки с птицами, в углу — большая клетка серого попугая, все еще продолжавшего выкрикивать свое «то там?».

На большом чайном столе, накрытом вышитой по краям скатертью, возвышался самовар, возле него — чайник, а на чайнике — теплый матерчатый футляр в виде курицы-наседки. По столу были расставлены старинный чайный сервиз — синий с золотыми каемками, темно-коричневая деревянная хлебница в виде блюда с надписью по краям славянскими буквами: «Хлеб, соль ешь, да правду режь».

Возле самовара сидела полная пожилая женщина со стриженными седыми волосами, на противоположном конце — профессор Лавров, слева от старухи — молодая женщина с Вадиком, справа — бритый тридцатилетний полковник, который при входе Нины сейчас же поднялся. Собачки улеглись возле старухи, Найфа и Пойнт увели в соседнюю комнату.



— Знакомьтесь, — сказал Лавров, — моя жена, Варвара Николаевна. Глава

семьи. Ведь у нас дома матриархат.

— Нина Васильевна может подумать, что я тебя под башмаком держу, — с улыбкой отозвалась старуха.

— И еще как держишь! — невозмутимо продолжал Лавров. — А это моя дочь Лиза. Студентка физико-математического института. Мать сего младенца Вадика и жена, полагаю, небезызвестного вам исследователя Антарктики Степанова... Сейчас он в научной командировке... Вадик — пионер, отличник учебы и изобретатель летающей торпеды, которая, впрочем, пока что никак летать не хочет. И, наконец, полковник Лавров, мой сын Максимушка, авиаторпедист. Его радиоторпеды летают, и, кажется, довольно удачно.

Нину усадили рядом с Максимом, Варвара Николаевна подала чашку душистого чая и спросила:

— Вас не напугали наши звери?

Нина не успела ответить, как Лавров со смехом заговорил, указывая глазами на жену:

— Это она из квартиры зверинец устроила! А чтобы объяснить, как она дошла до жизни такой, придется начать издалека. — И Лавров рассказал чуть не всю биографию своей жены, пересыпая рассказ шутками и прибаутками. Старуха слушала со снисходительной улыбкой.

Оказалось, что жена Лаврова тоже была профессором — крупным специалистом в области ветеринарии. Лет тридцать тому назад Варвара Николаевна, будучи еще молодой ученой, вела упорную борьбу с весьма распространенной в то время повальной болезнью рогатого скота. Но вот настал день, когда Лаврова нашла, наконец, радикальное средство против болезни.

Эпизоотии совершенно прекратились. Специальные лаборатории пришлось закрыть, сотрудников распустить.

— Так Варвара Николаевна сама себя довела до безработицы, — посмеивался Лавров.

Впрочем, тотчас же нашлось новое дело. В то время через пустыни и степи Монголии прогоняли многотысячные гурты скота. В пути особый вредоносный вид клещей заражал животных. И вот на борьбу с опасным клещом в Монголию была отправлена большая научно-исследовательская экспедиция во главе с Варварой Николаевной. Экспедиция была великолепно оборудована и снабжена всеми средствами передвижения в пустыне, вплоть до аэропланов. Работа шла успешно, но как-то раз аэроплан, на котором летела Лаврова, неудачно сел в песках, и при этом Варвара Николаевна сильно повредила ногу. Пришлось не закончив работу, вернуться в Ленинград. «Пусть они там ловят клещей, а я здесь возьмусь за разрешение проблемы совсем с другого конца», — решила Лаврова и принялась за опыты над анабиозом теплокровных животных...

— Анабиоз, как вам известно, произвел переворот в транспорте животных. А тут подоспели и грузовые мощные цельнометаллические дирижабли. На клещей можно было махнуть рукой, и моя Варвара Николаевна снова осталась как бы безработной. Да, кроме того, к этому времени... «укатали сивку крутые горки»: прыгать по всему СССР стало трудновато. Вот она и взяла работу полегче — в зоопарке. Ну, и если там родится какой-нибудь слабенький львенок, медвежонок или же какая-нибудь мамаша отказывается кормить своих сосунков — в неволе это бывает, — Варвара Николаевна тащит обижен-

ных на квартиру и здесь из рожка выпаивает, выкармливает, выхаживает.

Несмотря на шуточный тон, Лавров с большой теплотой рассказывал о своей старушке жене. Они прожили рука об руку хорошую трудовую жизнь.

Разговор постепенно стал общим. Максим рассказал несколько интересных историй из своей летней практики... Но Лавров-отец нетерпеливо заерзал на стуле, посмотрел на часы и обратился к Нине:

— А ведь у меня к вам одно дельце есть. Прошу ко мне в кабинет.

* * *

В кабинете было тихо. Сюда не долетали ни собачий лай, ни крик попугая.

Лавров усадил Нину в кресло возле письменного стола. Лицо его было необычно серьезно.

— Вы знаете, что Михеев очень болен?

— Я знаю, что он очень стар, — ответила Нина.

— Стар, да. Увы, старость, конечно, его главная болезнь... Мы, врачи, в частности Сугубов и я, делали все, чтобы поддержать и продлить драгоценную жизнь Михеева. Мы уберегли его от многих опасностей, предохранили от многих болезней и недомоганий и таким образом дали ему возможность продолжать работу. А вы понимаете, что это значит? Каждый час работы гениального мозга обогащает человечество на века. И вот нужно же было произойти такому несчастью: в то время как Михеев был уже совсем близок от цели, завершая свои гениальные работы в области получения атомной энергии, старость сказала: стоп! У него обнаружили признаки слабоумия...

— Но ведь у Михеева много талантливых молодых помощников, и они...

— Закончат дело без него, хотите вы сказать? Да, в этом не может быть никакого сомнения... Но тут имеется и другая сторона вопроса. Вы подумайте только! Пятьдесят лет человек упорно шел к цели. Преодолевал бесчисленное множество препятствий, тяжелых сомнений, ошибок, пока не вышел, наконец, на верный путь. И вот, когда цель уже была видна, так сказать, осязаема, силы вдруг стали изменять ему... Меня пригласили к Михееву. Я никогда не забуду этой сцены... Он сидел в своем кабинете за письменным столом. Он еще продолжал работу, но, по-видимому, уже ясно представлял, какое несчастье надвигается на него. Он долго смотрел на меня, потом... с мольбой протянул руки: «Иван Александрович! Обещайте мне сделать все, чтобы поддержать мои угасающие умственные силы хотя бы только на год. По моим расчетам, этого вполне достаточно. Я должен... понимаете, я должен закончить дело моей жизни прежде, чем уступлю последней старческой дряхлости и... неизбежной смерти». Глаза его сверкнули былым боевым задором, и он в упор спросил меня: «Неужели мы не оттесним, не задержим врага хоть на несколько месяцев, мой старый друг?» И я дал слово исполнить его просьбу.

— Что же вы хотите предпринять и чем я могу помочь вам? — спросила Нина.

— Вот... вот и дошли до главного, — сказал Лавров и забарабанил пальцами по столу. — Вы уже видели аппарат, регистрирующий электромагнитные волны, излучаемые работающим мозгом, — начал он. — Так вот, в лаборатории Дубльвэ, куда мы с вами еще не заглядывали, стоит другой аппарат, сконструированный под моим наблюдением. Этот аппарат воспроизводит электромагнитные колебания такой же природы, длины и частоты, как и работающий человеческий мозг. Технически, вы понимаете, в этом нет ничего трудного.

Моя гипотеза такова: работающий мозг, излучая электромагнитные колебания, безусловно, затрачивает на это некоторую энергию. Представьте же теперь, что мозг получит извне электромагнитные колебания, которые прежде он вырабатывал сам. Ясно, что у работающего мозга должна получиться какая-то экономия в расходовании энергии. Иначе говоря, работа мозга будет облегчена, мозг начнет работать, то есть мыслить более интенсивно. Понятно? Ума электрическим током не прибавишь, но облегчить напряженную умственную работу, я полагаю, вполне возможно. Нормальному мозгу этого не нужно, а вот для старческого «электризация» может оказаться полезной, как палка или костыли при слабости ног...

— И вы производили опыты?

— Производил. Над старыми крысами.

— Над старыми крысами?! — удивилась Нина. — Но как же узнать об угасании умственных способностей старой крысы и о возрождении их под влиянием лучистой энергии? У крысы ведь не спросишь?

— Это не так уж трудно, — ответил Лавров. — У циркового дрессировщика животных я взял дрессированную крысу. Она умела поднимать флаг, но забыла свой номер, состарившись и ослабев умом. Я начал электризовать ее мозг, и она подняла флаг. К сожалению, память возвращалась к ней только во время электризации мозга... Но ведь для человека не представит особых неудобств ношение в часы умственной работы такой легкой тубетейки с электродами на висках.

— Если ваши теоретические предположения оправдались на опыте, значит задача разрешена!

— С крысами. С крысами, деточка, а не с людьми!

— Но, мне кажется, это дает вам право...

— Подвергнуть риску жизнь человека? Таким правом я не воспользуюсь, даже если мне его и предоставят.

Наступила неловкая пауза. Нина была сбита с толку и никак не могла понять, куда же клонит Лавров. Вдруг она вспомнила, что в отделение безнадежных хроников недавно прибыл новый больной — слабоумный старик Сурков, несчастное, неопрятное существо, одновременно возбуждающее и жалость и отвращение. Не его ли Лавров решил подвергнуть первому опыту?.. Быть может, профессор ждет теперь моральной поддержки, одобрения со стороны? Что ж, надо помочь ему, если дело только в этом. И Нина с горячностью заговорила:

— Иван Александрович! В отделении хроников имеется больной Сурков, старик-полуидиот...

Но Лавров не дал Нине договорить. При первом же упоминании имени Суркова он нахмурился и, явно взволнованный, горячо заговорил:

— И вы, молодой врач, предлагаете мне такие вещи? Нехорошо, стыдно, Нина! Не возражайте: я прекрасно знаю ход ваших мыслей. С одной стороны — Михеев, высочайший пик ума современного человечества, с другой — какой-то безвестный Сурков, бесполезное, грязное полуживотное, и так далее и так далее...

— Но ведь с завершением работы Михеева связаны интересы родины! — воскликнула Нина, задетая упреком Лаврова. — Разве каждый из нас не отдаст с радостью всю свою жизнь на благо родины?

— Свою, Нина! Свою собственную жизнь, а не чужую. Буду говорить прямо. Я решил начать опыт с самого себя. Но так как быть одновременно в двух ролях — подопытного кролика и экспериментатора-наблюдателя — трудно, то здесь я рассчитываю на вашу помощь и... вашу скромность. Я долго присматривался к вам: вы девушка не болтливая и дельная... Теперь вам все понятно? Дайте же мне ответ, согласитесь ли вы быть моей помощницей в этом деле.

— А если лучистая энергия разрушит клетки вашего мозга, вызовет кровоизлияние?

Лавров иронически прищурил глаз.

— Без некоторого риска здесь не обойдешься.

— Что ни говорите, но жизнь разных людей не равноценна...



— Каждый дает обществу по способностям, и в этом смысле полезность людей различна, но сама жизнь, всякая жизнь бесценна, — серьезно возразил Лавров. — Я допускаю право распоряжаться для блага родины лишь своей жизнью.

— А если вы погибнете, разве интересы родины в этом случае не пострадают? Я уж не говорю о вашей научной работе. Но ведь никто, кроме вас, не сможет вернуть Михееву работоспособность, а в этом сейчас весь вопрос... Нет, воля ваша: я не могу взять на себя ту роль, которую вы мне предлагаете!

— Значит, вы отказываетесь помочь мне?

— Не отказываюсь, но хочу предложить вам иное. Вы сами говорили, что общественная полезность людей различна. Давайте говорить прямо: в этом смысле ценность вашей и моей жизни несоизмеримы... Словом, я предлагаю для опыта себя. Ведь каждый может распоряжаться своей жизнью, не так ли? Так пусть буду я подопытным кроликом, а вы экспериментатором.

Лавров посмотрел на Нину с удивлением. Несколько минут просидели они в глубоком молчании. Наконец Лавров твердо заявил:

— Вы хотите пожертвовать науке свою молодую жизнь? Это очень трогательно, но я ни в коем случае не соглашусь на ваше самопожертвование!.. Да вы и не годны для этого опыта. То, что может перенести ваш молодой мозг, окажется непосильным для мозга Михеева... Нет, разговор может идти только обо мне и ни о ком другом. Если вы откажетесь помогать, придется мне работать одному. Это несколько снизит шансы на успех, ну, и понятно... увеличит риск эксперимента.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец Лавров поднялся, протянул руку и сказал:

— Завтра в институте вы дадите мне ответ.

Когда на другой день Нина вошла в кабинет Лаврова, старый профессор внимательно посмотрел ей в лицо и, ничего не спросив, сказал: «Вот и отлично», — и повел ее в лабораторию. За всю свою жизнь никогда еще Нина так не волновалась. Но ничего страшного не произошло. Все оказалось проще, чем она ожидала. Лавров уже давно изучил природу электромагнитных колебаний своего мозга, и аппарат был настроен соответствующим образом. Ученый надел на голову металлический колпак, поправил электроды у висков, протянул было руку к выключателю, но, не включив аппарата, обратился к девушке:

— Не исключена возможность, что я вдруг почувствую себя худо. Тогда вы должны помочь мне: выключить аппарат, снять колпак, оказать первую помощь... Но ваша роль этим не ограничивается: вы понадобитесь мне в качестве экспериментатора. Как только я поверну выключатель и электроволны пройдут через мой мозг, я превращусь в подопытное животное — и только. Вы будете наблюдать за мною и говорить в диктофон все, что заметите. Вот он перед вами. Садитесь. Итак, начинаем...

Нина заговорила срывающимся от волнения голосом. Ее слова немедленно ложились невидимыми знаками на тончайшей проволоке.

— Десять часов шестнадцать минут. Профессор Лавров включает аппарат. Его лицо спокойно. Он улыбается. Говорит, что не испытывает никаких изменений в работе мозга.

...Семнадцать минут! Все то же.

Деятнадцать! Нетерпеливое движение в кресле. На лице озабоченность.

Двадцать минут! Лицо проясняется. Улыбаясь, говорит, что «как будто по-свежело в мозгу». Начинает вспоминать забытые имена, фамилии: «Вот тот, что приходил дней семь тому назад из Института мозга. Аспирант. Такая длинная фамилия...» Пауза пять секунд. «Скоробогатов! И приходил не семь, а девять дней тому назад... Как фамилия больного, который выписался двадцать дней назад?..» Пауза три секунды. «Воробьев».

Двадцать две минуты! «Мозг работает молодо. Совсем молодо. Попробую умножить в уме двадцать два на двадцать два...» Пауза одна секунда. «Четыреста восемьдесят четыре». «Двадцать девять на тридцать семь...» Пауза, четыре секунды. «Тысяча семьдесят три». «Удивительно проясняется в голове! Сейчас я напишу, Нина. Наброшаю кое-какие мысли...»

Вынимает перо, записную книжку, сосредоточенно пишет.

Десять часов тридцать одна минута. «Ну вот, на первый раз и довольно. Потом прочту». Прячет перо и книжку, выключает аппарат, снимает с головы колпак, проверяет пульс. Просит меня помочь ему определить давление крови. Пульс нормальный. Давление немного повышено, «как всегда...»

— Ну, вот и окончен наш опыт, — говорит Лавров, поворачивая к Нине улыбающееся лицо. — Знаете, у меня даже сейчас остается ощущение свежести мысли... Ну, я иду на обход больных, а вы тем временем заставьте диктофон медленно повторить ваши слова... Запишите все вон в тот журнал... После обхода я зайду за вами, и мы вместе отправимся к товарищу Михееву.

— К Михееву?

Нина обрадовалась, ей еще не приходилось встречаться с этим великим человеком.

— Ну, разумеется. Опыт удался, и я больше не хочу медлить ни одного часа. Понятно, нужна большая осторожность: Михеев много старше меня! Сейчас мы возьмем с собой только аппарат из лаборатории — определим характер волн, излучаемых мозгом Михеева.

И он вышел веселый и бодрый.

«Как удача молодит людей!» — невольно подумала Нина и под диктовку собственного голоса принялась записывать в журнал ход опыта.

* * *

На улице разыгралась метель. Нина сидела рядом с Лавровым и задумчиво смотрела сквозь прозрачные стенки электромобиля. Мелькали и уносились назад дома, сосны и серебристые ели, арки, колоннада, статуи, башни...

Машина нырнула в тоннель путепровода, круто повернула вправо и въехала на автостраду, проложенную к Институту физических проблем имени академика Михеева. По сторонам этой загородной дороги виднелись нарядные коттеджи, окруженные садами, огородами и грандиозными оранжереями пригородного плодоовощного хозяйства. Отсюда каждое утро во всякое время года двигались вереницы машин, снабжавших ленинградцев свежими овощами, фруктами и ягодами.

На автостраде движение было незначительное, и шофер пустил электромобиль со скоростью ста двадцати километров в час.

Лавров снял со стенки трубку радиотелефона, вызвал коменданта института и сказал:

— Мы приедем через пятнадцать минут. Предупредите семью Семена Григорьевича. Профессор Сугубов еще не приехал?

— Семья уже предупреждена. Вас ждут. Профессор Сугубов только что говорил со мной. Он едет следом за вашей машиной.

— Ах, вот как! — воскликнул Лавров и повесил трубку радиотелефона. — Едет за нами и не подает о себе вести? Ну, мы сами сейчас его вызовем. Алло! Леонтий Самойлович?

— Я, — услышала Нина голос Сугубова так отчетливо, как будто он сидел рядом с нею.

— Что же вы, дорогой мой, не предупредили, что поедете следом за мной?

— А зачем? Приедем — увидимся!

— Как зачем? Поговорили бы: летучий консилиум, так сказать.

— Какие тут разговоры на скорости в сто двадцать километров! У вас шофер, а я сам правлю.

— Риска-то никакого нет, — убеждал Лавров. — Вот вы институт вызывали, на несколько секунд управление оставляли же, и ничего: «автоматический шофер» сам управлял... В чем же дело?

— А вот вы сами садитесь за руль, Иван Александрович, тогда я вам отвечу, — не совсем любезно отозвался Сугубов.

— Экий вы, право! — проворчал Лавров и выключил радиотелефон.

Дорога начала полого подниматься вверх. По сторонам виднелся густой сосновый лес. Просеки открывали вид на швейцарские домики, английские коттеджи, белые виллы с колоннами, верандами, балконами.

— Въезжаем в михеевскую республику, — шутливо сказал Лавров, обернув-

шись к Нине.

Институт физических проблем был расположен на лесистом холме. Это был целый город, на строительство которого правительство не жалело никаких средств. Лаборатории низких температур, сверхвысоких давлений, сверхвысоких напряжений и электромагнитных полей и многие другие лаборатории занимали огромные здания. Стоили они десятки миллионов рублей. Целая армия научных работников, опытных экспериментаторов обслуживала эти лаборатории.

Для Михеева ни в чем не было отказа, и он не оставался в долгу: в его лабораториях были созданы микроаккумуляторы необычайно большой емкости. Они произвели настоящую революцию в транспорте и сохранили для синтетической химии драгоценное жидкое топливо. На широких проспектах городов Советского Союза появились первые бесшумные электромобили. На площадях и на автострадах вместо станций и колонок для заправки горючего возникли изящные киоски с маленькими «шоколадными плитками» и «папиросными коробками» аккумуляторов, хранивших энергию на многочасовое движение электромобилей. Вслед за электромобилями родились бесшумные электроаэробусы и электропланы. Механизмы машин и их управление упростились. Этим дело не ограничивалось: микроаккумуляторы находили все новое и новое применение...

С помощью своих ближайших сотрудников Михеев практически осуществил проблему передачи электроэнергии на далекое расстояние без проводов. Он создал совершенно новый тип генератора с простым металлическим диском, без всяких обмоток, вместо ротора. Изготовление генераторов чрезвычайно упростилось и удешевилось. Немало сделали и сотрудники института.

Молодой талантливый помощник Михеева — Малинин изобрел новые фотоэлементы с таким высоким коэффициентом полезного действия, что промышленное использование их как двигателей получило самое широкое распространение. Другой сотрудник Михеева справился с задачей создания на земле «сверхтяжелой материи», вызвавшей целый переворот в технике. Третий создал невесомый и «летающий» металлы, которые внесли коренные изменения во все виды транспорта и строительства. Четвертый изобрел новый тип солнечного двигателя.

В демократической «михеевской научной республике» каждый получал по заслугам и никто не тонул в лучах славы мирового ученого. Но все же целый ряд ценнейших изобретений и открытий института по праву принадлежал самому Михееву.

За последнее время Михеев подошел к высочайшей вершине своей многолетней творческой деятельности — к овладению внутриатомной энергией. Рука об руку со своими верными помощниками он упорно и верно подвигался к цели, направляя силу своего необычайного ума и остроумие своих молодых сотрудников на твердыни самой укрепленной и неприступной крепости — природы.

Весь мир следил за напряженной, титанической борьбой.

И вот в это самое время природа, словно для того чтобы спасти свою великую тайну, нанесла сокрушительный удар командиру научной армии: Михеевым начала овладевать старческая дряхлость. Силы быстро падали.

Успеет ли великий ученый довести свое дело до конца?..

Вскоре Михееву стало трудно передвигаться по научному городку, спускаться в подвалы, подниматься по лестницам. Михеев обратился за помощью к врачам. Началась великая борьба со старостью академика Михеева. Советское правительство отпустило на эту борьбу специальные средства.

Квартиру Михеева соединили с лабораториями, расположенными в отдельных домах, теплыми, крытыми переходами и специальными лифтами. Михеев снова получил возможность, не сходя с удобного электрокресла, посещать все уголки научного города. В то время голова его была еще свежа, в слабом теле заключалось еще немало энергии. Глуховатый голос ученого стал снова слышаться то тут, то там.

Среди молодых было несколько выдающихся, исключительно одаренных экспериментаторов. С ними старик академик особенно охотно делился своими мыслями.

Работа в институте вновь пошла полным ходом.

Квартира академика была превращена в своеобразный санаторий. Чтобы дом не слишком нагревался летом, бригада молодых инженеров облицовала стены металлическими пластинами, как рыбьей чешуей. Одна сторона пластин была белая, полированная и блестящая, другая — темная, матовая. Эти пластины в зимние морозы поворачивались к солнцу своей темной стороной — для наибольшего поглощения слабых тепловых лучей, летом — белой и блестящей — для отражения солнечных лучей. Крышу дома сделали совершенно плоской и покрыли ее слоем воды в пятьдесят сантиметров. Летом вода поглощала тепловые лучи, зимою же, смерзаясь в лед, она служила прекрасной изоляцией от холода.

Особое внимание было обращено на кондиционные установки внутри здания. Воздух в квартире непрерывно обновлялся, очищался от пыли, промывался, пропускался через особые фильтры статического электричества (для уничтожения вредной ионизации воздушных молекул) и, наконец, подогревался. По желанию Михеева воздух в одну минуту мог быть напоен ароматами моря, цветущего поля, хвойного леса.

Врачи нашли, что полная тишина необходима Михееву только в часы умственных занятий. В часы же отдыха работу нервов и мозга ученого необходимо поддерживать умело подобранными звуковыми, световыми и другими раздражителями.

Кроме того, мышцы Михеева должны работать во что бы то ни стало.

Молодые инженеры удачно справились и с этой сложной задачей, применив завоевания кино и радиотехники. Пока ноги Михеева еще не слишком ослабели, он совершал довольно длительные и интересные прогулки, «не сходя с места»: под его шагающими ногами медленно и незаметно подвигался в обратную сторону транспортер. Михееву казалось, что он идет берегом моря. Он видел далекий горизонт, яхты, электроходы, движение облаков, переливы синих и зеленых пятен на поверхности воды, слушал шум прибоя, шуршание гальки по песку и всей грудью вдыхал свежий морской воздух. Мягкие волны бриза ласкали его лицо.

Иногда он «отправлялся» в сосновый лес, «всходил» на небольшие пригорки — это необходимо было для укрепления работы сердца — и обзирал окрестность.

С этих прогулок ученый «возвращался» освеженный, бодрый, с хорошим

аппетитом.

Но «пешеходные» прогулки становились все короче и короче. Настал день, когда Михеев заявил, что его утомляют даже поездки в кресле по институту, в особенности лифты. Как ни медленно опускались и поднимались они, Михеев уверял, что это действует ему на сердце. Пришлось еще раз призвать на помощь технику. Приемные и передающие телевизоры были установлены во всех лабораториях, перед всеми аппаратами и в лекционном зале. Михеев продолжал «бывать всюду» и руководить работой из своего кабинета, не сходя с кресла.

Руководство ученого в это время приносило уже мало пользы. Много он путал, забывал, делал ошибки. Но сотрудники и виду не подавали. С обычным вниманием выслушивали они его и не сетовали, если Михеев за Ивана бранил Петра или же приказывал сделать то, что уже давно было сделано. Они слишком любили и уважали своего старого учителя и друга.

Врачи неослабно следили за здоровьем Михеева.

Но старость непреклонно разрушала гениальный мозг.

Настал день, когда Михеев вдруг забыл свою фамилию и заявил, что ему совершенно неинтересно заниматься какими-то атомами. Он предпочитает им манную кашу с клубничным вареньем.

А работа была уже совсем близка к окончанию. Сотрудники института, от заместителя директора до юного лаборанта, переживали дни и часы глубочайшей скорби...

* * *

Снег перестал падать. Сквозь разрывы в тучах проглядывали голубые пятна неба. Машина въехала на холм. Сосны расступились, открыв вид на серо-мраморный фасад главного корпуса института. Длинное здание делилось на части тремя огромными нишами, достигавшими высоты третьего этажа. В средней нише была дверь для пешеходов. К боковым нишам, на высоту второго этажа, через всю площадь поднимались мосты-путепроводы для автомашин, похожие на висящие в воздухе полотнища.

Электромобили въехали в нишу правого путепровода, повернули налево и остановились над главным входом на высоте второго этажа. Шофер помог снять ящик с аппаратом Лаврова и положить его на транспортер. О ящике с надписью «Квартира академика Михеева» можно было не беспокоиться: он дойдет по назначению.

От площадки, на которую вышли прибывшие, в разные стороны расходились эскалаторы, лифты. Кроме того, здесь же находилась станция «горизонтального» внутридомового транспорта. Лавров, Сугубов и Нина сели на кожаный диван, который двинулся в путь по этажам и коридорам института, пока не остановился против двери со скромной фарфоровой табличкой:

«Семен Григорьевич Михеев».

— Алло! — крикнул Сугубов, и механический «слуга» открыл дверь. В большой белой передней у ящика с аппаратом Лаврова возились двое людей: плотный лысый мужчина с большими очками, одетый в серебристо-серый комбинезон, и пожилая женщина в платье из того же материала. Лавров и Сугубов дружески поздоровались с ними и познакомили с Ниной. Это были сиделка и санитар. Затем в переднюю быстро вошел молодой человек в светло-коричневом костюме с наглухо, до шеи застегивающейся курткой — дежурный врач.

Он проводил прибывших в соседнюю комнату, круглую и белую, как внутренность эмалированной кастрюли. Врач повозился у распределительной доски. Послышался сухой треск и гул.

Сверху пролился водопад видимых и невидимых лучей, дезинфицирующих костюмы и открытые части тела вновь прибывших. Только после этой процедуры Лавров, Сугубов и Нина могли отправиться во внутренние комнаты.

— Кто дома? — спросил Лавров дежурного врача.

— По обыкновению одна Анна Семеновна.

С Михеевым неразлучно жила со дня своего рождения его старшая дочь. Она окончила три университетских факультета и два института, но так и не выбрала себе профессии. Замуж она не вышла, чтобы не разлучаться с горячо любимым отцом. В последние десятилетия эта глуховатая седая женщина не моложе шестидесяти пяти лет была верным помощником, другом и личным секретарем великого ученого.

Михеев в расцвете своих сил был человеком широчайших интересов и в то же время величайшей целеустремленности. Это наложило печать и на его квартиру.

Стержнем жизни Михеева была научная работа, и ей он подчинял весь уклад окружающей его жизни. Ничто не должно мешать основной цели. Наоборот, все должно помогать и способствовать ее достижению. Работа была рассчитана на десятилетия. Значит, нужно постараться прожить как можно дольше, а для этого нужен строгий режим. И Михеев подчинил себя этому режиму.

Нина и ее спутники прошли уже четыре комнаты. Их отделка и меблировка придавали дому какой-то холодноватый, музейный характер. И стены, и потолок, и пол были из блестящей эмали нежных оттенков и художественных рисунков. На окнах, дверях, стенах не висело ничего: ни гардин, ни портьер, ни картин, ни полочек. И, однако, комнаты были полны картинами, вазами, скульптурами первоклассных мастеров. Но все они помещались в стенных нишах, прикрытых на уровне стены стеклами необычайной прозрачности.

Мебели было немного. За исключением столов с их традиционной горизонтальной поверхностью все вещи — кресла, книжные шкафы, буфет в столовой — имели обтекаемую форму. В шкафах и буфетах со сфероидальными или эллипсоидальными куполами не было никаких карнизов, горизонтальных плоскостей, ниш. Даже подоконники были закруглены. На ходу Нина случайно задела плечом большой шкаф с книгами и была очень удивлена, когда он неожиданно откатился в сторону больше чем на метр.

Лавров рассмеялся:

— Тут все вещи как на катке: только тронь, и покатятся. Это чтобы легче было чистоту наводить. Мало того, что воздух в комнаты подается очищенный и стерилизованный, комнаты два раза в день еще моются — да, да, не только стены, шкафы, но и кресла, диваны! Моются и затем сушатся теплым воздухом. Зато попробуйте найти в этом воздухе хоть одну пылинку, хоть одну бактерию. Леонтий Самойлович неоднократно брал пробы воздуха.

— Как на Северном полюсе, — кивнул головой Сугубов.

Войдя в кабинет, Нина не сразу увидела Михеева. У левой стены возле большого окна стоял письменный стол. Ни одного предмета не лежало на нем. На его блестящей зеленоватой, как вода пруда, поверхности отражались

длинное окно с цельным хрустальным стеклом и большой шкаф обтекаемой формы с моделями электронных «пушек», которые Михеев изобретал одну за другой для бомбардировки атомного ядра. На второй сверху полке шкафа Нина узнала знакомые формы аппарата, изображение которого несколько лет тому назад печаталось во всех журналах и газетах мира. Это был знаменитый двигатель, приводимый в движение космическими лучами. Пока он представлял только теоретический интерес, но обещал в будущем превратиться в новый источник неисчерпаемой энергии. О, если бы Михеев не был так стар, когда взялся за эту работу!..

О том, как живет и работает Михеев, писалось немало. Нину не удивило отсутствие книг в его кабинете. Было известно, что любую книгу Михеев получает по пневматической почте через несколько минут после телефонного заказа. В большинстве же случаев изображение нужных ученому страниц проецировалось на большой экран в его кабинете.

Весь угол комнаты между окном в левой стене и входной дверью занимал длинный овальный диван. Сюда Михеев приглашал самых любимых, даровитых научных сотрудников и обсуждал здесь их работу, делился своими заветными мыслями.

Но все это было в прошлом. Уже давно Михеев не требовал ни одной книги, давно прекратились и совещания на овальном диване.



Кабинет представлял собою растянутый прямоугольник. Стена против входной двери в правой своей половине как бы обрывалась и переходила в другую комнату или глубокую нишу, по обеим сторонам которой возвышались две белые колонны строгого дорического стиля.

К этой нише и направились Лавров и Сугубов, а вслед за ними и Нина.

Она увидела широкие, откинутые назад спинки двух кресел, почувствовала падающие сверху теплые лучи невидимого солнца, в лицо пахнуло ветерком, напоенным запахом моря, послышался мерный шум прибоя, и, наконец, в глубине ниши она увидела самое море. Конечно, это были только оптика и техника, но неожиданность усиливала иллюзию. Нина так засмотрелась на океан, что даже забыла о великом ученом. А тем временем Лавров и Сугубов уже здоровались с ним и с дочерью.

Так вот он, знаменитый Михеев! На первый взгляд он не показался Нине расслабленным стариком. На его голове была «историческая» шапочка из черного шелка, знакомая по портретам. Седые усы, бритый подбородок, ровный нос, еще живые, но чуть сонные глаза... Он с видимым трудом поднял правую руку и протянул Лаврову, а затем Сугубову, без улыбки и какого-либо выражения на лице. Видимо, он не узнавал их, хотя они навещали его не реже двух раз в месяц. Лавров представил Нину. Но Михеев поднял в это время глаза

вверх, посмотрел на капители колонн и сказал:

— Хороший кабинет. Хотел бы я иметь такой.

Затем его взгляд упал на лицо Нины. Он вдруг протянул к ней обе руки и воскликнул:

— Тамара! Вот хорошо, что приехала. Наклонись, я поцелую тебя в щечку.

Нина смутилась, но быстро наклонилась, и старик поцеловал ее.

— Принял за Тамару, любимую внучку, — пояснила дочь Михеева.

Услышав голос дочери, Михеев повернулся к ней, неуверенно протянул руку и сказал:

— Мы, кажется, знакомы с вами?

— Да уж будет тебе, папа, — отвечала дочь, с печальной улыбкой пожимая его руку. — Вот так-то целыми часами и днями греемся на солнышке и дремлем под шум прибоя. И никаких картин ему больше уже не надо. Говорит, что новые впечатления его утомляют, — обратилась Анна Семеновна к Лаврову.

Лавров объяснил ей, зачем они приехали.

— Ну что ж... Отца и спрашивать нечего, — ответила Анна Семеновна. — Сами видите, в каком он состоянии. Делайте все, что необходимо, только осторожно. Варвара Львовна и Иван Константинович помогут вам, — и указала глазами на сиделку и санитару.

В кабинете Михеева не было лабораторных условий: стены и потолок не изолированы, и, кроме того, в комнате находилось несколько мозговых генераторов. Поэтому Лавров не решился принимать электроволны мозга Михеева на антенну, а захватил с собою для верности надевающийся на голову колпак.

Михеев поворчал немного и даже помотал головой, пока с его головы снимали шелковую шапочку и надевали колпак аппарата. Затем утих и задремал.

Так как необходимо было, чтобы мозг Михеева проявлял возможно большую деятельность, Лавров попросил санитару пустить на ученого струю свежего воздуха. Михеев поморщился и приоткрыл глаза. Лавров сейчас же начал громко рассказывать о последнем научном эксперименте ближайшего ученика и заместителя Михеева — академика Наумова и молодого ученого Малинина, продолжавших работы Михеева над получением внутриатомной энергии. Все свое остроумие, весь свой ораторский талант призвал Лавров на помощь, чтобы заинтересовать Михеева. И это как будто удалось. Лицо Михеева несколько ожило, он даже попытался задать какой-то вопрос. Он был похож на человека, отчаянно борющегося с сильной дремотой. Но... дремота одолела. Михеев закрыл глаза и пробормотал:

— Как неприятно подудло с моря холодным воздухом...

Лавров недовольно крикнул и буркнул, даже не понижая голоса:

— Больше из него, кажется, ничего не выжмешь.

Колпак сняли с головы Михеева, аппарат унесли.

Лавров, Сугубов и Нина распрощались с дочерью ученого — сам он продолжал дремать — и вышли.

* * *

В голубой эмалевой гостинной аппарат уже стоял на овальном столе. Лавров быстро подошел к столу:

— Интересно посмотреть цереброграмму Михеева!

Сугубов безнадежно махнул рукой:

— Да разве это мозг Михеева?! Это развалина великого здания. Какое печальное зрелище!

— Вы слишком мрачно настроены, Леонтий Самойлович, — возразил Лавров. — Не все же процессы необратимые...

— Так, по вашему мнению, и старческий маразм Михеева — процесс обратимый? — колко возразил Сугубов.



— Я совсем не утверждаю, что патологическая старость — процесс обратимый. Но мы можем...

— Поздно, поздно, Иван Александрович. Вы знаете, я больше на профилактику налегаю. Ортобиоз, правильный образ жизни должен обеспечить нам здоровую, бодрую, нормальную старость без ослабления памяти и...

— А разве Михеев вел неправильный образ жизни?! — воскликнул Лавров. — Не вы ли сами вырабатывали для него жизненный режим?..



Обычный спор между «друзьями-соперниками» зашел бы далеко, если бы внимание ученых не было отвлечено лентой, которую Нина тем временем извлекла из аппарата. На ленте видна была кривая работы мозга Михеева.

— Смотрите, смотрите! — уже совершенно дружеским тоном обратился Лавров к Сугубову. — Это что-то совершенно исключительное...

На ленте сначала шла тоненькая вибрирующая ниточка. Размах зигзагов, то есть амплитуда колебаний, «пульсация», был совершенно ничтожен, почти незаметен для глаза. Это характеризовало вялость мозговой работы Михеева... И вот эта тончайшая линия в нескольких местах вдруг как бы раздулась. Размах отдельных колебаний был так велик, что выходил за пределы ленты.

— Вот он, взлет гения!.. — тихо проговорил Лавров, почти подавленный грандиозностью явления. Нечто подобное, вероятно, испытывает сейсмолог, просматривая необычайную сейсмограмму. В зигзагах, ничего не говорящих непосвященному человеку, он отчетливо видит взрывы грандиозных сил природы.

— Вы помните тот момент, когда мне удалось оживить внимание Михеева? Вот оно, видите? А ведь мозг его и в этот момент работал не на полную мощь-

ность. Значит, сила мысли у Михеева не исчезла совершенно, а лишь ослабла и как бы дремлет... А вы говорите: «Необратимый процесс». Я решительно утверждаю, что если мозгу Михеева дать «костыли» — искусственное электропитание, — то на этих костылях он еще пошагает...

Сугубов задумался. Да, под пеплом старости еще тлеют угли былого огня. Кто знает, может быть, их действительно удастся раздуть в яркое пламя?

— Я первый поздравлю вас, если это вам удастся, — сказал, наконец, Сугубов. — Но ведь это было бы довольно рискованным экспериментом. Нужны предварительные опыты, но над кем? Над животными? Они не показательны. Над людьми? Недопустимы.

— Вы опоздали, Леонтий Самойлович! Я уже проделал ряд опытов над животными, и, представьте, довольно показательных... Проделал опыт и над человеком...

— Как?! Вы осмелились? — взволнованно воскликнул Сугубов. — И кто же тот несчастный, над которым вы...

— Я сам. Да, я сам этот счастливый человек! — торжествующе улыбнулся Лавров.

— Вы?

— Да, я. Теперь об этом можно говорить... Я думаю, что каждый из нас сделал бы то же самое.

— Да, но...

— Простите, Леонтий Самойлович: я наперед знаю все ваши «но», потому что они одновременно и мои «но». Я моложе Михеева — это раз. То, что перенес мой мозг, может не перенести мозг Михеева. Второе — качественные показатели мозга Михеева тоже совершенно иные, чем мои. Нынешний мозг Михеева стоит ниже качественного уровня моего мозга. Но в его гениальных взлетах... На низком теперешнем уровне работающий мозг Михеева излучает столь слабые электромагнитные колебания, что их едва воспринимает даже этот сверхчувствительный аппарат. Ну, а во время вспышек былого проблеска сознания этот необычный мозг вырабатывает электрическую мощность, превышающую чуть ли не в десятки раз мощность «мозговых генераторов» среднего человека. Мы должны дать мозгу Михеева эквивалент той электроэнергии, которая когда-то вырабатывалась этим необычным мозгом самостоятельно. Эквивалент же этот является даже не лошадиной, а слоновьей дозой по сравнению с электро мощностью среднего человеческого мозга. Выдержат ли эту дозу изношенные мозговые клетки Михеева? А дать дозу меньшую — значит не поднять работу мозга Михеева до былой мощности.

— Что же вы предполагаете делать? — спросил Сугубов.

— Продолжать опыты.

— Над собой?

— Зачем над собой? Над собой продолжать опыты не имеет смысла. Новый эксперимент будет показателен лишь в том случае, если мы произведем его над таким же дряхлым стариком и с таким же старческим слабоумием, как у Михеева... Ежели этот мозг выдержит максимальную дозу электропитания, выдержит ее и мозг Михеева.

— Неужели же вы хотите?.. — в ужасе воскликнул Сугубов.

— Я ничего не хочу. Я только сказал, какой эксперимент мог бы быть вполне показательным, — быстро возразил Лавров. — Ничьей жизнью рисковать

не собираюсь... Впрочем, при известной осторожности и последовательности риск может быть сведен до минимума. Можно подбирать для опыта стариков сначала бодрых, затем все более дряхлых и усиливать дозы электропитания их мозга с крайней осторожностью и самой пунктуальной последовательностью. В таком случае, я полагаю, никакого серьезного вреда здоровью испытуемых мы не причиним.

— Может быть, вы и правы, — не совсем твердо сказал Сугубов. — Во всяком случае, прошу вас: прежде чем мы произведем опыт над Михеевым, ознакомьте меня с результатами ваших предыдущих опытов.

— Контроль? Охотно принимаю! — воскликнул Лавров. — Будет исполнено. Вот вам в залог моя рука! — И он протянул Сугубову руку.

* * *

Размеренная жизнь ВИЭМ неожиданно резко нарушилась. Из клиники исчезли двое больных — Кудрявцев и Голубев. Весь институт был поднят на розыски стариков, и, наконец, их нашли в дальнем секторе Парка культуры и отдыха. Оба они в течение нескольких дней проявили одинаковую и непонятную возбудимость и странное для старческих организмов ослабление тормозных процессов.

Наблюдая больных, Нина следила и за Лавровым. Ей казалось, что ему известны причины отклонения больных от психической нормы, но он скрывает эти причины. «Неужели, — задавала она себе вопрос, — неужели Лавров вопреки своему слову начал тайно производить рискованные опыты?» Нина вспомнила классическое определение высшей нервной деятельности:

«Это — сила обоих основных нервных процессов: раздражения и торможения, затем — соотношение по силе их между собою — уравновешенность и, наконец, подвижность их. Эти пункты, с одной стороны, ложатся в основание типов высшей нервной деятельности, а эти типы играют большую роль в генезисе нервных и так называемых душевных заболеваний; с другой — представляют характерные изменения при патологическом состоянии этой деятельности».

Так писал великий Павлов. Из этого незыблемого научного положения следует, что электризация мозга должна вести к патологическому состоянию. Все же Нина решила не вызывать Лаврова на объяснение и не делиться своими подозрениями с Сугубовым.

В тот самый день, когда Кудрявцев и Голубев, наконец, вернулись к своему обычному состоянию, из лаборатории Дубльвэ санитары вывезли труп Суркова, жалкого, дряхлого старика, который много месяцев находился на попечении института. Нина вошла в лабораторию, когда Суркова поднимали с пола. Одного взгляда на Лаврова, кресло, провода и тело несчастной жертвы было достаточно, чтобы понять, что произошло.

Бледный Лавров сурово и упорно смотрел в одну точку. Казалось, он хотел вызвать Нину на самое резкое столкновение. И вдруг она поняла, что не только Сурков, не только Голубев и Кудрявцев, но и сам Лавров является жертвой своего экспериментаторского увлечения.

«Он электризует свой мозг и перестал контролировать свои желания. Он не управляет собой», — с ужасом подумала Нина. Она пробормотала какую-то фразу и быстро вышла, с облегчением захлопнув за собой стальную дверь лаборатории Дубльвэ.

«К Сугубову, непременно к Сугубову», — решила Нина, хотя знала, что профессор отдыхает далеко за городом...

* * *

Такси летело довольно низко над землей. Пушистые от инея леса были освещены лучами заходящего солнца. Нина открыла окно, ее лицо обдал влажный, свежий воздух. Во всем чувствовалось приближение весны.

Показался холм, покрытый лесом, озеро и на берегу дом, окруженный садом.

Летчик еще раз нагнулся над картой и направил машину к дому, постепенно убавляя скорость.

Сугубов провел Нину в дом, сложенный из толстых бревен и напоминавший старинные постройки норвежских крестьян.

— Вот моя гостиная-столовая, — сказал Сугубов.

Нина с любопытством разглядывала вместительную комнату, большой стол и стулья с растопыренными резными ножками, диван, шкафчики резного дерева. По стенам висели ружья, ягдташи, удочки, хитроумные рыболовные снасти. В углу в большом очаге-камине пылали дрова. Над огнем висел медный чайник.

— Будьте как дома, — продолжал Сугубов. — Сюда люди с деловыми разговорами обыкновенно мною не допускаются. Вы — исключение. Здесь я только отдыхаю. Кругом леса, простор. Ближайший мой сосед — судостроитель Климов. Его дача на том берегу озера. Мы нередко с ним вместе охотимся.

— А еще чем вы тут занимаетесь?

— Отдыхом, отдыхом и отдыхом, — ответил Сугубов. — Чтобы хорошо работать, надо уметь хорошо отдыхать.

— Это тоже входит в ваш ортобиоз?

— Всенепременнейше. Ортобиоз — правильная жизнь, а правильная жизнь — это жизнь естественная, по законам природы и близкая к природе. И это вполне возможно даже для нас, жителей больших городов. Электромобили, аэротакси — все это великолепно. Но почему бы не прокатиться на хорошей лошадке зимним вечером по лесной дороге и полям?

— Как, вы...

— Представьте, большой любитель лошадей. И у меня замечательная пара. Непременно вас покатаю. Но сначала о деле. Говорите, что у вас там стряслось.

Сугубов выслушал рассказ Нины, сидя у камина в деревянном кресле.

— Бедный мой друг-соперник... Вы знаете, мы наблюдаем за здоровьем друг друга. И мне казалось, что я знаю все тайники физической природы и высшей нервной деятельности Ивана Александровича...

Сугубов глубоко задумался. Нина тоже сидела молча, не мешая ему сосредоточиться.

Как бы рассуждая с самим собой, Сугубов, наконец, заговорил:

— Завтра же Ивана Александровича осторожно отстраним от работы. Придумаем неотложную командировку. Придется и мне ехать понаблюдать за ним. Может быть, удастся подвинтить его ослабнувшие тормоза и восстановить нормальное взаимоотношение двух процессов.

Однако эти планы Сугубову выполнить не удалось. Когда на следующий день он приехал в ВИЭМ, ему встревоженно сообщили об исчезновении Лав-

рова и Никитиной. К вечеру стало ясно, что нигде в Ленинграде профессора и его ассистента нет. Как ни дика показалась вначале Сугубову мысль, что Лавров похитил Нину и сам скрылся, опасаясь, что ему помешают продолжать опыты, эта мысль с каждым часом все больше и больше овладевала им.

* * *

Иван Александрович Лавров действительно увлек Нину в путешествие и действительно радовался тому, что таким образом помешает Нине выступить против его опытов. Но решение о поездке появилось только вследствие того, что его старый приятель Глебов, начальник подводной арктической станции, срочной радиограммой попросил Лаврова приехать произвести ему операцию.

Нина едва успела вернуться от Сугубова, когда ее вызвал Лавров, и, будто накануне ничего не произошло, мягко и сосредоточенно заговорил:

— Мне нужна ваша помощь, и я надеюсь, что вы не откажете мне. Я получил радиограмму. Умирает мой близкий друг. Нужна операция. Ее успех отчасти зависит и от вас: я уже привык работать с вами, у вас ловкие руки, и вы понимаете с полуслова, что нужно делать. Наше путешествие продлится недолго. Может быть, мы успеем вернуться сегодня же вечером, в крайнем случае — завтра к утру.

— Летим, — ответила Нина.

Ничего другого она не могла сказать; нельзя же отпустить Лаврова одного, и притом ведь он собирается делать серьезную операцию. Кто знает, как еще может измениться его настроение в пути и к чему эти перемены приведут?..

Уже на втором часу пути эти перемены, которых опасалась Нина, начали сказываться. Лавров хмурился, прикладывал концы пальцев к вискам и, наконец, сказал:

— Здесь, в ящике, переносный аппарат для электризации... Мне надо освежить свой мозг. Вы, вероятно, и не знали, что я частенько прибегаю к этому.

Нина мгновение колебалась, затем ответила:

— Я знала, Иван Александрович.

— Будто бы? — спросил он, посмотрев на нее насмешливо и в то же время испуганно. — Неужели вы исподтишка выслеживали меня? Но ведь я закрылся в лаборатории...

— Нет, Иван Александрович, я не выслеживала, но у вас так резко изменился характер, вы стали совершать несвойственные вам поступки...

— Ну, конечно! — гневно воскликнул Лавров. — Вы хотите сказать, что от электризации мозга я спятил с ума?.. Помогите же мне. Аккумуляторы малы, но чрезвычайно тяжелы.

— Не помогу, профессор.

— Почему?

— Потому что электризация губит вас!

Лавров опустил перед ящиком и, открывая его, быстро заговорил:

— Упрямица! Без электризации я могу погибнуть еще быстрее. Мой мозг уже привык к электризации, как к наркотику. Если я не получу привычной дозы, наступит реакция, глубокий сон, если не что-нибудь худшее. А что, если в полете произойдет какая-нибудь неожиданность? Как ни совершенны автоматы, в известных условиях они не могут заменить человека.

— Научите меня управлять ими.

— Это не так просто, — возразил Лавров. — И, кроме того, не забывайте, что мне предстоит чрезвычайно сложная операция. От состояния моего мозга зависит жизнь человека.

С этими доводами нельзя было не согласиться. «Ведь и применение наркотических средств нельзя слишком резко обрывать», — убеждала себя Нина, нехотя помогая Лаврову.

Когда электризация мозга была закончена, Лавров шумно вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Вот! Теперь хорошо! Мысль ясна и легка.

— Мне не совсем понятно действие электризации, — сказала Нина. — Если работа мозга и облегчается, получая электроэнергию извне, то усиление мозговой деятельности должно происходить только в то время, когда получает добавочное искусственное электропитание. Но с прекращением этого питания работа мозга, во всяком случае, по субъективному ощущению, должна скорее ухудшиться. Между тем вы как будто находите, что действие...

— Да, нахожу, — прервал Нину Лавров. — Почему так происходит, для меня самого еще неясно, но действие электризации мозга имеет длительный характер. Разве иначе я стал бы прибегать к электризации? Именно потому, что действие было длительным и пятиминутной зарядки хватало на сутки, я и начал систематически подвергать себя этой процедуре. Не думайте, что я стал каким-то электронаркоманом. Когда я сочту опыт законченным и верну память Михееву, то подвергнусь электронаркозу, высплюсь и проснусь как ни в чем не бывало.

«Так его и придется лечить», — подумала Нина и тут же вспомнила, что не оставила Сугубову сообщения о своем отъезде. Впрочем, вероятно, это сделал Лавров.

— Конечно, в ВИЭМ знают о нашем отъезде? — спросила Нина.

— Что? Зачем? — вспыхнул Лавров и вдруг закричал: — Я распоряжаюсь собой! И вами! Понимаете?

Нина пожалала плечами и, стараясь не обнаружить перед Лавровым своего волнения, поставила экран «телеглаз».

Густая пестрая и синяя сеть каналов пересекалась во всех направлениях.

Могучий экран переносил океанский корабль через водяной перекресток. Бесчисленные поезда, похожие на чудовищных ящеров, шли по необычайно широкой колее, сверкая окнами двух этажей. Над этими поездами по легким ажурным эстакадам на высоте ста метров мчались другие, еще более быстроходные. По автострадам мчались вереницы безрельсовых поездов и автомобилей. Машина Лаврова то плавно поднималась, то делала вираж, чтобы обойти встречный воздушный поезд — гигантский крейсер воздушного океана. Об этом заботились зоркие и неутомимые глаза — фотоэлементы автоматического пилота.

В поле зрения «телеглаза» вошел летающий городок — научный институт. Там ведется напряженная и разнообразная научная работа по астрономии, метеорологии, аэрологии, биофизике. Как своеобразна должна быть жизнь в этом летающем городе под вечно безоблачным небом! Раньше Нина мечтала побывать в этом исключительном сооружении эпохи, но ее теперь так угнетала мысль о поведении Лаврова и ее собственном легкомысленном согласии на поездку, становящуюся похожей на плен, что она равнодушно смотрела на ку-

пола обсерватории и «минареты» — вышки с научными приборами, придававшие городу восточный характер.

Воздушный городок остался позади.

Нина тихо встала и пошла в аппаратную. Лавров не окликал ее. Узкая дверь открылась без звука. За нею — маленькая комнатка, вся уставленная сложными авиационными приборами. Вот и радиотелефон. С волнением Нина взялась за вариометр. Длина волны приемно-передающей радиостанции института...

Так. Но почему аппарат не оживает?..

Нина нетерпеливо склонилась над столом и вдруг услышала насмешливый голос Лаврова:

— Не трудитесь понапрасну. Ничего не выйдет. Эта радиостанция с секретом...

* * *

То, что издали Нина приняла за форму моста, оказалось аэродромом, сооруженным между двумя отрогами гор...

Аэродром был снабжен тормозными электромагнитами и подвижной поверхностью посадочной площадки. Эта поверхность могла двигаться, таким образом машины могли садиться на небольшой аэродром даже при значительной посадочной скорости.

Транспортер подтянул машину Лаврова к краю аэродрома. Лавров и Нина с чемоданами, в которых были медицинские принадлежности, вошли в кабину лифта. Началось новое путешествие. Лифт опустил их с горы. Они вышли на небольшую площадь, сели в электромобиль и покатали по дороге, высеченной в граните, к берегу моря. Там они вошли в кабину другого, последнего лифта. Это путешествие длилось всего шесть минут. Лавров и Нина вышли. Перед ними был настоящий вокзальный зал, хотя и не очень большой. «И это под водой, под вечным покровомдвигающихся льдов», — подумала Нина и сказала, обращаясь к Лаврову:

— Однако и забрался же ваш Глебов. Его и со сказочным наливным яблочком не найдешь.

— Найдем, — ответил Лавров. — Мы почти на месте. Входите в кабину лифта, Нина, будем погружаться в пучину Полярного океана.

Нина вошла в кабину и на ее стене увидела чертежи подводной лаборатории. Это было обширное круглое здание, поднимающееся из глубины океана, вершина его была ниже подошвы ледяных полей. Оно стояло на обрыве подводного плато. Из нижнего этажа шел тоннель-отросток, погружавшийся в еще большую глубину. Пока они опускались, лифтер успел сообщить Нине кое-какие подробности о здании. Во всех этажах производятся научные исследования соответствующих слоев воды — биологические, физические, химические, берутся пробы воды через особые камеры. Стены здания построены из специальных сплавов, не подвергающихся коррозии. Двадцать подводных лодок совершают плавания для изучения центрального полярного района.

На вопрос Лаврова о Глебове лифтер ответил:

— Дмитрий Иванович лежит в больнице. Это во втором этаже.

В предоперационной комнате Лавров потребовал для себя и Нины стерильные халаты, переоделся и начал мыть руки. В это время вышел молодой врач. Он приветствовал профессора и грустно сказал:

— Несчастье, профессор... Глебов...

— Что с Дмитрием? — воскликнул Лавров.

— Увы... Дмитрий Иванович только что умер от шока во время операции.

Лавров крикнул, но, к удивлению Нины, продолжал мыть руки с необычайной поспешностью и даже каким-то ожесточением. «Быть может, — подумала она, — это происходит у него бессознательно?»

— Скорее, Нина, мойте руки, — приказал он.

«Видно, смерть Глебова еще больше омрачила его разум», — подумала Нина, но не стала перечить профессору.

Несмотря на всю спешку, Лавров постоял еще вместе с Ниной под ливнем лучистой энергии, чтобы окончательно стерилизовать поверхность тела, и только после этого вошел в операционную.

Глебов еще лежал на операционном столе. Хирург — уже немолодой человек — стоял, опустив голову, возле стола. Сестра убирала инструменты.

— Давайте сюда инструменты, — властно потребовал Лавров и повернулся к хирургу: — Помогите закончить операцию.

Хирург непонимающими глазами посмотрел на Лаврова и сказал:

— Но ведь Глебов мертв, профессор.

— Знаю. Нина, возьмите из серебряного ящичка шприц и две ампулы.

И Лавров начал с необычайной скоростью и ловкостью оперировать мертвое тело. Хирург был так ошеломлен, что несколько секунд оставался неподвижным, а затем, подчиняясь авторитету профессора, хотя и не понимая цели посмертной операции, начал помогать Лаврову. У покойного Глебова был очень тяжелый случай ущемленной грыжи. В две минуты Лавров закончил начатую до него операцию, поразив хирурга и Нину совершенством техники, находчивостью и быстротой. Оставалось только наложить швы. Предоставив это дело хирургу, Лавров сказал Нине:

— Теперь давайте скорее шприц и ампулы. — Он быстро отколол головки ампул, наполнил шприц жидкостью, сделал укол в сердце мертвеца, и через несколько секунд Глебов начал подавать признаки жизни. Появился слабый пульс. Изменился цвет лица. Он начал дышать. Открыл глаза. А еще через некоторое время спросил:

— Удалось закрыть камеру?

* * *

Вечером два Друга, Лавров и Глебов, тихо беседовали.

— Понимаешь, Ваня, — рассказывал Глебов, — у нас здесь в стенах — камеры, при помощи которых мы берем пробы воды. Мне нужно было взять пробу из нижнего этажа. Внешнее давление воды там большое. Когда дверка камеры открылась и вода начала вливаться в особый бак, я заметил, что механические затворы не действуют. Попытался поднять дверцу руками, чтобы закрыть отверстие, — не тут-то было. Напрягся из последних сил, меня и схватило. Едва успел сигнал подать. А вода идет и идет. Уже наполняет помещение, в котором я нахожусь. Этак все этажи может затопить. У нас в каждом этаже, по горизонтали, водонепроницаемые перегородки. Думал, уж не закрыть ли их, по крайней мере один погибну, других бед вода не причинит. Дернул затвор, тоже не действует. Когда пришли на помощь, я уж почти без памяти от боли был, и вода стояла у подбородка.

Потом Глебов рассказал о ходе работ по растеплению ледников Гренландии

и о том, как, не ожидая окончания этих работ, советские люди добрались подо льдом до рудных недр Гренландии.

— Понимаешь, — с увлечением заговорил он на новую тему, — разрабатывается проект использования энергии движения арктических льдов, их дрейфа. Как тебе нравится?

Глебов засмеялся молодым смехом, и Лавров попросил его не хохотать.

— Швы разойдутся!

— Ну что там швы! Забудем о них. Понимаешь, какая это силища!

Заметив, что Глебов устал, Лавров перевел беседу на более легкий предмет. Они стали вспоминать детство.

— Помнишь, как мы брали призы на скутере?

— А наш буер «Самолет»!

— А наш школьный театр! Помнишь, ты играл роль Гамлета? У нашей Офелии-то, у Жени Стаховой, случился тогда маленький скандал с костюмом.

— Как же, помню!

— А ты не забыл лето, проведенное у моих родителей в Тропине? Во время экскурсии мы обнаружили тогда залежи каменного угля, — сказал Глебов.

— Да, и наловили раков. Вот где раков-то было! Твой отец их очень любил. Он жив?

— Живехонек. Что ему сделается, — ответил Глебов, — бодрый старик. Да он не так еще стар. Всего сто два года. У меня и дед жив.

— Неужели? — удивился Лавров. — Тому-то уж много лет должно быть.

— Да, дед в преклонных годах. Сто тридцать девять лет. На пасеке работает. Читает без очков. Книгу пишет, какие-то мемуары со странным названием «Чего у нас нет». На одно жалуется — память ослабеваает.

— Уставать стал? И память ослабела? — с интересом спросил Лавров. — Так это дело поправимое! У меня с собою аппарат. Сто тридцать девять лет... Я непременно должен его видеть. Если хочешь, я и тебе могу освежить мозги.

— Не надо, Ваня, спасибо, мозги мои свеженькие.

— А все-таки, Митя...

— И память отличная, Ваня. Хоть сейчас мемуары пиши. Да и старик мой не захочет. Он еще себя старым не считает. Вот у него приятель есть, Магомет Закиров, тому сто шестьдесят девять лет.

— Сто шестьдесят девять? — повторил Лавров с непонятым Глебову увлечением.

— Да.

— Ну, как хочешь. Отдохни теперь, Митя, — пробормотал профессор и вышел из комнаты.

В коридоре Лавров встретился с Ниной. Воспользовавшись беседой Лаврова с Глебовым, она смогла, наконец, передать в Институт весть о себе и Лаврове. Сугубов обещал вылететь на Полярный остров и забрать Лаврова с собой. Но радостная улыбка застыла на ее губах, когда Лавров отрывисто сообщил:

— Сейчас отправляемся.

* * *

Островитяне тепло проводили Лаврова и Нину. Через двадцать минут полоса полярных льдов исчезла. Почему же, однако, машина Лаврова летит на юго-восток? Или он ошибся, давая маршрут пилоту-автомату?

— Мы не сбились с пути, Иван Александрович?

— Нет все в порядке. Летим куда надо. Я хочу навестить одного интересного челрвека. Он живет... на Памире. Не сердитесь, Нина, это отнимет у вас еще одни сутки. Да ведь у вас, кажется, дома дети не плачут. Полет должен быть интересным, — утешил он ее с легкой насмешкой, — летим навстречу весне!

Действительно, при быстром полете на юг время как будто ускорило свой бег. Давно ли внизу расстился белый снежный покров! Потом в этом белом покрове стали появляться, и чем дальше, тем чаще, темные проталины. Затем вся земля стала черной, с белыми пятнами снежных остатков возле лесов, в долинах и на северной стороне холмов. Скоро исчезли и эти белые пятна. Внизу расстился черный покров, на котором кое-где начали появляться зеленые пятна; их становилось все больше и больше, и вот все зацвело и зазеленело — и луга, и поля, и леса. Молодые леса широкими полосами тянулись с запада на восток, а кое-где с севера на юг. Зелеными стенами окружали они зеркальную гладь озер и тянулись вдоль берегов серебристых рек. Дальше полет продолжался над горными хребтами. Нина уснула и проснулась, когда они уже снижались над аэродромом Солнечного города...

* * *

Пилот-автомат повернул машину к аэродрому. Сугубов посмотрел вниз и увидел Солнечный город, весь залитый электрическим светом. Среди огромных круглых зеркал и огромных черных шаров — собирателей солнечных лучей — виднелись дома с плоскими, посеребренными для отражения солнечных лучей крышами, окруженные садами, пирамидальными тополями, кипарисами и виноградниками. Вид кипарисов и виноградников на плоскогорье не удивил Сугубова; он уже видел чудеса акклиматизации и переделки растений.

Легкий, едва уловимый толчок. Машина коснулась гладкой поверхности аэродрома.

Сугубов посмотрел на часы.

— Двадцать два пятнадцать, — сказал он. — Не думаю, чтобы Закиров ложился спать так рано. Возможно, что Лавров и Никитина еще у него, если догадка Глебова верна...

Подъехал небольшой гелиоэлектромобиль.

— В гостиницу? — спросил шофер.

— Если можно, к товарищу Закирову. Он живет...

— Прошу садиться. Я знаю, где он живет, — перебил Сугубова шофер.

Машина бесшумно, как тень, пробежала огромный аэродром, миновала ряд домов аэропорта и стала подниматься по великолепной, хорошо освещенной горной дороге, по сторонам которой росли абрикосовые, персиковые деревья и кусты цветущих роз. В горах на открытых местах виднелись дома, окруженные садами, и странные сооружения на высоких башнях в форме ромбов.

— Мощные ветросиловые установки, — сказал шофер. — Комбинация многих десятков пропеллеров-ветряков на одной раме, которая может поворачиваться по ветру.

Дорога сделала поворот, и Сугубов увидел внизу горные луга, местами напоминавшие лужайки, покрытые только что выпавшим снегом.

То были освещенные ярким лунным светом бесчисленные стада тонкорунных овец, отдыхавших в ночной прохладе. А еще ниже, от гор до горизонта, тянулась необозримая площадь сплошных культурных земель, хлопковых по-

лей, виноградников, садов. Блестели выпрямленные русла рек, новых озер и гидропортов.

Новый поворот, и Сугубов увидел прилепившееся к скале гнездо — дом с верандой, покрытый вьющимся виноградом. К дому вела каменная лестница. Недалеко от нее был устроен лифт. Окна и веранда были ярко освещены.

Шофер подъехал к лифту.

— Дом Магомета Закирова.

* * *

Входная дверь дома была открыта. На пороге стоял красивый, загорелый мальчик. Его черные кудрявые волосы прикрывала тюрбетейка. Одет он был в рубашку, короткие штанишки и сандалии. Тюрбетейка и весь костюм мальчика, казалось, были сделаны из серебристой паутины.

Мальчик смотрел куда-то вверх и кричал:

— Авис! Авис!

Увлеченный этим странным занятием, он не заметил Сугубова.

Вдруг откуда-то камнем свалился сокол и уселся на плечо мальчика.

В тот же момент послышался женский голос:

— Леонид!

Из дома вышла молодая женщина в длинной белой одежде. Ее черные косы были перевиты жемчужными нитками, лицо поражало красотой.

— Иду! — крикнул мальчик.

Он убежал в дом с соколом на плече, а женщина, увидев Сугубова, выжидательно остановилась.

— Могу я видеть Магомета Закирова? — спросил Сугубов. — Он еще не спит?

— Нет, он не спит, — певучим, музыкальным голосом ответила молодая женщина. — Но вам придется подождать. Сейчас его осматривает профессор из Ленинграда.

— Профессор из Ленинграда? — воскликнул Сугубов. — Его-то мне и надо. Прошу вас немедленно провести меня к нему. Дело не терпит ни малейшего отлагательства. Я профессор Сугубов, друг профессора Лаврова.

— Пожалуйста, — спокойно и так же певуче ответила женщина.

Сугубов последовал за ней. Они вошли в комнату со сводчатым потолком, узкими окнами и нишами. Все свободное пространство возле стен было заполнено книгами и географическими картами Памира. Прямо против двери в кресле с высокой спинкой сидел высохший старичок в бухарском халате и в тюрбетейке на совершенно облысевшей голове. Его бритое лицо со старчески обострившимися линиями напоминало маску Вольтера работы скульптора Гудона. Его запавшие, но еще живые глаза выражали недоумение, на губах застыла улыбка. Старик поворачивал голову то направо, то налево. За креслом, на полу лежал аппарат Лаврова для электризации мозга. Возле Закирова стоял взбешенный Лавров, по другую сторону кресла — побледневшая Нина.

— Это снова ваши проделки! — почти кричал Лавров, обращаясь к Нине. — Я вас взял в помощницы не для того, чтобы вы мешали мне работать.

Нина заметила в дверях молодую женщину и Сугубова, вскрикнула и бросилась к ним навстречу, как бы ища защиты. Лицо ее сразу порозовело. Она быстро шепнула на ухо Сугубову:

— Я испортила аппарат, чтобы Лавров не смог произвести опыта.

— И хорошо сделали, — вслух сказал Сугубов.

Он решительно шагнул к Лаврову, который недружелюбно смотрел на незваного гостя.

— Товарищ Закиров... — Сугубов поклонился старику. — Простите, что беспокоил вас...

— Пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста! — Старик закивал головой, как китайская статуэтка, и все лицо его расплылось в улыбке. — Мой дом — ваш дом...

— У меня совершенно неотложное дело к Ивану Александровичу Лаврову.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — вновь закивал головой Закиров. — Значит, лечение на сегодня откладывается? — спросил он и, обратившись к Сугубову, продолжал: — У меня с памятью что-то неладно. Обедал я сегодня или не обедал?

* * *



Полная луна осветила ледники. Внизу горел огнями Солнечный город. Из городского сада доносилась музыка.

— Нет, нет и нет! — волновался Лавров. — Глупости и чепуха. Я совершенно здоров.

— Но поймите, Иван Александрович, — убеждал его Сугубов. — Вы сами врач...

— О, я понимаю. Я все понимаю! — воскликнул Лавров. — Вижу вас насквозь. Вы просто завидуете мне!

При этих словах Сугубов выпрямился, лицо его нахмурилось, но он тотчас сдержал себя и добродушно улыбнулся. Это, по-видимому, еще более рассердило Лаврова.

— Да, да. Вы только прикидываетесь моим другом. Вы и ваша сообщница Нина, которая шпионит за мною и срывает мою работу, хотите скомпрометировать мой новый метод лечения.

Но чем больше горячился Лавров, чем больше говорил он обидных, оскорбительных слов, тем спокойнее становился Сугубов. Его движения стали скупыми, сдержанными, он даже понизил голос, когда обратился к Лаврову:

— Опомнитесь, Иван Александрович. В нашей стране в наше время кто же руководствуется низкими личными мотивами?

— Атавизм всегда возможен. Выродки могут быть и в наше время.

— Я прощаю вам ваши слова, — ответил Сугубов, — потому что вы жертва

опасного эксперимента над самим собою и, безусловно, нуждается в лечении. Ничего, кроме добра, мы не желаем вам, поймите это наконец.

— Лицемерие! Вы не остановитесь и перед тем, чтобы обвинить меня в умышленном убийстве Суркова. Вы, наверное, уже состряпали соответствующее медицинское заключение в компании с врачами вашей школы. Между нами все кончено!

Дрожа от негодования, Лавров поднялся и направился в кабинет Закирова. Закиров открыл глаза, услышав шаги.

— Прощайте, товарищ Закиров! — громко сказал Лавров. — К сожалению, я не могу восстановить вашу память в настоящее время. Люди препятствуют этому. Они умышленно испортили аппарат.

Лавров многозначительно посмотрел на Сугубова и Нину.

Закиров растерянно пожаловался:

— Но как же так? Я не могу жить без памяти! Я непрерывно задаю вопросы окружающим все об одном и том же и очень им надоедаю. Почему вы не хотите вернуть мне память, профессор?

— Потому, что аппарат профессора Лаврова — средство новое и еще опасное, — спокойно сказал Сугубов.

— Опасное! И это говорите вы! — воскликнул Лавров. — Ворвались сюда непрошеным гостем, помешали мне лечить товарища Закирова... Довольно!

Лавров решительными шагами вышел в смежную комнату, где помещались радиотелефонные аппараты. Вскоре послышался его возбужденный голос:

— Аэродром! Дежурного! Алло, говорит профессор Лавров. Немедленно приготовьте мою машину к полету. Невозможно? Почему невозможно? Механизм поврежден? Необходим ремонт? Сколько это займет времени? Не ранее завтрашнего утра? Но это никуда не годится! Мне необходимо немедленно лететь в Ленинград. В таком случае дайте мне другую индивидуальную машину. Нет? А когда вылетают пассажирские аэропланы? А скорый воздушный поезд на Ленинград? В шесть часов десять минут утра? Но это же безобразие! Немыслимая вещь! А! Это... Я понимаю, что это все значит!

Голос Лаврова замолк, и через несколько секунд он как буря ворвался в кабинет Закирова. Потрясая кулаками, он кричал, обращаясь к Сугубову и Нине:

— Это вы! Ваши интриги! Заговор! Безжалостные, бессердечные, жестокие люди! Я ненавижу вас!

Казалось, он бросится на спокойно стоящего Сугубова, но внезапно наступила реакция.

— Что я сделал вам? — воскликнул он голосом, полным тоски и отчаяния. — За что вы мучаете меня?.. — Он бессильно опустил на оттоманку, закрыл лицо руками и залепетал, как обиженный ребенок: — За что? За что?..

Нина подбежала к Лаврову, опустилась на ковер, схватила его руку и заговорила горячо и искренне:

— Милый Иван Александрович, успокойтесь! Поверьте, что мы вас очень, очень любим и...

Но он грубо оттолкнул ее:

— Уйдите! Уйдите! Не прикасайтесь ко мне! Оставьте меня в покое.

Смущенная, опечаленная, Нина отошла от Лаврова. Ее попытку повторила молодая женщина, встречавшая Сугубова. Она села возле Лаврова и поглади-

ла его по голове. Было что-то успокоительное и убедительное в простых словах, в ее ласковых жестах и мелодичном голосе. Лавров не отталкивал ее.



Судорожные рыдания утихли и перешли в глубокие вздохи, которые также постепенно затихли.

— Ну, вот и хорошо, — сказала молодая женщина, продолжая гладить Лаврова по голове и плечу. — Вы отдохнете у нас, а рано утром улетите. И все будет хорошо. Вы устали, вам надо отдохнуть. Идемте, идемте! — И она помогла ему подняться, поддерживая под локоть.

Когда молодая женщина увела Лаврова, Сугубов глубоко и облегченно вздохнул.

— Главное сделано. Лавров проведет здесь ночь. Надо воспользоваться этим и обсудить план действий.

* * *

Михеев дремал в кресле. Возле него сидела седовласая дочь, неизменный спутник его старости, и читала книгу, поглядывая на часы, — не пора ли давать лекарство. Лица отца и дочери обвевал искусственный бриз, ритмически шумели волны иллюзорного моря на экране. Сегодня, как вчера, как третьего дня, и так будет, пока последняя искра жизни не угаснет в ее дряхлом отце. Она не жаловалась на свою судьбу, на однообразие жизни. Она не только горячо и нежно любила отца, но и глубоко уважала его научный гений. Помощь ему — помощь родине, человечеству. Михеева с огорчением думала не о себе, а об отце. Насколько она себя помнила, он всегда был стариком. Седым стариком он уже склонялся над ее колыбелью. Но какой это был живой, бодрый старик! Все величайшие свои работы и изобретения он осуществил при ее жизни, у нее на глазах. Дочь жила одной жизнью с отцом, хорошо знала ход его работы, вместе с ним печалилась над его неудачами, радовалась его успехам. И с последней его работой — задачей получения атомной энергии — она сжилась, сроднилась, глубоко веря, что отец успешно разрешит эту величайшую проблему, над которой работало несколько поколений. Но вот пришла неумолимая старость и ее спутники — дряхлость, ослабление, а затем потеря памяти и угасание умственных сил. Такого конца она не ожидала. С какой радостью отдала бы она свою жизнь, чтобы только отец мог довести работу до конца! Но что могла сделать она? Крупнейшие светила медицинской науки оказались бессильны перед старческим маразмом.

Анна Семеновна в долгие часы своих дежурств с грустью размышляла о приближающейся смерти отца... Да, ужасно, что великие общественные деятели, писатели, строители, художники, скульпторы уходят из жизни... Сугубов,

Лавров и другие... Сколько их перебывало у отца. Все они обещали вернуть ему работоспособность, память — и все напрасно. Вот теперь появился этот новый белобрысый безусый доцент с юношески пухлым лицом — Алексеев. Обещает и он...

Бесшумно, чтобы не побеспокоить Михеева, вошла сиделка. Наклонившись над ухом Анны Семеновны, она шепнула:

— Доктор Алексеев спрашивает, можно ли войти.

«Легко на помине», — подумала Анна Семеновна, вздохнула, захлопнула книгу.

— Пусть войдет.

Через минуту Алексеев вошел с небольшим чемоданом в руках.

— Здравствуйте, Анна Семеновна. Не побеспокоил? Разрешите произвести Семену Григорьевичу внутривенное вливание?

Самого Михеева уже не спрашивали о таких вещах. Он был безразличен и апатичен ко всему.

— Что же, можно. Только постарайтесь не делать ему больно.

— Не беспокойтесь, и не почувствует.

Алексеев с помощью дежурного врача занялся приготовлениями, а Анна Семеновна принялась будить отца.

— Не надо, Анна Семеновна, — остановил ее Алексеев. — Пусть спит. Так даже лучше.

Домашний врач поднял рукав блузы Михеева, Алексеев продезинфицировал и анестезировал локтевой сгиб руки, быстро и ловко ввел в вену шприц и влил содержащуюся в нем жидкость. Он внимательно посмотрел на лицо Михеева, который, по-видимому, даже не почувствовал произведенной над ним операции. Лицо Михеева оставалось спокойным. По указанию Алексеева домашний врач уже готовил другой шприц, с другой жидкостью, а сам Алексеев, не переставая наблюдать за лицом Михеева, вынул из чемодана небольшую круглую коробку и приложил ее к сердцу Михеева. В кабинете начали отчетливо раздаваться удары сердца, сопровождаемые шумом. Частота ударов все увеличивалась, и вдруг начались перебои. Лицо Алексеева выразило крайнее внимание и, как показалось Михеевой, волнение.

Анна Семеновна забеспокоилась. «Нельзя доверять этому юноше, — думала она, враждебно глядя на Алексеева. — Еще погубит отца...»

— Шприц! — коротко приказал Алексеев и произвел инъекцию в области сердца. Через несколько секунд перебои прекратились, удары стали ровнее и медленнее. Алексеев облегченно вздохнул и радостно улыбнулся.

— Все в порядке, Анна Семеновна, — уже громко сказал он, собирая инструменты.

— Но я не вижу никаких изменений, — скептически ответила женщина.

Алексеев ничего не ответил, только заулыбался еще шире.

Вдруг на ее глазах начало происходить чудо. Безжизненная маска лица Михеева начала оживать. Тупое, бессмысленное выражение сменилось сознательным. Дряблые мышцы как-то подобрались. Она начала узнавать знакомые и любимые черты, черты, давно уже обезображенные дряхлостью. Михеев проснулся и глядел на нее. Замирая от радостного изумления, она увидела в глазах отца, ясную мысль, полное сознание. Он улыбнулся, чего не делал все последние годы, и своим прежним, внезапно окрепшим голосом бодро сказал:

— Как я хорошо себя чувствую, Анечка!

Потрясенная Анна Семеновна искала Алексеева, но молодой человек незаметно ускользнул из комнаты...

Институт ликовал, и с ним вместе ликовала вся страна, почитавшая гений великого ученого...

* * *

Когда молодая женщина увела Лаврова, Сугубов и Нина снова вышли на веранду.

— Если бы к нам привезли раненого, потерявшего сознание, положение которого потребовало бы немедленной операции, мы не стали бы дожидаться, пока он придет в себя, а произвели бы эту операцию немедленно, — точно раздумывая, заговорил Сугубов.

— Разумеется, — согласилась Нина.

— Вы согласны? — Сугубов потряс руку Нины. — Я думаю применить электронаркоз. Благотворные результаты этого метода лечения проверены над Голубевым и Кудрявцевым.



— Удобно ли эту процедуру производить здесь? — спросила Нина.

— Вполне, — ответил Сугубов. — Этот план лечения я принял еще в Ленинграде, вылетая на поиски Лаврова, и захватил с собой всю необходимую аппаратуру.

— Лавров сам высказывался за электронаркоз, — подтвердила Нина. — Но как мы это сделаем?

— После того крайнего возбуждения, в котором находился Иван Александрович, должна наступить реакция. Борьба с нею новой электризацией он не может, так как аппарат испорчен. И я думаю, он должен крепко уснуть. Во время сна мы пустим в действие аппарат, и естественный сон Лаврова незаметно перейдет в электросон.

Нина опять выразила согласие кивком головы.

— Имейте в виду, — напомнил Сугубов, — что погрузить человека в электронаркоз на час, на два, даже на восемь часов нетрудно. Но в данном случае необходимо продержат нашего пациента во сне десять-двенадцать суток. Все это время нужно будет поддерживать его искусственным питанием, следить за правильностью естественных отправлений, за работой сердца — ведь на искусственном питании организм, а следовательно, и работа сердца ослабевают...

Через два часа молодая женщина вернулась с долгожданной вестью:

— Уснул.

Сугубов выждал еще несколько минут. Вместе с Ниной они пошли по коврам, хорошо заглушающим шаги. Казалось, Лавров ничего не слышит, но вдруг он мучительно застонал и открыл глаза. Сугубов и Нина не успели скрыться, как он поспешно вскочил и закричал:

— Хотите захватить спящего?

Лавров дико засмеялся, сорвал со стены ятаган и бросил в Сугубова. Ятаган задел руку Сугубова, и профессор пошатнулся. Его белый рукав окрасился кровью.

Лавров напряженно уставился в расплывающееся кровавое пятно, потом схватился за голову.

— Что я наделал? Я ранил вас! Поднимите скорее рукав рубашки. Покажите рану! Я сделаю вам перевязку.

При виде крови он забыл обо всем, кроме того, что он врач, хирург.

«На этот раз ослабление тормозов пошло на пользу», — подумала Нина.

Пользуясь тем, что Лавров, безгранично отдаваясь чувству беспокойства, всецело занят раной, Сугубов незаметно передал Нине ящичек аппарата для электронаркоза, чтобы Лавров, увидав аппарат, вновь не перешел к возбуждению. Нина незаметно спрятала аппарат за занавеской окна.

— Пустяки, — успокаивал Сугубов Лаврова. — Немного рассечены кожа и мышцы. Промою антивирусом, Нина сделает перевязку, и все будет в порядке.

— Нет, нет, — задыхался Лавров. — Края раны необходимо сшить. Нина с этим не справится. Нина, вы здесь? Приготовьте сейчас же необходимые инструменты.

Чтобы отвлечь Лаврова, Сугубов не возражал. И Лавров, продезинфицировав свои руки, ловко и быстро зашил рану. Когда работа была окончена, Сугубов сказал:

— Благодарю вас, Иван Александрович. И простите нас. В этом печальном инциденте виноваты сами мы. Мы хотели только посмотреть, хорошо ли вы спите...

Сказал и тотчас понял свою ошибку. Не надо было выходить из роли пациента и наводить Лаврова на другие мысли. Лавров вновь нахмурился и недружелюбно посмотрел на Сугубова.

— Спокойной ночи, Иван Александрович. Больше мы не будем беспокоить

вас, — поспешил сказать Сугубов, предупреждая новую вспышку, и быстро вышел вместе с Ниной из комнаты. В коридоре они встретили молодую хозяйку.

— Теперь я попробую, — прошептала женщина.

— Что?

— Приготовить больного для вашего лечения.

Она проскользнула в комнату Лаврова со старинным серебряным бокалом в руке.

— Простите, что я вошла к вам, — сказала она. — Я слышу ваши шаги. Вам не спится? У нас есть старый обычай: если гостю не спится, ему подносят бокал вина. Чудесное вино нашей чудесной страны. Прошу вас... — И она протянула бокал.

В глазах Лаврова вспыхнули огоньки недоверия.

— А у нас другой старинный обычай, — процедил он. — Хозяйка, подающая гостю вино, должна пригубить из той же чаши. — И он пытливо посмотрел в глаза молодой женщины. Спокойно улыбаясь, она отпила вина и протянула бокал Лаврову. Через несколько минут он крепко спал.

Сугубов и Нина спокойно вошли в комнату и без помех погрузили Лаврова в глубокий электронаркоз.

* * *

Для Сугубова и Нины началась страдная пора. Слова Сугубова — «когда спит пациент, не спят врачи» — оправдывались. Все ночи напролет они проводили возле спящего. Только иногда днем Сугубов позволял себе вздремнуть на несколько часов, надев радионаушники, но даже в дремоте продолжал следить за работой сердца Лаврова. При малейших перебоях он просыпался. Так опытный механик даже во сне слышит работу мотора и просыпается при малейшем нарушении ритма. Рана на руке заживала нормально. Благодаря новейшим анестезирующим средствам Сугубов не испытывал боли, хотя рана все же мешала работать.

Жена Лаврова, Варвара Николаевна, каждый день справлялась по радио о муже, хотела приехать с дочерью, но Сугубов отговаривал.

— На работе и дома вы сейчас нужнее, — сказал он. — Иван Александрович вполне обеспечен уходом, а за его здоровье отвечаю я.

Лечение электронаркозом протекало нормально, хотя Лавров терял в весе и деятельность его сердца немного ослабла. Сугубов худел гораздо быстрее. Лицо его побледнело, черты обострились, щеки втянулись, глаза от бессонных ночей покраснели. Нина просила его отдохнуть и не переутомлять себя. В Солнечном городе были опытные врачи. Неужели они не могли заменить его хотя бы на одну ночь? Но Сугубов об этом и слушать не хотел.

— Несмотря на все наши знания, на совершенство наших регистрирующих аппаратов, на идеальный уход, мы не гарантированы от неприятных случайностей. Человеческий организм не открыл нам еще до конца всех своих тайн. Я не могу допустить ни малейшего риска и останусь на посту, — решительно заявил он.

На восьмой день, однако, с ним случилось головокружение, и он едва не упал.

Оправившись, он нахмурился и сказал:

— Не люблю прибегать к латинской кухне, но иногда без нее не обойтись.

И он начал принимать лекарство и искусственно поддерживать деятель-

ность нервной системы и головного мозга.

Нина знала, что со стороны яростного поклонника ортобиоза — правильной естественной жизни — это был огромный компромисс, граничащий с жертвой.

Наконец настал давно ожидаемый день, когда Сугубов позвал Нину.

— Думаю, теперь его пора будить.

Ток был выключен, аппараты унесены.

Нина с волнением и некоторой тревогой смотрела на побледневшее лицо Лаврова.

Скоро он шевельнул рукой, глубоко вздохнул, открыл глаза и проговорил:

— Однако как сладко я спал! — и усы его зашевелились от знакомой добродушной улыбки. Давно Нина не видала на лице профессора этой улыбки. Лаборатория унесла ее, а вот теперь улыбка вернулась. Это было хорошим признаком.

Лавров сел на кровати и без всякой враждебности посмотрел на Сугубова и Нину.

— Я, кажется, вчера наделал глупостей. И вообще за последнее время... — Он мягко улыбнулся.

— Не будем говорить об этом, Иван Александрович, — поспешно возразил Сугубов. — Вот лучше выпейте-ка этого крепкого бульона.

Нина подала Лаврову приготовленную чашку.

— Гм, я, по-видимому, прихворнул? Впрочем, уже все прошло, и аппетит у меня отличный.

Он с удовольствием выпил бульон.

— Ну, а теперь расскажите, Леонтий Самойлович, почему вы так ухаживаете за мною.

Сугубов, уверенный в том, что Лавров вернулся к нормальному состоянию, рассказал все, не исключая электролиза.

Лавров сохранил память о всех прошедших событиях, начиная с того момента, когда впервые в лаборатории Дубльвэ подверг электризации свой мозг, и до бокала вина, который он принял из рук молодой женщины в этом доме. Но пережитые события принимали теперь иное освещение.

Слушая Сугубова, Лавров утвердительно кивал головой и, наконец, протянул руку.

— Благодарю вас, дорогой друг. Вы сделали то, что сделал бы я сам, если бы мы с вами поменялись ролями. Благодарю и вас, Нина. — И он дружески пожал им руки. — Теперь скорее в Ленинград.

— Иван Александрович! Летим вместе в моем субстратоplane. Он очень вместителен, — предложил Сугубов, не желая в пути разлучаться с Лавровым.

— А моя машина? — спросил Лавров.

— Ничего нет проще, — ответил Сугубов. — Дежурный механик аэропорта даст задание пилоту-автомату лететь на Ленинград, и ваш электроплан отлично долетит до ленинградского аэропорта.

Лавров согласился — он был в отличном настроении. Тепло простившись с радушными хозяевами, Сугубов, Лавров и Нина вылетели в Ленинград. В пути «друзья-соперники» — Лавров и Сугубов — по обыкновению завели научные споры, но в этих спорах Лавров не горячился и говорил с выдержкой и самообладанием. Не оставалось больше сомнения в том, что электронаркоз крепко

подвинтил ослабевшие «тормоза» Лаврова. Из субстратоплана Лавров поговорил с женой.

— Не брани меня, старушка, — ласково сказал он, увидев в телевизоре знакомые черты. — Блудный сын возвращается в отчий дом. Через час буду у тебя, но сначала надо заглянуть в институт.

Лицо Варвары Николаевны выражало живейшую радость.

— Как я счастлива, что вижу тебя таким, каким ты был всегда! Приезжай скорее, поставлю самовар, попьем чайку.

— И с клубничным вареньем, — шутливо добавил Иван Александрович.

* * *

Лавров прошел в лабораторию Дубльвэ вместе с Сугубовым и Ниной.

— Вот она, злосчастная лаборатория, — сказал он. — Наделала бед. Уж не закрыть ли ее?

— Вы завтра же открыли бы ее вновь, — смеясь, ответил Сугубов. — Знаете, я не сторонник вашего метода, но в умелых и осторожных руках профессора Лаврова лаборатория найдет себе отличное применение. Пути науки многообразны. И я буду первый аплодировать вашему успеху и вашим достижениям.

— Да, но все-таки, — немного грустно сказал Лавров, — с электризацией мозга неудача, еще раньше не удалась опыты по регенерации. Это похоже на банкротство моей школы.

— Ну, вы еще не сказали своего последнего слова, Иван Александрович. Да и неудачи ваши относительно. Перед самым вашим пробуждением я получил известие, что ваша работа по регенерации тканей не пропала даром. Вы потерпели неудачу только потому, что сделали маленькую ошибку. Эта ошибка исправлена Старцевым, Горловым, Алексеевым. Людям больше не придется пользоваться протезами. У них будут отрастать утраченные конечности. Без вас этот вопрос был бы, возможно, разрешен на десяток лет позже.

— Почему же вы не сказали этого раньше? — с радостью воскликнул Лавров.

На его лице не было и тени неудовольствия оттого, что задачу разрешили другие. Главное — она разрешена, и калек больше не будет.

— Не говорил потому, что не был уверен, примете ли вы это как должно советскому врачу нашего времени.

— Не уверены в этом? — с недоумением спросил Лавров. — Разве я всей своей деятельностью не доказал...

— Да не то, Иван Александрович! — перебил его Сугубов. — Может быть, я не точно выразился. Я не был окончательно уверен в том, что в работе вашего мозга не осталось следов неуравновешенности, что малейшее проявление личного неудовольствия, которое еще может копошиться где-то в недрах вашего интеллекта, не будет заторможено при самом возникновении. И если вы так хорошо приняли это известие, то я вам сообщу и другое, не менее важное: проблема восстановления умственных сил и памяти также разрешена. Михеев вернулся к работе и успешно завершает дело своей жизни. Все Михеевы, Глебовы, Закировы отныне получают добавочный паек полноценной жизни...

Лавров даже не спросил, кто это сделал. Лицо его выражало огромную радость. Даже глаза стали влажными.

Это самый радостный день моей жизни!

Весть о выздоровлении и возвращении Лаврова уже разнеслась по инсти-

туту. Его сотрудники от седовласых стариков до юных аспирантов радостно входили в лабораторию Дубльвэ...

Прыжок в ничто (роман)

Часть первая Акционерное общество спасателей

Глава I

Большие знания могут быть причиной больших неприятностей



Цандер резко отодвинул чертеж, встал из-за стола, прошелся по кабинету. Вынул из футляра скрипку и заиграл. Длинные тонкие пальцы легко и воздушно танцевали на грифе. Но мелодия, которую извлекал скрипач из своего инструмента, вовсе не была веселой.

«Шеф чем-то взволнован! — думал Винклер, прислушиваясь из соседней комнаты к импровизации. — Ото! Сколько горечи! Как жалуется скрипка!..»

Жалоба перешла в возмущение, в горячий протест. Звуки нарастали, крепки и вдруг оборвались неразрешенным аккордом.

«Решительно, с Цандером случилось что-то необычное!» — снова подумал Винклер, вычерчивая рейсфедером кривую.

Из кабинета слышались заглушенные ковром быстрые шаги Цандера.

— Винклер, подите сюда!

Цандер сидел уже за письменным столом, когда Винклер вошел.

— Садитесь.

Винклер уселся против Цандера. Минуту они молча смотрели друг на друга, словно пытались прочесть что-то новое в давно знакомом лице.

На левой щеке Цандера обозначился легкий шрам — давнишний след студенческой рапиры; лицо инженера Цандера, лицо художника с большими, мечтательными глазами, было бледнее обычного.

— Винклер, сколько лет мы работаем вместе?

— Двенадцать лет, господин Цандер.

— Да, двенадцать. Срок немалый... Вы были хорошим помощником, Винклер, моей правой рукой, моим другом...

— Я еще не умер, господин Цандер...

Цандер нахмурился:

— Мы должны расстаться.

Винклер поспешно опустил руку в карман, вынул трубку, набил ее табаком, закурил.

— Это почему же... так неожиданно?

— Я уезжаю. Надолго покидаю родину, быть может, навсегда.

— «Могикане»? — коротко спросил Винклер.

— Да, они... Вы полагаете, что мне угрожает заточение, Винклер? Хуже. Гораздо хуже. Они приходили не с мечом, а с дарами.

— «Бойтесь данайцев, дары приносящих», — кивнул головой Винклер. — И что же это за дары?

— Они готовы милостиво забыть о моей нечистой крови, — с горечью сказал Цандер. — Вернуть мне кафедру, хорошо оплачивать мой труд.

— Из средств... военного ведомства?

— Вы угадали, Винклер. Они предлагали мне — вы понимаете, что значит, когда они предлагают? — работать в военном ведомстве... Стратосферные бомбардировочные ракеты, управляемые по радио. Вы слышали о них? Во многих районах страны уже возведены сооружения для стрельбы такими ракетами. Из этих пунктов в несколько минут можно уничтожить Париж, Брюссель, Прагу, Варшаву градом взрывчатых и газовых ракет. Но им этого мало. Им нужны «снаряды без пушек», летящие за тысячи километров. Не только Лондон, Рим, Неаполь, Мадрид, Москва, Ленинград, но даже и Нью-Йорк, Вашингтон — мишени для их новых орудий истребления. Столицы, промышленные города, порты, аэродромы соседних государств уничтожаются в несколько минут вместе со всеми людьми. Душить детей, рвать на части тела отцов и матерей — во имя чего? — вот что они предлагают мне, Винклер. Об этом ли думал мой учитель Циолковский, об этом ли мечтал я, посвятив свою жизнь реактивным двигателям, ракетам, звездоплаванью?..

От волнения на высоком лбу Цандера выступили мелкие капли пота.

— И что же вы им ответили?

Цандер пожал плечами:

— Если бы я сказал им «нет», нетрудно представить последствия. Если бы я сказал «подумаю», в лучшем случае я оказался бы сейчас под арестом...

— И вы сказали «да»?

— Чтобы иметь возможность бежать немедленно. Сегодня же я улетаю в Швейцарию. Прошу вас, Винклер, собрать мои бумаги, чертежи. Папка номер два — «Ракета „Пикколо“, номер семь, номер девять...»

— А с этим как? — спросил Винклер, кивнув головой на чертежи ракеты.

— По-видимому, никак, — ответил Цандер. — Вы знаете лорда Блоттона? Для него полет в стратосферу на ракете — лишь очередное увлечение спортсмена. И он уже начинает остывать к этому делу. Несколько дней тому назад он телеграфировал о том, что сегодня приедет, и, как видите, его нет. И денежные дела сэра Генри находятся, кажется, не в блестящем состоянии. Кстати, они мне уже ставили на вид мою «странную связь» с иностранцем.

Винклер пыхтел трубкой.

— И что же вы будете делать в Швейцарии?

— Играть на скрипке и предаваться мечтам, — невесело улыбнулся Цандер. — У меня есть за границей небольшие сбережения.

— А когда проживете их? Играть на скрипке, собирая милостыню по дворам? «Подайте профессору Цандеру, инженеру с мировым именем, один сантим, добрые граждане...» Картина, достойная нашего времени.

Цандер хрустнул тонкими пальцами. Голова его опускалась все ниже под тяжестью этих слов.

— Ну что же делать, Винклер? — тихо спросил он.

— Что-то надо придумать, господин Цандер. Весь мир накануне переворота, он готовится к войне. На ракеты сейчас всюду смотрят только с военной точки зрения. — Винклер выпустил несколько клубов дыма и продолжал: — В Швейцарии бывает немало туристов. Туристы ездят на автомобилях. Автомобили требуют починки. Мы откроем ремонтную мастерскую.

— Мы?.. Кто же?

— Да мы: вы и я. Фамилия Цандера — не для вывески ремонтной мастерской. Я открою ее на свое имя. «Винклер и К°». У меня есть на примете один толковый парнишка — Ганс. Вы будете продолжать свои научные работы, я — помогать вам и Гансу. И мы отлично проживем. «Ремонт автомобилей, велосипедов и керосиновых кухонь» — это, конечно, не столь поэтично, как ваши звездные сонаты, но зато более практично.

— Винклер, — взволнованно сказал Цандер, поднимаясь и протягивая руку, — друзья познаются в несчастье. Ваша сердечная доброта...

Винклер крепко пожал руку Цандера и, улыбаясь, прервал его изливания:

— Сердце и прочие внутренние органы тут совершенно ни при чем, господин Цандер. Мною руководит только расчет, хотя и не личного характера. Полагаю, этого объяснения достаточно, чтобы вы ни в какой степени не считали себя обязанным?

В передней раздался звонок.

Винклер вышел, и через минуту на пороге кабинета появился высокий стройный человек лет тридцати в сером дорожном костюме.

— Можно войти?

— Сэр Генри! — воскликнул Цандер. — Рад видеть вас.

— Здравствуйте, дорогой Цандер. Простите за поздний визит. Дела задержали. А все дела в конечном счете сводятся к деньгам. — Он засмеялся. — Деньги! Горючее всех двигателей мира, не исключая и сердечного. Без денег и к звездам не подняться, не правда ли, дорогой Цандер?

Жесты и движения Блоттона были легки и свободны. Он удобно уселся в кресло, положил ногу на ногу, вынул из бокового кармана черепаховый портсигар с платиновой монограммой и короной, с ловкостью фокусника перекинул его из руки в руку, вынул тонкую египетскую папироску и закурил. Пряный табачный дым смешался с ароматом крепких французских духов. Блоттон принес с собой атмосферу беспечности баловня.

— Ликуйте, Цандер. Я привез вам хорошую порцию горючего. Я и сам не знал, что путь к звездам лежит через алтарь.

— Какой алтарь?

Блоттон снова засмеялся, но не ответил на вопрос.

— Я думаю, нам теперь хватит средств закончить первую стратосферную ракету.

Лицо Цандера порозовело.

— Я очень рад. Но строить ее мы будем не здесь. Сегодня на рассвете я улетаю в Швейцарию.

— Не поладили с «могиканами»? — Цандер кивнул головой. — Швейцария?.. Это, пожалуй, и лучше. Там вам будет спокойней работать. Я дам вам чек на Лионский кредит. Сообщите свой адрес. В пять утра я улетаю в Лондон. А как подвинулась ваша работа?

Цандер развернул чертеж и начал объяснять. Блоттон рассеянно слушал

несколько минут, делая вид, что понимает, поблагодарил Цандера, оставил чек, рассказал несколько последних спортивных новостей и ушел. Цандер позвал Винклера и показал ему чек.

— Очевидно, лорду Блоттону удалось получить деньги под невесту, — сказал, улыбаясь, Винклер.

— Как это «под невесту»?

— Недавно в «Таймсе» было напечатано о помолвке лорда Блоттона с Эллен Хинтон. Мисс Эллен — племянница и единственная наследница миллионерши леди Хинтон. Видимо, Блоттону открыли широкий кредит.

— Так вот почему он говорил о том, что путь к звездам лежит через алтарь! — вспомнил Цандер.

— Ну что же, пока мы можем обойтись без ремонтной мастерской. Ее заменит нам спортивное тщеславие Блоттона. Тем лучше. Уезжайте, господин Цандер. Теперь у нас закипит работа. Только бы...

— Что?

— Только бы вам удалось благополучно выбраться. У вас готов план отъезда? Нет? Придется помочь вам.

И они склонились над картой страны, которая была когда-то их родиной.

Глава II

Читатель знакомится с достопочтенным обществом леди Хинтон, а также убеждается в том, что умный человек и на берегах Темзы может найти золотые россыпи

— Все ли подано? Бенедиктин для епископа? Шерри-бренди для сэра Генри? Белое вино? Сыр? Кекс? А мед? Его преосвященство любит мед — пищу пустынников. Нет меда? — Леди Хинтон позвонила.

Вошла девушка, краснощекая шотландка в сером платье, с белым крахмальным передником и в белой кружевной наколке, из-под которой выбились пряди густых каштановых волос. В руке Мэри была хрустальная вазочка с медом.

— Вы опять забыли поставить мед, Мэри?

Мэри молча поставила вазочку на стол и бесшумно вышла. Хинтон проводила ее глазами и перевела взгляд на бледное лицо племянницы.

— Зачем ты остригла волосы, Эллен?

Девушка тронула тонкими белыми пальцами с длинными ярко-розовыми ногтями свои пепельные волосы, ниспадавшие к щекам ровными волнами завивки, и беззвучно сказала:

— Сэр Генри...

— Разумеется! — с неудовольствием произнесла старая леди. — Дай мне «воздух» и возьми книгу.

Леди Хинтон уже пять месяцев вышивала шелком и золотом цветы и херувимов на «воздухе» для алтаря церкви, настоятелем в которой был епископ Иов Уэллер — духовник леди, ее старый друг и советчик.

— Который час?

— Без пяти минут пять.

— Читай, Эллен.

Племянница раскрыла наугад том Диккенса:

— «Тогда только чувствуют они себя в счастливом состоянии дружественного товарищества и взаимного доброжелательства, являющегося источни-

ком самого чистого, непорочного блаженства...»

— В Гайд-парке опять, кажется, митинг, — прервала чтение леди Хинтон, прислушиваясь. Покачала головой и так тяжело вздохнула, что ее всколыхнувшаяся под лиловым шелковым платьем грудь коснулась двойного подбородка.

Вслед за этим леди Хинтон ожесточенно воткнула иглу в глаз херувима и глубоко задумалась.

Сколько уже лет она ведет войну, безнадежную войну со временем! Сначала против каждого нового фунта веса жирного тела, против каждой новой морщинки на лице — недаром она пережила трех мужей и собрала в своих крепких руках три состояния, — а потом против того нового, что вторгалось в политическую, общественную и частную жизнь, вплоть до этих «новомодных стриженных волос и неприличных костюмов» Эллен.

Золотым веком леди Хинтон считала добрую старую Англию времен королевы Виктории, на которую леди была несколько похожа и которой старалась подражать.

Свой старый особняк в Вест-Энде, против Гайд-парка, леди Хинтон превратила в крепость — «мой дом — моя крепость», — в которой хотела отсидеться от напора времени. Двадцатый век должен был кончаться на пороге. Здесь же все, начиная от тяжеловесной мебели и кончая жизненным укладом и этикетом, было дедовских и прадедовских времен.

Леди Хинтон даже летом не открывала наглухо закрытых двойных рам и заставляла спускать тяжелые шторы на окна, чтобы не видеть толпы возбужденных людей, проходящих в Гайд-парк — излюбленное место для митингов. Но голоса и песни, гул, а иногда и сухой треск выстрелов проникали сквозь толстые стены. На ее консервных фабриках — наследство второго мужа — бастовали рабочие, и ей приходилось вести неприятные разговоры с управляющим. На ее фэйф-о-клоках политические разговоры были изгнаны, как признак дурного тона. И тем не менее часто за этими чинными чаепитиями разгорались политические дискуссии.

Время наступало, время вело правильную осаду особняка, укрывшегося за решеткой, под старыми каштанами и вязами.

Время врывалось гулом улицы, волнуящими разговорами, жуткими новостями. Ни старые слуги, ни толстые стены, ни двойные рамы, ни шторы не спасали от натиска времени.

У леди Хинтон начиналась настоящая мания преследования. И преследователем, врагом, убийцей было время...

— Читай же, Эллен.

Но продолжать чтение не пришлось. Часы медленно, глухо, словно удары их доносились с далекой башни, пробили пять.

В дверях бесшумно появился старый лакей в серой ливрее с позументами. Глухим старческим голосом почтительно доложил:

— Доктор мистер Текер.

Леди Хинтон нахмурилась. По четвергам — день фэйф-о-клока — домашний врач должен был являться в четыре часа сорок пять минут, чтобы закончить вечерний визит до прихода гостей. Сегодня доктор опоздал на целых пятнадцать минут.

— Проси.

Из-за двери показалась коротко остриженная голова с седеющими висками, затем осторожно продвинулась и вся фигура доктора — в черном, наглухо застегнутом сюртуке. Сюртук вместо традиционного вечернего смокинга! Леди Хинтон прощала такое нарушение этикета Текеру только потому, что он был «человек иного круга», притом иностранец, прекрасный врач, «жертва и беженец времени». На родине он не поладил с «духом нового времени», который выдавался там за «истинный дух древних».

Лицо Текера было растерянное и радостно-взволнованное. С показной уверенностью прошел он пространство от двери до треноподобного кресла, приветствовал леди Хинтон почтительным поклоном и осторожно, как хрупкую драгоценность, взял толстую руку пациентки, чтобы прощупать пульс.

— Мне говорили, что врачи отличаются пунктуальностью, а немецкие в особенности! — тягуче сказала леди Хинтон.

— ...Шестьдесят шесть... шестьдесят семь... — отсчитывал Текер удары пульса, глядя на секундную стрелку карманных часов. — Пульс нормальный. Простите, леди. Домашние обстоятельства задержали меня. Моя жена... разрешилась от бремени. Мальчиком. — И глаза Текера вспыхнули радостью.

— Поздравляю, — беззвучно сказала леди Хинтон. — Принимал врач? У вашей жены, значит, было два врача. А у меня едва не разыгрался припадок печени... Врачебная этика, впрочем, всегда была для меня непонятна.

Текер переминался с ноги на ногу. Внутренне он был взбешен, но сдерживал себя, вспомнив о новорожденном: новые обязанности отца, новая ответственность...

Задав пациентке несколько вопросов, Текер хотел удалиться. Но у леди Хинтон уже была наготове женская месть.

— Надеюсь, доктор, вы не откажетесь остаться на фэйф-о-клок? Соберутся мои старые друзья, — сказала она с улыбкой гостеприимной хозяйки.

Текер коротко вздохнул, поклонился и уселся на стуле с таким видом, словно это была горячая жаровня. Наступило молчание.

Чтобы прервать тягостную паузу, пленник коварного гостеприимства заговорил:

— Я читал в газете: как-то в лондонской экономической школе выступил знаменитый писатель. Он обратился к слушателям с такой речью: «Многие из сидящих здесь молодых людей будут убиты, другие удушены газами, третьи умрут от голода. Надвигается мировая катастрофа. Цивилизация гибнет, и нет выхода. Остается разве построить ковчег вроде Ноева...»

Леди Хинтон опустила на колени вышивание. Она побледнела, глаза сверкнули гневом.

— Пощадите нервы вашей пациентки, мистер Текер!

Вошел слуга.

— Его сиятельство барон Маршаль де Терлонж и его превосходительство коммерции советник мистер Стормер.

Неудовольствие сменилось на лице леди Хинтон привычной маской любезности.

Вошел Маршаль де Терлонж, французский банкир с темным прошлым, нажившийся на войне и купивший титул барона. Ему было под пятьдесят, но выглядел он совершенной развалиной. Вместе с ним появился широкоплечий, крепкий старик с красным лицом мясника. Барон проковылял к креслу,

поцеловал руку хозяйки и, сильно заикаясь, сказал:

— Позвольте, э-э-э... представить моего компаньона и друга мистера Ст... Ст... Ст...

— Стормер! — грохнул толстяк, протягивая вздрогнувшей хозяйке растопыренные толстые пальцы.

— Его преосвященство епископ! — возвестил лакей.

Вошел епископ Иов Уэллер, полный, здоровый мужчина с породистым румяным лицом. Его лучистые глаза и сочные губы улыбались.

Следом за епископом показался профессор философии Шнирер. Он недоуменно огляделся кругом, словно попал не по адресу, улыбнулся, как ребенок, узнавший знакомые лица, и, протянув обе руки, направился к леди Хинтон.

После взаимных приветствий все уселись за чайный стол. В этот момент у подъезда проревел гудок автомобиля. Леди Хинтон недовольно поморщилась — «позже всех является!..» — а Эллен слегка покраснела. Она узнала гудок блоттоновского авто.

Через две минуты лорд Генри Блоттон уже входил в гостиную, в черном смокинге, модном жилете и галстуке, сверкая моноклем. Он был надушен, отлично выбрит.

— Я не опоздал? Здравствуйте, тетя! — так называл он леди Хинтон, которой приходился отдаленным родственником.

Как только все уселись за стол, леди заговорила на любимую тему — о падении нравов, распущенности молодежи, современных книгах, «которые нельзя дать в руки благовоспитанной девушке», об отсутствии должного уважения к авторитетам и старшим.

— Скажите, дорогой барон, — обратилась она к банкиру, — я слышала, вы приехали к нам выкачивать английское золото? Хотите обмелить наш золотой бассейн?

Лицо банкира перекошилось.

— Хь... хь... хь... Я для этого слишком маломощный насос, леди. Сс... таким же успехом я мог бы обмелить Атлантический океан.

Леди Хинтон неохотно принимала у себя «этого выскочку», но была с ним любезна по настоянию своего юрисконсульта и управляющего делами Смиггерса, который вел с банкиром крупные дела.

Не забыла леди Хинтон, как гостеприимная хозяйка, и старого философа.

— А где же ваша прелестная дочь, мистер Шнирер?

— А? Что? — спросил профессор, словно пробуждаясь от сна. — Амели? Да. На футбольном матче! Каково? Футбол! А? — Он снова погрузился в свое обычное созерцательное состояние.

— Очень жаль, — протянула леди Хинтон, хотя в душе была рада: она предпочитала мужское общество, притом в поведении Амели многое шокировало ее.

— Доктор Текер рассказывал мне страшные вещи, — продолжала она, обращаясь уже ко всем и бросая косой взгляд на Текера, — о том, как наш знаменитый писатель предсказывал гибель цивилизации. Неужели это возможно?

Текер сидел как на иголках. Он думал о своей жене, о новорожденном и ежеминутно порывался встать, откланяться и уйти, но не решался сделать этого.

Шнирер, услышав о своей любимой теме, неожиданно превратился из со-

зерцательного Будды в пламенного оратора.

— Гибель цивилизации! — воскликнул он, сверкнув глазами, и продолжал, все повышая тон: — Да, цивилизация гибнет! Она обречена, и ее губит машина, это железное чудовище. Хозяин земли становится рабом машины. Она заставляет нас, всех без исключения, знаем ли мы и хотим ли мы этого или нет, идти по ее пути. Бешено несущаяся колесница волочит за собой поверженного победителя, пока он не погибнет... Человеческие существа, столь заботливо вскормившие этих диких и опасных зверей, проснулись и нашли себя в окружении новой расы железных чудовищ, господствующей над ними...

Шнирер уже не говорил, а вопил, потрясая сморщенным кулаком:

— Необходимо еще сильнее взнудать науку, задержать рационализацию, зажать технику, удушить изобретательство, иначе гибель цивилизации и наша гибель неизбежны... Еще чашку чаю, покрепче, если позволите, — неожиданно закончил он.

Эллен молча разливала чай, незаметно поглаживая на жениха. Но тот больше интересовался ликерами, усиленно подливая епископу, лицо которого сияло светом земных наслаждений.

— Фф... ффвы... правы, профессор, — возразил банкир, — технику надо держать в крепкой узде. Но цивилизации угрожают не только машшш... машины. Есть звери более опасные, коварные и беспощадные...

— Коммунисты! — вскричала леди Хинтон.

Точно декабрьским холодом повеяло в августе. Общество, собравшееся за столом, всколыхнулось.

Все заговорили разом, забыв об этике. Лица налились ненавистью, злобой и страхом. Слово было произнесено. Общая болезнь, которая подтачивала всех, омрачала, отравляла радость жизни, навевала кошмарные сны, была названа...

Каждый спешил облегчить свою душу, излить то, что давно переполняло сердце. Говорили по-разному, но об одном и том же: о проклятых коммунистах, разрушителях культуры и цивилизации, фанатиках. Тут было все: и революции в трех государствах, и «национализация женщин», и Коминтерн, и демпинг, и разрушение храмов, и голод...

Никогда еще общество леди Хинтон не было так единодушно, так искренне в выражении чувств и мыслей. Никогда за столом не звучала так гармонично симфония ненависти и животного страха перед близкой революцией.

«Красные звери» — разве не они угрожают отнять у леди Хинтон все: титул, власть, положение, богатство?

Их агитаторы разлагают стадо Христово и грозят запустением божьим храмам, голодной смертью епископу Иову Уэллеру.

А философ Шнирер — что иное, кроме безграничной ненависти, он мог питать «к покровителям техники и энтузиастам индустриализации, заставившим служить себе машины, которые своими зубьями рвут человеческие существа и угрожают раздавить своими шестернями современную культуру»!.. Когда волнение несколько улеглось, леди Хинтон овладела разговором.

— Я недавно пожертвовала двести тысяч фунтов на борьбу с ними, но этого, конечно, мало. Каждый из нас должен понять, что лучше сейчас, пока не поздно, добровольно отказаться от части своего имущества, чем потерять все.

— Я читал о «Ноевом ковчеге» и полагаю, что писатель вполне своевременен-

но ставит вопрос большой важности, — сказал Генри, наматывая на палец ленточку с моноклем. — Когда в ряде стран побеждает революция, побежденные, правда сопротивляясь, сходят со сцены и, как крайнее средство, ищут спасения в бегстве. Но куда бежать? Есть ли вполне безопасные страны на земном шаре? Пора подумать об этом.

— Не примите моих слов, — сказал барон, — за преждевременное капитулянтство, панику, неверие в победу. С восставшими мы будем бороться всеми мерами не на жизнь, а на смерть. Но успех мне кажется проблематичным. Уже сейчас мы озабочены тем, в какое дело помещать наши капиталы, где большая гарантия их безопасности. Однако может наступить момент — и скорее, чем многим это кажется, — когда придется думать уже не столько о капиталах, сколько о самих себе.

— И люди будут метаться из стороны в сторону, как в доме, объятom пламенем, — вновь ожил в Шнирере пророк. — Из страны в страну будут бежать они и всюду встретят всепожирающее пламя, губительное пламя, неукротимое и неизбежное, как судьба. И не спасут от него ни стража, ни железные решетки оград, ни толстые стены. Все погибнет. Все превратится в пепел. И мы погибнем. — И, вновь перейдя на визгливый крик, Шнирер закончил: — А кто виноват? Машины! Пролетарии! Они! Еще чашечку чаю, покрепче, если позволите.

— Стачки начали, революция закончит, — внес реплику банкир.

— Да минет нас чаша сия! — воскликнул епископ и, мгновенно сделав постное лицо, перекрестился. — Тут действительно пора подумать о каком-то... ковчеге, в котором с божьей помощью могли бы укрыться праведники — цвет нашей цивилизации и культуры. Не сам ли милосердный господь внушил эту мысль, как во времена Ноевы?

— Построить этакий «Титаник» — «ковчег» современного масштаба, оборудованный по последнему слову техники? — иронически спросил Генри. — Ну а дальше? Куда вы на нем направитесь? К Южным морям? К необитаемому острову, затерянному в океане и не нанесенному даже на карту? Чепуха, нет больше «белых пятен» на карте мира. Нет почти таких островов. А если и есть, их скоро обнаружат. Постройка «ковчеха» и его отплытие не смогут пройти незамеченными. Нас разыщут, достигнут и раздавят, как червей, вместе с «ковчехом». Где, наконец, гарантия, что его удастся достроить?

Наступило молчание.

— Неужели нет выхода? — спросила леди Хинтон.

— Почему же нет? Выход есть, и неплохой, как мне кажется, — спокойно ответил Генри. — Вот вы, господин профессор философии, бранили технику, и со своей точки зрения вы, конечно, правы. Но эта же техника может дать нам и выход, открыть путь к спасению. Мы заставим технику оказать нам эту последнюю услугу, а затем я ничего не имею против, если она будет уничтожена, к вашему удовольствию, профессор.

Все насторожились, слушая. Генри, довольный произведенным эффектом, сделал паузу и не спеша продолжал:

— «Ковчег» может спасти не всех принадлежащих к нашему классу и кругу, а лишь небольшую группу избранных... «Могий спастись да спасется» — так, кажется, говорится в Писании, милорд? Итак, «ковчег» может и должен быть построен. Но «ковчег» совершенно особого сорта, который унес бы нас подаль-

ше от этой мятежной планеты — ну, хотя бы на время, пока опасность не будет устранена. Или же в противном случае... навсегда...

Слушатели разочарованно откинулись на спинки стульев, а епископ, воспринявший слова Генри как ловкий маневр отвлечь общее внимание от мрачных мыслей, сбросил постную маску, засиял и добродушно расхохотался.



— Великолепно! Ковчег, плывущий по волнам эфирного океана! Бесподобно!

— Да, по волнам эфирного океана, — серьезно ответил Генри.

— Это могло прийти в голову только Генри! — воскликнула почтенная леди далеко не лестным для него тоном.

— Менее всего в мою голову, тетя. Признаюсь, я мало понимаю в технике. Но вы, господа, знаете, что в последнее время я отдаю дань увлечению стратосферными полетами вместе с моим другом инженером, крупным теоретиком звездоплавания и талантливым конструктором Лео Цандером. Я только что от него... И если бы вы знали о его работах, его достижениях...

— Но ведь это же химера!

— Фантазия!

— А как же мы там будем дышать?

— И чем питаться? Эфиром?

— Мы окоченеем от мирового холода, который уничтожит нас так же скоро и верно, как это делает коммунизм.

— Он хочет преждевременно отправить нас на небо!

— А вы сами полетите?

Послышались восклицания, шутки, смех.

— Леди и джентльмены, — не унимался Генри, — ваши вопросы и восклицания...

цания свидетельствуют лишь о полном вашем, мягко выражаясь, незнакомстве с предметом. Я утверждаю, что если бы вы...

Но его не слушали. Нервное напряжение нашло выход. Общество развеселилось. Даже Шнирер вышел из своей мрачной сосредоточенности и открыл, что в этом мире, кроме крепкого чая и страшных машин, существуют еще изумительно приятные жидкости, заключенные в изящные бутылочки, а епископ покраснел больше обыкновенного и смеялся громче, чем надлежало ему при его сане.

Леди Хинтон была довольна и уже милостиво поглядывала на Генри, вольно или невольно оказавшего ей услугу.

— Не будем, господа, думать о мрачных вещах, — сказала она. — Бог милостив, наш народ благоразумен, власть в надежных руках, и нам, надеюсь, не придется прибегать к воздушным кораблям и искать спасения в подобном бегстве. Почему вы не попробуете этого ликера, барон?

Генри был раздосадован провалом пропаганды звездоплавания.

Он рассчитывал получить несколько чеков на продолжение опытов Цандера.

Леди Хинтон казалось, что ей удалось, как искусному капитану, уже вывести корабль из полосы жесточайшего шторма, и вдруг налетел новый: Стормер, молчавший весь вечер, загромыхал своим громopodobным голосом.

— А я вас уверяю, сэр, — обратился он к Блоттону, — что в Южных морях найдется еще не один десяток неоткрытых островов. Я хорошо знаю Тихий океан. В его юго-восточной части, вдали от больших океанских дорог, и сейчас еще можно найти тихое убежище, — остров, не нанесенный ни на одну карту... Но... Я коммерсант, деловой человек, не склонный к панике и истерикам. Глупо, однако, закрывать глаза на действительность. Мы живем на вулкане. Да. Мы с чертовской (Хинтон вздрогнула) скоростью летим в пропасть. Я не буду перечислять последних событий, они известны всем. Надо быть готовым к самому худшему. Да. — Каждое его «да» гремело, как удар грома. — Я говорю не о глупой позе стойка. Барон прав. Надо драться и в то же время готовить пути отступления, пока у нас не связаны руки и есть капиталы.

Построить огромный теплоход. Этакий «Ноев ковчег» длиной в триста метров и водоизмещением в восемьдесят пять — сто тысяч тонн. Настолько механизированный, чтобы можно было обойтись минимальным количеством экипажа — из молодых людей привилегированных классов. Ни одного пролетария, ибо все они явные или тайные наши враги. Да. Сколько продлятся войны, революции? Четыре, пять лет? Мы сможем взять продовольствия на шесть, на восемь лет. Не говоря уже о возможности пополнения запасов рыбной ловлей и охотой на уединенных островах. И мы отсидимся. Мы сможем сохранить таким образом свою жизнь, если не свои капиталы. Я предлагаю, не откладывая, организовать компанию для постройки «Ноева ковчега». Само собой разумеется, что членами этой компании будут только избранные и все дело будет вестись в строжайшей тайне. Ведь мой проект не исключает вашего, сэр, — повернулся Стормер к Блоттону, уставив на него свое красное лицо с выпученными рачьими глазами. — Согласен: открыть наш плавучий остров наши враги все же смогут. В звездоплавании я, к сожалению, ничего не понимаю. Но если оно осуществимо, почему бы нам не приготовиться на крайний случай и к последнему прыжку — с Земли в пучины неба? Вы не откажете в любезности,

сэр, познакомить меня с вашим изобретателем? Если он убедит меня в том, что звездоплавание не химера, я первый внесу пай.

— Ннеужели ффвы фверите в звездоплавание и ххгото-вы фвложить фв это дело к... к... капитал? — спросил Маршалль Стормера, когда они возвращались от леди Хинтон.

— Верю! Да! — рявкнул Стормер. — Мы оба коммерсанты, барон, и с вами я могу говорить откровенно, — продолжал он тише. — Я верю в звездоплавание так же твердо, как в золотые россыпи на Темзе. Да. Слушайте.

Если бы Темза протекала за тысячи километров от Лондона, в экзотической стране, то в золотые россыпи на Темзе поверили бы тысячи. Помните мои «серебряные рудники» в Новой Зеландии или мою «австралийскую нефть»? Я нажил на них миллионы, а они существовали только в воображении акционеров. Теперь вы понимаете, что и на Темзе могут быть золотые россыпи, которые обогатят нас?

Авто затряслось, словно промчалось по бревенчатому мосту. Шофер оглянулся.

Это смеялся мистер Стормер.

— Положение действительно крайне серьезное, — продолжал он тише и спокойнее. — Что мы переживаем, вам известно. В трех странах уже властвуют коммунисты. Каждый день приносит известия о новых самоубийствах. Давно ли Смит, Мильтон... за ними Скарфас, теперь Сиддонс, Аббингтон... Настоящая эпидемия. Ужаснейшие кризисы бывали и раньше, но кончали с собой немногие. Почему? Люди верили: за кризисом снова наступит эпоха процветания. Теперь этой веры нет. Кто разорился — разорился навсегда. Разве я не прав?

— Ффф...

— Таково положение, и таково настроение. Революции и разорение, неизбежные, как смерть, сторожат нас всех. Неизбежная гибель.

Стормер сделал паузу, чтобы отдышаться.

— Человек отчаялся. Изнервничался. Истомился. Человек уже протягивает руку к револьверу. И в эту минуту к нему приходит наш агент и говорит: «Мы можем спасти вас. Мы обеспечим вам тихое убежище, куда не доберутся ваши враги и где вы сможете в кругу близких вам людей, окруженные привычным комфортом, доживать вашу жизнь. Да, это будет вам стоить миллионы. Но что эти миллионы будут стоить завтра? Завтра вы можете проснуться бедняком, и у вас будут отрезаны все пути к отступлению, бегству, спасению...»

Много ли найдется таких, которые откажутся от нашего предложения? К примеру, леди Хинтон. Вполне созревший плод. Еще два-три уже близких политических краха, и из этого денежного мешка посыплются в наши руки фунты стерлингов без счета. Мы будем строить «Ноев ковчег». Мы будем строить звездолет, десятки звездолетов, нимало не заботясь о том, полетят они или нет. Мы будем стоять во главе дела и ворочать огромными средствами. Конспирация упрощает отчетность. Ведь надо же совершенно не иметь коммерческого чутья, чтобы не оценить всю выгодность этого предприятия. Надеюсь, теперь вы вполне поняли, что значит открыть золотые россыпи на Темзе?

Маршалль де Терлонж от волнения долго пыхтел, фыркал и, наконец, выдавил из себя:

— Э-э-э... ффвы совершенно правы!

Так в туманный лондонский вечер во тьме лимузина родилось новое акционерное общество, скрепленное коротким крепким рукопожатием.

Глава III О пользе Экватора

Ганс Фингер стоял у окна кабины. Его вьющиеся русые волосы и лицо пламени на солнце. Он насвистывал веселый марш, отбивая такт и ногою и рукою. Фингер переживал восторг первого полета на стратоплане.

«Жизнь — чертовски интересный фильм, когда время и события летят, как этот стратоплан...» Ганс все ускорял темп марша. Если бы можно было фильм жизни пустить еще быстрее! Ударить время в загривок так, чтобы все часовые стрелки завертелись быстрее секундных, отрывные листки календарей посыпались, как осенние листья в бурю, и само солнце кометой понеслось бы по небосклону...

Ганс вдруг пошатнулся, ударился головой о стенку и вскрикнул. Или он также, подобно некоему утопическому герою, получил дар творить чудеса?.. Солнце, как футбольный мяч, описало дугу на небе и скрылось за рамой окна.

Ганс потер затылок, уселся в мягкое кресло и засмеялся.

«Ну конечно, это стратоплан сделал крутой вираж. Да, переводя время на третью скорость, надо держаться покрепче».

Ганс задумался.

Выборы, забастовки, уличные демонстрации. Ганс попевал всюду: разбрасывал нелегальные листки с крыши, начинал ими абонентные книжки в будках телефонов-автоматов, умудрялся под носом «могикан» делать, как и сотни его товарищей, антиправительственные надписи на стенах домов и на проезжающих фургонах, собирал хронику для подпольных газет, пускал детские шары с прокламациями, водружал ночью красные знамена на шпилях церквей, продавал театральные программы, вкладывая в них листовки, изобретал десятки способов агитации, убегал от преследования, скрывался, переодевался; даже заgrimировывался и снова выкидывал такие штуки, от которых зеленели враги, смеялись рабочие и бесились политические калифы...

Вызов Винклера. Организация побега Цандера. Шикарный костюм «под англичанина». Мягкое купе. До швейцарской границы — на авто. Пограничная полоса. Ночь, буря... Розыски товарищей, к которым у Винклера было письмо. Блуждание... Переправа через реку. Тревога. Перестрелка...

Швейцария. Горы в окрестностях Альп. Небольшой дом — шале — среди елей, лиственниц, альпийских кедров. Снег. Вкусный горный морозный воздух, напоенный запахом хвои. Работа в мастерской. Изготовление модели звездолета по чертежам. Учеба. Война с интегралами и дифференциалами. В свободные часы — лыжи, экскурсии по горам... Приезд Блоттона с большими новостями. Заказ большого пассажирского звездолета. Отъезд Блоттона, Цандера и Винклера в какой-то неведомый Стормер-сити...

На Ганса возлагаются новые обязанности: закупка и прием высококачественных сталей в разных городах Европы и Америки. Бесперывные поездки. Это интересно. Но... «агент по закупкам» — такая работа не во вкусе Ганса. Он шлет отчаянные письма Винклеру. Наконец Винклер сжалился над ним. Прилетел в Европу, чтобы лично сделать кое-какие закупки и захватить с собой Ганса. И вот теперь они летят в этот таинственный Стормер-сити. Летит и Блоттон. Он совершит первый подъем в стратосферу на одноместной ракете.

Этой чести он не хотел уступить никому.

Ганс смотрит в окно. Небо на этой высоте серо-аспидного цвета. Солнце ослепительно бело.

А что делается внизу? Вогнутый темно-синий щит океана. На нем ослепительно яркий кружок — отражение солнечного диска.

Великолепный, чудесный полет! Чудовищный прыжок! От западных берегов Европы на юго-запад, через Атлантический океан, к Южной Америке. Стратоплан пересек весь ее континент от края до края над бассейном реки Амазонки, перевалил через Анды, сделал широкий полукруг над побережьем Тихого океана и теперь идет к тем же Андам с юго-запада. Вот они виднеются едва заметной зазубринкой на горизонте...

— Уф! — Ганс снова засвистал марш.

— Чего ты там рассвистелся? — говорит Винклер из соседней кабины.

— Уж очень хорошо летим! — отвечает Ганс, направляясь к Винклеру.

— На аэроплане так не посвистел бы! — говорит Винклер. Он сидит у столика и рассматривает что-то в своей записной книжке, пыхтя неразлучной трубкой.

— Я только в воде не умею свистеть, — ответил Ганс. — А в аэроплане — сколько угодно.

— Эффект тот же, что в воде: мотор глушит.

— Это верно, — согласился Ганс. — Здесь совсем тихо. Словно летишь на аэростате. Даже взрывов не слышно.

— Быстрее звука летим, оттого и не слышно.

— Четыреста. Мы замедляем ход и снижаемся. Высота всего пятнадцать километров.

— Но ведь здесь температура должна быть значительно ниже, чем на поверхности земли, скорость же звука уменьшается с понижением температуры...

Винклер кивнул утвердительно.

— ...доходя при нуле до трехсот тридцати двух метров в секунду. Сейчас, вероятно, мотор уже выключен.

— А каков потолок?

— Двадцать — двадцать два километра. Это самая выгодная высота, если не гоняться за рекордной скоростью.

— Комариный взлет. Двести-триста километров куда нй шло! Пятьсот-шестьсот — это настоящая высота! — послышался голос третьего пассажира.

Дымя египетской сигареткой, к креслу Винклера подошел Генри Блоттон. Лорд был одет в теплый светло-коричневый спортивный комбинезон, хотя в такой «прозодежде» не было никакой необходимости: кабина стратоплана хорошо отапливалась электричеством и снабжалась чистым воздухом. В ней было тепло, уютно, комфортабельно, как в купе пульмановского вагона.

— Аэропланские рекордсмены высоты, разумеется, копошились в пыли по сравнению с нами. Для всех этих «саундерс-валькирий», «фарман-суперголиафов», «юнкерсов» двенадцать — пятнадцать тысяч метров были уже почти предельной высотой. Исследователи стратосферы поднимались повыше. Но они поднимались на аэростатах. А вот недавно в «Таймсе» я читал...

Блоттон оседлал своего любимого конька и начал нескончаемый разговор о

рекордах высоты, о соперниках, которые могут оспорить его лавры, о шансах на победу таких же рекордсменов, как он.

— Вы отправитесь в межпланетное путешествие и сразу побьете всех своих соперников, — сказал Винклер.

Блоттон не понял насмешки.

— Да, но... опасаясь, что об этом не будет напечатано в «Таймсе» и мои соперники просто не узнают о новом рекорде, — меланхолически ответил он.

Стратоплан снижался и замедлял ход. Горы на горизонте росли, темный цвет неба бледнел, голубел, одна за другой гасли звезды, как на рассвете.

Далеко внизу, у подножия гор, как ярко-зеленый океан, разлилась буйная тропическая растительность.

— Анды — южноамериканское продолжение Кордильер, — сказал Винклер. — За ними пустынная низменность, а дальше — скалистые горы республики Эквадор.

— Удивительно! К этому трудно привыкнуть. Какая скорость, какая победа над пространством! — воскликнул Фингер и еще раз пережил весь полет.

Европа — словно большая карта. Справа — Азорские острова, слева — острова Зеленого Мыса, едва различимые даже в сильнейший морской бинокль, Южная Америка... Бассейн Амазонки с ее притоками, похожими на ветви дерева... Полукруг «атмосферного торможения» над Великим океаном и вновь берега Южной Америки, уже западные.

— Да, неплохой способ изучения географии. Это лучше наших школьных книг и карт, — сказал Генри. — Но скорость черепашня. Иное дело — космический полет!

— Космический полет! Черепашня скорость! — в тоне Блоттона продолжал Винклер. — Что значат какие-то двенадцать-восемнадцать километров в секунду космического полета по сравнению хотя бы с тридцатью километрами полета Земли? А звездные туманности! Некоторые из них летят с огромной скоростью.

— Именно? — спросил Блоттон.

— Около тысячи километров в секунду — обычная средняя скорость. Но есть и исключения. По новейшим данным, туманность Большая Медведица номер двадцать четыре летит со скоростью одиннадцать тысяч семьсот километров в секунду, Лев номер один — почти двадцать тысяч километров.

— Да, такая скорость мне нравится. Но не смейтесь, любезный Винклер. Я мало понимаю в таких вещах, но наш друг Лео Цандер говорил мне, что когда мы в совершенстве овладеем радиоактивной энергией, то можно будет достигнуть и скорости света.

— Увы, даже со скоростью света вам придется лететь до ближайшей звезды четыре года и четыре месяца. До других же солнц-звезд, которых мы считаем нашими «соседями» в мировом пространстве, — десять-пятнадцать лет. Лишь несколько десятков звезд находятся от нас на таком близком расстоянии. До остальных пришлось бы лететь сотни и тысячи лет. Вас окружала бы необъятная пустыня в течение месяцев, годов, десятков лет. Всякое понятие о времени исчезнет.

— Какая ближайшая к Солнцу звезда? — спросил Блоттон.

— Альфа Центавра. Всего около сорока триллионов километров.

— Четыре года с небольшим — не так уж много.

Помолчав, лорд Генри вернулся к земным делам:

— А почему, собственно, для старта выбрано это дикое, пустынное место?

— Именно потому, что оно дикое, пустынное, нелюдимое. Таково желание акционеров вашего дикого общества «Ноев ковчег». Конспирация.

— Но ведь пустынных мест немало на земном шаре, взять хотя бы Южный полюс. Там нам никто не помешал бы, даже вездесущие репортеры. Почему именно здесь? Я хотел бы знать, чем определялся выбор.

— На это были свои, и немаловажные, основания, — серьезно ответил Винклер. — Именно здесь существуют наиболее благоприятные условия для взлета. Вам, вероятно, известно, что ракете при взлете с Земли необходимо пробиться через двойной панцирь: атмосферы и земного тяготения. Наибольшее тяготение существует на полюсах, наименьшее — на экваторе, так как Земля несколько сплюснута к полюсам. К тому же на полюсах наименьший, а на экваторе наибольший центробежный эффект. Поэтому панцирь тяготения на экваторе минимальный.

— И какова разница в весе?

— На экваторе тело весит на одну двухсотую долю меньше, чем на полюсе.

— Только-то? — разочарованно сказал Блоттон.

— Да, только-то. Благодаря центробежному эффекту и «вздутию» земного шара у экватора тела здесь весят на полпроцента меньше, чем у полюсов. Как будто в самом деле немного. Но для ракеты важно даже и такое уменьшение веса: оно дает заметную экономию в запасе горючего. Так что и полпроцента веса — совсем не маленькая величина в нашем предприятии.

— Хорошо, экватор. Согласен. Но почему именно это место на экваторе?

— Чтобы ответить и на этот вопрос, нам придется поговорить уже о другом панцире — атмосферном. Воздух, которого мы на глаз не замечаем, представляет почти непреодолимое препятствие для быстро движущегося тела. Чем быстрее движение, тем больше сопротивление. При очень больших скоростях сопротивление воздуха почти так же велико, как и сопротивление твердого тела, — настоящий стальной панцирь. Это не только образное выражение. Метеоры — падающие с неба камни — движутся с космической быстротой; врезаясь в атмосферу, метеоры помельче, раскаляясь из-за сопротивления воздуха, испаряются, осаждаясь тончайшею пылью. Вот с каким препятствием придется иметь дело в нашем полете. Жюль-верновские герои, вылетающие из пушки в снаряде, должны были бы в первое же мгновение выстрела разбиться в лепешку о дно снаряда. Чтобы избежать этой печальной участи, мы будем увеличивать скорость нашей ракеты постепенно. Мы должны выбрать такое место на земном шаре, где атмосферный панцирь обладает наименьшей толщиной. Относительная плотность воздуха зависит от давления, температуры, влажности, а все это, в свою очередь, от высоты над уровнем моря. Чем выше над уровнем моря, тем панцирь атмосферы тоньше, тем легче, следовательно, пробить его и тем меньше надо затратить на это горючего. На высоте шести километров плотность воздуха примерно уже вдвое меньше, чем на уровне моря. Теперь, надеюсь, вам понятно, что межпланетному кораблю выгоднее всего стартовать с возможно более высокого места, с какой-нибудь горной поверхности? Итак, что же нам нужно? Экватор и наибольшая высота на нем. Возьмите глобус, и, поворачивая его, вы увидите, какие горные местности пересекает экватор. Острова Суматра и Борнео и южноамериканские Кордилье-

ры — Анды. Острова гористы. Там имеются высоты более четырех тысяч метров. Возможно, что Суматра и Борнео станут ракетодромами будущих регулярных межпланетных путешествий, как и Анды. Но на этих островах... слишком людно: нефть, каменный уголь, тропические пряности и фрукты и прочие заманчивые вещи привлекли туда капитал и людей, и острова стали колониями целого ряда держав. Притом Суматра и Борнео находятся сравнительно далеко от тех фабрик и заводов, на которых изготавливаются части ракеты. Переброска обошлась бы дорого. Следовательно, остаются Анды. Здесь все, что нам, вернее вам, нужно: экватор, высокие горы, безлюдье, бездорожье, пустыня, глушь. Вполне подходит и топография местности. Полет будет направлен по наклонной в двенадцать градусов на восток, то есть в том же направлении, в каком вращается и земной шар. Это для того, чтобы воспользоваться «бесплатной» добавочной скоростью вращения Земли, прибавить эту скорость к скорости ракеты. Как видите, если умело взяться, то и вращение Земли можно сделать союзником. Между Андами и Скалистыми горами лежит долина. Там, где Анды обрываются к этой долине, удобно устроить площадку для разбега ракеты. Набрав скорость, ракета «сорвется» с обрыва, чтобы покинуть Землю. Ну, теперь все «почему» разрешены?

Блоттон кивнул головой:

— Благодарю вас, все понятно. Не сетуйте на меня за мою тупость: мне не приходилось заниматься этими высокими материями.

— Однако мы так заболтались, что едва не прозевали посадку, — сказал Винклер. — Уже виднеется Стормер-сити — цель нашего путешествия. На всякий случай пристегнитесь к креслу ремнями. Стратодром здесь не вполне оборудован.

Фингер молча выполнил этот совет, но Блоттон, пристегиваясь, небрежно сказал с видом бывалого человека:

— Излишняя предосторожность!

Глава IV

Как можно многое вместить в малом

Сегодня последний день...

Эллен роняет на землю несколько сорванных роз и не замечает этого.

Тетка приказала собираться в дорогу. «Ты можешь отобрать вещей весом на центнер, и ни грамма более, — сказала она. — Можешь брать все, что тебе нравится и что ты считаешь нужным».

Эллен вошла в загородный замок леди Хинтон со стороны сада по широкой белой каменной лестнице. Фамильные гербы над дверьми с высеченными из серого камня львами были изъедены ветрами и дождями четырех веков. Четыреста лет клыкастые, оскаленные пасти зверей охраняли покой замка. И теперь приходится бросать все на произвол судьбы, лишь бы спасти себя...

Зимний сад. Журчат фонтаны в мраморных водоемах, щебечут птицы. Искусственные гроты, маленькие водопады среди зелени. Пальмы, кактусы всевозможнейших видов. Ценнейшая коллекция орхидей, собранная ее дедом в то время, когда орхидеи вошли в Англии в моду и за редкие экземпляры платили груды золота. Некоторые причудливые экземпляры этих экзотических цветов имели свою историю. Для того чтобы получить их, смелые охотники за орхидеями отправлялись в дикие леса Центральной Африки и Южной Америки, сражались с дикарями, зверями, умирали от лихорадки, укусов змей. Неко-

торые из них были сожжены на кострах, съедены людоедами, умерли от отравленных стрел. Когда эти политые кровью необычайные, словно привезенные с другой планеты, растения появились в столице Великобритании, на них началась новая охота — охота столичных аристократов-снобов, старавшихся какой угодно ценой заполучить в свою коллекцию наиболее оригинальные и красивые цветы. Ее дед тогда скупил лучшие экземпляры, на его коллекцию приезжали любоваться из разных стран. Скольких трудов и денег стоил этот зимний сад!

За садом начиналась картинная галерея. Входы и выходы охраняют грозные рыцари, от которых осталась лишь блестящая оболочка. Они не поднимут тяжелых мечей в защиту замка, не будут скрещивать копий за честь дам своего сердца...

Зал станковой живописи. Рёйсдаль, Росетти, фламандцы, голландцы, испанцы, итальянцы. Не взять ли чего из этой комнаты? Какой-нибудь мирный голландский пейзаж?.. Нет!

В столовой — горки старинного фарфора, хрусталя, венецианского цветного стекла. Разве можно брать эти хрупкие вещи в ракету?

Библиотека. Книги ненавистны ей. Мимо!..

Узкими темными коридорами Эллен прошла в гардеробные комнаты. Здесь пахло нафталином. В шкафах содержалась целая история костюма. Эллен отодвигала дверцы и заглядывала внутрь. Шелк, бархат, тяжелая парча, золотое шитье, жемчуга... И какие размеры! Словно эти платья носила вымершая порода великанов. Эллен добралась до собственного гардероба, где хранились платья, сшитые для нее лучшими портными. Взять, быть может, вот это серое шелковое платье? Или вот это черное, выходное? Бальное — стального цвета? К чему? Вечерние приемы, театры... Все это «там» не нужно...

Много часов бродила она по дому. Брала в руки одну вещь и, забывая о ней, машинально клала на место, шла дальше.

Оказалось в итоге, что она ничего не любит и ни к чему не привязана. У Эллен нет милых, дорогих вещей. Но почему же тогда она так мечтала о наследстве? В чем же дело? Она сама не могла разобраться в этом.

С горечью вошла она в комнату леди Хинтон. Тетка сидела за конторкой красного дерева и, как ростовщик, принимающий золото в заклад, взвешивала на аптекарских весах бриллианты.

Для Эллен это был день откровений. Застав тетку за этим занятием, Эллен вдруг почувствовала, что ненавидит ее и презирает. Эти чувства давно таились в ее душе и теперь всплыли на поверхность.

— Отобрала? — спросила леди Хинтон.

— Ничего не отобрала, — ответила девушка и уселась позади тетки у камина.

— Почему?

— Потому что не знаю, что отобрать.

— Не знаешь?

— Не знаю! — с необычайной резкостью ответила Эллен. — Ни одна вещь не интересует меня, не останавливает моего внимания.

— Выбирай так, как я выбираю. На Землю мы еще вернемся, когда пройдет всеобщее безумие, я твердо верю в это. Но то, что мы оставляем здесь, надо считать потерянным. Правда, я распорядилась спрятать кое-какие драгоцен-

ности. В подвалах замка есть тайники, о которых никто не подозревает. Есть кладовые, в которых можно кое-что замуровать. Кое-что будет закопано в саду, кое-что опустят в колодец. Но разве на слуг полагаться можно? Значит, надо рассчитывать только на то, что мы можем взять с собой. Центнер — это все-таки немало, если выбрать с толком. Надо брать самые небольшие по размеру и весу вещи и самые дорогие. Смотри, как поступаю я. — И леди Хинтон показала пухлой рукой на грудку ценностей, лежащих перед нею на столе.

— У меня нет ваших способностей, — заметила Эллен.

— Учись. Из платьев, белья по крайней мере отобрала что-нибудь?

— Генри говорит, что это только лишний груз. В Стормер-сити изготавливаются специальные костюмы для ракеты. Там будет настолько тепло, что надевать лишнее платье было бы просто негигиенично.

— Гигиенисты! Скажи Генри, что я откажусь от полета, если они будут ходить там в неприличных костюмах. Возьми несколько платьев, побольше белья, шляпу, галоши, зонтик.

— А галоши, зонтик зачем?

— Они собираются высадить нас на какой-то комете...

— Планете, тетя.

— Не перебивай. А если там дождь будет или слякоть?

— Зимние костюмы Генри советует брать. Возможно, что нам придется высадиться на планету с холодным климатом.

— Пусть не высаживаются на такую. Могут выбрать потеплей. Не выношу холода.

— Сегодня еще будет обсуждаться этот вопрос.

— Ты напомнила мне. Приготовлены ли комнаты для гостей? Сколько человек ожидается?

— Человек двадцать. Я уже распорядилась.

— А обед?

— Все готово, тетя.

Сейчас было не такое время, чтобы принимать гостей. Но это и не было обычным приемом. В загородном замке леди Хинтон должны были собраться некоторые участники предстоящего полета, чтобы обсудить очень важные вопросы. До настоящего времени не было еще точно решено, на какую планету высадится экипаж «ковчега». На этот съезд ожидали прибытия нескольких виднейших астрономов. Им хорошо заплатили за консультацию и за молчание. Кроме ближайших участников полета, никто не должен знать о «ковчеге».

Казалось бы, какая может быть срочность в астрономии, где время исчисляется миллиардами лет, где все с земной точки зрения незыблемо? Неизменно движутся по своим орбитам планеты, неуклонно следуют своими путями периодически появляющиеся кометы... Или астрономы ждали одного из таких редких гостей, вроде кометы Галлея, или подстерегали полное солнечное затмение?.. Нет, не кометы и солнечные затмения поглощали их время. Они действительно были чрезвычайно заняты. Астрономия — наука о далеком небе — оказалась очень близкой кое-каким земным делам. Прекрасные математики, знатоки небесной механики, они были мобилизованы для работы по суперартиллерии и суперавиации. «Последние могикане» капитализма лихо-радочно готовились к войне, готовя противнику «сюрпризы» в виде ракетных

снарядов, военных стратопланов, сверхдальнобойных пушек и прочего. И ученые ревниво выполняли порученное им сугубо научное дело...

Но, работая на тех, кто был исполнен звериной злобой и жаждой борьбы и истребления, ученые не могли отказать в последней услуге и тем, кто хотел бежать от борьбы. И, поторговавшись, они приняли выгодное предложение.

В ту самую минуту, когда леди Хинтон занималась взвешиванием своих фамильных ценностей, философ Шнирер также сидел в своем кабинете за весами, но весы его были большие, и взвешивал он не на караты, а на десятки кило. На столе перед ним лежали груды философских книг. Его библиотека весила не один центнер. Эти книги так тяжелы! Он решил взять лучшие из них. Из древних философов Платон — безусловно, Аристотель — под сомнением. Из новых — безусловно Кант, Шопенгауэр, Шпенглер, Бергсон. Но как много весит этот старичок Кант! Может быть, не брать их? Нет, они «там» будут нужны.

Шнирер работал методично, как всегда. Сначала произвел разметку «удельного философского веса» каждого философа, затем отмечал «физический» вес книги и аккуратно записывал на листке бумаги.

Дверь кабинета приоткрылась, кто-то заглянул через щель.

— Ты не работаешь, папа? — спросила Амели, входя в комнату.

Амели никогда не входила к отцу, когда тот бывал занят. Это были часы священнодействия. Дочь философа была возбуждена, щеки ее горели румянцем. Шнирер посмотрел на дочь поверх очков и спросил кратко:

— Спорт?

— На этот раз нет. Я виделась с Отто.

Лейтенант Отто Эрнст был женихом Амели.

— Ну и что же? — спросил Шнирер, взвешивая Декарта.

— У нас с ним был разговор...

— Как вижу, очень горячий.

— Да. Я предлагала ему принять участие в полете. Он ответил, что с его стороны это было бы дезертирством. Он сказал: «Я должен остаться здесь, чтобы победить или умереть!» Отто убеждал меня остаться с ним.

Томик Декарта дрогнул в руке Шнирера.

— Ну, и что же ответила ты? — спросил он, стараясь скрыть тревогу.

— Я ответила ему, что последую за тобой, папа.

Шнирер нахмурился, чтобы скрыть радость:

— Так. А Отто?

— Отто говорит, что и тебе незачем лететь... И все эти книги ты хочешь взять с собой? Не собираешься ли ты, папа, читать лекции по философии марсианам или жителям Венеры?

— Если они существуют и достаточно развиты для этого, то почему бы им и не познакомиться с философами Земли? — ответил Шнирер. — А лететь мне необходимо. И это с моей стороны не дезертирство и не трусость. На мне лежит священный долг — сохранить мудрость Земли. Истинную философию, тысячелетнее наследие человеческой культуры. Всему этому, — он указал на книги, — угрожает страшная опасность. Кто знает, какие сокровища мысли погибли в огне при пожаре Александрийской библиотеки? А сейчас близится мировой пожар. Если коммунизм победит, я думаю, эти варвары сожгут все

философские книги, кроме книг своих философов, — Шнирер покосился на камин. — Человечество одичает и в конце концов погибнет: машина истребит его. Во всем мире — пойми, во всей Солнечной системе, во всем космосе! — сохранятся только в нашем «ковчеге» сокровища человеческого гения. Если нам не суждено вернуться на Землю, мы высадимся на какой-нибудь планете. Мы положим основание новому человечеству, истинной культуре — без машин, без заразы материалистической философии, без политики и без рабочих вопросов. — Шнирер выпрямился и стал похож на библейского пророка. — Там, на новой Земле, — продолжал он, подняв вверх палец, — понадобятся эти книги. Они станут нашими скрижалями завета. И я научу людей истине.

Шнирер, этот кабинетный ученый, не способный к прямым действиям, все же служил своему классу до последних дней. Правда, у этого философа были свои счеты с капитализмом — машины. Но ведь в том и заключалось своеобразие его философии, что он пытался разрешить квадратуру круга о капитализме без техники и машин. Порожденная безысходными противоречиями, его философия была довольно путаной, но она пользовалась успехом потому, что выполняла социальный заказ «могикан» и обещала какой-то «выход» из тупика. Сам же Шнирер смотрел на себя чуть ли не как на мессию, призванного спасти капитализм из петли и вывести его в обетованную страну безоблачного вечного процветания. Он серьезно считал себя хранителем мудрости Земли, то есть той философии, которая нужна была для идеологического оправдания и утверждения его класса. И этой идее он служил самоотверженно. Только ради нее он решил отправиться в это необычайное рискованное путешествие. Только ради нее он — страстный противник машин — решил прибегнуть к помощи машины, отдать себя в ее распоряжение, доверить ей свою «драгоценную для человечества» жизнь. Спасаться от машины на машине. Он глубоко и болезненно чувствовал это противоречие, но другого выхода не видел.

— А если мы вернемся на Землю?

— И в этом случае необходимо сохранить книги в надежном месте. А что может быть надежнее «ковчеге»? «Они» могут уничтожить книги, прежде чем твой Отто и его соратники уничтожат «их». А я верну Земле ее сокровища. Принесу с неба эти скрижали мудрости и вручу их людям, как Моисей. Я просвещу омраченное людское сознание вот этим! — Он торжественно поднял вверх томик собственного философского трактата о пагубности материализма. — Я должен сохранить себя для человечества! — торжественно закончил он и уже обычным тоном спросил: — Ты уложились?

— Еще нет. Иду собираться, — сказала Амели. Она поцеловала отца в щеку, прошла в свою комнату, открыла баул и в одну минуту бросила туда волейбольный мяч, несколько теннисных мячей и ракеток, два ружья, патроны, купальный и спортивный костюмы, гавайскую гитару, маленький дорожный несессер, два платья, белье, фотоаппарат с запасом пленок — словом, все, что она брала, отправляясь в свое обычное «путешествие» — на курорт.

Епископ Иов Уэллер тоже собирался в дорогу. Ему предстоит лететь на неведомую планету. С этой мыслью он никак еще не мог примириться, освоиться.

Однажды в субботу он мирно сидел, углубившись в составление воскрес-

ной проповеди, в своей уютной квартире, где прожил два десятка лет, когда экономка сообщила, что его хочет видеть какой-то человек. Думая, что его приглашают для исполнения требы, он сказал, чтобы посетителя впустили.

Вошел маленький вертлявый человек:

— Честь имею представиться. Я Генри Пинч. Представитель акционерного общества «Ноев ковчег» и личный секретарь председателя правления мистера Самуэля Стормера.

— Это благотворительное общество? — спросил епископ. Он уже забыл о разговоре в салоне леди Хинтон.

— Не совсем, — ответил Пинч, усаживаясь в кресло и ерзая в нем. — Хотя в некотором роде его можно назвать и благотворительным. Спасение людей от страшной гибели — это ли не благое дело? Вам нужно лететь, сэра епископ, как можно скорее.

— Куда лететь? — спросил Уэллер.

— На небо.

Епископ невольно отодвинулся к спинке кресла. Что это, нелепая шутка или бред сумасшедшего?

— Я не совсем понимаю вас.

— Я полагал, что вы достаточно подготовлены к этому предложению, — ответил Пинч, продолжая ерзать в кресле. — Леди Хинтон говорила...

Епископ вспомнил все. Но неужели же это серьезно?..

— Я не намерен лететь на небо! Совершенно не намерен! — сказал епископ таким тоном, словно ему предлагали умереть. — Мне лететь? Согласитесь, что это даже не вяжется с моим саном.

Пинч пожал плечами:

— Я полагаю, что это не уронит достоинства вашего сана. Поскольку были прецеденты... Пророк Илья, например, совершил полет на небо. Праведник, пророк. По тому времени звание пророка, полагаю, значило не меньше, чем теперь епископа.

— Да, но... то было божье соизволение...

— А это соизволение леди Хинтон.

— Я очень уважаю леди Хинтон. Это лучшая овца в моем стаде. Но ведь она у меня не одна. Я не могу оставить свою паству на съедение хищным волкам.

— А если сама паства оставит вас?..

Епископ вздохнул:

— Я согласен с вами. Храмы посещаются меньше. Но, как сказано в Писании, «где один или два собраны во имя мое, там и я посреди них».

— В «ковчеге» будет двадцать человек. А когда мы высадимся на какую-нибудь планету, на Марс или Венеру, вы возьмете на себя роль апостола, возвещающего учение Христа марсианам или просвещающего светом Евангелия жителей Венеры. Подумайте только, вы первый, который явится с проповедью христианства на другие планеты Солнечной системы! И, быть может, сам Бог избирает вас для этой миссии.

— Всемогущий Господь, если найдет нужным, может сделать это и иным образом. Но не будем касаться столь важных богословских вопросов, — отвечал епископ.

— Хорошо, — продолжал Пинч, — допустим, вы откажетесь лететь, несмотря на настоятельное желание леди Хинтон, которая не мыслит полета без вас.

«Врач духовный, — говорит она, — столь же необходим, как и врач телесный. Кто будет давать мне советы, направлять на стезю добродетели? Кто совершит обряд бракосочетания леди Эллен с лордом Генри Блоттоном? Кто будет крестить родившихся детей, кто похоронит меня, если я умру?» Допустим, вы не слушаетесь этих доводов и останетесь. Что ждет вас здесь? Быть может, мученическая кончина...

— Я готов принять венец мученика, — сказал епископ, поднимая глаза к небу. — Но «да минет меня чаша сия», — прошептал он про себя.

— Оставаться на Земле, особенно в вашем сане, — не унимался Пинч, — крайне опасно. В стране напряженное положение. Она уже накануне революции, на это нечего закрывать глаза. — Пинч, соскользнув на край кресла, продолжал конфиденциальным тоном: — Леди Хинтон получила самые достоверные известия из высших сфер, что падение власти ожидается со дня на день. Мы не в силах бороться. Нельзя медлить.

Епископ почувствовал, что пот покрывает его лоб и холод пробегает по широкой спине.

— Я готов ко всему, — сказал он.

Пинч откланялся и вышел.

Мысль о миссионерской деятельности занимала епископа. Он не верил в существование марсиан, но на новой планете он был бы среди земных поселенцев настоящим папой — наместником Христа. А разве без христианства, вообще без религии можно поддерживать общественный строй, который обеспечивал и ему, и его «овцам», подобным леди Хинтон, их привилегированное положение? Но не только эта «высокая миссия апостола» заставила его решиться участвовать в полете. Епископ был напуган быстро развивающимися событиями не меньше Шнирера и других. Если революция победит, при его сане ему придется туго. Тем более... пожалуй, этих проповедей не нужно было говорить... А составленная им молитва о скорейшей гибели коммунизма? Она даже, говорят, была с соответствующими комментариями напечатана в их газетах... Нет, бежать, бежать... И он с усердием начал отбирать книги духовного содержания из своей довольно большой библиотеки. Он сложил на столе уже несколько больших книг, когда затрещал телефон.

— Простите за беспокойство. Алло! Да! Это опять я, Пинч. Я забыл предупредить вас, что если вы надумаете лететь, поспешите отобрать вещи, какие найдете необходимым взять с собой, но не больше ста килограммов. Таково распоряжение нашего главного инженера. В «ковчеге» все взвешено до последнего грамма.

Епископ с досадой повесил трубку.

Не больше центнера. Какое осложнение! Ведь, кроме книг, надо взять немало других вещей. Он подумал о своих привычках. Иов Уэллер любил хорошо поесть. Чем будут кормить в «ковчеге»? Необходимо будет на всякий случай взять с собой кое-что про запас. Еще больше любил и ценил епископ тонкие вина и дорогие ликеры. Их взять совершенно необходимо. Со своим желудком он не ладил так же, как и его лучшая «овца» — леди Хинтон. Ему приходилось прибегать к слабительным, главным образом к минеральным водам. Необходимо взять хотя бы ящик «Зальцбруннена».

Епископ с унынием посмотрел на книги, разложенные на столе и стоящие на полках. Они одни, наверное, весят больше центнера. Придется отобрать са-

мое нужное. Епископ позвал экономку, приказал ей принести из кладовой бутылки, банки консервов, коробки печенья, банки с маслом, сгущенным молоком и заставил все это взвешивать при себе. Экономка заплакала: неужели епископ считает ее воровкой? Но в глубине души она обрадовалась: человек, который, как она подслушала, решился улететь, бросив все на произвол судьбы, не стал бы заниматься хозяйственными мелочами.

Горка с книгами на епископском столе постепенно таяла. Сначала он отложил в сторону комментаторов и толкователей Писания, потом решил, что можно обойтись без истории вселенских соборов. Несколько вкусных вещей и теплых фуфаяк заставили удалить обратно на книжную полку также некоторых святых отцов. Было уже далеко за полночь, когда епископ наконец закончил отбор. Объемистый сундук был полон. На самом верху лежала карманная Библия издания Британского библейского общества и небольшой требник.

Апостолы — те обходились и без этого...

Ловкими агентами «Общества спасения от опасности» вербовались все новые и новые вкладчики-клиенты, золото текло широким потоком в карманы дельцов, которые были не прочь подработать и на спасении.

Сборы в дорогу шли в разных концах мира.

...Бывает такой предутренний час, когда город полу-смежает уставшие за день очи. Гаснут витрины и широкие окна кафе, окна, которые отражают лишь блеск уличных фонарей. Затихает движение автомобилей.

Именно в этот час по городу с предельной скоростью мчался длинный узкий блестящий лимузин. Он направлялся к зданию Центрального банка, где хранились сокровища крупнейших капиталистов.

В лимузине сидел, откинувшись на спинку сиденья, Маршал де Терлонж, сжимая в руках небольшой чемодан желтой кожи.

Короля биржи, очевидно, ждали в этот неурочный для банковских операций час. Не успела машина бесшумно подкатить к зданию банка, как боковая его дверь открылась. Маршал быстро вышел из автомобиля, почти пробежал пространство до двери и проскользнул в вестибюль. Лысый, представительный, полный мужчина с остатком кудрей на голове и горбатым носом почти-точно встретил банкира и тихо сказал:

— Прошу вас.

И они пошли по длинному коридору в сопровождении вооруженного сторожа.

Они спустились под землю. Путь шел через самую огромную крепость, которую когда-либо соорудил человек. Ни один фараон не придумал бы такого неприступного склепа в глубине пирамид, каким являлись эти своды банка, освещаемые на всем протяжении сильными матовыми электрическими лампами.

На подъемной машине они спустились еще на два этажа и оказались перед массивной стальной дверью. Такую дверь банки считали обычно достаточной охраной скрытого сокровища. Здесь же это было только началом крепости. За дверью начинался небольшой туннель. Туннель заканчивался стальной башней. Башня замыкала туннель, и третий этаж подвала имел вид огромного свода, скованного железобетонными стенами толщиной в четыре с полови-

ной метра.

— Эта башня весит четырнадцать тонн, — объяснил провожатый, — и приводится в движение специальным электрическим механизмом.

Лифт опустил ночных посетителей в самый нижний этаж. Здесь начинался целый лабиринт залов, ходов, секретных ящиков в стенах, замаскированных кладовых.

Шаги путников отдавались в пустых залах многократным эхом. В одном из залов хранилось золото, драгоценные камни, ценные документы — все награбленное годами было аккумулировано в этих сейфах.

Выше находилось подземное озеро. Если бы только понадобилось, водой озера можно было бы затопить весь подвальный этаж.

Эта самая неприступная в мире крепость не сооружена, а вырыта в цельном граните, на котором стоит город. Потребовалось пять лет, чтобы закончить скальные работы.

Армии взломщиков могли бы употребить всю свою жизнь на проникновение в крепость без всякой надежды на успех. И, разумеется, не против взломщиков предпринимались все эти исключительные меры: если неприятель захватит город, он, естественно, устремится к золоту. Применяя самые современные средства для подрыва крепостей, ему пришлось бы поработать много месяцев.[61]

По указанию помощника директора банка сторож открыл стальную дверь, ведущую в небольшую железобетонную комнату, стены которой были уставлены несгораемыми ящиками. Маршалль открыл один из них собственным ключом, подобрав предварительно расположенные соответственным образом цифры на вращающемся кольце.

Провожатые проявляли такую стыдливость, словно банкир был девушкой, собравшейся купаться: как только он взялся за свой чемодан, они отошли за дверь и простояли там все время, пока банкир вынимал свои сокровища и перемещал их в несгораемый шкаф. Это были бриллианты и слитки такой величины, каких не видела даже сама леди Хинтон. В каждом из них было целое состояние.

Закончив эту операцию, банкир закрыл шкаф, поблагодарил своих спутников и покинул банк.

Но на этом его хлопоты не закончились. Собираясь покинуть Землю, он больше заботился о том, что останется на Земле, чем о своем необычном багаже.

Банкир не доверял даже своей сверхкрепости. Она идеально защищает от воров? Хорошо. От вражеского нападения? Прекрасно. Но может ли она защитить от революции?.. Нападение врагов на город не так тревожило банкира, как страшили революция и опасение потерять свои богатства. Никакие стены и подземные тайники не спасут тогда сокровища банкиров. И он решил спрятать самое ценное, что у него было, в двух местах.

Ему пришлось совершить еще одно путешествие с доверенным лицом, другом Рибо, на которого он полагался, как на самого себя, в Андорру, маленькую республику, расположенную рядом с Испанией. Эта республика имеет всего четыреста двадцать пять квадратных километров площади и шесть деревень населения. Окруженный со всех сторон неприступными горами, имеющий одну только хорошую дорогу через испанскую границу, этот захолустный уголок

Европы был давно облюбован Маршал ем.

Еще несколько лет тому назад он купил в Андорре заброшенный участок земли в безлюдной местности, возле Пиренейских гор. Здесь, в ущелье, тайно была похоронена крупная доля богатств Маршала. Железные сундуки были глубоко закопаны в разных местах и завалены камнями.

Если сохранится хоть один такой клад, банкир сможет по возвращении на Землю вновь начать дело. Ведь к тому времени, по мнению барона, революция будет подавлена.

Маршалю пришлось затратить немало денег на подкуп банковских работников, чтобы крупное изъятие не фигурировало в книгах и вообще не было бы обнаружено до отлета банкира.

Маршаль де Терлонж мог лететь спокойно.

Наибольшие хлопоты сборы в дорогу доставили Сэмуэлю Стормеру.

Но нам придется прежде сказать несколько слов о том пути, который привел в «Ноев ковчег» нового участника, быстро овладевшего всеми нитями управления «Акционерным обществом» и выдвинувшегося на пост председателя правления. Ему же принадлежала и инициатива создания целой эскадры «ковчегов» для спасения капиталистов прочих стран.

Сэмуэль Стормер был когда-то одним из богатейших людей, членом восьмидесяти пяти акционерных обществ, председателем шестидесяти других и проч., и проч. О нем говорили, что он «держит пол-Европы в жилетном кармане». Могущество Стормера было настоящим «государством в государстве». Более пятнадцати миллионов человек в разных странах снабжались компаниями Стормера газом, электричеством, углем. Благосостояние миллионов мелких держателей акций находилось в его руках.

— Самым трудным было добыть первый миллион, — обыкновенно говорил Стормер репортерам, рассказывая историю своего богатства, — добыть остальное было уже легко.

Системой же этого легкого добывания было производство акций.

Но кризис сломил и этого колосса.

Работа типографского станка, производившего все новые и новые акции, и военные заказы не спасали ни Стормера, ни его братьев, а лишь на некоторое время отодвигали их окончательную гибель.

И Стормер решил, что лучше всего, припрятав солидную наличность, скрыться, улететь «на небеса».

Он неожиданно проникся интересом к... античному миру и отправился через Париж в Афины изучать античное искусство Греции. «Случайно» именно Греция не была связана договором о выдаче уголовных преступников.

Бегство Стормера и его брата вызвало шум в стране. Правительство потребовало от Греции выдачи Стормера. Он был арестован и препровожден в тюрьму — в камеру, обставленную лучше любого салона аристократической гостиницы.

Однако на другое же утро, когда Стормер еще потягивался в кровати, к нему в камеру вошли начальник тюрьмы и афинский адвокат, в самых изысканных выражениях извинились за происшедшее недоразумение и объявили, что он свободен. Этим он был обязан греческому миллионеру, вложившему свой капитал в предприятия Стормера.

Но Стормер не забыл урока. Он ухватился за идею «Ноева ковчега». Его нюх говорил ему о том, что на этом деле можно нажиться. Разве один Стормер находится в безвыходном положении? И он с присущей ему энергией взялся за дела «Ноева ковчега», сразу поставив их на широкую ногу и в то же время деятельно готовясь к окончательной ликвидации своих зашедших в тупик дел. Оставить Землю его побуждала не только опасность приближающейся революции. Революция несла ему крах. Со дня на день могли всплыть на поверхность темные дела, подкупы, подлоги и даже кое-что похуже, что Стормеру в лучшем случае угрожало полным банкротством. Но что банкротство, если самой его жизни угрожала непосредственная опасность? Покинуть Землю было для него лучшим исходом.

Стормер решил перед отлетом поджечь свой дворец и инсценировать собственную гибель в пламени. Таким образом будут уничтожены многие компрометирующие его документы, а дело о нем прекращено за его «смертью». Все было подготовлено к этому.

Стормеру надо было во что бы то ни стало продержаться до этого времени, сохранив видимость процветания. Поэтому он не мог изъять из обращения, как Маршалль, значительную часть своего золотого запаса. И все же он приготовил увесистый чемодан. Но он не хотел оставлять его Земле. Землю он считал недостаточно безопасным местом с тех пор, как опасность революции стала реальностью.

И он спрашивал Цандера, нельзя ли сделать хотя бы часть ракеты из его золота. Цандер объяснил, что это невозможно. Золото даже мягче серебра. Плавится оно при тысяче шестидесяти двух градусах Цельсия, тогда как железо — при тысяче пятиста. Поверхность же ракеты при перелете через атмосферу подвергается сильному нагреванию.

— Мы рискуем сгореть в нашей золотой ракете или расплющиться при посадке. Для оболочки ракеты необходимы самые прочные тугоплавкие сорта специальной стали.

Стормер был разочарован и даже обижен. Впервые ему приходилось слышать, что золото ставят ниже стали.

— Ну а на внутренние поделки?

— Это можно, хотя и невыгодно: золото чересчур массивно, увеличивает мертвый груз. На газо- и водопроводные трубы, пожалуй, можно употребить этот металл, если вы настаиваете.

— На канализацию, может быть? — возмущаясь такой профанацией «золотого тельца», спросил Стормер.

— А хотя бы и для уборных, — спокойно ответил Цандер. — На небе иная котировка ценностей.

На том и порешили: в «Ноевом ковчеге» трубы и некоторые детали оборудования будут сделаны из золота.

Глава V

Город, не отмеченный ни на одной карте и не похожий на другие города мира

Стратоплан накренился. На мгновение Фингер увидел горную площадку и на ней Стормер-сити.

Этот город имел необычайный вид. На центральной площади стояла гигантская подкова, прикрепленная к земле закругленной частью. Ни один со-

бор в мире, ни один небоскреб не мог сравниться с нею по высоте.

Вокруг подковы расположились не менее странные сооружения. Шарообразные здания, гигантские цилиндры, лежащие на боку или стоящие на своем основании. Один шар был стеклянный и, как показалось Фингеру, вращался. Другой — совершенно черный. Лежащий цилиндр, или «цистерна», имел поверхность наполовину черную, матовую, наполовину блестящую, словно серебряную. Мелькнули странные карусели, мостки, висящие в воздухе, рельсовые пути.

В следующий момент стратоплан выровнялся, площадка провалилась. Фингер вытянул шею, чтобы посмотреть вниз.

— Любуешься на луна-парк? — спросил Винклер с улыбкой.

Второй небольшой крен, и Ганс увидел одноэтажные сосновые дома, за ними — двухэтажные длинные стандартные бараки, еще дальше — палатки. Пересекая весь город, шла насыпь, полого поднимавшаяся в направлении обрыва. На самом краю города виднелись фабричные корпуса и трубы, из которых валил дым. Узкоколейки в разных направлениях перерезали город. Сновали грузовики. Насыпь чернела людьми, копошившимися, словно муравьи. Вдоль насыпи ворочались длинные хоботы экскаваторов.

«Неужели здесь устроен луна-парк?» — хотел спросить Фингер, но не успел. Стратоплан резко пошел на посадку, сел на землю, подпрыгнул, покатился и неожиданно круто остановился.

— Прилетели, — сказал Ганс.

Путешественники быстро оделись в меховые пальто и шапки. Герметическая дверь стратоплана открылась. Пахнуло морозным воздухом.

К стратоплану подошел быстрой семенящей походкой толстенький человек в дохе. Это был коммерческий директор Коллинз.

— Вы прилетели на десять минут раньше, — сказал он, здороваясь. — Я услышал адский треск вашего стратоплана и поспешил сюда. Вы ранены, сэр? У вас на лбу кровь.

— Пустяки, — ответил Блоттон. — Врачебной помощи не требуется. Простой ушиб о дверь. А вот если вы накормите меня хорошим бифштексом, я буду вам весьма признателен. Голоден так, словно не ел сутки, а между тем перед отлетом я плотно позавтракал.

— Недаром теория относительности утверждает, что чем быстрее движется тело, тем медленнее для него протекает время, — с улыбкой сказал Коллинз.

— Я думаю, сейчас сэр Генри Блоттон предпочтет горячий грог и бифштекс теории относительности, — заметил Винклер.

— Как поживает мистер Цандер? — спросил Блоттон.

— Его вызвали на совещание к леди Хинтон. Он скоро должен вернуться, — ответил Коллинз.

Блоттон и Коллинз пошли вперед. Винклер и Фингер — на некотором расстоянии от них.

— Я покажу тебе наше жилище, — сказал Винклер.

Я думаю, тебе удобнее всего будет поместиться в комнате рядом со мной.

— Разумеется, — ответил Фингер.

Они шли по улице Стормер-сити, поддерживая друг друга. В городе еще не успели позаботиться о благоустройстве. Тротуаров не было, слежавшийся снег покрылся ледяной коркой, и люди нередко падали.

Это был город, вся жизнь которого была приспособлена для осуществления одной грандиозной идеи.

Холодный горный воздух был наполнен гулом, шумом, криками, гудками. Глухо ревели экскаваторы, резко перекликались маленькие электровозы, хлопотливо сновавшие по узкоколейке, визжали на закруглениях вагонетки. По земле ползли тени от вагонов подвесной дороги. Время от времени гулкие удары потрясали воздух — рвали скалы. Однотонно пели лесопилки. Пахло серой, бензиновым перегаром. Где-то трещали пневматические перфораторы.

Всюду слышалась гортанная разноязычная речь рабочих. Они сновали по улицам во всех направлениях, перенося на плечах тяжести, наполняли город гамом и движением. На этой горной площадке словно встретились века и народы. Электрические и паровые лопаты, сделанные по последнему слову техники, и двуногие «вьючные животные», перетаскивавшие тяжести, как во времена египетских фараонов.

«Мускульная сила здесь, очевидно, дешевле и выгодней, чем машины», — думал Фингер, присматриваясь к рабочим.

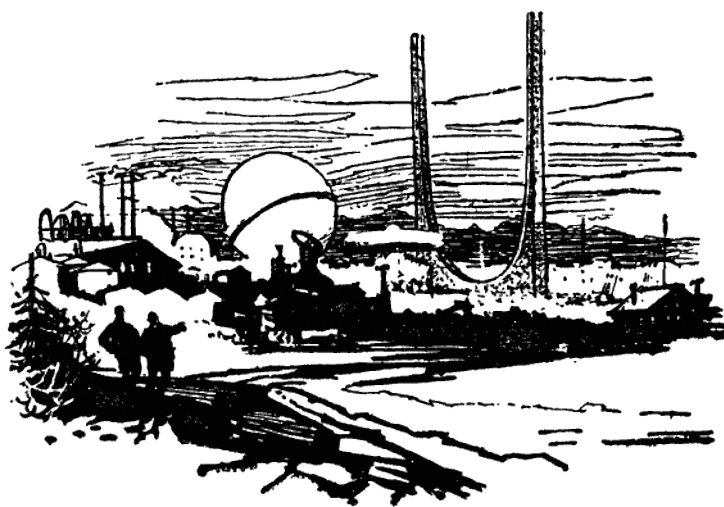
Кого только здесь не было! И желтолицые китайцы, и негры, и шоколадные малайцы, и бронзовые индусы.

Встречались и белые лица, чаще всего это были бригадиры.

Несмотря на снег, покрывавший улицы города, и холодный, резкий горный ветер, рабочие были одеты легко. У многих сквозь рубашки просвечивало тело.

— Настоящий интернационал! — сказал Фингер.

— Да, интернационал нищеты, — ответил Винклер. — Все они куплены за гроши агентами общества и законтрактованы на несколько лет. Люди соглашались на любые условия, только бы избежать голодной смерти, безработицы, и все же встретили здесь худшее из рабств. Отсюда пути отступления отрезаны. Непрístupные снеговые горы, снежные бураны, пропасти, безлюдные, голые пустыни охраняют этот голодный люд лучше всяких сторожей. Немногие из них решаются на побег и почти все платят за это своей жизнью. Забастовки здесь беспощадно подавляются, хотя и вспыхивают вновь.



Фингер неопределенно промышчал что-то. Винклер поглядел на него, потрепал по плечу и продолжал:

— Я вижу, тебя охватывает уже зуд агитатора. Да, здесь благодарная почва, и надо приложить совсем немного труда, чтобы весь этот пороховой погреб

взорвался. Но, — продолжал он многозначительно, — выдержка, Ганс, и терпение столь же необходимы революционеру, как и храбрость. Все в свое время. Вот и наше жилье.

Они вошли в небольшой дом, сложенный из неотесанных бревен горной сосны.

Стены комнаты Винклера были покрыты фанерными листами. В углу стояла железная печь. Два стола — обеденный и рабочий с телефоном и лампой на нем, пара стульев, кровать, рукомойник и небольшой шкафчик составляли всю обстановку. Цветной ковер на стене у кровати и шкура медведя на полу несколько скрашивали эту просто обставленную комнату.

— Так ты не устал?

— Нет, не устал, — ответил Фингер, раздеваясь. — Я хотел бы поскорее ознакомиться с городом и...

— Узнать последние новости?

Винклер вынул из шкафчика электрическую плитку, консервные банки, хлеб, тарелки и принялся хозяйничать.

— Так вот, слушай. В настоящее время в Стормер-сити сооружается первая большая ракета, рассчитанная на двадцать человек. За ней должны последовать другие. А для того чтобы окончательно убедить маловеров, колеблющихся, нерешительных богатеев, уже построена маленькая ракета «Пикколо», в которой может поместиться один человек. Пробный полет в присутствии «акционеров» совершит Блоттон — он никому не хочет уступать этой чести. Для этого он и прилетел сюда. Лорду нельзя отказать в характерной для буржуазного рекордсмена необдуманной храбрости. Ракета совершит небольшой взлет, поднимется над стратосферой — новый лавр в рекордсменском венце лорда — и спустится на поверхность Великого океана, где мы ее и выловим. От успеха этого первого полета зависит многое. Интенсивность золотого потока может значительно возрасти, если Блоттон предстанет после полета живым и невредимым перед королями биржи.

— А ты сам, Винклер, веришь в возможность спасения капиталистической верхушки таким необычным способом?

— Пусть полетают.

— И... способствуешь этому?

— Мало того, что сам способствую, но еще и тебя привлек к «соучастию в преступлении против революции».

Да, да. Ты будешь не только работать на стройке, но и полетишь вместе со мной и лордами, которых ты так справедливо ненавидишь, — разумеется, если только сам полет состоится. Ганс, не горячись. Выслушай меня спокойно. Я хорошо знаю, что ты хочешь сказать. Расстроить всю эту музыку мы могли бы, разумеется, очень легко. Мы могли бы вызвать восстание, могли бы взорвать ракету перед самым взлетом. Но что выиграли бы мы от этого? Идею мы не убили бы. Полет все же мог бы состояться, но уже в другом месте, без нас. А это было бы гораздо хуже. Звездолет — опасная игрушка. Он может быть использован не только для позорного бегства, но и для наступления. В конце концов мы ведь не знаем досконально всех замыслов главарей этого дела. А что они имеют в виду использовать звездолет и для метания бомб в критический момент последних решительных боев, это не подлежит сомнению. Это уже делается в колониях — во время войны и при подавлении восстаний. Нет, гораздо

безопаснее и практичнее, если мы с тобой на ракете будем сами. В нужный момент мы всегда сумеем прибрать кого следует к рукам.

— Если все обстоит так и нам может предстоять более интересная и значительная работа, чем обслуживание пытающихся удрать капиталистов, то...

— Не правда ли, увлекательное задание? — перебил его Винклер. — Но работать, работать тебе придется страшно много. Ведь все эти звездолеты... пусть они строят их... После мировой революции все достанется нам, не правда ли? Так зачем же нам сейчас истреблять ракеты? Нет, мы будем строить их, строить для себя. Сверхскорые пути сообщения приобретут огромное и повседневное значение. Нам нужны будут стратопланы в первую очередь, а со временем и звездолеты. Ну вот и готово. К свинине я сделаю еще яичницу. Ешь, насыщайся, набирайся сил.

Ганс с аппетитом молодого, здорового и проголодавшегося человека начал поглощать и свинину, и яичницу, и бобы в томате. Винклер, ласково улыбаясь, наблюдал за ним.

— Знает ли Цандер об истинных целях, которым служит сейчас? — спросил Фингер, утолив первый голод.

— Как сказать! Раз «Ноев ковчег» не преследует военных целей, то для наивного пацифиста инженера Цандера этого достаточно. А во всем остальном он мало интересуется делами акционеров. Общество дало ему возможность и огромные материальные средства развернуть работу в таких масштабах, о которых он не мог и мечтать. Это для него главное. А сделать он действительно может очень многое. Цандер — талантливый теоретик, великолепный конструктор и на редкость скромный человек. «Я только ученик своего великого учителя Циолковского. Он зажег пламя, я лишь поддерживаю его, пока мечта человечества не осуществится» — так говорит он о себе. Я бы сказал, что Цандер, хотя он сейчас и «вне политики», пожалуй, принадлежит к той лучшей части технической интеллигенции, которая может неплохо сработаться с нами, как сработалась когда-то она на Востоке. Вот поэтому-то мы с тобой и помогли Цандеру бежать. Ну, сыт? Идем, я покажу тебе луна-парк.

— Вот уж никак не думал, что в Стормер-сити существует даже луна-парк! Быть может, есть и кино, кабаре, таверны и эти... «красные фонари»?

— Как же без этих заведений обойдется предприниматель? Аппарат выкачивания зарплаты из карманов рабочих действует здесь превосходно. Но только луна-парк здесь особенный... И, не в пример другим развлечениям, даже бесплатный. Он пользуется у здешнего населения большим успехом. И, надо сказать, заслуживает того. Очень забавно и очень поучительно. Не буду тебя больше мистифицировать. Луна-парк не развлекательные аттракционы, а настоящий город-лаборатория. В этой лаборатории искусственно создаются те условия, в которых будут находиться участники полета на ракетах — от старта до финиша. Здесь изучается влияние этих условий: ускорения и замедления полета, увеличения силы тяжести, невесомости и так далее. К сожалению, я слишком занят, чтобы сопровождать тебя. Но ты и сам разберешься во всем. Вот тебе «входной билет» в луна-парк. По этому пропуску тебе все покажут и все объяснят.

Глава VI

О небесных ученых, которые служат земным делам, и о том, нужны ли на Венере зонты и галоши.

Члены акционерного общества «Спасение», будущие участники полета на первой ракете, собрались в загородном особняке леди Хинтон, чтобы обсудить важные вопросы предстоящего путешествия.

На предварительном совещании ученые не пришли к полному соглашению.

Общее собрание было устроено в зале предков. Если бы сурово глядевшие с темных холстов гордые рыцари могли слушать, они, наверно, выпрыгнули бы из своих позолоченных рам и убежали, — о таких диких, невероятных для них вещах здесь говорилось.

Гости сидели за длинным овальным столом, накрытым белой скатертью времен Елизаветы. Старинный чайный сервиз с золотыми разводами на синем фоне, цветные свечи в бронзовых высоких подсвечниках, розы в вазах, золоченые сухарницы украшали стол. Как статуи, стояли у входа суровые лакеи в серых ливреях.

— Слово предоставляется профессору сэру Аврааму Кинбруку! — громко возвестил Стормер, взявший на себя обязанности председателя необычного совещания.

Английский астроном, еще не старый, полный мужчина, похожий в своем фрачном костюме на дипломата, медленно поднялся, мягко улыбнулся и окинул собрание пытливym взглядом. Для всякой аудитории, начиная с международных астрономических съездов и кончая аристократическими салонами, у него были заготовлены разные стили и методы изложения материала. «Слова надо подбирать по ушам, — смеясь, говорил он в кругу друзей. — Не всякое слово влезет в ухо, отягченное бриллиантовыми серьгами».

— Леди и джентльмены! — начал Кинбрук и сделал паузу, еще раз проверяя настроение аудитории. — Ответственность задачи, возложенной на нас, заставляет быть особенно осторожным. Я откровенно должен сказать, что наши научные познания о том, может ли существовать человек на других планетах, очень неполны, ограничены. Мои ученые коллеги предполагают, что в Солнечной системе существуют две планеты, доступные для человеческого существования, — это Марс и Венера. Увы, я не могу разделить с ними этой уверенности. По сравнению с нашей Землей планета Марс получает вдвое меньше света и тепла. Если бы вы высадились на Марсе, то Солнце показалось бы вам сравнительно маленьким диском. Марсианский день показался бы вам сумерками Земли. Вы страдали бы от холода. Быть может, вы томились бы от жажды, потому что на Марсе мало воды. В вечном холоде бродили бы вы по бесплодным песчаным пустыням материков и впадинам пересохших морей. Впрочем, сомневаюсь, что бродили бы. Вы просто задохнулись бы от недостатка кислорода. Его там очень мало.

Если вы хотите еще яснее представить условия жизни на Марсе, приведу вам такой пример. Высочайшая из известных на Земле горных вершин Эверест поднимается на восемь тысяч восемьсот восемьдесят два метра. Наши английские альпинисты, лучшие в мире, смогли достигнуть только высоты восемь тысяч шестьсот четыре метра. Ни одна экспедиция не дошла до вершины.[62] Обледенелые кручи гор, свирепый горный ветер, мороз — все было преодолено. Но люди отступили перед недостатком кислорода. Они задыхались. При пониженном давлении атмосферы кровь шла из ушей. Каждое дви-

жение было пыткой.

Как же должен чувствовать себя человек на высоте двух Эверестов — на высоте шестнадцати километров над уровнем моря? Таких гор не существует на Земле. Но на подобную высоту пытались подниматься в открытых гондолах стратостатов. Отважные аэронавигаторы погибали от удушья уже на высоте десяти-двенадцати километров. На Марсе же воздух так разрежен, как над Землей на высоте шестнадцати километров. И там так же холодно. Даже еще холодней. При высадке на Марс вас ожидала бы поистине ужасная судьба.

— Я не лечу на Марс! — решительно сказала леди Хинтон.

— Остается Венера, — продолжал астроном. — Венера расположена ближе к Солнцу, чем Земля. Но на Венере, милорды и леди, совершенно нет кислорода...

— Это еще необходимо доказать! — заметил второй астроном, не поднимая головы.

— Моему почтенному коллеге профессору Джильберу будет предоставлена возможность высказать свои теории, — продолжал Кинбрук, блеснув очками в сторону своего оппонента. — Я утверждаю: на основе последних научных данных, в атмосфере Венеры не найдено и следа кислорода. Всякого, кто осмелился бы высадиться на Венере, ждет судьба мыши под стеклянным колпаком, из которого выкачан воздух.

— Неверное сравнение. Если даже на Венере и нет кислорода, то воздух там все же есть, — снова не утерпел Джильбер.

— И в том и в другом случае исход один — смерть от удушья, — возразил Кинбрук.

Леди Хинтон отодвинула чашку.

— Я не лечу и на Венере.

— Так. А другие планеты? — спросил Стормер.

— О них не может быть и речи. На Меркурии вы заживо сторели бы от жары, другие планеты, напротив, чересчур холодны; они слишком далеки от Солнца, источника тепла.

— Словом, нам негде высаживаться? — спросил Стормер.

— Да. Во всей Солнечной системе, в целой Вселенной одна Земля приспособлена для жизни человека.

— Что вполне согласуется со Священным Писанием! — воскликнул епископ. — В Библии сказано, что Господь Бог сотворил Землю для обитания человека, а Солнце, Луну и звезды для освещения Земли. Я не могу допустить, чтобы жизнь могла существовать на других планетах, чтобы на них проживали разумные существа. Это внесло бы хаос во все наши религиозные представления. Неужто Бог создал не одного Адама, а десятки и сотни тысяч на разных планетах? А произошло ли грехопадение на одной Земле или же и на других планетах? И не пришлось ли бы Сыну Божию многократно перевоплощаться, нисходить в образе человека на разные планеты, умирать и воскресать, чтобы искупить первородный грех? Абсурд! Ересь! Если бы даже на другой планете мы и могли существовать, что невозможно, имеем ли мы право оставлять Землю? Сказано в Писании: «Земля еси и в землю отыдеши». В землю, а не в какой-то Марс! Наш прах должен покоиться в нашей же земле!

— Я никуда не полечу! — заявила леди Хинтон.

Стормер нетерпеливо ерзал на стуле. Эта речь епископа могла вредно отра-

зиться на делах компании. Еще профессор Кинбрук испортил дело своим выступлением. Кто бы мог ожидать такого подвоха? Стоило ему платить! А тут еще епископ со своей неуместной проповедью...

— Вы кончили, профессор Кинбрук? Слово предоставляется профессору Джильберу!

Джильбер поднял склоненное над столом лицо.

Седой, старый, с большим носом, обвисшими усами и молодыми, насмешливыми глазами, астроном Джильбер заговорил неожиданно тонким голосом.

«Щебечет, как канарейка!» — подумала Амели.

— «Платон мне друг, но истина дороже!» — начал Джильбер с латинской поговорки. — При всем моем уважении к коллеге, уважаемому профессору Кинбруку, я должен сказать, что он не прав. И дважды не прав. Он говорил об осторожности, ответственности. У нас, ученых, должна быть одна ответственность — перед истиной. Осторожность и смелость — вечно враждующие сестры. Но их примиряет строгая мать — необходимость. Не полагает ли профессор Кинбрук, что современный климат Земли очень способствует здоровью и долголетию собравшихся здесь леди и джентльменов? Не находит ли он, что земная атмосфера сейчас благоприятней, чем атмосфера Венеры? Где почтенное общество, собравшееся за этим столом, рискует задохнуться скорее? Как видите, когда настанет необходимость, сама осторожность заставляет быть смелым, заставляет идти на риск.

Но так ли велик этот риск? Профессор Кинбрук очень сгустил краски. Я не смею полемизировать с лордом епископом. Он, конечно, прав, что Господу Богу прибавилось бы немало хлопот, если бы и другие миры были обитаемы. Но у нас и своих хлопот достаточно, и будем уж пока говорить только о них.

Стормер вздохнул с облегчением.

— Да, я утверждаю, что мистер Кинбрук сгустил краски и погрешил против истины. Мой почтенный коллега упустил одно весьма важное обстоятельство — плотность атмосферы на планетах. Наша атмосфера отражает более половины солнечных лучей в небесное пространство. Марс почти все их отражает. Поэтому температура Марса намного ниже земной, что подтверждается последними измерениями и определенной величиной полярных льдов Марса. Атмосфера на Венере почти все лучи Солнца отбрасывает в небесное пространство. Поэтому температура Венеры лишь немного выше, чем на Земле. На Марсе холодно. Но и на Земле есть холодные места. Вспомните хотя бы, как спасали когда-то Берда на Южном полюсе. Спасательные группы пробивались на гусеничных тракторах во льдах Антарктики при морозе в семьдесят один градус. Это побольше, чем в стратосфере. И ничего. Мороза не побоялись — жизни спасли. Кислорода на Марсе маловато. Без привычки дышать будет труднее. Но профессор Кинбрук не сказал об одном — что и потери организма там будут значительно меньше. Потому что тела там весят почти втрое меньше, чем на Земле. Мистер Пинч там легко поднимет одной рукой своего патрона, почтенного мистера Стормера. Вы будете чувствовать необычайную легкость в своем теле. При ходьбе, поднятии тяжестей работа мышц облегчится втрое. А значит, и потребность в кислороде будет меньше. Для меня не подлежит сомнению, что на Марсе существует растительность. Значит, могут быть и животные и люди, хотя, возможно, и не похожие на земных.

— Какие же они могут быть? — заинтересовалась Амели.

— Гипотетически, исходя из природных условий планеты, я могу взять на себя смелость изобразить вам марсианина. Так как живые существа испытывают на Марсе «тяжесть Земли» втрое меньшую, то возможно, что они имеют и рост втрое больший. По той же причине и их мускулатура может быть значительно меньшей. Их ноги и руки тоньше. Недостаток кислорода должен вызывать увеличение объема грудной клетки. Даже у нас на Земле, как показали измерения, у жителей высоких гор грудная клетка шире, чем у жителей долин. Марс древнее Земли. Жители Марса поэтому должны обладать более развитым мозгом, а следовательно, и большим объемом головы. Недостаток света должен вызвать увеличение органов зрения. Ведь и у нас некоторые глубоководные рыбы обладают огромными глазами. Звук в разреженном воздухе распространяется хуже. Это обстоятельство обуславливает развитие слуховых органов.

— Высокие, тонкие, с бочкообразной грудью, большой головой, огромными глазами и ушами... Фи! — воскликнула Амели.

— Все в мире условно, мисс! — ответил Джильбер. — Поверьте, что и вы, даже вы, — галантно прибавил он, — вероятно, не вызовете восторга у марсианского Аполлона. Да! Есть еще одно преимущество жизни на Марсе, которое особенно оценят женщины. Год там почти вдвое длиннее, чем на Земле. И, прожив сорок земных лет по марсианскому счету, вы можете по совести сказать, что вам всего двадцать.

— А выглядеть я буду двадцатилетней или сорокалетней?

— Вот уж это затрудняюсь вам сказать. Боюсь огорчить, но думаю, что сорокалетней. Хотя, может быть, и жизненные процессы там будут протекать замедленно.

— Я полагаю, что на Марсе не так уж плохо. Немного холодновато...

— Но жить можно.

— Эллен! Шубу ты уложила? — перебила леди Хинтон.

— А марсиане нас не убьют? — вновь спросила Амели. Леди Хинтон уже поглаживала на нее с неудовольствием.

— Не убьют. Самое большее — посадят в музей в качестве редких экземпляров, — с улыбкой ответил Джильбер.

— Что касается Венеры, — продолжал он, — то я уже говорил: там нет таких условий, как на Земле. Но климат, возможно, не очень приятный. Не знаю, было ли совершено грехопадение марсианским Адамом, но на Венере люди, наверно, сильно прогневали бога.

— Почему вы так думаете? — заинтересовался епископ.

— Джон Мильтон в своей поэме «Потерянный и возвращенный рай» уверяет устами ангела, что ось нашей Земли до грехопадения Адама стояла перпендикулярно к плоскости земной эклиптики и на Земле был круглый год одинаковый весенний климат. Земная ось была наклонена в наказание за грехопадение первого человека, и климат Земли ухудшился. А так как наклон оси Венеры еще больший, чем земной оси [63], то приходится сделать вывод, что венерианцы еще более прогневали бога, чем наши прародители.

Достопочтенный профессор Кинбрук утверждает, что на Венере совершенно нет кислорода, и утверждает это на том основании, что спектральным анализом следов кислорода не обнаружено. Это неверно. Физиком Мичиганского

университета Артуром Аделем было установлено, что концентрация углекислого газа в одном только верхнем слое атмосферы Венеры колоссальна по сравнению с земной. Если есть углекислота, то должен быть и кислород. Венера должна быть подобна огромной оранжерее, и жизнь на Венере, может быть, принимает особенно буйные и интенсивные формы, превосходящие то, что мы имеем на Земле.

— А животные на Венере есть? — спросил Пинч.

— Если есть кислород, влага, тепло, то почему бы не быть и животным?

— Какова на Венере вода? — спросил епископ.

Джилльбер лукаво улыбнулся:

— Это в зависимости от того, для каких надобностей. В старину отец Кирхер интересовался, годна ли вода на Венере для совершения обряда крещения. На этот вопрос, к сожалению, не могу вам ответить утвердительно. Во всех же других отношениях, полагаю, вода ничем не отличается от земной.

— Я не согласен с моим уважаемым коллегой, — не испросив разрешения у председателя, начал говорить Кинбрук. Стормер пытался остановить его, но ученый не умолкал. К счастью, в пылу спора Кинбрук позабыл об аудитории и начал сыпать терминологией, никому не понятной, кроме посвященных.

Между учеными разгорелся спор. Цандер, слушавший уже с нетерпением, вмешался:

— Я бы просил дать нам скорее ваши резолютивные данные. Венера, Марс или ни та ни другая планета?

— А вам не все ли равно? — спросил Стормер, не привыкший, чтобы кто-нибудь вмешивался в ведение заседания.

— Отнюдь не все равно, — ответил Цандер. — Если мы полетим на Венеру, минимальная начальная скорость полета ракеты должна быть одиннадцать целых четыре десятых километра в секунду; если на Марс — одиннадцать целых шесть десятых. Перелет на Марс занимает не менее ста девяноста двух суток, на Венеру — девяносто семь. Все расчеты в зависимости от этого меняются.

— Но я не сказал о третьей возможности, — сказал Джилльбер, — о возможности... нигде не высаживаться. Если бы вам действительно удалось установить тот круговорот веществ, о котором рассказывал мне уважаемый Лео Цандер, и этим вы обеспечили бы себе питание на неопределенно долгий срок, то это было бы наилучшим выходом. В ракете вы смогли бы установить и климат Ривьеры, и освещение по вашему желанию, даже в каждой каюте разные — по вкусам обитателей. Вы смогли бы сделать попытку высадиться на планету и улететь оттуда, если жизнь на ней окажется непригодной. Словом, вы были бы хозяевами положения и не зависели бы больше от Земли и неба.

Это предложение, видимо, всем понравилось.

Цандер усмехнулся и попросил слова. Стормер строго посмотрел на него и торжественно возгласил:

— Слово предоставляется инженеру Цандеру.

— Вся эта дискуссия, — начал инженер, — с моей точки зрения, кажется запоздалой. Вы собираетесь лететь в самом недалеком будущем. Вы торопите меня с отлетом. Торопите меня с окончанием работы. Что же было бы, если бы я сконструировал ракету, годную для полета на Венеру, а мне было бы дано задание лететь на Марс или витать в пространстве без посадки! Переделать ра-

кету нельзя, необходимо было бы строить новую.

— Но ведь у вас заложено несколько типов ракеты?

— От закладки до постройки протекает не один месяц. В готовом или почти в готовом виде имеется только одна. И если вы хотите лететь, именно на ней и придется совершить путешествие.

Стормер побагровел.

— Иными словами, — сказал он, — вы сами, без нас решили вопрос о маршруте и сообразно этому построили ракету?

— А как же иначе мог я поступить? Неужели вы полагаете, что я ожидал на этом собрании встретить что-нибудь новое для меня? Все затронутые вопросы я принужден был изучить самым внимательным образом еще до первого чертежа ракеты. Всю новейшую астрономическую литературу, все последние достижения астрономии. Наконец, раше задание — ориентироваться на Венеру.

— Если так, то я не понимаю, зачем нужно было приглашать нас, — сказал Кинбрук довольно резко.

— Ну, хотя бы для того, чтобы сообщить будущим участникам полета некоторые сведения по астрономии, — с улыбкой сказал Цандер. — И не только для этого. Я не могу принять всю ответственность на себя. Как бы осмотрительны мы ни были, какие бы меры предосторожности ни предпринимали, наше путешествие все-таки рискованно.

Стормер сердито забарабанил пальцами по столу. Что за бестактный человек этот Цандер! Хорошо еще, что его не слышат другие участники акционерного общества. Он отпугнул бы их.

При слове «риск» леди Хинтон и Эллен сделали невольное движение. Цандер заметил это и тотчас поспешил успокоить женщин.

— Ведь и поездки в поезде сопряжены с риском, — заметил он. — Не думаю, чтобы сам полет в ракете представлял большой риск. Но в случае посадки на планету нас, конечно, ожидают многие неожиданности. И я очень благодарен профессору Кинбруку, который заранее информировал вас о некоторых неудобствах, существующих на указанных планетах. В астрономических вопросах вашему авторитету, разумеется, поверят больше, чем мне.

— Но куда же вы нас высадите, черт возьми? Простите, миледи, за невольное восклицание, — сказал Стормер.

Все ждали с напряженным вниманием, что скажет Цандер.

— Никуда. Я полагаю, что нам выгоднее и безопаснее всего именно нигде не высаживаться.

— П... рыжок в ничто? — спросил Маршал с горькой иронией, которую не поняли.

— И поэтому-то я и старался создать такой межпланетный корабль, на котором мог бы существовать круговорот веществ. Ракета будет иметь оранжерею в пятьсот метров длины, которая должна дать нам необходимые для питания растительные продукты и кислород для дыхания.

— Питаться одной земляникой? — спросила Амели. — Я согласна.

— Для любителей покушать поплотнее мы захватим продуктов месяца на три, на пять. Если мне удастся полностью осуществить изобретение, которое я сейчас заканчиваю, то, быть может, одних этих трехмесячных земных запасов, не считая оранжереи, хватит нам хотя бы на два-три десятка земных лет.

— Вы полагаете, что в ракете нам для насыщения будут достаточны гомео-

патические дозы?

— Я не собираюсь урезать порцион ни на один грамм.

— Тогда, значит, вы собираетесь повторить евангельское чудо насыщения пяти тысяч человек пятью рыбами и тремя хлебами?

— Да, если хотите, чудо.

— Но в чем же оно заключается?

— В том, чтобы «растянуть» в ракете время, как резину. В то время как в ракете будут проходить дни, на Земле — месяцы и, быть может, годы.

Круглые глаза Стормера вышли из орбит. Этого еще не хватало, чтобы Цандер спятил с ума!

— Вы, кажется... немножко...

— Сошел с ума? — облегчил Цандер задачу Стормера.

— Я понимаю мистера Цандера, — сказал Джильбер, потирая свой лоб. — Средство замедлить течение времени действительно существует. Это средство — ускорить движение. Но, мистер Цандер, ведь чтобы создать такую разницу между течением времени на Земле и в ракете, нужны скорости, близкие к скорости света.

Цандер кивнул головой.

— Я не утверждаю, что мне удастся решить эту задачу, но, мне кажется, я близок к ее решению, — сказал он.

— Лучистая энергия? Радиоволны? Внутриатомная энергия? — забросали вопросами Цандера.

— Это пока секрет, — ответил он. — И если мне удастся овладеть действительно гигантскими скоростями, тогда мы сможем побывать даже не на одной планете и лично убедиться, возможна ли на них жизнь.

— Еще бы! — воскликнул Кинбрук, насмешливо улыбаясь. — Летя со скоростью света, вы в полторы секунды пролетели бы мимо Луны, а восьми с половиной минут вам хватило бы, чтобы достичь Солнца.

— Действительно, — заговорил Джильбер, — если бы вы летели со скоростью несколько меньшей, чем скорость света, то время в ракете замедлилось бы по сравнению с земным. Пока на нашей ракете пройдет около года, на Земле может пройти десять или даже сто лет.

Разговор оживился. Кроме астрономов и Цандера, никто не понимал, как может время течь то быстрее, то медленнее, но сама мысль чрезвычайно всех заинтересовала. Подумать только, ведь этак можно в некотором роде управлять и земным временем, заставляя его течь то быстрее, то медленнее.

— Когда я вернусь на Землю через месяц-два, я застану моего Отто дряхлым стариком, а сама останусь так же молода, не правда ли, господин Цандер?

— И если земные дела сложатся неблагоприятно, мы могли бы положить основание на какой-нибудь планете новому человечеству, — сказал Шнирер, пребывавший весь вечер в молчании. — Создать новую цивилизацию, без машин, без техники.

«Сто лет в два года! — думал Стормер. — За это время давно подохнут все мои завистники, враги и судьи, и само дело обо мне истлеет в архивах суда. Великолепно, черт возьми! А если все это погибнет, мы замедлим полет — ускорим течение времени, чтобы не слишком отстать от земных дел, и вернемся на Землю в самый выгодный для нас момент».

— Я предпочел бы вернуться на Землю и найти там торжествующих «моги-

кан», — сказал он. — Но если бы, сверх ожидания, нам пришлось высадиться на какой-нибудь планете, то нам было бы очень умно взяться за организацию этого самого нового человечества. Я предлагаю такой проект. Мы возьмем с собой в ракету, так сказать, всю квинтэссенцию необходимых практических знаний. В самом сжатом виде мы изложим все необходимые знания: математику, астрономию, медицину, биологию, ботанику, географию...

— Боюсь, что земные ботаника, зоология и география там мало пригодятся, — сказал Джильбер. — На иных планетах вам придется создавать иную ботанику и географию.

— Итак, я предлагаю захватить с собой всю «соль земли» в компактном виде, — продолжал Стормер. — Можно было бы заказать специалистам составить этикетки конспекты, каждому в своей области, и отпечатать книги самым мелким шрифтом на тончайшей, но прочной бумаге, или взять микрокниги. Ботанику, географию я привел к примеру. Думаю, однако, что и земные ботаника, география, история не будут лишними. Разве переселенцам на Венеру не интересно будет знать о Земле? Но перехожу к самой главной части моего проекта. Новое человечество на новой земле, разумеется, так же должно разделяться на классы, как и на нашей планете. Но разделение это должно быть еще более резким. Люди нашего круга должны занять там главенствующее положение. Потомки же всяких прислуг, механиков и прочего обслуживающего персонала, который мы возьмем с собой, должны стать нашими рабами. Мы создадим касту «мудрых», «посвященных», рабы же должны быть безграмотными, темными людьми. И мы будем повелевать ими, потому что без наших знаний они будут беспомощны и бессильны. Только мы одни будем знать, как строить дома, машины...

— Машины? Опять машины? И там машины? — взвизгнул Шнирер. — Вы хотите погубить новое человечество? Перенести эту заразу, эту чуму на новую землю? Машины — это проклятие сатаны, которое довело земное человечество до настоящей катастрофы! Ни в коем случае, ни под каким видом я не соглашусь на это безумие! Классы могут остаться — они даже необходимы. Только рабство могло обеспечить необходимый для размышлений досуг философам древности. Пусть будет рабство, но рабство, смягченное патриархальными отношениями. Жизнь, близкая к природе! Натуральное хозяйство! Никаких городов! Мы, немцы, в лице неестественно разросшейся общины Берлина сами создали орудие, разрушившее государство, когда это орудие — Берлин — попало в руки экстремистов, то есть антигосударственно настроенных народных масс. Никаких фабрик и заводов! Никаких городов! Фермы, луга, пастушки, ручейки... Философия созерцания и мораль...

— Христианская! — вставил епископ.

— Да, христианская, — согласился философ. — Она очень удобна для нас. И, знаете, я бы оставил эти земные истории, географии на Земле. Мы создали бы новую историю — о высших существах, нисшедших с «неба» на землю. У нас был бы авторитет божественности. Мы будем мудро и милостиво управлять нашими рабами. Они будут пасти наши стада, возделывать наши виноградники и по воскресным дням вместе с нами воздавать хвалу нам и всевышнему. Мирная жизнь на лоне природы. Никаких рабочих вопросов, забастовок, революций! Золотой век! Рай на земле!

— И ни-никаких банков, коммерческих дел? Это... скучно! — сказал Мар-

шаль.

— Без коммерции жизнь не имеет смысла. Но мы с вами внесем эту поправку, барон, — сказал Стормер, обращаясь к Маршалю, — и надеюсь, что уважаемый профессор Шнирер согласится на этот компромисс. Ведь частную собственность, надеюсь, вы не отрицаете, господин Шнирер? А если есть частная собственность...

Между банкирами и философом разгорелся спор. Никто не заметил, как Цандер поднялся и вышел из галереи предков. Судьба будущего социального устройства на новой Земле не имела отношения к ракетному полету. Притом все эти словопрения, по его мнению, были чужды всякого практического смысла.

Глава VII Ганс изучает Луна-Парк

Ганс вышел из дома Винклера и направился к гигантской подкове. Она была видна отовсюду.

Фингер шагал по обледенелой дороге и думал:

«Подкова похожа на камертон. Да, она не ниже Эйфелевой башни, может быть, и выше. Вилка, царапающая облака...»

Густое облако закрыло подкову наполовину.

«Триста метров... Подкова стоит на горе, которая имеет не менее пяти — шести тысяч метров высоты над уровнем моря. Неплохая вышка. Но для чего она выстроена? Винклер не объяснил. Попробую догадаться сам... Мопассан когда-то жаловался, что Эйфелева башня давила его мозг своей пошлостью. В то время это было, конечно, никчемное сооружение. Ее строили как „гвоздь“ Всемирной парижской выставки. И все же, если бы Мопассан был инженером, он проникся бы почтением и уважением к Эйфелевой башне. Для того времени она была чудом строительного искусства. На Эйфелевой башне астрономическая и метеорологическая лаборатории, физический кабинет и мощная радиостанция. Вероятно, и подкова создана для подобных же научных целей».

Облака медленно проплыли на запад. Вершина подковы четко рисовалась на чистом голубом небе. Закинув голову вверх, Ганс зорко всматривался в подкову, но вдруг остушился и упал. Чей-то смех, гортанный, певучий говор. Перед Гансом стояли индейцы в дырявых одеялах, накинутых на полуголое тело. Ганс улыбнулся. Индейцы улыбнулись в ответ, обнажив белые зубы. Индейцы показывали рукою на вершину подковы и на лед под ногами. Да, да. Ганс зазевался. С сознанием своей вины кивнул головой и поднялся. Индейцы прошли и крикнули вслед несколько слов, вероятно, предупреждая о чем-то. Четыре негра пронесли на плечах огромное бревно. «Механизация!» — проворчал Ганс. Он отошел в сторону и, прислонившись к стене бревенчатого домика, пахнувшего свежей сосной, вновь устремил глаза на вершину подковы. Концы вилок были связаны тонкой, как нить, площадкой. Над нею проходили провода антенны.

«Ну разумеется, это метеорологическая обсерватория и радиостанция. Для полета необходимо изучить атмосферные условия Стормер-сити...»

Вдруг Ганс увидел падающую вниз черную точку. Она двигалась с самой вершины, вдоль полосы, не отделяясь от нее.

«Вот оно что! Оказывается, подкова не только радио- и метеостанция, но и лаборатория для испытания падающих тел».

Черная точка долетела донизу, попала на закругление, промчалась по нему, с разгона взлетела на вторую полосу подковы, поднялась вверх, полетела вниз, вновь вверх и так продолжала качаться, как маятник «с затухающими колебаниями». Когда наконец точка остановилась посередине закругления, Ганс увидел, что это вагонетка. Быть может, там, внутри, находятся люди. Хорошо бы покачаться на таких качелях! Да это и необходимо. Ведь полет на ракете — тоже взлет и падение. Взлет с Земли в «небо», падение с «неба» на планету... «Да, мы должны изучить влияние невесомости на организм...» Ганс уже почти бежал к подкове. Но она все еще была далеко. Он видел, как из кабины вышел человек и почти бегом направился к конторе, которую занимал Коллинз.

Запыхавшись, подбежал Ганс к массивному бетонному основанию подковы. Вагонетка уже ползла вверх, как кабина лифта. Ганс взбежал по мосткам на бетонную платформу и осмотрел закругление подковы. Пара рельсов. Радиус закругления — пятнадцать метров. Если высота триста метров, то взлет и падение должны продолжаться целых пятнадцать секунд. Недурно. Но, черт возьми! При высоте в триста метров радиус закругления пятнадцать — это получается перегрузка из-за центробежной силы на закруглении в сорок раз. Расплющит, пожалуй...

Под площадкой загремело, загрохотало, и Ганс увидел, как одна полоса гигантской подковы отъезжает от другой. Радиус закругления увеличился до шестидесяти метров. «Это другое дело. Теперь перегрузка будет всего в десять раз. Примерно то же, что испытываем мы при соскальзывании саней с крутой горки».

Снова гул и шум моторов сооружения. Радиус сократился до двадцати метров. «Только бы мне не опоздать скатиться с этим рейсом...» Ганс поспешил войти в здание, над которым тянулись тросы лифта. Показал метису в оленьей куртке синий билет. Метис кивнул головой и молча махнул рукой в сторону кабины лифта. Ганс вошел, кабина дрогнула, и подъем начался.

Ганс словно поднимался на воздушном шаре. Перед ним вновь открылся весь Стормер-сити. Скоро из-за горного хребта показался океан. На севере, востоке и юге громоздились Анды.

Лифт остановился. Ганс вышел из кабины на открытую площадку. Фу! Здесь еще холоднее. И какой злющий ветер! Зато орлиный кругозор. На широкой площадке, которая снизу казалась ниточкой, соединяющей «ножки» гигантского камертона, были установлены флюгера, анемометры, барометры, термометры... Ветер жжет лицо. Скорее в будку! Встречает толстяк. Кивает головой, как старому знакомому. Винклер уже предупредил по телефону. Конечно, можно осмотреть и спуститься вниз.

Посреди комнаты стоит вагонетка над люком, готовая к падению. Дверь открыта. Ганс заглядывает внутрь, входит: дверь за ним захлопывается. Здесь теплее. На потолке — электрическая лампочка. Окон нет. Пол покрыт линолеумом. Стена у двери заставлена ящиками, в которых помещаются подопытные животные, птицы, насекомые. Такие же ящики стоят у стены слева. У стены напротив двери — весы. К четвертой стене прикреплен гамак. Рядом с гамаком стоят три привинченных к полу глубоких удобных кресла с ремнями, как на самолетах, в углу — пружинные весы особой конструкции, на железном стержне — циферблат со стрелкой, отмечающей изменение веса.

«Весы пружинные, — отмечает Ганс. — Понятно: чашки обыкновенных весов не изменяют своего положения, какой бы груз ни лежал на одной и другой чашке, так как оба тела в одинаковой мере теряют свой вес. Только пружинные весы могут отметить потерю веса при падении».

В глубоком кресле сидел толстый, едва вмещавшийся в нем человек с лысющей лысиной. Перед ним стоял высокий упитанный бритый доктор. Лысый толстяк дышал тяжело и смотрел на доктора испуганными глазами, как пациент, ждущий операции.

Фингер поздоровался с доктором и показал синий билет.

— Вы разрешите мне принять участие в опыте? — спросил Фингер.

— Пожалуйста! — ответил доктор и продолжал убеждать толстяка в полной безопасности и безвредности полета. — Вы ляжете на гамак, так вам будет удобнее. Я сяду возле вас в кресло и буду следить за вашим пульсом и давлением крови. О нет, совсем не для того, чтобы предупредить какую-либо опасность. Просто мы произведем различные научные наблюдения, чтобы затем сделать из них свои выводы. Мы обобщаем научные наблюдения и передаем их главному инженеру, который и учитывает все для своих технических расчетов и конструкций: какое ускорение допустимо при отлете, каковы наиболее целесообразные способы предохранения от толчков и тому подобное.

— Значит, толчки возможны? Быть может, и очень сильные? — испуганно спрашивал толстяк.

— Не больше, чем в трамвае, — поспешил успокоить его доктор.

При помощи Фингера доктор уложил толстяка в гамак и прочно привязал его грузное тело ремнями.

Ганс уселся в кресло, пристегнув ремни и искоса поглядывая на своего соседа. Толстяк пыхтел, нервничал, что-то бормотал. Врач также пристегнул себя ремнями к креслу и взялся за рычаг.

— Приготовьтесь! Летим.

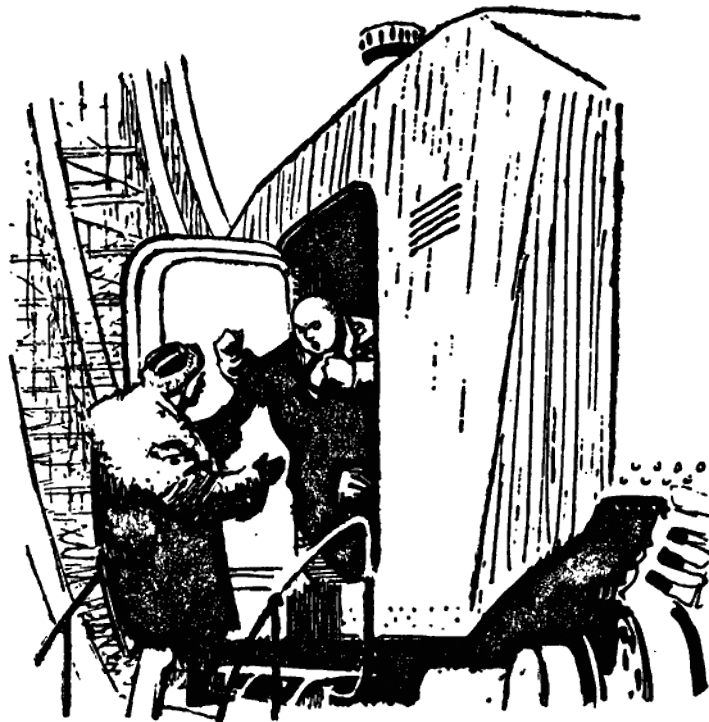
— Нет! Стойте! Я не хочу! — завопил толстяк.

Но было уже поздно. Ганс почувствовал, как у него замирает сердце. Небывалая легкость разливалась по всему телу. Ганс поднял руку. Ни малейшего усилия, словно он не поднимал, а опускал руку. Даже еще легче. Потому что, опуская руку, все же надо напрягать мышцы. Как в воде. Нет, как в невесомом эфире, если бы и само тело становилось эфиром. Секунда летела за секундой... Доктор щупал пульс толстяка. Ганс прислушивался к биению своего сердца. Немного как будто замедленное, а в общем все в порядке. Жаль, что нет окна... Стрелка большого секундомера подходила к пятнадцати.

— Сейчас будет закругление. Держитесь крепче! — предупредил доктор.

И вдруг тело начало словно свинцом наливаться. От ног к спине, голове. Отяжелело так, что трудно было дышать. Руки, ноги скованы. Невозможно поднять головы. Толстяк вопит... Но вот свинец выливается из тела. Мгновение нормального состояния. И снова секунды невесомости. Вагонетка спускается со второй полосы, и снова невидимая тяжесть давит тело и грудь. Неприятное ощущение! Хорошо, что с каждым размахом «маятника» эти ощущения длятся все меньше и слабеют. Вот и конец. Стоп. Остановились. Толстяк хрипло ругается. На его лбу выступил холодный пот. Дверь кабины открывается. Доктор спешит отвязать толстяка. Тот взбешен так, что не может говорить, только таращит глаза и делает такие страшные гримасы, словно хочет съесть

доктора живьем. Бомбой вылетает из двери.



Возле кабины столпились негры и индейцы. Толстяк позабавил их. Свежий воздух вернул ему дар речи, и он кричал, чертыхался, комично размахивал руками. Цветные зрители хохотали, как дети в балагане, и этим еще больше злили толстяка. Он проклинал и «Ноев ковчег», и самого Ноя, и всех, кто выдумал эту чертову штуку. Он предпочитает, чтобы его зажарили живьем, но не переступит порога «ковчеха».



— Деньги обратно! — кричал он.

— Вы знаете устав общества: деньги ни в коем случае не возвращаются. Вы можете лишь продать свои акции, если найдете покупателя, — сказал неведомо откуда подоспевший коммерческий директор Коллинз.

— Не хочу я искать покупателей! Пусть тогда пропадают. Пропали бы и вы все тут вместе с «ковчехом»! Где мой аэроплан? — и он зашагал к аэродрому.

Коллинз счел излишним удерживать его.

— Что с ним такое? — спросил Коллинз доктора.

— Ничего особенного, — ответил доктор. — Эти миллиардеры, не в обиду им будь сказано, стали нервны, как истеричные барышни. Вот его таблица. Работа сердца: до опыта — семьдесят четыре, после опыта — семьдесят два. Давление в артериях: до опыта — сто тридцать, после опыта — сто Шестьдесят. Небольшое падение пульса и некоторое увеличение артериального кровяного давления. Я думаю, если бы производить над ним наблюдения в кабине-

те его банка, то в продолжение дня во время биржевой лихорадки такие колебания в работе его сердца можно было бы отметить неоднократно.

Коллинз думал, не слушая доктора, и затем перебил его:

— А знаете, нам придется отказаться от этих экспериментов над нашими акционерами и будущими участниками полета. Ведь вот этакий индивидуум не только сам сбежит, но и другим разболтает. Довольно. Для Цандера у нас уже имеется достаточный материал. Вы врач, и вы сами сможете определить, освидетельствовав человека, годен ли он для путешествия.

— Боюсь, что к нам понаедут такие развалины, которые больше годны для крематория, чем для полетов на ракетах.

— Не говорите пустяков! — строго заметил Коллинз. — Абсолютная безопасность ракетных полетов для нас не только реклама, но и цель. Забота Цандера — сделать ракету удобной и безопасной, как колыбель ребенка. И он сделает это, иначе он не стоил бы тех денег, которые мы тратим на все эти опыты.

Круто повернувшись, Коллинз поплыл в своей длиннополой дохе к контроле.

В этот день Ганс перекатался на всех каруселях, испробовал на себе «аттракционы» необычайного луна-парка. Он изучал эффекты головокружения на сенсирской карусели, испытывая ощущения взлета, спуска, крена, поворота. Он решил побить рекорд выносливости при увеличении тяжести и заставлял вращать себя с бешеной скоростью. Многие пытались соперничать с ним, но он победил всех своих цветнокожих и белых соперников. Правда, он здорово шатался, сходя с карусели.

Особенно удивила его комната в виде вращающегося цилиндра. Она вертелась вокруг своей оси и двигалась по кругу. Здесь изучалось так называемое «кориолисово ускорение». Когда он подходил к стенкам комнаты, где центробежный эффект был сильнее, все его тело словно наливалось свинцом. И довольно было повернуть голову, как казалось, что вся комната падала вниз или вверх, словно стенки каюты во время сильной качки. Это было весьма неприятное ощущение. Оно зависело от того, как объяснил ему впоследствии доктор, что центр, помещающийся в головном мозгу человека, при длительном вращении комнаты дает ощущение равновесия. Человек как бы забывает о вращении, и при поворотах головы у него получается впечатление нового вращения.

У стенок центробежная сила, направленная вбок, была в пять раз больше силы тяжести, и Ганс невольно «лез на стену». Он чувствовал приступы морской болезни. С большим трудом ему удавалось поставить голову прямо и пройти от стенки к центру комнаты, где все неприятные ощущения тотчас оставляли его.

В этой комнате он проделывал всевозможнейшие опыты: пытался писать на столике, стоявшем посреди пола, садиться, вставать. Тело не слушалось его. У него словно оказалось чужое тело, не повинующееся ему, или иной мир, с иными законами движения и равновесия. Но для него это не было спортом, как для Блоттона. Нет, он упорно тренировал себя. Он знал, что в ракете, при настоящем полете, ему вместе с Винклером и Цандером придется действовать, работать в этих необычайных условиях, тогда как все пассажиры будут лежать пластом, не способные ни к чему, кроме сетования и оханья. Он думал

не только о «Ноевом ковчеге», но и о будущих полетах на «своих» ракетах. И он стоически переносил все испытания, которым сам подвергал себя.

Впоследствии в этой комнате ему пришлось провести не один день.

Он делал различные наблюдения над отклонением течения жидкостей, воздушной струи, движением насекомых, мелких животных.

Не меньший интерес вызвал в нем и вращающийся стеклянный шар. Это было подобие «межпланетного жилища», устроенное специально для исследований поведения человека и животных под действием центробежной силы. Солнце, светившее с безоблачного неба, наполняло шар теплотой, дающей жизнь растениям, посаженным на «экваторе» шара комнаты. Вращение комнаты создавало на стенках шара центробежную силу, превышающую притяжение Земли, и растения росли здесь не вверх, как обычно, а вбок, от стенок к центру шара. Он наблюдал за их ростом, развитием.

Здесь же помещались в клетках кролики, куры, кошки. Все они, по-видимому, не замечали необычности своего бокового положения. Стенки шара для них были «низом», землей. Кролики прыгали по клеткам, мирно ели капустные листья, морковь, куры неслись, выводили цыплят. Вода, стоявшая «отвесной стеной» по отношению к земле, не проливалась из чашек, зерна не просыпались. Когда Ганс стоял в центре шара, то все животные и растения находились по отношению к нему в вертикальном положении, словно он смотрел на обитателей этого маленького мирка сверху, лежа на отвесной скале. Но по мере того как он приближался к «экватору», его тело также принимало постепенно отвесное положение. И, стоя около клеток, он видел стол, стоявший на полу посреди шара, так, как если бы этот стол был укреплен на стене обыкновенной комнаты.

Так как вся обстановка шара вращалась вместе с ним, то он не испытывал головокружения и даже перестал замечать вращение комнаты. Только необычайное положение тела, когда он двигался по стенкам шара, напоминало ему об этом.

В шаре была лишь десятая часть нормального количества кислорода, но Ганс не испытывал недостатка в воздухе. Кислород выделялся растениями оранжереи, занимавшей шестнадцать квадратных метров.

Растения поглощали выделяемую им и животными углекислоту.

Здесь закладывались основы «круговорота веществ», который должен был дать будущим небесным путникам все необходимое для жизни, если полет их затянется или на иных планетах окажется недостаток атмосферы и питания.

Осмотрел Фингер и металлический шар, который заключал в себе «кусочек межпланетного пространства». В этот шар вела двойная дверь с камерой, как в кессон, и входить в него можно было только в особых костюмах, вроде водолазных. Цандер немало поработал над этими костюмами. Пришлось создать особую лабораторию для испытания различных материалов, которые обеспечили бы, с одной стороны, почти абсолютную нетеплопроводность, а с другой — достаточную прочность.

— А нельзя замерзнуть в таких костюмах, находясь в мировом пространстве? — спросил Ганс.

— Окраска одежды и действие солнечных лучей могут дать от минус двухсот до плюс ста и более градусов по Цельсию, — ответил лаборант. — Поэтому страхи перед холодом межпланетных пространств преувеличены.

— А это что за цистерны? — спросил Ганс.

— Испытание поверхности ракеты на отражение и поглощение лучей, — ответил лаборант. — Войдем внутрь этого цилиндра. — Они вошли. — Сейчас здесь темно и довольно прохладно. Цилиндр повернут к солнцу своей блестящей, полированной поверхностью, которая отражает солнечные лучи. Повернем теперь цилиндр черной, матовой поверхностью. — Лаборант повернул рычаг, цилиндр начал вращаться по продольной оси так, что Гансу и его спутнику приходилось «идти на одном месте», пока цилиндр не остановился. Не прошло и двух минут, как Ганс почувствовал, что стало заметно теплее.

— Чувствуете, как Солнце нагревает? А ведь на поверхности Земли половина солнечных лучей отражается атмосферой. Теперь смотрите.

Лаборант пошарил в темноте и снова повернул рычаг. Вверху открылось окно, через которое ворвался солнечный свет. Температура начала быстро повышаться.

— Солнечный луч собран вогнутым зеркалом и направлен на заднюю стенку ракеты. Поворачивая ракету черной или блестящей поверхностью, мы можем менять температуру в ней от двадцати девяти до семидесяти семи градусов Цельсия. Применяя зеркала, можно плавить металлы. Но можно напустить и мирового холода. Имея в своих руках такую широкую температурную шкалу, Цандер спроектировал по идее Циолковского солнечный двигатель. Два сообщающихся цилиндра по очереди обращаются то на солнечную, то на теневую сторону. На Солнце жидкость в цилиндре превращается в пар, который давит на поршень, в тени — жидкость и пар охлаждаются.

— Вам осталось осмотреть лаборатории, где испытывались модели ракетных двигателей, помещенные в дубовой раме, шесть лабораторий по жилищно-бытовому обслуживанию пассажиров ракеты.

— Целых шесть!

— Да, — отвечал лаборант. — Вопрос здесь вовсе не в удобствах, а в необходимости. Мы ничем не должны пренебрегать и все обязаны предусмотреть. В обычных условиях мы многого не замечаем, о многом просто не думаем, и именно о таких «мелочах», без которых можно пропасть на «небе», или, наоборот, которые могут причинить огромный вред, если их не устранить.

Глава VIII

Достойный ученик Циолковского

— Цандер приехал! Идем к нему! — сказал Винклер.

Ганс поднял голову над книгой. Он был взволнован.

С Цандером Ганс работал не один месяц. Но впервые инженер-изобретатель приглашал его к себе.

— Зачем?

— Видимо, хочет поближе познакомиться с тобой. Быть может, поручить какую-нибудь работу, — отвечал Винклер, и глаза его весело улыбались.

— Ну что ж, идем.

В Стормер-сити Цандер жил в отдельном домике с мезонином. На звонок Винклера послышался сначала отчаянный лай овчарки; дверь распахнулась, и старый слуга сурово буркнул:

— Дома нет! — но, узнав Винклера, улыбнулся, как старому знакомому, и сказал: — Ах, это вы! Входите. Подождите, только уведу собаку.

Фингер гадал, как живет Цандер. Гансу мерещился кабинет, заваленный

чертежами, моделями и всеми прочими аксессуарами изобретателя. Но он ошибся. Небольшой кабинет Цандера, где он принял посетителей, был обставлен более чем просто. Письменный стол, два кресла перед ним, возле стола — небольшая вращающаяся полка с книгами, и только. Единственным украшением комнаты был большой портрет под стеклом в темной дубовой раме, висевший на стене позади хозяина. На портрете был изображен неизвестный Гансу бородатый старик в очках. Под портретом — книжная полочка из такого же дуба, где стояли в ряд несколько десятков книг в переплетах с золотым тиснением. Острые глаза Ганса прочитали на корешках переплетов «Ziolkowsky». На столе — письменный прибор, лампа, бювар — и ничего больше. Фингер был несколько разочарован. Винклер впоследствии объяснил ему, что Цандер обычно работает в мезонине, где у него помещаются библиотека и небольшая лаборатория. Но в это святилище он никого не пускает, и самому Винклеру только однажды удалось посмотреть комнату, да и то в отсутствие хозяина.

Хозяин встретил их приветливо, усадил в кресла и, побеседовав о том о сем, вдруг задал Гансу неожиданный вопрос:

— Не скажете ли вы мне, что такое биполярное уравнение гиперболы?

Фингер изучал математику и кое-как ответил. Цандер кивнул головой и задал новый вопрос, который поставил Ганса в тупик. За ним последовали другие — из области химии, астрономии, биологии. Это был настоящий экзамен. Ганс был смущен — этого он ожидал менее всего и потому, как ему казалось, не всегда отвечал верно и толково даже на хорошо знакомые вопросы. Неужели он провалится на этом экзамене? Но Цандер был, по-видимому, удовлетворен. Он кивнул головой в знак того, что испытание кончено, и сказал:

— Вы знаете больше, чем я предполагал. Но знать вам надо неизмеримо больше того, что вы знаете, если хотите стать таким же моим помощником, как Винклер.

Хочет ли он стать! Ганс готов был работать день и ночь, чтобы овладеть всеми необходимыми знаниями.

— Вы привыкли заниматься самостоятельно? — был задан новый вопрос. — Винклер будет помогать вам, но он не сможет уделить этому много времени. — И, обращаясь уже к Винклеру, Цандер продолжал: — Я думаю, нашему Гансу Фингеру небесполезно будет пожить месяц-другой в стеклянном шаре. Наблюдения не отнимут у него слишком много времени, и там он сможет повысить свои математические знания. Без математики в нашем деле нельзя ступить и шагу.

Цандер поговорил еще несколько минут с Винклером о делах и встал. Ауденция была окончена.

— Ну что? Не ожидал такой бани? — спросил Винклер, когда они вышли из дома. — Придется тебе посидеть в одиночном заключении.



Месяц-другой в одиночном заключении! Эта перспектива совсем не улыбалась Гансу. Ему хотелось поскорее ознакомиться с городом, с его странными лабораториями, необычайными сооружениями. Он ведь не все видел.

— Всему придет время, — утешал его Винклер. — Сегодня ты проведешь еще день «на свободе», завтра, так и быть, с утра обойдешь, осмотришь то, чего еще не видал: лабораторию, где испытывают действие различных веществ, другую лабораторию, в которой испытываются способы охлаждения рабочей части ракеты — стенок сопел или дюз. На завтра этого довольно.

— Что же я буду делать в своем заключении?

— О, твое существование будет очень своеобразным! Ты на себе должен будешь испытать, и на тебе будет проверено, может ли человек существовать в условиях искусственно созданного круговорота веществ. Как только ты войдешь в шар и получишь нужные разъяснения, герметическая дверь захлопнется за тобой. Но там есть телефон, и мы будем с тобой поддерживать связь. Ты возьмешь с собою необходимые книги, учебники, тетради.

— Но чем же я там буду питаться?

— Пожалуй, тебе придется немного посидеть на вегетарианской пище. Ты будешь питаться теми растениями и плодами, которые произрастают в оранжерее шара. К твоим услугам будут электрическая плита, чайник.

— А вода?

— Завтра ты сам на все получишь ответ. Все выделения твоего организма будут перерабатываться. Выделения кишечника пойдут на удобрения; выделения мочевого пузыря, пройдя через почву, через растения, газы, холодильники, фильтры, превратятся в чистейшую воду. Воду дадут также охлажденные

газы дыхания, выделяемые тобой, растениями и «товарищами по заключению» — животными. Ты должен будешь ухаживать и за ними — кормить, поить. Кислород дадут растения, они же будут поглощать выдыхаемую тобой и животными углекислоту. Словом, если расчеты верны, ты будешь иметь в шаре все необходимое. Я буду навещать тебя. Если ты скверно себя почувствуешь, мы прекратим опыт. Заведи себе записную книжку или тетрадь, в которую записывай главнейшие формулы, сведения из теории реактивных полетов, справочные данные, расчеты. Это совет Цандера. Такая тетрадь очень поможет тебе.

Ганс кивнул головой и спросил:

— Кстати, скажи, чей портрет висит в кабинете Цандера? Его отца?

Винклер рассмеялся.

— Да, в некотором роде отца. Это и есть знаменитый ученый-самоучка Циолковский, патриарх звездоплавания. Не «отец», а, вернее, «дедушка» многочисленных его последователей: Роберта Эснопельтри, Роберта Годдарда, Германа Оберта, Вальтера Гоманна, Пирке, Дебуса и нашего Лео Цандера. Я уже говорил тебе об этом замечательном человеке. Скромный провинциальный учитель, он сумел подняться на «космическую» высоту теоретической мысли. Этот Колумб звездных миров теоретически наметил в основном весь будущий путь создания межпланетных сообщений. Проложил людям дорогу в небо. Еще в тысяча девятьсот третьем году он опубликовал работу, в которой изложил все теоретические расчеты космических полетов; но русское царское правительство ничем ему не помогло.

— Так это его труды стоят на полке под портретом?

— Да. Цандер не расстается с ними.

Этот день закончился эффектным зрелищем: с горной площадки, обращенной к океану, в двенадцать часов ночи была пущена первая пробная ракета без людей, с самопишущими автоматическими приборами. Она имела два метра высоты и была укреплена почти отвесно, с легким наклоном в сторону океана.

При опыте присутствовали Цандер, Винклер, Ганс, Блоттон и несколько инженеров, работавших с Цандером. На глаз отклонение ракеты от вертикали почти не было заметно, и Блоттон сказал:

— А вдруг она упадет нам на голову?

Цандер, улыбаясь, ответил:

— Много лет тому назад, в семнадцатом столетии, монах Мерсен и военный Пти произвели такой опыт: они поставили пушку вертикально, как им казалось, и выстрелили, наблюдая, вернется ли ядро на землю. Они несколько раз повторяли этот опасный опыт. Но так как у них не оказалось достаточно искусства, чтобы заставить ядро угодить им прямо в голову, то они сочли себя вправе заключить, что оно повисло в воздухе, где и пробудет, без сомнения, долгое время. Не только в то время, но и теперь редко можно найти пушку, безукоризненно калиброванную для такого опыта, и трудно установить ее совершенно вертикально. Ну, а теперь отойдите. Пускаю ракету.

Все отошли и замолчали в ожидании. На темном небе мерцали звезды. Молодой месяц сиял почти над головой, и казалось, что ракета отправляется в лунное путешествие. Грянул взрыв. Раскаты грома, отраженные скалами, потрясли воздух. Огненная полоса прорезала пространство. На мгновение гор-

ная площадка как будто связалась с небом золотистым мостом. Затем комета, созданная людьми, подобрала свой хвост, превратилась в звездочку и померкла в высоте. Цандер смотрел на циферблат хронометра и, отсчитывая секунды, говорил:

— Верхняя граница тропосферы... Вышла за пределы стратосферы... Обратный полет...

Наутро целая флотилия моторных судов была отправлена для поисков упавшей в океан ракеты. Но Ганс, как ему ни хотелось этого, не мог принять участия в поисках. Осмотрев с Винклером несколько лабораторий и далеко не ознакомившись еще со всеми «цехами» грандиозного «звездолетного завода», Фингер забрал подобранные для него Винклером книги, общую тетрадь, самопишущее перо и отправился в свою стеклянную тюрьму, где должен был провести не один день.

Глава IX На Земле нет спасения!..

— Все это ужасно! — сказала леди Хинтон. Приложила кончики пальцев к вискам: — Дай мне одеколон, Эллен!

— Не хотите ли потерять виски ментоловым карандашом, леди Хинтон? — спросил доктор Текер.

— Не по-мо-гает! — раздраженно ответила леди Хинтон. — Эта качка убьет меня. Почему пароход стоит на месте? Когда он движется, качает меньше.

— Мы должны беречь горючее, леди Хинтон! — сонно отозвался со своего кресла Стормер. — Мертвая зыбь. За сто миль от нас прошел циклон... Барон — тот совсем слег. Одними междометиями изъясняется.

— Я не могу... Мне нехорошо!.. — проговорила Эллен сдавленным голосом. Лицо ее позеленело. Она прижала платок ко рту и, судорожно подергивая плечами, поспешно удалилась.

— Ах! — шумно вздохнула леди Хинтон. — Тяжело быть изгнанником в наши годы! Без дома, приюта и надежд...

— А я предпочитаю быть изгнанником, нежели гниющим трупом. Да! — возразил Стормер, обсасывая гранат. — Если бы не моя предусмотрительность, мы, наверно, уже были бы добычей могильных червей.

— Ни один волос не упадет с головы без воли божьей! — назидательно заметил епископ Иов Уэллер.

— Отчего же вы, ваше преосвященство, не остались в Лондоне, вверив воле божьей вашу шевелюру?

Леди Хинтон передернуло от таких кощунственных слов. «Демоны войны и революции сорвались с цепей», как выразился Шнирер, прежде чем была окончена ракета и построен гигантский теплоход. Стормеру удалось зафрахтовать стоящий в порту океанский пароход, посадить на него акционеров — участников будущего межпланетного полета и отплыть в Тихий океан.

— Кругом вода. Беззащитные, безоружные, мы стоим на виду у всех... — продолжала свои сетования леди Хинтон.

Стормеру, видимо, надоело это брюзжание.

— Вы начинаете галлюцинировать? — почти прикрикнул он на старуху. — Кого вы видите? У кого мы на виду? Кто на нас смотрит? Океан пустынен, как в первые дни творения. Да и кто нас будет сейчас искать? Поверьте, никому до нас нет дела. Океан не Оксфорд-стрит, не Пикадилли. В океане есть свои доро-

ги и свои безлюдные места. Мы находимся в самом центре треугольника, образующегося пересечением больших океанских путей: из Иокогамы в Вальпараисо — Япония, Южная Америка; из Веллингтона — Новая Зеландия в Панаму и из Панамы вдоль берегов Южной Америки к Магелланову проливу. Более тысячи километров отделяют нас от западных берегов Южной Америки. Сюда ни один корабль не заходит, разве циклоном парусник занесет. Но парусники нам не страшны. Океанские пароходы все оборудованы радиостанциями. Они сами оповещают о себе. У нас есть радиопеленгатор. Со специальной мачтовой вышки вахтенные зорко следят за горизонтом. Наше судно одно из самых быстроходных. И мы не смогли бы удрать разве только от военных кораблей. И, наконец, у нас есть гидропланы. Весь ценный груз давно хранится в Андах.

Леди Хинтон сердилась на то, что Стормер-сити был назван не ее именем. Чтобы не раздражать старую леди, Стормер в ее присутствии называл Стормер-сити описательно: «город в горах», «город, где строится ракета».

— В случае крайней опасности мы всегда можем улететь туда.

— Но почему же нам не сделать этого сейчас — не улететь в этот ваш Стормер-сити? — спросила леди Хинтон.

— Потому что там еще не выстроена гостиница. В рабочем бараке вы жить не будете. Да здесь, поверьте, и безопасней. Здесь мы можем маневрировать. Если бы не ваши, — «капризы» хотел сказать Стормер, но сдержался, — не ваши недомогания, мы спустились бы в более южные широты, там мы были бы уже в совершеннейшей безопасности. Там мы были бы «на виду» у одних пингвинов. А если нас накроют в Стормер-сити прежде, чем ракета будет готова, мы погибли. Бежать оттуда можно только по воздуху. Но и бежать-то будет некуда.

— Боже мой! Боже мой, боже мой! — трагически воскликнула леди Хинтон. — Зачем ты нас так наказуешь?

— Дым на горизонте! — протяжно крикнул вахтенный с вышки.

— Где? Где? — крикнул побледневший епископ и слишком поспешно для своего сана зашагал к борту, вынимая на ходу из футляра призматический бинокль.

— Второй дымок... третий... целая эскадра!.. — возглашал вахтенный.

На корабле поднялась суэта. Резко раздавалась команда. Ожили мощные машины, задрожал корпус судна. Оно начало разворачиваться на левый борт, все ускоряя ход.

По палубе пробежал Шнирер, размахивая томом Канта.

— Амели! Что? А? Уже?

Шатаясь, вышла Эллен. Откуда-то выполз барон. Челюсть его тряслась. Он что-то пытался сказать Стормеру:

— Э-э-э...

Тот отмахнулся от него, как от мухи. Стормер также был взволнован, но держался лучше других.

Корабль повернул на юг и шел с предельной скоростью.

— Ну, теперь решают лошадиные силы, — пробормотал Стормер.

— Может быть, нас совсем и не преследуют, — высказал предположение Текер. — Воюет весь мир. Японский и американский флоты гоняются в океане друг за другом.

Леди Хинтон в первый раз с благодарностью посмотрела на своего врача.

Эти слова успокоения подействовали на нее лучше лекарств. Текер поймал милостивый взгляд леди Хинтон и воспользовался этим.

— Пойду проведать жену и ребенка. Я скоро вернусь, леди Хинтон, — сказал он.

— За нами или не за нами погоня, но нас обнаружили, и это худо, — не унимался Стормер. — Неизвестная эскадра следует за нами по пятам. Если не удастся скрыться до наступления ночи, дело дрянь.

Наступило тягостное молчание. Слышно было только, как режет форштевень гладь океана да мерно стучат дизели.

Час проходил за часом. Солнце склонилось к горизонту, расстояние между теплоходом и преследующей эскадрой все уменьшалось.

— Хорошо еще, что они не стреляют! — сказал Стормер.

Все были слишком подавлены, чтобы поддерживать разговор. Капитан сообщил по телефону, что, по его расчетам, до наступления сумерек эскадра не успеет нагнать их. И, быть может, в первый раз за много лет леди Хинтон страстно захотела, чтобы время шло скорее.

Перед заходом солнца уже невооруженным глазом можно было различить головное судно. По мнению капитана, это был военный крейсер. Но японский или американский — трудно сказать.

— И еще труднее угадать, кто ведет эти крейсеры, — заметил Стормер. — Все в мире меняется. Вчера страна была капиталистической, сегодня она уже республика пролетариев.

Наконец благодетельная ночь опустила свой черный занавес. Если бы на этом и закончилась драматическая пьеса, можно было бы разойтись мирно по своим домам. Антракт, увы, только антракт, которым надо воспользоваться.

Скрыться под покровом ночи, резко изменив курс, — вот в чем теперь была задача. Капитан подумал и повернул на восток.

— Хгу... хглупо, — сказал Маршаль, к которому вместе с ночной прохладой вернулся дар речи. — На востоке мы попадем на морской путь, который идет вдоль южных берегов Америки.

— А я полагаю, — возразил Стормер, — что наш капитан очень умно поступил. Надо представить себя на месте преследователей и подумать о том, какой путь, по их мнению, мы выберем. Именно тот, который указываете вы. И именно по той же причине. И эскадра, вероятно, повернет на запад. Морской путь, по которому идут коммерческие корабли, нам не страшен. Даже лучше, если мы встретим эти торговые корабли. Они отвлекут внимание преследователей, если эскадра все же повернет, как и мы, на восток.

Барон и Стормер продолжали спорить.

Эскадра шла, вероятно, с погашенными огнями. Нельзя было определить, далеко она или близко.

Капитан, дав инструкцию и поручив управление своему помощнику, собрал всех пассажиров и объявил им:

— Положение наше остается крайне серьезным: эскадра может разделиться, направив свои корабли в трех направлениях — восточном, западном и южном. И наутро нас могут нагнать. Спасти нас мог бы разве только рискованный шаг — поворот прямо на север, если только мы не налетим на эскадру...

— Что же нам делать? — воскликнул епископ. — Я полагаю, только одно: воспользовавшись ночью темнотою, спастись на гидропланах.

— А вы? — спросил Стормер.

— Капитан не оставляет судна, пока оно способно держаться на поверхности! — ответил он. — Я остаюсь.

Стормер подозрительно посмотрел на капитана. Теперь никому нельзя верить.

Быть может, сам капитан сообщил по радио о местоположении теплохода?

Начались спешные сборы. Леди Хинтон так ослабела от волнений, что ее пришлось внести в кабину самолета на руках. Ребенок Текера проснулся и плакал. Пассажиры нервничали.

Тревога несколько улеглась только тогда, когда заревели моторы и машины взвились в воздух. Все вздохнули с облегчением.

— Как кажется, выстрел? — испуганно спросил барон.

— Сидите! — проворчал Стормер. — Это выскочила пробка из бутылки шампанского, которую я успел захватить.

— Дайте хоть глоток. В горле совершенно пересохло!

— Тысячу золотых наличными! — съязвил Стормер. (И барон услышал, как Стормер пьет прямо из горлышка.) — Нате! — смилостивился он, протягивая почти опустевшую бутылку. — Тысяча будет записана на ваш счет.

Глава X

О «гробах» и о том, что появилось нового в Стормер-сити, пока Ганс сидел в шаре

К стеклянной стенке шара со стороны улицы подошла девушка в меховом коротком пальто и заглянула внутрь. В центре вращающегося шара за небольшим столом, склонившись над книгой, сидел юноша.

«Приехали пассажиры», — подумал Ганс, увидев девушку. Он поглядывал на нее всякий раз, когда шар поворачивался в ее сторону. Амели — это была она — удивлялась, как это у него не закружится голова.

У Ганса в первое время действительно кружилась голова, и даже настолько сильно, что он хотел уже просить Винклера выпустить его из вращающейся тюрьмы. Но Ганс был сделан из хорошего материала. «То ли придется еще пережить в ракете! Надо привыкать ко всему».

И он привык. Главное — не смотреть сквозь стенки шара на улицу, чтобы не замечать движения. Его крепкий организм быстро приспособился к необычным условиям существования. Больше месяца провел он в шаре, питаясь плодами и овощами оранжереи. И растения, и он сам, и животные находились в хорошем состоянии. Правда, для его молодого организма одной лишь растительной пищи было недостаточно, и он порядочно похудел за это время, но никакого недомогания не чувствовал. Хорошо шли и его занятия. Он далеко продвинулся вперед в своих математических познаниях, аккуратно вел запись различных наблюдений, сделал много интересных выводов. Винклер и несколько раз Цандер «навещали» его — подходили к шару и разговаривали по телефону. Но все же ему отчаянно надоело это добровольное заключение. Он был молод, ему хотелось движения, разнообразия впечатлений, живой, практической работы.

И Винклер вчера обрадовал его, сообщив, что сегодня этому заключению придет конец. Круговорот веществ оправдал себя, все шло так, как предполагали и высчитали Циолковский и Цандер. И нелегкий опыт можно было окончить. Вчера же Винклер сообщил Гансу о том, что в Стормер-сити уже едут

пассажиры предстоящего полета. Постройка ракеты за этот месяц сильно продвинулась вперед, хотя до окончания было еще далеко.

— Какую работу вы теперь мне поручите? — спросил Ганс Винклера.

Фингеру очень хотелось работать «поближе к ракете», но Винклер разочаровал его:

— Ты будешь работать на постройке радиостанции. Это очень ответственный участок.

— Придется стать радистом, — не очень весело ответил Ганс.

— Тебя ждет более интересная работа, чем ты представляешь, — утешил его Винклер.

Как бы то ни было, Ганс скоро оставит этот шар.

К девушке подходит Винклер и, о чем-то разговаривая с нею, указывает на Ганса. Она смеется. Вот Винклер подходит к рычагу и поворачивает его. Шар начинает вращаться все медленнее. И, странное дело, Ганса охватывает все усиливающееся головокружение. Когда шар остановился, Гансу показалось, что он быстро завертелся. Приступ головокружения был так силен, что Ганс принужден был уцепиться за стол, чтобы не упасть.

— Вот до чего закружился, бедняга! — услышал он над собой голос Винклера. Механик положил руку на плечо своего помощника.

Но Ганс пришел уже в себя и попытался подняться.

— Сейчас все пройдет, — сказал он, улыбаясь и глядя на Амели.

— Ну-ка, покажи нам, как ты здесь жил, — сказал Винклер и, повернув рычаг, вновь заставил шар вращаться.

Не один Ганс почувствовал себя скверно во время остановки движения. Все животные с боковой стенки упали на «пол» и начали судорожно двигать ногами, лежа на боку или на спине. Птицы хлопали крыльями и отчаянно кричали. Растения сразу обвисли, опустили свои стебли и ветви, словно мгновенно увяли. Остановка движения для обитателей шара была настоящей катастрофой.

Но как только Винклер вновь привел шар в движение, все ожило и стало на место: горизонтально протянулись растения, животные забрались на боковую стенку и чувствовали себя так устойчиво, как их собратья в обычных крольчатниках и курятниках. От головокружения Ганса не осталось и следа. Зато вновь прибывшие чувствовали себя не очень хорошо, особенно Амели. Она с трудом подавляла головокружение и постаралась пройти к центру шара. Но ее так отклоняло в сторону, что, не приди на помощь Винклер, девушка, наверно, упала бы. Она шла словно против сильного ветра, преодолевая невидимое препятствие. И та же невидимая сила уже подгоняла ее, когда она возвращалась от центра к стенке шара.

— Это очень забавно, — сказала она, — но я бы здесь не вынесла и часа.

Винклер остановил вращение шара и, когда все вышли наружу, вновь привел его в движение.

— Шар сделал свое дело, и его, в сущности, можно было бы остановить. Но пусть вертится, будем показывать его новым акционерам. А тебе, Ганс, придется пройти через новое испытание, если, разумеется, ты на это согласишься. Правление общества решительно запретило мне и Цандеру лично принимать участие в опытах, которые могут представить хотя бы некоторую опасность для жизни. И как Цандер ни уверял, что никакой опасности нет, ему запреще-

но было подвергать самого себя испытанию. А добровольно никто другой не соглашается; охотников не нашлось ни среди служащих, ни даже среди индейцев и других цветных рабочих. Даже и те из них, которым приходится летать на «чертовой подкове», с трудом соглашаются на риск.

— И ты предлагаешь мне этот риск? — спросил Ганс.

— Меньше всего. Дело в том, что за время твоего сидения в шаре закончены аппараты для предохранения тел от удара. И нам необходимо испытать их.

— Значит, мне первому придется испытать их? — спросил Фингер.

Предводительствуемые Винклером, они пошли по улицам Стормер-сити. На площади они увидели странное сооружение. Узкоколейка упиралась в заграждение из песка. На рельсах стояла вагонетка, на ней — нечто вроде металлического гроба с отверстием в верхней крышке. Возле вагонетки лежал костюм, похожий на водолазный. Узкоколейка протяженностью в сто метров шла под уклоном градусов в десять.

Перед самым тупиком вагонетка должна была развить довольно большую скорость и удариться в песчаную насыпь.

Рядом с этим возвышалось иное сооружение — узкоколейка, полого поднимающаяся на мост. Мост этот на высоте десяти метров от земли обрывался.

— Понимаю, — сказал Ганс, — вагонетка, поднятая на мост, должна упасть вниз, на песок, вместе с «гробом», в котором я буду заключен.

— Но ведь вы же действительно превратитесь в лепешку! Это самоубийство! — воскликнула девушка.

— Все не так уж страшно, как вам кажется, — ответил Винклер. — Сейчас попробуем.

Винклер позвонил Цандеру из ближайшей телефонной будки. Скоро к месту испытания пришли Цандер, Блоттон, Маршаль, Стормер, епископ и доктор Текер. Как будущему врачу межпланетной экспедиции, ему приходилось изучать действие на организм различных условий полета.

— Женщин я не пригласил присутствовать при первом опыте, — сказал Цандер. — Хотя я и надеюсь на полный успех, но могут быть всякие случайности. И если дамы будут запуганы, они откажутся «ложиться в гроб». А если не согласится хоть один человек, все наши труды пропали даром.

— Почему если не согласится хоть один, то все пропало? — спросил Стормер.

— Видите ли, в чем дело, — пояснил Цандер. — На этих аппаратах мы берегаем много горючего. Если они оправдают мои надежды, то мы сможем развить гораздо большую начальную скорость. Значительное ускорение, если только не принять необходимых защитных мер, может вызвать ряд болезненных явлений и даже смерть. При одном опыте, когда тяжесть превысила нормальную в десять раз, пилот настолько пострадал, что ему пришлось пролежать целый месяц в больнице. У него начался общий конъюнктивит обоих глаз и нервное расстройство из-за некоторого мозгового сотрясения и капиллярного кровоизлияния в мозг; причина — центробежный эффект при резком взлете. Циолковский, а позднее Рынин производили опыты над насекомыми и животными. Насекомые переносят без вреда увеличение веса в триста раз. Цыплята, по мнению Циолковского, могут выдержать тяжесть больше обычной в сто раз, хотя в опыте он доводил ее только до пятикратного размера. Человек на короткое мгновение может переносить примерно двадцатикратное

увеличение своего веса. Таким образом, сама физиология ставит нам как будто пределы для величины ускорения при полете. Но если поместить человека в среду равной плотности, то можно допустить гораздо большие ускорения без вреда для здоровья. И вот, осуществляя идею того же гениального Циолковского, мы построили ящик, который может наглухо закрываться. Он наполнен соленой водой, удельный вес которой одинаков со средним удельным весом человеческого тела. Человек ложится в водяное ложе. Крышка плотно прикрывается. Наружу выводится из рта трубка, через которую можно дышать. Будут изготовлены несколько ящичков особой конструкции, позволяющей заключенному в таком ящичке человеку производить некоторые движения, необходимые для управления ракетой в первые минуты отлета. В этих особых ящичках полечу я, Винклер, Фингер. Все же остальные могут спокойно отлеживаться вот в таком ящичке. Это даст нам возможность увеличить ускорение ракеты при отлете и, следовательно, быстрее покинуть Землю. Но если хоть один пассажир откажется от гидроамортизатора, то, разумеется, мы не сможем увеличить ускорение более того, которое переносит человек. Иначе этот пассажир рисковал бы умереть.

— Сколько же времени предстоит нам мучиться, прежде чем мы достигнем окончательной скорости? — спросила Амели.

— Это зависит от нас, — отвечал Цандер. — Если бы мы сразу придали нашей ракете скорость в одиннадцать-двенадцать километров в секунду, то не вынесли бы такого ускорения даже в наших гидроамортизаторах. Подниматься мы будем сравнительно медленно. Пять-шесть минут нас будут сопровождать земные буксировочные ракеты. Настоящую же космическую скорость мы разовьем позже, с плавной постепенностью.

— Вы готовы, Ганс?

— Всегда готов, — вырвалось у него.

К счастью, на эту «крамольную» фразу никто не обратил внимания. Все были поглощены предстоящим опытом, который казался очень рискованным.

Вокруг воздушного моста уже собралась толпа рабочих. Ни свистки, ни окрики бригадиров не могли вернуть людей к работам.

Предстояло слишком любопытное зрелище.

С помощью Винклера и Цандера Ганс быстро облачился в водолазный костюм и улегся в ящик с водою. В скафандре не было надобности. Но так как не все пассажиры захотели бы ложиться «в ванну» обнаженными или в купальных костюмах, Цандер изготовил легкие «водолазные рубахи». Цандер лично вывел дыхательную трубку наружу и прочно приладил верхнюю крышку «гроба», закрывающуюся герметически на пазах.

— Пускай! — приказал он.

Мотор потянул бесконечный канат, и вагонетка поползла кверху. Вот она уже на мостике. Вот подбирается к краю. На мгновение «гроб» повис у края мостка в наклонном положении и вдруг полетел вниз. Амели невольно вскрикнула.

Ящик ударился о песок, но не разбился. Все поспешили к нему. Стормер следил за руками Цандера: не дрожали ли они? Но Цандер совершенно спокойно открывал крышку ящичка. Ящик не разбился — и это главное. В ракете во время полета при значительном ускорении прочность ящичка не будет подвергаться такому испытанию.

Амели со страхом и любопытством заглянула внутрь, боясь увидеть там разможенный труп. Но из своего железного «гроба» уже поднимался Ганс.

— Ну как?..

— Удар почувствовал, но ощущение не сильнее того, как во сне, когда неожиданно вздрогнешь, — ответил Ганс. — В общем, целехонек.

Все вздохнули с облегчением.

— Теперь пустим вагонетку с откоса на песчаный упор.

— Я желаю подвергнуть себя этому испытанию! — категорически заявила Амели. Она все еще не могла простить себе своего крика и желала реабилитировать себя.

— Вы с ума сошли! — сказал Стормер.

— Не больше всех вас, — ответила она. — Разве вы предполагаете сохранять в этих ящиках, как драгоценность, одних мужчин?

— Да, но ведь это только опыты... Они не закончены.

— Вот мы их сейчас и закончим, — ответила она.

Цандер посмотрел на Амели и едва заметно улыбнулся.

— Я не возражаю против этого, — сказал он.

Через несколько минут Амели уже лежала в ящике на вагонетке, готовая в путь.

— Пускай!

Вагонетка двинулась с возрастающей скоростью.

Но в этот момент произошла случайность, едва не погубившая девушку. Возле насыпи стоял небольшой экскаватор, облепленный рабочими. Тяжестью своих тел они неожиданно повернули стрелу экскаватора. Ковш прошел над самым ящиком и, задев крышку, почти начисто срезал выступавшую над его поверхностью дыхательную трубку. Если она провалится внутрь, Амели будет залита водой и погибнет. Крик ужаса раздался в толпе. Многие растерялись. Ганс бросился вслед удаляющейся вагонетке, перегнал ее и кинул на рельсы несколько камней. Вагонетка соскочила с рельсов и опрокинулась на сторону. Винклер и Цандер поспешили на помощь, быстро открыли крышку и извлекли из ящика девушку. Когда приподняли скафандр, девушка замотала головой и выплюнула изо рта воду.

— Однако я наглоталась воды! — сказала она. — Что произошло?

Когда ей объяснили, она благодарно посмотрела на Ганса, который отошел в сторону.

Все предлагали ей отложить опыт, тем более что ее платье порядочно намочило. Но она категорически отказалась. Пришлось вновь пустить ее под откос.

На этот раз она благополучно спустилась вниз. Удар об упор был так силен, что ящик отбросило в сторону. Но Амели была цела и невредима.

Все поздравляли ее.

— У вас, сэр, появился конкурент, — сказал Винклер Блоттону.

— Ничего, на сегодняшний день сэр Генри отыгрался на стратосферном прыжке, — за Блоттона ответил Цандер.

— Ну, а теперь я иду переодеться, — сказала Амели. — И знаете, в вашем «гробу» страшно холодно: я совершенно продрогла.

— Это наша оплошность, фрейлейн. Мы не догадались подогреть воду, а температура здесь, в горах, близка к нулю, — сказал Цандер.

В городе Ганс нашел много новинок. На соседнем горном плато высились огромные мачты радиостанции. А там, где находилась подъемная площадка, уже лежало черное огромное веретенообразное тело. Люди-муравьи копошились над ним, заканчивая электросварочные работы. Гансу хотелось поскорее посмотреть на ракету.

— Вот наш первый «Ноев ковчег», — сказал Цандер, показывая на ракету. Ее вид был необычен, как туша кита, выброшенного на берег. — Он имеет сто метров длины. Оболочка из вольфрамовой стали.

— Удивительное совпадение! — вырвалось восклицание у епископа.

— О каком совпадении вы говорите? — спросил Цандер, несколько удивленный. — Разве вам уже приходилось видеть подобное сооружение?

— В Библии сказано, — объяснил епископ, — что ковчег Ноя имел в длину триста локтей. Ведь это в точности соответствует ста метрам.[64]

В этом совпадении епископ видел «особое» значение, предвещавшее успех, о чем и сообщил будущим путешественникам.

— Ах, вот вы о чем... — засмеялся Цандер. — Выходит, что я совершил плагиат, воспользовавшись чертежами Ноя. В свое оправдание могу сообщить, что этим сходство и кончается. Ширина Ноева ковчега была, если не ошибаюсь...

— Пятьдесят локтей, и высота тридцать, — тоном специалиста по ковчегам заявил епископ. — В нем было нижнее, второе и третье жилье.

— Трехпалубный, значит, — с иронией сказал Цандер.

Ганс как-то еще для кружка безбожников сделал подсчет кубатуры мифического Ноева ковчега, причем оказалось, что он не мог бы вместить в себе и десятой доли всех наземных животных, птиц, гадов и «всякой пищи, какой питаются они», на тринадцать месяцев и двадцать семь дней — время «плавания ковчега».

— Да, ковчег Ноя был более вместительный, — продолжал Цандер. — Наш «ковчег» имеет всего четыре метра в диаметре. В сущности, он представляет собой комбинацию двадцати простых ракет. Это так называемая «составная пассажирская ракета 2017 года» Циолковского. Моя скромная роль при проектировании ограничилась некоторыми незначительными дополнениями и конструктивными изменениями. Каждая простая ракета заключает в себе запас горючих веществ, взрывную камеру с самодействующим инжектором и прочее. Среднее — двадцать первое — отделение служит кают-компанией, в нем нет реактивного прибора. Это отделение имеет двадцать метров длины и четыре метра в диаметре.

А это что за дыры, опоясывающие по спирали тело ракеты? — спросил Стормер.

— Выходы дюз. В момент отлета они превратятся в огнедышащие кратеры. Горючее сгорает в камере и через эти отверстия вылетает наружу.

— Я воображала, что все ракеты должны зажигаться с хвоста, — сказала Амели. — Я так на картинках видела.

— Да, но я уже сказал, что это не одна, а целых двадцать ракет, соединенных вместе. Дюзы опоясывают ракету спиралью для того, чтобы придать ей при полете возможно большую устойчивость. Внутри ракеты взрывные трубы также завиты спиралью. Одни изгибы расположены поперек длины ракеты,

другие — вдоль. При таком устройстве наша ракета не будет вилять, как дурно управляемая лодка.

— А какое помещение отводите вы каждому пассажиру?

— Двадцать кубометров. При постоянно очищаемой атмосфере этого количества, полагаю, вполне достаточно.

— А где же оранжерея, о которой вы говорили? — спросил Стормер.

— Она готова, но не собрана. Нам придется взять отдельные части внутри ракеты, а собрать уже в межпланетном пространстве.

— Почему не на Земле?

— Потому что оранжерея стала бы огромным добавочным сопротивлением в атмосфере. Ведь эта штука в собранном виде будет иметь пятьсот метров длины при диаметре в два метра; сделана она из очень легких материалов. Весь объем ракеты — восемьсот кубических метров. Она могла бы вместить восемьсот тонн воды. Менее трети — двести сорок кубометров — будет занято горючими жидкостями.

— Не мало? — спросил Стормер.

— Вполне достаточно для того, чтобы пятьдесят раз придать ракете скорость, достаточную для удаления снаряда навеки от Солнечной системы.

— Значит, это и есть ваша «машина времени», при помощи которой вы заставите Землю в год проделать все ее революции, войны и специальные всемирные потопа?

— О нет! Для этого потребуется кое-что покрепче обычных взрывчатых веществ.

Стормер любил цифры и спросил, сколько весит оболочка ракеты.

— Сорок тонн. Запасы, инструменты, оранжерея — тридцать тонн. Люди и весь прочий багаж — десять тонн... Вес оболочки ракеты со всем снаряжением в три раза меньше веса горючего материала. Заполненное кислородом пространство составляет четыреста кубических метров. Других вопросов нет?

— Пока нет. Да, главное: когда же «ковчег» будет готов?

— Задержка не за нами. Сейчас чрезвычайно трудно получать материалы.

— Да, увы! — вздохнул Стормер.

Это напомнило ему о горестном положении в мире. На заводах одной страны бастуют рабочие, в другой — транспортники. Там осадное положение, война, там революция... Этак, пожалуй, и не выберешься. И тогда вместо неба прямехонько угодишь... в ад.

— Вы уж поторопитесь, мистер Цандер, — прибавил он почти просительно.

После осмотра ракеты Ганс хотел идти дальше. Но Винклер отвел его в сторону и сказал:

— Дело в том, что тебя ждет Луиджи Пуччи.

— Это кто еще?

— Оригинал, каких мало. Да ты сам увидишь. Наш главный радиоинженер. Цандер высоко ценит его. У него есть чему поучиться. Воспользуйся случаем. Только уж примиришься заранее с его манерой обращения. Иди на аэродром. Там ждет авиетка, она доставит тебя к радиостанции. Как только сойдешь на площадку, иди прямо по дорожке, усыпанной белым щебнем, никуда не сворачивая.

— Ты отправляешь меня с такими напутствиями, слов-но. я иду к злому волшебнику и на пути меня подстерегают сказочные драконы.

— Оно почти так и есть. И драконы Пуччи, который повелевает ими, опаснее всяких сказочных семиглавых змеев. В десять вечера ты вернешься. Авиетка прилетит за тобой.

— Есть, — коротко ответил Ганс и отправился к аэродрому.

Глава XI

Старик Пуччи и его «драконы»

Хмурый пилот молча указал ему место в кабине. Маленькая авиетка взвилась над Стормер-сити, как серебристая стрекоза. Ганс вновь увидел город с высоты — «чертову подкову», стеклянный шар, в котором он просидел так долго, ракету, наклонно лежащую на подъемной площадке. Но вот город остался позади. Внизу — пропасть между скалами, вправо — океан. На его поверхности виднелись дымки военных кораблей. Навстречу Гансу летела горная площадка с высочайшими радиомачтами. Пилот выключил мотор и снился спиралью. Авиетка остановилась на очень небольшой посадочной площадке.

Ганс сошел с гондолы, пилот молча кивнул ему на прощание головой и, как только Ганс отошел на несколько шагов, взвился в воздух, обдав молодого человека струей холодного воздуха, смешанного с моторными газами.

«В самом деле, это похоже на приключение. Меня, словно Тезея к Минотавру, отправили на это угрюмое плато! — думал Ганс. — Почему Винклер предупредил меня, чтобы я не сворачивал никуда в сторону? Зачем на каменистой почве, где, в сущности, нет никакой дорожки, насыпали эту песчаную „нить Ариадны“? Почему посадочная площадка так далеко от радиостанции? До нее добрых полчаса ходьбы. Странно, да и самой-то станции не видно. Одни мачты торчат из земли. Кругом ни деревца, ни строений. Даже жилых домов не видно. Где же здесь живут?..»

Ганс осмотрелся вокруг. Слева за небольшим выступом скал он заметил едва поднимающуюся над выступом крышу. Прямой путь к этому строению вел мимо мачт. Но дорожка делала большой полукруг. Зачем? Почему бы не сократить расстояние? Никаких видимых препятствий и опасностей нет. Не минирована же, в самом деле, здесь площадь.

Размышляя обо всем этом, Ганс не заметил, как несколько отошел от белой полосы, намечающей путь.

— Форзихт! Кошон! Осторожно! — вдруг услышал он предостережение сразу на трех языках. Из-за угла показалась чья-то взлохмаченная голова и поднятые кулаки. — Идите прямо по белой черте! — кричал человек на скверном английском языке.

Ганс снова свернул на белую черту и ускорил шаги.

— Ай, молодой человек! Не слушает инструкций. Ах! Плохо! — Человек уже вышел из-за угла. Это был старик с непокрытой головой.

Горный ветер трепал его густые седые кудри и бороду. На нем был надет легкий плащ, и полы его развевались на ветру, как крылья.

— Ну и что? Хотите смерти? — И он указал пальцем на радиомачту. — Миллион киловатт. Да! Вокруг антенна сильный электрический поле. Дерево — разряд, столб — разряд, человек — разряд. Бах! Молния. Пепел. А? Сюда, ко мне! Ганс Фингер? Молод мальчик. Не коммунист?

Ганса смутил этот неожиданный вопрос. Пуччи погрозил пальцем.

Луиджи крепко взял Ганса за руку, как маленького ребенка, и потащил за

собой, непрерывно болтая:

— Сейчас покажу. Радиостанция в земле. И обложен слоем металла. Короткие волны, огромная мощность, проникнут внутрь — расплавят, сожгут людей. О, какая мощность! Шестьсот тысяч лир за киловатт-час. Хорошо? А? Маркони такие не снились. Скоро будет дешево. Цандер очень придумщик. Я тоже придумщик. Старик Метыос хвалился, я делал. Пуччи плюс Цандер — могучая сила. Электроэнергия без провода! Осторожно! Сейчас выключу работу станции. Тогда можно дальше идти. Передача электричества по радио. Аэропланы, склады снарядов, армии — смерть! Лучи смерти! Ото! Ах, как жаль, что меня не берут в ракета! Лучи смерти с ракета! На Красный Армия! Финита!

«Вот у них какие замыслы!» — подумал Ганс.

— Коммунист умрет! Хо-хо-хо! — кричал Пуччи, словно его «лучи смерти» уже поразили коммунизм.



Его бессвязная речь была похожа на бред, и Гансу стоило больших трудов понять его. Дело же сводилось к следующему.

Пуччи предложил акционерам «Ноева ковчега» устроить межпланетный корабль, который двигался бы при помощи электричества, передаваемого с Земли, используя магнетизм земного шара. Шесть мощных радиостанций должны передавать радиоволны в небесное пространство и заряжать электрокорабль положительным или отрицательным электричеством в зависимости от того, нужно ли его отталкивать или притягивать по отношению к Земле, Луне или к другим планетам. Научно проект был хорошо обоснован, но компания не решилась принять его. Акционеров испугали колоссальные расходы. Главное же — такой звездолет всецело зависел бы от источника энергии, находящегося на Земле. А Земля-то и была самым ненадежным местом в Солнечной системе. Что, если коммунисты захватят радиостанции, направляющие электролучи?

Тогда Пуччи предложил другой проект — применить в борьбе с большевиками свои «лучи смерти», посылая их, между прочим, и со звездолета. Проект его сводился к тому, чтобы направлять параллельные икс-лучи и при их помощи ионизировать частицы воздуха, в котором создавалась как бы невидимая

цепочка-электропроводник между аппаратом и объектом нападения. Проект этот чрезвычайно заинтересовал членов общества, как и сам автор — яркий антибольшевик. Проектом занялась и «Лига борьбы с большевиками». Что же касается посылки икс-лучей со звездолета, то Цандер дал отрицательное заключение: в то время, когда был предложен проект, на звездолете не имелось достаточных для этого запасов энергии. Притом, для того чтобы можно было использовать звездолет в военных целях, «ковчегу» пришлось бы из «эвакуационного судна» превратиться в боевое, спуститься довольно низко к поверхности Земли, а следовательно, подвергнуться всем случайностям действующей боевой единицы.

— Не забывайте, — говорил Цандер, — что родина звездолетов — Советы. Там родилась и была научно разработана теория реактивных двигателей. Вокруг Циолковского выросла целая плеяда советских специалистов — его учеников. Что, если Советы двинут на «Ноев ковчег», который вздумал бы принять участие в боевых наступательных операциях, целую флотилию звездолетов? Пассажирам «ковчеха» не поздоровится!

Ни Пуччи, рассказавший об этом Гансу, ни сам Ганс не знали о том, что Цандер, давая такое заключение, был не совсем объективен. В нем говорил его традиционный пацифизм. Как обычно, он — ученый — не хотел служить целям истребления. Военизация звездолета сузила бы те чисто научные задачи, которые ставил себе Цандер. Но его доводы были основательны и казались тем более убедительными, что пассажиры «ковчеха» вовсе не желали теперь подвергать себя военной опасности. Не для того ли они решили даже оставить Землю, чтобы забраться подальше от всех этих войн и сопряженных с ними личных опасностей?

Пуччи утешали только тем, что его «лучи» могут быть применены другими, специально построенными военными звездолетами, или, вернее, реактивными воздушными кораблями. Для «Ноева ковчеха» же знания и опыт Пуччи могут быть использованы в иной области: он был приглашен в качестве главного инженера для организации сверхдальней радиосвязи «ковчеха» с Землей. В своей области он был весьма компетентен и мог быть действительно очень полезен.

Пассажирам «ковчеха» необходимо знать, что делается на Земле, как идут мировые события и можно ли вообще будет вернуться на Землю. Пуччи со своей радиостанцией должен был взять на себя, как образно сказал епископ, роль голубя, приносящего в клюве масличную ветвь — знак окончания «потопа».

Пуччи взялся организовать не только двустороннюю радиотелефонную связь Земля — «ковчег», но и установить на «ковчеге» супертелевизор, дающий возможность пассажирам видеть все происходящее в любом уголке Земли.

Предполагалось, что центральные телевизионные радиоустановки, имеющиеся в столицах и крупнейших городах, будут шифром передавать радиоизображения на станцию в Стормер-сити, а Пуччи — транслировать их «ковчегу».

— Просто? Совсем не просто! — отвечал Пуччи на собственный вопрос. — Пусти радиолуч в небо, а он сломался и свалился назад на Землю, — объяснял ученый на своем невозможном языке. — Отчего сломался? Ага! Не знаешь?

Ганс кое-что знал, но Пуччи не давал ему говорить.

— Ракета поднимается с Земли; надо пробить двойной панцирь тяготения и атмосферы. Радиолучам преграждает вылететь с Земли тоже двойной панцирь. Длинная волна. Полетела. Сто километров отлетела — бац! Слой Хивисайда. Сломалась. Опять на Землю. Отразилась вверх. Опять Хивисайд. Опять сломалась. А? Как быть? Нельзя говорить Земле с небом? Можно! Пуччи может. Пуччи говорить с Сириусом. Надо пробуравить панцири. Иголочкой коротковолнового луча. Я буду говорить с «ковчегом». А «ковчег» — со мной. Да, если Цандер даст «ковчегу» энергию. Он тоже хорош. Пуччи плюс Цандер — большие дела.

Гансу приходилось переводить эту несуразную речь на общепонятный язык и улавливать смысл скомканных фраз.

Ему было известно, что очень короткие волны — менее десяти сантиметров — способны ионизировать встречающийся на пути воздух, то есть расщеплять его молекулы на заряженные разноименным электричеством ионы и электроны, делать воздух проводником электричества. Известно ему было также и об отражательной способности ионизированного воздуха и слоя Хивисайда. Частицы тропосферы, простирающейся примерно на десять километров высоты, днем ионизируются лучами Солнца. Такой ионизированный слой воздуха частично поглощает, частично рассеивает электроны. На высоте пятидесяти-ста километров простирается другой «панцирь», облегающий земной шар, — так называемый слой Хивисайда, который состоит, по-видимому, из ионизированного азота или разреженного водорода. И луч «ломается», как говорит Пуччи, то есть претерпевает полное внутреннее отражение. Дальнейшая судьба луча такова: отраженный вогнутой по отношению к нему верхней поверхностью — слоем Хивисайда, луч в обратном направлении к Земле встречает выпуклую поверхность ионизированных слоев тропосферы — нижнего, плотного слоя воздуха — и отражается от нее вверх; так обходит он ломаной линией земной шар в пространстве между верхней границей тропосферы и нижним слоем Хивисайда, пока не попадет в менее ионизированный слой воздуха и не достигнет уже земной поверхности. Этим объясняются капризы различной слышимости — так называемое явление фединга. Однако очень короткими волнами огромной мощности, пущенными отвесно вверх, по-видимому, удавалось пробить оба «панциря» и улететь в звездное пространство — по крайней мере такие лучи не возвращались на Землю.

Задачу Пуччи было «пробуравить» эти два «панциря» мощным коротковолновым лучом при помощи «прожекторных антенн» и установить надежную связь Земли с «ковчегом». И это удалось Пуччи. Несмотря на то что в небе ярко светило солнце и воздух, следовательно, был ионизирован. Пуччи при Гансе пустил радиолуч, и луч не вернулся.

— Поехал! — сказал Пуччи и рассмеялся. — Земля— Нептун. Четыре с половиной миллиарда километров. Луч может быть там через четыре часа. А? Хорошо так летать? Пуччи плюс Цандер сделают! Но еще много, много, много работать! Прожекторный антенна плох. Надо лучше. Энергии надо колоссально много. Дорогие депеши Земля — Венера. Работать будешь — много научу. Только ты у меня смотри! — И Пуччи потряс Ганса с силой, которой от него нельзя было ожидать.

Пуччи помогали в работе три молодых инженера. Они были говорливы, ве-

селы, расторопны. Но Пуччи не очень был доволен ими.

— Ничего, что мало знаешь. Будешь хорошо работать, мой помощник будешь. Я — здесь, ты — на ракете. «Алло, Ганс». — «Алло, Пуччи!» — «Какова у вас погода на небе?» Хе-хе-хе!

Ганс проработал в лаборатории Пуччи весь день, а вечером тот же молчаливый пилот доставил его в Стормер-сити.

— Ну что, Пуччи тебя еще не побил? — спросил Винклер, встречая Ганса на аэродроме.

— Почти, — ответил Ганс. — Все допытывается, не коммунист ли я. И, признаться, у меня у самого была большая охота прибить его.

— Нет, уж ты сначала поучись у него. Да, это плод ядовитый, не то что Цандер!

— Эх! — Ганс сделал рукой короткое движение. Винклер понял его.

— Еще раз: всему свое время, Ганс! — сказал Винклер. — А пока довольно об этом. Идем посмотреть маленький пробный полет!

Когда Ганс и Винклер достигли вершины Угрюмой скалы, совсем уже стемнело. Юго-западный ветер нагнал облака, которые клубились возле самого Ганса и скрывали от глаз океан. На площадке один слабый фонарь освещал нечто вроде фабричной трубы, окруженной лесами, как на стройке. В этой трубе находилась ракета.

В полутьме Ганс только по голосам различал присутствующих. Он узнал голоса коммерческого директора, Цандера и Винклера. Блоттон стоял возле фонаря. Лицо его внешне было спокойно.

— Не отложить ли полет? — сказал Стормер. — В такой темноте трудно будет найти ракету. Притом на океане, вероятно, волнение. Что за фантазия летать ночью?

Но Блоттон настаивал на том, чтобы лететь немедленно. Днем Цандер слишком занят, а опыт необходимо закончить возможно скорее.

Из тьмы появилось чье-то лицо. Свет фонаря осветил Амели, подошедшую к Блоттону.

— Итак, вы спешите установить новый рекорд?

— И доказать, что мужчины храбры не меньше женщин, — сказал, смеясь, Цандер. — Все готово.

Генри лег в узкий ящик. Цандер тщательно закрыл крышку, при помощи Винклера и Ганса «вложил» Блоттона, как шпульку в челнок, соединил дыхательную трубку с кислородным аппаратом, спросил по телефону, может ли Блоттон управлять помещенными в ящике рычагами, сказал: «До скорого свидания», — и наглухо закрыл вход в ракету.

— Отойдите!

Едва успели все отойти, как последовал взрыв. Яркий сноп пламени осветил туман, горную площадку, словно сразу взошло солнце. Затем пламя стало быстро меркнуть. В тот же момент загудели сирены целой флотилии моторных быстроходных судов. Сквозь туман засветились на них сильные прожекторы. Они двинулись быстро в путь.

— С такими-то прожекторами да не найти! — сказал Цандер.

— А он не упадет морякам на голову? — спросил Стормер.

— Надеюсь, что нет: все рассчитано.

Ракета погасла вверху. Только скалы еще долго грохотали многоголосым

эхом, словно рассерженные нарушением их вечного покоя.

Глава XII

Первый «Ковчег» оставляет Землю

Все испытания, опыты, подготовительные работы закончились. Блоттон совершил несколько раз полет на «Пикколо», поднимаясь все выше. Число акционеров перевалило за сотню. Это немалая цифра, если принять во внимание, что каждый акционер приносил с собой миллионы. Новые ракеты закладывались уже на плоскогорьях соседних гор. Лихорадочно строилась целая эскадра «ковчегов». Стормер-сити был наполнен приезжими: спасающимися миллионерами, их семьями, собачками, слугами. Гостиницы, магазины, кафе, рестораны, кинотеатры росли, как грибы, покрывали всю площадку, сползали по склонам ущелий, лепились на обрывах. Дела общества процветали...

Это предприятие было грибом, растущим на плесени всеобщего загнивания. Главари предприятия, одержимые звериным страхом, проявляли сильнейшее нетерпение покинуть скорее Землю, чтобы спасти свою жизнь.

Каждая утренняя газета приносила известия, от которых промышленных королей и диктаторов биржи бросало в пот. Революции, последовавшие уже в трех странах, после недолгих, но кровавых войн окончательно сломали бывшее могущество капитала. Во всем мире не останется скоро места для жалкой кучки бывших магнатов, хватающихся теперь за «ковчег». Никакие силы: золото, армии воинов и ученых, заговоры, никакие попытки «могикан» не могли остановить колеса истории. В странах, пока еще не охваченных революцией, жизнь, однако, была нарушена, дезорганизована. Наступила полоса, полная всеобщей анархии. Биржа не повиновалась своим недавним властелинам. Вчерашних хозяев мира охватывал почти мистический ужас, словно они имели дело с какими-то неуловимыми злыми духами, с ужаснейшими демонами, которые ополчились на них и против которых бессильны были правительственные декреты, вся мощь государственного аппарата. Это было похоже на эпидемию чумы. Каждый день вырывал новые жертвы, каждый день производил новые опустошения. Миллионные состояния распадались, как карточные домики от ветра. Из банков уцелели только единицы, но и те были накануне краха и вели друг с другом последнюю ожесточенную борьбу за существование. «Всемирным потоком» разлилась по уцелевшим капиталистическим странам инфляция. Империалистическая система была потрясена в самых основах. Ужасы безработицы превосходили всякое воображение. Толпы безработных объединялись в отряды, срывая работу военных предприятий, громили биржи труда.

«Общественный порядок» трещал по всем швам. «Мы быстро идем к гибели», — писали растерявшиеся буржуазные газеты.

Не мудрено, что «ковчег» начал пользоваться таким успехом.

И все они — леди Хинтон, Маршалль, Стормер, — смертельно дрожа за свою жизнь, торопили Цандера, требуя, угрожая.

Наконец настал день, когда Цандер сообщил им, что «Ноев ковчег» готов к отлету.

Пока шли монтаж и внутренняя отделка, Цандер никого из пассажиров не пускал в ракету. И теперь они с нетерпением устремились туда посмотреть свое новое жилье, в котором им предстоит провести, быть может, немало дней.

Рано утром к стартовой площадке подошли леди Хинтон, Эллен, Блоттон, епископ, Текер, Маршалль, Стормер, Пинч и Шнирер с дочерью.

Цандер, Винклер и Фингер уже ожидали их. В самом начале подъема на широких рельсах лежала веретенообразная ракета. Одна половина ее была зачернена, другая — покрыта белым блестящим металлом, как зеркало отражавшим утренний солнечный свет. Впереди «Ноева ковчега» на тех же рельсах лежали две буксирные ракеты, которые должны были облегчить подъем и затем, отцепившись, вернуться на Землю.

Дверь «ковчега» открывалась изнутри.

— Какая толстая дверь! — заметила Эллен. — Можно подумать, что входишь в несгораемый шкаф.

— Так оно и есть. Ни один несгораемый шкаф не сравнится с «ковчегом» в огнеупорности.

— Ш-ш-ш... шкаф... для... хранения драгоценностей! — иронически заметил Маршалль.

«Драгоценность номер один» — леди Хинтон, опираясь на плечо Эллен и поддерживаемая под руку Блоттоном, первая поднялась по лесенке и вошла внутрь. Она оказалась в среднем, самом широком отсеке ракеты. Этот отсек имел двадцать метров в длину и четыре в диаметре. В стене против двери — пять окон, из которых на пол падали яркие солнечные пятна. Пол, стены, потолок были обтянуты тонкой серой тканью. В углах над окнами виднелись два круглых отверстия, покрытые металлической сеткой. В одно поступал под небольшим давлением кислород, другое служило вентилятором. Поверхность всех стен, не исключая «пола» и «потолка», была увешана небольшими ремнями, расположенными на таком расстоянии друг от друга, чтобы, держась за один из них, можно было достать рукою другой. На «полу» стояло несколько ящиков, из которых рабочие вынимали мебель; столики и стулья были обычного размера, но не совсем обычного вида. Мебель была сделана из альфа-сплава и казалась слишком легкой, непрочной, чтобы ею можно было пользоваться. Сиденья стульев были сделаны из тончайших пластинок, наложенных с промежутками, как в садовой мебели; ножки, спинки — из трубок диаметром не более сантиметра.

Амели заинтересовалась ремешками. Цандер начал объяснять их назначение. В это время Стормер поднял один стул, легкий как перышко, и сказал:

— На таких стульях могут сидеть разве только бесплотные духи!

Цандер извинился, что не успел предупредить пассажиров: мебель предназначена не для земного употребления.

— Не думаю, чтобы на небе я превратился в бесплотного духа, — возразил Стормер. — Что же, мы будем стоять всю дорогу и смотреть на эти игрушки?

— Не беспокойтесь, насидитесь еще и не сломаете ни одного стула.

— Для путешествия площадь достаточная, — продолжала осмотр леди Хинтон. — Ну и что же, каждый получит по такой каюте?

Цандер разочаровал ее. Это самое большое помещение в ракете, предназначенное для кают-компаний. Отсек жилого помещения имеет тридцать два кубических метра, но половина его будет занята всякими грузами, горючим и прочим. Поэтому «чистой» жилой площади остается шестнадцать кубометров. Каюты, расположенные ближе к салону, имеют несколько больший размер — около двадцати кубических метров, к концам ракеты — меньше.

— Разумеется, надо занять ближайшие к кают-компании купе, — сказала леди Хинтон. — Увы, только купе! Это не океанский пароход, где каюты не уступают по размерам и убранству номерам лучших отелей. Будьте добры показать нам каюты!

Чтобы проникнуть в соседнюю каюту, пришлось вернуться к выходной внутренней двери и пройти очень узким коридором между прямой стенкой каюты и овальной — корпуса ракеты.

— Да, здесь не разойдешься! — ворчал Стормер, с трудом протискивая свое грузное тело.

Жилая каюта во всем напоминала первое помещение, но была меньше и имела всего одно окно.

— Бывает хуже, — утешил Стормер.

Все начали выбирать себе каюты. Стормер и тут хотел взять на себя роль распорядителя, но леди Хинтон дала ему решительный отпор. Довольно того, что она на Земле делала ему уступки и даже согласилась назвать его именем город.

Леди Хинтон решительно взялась за распределение кают.

— Пишите, — говорила леди Хинтон непререкаемым тоном. — Правая сторона от кают-компаний: первая каюта — моя; вторая — Эллен; третья — лорда епископа; четвертая — Блоттона; затем идут три Текера — три каюты для них одних! — это слишком много. Одну каюту, быть может, я возьму от вас, доктор, вы не возражаете? — Прежде чем тот открыл рот, она продолжала: — Дальше — Мэри. Ну, вот и все мои.

Теперь пишите дальше, да не перепутайте, уж очень вы суетливы. Левая сторона: первая каюта — Стормер; далее — барон Маршаль; потом — Шнирер, его дочь ну и вы там дальше. Еще кто? Повар-китаец?

— Должен вас предупредить, — сказал Цандер, — что самая передняя каюта будет занята мною, так как там помещается капитанская рубка; две задние каюты в самом конце ракеты — Винклером и Фингером. Они будут следить за работой рулей. Таким образом, эти каюты я, как капитан, бронирую за экипажем.

— На эти каюты никто и не предъявляет претензий! — отвечала леди Хинтон. — Я полагаю, что ни у кого из нас, пассажиров, нет ни малейшего желания ползти по кротовой норе почти пятьдесят метров, чтобы добраться до кают-компаний?

— Конечно! — сказал Цандер. — Мистер Пинч, занесите в протокол.

— У нас, значит, остаются еще три свободные каюты, предназначенные для Гохфеллера с женой и Ричардсона.

— Они заставляют себя ждать, — заметил Стормер.

— Ппоздно п-п-приходящим — кости! — процитировал Маршаль латинскую поговорку.

— Итак, сегодня вечером? — спросил Блоттон.

— Безотлагательно, приедут опоздавшие или не приедут — мы летим.

Все направились к выходу.

— А... а... а... может быть, вы фф-уступите мне свою каюту? Я ххком-пенсирую вас! — подойдя к Стормеру, спросил Маршаль.

— И не подумаю! — ответил тот с обычной грубостью. — Леди Хинтон распределила правильно. Вы тоньше меня, и вам легче пробираться по коридору.

— Ннно все-таки... ф-ф-у меня язва жжелудка...

— А у меня ожирение сердца, склероз, подагра.

— Н-но... сто тысяч я предложил бы...

— Приберегите их для себя. Скоро, кажется, на Земле они будут стоять столько же, сколько и на небе.

Лицо барона побурело — он сердился. Маршалль что-то прошептал своими толстыми губами и отошел от Стормера.

Выходящих из ракеты у лесенки встретил озабоченный коммерческий директор. Он протянул только что полученную радиограмму.

«Три сорок утра Ричардсон покончил собой. Гохфел-лер передумал», — прочитал вслух Цандер.

Послышались соболезнования.

— Ричардсон и Гохфеллер поступили глупо, — сказал Стормер.

— Если нельзя больше бороться за сохранение капитала, то по крайней мере следует бороться за спасение жизни, — произнес Маршалль.

Это сообщение произвело на Маршала и Стормера потрясающее впечатление. Им теперь еще сильнее казалось, что наступает их собственная смерть. Земля потеряна... Лететь, лететь как можно скорее!..

В семь часов тридцать минут вечера все собрались в ракете.

В каждой каюте уже стояли приготовленные гидростабилизаторы и лежали специальные костюмы.

Леди Хинтон запротестовала было, но Цандер заговорил с нею таким неожиданным повелительным тоном, что она опешила и позволила облачить себя в костюм и уложить в ящик с соленой водой. Ганс, Винклер и Цандер собственноручно «упаковали» всех пассажиров.

— Телефон с головной буксирной ракетой включен? — спросил Цандер.

— Есть! — ответил Винклер.

— Пора закрывать входную дверь! — Цандер подошел к еще открытой двери. Огромная толпа собралась посмотреть на отлет. Полиция Стормер-сити удерживала толпу на почтительном расстоянии. Возле ракеты оставались только коммерческий директор, Пуччи и инженеры, которые должны были продолжать строительство «ковчегов» после отлета Цандера.

Они начали прощаться.

Вдруг из толпы послышался истерический крик женщины:

— Пустите меня к нему! Пустите!

Какая-то худощавая, стройная брюнетка в изящном дорожном костюме, с чемоданом в руках спорила с начальником полиции.

— Но я жена его! Я имею к нему важное поручение! — услышал Цандер среди наступившей тишины. Заинтересованная происшествием, толпа затихла.

Женщина прорвала полицейский кордон и быстро побежала к ракете, выкрикивая на ходу:

— Мне необходимо лично видеть его, передать важнейшие известия!

Следом за женщиной бежала прислуга-подросток с тремя огромными круглыми коробками, в каких обычно хранят дамские шляпы.

— Скорей, скорей, Полин! — торопила она горничную.

— Вы понимаете, я едва не опоздала! Ах, боже мой, я не успела представиться! Я личный секретарь барона Маршала де Терлонжа — Мадлен Делькро.

— Позвольте, сударыня, — пытался уяснить положение Цандер, совершен-

но ошеломленный этой атакой, — но ведь мы летим через несколько минут! И вообще...

— И вообще никаких разговоров. Я лечу, и кончено!

Цандер пожал плечами и с недоумением посмотрел на подошедшего Винклера.

— Ну что вы прикажете делать?

Винклер рассмеялся.

Цандер посмотрел с отчаянием на часы-браслет. Оставалось пять минут до отлета.

— Это же не женщина, а черт! Идите скорее следом за нею! Каюта номер четыре. Уложите ее в ящик немедленно. Попробуйте объяснить, уговорить, но на уговоры особенно не тратьте времени.

Ганс и Винклер ушли. Из одной картонки послышалось жалобное мяуканье.

— Этого еще не хватало!

Цандер бросился закрывать дверь. Автоматический затвор был так хорошо прилажен, что это заняло всего несколько секунд. Столько же времени потребовалось, чтобы на окна надвинуть металлические ставни. Цандер зажег электричество, побежал к себе, с лихорадочной быстротой надел костюм, лег в ящик, закрылся и схватился за телефонную трубку, уже соединенную со скафандром.

— Алло, Поллит, у вас все готово?

— Алло! — отвечал пилот головной ракеты инженер Поллит. — Готово!

— Летим!

— Летим!

Это были последние слова, которыми они обменялись перед отлетом.

Толпа, отошедшая от «ковчега» и двух буксирных ракет, вскрикнула, но этого крика никто не слышал, потому что он был покрыт страшным взрывом, словно сразу выстрелили десятки тяжелых орудий. Огненные полосы чудовищной силы извергались из нескольких дюз буксирных ракет.

Ракеты дрогнули, сорвались с места, понеслись вверх по рельсам и взвились в воздух. Все окрестные горы осветились ярким светом, как во время извержения вулкана. Гром затихал вдали, а горы еще долго грохотали эхом. Несколько минут воздух дрожал от этих непрерывных гулких громыханий.

Комета, созданная руками человека, прорезая с ужасающим свистом земную атмосферу, устремлялась в беспредельные бездны неба. Три огненные полосы от трех ракет слились в одну, полоса превратилась в золотистую нить, тянущуюся в ночном небе. Огромная полоса, все уменьшавшаяся, чертила на темной синеве неба золотую линию полета.

Комета превратилась в искрящуюся точку, которая все уменьшалась и наконец совсем погасла.

Самые дальнзоркие люди еще различали в бинокли и трубы некоторое время одну подвижную, быстро мерцавшую звезду среди неподвижных, но вскоре потеряли ее из виду.

Первый «Ноев ковчег» покинул Землю...

Часть вторая В мире невесомого

Глава I Начало путешествия едва не превратилось в его конец



В момент взрыва Цандер испытал необычайное, странное ощущение, словно по его телу прошла тепловая волна, от которой оно сжалось, уплотнилось, напряглось. Стенки предохранительного ящика надавили в момент отлета на заключенную в нем воду, вода сжалась, передавая вибрацию скафандру, воздуху и затем телу Цандера.

Он попробовал двигать руками, ногами. Движения в воде были медленными, связанными плотной средой, но это уже было чисто внешним торможением. Нервы и мышцы действовали нормально.

— Алло, Цандер, как вы себя чувствуете? — услышал он в телефон голос инженера, ведущего вторую буксирную ракету.

— Отлично, — ответил Цандер. — Как дела?

— Головная буксирная ракета уже израсходовала горючее и отчалила. Поллит хорошо справился с задачей, не правда ли? Вы даже не заметили. Сейчас я усилю работу мотора своей ракеты. Вы ощутите увеличение ускорения... Ну как?..

— Да, почувствовал, — отвечал Цандер. — Перед тем как вы покинете нас, скажите за секунду, чтобы я мог несколько изменить направление полета. Иначе как бы наш «ковчег» не наскочил на вас. Когда я пушу в ход свои дюзы, «ковчег» сделает порядочный прыжок.

— Есть! — коротко ответил инженер. И через некоторое время сообщил: — Отчаливаем. Всего хорошего. Надеюсь, до скорого свидания... Если...

Но последних слов Цандер не слышал. Ракета, очевидно, отделилась уже от «ковчеха», разорвав при этом телефонный провод. Цандер повернул маховичок. Сразу заработали пять дюз «ковчеха». Снова ощущение вибрации. Еще поворот, пять новых дюз начали извергать продукты горения. «Представляю, как скверно чувствовали бы мы себя при таком бешеном ускорении без наших гидроамортизаторов, — подумал Цандер и нажал рычаг. — Что такое? Ракета не изменяет направление полета?»

— Алло, Ганс! Алло, Винклер!..

Молчание. Неужели с ними что-нибудь случилось? «Ковчег» может нагнать буксирную ракету, и тогда они столкнутся.

Цандер поспешно повернул маховичок назад, еще и еще, постепенно выключая дюзы. Пять, три, две... Достаточно. Опасность столкновения миновала. Довольно нескольких секунд, чтобы буксиры снизились и открыли путь для «ковчеха». И можно будет снова ускорить полет. Но Винклер, Ганс... Цандер

быстро открывает крышку ящика, выходит из него, стаскивает каучуковый костюм и спешит в другой конец ракеты.

Ускорение полета еще значительно. Как только Цандер вышел из воды, он почувствовал большую тяжесть во всем теле. Словно на голову ему надели тяжелый железный шлем, к рукам и ногам привязали по чугунному ядру. Ему стоило больших усилий передвигать руками и ногами. Его окружала воздушная среда, более разреженная, чем на Земле, — ведь в ракете была всего одна десятая нормального атмосферного давления. А между тем Цандеру казалось, что он движется в среде с огромным сопротивлением, словно в вязком болоте, в которое он провалился с головой.

Цандер не дошел еще и до кают-компания, а уже весь был покрыт испариной и тяжело дышал. «Надо было бы мне выключить еще одну дюзу», — думал он.

Внутри ракеты тишина и неподвижность. Глухо стучит мотор инжекторов, подающих горючее. Безвоздушное пространство не передает звуков, и взрывы газов не слышны. При этом ракета летит со скоростью, превышающей скорость распространения звуков. Мирно светят электрические лампочки. Ничто не говорит о том, стоит ли ракета еще на своей взлетной площадке или несется с космической скоростью в пространство.

Дверь в каюту леди Хинтон полуоткрыта, и Цандер мимоходом взглянул, что там делается. Груды спешно наваленного багажа, и посреди каюты длинный большой ящик, в котором пребывает леди. Но Цандеру не до нее. Он спешит к своим товарищам.

Путь кажется бесконечно длинным. Задыхаясь, он прошел кают-компанию, добрался до каюты Стормера и, шатаясь, остановился, чтобы перевести дух. Неужели у него не хватит сил добраться до кормы?.. Глупости! Надо только крепче взять себя в руки. И он вновь начал переставлять свои свинцовые ноги.

Каюта Маршала... Шнирера... Что это?.. У Цандера закружилась голова. Он ухватился за стену, но тяжесть чугунного тела давила его. Цандер упал. Он стиснул зубы, страшным усилием воли удержался от того, чтобы не потерять сознание, и пополз, чувствуя вкус крови во рту.

Да, ползти было легче, чем идти! Но сознание мутилось... Страшные мысли ворочались в мозгу. Неужели Ганс и Винклер погибли?.. А если сейчас погибнет и он, то весь «ковчег» превратится в летающее кладбище.

Невозобновляемый кислород истощится. Пассажиры один за другим задохнутся в своих «гробах». Восемнадцать трупов будут лететь в «ковчеге». Потом истощится и горючее работающих моторов. Ракета будет лететь по инерции. Но сила земного притяжения еще не преодолена. Что станет с ракетой? Или, быть может, она попала в сферу притяжения Луны? Нет, рано. Скорее всего ракета будет носиться вокруг Земли, как ее новый спутник... Мертвый спутник с мертвыми телами. «Фу, черт возьми! Лео Цандер, ты должен поползти! В кормовой части ракеты, как и в капитанской рубке, есть аппараты управления. Там можно изменить работу дюз. Ползти, ползти!..»

Вот наконец и каюта номер два — Ганса. Дверь, к счастью, открыта. Каюта пуста... Ящик открыт... На полу валяется скафандр... Что с ними?..

Цандер собирает последние силы. Он уже не ползет, а передвигается вперед судорожными движениями выброшенной из воды рыбы. Последняя каюта...

Цандер вползает в нее.

Посредине каюты стоит открытый ящик. В нем полулежит Винклер. Ганс в водолажном костюме с открытой головой лежит, положив руки на плечи Винклера, как Ромео над гробом Джульетты.

Первой мыслью Цандера было — ползти к ним и попытаться привести их в чувство. Но, вспомнив о причине их болезненного состояния, Цандер, собирая последние силы, пополз к последней, кормовой каюте. Он вновь почувствовал вкус крови во рту. Регулятор был всего в нескольких шагах от него. Еще одно нечеловеческое усилие. Засыпанный землей чувствует себя, вероятно, не хуже... Рука медленно тянется к маховичку...

Лампочка светит над головой. Где он? Что произошло?.. Цандер с трудом пытается вспомнить. Он поднимает руку вверх. Пытается подняться и только от одной этой попытки взлетает вверх, оттолкнувшись рукой от пола. Значит, ему все-таки удалось выключить моторы. Сознание совершенно возвращается к нему.

Мысль работает с необычайной четкостью и легкостью. Скорее на помощь Гансу и Винклеру!

Он спешит выбраться из каюты, но это не так-то легко. Нет больше работы моторов, ракета летит по инерции, а это то же, что падать с высоты. Тела потеряли свой вес. Цандер, отталкиваясь от стенок, мечется по каюте, как бильярдный шар от лузы к лузе. Наконец ему удается ухватиться за ремешок у стены. Перебирая ремешки, он быстро выбирается из каюты, цепляется по стенке коридора, «влезает», как на крышу, в каюту Ганса.

Фингер уже самостоятельно сидит на полу и смотрит на Цандера, как только что проснувшийся человек. Винклер лежит еще без памяти. Его невидящие глаза полуоткрыты, тонкая струйка крови застыла у рта. Ганс вскакивает на ноги, тотчас летит к потолку, ударяется головой, летит вниз, снова вверх и так продолжает прыгать, словно игрушечный чертик в стеклянной банке, пока Цандер, пробравшийся к нему по «полу», не хватает его за ногу.

— Что случилось? — спросил Цандер. — Как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке — недаром тренировался, а вот с Винклером, кажется, плохо. Надо сбегать или «слазить» в нашу аптечку.

— Но что у вас произошло?

— Сейчас расскажу. — Ганс, цепляясь за ремешки, уползает с быстротой обезьяны и через минуту возвращается с нашатырным спиртом, одеколоном, камфорой, шприцем.

У Цандера еще трещала голова и горели веки глаз, словно засоренные острыми песчинками, но он принялся приводить в чувство Винклера. Ганс, помогая ему, рассказывал:

— Все наделала эта мадам вертихвостка. Надо было поскорее уложить ее. А она, вместо того чтобы выслушать нас, в истерику. Кое-как справились. Уложили, закрыли. Так она еще в дыхательную трубку кричит: «Варвары! Изверги! За что вы загнали меня в гроб? Проклятые!» Пока с ней возились, сами не успели лечь в амортизатор. Начали одеваться, бросило нас вот к этой стенке. Слышу, будто Винклер стонет. Это когда я сам немного в память пришел. Голова разламывается, руки-ноги не слушаются — ползу. До него дополз, хотел надеть ему скафандр и уложить в стабилизатор, да сам возле него и свалился.

Цандер покачал головой.

— Надо бы вынуть доктора из ящика, — сказал Ганс.

— Иди, Ганс! — сказал, улыбнувшись, Цандер. Он все больше начинал любить и ценить этого юношу.

Прошло на земных часах несколько минут, которые Цандеру показались очень долгими. Несмотря на все меры, Винклер не подавал признаков жизни. Наконец из-за боковой стенки двери показались доктор и Ганс. Доктор был, как всегда, в черном, наглухо застегнутом сюртуке. Ганс предупредил его о способе передвижения, и Текер быстро подполз к Винклеру и осторожно стал на колени, воздерживаясь от резких движений, которые могли бы отбросить его далеко от пациента. Медленным движением он вынул из внутреннего кармана стетоскоп — непременною принадлежность его профессии. Подумав, он так же осторожно переложил его в левую руку и взял правой рукой Винклера, нащупывая пульс.

— Да, пульса нет... — сказал Текер. — А если бы был пульс, я, признаюсь, затруднился бы сказать, нормален он или нет. То, что нормально на Земле, может быть ненормально здесь. И вообще здесь мне придется переучиваться. Создавать, так сказать, небесную медицину. Для того чтобы я мог действовать с привычной уверенностью, мне необходимы и привычные условия или по крайней мере не слишком отличные от земных. Не могли бы вы создать хоть на время такие условия? Думаю, что это было бы полезно и для нашего больного.

Цандер понял его.

— Хорошо, — сказал он. — Я сейчас заставлю работать боковую дюзу. Она придаст ракете вращательное движение вокруг малой оси. Здесь, на конце ракеты, появится особо ощутимая центробежная сила, и все тела снова приобретут вес.

Цандер удалился. Текер, сидя на полу, продолжал держать Винклера за руку. Как ни был осторожен доктор, он еще не приобрел необходимых навыков и, нечаянно изменив позу, оттолкнулся от пола. В тот же момент он вознесся к потолку вместе со своим бесчувственным пациентом, извлеченным из воды. Часть воды, обволакивавшей водолазный костюм, при этом взлете сорвалась, но не потекла вниз, а собралась в шарики различной величины, которые устремились к потолку.

В тот же момент невидимая сила опустила доктора и Винклера на пол. Они снова получили вес, хотя и меньший, чем на Земле.

По-видимому, это изменение скорости полета и связанное с ним изменение кровяного давления произвело на пациента благоприятное действие. Винклер захрипел, а доктор торжественно известил:

— Пульс есть!

Ганс и Цандер вздохнули с облегчением.

— Ганс, пора освободить наших узников. Они, вероятно, уже давно проклинают нас. Пойди к ним, а я побуду здесь с доктором, пока Винклер не придет в себя...

Ганс привык точно и быстро исполнять поручения, но никогда еще его лицо не выражало такого огорчения. Цандер понял его чувства.

— Хорошо, оставайся ты здесь, я сам справлюсь.

«Вот она — теория и жизнь, — думал Цандер. — Расчеты ломаются в самом начале. Драгоценные минуты проходят, а мы вместо того чтобы двигаться

ускоренно, летим по инерции. Отложить „пробуждение мертвых“, чтобы еще раз пришпорить ракету? Но для этого пришлось бы положить в амортизатор Винклера, а он требует ухода. Ну что ж, дадим нашим пассажирам передышку!» Последние уже давно ожидали своего «воскрешения». Стормер сначала бранился на нерасторопность «команды», потом он вообразил, что находится в руках большевиков, которые сыграли с ним страшную шутку. Ганс, Винклер, да и сам Цандер — кто они такие? В сущности говоря, он не знал их. А что, если они коммунисты или продались большевикам? От этой мысли он обливался потом в своем «гробу».

Леди Хинтон тоже решила, что ее обманули. «Неужто они и кормить меня будут через эту кишку?»

Епископ сначала читал псалмы царя Давида, но потом затих.

Маршаль де Терлонж тихо смеялся от радостного возбуждения. Подумать только — освободиться от всех дел, телефонов, волнующих телеграмм, вечно-го напряжения! Располагать своим временем — это ли не блаженство?

Маленький Текер мирно спал.

Пинч вертелся в своем ящике.

Шнирер философствовал и не замечал, где он и что с ним. Никогда еще ему так хорошо не думалось. Абсолютная тишина.

Амели мысленно разговаривала с женихом, вспоминая, однако, Цандера и Ганса и сравнивая их.

Повар Маршалья, китаец Жак, хранил обычную свою молчаливость.

Его-то Цандер и освободил первым. Жак вылез из ящика с таким видом, как будто поднялся со своей кровати.

— А где кухня? Надо барону готовить обед! — сказал он.

— Подождите немного, покажу, — ответил с улыбкой Цандер.

Пинч, как только вышел, схватился за свою записную книжку и забросал Цандера вопросами, неотступно следуя за ним, как истый репортер.

Неожиданная пассажирка, когда Цандер подошел к ее ящику, продолжала еще в дыхательную трубку взывать о помощи. Выйдя из своего заключения, она сначала расплакалась, потом, как в мелодраме, воскликнула:

— Вы мой спаситель! А где барон? Ведите меня к нему.

Пока Цандер извлекал банкира из ящика, Мадлен тихонько стояла в углу, притаившись, словно кошка.

Не успел Цандер снять скафандр с головы Маршалья, как Мадлен предстала перед ним. Барон, увидав ее, обмер. Его и без того выпуклые глаза сделались совсем рачьими. Тупо посмотрев на Делькро несколько мгновений, Маршаль вдруг втянул голову в плечи. Если бы только мог, он сжался бы в комок и юркнул в водолазный костюм. Но он не обладал такой способностью. Его голова с побуревшим лицом осталась снаружи.

— Э-э-э... А-а-а... — Больше он ничего не смог произнести.

— Вы недовольны? — спросила Мадлен. — А я так спешила! Думала: как обойдется барон без личного секретаря? Ну, снимайте же скорее ваш балахон, — смеясь, тормошила она барона. — Вода соленая — я попробовала. Вы не просолились?

— Н — но кх-кх, как же вы узнали?..

— Я давно знала о вашем полете. Читала ваши письма, подслушивала! — ответила она просто.

Глава II

Окончательно «воскресают мертвые», и происходят некоторые «небесные чудеса»

Постепенно все «мертвые» были «воскрешены». Толстая леди Хинтон, снимая водолазный костюм, едва толкнув его вниз, неожиданно выпорхнула из него; сам он «почему-то» не хотел падать к ее ногам, и она оказалась под потолком... Леди Хинтон беспомощно барахталась в воздухе.

Она находилась близко к середине ракеты, где центробежная сила почти не действовала. Леди перегнулась вниз, чтобы прижать края платья к ногам, и, к удивлению своему, не почувствовала прилива крови к голове, как это бывало с нею обычно. Она позвала на помощь Эллен. Цандер втолкнул племянницу к тетке, но Эллен была не менее беспомощна. Она пронеслась через всю каюту, ударилась головой о противоположную стенку, отлетела назад и замарала руками, пытаясь ухватить тетку за платье, но ничего не могла поделать. Какой-нибудь сантиметр отделял ее руку от ноги леди Хинтон, и это расстояние она не могла преодолеть.

— Что случилось? Это же невозможно! — возмущалась леди Хинтон. — Эллен, иди же сюда или лети!

— Я не могу, тетя! — отвечала девушка, висая в середине каюты.

Цандер влез в каюту, не обращая внимания на леди Хинтон, взял ее за руку и показал, как пользоваться ремешками. Леди Хинтон, а вслед за нею и Эллен спустились «вниз».

«Какой скандал! — думала леди Хинтон. — Знала бы, ни за что не полетела в этой ракете!»

Наконец она привела себя в порядок и осторожно уселась в свое кресло. Она сидела в мрачной задумчивости. Из соседней кают-компании доносились голоса. Среди них слышался незнакомый женский голос, высокий, вибрирующий, раздражающий. Кто бы это мог быть? Гости? Но откуда и как они могли появиться здесь?..

Леди Хинтон крепко держалась за подлокотники кресла. Она решила просидеть в кресле все путешествие. Это был островок «твердой земли» среди бесконечного ничто...

Леди откинулась на спинку кресла и в то же время по привычке уперлась ногой о скамеечку. Кресло откинулось назад и — о ужас! — завертелось в воздухе.

В дверь постучали, и она услышала голос Блоттона:

— Можно вползти?

Впустить или не впустить его? Ведь это ужасно! Но возвращаться так еще ужасней.

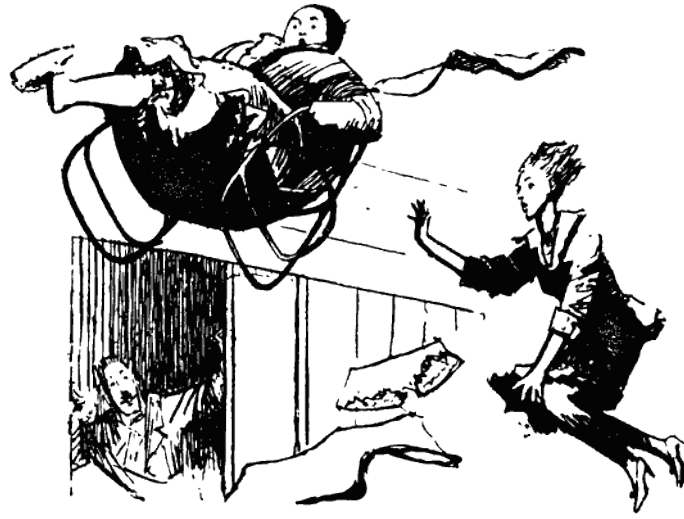
— Войдите! — сказала она, намереваясь сказать «нет».

— Я еще не видал вас, тетя. Как вы себя чув...

Блоттон не договорил и, несмотря на всю выдержку, приобретенную воспитанием, едва не расхохотался при виде почтенной леди в роли белки в колесе.

— Позвольте помочь вам, леди Хинтон! — воскликнул он.

Стараясь сделать это наиболее тактично, он подполз по стене со стороны головы леди Хинтон, схватился за ручку кресла и благополучно опустил его на пол. Леди Хинтон была совершенно удручена. Увы, ее кресло — последняя



опора — не было больше опорой.

Леди Хинтон была встречена в кают-компании с надлежащим почетом. Вся мебель в этом помещении была прикреплена к полу, как на пароходах. Сидящие на ней привязали себя к сиденьям ремешками и чувствовали себя устойчиво. Пинч зажимал в коленях дорожный баул своего хозяина, а Стормер держал в руках бутылку шампанского.

— Мы решили ознаменовать свой благополучный отлет и выпить по бокалу шампанского, — сказал он.

— Ну-с, итак... — продолжал Стормер, раскачивая грушевидную осмоленную пробку. Пробка неожиданно выскочила, брызнула пена. В то же время бутылка вырвалась из рук и полетела в косом направлении к стенке. Все вскрикнули. Цандер рассмеялся.

— Вот вам самый простой пример того, как действует ракета. Бутылка шампанского — это реактивный снаряд.

— Увы, этот пример нам стоит потерянного удовольствия.

— Нисколько! Из бутылки выброшено силою газов только немного пены. Шампанское не вытекает, несмотря на то что бутылка плавает вниз горлышком.

— Что такое?

— Потому что нет силы тяжести, которая извлекла бы жидкость из бутылки. С этими явлениями нам еще не раз придется иметь дело. Посмотрим, как вы справитесь с вашей бутылкой, — загадочно прибавил Цандер.

— Вино цело, выпить его не трудно.

Стормер поймал бутылку и опрокинул ее над бокалом. Шампанское не выливалось. Стормер заглянул, не застрял ли в горлышке кусок пробки, — объяснениям Цандера он еще не верил. Нет, горлышко было свободно. Он тряхнул бутылку. Из нее вылетел «кусочек» янтарной жидкости в виде колбаски, быстро принявшей форму шара. Шар ударился о край бокала и разбился на мелкие шарики, которые полетели в разных направлениях. Некоторые из них в виде мелких капель попали на лица и руки сидящих. Часть жидкости осталась в бокале, но не наполнила дно, а растеклась тонким слоем по стенкам.

Все смотрели почти с ужасом на эти чудеса, как посетители кабачка Ауэрбаха на забавы Мефистофеля, зашедшего туда с Фаустом. Потом взоры всех обратились к Цандеру.

— Увы, я здесь ни при чем, — ответил он на общий немой вопрос. — Все

происходит согласно физическим законам. Ведь каждое жидкое тело в условиях невесомости приобретает форму шара под влиянием сил внутреннего сцепления. Каждая молекула такого тела стремится к центру, и все молекулы постепенно располагаются в форме шара.

— Но из бутылки выскочила колбаска, а не шар, — сказала Амели.

— Горлышко придало жидкости при выходе продолговатую форму. Но как только жидкость оказалась на свободе, она собралась в шар.

— Что же мы будем делать с нашим шампанским, вы мне скажите? — воскликнул Стормер. — Кажется, в бутылке еще осталось вино. Хорошо, что я не вытряс все.

— Да, сделать это не так-то просто, — отвечал Цандер. — Когда мы организуем нашу ракетную жизнь, нам придется обедать в своих каютах, где мы сможем создать почти земные условия тяготения. А на тот случай, когда нам по необходимости придется пребывать в мире невесомости, я кое-что припас, и я предложу вам сейчас же ознакомиться с ракетной посудой.

Цандер вытащил припрятанные под столом особые бутылки и стаканы. Бутылки имели вид резиновых мешков с наконечниками, стаканы напоминали соски, отличаясь от них лишь размерами. Цандер извлек также и небольшой насос.

Одни из присутствующих смеялись, другие негодовали.

— Вот до чего мы дожили, епископ, нас будут кормить из детских рожков, — сказал Маршалль, почти не заикаясь, что с ним бывало редко.

— Фи! Вся поэзия убита, — сказала Делькро, брезгливо морщась. — В этих бурдюках вино потеряет весь свой вкус.

— Значит, вы отказываетесь, господа, от шампанского? — спросил Цандер, беря бутылку от Стормера.

— Нет! Нет! — слышались голоса.

— Так я начинаю. — Он извлек насосом вино из бутылки и накачал его в мешок-бутылку. Открыв небольшое отверстие в «стакане», он, надавив мешок, налил жидкость в «соску». По мере поступления жидкости воздух из соски выходил через верхнее отверстие.

— Вот и готово, — сказал он. — Кто желает попробовать?

Все нерешительно переглядывались. Пинч протянул было руку, но, посмотрев на своего патрона, спрятал ее под стол.

— Дайте, — решительно сказал Стормер и взял «соску» с видом Сократа, принимающего чашу яда. Все смотрели на него. Он помедлил, несколько смущенный, и принялся сосать. Делькро звонко рассмеялась. Маленький Текер заплакал.

Все развеселились, и «соски» разошлись по рукам. Самые горячие тосты, конечно, были... за гибель тех, кто стал причиной бегства.

После завтрака леди Хинтон оккупировала каюту номер девятнадцать, смежную с капитанской рубкой. Рядом с ней помещалась Эллен, далее епископ, Блоттон, семья доктора, Мэри — словом, весь «штат» леди.

В кормовой части, за каютой Винклера и Ганса, — Маршалль, Делькро, Стормер, Шниреры, Пинч, китаец. Цандер настаивал, чтобы повар был помещен в каюте номер три, смежной с каютой Ганса. Но Маршалль возражал: по размеру пая он имел право на такие же удобства, как и леди Хинтон. Это задело Стормера, который вложил в «ковчег» не меньше барона и привлек солидное ко-

личество акционеров.

— Между нами говоря, немалая доля их денег ухлопана нами на наш «ковчег». Это ускорило отлет.

— И если им не хватит денег для постройки «ковчега» номер два и последующих, акционеры, пожалуй, предъявят нам иск, — сказал Маршаль, улыбаясь.

— Пусть попробуют прислать сюда судебную повестку! — ответил Стормер. Делькро заявила, что она займет каюту рядом с бароном. Стормер принужден был примириться с каютой номер пять. За ним поместились Шнирер, Амели, Пинч и китаец — повар Жак.

— Что касается Жака, господа, — сказал Цандер, — то вы сами скоро уступите ему каюту номер три.

Цандер решил укреплять свой авторитет капитана, давая неговорчивым пассажирам «уроки наглядного обучения».

Когда с размещением было покончено, Цандер предложил всем поучиться передвигаться в условиях невесомости.

— Двигаясь «пешком», — говорил он, — вам долго придется перебираться по стенкам. Надо научиться перелетать. Полагаю, что для вас это будет довольно приятным, новым видом спорта. Сейчас я превращу вас в крылатые существа.

Цандер вынул два больших складных веера. Делькро, увидав вееры, быстро протянула к ним руку, но Цандер, немного поколебавшись, передал «крылья» мистеру Пинчу. Пинч схватил вееры и начал махать ими. Он легко, как бабочка, вспорхнул к потолку, перепорхнул к окну и начал возвращаться назад.

— Ловко! Bravo! — слышались голоса.

Польщенный общим вниманием, Пинч решил эффектно «спланировать» к своему стулу. У Пинча правая рука была, как у большинства людей, более развита, чем левая. Ею он махнул сильнее, получился неожиданный вираж, и Пинч, к своему собственному ужасу, сел верхом на плечи своего патрона.

— Мистер Стормер, — сказал Цандер, — вы простите мистера Пинча и убедитесь в его невиновности, когда сами начнете летать. И надеюсь, что мы все скоро будем соперничать в этом искусстве с лучшими из стрекоз. Но нам необходимо научиться еще одному, более сложному искусству: поворачивать тело в условиях невесомости. Позвольте вас обескрылить, мистер Пинч. Так. Теперь дайте мне вашу руку.

Цандер приподнял Пинча в воздухе, придал его телу горизонтальное в отношении «пола» каюты положение и оставил так.

— Вы висите в воздухе лицом вниз, вам нужно перевернуться. Попробуйте это сделать.

Пинч, привыкший к легким успехам, начал ворочаться, но на этот раз его ждала полная неудача. Он корчился, изгибался, даже пробовал ухватиться рукой за носок ботинка, но не тут-то было. Выбившись из сил и выпрямившись, он оказался лежащим, или, вернее, парящим, в том же положении, которое ему придал Цандер. Цандер вынул из ящика стола металлический диск, подал Пинчу и сказал:

— Держите диск так, как будто вы несете тарелку с супом, и начинайте вращать этот диск. Не бойтесь выронить — не упадет.

Пинч старательно выполнил приказ — и что же? В то время как диск начал вращаться в одну сторону, тело Пинча медленно поворачивалось в противо-

положную. Таким образом, он не только перевернулся вверх лицом, но и продолжал вращаться, как на трапеции.

— Попробуйте, меня направление движения диска, остановиться именно в таком положении, чтобы лицо оказалось обращенным кверху.

Это было не так легко сделать, но в конце концов удалось Пинчу.

— Теперь поверните диск ребром к груди. Вращайте.

И тело Пинча начало поворачиваться над «полом», как стрелки часов.



— Когда вы приспособитесь к диску, то в состоянии будете придавать своему телу любое положение.

— Я полагаю, что это возможно сделать и при помощи крыльев, — ответил Пинч.

— В каюте — да, но не в безвоздушном пространстве. А ведь нам придется выходить из ракеты наружу, там «крылья» будут уже бесполезны. Таким же самым образом управляется и полет нашей ракеты, — продолжал Цандер. — Применяя силу действия прямых или боковых дюз, мы можем придавать ракете вращение вдоль большой и малой оси, поворачивая то ту, то другую ее сторону к Солнцу, заставляя лететь «кувырком», направляя ее полет в любом направлении. Легкий ракетный костюм, на поясе два веера и диск — таково будет наше обмундирование.

— Я устала, — сказала леди Хинтон. — Я должна идти к себе спать. На Зем-

ле, вероятно, уже ночь, а здесь ставни закрыты, и не разобрать, день или ночь.

— Открывать ставни еще рано, — отвечал Цандер. — Да и открытые ставни вам немного скажут. Что же касается времени, то нам придется оставить счет по земным часам и суткам. Об этом мы еще будем говорить. Сейчас же, господа, действительно лучше всего лечь спать, причем я рекомендую лечь в водолазных костюмах на водяную постель гидроамортизаторов. Ручаюсь, что выспитесь вы идеально. За это время я набрал бы скорость и сделал бы некоторые подсчеты.

— А вы сами будете ложиться в ящик?

— Да, почти всю работу я произведу, лежа в нем. Итак, спокойной ночи. Я пришлю Ганса помочь вам. Когда проснетесь, нажмите кнопку в крышке, крышка поднимется, и вы сможете выйти. Но не делайте этого, пока я по телефону не предупрежу вас, что моторы выключены. Иначе вы можете серьезно пострадать, как пострадал Винклер.

У Стормера вновь проснулись его подозрения. Положим, все пассажиры были благополучно извлечены из ящичков. Но это еще ничего не доказывает. В «ковчеге» может быть заговор. Надо следить.

Стормер имел зоркие глаза, но слишком грузное тело. И потому он решил поручить Пинчу заняться сыском. Пинч охотно принял это предложение, ибо всюду совать свой нос было его профессией.

Глава III

Как Лео Цандер вместо завтрака накормил пассажиров «Ковчега»... уроком физики

В «ковчеге» наступила первая «ночь».

Пассажиры лежали в ящичках и еще не спали. Темно, тепло, дышать легко, лежать мягко до неощутимости. Через дыхательную трубку доносится отдаленное гудение. Маленькое, едва заметное изменение самочувствия. Вероятно, Цандеру удалось выровнять полет ракеты. Чем-то они заняты — Цандер, Ганс, Винклер?

Цандер приостанавливает вращательное движение ракеты, выравнивает ее полет, открывает ставню окна, смотрит на небо. Ракета летит в густой тени Земли. Солнца не видно. Цандер определяет расстояния, измеряет углы между несколькими светящимися точками мирового пространства, считает, призывает на помощь жироскопы, акселерометры...

Недаром Цандер никого не пускал к себе, когда жил на Земле! Даже Винклер не знал, что в мезонине Цандер превратил одну из комнат в будущую капитанскую рубку межпланетного корабля. Это могло показаться игрой: Цандер просиживал в своей рубке ночи напролет, наблюдая звездное небо сквозь окно, сделанное в крыше, представлял себя летящим в ракете, давал сам себе различные задания, разрешал поставленные задачи; овладевал наукой астронавигации и искусством капитана межпланетного корабля. Вот почему он так уверенно работал сейчас.

Покончив с работой, он обратился к Винклеру и Гансу с такой речью:

— Я, признаться, отчасти умышленно уложил всех пассажиров, чтобы они нам не мешали. Вы знаете, что я проводил опыты и над реактивными двигателями, работающими на внутриатомной энергии. Теоретически и опытно — в условиях земной лаборатории — задача мною как будто разрешена.

В запасе имеется у меня и другой «кнутик» для подстегивания нашей раке-

ты — электромагнитные силы. Тут нам должен помочь с Земли Пуччи. «Пуччи плюс Цандер...» Вы, вероятно, слышали такую фразу? При помощи комбинации этих способов я надеюсь довести полет ракеты до таких скоростей, которые еще и сейчас считаются на Земле фантастическими. Настало время проверки. Я воспользовался тем, что у нас несколько кают оказались свободными, и успел погрузить в ракету мои атомные и электромагнитные двигатели. Для начала мы попробуем, что нам даст энергия атома. Вот в этом кусочке меди заключена атомная энергия, достаточная для того, чтобы вынести нас за пределы Солнечной системы, вернуться обратно, вдоль и поперек пролететь орбиты всех планет, вновь унести к звездам и вновь вернуться. Винклер, вы почувствуете себя сносно? Можете принять участие в работах?

— Я чувствовал бы себя вдвое хуже, если бы не смог принять в них участия, — ответил Винклер.

— Мы все приготовим, затем сами уляжемся в гидроамортизаторы, а наши пассажиры, проснувшись, даже не заметят, что мы заставили их тела мчаться в мировом пространстве быстрее кометы; что я создал им настоящую машину времени, которая, не будучи фантастической, не может переносить их в прошлое, но зато в состоянии показать им будущее — то будущее, которое они, конечно, так скоро не увидели бы, если бы жили на Земле. Идемте!

Но Винклер был еще плох, и Цандеру в эту ночь не удалось поработать с новыми двигателями.

Настало утро второго дня полета. Пассажиры прекрасно выспались и чувствовали себя небывало легко и бодро. Ставни окон открыты. Яркие лучи солнечного света вливались в каюты. Светло и тепло. В ракете вновь существовала небольшая искусственная тяжесть.

В каждой каюте на стуле лежали два ракетных костюма. Один из них — в виде шелкового купального костюма, другой, более «приличный» с точки зрения леди Хинтон, но все же «неприличный для женщины», — комбинезон.

Из-за этих костюмов между леди Хинтон и ее племянницей произошла размолвка. Леди Хинтон не только сама отказалась надевать «шутовские костюмы», но и запретила сделать это Эллен. И что же? Вместо беспрекословного повиновения, как это всегда бывало на Земле, Эллен начала возражать.

Вошла Мэри:

— Ванна готова.

Эта ванна причинила Мэри и леди Хинтон немало хлопот.

Ванная комната помещалась в отдельном отсеке и представляла собой очень маленькое помещение с небольшой ванной, которая могла перемещаться на роликах в зависимости от того, куда перемещался «пол». На Земле, если поставить ракету вверх носом, «пол» находился в одном месте; при боковом положении, когда ракета поднималась с Земли, «пол» перемещался на боковую стенку; во время же вращения ракеты и появления центробежной силы «полом» становился «потолок». Таким образом, люди, находившиеся на противоположных концах ракеты, во время ее вращения были обращены друг к другу головами.

— Лейте же воду! Что вы не льете? — нервничала леди Хинтон, сидя в ванне с закрытыми глазами.

— Я лью, леди Хинтон, — отвечала Мэри. Не могла же она заставить воду падать на голову и плечи леди быстрее, чем это позволяла центробежная си-

ла.

Кое-как омовение было окончено. Леди Хинтон нарядилась в утренний халат и проследовала к себе. В коридоре какая-то мельчайшая пыль, попавшая ей в горло, вызвала кашель. Леди Хинтон и Мэри вскрикнули.

Оказалось, это Мадден открывала коробку пудры и рассыпала ее, — так трудно было рассчитать свои движения в этом необычайном мире. Пудра, как молочное облако, мгновенно наполнила всю комнату. Струи циркулирующего воздуха быстро разнесли это облако и в другие каюты. Вся ракета словно наполнилась лондонским туманом. Отовсюду слышался судорожный кашель. Пришлось весь воздух при помощи вентиляторов пропустить через фильтры, которые действовали так исправно, что вскоре вся ракета была очищена от пыли.

Волнение улеглось, и все с нетерпением ожидали завтрака. Но завтрак заставлял себя ждать.

Для Жака и его кухни, по постановлению общего собрания «акционеров», была отведена каюта, смежная с кают-компанией. Туда и были перенесены все кухонные принадлежности.

Проголодавшиеся пассажиры, потеряв терпение, отправились в кухню раззнать, почему не подают завтрак. В кухне уже толпилось довольно много народу: повар Маршалья китаец Жак, Мэри, которая готовила для леди Хинтон, для Эллен, епископа и Блоттона; Амели, взявшая на себя заботу о столе отца; Марта Текер. Любопытствующие пассажиры наполнили коридор, заглядывали в кухню. Там творилось нечто невероятное. В воздухе плавали тарелки, кастрюли, ложки. Жак ловил их, пытаясь поставить на ящик, но они, словно играя с ним, ускользали из рук, разлетались; тарелки разбивались, и осколки плавали в воздухе, носились по кухне, отталкиваясь от стенок и людей.

Жак, отчаявшись привести посуду к повиновению, попытался зажечь захваченную с собой спиртовку. Повар зажигал спичку за спичкой. Они зажигались, но тотчас гасли. Наконец он сложил сразу несколько спичек, зажег их и подвел пламя прямо к горелке спиртовки. Спирт вспыхнул, но тотчас погас.

— Спички отсырели, и спирт отсырел, — сказал он по-французски, с небольшим акцентом.

— Спички в порядке, и спирт в порядке, — возразил появившийся Цандер. — Но пламя не может гореть в условиях невесомости. При всяком горении или окислении происходит поглощение кислорода и выделение негорючих газов — углекислоты, водяного пара. В условиях невесомости эти продукты горения не могут удаляться сами собой, как на Земле, вследствие своей легкости и первоначальной высокой температуры. Здесь они окружают пламя, создают вокруг него оболочку, прекращающую доступ воздуха, и пламя гаснет.

— Неужто же мы обречены на то, чтобы пить холодную воду? — спросил Стормер.

— Можно готовить на электрической плите; она, вероятно, запасена мистером Цандером, — догадался Пинч.

— Вы правы, — ответил Цандер. — Но бьюсь об заклад, что вы не вскипятите здесь вашего чайника и на электрической плите. Вы уж позвольте вас сегодня помучить. Вам самим необходимо убедиться на опыте во всем, иначе вы будете капризничать и требовать от меня невозможного. Поставьте чайник

на плиту, вот она.

Жак сбегал за водой в кормовую каюту, — в кухне ее невозможно было бы налить в чайник, так как в середине ракеты центробежная сила почти не действовала.

Чайник осторожно, чтобы он не «улетел», поставили на плиту.

Прошло пять, десять, пятнадцать долгих минут — ни малейшего признака кипения.

— В чем же дело? Мы хотим чаю, а не физических опытов, — сказал уже с раздражением Стормер.

— А дело в том, — спокойно отвечал Цандер, — что вода не может закипеть до тех пор, пока все ее частицы не перемешаются. Как происходит кипение на Земле? Те слои воды, которые находятся внизу и соприкасаются с горячим дном чайника, расширяются, становятся легче и вытесняются вверх. Верхние же, холодные и потому более тяжелые слои воды опускаются на дно, чтобы, нагревшись, в свою очередь подняться. Так продолжается до тех пор, пока вся вода не нагреется до ста градусов. Тогда чайник закипает. Но здесь нет земного притяжения, которое заставляло бы более холодные, верхние, тяжелые слои воды опускаться вниз. Перемешивания не происходит, и вода нагревается крайне медленно — теплопроводностью.

— А жарить на сковородке здесь можно? — спросил Стормер, любивший бифштекс. Он захватил с собою банки с консервами.

— Попробуем, — ответил Цандер. Он заставил Жака положить на сковородку кусок масла, поверх него — консервированного мяса и поставить все это на электрическую плиту. Как только масло внизу подтаяло и начало превращаться в пар, упругие пары масла подбросили кусок мяса к «потолку».

Желтое лицо китайца посерело.

— Я больше не могу быть поваром.

— Не отчаивайтесь, Жак, — ответил Цандер. — Дело не так уж плохо. Вам только придется привыкнуть к новым способам приготовления пищи.

И Цандер начал объяснять, как готовить «по-небесному». Он показал специальные кастрюли, в которых имелись вращающиеся лопасти, как в машинах «мокрой флотации». Эти лопасти, приводимые в действие электричеством, все время перемешивали воду в кастрюле, и вода быстро закипала. Показал особые сковороды с крышками, в которых можно было готовить блюда, не опасаясь того, что бифштекс и яичница окажутся на «потолке».

Цандер не напрасно промучил голодом своих пассажиров. Теперь он предъявил им свои требования: едва ли кто-нибудь станет возражать.

— Все это, как видите, не так страшно. Но если вы хотите иметь завтрак и обед вовремя, вы должны примириться с некоторыми особыми требованиями. Вы сами видели и могли убедиться в том, что готовить в условиях невесомости не легко, даже имея специально приспособленное оборудование. Если кухня останется здесь, рядом с кают-компанией, то есть в среде постоянного отсутствия тяжести, то Жаку придется тратить слишком много времени на ловлю летающих по воздуху кастрюль и тарелок. Правда, он будет меньше бить посуду. Но это не меняет дела. Мыть же посуду здесь совершенно неудобно. Поэтому я предлагаю перенести кухню в каюту, смежную с каютой Ганса. Вот все, что я могу сделать, чтобы не беспокоить и не переселять леди Хинтон. Вы согласны, господа?

Ничего больше не оставалось, как согласиться.

За первым предложением последовало второе — более серьезное. Цандер заявил, что обслуживание пассажиров должно быть реорганизовано. Делать из маленькой каюты общую кухню нецелесообразно — люди будут лишь мешать друг другу. Это первое. Второе: на ракете должно быть проведено распределение труда. Цандер не может согласиться с тем, чтобы он сам, Ганс и Винклер тратили время на изготовление пицци. У них слишком много другой, более важной работы. Поэтому Цандер предложил сделать Жака коком, обслуживающим всех пассажиров и команду «ковчега». Мэри будет занята уборкой всех кают и помещений ракеты. Стирать, гладить будет Жак на стиральных машинах, в этом ему поможет Мэри. Доступ в кухню разрешается только Жаку, Мэри и миссис Текер, имеющей грудного ребенка. Маршалль был возмущен такой расстановкой. Этот инженеришка счел нужным раньше переговорить с каким-то поваром, китайцем, а... не с его хозяином.

— А-а-а хь... хья возражаю. Слуга мой. Я внес за него паевые и к-купил место. У меня режим, диета... Он готовит мне специальные блюда. Я не согласен...

— Очень сожалею об этом, но придется, видимо, не посчитаться с вашим желанием.

Это было уже открытым вызовом. Маршалль посинел от невероятного усилия побороть препоны своей речи и отчитать Цандера как следует. Ведь он должен был, невзирая на свою «межпланетность», защищать ни много ни мало, как традиционный принцип частной собственности, ибо на Жака он смотрел как на принадлежащую ему вещь. Сегодня у него отнимут Жака, завтра потребуют его личный багаж, послезавтра еще заставят, чего доброго, работать... Неужели Стормер этого не понимает?

Когда в каюте было убрано, леди Хинтон уселась в кресло поудобнее. По одну ее сторону уселся епископ, по другую — Эллен. Обстановка так напоминала Землю и все же была совершенно иной.

— Не кажется ли вам, мой добрый друг, — сказала она, обращаясь к епископу, — что они все-таки засадили нас в летающую тюрьму?..

Глава IV

Пленники машины

После завтрака часть пассажиров собралась в кают-компанию. Туда же явился и Цандер. Все посмотрели на него с опаской. Капитан был слишком занятым человеком, чтобы приходить сюда просто поболтать. Очевидно, у него какие-нибудь новые идеи.

— Десять часов утра. Как поздно сегодня я позавтракал! — сказал Стормер, взглянув на свои золотые часы.

— По часам Стормер-сити, — заметил Цандер.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Стормер.

— То, что ваши часы теперь не будут согласоваться с земными. Да ведь и на Земле не везде одинаковое время. В Америке, в Стормер-сити, сейчас около десяти часов утра, на противоположном пункте земного шара — десять вечера, в третьем месте — иное время. Земля вращается, мы летим. Какой же пункт Земли вы предполагаете избрать для определения времени здесь, на ракете? Все это условно, относительно.

— Как же мы будем определять дни, часы?

— Наш организм привык к смене дня и ночи, отдыха и бодрствования. Поэтому будем пока считать по-земному: двенадцать часов для дня и столько же для ночи.

— Придется вести наше летосчисление с момента отлета? — спросил Стормер.

— Совершенно верно. Нам придется вести условное время и летосчисление.

Неожиданно раздался взрыв и крик повара. Цандер пошел на кухню. Когда он вернулся, Стормер спросил:

— Что случилось?

— У Жака взорвался герметический бак для кипячения воды. Хорошо, что в этот момент он вышел из кухни, иначе его обварило бы паром. Придется еще проинструктировать нашего кока.

— А мистер Пинч уже решил, что мы столкнулись с метеором.

— Вероятность, равная нулю, — ответил Цандер. — В самых густых потоках метеоров, например в Леонидах, крупинки рассеяны так, что один метеор отстоит от другого в среднем на сто километров. Можно подсчитать, что в среднем ракета должна странствовать пятьсот лет, прежде чем встретит хоть один метеор. Простите, но я больше не имею времени беседовать об этом с вами и хотел бы поговорить сейчас о другом важном деле...

Все насторожились.

— Путешествие в ракетном корабле для пассажира, в конце концов, скучная вещь, — начал Цандер издали. — Все то же небо и те же звезды. Необходимо чем-то заполнить ваше время, иначе оно будет для вас ползти слишком медленно...

— На это мы не обижаемся. После горячки земных дел отдохнуть даже необходимо, — поспешил ответить Стормер, подумав: «Вот он куда клонит! Дело идет к трудовой повинности. Не для того я выбросил миллионы и полетел на этом корабле, чтобы поступить в батраки к Цандеру».

Догадался и Маршаль.

— У-у м-меня язва... Я инвалид.

— А у меня одышка, подагра, склероз сердца, — поспешил застраховать себя еще раз Стормер.

— Я полагаю, что каждому из вас найдется такое дело, которое ни в коем случае не отзовется на вашем здоровье, — ответил Цандер. — Ведь на Земле с вашими болезнями вы довольно интенсивно работали. Работа, которую я предложу вам, будет гораздо легче. Она не потребует ни нервного, ни слишком большого умственного напряжения. Работа неутомительная даже для инвалидов.

— Отказываюсь! Принципиально!

— Может быть, барон, вы принципиально откажетесь и есть? — спросил Цандер.

— Что за нелепый вопрос? Прр-продуктами мы как будто обеспечены?

— На сколько времени? И сколько времени продлится наше путешествие? Этого никто не может сказать.

— Н-но вы же сами говорили, что можете заставить течь события на Земле с большой скоростью. Быть может, за два наших ракетных месяца от врагов наших останется пепел и мы вернемся на Землю?..

— Я еще не закончил регулировку моего двигателя с внутриатомной энергией. Нам необходимо подумать о будущем — об устройстве круговорота веществ, который обеспечил бы наше питание на неопределенно долгий срок. Не напрасно же мы взяли с собой в разобранном виде оранжерею. Кроме того, нам необходимо установить солнечный двигатель, телескоп. Работы много, и нам с Гансом Фингером и Винклером не справиться одним.

— Недостает того, чтобы я полез на крышу огород разводить! — запальчиво сказал Стормер.

— Это сделают другие, более молодые и сильные, — ответил Цандер. — Но вы прекрасно можете приглядывать за оранжереей, за работой некоторых аппаратов, делать записи, даже кое-какие подсчеты. Словом, я дам вам определенные задания, расписание работ и расписание вашего рабочего дня.

— Продолжительность рабочего дня, отпуска, размер заработной платы, быть может, и штрафы за прогулы? — спросил Стормер.

Цандер пожал плечами и ответил:

— Я полагаю, что имею дело со взрослыми людьми. Подумайте, господа, и сегодня дайте мне ответ. Я не хочу принуждать вас, но и не стану отказываться от своего предложения.

Он вышел.

Все сидели озадаченные, поглядывая друг на друга.

— Мы ему покажем, как командовать нами! — хорохорился Пинч.

— Да, положение необходимо изменить, — проворчал Стормер. — Почему, собственно, Цандер взял на себя роль какого-то диктатора? Ну, он капитан, допустим. Но разве мы не путешествовали в доброе старое время на океанских пароходах? Разве мы не знаем прав капитана? Нам необходимо подумать о форме правления, так сказать. Необходима верховная власть, которая решала бы всяческие вопросы и конфликты. Почему бы мне, например, не быть президентом?..

— Хь... или мне?

— Или избрать леди Хинтон королевой, а нас — ее министрами? — с улыбкой предложил Блоттон.

— Не то! Не так! Не в том дело! — неожиданно, как всегда, заговорил Шнирер. — Вы сейчас ищите выхода, но не находите и не найдете его. Вы обвиняете Цандера в узурпации власти. Но дело не только в нем. Дело в машине! Она — бог, поработивший нас, а Цандер только верховный жрец ее. С тех пор как вы вступили на это чудовище, эту летящую машину, вы стали ее рабами. Она заставит вас работать на нее, служить ей. Мы ворочаемся, как черви, в ее брюхе...

— Как Иона во чреве китовом, — сострил Стормер.

— Машина калечила людей на Земле и будет калечить теперь вас, если вы не истребите ее, когда прилетите на новую Землю.

— Ну, на новой Земле мы сможем заставить работать возле машин других, как делали это и на старой. Пусть работают Цандеры, Гансы, Винклеры, Мэри, Жаки и их потомки. А мы будем и там получать те выгоды, которые дают машины и которых я ни за что не стану отрицать, — возразил Стормер.

— О бездна непонимания! — фальцетом закричал Шнирер. — Да неужели вы до сих пор не понимаете, что машины угрожают не только тем, кто ходит возле них? Машины порождают рабочих, рабочие несут с собой революцию, а

революции уничтожат всех вас. Всякая машина уже чревата вашей смертью, вашим уничтожением. Понимаете?

— Что же вы предлагаете сделать?

— Долой машины! Долой это исчадие ада, эти чудовища, несущие нам смерть! Ближе к природе, к естественной жизни первобытных людей! Только одна природа может сделать людей истинно свободными и равными.

— С-сейчас нужно одно: немедленно объявить протест, пойти к Цандеру и сказать, что мы н-не будем работать! Мы пассажиры, а не слуги! Пусть об этом не забывает Цандер. Мы построили этот «ковчег», он наша собственность, и мы будем на нем хозяевами, а не чернорабочими. Так и передайте Цандеру, мистер Пинч. Идите же!..

Глава V

О плохо устроенном космосе, об относительном движении и о прочих вещах

Однажды после утреннего чая Пинч, обращаясь к Цандеру, сказал:

— Когда же мы будем устанавливать зеркальный телескоп? Пора нам совершить вылазку из ракеты...

— Хотя бы сегодня, — ответил Цандер. — Вы пристегнете к телу портативные ракеты, но не будете пускать их в ход, пока я не выйду к вам вместе с Винклером. Нам надо еще окончить осмотр мотора. Ганс, вы можете отправляться на установку. Мы справимся без вас. Итак, для начала пять следопытов отправляются исследовать мировое пространство и устанавливать телескоп, — улыбаясь, сказал Цандер.

— Наденем эфиролазные костюмы, возьмем часть зеркал — и в путь! — воскликнул Пинч.

Спроектированный Цандером зеркальный телескоп был самым совершенным и оригинальным в мире рефлектором не только по конструкции, но и по материалам. Огромное зеркало в несколько десятков метров диаметром должно собираться в безвоздушном пространстве из отдельных полированных металлических листов. Зеркало устанавливается на расстоянии нескольких сот метров от ракеты — фокусное расстояние — и должно соединяться с нею легкими, тонкими трубами, при помощи которых астроном, сидящий в ракете и производящий наблюдения над различными светилами, может поворачивать свой объектив на требуемый угол.

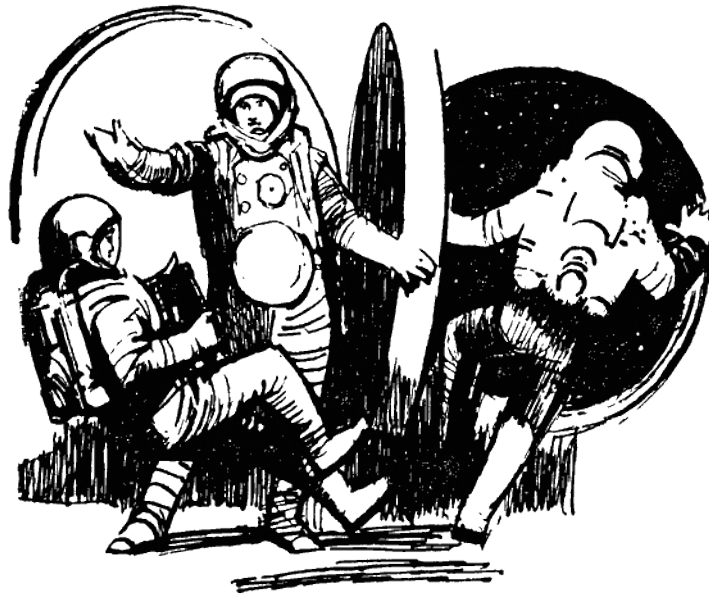
Так межпланетные беглецы вооружались инструментами, которые давали им возможность еще больше расширить пределы видимого мира.

Это оригинальное сооружение обладало, однако, недостатком: при ускорении или торможении зеркало необходимо было убирать, иначе оно могло разлететься в куски.

Через четверть часа Блоттон, Амели, Мадлен и Пинч, готовые в путь, собрались в люке небольшой камеры, которая едва вмещала их. Громоздкие, неуклюжие и тяжелые на земле костюмы их здесь оказались чрезвычайно удобными и легкими. В руках все держали части зеркала. На плечах путников были прикреплены портативные ракеты в виде ранца. К поясу подвешены диски вращения. Шлемы связаны телефонными проводами, чтобы люди могли разговаривать друг с другом. Кроме того, у каждого на поясе висел большой моток тонкой стальной проволоки. Цандер настоял на том, чтобы эфиролазы прикрепili себя этой проволокой к обшивке звездолета. Он лично осмотрел

костюмы, проверил исправность приборов, подающих кислород и приводящих в действие портативные ракеты, и кивнул головой: они уже не могли слышать его.

Винклер запер тяжелую толстую внутреннюю дверь камеры. Загудел мотор вакуум-насоса. По мере того как атмосферное давление в камере уменьшалось, костюмы путников под влиянием внутреннего давления в две трети атмосферы расширились. Но это расширение шло до известного предела: костюмы имели, кроме нескольких слоев мягкой термоизоляционной прокладки, слой частой металлической сетки, которая играла двойную роль: нагреваясь от аккумулятора, она отепляла костюмы изнутри и вместе с тем увеличивала механическую прочность ткани. Четыре вздувшиеся фигуры действительно казались жителями неведомой планеты.



Когда вакуумметр показал, что в люке осталось менее тысячной доли атмосферного давления, Фингер открыл двойную внешнюю круглую дверь.

Один за другим «эфиролазы» вылезли из ракеты и прикрепили к петлям на ее поверхности концы своих проволок. Фингер первый оттолкнулся ногой от звездолета и устремился в пространство. Следом за ним попрыгали «вниз головой» другие. Он уже начал разбираться (помогли упражнения в Стормер-сити) в ощущениях этого нового мира.

Мускулы ног действовали, как пружина, оттолкнув не только путников от ракеты, но и ракету от путников; но так как масса ракеты во много раз превышала массу человеческого тела, то удар по ракете произвел ничтожнейшее изменение в ее движении, тогда как путники оттолкнулись с заметной скоростью, причем всем казалось, что не они отделились от ракеты, а ракета была отброшена от них движением ноги, они же остались на месте. Фингер смотрел на ракету. Она постепенно уменьшалась в размерах, удаляясь от них. А все-таки она от них или они от нее? Фингер основательно продумал закон относительного движения. Он знал, что для них улетает ракета, для сидящих в ракете — улетают они, и оба утверждения правильны — каждое для своего наблюдателя.

Теперь каждый из спутников сделался самостоятельным небесным телом со своим собственным движением, траекторией полета. На эти новые небесные тела распространялись все законы небесной механики.

Летят они или стоят на месте? И если летят, то куда? Вверх? Вниз? Здесь не было ни верха, ни низа. Ракета оставалась под ногами — значит, они летят «вверх». Но сияющий шар Земли плыл в мировом пространстве над головой. Значит, они летят на Землю, то есть падают «вниз». А в отношении звезд? От миллионов далеких звезд они удалялись, к миллионам — приближались под всевозможнейшими углами. Если же зажмуриться, то кажется, что вообще нет никакого движения. Равномерное и прямолинейное движение неотличимо от неподвижности — так, кажется, утверждал Галилей?..

Сколько раз он продумывал это, летая «теоретически» еще в Стормер-сити, и вот теперь, когда он в действительности находится «среди звезд», он постигает на практике относительность движения.

Телефоны молчат. Люди слишком подавлены, ошеломлены, чтобы говорить.

Человек и космос! Никогда еще не стояли они так близко «лицом к лицу». Ничтожные пылинки мироздания, они обладали всемогущим умом, умелыми руками, которые подняли их к звездам... Маленькие, нелепые фигурки копошились в океане Вселенной.

Это был мир вечного молчания, полной, абсолютной тишины и холода. Здесь беззвучен громовой грохот всех ракетных дюз. Здесь нет ни ветров, ни облаков, ни дождей, ни туманов, ни перемен температуры, нет «погоды», нет смены дня и ночи, времен года...

И что удивительнее всего, Вселенная поражала не своей грандиозностью, а только необычностью.

«Эфиrolазам» казалось, что они находятся в центре шара, окрашенного в глубокий черный цвет. Млечный Путь опоясывал всю сферу, разделяя ее на две половины. Звезды — пылинки, крупинки — сияли, не мигая, изумрудами, аметистами, алмазами, рубинами, топазами. Бледным холодным светом светились Плеяды, четко выделявшиеся на темном фоне. Вверху виднелся земной шар, и возле него — Луна. Земля была на четверть затемнена. На освещенной стороне выделялись знакомые очертания Африки. Справа пылало Солнце; свет его был ослепительно ярким.

Созвездия имели тот же самый знакомый «земной» вид. Так же раскинулась по небу Большая Медведица, такие же очертания, как с Земли, имели Кассиопея, Андромеда, Пегас, Персей, Орион. Однако здесь были сразу видны созвездия и южного и северного полушарий Земли.

— Сэр, не можете ли вы ущипнуть меня за руку? — первым нарушил молчание Пинч, пользуясь своим телефоном. — Скажите мне: это сон или действительность?

— Забавная действительность! — сказал Генри.

— А мне кажется, что это неостроумный сон. Я не знаю, кто придумывает наши сны или они сами придумываются, но только эта выдумка неудачна.

— Советую вам, мистер Пинч, придумать космос получше. Вы на этом хорошо можете заработать! — сказала Амели.

— Эх, что сейчас делается на Пиккадилли?.. Вот там освещение, не космосу чета! Там ночью светлее, чем здесь днем!

Амели и Мадлен испуганно жались к обшивке ракеты. Обе кисло улыбались.

— Потребуйте из кассы деньги обратно, — сказала Мадлен. — Хотя вы пра-

вы. Мне также не нравится этот космос, как вы его зовете. Странно, что название прекрасного мыла, которым я всегда моюсь, присвоили этому мрачному месту. Оно не стоит того. Правда, здесь очень много звезд, гораздо больше, чем на небе Земли. Нет. Я не променяла бы этот космос на витрину парижского ювелира. И потом, здесь так пусто, неуютно, мертво. В этом я также согласна с вами... Рауль, черноглазый поэт, показал мне созвездия Ориона и Большой Медведицы, — других я не знаю. И вот теперь я смотрю на них, как на знакомых земляков, с которыми неожиданно встретилась в далеких краях... Милый Рауль, ау! Где ты? Знаешь ли ты, что твоя Мадлен в черной берлоге той самой Медведицы, на которую ты мне указывал? Я так близка от нее, что могу пожать ей лапу.

— Неужели, фрейлейн, ваша рука имеет длину в сотни миллиардов километров? — спросил Ганс. Ему хотелось сказать другое: «Неужели человеческий гений потребовалось затратить на то, чтобы поднять к звездам земную пошлость?»

Ганс огляделся.

— Как обманывают нас чувства! Полная иллюзия шара, но знаешь, что никакого шара, предела нет, — сказал Пинч.

— И чтобы промчаться от края до края нашей Галактики с быстротою света, потребуется больше тридцати тысяч лет. А ведь мы видим и другие галактики! — заметил Фингер. Он уже основательно знал астрономию.

— Вы, мосье Фингер, сказали: «за нашей Галактикой». Разве мы видим не весь мир? — спросила Мадлен.

— Я уже сказал, — начал Фингер, — что надо лететь со скоростью света более тридцати тысяч лет, чтобы пролететь нашу Галактическую систему — систему Млечного Пути. Галактика — это скопление тридцати миллиардов солнц. Полагаю, что Пиккадилли не обладает таким количеством лампочек? Вся эта громада имеет общее вращение. Это Малая вселенная. Во внешней ее части расположены системы шаровых звездных куч — сотни, тысячи миллионов солнц в каждой. Дальше — на расстоянии миллионов световых лет [65] — лежат другие млечные пути, другие галактики — вселенские острова. Число этих островов, подсчитанных астрономами, свыше миллиона. Свыше миллиона галактик, и десятки миллиардов солнц в каждой. Они, скопляясь, образуют «облака галактик». Это высшее из известных нам в настоящее время структурных образований Вселенной. Совокупность облаков — галактик — составляет Метагалактическую систему. И, быть может, все это вместе входит составной частью в какую-то еще большую единицу мироздания, которую трудно даже себе вообразить.

— Довольно! Перестаньте, — взмолилась Мадлен. — Ваша Метавселенная — вроде детской игрушки, деревянных яиц, вкладывающихся друг в друга.

«Удивительная природная способность опошлять любую идею, — подумал Ганс. — Стоило тратить порох!»

Он продолжал:

— А между тем космос — это вечное движение, вечное созидание и разрушение. Вертятся спутники и обращаются вокруг планет, планеты — вокруг своей оси, вокруг Солнца, вращается Солнце и со скоростью миллиона километров в год летит само по направлению к созвездиям Лиры и Геркулеса. Как приводные ремни, снуют кометы, мчатся туманности, метеоры, космическая

пыль пронизывает мировые пространства во всех направлениях.

— Миленький, вы говорите сейчас точь-в-точь как Рауль, черноглазый поэт! — воскликнула Мадлен. — Непонятно, но восхитительно... — И, по капризным законам своей «логики», она задала неожиданный вопрос: — А правда ли, что, когда падает звезда, кто-нибудь умирает?

— Правда, — с улыбкой ответил Фингер. — Вот расчет: на Земле каждую секунду умирает не менее двух человек. Падение же звезды длится примерно полсекунды.

Мадлен была несколько разочарована таким статистическим объяснением мистического поверья.

— По милости судьбы, мы еще живы, — сказал Пинч, — хотя и вознесены, как Илья, на небо. Будем же жить, а жить — это двигаться! Мы теперь «небесные тела» и потому не должны отставать от своих светящихся собратьев. Мисс Амели, хотите, я докажу вам, что этот космос по крайней мере может вращаться, и даже очень быстро?

— Вы? — изумилась Амели.

— Да, я! — гордо ответил Пинч. — Архимеду не хватало рычага, чтобы повернуть Землю, а я заставлю волчком вертеться всю вселенную без всякого рычага, при помощи нашего диска.

— Я не предполагала у вас такой эрудиции...

— Очень жаль! Пинч много знает, да помалкивает, — хвастливо заявил он. — Птолемей считал Землю центром вселенной. Теперь каждый из нас станет таким центром, вокруг которого будет вращаться вся Вселенная. Алло! Смотрите. Делайте то же, что и я.

Он взял диск, пристегнутый к поясу, освободил его от ремня и, сжав ладонями, как тарелку, придал ему вращательное движение. Все последовали его примеру, поняв его мысль: «Действие равно противодействию». Вращение диска в одну сторону заставило вращаться тела Пинча и его спутников в другую. Но им казалось, что сфера начала обращаться вокруг них. И чем быстрее вращался диск, тем быстрее обращалась вокруг них сфера. Солнце описывало по небу полный круг, то заходя за спину, то появляясь перед ними.

— Теперь заставим вертеться космос иначе! — командовал Пинч с таким видом, словно он и в самом деле нашел средство «крутить» этот космос, словно камешек, привязанный к нитке. Остановив диск, Пинч повернул его, поставив ребром к груди, и вновь придал диску вращательное движение. На этот раз сфера начала обращаться вокруг них сверху вниз. Теперь Солнце скрывалось у них над головой и всходило под ногами.

— Это получше Иисуса Навина, остановившего Солнце! — говорил Пинч. — Теперь космос в наших руках. Мы можем делать с ним, что хотим, так же как и со временем. Мы можем удлинять наши сутки, наш год или укорачивать их по собственному желанию.

— Действительно, все это забавно! — сказал Блоттон. — Но ведь это не больше чем иллюзия, обман наших чувств. Не может же в самом деле Вселенная обращаться вокруг нас! Ведь действительное-то, истинное движение происходит с нами, а не с ней!

— Вопрос не так прост, как он вам кажется, — возразил Фингер. — Не забывайте, что всякое движение относительно. Тело может двигаться только относительно другого тела. То, что вы называете действительным движением те-

ла, взятым «само по себе», вообще в природе не существует. И мы с таким же правом можем сказать, что небесная сфера обращается вокруг нас, а мы пребываем в неподвижности, как и наоборот.

— Хорошо, допустим такой случай. Вы вращаете свой диск вправо, я влево. Мистер Пинч — сверху вниз, фрейлейн Амели — снизу вверх. Очевидно, для каждого из нас сфера будет обращаться по-разному. Не может же сфера в один и тот же момент иметь несколько и даже противоположных друг другу движений!

— Сфера и не будет иметь их. Относительно каждого из нас она будет иметь только одно движение. Другой не увидит его, для другого оно и не будет существовать.

— Признаюсь, это превышает мое понимание! — отметил Блоттон.

— Только потому, что вы не привыкли к иному мышлению. Закон относительного движения...

— Пощадите! — вмешался Пинч.

— Однако в астрономических разговорах по телефону мы совершенно забыли о цели нашей вылазки, — сказал Блоттон. — Пора приниматься за дело.

План работ отличался такой же оригинальностью, как и сам телескоп. Первой задачей участников вылазки было собрать части, установить их на определенном расстоянии от ракеты и... вернуться в ракету, оставив в мировом пространстве зеркало, не прикрепленное к ракете. В прикреплении не было нужды: части зеркала и ракета имели одинаковую скорость и сохраняли неизменное взаимное расстояние.

Нельзя сказать, чтобы работа спорилась на первых порах. Части зеркала были прикреплены у поясов. Приходилось держаться друг возле друга, осторожно брать механическими пальцами части зеркала, соединять и скреплять их заготовленными креплениями. Цандер использовал богатый опыт хирургов, специалистов протезного дела, для изготовления своеобразных рук у эфиролазных костюмов.

Изобретательский талант помог Цандеру блестяще разрешить задачу. Он пошел дальше хирургов-протезистов и создал великолепный аппарат, дававший возможность легко и быстро управлять движением механических пальцев, которые могли сжиматься, разжиматься, отклоняться в сторону и назад под такими углами, которые недоступны для живых человеческих пальцев.

Путешественники, участники вылазки, еще в ракете освоились с механизмом управления. Но все же работа при помощи искусственных пальцев требовала большого внимания. Иногда кто-нибудь делал неосторожное движение, нажимал не на ту тягу, — механический палец неожиданно складывался или резко поворачивался, и кусок зеркала рисковал улететь в мировое пространство.

Часа через два — по земному времени — работа уже близилась к концу. Ганс скрепил все части, кроме одной, находившейся у Делькро. Мадлен «стояла» возле Ганса, держа часть зеркала в руках. По неосторожности она прижала зеркало к груди и надавила на рычаг, приводящий в действие дюзы портативной реактивной ракеты. Произошел взрыв, которого, конечно, никто не слышал. Ганс повернулся к Мадлен, чтобы взять зеркало, но на ее месте он увидел только легкое облачко мгновенно разлетевшегося дыма. Ганс, напряженно разыскивая глазами Делькро, быстро сообщил по телефону спутникам о

случившемся. Надо было принимать срочные меры спасения, пустив в ход портативные ракеты. Ганс быстро отцепил проволоку, соединявшую его со звездолетом, и, нажав кнопку на груди, заставил действовать дюзу своего ракетного прибора-ранца. Пинч и Блоттон сделали то же. Их рвануло в разные стороны. У Пинча было такое ощущение, словно он получил в спину сильнейший пинок. Он завертелся кубарем.

— Черт подери того, кто вложил в ранец-ракету такой заряд! Им можно убить слона! — бранился Пинч, кувыркаясь в эфире. Он почувствовал новый толчок и полетел медленнее. — Это еще что?.. Столкновение с мировым телом? Но я, кажется, жив...

— Алло! Алло, Фингер!.. Алло, Блоттон!..

Никто не отвечал.

— Ах, вот в чем дело — порвался телефонный провод! Однако надо прекратить это кувырканье...

Сделать это оказалось нелегко. Продолжая стремительно летать и кувыркаться, он увидел сбоку так же кувыркавшегося Фингера и — правее — Блоттона. Наконец ему удалось приостановить вращательное движение поперек своего тела. Теперь он летел «стоя».

Мадлен нигде не было видно. Она успела отлететь очень далеко. Блоттон и Фингер, пустив в ход диски, также перестали кувыркаться.

«Мы движемся гораздо быстрее Делькро и, конечно, догоним ее, если только найдем. Но разве просто разыскать пылинку в необъятном пространстве?.. А что делает Амели?..» Осторожно повернувшись при помощи диска назад, Пинч увидел едва заметную точку. Эта точка как будто медленно приближалась к ракете.

«Амели сделала лучшее, что могла, — подумал Пинч. — Она благоразумно пробирается по проволоке к „ковчегу“».

Но в тот же момент Пинч увидал, как возле черной точки блеснула огненная полоса, и точка быстро понеслась в сторону. «Этого еще не хватало! Теперь придется искать двоих!..» Но кого из двух? Пинч не раздумывал. К Амели он был равнодушен. Притом на спасение Делькро летят уже двое, а отлет Амели заметил он один.

И Пинч начал нажимать кнопки, пуская в ход боковые дюзы, чтобы изменить направление своего движения.

Увы, у него не было практики в обращении с этим снарядом, он не мог еще управлять своим полетом. Его бросало из стороны в сторону, как пиротехническую шутиху. Зигзагами бороздил он небесное пространство, ничуть не приближаясь к цели.

«Этак, пожалуй, и сам не доберешься до ракеты! — думал он. — Веселая штука — умереть между звездами. Горючее кончится, и я обращусь в кусок льда. Но еще раньше истощится или замерзнет в баллоне кислород, и я умру от удушья... Бр... Лучше не думать о таких вещах... Но где Амели? Она, кажется, перестала стрелять. Огонька не видно. Теперь ее еще труднее найти...»

Огонек снова блеснул и погас.

В тот же момент яркий свет ослепил Пинча. Пинч был не трус, но ему показалось, что откуда-то из недр мирового пространства неожиданно вынырнуло Солнце и двинулось на него.

«Какая-нибудь комета! Почему бы нет?..» Он похолодел от ужаса, ожидая

неминуемого конца. Но в следующее же мгновение свет погас: это изменилось направление луча прожектора звездолета. Там наблюдали за ним и пришли на помощь. Неожиданно справа от него, ослепив ярким светом, промчался огненный вихрь, оставив хвост дыма или пара.

Это была «спасательная шлюпка», сконструированная Цандером именно для таких случаев. Он предвидел все и обо всем позаботился. «Шлюпка» имела вид шара. Форма не имеет значения в безвоздушном пространстве, но шар был удобнее для полета; многочисленные дюзы на его поверхности давали возможность направлять «шлюпку» в любую сторону. Она заключала в себе значительный запас горючего и кислорода. «Шлюпка» была двухместная, причем сиденья располагались одно «вверху», другое — «внизу». Этим достигалась возможность наблюдать всю сферу. В «шлюпку» садились в эфиролазных костюмах.

Цандер и Винклер летели на помощь Мадлен. Сильный прожектор помогал разыскивать затерянное в мировом пространстве тело. И Цандеру удалось сделать это. Он нашел беглянку в стороне от направления полета «ковчега». Следом за Мадлен Цандер и Винклер выловили других «эфиролазов» и, привязав их к «шлюпке», доставили на ракету.

Когда все вернулись на звездолет и сняли костюмы, Мадлен закатила настоящую истерику. Придя в себя, она беспрестанно повторяла, прерывая речь рыданиями и всхлипами:

— Домой! На Землю! В Париж, в Париж!.. Я не хочу больше оставаться здесь! В Париж!..

— Вот что, — начал Цандер, когда волнение улеглось. — Мы учимся на опыте и на своих ошибках...

— Я была на волосок от смерти, — перебила его Мадлен. — Еще немного, и я упала бы на Солнце...

— Ну, не так скоро упали бы, мадемуазель, — возразил с улыбкой Цандер. — Даже если бы покинутая нами Земля начала вдруг падать на Солнце, то ей пришлось бы падать больше двух месяцев. Время достаточное, чтобы прийти к вам на помощь. Ближайшей опасностью для вас была возможность истощения запаса кислорода и аккумуляторов для согревания. Но ведь мы следили за вами и вовремя пришли на помощь. Все ваше несчастье заключалось в том, что вы повели себя в Мировом пространстве словно в море, не умея еще как следует плавать. Жить в ракете, в условиях невесомости, мы все уже привыкли. У нас появились навыки, которых не знают земные жители. Но Мировое пространство мы еще не покорили. Нам надо учиться. С завтрашнего дня мы открываем школу... плавания в пустоте. Мы должны овладеть в совершенстве нашими портативными ракетами.

— Хорошо еще, что наш звездолет стоял на месте, — все еще не успокаивалась Мадлен, переживая свое приключение. — А если бы он летел! Он улетел бы так далеко, что вы не нашли бы меня или я бы задохнулась, замерзла, умерла от голода, сторела... — И она начала всхлипывать.

— Вы ошибаетесь, — возразил Цандер. — Ракета наша летела со скоростью восемнадцати тысяч метров в секунду.

— Но ведь она же стояла, когда мы собирали зеркало!

— Да, если хотите, стояла. Закон относительного движения.

— Этот закон сведет меня с ума. И кто это выдумал его? Стояла — не стоя-

ла...

— «Выдумал» Галилей. И все это не так трудно понять, как вам кажется. Закон этот гласит, что не может быть безотносительного движения. Есть только движение одного тела по отношению к другому. Вы вышли из ракеты в Мировое пространство и находились возле нее. По отношению к вам ракета действительно стояла. Но относительно Земли она непрерывно летит с того самого момента, когда мы оставили Землю. И вы, находясь в ракете, летели вместе с нею. Понятно? Выйдя из ракеты, вы продолжали лететь по инерции с той же скоростью и в том же направлении, что и ракета. И именно потому, что скорость полета и направления были одинаковыми, вам казалось, что и вы и ракета как бы висите неподвижно в пространстве.

Глава VI

И в небе путешественники остаются сами собой, узнав о некоторых земных делах

В тот же день вечером произошло большое событие. Цандер с помощью Ганса с большим трудом наладил работу радиостанции и, поставив в кают-компании экран телевизора и радиорупор, наладил связь с Землей. С волнением все обитатели «ковчега», собравшиеся в кают-компании, слышали в первый раз голос Пуччи.

— Алло! Алло! Говорит Земля!.. Алло, Цандер! Алло, Ганс! Говорит Земля. «А триста шестьдесят восемь», Стормер-сити. Говорит Пуччи!

Экран еще был безжизнен, но слова итальянца доносились вполне отчетливо.

— Алло, как вы меня слышите? Отвечайте, отвечайте! Я не слышу вас. Вы, вероятно, не можете нащупать мою радиостанцию направленным лучом? Ищите. Пока передаю новости. Телевизор будет работать, как только я получу по радио изображения.

— Новости-то? Новости?.. — шипел Стормер.

И он услышал эти новости.

«Положение в Центральной Европе упрочилось... хотя...»

— Она не скоро погибнет, эта проклятая советская...

— Тише! Внимание!..

«...Восстания рабочих, солдат и крестьян... Военные заводы поджигаются неизвестными людьми. Портятся железнодорожные пути. „Могикане“ приписывают это деятельности... котор... удалось организовать труд...»

В радиопередаче произошел перерыв. Стормер, наклонившись к диску репродуктора, шепотом выбранился и потряс кулаками.

— Да ну же, ну!..

Но когда радиопередача возобновилась, речь шла уже о положении в других странах. Войны, революции...

Черный диск замолчал. Началось обсуждение новостей. Пинч перечитывал свои записи. Он был опять в роли газетчика и очень сожалел о том, что все уже знают содержание его «газеты».

Каково же положение на Земле?

Мнения были разноречивы. Маршалль осторожно заметил, что в общем все осталось в таком же виде, как и в момент отлета. Стормер был оптимистичнее.

— Но вы забываете о Советах! Ведь это же новость колоссальной важности!

Советы — узел мировых событий. А они близки к гибели. Для меня это ясно как никогда.

И мы скоро полетим обратно на Землю и сможем вернуться к своим делам. Обратите внимание: Англия накануне нового процветания. И мои акции, значит, поднимаются. Я хочу вам сделать одно предложение, барон. Я уверен, что и вы кое-что припрятали из своих богатств, хе-хе! Золотая руда в Венесуэле и Мексике. Я вам могу сейчас уступить часть акций. Это ничего не значит, что сейчас мы не можем совершать сделки за наличный расчет. Будем играть на мелок. Ха-ха. Идет?

Барон хмурился и, как ловкий политик, делал вид, что его совершенно не интересует предложение Стормера. Но его биржевая жилка уже была задета. В самом деле, он ничем не рискует. А если они вернуться на Землю?..

— Игра... именно игра, — сказал он небрежно. — Игра в биржевую игру...

— Ну, хотя бы от скуки, почему и не поиграть? А? Это гораздо интереснее, чем какие-то там лекции Цандера.

Так родилась в ракете «черная биржа».

Через несколько дней Пуччи добился передачи по радио изображения событий, происходивших на Земле.

Стормер угрюмо смотрел на экран телевизора: эпидемия банкротств продолжалась. Пустующие, разрушающиеся дворцы, покинутые города, закрытые фабрики, заводы с дворами, поросшими травой, ржавеющие в порту суда, железнодорожные пути с искривленными рельсами, стачки и стычки... Эти картины земной жизни были ему знакомы.

Не лучше были и сообщения:

«Эвард Харкинс — банкрот. Винцент Астор убит в собственном доме. Эдвард Ларриман покончил с собой...»

Миллиардеры, «цвет нации», величайшие коммерсанты, со многими из которых Стормер был лично знаком и вел дела, уходили со сцены один за другим.

— Этот Пуччи, быть может, хороший инженер и ученый, — ворчал Стормер, — но он никуда не годный информатор и политик. Неужто на Земле нет ничего другого, кроме этих сообщений?

Глядя на быстро сменявшиеся картины, пассажиры ракеты уныло опускали головы, и невольные вздохи вырывались из груди.

Шнирер, как библейский пророк, снова произносил надгробное слово над этой машинной «цивилизацией» и призывал к «естественному состоянию».

Но его не слушали. Думали о том, чем все это закончится. Игра на бирже шла вяло. Стормер подумывал о том, не прекратить ли эти удручающие «радиотелесеансы», и тем не менее первый оказывался возле небольшого экрана телевизора.

Оставалось одно утешение:

«Как хорошо мы сделали, что покинули Землю! Чем бы все это ни кончилось, а здесь мы в большей безопасности».

Два события заинтересовали пассажиров. Одно из них касалось близко самого Стормера.

Пуччи с некоторым опозданием передал по радио о событии, происшедшем в Англии незадолго до отлета и произведшем сенсацию во всей стране: гибель в огне одного из лучших дворцов, принадлежавшего мистеру Стормеру, вме-



сте... с ним самим.

На экране телевизора промелькнул кусок из кинофильма — пожар этого дворца, начавшийся с нижнего этажа. Огонь с необычайной быстротой охватил многоэтажное здание. На плоские крыши соседних домов опускались пожарные аэропланы и направляли на горящее здание мощные струи воды. Но здание горело, как стог сена.

На экране мелькали ужасающие картины: мечущиеся в окнах люди, обезумевшие от пламени, ищущие спасения и не находящие его.

Обгорелые трупы... Раскопки после пожара, и снова трупы...

Это было последнее преступление Стормера. Но об этом умышленном поджоге на Земле никто не знал. О, Стормер очень ловко инсценировал пожар и свою «гибель»! Нерон двадцатого века...

Когда к пожару было все готово, он поздно вечером пригласил к себе на совещание многочисленное общество коммерсантов, представился больным и заявил им в конце заседания, что сегодня всю ночь, несмотря на недомогание, будет работать в своем кабинете.

Ночью ему удалось незаметно уйти из квартиры. Затем он бежал на теплоходе в Южные моря, а оттуда улетел в Стормер-сити. Все концы были хорошо спрятаны.

«Вместе с грандиозным дворцом, — передавал Пуччи сообщение газет, — погиб в огне пожара и его владелец, известный миллионер мистер Стормер, остававшийся в ту злополучную ночь у себя в кабинете. Тело его не опознано среди других трупов; большинство их совершенно обуглилось. В связи со смертью мистера Стормера судебными властями прекращены все дела, возбужденные против него. Что это за дела, говорить особенно не стоит. О мертвых — или хорошо, или ничего!» — так заканчивалась статья в газете.

Для Стормера самым важным было то, что дела о нем прекращены. Даже если он вернется на Землю — «по-земному» через несколько лет, — эти дела будут забыты за давностью. Их покроют иные события, иные злобы дня. Наконец, можно будет появиться и под новым именем.

Стормер принялся хохотать. Все вопросительно посмотрели на него. В глазах умного и хитрого Маршаля Стормер видел подозрение. Ну что же, не все ли равно? Стоит ли оправдываться и извиняться перед ними? Все равно не поверят. Но все же он сказал:

— Вы думаете, господа, что я виновник этого пожара и гибели тысяч людей? Уверяю вас, что пожар возник по... неизвестной причине, совершенно

неожиданно для меня. Меня спасло лишь то, что мне, как хозяину дома, сообщили о пожаре раньше других, в самом начале его возникновения, и я успел бежать.

Второе сообщение Пуччи касалось уже барона Маршала де Терлонжа.

Банки открывают свои неприступные бронированные двери и сейфы перед восставшими. Им не потребовалось даже взрывать динамитом эти самые неприступные в мире крепости. Они входят свободно в глубокие подвалы с неисчерпаемыми золотыми россыпями. Они вскрывают стальные сейфы, они перебрасывают на своих грубых, мозолистых ладонях его, Маршала, бриллианты, как горох. Они...

Но нет, он еще не совсем разорен. А клад, схороненный в горах Андорры? О, банкир — предусмотрительный человек и предвидел это — даже это невозможное, невероятное. Банкир улыбается. Его трудно перехитрить.

Но что это? Пуччи назвал имя Рибо, того самого Рибо, который помогал Маршалю прятать остатки своих сокровищ в горах.

«Алло. Синьор Рибо просит передать синьору Маршалю, — продолжает Пуччи свои сообщения, — нижеследующее письмо, полученное мною с большим опозданием стратопочтой. Алло, слушайте, барон:

«Любезный барон. Вы почтили меня своим доверием, и я оправдывал его, насколько мог.

Но обстоятельства изменились. Долг, честность, слово, обязательство людей нашего класса котируются сейчас на Земле не дороже любых акций, давно равных нулю.

Сегодняшний день — пока еще наш день. А завтра нас ждет наверняка гильотина. И я решил, что самое разумное — ваше золото, зарытое в Андорре, пустить в оборот, чтобы прожить по крайней мере с треском мой последний день. Да, мой милейший барон, я вырыл ваше золото, перебрался на Балканы и теперь сорю им, как потерявший надежды игрок... Вино и женщины. Они отвлекают меня от горьких истин, дают минуты забвения. А это теперь самое дорогое, самое ценное...

Итак, скоро и я отправлюсь к спичечному, стальному и прочим королям в гости. Шлю вам последний привет.

Ваш Рибо».

— Хь-хь-хь... э-э-э... пр-пр... прок-проклятие... хь-хь-хь... это... грабеж. — Барон побурел, потом стал густо-лиловым, как удушенный.

— Сочувствую вашему несчастью, — сказал Стормер, пытаясь на своем лице изобразить искренность. — Ваше горе до некоторой степени... и мое горе. Ведь я купил у вас на бирже немало акций. Увы, они теперь стоят меньше, чем когда-нибудь. Не отчаивайтесь, барон. У нас еще осталось кое-что, с чем можно будет начать дело после возвращения на Землю, — это наша голова. Пока она на плечах, ничто не потеряно. Начнем сначала. Никогда нельзя отчаиваться. Я продолжаю верить в то, что Советы погибнут.

— Коммунизм рожден капитализмом, рабочими, рабочие рождены машинами, машины рождены... — закаркал Шнирер. — Пока останется хоть одна машина, не будет мира на Земле. Машины переживут людей! Долой машины! Долой технику!

Поспорив и погоревав в душе, пассажиры разошлись по своим кабинам.

Через несколько дней Цандер приказал пассажирам провести ближайшую

ночь в гидроамортизаторах, так как предполагал повторить опыты с новым реактивным двигателем.

На этот раз путникам при ускорении полета ракеты пришлось испытать довольно неприятные ощущения. Несмотря на то что Цандер ускорял движение в несколько приемов, очень осторожно, «небольшими дозами», как он после объяснял, все пассажиры каждый раз, когда Цандер пускал в ход свой новый «атомный двигатель», испытывали во всем теле крайне тягостные ощущения. Мало помогала и вода стабилизатора — сердце билось замедленно, померкало сознание, — быть может, оттого, что кровь отливала от одних частей мозга и прилиwała к другим. Сам Цандер больше всего опасался этого затемнения сознания: если бы он совсем потерял сознание, все неминуемо погинуло бы. И поэтому он всякий раз выключал двигатель, лежа в своем «гробу», как только чувствовал, что сам близок к обмороку.

Ракета двигалась в пространстве уже со скоростью почти ста тысяч километров в секунду — треть скорости света.

Цандер победил пространство. Теперь «ковчег» мог вылететь далеко за пределы Солнечной системы. Достигнуть предельных скоростей, близких к скорости света, — вот что было целью Цандера.

Но Цандер все же не решался улетать слишком далеко от Солнца — источника жизни и тепла для людей и оранжерей: на расстоянии десяти миллиардов километров — за орбитой Плутона — Солнце стало всего лишь яркой звездой.

Венера, Земля, Марс остались позади. Ракета пересекла пояс астероидов, орбиты Юпитера и Сатурна. Сатурн со своими кольцами и девятью лунами находился в это время довольно близко от «ковчеха», и путники могли наблюдать это чудо Солнечной системы. Кольца Сатурна, как и предполагали земные астрономы, оказались состоящими из многочисленных тел. Они кружили около планеты, и луны Сатурна были лишь наиболее крупными из этих бесчисленных спутников. Сатурн так заинтересовал Ганса, что он спросил Цандера, нельзя ли спуститься на поверхность планеты. Облака, покрывавшие Сатурн, свидетельствовали о наличии атмосферы. Сила тяжести на этой планете, несмотря на то что Сатурн в семьсот двадцать раз больше Земли, мало отличалась от земной. Но Сатурн находится так далеко от Солнца, что получает почти в сто раз меньше света и тепла, чем Земля.

— Для земных жителей этого как будто маловато, — отвечал Цандер.

Ганс не сдавался.

— Сатурн получает в сто раз меньше света и тепла, и тем не менее его атмосфера не превратилась в лед, о чем говорит присутствие облаков. Значит, планета имеет еще большие запасы внутреннего тепла.

Против высадки на Сатурн, однако, возражали все пассажиры: помимо того что такая высадка сопряжена с риском, всякая остановка в пути замедляет течение времени на Земле.

Вопрос решил спектральный анализ, который произвел Цандер: атмосфера Сатурна оказалась состоящей из метана и аммиака... И ракетный корабль оставил позади великолепное светило с его необычайными кольцами.

Все дальше вперед! Орбиты Урана, Нептуна, Плутона... конец Солнечной системы. В своем полете Цандер ориентировался по Полярной звезде. При необычайной скорости корабля Цандеру приходилось определять величину

этой скорости при помощи оптического метода: по изменению спектра Полярной звезды определялась скорость полета, и, следовательно, пройденное расстояние.

Глава VII

Как осрамилась леди Хинтон

Через несколько «дней» путешественники заметили странное явление: «ночью» они часто просыпались на короткий срок и затем снова засыпали. «Днем» же они начали мгновенно засыпать на несколько минут. Доктор Текер решил, что это реакция организма на необычные условия жизни на ракете.

— И в конце концов, быть может, мы превратимся в людей, которые совсем не спят? — спросил Блоттон.

— Не думаю, — ответил доктор.

Разговор этот был прерван странными звуками, похожими на маленькие взрывы: звуки доносились из кухни. Вслед за ними послышались восклицания повара.

— Опять у Жака взорвался какой-нибудь кипятильник, — сказал Стормер.

На этот раз взорвался не чайник, и не взрыв заставил вскрикнуть повара.

Он стоял над вскрытой коробкой консервов и нюхал ее.

— В чем дело, Жак? — спросил Цандер.

Повар протянул консервную коробку:

— Стреляет. Плохо пахнет. Совершенно испорченные консервы.

— Ну что ж, вероятно, случайно попалась плохая коробка. Возьми другую.

Но и с другой, и с третьей, и с четвертой случилась такая же история. Как только Жак прорезал жесть коробки, слышался легкий взрыв, и из прорези с пеной и газом вылетала заливка.

Дело приобретало серьезный оборот. Консервы составляли главные запасы питания. Цандер приказал Жаку принести несколько невскрытых банок в кают-компанию. Затем он пригласил туда всех пассажиров и приказал Жаку вскрывать коробки.

Они «взрывались» одна за другой.

На каждой коробке была синяя этикетка с надписью:

Консервный завод Хинтон. Лондон

«Владелица» завода была смущена. А раздраженный Стормер с обычной своей грубостью подносил каждую новую «выстрелившую» банку почти к самому носу леди Хинтон и говорил:

— Понюхайте. Как вам это нравится? Ваше производство...

— Не понимаю, как это могло случиться, — отвечала леди Хинтон. — Мои консервы славились своей доброкачественностью и широко раскупались не только в Англии, но и во многих государствах Европы.

— Я бы за них не дал и цента! — не унимался Стормер. — Думаю, что и на Венере больше не дадут. Но чем прикажете нам питаться...

— Позвольте, — вдруг ожила леди Хинтон, напряженно подумав. — Я вспомнила. Мои фабрики вырабатывали два сорта консервов. Первый сорт — с зеленой этикеткой, а второй — с синей. Синие — те действительно... Они предназначались для поставок различным учреждениям, шли в продажу по низкой цене...

— Ну, это я понимаю, — продолжал Стормер, — я сам коммерсант. Но на

кой же черт, простите за выражение, вы для «ковчега» подсунули консервы с синими этикетками? Отравить нас всех собрались, что ли?

Леди Хинтон выпрямилась. Это уж было слишком. Как смеет говорить с ней, леди, таким тоном какой-то торговец!

— Я вас прошу более осторожно выбирать выражения. Не забывайте, кто я, мистер Стормер, и не забывайте того, что я сама путешествую с вами и, следовательно, делю судьбу всех. Не можете же вы заподозрить меня в том, что я имела намерение отравить и самое себя? Здесь, очевидно, произошла роковая ошибка. Но где, когда и как, не могу понять. Мне не нужно убеждать вас в том, что я отдала распоряжение направить в Стормер-сити для «ковчега» самый высший сорт консервов. Большая партия была сделана по особому заказу. Мой инженер говорил, что никогда еще фабрика не производила лучших консервов. Быть может, партии отправляемых консервов перемешали при погрузке? Да, да. Я вспоминаю, что в то время, когда отправлялись консервы в Стормер-сити, моя фабрика отгружала большую партию для... одного ведомства...

— С синими этикетками?

— Да, с синими этикетками.

Для пассажиров «ковчега», кроме Ганса и Винклера, так и осталось загадкой, каким образом в Стормер-сити были отправлены и затем погружены на «ковчег» испорченные консервы.

Дело же происходило так. В порту рабочие-грузчики обратили внимание на две партии консервов: одну поменьше, с зелеными этикетками на ящиках, другую огромную, с синими. Узнав, что синие этикетки были адресованы военному ведомству и предназначались как военные запасы для солдат, рабочие отказались грузить пароходы.

— Надо попробовать, чем собираются кормить солдат, — сказал один молодой рабочий и, взвалив ящик на спину, как будто невзначай уронил его. Ящик разбился, банки консервов выпали на землю. Несколько банок быстро разошлись по рукам. Таким же образом был «случайно» разбит один ящик и с зеленой этикеткой.

Рабочие попробовали тех и других. С омерзением отбросили банки с синими этикетками и с аппетитом съели содержимое «зеленых».

— Видно, что это готовилось не для нашего брата, — сказал первый рабочий, отведав из банки с зеленой этикеткой. Когда же пошли на работу переодетые полицейские и штрейкбрехеры, они нашли хаос и перемешанные коносаменты. Грузы были спутаны.

Такова история появления консервов с синими этикетками в «ковчеге».

— Хотел бы я знать, чем мы теперь будем питаться? — снова спросил Стормер. Он ел больше всех, и его этот вопрос беспокоил больше всех.

Начали подсчитывать запасы. Увы, если сбросить со счета консервы, остальных продуктов — муки, сухарей, сушеных овощей — хватит ненадолго.

— Проклятье! — снова выбранился Стормер. — А не убавить ли скорость полета? — продолжал он. — Тогда, быть может, нам хватит провизии на больший срок.

— Увы, мистер Стормер, — ответил Цандер. — Я вижу, что вы еще очень далеки от понимания относительности времени и пространства. От ускорения или замедления мы ничего не выигрываем и не проигрываем. Ракетные сутки

всегда равны ракетным суткам, будут ли они равны земному месяцу или часу. Для нас будет совершенно неощутимо, ускорил или замедлил свой ход наш хронометр по сравнению с земным. С какой бы быстротой или медлительностью ни вращались стрелки нашего хронометра, — когда они будут показывать двенадцать дня, ваш желудок заявит претензию на завтрак.

— Довольно. Так. Это я понял. Но тогда нельзя ли, наоборот, еще больше ускорить полет, чтобы время на Земле полетело с сумасшедшей скоростью? В неделю этак лет пятьдесят.

— Скорость движения «ковчега» уже достигла предела. Мы больше не можем «ускорять» течение земного времени.

Стормер так стукнул кулаком, что легкая алюминиевая поверхность стола прогнулась.

— Так что же нам прикажете делать? Лететь назад — в объятия врагов, или лететь вперед — в объятия голодной смерти? Смерть позади, смерть впереди. Нечего сказать, хорошенькую кашу вы заварили, леди Хинтон, с вашими «синенькими».

Наступила тяжелая пауза. Все сидели подавленные.

Цандер не спешил прерывать это гнетущее молчание: пусть хорошенько прочувствуют положение. Потом спокойно, не спеша, он начал:

— Не знаю, что вас ждет позади, но впереди я не вижу смерти, если вы только не будете упрямыться, как упрямылись до сих пор. У нас в ракете есть все, чтобы обеспечить наше существование на неопределенно долгий срок, создав круговорот веществ. Мы захватили с собою в разобранном виде оранжерею, семена плодов и овощей. И если бы вы, господа, вовремя послушались меня и занялись делом, вместо того чтобы... мы уже имели бы все необходимое. А теперь вам придется посидеть на урезанном пайке, пока мы не построим нашу оранжерею и не получим первого урожая. Времени остается очень мало, — продолжал Цандер, — но я думаю, что мы успеем. Нас выручит Солнце. Его лучи здесь не отражаются и не поглощаются облаками и атмосферой, как на Земле, поэтому их действие гораздо интенсивнее. Словом, произрастание и созревание должно здесь идти усиленным темпом.

— Относительно какого времени? — спросил Маршалль. — День считать за месяц?

— Относительно нашего времени. Не забудьте еще одного обстоятельства. На земном шаре существует тяготение, которое сильнейшим образом влияет на жизнь растений: на быстроту их роста, величину и прочее. Не забудьте, что клетки растений, делясь в процессе роста, непрестанно ведут борьбу с земным тяготением, которое приковывает, тянет вниз каждую клетку. Помните, как ненормально развивались наши растения в стеклянном шаре Стормер-сити? Они росли горизонтально, а не вверх стеблями и были значительно больше своих собратьев, растущих на грядках. Не по той ли причине растения отдаленных геологических эпох Земли отличались гораздо большей высотой: какие-нибудь мхи, хвощи достигали роста современных эвкалиптов, секвой? В те отдаленные времена земной шар вращался быстрее, чем сейчас, большая центробежная сила уменьшала силу тяготения, и растения, а также и первобытные животные обладали огромными размерами. Земля еще не «пригнетала» их так, как теперь. Меньшая земная тяжесть наряду с другими условиями — большею влажностью, теплом, большею насыщенностью углекисло-

той — обуславливала и больший рост, вероятно, и скорейшее деление клеток. В нашей же ракете все предметы, живые и неживые, невесомы. Все это и заставляет меня предполагать, что в оранжерее растения будут очень быстро всходить, расти, плодоносить и вызревать. Но, разумеется, это лишь предположение. Думаю, что оно не обманет меня и на этот раз. Вот выход, — закончил Цандер. — Ваше спасение в том, чтобы немедленно всем приняться за работу.

— Как, работать? — вскричал Стормер. — Я... У нас есть еще петух, курица, поросенок и две козы. Если нам не хватит продуктов до первого урожая, мы можем зарезать их...

— Ни в коем случае! — вмешался Шнирер.

Эти животные, взятые в «ковчег» по его настоянию, входили, так сказать, в его философскую систему, составляли неотъемлемую часть его планов «новой жизни на новой Земле», которая, впрочем, как две капли воды должна была походить на земную жизнь времен библейского Авраама: пастушескую идиллию натурального хозяйства, идиллию жизни на лоне природы. Он уже мечтал о мирных стадах овец на тучных пастбищах у прозрачного ручья. Он, как Ной, не прочь был бы забрать по крайней мере всех домашних животных — «по семи пар», но «Новый ковчег» не обладал чудодейственной вместимостью старого, и Цандер, увы, — и в этом последнее слово было за ним — согласился взять только нескольких, решив, что они и без всякой философии будут нелишними.

На этот раз Цандер поддержал философа.

Глава VIII

Пассажиры заняты устройством оранжерей и солнечного двигателя

Для пассажиров «первого класса» наступили невеселые дни. «Черная биржа» была добровольно закрыта. Каждого пассажира приставили к определенной работе.

Рабочий день был строго расписан. Утром Ганс, Винклер, Пинч, Блоттон, Текер и даже епископ надевали эфиролазные костюмы и отправлялись на поверхность ракеты устанавливать под руководством Цандера оранжерею. Женщины смотрели за животными, подносили части оранжереи к двойному люку, готовили семена к «небесному севу».

Оранжерея имела пятьсот метров в длину и два метра в диаметре. Во всю ее длину было окно высотой в метр. В стекла окна вплавлена прочная металлическая сетка, чтобы стекла не были выдавлены внутренним давлением, хотя это давление паров и газов внутри оранжереи и должно было быть ничтожным — всего двадцать миллиметров ртутного столба.

Оранжерея была соединена с ракетой, кроме проходов, двумя тонкими трубками. Одна должна была удалять из ракеты в оранжерею углекислый газ, а другая — доставлять в ракету свежий кислород, вырабатываемый растениями.

Внутри оранжереи во всю ее длину был помещен металлический сосуд. Его предполагалось наполнить полужидкой почвой с удобрениями из человеческих выделений. Эти экскременты до устройства оранжереи приходилось выбрасывать наружу в пустых консервных банках из-под горючего. Толчок — и «груз» летел в Мировое пространство, следуя, однако, за ракетой. С устройством оранжереи «ассенизация» производилась иначе: продукты выделения

уже не должны были пропадать бесполезно в мировой бездне, а, переработанные биохимически растениями, возвращаться в виде пищи.

Длинный металлический сосуд-труба внутри оранжереи и был собственно «грядками». В нем имелось множество дыр, куда предполагалось сажать семена и рассаду. Внутри стенки сосуда смачивались жидкостью. Газы и удобряющая жидкость нагнетались насосами. Так как давление паров и газов в оранжерее было ничтожно, то стенки ее были очень тонкими — не толще обыкновенного оконного стекла.

Для равномерного распределения света почвенная труба могла поворачиваться. Упругость паров воды в оранжерее была низкой. Испарения почвы и листьев сгущались в особых придатках оранжереи, находящихся постоянно в тени и имевших поэтому низкую температуру. Углекислый газ, кислород, азот и другие газы были также в сильно разреженном состоянии. Поэтому людям, входящим в оранжерею, приходилось предварительно надевать скафандры.

Несмотря на относительную легкость конструкции и тонкость стенок оранжереи, вес ее оболочки на Земле равнялся двадцати тоннам. В ракете вес почти отсутствовал, и потому даже епископу ни разу не приходилось работать «в поте лица». Однако именно невесомость и доставляла больше всего хлопот при сборке оранжереи. Люди словно превратились в муравьев. В своих эфиролазных костюмах копошились они по поверхности ракеты, перенося огромные части оранжереи, в два-три раза превышающие их рост и «вес».

Забота строителей заключалась в том, чтобы предохранить части и материалы от толчков, отчего они могли улететь в мировое пространство. Малейшее неосторожное движение, и какая-нибудь труба улетала. Для того чтобы части оранжереи не сбрасывались с поверхности ракеты центробежным эффектом, на все время работ Цандер прекратил вращение ракеты. Только прикрепив, привязав, привинтив части оранжереи, он по окончании «дневных» работ или во время «обеденного перерыва» давал передышку леди Хинтон и другим оставшимся внутри ракеты. Леди терпеть не могла парения в невесомом пространстве.

Леди Хинтон в своей каюте находилась, во всяком случае, в безопасности. Те же, которые работали наверху, подвергались немалому риску «упасть» в небо. Положим, все они уже хорошо освоились с употреблением ракетного ранца. Но все же возвращение на ракету после такого невольного отлета занимало немало времени и труда.

«Управление собой при помощи ракетного ранца — большое искусство, неизвестное на Земле. Необходимо научиться точно измерять расстояние до цели, а в пустоте этого нелегко достигнуть. По расстоянию — регулировать силу взрыва. И, само собой, уметь определять правильность направления — прицела» — так писал Ганс в своем дневнике.

Эллен, Амели, Марта Текер и Делькро под руководством Ганса занялись посадкой растений. Ганс уже имел опыт по растениеводству — недаром он провел столько времени в стеклянном шаре. Все надевали легкие костюмы и отправлялись на работу в оранжерею. Винклер устанавливал аппарат, который автоматически, под давлением солнечных лучей, поворачивал оранжерею к Солнцу под нужным углом.

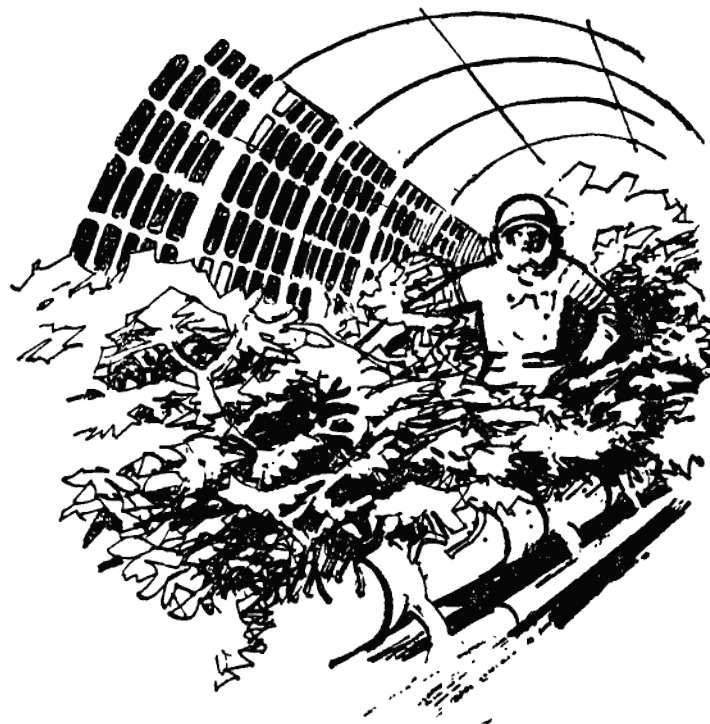
Цандер в то же время работал над установкой гелиоэлектростанции. Принцип устройства этой станции был очень прост.

— Я черпаю свои конструкции из неистощимой сокровищницы творческих идей Циолковского, — говорил Цандер, указывая на свой двигатель. — Циолковский предусмотрел все до мелочей, словно он уже не раз побывал в небе и пришел рассказать нам об этом.

В эфирной пустоте можно получить, даже без концентрации солнечных лучей параболическими зеркалами, двести градусов тепла и рядом, на расстоянии в один метр, температуру, близкую к абсолютному нулю. Эта разница температур и использовалась для получения энергии. Двигатель имел два одинаковых сосуда, термоизолированных друг от друга. Задний находился в тени переднего, обращенного к лучам Солнца. Передняя сторона имела черную, хорошо поглощающую лучи поверхность. Поэтому такая поверхность и вода, находящаяся в сосуде, должны были нагреваться Солнцем до двухсот градусов Цельсия. Пары воды, прежде чем перейти в холодильник — во второй сосуд, находящийся в тени, — проходили через специальную паротурбину.

Когда почти вся жидкость перейдет из переднего сосуда — котла в задний — холодильник, сосуд автоматически поворачивается холодильником к Солнцу, а котлом к темному небесному пространству. Через каждый час холодильник становится котлом, котел — холодильником и так далее.

Так как жидкость почти не терялась, ибо «паровые котлы» в виде тонких трубок были хорошо изолированы, то этот двигатель не требовал расходов. Не было больших потерь и на изнашивание трущихся частей: благодаря значительному ослаблению силы тяжести это трение было ничтожно, и потому износ двигателя происходил чрезвычайно медленно.



Оранжерея оправдала себя. Если в чем и ошибся Цандер, то только в том, что недооценил действие «здешнего» Солнца на растения.

Растения росли с необычайной быстротой и почти пугающей пышностью. Оранжерея скоро начала походить на уголок джунглей. Через огромное сплошное стекло Солнце заливало цилиндр своими лучами. Так как ракета снова вертелась, то развитие растений шло самым причудливым путем.

Растения тянулись к центру ракеты. Как будто две струи зеленых фонтанов встречались в середине оранжереи. Встречались, сталкивались, перемешивались, создавая зеленую «пену». Именно здесь, в центре оранжереи, растения развивались бесформенными клубками, словно голова Медузы. Надо было принимать какие-то меры. Прежде всего уравнивать «силовое поле» на всем протяжении ракеты. Как это сделать?

Ответ пришел при довольно неожиданных обстоятельствах. Как-то Цандер и Ганс осматривали оранжерею, стоя на поверхности ракеты. Вдруг Ганс заметил какой-то приближающийся предмет. На них словно надвигалась из полумрака небесного пространства маленькая планетка. Солнечные лучи освещали ее край, и она казалась полумесяцем. Не только Ганс, но и Цандер пришел в недоумение, когда заметил эту небесную странницу.

— Уж не сама ли Венера жалуется к нам в гости? — шутя спросил он у Ганса.

— Смотрите! У Венеры выросло ухо!

— Или крутой бараний рог!

— Или... или... Смотрите! Да ведь это большой бидон, который был выброшен нами! Ну да, я поручил Пинчу сделать это, а он, вероятно, не доставил себе труда оттолкнуть банку как следует. Бидон описал эллипс и вернулся под влиянием притяжения «ковчег». — Ганс сделал жест рукой и продолжал: — Привет тебе, первый спутник планеты «ковчег». Да, я начинаю относиться с уважением к нашей ракете. Она притягивает к себе тела, как заправское небесное светило. Правда, бидон падает на «ковчег» довольно-таки медленно. Вот я сейчас изловчусь и, как только бидон приблизится, поддам его ногой, как футбольный мяч.

— Подождите, Ганс, — остановил Цандер. — Мне пришла одна мысль. Не будем играть в футбол. Я придумал иную игру. Дайте бидону упасть. Принесите другие пустые бидоны, банки, ящики и прочий хлам, который мы обычно выбрасывали. И принесите моток проволоки метров... да, метров в пятьсот длины. Знаете, где он лежит? Идите!

Когда все это было доставлено на поверхность ракеты, Цандер объяснил свою мысль — и опять-таки мысль своего великого учителя Циолковского. Необходимо устроить ракете противовес: собрать, связать в один ком всякие банки, посуду из-под горючего и прочее. Привязать его к проволоке. Оттолкнуть. Ракета и ком — все равно какой формы — окажутся как бы частями единой летящей системы. Теперь необходимо привести эту систему в движение — заставить ком, привязанный к ракете, обращаться вокруг нее, или, вернее, ком и ракету обращаться вокруг общего центра тяжести, словно гоняться друг за другом. «Кувыркающаяся» ракета описывает своими концами сравнительно небольшой круг, почему и центробежная сила развивается небольшая. В центре же ракеты она и вовсе отсутствует. При новой системе вращения ракета будет описывать большую окружность. Если придать этому движению значительную быстроту, то можно сообщить телам почти земной вес. Кроме того, при таком вращении, когда ракета оказывается как бы привязанной к ободу колеса, во всех частях ракеты будет почти одинаковая центробежная сила. Остается только поставить это «колесо» к Солнцу так, чтобы обеспечить равномерное и непрерывное освещение оранжереи.

Ганс понял проект Цандера и успешно выполнил его.

Когда наскоро собранная «планетка-спутник» была привязана и отнесена,

вернее — отброшена Гансом от ракеты на длину проволоки, Цандер распорядился осторожно пустить в ход заднюю дюзу, придающую ракете поступательное движение. В то же время Ганс, сидя на спутнике, начал стрелять из своей ракеты-ранца. Спутник и ракета двинулись, система заработала.

Центробежная сила «разлилась» равномерно по ракете и оранжерее.

Теперь растения в середине оранжереи не росли в виде головы Медузы Горгоны.

Верхушки растений повернулись к центру массы, лишь немного отклоняясь в сторону Солнца.

«Верх» и «низ» изменялись не раз в этом мире условности и относительности.

Пассажиры единодушно приветствовали нововведение Цандера. На всем протяжении ракеты, во всех каютах можно было теперь не только сидеть, стоять прочно, как на Земле, но и кипятить воду почти «по-земному», курить, наливать в стаканы и пить, — словом, Цандер вернул всем привычные земные условия и ощущения, лишь несколько облегчив вес тел по сравнению с земным.

Глава IX

Пинч побивает рекорды Шерлока Холмса

Стормер лежал в своем гамаке, стараясь уснуть. Он засыпал на пять-десять минут и вновь просыпался. Все обитатели «ковчега» по-прежнему спали прерывистым сном, в то же время засыпая на короткое время «днем». Чувствовали они себя, впрочем, вполне хорошо.

В кабину Стормера кто-то тихо вошел. Окно кабины было закрыто шторой, чтобы солнечный свет не мешал спать, лампочка погашена. Только из приоткрытой двери в кабину проникала полоса света от лампочки в коридоре.

— Кто здесь? — спросил Стормер, увидав тень на «потолке». Ворочаться ему было лень.

— Тс... тише. Это я, — услышал он приглушенный голос Пинча. — Я решил разбудить вас, если даже вы спите, так как пришел с чрезвычайно важными известиями. — Он подошел к самому гамаку Стормера.

— В чем дело? — спросил тот, не меняя позы.

— На нашем «ковчеге» заговорщики.

— Что-о? — Стормер быстро приподнялся в гамаке, словно его ужалил скорпион, и посмотрел на лицо Пинча. — Вы не выпили лишнего, Пинч?..

— Нет, лишнего я не выпил, мистер Стормер, — ответил Пинч.

— Так какого же черта вы чепуху несете? Как могли появиться заговорщики на «ковчеге»? На другой ракете прилететь, на абордаж нас взять, что ли?..

Стормер побелел.

— Говорите скорей, что вам удалось узнать! — крикнул он Пинчу, крепко схватив его за руку.

Пинч начал хвалиться:

— Уж если Пинч за что-нибудь взялся, то он... Ой!.. Не такой Пинч человек... Ой-ой! Не давите так мою руку... Уж если... Ай-ай! Да отпустите же руку, сейчас все скажу... Ганс, видите ли, всегда закрывал свою кабину, уходя из нее. И Винклер тоже...

— Он тоже?..

— Прошу вас, не перебивайте меня, мистер Стормер, иначе я что-нибудь

пропущу. И Винклер тоже запирает свою кабину на ключ, который клал себе в карман. То есть нет, не в карман — карманов в небе не существует. Вешал на цепочку, которая привязана к его поясу...

— Вас самого следует повесить, Пинч, за то, что вы так размазываете. Говорите скорее самую суть.

— Ничего я не размазываю и скорее спешу передать вам самую суть. Но если вы все время будете перебивать меня, то я, конечно, никогда не кончу.

Стормер в отчаянии махнул рукой и набрался терпения.

— Говорите!

— Я и говорю. Ключ вешают на цепочку Фингер и Винклер. И в каюту мне никак нельзя было пробраться. Тогда я решил: если они носят ключ с собой и этот ключ похитить у них невозможно, то, значит, нужно достать другой ключ, который подходил бы к дверному замку. Логично. О, Шерлок Холмс не мог бы придумать лучше! Откуда достать на «ковчеге» ключ? Слетать на Землю и пригласить слесаря? Невозможно.

— В «ковчеге» двадцать одна дверь и столько же ключей. Можно попытаться подобрать! — не утерпел Стормер.

— Так я и поступил, мистер, потому что это был самый логичный вывод. Но легко придумать, да трудно осуществить. Вынуть ключ из каюты — незамысловатая вещь. Одна леди Хинтон и Эллен запираются изнутри. Взять ключ не трудно, но попробуйте двадцать один раз приложиться к дверному замку каюты Ганса и столько же раз — каюты Винклера, и так, чтобы никто не заметил этого, а тем более они сами. Надо пользоваться моментом, всегда быть настороже — словом, бездна хлопот, изобретательности, находчивости. Итак, к замку Винклера подошел ключ лорда епископа, а к двери Ганса — Мадлен. А если ключ Делькро подошел к замку Фингера, то и ключ Фингера открывает замок прекрасной Мадлен. Мое дело сторона, но я неоднократно видел, как Мадлен беседует с Гансом...

Пинч не мог понять, каким образом он вдруг оказался в коридоре. Болели челюсть и затылок. Удар Стормера был молниеносен и оглушитель.

Просунув в двери каюты голову, он кончил скороговоркой:

— Я проник в комнату Ганса, когда тот стоял на вахте, обнаружил над столиком портрет Ленина. На столике — немецкое издание «Капитала» Маркса и перевод на немецкий язык книг Ленина.

— А Винклер? — спросил Стормер.

— Но если этого мало для вас, вот вам еще кое-что получше, — продолжал Пинч, не входя, однако, в кабину. Понизив голос до шепота, он продолжал: — Мне удалось подслушать разговор Фингера и Винклера в рубке. И Ганс сказал: «Наша армия окончательно разобьет вдребезги эту сволочь, если она осмелится напасть на Советы». Так и сказал: «сволочь». А Винклер ответил: «Хотя эти дела делаются и не так просто и скоро, как тебе хочется, Ганс, но я не сомневаюсь, что час нашей победы во всем мире приближается. Часы, а быть может, и минуты врагов наших давно уже сочтены». Потом Ганс сказал: «А стоит ли нам продолжать здесь, на „ковчеге“, комедию? Не пора ли кончать?» «Нет, не пора, Ганс, — ответил Винклер. — На это я имею определенные указания. Ты помнишь, как тебе хотелось вмешаться и прекратить саботаж пассажиров, не желавших приниматься за работу? Все устроилось и без нас. „Синенькие“ смогли сломить это сопротивление!» И они начали смеяться.

Весь разговор Ганса с Винклером Пинч передал уже совершенно серьезным тоном, видимо, сам увлеченный своим рассказом.

Вытащив из маленького портфеля, привязанного к поясу, записную книжку, он хлопнул по ней пальцами и сказал:

— Здесь все записано от слова до слова. Текстуально. Хотя сейчас к следователю. А ведь они могли убить меня на месте, если бы застали за этим занятием. О, Пинч не робкого десятка! И если Пинч за что-нибудь возьмется...

Стормер не слушал его болтовню. Он был поражен этой неожиданностью и думал, как ему поступить.

— Надо сейчас же пойти к барону и рассказать ему все. В конце концов он все-таки самый умный человек в ракете... после меня. Только я сам расскажу, иначе вы никогда не кончите.

Маршалль выслушал сообщение Стормера, ежеминутно перебиваемого Пинчем, вносящим «исправления и дополнения», спокойней, чем можно было ожидать. Он опустил голову, задумался и молчал. Стормер начал сам:

— Подумать только, они летели с нами все время и... еще не убили нас!

— Их только двое, — возразил Пинч.

— Только двое? — с насмешкой ответил Стормер. — Да двое ли? Ручаетесь ли вы за то, что они не успели привлечь на свою сторону слуг?

— Да, я и забыл сказать, — быстро начал Пинч. — Ваше предположение не лишено основания, по крайней мере в отношении Мэри. Я два раза заставал ее оживленно разговаривающей с Винклером в укромном уголке коридора возле его рубки. О чем они говорили, я не знаю, так как при моем появлении Мэри тотчас уходила.

— Если их даже только двое, — продолжал Стормер свои размышления, — мы вполне в их руках. Недаром я пережил столь неприятные минуты в своем водяном гробу. Подумать только! Они попросту могли не вынуть нас оттуда, прекратить доступ воздуха. Им ничего не стоило задушить нас и затем выбросить вон из «ковчега». Признаюсь, не понимаю, почему до сих пор они этого не сделали.

— Они п-против индивидуального террора, — ответил Маршалль.

— Простите, но в масштабе ракеты это был бы уже массовый террор, — возразил Стормер. — Так или иначе, продолжать путешествие со своими палачами, которые не сегодня-завтра отправят нас к праотцам, я не намерен.

— Ганса и Винклера необходимо ликвидировать возможно скорее, — высказал до конца Пинч мысль своего патрона.

— Я полагаю, что это единственный правильный выход.

На этот раз Стормер согласился с Пинчем, не оборвав его за то, что тот «мешается не в свое дело». У Стормера, впрочем, были свои соображения проявить к своему секретарю мягкость.

— Вот вы хвалились своей храбростью, — начал он. — Как далеко, однако, простирается эта храбрость? Хватило ли бы у вас решимости справиться с этим делом одному?

— Я не побоюсь, даже если бы их была сотня, — ответил Пинч. — Но дело не в одной моей решимости. Всадить две пули в грудь этих преступников — нетрудное дело. Но если я буду действовать один, малейшая случайность может испортить все. И тогда, уж конечно, несдобровать не только мне, но и всем вам.

— Пожалуй, на этот раз вы правы, хотя вами и руководит трусость, — ответил Стормер.

Они стали совещаться о том, кого можно привлечь к участию в этом деле. Барон продолжал хранить молчание.

Наиболее подходящий человек — это Блоттон. Он силен, решителен, смел. Он говорил о том, что в ракете не все спокойно, что он что-то подозревает... И он, конечно, согласится, хотя до сих пор и стоял далеко от политики. Епископ?.. Он, пожалуй, годен только на то, чтобы забаррикадировать своим тучным телом коридор, если это понадобится. Активно он не станет участвовать в таком деле просто по трусости, спрятавшись за свое «не убий». Впрочем, благословляя на Земле с паперти «могикан», он «забыл» об этой заповеди. Кто же еще? Жак? Его, конечно, надо считать на стороне врагов. Текер? Он, наверное, не пойдет на это. Шнирер? Совершенно безнадёжная фигура. Он ответит, что револьвер — это машина, а машину он не возьмет в руки...

— Не привлечь ли нам тогда женщин? — спросил Пинч. — Фрейлейн Амели, например, храбрая женщина и великолепный стрелок, как она сама уверяет. Мы, конечно, не позволим себе поставить женщину под пули...

— Х-хглупости! — кратко вставил Маршал. — П-пре-вращать ракету в бойню. Он-ни нас н-не трогают...

Стормер был возмущен и страстно напал на Маршала, от которого никак не ожидал подобного выступления. Не трогают? Великолепно! А кто «тронул» капитал Маршала? Кто виновник разорений и смертей их друзей и компаньонов? Кто, наконец, повинен в их бегстве?

— Не убили сегодня — убьют завтра, — сказал Стормер. — Если вы, барон, не выносите вида крови, я не настаиваю на прямом нападении с оружием в руках. Можно придумать иной способ. Например: когда они — Ганс и Винклер — выйдут на поверхность ракеты, кто-нибудь из нас незаметно разрежет острым ножом их эфиролазный костюм. Они моментально взорвутся и в мгновение ока оледенеют от мирового холода. Все произойдет тихо и бескровно. Мы просто оттолкнем их трупы, они полетят в бесконечность, а мы скажем, что произошел несчастный случай: Ганс «сорвался», Винклер пустился его догонять, и оба пропали. Пусть попробует Цандер разыскать их.

— А в самом деле, великолепная идея! — воскликнул Пинч. — Из вас, мистер Стормер, вышел бы прекрасный детектив...

— Хь-хь, глупости, — снова выдавил из себя барон, — Ф-вы не поняли меня, мистер Стормер. П-пусть они семь и семьдесят семь раз будут уничтожены. Но на все свое время...

— Чего же еще нам ждать? Пока они сами объявят нам войну?

— П-позвольте сказать. П-подумали ль ф-вы о том, кто и как будет управлять ракетой, если их н-не станет? И что будет тогда с-со всеми нами? Вы х-говорите: «И без них вернемся на Землю...» Ф-вернемся ли? Ведь мы удрали в ничто, и из этого ничто нам нужно выбраться.

Этого они все совершенно не учли.

Дело было сложнее, чем им казалось.

— Что же вы предлагаете? — спросил Стормер, сдаваясь перед аргументацией банкира.

— Хь, ясно — подождать, когда м-мы сможем обойтись без них. Быть может — высадившись на планету, быть может — вернувшись на Землю, если

это когда-нибудь случится.

— В том-то и дело. А жизнь наша, как и на Земле, все время висит на волоске. Да от одного сознания этого меня разобьет паралич. Встречаться с ними каждый день, раскланиваться, разговаривать и в то же время мысленно спрашивать: «Когда вы изволите задушить нас?» Нет, слуга покорный. Я лучше предпочту сам броситься с ракеты, чем продолжать такую жизнь.

Пинча осенила мысль, от которой он чуть не подпрыгнул к потолку. Поистине, Маршаль и Стормер самые умные люди на ракете... после него, Пинча.

— Послушайте, господа. Барон подал прекрасную мысль, но не довел ее до конца. Он сказал: «Их убрать можно тогда, когда они нам будут больше не нужны». И точка. А дальше — ждите этого времени. Но зачем его ждать? Почему они нам сейчас необходимы? Потому, что они обладают знаниями, которых мы не имеем. Они умеют управлять ракетой. Неужели же так трудно нам самим овладеть этими знаниями? Полагаю, что нет. Я смотрел, как Винклер и Ганс пускают в ход дюзы, останавливают их. Поворот рычага сюда, поворот туда — и готово. Это вроде как вагоновожатые в трамвае. Неужто мы не годны в вагоновожатые, вернее — ракетовожатые? Времени у нас сейчас свободного стало больше. И мы можем посвятить его изучению того, чем заняты сейчас Винклер и Ганс.

— Хь... Если это так просто, ккак ф-вам кажется, ф-в чем я, однако, сильно сомневаюсь... — ответил барон.

Барон, по существу, не возражал. Стормер также поддержал Пинча.

— А в самом деле, почему бы и не попробовать? Это по крайней мере дало бы разрядку нашему нервному напряжению, было бы похоже на какой-то выход. Не может же быть, чтобы все мы оказались совершенно безнадежными учениками. Я не говорю уже о Блоттоне, который и сейчас помогает Цандеру.

На этом и порешили. Цандер должен взяться за их обучение. Участники триумвирата разбрелись по своим каютам и постарались уснуть.

Глава X

Пассажиры овладевают искусством небесной навигации

Цандер сидел за вычислением траектории полета, когда услышал позади себя чье-то свистящее дыхание.

Оглянувшись, он увидел, что Стормер протискивает сквозь узкий проход свое грузное тело. Проход в капитанскую рубку был уже, чем в других помещениях, так как она находилась в носовой части ракеты, где ее стенки суживались, оканчиваясь тупым отсеком со вставленным круглым наблюдательным стеклом. Цандер поднялся навстречу толстяку, застрявшему в проходе. Что привело его сюда? Обычно «пассажиры» не заглядывали в его рубку.

Удивление Цандера возросло, когда он увидел, что за Стормером следует Маршаль, за ним Блоттон. В проходе, виднелась еще фигура Пинча. Как ни мала она была, Пинчу не хватало уже места на площади «пола» рубки. Между тем Стормер настоятельно просил «устроить» в рубке и его секретаря. Цандер пожал плечами и принялся «устраивать». Он прежде всего усилил приток в рубку кислорода, затем затормозил вращательное движение ракеты. Центробежная сила уменьшилась. Это неожиданное уменьшение тотчас сделало все тела в ракете почти невесомыми. Цандер не знал, что леди Хинтон в это время, сделав неосторожное движение в кресле, всплыла на воздух. Эллен оказалась у потолка, маленький Макс Текер уплыл из рук своей матери. В ракете

произошел переполох. Цандер по телефону-громкоговорителю поспешил всех успокоить и извинился за причиненное беспокойство.

— Надеюсь, что это всего на несколько минут, — сказал он, многозначительно поглядывая на Стормера и тем давая понять посетителям, что они не должны отнимать у него слишком много времени.

— Ну вот. Теперь, господа, вы можете разместиться равномернее по всей кубатуре нашего маленького помещения. Входите, мистер Пинч.

Пинч, не ожидая этого приглашения, проскользнул в рубку. Он не вошел, а влетел в нее и поспешил занять самое удобное для наблюдений место, вспорхнув при помощи веера на потолок.

Остальные расположились вокруг Цандера.

— Чем могу служить? — спросил Цандер.

— Вопрос серьезный, — начал Стормер, как представитель делегации. — Не первый день летим мы в «ковчеге», а между тем до настоящего времени все мы, за исключением сэра Генри Блоттона, не имеем ни малейшего понятия о том, как летим, почему летим — словом, обо всей этой механике. Уже одна любознательность заставляет нас обратиться к вам с просьбой разъяснить нам основные принципы межпланетных полетов и дать некоторые практические указания в управлении нашим «ковчегом».

— Любознательность — отличная вещь, — подозрительно ответил Цандер и добавил с некоторой иронией: — Меня только несколько удивляет, что эта любознательность появилась лишь сейчас, и притом одновременно у всех.

— Да, но... — смутился Стормер. — Мы давно уже... А вот сейчас мы все беседовали в кают-компании и... — Оправившись от неожиданности, Стормер продолжал: — Дело не в одной любознательности. Мало ли что может случиться, в особенности с нами, летящими в бездну, так сказать?.. Все мы под богом ходим, как говорится, если только это применимо к нам...

— Да, путем координат вопрос о пространственном положении бога решить довольно трудно, — ответил Цандер.

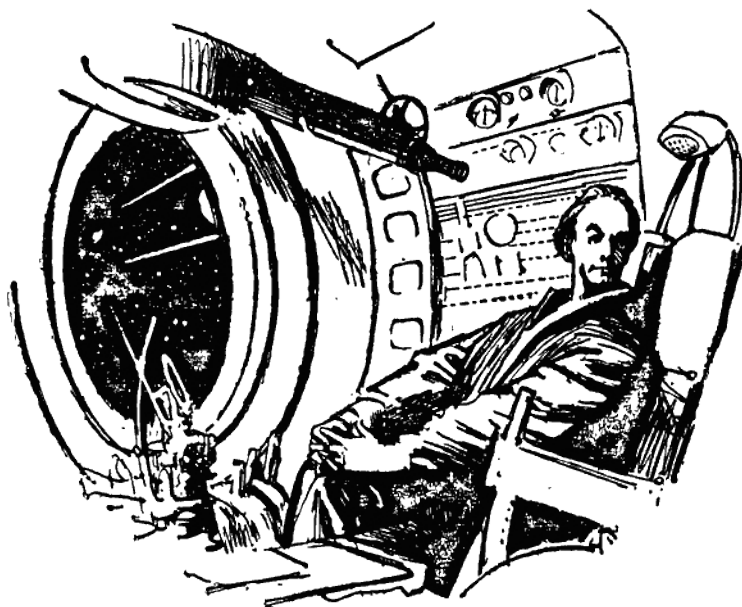
Эта ирония была весьма не по душе Стормеру.

— Я хотел только сказать, — начал он, наливаясь краснотой, что всегда предшествовало взрыву гнева, — что вы так же подвержены случайной смерти, как и каждый из нас. Для этого нет надобности строить ваши координаты.

— Аксиома, — кивнул головой Цандер. — Я вас слушаю.

— Так вот. Представьте себе, что какой-нибудь несчастный случай вывел вас из строя. Вы умерли, погибли. Вас нет. Что будет со всеми нами? Мы останемся как овцы без пастыря. У сэра Генри, правда, есть практические знания в управлении ракетой, но, как сам он говорил, — не правда ли, сэр? — он ничего не понимает в астронавигации. Кто же остается? Винклер.

— Видите ли, — ответил Цандер, — я вовсе не собираюсь так скоро умирать. Но если это случится, то есть и Ганс, который очень вырос за это время. Уже сейчас он немногим уступает Винклеру. Он все время усиленно работает.



Стормер переглянулся с Маршалем. К чему клонит этот Цандер? Почему он выдвигает этого мальчишку Ганса? Неужто Цандер угадал их тайные замыслы?.. Или он...

— Я очень рад, что в нашем «ковчеге» оказался еще один компетентный человек. Но это все же не выход.

— Они тоже могут стать жертвой несчастного случая? — отчеканивая каждое слово, спросил Цандер.

Это уже было вызовом. Нет, на Цандера, видимо, так же нельзя рассчитывать, как на Винклера и Ганса. Капитан явно стоит на их стороне. Черт возьми, какое осложнение! Если бы все это происходило на Земле... Стормер был уверен, что нет человека, которого нельзя было бы купить за золото. Но здесь? Какую цену могут иметь здесь золотые горы? Остается рассчитывать только на себя, на свою находчивость...

— Наш пессимизм не идет так далеко, мистер Цандер, — ответил Стормер. — Допустим, что Винклер заменит вас, а Ганс — Винклера...

«Черт возьми, но тогда о чем же разговаривать? — подумал он. — Я, кажется, сделал тактическую ошибку...» — И он не знал, как выйти из положения.

— Э... э... — пришел на помощь Маршалль. — А мммой пес... песс... пессимизм идет очень далеко. Разве при неудачном спуске на планету часть пассажиров не может оказаться убитой? Мы должны быть готовы ко всему.

— И потому каждый из нас должен овладеть необходимыми знаниями, — добавил Стормер, вздохнув с облегчением, и вытер лысину платком.

— К чему так много разговоров, господа? — сказал Цандер. — Вы хотите ознакомиться с принципами звездоплавания?..

— И научиться управлять «ковчегом»... — вставил Стормер.

— И научиться управлять «ковчегом», — повторил Цандер. — Отлично! Но не полагаете ли вы, что все это можно проделать, не выходя из этой рубки? Вы хорошо знаете высшую математику? Знакомы с астрономией, механикой, химией, биологией, физикой, электротехникой?

— Не заставьте же вы нас засесть за таблицу умножения, — с гневом прервал его Стормер. — Мы взрослые люди, и мы ворочали миллионами. Не думаете ли вы, что управлять сотней трестов и синдикатов, десятками банков, тысячами рабочих и служащих легче, чем каким-то «ковчегом»?

— Я этого не думаю, — сдержанно ответил Цандер.

Чем больше раздражался Стормер, тем с большим самообладанием вел себя капитан. Он чувствовал, что за этой неожиданной любознательностью скрывается нечто иное. По отрывочным разговорам, многозначительным взглядам, которыми обменивались в последнее время «пассажиры», Цандер понял, что в ракете назревают какие-то события, замышляется что-то направленное против Винклера, Ганса, а может быть, и против него, Цандера. В этом не было ничего удивительного. В продолжение его карьеры инженера с ним не раз происходили такие вещи: предприниматели принимали его на большой оклад, навязывали ему «помощника», которого он, Цандер, должен был инструктировать, а когда новое производство налаживалось, Цандера без стеснения выгоняли. Так было по крайней мере, в первые годы его работы, когда он еще не создал себе имени. Но неужели эти наивные люди в самом деле думают обойтись без него, Винклера и Ганса?

— Я этого не думаю, мистер Стормер. Больше того — я никогда не взялся бы управлять вашими банками и трестами, по крайней мере без предварительной и очень длительной подготовки.

— Мы не собираемся переквалифицироваться на инженеров звездоплавания. Мы хотим лишь получить те минимальные необходимые практические знания...

— Прекрасно. Вы получите их. С сегодняшнего дня в кают-компании начнутся курсы по звездоплаванию. Вы удовлетворены? Вопрос исчерпан. Леди Хинтон, вероятно, прокликает нас, паря в воздухе. А наш «ковчег» за время этого разговора, вероятно, отклонился на тысячи километров от своего курса. Простите, я должен приступить к своим обязанностям. — И Цандер, повернув рычаг, усилил работу боковой дюзы. Посетители осели вниз, облепив Цандера, как рой пчел облепляет ветку дерева.

Распрощавшись не очень любезно, они ушли из рубки.

Пробираться по узким проходам вдоль ракеты для Стормера было настоящим испытанием. А тут еще этот Цандер. Как он выпроводил их! Можно сказать, выгнал. Нет, небо решительно портит людей. Ну, разве могло произойти что-нибудь подобное на Земле? О, там Стормер за одно лишнее слово стер бы

Цандера в порошок, уничтожил бы его. А здесь его ничем не возьмешь... Скорей бы на Землю!.. Но, вспомнив о том, при каких обстоятельствах бежал он с Земли и что теперь творится на ней, Стормер только глухо выбранился.

— Од... од-нако этот Цандер об-обнаглел порядочно, — раздался позади Стормера голос Маршаля.

— Мерзавец! — отозвался Стормер. — Он чувствует себя хозяином положения. Ну, мы еще посмотрим, кто кого.

— Овладеем теорией и практикой звездоплавания и тогда поговорим с ним иначе, — подпевал Пинч.

— Овладейте сначала, потом хвалитесь, — прикрикнул на своего секретаря задыхающийся Стормер.

— Д-да и захочет ли Цандер действительно передать нам свои знания? — выразил сомнение Маршаль. — Он п-прекрасно учитывает, как это может быть невыгодно для него.

— Молчите, когда вас не спрашивают! — грубо оборвал его Стормер.

В тот же день — бесконечный «небесный ночной день» с сияющим солнцем на темном звездном небе — состоялся первый урок звездоплавания.

Опасения Маршаля как будто не оправдывались. Цандер очень внимательно и терпеливо относился к своим ученикам.

— Ну что, начнем свой первый урок? — сказал он. — Постараюсь дать вам сначала общие понятия. Почему мы полетели на ракете, а не на аэроплане? Потому что аэроплан может летать только в атмосфере. Воздух поддерживает крылья аэроплана; его гребной винт — пропеллер — своими лопастями отталкивает воздух назад и тем придает аэроплану поступательное движение вперед. Следовательно, и здесь, как и в ракете, происходит отдача по закону, установленному Ньютоном: действующая сила всегда вызывает равную ей силу противодействия.

— Значит, и аэроплан можно отнести к реактивным двигателям? — спросил Блоттон.

— Да, но с реакцией непрямого действия. Что это значит? В ракете выходящие газы непосредственно толкают ракету в направлении, противоположном выходу газов; в аэроплане же энергия бензина посредством мотора приводит в движение пропеллер, который, таким образом, является... ну... комиссионером...

— Комиссионером?.. — удивился Стормер, услышав знакомое слово.

— Представьте, без комиссионера не обходится и аэроплан, и это очень плохо. Комиссионеры всегда ложатся накладным расходом. Итак, аэроплан может летать только в воздухе. Уже на высоте немногим более десяти километров он чувствует себя плохо. В разреженном воздухе пропеллер не может уже тянуть так, как в плотной атмосфере. Притом и самому аэроплану надо «дышать» кислородом, без которого невозможно сгорание горючей смеси в цилиндрах его мотора. При недостатке кислорода мотор начинает задыхаться, приходится ставить специальные насосы-компрессоры для сжатия и наддува редкого атмосферного воздуха в цилиндры. В безвоздушном же пространстве аэроплан и совсем не полетел бы. Даже если сконструировать специальный герметический мотор, то все равно аэроплан не двинулся бы с места. Казалось бы, для полетов над атмосферой — в пустом пространстве — существует непреодолимое препятствие. Но ведь и полет на аппаратах тяжелее воздуха

считался невозможным. И невозможное стало возможным. Человеческий ум нашел способ летать в пустоте при помощи реактивных двигателей, действующих на принципе отдачи. В безвоздушном пространстве ракеты летят даже лучше, чем в атмосфере, которая является препятствием для движения и замедляет полет. Как же действует ракета?

— Газы, встречая сопротивление воздуха, отталкиваются от него, — сказал Пинч.

— Очень распространенное и совершенно ошибочное мнение, — заметил Цандер. — Ну а в безвоздушном пространстве?

Пинч пожал плечами.

— Вопрос сложнее. Вы выстрелили из ружья и почувствовали толчок в плечо. Отдача. Пушка при выстреле откатилась назад. Отдача. Поставьте пушку на рельсы — она силой отдачи откатится назад. Посмотрим, что же происходит в дуле ружья и пушки во время взрыва пороха? При взрыве образуются газы, которые с большой силой давят во все стороны. Заметьте — во все стороны. Давление газа на боковые стенки ствола уравновешено, потому что каждому удару частицы газа в одну стенку соответствует такой же удар в противоположную стенку. Замковая часть ствола закрыта. Противоположный же конец, из которого вылетает пуля, открыт. Естественно, что в этом направлении газы, не встречая препятствия, вытекают свободно. Таким образом, получается разность давлений: в сторону выхода из ствола давление наименьшее, в сторону замка — наибольшее. Ясно, что в эту сторону замка, назад, и будет происходить отдача. По этой же причине летит и обыкновенная фейерверочная ракета. Сделайте ракету гигантских — сравнительно с пиротехнической — размеров, в которой могли бы поместиться люди, горючее и прочее, и ваш «Ноев ковчег» готов. Понятно?

— Вполне, и без высшей математики, — отозвался Стормер.

— Да, но без математики вы ничего не сделаете. Вы могли бы взорваться вместе с ракетой при первом же опыте.

— Опыты я могу поручить другим, — быстро ответил Стормер.

— И, однако же, полет на «ковчеге» вы не поручили другим? Для полета на ракете в межпланетном пространстве требуется произвести много сложнейших расчетов, — продолжал Цандер. — Надо подсчитать прежде всего, какая необходима сила, чтобы преодолеть сопротивление атмосферы и, главное — земного притяжения. Атмосфера представляет огромное препятствие, но все же несравнимое с земным тяготением — с этими невидимыми цепями, которые приковывают нас к Земле. Сопротивление атмосферы уменьшает скорость хорошо обтекаемой ракеты при пролете через воздушный слой примерно на одну двухсотую часть.

Средством преодоления земного притяжения является скорость. Подсчитано, что при начальных скоростях менее восьми километров в секунду тело, брошенное с Земли, упадет обратно на Землю; при скорости в восемь километров — будет обращаться вокруг земного шара, как спутник; от восьми до одиннадцати километров — летать вокруг Земли по эллипсу, то приближаясь, то удаляясь, как периодическая комета, и лишь при скоростях более одиннадцати километров тело, брошенное с Земли, окончательно преодолеет земное тяготение и улетит навсегда в мировое пространство.

Чтоб достигнуть таких скоростей, необходимо затратить огромную мощ-

ность. Энергия дает горючее. И для звездоплавания встает новый вопрос — о наиболее легком и энергоемком горючем. Ведь горючее само имеет вес.

Расходуется оно постепенно. Значит, в момент отлета приходится сообщать скорость и самому горючему. Это необходимо учесть.

Далее, горючего можно взять тем менее, чем совершеннее двигатель, чем выше коэффициент его полезного действия. Наиболее совершенными в этом отношении являются двигатели так называемого прямого действия, к которым и относятся реактивные двигатели...

— Но ведь все эти трудности уже побеждены, все вопросы разрешены, все подсчитано, — возразил Стормер. — И нам, быть может, не придется заниматься такого рода подсчетами. Мы интересуемся практикой управления ракетами...

— Вот эта-то практика и невозможна без длительной подготовки, — ответил Цандер. — Расчеты нужны не только при подъеме, но и при самом полете, а также и при посадке. Не забывайте, что земное притяжение ослабевает с расстоянием, но нигде не прекращается. На летящую ракету действует притяжение не только Земли, но и Луны, и Венеры, и Солнца, это притяжение изменяет направление полета. Астронавигация требует непрерывных вычислений. Инструменты дают лишь материал для этих вычислений. Я пользуюсь и акселерометрами, показывающими величину ускорения полета, и жироскопами, регистрирующими изменения в направлении, и волчками, то есть теми же жироскопами, контролирующими направление руля; по угловым размерам планет и Солнца мне приходится измерять расстояние от них до ракеты и самоопределяться. Мне надо вычислять количество потребляемого горючего и отсюда — уменьшение общей массы ракеты, влияние этого на скорость и прочее. Чтобы высадиться на планету, необходимо знать ее положение на орбите и связать со скоростью и направлением движения ракеты. Всякая ошибка ведет здесь к напрасной трате горючего — в лучшем случае. Само по себе управление ракетой хорошо автоматизировано, и научиться пускать в ход дюзы или прекращать взрывы, менять направление ракеты не так уж трудно. Повернуть штурвал может и ребенок. Но куда придет корабль, управляемый таким капитаном?

— Словом, никто, кроме вас троих, не может справиться с задачей? — спросил Стормер.

— С этой задачей сможет справиться каждый из вас, если только овладеет необходимыми знаниями, — ответил Цандер.

— И... вы их дадите нам? — спросил Маршаль.

— Я сделаю все возможное, чтобы передать их вам. Остальное зависит от вас.

— Итак, за таблицу умножения?

— За логарифмы, без которых не ступить ни шагу, за аналитическую геометрию, за дифференциальное и интегральное исчисление.

— И за практический опыт, конечно? — спросил Стормер, которому хотелось поскорее взять быка за рога.

— Ну разумеется, потом, — ответил Цандер.

Глава XI

«Тррр — и готово!..»

Цандер взялся за обучение пассажиров. Он был не из тех, кто дорожит монополией своих знаний, и охотно делился ими со всеми, насколько ему позволяло время. Но именно эта самая добросовестность не удовлетворяла пассажиров, в особенности Пинча. Ему казалось, что Цандер слишком долю останавливается на теории в ущерб практике. Пинчу скорее хотелось добраться «до кнопок и рычагов». Он целыми часами просиживал в капитанской рубке, следя за всеми движениями Цандера.

В таком упорстве Пинча была своя цель: он понял всю выгоду быть «незаменимым специалистом». Если он в совершенстве овладеет техникой и знаниями астронавигации — настолько, что в состоянии будет заменить не только Винклера и Фингера, но и самого Цандера, — тогда многое изменится! Ведь в конце концов и Цандер может стать... жертвой несчастного случая. Пинч станет капитаном. Пинч покажет себя. Он, капитан, завоеует сердце Амели. Он может нажать состояние. Надо только скорее научиться всей этой премудрости.

Вот, например, акселерометр. Прибор для определения ускорения при полете корабля. Простой цилиндрик, в нем груз на пружине, перо, вычерчивающее кривую. Ракета «дернет», грузик отклонится, пружина растянется, перо вычертит кривую. Не так уж сложно! Пинч научился разбираться в этих кривых. Труднее пользоваться записями акселерометра для определения направления движения. Все эти координатные системы, аппараты, дифференциальные исчисления, небесные координаты, эклиптики, знаки зодиака, параллаксы, измерения широт, ортогональные проекции, перигелии, афелии, скорости... В многочисленных чертежах чертовски трудно разобраться. Да и нужно ли? Разве одна практика не давала возможность мореплавателям древности совершать далекие путешествия?..

Вот, например, этот рычаг. Он приводит в действие боковые дюзы. Нет, не боковые, а задние. Хотя нет... Ракета сейчас описывает круги. Так. Если немного повернуть этот рычаг влево, то задняя дюза «поддаст ходу» ракете. «Ковчег» начнет вертеться несколько быстрее. Совсем немного. Пассажиры, пожалуй, и не почувствуют этого. Цандера нет в рубке. Почему бы не попробовать? В конце концов управление ракетой не сложнее управления автомобилем. Рычаг туда, рычаг сюда. Тррр — и готово! Э, надо попробовать! Пинч дернул рычаг.

Произошло «тррр», которого меньше всего мог ожидать Пинч.

Он ошибочно дал, что называется, «контрпар».

Внезапно Пинча ударило о стенку рубки, причем инструменты полетели вслед за Пинчем к противоположной стороне; в ракете установилось состояние невесомости.

Пинч — вернее, его беспомощное тело — начал двигаться, отталкиваясь от стен и предметов беспорядочными движениями, и, наконец, остановился в самом центре помещения, прежде чем от неожиданности успел ухватиться за стенной ремешок. На его несчастье, при нем не было ни вееров, ни вращательного диска.

Следом за злосчастным «тррр» в середине ракеты раздались взрыв и необычайное шипение, переходящее в свист.

Пинч почувствовал, как в закрытую наглухо рубку проникает леденящий холод..

Неужели Пинч вызвал катастрофу?.. Этот взрыв, шипение, свист могли

производиться только воздушной струей, вылетающей из ракеты в мировое пространство. Где-то образовалась брешь. Холод мировых пространств наполнит ракету, мировая пустота высосет до последнего кубического миллиметра весь кислород, и все они задохнутся, нет, еще раньше окоченеют... Погибнуть смертью, которую он готовил для Ганса и Винклера!.. И он сам во всем этом виноват...

Не добраться ни до рычага, ни до двери. Между ними и Пинчем был один метр расстояния, но его невозможно преодолеть...

Из кабин слышались крики, вопли, шум... Вот голос епископа, призывающего «царя Давида и всю кротость его»... Вот как будто Шнирер что-то кричит о машинах... Вот голос Амели. Неужели и она погибнет? И по его же вине. А он мечтал спасти ее и получить в награду ее руку...

Пинч вновь задрогал ногами, руками, затряс головой. Он понимал всю бесполезность этих движений, но не мог «висеть в бездействии»...

Вот голос Цандера. Он приказывает что-то Гансу. Цандер. Неужели он не спасет их?..

Снова послышалось какое-то грохотанье. Свист и вой прекратились. Через несколько минут Пинч почувствовал, что в каюте теплеет и становится легче дышать.

«Кажется, мы спасены», — подумал он.

Теперь ему хотелось только одного — как можно скорее выбраться отсюда, проскользнуть незамеченным. О, он готов отпираться во всем! Предстать виновником едва не происшедшей гибели перед всеми, в особенности перед Амели — для Пинча это было второй надвигающейся катастрофой. А он еще мечтал стать капитаном! Кто доверит теперь ему это дело?.. Все погибло, мечты разбиты!.. Но неужели никак нельзя удрать?..

— Это ваша работа! Дело ваших рук, — вдруг услышал он голос Цандера, появившегося в дверях рубки. Пинч не мог даже повернуть голову. Он только дернул ногами, как повешенный в последней судороге.

— Следовало бы вас оставить в таком положении на двое суток в виде наказания! — кричал Цандер. — Зачем вы трогали рычаги вопреки строгому запрету? Теперь вы больше никогда не переступите порога этой рубки! — И Цандер довольно бесцеремонно схватил Пинча за ворот и выбросил его невесомое тело в коридор, как мячик.

Глава XII

«На всех парах» к Венере

— **Ч**то случилось? — крикнул Пинч, появляясь в кают-компании.

— Случилось то, что мы все едва не погибли, — ответил Стормер. — Но отчего и по чьей вине, этого еще никто толком не знает. Факт тот, что в оболочке ракеты, в том месте, где находится труба, соединяющая ракету с оранжереей, образовалась трещина, в которую начал выходить воздух. Не прими Цандер немедленных мер и не закрой он отсека, через несколько секунд все мы превратились бы в ледяные сосульки.

— Но отчего произошло все это? — с невинным видом спросил Пинч.

— А вы где сами были? — спросил Стормер, пристально глядя на Пинча.

— Я... в уборной...

— Ну ладно, разберемся. Все произошло оттого, что ракета внезапно изменила движение, получился страшный толчок. Все полетело кувырком. Цандер

предполагает, что наша оранжерея погибла. Если образовалась щель там, где прикреплена труба, проводящая газ из ракеты в оранжерею, — значит, это труба сорвалась со своего основания, да и только ли труба? Сейчас мы отправимся на поверхность ракеты осмотреть повреждения. Неужели наш урожай погиб?..

Через полчаса Цандер, Ганс, Винклер, Стормер, Маршаль и Блоттон выбрались наружу.

Оранжерея имела жалкий вид. Главная пятисотметровая труба висела в наклонном положении, держась только одним концом. В оранжерею проник мировой холод и мгновенно уничтожил всю растительность. От плодов не осталось и следа. Клубника, картофель, земляника, очевидно, взорвались, как маленькие шрапнели, под влиянием внутреннего давления газов. Листья, стебли совершенно обуглились и рассыпались при малейшем прикосновении в мельчайшую пыль.

Урожай, которого так ждали, погиб окончательно. Но можно ли было по крайней мере спасти и починить хоть оранжерею?

Ее осмотр привел к самым неутешительным выводам. Часть оранжереи — метров в сто — оторвалась и улетела. Стекла треснули. Оранжерею еще можно было укоротить. Но стекло ничем не заменишь. А без стекла нет солнечной энергии, которая давала жизнь оранжерее.

Все вернулись в кают-компанию подавленные. Тотчас было созвано экстренное совещание всех обитателей ракеты, без деления на ранги и классы. Вопрос был слишком важен и затрагивал каждого.

Но по существу, это уже не было совещанием. Никто не решался предлагать своих проектов, планов, как выйти из положения. Время и обстоятельства создали Цандеру непререкаемый авторитет. Уже без ворчания на его «диктатуру» все смотрели только на него, ждали, что скажет он. Его речь была коротка:

— Здесь нечего долго думать. Запасов наших кладовых нам хватит ненадолго. Питаться «синими» консервами невозможно. Нам остается один выход: что называется, «на всех парах» мчаться и высаживаться на Венеру.

— Но все-таки отчего произошла катастрофа? — спросил Стормер.

— Сейчас для нас гораздо важнее вопрос, как избежать гибельных ее последствий, — отвечал Цандер. — Не время искать виновных.

Пинч облегченно вздохнул и с благодарностью посмотрел на Цандера. Нет, этот инженер все-таки лучше, чем он думал о нем.

Начались новые заботы. Цандер уединился в рубке и сидел над вычислениями. Винклер и Ганс помогали ему, производили измерения, наблюдали небесные светила.

В пассажирских каютах царило возбуждение, какое бывает на океанских пароходах в конце путешествия, когда уже видна гавань. Такой гаванью для «ковчега» стала Венера. О Земле уже никто не думал, тем более что связь с нею давно прервалась.

Цандер не хотел подвергать путешественников лишний раз неприятным ощущениям при изменении скорости и потому не затормозил и не остановил ракету, а повернул ее широким полукругом, не замедляя скорости.

Приближался самый ответственный и рискованный момент межпланетных путешествий — посадка. Цандер все больше задерживал полет ракеты,

перейдя к скоростям порядка одиннадцати-двенадцати километров в секунду. Венера блистала на небе огромным шаром. «Ковчег» приближался к планете по параболе. Еще несколько «часов» полета, и ракета начала описывать вокруг Венеры эллипс, то приближаясь, то удаляясь от нее. По расчетам Цандера, весь спуск должен был продолжаться около земных суток. При обходе Венеры по эллипсу в первый раз ракета приблизилась к планете настолько, что вошла в ее стратосферу, а затем начала удаляться. Когда ракета оказалась на противоположном конце большой полуоси эллипса, расстояние от ближайшей точки до этого конца полуоси равнялось почти двадцати пяти тысячам километров. Этот первый облет по эллипсу продолжался почти десять земных часов, и путешественники, которых еще не уложили в ящики стабилизаторов, могли наблюдать интересное зрелище, как Венера то увеличивалась в размерах, закрывая почти все видимое из окна пространство, то уменьшалась, то снова увеличивалась, когда ракета пошла к дальней точке эллипса во второй раз. Снова она задела стратосферу планеты и затем ушла на двенадцать тысяч километров. Этот второй облет занял около пяти часов. При каждом новом облете большая полуось эллипса укорачивалась, и эллипс начинал приближаться к кругу. Продолжительность полета по пятому эллипсу заняла всего один час десять минут. Оставался последний облет планеты — по кругу, на расстоянии всего семидесяти пяти километров над поверхностью, и спуск по косой линии через атмосферу — около трех с половиной тысяч километров, на что требовалось немногим более получаса. Путешественники были уложены в амортизаторы. Цандер, Винклер и Ганс находились на своих местах в передней и задней рубках.

Каждый раз, когда ракета врезалась в верхние слои атмосферы, чувствовался значительный толчок. Атмосфера тормозила скорость полета.

Когда «ковчег» врезался в густую атмосферу Венеры в последний раз, чтобы, прорезав ее по касательной, опуститься на поверхность, скорость ракеты была близкой к скорости летящего артиллерийского снаряда.

Перед Цандером было два пути уменьшить еще больше скорость полета перед посадкой: воспользоваться огромным парашютом или же пустить в ход дюзы, направленные своим выходом к поверхности планеты. Взрывы будут толкать ракету назад, уменьшая таким образом скорость падения.

Возможен был и комбинированный способ. Торможение посредством мотора требовало особого искусства управления. А Цандер привык преодолевать самое трудное. И он решил спустить ракету на дюзах.

Этому спуску предшествовали сложнейшие расчеты. И никогда еще Цандер не подсчитывал, не пересчитывал и не проверял результатов с такой тщательностью. Все было поставлено на карту. Управление спуском должно было происходить без ориентировки, по приборам и расчетам, так как густая облачность Венеры не позволяла ориентироваться. Да и сами окна ракеты перед спуском были наглухо закрыты герметическими щитами, так как было невозможно точно предугадать, каким боком сядет ракета. С хронометром и графиком скоростей Цандер должен был в известное время усиливать или уменьшать действие мотора.

Он был бы совершенно спокоен за благополучный исход посадки, если бы в его расчетах не было одной неизвестной или по крайней мере приближенной величины — данных о плотности атмосферы Венеры. От плотности зависела

сила торможения, и эта величина вносила неясность в расчет двух других сил.

Цандер знал все немногое, что удалось узнать о плотности атмосферы Венеры земным астрономам. Он знал, что эта атмосфера почти в два раза плотнее земной. Изменение же плотности с высотой приходилось устанавливать предположительно — по сравнению с земной.

И Цандер, лежа в своем ящике, с необычным для него волнением переживал самые ответственные минуты, каждая из которых могла стоить жизни всем пассажирам.

Хронометр и график на доске, освещенные электрической лампочкой, хорошо были видны Цандеру. Секунда в секунду ракета врезалась в атмосферу и пошла на снижение по касательной. Довольно ощутимое усиление тяжести подтверждало, что «ковчег» вошел в атмосферу.

Мерно подвигалась секундная стрелка, и время от времени Цандер нажимал рычаги управления.

Даже лежа в ящике, наполненном водой, он чувствовал, какую титаническую борьбу выдерживает ракета, преодолевая притяжение работой своих дюз. Цандер воспринимал эту борьбу в формулах механики и символах математики. Дюзы ревели, грохотали, как маленькие вулканы, выбрасывая снопы пламени. Цандер ясно представлял себе эту картину. Несмотря на толстые стенки ракеты и разреженный воздух внутри «ковчеха», этот грохот глухо проникал даже в ящик: густая атмосфера Венеры не съедала больше звуков, подобно пустоте межпланетного пространства.

Нарастали последние, самые томительные секунды. Тридцать седьмая минута на исходе. Сейчас будет толчок. Тридцать семь минут на исходе. Сейчас будет толчок... Тридцать семь минут и одна секунда, две, три... толчка нет... Атмосфера плотнее, чем было рассчитано. Нужно ослабить работу мотора.

Потекла тридцать восьмая минута... Вероятно, ракета снижается над океаном... Еще несколько секунд... Незначительный толчок. И вдруг сильнейший удар, от которого помутилось в голове. Хронометр с 1графиком и лампочкой куда-то уплыли. Еще удар... Сильнейший крен, и, наконец, полная остановка...

«Ковчег» сел на почву новой Земли — станции назначения «беглецов от революции».

Часть третья

Новая земля

Глава I

Венера принимает гостей



Лежа в амортизационном ящике, Цандер чувствовал, как повышается температура.

«Этак можно свариться, — подумал он. — Толчков больше нет, пора выходить».

Цандер осторожно вылез из ящика и сбросил скафандр. Горячий воздух, как из раскаленной печи, обдал лицо. Пот заливал лоб, щеки, глаза... Пришлось вновь надвинуть на голову шлем скафандра.

«Моя непредусмотрительность. Надо было перед посадкой усилить работу холодильников...»

Он пустил их на полную мощность. Температура понизилась, но было еще очень жарко. Термометр показывал сорок три градуса.

«Представляю, как чувствуют себя наши пассажиры...» Цандер снова сбросил водолазный костюм.

Вошел Ганс, вытирая пот с красного лица.

— Фу, шведская парильня! — воскликнул он. — Я уж вынул из ящиков наших пассажиров. Раскисли. Леди совсем в кисель превратилась. Даже голос потеряла — шипит, как сифон. Барон хрипит. Стормер пыхтит, с лица Делькро всю парфюмерию смыло.

Через несколько минут все пассажиры собрались в ка-ют-компании — красные, мокрые, расслабленные. Делькро вынула зеркальце, с которым никогда не расставалась, глянула в него и вскрикнула. От бровей и ресниц шли по щекам черные потеки, кармин губ окрасил подбородок. Ганс не удержался, расхохотался.

— Зачем выбрали такую горячую планету? — послышался зловекий шепот леди Хинтон. За время своего межпланетного путешествия даже она сделала некоторые успехи в астрономии; научилась отличать планеты от комет по единственному признаку — «с хвостом или без хвоста». — Я же предупреждала вас, что мне необходим климат Ривьеры. На этой же планете климат Алжира.

— Вы ошибаетесь, мадам, — сказал Цандер. — Весьма вероятно, что внешний воздух за стенами звездолета очень холоден.

— Тогда, значит, это вы решили сварить нас, как раков? — сердито спросил Стормер. Сине-красный, с выпученными глазами, он и в самом деле походил

на вареного рака.

Цандер улыбался.

— Нет, просто оболочка ракеты сильно нагрелась трением об атмосферу.

— Н-но ведь при отлете с Земли мы также т-терлись об ат... атмосферу?

— Вы правы, барон. И тогда температура так не повышалась. Атмосфера же Венеры плотнее земной. Не забывайте, что это наш первый полет. В следующий раз буду знать, как...

— В следующий раз! — прервала Цандера леди Хинтон. — Еще раз перенести эту пытку? Подумать страшно!

— Тридцать два градуса, — сказал Винклер, глянув на термометр. — Температура быстро понижается.

Цандер озабоченно покачал головой. Уж очень быстро понижается. За стеной, должно быть, большой холод.

— Так надо скорее открыть дверь и проветрить наш «ковчег»! — сказал епископ, поглаживая лысину.

— Да, разумеется, — задумчиво ответил Цандер. — Ганс, Винклер, идем.

— Позвольте и мне с вами. Быть может, и я окажусь полезен, — заюлил Пинч.

— Я позову вас, если ваша помощь потребуется, — ответил Цандер таким тоном, что Пинч остался на месте. Со времени своего неудачного опыта управления ракетой Пинч побаивался Цандера.

Винклер, Ганс и Цандер прошли коридорами в отсек-камеру, где находилась наружная дверь. Цандер тщательно прикрыл и запер на ключ дверь в коридор, затем сказал своим помощникам:

— Положение серьезное. Судя по внутренней температуре, поверхность оболочки оплавилась. При этом дверные пазы, вероятно, спаялись. Если нам не удастся открыть двери, мы погибнем от удушья. У нас осталось совсем немного кислорода...

— Откроем, — спокойно и уверенно ответил Винклер. — Если не удастся открыть дверь или иллюминатор, пустим в ход сверла, автоген, сделаем отверстие в стене...

— Причиним этим смертельную рану нашей ракете, — добавил Цандер. — У нас едва ли хватит материалов и инструментов заделать пробоину так, чтобы можно было рискнуть на обратный полет.

— Лучше оказаться пленниками Венеры, чем погибнуть в ракете от удушья, — сказал Ганс.

— Необходимо устранить ближайшую опасность.

— Правильно, Винклер, верно, Ганс. Я согласен с вами. Но, устраняя ближайшую опасность, не идем ли мы навстречу другой? Что ожидает нас за этой стеной? — Цандер хлопнул рукой по вогнутой стенке ракеты. — Быть может, правы те ученые, которые утверждают, что на Венере нет кислорода.

— Здесь — верная гибель, а за стеной — проблематичная. Если есть хоть один шанс против ста...

— О чем тут говорить? — прервал Винклера Ганс. — Эта камера закрывается наглухо. Мы первыми должны испытать на себе воздух Венеры. И если он окажется смертельным, предоставим нашим пассажирам пережить нас на несколько минут... Мне, признаться, вообще не по душе погребальные разговоры. Обо всем этом каждый из нас должен был передумать еще на Земле,

прежде чем переступить порог ракеты. Я предлагаю немедленно приняться за работу. — Ганс решительно открыл дверь и направился в кладовую.

Там было темно. Ганс зажег лампочку и... увидел перед собою Стормера, согнувшегося под тяжестью тяжелого баллона с кислородом.

Ганс понял: Стормер пытался утащить баллон в свою каюту.

— Оставьте баллон! — крикнул Ганс, загораживая дверь.

Мгновенно смущение сменилось на лице Стормера гневом.

— Не ваше дело! — грубо ответил он.

— Я приказываю вам, поставьте баллон на место!

— Щенок! — заревел Стормер. — Здесь я хозяин, а не ты. Прочь с дороги!

Сняв баллон с плеча, Стормер взял его наперевес и с этим тараном двинулся на Ганса. Ганс оставался неподвижным, но в последнее мгновение отскочил в сторону. Стормер, не встретив точки опоры, упал вместе с баллоном, зарычал, выругался и начал подниматься. Ганс налетел на него и повалил на спину. Стормер с неожиданной быстротой повернулся на грудь, вскочил на ноги и бросился к Гансу, расставив толстые, тупые пальцы, с явным намерением задушить Ганса. Не подпуская его к себе, Ганс снова прыгнул в сторону и схватил с полки тяжелый молот, который мог бы размозжить череп Стормера.

— Змееныш! — прохрипел Стормер, шевеля пальцами, но не двигаясь с места.

— Вы здесь, господин Фингер? Как дела? Что вы здесь делаете? — У дверей стоял Пинч, вертя своей острой мордочкой, словно собака, нюхающая воздух.

— Я пришел за инструментами, а что тут делал мистер Стормер, спросите у него, — ответил Ганс.

Стормер метнул на Ганса гневный взгляд и, тяжело ступая, оставил поле сражения, грубо толкнув по пути непрошеного свидетеля.

Ганс усмехнулся, собрал инструменты и вышел в коридор, закрыв кладовую на ключ. Пинч потирал плечо и с недоумением смотрел вслед удалявшемуся Стормеру.

— Мистер Пинч, вы, кажется, хотели помочь нам открывать дверь?

— С удовольствием.

— Только предупреждаю: мы закроемся наглухо. Воздух Венеры может быть смертоносным.

— Это пустяки. Но вот что меня беспокоит: внешний воздух, наверно, очень холодный, а я пропотел и могу схватить насморк... — Вихляясь и кланяясь, Пинч задом удалился от Ганса.

— Почему ты так долго не возвращался? — спросил Винклер.

Ганс коротко рассказал о случае в кладовой и взялся за дверные запоры.

— Подождите, — остановил Цандер. — Я предлагаю надеть кислородные маски и привести сюда козленка. Пусть козленок первый испытает на себе действие здешнего воздуха.

— Излишняя предосторожность, — возразил Ганс. — Допустим, что козленок подохнет, глотнув смертоносных газов. Это не изменит положения. — Он попытался повернуть колесо винтового запора — одного, другого, третьего. Не поворачивается. Винклер сжал кольцо своими руками-клещами.

— Не идет. Очевидно, оплавлена... Попробуем вторую дверь, в другом конце ракеты.

Ганс вышел в коридор и вновь столкнулся с Пинчем. Он ежилась, лицо его

посинело.

— Я стучал вам, — затараторил Пинч, — а вы не слышали. Леди Хинтон волнуется. Она уже мерзнет. Неужели вы не чувствуете, как понизилась температура? Всего семь градусов. Это после адской жары. Грипп, насморк, воспаление легких... Все сидят в шубах и шапках...

— А вы и не догадались закрыть холодильники и включить электрические печи!

— Да, но... — замялся Пинч. — Мне запрещено касаться аппаратов...

Холодильники были выключены, электрические печи включены. Температура медленно поднялась до двенадцати градусов.

Вторая дверь не поддавалась, как и первая.

— Придется попробовать иллюминаторы.

Цандер, Ганс и Винклер ходили из каюты в каюту, пробовали отвинтить винты, гайки, но все было напрасно. Пинч бродил следом и подавал всяческие советы, пока Ганс не прогнал его. Но через минуту Пинч появился снова — в шубе, меховой шапке, рукавицах и меховых сапогах.

— Температура ниже нуля. Неужели вы не чувствуете? Мы все окоченели от холода. Вероятно, печи неисправны. И воздуха как будто меньше становится. Что же это такое, мистер Цандер? Уж лучше замерзнуть, чем задохнуться. Смерть от замерзания, говорят, легче... Осмотрите, пожалуйста, печи, господин Цандер.

Явился и Блоттон, в дохе и шапке.

— Как дела? — спросил он. — Странное дело! Венера ближе к Солнцу, чем Земля, и тем не менее мы мерзнем. Говорили, что тела на Венере весят несколько меньше, чем на Земле, а я чувствую тяжесть и усталость во всем теле...

— Это потому, что ваше тело избаловано в пути невесомостью. Мышцы ослабели. Ничего, окрепнут! Усталость же, вероятно, от недостатка кислорода. Ганс, пойдите осмотрите печи и прибавьте кислорода... но будьте экономны! — тихо прибавил Цандер.

Пинч преувеличил: температура больше не понижалась, но и не повысилась, хотя печи были исправны. Ганс приоткрыл кран нового кислородного баллона, затем надел шубу и шапку. «От смертоносных газов, если удастся открыть иллюминатор, спастись невозможно, но от холода — можно и должно». И вернулся к Цандеру и Винклеру.

— Запаса кислорода осталось на пять-шесть часов, — сказал он. — За это время нам необходимо выйти во что бы то ни стало.

Работа была трудная. Час проходил за часом, но ни одна оконная рама не поддавалась.

Постепенно пассажиры начали понимать всю серьезность положения. Этому немало способствовал и Пинч. Он сеял панику, рисуя ужасы предстоящего удушья и замерзания. Винклер, случайно проходивший мимо кают-компания и слышавший эти паникерские речи, вызвал Пинча в коридор, ни слова не говоря, сгреб за шиворот, отвел в каюту и запер. Но семя было брошено и давало плоды. Делькро и Эллен истерически плакали, мужчины беспорядочно кричали, обвиняя во всем Цандера и большевиков. Текер бросался от пациентки к пациентке со спиртом, валерьянкой, бромом.

— Вы мужчины! Вы должны что-то предпринять, — шипела леди Хинтон,

лишившаяся голоса.

Начались беспорядочные споры. Наконец решили. Барон, епископ и Блоттон, предводительствуемые Сторме-ром, двинулись к каюте, где в это время работали Цандер, Винклер и Ганс.

Лица депутатов не предвещали ничего хорошего. В такие минуты самые крепкие головы теряют рассудок и способны на безумные поступки. У каждого из депутатов мог быть припрятан револьвер. Эгоизм этих людей не остановился бы перед уничтожением других, чтобы за их счет прожить самим хотя бы несколько лишних часов.

Ганс в одну минуту понял все это и вдруг пронзительно свистнул.

Из коридора слышались торопливые шаги. Депутаты повернулись и увидели позади себя двух человек, о которых почти позабыли: китайца и Мэри. Жак и Мэри переглянулись с Гансом и стояли молча, как бы ожидая только сигнала. Участники полета разделились на две враждующие партии, два лагеря. Пять против пяти! Но армия Стормера была зажата в тиски и в случае столкновения принуждена была бы действовать на два фронта. Хуже всего было то, что Стормеру не удалось захватить «врага» врасплох. Ганс спокойно улыбался и мерно помахивал уже знакомым Стормеру тяжелым молотом.

— Что вам угодно, господа? — резко спросил Цандер — Будьте кратки. Имейте в виду, что каждая минута задержки нашей работы может стоить вам жизни.

— В таком случае отложим этот разговор до другого раза, когда вы будете менее заняты, — напыщенно произнес Стормер и повернул свое войско.

— Подождите. Я предлагаю всем разойтись по своим каютам. Мы сейчас будем работать в кают-компании, и ее необходимо очистить, — сказал Ганс. — Мэри, Жак, проводите пассажиров.

Спутники Стормера переглянулись. После их капитуляции победители диктуют условия: роспуск армии. Приходилось подчиниться и этому. Стормер повернулся и с преувеличенной любезностью поклонился Гансу. Но глаза Стормера красноречиво говорили: «Мы еще посчитаемся».

Когда все ушли, Винклер рассмеялся и, хлопнув Ганса по плечу, сказал:

— А со свистом — это неплохо организовал. Предусмотрительно.

— И насчет кают-компании тоже хорошо придумано, — прибавил Цандер. — Изоляция пассажиров сейчас необходима. Они плохо действуют друг на друга, находясь вместе.

— Одного я уже изолировал — Пинча, — сказал Винклер.

— То-то я удивился, что Стормер явился без своего оруженосца! — заметил Ганс.

— Однако жаль, что Стормер не произнес своей речи. Интересно все-таки, какой ультиматум они хотели предложить нам. Идем в кают-компанию.

Она уже была очищена. Пассажиры расползлись по своим норам.

— У меня есть одно предложение, — сказал Ганс. — Если бы нам даже удалось отвинтить раму иллюминатора, мы встретились бы с другим препятствием: внешние защитные ставни над стеклами уж, наверно, оплавилась в пазах, и их не отодвинуть. Толщина щитов невелика. У нас есть запасные щиты и стекла. И я предлагаю разбить стекло иллюминатора и просверлить отверстие в ставне. Таким путем мы не причиним больших повреждений ракете и выйдем наружу.

План был принят, и все принялись за работу. Не без труда разбили изнутри толстое, прочное стекло.

Со щитом пришлось повозиться еще больше. Нужно было по всей окружности иллюминатора просверлить множество дыр.

По примеру Ганса Цандер и Винклер оделись потеплее, закрыли герметическую дверь в коридор и начали сверлить.

С момента посадки на Венеру прошло уже несколько часов. Быть может, из-за недостатка кислорода о еде никто не думал. Но усталость чувствовалась все сильнее. Кружилась голова, шумело в ушах, беспорядочно работала мысль.

У пассажиров после недавнего возбуждения наступила реакция. Все сидели сонные, как осенние мухи. Головы склонялись на плечо, руки поднимались и опускались вяло и безжизненно. Всеми овладела апатия... Лучше других чувствовали себя в своей каюте жена доктора Текера с ребенком: Ганс успел поставить в ее комнате баллон из «неприкосновенных запасов». Здесь дышалось легче. Текер возился с пациентами.

А в кают-компании скрежетало сверло, приводимое в движение электричеством. Внезапно сверло провалилось. Первая дыра. Ганс вынул сверло, приложил к отверстию нос, потянул воздух. Цандер и Винклер, затаив дыхание, наблюдали.

— Ну что? — не вытерпел Цандер.

— Не чувствую. Более плотный и теплый воздух кают-компания выходит наружу. Для вентиляции надо сделать по крайней мере две дыры. Пока чувствуется, что внешний воздух холодный и как будто серой пахнет, — доложил Ганс.

Когда просверлили вторую дыру, все почувствовали, как потянула ледяная воздушная струя, насыщенная серными парами. Ганс, Винклер и Цандер вдыхали этот воздух, с волнением поглядывая друг на друга. Воздух был неприятный, но никто не почувствовал себя плохо.

Ганс вдруг подошел и закрыл кран кислородного баллона.

— Зачем ты это делаешь? — спросил Винклер.

— Затем, что мы дышим смешанным воздухом. Надо получить чистую венерианскую атмосферу.

С каждой новой дырой в каюте становилось холоднее и все больше пахло серой.

Дыхание становилось все более учащенным, голова кружилась.

— Кислород, безусловно, есть, но его маловато, — сказал Цандер. — Однако из этого еще не следует делать заключения, что таков весь состав атмосферы. Возможно, что мы опустились на горную вершину.

Тревожно зазвонил электрический звонок. Винклер поспешил открыть дверь. Вошла взволнованная Мэри.

— Стормер бушует, — сказала она. — Ходит по каютам и кричит, что вы заперлись, чтобы открыть форточку только для себя, а пассажиров удушить.

— Вот идиот! — воскликнул Ганс — Ведь с ними были ты, Мэри, и Жак. Не хотели же мы и вас удушить. Кто его выпустил?

— Доктор настоял, чтобы открыли каюту. Он хотел осмотреть Стормера, а тот вышел. Почему у вас так серой пахнет?

— Венера душится такими духами, — отвечал Ганс.

Вбежал Текер:

— Кислороду! Дайте скорее кислороду! Пассажиры задыхаются. Леди... — он вдруг сильно закашлялся — Что это за газ?

— Распорядитесь, доктор, чтобы все скорее надели противогазы, — сказал Цандер. — Вы, Мэри и Жак, займитесь этим делом. Принесите и нам противогазы, Мэри.

Винклер просверлил последние дыры. Ганс вооружился тяжелым молотом.

— Попробую выломать, — сказал он, отстранив Винклера. По ракете раздались гулкие удары молота. Леди Хинтон казалось, что это забивают гвозди в крышку гроба.

Текер топтался возле нее, убеждая надеть маску. Старуха капризничала:

— Не хочу я надевать свиное рыло... И как же я буду есть?

Блоттон и Эллен, уже в противогазах, жестами старались убедить ее. Лишь после того как от серного запаха леди Хинтон стала задыхаться, она покорилась и позволила натянуть на свою голову маску.

Глава II

Зимние невзгоды

Стальной щит с глухим грохотом упал. Из круглого окна подуло свирепым холодом, который проникал сквозь теплые одежды. Сухим снежным водопадом ворвалась метель и в минуту покрыла пол, стол, стулья белым покровом. Возле иллюминатора на глазах выросла снежная гора. Черная непроглядная ночь глядела в окно. Ганс погасил лампочку в каюте. Когда глаза пригладелись к темноте, то различили, что черный круг окрашен с правой стороны багровым отсветом. Он то совсем сливался с чернотой, то усиливался, как зарево пожара. Такие же вспышки от времени до времени появлялись и в нижнем левом углу.

Ганс, Винклер и Цандер снарядились для вылазки: взяли лестницы, веревки, кирки, электрические фонари, портативные радиотелефоны. Ганс на всякий случай захватил револьвер и охотничий нож.

Спустили лестницу, поставив ее в сугроб. Ганс полез первым. Ветер повалил лестницу. Ганс упал на пушистый снег, с трудом выбрался, поставил лестницу на место. Вслед за ним спустились Винклер и Цандер. Осмотрелись.

Они находились в стране действующих вулканов. Всюду злоеце вспыхивали огни, отбрасывая багровые отсветы на густые облака и на покрытые снегом утесы. Огни вулканов светились среди необозримых пространств, как степные костры полчищ Тамерлана. Горные пики уходили высоко за облака, но и на этих заоблачных высотах были действующие вулканы. Облака, окружавшие конусы кратеров, рдели раскаленными багровыми шапками. Огненные столбы взлетали к облакам. Густой удушливый черный дым смешивался с облаками.

Глухой гул и отдаленные удары не прекращались. Иногда эти удары напоминали грозные разряды. Но неужели гроза могла быть при такой низкой температуре? Ганс вдруг увидел над одним кратером молнию. Да, это молния и гром. Там, вероятно, снежная метель превращается в ливень.

— Ученые не ошиблись, предполагая, что на Венере могут быть горы в двадцать-тридцать километров высотой, — сказал Цандер. — Ракета лежит на высоком горном плато, а эти горы, стоящие на высоком подножье плато, вдвое-втрое выше наших земных Эверестов. Теперь понятна и ошибка ученых, кото-

рых обманул спектральный анализ, не обнаруживший на Венере кислорода. Этот густой слой облаков, дым от бесчисленных вулканов, представляет собою слишком плотный панцирь, прикрывающий тайну атмосферы Венеры.

— Не совсем удачное время года и место для посадки, — сказал Винклер. — Здесь так много вулканов, что мы рисковали упасть в один из кратеров. Не легко было бы выбраться оттуда. Зато многометровый снежный покров оказался великолепной амортизационной подушкой.

По лесенке поднялись на ракету. Неожиданно подуло теплым ветром. Ганс даже не поверил, — быть может, ему стало жарко от движения. Снял рукавицы. Нет, воздух теплый, влажный. Откуда?.. Не пламя ли вулканов нагрело его?

На оболочке ракеты уже успел нарасти толстый слой слежавшегося в лед снега. Пришлось приняться за кирки. Снежный буран сменился градом, град — проливным дождем. И вдруг вновь заморозило. Костюмы обледенели, они хрустели при каждом движении рук, ног. Работать было трудно. Сказывалась кислородная голодовка. Приходилось часто отдыхать.

В один из таких перерывов подул сильный ветер, и облака вдруг унесло в сторону. На минуту выглянуло звездное небо.

— Луна. Смотрите, маленькая луна! — воскликнул Ганс, показывая рукавицей. Да, это был маленький спутник Венеры, который казался не более вишни.[66] Малый размер и густая атмосфера Венеры, ярко излучающая свет, скрывали ее спутник от глаз земных астрономов.

— А где же настоящая, наша, земная Луна и сама Земля?.. — Все небо было усеяно крупными, сильно мерцающими звездами. Ганс не мог найти. — Господин Цандер... Где же они?

Цандера не было.

— Пошел за аппаратами, — ответил Винклер. — Вот, кажется, Земля.

Эта голубая, трепетная росинка — Земля?

Ганс впервые осознал ту простую мысль, что Земля лишь «звезда меж звезд» и люди Земли — «небожители». Осознал условность большого и малого. Земля — ничтожная звездочка, затерянная в безднах неба, песчинка, которую не отличишь от мириада других звезд.

Вернулся Цандер с астрономическими инструментами.

Он спешил сделать наблюдения, и едва успел закончить их, как тучи вновь заволокли небо.

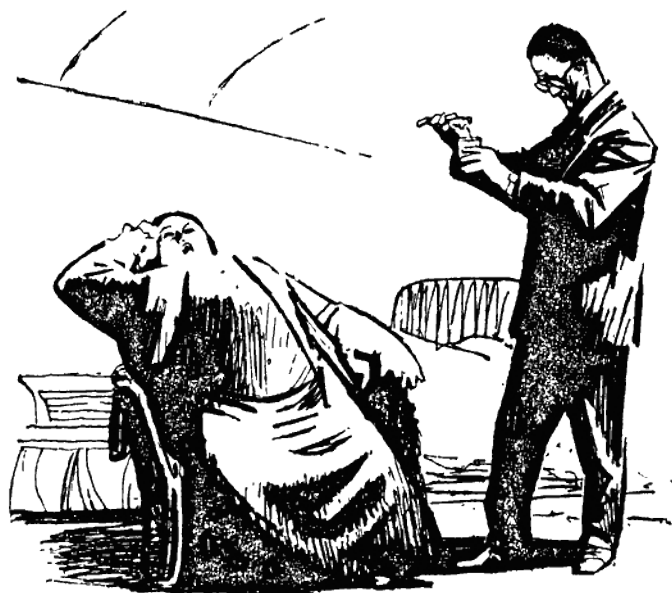
Скололи лед с оболочки. Печальное зрелище! Что случилось с блестящею, полированной поверхностью! Она словно покрылась проказой, стала бугристой и пятнистой — ожоги и оледенение оставили свои следы. К счастью, больших повреждений не было. К концу работы Цандер, Винклер и Ганс шатались от усталости и головокружения.

Однако отдыхать не время. Надо выбросить снег из ка-ют-компании, сделать временную раму, в дверь поставить вентилятор, фильтр для очистки воздуха от серных паров, компрессор. Работы много. Объявлен аврал.

На этот раз пассажиры не протестовали против трудовой повинности.

И, только покончив с работой, наладив воздушное питание, побежали и легли отдохнуть.

За чаем Цандер сделал доклад. Астрономическим наблюдением, вычислением он установил, что ракета спустилась на экваториальной части Венеры.



Слушатели были поражены.

— Мороз, метели, круглосуточная ночь на экваторе?..

— И долго будет продолжаться эта экваториальная зимняя ночь?

— Выбрали планету, нечего сказать!

— Зима здесь на исходе. Всего несколько дней отделяют нас от начала весны, — успокоил Цандер.

— Зима на экваторе?

— Почему такая разница по сравнению с климатическими зонами Земли?

— Все дело в наклоне оси к плоскости орбиты, — пояснил Цандер. — Венераианская ось наклонена к плоскости орбиты еще более, чем земная. Венера лежит почти совсем набок.[67]

Для пассажиров наступили невеселые, томительные часы. От тоски ли или от возвращения в мир тяготения к беглецам вернулись их болезни. У барона возобновились боли в желудке, Стормер жаловался на сердце и общую усталость, у леди Хинтон «заговорила» печень. Блоттон пил коньяк в компании с Пинчем. Текер ревностно исполнял обязанности врача, но больные брюзжали и плохо поправлялись: сказывался и урезанный паек, и низкая температура в ракете.

Лишь Ганс, Винклер, Цандер, Мэри и Жак не страдали от скуки.

Удары при посадке причинили немало мелких повреждений точным и сложным механизмам. Приходилось чинить их. Много хлопот доставляла и радиостанция, приемник которой никак не удавалось оживить Цандеру. Повреждения были исправлены, приемник, казалось, находился в полном порядке, но связь с Землей установить не удавалось.

В свободное время Ганс занимался. Он ни на минуту не сомневался в том, что вернется на Землю, и готовился стать капитаном межпланетного плавания. Винклер и Цандер помогали ему.

— Когда полетим обратно, ракету поведете вы, — говорил Цандер.

Ганс мечтал об этом и даже летал в своих сновидениях.

Две недели упорного труда ушло на то, чтобы открыть наружные двери ракеты и щиты над иллюминаторами. Но от этого в ракете не стало веселей. В окна по-прежнему смотрела темная ночь с багровыми отсветами.

Прижимая пальцы к вискам, Делькро ходила по кают-компаниям, ставшей

опять местом сборища пассажиров. Леди Хинтон мрачно молчала, сидя в своем троподобном кресле.

— Это ужасно! — как драматическая актриса, говорила Делькро. — Этот холод, этот вечный мрак... Можно с ума сойти...

— Скучно, как на курорте... — беззвучно отозвалась со своего места возле тетки Эллен.

— На курорте? О, сколько бы я сейчас дала, чтобы быть на курорте! — трагически воскликнула Делькро. — Ницца, Ментона, Биарриц, Лидо... Рай! Волшебный сон...

— Потерянный рай... — меланхолически вставил барон.

— Машины рай съели! — крикнул Шнирер.

— Смотрите! Розовое пятно! — воскликнула Амели, показывая на потолок.

— Отблеск вулканического огня...

— Нет, нет. Это солнце. Луч солнца...

Все бросились к окнам. Между темными горными вершинами сквозь узкий просвет в тучах прорвался красноватый луч солнца. Совсем такой, как на Земле. Пассажиров охватила истерическая радость. Делькро протянула руки к окну и кричала:

— Солнце, солнце!

Луч внезапно угас, а Делькро так и стояла несколько минут, окаменев, с протянутыми руками.

— Возблагодарим создателя! — послышался голос епископа. — Зиме и нашим мучениям приходит конец.

— Неизвестно еще, какие мучения готовит нам создатель летом, — ответил Стормер.

Глава III

«Первые дни творения»

— Такой, наверно, была Земля в первые дни творения, — сказал епископ, стоя у иллюминатора.

— Когда Господь Бог еще не отделил сушу от воды, — прибавила Хинтон.

Весна шла с необычайной быстротой. День прибывал, но солнца не было видно. Плотный, белый, как вата, туман закрывал дали. Не видно было даже ближайших гор. Невидимые тучи ежечасно низвергали целые океаны воды. Молнии синей огненной сеткой сплетали небо и «землю». Даже сквозь толстые стенки ракеты слышались глухие удары грома. Ракета вздрагивала от горных обвалов и землетрясений. На короткое мгновение светлело, и тогда было видно, с какой быстротой таял снег, обнажались черные склоны гор.

Бурная горная река текла возле самой ракеты, ворочая и унося обломки льдин и огромные камни. Река быстро вздувалась. Ее темно-бурые волны уже омывали нижние края иллюминаторов.

Цандер распорядился закрыть предохранительные щиты: течение шло под косым углом к ракете. Стекла окна могли быть разбиты камнями. Но не в этом была главная опасность.

— Если вода покроет иллюминаторы доверху, доступ внешнего воздуха будет прекращен, — сказал он Винклеру и Гансу.

Покинуть ракету? Но об этом сейчас нечего было думать!

— Нам надо попытаться сделать трубу и поставить ее повыше.

— Сделать нетрудно, материал есть. Но легко сказать — поставить, — пока-

чав головой, заметил Винклер. — Как только мы выйдем наружу, нас смоет, как мух... И все-таки мы должны попытаться.

— Но выдержит ли труба этот бешеный напор? — спросил Ганс. — Поставить трубу можно и не выходя наружу. Да мы и не успеем выйти: только один иллюминатор на корме еще не залит водой. Пока мы будем изготавливать трубу, зальет и его.

— Что же вы предлагаете? — спросил Цандер.

— Отсиживаться.

— Но ведь нас зальет.

— Пусть заливают. Превратим наш звездолет в «Наутилус» и отсидимся под водой.

— Задохнемся!

— Не задохнулись же мы в пути.

— Да, но у нас был запас кислорода.

— А кто вам сказал, что у нас нет его сейчас? — спросил Ганс и рассмеялся. — Плохой бы вышел из меня капитан звездоплавания, если бы я не был предусмотрительным. Я уже сделал запас кислорода из венерианской атмосферы. Кислородные баллоны полны. Можно хоть сейчас лететь в обратный путь.

Цандер покачал головой:

— Однако, Ганс, вы дали и мне хороший урок предусмотрительности. Но кто же мог предполагать, что весна здесь протекает так бурно и что нас зальет водой вышедших из берегов сезонных горных рек!

— И я этого не ожидал, — откровенно признался Ганс. — Запасы же сделал только потому, что на меня произвел сильное впечатление случай со Стормером, когда он пытался похитить баллон. Я думаю, мы должны вывести наружу только тонкую водомерную трубку, чтобы знать, когда прекратится этот потоп и можно будет открыть иллюминатор. Сейчас я принесу трубку.

Ганс ушел.

Пассажиры так и не узнали, какой новой опасности они подверглись.

Ганс, Винклер и Цандер дежурили возле трубки всю ночь.

К двум часам утра из трубки полилась вода. Это значило, что уровень реки поднялся по крайней мере на метр над потолком ракеты.

— В этот час, если бы не новые запасы кислорода, началась бы смертельная паника. Ракета напомнила бы безнадежно затонувшую подводную лодку. Но, к счастью, все обошлось благополучно, и пассажиры мирно спят, — сказал Винклер.

— Что это? Пол как будто колышется? — спросил Ганс.

— Вероятно, снова землетрясение, — сказал Цандер. — Почва Венеры еще дышит.

— Нет, это не землетрясение. Мы испытываем не только толчки, но и плавное покачивание. Не всплыла ли ракета?

Медленные колебания перешли в настоящую качку, сопровождаемую толчками. Ракета поворачивалась. Пол то уходил из-под ног, то приподнимался.

— Стихия взбесилась, — нервно сказал Ганс. — Какие титанические силы увлекают ракету?

— И куда? Быть может, в бездну...

— Хорошо еще, если в морскую. Неприятно свалиться на камни со страто-

сферных высот...

Пассажиры проснулись. Полуодетые, выбегали они в коридор.

— В чем дело?

— Летим.

— Куда летим? На Землю?

Сильнейший удар свалил всех с ног. Послышались стоны, вопли.

— Немедленно ложиться в амортизационные ящики! — распорядился Цандер.

На этот раз все беспрекословно повиновались.

Проходили томительные минуты. Но толчки не повторялись. Утихла и качка. Быть может, ракета застряла в расщелине или ее выбросило на берег...

Ганс первый выбрался из ящика к водомерной трубке. Вода не текла. Ракета была совершенно неподвижна. Ганс рискнул отодвинуть ставень в кают-компани.

Ослепительно яркий луч солнца загорелся на стене, на лице и руках Ганса.

— Черт возьми! Это солнце слепит, как прожектор! — радостно воскликнул Ганс, прищуривая глаза. — А небо! Голубее земного, но немного тусклое, — наверно, от вулканической пыли. Не она ли окрашивает солнце и весь ландшафт в красновато-желтый цвет?..

Ганс вдруг громко запел, разнося радостную весть:

— Вставайте! Воскресайте, лежащие во гробах! Солнце Венеры приветствует вас... земные подонки! — прибавил он тише.

Температура в ракете быстро поднималась.

Это был день большого ликования даже у Стормера, и даже для Ганса у него нашлась ласковая улыбка.

Все столпились у окна. Перед ними среди гор расстилалась каменистая равнина. Многочисленные ручьи перерезали ее во всех направлениях. Всего несколько часов назад эта равнина была ложем грозного и могучего потока, который увлекал тяжелую ракету, как щепку. Равнина замыкалась цепью гор со снежными, конусообразными вершинами. Ни растений, ни птиц, ни зверей... Камень и вода...

Ганс попросил пассажиров выйти из кают-компани и открыл окно, держа наготове противогазовую маску. Пахнуло теплым, влажным воздухом.

— Дышать можно, — сказал он, обращаясь к Цандеру и Винклеру. — И серой меньше пахнет. Воздух очень плотный. А кислорода, пожалуй, даже слишком много.[68] Смеяться хочется, словно от вина. Вероятно, весенним потоком нас снесло ниже и подальше от вулканов.

Ганс взобрался на раму открытого иллюминатора и спустил ноги.

— Под окном лежит большой камень, — сообщил он. — Почти правильной эллипсоидальной формы. Словно большая шлюпка, перевернутая вверх дном. Поверхность его покрыта наложенными друг на друга слоями шестигранной формы, как соты.

Винклер влез на стул, чтобы посмотреть.

— Выход какого-нибудь венерианского базальта, — продолжал Ганс и прыгнул на камень.

Камень вдруг приподнялся и медленно пополз вверх.

Ганс испугался:

— Ползающий камень! Венерианская черепаха! А я принял ее за камень.

Из-под выпуклого панциря вдруг показалась плоская голова, в мелких серых чешуйках, величиною с голову быка, и шея толщиной со слоновою ногою. «Черепаша» уползла прочь.

— Шутки в сторону! — воскликнул Ганс и соскочил на каменистую почву. Оглянувшись назад, он изумленно вскрикнул.

— Что там, новое чудовище? — спросил Винклер.

Ганс покачал головой и ответил:

— Мы на волосок от гибели. Наша ракета у края обрыва. Вся носовая часть висит над бездной. От нас, да и от ракеты, мало осталось бы, если бы она грохнулась с высоты десятка километров. Зато какое идеальное место для старта! Впереди нет горных вершин. Путь свободен, семафор открыт. Лети хоть сейчас. Да вы сойдите сюда, не бойтесь, «черепаша» уползла.

— Одна уползла, появились другие. Смотри, сколько «камней» ожило! — сказал Винклер.

По равнине медленно двигались неуклюжие существа, быть может, только что пробудившиеся от зимней спячки.

— Интересно, чем они питаются. У них должен быть слоновый аппетит. А кругом только голые камни. Человечины они, во всяком случае, не пробова-ли. Думаю, что они для нас безопасны.

И Ганс побежал к «черепаше», которая что-то искала меж камней, ворочая толстой длинной шеей.

— Вот она и нашла, чем позавтракать.

Перед «черепашой» лежало нечто бугристое, пористое, как губка ржавого цвета, величиной с одеяло и толщиной в полметра, с неровными, рваными краями. «Черепаша» начала рвать края этого «одеяла» и жадно есть. Ганс вспрыгнул на «одеяло», его подбросило вверх, как на тугих пружинах матраца. «Черепаша» испугалась и, пятясь назад, уползла.

Блоттон, Амели, Делькро и Пинч через несколько минут присоединились к Гансу. Мхи повсюду залегли меж камней. Одни были совсем маленькие, величиною с подушку, другие — как огромный ковер, иные покрывали почву сплошными островками. Да, пищи для «черепаш» было достаточно.

Забыв недавние тревожения, пассажиры ракеты радовались солнцу, воздуху, теплу, простору, свободе.

А неутомный Ганс уже заинтересовался иным. Он увидал в узкой расщелине слежавшийся снег и в нем множество ходов.

— Что вы тут так внимательно разглядываете? — спросил Текер. Солнце и его вытянуло на воздух.

— Тут должны жить какие-то «ледяные кроты», — ответил Ганс. — Видите во льду ходы, лазы, туннели? Они не могут быть естественного происхождения. Посмотрим, не покажется ли какой-нибудь траншейных дел мастер.

Ожидать пришлось недолго. Совершенно черное существо, похожее на утюг, вдруг появилось из-под льда, пробежало по граниту и со всего разбега вонзилось своей острой мордочкой в ледяную стену, вошло в нее, словно это был не лед, а туман. Из нового туннеля вытекла вода, образовавшая большую лужу.

— Надо поймать этого зверька, — сказал Ганс.

Новое животное появилось из-под льда, мокрое, блестящее, покрытое паром. Ганс схватил его, но тотчас вскрикнул и бросил. Животное быстро скры-

лось.

— Укусила? — спросил Текер.

Ганс молча показал ладони. На них и на пальцах вздулись большие пузыри.

— Гм... похоже на ожог, — сказал Текер.

— Ожог и есть, — ответил Ганс. — Оно горячее, как раскаленный утюг.

— Интересно. Очень интересно! — оживленно сказал Текер.

— Совсем неинтересно, — возразил Ганс, глядя на покрасневшие, опухшие ладони. — Теперь придется дня два возиться с руками.

— Идемте, я дам вам мазь от ожога и забинтую... Но все-таки это очень интересно... Я не о руках, — продолжал Текер. — Я думаю... почему бы и нет? Ведь сумела же на Земле часть животных превратиться из холонокровных в теплокровных, сохранив постоянную температуру около тридцати семи градусов по Цельсию. Многие породы птиц имеют температуру даже в сорок градусов. На Венере температурные колебания много больше, чем на Земле. И здесь некоторые животные в процессе эволюции, очевидно, выработали в себе способность повышать температуру, быть может, градусов до семидесяти...

— В этом «утюге», наверно, было сто!

Текер улыбался.

— Если только белок здесь обладает большой теплостойкостью. Но достаточно и шестидесяти-семидесяти градусов, чтобы превратить этих «кротов» в живой горячий утюг. Это, вероятно, зимующие животные, которые находят под снегом пищу — мох, лишайники. При такой высокой температуре тела им не страшны даже невероятные венерианские морозы. Притом же лед должен предохранять их от внешней стужи.

— А чем же они подо льдом дышат?

— Чем дышит крот? «Ледяные кроты» могут устраивать вентиляцию, как и наши землеройки. — Текер остановился и посмотрел на небо. — Однако пора возвращаться. Смотрите, какие черные тучи надвигаются из-за гор... И как быстро! Вот одна покрыла солнце... Странно! Вы слышите шум, словно от приближающегося ливня, хотя дождя не видно. Станный шум! Быть может, это градовая туча?

Облако приближалось; глухой шум, гул, свист увеличивались. Шум превратился в треск, напоминающий пощелкивание кастаньет, послышались отрывистые взвизгивания и урчащие звуки, словно кваканье гигантских лягушек.

— Это птицы. Перелетные птицы! — воскликнул Ганс, всматриваясь в надвигающуюся плотную массу.

— Или драконы, летучие мыши... птеродактили...

— Да, я вижу перепончатые крылья... А хвост с оперением...

— Смотрите, они несут в когтях своих детенышей!

— А может быть, добычу... Мистер Пинч! Блоттон! Шнирер!.. Сюда!..

Курлыкание, клохтание, урчание, визг, треск заглушили голоса людей. Птицы опускались все ниже. Ганс чувствовал на лице волны воздуха от взмахов гигантских крыльев.

Блоттон, Пинч, Амели и Делькро поспешили к ракете.



В это время, подбирая полы своей рясы, из окна спускался епископ. За его торжественным спуском наблюдали через иллюминаторы леди Хинтон, Стормер, Эллен. Епископ решил, подобно Ною, возблагодарить господу и «освятить новую Землю». Где-то за горами шел дождь. Двойная радуга невиданной на Земле яркости перекинулась от края до края далеких горных вершин. Епископ принял это за особое знамение, которое бог положил между небом и землей... А птицы все летели и летели.

Блоттон, Пинч, Амели и Делькро уже приближались к «ковчегу».

Гансу показалось, что черный тюк упал с неба на эту группу людей. Тюк неожиданно развернулся многометровыми крыльями. Длинные когти схватили Блоттона. Лорд взмахнул руками, заболтал в воздухе ногами и полетел вместе с птицей, набиравшей высоту. Все это произошло в одно мгновение. Из-за свиста и шума, издаваемых птичьей тучей, почти никто не слышал ни причитаний епископа, ни крика Эллен, видевшей похищение Блоттона. Эллен взмахнула руками вслед удалявшемуся жениху и упала в обморок. Уэллер стоял с раскрытым ртом, прекратив свое богослужение. Радуга померкла. Небо потемнело от дождевых туч. По ущельям прокатился оглушительный удар грома. Птичья черная лента поднялась выше облаков и скрылась. Над долиной неслась только одна птица, отяжелевшая от добычи. В когтях у птицы ба-

рахтался человек. Ганс выхватил револьвер, но стрелять не решался, боясь попасть в Блоттона.

Торжественный молебен был безнадежно испорчен. Закрыв голову руками от крупных градин, позабыв о благолепии, путаясь в длинных полах и спотыкаясь, Уэллер побежал к иллюминатору. Все вернулись в кают-компанию, подавленные трагическим происшествием. Прекрасной богине Венере была принесена первая человеческая жертва.

«Хорошо, если эта жертва искупительная... — думал епископ. — Но какая жертва! Если бы это был хоть безбожник Ганс!»

— Упокой, господи, душу новопреставленного раба твоего! — произнес он вслух.

Эллен заплакала. Леди Хинтон высморкалась в кружевной платок.

— Не отпевайте живых людей! — разозлился Ганс. — Лорд Блоттон молодой, здоровый, спортсмен, охотник. С ним не так-то легко справиться этой летучей венерианской жабе. С таким грузом она не могла улететь далеко. Я предлагаю организовать спасательную экспедицию. Кто со мною?

Вызвались Цандер, Амели, Пинч и Текер.

— Слишком много для одной птицы! Я думаю, мне будет достаточно и одного доктора. Кстати, его помощь может понадобиться Блоттону, — сказал Ганс.

— А как же ваши руки? — спросил Текер. — Необходимо сделать хоть перевязку.

— Успеем! Берите вашу походную аптечку, доктор, и идемте. Не забудьте захватить револьверы и сухарей на завтрак.

Глава IV

В поисках Блоттона

Дорога шла ущельем по высохшему руслу «сезонной» реки. Кое-где в расщелинах еще лежал снег, от него, пересекая путь, протекали небольшие ручьи.

— Скверное место! — ворчал Ганс. — Если здесь из пещеры выползет какой-нибудь гад, то не убежишь... И ливень, проклятый, не прекращается. А туман!..

— Ветер совсем теплый. К дождям же и туманам нам придется привыкнуть. Здесь, по-видимому, дня не проходит без дождя, — заметил доктор.

Обогнули скалы. Ветер валил с ног. Туман редел. Яркий цветной луч, как бы пропущенный сквозь призму, ударил в глаза. Ганс в недоумении осмотрелся.

В просвете сизых туч проглянуло солнце. Но не оно ослепило разноцветными брызгами света. Синими, красными, желтыми лучами горела и искрилась подошва горы.

— Радуга на почве? Странный феномен! — воскликнул Ганс.

Путники подошли ближе. Перед ними сверкали в лучах солнца драгоценные камни: изумруды, топазы, аметисты, алмазы, рубины...

У Текера даже дух перехватило.

— Груды, тонны ценностей! — воскликнул он, потрясенный.

Самоцветы гроздьями покрывали гранитные утесы, блестели то кровавой росой, то яркой зеленью, то голубой синевой. Повыше, на скалах, виднелись большие полосы молочно-опалового цвета, ниже виднелся выход черной, блестящей горной породы, еще ниже — красная, желтая, зеленая полосы. На гра-

нях и остриях скал сверкали огромные кристаллы.

Ганс громко рассмеялся.

— Вы что? — тревожно спросил Текер, опасаясь, не помутился ли у молодого человека рассудок при виде такого сказочного богатства.

— Я вспомнил смешную историю, — ответил Ганс. — Однажды я застал леди Хинтон, когда она перебирала свои алмазы. Она со страхом посмотрела на меня и прикрыла руками свои сокровища, как курица прикрывает крыльями птенцов, завидя коршуна. С самой Земли Хинтон таскает свои мешочки и дрожит над ними. Мне, право, хочется подшутить над старухой.

Ганс отобрал несколько крупных самородков и положил в карман.

— Идем дальше!

Солнце зашло. Туман снова сгустился.

— Блоттон, Бло-отто-он! — кричал Ганс.

«Отгон!..» — отзывалось горное эхо.

Ганс споткнулся о камень и упал.

— Что за дьявольщина! — воскликнул он, лежа. — Здесь на каждом шагу сокровища! — Он поднялся, подошел к Текеру и показал огромный самородок золота.

— В нем килограмма три. Тяжело таскать, а все же захвачу с собой. — Ганс положил самородок в сумку. — Какие мы с вами богатые, доктор! Целое состояние в кармане. Блоттон! Блот-то-он!

— Нетрудно и заблудиться в таком тумане, — озабоченно сказал Текер.

— Не заблудимся. Я иду по компасу.

Стены раздвигались; наконец ущелье кончилось. Путники вышли на открытую горную поляну, полого спускавшуюся. Как далеко она простиралась, не было видно за пеленой дождя и испарений, поднимавшихся снизу.

Подул сильный горячий ветер. Ганс оглянулся. Высоко вверху, над отвесной скалой, был виден нос ракеты. Еще выше — снежные горы, уходящие вершинами за облака, — гнездо дымящихся вулканов. Пелена дождя и тумана уходила в сторону. Внизу синела полоска моря. Лес на берегу казался почти черным.

Когда воздух стал почти прозрачным, Ганс увидел у подошвы горы большой залив, в который вдавался полуостров. На склоне горы росли высочайшие деревья, безлистные, сухие, похожие на хвои. Коленчатые, постепенно суживающиеся к вершине стволы. У каждого колена топорщились вверх совершенно ровные сучья. Сучья на концах разветвлялись тонкими прямыми прутьями, похожими на острия громоотвода. На концах прутьев — пучки длинных игл. Путников заинтересовали плоды, висевшие возле иглистых пучков. Эти плоды, по определению Ганса, были похожи на шары-зонды, такие же круглые и примерно такого же размера. Несколько плодов лежало на земле...

— Подойдем ближе, — продолжал Ганс. — Блоттон! Блоттон! — громко крикнул он.

Произошло необычайное: несколько лежавших на земле плодов-шаров, словно испугавшись крика, поднялись выше дерева и были унесены ветром в сторону. Сорвалась и часть плодов, висевших на ветвях.

— Занятно. Летающие арбузы!

Они подошли к самому дереву. Еще несколько шаров оторвалось от ветвей

и полетело по ветру.

— Эти пузыри определенно боятся нас, — заметил Текер. — Надо полагать, что это не плоды, а живые существа.

— Попробуем подстрелить один из них.

Ганс прицелился и выстрелил. «Арбуз» вдруг сморщился, проткнутый, как детский воздушный шар, и упал на почву.

Возле сморщенной оболочки извивалась тонкая, «гусиная», не очень длинная шея, оканчивающаяся круглой головой с тончайшим клювом, острым, как игла шприца. Текер вынул нож и произвел вскрытие. Внутри шара он нашел подобие сердца, пищевод, желудок, в котором были обнаружены шишки, хвоя; далее был кишечник.

— Почек, печени, селезенки не видно, — говорил Текер, роясь во внутренностях шара-зонда. — Любопытная птица, — засмеялся он. — Конечно, это птица, если она летает. Но какой странный способ передвижения по воздуху изобрела она! Очевидно, ее организм вырабатывает какой-то газ легче воздуха. Это птицы-аэронавты. Интересно, могут ли они управлять своим полетом?

Ганс вспугнул еще несколько шаров и проследил за их полетом. Птицы-шары летели по ветру. Они то поднимались почти до облаков, то опускались совсем низко. Наконец, видимо, нашли такое воздушное течение, которое начало относить их к роце гигантских «хвощей», стоявшей вдали от неизвестных двуногих посетителей.

— Несомненно, птицы-аэронавты могут регулировать высоту полета. На Венере очень много воздушных течений, и шары-птицы легко находят нужное направление. Поэтому им вполне достаточно обладать одним органом управления полетом по вертикали. Они, вероятно, то выпускают часть газа и снижаются, то вырабатывают его вновь при помощи какого-нибудь специального органа.

А какой газ выделяют они? Текер раскрыл складки пузыря и понюхал. Тотчас же он отчаянно закашлялся, завертелся, завыл, сделал несколько прыжков и упал как подкошенный.

Ганс поспешил к нему на помощь.

Лицо доктора было сиреневого цвета. Губы обметаны сиреневой пеной, глаза открыты, зрачки сильно расширены.

Неужели отравлен?.. Ганс вынул из докторской походной аптечки спирт и начал тереть сиреневые виски доктора. Проходили минуты, Текер лежал без движения. Только сиреневый цвет начал сменяться желтым, и Ганс не знал, лучше это или хуже. Через полчаса, когда Ганс уже терял надежду вернуть Текера к жизни, тот внезапно очнулся и вскочил на ноги. Легкая желтизна переходила в нормальный цвет лица.

— Что с вами произошло? — спросил Ганс.

Руки и ноги доктора дрожали. Он щелкал зубами и кричал:

— Надо взять себя в руки!..

Наконец ему удалось подавить приступ судорожной дрожи.

— Не спрашивайте меня! Это такая гадость... такая гадость, которой на Земле нет названия.

Молча пошли дальше. Текер начал чихать и чихал без конца. Пришлось остановиться. При каждом чихании тело доктора спазматически искривлялось. Наконец из носа пошла кровь. И лишь после этого Текер окончательно

пришел в себя.

На большой каменистой площадке росли бурые растения. Их листья, шириною в тридцать сантиметров, постепенно суживались к концу, имели длину в пятнадцать метров и шли от корня во все стороны правильной розеткой. Из середины «звезды» поднимался высокий ствол, увенчанный четырехрогими «бра». На конце каждого рога росли продолговатые темно-красные шишки. Поверхность листьев была покрыта пупырышками.

— Словно присоски на щупальцах спрута, — сказал Ганс, входя между листьев. Он прикоснулся спиною к листку. Конец листа обвил его туловище сзади и начал скручиваться вместе с захваченной добычей. Вращаясь, крича, болтая ногами и руками, Ганс докатился до центра растения. Соседние растения, затронутые руками и ногами Ганса, также свернулись в трубку. Медленно свернулись и все остальные листья. «Звезда» превратилась в клубок.

— Скорее нож... режьте! — кричал, задыхаясь, Ганс. Растение сжимало его тело, как гигантский удав.

Текер выхватил охотничий нож, подбежал к растению и начал резать лист.

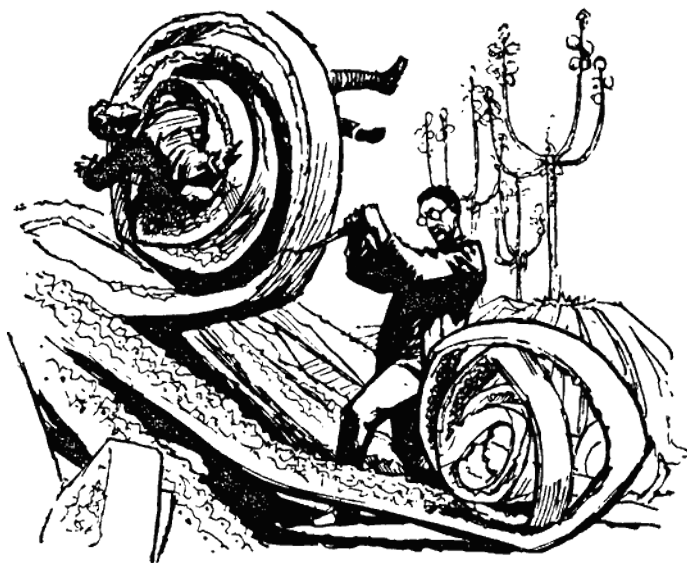
— Осторожно... смотрите, чтобы вас самого не прихватило! — кричал Ганс. Лицо его багровело от прилива крови.

Поверхностный слой листа поддавался ножу туго. Текер кряхтел, топтался возле Ганса.

— У вас руки дрожат... Дайте мне! — прохрипел Ганс.

Текер передал нож. Ганс полоснул, лист хрустнул.

Красная, как кровь, жидкость облила Ганса и Текера. Ужасное щупальце было отрезано.



Ганс упал вместе с листом. Текер откатил Ганса, как бочонок, подальше от растения. Попробовал раскрутить, но лист не раскрывался. Лишь по мере того, как вытекал красный сок, упругость листа уменьшалась, и Ганс наконец был освобожден.

Возле него стояла огромная лужа сока, черневшая и быстро затвердевавшая.

Ганс вздохнул всей грудью:

— Спасибо, доктор! Я думал, что этот растительный спрут сломает мне грудную клетку. Венера, кажется, каждому из нас приготовила по подарку. Здесь надо быть очень осторожным. Опасности подстерегают нас на каждом

шагу.

Ганс ударил ногой почерневший лист:

— Плотоядное растение вроде наших мухоловок. Но пора домой. Скоро стемнеет. Только бы добраться до ущелья, там не собьемся с дороги. Блоттон! Блоттон!..

Блоттон не отзывался.

— Неужели он погиб? — воскликнул Ганс.

И, словно в подтверждение этого, на обратном пути Текер нашел несколько перьев, обрывков черной кожи — быть может, от крыла «птеродактиля», — следы крови в каменной ложбинке.

— Не здесь ли летучий гад расправился с Блоттоном?

— Но где же кости? — спросил Текер.

— Такой гиппопотам на крыльях способен сожрать и с костями...

Глава V Пещерные жители

Ганс и Текер вернулись к ужину — к скудному ужину из галет.

— Увы, мы не нашли следов лорда Блоттона, — грустно сказал Текер. О перьях и следах крови он не упоминал, чтобы не растревлять сердце невесты. Глаза Эллен без того были красны от слез.

В конце ужина Цандер произнес речь. Он говорил о том, что их пищевые запасы приближаются к концу. Нельзя терять ни одного дня. Необходимо спуститься в долину, развести огород, засеять поле, сделать запасы на зиму.

— А пока чем мы пи-питаться будем?

— Придется промышлять охотой, рыбной ловлей...

— У меня пропадает всякий аппетит, когда я подумаю о здешних летучих гадах, — сказал Стормер.

— Не может быть, чтобы на планете не нашлось годных для еды животных, рыб и растений. Как вы полагаете, доктор? — спросил Цандер.

— Я полагаю, что растения и животные, в общем, везде сделаны из одного теста. Белки, жиры, углеводы... Но могут быть и какие-либо неизвестные нам вредные примеси. Ведь и на Земле есть ядовитые растения. Здесь надо быть очень, очень осторожным. — И, несмотря на то что он запретил Гансу упоминать о птицах-шарах, сам Текер не мог удержаться, чтобы не рассказать об их приключениях. На лицах слушателей были ужас, испуг, отвращение.

— Каким же об-образом мы узнаем, что мможно есть и чего нельзя ддаже нюхать? — спросил барон.

Текер пожал плечами:

— А каким образом первобытные люди научились отличать съедобные растения от ядовитых? Опытom. Только опытom.

— Расплачиваясь за опыт жизнью?

— Разумеется, многие гибли. Если бы в моем распоряжении была оборудованная химическая лаборатория...

— Недурная пперспектива! Заахочешь сорвать лук, а он скрутит тебя; шпо-нюхаешь мясо — свежее ли оно? — и подохнешь от одного только запаха.

— Я не переступлю порога ракеты! — решительно заявила леди Хинтон.

— Охотой и рыбной ловлей можно заниматься, живя в ракете. Зачем нам переселяться в долину? Не правда ли, барон? — И Стормер хлопнул по плечу Маршала.

Тот брезгливо поежился от такой фамильярности.

— Разумеется. Наше дело стариковское. Леди Хинтон, мистер Стормер, я, профессор, епископ, во всяком случае... кх... кх...

Цандер воспользовался паузой.

— Это невозможно, — прервал он речевые потуги барона. — Все работоспособные будут работать в приморской долине на поле, и носить вам сюда продовольствие никто не будет.

— Но у меня есть прислуга Мэри.

— А у меня Жак.

— Здесь, на Венере, нет личной прислуги. Нам предстоит тягчайшая борьба с суровой, незнакомой природой. И мы должны напрячь все наши силы, создать крепкий трудовой коллектив.

— Ком... ком... коммуну?

— Дело не в словах, барон.

— От... отказываюсь.

— Не отпущу от себя Мэри!

— А я иду! — воскликнул профессор Шнирер. — И мы все должны идти. Работать на земле, а жить на лоне природы. Среди мирных животных и растений...

— Хороши мирные животные и рас... рас...

— ...Обрабатывать землю. Собирать урожай. Пастись стада. Питаться плодами земли. И никаких машин, никаких рабочих вопросов, никаких революций.

— Нне пойду.

— Отказываюсь, — вторила леди Хинтон.

— Что за тупоумная публика! — тихо сказал Винклер Гансу.

— Погоди, они сами побегут. «Кто не работает, тот не ест». Кроме того, у меня есть верное средство выгнать их на работу, — так же тихо ответил Ганс.

Под шум спорящих он вынул большой бриллиант и, будто нечаянно, начал катать его по столу перед глазами леди Хинтон.

— Откуда это у вас? — подозрительно спросила она, мигом переменив тон.

— Нашел на дороге, леди Хинтон.

— Бриллианты на дороге не валяются.

— Венерианка обронила, может быть? — с насмешкой спросил барон.

— Возможно, — ответил Ганс. — И венерианки, очевидно, очень рассеянные женщины. Такие камушки мы встречали на всем пути. Вот, не угодно ли полюбоваться? — Ганс засунул руку в карман и высыпал горсть крупных самоцветов. Затем вынул из походной сумки большой слиток золота и небрежно бросил на стол. — Они здесь валяются, как булыжники.

— Золото! Алмазы! Бриллианты! Изумруд! — воскликнула леди Хинтон, наваливаясь на стол и протягивая руки к груде самоцветов.

Стормер покраснел, барон стал бледен. Глаза епископа блеснули алчностью. К драгоценностям потянулись дрожащие руки: толстые, поросшие рыжими волосами — Стормера; бледно-синие, с вздувшимися венами — барона; пухлые — епископа; тонкие, с длинными пальцами и розовыми ногтями — Делькро... Толстые, худые, красные, белые пальцы сбились в шевелящийся клубок. Пассажиры тяжело дышали, разгребали кучу, отталкивали чужие жадные руки.

- Бриллиант! Шестьдесят каратов!
- Восемьдесят!
- Дайте мне!
- Да не отнимайте же!..
- Я только посмотрю!
- А вот этот! Какая прелесть!
- На пятьдесят тысяч фунтов!
- Миллион!

Леди Хинтон зажимала в левой руке бриллиант чистой воды. Даже Эллен забыла о своей печали и смотрела на это неожиданное богатство как зачарованная.

Камни быстро разошлись по рукам. Из-за самородка золота разгорелась горячая ссора.

Ганс рассмеялся.

— Не жадничайте, господа, — сказал он. — Уверяю, что каждый из вас может набрать этих камней и золота целый мешок. Сомневаюсь только, что эти стекляшки обогатят вас.

— Это не стекляшки, молодой человек! — наставительно произнесла леди Хинтон, не понявшая Ганса. Она все еще жила в мире земных ценностей.

— Где вы это нашли? — спросил Стормер, прижимая под полой пиджака к животу слиток золота.

— Я уже говорил вам: на дороге. По пути к заливу. И если мы переселимся туда...

— Разумеется!

— И возможно скорее! Что вы скажете, леди Хинтон? Вот так Венера! Вот так планета! Недаром ее назвали именем богини красоты. Нет, ради этого стоило полететь в звездолете. Черт возьми, мы будем богаты как крезы! Да что крезы! Крезы будут нищими по сравнению с нами...

— А завтра нам нечего есть, мистер крез, — вернул Цандер разгоряченные головы к печальной действительности.

— Долой золото! Долой драгоценности! — вдруг закричал Шнирер. — Это валюта! Мать спекуляции! Это борьба! Это кровь!.. — И он снова заговорил о своей пасторальной идиллии. — Но я против коммуны, против централизации населения.

— У нас будут Англия, Франция, Германия, — сказал Стормер. — Что ж, это неплохо! — И начал подсчитывать в уме народонаселение будущих государств. Англия: он, Стормер, Хинтон, Эллен, Уэллер, Пинч, Мэри... Жаль, что погиб Блоттон, он олицетворял бы английскую армию. Военный министр. Итого: Англия — шесть человек... Германия: трое Текеров, Шнирер с дочерью, Цандер, Винклер, Фингер. Восемь, больше, чем в Англии. Но им что! Германию будет ослаблять классовый антагонизм. Франция: Маршаль, Делькро, ну и Жак в качестве колониальной части империи. Франция нисходит на роль второстепенной державы. — «Золотые россыпи достанутся Англии, то есть мне. Что может сделать одна женщина и дохлый барон!» — Да, это неплохая мысль, — продолжал Стормер уже вслух. — «Правь, Британия!», «Боже, храни короля!». Я думаю, толковый король...

— Может найтись и толковая королева, — величественно возразила леди Хинтон со своего троноподобного кресла. — «Тоже подбирается к золотым рос-

сыпям!» — подумала она.

— Это решит выбор! — ответил Стормер. И он начал подсчитывать шансы: «За меня: я сам, конечно, голос Пинча, — припугну щенка, обещая в крайнем случае должность министра... гм... и только... А за Хинтон: Уэллер, конечно, Эллен, Мэри обработают... Хорошо, что нет Блоттона... Как бы не прошла королевой! Нет, лучше без голосования, напролом, по-наполеоновски».

— Эти дела «государственной важности», — с иронией сказал Цандер, — мы пока оставим. Собирайтесь в дорогу. Не берите с собою ничего лишнего. Помните, что личных слуг на Венере не существует. Завтра выступаем на рассвете.

— А вы?

— Я остаюсь в ракете для ее охраны. Притом я не теряю надежды, что мне удастся наладить связь с Землей.

Начались новые сборы, новый отбор вещей. Леди Хинтон и на этот раз не рассталась со своим замшевым мешочком, пополнив свои сокровища двумя крупными бриллиантами. На заре прозвонил колокол. Началось «переселение народов».

Горячий дождь больно стегал по лицу. Кругом пар, дым, туман. Грохочут громом облака, грохочут вулканы. Дрожит, гудит почва от скрытых вулканических сил. Жутко... Леди Хинтон шествует, опираясь на руку епископа. Скользит под ногами мокрая, каменистая почва. Длинная ряса епископа и подол широкого платья леди Хинтон путаются в ногах, цепляются за острые камни. Струйки горячей воды текут по лицу, спине, груди. У леди — лицо жертвы, ведомой на заклятие.

— Боже мой! Никогда я не думала, что...

— Прошу вас, остановитесь, — сказал епископ, отдуваясь.

Он положил в лужу узлы — свой и леди Хинтон, поднял полы рясы до пояса и связал их узлом. Леди Хинтон отворачивается. Она шокирована. Епископ с открытыми ногами! Мало того что неприлично, это почти противоестественно.

— Советую и вам, мадам, сделать то же.

— То же? — с негодованием восклицает леди.

— Да, то же. Здесь не до этикета. Мы и так отстаем и рискуем заблудиться. Нас никто не видит.

— Нет, нет. Идем, — решительно отвечает леди Хинтон.

Епископ кряхтит, поднимает узлы. Плетутся дальше.

— Эй, эй, епископ! Хинтон!

Что за непочтительность! Это голос, кажется, мясника Стормера. Леди наступает на подол, падает. Уэллеру с трудом удается поддержать ее грузное тело. Он измучен, зол. Говорит грубо, повелительно:

— Я же говорил вам. Из-за вас мы отстаем.

— И это лорд епископ! Что делает с людьми Венера!

От обиды, усталости, оскорбления, досады леди Хинтон готова заплакать. Где ее выезды, вымуштрованные лакеи, понимающие ее с одного взгляда?..

— Да ползайте же, черт возьми, иначе мы не будем ждать вас! — кричит Стормер.

Леди Хинтон вздыхает. Поистине скорбный путь.

Ганс идет впереди, осматривает почву. Вот здесь были найдены перья и лу-

жа крови. Их теперь нет, смыли дожди.

А вот и выход самоцветов. Ну, здесь уж, наверно, будет остановка.

— Помогите мне встать. Я упал и лежу, кажется, на бриллиантах... колются... — раздается в тумане голос барона.

— Ого! Вот они, россыпи! Ффу! Даже в жар бросает! — рычал Стормер.

Леди Хинтон почувствовала неожиданный прилив сил. Уже не думая о приличиях, она высоко подоткнула платье и потянула за собой епископа.

— Скорей! Скорей! — задыхаясь, говорила она. — Иначе нам ничего не останется.

Барон, Стормер, Уэллер, Пинч, Делькро развязали мешки и начали наполнять их драгоценными камнями, выбрасывая одежду и белье. Никогда еще они не богатели с такой быстротой. Одно лишь движение руки приносило сотни тысяч — так им казалось. В мешки сыпалось многомиллионное состояние.

Ганс смотрел на эту сцену с улыбкой, отдыхая под откосом скалы. Встав, он свистнул: пора отправляться в путь.

«Миллионеры» взвалили на спины мешки. Тяжелый груз! Пошли. Камни невыносимо давили на плечи. Кряхтели, тяжело дышали, но несли.

Внизу, когда редел туман, виднелось темное пятно залива.

Вдруг почва заколебалась под ногами. Все упали, содержимое мешков рассыпалось. Глухой подземный гул нарастал, переходил в громовые раскаты и разразился ударом чудовищной силы. Со скал полетели камни. С правой стороны туман налился багровым светом, ослепительно вспыхнуло пламя. Клубы черного дыма заволокли все кругом. Молнии бороздили этот первобытный хаос стихий. На голову сыпался пепел, мелкие камни. Укрыться под скалой? Скала дрожала как в лихорадке и могла обрушиться. Всеми овладела паника. Ганс пытался установить порядок, но его голоса не было слышно. Побросав окончательно свои мешки, пассажиры, как обезумевшее стадо, бросились вниз по отлогому склону. Справа, через утесы, стремительно текла огненная река, ярко освещая окрестности. С Гансом остались только Винклер, Мэри и Жак. Они намотали свои мешки на головы и побежали.

Подземные силы, прорвавшись наружу, успокоились. Почва еще дрожала, но сильные толчки больше не повторялись. Тяжело было только дышать от паров серы. К счастью, ущелье кончилось и за ним начиналась открытая долина — пологий спуск к подошве горы. Здесь всегда был сильный ветер. Он относил туман, серные пары и пепел в сторону. Стало легче дышать.

Вскоре собрались остальные. Все были налицо и целы, если не считать садин.

Узкий полуостров, вдававшийся в залив, был уже хорошо виден. Полуостров начинался у отвесной скалы красного песчаника. От дождей и выветривания в этой скале должны образоваться пещеры. Туда и направил Ганс своих измученных спутников.

Птицы и животные попрятались, спасаясь от бушующих сил. Не видно было даже птиц-шаров на «хвощах».

Вот и залив. С левой стороны на полуостров набегают валы прибоя высотой с многоэтажный дом. На Земле не бывает таких высоких волн. Только необычайные бури здешних мест способны так раскачивать воды океана. Каждые двадцать секунд на полуостров низвергается водопад в несколько километров длины. Неистовый шум, от которого дрожат почва и скалы, ритми-

чески наполняет воздух.

Поток, черный поток преграждает дорогу. Пахнет чем-то знакомым. Ну конечно, это нефть! Сколько горючего, сколько энергии сконденсировано на Венере! Эти горные водопады, прибои, ветер, нефть... Есть, вероятно, и уголь. Венерианские богатства ждут своей очереди, когда земные запасы истощатся...

С левой стороны полуострова — бешеный прибой, с правой — тихая заводь, поросшая деревьями. Они несколько напоминают мангровые деревья Индии и Южной Америки, растущие на залитых водой площадях. Но здесь воздушные корни достигают гигантских размеров, сам же ствол и ветви по сравнению с корнями — карликовые. Так приспособляются растения к сильнейшим ветрам, дующим над этой долиной. Как когти, запускает дерево в воду и илистое дно свои далеко разветвляющиеся корни.

На карликовой, корнеобразной кроне дерева кривые, изогнутые ветви оканчиваются кисточками. Ганс подумал, что по этим переплетающимся воздушным корням очень легко перебраться на другую сторону через Тихую заводь, как он мысленно назвал эту часть залива.

Меж корнями и у самого берега из воды поднимаются болотные растения в три-четыре метра вышиной. Каждый стебель имеет вид вопросительного знака. Много таких вопросительных знаков для пытливого ума расставлено на Венере...

На полуострове, покрытом буро-зеленой травой, достаточная площадь для посева и огорода. Но почва неодинаковая: есть заболоченные места, есть песчаные дюны, выход гранита. Однако есть и жирный чернозем.

Закатное солнце выглянуло сквозь тучи, осветив группу людей на фоне красноватых скал.

Какой жалкий вид имеют эти миллионеры, мечтающие стать королями на новой Земле!

По-королевски величественная на Земле, леди Хинтон, с подоткнутым мокрым платьем, грязными, распухшими красными ногами, осевшая, с взлохмаченными седыми волосами, похожа на базарную торговку. Лорд епископ словно прилетел на Венеру прямым сообщением из лондонских трущоб. Ему под пару барон.

— Надо подумать о ночлеге, граждане, и выбрать пещеру, — сказал Ганс.

— Пппе... по... пещерные люди!.. Ддошли!..

Заглянули в одну пещеру. Сыро, мокро, журчит вода.

Мимо! В другой посуше, но она мала. Третья — того и гляди обвалится, над ней нависла целая глыба мокрого, источенного подпочвенными водами песчаника. Четвертая хороша. Большая, прочная, удобная. От нее отходит несколько боковых пещер, ниш, ходов.

— Надо исследовать эти ходы: не живут ли в них какие-либо обитатели, — говорит Ганс. — Винклер, зажги фонарь, идем.



Едва свет фонаря проник в пещеру, как оттуда с сухим шуршанием выбежало нечто отдаленно напоминающее земную сороконожку. Она была почти белая и немногим тоньше телеграфного столба. С необычайным проворством гигантская сколопендра промчалась через большую пещеру и исчезла в боковом проходе. Следом за нею проследовал десяток пятиметровых «малышей». Женщины вскрикнули и отбежали подальше от пещеры. Свет фонаря упал на «таракана» с двухметровыми мохнатыми коричневыми лапами. «Таракан» шевелил полуметровыми усами, уставившись на Ганса черными, величиною с яблоко, глазами. При этом он тихо свистел. Винклер тронул Ганса:

— Не лучше ли нам уйти? Видно, на Венере ни одна пещера и ни одна нора не пустует.

Во мраке во всех углах пещеры что-то шевелилось, шуршало.

Сыпались мелкие камни. Из боковых пещер слышались звуки, напоминавшие лошадиный кашель и коровьи тяжкие вздохи.

— Да, — согласился Ганс. — Первую ночь нам придется провести под дождем. Это хотя и тяжело, но зато безопасно. А завтра примемся за выселение всех многоногих жильцов.

К счастью, ночь выдалась на редкость тихая. Только вдали шумел неумолчный прибой. Томительно душно, жарко. Воздух густой и такой плотный, что трудно дышать. Голову кружит. Полыхают зарева вулканов. Горячая, багровая ночь...

Ганс спит чутко. Прислушивается к малейшим шорохам и звукам. В мозгу пробуждаются древние инстинкты первобытного человека, которого ночь

подстерегала тысячею опасностей... Сквозь полузакрытые глаза Ганс видит свет. Приоткрывает веки... В воздухе носятся ослепительно яркие шары. Все новые и новые шары величиною с яблоко, с арбуз рождаются из ночной темноты. Беззвучно парят, опускаются, поднимаются.

И вдруг один шар разрывается с оглушительным треском. Все просыпаются, вскрикивают. Игра сверкающих шаров продолжается. Словно кто-то невидимый перебрасывается ими.

— Что это?..

— По-видимому, шаровидные молнии, — говорит Текер. — Воздух здесь слишком насыщен электричеством.

Песчинки сухо трещат, будто пересыпаются, хотя лежат неподвижно. Со стволов ружей срываются с тихим треском синие искры. Как в охлажденном, перенасыщенном влагой воздухе выделяются водяные пары, так в этой перенасыщенной электричеством атмосфере рождаются искры, шаровидные молнии. Ганс поднял вверх руку, расставил пальцы, и на их концах заструились огоньки. Красиво, но жутко! Волосы на голове топорщатся и потрескивают, словно их расчесывают невидимым каучуковым гребнем. В горах текут потоки раскаленной лавы. Она постепенно застывает, горит тусклым багровым пламенем.

В воздухе бесшумно летают рои больших насекомых. Над ними так же бесшумно реют, словно черные покрывала в воздушном вихре, ночные хищники, — быть может, здешние «летучие мыши». Все незнакомо, необычно, пугает новизной...

Крик в горах. Похож на человеческий. Ему отзывается звериный рев в лесах, по ту сторону залива...

Исчезли шаровидные молнии. Улетели насекомые, птицы. Светает...

Вдыхает барон, леди Хинтон вторит ему, шумно зевает Стормер. Сон бежит от глаз. Никому не спится... Ганс и Винклер тихо беседуют, составляя план выселения «нечистых».

С рассветом взялись за работу.

Входы в малые пещеры, трещины, лазы заделали — замуровали гадов. А из больших боковых пещер начали выкуривать обитателей. Посреди главной пещеры вырыли яму, наполнили ее нефтью, подожгли. Пассажиры предупредили — повыше на скалы взобраться: сейчас изо всех щелей поползут «выселяемые».

И точно — поползли. Тараканы с добрую овцу. Многоножки со сплюснутыми, как у змей, головами и с клешнями, горбатые пауки, четырехногие прыгуны, желтые, как янтарь, прозрачные, с глазами, как у рыб-телескопов, змеи...

Вылезли крупные гады, расползлись по соседним пещерам, потом поползла мелочь: сизые мокрицы ростом с кролика, красные черви, катившиеся колесом; мордастые «рыбы» на лапах, вихляющиеся, как морские львы... Кажется, не будет конца этому шествию, будто рожденному кошмарами ночи. Какая силища творческих замыслов природы! Сколько проб, экспериментов! Какая неистощимая фантазия в поисках лучших форм, наиболее приспособленных к существованию!..

Люди сидели на камнях, не двигаясь, затаив дыхание. Что это? Сон или бред расстроенного воображения?

Отгремела гроза. День давно настал. Воздух разрядился от электричества.

Только к полудню прекратилось шествие гадов. Догорела и нефть. Яма едва курилась. Винклер, Ганс, Текер и Пинч осторожно вошли в пещеру. Всюду трупы гадов и насекомых. Некоторые еще извивались, корчились, шевелили усами, дрыгали ножками, а «ножка» иного паука подлиннее ноги человеческой.

Неприятная работа, но кое-как вычистили пещеру, сволокли трупы подальше, нефтяную яму засыпали. Теперь можно жить в пещере.

Но женщины не соглашаются.

— Лучше под открытым небом, под дождем ночевать, чем в пещере. Там уснешь, а ночью новые гады вползут.

— Не вползут, — успокаивал Ганс. — Мы вокруг пещеры ям накопаем, нефтью наполним и по ночам зажигать будем. Все гады огня боятся, близко не подползут.

Женщины продолжали отказываться. Однако когда ночью пошел неистовый ливень, они также вошли в пещеру.

Покончив с жильем, стали думать о пище. Есть больше нечего. Надо идти промышлять на берег.

— Сильный прибой, — говорил Текер, — должен выбрасывать на берег много рыбы, моллюсков. Нам, полагаю, удастся найти съедобных. Пинч смастерил удочки.

На промысел пошли Пинч, Ганс, Винклер и Текер. Женщинам поручили изготовить постели из мягких мхов и лишайников. Их много росло на склонах гор. Эластичные, мягкие, теплые, не хуже перин. От почвы легко отрываются. Только края неровные; обрезать, придать форму — и готова постель. Стормера и Уэллера оставили в помощь женщинам и для охраны, вооружив ружьями и ножами.

Ловить рыбу удочкой Пинчу не пришлось. На берегу рыб, ракообразных, мягкотелых улиток было бесконечное множество. Оставалось одно — выбирать все, что не успело испортиться. Гниение здесь происходило очень быстро. Запах падали встретил путников еще за километр от берега. Вдоль линии прибоя ходили стаи бескрылых птиц, похожих на пингвинов. Их можно было принять издали за людей — они и ростом были не ниже человека, ходили, важно переваливаясь, и громко кричали. Ганс заметил, что и птицы избегают падали — выбирают свежих, еще трепещущих рыб. Птицы оказались очень мирными и совсем не трусливыми. Люди подходили к «пингвинам», гладили их. Птицы с интересом осматривали людей. Скоро птицы и люди ходили рядом, толкаясь, как на базаре.

За огромной стеной прибоя, разбивавшегося о гряду прибрежных скал, океан почти не виден. Изредка только возвышалась над гребнем прибоя гигантская голова какого-то «завра».

Трудно было дышать от трупного запаха.

Вот на берег выбросило плоскую раковину величиной с лодку. Эту не донести. Вот вторая — с чайный поднос. Оттащили в сторону. Огромная панцирная рыба едва не сбила с ног Пинча. Она еще судорожно билась. Оттащили и ее. Эта-то уж, наверное, свежая. Велика, килограммов на двести... Нет, не донести... Пришлось остановить выбор на меньшей. Винклер и Ганс взвалили на плечи рыбу, Пинч и Текер понесли «устрицу».

— Сегодня на обед будет осетрина и устрицы, — заявил Ганс, подходя к пе-

щере. — Грейте скорее в котле воду.

Котел был поставлен на «керосинку» — яму с зажженной нефтью. Вода уже кипела, а «повара» все еще возились с продуктами: «устрица» не хотела раскрываться. Створки ее были так плотно закрыты, что Ганс не смог открыть их даже топором. Панцирная же рыба оказалась настолько прочно забронированной, что разрубить ее никто не мог. Решили «устрицу» облить кипятком. Это помогло: створки наконец раскрылись, показалось очень нежное бледно-розовое мясо.

Стормер положил «осетра» на землю вверх брюхом и рубил с ожесточением голодного человека. Брюхо панцирной рыбы имело более мелкие чешуйки, которые, по расчету Стормера, должны скорее поддаться ударам топора. И ему наконец удалось разрубить рыбу. Он осторожно понюхал. Ничего. Пахнет рыбой, как полагается.

— Придется мясо по частям вырубать.

— А с устрицей как? — спросил барон.

— Варится. Вареных устриц еще не ели, барон?

— Ук... уккуса бы!..

— Перцу, лаврового листа да бутылку вина. Вот это обед был бы! С вином и устрицами. Но чего нет, того нет, барон.

От котла пахло очень аппетитно. Но когда мясо было разложено по блестящим створкам захваченных Гансом плоских раковин, все переглянулись.

— Ккушайте, пожалуйста! — любезно предложил Маршалль.

— Вы, барон, старше, предоставляю вам честь отведать первое блюдо, — ответил Стормер.

— Выходит так, что самый старший должен помереть раньше других?

Начался спор.

— В конце концов это же не гриб, а рыба, и рыба свежая, — подбодрил сам себя Ганс и первым взял кусок в рот. Все смотрели на него, как на человека, принявшего яд. Ганс спокойно жевал.

— Вкусно?

— Изумительно! — отвечал Ганс с набитым ртом.

Барон был очень голоден. Но он терпел: ведь яд мог действовать не сразу. Однако, когда Ганс отправил в рот второй аппетитный кусок, барон не выдержал и взял маленький кусочек, за ним епископ, Стормер и другие. Скоро все ели с аппетитом пещерных людей. Мясо устрицы оказалось нежным и вкусным.

Приятное чувство сытости подняло настроение. Снабжение, по крайней мере на весь летний период, было обеспечено.

— Надо научиться сушить и вялить рыбу, чтобы сделать запасы на зиму, — сказал Ганс. — Цандеру также надо будет заготавливать сушеную рыбу. Сегодня я отнесу ему свеженькой.

И Ганс, отрезав большой кусок, отправился в обратный путь в горы, к ракете.

Вернувшись на другой день под вечер, он застал всех спящими.

Глава VI

Епископ меняет богов

Утром проснулись в опаловом тумане.

— Пахнет духами! — воскликнула Делькро, вдыхая воздух. — Не разли-

ли ль вы духи, Эллен?..

— У меня нет духов...

— Может быть, вы, Амели?.. Откуда же такой сильный запах? Ветер разорвал завесу тумана. Полуостров, вчера серо-желтый, сегодня принял яркую окраску.

— Это цветы. Конечно, цветы так пахнут. Цветы выросли и расцвели за одну ночь. Разве это не изумительно?

— В такой теплице — нет ничего удивительного.

— Удивительно другое, — задумчиво сказал Ганс. — Наши земные ученые предполагали, что на Венере должен быть примерно каменноугольный период. А между тем здесь столько цветов.

— Ученые могли ошибиться, — заметил Текер. — Если даже Венера моложе Земли, процессы развития здесь могут идти быстрее, чем это было на Земле. Мы уже видели немало растений и животных, которых можно отнести к каменноугольному периоду. Этот период на Венере еще не прошел. Но эволюция пошла дальше. Ведь один период не сменяется другим внезапно. Эти хвощи, «птеродактили», панцирные рыбы и прочие представители карбона будут существовать еще многие тысячи лет наравне с позднейшими, более совершенными представителями растительного и животного царства.

— Да, весна в полном разгаре, и нам не надо терять ни одного дня. От пещер до наших будущих плантаций далеко. Нам придется на время полевых работ переселиться на полуостров. Построим там шалаши. После обеда двинемся в путь.

Ганс шел к Тихой гавани — подальше от громового прибоя и тяжелого запаха разлагающихся морских животных.

Как только прибыли на место, между «пассажирами» начались споры из-за лучших участков. Каждому хотелось захватить прибрежную полосу тучного ила. Притом здесь, в выходе гранита, был большой естественный водоем, постоянно наполняемый дождями. В пресной воде недостатка не было.

Между бароном и Стормером разгорелась ссора. На Венере была готова вспыхнуть первая война. Гансу и Винклеру пришлось вмешаться, чтобы ликвидировать этот конфликт. Но вслед за ним возникли новые конфликты. Стормер поссорился с Уэллером, Пинч — с бароном... Каждому хотелось, поменьше работая, побольше собрать плодов.

— Мне надоели эти бесконечные ссоры, — сказал Ганс Винклеру. — Это надо кончить раз навсегда.

— Вы жалуетесь на мой деспотизм? — обратился он к «пассажирам». — Хорошо. Живите как хотите, но и не рассчитывайте на нашу помощь, на наши запасы и урожай. Винклер, Мэри, Жак! Мы будем работать отдельно. Идем!

Барон и леди Хинтон протестовали против того, что уводят их слуг. Но на Венере уже не было больше слуг, так же как не было и господ.

«Пассажиры» приуныли, но скоро успокоились: пищи, воды вдоволь. Тепло. Что же еще нужно? Вот только бы шалаш устроить, чтобы хоть во время сна укрываться от дождей.

Стормер презрительно назвал группу товарищей Ганса «плебсом».

«Пассажиры» издали наблюдали, как «плебсы» строят шалаши, стали подражать им и кое-как выстроили свой шалаш. Затем потребовали у «плебсов» семян, так как свои они быстро съели.

Один лишь Шнирер приберег семена. Исполнялась его мечта о новой жизни на новой Земле. И он серьезно принялся за хозяйство. Но в первый же день он убедился, что изобретать философские системы для него много легче, чем копать грядки. После первого же часа физической работы он начал стонать, охать, не мог уснуть и размышлял. В его философской системе была какая-то ошибка, которую он не мог найти. И нашел только к утру: для счастливого существования на новой Земле ему не хватало... рабов, которые бы все делали за него, в то время как он предавался бы высоким философским размышлениям. Увы, Ганс безнадежно испортил философскую систему. И наутро философ мрачно сказал своей дочери:

— Высуши посевное зерно на солнце, истолки на камнях и испеки лепешки.

— А осенью чем будем питаться, папа? — спросила она.

— «Посмотрите на птиц небесных — они не сеют, не жнут, а собирают в житницы. Не заботьтесь о завтрашнем дне», — сказал он в ответ.

Сам епископ Уэллер не мог бы ответить лучше.

Не удались и шниреровские «хутора», где «фермеры», как кроты, сидели бы по своим норам. Сама жизнь заставила пойти по социально опасному пути концентрации населения: даже «извечные враги» — Англия и Франция — в лице Маршалья и Стормера поселились в одном шалаше. Леди Хинтон поселилась с Эллен, Шнирер — с дочерью. Ганс и Винклер — с Жаком. Мэри — в шалаше посредине. У «пассажиров» был свой поселок, у «плебсов» — свой. Но в каждом поселке шалаша стояли вплотную друг к другу.

Ганс, Винклер, Мэри и Жак работали и в дождь и в полуденную жару: возделывали тучную почву, оградили тыном свои шалаша от непрошенных гостей: зверей, гадов, насекомых.

Гансу пришла в голову остроумная мысль: сделать «пингвинов» домашними животными. Он привязал к самодельной сохе — причудливой формы корню — двух «пингвинов». Они оказались сильными и послушными и очень помогали.

Женская половина «пассажиров» оказалась более трудоспособной, чем мужская. Тяжелее всех приходилось леди Хинтон и Эллен, совершенно незнакомым с физической работой. Но Эллен понемногу привыкла. Женщины приносили рыбу, «устриц», готовили пищу, стирали белье и одежду, которые все более превращались в жалкие рубища.

Ганс реквизировал у Уэллера его рясу для ребенка Текера, и епископ принял вид мирянина. С длинной одеждой с него словно спали и последние силы его духовного сана. Он уже не вел душеспасительных бесед с леди Хинтон, избегая ее укоризненных взглядов. Однажды она не выдержала:

— Я не узнаю вас, мой старый друг. Мне кажется, вы начинаете забывать бога.

— Я вовсе не старый, — возразил он, покручивая отросшие усы. — А что касается бога, то на каждой планете свой бог.

— Или богиня? — ядовито спросила Хинтон.

— Вы совершенно правы. Венера — богиня любви.

— И вы очень ревностно начинаете служить ей...

После таких богохульственных и неприличных слов Уэллера леди Хинтон поняла, что бог навеки потерял епископа, а епископ — бога, а она, леди Хин-

тон, — друга...

Пинч кружил возле Амели. Стормер все чаще и многозначительнее поглядывал на Мэри, которая, однако, не обращала на него никакого внимания.

Леди Хинтон пыталась поделиться своими сетованиями хотя бы с Эллен, но и племянница изменилась, отвечала грубо, да и не до разговоров ей было. Ее миниатюрные пальцы давно огрубели от работы. Она была зла на всех.

Стормер и Маршалль все еще мечтали о возвращении на Землю. Они часто о чем-то шептались и каждое утро уходили в горы.

Однажды Ганс случайно, совершая очередной визит к Цандеру, услышал в горах, в тумане голоса барона и Стормера. Они говорили о том, какими богачами вернутся на Землю.

Ганс понял. Маршалль и Стормер ходили собирать золото и драгоценные камни и складывали их, очевидно, где-либо недалеко от ракеты.

При встрече Ганс и Цандер обменивались новостями.

— Изобилие влаги, тепла, углекислоты, плодороднейшая почва, — рассказывал Ганс Цандеру, — делают чудеса. Овощи растут как на дрожжах, достигая чудовищных размеров. Картофель — с огромную дыню, капуста — выше роста человеческого, пшеница — как бамбуковая роща. Здесь, несмотря на короткое лето, можно собрать три-четыре урожая. Вялится и сушится рыба. Продовольствия хватит на зиму, хватит и на обратный полет... А что радио, молчит?

— Молчит, — огорченно отвечал Цандер. — Земля, быть может, и получает наши радиосигналы, но я не слышу ответов.

Однажды ночью случилось неприятное происшествие. Из Тихой гавани выползли на берег студенистые, бесформенные существа, похожие на гигантских амеб. И движения их напоминали движения амеб: из киселеобразного, студенистого сгустка формировались отростки, которыми «амебы» перебирали, как ногами... Сгусток то растягивался в червя, то вновь собирался в бесформенный комок. Скользкие, холодные, безротые, безглазые, бескостные существа.

Один такой комок живого теста залез в женский шалаш, вызвав там страшный переполох. Вреда он не причинил, только до смерти перепугал леди Хинтон своим холодным, осклизлым прикосновением.

Этот случай заставил задуматься о том, что в Тихой гавани могут водиться и более опасные существа.

Винклер предложил устроить жилище на воздушных корнях надводных деревьев.

— На этих готовых сваях для построек, — говорил он, — надо сделать лишь помост да крышу над головой.

Мысль была одобрена. Началось переселение на деревья.

Барон ворчал:

— Ммы ррегессируем. Из каюты ссзвездолета — в пещеры, из пещер — на деревья... Скоро станем голыми на чет... чет...

— ...четвереньках лазить! — докончил нетерпеливый Стормер. — Вам это очень пойдет, барон.

Леди Хинтон дрожала день и ночь: она боялась в бурю упасть вместе с шалашом в Тихую гавань, «где ее, конечно, растерзают крокодилы».

Ганс часто поглядывал на полосу леса по ту сторону залива. Перелезть туда по переплетающимся воздушным корням очень легко. В лесу могут найтись

съедобные плоды, быть может, птицы. На «поле» было время тихое: прополка кончена. Почему бы не совершить экспедицию?

На другой день, вооружившись ружьями, револьверами и ножами, Ганс, Винклер, Текер, Амели и «ее тень» Пинч полезли по корням и веткам, как лазили их далекие обезьяноподобные предки.

Никто не ожидал, какие приключения ожидают их в этом рискованном путешествии.

Глава VII «Игра в прятки»

— Вот вам и каменноугольный период, — сказал Текер. — Чем не лепидодендрон?[69] Вышина — двести-триста футов. Смотрите, на высоте футов сорока ствол разветвляется надвое, каждое разветвление делится снова на два, еще и еще раз. На верхушках плодовые шишки. Ветви покрыты длинными иглами. А вот и гигантский папоротник... и хвоици...

— Да, рядом нечто вроде пальмы. Это уж не из каменноугольного периода. Пальма с плодами. Хорошо бы попробовать, да не добраться. Уж очень высоко висят, ствол высокий.

— Вот один плод валяется в траве! — воскликнула Амели. — И даже с лопнувшей скорлупой. Еще бы, летел с такой высоты. Белая мучнистая мякоть. Пахнет хорошо. Попробовать разве? Мм... Сахар с ванилью... и мука... Как вкусно! И масло...

Все попробовали.

— Замечательно вкусно.

— Должно быть, и питательно. «Мука Нестле. Незаменимо для детей и стариков», — сострил Пинч.

— Прекрасное приобретение. Ради одного этого стоило сделать нашу вылазку. Рыбная диета надоела. Теперь мы обеспечены великолепной мукой.

— Представляю, как вкусны будут лепешки, — мечтала Амели.

Сытно позавтракав кокосами, путники осторожно углубились в лес. Полумрак. Тишина. Тихо свистит в иглах ветер. Зелень темная, с красноватым оттенком.

— Странно: почему на Венере так много бурых и тем-но-красных растений? — сказал Ганс.

— На Венере такая густая и облачная атмосфера, что часть спектра солнечных лучей задерживается, как на глубине земных морей. Поэтому окраска листвы на Венере имеет красноватый оттенок. Впрочем, это только мое предположение, — оговорился Текер.

Под папоротником росли «грибы».

— Если пять-шесть огромных хлебов положить один на другой, получится один венерианский гриб, — сказал Пинч. — И гриб, может быть, съедобный. Но от грибов лучше подальше. Сколько наших предков умерло в страшных мучениях, испытывая на себе, какой гриб съедобный, какой ядовитый!

Под ногами вода. Надо поискать места посуше. Ганс обратил внимание на почти круглую залитую водой яму диаметром в два метра. Через десяток метров — такая же яма. Еще и еще.

— Можно подумать, что опушку леса бомбардировали снарядами.

— Причем с необычайной точностью прицела, — заметил Винклер, бывший артиллерист. — Обратите внимание: ямы идут параллельно, на одинако-

вом расстоянии одна от другой.

— Что же это значит? — спросил Ганс. — Ты предполагаешь, что ямы сделаны искусственно? Быть может, это ловушки для зверей? Но кто мог их вырыть? Едва ли на Венере существуют такие разумные животные или полулюди.

— Я думаю, что это следы, — ответил Винклер. — Следы гигантского животного.

— Следы? Каково же должно быть животное, если каждый шаг его больше десяти метров! — Амели опасно посмотрела на след. — Не хотела бы я встретиться с таким животным. Здесь для охоты нужны не наши игрушечные ружья, а пушки.

Вышли на поляну. Хлынул дождь. Туман, как белая простыня, стоял перед глазами.

— Держитесь ближе друг к другу! — крикнул Ганс.

Шли осторожно, прислушиваясь, оглядываясь. Время от времени в тумане появлялись темные очертания одиноких деревьев.

К знакомым уже звукам ветра, дождя, грома присоединились новые звуки, пугающие своей непонятностью.

— Можно подумать, что где-то поблизости паровозное депо. Словно из десятков паровозов выпускают пар, — тихо и взволнованно сказал Пинч. — А вот и паровозный гудок. Поезд отходит через пять минут...

— Тсс... — предупредил Ганс.

Впереди справа белый туман начал темнеть. Пятно все сгущалось, принимало неясные очертания дома, и вдруг «с высоты третьего этажа» выдвинулась чудовищная, величиною с автомобиль, голова животного, с очень маленькими по сравнению с головой глазками.

Раздался выстрел. Это Пинчу взбрело в голову разыграть перед Амели Буффало Билля — бесстрашного охотника.

Сильнейшая сирена океанского парохода — комариный писк по сравнению со звуком, который, как смерч, пронесся по лесу. Задрожала почва, зашумели деревья. Звук сразил людей, и они упали на колени, но тотчас поднялись, — темная масса выростала из тумана, надвигалась на людей.

Откликнулись другие сирены, и поднялся такой адский концерт, от которого болело в ушах, как во время артиллерийских залпов. Эти животные, кажется, могли убивать звуковой волной...

Открыв рот, затыкая уши, люди бросились врассыпную. Ганс упал в одну из ям-следов. Яма была так глубока, что Ганс, присев, ушел под воду до ушей. Животное промчалось, не заметив его. Одна нога животного грузно плюхнулась возле ямы. Что-то ударило Ганса по голове, — это тянувшийся по земле хвост животного. Голова Ганса ушла в воду. Этот бесконечный хвост еще долго шуршал по траве возле ямы Ганса.

Наконец гигантский живой танк прополз. Ганс вылез из ямы, отряхнулся, прислушался.

Началась ужасная игра в прятки. Только бы туман не рассеяло ветром!

Хорошо еще, что животные неистово трубили, издали предупреждая о своем приближении. И люди спешили отбежать в сторону. Но иногда звуки скрещивались, отражались лесным эхом, и тогда трудно было определить направление. Приходилось следить за тем, с какой стороны почва начинает больше



дрожать. Зазевавшиеся уже видели иногда темное пятно в тумане, это было последнее предупреждение. И еще одно спасло людей: неповоротливость животных, которые весили, вероятно, больше самого крупного американского паровоза... Нелегко им было передвигать массу своего тяжелого, громоздкого тела. Иногда с разбегу животные налетали в тумане на дерево и с ужасным треском ломали его. Судя по звукам, встревоженные животные начали успокаиваться. В адской какофонии сирен стали появляться паузы. В одну из этих пауз раздался далекий, невнятный человеческий голос, не похожий на голос Амели, Пинча, Текера. И снова дикий рев животных...

Люди валялись от усталости и собирали последние силы, чтобы вновь и вновь спастись от своих преследователей.

После очень долгой паузы раздался одинокий и протяжный грудной звук. Он был похож на сигнал отбоя. Наступило молчание. Но еще много минут уши людей не слышали ни шума, ни ветра, ни отдаленного грохота прибоя — до такой степени были поражены их барабанные перепонки.

Туман... туман... Где остальные?... Что с ними? Не раздавлен ли, не растерзан ли кто?.. Предсмертный крик не мог быть слышен... Что делать?.. Куда идти?.. Ганс решил крикнуть:

— Винклер! Амели! Пинч!

Никто не отозвался. Но и животные не возобновляли своего рева, — видимо, они исчезли, словно растаяв в тумане.

Ганс повторил крик. Громче, еще громче... Наверно, спутники оглохли, как и он, и не слышат его... А животные? Они, быть может, даже не слышат человеческого крика.

— Винклер! Винклер!

Перед лицом Ганса выросло темное пятно. Ганс в испуге отскочил.

— Это я, — послышался, как из-за стены, голос Винклера.

Уши начинали слышать. Скоро прозвучал и тонкий голос Амели. Сильным ветром туман разорвало в клочья. Теперь он стоял над головой, как низкое облако. Поляна была ясно видна. Ганс осмотрелся. Никого!

— Словно пригрезилось, — покачав головой, сказал Винклер.

Из-под листьев большого папоротника выбежала Амели.

— Трое целы. Куда девался Пинч?

— Здесь, — вдруг послышался голос откуда-то сверху. Ганс и Винклер подняли головы. Высоко на хвокке сидел Пинч, кивая головой, — только со страху он мог взобраться на такую высоту по гладкому стволу.

— Почему же вы не отзывались, когда я звал вас? — спросил Ганс.

— Я поджидал, не отзовутся ли раньше меня чудовища. — Кряхтя и вскрикивая, Пинч начал спускаться.

— Лазить не так уж трудно, — сказал он. — Ствол немного шероховат. Чешуйки такие крупные, что можно ногу поставить. А впрочем, без чудовищ, пожалуй, и не влез бы. Они помогли, — признался он.

— Куда же нам идти? — спросила Амели. Все оглянулись.

— Шум прибоя оттуда, — сказал Ганс. — Туда и идем.

Они быстро пересекли поляну и углубились в лес.

Глава VIII

В плену у шестируких

Густел подлесок хвощей и папоротников, густел мрак. Разбегались вспугнутые мелкие ящеры, в стороне прополз бесконечно длинный толстый черный змей. Гигантские пауки плели настоящие тенета. Паутина была так крепка, что ее приходилось разрезать ножом. Курьезные мясистые насекомые величиною с гуся, запутавшиеся в паучьих сетях, бились и визжали, как поросята.

— Здесь чувствуешь себя Гулливером в стране великанов, — сказала Амели. Она была очень довольна тем, что отправилась в это путешествие. Отец долго не соглашался, Делькро и Эллен отговаривали, но Амели настояла на своем.

За спиной раздался вой и нечленораздельная речь. Путники остановились в недоумении. Их кто-то нагонял. Слышно было, как в чаще трещали сухие ветви хвощей. Пинч держал ружье наготове.

В сизой лесной мгле меж папоротниками показались неясные очертания огромного мохнатого человека. Пинч выстрелил.

— Эе... ан... се... — хрипло закричал дикарь, завыл и скрылся.

— Я отниму у вас ружье! — рассердился Ганс на Пинча. — Не хватает того, чтобы теперь орава дикарей напала на нас, как те чудовища.

— Неужели же это венерианский человек? — удивилась Амели. — Значит, здесь есть и люди?

— Вы бы лучше поблагодарили меня, — оправдывался Пинч. — Если бы я вовремя не испугал вожака, на нас, наверно, уже напали бы венерианцы. Теперь они убежали — испугались выстрела.

— Может быть, Пинч и прав, — поддержал его доктор.

— Кто бы мог думать, что на Венере есть люди и, что всего удивительнее, по телосложению весьма похожие на земных? Только, кажется, они здесь очень косматые. И рост несколько выше. Но это вполне понятно: ведь тяготение на Венере немного меньше земного. Жаль, что я не рассмотрел венерианца. Интересно было бы познакомиться с ним.

— Познакомитесь еще, когда они будут нас кушать, — сказал Винклер.

— Надо поскорее выбираться из леса. Прибавьте шагу.

Но прибавить шагу было не так-то легко. Ежеминутно приходилось оста-

навливаться, чтобы пробраться сквозь лианы или разрезать густую паутину.

— Отвратительные животные! — ворчал Пинч, с омерзением глядя на толстых, косматых пауков. — Они питаются, наверно, не только насекомыми, но и мелкими птицами, зверьками. Да, пожалуй, и не мелкими. Такие тенета удержат теленка.

Через лесную поляну идти было легче. На поляне росли высокие, ветвистые, толстые деревья, напоминавшие дубы. «Это уже не каменноугольный период», — подумал Ганс. На деревьях между толстыми суками висели гигантские гнезда и рядом с ними словно подвешенные узлы. Путники недоумевали: что за осиные гнезда?

Позади что-то хрустнуло. Послышалось тихое, протяжное «урррр», и словно раздалось щелканье кастаньет. Оглянулись. На границе леса, у опушки, из которой путники только что вышли, выросла сплошная цепь диких существ — шестирукая помесь обезьяны с кенгуру: бегают и на шести, и на четырех ногах, стоят и прыгают на двух, садятся, как кенгуру, и тогда средняя пара рук неподвижно висит на косматой груди, а верхняя движется, — словно шестирукие объясняются, как немые, и жесты сопровождаются урчаньем, щелканьем. Глаза черные, выпуклые, в глубоких глазных впадинах. Огромные синие грушеобразные носы... Бежать! Скорее бежать!

Добежали до рощи деревьев, похожих на дубы. С сучьев вдруг начали падать на траву такие же шестирукие. Шестирукие справа, шестирукие слева, сзади, впереди — правильная осада. Бежать некуда. Остается только с боем пробивать дорогу. На этот раз уже не только Пинч, но и Ганс вскинул на плечо винтовку. Шестирукие сели, словно испугались. Замолчали. Ворочают сердитыми черными глазами. Их синие грушевидные носы начали краснеть и быстро надуваться. Груша превратилась почти в шар величиною больше арбуза. Послышалось шипенье, словно сразу заработала сотня сифонов. Из носов вылетали мелкие брызги, как из пульверизаторов. Ганс выстрелил. Пинч вскрикнул и упал. Ганс почувствовал сладкий, приторный, одуряющий запах. Голова закружилась, зашумело в ушах. Он еще успел заметить, как упали Амели и Винклер, и сам упал без памяти...

Гансу кажется, что он сидит высоко на мачте во время сильной качки. Он глубоко вздыхает и открывает глаза. Сильный влажный ветер дует в лицо. Тело Ганса мерно раскачивается — это уже не сон...

Ганс пытается вспомнить, что с ним произошло. Нападение шестируких, «газовая атака», обморок. Возле самого уха шелестят листья. Он висит на дереве. Хочет протянуть руку, двинуть ногой, но не может. Словно спеленат или крепко-накрепко связан. В просвете между тучами виднеются звезды. Значит, ночь? Когда он потерял сознание, был вечер, закат. Глаза немного привыкли к темноте. Ганс видит возле себя качающиеся темные тела.

Окликает.

— Это ты, Ганс? — слышится заглушенный ветром голос Винклера. — Мы, кажется, попали в скверную историю. Я не могу сделать ни одного движения...

— И я тоже. Где Амели, Пинч?

— Висят рядом со мной. Не отзываются. Или еще не пришли в себя, или мертвы.

— А шестирукие?

— Их не видно.

Через несколько минут пришли в себя Пинч и Амели. Действие газов, очевидно, проходило у всех в одно время. Обменялись невеселыми мыслями. Всячески пробовали избавиться от пут — напрасно. Все, что они могли, это немного двигать плечами и ногами. Руки словно приросли к туловищу, ноги — срослись вместе.

— Словно нас заколдовали и превратили в деревья, — сказала Амели. Она не стонала, не закатывала истерик.

Занялась заря. При ее свете пленники увидели шестируких. Одни из них висели на руках или хвосте на дереве, иные стояли возле дерева, прислонившись к нему. Они были неподвижны, как статуи. Но лишь первые лучи солнца коснулись этих окаменевших фигур, они ожили. С урчанием и щелканьем к пленникам начали собираться шестирукие в несметном числе. Они расселись по сукам, споря из-за мест, повисли над головой, заглядывали снизу. Видимо, всем им хотелось поглядеть на необычайную добычу. Шестирукие быстро щелкали, как кастаньетами, быть может, пальцами, быть может, языками, урчали и жестикулировали всеми шестью руками. Прыгали и лазили по деревьям с изумительной ловкостью, но по земле предпочитали ходить на шести или прыгать на двух ногах.

Возле пленников сидел, по-видимому, старый вожак с седой шерстью. Он пощелкал.

Несколько шестируких бросились исполнять его приказание.

— Кажется, приходит наш конец, Винклер, — тихо сказал Ганс.

— Похоже на то, Ганс. Нам не вырваться. Ты обратил внимание, как блестят наши одежды? Шестирукие, очевидно, вымазали нас каким-то клейким веществом. Вот почему мы словно превратились в кокон. Что-то готовят нам эти шестирукие...

Ганс наблюдал за теми, которые побежали по приказу старика. Они быстро взметнулись на самые верхние ветки. Там висели небольшие «узелки». Ганс уже понял, что это за «узелки». Шестирукие, очевидно, заготовливали пищу впрок, вешая свои запасы на деревьях.

Молодые посланцы сорвали пару «мешков» и спустились вниз. Они ловко работали четырьмя руками, в двух руках несли поклажу.

Старик принял «мешок». В нем находился обмазанный клеем паук. Старик оторвал кусок паучьего мяса и протянул ко рту Ганса. Тот стиснул зубы и замычал с отвращением. Шестирукие пощелкали, поурчали и предложили другое блюдо, облизав предварительно клей с большого бело-синего червя. Ганс снова отказался есть. Старик с большим терпением продолжал угощать Ганса лесными клопами, тараканами, гигантскими стрекозами...

Некоторые из этих «блюд» были еще живыми. Ганс понял, что шестирукие не сразу убивают свои жертвы, а сохраняют их живыми. И, видимо, даже кормят. Поэтому-то старик с таким вниманием и терпением старался узнать, чем же питаются эти редкостные двуногие зверьки, впервые попавшие в их руки. После долгих попыток накормить «мясом» старик решил, что пленники не плотоядные животные, и снова защелкал. Через несколько минут покорные слуги принесли «кокосовый» орех. Ганс был голоден. Завтрак был как нельзя более кстати. Притом, чем бы все это ни кончилось, надо набираться сил. Однако Ганса одолевали сомнения: принимать пищу или нет? Если шестирукие не едят трупов, то, убедившись в том, что «добыча» вообще отказывается от

пищи, не прикончат ли они ее тотчас, пока она жива? И Ганс решил есть. Когда он открыл рот, старик одобрительно защелкал. Другие подхватили свежую новость: «Едят», — и щелканье понеслось с ветки на ветку, с дерева на дерево.

Пленники были накормлены. Но положение их от этого не стало лучшим.

— Нас откармливают, как подвешенных в мешке рождественских гусей, — сказала Амели.

— Ох, только бы рождество у них наступило не слишком скоро, — отозвался со своего сука Пинч.

Накормив пленников, шестирукие потеряли к ним интерес и разбрелись в разные стороны. Текер мог вдоволь наблюдать за этими странными существами: как они ловили добычу — насекомых, птиц, пресмыкающихся животных при помощи «газовой атаки», как затем обмазывали клеем, облизывая своим длинным языком, — «клеевые железы», очевидно, находились у них во рту, — как развешивали по сучьям живые обеды... Так прошел день.

Когда солнце стояло уже низко над лесом, шестирукие начали проявлять признаки беспокойства. Они быстрее бегали, лазили, прыгали, громче перекликались, и каждый, видимо, спешил забраться в свое плетеное гнездо до наступления темноты. Солнце зашло, и шестирукие внезапно уснули в той позе, в какой застал их сон. Поразительнее всего было то, что это засыпание происходило молниеносно и одновременно у всех шестируких. Несколько запоздавших шестируких так и застыли возле дерева с поднятыми вверх руками. Солнце уже зашло, но на поляне стоял еще полумрак. Ганс видел, как огромный ящер быстро пробежал поляну, подбежал к шестирукому, схватил его в пасть и потащил к опушке леса. Шестирукий не вскрикнул, даже не шевельнулся. Никто не пришел к нему на помощь. Этот непонятный глубокий сон был, видимо, самым слабым местом шестируких в их борьбе за существование. Вот почему они так спешили запрятаться по своим гнездам при закате солнца, вот почему жили на деревьях. Для пленников это было первое утешительное открытие: они могли быть спокойны — в продолжение ночи их не съедят.

Совсем стемнело. Можно было разговаривать, не опасаясь разбудить шестируких.

— Нож при тебе? — спросил Винклер.

— Да, но он мне не поможет, — ответил Ганс. — Так же как и ружье, которое валяется возле дерева. Если бы Стормер, и Уэллер, и Жак пришли к нам на помощь! Но они не найдут нас... Покричать разве на всякий случай...

— Жак! Жак! Стормер!..

— А!.. А!.. А!..

— Эхо отзывается.

— Нет, кажется, не эхо.

— Меня ругали, а сами дикарей со всего леса сзываете, — проворчал Пинч. — Ноги, руки затекли... Онемели... Так и есть, — продолжал он после паузы. — Смотрите, кто-то бежит через поляну.

Да, во мраке двигалась чья-то тень, по очертаниям похожая на человека...

— Эоиа Ееяие!

— Лопочет что-то вроде «Это я, не стреляйте», — сказал Пинч.

— Вы уж придумаете!

Человек быстро взбирался по стволу. Вот он схватился за сук, на котором

висел Ганс.

— Ну вот, теперь двуногие отнимут нас у шестируких! — сказал Пинч. — Из одной беды в другую. Вы хоть ногой толкните его, Ганс.

— Не могу.

— Эоа!

К Гансу придвинулось темное, обросшее волосами лицо. Совсем близко. Слышно, как дикарь тяжело дышит... Толстая, рассеченная нижняя губа... Когда дикарь пытается говорить, изо рта показывается конец распухшего языка.

Ганс таращит глаза, всматривается. В чертах лица венерианского дикаря что-то знакомое...

— Да это Блоттон! — вдруг громко вскрикнул Ганс.

— Да, да, это я, — пытается Блоттон выговорить членораздельно, но в его распряжении остались одни гласные.

Ганс, еще не веря себе, рассматривает неожиданного гостя. Тело Блоттона обмотано мочалой, листьями...

— Откуда вы? Что с вами? Почему вы не можете говорить? Блоттон, вы ли это?

— Потом, потом («Поом, поом», — выходит у Блоттона).

Немного привыкнув, Ганс начинает понимать его речь. Блоттон потом расскажет обо всем. Сейчас им надо скорее спастись. Где нож?.. Блоттон вынимает из ножен охотничий нож Ганса и начинает осторожно разрезать липкие одежды. Неужели пришло спасение, и так неожиданно?

Через несколько минут все пленники «вылупились из своих куколок», как сказала Амели, быстро спустились с дерева, подняли валявшиеся ружья и быстро побежали.

До наступления зари нужно было как можно дальше уйти от шестируких. А бежать ночью в лесу нелегко.

Если бы не Блоттон, путникам пришлось бы плохо. Он превратился в настоящего дикаря — с такой ловкостью умел он ориентироваться в лесу, обходить препятствия, находить тропы в заболоченной местности.

Блоттон одет в лесную одежду, и она защищает его от шипов и колючек, а у беглецов на теле лишь изорванное белье. Хорошо, что шестирукие не знают, что такое одежда. Если бы они сорвали ее и обмазали клеем тело, не убежать бы им из плена. Блоттон так и не смог оторвать ладонь от рукоятки ножа, на которой оказался слой клея.

Лес наконец кончился. Вот и залив виднеется. Заросли «мангровых». Только бы добраться до них... Пустились бежать по открытому месту.

Взошло солнце. Шестирукие, наверно, проснулись и обнаружили исчезновение пленников. Быть может, уже гонятся по следам...

— Скорей, скорей! — торопит Пинч.

И вдруг позади раздалось зловещее щелканье кастаньет и глухое «уррр... уррр...». Догоняют...

До корней надводных деревьев осталось несколько десятков шагов. Вот и они. Полезли по корням. Вероятно, земные обезьяны не могли бы двигаться быстрее. Вот они уже в середине Тихой гавани. Добежали до «мангровых» и шестирукие; отчаянно щелкая, понеслись они по корням с такой стремительностью, что всем стало ясно: успеть добраться до дому — значит спастись.

— Надо принимать бой, — говорит Ганс. — И главное — не допускать их

близко. Иначе они снова зафыркают, мы потеряем сознание и упадем в воду.

Затрещали выстрелы. Шестирукие начали падать, но уцелевшие продолжали упорно наступать. Вот они уже зашипели своими носами — «пульверизаторами». На счастье, пошел сильнейший ливень. Он сбил газовую волну. Выстрелы трещали, шестирукие падали, и все же они приближались. В «лагере» слышали выстрелы. На помощь бежали Уэллер, Стормер, Жак и Мэри. Огонь усилился. Шестирукие не выдержали и убежали.

— Как ни хороши «кокосовые» орехи, — сказал Ганс, — а нам придется отказаться от них и разрушить наш воздушный мост, чтобы предохранить себя от нападения шестируких.

Часть воздушных корней была разрублена, мост через Тихую гавань уничтожен.

Глава IX Рассказ одичавшего лорда

Когда Эллен увидела Блоттона, она громко вскрикнула. И трудно определить, чего было больше в ее крике — радости или ужаса.

— О Генри...

Одичавший лорд, не обращая внимания на Эллен и леди Хинтон, бросился к котелку со вчерашней рыбой, вынул ее руками и начал жадно пожирать, морщась и завывая.

— Неужели это вы, Генри?..

В ответ послышалось хриплое урчание. Леди Хинтон шептала молитвы...

Доктору Текеру пришлось немало повозиться с Блоттоном. Губы лорда страшно опухли и почернели. Нижняя была рассечена надвое и имела вид «заячьей губы». На опухшем языке — кровоточащая рана. Текер удивлялся, как обошлось без заражения крови. Только через несколько дней благодаря умелому лечению опухоль спала, раны затянулись и Блоттон смог внятно говорить.

И он рассказал о своих приключениях.

Гигантская летучая мышь — «если только это не была летучая тигрица» — схватила его когтями и подняла в воздух. Вот следы ее когтей на плечах и спине... Да, он испугался! Но недаром он был страстным охотником и охотился на диких зверей во всех частях света. В такие минуты нельзя теряться — это главное. «На лету она меня не съест. А пока летит, есть время обдумать положение». Он был все же тяжелой добычей, и птица скоро начала снижаться, отделившись от стаи.

— Мы видели это...

Черная лента птиц ушла за облака, спасаясь от непогоды. Птица с Блоттоном летела уцельем.

У Блоттона был нож. Но вынуть его из ножен было нелегко: когти птицы сжимали плечи и руки.

Ценою нестерпимой боли — при каждом движении когти все глубже вонзались в плечо и спину — Блоттон освободил правую руку, вынул нож и всадил его в брюхо птицы. Она неистово закричала, но не выпустила его из когтей. «И хорошо сделала, иначе я разбился бы. Я уже приготовился к тому, что, если птица начнет распускать когти, я сам схвачу ее за ногу».

Птица пыталась на лету клюнуть Блоттона, но, хотя у нее была длинная шея, она все же не могла достать его клювом. А кровоупускание делало свое де-

ло. Блоттон с ног до головы был облит кровью птицы. Глаза слипались, и это было хуже всего. Он закрыл их и вдруг почувствовал, как нога его ударилась о камень. Птица рухнула на каменистую площадку, накрывая своим телом Блоттона, забарахталась и откинула в сторону крыло, прикрывавшее Блоттона. Проливной дождь тотчас смыл кровь с его лица. Блоттон прозрел. Птица, теряя силы, распустила когти. Блоттон рванулся и, оставив в когтях порядочный кусок мяса с плеча, освободился. Один коготь при этом вонзился в губу и поранил язык. Блоттон не переставал наносить птице удары ножом. Она обезумела от боли и, забыв о добыче, взмахнула крыльями, тяжело перевалилась через скалу и там, вероятно, и подохла.

— Это самый интересный случай в моей охотничьей жизни, — сказал Блоттон.

— Да, но охотником-то были не вы, — вставил Стормер. — И что же было дальше?



— Я оказался лежащим в каменной ложбине, как в ванне, до краев переполненной горячей кровью. Я думал, что сварюсь живьем. Температура этой крови была, вероятно, градусов пятьдесят. Кругом валялись перья.

— Я видел это место! — воскликнул Ганс. — Мы искали, но не нашли вас.

— Я постарался скорее уползти в пещеру, — ответил Блоттон. — Надо сказать, что крылья у этого летучего разбойника словно кожаные, а хвост с оперением. Я хранил несколько перьев и кусочек кожи с крыла, но потерял их в своих скитаниях.

Блоттон отлежался под скалой. Он потерял много крови. Сознание мутилось, он соображал плохо. И вместо того чтобы идти вверх по каньону, к ракете, он побрел вниз, дошел до залива, свернул вправо и... заблудился в лесу.

Одежда его была изорвана в клочья. Между тем пробираться голым по лесу — небольшое удовольствие: иглы и колючки вонзались в тело. Надо было защищаться и от возможных укусов ядовитых насекомых, и он соорудил себе подобие одежды «из каких-то мочал, которые в обилии росли на дереве». Ходить в лесу было опасно. И Блоттон взобрался на дерево.

Питался он «кокосами», пил дождевую воду, наливавшуюся на листья, в



дупла, кроны деревьев. Дорогу к ракете он так и не смог найти. Кричал, но никто не отзывался.

— Мы также кричали вам, но вы не отзывались.

Каких чудовищ он встретил во время своих скитаний по лесам, каких опасностей избежал!..

Он видел леса такой необычайной высоты, что принял их сначала за высокие горы, поросшие лесом.

— Каждое дерево было высотой в несколько сот метров. Внизу росли травы высотой с наши деревья. Над травой — паутина лиан толщиной в корабельную мачту. Над травой поднимались белые шляпки грибов с купол собора. Весь лес напоминал гигантское спутанное мочало — до того он был густ. Этот лес был многоэтажен. В каждом ярусе своя растительность, свой животный мир. В средние ярусы не проникали ни дождь, ни солнце, ни даже свирепые венерианские ветры. Здесь было сумрачно и тихо, как на глубине морской. Только изредка слышался грохот, словно горный обвал, от падения старых, подгнивших исполинских деревьев. Даже птицы и животные «средних этажей» молчаливы. А в «верхних этажах» светлее, больше жизни и шума. В чашечках цветов было бы очень удобно спать, если бы не одуряющий, хотя и очень приятный запах. Листья на самых высоких деревьях так велики, что каждым листом можно было бы покрыть дом. Я нередко выходил на «крышу-площадку» этого зеленого небоскреба и разгуливал по листу, любясь окрестностями. Некоторые листья покрыты ворсинками в метр длиной и палец толщиной. И я ходил меж этих ворсинок, как среди степного ковыля.

— А животные, птицы, растения, насекомые? — спросил любопытный Пинч.

— Лес наполнен ими сверх всякой меры. Если бы я сам не видел, трудно поверить, что сила жизни может быть так велика. Да, Венера — молодая планета, неистощимо плодородная. Она так полна жизненными соками, что растения выбиваются из почвы, как нефтяные фонтаны из скважин. Рождение и смерть сменяют друг друга с необычайной быстротой. Я сам до сих пор удив-

ляюсь тому, что остался жив среди всех этих опасностей. Почва, травы, леса буквально кишат живыми существами. В полутьме среди вечного тумана копошатся гигантские насекомые, гады, беспрерывно пожирая друг друга. Челюсти работают без отдыха. Это какая-то мясорубка, конвейер жизни и смерти. В этом лесу приходится забыть о земных масштабах. Наши удавы-питоны не больше здешних ужей. Наши насекомые для Венеры поистине микроскопические существа... Однажды мне пришлось спастись от муравьев, каждый из которых был больше меня. В другой раз я выдержал настоящий бой с мухами. И, право же, мне легче было бы справиться с самым крупным земным орлом. На таракане я мог бы ездить верхом, как на гигантской земной черепахе. А птицы! Если бы вы видели бой птиц! Это похоже на борьбу двух аэропланов-истребителей.

Встретил я и своих старых знакомых — «летучих мышей». Они живут на вершинах деревьев, занимая тысячи гектаров лесной площади.

Невозможно рассказать обо всем, что я видел, и все же я видел только уголок Венеры, — сказал Блоттон.

— А каких зверей вы считаете самыми опасными? — спросил Ганс.

— Шестируких, — ответил Блоттон. — Я довольно хорошо изучил их жизнь, и мне приходит в голову, что это уже не животные. Это «люди» Венеры. По крайней мере высшие по своему развитию существа на планете. И если они погибнут в борьбе за существование, то только потому, что обладают непонятным, необычайно крепким сном. Но, быть может, они уничтожат в процессе эволюции и этот природный недостаток.

— Нас этот недостаток, во всяком случае, спас.

Окончив свой рассказ, Блоттон вылез из шалаша, сел на стул и спустил ноги. Эллен, похожая на пепельную обезьяну, осторожно переползая по корням деревьев, приблизилась к нему и, поборов свою гордость и застенчивость, сказала:

— О Генри! Я так страдала, так беспокоилась за вас, так ждала...

Он равнодушнее обычного посмотрел на нее и ответил:

— И напрасно! То, что хорошо для Земли, плохо для Венеры. И обратно, Эллен. И обратно. — И он сухо засмеялся.

Маленькая бледнолицая пепельная обезьяна не поняла смысла, но хорошо поняла тон, каким это было сказано. И она едва не упала в Тихую гавань, кишущую венерианскими крокодилами и «амебами».

А бывший жених со звериной ловкостью, приобретенной в лесах, помчался по воздушным корням на берег, где Мэри полоскала в водоеме белье, грубо оттолкнул Стормера и с улыбкой на изуродованных губах подошел к Мэри.

Глава X

Осенние думы

— **О**сень и на Земле нерадостна, а на Венере она ужасна. Живешь, как под душем. Брр! На один день двадцать перемен. Знойный ветер сменяется ледяным, теплый дождь — градом, безветрие — ураганом, и туманы, бесконечные туманы, — говорил Блоттон, сидя у пещеры.

— На Земле есть где укрыться от осени. Ницца, Алжир, — вздохнула Делькоро.

— На Земле есть деньги, а за деньги можно иметь постоянную весну.

— И на Венере сейчас есть весна, только не добрать до нее: железные до-

роги еще не проложены и курорты не построены, — насмешливо ответил Блоттон. — Да, пора нам подумать о зиме.

К огорчению Стормера, лорд Генри без всяких выборов и плебисцитов взял на себя роль короля, вождя и диктатора «пассажиров». После своих лесных приключений одичавший лорд очень изменился. В нем появились грубость, злая настойчивость. Он не терпел противоречий и скоро прибрал к рукам всех «пассажиров», не исключая и Стормера. Стормер, правда, сдался не сразу. Но после того как Блоттон угостил его боксом, Стормер признал себя побежденным и утих.

«Пассажиры» перебирались в пещеры, где было теплее. «Плебсы» еще жили на деревьях, в шалашах, заканчивая полевые работы.

— Пора нам подумать о зиме, подумать о будущем. Перед нами три возможности. Первая — перезимовать в ракете...

— Это было бы лучше всего, — сказала леди Хинтон, вспомнив об уютной каюте, о своем «земном» кресле.

— Если позволит товарищ Фингер, — криво улыбаясь, заметил Стормер.

— Мы не будем его и спрашивать, — небрежно ответил Блоттон.

— Да, но мы ничего не припасли на зиму. А то, что собрали они...

— На всех хватит... Вторая возможность — перезимовать в пещере.

— Это уже хуже.

— Топлива хватит — тепло будет. «Кокосовые орехи» нашлись и на полуострове. Рыба, зерно, овощи...

— Если их даст товарищ Фингер.

— Мистер Стормер! Я принужден буду легонько ударить вас вот этим камнем по голове, если вы будете мешать мне говорить. Итак, второй проект — перезимовать в пещере. Проект третий — «идти за летом».

— Подвергая себя всем случайностям... Гм... Молчу.

— Да, подвергая себя тысяче смертельных опасностей. Это, конечно, крайняя, рискованная мера. Ракета удобней всего. Пусть этот Ганс и его товарищи, как муравьи, таскают зерно в ракету, «кокосовые орехи», рыбу, овощи. Когда Ганс будет в отлучке, мы просто войдем в ракету и завладеем ею.

— Без большой драки не обойдется, — сказал Стормер. — Да, без драки, и без большой драки, не обойтись. И чем она раньше произойдет, тем лучше. Это надо скорей кончать. Двоевластие недопустимо. Или мы, или они...

— Зачем же вы спасли Ганса и Винклера от шестируких?

— Кроме Ганса и Винклера там были и другие. А без Ганса и Винклера и другие могли бы погибнуть от шестируких. Теперь же мосты разрушены, шестирукие не переберутся через залив. Мы обеспечены всем и вполне можно обойтись без «плебсов». Если «плебсы» не хотят служить нам, они должны быть уничтожены.

— Убить всех «плебсов»? Кого именно?

— Ганса Фингера и Винклера.

— А Жак, Мэри, Цандер, наконец?

— Нам надо думать не только о зиме, но и о более отдаленном будущем. Без Ганса и Винклера остальные нам не страшны. Цандер полезен своими знаниями. Вот, например, одежда. Мы обносились. Придется наладить ткацкое производство...

— Только без машин! — вскрикнул Шнирер.

— Жака мы обратим в рабство...

— А Мэри? — спросил Стормер.

— Мэри будет моей женой, — спокойно ответил лорд Блоттон.

Эллен издала мышинный писк. Леди Хинтон покачнулась и шумно вздохнула. Пинч двусмысленно хихикнул, Блоттон так глянул на него, что тот съжился и отполз в глубь пещеры.

— Пора же вам наконец расстаться с земными предрассудками. Весьма вероятно, что нам придется прожить на Венере всю жизнь. Борьба с природой здесь исключительно трудна. Нам нужно не уменьшать — о вредных элементах вроде Ганса я не говорю, — а увеличивать наши силы. У нас должны быть жены и дети. Здоровые, жизнеспособные. Нельзя портить породы физически неравными браками. Я женюсь на Мэри. Мистеру Уэллеру — епископа ведь больше нет, — кажется, нравится мадемуазель Делькро. Вы, Стормер, тоже еще крепкий мужчина. Вам подойдет Амели.

— Но... — крикнул Пинч и поперхнулся.

— Я не собираюсь замуж, — сказала Амели.

— На Венере это не наше личное дело, а общественная обязанность. Мистер Пинч, пожалуй, может жениться на Эллен, хотя сомневаюсь, чтобы от этой пары были крепкие дети. Ну, а вы, барон, если хотите, можете взять себе в жены леди Хинтон. — Блоттон трескуче рассмеялся.

Все молчали, ошеломленные. Один Уэллер, по-видимому, был доволен своей судьбой и, сдерживая улыбку, поглядывал на свою «нареченную».

Град прошел. Сильный ветер унес туман. Проглянувшее солнце грело совсем по-летнему. Видно было, как на полуострове, у складов зерна, копошатся Ганс, Винклер, Мэри, Жак и семья Текер, связавшая свою судьбу с «плеб-сами». Зерно высыпали в мешки, которые наваливали на спину и относили в «ковчег».

— Эти люди созданы для труда, — с усмешкой сказал Блоттон.

— И Текеры с ними!

— Из-за ребенка, может быть, — вступилась Хинтон: доктор продолжал навещать ее.

— Смотрите! Смотрите! Шествие осени! — воскликнула Амели.

Все небо покрылось стаями перелетных птиц. По ту сторону залива, возле леса, двигались стада кочевых животных самых необычайных видов. Они двигались с поразительной быстротой. Климатические особенности Венеры создали этих «сезонных скороходов».

— Какие странные существа! — продолжала Амели. — Издали можно подумать, что идут одни гигантские ноги. Или человек на ходулях. Две ноги. Толстые, огромные. Через двухэтажный дом перешагнет. Туловище короткое, голова совсем маленькая, впереди болтаются маленькие придатки — «руконоги»...

А вон полуверблюд-полуслон. Какие огромные пузыри на боках! Вероятно, в них хранится вода или запас жира для каждого путешествия. Какая быстрота! Ног почти не видно. На рысак не догнать. Катятся гигантские колеса-змеи, стометровыми шагами меряют землю синие «землемеры», длинными курьерскими поездами мчатся стоножки.

Полуживотное-полуптица на высоких жердях-ногах бежит, почти летит, помогая себе «аэроплантными» крыльями. Ее обгоняет четвероногая кавалерия

животных с коротким мясистым хвостом, головой тапира и трехпалыми руками, быть может родоначальники венерианских лошадей... Всех обгоняют черные «узлы» — на расстоянии невозможно разобрать, что это за животные. Они скачут, как блохи.

Но каждый их прыжок — сотни метров. У Блоттона глаза разгорелись. Какая быстрота! На одной «сколопендре» могли бы уместиться все пассажиры... Увы, нет таких лассо, нет таких крепких рук, чтобы удержать эти живые машины в сотни лошадиных сил...

— Осенний карнавал зверей, — говорит Делькро. — В Париже это произвело бы фурор.

Созерцание «карнавала» было прервано взрывом оглушительной силы. Скалы дрогнули, посыпались камни, на площадке перед пещерами побежали трещины. С гулом, сумасшедшим грохотом, шумом к небу вырвался огненный столб. Огненные реки потекли к Тихой гавани. Ганс и его товарищи побежали, побросав мешки, к пещерам. От колебания почвы водяной вал может залить весь полуостров. Извержение длилось несколько часов. Если бы не сильный ветер, как и в прежние землетрясения, можно было бы задохнуться от серных паров. Всю ночь дрожала почва. Гул вулкана заглушал и громовые удары и рев прибоя. К утру лава начала застывать, хотя от нее еще несло жаром. Ганс и его товарищи, накрыв головы шапками из мха, побежали к зернохранилищам. Через час приморозило. Лава застыла. Тихой гавани не существовало. Деревья были сожжены потоками лавы. Теперь шестирукие легко могли перебраться на «плантации». Но лес был пустынен и безмолвен. Куда-то исчезли во время извержения вулкана и стаи птиц, и кочевые животные, и шестирукие. Жизнь в этой части планеты замирала.

Приближалась зима...

Глава XI «Говорит Земля!»

У Цандера вошло в привычку: каждое утро после завтрака пытаться наладить радиосвязь с Землей. Он методично, по плану пробовал всевозможные комбинации на длинных, коротких, ультракоротких волнах — и все напрасно. Эфир безмолвствовал. Цандер без конца говорил и даже сердито кричал в микрофон. «Алло! Алло! Говорит Венера. Говорит Цандер». Ответа не было.

Иногда в радиоприемнике трещало, шумело. Цандер даже среди ночи срывался с кровати и бежал к аппарату. Но дальше треска дело не шло. Скорее всего это были разряды насыщенной электричеством атмосферы Венеры.

Уже второй час Цандер корпел над приемником и, наконец, раздосадованный, поднялся. Безнадежно.

Но вот послышался треск, хрипенье, и раздался отчетливый скрежещущий звук, похожий на «алло». Цандер дрогнул, словно от удара электрическим током. Плотнее прильнул к приемнику. Дрожащими руками, осторожно, чтобы не потерять прием, начал настраиваться.

— Алло! Алло! Говорит Марс. Цандер, отвечайте! Говорит Марс! Вы слышите? Цандер! Алло!

— Алло! — дико крикнул Цандер в микрофон и не узнал своего голоса. — Да, да, да! Я слышу. Кто говорит?

С самого момента отлета с Земли он не испытывал такого волнения.

— Почему «Марс»? Это название радиостанции?

— Да нет, настоящий Марс. Планета, — отвечал басок. — Говорит марсианин Крукс.

У Цандера холодный пот выступил на лбу. Галлюцинация, безумие или же мистификация?..

— Говорите серьезно! — крикнул Цандер.

Неведомый собеседник был, видимо, веселый человек.

В его голосе слышались смеющиеся нотки.

— Марсианин Крукс, кроме шуток. Капитан звездолета...

— Чей звездолет?..

— Чей он может быть? Конечно, не из Стормер-сити. Как вы отстали от событий, Цандер! — Короткий смешок. — Очень рад, что вы живы и здоровы. Мы уже отчаялись найти вас...

— Кто вы? Марсиане?..

Снова смех.

— Люди Земли, товарищ Цандер. Три часа тому назад я высадился на Марсе. А если я сейчас на Марсе, то, значит, я марсианин, так же как вы венерианец. Вы, конечно, с Венеры говорите? Мы так и предполагали. Марс, значит, можно не обыскивать. Я, Крукс, стою во главе отряда экспедиции, которой Земля поручила разыскать вас в пределах Солнечной системы, а если потребуется, то и вне ее.

Цандер от напряжения покрылся потом.

Его сердце так стучало, что мешало слушать. Цандер боялся, что связь может прерваться прежде, чем он узнает все необходимое. А этот Крукс говорит так спокойно и весело.

— Ваш звездолет, Цандер, в порядке? Не разбились при посадке? Не беда, если и разбились. Можем прилететь за вами.

— Послушайте! — крикнул Цандер и замолчал: дух перехватило. Ему надо было спросить о стольких вещах, рассказать так много, что он не знал, с чего начать. — Только бы связь не разладилась! — высказал он вслух свою мысль.

— Не бойтесь, теперь не разладится, — со смехом отвечал веселый собеседник.

— Но почему же Земля так долго молчала? Связь прервалась еще в полете.

— В полете связь прервалась потому, что на Земле не до этого было. Станция ваша в Стормер-сити была разрушена, Пуччи погиб. На Земле такие бури пронеслись, каких вы и на Венере не видали. Обо всем этом еще узнаете. Когда все это улеглось, вспомнили и о вас, о товарищах Фингере, Винклере. Надеюсь, они здоровы?..

— Да, да.

— Ваши сигналы и ваш голос мы давно слышали.

— И не отвечали?

— И не отвечали. Вернее сказать, мы отвечали, а вы нас не слышали.

— Почему?

— Неужто не догадываетесь? Вспомните, сколько труда стоило Пуччи пробить радиолучом слой Хивисайда. «Прострелить» лучом этот слой Пуччи удалось, и вы слышали радиопередачи в полете. Но когда вы забрались на Венеру — кончено. На Венере, должно быть, не один, а десяток слоев Хивисайда. Атмосфера Венеры плотна и сильно ионизирована. И какими мы только «ра-

диоядрами» ни стреляли, мы не могли прошибить атмосферную оболочку Венеры. Наши радиоволны, очевидно, отражались от ее поверхности.

— Ну и как же вы разрешили задачу?

— Еще недавно эта задача казалась нам почти неразрешимой. Однако группа наших молодых ученых справилась с нею. Это было перед самым моим отлетом. В полете, до Марса, я не имел возможности испытать новое изобретение и, только прилетев, как видите, тотчас «обновил» радиостанцию. Хорошо слышно?

— Идеально. Если немного трещит, то в этом виноваты, видимо, уж мой старенький радиоприемник и атмосфера Венеры. А вы как слышите меня?

— С треском. Да, устарела ваша радиотехника, Цандер!

— Каков у вас звездолет? Каков двигатель? Скорость?

— Все узнаете. И сами на нем полетаете. Посмотреть же, если хотите, и сейчас можете. Жаль, телевизорный приемник у вас тоже устарел. Но как-нибудь разберете. Смотрите. Дам с подсветкой, солнышко на Марсе тускло светит.

Цандер увидел освещенного прожектором человека в плотно облегающей блестящей одежде, в кислородной маске. Человек сидел возле маленького складного столика на походном стуле. Позади человека виднелся большой звездолет, по форме напоминавший сома. Полоса света освещала красноватую песчаную пустыню, вдали темные купы низкорослых растений у воды.

От маски Крукса шли провода к ящику с рамочной антенной, стоящему на песке.

По-видимому, у Крукса под маской был микрофон.

— Похож я на марсианина? — спросил Крукс. Из звездолета вышли двое, попали в луч прожектора и сверкнули одеждой, как рыбы на солнце.

Изображение погасло. Крукс продолжал:

— Вам надо поговорить с начальником экспедиции Голубем. Это самый главный наш начальник. Он сейчас находится на стратосферной станции. Я сообщу ему. А с вами еще поговорим и, надеюсь, скоро познакомимся лично. Привет вашим товарищам!

Радиоприемник замолчал. Цандер смотрел на него почти с ужасом: вдруг он не оживет?..

— Алло, Цандер! Говорит Голубь! Привет! Рад вас слышать. Решайте с Гансом и Винклером, вернетесь ли вы на Землю в своем звездолете, или же приехать за вами Крукса. Он находится на Марсе. Земля вас ждет.

— А что делается на Земле?

— Прилетите — увидите! Организован Мировой союз республик.

— Где вы находитесь сейчас?

— Я на маленькой искусственной луне — новом спутнике Земли, который мы соорудили. На нем производим исследования космических лучей, занимаемся астрономией. Отсюда же стартуют звездолеты... Я жду от вас ответа, Цандер.

Радиоприемник снова умолк. Цандер тяжело дышал и едва поднялся. Новости ошеломили его.

Не ожидая прихода Ганса, Цандер бросился к двери и, забыв даже закрыть ее за собой, без шляпы побежал вниз по каменистому пути ущелья, не обращая внимания на хлеставший дождь и град.

Цандер был уже возле пещер. В пелене дождя он налетел на что-то мягкое,

темное. Послышалось недовольное: «кво». Отскочил, огляделся и едва не рассмеялся, несмотря на все свое возбуждение.

Навстречу ему шла курьезная процессия черных «капуцинов». Позади гордо шествовал Ганс. К спине каждого «капуцина» был привязан мешок. Это Ганс, чтобы облегчить и ускорить переноску запасов пищи в ракету, приспособил ручных, кротких и послушных птиц — «пингвинов». Цандер крикнул Гансу: «Земля говорит!» Ветер отнес голос в сторону. Блоттону, выглянувшему из пещеры, показалось, что Цандер крикнул: «Земля горит!» Что бы это значило?..

— Земля говорит! — уже отчетливо прокричал Цандер. Ганс в волнении подбежал к нему. Цандер, задыхаясь, кратко рассказал о своих переговорах с Круксом и Голубем. Блоттон подслушивал.

Ганс сорвался с места и побежал в гору с такой быстротой, словно за ним гнались все звери Венеры. Уставший Цандер не поспевал за ним. «Пингвины», оставленные «пастухом», топтались на месте и недоуменно квокали. Подоспел Винклер.

— Гоп-гоп! — погнал он пернатых носильщиков дальше.

А Ганс, прыгая через лужи, спотыкаясь и падая, бежал и бежал, чувствуя, что сердце у него вот-вот лопнет в груди. В ракете он упал почти без чувств, полежал, очнулся и бросился к радиоприемнику.

Он говорил с Марсом, с внеземной станцией, с Землей!..

Какие изумительные новости! Какие грандиозные работы, какая великая переделка Земли!.. На экране телевизора перед ним мелькали картины, от которых захватывало дух... Серебристыми плотами стояли готовые к полету ракеты — торпеды, штурмующие небо. Над Землей носилась маленькая искусственная луна, где велись научные работы.

Океаны бороздили плавучие города на гигантских катках, вмещавшие в себя многие тысячи пассажиров. Плавучие фабрики и заводы, различные производства, исходное сырье для которых дает море.

На теневой стороне Земли, там, где была ночь, сверкали огненные ленты — пути земных стратопланов...

Пробивая ледяные горы, подобно венерианским раскаленным «утюгам», быстро шли караваны «ледоплавов» вдоль северного побережья Евразии...

С высоты искусственной луны полярная и заполярная Сибирь сверкала огнями бесчисленного количества электрических солнц — прожекторов, фабрик, заводов... Тайга, тундра горели, как небо в звездную ночь...

Прямые поезда неслись из Европы в Америку через Берингову плотину...

Многомиллионные армии рабочих, вооруженные сложными машинами, наступали на льды Гренландии, на тропические джунгли Африки, улучшая климат, завоеывая новые площади для населения...

Взрывая и ломая льды Антарктики, люди добывали из-под земли несметные сокровища южнополярного клада...

Гигантские «виадуки» на трехсотметровых фермах еще неведомого Гансу назначения тянулись на тысячи километров...

В Атласских горах, на Памире, в Кордильерах высились трубы «искусственных циклонов» для использования даровой энергии ветра...

Искусственные острова-аэропорты были разбросаны по Атлантическому и Тихому океанам...

Многие горы — в Хибиных, на Урале — словно стаяли наполовину, иные исчезли совсем, на равнинах выросли искусственные горы и заграждения высотой с большую гору для защиты полей и садов от ветров. Реки с исправленными руслами и новые каналы покрыли Землю серебристой сетью прямых линий...

Обновленная Земля, и на ней иное человечество — бодрое, жизнерадостное, свободное.

«Когда же они успели это сделать? — в недоумении думал Ганс. — Или в самом деле на Земле время ушло вперед? Или, быть может, здесь сказался „социальный закон относительности времени“, когда неистощимые запасы человеческой энергии развязываются от оков войны и классовой борьбы?..»

...Конечно, он полетит в обратный путь на своей ракете. Он сам будет управлять ею. Он выдержит экзамен на капитана межзвездного плавания. Кто полетит обратно? Цандер, Фингер, Винклер, Мэри, Жак, Текер с семьей... Пожалуй, Шнирер с дочерью. Пусть посмотрит философ, что можно сделать с машинами, когда они не служат во вред. Остальные — хлам, не нужный Земле. Они хотели обрести новую Землю, пусть и живут на Венере, если смогут.

— Итак, до скорого свидания!

Ганс с пылающей головой выбежал из пещеры. К звездолету подходил Винклер со своими «капуцинами». Ганс бросился к Винклеру, как безумный сдал его в своих объятиях. Радость его была слишком велика. И он со смехом начал обнимать «пингвинов». Птицы только недоуменно квокали, они ничего не понимали в мировой политике.

— Сумасшедший! — проговорил полузадушенный Винклер. — Чего ты взбесился?..

Ганс прижал руки к груди, потом протянул их к небу и воскликнул:

— Земля! Новая Земля...

Глава XII На Родину!

Дымит, потрескивает нефтяная коптилка, выдолбленная в скале. Фитиль — Дразмочаленное волокно. Красноватое, трепещущее пламя освещает трех людей, сидящих на матрацах из мха. Бледное, изможденное лицо с мешками под глазами и седой бородой. Квадратное, крепкое лицо рыжебородого. И рядом загорелое, продолговатое, породистое лицо с взлохмаченными волосами до плеч, черными усами, бородой. Грязные рубища на теле. Дикари? Бандиты? Пустынники?..

Это король французской биржи барон Маршаль де Терлонж.

Это фабрикант, заводчик, землевладелец, коммерсант Стормер, «державший пол-Европы в жилетном кармане».

Это питомец Итонского университета лорд сэр Генри Блоттон, лондонский лев, член аристократического клуба, фланер Пиккадилли, чемпион спорта, божок невест...

Из соседней пещеры, женского отделения, доносится тяжелый храп леди Хинтон.

Брезгливо кривя лицо и отплевываясь, Блоттон курит сигару-самокрутку «венерианского табака».

— Положение изменилось, — тихо, как заговорщик, говорит он. — Нам приходится решать вопрос: оставаться ли на Венере или же вернуться на Землю?..

— Хь... хь... хь... Если нас фвосьзмут...

— Сейчас этот вопрос мы должны решить для себя, а там посмотрим, кто полетит. На Земле, увы, все изменилось. Там ожидает нас невеселая судьба...

Стормер при свете огня перебирает драгоценные камни.

— Может быть, это не утратило там ценность?

— Если бы даже и не утратило, у вас это просто отберут.

— Разумеется.

— Но убьют ли нас там или оставят в живых? Вот вопрос. Я думаю, что не убьют. Нас изолируют, но жизнь нам оставят. Если же нам оставят жизнь, то, какова бы она ни была, хуже, чем здесь, не будет.

— Итгак, фвы за возвращение?

— Да, я за возвращение.

Блоттон ранее обдумал все. Ему приходится опасаться менее других. О замыслах убить Ганса и Винклера «они» не знают. Не он ли, Блоттон, спас Ганса и Винклера от шестируких? У него есть даже заслуги. А на Земле он был безобидным, легкомысленным спортсменом, не интересовавшимся политикой, по крайней мере пока политика не задевала его интересов. У Стормера положение было сложное.

— Кого не убьют, а кого, быть может, и убьют, — возразил он.

Стормер представил себе их прилет на Землю. Возвращение первой ракеты из межпланетного путешествия возбудит, конечно, сенсацию. Киносъемки, паломничество к звездолету любопытных толп, передача по телевизору, иллюстрации в журналах... Вопросы: кто, откуда, что за люди?.. Стормера могут узнать...

Стормер даже вздрогнул и потрянул головой:

— Я не лечу. Хорошо вам, Блоттон. Вы не имели дела с рабочими. Да и барон тоже. Он витал в высших банковских сферах, и его не знают. А мое лицо заметили. Хорошо заметили, я полагаю. Нет, уж лучше я здесь с шестирукими буду иметь дело.

— Ваше слово, барон.

Маршалль захмыкал. Да, его не знают. Но роль-то банковского капитала отлично известна... Для барона Венера также казалась безопаснее Земли, если бы...

— Не было шестируких? — спросил Блоттон.

— Если бы люди никогда не прилетели сюда. Но они прилетят...

— А Ганс еще успеет насплетничать, — вставил Стормер. — Выходит, что ни там, ни тут нет от них спасения.

Не то подслушав разговор, не то во сне бывший епископ вдруг забормотал псалом о гневе божием, от которого не скрыться ни под землей, ни в пучине морской, ни на вершине горы.

— Последняя ночь осужденного, — пробормотал Уэллер. Воцарилось молчание.

— Венера, положим, велика, — продолжал Блоттон. — Пройдет немало лет, пока они овладеют ею. Уйти в дебри?..

— И попасть в лапы шестируких? — буркнул Стормер. — Уж поистине, дыр много, а выскочить некуда... На Земле, может быть, как-нибудь и вывернулись бы, если бы не эти проклятые Ганс и Винклер...

— Тсс!

Блеснул свет электрического фонаря.

Перед пещерой стояли вооруженные Ганс, Винклер, Жак и Мэри.

— Разбудите Текеров и Шнирера, — сказал Ганс.

— Что это за срочность такая ночью? — дрогнувшим голосом спросил Блоттон. Он не ожидал столь решительных действий.

— Я разбуду, товарищ Ганс. Я сейчас разбуду, — засуетился Пинч.

Он только прикидывался спящим и услужливо бросился выполнять приказание, разбудив, однако, как будто случайно, всех. Поднялся переполох.

Блоттон уже овладел собой. Он с внешним спокойствием поднялся, поглядывая в угол пещеры, где лежало ружье.

— Сядьте на место, Блоттон! — сказал Ганс. И он многозначительно поиграл ручной гранатой. Блоттон скрипнул зубами и уселся на место.

Семья доктора, Шнирер, Амели, недоумевающие, испуганные, быстро оделись и вышли из пещеры.

— Идите за нами!

Огонек электрического фонаря запрыгал по каменистой почве. Послышались удаляющиеся шаги.

Пинч выскользнул из пещеры и исчез во мраке.

— Ппервая партия на расстрел... — сдавленным голосом произнес Уэллер, заикаясь, как барон.

— Мученики... Боже! В руки твои предаю дух мой! — простонала леди Хинтон. — Их расстреляют, за нами придут...

И, как бы в подтверждение ее слов, раздался выстрел. Женщины истерически вскрикнули. В наступившей паузе послышалось шуршание камней под чьими-то ногами. Вбежал бледный, взбешенный Пинч.

— Мерзавец! Он хотел подстрелить меня в темноте, но не попал. Кто? Конечно, Ганс. Наверно, он. Я крался позади. Хотел узнать, в чем дело, и подслушивал... И я услышал, Ганс говорил уведенным: «Не бойтесь. Я веду вас в ракету, и мы немедленно летим на Землю». — «А остальные?» — спросил Шнирер. «Остальные останутся на Венере». Шнирер начал кричать, что он тоже останется, «как последний часовой при разрушении Помпеи». Цивилизация погибла, он не хочет возвращаться на Землю, где царят машины... Амели начала уговаривать отца, и Шнирер, кажется, согласился лететь. Тут что-то заговорил Ганс. Я хотел подойти поближе, чтобы лучше расслышать, задел ногой камни, они зашумели. «Кто идет? — крикнул Ганс. — Стрелять буду!» И тотчас выстрелил. Я этого так не оставлю. Мы с ним еще посчитаемся.

Блоттон вдруг вскочил, быстро, резко, решительно. Он казался обезумевшим.

— Смерть здесь, смерть там, смерть всюду! Животные, загнанные в яму-западню... Обреченные! Да! Мы погибнем, но пусть погибнут и они! — И он бросился к оружию.

— Вы опоздали, лорд, — мрачно сказал Стормер. — Они уже далеко и раньше нас войдут в ракету. А вашей пулей оболочку «ковчега» не прошибешь. Звездолет готов к отлету. И они улетят, улетят... О изверги! Они отняли у нас все и теперь отнимают жизнь...

Барон трясся, как припадочный. Он уже давно пытался что-то сказать. Но чем больше он волновался, тем труднее ему было говорить. И теперь он только хрипел, трясая головой.

Нетерпеливый Пинч схватил его под мышки и сильно встряхнул, словно желая вытрясти застрявшие, как кость в горле, слова. И это как будто помогло. Барон выпалил одним выдохом:

— Ссабить ккхамнями ттюзы!

— Великолепно! Прекрасная мысль! — одобрил Блоттон. — Произойдет взрыв, и от них ничего не останется. Несчастливая случайность. Но надо спешить. Стормер! Уэллер! Пинч!.. Барона не зову. Ему не поспеть за нами. Идем!

Ветер валил с ног, рвал одежду. Ледяной ливень со снегом хлестал по лицу, груди, рукам. Ревели вздувшиеся горные потоки. Зловеще вспыхивали багровые факелы вулканов. Дрожала почва. Камни срывались с гор и с гулким цоканьем прыгали по скалам. Они бежали, падали, разбивали в кровь колени, руки, но не чувствовали боли, поднимались и снова бежали... Только бы не опоздать!

На вершине горы уже виднелась ракета. Носовая ее часть на треть корпуса выдавалась над гладким, как стена, обрывом.

Отличная площадка для старта. А все же подняться будет нелегко. Здесь нет рельсовой разгонной площадки Стормер-сити. Нет буксирующих ракет. Гансу — ведь он собирался вести ракету — придется сразу взять гораздо большую скорость, чем при отлете с Земли. Быть может, все они будут убиты в своих амортизаторах при первом же толчке... Быть может, ракета под влиянием тяжести пойдет по кривой вниз и врежется в вершину горы, разобьется вдребезги... Но забить дюзы камнями верней... И эффективней... Так думали заговорщики, подбегая к ракете.

Все иллюминаторы звездолета ярко горят. Во тьме ночи он кажется пароходом, чудом заброшенным на вершину горы.

«Да, теперь наша ракета, как никогда, напоминает Ноев ковчег, стоящий на вершине Арарата после всемирного потопа, — думает Уэллер привычными библейскими образами. — Увы, всемирный потоп на Земле окончен, но спаслись от него не праведники, а нечестивцы...»



Задыхаясь, «праведники» брали последний подъем. Миновали уже то место, где Блоттон был похищен птицей.

Иллюминаторы один за другим начали гаснуть. Приготовляются к полету. Закрывают ставни. Наверное, ложатся в амортизационные ящики... Не опоздать бы...

— Скорей! Скорей! — торопит Стормер, толкая Пинча в спину.

— Не могу... сердце... — задыхаясь, отвечает Пинч. Он уже сообразил, что закрытие иллюминаторов указывает на скорый отлет. Забивать дюзы становится рискованным. Вдруг в этот самый момент грянет взрыв?.. И Пинч решил прикинуться больным. Он ловит воздух широко открытым ртом, шатает-

ся, прижимает руки к груди...

— Не могу идти... Ох! Я, кажется, ногу сломал... И сердце...

Блоттон нагнулся, ощупал ногу Пинча.

— Врешь! — вынул револьвер. — Пристрелю на месте, если не встанешь!

Пинч завыл, поднялся и заковылял дальше.

Вот и задняя дюза... Черный страшный раструб...

— Собирайте камни! Скорей! — командует Блоттон.

Ослепительный свет, грохот, воздушный вихрь...

Оглушенные, ослепленные, заговорщики разлетаются в разные стороны и падают далеко на скалы...

Мгновение огонь безумствует на горной площадке, как солнечный протуберанец, взметая огромные камни, превращая в пар студеную воду. Ракета дрогнула, заскрежетала стальным чревом по каменному ложу, сорвалась и полетела, оставляя за собой огненный хвост. Скоро хвост оборвался, ракета ушла за густые облака. Они еще светились некоторое время, но скоро померк и их свет.

* * *

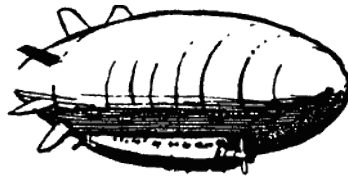
Ганс сидел у капитанского пульта, следил за инструментами и пел — он не мог не петь от радости. В окно иллюминатора было видно аспидно-черное небо и на нем большие, разноцветные звезды. Марс краснел далеко в глубине неба.

Крукс на своем звездолете уже снялся с Марса и сейчас летит где-то в необъятном пространстве Вселенной, направляясь к Земле. Не найти огненного следа его ракеты, велики просторы космоса. Но Крукс и Ганс ведут дружеские беседы. Говорит с Гансом и Голубь с надземной станции, говорят и товарищи с Земли. Вот и она светится в необозримой дали со своим верным спутником — Луной. Ракета с безумной скоростью отбрасывает назад пространство. А кажется, будто стоит на месте. Ганс нетерпеливо торопит рычагами свой звездолет.

— Да ну же, лети скорей! Нас ждут товарищи, наша родина, наша голубая звезда — лучшая среди звезд. Наша планета. Наш мир...

Ганс поет — он не может не петь от радости.

Воздушный корабль (роман)



— Махтум! Ханмурадов! Ты чего тут лежишь? Мы тебя давно ищем! — Буся Шкляр раздвинул ветви можжевельника-арчи и свирепо смотрел на Ханмурадова сквозь стекла больших очков. Острый нос Буси покрылся потом, белая рубашка взмокла, хотя было еще только восемь часов утра.

Махтум Ханмурадов лежал в траве. Золотое шитье на его тюбетейке сверкало. Поддерживая голову бронзовыми мускулистыми руками, Ханмурадов сосредоточенно смотрел на лист репейника.

— Не мешай!.. Сейчас он полетит!

— Кто полетит?

— Восьминогий аэронавигатор. Вот, смотри, уже отдает концы!

— Как только ты можешь лежать на таком солнцепеке? Не человек, а туркестанская ящерица! — Буся подошел к Ханмурадову и нагнулся над репейником.

— Видишь?

Буся прищурил близорукие глаза. На конце листа возле иголки сидел паучок и хлопотливо перебирал ножками, выпуская по ветру длинную паутину.

— Не испугай его! — предупредил Ханмурадов. — Увидит — сбежит. У пауков четыре пары глаз — две во лбу и две пары на затылке. Кругозор чуть ли не в триста шестьдесят градусов. Всем бы летчикам такие глаза!.. Отдал концы! Полетел! Ловко он управляет! То выпустит паутину побольше, то укоротит, захочет остановиться — сматывает паутину и приземлится. Он и продовольствие с собой берет: консервы, мошек сушеных. Они же, наверно, и запасным балластом для него служат.

— Ну вот, теперь еще и Буся пропал! — слышался из арчовых зарослей новый голос. — Шкляр! Ханмурадов!

— Хо-хо! Мы здесь! — тонким голосом ответил Буся и подхватил под руку Ханмурадова. — Идем скорей, Сузи зовет.

Ханмурадов быстро и легко поднялся, расправил руки, словно собираясь лететь, и посмотрел на синеющие горы. В горах он провел детство. Махтум ложился в траву, закладывая руки за голову, и смотрел на парящих орлов... Иногда в небе пролетали большие серебряные птицы — аэропланы.

После такого дня, проведенного в горах, Махтуму снились полеты, свободные полеты, без машины, без крыльев. Надо лишь поднять руки вот так, как он поднял их сейчас, и лети — над Нарыном, Сыр-Дарьей, Ташкентом, над горами, Иссык-Кулем, Балхашем... Дальше в своих детских грезах Ханмурадов не залетал. Но орлы и стальные белые птицы решили его судьбу.

По окончании школы он отправился в Ташкент, в авиационный техникум при авиазаводе.

И вот теперь...

Толпа шумно приветствовала появление трех «чемпионов» планерных состязаний: Сузи, Ханмурадова и Шкляра.

Ханмурадов одним прыжком взобрался на высокую трибуну, стоявшую в тени большого платана, и огляделся.

Кого только не было в этой пестрой толпе! И москвичи, и ленинградцы, и крепыши украинцы, и стройные кавказцы, но больше всего выделялись смуглые, загорелые туркмены. В основном это была молодежь. Много было и школьников-авиамоделистов.

Толпа расположилась табором на большой поляне. Два серебристых аэроплана грелись на солнце. Налево, возле подошвы горы, лежали планеры всевозможнейших форм, систем и размеров.

Ханмурадов обломал ветку, спустившуюся к лицу, сдвинул микрофон, поднял руку. Аплодисменты утихли.

— Товарищи! Таджики! Туркмены! Узбеки! Киргизы! Каракалпаки! Казахстанцы! Все тут? Пленум летного Туркестана! Привет! И нашим гостям привет! Ну? Что хлопаете в ладоши? Сами себе хлопаете. Довольно хлопать. Слушайте! Итоги. Наши юные моделисты побили мировые рекорды. Четыре, семь, восемь километров летали модели. Одна — круговым полетом. Хорошо. Буся Шкляр побил мировой рекорд планеризма и свой собственный коктейльский рекорд. Очень хорошо. Сузи пробуксировал на аэроплане шесть планеров по треугольнику Ташкент — Новосибирск — Москва — Ташкент. Перевез двадцать пассажиров, семнадцать тонн груза. Отлично!

— О себе не сказал!..

— Мое дело маленькое — в хвосте планерного поезда летел. Сидел и думал. И придумал.

Буксирный транспорт уже существует. И будет развиваться дальше. Грузы, почта, пассажиры. Аэропланы-тягачи с вереницею «барж»-планеров. Новые аэровокзалы, станции, склады. Планеры отцепляются на ходу, снимаются, сдают груз, берут другой и летят дальше, буксируемые новым тягачом-аэропланом. Великолепно!

Но, товарищи, наряду с моторным буксирным транспортом должен существовать и развиваться безмоторный. Есть пароход, но есть и парусные корабли и яхты... Плоты мы гоним по течению рек. Разве мы не можем создать воздушные яхты? Воздушные «плоты»?

Вы не изучали, товарищи, планеризм в природе? Очень интересно. Летающие семена, например, летчики. Одуванчик, чертополох, клен, вяз. Тут и волоски в семенах кипрея, ивы, тут и крылообразные выросты — у сосны, ели. Есть над чем подумать и поучиться.

Но больше всех меня заинтересовал паук. На своей паутине он совершает далекие путешествия и, видимо, управляет своим полетом — следит за попутным ветром, отсиживается, когда надо, и летит дальше.

Обидно, товарищи! Паук — высококвалифицированный ткач, планерист лучше нас! И думал я: как бы нам наладить безмоторный транспорт лучше пауциного! И придумал. И даже сейчас могу всем вам показать. Желаете?

На расстоянии полукилометра среди поля виднелся круглый песчаный островок, а дальше, в двух километрах от него, стояло высокое сооружение, издали похожее на наблюдательную вышку...

— Вот, — сказал Ханмурадов, показывая на песчаный островок среди хлоп-

ковых полей. — Что это такое? Не знаете? Это мой воздушный столб. Понятно? Смотрите, смотрите! Над островком как раз парит орел! Он распластал неподвижно крылья. Воздушный, восходящий ток воздуха. Зелень хлопковых полей поглощает солнечные лучи. И над полями воздух прохладнее, тяжелее, чем над островком.

Песчаная почва островка сильно прогревается. Согретый легкий воздух испытывает давление окружающего, более плотного и более холодного, и устремляется вверх. Каждый летчик знает, что такое воздушная яма. Летишь в степи. Пролетишь над лесом, и вдруг — ах! — аэроплан камнем падает вниз. Почему? Лес — листва — поглощает много солнечных лучей, тепла. И над лесом — нисходящий воздушный ток. И я придумал воздушный столб. Смотрите! Орел вылетел из воздушного столба, снизился, снова взлетел, и вот его поднимает вверх... Ну, теперь-то вам уж, наверное, понятна моя мысль? Там, далеко, вышка. Видите? Это стартовая планерная вышка. Я полечу оттуда к воздушному столбу, планирующим спуском. В пути я потеряю часть высоты. Но мне надо лишь добраться до воздушного столба. Он меня вновь поднимет вверх, как орла. Я запасусь высотой — потенциальной энергией планеров — и смогу лететь дальше. Поставьте такие воздушные столбы на известном расстоянии друг от друга или в шахматном порядке. Постройте несколько отправных стартовых вышек, и вы сможете наладить безмоторный планерный транспорт, наладить полевою воздушную связь в наших крупных колхозах и совхозах.

Сейчас я покажу вам безмоторный воздушный транспорт. Наблюдайте отсюда. Да, имейте в виду. Пока у меня имеется только один воздушный столб, добраться до него не так-то легко. Боковой ветер может отнести меня в сторону. Есть еще и другие препятствия, но вы сами сейчас увидите!

Через полчаса Ханмурадов уже парил в воздухе, подруливая к воздушному столбу.

Крутой вираж — и планер идет прямо на столб. Но тут происходит неожиданное для зрителей: планер, словно салазки, с разгона въехавшие на бугор, становится носом вверх и... переворачивается. Планер вертится, то взлетает вверх, то падает вниз... До земли не более сорока-пятидесяти метров...

— Вот тебе и паук! Как бы голову себе не свернул...

Но Ханмурадов, изловчившись, выправляет планер и врзается в воздушный столб. Теперь планер только плавно покачивает крыльями. Ханмурадов спиралью медленно поднимается вверх, стараясь не приближаться к границе невидимого столба. Вот уже планер выше стартовой точки... Подъем замедляется и, наконец, приостанавливается. Теперь Ханмурадов парит, как орел, почти на одном месте.

Ханмурадов поворачивает руль, вылетает из воздушного столба и широкою спиралью снижается.

Все спешат к Ханмурадову.

— Удачный полет, который, однако, мог закончиться и катастрофой.

Ханмурадов поднимает руку вверх. Он хочет говорить.

— Вы же все крылатые люди и должны понимать! — начинает он, когда толпа затихла. — Это только первый опыт. Почему потрепало мой планер? Потому что на границе нисходящих и восходящих воздушных течений должны существовать завихрения — турбулентные токи. Но их можно ослабить, уни-

чтожить, сгладив границу песчаного островка и зелени полей. Для этого можно использовать хотя бы песок различной окраски и, следовательно, различной отражательной способности.

Затем, стартовые вышки должны быть выше. Чем более отлогим будет планирующий спуск, тем быстрее будет движение планера. Чем оно быстрее, тем легче преодолеть боковые течения и воздушные возмущения на границе столба. Но принцип, идея мне кажутся правильными. Остальное — дело расчета, нашей изобретательности, упорства в достижении цели. Я предлагаю, товарищи, организовать «Клуб ревнителеев безмоторного транспорта».

— «Ревнителеев» — это звучит архаически. «Клуб энтузиастов безмоторного транспорта» — вот как надо назвать, — послышался голос.

— Возражений нет? Принимается единогласно!..

* * *

После собрания Сузи взял под руку Ханмурадова.

— Пойдем, Махтум, мне надо с тобой поговорить.

Ханмурадов и Сузи уселись в густой тени на поваленное бурей дерево. Ханмурадов ждал. Сузи молча набивал короткую трубку.

— Ну, что же ты? — нетерпеливо спросил Ханмурадов.

Сузи продолжал спокойно набивать трубку, набил, закурил, дыхнул глубоким дымом и тогда только начал:

— Буксировка планеров Ташкент — Новосибирск — Москва — Ташкент была моим последним пилотированием. Я оставляю аэроплан.

Ханмурадов взмахнул руками.

— Ты оставляешь аэроплан? Наш лучший летчик! Ты с ума сошел, Сузи! Он оставляет аэроплан!

— У нас много «лучших летчиков», Махтум, но еще мало опытных капитанов дирижаблей. Я изменю аэроплану ради дирижабля. Ты уже знаешь, я сдал экзамен на капитана, совершил несколько рейсов, имею диплом... Отсюда я лечу прямо в Москву, сдам аэроплан и... точка!

— Я не согласен! — горячо воскликнул Ханмурадов и для убедительности ударил кулаком по колену. — Оставить аэроплан! Тебе!

Сузи улыбнулся.

— Ты хорошо знаешь Бусю Шкляра? Советую познакомиться с ним поближе. Худенький, маленький, голосок тоненький, на вид мальчишка. А голова — на вес золота, другой такой не купишь... Заместитель главного инженера «Дирижаблестроения».

— Это ты к чему? — спросил Ханмурадов.

— Одно к одному, — ответил Сузи, попыхтев трубочкой, и задал Ханмурадову новые вопросы: — Ты ведь не один работал над твоими воздушными столбами?

— Ну, конечно, не один. У меня есть помощники. Ты сам их видел.

— И хорошие, надежные?

— Хорошие... Нет, я так не могу разговаривать. Что это за разговор? То об одном, то о другом. Словно игра в загадки-отгадки! Говори прямо, что тебе надо?

— Один у тебя недостаток — горячий ты, Махтум!

— Солнце у нас жаркое, кровь горячая. Оттого и горячка!

— Мы выросли с тобой под одним солнцем, а вот я научился владеть собой.

Ну, не кипятись, как чайник! Ты хочешь, чтобы я сказал тебе прямо, чего я хочу, — скажу прямо. — И Сузи медленно и внятно, почти тоном приказа проговорил: — Я хочу, чтобы ты, Махтум Ханмурадов, оставил свои воздушные столбы на попечение твоих помощников, а сам отправился со мной в Москву, чтобы заняться другим делом.

— Я? Чтобы я бросил столбы? Уехал? Изменил безмоторному транспорту? Никогда! Ни-когда-а!!

— Ну, я тоже не могу так разговаривать, — сказал Сузи. — Или садись и слушай меня, или прекратим этот разговор!

Ханмурадов безнадежно махнул головой и опустился возле Сузи, пробормотав сердито:

— Вот что сделал Север с человеком... Кусок льда!

— Никто не принуждает тебя к измене, — начал Сузи. — Наоборот, если только ты не взорвешься опять, как пороховая бочка, и спокойно выслушаешь меня, ты узнаешь, что о безмоторном воздушном транспорте и будет моя речь. Но только в гораздо более широких масштабах.

Твои воздушные столбы, твоя мысль о безмоторном транспорте очень интересна. И именно потому, что эта мысль пришла тебе в голову, и потому, что ты храбр и умеешь добиваться цели... — Ханмурадов нетерпеливо зашевелился, — я и решил остановить выбор на тебе... Дело в том, что я тоже много думал о проблеме воздушного безмоторного транспорта.

— И ты тоже?..

— Представь... Из твоих воздушных столбов может получиться толк. Но это будет по преимуществу местный безмоторный воздушный транспорт.

— Почему только местный? — горячо возразил Ханмурадов. — Воздушные столбы можно расставить на любом расстоянии!..

— Во-первых, не на любом, — возразил Ханмурадов. — На озере ты не поставишь. А во-вторых, каждый воздушный столб — это станция, остановка для пополнения «кинетической энергии» — высоты, подобно тому как паровозы запасаются на станциях водой и топливом. Медлительная операция! На больших расстояниях твой безмоторный транспорт будет слишком тихоходным.

— Что же ты предлагаешь?

— «Предлагаешь» — слишком громко сказано. Моя идея не так проста и не так разработана, как твои воздушные столбы. Коротко говоря, она сводится к следующему. В атмосфере существует немало постоянных воздушных течений. Пассаты, муссоны, местные воздушные течения. Словом, настоящие воздушные реки...

— Понял! — радостно крикнул Ханмурадов. — Пользуясь этими воздушными течениями, хороший планер... может... и без воздушных столбов, этих искусственных циклонов, покрывать большие пространства.

— Только не планер, — охладил пыл Ханмурадова Сузи. — Воздушные течения капризны. И на планере, пользуясь ими, далеко не улетишь. Попутно воздушные течения иногда придется искать в разных слоях атмосферы, маневрировать по вертикалям. Необходим дирижабль. Большой дирижабль.

— С моторами и пропеллерами?

— Да, с моторами и пропеллерами, — спокойно ответил Сузи.

— Лети сам! А ты еще говорил, что это не измена принципу безмоторного летания!

Сузи посмотрел на Ханмурадова.

— Нет, твоя горячая кровь слишком ударяет тебе в голову! — сказал Сузи. — Ты, Махтум, становишься фанатиком! Черт возьми! В чем ценность безмоторного транспорта? Только в том, что он самый дешевый, что он сэкономит нам горючее. Но нельзя же из «безмоторности» делать какой-то фетиш! К моторам я сам предполагаю прибегать лишь в самых крайних случаях при поисках попутного воздушного течения, при грозах, циклонах, когда нужна большая скорость полета и быстрота маневрирования. В основном же полет должен протекать без участия двигателей и гребных винтов. И ты представь себе перспективы... Воздушные корабли пересекают огромные пространства нашей Родины из конца в конец, не затрачивая ни угля, ни бензина. Туркестан грузит кипы хлопка, эти кипы ветер несет на север. И, быть может, сибирский лес, бревна — «воздушные плоты», — прилетят к нам по воздуху.

— Хорошо! — воскликнул Ханмурадов, и глаза его загорелись. — И в чем же трудность твоего проекта?

— В том, что сами аэрологи, в сущности говоря, еще очень мало знают воздушные течения, в особенности течения верхних слоев тропосферы и стратосферы. Мы не имеем карт... воздушного океана. Мы не знаем «рифов», «рек», «водоворотов», «водопадов», или, вернее, «воздухопадов». Мы находимся в положении человека, который впервые отдается волнам неведомого океана. Мы воздушные Колумбы. Мы отправляемся в страну неведомого.

— Вот это по мне! Это мне нравится! Так бы ты и сказал сразу! Летим, Сузи! — Ханмурадов уже вновь стоял на ногах, размахивая руками. В физических движениях он искал выхода обуревавшим его чувствам. — Я согласен!

— Терпение, Махтум! Пока что мы Колумбы без корабля... Я еще никому не говорил о своей идее, кроме тебя и Буси. Дело в том, что Шкляр сейчас руководит постройкой большого цельнометаллического дирижабля «Циолковский». Это как раз то, что нам нужно. Утечки газа — ни малейшей. Подъемы и снижения — без потери газа и балласта, лишь путем подогревания или охлаждения. Идеальное управление. Все механизировано и электрифицировано. Герметические каюты гондолы, приспособленные для полета в разреженном воздухе. Буся проявил массу изобретательности, выдумки, находчивости. Это его детище. И он не прочь испытать дирижабль. Но дадут ли нам этот дирижабль? Согласятся ли с планом такого рода научно-исследовательской экспедиции?

Из Москвы я думаю проехать в Ленинград, вернее — в Слуцк-Павловск, к аэрологу Власову. На него я очень рассчитываю. Он должен быть заинтересован. Ведь это лучше шаров-зондов, которые он пускает! Если он поддержит идею, мы подадим в соответствующие органы докладную записку. Пока можешь продолжать свои опыты с воздушными столбами. В случае удачи я сообщу тебе по радио, и ты немедленно приедешь в Москву. И примешь участие в нашей первой экспедиции. Согласен?

— Вот тебе мои обе руки и голова в придачу!

* * *

...За большим массивным столом сидит аэролог Власов в туфлях и пижаме — по-домашнему. На столе — аккуратная стопочка бумаги, рукопись новой книги. На полке за столом поблескивают аппараты — барограф, модель анемометра. На стене — чертежи, графики, кривая температур, «роза ветров», фото-

графии шаров-зондов.

Сидит Власов в стареньком красного дерева кресле, и сам старенький. Пощипывает седой ус и поглядывает сквозь стекла золотых очков на Сузи, шевелит седыми бровями, слушает.

Потом поднимается, шаркает по ковру туфлями, руки заложил за спину, думает.

— Неведомый воздушный океан, сказали вы, товарищ Сузи! Так. Конечно, мы еще мало знаем. Но только не совсем уж и неведомый. Что на «дне» делается и в «природных» пространствах, мы хорошо знаем. Недаром же мы сами на дне воздушного океана живем! Весь первый этап тропосферы неплохо знаем... А вот что во втором этапе — стратосфере — делается... тоже кое-что уже знаем, но поменьше. «Потолок» тропосферы в наших широтах примерно десять с половиной километров. На экваторе — семнадцать, на полюсе — всего восемь. А во втором этапе «потолка», пожалуй, и совсем нет. Воздух постепенно редет и незаметно переходит в межпланетное пространство.

Безмоторный транспорт, использующий воздушные течения? Что же, это мысль. Но где же мы с вами на ветру летать сможем? Начнем с тропосферы. Вблизи экватора не полетишь. Вдоль «термического экватора» лежит экваториальная зона штилей, безветрие. Моряки это хорошо знают. Севернее этой полосы штилей в тропической зоне ветры весь год направляются от востока к экватору — пассаты. Во внетропической полосе нашего полушария ветры направлены от запада к полюсу. А в полярной — опять с востока к экватору.



Надо еще сказать, что во внетропической полосе ветры изменяют свое направление в зависимости от времен года на прямо противоположное. Это муссоны. Но у нас муссоны есть только на Дальнем Востоке.

Что же мы имеем в тропосфере для безмоторного транспорта? У экватора, в зоне штилей ничего не имеем. Безветрие. Штиль.

Повыше этой полосы мы можем совершать круглый год полеты с востока на запад. Но не обратно. Причем чем ближе к экватору, тем больше нас будет относить на юг. Значит, в этой зоне можно установить разве что кругосвет-

ные полеты в одном направлении — с востока на запад. Чтобы попасть, скажем, с восточного берега Африки на Суматру, нам пришлось бы лететь не ближайшим путем — на восток, через Индийский океан, а вокруг всего света на запад пересечь Африку, пересечь Атлантический океан, Южную Америку, Тихий океан и прилететь на Суматру с востока. Долго и дорого!

Но, конечно, если мы будем пользоваться пассатами только в один конец рейса — с востока на запад, а обратно идти на моторной тяге, мы сэкономим на горючем все-та-ки целую половину.

— А скорость полета?

— В центральной части пассатов скорость перемещения воздуха от шести до восьми метров в секунду. Скажем, семь метров.

— Два с половиной километра в час, шестьдесят в сутки! Маловато... — разочарованно сказал Сузи. — Воздушная река с вялым течением. «Речной транспорт». Для грузов малой скорости годится!

— Теперь внетропическая зона. Тут «верхом на муссонах» мы могли бы двигаться полгода от запада к полюсу и полгода в обратном направлении. Это уже лучше. В северных широтах над континентом ветры вообще довольно непостоянны. Но и там, конечно, можно найти попутные течения.

— В общем, плоховато?

— Почему же? Ведь и многие наши земные реки текут очень медленно и не туда, куда нам хочется. Взять хотя бы сибирские. Навигация коротка. В Северный Ледовитый океан впадают. Будь их течение на юг, сколько бы леса, угля по сибирским рекам вывозили! Течения не повернешь. Все ж таки мы пользуемся и этими реками. А в общем — да. В тропосфере плоховато.

— А в стратосфере? — оживился Сузи.

— В стратосфере? Если бы мы знали, что делается в стратосфере! Теоретически общая циркуляция воздуха должна быть такова. На экваторе воздух сильно нагревается, делается легче, поднимается вверх, к границам стратосферы, и разливается широкими потоками, обтекающими весь земной шар, от экватора к полюсам — к более холодным местам планеты.

Таким образом, в высших слоях тропосферы должны существовать постоянные воздушные течения, в нашем полушарии — с юга на север. Это крайне важное обстоятельство. Высоко над нами протекает настоящий воздушный Гольфстрим. И использовать его для безмоторного транспорта я считаю вполне возможным.

Что же делается на Северном полюсе с воздухом, непрерывно притекающим сюда от экватора? Если бы принесенный от экватора воздух оставался на полюсе, то скоро на экваторе и совсем не осталось бы воздуха. Между экватором и полюсом должна существовать непрерывная циркуляция, непрерывный обмен воздуха. Экваториальный обмен воздуха. Экваториальный воздух, прилетевший на полюс, низвергается вниз, и затем он должен идти в обратном направлении к экватору — в более низких слоях.

Неплохая для нас механика. С любой точки нашего юга мы поднимаемся на большую высоту, находим экваториальные течения и идем с ними на север до любого места, где и снижаемся. Пускаясь в обратный путь, поднимаемся, находим воздушные течения от полюса к экватору и летим на юг.

Это теоретически. Но практически дело может обстоять не так просто. В особенности над континентами, где неоднородность земной поверхности —

горы, леса, озера — оказывает большое влияние на воздушные течения. От этих континентальных воздействий может в первую очередь пострадать правильность нашего воздушного течения с севера на юг, лежащего в более низких слоях. Тут нам, наверно, встретятся всякие неожиданности. Мы окажемся в роли мореплавателей без карт.

— Но ведь и карты не могли быть созданы без мореплавания! — возразил Сузи.

— Верно. Без первого... не обойдешься, — сказал Власов и замолчал, задумался. Устал ходить. Уселся в кресло, посмотрел на Сузи, шевельнул ус улыбкой.

— Так вы хотите новый дирижабль «Циолковский» использовать для исследования воздушной трассы безмоторного транспорта? Мы, значит, конкуренты. Дело в том, что я сам на этот дирижабль рассчитываю. И мне почти обещали, что он будет предоставлен научной экспедиции по исследованию субстратосферы.

Сузи приуныл.

— Вы сами полетите?

— Ну, сам я уж стар для таких полетов! Зонды пускать — это мне впору. Я по радио буду руководить работами экспедиции. Теперь это просто делается.

Власов окинул взглядом свой кабинет.

В нем все было приспособлено для спокойной умственной работы. Ковры и гардины заглушали звуки. Лампа под зеленым абажуром мирно освещала письменный стол...

Неожиданно Власов поднялся и вновь заходил по кабинету, шаркая туфлями.

— Гм... Гм... А может быть... Почему бы и нет!.. — бормотал он. — В конце концов, — обратился аэролог к Сузи, — мы с вами не соперники и не конкуренты. Почему бы и не соединить одно с другим? Можно заниматься поисками воздушных Гольфстримов и производить мои аэрологические наблюдения. Скажу вам прямо: для одного вашего безмоторного воздушного транспорта вам «Циолковского» не получить. Идея неплоха, да сыровата. А если одно с другим...

Власов быстро подошел к радиотелефону и вызвал Москву.

— Ну как? Ничего еще не известно? — спросил он некоего Ивана Ивановича. — Решено? Предоставляют? Отлично! Отлично! Обрадовали вы меня!.. «Циолковский» мой, — торжественно доложил Власов Сузи. — А знаете, не полететь ли мне самому?

«Ну, с тобой, пожалуй, не оберешься хлопот», — подумал Сузи.

— В самом деле! — продолжал аэролог, быстро расхаживая по кабинету. — Старуха у меня да собачка Бишка — вот и вся семья. Скучать обо мне будут. Ну, да ведь теперь радио, телевизор — каждый день видеться будем. Ах, лечу! Анна Павловна! Анечка!

Вошла полная седоволосая маленькая старушка. Услышав о решении мужа, она сложила руки на выпуклом животе и тихо сказала:

— Этого еще не хватало!

Черный пудель беспокойно вертелся у ног хозяйки и заглядывал в ее глаза...

Через два часа Ханмуратов получил радиотелеграмму:

«ВЫЕЗЖАЙ НЕМЕДЛЕННО В МОСКВУ. СУЗИ».

* * *

Тушино разрослось в большой город.

— Дирижаблеводческий совхоз, — шутит Буся Шкляр. И в самом деле: эти громадные эллинги, рядами уходящие вдаль, похожи на стойла гигантских первобытных животных.

— Каждый месяц из этого гнезда вылетает новый птенец — пожиратель пространств.

— А где же «Альфа»? — спрашивает Ханмурадов.

«Альфа» — так решили назвать первый дирижабль, приспособленный для полетов в субстратосфере.

— И даже в стратосфере, — пояснил Шкляр. — Не упади в обморок, Махтум. На «Альфе» имеется не только винтомоторная группа, но и реактивный двигатель. Эллинг 127. Садись на дрезину!

Электрическая дрезина быстро катит вдоль эллингов. Вот и 127-й. Буся проводит Ханмурадова в боковую дверь, они поднимаются на лифте. Шкляр открывает двери. Ханмурадов невольно вскрикивает. Он привык к грандиозным масштабам новых фабрик и заводов. Но этот эллинг, в который вместился бы пяток столичных вокзалов, поражает. Чудовищный «кит» занимает все помещение. Вокруг него — сложный переплет лестниц, площадок, паутина тросов, проводов, кабелей. Люди похожи на муравьев, облепивших мертвого крота... Ослепительно вспыхивают голубые огни электросварки. Но что удивительней всего — ни суеты, ни шума. Играет невидимый оркестр. Работа под музыку? Ханмурадову это нравится.

— Буся!..

Но где же Буся?.. Он уже летит на подвешенном к тросу кресле в другой конец эллинга, перебирается, как паук с паутины на паутину, осматривает работу, дает указания и летит дальше...

— Ну как?.. — спрашивает Сузи, появившийся незаметно сзади.

Ханмурадов только причмокнул губами.

Сузи здесь свой человек. Он усаживает Махтума рядом с собой на двухместное кресло, и они летят по подвесной дороге на высоте третьего этажа в конец эллинга, пролетают сквозь отверстие в стене и влетают во второе отверстие.

Лифт спускает их на землю. Здесь стоит совсем готовая гондола дирижабля, сверкая толстыми стеклами семнадцати иллюминаторов и серебристыми стенками. Один иллюминатор ярко освещен.

Ханмурадов следом за Сузи взбирается по лестенке и входит в гондолу. Как только открылась дверь, яркий свет лампы под матовым абажуром осветил длинный коридор. Они прошли в конец коридора. Прямо перед ними — дверь. Она открылась сама. Вспыхнула лампа, осветив капитанскую рубку. Круглое окно из толстого стекла впереди. Окно занимает также часть пола. Учебный письменный стол, на нем — пульт управления. На столе — самопишущие аэронавигационные инструменты.

— Один человек может управлять всем воздушным кораблем, спокойно сидя в этом кресле, — сказал Сузи.

— И кто же будет сидеть в этом кресле? — спросил Ханмурадов.

— Я! — просто и спокойно ответил Сузи, усаживаясь в кресло.

— Ради этого можно променять аэроплан на дирижабль. Поздравляю, Сузи.

А я кем буду?

— Ты будешь моим помощником.

— Но ведь я...

— Ты опытный летчик, Махтум. Понять устройство этих приборов нелегко, но научиться управлять ими сможет ребенок. Мы быстро научим тебя вместе с Бусей. Он мой официальный заместитель и «бортмеханик». У нас будет трехсменное дежурство... В сущности говоря, тебе придется только нести вахту и следить за инструментами. Они устроены так, что автоматически сигнализируют о малейшей неисправности механизма или отступлении от заданного режима полета. И ты тотчас сможешь вызвать нас на помощь.

— А кто еще летит? Я насчитал семнадцать кают.

— Большинство их будет пустовать, — ответил Сузи. — Полетят всего пять человек.

— Я, ты, Буся, а остальные?

— Сейчас ты познакомишься еще с одним из них.

Они прошли к каюте № 5. На этот раз дверь сама не открылась. Сузи постучал.

— Да, — послышалось в ответ, и дверь распахнулась.

— Познакомьтесь! Профессор Власов, мой друг и помощник Ханмурадов, — представил Сузи.

Власов подстригся, помолодел. Он был одет в серый дорожный костюм. Власов дружески пожал руку Ханмурадова и принялся за прерванную работу. Он осторожно вынимал из ящиков метеорологические приборы и расставлял их на столе.

— Камера для исследования космических лучей, — сказал он, вынимая из ящика новый прибор.

— Вильсона?

— Власова! — ответил аэролог и шевельнул бровью.

— Так вот какие дела, дорогой капитан, — сказал Власов, обращаясь к Сузи. — Нашим безмоторным воздушным транспортом заинтересовались больше, чем я предполагал.

Ханмурадов от удовольствия прищелкнул пальцем.

— Комбинированные цели экспедиции вполне одобрены. Правительство оказывает нам всяческое содействие. Я предложил как первое исследование воздушной трассы исследовать путь от Ташкента до Обдорска — они лежат почти на одной долготе, Обдорск немного западней. Но нам дано задание покрепче, дорогие мои: уж коли исследовать, то исследовать весь путь от крайней южной до крайней северной точки СССР. И начинать нам полет придется от Кушки...

— Знаю! — воскликнул Ханмурадов. — Летал в Кушку! Пристанционный поселок Туркменской ССР. Конечная станция Кушкинской ветки Средне-Азиатской железной дороги.

— Еще бы вам не знать! В восемнадцати километрах к югу, на афганской границе, находится самая южная точка СССР — тридцать пять градусов и тридцать восемь минут северной широты. Это Африка, Алжиру соответствует. А самая северная точка известна — Северный полюс. Исследованию воздушных течений Арктики вплоть до полюса придается особое значение, так как с этим связан ряд важнейших арктических проблем, дальнейшее освоение Ве-

ликого Северного морского пути, трансарктическая воздушная связь с Северной Америкой и прочее и прочее. Задача нелегкая. Нам придется долететь до полюса и без посадки, найдя обратное течение, вернуться на юг. Я уж слышал, что товарищ Ханмурадов энтузиаст безмоторного летания. Но боюсь, что на Северном полюсе без винтовой тяги нам не обойтись. Ведь так мы можем попасть в такой «ветроворот», что нас либо об лед разобьет, либо снесет куда-нибудь в Исландию или к каким-нибудь островам Патрика... Я уж старухе своей не говорил об этом. Назвался груздем — полезай в кузов...

— Товарищи! А где радиорубка? — послышался женский голос из коридора. Сузи открыл дверь и столкнулся с молодой девушкой.

— Ты мне чуть лампы не разбил! — сказала девушка. — Где же радиорубка, Сузи?

— В конце коридора, рядом с капитанской рубкой, номер два, — ответил Сузи и, обратившись к выглядывавшему из каюты Власова Ханмурадову, сказал: — Ну вот, теперь ты знаешь всех участников полета. Это наша радистка товарищ Женя Лаврова. — Девушка на ходу кивнула Ханмурадову головой и поспешила к радиорубке.

— Всего пять человек. Почему так мало? — спросил Ханмурадов.

— Мы отправляемся в длительное путешествие. Неделями мы будем лететь без спуска. Нам надо иметь большой запас продовольствия, воды. Поэтому экипаж ограничен до минимума, — ответил Власов.

В каюту, запыхавшись, вбежал Шкляр.

— Ну, у нас все готово, Буся, — сказал Власов. — Хоть сейчас лететь.

— У меня тоже готово, — ответил он. — Последний шов сварен. Ночью продувка, а завтра утром можно подвести и гондолу, прикрепить — и кончено.

— Всякий конец есть вместе с тем и начало! — сказал Власов.

* * *

...Утро пришло из-за афганских гор. Солнце поднялось над горными хребтами и заглянуло в долину.

Но любопытные люди опередили солнце. Они уже стояли плотной толпой возле огромного дирижабля. Стальная волнистая оболочка «Альфы», покрытая слоем алюминия, ослепительно вспыхнула в лучах восходящего солнца.

Пограничный поселок Кушка обезлюдел. Мужчины и женщины, старики и дети, а вслед за детьми и собаки пришли посмотреть на невиданное зрелище. Весть разнеслась и по соседним кишлакам. Сновали автомобили. Вытянув длинные шеи, ревели верблюды. Изумленные ослы садились на задние ноги, поднимали уши вверх и неистово ревели. Дирижабль стоял прямо на земле. Его гондола удерживалась якорями, но в них не было надобности: утро тихое, безветренное.

Стоящие в первых рядах заглядывают в толстые стекла иллюминаторов. Их семнадцать.

Семнадцать иллюминаторов — семнадцать кабин. Но экипаж состоит всего из пяти человек: капитана Сузи, его помощника Ханмурадова, инженера-механика Шкляра, аэролога Власова и радистки Лавровой.

Приготовления окончены. Сузи открывает иллюминатор капитанской рубки, машет белой фуражкой и кричит в толпу:

— «Альфа» идет в первый рейс безмоторного плавания: Кушка — Северный полюс — Ташкент!

Крики, рукоплескания, звуки оркестра. Иллюминатор закрывается.

— Снимаемся! — говорит Сузи в микрофон.

— Снимаемся! — вторят репродукторы во всех кабинах.

Борис Михайлович Шкляр — Буся, как его зовут, — самый малорослый и легковесный из всего экипажа: вес — 45 килограммов, рост — 145 сантиметров — разогревает газ, поворачивает рычаг. Электролебедка поднимает якоря.

«Альфа» плавно взлетает вверх почти по отвесу.

Радистка Лаврова передает в эфир:

— Говорит «Альфа». Взлет в пять часов девять минут. Ветер — ноль. Небо безоблачно...

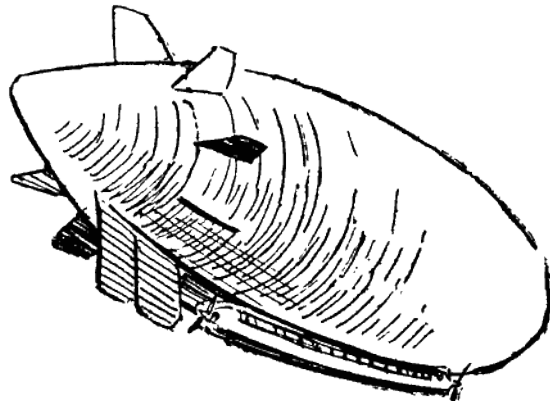
— Счастливого пути! — отвечает ташкентская радиостанция. — Ленинград, Москва, Харьков шлют приветствия «Альфе».

Ханмурадов стоит рядом с Сузи, поглядывает то на альтиметр, то в иллюминатор, на уходящую вниз землю.

В отлете всегда есть что-то волнующее. «Нет, это не страх за свою судьбу, — думает Ханмурадов. — Скорее это похоже на то чувство, которое охватывает зрителя, когда поднимается занавес в театре. Сейчас начнется пьеса. Какова она будет?..»

Ханмурадов наклоняется к окну. Толпа еще видна. Тысячи завистливых глаз смотрят на «Альфу». Ханмурадов смеется и говорит:

— Если бы они могли быть на нашем месте!



— А ты еще колебался, лететь ли тебе! — отвечает Сузи, не отрываясь от альтиметра.

— С какой скоростью поднимаемся? Какова подъемная сила газа? — тоненьким голоском через дверь спрашивает Буся.

— Высота — три тысячи пятьсот метров, — отвечает Сузи, — наполнение... — И не договорил: яркие лучи солнца ударяют в глаза. Сузи щурится и отдает в микрофон новый приказ: — Надеть очки!

До стратосферы далеко. Но в солнечном спектре становится все больше



ультрафиолетовых лучей, вредных для глаз. Все надевают дымчатые очки. Словно туча покрыла солнце. Небо кажется пепельно-серым.

Наружная температура понижается, но в гондоле тепло. Сузи определяет направление. «Альфу» относит на юг, к Афганистану. Надо искать воздушную реку, которая бы текла на север. Солнце нагрело газ. Оболочка округлилась, но не до предела. Надо сильнее подогреть газ. Сузи отдает приказ. Буся включает мотор и пускает струю горячего газа в трубы, проходящие внутри оболочки. Оболочка предельно раздувается. Ребристые складки расходятся. «Альфа» быстро идет вверх. Альтиметр показывает 7 тысяч метров. Южное направление сменяется юго-восточным. Это уже лучше. Высота — 7.500. Направление полета — восточное. Ханмурадov смотрит в подзорную трубу. Внизу вьется серебристая ниточка реки Мургаб. Ее пересекает волосок железнодорожного пути Мерв — Кушка.

— Высота — восемь тысяч метров, — сообщает Сузи. — По-видимому, мы достигли потолка... Нет, еще повышается... восемь тысяч двести... Восемь тысяч пятьсот... Дальше не тянет! А попутного ветра все нет. Идем на восток. Придется опуститься ниже. Буся, охлади газ!

— Есть! — отвечает Шкляр и пускает в ход холодильники. Через иллюминатор видно, как худеют бока «Альфы». «Альфа» быстро идет на снижение.

— Подождите снижаться! — слышится из телефонного рупора сердитый голос Власова. — Я наблюдаю космические лучи! Ну вот, все пропало! Ах, чтоб вас!

Через минуту Власов показывается на пороге капитанской рубки.

— Интереснейшее явление из-за вас упустил. Не успеете на Северный полюс по расписанию прилететь? На пять минут опоздаете?

— Я думаю, в космических лучах недостатка не будет, — отвечает Сузи.

Власов безнадежно машет рукой и усаживается в привинченное к полу кресло. Помолчав, вздохнул.

— Часа четыре, как мы землю оставили. Пора бы и завтракать.

— Стоп! — крикнул Сузи в микрофон.

Капитан отдал распоряжение Бусе, чтобы тот прекратил охлаждение газа в оболочке.

— Мы нашли северо-восточное направление, — сказал Сузи, — на этот курс можно лечь. Вот удобство свободного полета. Никаких рулей закреплять не

надо... «Плыви, мой челн, по воле волн!» — Сузи посмотрел на анемометр. — Скорость ветра десять метров в секунду. По шкале Бофорта — сильный ветер. А мы совершенно не замечаем этого. Ленты на внешней оболочке дирижабля возле иллюминатора висят неподвижно...

— Так оно и должно быть! — заметил Власов и подмигнул глазом. — На идущем пароходе нелегко определить быстроту движения воды и парохода. А определить скорость воздушного течения, находясь в свободно летящем воздушном корабле, еще труднее. Тут обычно анемометры не помогают.

И аэролог, забыв о том, что ему помешали наблюдать космические лучи, что он голоден, с увлечением начал говорить о своем движущемся анемометре. Власов придумал такой аппарат. На верхней продольной полосе дирижабля длиной в 90 метров была сооружена горизонтальная однорельсовая дорожка, на которой установлена тележка с анемометром. При измерении силы ветра тележка двигалась с заданной скоростью в направлении, противоположном движению дирижабля, а следовательно, и ветра. Чем сильнее был ветер, тем большее давление оказывал он на движущийся аппарат. Быстрота ветра определялась несложным расчетом. Быстрота движения «Альфы» в отношении земли сверялась акселерометром и измерением углов на земной поверхности.

— Теперь можно и пообедать! — сказал Сузи. — Механические сторожа предупредят нас, если случится что-нибудь неожиданное. — Наклонившись к микрофону, капитан сказал радистке: — Женя! Передай земле: «Идем норд-ост, скорость — тридцать шесть километров в час», — и отправляйся в кают-компанию.

Через несколько минут все уже собрались в кают-компанию. Она была слишком велика для экипажа в пять человек. Ее площадь равнялась двадцати метрам, за длинным столом стояло семнадцать стульев. «Альфа» была рассчитана на подъем такого числа людей.

Ханмурадов быстро вскрывал консервные банки. Буся притащил из кухни кипящий электрический чайник. Лаврова расставляла приборы, резала белый хлеб.

— Ну, товарищи, — сказал Ханмурадов, — наедайтесь в последний раз «земным» свежим хлебом. Завтра перейдем на галеты, сухари, печенье.

Первый обед прошел оживленно. Ханмурадов, Сузи и Власов спорили о режиме полета. Власов настаивал на том, что необходимо искать северное направление на предельной потолочной высоте. Сузи возражал.

— Не хотите ли вы взобраться поближе к космическим лучам? — с улыбкой спросил Сузи. — За несколько часов полета мы уже убедились, насколько теоретические предположения расходятся с практикой. Юго-западное течение ветра, северо-восточное направление полета оказались в гораздо более низких слоях, чем предполагалось, а на потолке «Альфу» несло к югу вопреки научным предсказаниям. Правда, на высоте километров шестидесяти легкие облачные нити растянулись с юга на север. Возможно, что там дует хороший южный ветер. Но взобраться на такую высоту сможет разве только стратоплан. А ему ветры — одна помеха.

Власов возражал. Разве ученые оговаривались, не вносили в теоретические расчеты поправки на неоднородность земной поверхности, трение слоев воздуха и прочее? Нельзя делать выводов из опыта нескольких часов полета. На-

ша задача не в том, чтобы непременно лететь на север, а в том, чтобы найти постоянные воздушные течения с юга на север и обратно. Постоянство же растёт с высотой.

— Мне не нравится в нашем режиме другое, — сказал Ханмурадов. — Тридцать шесть километров в час — черепашья скорость. Я уверен, что в воздушном океане имеются течения нужного нам направления гораздо большей скорости. Здесь есть, наверное, реки с ураганной быстротой течения. Сто — сто пятьдесят километров в час — вот это скорость! Я предлагаю еще поискать по вертикали то, что нам нужно.

— Течение, которое сейчас несет нас на северо-восток, по всей вероятности, совсем не постоянная воздушная река, а местное или временное передвижение воздуха. Быть может, к ночи эта река потечет вспять. Только на большой высоте можно ручаться за то, что мы имеем дело с постоянным потоком воздуха от экватора к полюсам, — продолжал настаивать Власов.

— Потечет или не потечет вспять река, которая сейчас несет нас на своих воздушных волнах, в этом мы также должны убедиться на опыте, — возражал Сузи. — Пока фактом остается то, что мы нашли воздушное течение, которое направлено от Кушки на Новосибирск. Это чрезвычайно важная воздушная трасса. Если нам удастся установить, что мы имеем на достигнутой высоте устойчивое воздушное течение, своего рода воздушный Турксиб, местные пасаты, то это может иметь огромное экономическое значение для безмоторного воздушного транспорта. И нелепо было бы бросать эту найденную трассу неисследованной... — Сузи помолчал. — В конце концов научным начальником экспедиции являетесь вы, товарищ Власов. Я только «шофер». Куда прикажете, туда и поведу!

— Я помирю вас, — сказал Буся. — Будем держаться настоящего курса до ночи. Если после заката солнца направление не изменится, идем этим курсом и дальше. Если «река потечет вспять», начнем поиски другой реки!

— Называется, поймал на слове! — рассмеялся Власов. — Ладно. Пусть будет по-вашему. Ждем ночи.

После обеда Сузи отправился в капитанскую рубку. Остальные разбрелись по каютам.

Площадь пола в каютах — около двух метров, высота — три метра. Просторная постель была подвешена над головой. Внизу оставалось достаточно места для небольшого стола и двух кресел. На столе — электрическая лампа под шелковым абажуром. Иллюминатор мог закрываться плотной занавеской. Около двери — умывальник с холодной и горячей водой. Для свободного движения оставалось не слишком много места. Но при желании люди могли ходить для моциона по застекленной веранде, которая шла вдоль всей гондолы, и по площадке, которая шла вдоль поверхности оболочки дирижабля рядом с рельсовым путем движущегося анемометра. При небольших высотах подъема на эту площадку можно было выходить и без теплого костюма и кислородной маски.

Все управление было настолько автоматизировано, что люди вполне могли положиться на «механических слуг». Оставалось лишь следить за регистрирующими аппаратами. Самопишущие приборы неустанно писали историю полёта, отмечая время, высоту, скорость, состав воздуха, электрические свойства атмосферы — все, что может интересовать аэролога, аэронавигатора, физика.

Электрифицированные кухни, ванна, прачечная упрощали хозяйственное и гигиеническое обслуживание.

Чтобы не брать слишком много кислородных баллонов для дыхания на больших высотах, был устроен особый аппарат. При помощи вентилятора внешний воздух втягивался в камеру, кислород отделялся от азота и других газов и в сгущенном виде поступал в баллоны, азот выбрасывался обратно в атмосферу вместе с аргоном, гелием, водородом, геокоронием. Водяные пары конденсировались. За их счет пополнялся самый дефицитный продукт — вода. Энергию для динамомашин давали аккумуляторы.

Ханмурадов вынимал из портфеля и раскладывал на столе книги, бумаги.

— Ханмурадов, иди ко мне! — послышался голос Сузи. — Подежурь, мне надо передать несколько радиogramм! — сказал Сузи, когда Ханмурадов вошел в капитанскую рубку.

Ханмурадов утвердительно кивнул головой. Сузи ушел. Ханмурадов остался стоять посреди каюты. Рассеянно посмотрел в большой иллюминатор в передней стене и вскрикнул — «вва!» — до того необычна была картина, которую он увидел.

«Альфа» шла в полосе перистых облаков. Заходящее солнце окрасило облака в розовый цвет. Облака сверху, облака с боков, облака снизу... Закон перспективы создавал из этих случайно разбросанных облаков подобие гигантского туннеля, в центре которого двигался дирижабль, бросая тень на правую верхнюю часть облачной стенки. Никогда еще Ханмурадов не ощущал пространства с такой почти физической осязаемостью.

Все стояли молча, неподвижно, почти подавленные. Воздушно-облачный туннель словно был создан из огнен-но-светящегося газа. Огненные языки, клубки, нити неуловимо, неустанно меняли формы. Низ туннеля начал гаснуть. Огненно-палевый цвет незаметно переходил в розовый, сиреневый, синий...

— Цветовая симфония! — тихо сказал Власов, словно боясь спугнуть своим голосом химерических птиц. Моторы не работали. Тишина была изумительная. Слова Власова прозвучали глухо, как из-за стены. Тишина словно поглотила звуки человеческого голоса. И снова пауза...

— На земле солнце уже зашло, — тоненьким голоском проговорил Буся. И снова молчание.

Солнце коснулось горизонта и начало медленно погружаться. Последний луч — зеленый луч! — редкое атмосферическое явление, и нет больше солнца.

Перистые облака высоко над «Альфой» еще пламенели несколько минут и погасли...

— Финита ля комедия! — сказал уже обычным своим голосом Власов.

Лампа ярко освещала кабину. Власов ходил три шага вперед, три назад, морщился, тер грудь и говорил:

— Ну, кто был прав? А? Я сейчас проверял записи. И что же? «Альфа» шла все медленнее.

Власов зевнул.

— Пойду приму лекарства да прилягу, пока астма не разыгралась... Э-хе-хе! — Он ушел побряхтывая.

— И в самом деле, лучше бы он сидел в своем Павловске, сказал Ханмурадов. — Расхворается — возись с ним!

— Власов — один из лучших наших аэрологов, — ответил Сузи. — Он не совсем здоров, и ему, конечно, нелегко дается такое путешествие. Но ты думаешь, он усидел бы в Павловске? В нем все время борется «бренное тело», которое просит покоя, с неутомимым духом ученого. Вот он раскряхтелся, о лекарствах, кровати заговорил. А ты думаешь, будет он лекарства принимать, ложиться в постель? Я уверен, что всю ночь с камерой просидит. Будет следить за ночной радиацией. — Сузи зевнул. — Ты-то сам хочешь спать?

— Н-нет... — ответил Ханмурадов и подавил зевоту.

— Нам надо установить вахты. Если ты не устал, то оставайся на вахте до восхода солнца. Следи за курсом, высотой, скоростью. Случится что — звони. Мотор работает. Буся тоже может спать до утра.

— Хорошо. Доброй ночи, — ответил Ханмурадов.

— Доброй ночи, — ответил Сузи и ушел.

Ханмурадов остался один.

Он погасил лампу и посмотрел в иллюминатор. В этой каюте было три окна — на носу и с боков. В переднем иллюминаторе виднелись звезды. Вот и Полярная звезда... Найти бы такое течение, чтобы идти прямо на Полярную!.. Ханмурадов посмотрел в правый иллюминатор. Внизу, словно зацепившись за облачную пряжу, сверкал желтый месяц.

Чтобы отогнать сон, Ханмурадов затянул песню. Полтона, полтора тона, полтона вниз, фермато... Полтона, полтора тона, полтона вверх, фермато... Два тона, полтона вниз, фермато... Восточный мотив.

Вошел Буся.

— Что в темноте воешь?

— А ты почему не спишь? — спросил Ханмурадов.

— Не спится, — коротко ответил Буся, щуря сквозь стекла очков глаза.

Ханмурадов зажег лампу.

— Спать надо, — наставительно сказал Ханмурадов. — С восходом солнца у нас начнется большая работа. Воздушную реку искать будем, которая на север течет. Течет! Над головой где-то течет, а поймай ее! В океане теплые течения — Гольфстримы разные, хоть по цвету воды отличишь. А тут ничего не видать! — Ханмурадов зашагал по комнате.

Дверь с треском раскрылась, и на пороге появился Власов. Он был возбужден. Глаза его засверкали.

— Сузи, где Сузи? — воскликнул он.

— Спать пошел, — ответил Ханмурадов. — Вы еще не ложились, товарищ Власов?

— Изумительная штука! Вот так пляска космических лучей!.. — И он вновь быстро вышел.

С первыми лучами солнца в капитанскую рубку вошел Сузи. Он приказал остановить моторы — больше не нужно было подогревать газ: солнце прогрело оболочку. «Альфа» быстро шла вверх. Потолок вчерашнего дня был превзойден, а «Альфа» все поднималась. Вертикальное воздушное течение — «воздушный гейзер» — выносило дирижабль в верхние слои тропосферы. Сузи внимательно следил за инструментами. Некоторое время направление полета не менялось. И вдруг на огромной высоте «Альфу» быстро понесло в северо-восточном направлении. Ханмурадов, несмотря на усталость, не уходил спать. Неужели они нашли, наконец, ту реку, которую искали? Река! Едва ли

это течение можно назвать рекой. Если «Альфа» действительно попала в слой, где горячие экваториальные токи несутся к северу, то это уже не река — это целый воздушный Гольфстрим, который должен низвергаться с заоблачных высот на ледяные северо-полярные пространства гигантским водопадом.

— Власов, вы спите?

— Нет! — послышался сердитый голос Власова.

Через минуту он вышел, хмурый, кислый, с красными глазами, небритый.

— И черт меня дернул... — начал он и не договорил, скользнув взглядом по аппаратам. — Ого! — воскликнул Власов уже совершенно иным тоном. — Скорость сто тридцать километров в час. Ураганная скорость! Направление полета на северо-восток. То, что мы искали! Эврика! — И тут же, вновь нахмурившись, он прибавил: — Рано еще радоваться. Воздушная стихия коварная штука. Посмотрим, что дальше будет... Совсем валюсь от усталости. Пойти, что ли, поспать часок... У меня-то ноченька была! Приходите посмотреть на мою камеру. Вы не только увидите, но и услышите космическую радиацию. Увидите вспышки на экране, услышите, как электроны и нейтроны, прилетевшие из неведомых глубин неба, барабнят, словно град по железной крыше, в пластинку микрофона. Ах... — Он зевнул и замотал головой. — Привык к своей кровати! А тут лезь на эти полати! — Он ушел.

А через четверть часа, облачившись в скафандр, он уже поднимался на верхнюю площадку, держа в руке, как гроздь гигантского винограда, шары-зонды с самопишущими приборами. Он выпустил шары и долго смотрел, как они, быстро уменьшаясь, летят в синеву неба, потом спустился в радиорубку и начал беседовать по радио со своими научными сотрудниками в Слуцке. Он горячился, волновался, хвалил и журил своих помощников. И болезнь и бессонная ночь были забыты...

Солнце заливало коридор гондолы. Внизу клубились тучи. Днем, вероятно, будет гроза. Но «Альфа» выше гроз!..

Ханмурадов побрел в свою каюту, разделся, лег на койку и уснул глубоким сном. Проснулся он только в полдень от звонка, созывавшего в кают-компанию.

Там он узнал хорошие новости. «Альфа» продолжала лететь все в том же направлении и с такой же скоростью. Лаврова к завтраку не вышла: она передавала срочные радиogramмы на землю.

— Теперь только бы нам не потерять нашей реки с наступлением ночи, когда оболочка остынет, — волновался Власов. — Надо принять все меры, чтобы удержать «Альфу» на этой высоте!

В час, когда по многолетней привычке Власов ложился в своем Павловске спать, он вновь разворчался, жаловался на грудь, но так и не ложился. Он не открывал глаз от альтиметра, барографа, термометра, поднимал шум и крик, когда «Альфа» снижалась хоть на несколько метров, потрясал кулаками над Бусей, когда он возился у регуляторов. Не доверяя аппаратам, надевал кислородную маску и бежал в легком костюме на крышу «Альфы» к движущемуся анемометру. Ханмурадов на ходу перехватывал Власова и силой заставлял надеть тужурку, шапку и перчатки: Ханмурадов начинал уже любить этого чудака ученого.

— Брось! Оставь! Не до тебя! — отбивался Власов. Но Ханмурадов не отпускал его, пока тот не сдавался и не одевался теплее.

«Завтра можно отправить на землю радиogramму о том, что „Альфе“ удалось найти воздушное течение, которое составляло цель экспедиции. Задача наполовину решена. Или подождать еще сутки?.. — подумал Сузи. — „Воздушная стихия — коварная“, — вспомнились слова Власова. — Да, пожалуй, самая коварная. Гораздо коварней водной. В конце концов пусть решает сам Власов, когда отправить радиogramму. Он научный начальник экспедиции!»

Утро нового дня началось, как обычно. «Альфа», подогреваемая солнцем, поднялась выше и шла неизменным курсом. К четверем часам дня оболочка раздулась предельно. В мягких дирижаблях пришлось бы выпустить, то есть потерять, часть газа во избежание разрывов оболочки. На «Альфе» холодильники регулировали температуру газа, и дирижабль, не теряя ни высоты, ни газа, продолжал свой полет.

Над головою — вечно безоблачное небо. Только самые легкие перистые облака поднимались выше «Альфы».

А внизу в этот день громоздились темные тучи. Воздушный океан! Есть ли что-либо более красивое, более захватывающее и... более изменчивое?..

Сузи вспоминал «огненный туннель» — эту блистающую лучезарную симфонию, которая вызывала такую торжественную радость.

Как не похоже на эту предзакатную песнь неба то, что сейчас видел Сузи!

Мрачные, сизые, бурые, свинцовые, иссиня-черные тучи клубились, пучились, вздымались, барахтались, перекатывались друг через друга. Они казались страшно тяжелыми. Битва гигантских слепых амеб. Так, вероятно, вращались, давили друг на друга горы остывавшей магмы, когда образовывалась земная кора... Так дрались за существование рожденные в море гигантские морские змеи и ящеры. Страшная, слепая сила! Иногда между этими копошащимися существами пробегали, как огненные змеи, электрические разряды. Глухо рокотал гром. Рычали разъяренные чудовища.

Но ведь и тучи и гроза были внизу, они не угрожали «Альфе».

Бой слепых чудовищ продолжался все с большим ожесточением. Верхние клубы туч вдруг начали срывать. Обрывки туч гонялись друг за другом, поднимаясь все выше и выше. Нет, им не допрыгнуть до «Альфы»!

Вошел Власов.

— Опять грудь болит! К непогоде! — Лицо его было озабоченно. — А внизу разыгрывается циклончик! Не хотел бы я теперь быть на земле, а еще того больше — в зоне этих облаков! Ишь, чертова мельница, как крутит!

И вдруг случилось то, чего никто не ожидал.

С западной стороны послышался гул, напоминавший гудение гигантского мотора. Гул приближался с молниеносной быстротой. Все произошло в одно мгновение: гул, переходящий в пушечную канонаду. Выстрел за выстрелом следовали так часто, что ухо воспринимало их как сплошной рев необычайной силы. Гигантское черное тело — «черная полоса», как уверял позднее Ханмурадов, — пролетело над «Альфой» и скрылось за горизонтом на востоке. «Альфа» вдруг завертелась волчком, ринулась вниз, перевернулась, легла на бок, пролетела несколько кругов по спирали и понеслась в полулежачем положении с быстротой смерча.

Сузи и Власов упали на пол. Их начало катать и бросать из стороны в сторону. То они падали на потолок, то вновь летели на пол. Вот Сузи бросило лицом на иллюминатор. Косматые тучи бились у самого стекла. Сузи едва успел

опереться руками, чтобы не расшибить голову. Но прежде чем его лоб коснулся толстого стекла, Сузи уже отлетел от иллюминатора и упал на стол с аппаратами. Ящик барографа с грохотом покатился на пол.

Власов лежал на полу и крепко держался за ножку стола.

— Моторы!.. Пропеллер!.. — крикнул аэролог.

Но капитан едва ли уже слышал его. Сузи ударился головой о потолок, тело его скользнуло в угол между потолком и стенкой и осталось лежать, неподвижное, безжизненное. А Власов съехал на нижнюю поверхность крышки стола. Оттуда он осторожно высунул голову, держась за край стола, перегнулся и крикнул в микрофон:

— Буся, заводи мотор! Все пропеллеры на полный ход! — Но Буся не отзывался. Вероятно, и он лежал без сознания.

«Альфа» повернулась еще раз. Тело Сузи грузно упало на пол возле самого стола. Власов также переместился на пол, схватил за ногу Сузи, подтянул его тело к себе, осмотрел. Кожа на виске Сузи была рассечена. Правая щека, ухо и подбородок в крови. Власов покачал головой, осторожно расстегнул и снял подтяжки и привязал ими Сузи к ножке стола. Выслушал грудь. Сердце билось, хотя очень медленно и едва слышно.

«Неужели и их всех перебило? — думал Власов. У него болел бок, спина, болела голова, колено на правой ноге быстро опухало. — „Альфу“ может спасти только тяга пропеллеров. Надо во что бы то ни стало запустить моторы...» Идти — об этом нечего и думать. Оставалось ползти, рискуя вновь оказаться грошиной в погрешке.

Власов успел ухватиться за дверь каюты Ханмурадова и вполз в нее. Кювета была пуста. Пуста и койка. Подушки, матрац, одеяло, полотенца, книги, ящики валялись на полу. Власов быстро подобрал одеяло, подушку, полотенце. Подушку привязал полотенцем к голове. «Сохранить голову сейчас — самое важное. Если ударом отшибет сознание — все кончено! Быть может, на всей „Альфе“ сохранился только один человек, не потерявший сознания!» Одеяло обернул вокруг торса и завязал вторым полотенцем. Так. Теперь он был защищен от ударов.

Власов кончил вовремя. «Альфу» вновь начало трепать. Она вертелась волчком и одновременно качалась вверх-вниз. Власов уцепился за дверь и ждал подходящего момента, чтобы скатиться к моторной рубке, как кегельбанный шар.

Есть! Покатился. Не докатился и пополз на стену. Уцепился за дверь каюты. Снова вниз, к моторам. Стремительное обратное падение до самого «дна» коридора и столь же стремительное возвращение к моторной каюте вместе с бездыханным Бусей.

Удача! Они так вдвоем и влетели в машинное отделение. Только бы не вылететь обратно. Власов развязывает полотенце и этим полотенцем привязывает Бусю к оградке возле мотора. «Еще один пристроен!»

Запустить мотор! Черт возьми! Если бы Власов знал, как это делается!.. Ухватившись за оградку возле мотора, он сидел и размышлял, пытаясь «логически» объяснить назначение частей. Положим, несколько раз он присутствовал при том, как Буся запускает мотор. Надо вспомнить... «Как бы только не наделать еще больших бед... Конечно, я знаю устройство мотора, но принцип — одно, а практика — другое... Если, скажем, так... Но раньше надо дать

горючее...»

Ханмурадов крепко спал, когда началась авария. Его несколько раз кинуло к потолку, прежде чем он проснулся и понял, что случилось. Вскочил на кровать. Больно стукнулся теменем о потолок. Снова лег и начал обдумывать положение. Конечно, надо немедленно бежать в капитанскую рубку!

И Ханмурадов, соскочив с кровати, ступил шаг к двери, упал и начал измерять своим телом пространство в трех измерениях. Он был силен, ловок, сообразителен и через минуту уже приспособился к неожиданным броскам, научился использовать их направление. Выбрался в коридор и, цепляясь, прыгая, катаясь от двери к двери, направился к капитанской рубке. Возле радиорубки он задержался. Лаврова! Что с ней? Быть может, она убита, тяжело ранена?.. Он приоткрыл дверь радиорубки и бомбой подлетел к рабочему креслу радистки.

Лавровой посчастливилось больше других. В момент аварии она работала, сидя в кресле. При первом же толчке радистка успела ухватиться за подлокотники кресла и в паузах между толчками пристегнула себя ремнями.

Правда, и ее положение было не легким. Минутами ей приходилось висеть вниз головой, когда «Альфа» переворачивалась вверх дном. Но Лаврову не трепало, не било, не бросало. Она была целехонька. И умудрялась даже посылать на землю радиogramмы, сообщая о том, что происходит с «Альфой».

— Ты жива? Невредима? — радостно вскричал Ханмурадов, цепляясь за кресло.

— Как видишь! — отвечала Лаврова. — Что произошло? Ты не знаешь?

«Альфу» вновь перевернуло вверх дном. Ханмурадов, не выпуская ножек кресла, повис в воздухе.

— Ничего не знаю. Я спал. Мне надо идти. Мы должны победить бурю. Держись, Лаврова!

Ханмурадов разнял руки и перелетел к двери.

Лаврова застучала на аппарате.

Ханмурадов скрылся за дверью. «Альфа» опустилась кормой, и ближайшее машинное отделение, которое находилось на носу, оказалось почти над головой Ханмурадова.



Ханмурадов посмотрел вверх, увидел голову Власова.

— Жив? — крикнул ему Ханмурадов.

— Прыгай сюда, когда «Альфа» перевернется. Я не могу завести мотор! — в свою очередь, крикнул Власов.

— Ожидать некогда. Там есть веревка. Привяжите ее к чему-нибудь и спустите конец! — вновь крикнул Ханмурадов.

Власов не без труда нашел, закрепил и спустил веревку.

Ханмурадов ухватился за конец и начал карабкаться с кошачьей быстротой. Но натяжение веревки вдруг начало ослабевать. Она складывалась петлями. «Альфа» перекинулась на нос, и Ханмурадов свалился на голову Власова.

* * *

Мотор отказывался работать, захлебывался. Ханмурадов подполз к иллюминатору и заглянул в стекло.

— Этот мотор нам не поможет. Пропеллер сломан, — сказал он. — Придется пробраться в кормовой мотор. Но едва ли он будет работать при такой качке, — сказал Ханмурадов.

— Дело дрянь, — отозвался Власов. — Мы во власти циклона. Не циклон, а настоящий смерч. Нас несет с бешеной скоростью.

— Но как мы попали в циклон?

— Теперь нам надо подумать о том, как выбраться из него и прежде всего как помочь нашим раненым. Видишь, Буся до сих пор не приходит в себя.

— А Сузи?

— Тоже лежит без памяти, привязанный к столу в своей рубке.

— Попали в переплет! — потрянул головой Ханмурадов.

— Ну что ж, лезем в кормовой отсек гондолы!..

Кормовой мотор удалось завести. Но выйти из циклонического течения с помощью одного пропеллера не удавалось. К счастью, положение скоро изменилось к лучшему. Так как центр тяжести всей системы находился внизу, то «Альфа» повернулась гондолой вниз, как только ее перестало вертеть. Но она продолжала нестись вместе с циклоном в восточном или юго-восточном направлении. Власов объяснил Ханмурадову эту перемену. Он вынул записную книжку и набросал чертеж.

— В циклоне частицы воздуха двигаются как бы по винтовой линии. Нас трепало, пока мы не вышли из этого «винта». Теперь нас несет по линии вот этой стрелки.

— А скорость какова?

— Бывают циклоны, которые движутся со скоростью всего сто пятьдесят — двести километров в сутки. А бывают и такие, что пробегают в сутки и две тысячи километров. В такой циклон нам, вероятно, и посчастливилось попасть. Ну, однако, об этом мы еще поговорим. Теперь нам надо о другом подумать. Иди приведи в чувство Сузи, а я Бусю на свое попечение возьму. Надо их уложить на койки и привязать. Пока мы не расстались с циклоном, с нами могут случиться еще всякие неприятные неожиданности...

Печальное зрелище представлял собой экипаж «Альфы». Сузи ходил с забинтованной головой. Буся прихрамывал, Ханмурадов жаловался на боль в боку. Власов совсем расклеился. Он даже пожелтел и вспоминал о своем тихом, милом Павловске, уютном кабинете, метеорологической обсерватории, послушных шарах-зондах, «которые без всяких хлопот и без риска для челове-

ка добывают нам сведения о верхних слоях атмосферы». И если бы не дрозодилы, он совсем затосковал бы. Власов взял с собою в полет мух-дрозодил, чтобы наблюдать, как влияют космические лучи на мутацию.

— Это очень важно. Мы все больше овладеваем стратосферой, — говорил он. — Мы еще совсем не знаем, как влияют космические лучи на организм человека. Дрозодилы — очень тонкий «реактив» на лучистую энергию.

Если количество летательных (смертельных) генов, возникающих у дрозодил под влиянием космических лучей, не увеличится, значит, и для человека эти лучи не представляют опасности.

В сущности говоря, — продолжал он объяснять Лавровой, которая заинтересовалась его дрозодилами, — абсолютно вредных физических факторов, как и химических веществ, нет. Все дело в количестве. Тяжелая вода смертоносна в большой пропорции и стимулирует развитие организмов, будучи примешана к обычной воде в малых дозах. Так и с космическими лучами. Ведь под их действием находятся все растения и живые существа на земле. Биология только недоучитывала этого фактора. Кто знает, быть может, вся эволюция видов произошла и происходит под действием этой космической лучистой энергии. Жаль только, что «Альфа» не летит в стратосфере, в лучшем случае она поднимается лишь к ее границам. Но все же мы получаем здесь гораздо больше космических лучей, чем на земле, и это должно отразиться на дрозодилах.

— А быть может, и на нас самих? — спросила Лаврова.

— Быть может, и на нас, — ответил Власов. — Как — хорошо или плохо — мы еще не знаем. Я иногда не прочь пофантазировать. Кто знает? Быть может, через несколько десятков лет люди построят в стратосфере этаким искусственный спутник Земли и на нем лабораторию. Под влиянием мощных космических излучений начнет происходить сильнейшая мутация у подопытных насекомых и животных. «Искусственная эволюция»! Быть может, нам удастся создать совершенно невиданные, новые, более совершенные формы животных и растений, подвергая их действию космических лучей.

— И, быть может, получим мутацию человека в сверхчеловека?

— А все может быть! Ведь, в сущности говоря, мы только начинаем проникать в тайники мастерской природы, в тайны ее производства!

Лаврова задумчиво смотрела сквозь стекло в ящик, где весело перелетали и суетились крупные мухи-дрозодилы. Они так беззаботны! Они не знают, вероятно, и не чувствуют, что незримые потоки лучистой энергии пронизывают их тело и вызывают глубокие изменения в их организации, в их генах — носителях жизненного начала и качественных признаков их потомства.

«А мы, люди?.. Все ли мы сознаем это? Все ли мы знаем, что ничто, никакое изменение нормальных условий — не проходит для организма, для нас, безрезультатно?.. Быть может, у стратосферных пилотов будут исключительно даровитые дети!»

Размышления Лавровой были прерваны голосом Сузи. Он звал к себе Власова. Аэролог отправился в капитанскую рубку.

Сузи сидел, наклонившись над картой. Бинты закрывали его голову, лоб и подбородок. Возле Сузи сидел Ханмурадов и рассеянно глядел в иллюминатор.

— Ты не слушаешь меня! — строго сказал Сузи сквозь сжатые зубы. Бинт мешал ему открыть рот.

— Нет, я слушаю, — рассеянно ответил Ханмурадов.

Вошел Власов. Сузи повернул к нему голову и поморщился — заболела шея.

— Наша судьба, — начал Сузи, — похожа на судьбу Колумба. Он шел открывать морской путь в Индию, а открыл Америку. Мы, вместо того чтобы «открыть» Северный полюс, «открыли» пустыню Гоби.

— Разве она была закрыта? — сострил Власов, вспоминая Маяковского, который хотел «закрыть Америку, чтобы открыть ее вновь».

— К сожалению, и полюс и Гоби открыты и никто их не закрывал, — улыбнулся углом губ Сузи. — А факт все-таки тот, что нас занесло в пустыню Гоби. Я сейчас самоопределился. Долгота — сто пять, широта — сорок пять градусов.

Власов рассмеялся.

— Неплохие результаты! — воскликнул он. — Мы находимся, значит, примерно только километров на триста севернее Ташкента.

— Зато на восток нас отнесло тысячи на две километров! — сказал Ханмурадов.

Он встал, подошел к иллюминатору и посмотрел вниз. «Альфа» летела на высоте всего шестисот метров. Ее темно-синяя длинная тень медленно ползла по желто-серым пескам пустыни. Что за унылый вид! Ни деревца, ни кустика, ни животных, ни человеческого жилья. Пески, пески, пески, раскаленные жгучими лучами солнца. Воздушный столб, который, пожалуй, может поднять своим могучим восходящим током планер с места. Весь день от пустынь идет вверх этот горячий ток воздуха. Какая благодать для орлов!

Вот он, «птичий царь», парит, распластав неподвижно крылья, невдалеке от «Альфы». Ханмурадов видит даже, как орел время от времени поворачивает голову к «Альфе». Дирижабль раздражает воздушного хищника. Налетит ли он, как налетел час назад один орел на «Альфу»? Хорошо, что оболочка дирижабля металлическая. Мягкому дирижаблю досталось бы от острого орлиного клюва и когтей!

Орел неподвижно парит в воздухе и зорко смотрит вниз. Что он там заметил? Какая добыча может быть здесь для орла? Едва ли в этой пустыне живут даже тушканчики, суслики. Может быть, змеи, ящерицы...

Ханмурадов шарит глазами по песчаной равнине. Что могло заинтересовать орла?

— Вот, прочти радиотелеграммы. Эта от Осоавиахима, эта от секретаря Ташкентского обкома — ответы на наши донесения. — Сузи протягивает две бумажки, написанные рукой Лавровой. — Ответ на наши сообщения об аварии. Радуются, что все мы живы, выражают твердую надежду на то, что мы найдем так неожиданно утерянную воздушную реку.

— Это все отлично, — говорит Власов. — Но мне гораздо интереснее было бы знать, какой метеор, болид или чудовищный снаряд «контузил» нас, вывел из курса и бросил в объятия циклона.

Сузи усмехается.

— Об этом говорит третья, только что полученная телеграмма. Ты знаешь о постройке ракетного дирижабля, который должен был лететь со скоростью двух — трех тысяч километров в час? Так вот, его построили досрочно и пустили в опытный полет. Он-то и был тем «метеором», который наделал нам бед. Капитан стратосферного ракетного дирижабля товарищ Нипковский шлет нам свои извинения, огорчения и прочее. Наша радиограмма об изменении курса, оказывается, не была принята из-за атмосферных разрядов. И Нипков-

ский полагал, что мы находимся севернее и в более низких слоях. Его «Ураган» только набирал высоту, пробираясь к стратосфере. Хорошо еще, что «Ураган» не угодил в «Альфу». Недурная получилась бы картина столкновения «космических тел»!

Появился второй орел, третий... Почуяли какую-то добычу.

— Нам надо немедленно начать подъем в поисках нашей реки. Я уже приказал Лавровой отправить радиограмму о том, что мы поднимаемся, — продолжал Сузи. И, повернув с гримасой боли голову к рупору, он крикнул: — Буся! Останови холодильники! Мы поднимаемся.

— Смотрите! Смотрите! — вдруг крикнул Ханмурадов. — В пустыне человек!

— Ну и что же? Какое нам дело до человека в пустыне? — ответил Сузи. — Буся! Да куда же он запропастился?

— Рядом с ним еще кто-то... не разберу. Человек машет белым флагом! Он призывает на помощь!

Власов и Сузи подошли к иллюминатору. Ханмурадов показал, где находились люди, затем схватил бинокль.

— Он машет нам! Он зовет нас на помощь! — продолжал Ханмурадов. — Рядом с ним прыгает полуголый мальчик и машет платком или тряпкой. Палатка, несколько ящиков... Два верблюжьих труппа...

Бинокль начал переходить из рук в руки.

— Быть может, остатки научной экспедиции? — сказал Власов, кладя бинокль на стол. — Как быть? — И Власов пытливо посмотрел на Сузи.

Капитан подумал минуту и ответил:

— Возня с этими людьми задержит нас. Но мы не можем изменять традиции нашего воздушного и морского флота — приходить на помощь пострадавшим. Нам придется снизиться.

Власов вздохнул с облегчением.

— Теперь, вместо того чтобы закрывать холодильные установки, придется усилить их работу. Водород в оболочке должен быть сильно охлажден, чтобы спуститься на эту горячую сковородку пустыни при жгучих лучах солнца.

Уже после того, как аппараты показали, что подъемная сила газа равна нулю, «Альфа» еще медленно поднималась в воздухе восходящим воздушным током. Пришлось снова и снова охлаждать газ, пока, наконец, «Альфа» не начала плавно снижаться. Во второй раз за время путешествия пустили в ход пропеллеры, чтобы подойти ближе к затерянным в пустыне людям.

Гондола «Альфы» мягко села на песок. Так как гондола имела вид дуги, то, чтобы избежать качания, на носу и корме были установлены выдвигные опоры. Опущенные до земли, они придавали дирижаблю устойчивость. Якорей бросать не нужно было: воздух был совершенно недвижим.

Полуголый, почти черный от загара мальчик прыгал на ящике, махал над головой грязно-желтой тряпкой и неистово кричал:

— Хо! Хо! Хо!

Мужчина с флагом из наволочки, спотыкаясь на песке, побежал к гондоле.

— Эввива! Эввива! — кричал он.

— Итальянец, — заметил Власов.

Белый фланелевый костюм итальянца был грязен и измят. Пробковый шлем сдвинут на затылок. Черная седеющая борода всклокочена. На си-

зо-красном носу лупилась кожа. На ногах — желтые краги, вместо ботинок — синие выцветшие носки.

Мальчик, соскочив с ящика, помчался вприпрыжку за итальянцем.

— Пить! Пить! Пить! — было второе слово, произнесенное человеком в носках на итальянском, французском и немецком языках.

Невысокий трап был спущен. Итальянец и мальчик-китаец взошли на открытую палубу «Альфы». Итальянец тотчас сел на пол, схватился за ноги, потер ступни, застонал, рассмеялся, вскочил опять на ноги, снова застонал, вытер правую ладонь о карман фланелевой тужурки, снова рассмеялся и протянул руку Бусе, который стоял впереди.

— Альфредо Бачелли! — Затем, подходя к Власову, продолжал: — Профессор археологии Болонского университета! — Пожимая руку Сузи: — Академик. Член-корреспондент Британской академии наук. Почетный член Парижской... Гарвардского универси... Ой, ноги! — И он вновь уселся на палубу и начал стягивать носки. Его красные ноги опухли, на подошвах вздулись водяные подушки. — Эти бандиты украли даже мои ботинки! — пожаловался он. — Я обжег ноги. Пить! Ради бога, пить! Я умираю от жажды!



Он был похож на помешанного.

Мальчик уселся в уголок, обхватил руками колени и сидел неподвижно.

Лаврова принесла в термосе холодную лимонную воду, Ханмурадов бутерброды с маслом, шоколад, печенье, яблоки.

Бачелли почти вырвал термос из рук девушки и жадно выпил все до последней капли, не поднимаясь с пола. И, только отдавая пустой термос, он поблагодарил Лаврову, протянул руку и назвал себя, перечислив скороговоркой свои чины, ученые степени и должности. Это заняло бы мелким шрифтом обе стороны визитной карточки.

Говорил он на итальянском языке.

— Лаврова Евгения Петровна! — в свою очередь, по-итальянски назвала себя девушка. — Радистка дирижабля «Альфа».

— Ляф-рро-фа? — переспросил удивленно Альфредо Бачелли. — Русская? А они?.. — И он показал рукой на остальных членов экипажа.

— Есть и русские — я, товарищ Власов, и еврей — Шкляр, узбеки товарищ Сузи, капитан, и Ханмурадов...

— Товарищи? Совет? Большевики? — воскликнул Бачелли. Лицо его изобразило почти ужас. Он сделал попытку встать — уж не хотел ли он бежать с «Альфы»? — но тотчас шлепнулся на палубу, некоторое время таращил на всех глаза, потом попытался любезно рассмеяться.

— Это так неожиданно... но... все равно. Благодарю вас. Вы спасли меня. Я умирал от голода и жажды. Я съем только маленький бутерброд и яблоко. Я знаю меру. Воды пить можно много, есть много сразу нельзя. Вы владеете итальянским языком? — удивился Бачелли, вновь обращаясь к Лавровой.

— Да, и английским, немецким, французским, греческим, испанским. Такова моя профессия.

— А они? — спросил Бачелли, поглощая бутерброды.

— Можете разговаривать с ними по-французски, по-немецки. С Власовым и по-английски, с Бусей Шкляром, кажется, и по-итальянски. Ведь ты знаешь итальянский, Буся?

Шкляр утвердительно кивнул головой.

— О! — удивился Бачелли. — Да со мной ведь мальчик. Он тоже, наверно, хочет пить. Где же он? Куда девался? Неужели убежал? Сун, Сун! — кричал Бачелли.

Все начали искать китайца. Лаврова обратила внимание на то, что исчез и Ханмурадов.

— Наверно, Ханмурадов повел мальчика напоить, вымыть, накормить.

Сузи вызвал по телефону Ханмурадова, и тот ответил, что мальчик в ванне. Все в порядке.

— Можно сниматься? — спросил Сузи, обращаясь к Бачелли.

— Как сниматься? — вскричал тот. — А мои научные коллекции? Археологические материалы величайшей ценности! Мировая научная сенсация! Редчайшие музейные экспонаты! Я никуда не двинусь с места, пока последняя пуговица времен Кублай-Хана не будет уложена на борт вашего дирижабля.

— Ну, в последней пуговице Кублай-Хана не много веса. А сколько весу во всем вашем научном багаже, господин профессор? — спросил, улыбаясь, Сузи.

— Я не торговец, и мои экспонаты не кипы хлопка, чтобы их оценивать по весу! — воскликнул оскорбленный профессор.

— Мы также не торговцы и также умеем ценить археологические предметы материальной культуры, — спокойно ответил Сузи. — Но вы должны знать, профессор, что грузоподъемность дирижабля ограничена. Во всяком случае, мы сделаем все возможное.

Сун явился умытый, одетый в широкую для его худенького тела трикотажную майку и трусики. Он улыбался во весь рот. Археологу принесли войлочные туфли, самые большие, какие нашлись в кладовой. Но их едва натянули на распухшие ноги Бачелли. Кряхтя и охая, опираясь на руку Власова, профессор Болонского университета спустился по перрону и поплелся к своей палатке. Один Сузи остался на борту «Альфы».

Ханмурадов шел позади и ворчал в затылок Бусе:

— Еще одну развалину берем на свою голову!..

— Главное — он задержит нас. И если мы возьмем слишком много груза, нам трудно будет подняться на ту высоту, где течет наша река! — говорил Бу-

ся.

— Ну, спасти людей — я понимаю, — продолжал Ханмурадов. — Но разве мы для того летим, чтобы музей древностей таскать на Северный полюс и обратно?

От трупов верблюдов тянуло падалью. Рои синих мух, неведомо откуда прилетевших, уже кружились над вздувшимися трупами. В небе парили орлы и коршуны. Возле палатки стояли восемь больших ящиков. Буся нашел еще три, полузанесенных песком. Очевидно, Бачелли провел уже не один день на этой стоянке.

Возле ящиков разразилась настоящая драма.

— Вот здесь, — почти кричал разгоряченный Альфредо Бачелли, — находятся древнейшие рукописи на шелку! И это оставить? Здесь «бирки» — связки почтовых палочек, на которых писались срочные донесения. Скороходы переносили эти палочки-письма от одной почтовой станции до другой. Тут целая история торговой, политической, экономической жизни страны. И это бросить? Оставить коршунам и шакалам? В этом ящике ткани, ковры с вытканными рисунками и надписями. В этих двух — древнейшие каменные изваяния.

— Еще этого не хватало, чтобы мы тонны камней взяли с собой, — проворчал Ханмурадов. Он попробовал приподнять один, другой ящик. К его удивлению, они оказались легче, чем он предполагал. Зато ящик с каменным изваянием невозможно было сдвинуть с места.

Ханмурадов решительно подошел к Альфредо Бачелли и сказал по-немецки:

— Господин профессор! Вы опасаетесь того, что, оставленные здесь, ваши экспонаты могут пропасть. А подумали вы о том, будут ли они в полной сохранности на борту дирижабля?

Археолог стремительно сел на ящик, словно Ханмурадов ударил его под колени, и посмотрел на загорелого узбека расширившимися глазами. Ханмурадов понял, что привело в такой ужас археолога, и усмехнулся.

— Вы слишком напуганы бандитами, господин профессор. Нет, вы можете не беспокоиться. Мы не собираемся выбросить вас за борт с высоты десяти тысяч километров и присвоить ваше имущество. Но наша экспедиция — исключительно рискованная. Мы ищем воздушные течения на неизведанных высотах воздушного океана.

Наш дирижабль уже едва не погиб. Мы летим на Северный полюс, а оттуда — в Узбекистан.

— На полюс! — фальцетом выкрикнул Бачелли.

— Да, на Северный полюс. Нам угрожают многочисленные опасности. Мы рискуем погибнуть в тайге, в тундрах, во льдах Арктики, в полярном море. Оставить вас здесь, конечно, нельзя. Даже если мы снабдим вас водой и провизией на месяц — большего мы не сможем, — одни вы все равно неминуемо погибнете. Вы должны лететь с нами, если хотите спасти свою жизнь. Но прежде чем брать на борт хотя бы одну пуговицу с халата вашего уважаемого Кублай-Хана, вы должны двадцать раз подумать, стоит ли это делать. Вот все, что я хотел вам сказать, чтобы в дальнейшем не произошло никаких недоразумений. Мы не берем никакой — запомните это, — никакой ответственности за сохранность ваших экспонатов и вашей драгоценной жизни. И еще одно:

мы и так потеряли с вами много времени. И мы уже не сможем больше опускаться в пути, чтобы высадить вас в населенной местности. Мы имеем приказ — лететь без остановки прямо на север, и мы обязаны выполнить его! Теперь все. Подумайте же хорошенько, как вам поступить.

Добрую минуту Альфредо Бачелли сидел, как в столбняке. Кровь прилила к его лицу, и оно стало багровым.

Неожиданно он взвизгнул, взмахнул руками, соскочил с ящика и, забыв о своих больных ногах, побежал вокруг палатки, потрясая поднятыми кулаками и вопя:

— Если так, пусть я лучше погибну! Да! Да! Пусть мой труп растерзают коршуны! Мой труп! Он будет охранять мои сокровища! Даже эти шакалы американцы не осмелятся переступить через мой труп! Или же мое проклятие падет на их голову, и их постигнет страшная кара в сем мире и в будущем!..

Ханмурадов фыркнул и сказал по-русски:

— И это говорит не старая ханжа в юбке, а профессор!

— Успокойтесь, коллега! — вмешался Власов, пытаясь этим обращением смягчить Бачелли, мозг которого явно работал ненормально. — Все устроится. Вернемся благополучно, я уверен в этом... Отберите наиболее ценное и легкое, и мы живо перетащим на борт...

Протяжно, все повышая тон, завывала сирена на борту «Альфы». Ханмурадову сначала даже показалось, что завывал Альфредо Бачелли; надрывный звук сирены хорошо передавал настроение археолога.

Сузи, наблюдавшему с борта дирижабля, видимо, надоело ждать: вместо того чтобы скорее переносить груз, они занимаются какими-то дискуссиями.

Спустившиеся ниже орлы при звуке сирены поднялись выше и разлетелись в стороны.

По мере того как сирена, дойдя до самых высоких, душераздирающих нот, начала понижать тон, и Бачелли стал как будто приходить в себя. Он перестал бегать, тряхнул головой и с видом приговоренного к смерти сказал:

— Хорошо. Я бессилен, я принимаю ваши условия. Я принимаю. Я... Где топор? Где молотки? Сун, Сун, бездельник! Ломайте ящики!

Завизжали гвозди, затрещали доски, одна за другой поднимались крышки ящиков, открывая подлинные драгоценности, при виде которых всякий археолог пришел бы в неистовый восторг.

Начался второй акт трагедии. Альфредо Бачелли откладывал одно, брал другое, снова откладывал, ругался, плакал, проклинал, торговался с самим собой, суетился, призывал небо, грозил адом...

Музейные редкости понемногу переносили на борт «Альфы».

Солнце стояло уже совсем низко над горизонтом, а Бачелли все рылся, отбирал, неистовствовал... Наконец работа была закончена. Оставалось забить оставшиеся ящики и зарыть в песок. Но тут археолог потребовал, чтобы взяли хоть один ящик с каменными изваяниями, хоть одну статуэтку из ящика — вот эту высеченную из камня фигурку лежащего верблюда. Сирена уже кричала, не умолкая, все устали и нервничали.

— Хорошо! — сказал Ханмурадов. — Я возьму этого шелудивого верблюжонка. Но с одним условием, господин профессор. Если будет крайняя необходимость, я выброшу его за борт, как балласт. Согласны?

Альфредо Бачелли зарычал, стиснул кулаки и, свирепо глядя на Ханмурадо-

ва, ответил:

— Хорошо! Хорошо-о-о! Но выбросите только со мною вместе. Согласны? Да! Да! Это мое условие.

И, не ожидая ответа Ханмурадова, он взял на руки, как ребенка, тяжелую статуэтку и понес на дирижабль, охая и вскрикивая от боли. Лаврова помогла ему. Буся и Власов поддерживали под руку, но Бачелли кричал как иступленный:

— Не надо! Оставьте меня в покое! Я сам!

...Альфредо Бачелли, приняв ванну, храпел в отведенной ему каюте, а экипаж «Альфы» работал всю ночь в поисках воздушного течения. «Альфа» почти вертикально поднималась все выше и выше. По мере того как она переходила от одного слоя к другому, ее направление менялось. Вначале ее понесло на запад, на высоте трех тысяч метров дирижабль попал в сильное северо-западное воздушное течение. Не была ли это «река», которая течет от полюса к экватору, возвращая тропическим странам охлажденные массивы воздуха?.. Наконец, поднявшись почти на семь километров над землей, «Альфа» пошла на ССВ — курс, наиболее близкий к искомому «воздушному Гольфстриму».

Два, три часа после полуночи курс не изменялся.

— Что ж, теперь можно и отдохнуть, — сказал Сузи. Ханмурадов предложил капитану заменить его до восхода солнца, но Сузи не соглашался. — Ты провозился с багажом этого археолога весь день и устал больше меня, — сказал он Ханмурадову. — Идите все спать. Я останусь один.

К утреннему чаю Альфредо Бачелли явился неузнаваемый. На нем был новый чистый фланелевый костюм, борода и усы аккуратно подстрижены, волосы гладко причесаны. Только на ногах были войлочные туфли. Сун разыскал в палатке Бачелли ботинки, которые археолог считал похищенными, но надеть их на опухшие ноги Альфредо Бачелли не мог. Войлочные туфли немного портили общий опрятный и даже элегантный вид профессора. Бачелли протер стекла золотых очков чистым бледно-палевым шелковым платком, поправил синий галстук с белыми горошинами и уселся за общий стол.

Его словно подменили. Любезно улыбаясь, он обвел глазами всех и в самых изысканных выражениях попросил извинения за свое вчерашнее поведение.

— Это все действие треволнений, жажды, голода, палящего зноя, — сказал он. — Увы, человек во многом еще остается рабом окружающей природы! Вы не испытывали на себе действие сирокко? Оно сказывается не только в физическом недомогании. Изменяется весь ваш жизненный тонус. Вас охватывает сплин, как говорят англичане. Вас ничто не интересует, ничто вам не дорого, гнетущая тоска...

— Говорят, изменение солнечной радиации под влиянием солнечных пятен оказывает огромное влияние на самочувствие некоторых больных, — заметил Ханмурадов.

— Не говорят, а так оно и есть. Влияние солнечных пятен на биологическую жизнь земли огромно, — сказал Власов.

— Я когда-то читала рассказ, — сказала Лаврова, — о двух влюбленных, которые поднимались на высокую гору. С подъемом их настроение, их характер изменялись. Они начали ссориться, любовь утратила все очарование.

— И что же с ними стало, когда они спустились с горы? — заинтересовался Ханмурадов, пытливо глядя в глаза девушки.

Лаврова рассмеялась и ответила:

— Конца рассказа я не помню. Кажется, они разошлись в разные стороны... — Чайная ложка со звоном выпала из рук Ханмурадова. — А может быть, они и женились, — добавила Женя, лукаво поглядев на него.

— На вашей «Альфе» влюбленным, во всяком случае, не угрожают такие ужасные испытания! — сказал Бачелли. — У вас здесь, в гондоле, идеальный климат. Не жарко, не душно, дышится легко, воздух озонирован. Я прямо ожил после этого ада пустыни!

— Простите, профессор, за вопрос, — обратился к археологу Ханмурадов. — Мы нашли вас в пустыне Гоби, которую более шестисот лет назад пересек ваш соотечественник — венецианец Марко Поло. В этом нет никакой связи?

— Самая тесная, — ответил Бачелли. — Я решил пройти весь путь Марко Поло. Сравнить то, что было во времена Поло, с тем, что есть сейчас. Увы, печальное сравнение...

У Альфредо Бачелли была странная манера рассказывать: скажет фразу и сделает паузу, словно диктует секретарю.

— От Бао-тоу через весь Китай, Монголию, Западный Тибет и Восточный Туркестан. Такой путь намечал я...

Пустыня! Пояс пустынь... К северу и к западу от Китая лежит пустыня Гоби. Желтовато-серый песчаный океан. К западу от Гоби — пустыня Такла-Макана и Туркестана. Еще западнее цепь пустынь тянется через Персию, Месопотамию, Аравию к Синаю и простирается в Африку — пустыни Ливии и Сахары...

Гоби, Такла-Макан, Соленая, Каменистая, Красная песчаная, Малая Нафуд, Дехна, Эггих, Ливия, Сахара...

От Тихого до Атлантического океана через весь Старый Свет простирается гигантская сухая зона-лента.

— Почему она образовалась? — спросил Ханмурадов, воспользовавшись паузой.

Археолог молчал.

— Потому что до этой зоны не доходят влажные ветры океана, — пояснил Власов.

— ...Она подобна руслу высохшей реки, — продолжал Бачелли, — пересекающему весь земной шар.

Путь от Бао-тоу на запад. Суровые, безотрадные коридоры. Их пересекают высочайшие горные хребты...

Лухунская впадина близ Турфы! О! Самое низкое и самое сухое место на земном шаре. На двести метров ниже уровня моря. Прототип лунных морей. По местным преданиям, именно здесь был рай. Теперь это ад. Раскаленная печь.

Во дни карбона пустыня утопала в зелени, была населена животными. Я находил в песках кости мастодонта, древнейшего носорога, предка лошади, на камнях я находил отпечатки больших стрекоз и рыб каменноугольного периода.

Даже в исторические времена, всего за двести лет до нашей эры, эти пустыни были еще цветущим садом, местом хорошо организованной жизни. Сады, каналы, города, пастбища...

По коридору — по узким каньонам, среди лесов и полей, которые теперь стали пустынями, проходила знаменитая «шелковая дорога» — самая длинная

и самая старая караванная дорога на земле. Уже во времена Соломона по ней двигались караваны верблюдов, нагруженных драгоценными шелковыми тканями. Из Китая в Тир и Сидон, а позже — морем в императорский Рим.

Города-крепости были нанизаны, как бусы, на эту «шелковую нить». Гарнизоны солдат защищали дорогу от нападения гуннов. Этой дорогой около шестисот лет до нашей эры шел ученый Гуань Цзян и составил карту. У меня есть прекрасная копия. Карта помогала мне если не находить дорогу, то отыскивать занесенные теперь песчаными дюнами крепости — хранилища археологических кладов.

Этой дорогой около 1270 года шел и Марко Поло искать счастья при дворе Кублай-Хана.

И эта страна, этот великий караванный путь погибли от вторжения иноземцев. Тамерлан, двигавшийся от Самарканда, пронесся по стране как смерч. Каналы были разрушены, вся система орошения уничтожена, города, крепости сровнены с землей, жители убиты или уведены в плен. Без воды погибли растения. Пески занесли людские кости и развалины — все, что осталось от цветущего края...

Я раскапывал песчаные могилы и извлекал сокровища двухтысячелетней давности. Ковры, шелка, статуэтки, утварь времен Кублай-Хана и Марко Поло вновь увидели свет солнца.

Я ходил по улицам городов, само имя которых стерлось в памяти людей...

Вы не можете представить себе, какое наслаждение испытывал я, притрагиваясь руками к этим древним стенам, перебирая в руках трепещущую шелковую ткань двухтысячелетней давности... Сухой климат отлично сохранил их.

Да, для всего этого стоило рисковать жизнью! И теперь вы поймете, почему я так дорожу моими сокровищами...

Я решил собрать археологические экспонаты для римского музея, относящиеся, по возможности, к XII–XIII векам. Но я, как уже сказал, начал свое путешествие в обратном направлении — с востока на запад. Увы! Я не сделал и полпути! Дошел только до Гоби, и там бандиты — проводники и носильщики бросили меня... Быть может, это были агенты теперешних властителей Северного Китая, а быть может, подкупленные американцами. И мои сокровища, которые принадлежат моей родине, попадут в музей Бейпина или Вашингтона... — Археолог в унынии опустил голову.

— Я не допускаю мысли, чтобы американские ученые пошли на подкуп проводников и обрекли вас на гибель! — сказал Власов.

— Бандиты бежали от меня ночью, похитив верблюдов, запасы воды и продуктов. Со мной остался только один Сун, который спал в моей палатке. Они не хотели, вероятно, брать с собой мальчика, который им был бы мало полезен в пути.

Сун уже успел рассказать Ханмурадову о событиях, предшествовавших побегу. Бачелли во многом был виноват сам. С небольшими средствами и запасами он легкомысленно пустился в рискованную экспедицию. Для проводников и носильщиков скоро стало очевидным, что им всем угрожает смерть от голода и жажды, если они не вернуться. Но Бачелли не хотел и слышать о возвращении... Он, как маньяк, настаивал на своем продвижении вперед, все вперед, во что бы то ни стало. Горячие уговоры, бурные сцены продолжались

несколько дней. Бачелли упрямылся. И китайцы-проводники ушли, оставив ему два здоровых верблюда и записку: «Мы будем ждать вас сутки на обратном пути. Одумайтесь и приезжайте!»

Бачелли был уверен, что «одумаются» и вернутся они. И ожидал, пока оставленные верблюды не подошли. Так он сам обрек себя на гибель. И только неожиданный прилет «Альфы» спас ему жизнь.

В это утро Альфредо Бачелли много рассказывал о Марко Поло — о том, что тот видел во время своих двадцатичетырехлетних странствований.

Какими сказочными казались венецианцам рассказы Марко Поло об источниках (теперешние нефтяные порты Баку и Батуми), «из которых масло бьет в таком изобилии, что им можно нагрузить одновременно сто кораблей!» О «масле», которое «не годится для пищи, но хорошо для горения и смазывания верблюдов, больных чесоткой», о «железных воротах» Александра Македонского — стенах Махачкалы, о персидских овцах с курдюками в 12 килограммов, о странном виде, таинственных звуках «поющих песков», о миражах пустыни Гоби, о необычных «волокнах», которые не горят, приготовленных из неизвестного тогда в Европе минерала (асбеста), о «камнях, которые горят жарче дров», о Кублай-Хане, о его дворце, в котором вмещалось 6 тысяч гостей, о почтовых станциях, на которых имелось для курьеров 300 тысяч лошадей, о скороходах, увешанных колокольчиками, чтобы по их приближающему звуку готовились в путешествие курьеры, о быстроте этих скороходов, которые вечером доставляли хану фрукты, сорванные утром на расстоянии десяти дней обычного пути.

Альфредо Бачелли порылся в карманах, вытащил колокольчик и позвонил.

— Подумайте только! Вот этот самый мелодичный звон слышали люди, жившие семьсот лет назад!

Да, Альфредо Бачелли был очень любезным и интересным собеседником в это утро.

Итальянцы склонны к быстрым переменам настроения. По-видимому, у Альфредо Бачелли эта национальная черта проявлялась особенно резко. И экипажу «Альфы» очень скоро пришлось познакомиться с необычайной резкостью перемен в характере земляка Марко Поло.

«Альфа» находилась в сотне километров от озера Байкал. С высоты, на которой находился дирижабль, уже отчетливо видны были длинные, изогнутые, как челн, очертания глубочайшего озера.

Но прежде чем «Альфа» достигла Байкала, горизонт начало заволакивать тучами. Они шли навстречу «Альфе». Барометр падал.

— В воздухе пахнет грозой, — сказал Власов, потирая грудь.

Тучи зарождались вблизи дирижабля. Словно «из ничего» вдруг появилась туманность, уплотнялась, росла вверх, вздымалась буграми. Воздух был перенасыщен водяными парами, с севера подул холодный ветер, и «фабрикация туч» происходила с необычайной быстротой. Дирижабль вновь относилось на юг. Власов и Сузи нервничали. Воздушная река обманула. Уже в двухстах километрах от Байкала направление ветра изменилось на встречное северо-восточное, и Сузи принужден был снизить дирижабль. Нашел южное течение, которое несло их к Байкалу, а вот теперь, на той же высоте, снова поднялся встречный ветер. Надо подниматься, чтобы уйти от этого ветра и туч.

Но прежде чем «Альфа» начала подъем, разразилась гроза, и какая! Такой

грозе позавидовали бы и тропики. «Альфа» пробиралась сквозь паутину молний. Каждую секунду можно было ожидать прямого удара в стальную оболочку дирижабля.

Воздух был насыщен атмосферным электричеством. На остриях металлических частей аппаратов вспыхнули трепещущие огни св. Эльма. В радиорубке вдруг появился голубоватый шар и начал медленно двигаться. Шаровидная молния! Лаврова, не делая резких движений, выскользнула из радиорубки. Голубое яблоко последовало за ней, быстро пронеслось по коридору и влетело в открытую дверь камбуза, где в это время находился Сун. Он неистово закричал и забился под табуретку. Шар покругился и исчез в душнике.

Альфредо Бачелли сидел в своей каюте, дрожа как в лихорадке. Он боялся грозы. В его руках была металлическая палка, на которую он опирался, — ноги его все еще болели, и он не расставался с палкой, ее Сун сделал из железного прута. И вдруг Бачелли услышал, что его палка запела! Да, да! Она издавала жуткий жужжащий звук и вибрировала в руке. Бачелли в недоумении поднял палку. Ее конец пришелся недалеко от алюминиевого стула. Из палки с сухим треском выскочила искра и перепрыгнула на ножку стула, где исчезла. Бачелли закричал громче Су-на, бросил палку, взобрался на койку, укрылся одеялом и зарыл голову в подушки. Гром гремел не умолкая. Дирижабль качало. Койка лихорадочно дрожала...

«Койка дрожит оттого, что я дрожу, или же я дрожу оттого, что она дрожит?..» — размышлял археолог.

И вдруг он вспомнил о своих драгоценных ящиках. Три ящика стояли на открытой палубе, и один из них, по мнению Бачелли, был привязан к фальш-борту недостаточно крепко.

Воображение Бачелли заработало.

«Альфа» качается из стороны в сторону... Веревка ослабеваает, ящики выскальзывают из пут и беспорядочно движутся по палубе... «Альфа» делает резкий крен... Ящик летит вниз через тучи и падает в Байкал, — «Альфа», наверно, сейчас летит над озером. И ящик погружается в бурные волны... Шелковые ткани с древними письменами... Непрочитанная история минувших веков...

— Ящик, мой ящик! — безумным голосом кричит Бачелли. Забыт животный страх перед грозой. Археолог сбрасывает на пол одеяло, подушки, прыгает с койки, катится по полу, поднимается и без палки, ковыляя больными ногами, направляется в коридор. Глаза расширены, волосы всклокочены, руки протянуты вперед...

— Куда вы? — останавливает его Буся.

— Ящики! Мои ящики! — вопит Бачелли и, почти падая на каждом шагу, добирается до двери на открытую палубу и пытается открыть ее.

— Остановитесь! Образумьтесь! — кричит вслед Буся, бежит за Бачелли, шатаясь от качки. А Бачелли уже открыл дверь, вышел на палубу и ползет на четвереньках к заветным ящикам. Ослепительный гром, громогласный свет. Именно так воспринял Буся это мгновение: «ослепительный гром» и «громогласный свет». Блеск молнии и удар грома произошли одновременно.

Буся щурит глаза, открывает их. Темно. Но вот видит распростертого ниц Альфредо Бачелли. Тело археолога движется к двери. Буся схватывает ногу, втягивает профессора в коридор и прихлопывает дверь. Неужели Бачелли убит молнией?.. Буся поворачивает тело профессора вверх и видит перед со-

бой совершенно новое лицо — без золотых очков, без бороды и правого уса. А левый ус лихо поднят. Нос, закрытые брови, глаза будто профессорские. Очки, наверно, упали. Но почему же Буся не видит бороды и правого уса? Или молния повредила зрение Буси? Шкляр проводит рукой по подбородку Бачелли. Совершенно гладкий, словно только что от парикмахера... Буся, стоя на коленях, раздумывает над необычным явлением. Коридор ярко освещается, но это уже не голубой свет молнии, а багрово-красный луч солнца, прорвавшийся сквозь тучи. Гром еще гремит, но уже внизу. «Альфа» стремительно поднимается, вырывается из полосы туч. Недаром Буся так старательно разогрел газ. Свет меркнет и вновь вспыхивает, уже золотисто-белый — солнце светит с голубого неба.

— Кто это? — спрашивает Власов. — Что такое? Профессор сбрил бороду и один ус? Наверно, гроза помешала ему добриться. Он расшибся? Жив?

— Ящички... — тихо произнес Бачелли и открыл глаза.

Стакан холодной воды, спирт к вискам — и Альфредо Бачелли пришел в себя. Опираясь на руку Власова, он прошел в кают-компанию.

— Иногда молния оставляет настоящие фотографические снимки на коже человека — например, изображения веток, листьев, которые находились вблизи во время удара молнии. Листок отпечатывается темно-синим цветом со всеми зубчиками, жилками, со всеми подробностями, и эта татуировка остается на всю жизнь.

Не менее изумительно и непонятно ведет себя и шаровидная молния. Однажды она проскользнула под платьем женщины, раздула его, прошла под корсажем и вышла на груди, порвав лишь белье. Иногда такая молния убивает наповал. Так был убит один полковник. На его лбу остался лиловый отпечаток металлического шара, который был прикреплен вверху палатки. Размер отпечатка и шара точно соответствовали друг другу...

Конечно, достоверность многих из этих фактов следовало бы еще проверить, но некоторые необычайные проделки молнии не подлежат сомнению. Свидетелями одного из них мы и являемся.

Подумайте, сколько увлекательнейших загадок задает нам молния! Мы научились уже искусственно воспроизводить ее, но пользоваться далеко еще не умеем. Взять хотя бы вопрос о том, почему молния то убивает, то нет. Почему одни трупы убитых разлагаются необычайно быстро, другие — в нормальное время; одни убитые сидят в той позе, в какой их застиг смертельный удар, другие обугливаются, испепеляются.

Или это — амальгамирование, фотографирование, молниеносная татуировка...

Власов, вероятно, еще долго рассказывал бы о проделках молнии, но его рассказы были прерваны неожиданным образом.

Вошел Сун. Увидев своего «господина профессора» с одним вздернутым усом, он вдруг схватился за бока и начал так хохотать, что все его худенькое тельце сотрясалось.

Альфредо Бачелли вдруг взбесился.

— Молчи, крысенок! — закричал он и, выскочив из-за стола, бросился на мальчика. Сун с проворством ящерицы убежал в коридор.



Бачелли бушевал. Его единственный ус нервно дергался.

— Довольно! Довольно с меня, я не желаю быть на положении пленника! Спускайте меня немедленно на землю.

— Примите бром, господин профессор, и ложитесь отдохнуть! — решительно сказал Ханмурадов. — Ваши нервы не в порядке. Когда вы отдохнете, мы поговорим.

И, несмотря на его протесты, Буся и Ханмурадов увели археолога в каюту, раздели и уложили. Лаврова заставила его выпить бром. Он повиновался, как ребенок, поблагодарил и скоро уснул.

На другой день к утреннему чаю Альфредо Бачелли явился вновь любезным и кротким. Он сбрил свой ус и выглядел помолодевшим. Но Бачелли уже привык к усам и бороде и очень беспокоился о том, отрастут ли волосы, сбритые молнией. На это никто не мог дать ответа.

— Весь вопрос в том, повреждены ли волосяные луковицы, — ответил Власов. — Через пару дней, во всяком случае, узнаем, является ли молния наилучшим средством для уничтожения растительности.

— А мне, знаете ли, пришла в голову одна идея, — с некоторым смущением сказал Альфредо Бачелли после чая. Он вынул из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. — Я думаю о том, как бы скорее окончить это путешествие. Вы понимаете, что я больше всех заинтересован в этом. И вот я придумал... Я, конечно, не специалист, но моя мысль так проста, что я удивляюсь, почему никто из вас...

— В чем же заключается ваша мысль? — спросил Сузи, поглядывая на сложенный листок.

— А вот в чем, — ответил Бачелли и развернул бумагу. На ней был нарисован контур дирижабля. И посредине оболочки нечто вроде гигантского зонтика.

— Парусная оснастка в виде зонтика, охватывающего в середине корпус дирижабля. «Зонтик» можно складывать, когда дирижабль движется тягою пропеллеров, и раскрывать, когда идет по течению... Ветер сам раскроет его.

Сузи едва заметно усмехнулся — одними глазами — и спросил:

— И вы полагаете, что свободно летящий, без пропеллеров, дирижабль будет двигаться быстрее, если его оснастить парусами?

— Как же иначе? — удивился Бачелли. — Разве не для этого делают паруса на кораблях? Чем больше парусов, чем сильнее ветер, тем быстрее идет корабль!

— На море несколько иное, — ответил Сузи. — На море вода только поддерживает корабль, поддерживает и тормозит его ход, двигает же корабль ветер, надувая паруса. А у нас «Альфа» висит в воздухе, поддерживаемая газом в оболочке, который легче воздуха, и несется вместе с воздушным течением.

— Но ведь и на море могут быть течения! Или на реке... Лодка идет вниз по течению. Ее несет течение воды. Люди гребут веслами — лодка течет еще быстрее. Если ветер попутный и поставит парус, лодка поплывет еще быстрее. Ведь так?

— Совершенно верно, — спокойно ответил Сузи. — В приведенном вами примере мы имеем сложение трех сил: течение воды, отталкивание при помощи весел и сила ветра. Но ведь в нашем случае мы имеем только одну силу — силу воздушного течения. Тут складывать нечего. Сколько бы вы парусов ни ставили, дирижабль не ускорит своего полета ни на один сантиметр по сравнению со скоростью самого ветра, потому что именно с такой скоростью он и движется. Посмотрите на ленты за бортом, они неподвижны.

— Все-таки не понимаю! — откровенно сознался Бачелли.

Сузи подумал и сказал:

— Быть может, такой пример вам покажется понятнее. Представьте себе, что под водой существует течение. В этом течении находится подводная лодка. Винт не работает — испорчен. Лодку несет по течению. И вот, чтобы ускорить ход лодки, моряки решают сделать «парус» вроде вашего или в виде плоскостей, поставленных поперек течения. Ускорит ли это ход лодки? Конечно, на заднюю поверхность плоскости «паруса» вода будет давить. Но с такой же силой «встречная» вода будет надавливать на переднюю поверхность плоскостей. Сила давления сзади будет уравниваться силой сопротивления впереди, а скорость останется прежней — равной скорости подводного течения.

Бачелли хлопнул себя по лбу.

— Понял! — Аккуратно разорвал чертеж на четыре части, положил в карман и вздохнул. — Значит, ничем нельзя ускорить движение «Альфы»?

— Наоборот, очень можно, — ответил Сузи. — Ведь воздушные течения имеют различную скорость. Нам надо найти течение на север максимальной быстроты. Это мы и делаем, ищем, хотя, к сожалению, до сих пор не очень успешно. Однако отчаиваться не приходится. Каждый час, каждую минуту мы можем напасть на течение, которое понесет «Альфу», быть может, с эксплуатационной скоростью пассажирского самолета.

— Будем надеяться! — сказал Бачелли и заковылял в каюту, кисло улыбаясь непривычно новым и «голым» ртом.

Однажды вечером Бачелли бродил по коридору «для моциона» перед сном. Его заинтересовала надпись на двери одной каюты: «Клуб». Бачелли открыл дверь и вошел. Осмотрелся.

Две стены уставлены полками с книгами. Третью занимал большой экран. У четвертой рядом с дверью виднелась клавиатура, вделанная прямо в стену. Посреди комнаты стоял квадратный стол с поверхностью из матового стекла размером 60х60 сантиметров. У книжных полок — три небольших столика. Несколько стульев, кресел...

В комнате полумрак. Только белая поверхность стола, за которым сидел Ханмурадов, ярко освещена падающими сверху лучами. Археолог подошел поближе и увидел, что Ханмурадов читает световое увеличенное изображение книжной страницы.

— Добрый вечер, профессор! Очень хорошо, что вы зашли к нам в клуб! — приветствовал Ханмурадов Бачелли.

— Добрый вечер, — очень любезно ответил Бачелли. Он был в хорошем настроении: ему удалось разобрать труднейшую китайскую надпись на шелковой ткани. — Вы читаете при помощи проекционного фонаря?

— Да. Только особой конструкции, — ответил Ханмурадов. — Страницы книги сняты на пленке. Вот я поворачиваю «ключ», и страница переворачивается. — На столе появилось изображение новой страницы. — Могу увеличить размер. Не правда ли, удобно? Целый том — в одной маленькой катушке. Кроме книг, которые вы видите на полках, мы имеем в этой комнате пять тысяч томов, и все они помещаются в небольшом ящике... Когда мои глаза устают, я трансформирую световое изображение в звуковое. И теперь электрический диктор читает мне.

— Очень удобно, — согласился Бачелли. — А этот экран для кино?

— И для кино и для телевидения. Не хотите ли посмотреть те места, над которыми вы пролетали, а также и те, по которым проходил ваш Марко Поло? Садитесь в это кресло.

Ханмурадов включил аппараты. На экране появились красочные стереоскопические изображения городов, гидростанций, фабрик, заводов...

— Баку. Город «масла, которым лечат верблюдов от чесотки», как писал Марко Поло, не называя Баку, который, уж не знаю, существовал ли в то время.

Бачелли увидел «вполне европейский» город, широкие чистые улицы, сады, бульвары, цветники...

— Почему же я не вижу за городом буровых вышек?

— Их больше нет, — ответил Ханмурадов. — Техника бурения изменилась.

Нефть из недр земли сама поступает по трубам прямо на заводы. Ни одна капля не вытекает больше на поверхность. Воздух Баку пахнет розами, а не нефтью. А вот вам и «мертвая, безжизненная пустыня», по которой, быть может, брел Марко Поло.

— Но какая же это пустыня! — удивился Бачелли. — Я вижу фруктовые сады, хлопковые поля, прекрасные дороги...

— А между тем еще в начале новой эры, которую мы ведем от Октябрьской революции, эта цветущая страна была мертвой песчаной пустыней. Дайте срок, и великие песчаные моря Гоби, Сахары, Ливии превратятся в такие же цветущие сады... когда мы примемся за это дело!

Вот «караванные пути». Они стали гладкими, как стекло. Смотрите, не верблюды — корабли пустыни, а современные автомобили мчатся по асфальтовым дорогам. А у руля, смотрите, кто? Наша узбечка. «Пленница гарема»! Метаморфоза?

Вот наши воздушные поезда — цепочки «буксирных» планеров тянутся на север...

Сибирь... Механизированные лесорубки... Золотые прииски... Metallургические заводы... Оленеводческие колхозы и совхозы... Заполярные поля и огороды... Что, если бы на все это посмотрел ваш Марко Поло и рассказал своим соотечественникам?

Вы, быть может, хотите посмотреть то место, над которым мы сейчас пролетаем?

— Но под нами тучи, и сейчас ночь!

— Ничего. У нас зоркие глаза. Прошу вас присесть вот к этому столику.

Бачелли уселся возле стола с матовой стеклянной поверхностью.

— Это аппарат прямого дальновидения. Не телевизор — прожектор освещает поверхность земли под нами «невидимыми» лучами, которые проходят сквозь туман и облака. Невидимое отражение земной поверхности поступает через оптические приборы в аппарат, который «невидимое» делает видимым. Можете любоваться.

Бачелли увидел город у реки, расходящиеся лучами дороги, огромный мост через реку, аэродром, с которого в этот момент снимался большой моноплан. По мере продвижения «Альфы» двигалось и изображение на столе.

— Занятная игрушка! — заметил Бачелли.

— Без этой игрушки, — несколько наставительным тоном сказал Ханмурадов, — нам было бы труднее ориентироваться и вы, профессор, окончили бы свое невольное путешествие значительно позднее.

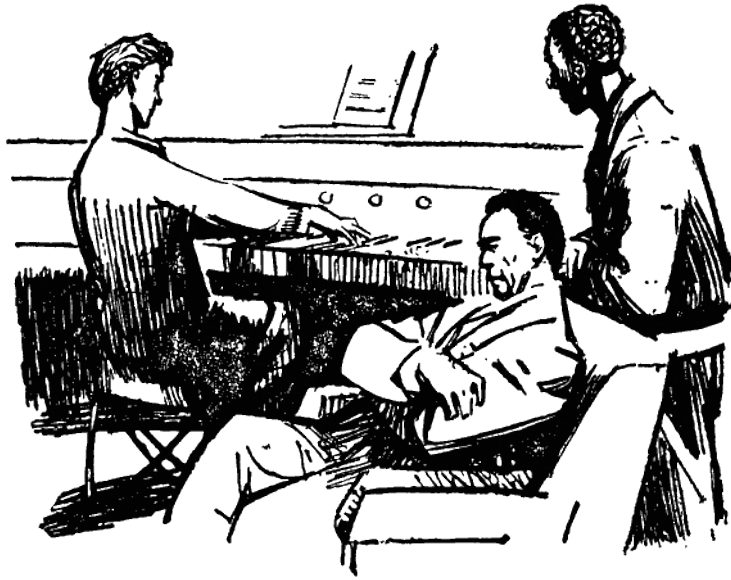
— Ну, а вот эта странная клавиатура, приделанная к стене?

— Новый музыкальный инструмент. Электрический рояль, — ответил Ханмурадов. — Лаврова хорошо играет на нем. Я позову ее. Лаврова! — вызвал Ханмурадов по телефону радистку. — Ты не очень занята? Приходи в клуб. У нас гость, профессор Бачелли. Поиграй нам на электророяле.

Лаврова пришла, поздоровалась с профессором и уселась за клавиатуру. При первых же звуках Бачелли насторожился. Как почти все итальянцы, он был музыкален.

— Что это? Рояль? Орган? Человеческие голоса? Хор? Скрипки? Струнный оркестр? — тихо спросил он.

— Все что угодно, — улыбаясь, ответил Ханмурадов.



Они замолчали. Лаврова продолжала играть. Бачелли невольно поддался очарованию этой необычайной, своеобразной музыки.

— Изумительно! — наконец воскликнул он, не будучи в силах выдержать тон равнодушия.

Бачелли вернулся в свою каюту во втором часу ночи. Он долго и тупо смотрел на застежку времен Кублай-Хана. Строгая работа мозга археолога, жившего в тысячелетиях прошлого, была серьезно нарушена.

«Живой газетой» на «Альфе» была Лаврова. Печатать и вывешивать на стене получаемые ею радиogramмы о «последних новостях на земле» не было времени. И Лаврова обычно рассказывала содержание важнейших радиogramм за чаем или обедом.

В день, когда «Альфа» летела над Бодайбо, Лаврова получила интересное сообщение.

За утренним чаем она поздравила Ханмурадова с тем, что его помощники достигли больших успехов в полевом безмоторном транспорте. Воздушные столбы оправдали себя. Планеры перевозят почту, правда пока только между двумя пунктами. Но есть и изменники принципу «свободного парения». Вилли Улла приспособил педальную велосипедную передачу к пропеллеру и пускает его в ход, когда планер «слабеет», не долетев до места. Молодежь очень увлекается этими «воздушными велосипедами».

Ханмурадову захотелось скорее вернуться в Узбекистан и посмотреть на воздушные велосипеды.

Второе сообщение было очень важное. Стратостат «0-14» сообщал о высоте, на которой «Альфа» могла найти вновь потерянную воздушную реку. Возможно, что все прежние реки и были лишь местными воздушными течениями, поэтому «Альфа» и теряла их.

Сузи очень заинтересовался этим сообщением. Его смущала только высота. Она была очень значительна. Доберется ли до нее «Альфа», в особенности отяжеленная археологическим грузом?

Подъем начался. Но «потолок» «Альфы» оказался значительно ниже уровня «полярной реки». Власов, Сузи, Шкляр и Ханмурадов начали совещаться, как быть.

На «Альфе» имелось некоторое количество балласта. Но его нельзя было выбрасывать при подъеме. Балласт хранился только на случай аварийного па-

дения.

— А мы еще верблюжонка каменного прихватили с собой! — ворчал Ханмуратов. — Один этот верблюжонок съел, наверное, не одну сотню метров высоты! К черту бы его, за борт! Я заявил Бачелли, что мы не берем никаких гарантий за сохранность!

— За борт? Нет, это не годится, — возразил Сузи. — Надо найти иной выход.

— Тогда я предлагаю вот что. Верблюжонка и один археологический ящик мы торжественно спустим на парашюте. У нас их достаточное количество. Спустим в населенной местности, предварительно оповестив местное население по радио. И все будет в порядке.

На этом порешили. Власов взял на себя дипломатическую миссию подготовить Альфредо Бачелли.

— Как? Бросать с высоты нескольких тысяч метров археологические уники, которым нет цены? — вскричал возмущенный археолог.

— Не бросать, а спускать на парашюте, тихо и плавно.

— Нет, нет и нет! — возражал Бачелли. — Я протестую, я не позволю, слышите? Я лягу на ящики и не встану. Это насилие, варварство, дикость!

Он вопил, стонал, кричал все время, пока шли приготовления, словно готовились казнить его ребенка. Схватился за голову, убежал в каюту, тотчас вернулся назад. В этот момент парашют отделился от «Альфы» и стремительно пошел вниз. Бачелли театрально вскрикнул. Парашют раскрылся и начал плавный спуск. Археолог облегченно вздохнул.

Он долго стоял у иллюминатора, провожая глазами маленькую белую точку, пока она совсем не исчезла в облаках.

Успокоился он только тогда, когда было получено известие, что парашют найден, ящики целы, груз по железной дороге будет отправлен в Италию.

— Ну вот, видите, — говорил Сузи археологу, — ваши экспонаты придут в музей даже раньше вас. Надо было спустить таким образом весь ваш научный багаж.

— Профессор! Я получила радиogramму, которая, как мне кажется, должна заинтересовать вас, — сказала Лаврова, появившаяся в капитанской рубке. — Корреспондент «Таймса» сообщает, что английская археологическая экспедиция...

— Что? Экспедиция Гриволла? Нашла зарытый мною клад?

— Вы угадали, профессор!

— О небо, за что ты караешь меня! — воскликнул Бачелли. — Сколько несчастий на мою голову! Они, как шакалы, гнались за мной по пятам...

— Мужайтесь, профессор, не падайте духом, и вы перенесете все удары и превратности судьбы! — в том же тоне мелодрамы, но с веселыми искорками в глазах сказал Сузи.

Капитан был в хорошем настроении. «Альфа», сбросив груз «древней истории», легко поднялась до «полярной реки» и пошла по течению.

Бачелли сидел на стуле и глядел на потолок, словно призывая в свидетели «всемогущее небо».

— Все, все заберут, все, до последнего камушка, до последней тряпочки, и увезут в Британский музей... Марко Поло! Тебе хотел я воздвигнуть памятник, создать музей твоего имени. Я отдал этому делу себя, свои средства, я рисковал жизнью... Зачем она мне теперь? Капитан! — крикнул Бачелли, переводя

глаза с потолка на Сузи. — Капитан, я вас прошу — на этот раз прошу! — многозначительно сказал Бачелли. — Спуститесь вниз и высадите меня на землю.

— Вполне сочувствую вам, но это невозможно, — мягко, но решительно ответил Сузи.

Бачелли подумал.

— В таком случае, спустите меня на парашюте!

— В этом я также должен отказать вам.

— Но почему? — начал кипятиться Бачелли. — Разве вы не спустили на парашюте груз? Я знаю, у вас имеются лишние парашюты. Вы, ваша «Альфа» освободитесь еще от лишнего груза, это вам будет только на пользу.

— Вы спускались когда-нибудь на парашюте, господин профессор? — спросил Сузи.

— Никогда!

— В том-то и дело. Это искусство, и искусство большое. Не всякий парашютист рискнул бы прыгнуть с такой высоты. Леденящий холод. Кислородная маска затрудняет спуск. Падение может ошеломить вас. А растерявшись, вы не сумеете и раскрыть парашюта. Нет, я не могу обречь вас почти на верную гибель. Пока вы на борту «Альфы», я отвечаю за вашу жизнь!

— Никто не возлагает на вас эту ответственность! Я сам могу распоряжаться собой!

— Здесь, на «Альфе», распоряжаюсь только я, — твердо ответил Сузи.

— Ах, вот как! — взвизгнул археолог. — Ну, посмотрим! Посмотрим!.. — И Альфредо Бачелли вышел из каюты, ни на кого не глядя.

— Не надо было передавать Бачелли это сообщение, — сказал Сузи, обращаясь к Лавровой. — Ну да что сделано, то сделано.

Пришел Буся, и Сузи рассказал ему о новом конфликте с Бачелли. Шкляр вдруг улыбнулся — ему пришла в голову одна затея. Шкляр изложил свой план. Сузи улыбнулся и вызвал Альфредо Бачелли. Тот явился нахмуренный, заранее готовясь протестовать.

— Господин профессор, — обратился Сузи к Бачелли. — Обстоятельства изменились. Сейчас товарищ Шкляр сообщил мне, что «Альфа» вновь пошла на снижение. Нам необходимо облегчить вес дирижабля, чтобы не потерять высоты. Ваше желание может быть немедленно приведено в исполнение. Ханмуратов готовит парашют.

Мы привяжем вас и сбросим вниз вместе с остатками ваших археологических грузов.

— Я вам не балласт, не мешок с песком, чтобы меня сбросить! — запальчиво ответил Бачелли.

— Но ведь вы только что сами просили меня об этом! — удивленно ответил Сузи, едва сдерживая улыбку.

— Да, просил, настаивал, — отвечал Бачелли. — Но то, что вы предлагаете сейчас, совершенно иное. Этого я принять не могу. Это оскорбительно для меня!

— Значит, вы отказываетесь?

— Решительно и категорически! — ответил Бачелли. — Я прошу послать телеграмму нашему правительству, итальянским консулам в Китае, чтобы они приняли меры для охраны моих археологических находок. А я... я переступлю борт «Альфы» только вместе с вами, когда ваше путешествие окончится.

И, гордо закинув голову, он вышел.

Шкляр громко рассмеялся.

— Власов заболел! — озабоченно сказал Ханмурадов капитану.

— Что с ним? — спросил Сузи.

— Слег. Суставы болят. Температура — тридцать восемь и восемь десятых. Предупреждал я его, чтобы не лазал легко одетым на вышку шары-зонды пускать. Простудился. И приступы астмы усилились. Начал я искать его знаменитое лекарство, нитроглицерин, — без него Власов, как без воздуха, — пузырек оказался разбитым. Наверно, когда «Альфу» в урагане трепало.

Ханмурадов крякнул. Его густые черные брови были озабоченно сдвинуты.

— Чувствовал я, что доставит нам Власов хлопот!

— От болезни никто не застрахован, — строго заметил Сузи. — Придется нам снизиться и положить его в больницу. Идем к больному!..

— Снизаться из-за меня? Терять время, а быть может, и направление? Нет, это не годится! — ответил Власов, выслушав Сузи.

Лицо профессора осунулось. Глаза впали. Да, он был серьезно болен, хотя и бодрился.

— Глупости! У стариков всегда кости ломит. Отлежусь, — Власов хватил воздух широко открытым ртом и потер грудь. — Вот... Только без лекарства трудно... Астма душит...

Вошла Лаврова. Поправила повыше подушку под головой Власова.

— Как вам дышится? — Покачала головой. — Вам надо показаться врачу, товарищ Власов.

Ханмурадов хлопнул ладонью по своему бронзовому лбу.

О заочном лечении мы и забыли с тобой, Сузи! Для чего же Буся и трудился — оборудовал «Альфу» «последними достижениями науки и техники»!

Шкляра вызвали на консультацию.

— Почему же вы мне раньше не сказали о болезни товарища Власова? — спросил Буся своим тоненьким певучим голоском и тотчас принялся за работу.

Ханмурадов помогал ему. Лаврова ушла в радиорубку — вызвать профессора Крейна, доктора, который постоянно лечил Власова.

Буся установил возле кровати больного аппараты, и скоро доктор Крейн, сидя у себя в ленинградском кабинете перед приемным аппаратом, изучал своего пациента: его дыхание, пульс, кровяное давление. Внимательно просмотрев на экране кривую работы сердца и само сердце, проверил температуру, заставив Бусю прикоснуться электрическим термометром к телу Власова.

Покончив с этим, на минуту задумался — ставил диагноз. Затем сказал по радиотелефону:

— Поживем еще, поработаем, профессор!

Власов слабо улыбнулся.

— Я же говорил, что это неопасно.

Сузи вошел в каюту.

— Я уже отправил радиограммы в Москву и Ленинград о болезни товарища Власова. Сейчас я лично поговорю по радиотелефону с председателем комитета нашей экспедиции. Я думаю, мы найдем выход.

Через полчаса все переговоры были закончены. Крейн дал заключение: «В отправке на „Альфу“ врача в настоящий момент нет надобности. Но медика-

менты необходимо доставить срочно». Ленинград сообщил: «С медикаментами вылетает стратоплан „Ураган“. Он снизится на пути прохождения „Альфы“ и передаст медикаменты летчикам ближайшего аэродрома, которые на аэроплане и передадут посылку „Альфе“».

— «Ураган»! Тот самый, который едва не погубил нас! — воскликнул Шкляр.

— Что ж, ему представляется случай загладить свою неловкость, — ответил Сузи.

— Стратоплан передаст посылку на лету? — спросил Ханмурадов.

— Да, на лету, — ответил Сузи. — «Альфа» будет продолжать полет.

Ханмурадов тряхнул головой.

— Нелегкое задание! Правда, аэропланы передают на лету друг другу почту и даже переливают бензин по шлангу. Но у аэропланов скорость полета одинакова, и им необходимо только лететь в одном направлении и возможно ближе друг над другом. Этак я, пожалуй, смог бы и сам перескочить с одного аэроплана на другой...

— Ветром сдуло бы! — сказал Шкляр.

— Разве что ветром! — согласился Ханмурадов. — Но у нас задача сложнее. «Альфа» летит сейчас со скоростью всего восемьдесят километров в час. Аэроплан же — минимум двести двадцать, его собственная скорость, да плюс скорость ветра.

— Ради такого случая мы можем отступить от нашего принципа безмоторного летания, — сказал Сузи. — Перейдем на винтомоторную тягу.

— И все же разница в скорости будет значительная. Нелегко сбросить с автомобиля на полном ходу груз в проезжающую арбу. Если же эти «автомобиль» и «арба» летят на высоте восьми тысяч метров...

— А аэроплан возьмет такую высоту? — спросил Власов, внимательно слушавший. Он тяжело дышал, со свистом.

— Наши аэропланы забираются на высоту двенадцати километров и выше, профессор.

— Но то аэропланы специальной конструкции и оборудования.

— Найдутся и здесь такие! — уверенно ответил Сузи.

Лаврова работала, не отрываясь от аппаратов. Она сообщала о курсе «Альфы», принимала сообщения о подготовке стратоплана к полету, о старте, о самом полете...

Гигантский крылатый снаряд, изрыгая огонь и дым, уже пронесся выше облаков через тысячекилометровые пространства Сибири. Гул взрывов, как раскаты далекого грома, катился по лесам и тайге, пугая зверей, птиц, оленей. Сибирь словно сжималась, укорачивалась. Колоссальная скорость полета побеждала пространство и время.

В этой «воздушной игре» принимали участие три летящих аппарата с тремя различными скоростями: стратоплан, аэроплан и дирижабль. Было рассчитано, что стратоплан опустится на аэродроме, который лежит севернее пути «Альфы». «Ураган», снизившись, передаст посылку аэроплану. Забрав посылку, аэроплан поднимется в воздух. К этому времени подлетит «Альфа».

Сузи сговорился с пилотом аэроплана. В момент встречи «Альфа» должна, к огорчению Ханмурадова, запустить моторы, прибегнуть к помощи пропеллеров. Таким образом, скорость «Альфы» почти сравняется со скоростью аэро-

плана. По расчетам, аэроплан все же будет лететь быстрее. Передать посылку «из рук в руки» невозможно. И Буся предложил соорудить на верхней площадке дирижабля большое металлическое кольцо с сетью. Посылка будет спущена с аэроплана на шелковом шнуре. Летчик должен так рассчитать полет, чтобы посылка на лету попала в сеть кольца, и тотчас отпустить шнур.

Через час Буся и Ханмурадов установили «капкан». Они решили стоять на страже по обе стороны кольца.

Лаврова сообщила, что аэроплан вылетел.

Буся и Ханмурадов, в теплых меховых костюмах и кислородных масках, с нетерпением ожидали крылатого гостя.

Солнце ярко светило на темно-синем небе. Внизу клубились сизо-серые волны облаков. Шкляр и Буся напряженно вглядывались в облака. Но аэроплан не показывался.

Вдруг послышалось мерное рокотание позади Буси и Ханмурадова. Они обернулись и увидели, что аэроплан подлетает с севера, опередив «Альфу» всего на минуту, на две.

Сверкнув крыльями, аэроплан сделал большой полукруг и начал нагонять «Альфу», быстро увеличиваясь в размерах. Вот он осторожно снижается. Вот черненький комочек отделился от аэроплана и несется в воздухе ниже аэроплана, словно мошка, догоняющая гигантскую стрекозу. С гулким рокотом аэроплан пронесся над головой Буси и Ханмурадова. Посылка пролетела на высоте метра над кольцом. Друзья переглянулись. Перелет.

Аэроплан снова делает полукруг и снова нагоняет «Альфу».

Теперь холщовый мешок летит прямо на Бусю... Буся едва успевает согнуться... мимо!

Третий полукруг, третья попытка, и снова неудача. На этот раз мешок ударился о верхний край кольца. Кольцо упало.

Буся и Ханмурадов поднимают кольцо и спешно укрепляют на место. Солнце даже через маску сильно нагревает лицо, а спина в тени мерзнет. Трудная работа!.. Аэроплан коршуном кружится над «Альфой», Буся машет рукой: готово!

Новый налет. Наконец-то. Мешок попадает в сеть, бортмеханик выпускает из рук шнур. Мешок с силой ударяется в сеть. Буся и Ханмурадов в спешке плохо укрепили кольцо. Оно снова падает. Сеть накрывает Бусю. Он скользит вместе с сетью и кольцом по пологой поверхности оболочки. Падает вниз... Ханмурадов вскрикивает. Край кольца зацепился за вагонетку власовского анемометра. Ханмурадов бросается к кольцу и хватает его. Буся вместе с мешком висит над бездной. Ханмурадов упирается ногами в рельсы и тянет, тянет сеть... «Как мы не догадались на всякий случай надеть парашюты!..» — думает он. Вот Буся хватается рукою через сеть за колесо вагонетки, приподнимается на руках. Ханмурадов помогает ему. Вылез!

Ханмурадов подбирает сеть. В ней лежит мешок. Буся и Ханмурадов облегченно вздыхают. Они садятся на рельсы отдохнуть от пережитых волнений и смотрят друг на друга так, словно увидались после долгой разлуки. Потом машут руками летчикам.

Аэроплан делает широкий круг, второй — ниже и тонет в облаках.

Лаврова передает радиограмму: «Посылка принята».

Да, теперь уже не могло быть никакого сомнения: «Альфа» нашла, наконец,

«полярную реку» и неслась над горами, реками и лесами Сибири в северо-северо-восточном направлении, которое постепенно, «закономерно», как выразился Власов, переходило в прямое — на север. Угол отклонения на восток все уменьшался.

* * *

Альфредо Бачелли скоро надоели эти однообразные картины. Сибирь? Она велика. Но в ней мало археологических ценностей.

Сузи, Власов, Шкляр, Ханмурадов внимательно следили за режимом полета.

По мере приближения к полюсу скорость полета несколько замедлялась. Но зато воздушная река, чего не бывает с земными, текла, все круче поднимаясь вверх.

— Мы словно взбираемся на гору! — сказал Ханмурадов.

Власов озабоченно качал головой.

— Да. Взбираемся на кручу, а как-то будем падать? Дело, по-видимому, обстоит так. Со всех точек от экватора по всем долготам на большой высоте к Северному полюсу притекают теплые воздушные реки и устремляются, как в гигантскую воронку, вниз, к холодным льдам. Вследствие этого над полюсом образуется сильно повышенное воздушное давление. Здесь возникает этаким гигантский воздушный купол, о который разбивается воздушная Ниагара, и внизу охлажденные воздушные потоки растекаются от полюса к южным широтам. «Альфа» должна попасть в хороший переплет, и нам всем надо быть начеку!

— Но ведь полярные исследователи, побывавшие вблизи и на самом Северном полюсе, не отмечали каких-либо особых атмосферических возмущений, — заметил Шкляр.

— Да, в этом вопросе есть еще много темных для нас сторон, — ответил Власов. — Быть может, гигантский воздушный купол, о котором я говорил, является тем стабилизатором, который смягчает и отражает удары воздушных потоков, падающих с огромной высоты. Ведь и внутри циклонов есть зона затишья. Зато на некотором расстоянии от полюса наблюдаются немалые бури. Быть может, они и вызываются теми «воздухопадами», которые, разбившись о «воздушную подушку» над полюсом, отскакивают в сторону и по дуге падают в нижние слои атмосферы. Поживем — увидим!

А дирижабль все полз на гору, забравшись на такую высоту, которая теоретически казалась прямо невероятной, принимая во внимание вес воздушного корабля и подъемную силу даже предельно расширенного газа.

Зато скорость движения все уменьшалась. «Альфа» ползла медленно, как паровоз, взбирающийся на крутой горный перевал. Приближалась решительная минута...

— Через несколько часов мы достигнем высшей точки подъема, после чего должен начаться спуск, — сказал Сузи.

— Не спуск, а падение, стремительное, сумасшедшее падение, — отозвался Власов.

Все были внешне спокойны. Но они не могли обмануть друг друга: нельзя было внутренне не волноваться перед этим гигантским прыжком.

— Я думаю, мне, как капитану, — начал Сузи после внутренней борьбы, — надо высказать вслух мысль, которая всем нам, конечно, приходит в голову.

Следует ли подвергать жизнь экипажа — всех нас — и «Альфу» рискованнейшему испытанию? Нам было дано задание найти постоянное воздушное сообщение с юга на север. Мы не совсем удовлетворительно справились с этим. В неисследованном воздушном океане мы неоднократно теряли наш воздушный Гольфстрим, хотя и снова находили его. Но для первого рейса мы выполнили задачу неплохо. От пустыни Гоби мы шли уже почти без перерывов в нашем Гольфстриме. Мы, не прибегая к винтомоторным двигателям, чистой аэронавтикой, покрыли огромные пространства и пролетели с крайнего юга СССР на его крайний север. Я полагаю, что, если бы мы остановились у сухопутной северной границы и снизились, мы могли бы найти южное воздушное течение и отправиться в обратный рейс. Ведь в конце концов для практических целей важно найти воздушную трассу над континентом. Никто не собирается пока перевозить пассажиров и грузы на Северный полюс и обратно.

Но мы преследуем не только узкопрактические цели сегодняшнего дня. На нас возложены и научные задачи, которые в конечном счете также служат практическим целям. И мы не остановились у границы моря и полетели над ним, чтобы исследовать возможно полнее воздушный Гольфстрим...

Сузи сделал паузу. Все молча, серьезно, почти угрюмо смотрели на Сузи и ожидали окончания его речи, хотя и предугадывали, какой будет конец.

— И вот я ставлю на ваше обсуждение, товарищи, вопрос: нужно ли нам делать последний эксперимент — низвергаться с воздушной Ниагары?.. Вы знаете меня. Никто из вас не подумает, что во мне говорит трусость... Отправляясь в этот полет, мы знали, на что шли. Мы все поставили жизнь на карту. И если вы скажете: «Вперед», — я не изменю курса. Но мы и «Альфа» принадлежим не только себе. В такую минуту не до ложной скромности: мы нужные люди, да и «Альфа» еще пригодится и сможет совершить не один полет, если она не будет разорвана в клочья воздушным смерчем «Ниагары»... Я жду вашего ответа... — Голос Сузи заметно дрогнул.

Власов поднял руку. Его лицо словно помолодело, и он как будто стал выше ростом. В такие мгновения человек проявляется до конца, обнажает глубины своего интеллекта, которые, быть может, ему самому были неизвестны. Куда девался «кабинетный ученый» с его лекарствами и жалобами, мечтающий об уютной квартире, мягком кресле, спокойном житье?

— Слушайте, — сказал он, медленно опуская руку. — Мы первые, пионеры. Колумбы безмоторного дальнего воздушного транспорта. И мы должны довести дело до конца. Если не мы, то это должны будут сделать другие. С тем же риском. Но тогда почему же они, а не мы? Погибнуть, чтобы победить, победить, чтобы не гибли другие? Погибнуть? И это не обязательно! Если моя гипотеза верна, внизу для нас приготовлена солидная воздушная подушка. Конечно, Сузи прав. «Альфу» двадцать раз могут изорвать в клочья воздушные вихри, прежде чем мы долетим до «подушки». Мы можем разбиться в лепешку даже об эту самую воздушную подушку. А можем взять да и не разбиться! — И в глазах его сверкнул смелый мальчишеский задор. — Научные задачи у нас неотделимы от практических. Когда Роберт Пири, открыв 6 апреля 1909 года Северный полюс, телеграфировал об этом американскому президенту Тафту, Тафт с насмешкой ответил, что он благодарит Пири за «ценный подарок, но не знает, какое найти ему применение». В самом деле, какую цену тогда мог представлять Северный полюс? Теперь он становится точкой скрещивания

путей между Европой и Америкой, путей сверхвысотного воздушного транспорта. А эта-то точка и изучена до сих пор менее всего.

Кроме того, без изучения вопросов циркуляции в атмосфере полярных областей остается неясной и динамика процессов в атмосфере и гидросфере прилегающих к Арктике широт. А знать это нам необходимо уже сейчас, для окончательного овладения Северным морским путем. Почему судно Нансена «Фрам» в 1895 году несло вместе со льдами к Северному полюсу? Быть может, потому, что воздушные токи «Ниагары», низвергающиеся на полюс, отскакивали от воздушной подушки, летели дугой, низвергались южнее восьмидесятого градуса, давили на водную поверхность, «подворачивались», шли низом к северу, гнали воду, лед, создавали для Нансена попутное течение в океане. Почему «Фрам» дрейфовал на север не далее 85°56' широты? Быть может, потому, что примерно на этой широте уже чувствовалось влияние воздушной подушки, которая отталкивала от себя и воздушные и водяные течения. Не этим ли объясняется неприступность Северного полюса — неприступность его границ примерно на той же широте 86°, о которые разбивались многочисленные попытки полярных штурмовиков?..

Какие силы управляли дрейфующим «Челюскиным», льдиной Шмидта и его героических спутников? Мы должны выяснить это во что бы то ни стало! Мы должны знать арктическую атмосферу и гидросферу, ибо знать — значит властвовать!

— Итак, вперед? — спросил повеселевший Сузи.

— Вперед! Вперед! Вперед! — ответили Власов, Ханмурадов, Шкляр.

— Можем ли мы это решить и за других участников полета? — спросил Сузи.

— А кого еще спрашивать? — ответил вопросом на вопрос Ханмурадов. — Лаврову? Да она будет оскорблена, если ей задать этот вопрос. Или вы не знаете эту девушку? — воскликнул он горячо. — Во время циклона она, вися вниз головой, не прекращала работы. Ведь мы были на волосок от гибели, и она спешила сообщить все, что с нами происходило, до последней возможности, до последней минуты. Сун — он мальчик, и по необходимости мы должны решать за него. Сам он в восторге от полета и уже считает себя заправским коком.

— А Бачелли? — спросил Сузи.

— Он, наверно, будет против. Но ведь сейчас мы посадить его не можем, не можем даже спустить на парашюте. Мы предупредили его, когда брали на борт «Альфы», о риске нашей экспедиции. Уложим его на койку, пристегнем ремнями, и пусть отлеживается.

Сузи кивнул головой:

— Решено! Будем готовиться к падению!

Альфредо Бачелли объявили, что скоро начнется спуск, во время которого возможна сильная качка, и поэтому рекомендовали археологу лечь на койку и пристегнуться ремнями. Бачелли на этот раз не возражал. Он утешался тем, что после спуска начнется обратный полет. Все остальные участники крепко пристегнули себя ремнями: Сузи — к креслу в капитанской рубке, Ханмурадов возле кормового мотора, Шкляр — на носу, где помещался мотор и аппараты для подогревания газа, Лаврова — в радиорубке. Сун стремился сидеть возле Ханмурадова: они были уже друзьями. Власов «привинтился» к аппаратам

своей воздушной аэрологической станции.

Все члены экипажа держали связь по телефону.

Время текло медленно. Моря внизу не было видно, его покрывали тучи и туманы.

Здесь же, на высоте, почти на границе стратосферы, сияло солнце на синем небе. Воздух казался недвижимым. «Альфа» ползла как черепаха. Так продолжалось несколько минут. Вот она остановилась, словно потеряв путь, медленно повернулась носом влево, назад, вправо... Еще двинулась вперед...

— Держитесь! Сейчас начнется! — крикнул Сузи.

Прежде чем он окончил, все почувствовали необычайную легкость в теле, словно оно совершенно потеряло вес. «Альфа» полетела вниз, в воздушный колодец. Вероятно, нос ее задел воздушную «стенку» этого колодца, так как ее внезапно передернуло. И началось... Прилив крови то к голове, то к ногам, то давит стенка кресла, то сиденья, то налокотники... Ремни впиваются в ноги и вдруг ослабевают... Тело стремительно наливается свинцом с правой стороны... Трудно повернуть голову, руку. Полная невесомость... Спинка кресла бьет в спину... Вновь тяжесть в голове... Лицо наливается кровью... Солнце мечется в небе... то оно внизу, то вверху, то справа, то слева... Кусок голубого неба сменяется хмурой мглой...

И вдруг «Альфа» погружается в эту мглу... обрывки туч... куски голубого неба... тьма, свет, тьма... тьма...

Вспыхивают электрические лампы. Аппараты показывают продолжающееся головокружительное падение. Облака закрыли солнце. Оболочка охлаждается. Буся, извиваясь в своем кресле, разогревает газ.

Трещат, захлебываясь и давая перебои, моторы. Падение немного замедляется, но оно все еще стремительно. Лаврова беспрерывно ловит волны, передавая, со слов Сузи, краткие сообщения:

— Пулеметный треск... Что это?.. Град колотит в оболочку и иллюминаторы... Хорошо, что «Альфа» уже не опрокидывается вверх гондолой. Но ее бросает из стороны в сторону, качает боковой и килевой качкой.

— Все еще падаем! Разогревай газ! — кричит Сузи охрипшим голосом.

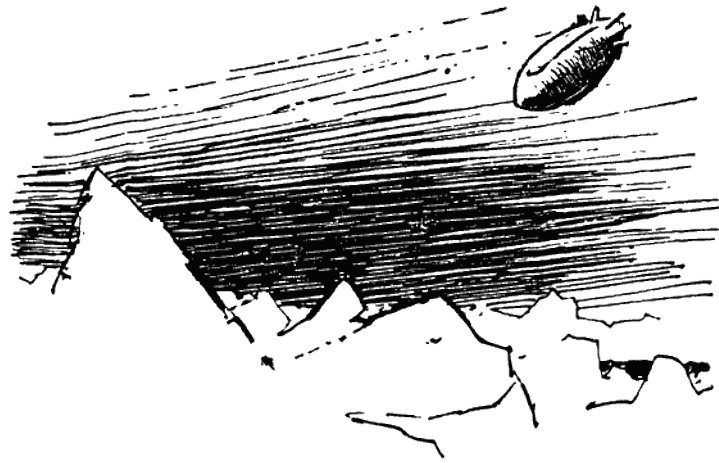
— Разогрет до отказа! — отвечает Буся. Пропеллеры работают хорошо, но руль высоты не слушается управления, вероятно оторван, и пропеллеры помогают только сохранять горизонтальное положение. Но и это уже хорошо. Падение все продолжается. Вот «Альфа» вышла из туч. Они теперь над нею. Внизу уже видно море, покрытое островами торосистого льда. Об эти ледяные глыбы «Альфа» разобьется вдребезги... Где же обещанная Власовым воздушная подушка?

— Бросать балласт! — отдает распоряжение Сузи. Балласт уже приготовлен над люком пола. Буся поворачивает рычажок, и балласт автоматически выбрасывается. Вес «Альфы» облегчен, стремительное падение переходит в спуск. «Альфа», потеряв балласт, помещавшийся на носу, приподнимает носовую часть. Теперь и пропеллеры немного поддерживают ее. И все же она опускается и опускается...

— Еще выбрасывай балласт!

— Все! — отвечает Буся.

Ханмурадов быстро отстегивает ремни и бежит в коридор. Он собирает пустые консервные банки, ящики, выносит на открытую палубу и бросает за



борт. Сун помогает ему, весело суетясь. Счастливым возрастом! Сун не понимает опасности положения! Еще и еще раз они выбрасывают за борт всякий хлам, который Ханмурадов сохранял специально для такого случая. Но ничто не помогает. Вслед за пустыми консервными банками следуют и цельные. «С нас хватит, — на глаз определяет Ханмурадов. — Однако не следует слишком увлекаться уничтожением запасов пищи. Ах, еще есть один небольшой резерв!» Ханмурадов бросается на палубу и, развязав веревки, поднимает ящик археолога и бросает за борт; за первым следует второй, наконец, Ханмурадов принимается за последний, третий. В этот момент чьи-то пальцы вдруг сжимают его горло.

— Не смей! Убью! — слышит Ханмурадов задыхающийся от гнева голос Альфредо Бачелли. Вслед за этим археолог визжит по-кошачьи и распускает пальцы. Это Сун укусил Бачелли за ногу. Бачелли ударяет Суна ногой и вновь бросается на Ханмурадова.

Они обнимают друг друга, валятся на пол, барахтаются... В это время Сун без особого усилия поднимает третий ящик и бросает за борт. Бачелли видит это, рычит, пытается вырваться, но на этот раз Ханмурадов не пускает его.

— Довольно вам физкультурой заниматься! — слышит он веселый голос Власова. — «Альфа», едва не коснувшись льдин, пошла на повышение. Все в порядке!

— Варвары! Варвары! Варвары! — без конца повторял Бачелли, сидя на полу...

* * *

...«Альфа» стояла на земле, освещенная полной луной. Несмотря на ночное время, вокруг дирижабля собралась огромная толпа — весь Ташкент.

К прилету «Альфы», видимо, готовились. Не успел дирижабль приземлиться, как к нему потянулась из города цепь автомобилей.

На большом грузовике подъехала трибуна с радиорупором и усилительной установкой. Другие грузовики привезли юпитеры, киноаппараты.

Секретарь обкома, поздравив капитана и экипаж, попросил Сузи, если он не слишком устал, сказать небольшую речь перед собравшимися рабочими и колхозниками.

Нет, Сузи не устал и охотно расскажет о своем полете!

Весь экипаж под аплодисменты толпы и звуки оркестра поднялся на передвижную трибуну.

— Товарищи! Первый безмоторный полет Кушка — Северный полюс — Ташкент окончен.

Бурные аплодисменты.

— Вопреки нашим ожиданиям обратный путь прошел гладко. Мы только два раза теряли попутное течение, но скоро находили его. Мы хотели даже лететь дальше, исследовать воздушную реку до ее тропических пределов, побывать, быть может, в Египте и вернуться обратно. Но у нас не хватило провианта, часть его пришлось выбросить на полюсе, чтобы предупредить катастрофу. Мы можем возобновить запасы и хоть сейчас продолжать полет. Если не считать небольших повреждений, которые легко исправить, «Альфа» готова к новому рейсу.

Аплодисменты.

— О наших научных наблюдениях я говорить сейчас не буду. Отчасти вы уже знаете по нашим радиосообщениям из газет. Скажу лишь, что результаты нашей воздушной разведки очень значительны. Мы еще не можем сказать, что уже овладели воздушными реками, по которым поплывут наши грузовики и пассажирские «баржи» и «корабли». Но начало, и неплохое начало, положено. Возможность безмоторного транспорта доказана.

Снова шум аплодисментов покрывает голос оратора.

— Как вы уже знаете, товарищи, нашим неожиданным спутником оказался... — В этот момент вспыхнули огни прожекторов, ярко осветив лица стоявших на трибуне и возле нее. — Нашим неожиданным спутником оказался итальянский профессор Альфредо Бачелли, — Сузи указал рукою на археолога. (У Бачелли уже успели отрасти щетинистая борода и усы.)

Послышались аплодисменты. Альфредо Бачелли был смущен. Он не знал, как здесь принято поступать в таких случаях. Посмотрел на Сузи и начал раскланиваться во все стороны, махая шляпой.

— Профессор Альфредо Бачелли исследовал путь Марко Поло, который некогда пересек Азию.

Сузи сделал паузу. Альфредо Бачелли воспользовался этим и сказал несколько фраз по-итальянски. Закончил он очень мрачным голосом и в заключение махнул шляпой и уронил ее с трибуны. В публике послышался смех. Кто-то поднял шляпу и подбросил вверх. Сузи поймал на лету и передал Бачелли.

— О чем он?.. — послышалось в толпе.

— Профессор Альфредо Бачелли, — выступила Лаврова, — говорил о том, что мы спасли ему жизнь, и он очень благодарит нас за это. Но, выбросив за борт его коллекции, которые погибли во льдах Северного полюса, этим самым мы вновь отняли спасенную жизнь. Вот что говорил Бачелли.

— Придется послать экспедицию на поиски.

— Это правда? — послышались голоса.

— Часть груза была благополучно спущена на парашюте и уже доставлена в Рим, — сказал Ханмурадов. — Остальной груз... Ведь мы принуждены были выбросить даже запасы продовольствия. Если бы не помогло и это, выбросили бы и аппараты, инструменты, одежду... Потом стали бы сами выбрасываться на парашютах. Таков был момент...

— Правильно!

— Профессор Альфредо Бачелли считает свои археологические экспонаты утерянными. Он обвиняет в этом меня. Он говорит, что эти коллекции для него дороже жизни. Я думаю, мы можем вернуть ему эту «вторую жизнь»...

Толпа насторожилась.

Дело в том, что я, заблаговременно вынув из ящичков содержимое, перенес все в пустую каюту, где ваши экспонаты находятся в полной сохранности. За борт же я бросил только пустые ящички!

— Браво!

Смех, крики, аплодисменты.

— О чем это он? — в свою очередь, спросил Бачелли Лаврову.

— Целы ваши археологические редкости. Ханмурадов вынул их из ящичков и спрятал, а сбросил лишь пустые ящички. Все экспонаты лежат в каюте. Можете получить их!

— Целы? Все? Целы? О! — Бачелли вдруг обнял и поцеловал Лаврову и Ханмурадова, скатился с трибуны-грузовика и помчался к гондоле.

— Ура! — кричали вокруг.

Земля горит (повесть)

1

В Деловом дворе, в приемной председателя ВСНХ СССР, среди посетителей появился пожилой человек с потертым годами и жизнью лицом и в потертом пальто. Усевшись в углу, он сидел неподвижно, ожидая, когда начнется прием.

Дверь кабинета открылась, и оттуда выглянула секретарша. Она глазами пересчитывала очередь людей с портфелями и бумагами в руках. Несколько человек сорвались с места и подошли к ней. Но человек в потертом пальто опередил всех.

— Скоро будет нарком?

— У него сегодня заседание в Совнарком. Часам к четырем должен быть. По срочным делам принимает его заместитель.

— Мне нужен сам нарком, — внушительно сказал человек и уселся на стул с видом: умру, но дождусь.

Наконец он вошел в кабинет.

— Я вас слушаю, — коротко сказал нарком.

И человек в потертом пальто заговорил. Его фамилия Михеев. Он изобретатель. Его специальность — борьба с пустыней, со страшной пустыней, надвигающейся на Советский Союз.

Он говорил страстно, путаясь в словах, сбиваясь с основной мысли. Огромные количества солнечной энергии, за лето производящиеся и скопляющиеся на песчаных и каменистых или только слабо подернутых растительностью грунтах, не имеют никакого другого выхода, кроме как на испепеление соседних, еще живых и жилых земель. Земля горит.

Всякая местность, где дуют сухие ветры и мало атмосферных осадков, превращается в пустыню.

Что видим мы в огромных пространствах Арало-Каспия? Мга, хмара, мхи — эти «сухие слезы» и перегар — слюна сухих пустынь, с их губительным влиянием на жизнь, на всю растительность, особенно культурную и луговую. Цветы, не расцветши, отцветают, не давая плода или даже погибая в почках... Хлебные колосья и всякие злаки оказываются пустыми и дают слабый умот... Листья на траве и на деревьях желтеют, опадая прежде времени.

В Поволжье, на Северном Кавказе, на Украине... в Саратове, Сталинграде... И до Киева... Казань, Рязань... города и сами земли застилаются пыльными бурями в сухие лета.

— У вас есть проект, как бороться с пустыней? — спросил нарком, терпеливо слушавший его речь. И от вопроса Михеев как-то сразу успокоился.

— Я — инженер. И если бы у меня не было разработанного плана, я не стал бы у вас отнимать время. Двенадцать лет я работал над этой идеей. Собрал огромный материал. У меня все вычислено, взвешено, выверено от самого общего до самой малейшей детали.

— В чем же заключается ваш проект?

— Каптаж Волги. Барраж у Камышина.

В каптаже устанавливается такой уровень нового образования реки, когда, с одной стороны, самотеком ее воды покрывают огромные пространства заволжских степей и пустынь, оживляя их, с потушением в них «пожара земли». С другой стороны, в самой реке подымается уровень на высоту, не нарушающую основных интересов прибрежных городов и населения.

— Ваши материалы будут изучены. О результатах доложат мне, — сказал нарком, как бы заканчивая беседу. — Вам нужно повидаться с одним из членов коллегии НКРКИ СССР, ознакомить его с материалом, сообщить о трудностях, которые вы встретили на своем... Алло... Да, я...

Если бы сейчас появился изобретатель телефона Белл, Михеев убил бы его, так он ненавидел в эту минуту «невежливое изобретение», мешающее деловым разговорам.

А из приемной уже заглядывал нетерпеливый инженер в очках и с портфелем, а секретарша уже принесла грудку бумаг для подписи, а нарком уже протягивал Михееву руку...

2

Пустыня... Она прожгла ужасом сердце еще в детстве, когда Михееву было не больше двенадцати лет. Он жил с отцом, земским врачом, в заброшенном степном селе за Волгой. Мга, и хмара, и сухие туманы для мальчика были не пустыми словами. Он вырос под багровым солнцем, словно задохнувшись во мгле пылевой бури. От пыли не было спасения. Она покрывала серым налетом листья деревьев тощего садика, проникала в дом сквозь закрытые окна, пудрила столы, кровати, игрушки, залезала в нос, глаза, уши и легкие... И сон был тревожный, как во время сирокко. Там, за полями, притаилась пустыня, как зверь, готовый к прыжку. Ее зловеший песчаный шепот был слышен далеко.

И вдруг она громко постучалась у дверей и схватила за горло костлявой рукой голода. Это было в девяносто первом году прошлого столетия. Незабываемый год! Ребенка нельзя было уберечь от страшных картин голода, как от хмары и мги. И Михеев на всю жизнь запомнил этот кошмар.

Началось с того, что у знакомых мужиков лица становились серыми, глаза вваливались, нос и скулы обострились, щеки и живот втянулись. Их тела становились дряблыми, щуплыми, Миша Михеев не мог понять, отчего это. А потом многие иссохшие люди вдруг начали полнеть странной бело-желтой полнотой.

Миша заглядывал в окна изб. Почти в каждой светился желтый огонек свечи в головах покойника. Но скоро огоньки погасли: свеч не хватало, а покойников становилось все больше. Живые люди превращались в трупы...

Раздувшиеся трупы животных на полях... Смерд... Рои мух... Плач голодных беспризорных детей, потерявших родителей... И над всем этим — горячее, испепеляющее солнце и сухой туман, покрывающий саваном обреченный на смерть мир...

А за селом стояли выжженные солнцем поля. Сухие, бурые стебли бессильно клонили к земле пустой колос. Жгучий ветер сжигал их, песок заносил. Над когда-то тучными нивами выросли могильные песчаные холмы. Из этих могил кое-где торчали сухие колосья, как последнее напоминание о гибнущих полях.

Пустыня убивала все живое... Этого нельзя забыть!

Этот ужас не покидал его всю жизнь.

Михеев видел во сне земной шар с большой высоты. Вот огромная плешь Сахары, вот пустыни Туркестана, Китая... И все эти плещи медленно расползаются во все стороны, как проказа... И вот весь земной шар превращается в пустыню. И последние люди задыхаются в песчаной буре без воды и воздуха...

«Я буду инженером, чтобы знаниями победить пустыню», — решил молодой Михеев. Он сделался инженером-гидротехником, но пустыни не победил. Много лет разрабатывал он сложные системы оросительных каналов и бросал их.

— Это все равно, что пытаться потушить пожар pulverизатором! — говорил он в отчаянии... — Только обильные воды Волги могли бы потушить пожар пустыни... А что, если бы?..

3

Михеев явился в РКИ, нагруженный огромными папками с рукописями, таблицами, графиками, картами, чертежами.

Но у него оказалось кое-что поинтереснее мертвых чертежей. Михеев положил на стол коробицу величиной в метр и в кирпич толщиной. Там лежало его дорогое детище — «материализованная идея». Это был сделанный из мастики рельеф Волжского бассейна и Каспийского моря. Пашни выкрашены в желтый цвет спелой пшеницы, луга — в светло-зеленый, а леса — в темно-зеленый. С востока в заволжские поля вклинивались зловещие бурые языки наступающей пустыни. Русло Волги и дно Каспия были обнажены.

Через полчаса комната была превращена в своеобразную лабораторию, наполненную зрителями.

Михеев положил свою модель краями на два стола, под модель поставил пустое ведро, а полное — на стол и через резиновую трубку пустил воду в Самарскую луку. Вода весело побежала по руслу, разбилась в дельте сложным узором на рукава и начала наполнять дно Каспия. Когда море наполнилось до положенного предела, Михеев открыл внизу сток, чтобы вода держалась на одном уровне.

— Годовой дебет Волги, — начал Михеев, — в круглом общем счете триста пятьдесят — триста семьдесят кубических километров. Вся эта масса воды испаряется, и потому Каспийское море не повышается, скорее, понижается в годовом уровне. Мы не можем испарить воду в нашем опыте и потому лишнее выпускаем вниз. Теперь вот что я предлагаю сделать с Волгой. — Михеев вынул из кармана изогнутую пластинку и вложил ее в паз на рельефе ниже Камышина.

И на глазах зрителей запруженные воды Волги начали подыматься выше «плотины», а внизу, к Каспию, потекла только узенькая струйка.

— Высота этого барража — тридцать семь метров. И, смотрите, с этого горизонта Волга самотеком сливается в невообразимые пространства заволжских степей и пустынь в трех мощных потоках.

Поднявшаяся над плотиной вода минуту постояла в нерешительности, как бы в недоумении перед неожиданным препятствием, и вдруг полилась на восток по скату, по руслам, впадинам, котловинам, образовав сложную сеть марсианских каналов и озер.

— Эти потоки достигаются не какими-нибудь искусственными и грандиозными, стоившими бы колоссальных средств, сооружениями, и, уж конечно, не рытьем каналов. Они текут по естественным углублениям, впадинам и логам, конечно, с соответствующим захватом и направлением потоков воды.

— А зачем оставлен этот ручеек, впадающий в Каспийское море? — спросил один из зрителей.

— Одна седьмая часть дебета Волги оставляется в прямом, непосредственном течении в Каспийское море на непрерывное с ним, а значит и с Баку, водное сообщение. Половина этого еще и на обзаведение прямых непосредственных сообщений. Значит, около семидесяти кубических километров дебета Волги последуют непосредственно в Каспий. А триста кубических километров, вместо теперешней их пропажи в морской пучине, пойдут на оживление земель от Волги на восток по Эмбе, и на потушение там «земного пожара», и, с ликвидацией там пустыни, на обзаведение новых хозяйств, на мелиорацию освобождаемых земель.

— Значит, море...

— Каспийское море будет снижаться в своем уровне на две трети метра в год, и за тридцать семь лет состояние его уровня понизится на двадцать четыре метра. Каспий будет иметь вот какой вид.

Михеев открыл кран под доской рельефа больше, вода из Каспия потекла в ведро сильнее, и уровень моря начал быстро понижаться. В секунде проходили года, и скоро знакомых очертаний моря было не узнать. Каспий «усох» почти на треть. Дно северной части до Мангышлака и Махачкалы обнажилось. На нем осталось только несколько перекрещивающихся каналов да «озер» в северо-восточной части.

— В общем донные пространства освободятся на сто пятьдесят тысяч квадратных километров, то же до семидесяти тысяч в устьях Куры и у персидских берегов и в Кара-Бугазе, а самое главное — по Апшерону и Челеккену освободятся неизмеримо ценные пространства нефтяных земель, тоже в тысячах же квадратных километров. Наконец, все побережье Каспия освободится от губительной там малярии.

Первым камнем в этот мир нового строительства закладывается проект каптажа Волги.

Спецы, не последние спицы в колесе советского аппарата, волнуются.

Извольте дать отзыв о проекте каптажа Волги! ВСНХ требует. Наркомзем и Госплан интересуются, РКИ нажимает...

Странный проект и еще более странный автор, как будто и свой инженер, не молодой человек. А проект — не знаешь, как и подойти к нему... Размах большевистский, идея грандиозная, а что выйдет — Аллах ведает.

Старые инженеры шушукаются:

— Ведь если этот проект пройдет — многим капут. Как же быть-то?

— За свое место беспокоитесь?

— Что место? Если пройдет проект Михеева, то потребуется много инженеров... Место найдется. Но там будешь...

— На михеевскую мельницу воду лить? Тебе черная работа, ему почет? Хе-хе. Не волнуйтесь, однако, заранее, может быть, еще провалят этот шальный проект. Все будет зависеть от того, какой отзыв даст эксперт — профессор Чичагов. Да вот и он, как кстати!.. Давайте спросим. Здравствуйте, Иван Аркадь-

вич! Ну, как ваше мнение о каптаже?

Чичагов мнет мягкие губы и смотрит вверх через золотые очки. Свою седую голову он носит гордо и бережно, как хрупкую драгоценность. В ней его капитал.

— Гм... да... каптаж... Я еще подробно не ознакомился с материалом. При этом я могу дать отзыв только по своей специальности. Технически, конечно, проект вполне выполним. Запрудить реку — не бог весть какая премудрость. В этом даже нет ничего оригинального. Михеев предлагает только в большом масштабе сделать то, что делает рядовой мельник. Но в смете, мне кажется, автор жестоко ошибается. Тут дело пахнет не тремястами миллионов, а миллиардами, имея в виду проект в целом.

— Миллиардами? Значит, не под силу, а? Не пройдет номер? — Взгляд инженера налился надеждой и жадным любопытством.

Но Чичагов не обрадовал прямым ответом, а только неопределенно пожал плечами.

Да и что мог ответить старый профессор? По его мнению, большевики только и делали, что брались за непосильные задачи. С них хватит. Возьмутся за каптаж и... сделают, пожалуй!

— А вот еще я слышал, — передал инженер мнение одного крупного специалиста. — Тот говорит, что проект Михеева — совершеннейшая чепуха. Ведь рыба Каспия привыкла к водному режиму с данным процентом солености. При этом рыбе негде будет метать икру.

— А представитель Наркомздрава, — вмешался другой инженер, — утверждает, что Михеев не только не уничтожит, как обещает, а увеличит малярию в ужасающих размерах. Подумайте только: пустить воды Волги самотеком! Они образуют множество заболоченных озер, заливчиков, водяных «оазов», как говорит сам изобретатель. Черт знает что получится, и не только с малярией, — изменится к худшему, а не к лучшему, и климат всего края. Ведь Каспий будет испарять значительно меньше влаги, из которой в конце концов образуются облака.

— Ну, это не так страшно, — возразил Чичагов. — Общее количество влаги в крае не уменьшится. Ведь новые водоемы тоже будут испарять воду. Впрочем, это мое личное мнение, мнение профана в области метеорологии, — скромно добавил он.

Инженер хотел задать еще один вопрос, но Чичагов решил, что сказал и так слишком много. Отговорившись тем, что спешит на заседание, маститый профессор понес свою драгоценную голову дальше.

Это заседание, посвященное обсуждению проекта Михеева, было довольно бурным.

Вначале спецы держали себя сдержанно. Никто не решался «крыть проект вовсю», но многие осторожно высказывали свои «опасения», которые, как капля яда, должны были отравлять идею смелого проекта. В конце заседания страсти разгорелись, и уже слышались выкрики: «Глупость! Чепуха! Безумие!» Тяжелая артиллерия — Чичагов — приберегалась противниками проекта к концу.

Речь профессора по форме была очень «объективна», а по существу он вылил ушат холодной воды на энтузиастов, «высказав свое скромное мнение» о многомиллиардных затратах.

Проект висел на волоске.

Но тут неожиданно на помощь Михееву двинулись работники мест — волжане, живущие в непосредственной близости с «жаром земли».

Их натиск был силен и дружен.

— Даешь Волгу!

Один из них повторил слова Михеева: «Ни капли живой воды, ни грамма гумуса, ни метра высоты Волги не должны пропадать в низинах соляной пучины Каспийского моря!»

— Даешь Волгу!

4

Большие звезды не мигая смотрят на Землю, словно глаза неведомых ночных птиц. Густая темень, пугливая и упрямая, подступила к самым углям догоревшего костра. Набежит ветер, вспыхнет язычок пламени, осветит лица рыбаков, край сохнувшей сети, черное лоснящееся брюхо опрокинутой на берегу лодки и снова придвинется к углям. С берега тянет сыростью, дегтем, рыбой.

Усталые рыбаки доедали уху, черпая деревянными ложками из котелка.

— Лопайте напоследях. А потом каюк: заговеем на рыбу-то! — прервал молчание седой кряжистый старик Глеб Калганов, короче — Калган.

По сторонам его сидели три сына — справа старший, слева младшие, такие же крупные, бородастые детины, как и он сам, только черноволосые.

Глеб — староста рыбацкой артели. Каспий и низовья Волги — для него открытая книга, каждую строчку которой он знает наизусть. Знает воду, рыбы повадки, капризы погоды, моря и его обитателей. По известным ему одному приметам умеет даже предсказывать, когда пойдет пузанок, бешенка, вобла, куда направят они путь, большой ли улов будет. Во всем, что касается рыбы, его слово — закон. А так как рыбацкое село только и живет рыбой, то слово Глеба и во всем прочем — закон. Что скажет, так тому и быть. До войны он был на промыслах не последний хозяин, имел капитал, снасть, посуду. Революция разрушила его благосостояние, но не авторитет. Артелью он правил по старинке — вертел как хотел.

Его слова вызвали удивление рыбаков. Чудит Калган!

— На наш век рыбы хватит! — отозвался рябой Сыч.

— Ложку оближи да язык проглоти. То-то, что не хватит! — важно ответил Глеб. Помолчав немного, чтобы убедиться, что никто больше не прерывает, он продолжал: — Последние времена приходят. Отнял Бог разум у людей, и дела их безумными стали. Божий мир по-своему переделать хотят: море высушить, Волгу-матушку в степи заволжские повернуть. И останемся мы как рак на мели. Истинно на мели! И отцы, и деды наши жили у моря, рыбачили. Море да Волга были нам пашней, а рыба — хлебом. А тут — на тебе! Высохнет море, уйдет Волга, подохнет рыба, подохнем и мы. Куда пузанок, да вобла, да прочие морские твари икру метать пойдут? Некуда. Нету Волги. Крышка! И будут хаты наши стоять в голом степу. А дно морское пахать начнут. Где рыбка божия резвилась, там тракторы затарахтят, совхоз устроят. Сельсовет на дне морском. Красота!.. Пропали наши рыбацкие головы! Без Волги, моря нету нам жисти!

Глеб замолчал, склонив голову, как бык под ударом обуха.

Рябой Сыч сплюнул громко, выругался:

— Да ты, может, выпил лишнего, Калган, не проспался? Очнись, перекрестись! Что бредни разводить на ночь? Мыслимое ли это дело?.. — И осекся.

Глеб поднял голову и строго посмотрел на Сыча.

— Я никогда ума не пропивал и брехней не занимался... Вчера мне сам председатель сельсовета говорил. Приехали, говорит, какие-то из Астрахани, начальство, людей на работу нанимать. Они все и рассказали, что Волгу закроют, море осушат. От Астрахани, говорит, море верст на триста отойдет. Значит, и от нас немного меньше. Ниже Камышина, у Сестренки, говорят приезжие, уже землю роют, камень, песок подвозят, бараки строят. Плотиной Волгу перехватят. Одним словом, упокой, господи, души усопших рабов твоих!

Рыбаки вдруг зашумели, словно грозовой ветер по лесу прошел.

— Как же быть теперича? — перекричал всех молодой испуганный тенор.

Глеб усмехнулся в седые усы — проняло!

— То-то, как быть, — важно заговорил он. — Време-на-а! Что год, то хуже. И все оттого, что Бога забыли. Сказал Бог: «Все добро зело». А они нате! Выходит, Богом неправильно сотворено. Поправлять взялись! А было-то разве плохо? В старину как жилось? — И Глеб уже оседлал своего конька. Он говорил о «золотом веке», когда в Каспии и низовьях Волги вылавливали рыбы больше восьмидесяти миллионов килограммов в год, на двенадцать миллионов рублей, о белуге весом в полторы тысячи килограммов, о севрюге в пятьдесят килограммов, о стерляди в шестнадцать килограммов.

— А теперь что? Белужка — пятьдесят пять килограммов, осетр — десять-двадцать, севрюжка и вовсе шесть килограммов. Мельчает рыба, падают промысла. А теперь и вовсе извести их хотят.

После такой подготовки Глеб хотел повести речь дальше. Но тут неожиданно в разговор вступил худой рыбак Кузьма Сысоев, весь колючий, как каспийский бычок, колючая, давно не бритая борода, колючие глаза и слова колючие:

— Большевики виноваты, говоришь? Они рыбу извели? А ты нет? А кто в запретное время да в запретных местах рыбу ловил? Скажешь, не ты? Кто реку неводами загораживал, рыбу в места нереста вверх не пуцал? Кто на «ямах» становища облавщиков устраивал да зимовавших там леща, да сазана, да сома вылавливал? Не ты? Ты и есть первый рыбный вредитель! Рыбу изводил, а сам раздувался. Это теперь-то тебе животы подтянуло, вот и заскулил: ха-арашо жилось! Кому хорошо, а кому плохо. Все рыбаки окрест у тебя в кабале были! Отъелся на нашем поту-крови, на тебя, сволоча, работали.

Глеб хоть бы что, как будто и не о нем речь. Трубочку закурил, в потухший костер плюнул и спокойно ответил:

— Ну что же, братцы, нехорош я вам стал, выжил из ума старик, ищите себе старшего помоложе. А я вижу, что делать мне тут больше нечего. Завтра чуть свет возьму котомку за плечи да с сынами своими и побреду по дорожке куды глаза глядят.

Рыбаки встревожились.

— Буде, Калган!

— Без тебя, как без глаз!

— Не бросай нас!

— Собака мелет — ветер носит!.. — слышались из темноты голоса рыба-

ков. Но просоленный, густой бас Глеба покрыл все эти голоса:

— Мое слово твердо! Как сказал, так и быть. А теперь спать!

Вздыхая и охая, рыбаки улеглись. Стало совсем тихо. Слышен был только плеск набегавшей волны.

— Никита! — тихо сказал Глеб, толкнув в бок своего сына. — Ш-шш... Проползи, посмотри, спит ли этот черт ершистый — Кузьма!

— Похрапывает, — доложил через минуту Никита.

— Разбуди осторожно остальных... Сыча, пожалуй, тоже не трожь.

И когда рыбаки проснулись, Глеб начал говорить им:

— Вот что, ребята. Дело наше — табак. Но только я так думаю, что еще можно спасти море и Волгу. Не дадим их в обиду! Ш-шш! Слушайте! Говорили в совете, что эта чертова плотина стоит миллионы, а денег в обрез отпущено. Вот я и думаю... — Глеб заговорил еще тише: — Ежели эту плотину прорвет, то и весь план их прорвет к чертовой бабушке. Больше денег у них не хватит. Смекаете? Пойдем мы всей артелью в Камышин, наймемся в землекопы, а там... видно будет. Кто согласен, тот завтра и записывайся!

Опять тишина. Крупные звезды начали мигать часто-часто, словно у ночных птиц глаза слипались.

Маленький приволжский городок Камышин затоплен пришлым людом: сезонниками, рабочими, служащими, техниками, кооператорами...

Село Сестренка с правой стороны Волги, Солодушино с левой и остров Шишкин, лежащие на линии барража, неизвестны. Как грибы после дождя выросли бараки, кооперативы, столовые, фабрики-кухни, клубы, больницы.

Камышинские огородники, проклиная барраж, каптаж и Михеева, перенесли свои баштаны далеко за город.

Как-то будут расти на новом месте дыни, огурцы и знаменитые камышинские арбузы?..

— Разорили! Под корень подрезали! Погубили! Пропала рыба, пропадут и наши арбузы! — ворчали старики-баштанники.

Станция Камышин до отказа забита прибывающими грузами: лесом, машинами, рельсами. Змеями расползлись по стройке узкоколейки. Задорно кричат кукушки, таская за собой хвосты вагонеток с песком, землей, камнем. Залязгали железными челюстями экскаваторы. Зачвакали, засопели драги, скрипят краны.

Круглые сутки идет работа. Ярко огни фонарей и прожекторов разгоняют мрак.

Не спится старикам-камышанам. Выйдут из дома и долго смотрят на огни, отраженные в водах широкой реки, и кажется им, что попали они в иной, страшный и непонятный мир, где ползают гигантские железные чудовища, ворочают шеями длинней телеграфного столба, чавкают пастями, в которые бык и с рогами пройдет. А люди — маленькие, суетливые — ухаживают за этими неведомыми чудовищами.

Михеев почти не спит и ест на ходу. Он счастлив. Мечта его жизни осуществилась. Пустыне объявлена война, он — главнокомандующий на фронте, брандмейстер на «пожаре земли». Он бегаёт день и ночь с непокрытой головой. Его лысина красна от солнца, ветра и волнения. Острый нос еще более заострился, глаза пылают. Он весь раскален огнем вдохновения.

Бежит по берегу, размахивает руками. Следом за ним, едва поспевая, шага-

ет долговязый молодой инженер.

— Жидкий воздух — вот мой секрет! — кричит Михеев, не оборачиваясь к инженеру. — Аппарат Линде, несколько видоизмененный мною. Давление — двести двадцать атмосфер... Мы проводим жидкий воздух по трубам и выпускаем прямо в воду. Он замораживает воду.

И перед кессонами мы жарким летом получим прочную ледовую стену. Под ее защитой нам легко будет работать.

Это лучше, чем временные перемышки, применявшиеся на Днепрострое... Что же вы отстаете? Скорей, скорей!..

Работа кипит в три смены. Одна смена посылает другой вызовы на соревнование. Днем и ночью перекликаются кукушки. Грохочут машины, мечутся люди.

— Как на пожаре! — говорят камышане.

— Пожар и есть; земля горит, тушить надо!

Лихо работает Глеб Калган со своей артелью. Сыновей молодых за пояс заткнул старик. А кончит артель работу, в ночь-полночь берут захваченные с собой сети — и в лодки. Река тянет, рыба тянет.

И тут среди своих изливает старик горечь, облегчает сердце, до краев переполненное злобой.

— Погодите! Подопрут плотину воды осенние, тут мы и ахнем своей артелью им на помощь. Одно плохо — ночью работают, огни горят. Ну, да изловчимся как-нибудь. Главное высмотреть, где тоньше.

— Не туда! Не туда, черти, дьяволы! Не туда, ребятушки! — доносится с острова Шишкин голос Михеева.

— Ишь, востроносый черт! — ворчит Глеб. — Угомону на него нету! Ну, погуляй, покричи маленько. Угомоним и тебя.

— Дядя Глеб, — говорит вдруг молодой рыбак. — А я вчера Кузьму встретил. Около цементного завода шлялся. Там, наверно, пристроился.

Глеб нахмурился.

— За этим ершом колючим смотреть в оба надо. Донесет. Все дело провалит, если чуть что заметит. Да, может, для того и на стройку пришел, может, подслушал тогда... ночью-то?..

— Дядя Глеб, а зачем трубы прокладывают?

— Среди лета воду газом заморозить хотят. Судаков мороженных захотелось. Ну, только несбыточное это дело: до того люди еще не дошли, чтоб лето на зиму переворачивать.

Весть о том, что «Волгу будут замораживать», быстро облетела стройку. Камышинские старожилы были потрясены.

— Видно, не все брехня, что старухи болтают. Летом реку льдом сковать — разве это не такое же чудо, как море высушить и огнем запалить?

— Поморозят арбузы! Хоть бросай баштан да уходи куда глаза глядят...

Все-таки надеялись: не сотворить чудо человеку!

Но не сбылись эти надежды: заморозил-таки востроносый Волгу. Правда, не всю, но всю ему и не надо было. А перед кессонами замерзла вода, стала ледяной стеной. Не то что камышане, а и сезонники глазам своим не верили, рукой лед щупали. Настоящий, без подделки. Холодный и крепкий!

День за днем отвоевывают люди у реки метр за метром. Опускают на дно деревянные ящички-кессоны, возводят бетонные кубы-бычки. Вода устремляет-

ся в пролеты, кипя и волнуясь. Уровень полузапруженной Волги повышается, а сверху подходит осеннее половодье. Бетонные быки, звенья цепи, которая должна сковать Волгу, готовы почти все. Остается закончить последние, перекрыть железными щитами, и Волга, встретив препятствие, повернет свои обильные воды, двинется в заволжские степи тушить «пожар земли».

Но надо переждать осеннее половодье, а оно в этом году небывалое: все лето и осень шли проливные дожди.

Вода прибывает с каждым днем, мутная, темная, угрюмая. Бушует, бьется о бетонные быки. Сухие листья, травы, кустарники, ветки, целые деревья — все, что захватила река на своем пути, — облепили выступы быков, засоряют берега.

Но тысячи строителей день и ночь куют цепи для реки.

Кузьма Сысоев работает на стройке вместе с женой. Он стал как будто еще колючей. Похудел, оброс бородой. День работает, а ночью не спит, ворочается, словно его самого колют сухие кости.

— Чего не спишь? — ворчит жена.

Вздыхает Кузьма в темноте.

— Глеб проклятый покою не дает со своей артелью...

Вчера ночью вышел я на барраж, а он ходит около трубы с воздухом, вынюхивает. А смена не его. Что ему там надо? Увидал меня — смылся.

— А тебе какое дело? — ворчит жена. — За собой наблюдай. Вот зима на носу, а ты еще шубы да валенок не получил. Другие давно получили.

— Завтра обязательно надо востроносому сказать, — продолжает Кузьма, думая о своем.

— И давно пора, — успокаивает жена.

Вдруг гудок, прерывистый, набатный, рвет на части ночную тишь. Тревога...

Кузьма выбежал на улицу.

Что за погода проклятая! Ветер с ног валит, дождь хлещет, река гудит. Рабочие бегут.

Крик, шум, не понять, в чем дело.

— Почему тревога? — спрашивает Кузьма.

— Авария. Труба с жидким воздухом не действует, лед растопило, кессон заливает, — отвечает кто-то на бегу.

Кузьма прибавляет шагу. Река съела ледяную стену и напирает на кессон. Вот мелькнула как будто седая голова Глеба и скрылась.

«Он... Не иначе как его рук дело», — думает Кузьма.

Человек в старом драповом пальто без шапки бежит по самому краю кессона. Востроносый. Кричит, размахивает руками. К трубе полез, возится.

— Уходите, — кричат ему. — Вода зальет.

Куда там! Михеев ничего не видит, не слышит. «Только бы пошел жидкий воздух».

А вода все выше, вот-вот зальет кессон. Вода валит Михеева с ног, но он опять ползет, цепляется за трубу...

И вдруг треск, шум; белое облако, шипя и свистя, наполняет кессон. Прорвалась труба, и жидкий воздух пошел прямо на Михеева.

Михеев поднял руки и... так и окоченел, превратился в ледяную статую.

Буря, грохот, шум и вой...

5

Деревня Сухой Дол словно развороченный муравейник. Посмотреть — и не поймешь, что случилось. У крестьян постарше на лицах недоумение, молодежь весела, а женщины воют, как по покойнику. Никто дома не сидит, все бегает из хаты в хату.

А у сельсовета уже толпится народ, собирают сход.

Два человека приехали на автомобиле, они и разворошили деревенский муравейник. Объявили: Волга в степи поворачивает, и по Сухому Долу потечет вода. Надо на гору перебираться. На перевоз и стройку будут выданы деньги. У кого хата старая, новый лес получают.

Шумит народ. Получить деньги, обзавестись новой хатой хорошо. Бросать насиженное место плохо.

Ипат, называющий себя «крепким середняком», поглаживает длинную бороду, которая почему-то поседела с одного бока.

— Так-то оно так. А соглашаться дуроломом тоже не приходится. Может, на горке воды нет. Может, там рыть колодцы — до воды не докопаешься.

— Да ведь у воды, пегая борода, жить будем. Хоть из окна воду хлебай.

— Ему новую хату на каменном фундаменте жаль бросать. Весь фундамент покрошится. Неохота трогаться.

— Кому охота? — отвечает Ипат. — Сегодня на гору, завтра под гору... Прямо ставь хаты на колеса.

— Верно. Не пойдем на гору.

Разбились на партии. И снова приезжали из города, приходится убеждать сход. Бились, отложили до вечера.

— Ребята, а Панас Чепуренко нипочем не пойдет на гору. Упористый старик.

— Кто это Чепуренко? — спрашивают приезжие и узнают, что Панас — кряжистый дуб девяноста двух лет, но еще крепкий, выходец с Украины. Упрям как чурка, в Бога верует. Табак нюхает, сам растирает.

Маришкин и Курилко, которые на автомобиле приехали, решают после схода навестить Панаса.

Он с граблями в руках копается в огороде. На приветствие ответил низким поклоном и зовет в хату.

— Да мы с тобой тут на вольном воздухе поговорим.

Но старик непреклонен.

— Якщо на розмову, то прошу до хаты. — И первый уходит.

Делать нечего, пошли за ним.

— Вот что, дедушка, — говорит Маришкин, — на гору надо перебираться. Если сам не сможешь, люди помогут.

— А навище мени на гору дертятся. Мени и тут гораздо.

— Нельзя, старина. Тут скоро вода все зальет.

Панас слушает внимательно, гладит длинные усы, не спеша вынимает тавлинку, нюхает табак и наконец отрицательно качает головой.

— Не може цього бути, — уверенно отвечает он. — Бог обицяв, що зливи бильш не буде.

Приезжие переглядываются. Они не ожидали такого возражения. Маришкин, чтобы сразу не озлобить старика, решил действовать дипломатически.

— Да ведь то про всемирный потоп сказано, а тут Волга только, несколько деревень зальет, вот и вашу тоже. Для орошения полей, понимаешь? От засухи. Ведь заливают же села и деревни весенний разлив. Так это же не потоп.

— Повинь — инша справа. Розиллеться ричка й знову в береги зайде. А ви кажете, шо все залле на вично. А ви дурницю кажете, шо залле. Не може цього бути. Бог казав, шо зливи не буде, тай не буде. Никуди не пиду.

Ну что с ним поделаешь? Маришкин вынул из кармана платок и вытер вспотевший лоб.

— Ты подумай: подъемные дадим на новую стройку. В новой хате жить будешь.

— Не треба мене ваших переиздних. Не пиду, тай кинець.

— Я вижу, ты не веришь нам. Ну так вот что, дед. Поезжай с нами на автомобиле. Сам стройку посмотришь, убедишься своими глазами. Увидишь, что там с Волгой делается, и поверишь.

— А на бис мени ваш автомобиль? Не пиду. Ось туточки жив, тут і в домовину ляжу.

Так и ушли городские ни с чем.

Но после их отъезда крепко задумался Панас. И на другой день неожиданно для всех запряг своего конька, взял ковригу хлеба и уехал со двора неизвестно куда.

Приехал он к Волге, пришел на стройку. Народу видимо-невидимо. Через Волгу мост, машины, грохот, суета. Между быками рабочие прилаживают железные щиты. Опустят щиты — и готова запруда. Запрудят Волгу, потечете степи — больше воде деваться некуда.

Панас пошел на фабрику-кухню, откуда видна вся стройка. Просидел у окна молча весь день и выпил несметное количество чаю. А когда вечерние огни залили стройку и шум работ не убавился, старик проговорил глухо в седые усы:

— Так вони, сучи дити, таки потоплять нас. — И трудно было понять, чего больше в его словах — порицания или хвалы.

Приехал Панас домой и три дня из хаты не выходил. Уж думали, не занемог ли с дороги.

А потом вышел и начал говорить на сходе такое, что суходольны даже рты пооткрывали. Не бывало еще у «Каптажа Волги» такого агитатора.

И дружно потянулись на горку суходольны, а за ними и соседние деревни.

6

— Бей в мою голову! — Кондрат Семеныч стукнул огромным кулаком по столу так, что подпрыгнула чернильница. Председатель правления «Каптажа Волги», товарищ Марков, вздрогнул и поправил очки.

— Ну, однако ж, вы того... не слишком, — сказал он, щуря подслеповатые глаза.

— Что того? Это вы того, — не унимался Кондрат Семеныч, и он вдруг поднялся во весь рост, словно готовясь к бою. Его рыжие волосы растрепались, глаза метали искры. Огромное лицо было багровым, словно он сошел с банного полка. — Не дам тронуть совхоз. А вы бы побывали в «Красных зорях» да сами посмотрели, что у меня там наворочено. Одна силосная башня чего стоит! — Кондрат Семеныч загнул толстый палец. — Из цемента. Красота! Ее не перенесешь. Так, значит, и бросить? Будет стоять среди озера, как маяк. А эмтеэс, — загнул второй палец. — Такой машинно-тракторной станции во всей округе не сыщешь. Каменное, капитальное сооружение. Элеватор, ремонтная мастерская, электростанция, конюшни, хлева, сыроварни, маслобойни... Все перечислять — пальцев не хватит. Все это под воду.

Пред «Каптажа» снова поправил очки и мягко сказал:

— Но ведь вы знаете, что Волга потечет самотеком. Нивелировка же показывает, что «Красные зори» лежат на пути разлива и будут залиты без малого на метр.

— Значит, не надо пускать Волгу самотеком. Возводите плотины, стройте обводные каналы.

— Если рыть каналы да возводить плотины, то весь план работ изменится, — возразил Марков. — Это будет стоить огромных денег.

Секретарь ячейки Туляк, небольшого роста, коренастый, в старенькой кожаной тужурке, усмехнулся, поднялся и, глядя прямо в глаза Кондрату Семенычу, заговорил ровным металлическим голосом:

— Никто не сомневается, товарищ, в том, что вы крепко любите «Красные зори». Вы — прекрасный хозяйственник. Но и у прекрасных хозяйственников бывает свой недостаток. Даже порок: делячество. Нельзя смотреть только со своей колокольни. Мы не можем ломать план работы. Вопрос обсуждался специалистами и здесь и в центре и изменен быть не может. Хотите вы этого или не хотите, а «Красные зори» будут перенесены.

— Не хочу.

— Тогда вас придется убрать с дороги.

Кондрат Семеныч сразу даже не понял. Потом его толстые пальцы дрогнули, а лицо побледнело.

— Меня... убрать... Меня, который создал этот образцовый совхоз. Меня...

— Да, вас. Потому что вы не умеете подчиняться директивам. На фронте стройки должна быть такая же железная дисциплина, как и на войне, а вы сами бывали на фронте и должны знать, что такое дисциплина. Повторяю: мы очень ценим ваши хозяйственные и организаторские способности. Поэтому я и даю вам добрый совет: одумайтесь и не упрямитесь. Мы умеем ценить людей. Но тот, кто станет нам на пути, будет снят, какие бы заслуги за ним ни были.

Кондрат Семеныч грузно опустился на стул.

Сел и Туляк.

Наступило напряженное молчание. Все внимательно наблюдали за Кондратом Семенычем. Глубокие складки на его лбу и переносье говорили о тяжелой внутренней борьбе.

— Ладно, — наконец буркнул он угрюмо, сорвался с места, крикнул: — Пока! — И убежал.

Все вздохнули с облегчением.

— С ним было труднее справиться, чем со старым Панасом, — улыбаясь, сказал Марков Маришкину. — А все-таки понял его Туляк.

— Еще бы. Легче, как говорится, душе с телом расстаться, чем Кондрату Семенычу с «Зорями».

7

Еще юношей, не боясь пуль, ломал Валькирный хребты колчаковцам. Побывал и под стенами Варшавы. Везде удивлял железной волей и характером. Покончил с гражданской, осел в заволжских степях и занялся хозяйственной деятельностью. «Красные зори» — один из первых больших совхозов, возникших в Заволжье. Немало пришлось подраться Валькирному и за «Красные зори», за племенной скот, за машины, за каждый трактор. Подобрались ребята подходящие и сделали большое дело. И теперь тем приказывают разрыть все до основания своими руками.

— Пош-шел! — гневно кричит Валькирный и бьет по бокам сытых совхозных лошадок.

Холодно... Жгучий восточный ветер обжигает лицо, поднимает с земли мелкий, сухой снег с пылью. Бесснежная зима. Как бы не повредила озимым... Местами ветер сдул снег с дороги, и под железными полозьями саней трещит и шипит песок. Кондрат Семеныч нахлобучивает покрепче финку и стегает лошадей...

— Пош-шел!..

Приехал на заре, разбудил конюха, сам распряг лошадей, поставил в стойла...

— Чего-то как будто невесел, Кондрат Семеныч? — спросил конюх, зевая и почесываясь.

— Черт борова на осине повесил, оттого и невесел, — сердито ответил Валькирный и быстро вышел из конюшни.

При свете занимавшейся зари Валькирный побрел по поселку. Здесь каждый кирпич, каждое бревнышко рассказывали ему свою историю.

Постоял перед силосом. Хороша башня. Выше пожарной каланчи. Сто лет простоит... Глянул на электростанцию, на скотные дворы... защемило сердце.

8

Через четыре дня Валькирный неожиданно явился в ремонтную мастерскую.

— Сколько у вас тракторов не отремонтировано?

Мастер Шароков посмотрел на Валькирного и ответил весело:

— Шестерка, Кондрат Семеныч. К тому времени, как земля оттает, все будут в исправности.

— Значит, шестьдесят шесть. Ладно.

С этого дня Валькирный пришел в себя.

Стал разговорчивым, деятельным по-прежнему. Как будто гора с плеч у него свалилась или разрешил он трудную задачу. А когда сошел снег и веселые ручьи зажурчали по склонам, собрал Кондрат Семеныч правление и обратился к нему с такой речью:

— Вот что, ребята. Получил я бумагу из Камышина. Первого мая запрудят Волгу, и потечет она в наши степи. Один из потоков пойдет прямо на «Красные зори», но только краешком заденет. Чтобы не переносить «Зори» на новое место, довольно нам сделать небольшую плотину в двести пятьдесят метров длины и более метра вышины, и вода обойдет нас и потечет на юг.

— А вдруг затопит?

— Не затопит. Я все сам вымерял. Вода у нас будет стоять только на шестьдесят сантиметров над уровнем «Зорь», а мы сделаем плотину в метр, ну, даже в полтора метра.

— А сделать-то как? — спросил Грачев.

— И очень просто. Тракторы есть, сделаем в наших мастерских лемехи побольше, пустим наши «танки» — и они мигом отворотят нужный пласт земли. Мерекаете?

Кое-кто еще не мерекал, и Валькирный, как всегда, терпеливо и обстоятельно разъяснял.

Закипела работа. Грачев был «маленько изобретатель» и с жаром взялся за проектирование «траншейной машины». Сделал не очень аккуратный, но толковый чертеж. Валькирный одобрил, кузнецы принялись за изготовление лемехов, трактористы приводили в порядок машины.

— Так, так, ребята. Жарьте так, чтобы небу жарко стало, чтоб искры летели, — подбадривал Кондрат. Он опять чувствовал себя как на фронте. Был одушевлен, подвижен, весел, ел за троих и работал за десятерых.

Скоро тракторы, превращенные в траншейные машины, выехали на поле и, по указанию Валькирного, начали отворачивать пласт за пластом.

Солнце пригревало все сильнее. Весна была дружная.

Плотина протянулась уже больше чем наполовину, когда случилось одно происшествие.

Валькирный командовал своими «танками» на полях, как вдруг к нему подбежал растерянный Грачев. В руках он держал бумагу.

— Ты что? — спросил Валькирный, насторожившись.

— Кондрат Семеныч, что ж это такое?.. Как же это так?.. — начал Грачев. — Вот бумага пришла из «Каптажа»... тут пишут...

Валькирный недослушал. Выхватил бумагу из рук Грачева и, хлопнув его по плечу так, что тот осел на один бок, сказал строго:

— Идем за мною... — И они отошли от тракторной колонны, чтобы не слышно было их разговор»'.

— Ну, в чем дело? Говори.

— Да вот, «Каптаж» спрашивает, как у нас идет работа по переносу «Красных зорь» на новое место. И закончим ли мы работу к первому мая. Как же это так, Кондрат Семеныч?

Валькирный досадливо крякнул.

— А вот так. Бей в мою голову. Не допущу. Плотину устроить скорее и дешевле, чем целый поселок переносить. Понимаешь? Когда они увидят, как все это просто устроилось, сами благодарить будут. А выгонят меня — черт с ними. Только бы «Зори» отстоять.

— Ну... А если кто-нибудь из них, от «Каптажа», сюда приедет да все это откроет?

— Не приедет. Теперь у них там своих делов много. Все уж объездили. А приедут, увидят, что мы еще не начинали переносить «Зори», отругаются да и оставят по-мо-ему. Я так полагаю... Разве что вышвырнут меня из «Зорь». Ну что ж. Ты пред ом будешь... Что нос на квинту повесил?

— Я ничего...

Грачев поплелся за Валькирным и теперь новыми глазами посмотрел на возводимую плотину. Недоумение и страх отражались на его лице.

А Валькирный и виду не подает. Командует как ни в чем не бывало. Крепкий человек.

9

Дождь прошел. Под лучами весеннего солнца заблестели мокрые рельсы, крыши станционных зданий, новенький паровоз. Пыхтит он, сил набирается, — сейчас пойдет развозить по свету разных людей с разной их судьбою.

С крыши арестантского вагона капают капли, блестящие, как ртуть. Зарешеченное окно открыто, а в окне, как из рамы, — голова старика. Хмуро смотрят темные глаза из-под клочковатых бровей. Жадно втягивают широко раскрытые ноздри влажный весенний воздух. Душно в вагоне, а Глеб Калганов привык к вольному воздуху моря и Волги. Смотрит Калган на станционную суету и словно не видит. Ушел мыслью в себя.

И вдруг его взгляд ожил, налился злобой. Калган увидел Кузьму Сысоева, хотел спрятаться, отойти от окна, — поздно. Колючий глаз Кузьмы уже впился в его темные глаза, держит, не отпускает...

Случайна или не случайна эта встреча?.. Пожалуй, что и не случайна. Кузьма был главным свидетелем обвинения на суде.

Пришел! Своими глазами хочет видеть, что не вырвалась из сетей щука зубастая... Продирается сквозь толпу, не спуская глаз с Калгана. К окну прилип, глаза, словно пиявки, впилась в лицо Калгана, держат... Молчит Калган.

— Сидишь? — спрашивает Кузьма. — У, змея!..

Загудел паровоз, тронулись вагоны.

Глеб тяжело опустился на скамью и посмотрел на дюжих сыновей своих, сидящих напротив. А рядом с ним угрюмо насупились рыбаки из его артели.

— Поехали! — глухо сказал Калган.

— К чертовой бабушке в гости, — проворчал рыбак, сосед Калгана. — Все по твоей милости!

— Сам в омут головой и нас туда же! — подхватил другой. — «Не дадим Волги-матушки!» Вот и не дали. Поверили старому псу.

Молчит Калган. «Вот, — думал, — Михеев всему причина. Востроносого со свету сжить, плотину прорвать — и спасена Волга. Думал так, а вышло иначе. Плотина прорвалась, а Волгу все-таки завтра запирают будут. В чем причина?.. Вот и Кузьма — малорослый, щуплый, когтем придавишь. А снял голову с плеч Глеба. Почему? Потому что он с теми, что строят?» Тяжело вздыхает Глеб.

10

Отгремели оркестры, отзвучали речи ораторов. Торжество закончено. Взят в плен широкие волжские воды.

А несметные толпы народа еще не расходятся. Смотрят, что дальше будет с Волгой. Ждут необычайного. Но Волга словно испытывает человеческое терпение. Ее уровень повышается почти незаметно для глаз.

Идут посмотреть на реку ниже плотины. Там интереснее. Вода быстро спадает.

— Мелеет! На глазах усыхает!.. — слышится взволнованный, веселый голос. Толпа любопытных спешит туда.

Да, мелеет Волга. Из-под воды показываются песчаные островки — вершины «банок», перекатов. Вот и дно. Песок, пласты ила, затонувшие якоря, обросшие плесенью темные остатки когда-то потонувших рыбацких судов и барок... Торчит нос полузанесенной песком рыбацкой лодки со сломанным парусом. Речное кладбище. Волга открывает свои подводные тайны.

Несколько неудачливых рыб, не успевших вовремя уйти с водою вниз, бьются на песчаном дне, сверкая серебром чешуи на весеннем солнце.

— Смотрите! Сом! — кричит тот же веселый голос. — Усища-то! Усища!

— А ведь верно. Попался, голубчик! Ну и сом! Пудов на шесть. Тащи на фабрику-кухню!

Огромный усатый сом остался в яме, наполненной водой. Бьется. Тычет в песок тупым рылом, взметает хвостом грязные брызги.

И уж толпа обсуждает план, как достать сома.

— А ну-ка, ребята, за мной, по морю, яко посуху! — с отчаянной веселостью кричит молодой парень и пытается добраться до сома. Но ноги вязнут во влажном иле. Махнув безнадежно рукой, парень вылезает на берег.

— Тут и сам пропадешь вместе с сомом!

— Доски положить! — предлагает кто-то.

До самой ночи толпились любопытные по берегам реки.

Барраж делал свое дело. К ночи Волга начала медленно заливать левый берег. Ее обильные воды пошли в наступление на пустыню, гасить пожар земли.

11

Едет Матвей по степи на буланой лошадке, песню поет. Буланный словно заслушался, плетется шажком и ушами прядет.

— А ну, веселей подбирай ноги, Коська-а! — покрикивает Матвей и продолжает песню.

К Волге Матвей едет за товаром для колхозного кооператива. Время весеннее дорого, вот и выехал ночью, чтоб к утру вернуться.

Коська опять ушами прядет и хвостом крутит. Или песня не нравится? Можно другую. Но не успокаивается конь. Голову вперед вытянул, воздух нюхает, фыркает. Даже дрожит как будто. Что за причина? Зверя почуял? Но какой тут зверь в степи? Одни суслики.

Стоп! Стал Коська как вкопанный, назад прет, фыркает. Оказия! Привстал Матвей на телеге и вдруг видит... и глазам своим не верит.

Далеко-далеко в степи при свете месяца вода серебрится широкой полосой. Волга? Да ведь еще и полпути не проехал! Может, померещилось?

— Но, пошел! — Не идет конь. Задом пятится.

А серебристая полоса на горизонте переливается синим светом, растет, ширится. Река не река, озеро не озеро. И вдруг осенила мысль: Волга двинулась.

Говорили об этом Матвею, предупреждали, но не очень-то он беспокоился: «Пока Волга до нас дойдет, двадцать раз успею вернуться!» А вот не успел, захватила.

Дернул вожжами Матвей, повернул телегу назад. Коська будто только и ждал этого. Откуда и прыть взялась! Скачет — подгонять не надо.

А вода за ними идет, тихо так, словно играючи, заливаает да заливаает степные просторы.

И вдруг зашумела вода сначала по задним колесам, потом по передним, залила ноги лошади и покатила вперед, застилая степь. Глянул Матвей на землю, — в воде отражается месяц.

— Вывози, Коська! — кричит Матвей.

А Коська сразу ходу сбавил: в грязи вязнет.

Коська еле ноги перебирает. Пошлепал еще маленько по воде и стал. Увязла телега в жирной степной грязи. Не вылезешь... Сойти, что ли, в студеную воду да помочь коню?

Ну и холодна вода! А делать нечего. Бултыхнулся Матвей, начал телегу тянуть, коня понукает...

12

А воды идут все дальше.

Вот они нашли русло высохшей речки и, сдавленные берегами, потекли быстрее. Они вычерчивают новую карту края с новыми озерами, заливами, реками.

Колхозники Сухого Дола с полуночи дежурят возле новых хат на высоком холме. По радио уже разнеслась весть: идет вода! Там, где была безводная степь, потечет река.

Ребята, взгромоздившиеся на крыши, увидели первые.

— Вода! Иде-от!..

При лучах восходящего солнца расплавленным золотом текла вода, заливая старое речное ложе, оставленное, быть может, тысячу лет назад.

— Трофим! Тащи сеть! Рыба в гости идет!

— Сухой-то наш Дол теперича мокрым выходит!

— Дед Панас! Надо бы тебе в старой хате остаться! Был бы ты теперь дед водяной и рыбой командовал бы!

Панас щурит от света старые глаза, улыбается. И вдруг новый выкрик с крыши:

— Пароход идет!

Это уж ни с чем не сообразно! Все головы повернулись на запад. Там среди водяной глади шевелилась какая-то черная точка, медленно приближавшаяся.

— Какой пароход! Это лодка!

— Черт на дьяволе, ей-богу!

Наконец черная точка приблизилась; человек верхом на коне едет.

Усталый, весь мокрый, подъехал Матвей, бросивший телегу в степи.

13

Новая река, еще безымянная, течет на восток, увлажняя воздух и землю. Она пришла сюда, в выжженную солнцем степь, чтобы тушить пожар земли. Шла ощупью, осторожно, как слепая, нащупывая все неровности почвы, заливая ямы, иногда ответвляясь в сторону, и вдруг — стоп! Наткнулась, слепая, на стену. Постояла маленько и повернула на юг, изменив намеченный ей старым руслом путь.

— Станция «Красные зори»! — крикнул Грачев.

На плотину высыпал весь поселок. Валькирный улыбается. Все вышло так, как он хотел. «Красные зори» спасены. Была опасность, не зальет ли река поселок, обойдя плотину сверху, но и эта опасность миновала: к югу скат, и река направила туда свои воды.

— Пусть теперь из Камышина приезжают да посмотрят! Я им сберег не один десяток тысяч рублей. И весь «барраж» сами соорудили, ни копейки у них не попросили!

— Молодец, Кондрат Семеныч! Голова!

— А теперь за работу, ребята! Нечего зевать! — И он зашагал к спасенным «Красным зорям».

Однако день этот кончился совсем не так радостно, как начался.

Валькирный отдавал распоряжения на скотном дворе, когда к нему прибежал запыхавшийся Грачев. На нем лица не было.

— Кондрат Семеныч, беда!

— Что, плотину прорвало? — быстро спросил Валькирный и сам немного побледнел.

— Нет, не то! Наделали мы делов, Кондрат...

— Да говори же, черт, толком!

— Сейчас звонили по телефону из Суханова. Говорят, залило деревни Игошки и Черняево, которые не надо было заливать. Черняево маленько залило, а Игошки в лощине, так ту совсем по крыши. Мы, значит, речку своей плотиной повернули не туда, куда надо. Просят помощи...

Валькирный уже не слушал. Он рванулся и побежал к конторе, крикнув на ходу:

— Звони тревогу!

Но Грачев отстал от него, и Валькирный, первый добежав до площади перед конторой, где висел колокол, созывающий на работу и обед, начал бить в набат. Отовсюду сбегался народ. Валькирный отдавал приказания:

— Запрягайте лошадей, живо. Берите багры, топоры, веревки, не жалейте лошадей, гоните вовсю. Летите в Игошки. Там наводнение!..

А сам побежал к конюшням, выбрал лучшего коня, наскоро надел уздечку и помчался на неоседланном гнедке по степи, берегом новой реки.

Деревня Игошки была в двадцати километрах от «Красных зорь».

Добрый конь летел вихрем, а Валькирному казалось, что он еле плетется. Кондрат Семеныч бил по шее лошади концом уздечки и каблуками в бока.

«Ведь вот оказия! Я думал, что река пойдет левее... А ну как там еще люди потонули...» — думал Валькирный и в то же время невольно осматривал местность. Совсем незнакомая! Река, заводи, озера...

Вот и крыши Игошек виднеются над водой.

На крышах люди, петухи, кошки... Крик, стон, плач...

Крестьяне, успевшие выбраться, пока вода была невысока, сидят на берегу с унылым видом. Вокруг на земле одеяла, подушки, самовары, тулупы, — что успели вынести. Собаки, подняв морды, воют, глядя на затопленную деревню.

Валькирный подъезжает и круто осаживает лошадь.

— Отчего не спасаете, сидите сложа руки? — набрасывается на крестьян.

— А как спасешь? — огрызается рыжий крестьянин. — Лодок нет, с голыми руками в воду не полезешь.

— Амбар разобрать надо было да плот сделать, — говорит Валькирный

— Языком-то легко! — слышатся враждебные голоса. — Сам сделай! Топоры потопили, веревки нет, чем плот свяжешь?

— Руками можно было амбар разобрать. На бревне не утонешь. Так поне-многу и перетасили бы народ на берег.

Валькирный, как был, в тяжелых сапогах и неизменной кожаной куртке, плывет к ближайшей избе. Он снимает с крыши мальчика, сажает себе на шею и плывет обратно к берегу, не обращая внимания на толпу.

Несколько человек успел уже перетаскать на берег Валькирный, когда приехали краснозорьцы.

Работа закипела. Разобрали по бревнам старый амбар, смастерили плот и на нем перевезли всех с крыш на берег.

— В хатах никого не осталось? Утонувших нет? — спросил Валькирный.

— Как будто все целы... — Начали считать, перекликаться.

Валькирный уже собрался вернуться в «Зори», чтобы распорядиться, как разместить людей, оставшихся без крова, когда с дороги неожиданно послышался гудок автомобиля.

Приехал из Камышина секретарь ячейки, Туляк, которому уже сообщили по телефону обо всем.

Он подошел к Валькирному, положил ему руку на локоть, — до плеча не достал, — и, глядя прямо в глаза, сказал:

— Ну, что, Кондрат Семеныч, теперь вы понимаете, почему частное надо подчинять общему? Посвоевольничали и наделали делов! Придется теперь от-вет держать!

Валькирный молчал, опустив голову.

14

Письмо первое

«Дорогой Ленц!

Не знаю, с чего начать. У меня такое состояние, словно я просмотрел без перерыва сорок кинофильмов. Попробуй, разберись во всем этом. Из вороха разнообразнейших впечатлений выбираю общее: колхоз «Новый путь», по моему, самое интересное место на земном шаре. Я словно переселился на другую планету, где время движется с невероятной быстротой.

Начать с того, что от Камышина, где я осматривал великую волжскую плотину, в колхоз я летел прямым сообщением на большом почтово-пассажирском аэроплане. Постоянная линия. В деревню на аэроплане. Недурно?

Был ветреный день, и я словно катился по американским горам над широкою степью. Когда-то она была безводной, засушливой, капризной на урожай. Теперь вся она залита водой: реками, озерами, лагунами... Местами я еще видел деревянные хаты деревень, но чаще встречались на пути (или, вернее, под путем, так как я смотрел сверху) каменные четырехэтажные дома, целые городки таких домов.

— А вон виднеется и «Новый путь», — сказал мне сосед, указывая на горизонт.

Я увидел дымящиеся трубы заводов. Много фабрично-заводских труб. Не ошибся ли мой попутчик? Я вопросительно посмотрел на него. Он улыбнулся и, видя мое недоумение, поспешил объяснить:

— Это колхозные фабрики и заводы по первичной переработке сельскохозяйственного сырья: льна, пеньки, выработке консервированных фруктов и овощей, мясохладобойни, сыроварни, мельницы, элеваторы, рыбоконсервные, сахарные, маслобойные заводы.

Через несколько минут я увидел весь сельскохозяйственно-фабрично-заводской колхозный город. Он стоял у реки — новой реки, созданной каптажем, которая снабжала его водой. Выше по течению, отделенный широкой полосой леса от дыма фабричных труб, расположился жилой город, весь из белых двухэтажных домов, утопавших в садах и парках. Несколько домов выделялось своею величиной, — вероятно, дома правительственных и общественных учреждений. На реке виднелись купальни, сновали лодки.

Когда мы пролетали над лесом, отделявшим город от фабрик и заводов, я увидел ровную, как по линейке, дорогу, прорезывающую лес. Она была асфальтирована. По ней взад и вперед сновали трамваи и автомобили.

Мы пролетели над городом, и вновь перед нами потянулись поля. Шли весенние полевые работы. С высоты аэроплана тракторы казались маленькими жуками, кем-то выдрессированными. Ровненько двигались они по полям стройными рядами, оставляя позади себя черную, взрыхленную почву. За ними ползли другие машины, вероятно, бороны, следом за теми — сеялки.

Местами среди полей виднелись стройки. Строились новые двух-, трехэтажные дома.

— Новые деревни, — улыбаясь, сказал мой сосед. — Старые деревни строились без плана. Теперь вся площадь колхоза — а он у нас не маленький, — разбита на участки; и все население, занятое сельским хозяйством, будет равномерно размещено по всей площади колхоза так, чтобы каждый населенный

пункт обрабатывал прилегающую к нему территорию. Сократятся расстояния до конечного пункта, а значит, и время на переезд. Экономия в топливе машин, быстрота...

— Вы в колхозе работаете? — поинтересовался я.

— В колхозе. Помощник бухгалтера. А вы не корреспондент? — спросил он меня в свою очередь.

— Нет, — ответил я. — Я тоже еду работать в колхозе. Я — электротехник.

— Иностранец?

— Да, немец.

— Вот мы скоро и дома, — сказал помбух.

Я увидел на горизонте высокую ажурную башню радиостанции.

— Приемно-передающая. Наша, колхозная.

Вскоре показались и дома. Много хороших каменных домов, площадь, окруженная высокими зданиями, сад, памятник: человек с поднятой правой рукой — Ленин. Зеркалом блеснула излучина реки. Сколько здесь рек!..

Аэроплан начал снижаться, и скоро мы спустились на хороший аэродром. Я вышел. Меня удивило обилие аэропланов, стоящих на аэродроме.

— Уж не имеет ли колхоз и собственные аэропланы? — спросил я моего спутника.

— Общественные. Осоавиахимовские. Для посевов и борьбы с вредителями.

С легким чемоданом (багаж мой шел отдельно) я пешком отправился в деревню, колхоз, город, агрогород — уж не знаю, как назвать.

Город новенький, с иголочки. Кое-где еще оканчивают штукатурку и побелку зданий.

Я без труда нашел дом и комнату, предназначенную мне для жилья. Ты хочешь знать, какова эта колхозная комната для одинокого? Двенадцать-пятнадцать метров площадь. Продолговатая. Большое венское окно без шторы. Под окном — трубы водяного отопления. Голубоватые стены. У окна справа — небольшой письменный стол со стулом и настольной электрической лампой. Другая лампа под потолком. Рядом со столом на стене маленькая полочка для книг. У левой стены — диван, служащий и кроватью. Постельные принадлежности — в выдвижном ящике в самом диване. Ближе к двери, в той же левой стенке, — стенной шкаф для платья, немного выступающий. У правой стены — умывальник, отделенный с боков, на высоте пояса, толстыми стеклянными стенками, чтобы не разбрызгивать воду. Дальше, у стола, — телефон. Над входной дверью рупор громкоговорителя.

Дом довольно большой. В нем имеется хорошая общественная столовая, клуб, при нем небольшая библиотека. Если в ней нет нужной тебе книги, можешь заказать ее по телефону в центральной городской библиотеке. В конце коридора — ваннные комнаты, где в определенные часы дня можешь и побриться.

Я позавтракал и отправился к своему «начальству». Но об этом посещении разреши написать в другой раз.

Будь здоров. Твой Карл Э.».

Письмо второе

«— Вы знаете агрономию? — спросил меня бригадир, когда я явился к нему. Вопрос несколько удивил меня.

— Я электротехник.

— Я тоже электротехник, — ответил он. — Но у нас и в электротехнике агрономический уклон. Так сказать, агроэлектрика, как бывает агрохимия. Не думали ли вы, что вас пригласят возиться с электрическими лампочками?

С этим у нас и школьные ребята справляются. Вся электропроводка в новых домах лежит на них. У нас требования к электротехнике свои. От электричества мы требуем кое-чего большего, чем освещение домов и полей. Вы приехали в интересный момент, когда мы, пользуясь дешевой электрической энергией, которую дал нам каптаж, переходим к электрификации сельского хозяйства. Мы получаем ток от большой электростанции острова Шишки. Видали?

Я кивнул головой:

— Да, грандиозное сооружение. Но вы еще не установили проводов высоковольтного напряжения?

Бригадир усмехнулся и ответил:

— Не спешите отрицать существование того, чего вы не видите.

Этот ответ удивил меня, но я скоро понял. Ведь советские ученые еще несколько лет назад изобрели изоляторы, позволяющие прокладывать под землей кабели для высоковольтной передачи на большие расстояния.

— Подземные кабели? — спросил я.

Бригадир утвердительно кивнул головой.

— Это дешевле, — ответил он, — и экономичнее в сельском хозяйстве. Хотя у нас земли и много, но мы дорожим каждой пядью. Надземная проводка отняла бы немалую площадь полей для установки башен и затруднила бы работу тракторов.

— Какое же применение будет иметь электричество в вашем сельском хозяйстве?

— Самое разнообразное. Идемте, я покажу вам нашу работу. Много сделано, еще больше придется сделать. — Бригадир критически посмотрел на меня. — Вы уже человек немолодой, а учиться придется вам многому.

Мы пришли на окраину колхозного городка. Там, где начиналась полевая дорога, стояло большое, длинное одноэтажное здание со многими широкими дверьми. Сквозь открытые двери я увидел тракторы нового для меня типа.

— Электротракторы, — объяснил бригадир. — Последняя модель. Работают на аккумуляторах. Волжские воды, которые тысячи лет понапрасну растрачивали свою энергию, теперь отдают ее нам. Наши тракторы, как рабочие лошади, насыщаются этой энергией и идут на поля.

— А что вы будете делать со старыми тракторами, работающими на горючем?

— И им найдется еще немало работы. Передадим их в те колхозы, которые находятся слишком далеко от источника электроэнергии. Электричество сбережет нам немало драгоценного топлива. Ведь жечь нефть, из которой можно получить ценнейшие химические продукты, в сущности говоря, — варварство.

Мы прошли в соседнее здание. Там стояли другие машины: электрические бороны, косилки...

— У нас все будет делать электричество, — с гордостью сказал он. — Этой же весной мы возьмем наши поля в электрический оборот. Нас и так опередили. Как-нибудь в выходной день поезжайте в соседний колхоз Реаловский, —

это ближе к Волге. Полюбуйтесь, что там делает электричество. Идемте теперь на скотные дворы, они у нас уже с осени электрифицированы.

Дорогой он продолжал говорить:

— Мы не только обрабатываем землю электричеством, но и греем ее. Под землей прокладываются электрические грелки. Слишком поздняя весна и ранняя осень не будут нам больше страшны. Но и это еще не все. У нас есть поле, где мы ионизируем растущие злаки, и результат получается превосходный. А вот и стойла.

Чистые, теплые, проветриваемые помещения, освещенные электричеством. Возле каждой коровы — электрическая дойка.

— Рука человека не прикасается ни к корове, ни к молоку. Электричество доит, перерабатывает молоко, чистит коров и стойла.

Затем мы осматривали инкубаторы. Длиннейшая комната, напоминающая заводской цех.

Да так оно, в сущности говоря, и есть. Это настоящая фабрика. Здесь «полуфабрикат» — яйцо — превращается в «конечный продукт производства» — живого цыпленка. Тянутся длинные черные ящики. Тишина. Безлюдье. За людей работает электричество.

— Присматривать за температурой больше не приходится. Она регулируется автоматически. Электрические грелки работают идеально. Все рассчитано. Когда приходит срок, сюда являются наши птицеводы только для того, чтобы взять готовых цыплят и заложить в инкубаторы новые порции яиц.

Следующая комната встретила меня разноголосым писком. Это «детская», брудергауз. Здесь воспитывают вылупившихся птенцов. Они разделены по возрастам и помещаются в ящиках с невысокими стенками. Над ящиками электрические лампы и провода, какие-то металлические шары с иглами.

— Ионизация и воздействие ультрафиолетовыми лучами. Растут как на дрожжах. Заболеваемость сведена почти к нулю.

— Электрические цыплята, — улыбаясь, говорю я.

— То ли еще увидите, — отвечает бригадир. — Производство наше не останавливается круглый год, так как куры несутся и зимой не меньше, чем летом.

— Удивительно! — сказал я, с восхищением глядя на тысячи пушистых желтеньких цыплят, весело и хлопотливо копошащихся в ящиках.

— Пожалуй, электричество призвано сыграть самую важную роль в сельском хозяйстве? — сказал я.

Бригадир посмотрел на меня с некоторым сожалением, — так мне показалось, — этакая, мол, малая сознательность у человека!

— Так может рассуждать только узкий специалист старого времени, — ответил он. — Мы — диалектики, и от нас не ускользает общая связь явлений. Электротехника, химия, физика, агрономия, ботаника, биология, бактериология, метеорология — все имеет свою цену так же, как для растений важны и воздух, и солнечный свет, и вода, и минеральные удобрения. Все одинаково важно. Отнимите одно — и растение погибнет, несмотря на то что всем остальным оно будет обеспечено достаточно. Вот вы познакомьтесь с товарищем Бойко, химиком нашей опытной сельскохозяйственной станции. Поговорите с ним. Он столько расскажет вам об агрохимии, что, я уверен, химия покажется вам самым важным в сельском хозяйстве. Но ни он, ни я так не дума-

ем.

Мы возвращались к гаражу, где я скоро должен был приступить к работе и учебе.

— Вы сегодня вечером свободны? — спросил меня бригадир.

— Совершенно.

Так вот что. В Реаловку вы еще успеете съездить. А сегодня приходите к восьми часам в клуб. Я покажу вам киноленту, на которой засняты все моменты электрифицированной обработки земли в одном из лучших наших колхозов. Посмотрите.

В тот же вечер я видел, как огромные электрические плуги врезались в землю и отворачивали пласт за пластом. Я видел, как за ними, словно пехота после артиллерийской подготовки, шли «добивать врага» другие машины, которые разбивали комья земли. Третьи машины рассыпали удобрения, четвертые сеяли, ровно, бережно, аккуратно, пятые косили, жали, связывали и привозили с поля снопы пшеницы и связки сена. Нет, не сена, а свежей травы, которая отправлялась в гигантский силос, где электрическим током убивались бактерии.

Над полями реяли аэропланы, и часть сева производилась с аэропланов. Другие аэропланы распыляли отраву для вредителей.

Я видел электрические молотилки, дающие чистое, полное зерно. Наконец, я видел, как электричество наполняло зерном огромные элеваторы.

«Где, — думал я, — надрывающиеся лошади, истомленные быки, облитые пбтом косцы, женщины, шатающиеся от усталости, истощенные, кормящие тут же на ниве дряблой грудью детей?.. Вместо них — везде машины, а возле машин и на машинах видны ловкие, здоровые, уверенно работающие колхозники в синих рабочих комбинезонах, забрызганных машинным маслом».

Признаюсь, я не видал картины более увлекательной. Это апофеоз энергетики, техники, электрификации, организованного труда, торжествующего над стихийными силами природы...

Будь здоров. Пиши. Твой Карл Эрнст».

Письмо третье

«Дорогой Ленц!

Бригадир был прав: когда я побывал у агрохимика Бойко, то я готов был прозакладывать голову, что самое важное в сельском хозяйстве — это химия.

Встретил меня Бойко в химической лаборатории опытной станции.

— Приехали к нам поработать? — спросил он, протягивая мне руку. Он был в сером халате, прожженном кислотами.

У лабораторных столов стояли в халатах юноши и девушки, они возились с горелками, колбами, стаканами, перегоняли, кипятили, охлаждали...

В отдельной комнате — святилище, куда не заходят химические газы, — под стеклянными ящиками стоят химические весы.

— Обратите внимание: чтобы сотрясение почвы не отражалось на них, весы стоят не на столах, а на полках, прикрепленных к стенам. Вот наше последнее советское достижение, — с гордостью сказал Бойко, поднимая стеклянный ящик с новеньких весов. — Оторвите клочок бумажки и бросьте на весы.

Я сделал это. Бойко взвесил клочок, снял с весов, протянул мне и сказал:

— Теперь черкните на клочке карандашом вашу фамилию.

Я исполнил и это. Бойко вновь положил клочок на весы. И что же: весы от-

метили прибавку в весе от коротенькой карандашной надписи.

— Вот мы и узнали вес вашей фамилии, — улыбаясь, сказал Бойко.

— Здесь у нас «болтуны», — продолжал он шутить, вводя меня в новую комнату. Маленькими деревянными лопаточками молодые люди взбалтывали в стаканах жидкости темного и светлого цветов. — Анализы почвы.

— И долго приходится так взбалтывать?

— Часами, днями, неделями, а иногда и месяцами. У нас есть несколько механических болтушек, но их недостаточно.

— Но для чего это?

— Для того чтобы узнать, какова почва. Мы растворяем горсть почвы в стакане, взбалтываем, пропускаем через мельчайшее сито и отсеиваем самые крупные частицы, взвешиваем, подсчитываем. Затем болтаем и осаждаем до тех пор, пока через двадцать четыре часа после отстоя жидкость не окажется совершенно прозрачною. Чем больше мелких частиц в почве, тем лучше почва. Если в пробе, в маленьком сосуде величиною с наперсток, окажется менее биллиона семисот миллионов частиц — почва никуда не годна. Почему? Потому что слишком крупные частицы почвы не обеспечивают питания корням. Ведь в одном кубическом метре почвы поверхность частиц, с которой приходят в соприкосновение корни растений, представляет площадь примерно в гектар... Идем дальше. Здесь у нас дистиллируют воду, здесь моют химическую посуду. А вот эта комната... Неприятная комната. В ней мы производили работы, при которых выделяются самые ядовитые газы.

Несмотря на то что лаборатория пустовала несколько дней при открытых окнах, тяжелые кислотные запахи еще не улетучились. Они раздражали нос и щипали глаза.

— Да, тяжелая ваша работа, — сказал я.

Бойко сверкнул глазами, словно я нанес оскорбление близкому ему человеку.

— Увлекательная работа. Изумительная работа, — с жаром сказал он и потащил меня в маленький кабинетик при лаборатории. На большом письменном столе лежало несколько книг на русском и немецком языках по химии, главным образом аналитической.

— Садитесь, пожалуйста, и выслушайте, что такое агрохимия.

Дорогой Ленц! Ты просил меня подробно писать тебе обо всем. Не сетуй на меня, если тебе придется прослушать лекцию.

— Химизированное сельское хозяйство — это неисчерпаемые золотые россыпи, — начал Бойко. — Не верите? Приведу вам пример из прошлого. В то время, когда Соединенные Штаты Америки еще процветали и капитализм не подорвал вконец фермерского хозяйства, это хозяйство за два года давало стране богатство, превышающее все светную добычу золота на земле за весь период со времени открытия Америки Колумбом. За два года ценность продуктов сельского хозяйства превысила в шесть раз общий капитал всех американских банков. Но такие успехи сельского хозяйства в Америке стали возможными только тогда, когда там на помощь фермеру пришла химия. Капитализм скоро свел на нет все эти успехи. Но это уже вина не химии, а капитализма.

Теперь посудите сами, что же может дать, дает и даст в будущем химия для нашего социалистического сельского хозяйства. Питание для всего населения,

огромные экспортные излишки, миллиарды рублей на строительство фабрик и заводов. В настоящее время вся наша агрономия теснейшим образом связана с химией. Вспомните дореволюционную Россию. Она была классической страной перемежающихся с урожайными годами недородами, а порой страшных голодовок населения. Два-три года средний урожай, а на следующий год — ужаснейший недород. На эту кривую урожаев в начале восьмидесятых годов прошлого столетия обратил внимание еще Карл Маркс и дал такое объяснение: главная причина неурожаев — отсутствие искусственного удобрения.

А теперь что мы видим? Поля, удобрения, жизнь и питание растений и самого человека — все это одна гигантская химическая лаборатория. Химия решает вопрос об искусственном удобрении, о наилучшем корме для скота. Химия изучает почву. Ведь почва — это не мертвая земля, а своего рода живой организм, в котором непрерывно происходят всевозможнейшие процессы. Почва «дышит», «питается», наливается плодородными соками или истощается и умирает, чтобы возродиться, воскреснуть вновь, если к ней на помощь придет химия. Химия объясняет и предупреждает порчу сельскохозяйственных продуктов. Скисание молока, гниение овощей — все это химические или химико-бактериологические процессы. Химия выяснила роль бактерий в обогащении или истощении почвы азотом. Химия объясняет, почему портятся сельскохозяйственные машины, орудия, — ржавеют в «кислородном горении металла». Наконец, химия оказывает огромную помощь хозяйству в борьбе с вредителями. Но об этом вам лучше расскажет товарищ Брызгалов, наш «главком» по борьбе с вредителями. Непременно познакомьтесь с ним!

Химия открывает земледельцу новый мир. Разве старый хозяин обращал внимание на воздух? Знал ли он, что именно углекислота воздуха, при помощи солнца и хлорофилла растений, превращается ими в питательный крахмал и сахар? И не из воздуха ли химия извлекает теперь азот, необходимый для питания растений? Не химия ли дает ответ, чего не хватает почве, и определяет «дозировку» почвенного питания фосфором, калием, кальцием, азотом? Ведь почву можно не только недокормить, но и перекормить, и тогда будут потеряны и удобрения, и урожай.

А вода! Растения состоят из семидесяти-девяноста процентов воды. Старый крестьянин знал, что вода нужна растению, что растение пьет воду. Но знал ли он, сколько именно нужно воды растению? Знал ли он, что картофелю, например, или клеверу нужна тысяча двести тонн воды на гектар, кукурузе — всего девятьсот, а подсолнечник любит воду, как старая московская купчиха любила чай: ему давай не меньше восемнадцати тысяч тонн! Знал ли старый крестьянин, что растения не только пьют, но и испаряют воду в воздух, и испаряют втрое больше, чем пьют. Некоторые растения являются настоящими насосами: средний тополь выбрасывает в воздух в сутки не меньше бочки воды. И чем суше воздух, тем больше испарение. Плодородным, но засушливым степям Заволжья не хватало воды. Мы страдали не только от недостатка воды в почве, но и от сухости воздуха, которая заставляла растения усиленно извлекать из почвы последнюю влагу, чтобы напрасно выбрасывать ее на воздух. Но тут на помощь почве и растениям пришла техника. Каптаж. Теперь наша почва напоена водой, а воздух настолько увлажнен реками, озерами, водоемами, созданными человеком, что испаряемость воды растениями понизилась

до нормального уровня. Наш край ожил. Без техники — гидротехники — здесь была бы бессильна и химия. Но в целом химия является могущественнейшим двигателем сельского хозяйства.

Мы производим в год около двух миллиардов центнеров зерна. И из них, по крайней мере, полмиллиарда — дар химии. Но она еще не сказала своего последнего слова. Мы рассчитываем в самом ближайшем будущем увеличить урожай, по крайней мере, на треть. Вы понимаете, что это значит? Мы сможем прокормить население еще одного СССР и иметь сверх этого значительные излишки для экспорта.

Можно ли после этого сказать, что труд химика тяжел? Нет, это самый радостный, самый живой, самый творческий, увлекательный труд! Я вам покажу настоящие чудеса химии: как она буквально из камня и воздуха делает хлеб, как оживляет вконец истощенные почвы, как заказывает почве урожай с точностью до нескольких десятков килограммов на гектар, словом, как у нас делают урожай, а не ждут его от случая или от Бога...

Когда мы уходили, Бойко сказал на прощание:

— Так заглядывайте непременно. Вам надо быть в курсе всего».

Письмо четвертое

«Главкома» по борьбе с вредителями я застал в ангаре. Он был в рабочем костюме, как и другие рабочие, и я сразу не мог определить, кто из них «рядовой» и кто «главком».

— Могу я видеть товарища Брызгалова? — спросил я.

Плотный, коренастый человек, с густой шапкой черных волос, сдвинул на сторону кепку и сказал:

— Я Брызгалов.

Мы познакомились. Брызгалов, не прекращая работы, — он загружал аэроплан ядом, — сказал мне:

— Интересуетесь вредителями? Так. Могу показать. — Брызгалов говорил отрывисто, короткими фразами. Выпалит одну фразу и крепко сожмет губы. — Лететь со мной хотите?

— С удовольствием, — ответил я.

Брызгалов молча кивнул головой и принялся вместе с механиком выверять части мотора.

— Завтра. Ровно в четыре утра. Будьте здесь. Никишка, заправляй самолет горючим.

На другой день в половине четвертого я был уже на аэродроме.

Еще совсем темно. Только восток как будто вылинял. У старта яркий дуговой фонарь. Крылатая машина уже выкачена из ангара. Брызгалов и механик контролируют работу мотора.

Брызгалов видит меня, молча кивает головой. Мотор сердито чихает, словно злится, что его разбудили так рано, и оборвал. Тишина. Брызгалов что-то говорит мне, но я не разбираю: немного оглушен. Вымпел на мачте аэродрома трепещет от ветра. Брызгалов неодобрительно дергает головой.

— Может, отложим? — спрашивает механик.

Но Брызгалов, вместо ответа, кивает головой в мою сторону и, показывая на фюзеляж, говорит:

— Лезьте! Не туда! Это для летчика. Заднее место.

Я взбираюсь, усаживаюсь. Быстрым, привычным движением, словно каба-

лерист на коня, вскакивает на свое место Брызгалов. Рядом со мной усаживается веселый паренек Никишка. Три человека и груз. Но аэроплан большой, мог бы поднять, пожалуй, и четырех.

Ангары подо мной кренятся набок, круто поворачивают, как карусели, и исчезают.

Внизу — огни города, впереди — темные поля.

Мы летим на восток. Он все больше бледнеет. Я вижу неясные очертания локтей, спины и головы Брызгалова.

Ветер крепчает. Полет аэроплана становится неровным.

Розовая щель раскалывает восток. Румяными огнями зари наливаются озера, реки, пруды.

— Куда мы летим? — кричу я Никишке в самое ухо.

— К леса-ам! — так же отвечает мне Никишка.

«К лесам!» Как это странно звучит в голом, степном Заволжье, где люди веками топили печи соломой и навозом.

Впрочем, и теперь они не отапливаются дровами. Каптаж дал возможность насадить леса, и они насаждаются для улучшения климата и защиты от песков. Молодые леса. За ними ухаживают, как за ребенком. Они стоят, словно пограничные отряды, отражая натиски пустыни. Я вижу их стройные полки, вытянувшиеся в длинную линию фронта с севера на юг. Зеленые молодые леса. А в них — союзники пустыни: жучки, бабочки, мухи... Но подождите. Брызгалов не дремлет у своего руля!..

Взошло солнце. Оно светит прямо в глаза и, вероятно, очень мешает Брызгалову. Я вижу, как он вертит головой.

Вот и лес. Локти Брызгалова приподнимаются, весь он наклоняется вперед. Аэроплан делает вираж, входит в полосу леса и сразу снижается. Но Брызгалов предвидел это и набрал высоты.

Никишка дергает рычажок, открывает отверстие опылителя и смотрит вниз. От аэроплана протянулся пылевой хвост. Солнечные лучи играют на пылинках.

— Что?.. — кричу я, указывая на хвост.

Никишка догадывается.

— Мышьяковистоки-ислый ка-алий! — орет он мне в ухо и гордо прибавляет химическую формулу, что-то вроде «Два-Ка-три-Ас-О-три...».

Мы долетаем до поперечной просеки и вдруг круто поворачиваем на запад. Аэроплан убрал свой пылевой хвост. Мы израсходовали двести килограммов яда и летим за новой порцией.

Снижаемся на аэродроме. Тут лицо Брызгалова проясняется: видимо, доволен работой.

— Вот у нас и есть свободное время побеседовать о вредителях, — говорит. — Присаживайтесь ко мне поближе!.. Недавно попалась мне в одном библиотечном архиве старинная детская хрестоматия, — начал Брызгалов. — Прочитал я там одно стихотворение. Про мотылька. Мальчик хочет поймать на поле мотылька. А мотылек просит: «Не губи, человек, ведь короток мой век» или что-то в этом роде. Идиоты! Какой вредной ерундой засоряли детские головы! Жалость возбуждали к поэтическому мотыльку. А одни луговые мотыльки в год могут проесть стоимость большого сахарного завода! А стоит завод большие десятки миллионов. Еще недавно сельскохозяйственные вре-

дители пожирали хлебов больше, чем надо для прокормления всего населения СССР. Хомяки, суслики, саранча, жуки, бабочки, гусеницы, мухи, сорняки, крысы, мыши, бактерии.

Тысячи тысяч! То, чего не успевали уничтожить полевые вредители, доканчивали амбарные. Теперь мы боремся с ними химией. И сберегаем государству миллиарды. Но наша работа должна быть напряженной, неослабной, планомерной, коллективной. Истребите миллиарды вредителей, оставьте в живых пару, прекратите борьбу, — и через год-два их снова будут миллиарды. Сейчас они принялись за наш молодой лес. Хотят прорвать и открыть фронт для нашего главного врага — пустыни. Я летал над лесами, над полями, над болотами...

— И над болотами?

— Комары. Малярия... Знаете Рионскую долину на Кавказе? Плодороднейшая в мире. Чудесный климат. Пропадала. Пустовала. Малярия. Страшная смертность окружающего населения, рабочих. Теперь там — цветущие нивы и рисовые поля. Здоровые растения и здоровый, сытый народ. Химия!.. Мы все принимали участие в этой войне. Опыливаем, окуриваем, обрызгиваем поля с ранней весны до поздней осени. Это у нас обычная работа. Бывает и ударная. Когда какой-нибудь вредитель размножается чрезвычайно. Тогда — мобилизация. Все на ногах. Кордоны. Заградительные отряды. Люди в противогазах... Война! При единоличном хозяйстве борьба была невозможна. Межи. Овражки. Сорняки — приют для вредителей. Невежество. Раздробленность действий... Теперь общий план, и мы...

Через минуту я услышал шум заводимого мотора и отрывистый приказ Брызгалова:

— Контакт!

Война продолжалась...».

Письмо пятое

«Бригадир, Бойко, Брызгалов — все это своего рода агроинтеллигенция. Но каков средний колхозник? — спрашиваешь ты.

Познакомился я и с этими «среднеарифметическими колхозниками». Что же я могу написать о них?

Все они хорошо знакомы с техникой, агрономией, химией. Прекрасная политехническая школа. Хорошая библиотека. Театр и главное — телевидение и звуковое кино дают им то, чего не могут дать тонны старых книг. Они слушают лекции лучших профессоров Союза, передаваемые по радио, они видят лучших артистов на экране. Они «присутствуют» зрением и слухом всюду, как бы принимая непосредственное участие в мировых событиях.

Когда-то деревенским клубом была завалинка у хаты. Старики жаловались здесь друг другу, что господь за грехи не дает дождика и наказывает неурожаями, женщины судачили у колодцев, молодежь хулиганила, те и другие заливали «горькой» горькую жизнь. Их кругозор не шел дальше сельской колокольни.

Теперь «завалинка» — ярко освещенный электричеством клуб. Темы разговоров — о новом научном изобретении, о последнем полете в Арктику, о необычайном овоще, выращенном на опытной станции.

Не думай, однако, что жизнь здесь похожа на тихое болото с блаженно прозябающими лягушками. Здесь тоже есть борьба, и здесь нередко разгораются

страсти. Спорят о методах электрификации, и о планировании новых городов, и о новых сельскохозяйственных мероприятиях.

Новый быт строится не без борьбы. Сколько споров было хотя бы о домах-коммунах! В какой мере обобществлять быт? Что делать с детьми? Как строить дома-коммуны? Тут тоже были перегибы и правые и левые уклоны. Их история запечатлелась даже в архитектурных формах домов. Ты можешь встретить несколько типов жилых домов, от казарм и до домов типа меблированных комнат.

Недавно, в тихий весенний вечер, я беседовал на веранде дома-коммуны с одной пожилой колхозницей, Марьей. Она рассказывала мне историю своей борьбы с домом-коммуной.

— Сколько лет уж прошло, — говорила она своим украински-певучим голосом. — В первые годы трудножилось в колхозах. Хозяйство большое, хозяев много. Что голова, то ум. Каждый думал по-своему, как лучше общественные дела наладить. Свары, споры. Но все утряслось понемногу. Решили дом-коммуну строить. А я ни за что!

И слушать не хотела. Привыкла к своей хате, как корова к хлеву. Хлев горит, корову выведут, а она вырвется да назад. Хоть в пламя, да в свой хлев! Так и я... А муж-то у меня был активист. За дом-коммуну первый агитатор. «Ну, — говорит, — оставайся в своей хате, а я один пойду жить в дом-коммуну». Ушел муж, а за ним старший сынишка. Я с двумя малыми да со стариком в хате осталась. Уж и трудно было, а не сдавалась. Общественную работу кончишь, придешь домой — за стирку становись да за котел. Плюнула на свою хату. Теперь давно уж в коммуне живу.

Эпизод... Один из тысячи эпизодов. Одна буква из великой книги о строительстве нового быта...

Друг мой, Ленц! Не похожи ли мы с тобой на эту Марью? Ты знаешь, я не молод. И вот я, как Марья, жалею теперь только о том, что годы напрасно потеряны для тебя и для меня.

Бросай все! Бросай свою швейцарскую сыроварню и приезжай скорее вместе с женою и детьми в советский колхоз варить советский колхозный сыр!

Твой Э.»

— Слышите, колокольчик звенит? Это Карась рыбу сзывает, кормить будет. Идем, посмотрим! — говорит руковод экскурсии, загорелый юноша. За ним тянутся экскурсанты — ученики заводской школы. Приехали посмотреть рыбный совхоз.

Реки, пруды, озера покрыли некогда безводную степь. Дома утопали в садах. Кругом тучные нивы, не знающие больше засух. На заливных лугах пасется племенная скот. Над прудами и речками склоняются тенистые ивы, — берегут воду от жгучих лучей солнца. Пустыня отброшена далеко за Урал-реку. Но и там ведется на нее наступление. Все дальше отступают пески на восток. Гаснет пожар земли...

— Карась у нас — замечательно башковитый старик. Рыб знает как свои пять пальцев и любит, словно детей родных, — говорит руковод.

— Карась — это его фамилия?

— Прозвище. Прозвали мы его так — Карась. А фамилия его Барышников, Иван Федорович. О рыбе может день и ночь толковать.

Да вот вы сами его послушайте.

Словно зеркало в зеленой раме, блестит широкий пруд, обросший по берегам ивами и тростниками. На небольшом деревянном подмоете сидит на корточках Иван Федорович Барышников, он же Карась, — ученый-рыбовод рыбного совхоза Карповки. На нем широкополая соломенная шляпа — изделие школьной мастерской, длинная толстовка и белые брюки. На ногах — сандалии. Ему за пятьдесят. Длинные седые усы спускаются вниз, словно мартовские сосульки. На тупом носу — очки. Он низко наклонился к воде и кормит рыб, приплывших на его звонок целой стайкой.

— Карась карасей кормит, — улыбаясь, тихо говорит руковод и подходит к старику. — Рыбок кормите, Иван Федорович?

— А как же! Они у меня что цыплята. На зов идут и из рук корм берут. Здравствуйте, ребятки, — говорит он экскурсантам. — Приехали наших карпов посмотреть? Наш совхоз карпами славится. Это у нас первая статья.

— Не оттого ли и совхоз Карповкой называется?

— От того самого. Уж очень хороши у нас карпы, и много мы их добываем. Жаль, что железная дорога далековата. Говорят, ветку проводить будут. А пока мы больше районные совхозы снабжаем, коптим немного...

В эту минуту к пруду подъехал синий запыленный автомобиль. На подножке стоял председатель правления совхоза Садов. За рулем молодой безусый шофер в кепи. Садов соскочил еще на ходу. Вслед за ним из автомобиля вышел шофер.

— Иван Федорович, — сказал Садов, — позвольте вам представить главного инспектора Волго-Каспийского рыболовства товарища Бекирову! — и он указал на шофера.

Бекирова улыбнулась и протянула Карасю руку.

— Ну, показывайте ваше хозяйство! — сказала она низким грудным голосом.

— Принесите сеть! — командовала Бекирова через минуту.

Руковод, служащий совхоза, побежал за сетью, а Бекирова достала из машины чемодан, вынула оттуда резиновый комбинезон, натянула его поверх

платья и в этом водолазном костюме, но с открытой головой, вошла в пруд и начала ходить по дну, ощупывая ногами почву.

— «Задев» много, — говорила она, передвигаясь с места на место. — Корчаги, кочки... Вы содержите дно в плохом состоянии...

Бекирова вышла из воды, сняла водолазный костюм, подхватила его одной рукой, в другую взяла чемодан и отправилась к автомобилю. Карась вдруг возненавидел ее жгучей ненавистью. А Бекирова продолжала пытаться его:

— Какая у вас система прудов?

— Ступенчатая и цепная! — ответил он свирепо.

— Самая невыгодная. Чтобы очистить один пруд, вам приходится спускать все разом.

Карась простонал. Разве он не знает всего этого?

— Идемте в контору! Вы мне покажете цифры улова.

В этот день Карась потерял все свое благодушие. Каждый вопрос Бекировой наносил удар его самолюбию и авторитету. Ему казалось, что все экскурсанты смеются над ним. Но Барышников еще не терял надежды дать ей генеральное сражение. Пусть не придирается к мелочам! Цифры улова — больше трехсот кило на гектар — сами за себя говорят! Он предвкушал, как обрушит на ее голову эти триста кило. Такого улова, наверно, у нее у самой нет!

Еще раз в этот злополучный день самолюбие Карася было уязвлено перед самым отъездом Бекировой. Она разговаривала с Садовым о совхозе. Карась случайно слышал этот разговор, сидя в своем малиннике.

— Я, быть может, несколько сурово вела себя в отношении товарища Барышникова, в особенности в конторе, — говорила Бекирова. — Но это необходимо, Барышников неплохой рыбовод, но он...

— Он очень любит свое дело, — вставил словечко Садов, желая поддержать Карася. — Барышников, можно сказать, романтик рыбоводства.

— А нам нужны техники и инженеры рыбоводства. То, что он делает, — кустарничество. Товарищу Барышникову надо приехать ко мне в совхоз Первомайский, поработать у нас и кое-чему поучиться. Сейчас отпущены большие средства на реорганизацию рыбного хозяйства. С осени мы приступили к работе.

Несколько дней Барышников выдерживал характер. Не выходил из дома. Сидел мрачный и даже не ел любимых карасей в сметане. Но в конце концов не выдержал. Проснулся однажды на заре, и вдруг ему жалко стало рыб.

— Сколько дней я не кормил их! Чем рыба-то виновата?

Карась тихо поднялся, чтобы не разбудить жену, взял корму и отправился к пруду.

Солнце еще не вставало, — ранний час, — его никто не увидит.

Барышников присел на помост. Звонить в колокольчик он не решался. Но рыба и без звонка заметила его знакомую фигуру и, голодная, начала сбегаться к плотику.

Опять дни потекли обычным порядком, но Карась чувствовал, что это только отсрочка.

И наконец настал день, когда в конторе была получена официальная бумага. Барышников приглашался в рыбный совхоз Первомайский для ознакомления с новыми методами ведения рыбного хозяйства.

Садов даже не ожидал, что Карась так легко согласится на поездку. Но у Ка-

рася были свои соображения. Он, обманывая самого себя, решил, что поедет только из любопытства, а главное — чтобы дать решительное сражение Бекировой. Он докажет, что знает не меньше ее! Там во-лей-неволей она должна будет выслушать его. «Ну что они там нового могут придумать? — думал он, собираясь в дорогу. — Рыба остается рыбой». А ему ли не знать, чем «дышит» рыба? Он прожил с рыбой долгие годы. У него опыт. Он еще утрет нос молодым!

С такими воинственными мыслями отправился Карась к «щуке».

Путь был не близкий. Пришлось пересечь почти весь орошенный Волгой район с северо-востока на юго-запад.

И на всем протяжении пути тянулись поля, луга, озера и реки. Новые водные, железнодорожные и шоссейные пути соединяли новые города и селения. Везде кипела работа. Здесь «делали хлеб с маслом», как писал некогда Михеев.

Барышников больше всего интересовался рыбным хозяйством. Он приглядывался к садкам, прудам и озерам.

«То же, что и у меня! — думал он. — Напрасно девчонка нападала на меня. Я не хуже других». Эта мысль успокоила его.

Вот и станция Первомайская. Барышников нашел присланный за ним автомобиль и покатил по хорошей шоссейной дороге. Он был на территории показательного рыбного совхоза и сразу почувствовал, что здесь многое не так, как у него.

Пруды — в идеальном порядке. Вдоль прудов — обводные каналы, соединенные с прудами таким образом, что каждый пруд можно спускать отдельно через особое приспособление. Возле прудов и каналов — шоссированные и бетонированные дороги, по которым хлопотливо снуют грузовики и авто. Через каналы и реки переброшены мосты. По ту сторону прудов — полотно железной дороги. На железнодорожных путях — не виданные Карасем длинные, огромные вагоны. А дальше, за озером, виднеются фабрики[™], заводы, станции, большая электростанция, жилые корпуса... Целый город!

Автомобиль проехал мимо молодой каштановой рощи. Широкая аллея рощи упирается в огромное восьмиугольное здание со стеклянной крышей, сверкающей на солнце.

Неожиданно Барышников увидел у берега озера площадь с разбитыми на ней клумбами. Огромное четырехэтажное здание из стекла и бетона замыкает площадь полукругом. Шофер подъехал к подъезду и, дав гудок, остановил машину.

Из дверей вышел молодой человек и, спросив фамилию Барышникова, сказал:

— Второй этаж, комната семьдесят шесть!

Его ждали. Барышников захватил небольшой чемодан и прошел в отведенную ему комнату.

Светло-голубые стены, белая металлическая мебель. Окно во всю стену. На стене телефон, возле — план дома по этажам и телефонный указатель.

Карась вымылся в ванной комнате, переоделся, позавтракал в большой, светлой столовой и, вернувшись к себе, позвонил в бюро справок.

— Могу я видеть товарища Бекирову? — Он горел нетерпением сразиться с нею.

— Товарищ Бекирова на работе. К вам зайдет аспирантка Научно-исследо-

вательского института рыбоводства товарищ Голубева, — отвечал женский голос.

«Да что у них тут, все бабы?» — с неудовольствием подумал Барышников.

Скоро в его комнату постучались. Вошла молодая девушка, краснощекая, улыбающаяся, в свободном коротком белом платье, стриженная «под мальчишку».

— Здравствуйте, товарищ Барышников! — обратилась она к нему, как к старому знакомому. — Товарищ Бекирова на дальних прудах. Она и поручила мне ознакомить вас с совхозом. Если вы не устали с дороги, идемте. Начнем с наших научных лабораторий в этом доме.

И краснощекая девушка повела Барышникова по этажам и залам.

Уже при этом первом, поверхностном осмотре Карась был поражен.

Вот кабинет с надписью «Планктон». Здесь изучают микроскопический мир прудов. Большие стеклянные кубы с разводками, микроскопы, сложные аппараты... В стеклянных кубах выводят, размножают, питают, изучают жизнь и борьбу за существование маленьких обитателей воды. Рядом — «Акклиматизационная». Дальше — «Кабинет питания рыб», напротив — «Искусственного оплодотворения»... Голубева объясняет:

— Мне приходилось слышать, что при устройстве каптажа Волги многие боялись за судьбу рыбы. Волгу замкнет плотина, и рыбе некуда будет идти метать икру. Рыба погибнет. Страхи эти оказались неосновательными. Рыбе теперь совсем не приходится искать мест нереста, так как оплодотворение производится искусственно. А вам, конечно, известно, что искусственное оплодотворение происходит более полно, чем естественным путем. Мы теперь экспортируем оплодотворенную икру на аэропланах за тысячи километров, и она доходит благополучно до места назначения.

Следующий кабинет — «Санатория». Этого еще не хватало!

— Для служащих? — спросил Барышников.

— Нет, для рыб, — отвечает, улыбаясь, его краснощекая спутница. — Вы знаете, что рыбы также подвержены болезням. Многие рыбы страдают и умирают от паразитов. Некоторые передают этих паразитов людям.

— Щука передает солитера! — вставил Барышников.

— Иные рыбы гибнут от недостатка кислорода или от неподходящей пищи. Мы изучаем причины болезней рыб, даже лечим их, но главное — вырабатываем профилактические меры. Вот в этом аквариуме — большие угри. В их брюшной полости находятся аскариды и филяриды. Мы уже на верном пути к тому, чтобы уничтожить этих паразитов. Интересен и следующий кабинет, где происходят опыты над скрещиванием.

Многое из того, что видел Барышников, было ему известно. Но какой размах, какая постановка дела!

Окончив осмотр дома, они вышли к прудам. Голубева показала Барышникову, как производится у них «облов».

Вода из пруда постепенно уходила в канал. Рыба собиралась по сборным канавам, сделанным на дне, в обловную яму с сетчатым ящиком. Ящик поднимался краном, и все содержимое пруда сразу оказывалось на поверхности. Рыба попадала на транспортеры, проходила через сортировочные столы и передавалась транспортерами, еще трепещущая, на консервные заводы, в холодильники и в длинные вагоны для экспорта.

Если бы сюда заглянул Глеб Калганов, он ничего не понял бы в этом «производстве» с его подъемными механическими сетями, транспортерами, лабораториями, машинами... Но и Барышникову было чему удивляться.

Они перебрались на другую сторону озера, и Барышников заглянул в необычайный вагон для перевозки рыбы.

Целый маленький завод на колесах — с компрессорами, нагнетающими сжатый воздух для освежения воды в аквариумах, насосами для накачки воды, холодильными установками, подъемными кранами, баками для рыб, помещениями для служащих, кладовыми и даже кухней-столовой.

— При помощи жидкого воздуха мы понижаем температуру наших прудов, чтобы дать студеною воду форели. У нас в каждом пруде — особая температура, регулируемая аппаратами, особый процент насыщенности воды кислородом, особый планктон. Для наблюдения за жизнью рыб на многих прудах имеются подводные камеры. Там вы еще успеете побывать.

Когда Барышников вышел на шоссе, у него голова кругом шла. Теперь он уже не хотел видеть Бекирову. Надо было раньше разобраться во впечатлениях и избрать новую тактику в обращении с нею. О генеральном сражении он уже не думал.

И надо же было случиться, что Бекирова обогнала их на своем длинном автомобиле, узнала Барышникова, задержала машину и предложила ему сесть с ней рядом у руля.

На этот раз она более дружелюбно встретила с Карасем. Посмотрев на его растерянное лицо, она спросила:

— Ну, как вам понравилось?

— Признаюсь, я не ожидал... — ответил Карась, вздохнув.

— Разница между нашей системой и вашей заключается в том, — сказала она, — что вы ограничиваетесь подражанием естественным условиям. Вы только копируете природу, а мы идем дальше. Мы заставляем природу работать на нас, по нашим указаниям и согласно с нашими требованиями и целями.

...В тот же день вечером Барышников писал председателю совхоза:

«Товарищ Садов! Я был старый осел и шляпа. Я видел здесь такие чудеса, какие и не снились старым рыболовам и рыбоведам. Здесь рыбу не разводят, а буквально делают, как любой товар, по заказу потребителя, и все время улучшают «качество продукции». Да, рыба перестала быть рыбой. Они тут черт знает что делают с ней. Изменяют строение, форму, выводят почти бескостных рыб, вообще...» Дальше шло длинейшее описание совхоза.

Солнце. Синь неба. Зной.

В золотой пшенице перекликаются перепела, квохчут дрохвы, жужжат пчелы, стрекочут кузнечики.

Над полями летят люди. Учебный полет дирижабля «Коминтерн». Ветер попутный. Моторы выключены. Тихо проплывает низко над землей воздушный кит. Из кабины хорошо видно, как колышутся широкими волнами колосья. Здесь когда-то бушевали волны Каспия. Теперь на осушенном дне морском растет пшеница.

Просторы золотых полей. Тишина. Проходят минуты. Летит дирижабль. Синяя тень дирижабля ложится на желто-золотистые поля.

Откуда-то издали послышался смутный шум, гул, уханье, лязг. Мотор? Поезд?..

На ровной поверхности янтарного моря показалась длинная полоса, словно кто прошел машинкой для стрижки волос по густой шевелюре. В конце полосы ворочается черное чудовище с поднятым хоботом, быстро ползет по ниве, оставляя за собой вихрь пыли и разметанной соломы. И где проползло — как машинкой выстригло.

Моторы на дирижабле заработали. Воздушный кит начал набирать высоту. Горизонт раздвинулся и как будто поднялся выше. Там и сям виднелись на полях тракторы и комбайны. Вдали показался ровный канал, по которому двигались пароходы и баржи.

Вот во что превратилась Волга ниже барража. С «печки» нового волжского уровня суда спускаются по шлюзам и идут по этому каналу в Каспийское море.

Какая суeta на полях! Можно подумать, что идет сражение. Две армии с «пушками и танками» движутся по обеим сторонам канала.

Да здесь и идет бескровное сражение: социалистическое соревнование двух совхозов.

Из брошюры В. Куликова «На дне Каспия»

«Два гигантские совхоза раскинулись на «бывшем» дне морском — по обе стороны Волгоканала. На правом берегу — совхоз имени тов. Сатина, или Сатинка, и на левом — совхоз имени тов. Левшина, или Левшинка. Плодородный ил, нанесенный веками Волгой, не уступающий нильскому, дает неслыханные урожаи. Пласт ила так мощен, что миллиарды тонн его, без ущерба для совхозов, были сняты с поверхности и перевезены на скудные земли когда-то «потребляющей» полосы.

Площадь совхозов и техническое вооружение почти одинаковы. И с самого основания Сатинка и Левшинка находятся в бесконечной войне соцсоревнования.

Впрочем, история знает случаи, когда сатинцы и левшинцы заключали оборонительные союзы против общего врага. Так было, например, в первые годы их существования, когда южные, более низменные участки совхозов заливались морем: южный ветер гнал воду и затоплял нивы. Тогда сатинцы и левшинцы объединяли свои силы и бросались на водяного врага: возводили плотины. Но море давно укрощено. Вражеские волны разбиваются о бастионы плотин. Год за годом море уходит дальше. Плотины постоянно срываются, дно

выравнивается. Тракторы и комбайны не любят неровностей почвы.

Сатинка и Левшинка бесспорно признаются лучшими совхозами в мире. Туда ежегодно приезжают тысячи иностранных товарищей, в особенности из аграрных стран, чтобы поучиться и использовать наш опыт для своих молодых совхозов».

«Война» — в двадцать часов

Не было человека, от старшего агронома до посудомойки, кто не принимал бы участия в обсуждении плана уборочной кампании. Воля масс сосредоточилась теперь в «штабе совхоза». Оттуда расходятся приказы «главкома» — старшего агронома.

«Обоз» выехал с вечера — ровно в двадцать часов. Грузовики с лагерными палатками, походные кухни, амбулатория, летучие отряды РОККа, ремонтно-тракторные бригады, автовагоны с электро- и радиостанциями, прожекторы, вагоны-цистерны с артезианской водой, переносные души, автоцистерны с горючим, кинопередвижки, грузовики с рабочими-иностранцами... Великое переселение народов...

Больше чем на километр растянулся поезд по хорошей шоссейной полевой дороге, называемой по-старому «американской».

Шум моторов, лязг металлических частей, гудки, песни и смех потонули в сумерках среди бескрайних полей...

Ровно в четыре, на другое утро, с гулом, стуком, грохотом и лязгом выступила «тяжелая артиллерия» — огромные колесные и гусеничные тракторы с комбайнами. Серыми железными чудовищами управляют люди в синих комбинезонах и защитных очках.

Через час на дороге двигаются обратные грузовики, уже нагруженные зерном. «Сражение» началось.

Штаб Левшинки. На стене большая карта «военных действий»: оба совхоза, разделенные каналом.

Карта разделена на квадраты, по десяти гектаров каждый. Радиотелефон и телеграф. Телефон агрогорода, теперь объявленного «на военном положении». Главком, молодой агроном, отмечает на карте флажками донесения с театра «военных действий».

Левшинка и Сатинка идут пока ровно.

За первый час семь левшинских гектаров уместились в зерновых баках первых двух комбайнов и по трубам-шнекам за сто секунд пробежали в кузов автогрузовика. «Агрегат» — трактор с двумя комбайнами. Действуют исправно. Общий часовой итог: сто агрегатов убрали 3500 га. Автогрузовики перевезли уже зерно в элеватор.

Самопишущие учетные аппараты Бруно, похожие на будильники, прикрепленные к каждому трактору, указывают безостановочную работу.

«Простое нет, поломок нет. Настроение бодрое».

Сатинка к концу часа убрала 3550 га. Но Левшинка еще обгонит. К ночи левшинцы вольют в армию десятки новых агрегатов, только что полученных совхозом. Сатинцы этого не знают.

Главком Левшинки спокойно отдает приказания.

На полях. Жара невыносима. Комбинезоны лоснятся от пота. Очкастые люди сидят у рулей тракторов или стоят, как на корабле, у штурвалов комбайнов и уверенно направляют рычащие чудовища на густые заросли высокой пше-

ницы.

Непривычный треск. Внезапная тишина. Машина стала. Поломка!

Словно на пожар мчится «скорая помощь» — ремонтная бригада. Каждая минута дорога. На ходу соскакивают с автомобиля монтеры, уже вооруженные инструментами.

Старший монтер отдает краткие, быстрые приказания...

— Пошел!

Машины не останавливаются ни на минуту.

— Что, сатинцы?

— Досадно! У нас еще поломка. Ну ничего. Догоним. У них тоже не без аварий. Два агрегата прогуляли сорок минут.

Ночь. Сверху — яркая луна, а над полями лучи прожекторов горят еще ярче. Гул не умолкает.

К ночи сатинцы обогнали левшинцев на двести пятьдесят гектаров.

С полевой дороги послышался рев моторов, дренканье железных частей комбайнов. Прибыли резервы — новые десять агрегатов.

— Теперь держитесь, сатинцы!

На скошенных полях — музыка. Радиопередача. Косцы лежат на соломе и слушают. Отдыхают. Неутомимая молодежь пляшет в сторонке.

В три часа разлетелась по полям левшинцев новая весть: сатинцы тоже подготовили резервы и бросили на поля двенадцать новых агрегатов.

Спорнее ночью идет работа: прохладно и светло, как днем.

Штаб Левшинки. Квадраты на карте испещрены флажками. У левшинцев уже завоевано на сто пять гектаров больше. Можно и отдохнуть... Стучит радиотелеграф, автоматически записывая на ленту. Главком берет ленту, хмурится. Помощник читает через плечо главкома точки и тире: «Са-ран-ча!..» Звонит телефон. Говорит главком Сатинки.

— Да, — отвечает левшинский. — Мы уже имеем телеграмму. Наступает с северо-востока.

Нет, не крылатая. Личинки в последней стадии развития. Ползет со скоростью пятисот метров в час. Шесть аэропланов? Хорошо! Мы пошлем восемь. Да. Но у нас маловато мышьяковистокислого натра. Да, считая на один гектар до четырех килограммов... Идет!

Главком звонит в ангары, в базу Авиахима, летчикам. Тревога! Тревога!..

Необходимо бросить на войну с саранчой все тракторы и комбайны обоих совхозов. В воздухе зарокотали моторы. Аэропланы, вооруженные опрыскивателями, летят на врага.

Штаб. Донесение: аэропланы начали опрыскивать поля. Миллионы саранчи гибнут, сотни миллионов продолжают ползти, съедая все на пути.

Саранча уже в пяти километрах от границы Левшинки. Через десять часов враг начнет пожирать поля. Успеют ли комбайны вовремя прийти на место?..

В воздухе. Эскадрилья аэропланов низко летит над землей. За аэропланом тянутся хвосты распыленной жидкости и стелются по земле. Бескрылая саранча сплошным серым мохнатым ковром устилает землю. Там, где хвост водяной пыли разостлался по земле, пучится, шевелится серый ковер. Гибнет саранча, но несметные ее полчища продолжают ползти. За нею — ни былинки, ни соломинки, — все сожрала прожорливая стая!..

Штаб. Молодой авиахимовец главкому:

— Вот что я придумал, товарищ, как преградить путь саранче. Вырыть неглубокую канаву, — можно скоро, — налить нефтью и нефть зажечь.

— Средство не новое и не дешевое. Но действует. Идет! Организуй живо!

Поля. Вечер. Солнце заходит. Горит нефть в канаве. Миллионы саранчовых личинок гибнут в огне, а новые полчища все лезут. Сгорают и лезут, лезут и сгорают.

В одном месте пламя погасло. Нефти ли не хватило, потушила ли саранча своими телами, — погасло пламя, прорвалась саранча — ползет.

— Нефти! Скорее нефти! Подливай! Еще!

Школьники в резиновых перчатках и противогазовых масках бегают по полю с ящиками, разбрасывают отраву, иногда под ядовитым дождем, падающим с аэропланов. Саранча ест приманку и дохнет. Но саранчи больше, чем приманки.

Штаб. Донесение: саранча переступила границу совхоза. Идет по жнивью. Машины жнут пшеницу быстрее, чем движутся остатки полчищ саранчи.

— Все дело в темпах, — говорит с облегчением главком.

В комнату вбегают молодой биолог.

— Нашел! Открыл! Смерть саранче!

— В чем дело?

— Заражение саранчи особыми паразитами. Молниеносная смерть!

— На этот раз ты маленько опоздал. Урожай спасен, — говорит главком. — Но если твое средство...

— Радикальное!

— Посмотрим!

17

Анка Плетнева и Лев Палов — рабочие крекинг-завода. Сегодня у них выходной день, и они решили провести утро на море.

С моря открывался вид на город и промыслы.

На море у берега разбросаны странные металлические сооружения — кубы на плотках. У самого берега — кайма из полукруглых плотин. То, что недавно было берегом моря, возвышается теперь пологой горой, покрытой асфальтом. На асфальте железные шестигранники, — дома не дома, — с железными дверями, но без окон. словно несгораемые шкафы, сбжавшиеся сюда из душных контор. Между ними — цветники, сады, фонтаны. И всюду, как паутина, — электрические провода на эбонитовых столбах. Людей не видно.

Высоко на горе блестят стеклянными стенами жилые дома. Густая роща айлантов отделяет жилой город от нефтеперегонных заводов.

Есть еще на промыслах старики, которые помнят, что тут было, когда хозяйничали капиталисты. Они любили не нефть, а барыш. До остального им дела не было. Всюду воняло здесь нефтью. От нефтяных испарений даже небо здесь было тусклое, словно смазанное мазутом. Липкая грязь по колено. Драгоценная эмульсия бежала в беспризорные пруды, впитывалась в землю. Скважины бурились по несколько лет ударным бурением. А вы знаете, что это за работа? Нужда сгоняла сюда бедняков-горцев: униженно стаскивали они с бритых голов папахи и просили:

— Хлеба нет, барашка нет, руки есть. Дай работу!

И становился этот сын гор на каторжный труд. От зари до зари смотрит,

как поднимается на два метра и вновь падает острый конец бурильной свечи. Или запрягут его в тарталыцики. Вместо чистого горного воздуха — тяжелый запах нефти. Однообразный, убивающий труд... Человек изнашивается скорее, чем желовка, черпающая густую вонючую жижу.

А теперь посмотри на промыслы: ты и людей-то не увидишь. Все машины. И запаха нет, и самой нефти не увидишь, — разве в заводской лаборатории. Нефть теперь так и не видит солнечного света.

Разведка — вращательным бурением, откачка из скважины — глубокими насосами, пересылка — трубами нефтепроводов. Фонтаны одеты в непроницаемые будки, вот в эти, похожие на несгораемые шкафы.

Рядом контора — светлое одноэтажное здание. Тишина. Карты промыслов, разбитые на участки, и номера вышек. Аппараты сообщают, как идет работа на каждой вышке. Техник следит за аппаратами. Вот он отметил ка-кую-то неправильность. Бросает коротко дежурному рабочему:

— 72-315.

Это значит: на семьдесят втором участке вышка номер триста пятнадцать.

Рабочий выходит, садится на мотоцикл и едет.

Тысячи гектаров драгоценнейшей нефтеносной земли скрывало море в своих недрах целые тысячелетия. Мы добрались до этих скрытых богатств. Сбросили крышку водяного сундука и извлекли оттуда наше жидкое золото. Мы в несколько десятков раз увеличили добычу, а нефти — еще неисчерпаемые запасы. Словно под дном Каспия залегло еще нефтяное море.

Группа рабочих, приехавших из-за границы, осматривала промыслы под руководством Ника Вагнера, уже давно поселившегося в Баку.

— Ведь это уже вода? Море? — спросил один из экскурсантов, указывая на карту.

— Да, это море. Еще не осушенное море.

— Почему же оно у берега также разбито на участки?

— Секрет, — улыбнулся Ник. — Но не для вас, товарищи. Я вам открою этот секрет, когда будем на берегу. Идем!

Гости заходят в эксплуатационную вышку.

И здесь ни души. Только мерно хлопает насос.

— У этого железного рабочего голова не закружится, — улыбаясь говорит Ник.

В бурильной — грохот. Стены дрожат легкой судорожной дрожью. На огромной глубине долото со сталинитовым наконечником дробит твердые породы, хранящие скрытые богатства.

— Во всем этом нет еще ничего нового, — скромно говорит Ник.

— Но размах, техника, организация! — восхищенно возражает румын Миронеску.

— Да, пожалуй, — соглашается Ник. — Но мы можем похвалиться и кое-чем новым. Идемте на берег моря. Каптаж Волги, — продолжал Ник, — освободил огромные донные пространства нефтеносных земель. Наши промыслы уже давно первые в мире по количеству добываемой нефти. Соединенным Штатам пришлось уступить нам первенство. «Роял датч шелл» давно погиб. Американский «Стандарт ойл» еще существует, но и его дни сочтены. У Штатов остались промыслы, лежащие на их территории: в Пенсильвании, Калифорнии, у Мексиканского залива, в Оклахоме и Техасе. Но все они уже сильно истоще-

ны. Венесуэла, Мексика, Колумбия, Аргентина перестали кормить своей нефтью английский и американский капитал.

Море не поспевает за нашими темпами. Усыхает слишком медленно. Правда, каждый год оно отдает нам все новые нефтеносные площади. Но отдает, как скупец. Мы не можем ждать, и вот мы решили... Видите вы эти полукруглые плотины, «пришитые» к берегу? Мы строим их, откачиваем плавучие базы прямо на воде и на них ставим бурильные машины. Эти «гидронефтяные установки» — техническая новость. Трубы машин проходят сквозь воду, и затем бурильные сверла врезаются в дно. По мере того как море усыхает, базы опускаются, трубы укорачиваются, пока наконец вся установка не оказывается на осушенном дне.

— Можно осмотреть? — спросил венгерец Бачани.

— Разумеется.

— Добрый день, — вдруг услышали они за собой голос. К ним подходил американец Эдвин Брусс во фланелевом белом костюме и панаме.

— Принесла нелегкая! — проворчал Ник. — Здравствуйте, мистер Брусс! Хорошая сегодня погода! — обратился он к нему по-русски.

Брусс побарабанил пальцами по пуговице жилета, сказал еще несколько слов и отошел.

— Не нравится мне этот тип! — сказал Ник.

— А кто он?

— Представитель «Стандарт ойл». Приехал «искать путей для сближения». Он очень интересуется нашими водяными установками, но мы его туда не пускаем... А теперь, когда этот мистер удалился, сядем в лодку и осмотрим наши «гидропромыслы».

Анка шла по айлантовой роще, направляясь в радиотеатр.

Один старый рабочий рассказывал как-то Анке историю этой рощи.

Айлант — удивительное дерево. Оно как будто создано для того, чтобы расти вблизи фабрик, заводов, нефтяных промыслов. В копоти, дыме, газовых испарениях дерево чувствует себя прекрасно. Великолепно сопротивляется ветру. И вот лет двадцать назад, когда «город ветров» Баку и другие нефтепромысловые города не были еще так забронированы асфальтом и благоухали нефтью, были вывезены из Китая айлантовые деревья. Они очищали воздух и прекрасно росли, словно питаясь копотью труб и жирными испарениями нефтеносной земли. Теперь эта роща «китайского ясеня» сделалась любимым местом прогулок.

Анка подошла к радиотеатру. Это обширное здание в восточном стиле, с двумя высокими «минаретами», между которыми протянута антенна.

Анка вошла в зрительный зал и уселась. Левки еще не было. Его место пустовало.

— Добрый вечер, Анка! — услышала девушка голос Ника. Он сидел позади нее со всей «интернациональной» компанией: немцем, румыном и венгерцем. Да и вся публика была интернациональная. Много европейских рабочих, китайцы, персы, индусы, афганцы, негры сидели с бакинскими рабочими и изъяснялись, забавно перемешивая свои и иностранные слова. Чаще всего слышался немецкий и русский язык.

Прежде чем большой белый экран ожил, раздались звуки увертюры. Лампы зала медленно погасли, и экран вдруг превратился, словно по волшебству, в сцену берлинского оперного театра.

Рабочее предместье Берлина. Ночь. Фонарь. Глазастый автомобиль выехал из-за угла. Сирена угрожающе воет.

В автомобиле — шуцманы с собачьими мордами противогазов. Толпа рабочих преграждает путь автомобилю. Хор...

Шла опера молодого немецкого композитора «Наш Октябрь». Иллюзия была полная. Зрители захвачены исполнением и оригинальной музыкой.

Вдруг зал всколыхнулся, словно электрический ток прошел по рядам. Удар грома, сопровождаемый протяжным гулом, потряс театр.

— Это уж слишком натурально, — сказал кто-то вполголоса.

Внезапно замолкли звуки, погас экран, вспыхнули будничные лампы. Чей-то голос сказал в наступившей тишине:

— Товарищи! Спектакль прекращается. На промыслах вспыхнул пожар!

Зрители спешно, но в полном порядке покинули зал.

Стволы айлантов четко, как нарисованные тушью, выделялись на ярком багровом фоне. Над вершинами деревьев виднелся пылающий небосклон. Даже здесь было слышно, как клочотала, шипела, гудела огненная стихия. В воздухе сильно пахло горячей нефтью.

Над промыслами стоял огненный столб, поднимающийся к самым облакам, которые стали багровыми. А вокруг огненной вершины багровели густые громады дыма. Это было страшно, как извержение гигантского кратера. Море на огромном пространстве стало багрово-красным.

До огня далеко, но жар уже на этом расстоянии был почти невыносим. А ка-

ково-то пожарным! Правда, они работают под зонтиками-душами, непрерывно окачивающими их водой. Но жар так велик, что вода превращается в пар на их прогретых костюмах.

Пущены в ход все стационарные насосы, подающие в резервуары кислотные и щелочные растворы с примесью лакрицы. Пенной тушат!

Но невероятная температура и постоянные взрывы затрудняют работу.

С грохотом проезжают пожарные автомобили. На автомобилях пеногенераторные машины. Новоприбывшие быстро окружили огненный столб кольцом, и машины начали выбрасывать потоки пенной жидкости на высоту двадцати метров.

Огненный столб потускнел.

Новый страшный взрыв — и новое огненное дерево с гулом, ревом, свистом, шипением выросло над промыслами.

Анка едва устояла на ногах, когда горячий воздушный вал обрушился на нее. Толпа отхлынула.

И вдруг, заглушая рев пожара, загремел, как гром, человеческий голос. Заговорил гигантский громкоговоритель с трехтысячекратным усилением. Этот чудовищный голос был слышен больше чем за тридцать километров. Вблизи громкоговорителя нельзя было стоять, он буквально потрясал колебаниями воздух.

— Товарищи! — гремел сверхчеловеческий голос. — Немедленно отправляйтесь каждый на свои фабрики и заводы. Там получите боевые приказы. Пожар вышел из обычных границ. Пожарным нужна ваша помощь.

Два раза прозвучал этот приказ. Но этого можно было и не делать: рабочие начали тотчас расходиться.

Анка отправилась в завком крекинг-завода. Там она узнала, что все склады пенообразующего порошка исчерпаны. Шесть грузовиков с порошками, прибывшие из старого Баку, несколько поправили положение, но оно еще остается очень напряженным. На химическом заводе, в двадцати километрах от нового Баку, идет лихорадочная работа по изготовлению порошка. Но рабочие химического завода не справляются и просят помощи. Надо немедленно отправляться туда.

На заводе всю ночь шла лихорадочная работа. Каждый час приезжали порожние грузовики за порошком, и шоферы сообщали о пожаре. Был момент, когда угроза пожара повисла над всеми промыслами. Порошка не хватало. Но быстрая мобилизация рабочих спасла положение.

Последние известия на рассвете были утешительны: пожар утихал, хотя принес уже многомиллионные убытки и стоил нескольких человеческих жертв. Рабочие и пожарные победили огонь.

Рано утром, выходя из завода, Анка встретила с Ником.

— Моторная баржа взорвалась и сгорела, как предполагали, со всеми рабочими, находившимися на ней, — сказал он. — Но вот сейчас нашли моториста с баржи. Он порядочно обгорел, но остался в живых. Взрывом его сбросило в воду, и он еще имел силы доплыть до берега и лежал там без сознания до утра. Так вот. Теперь он пришел в себя и говорит, что пожар начался от огня в выхлопной трубе баржи. Вчера вечером, — продолжал Ник, — на баржу заходил этот мистер. Но он был на барже за час до пожара. Правда, странно, что вчера же вечером он улетел в Тегеран. Следствие все это выяснит.

Из путевого дневника Эдвина Врусса

«Гостиница для туристов «Красная звезда». Ну, разумеется, «красная»! Разве здесь могут обойтись без красного? Здесь все красное. «Красный пахарь», «Красный печатник», даже «Красный колос».

Вверху, на плоской крыше гостиницы высоко укреплена огромная пятиконечная звезда, которая ночью горит ярким красным светом. Звезда служит маяком для аэропланов местного сообщения, садящихся прямо на крышу.

С озера довольно красивый вид. Как бы далеко ни отъехать на лодке, красная звезда маячит в небе и отражается в воде. Красный огненный след протягивается через все озеро до самой лодки.

Гостиница стоит на самом берегу большого озера — Жемчужного озера. Оно рождено каптажем в голой степи. Спокойное, огромное зеркало неба, окруженное тенистыми рощами и красивыми белыми курортными виллами.

Наконец-то я могу отдохнуть и разобраться во впечатл...»

Вчера я не дописал фразы. Мне сказали, что гидроплан отлетит в пять утра. Надо было собираться. И вот я продолжаю свой дневник уже в «городе нефти», новом Баку — цели моего путешествия. Вернее — конечной цели. Конечная цель — нефть. Но хозяин поручил мне попутно ознакомиться с каптажем. Хорошо сказать «попутно»! Ознакомление с каптажем надо начинать с Москвы, так как каптаж оказался даже в Москве.

По милости каптажа Москва стала портом. Даже можно сказать — морским портом. Благодаря сложным гидротехническим сооружениям Москва оказалась соединенной через Москву-реку, Оку и Волгу с Азовским, Черным и Каспийским морями. Глубоко сидящие суда с углем, хлебом, нефтью подходят почти к самым стенам Кремля. А на улицах Москвы можно теперь видеть матросов почти всех стран.

Из Москвы я отправился на юг. Из Москвы!.. Но и до Москвы у меня было одно незабываемое впечатление. Я летел в Москву через Сибирь и решил сделать остановку в Магнитогорске. О, эта Магнитная гора! Мне казалось, что она тяжестью всей своей руды придавила меня.

Здесь я получил первый удар, от которого не могу оправиться до сих пор.

Я летел над голой, выжженной солнцем степью. Уныло, безлюдно, мертво... «Здесь все осталось таким, как было тысячи лет назад», — думал я. «Тысячи лет. Тысячи лет застоя!» — смеялась душа моя.

Орел-стервятник погнался за аэропланом. Несколько минут я следил за птицей, а наша стальная птица продолжала лететь быстрее орла. Случайно я посмотрел вниз, и то, что увидел, поразило так, что я тотчас забыл об орле.

Я не узнавал местности. Словно кто подменил ее. Мертвой степи больше не было. Мы летели над сплошным заводом, которому, даже с высоты аэроплана, казалось, — нет конца.

Словно вся степь превратилась вдруг в сплошной гигантский завод. Семьдесят квадратных километров, как узнал я потом. Это — площадь одного завода.

Магнитная гора оказалась не одна. Она состоит из шести горных кряжей, опоясывающих Магнитогорск с востока до запада. Эти шесть кряжей: Дальний, Узьянка, Ежовка, Атач, Ай-Дарлы и Сосновый — словно передовой отряд Уральского хребта. За Магнитной на севере виднеются пологие мертвые холмы. Далеко на горизонте синее Уральский массив. Эти шесть кряжей — со-

ветские сундуки, наполненные великолепной рудой. Четыреста, может быть, пятьсот и больше миллионов тонн. Миллионы тонн еще не оформленных тракторов, машин, железнодорожных мостов. Прожорливые доменные печи, — я насчитал их восемь, — величайшие в мире, пожирают ежедневно по тысяче двести тонн руды. Эти великаны поглощают столько кислорода, что его хватило бы на дыхание миллиона человек: Почти семь миллионов тонн металла — такова продукция этих печей, этих восьми вавилонских башен. Шесть тысяч поездов в год едва успевают вывозить металл.

Семьдесят миллионов ведер воды выпивает один завод. В три с половиной раза больше Москвы. Железобетонная плотина на реке Урал — первая по длине в мире: целый километр — создана для того, чтобы направить речную воду в прожорливую пасть завода. Но ему того мало. Вторая плотина дает воды в пятнадцать раз больше, чем первая. И этого мало ненасытному Магнитогорску. Мало реки, — он выкачивает воду из озер, расположенных в двадцати-тридцати километрах. Плотины создают новые пруды и озера в десятки квадратных километров.

А город с его двухсоттысячным населением! Город, который, как Нью-Йорк, не знает ночи, потому что работа идет круглые сутки... Асфальт, электрическое освещение, трамваи, автомобили, автобусы, парки, цветники, скверы, огни клубов, общественных столовых и кафе, кинематографов и универмагов... Европа... Но на тротуарах здесь не увидишь разряженных дам и мужчин в котелках и цилиндрах. Город рабочих... Одни из них, в рабочих костюмах, идут на работу, другие отдыхают в парках, садах культуры и отдыха, все в опрятных, простых костюмах.

Еще одно ошеломляющее дорожное впечатление... Сталинградский тракторный завод. Собственно говоря, после Форда, сам завод не ошеломил бы так, если бы я не знал, чей это завод; кто создал его и в какой срок. Я стоял с часами в руках и наблюдал, как из ворот завода выезжали тракторы, чтобы взобраться на вагон-платформу и отправиться в путь на советские поля. Двадцать тракторов в час прошли мимо меня. Сто сорок тракторов в день. Пятьдесят тысяч в год. Это значит полтора миллиона лошадиных сил... А ведь Сталинградский — не единственный тракторный завод в СССР.

От Сталинграда идет новый канал прямо на юг, пересекает по пути канал Волго-Донской, соединяется с Тереком... Теперь можно проехать прямым водным путем из Москвы в Сталинград, Тифлис и дальше по Куре на юго-восток и по каналу, проведенному на осушенном дне морском, до Баку и в Каспийское море.

От Дона тоже проведены каналы по осушенному дну моря к восточной его оконечности. Из Астрахани — тоже канал, опять-таки через осушенную территорию, к морю. Вообще все осушенное дно пересечено большими и малыми каналами.

Попутно я осматривал большую гидроэлектростанцию у села Сестренки на острове Шишки. Надо признаться: грандиозное сооружение, которым впору было бы хвалиться и нам.

Высота падения — тридцать семь метров. Три тысячи кубических метров воды в секунду. Энергии — больше трех миллионов лошадиных сил, то есть в десять раз больше Днепровской.

Два мира! Здесь я почувствовал это особенно остро. Не только словом, но и

показом дела они каждую минуту словно хотели вбить мне в голову острый гвоздь мысли: их мир — будущего, мой — прошлого, обреченного на слом...

Осмотрев электростанцию, я осмотрел совхоз имени товарища Михеева, названный так, если не ошибаюсь, в честь первого строителя каптажа.

До каптажа здесь атмосферных осадков было совсем мало, каких-нибудь двести пятьдесят миллиметров. А теперь на гектар приходится семьдесят тысяч ведер воды в год, что равняется как бы тысяче двумстам миллиметрам атмосферных осадков. Отбросьте на сток и все-таки получите не менее девяти-сот. Это вместо двухсот пятидесяти-то! Да и настоящих небесных атмосферных осадков стало выпадать куда больше с тех пор, как насадили здесь леса. Леса-то ведь задерживают облака!

Часть своих атмосферных осадков они даже «одалживают» в Средней Азии. Там большая сеть электростанций искусственного дождевания.

Я летел на гидроплане из Шаумянска в Новый Баку.

Под самолетом проходила флотилия огромных судов. Можно было подумать, что флот великой морской державы выходит на маневры. Но это были лишь рыболовные суда, сделанные по последнему слову новейшей рыболовной техники.

Ровная линия судов медленно загибалась в полукруг. Да, с таким флотом и с такими мощными орудиями лова можно «вычерпать море».

В Новом Баку меня более всего интересовали новые гидронефтяные установки. Но мне не удалось осмотреть их, вернее — меня не допустили, это очевидно... Со мной предпочитали говорить о погоде, пока я не принужден был уйти. А между тем трое иностранных «товарищей» — я сам видел — после моего ухода отправились туда в сопровождении бакинца.

И причиной всему — каптаж. Я не видел всего СССР. Видел только один каптаж с его производными. И вот я стал одним из этих производных. Каптаж раздавил меня морально и идейно. Но я сделаю то, что мне поручил хозяин. Их нефть нам мешает. Ее нужно уничтожить...»

Приписка через несколько недель: «Не удалось. Миллионы строителей непобедимы».

Небесный гость (повесть)

Глава 1 Мировая сенсация

Легкие, веселые, словно сотканные из сверкающих огней стоэтажные небоскребы угасали один за другим и становились похожими на черные, угрюмые, тяжелые скалы. Деловой день кончался. Тресты, банки, торговые компании, конторы прекращали работу. Небоскребы пустели, умирали, темнели. Зато нижние этажи домов засверкали еще ослепительней огромными витринами и световыми рекламами магазинов. Оживали кино, бары, рестораны.

Их разноцветные огни бесновались, прыгали, змеились, кувыркались, подмигивали, гонялись друг за другом, собирались, рассыпались...

По улицам темной лавиной медленно двигались автомобили, по тротуарам — сплошные потоки людей.

Грохотала подземная дорога, гудели автомобили, рычали, завывали и верещали радиорекламы, гремели джазы ресторанов и кино, рокотала многоголовая толпа.

В этот самый час наивысшего уличного движения из дверей многочисленных редакций и контор газет с шумом, гамом, гиканьем вылетали стайки мальчишек, размахивавших свежими газетными листами.

Их звонкие голоса звучали так пронзительно, что заглушали шум толпы.

— Небесный гость! — кричали газетчики.

— Гибель Земли!

— Наезд неизвестной планеты на земной шар!

— Земля падает на звезду!

— Марсияне объявили Земле войну!

Газеты раскупали быстро. Мальчишки не успевали бегать в конторы за новыми кипами.

Люди читали за столиками кафе, в вагонах и автомобилях, читали на ходу, сталкиваясь друг с другом и налетая на фонарные столбы.

Не прошло и получаса, как весь город знал о необычайной новости.

Словно из-под земли выросли люди с любительскими телескопами, старинными театральными биноклями. Удивительно, сколько подзорных труб нашлось в этом городе.

— За пятьдесят центов вы можете целую минуту любоваться на звезды.

— Полет на небо. Дешево и безопасно. Только двадцать центов.

— Кто хочет поглядеть на небесного гостя? Доллар за три минуты.

Но зрители напрасно напрягали зрение: видеть небо мешали огни города, а там, где небо было видно, все звезды казались одинаковыми. Ни страшного «чужеземного солнца», ни наводящей ужас косматой кометы нигде не было видно. Небо спокойное, молчаливое, как всегда.

Однако умы уже были взбудоражены. Жители города-гиганта, давно забывшие о существовании неба, вдруг вспомнили о нем. Оказалось, что небоскребы, биржи, акции, люди, сейфы, кино и все прочее летит вместе с Землей в

бесконечных небесных просторах, и судьба Земли может зависеть от того, что творится в небе.

Люди уже смеялись. Бульварные газеты, конечно, привирали, как всегда, мальчишки-газетчики — еще больше. Но то, что какое-то небесное тело летит навстречу Земле, было, по-видимому, фактом. Подробностей никто не знал, и неизвестно было, чем все это кончится.

В мир вошла тревога...

Глава 2

Пропавшая Елена

— **В** вычислении ошибки быть не могло. Я проверял дважды. Архимед трижды. Елена погибла. С нею произошла какая-нибудь катастрофа, — словно в бреду говорил Иван Иванович и смотрел на старушку жену невидящими глазами.

Иван Иванович Тюменев, шестидесятилетний, но еще бодрый старик, и его жена Елена Гавриловна сидели на широкой веранде. Далеко внизу, под обрывом, сверкала речка, по ту сторону речки поднимались поросшие хвойным лесом горные хребты.

Солнце заходило. Теплый воздух был напоен запахом смолы.

Тюменев тяжело вздохнул.

— Пора!

Поднялся, сошел с веранды и зашагал по горной лесной дорожке, которая змеилась между толстыми соснами, поднимаясь все выше, к лесистому хребту Кано, где стояли белые здания и башни обсерватории. На западном склоне виднелась круглая «башня С.П.Глазенапа» — старейшая абастуманская обсерватория.

Когда Тюменев подошел к башне, уже совсем стемнело.

Он поднялся на три ступеньки и открыл дверь. Внутри башни было темно и прохладно. В щели, на фоне звездного неба, выделялась труба большого телескопа, направленного вверх, как ствол зенитного орудия.

Было тихо. Только привычное ухо улавливало тиканье часовых механизмов, да из прилегающей к башне лаборатории доносилось пение племянника Тюменева — Александра Павловича Турцева, которого в семье называли Архимедом за его замечательные математические способности.

Тюменев ощупью нашел в стене выключатель и повернул его. Вспыхнула маленькая лампочка под зеленым абажуром и осветила кресло, стоящее возле окуляра рефрактора. Иван Иванович подошел к телескопу, потер руки, уселся на кресло, приготовляясь к работе. Телескоп уже несколько дней был направлен в одну точку неба — возле звезды Гамма Большой Медведицы.

— Архимед! — крикнул Тюменев, и в куполе глухо отдалось эхо: «...мед».

Пение в лаборатории прекратилось и послышалось протяжное:

— Д-а?

— Снимок удался?

— Отлично, — донесся ответ.

— И?...

— Не нахожу, — сказал племянник и снова замурлыкал песню.

— Ищи хорошенько! — крикнул Тюменев, припал глазом к окуляру, сразу

оторвался от Земли и перенесся за десятки триллионов километров в знакомый мир звезд.

И вдруг Тюменеву кажется, что он видит сверкающую пылинку — звездочку, не отмеченную на звездной карте... Нет, это в глазах двоится...

— Доброе утро, Иван Иванович! — слышит Тюменев голос молодого астронома Аркусова. — Ну что, не нашли?

Кивнув головой, Тюменев молчит. Он не любит, когда мешают.

— Давно нашли бы, если б послушались моего совета. Дайте объявление: «Пропала комета Елена. Нашедшему будет выдано вознаграждение. В последний раз видна была на небе три года назад, 14 июля. Была открыта шесть лет тому назад заслуженным деятелем науки профессором Тюменевым».

Тюменев нетерпеливо повернулся в кресле.

«Пустомеля! — подумал он и, сдержав себя, продолжал наблюдения. — Нет, в глазах у меня не двоится. Это новое небесное светило. Неужели Елена?...»

— А вот и Елена!.. — вскрикивает Аркусов, как будто подслушав мысли Тюменева, и после паузы говорит: — Гавриловна. Доброй ночи, Елена Гавриловна!

«Ну, вот теперь жена мешать пришла», — злится Тюменев.

Его терпение лопается. Он хочет крикнуть, чтобы его оставили в покое. Но вдруг вместо этого кричит:

— Архимед! Архимед!.. — так неожиданно громко, что Елена Гавриловна роняет термос, который со звоном катится по каменному полу. И в тот же самый момент слышится неистовый крик Архимеда:

— Нашел! Нашел!

Александр Турцев показался в дверях лаборатории с мокрым негативом в руках, Тюменев сорвался с кресла и, едва не сбив с ног Аркусова, бросился к племяннику, и оба вместе — Турцев и Тюменев — еще раз крикнули:

— Нашел!

— Нашел!

Аркусов повернул выключатель, ярко осветил обсерваторию. Тюменев выхватил из рук Архимеда снимок, посмотрел на свет.

— Вот здесь, видите? — указал ногтем Архимед.

— Ну да, ну да! — радостно воскликнул Тюменев, возвращая негатив. — Вот именно! Ты на пластинке, а я раньше тебя прямо на небе...

— Простите, дядюшка, я раньше...

Но Тюменев не слышал возражения Архимеда, с юношеской живостью бежал по обсерватории, потирал руки и восклицал:

— Отлично. Великолепно. Елена нашлась. Вернулась, хоть и с опозданием. Интересно будет узнать, где она пропадала.

Но радость его была преждевременна.

Глава 3

Странная находка

— О пять он поет. Архимед!

— Да-а?

— Поди сюда.

Тюменев откинулся на спинку кресла в ожидании племянника.

Шаги Архимеда гулко отдавались в обсерватории.

— К вашим услугам, дядюшка. Дя-дюш-ка! Иван Иванович!

— Ах, прости, дорогой мой. Задумался и не слышал, как ты подошел. Закончил вычисления?

— Да.

— И выводы? — спросил Тюменев.

Архимед развел руками:

— Комета Елена движется гораздо быстрее, чем двигалась в прошлое свое появление.

— Да, все это очень странно, — сказал Тюменев. — Яркость Елены увеличивается с невероятной быстротой, и, значит, она движется со скоростью, которая противоречит всему, что нам известно в этой области. Загадочен и тот факт, что до сих пор мы не могли обнаружить ни малейшего признака хвоста, хотя он уже должен быть виден. Я начинаю думать... Спектральный анализ покажет, имеем ли мы дело с Еленой или же с каким-то другим небесным телом.

— Но мы обнаружили ее...

— В том месте, где ожидалось появление Елены? Это могло быть простой случайностью. А вот и Аркусов. Идите сюда скорее. Что показал спектральный анализ?

— Я еще никогда не видал такого сложного спектра — нечто изумительное, — ответил Аркусов.

— Но ведь спектр Елены не отличался сложностью. Углеродород, окись угле...

— Этот спектр совершенно непохож на спектр кометы Елены! — перебил Аркусов.

— Вот видишь, — обратился Тюменев к Архимеду. — Моя догадка оправдывается, и мне остается утешаться только тем, что, потеряв Елену, я открыл новую звезду.

— Простите, дядюшка, я открыл ее раньше вас, — возразил Архимед.

— О чем спорить? Назовите ее звездой Абастумани, и кончено, — предложил Аркусов.

Тюменев улыбнулся:

— Так мы и сделаем. А пока продолжайте наблюдать звезду.

Прошло еще некоторое время, и звезда преподнесла новую неожиданность: свет ее стал менее ярким, словно она отправилась в обратный путь, — удаляясь от Земли. Ее голубой с зеленоватым оттенком цвет начал меняться на красный. В небе есть молодые звезды — красные гиганты и звезды-старцы — красные карлики. Но ведь открытая звезда имела голубой цвет. Не могла она с такой фантастической скоростью и удаляться от Земли, чтобы ее цвет от голу-

бого перешел к красному.

Не доверяя Аркусову, Тюменев сам занялся спектральным анализом звезды и без труда нашел, что темные фраунгоферовы линии ее спектра были двойные. Разгадка найдена: звезда была двойная. Два солнца вращались вокруг центра тяжести системы: одно голубое, другое красное. В момент появления двойная звезда была обращена к Земле своим голубым солнцем, а затем красное солнце начало покрывать собою голубое.

Дальнейшие исследования показали, что звезда продолжает лететь к нашей солнечной системе с небывалой в летописях астрономии скоростью.

Теперь звезда Абастумани была видна в телескоп уже настолько отчетливо, что ее могли заметить и другие астрономы. Тюменев решил, что настало время оповестить мир о новой звезде. Он составил и сам отправил телеграммы в редакции газет, в университеты, обсерватории.

Так был взволнован мир вестью о приближении к Земле необычайного небесного гостя.

Глава 4

Разговор на веранде

Елена Гавриловна радовалась тому, что история с потерянной Еленой окончилась удачно. Хотя Иван Иванович по-прежнему проводил в обсерватории ночи напролет, он посвежел, стал хорошо спать и есть.

Однако это продолжалось недолго.

Заботливая Елена Гавриловна начала замечать, что Иван Иванович снова становится рассеянным и задумчивым и забывает даже о любимой клубнике со сливками.

— У нас в небе совершаются большие события, — начал он, глядя сощуренными глазами на заходящее солнце. — Мы усиленно изучаем звезду. Я наблюдаю ее в телескоп, Аркусов фотографирует, Архимед вычисляет без конца. Мы опередили иностранных астрономов: нам о звезде известно то, чего еще никто в мире не знает.

— Что же вы узнали?

— Открытая нами звезда напоминает двойную звезду Мицар. Представь себе, на небе не одно, а два солнца, причем большее солнце имеет одну планету, а меньшее две, и одна из них в свою очередь имеет спутников — две луны.

— Из-за этого еще не стоит расстраиваться. Не всем же планетам иметь по две луны...

— Мы много узнали о звезде, — продолжал Тюменев, не слушая жены, — и все же она представляет собою загадку. Она движется с совершенно необычайной, немислимой, небывалой скоростью. Архимед еще не закончил своих вычислений, но нам уже теперь очевидно, что двойная звезда пройдет очень близко от нашей солнечной системы.

— Не думаешь ли ты, что звезда может столкнуться с нашей Землей?

— Столкнуться? Нет. Но, проходя довольно близко, она, вероятно, причинит нам довольно много беспокойств. Вызовет приливные явления.

— Это опасно?

Тюменев пожал плечами:

— Все будет зависеть от того, на каком именно расстоянии пройдет от Зем-

ли звезда Абастумани.

Солнце спустилось за гору. Ивану Ивановичу пора было идти уже в обсерваторию, а он все еще сидел на веранде и глядел на потухавшие краски заката. И когда они погасли совершенно, он снова начал говорить, тихо и взволнованно:

— Не знаю, поймешь ли ты меня, Елена... Я всю жизнь отдал науке. Никакая жертва не мала, если она приносится для расширения человеческих знаний...

Елена Гавриловна насторожилась.

— Нам, земным жителям, — продолжал он, — предстоит пережить исключительные события, быть свидетелями необычайных явлений... Такие события происходят один раз в миллионы миллиардов лет, и мы можешь понять, какой интерес и какую ценность для науки они представляют.

— Да. Вблизи солнечной системы пройдет двойная звезда, и ты будешь наблюдать ее, — сказала Елена Гавриловна.

— Вблизи! Но близость на астрономическом языке — это по меньшей мере сотни тысяч, миллионы, сотни миллионов километров. Много ли увидишь с Земли?

Наступило короткое молчание. Было уже совсем темно, но Елена Гавриловна не зажигала огня. Она со страхом смотрела на трепетный свет первых звезд, теперь казавшихся ей зловещими, и спросила:

— Что же ты хочешь?

— Лететь на звезду Абастумани, — раздался из темноты голос Тюменева.

В ответ послышался вздох и короткое всхлипывание.

«Доработался... Придется завтра же пригласить врача», — подумала Елена Гавриловна и сказала словно простуженным голосом:

— Это ты... серьезно, Иван Иванович?

— Совершенно серьезно... Вот именно...

— На чем же ты полетишь? Ведь межпланетные ракеты еще не изобретены.

— К сожалению, да. Но у меня есть план. Признаюсь, очень смелый и необычный. Я поручил Архимеду сделать ряд очень сложных вычислений и расчетов. Он еще сам не знает, для чего их делает.

Захрустел песок на дорожке, послышались чьи-то приближающиеся шаги. Две темные тени подошли к перилам веранды.

— Это ты, Архимед? — спросил Тюменев.

— Мы, — ответил Аркусов. — Обеспокоены вашим опозданием. Пришли узнать о здоровье. Добрый вечер, Елена Гавриловна!

— Послушай, Архимед, и вы, Аркусов, послушайте, — в голосе Тюменева прозвучало необычное волнение. — Друзья мои! Если бы я предложил вам отправиться со мной в очень опасную, очень рискованную, но крайне важную научную экспедицию, в которой сама ваша жизнь подвергалась бы опасности, согласились бы вы?

— Разумеется, — быстро ответил Архимед.

— Всегда готов! — одновременно воскликнул Аркусов.

— Вот видишь, — повернул Тюменев голову в сторону Елены Гавриловны. — Мне шестьдесят, а ведь каждому из них нет и тридцати — и они не задумываются.

Опершись одной рукой на перила, Аркусов ловко перепрыгнул, разыскал на веранде выключатель и зажег свет.

Лицо Елены Гавриловны выражало смятение, а глаза Ивана Ивановича горели молодым задором.

— Да, я предлагаю вам ни больше ни меньше как лететь со мною на звезду Абастумани! Вот именно!

При этих словах Аркусов вдруг стал серьезным и многозначительно посмотрел на Архимеда — не сошел ли старый профессор с ума. А всегда спокойный Архимед невольно передернул плечами:

— Лететь? Но на чем?

— Ты сам, Архимед, принимаешь участие в изобретении летательного аппарата, — загадочно ответил Тюменев.

— Завтра я еду по делам в Ленинград, — заявил он неожиданно.

На другой день Тюменев действительно уехал и отсутствовал более двух месяцев.

Глава 5 В мышеловке

Всю ночь над обсерваторией бушевала буря. Несмотря на специальную систему колес, купол дрожал, качался и, казалось, ежеминутно готов был сорваться. Сквозь отверстие в куполе ветер врывается внутрь башни и обдавал лицо и руки Тюменева ночной свежестью и запахом хвойного леса. Плотность воздуха в атмосфере быстро менялась, это мешало наблюдению, искажая изображение звезды. Тюменев сердился, бранил ветер, звезде даже погрозил кулаком:

— Это все твои штучки!

В телескоп уже отчетливо были видны два Солнца звезды Абастумани, разделенные друг от друга тончайшей темной полоской небесного пространства. На самом деле ширина этой щели равнялась сотням миллионов километров. В ней свободно вмещались орбиты планет и их спутников двух солнечных систем, связанных взаимным притяжением. Большее Солнце было окрашено в красный цвет, меньшее — в голубой.

Небо бледнело, угасла двойная звезда — наступал рассвет. Пора кончать наблюдения.

— Архимед! — крикнул Тюменев. — Архимед!

— Его еще нет, Иван Иванович, — послышался из лаборатории голос Аркусова.

— Как это еще нет? Уже ушел, хотите вы сказать? Ах да...

— Вот именно, — вполголоса сказал Аркусов, повторяя любимую фразу Тюменева.

Иван Иванович вспомнил, что сам освободил Архимеда от всех ночных работ в обсерватории для того, чтобы тот мог всецело заняться вычислениями. До сих пор Архимед работал почти круглые сутки, очень переутомился, но не хотел бросать астрономических наблюдений, пока Тюменев — это было вчера вечером — не накричал на него:

— Этак ты до воспаления мозга доработаешься. Если ты будешь еще по ночам работать в обсерватории, то к сроку не кончишь свои вычисления. И мы

пропустим момент, единственный в жизни не только нашей, но и всего человечества. Марш домой и ложись спать, а завтра со свежей головой садись за вычисления!

И Тюменев почти вытолкнул Архимеда из обсерватории, крикнув в темноту:

— Вот именно!

— Ну и ветер. С ног валит, — сказал Аркусов, входя в обсерваторию.

— И не то еще будет, — ответил Тюменев, поднимаясь с кресла. — Звезда работает.

— Позвольте проводить вас до дому, Иван Иванович.

— Благодарю вас. Не беспокойтесь. Сам дойду. Тюменев подошел к двери и попытался открыть ее.

Но дверь не поддавалась.

— Что такое? — Наверное, Никита запер ее ключом, чтобы ветер не открыл. — Никита! Никита! — Никто не отзывался.

— Зачем Никите закрывать? — возразил Аркусов. — Дверь открывается наружу. Наверно, давление ветра не дает открыть. Позвольте, я помогу.

Аркусов сильно нажал плечом. Дверь приоткрылась — ветер засвистел в ушах, растрепал волосы — и тотчас плотно прихлопнулась. Новое усилие плечом — дверь даже не приоткрылась.

— Попробуем вдвоем, — предложил Тюменев. — Раз, два, три. Ой, ой!.. Плечо расшиб. С таким успехом мы могли бы нажимать на железобетонную стенку.

— Да, знаете ли... — отозвался Аркусов, также потирая ушибленное плечо.

— Занятно. В мышеловку попали. Пленники урагана. — Тюменев рассмеялся. — Вот так звезда. Какие дела делает. Какая силища.

— Придется здесь отсиживаться, пока ветер не утихнет.

— Отсиживаться? Не согласен, — сказал Тюменев. — Елена Гавриловна, наверно, волнуется. Я иду, а вы как хотите.

— Но ведь мы и дверь открыть не можем.

— И не нужно. Вот люк. Он ведет в подвал, в машинное отделение. Из подвала дверь выходит на запад, а ветер дует с востока. Ту дверь мы наверно откроем. Идем.

Глава 6

Сквозь воздушный поток

Высокая железная дверь подвала была открыта настежь. У двери в полутемном подвале сидел Никита, посасывая трубочку.

— Ветер загнал, отсиживаюсь вот, — объяснил он Тюменеву. — Хотел пройти в корпус, но с ног так и валит. Не ходите и вы, Иван Иванович.

— Глупости, — ответил Тюменев и смело ринулся из подвала. Аркусов не отставал от него.

Здание прикрывало их от ветра, и они благополучно прошли несколько шагов вдоль стены круглой башни, но, как только обогнули ее, ветер со свистом ударил в грудь и лицо.

Тюменев согнулся под прямым углом и зашагал вперед, но скоро почувствовал, что задыхается. Попробовал идти задом — и тотчас был сбит с ног порывом ветра.

Аркусов помог подняться. Тюменев уже не возражал против его помощи.

— Прикройте рот носовым платком! — крикнул Аркусов, поддерживая старого астронома.

Казалось, звезда пыталась уже сейчас сорвать всю атмосферу Земли. Ураган неистовствовал. Деревья наклонились в одну сторону, ветви вытягивались, дрожали мелкой дрожью, разноголосно звенели, свистели, пели, как туго натянутые струны. Трещали сломанные бурей деревья. Огромные сучья, ветви, листья, сухие иглы и шишки — весь лесной мусор с бешеной скоростью проносился над головой. Смерчи сухой пыли вертелись, плясали по дорогам. В синем небе с необычайной скоростью пролетали обрывки белых как вата облаков.

Путникам нужно было пройти от обсерватории до леса шагов двести по открытому месту. «Хватит ли у старика сил?» — подумал Аркусов. В лесу будет потише, но там того и гляди придавит падающее дерево. Или свалится на голову толстый сук. А за первой полосой леса снова открытое место. Нет, не дойдет Тюменев...

Со стороны «корпуса» — главного здания — едва донесся заглушенный бурей крик. Аркусов оглянулся. Крепко держась за каменную балюстраду, на нижней веранде стояли молодые сотрудники обсерватории и предостерегающе кричали. Кто-то махал рукой.

Аркусов начал опасаться уже не только за Тюменева, но и за самого себя.

— Иван Иванович, верне-емся! — крикнул он в ухо Тюменеву.

— Я... вас... не держу... — ответил неистовый старик и, скрючившись еще больше, стал пробираться вперед. Идти против течения бешеного горного потока было бы не труднее. Но Тюменев шел. Мог ли вернуться Аркусов?

И, цепляясь друг за друга, друг друга подталкивая и поддерживая, падая и с трудом поднимаясь, шаг за шагом продвигались они вперед и наконец достигли полосы леса.

Здесь было тише, дышалось легче. Но дорожка была завалена буреломом. Ежеминутно приходилось перелезать через поваленные деревья и груды мусора и делать обходы.

Из-под обнаженных корней старой сосны, наполовину расщепленной и

обугленной давним ударом молнии, вытекал родник. Вода его, насыщенная газами, бурлила, шипела, пузырилась и стекала вниз серебристым ручейком. Еще вчера этого родника не было.

«Наверно, нарзанный источник. Новый родник, рожденный звездой», — подумал Тюменев.

На совершенно ровном месте Аркусов остушился, громко вскрикнул, сделал шаг, снова вскрикнул и опустился на землю.

— Я, кажется, вывихнул ногу, — сказал он. — Понять не могу, как могло это случиться.

— По милости звезды, — отозвался Тюменев, — объяснять сейчас некогда. Снимайте-ка башмак, я постараюсь выправить вашу ногу.

Тюменев дернул за ногу Аркусова, и тот вскрикнул.

— Очень больно? — спросил Тюменев.

— Да. Спасибо. Кость, кажется, стала на место.

Прихрамывая и поохивая, Аркусов плелся за Тюменевым. Вот и опушка леса. Пыль с дороги забивает глаза, нос, рот. Ветер валит с ног. До следующего перелеска не меньше сотни метров.

— Иван Иванович, теперь я вам плохой помощник. Придется нам здесь переждать до вечера.

— Глупости! — возразил Тюменев. — Малодушие. Осталось совсем немного. Видите, уже крыша дома виднеется. Если идти через открытую поляну трудно, то мы переползем ее, я впереди, вы — в кильватере.

И Тюменев действительно стал на четвереньки и пополз.

«Недаром Елена Гавриловна называет его горячкой», — подумал Аркусов, улыбнулся, поморщился и пополз за Тюменевым «в кильватере».

«Нет, я его не возьму в экспедицию. Малодушен. Шляпа, вот именно», — подумал Тюменев, храбро пересекая поляну.

Глава 7

Беспокойный день

Елене Гавриловне не спалось. Тревожные мысли одолевали. Иван Иванович — ее Ваня — собирается в какую-то экспедицию, из которой, быть может, и не вернется. Звезда принесла заботы. Начались бури. Дом стоит в затишном месте, а весь дрожит. И Елена Гавриловна, хоть душно, с вечера все двери и окна плотно закрыла. А все шумит лес, гудит ветер, не дает уснуть...

Только под утро незаметно задремала старушка, и вдруг... Трах. Трах. Трах...

Привскочила она на кровати, дрожит, со сна понять ничего не может, только чувствует — в комнате свежим ночным ветерком веет. Протерла глаза и видит, что в доме творится что-то непонятное. Окна и двери сами собой пооткрывались. Вдруг подпрыгнула крышка сундука и тотчас захлопнулась. Дверцы буфета и шкапа раскрылись, словно их изнутри кто-нибудь толкнул. На шкапу стояла круглая фанерная коробка для шляп, плотно прикрытая крышкой. Эта крышка подскочила до потолка, упала на пол и покатилась.

Очень испугалась Елена Гавриловна, выбежала из спальни в столовую, но и там пальба, с глухим шумом взорвались консервные банки на буфете, защелкали пробки, вылетевшие из бутылок с лимонадом и сидро. Как хлопущка, хлопнула пергаментная бумага, которой обвязана была полупустая банка с вареньем. Елена Гавриловна в растерянности металась из стороны в сторону. Она ждала, что и кресла, и диваны, и подушки, и перины начнут взрываться и лопаться, и — долго ли до беды — как бы и самой не лопнуть. Было на то похоже. В висках стучало, в ушах шумело, сердце билось учащенно, дышалось с трудом, руки и ноги похолодели.

Но выстрелы и взрывы прекратились так же внезапно, как и начались. В доме стало тихо. Только шумел, свистел, завывал ветер, пролетающий по вершинам сосен.

Светало. Елена Гавриловна постояла посреди столовой, вздохнула, немного успокоилась и пошла умываться и одеваться — уж больше не уснуть.

В кухне она нашла следы тех же непонятных взрывов: раскрытые дверцы, откинутые крышки, вылетевшие из бутылок пробки. Елена Гавриловна с опаской попробовала прикрывать, затыкать, захлопывать — не взорвется ли опять. Нет, ничего не случилось.

Поставила кофейник с водой на электрическую плиту. И не успела прикрыть новой бумажкой и обвязать банку с вареньем, как кофейник бурно закипел. Так быстро! Что такое с ним стало? Тюменева попробовала кофейник рукой — он был чуть теплый. А вода кипела ключом.

Елена Гавриловна грузно опустилась на табуретку.

Голова закружилась. Ей показалось, что она сходит с ума.

Вдруг с шумом открылась дверь, и на пороге появились Тюменев и Аркусов.

Старушка поднялась, протянула к мужу руки, как бы ища помощи, крикнула:

— Иван Иванович, я едва со страху не умерла. Иван Ива... — и не договорила. Ее поразил внешний вид Тюменева и Аркусова.

— Что это с вами приключилось? Откуда вы? Грязные, оборванные, избитые. Разбойники напали, что ли?

— Звезда, — ответил Аркусов из-за спины Тюменева.

— Пустяки. Все в порядке, — бодрился Тюменев. — Буря, ветер. Помоги нам немножечко привести себя в порядок. Писем не было?

В последнее время Тюменев получал много писем.

— Почта не пришла. Наверно, буря задержала, — ответила Елена Гавриловна.

За чайным столом Тюменева наконец рассказала о необычайных происшествиях утра.

Иван Иванович слушал, кивал головой, улыбался. Затем быстро прошел в кабинет, принес оттуда барограф и сказал, показывая жене черту на ленте:

— Вот видишь, в четверть пятого утра давление внезапно упало почти до четырехсот миллиметров. В этом весь секрет утренних чудес в решетке. Вот почему банки стреляли и шкапы, сундуки открывались: внутреннее давление в банках и ящиках сразу оказалось намного выше внешнего. От этой же причины и новые источники появились.

— А почему атмосферное давление так резко понижается? — спросила Елена Гавриловна.

— Звезда своим притяжением вызывает приливные действия в земных океанах и атмосфере. Два раза в сутки теперь мы испытываем повышенное давление и два раза пониженное, — по мере вращения земного шара.

— И болезни какие-то новые привязались, — продолжала Тюменева. — С утра тело тяжелеть начинает, к полудню совсем отяжелеешь. А к вечеру спадает тяжесть, к полночи же во всем теле такая легкость, что, кажется, взяла бы и полетела. Неужели все это от перемены давления?

— Нет, тут уж сказывается непосредственное влияние силы притяжения звезды, — сказал Тюменев. — Такою «болезнью» теперь мы все больны.

— «Говорит Москва»... — послышался голос из радиоприемника. Передавались утренние известия.

«В экваториальной Африке произошел трагический случай: английский летчик, воспользовавшись необычайно высоким давлением, поднялся на обыкновенном аэроплане на высоту в несколько десятков километров. Но не успел он похвалиться своим рекордом, как сообщили по радио:

«Притяжением звезды оторван от Земли. Не помогла мощность трех тысячесильных моторов. С возрастающей скоростью неудержимо падаю в небо. Задыха...» — На этом сообщение прервалось.

— Вот именно. Упасть в небо это как раз то, что Надо. Но и в небо падать надо умеючи. Плохо вычисляют и за это платятся головой, бедняги, — сказал Тюменев.

Елена Гавриловна всполошилась.

— Этого еще недоставало, чтобы люди с Земли на небо падали.

— А вы из дома не выходите, Елена Гавриловна, — сказал Аркусов. — Когда звезда начнет очень сильно притягивать, придется только переселиться на потолок и ходить вверх ногами.

— Что вы, Аркусов, смеетесь надо мной. Я и так напугана.

— Простите, Елена Гавриловна. Смеюсь, шучу. У нас до этого дело не дойдет, но на экваторе в продолжение некоторого периода времени будет проис-

ходить нечто подобное. Это когда звезда пройдет в ближайшем расстоянии от Земли и оторвет часть земной атмосферы...

— Менее трети атмосферы и несколько тысяч кубических километров океанской воды, — прибавил Тюменев.

Через веранду вошел Архимед. Его одежда была в полном порядке. В руках он держал портфель.

— Давно проснулся? — спросил Тюменев племянника.

— Я и не спал.

— Как так не спал? — вспыхнул как порох Тюменев. — Почему не спал? Недисциплинированность? Куда ты теперь годен? После бессонной ночи, пожалуйста, два и два не сложишь.

— Пожалуй, и не сложу, — спокойно отвечал Архимед. — Но вы не огорчайтесь, дядюшка. Я уже ночью все сложил. До утра вычислениями занимался. Хотелось скорее кончить.

— Вот как. Но все-таки ты неслух, неслух, вот именно! — ворчал Тюменев, словно Архимед был еще мальчиком. Но это ворчание уже не было сердитым.

— Ну, и что же? Кончил?

— Кончил, дядюшка.

— И что же? Что? Говори скорее!

— А вы меня, может быть, раньше кофе угостите? Со вчерашнего вечера, как говорится, маковой росинки во рту не было, — сказал Архимед с лукавой искоркой в глазах.

— Да ты мне хоть кратенько скажи! — воскликнул Тюменев с видом такого крайнего нетерпения, что Архимед сжалился над своим дядюшкой и сказал:

— Звезда Бета Малого солнца.

— Ага. Вот именно! — крикнул Тюменев так громко, что в клетке на окне затрепыхался чиж. — Значит, так. Значит, по-моему. Изумительно. Совершенно совпадает с э... вот именно... Нет, эта голова кое-чего стоит! — хлопнул он себя по лбу. — И эта голова тоже кое-чего стоит, — легонько хлопнул он по талии племянника.

— Чего вы, дядюшка, деретесь? — спросил Турцев.

— Молодец. Спасибо, Архимед. Настоящий Архимед. Пей теперь кофе сколько твоей душе угодно.

Глава 8

Звезда работает

— Вот и почтальон, — сказал Аркусов и, прихрамывая, вышел на веранду. Загорелый, черноволосый мужчина в запыленном парусиновом костюме подал ему пачку газет и писем.

Аркусов передал газеты Тюменеву и ушел в кухню переменить компресс на ноге. Елена Гавриловна мыла чайную посуду.

Архимед сонно моргал глазами. Голова его склонилась. Выпив кофе, он освел и сразу почувствовал, как сильно устал за последние сутки напряженнейшей умственной работы.

— Тетушка, вы позволите мне прилечь на веранде? Там такая уютная плетеная кушетка стоит. — Он быстро прошел на веранду, улегся на кушетку, подобрал длинные ноги, положил кулак под голову, и через минуту раздался его могучий храп.

Тюменев развернул газету:

— Посмотрим, что натворила звезда за последние сутки. — И Иван Иванович углубился в чтение.

Страницы газеты были полны сообщениями о проделках звезды.

Итальянский летчик, пытавшийся поставить мировой рекорд высоты, был застигнут низким давлением. На высоте двух с половиной тысяч метров мотор отказался работать, а летчик начал задыхаться.

Зато летчику-французу во время барометрического максимума удалось подняться на двадцать километров без кислородного прибора.

Приливы разрушили в Голландии плотины. Это явилось настоящим народным бедствием и повело к многочисленным человеческим жертвам.

Французский пароход «Марсель» после прилива оказался лежащим на вершине холма одного из Маркизовых островов. Многие пароходы относились приливной волной за десятки километров от берега моря и оказывались на мели среди густого леса или на улицах города, давно оставленного жителями.

Американский богач Ринг Кингсбери устроил себе подземное убежище на острове Патрика, далеко за Северным полярным кругом, и сделал себе запасы продовольствия и кислорода на десять лет.

В шахтах того же Кингсбери в Эквадоре произошли взрывы рудничного газа, обвалы и затопления. Погибло 320 шахтеров.

В Боливии, Перу, Мексике забили мощные нефтяные и грязевые фонтаны.

На Камчатке произошло извержение давно не действовавших сопок.

Инженеры спешно реконструировали двигатели и насосы, приспособляя их к периодически изменяющемуся атмосферному давлению.

Тюменев поднял голову от газеты и увидел Архимеда и Аркусова.

Пропустив обоих в кабинет, Тюменев задержался у двери и осторожно — чтобы не щелкнула — задвинул задвижку.

— От кого это вы запираетесь, дядюшка?

— От всех. Не люблю, когда мешают во время работы. Садитесь к столу. Докладывайте, Архимед.

— Мы уже довольно точно знаем, так сказать, анатомию двойной звезды Абастумани, — начал Архимед, разворачивая на столе чертеж. — Вот центр —

Большое, или Красное, солнце. Вокруг него, вернее вокруг общего центра тяжести системы, обращается Малое Голубое солнце. Эти два солнца, составляя единую систему двойной звезды, являются вместе с тем самостоятельными центрами планетных систем. Вокруг Малого солнца обращаются две планеты: крайняя — Альфа и ближе к солнцу — Бета. Вокруг Большого Красного солнца одна планета — Гамма. Бета имеет две луны, остальные планеты лун не имеют. — Мною вычислены периоды обращения Малого солнца вокруг Большого, каждой планеты вокруг своего солнца, лун — вокруг планеты Альфа, а также сроки вращения солнц, планет и лун вокруг своей оси. Исчислены размеры, масса, определен химический состав солнц и атмосфер на различных планетах.

Тюменев хмурился, качал головой.

— Это плоды общей работы почти всех сотрудников нашей обсерватории, — продолжал Архимед. — На мою долю выпали только итоговые вычисления.

— Не только итоговые, — поправил Тюменев.

— Прекрасно справился со своей работой товарищ Аркусов, которому поручено было обработать данные по планете Бета Голубого солнца, — продолжал Архимед.

— Кстати, я до сих пор не знаю, почему вас так интересовала именно планета Бета, — сказал Аркусов.

— А вот сейчас узнаете, — ответил Тюменев. — Архимед, покажи теперь самое главное.

Турцев развернул второй чертеж. На нем в уменьшенном размере изображалась система двойной звезды, а в противоположном углу листа — земной шар с оторвавшейся от него точкой. Пунктирная линия соединяла эту точку с планетой Бета.

— Вот планета Бета, — обратился Тюменев к Аркусову. — Чертеж вам понятен? Не совсем? Звезда Абастумани, проходя мимо нашей солнечной системы на ближайшем расстоянии, оторвет от Земли часть атмосферы и океанской воды. Приливные явления, как нам известно, происходят одновременно на двух противоположных сторонах земного шара. И звезда вызовет отрыв части земной гидросферы не только на стороне, обращенной к ней, но и на противоположной. Но так как судьба части гидросферы, оторвавшейся от противоположной стороны, нас не интересует, то о ней мы и не будем говорить.

Итак, звезда оторвет часть земной атмосферы и гидросферы. Что произойдет дальше? Куда полетит эта вода и часть атмосферы? Долго ли будет лететь? И — главное — куда упадет, если вообще упадет куда-либо? Судьба этой оторванной от Земли воздушно-водяной планетки может быть очень различна.

Она могла бы сделаться маленькой второй луной земного шара, подобно нашей Луне, также составлявшей когда-то часть земного шара.

Могла водяная планетка, не оставя Земли совсем, пойти по сильно вытянутому эллипсу, как периодическая комета. Могла упасть на Юпитер и Плутон или же стать спутником одного из них. Могла пойти по гиперболе и исчезнуть навсегда в мировом пространстве. Все зависит от сложных сил притяжения. Водяную планетку могло притянуть Красное или Голубое солнце звезды Абастумани, и планета обратилась бы в пар прежде, чем упала в раскаленную атмосферу этих солнц.

Наконец, наш водяной пузырь мог упасть на одну из планет или спутников планет в системе звезды. Но на какую именно?

— Я сделал очень упрощенные...

— Но чрезвычайно остроумные, — вставил Турцев.

— Исчисления, — продолжал Тюменев. — И пришел к такому выводу, что водяная планетка, по-видимому, должна упасть на планету Бета.

— Поэтому вы и поручили мне заняться ею? — спросил Аркусов.

— Вот именно, — ответил Тюменев. — А Архимеду я поручил проверить мои грубые приблизительные расчеты уже основательным вычислением. И он справился с работой как нельзя лучше.

Тюменев посмотрел на племянника с любовью и гордостью. Такой молодой, а уже справляется со столь сложными задачами!

А задача была действительно необычайно сложна. Земля, водяная планетка, Голубое, Красное солнце со своими планетами и их спутниками — все движется, вращается, взаимно притягивает друг друга. Нужно было собрать в одну точку все эти сложные движения в пространстве и во времени, распутать паутину невидимых, взаимно проникающих сил притяжения. Водяная планетка должна была пролететь мировое пространство через невидимую сеть этой паутины, одновременно испытывая на себе влияние притяжений чуть не двух десятков мировых тел. И Архимед начертал точную картину положения всех солнц, планет и их спутников в тот момент, когда судьба водяной планетки будет решена притяжением Беты.

— Да, наш водяной пузырь упадет на планету Бета! — воскликнул Тюменев.

— Упадет вместе с нами, если я верно угадал ваш план? — спросил Аркусов. Тюменев опасливо оглянулся на дверь и ответил, понизив голос:

— Вот именно. Но будем говорить тише. Гм... гм... Елене Гавриловне совсем не нужно знать всего.

— Напрасно беспокоитесь, Иван Иванович. Ветер так шумит, что мы сами себя едва слышим, — сказал Аркусов. — На чем же или в чем мы полетим? В водяной лодке?

— На велосипеде, — сердито ответил Тюменев. Он уже решил не брать Аркусова в путешествие и отделаться от него при первой возможности.

Аркусов встал, как оратор, переступил со здоровой ноги на больную, поморщился и снова уселся в старенькое кожаное кресло.

— Мое мнение таково, что эта экспедиция не что иное, как собрание двадцати способов покончить с собой. Вот вы, Иван Иванович, перечисляли, что может произойти с водяной планеткой, оторвавшейся от земного шара. И ведь каждый описанный вами случай грозит нам неизбежной гибелью. Малейшая ошибка в вычислениях Архимеда — и вместо того, чтобы направиться к планете Бета, мы помчимся на вашем водяном пузыре в глубины вселенской бездны и умрем с голоду, или оледенеем, или же изжаримся, упав на Солнце, — не знаю, на каком огне это будет приятнее, на голубом или же на красном. Или же наша...

— Словом, вы отказываетесь? — спросил Тюменев.

— Нет, я еще не отказываюсь, — возразил Аркусов. — Но я хочу знать все условия, взвесить все шансы. Позвольте мне продолжать. — Итак, мы можем вовсе не упасть на Бету. Затем нам предстоит лететь вместе с водяной планет-

кой через мировое пространство. Что же будет с нею и с нами во время этого перелета? Все это надо продумать заранее. Не рассеятся ли все атомы воды и воздуха в мировом пространстве с его абсолютной пустотой? Не превратится ли водяная планетка в пар под влиянием лучей Солнца? Или, быть может, наоборот — и наша водяная планетка и мы сами превратимся в кусок льда. Изучены ли эти вопросы? И какой получен ответ?

Но допустим, что мы благополучно пролетели через небесное пространство и вступили в сферу притяжения планеты Бета. Разве мы не рискуем разбиться при спуске? Наконец, предположим, что мы благополучно высадились на планету Бета. Что ожидает нас там?

— Это уж вам лучше знать, вы ее изучали, — ответил Тюменев.

— Да, я изучал ее. Я установил, что масса Беты составляет немного меньше одной восьмой массы Земли, что там имеется атмосфера, близкая по составу к атмосфере Земли, но с несколько большим количеством кислорода, что температура там выше земной, что, наконец, там имеется вода. Вот и все или почти все, что возможно было узнать о Бете. Но есть ли там растения и съедобны ли они или ядовиты? Какие живые существа встретят нас — какие насекомые, страшные звери, быть может, люди? Какие опасности...

— Вы правы. Вы совершенно правы, Аркусов, — сказал Тюменев несколько взволнованно, поднялся, прошел по кабинету, как будто случайно подошел к двери, прислушался, зашагал из угла в угол и начал говорить вполголоса:

— Наша экспедиция таит в себе не двадцать, а тысячу смертельных опасностей. И вам нужно не семь, а семьдесят семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Если бы я мог лететь один, я, не задумываясь, пожертвовал бы свою жизнь, чтобы вырвать у природы еще одну тайну и передать ее людям. Но мы обязаны и ради себя и тем более ради других принять все необходимые меры предосторожности. Да, наша экспедиция очень рискованное предприятие, и все же я не собираюсь прыгать в небо очертя голову. Я сам еще не раз проверю вычисления Архимеда. Если водяная планетка действительно должна упасть на Бету, задача наполовину решена. Межпланетный полет я считаю наименее опасным этапом путешествия. Как именно мы полетим, об этом я подробно расскажу вам, когда выяснятся некоторые обстоятельства, от которых зависит судьба всего путешествия. Что же касается спуска на Бету, то он, при наличии атмосферы, не так уж опасен, как кажется вам, Аркусов. Опытные полеты на ракетах доказали полную возможность спускаться со стратосферных высот на парашютах. Я считаю, что наша экспедиция не рискованнее первых экспедиций на полюс. Зато какие могут быть результаты! Мы сделаем такие наблюдения, которые просто неосуществимы в земных условиях. Я наметил обширную программу научных работ в мировом пространстве — изучение солнечной радиации, астрономические наблюдения, изучение космических лучей... Мы сделаем открытия величайшей важности. Мы обогатим науку. И вы обессмертите свои имена, если вас и это интересует. Наша новейшая радиостанция, ультракороткие волны которой пробивают все ионизированные слои атмосферы, передаст наши сообщения на Землю из глубины небесного пространства.

Таким образом, наша задача — научная цель экспедиции — будет выполнена. Человек на звезде! О такой возможности не мечтали даже фантасты. Вот этими самыми ногами мы будем ходить по траве новой планеты, сверкающей

сейчас на нашем ночном небе в виде маленькой звездочки. Вот этими самыми глазами, — он прикоснулся к очкам, — мы увидим новые пейзажи, новые горы, новые леса, новые растения, новых интересных животных, быть может, и новых интересных людей, и обо всем этом сообщим на Землю.

Как расширятся наши знания о Вселенной! Стоит ли ради этого рисковать? Думайте же, думайте, решайте и говорите ваш ответ.

— Мы едем с вами, Иван Иванович, — ответил Аркусов. — Едем, если даже будет только один шанс против тысячи остаться в живых. Но мне хотелось бы иметь ответ еще на один, последний вопрос, вы все время говорили о дороге туда, на Бету, но еще ни одного слова не сказали об обратном пути, о возвращении с Беты на Землю. У вас, конечно, имеется вполне разработанный план?

— План? Возвращение на Землю? — спросил Тюменев, как будто его разбудили, оторвав от прекрасных сновидений. Нервно потер руки, прошелся по кабинету, постоял, прислушиваясь, возле двери, подошел к молодым астрономам и сказал тихо, но отдельно:

— Мы... никогда не вернемся... на Землю. Вот именно! — И, словно рассердившись на себя за минутную слабость, почти крикнул: — Что же вы молчите? Вы уstraшены? Знайте же, с вами или без вас, но я лечу на Бету!

— Да-а, — протянул Аркусов. — Это совершенно новое обстоятельство. Я соглашался лететь, если есть хоть один шанс против тысячи остаться в живых. Но остаться вечным пленником этой планеты, покинуть Землю навсегда, покинуть друзей, родных, близких, покинуть все привычное, любимое, дорогое... Нет, воля ваша, Иван Иванович, но на это я не могу решиться, — сказал Аркусов.

Наступило тягостное молчание. Старый астроном сердито шаркал ногами по ковру, словно отбрасывая с пути невидимые камешки.

Ветер шумел и свистел над крышей. Аркусов сидел в кресле нахмурившись, обхватив руками колени больной ноги. Турцев перебирал в своем портфеле листки бумаг, испещренные математическими знаками. Проходила минута за минутой, никто не начинал говорить.

Наконец Аркусов поднялся, сказал: — «Ну, мне пора» — и, прихрамывая, вышел из кабинета. Тюме-нев запер дверь за задвижку и подошел к племяннику. Лицо старого профессора было взволнованно, глаза пытливо искали глаза Турцева.

— Ну, что же? А ты? — воскликнул Тюменев.

Турцев посмотрел на профессора, улыбнулся и сказал:

— Конечно, я лечу с вами, дядюшка. Нельзя же отпустить вас одного в такое путешествие.

Тюменев молча, но крепко поцеловал Турцева, отошел, вздохнул с облегчением и сказал:

— Вот именно. Теперь за дело. Завтра мы с тобой летим в Ленинград. Мы должны готовиться к путешествию. Теперь я могу сказать тебе мой план. Мой друг академик Шипольский сконструировал изумительный аппарат для глубоководных экспедиций, так называемый автономный гидростат. Он может погружаться в самые глубокие места океана, выдерживать давление десяти километров воды. Представляешь себе, какая прочность аппарата? Прочнее межпланетной ракеты.

— Я решил, — сказал Тюменев, — что в гидростате удобнее всего совершить

перелет, только немного переоборудовав кое-какие детали. Академик Шипольский выразил согласие, разрешение правительства получено.

Мы должны принять с тобой участие в переоборудовании гидростата. Придется гребной винт заменить реактивным гидравлическим двигателем и прочее.

Чтобы взять большие запасы продовольствия и освободить место для астрономических инструментов, я ограничиваюсь всего тремя участниками экспедиции...

— Кто третий? — спросил Турцев.

— Молодой ученый, ученик Шипольского.

Тюменев и Турцев уехали на другой же день, довольно долго отсутствовали, вернулись всего на три дня и, наскоро простившись, уехали снова — на этот раз навстречу всем неожиданностям необычайного путешествия на Бету.

Глава 9

Дорожное приключение

Архимед сидит за небольшим столом возле окна, закрытого плотной синей занавеской. Лампа под матовым абажуром ярко освещает просторную каюту. На столе лежат груды бумаг, исписанных длинными рядами цифр. Лицо Архимеда сосредоточенно, между бровями залегла складка. Он вычисляет. Колонки цифр словно льются из карандаша все быстрее и быстрее.

Через три столика от него, в углу каюты, сидят двое: Иван Иванович Тюменев и «выходной» бортмеханик Сушков, плотный мужчина лет сорока. Он откинулся на спинку кресла в позе отдыхающего человека, посасывает коротенькую трубочку.

Выдался трудный полет. Притяжение звезды вызывало в атмосфере необычайные перемещения воздушных масс и словно изрыло ухабами воздушный путь. Сибирь не была видна путникам: огромный тяжелый самолет, приспособленный для слепого полета, шел на большой высоте. Его бросало, как ничтожную лодочку среди бурных волн океана. Даже привычный к капризам воздушной стихии Сушков неодобрительно покачивал головой и старался определить по раскачиванию своего тела положение самолета.

Приближался критический день — когда звезда подойдет к Земле на самое близкое расстояние. Приближались самые грозные времена. Тюменев перебирал в уме последние известия. В Северной Америке почти вся Флорида и весь бассейн Миссисипи были залиты водой. В Южной Америке бассейны Амазонки и Параны превратились в сплошное море. Спасательные отряды не успевали оказывать помощь. Приливная волна несла на себе деревянные дома, целые леса, зверей, коров, мулов. На низменных островах много народу погибло от наводнения. Во время же отливов огромные пространства покрывались толстым слоем жидкой, непролазной грязи, а в океанах, на мелководье, обнажалось дно. Из Новой Гвинеи в Австралию можно было бы идти пешком, если б хватило времени до нового прилива. Суматра, Борнео, Ява и Малайка сливались в один материк. Появилось огромное количество новых островов. Вся поверхность Земли изменилась до неузнаваемости. Новые моря, реки, острова и полуострова то появлялись, то исчезали по два раза в сутки. Нарушилось железнодорожное, морское и воздушное движение. Гибли урожай. Заноси-

лись илом поля. Разрушались плотины. Затоплялись приморские города. Обваливались шахты. Уже было отмечено несколько случаев падения летчиков в небо. И Тюменев волновался, как бы не случилась и с ними такая же история.

Архимед вдруг быстро поднялся, хватаясь за столы и стулья, пробрался в кабину летчика и крикнул над головой пилота Батенина:

— Критическая высота! Немедленно спускайтесь пикированием...

Амфибия начала метаться, как подстреленная птица.

Моторы самолета хрипели, стреляли и наконец замолкли. Настала тишина. Только едва слышно гудел мотор электростанции, но скоро замолк и он. Электрические лампы в каюте погасли. В кабине пилота они еще светились слабым накалом, переведенные на аккумуляторное питание.

В кухне повар, сидя на стене возле двери, шарил впотьмах — искал стенной шкафик, где хранился парашют.

В радиорубке красным, тусклым накалом, как угасающие звезды, светились радиолампы. Привязанный ремнями к креслу радист Эдер, перегнувшись, ловил рукою болтавшуюся возле стены трубку телефона. Радисту хотелось спросить у Батенина, что случилось.

А тяжелая машина продолжала биться в судорогах, и не известно было, падает ли она вниз, висит ли на месте или же летит-падает вверх, в небо.

— Держитесь, профессор, за меня крепче, — сказал Сушков. — Мы на огромной высоте и, конечно, успеем добраться до парашютов и выброситься прежде, чем амфибия упадет и разобьется. Жалко машину!

— На Землю?! — отозвался Тюменев. — А может быть, мы падаем вверх. Совершенно не вовремя! Преждевременно! И как же это Батенин не усмотрел... Ведь сейчас как раз прилив. Барометрический максимум. Давно пора было снижаться.

— Не волнуйтесь, товарищ Тюменев, — торопил Сушков, не слушая астронома, — только идемте скорее. Поймите же, только парашют может спасти нас.

Тюменев вдруг расхохотался и ответил:

— Хотел бы я посмотреть, как вас будет спасать парашют в безвоздушном пространстве, когда вы будете падать с Земли на звезду.

Сушков побледнел:

— Неужели же и мы...

— Нас вырывают друг у друга звезда и Земля, — сказал Тюменев. — Из-за нас идет ожесточенная борьба двух сил притяжения. Кто победит?

— Но ведь мы свободно падаем, и падаем вниз, — возражал Сушков, — об этом можно судить и по положению машины-пике, и по ощущению легкости в теле.

— Как будто так, — ответил Тюменев, пробираясь следом за Сушковым. — Но не забывайте, что притяжение звезды путает все расчеты, все обычные представления и привычные ощущения... Вот если бы мне удалось увидеть хоть краешек не покрытого тучами неба, я смог бы сказать определенно, куда мы летим.

Болтанка уменьшилась.

Радист Эдер успел поймать телефонную трубку и переговорить с Батениным.

— Все в порядке. Сиди на месте, занимайся своим делом, — сказал ему Батенин.

— На Землю ничего сообщить не надо?

— Если будет надо, скажу.

Радиостанция работала без перерыва. Эдер принял две телеграммы на имя Тюменева и передал ему их содержание по телефону, трубка которого случайно оказалась возле профессора.

— Телеграмма первая, — говорил радист: — «Привет от всех сотрудников абастуманьской обсерватории. Как протекает полет? Елена Гавриловна спрашивает о здоровье. Аркусов». — Ответ будет? — спросил Эдер.

— Нечего сказать, удачно выбрали время! — ворчал Тюменев и ответил:

— Да. Передайте Аркусову: «Полет протекает... гм... успешно».

— Снижаемся, — слышится из рупора голос Батенина.

— Отлично, — говорит Сушков.

— А я все еще не уверен, летим ли мы вниз или вверх, — возражает Тюменев, карабкается по столам, добирается до окна, открывает занавеску и видит сквозь разрывы туч два ослепительных маленьких солнца, одно побольше — красноватое, другое поменьше — голубое. Это двойная звезда Абастумани. Она уже видна невооруженным глазом не только ночью, но и днем.

Как быстро возросли размеры солнц за короткое время...

Вдруг рубиновое и сапфировое солнца скользнули в сторону, и в то же время Тюменев почувствовал, что он падает на пол. Амфибия выровнялась, перейдя от пикирования к горизонтальному полету. Вспыхнул свет, весело загудели моторы.

В дверях каюты появился Архимед, и уже странным казалось, что он стоит на полу, а не на стене.

— Мы вышли из опасной зоны, — сказал он спокойно. — А ведь на волос были от того, чтобы свалиться с Земли.

Зазвонил телефон.

— Слушайте же текст второй телеграммы, товарищ Тюменев, — говорил радист Эдер повеселевшим голосом: — «Филиппины оставлены. Идем к острову Гуам. Ложитесь на курс $12^{\circ}44$ с.ш. и $145^{\circ}50$ в.д. Шипольский».

— Безобразия! Ложитесь на курс! Чего их там носит? — закричал Тюменев, не отнимая телефонной трубки ото рта. — Ложитесь! Безобразия! Вот именно.

— Я ж не виноват, товарищ Тюменев, — сказал радист, и по голосу было слышно, что он улыбается.

— Вы, конечно, не виноваты. И я не вас браню, — продолжал Тюменев взволнованно говорить в трубку. — Но, понимаете, какая чепуха получается. Они могут погубить все дело. Звезда ожидать не будет. Я опоздаю к сроку, и океанская вода улетит без меня. Наш теплоход должен был доставить меня из Владивостока в Манилу. Но он едва ли изменит путь и пойдет к острову Гуам, который лежит восточнее и в стороне от океанских дорог. Что же мне теперь делать? На перекладных путешествовать? Но как? Вот прыгуны. Шипольскому восемьдесят четыре года, а прыгает как...

— Подождите, товарищ Тюменев. Я получил одну зашифрованную телеграмму, — сказал радист, — сейчас расшифрую.

Через несколько минут он сообщил:

— Ну вот, Шипольский сообщает, что вокруг Филиппин, морской базы Со-

единенных Штатов, необычайными приливами сорвало много плавучих мин. Вылавливать их среди непрекращающегося волнения океана невозможно, опасность взорваться на mine велика. Поэтому Шипольский перешел к острову Гуам. До вашего приезда он надеется успеть исследовать во время отлива одно из глубочайших мест океана, находящееся возле этого острова.

— Знаю. Шипольский говорил. 9636 метров. А возле Филиппин глубина 10793 метра. Но меня интересует не морская глубина, а небесная.

— Попробуем стовориться с нашими дальневосточными краснофлотцами. Может быть, они нам помогут, — предложил Турцев.

— Подводный корабль? Это идея. Товарищ Эдер! — закричал Тюменев в трубку телефона, — соедините меня...

Глава 10

Ожидание на «Нептуне»

Советский теплоход «Нептун» недаром называли плавучим океанографическим институтом. Он был в одинаковой степени приспособлен и для мирных научных занятий и для борьбы с разбушевавшимися стихиями океана: многочисленные лаборатории, библиотека, прекрасные инструменты — для науки; надежная двойная оболочка, прочные и частые внутренние переборки, жироскопическое приспособление, устраняющее качку, — против коварства океана.

Научная экспедиция под руководством восьмидесятичетырехлетнего океанографа Шипольского изучала глубочайшие места Тихого океана у берегов Японии, Филиппин и Марианских островов при помощи автоматического гидростата.

Тюменев не преувеличивал, называя гидростат чудом техники.

Аппарат цилиндрической формы мог погружаться на глубину почти десяти километров с целью зрительных и фотонаблюдений, вмещал в себя до десяти гидронавтов и мог находиться под водой продолжительное время. Он был оборудован разнообразными научными приборами. Имел иллюминаторы, перископы для наблюдений глазом, фото- и киносъебок. Сверх того, поверхность его оболочки была покрыта мельчайшими фотоэлементами-ячейками, как у глаза мухи, с проводами, уходящими внутрь аппарата — на экран. Это и делало стенки гидростата как бы прозрачными. Для освещения водных глубин имелись мощные прожекторы. Управление погружением, поворотами, всплытием производилось изнутри. Скорость подъема с глубины десяти километров — около двух часов. Новейшие аккумуляторы необычайной мощности с избытком снабжали аппарат энергией.

Внутри гидростат представлял собою как бы многоэтажное здание. Прутковый трап связывал этажи. В нижнем, «подвальном» этаже помещался аккумуляторный отсек; выше, на платформе, — центральный пост, где помещалось все управление; рядом — электрическая станция для регулирования поступления кислорода, прибор регенерации воздуха, манометры. Поднимаясь еще выше по прутковому трапу, можно было попасть в отсек, где помещались механизмы: пусковые, реостаты моторов, приборы для сжигания водорода, гидравлический насос, механизмы для вращения гребных винтов и поворотные механизмы. Еще выше в двух отсеках располагались каюты для жилья. А еще

выше шли склады продовольствия. Гидростат увенчивался «чердаком» — легкой надстройкой, где могли помещаться люди после всплытия, если море было бурным и не позволяло выйти наружу. В палубе находился люк эллиптической формы, снабженный водонепроницаемой крышкой и иллюминатором.

Гребные винты проходили через стенку и уплотнительный сальник. Для вращения в горизонтальной плоскости имелся инерционный механизм — массивный маховик на вертикальной оси, приводимый во вращение мотором.

Работа экспедиции протекала успешно. Каждое погружение гидростата давало огромный научный материал. Кроме того, сильнейшие приливные явления вызывали небывалое перемещение нижних и верхних слоев океанской воды, и на поверхности появлялись трупы глубоководных животных, разорванных внутренним давлением. Сотрудникам «Нептуна» оставалось подбирать их.

Однако чем ближе подходила звезда к Земле, тем опаснее становилось пребывание экспедиции на экваторе, где притяжение звезды чувствовалось особенно сильно. Переходы от прилива к отливу сопровождались все более бурными явлениями и в воздухе и в океане. «Нептун» постепенно поднимался приливом вверх вместе с растущей водяной горой и медленно, несколько часов, опускался вниз. Если теплоход оказывался не на самой вершине, на склоне водяной горы, его положение становилось критическим. Он валился набок, его заливали волны небывалой высоты. Тучи то смешивались с волнами, то внезапно перелетали через водяную гору или же поднимались на необычайную высоту и исчезали. Атмосфера была насыщена электричеством.

Капитан теплохода Виноградов все последние дни чрезвычайно нервничал и наконец не выдержал, пригласил к себе в каюту академика Шипольского и его молодых сотрудников — Прохорова, Залкина, Савича и Дудина — и обратился к ним с такой речью:

— Мне приказали ожидать профессора Тюменева. Он не явился в срок и не подает о себе вестей. Быть может, погиб. Это естественно в такое время. Ждать больше не могу. Я отвечаю за теплоход, отвечаю за команду, отвечаю за всех вас. Сейчас отлив, и мы опускаемся. А уже в следующий прилив — через несколько часов! — звезда оторвет часть океана. С теплоходом. Нам необходимо быстро уходить на север. Гидростат придется бросить. Тащить его на буксире — значит задерживать ход. Я нарушу приказ, но спасу людей. Пусть меня судят.

Это было сказано таким решительным тоном, что все поняли — спорить бесполезно.

— Гидростат должен быть спасен. Звезда может похитить его, — горячо воскликнул научный сотрудник Прохоров. — Если его нельзя взять с собой на север, следует кому-нибудь из нас погрузиться в гидростате на максимальную глубину и там отсидеться, пока звезда будет отрывать верхушку океана, а потом всплыть на поверхность. Я опускаюсь. Кто со мной?

Залкин, Дудин и Савич подняли руки. Шипольский о чем-то задумался, затем спросил капитана:

— А что будет с профессором Тюменевым и его сотрудниками, если они придут к острову Гуам и не найдут здесь теплохода? На обратный путь им не хватит ни горючего, ни продовольствия. Население Гуама и других остро-

вов давно эвакуировано. Гидростата, даже когда он всплывет, они могут и не заметить и тогда погибнут в океане или же в небе, захваченные звездой.

Капитан Виноградов развел руками.

— Печально, — сказал он, — но что станет с академиком Шипольским и его сотрудниками, если мы задержимся?

— Я прошу подождать хотя бы несколько часов, — сказал Шипольский.

Виноградов отказался. Шипольский настаивал. Сотрудники поддержали его. Виноградов тяжело вздыхал, вытирал пот со лба, но повторял:

— Нет!

— Подводная лодка на горизонте! — крикнул вахтенный.

— Это, наверное, он! — взволнованно сказал Шипольский. — Идемте!

Все поднялись на капитанский мостик. К теплоходу быстро подходил большой подводный корабль. На мостике стоял Тюменев и махал шапкой.

Они стояли друг против друга, два знаменитых ученых: высокий, кряжистый, румяный, с пушистыми усами восьмидесятичетырехлетний океанограф академик Шипольский и седоусый, седобородый старик-астроном Тюменев.

Вокруг них почтительно стояли молодые сотрудники Шипольского.

— Летим на звезду, Анатолий Иосифович? — шутил Тюменев, крепко пожимая руку Шипольскому. — На Бете, по всей вероятности, есть океаны, изучать будете.

— На мой век и земных хватит, Иван Иванович, — улыбаясь, отвечал Шипольский. — В Ленинграде не убедили меня, а здесь и подавно не убедите. Вон что делается! — И он широким жестом показал на горизонт. — Поздновато ваша звезда явилась. Я успел состариться. Куда мне лететь?

— Глупости. Старости нет. Старость! Все это выдумки. Вот именно. Посмотрите на меня.

— Да вы молодой человек по сравнению со мной... — ответил Шипольский.

— Молодой! Вот именно. Ну, как ваши подводные экспедиции?

Шипольский с увлечением начал рассказывать о необычайных находках в глубинах океана, о загадочных глубоководных животных, о раскрытых тайнах, которые океан тысячелетия скрывал от людей. Щеки его еще больше порозовели. Он забыл о своих годах, о подагре и начинающейся глухоте, забыл о том, что находится среди бурного океана и что над головой его сверкает злое звезда.

Тюменев слушал его с трудом: от темных океанских глубин мысли старого астронома невольно улетали к темным глубинам неба.

Капитан Виноградов ходил по капитанскому мостику, смотрел на волны, на небо и сердито отдувался. Он не мог дождаться наступления отлива. Только бы скорее усадить в гидростат Тюменева с его спутниками и бежать, бежать на север, спасая жизнь вверенных ему людей и имущество.

А Турцев стоял возле борта и смотрел на океан. На его зеленой поверхности сверкало красноватое пятно, отблеск звезды Абастумани.

Справа от теплохода виднелся мостик подводного корабля, в котором прибыли Тюменев и Архимед. Капитаны подводного корабля и теплохода решили совершить обратный путь совместно, чтобы, если потребуется, оказывать друг другу помощь.

Прямо перед Турцевым ныряла, как поплавок, верхняя надстройка гидростата. На палубе стоял человек небольшого роста, он махал рукой. Архимед

присмотрелся и узнал Николая Владимировича Савича — третьего участника полета, молодого океанографа, помощника Шипольского. Турцев улыбнулся и помахал рукой в ответ.

Ему вспомнилась поездка в Ленинград, вечера в большой квартире Шипольского, обсуждение планов использования гидростата для вылета на Бету. Вспомнилось взморье. Хлопотливый Савич с испачканными в машинном масле руками. Знакомство с гидростатом, с его сложными машинами, остроумными приборами...

И вот их жизненные пути сошлись здесь, в океане, чтобы дальше идти вместе... куда? В неведомое...

— Привет, Савич! — кричит Архимед, но шум волн заглушает его голос.

Багровое солнце спускалось за горизонт. Стоял отлив — самый низкий за все время прохождения звезды — перед самым высоким — критическим — приливом.

Острова Марианы, остров Гуам словно выросли, поднялись над водою на небывалую высоту, обнажив свои извечно скрывавшиеся под водою, покрытые раковинами, водорослями и кораллами скалистые «фундаменты». Показались неведомые ранее острова, мокрые, голые, безжизненные, никогда не видевшие света и солнца.

Был редкий час затишья: недвижим воздух, спокоен океан.

Этим затишьем необходимо было воспользоваться, чтобы перебраться в гидростат, погрузить продукты и большой парашют, предназначенный для спуска гидростата на Бету, а также сделанные по особому заказу Тюменева, легкие и не занимающие много места астрономические инструменты.

От теплохода к гидростату и обратно двигалась моторная лодка. Тюменев и Архимед наблюдали за погрузкой. Научные сотрудники Шипольского справлялись с этим делом не хуже заправских матросов и грузчиков.

На шлюпке приплыл Савич. Лицо его было озабоченно, даже мрачно. Но, увидев своих товарищей-океанографов, он принял беззаботный вид.

Погрузка подходила к концу. С последним рейсом на моторной лодке прибыл Шипольский. Ему было трудно подняться по отвесному трапу, он простился с отлетающими, стоя в лодке.

— Ну, а вы как? — спросил Тюменев.

— А мы, — ответил Шипольский, — как говорится, на всех парусах немедленно идем на север. Желаю удачи! Прощайте!

Последний груз принят, сотрудники Шипольского спустились по трапу и прыгнули один за другим в моторную лодку. На мостике гидростата остались только Тюменев, Архимед и Савич. Последние прощальные возгласы, приветствия, и лодка уходит к теплоходу.

Гидростат мерно покачивался на спокойных волнах. Но вот гладкая поверхность океана начала подергиваться рябью — ветер крепчал. Наступал прилив.

Три человека, обрекшие себя на добровольное изгнание с Земли, стояли и не отрываясь смотрели на теплоход, на океан, на небо — хотели наглядеться в последний раз.

— У нас еще много времени, — сказал Тюменев, словно в оправдание себя и других. — Постоим, посмотрим, пока скроется за горизонтом теплоход... — Молчание. — Великое дело — привычка. Сейчас самое низкое давление за

все время прохождения звезды, а мы чувствуем себя удовлетворительно. Помните, были паникеры, которые предсказывали, что мир задохнется...

Краски заката давно угасли. Быстро темнеет. Теплохода уже не видно. Крепчает ветер, все выше вздымаются волны. Из-за темного горизонта на севере вдруг поднимаются два небольших, но ослепительно ярких солнца. От места их восхода до гидростата проливается золотистая полоса. Звезда напоминает о себе, смотрит на людей своими зловещими глазами — голубым и красным. И трое людей, ослепленные ее светом, словно загнипнотизированные, не могут отвести от нее глаз.

Волна, поднявшаяся выше мостика, бросает к ногам людей шипящую пену. Это выводит их из столбняка. Стоять на мостике становится опасно.

— Ну, что же, пора сходить вниз. Распоряжайтесь, товарищ Савич. Прощай, Земля!

Савич открывает люк.

— Осторожнее сходите, — предупреждает Савич, спускается последним и наглухо завинчивает люк. Мимоходом зажигает электричество. Лампочки загораются на всем протяжении трапа, на всех этажах. Верхний этаж забит до отказа ящиками, бидонами, большими металлическими банками — продовольствием.

Отопление еще не работает, в гидростате прохладно после душного воздуха экватора.

С легкостью обезьяны, цепляясь за край трапа, Савич опережает Тюменева и Архимеда, минует жилые каюты с подвешенными у стен койками, помещение для механизмов и проникает в центральный отсек. Пускает генератор, дает полный свет, включает электропечи, аппараты, дающие кислород и очищающие воздух. Гидростат оживает. Слышатся гулы, жужжание, ритмические шумы. Яркие лампы освещают сложные приборы, легкие металлические кресла... Становится тепло и уютно. От стены до стены пять шагов. Тесновато, но удобно. Все под руками.

Тюменев улыбается и от удовольствия потирает руки. Теперь звезда может вырывать у Земли часть океанской воды.

Тюменев проверяет, все ли в порядке — иллюминаторы, перископы, сложная оптика, позволяющая хорошо видеть, что делается за толстыми двойными стеклами гидростата, проверяет «видящие» зоны поверхности на оболочке гидростата — мельчайшие фотоэлементы, покрывающие сплошным поясом наружную стенку гидростата вокруг камеры наблюдения. Сильные прожекторы, вынесенные наружу, хорошо освещают картины подводного мира. Все в порядке. Прекрасно действуют и остроумные приспособления, предохраняющие наружные «фотоглаза» от нашествия слизи, ракушек, «водяной пыли» живых и мертвых микроорганизмов.

Тюменев видел, как за стеной беспорядочно метались рыбы. Но старого астронома больше интересовало то, что делается на поверхности.

Через верхний перископ он увидел остров Гуам, хорошо освещенный звездой. Прилив быстро погружал остров в пучину океана. Океан мерно поднимался и опускался, и каждый последующий подъем был выше предыдущего. Шла последняя борьба сил притяжения — звезды и Земли. Вид неба и океана становился страшен. Маленькие красное и голубое солнца на ночном небе, соединяя свои лучи, освещали землю зловещим фиолетовым светом. Океан сто-

нал, кряхтел, вздымаясь все выше и выше, как лошадь, которую резкими ударами поднимают на дыбы. Стихии воды и неба словно обезумели. Волны взбрасывались вверх на невероятную высоту, пробивая тучи. Друг за другом гонялись огромные циклоны. Обрывки туч гонялись за циклонами и друг за другом, соединялись, разрывались, разлетались, поднимались, падали, смешивались с волнами и пеной. Границы неба и земли стирались. Водяные массы вздымались, закручивались жгутом, как солнечные протуберанцы, и неизвестно было, падала ли верхушка этих водяных протуберанцев в океан или же уносилась в безвоздушное пространство.

Тюменев был захвачен этими страшными, но величественными картинами, которые напоминали ему описания первых дней земного шара.

— Изумительно! — ежеминутно восклицал он. — Если вообразить, что это не океан и воздух, а огненная стихия раскаленных газов, то мы получим первую картину того далекого времени, когда возле нашего солнца прошла неведомая звезда и вырвала с его поверхности огненные массы, из которых и образовались потом планеты.

— А вы ощущаете, какая легкость во всех членах? Звезда поднимает нас невидимыми силами, и мы теряем вас. Да, да. Сейчас я мог бы одной рукой поднять тебя, Архимед! — продолжал Тюменев говорить, не отрывая глаза от перископа и размахивая руками.

Когда волна заливала перископ, Тюменев волновался, нетерпеливо ожидая, когда видимость восстановится. Гидростат с наполненным воздухом камерами держался на поверхности бурного океана как поплавок.

— Ну, ну, нажми еще немного! — поощрял Тюменев звезду. — Еще одно усилие — и ты вырвешь из океана маленькую водяную планетку, подобно тому, как твоя сестра некогда вырвала из недр Солнца кусок его огненной материи. Нажми же еще немного, поднатужься.

Савича и Архимеда очень забавляло никогда не испытанное ощущение потери веса собственного тела. Они приподнимали друг друга, сдвигали вещи, подпрыгивали к потолку.

Во время этой возни они и не заметили, как в разноголосое пение аппаратов и машин ворвался новый звук — глухой шум.

— Что такое? Я больше ничего не вижу. В чем дело? Перископ испортился? — с волнением воскликнул Тюменев.

— Товарищ Савич, где выключатель подводного прожектора? — спросил Архимед. — Ах, вот он. — Турцев повернул выключатель.

Через две секунды стены стали «прозрачными», и путешественники увидели рыб, быстро проносящихся снизу вверх.

— Мы падаем! Опускаемся! — уже с ужасом воскликнул Тюменев. — Почему? Странно. Непонятно. Что произошло?

Савич уже понял и бросился к механизмам, управляющим наполнением и откачкой воды в балластных цистернах. Если гидростат начал погружаться, значит, балластные цистерны наполнились водой. Но каким образом? Быть может, за время возни он сам или Архимед заделали ручку, а быть может, и звезда своим притяжением расстроила работу механизмов. Выяснить времени не было. Савич спешил освободить цистерны от воды, после чего гидростат должен был всплыть.

Потекли томительные секунды, которые решали судьбу экспедиции. С каж-

дым метром погружения уменьшалась надежда на полет. Волнение Тюменева достигло высшей степени. Он тяжело дышал, побледневшее лицо покрылось потом. Если бы его тело не потеряло значительную часть своего веса, он не устоял бы на ногах. С широко раскрытыми глазами и тоской смотрел он на рыб, поднимающихся вверх, словно они уже летели на Звезду, в то время как он оставался пленником Земли.

Наконец лицо его оживилось, и уже с радостным волнением он воскликнул:

— Ага, смотрите. Рыбы начали медленнее подниматься вверх, значит, наше опускание замедлилось. Балластные цистерны освобождаются от воды... А вот рыбы начали уже опускаться. Мы поднимаемся. Поднимаемся. Архимед! Великолепно. Интересно знать, оторвались ли мы от Земли или нет. Нам надо всплыть на поверхность, тогда мы уж наверно улетим в небо. А быть может, мы уже летим?

— Летим, дядюшка. Смотрите! — Архимед показал на «прозрачную» стену. Видны были звезды, глубоко внизу лежал океан.

— Летим! И как незаметно. Красота. Вот именно! — восторженно воскликнул Тюменев.

— Летим! — сказал Турцев так просто, словно они находились в дачном поезде.

— Летим! — со вздохом отозвался Савич. Ему взгрустнулось. Он уже раскаивался в том, что пустился в это рискованное путешествие.

Глава 11

Ледяной метеорит

Уголок звездного неба и океан, лежащий глубоко внизу, были видны недолго. Вырванная звездой часть океанской воды быстро пролетела через зону земной тени. На одной стороне гидростата ослепительно блеснуло солнце, другая сторона была погружена в густую тень. Затем сторона, освещенная солнцем, погрузилась в зеленоватые сумерки.

Участники экспедиции старались определить, что с ними происходит.

В момент отрыва от Земли гидростат находился на поверхности водяного веретенообразного тела, и путешественники могли видеть несколько мгновений океан, звезды, солнце. Затем, по законам всемирного тяготения, веретенообразное водяное тело должно быстро превратиться в шарообразное, а гидростат, как более тяжелый, потонуть — опуститься к центру водяной планетки. Наступили зеленые сумерки.

Но вот зеленоватый сумеречный свет стал приобретать оттенок белого матового стекла. Что случилось? Савич не был астрономом и с вопросом поглядел на Тюменева.

Иван Иванович зажег самый сильный прожектор, осветив теневую сторону.

— Сейчас начнется, смотрите, — пригласил он своих спутников. — Видите, рыбы, наши невольные спутники, плавают все медленнее, словно засыпая. Догадываетесь, почему? Их начинает пробирать холод мирового пространства.

— А потом он доберется и до нас? — с испугом спросил Савич.

— Посмотрим, — неопределенно ответил Тюменев.

Архимед рассмеялся и стал объяснять:

— Еще никто не летал в таких необычайных условиях, и трудно сказать с полной уверенностью, что с нами будет. Теоретические расчеты говорят о том, что водяная планетка должна была захватить с собою и часть земной атмосферы. Но слой ее слишком тонок, чтобы предохранить нас от мирового холода. К тому же масса нашей водяной планетки очень мала, она не сможет удержать эту атмосферу своим притяжением...

— Одним словом, наш водяной пузырь превратился в ледяной метеорит — и это исключительный, если не единственный случай в небесах! — воскликнул Тюменев.

— Но что же будет с нами? — спросил Савич.

— Надеюсь, ничего страшного, — ответил Тюменев. — Стенки гидростата хорошо удерживают тепло. Да еще мы получим добавочный изолятор в виде ледяной скорлупы. Вы же знаете, что лед — плохой проводник тепла.

Но эта ледяная скорлупа не раздавит нас сжатием? — не унимался Савич.

— Вы знаете, какое давление может выдержать корпус гидростата, — ответил Тюменев. — Но на всякий случай я принял свои меры еще в Ленинграде, когда мы приспособляли гидростат к небесному путешествию. Тогда многое вам казалось непонятным, я же предполагал, что нам придется иметь дело со льдом.

И Тюменев объяснил, какие он принял меры предосторожности. Гребной винт льдом мог быть и сломан, и Тюменев заменил его гидрореактивным двигателем — струями воды, вылетающими под большим давлением. — «Гидростат теперь движется, как каракатица. Надежно. Струю воды не ломаешь». Главное же, на оболочке гидростата были проложены пластины, нагревающиеся электричеством. И они оченьгодились.

Рыбы за стеной плавали все медленнее и наконец замерли. Вода превращалась в лед. На теневой стороне толстые кварцевые стекла иллюминаторов изнутри покрылись красивыми пушистыми ледяными узорами. В гидростате похолодало — или так показалось Савичу. Он поспешил повысить температуру.

— Вы лучше прогрейте внешнюю оболочку гидростата, это замедлит замерзание. — сказал Тюменев.

Савич повернул выключатель.

Скоро лед за стеклами начал таять. Показалось темное тело молот-рыбы. Она вяло двинула хвостом — начала оживать.

— На солнечной стороне вода еще не замерзла. Направляйте гидростат прямо к солнечному пятну. Дайте полный ход! — командовал Тюменев.

Савич и Архимед привели в движение механизмы. Гидростат пошевелился, как ожившая молот-рыба, повернулся вокруг малой оси и двинулся вперед, сначала медленно, а затем все быстрее. Матовый свет впереди становился все ярче.

— Задний ход! — кричит Тюменев. В этот же самый момент путники видят сквозь стенки гидростата ослепительное белое Солнце нашей Земли и на другой стороне — два солнца поменьше: красное и голубое. Внизу почти весь небосклон занимает полуземие — половина земного шара, освещенная Солнцем. Отчетливо видны очертания Африки. Европа покрыта облаками.

А позади гидростата они увидели ослепительно блестящий ледяной метеорит, покрытый белой, как вата, атмосферой из испаряющегося льда и остатков земного воздуха, превратившегося в тонкие ледяные кристаллы. Звезда Абастумани освещала одну сторону ледяного метеорита розовым светом.

Черное небо было сплошь усеяно крупными и мелкими, как пыль, разноцветными, немигающими звездами.

Красота и необычайность открывшейся картины поразили путешественников, но любоваться картинами неба не было времени. Все понимали опасность положения, желая только подняться на поверхность, но, не рассчитав быстроты движения гидростата, путники вылетели из водяной планетки, превращавшейся в ледяной метеорит, и по инерции понеслись в мировое пространство.

Что будет с ними без ледяного метеорита? Откуда добудут они воду для питья, кислород для дыхания?

Архимед уселся на стене — в этом странном мире не было верха и низа, — вынул записную книжку, карандаш и углубился в вычисления. Вес гидростата известей. Но какова масса ледяного метеорита? С какой быстротой вылетел гидростат из воды, теперь уже превратившейся в лед? Надо было хоть приблизительно подсчитать это, чтобы решить, хватит ли «сил» у ледяного метеорита притянуть гидростат обратно, или же путники навсегда потеряли ледяную планетку.

В то же время Тюменев, паря в воздухе посреди гидростата над ненужными теперь креслами, решал другую практическую задачу.

— Савич, велики ли у нас запасы воды? — спросил он.

— Смотря для чего. Для питья и кислорода на месяц хватит, — ответил Савич. Он висел головою к полу, прицепившись стопой ноги к поручню трапа, — отсюда ему было хорошо видна Земля. — А что вы задумали, Иван Иванович?

— Не пустить ли нам в ход гидрореактивный двигатель. Ну, хотя бы только для того, чтобы повернуть гидростат и направить его полет к звезде Абастумани. Тогда мы будем лететь вместе с ледяным метеоритом, хотя и разделенные от него пространством. Но взаимное притяжение будет все время сближать нас, и, может быть, мы соединимся с нашей планеткой прежде, чем у нас иссякнет запас питьевой воды и кислорода.

Архимед стукнул карандашом по записной книжке и выбил ее из рук. Книжка отлетела к противоположной стене, ударилась о стену и прилетела в обратном направлении. Архимед ловко поймал ее на лету.

— Дядюшка! — воскликнул он. — Это, конечно, очень грубый, приблизительный подсчет. И по нему выходит, что мы должны упасть обратно на ледяной метеорит. Но боюсь, у нас иссякнут вода и кислород прежде, чем это произойдет.

— Вот именно! Надо рисковать! — воскликнул Тюменев. — Мы выбросим в мировое пространство несколько декалитров воды, но зато, получив несколько толчков, наш гидростат может сразу приблизиться к ледяному метеориту.

— Но раньше мы должны отделить запас воды, необходимый для нашего существования в продолжение хотя бы десяти дней, — предложил Савич.

Все согласились с этим предложением. Но, когда «потребительский» запас

был выделен, оказалось, что воды осталось на четыре импульса реактивного двигателя.

— Четырьмя выстрелами сильно сжатой воды мы должны достигнуть цели, — сказал Тюменев.

В два приема нужно было повернуть гидростат почти на сто восемьдесят градусов, в один импульс — дать направление к ледяному метеориту, один импульс оставался запасным.

Увы, как ни старались Савич и Архимед, запасной импульс пришлось истратить уже при повороте, так как при первом же выбросе воды гидростат вдруг завертелся колесом, пришлось дать контрудар, чтобы только остановить это вращение. Лишь третьим импульсом гидростат занял нужное положение. Оставался последний импульс, который должен был сблизить гидростат и ледяной шар.

Савич взялся за рычаг, вздохнул и снял руки с рычага — у него не хватило решимости. Архимед повернул рычаг. Сильный толчок. Наученный опытом первых импульсов, Тюменев держался за трап, и его не отбросило в сторону. Как только справились с толчком, все, затаив дыхание, начали наблюдать за движением гидростата и ледяной планеты. На глаз казалось, что гидростат и шар идут параллельно, не сближаясь. Но глаз мог обманывать. Архимед взялся за инструменты и вычисления. Не прошло и получаса, как он сделал доклад о результатах. Вычисления показали, что гидростат шел к ледяному метеориту под углом, но очень незначительным. Встреча с ледяным метеоритом должна произойти через двенадцать дней, четыре часа, восемнадцать минут.

— А у нас запасов воздуха и воды на десять дней, — сказал Тюменев. — Надо подумать, как выйти из положения.

Без кислорода человек может прожить немногим больше двух минут, без воды — значительно больше. И потому решили оставшуюся морскую воду переработать главным образом в кислород для дыхания. Правда, было еще несколько баллонов сжатого кислорода, но пользоваться им решили только в крайнем случае. Кроме того, для питья сохранилось еще несколько бутылок боржома, захваченных Тюменевым. Жидкость в виде супов, соусов, подлив находилась в различных консервах.

— При экономии выдержим, — заключил Тюменев и, покончив с этим делом, взялся за астрономические наблюдения.

Глава 12

Небожители

Архимед посмотрел на карманные часы и очень удивился: со времени отлета с Земли прошел всего час, а сколько произошло волнующих событий!

Небесное путешествие началось. Тюменев, Савич и Архимед по праву могли называть себя небожителями.

Но нельзя сказать, чтобы эта жизнь в небе была вполне приятна и уютна.

Отсутствие привычного веса собственного тела и окружающих вещей, отсутствие земного притяжения, ясно разграничивающего «верх» и «низ», причиняли много мелких бытовых неприятностей.

Достаточно было неосторожно притронуться, и вещи улетали из-под руки. Они не падали вниз, на пол, а беспорядочно металась по всему помещению. Нарзан не выливался из бутылки в стакан, а, вытряхнутый толчком, собирался в большие и малые шары, которые висели в воздухе. Нелегко было поймать эти шары и отправить в рот. Приготовление пищи, еда, питье требовали большого внимания, ловкости, сноровки. Даже передвижение по гидростату доставляло много хлопот. Ходить уже нельзя было, приходилось перелетать, отталкиваясь от пола, потолка, стен. Иногда при недостаточно сильном толчке прыгун беспомощно повисал в воздухе, и требовалась посторонняя помощь, чтобы пришвартовать его к какому-нибудь борту.

Тюменев раздражался, когда небольшая подзорная труба или спектроскоп улетали от него или сдвигались с места от одного его дыхания. Но в конце концов все привыкли жить в мире невесомого. Необычайное становилось бытом.

Гидростат медленно сближался с ледяным метеоритом.

Но последние два дня, шесть часов, восемнадцать минут были очень тягостны. Ледяной шар, белый и блестящий, находился совсем близко от гидростата. Вблизи он казался планеткой внушительной величины, занимавшей значительную часть небосклона. Но подвинуть гидростат к планетке уже не решались. Приходилось набраться терпения.

При всей экономии воды не хватило, кислородный паек был убавлен, и путники испытывали на себе все признаки кислородного голодания: голова болела, в висках шумело, сердце билось неровно, утомляемость чрезвычайно повысилась, появилось чувство апатии, вялости, безразличия.

А между тем перед посадкой на ледяной метеорит надо было иметь совершенно свежую голову и упругие мускулы. При неудачном толчке о ледяной шар гидростат вновь отскочит, и, если даже не надолго, это могло кончиться катастрофой.

Поэтому Тюменев распорядился за несколько минут до посадки усилить приток кислорода за счет аварийного баллона.

Все ожили и бодро готовились к посадке. Она произошла так плавно, что люди едва заметили толчок. Все трое радостно вскрикнули. Савич разогрел полосы из сплава меди и никеля на внешней оболочке гидростата. Лед подтаял, гидростат одной стороной немного погрузился в лед, быстро превращавшийся в воду.

А безотказно работающие аппараты уже втягивали эту морскую воду по

трубкам в гидростат, превращали в чистую питьевую воду и живительный кислород.

Тюменева беспокоило только одно: по мере потребления льда-воды гидростат должен все ниже опускаться в ледяную планетку.

Но скоро выход был найден: нижняя часть гидростата нагревалась сильнее и потому уходила в лед, верхняя же часть оказывалась приподнятой.

Когда плавление льда и набор воды бывали закончены, вода под гидростатом еще не замерзала, давался легкий толчок гидрореактивным двигателем, и гидростат выскакивал из образовавшейся под ним ложбины на поверхность.

Путники могли спокойно двигаться к Звезде. Радио работало безукоризненно, и Савич регулярно сообщал Земле о ходе перелета и о научных наблюдениях Тюменева, которые уже успел сделать несколько больших открытий.

Глава 13

Мастерство Архимеда

Звезда все дальше улетала от нашей солнечной системы. На Земле водворялся нарушенный порядок. Утихали бури, улеглись приливы, люди вздыхали с облегчением и говорили:

— Могло быть и хуже.

А ледяная планетка и гидростат с заключенными в нем тремя людьми неслись с возрастающей скоростью по исчисленному Архимедом пути навстречу планете Бета. Чем ближе подлетали спутники к звезде Абастумани, тем больше становились два солнца и тем дальше уходило Красное солнце от Голубого. Уже трудно было представить, что эти два солнца, находящиеся на неизмеримо большом пространстве друг от друга, составляют двойную звезду.

Водяная планетка летела по направлению к Голубому солнцу, и потому оно скоро начало казаться большим, чем Красное, хотя на самом деле большим было Красное

Уже невооруженным взглядом можно было видеть планеты Голубого солнца — Альфу и Бету, но луну еще трудно было различить.

Во время полета путешественники строго распределили занятия: Тюменев вел астрономические наблюдения. Архимед вычислял. Савич совмещал в своем лице бортмеханика и радиста. У Савича оставалось больше свободного времени, чем у других: управлять полетом не нужно было, об этом «заботилась» Звезда: механизмы, снабжающие путников кислородом и водой, работали исправно. Радиопередача и прием отнимали не более четырех часов в сутки.

Все вычисления Архимеда оказались правильными. Ледяная планетка благополучно пересекла орбиты Марса, астероидов, Юпитера, Сатурна, Урана и Нептуна. Крайняя из планет нашей солнечной системы — Плутон проходил в это время сравнительно недалеко от ледяной планетки и своим приближением искривил путь ее полета, направив в сторону Голубого солнца. Все это заранее было предвычислено Архимедом. Тюменев успел сделать над Плутоном ряд наблюдений и сообщил их на Землю.

Только один момент Турцев немного волновался — это когда ледяная планетка находилась в «критической точке» между притяжениями Голубого и Красного солнц. Голубое было ближе, но масса его меньше. Красное — дальше, но масса его больше, и это почти уравнивало их силы. Тончайшими исчисле-

ниями Архимед еще на Земле пришел к выводу, что победить должно Голубое солнце. Но все же был момент, когда ледяная планетка как будто задумалась, заколебалась, в какую сторону направить путь: влево — к Голубому солнцу, или направо — к Красному. Для людей путь направо был путем смерти. По расчетам Архимеда, если бы победило притяжение Красного солнца, ледяная планетка упала бы прямо на это солнце. Но высшая математика и высокое мастерство владения ею не подвели Архимеда: ледяная планетка, пролетев некоторое время в опасной зоне, решительно свернула к Голубому солнцу.

А пока ледяная планетка будет приближаться к Голубому солнцу, его планеты, как высчитал Архимед, должны занять такое положение: крайняя — Альфа — будет находиться на противоположной стороне орбиты за голубым солнцем, а Бета подойдет так близко, что почти пересечет путь ледяной планетки. Остальное dokonчит притяжение Беты.

Постепенно Голубое солнце становилось все меньше, а Бета росла и скоро уже казалась огромным месяцем, раскинувшимся на полнебосклона. Приближался интересный, но опасный момент — спуск на планету Бета.

Глава 14

Перед посадкой

По мере приближения к Голубому солнцу его свет и тепло ощущались все больше. В гидростате уже можно было работать и даже читать, не зажигая электрических ламп. Странен был этот свет — голубой с зеленоватым оттенком. В первое время лица казались бледно-зелеными, страшными. Но постепенно глаза привыкли, и лица друг друга казались путникам уже обычными.

Все ощутимее были и тепловые лучи, посылаемые в мировое пространство Голубым солнцем. Уже можно было погреться, сидя у иллюминатора, словно в лучах первого весеннего солнца.

Ледяная планетка стороной, обращенной к Голубому солнцу, начинала плавиться, на теневой же стороне еще была крепкой.

Но постепенно вся ледяная планетка растаяла и снова превратилась в водяную. Гидростат опустился к «центру Земли», окутанный зелеными сумерками.

Савич зажег прожектор. Все с интересом наблюдали, как оживают в потеплевшей воде рыбы, как возвращается к ним быстрота движений.

— Вот бы уши наварить! — сказал Савич.

— Именно! — отозвался Тюменев. — Как врежемся в атмосферу Беты, вся наша водяная планетка закипит и превратится в котел с ухой.

— А мы не сваримся? — хотел спросить Савич и удержался, вспомнив о том, что стенки гидростата совершенно нетеплопроводны.

— Ухи поест, это действительно было бы неплохо, — продолжал Тюменев, большой любитель рыбы. — Почему бы нам и не наловить рыбы?

Архимед и Савич охотно приняли это предложение. Как ни интересно было путешествие, жизнь в гидростате протекала однообразно, а тут предстояло такое необычное развлечение. Молодые спутники Тюменева поспорили, как ловить рыбу: сетью или острогой — то и другое надо было еще сделать из имеющихся материалов. Решили — острогой.

Вооружившись, Архимед и Савич в водолазных костюмах вышли из гидростата через люк верхней легкой надстройки.

Голубое солнце уже довольно ярко пронизывало небольшую водяную планетку, внутри которой металась рыба. Некоторые из них, уходя от остроги, выскакивали над поверхностью планетки., тотчас разрывались от внутреннего давления и медленно падали вниз.

Охота была удачная. В этот день путешественники лакомились свежей рыбой, делились впечатлениями и обсуждали план, как лучше прикрепить к гидростату парашют, необходимый для посадки, чтобы он раскрылся уже в верхних слоях атмосферы Беты — иначе рывок будет слишком сильным, стропы не выдержат, лопнут, парашют оторвется [70].

На другой день Архимед, окончив ежедневные вычисления и произведя астрономические наблюдения, заявил, что до посадки осталось всего пять часов с минутами. Пора прикреплять парашют. Парашют хранился в верхнем отсеке, который мог наполняться водой.

Тюменев и Турцев, помогая друг другу, надели водолазные костюмы и ушли. Савич уселся возле аппаратов управления, закурил трубочку и задумался, что ожидает их в ближайшем будущем. Савич посмотрел сквозь стену. От нее веяло теплом, и светилась она зеленовато-голубым светом. Солнце Беты уже близко. Самой планеты не видно — она где-то под ногами. Сквозь противоположную сторону стены видна яркая белая звезда. Это наше Солнце. Где-то возле него должна быть Земля. Савич вздохнул. Сказать по правде, он ужасно боится посадки...

Вдруг заговорил радиорепродуктор. Вести с Земли. С милой, родной Земли, которую сейчас невозможно даже разыскать в мировых просторах...

Какая-то американская радиостанция говорит о трех героях, которые решили улететь с Земли на Звезду. — «Тюменев, Турцев и Савич — вот три славных имени...»

Савич слушает, улыбается и даже прикрывает глаза от удовольствия. Как все-таки хорошо, что он принял участие в этой экспедиции...

— Ну, вот и мы! Дело сделано, — сказал Тюменев, входя. — А вы, кажется, дремлете? О чем это болтает радио? Англия? Америка?

— Я не спал, — ответил Савич. — У вас, кажется, ранена рука, Турцев?

— Рука — пустяки, — ответил Архимед, наскоро делая перевязку. — Костюм водолазный разорвал, задев за железную скобу, это хуже. Вода начала проникать внутрь костюма. Пришлось перетянуть руку обрывком троса. Хорошо, что это случилось, когда работа была уже окончена.

— Великолепно, — сказал Тюменев, вылезая из водолазного костюма. — Парашют не подведет. Только бы не подвели шнуры.

— Разве товарищ Турцев не высчитал, какую нагрузку примут на себя стропы?

— Не надеть ли нам перед посадкой кислородные маски? Как ты думаешь, Архимед? Может быть, в атмосфере Беты есть какие-нибудь вредные газы.

— Но ведь в таком случае маски только отсрочат нашу гибель на несколько часов! — не удержался Савич.

— И отлично. На несколько часов! За несколько часов можно сделать массу научных наблюдений и сообщить о них по радио на Землю.

Турцев посмотрел в небольшой телескоп на Бету, глянул на часы, что-то проверил по записной книжке и сказал:

— Подлетаем. Как досадно, что мы упадем на теневую сторону планеты.

Ничего не видно. Что лежит под нами? Горы? Лес? Океан?

— Дай я погляжу. Да. Темно. Вижу только одну зеленую точку. Быть может, освещенная вершина горы.

— Ну, что ж, давайте надевать маски. Пора! — сказал Архимед. — И я думаю, нам лучше улечься на койки. Когда парашют раскроется в атмосфере Беты, удар будет очень сильный.

Все надели кислородные маски, улеглись на койки и стали молча ожидать, как встретит их планета Бета.

Глава 15

Савич потрясен...

Напряженное молчание становилось невыносимым.

— Если бы нам посчастливилось упасть в воду, — сказал Савич.

— Я предпочел бы, чтобы наш гидростат упал в глину, — отозвался Тюменев.

— Но ведь не думаете же вы, что глина мягче воды, — возразил Савич.

— Думаю. Вот именно. Известно ли вам, что быстро летящая пуля пробивает утрамбованный снег на 350 сантиметров, глину — на 100, сосновые доски на 87, а воду — только на 80 сантиметров? Выходит, что при известных условиях вода может быть прочнее досок и глины, а вы — в воду!

— Но ведь в таком случае мы должны разбиться, куда б ни упали! — с отчаянием воскликнул Савич. И в тот же момент вскрикнул и упал на пол.

Ужасный толчок потряс весь гидростат. Вслед за первым толчком последовал второй, третий, четвертый, все более ослабленные, и, наконец, на пятом, довольно мягком, толчке гидростат остановился, мерно покачиваясь. Внезапно температура внутри гидростата поднялась почти до семидесяти градусов и еще продолжала подниматься. Послышалось ужасное шипение, скоро прекратившееся.

Путешественники почувствовали, как их тело стало тяжелым. Они уже привыкли к невесомости, и возвращение в мир тяжести было крайне неприятным. Мышцы ослабели за время путешествия, и теперь руки и ноги казались налитыми свинцом.

— Умираю. Задыхаюсь. Заживо стораю... — стонал Савич, корчась на полу возле своей койки.

— Фу-фу... Да... Тепленько... трение о воздух... Фу... гидростат нагрелся, — отозвался Архимед со своей койки. Он говорил с трудом, тяжело переводя дыхание, но спокойно. — Вам помочь, Савич? Дядюшка! Как вы себя чувствуете?

— Непонятно. Совершенно непонятно, вот именно, — отвечал Тюменев, оказавшийся под столом, далеко от коек. — Да, жарко. Баня. Шведская парильня, вот именно. А? Ты о чем-то меня спрашивал, Архимед? Как чувствую? Скверно, то есть отлично. Великолепно. Удивительно. Живы. И даже как будто мало побиты. А? Чего там Савич стонет? Да. Совершенно непонятно...

— Что вам непонятно, дядюшка? Вставайте же, Савич. Температура больше не поднимается. А в самом деле непонятно. Мы живы. Не ожидал!

— Зачем, зачем, зачем я отправился в это идиотское путешествие? — шептал Савич, сжимая голову. — Кошмар...

— А? Что? Ты о чем-то спрашивал меня, Архимед? Непонятно. Да. Первый

удар, допустим, рвануло при раскрытии парашюта. А второй? Третий? Четвертый? Обрывались стропы, что ли? А мы, кажется, угодили-таки в океан.

— И не разбились, — ноющим голосом заметил Савич. — А упади в вашу глину или на сосновые доски, наверно, от нас ничего бы не осталось.

— Ведь вот какой несносный мальчишка! — проворчал Тюменев и, вылезая из-под стола, закричал: — Я же говорил вам, упрямец, что все зависит от скорости. Парашют сильно уменьшил скорость нашего падения, вот почему мы и уцелели... Но эти удары? Отчего они могли произойти? Да совершили ли мы посадку, в самом деле? А? Может быть, все еще летим? Выключи свет, Архимед, надо посмотреть, что делается снаружи.

Свет в каюте погас. Кругом было совершенно темно. Когда глаза немного привыкли к темноте, в разных местах появилось слабое голубоватое свечение, то в виде движущихся мерцающих комочков, то подобное струйкам, текущим в разных направлениях.

— Может быть, это летают светящиеся насекомые? — высказал предположение Тюменев.

Савич наконец поднялся на ноги, подошел к распределительной доске и включил прожектор, но свет не вспыхнул, аппарат, помещенный снаружи, очевидно, был поврежден.

— Досадно, — сказал Тюменев. — Очень досадно. Однако смотрите, смотрите, смотрите.

Откуда-то появился очень слабый зеленоватый свет. И высоко над головой как будто засветилось зеленоватое небо. Отраженный свет падал и на поверхность океана, совершенно гладкую, лишённую волн, и тем не менее мерно покачивающуюся, словно палуба огромного корабля. Горизонт казался очень близким и как-то сразу обрывающимся черной полосой, за которой едва заметно мерцали вдали зеленоватые полосы — не то на небе, не то на «земле».

— На Бете ли мы? Не попали ли мы на одну из ее лун? — спросил Савич, во всем сомневающийся.

— Почему вы так думаете?

— Потому что Бета должна напоминать собою Землю, как уверял Аркусов. Но то, что мы видим, не похоже ни на что земное, — ответил Савич.

— Куда мы попали, скоро узнаем. Что мешает нам выйти наружу? Кажется, мы уже все пришли в себя, начали здраво мыслить и нормально рассуждать... — Тюменев рассмеялся. — Ну, двигайтесь, Савич, полезайте на мостик, открывайте люк.

И все начали подниматься на узкому трапу.

Глава 16

«Здравствуй, Бета!»

Над головой показался голубовато-зеленый просвет Тюменев приподнял маску, вздохнул и, убедившись в том, что воздух доброкачественный, снял ее. Архимед и Савич, следуя его примеру, также сняли свои кислородные маски.

— Хорошо дышится. Архимед, ты боялся, что крышка люка оплавится и запаяется наглухо, а перед нами готовая открытая дверь! — воскликнул Тюменев, остановившись перед широким проломом в верхней легкой надстройке гидростата.

Архимед поднялся выше Тюменева.

— Нет, — сказал он через минуту. — Крышка люка оплавилась, и нам нелегко было бы открыть ее, если бы неведомая сила не разворотила всю верхнюю надстройку гидростата. Но что это за сила, я, признаться, не пойму. Удар при посадке? Но ведь мы опускались нижней частью...

— Я понимаю теперь, что шипело, когда мы опускались! — воскликнул Савич. — Видите эту щель в стене гидростата? Это уже не надстройка, а корпус гидростата. Поняли?

— Начинаю понимать, — сказал Тюменев, — гидростат имеет двойные стенки. Между ними находился слой воды, которой предохранял от ударов — служил амортизатором. Так. Когда гидростат врезался в атмосферу, его наружная стена нагрелась...

— Вода закипела, и пар, не находя выхода, разорвал стенку гидростата, — перебил Савич.

— И вырвавшимся паром сорвало легкую верхнюю надстройку, — продолжал Тюменев.

Архимед уже поднялся на верхнюю площадку и сообщил Тюменеву:

— Все стороны целы. Парашют выполнил свое назначение прекрасно. Он лежит на воде, почему-то не тонет и даже совершенно сух. От водяной планетки, конечно, не осталось и следа. Она испарилась, а рыбы сторели. Гидростат погружен почти до верхней надстройки и немного наклонен. Поверхность воды совсем близка.

— Можешь достать рукой? — спросил Тюменев.

— Попробую, — ответил Архимед. — Странно. Возле самой стенки гидростата я вижу какие-то наплывы. словно застывшая вода...

— Ну, что же дальше? Что там еще? — нетерпеливо спросил Тюменев.

— Странно! Море на Бете липкое, как столярный клей, твердое и косматое.

Тюменев, а за ним и Савич поднялись на верхнюю площадку гидростата. Она была наклонена к поверхности моря градусов на двадцать. Поручни на площадке были сломаны, искривлены взрывом пара и сохранились неповрежденными только с приподнятой стороны.

— Да, парашют целехонек, — заметил Тюменев и посмотрел вверх. — А небо? Что это за небо? Я никогда не видал такого неба. Где же звезды? Где луна Беты? Вместо Млечного Пути широкая, ровная полоса, освещенная зеленовато-голубым светом. Смотрите, с левой стороны от горизонта до зенита свет довольно яркий, правая сторона в тени. С боков этой широкой полосы видны

другие полосы, как будто повыше и ярче освещенные. Голубой свет исходит, очевидно, от Голубого солнца. Но не может же солнце освещать сферу неба, да еще одну только половину, да еще полосами.

— Смотрите! Смотрите! В небе дыра!

Подняв глаза, Тюменев увидел, что в небе, как раз над их головой, действительно имеется кругловатое отверстие.

— Края дыры рваные, бахромой, а с бахромы спускаются какие-то нити, — сказал Савич.

Они помолчали в раздумье. Вдруг Архимед воскликнул:

— Хорошо, что я был осторожен и попробовал «застывшую волну» не рукою, а концом железного прута от поручней. Прут этот теперь и не вытащишь, прямо спаялся с «волной».

— Гм, да, клей. Крепчайший клей. Вот именно.

— А дальше, смотрите, вся поверхность «моря» покрыта какими-то длинными волосами или травой.

При голубом свете, который разгорался все больше, уже хорошо были видны эти «волосы». Каждый «волос» был с палец толщиной у основания, вершина же тонкая и острая, высота — не менее метра. И «море» казалось уже не морем, а беспредельной степью, поросшей «ковылем».

— Итак, мы попали не в воду, а на поверхность степи со странной растительностью. Почва здесь, наверно, глинистая, глина и смягчила удар лучше, чем это могла бы сделать вода. Я же говорил вам, что вода мягка только до тех пор, пока вы с силою не ударитесь о нее. Летчики хорошо знают это, — нравоучительно сказал Тюменев, поворачиваясь к Савичу.

— Вовсе не в глину мы попали, а в какую-то смолу, может быть, от наших сосновых досок, о которых вы говорили, — не уступал Савич.

— Клей — непонятная случайность. Кстати, о клее. «Волосы» не клейки, Архимед?

— Нет, дядюшка. Я пробовал рукою, не клейки, но имеют зубчики, и, если провести рукою сверху вниз, можно обрезать, как осокой. Нужно быть осторожным. — Архимед нагнулся, протянул руку, схватил один «волосок», притянул к гидростату и отпустил. «Волосок» отклонился назад, как пружина.

— Действительно, этот «волосок» похож на китовый ус. Итак, мы можем безопасно сойти на землю. Гоп! — Тюменев прыгнул с мостика через наплыв, но каблуком левого ботинка попал в клей и тотчас приклеился. Беспомощно задергал он ногой, но ничего не помогло.

Архимед и Савич прыгнули на землю более удачно и, ухватив профессора за руки, начали тянуть изо всей силы, как «дедка репку».

— Стойте! Вы меня оторвете, а нога останется в клею, — взмолился Тюменев.

Но осталась в клею не нога, а каблук, он щелкнул и оторвался.

— Фу! Ну и клей. В такой упадешь — пропадешь. Но все-таки, куда мы попали? А?

Вдруг между «небом и землею» начали струиться ручьи синего света. Синие клубки и ленты запрыгали, зазмеились на прутьях разрушенных поручней, сами прутья загудели, синие комочки, с легким треском, начали перескакивать от Тюменева к Архимеду, от Архимеда к Савичу. Концы пальцев засветились.

Скоро синие светящиеся ручейки и комочки словно растаяли в голубом свете.

— Идем осматривать наши новые владения! — воскликнул Тюменев и зашагал по необъятной прерии, густо утыканной «хлыстами». Почва медленно поднималась и опускалась.

— Здесь, кажется, существует хроническое землетрясение, — сказал Савич, едва поспевая за Тюменевым.

Через полчаса быстрой ходьбы путники подошли к тому краю, который казался горизонтом с темной каймой над ним, если смотреть на него, стоя возле гидростата.

В этот момент половина «небосклона» ярко осветилась великолепным сапфировым светом, а на другой половине небосклона заиграл рубиновый луч. Неосвященные места казались серебристо-серыми с фиолетовым оттенком.

— Что за красавица эта Бета! — с восхищением воскликнул Тюменев.

— Да, изумительно красивое зрелище, — сказал Архимед.

— Видали вы что-нибудь подобное? — печально проговорил Савич. — Смотрите. Брюки разорвал. Как ножом разрезала трава проклятая.

Тюменев стоял на краю «горизонта» и смотрел вверх, вниз, вдаль. Он видел неизмеримо большие полотнища, уходящие в одну сторону и «этажами» нависающие одно над другим. На расстоянии сотни метров виднелся заостренный конец одного такого полотнища. Все они медленно колебались.

— Ну-с, друзья мои, надеюсь, вы поняли, куда мы попали?

— На планету Бета, если не ошибаюсь, — сказал Савич.

— И эта планета, кажется, вся состоит из каких-то оболочек, как кочан капусты, — с улыбкой добавил Архимед.

— Вот именно, как кочан капусты, — согласился Тюменев. — И все это в высшей степени странно.

— В конце концов мы упали не в море и не в степь, а, кажется, на вершину леса, — сказал Архимед.

— Пожалуй, что так. Но какой это странный лес. Он напоминает огромные подводные водоросли, только эти еще более гигантских размеров. — Тюменев рассмеялся. — Выходит, что мы стоим на листе. Ну, что же, эта гипотеза хорошо все объясняет. Во-первых, — и он загнул палец на левой руке, — почему мы ощутили ряд ударов при посадке? Потому что эти гигантские листья упруги и чрезвычайно эластичны. Мы пробили гидростатом несколько листов и, кажется, в пятом застряли. Вот откуда, — и Тюменев продолжал загибать пальцы, — и «дыра в небе». Застывшая волна, наплыв «клея» — это, очевидно, сок растения. Того же происхождения и нити, свисающие с «неба» по краям дыры.

— А «волосы», значит, ворсинки на поверхности листа, — сказал Архимед.

— Ну, конечно. Вот именно. Так оно и есть. И если подумать, все это совсем уж не так необычайно. Ведь и у нас в океанах растут гигантские водоросли. Здесь же такие ламинарии, но еще больших размеров, растут на поверхности. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что атмосфера на Бете плотнее земной, а тяжесть значительно меньшая, влажность и температура выше. Разные условия и создали иной растительный мир.

— Да, и нам нужно будет так или иначе сбросить вниз гидростат, — заметил Архимед. — Ведь в нем находятся запасы пищи. Неизвестно, что мы най-

дем на планете и чем будем здесь питаться.

— Но ведь, если мы не найдем на нашей планете ничего съедобного, если ваша Бета будет настолько негостеприимная, что не накормит нас, то... — Савич не успел договорить, Тюменев перебил его:

— То мы умрем с голоду. Вот именно. Кто о чем, а Савич о семидесяти семи смертях, отовсюду нам угрожающих.

— И как же мы сойдем вниз, — не унимался Савич. — Не станем же мы прыгать, как кузнечики, с листа на лист, хотя здесь мы весим и меньше, чем на Земле.

— Стойте! Смотрите! Это что еще такое?

Все оглянулись и застыли от удивления.

Яркий изумрудный свет заливал прерию. Она тихо покачивалась. Через коричневый ковер протянулась цепочка. Каждое звено этой цепочки было похоже на большую жемчужину, отливающую матовым червонным золотом. Все эти «жемчужины» пересекали коричневую прерию, направляясь из теневой стороны к ярко освещенной.

Молчание длилось несколько минут.

— Они движутся. Живые существа. Наверно, насекомые, — тихо и взволнованно сказал Тюменев.

Глава 17

На листе-самолете

План работ был таков: освободить гидростат, плотно вклеившийся в пробойную гигантского листа, сбросить вниз и спуститься самим. Работа была трудная и опасная: того и гляди влипнешь в вытекающий густой клейкий сок. Работали ручной пилой, топором и киркою. На очистку инструментов от клея уходило больше времени, чем на саму работу. Несмотря на всю осторожность, костюмы и руки у всех были перепачканы клеем. И после многих часов работы гидростат еще находился на старом месте.

Во время этой работы удалось сделать интересное открытие. Мясистый лист имел в толщину восемьдесят сантиметров. Несмотря на то что на Бете все тела весили меньше, чем на Земле, трудно было понять, каким образом эти гигантские толстые, широкие и длинные листья держатся на воздухе. Их стволы или черешки находятся где-то вдали, и, конечно, черешок не может поддержать лист, имеющий около километра ширины и несколько километров длины. И вот оказалось, что внутри мясистой массы листа находится множество мешков, или, вернее, пузырей, наполненных газом, — водородом, — как определил Тюменев.

— Удивительно интересный пример приспособления, — сказал Тюменев.

— Да, занятно. Каждый лист — своего рода ковер-самолет, — заметил Архимед.

Когда, отдохнув, люди явились к месту работы, они с огорчением увидели, что их труды пропали даром: наплывший сок целиком заполнил прорубленное возле гидростата отверстие... Все стояли молча, думая, что делать дальше.

— Профессор, мне пришла в голову мысль, и, кажется, неплохая! — вдруг воскликнул Савич. — Я думаю, нам нужно изменить план наших работ, — начал Савич. — Мы предполагали освободить гидростат и сбросить его вниз. Но

это оказалось труднее, чем мы ожидали. Притом сразу же на землю — будем называть почву Беты по-земному — нам сбросить не удастся. Гидростат упадет на нижележащий лист. Нам придется по черешку и стеблю перебираться на этот лист и повторять эту работу сызнова. И так лист за листом. А сколько их внизу? Ведь земли мы не видим, только листья да листья. Кочан капусты, как правильно сказал товарищ Турцев. С большими усилиями, быть может, через несколько дней, мы сбросим гидростат на землю и спустимся туда сами. Дальше что? Этот лес тянется, по-видимому, на многие десятки, а может, и сотни километров. Если в этом лесу нет пищи, мы принуждены будем находиться вблизи гидростата, по крайней мере, пока не истощатся его пищевые запасы, или же идти на риск, а именно: захватив с собою небольшое количество продовольствия, идти разыскивать выход из леса. Наконец, ваши астрономические наблюдения, профессор. Ведь ради них главным образом мы и прибыли сюда. Над нашей же головой не небо, а какие-то полотнища. Не будете же вы, простите, как букашка, лазать на самый верхний лист, чтобы поглядеть на небо!

— Но у нас нет другого выхода. Мы должны спуститься. Что же вы предлагаете взамен? — спросил Тюменев.

— Бросить эту работу, пока гидростат еще не провалился на нижележащий лист, — ответил Савич.

— Бросить работу проще всего. А вот дальше что? — нетерпеливо спросил Тюменев.

— А дальше нам надо будет найти черешок, которым наш лист прикреплен к стеблю, перерубить черешок — это легче и скорее, чем вырубать из листа гидростат, — и затем... затем пусть наш лист летит по воле ветра, если он действительно лист-самолет. А ветра достаточно. Нас вынесет из леса на открытое место.

— Гм... гм... А ведь это не глупо. Молодец, Савич. Только, позвольте, а как же мы будем опускаться, когда найдем нужным это сделать?

— Опускаться?... — Савич смутился. — Можно будет... понемногу отрезать часть листа... Количество водородных пузырей уменьшится...

— Но одновременно уменьшится и вес нашего листа-самолета, — возразил Тюменев, — а при его огромных размерах нам, пожалуй, придется работать слишком долго, прежде чем...

— Я думаю, простите, дядюшка, я перебиваю вас, нам удастся опуститься вниз. Как вы полагаете, чем объясняется плавное покачивание листа? Ветром? Не думаю. Скорее всего это покачивание зависит от состояния газа, заключенного во внутренних пузырях. Когда лучи солнца падают на лист и нагревают его, газ расширяется, его подъемная сила увеличивается. Закрывает солнце облака, наступает тень, лист, а вместе с ним и водород охлаждаются, и лист опускается. Разве вы не заметили этой закономерности?

— Пожалуй, ты прав, но только не вполне, — возразил Тюменев. — Заметь, мы прилетели на заре, в утреннем холодке, а листья не лежали на земле, как должно было быть по твоей теории. Ведь ты что хочешь сказать? Что, когда наступит ночь с ее прохладой, газы сожмутся и лист сам опустится? Так, но ты забываешь о теплоте здешнего воздуха. Ведь эта Бета очень молодая и горячая планета.

— Ну тогда мы сделаем вот что, — не сдавался Архимед. — Тогда мы начнем

протыкать наш лист-самолет железными прутьями от поручней. Водород, как газ более легкий, будет вылетать из образовавшихся отверстий...

— Грузоподъемная сила листа-самолета будет уменьшаться, и мы опустимся. Правильно, — заключил Тюменев.

Все принялись за новую работу. Пришлось идти далеко против ветра в поисках черешка и стебля. На это путешествие ушло несколько часов. Стебля, на котором росло бы несколько листьев, так и не нашли. Оказалось, что лист постепенно суживался и переходил непосредственно в стебель, уходящий в почву.

Не обошлось без приключений. Архимед наступил ногою на жидкий сок, поскользнулся и упал с листа, увлекая за собой нити сока. Сок этот застывал чрезвычайно быстро, и Архимед оказался висящим между двумя листьями, как паук на паутине. И ему пришлось повисеть, пока «паутина» совсем перестала быть липкой. Тогда Тюменев и Савич втащили его на лист.

Воздушное путешествие продолжалось весь день и доставило немало хлопот. Когда прорезавшийся голубой солнечный луч нагревал лист, «самолет» поднимался к верхнему листу, и путникам угрожала участь быть стертými между двумя листьями, как зерну между жерновами. Они спешили укрыться в гидростате. Когда же лист вплывал в очень густую тень, водород, заключенный в листе, сжимался и лист опускался, гидростат начинал скрести днищем по поверхности нижележащего листа, как пароход на мелководье. Иногда лист зацеплялся за другие листья. Приходилось освобождать его, отталкиваясь.

Только поздно вечером, в густые синие сумерки, лист-самолет покинул пределы бесконечного леса. Тюменев с нетерпением ожидал увидеть открытое небо, но его постигло разочарование. Откуда-то появились тучи и покрыли собою все небо. Стало почти темно и довольно прохладно. Неожиданно начался ливень. Легкий толчок известил о том, что намокший и охлажденный лист коснулся почвы.

— Вот только когда мы наконец опустились на планету по-настоящему! — воскликнул Тюменев. — Ну, еще раз здравствуй, Бета! Поздравляю вас, товарищи, с благополучным прибытием. Благодарю вас, капитан Савич. Самый опытный аэронавт не сделал бы лучшей посадки.

Савич не знал, обидеться ли ему или рассмеяться, и уже хотел сказать, что он тут ни при чем, но Тюменев не дал ему говорить.

— Банкеты устраивать некогда. Если мы сейчас же не освободим гидростат от листа, нас опять, как только потеплеет, поднимет на воздух и унесет. Кончим эту работу, сообщим на Землю последний отчет, и тогда спать, спать.

Савич, падая от усталости и засыпая, что-то рубил, поднимал, тянул, перекладывал, наконец свалился на койку и тотчас уснул.

А Тюменев еще ворочался некоторое время. Он думал о том, не являются ли необычные листья каучуконосами. Их сок напоминал каучук... Вот бы... такие растения на Землю...

И он уснул.

Глава 18

Калейдоскоп

Тюменев проснулся внезапно, словно его кто в бок ударил: засыпая, он внушил себе спать не более трех часов. Нельзя же проспять всю ночь и не увидеть звезд! Ночным небом нужно дорожить, тем более что Бета, проходя свой путь по орбите, скоро Скажется между двумя солнцами, и тогда на четверть года прощай, ночное небо. Днем Бета будет освещаться Голубым солнцем, а ночью отворачиваться к Красному. Но эта «красная ночь» будет ярче голубого дня.

Не зажигая огня и стараясь не шуметь, чтобы не, разбудить спящих, — напрасная предосторожность! — Тюменев ощупью добрался до трапа. Гидростат лежал на боку, и по трапу пришлось лезть на четвереньках. Вот и пролом. Астроном вышел наружу.

В лицо ему пахнул свежий ночной воздух, наполненный крепчайшим запахом сена и неведомых горько-сладковатых ароматов. Тюменев взглянул на небо и вскрикнул, как человек, который увидел лицо друга после долгой разлуки: сначала удивился, как оно изменилось, потом, вглядевшись, начал находить старые, знакомые черты.

Все небо светилось, словно изумруд. В южной части оно было темнее и синее, в северной — чуть-чуть окрашено в розоватый цвет. Высоко в небе стояла фиолетовая луна.

Из-за горизонта всплывал огромный месяц. Верхний конец рота был тускло-красный, как раскаленное, но уже остывающее железо, нижний — сине-зеленоватый.

Созвездия были как будто те же и не те. Одни словно растянулись, другие сжались, и все немного сдвинулось со своих мест.

Старый астроном смотрел, смотрел и не мог наглядеться и не заметил, как наступило утро. Побледнело небо, выцвели звезды, померкли луна и месяц. На востоке небо налилось ярким голубым светом, и вдруг из-за горизонта поднялось ослепительное сапфировое солнце.

Тюменев посмотрел на свои руки, на гидростат — все было голубое, а тени лиловатые.

Но вдруг к голубому цвету начал примешиваться розовый, затем красный. Небосклон начал принимать фиолетовый оттенок. Из-за горизонта показалось второе солнце — Красное. От смешения голубых и красных лучей этих солнц и получался фиолетовый оттенок неба.

— Изумительно! Прекрасно! Бесподобно! — продолжал восхищаться Тюменев.

Жмуря глаза, к Тюменеву подошли Архимед и Са-вич.

— Это что такое? — воскликнул Архимед. — Как это понять? Смотрите, дядюшка. Два солнца светят и греют всюду, жара тропическая, а наш лист-самолет и не думает взлетать. Почему?

— Потому что он вянет. И сеном прелым от него пахнет, чувствуете? Я думаю, что и вчера мы опустились совсем не оттого, что лист намок и охладился, а потому, что он начал вянуть. Я смотрел на другие листья леса. Они ночью и не думали опускаться. Этот лист мы отрубили от стебля, он стал вянуть, эла-

стичность и напружиненность его клеток ослабли, клетки стали дряблыми и начали пропускать водород, который легко разрывал гниющие ткани и выходил наружу. Вот, я думаю, и весь секрет.

— Дядюшка, простите меня, но сегодня я не склонен к научным анализам. Мне хочется просто любоваться красотами здешней природы. Вы, — какое удивительное освещение, — вы, дядюшка, с одной стороны сапфировый, а с другой — рубиновый. У Савича, смотрите, фиолетовые руки.

— Изумительно!

— Наши тени, заметьте, двойные: одна фиолетовая, другая зеленоватая. А поглядите на этот лес гигантских «водорослей». Странно, вчера его листья и наш лист-самолет казались мне бурыми, а сегодня они темно-вишневые.

— Кроме нашего умирающего листа, который стал темно-синим. Как быстро идет здесь процесс гниения.

— Помнится, вчера мы опустились на ровном месте, на пустой поляне, где не было ни травинки, а сейчас мы находимся среди цветов, — сказал Савич. — Неужели они выросли за одну ночь? А ведь каждый цветок больше меня ростом. И какие вычурные формы, какие яркие цвета.

— Ну вот, теперь вы сами восхищаетесь, а всю дорогу скулили, — проворчал Тюменев.

— Я и сейчас предпочел бы этой роскоши наш скромный ландыш, — ответил Савич и, вздохнув, прибавил: — От всей этой пестроты красок и яркости света у меня в глазах рябит и голова кружится.

— Смотри, Архимед, полюбуйся на ошибку Аркусова, — прервал Савича Тюменев, показывая на горизонт. — А снег-то на Бете все-таки есть. Хотя вершины и не белые, а бледно-фиолетовые, но блестят, как снег. То есть снег-то, наверно, белый, но освещен двойным солнцем и кажется фиолетовым. Сколько оттенков...

— Да, вижу. Но обратите внимание, дядюшка, ваш снег лежит не только на вершинах гор... если только это снег, в чем я очень сомневаюсь. Уж слишком ярко блестит. Да и не может быть снега у подошвы горы.

— Но если не снег, то что же?

Архимед пожал плечами и ответил:

— Не знаю. Я предпочел бы, чтобы они были сахарные или мучные. У нас осталось совсем мало продуктов.

— Да, неплохо было бы поймать пару хороших налимов или подстрелить пару уток, — сказал Савич. — Но, к сожалению, Бета не очень гостеприимная хозяйка.

— Попросту она не имеет этих вкусных вещей, — заступился за Бету Тюменев.

— Или же скрывает их, — заметил Архимед.

— Ну, может быть, растительный мир будет к нам добрее. — И Тюменев показал рукою на заросли цветов.

— Я сейчас пойду поищу в этом лесу цветов, — вызвался Савич, но не успел он отойти на несколько шагов, как исчез из виду, словно провалился.

Тюменев и Архимед окликнули его. Савич отозвался — его спокойный голос звучал совсем близко, но самого не было видно.

— Что с вами, Савич? Где вы? — крикнул Архимед.

— В чем дело? — в свою очередь крикнул Савич. — Все в порядке.

— Что за ерунда! — воскликнул Тюменев. — Ты его видишь, Архимед?

— Вижу. Это великолепный оптический обман!

И вот они увидели Савича оба: тот словно состоял из четырех ног. Одна пара ног как будто шла по земле, а другая, поставленная на туловище подошвами вверх, повторяла эти движения в воздухе, как отраженная в зеркале. Вслед за удивленным криком Тюменева ноги повернулись и пошли назад. Плылся голос Савича:

— Да в чем же, наконец, дело, товарищи? Куда теперь вы пропали?... — А еще через несколько секунд он воскликнул: — Я вижу ваши ноги... Много ног, словно вы стали на голову... А теперь совсем ничего не вижу.

Архимед и Тюменев в свою очередь перестали видеть изображение ног Савича. Но через несколько минут он сам предстал перед Тюменевым и Архимедом.

Тюменев подошел к Савичу, ощупал его и сказал:

— На этой шальной планете глазам нельзя верить. Вот теперь я знаю, что это живой Савич, с головой, руками и ногами, а не оптический обман.

— Я видел вас, как, наверное, рыбы «видят» человека из-под воды. Погруженного наполовину, — сказал Савич.

— И мы все видели в этом же роде, — ответил Тюменев.

— Но я видел и еще более удивительные вещи, — продолжал Савич. — Я подошел к одному цветку и, к удивлению, заметил, что он удаляется от меня, подошел к другому — та же история. А когда я дошел до холма, он был пуст. Ни одного цветка не росло на нем, и я даже не заметил, куда они девались.

— Вот как! — забеспокоился Тюменев. — Цветы, говорите, сбежали, исчезли, а холм остался? Это уже не только оптика. Тут что-то другое. Быть может, маскировка? А? Представьте себе, что любопытствующие жители Беты подходили к нам, замаскировавшись цветами. Как вам это нравится? Или, быть может, здешние живые существа обладают способностью к необычайной мимикрии? Трансформации... Как они исчезли, объяснить проще: оптика, свойства атмосферы... Миражи, тайны, непонятные вещи на каждом шагу. И надо много времени, чтобы раскрыть все эти тайны.

— Тайны и неведомые опасности, — сказал Савич. — Здесь можно потеряться и заблудиться в двух шагах друг от друга. За каждым цветком, быть может, здесь скрывается страшное чудовище, готовое растерзать нас...

— Трус вы несчастный. Нытик. Вот именно! — необычайно резко прикрикнул на Савича Тюменев. — Только о драгоценной персоне своей и думаете.

Савич замолчал. Тюменев засопел носом, нахмурился, потом, махнув рукой, заговорил своим обычно сердито-добродушным голосом:

— Ну, простите старика-ворчуна, не обижайтесь. Погорячился. Вот именно. Нехорошо вышло. Грубо. Нервы расходились. И этот приторный запах раздражает.

Глава 19

Глава с плохим началом и хорошим концом

Тюменев сосредоточенно налаживал двустороннюю радиосвязь с Землей. Все последние дни радиостанция работала неисправно. «Ионосфера» Беты вообще была капризна, с третьего же до шестого июня устанавливать связь с Аркусовым удавалось только урывками.

Аппарат свистел, трещал, завывал. Иногда неожиданно слышалась отрывочная фраза. Кто-то где-то с кем-то разговаривал. Иногда доносился сигнал бедствия.

Тюменев тяжело вздохнул. Он сам сейчас нуждался в помощи, но не посылал в эфир сигналов бедствия: ему никто не мог прийти на помощь...

— Наконец-то! — воскликнул старый профессор, услышав знакомый голос Аркусова.

— Здравствуйте, дорогой мой Ар кусов. Почему последнее время вы говорите на волне другой длины? Разве абастуманийская станция изменила старой волне?

— Об этом вы скоро узнаете, Иван Иванович, — отвечал Аркусов.

— У меня есть к вам тысяча вопросов, Аркусов, но боюсь, что наша радиосвязь опять прервется, а мне нужно сообщить вам о многих важных и, увы, печальных вещах...

Аркусов, я совершил очень нехороший, несправедливый поступок, и это угнетает меня... У нас большое несчастье и вообще невеселые дела. Но об этом позже... Сегодня я бессвязно говорю, нервы не в полном порядке, а правильной сказать, в полном беспорядке. Здесь слишком много раздражающего нервы... и потом этот печальный случай и все невзгоды последних дней...

Я уже сообщал вам, что атмосфера здесь пересыщена электричеством. Бывают часы, когда тут все трещит, к чему ни притронешься, когда огоньки танцуют на каждом листе, на острие каждой травинки и из кончика собственного носа вылетают искры.

Это раздражает. Раздражают пряные, острые запахи цветов и гниющих растений, раздражает фантасмагория оптических миражей, но больше всего действует на нервы здешнее освещение, хотя оно и волшебно красиво. Немудрено, что нервы здесь все время натянуты, и иногда не сдержишься...

Между прочим, мы были свидетелями... Алло! Алло! Опять оборвалось. Вот ерунда! Алло! Алло! Вы слышите, Аркусов? Так, так. Продолжаю.

Нам удалось наблюдать интереснейшее явление — «затмение солнцем». Наше Сапфировое солнце закрыло собою Красное.

Но Савич был прав: все краски здесь очень резки, все слишком ярко, грубо, театрально. Словно двумя цветными прожекторами освещают пышную декорацию. Все это раздражает нервы, и иногда невольно... но об этом после...

Мы сделали много первоклассных и даже сенсационных астрономических открытий, о них вы знаете. Но планету Бета мы изучили, к сожалению, очень мало. Почему? Сейчас объясню.

Мы нашли здесь воду, но не нашли пищи: за все время мы не встретили ни одного существа, похожего на птицу или животное, не нашли питательных веществ и среди растений. Ходить далеко на разведку мы опасались: здесь в

пяти метрах расстояния можно потерять друг друга из виду при кажущейся полной прозрачности атмосферы. Волей-неволей приходилось находиться вблизи гидростата с его запасами пищи.

Я уверен, что здесь есть и питательные растения, и многочисленные животные, рыбы, быть может, есть и высшие разумные существа, но мы не видим их. Они хорошо укрываются от нас, пользуясь необычайными оптическими свойствами здешней атмосферы и, вероятно, не менее необычайными способами маскировки.

Иногда мы ясно слышали шорох подкрадывающихся шагов, слышали ритмические шумы словно тяжелого дыхания, но никого не видели.

Как много можно было бы сделать интереснейших открытий, если бы наша экспедиция была лучше снабжена всем необходимым для подобного рода исследований! Но вы знаете, что это было невозможно.

Жаль, очень жаль, что на этом приходится заканчивать нашу работу...

— То есть как это заканчивать, Иван Иванович? — спросил Аркусов. — Ведь вы же с Архимедом и Савичем продолжаете и будете продолжать ваши наблюдения?

Тюменев тяжело вздохнул и сказал:

— Увы, всему приходит конец, Аркусов. Мы уже потеряли Савича, и эта потеря очень огорчает меня. Вы себе не можете представить, как я опечален, тем более что я... я был очень несправедлив к нему...

Бедный Савич! Я считал его малодушным человеком, паникером, трусом, а между тем в нем была душа героя. Вот именно. Он был только слишком впечатлительным и не умел или не хотел, по правдивости своей натуры, скрывать своих настроений и ощущений. И я, наверно, и Архимед, во время путешествия не раз трепетали за свою жизнь и в глубине души праздновали труса. Но только мы об этом молчали, а Савич откровенно говорил.

И как это нехорошо вышло. Я грубо назвал его трусом, чуть ли не шкурником, а он... слушайте, что сделал этот маленький человечек, охавший и стомавший всю дорогу...

Однажды мы подсчитали запасы своих продуктов и пришли к очень неутешительным выводам: даже если мы убавим суточный рацион наполовину, то нам хватит не более чем на двадцать дней. А дальше? Что будет дальше, всем нам было ясно. Вечер прошел невесело, и мы молча разошлись по своим койкам.

А проснувшись на другой день рано утром, мы с Архимедом обнаружили исчезновение Савича. На его койке лежала записка. Вот ее содержание:

«Дорогой профессор! Ваша жизнь дороже моей, и я решил уйти, оставив вам свой паек. Савич».

Вот и все. Савич был достойным сыном нашей великой Родины. Он ушел и, конечно, погиб. Боюсь, что вслед за ним погиб и Архимед. Он категорически отказался разделить со мною паек.

— Пойду настреляю вальдшнепов на обед. — И вышел с ружьем, напевая песенку. Я понял все и бросился за ним, но он уже словно растаял в воздухе.

Рискуя заблудиться, я бросился в том направлении, куда ушел Архимед, но заблудился в самом деле и только к вечеру совершенно случайно набрел на наш гидростат.

На этом и кончается печальная повесть, — закончил Тюменев. — Друзья и

помощники погибли, я остался один на далекой планете. Это тяжело, Аркусов, но надо быть мужчиной. У меня осталось пищи на три-четыре дня. Постараюсь эти последние дни использовать наилучшим образом для научных наблюдений...

— Когда мы с вами увидимся, вы мне лично доскажете остальное, — услышал Тюменев голос Аркусова.

— Плохие это шутки, Аркусов, — ответил Тюменев. — Все шутите...

— Я вам скоро докажу, что и Аркусов может говорить серьезно, — возразил Аркусов. — Пусть ваша радиостанция посылает в мировое пространство непрерывные сигналы!

— Что вы там еще выдумали, Аркусов? — недоверчиво спросил Тюменев, однако наладил автоматическую радиостанцию и вышел из гидростата.

Красное солнце еще не всходило, Голубое заливало небо и Бету ярчайшими сапфировыми лучами. «Театральная декорация с театральным освещением», — подумал Тюменев и вдруг увидел на небе темную точку, которая быстро увеличивалась в размерах.

— Гм, гм... совершенно непонятный феномен, — пробормотал он, с любопытством наблюдая, как темная точка пересекла рубиновый месяц на фиолетовом небе.

Дальше произошло Необыкновенное.

Точка разрослась до огромных размеров, наполнила воздух шумом, гулом, свистом и опустилась невдалеке от гидростата. После этого шум еще долго не утихал и даже усиливался.

И вдруг... — или Тюменеву пригрезилось? — он услышал голос Аркусова, зовущий его:

— Иван Иванович! Иван Иванович! Откликнитесь!

— Что за ерунда? Бред? Галлюцинация?

Но голос Аркусова раздавался совершенно отчетливо и совсем близко.

— Это вы, Аркусов, зовете меня? — откликнулся наконец Тюменев. И вдруг увидел перед собою Аркусова.

Аркусов так крепко обнял старого астронома, что тот едва не задохся.

— Зачем же вы душите меня? Вот шалый! Прямо шалый, — ворчал Тюменев, а сам едва не плакал от радости.

— Неужели это мне не пригрезилось? А? Аркусов! Вы? Давайте теперь я вас пощупаю. Может быть, вы оптический обман, галлюцинация расстроенного воображения... Нет, как будто настоящий... Но каким чудом?

— Не чудом, Иван Иванович, а, так сказать, на законном научном основании... Ах, дорогой мой профессор! Вы не можете себе представить, как меня мучила совесть из-за того, что я смалодушничал и отказался лететь с вами. И потом я не мог примириться с тем, что вы навсегда покинули нашу Землю... Елена Гавриловна все глаза проплакала — она скоро поняла, а может быть, и с самого начала догадывалась, что вы отправились в такую экспедицию, из которой не возвращаются. Но все-таки она молодец у вас. Слезы катятся, но ни одной жалобы. «Так было надо!» — говорит. Ну, вот. Все, все на Земле заволновались, даже пионеры писали статьи о том, чтобы организовать специальную экспедицию для вывоза профессора Тюменева и его спутников с Беты обратно к нам. Я поехал в Москву по этому делу и там узнал, что правительство уже давно готовит эту экспедицию.

— Но как же так? Какая экспедиция? На чем вы летели? — забрасывал вопросами Тюменев.

— Все расскажу, Иван Иванович. Тут вам повезло. Вскоре после вашего отлета случилось у нас на Земле событие необычайной важности, хотя о нем долго никто не знал. Помните московского молодого ученого Синицына — он к нам в Абастумани отдыхать приезжал и рассказывал о своей новой электронной пушке? Так вот, этому Синицыну удалось-таки овладеть атомной энергией.

— Неужели? — воскликнул Тюменев. — Ведь это же колоссальный переворот!

— И не говорите, Иван Иванович. Земли не узнаете. Вся техника верхнем перевернута. Мощные «Днепрогэсы», можно сказать, в жилетном кармане. Тысячесильные карликового размера двигатели. Поезда небывалой длины, грузоподъемности и быстроты. Одним словом, могущество человека сделалось почти беспредельным. Стали возможными и межпланетные путешествия. Да еще с какою скоростью!

Я ведь уже давно говорил с вами не с Земли, не из Абастумани, а с ракеты во время полета. Вот почему я просил вас давать радиосигналы. У нас такие аппараты, что по этим сигналам мы точнейшим образом спустились на месте вашего здешнего жительства. Капитан даже опасался, как бы не сесть вам на голову.

— Так покажите же скорее вашу ракету! — нетерпеливо воскликнул Тюменев. — Вот уж поистине неожиданность!

— Видите, Иван Иванович, какие дела, а вы говорите... Признайтесь, что, наверно, по старой памяти болтуном назвали меня. Ну, идемте! — И на ходу он продолжал объяснять:

— У нас на ракете и людей много, и запасов пищи, и инструментов. Если Савич и Архимед еще живы, мы разыщем их во что бы то ни стало.

— Едва ли они живы, — вздохнул Тюменев.

— А почему бы и нет? Разве вы сами не допускали возможности, что на Бете должны быть питательные вещества растительного и животного происхождения, только вам не удавалось найти их, так ведь вы почти куда и не ходили. Теперь мы всю планету обшарим, во все уголки заглянем, все ее тайны и секреты откроем.

И Аркусов вновь, обняв Тюменева, воскликнул:

— Дорогой мой профессор, но как же я рад вас видеть!

— Ну, ну, опять давить будешь, — ворчал Тюменев, незаметно для себя переходя на ты. — И так уж все соки из меня выжал. Вот именно! Видишь? — И Тюменев смахнул с ресницы слезу.

Каждый год 6 мая — день возвращения на Землю, — по установившемуся обычаю, в Абастумани собирались все участники полета на планету Бета: профессор Тюменев, Архимед, Савич и многочисленные члены «спасательной» экспедиции во главе с Аркусовым.

За большим чайным столом председательствовала Елена Гавриловна. Счастье омолодило ее.

Начинались бесконечные воспоминания. Гости и научные сотрудники обсерватории с интересом слушали рассказы Архимеда и Савича об их приключениях на Бете и о том, как им удалось сохранить жизнь.

Архимеда не очень-то легко было упросить рассказывать о своих приключениях, зато Савич охотно и подробно описывал свои приключения.

... — И вдруг, можете себе представить, орхидея подвинулась ко мне и уже раскрыла замысловато скрученные сине-зеленые с золотистыми крапинками лепестки, с явным намерением схватить меня этими лепестками. Но я, конечно, не растерялся... — с воодушевлением говорил Савич, размахивая для большей картинности руками.

Девушки с восхищением смотрели на него, как на бесстрашного героя. Тюменев слушал и добродушно улыбался. Он уже знал настоящую цену Савича — человека с маленькими, легко заметными недостатками и большими скрытыми достоинствами.

Борьба в эфире (роман)



Глава первая В ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Я сидел на садовом, окрашенном в зеленый цвет плетеном кресле у края широкой аллеи из каштанов и цветущих лип. Их сладкий аромат наполнял воздух. Заходящие лучи солнца золотили песок широкой аллеи и верхушки деревьев.

Как я попал сюда, в этот незнакомый сад? Я напрягал память, но она отказывалась служить мне. Только вчера, а может быть, и всего несколько часов тому назад была зима, канун Нового года. Я возвращался со службы домой, из Китай-города в Москве к себе на квартиру. Обычная трамвайная давка. Сердитые пассажиры. Все такое привычное. Пришел домой и уселся у письменного стола в ожидании обеда. На столе стоял передвижной календарь и показывал 31 декабря.

С НОВЫМ ГОДОМ!

НЕ ЗАБУДЬТЕ КУПИТЬ КАЛЕНДАРЬ НА 19... ГОД —

было напечатано на этом листке.

«А ведь я действительно забыл купить», — подумал я, глядя на календарь. Все это я помню хорошо. Но дальше... Что было дальше? Я, кажется, надел по привычке наушники моего самодельного радиоприемника «по системе инженера Шапошникова», чтобы успеть до обеда послушать несколько радиотелеграмм ТАСС, — москвичи научились «уплотнять время». Помнится, тягучий голос передавал телеграмму о войне в Китае. Но дальше в моей памяти был какой-то провал. Она отказывалась служить мне. Не мог же я проспать до лета?! Что все это значит? Загадка! В конце концов мне ничего не оставалось больше, как примириться с происшедшей переменой.

«Если это сон, то интересный, — подумал я. — Будем смотреть».

Но это не могло быть сном. Слишком все было реально, хотя и необычайно странно и незнакомо.

По широкой аллее, уходящей лентой в обе стороны, ходили в разных направлениях люди. Почти все они были молоды. Стариков, бредущих дряхлой походкой, я не видел. Все были одеты в костюмы, напоминавшие греческие туники: широкая, опоясанная рубашка, доходившая до колен, открытые руки

и грудь. Этот костюм был прост и однообразен по покрою, но в каждом было нечто особенное, очевидно отражавшее вкус носителя. Костюмы отличались один от другого цветом. Преобладали нежные тона — сиреневые, бледно-палевые и голубые. Но были туники и более яркой окраски, с узорами и затейливыми складками. Ноги жителей неизвестной страны были обуты в легкие сандалии. Головы с стриженными волосами — непокрыты. Все они были пропорционально сложены, смуглы от загара, здоровы и жизнерадостны. Среди них не было ни толстых, ни худых, ни чрезмерно физически развитых. И, правду сказать, я не всегда мог разобрать, кто из них юноша, а кто девушка.

Особенно поразила меня одна их странность: одинокие люди шли, о чем-то разговаривая, хотя вблизи никого не было, смеялись, отвечали на вопросы кого-то невидимого. Каждый держал около своего рта левую руку, как будто желая прикрыть его.

«Может быть, они сумасшедшие? И этот парк находится при лечебнице?» — подумал я. Но тогда здесь должны быть сиделки, врачи, сторожа, которые присматривали бы за больными. Однако белых халатов не было видно. Некоторые проходили довольно близко около меня, иногда я слышал обрывки их одиноких разговоров. Но они говорили на каком-то незнакомом языке. Где же, в конце концов, я нахожусь? И отчего они все смотрят на меня с таким удивлением? Я, кажется, вполне прилично одет в костюм от «Москвошвея»...

Рядом со мной было свободное кресло. Я хотел и одновременно боялся, что кто-нибудь подсядет ко мне, старался не привлекать к себе взглядов этих людей. Сидел с независимым видом и слушал мелодичную музыку, которая доносилась из стоявшей неподалеку от меня статуи Аполлона.

Не знаю, долго ли я просидел бы еще в таком одиночестве, если бы не случай, который привел меня к более близкому соприкосновению с этим новым миром. Совершенно пустячный случай: мне захотелось курить. Я вынул коробку папирос «Люкс» и закурил. Это невинное занятие произвело совершенно неожиданный для меня эффект.

Несмотря на то что все эти юноши (или девушки) были, по-видимому, очень сдержанными, они вдруг целой толпой окружили меня, глядя на выходящий из моего рта дым с таким изумлением, как если бы я начал вдруг дышать пламенем. Они о чем-то начали горячо говорить между собою на своем языке. Я невольно смутился, но постарался сохранить непринужденный вид и даже заложил ногу на ногу.

Наконец один из них отделился от толпы, приблизился ко мне и спросил:

— Kiu vi (Киу ви)?

«Ви» — очень похоже на «вы». О чем они могут спрашивать? Конечно же о том, кто я. Не эсперанто ли это? Как досадно, что я не изучал эсперанто.

— Я русский, из Москвы.

Спрашивавший обернулся к толпе, и они опять о чем-то заговорили. Поняли ли они меня? Поговорив, они вдруг замолчали, и тот, который говорил со мной, приложил руку ко рту. В руке его я заметил небольшой круглый черный предмет. Молодой человек держал этот предмет у рта, когда говорил. Вот оно что! Телефон! Телефон без проводов. Очевидно, радио. Во всяком случае, я попал к культурным людям. О таких успехах радио мы еще не мечтали в Москве. Но что это за страна, что за народ?

Однако у меня не было времени рассуждать. Окружавшая толпа насторо-

жила в ожидании чего-то. Некоторые нетерпеливо поглядывали на небо.

«Не ждут ли они милиционера?» — подумал я, ища глазами урну для окурков. Я не нашел ее и бросил окурочек на дорожку. Несколько человек, осторожно придвинувшись, нагнулись и с любопытством стали рассматривать окурочек.

Толпа вдруг заволновалась. Все головы поднялись вверх. Я посмотрел в ту же сторону и увидел летящую в небе точку. Точка выросла в комара, в муху — кто-то летел сюда, какое-то странное насекомое с небольшими, трепещущими крылышками. К моему изумлению, насекомое оказалось человеком. Он быстро опустился, плавно и бесшумно, рядом с моим креслом. Крылья сложились за его спиной, как у бабочки. Прилетевший был в такой же тунике, но синего цвета и из более плотной материи. На голове у человека совершенно не было волос, лицо же его ничем не отличалось от других, только несколько морщинок у его темных, умных глаз говорили о том, что он уже немолод.

— Ви русский? — спросил он меня.

«Переводчик», — подумал я.

— Да, я русский.

Я назвал свою фамилию и протянул ему руку. Этот жест, по-видимому, напугал стоявших вблизи меня, и они подались назад.

«Переводчик» удивленно посмотрел на мою протянутую руку, о чем-то подумал, улыбнулся, кивнул головой и с некоторым внутренним усилием, как будто боясь замарать свою руку, протянул ее. Эти странные люди, очевидно, не знали о том, что такое рукопожатие. Переводчик не пожал мою руку, как это обычно делается, а лишь поднес свою руку и приложил к моей ладони. Окружающие молча наблюдали эту церемонию.

— Здравствуйте, — сказал он, точно, как иностранец, выговаривая каждую букву. — Я историк. Меня зовут Эль. Мы хотим знать, кто вы, откуда вы, как и с какой целью вы прилетели сюда?

Гм... «Цель прилета». Вероятно, они не знают иного способа сообщения, кроме воздушного. Однако что я могу ответить ему?

— Откуда — я уже сказал вам. Ничего большего вам сообщить не могу, потому что и сам не знаю, как попал сюда. И мне очень хотелось бы поскорее вернуться в Москву.

— Вернуться в Москву? — Эль обернулся к толпе и, очевидно, перевел слушателям мой ответ. Послышались восклицания удивления и смех.

Я начал сердиться.

— Право, в этом нет ничего смешного, — сказал я Элю. — И я, со своей стороны, просил бы вас ответить мне, кто вы и где я нахожусь. Как называется этот город, в каком государстве он находится?

— Не сердитесь, прошу вас, — ответил Эль. — Я вам объясню потом, почему ваш ответ вызвал смех. Отвечу по порядку на ваши вопросы. Мы — граждане... — он несколько запнулся, — чтобы быть вам понятным, я скажу, что мы граждане Союза Советских Социалистических Республик.

— Эс-эс-эс-эр? — воскликнул я.

— Почти так, — улыбаясь, ответил Эль. — Город этот — если теперь вообще можно говорить о городах — называется Радиополис — Город радио.

— А Москва далеко?

— В трех минутах лета.

— Летим скорее туда, я хочу...

— Не так скоро. Вы еще посмотрите на вашу Москву. А пока нам нужно еще о многом переговорить с вами и многое выяснить. Надеюсь, что к утру все объяснится.

— Арест? — спросил я.

Эль в задумчивости поднял глаза вверх, с видом человека, желающего что-то припомнить, потом вынул из кармана маленькую книжку, перелистал ее («словарь», — подумал я) и ответил с улыбкой.

— Нет, не арест. Но простая мера предосторожности. Исключительный случай. Я объясню вам. Я прилечу ровно в полночь, то есть в десять часов.

— Значит, раньше?

— Это и будет ровно в полночь. У нас десятичный счет времени. А вас пока проводит Эа. — И Эль что-то сказал Эа. Эа, юноша, который первым заговорил со мной, подошел ко мне и, приветливо кивнув головой, жестами предложил мне идти за собой. Протестовать, возражать? Что мог я сделать, один против всех? Я пошел, едва поспевая за своим легконогим «конвоиром», как мысленно назвал я его, в боковую аллею. Встречные бросали на меня взгляды, в которых светилось удивление и любопытство. Очевидно, их поражал мой костюм. Скоро мы вышли на небольшую площадку среди дубовой рощи. В центре площадки стояло несколько маленьких авиеток неизвестной мне конструкции, с двумя пропеллерами: впереди и сверху, но без крыльев и без мотора.

Мой спутник указал на место для меня и уселся сам у управления. Я последовал за ним. Эа нажал кнопку. Верхний пропеллер почти бесшумно завертелся, и мы быстро начали отвесно подниматься. Полет наш продолжался не больше пяти минут, но, вероятно, мы достигли большой вышины, так как даже в своем суконном костюме я почувствовал холод.

Вдруг сбоку от нас показалась огромная круглая площадка, неподвижно висящая в воздухе. Мы поднялись еще выше и опустились на эту площадку. Посреди нее стояло круглое железное здание с куполообразной крышей.

Глава вторая

ВОЗДУШНАЯ ТЮРЬМА

«Воздушная тюрьма, — подумал я. — Отсюда не убежишь. Странные эти люди: не знают слова «арест», а строят такие тюрьмы, которым позавидовали бы строители Бастилии!»

Мой молодой спутник ушел, оставив меня одного. Я подошел к краю площадки, обнесенной железной оградой, посмотрел вниз и невольно залюбовался.

Здесь, наверху, еще ярко светило солнце, а внизу уже легли синие тени. Вся видимая площадка до горизонта напоминала шахматную доску, с черными клетками лесов и более светлыми — полей. Какие-то реки или каналы прямой голубовато-серебристой лентой прорезали эту шахматную доску в нескольких местах. Домов не было видно в синеве сумерек. Повернувшись вправо, я увидел нечто, заставившее меня вскрикнуть. В лучах заходящего солнца сверкали золотом главы кремлевских церквей, Иван Великий, соборы. Нет никакого сомнения: это московский Кремль. И все же это был не тот московский Кремль, который знал я... Нельзя было узнать и Москвы-реки. Ее, очевидно, выпрямили. Яузы совсем не было видно. Я напрягал зрение, пытаюсь рассмотреть Москву с этой высоты. Но Эа легко коснулся моего плеча и жестом предложил следовать за ним. Я повиновался и, вздохнув, переступил порог моей тюрьмы.

Странная, необычная тюрьма! Огромный круглый зал был залит светом. Все стены уставлены шкафами с книгами. Перед полками стоят столы с неизвестными мне инструментами, похожими на сломанные фотографические аппараты и микроскопы. А всю середину комнаты занимал огромный телескоп. Или у них особая система содержания преступников, или... или у них совсем нет тюрем, и меня поместили в обсерваторию, как наиболее надежное, трудное для побега место. Так оно и оказалось.

Ко мне подошел пожилой, но бодрый и жизнерадостный человек, с несколько монгольским типом лица, такой же безволосый, как Эль. Он радушно поднял руку в знак приветствия, с любопытством изучая меня. Я постарался скопировать его приветственный жест. Рядом с ним стояла, по-видимому, девушка, в голубой тунике. Она так же поздоровалась со мной. Затем пожилой человек указал мне на дверь в соседнюю комнату, куда я и прошел в сопровождении Эа. Эта комната была тоже круглая, но поменьше. Здесь не было инструментов. Комната была обставлена простой, но удобной мебелью и служила, очевидно, гостиной или столовой. У стены стоял небольшой белый экран из какого-то металла, в квадратный метр величиной, и около него черный лакированный ящик. Эа предложил мне сесть. На этот раз я охотно выполнил его предложение. Я чувствовал себя несколько усталым. Этого мало. Мне хотелось есть. Но как мне объяснить это?

Я просительно посмотрел на Эа, поднес руку к открытому рту и сделал вид, что жую. Эа подошел ко мне и внимательно посмотрел в рот. Он не понял меня, очевидно, подумал, что у меня что-нибудь болит. Я отрицательно замотал головой и начал выразительно жевать и глотать. Удивительно непонятливый народ! Я изоощрял все свои мимические способности. Эа с напряженным вни-

манием наблюдал за мною. Наконец он, по-видимому, понял меня и, кивнув головой, вышел из комнаты. Я вздохнул с облегчением. Но мне скоро пришлось разочароваться. Эа принес на золотом блюдечке облатку какого-то лекарства и маленькую рюмочку воды, чтобы запить это снадобье. Я сделал довольно энергичный жест рукой, выражавший мою досаду, и резко отстранил его тарелочку. Эа не обиделся, а скорее опечалился. Потом он вдруг поднес ко рту свою руку с прикрепленным к ладони телефоном и что-то сказал. Свет мгновенно погас.

«Рассердился», — подумал я.

Вдруг экран загорелся белым светом; на нем я увидел угол комнаты и сидящего в кресле Эля. Изображение было так живо, что мне показалось, будто я вижу историка сквозь открывшееся окно в соседней комнате. Эль поднялся, подошел к самому экрану и, с улыбкой глядя на меня, спросил:

— Что у вас случилось? Вы голодны? Почему вы отказались от таблетки? Ее нужно проглотить, и ваш голод будет утолен. Мы не жуем, только глотаем. Вот почему Эа и не поняла вашей мимики.

— Но я не привык к такой пище, — смущенно ответил я, удивляясь, почему Эль сказал про юношу «Эа не поняла».

— Завтра мы приготовим вам что-нибудь получше, по вашему московскому вкусу, — опять улыбнулся Эль, — а сегодня уж поужинайте таблеткой. Я буду в десять, — напомнил он.

Экран погас, свет в комнате вспыхнул.

Я, улыбаясь, кивнул головой Эа, взял таблетку, проглотил и запил водой. Таблетка была ароматичной и оставила приятный привкус во рту. Не прошло и минуты, как я почувствовал сытость и жестом поблагодарил Эа. Он улыбнулся с довольной улыбкой. Он или она? Этот вопрос интересовал меня. Все эти новые «москвичи» так мало отличаются друг от друга и по сложению, и по костюму, что трудно различить пол. Как бы мне спросить Эа? Если они говорят на эсперанто, то... надо вспомнить. В эсперанто много латинских корней. Мужчина, муж по-латыни *vir* (вир). Попробуем.

— Ви виро? (Вы мужчина?)

Эа рассмеялась, отрицательно качнула головой и шаловливо выбежала из комнаты. Кто бы мог подумать! Совсем мальчишка!

Поужинав таблеткой, я вышел на площадку. Было прохладно. По темно-синему небу разливались шесть перекрещивающихся огромных светлых полос, которые скрывались за горизонтом. Точно легкая золотая куполообразная арка покрывала землю. Это было изумительно красивое зрелище. Только гигантские сверхмощные прожекторы могли создать эти огненные реки. Когда глаз несколько привык к свету, я увидел, что по золотым рекам плывут золотые корабли — длинные, сигарообразные воздушные суда, снующие, как челноки, с изумительной быстротой.

Налюбовавшись этим зрелищем, я обратил внимание на какой-то предмет, напоминавший большой шелковый мешок. Этот мешок был укреплен на довольно высоком шесте, и от него спускалась на площадку веревка. Несколько таких мешков висело и в других местах у края площадки. Из любопытства я дернул за веревку. Вдруг, прежде чем я успел выпустить ее из рук, меня потянуло вверх. Мешок поднялся, с шумом раскрылся в огромный парашют и метнулся за борт воздушной площадки. Я похолодел от ужаса. К счастью, я заме-

тил рядом нечто вроде трапеции. Я уселся на нее и полетел в бездну.

Глава третья САМАЯ КОРОТКАЯ НОЧЬ

Это была самая короткая ночь в моей жизни — так быстро пролетела она, наполненная самыми необычайными впечатлениями.

Неожиданно сорвавшись на парашюте с площадки воздушной обсерватории, я скоро привык к своему положению летчика поневоле и с интересом смотрел вниз.

По мере того как я опускался, быстро теплело. Легкий ветер относил меня в сторону, по направлению к Кремлю. Недалеко от него я увидел рощу кипарисов, среди которой стоял прекрасный мраморный фонтан, освещенный восшедшей луной. Эти кипарисы, росшие на открытом воздухе, рядом с кремлевскими стенами, поразили меня. Но я тотчас забыл о них, привлеченный новым зрелищем. Парашют перенес меня через Кремлевскую стену, со стороны Боровицких ворот, и я опустился... на площади, покрытой снегом. Не веря своим глазам, я взял снег рукою. Это был настоящий холодный снег, но он не таял ни от окружавшего теплого воздуха, ни даже от моей горячей руки. Что за невероятные вещи творятся здесь?

Я посмотрел вокруг. Стояла необычайная тишина. Луна золотила купола церквей и зажигала синие искры бриллиантов на запорошенных снегом крышах древних теремов. В одном из них, в маленьком окошечке, со слюдой вместо стекла, светился желтоватый огонек. Но на улицах никого не было видно. У Красного крыльца стояли два бородатых стремянных в теплых кафтанах, отороченных мехом, и в меховых остроконечных шапках. Опираясь на бердыши, они дремали. Стараясь не разбудить их, чтобы вторично не подвергнуться аресту, я осторожно обошел их по скрипевшему снегу и побрел к центру Кремля, пытаясь разрешить загадку: в каком же веке я живу? Мои размышления были неожиданно прерваны Элем, который буквально свалился с неба — так быстро он опустился на своих крылышках.

— Вы наделали мне очень много хлопот, — сказал он, с укоризной глядя на меня. — Вы хотели бежать?

Я смутился и стал уверять, что все вышло случайно, из-за моего неосторожного любопытства.

Вслед за Элем спустилась на двухместной авиетке Эа.

— Ну хорошо, — поспешно ответил Эль. — Садитесь скорее, летим. По крайней мере, вы побывали в нашем музее.

— Так это был музей!

Я не успел прийти в себя, как уже вновь был водворен в небольшую круглую комнату моей воздушной тюрьмы.

Эль, Эа и я уселись в плетеные кресла у круглого стола. Эль хмурился и как будто ожидал чего-то. Послышался очень мелодичный музыкальный аккорд — словно искусные легкие пальцы пробежали по струнам арфы. Аккорд прозвучал и замер.

— Десять часов. Полночь. Это пробили радиочасы, — сказал Эль, обращаясь ко мне. Приложив руку ко рту, он задал кому-то вопрос на своем лаконичном языке. Потом кивнул головою — очевидно, на полученный ответ.

«Как же он слышит?» — подумал я, глядя на Эля.

Я заметил в его ухе, несколько ниже слухового отверстия, небольшой черный предмет, величиной с горошину. Это и был, вероятно, слуховой аппарат.

Необычное молчание и озабоченность моих спутников привели меня в нервное состояние. Я вынул коробку папирос и закурил. Эль покосился на дым и отвернулся. Эа сидела ближе ко мне. Вдруг она сильно закашляла, побледнела и откинулась на спинку кресла. Потом быстро встала и, шатаясь, вышла из комнаты.

— Перестаньте курить, — сказал Эль и, подойдя к стене, повернул какой-то рычажок. Воздух моментально освежился. Я погасил папироску и бережно уложил ее в коробку.

Дверь открылась. Вошла Ли, ассистент астронома Туна. Она подала Элю портрет и, что-то сказав, вышла. Эль кивнул головой и начал глядеть попеременно на принесенный портрет и на меня.

«Сличает, — подумал я. — Из уголовного розыска, наверно, прислали. Не хватало только, чтобы я оказался похожим на какого-нибудь преступника!»

Но слова Эля успокоили меня.

— Да ничего похожего, — сказал он, передавая мне карточку. — Только что получена по радио из Америки.

Меня поразила художественность выполнения. Лучший фотограф Москвы позавидовал бы такой работе. Но сам портрет заставил меня улыбнуться. На нем был изображен человек, костюм которого напоминал вязаную детскую «комбинацию» из шерсти. Сходство дополнял вязанный из такой же материи колпачок. Шея неизвестного была завернута шарфом до самого подбородка. Довольно большая голова без бороды и усов и даже бровей напоминала голову ребенка со старческим выражением лица. Только в несколько прищуренных глазах светился недетский ум и хищность зверька.

— Что все это значит? — спросил я у Эля, окончив осмотр портрета.

— Так выглядят американцы, — сказал Эль и взял портрет. — А дело вот в чем. Мы получили сведения, что к нам послан шпион. В этот самый момент появились вы...

— И вы решили?...

Эль пожал плечами.

— Вполне понятная предосторожность. Наступают тревожные времена. Вероятно, вновь придется создать Совет. Вам знакомо это слово?

— Разумеется. А у вас его нет?

— Уже много лет в нем не было надобности.

— А теперь?

— А теперь он вновь стал нужен. По-видимому, вы действительно человек из далекого прошлого. Со временем мы разъясним эту загадку. А пока я могу дать вам некоторые пояснения.

— Признаюсь, я многого не понимаю и очень хочу услышать ваши пояснения, но нельзя ли отложить их до завтра? Я смертельно устал, и... сон одолевает меня...

Я зевнул во весь рот. Эль с любопытством взглянул на меня.

— Неужели у вас всегда так страшно раскрывали рот, когда хотелось спать? Это называлось, кажется, зе... зе...

— Зевать.

— Да, да, зевать. Я читал об этом.

Эль вынул из кармана изящную коробочку из лилового металла, раскрыл ее и протянул мне.

— Проглотите одну из этих пилюль, и ваш сон и усталость исчезнут.

Заметив мое колебание, он поспешно сказал:

— Не бойтесь, это не наркотик, который искусственно стимулирует нервную деятельность, вроде ваших ужасных папирос. Это пилюли, нейтрализующие продукты усталости. Они безвредны и производят то же действие, что и нормальный сон.

Я проглотил пилюлю и вдруг почувствовал себя свежим, как после хорошего; крепкого сна.

— Ну вот видите. Зачем терять непроизводительно треть жизни на сон, если это время можно провести более продуктивно! Теперь вы расположены слушать меня?

— Горю нетерпением...

— Так слушайте же.

И, усевшись поудобнее в кресле, Эль начал свой рассказ:

— Много лет тому назад революционные потрясения прокатились по всей Европе и Азии. Я не буду перечислять вам этапы этой ужасной, но вместе с тем и великой эпохи. Американские капиталисты послали свой флот на помощь европейским «братьям» по классу, но флот был разбит объединенными английскими, немецкими, французскими и русскими морскими силами. Тогда испуганные американцы поспешили убраться восвояси, предоставив события в Европе собственному течению, но не теряя надежд нажить на гибели экономической мощи своих заатлантических соседей. Однако эти надежды не оправдались. Революция победила. В самой Америке начались волнения рабочих. Американские рабочие просили помочь. И мы, конечно, не отказали им в этой помощи...

Эль печально опустил голову и замолчал. Я с нетерпением ожидал продолжения рассказа.

— Но наша помощь не принесла пользы. Американская техника в это время вполне овладела новым ужаснейшим орудием истребления — лучами смерти. Отправленный нами соединенный флот так и не увидел врага: он был испепелен в открытом море невидимым противником. Никто не вернулся из этой экспедиции, кроме одной подводной лодки, которая случайно избежала действия лучей, может быть потому, что плыла слишком глубоко. Матросы этой лодки рассказывали ужасные подробности. Из своих окон, которыми снабжены наши подлодки, осветив прожектором мрак глубин океана, моряки видели падающий дождь из обломков кораблей, целые тучи рыб без головы или с наполовину сожженным туловищем, случайно уцелевшие части человеческого тела. Все обитатели моря, попадавшие в смертоносную зону, испепелялись. Вода в океане бурлила и, вероятно, на поверхности вся превращалась в пар. Даже на той глубине, на которой находилась подводная лодка, вода нагрелась так, что моряки едва не погибли. Но действие дьявольских лучей, очевидно, не только тепловое. Они разрушают ткани живого организма ультракороткими электроколебаниями.

— Это имеет связь с радиоволнами?

— Увы, это все то же радио, но примененное для целей разрушения.

— И чем же все это кончилось?

— Это было только начало. Мы попытались применить воздушный флот. В то время и у нас техника уже была высоко развита. У нас имелись воздушные суда, действовавшие по принципу полета ракет. Эти суда могли подниматься выше слоя воздушной атмосферы, то есть выше двух тысяч метров. Мы надеялись напасть на врага врасплох «с неба». Но враг был хорошо подготовлен. Очевидно, по всем границам Америки от земли вверх были направлены те же невидимые, но смертоносные лучи. Едва наши воздушные суда, сделанные из особого металла, вошли в эту занесу, как были превращены даже не в пепел, а в пар...

А десять часов спустя страшное бедствие пронеслось по всем странам Европы и Азии. Через сороковой меридиан северной широты — по Испании, Италии, Балканам, Малой Азии, Туркестану, Китаю и острову Ниппон в Японии, без единого звука пронесся смертоносный луч, испепеляющий на своем пути в полосе ста километров шириной все: дома, людей, животных, нивы, хлопковые поля, леса...

— Да вот, посмотрите, — сказал Эль. Он подошел к распределительной доске и нажал несколько кнопок с цифрами, потом повернул рычаг. Свет погас, и экран ожил. Я ожидал увидеть кинофильм, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания. Это были не «движущиеся картинки» — это была сама жизнь. Иллюзия была полная.

Вот улица какого-то города...

— Испания, — тихо сказал Эль.

...Все дома вдоль улицы, наискось, были как будто срезаны каким-то невидимым ножом, открывая внутренние комнаты. Там, где прошел ужасный луч, остались лишь груды развалин, кучи пепла и мусора. Кое-где валялись части человеческих тел. Все, попавшие в зону действия луча, испепелялись. Местами догорали пожары. Я слышал треск пламени, грохот падения стен. Уцелевшие обезумевшие люди бродили среди этих развалин, тщетно пытаясь разыскать своих родных. Они рыдали, кричали, посылали кому-то проклятия... Вот пробежала, с растрепанными волосами и безумными глазами, женщина.

— Аугусто, Аугусто! — кричала она. И вдруг, повернувшись прямо ко мне лицом, истерически захохотала...

Я слышал ее смех, слышал вопли людей. Зрелище было потрясающим. Невольно я отвернулся.

— Снято несколько часов спустя после катастрофы, — взволнованно проговорил Эль.

Он повернул рычаги, и на экране появилась новая картина.

— Все, что осталось от итальянского городка Маратео у залива Поликастра, — сказал Эль.

Несколько пальм и груды развалин, двое смуглых, кудрявых детей и старуха в лохмотьях. У одного ребенка были отожжены ноги по колена. Он лежал без сознания. Мальчик постарше смотрел на него с молчаливым ужасом, а старуха, склонившись над ребенком, раскачивала седой, взлохмаченной головой и выла протяжно, надрывно, как воют собаки... Рядом, с оскаленными зубами и большими остекленевшими глазами, лежала ослиная голова — одна голова... Листья пальм шумели, шуршали камни под набегаящими волнами, как унылый аккомпанемент к однообразному, хватающему за душу, вою ста-

рухи... Это было слишком...

— Я не могу больше, — тихо сказал я, — довольно!

Эль вздохнул, повернул рычаг. Экран погас, и в комнате загорелся свет.

Подавленные только что увиденным, мы сидели молча.

— Я видел не раз эти картины, — сказал наконец Эль, — но и до сих пор я не могу их смотреть без глубокого волнения...

— Да, это ужасно, — ответил я.

— Когда наша молодежь видит эти картины, она зажигается такой ненавистью и такой жаждой борьбы, что ее трудно удержать от опрометчивых поступков и бесцельных жертв. Мы нечасто показываем эти картины.

— Скажите мне, это кино? — спросил я, когда волнение немного улеглось.

— Комбинация звучащего кино и передачи движущихся изображений и звуков по радио. У нас есть центральный киноархив, действующий автоматически. Я ставлю на этой доске номер, нужный мне кинофильм автоматически подается в киноаппарат, он начинает работать на экране, установленном в киноархиве. При помощи радио изображение и звуки передаются в любое место.

— Поразительно! И что же было дальше?

— Что могло быть после всего, что вы сами видели?

Дальнейшее упорство с нашей стороны могло погубить всю Европу и Азию. Мы вынуждены были прекратить борьбу, пока не создадим равного оружия. И наши инженеры немало поработали над изобретением такого оружия. В этом отношении мы многим обязаны Ли. Это гениальный юноша.

— Ли? Ассистент астронома Туна? В голубой тунике? Разве он не девушка?

Эль улыбнулся.

— Нет. Это юноша, вернее, молодой человек. Мы не скоро старимся. Сколько, вы думаете, может быть мне лет?

— Тридцать пять, самое большое, сорок, — сказал я.

— Восемьдесят шесть, — улыбаясь, ответил Эль, — Ли — тридцать два, а Эа — двадцать пять.

Я был поражен.

— И что же изобрел Ли?

— Он изобрел средство заграждения от дьявольских лучей. Они больше не страшны нам. Он нашел секрет и производства самих дьявольских лучей. Мы сравнялись силами.

— И теперь можно начать борьбу?

— Не совсем. Их лучи не пробивают нашей невидимой брони, а наши — их. Мы стали взаимно неуязвимы друг для друга, но и только. И все же борьба продолжается. Не так давно каким-то чудом пробрался к нам из Америки еще один беглец — негр. Он работал на береговых заграждениях, на восточном берегу Северной Америки. Произошла порча аппарата, излучавшего заградительные лучи. Воспользовавшись этим, негр бросился в океан, долго плыл, пока его не подобрала какая-то рыбацкая лодка, и наконец достиг наших берегов. Он сказал, что, несмотря на все жестокости, на неслыханное подавление рабочих, в Америке идет подпольная революционная работа. Революционеры проникли даже в береговую охрану. Нам удалось наладить с ними сообщение. Мы узнали, что Америка, опасаясь нашей помощи их революционерам, замышляет истребить нас. Убедившись, что их лучи безвредны для нас, амери-

канские капиталисты решили отправить к нам шпионов, перебросив их неизвестным нам способом через наши воздушные заграждения, узнать наши военные силы и средства, а затем переправить сюда тем же путем своих агентов с истребительными лучами, чтобы уничтожить на месте «очаг революции».

— Европа и Азия — хороший «очаг»!

— Да, уничтожить большую половину мира. Перед этим они не остановятся! Но мы тоже не сидим сложа руки. Ли близок к разрешению задачи — найти орудие, пробивающее все заградительные средства американцев.

— Но ведь Ли астроном?

— Астроном, инженер, художник, шахматист — все что хотите. И во всех областях он — первоклассная величина. Дни он отдает своим инженерным занятиям, а ночами работает с Туном.

— И не устает?

— Ли — по крайней мере; наша молодежь не знает усталости. Ведь вам не хочется спать?

— Я чувствую себя прекрасно.

— Ну, вот видите. Так вот, мы получили сведения, что один из шпионов послан к нам. В это самое время появились вы. Теперь вы поймете нашу предосторожность в отношении вас?

— Разве я похож на американского шпиона? — полувозмущенно, полунедоумевающе спросил я.

Эль пожал плечами.

— Изобретательность врага беспредельна. Плохой тот шпион, при взгляде на которого каждый ребенок скажет: «Это шпион». Вы не обижайтесь. Я верю вам. Но все же некоторое время мы еще должны будем заняться вашей личностью. Положение слишком серьезно. Не беспокойтесь, вы будете пользоваться свободой.

— Оставаясь в то же время под надзором?

— Просто при вас будет чичероне, иначе вам некого будет забрасывать вопросами. Иногда я буду сопровождать вас, если вы ничего не имеете против. Кстати, сегодня я смогу побывать с вами в «стране воспоминаний».

— Охотно, — ответил я, уже не решаясь надоедать ему новыми вопросами: что это за «страна воспоминаний»?

— Вы должны изучить наш язык, вы видите, насколько я доверяю вам. Изучайте же скорее.

— С большим удовольствием, хотя, признаться, я не имею особых лингвистических способностей.

— У вас это не займет много времени. Вот, смотрите. — Эль опять включил экран. На нем начали появляться изображения предметов и одновременно звучало их название, а над изображением появлялась надпись. На экране в продолжение минуты промелькнуло, по крайней мере, полсотни предметов-слов.

— А ну-ка повторите их.

К моему изумлению, я повторил их без всякого труда.

— Поверьте, что вы больше не забудете их. К утру вы прекрасно овладеете языком.

— Я не узнаю своей памяти! — воскликнул я.

— У нас есть маленький секрет, который помогает памяти. Вы не просто

видите предметы и их словесное изображение и слышите произношение. Все эти зрительные и слуховые явления сопровождаются излучением особых радиоволн.

— Опять радио!

— Недаром же наш город называется Радиополис. Вы еще не раз услышите о радио. Так вот, эти радиоволны усиливают мозговое восприятие, глубоко запечатлевают в мозгу зрительные и слуховые впечатления — словом, ускоряют процесс запоминания. Только таким путем наше подрастающее поколение и имеет возможность вбирать в себя огромное количество современных знаний и быть глубоко просвещенным в самых различных областях. — Но отвлеченные понятия?...

— Вы их увидите образно и усвоите их так же легко, как самые простые вещи.

Дверь открылась, и в комнату вошли Ли и Эа. Я с новым любопытством посмотрел на Ли. Инженер, астроном! Прямо невероятно. У нас в Москве так выглядят девушки из балетной студии.

На этот раз астроном выглядел озабоченным. Ли тихо шепнул Элю несколько слов.

Обратившись ко мне, Эль сказал:

— Важные новости: мы, кажется, напали на след нашего американца. Мы должны оставить вас. Займитесь пока изучением языка. Через два-три часа я зайду за вами.

И эти удивительные люди быстро удалились.

Глава четвертая В СТРАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Было раннее утро, когда я вышел на площадку обсерватории. Наше воздушное жилище сияло в лучах восходящего солнца, как болид, а внизу Радиополис еще тонул в синеватой предутренней мгле.

— Доброе утро! Как вы себя чувствуете? — услышал я около себя голос Эа. Она говорила на своем языке, но теперь я овладел им в совершенстве. Это не был эсперанто, как думал я вначале, хотя эсперанто был положен в основу нового международного языка, еще более простого и звучного.

— Благодарю вас, прекрасно, — ответил я девушке. — Эль обещал сопровождать меня сегодня.

— Вот он летит, — ответила она, глядя в раскрывшуюся под нами бездну. Я еще ничего не видел.

— Скажите, как держится в воздухе это воздушное сооружение? — спросил я.

— Пропеллеры, помещенные под площадкой, держат его, а жироскопы придают полную горизонтальную устойчивость. Вполне капитальное сооружение. На всякий случай мы все же держим здесь несколько парашютов.

— На одном из которых я и совершил свое невольное путешествие?

— И очень счастливо для первого раза, — улыбаясь, ответила Эа.

— Но ведь чтобы приводить в движение пропеллеры, нужны сильные моторы и для них целые склады горючего?...

— У нас энергия для всех двигателей передается по радио, — ответила Эа.

— Опять радио!

Внизу послышался легкий шум и голос Эля:

— Доброе утро! Надевайте скорее крылья, летим в страну воспоминаний!

Я надел принесенные мне Эа крылья. Эль осмотрел ремни, крестообразно стянутые на моей груди, и сделал указания, как управлять этим необычно простым по конструкции летательным аппаратом.

— Попробуйте подняться и опуститься на площадке, — сказал он.

Не без волнения повернул я рычажок у моего бедра. Суставчатые крылышки, как у летучей мыши, затрепетали у меня за спиной, и я почувствовал, что почва уходит из-под ног. Инстинктивно я расставил руки и ноги, как бы готовясь упасть на четвереньки. Вид мой, вероятно, был очень смешон, я слышал заглушенный смех Эа.

— Держитесь прямей! — командовал Эль. — Правый рычаг. Поворот. Больше. Так. Отдача. Левый рычаг назад.

Я плавно опустил.

— Хорошо. Можем лететь.

Я и Эль подошли к краю площадки, вспрыгнули на ограду и... бросились вниз. Это было мое третье воздушное путешествие в Радиополисе, которое оставило во мне самое сильное впечатление. Мне приходилось когда-то летать на аэропланах. Но разве можно сравнить ту громоздкую, грохочущую машину моего времени с этими крыльями, которых почти не ощущаешь! Впервые я почувствовал себя летающим человеком, легким и свободным, как птица.

Несколько секунд полета — и мы оставили освещенное солнцем пространство, погрузившись в синие сумерки.

Эль летел рядом, несколько впереди, направляя свой полет к Кремлю.

Скоро под нами показался уже знакомый мне фонтан в кипарисовой роще.

Наши крылья так незначительно шумели, что мы могли свободно разговаривать.

— Эти кипарисы, — указал я на рощу, — выставлены на лето из оранжереи?

— Нет, они свободно растут здесь. Мы изменили климат. Чему же вы удивляетесь? Мы могли достигнуть этого разными способами, но для этого оказалось достаточно и одной лучистой энергии солнца. Вы знаете, что на пространстве в один квадратный километр эта энергия, использованная только на десять процентов, сможет произвести работу, равную семидесяти пяти тысячам миллионов лошадиных сил. Мы же получаем в одном Туркестане тысячи миллионов лошадиных сил этой энергии: вполне достаточное количество, чтобы не только «согреться», но и приводить в действие все наши машины.

Башни Кремля промелькнули под нами. Мы опустили на тихую снежную площадь и сложили крылья. Здесь было раннее зимнее утро.

— Мы реставрировали прошлое век за веком. Вся старая Москва — ваша Москва — превращена в музей, — сказал Эль. — Перелетая из квартала в квартал, вы будете как бы перелетать из века в век. Перед вами пройдет все характерное для данного времени, от архитектуры до мелочей быта.

Эль был прав: мы действительно перелетали из века в век.

— Зайдем в один из комиссариатов. Не все же вам спрашивать у меня, я тоже хочу кое о чем спросить у вас, как у современника этой эпохи, пополнить свои исторические знания, — сказал он, улыбаясь. — Вы где служили?

Я ответил...

Мы вошли в знакомое здание. Меня невольно охватило волнение. Все осталось по-прежнему. Не чудо ли? Даже мой письменный стол и на нем папки дел — все, как я оставил их вчера, если только это было вчера.

— Не будете ли вы любезны объяснить мне, чем вы занимались, в чем заключалась ваша работа?

Я был польщен. Наконец-то я смогу дать объяснение этому человеку неограниченных знаний. Я охотно раскрыл свои папки и начал объяснять, в чем заключалась моя работа. Эль слушал внимательно. Иногда мне казалось, что он хочет поправить меня, но, очевидно, я ошибался: он только не совсем понимал меня и просил пояснений.

— Достаточно, — наконец сказал он. — Я окончательно убедился, что вы, как это ни странно, человек из прошлого. Никто лучше меня не знает прошлой истории. А вы проявили — в своей области, конечно, — такие знания, что всякая мысль о мистификации исключается.

Я не сразу понял его.

— Мысль о мистификации?... — И вдруг, поняв, я невольно покраснел от досады.

— Значит, все это было только испытание?

Эль дружески взял меня за руку.

— Уверяю вас, последнее, — ответил он. — А теперь, чтобы сгладить неприятное впечатление, которое, я вижу, оставила моя хитрость поневоле, осмотрим бегло другие отделы нашего музея. Для нас они также только страна воспоминаний, а для вас — это страна нерожденного будущего.

И вдруг, без видимой связи, он сказал:

— Да, да. Я очень рад. Только машина? Интересно посмотреть. — Вслед за тем, обращаясь ко мне, разъяснил:

— Ли сообщает, что он нашел разбитую летательную машину, зарытую в песке недалеко от Красного моря.

— Но ведь оно находится за тысячи верст!

— Для нас почти не существует расстояния, — ответил Эль. Вынув из кармана прибор, напоминавший цейсовский бинокль, он покрутил окуляры, глядя на деления с цифрами, и посмотрел, потом передал его мне.

Я увидел песчаный берег моря. Из груды песка виднелись части какого-то сломанного аппарата. Рядом стоял Ли и смотрел в такой же бинокль по направлению ко мне. Очевидно, увидев меня, Ли улыбнулся и приветливо махнул рукой. Я ответил ему.

— Я уже не удивляюсь дальности расстояния ваших биноклей. Но как они могут видеть сквозь стены и только то, что нужно?

— Вы видите то, что нужно, при помощи точной наводки. А видеть сквозь преграду? Разве это уж так удивительно для вас, знакомых с лучами Рентгена?

— Но они не совсем то.

— Новое всегда не совсем то, что старое, тем оно и отличается от старого, — с улыбкой ответил Эль. — Летим! — И мы полетели осматривать новую для меня Москву.

— Поднимаемся выше. Вот этот участок — Москва второй половины двадцатого века. Наряду с многоэтажными небоскребами вы видите и те дома, которые стояли в ваше время. Здесь уже имеется целая сеть подземных желез-

ных дорог и начата постройка воздушной. Москва к этому времени давно вышла из старых границ и широко разлилась во все стороны. В начале двадцать первого века мы строили небоскребы, но уже отделенные друг от друга большими незастроенными участками. Смотрите.

Странный вид представляла эта новая Москва. На огромном пространстве возвышались симметрично расположенные, словно верстовые столбы, небоскребы в несколько десятков этажей с плоскими крышами.

— Для посадки воздушных судов, — пояснил Эль.

— Нельзя сказать, чтобы этот город выглядел очень красивым, — невольно сказал я, глядя на унылую площадь, утыканную домами-столбами.

— Зато он более гигиеничен, чем ваши скученные старые города. Когда мы начали строить Москву небоскребов, у нас было много споров о том, строить ли эти особняки или приступить к постройкам городов-домов, где многомиллионное население могло бы буквально жить под одной крышей. Спор начали наши врачи-гигиенисты, которые предостерегали от увлечения урбанизмом, предрекая физическое вырождение населения в слишком искусственных условиях жизни этих городов-домов. Но мы еще не были настолько богаты, чтобы покончить с городами. Эти особняки-небоскребы были компромиссом.

— Покончить с городами?

— Да, и мы покончили с ними. Ведь в конце концов скученность населения вызывается не только недостатком земельной площади, как было в Нью-Йорке двадцатого века, но и относительной дешевизной «жилищной концентрации», а также несовершенствами способов общения.

Радиополис — только старое название, оставшееся за районом. У нас нет больше городов. Если вы пролетите от Москвы к Ленинграду, вы найдете сплошные сады, поля и раскиданные среди них белые домики, но городов ни там, ни в другом месте не найдете.

— Но ведь вы непроизводительно заняли огромную земельную площадь, которая могла бы пойти под посевы!

— Вы не представляете успехов нашей агрокультуры. На квадратном метре мы добываем продуктов питания больше, чем вы добывали на своей де... десятине. Кстати, откуда произошло это слово? Корень, по-видимому, «десять»?

— Не знаю, — смущенно ответил я.

Эль улыбнулся.

— Кроме того, мы изготавливаем пиццу химическим путем. У нас и сейчас парков и цветников больше, чем полей. Да, многое изменилось за эти годы. Мы не имеем городов, мы не имеем правительства, мы не имеем канцелярий. Необходимая в свое время категория «совработников» давно вымерла, как вымерли лошади. Несколько лошадей, между прочим, вы еще можете увидеть в нашем зоопарке, а совработники остались только в виде музейных манекенов. Они, впрочем, очень похожи на оригинал.

Для меня это была поистине самая большая сенсация за все пребывание в Радиополисе. Нет канцелярий, нет совработников! Это уж слишком. Не шутит ли Эль? Как же можно обойтись без совработников?

— Но не сами же собой пишутся бумаги? — с насмешкой, не лишенной горечи, сказал я.

— Друг мой, у нас совсем не «пишутся» бумаги. Я вижу, вы не можете освоиться сразу со всеми этими переменами.

Мы плавно опустились на зеленую лужайку. Среди этой лужайки, на песчаном круге, стоял сигарообразный серый предмет, напоминающий цеппелин, но значительно меньших размеров.

Около цеппелина стояла Эа. Она еще издали махнула рукой Элю и крикнула:

— Скорее, надо спешить.

Я и Эль, не снимая крыльев, вошли в цеппелин. Эа последовала за нами и плотно захлопнула толстую дверь. Вспыхнул яркий свет, осветив мягкие кресла, стол, экран в углу.

— Это наша «Пушка», самый скорострельный летательный аппарат.

Эа прошла вперед, за лакированную перегородку. Оттуда послышалось гуденье, и я почувствовал, как поднялась передняя часть нашего воздушного судна.

— Летим, — сказал Эль.

— Почему здесь нет окон?

— Они не нужны: скорость и высота полета так велики, что вы все равно ничего не увидите.

Куда еще лечу я? Что ждет меня впереди?...

Глава пятая НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ

Мы мчались на нашем воздушном снаряде, который был одновременно и пушкой, и ядром. За перегородкой что-то тихо жужжало.

— Скажите, Эль, почему вы, Эа и Ли занимаетесь розысками? Наводили «следствие» обо мне, теперь гоняетесь по свету за этим американским шпионом. Или вы совмещаете...

— Должность ученого с почетным званием сыщика? — спросил Эль. И, вздохнув, продолжал: — Я вижу, что вам трудно привыкнуть к нашему общественному устройству. Я же говорил вам, что у нас нет милиции в обычном для вас смысле слова. Но, если хотите, у нас каждый гражданин — милиционер или следователь, если этого потребуют обстоятельства. Каждый наш гражданин, без инструкций и кодексов, знает, как охранять интересы общества. И если случай именно его привел столкнуться с фактом, угрожающим нашему порядку и спокойствию, этот гражданин и доводит дело до конца.

— Но у него есть и другие обязанности?

— Что же из этого? У следователя тоже не одно дело бывает на руках. Обязательный общественный труд занимает у нас около трех часов. Есть время заняться — хотя бы и поисками американского шпиона.

— Вы сказали, что обязательный труд у вас занимает около трех часов. Почему вы не указали точной нормы?

— По кодексу о труде? — с улыбкой спросил Эль. — У нас нет точной нормы, нет и самого кодекса. Если дело этого требует — работаем! И больше трех часов. Но это бывает только в исключительных случаях: какие-нибудь случайные аварии, стихийные бедствия. Обычный же наш труд «у станка» не превышает трех часов.

— А остальное время?

— Каждый занимается тем, чем он желает. Главное и почти исключитель-

ное наше занятие — мы учимся, учимся и учимся. Непрерывно пополняем свои знания, изобретаем.

— Ну а если кто не хочет работать даже три часа в сутки? Какие принудительные меры вы принимаете против лентяев?

Эль посмотрел на меня с крайним изумлением.

— Простите, но на этот раз я отказываюсь понимать вас, — сказал он. — Разве нужно заставлять рыбу плавать, а птицу летать? Ведь это их жизненная функция. Такой же жизненной функцией, непреодолимой потребностью является для нас труд.

— Но труд может быть неприятен, например, тяжелый физический труд.

— Физический труд выполняют наши рабы. Я даже привскочил на кресле.

— Рабы? У вас есть рабство?

— Ну да, что же вас так удивляет? Порабощенные силы природы, машины — вот наши рабы. А все мы, свободные граждане, работаем не только из сознания общественной пользы — это азбука, о которой мы уже забыли, — но и потому, что труд давно сделался для нас второй натурой.

— Что это? Свет погас?!

— Не беспокойтесь, я хочу посмотреть на карту, — сказал Эль. Перед ним вспыхнул бледным светом квадрат, на котором обрисовались очертания какого-то моря.

— Эта карта движется?

— Да, она движется, потому что мы летим. Наша карта — сама земля. Вот очертания... как это вы называли?... Азовского моря, вот Черное. Мы пролетаем его.

— Уже! Так скоро...

— Турция. Скоро мы увидим Красное море.

— Но как же можете обходиться вы совсем без карты?

— Эа направляет наш воздушный корабль по радиокompасу. Ли посылает радиоволну, а мы летим в этом направлении, как бабочки на огонек. Ошибки быть не может. Впрочем, мы можем, если нужно, справиться по карте и магнитному компасу...

И, нагнувшись над картой, Эль сказал:

— Двадцатый градус северной широты и сороковой — восточной долготы. Мы в окрестностях Мекки. Скоро будем на месте.

Еще несколько минут полета, и мы плавно опустились.

Эа открыла дверь нашего снаряда, и мы вышли. Ли приветствовал нас.

— Вот, полюбуйте, — сказал он, указывая на обломки.

На самом берегу моря в буром песке лежали эти обломки воздушного корабля, обугленные и настолько искалеченные, что нельзя было определить его конструкцию. Нос корабля, вероятно, не меньше чем на три метра зарылся в песок, образовав в нем широкую воронку.

— Сами посудите: можно ли было спастись при такой катастрофе? Американский шпион погиб, на этот раз мы можем быть спокойны и не продолжать наших поисков, — сказал Ли.

— Да, конечно, — ответил Эль и, взобравшись на воронку, начал обходить ее, внимательно осматривая. Потом он вдруг сел на песок, вздохнул и поправил на голове белый шлем.

— Ли, вы делали себе глазную операцию?

Ли почему-то смутился.

Эль укоризненно покачал головой.

— Хорошие глаза, Ли, нужны не только вам лично. Наш Союз трудящихся должен иметь зоркие глаза. Почему вы не сделали операции?

Обратившись ко мне, Эль продолжал:

— Мы, люди будущего, стоим неизмеримо выше наших предков в умственном отношении. Но физическая природа наша, увы, кое-что потеряла в новых условиях культуры. Мы все более теряем волосы. Эа, сними свой головной убор...

Эа, улыбаясь, сняла колпачок и без смущения показала свою голову, на которой не было ни единого волоса.

— Вот видите, — продолжал Эль. — Представление о красоте изменилось. Мы находим прекрасной безволосую голову женщины и пришли бы в ужас от волосатого чудовища, похожего своей гривой на животное. Вы уж не обижайтесь, — прищурился он, глядя на меня. — Вам тоже лучше снять волосы, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания. Мы займемся потом вашим туалетом. Так вот, волосы... Потом зубы. Вы уже знаете, что мы не едим твердой пищи. Нам не нужны зубы. Естественно, что они без работы становятся все более слабыми. Через несколько поколений люди станут совершенно беззубыми и нижняя челюсть превратится в маленький придаток.

— И это тоже будет красиво?

— Для своего времени, конечно.

— Представляю, — сказал я, улыбаясь, — что какой-нибудь Пракситель, гениальный скульптор будущего, высечет из мрамора статую, воплощающую идеал женской красоты...

— Она будет иметь огромную голову без волос, маленький подбородок, рот без зубов, почти мужское телосложение, очень тонкие ноги и руки, пальцы без ногтей.

— Какое безобразие! — невольно воскликнул я.

— Если бы горилла мог говорить, то при взгляде на статую Венеры Медицейской он, вероятно, так же воскликнул бы «Какое безобразие!» и перевел бы влюбленный и восхищенный взгляд на свою четверорукую, мордастую, косматую спутницу жизни, — ответил Эль. — Все условно в этом мире, мой друг. Изменяются звезды на небе, изменяются земли, изменяется человек, изменяются его понятия о прекрасном. Мы теряем то, что нам перестает быть нужным. Мы хуже слышим, чем вы, а вы — гораздо хуже, чем наши предки каменного века, и это понятно: нас уже не подстерегает хищник за каждым кустом.

— К сожалению, в мире остались еще двуногие хищники, — задумчиво сказала Эа, — они страшнее четвероногих. И, быть может, вот это... — Эа показала на обломки машины.

— Да, вот это, — перебил ее Эль. — Я не случайно спросил у Ли, сделал ли он глазную операцию. Мы все. близоруки. Дальnozоркость не нужна была человеку города. Его взгляд вечно упирался в стены. Мы живем свободнее. Наши горизонты шире. Мы стали существами летучими. Зоркое зрение нам опять сделалось нужным. А в природе так: если орган нужен, если он начинает усиленно работать, он развивается усиленно. И, я думаю, наши потомки, которые, быть может, в воздухе будут жить больше, чем на земле, вновь обретут зоркость орлов. Но мы унаследовали от вас, людей с ограниченным кругозо-

ром города, близорукость. И боремся с ней. Ваши очки не удовлетворяют нас. С ними много хлопот, они могут разбиться. И мы просто оперируем глаза, вправляя новый хрусталик. Вот Ли почему-то не хочет делать операцию, хотя она безболезненна и занимает всего несколько минут.

— Завтра же сделаю, хотя бы только для того, чтобы доставить вам удовольствие.

— Благодарю вас, Ли, — ответил Эль. — Сделайте и для того и для другого. Подойди сюда, Эа, что ты видишь?

Девушка взошла на насыпь вокруг упавшего снаряда и посмотрела вокруг. Она задумалась, очевидно что-то ища, что привлекло внимание Эля.

— Я вижу, что от центра воронки к краю и дальше идут углубления, которые... гм... пожалуй, можно принять за следы.

— Следы? — спросил Ли. — Неужели?

— Ходил ли здесь кто-нибудь? — спросил Эль.

— Нет, место совершенно пустынное. На насыпь никто не поднимался.

— А вы?

— Я всходил только вот с этой стороны. Эль прошел по песку.

— Вот видите, — сказал он, — песок очень зыбкий. Он осыпается и не дает отчетливых следов. Если же помешать песок вот так концом ноги, то получаются совершенно такие же впадины.

— Что же вы предполагаете? — спросил смущенно Ли.

— Я предполагаю, мой милый, но близорукий друг, — ответил Эль, — что наш американский шпион здравствует.

— Но не мог же он уцелеть в этой катастрофе?! Или его кости прочнее дюралюминия, а тело и в огне не горит? — уже несколько обидчиво сказал Ли.

— А кто вам сказал, что здесь произошла катастрофа? — возразил Эль. — Все могло произойти очень просто. Мистер шпион благополучно опустился на своем аппарате, вылез, потом взорвал его.

— Но как же он тогда вернется восвояси?

— Он или они могли прилететь на двух воздушных судах и пожертвовать одним, чтобы замести следы.

— А другой корабль?

— Другой может быть в другом месте. Однако продолжим наш осмотр.

Мы пошли по следам, внимательно разглядывая их. Следы шли в сторону по песчаной равнине и в нескольких метрах пропадали. На этом месте в песке было не большое углубление.

— Провалился сквозь землю? — улыбаясь, спросил я.

— Наоборот, поднялся от земли на крыльях. Положение осложняется! Местные жители лучше нас знают окрестности. Надо предупредить их, — сказал Эль.

— У меня в Мекке есть приятель шахматист, вызвать его? — предложил Ли.

— Отлично, — ответил Эль.

Сложенные крылья были у нас за спиной. Мы повернули рычаги у пояса, крылья затрепетали, и земля начала уходить из-под наших ног.

— Здесь когда-то была бесплодная долина, — указывал Эль вниз на расстилавшиеся сплошные сады, перерезанные прямыми серебряными линиями каналов. Среди садов виднелись белые крыши домов, стоявших далеко друг от друга.

— Если вы ожидаете увидеть арабский город, с его базарами, лавками, кофейнями, верблюдами и грязью, вы будете разочарованы. Города давно нет. Я уже говорил вам, что у нас нет городов.

— А вот летит и Вади, мой друг, я вызвал его, — сказал Ли, указывая на приближающегося человека с крыльями.

Скоро он был с нами. Мы с любопытством смотрели друг на друга. И, конечно, Вади был больше удивлен моей наружностью, чем я его. Он почти ничем не отличался от моих спутников, только одежда его была из белой ткани да лицо несколько более смуглое. Я же, в своем тяжелом костюме от «Москвошвея», с очками на носу и крыльями за спиной, вероятно, имел очень комичный вид. Мне было необычайно жарко, воротник рубашки измялся, волосы растрепались.

— Человек из прошлого, рекомендую, — сказал Эль.

— Вы знаете о прибытии американских шпионов?

— Ли говорил мне.

— Они опустились недалеко отсюда и, по-видимому, улетели. Их надо разыскать во что бы то ни стало.

Вади кивнул.

— Сообщите по радио по всей Аравии. Ищите везде. Мобилизуйте молодежь — у ребят острый глаз. Обыщите каждую складку гор, каждый куст.

Вади еще раз кивнул головой, глядя в небо. Вдруг он схватил Эля за руку.

— Смотрите, Эль, этот воздушный корабль мне не нравится.

Все устремили взоры на небо.

— Да, это не наша конструкция. Дайте сигнал тревоги, — сказал Эль.

Неизвестный воздушный корабль, вычертив в небе полукруг, скрылся за горизонтом. Вади что-то сказал в кулак, и через минуту поднявшиеся, как испуганная стая птиц, от земли аэропланы полетели вслед за улетевшим воздушным кораблем.

— Скорее, к нашей «Пушке»! — крикнул Эль.

Обливаясь потом в жгучих лучах аравийского солнца, я полетел за моими спутниками к берегу моря.

Глава шестая

БЕЛЫЙ ДОМИК

В тот вечер американской воздушной лодке удалось ускользнуть от преследования, пользуясь быстро наступившей темнотой.

— Ну что ж, приходится отложить поиски. Наши товарищи-арабы будут следить за неприятелем. А мы летим на север, в Радиополис. — И, посмотрев на часы, Эль продолжал: — Я должен читать лекцию по радио. Однако вас надо устроить на постоянное жительство, — обратился он ко мне.

— Летим ко мне, — предложил Ли. — Я живу пятьдесят шесть-тридцать-двадцать восемь на сорок пять-шесть-два.

— Это что же, такое длинное название улицы?

— Совсем нет, так мы называем кратко градусы, минуты и секунды географической долготы и широты. Ведь у нас нет городов, поэтому нам приходится давать такие адреса.

— Где же это будет?

— Примерно в тех местах, где был ваш Нижний Новгород, на Волге. Хорошее место, — сказал Эль.

Мы полетели на наших крыльях к общественным ангарам и взяли там небольшую воздушную лодку, на которой и поднялись в воздушную высь.

Темное южное ночное небо было исполосовано светящимися дорогами, отмечавшими путь воздушных сверхмагистралей.

Огромные суда беспрерывно скользили по воздушным волнам этих светящихся рек.

— Куда движутся эти воздушные великаны и где конечные пункты их маршрутов?

— Они движутся по кольцевым линиям, как небесные тела, и нигде не останавливаются. Каждый из этих воздушных дредноутов имеет свою линию. Нам надо вот на ту, — указал Ли на вторую из пересекающихся линий.

— Чем больше кольцо полета, тем выше его воздушная линия. Видите, как это удобно — в воздухе целая беседка из перекрещивающихся воздушных путей!

Мы ловко причалили к несколько замедлившему движение кораблю. Вместо обычной (две тысячи километров в час) его скорость снизилась до пятисот в час, пока мы догоняли его.

Нашу лодку вместе с нами ввели внутрь сигарообразного корабля. Будто акула воздушного океана проглотила малую рыбешку.

По прибытии на место нашу лодку сбросили вниз. На этой лодке мы добрались до аэродрома, оставили ее там, а сами на «собственных» крыльях за спиной полетели к дому Ли.

Эль и Эа распрощались с нами и полетели в другую сторону.

— Вам пришлось лететь с пересадками. Это неудобство приходится терпеть только на больших расстояниях. В Радиополис же я летаю на своем аэробиле.

— Столкновений не бывает?

— Исключена всякая возможность. При встрече наши воздушные суда автоматически отклоняются в сторону под воздействием радиоволны.

— Вот мы и дома, — сказал Ли, опускаясь на площадку у белого домика со

сплошным окном-стеною на юг.

Как только Ли ступил на площадку, над нею загорелась матовая лампочка. В доме также появился свет.

— Вас ждут?

— Нет, свет зажигается автоматически, как только я опускаюсь на землю. Нам нужно умыться и переодеться с дороги. Я вас проведу сначала в ванную комнату.

Обойдя дом, Ли открыл дверь.

— Прошу вас.

Я вошел в очень маленькую комнату-коробку, в которой было не больше четырех квадратных метров. Голые стены, никакой обстановки, только небольшой шкаф в углу.

«Нельзя сказать, чтоб эта передняя была уютна», — подумал я.

Ли очень плотно закрыл за собой дверь, подошел к шкафу и вынул оттуда две противогазовые маски. Подавая одну из них мне, он сказал:

— Во избежание появления эпидемий — хотя у нас о них не слышно, — каждый из нас, вернувшись из далекого путешествия, считает своим долгом подвергнуться дезинфекции. Увы, наш организм не приспособлен к борьбе с болезнями в такой мере, как это было у наших предков, и поэтому мы все внимание сосредоточиваем на предупреждении болезней. Насморк укладывает нас в постель. Что же делать? Надо беречься.

Он надел маску на лицо, приглашая меня последовать его примеру. Потом повернул маленький кран, вделанный в тот же шкаф, где хранились маски, и комната вдруг наполнилась белым, как молоко, газом. Через три минуты так же быстро воздух очистился. Ли зажег какую-то металлическую спичку. Она вспыхнула голубым огнем. Он кивнул головой и снял маску.

— Осталось газа ровно столько, чтобы продезинфицировать наши дыхательные пути. Теперь идем в ванную.

Он открыл дверь, и я был поражен. Белая ванная комната, вся залитая каким-то особенным золотистым светом, была слишком огромной для частной квартиры. Посредине этой комнаты находился такой большой мраморный бассейн, что в нем можно было свободно плавать. По обеим сторонам бассейна шел двойной ряд белых колонн, а среди них стояли цветущие растения. В одной стороне комнаты находилась черная эбонитовая площадка с креслом, и над ним что-то вроде зонтика без материи. Возле кресла стоял шкаф.

— Садитесь, — сказал Ли и, взглянув на меня, продолжал: — Да, вам обязательно надо побриться и расстаться с вашей шевелюрой. Гм, у нас нет парикмахеров — ведь у нас волосы просто не растут, нет ножниц и бритв. Положим, бритву можно было бы достать из музея. Но ведь это целая операция. Можно порезаться. Кровь, заражение крови, брр... Лучше я вам вызову продукт для уничтожения волос.

«Вызову продукт для уничтожения волос», что за странное выражение», — подумал я.

Ли подошел к распределительной доске, скрытой цветами, и, что-то сказав, нажал несколько кнопок. Не прошло и минуты, как в стене открылась не замеченная мною раньше дверца. Там стояло нечто вроде пульверизатора.

— Откуда это? — спросил я.

— Прислали со склада по автоматической трубе.

Взяв в руки пульверизатор и обернув меня простыней, он спросил:

— Позвольте?

— Пожалуйста, — покорно ответил я и зажмурился, ожидая, что меня начнут спрыскивать. Но Ли только овеял меня какой-то прямо пахнувшей струей воздуха. И этого оказалось достаточно, чтобы мои волосы упали с головы как подрезанные, а лицо приобрело гладко выбритый вид.

Ли остался доволен своей работой.

— Отлично. С волосами вы разделались на всю жизнь и, право же, так выглядите гораздо лучше.

Посмотрев на лежащие вокруг меня на полу волосы, Ли вздрогнул всем телом и даже побледнел.

— Волосы вообще ужасны, но мертвые волосы еще ужасней. Простите меня, но я не могу заставить себя убрать их. Может быть, вызвать щипцы, щетки?

— Только щетку.

— Здесь пол моется автоматически, — как бы оправдывался Ли. — Но волосы, они... они могут засорить трубы. Их лучше сжечь. Знаете что, мы сожжем и ваш отвратительный костюм.

— Что? Сжечь костюм? Нет, благодарю вас!

— Но зачем он вам? Я вам вызову прекрасный костюм нашего покроя.

Рядом со мной оказалась еще одна дверь. Ли открыл ее и сказал:

— В этой небольшой комнате находится мусоросжигательная печь. Я вас очень прошу бросить в печь волосы, костюм и...

— Знаете что, ведь мы его дезинфицировали, убили всех микробов двадцатого века, оставим же его как музейный предмет, — схитрил я, желая спасти свой костюм от огня этого домашнего крематория.

— Ну что же, я согласен. Дайте я сниму с вас мерку. Ваш костюм будет цел, но вы все-таки наденете другой. Вот так. Вы значительно выше меня. Какой цвет вы предпочитаете?

«Хорош бы я был в голубеньком, черт возьми», — подумал я.

— Черный, серый, в крайнем случае, оливковый.

— Хорошо. Я вызову костюм. А пока раздевайтесь и поплавайте в бассейне. Белье бросьте в этот люк в полу.

Ли вышел.

Я разделся и начал спускаться по белым ступенькам к воде. Но едва пальцы моей ноги коснулись воды, я вскрикнул от неожиданности, почувствовав уколы тысячи иголок.

— Простите, — услышал я голос Ли около себя, хотя его не было в комнате, — я забыл предупредить вас — вода электризована. Мы не можем обойтись без этого: электричество — это массаж для наших нервов. Я сейчас уменьшу ток.

Ли вошел, повернул рычаг, разделся и бросился в воду.

Поплавав и поныряв, мы вышли. Купанье в электрической воде чудодейственно освежило меня.

— Теперь еще одна электризация, — сказал Ли. — Сядьте на этот стул.

Я покорно уселся на стул, стоявший на черной эбонитовой площадке. И вдруг с концов прутьев «зонта» заструились потоки бледно-лилового света.

— Электрический душ. Хорошо?

— Да... да... о-очень хорошо, — сказал я, чувствуя себя как преступник, приговоренный к смерти на «электрическом стуле». Однако все обошлось благополучно.

— Теперь вот сюда, — продолжал Ли распоряжаться мною, — пройдите к этому шкафу. Это, так сказать, автоматический доктор-контролер. Дайте вашу руку. Так. Это сюда.

Ли приложил к моему пульсу и сердцу пластинки, прикрепленные к шнурам, и погасил свет. На экране появилась светящаяся кривая линия, она отмечала удары моего сердца.

— Да, сердце у вас немного не в порядке, — сказал Ли. — Посмотрим желудок, легкие.

На экране появилось изображение моих внутренних органов.

— Легкие в порядке. Но желудок сильно сокращается. Очевидно, на одном химическом питании пилюлями вам трудно существовать — организм еще не привык. Я закажу вам что-нибудь вроде каши и мусса. У нас также не все еще перешли на пилюли. Есть любители более «существенной» пищи, хотя все эти блюда очень легкие и полужидкие.

Ли зажег огонь.

Я вздохнул, вспомнив о хорошем куске мяса. Но об этом не приходилось и мечтать. Не убьют же они ради меня последнюю корову зоологического сада?

— Ну что ж, у вас все относительно в порядке. А я приму электромассаж.

Ли, улегшись на длинной скамье, нажал кнопку, и вдруг из-под скамьи вылезли какие-то руки-стержни, оканчивающиеся шарами, ручками, лопаточками. Все эти «руки» накинулись на тело Ли и стали мять его, тереть, пошлепывать, барабанить, гладить.

Со стороны казалось, что Ли попал в лапы какого-то страшного паукообразного насекомого. Хорошо, что Ли избавил меня хоть от этого удовольствия. Я бы, наверное, заорал от страха, переломал суставы этих металлических лап и свалился со скамьи.

Но Ли чувствовал себя превосходно, переворачивался с боку на бок и повторял:

— Хорошо, отлично!

Наконец эта экзекуция кончилась. Ли быстро поднялся и оделся в чистую голубую тунику.

— А вот вам, — сказал он, подавая мне такую же тунику из серебристой ткани.

Я оделся. И когда посмотрел в большое зеркало, вделанное в стену, не узнал себя. У меня исчезли не только волосы на голове, но и брови. Костюм придавал мне самый странный вид. «Показаться бы на Кузнецком в таком виде», — подумал я.

— Теперь пять минут отдыха. Ложитесь на это плетеное кресло.

Мы легли. Свет опять погас. Вдруг стена против нас будто упала, открывая вид на берег моря. Луна зажигала изломы волн. Пальмы тихо качались. Я любовался зрелищем.

— Я люблю этот уголок Средиземного моря, — сказал Ли. — И часто вызываю его. Передача по радио, — добавил он. — Отдохнем, и я познакомлю вас с моей женой.

— Вы женаты?

— Да, идем.

Экран погас. Свет загорелся снова. Мы вышли из ванной.

Открыв смежную дверь, Ли сказал:

— Ин, вот человек из прошлого, с которым ты хотела познакомиться.

Я вошел в комнату, которую принял за переднюю, и увидел жену Ли. Она стояла у противоположной стены. Радужно улыбнувшись мне, она сделала приветственный жест рукой.

Я направился к молодой красивой женщине, по привычке протягивая руку. Но она не поднимала своей руки, и я вспомнил, что у этих новых людей рукопожатия не приняты. Я сделал еще шаг и ударился головой о невидимую преграду. Женщина рассмеялась, но тотчас сдержала свой смех и обратилась к мужу:

— Ли, ты разве не предупредил нашего гостя?

— Я полагал, что он уже привык к нашим экранам, — сказал Ли.

Опять экран! Я был уверен, что вижу живую женщину, а не ее изображение.

— Я пока оставлю вас, — сказала Ин, — через десять минут мы будем ужинать.

Экран погас. Когда комната осветилась обычным светом, я оглядел ее и еще раз поразился. Комната была втрое меньше ванной и совершенно лишена мебели. Голые стены без единого выступа, украшения. Неужели это единственная жилая комната? Ли улыбнулся, заметив мое удивление.

— Ваше жилище очень скромно, — сказал я.

— Зато удобно и гигиенично.

Ли нажал ногой на одну шашку паркетного пола, и вдруг из пола поднялся круглый стол на круглой колонне и два стула.

— Садитесь, — сказал Ли.

Мы уселись.

— Спрашивайте, — с улыбкой предложил Ли.

Действительно, мне приходилось спрашивать без конца.

— Эль говорил мне, — начал я, — что у вас нет правительства, нет служащих, нет чиновников. Но как же вы ведете свое хозяйство? Вот вы вызвали мне костюм. Значит, должен же кто-то вести учет.

— Учет у нас поставлен образцово. Все это теперь делается очень просто, механически. Я вызываю нужную вещь. Механически она подается из склада и присылается сюда по пневматической трубе. Одновременно счетчик отмечает отпуск этой вещи. Тот же автоматический счетчик подводит итоги. И к концу года мы знаем, какая у нас потребность в том или ином предмете, какой годовой прирост, сколько надо заготовить для будущего. У нас нет меняющихся мод, и некоторые запасы переходят из года в год. Так во всех предметах потребления, вплоть до летательных машин.

— Но должен же быть какой-нибудь контроль? Разве у вас совсем не бывает злоупотреблений?

Ли в недоумении поднял брови.

— Какие могут быть злоупотребления? Я вызову себе лишнюю воздушную лодку? Зачем она мне? Разве я могу полететь сразу на двух? Продать ее я также никому не могу, во-первых, потому, что у нас нет денег, а во-вторых, потому, что каждый сам может взять, что ему нужно. По этой же причине нет

никакого смысла красть или присваивать. У нас совсем нет преступлений этого рода. И не то чтобы мы стали нравственней, а просто преступления потеряли всякую цель. Мы имеем все, что нам надо. Вот вы сказали, что жилище очень скромно. Но что необходимо для здоровой жизни? Свет. Вы видите прекрасное освещение для ночи.

— Электричество?

— Нет, бактерии.

— Бактерии?!

— Да, светящиеся бактерии. И это окно во всю стену для солнца. У нас идеальная вентиляция и отопление, в котором, впрочем, нет особой нужды, так как мы утеплили весь климат наших широт. Что же еще?

— Но культурные потребности: музыка, книги, картины?

— Вы еще познакомитесь с нашим искусством, нашими культурными потребностями.

— Еще один вопрос: где находится ваша жена?

— На южном Алтае. Врачи прописали ей горный воздух.

— Давно?

— Два года. Но ведь для нас не существуют расстояния. Мы часто навещаем друг друга, видимся и говорим так же часто, как если бы мы жили в одной комнате. Есть супруги, и очень любящие, которые постоянно живут на расстоянии тысячи километров и находят это удобным. Вообще вам надо понять одну вещь: никогда еще — по крайней мере у нас в Европе, Азии и Африке — человечество не жило такой дружной, сплоченной семьей, несмотря на то, что отдельные члены этой многомиллионной семьи физически в большей степени разбросаны, чем раньше. Мы находимся в постоянном общении. У меня есть друзья везде — от полюса до полюса, и я веду с ними непрерывные беседы. У нас часто бывают собрания, «съезды», где мы обсуждаем наши общественные дела.

Но все это мы делаем, если хотим, не выходя из комнаты.

Свет погас, экран засветился.

— Ну, вот и я, — сказала Ин. Мне казалось, что она подошла к нашему столу и уселась в кресло рядом с мужем.

— Дети будут сегодня? — спросил Ли.

— Ко сказал мне, что он сторожит в Аравии, во что бы то ни стало хочет первым разыскать шпиона, а Цаль...

— Вот и я!.. — и к столу подошел еще один «призрак» — юноша, очень похожий на Ли.

«У него такие большие дети!» — подумал я.

— Сегодня мы будем пировать, — сказал Ли, познакомив меня с сыном. — Надо показать этому допотопному человеку, что и мы знаем толк в хорошем блюде и приятном напитке.

Глава седьмая

«ВСЕ ВИЖУ, ВСЕ СЛЫШУ, ВСЕ ЗНАЮ»

Ли нажал кнопку у края стола, и вдруг на столе появились два прибора и необычайно узкие, как химические колбы, высокие рюмки.

В тот же момент на столе жены инженера, Ин, также появились блюда — она вызвала их.

Ли поднял рюмку и предложил мне посмотреть жидкость на свет. Рюмка казалась спектром. Жидкость была налита слоями, и каждый слой, не смешиваясь с другими, имел свою окраску.

— Пейте медленно, маленькими глотками. В этой жидкости нет ни капли алкоголя, но зато есть кое-что другое, безвредное и... вы сами узнаете.

Я по совету Ли стал пить очень медленно. Не могу передать моего ощущения. Это была какая-то вкусовая симфония. Вкус все время менялся, и каждый глоток доставлял мне неизъяснимое наслаждение. Я почувствовал необычайную ясность мыслей и какую-то особую жизнерадостность.

— Это не искусственный подъем нервов, а очищение мозга от токсинов — продуктов отравления, — сказал Ли.

— Никогда еще я не испытывал такого вкусового наслаждения, — сказал я.

— Вы еще усилите его вот этим блюдом, — и Ли придвинул мне мусс.

— Вкусно? — спросила, улыбаясь, Ин.

— Изумительно, — ответил я.

Сын Ли с удовольствием смаковал такой же мусс на своем столе, на экране.

— Вы еще учитесь? — спросил я юношу.

— Почему «еще»? — ответил он вопросом.

— Потому что вы молоды. Учитесь в какой-нибудь школе или университете, вот что я хотел сказать.

— В школе? В университете? — опять с недоумением спросил юноша.

«Неужели у Ли такой глупый сын?...» — подумал я. Но скоро мне пришлось убедиться, что я поспешил со своим выводом.

— Он не понимает вашу мысль потому, — вступился за сына Ли, как бы угадавший мою мысль, — что у нас нет школьного возраста и у нас нет школ.

Видя мое изумленное лицо, Ли разъяснил мне:

— Еще ваше время ставило себе задачей приблизить школу к жизни. На этом принципе вы строили свою трудовую школу. Нам удалось осуществить этот принцип, как говорится, на все сто процентов. Школа и жизнь слились у нас воедино или, если хотите, жизнь и практика стали нашей единственной школой.

— Но теория?

— Она изучается также, но это изучение не отрывается от жизни и практики.

Отпив из своей длинной рюмки, Ли продолжал:

— Надо вам сказать, что управление нашими машинами столь несложно, что даже подростки справляются с ними и делают это очень охотно. Даже стоя у «станка», они могут слушать лекции по радио.

— Опять радио!

— Да, именно радио уничтожило ту школу, какая была в ваше время, когда

она, в большей или меньшей степени, отрывала от жизни. Радио учит нас от колыбели до крематория. Мы учимся всегда и всюду. Мы пополняем свои знания на работе, если она не требует особого внимания, и на прогулке, даже и во время воздушного путешествия. Мы слушаем лекции величайших ученых, мы присутствуем при опытах, мы следим за формулами, появляющимися на экране. Только там, где нужен непосредственный опыт, мы прибегаем к вещам — колбам, станкам, сверлам. Но они всегда к нашим услугам — и в заводских лабораториях, а отчасти и на дому. Для химических опытов мы, например, всегда можем вызвать на дом все нам необходимое.

— Вы, вероятно, еще больше удивитесь, — сказала Ин, — если узнаете, что мы почти не читаем книг.

— Да, это верно, — подтвердил Ли. — Мы больше пользуемся звуковой передачей.

— Но как выделить из радиопередачи то, что вам нужно? Ведь у вас одновременно должны действовать сотни радиостанций?

— Каждая радиостанция действует на своей волне, а длина этих волн теперь различается не только метрами, но и сантиметрами и даже миллиметрами. Причем мы совершенно легко выделяем нужную станцию, если даже длина волны ее отличается от волны другой станции всего в несколько миллиметров.

— И потом, — деловито заявил Цаль, — этих станций не так уж много, как вы предполагаете. Наша сеть радиостанций построена по системе поясного времени, или, иначе сказать, по градусам долготы, — одна станция на пятнадцать градусов, так как время отличается на час, считая на ваше время, через каждые пятнадцать градусов. Поэтому от западного берега Африки до восточного берега Азии у нас существует всего десять главных радиоустановок, которые и наполняют радиоволнами каждая свои пятнадцать градусов долготы от полюса до полюса. Есть, правда, еще центральные радиостанции, их радиус действия охватывает всю нашу территорию. Но мы пользуемся ими только для связи с десятью поясными.

— Ты еще не сказал о радиостанциях для передачи энергии, — добавил Ли, — но с ними я еще познакомлю вас. Да, радио внесло огромные изменения во всю общественную жизнь, изменения, о которых вы, вероятно, не смели и мечтать. Радио упразднило необходимость физического скопища людей. Это было огромным гигиеническим достижением, и в то же время радио сблизило людей в общественном смысле. Радио уничтожило не только старую школу, но и старый театр, кино. У нас нет душных, переполненных публикой кино, театральных и концертных залов, аудиторий.

— Почему бы нам не познакомить сейчас нашего гостя с театром? — предложила Ин.

— Отлично, — согласился Ли, — для этого нам не нужно бежать за билетами и тащиться на ваших ужасных трамваях.

Вторая белая стена комнаты вдруг, как по волшебству, превратилась в сцену, если только то, что я видел, можно назвать сценой. Такого художественного богатства, такой обстановки, таких сценических и световых эффектов я не только никогда не видел, но и не предполагал, что они возможны. Мелодичная музыка сопровождала игру актеров. Это был новый род искусства. Речь переходила в пение, и тогда казалось, что идет опера. Жесты и движения бы-

ли естественны, но так слиты с музыкальным фоном, что это можно было бы назвать каким-то новым балетом. Свет менял свою окраску вместе с мелодией и казался светящимися звуками. Это было какое-то синтетическое искусство.

Я сидел как очарованный и был огорчен, когда экран погас.

— Вот мы и побывали в театре, — сказал Ли. — Наши театры совсем не имеют зрительного зала. У них только огромная сцена и еще большее помещение для декораций и машин. У нас только десять театров.

— По поясному времени?

— Да, тоже по поясному. Только десять групп, но зато все они состоят из первоклассных артистов и художников. Как видите, искусство также стало достоянием всех, как наука... Неужели? Я слушаю. Восемь-Д, семь-Ц? Совершенно верно! — Обернувшись ко мне, Ли сказал: — Мой друг Вади, завянутый шахматист, сообщил мне, что он разрешил задачу, которую я задал ему.

— А где он сейчас? — спросил я.

— Все подстерегает американского шпиона, летая над Красным морем. Да, шахматы, — продолжал Ли, — неумиряющая игра. Но и она уже не удовлетворяет нас. Мы исчерпали почти все возможные комбинации. Всякая новая является событием. У нас есть новые развлечения, новые виды спорта и искусства, которые, к сожалению, недоступны вам. Мы, например, испытываем настоящее эстетическое наслаждение, следя за ходом разрешения проблем высшей математики. Наши математические гении увлекают нас своим творчеством едва ли не в большей степени, чем вас увлекали ваши «божественные» тенора. В этой скромной комнате мы можем иметь все, что дают искусство, знание, жизнь. Каждый из нас может сказать; «Все вижу, все слышу, все знаю». По крайней мере, могу знать все из сокровищницы науки и видеть все, что творится в мире...

Речь Ли была прервана каким-то странным звуком, напоминавшим отдаленный фабричный гудок. Этот звук почему-то встревожил Ли, Ин и Цаля. Они сосредоточенно замолчали. В наступившей тишине прозвучал голос:

«Алло. Говорит Радиополис. Всем. Нам удалось получить радио из Америки. Рабочие восстали на заградительных радиосооружениях, захватили в свои руки береговую радиостанцию и успели нам сообщить, что, несмотря на ужасный террор, восстание разрастается. Просят о помощи. Последние слова радиотелеграммы: «Гибнем от дьявольских лучей. Помогите...» — И тут радио замолчало.

Побледневший Ли поднялся.

— Несчастные. Они сожжены этими дьявольскими лучами. Больше медлить нельзя.

Обратившись к экрану, Ли сказал:

— Мы еще увидимся сегодня.

Жена и сын кивнули головами. Экран погас.

— Надо привести в боевую готовность наши силы, которые до сих пор служили мирному труду, — сказал Ли. — Летим со мной, кстати, вы посмотрите наши силовые установки.

Однако в эту ночь нам не удалось осмотреть силовые установки.

Вади, решая шахматные задачи, не забывал зорко наблюдать горизонт. Скоро он сообщил, что неприятельская воздушная лодка вновь появилась в небе, что эскадрилья арабов гонится за ней, но отстает.

— Лодка летит на север. Попытайтесь отрезать ей путь.

Через несколько минут я и Ли уже летели на нашей воздушной лодке навстречу врагу. Вади по радио руководил нашим полетом. Ли осветил доску своеобразного перископа, и мы увидели приближающуюся лодку врага, а за ним, как стая птиц, летели аэропланы, преследовавшие его. Вдруг один аэроплан вспыхнул и начал падать.

— Они погибли! — воскликнул я.

— К счастью, кажется, нет, — ответил Ли. — Американец сжег лучами только крыло аэроплана.

— Но летчики падают.

— Это не страшно.

— Как не страшно?

Однако прежде чем я задал этот вопрос, летчики раскрыли крылья за спиной и начали плавно снижаться.

— А что, если американец пустит испепеляющий луч в нашу лодку? — спросил я с тревогой.

— Ее поверхность неуязвима. Мое изобретение, — скромно сказал Ли. — Массовое применение его еще только налаживается.

Началась бешеная погоня. Американцы летели на север. Наша лодка не отставала. Когда настало утро, я увидел сквозь перископ белые пространства.

— Снег? — спросил я.

— Да, мы за Полярным кругом. Мистер шпион, по-видимому, направляет свой путь в Америку через Северный полюс.

Скоро мы вошли в полосу сплошных туманов и туч. Даже сильный прожектор не мог обнаружить врага.

— Проклятье! — выбранился Ли. — Если бы Америка не мешала, мы отеплили бы и полюс. Собственно говоря, это мы могли бы сделать и сейчас, но выгоды не вознаграждают затрату энергии. Неужели ему удастся скрыться?

Однако у шпионов, очевидно, была цель остаться во что бы то ни стало в пределах Европейской России — я называю по-своему — и выполнить какое-то поручение.

Нам сообщили, что лодка обнаружена позади нас, значительно южнее. Она шла на большой высоте, но ее сумели обнаружить.

Мы полетели на юг. Целая эскадрилья таких же неуязвимых для дьявольских лучей лодок окружила врага.

— Вы можете испепелить лодку шпионов? — спросил я.

— Она так же неуязвима для лучей, как и наша. Мы можем только бросить обыкновенный взрывчатый снаряд.

Очевидно, видя себя окруженным во всех сторон, шпион вдруг произвел совершенно неожиданный для меня вольт: лодка пошла вертикально вверх. Наши лодки последовали за нею.

Мы переместились на корму. Пилоту, вероятно, было очень трудно управлять в таком положении.

— Куда же он? На Марс? — спросил я.

— Немного пониже, — улыбаясь, ответил Ли. — К счастью или сожалению, и его и наша лодки построены не по принципу ракет, которые могут летать в безвоздушном пространстве. Они движутся при помощи винта особого устройства. Смотрите, лодка замедляет ход. Воздух становится все реже и не

служит опорой пропеллеру. Мы догоняем. Но нам надо подняться еще выше, чтобы бросить разрывной снаряд сверху. Вывезет ли наша машина? Отлично! Он не идет дальше. Еще бы немного... Везет... Вот...

Но в этот момент воздушная лодка врага, как снаряд, грохнулась вниз, а вслед за ней полетели в бездну и мы. Я думал, что у меня лопнет сердце.

— Катастрофа? — спросил я, задыхаясь.

— Нет, только уловка врага, — ответил Ли, сидя на спинке кресла.

Я посмотрел в перископ.

— Что это? Море?

— Да, Черное море.

— Он грохнулся в волны. Он погиб?

— Нисколько. Лодка под водой так же хорошо плавает, как летает в воздухе. Ему не удалось скрыться в небе, и он пытается укрыться в воде.

Перед самой поверхностью воды наша лодка остановилась.

— А мы?

— Видите, другие лодки уже нырнули вслед за ним. Остальные будут дежурить на поверхности. Отсюда ему трудно уйти. Я не могу больше оставаться здесь, надо спешить на осмотр силовых установок. Но сначала дадим отдых нашему пилоту.

— На берег. Остановка, снижайтесь, — сказал Ли. Лодка плавно опустилась. Дверь кабины пилота открылась, и на пороге появилась Эа.

— Опять вы? В этом опасном предприятии? — с удивлением спросил я.

— Разве оно опасно только для меня? — без рисовки спросила девушка.

— О, она у нас молодец, один из лучших и бесстрашнейших пилотов. Уста-
ла?

— Нисколько.

— Тогда летим скорее на гелиостанцию.

Глава восьмая

СОЛНЦЕ ПОД ЯРМОМ

Воздушный корабль начал винтом забирать высоту. — Мы летим в солнечный край, который когда-то назывался Туркестаном, — сказал Ли. — Там мы добываем солнечную энергию. Но это далеко не единственный источник энергии. Если бы я стал описывать вам все способы добывания нами энергии, вам пришлось бы слушать не одни сутки. Достаточно сказать, что каменный уголь мы давно оставили. Его осталось слишком мало. Кажется, нет больше ни одной силы природы, которую мы не использовали бы. Мы добываем энергию, пользуясь работой ветра Мы покорили вулканические силы, заставили работать земной магнетизм и земные электрические токи. Нам служит атмосферное электричество. Даже грозу, которой некогда с ужасом поклонялись как страшному богу, мы запрягли на службу человечеству. Морские волны, морские приливы и отливы — наши работники-богатые. Я уже не говорю о водяных двигателях. Высоту культуры мы теперь измеряем по количеству потребляемых киловатт. И, я думаю, это самый верный и точный измеритель. Все безграничное количество энергии, получаемой нами, мы перегоняем в центральные аккумуляторы и оттуда распространяем по радио во все уголки наших стран: по поверхности земли, в небо, где летают наши корабли, в глубину океана для наших подводных судов и даже под землю. Ну вот, мы, кажется, и прилетели, — сказал Ли.

Наш воздушный корабль мягко опустился, и я вышел из кабины. Как ни хорошо освещалась внутренность корабля, я невольно прищурился от яркого солнца. Оно резало глаза до боли. Я бывал на юге. Но этот свет как будто стал ярче, ослепительней.

— Наденьте темные очки, — сказал Ли, подавая очки. — Вы не привыкли к этому освещению.

Надев очки, я увидел, что ослепило меня не столько солнце, сколько огромные зеркала, отражавшие его. Эти зеркала имели форму усеченного конуса. По оси его были расположены паровые котлы, окруженные стеклянным футляром. Особое приспособление с часовым механизмом поворачивало зеркала вслед за солнцем.

— Видите, как все это просто, — сказал Ли. — Зеркала, поставленные под углом, собирают солнечные лучи в один фокус и нагревают воду до точки кипения. Получается пар. Он приводит в действие электрические машины, а энергия, как я сказал вам, передается по радио.

К Ли подходили люди в таких же костюмах, как и он, ни лицом, ни наружностью не отличавшиеся от него. Ли говорил с ними о сложных технических вопросах, бросая непонятные для меня слова и термины.

Когда мы остались одни, я спросил:

— Вы разговаривали, вероятно, с инженерами. Но где же рабочие? Я хотел бы посмотреть на них.

Ли окинул меня удивленным взглядом.

— Рабочие? Каких таких особенных рабочих вы ищете? Мы все рабочие. Один из нас знает немного больше, другой меньше, один более талантлив, другой менее, вот и вся разница. Но вернее, пожалуй, сказать, что у нас все —

инженеры. Потому что каждый из наших рабочих знает больше, чем знали инженеры вашего века.

С нескрываемым удивлением смотрел я на работу этих «инженеров». Здесь никто не кричал, не распоряжался, каждый знал свою роль, все работали согласованно, как музыканты в оркестре без дирижера.

— Вы удивлены этой «концертностью»? — спросил меня Ли. — Да, тут есть маленький секрет. Конечно, здесь большую роль играет простая привычка к коллективному труду. Вспомните хотя бы пчел, которые умеют так дружно работать, не мешая друг другу. Но у нас дело обстоит несколько сложнее. В тех случаях, когда нам надо срочно произвести работу, требующую участия рабочих масс, мы пускаем в ход передачу мысли на расстояние. Невидимый вами «дирижер» направляет и координирует действия отдельных работников и массы в целом.

— Передача мысли на расстояние?

— В этом нет ничего удивительного. Эль говорил, что и в ваше время уже знали, что всякая мысль сопровождается излучением электромагнитных волн. Мы развили в себе высокую чувствительность к восприятию этих волн. И при помощи передачи мысли на расстояние нам удалось создать идеальные трудовые «артели».

— Но не подавляет ли это личность?

— В вас еще не отмер индивидуалист, — улыбаясь, ответил Ли. — У нас нет противоречий между личностью и обществом. Все, что полезно обществу, полезно личности. Настанет время, — продолжал задумчиво Ли, — и энергия мысли заменит собой радио. По крайней мере, в области обмена мыслями. Мы иногда и теперь прибегаем к этому способу разговоров.

— Какая невыносимая жара! — сказал я, задыхаясь от зноя.

— Спустимся в подземные галереи, там вы освежитесь, — предложил Ли.

— Шахты? — спросил я.

— А вот увидите, — загадочно ответил Ли.

И мы спустились по отлогой галерее на широкую площадку, находящуюся под землей.

— Садитесь в лифт, это будет скорее.

Лифт перенес нас на глубину двух десятков метров.

Выйдя из лифта, я увидел, что нахожусь посреди огромной круглой залы с высоким сводчатым потолком. Мягкий свет заливал эту залу. Во все стороны от нее шли широкие туннели.

Мы углубились в один из этих уходящих вдаль туннелей. Я с удовольствием вдыхал чистый свежий воздух. Туннель все расширялся, и в конце его я увидел нечто, заставившее меня остановиться от неожиданности. Казалось, я вижу мираж в пустыне. Перед нами вырос огромный тропический сад. Среди пышной, сочной растительности струились фонтаны. Дорожки были посыпаны золотистым песком. Посредине сада покоилось тихое озеро необычайно чистой голубой воды. Множество птиц летало меж деревьев, наполняя воздух щебетаньем и шелестом крыльев. И над всем этим — голубой полог неба или стекла — я не мог этого определить — с огромным «солнцем» посередине.

— В этом подземном городе живут работники нашей солнечной станции, — сказал Ли. — Не правда ли, хороший уголок? Многим так нравится здесь, что они проводят под землей все свое свободное время, наслаждаясь ти-

шиной, прохладой, прекрасным воздухом и солнечным светом, который передается сюда системой зеркал. Радиоэкраны позволяют им видеть все, что происходит в мире на поверхности земли. Их комнаты ничем не отличаются от моего белого домика. Если у нас будет время, я покажу вам замечательный аквариум, зоологический сад...

Слова Ли были прерваны каким-то грохотом, раздавшимся над нашими головами. Ли насторожился.

— Идем скорее на поверхность, там что-то случилось, — сказал он.

Мы быстро поднялись и вышли, вернее, вошли в горячую печь ярких лучей туркестанского солнца.

В тот же самый момент я увидел странное явление: на безоблачном небе вдруг образовалось прямо над нашими головами небольшое черное облачко.

Вдруг ослепительная, даже в лучах солнца, молния прорезала облако и, полоснув по небу, ударила в зеркальный собиратель солнечных лучей. Я невольно пригнулся от последовавшего удара грома. Осколки зеркала брызнули, как золотой дождь, в разные стороны.

— Разрядник! — закричал Ли.

Но люди уже сами знали, что делать. Не прошло и минуты, как в разных местах из-под земли начали показываться толпы людей с различными инструментами. Казалось, будто кто-то раскопал огромный муравейник и все муравьи вышли наружу.

Мне никогда не приходилось видеть, чтобы люди работали с такой быстротой и организованностью. Их было не меньше нескольких сот, и тем не менее не слышалось ни криков, ни приказаний. Каждый знал свое место, работал как часть хорошо слаженной машины. Никто никому не мешал. Ни суеты, ни давки. Одни несли запасные зеркала, другие раздвигали складные лестницы, иные разбирали осколки. Не прошло и нескольких минут, как солнечные установки были исправлены, мусор и остатки зеркал унесены. Люди ушли под землю, и ничего больше не напоминало о разрушении. Я был восхищен этой необычайной организованностью и невольно вспомнил слова Ли об оркестре, руководимом невидимым дирижером при помощи излучения мысли.

— Однако что произошло? Откуда эта неожиданная гроза? — спросил я Ли, когда все улеглось.

— Работа американцев, — ответил Ли. — Они сгущают на расстоянии атмосферное электричество и вызывают грозу. Очевидно, у нас где-нибудь произошел временный прорыв воздушного заграждения. Этим и воспользовались враги, чтобы нанести разрушения нашим силовым установкам. Но в другой раз им это не удастся. Недавно мною поставлены грозовые разрядники. К сожалению, их не применяли до сих пор, считая, что и воздушное заграждение вполне охраняет нас.

Я не заметил, как подошла к нам Эа. Она сказала Ли, что шпионы пойманы, что в последней борьбе они уничтожили два наших корабля, но вместе с тем погибли и сами.

— И потом... — Эа наклонилась к самому уху Ли и что-то прошептала. Я удивился этой чрезмерной предосторожности.

Ли кивнул ей головой и, обратившись ко мне, сказал так же тихо:

— Сейчас мы выступаем.

Затем он добавил, несколько повысив голос:

— Момент слишком серьезный. Нужна особая осторожность. Идем.

Глава девятая ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Внебе насколько хватал глаз видны были стаи птиц. Можно было подумать, что куда-то на ночлег слетались со всего света вороны. Но это были не птицы, а воздушные корабли, среди которых находился и наш.

— Атлантический океан! — крикнул Ли, стараясь перекрыть шум ветра за стенками нашего снаряда.

Атлантический океан? Давно ли мы были в Туркестане? Решительно, эти люди победили время.

Развернувшаяся внизу картина заставила меня вскрикнуть от удивления. Весь берег моря был заполнен необычайными существами, которых можно было принять за чудовищных вымерших животных. Это были какие-то странные пресноводно-воздушные животные. Хотя они были похожи друг на друга, одни из них, дойдя до края отлогого берега, погружались в волны и, очевидно, продолжали свой путь под водой, другие плыли по поверхности воды, иные летели над океаном.

— Не правда ли, это напоминает картину первобытного мира? Стадо чудовищных ящеров идет на водопой! Это наши истребители. Они одинаково хорошо чувствуют себя на воде, под водой и в воздухе.

Их были тысячи, быть может, сотни тысяч. И тысячи воздушных кораблей реяли в воздухе. «Какая истребительная война! — подумал я. — При таком количестве участников в один день могут погибнуть миллионы людей».

— Сколько человек насчитывает ваша армия? — спросил я Ли.

— Вы хотели спросить, вероятно, сколько киловатт? — ответил он вопросом.

Я посмотрел на него с недоумением.

— Эти орудия истребления таят в себе миллиарды киловатт энергии. А людей? Семьдесят три человека, считая и нас с вами.

— Но позвольте, кто же управляет всеми этими машинами?

— Эти машины не имеют людей. Небольшое же число людей, составляющих всю нашу «армию», управляет движением машин на расстоянии, по радио.

— Так значит?...

— Значит, это будет больше войною машин, чем людей. «Победит тот, у кого выше техника», — ведь так, кажется, говорили и в ваше время?

В этом новом для меня мире я совершенно потерял представление о времени. Побеждая огромными скоростями передвижения пространство, эти люди победили и время. Я не мог определить, сколько минут или часов продолжался наш полет над океаном. Летя с бешеной скоростью, мы как будто хотели догнать солнце. Его последние лучи еще золотили высокие облака над нами, когда Ли сказал:

— Мы подлетаем к берегам Америки.

Я посмотрел на него и увидел, что, против обыкновения, он был взволнован.

— Настал день, — сказал он, — когда решится судьба мира. Погибнем ли мы

или погибнут наши враги, но земной шар больше не будет разделен на две половины. Но я уверен, что погибнут они. Мы не можем погибнуть потому, что за нами — будущее, а они — последняя мрачная страница прошлого.

Не успел Ли досказать эту фразу, как и я уже отчетливо увидел американские берега.

Еще несколько мгновений, и наши корабли уже летели над берегом, выползали из океана, быстро покрывая своими громоздкими черными телами отлогий берег. Место было пустынное. Мы летели значительно тише, и я мог хорошо рассмотреть невеселый ландшафт. Берег отлого поднимался и переходил в обширную равнину, края которой пропадали во мгле надвигающегося вечера. «Неплохой плацдарм, есть где развернуться, — подумал я. — Но почему нет врага? Мы, очевидно, застали их врасплох».

Вспыхнули прожекторы, и сразу над равниной настал «голубой день». Яркий голубой свет осветил дали, и я увидел странное явление: из-за далекого леса медленно, как слоны, двигались какие-то существа, напоминавшие гигантских сороконожек... Они направлялись к глубокой расселине, пересекавшей равнину.

— Это мосты, — сказал Ли. — Очевидно, о нашем приезде уже узнали.

— Мосты? Ходячие мосты?

— Старая штука, — ответил Ли. — У нас вам разве не приходилось видеть? Их устои подвижны, как ноги. Этими ногами, конечно, управляют люди. Управляют издалека. И мосты идут и становятся на место...

А мосты молча, деловито продолжали свое шествие, дошли до расщелины и начали осторожно, как лошадь, опускающая ноги в воду, нащупывать почву. В ту же минуту я заметил, что ноги «живых мостов» удлиняются, растут, пока не нащупают дна. Таким образом они перебираются через расщелины, пока передний конец моста не ляжет на противоположной стороне. И мост готов. Не успели мосты наладить переправу, как из-за леса появились огромные танки, ползущие по земле, а небо, как тучей саранчи, покрылось воздушными судами.

Мы спустились на землю. Наш воздушный корабль поместили в глубокую расщелину. Ли разложил перед собою карту боя. Это была особая, светящаяся карта, где отражалась вся картина боя. Вместе с тем на карте имелись едва заметные кнопки.

Бой начался.

Впрочем, слово «бой» не подходило к тому, что я видел. Это была какая-то борьба стихий. В небе воздушные корабли столкнулись, как две грозные тучи. Эти тучи изрыгали из себя снопы огня. Корабли сталкивались, разбивались в щепы и падали на землю ливнем металлических осколков и светящимся дождем расплавленного металла. Бешеным хороводом кружились стальные птицы в погоне друг за другом, смерчем поднимались выше облаков, опускались почти до земли, вихрем уносились в сторону и опять возвращались. Редели тучи стальных птиц, проливавшиеся обломками на землю, и вновь сгущались от новых налетевших кораблей. Им не было числа, не было конца.

То, что происходило на земле, было не менее страшно, изумительно, фантастично. Неожиданно для меня земноводные танки выпустили из стальных тел огромные клешни и бросились друг на друга, как огромные муравьи или

бешено злые скорпионы. Они «жалили» друг друга струями огня, в клочья рвали стальными клешнями стальные тела, разбрасывая металлические обломки далеко вокруг. Не прошло и часа, как на месте гладкой равнины выросла целая гряда обломков, пепла, кусков расплавленного металла. Но гора эта жила, кишела, как муравейник. Танки прорывали ходы в этой горе, всюду ища противника.

Удивительнее всего было то, что во всей этой стихийной борьбе, во всех этих машинах не было ни одного человека. На поле сражения проливалась не человеческая кровь, а расплавленный металл, валялись не груды мяса, а стальные обломки. Ли был прав. Это была в подлинном смысле слова война машин. Люди где-то сидели, сидели вдаль и направляли машины, которые как будто стали живыми существами.

Одного из этих живых существ, одушевлявших мертвые машины, я видел перед собой. Это был Ли.

Он уже овладел собой. По крайней мере, был внешне спокоен. Склонившись над картой, мерцавшей фосфорическим светом, он внимательно следил за происходящим на поле сражения, как-то разбираясь во всей этой путанице мелькавших по карте пятен, теней и лучей, время от времени отдавал кому-то короткие приказания в рупор и непрерывно нажимал клавиши, укрепленные на карте. Я видел, как от каждого его прикосновения перемещаются на карте темные пятнышки, а взглядываясь в перископ — как стаи кораблей и густые ряды танков, повинувшись его руке, движутся в разных направлениях. Если бы не этот перископ, то, глядя на Ли, можно было подумать, что он занят игрой в шахматы.

«В конце концов, эта война не так уж страшна, — подумал я, не высказывая вслух свою мысль, чтобы не помешать Ли. — И, пожалуй, она гуманнее прежних войн. Здесь гибнут не люди, а машины».

— Но за машинами стоят люди, их жизнь и благополучие.

Кто это сказал Ли или я подумал вслух? В ту минуту я сам не мог отдать себе отчета в этом. Я посмотрел на Ли. Лицо его нахмурилось. Он нервно сжал губы и несколько раз нажал на одну и ту же кнопку. Но она, видимо, не действовала. Я посмотрел в перископ и увидел, что на одном участке наши танки стоят как парализованные, а вражеские усиленно истребляют их.

— Несчастные, они погибли, — тихо сказал Ли.

— Их погибли тысячи, — ответил я, думая, что Ли говорит о машинах. — Почему же вы жалеете только эти?

— Погибли не машины, а люди. Те, которые руководили этим участком, — ответил Ли.

Только впоследствии, разговаривая с Ли, я вполне понял значение происходящих событий. Оказывается, не здесь, не на поле сражения, происходили самые драматические сцены. Главное внимание противников было направлено совсем не сюда. Исход сражения зависел от того, кто первый найдет и поразит наибольшее количество пунктов, откуда люди управляли действиями своих машин и орудий истребления. Найти эти пункты, находящиеся на огромном расстоянии от поля сражения, было нелегко. И все-таки их находили благодаря особым пеленгаторным аппаратам, определявшим направления радиоволн. Один только Ли рискнул поставить свой корабль почти у самого места сражения. Но у него, как я потом узнал, был свой расчет. На месте сражения

перекрещивалось столько радиоволн, что выделить излучаемую нашим кораблем радиоволну врагу было особенно трудно.

Сражение продолжалось, и расчеты Ли оправдывались. Нас не замечали. К утру сражение велось уже с явным перевесом в нашу пользу. Европейцы нащупали и истребили несколько американских руководящих центров, быстро покончив с истребительными машинами на соответствующих участках поля сражения.

Когда солнце осветило выросшую за ночь гору обломков, Ли, в первый раз за много часов, поднял голову от карты и, улыбаясь, сказал:

— Победа! Теперь уже явная победа! — И, склонившись вновь над картой, он опять углубился в свое занятие.

Вдруг карта как-то потускнела.

— Они нащупывают нас! — тихо проговорил Ли. От этой неприятной новости у меня холодок пробежал по спине.

— Что же теперь будет? — спросил я. — Уйти незамеченным невозможно. Нас обнаружат и испепелят.

— Да, положение серьезное. Нам нужно подумать о себе.

— Что вы думаете предпринять?

— Попытаюсь «провалиться сквозь землю», — улыбаясь даже в этот опасный момент, сказал Ли.

Я принял это за шутку. Но Ли говорил совершенно серьезно. Правда, мы не «провалились» сквозь землю. Но наше воздушно-земноводное судно, оказывается, имело еще одно качество, о котором я не знал.

— Этого не знают еще и американцы, — сказал Ли. Он отдал приказ, и я услышал какой-то новый глухой шум.

— Носовая часть нашего корабля, — пояснил мне Ли, — снабжена особыми сверлами, которые буравят землю. Для этих сверл даже гранит не представляет преграды. Мы будем врываться в землю, как кроты. На время, чтобы «замести следы», мы не будем излучать радиоволн. Таким образом, мы проберемся под землей на новое место и там поднимемся на поверхность.

Мощные сверла работали, прорывая узкий туннель. Особые лапы отбрасывали землю назад. Сверла скрипели так, что этот пронзительный звук слышался сквозь плотные металлические стенки корабля. И весь корабль дрожал лихорадочной дрожью. Металлические «кротовые» лапы скребли землю и продвигали длинное тело корабля. Судя по наклону пола, мы зарывались в землю все глубже.

Куда приведет меня это подземное путешествие?...

Глава десятая

ГОРОД-НЕБОСКРЕБ

Бурав скрежещет, скребут стальные «кротовые» лапы. Наша стальная птица, превратившись в подземное животное, неустанно роет землю и продвигается вперед.

Временами скрежет сверла внезапно прекращается: мы попадаем в подземное озеро или реку. Тогда слышится шум винта, заменившего бурав. Потом опять скрежет. Я не знаю, из чего сделан бурав. Но он режет даже гранит и безостановочно пролагает нам путь. Только иногда, очевидно, встречая слишком твердые пласты почвы, наш умный «крот», чтобы не задерживать движения вперед, обходит залегания рудных пластов и находит более мягкую почву.

Наше подземное путешествие продолжалось несколько часов, и я уже начал уставать от однообразного шума. Посмотреть же, что делается на земле, мы не решались, опасаясь радиоволнами обнаружить наше местопребывание. Ли только отмечал на карте наш подземный путь.

— Где мы находимся? — спросил я его.

— Не могу сказать вам точно. Наш корабль так часто изменял направление, что нетрудно сделать ошибку. Мы должны быть где-то в окрестностях Нью-Йорка.

— А он еще существует?

— Да, и под своим старым названием. Сейчас мы станем подниматься на поверхность.

— Но это не опасно?

— Я думаю, что наверху борьба уже окончена. И потом, надо же нам когда-нибудь подняться на землю. Довольно рыть кротовые норы.

Ли отдал распоряжение, и мы начали довольно круто ползти вверх. Лапы «крота» работали с удвоенной скоростью, как будто ему самому захотелось подышать свежим воздухом. Еще несколько минут, и я услышал, что скрежет сверла прекратился. Стальные членистые лапы продвигали нас вперед.

— Нос нашего корабля вышел на поверхность, — сказал Ли.

— Быть может, это вода?

— Тогда слышался бы шум винта. Я думаю, мы можем выходить.

Люк был открыт. Я вышел наружу и невольно вскрикнул от удивления. Мы находились в центре какого-то зала необычайных размеров. Скорее всего, это была площадь большого города, но над ней возвышался потолок.

«Без единой колонны! Как он держится?» — подумал я.

Площадь была полна народа, передвигавшегося в разных направлениях на подвижных площадках пола.

— Вот так штука! — воскликнул Ли. — Мы попали в самый центр города.

— Это город? — не удержался я от вопроса. Ли что-то ответил, но я не слышал его слов.

Наше внезапное появление произвело необычайный переполох. Люди кричали пронзительными, тонкими голосами и бросались в стороны. Подвижные площадки, продолжавшие свое движение, сбрасывали людей и перемешивали груды человеческих тел. Находившиеся вблизи стеклянных стен этого странного города бросались на эти стены и бились о них, как мухи об оконные

стекла. Несмотря на громадную толщину стекол, одна из стен не выдержала натиска и разбилась. И я с удивлением увидел, как толпы людей, словно забыв о нашем вторжении, еще с большим ужасом начали убежать от разбитой стены.

— Что их так напугало? Теперь они бегут к нам.

Нагнувшись к моему уху, Ли крикнул мне:

— Они боятся простуды!

Шум помешал мне дослушать объяснения Ли. Удивило меня другое. Почему вся эта масса людей не пытается оказать нам сопротивление? Я начал присматриваться к этим неведомым людям. Что за странные существа! Неужели человеческая природа так выродилась? Все они напоминали рахитичных детей. Непомерно большие головы, совершенно лишённые растительности, разросшиеся, как лопухи, уши, большие круглые глаза под огромным лбом и непропорционально малая нижняя часть лица, с маленьким подбородком, какой мне приходилось видеть только у грудных детей и глубоких беззубых стариков, делали эти существа малопривлекательными. Вдобавок они имели большие животы, свисавшие на маленькие, тонкие, кривые ножки.

Ли спокойно и несколько презрительно смотрел на эти жалкие существа. В их круглых глазах отражались беспомощность и ужас.

— Идем, — сказал мне Ли. Он отдал распоряжение механику ожидать нас и вызвал Эа — нашего пилота. Люк корабля захлопнулся, и мы отправились в путь среди беснующейся толпы.

Казалось, перед нами несется вихрь, разбрасывающий людей, как сухие листья. Таким вихрем был страх, который мы возбуждали в этих существах. И все же я удивлялся смелости Ли, ведь нас было трое, а их — тысячи.

Мы воспользовались одной из скользящих платформ и подъехали к лифту. Лифт действовал автоматически. Мы сели в лифт, и он послушно понес нас вверх. Ли никогда не был в этом городе, тем не менее он так уверенно держался, что его спокойствие передалось и мне.

Этаж мелькал за этажом, а мы все еще летели вверх. Я попытался было считать этажи, но скоро вынужден был отказаться от этого — они мелькали слишком быстро.

— Мы, кажется, летим на небо! — улыбаясь, сказал я. — Когда же кончится эта Вавилонская башня?

— Трехсотый этаж. Еще двести, — ответил Ли.

Я чувствовал, что у меня начинает замирать сердце. Наконец лифт замедлил движение и бесшумно остановился.

Мы вышли и оказались на площадке уже гораздо меньших размеров. Здесь не было вращающихся площадок, да в них не было и надобности. Площадь замыкалась с четырех сторон стеклянными стенами из голубоватого стекла, скрывавшего от глаз внутренности помещений. В стенах имелось множество дверей с номерами над ними. Ли уверенно направился к одной из них, нажал кнопку, и дверь бесшумно открылась. В ту же минуту, прежде чем мы вошли, из дверей показался молодой человек. Хотя его голова и большой лоб превосходили нормальные (с моей точки зрения) размеры, но все его телосложение было довольно пропорционально. Большие, умные, очень светлые глаза незнакомца вспыхнули радостью, когда он увидел Ли.

— Наконец-то! Я уже беспокоился о вас.

— Здравствуй, Смит, — радушно ответил Ли. — Как дела? Ведь я на несколько часов был оторван от событий.

— Отлично! Полная победа! Но о ней еще не знает весь город. Мы прервали сообщение. Весть о поражении Америки достигла только нижних этажей. Я дал приказ остановить работу лифтов. Ваш подъем был последним. Прошу вас, зайдите ко мне и отдохните.

Ли познакомил нас, и мы вошли в комнату Смита. Она была очень невелика. Шкафы с маленькими ящиками занимали три стены. Несколько чертежных столов были завалены чертежами и приборами, назначение которых было мне неизвестно.

Смит был одним из инженеров, удостоившихся жить в городе. Здесь не только рабочие, но и инженеры жили при фабриках и заводах, город же населяли только денежные аристократы, державшие в своих руках власть. Смит был из рабочих. Блестящие способности выдвинули его на высокий пост. Но он не оправдал доверия господ и примкнул к рабочему восстанию. Все это я узнал от Эа, в то время как Смит беседовал с Ли.

— Как вам понравился наш город? — обратился ко мне Смит.

— Я еще не имел времени ознакомиться с ним.

— Я покажу вам это любопытное сооружение, — продолжал Смит. — Мы находимся на такой высоте, что не можем даже открывать окон: воздух слишком разрежен, и мы рисковали бы задохнуться. Внутри же здания мы дышим «воздухом долин», который подается сюда снизу особыми нагнетателями. Но если опуститься этажей на двести, то можно выйти на балкон. В хорошую погоду, когда нижележащие тучи не мешают, вы можете любоваться величественной картиной необозримых пространств. Старый Нью-Йорк, город небоскребов, давно исчез. На его месте построен один сплошной город-небоскреб, высота которого намного превышает высочайшие горы в мире. Однако нам надо торопиться. Как бы наши птички не улетели из клетки. Вчерашние властители сегодня стали нашими пленниками. К сожалению, не все. Из трех банкиров, управлявших американским миром, два все-таки успели как-то узнать о поражении и бежали. А может быть, они решили предупредить события. Но старик Клайнс у себя. Нам надо захватить его. Идем.

Мы вновь подошли к лифту. Смит телефонировал, и лифт заработал. Мы спустились на несколько сот этажей.

— Это «бельэтаж», — улыбаясь, сказал Смит, выходя из лифта, — здесь живет верхушка капиталистического мира. Сейчас мы пустим в ход вот этот движущийся тротуар и подведем к дому «его величества» мистера Клайнса... Вот и готово. Дверь заперта, но мы сумеем открыть ее.

Смит нажал кнопку, повернул стрелку на циферблате с цифрами, еще раз нажал кнопку, и дверь открылась.

— Сейфы, хранящие сокровища, всегда снабжают сложными запорами...

Мы вошли в вестибюль, роскошь которого поразила меня. К моему удивлению, это была роскошь в стиле минувших веков. Но роскошь чрезмерная, пышность, о которой могли бы мечтать короли средневековья. Мебель из литого золота, малахитовые колонны, тисненый бархат, шелка тончайших узоров, пушистые ковры, зеркала, цветы, роскошные люстры, статуи — все говорило, кричало о силе, могуществе, богатстве владельца этого дворца.

Мы поднялись по белой мраморной лестнице, и перед нами открылся це-

лый ряд залов, отделанных в различных стилях, начиная от стиля Людовика XIV. Белый зал с серебром, красный с позолотой, голубой, бледно-палевый, оранжевый... У меня зарябило в глазах. Казалось, мы переходили из эпохи в эпоху, из века в век. И все эти века были как бы ступеньками, ведущими вверх, на высоту могущества некоронованных королей капитала. Каждый новый зал, в который мы входили, был больше, великолепнее пройденных. Я потерял им счет. Последние были отделаны в неизвестном мне стиле, почти болезненном в своей вычурной роскоши. С огромного бирюзового купола спускались тонкие золотые нити, а на них висели маленькие, светящиеся фонарики, своей формой и игрой цветных лучей напоминающие бриллианты.

Вся мебель была сделана из такой же имитации сверкающих алмазов, бриллиантов, изумрудов, топазов, рубинов...

— Все эти камни созданы химическим путем, — сказал Смит, — но по своему составу они ничем не отличаются от настоящих.

— Но почему мы не встретили ни одного человека? Неужели здесь нет слуг? Или все сбежали?

— Владыки этих мест, — ответил Смит, — не переносят присутствия низших существ — живых слуг. Я думаю, они просто боятся их. Здесь все механизировано. Ну вот мы и пришли наконец к жилым комнатам. Вот дверь в кабинет мистера Клайнса. Дверь, до сих пор закрытая для всех.

Смит распахнул дверь, и мы вошли в комнату небольших размеров, всю заваленную старинными персидскими коврами и японскими шелковыми подушками. Среди груды подушек мы увидели существо, в котором я не сразу узнал человека. Это была какая-то куча теста, завернутого в голубой шелковый халат.

При нашем входе тесто пришло в легкое движение, и я услышал тонкий, визгливый голос. Мистер Клайнс изволил спрашивать, кто мы и как мы осмелились прийти сюда. Эа быстро переводила мне разговор, происходивший на лаконичном новом английском языке.

Мистер Клайнс сердился. Он не слушал того, что говорил ему Смит. Все повышая тон, Клайнс уже визжал, пугая нас страшным наказанием за дерзкое вторжение и за нарушение законов.

— Если вы сейчас же не уберетесь, я нажму вот эту кнопку, и от вас останется пепел! — кричал Клайнс, порозовев от гнева

— Нажимайте, я жду, — спокойно ответил Смит. Из теста отделился кусок, который оказался рукой Клайнса. Рука потянулась к кнопке.

— Я сейчас нажму, я нажимаю! — кричал он, но не приводил своей угрозы в исполнение. Наконец, видя, что Смит приближается к нему, Клайнс, с видом отчаяния на лице, нажал кнопку. Он нажимал все сильнее, а Смит стоял живой и невредимый, насмешливо поглядывая на Клайнса. Тот опять побелел, уже от страха. Клайнс убедился, что смертоносный аппарат испортился. В его заплывший жиром мозг начало проникать сознание, что испортилось что-то не только в этом аппарате, но и в механизме всей государственной машины. Клайнс издал звук мыши, попавшейся в кошачьи лапы. Он даже попытался встать, но тотчас беспомощно опустился в подушки.

— Что же вы хотите? — пропищал Клайнс.

— Мы уже достигли того, что хотели. Вы больше не владеете Америкой. Я пришел сказать вам, что вы арестованы. Извольте следовать за мной.

— Следовать? Куда? Но как же так, вдруг?... Я... я еще не завтракал. Мне предписан строгий режим.

Мы невольно улыбнулись.

— Вас накормят, — ответил Смит.

— Да, но у меня специальный режим... таблетки...

— Вы можете взять их с собой.

— Вы разрешаете? — кисло улыбнувшись, сказал Клайнс. — Они в другой комнате, я сейчас возьму их.

Груда теста зашевелилась, как опара, вылезая из квашни. У Клайнса оказался такой большой живот и такие тонкие ноги, что, казалось, он не в состоянии ходить. И он действительно не мог ходить без механической помощи.

Рядом с Клайнсом стояла колясочка, которую я не заметил среди груды подушек. Клайнс положил на колясочку свой свисающий до колен живот, подняв его каким-то рычажком, повернул ручку, и домашний «автомобиль» тихо покатил к двери, унося полусидящего на маленькой площадке толстяка.

Когда колясочка скрылась за косяком двери соседней комнаты, Смит сказал:

— Надо, однако, последить за этим господином.

Мы прошли к двери соседней комнаты. Заглянув в нее, я воскликнул — картина, которую я увидел, была жуткой.

Клайнс, пыхтя и хрипя от страшных усилий, взобрался на подоконник. Окно было открыто настежь. Толстяк перевесил свое грузное тело, в окне мелькнули тонкие ножки, и Клайнс полетел в бездну.

«Он покончил с собой», — подумал я.

— Проклятый толстяк, он хочет убежать от нас! — крикнул Смит, бросаясь к окну. Я последовал за ним. Круглая туша Клайнса, похожая теперь на головастика, перевернулась несколько раз в воздухе и вдруг превратилась в шар. Шар сразу замедлил падение.

— Парашют, — сказал Ли.

Навстречу этому живому шару уже летел американский аэроплан. Подлетев, аэроплан выбросил сетку и зачерпнул воздух, пытаясь поймать Клайнса, но промахнулся. В тот же момент появилось второе воздушное судно, по конструкции которого я определил, что оно европейское. Оттеснив аэроплан американцев, европейское судно тоже выбросило сеть, подцепило падающий шар и потянуло цепь.

— Ловко! Попалась птичка, — воскликнул Смит. — Но полюбуйте на эту воздушную игру. Можно подумать, что мы присутствуем при новом виде спорта — «пушбол» в воздухе!

Игра действительно шла вовсю. Из всех окон небоскреба падали такие же шарики, а воздушные суда двух враждебных армий гонялись за ними, как голодные стрижи за мошкаррой, стараясь отбить добычу друг у друга. Но это была не игра, а эвакуация, самая странная из всех, которые когда-либо были. Остатки вражеского воздушного флота, проиграв сражение, бросились к городу-небоскребу, чтобы спасти от плена и унести с собой не успевших бежать жителей города. Аэропланы дрались в воздухе, сталкиваясь между собой и упуская добычу. Многие из выбрасывавшихся предпочитали даже поимку их вражеским аэропланом неминуемой смерти на площадке небоскреба, так как

не все парашюты успевали раскрыться. Много обитателей дворца миллиардеров было поймано, но многие из них успели спастись. Спасти на время.

— Дальше Земли не улетят, а весь земной шар теперь в наших руках, — сказал Ли.

Это было верно. Судьба земного шара была решена. Но борьба еще продолжалась, как последние вспышки догоревшего костра. И эта борьба не окончилась еще и для нас лично.

Не успела окончиться охота на падающие шары, как мы вдруг подверглись нападению. К окнам небоскреба начали причаливать вражеские аэропланы, откуда высаживались одетые в черное люди. Мы бросились в соседнюю комнату и заперли дверь. Но это была плохая защита. Град пуль из беззвучно стрелявших пистолетов изрешетил дверь. Если бы мы не стояли у стены, из нас никого не осталось бы в живых. Пули, очевидно, обладали страшной силой, так как пробивали даже стену небоскреба.

«Скверно, — подумал я, — они изрешетят нас».

Смит, не терявший спокойствия, вынул из кармана небольшую металлическую коробочку и сказал:

— Их страшное оружие, должен признаться, мое изобретение. Но они не знают, что я изобрел и защиту против него.

Смит нажал кнопку ящичка, и я услышал жужжание. Затем он направил аппарат на нас, производя такие движения рукою, как будто он опрыскивал нас жидкостью из пульверизатора. Передавая аппарат Ли, он сказал:

— Прodelайте и со мной эту операцию. Здесь собраны омега-лучи, новый вид, неизвестный вам, электроэнергии. Эти лучи облекут ваше тело невидимым флюидом, который охранит вас от пуль. Всякая пуля, прикоснувшись к вашей невидимой оболочке, превратится в пар. Вот посмотрите.

Смит стал перед дверью под градом пуль и начал поворачиваться, как под струей душа. Вокруг него образовалось облачко от превращающегося в пар металла.

В этот момент дверь, уже изрешеченная пулями, с треском раскрылась, и в комнату ворвался отряд людей, одетых в черное. Другой отряд неожиданно показался из двери, ведущей во внутренние комнаты. Этот отряд, очевидно, ожидал конца атаки, чтобы не попасть под огонь атакующих с улицы, от окна.

Вошедшие, видимо, ожидали увидеть груду трупов и были очень удивлены, застав нас невредимыми. Их лица были покрыты черными масками — противогазовый костюм, как узнал я впоследствии, и я не мог видеть выражения их лиц. Но все они начали быстро отступать, встретившись с нами лицом к лицу. Первый отряд присоединился ко второму. Этот маневр был понятен: мы не имели даже парашютов, и путь отступления через окно нам был отрезан. Враги соединенными силами пытались отрезать нам путь во внутренние комнаты, надеясь, очевидно, захватить нас живыми, если не удалось прикончить смертельным оружием.

Однако они, видимо, еще не хотели верить, что это страшное оружие бессильно против нас. Их автоматические пистолеты начали обливаться целыми потоками пуль. Комната наполнилась паром, но мы по-прежнему стояли невредимы.

Враги опустили руки и стали совещаться. Что оставалось делать дальше? Вступить в рукопашную? На это у них — детей миллионеров — не хватало ре-

шимости. Их тела были столь же изнеженными и дряблыми, как и у их родителей. Они были сильны только своим механическим оружием. Смит, хотя был слабее моих европейских друзей, все же выглядел значительно крепче этих выродившихся аристократов. Что касается Ли и даже Эа, то они, вероятно, без труда разбросали бы каждый по десятку этих вояк. Но особенно врагов смущал мой вид. Я должен был казаться им каким-то мастодонтом — настолько мое телосложение было несоразмерным в сравнении с этой новой породой большеголовых, тонконогих людей.

Совещание длилось несколько минут. Самый щупленький и тоненький из них, бывший, очевидно, начальником, отдал какое-то приказание. В ту же минуту из следующей комнаты двинулись резервы. Враги сплотились и начали медленно подвигаться к нам. Отчаянность положения заставила их решиться на рукопашный бой.

Смит принял вызов первым. Он бросился вперед, врезался во вражеские ряды и начал разбрасывать нападавших на него. Однако ему скоро понадобилась наша помощь. Враги облепили его с ног до головы, по трое и четверо повисая на руках, хватали за ноги. Ли, Эа и я бросились к нему и освободили от этих черных муравьев.

При первом же моем столкновении с врагами произошел случай, удививший меня самого. Желая оторвать от Смита крепко ухватившегося за него человечка, я неожиданно для себя поднял всю кучу и перебросил в угол комнаты. Я никогда не был спортсменом-тяжелоатлетом и не выделялся физической силой. Но тела этих существ, не исключая и Смита, оказались необычайно легковесными. Смит упал вместе с ними и хотя, вероятно, расшибся, но был тем не менее очень доволен моим выступлением. Он скоро поднялся и присоединился к нам, а поверженные мною враги лежали недвижимо. Возможно, что от падения все они разбились насмерть. Этот случай произвел настоящую панику среди врагов. Они отступили во вторую комнату. На помощь им шли все новые подкрепления. Я видел, что целая анфилада комнат заполнена людьми в черном. Они решили подавить нас массой. Нам нужно было во что бы то ни стало пробиться вниз, к нашей машине. И мы дружно бросились на врагов. Завязалось горячее сражение, и, пожалуй, без меня моим друзьям пришлось бы плохо. Я расшвыривал врагов, как пустые бумажные пакеты. Они разлетались по всей комнате и замертво падали на мебель, ковры... Несколько тел повисло даже на люстрах. Я пролагал путь, но мне все время приходилось возвращаться назад, чтобы освободить своих товарищей. Эа устала первой из нас. Два или три раза я раскапывал груды вражеских тел, чтобы освободить ее. И ее ответная улыбка — или мне это только казалось? — уже не была безразличной.

Странное дело — эта улыбка прибавляла мне сил. Мне хотелось доказать Эа, что и мы, грубые люди двадцатого века, имеем свои преимущества.

Мы оттесняли врагов комната за комнатой, лестница за лестницей. Но этот небоскреб был чертовски велик, и врагов было чертовски много. Я чувствовал, что изнемогаю. Пот лил с меня ручьями. Руки тяжелели. Хватит ли сил? Эа смотрела на меня и улыбалась...

Глава одиннадцатая

ЖИВЫЕ МАШИНЫ

Еще один этаж, и мы будем у цели. Я почти падал от усталости. Среди пискливых вражеских голосов я вдруг различил крик Ли. Он звал меня на помощь. Оглянувшись, я увидел, что Ли, Смит и Эа повергнуты на землю. Враги всем скопом навалились на них и пытаются задушить. Я бросился на помощь друзьям, но силы окончательно изменили мне. Я упал. Плотная масса тел покрыла меня. Я начинал терять сознание.

В этот самый момент до моего слуха донесся — или это мне показалось? — звук фабричной трубы. Звук этот рос, усиливался и переходил в мощный рев, от которого дрожали стеклянные стены небоскреба. Этот чудовищный звук как будто разбудил меня. Но откуда он исходил? Я высвободил голову из груди тел и посмотрел вокруг. С нашими врагами творилось что-то невероятное. Их изнеженный слух, привыкший к тишине города-дома, и их слабые нервы не переносили резких звуков. А это был не просто звук, а мощный рев. Среди врагов поднялась настоящая паника. Они метались, словно охваченные пламенем пожара, затыкали уши, прятали головы в груди тел, бесновались, катались по полу... А звук все рос, и уже не только стеклянные стены, но и весь остов грандиозного здания дрожал мелкой дрожью. Даже для меня, привыкшего к реву паровозов и автомобильных рожков, этот звук становился нестерпимым. Однако кто бы ни трубил в необычайную трубу, этот ужасный рев явился нашим спасителем.

Еще минута — и наши враги, один за другим, как подкошенные, попадали на пол. Некоторое время их тела конвульсивно подергивались, потом и эти движения затихали. Неужели звук убил их?

Рев трубы прекратился так же неожиданно, как и начался. Огромный зал представлял собою поле сражения, усеянное трупами людей, на телах которых не было ни единого повреждения, за исключением тех, кто подвернулся под мою тяжелую руку.

Я подбежал к моим друзьям и начал приводить их в чувство. Первым пришел в себя Ли, вслед за ним Смит. Эа лежала в полубморочном состоянии. Быть может, и ее нервы не выдержали этой звуковой канонады, а может быть, она была измучена боем? Я поднял ее и бережно понес. Перед нами был открытый путь, если не считать массы поверженных, недвижимых тел. Мы пытались обходить их, но у дверей это оказалось невозможным: здесь тела лежали сплошной стеной. И если из поверженных не все были мертвыми, то едва ли кто вернулся к жизни из тех, по чьим телам прошел тяжелой поступью я — человек двадцатого века.

Наконец мы спустились на нижнюю площадь, посреди которой стоял наш корабль. Механик был около него. Он издали приветствовал нас рукой.

— Вы живы? — крикнул он нам. — Признаться, я уже потерял надежду увидеть вас снова.

— Скажите, — обратился я к механику, — не знаете ли вы, кто поднял такой ужасный рев?

— Я поднял, — ответил он, улыбаясь. — Что же мне оставалось делать? Сидя внутри нашего корабля, я наблюдал в перископ, что делают враги. Они пыта-

лись поднять люк нашего корабля, но это им не удалось. Тогда они принесли машину, при помощи которой хотели расплавить корабль вместе со мной. И я решил отогнать их нашим «громкоговорителем». Кстати, Ли хотел испытать его действие. Ведь это его изобретение.

— Да, — сказал Ли, — «мегафон» — мое изобретение. При помощи особых усилителей я довожу силу звука до таких пределов, что колебания воздушных волн, вызываемые ими, могут убить быка и разрушить стены.

— Настоящая иерихонская труба, — сказал я.

— Такая труба уже была изобретена в ваше время Иерихоном? — заинтересовался Ли.

Очевидно, он не знал легенд далекого прошлого. У меня не было времени рассказывать ему библейскую историю. Эа все еще не приходила в себя, и я начал серьезно беспокоиться за ее жизнь.

— Вот мы сейчас оживим ее. — Ли вынул флакон с жидкостью и поднес к ее носу. Эа открыла глаза и улыбнулась Ли. Я пожалел, что чудодейственная бутылочка не находилась в моих руках. Но Ли как бы угадал мою мысль и сказал Эа:

— Благодарите его — он спас вашу жизнь.

Эа посмотрела на меня и улыбнулась уже мне.

— В конце концов, — скромно отвел я от себя честь спасения девушки, — нас всех спас звук вашего мегафона и механик, который...

— Куда теперь? — спросил механик, перебивая меня. Он тоже отказывался от чести быть спасителем.

— Летим на заводы, где наша помощь необходима, — ответил Смит.

Мы вошли в корабль, механик пустил мотор, Эа уселась у руля управления, и двинулись в путь.

— Хотите посмотреть, как управляется наша машина? — услышал я голос Эа сквозь полуоткрытую дверь кабины.

— Это очень интересно, — ответил я и, пройдя в кабину пилота, сел в мягкое кресло рядом с Эа.

— Управление так несложно, что ребенок мог бы справиться с этой машиной, — сказала Эа. — Вы видите, что, хотя мы плотно забронированы от внешнего мира, весь путь, лежащий впереди нас, с четкостью зеркального отражения обрисовывается на этом стекле. Я вижу весь путь полета. Ножными педалями я регулирую скорость, а рулевым колесом — направление.

Мы очень медленно катились по площади города-дома.

— Вот я пускаю сразу на вторую скорость...

Корабль рванулся вперед.

— И направляю руль сюда...

— Куда же вы?! — вскрикнул я. — Вы направляете прямо на железобетонный остов небоскреба...

Я ждал катастрофы и невольно сжал руку нашего пилота, но Эа только улыбнулась. Острый металлический нос корабля пробил стену огромной толщины с такой легкостью, что я не почувствовал даже толчка, как будто эта стена была сделана из картона. Как мог забыть я, что наш универсальный корабль еще так недавно пробивал толщи горных пород!

Я повернул перископ и начал смотреть на землю. Мы летели невысоко. Растилавшийся внизу ландшафт был ясно виден. Под нами проходили равнины,

извилистые голубые ленты рек. Дорог не было видно, но это не удивило меня. С тех пор как воздух сделался главной дорогой, в земных дорогах не стало нужды. Меня удивило другое. Америка казалась безлюдной, заброшенной землей. Не было видно ни ферм, ни городов. Что бы это могло значить? Я обратился с вопросом к Эа.

— Ферм нет, — ответила она, — потому что продукты питания добываются не на полях, а в лабораториях, химическим путем. А города?... Богачи здесь жили в десяти гигантских небоскребах. Рабочие же... но вы увидите, как жили здесь рабочие.

Воздушный корабль поднялся на высоту, перевалил через большой горный кряж, и я увидел огромную долину с необычайно гладкой поверхностью, как будто вся она была асфальтирована.

— Что это, гигантский аэродром? — спросил я.

— Нет, это всего только крыша, одна сплошная крыша над фабрикой, занимающей сто двадцать квадратных километров.

— Вы так осведомлены в американских делах, как будто уже бывали здесь.

— Если бы мы не были осведомлены о многом, то и не победили бы, — ответила девушка. — Это фабрика., но вместе с тем и город рабочих, так как рабочие здесь живут на фабриках. Под этой беспредельной крышей они рождаются и умирают, не видя неба над головой.

— Как это ужасно! — сказал я, еще не зная, что это только начало тех ужасов, которые предстояло мне увидеть.

Воздушный корабль снизился прямо на крышу. Мы открыли люк и вышли. Смит нажал ногой черный квадрат на серой крыше. Открылась дверь, ведущая вниз. Мы стали спускаться по узкой лестнице, сразу погрузившись в полумрак.

— Здесь хозяева сэкономили на всем, даже на свете. Осторожней ступайте.

Небольшая лестница кончилась, и мы оказались на бетонном полу фабрики. Это здание представляло собой, даже по своей конструкции, полный контраст с городом-небоскребом. Если тот строился по вертикали, то фабрика — по горизонтали. Небоскреб был весь залит лучами солнца, здесь же тусклое искусственное освещение наводило тоску. По расположению это здание было похоже на шахматную доску. Широкие, прямые улицы разделяли квадратные кварталы. Улицы были безмолвны. По полу, с легким шумом трения, двигались только бесконечные ленты, подававшие из квартала в квартал части заготавливаемых машин.

— Зайдем в этот цех, — сказал Смит.

Мы вошли в большую полутемную комнату. Недалеко от дверей вращались два стоявших близко друг к другу колеса, около пяти метров в диаметре каждое. Я подошел к этим колесам и невольно отшатнулся. Между колес прямо на земле сидел какой-то урод. У него, по-видимому, совершенно отсутствовали ноги, так как туловище помещалось в чашеобразном металлическом сосуде. Зато его руки были непомерно велики. Он вращал ими огромные колеса. Это был какой-то придаток машины. К несчастному уроду подошел низкорослый рабочий в замасленном костюме, с масленкой в руке и влил в рот вертящего колеса уродца какую-то жидкость с таким видом, как будто он смазывал машину.

— Вот и пообедал, — грустно улыбаясь, сказал Смит.

Человек с масленкой ходил около колес, где сидели такие же уродцы, и «смазывал» эти живые машины.

Дальше стояла машина с очень сложным и непонятным мне механизмом. В середине этой машины находилось нечто вроде коробки не больше шестидесяти сантиметров высотой, и в этой коробке бегал карлик, нажимая рычажки... И рядом такая же точно машина, с такой же коробкой и совершенно таким же маленьким человечком!

А еще дальше я увидел отверстие в потолке и чью-то неимоверно длинную и тонкую фигуру; собственно, я увидел только ноги, так как верхняя часть туловища от пояса находилась на втором этаже. Время от времени с автоматичностью машины из отверстия появлялись руки, как длинные рычаги, захватывали подаваемые на транспортере готовые части механизмов и поднимали их на второй этаж.

Это была не фабрика, а какой-то музей уродов. Их вид производил гнетущее впечатление. В их неподвижные, тусклые глаза нельзя было смотреть без содрогания. Я много пережил за время своего необычайного путешествия, но еще никогда мои нервы не были потрясены до такой степени. Мне было необходимо собрать всю силу воли, чтобы не упасть в обморок.

— Нет, это слишком... Уйдем скорее из этого ада, — обратился я к Смиту.

Он тяжело вздохнул.

— Да, видеть это — большое испытание для нервов. Но вы не видели и десятой доли всех ужасов наших фабрик. Это, — Смит показал на уродцев, — безнадежные люди, даже не люди, а живые машины. Они не только не могут освободить себя, но им уже ничем нельзя помочь. Конечно, не все рабочие превращены в такие придатки машин. Это, в сущности, пережитки старины. Много лет тому назад наша медицина сделала большие успехи в изучении действия желез внутренней секреции на развитие человеческого тела и отдельных органов. Хозяева этих фабрик не преминули использовать успехи науки для своих целей. Они заставили ученых путем подбора и воздействия на железы создавать людей, которые являлись бы такой вот составной частью машины.

— И люди соглашались на это?...

— Не люди, а голод... Все делалось «добровольно» за грошовые прибавки, посулы, а изуродованному потомству этих «охотников» ничего больше не оставалось, как продолжить участь отцов или умереть с голоду из-за полной неспособности организма делать какую-нибудь иную работу. Это была эпоха «профессиональной приспособленности», доведенной до абсурда.

— Но, в конце концов, разве это могло быть выгоднее простой механизации? Например, этот великан, таскающий руками части машин на второй этаж...

— Идея была не совсем глупой. Люди делались составной частью машин в тех случаях, когда все-таки требовалось регулировать ход трудовых процессов участием сознательной воли. Потом это было оставлено. Но часть производства осталась с людьми-машинами. Они были дешевы и... совершенно безопасны. Если хотите, это и есть символ «идеального рабочего» с точки зрения капиталиста. Согласитесь, что в большей или меньшей степени и в ваше далекое время капиталисты старались «машинизировать» рабочих, прикрепить живых людей к машинам на возможно больший срок, в ущерб физическому и

умственному развитию. Здесь в силу сложившихся условий им удалось осуществить этот идеал до конца. Теперь эти несчастные будут вынесены на свежий воздух, увидят голубое небо и свет солнца. Мы сделаем все возможное, чтобы облегчить им жизнь.

Я вздохнул с облегчением, когда увидел наконец подошедшего к Смиту рабочего, который казался нормально развитым и здоровым, если не считать бледного цвета лица от постоянного пребывания в закрытом помещении.

Смит начал о чем-то разговаривать с рабочим, а мы с Ли и Эа поспешили покинуть эту могилу с заживо погребенными.

Я вышел на поверхность и с облегчением вдохнул свежий воздух.

В этот момент раздался удар грома. Шаровидная молния, такая же, какую я видел на солнечной станции, упала на крышу, с грохотом обрушив часть ее. Еще несколько молний упало вокруг нас.

— Разрядник! — услышал я голос Смита.

Молнии прекратились. Но в наступившей тишине я вдруг услышал громкий голос, как будто исходящий с неба:

— Привет от Клайнса!

На крышу выбежал Смит.

— Проклятье! — кричал он. — Клайнсу удалось бежать!.. Эти беглецы, прежде чем погибнуть, могут наделать нам немало бед...

А Ли, открыв люк нашего корабля, спрашивал механика:

— Вы не отметили направления радиоволны?

— Есть, — ответил он.

— Тогда летим скорее!..

Глава двенадцатая В СТРАНЕ БЕЛЫХ ДИКАРЕЙ

Опять стальная птица кружит в воздухе, увлекая меня в неведомую даль. Эа спокойно поворачивает рулевое колесо. Смит и Ли разговаривают о бегстве Клайнса.

— Не понимаю, как мог еще раз улизнуть от нас Клайнс, эта старая хитрая лисица. Он был в высшем Совете Трех и являлся главой правительства.

— Я уже получил сведения, — ответил Ли. — Наш аэроплан, так ловко подцепивший падающего Клайнса, сам был пойман в сети огромным аэропланом американцев. Четыре наших товарища в плену.

— Клайнса нужно разыскать и поймать во что бы то ни стало.

— Мы и поймаем его, — ответил Ли.

— Не так-то это легко. Его молнии и дерзкое напоминание о себе дали нам направление, но ведь он не стоит на месте.

— Каждый его новый выпад будет давать нам и новые нити к розыску.

— Да, но каждый его выпад будет стоить не одной человеческой жизни!..

Мы летели на юг. Леса, горы и реки проносились под нами, как на киноленте, пущенной с бешеной скоростью. Вот и Панамский канал скрылся позади нас. Не слишком ли мы забираем на юг? Мы летим уже над Южной Америкой... Огромная горная цепь преграждает нам путь. Воздушный корабль набирает высоту, поднимаясь выше облаков. Земли не видно за белой пеленой, расстилающейся под нами. Заходящее солнце опускается в эту пелену, окра-

шивая ее в пурпур.

За нажимает педаль ногой и вдруг бледнеет. Педаль не работает. Мотор остановился. Машина стремительно падает.

К счастью, наш корабль приспособлен к таким случайностям. Из стального тела машины выбрасываются плоские крылья. Но управление испорчено, планирование невозможно. Корабль падает в воздухе скользящими углами, как кусок картона, брошенный с высоты. Каждую минуту корабль может повернуться вниз носом или кормой и грузно упасть на землю. Только огромная высота, на которой мы находимся, дает нам несколько мгновений, чтобы подготовиться к этому неизбежному падению. Никто не говорит ни слова. Для всех ясно наше положение. Мы с лихорадочной быстротой прикрепляем за спиной небольшие крылья, открываем люки и выбрасываемся в вихри крутящегося вокруг нас воздуха.

Крылья затрепетали за нашими спинами, мы повисли в воздухе, а наш великолепный корабль стремительно падал.

Под нами густые заросли первобытного леса. Еще мгновение, и корабль врезался носом в лесную чащу. Над лесом поднялся огромный столб воды и грязи, который в лучах заходящего солнца казался извержением вулкана.

— Он упал в лесное болото, — сказал Смит.

— Это к лучшему, он уцелеет, — ответил Ли.

— Да, но удастся ли нам извлечь его из болота? — мрачно проговорил Смит.

Через несколько минут наши крылья зашуршали между широких листьев тропического леса. Ярко раскрашенные попугаи с гортанными криками разлетались при виде необычайных птиц, за которых они, вероятно, нас приняли. Завизжала стая обезьян и стала забрасывать нас сочными плодами.

— Нечего сказать, гостеприимные хозяева, — сказал Смит, пытаясь освободить свои крылья от паутины лиан.

В этой гуще растений летать было невозможно. Пришлось плотно сложить крылья и спускаться по деревьям.

Внизу был полумрак. Быстро приближалась темная тропическая ночь. Мои ноги коснулись почвы и тотчас увязли в тине.

— Подождите спускаться, — сказал я своим спутникам, — здесь болото.

Ли зажег карманный фонарь. Луч света блеснул на жидкой поверхности болота. Змеи, обеспокоенные неожиданным светом и нашими голосами, подняли головы над корявыми корнями и угрожающе зашипели. Я быстро вскарабкался на сук, товарищи последовали моему примеру.

— Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — сказал Смит. — Придется переждать до утра на деревьях, а там видно будет.

Мы уселись на ветвях большого дерева, поближе друг к другу, как наши далекие предки, и покорились судьбе. Ни одной звезды не было видно над головой: сплошной полог листьев закрывал от нас небо. От болота поднимались сильные испарения. Я чувствовал, как дрожит соседний сук, на котором сидела Эа. От сырости ее лихорадило. Среди тишины ночи слышались какие-то вздохи, шорохи, чавканье. Где-то далеко протяжно завыл неведомый зверь. И вдруг, покрывая все эти звуки, над нами послышался сильный, как звук паровой сирены, голос:

— Привет от Клайнса!..

Вслед за этими хроматическими переливами раздался визгливый смех.

— Проклятие! — выбранился Смит. — Он издевается над нами! Это он какими-то новыми лучами испортил механизм нашего корабля. Вы оказались правы, Ли, — Клайнс подал о себе весть. Но теперь это бесполезно: наш пеленгаторный аппарат погребен вместе с кораблем.

— Но у меня есть карманный аппарат, с которым я никогда не расстанусь, — ответил Ли. Блеснув фонариком, он определил направление радиоволны и сделал отметку по компасу.

— Вы очень запасливы, Ли, но, к сожалению, ваши отметки не много принесут нам пользы. Без корабля мы беспомощны.

Голоса замолкли, и опять тишина ночи, прерываемая чьими-то вздохами, шипением, криком попугая, которому, должно быть, приснилось что-то страшное. Быть может, неведомые птицы, спустившиеся с неба...

Кажется, это была самая томительная и самая длинная ночь из всех, пережитых мною. Под утро свет луны пронизал густой туман, затянувший все вокруг белым паром. Мы несказанно обрадовались ей.

Пение и пронзительный свист птиц оповестили нас о наступлении утра. Скоро взошло солнце. Туман поднялся и стал редеть. Лес ожил и зазвенел тысячами голосов. Я посмотрел на своих спутников. Они были бледны и истомлены. Я быстро спустился с дерева и попытался ступить на землю. Но это оказалось невозможным.

— Нам придется превратиться в обезьян и путешествовать по веткам, — сказал я своим спутникам.

Цепляясь за ветки, мы перебирались с дерева на дерево в поисках упавшего корабля, но следов его не было. Наконец на одной прогалине Эа увидела воронкообразное отверстие.

— Вот могила нашего корабля, — сказал печально механик Нэр.

Да, это была могила. Нечего было и думать извлечь тяжелый корабль руками пятерых людей.

— Однако что же нам делать? — спросил Ли.

— Прежде всего, поискать место посуше, а потом позаботиться о пище и питье.

— У меня есть немного питательных таблеток, — сказал Ли. — Но нам их хватит всего на несколько дней. А дальше?

— А дальше нам придется приспособливаться к новой пище, — ответил я. — Здесь должно быть много фруктов. Если вы не можете есть их сырыми, мы добудем огонь, как добывают его дикари, и Эа будет нам готовить кушанья.

— Но я не умею готовить, — ответила девушка.

— Научитесь. Я покажу вам, как это делается. Идем.

— Вернее, лезем, — поправил меня Ли.

И мы отправились в путь. Обезьяны досаждали нам своим назойливым любопытством. Они преследовали нас целой толпой, бранились на своем обезьяньем языке, высывали языки, потрясали кулаками и бросались в нас орехами и фруктами.

Я поймал на лету большой орех и, раскусив, съел его. Он был очень вкусен.

— Попробуйте, — предложил я Эа. Но она не решилась есть и проглотила питательную таблетку, предложенную ей запасливым Ли. Позавтракав, мы двинулись дальше. Но это лазанье быстро утомило моих спутников.

— Собственно говоря, — сказал Смит, — нам нет нужды бесконечно лазать, пока у нас есть крылья за плечами. Нам нужно добраться до лесной прогалины, и оттуда мы сможем продолжать путь по воздуху.

— Это правда, — ответил механик. — Смотрите, как ярко светит солнце. Вероятно, там есть чистое от зарослей место.

Мы направились к солнечному пятну и скоро добрались до большой лесной прогалины, залитой водой.

Неизъяснимое чувство свободы охватило нас, когда наши трепещущие крылья подняли нас в воздух. В мальчишеской радости, обернувшись назад, я сделал рукой прощальный жест изумленным обезьянам.

Мы поднялись над лесом и долго летели над зеленым ковром. Наконец этот бесконечный лес окончился. Почва начала подниматься и скоро перешла в горный кряж.

Мы облюбовали живописный склон горы с журчащим родником и опустились у небольшой пещеры.

— Мы, кажется, проходим все этапы человеческой истории, — улыбаясь, сказал я, спускаясь на зеленую лужайку. — Из «древесного» человека мы превратились в пещерных людей.

Посмотрев на Эа, я с удивлением заметил, что у нее смыкаются веки. Как ни был запаслив Ли, он не мог захватить с собой всего. Не захватил он и пилюли, уничтожающие токсины утомления. Смит и Ли также имели совершенно сонный вид. Я натаскал в пещеру сухого мха, сделал мягкие лежа и предложил им уснуть.

— Вы поспите, — сказал я им, — а я буду сидеть у входа на страже. Известно, какая опасность может здесь подстергать нас.

Спутники не заставили себя просить и скоро заснули крепким сном. После бессонной ночи меня также клонило ко сну. Чтобы чем-нибудь развлечься, я решил попытаться добыть огонь. Мне приходилось читать о том, как это делают дикари, но сам я умел добывать огонь только при помощи спичек.

Не упуская из виду пещеры, я прошел к близлежащему лесу, выбрал два сухих сука смолистого дерева и принялся за дело. Укрепив один сук меж корней, я начал усиленно тереть его другим сукон. Работа была нелегкая. Скоро пот лил с меня ручьями, а между тем не появлялось не только огня, но и дыма. Утомительнее всего было то, что я ни на минуту не мог прекратить своей работы, иначе дерево остынет и все придется начинать сначала. Когда наконец запахло гарью и появился первый дымок, я так обрадовался, как будто сделал величайшее открытие, и начал тереть с удвоенной силой. Я был страшно увлечен своей работой. Вспыхнуло пламя, погасло, опять вспыхнуло, еще раз погасло, и наконец сук запылал. Но мне не удалось спокойно насладиться моим торжеством.

В тот самый момент, когда запылало впервые добытое мною пламя, я услышал отчаянный крик Ли, заглушенный каким-то диким ревом. Подняв глаза от пылающего дерева, я увидел дикарей в звериных шкурах. Известно откуда появившись, они вошли в пещеру, захватили спящими моих спутников и теперь тянули их на гору. При виде этого во мне самом пробудились первобытные инстинкты. С диким ревом, не выпуская из руки пылающего сука и размахивая им, отчего пламя разгоралось еще сильнее, я смело бросился на врагов, тыча в их косматые лица горящим обломком.

Вид пламени произвел на них неожиданно сильное действие. Дикари выпустили из рук свои жертвы и, упав на колени передо мной, завывали, прося пощады. Очевидно, эти люди не были знакомы с добыванием огня и приняли меня за божество. Потрясая над головой своим пылающим факелом, я жестами дал им понять, что испепелю их, если они тронут моих спутников. Дикари как будто поняли меня и покорно кивали головами. Потом они стали совещаться меж собой. Я имел возможность более внимательно осмотреть их. Меня поразило, что их лица напоминали лица европейцев, а кожа, хотя и сильно загоревшая, была белого цвета. Очевидно, судьба столкнула нас с белыми дикарями, о существовании которых ходили слухи еще в мое время. В следующий момент я был поражен еще больше. В их разговоре я уловил, как мне показалось, несколько английских слов. И я не ошибся. Смит, также внимательно прислушивавшийся к их речи, вдруг заговорил с ними на каком-то ломаном английском языке, и они, по-видимому, поняли его. Между ними завязалась беседа, перешедшая в довольно горячий спор. Наконец Смит и дикари пришли к какому-то соглашению.

— Нам придется идти за ними, — сказал Смит, обращаясь к нам. — Они не сделают нам зла, если «господин бог огня», — и Смит с улыбкой указал на меня, — не сожжет их своим пламенем.

Нам больше ничего не оставалось, как следовать за дикарями.

— Можете ли вы себе представить, — сказал Смит, когда мы двинулись в путь, — что предки этих дикарей были когда-то стопроцентными американцами. Они были рабочими, которым не повезло. Еще в двадцатом веке безработица создала целую «бродячую Америку», сонмы людей, выброшенных за порог культурной жизни больших городов. Американская цивилизация все более сосредоточивалась в одних крупных центрах, а эти люди оказались представленными самим себе, среди дикой природы. Из поколения в поколение они сами дичали, забывали все культурные навыки, пока наконец, как видите, не превратились в настоящих первобытных людей, которым неведомо даже добывание огня. Если бы не ваш горящий сук, быть может, они убили бы всех нас. Не из злобы, но из простого страха перед неизвестными, новыми людьми, не похожими на них. — И, обращаясь ко мне, Смит добавил:

— Вам придется продолжать играть вашу роль «бога огня». Это облегчит нашу участь...

Я охотно согласился и потряс своим пылающим суком.

Мы поднялись на гору и нашли целый городок пещерных людей. На встречу нам бежали голые мальчишки. Женщины в звериных шкурах не решались приблизиться к нам и с любопытством смотрели на нас издали. У пещер на земле валялись каменные топоры и кости убитых животных. На столбах висело несколько черепов хищных зверей — трофеи удачных охот. Белый как лунь благообразный старик подошел к нам с недоверчивым видом. Я повертел в воздухе догоравшим суком и далеко отбросил его от себя. Дуга из дыма повисла над толпой и медленно растаяла в воздухе.

Глава тринадцатая

ОСВОБОЖДЕННЫЙ МИР

Я с успехом выполнял роль «бога огня». На большой площадке перед пещерным городом ночью и днем горел неугасимый костер, отгонявший диких зверей, за что белые дикари были мне очень благодарны. А вечерами, после захода солнца и наступления темноты, я совершал торжественное «богослужение». В глазах диких людей я имел полное право считаться существом божественным. Дело в том, что я не только владел тайной добывания огня, но и крыльями. Во время нападения дикарей и борьбы с ними у Ли, Смита и механика крылья оказались поврежденными. Сохранились они только у меня и у Эа. И вот в темные вечера, окруженные всеми обитателями пещер, мы подходили с ней к костру, держа в каждой руке по смолистой палке, зажигали наши «жезлы» с разными церемониями и медленно поднимались в воздух. Дикари поднимали вой, опасаясь, что мы вознесемся в небо и они останутся без огня. Но мы не хотели оставить наших товарищей. Помахав в воздухе горящими палками, мы разбрасывали их в стороны. Пылающие угли падали красивыми дугами, а мы плавно возвращались на землю.

Я убедился, что быть «богом» совсем не трудное занятие. Тем не менее я скоро начал тяготиться своей ролью обманщика поневоле. Ночью, сидя у костра, я мечтал о том, как было бы хорошо этих несчастных, одичавших людей освободить от их предрассудков и поднять культурно: научить земледелию, ремеслам. Но в конце концов это можно было сделать и без нас. Если бы мы освободились, мы, конечно, не забыли бы об этих людях. Освободиться, но как? Пользуясь карманным радиоприемником, сохранившимся у Ли, мы могли слышать о том, что нас усиленно ищут, ищут друзья и враги. Из Радиополиса каждую полночь доносился к нам голос Эля.

— Ли, Эа, где вы, отзовитесь! — спрашивал он у эфира.

Но эфир молчал, потому что наша передающая станция была погребена в болоте вместе с нашим кораблем. Ли пытался снестись с Элем посредством передачи мысли на расстояние. Он сосредоточивал всю свою умственную силу и мысленно отвечал Элю. Но, вероятно, какие-то препятствия поглощали слабые электроволны, излучаемые мыслящим мозгом, так как Эль пунктуально продолжал взывать к нам через эфир.

Искали нас и враги. Несколько раз мы перехватывали сигналы Клайнса, посылаемые своим сообщником. Судя по этим сигналам, мы знали, что уцелело еще довольно много врагов и находятся они где-то далеко на юге.

Хотя дикари относились к нам хорошо и не причиняли зла, тем не менее они не хотели отпускать нас, тем более что с нашими знаниями мы были им очень полезны.

Не одну ночь, сидя у костра, мы обсуждали план бегства. Но трое бескрылых связывали руки остальным. Еще я, пожалуй, убежал бы от быстроногих дикарей, отдав свои крылья кому-нибудь из товарищей. Но двое из них все равно оказались бы пешими, их, наверное, нагнали бы дикари. И наше положение только бы ухудшилось. А бежать нужно было во что бы то ни стало. Помимо того, что мы томились нашим бездействием, в то время когда наша, в особенности Ли, помощь была так необходима в другом месте, мои спутники

страдали от голода. Питательные таблетки все вышли, а привыкнуть к новой пище они не могли. И силы их быстро падали, что еще больше затрудняло бегство.

Однажды ночью мы сидели у костра и молчали. Маленький приемник с громкоговорителем передавал музыку Радиополиса. Эта радиомузыка, которой мы иногда угощали наших поработителей, также казалась им сверхъестественным явлением и поднимала наш авторитет в их глазах. Радиополис веселился, празднуя победу. Новый музыкальный инструмент — электроорган — исполнял гимн победы, произведение молодого гениального композитора, соединявшего занятия музыкой с работой на одной из силовых станций. Музыка замолкла. Послышались аплодисменты. После небольшой паузы новый взрыв аплодисментов. Когда они наконец затихли, мы услышали голос Эля.

— Товарищи, — говорил старый ученый, — наша радость безмерна. День, о котором так долго мечтал мир трудящихся, настал. Последняя территория земного шара, где еще царил капитал, неистовствовавший в своей агонии, освобождена. И все же в нашу радость, как в музыку этого торжествующего гимна, который вы только что слушали, вплетаются грустные аккорды. Враг побежден. Но часть врагов бежала, захватив с собой ужаснейшие орудия истребления. Пока существует это последнее гнездо, мы не можем быть спокойны, потому что и разбитый враг может причинить нам много зла. Это первое, что омрачает нашу радость. А второе — вы знаете, о чем я буду говорить. Ли, наш лучший инженер, наша самоотверженная Эа, наш преданный работник Нэр, наш загадочный гость из прошлого и вождь американских рабочих Смит пропали без вести. Несмотря на все наши старания, нам не удалось узнать, живы они или погибли. Они не подают о себе вестей, — голос Эля дрогнул, — как мертвые. Но мы не хотим верить в их смерть и будем продолжать наши поиски, пока не узнаем истины, печальной или радостной. Мы разослали специальные экспедиции во все части мира. Мы обшарим каждый уголок земного шара. И мы их найдем! Вместе с тем мы разыщем и наших врагов, хотя бы для этого пришлось опуститься на дно океана или подняться к звездам. И мы уничтожим их. Только тогда наша радость станет полною и не омраченною ничем.

Долго не смолкавшие аплодисменты покрыли речь Эля.

Взволнованный Ли поднялся.

— Помощь близка, — сказал он, — будем терпеливы. Какое несчастье, что я не могу послать им привет!.. Мне хотелось бы кричать, кричать так, чтобы мой голос слышали в далеком Радиополисе...

Возбужденные, мы так и не уснули в эту ночь.

Несколько дней подряд мы не отходили от радиоприемника. Мы все чаще стали получать сигналы от воздушных судов, которые искали нас. Мы знали о пути их полета. Некоторые пролетали в нескольких сотнях километров от нас. Иные из них погибли от внезапного нападения вражеских судов. Клайнс, очевидно, тоже следил за ходом розысков и старался всячески вредить им.

На исходе второй недели, когда я собирал сучья для костра, ко мне подбежала взволнованная Эа и сказала:

— Идите скорее. Ли получил важные вести.

Я поспешил к отведенной нам для жилья пещере. Там я застал Ли, Смита и

Нэра. Ли нервно тер руки и расхаживал по пещере, рискуя разбить голову о низкий свод. Увидев меня, он сказал:

— Я только что получил известие, что один из наших кораблей сегодня ночью пролетит всего в десяти километрах от нас. На крыльях вам легко преодолеть это пространство. Корабль будет лететь медленно. Постарайтесь чем-нибудь привлечь его внимание, и мы спасены. Второй такой случай может не представиться.

— Вы нужнее, — ответил я. — Летите лучше вы, я дам вам свои крылья.

Но Ли решительно отказался.

— Случай сохранил крылья вам, вы и полетите. Вы — гость среди нас, и я не могу подвергать вас риску остаться здесь, если есть возможность спастись и, быть может, спасти нас. Полетите вы и, на всякий случай, — Эа. Она поможет вам сигнализировать.

Как я ни отказывался, но в конце концов принужден был согласиться.

Мы высчитали время, когда должны были вылететь. Оно приходилось на полночь. Затем общими усилиями мы сделали две большие связки факелов из смолистых сухих ветвей.

В этот вечер, чтобы усыпить бдительность дикарей, мое «священнодействие» отличалось особой торжественностью. Я разбрасывал с высоты целые фейерверки горящих кусков дерева, практикуясь вместе с тем в сигнализации. Дикари были в восторге, с криками одобрения разошлись они по окончании моего представления по пещерам и крепко, как дети, уснули. Впрочем, не совсем как дети. Я уже мог убедиться не раз, что дикари умеют спать с чуткостью животных. При малейшем шуме они просыпаются и засыпают не раньше, чем убедятся, что кругом все спокойно. Поэтому нам надо было соблюдать крайнюю осторожность. От исхода предприятия зависела если не жизнь, то наша свобода.

Мы все сидели у костра. Это было обычно и не могло возбудить подозрения дикарей. Мы прислушивались к их дыханию, вздрагивали, как при крике ребенка во сне. Мы были взволнованы, но молчали. Все уже было обдумано и сказано. Ли посмотрел на хронометр.

— Пора, — тихо сказал он. Мы поднялись. Наступил самый решительный момент. Я и Эа разожгли наши факелы, пламя которых мы должны были поддерживать во все время полета, и начали спускаться вниз, подальше от пещер, чтобы не разбудить спящих шелестом наших крыльев.

Прощание было коротким, но сердечным.

— В добрый путь, — сказал Ли.

Мы тихо поднялись на воздух, пролетели над лесом, обогнули склон горы, поднимаясь все выше и ускоряя полет.

— Если бы не эти факелы, — сказала Эа, — мы могли бы лететь гораздо быстрее.

— Хорошо еще, что ветра нет, — ответил я, — посмотрите, какая чудная ночь.

— Да, но плохо то, что всходит луна. Сегодня полнолуние. В темную ночь наши факелы были бы видны лучше.

Мы поднялись еще выше, но неожиданно попали в поток сильного ветра. Мой факел погас. Хорошо, что я летел не один. Иначе мне пришлось бы опускаться вниз, чтобы добыть огонь трением, а на это ушло бы много времени. Я

зажег свой факел от огня факела Эа, и мы спустились ниже, где было тихо. Скоро мы достигли линии, через которую должен был пролететь наш воздушный корабль. Мое волнение достигло крайних пределов. Чтобы свет наших факелов был лучше виден, мы отлетели друг от друга, создав, таким образом, две светящиеся точки. Несколько раз нам казалось, что мы слышим гул приближающегося корабля, но это был обман слуха.

— Летит! — вдруг крикнула мне Эа, указывая на горизонт.

Она не ошиблась. На диске луны четко вырисовывался силуэт сигарообразного воздушного корабля; пролетев диск луны, он потерялся на фоне темно-синего неба, но потом опять стал заметен. Он шел прямо на нас, быстро увеличиваясь в размерах.

Мы вынули запасные факелы, зажгли их и, держа в каждой руке по факелу, начали махать ими в воздухе.

— Они заметили нас, корабль летит сюда, — возбужденно крикнула Эа.

Но радость наша была преждевременной. Немного не долетев до нас, корабль вдруг начал заворачивать влево. Я размахивал факелами, рискуя загасить их, — корабль продолжал уклоняться в сторону. Вот уж он миновал нас. Последняя надежда угасала...

— Зажигайте все факелы, бросайте часть их на землю, — крикнул я Эа что было мочи.

Вспыхнуло такое яркое пламя, что теперь уже мы сами рисковали сгореть живыми. Жар опалял лицо, я задыхался от дыма, но неистово продолжал махать факелами.

В тот момент, когда отчаяние уже стало овладевать мною, налетевший ветер сдул дым в сторону, и я увидел, что корабль резко изменил полет и быстро приближается к нам.

— Наконец-то! Мы спасены! — крикнул я Эа.

Корабль спустился, замедлил полет, выбросил нечто вроде сети и подхватил нас в эту сеть прежде, чем мы успели бросить факелы. Хорошо, что сеть оказалась металлической и достаточно крупной. Мы выбросили в отверстия сети факелы и с нетерпением ожидали, когда нас поднимут на корабль. Наконец через открытый люк мы были доставлены в просторную каюту.

Первое же лицо, которое я увидел, заставило меня в ужасе отшатнуться. Если бы люк уже не был закрыт, я, быть может, бросился бы вниз. Это было лицо врага. Из одного плена мы попали в другой. Ни слова не говоря, нас заперли в железную каюту, лишенную всякой мебели. Мы были так подавлены, что даже не говорили друг с другом. Что будет с нами? Нам не приходилось рассчитывать на пощаду. И что будет с Ли, Нэром и Смитом?...

Мы летели долго. Наконец мы почувствовали, что корабль снижается, замедляет полет, останавливается. Так же молча наши тюремщики вывели нас наружу. Два ощущения сразу больно ударили по нервам. Яркий свет солнца после полумрака нашей тюрьмы и резкое чувство холода.

Корабль остановился на площадке, лежавшей на поверхности какого-то океана. Кругом плавали огромные ледяные горы. Посреди площадки был люк. Конвоируемые толпой американцев, мы вошли в лифт и стали спускаться. Спускались мы довольно долго. Наконец мы вышли из лифта и пошли по коридору вдоль стеклянной стены. Сквозь толстое стекло проникал снаружи бледный свет. За стеклом виднелось зеленоватое водное пространство с мель-

кавшими в нем огромными рыбами. Мы были на дне океана, в подводном городе — последнем убежище американцев.

Глава четырнадцатая НА РАССВЕТЕ

— Где находится Смит? Где Ли? — и, не ожидая моего ответа, Клайнс спросил меня, очевидно, издеваясь надо мною:

— Какую смерть вы предпочитаете, спокойную, как засыпание, или сопровождаемую агонией ужаснейших страданий?

Да, это был Клайнс. Тестообразный, с огромной головой, он сидел, зарывшись в подушки, и смотрел на меня своими водянистыми глазами.

За стеклянной стеной колыхалась вода, в которой виднелись рыбы, привлеченные светом из комнаты подводного городка.

— Какую смерть вы предпочитаете? — еще раз спросил меня Клайнс.

— Я предпочитаю жизнь, — ответил я.

Мой ответ очень рассмешил Клайнса. Он долго смеялся тонким, визгливым смехом. Наконец, вытерев слезящиеся глаза, он ответил:

— Я тоже предпочитаю жизнь, и потому вы должны умереть. Вопрос только в том — как. Если вы скажете, где Смит и Ли, вы умрете спокойно. Если не скажете — вас ждут страдания, самые ужасные мучения, какие только может испытать человек.

— Смит, Ли и механик погибли при крушении корабля, они не успели надеть крылья.

— Гм... вы уже успели поговорить с этой девушкой!

(Я не стоваривался с нею, но оказалось, что по счастливой случайности она, допрошенная раньше меня, дала такие же объяснения.)

— Ваша ложь будет скоро раскрыта. И тогда пеняйте на себя, — сказал Клайнс. Он хорошо говорил на языке европейцев. Потом он перешел на родной язык.

Коротая время у дикарей, я, — благодаря новым, упрощенным методам усвоения языков, довольно скоро научился говорить на новом английском языке, беря уроки у Смита.

— Приведите врача, — сказал Клайнс.

«Сейчас, очевидно, меня будут пытаться в присутствии врача», — подумал я.

Вошел врач, такой же большеголовый, как Клайнс, но не столь полный — он ходил, не пользуясь подпорками и коляской.

— Осмотрите этого человека, — сказал Клайнс врачу, указывая на меня.

Врач с удивлением посмотрел на мое телосложение, затем приступил к самому тщательному осмотру. Он принес с собой целый ряд аппаратов и последовательно осмотрел с их помощью мои легкие, сердце, печень... Кажется, ни одного органа он не оставил без внимания. Потом он шприцем взял у меня кровь и тут же произвел анализ.

— Ну что? — спросил Клайнс, внимательно следя за всеми манипуляциями врача.

— Прекрасная кровь, — ответил врач. — Количество красных кровяных шариков на двести процентов выше нормального. Это совершенно исключительный экземпляр человеческой породы.

— Прекрасно, — ответил Клайнс.

Я абсолютно не мог понять, какое значение имеет состав крови у человека, которого хотят подвергнуть пыткам и медленной смерти. Скоро, однако, мое недоумение рассеялось. Меня положили на стол возле Клайнса и произвели переливание крови из моих вен в вены Клайнса.

Так вот что значила его фраза «Я тоже хочу жить, и потому вы должны умереть!» Я должен был умереть не только как враг Клайнса, но и потому, что моя кровь должна была продлить его жизнь.

— Я чувствую себя гораздо лучше, — сказал Клайнс вскоре после операции переливания. — Ко мне вернулась моя прежняя энергия. А она мне так необходима. Ведь мы будем бороться до конца. Питайте его лучше, чтобы я смог как можно больше извлечь из него крови, а потом... он получит должное.

Какой ужас! Своею кровью я должен был укреплять силы самого страшного врага моих друзей, укреплять силы для борьбы с ними... Если мне суждено умереть, то хорошо было бы отравить свою кровь, пусть она отравит и Клайнса...

Надо будет поговорить об этом с Эа, может быть, ей удастся достать нужный яд.

Однако мне не удалось привести в исполнение эту мысль. С Эа я виделся только урывками. Причем врач перед каждым новым переливанием производил анализ крови.

Благодаря хорошему питанию и уходу я не очень обессилевал от потери крови в первое время. Но все же постоянное обескровливание начало сказываться. Я чувствовал слабость, головокружение.

Какая нелепая смерть!

Посмотрев как-то в зеркало, висевшее в одной из проходных комнат, я ужаснулся бледности своего лица.

В этот день, во время операции переливания, врач, не стесняясь моего присутствия, сказал:

— Ну, кажется, эти ресурсы близки к окончанию. Нам придется заняться девушкой. К сожалению, ее кровь не так богата красными шариками...

«Эа! Неужели и ее постигнет та же участь?» — с ужасом думал я, лежа на операционном столе.

— А с этим что? — спросил Клайнс, лежавший рядом.

— Мы можем еще использовать его железы внутренней секреции, — ответил врач. — Сделаем пересадку. Это обновит ваш организм и придаст устойчивость составу вашей крови. Однако надо спешить, так как он на грани острого малокровия. Сделаем передышку на несколько дней, возьмем еще два-три стакана крови, и тогда можно будет оперировать.

На меня смотрели как на обреченного и потому совершенно не стеснялись говорить при мне обо всем. Во время операций переливания Клайнс беседовал со своими друзьями и подчиненными. Из этих разговоров я узнал, что американцы на всякий случай заблаговременно приготовили себе это убежище. Подводный город находился в самой заброшенной части мира, недалеко от Южного полюса. Для того чтобы не обнаружить его местопребывания, отсюда не производили никаких радиопередач. Но американские корабли продолжали совершать налеты, сообщая в город о всех событиях.

Посреди комнаты, в которой находился Клайнс, стояли громкоговоритель и

большой экран, на котором отражались события внешнего мира.

Однажды, лежа на операционном столе, я увидел на этом экране картину, глубоко взволновавшую не только меня, но, кажется, и самого Клайнса. Это было во время предпоследнего переливания крови. Экран вдруг осветился, и я увидел площадь в парке Радиополиса. На трибуне, среди радостно возбужденной толпы, стояли Ли и Смит и рассказывали друзьям о своем спасении. Оказалось, что следом за американским кораблем летел наш. Увидав раскиданные по земле догоравшие факелы, друзья, летевшие на розыски, остановили корабль в воздухе. Сотни крылатых людей вылетели из корабля и рассеялись по окружающей местности, ярко освещенной прожектором, чтобы разыскать тех, кто мог зажечь факелы в этой дикой безлюдной местности. Так были найдены Ли, Смит и Нэр.

— Вы, кажется, говорили, что они погибли при падении? — с кривой усмешкой спросил меня Клайнс.

Но усмешка быстро сошла с его лица, когда он услышал о том, что дальше говорил Ли.

Он говорил, что нашим кораблям удалось выследить то место, куда слетаются корабли американцев и откуда они вылетают.

— Таким образом, мы открыли место, где прячется это последнее осиное гнездо.

Случайно повернувшись в сторону Клайнса, Ли сказал:

— Клайнс, быть может, вы видите меня. Так слушайте. Сдавайтесь без боя и отдайте нам наших друзей. Если вы не сделаете этого, мы будем к вам беспощадны. Вместе с вами мы не хотим губить и наших друзей и потому не приводим нашу угрозу в исполнение немедленно. Даю вам сутки на размышление.

Хотя я не видел в этот момент моего лица, но лицо Клайнса, вероятно, было так же бледно, как и мое. Несмотря на протесты врачей, Клайнс приказал немедленно созвать совещание штаба инженеров.

— Мы открыты, — сказал он, когда все явились. — Что делать? Здесь нам оставаться невозможно. Ваше мнение, Крукс.

Я уже слышал эту фамилию. Крукс был главным конструктором, соперничавшим в гениальности с Ли. Его огромная голова с непомерно большим лбом свисала от тяжести на правое плечо, так что он смотрел вбок, исподлобья.

Крукс беспомощно развел руками.

— Мы предвидели то, что рано или поздно будем открыты. Вы знаете, что я сконструировал огромный летающий корабль — целый город, который может вместить всех нас. Этот корабль лежит рядом с подводным городом, в океане. Его движущая сила основана на принципе ракет, и потому на нем мы можем подняться выше атмосферы и летать в безвоздушном пространстве. Мы могли бы продержаться на нем неопределенно долгое время далеко от Земли. Но... тут есть большое «но». Несмотря на все успехи химии, мы не можем обеспечить питанием всех нас более чем на два-три года. Если бы нам удалось возобновить запасы, ну, хотя бы клетчатки, мы бы добыли из нее все, что нужно для питания. Но для этого мы должны держаться ближе к Земле, чтобы наши небольшие суда могли от времени до времени спускаться на Землю в безлюдных местах и пополнять запасы химических продуктов и воды. Но эти малые суда скоро были бы уничтожены один за другим...

— Значит, мы обречены... — раздельно произнес Клайнс.

— Да, мы обречены, как, впрочем, все живущие на Земле, — ответил Крукс.

— Это вы хорошо сказали, — возбужденно проговорил Клайнс, — хотя, может быть, вы и не думали о том, о чем думаю я. Если обречены умереть мы, то пусть не позже, а вместе с нами умрут все живущие, все до одного. Мы взлетим вверх на нашем воздушном городе, и мы... мы пустим в ход атомную энергию. Мы развяжем все разрушительные силы всех атомов, находящихся на земле, и взорвем весь земной шар. Кто возражает против этого? Конечно, никто. Если нам суждено умереть, существование Земли теряет всякий смысл.

На этом совещание было закончено, и все обитатели подводного города начали с отчаянной поспешностью готовиться в последнее путешествие. Так как все шли на смерть, сборы были невелики — нужно было только поднять на поверхность огромный воздушный корабль, перебраться на него и подняться на воздух.

Через несколько часов все было закончено. Огромный город-корабль взмыл над землей.

Все были так поглощены мыслью о предстоящей гибели, что совершенно забыли обо мне и Эа. Мы скоро разыскали друг друга и ушли подальше от всех, в нижнюю часть корабля, игравшую роль трюма. Здесь в огромных кладовых хранились всяческие запасы.

— Эа, неужели через несколько часов, быть может, минут мир погибнет? — спросил я.

— Да, мир может погибнуть, — ответила она. — Мы должны, если сумеем, попытаться предотвратить эту опасность. Но как?...

Мы посмотрели друг на друга, и вдруг наши глаза засветились мыслью — мы уже знали, что одною и той же мыслью.

В этих трюмах должны быть запасы взрывчатых веществ, достаточные для того, чтобы взорвать весь корабль со всеми его обитателями и нами самими. Взорвать корабль прежде, чем Крукс пустит в ход атомную энергию, — и Земля будет спасена!

Не говоря друг другу ни слова, мы с Эа бросились на поиски.

Только бы успеть!..

Обежав несколько комнат, мы наконец нашли то, что искали. В мягких подушках на полках, снабженных пружинами, лежали бомбы. Достаточно взорвать одну бомбу, как взлетит на воздух весь склад. Но мы взяли две бомбы — Эа тоже хотела принять непосредственное участие в спасении Земли.

С бомбами в руках мы в последний раз взглянули друг на друга.

— Прощай, Эа, — сказал я дрогнувшим голосом.

— Прощай! — тихо ответила она, и лицо ее осветилось печальной улыбкой, как бледным лучом солнца, мелькнувшим между осенних туч.

Мы подняли тяжелые бомбы и бросили их на пол.

Взрыв... Пламя... Ничто...

— Эа, Эа! — закричал я, сам удивляясь тому, что еще могу кричать, и открыл глаза... На моем письменном столе горела лампа, а сквозь окно пробивался сумрачный свет московского утра.

— Наконец-то, — услышал я незнакомый голос. Это был голос врача.

— Что с Эа? Она тоже жива? — спросил я доктора, еще не соображая, почему я вновь оказался в Москве.

— Лежите спокойно, — ответил врач. — Вы еще бредите. Вы были очень

больны, но теперь опасность совершенно миновала.

Замок ведьм (повесть)

Глава 1 Беглец

В Судетах с юга на север тянутся кристаллические Регорнские горы с широкими закругленными верхами, поросшими хвойным лесом. Среди этих гор, находящихся почти в центре Европы, есть такие глухие уголки, куда не доносятся даже раскаты грома Кировых событий. Как величественные колонны готического храма, поднимаются к темным зеленым сводам стволы сосен. Их кроны так густы, что даже в яркий летний день в этих горных лесах стоит зеленый полумрак, только кое-где пробиваемый узким золотистым лучом солнца. Земля устлана таким толстым ковром сосновых игл, что нога здесь ступает совершенно бесшумно. Ни одна травинка, ни один цветок не могут пробиться сквозь этот толстый слой. Не растут в таких местах грибы и ягоды. Мало и лесных обитателей. Изредка, пролетая, отдохнет на суку молчаливый ворон. А нет грибов, ягод, птиц, зверей — не заглядывают сюда и люди. Только лесные поляны да болота, как оазисы, оживляют мрачно-величественное однообразие леса. Горный ветер шумит хвоей, наполняя лес унылой мелодией. Ниже, у подножья гор, в деревнях живут люди, работают на лесопильнях и в шахтах, занимаются скудным сельским хозяйством. Но сюда, на высоту, не заходят даже бедняки за хворостом: слишком тяжел путь и длинна дорога.

И старый лесник Мориц Вельтман сам не знает, что и от кого он сторожит.

— Ведьм в старом замке охраняю, — говорит он иногда с усмешкой своей старухе Берте, — вот и вся работа.

Окрестное население избегало посещать участок леса у вершины горы, на которой стояли развалины старого замка. Одна из его башен еще хорошо сохранилась, но и она давно была необитаема. С этим замком, как водится, были связаны легенды, переходившие из поколения в поколение. Население окрестных деревень этого глухого края было уверено в том, что в развалинах старого замка живут ведьмы, привидения, упыри, вурдалаки и прочая нечисть. Редкие смельчаки, решавшиеся приблизиться к замку, или заблудившиеся путники, случайно набредавшие на замок, уверяли, что они видели мелькавшие в окнах тени и слышали душераздирающие вопли невинных младенцев, которых похищали и убивали ведьмы для своих колдовских целей. Некоторые даже уверяли, что видели этих ведьм, пробежавших через лес к замку в образе белых волчиц с окровавленной пастью. Всем этим рассказам слепо верили. И крестьяне старались держаться как можно дальше от страшного, нечистого места. Но старый Мориц, повидавший свет прежде, чем судьба забросила его в этот дикий уголок, не верил басням, не боялся ведьм и бесстрашно проходил мимо замка во время лесных обходов. Мориц хорошо знал, что ночами кричат не дети, которых режут страшные ведьмы, а совы; привидения же создает пугливо настроенное воображение из игры светотеней лунных лучей. Берта не очень доверяла объяснениям Морица и побаивалась за него, но он только смеялся над ее страхами.

Был еще один человек, который не имел никакого почтения к ведьмам старого замка, — чешский юноша Иосиф Ганка. Когда немцы захватили Судеты, он был отправлен ими в трудовой лагерь. Ганка бежал из лагеря, несколько дней скитался в горах и нашел временный приют в сохранившейся башне Замка ведьм. Зная суеверный ужас окрестного населения к этому месту, он чувствовал себя здесь в относительной безопасности. Голод заставлял его бродить по лесу в поисках пищи, но лес не мог прокормить его, и силы юноши падали. Однажды, когда он отдыхал у болота, уже совершенно истощенный, на него набрел Мориц Вельтман. Старый лесник сурово спросил юношу, кто он и что здесь делает. Иосиф посмотрел на лесника и решил, что этот старик совсем не злой, хотя и обратился к нему таким суровым тоном. И Ганка, поколебавшись немного, решил рассказать свою несложную историю.

Выслушав этот откровенный рассказ, лесник задумался. Ганка не ошибся: у старого Морица было доброе сердце.

— Что же тебе здесь пропадать? — наконец сказал Мориц. — Пойдем со мной. У моей старухи найдется и для тебя кусок хлеба.

Это было сказано уже таким ласково-отеческим тоном, что Ганка без колебаний поплелся за Морицем.

Вельтманы жили одиноко в своем домике. Их сын умер в детстве, а дочь работала на фабрике в Брно. Старая Берта радушно приняла Ганку. Так Иосиф неожиданно стал членом семьи Вельтманов.

Берта заботилась о нем как о родном сыне, со слезами и негодованием слушала рассказы Иосифа о его жизни в трудовом лагере, о жестокости новых хозяев. Иосиф чувствовал бы себя совсем счастливым у этих простых и добрых людей, если бы не мысль, что он обременяет их, урывая кусок от скудного стола. Правда, он помогал Берте в ее несложном хозяйстве, но этого ему казалось мало. И иногда он выбирался в лес, чтобы пополнить на зиму запас топлива из хвороста и бурелома. Опасаясь за него, Берта уговаривала Иосифа не отлучаться от дома. Он обещал ей не спускаться с горы к людям и не приближаться к страшному замку. Последнее обещание он, впрочем, не исполнял строго.

Так однажды шел он уже поздно вечером мимо развалин со связкою хвороста. В лесу почти стемнело, но на поляне, окружающей замок, еще стоял рассеянный свет. Темными причудливыми массами поднимались развалины. Четким силуэтом рисовалась в небе уцелевшая башня. Иосиф рассеянно глянул на эту высокую круглую башню и едва не вскрикнул от удивления.

Глава 2

Загадочные обитатели

В узком окне башни Иосиф увидел слабый свет и мелькнувшую тень. Ганка не верил в привидения, и все же он почувствовал, как холодок прошел по его спине. Свет и чья-то тень промелькнули в соседнем окне. В башне кто-то ходил со свечой или лампой. Юноша невольно отступил в чащу, где было уже совсем темно, и продолжал наблюдать. Вскоре он заметил тонкий голубой дымок, поднимающийся над крышей башни. «Ведьмы варят свое волшебное зелье», — сказал бы суеверный крестьянин. Но Ганку вид этого дымка успокоил. Конечно, в башне поселились люди, и они готовят себе ужин. Но кто они? Браконьеры? Здесь плохие места для охоты. Контрабандисты? Граница далеко. Быть может, такие же беглецы, как и он? Это было правдоподобнее всего.

Ганка решил не говорить Берте о своем открытии, чтобы не волновать ее. Но Морицу необходимо сказать. Лесной сторож должен знать, что делается на его участке.

Подходя к дому, Ганка встретил Вельтмана с ружьем за плечом и собакой, всегда сопровождавшей его в обходах.

— Сегодня ночью я понаблюдаю за башней, — сказал Вельтман, — а завтра утром отправлюсь в замок. Я должен знать, кто там поселился.

Ганка предложил сопровождать его, но Мориц не разрешил.

— Позволь мне быть хоть на опушке леса, недалеко от тебя, чтобы прийти на помощь, если она понадобится, — просил Ганка. На это Мориц согласился.

— Но выходи только при крайней необходимости.

На другой день рано утром Ганка уже стоял на своем сторожевом посту, следя за Морицем, который уверенно шагал через поляну к круглой башне. Мориц рассказал, что ночь прошла тихо. Не кричали даже совы, почуявшие присутствие людей. До часа ночи мелькал свет в окнах, потом погас и все утихло. Какая встреча ожидает Морица?

Старый лесник скрылся за развалинами стены, примыкавшей к круглой башне.

Через несколько минут Вельтман вернулся и рассказал обо всем, что удалось узнать. На стук лесника в дверь, которая оказалась уже починенной, вышел старый слуга. Вельтман объяснил, кто он и зачем пришел. Слуга буркнул: «Подождите» — и захлопнул дверь. Скоро явился снова и протянул Вельтману записку. Вельтман узнал почерк хозяина — Брока, которому принадлежали окрестные леса и рудники. Брок удостоверял, что жильцы в замке поселились с его разрешения. Требовал не беспокоить их и не чинить никаких препятствий их действиям.

Записка эта, очевидно, была припасена новыми жильцами заблаговременно. Кто они, зачем поселились, Брок не считал нужным сообщать.

— Я сделал свое дело, — говорил Мориц, возвращаясь с Иосифом домой. — Господин Брок приказывает, чтобы я не беспокоил жильцов. Очень мне нужно их беспокоить. Пусть живут как хотят. Но что значит «не чинить препятствий»?

— Очевидно, им здесь предоставляется полная свобода действий: охотиться, рубить лес или делать другое, что в голову взбредет, — заметил Ганка.

— Все это странно, — сказал Вельтман. — Ну, да наше дело слушаться и не рассуждать.

Прошло еще несколько дней.

Вельтман делал вид, что не замечает замка. Однако, проходя мимо, он следил за круглой башней. Ганка из глубины леса также нередко наблюдал за тем, что делается в старом замке.

Его обитатели вели замкнутый образ жизни: никто не приходил в замок, никто не выходил оттуда. Только один раз, на заре, Вельтман заметил, как к замку подлетел небольшой бесхвостый аэроплан, похожий на летучую мышь, снизился где-то на дворе между развалинами, через несколько минут поднялся и, сделав зигзаг, скрылся за лесом. А Ганка заметил на крыше башни какие-то провода, сетки, которых раньше не было.

На другой день после того, как на крыше башни появились таинственные установки, Ганка стал свидетелем необычайного явления.

Все загадочное привлекает внимание людей. Это любопытство проистекает отчасти из чувства самосохранения: непонятное может грозить нам неприятными неожиданностями. Кроме того, жизнь Ганки была очень однообразна. Немудрено, что замок возбуждал в нем живейший интерес, и Ганка целыми часами наблюдал за ним, скрываясь в чаще леса.

Так и на этот раз он стоял на своем наблюдательном посту. Была темная, теплая, тихая летняя ночь. В двух окнах круглой башни, как всегда, светился огонек. Но сегодня он был довольно яркий, белый. Обитатели замка, видимо, обзавелись электрическим освещением. Темным провалом зияло отверстие большого окна под самой крышей башни. В этом окне не было рамы. Наверно, оно выходило из нежилой комнаты. Однако именно это темное окно привлекло внимание Иосифа. Его обострившийся слух улавливал какие-то звуки, исходящие как будто именно из этого окна... Чей-то приглушенный голос... Неясный шум, потрескивание, жужжанье... И вдруг в окне показался ослепительно яркий огненный шар величиною с крупное яблоко. Как при свете молнии, ярко озарились стволы сосен. Шар пролетел в отверстие окна и остановился в воздухе, как бы в нерешительности, куда направить путь. Потом медленно двинулся вперед от башни по прямой, пролетел несколько десятков метров и начал поворачивать вправо, все ускоряя движение по направлению к одиноко стоящей старой сосне. Вот шар совсем близко подлетел к дереву, скользнул по суку, расщепив его, и с оглушительным треском вошел в ствол. Сосна раскололась и тотчас запылала, окруженная дымом и паром. Из окна на башне раздался торжествующий крик и показалась голова старика со взлохмаченными седыми волосами, освещенная красным пламенем горящей сосны.

«Так вот каковы они, обитатели замка! — подумал Ганка. — Опасные люди. Они могут убить проходящего мимо человека, сжечь лес. А Брок в своей записке Морицу приказал «не чинить препятствий». Станный приказ, странные люди, странные занятия...»

Ганка рассказал Морицу, что видел. Старый лесник покачал головой и ответил:

— Дело хозяйское. Но нам с тобой, действительно, лучше держаться подалеже от этого проклятого замка. Поистине в нем поселились недобрые духи... Эти люди, наверно, делают какие-то опыты, которые требуют полной тайны. И лучшего места, конечно, не найти. Моей Берте не говорил? И не говори

ничего. Не надо волновать старуху.

Глава 3

Встреча в лесу

Шумели вершины сосен. Но в лесу, как всегда, воздух, насыщенный запахом хвои, был недвижим. Ганка шел к освещенной солнцем заболоченной поляне. Ему послышались женские голоса. Это было необычно: Замок ведьм был недалеко, и сюда не ходили люди. Ганка пошел быстрее, стараясь, однако, скрываться за стволами.

Возле сломанной бурей сосны Ганка увидел двух женщин: старуху в сером платье и молодую девушку в черном. Старуха сидела на земле и стонала. Девушка пыталась поднять ее. Возле них валялась корзина. По одежде Ганка понял, что это не крестьянки. Но откуда здесь могли появиться горожане? Рассуждать было некогда. Старая женщина нуждалась в помощи, а молодая казалась такой хрупкой. Ганка, не думая о себе, поспешил к женщинам.

— Вы больны? Не ушиблись? Вам не нужна моя помощь? — обратился он к старухе на чешском языке. Обе женщины с недоумением посмотрели на него. Ганка повторил свой вопрос по-немецки, в то же время внимательно разглядывая женщин. Седая старуха, с крючковатым носом, беззубым ртом и выдающимся подбородком, была страшна, как ведьма. Зато молодая девушка показалась Ганке похожей на сказочную принцессу, над которой тяготеют злые чары. Черное платье оттеняло бледность ее юного печального лица.

— Когда человек покалечил ногу, конечно, ему нужна помощь, — неласково прошамкала старуха.

— Я помогу вам! — Иосиф легко приподнял старуху и, поддерживая ее под руку, спросил: — Куда отвести вас?

— Ох, — простонала старуха, сильно опираясь на руку Ганки. — Куда? Домой, конечно, в замок.

«Действительно, — подумал Ганка, — где же такой колдунье и жить, как не в Замке ведьм?»

Когда они вышли на поляну перед замком, Ганка увидел в окне башни голову старика, того самого, который выглядывал из окна в тот вечер, когда огненный шар разбил сосну. Лицо старика было озабочено. Вероятно, его волновало долгое отсутствие женщин. Старик скрылся. Скоро из замка вышел другой человек, в синем фартуке. Он молча взял старуху за руку, отстранив Ганку.

— Большое вам спасибо! — поблагодарила девушка. Ганка, проводив ее взглядом, отправился разыскивать Морица, чтобы рассказать ему о встрече.

— Как бы это не навлекло бед на твою голову, — сказал старый лесник.

С этого дня лес и старый замок приобрели для Ганки новый интерес. Он с еще большим вниманием стал следить за башней. Несколько раз, поздно вечером и ночью, ему приходилось видеть вылетающие из окна огненные шары. Иногда они разрывались в воздухе, иногда улетали куда-то далеко за вершины леса, иногда с сильным треском ударялись в землю и очень редко долетали до опушки леса и разбивали деревья, как удар молнии. По-видимому, к этому и стремился старик, выпускающий шаровидные молнии, но они плохо слушались его и лишь изредка достигали цели. Впрочем, однажды шаровидная молния так удачно попала в цель, что едва не возник лесной пожар. Однако

этот опасный фейерверк внезапно прекратился.

Бродя по лесу, Иосиф жил надеждой еще раз встретить печальную девушку в черном платье, хотя сам перед собою и не признавался в этом. Может быть, эта девушка, в самом деле, как в сказке, находится во власти злых сил и ждет своего освободителя.

И надежды Ганки сбылись: через несколько дней он снова повстречал в лесу девушку и старуху.

Девушка улыбнулась ему, как знакомому, и даже безобразная старуха выжала подобие улыбки на своем морщинистом лице. Они разговорились.

Старуху звали Марта. Она начала расспрашивать Иосифа, кто он, где живет. Ганка из осторожности сказал, что он сын местного лесного сторожа.

Старуха прищурилась. Видно было, что она не очень доверяет словам Ганки.

— И что же ты здесь делаешь? Бродишь да слушаешь, как лес шумит? Немного работы для такого бравого человека, — сказала она.

— Сейчас в городе нелегко найти работу, — уклончиво ответил Иосиф.

— Работа найдется везде и всегда, если только кому судьба ворожит. А ты, я вижу, родился в рубашке, возразила старуха. — Да вот, к слову сказать, нам в замке человек нужен. Такой, как ты, — молодой, расторопный. Почему бы тебе не поступить к нам и работать, вместо того чтобы без дела по лесу слоняться? Я ведь все вижу. Не смотри, что я старуха. У меня глаза рысьи. — И она хитро прищурилась, как будто видела Иосифа насквозь.

Слова старухи, ее неожиданное предложение смутили Ганку. Он молча стоял, потупив голову.

— Что же ты молчишь? — не унималась старуха. Она положила свою иссохшую руку с крючковатыми пальцами на плечо Ганки и, заглядывая ему в глаза, сказала приглушенным голосом, как говорят заговорщики: — Не бойся. Ничего не бойся. Мы народ не любопытный. Будешь хорошо работать, еще и тебя защитим, если понадобится. И платой останешься доволен. Не сидеть же такому верзиле всю жизнь на чужой шее!

Ганка даже вздрогнул. Эта старая Марта или очень хитрая и догадливая женщина, или же она какими-то путями узнала про него. В том и другом случае отказ только повредит ему. И потом, он в самом деле тяготился своим положением. Нельзя же без конца пользоваться гостеприимством Вельтманов!

И все же Ганка не мог решиться. Он поднял голову и с вопросом посмотрел на девушку, желая найти ответ в ее глазах. Эти васильковые глаза смотрели на него грустно, сосредоточенно и как будто озабоченно.

«Она не хочет брать на себя ответственность, но, кажется, ей не будет неприятно, если я дам согласие» — так объяснил себе Иосиф немой ответ девушки.

А старуха словно читала его мысли. Кивнув головой на девушку, сказала:

— И Нора меньше будет скучать.

— Мне надо подумать, — нерешительно ответил Ганка.

— Пожалуй, подумай, — сказала Марта, улыбаясь беззубым ртом. — Завтра в полдень мы будем поджидать тебя на этом месте.

Глава 4

Решительный шаг

— Чувствовало мое сердце, что эта встреча в лесу к добру не приведет, — сказал Вельтман, покачивая головой.

Собака весело бежала к дому, за ней шагал Вельтман и рядом с ним Ганка, встретивший лесника.

— Ничего плохого еще не случилось, — возразил Ганка, хотя у него самого было тревожно на душе. Он понимал, что это не простые хозяева, нанимающие домашнего слугу, что он может попасть в тяжелую зависимость, равную лишению свободы. И еще кто знает, какие опасности могут ожидать его в старом замке?

— А я думаю, — продолжал Вельтман, — что тебе лучше всего бежать по-дальше. Мне и моей старухе, конечно, будет жалко расставаться с тобой. Мы привыкли к тебе, Иосиф, полюбили... Но легче перенести разлуку, чем гибель.

— Уж и гибель! Ты сегодня каркаешь, как старый ворон, мой добрый Мориц.

— Старый ворон каркает потому, что видел на своем веку больше, чем птенцы желторотые, — наставительно заметил Мориц.

— Но и мы, желторотые, тоже кое-что видели, чего и старым воронам видеть не приходилось. Ты говоришь, бежать. А куда бежать? Ты вот знаешь свой участок, а об остальном мире знаешь только по слухам да старым газетам. Я же сам видел, на себе испытал. Ты не представляешь, во что превратилась наша страна. Бежать! Куда? К черту в лапы — в Германию? В Словакию? Удав крепко сжал нас со всех сторон. А где есть еще лазейки, там усиленная охрана. Тысячи двуногих псов гоняются по всей стране за такую вот дичью, как я. Не успею я отойти двух десятков километров от дома, эти ищейки нападут на мой след.

— Что же ты решил?

— Я пойду завтра в замок, узнаю, что за люди, какая работа. Не посадят же они меня сразу на цепь. Можно поработать несколько дней. Если не полажу с ними, сбегу.

Вельтман молча кивнул головой в знак согласия.

В эту ночь Ганка плохо спал, а рано утром отправился в замок. Вельтман ждал его весь день. Вечером, когда Иосиф не пришел к ужину, заволновалась старая Берта. Мориц успокаивал ее, как мог. Говорил, что Ганка отправился искать работу. Он познакомился с угольщиками и...

— Он говорил, что ему тяжело сидеть на нашей шее.

Берта хотела возразить, но только махнула рукой: она была слишком огорчена.

Сам Мориц не мог дождаться утра. Он поднялся еще до света, побродил по лесу, а с первыми лучами солнца подошел к замку. Он начал стучать сначала кулаком, а потом прикладом ружья в дубовую дверь.

Наконец открылось небольшое окошко в двери, и в нем показалось лицо седого слуги.

— Я хотел узнать... о молодом человеке, который поступил на работу. Это мой родственник.

— Я уже передал вам приказ господина Брока не беспокоить господ, живущих в замке. Если вы еще раз осмелитесь явиться сюда, вам в тот же день придется забирать свои пожитки и убираться из этого леса.

Окошко захлопнулось.

Да самого вечера лесник не спускал глаз с башни, надеясь увидеть Ганку, но в окнах башни было темно и никто не показывался. Мориц уже хотел идти домой, когда его собака насторожилась и бросилась к сосне, стоявшей на опушке леса. Специально дрессированная для сторожевой службы, собака не лаяла и не производила ни малейшего шума. Вельтман внимательно следил за нею. Она что-то схватила зубами, прибежала к нему и, махнув хвостом, положила к его ногам небольшой кусок кирпича, завернутый в бумажку. Мориц развернул измятую бумажку и прочитал наспех набросанные строки: «Работа нетрудная. Жизнь сносная. Но условие — никуда не выходить. Постараюсь бросить записку, когда замечу тебя в лесу. Ганка ».

Глава 5

Новый слуга

Когда Ганка пришел к башне и постучал, Марта открыла двери, кивнула головой, сказала: «Вот ты и пришел» — таким тоном, будто она и не сомневалась, что он придет, и провела Ганку узким коридором в кухню.

Иосиф с трудом узнал ту комнату, в которой он прожил несколько дней после бегства из лагеря. Тогда это была запущенная, полуразрушенная комната с зияющими отверстиями окон без рам, с выбитым, выщербленным каменным полом, с грудями мусора. Теперь мусор был убран, дыры и трещины замазаны, стены и потолок выбелены, рамы вставлены. По сторонам большого очага виднелись полки с блестящей медной и алюминиевой посудой. Скамьи и кухонный стол блистали белой эмалевой краской.

— Садись. — Марта показала Ганке на скамью. — Сейчас я доложу о тебе. — И вышла.

Ганка не сел. Он с удивлением оглядывал комнату. Конечно, обитатели замка не могли сами так отремонтировать и обставить новое жилище. Но кто же и когда им помогал? Когда и как привозили материалы, мебель, хозяйственный скарб?

Низкая дверь открылась, и показалась фигура старика, которого Ганка уже видел в окне в ту памятную ночь. Старик совсем не выглядел миллионером. На нем был довольно старенький джемпер и брюки, к которым давно не прикасался утюг. Потом старик скрылся, и вместо него появился другой старик, в синем фартуке. Он объявил, что Иосиф Ганка принят на работу. Размер вознаграждения будет определен после недельного испытания.

— Не обидим. Главное — точное исполнение приказаний. Пока будете работать на кухне — помогать Марте. Предупреждаю: за стены замка ни шагу, если не хотите нажить... больших неприятностей... Можно сказать и прямо: если не хотите снова попасть в лагерь!..

Старик в синем фартуке ушел. Иосиф Ганка стоял посреди кухни, опустив голову. Значит, они все знают! Он в их руках, их пленник...

Так произошло вступление Ганки в должность помощника старой Марты.

У Ганки был уже опыт домашней работы. Ведь он помогал жене лесника

Берте. Марта удивлялась его догадливости и расторопности и была вполне им довольна. Постепенно она становилась добрее и откровеннее. Иосиф узнал, что хозяин-старик — Оскар Губерман, ученый, профессор, вдовец. Марта знала Элеонору совсем еще крошкой. До переезда сюда жили в Штутгарте, в хорошем особняке, на Гогенгеймской улице. Доктор Губерман преподавал в политехникуме. У Норы был жених, молодой ученый Карл Фрей, помощник Губермана. Фрей занимался какими-то опасными опытами в лаборатории, которая стояла на пустыре в окрестностях Штутгарта. И вот... на этом месте рассказа Марта начала подбирать слова и делать паузы, как бы опасаясь сказать лишнее, — и вот случилось несчастье. В лаборатории произошел взрыв. Фрей погиб. Эта смерть накануне свадьбы потрясла Нору. Она слегла, долго болела, едва поправилась, но тоска не оставляет ее. Вскоре после этого они перебрались сюда. Опыты продолжает сам доктор Оскар Губерман. Но у него, видно, не все ладится.

Через несколько дней Ганка получил повышение. Старый Ганс Шмидт объявил Иосифу:

— С сегодняшнего дня вы будете помогать мне убирать жилые комнаты.

— А дрова и воду ты мне по-прежнему будешь приносить, сынок, — сказала Марта.

Ганка, по-видимому, выдержал и этот экзамен, так как через несколько дней получил новое повышение: был допущен к уборке лаборатории, которая так интересовала его.

Но тут случилось одно происшествие, которое имело влияние на дальнейшие события и, быть может, сохранило жизнь Ганке.

Глава 6 Горе старой Марты

Иосиф начал замечать, что Марта чем-то очень обеспокоена. Она стала рассеянна, раздражительна, часто куда-то уходила.

— У вас какая-то неприятность, тетушка Марта? — однажды спросил ее Ганка. — Может быть, я смогу помочь вам?

— Что ж, помоги, сынок, — ответила Марта. — Сбрось мне с плеч лет сорок, с остальным я тогда и сама справлюсь. — Она замолчала. Но на другой день к вечеру не выдержала и рассказала о своей беде. Всю свою долгую жизнь она копила деньги, чтобы иметь сбережения, когда окажется нетрудоспособной. Деньги она хранила в заветном сундучке под кроватью. Сундучок, плоды величайшей экономии, она привезла с собой в замок. Но когда она увидела, какими опасными опытами занимается старый хозяин, ее охватило беспокойство: вдруг случится пожар или взрыв, некогда погубивший Фрея и не оставивший от здания камня на камне, и ее сундучок погибнет!

Марта начала искать безопасный уголок для своих сокровищ. Довольно далеко от круглой башни ей удалось найти подземный ход с целыми лабиринтами боковых ходов. В одном из них она отыскала высохший колодец. Это место ей показалось подходящим. На крепкой пеньковой веревке Марта опустила сундучок на дно колодца, придавив камнем конец веревки. Время от времени с фонарем в руках Марта пробиралась ночью в подземелье, чтобы убедиться в целостности своего сокровища. Но однажды, проходя по узкому подземному коридору,

дору, она вскрикнула и остановилась: старые стены свода на том месте, где просачивалась вода, не выдержали и обвалились, засыпав ход. Марта пыталась раскопать завал, но сама едва не погибла от земли и кирпичей, которые начали падать сверху, еще более засыпая проход.

Работа явно превышала ее силы. Обратиться за помощью к господам Марта боялась. Она мучилась несколько дней и ночей. И когда уже совершенно изнемогла, решила все рассказать Иосифу. Только от него могла она ждать помощи.

В ту же ночь Ганка отправился с ней в подземелье. Выходить из круглой башни ему было запрещено, но ключ от дверного замка хранился у Марты. Несколько ночей, как заговорщики, Марта и Ганка выходили на работу. И настал день, вернее, ночь, когда путь был расчищен и Марта вновь обрела свое сокровище.

Марта вознаградила Ганку тем, что для него было дороже всего, — своим доверием и откровенностью.

Старуха рассказала ему, что профессор Оскар Губерман страшный и опасный человек. Когда он жил в Штутгарте, к нему приезжали фашистские генералы, а два раза вызывал его к себе даже сам фюрер. И Губерман очень гордился этими поездками. Марта кое-что случайно подслушала, и у нее зародилось подозрение, что взрыв в лаборатории и гибель Фрея были устроены фашистами и Губерман в этом участвовал, по крайней мере знал об этом.

— Тебе тоже нужно опасаться доктора Губермана, сынок.

Скоро Марта открыла Ганке новую тайну.

В этот замок они приехали не прямо из Штутгарта. Вначале они жили в пустынной местности в Тироле, тоже в лесу, в горах, в одиноком доме. Там Губерман начал делать свои опасные опыты с огненными шарами. У него был слуга, такой же юноша, как Ганка. Губерман заставлял его включать машину, а сам стоял поодаль. Однажды огненный шар убил юношу. На место погибшего наняли другого. Но и тот погиб таким же образом. Оскар Губерман приказал Марте и Гансу распространить слух среди окрестного населения через поставщиков, которые приносили на дом продукты, что молодые люди оказались ворами, обокрали их и бежали. Но в этом месте уже неудобно было оставаться и нанимать других людей, и Губерман перебрался в этот старый замок.

— Услуга за услугу, — сказала Марта. — Я тебе открыла великую тайну и даю тебе совет, который, быть может, спасет тебе жизнь. Ты можешь убирать в лаборатории. Но если Губерман заставит тебя включить ток возле аппарата, который, как медный змей, кольцами поднимается под потолок, не делай этого, отказывайся, если жизнь тебе дорога.

Глава 7

Бунт

Иосиф Ганка занимался уборкой лаборатории рано утром, когда все аппараты были выключены.

Лаборатория занимала весь верхний этаж круглой башни и представляла собой огромную круглую комнату с высоким потолком. В глубине лаборатории, против окна, помещался импульсный генератор на несколько миллионов вольт. Как ни высок был потолок, пришлось в нем сделать отверстие для медной трубки, спиралью поднимавшейся высоко вверх. Огромные медные шары, больше метра в диаметре, служили разрядниками. У стены, на одинаковом расстоянии от окна и генератора, находился пульт управления: высокий помост с перилами, на который вела легкая винтовая лестница. Помост был огражден от ударов молнии многочисленными остриями громоотводов.

Однажды Губерман предложил Ганке присутствовать при опыте. «Присутствовать буду, но замыкать ток рубильником возле генератора откажусь», — решил Ганка, помня совет Марты.

Однако, к его удивлению, Губерман повел его с собой на помост и там на распределительной доске сам замкнул ток. Быть может, он просто перенес место включения?

Ганке стало жутко, когда аппарат заработал. Начали вспыхивать электрические лампочки, дрожали и гудели металлические предметы, на острых углах и остриях появлялись огоньки... Мощный разряд потряс старую башню. Молния пробила расстояние между шарами. Но это была не шаровая молния. Губерман выключил ток. Однако на трубах генератора еще оставалось электричество. Губерман сошел со своего мостика, вооружился разрядником — длинной палкой с металлическими развилками — и издали начал снимать остаточное электричество, тыкая концами развилки в генератор, как в пасть зверя. И, подобно зверю, генератор отвечал на каждое движение Губермана сердитым потрескиванием, точно щелкал пастью.

— Вот и все, — сказал Губерман, когда аппарат был окончательно разряжен. — Ничего опасного, хотя без привычки, наверно, показалось страшным?

Но, как Ганка и предполагал, это совсем не было «все». Губерман для начала показал Ганке наиболее простое и наименее опасное — простой разряд. «Посмотрим, когда дело дойдет до осаживания шаровой молнии!» И ждать этого пришлось недолго.

— Я покажу тебе интересный опыт, — сказал Губерман. — Искусственное изготовление самой настоящей шаровой молнии.

— А для чего ее изготовлять? — с видом наивного простака спросил Ганка.

— Для того чтобы постигать тайны природы, — ответил Губерман.

И он взялся за подготовку опыта, попутно давая Ганке кое-какие объяснения.

— Сейчас мы изготовим такое огненное яблочко, в котором заключена сила тока в сотню тысяч ампер и напряжение в несколько миллионов вольт!

— Но где же генераторы? Электростанции? — спросил Ганка.

— А! Ты кое-что смыслишь в электричестве, — отозвался Губерман. — Наша электростанция помещается на чердаке. А генераторы? Генератором служит

само небо! — И Губерман трескуче засмеялся. Ганка немного обиделся. Зачем Губерман потешается над ним? Как ни мало Ганка знает, ему все же понятно, что небо не может быть генератором.

А Губерман продолжал свои приготовления. Он открывал краны, из которых с шипением вырывался какой-то газ или пар. И бормотал:

— Это не шутка — получить шаровую молнию. Разряд происходит между проводниками. Впрочем, в этом ты ничего не понимаешь. В воздухе необходимо присутствие водяного пара и окисей азота... Впрочем, для тебя это китайская грамота... Шаровая молния капризна и своенравна. Бывали случаи, когда она проходила между телом и нижним бельем человека, не причиняя вреда, а бывали и такие, когда убивала наповал. Она появлялась из печки и улетала в форточку. А иногда разрывалась в доме, сжигая и дом и обитателей. С ней надо держать ухо востро. Вот и готово. Теперь слушай внимательно. Ты станешь вот в этой нише. Здесь безопасно. В нише распределительный щит. Каждый рычаг имеет номер. Очень просто. Я займу место на мостках верхнего пульта управления. Включу установку. Шаровая молния появится вот здесь. Она должна выйти на середину лаборатории. Я стану называть тебе номера, и ты будешь поворачивать соответствующую ручку. И мы прямехонько направим молнию в окно. Понял?

— Понял.

— Становись в нишу.

— В нишу я не стану, господин профессор, и трогать рубильники не буду, — решительно ответил Ганка.

— То есть как это не будешь? — с удивлением спросил Губерман. — Почему?

«Как объяснить Губерману, не выдавая Марты?» — подумал Ганка и тотчас ответил тоном простака:

— Потому что я трус, господин профессор. Я боюсь шаровой молнии. У меня и сейчас уже руки и ноги трясутся.

Такая откровенность несколько успокоила Губермана. Он даже улыбнулся и сказал:

— Вот не думал, что такой бравый парень может быть трусом. Стыдно, Ганка! Страхи твои неосновательны. Шаровая молния — безопасная вещь. Совершенно безопасная, уверяю тебя!

Ганка отрицательно покачал головой.

— Ты мне не веришь? — спросил Губерман.

— Вы же сами говорили, господин профессор, что шаровая молния капризна и своенравна.

Губерман рассердился. Он не ожидал, что «этот чешский увалень», как называл он Ганку за глаза, умеет запоминать, делать выводы и возражать, пользуясь его же, Губермана, словами.

— Вот осел! Ты, значит, ничего не понял. Ведь я говорил о естественной шаровой молнии, а это искусственная...

— Однако силою тока в сотню тысяч ампер, — сказал Ганка, — и в миллионы вольт напряжения.

— Но ведь мы управляем ею! — воскликнул Губерман.

— Еще не очень-то успешно, — возразил Ганка и прикусил губу — кажется, он сказал лишнее.

Губерман насторожился. Его темные брови собрались у переносицы.

— Откуда ты можешь об этом знать?

— Я собственными глазами видал ваши шаровые молнии, когда бродил по лесу, — ответил Ганка. — Не нужно много сообразительности, чтобы понять, что они чаще всего летели туда, куда им, а не вам хотелось.

Взбешенный профессор бросился к лесенке, ведущей к главному пульту управления, захлопнул за собою двери, чтобы Ганка не последовал за ним в это безопасное место, взбежал на площадку, отдышался, склонился над перилами и заговорил:

— Ну вот. Посмотрим теперь, как ты будешь бунтовать. Сейчас я включаю ток, и...

— Включайте, сколько хотите, — возразил Ганка и направился к двери.

Губерман хрипло рассмеялся:

— Ошибаешься! Не уйдешь! Нт выйдешь! — крикнул он. — Дверь закрыта на задвижку снаружи. Ганс закрыл ее. Ты в мышеловке. Можешь выпрыгнуть только в окно. Не хотел повиноваться добровольно — сама молния заставит тебя меня слушать!

Ганка дернул дверь, она была заперта. Он подбежал к окну. А Губерман замкнул ток. Казалось, загудел, застонал сам воздух. Ганка невольно отступил от окна к нише, поглядывая на огромные шары-разрядники. Но шаровая молния родилась где-то в другом месте. Яркий свет за импульсным генератором возвестил о ее возникновении. Она родилась в пространстве между двумя дискообразными полупроводниками, оторвалась, как отрывается от трубки мыльный пузырь, и медленно поплыла к середине лаборатории.

— Прячься в нишу, если жизнь дорога! — скомандовал Губерман. — Поверни рубильник номер два!..

Ганке ничего не оставалось, как повиноваться. Он вошел в нишу и уже положил руку на рубильник, как вдруг дверь отворилась и на пороге показалась девушка.

— Нора!.. — Над головою Ганки раздался протяжный крик. — Нора! Уходи сейчас же! Немедленно! И закрой за собой дверь! Я приказываю тебе, Нора!

Нора исполнила только одну часть приказа — закрыла за собой дверь, но не ушла из лаборатории. Она даже сделала два шага вперед. Яркий свет шаровой молнии придавал ее бледному лицу призрачный характер. Она была похожа на привидение. Протянула руку вперед.

— Не протягивай руки! Не двигайся! — истерически закричал Губерман. — Рубильник два! Рубильник три! — Это уже относилось к Ганке. Иосиф повиновался. Но шаровая молния вместо того, чтобы уйти в окно, начала выписывать по лаборатории сложные петли, словно выискивая жертву, ослепляющая, но слепая убийца. А Нора с жутким спокойствием стояла, не обращая внимания на молнию, и говорила:

— Не надо больше опытов. Не надо больше смертей. Иосиф, уходите скорее отсюда...

Огненный шар быстро поднялся к потолку и затем медленно начал снижаться, приближаясь к Норе...

— Третий... пятый рычаг... — Губерман дико вскрикнул и бросился вниз по лестнице...

Мориц Вельтман и Берта сидели за ужином. В лесу бушевала буря. Дождь

барабанил по стеклам окон. Вспыхивала молния. Горное эхо играло раскатами грома. Возле двери лежала собака и шевелила ушами, медленно поворачивая голову из стороны в сторону.

— Что-то наш Серый беспокоится, — сказал лесник, поглядывая на собаку.

Мориц Вельтман поднялся из-за стола. Тотчас вскочил и Серый. Но в этот момент постучались в окно.

— Ну вот! Я же говорил! — Мориц открыл дверь. Шум ветра и дождя ворвался в избушку. — Кто там?

— Разрешите войти прохожему? — послышался голос из темноты.

— Доброму человеку в приюте никогда не отказываем. Заходите, — ответил Мориц.

Пригнув голову, в комнату вошел высокий худощавый молодой человек. На нем был промокший до нитки тирольский костюм, за плечами — походная сумка; усы и борода давно не бриты.

— Прошу к очагу осушиться. Я сейчас подброшу дров, — гостеприимно пригласила гостя Берта, придвигая грубое деревянное кресло к очагу.

— Нет, нет, благодарю вас, я лучше посижу у порога, пока с меня стечет вода, — возразил путник.

— Что за церемонии, господин...

— Зовите меня просто Карл, — ответил молодой человек.

— Не надо стесняться, господин Карл, — продолжал Мориц. — Я дам вам свой костюм, а этот к утру высохнет.

Карл поблагодарил. Через несколько минут он уже во всем сухом сидел за столом и с аппетитом ужинал. Берта незаметно наблюдала за ним, не забывая угощать. Сколько ему может быть лет? Тридцать, не больше. Но меж бровей легли глубокие складки, лицо усталое, глаза грустные. Сердобольная Берта вздохнула: «И этому, видно, нелегко живется». Но ни она, ни Мориц не спрашивали пришельца, откуда он, зачем пришел, терпеливо ожидая, что он сам что-нибудь расскажет о себе.

После ужина Карл сел в кресло у очага, потянулся с удовольствием уставшего человека, который наконец может отдохнуть, закурил затейливую фарфоровую трубочку и задремал.

Длинен и сложен был путь Карла, приведший его в избушку лесника.

Карл Фрей был молодым талантливым ученым-физиком. Работал он под руководством профессора Оскара Губермана, но был гораздо талантливее своего старого учителя. По мнению Губермана, его ученик Фрей был «молодым человеком с искоркой, но не без странностей». А странности Карла-Фрея заключались в том, что он был «какой-то не от мира сего». Для самого Губермана наука служила лишь средством к достижению личных целей — известности, высоких окладов, хорошей карьеры. И когда у власти стали новые хозяева — фашисты, потребовавшие, чтобы наука служила им, Губерман охотно предоставил себя и свои знания в их распоряжение, вступил в нацистскую партию и быстро завоевал милость новых господ.

Фрей представлял в этом отношении полную противоположность Губерману. Он никогда не думал о себе. Не интересовался политикой. Воображал, что достижения науки сами по себе могут обеспечить человечеству счастливую жизнь. Он серьезно был уверен, что, двигая науку, приближает золотой век на земле. Этими-то странностями он и завоевал, тоже мечтательное, сердце доче-

ри своего учителя — Элеоноры, или, короче, Норы Губерман. С каким жаром и вдохновением он рассказывал ей о своих работах, мечтах, фантазиях! Самому себе он казался очень практичным человеком — он не мог понять, что другие считали практичным только того, кто личную пользу ставит на первое место.

— Подумайте, Нора, разве я не практичен? Сотни ученых, как и я, изучали и изучают космические лучи. Физическая природа этих лучей уже хорошо изведена. Но откуда именно они приходят и какова причина их возникновения — мы еще не знаем. А пока ученые бьются над разрешением этих загадок, имеющих чисто теоретический интерес, я подошел к космическим лучам совсем с другой, практической, стороны. В этих лучах заключена огромная энергия. Из мировых пространств на земной шар непрерывно льются целые ливни даровой энергии — миллионы лошадиных сил, на которые надо только суметь набросить узду. Возможно ли это? Да. Такой уздой могут быть свинцовые фильтры, которые, как вожжи, будут сдерживать космическую быстроту «космических коней», неприменимую в земных условиях. И мои расчеты оправдываются. А какие необычайные перспективы откроет это, Нора! Вооруженные энергией космических лучей, люди станут титанами, для которых нет трудностей. Изобилие энергии даст изобилие всех земных благ, всего, что нужно человеку.

Молодые люди полюбили друг друга, и Оскар Губерман после некоторых колебаний дал согласие на их брак — через год после обручения.

Такая осторожность Губермана вызывалась тем, что положение жениха было неопределенно. В правительственных кругах были чрезвычайно недовольны отказом Фрея вступить в нацистскую партию. Его мечты о золотом веке считали бреднями, его самого — в лучшем случае идеалистом, мечтателем. Всего этого было вполне достаточно для того, чтобы погубить его карьеру, если и не жизнь. Но его работами по использованию энергии космических лучей заинтересовались некоторые военные специалисты, чего Фрей не подозревал. Не подозревал Фрей и того, что эти генералы, действующие через Губермана, решили его судьбу. Губерману было приказано всячески помогать Фрею в его работе, не считаясь ни с какими издержками, но по возможности не вводя в курс этих работ других сотрудников.

А когда задача получения энергии космических лучей Фреем будет разрешена, относительно дальнейшей судьбы Фрея будет дано специальное распоряжение. Главное, чтобы сам Губерман принимал непосредственное и ближайшее участие в этих работах, знал их настолько, чтобы продолжать самостоятельно, без Фрея.

А Фрей радовался, когда для его работ неожиданно построили в безлюдной местности, в окрестностях города, лабораторию, отпустили средства на оборудование, быстро и тщательно выполняли любой его заказ на новую сложную аппаратуру.

Работа шла успешно. Аппарат для получения энергии космических лучей был создан. Губерман предложил Фрею сделать опыты конденсации этой энергии в виде шаровой молнии. Фрею неясна была цель такого опыта, но он не отказался от работы, однако все настойчивее расспрашивал своего учителя, какую практическую пользу можно извлечь из этих опытов. Губерману эти вопросы, видимо, очень не нравились. Он отвечал неопределенно.

И вот в этот момент наивысшего увлечения своей работой и мечтами о

личном счастье Фрею пришлось упасть с неба светлых надежд в пропасть самых горьких разочарований.

Это произошло в душный летний вечер. Губерманы жили на даче. Кончив работу в лаборатории, Фрей по обыкновению поехал к Губерманам, к Норе.

Как свой человек в доме, он прошел быстро через сад на веранду, где обычно его ожидала Нора. Девушки не было. Фрей хотел окликнуть ее и пройти в гостиную, как вдруг услышал голоса, доносившиеся через открытое окно из кабинета Губермана, причем говорившие часто упоминали его имя. Первые же слова, которые услышал Фрей, заставили его вздрогнуть.

— Что же делать с Фреем? — спросил Губерман.

Чей-то солидный бас спокойно ответил:

— Фрей нам больше не нужен, и его необходимо убрать.

Фрей окаменел, весь превратившись в слух. За несколько минут он узнал ужасные вещи. Его научные открытия, которыми он мечтал облагодетельствовать человечество, фашисты хотят применить для войны — убивать беззащитных женщин и детей. Они решили, что Фрей сделал свое дело, остальное dokonчит Губерман... Он узнал даже предполагаемый час его казни: его решили уничтожить взрывом в лаборатории ближайшие дни от шести часов до шести часов тридцати минут вечера.

— В это время, — говорил неизвестный посетитель, — из лаборатории уходят даже уборщик и сторож, а Фрей частенько остается один, продолжая работу... Запомните хорошенько: и сами вы, по крайней мере за десять минут до шести, должны уходить из лаборатории...

Фрею показалось, что земля шатается под ногами, а небо падает на землю. Потрясенный, он сошел с веранды и тихо побрел через сад. Ему удалось выйти незамеченным.

Фрей решил на другой день пойти в лабораторию, сделав вид, что он ничего не знает, но зорко наблюдать за всем. Наверно, они положат «адскую машину». Когда он остался один, то тщательно обыскал всю лабораторию, но «адской машины» не нашел. Зато он подумал об очень важной предосторожности: в задней комнате лаборатории была небольшая дверь, выходящая в сад. Этой дверью никогда не пользовались, и она всегда была на запоре, причем ключ от нее был давно утерян. В первый же день после того, как Фрей узнал страшную новость, он сделал в мастерской ключ и незаметно открыл дверь. Дверь главного входа вела на широкую аллею, выходящую к автостраде, и была вся на виду. За этой же маленькой дверью сразу начинался густой сад.

В пять часов вечера уходили уборщик и сторож — он же швейцар, — и Фрей оставался один. За ним никто не следил. Без пяти минут шесть — не позже — он выходил из лаборатории через заднюю дверь, углублялся в самый дальний конец сада, там ложился в небольшую траншею, которую сам выкопал, и с бьющимся сердцем следил за часами. Стрелки показывали шесть тридцать — опасность на сегодня миновала, — он поднимался, медленно шел в лабораторию и через некоторое время уже в пальто и шляпе выходил через главный вход. Каждый день ему приходилось переживать напряженнейшие тридцать минут. Но на этом его пытки не кончались. Чтобы не вызвать подозрений, он должен был по-прежнему ходить к Губерманам, подавать руку предателю, встречаться с любимой девушкой, счастье которой разбивает ее отец... Фрею нужно было находить силы казаться веселым и радостным. Это

было труднее всего. И это не всегда хорошо удавалось. Нора замечала, как лицо его внезапно становилось озабоченным. Она спрашивала его, что с ним. Он успокаивал ее как умел.

Так продолжаться долго не могло. Бывали минуты, когда Фрей думал, не покончить ли с собой. Все равно: он человек обреченный. Приходили в голову и другие мысли: не взорвать ли лабораторию самому со всеми установками и аппаратами? Но это было бы бесполезно. У Губермана были копии всех чертежей и расчетов. Нет, лучший выход все-таки заключается в том, чтобы «пережить собственную смерть», а что делать дальше — видно будет.

И этот решительный день, эта минута настала. В шесть часов двадцать две минуты вечера, когда

Фрей лежал в своей траншее, земля дрогнула, послышался чудовищный взрыв, волна воздуха прокатилась по саду, ломая деревья, огненный столб, окруженный густыми клубами дыма, поднялся к небу. Посыпались обломки. Все это продолжалось несколько секунд. Фрей поднялся. Подбежал к стене, перелез через нее. За стеной начинался лес. Здесь можно скрыться, пока пройдет первый переполох, вызванный взрывом...

Что было дальше?... К Фрею очень дружески относился старый Фриц, инвалид империалистической войны. Сторож лаборатории. Он жил в маленьком домике на краю города с дочерью Анной. Поздно ночью Фрей постучался в домик Фрица и откровенно рассказал ему все, что произошло с ним.

В этом доме Фрей и прожил первые дни после взрыва. Не без удовольствия прочитал он в газете, которую с лукавой улыбкой принес ему Фриц, сообщение о своей смерти, последовавшей от взрыва. В заметке говорилось, что покойный молодой ученый, господин Фрей, стал жертвой неосторожности.

Итак, друзья Губермана и он сам уверены, что Фрей погиб. Ну что ж, в качестве покойника Фрею удобнее скрываться. Но как эту весть приняла Нора? Бедная девушка! Как хотелось Фрею утешить ее, дать ей знать, что он жив. Но к чему? Он все равно потерял для нее. Пусть уж она сразу переживет эту потерю... Фрей все же просил Фрица и Анну узнавать стороной, что происходит у Губерманов. Невеселые дела! Нора заболела, узнав о гибели жениха. Отец утешал ее, сватал какого-то лейтенанта, но Нора ни о каких женихах и слушать не хотела.

Потом пришла весть о том, что Губерманы куда-то неожиданно уехали. Куда? Зачем? Фрей убедился, что через бедных, но преданных людей можно узнать гораздо больше и лучше, чем через дорогие сыскные агентства. Ведь без упаковщиков, грузчиков, шоферов не обойдешься, переселяясь в другое место! И Фрей скоро узнал, что Губерман переехал в глухое местечко Тироля, где продолжает опыты, начатые Фреем.

Но что же делать дальше самому Фрею? Помог ему Фриц. Старый солдат-инвалид, видевший ужасы империалистической войны, много беседовал с молодым человеком. Вспоминая пережитое, заглядывая в будущее. Он говорил о том, сколько невероятных страданий, горя, смертей может принести новое орудие истребления — шаровая молния. И Фрей решил, что он разыщет Губермана, уничтожит машину, а быть может, и самого Губермана.

Простившись с Фрицем и собрав необходимые сведения, Фрей отправился на поиски Губермана. Так, после многих опасных приключений, появился Фрей в домике лесника Морица.

* * *

Фрей потянулся, разжег потухшую трубку и спросил Морица, не сможет ли он завтра утром проводить его к замку.

— Дорогу я и сам найду, — прибавил Фрей, — но мне может понадобится ваша помощь.

— Я к вашим услугам, — ответил Мориц.

На другой день в одиннадцать часов утра, когда, по расчетам Фрея, в замке все уже были на ногах, а Губерман на работе в лаборатории, Фрей и Мориц подошли к башне. Им открыла Марта. Увидев Фрея, которого считала умершим, она громко вскрикнула, голова и руки ее затряслись.

— Не пугайтесь, добрая Марта, — сказал Фрей. — Я не привидение. Проводите меня скорее к профессору Губерману.

— К профессору!.. — воскликнула Марта, все еще трясая головой. И прибавила: — Среди бела дня... Покойник приходит к покойнику...

Марта продолжала стоять, кивая головой, как китайский болванчик, а Фрей с Морицем, обойдя ее, поднялись в верхний этаж и открыли дверь в лабораторию.

Посредине комнаты на полу, широко раскинув руки, лежал на спине Оскар Губерман. Его седые волосы разметались по каменным плитам. На виске виднелось темно-синее пятнышко величиной с вишню. Возле Губермана стоял на коленях Ганс. У окна сидела Нора и безучастно смотрела перед собой широко открытыми глазами. Ганка, со стаканом в руке, уговаривал Нору выпить воды, но она не замечала его.

Увидав вошедших, Ганка бросился к Морицу и в двух словах рассказал, что произошло за несколько минут до их прихода.

Но главное понятно было и без слов: шаровая молния убила профессора Губермана. Фрей невольно вздохнул с облегчением. Губермана нет в живых, остается уничтожить аппарат. Если даже кое у кого и хранятся копии и чертежи, без Губермана нелегко будет сконструировать заново аппарат для получения энергии космических лучей.

А что же делать с Норой? Фрей подошел к девушке, взял за руку, назвал по имени. Она не узнавала его.

— Когда молния ударила ее отца в лоб, фрейлейн Нора упала, — объяснял Ганка. — Я поднял ее, усадил на этот стул. Она вскоре открыла глаза, но сидит вот так все время — неподвижно, не говоря ни слова, будто в столбняке.

«Бедная девушка! — лихорадочно думал Фрей. — Она слишком потрясена. Но сознание, конечно, вернется к ней». Взять ее с собой? Совершенно невозможно. Фрей — нищий, беглец, вычеркнутый из списка живых. И если его восстановят в этом списке, то лишь для того, чтобы вычеркнуть вновь, и уже бесповоротно и окончательно. Не пощадят и Нору, если она уйдет с ним. Нет, им надо расстаться. И может быть, даже лучше, что Нора сейчас находится в таком состоянии и не узнала его...

Фрей еще раз посмотрел на изменившиеся черты лица любимой девушки, вздохнул и затем решительно поднялся по винтовой лестнице на чердак, где должна была находиться машина «космической энергии»

Через несколько минут все было кончено. Волшебные ворота, через которые непрерывным потоком проливалась энергия космических лучей, были разрушены, превращены в бесформенные обломки Космос вновь стал дале-

ким и недоступным Изобретение, которое, по мнению Фрея, должно было принести человечеству новую счастливую эру, уничтожено

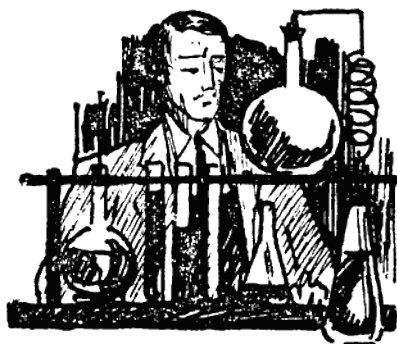
Импульсный генератор и аппараты для создания шаровой молнии можно не разрушать Такие вещи уже известны

Проходя в последний раз мимо девушки, Фрей остановился Хотелось сказать ей на прощание несколько слов, хотя она и не поняла бы его Прости Прощай

И, простившись с Гансом и Мартой, Фрей, Мориц и Ганка вышли из Замка ведьм

Мориц предложил зайти в его дом, чтобы подкрепиться едой Кстати, Берта повидается с Ганкой А потом, потом Фрей и Ганка уйдут пытаться счастья — может, удастся им вырваться из этого ада

Когда погаснет свет (кино-сценарий)



Экран еще темен, но уже слышатся все усиливающиеся странные звуки «счетоводной симфонии»: сухое щелканье счетов, скрежет арифмометров, стук комптометров и пишущих машинок. Едва заметно вплетается музыкальная мелодия – лейтмотив «счетоводной симфонии».

На экране появляется контора «Грей и К°».

Узкая комната, тесно уставленная столами, за которыми работают счетоводы на счетах и арифмометрах, машинистки на пишущих машинках с огромными каретками, испещренными цифрами, комптометристы, стоя или сидя на высоких табуретках.

Вечер. Под потолком зажженные лампы. Оглушительный шум: щелканье, треск, скрежет.

В конце длинной комнаты, за стеклянной перегородкой на возвышении, сидит, как статуя божества, олимпийски величественный главный бухгалтер. Он строго смотрит на служащих, всегда готовый обрушить на провинившихся смертных громы и молнии.

Конец рабочего дня. Всеобщая одурь.

Счетовод Джон Паркер, молодой человек, не лишенный приятности, небольшого роста, худощавый, нервный, надрывается над арифмометром.

Слева от него – миловидная машинистка-брюнетка. Справа – вторая машинистка, еще более миловидная, блондинка. За нею – быкообразный детина с рыжими волосами, вертящий ручку арифмометра с такой свирепостью и ожесточением, словно он ломает кому-то кости. Он единственный, кто еще сохранил некоторую бодрость. У остальных донельзя усталые лица, вялые движения.

И больше всех устал Джон Паркер. Он с трудом поворачивает ручку арифмометра. Делает паузы, ошалело уставясь в пространство невидящими глазами. Сердитый взгляд главного бухгалтера все чаще останавливается на нем, но Паркер не замечает.

Теперь, во время паузы, он смотрит на свою соседку слева. Но машинистка погружена в работу.

Паркер поворачивает голову к миловидной соседке справа. Устало улыбается ей. Но блондинка презрительно отворачивается от него и делает глазки быкообразному комптометристу.

Тот ухмыляется, подмигивает ей и с еще большим ожесточением накручивает ручку.

Паркер тяжело вздыхает. Вяло, словно при последнем издыхании, набирает цифры непослушным пальцем и поворачивает ручку арифмометра. Цепенеет. Глаза заволакиваются.

Контора вдруг качается, как каюта корабля при сильной волне. Заволакивается туманом. В тумане огромные цифры арифмометра.

Цифры прыгают, валяются набок, падают, разлетаются.

Среди цифр улыбающиеся лица машинисток и еще каких-то девушек... Молодая мать с ребенком... Детские лица. В «счетоводную симфонию» вплетается «симфония любви» со своим лейтмотивом... Покрывая шум машин, раздается громоподобный голос главного бухгалтера.

Главбух. Господин Паркер! Чем вы заняты? Зеваете? Ворон считаете?

Видение исчезает. Паркер вздрагивает, как под ударом бича. Виновато, с остервенением работает из последних сил. Машинистки бросают на него презрительные улыбки. Комптометрист ухмыляется.

После окрика начальника темп работы во всей конторе ускоряется. «Счетоводная симфония» достигает своего апогея, переходя в кошмарную какофонию.

Резкий звонок внезапно обрывает весь этот шум и грохот. Служащие с облегчением вздыхают. Быстро накрывают машины чехлами.

Убирают бумаги в ящики столов.

Один Паркер некоторое время в полном обалдении еще вертит ручку арифмометра, возбуждая насмешки сослуживцев. Счетоводы говорят вполголоса – начальство не ушло. Комптометрист покровительственно хлопает по плечу Паркера, от чего тот едва не валится на бок.

Комптометрист. Баста, Паркер!

Паркер. А? Что? Да-да... Благодарю вас.

Паркер мотает уставшей головой, приводит в порядок стол.

Комптометрист (блондинке). Нам, кажется, по пути? Позвольте проводить?

Машинистка-блондинка (многозначительно). Да, нам, кажется, по пути.

Они уходят, тихо разговаривая и смеясь. На прощание комптометрист бросает на Паркера победоносный взгляд.

Длинный, с прилизанными волосами молодой человек, одетый с претензией на шик, оживленно болтая, уходит с другой машинисткой – брюнеткой.

Счетовод. Детям опасно ходить одним. В большом городе они могут потеряться. Я провожу вас.

Уходят.

Паркер, вяло убирая стол, провожает парочки завистливым взглядом. Оглядывается. В конторе осталась только очень некрасивая и уже немолодая девушка-счетовод. Она улыбается ему и говорит с ним.

Девушка-счетовод. А нам с вами по пути, господин Паркер?

Паркер. Да, кажется... Нет, госпожа Кук... Пока еще нет...

Он направляется к выходу.

Проходя мимо застекленного кабинета главбуха, явно робеет.

Главбух. Господин Паркер!

Паркер со страхом останавливается. Молча кланяется. Пытается улыбнуться, но улыбка не получается.

Главбух. Должен предупредить вас, господин Паркер, что, если вы впредь будете так работать, нам придется расстаться. Контора не богадельня.

Паркер. Я... простите... приложу все усилия...

Главбух уже погрузился в книги.

Паркер идет к двери. Возле самой двери его качнуло, и он ухватился за прилобку. Уходит.

Едва не сбив с ног выходящего Паркера, в контору вбегают молодой человек в шикарном костюме, с двумя вечными перьями, торчащими из кармана пиджака. В манере держаться смесь юркости и апломба.

На лице – казенная жизнерадостнейшая улыбка, долженствующая показывать его житейское преуспеяние.

Он стремительно направляется к главбуху.

При виде его на лице главбуха появляется такая же улыбка, обязательная при деловых разговорах.

За стеклянной перегородкой.

Журналист Битл. Добрый день, господин Трайн.

Главбух. Добрый вечер, господин Битл. Сделано?

Бита (*вынимает из кармана газету и кладет перед главбухом*). Все в порядке. Только что из машины. Вот объявление «Грей и К°»... Моя статья...

Главбух. Отлично. А рекламный рассказ о подтяжках «Идеал»?

Битл (*вынимает из кармана рукопись*). Прошу.

Главбух (*вынимает из бумажника пачку денег, спокойно отсчитывает и передает Битлу*). Это вам лично. На расходы.

Битл (*прячет деньги с быстротой фокусника*). К вашим услугам...

Главбух. Слушайте!

Битл вооружается блокнотом и вечным пером.

Главбух. Первое. Ваша газета должна повести кампанию против нашего конкурента.

Слова все тише. Экран меркнет.

Улица.

Дом. Над входной дверью вывеска «Грей и К°. Подтяжки „Идеал“». Из двери конторы на улицу выходит Паркер. Он еще пошатывается от усталости.

В шум уличного движения вплетается «счетоводная симфония».

Паркер встряхивает головой. Бредет по тротуару. Останавливается возле большой витрины.

В витрине выставлены дамские блузки, белье, «живой манекен» – красивая девушка в модном платье. Она позирует.

Паркер проталкивается через толпу и жадно смотрит на витрину.

В толпе женщины, одинокие и под руку с мужчинами. Голоса.

Женщина (мужчине). Очаровательное платье! Последняя модель...

Мужчина (с тоскливым видом). М-м-м... да... Идем же, Мици! (Тянет ее от витрины, она не двигается.)

Женщина. И совсем недорого.

Мужчина. Да... М-м-м... но... идем же, наконец!

Женщина. Милый! Ты ведь обещал! Ну зайдем, только посмотрим! (Тащит его в магазин.)

Паркер тоскливо наблюдает за ними. Парочка входит в магазин. Из магазина выходят мужчины и женщины, нагруженные пакетами. Их лица оживлены, радостны.

Паркер вздыхает и бредет дальше.

Витрина книжного магазина. Мимо.

Витрина автомобилей. Короткая остановка. Вздох. Мимо. Магазин под вывеской: «Все для молодоженов».

Большие витрины: мебели, хозяйственных принадлежностей, детских кроваток, детской мебели, игрушек.

Паркер оживает, впивается глазами в витрину. Вынимает записную книжку и что-то записывает.

Бредет дальше, оглядывается, возвращается, снова глядит как зачарованный, наконец смотрит на ручные часы, с силой отрывается от витрины, быстро шагает.

Заглядывается на всех молодых хорошеньких женщин.

Вечереет. Вспыхивают огни.

Паркер проходит через городской сад.

На площадке ярко освещенная карусель. Длинное здание в плакатах и афишах, на которых изображены «знаменитые женщины и красавицы всех времен и народов», великаны, карлики, бородатые женщины, уроды.

Вдоль всего здания, наверху, надпись из светящихся букв: «Паноптикум Сантано». У входа огромный негр в красном фраке с блестящими пуговицами с блюдце величиной зазывает публику. Возле паноптикума толпа. Резкие звуки джаза сливаются с оркестрами танцевальных площадок и шарманками карусели. В глубине пары танцующих.

Паркер смотрит на них, оборачивается и спешит в темную аллею. На скамье в кустах, защищающих от света фонарей, парочка. Молодой парень целует девушку.

Паркер видит, вздыхает, на минуту останавливается, идет дальше, снова останавливается...

Его лицо крупным планом. Глаза закрыты. Блаженная улыбка. Чмокает губами. Но тотчас лицо мрачнеет. Встряхнул головой, открыл глаза и зашагал еще быстрее.

Комната Паркера. У окна небольшой стол и стул. В углу – газовая плита, табуретка. Над плитой полка, на ней кофейник, кружка, сковородка. Рядом с плитой водопроводный кран.

В другом углу комнаты дамский туалетный столик с тремя зеркалами. На столике флаконы, пудреницы, вазочки для цветов, суповая миска, тарелка. Под столиком большая ваза, прикрытая газетой. На стене висит чепчик. Скрученный коврик прислонен к столику. Рядом картины в рамках, лампа с шелковым абажуром, прикрытые газетой. Дамские зонтики, летний и черный. Большая клетка для попугая без птицы.

В комнате темно. Входит Паркер и зажигает свет – лампочку под потолком, – спускающуюся над столом.

Паркер осматривает комнату. Он в лирическом настроении. Обходит комнату. Берет то одну, то другую вещь, вазочку, флакон. Нюхает духи сквозь закрытую пробку. Мечтательно улыбается. Напевает.

Слабо звучит мотив «симфонии любви».

При этом перед Паркером мелькают сцены – лица красивых машинисток, девушек, которых он встретил на улице, целующаяся в парке парочка...

Тряхнул головой. Подходит к полке, достает кофейник, наливает воду из крана. Замечтался.

Снова перед ним возникает хоровод девушек.

Вода переливается через верх кофейника, брызжет на пол. Образуется лужа. Паркер приходит в себя. Вытирает пол носовым платком. Зажигает газ и ставит кофейник на газовую плиту. Подходит к столу и начинает записывать что-то на бумаге и подсчитывать. Крупным планом запись:

Двухспальная кровать – 250 (магазин «Все для молодоженов»).

Буфет – 200.

Обеденный стол и 6 стульев – 175.

Комбине – шелковое, цвета морской воды, размер?

Стук в дверь. Паркер испуганно вскакивает, осматривает комнату. Спешно засовывает дамские зонты за зеркало.

Стук.

Голос госпожи Грин: «Господин Паркер! Вы дома?»

Паркер схватывает с гвоздя чепчик, мнет в руках, прячет в карман так, что из кармана торчат концы лент. Открывает дверь. Входит владелица гостиницы госпожа Грин, некрасивая женщина лет сорока пяти, строгая и чопорная. В руке держит листок бумаги. Неодобрительно осматривает комнату, еще не высохшее пятно от лужи на полу, склад вещей в углу. Брезгливо морщится.

Грин. Простите, господин Паркер, я не помешала?

Паркер. Нисколько, нисколько, пожалуйста.

Грин замечает концы лент, не засунутые в карман. Ядовитая усмешка.

Паркер поворачивается к ней боком и в смущении засовывает концы лент в карман.

Грин. Сегодня пятнадцатое, господин Паркер.

Паркер. Да, да, пожалуйста! Прошу вас!

Вынимает деньги, подает Грин, берет у нее расписку и кладет в карман. Пауза.

Грин. Вы, кажется, скоро покидаете мой «Приют для холостяков»?

Многозначительно окидывает комнату взглядом.

Грин. Собираетесь обзавестись семьей? Вы знаете, что я не сдаю комнат семейным?

Паркер. Да, да, но я не так...

Грин. Это ваше дело. Я считала нужным предупредить вас. Никаких женщин. С ними возня. И никаких детей. Я не переношу детского крика. У меня мигрень. Женитесь, если вам нравится это, но не здесь. *(Уходя.)* Всякий по-своему с ума сходит. *(Ушла.)*

Паркер вздыхает с облегчением. Вынимает чепчик, улыбается, бережно расправляет и, поискав место, кладет в вазу. Садится за свои расчеты.

Снова стук в дверь.

Паркер. Войдите!

Входит Майкл Грот – старый человек атлетического сложения, бывший боксер. У него повреждена переносица и разорвано левое ухо. Одет как рабочий. Силен, но кроток, как ребенок. Способен только на короткую вспышку. Не блещет умом и знает это.

В руках у Майкла трость, к которой прикреплена хитроумная петля.

Майкл. Добрый вечер, старина!

Паркер. Здравствуйте, Майкл.

Майкл, неуклюже ступая своими слоновыми ногами, подходит к столу, за которым сидит Паркер, громко хлопает ладонью по столу и при этом кладет кредитку.

Майкл. Должок. Спасибо. Выручили.

Паркер. Разбогатели?

Майкл. Ого! *(Потряхивает тростью с петлей.)* Открыл золотую жилу! А вы все считаете? *(Шумно вздохнув.)* Если бы от этого можно было разбогатеть!

Паркер. Но и без счета не разбогатеешь, Майкл Грот.

Майкл. А что говорит счет?

Паркер. А счет говорит, что семейное счастье мне еще не по карману, Майкл. Не считая того, что я уже приобрел для семейного гнездышка (*показывает на вещи*), мне надо еще много, очень много. А квартира? Расходы на жену и детей? По моим заработкам я смогу жениться только через шестнадцать лет. Вот что говорит счет.

Майкл (*свистит*). Через шестнадцать лет?

Паркер. Да, через шестнадцать, когда пройдет молодость, пройдут лучшие годы. Семья – это деньги. Счастье – это деньги. Деньги, деньги, деньги!

Майкл (*в тон*). Деньги, деньги, деньги. (*Снова шумно вздыхает, переступает с ноги на ногу, не зная, что сказать.*) А... с невестой как?

Паркер. Хороших девушек много, но сам боюсь влюбиться. Влюбишься, а жениться нельзя. Что тогда?

Майкл. Ну, это не то... не так делается... Когда по-настоящему влюбитесь, ни на что не посмотрите. Когда я влюбился... давно это было... ни у меня, ни у нее ничего, кроме здоровых рук, не было. Правда, и время тогда было другое.

Лицо Паркера крупным планом. Оно печально, затем мечтательно. Пока говорит Майкл, перед Паркером проносится картина с музыкальным сопровождением «симфонии любви».

Уютно обставленная комната. Жена с ребенком на руках. Паркер в удобном кресле. Возле него девочка. Он ласкает ее головку. На ковре мальчик играет в кубики...

Видение исчезает.

Паркер (*мечтательно и грустно*). Счастье, счастье!

Майкл (*вздыхает*). Деньги, деньги! (*Тихо и грустно напевает.*)

*С неба звездочка упа-а-ла,
Звезд на небе стало ма-а-ло...*

(*Майкл взмахивает тростью*). Нет, черт возьми! Это же никуда не годится! Молодой человек хочет жениться и не может! Деньги! Если нет денег, для такого дела надо раздобыть!

Паркер. Но где? Я так устал от работы в конторе, что о каком-нибудь дополнительном заработке и думать не приходится. (*Короткое звучание «счетоводной симфонии».*) Конторский шум преследует меня до утра.

Майкл. Джон Паркер! Слушайте меня! Я говорил вам, что нашел золотую жилу. Я поделюсь с вами!

Паркер (*заинтересованный*). Спасибо, Майкл! Какая же это золотая жила?

Майкл. Собак ловить!

Паркер. Собак ловить?

Майкл. Да, собак. Бродячих, отставших, приставших, ну... и прочих. Собак на всех хватит!

Паркер. Что же с ними делать?

Майкл. Ого! Читали в газетах? «Пропала собачка левретка. Кличка Дэзи. Нашедшему будет выдано вознаграждение». Много таких объявлений. И за иную собачонку какая-нибудь сумасшедшая барынька сотню отвалит. А не

удастся вернуть хозяину – собачье мясо на сосиски покупают, шкуру – скорняки. Самое подходящее для вас дело, Паркер! Вечером, после работы в конторе, вроде прогулки на свежем воздухе.

Паркер. Но я не умею ловить собак.

Майкл. Дело не хитрое. Первое – колбаса. *(Вынимает из кармана кусок колбасы.)* Как почует собака этот дух, ни одна не устоит, всякого хозяина оставит. А потом... я вот этакую петлю придумал. На тросточке. Видите? Иду с тросточкой. Вижу собаку. Приманиваю. *(Игра.)* Потом вот так. *(Показывает.)* Хлоп! И готово. И деньги в кармане. Потом на поводок *(вынимает из другого кармана поводок)* – и пошли! Я вас в один вечер обучу. Согласны?

Паркер. Право, не знаю. Еще попадешься.

Майкл. Для начала можете отставших, в самом деле затерявшихся ловить. «Пристала собака!» И ничего, кроме благодарности. Ручаюсь, что на пять лет, если не на десять, свадьбу приблизите! Идемте со мной, я вам все покажу и расскажу.

Паркер *(нерешительно)*. Идемте, пожалуй...

Длинный коридор «Приюта для холостяков». Паркер и Майкл Грот идут. Лицо Паркера взволновано. Тихо звучит мелодия «счетовой симфонии», переплетаясь с «симфонией любви».

Комната Майкла. Кровать, стол, табуретка. Над столом боксерские перчатки под усохшим лавровым венком. На стенах старые афиши и плакаты с портретами Майкла Грота, когда он был боксером.

Под столом – привязанные к ножкам стола две собаки.

Майкл. Вот моя вчерашняя добыча. Поджидаю объявлений в газете.

Паркер. Как же госпожа Грин позволяет...

Майкл. Она собак любит, представьте себе. Которые воют, тех в сарае держу. *(Быстро надевает на голову кепку.)* Вот я и готов. Поехали! *(Паркер выходит без шляпы.)*

Улица. Паркер и Майкл удаляются.

Другая улица. Паркер один в толпе на тротуаре. В руке Паркера трость с петлей. Он очень волнуется.

Видит даму с собачкой. Вынимает колбасу. Приближается к собачке. Опускает вниз руку с колбасой.

В это время дама поворачивается к Паркеру. Она очень красивая.

Бросает на него ласкающий взгляд.

Паркер смущенно прячет колбасу в карман, уходит, замешавшись в толпе.

Плотный господин с собакой. Паркер ловчится поймать собаку, но она оказывается на поводке. Почуяв запах колбасы, задерживается.

Господин тянет ее, кричит: «Цезарь!» – и оборачивается.

В господине Паркер узнает главного бухгалтера конторы «Грей и К°» Паркер панически ныряет в толпу.

Уголок сада. Паркер сидит на скамейке, опустив голову. Чертит палкой на песке. Проходят парочки.

Звучит «симфония любви».

Бредет старуха. За ней ковыляет дряхлая болонка.

Паркер бросает болонке кусок колбасы. Болонка останавливается. Нюхает, но не может есть – у нее намордник. Паркер хватает собачку. Та визжит. Старуха оглядывается, кричит.

Старуха. Кадо! Кадошка! Ах! Боже мой! Что вы делаете с моей собачкой?

Паркер (с собачкой на руках, растерявшись). Простите... Я очень люблю собак...

Старуха. Но вы так грубо схватили ее! Вы хотели ее украсть! Держите его!

Собирается толпа.

Паркер, бросив собаку, бежит.

Крики из толпы:

– Держите! Держите вора!

Паркер убегает. Его преследует все увеличивающаяся толпа. Свистки полицейских. Они также присоединяются к погоне. Паркер бежит, наталкивается на встречных прохожих. Выбегает на улицу, внося беспорядок в движение автомобилей.

Свистки, гудки, крики.

Обегая остановившийся автомобиль, Паркер заворачивает за угол.

Видит парикмахерскую и влетает в нее.

Через некоторое время появляется толпа. Бежит мимо парикмахерской.

Парикмахерская. Все кресла заняты.

Окончив брить и стричь, парикмахер снимает полотенце с клиента и встряхивает. Клиент поднимается с кресла.

Влетает запыхавшийся Паркер. Вырывает из рук парикмахера полотенце, наматывает на шею и садится в кресло.

Парикмахер. Позвольте... Это полотенце было в употреблении... Я дам...

Паркер (задыхаясь). Ничего... сойдет... спешу... на поезд... По... побрейте меня...

Парикмахер. Но... вы гладко выбриты...

Паркер. Я бреюсь два раза в день... Пожалуйста, поскорей! (В нетерпении хватая кисточку и намыливает все лицо.)

В парикмахерскую вбегают полицейские и двое из толпы, бегло осматривают помещение и выбегают.

Паркер видит их отражение в зеркале, облегченно вздыхает.

В широкое окно видно, как мимо парикмахерской пробегает толпа.

Парикмахер (окончив бритье). Готово.

Паркер (не поднимаясь с кресла и опасливо поглядывая на окно). Теперь... пожалуйста, вымойте мне голову.

Парикмахер моет. Вымыл.

Паркер. Теперь... постригите меня.

Парикмахер. После мойки?

Паркер. Потом можно будет еще помыть. Спешу (поперхнулся), то есть я

так привык... (*Смотрит в окно.*)

Парикмахер наконец снимает с Паркера простыню.

Паркер идет к выходу. Все еще опасливо поглядывает на окно. Перед ним возникает, как белое видение, сказочно-прекрасная девушка в белом халате. У нее золотистые волосы и лучистый взгляд. Она приветливо улыбается ему.

Паркер как зачарованный смотрит на нее, забыв обо всем. Лицо Паркера крупным планом. Мимическая игра: удивление, восхищение, восторг...

Мэг Моррис (*улыбается все шире, видя восхищение Паркера*). Не хотите ли сделать маникюр?

Паркер (*не понимает, не слышит. После паузы*). Как?

Мэг (*громче, как глухому*). Не хотите ли сделать маникюр?

Паркер. Ах да, да! Маникюр! Я никогда не делаю маникюр. Пожалуйста, прошу вас! (*Протягивает ей пальцы с таким видом, словно готов отдать их на отсечение.*) С величайшим удовольствием!

Паркер и Мэг садятся друг против друга за маленький столик с расположенными на нем инструментами и принадлежностями для маникюра.

Мэг (*ловко приступает к работе. Громко говорит*). Вы очень запустили свои ногти.

Паркер. Да, да... простите! Этого больше никогда не будет. Но почему вы так громко говорите?

Мэг. Потому что вы не ответили на мой вопрос и я думала, что вы глухой.

Паркер. Нет, нет, я не глухой. Я только немножко... (*Горячо.*) Я готов делать маникюр... по пятьдесят раз в день, если только вы станете заботиться о моих ногтях.

Парикмахерская преображается. Лязганье ножниц превращается в щелканье соловьев, халаты парикмахеров – в кусты цветущей белой сирени. Матовая лампа под потолком – в луну. Паркер и Мэг окружают кусты белой сирени. Мощно звучит «симфония любви».

Паркер (*мечтательно*). Как хорошо пахнут эти цветы сирени!

Мэг. В нашей парикмахерской всегда употребляют одеколон «Сирень».

При этих словах видение исчезает.

Мэг (*орудуя блестящими инструментами*). Вы, по-видимому, очень стремительный человек. Когда вы вбежали, я даже испугалась. Можно было подумать, что вас преследовала стая собак.

Паркер. Собак? Да, были и собаки. За мной гнались. Я подвергался большой опасности.

Мэг. Что же или кто был причиной этого?

Паркер. Вы!

Мэг (*на мгновение прекращает работу*). Я?

Паркер. Да, вы, хотя я еще не знал вас, когда бежал по улице. Дело в том,

что за мной гнались из-за собаки, которая пристала ко мне... или я к ней... из-за вас... ради вас!

Мэг (смеется). Собака пристала из-за меня, вы пристали к собаке ради меня, хотя меня еще не знали... Ничего не понимаю! Вы говорите загадками. Если можно, объясните мне.

Паркер. Объяснить? Это не так легко. Я мечтал о вас, еще не зная вас. Ваш образ смутно снился мне во сне. Я хотел и боялся встретиться с вами, прежде чем...

Мэг. Простите, я, кажется, обрезала вам палец. Сами виноваты! Говорите несуразное. Сейчас смажу йодом.

Паркер. Ничего, ничего! Пожалуйста, режьте! Режьте! А если хотите разгадать загадки, которые я вам загадал, то... то, быть может, в свободный день вы согласитесь... Я был бы счастлив повидаться с вами в саду... Согласны?

Мэг. Согласна.

Парикмахерская превращается снова в цветущий сад. Белые кусты сирени танцуют, кружатся. Звучит «симфония любви».

Голос Паркера. Как ваше имя?

Голос Мэг. Маргарита Моррис. Короче – Мэг.

Голос Паркера. Мэг! Мэгги! Мэг! Мэгги! Мэдж! Мэджи!

Звучание «симфонии любви» достигает своего апогея.

Улица. Паркер спешит домой, не чувствуя под собой ног. На лице блаженная улыбка. Он на седьмом небе. Беспрерывно звучит «симфония любви».

Паркер (воскликает):

– Мэг! Мэгги! Мэдж! Мэджи! Мэгги! Мэджи!

Победоносно смотрит на проходящих женщин. Мэг лучше! Моя Мэгги лучше!

Бедно одетая девочка продает цветы. Паркер гладит ее по головке.

Паркер. Милый ребенок! Я возьму у тебя все цветы с корзиной! Для моей Мэг! Получай деньги!

Берет корзину с цветами и бежит дальше, повторяя: «Мэг, Мэгги». Проходит через сад. Видит маленькую собачку, которая мечется, – потеряла хозяина.

Паркер оглядывается. Безлюдно. Приманивает собачку колбасой и берет на руки. Бежит дальше.

Комната Майкла. Майкл, нагнувшись, кормит худую собачку. Стук, дверь открывается.

Входит Паркер. В левой руке собачка, в правой – корзина с цветами.

Майкл (поднимаясь навстречу другу). Поздравляю с удачей! Вы видите, дело несложное.

Паркер. Благодарю, Майкл. Такая удача... Я безумно счастлив! Ах, дорогой Грот, мечта! Какие у нее глаза, какие волосы!

Майкл (смотрит на собаку). Глаза как глаза, а шерсть... Зачем это вы кор-

зину цветов принесли?

Паркер. Для нее. Для моей Мэг, Мэгги, Мэдж!

Майкл. Это ее кличка? Цветы для собаки? Вы с ума сошли, Джон!

Паркер. Это вы с ума сошли, Майкл. Не для собаки, а для моего сокровища, моей Мэг, моей невесты! Да-да! Она будет моей невестой, моей женой! Какие глаза, нос, волосы... Ни у кого таких нет... Поставьте, пожалуйста, цветы в воду и накормите собачку. *(Спускает на пол собаку, отдает букет.)*

Майкл ищет, куда бы поставить цветы.

Наливает воду в таз, кружку, тарелку, ведро. Кладет в них цветы.

Майкл. Значит, кончено, Джон? Нокаутирован? Положен на обе лопатки?

Паркер. Да, Майкл. Полный нокаут, от которого не могу прийти в себя. Я безмерно счастлив, Майкл! *(Бросается к нему и обнимает. Майкл освобождается от его объятий.)*

Майкл. А ваши счета и расчеты? Счастье – это деньги. Так, кажется, вы сами говорили?

Паркер. О, я готов рыть землю руками, схватить жизнь зубами за горло, но я достану денег! Я не могу ждать, Грот. Я пойду на работу! Только не собаки... Эту я как-то случайно поймал. Зато и меня едва не поймали. Суд, тюрьма... тогда все пропало! Надо искать другой заработок.

Майкл. Поищите. Может быть, на тротуаре валяется. *(Кормит собаку Паркера.)* А собачка ничего. Эту вы отведите к доктору Никольсу. Я дам адрес. Он делает объявление, что ему нужны собаки. Обещает хорошую плату.

Паркер. Да, да. Спасибо. Отнесу... Майкл, если бы вы ее видели! Ее глаза, ее волосы, ее...

«Симфония любви». Цветущая белая сирень. Среди цветов – лицо Мэг.

Приемная врача Никольса. На венских стульях и диванах сидят пациенты – старики и старухи.

Возле входной двери, за столиком, госпожа Вуд, домоправительница и кассирша врача Никольса. Ей лет пятьдесят. Крашенные черные волосы, вставные зубы. Злые глаза и фальшивая любезная улыбка.

Входят новые пациенты. Вуд записывает их и принимает деньги.

Вуд. Массовый гипноз – пять, индивидуальный – двадцать пять. Повторные визиты – половина.

Старик *(опирается на палку. Руки дрожат. Подходит к Вуд, спрашивает).* А какая разница, скажите, пожалуйста, между массовым и индивидуальным гипнозом?

Вуд. В смысле результатов – никакой. Дело в удобстве. При массовом гипнозе некоторые лица, одним словом трудно поддающиеся внушению, не засыпают. Приходится оставаться на следующий сеанс... Вы на индивидуальный?

Старик *(в нерешительности).* Но... это поможет?

Вуд *(внушительно).* Посмотрите на меня. Мне семьдесят два года и три месяца. А кто даст мне больше пятидесяти? Я была совершенно дряхлая, седая старуха, и профессор Никольс омолодил меня.

Старик. Неужели даже волосы?..

Вуд. Даже волосы, представьте. Из благодарности я осталась у него работать. Безвозмездно... Вам индивидуальный?

Старик. Пожалуйста! *(Уплачивает деньги и садится. Соседке старухе.)* Вы тоже... омолодиться?

Старуха. Да. Я преподавательница музыки. В последнее время пальцы не слушаются меня *(с трудом шевелит пальцами)*, и я теряю учеников. Про господина Никольса рассказывают настоящие чудеса.

Лысый старик. А по-моему, все это одно шарлатанство.

Старик. Зачем же вы пришли сюда?

Лысый старик. Утопающий хватается за соломинку.

Вторая старуха. Никакого шарлатанства. Профессор Никольс предупреждает, что наука не может вернуть молодость, но что внушение поднимает бодрость, жизненный тонус, жизнерадостность. И действительно. С тех пор как я стала посещать сеансы, чувствую себя превосходно. Ведь мы часто сами старим себя!

Вуд *(новому пациенту, сильному, крепкому рабочему с седой головой)*. Индивидуальный – двадцать пять, массовый – пять.

Рабочий. На все двадцать пять! *(Платит, усаживается.)*

Старик. А вы сюда зачем, дружище? Такой геркулес!

Рабочий *(шумно вздыхая)*. Геркулесов с седой головой не берут на работу.

Лысый старик. В таком случае внушение надо делать не вам, а предпринимателям, чтобы они приняли вас на работу. *(Смеется.)*

К Вуд подходит новый пациент – третий старик.

Вуд. Кажется, повторный?

Третий старик. Да, да! Здравствуйте! Прошу вас. *(Кладет деньги.)* Двенадцать пятьдесят?

Вуд. Совершенно верно.

Третий старик идет к стулу. В это время Вуд, вместо того чтобы положить полученные деньги в кассу, быстро и незаметно прячет их в свою сумочку.

Дверь в кабинет открывается. В дверях врач Никольс в белом халате. Высокий, представительный, лет тридцати пяти. За ним в белом халате его ассистентка Элис Юнг, тоже высокая, миловидная. Несколько человек поднимаются и спешат в кабинет.

В то же время из другой двери выходит толпа пациентов – стариков и старух – после массового гипноза. Их лица радостны, возбуждены, движения не по годам бодры и быстры. Они проходят в переднюю со словами:

– Замечательно!

– Я чувствую себя великолепно!

– Право, на двадцать лет моложе стал!

Какой-то старичок галантно предлагает старушке руку, но она отказывается с любезной улыбкой...

Кабинет Никольса для индивидуального гипноза. Небольшая комната. Пол покрыт ковром. Гардины. Полумрак. Удобное мягкое кресло с откинутой спинкой. В кресле полулежит второй старик.

Глаза его закрыты.

Перед ним Никольс. Рядом Элис. Она делает ладонью легкие пассы на лбу пациента.

Никольс (*продолжая внушение*). И вы будете чувствовать себя бодро... через неделю придете для повторения сеанса... а теперь слушайте: когда моя ассистентка сосчитает до десяти, вы проснетесь. (*К Элис. Тише.*) Начинайте, Элис!

Элис (*считает довольно быстро*). Раз... два... три...

Никольс (*быстро говорит ей*). Медленнее, Элис...

Элис. Четыре... Пять...

Никольс. Еще медленнее. Я же говорил вам, что если пробуждение произойдет слишком быстро, у пациента появятся боли в лобной части мозга...

Элис (*очень медленно*). Шесть... семь... восемь... девять... десять.

Пациент просыпается. Встает.

Никольс. Ну, как вы себя чувствуете?

Второй старик. Отлично. Благодарю вас! Я давно уже не чувствовал себя таким бодрым. (*Берет палочку, которая лежала на подлокотнике кресла*). Теперь мне и палочка не нужна. Откуда силы взялись! Еще раз благодарю вас. (*Кланяется и уходит, держа палку в руках.*)

Никольс (*в открытую дверь*). Кто еще?

Входит рабочий.

Рабочий. Извините, я уступил свою очередь... Как-то... боязно.

Никольс (*смотрит на его богатырское сложение*). Безработный?

Рабочий. Да.

Никольс. Я так и думал. (*Вынимает из бумажника деньги и дает рабочему*.) Возьмите деньги, которые вы уплатили за визит...

Рабочий. Но, господин профессор...

Никольс. Я не профессор, а только врач. Возьмите же деньги! Я догадываюсь, почему вы пришли ко мне. Купите на эти деньги лучше краски для волос. (*Сует ему деньги в руку*.) Быть может, это вам скорее поможет. Гипнозом не лечат социальные болезни. (*Добродушно*.) Ну, идите же, идите. (*Выпровождает его. Обращается к Элис*.) Вот на сегодня и все. Устали?

Элис. Нисколько.

Никольс. Ая, признаюсь, немножко устал. Прошлую ночь почти всю проработал.

Элис. Над чем?

Никольс (*медлит с ответом, закуривает папиросу*). Много будете знать, скоро состаритесь.

В дверь заглядывает Вуд.

Вуд. Пациенты все. Я буду гасить огни, господин Никольс.

Никольс. Пожалуйста. Да! Госпожа Вуд, приходящая прислуга уже ушла?

Вуд. Да.

Никольс. Я не успел сказать ей, чтобы она убрала в моей лаборатории.

Будьте так любезны, госпожа Вуд, привести в порядок...

Вуд (*возмущенно пожимает плечами, но с неизменной улыбкой*). Но я не прислуга, господин Никольс.

Никольс. Простите, пожалуйста. Я только очень просил вас сделать одолжение, но если вы...

Вуд (*сердито*). Уберу! (*С шумом захлопывает дверь*.)

Пауза.

Элис. Она, кажется, недолюбливает вас.

Никольс. Глупа и самолюбива. Когда пришла ко мне несколько месяцев тому назад, была без гроша. Я пожалел ее. Дал ей место домоправительницы и кассирши. В сущности, синекура. Простите, я болтаю с вами, а вам, может быть, давно пора домой.

Элис. Я мешаю вам?

Никольс. Нет, нисколько, но...

Элис. Я не спешу. (*С некоторой грустью*.) Меня никто не ждет дома. (*Пауза*.) Господин Никольс, мне хотелось поговорить с вами, если вы не очень устали...

Никольс (*с некоторым удивлением и интересом*). Пожалуйста. О чем?

Элис (*смущаясь*). Я ваша ассистентка... Вы прекрасно могли бы обойтись без меня. Но закон требует, чтобы лечебные сеансы гипноза производили в присутствии по крайней мере двух врачей. Для вас я вынужденный накладной расход, и только. Но... я хотела бы быть вам полезной... Вот вы сказали, что работали всю ночь... Вы чем-то занимаетесь. Что-то скрываете от меня. Я, конечно, не имею права спрашивать, чем именно. Но мне так хотелось бы чем-нибудь оправдать те деньги, которые вы платите мне за это глупое формальное ассистентство... Да, да, вы ведете какую-то научную работу. У вас есть лаборатория. Оттуда иногда доносится лай собак. Недавно я прочитала в газете ваше объявление о том, что вы покупаете собак. Конечно, для опытов. Почему вы никогда не говорите мне о вашей работе? Вы не доверяете мне?

Никольс (*любуюсь ею*). Уважаемая и милая Элис Юнг! Вы обижаетесь на то, что я мало эксплуатирую вас?

Элис (*улыбаясь*). Хотя бы...

Никольс (*качая головой*). Вы вполне отрабатываете деньги, которые получаете. Они невелики. Нагружать вас другой работой не собираюсь, а платить дополнительно не могу. Только и всего.

Элис. Ни о какой дополнительной плате не может быть и речи. Я интересуюсь научной работой и... (*Смущается, замолкает*.)

Никольс (*враздумье смотрит на нее, потом говорит*). Моя работа.

Дверь открывается. Входит журналист Битл.

Битл. Добрый вечер, господин Никольс! Здравствуйте, госпожа Юнг!

Никольс и Юнг с удивлением смотрят на него.

Битл. Извините за мое вторжение, которым я обязан любезности госпожи

Вуд.

Никольс. Что вам угодно?

Битл. Моя фамилия Битл. Журналист. Представитель газеты «Времена суток». Надеюсь быть вам полезным. Реклама необходима для процветания всякого дела...

Никольс. Я не нуждаюсь в рекламе.

Битл. Есть реклама и реклама. Я мог бы написать очерк, рассказ. Привести несколько примеров чудесного омоложения при помощи гипноза чудесником нашего времени доктором Никольсом...

Никольс подходит к столу и нажимает кнопку звонка.

Входит Вуд, немного взволнованная, но улыбающаяся.

Никольс. Госпожа Вуд! Вы имели любезность направить сюда без доклада...

Вуд. Я не швейцар, господин Никольс...

Никольс... господина Билта...

Битл. Битл, Битл, господин Никольс, а не Билт...

Никольс (не слушая его, продолжает, обращаясь к Вуд). Имейте же любезность и проводите его до выходной двери.

Вуд и Битл вспыхивают от гнева.

Битл. Ах, вот как! Честь имею кланяться! До скорого свидания на страницах «Времена суток»! Не моя вина, если это свидание будет не особенно теплым!

Вуд и Битл уходят.

Никольс. Разбойник пера! Не терплю этих негодяев. (Подходит к стене и включает вентилятор.) Фу! Проветрить комнату.

Элис. Может быть, не надо было так круто обходиться?

Никольс. Э! Что он мне сделает? Кто читает их гнусную газету? Идемте в лабораторию, госпожа Элис.

Лаборатория Никольса. Небольшая комната, заставленная грубо сколоченными столами, клетками с собаками, аппаратурой. Самодельный циклотрон. Провода. На полке – банки, техническая посуда.

Никольс и Элис входят.

Никольс. Вот моя священная обитель. Входя сюда, я отряхиваю прах с ног своих, прах всех житейских мелочей и неурядиц. Сеанс гипноза – это лишь необходимость. Надо же чем-нибудь жить. Опыты, аппаратура очень дорого стоят. Деньги! Деньги!

Никольс подходит к клеткам с собаками. Собаки радостно встречают его. Он гладит их сквозь прутья решетки, угощает, называет по имени: «Стелла», «Пик»...

Никольс. Элис, обратите внимание на эту старушку Стеллу. Совершенно дряхлая собака, не правда ли?

Элис. Вы производите опыты омолаживания животных при помощи гипноза?

Никольс (смеется). Угадали наполовину. Омолаживаю, но не гипнозом.

Элис. Ну вот видите, какая я глупая.

Никольс. Почему? Ничуть не глупая. О подобных опытах мало кто знает.

Элис. Что же это за опыты?

Никольс. Потенцирование, укрепление организма путем введения в него искусственных радиоэлементов. В теле человека создается постоянный очаг лучистой энергии, которая и поднимает все функции организма на высшую степень.

Элис. И каковы результаты опытов?

Никольс. Неплохие, а перспективы изумительные. Пока я делаю опыты над животными, но скоро перейду и к опытам над людьми. Подумайте только! Потенцирование уничтожает усталость, укрепляет одряхлевший организм. Даже сон станет не нужен. Какие горизонты это открывает для повышения производительности труда, укрепления национальной обороны, для борьбы со старостью!

Рабочие, солдаты, летчики, не знающие усталости, не нуждающиеся в сне! Великие люди, с новой энергией продолжающие свою деятельность политика, ученого, писателя!

Элис. Да, все это изумительно. И вы работаете один?

Никольс. Увы, один. Я пытался привлечь к работе некоторых наших крупных ученых. Одни отнеслись с недоверием, другие пытались присвоить себе всю честь. Это бы еще не беда, но они хотели сделать потенцирование источником личного обогащения. На этом действительно можно нажать миллионы, потенцируя богатых людей. Но я хочу сделать потенцирование общим достоянием и не собираюсь брать патента. Потому-то я и не хочу ни с кем связываться, не хочу быть кому-нибудь обязанным.

Элис. Даже мне? В моей скромной помощи, которую я предлагаю?

Никольс. Милая Элис, но зачем вам это? Мой путь – путь новатора, путь удач и неудач, путь борьбы, быть может и жестокой. Зависть и тупость погубили не одного благодетеля человечества. Зачем же вам связывать свою судьбу с моей, вступать на этот тернистый путь? *(Сердечно.)* Элис!.. Я скрывал от вас эту сторону моей жизни потому, что... берегу вас, вашу жизнь!

Элис (грустно). И этим причиняете мне боль. Моя жизнь... Кому она нужна? Что она стоит? Неужели вы не понимаете, какое для меня было бы счастье отдать жизнь на дело, которое может облагодетельствовать человечество! И если бы я могла быть полезна вам... вам лично...

Никольс (смотрит на нее, колеблется). Благодарю вас, Элис, но...

Элис (горячо). Но если я этого хочу? Если я прошу вас об этом?

Никольс (после паузы). Хорошо! Пусть будет по-вашему! *(Подает руку, Элис радостно протягивает свою.)* Благодарю. Признаться, ваша помощь очень и очень облегчит мою работу. Но не обвиняйте же меня, если...

Элис. Что бы ни случилось, я не оставлю вас.

Угол сада. Вечер. Огни фонарей. Звуки музыки переплетаются с «симфони-

ей любви».

Паркер в волнении ходит возле садовой скамьи. Ежеминутно смотрит на часы-браслет. Всматривается в лица проходящих женщин. Его лицо крупным планом. Мимическая игра. Напряженное ожидание, вспышка надежды, радости, разочарование, вновь ожидание... Показывается Мэг.

Паркер. Она! Мэг! Моя Мэгги, Мэджи!.. *(Спешит ей навстречу.)*

Мощно звучит «симфония любви». Дальнейшие кадры сменяются мягкими наплывами, как отрывки чудесного сна. В их показе есть что-то нереальное, словно сквозь розовую дымку.

Паркер идет по дорожке под руку с Мэг. Он на седьмом небе от счастья...

Паркер и Мэг перед паноптикумом Сантано.

У входа в паноптикум появляется его владелец, Сантано, в сером костюме, с сигарой в зубах. По внешности напоминает Наполеона III. Он рассеянно оглядывает толпу и скрывается в дверях паноптикума. Паркер, занятый своей Мэг, не замечает его.

Паркер. Зайдем, Мэг, в паноптикум.

Мэг. Зайдем, Джон.

Паркер и Мэг в паноптикуме. Проходят перед стеклянными ящиками с восковыми фигурами «знаменитых красавиц мировой истории».

Паркер читает надписи.

Паркер. Прекрасная Елена... Моя Мэг лучше... Ас-пазия... Моей Мэгги в подметки не годится... Клеопатра...

Мэг. Со змейкой? Какой ужас... Как живая. Правда? Как живая! Даже грудь дышит.

Паркер. Да, изумительно сделано. Прекрасная Елена... Но ты прекраснее всех, и ты дивная, моя Мэг, Мэгги, Мэджи, моя Клеопатра, Елена, Аспазия, моя крошка...

Паркер и Мэг на каруселях, в лодке, запряженной лебедями.

Музыка.

Паркер и Мэг в той же лодке, с лебедями в облаках.

Паркер. Я не на земле, я на небе! Я на седьмом небе, моя Мэг, Мэгги...

Танцевальная площадка. Паркер и Мэг танцуют в толпе.

Но пары исчезают. Все исчезает. Остается только Паркер, танцующий с Мэг в розовом тумане.

Паркер ведет Мэг в темную аллею. Мэг слабо упирается. Небольшая борьба: он – в темноту, она – к свету.

Паркер. Ну, умоляю тебя! Пойдем! Пойдем туда!

Мэг. Зачем же туда? Лучше на танцевальную площадку. В аллее темно.

Паркер. Зачем же на танцевальную? Мы уже танцевали. Пойдем, умоляю

тебя, посидим там минуточку... *(Показывает на скамью, на которой парень целовал когда-то девушку.)*

Мэг сдаётся. Идут.

Мэг и Паркер сидят на скамейке и целуются. Звучит «симфония любви». На длительном поцелуе – музыкальное фермато. Все покрывается розовым туманом.

Склады. Тяжелые двери. Огромные замки. Будка сторожа. Ночь. Лунный свет то пробивается сквозь облака, то меркнет. «Счетоводная симфония» чередуется с «симфонией любви».

Паркер сидит на ящике возле будки. Перед ним собачка, которую он нашел в саду.

Паркер дает ей кусочки колбасы и разговаривает с ней.

Паркер. Ешь, Мордашка, ешь! Нашел я тебя в счастливый день, дружище, и никому тебя не продам... Ешь! Нам с тобой ночь не спать – чужое добро сторожим, деньги зарабатываем. Ешь!

«Счетоводная симфония» громче.

Паркер. Устал... В голове еще конторский шум... Спать как хочется! А еще целая ночь впереди... *(Глаза прикрываются, голова свисает на грудь. Встряхивает головой. «Симфония любви». Мэг в ореоле. Паркер резко поднимает голову, открывает глаза.)* Мэг! Мэгги! Мэдж!.. Вот и буду так твердить до утра, чтобы не уснуть... Мэг! Мэгги! Для тебя! Помоги мне не спать, Мэг! *(Встает, ходит с собачкой. Снова садится. «Счетоводная симфония». Склоняет голову на грудь. Вскрикивает. Садится. Смотрит на луну. Пальцами раскрывает веки, чтобы они не слипались.)* Мэг, Мэг, Мэг... *(Снова засыпает. Сладко похрапывает. Собака ворчит, лает. Но Паркер продолжает спать, прислонившись к будке.)*

Входит человек в кепке, ударяет Паркера по плечу. Паркер вскакивает и обалдело смотрит на него.

Человек в кепке. Так-то вы сторожите? Спите?

Паркер. Я... Мэг... Ничуть!

Человек в кепке. Ничуть! Храпели, как лошадь. Можете уходить. Таких сторожей нам не нужно.

Паркер. Простите... Но... *(Безнадежно машет рукой.)* Идем, Мордашка! Нас выгнали. И ты тоже! Хоть бы залаяла!

Комната Майкла.

Паркер с газетой в руках. Возле него Мордашка. Майкл со своей тростью. Они стоят друг против друга и возбужденно разговаривают.

Майкл. Но вы ломаете себе шею, сумасшедший!

Паркер. Пусть – один конец.

Майкл. Калекой станете.

Паркер. Мэг чудесная девушка. Она так любит меня, и если даже я стану калекой, уродом, не бросит. Другого выхода нет. Я не могу больше ждать, Майкл. Что еще мне остается? Пробовал вечерами перевозить мебель на тележке – выгнали. Говорят – слабосилен, быстро устаю. Пробовал ночным сторожем служить, снова выгнали. Уснул, утомленный работой в конторе. Никуда не годен. А тут и силы не надо. Одно из двух: либо сразу разобьюсь, либо буду хорошо зарабатывать, и всего за каких-нибудь полчаса в вечер.

Майкл (*сердито машет арканом на палке*). Идите! Ломайте себе шею, руки и ноги, несчастный влюбленный!

Паркер. Благодарю за доброе пожелание, Майкл! Идем, Мордашка, ломать себе шею! (*Выбегает с собакой.*)

Майкл (*бросается к двери, кричит вслед*). Паркер! Джон Паркер!.. Убежал как бешеный. Вот это любовь! Жаль парня! (*Со вздохом.*) Деньги, деньги! Кто вас выдумал?..

Арена цирка. Публики нет. Полусвет. На трапециях упражняются акробаты – женщины и мужчина. С резким, как крик чайки, гиканьем они перепрыгивают с одной трапеции на другую. Униформисты подкатывают к манежу пушку. Ими распоряжается Шмит, пожилой мужчина в пиджачном костюме.

В углу арены пугливо жмутся пришедшие по газетным объявлениям молодые люди. У многих истощенные лица. Впереди Паркер. Он волнуется не меньше других, но бодрится.

Шмит (*говорит с иностранным акцентом. К акробатам*). Эй! Два-Альби-два! Очистить манеж!

Артисты соскакивают с трапеции, спускаются по канату и отходят за барьер. Униформисты натягивают над манежем сетку.

Шмит (*к толпе молодых людей*). Вы все пришли сюда по газетному объявлению? Очень хорошо. Никакого риска и никакой выучки. Только немножко смелость. Человек-снаряд – лежи себе в пушке, как пуль. Пушка стреляет, человек-снаряд падает в сетку. И все. Взвесились на весах? Все? Очень хорошо. Кто желает первый?

Паркер (*выходит*). Я!

Шмит. Очень хорошо. Идите к пушке.

Паркер идет. Игра. Его одолевает страх. Дрожащими губами шепчет: «Мэг! Мэгги!»

Дуло наклоняют. Засовывают Паркера в дуло.

Его испуганное лицо крупным планом. Перед тем как скрыться в дуле, тихо восклицает: «Мэг!» – скрывается.

Дуло поднимают вверх. Часть униформистов бежит на противоположную сторону манежа, куда должен упасть человек-снаряд. Выстрел, огонь, дым.

Паркер вылетает из пушки, описывает дугу над манежем.

Перелет. Паркер падает на самый край сетки, сетка подбрасывает его, после чего он падает на руки подхвативших его униформистов. Они ставят его на манеж, но он падает.

Толпа кандидатов на роль человека-ядра быстро тает.

Шмит (*спешит к лежащему Паркеру, приподнимает, осматривает его*). Совершенно ничего. Все в порядке. Только испуг. Воды!

Паркеру дают воды. Он встает. Болезненно улыбается.

Шмит (*хлопает его по плечу*). Очень хорошо. Небольшой перелет. Дуло низко поднято. Сейчас будет лучше. Идите к пушке.

Паркер (*слабо говорит, ощупывая себя*). Может быть... позвольте отдохнуть... я...

Шмит. Просто вы есть трус. Трус негоден. Следующий.

К Шмиту подходит один из артистов в пальто и цилиндре.

Артист. Я вам говорил, господин Шмит, что из этого ничего не выйдет. Взяли бы вы из своих...

Шмит (*сердито*). Я знаю, что делаю. Свои дорого, а этих я... Следующий!

Из толпы выходит истощенный юноша.

Шмит (*юноше*). Вы тоже негоден. Очень слабый. Следующий!

Паркер (*пошатываясь, проходит за ложи, отвязывает собаку*). Пойдем, Мордашка! (*Выходит.*)

Стена возле цирка. Паркер сидит на ящике. Рядом собака. Он ощупывает себя и говорит собаке:

– Опять не вышло, Мордашка! Майкл прав. Придется снова взяться за собак. Тюрьма так тюрьма. Мэг не бросит. Поймет, ведь это все для нее... Что же с тобой делать, Мордашка? Ты уж извини, но придется отвести тебя к доктору Никольсу. Ради Мэг я готов продать не только друга, но и самого себя... (*С трудом встает.*) Идем, Мордашка!

Медленно идет, ведя собаку на поводу, сгибается, хватаясь за живот.

Снова лаборатория Никольса. Возле клеток с собаками – Никольс и Элис.

Никольс (*показывает Элис клетку с собакой*). Вот полюбуйте, Элис, на известную уже вам старушку Стеллу.

Элис (*смотрит на живую, веселую, бодрую собаку*). Но это другая собака, господин Никольс. Та едва стояла на ногах, а эта весела и жива, как здоровый щенок.

Никольс. И тем не менее это та же собака! Стелла! (*Собака весело лает и прыгает. Никольс ласкает ее.*) Ведь это ты, старушка Стелла? Ты помолодела, не правда ли? **Элис**. Изумительно.

Никольс (*Элис*). Вот что делает потенцирование, Элис!

Элис. Вы сделали величайшее открытие! Вы...

Никольс. Еще не совсем сделал, но близок к этому. Опыты над животными считаю законченными. Можно переходить к опытам над людьми.

Элис. Господин Никольс! Можно вас просить об одном одолжении?

Никольс. А именно?

Элис. Я хочу быть первым человеком, над которым вы произведете опыт

потенцирования.

Никольс. Благодарю за это предложение. Но это невозможно.

Элис. Но почему? Риск? Для такого дела не жалко рисковать и жизнью.

Никольс. Если бы опыт угрожал жизни, я не решился бы произвести его над человеком, кто бы он ни был. Нет, мой опыт не угрожает жизни. В этом я уверен. Но могут быть побочные последствия. Всего не предусмотреть.

Элис. Тем более...

Никольс. Но ведь вы же моя помощница, Элис! Мне трудно будет обойтись без вас, если с вами что-либо случится.

Элис. Благодарю вас за вашу заботу обо мне. Но если бы вы знали, как мне хочется быть вам полезной... в вашей работе.

Никольс. Довольно обмениваться взаимными любезностями, Элис! Именно потому, что вы...

Дверь лаборатории открывается. Выглядывает госпожа Вуд с неизменной улыбкой, но злыми глазами.

Вуд. Проф... Господин Никольс! К вам опять пришел собачник.

Никольс. Тот, старый боксер? Майкл Грот?

Вуд. Нет, господин Никольс, другой, молодой. Незнакомый.

Никольс (несколько разочарованно). Другой? Молодой? Ну, все равно. Проводите его, пожалуйста, сюда.

Вуд пожимает плечами, кивает головой и уходит.

Элис. Так вы решительно отказываете в моей просьбе?

Никольс (смеясь). Однако я не знал, что вы такая упрямая.

Элис (смущаясь). Это не упрямство...

Никольс. А что же?

Элис смущается еще больше, краснеет.

Входит Паркер с собакой.

Паркер. Здравствуйте. Вы господин... доктор Никольс?

Никольс. Да.

Паркер. Очень приятно. Я привел вам собачку. Готов продать ее. Но только с условием: если вы не будете мучить и резать ее для ваших опытов. Это мой друг, и только крайняя необходимость...

Никольс. Вашему четвероногому другу ничто не угрожает.

Паркер. Тем лучше.

Никольс. Мне не нужны собаки.

Лицо Паркера вытягивается. Он вынимает из кармана газету.

Паркер (протягивает газету). Но я не ошибся... это вы делали объявление в газете?

Никольс. Газете уже несколько дней. Тогда мне нужны были собаки, теперь нет. Вы опоздали.

Паркер (*огорченный*). В таком случае извините! (*Собаке.*) Нам с тобой опять не повезло, Мордашка. На этот раз наказан поделом за то, что хотел продать своего лучшего друга. Идем, Мордашка! (*Направляется к двери.*)

Никольс. Подождите, господин... собачник!

Паркер (*поворачивается к Никольсу*). Паркер. Джон Паркер. К вашим услугам.

Никольс. Господин Паркер, а не хотите ли вы сами подвергнуться опыту?

Паркер. Я? Опыту? Откровенно говоря, нет. Я уже подвергался всяческим опытам и неизменно с неудачным исходом.

Никольс (*улыбаясь*). На этот раз, быть может, исход будет удачный.

Паркер. Нет уж...

Никольс. Притом вы получите хорошее вознаграждение.

Паркер. Со мной удачных случаев не бывает. (*Подумав.*) А в чем состоит опыт? Он не угрожает жизни?

Никольс. Ни в малейшей степени.

Элис. Я сама готова хоть сейчас подвергнуться этому опыту.

Никольс. Вы безработный, господин Паркер?

Паркер. Нет. Я счетовод фирмы «Грей и К°». Подтяжки „Идеал“». Получаю сто пятьдесят...

Никольс. Так вот, господин Паркер. Если вы согласитесь подвергнуть себя опыту, то получите сумму, равную вашему шестимесячному окладу.

Паркер (*перед ним мелькает лицо Мэг. Он шепчет*). Мэг, Мэгги. (*Громко.*) А в чем состоит опыт?

Никольс. Вы примете порошок, подвергнетесь кое-каким манипуляциям. Ничего неприятного. И если опыт удастся – а я уверен в этом, – ваши физические и умственные силы поднимутся в необычайной степени. Вы не будете чувствовать усталости, по всей вероятности, вам не нужен будет и сон. Вы сможете без всякого вреда для здоровья иметь дополнительный заработок, поступить на ночную работу. В состоянии будете работать за двоих, за троих.

Паркер (*слушал Никольса со все возрастающим вниманием*). За троих! (*Перед ним мелькает лицо Мэг. Девушка как будто поощряет его: «Решайся!»*) Такой опыт вполне устраивает меня. И если все это верно, я согласен, господин Никольс.

Никольс. Отлично! Присядьте на этот табурет. Госпожа Юнг, приготовьте радиоактивный кобальт и приенцин тройной... Аппарат Гейгера-Мюллера...

Паркер. Сейчас? Уже?

Никольс. Зачем же откладывать? Примите эти порошки, запейте водой. Так... Госпожа Юнг, приставьте аппарат Гейгера-Мюллера к груди господина Паркера.

Элис выполняет указания. Паркер волнуется. Шепчет, как заклинание: «Мэг! Мэгги! Мэдж! Мэджи!» Пауза.

Слышно сухое, все учащающееся щелканье аппарата.

Никольс. Отлично! Искусственные элементы насыщают организм. Переместите аппарат к ладоням. (*Щелканье.*) Есть! К ногам! (*Через некоторое время слышится щелканье.*) Великолепно! Организм насыщен.

Элис. Но удержатся ли радиоэлементы?

Никольс. Думаю, что да. Приставьте аппарат к голове. *(Элис выполняет. Слышно частое, равномерное щелканье.)* Вот видите? Вот слышите? Щелканье равномерно и не убывает. Как вы себя чувствуете, господин Паркер?

Паркер. Пока как всегда, только волнуюсь немножко... Впрочем, нет, не как всегда. Я чувствую, как сила вливается в меня. Голова свежа, словно после хорошего сна... Давно уже у меня не было такой свежей головы. И в теле... какая-то необычайная легкость...

Лицо Паркера словно посвежело, помолодело, глаза заблестели, в них появилась необычайная для него энергия. Паркер сжимает кулаки, расправляет руки, улыбается, встает.

Паркер. Господин Никольс! Я чувствую, как сила переливается в моих жилах! Мне хочется танцевать, прыгать! Я словно стал другим человеком.

Никольс *(с улыбкой удовлетворения смотрит то на Паркера, то на восхищенную Элис).* Очень рад! Очень рад, господин Паркер. Опыт удался! И прекрасно удался. Вот вам еще вознаграждение. *(Вынимает из кармана бумажник, подсчитывает и дает Паркеру деньги.)* Пересчитайте. Правильно?

Паркер *(берет деньги, не считая и не веря своему счастью).* Господин Никольс! Вы сделали меня счастливейшим человеком!

Никольс. В этом заключалась цель опыта, господин Паркер. Сделать счастливейшими тысячи, миллионы людей. В добрый час! Прошу вас в первое время являться ко мне каждые пять дней. Надо проверить результаты опыта. Это в ваших же интересах.

Паркер. Все, что вы потребуете, господин Никольс! Спасибо! Идем, Мордашка! Наконец-то и на нашей улице праздник!

На другой день.

Контора «Грей и К°». Конец рабочего дня. Обычный шум и треск, но без музыкального сопровождения «счетной симфонии». Все служащие утомлены до предела.

Только один Паркер свеж и бодр. Ни малейшего признака утомления. Он с веселым видом энергично вертит ручку арифмометра, быстро записывает, снова вертит.

Темп его работы вызывает удивление окружающих.

Главбух *(хмурится, глядя на уставшего комптометриста, который явно снижает темп работы. С одобрительной улыбкой переводит взгляд на Паркера. Громко и грозно обращается к комптометристу).* Господин Бер! О чем вы думаете? *(Комптометрист начинает быстро выстукивать цифры на комптометре.)*

Главбух *(Паркеру).* А вы, господин Паркер, сегодня отлично работаете. Если так будете продолжать, можете рассчитывать на прибавку. Мы умеем ценить прилежание.

Паркер расцветает от неожиданной похвалы, кивает головой и, продолжает работать еще быстрее.

Машинистки уже заискивающе улыбаются ему. Но он отвечает им холод-

ным взглядом – теперь-де вы мне не нужны!

Звонок. Конец занятий. Счетоводы убирают работу. Лишь Паркер продолжает крутить ручку арифмометра, пока контора не пустеет.

Уходит и главбух. Тишина.

Паркер поднимается, расправляет руки, делает гимнастику, напевает песню. Силы распирают его.

Комната Майкла.

Убегают Паркер. Он неузнаваем. Бодр, весел, жизнерадостен.

Паркер. Победа, победа, победа! Где вы пропадали? Я еще вчера заходил к вам, хотел похвалиться успехом. *(Вынимает пачку денег и показывает Майклу.)* Видали?

Майкл. Где-то когда-то видел нечто подобное... И даже почти потолще. Когда срывал лавры боксера. Но Черный Джим переломал мне коети, и с тех пор, увы... Поздравляю, Джон Паркер, человек-снаряд. Я, признаться, ожидал увидеть вас на костылях.

Паркер. Я был недалеко от этого, Майкл, но деньги я заработал не в цирке. *(Хлопает по пачке денег.)* Тут на полгнездышка хватит! *(Прячет деньги.)* Но это не все, Майкл...

Майкл. Уж не связались ли вы с бандитами ради прекрасных глаз Мэг!

Паркер. Нет, Майкл, нет! Со мной такое случилось... *(Вертится.)* Все расскажу. Сейчас спешу. Иду наниматься на ночную работу.

Майкл. На ночную работу? Вы?

Паркер. Да, я, мой друг! Завтра утром сделаю вам подробный доклад. Покойной ночи!

Паркер убегает пританцовывая.

Майкл *(качает головой).* Словно подменили человека! Уж не спятил ли он с ума?

Контора в полуподвальном помещении. Стол. На столе кипы мануфактуры, сантиметр, счетоводные книги. За столом мастер – лысый человек в жилете, с очками на носу. Он считает на счетах. Входит Паркер.

Паркер. Добрый вечер.

Мастер *(бросает взгляд поверх очков).* Сейчас! *(Щелкает на счетах, записывает итог, снимает очки.)* Здравствуйте. Наниматься пришли?

Паркер. Да.

Мастер *(критически осматривает Паркера).* Боюсь, что вам не подойдет. Работа у нас горячая. Шальная работа, а вы какой-то щуплый. Скиснете на втором часе.

Паркер. Попробуйте. Не скисну.

Мастер. Попробовать можно. Идем!

Подвал. Низкие своды. Станки для механической кройки. Лампа под потолком. Рабочие – дюжие парни – работают.

Мастер *(подводит Паркера к пустующему станку и объясняет).* Вот, работа

нехитрая, но требует внимания и расторопности. (*Кладет кусок материи в машину, пускает ее. Отбрасывает выкроенную часть на стол направо, обрезки налево.*) Понятно?

Паркер. Понятно! (*Делает работу самостоятельно.*) Справлюсь!

Мастер (*сусмешкой*). Ну-ну! Действуйте! (*Уходит.*)

Стенные часы показывают одиннадцать.

Рабочие наблюдают за Паркером, перебрасываются шутками.

Первый (*Паркеру*). Валяй, валяй! Что через пару часов навалешь?

Второй. Все мы попадались на эту удочку. Как будто и просто, а к утру и ноги не потянешь.

Третий. Сдаст непременно! Кишка тонка. В чем душа держится?

Паркер, не обращая внимания на слова товарищей, работает усердно, хотя и медленней других: он еще не освоился с приемами.

На часах – час ночи.

Паркер работает уже с такой же скоростью, как и другие. Куча обрезков с одной стороны и готовых выкроек с другой. Кучи увеличились, но они еще меньше, чем у других рабочих.

Первый рабочий. Ишь ты, как старается новичок!

Четвертый. Из кожи лезет!

Третий (*уверенно*). Выдохнется!

На часах три.

У Паркера кучи обрезков и выкроек выше, чем у других. Работает быстрее товарищей, которые значительно снизили темпы; – устали.

Второй. Смотри ты, какой задорный! Обгоняет нас!

Первый. Самолюбивый. Из последних сил выбивается.

Второй. Бейся не бейся, а скиснешь!

На часах пять.

У Паркера груды вдвое выше, чем у остальных.

У всех рабочих сонные, истомленные лица, вялые движения. Они делают большие паузы.

Паркер совершенно свеж, весел и возбужден. Работает с необычайной быстротой. Рабочие с недоумением, завистью и недружелюбием смотрят на него и на огромные груды на его столе.

Четвертый. О, чтоб его!

Третий. Ну и ловкач!

Первый. Удивительные вещи!

Второй. Откуда он взялся? На вид ведь щелчком убьешь, а подите! Всех обскакал.

Входит мастер и с изумлением смотрит на груды выкроек и обрезков, за ко-

торами Паркер едва виден.

Мастер. Вот это да! Эй вы, новичок! *(Из груди выглядывает радостно-возбужденное лицо Паркера.)* Как ваша фамилия? Где вы работали раньше? *(Покровительственно кладет ему руку на плечо.)* Молодец! Идем к хозяину. Он уже пришел. Не ожидал! *(Обнимая его за плечи, ведет в контору, перед дверью оборачивается к рабочим.)* Эх, вы! Видали, как надо работать? *(Уходит с Паркером.)*

Рабочие хмурятся, ворчат.

Уголок сада. На скамье, где они сидели раньше, Паркер и Мэг.

Паркер *(держит Мэг за руку)*. Понимаешь, Мэг, днем в конторе «Грей и К°», а ночью...

Мэг. Милый, но ты можешь переутомиться!

Паркер. В том-то и дело, что нет! Понимаешь, теперь я совершенно не чувствую усталости.

Мэг. И тебе не хочется спать?

Паркер. Совершенно. На часок-другой протянусь на кровати, но могу обойтись и без этого.

Мэг. Удивительно! Этот Никольс настоящий кудесник!

Паркер. Не правда ли? Я теперь работаю без усталости день и ночь. И за это Никольс еще заплатил мне деньги. Милая Мэг! Теперь я много зарабатываю, и нам не долго придется ждать. Я уже подыскал хорошенькую квартирку. Три комнаты с кухней и ванной. А теперь пойдем побродим по магазинам...

Внутренность магазина «Все для молодоженов».

Паркер и Мэг, нагруженные покупками. Паркер сияет. Они проходят, разглядывая вещи. Отдел подвенечных платьев.

Паркер в совершенном обалдении от счастья сидит в кресле рядом с Мэг. «Живой манекен» в подвенечном бледно-зеленом платье с фатой проходит перед ними.

Продавщица *(указывает на живой манекен)*. Я очень рекомендую вам это подвенечное платье. Самая последняя модель. Крик моды.

Мэг. А цена какая?

Продавщица. Шестьсот.

У Паркера лицо несколько вытягивается.

Мэг. Дороговато.

Продавщица. Но обратите внимание на материал. Это платье должно обязательно идти вам!

Перед Паркером видение: Мэг в этом подвенечном платье.

Паркер *(тряхнув головой, оживленно)*. Возьмем, Мэг!

Мастерская механической кройки в подвале.

На часах шесть утра.
Рабочие, уставшие, хмурые, злые.
Паркер, чем-то расстроенный, работает медленнее обычного, с перерывами и паузами.

Первый рабочий. Доработался! (*Злобно Паркеру.*) Почему же ты сбавил скорость?

Второй. Услужил!

Третий. Этого надо было ожидать.

Четвертый. Выскочка! Из-за тебя хозяин удвоил норму! Ни себе, ни другим!

Звонок. Работа кончается.

Разозленные рабочие уходят, бросая на Паркера недружелюбные взгляды, и о чем-то разговаривают.

Улица возле мастерской.

Хмурое, туманное утро. Рабочие окружают Паркера.

Первый (*кладет на плечо Паркера тяжелую руку*). Вот тебе наш сказ: уходи, откуда пришел, подобру-поздорову, а не уйдешь...

Лица и позы рабочих угрожающие.

Паркер (*испуган, освобождается от руки рабочего*). Простите, я уйду... я не ожидал... не думал... мне хотелось заработать побольше.

Второй. И заработал!

Паркер (*вконец огорченный*). У меня невеста... Мэг... Мэгги. Я хотел поскорее на ней жениться...

Лица рабочих проясняются. Некоторые из них грустно улыбаются. Слышится чей-то сочувствующий смешок.

Паркер быстро уходит, сливаясь с туманом.

Рабочие стоят молча. Смущены.

Четвертый. Вот какое дело!

Третий. Жениться парень хотел, то-то из кожи лез!

Второй. Деньги, деньги!

Первый. Проклятая жизнь...

У Майкла Грота. Ранние сумерки.

Грот сидит на табурете, опустив голову.

Паркер ходит в волнении по комнате.

Паркер. Понимаете, Майкл? Едва не прибили!

Майкл. Да, жизнь – кошка. И кровожадная кошка. Играет с нами, как с мышами. То приласкает, то вдруг когти выпустит.

Паркер. Но я не сдамся, Майкл! Ведь я могу работать за троих. (*Выбрасывает руки.*) Я им покажу! Ну, спокойной ночи! Пожелайте успеха на новой работе! (*Убегает.*)

Майкл. Жаль парня! *(Философски.)* Жизнь – кошка, и кровожадная кошка!

Цех завода. Конвейер, еще неподвижный. Рабочие занимают свои места. Говорят.

Первый рабочий *(второму)*. Слышал? Говорят, опять будет снижение расценок.

Второй. И конвейер, говорят, будет пущен быстрее.

Третий. Это еще посмотрим. Если все будем работать, как работали...

Четвертый. Ясно! Все, как один!.. А где Марк?

Первый. Говорят, уволили.

Четвертый. Скверно. Как бы на его место не подослали какого-нибудь ловкача.

Входит Паркер и занимает пустующее место Марка.

Паркер. Здравствуйте, товарищи!

Рабочие смотрят на него подозрительно. Молча кивают головами. Все на местах у конвейера.

Звонок. Конвейер медленно двинулся. Движение ускоряется, пока не доходит до определенной быстроты.

Паркер внимательно и усердно выполняет свою работу. Рабочие опасливо следят за ним – насколько это позволяет работа на конвейере.

Вначале Паркер едва справляется. Это успокаивает рабочих *(новичок!)*. И они углубляются в работу.

Скоро Паркер овладевает несложной манипуляцией. Уже опережает других и, выполнив свою работу, ожидает остальных. Незаметно сзади него появляется мастер. Он наблюдает за работой.

Потом говорит.

Мастер. А я что доказывал? А вы что говорили? «Нельзя быстрее!» Вот вам и нельзя! Новичок быстрее вас справляется с работой! *(Кричит.)* Пустить конвейер быстрее!

Лица рабочих мрачнеют.

Конвейер движется быстрее.

Конец смены. Рабочие утомлены до предела. Лишь Паркер свеж, как в начале работы.

Звонок. Конвейер замедляет ход. Останавливается.

Рабочие уже с нескрываемой злобой смотрят на Паркера и о чем-то шговариваются.

За воротами завода. Рассвет. Поле, склады.

Паркер быстро идет. За ним толпа рабочих.

Первый *(нагоняет Паркера, хватает его за шиворот и трясет)*. Чтоб твоей ноги не было на заводе! Провокатор паршивый!

Другие рабочие толкают Паркера. Он падает, поднимается, вырывается и бежит с необычайной быстротой.

Его преследуют криками и улюлюканьем.

Комната Майкла. Раннее утро. Майкл кормит собак, в том числе и Мордашку.

Паркер (вбегает). Все кончено, Майкл!

Майкл (осматривает своего друга, замечает синяк на лице, разорванный ворот). Били?

Паркер. Били... И, наверно, убили бы, если бы я не убежал. Меня приняли за провокатора... За хозяйского ставленника. Я не могу работать с другими. Остается только контора Грея. Но и там уже на меня косятся сослуживцы, после того как главный бухгалтер дал мне прибавку.

Майкл. А вы не вылезайте вперед. Работайте как другие.

Паркер. Не могу, Майкл. Это как-то само собой выходит. Понимаете, энергия прямо-таки распирает меня. А когда подумаю о Мэг, а я о ней все время думаю, то не могу удержаться... Какая неудача! А мы уже подвенечное платье купили.

Майкл. История! (Задумывается.)

Паркер. Что делать, Майкл?

Майкл. Что делать? Не мастер я думать, Джон. Голова у меня не так устроена... Видно, в самом деле нельзя вам работать с другими. Надо найти такую работу, чтобы вы были один. Вроде ночного сторожа. Теперь-то вы не уснете... Пойдите-ка. Есть и получше ночного сторожа. Сейчас я нашел работенку в ночном ресторане «Сан-Ремо». Выгружаю продукты, складываю тару.

Паркер. Асобаки?

Майкл. Ликвидирую. Это последнее. Под полицейский протокол попал. Но не обо мне речь. Так вот, в ресторане «Сан-Ремо» требуется человек. Из склада продукты в кухню подавать, вина в буфет. Как раз для вас. Чем скорее будете поворачиваться, тем больше ценить вас будут, и никому поперек дороги не встанете.

Паркер (бросается к Майклу и крепко жмет ему руку). Майкл Грот! Милая грот-мачта! Вы возвращаете меня к жизни!

Майкл. Ого, какое крепкое рукопожатие! Да, у вас таки силенок прибавилось. Силы много, а девать некуда...

Ярко освещенная большая кухня ресторана «Сан-Ремо». Величественный шеф-повар, повара, поварята. В стене окно, через которое подаются готовые блюда. Изредка официанты забегают на кухню. Кипит работа. Шипят на плитах сковородки. Стучат ножи. Поварята бегают как угорелые, помогая старшим. Лишних разговоров нет. Слышатся только короткие приказания и ответы. Паркер выносит из низенькой двери подвала несколько оципанных кур и три бутылки вина. Ставит на стол. Паркер весел и оживлен. Из двери на двор входит Майкл с ящиком на спине. Кидает ящик возле стола.

Майкл. Вот и я пошабашил. (Паркеру.) А вы как?

Паркер. Спасибо, дружище! Все идет отлично. Я очень доволен.

Майкл. Искренне рад! (Подмигивает.) Рассчитываю быть посаженным отцом на вашей свадьбе!

Официант (Паркеру). Буфетчику пять бутылок коньяку, одну шерри-бренди!

Паркер кивает головой официанту, затем Майклу и быстро скрывается в подвале. Видно, как он спускается по ступеням в темноту. Один из поваров (*заглядывает в дверь подвала и кричит Паркеру*). Почему не зажжете свет, Паркер?

Голос Паркера. Тут все под рукой. Я уж на память знаю. Майкл с довольным видом смотрит вслед ушедшему Паркеру и выходит из кухни.

Два поваренка возле двери в подвал о чем-то шепчутся. Первый из них показывает пальцем на темную дверь подвала и шепчет.

Первый. Провались я на этом месте, если вру! Сам видел.

Второй (широко открывает глаза от удивления и испуга). Настоящее привидение?

Повар (поварятam). Вы что тут шепчетесь? Марш работать!

Второй поваренок. Дядя Джим! Вот Джером уверяет, что видел в подвале привидение. Стра-а-шное! Шке-лет. И светится, как гнилушка.

Повар. Вот я дам вам по затылку, чтобы не болтали глупостей! Давайте скорей шумовку!

Ребята разбегаются.

Паркер выходит из подвала и ставит на подоконник бутылки. Официант быстро уносит их.

Первый поваренок (Паркеру). Дядя Джон! Вы никого не видели в подвале?

Паркер. Никого. А в чем дело?

Первый. И как вы только не боитесь ходить туда! Я бы – убейте меня – не пошел! Там ходит привидение. Страшное, смерть! Сам видел.

Повар (первому поваренку). Джером, чертенок! Сковородку!

Первый поваренок бежит исполнить приказание.

Кухня. Конец рабочей ночи. Погасли плиты. Нет шума, стука, но громче разговоры. Посуда убрана. Усталые повара и поварята снимают колпаки, халаты, фартуки.

Паркер тоже снимает халат.

В окне показывается официант с сонной физиономией.

Официант (Паркеру). Помогите, пожалуйста, Джон, убрать столы.

Паркер. Пожалуйста!

Официант. И вы, Джим?

Повар. А выпивка будет?

Официант. Все, что осталось в бутылках, ваше.

Повар. Идет!

Зал ресторана. Горят только две лампы. В окна брезжит рассвет.

Дверь в отдельный кабинет открыта. Там почти совсем темно. Оттуда слышен голос Паркера, напевающего песню.

Повар (тоже напевает песню. Собирает со столов бутылки, допивает вино. Складывает пустые бутылки в корзину. Случайно его взгляд падает на открытую дверь в отдельный кабинет. Через кабинет проходит туманное пятно. Повар вскрикивает и роняет бутылку, которая с грохотом падает на пол. Говорит заплетающимся языком, как человек выпивший). О! Вот так история! Неужели этот постреленок Джером был прав? И у нас в ресторане появились привидения? (Кричит.) Паркер! Глянь!

Из отдельного кабинета быстро выходит Паркер.

Официант (повару). Какая вас муха укусила, Джим? Почему вы так заорали?

Повар (Паркеру). Паркер! Вы там были... в отдельном кабинете... Вы ничего не видели?

Паркер. Ничего.

Повар (дрожжа от волнения). Там... я видел... привидение...

Официант (повару). Я говорил вам, что это к добру не приведет. Не вы первый допились до белой горячки!

Повар. Значит, и Джером? Но ведь он совсем не пьет вина! Нет, тут что-то не так... не то...

Паркер поднимается по полутемной лестнице «Приюта для холостяков». Снизу доносится чей-то истерический крик. Оглядывается. Да что они сегодня все с ума сходят?

Идет по коридору, освещенному лишь одной лампочкой посередине. Когда он уже доходит до своей комнаты, из комнаты Грин открывается дверь. Выглядывает Грин. На ней чепчик и ночной халат, туфли на босу ногу.

Госпожа Грин неистово вскрикивает и падает в коридоре под самой лампочкой.

Паркер спешит к ней на помощь.

Из своей комнаты выбегает полуодетый Майкл.

Майкл. Что случилось?

Паркер. Госпожа Грин упала в обморок.

Майкл. Почему? Что с ней?

Паркер (смущенно). Понять не могу!

Паркер и Майкл поднимают Грин.

Грин (приходя в себя). О-ох... боже... Привидение! Я видела привидение! (Со всем приходя в себя.) Ах, оставьте! Я не одета... (Убегает в свою комнату, с шумом захлопывает дверь.)

Майкл и Паркер стоят друг против друга в полном недоумении.

Паркер. Идемте, Майкл, мне надо с вами поговорить. Сегодня с людьми творится что-то неладное...

Они доходят до открытой двери в комнату Майкла.
Комната Майкла. Темно.

Паркер (посреди комнаты. Его лицо и руки слабо светятся). Понимаете, Майкл, сегодня...

Майкл (в дверях комнаты, видя свечение Паркера, с испугом). Ой-ой-ой! Ой-ой! (У него стучат зубы.)

Паркер (не понимая). И этот тоже! Что с вами, Майкл?

Майкл. Вы... вы это, Паркер, или оборотень, привидение, выходец с того света?

Паркер (уже раздражаясь). Да что вы, с ума сошли? Опия накурились? Какое-то массовое помешательство! Ну, конечно, это я, черт побери! Опомнитесь, Майкл! Придите, наконец, в себя! (Делает несколько шагов к нему. Майкл, завывая от ужаса, задом выскакивает в коридор.) Неужели вы меня боитесь? Чем я так пугаю вас? Ведь это же я, я, ваш друг, Джон Паркер!

Майкл (еще не решаясь войти в комнату). Но... вы светитесь, Джон, светитесь, как гнилушка!

Паркер. Как гнилушка? Странно! Джером говорил о том же. Вы не бредите, Майкл?

Майкл. Посмотрите сами на свои руки.

Паркер (смотрит и вскрикивает). Ах! В самом деле! (Бежит к зеркалу.) И лицо светится! (Подбегает к выключателю, зажигает свет. Свечение тела исчезает. Паркер гасит свет. Свечение тела появляется.) Майкл, я погиб! Я заболел ужасной болезнью!

Майкл. Заболел? (Осмеливается войти в комнату, но тотчас зажигает свет и лишь после этого решается подойти к Паркеру.) Да, Паркер как Паркер. (Гасит свет, Паркер мерцает.) Наваждение! Станьте в темный угол, Джон.

Паркер становится. Свечение тела усиливается. Сквозь тело видны слабые очертания скелета, внутренних органов.

Майкл (снова завыв от ужаса и отскочил к двери). О-о-о! Я вижу ваш скелет, Джон! Ваше сердце... (Зажигает свет.) Невозможно смотреть!

Паркер (садится на табурет, опускает голову, закрывает лицо руками). Конечно! Все кончено! Я погиб, Майкл, погиб! Все разбито... Ну как я покажусь Мэг! Могу ли я жениться на ней?

Майкл. Не падайте духом, Паркер! Может быть, это пройдет. Посветитесь и погаснете...

Паркер (с тоской). Боже мой... Но что со мной? Какая болезнь приключилась?

Майкл. Когда служил в цирке, у нас был один светящийся человек. Только у него скелет не был виден. Он чем-то натирался. Вроде фосфора. Может быть, вы как-нибудь где-нибудь случайно... намазались таким светящимся веществом?

Паркер (безнадежно машет рукой). Где я мог измазаться? Нет, это болезнь! Какая-то новая, ужасная, неслыханная болезнь!

Майкл. А вы все-таки попробовали бы отмыться. Давайте я помогу вам,

Паркер.

Паркер. Не поможет.

Майкл. А все-таки? Чем вы рискуете? Идемте в ванную.

Ванная комната. Паркер в ванне. Клубы пара. Майкл моет Паркера, трет его мочалкой изо всех сил.

Паркер. Ой! Ой! Вы сдерете с меня кожу, Майкл!

Майкл. Потерпите, Джон! Зато мы всю эту светящуюся нечисть отдерем...

Комната Майкла. Горит огонь.

Паркер, полуодетый, сидит на табурете.

Майкл (*гасит свет*). Ну посмотрим! (*Оборачивается к Паркеру.*) Эх, дьявольщина! Светитесь!

Паркер (*унуло*). Свечусь... И даже как будто сильнее.

Майкл (*зажигая свет*). Я все-таки зажгу свет, Джон. Не сердитесь, но впотьмах у вас уж очень жуткий вид... Подумаем, обсудим. Если нельзя отмыть, то, может быть, закрыть можно. (*Осматривает комнату.*) Вот наденьте-ка это мое кожаное пальто.

Паркер послушно надевает. Майкл гасит свет.

Майкл. Светится, проклятый!.. А клеенка? (*Снимает со стола и покрывает ею Паркера.*) И сквозь клеенку светитесь! А жуть, железо? Накройте лицо этой миской!

Паркер. Но не буду же я ходить на свидание с Мэг с этой жестяной миской на лице!

Майкл (*накрывает лицо Паркера миской*). У-у-у! Жуть какая! Даже мороз по коже! Скорей свет! (*Зажигает. Стоит задумавшись.*) А если...

Паркер (*встает*). Нет, Майкл, довольно! Мне уж ничего не поможет... (*Смотрит на свои руки.*) Быть может, я скоро умру... умру, когда так хочется жить, когда я нашел свое счастье... Но откуда, откуда навалилась на меня эта напасть? (*Задумывается. Громко.*) Майкл, а что, если это от опыта, который проделал Никольс?

Майкл. И очень просто. С врачами только спутайся.

Паркер. Но уж если это он виноват... Сейчас же бегу к нему. Подниму с кровати и заставлю его погасить меня! (*Быстро выбегает.*)

Майкл (*качает головой*). Каких только болезней не придумают врачи на нашу голову!

Улица. Входная дверь. Табличка с надписью: «Доктор Г. Никольс». Паркер звонит. Из двери показывается злое, заспанное лицо Вуд.

Вуд. Что вам?

Паркер. Мне необходимо срочно видеть господина Никольса.

Вуд. Его вызвали в другой город. (*Захлопывает дверь.*)

Паркер разочарован. Вновь звонит – раз, другой, третий. Показывается Вуд, еще более злая.

Вуд. Опять вы? Я же сказала...

Паркер. Когда вернется господин Никольс?

Вуд. Не знаю. *(Захлопывает дверь.)*

Паркер протягивает руку, чтобы позвонить снова, но затем безнадежно машет и уходит.

Контора «Грей и К°». Конец рабочего дня.

Паркер выходит из конторы в коридор и спешит к телефону-автомату. Паркер в будке с телефонной трубкой. Крупным планом.

Паркер. Но я сегодня вечером не могу, милая Мэг... Да, занят. И вообще по вечерам. Лучше в воскресенье утром. Очень нужно? Но... Очень, очень? Хорошо. Хорошо. Я сейчас выезжаю. Да-да! Целую. Целую!

Улица. Вечер. Фонари еще не зажжены.

Паркер быстро шагает по тротуару. Лицо и руки его светятся. Встречный прохожий в испуге шарахается в сторону.

Паркер проходит через небольшой сквер. В аллее почти совсем темно. И тело Паркера светится сильнее. Прохожий замечает это, пугается. Куча ребят преследует Паркера. Восклицают:

– Фокусник!

– Привидение!

– Скелет!

– Человек-лампа!

– С кладбища сбежал!

Паркер ускоряет шаги. Толпа за ним все увеличивается.

К нему подбегает журналист Битл.

Битл. Простите за беспокойство, но я хотел бы задать вам...

Паркер. Я вам задам! Оставьте меня в покое! *(Почти бежит. Битл за ним. Вспыхивают фонари. Паркер перестает светиться. Вздыхает с облегчением.)*

Выбегает к остановке автобусов и вскакивает в отходящий автобус.

Битл, бежавший за Паркером, не успел сесть в автобус.

Битл с досадой машет рукой и бежит к стоянке такси. Садится, едет за автобусом.

Паркер в автобусе. Сидит, опустив голову. Внезапно автобус останавливается, свет гаснет. Паркер светится.

Шофер *(соскакивает, чтобы починить неисправность, кричит пассажирам).* Не беспокойтесь! Сейчас поедем!

Соседка Паркера вглядывается в его лицо и дико вскрикивает. Все обращают внимание на Паркера.

Переполох. Пассажиры бросаются к выходу.

Старик (стуча палкой и указывая на Паркера, кричит). Кондуктор! Удалите это безобразие!

Истерики. Паркер поспешно выходит из автобуса.

В то же время из задней двери в автобус входит Битл, ищет глазами Паркера. Увидел, что Паркер вышел, спешит к выходу, но не может пробраться через толпу обезумевших пассажиров.

Паркер бежит по улице к саду. Ярко горят огни паноптикума Сантано.

Мэг ждет Паркера возле паноптикума, увидев, бросается навстречу.

Мэг. Милый!

Паркер. Что случилось?

Мэг. Джон! Мне так захотелось видеть тебя! Разве это не недостаточная причина, Джон?

Паркер. Да, да, конечно. Я сам соскучился по тебе, милая Мэг. Но, понимаешь ли, по вечерам теперь я очень занят. Должен идти на ночную работу...

Мэг. Успеешь. Тебе к одиннадцати. Пойдем скорей на нашу скамейку! (Показывает на темную аллею.)

Паркер. На скамейку? В аллею? Зачем? Здесь так хорошо, светло, музыка играет.

Мэг. Зачем? Глупенький! Здесь так светло, а я... сегодня я читала роман. Герой и героиня целуются при свете звезд. И мне захотелось... Да идем же! (Тянет его.)

Паркер (упираясь, следует за ней). Право, Мэг...

Мэг. Ты не хочешь поцеловать меня? Ты разлюбил меня, Джон?

Паркер. Да нет же, нет же... (Следует за ней.)

Скамья, окруженная кустарником. Паркер и Мэг сидят, взявшись за руки. Мрак смягчается отдаленным светом фонарей, и лицо Паркера чуть светится.

Мэг (приближает свое лицо к лицу Паркера, желая поцеловать его, но замечает свечение. С некоторым испугом). Что с тобой, Джон? Твое лицо как будто светится.

Паркер. Светится? Это... это, наверное, падает свет от фонаря.

Мэг. Да нет же! Само светится.

Паркер. Может быть, от любви к тебе. Это бывает. Когда очень любят...

Мэг (вскрикивает и быстро отодвигается от Паркера). Ай! Ты весь светишься... Я вижу темные впадины вокруг глаз. И сердце! Какой ужас! Оно бьется...

Паркер. Оно бьется для тебя, Мэг! Ну, поцелуй же меня! (Протягивает руки.)

Мэг (вскакивает, истерически кричит). Не прикасайся ко мне! Ты ужасен!

Паркер (очень быстро). Успокойся, Мэг, Мэгги! Это от опыта, который произвел надо мной Никольс. Он скоро приедет и погасит свет, и все будет хорошо... Ну подойди же ко мне, Мэг! Неужели ты боишься меня? Ведь это же я, твой Джон! Мэгги! Мэг! Ведь ты же говорила, что не оставишь меня, что бы со мной ни случилось...

Мэг. Нет, нет, Джон! Я не могу тебя видеть. Это выше моих сил!

Паркер. Мэг! Ведь только ради тебя я решился на опыт!

Мэг. Но я не могу. Понимаешь ли, не могу. Уйди! Уйди! И не показывайся мне, пока не погаснет свет, если не хочешь, чтобы я умерла от страха. Я не могу видеть твоего сердца!

Паркер (*вскакивает, делает шаг к Мэг*). Мэгги! Мое сердце...

Мэг (*дико кричит*). Уйди! (*Убегает.*)

Паркер (*ей вслед*). Так поищи себе мужа без сердца! (*Почти падает на скамью и тихо рыдает.*)

Какая-то парочка подходит к скамье.

Она. Кажется, наша скамейка занята.

Он. Что-то светится. (*Оба вскрикивают и шарахаются в кусты.*)

Контора «Грей и К°» Окна конторы обращены к глухой стене соседнего здания, которая заслоняет свет. Раннее осеннее утро. В конторе еще горят лампы.

Комптометрист (*Паркеру*). Скажите нам, Паркер, что с вами произошло? Вас словно подменили. Работаете как машина и не устаете. Откройте нам ваш секрет!

Паркер не отвечает, угрюмо работает.

Машинистка-блондинка. Я знаю секрет господина Паркера. Он имеет невесту, собирается жениться. Копит деньги и работает как мотор.

Комптометрист. Откуда же вы знаете?

Машинистка. Да он все время шепчет ее имя. Мэг, Мэгги. Вот и весь секрет. (*Все смеются.*) Да, господин Паркер?

Паркер (*угрюмо*). Да. (*Пауза.*)

Старая дева – счетовод. Слыхали, господа? В городе появился светящийся человек. Об этом все говорят. Светится, как лампа, и искры от него во все стороны летят. Недавно в автобусе появился. Моя знакомая показывала рукав пальто, прожженный искрами. Несколько человек от страха умерли. Еще бы – тело светится, а внутри скелет виден, сердце, легкие.

Все слушают с интересом. Паркер изменяется в лице, нервно крутит ручку арифмометра.

Машинистка-брюнетка (*многозначительно*). Бабушкины сказки!

Старая дева (*обиженно*). Почему же бабушкины? И при чем тут бабушка? Все видели. Говорят, об этом уже в газетах пишут.

Входит главбух. Все умолкают и усиленно работают.

Главбух. Почему жжете свет? Уже достаточно рассвело. (*Гасит свет и проходит за стеклянную перегородку.*)

В конторе полумрак. Паркер светится слабым фосфорическим светом.

Машинистка-блондинка смотрит на Паркера, взвизгивает и падает в обморок. Комптометрист бежит к ней на помощь, но, взглянув на Паркера, шарахается в сторону, стоит, лязгая зубами от страха. Машинистка-брюнетка в панике убегает. Все счетоводы вскакивают со своих мест, бегут, толкая друг друга.

Старая дева (с испугом и торжеством показывая на Паркера). Вот он... вот он... вот он! Вот вам и бабушкины сказки!

Покрывая крик и шум, главбух зовет Паркера.

Главбух. Господин Паркер!

Паркер идет к главбуху, виновато кланяется.

Главбух (внимательно осматривает Паркера). Извольте объяснить, господин Паркер, что значит этот... этот... я не знаю, как назвать... этот маскарад?

Паркер. Это не маскарад... это болезнь... совершенно не заразная... собственно, даже не болезнь...

Главбух. Болезнь? Вы больны? И притом такой... э... неприличной болезнью?

Паркер (лепечет путаясь). Не болезнь, нет, а последствие одного опыта... чтобы лечить других. А я здоров. Совершенно здоров.

Главбух. Разве здоровые люди просвечивают, как графин? Бесстыдно выставляют напоказ свои печенки и селезенки? Здесь не больница. Нам не нужны светящиеся счетоводы.

Паркер. Но ведь я хорошо работаю! Вы сами...

Главбух. Хорошо работаете! Но можно ли работать с вами? Посмотрите, что вы наделали!

Паркер. При свете я не свечусь. И потом... может быть, за ширмой...

Главбух (быстро пишет, передает Паркеру бумажку). Вы больше не служите у нас, господин Паркер. Получите у кассира расчет.

Паркер берет бумажку и, опустив голову, уходит.

Окошко кассира. Полумрак.

Паркер (кассиру). Вот, прошу уплатить!

Старик кассир, взглянув на светящегося Паркера, вскрикивает, прячет голову, потом, стуча зубами, стараясь не глядеть на Паркера, трясущими руками отсчитывает деньги.

Гардеробная. Здесь также полутемно.

Паркер подает гардеробщику номер. Тот, не глядя на Паркера, берет номер, снимает пальто и шляпу, подает Паркеру и тут только взглядывает на него. Без слов валится навзничь вместе с пальто и шляпой, накрывая себя пальто.

Паркер выхватывает из его рук пальто, шляпу и выбегает.

Двор ресторана «Сан-Ремо». Уже совсем светло. Майкл выгружает из грузовика ящики.

К Майклу подходит Паркер.

Паркер (*присаживается на ящик*). Все кончено, Майкл! Я погиб. Теперь уже погиб окончательно. Меня выгнали из конторы. Не сегодня-завтра выгонят и из ресторана. Они уже заметили мое свечение. Мэг отвергла меня, не может меня видеть. Я пугаю людей. Моя жизнь превратилась в мучение. Я словно заболел темнотобоязнью. Мне остается только броситься с моста в воду.

Майкл. А Никольс?

Паркер. Еще не приехал. Ждут сегодня вечером.

Майкл. Так вы уж подождите до вечера бросаться в воду. Он вас погасит. Непременно! Как же иначе? Умел зажечь, сумей и погасить. А пока... ничто так не успокаивает нервы, как физический труд. Помогите-ка мне таскать эти ящики. Скорей время пройдет до вечера.

Паркер. Вы мой единственный друг! Спасибо!

Паркер хватает ящики и начинает их перебрасывать с энергией отчаяния. Кабинет Сантано.

На стенах – афиши, плакаты, на столах замысловатые инструменты музыкальных эксцентриков, по углам – фокусная аппаратура. Сантано сидит перед письменным столом, загруженным газетами.

Газеты валяются на полу.

Возле стола в кресле сидит Битл.

Битл. Но, господин Сантано...

Сантано. Хватит с вас. Будет. Упомяните и о бородатой женщине. Распишите получше.

Битл (*встает*). Все будет сделано, господин Сантано! (*Кланяется, идет к двери.*)

Сантано (*окликавая его*). Господин Битл!

Битл (*поворачивается*). К вашим услугам.

Сантано. Скажите, господин Битл... Вам не удалось узнать, кто такой этот светящийся человек? И что он собой представляет?

Битл (*после короткой паузы*). К сожалению, нет, господин Сантано. Не удалось узнать.

Сантано. Да вы не финтите, говорите правду!

Битл. Я говорю правду, господин...

Сантано. Вы не были бы журналистом и господином Битлом, если бы говорили правду. (*Битл нагло улыбается, потом делает оскорбленное лицо.*) Не обижайтесь.

Это же комплимент... По крайней мере... (*Ударяет по кипе газет.*) Это не вами сфабрикованные утки?

Битл. Я видел сам, собственными глазами, светящегося человека. Но он скрылся. Вы очень интересуетесь им?

Сантано. Я? Нисколько. Зачем он мне? До свидания, господин Битл!

Битл хитро улыбается и уходит.

Сантано (встает, потирая руки). Да, черт возьми, хорошо бы заполучить этого светящегося человека! Мировой аттракцион! Как бы другие не перехватили. Бальбо! (Входит карлик.) Распорядись, чтобы мне сейчас же подали машину!

Приемная Никольса. Пациентов нет, Вуд одна – подсчитывает в кассе деньги. Часть денег перекладывает в свою сумочку. Быстро входит Паркер, крайне возбужденный. При его появлении Вуд вздрогнула, пойманная на месте преступления, и поспешно убрала сумочку.

Вуд (сердито, но с улыбкой). Запись на сеансы сегодня уже окончена. Прошу завтра к десяти утра.

Паркер. Мне необходимо видеть господина Никольса по неотложному делу.

Вуд. Он занят. Сейчас идет последний сеанс массового гипноза.

Паркер. Я не могу ждать! (Открывает дверь, входит.)

Кабинет Никольса. Никого нет. Паркер открывает дверь соседней комнаты – индивидуального гипноза. Никого. Проходит в следующую комнату.

Комната массового гипноза. Почти темно. Только крохотная лампочка светит у потолка. Десяток пациентов полулежат в креслах с низко откинутой спинкой.

Никольс заканчивает сеанс. Элис щупает пульс у одного пациента.

Никольс (громко). Девять... десять! (Пациенты пробуждаются, встают.) Вот и все. Госпожа Юнг, зажгите свет.

Элис направляется к выключателю, но в это время в комнату быстро входит Паркер. Он сильно светится. Заметны глазные впадины, контуры скелета.

Среди пациентов переполох, крики. Пациенты выбегают из комнаты.

Приемная. Панически бегущие старики и старухи. Вуд возле своей кассы. Ее изумление.

Опустевшая комната массового гипноза. Остались только Никольс, Элис, Паркер.

Никольс и Элис с изумлением смотрят на Паркера.

Никольс. Что с вами, господин Паркер?

Паркер. Я пришел задать этот вопрос вам, господин Никольс.

Никольс (вздыхнул, тряхнул головой). Подождите... Надо же успокоить пациентов, которых вы так напугали! (Выходит.)

Элис. Давно это у вас, господин Паркер?

Паркер. Может быть, сейчас же после опыта, но заметил позже. Я в отчаянии, госпожа Юнг! Как вы думаете, может господин Никольс погасить свет?

Входит Никольс, внимательно осматривает Паркера.

Никольс. Да! Весьма интересно, хотя, признаюсь, и несколько неожиданно.

Паркер. И очень неприятно.

Никольс. Пожалуй, и не совсем приятно. (*Многозначительно, Элис.*) Вы видите, Элис?

Элис. Вижу. Но это не остановило бы меня.

Никольс. Чрезвычайно интересно! (*Осматривает Паркера.*) Сейчас для науки вы представляете исключительный интерес, господин Паркер. На вас могут учиться студенты, любой ученый охотно...

Паркер. К сожалению, не все люди ученые.

Никольс. Впервые ученые могут наблюдать без всяких рентгенов функции органов живого человека. Это даже для вас самого очень полезно, господин Паркер. Если вы заболите, то самый неопытный врач легко и безошибочно установит диагноз. Малейшее изменение в работе сердца...

Паркер. Не говорите мне о сердце! Что вы со мной сделали, господин Никольс? Я теперь могу работать за троих, и что же? За это меня только били и выгоняли с работы. А сегодня меня изгнали из конторы, когда увидели, как я свечусь.

Никольс. Не беспокойтесь. Безработица вам не грозит. Вы будете...

Паркер. Господин Никольс, дело не только в этом... Поймите же меня! Я молодой человек, я... я имею невесту... Мэг...

Никольс (*усмехнувшись*). Да, это действительно несколько осложняет дело. Но если невеста вас любит по-настоящему, то не оставит. Привыкнуть можно ко всему. Объясните ей, что у каждого человека есть сердце, если она умна...

Паркер. И любит, и умна, и объяснил...

Никольс. Так она вас уже видела светящимся?

Паркер. Да, видела.

Никольс. И что же?

Паркер. Мэг... Мэгги сказала, что не выйдет за меня замуж, пока не погаснет свет... Она не может видеть моего сердца... И вот, господин Никольс, я хочу знать, сможете ли вы погасить мое свечение? Или скажите, когда оно само погаснет. Для меня это вопрос жизни и смерти.

Никольс (*несколько смущенный*). Видите ли... продолжительность жизни радия равняется двум тысячам двумстам восьмидесяти годам.

Паркер (*у него подкашиваются ноги, приседает*). Две тысячи.

Никольс. Успокойтесь, господин Паркер. На ваше счастье, вам введен в организм не чистый радий, а искусственный радиоэлемент. Продолжительность жизни искусственных радиоэлементов значительно короче: от долей секунды до...

Паркер. Но нельзя ли погасить поскорее?

Никольс. Попробуем.

Паркер. Но как я буду жить, пока вы найдете средство погасить меня? Нельзя ли изобрести какой-нибудь изоляционный костюм?

Никольс. Только из свинца, но боюсь, что он будет тяжел для вас. Вот что, оставайтесь у меня, и я займусь вами.

Паркер. Мне ничего больше не остается.

Никольс (*открывая дверь*). Госпожа Вуд!

Входит Вуд и, видя светящегося Паркера, взвизгивает и прячется за притолоку.

Никольс. Не бойтесь, госпожа Вуд. Приготовьте, пожалуйста, комнату для господина Паркера рядом с моим кабинетом. Господин Паркер будет у нас жить.

Вуд. Приготовить? Комнату?

Никольс. Да, постелите на диване постель.

Вуд (смущенная). Но я не прислуга.

Никольс. Я прошу вас. Пожалуйста, поскорей! (*Паркеру*). Идите, господин Паркер. Госпожа Вуд проводит вас.

Никольс и Элис одни.

Элис. Что с ним случилось?

Никольс. По-видимому, длина волны одного из радиоэлементов оказалась близка к рентгеновской, и тело Паркера начало просвечивать. Всего не предугадаешь.

Вагон трамвая. Пассажиры читают газеты.

Крупным планом газетный лист со статьей «Еще о светящемся человеке».

Первый пассажир (соседу). Читали? Светящегося человека видели вновь.

Второй пассажир. Да, но он исчез после этого. Как в воду канул.

Третий пассажир. Какой-то шутник морочит голову!

Четвертый пассажир. Просто газетная утка.

Женщина. Нет, не утка! Никакая не утка! Я сама была в автобусе, когда светящийся человек всех так напугал.

Четвертый пассажир. Воображение!

Женщина. Что же, я вру?

Ресторан. Все столики заняты. Врываются мальчишки-газетчики. Кричат звонкими голосами:

– Тайна светящегося человека открыта!

– Живой скелет найден! (*Сидящим за столом.*) Купите газету!

Старик (за столиком). Пошел! Не надо! Вы уж совсем заврались со своим человеком-лампой!

Газетчик (другому столику). Тайны!..

Господин в очках. Выдумайте что-нибудь поновее.

Часть сидящих все же покупает газеты.

Контора «Грей и К°». За стеклянной перегородкой возле главбуха толпятся журналисты с блокнотами. Впереди всех Битл.

Главбух (раздраженно). Довольно! Не могу же я бросить работу и с утра до вечера рассказывать о Паркере. Он и так наделал нам убытку.

Битл. В каком размере?

Главбух. Миллион! Сто миллионов! Оставьте же меня в покое! Или я принужден буду вызвать полицию!

Журналисты выходят. Битл – впереди всех.

Битл (*на ходу*). Главное, адрес Паркера узнали! (*Убегает.*)

К главбуху подходит Сантано.

Сантано. Здравствуйте, господин...

Главбух (*раздраженно*). Опять журналист? Я занят!

Сантано. Журналист? Нет. Я не журналист и никогда им не был.

Главбух (*смягчаясь*). По какому же вы делу?

Сантано. Моя фамилия Сантано. Я хотел бы узнать у вас некоторые подробности о вашем бывшем счетоводе Паркере...

Главбух (*бросая на пол книги*). Опять о Паркере? Вон! Слышите ли вы? Или я начну драться!

Сантано. Но... позвольте!

Главбух. Не позволю!

Сантано (*быстро и вкрадчиво*). Но... я дядюшка моего несчастного племянника Паркера. Его мать, моя сестра, извелась от горя, узнав о том, какое несчастье стряслось с ее сыном, моим племянником. Дело в том, что он почему-то не сообщил о перемене адреса, и я не могу найти его. Если возможно...

Главбух (*кричит*). Сквозная улица, 49, гостиница «Приют для холостяков». И оставьте меня, наконец, в покое!

Сантано (*кланяется несколько раз*). Благодарю вас! (*Поспешно уходит.*)

Главбух (*звонит. Входит слуга*). Тиль! Баста. Двери на замок! Никого не пускать! Скажите, что контора сегодня закрыта!..

Улица. Промчался автомобиль с Битлом. За ним целая вереница автомобилей с другими журналистами. Шоферы стараются обогнать друг друга. Последним едет Сантано. Он толкает своего шофера в спину, заставляя ехать быстрее.

Подъезд «Приюта для холостяков». Один за другим подъезжают автомобили. опережая друг друга, журналисты скрываются в подъезде. Битл – впереди всех.

Подъезжает автомобиль Сантано.

Сантано скрывается в подъезде.

Комната госпожи Грин.

Грин посреди комнаты, окруженная журналистами. Она взволнована. Журналисты вооружены блокнотами и вечными перьями.

Грин. Не знаю... ничего не могу сказать... У меня Паркер вел себя вполне прилично. Никогда не светился и не допускал чего-нибудь подобного. Я держу только тихих жильцов. Потом Паркер исчез. Куда – я не знаю... ничего не знаю... я бедная одинокая девушка...

Сантано расталкивает журналистов и становится возле Грин, как ее рыцарь.

Сантано (*громко и властно*). Что вы, господа, в самом деле мучаете бедную

женщину? Вы видите, что она ничего не знает и может заболеть и умереть от волнения!

Грин (с благодарностью взглянула на Сантано, прижимая пальцы к вискам). Да, да... у меня ужасная мигрень... Мелькает в глазах... Ах, я, кажется, сейчас упаду в обморок...

Сантано подхватывает госпожу Грин и кричит журналистам:

– Прошу вас немедленно уйти отсюда!

Журналисты ворча, выходят из комнаты. Один из них говорит:

– Вероятно, родственник. Как не вовремя!

Сантано. Успокойтесь, госпожа Грин! Эти нахалы не беспокоят вас. Выпейте воды. Где у вас графин?

Его медовый, ласкающий голос и шикарные манеры не только успокоили старую деву, но и очаровали. Грин бросает на него взгляд и улыбается.

Грин. Благодарю вас...

Сантано заботливо усаживает Грин в кресло, заставляет выпить воды, воркует как голубок.

Сантано. Успокойтесь же, прошу вас! Наглая, грубая публика! Никакого уважения к женщине. Разве так можно обращаться со слабым, прекрасным полом?

Грин. Ужасно! Как трудно жить одинокой девушке, которую всякий обидеть может, самой зарабатывать на хлеб, сдавая комнаты...

Сантано. Вполне вам сочувствую. Это ваш собственный дом или арендуете?

Грин. Собственный. Столько хлопот...

Сантано. Еще бы! Позвольте представиться. Сантано. Я прихожусь дядюшкой Джону Паркеру. Заплатил ли он вам за комнату? Если нет, я уплачу.

Грин. Нет-нет, пожалуйста, не беспокойтесь. Неизвестный человек прислал мне деньги за несколько месяцев вперед.

Сантано. Но где же, однако, мой несчастный племянник? Кто бы мог подумать? Его отец и мать, моя сестра, были вполне нормальные люди, как я сам. Никакого свечения, как видите.

Грин. Где господин Паркер, к сожалению, не могу сказать. Когда я упала в обморок и господин Майкл Грот привел меня в себя...

Сантано. А кто это Майкл Грот? Я могу повидать его?

Грин. Разумеется, если он дома. Комната двадцать четыре.

Сантано. Отлично! Отлично!

Затемнение. Комната Майкла.

Сантано сидит на табуретке. Майкл стоит перед ним.

Сантано (встает). Благодарю вас, господин Грот. С вашей помощью нам удастся найти моего племянника и вашего друга. Я думаю, что Джон должен

быть у доктора Никольса. Еду к нему!

Затемнение. Приемная в квартире Никольса.

Вуд и Сантано сидят друг против друга за кассовым столиком и шепчутся, как заговорщики, оглядываясь на двери кабинета Никольса. Перед Вуд огромная бонбоньерка.

Слышатся шепот и отдельные фразы.

Вуд. Никольс третирует меня, как прислугу. Ужасный человек... *(Шепчет что-то.)*

Сантано *(возмущенно)*. Никакого уважения к женщине! И к такой женщине! *(Шепчутся.)*

Вуд. Да, держит господина Паркера в заключении. Бедняжка не знает, как вырваться.

Сантано *(качает головой)*. Мне нужна будет ваша помощь, но и я освобожу вас от этой тирании. *(Шепчет.)* Место кассирши... паноптикум...

Вуд *(улыбаясь)*. Я буду вам бесконечно благодарна. *(Шепчет.)* Вы можете совершенно положиться на меня!

Встают, улыбаясь, пожимая друг другу руки.

Подъезд квартиры Никольса. Стоит автомобиль Сантано. Сантано выходит, садится в автомобиль.

Сантано. Никольс в моих руках! Светящийся человек будет мой!

Шофер. Куда?

Сантано. Семнадцатая, два.

Машина двинулась.

Комната Паркера в доме Никольса. Горит лампа. Паркер ходит из угла в угол, как зверь в клетке. Берет стул, делает с ним упражнения, как с гирей. Ставит. Снова ходит. Гасит свет. Смотрит на руки, подходит к зеркалу. Вздыхает.

Паркер. Свечусь!..

Садится к столу. Кладет руки перед книгой и, освещая ладонями страницы, читает.

Затемнение. Та же комната, но свет погашен. Утро. Входит Элис.

Элис. Доброе утро, господин Паркер!

Паркер. Добрым оно будет тогда, когда погаснет свет.

Элис. Свет не уменьшился?

Паркер. Увы, нет. Госпожа Элис, я очень соскучился по моей Мэг. Нельзя ли мне хотя бы позвонить ей по телефону?

Элис *(подумав)*. Отчего же нет?

Паркер. Благодарю вас!

Паркер у телефона в коридоре.

Паркер. Да, да, это я, Мэг... Что? Ты хочешь видеть меня? Что случилось? Поговорить со мной по важному делу? Но я... хорошо. В саду, на нашей скамейке? Сейчас выезжаю!

Приемная Никольса. Вуд за стойкой. Паркер пробегает в переднюю.

Вуд. Господин Паркер! Куда вы?..

Передняя. Паркер бросается к двери, пытается открыть ее, но она закрыта, и ключа нет. Вбегает Вуд.

Вуд. Господин Паркер! Но господин Никольс запретил вам выходить из дома.

Паркер. Запретил? Но ведь я не в тюрьме!

Вуд (улыбаясь). Думайте как хотите.

Паркер. Мне необходимо. Понимаете, совершенно необходимо выйти из дома. Если вы не откроете дверь, я разобью стекла и выпрыгну в окно. *(Угрожающе.)* Давайте ключ!

Вуд (испуганно). Он с ума сошел! *(Кричит.)* Помогите!

Вбегают Никольс и Элис.

Никольс. Что случилось?

Вуд. Господин Паркер с ума сошел... Он едва не убил меня.

Никольс. Что с вами, Паркер?

Паркер. Мне необходимо выйти из дома. Она не дает ключа. Вы не смеее держать меня! Я не в тюрьме!

Никольс. Я держу вас? Госпожа Вуд, принесите ключ! *(Паркеру).* Но имейте в виду, если вы выйдете из этого дома, то можете не возвращаться. И пусть вас погасит кто угодно!

Вуд приносит ключ. Никольс широко открывает дверь.

Никольс. *(говорит Паркеру).* Идите. Но больше вы не войдете в эту дверь!

Паркер *(сразу остыв).* Простите, но я... я хотел повидаться с Мэг... *(Опускает голову и медленно идет назад в приемную.)*

Кабинет Никольса. Никольс и Элис. Оба взволнованы.

Никольс. Что с ним случилось? Я даже не ожидал от этой овечки такой выходки.

Элис. Он звонил невесте... Вероятно, она вызвала его на свидание. Но почему бы ему не пойти?

Никольс. Почему? Вы сами видели, я не держу его, но для его же пользы и моей лучше, чтобы он сидел дома. *(Подходит к столу, показывает Элис газету.)* Видите, Элис? Все газеты полны статьями о светящемся человеке. Его ищут. Упоминается уже и мое имя. Если мне не удастся погасить свечение

Паркера, прежде чем журналисты нападут на его след, это может вызвать большие осложнения. У меня есть враги в научном мире. Они уже плетут какие-то тенета...

Комната индивидуального гипноза. Никольс. Элис.

Входит Сантано. Волосы напомажены и разделены прямым пробором. На нем костюм кофейного цвета, несколько странного покроя: жакет с сильно обрезанными закругленными фалдами, застегнутый на одну пуговицу и открывающий жилет с массивной золотой цепочкой часов. Черные лакированные туфли, подходящие скорее к фрачному костюму.

Этот костюм и внешность, манера держаться с особым апломбом несколько необычны и комичны.

Никольс осматривает посетителя, стараясь определить, кто бы он мог быть.

Сантано, решив, что достаточно попозировал, с легким кивком головы подходит к Никольсу петушиным шагом и говорит быстро, как человек, у которого каждая минута на счету.

Сантано. Профессор Никольс! Прошу прощения за ранний визит и беспокойство. Времени мало. Здесь проездом. Через час на поезд. Много слышал о вас. Решил обратиться к вашей помощи.

Никольс. Но не рано ли вы прибегаете к моей помощи, господин...

Сантано. Ной Фелл!

Никольс. Господин Фелл. Вы знаете, очевидно, что я пользую стариков. Вы же еще в цветущем возрасте и состоянии.

Сантано. Не жалуюсь. Мне сорок девять лет. Немного. Но у меня... Позвольте рассказать вам историю своей болезни, если так можно выразиться... Когда мне было тридцать шесть лет, у меня испортился зуб, клык. Вот этот. Пришлось сделать золотую коронку. Коронка оказалась длинна. Плохой дантист. Зуб подсекал нижнюю губу. Образовалась опухоль. Я обратился к другому врачу, тот посмотрел опухоль и сказал: «Господин Сан... Фелл!»

Никольс. Но, простите, какое все это имеет отношение ко мне! Я не зубной врач.

Сантано. Самое близкое. Слушайте дальше. У меня не много времени. Второй дантист посмотрел опухоль, говорит: «Господин Фелл! Если это уже не рак, то место для рака!» Так и сказал. Я ужасно испугался, понятно.

Никольс. Раковые опухоли я также не лечу.

Сантано. Прошу выслушать до конца. У меня каждая минута на счету. Итак, я перепугался. Очень. И бросился к профессору ракологу, или, как у вас зовется...

Никольс. Онкологу.

Сантано. Да, к специалисту по раковым болезням. Он посмотрел на опухоль, многозначительно сказал: «Гм! Да!» У меня душа упала совершенно. Потом он не спеша вымыл руки, пощупал опухоль и сказал: «Могу вас успокоить. Это не рак. Опухоль совершенно мягкая и даже дряблая. Вам еще рано обзаводиться раковыми опухолями. Лет двадцать еще прожить надо». Я был в восторге. Исправил коронку. Клык перестал подсекать губу. Опухоль исчезла, я скоро забыл о ней... Но вот с недавних пор я начал чувствовать какое-то смутное беспокойство и недомогание. Потерял сон, аппетит, начал убавлять в

весе. Обратился к врачу. Никаких болезней. Все в порядке. Недоумевают, спрашивает: «Чем вы болели?» – «Корью в детстве, больше ничем». – «Вспомните, может быть, еще чем-нибудь болели?» Начал вспоминать и вспомнил зуб. Опухоль. Когда это было? Двадцать лет тому назад. Ровно двадцать!

Никольс. Позвольте, но ведь вы говорили, что вам тогда было тридцать шесть лет, а теперь сорок девять.

Сантано. Может быть, я немножечко ошибся. Дело не в том, сколько мне сейчас, а в том, что прошло ровно двадцать лет, – срок, который я смог прожить, по мнению онколога. Не больше. И вот тут-то начались мои мучения. Я заболел, если так можно выразиться, ракобоязнью. Всюду щупал себя. Искал опухоли. Бегал по врачам. Нахожу признаки рака во всех частях тела. Не могу работать. Одна мысль гвоздит меня: «Твой срок пришел!»

Никольс (*взглянув на Элис*). Да, это вполне возможно. Вы, господин Фелл, по-видимому, субъект, легко поддающийся внушению. Неосторожный врач, сам об этом не думая, внушил вам мысль о том, что вы умрете через двадцать лет. Такие случаи отмечались в медицинской литературе.

Сантано (*со страхом*). И люди умирали?

Никольс. Вы еще проживете сто лет, а потом приходите ко мне, я дам вам новую отсрочку.

Сантано. Я знал, что вы поможете мне. Вы один, и никто другой. Чем ушибся, тем и лечись!

Никольс. Совершенно правильно. Садитесь в это кресло. Откиньтесь на спинку. (*Смотрит в глаза Сантано и внушительно говорит.*) Спите!

Сантано тотчас закрывает глаза.

Никольс. (*к Элис*). Он действительно чрезвычайно легко поддается гипнозу. (*К Сантано.*) Вы совершенно здоровы. Никакого рака у вас нет. Вы не будете больше думать об этом!.. Через неделю вы явитесь ко мне для повторного визита. Когда я просчитаю до десяти, вы проснетесь... Раз... два...

Сантано (*вдруг открывая глаза и поднимаясь*). Даже раньше проснусь, если позволите. (*Потирает руки и смеется.*) Ловко я одурачил вас, господин Никольс? Как говорится, нашла коса на камень. По своей профессии я также имею кое-какое касательство к гипнозу. Удивлены? Ошарашены? Да, я симулировал сомнамбулическое состояние. Хорошо? Артистически?

Никольс. Зачем же вам понадобилась эта шутка?

Сантано. Ага! Вы сами не отрицаете того, что я не спал! Загипнотизированные так не просыпаются. Верно? Возьмите это себе на заметку, и вы также, барышня, госпожа Элис Юнг! Зачем мне понадобилась эта шутка? Хотя бы для того, чтобы удостовериться в кое-каких ваших шутках. Например, как вы используете свое врачебное положение для того, чтобы внушать пациентам приходиться на повторные сеансы и нести вам свои монеты.

Никольс. А я не беру за повторные визиты!

Сантано. Да? Так я вам и поверил!

Никольс. Что же вам, наконец, надо? Вы хотите шантажировать меня? Получить деньги?

Сантано. Представьте, что нет!

Никольс (*удивленно.*) Нет? Но тогда что же?..

Сантано. Очень немного. Мне надо, чтобы вы передали мне светящегося человека, господина Джона Паркера, которого вы незаконно лишили свободы и скрываете у себя!

Никольс. Ах, вот что!

Никольс бросается к Сантано, схватывает его за шиворот и, не дав опомниться, наваливается на него всем телом, выталкивает из кабинета, из приемной, из передней и, наконец, за дверь, ударив ногой в спину с такой силой, что Сантано кувырком летит на тротуар, потом следом за Сантано Никольс выбрасывает на тротуар его пальто, цилиндр мышинного цвета.

Приемная. Возле двери побледневшая Вуд.

Никольс (*дико взглянув на кассиршу, отчего она побледнела еще больше*). Сегодня никого не принимать! Я уж от одного пациента сыт по горло! (*Уходит.*)

Сантано на улице.

Возле подъезда автомобиль, Сантано отряхивается, надевает пальто и цилиндр.

Идет к автомобилю.

Сантано. Сантано сумеет постоять за себя! В полицию!

Комната индивидуального гипноза. Элис, застывшая возле кресла.

Входит возбужденный Никольс.

Элис (*тихо, подавленная происшедшей сценой*). Что вы наделали, господин Никольс?

Никольс. А что я должен был делать, по-вашему? (*Ходит по комнате, резко отодвигает ногой стул.*) Пойдемте в кабинет, Элис. Откуда свалился этот Фелл? Как он узнал о Паркере? Зачем ему нужен Паркер?

Элис. Надеюсь, вы не подозреваете меня?

Никольс. Конечно, нет! Но кто бы мог это сделать?

Элис. Может быть, я ошибаюсь, но... кроме нас, одна госпожа Вуд знает все. И она очень недоброжелательно относится к вам.

Никольс. Все возможно... Как бы то ни было, гром грянул, война началась, надо сражаться!.. Но какой ловкач! Слушайте, Элис!.. Неизвестно, чем все это кончится. Мое дело не должно погибнуть. Если со мной что-нибудь случится, вы будете продолжать мою работу. Обещаете?

Элис. С вами ничего не случится. Вы можете вполне полагаться на меня.

Никольс (*страстно*). О, если бы именно сейчас погас этот проклятый свет! Как бы все сразу изменилось! Все козни разрушились бы! Я вышел бы победителем...

Кабинет Сантано. Сантано сидит за столом, против него Битл.

Битл (*записывая в блокнот*). Но ведь профессор Никольс...

Сантано. Никакой он не профессор. Присвоение звания. Так и запишите. Он приказал госпоже Вуд величать его профессором перед всеми пациентами.

Так. О задержании Паркера записали? О повторных визитах? Вымогательстве? Список пациентов? Адреса?

Битл. Все в порядке!

Сантано. Отлично! Желаю успеха. Прoberите его на все корки. *(Вынимает из кармана пачку денег и передает Битлу одновременно с рукопожатием.)*

Битл *(встает, кланяется)*. Не беспокойтесь, господин Сантано. У меня с этим прохвостом Никольсом свои счета!

Комната у пациента Никольса, лысого старика. Сидят старик и Битл.

Старик. Я всегда говорил, что Никольс шарлатан и обманщик. Вытянул из меня не одну сотню своими повторными визитами, и все на ветер. *(Проводит рукой по лысине.)* А ведь эта Вуд уверяла со слов Никольса, что даже волосы отрастут и почернеют. *(Битл быстро записывает.)*

Комната старухи – пациентки Никольса. Старуха и Битл.

Битл *(записывает и спрашивает)*. Никакого улучшения?

Старуха. После сеанса чувствовала себя великолепно, а потом все по-старому. Увы, то был самообман.

Битл. И обман со стороны Никольса...

Кабинет старого профессора. Профессор и Битл.

Профессор. Внушение, разумеется, может произвести видимость омолаживания. Но применение гипноза с этой целью считаю шарлатанством. И уже совершенно недопустимо внушать под гипнозом повторные визиты. Это преступление, вымогательство.

Ресторан. Публика за столиками. Вбегают мальчишки-газетчики.

Звонко кричат:

– Сенсационные новости! Доктор Никольс – шарлатан!

– Никольс обирал своих пациентов!

– Никольс держит взаперти светящегося человека!

– Господин Битл разоблачил преступника!

Посетители ресторана быстро раскупают газеты. Шумно разговаривают друг с другом.

Кабинет Никольса и Элис.

Из-за двери кабинета показывается перекошенное лицо госпожи Вуд. Она пытается что-то сказать, лязгая зубами, но вдруг неистово взвизгивает, словно ее пощекотали под мышками. Ее голова внезапно поднимается на три фута, описав дугу, исчезает.

Дверь широко распахивается, и в кабинет вбегают Майкл. Со своим расплюснутым носом, рассеченной губой, с налитыми кровью глазами, глядящими из-под низкого лба, он страшен, как взбесившийся бегемот.

Майкл. Где он? *(Быстро осматривает кабинет и бросается к Никольсу,*

сжимая свои чудовищные кулачища.) Где Паркер?

В дверях появляется полицейский. За ним выглядывают Сантано и Битл. С необычайной быстротой полицейский схватывает за руку Майкла.

Полицейский. Стоп! Задний ход, господин Грот.

Майкл зарычал, остановился.

Полицейский (*Майклу*). Отойдите в сторону и стойте смирно!

Майкл, как побитый, отходит в сторону.

Полицейский. Господин Никольс! Мне сообщили, что вы незаконно лишили свободы некоего Джона Паркера и держите его у себя.

Никольс. Я не лишал свободы Джона Паркера.

Полицейский. Но он находится у вас?

Никольс. Да, у меня.

Полицейский. Разрешите мне повидаться с ним в присутствии понятых. (*Указывает на Майкла, Сантано и Битла.*)

В продолжение последующей сцены Битл быстро записывает в блокнот, следя за происходящим.

Никольс. Пожалуйста.

Комната Паркера. В комнате темно. Паркер ходит из угла в угол.

Входят Никольс, Элис, полицейский, Майкл, Сантано, Битл.

Никольс зажигает огонь.

Майкл бросается к Паркеру и обнимает его с такой силой, что Паркер морщится.

Майкл. Дорогой Джон Паркер! Я пришел освободить вас, старина!

Полицейский. Господин Грот, оставьте господина Паркера, отойдите в сторону! (*Майкл послушно отходит.*) Господин Паркер! Почему вы находитесь здесь? Господин Никольс лишил вас свободы?

Паркер (*растерянно смотрит на прибывших*). Нет, господин Никольс не лишил меня свободы.

Полицейский. Но вы не хотели бы уйти с нами?

Паркер (*испуганно*). Нет, нет! Я не хочу уходить от господина Никольса. Он даже мне сам открывал дверь на улицу и предлагал уйти от него, но я отказался. Он лечит меня.

Полицейский вопросительно смотрит на Сантано.

Сантано (*тихо, полицейскому*). Гипноз! Внушение!

Майкл (*не утерпев*). Дружище Паркер! Почему же вы не поздоровались со своим дядюшкой! (*Кивает головой на Сантано.*) Он так заботился о вас.

Паркер (*взглянув на Сантано*). Я не знаю этого человека. Первый раз вижу.

Майкл (рассерженный, кричит на Сантано). Вы что же это, обманывать меня?

Сантано (прячась за спиной полицейского). Ясное дело, Джон находится под гипнозом. Что ему внушили, то и говорит. Он и родной матери не узнал бы! (Выглядывая из-за спины полицейского, с чувством.) Джон! Неужели ты забыл меня, брата твоей бедной матери?

Паркер. У моей матери не было братьев.

Полицейский (сообразив, что дело неладно). Г ос-подин Сантано! Загипнотизирован или нет господин Паркер, этот вопрос могут решить только специалисты. От господина Паркера я не имею жалобы на лишение свободы-и не вправе уводить его отсюда против его воли. Моя роль кончена. Можете обратиться к прокурору. (Поворачивается и уходит.)

Сантано (следуя за полицейским). Но... господин сержант... (Уходит.)

Битл мечется, чтобы не упустить того, что происходит в разных комнатах.

Майкл (кричит в дверь вслед ушедшим). Я сейчас, одну минуту. (Подходит к Паркеру.) Ушел, черт! Как огня боюсь их. Не могу ли я быть вам полезен, дружище? Может, булочку принести? Курить у вас есть?..

Паркер. Благодарю, Майкл, я ни в чем не нуждаюсь. Вот только одно, если бы вы смогли... Куда-то исчезла Мэг, Мэгги. Я не мог узнать по телефону, где она, что с ней. Телефон парикмахерской почему-то не работает, из ее квартиры сказали, что она выехала неизвестно куда. И вот если бы вы смогли разыскать ее, то лучшей услуги не могли бы оказать мне. Мэг, Мэгги, я потерял ее!.. (Вздыхает.)

Майкл (вздыхает еще более шумно). А где она может быть?

Паркер. В этом весь вопрос. Надо найти.

Майкл. А как ее найти?

Паркер. Ну, справьтесь в парикмахерской, побывайте у нее на квартире. Может быть, что-нибудь узнаете.

Майкл (крякнув). Задали вы мне задачу, Джон! Если бы вы мне сказали: «Майкл, сверни шею Никольсу! Преврати его в лепешку», или: «Переломай ноги этому новоявленному дядюшке», – я бы мигом. Но такие дела... Тут надо мозгами ворочать, а они у меня... как жернова... сами знаете.

Паркер (поняв, что Майклу эта задача не по силам, упавшим голосом). Ну, может быть, на улице встретите.

Майкл (оживленно). Уж если встречу, сгребу и в тот же миг на руках вам доставлю.

Голос полицейского. Господин Грот!

Майкл (вздрагнув). Иду, иду!

Улица. Бегут мальчишки-газетчики и кричат:

– Новая сенсация! Светящийся человек найден!

– Никольс держит у себя Джона Паркера под гипнозом!

– Никольс сделал из Паркера светящегося человека!

– Паркер обречен на смерть в ужасных страданиях!

- Никольс должен быть арестован!
- Никольса предадут суду!

Кабинет редактора газеты «Времена суток». Редактор сидит за столом, курит сигару. Перед ним стоит взволнованная Элис с газетой в руках. За соседним столом Битл. Он насмешливо смотрит на Элис.

Элис (*взволнованная и возмущенная*). Но ведь в ваших статьях нет ни слова правды! Это клевета! Если вы не поместите мое опровержение...

Редактор (*строго*). Я прошу вас, госпожа Юнг, быть осторожнее в выражениях! Наша газета дает только проверенные материалы...

Элис (*увидев Битла, обращается к нему*). Вы сами были у господина Никольса. Это ваши статьи? Как вам не стыдно!

Битл (*нагло смотрит на нее и беззвучно смеется*). Вы сами были свидетелем того, как обходится господин Никольс с представителями печати. Кто сеет ветер, тот пожнет бурю.

Элис (*редактору*). Так вы решительно отказываетесь печатать мое опровержение?

Редактор. Решительно и бесповоротно!

Элис (*мнет газету в руках и бросает ее на стол перед редактором*). Негодяи! (*Круто поворачивается и уходит.*)

Кабинет старого профессора Истмена. Истмен и Элис.

Элис. Господин профессор, доктор Никольс говорил мне, что несколько лет тому назад он обращался к вам с предложением совместной работы над опытами потенцирования организма искусственными радиоэлементами. Вам знакома сущность дела. И я надеюсь, что вы...

Истмен. Я не понимаю, что вы хотите от меня. Ведь я и тогда отказался от работы, находя ее не научной...

Элис. Однако, как мне известно, вы сами потом стали работать в этой области и опубликовали несколько статей. Вы использовали материал Никольса!

Истмен (*вставая, возмущенно*). Вы изволите оскорблять меня? Обвинять в плагиате? Я шел самостоятельным путем, и я докажу это! Что же касается вашего Никольса, то он уже погубил одного человека, Джона Паркера.

Элис. Я вижу, что мне с вами разговаривать не о чем.

Кабинет молодого ученого Кронина. Кронин и Элис.

Элис (*с убитым видом сидит в кресле. Кронин ходит по кабинету*). Это ужасно...

Кронин (*ласково*). Не огорчайтесь, госпожа Юнг. Борьба, всюду борьба! Мир ученых не представляет исключения. Работы господина Никольса, с моей точки зрения, заслуживают не осуждения, а всяческой поддержки. Ошибки могут быть у каждого. Но ошибка Никольса со свечением тела – ошибка исправимая. Я поставлю вопрос на ученом совете института.

Элис (*поднимается, жмет руку Кронина*). Спасибо! Это первые дружеские слова, которые я слыхала за сегодняшний день.

Зал ученого совета. Длинный стол, покрытый зеленым сукном. За столом ученые. Кронин произносит речь. Ученые разделились на две партии. Большинство против. Шум, крики.

Кронин. Потенцирование организма – крупнейшая научная проблема нашего времени...

Голоса:

- Всякую проблему можно испортить!
- Мы должны беспощадно изгонять шарлатанов от науки из наших рядов!

Кронин. Нельзя выносить поспешное суждение. Каждый из нас...

Голоса:

- Никольс – шарлатан!
- Следует, однако, разобраться по существу! Не выносить скороспелых решений!
- Авантюрист!
- Преступник!
- Позвольте! К порядку ведения заседания, прошу слова!

Председательствующий, дряхлый старик, слабо звонит в колокольчик. Общий шум, крики...

Поле для игры в футбол. Толпа студентов. Одни из них в спортивных костюмах, другие в обычных костюмах, но с корпоративными шапочками.

Забыв об игре, две группы студентов стоят друг против друга и ожесточенно спорят. Слышны отдельные голоса.

- Доктор Никольс – благодетель человечества!
- Таких благодетелей в тюрьму сажать!
- Так могут говорить только тупицы!
- Как вы смеете оскорблять?

Общий шум, гам, крики. Начинается свалка.

Кабинет судьи. Судья и профессор Истмен.

Истмен. Я не могу отрицать того, господин судья, что работа Никольса имеет огромное значение. Но в его руках потенцирование – опасное орудие. Он хочет сделать потенцирование общим достоянием. Это может привести к огромным экономическим и социальным потрясениям.

Судья. Я понимаю вас, господин Истмен. Интересы государства, общества требуют, чтобы Никольс был... изъят... Он должен быть осужден, хотя для суда это нелегкая задача.

Кабинет Никольса.

Никольс и Элис.

В кабинет без стука входит Вуд с горящими от злорадства глазами и торжествующей улыбкой.

Вуд. К вам пришли, господин Никольс! (*Широко открывает двери. Входят следователь, два полицейских, Битл и Сантано.*)

Следователь. Господин Никольс! На основании постановления прокурора я должен произвести у вас обыск и арестовать вас. Вот ордер. (*Протягивает Никольсу бумажку, тот не берет ее.*)

Никольс. Спрячьте в портфель, мне он не нужен.

Два полицейских стали по обе стороны Никольса и уже не отходят от него.

Элис. Почему же вы не арестуете и меня? Я работала с господином Никольсом и отвечаю вместе с ним за все!

Следователь (*улыбаясь*). К сожалению, не могу удовлетворить вашего желания, на ваш арест пока не имею ордера.

Никольс (*многозначительно взглянув на Элис*). Успокойтесь, Элис, и не делайте глупостей. Вы только моя служащая и ни в чем не виноваты. У вас свой путь.

Элис. Ваш путь – мой путь!

Никольс. И продолжайте этот путь без меня.

Элис. Но я... (*Она пошатнулась.*)

Сантано, шаркая лакированными туфлями, подскакивает к ней с намерением подхватить ее под руку.

Элис (*брезгливо отталкивая его*). Не подходите ко мне... негодяй!

Сантано прошаркал мимо с таким видом, как будто он и не собирался подходить к ней.

Никольс (*следователю*). Вы позволите мне проститься с моим пациентом Паркером?..

Следователь. Не возражаю.

Комната Паркера. Дверь открывается. Входит Никольс в сопровождении полицейских. За ним следуют остальные.

Паркер. Что это значит, господин Никольс?

Никольс. Это значит, что я арестован. Пришел проститься с вами.

Паркер. Арестованы? Господин Никольс! Что же будет со мной? Кто мне поможет? Кто погасит свет? Что теперь будет со мной и Мэг? Господин Никольс! Я не хочу расставаться с вами!

Следователь (*улыбаясь*). Как, вы тоже желаете следовать за господином Никольсом?

Никольс. Не беспокойтесь, Паркер. Свет скоро погаснет. Даю вам слово. Искусственные радиоэлементы недолговечны.

Следователь (*Паркеру*). Господин Паркер, в предстоящем суде вы явитесь главным свидетелем обвинения и, так сказать, вещественным доказательством. Вероятно, вы захотите выступить против господина Никольса и в качестве гражданского истца. Для этого у вас все данные.

Паркер. Но я не имею никаких претензий к господину Никольсу. Мне хочется только, чтобы он скорее погасил мое свечение...

Следователь. Об этом вы скажете на суде. Но суду необходимо обеспечить вашу явку. Мы не можем ограничить вашу свободу, однако должны принять свои меры.

Суд находит, что в его и ваших интересах необходимо, чтобы вы до суда находились у господина Сантано, который любезно согласился на это. Поговорите с ним и решите. Но предупреждаю, если вы не согласитесь на мое предложение, нам придется принять в отношении вас другие меры. *(Никольсу.)* А теперь прошу вас присутствовать при обыске.

Все, за исключением Сантано и Паркера, уходят.

Сантано с торжествующим видом обходит вокруг Паркера, затем выключает свет.

Сантано. Я еще не разглядел вас как следует. Эффектно! Сенсационно! Изумительно! Оригинальнее, чем я ожидал! Это, наверно, сердце? Ишь, как екает! Я не знал, что оно такое большое и совсем не похоже на те сердца, которые изображают пронзенными стрелой амура или на картах червовой масти... А это что? *(Тычет пальцем в живот.)* Печенка или селезенка? А где почки? *(Вертит и мнет Джона.)* Доктора говорят, что у меня почки не в порядке. Интересно посмотреть, как они выглядят.

Паркер. Оставьте меня в покое!

Сантано. Ну, ну, какой недотрога! Так согласны работать у меня? Ведь вам все равно некуда деваться. У меня полная чаша. Чего душе угодно.

Паркер. И что дальше?

Сантано. А дальше вот что. Если согласитесь выступать перед публикой, то сверх прочего вы получите кое-какие деньжонки.

Паркер. Вы хотите показывать меня, как какого-нибудь крокодила? Я не буду выступать перед публикой.

Сантано. Ваше дело. Я думал, вы умнее и практичнее. Вы могли бы хорошо подработать для своего гнездышка, пока погаснет свет. А к тому времени мы разыскали бы и вашу несравненную Мэг. Я уже напал на ее след.

Паркер. Вы обещаете мне это?

Сантано. Да. А у Сантано слово и дело не расходятся.

Паркер. Хорошо! Если так, я согласен на все.

Сантано. И умница, и отлично! *(Обнимает его.)* Идем, племянничек!

Подъезд у дома Никольса. Автомобиль для арестованных. Никольс садится в сопровождении полицейских. Битл несколько раз щелкает аппаратом. У двери Элис, в пальто и шляпе.

Подъезжает автомобиль Сантано. Сантано усаживается вместе с Паркером и Вуд. Когда автомобиль трогается, Вуд бросает на Элис торжествующий взгляд.

Элис (шепчет). Змея! *(Закрывает дверь на ключ, кладет в сумочку и, низко опустив голову, бредет по тротуару.)*

Зал судебного заседания. Вечер. Горят лампы. Места для публики переполнены. Судьи. Прокурор. Адвокат. На скамье подсудимых Никольс.

Атмосфера в зале судебного заседания накалена. Публика остро реагирует на все выступления. Перед судьями стоит Вуд и дает показания.

Вуд. Да, господин Никольс приказывал мне называть его профессором.

Никольс. Ложь!

Адвокат (к Вуд). Вы называли перед пациентами доктора Никольса профессором в его присутствии или за глаза?

Вуд (несколько смущенно). Я... я всегда говорю что за глаза, то и в глаза.

Прокурор. И он не возражал?

Вуд. Он даже приказывал. И он заставлял меня расхваливать его как гипнотизера.

Прокурор. Что же заставляло вас исполнять его приказания?

Вуд (пожимая плечами). Я служила у него. Другую работу найти нелегко... Он эксплуатировал меня, третировал, как последнюю служанку-негритянку. А я не какая-нибудь... Это меня только жизнь зажала. Ужасный человек!

Прокурор. Скажите, свидетельница, господин Никольс брал деньги за повторные визиты?

Вуд. Да, всегда.

Никольс. Ложь!

Судья (Никольсу, грубо). Подсудимый! Прошу без реплик. Вам будет предоставлено слово.

Прокурор (судье). Прошу огласить документы под номером два.

Судья. При обыске были отобраны квитанционные книжки (показывает)... в которых имеются записи о взимании денег за повторные визиты.

Прокурор (торжествующе, Никольсу). Вы теперь, надеюсь, не будете обвинять свидетелей во лжи?

Никольс. Буду.

Адвокат. Эти записи в квитанционных книжках велись вами, госпожа Вуд?

Вуд. Да.

Адвокат. Прошу занести это в протокол.

Судья. (другим судьям, прокурору, адвокату). Вопросов больше не имеете?

Прокурор. Еще один. Скажите, свидетельница, обвиняемый Никольс держал Джона Паркера взаперти?

Вуд (оживленно). О да! Господин Паркер хотел даже выпрыгнуть в окно. Но господин Никольс загипнотизировал Паркера, и тот остался.

Адвокат. Почему вы думаете, что загипнотизировал?

Вуд. Потому что загипнотизировал. Я же знаю! Он делал вот так... (Вытягивает руки вперед, таращит глаза, говорит басом.) «Спите!»

Судья. Вопросов не имеете? Садитесь, госпожа Вуд.

Вуд. Я еще хотела сказать... господин Никольс заставлял меня убирать квартиру, словно я прислуга... он...

Судья. Садитесь! Свидетельница Буш.

К судебному столу подходит молодящаяся старуха. Жеманится, кокетничает.

Судья. Что вы имеете сказать? Вы лечились у доктора Никольса от старости?

Буш (обиженно). Я не так уж стара, чтобы лечиться от старости, но кто не хочет быть еще моложе? Господин Никольс обещал мне...

Судья. И что же?

Буш. Простите, но я смущаюсь... Дело интимное. У меня был жених... то есть я хотела бы, чтобы он стал моим женихом и мужем. Но дело расстроилось. Он женился на девчонке, которая только и умела, что закатывать глаза да вертеть хвостом. Мое счастье разбито. И в этом я обвиняю господина Никольса. Он обманул меня.

Смех в публике.

Судья. Словом, вы остались такой же старой, как были?

Буш. Я... я осталась такой, какой была. Еще не старой, но не первой молодости. А эти мужчины...

Судья. Так. Вопросов не имеете? Садитесь. Свидетель Палей.

Выходит лысый старик.

Старик Господа судьи! Я всегда говорил, что Никольс шарлатан и мошенник...(громко и сердито).

Адвокат (судье). Прошу призвать свидетеля к порядку, он не должен оскорблять...

Судья (старика). Говорите по существу. Никольс обещал омолодить вас и не омолодил?

Старик (показывая кончик пальца). Ни на вот столечко. И вытянул из меня кругленькую сумму. Сейчас я чувствую себя хуже, чем раньше. Сухой плеврит. А недавно упал на улице. Повредил ногу.

Адвокат. Но разве вы не были сбиты с ног убежавшим преступником?

Старик. Да, но если бы меня омолодили, то я бы сам сбивал с ног, а не меня сбивали!

Судья (сторонам). Вопросов не имеете? Садитесь. Свидетель Сантано.

Сантано. К моему показанию, данному у господина следователя, мне нечего прибавить. Я имитировал на сеансе у господина Никольса сомнамбулическое состояние и убедился, что он действительно внушал повторные визиты, чтобы извлечь доход из своих жертв. Господин Никольс сам должен был признать это в присутствии ассистентки госпожи Юнг. Что касается господина Паркера, то он сам об этом расскажет.

Судья. Вопросов не имеете?

Адвокат (к Сантано). Что заставило вас прибегнуть к симуляции?

Сантано. Желание разоблачить преступника и предохранить других людей.

Адвокат. Господин Паркер находится теперь у вас?

Судья. Это не относится к существу дела. Садитесь, Сантано. Свидетель Битл.

Битл. Меня вызывал по телефону господин Никольс. Когда я пришел к

нему, то он предлагал мне большие деньги за то, чтобы я написал о нем несколько рекламных статей. Попросту он хотел подкупить меня. Я с негодованием отказался от такой гнусной сделки.

Никольс. Какая наглость!

Судья (*Никольсу, грубо*). Подсудимый! Если вы будете мешать, я прикажу вывести вас! (*Битлу, любезно*.) Продолжайте, господин Битл!

Битл. Я написал ряд статей, в которых показал истинное лицо господина Никольса.

Судья. Можете садиться, господин Битл. Свидетель Джон Паркер!

В публике оживление. Входит Паркер.

Судья. Господин Паркер! Расскажите все, что с вами произошло.

Паркер. Господин Никольс произвел надо мной опыт. После опыта я почувствовал необычайный прилив сил. Я не испытывал и не испытываю до сих пор ни малейшей усталости, ни малейшего желания спать.

Прокурор (*Паркеру*). Вы добровольно жили у господина Никольса?

Паркер. Совершенно добровольно.

Сантано недовольно кричит и делает Паркеру знаки.

Прокурор. Почему вы жили у Никольса?

Паркер. Господин Никольс обещал, что погасит мое свечение.

Прокурор. Какое свечение?

Паркер. Вскоре после опыта я заметил, что мое тело светится... Это причиняло мне немало неприятностей.

Прокурор. Так. Значит, вы не совсем добровольно жили у господина Никольса... Вы, кажется, имели невесту, и она отвергла вас, увидав ваше свечение?

Паркер. Да, Мэг, моя Мэг сказала мне, чтобы я не являлся к ней, пока не погаснет свет.

Прокурор (*судье*). Я прошу суд установить факт свечения господина Паркера.

Судья. Господин пристав! Погасите свет.

В зале движение. Свет гаснет. Паркер светится.

Вначале присутствующие, пораженные видением, сидят молча, затем раздаются отдельные восклицания:

– Какой ужас!

– Несчастный!

– Проклятый Никольс!

– В тюрьму его! (*Слышится истерический крик*.)

Судья (*звонит*). Зажгите свет!

Свет зажигают.

Прокурор (*Паркеру*). Итак, ваше семейное счастье разбито по вине доктора

Никольса?

Паркер. Да, разбито... Но господин Никольс уверяет, что свет погаснет...

Судья. Но пока вы светитесь. И для нас все ясно. Садитесь, Паркер. Свидетельница Смит.

Старуха Смит подходит к столу.

Адвокат. Госпожа Смит, вы подвергались гипнотическим сеансам у господина Никольса?

Смит. Да. И я очень благодарна ему. Господин Никольс не обещал невозможного. Но его сеансы благотворно повлияли на мое состояние. Я снова вернулась к работе. Такой же благотворный результат я наблюдала и у других пациентов.

Прокурор. Вы платили за повторные сеансы?

Смит. Да, платила. Половину.

Прокурор. Вопросов не имею.

Судья. Садитесь. Госпожа Элис Юнг!

Элис Юнг подходит к столу.

Адвокат. Госпожа Элис Юнг, заставлял ли господин Никольс госпожу Вуд называть его профессором в ее разговорах с пациентами?

Элис. Нет. Больше того, он всякий раз поправлял ее, когда она называла его профессором.

Прокурор. В каких отношениях вы состоите с обвиняемым Никольсом?

Элис. Я его ассистентка.

Прокурор. И только?

Элис (возмущенно). Что вы хотите сказать?

Прокурор (с невинным видом). Ничего. Продолжайте.

В публике шепот и движение.

Адвокат. Я прошу очной ставки свидетельницы госпожи Вуд с госпожой Юнг!

Судья. Госпожа Вуд!

Вуд подходит.

Адвокат (к Вуд). Вы уверяете, что господин Никольс брал за повторные визиты?

Вуд. Да. У суда имеются квитанции...

Адвокат. Ане знакомы ли вам эти квитанционные книжки? *(Показывает Вуд, потом передает судьям.)* Прошу приобщить к вещественным доказательствам.

Вуд. Я... не знаю.

Адвокат. Как суд может убедиться, это дубликаты квитанционных книжек, но в них нет квитанций на взимание платы за повторные визиты. Такие квитанции госпожа Вуд представляла доктору Никольсу.

Элис. Я подтверждаю это.

Адвокат. Таким образом, госпожа Вуд вела «двойную бухгалтерию»! Подлог! Госпожа Вуд клала себе в карман за повторные визиты.

Вуд. Нахал! Как вы смеете оскорблять незащищенную женщину!

Вуд закатывает истерику. Ее успокаивают и усаживают.

Элис. Господин Битл здесь нагло лгал. Это он пытался получить деньги от господина Никольса за рекламные статьи, но Никольс выгнал его вон.

Битл. Осторожнее, барышня! Я привлеку вас за клевету.

Элис. Что касается господина Сантано, то он топит доктора Никольса, чтобы захватить в свои руки Паркера.

Судья. Прошу не делать своих выводов!

Элис. Никольс не внушал Паркеру...

Судья. Об этом может судить только эксперт.

Элис. Но я сама специалист по гипнозу.

Судья. Здесь вы только свидетельница. Садитесь!

Адвокат. Позвольте, но я имею еще ряд вопросов.

Судья (заглушает адвоката). Судебный эксперт профессор Истмен!

Элис, возмущенная, садится на место. Истмен подходит к столу.

Прокурор. Ваше мнение, господин Истмен, о возможности омоложения под гипнозом?

Адвокат. Я возражаю против этого вопроса. Профессор Истмен не специалист по гипнозу.

Судьи совещаются.

Судья (с неудовольствием). Профессор Истмен! Ваше мнение о потенцировании?

Истмен. Мощное, но опасное средство воздействия на организм. Опыт господина Никольса над Паркером может служить этому примером. Во всяком случае, эти опыты над людьми были преждевременными.

Прокурор. Иначе говоря, Никольс применил недозволенные, а значит, и преступные методы лечения, воздействия на организм?

Истмен. Да, поскольку потенцирование не вышло из пределов опытов.

Прокурор. Вопросов не имею.

Адвокат. Я просил бы выслушать мнение профессора физиологии господина Кронина.

Суд совещается.

Судья. Суд постановил в просьбе защитника отказать, так как профессор Кронин не состоит в числе судебных экспертов. Объявляю перерыв.

Затемнение.

Зал суда. Все стоят.

Судья (заканчивает читать приговор). И лишит доктора Никольса права врачебной практики на три года. Оштрафовать его на тысячу долларов с заменой в случае неуплаты пятимесячным заключением. Возложить на него судебные издержки... Приговор может быть обжалован...

Вестибюль суда.

Выходит публика. Сантано и Паркер идут вместе.

Сантано (сердито дергая Паркера за рукав). Я же говорил вам, о чем говорить, а вы говорили... (Проходят.)

Слышатся голоса:

– Мало дали!

– Такого бы прямо на электрический стул! Людей зажигать!

Дама (другой). Бедная Мэг! Его невеста!

Вторая. А я бы не бросила его!

Молодой, плохо одетый человек. Это не суд, а расправа. Хладнокровное убийство человека. И какого человека!

Второй. Уж и убийство!

Первый. Да, убийство. Кто опорочен судом, тот у нас вычеркнут из общества, из жизни.

Группа студентов. Голоса:

– Мы поднимаем кампанию в газетах. Никольс должен быть оправдан! Приговор кассируют.

– И вас бы вместе с Никольсом в тюрьму засадить!

Освещенный огнями паноптикум Сантано. На стенах огромные плакаты с изображением «мирового чуда» – светящегося человека. Портретного сходства с Паркером нет, зато тело светится так, что от него идут лучи, а скелет нарисован очень четко.

Играет музыка. У входа огромный негр.

В автомобиле подъезжают Сантано и Паркер. Паркер с некоторым испугом смотрит на плакаты со своим утрированным изображением.

Подъезжают новые автомобили. Ими запружена вся площадка. Толпится народ, желающий попасть в паноптикум.

Вестибюль. В кассовом окне Вуд продает билеты.

Сантано кивает ей головой и проходит в свой директорский кабинет вместе с Паркером.

Кабинет Сантано. Письменный стол. Реквизит. Плакаты и афиши на стенах.

Посредине кабинета стоит красивая девушка в костюме Прекрасной Елены. Перед ней Грин.

Грин (увидав Сантано и Паркера, говорит «Прекрасной Елене»), Чтоб этого у меня больше не было! Идите!

Девушка молча поклонилась и выбежала.

Сантано. Жenuшка, за что ты пробирала «Прекрасную Елену»?

Грин. С этими твоими девчонками нет сладу. Осталось всего полчаса до начала сеанса, а они еще не готовы. «Елена» даже не причесала волосы. «Клеопатра» куда-то засунула свою змейку и не может найти. Безобразие! Хлопот не оберешься! Я тебе говорила: купи восковые фигуры. С ними никаких забот. Есть не просят, денег не требуют и всегда в порядке.

Сантано. Но, милочка, восковые фигуры кусаются. Им платить не надо, зато за них сдерут тысячи, а этим нищим девушкам я плачу гроши... *(Паркеру.)* Пройдемте, Паркер, в артистическую, познакомьтесь со своими товарищами.

Артистическая комната. Углы комнаты, грубо сколоченные столы и табуреты завалены реквизитом, бутафорией, фокусной аппаратурой, яркими костюмами. Карлики, великаны, уроды.

К Паркеру подходит высокая статная женщина в шелковом платье с очень длинными распущенными волосами, усами и длинной бородой, покрывающей всю грудь. Задом к Паркеру стоит женщина с декольтированной спиной. У нее между лопатками свисает длинная, как лошадиный хвост, прядь волос. К Паркеру подходят сросшиеся боками близнецы.

Бородатая женщина *(спрашивает Паркера густым басом).* Новенький?

Паркер. Да, господин... госпожа...

Бородатая женщина. Какой у вас номер?

Паркер. Номер? Какой номер?

Бородатая женщина. Что умеете делать?

Паркер. Я... свечусь в темноте.

Бородатая женщина. Ого! Так это вы? Эй, светящийся человек пришел!

Из тесненьких уборных выбегают полуодетые артисты. Обступают Паркера «знаменитые женщины мировой истории»: «Елена Прекрасная», «Аспазия», «Семирамида», «Клеопатра», «Мария Стюарт», «Мария Антуанетта», «Екатерина II» и другие артисты.

Бородатая женщина. Сейчас он нам покажет свой номер. Погасите свет!

Свет выключен. Все молча и деловито разглядывают засветившегося Паркера. Потом слышатся голоса:

– Ловко!

– Этот номер поднимет сборы!

– Вероятно, Сантано не поскупился на расходы. Сколько вы взяли с него?

– Молодец Сантано!

Свет зажигают. К Паркеру подходит человек в длинной одежде мага, с приклеенной седой бородой и унылым лицом. Подает Паркеру руку – это иллюзионист Янос.

Янос. Янос. Иллюзионист. Продайте мне ваш секрет, господин Паркер!

Паркер. С удовольствием отдал бы вам даром мой секрет, если бы только

мог.

Янос. Зачем же даром? Я хорошо заплачу вам. Неустойка – чепуха. Я и неустойку заплачу.

Звонок. Все бегут в дверь, ведущую в зрительный зал. «Клеопатра» мечется.

«Клеопатра». Девочки! Не видали мою змейку? *(Находит змейку на столе, хватает.)* Вот она, проклятая! *(Убегает.)*

Паноптикум. С левой стороны – стеклянные ящики, за которыми размещены восковые фигуры «знаменитых женщин». Публика быстро проходит, направляясь к выходу. Голоса:

– Изумительно!

– Я не мог поверить!

– Судебный процесс сделал хорошую рекламу светящемуся человеку.

Зрительный зал возле сцены. Занавес закрыт.

С задних рядов доносится шум последних аплодисментов, вызовов.

Сцена уже закрыта.

В первых рядах стоят несколько зрителей, мужчин и дам в богатых одеждах. Разговаривают.

Возле сцены в зрительном зале стоит Сантано.

Он сияет.

Молодая девушка. Это в самом деле нечто поразительное! Надо будет обязательно привести сюда Мод!

Молодой человек *(в цилиндре, с тросточкой).* Сюда? Мод? Даже мировое чудо не заманит Мод в такую труппу, наполненную дурно пахнущими плебеями.

Пожилой человек *(с моноклем в правом глазу).* Если гора не идет к Магомету, то Магомет пойдет к горе. Сейчас я постараюсь это уладить! *(Идет к Сантано.)* Господин Сантано! Не позволите ли вы господину Паркеру дать сеанс на дому? Можно и утром, когда паноптикум закрыт. Я оплачу полный вечерний сбор. Идет?

Сантано *(подумав).* Но...

Пожилой господин. Два сбора, три сбора!

Сантано. Не могу отказать в вашей любезной просьбе!

Артистическая комната.

Паркер сидит на табурете, задумавшись. Взволнованные артисты делятся впечатлениями.

– Вот это успех!

– Теперь Сантано будет загребать деньги лопатой!

Великан Счастличик! И чем это он мажется? *(с завистью глядя на Паркера).*

«Клеопатра». Мне бы так засветиться! Сидишь в своем ящике, руки-ноги онемеют...

Артисты постепенно расходятся по уборным, делясь впечатлениями. Только Янос ходит вокруг Паркера, как охотник вокруг дичи.

Янос. Так продайте же ваш секрет!

Паркер сидит неподвижно.

Кабинет Сантано. Сантано и Грин.

Сантано (*расхаживая по кабинету и потирая руки*). Ну, женушка, теперь мы с тобой заживем! Этот Паркер – настоящее золотое дно! Сниму театр в центре города. Поднимем цены, повалит аристократия. Твоих холостяков разгоним, дом отремонтируем и устроим ресторан, поставим рулетку. Успевай только загрэбать денежки!..

Артистическая комната. Паркер все в той же позе. Склоняет голову все ниже.

Паркер. Мэг!.. Моя Мэг!..

Входит Сантано.

Сантано. Что же вы сидите пригорюнившись?

Паркер, словно проснувшись, поднимается. Сантано обнимает его.

Сантано. Идем, сынок! Идем, мое золотко!

Огромная комната. Дорогая мебель. Цветы. Большая люстра зажжена наполовину. Ливрейные лакеи закрывают большие окна бархатными занавесками. Убирают эстраду, покрытую ковром, лавровыми деревцами и цветами.

Сантано и Паркер сидят недалеко от эстрады, полузакрытые зеленью. Из соседнего зала доносятся веселые голоса, звон бокалов, лязг вилок и ножей.

Паркер (*с грустным лицом*). Есть как хочется... Сами едят, а нам хоть бы сюда что-нибудь прислали...

Сантано (*успокоительно хлопая Паркера по плечу*). Миллионеры! Ничего, сынок! Перед нами мировая слава. И тогда любой миллионер почтет за честь посадить нас рядом с собой за стол.

Окна закрыты. Люстра ярко горит. Шумной веселой толпой гости наполняют комнату, рассаживаются в золоченые кресла перед эстрадой, перебрасываются шутками.

Джон входит на эстраду. Свет люстры погашен. Тело Джона засветилось. Слышатся голоса, легкий крик женщин:

- Очень эффектно!.. Словно светлячок!
- Или гнилушка!
- Очаровательно!

– Омерзительно!

– Повернитесь!

Джон с угрюмым лицом ходит по эстраде, поворачивается во все стороны.

Сантано (*шипит на него из-за лавровых деревьев*). Почему у вас такой вид, словно вы присутствуете на собственных похоронах? Публика не любит этого. Сделайте веселое лицо! Улыбнитесь! Да улыбайтесь же, черт вас побери! (*Джон криво улыбается.*)

Молодой человек **Послушайте, Мод! Вы всегда отличались эксцентричностью. Выходите замуж за светящегося человека. Иметь светящегося мужа! Этакую светлую личность! Разве это не оригинально? И он довольно интересен, этот светлячок. (Паркеру.)** Эй! Как вас? Повернитесь лицом! Не правда ли, Мод? У вас будут светящиеся дети. Как светлячки, они расползутся по детской комнате. (*Общий смех.*)(хозяйке дома).

Мод. Об этом надо будет подумать.

Два молодых человека взбираются на эстраду и начинают бесцеремонно щупать Джона. Он вынужденно улыбается.

Один из молодых людей (*приказывает*). Принесите на тарелке слив и абрикосов!

Лакей быстро приносит на тарелке сливы.

Молодой человек. Скушайте сливы, господин. И с косточками.

Паркер. Простите, но я не могу глотать косточки. Они могут вызвать аппендицит.

Сантано. Глотайте, Паркер, проглатывают же ребята, и ничего с ними не происходит.

Паркер вздохнув, съедает две сливы с косточками. Молодые люди следят за движением косточек и говорят:

– Видите, видите? Вот они движутся.

Третий молодой человек поднимается на эстраду с незажженной папиросой в руке. Подходит к Паркеру и пытается приставить кончик папиросы к носу Паркера. Говорит:

– А позвольте прикурить! (*Взрыв смеха.*)

Терпение Паркера истощилось. Он вдруг отталкивает от себя нахала так, что тот падает с эстрады. Паркер соскакивает с эстрады и бежит через зал. Сантано, подняв руки, бежит за ним. Переполох. Паркер пробегает через ряд богато обставленных комнат, выбегает на улицу. Вскрикивает на ходу в трамвай.

В трамвае.

Кондуктор (*Паркеру*). Куда вам?

Паркер. Все равно... До конца...

Вагон трамвая пуст. Один Паркер сидит, глубоко задумавшись. Кондуктор трогает его за плечо и говорит:

– Приехали.

Как автомат, Паркер сходит со ступеньки вагона. Перед ним вокзальная площадь. Люди спешат на вокзал. Бежит и Паркер, опережая их.

Кассовое окно. В окне кассирша, перед ней Паркер.

Кассирша. Вам куда?

Паркер. Все равно... только подальше!

Кассирша (*улыбаясь*). Очень далеко не уедете. Это пригородный поезд. Вам на конечную станцию?

Пассажир (*позади Паркера*). Что это вы там? Торопитесь!

Паркер (*кассирше*). Да, да! Конечно, самую конечную! (*Торопливо бросает бумажку, схватывает билет и бежит.*)

Кассирша. Сдачу! Вы не получили сдачу!

Несколько пассажиров кричат Паркеру:

– Вы не получили сдачу!

Джон бежит.

Платформа. Поезд двигается. Паркер вскакивает на ходу. Вагон, переполненный пассажирами. Паркер сидит, забившись в угол и опустив голову.

Вагон опустел. Один Паркер сидит в той же позе. Кондуктор подходит к нему.

Кондуктор. Выходите! Вагон дальше не идет.

Джон идет по дороге. По сторонам дачи.

Паркер быстро идет по дороге среди полей. Лесок. Деревня. Вдали виднеется одинокое кладбище.

Кладбище.

Среди бедных могил с покосившимися крестами мавзолей. Против мавзолея часовня. Паркер сидит возле часовни на скамье. Откуда-то доносятся звуки, словно звучит контрабас на низкой ноте. Звук переходит как будто в исполняемый на органе похоронный гимн, затем снова в однообразный звук контрабаса. Вечереет.

Внутренность мавзолея. Двое бродяг спят и громко храпят. Один из них просыпается и смотрит в окошко мавзолея. Испуганно вскрикивает и поспешно будит товарища.

Второй бродяга (*испуганно вскакивает*). Полиция?

Первый. Неужели это не сказки, Сандро?

Второй. Что, Николо?

Первый. Да вот, что покойники могут выходить из могилы. Глянь в окошко.

Второй бродяга выглядывает в окно и протирает глаза. Снова смотрит. Возле церкви он видит светящегося Паркера. Паркер положил голову на руки и

плачет.

Второй. Скажи, какая оказия, – и плачет. О чем же он плачет?

Первый. Может быть, вышел из могилы погулять, проветриться, да и забыл адрес своей кладбищенской квартиры.

Второй. Вот так история!..

Джон поднимает голову (*вздыхает, говорит*):

Есть как хочется.

Вынимает папиросу, закуривает.

В мавзолее бродяги.

Первый бродяга. Ну, уж это дудки! Нигде не сказано, чтобы привидения курили. Это не полагается. Тут что-то не так. Какая-то фальшь.

Второй. Пойдем посмотрим поближе!

Первый бродяга вынимает кухонный нож, второй – старенький испорченный револьвер без курка.

Часовня. Бродяги осторожно приближаются к Паркеру с двух сторон.

Паркер (*увидев их*). Убейте меня! Я только скажу вам спасибо за это!

Первый. Но разве вы еще не убиты, синьор?

Второй. Вы не покойник по крайней мере?

Паркер. Увы, пока еще нет. Очень хочу им быть, да сил не хватает... Может быть, вы поможете мне?

Бродяги с недоумением переглядываются и подходят ближе.

Первый. Убивают на бойне, отправляйтесь туда. Мы этим делом не занимаемся.

Второй. Если вы не мертвец, то отчего же вы прикидываетесь привидением?

Паркер. Это... такая болезнь.

Первый. Болезнь? Вот так болезнь!

Бродяги уже смело подходят к Джону и с любопытством осматривают его, тыча пальцами и задавая вопросы.

Первый бродяга. А это что же такое, черненькое, вроде косточки?

Паркер. Косточка и есть. От сливы... другой не видно? Там другая должна быть. Мне самому плохо видно.

Второй. Есть и другая. Другая пониже. В кишках уже. Вот тут. (*Тычет пальцем пониже желудка.*)

Паркер. В аппендикс не попала?

Второй. Че-го-о? Ку-у-да?

Паркер. Не здесь?

Первый. Нет, выше. Вот, вот где она.

Второй. А это еще что такое кругленькое?

Паркер. Часы.

Второй, и еще кругляшки поменьше. Похожи на монеты. Ну да, монеты в кошельке. Давай мы их пересчитаем!

Бродяги быстро вынимают часы, кошелек, бумажник. Осматривают.

Первый бродяга. Не светятся. *(Второму.)* Как ты думаешь, Николо? С таким пугалом можно хорошие дела делать? Всякая баба, да и не только баба, как увидит такого в темном переулке, так непременно в обморок хлопнется. Тут их и обирай без хлопот. Хочешь работать с нами, синьор?

Паркер. Я хочу умереть.

Первый. Твоя воля. Принуждать не будем. Но если ты собираешься помирать, оставь нам по крайней мере наследство. Костюмчик на тебе отличный! Да и башмаки хоть на бал. Зачем тебе их в могилу тащить? Для земли наши лохмотья хороши будут. Ты, Николо, как будто одного с ним роста, да и дыр в твоём платье больше, чем материалу. Снимайте живо!

Джон и бродяга Николо начинают раздеваться.

Джон в лохмотьях, бродяга с удовольствием рассматривает на себе костюм Паркера.

Паркер. Я вам отдал часы, деньги, костюм, все, что имел... Не могли бы вы мне за это дать кусочек хлеба?

Бродяги громко хохочут.

Первый. Зачем же тебе хлеб? То помирать собирался, то хлеба просишь.

Паркер. Да, но сейчас мне есть хочется больше, чем умереть.

Второй. Ну что же. Мы понимаем, поделились бы охотно, да у самих со вчерашнего дня куса не было. Вот продадим завтра костюм, башмаки твои, коли сам не догадался, купим хлеба, тогда, пожалуйста, угощайся. А сейчас разве что какой ротозей в деревне приготовил нам ужин. Стянем и покушаем. Жить-то надо! Право, пойдём с нами.

Паркер. Нет, я уж один. Может быть, подадут кусочек, если попросить...

Первый. Подставляй карман шире!

Второй. Ну, иди, пока еще в деревне не все уснули, а нам рано.

Деревня. Кое-где в избах светятся огни.

Паркер (возле окна). Можно у вас попросить кусочек хлебца?

Голос из окна. Много вас тут шляется, не напасешься. Проваливай, пока...

Из дома слышится женский крик.

Джон быстро отходит от окна и идет по деревенской улице. Навстречу ему, поддерживая друг друга, плетутся два пьяных крестьянина. Увидав светящегося Паркера, они кричат от ужаса. Один из них падает, увлекая за собой другого.

– Караул!

Открываются окна и двери. Из домов выбегают вооруженные чем попало крестьяне. Увидав светящегося Паркера, они кричат:

- Привидение!
- Оборотень!
- Бей его!

Крестьяне гонятся за Паркером. Паркер быстро убегает.

Поле. Паркер бежит, преследуемый большой толпой крестьян. Погоня длится долго, но постепенно толпа тает, преследователи один за другим отстают ворча:

- Разве такого догонишь?
- Оборотень и есть оборотень, черту брат!
- Летит, как по воздуху...

Поле. Только три молодых парня продолжают погоню. Но наконец и они отстают. Один из них падает в полном изнеможении.

- Загнал, проклятый!

Паркер один бежит по дороге. По сторонам дачи. Вдали виднеется вокзал.

Паркер бежит по шпалам. Светает.

Паркер бежит по шпалам. Вдали виднеется город.

Кабинет Сантано. Сантано и Грин. Сантано расхаживает по кабинету в сильнейшем возбуждении.

Грин. Возмутительно! Кто бы мог ожидать от него? Надо его хорошенько пробрать!

Сантано. Пробрать? Да я расцеловал бы его, только бы он вернулся.

Грин. Ты разослал людей на поиски?

Сантано. Двадцать детективов – и вся труппа. Найти найдут. Такой не скроется. Где-нибудь да засветится... Только бы он вернулся!

Грин. Уж я его!

Вбегает Паркер в лохмотьях.

Паркер. Доброе утро! Ради бога, дайте чего-нибудь поесть!

Сантано и Грин делают грозные лица.

Сантано (*сердито*). Вы где пропадали? (*Но тут же не выдерживает, бросается к Паркеру, почти обнимает его и тянет к столу, где стоит утренний завтрак.*) И в таком виде! Что с вами было?

Паркер. Все расскажу... Только немножко поем.

Сантано. Ну, ну, ешьте, пейте, блудный сын! (*КГрин.*) Принеси еще бутылку вина...

Затемнение.

Паркер, уже переодетый, сидит и рассказывает. Сантано внимательно слушает его.

Паркер. Я добежал пешком и не чувствую никакой усталости.

Сантано (*вскакивает и потирает руки*). Великолепно! Я как-то не подумал об этом. На вашей неумолимости тоже можно нажать деньги. Вы победите мировых бегунов. Или устроить конкурс, кто дольше протанцует. Вы, конечно, перетанцуете всех. С кладбищем тоже хорошо вышло. Я только думал о пьесе с участием светящегося мертвеца. Вы любите ее. Она любит вас. Но у вас есть соперник. Он убивает вас. Вас хоронят. Она тайно приходит ночами на вашу могилу. Он ревнует ее к вам, мертвому. Подстерегает. Хочет убить. «Умри, несчастная!» Но в это время вы поднимаетесь из могилы. Она и он падают бездыханные от ужаса. Вы исполняете «Танец мертвеца». Это должно иметь сумасшедший успех. Деньги! Деньги! Потекут к нам рекой!

Большая сцена.

Мягкий занавес закрыт. Зажжены софиты.

Паркер в белом балахоне раскланивается перед публикой. Зрительный зал переполнен.

Овации.

Когда шум оваций несколько стихает, в зале слышится чей-то тревожный голос:

– Женщина в обмороке!

Двое слуг проходят между задними рядами и выносят женщину.

Комната за сценой.

На диване лежит Мэг. Глаза ее закрыты.

Возле нее доктор и двое слуг, которые принесли ее. Доктор щупает пульс.

Доктор. Каждый день несколько обмороков. Дайте нашатырного спирту! (*Ощупывает желудок Мэг.*) Да у нее желудок совершенно пустой. Очевидно, с нею произошел обморок от голода. Дайте скорее стакан горячего вина!

Слуги подают: один – нашатырный спирт, другой – стакан красного вина. Доктор берет вино и наклоняется над Мэг. В комнату заглядывает Паркер, видит Мэг и бросается к ней.

Паркер. Мэг! Моя Мэг! Мэгги... (*В стремительном движении он толкает врача. Красное вино проливается на грудь Мэг.*) Боже мой, кровь? Она умерла?

Доктор. Это вино. Она жива. Видите, уже открывает глаза.

Паркер (*обнимает Мэг, целует*). Мэг, моя Мэг! Ты пришла ко мне... Вернулась...

Мэг (*улыбаясь, говорит слабым голосом*). Да, Джон, я вернулась...

Паркер. Но что с тобой, Мэг? Куда ты исчезла?

Мэг. Я осталась без работы. Ты не пришел ко мне, и я уехала к сестре... Потом узнала, что ты выступаешь на сцене, и решила вернуться к тебе.

Паркер. Дорогая моя! Теперь мы...

Звонок. Вбегает Сантано.

Сантано. Где же вы, Паркер? Все уже на местах. Ложитесь скорее в могилу!

Паркер. В могилу? Сейчас? Когда со мной моя Мэг? Позвольте мне сегодня не выступать.

Сантано. Да вы с ума сошли? Все билеты проданы. Сорвать сбор? Без разговоров!

Паркер (вздыхнув). Хорошо. Но ты, Мэг, уж не смотри на мое выступление. Подожди здесь. Отдохни. Мэг, милая моя! Ведь теперь ты моя? Совсем моя?

Мэг. Да, Джон, твоя.

Сантано. Да идите же наконец!

Паркер крепко целует Мэг и выбегает.

Полуосвященная сцена изображает кладбище. Открытая могила. Паркер быстро ложится в могилу.

Театральные рабочие накрывают его плитой из папье-маше.

Паркер в могиле. Он приплясывает и повторяет:

– Мэг! Моя Мэг! Теперь уж моя, совсем моя!

Сцена на кладбище.

Женщина в черном костюме склоняется над могилой. Из кустов выскакивает мужчина с кинжалом в руке, бросается на женщину с криком:

– Умри, несчастная!

Могильная плита отбрасывается.

Из могилы выходит Паркер и становится между мужчиной и женщиной.

Те беззвучно падают.

На сцене темнеет еще больше.

Тело Паркера светится.

Раздается музыка вроде «Танца мертвецов» Сен-Санса. Паркер исполняет свой знаменитый «Танец мертвецов». В зрительном зале поднимается буря оваций.

И вдруг свечение тела Паркера прекращается. Но он не замечает этого и продолжает танцевать.

Овации в зрительном зале сразу прекращаются. Слышится только звук кастаньет в руках Паркера. На сцене и в зрительном зале полная темнота.

В зрительном зале слышатся возгласы:

– Что с ним?

– Где же светящийся человек?

– Пропал! Исчез!

– Зажгите свет!

Где-то зажигается одна лампочка, тускло освещающая Паркера. Он с недоумением смотрит на свои руки и смущенно идет за кулисы. Сталкивается с взволнованным Сантано.

Сантано. Что с вами, Паркер? Почему вы перестали светиться? Светитесь! Светитесь же, черт вас побери!

Сантано крепко сжимает руку Паркеру.

Паркер. Но я не могу! Мне больно. Пустите мою руку!

Сантано (совершенно не владея собой, все сильнее и сильнее сжимает руку Паркера, словно надеясь выдавить свет, и уже не говорит, а хрипло стонет). Боже мой! Что вы со мной делаете? Ну светитесь же, умоляю вас! Поднатужь-

тес! Как-нибудь... Не может быть, чтобы вы сразу так и погасли.

Паркер. Но я ничего не могу поделать! Это не от меня зависит. Пустите же!
(С силой вырывает руку.)

Сантано. О-о-о! Каррамба!

Возле комнаты Мэг.

Мэг стоит у двери.

Сантано и Паркер возбужденно разговаривают.

Паркер. Господин Сантано! Поверьте мне, я сам огорчен, но что же я могу поделать, если свет погас в тот момент, когда я менее всего ожидал этого.

Сантано. А если погасли, то и идите ко всем чертям! Больше вы мне не нужны. Извольте сейчас же убираться отсюда! Чтоб я больше не видел вас!

Паркер. Я уйду. Сейчас же уйду. Только заплатите мне за прослуженное у вас время!

Сантано (ревет). Заплатить вам? И вы имеете еще нахальство требовать, чтобы вам заплатили? Да знаете ли вы, что вы разорили меня? Я нанял новый театр, потратил уйму денег на костюмы, декорации, залез в долги, а вы так подло поступили со мной! Не вы, а я должен требовать с вас...

Паркер. Ну что же! Прощайте!

Берет за руку Мэг, потом оставляет ее, сбрасывает балахон.

Мэг. Что случилось?

Паркер. Дорогая моя, я погас. Не свечусь больше.

Мэг (как эхо). Погас!

Паркер. Да, совсем погас. Теперь я стал таким, как все.

Мэг. Таким, как все.

Паркер. Пойдем, Мэг, отсюда. Господин Сантано уволил меня.

Мэг. Пойдем, Джон.

Они берутся за руки и выходят.

Улица.

Паркер и Мэг сходят по ступеням роскошного театра. Паркер зевает.

Паркер (утомленно). Да... вот свет и погас. (Снова зевает.)

Мэг. Куда же мы пойдем, Джон?

Паркер. Не знаю, Мэг...

На другой стороне улицы.

Перед Мэг и Паркером городской сад.

Паркер. Пойдем посидим в саду, подумаем. (Сладко зевает.)

Перед входом в сад им пересекает дорогу Майкл.

На его груди и спине большие плакаты с надписью: «Нет в мире лучших подтяжек „Идеал“ – Грей и К°».

Паркер. Майкл!

Майкл. Джон!

Друзья крепко пожимают друг другу руки.

Паркер. А вот и Мэг. Поздоровайтесь же с ней, Майкл!

Майкл (*нерешительно шевелит своими большими толстыми пальцами и неуклюже подает руку Мэг*). Простите... Я вас не заметил...

Паркер. Идемте, Майкл, в сад, нам о многом надо поговорить с вами.

Аллея сада.

Паркер и Мэг сидят на скамейке, Майкл стоит перед ними.

Паркер. Где вы пропадали, Майкл? (*В то время как он отвечает, Паркер засыпает, положив голову на плечо Мэг.*)

Майкл. Цеплялся за колесо фортуны. Собаки лопнули. Теперь ношу вот эту рекламу... А вы как, Джон? (*Замечая, что Паркер спит.*) Э, да он уснул...

Мэг. Не будите его! Джон погас.

Майкл. Погас? Вот история. Когда не надо, горел, когда надо, погас. И все так в жизни. Ну, ничего, как-нибудь проживем. Я сохранил вещи Джона... Его гнездышко... Продадите, на первое время хватит. (*Тихо, чтобы не разбудить Джона, продолжает о чем-то говорить с Мэг.*)

На соседнюю скамейку садятся Никольс и Элис.

Элис. Все в порядке. Господин Кронин сказал мне, что вы сможете работать в его лаборатории.

Никольс. Значит, еще поборемся, Элис?

Элис. Да, еще поборемся!

Никольс. Как я вам благодарен, Элис!

Элис. Теперь вы не откажетесь произвести опыт надо мной?

Никольс (*смеясь*). Вы опять за свое? Кстати, сегодня утром ко мне приходил какой-то иллюзионист Янос. Просит сделать из него светящегося человека. Но с меня довольно светящихся людей!

Во время этого разговора происходит немая сцена: возле сада по улице проезжает ярко освещенный автомобиль. В автомобиле – девушка в подвенечном платье с букетами цветов и жених – это Битл.

Уличное движение задерживает автомобиль.

Видно, как Битл, смеясь, что-то записывает в блокнот, как будто интервьюируя девушку. Та со смехом выбивает блокнот из его рук.

Битл целует невесту.

Чтобы Мэг не видела чужого семейного счастья, Майкл, неуклюже переступая на своих слоновьих ногах, поворачивается так, что плакатами загораживает от Мэг автомобиль.

Майкл (*к Мэг*). Будет еще и на нашей улице праздник!

Резкий гудок автомобиля.

Паркер просыпается, смотрит на Мэг, не понимая, потом расцветает.

Паркер. Моя Мэг! *(Целует ее.)*

Майкл поворачивается спиной к Паркеру и Мэг и закрывает их своими плакатами от проходящих.

Поворачивает голову, поводит глазами, как бы говоря: «Будьте скромны! Не вспугните их неосторожным взглядом! Человеческое счастье так хрупко!»

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Светопреставление



I. Под старой липой

Нет, трудно в наше время быть «собственным корреспондентом». Я, как говорится, выбит из седла и не знаю, о чем теперь писать. Вы помните мой рождественский фельетон? Я сделал любопытный подсчет, сколько десятков миллионов бутылок вина и шампанского выпили берлинцы за праздники и сколько сотен миллионов килограммов съели свинины и гусей. Немцам это показалось обидно. «А, он хочет доказать, что нам совсем не плохо живется и что, следовательно, мы можем гораздо аккуратнее платить военные долги?» Дело дошло до дипломатических осложнений. Мне пришлось объясняться и извиняться[71].

— На таких фельетонах журналисты делают имя, — сказал Лайль, отпивая кофе.

— Разные бывают имена, — ответил Марамбалль. — Меня едва не отозвала редакция обратно в Париж. И я теперь решительно в затруднении. Нельзя же все время писать о новых постановках и выставках картин!

Приятели замолчали, занявшись завтраком. Каждое утро они встречались здесь, в Тиргартене[72], занимали столик под старой тенистой липой, пили кофе и делились новостями. Марамбалль — собственный корреспондент газеты «Тан» — двадцатипятилетний молодой человек с черными усами и живыми, веселыми глазами, очень подвижный, беспечный и жизнерадостный, и Лайль — корреспондент лондонской газеты «Дейли телеграф», замкнутый, сухой, бритый, с неразлучной трубкой в зубах. Несмотря на разницу в характерах, они были большими друзьями. Даже профессиональное соперничество не портило этой дружбы.

Лайль допил кофе, выпустил клуб дыма и сказал:

— Ну что же, облюбуйте какой-нибудь берлинский Чарнинг-Кросс[73] и напишите теперь о бедноте.

— Благодарю вас. Меня, чего доброго, заподозрят в большевизме, и редакция уж наверное отзовет меня после такого фельетона.

— Все зависит от того, как вы построите фельетон.

— Ах, надоело мне это!.. Вы слышали новую негритянскую певицу мисс Глоу? Она выступает в цирке Буша. Уж действительно «глоу»[74]. От ее пения несет зноем африканской пустыни. Траляляляля! Изумительно! Непременно пойдите. И зачем только столь очаровательный голос она держит в черном теле! Эй, эфемерида, пожалуйста сюда!

Молодой грек, в белом костюме и соломенной шляпе, с черными, грустны-

ми, маслянистыми, большими глазами и орлиным носом, подошел к столику, раскланялся, церемонно подняв шляпу, и присел на край стула.

— Жарко, — сказал Метакса (так звали грека), обтирая влажный лоб шелковым платком.

— Как называется газета, в которой вы работаете? — спросил Марамбалль, подмигивая Лайлю.

— «Имера».

— Химера?

— «Имера», что значит «день». Хорошая газета, афинская, шестьдесят тысяч тираж.

— Ого! И вы посылаете туда эфемериды?[75] Вот мы тут спорили с Лайлем, — и Марамбалль опять подмигнул Лайлю, — каково первоначальное значение слова «комедия»?

— «Комос» значит «разгул», — серьезно отвечал Метакса, — «оди» — «песнь». «Комодоя» — веселое пение в честь Вакха-Дионисия[76]. Так произошло слово «комедия». — И, окинув журналистов ласковым взглядом, Метакса спросил: — Вы не знаете последней новости? Говорят, вчера подписано тайное соглашение между Германией и Советской Россией. О! Делиани!

Наскоро простившись, Метакса нагнал своего соотечественника, шедшего по дорожке с большой корзиной, наполненной шелковыми тканями.

— Из него никогда не выйдет хорошего журналиста, — сказал Марамбалль, глядя вслед удалявшемуся греку.

— Почему вы так думаете? — процедил сквозь зубы, не выпуская трубки, Лайль.

— Разве настоящий журналист станет говорить о такой крупной новости, как подписание тайного соглашения между державами, если уж ему удалось кое-что пронюхать первым? Да и журналист ли он?

— Метакса приехал в Берлин учиться, а для того чтобы иметь материальные средства, он корреспондирует в какую-то греческую газету. — И, посопев угасавшей трубкой, Лайль продолжал: — Но вы ошибаетесь, считая его глупым. Он умнее, чем кажется, и хитрее нас двоих, вместе взятых. Если он разбалтывает, как вы полагаете, дипломатическую тайну, то у него, очевидно, своя цель.

Марамбалль задумался. Если бы ему первому удалось добыть сведения о тайном соглашении! Это сразу выдвинуло бы Марамбалля. До сих пор ему приходилось играть вторые роли: «аккредитованным»[77] представителем и корреспондентом газеты «Тан» был некто Эрмет, старый журналист и политический деятель. Он писал корреспонденции по наиболее важным политическим вопросам; на долю же Марамбалля оставались мелочи: театр, искусство, спорт, судебные процессы. Но Марамбалль был честолюбив; притом он любил широко пожить. Не мудрено, что он спал и видел во сне сенсации первостепенной важности, которые он, Марамбалль, сообщает изумленному миру. Фраза, мельком брошенная Метаксой о тайном соглашении, взволновала его. Это было в его духе. Если бы удалось вырвать эту тайну из недр министерства! Впервые за все время его дружбы с Лайлем Марамбалль посмотрел на своего товарища с опасением и тревогой.

«Только бы ему не пришла в голову мысль добывать эту чертову грамоту!»

Лайль поймал взгляд Марамбалля и, улыбаясь углами глаз, спросил:

— Что, задел вас Метакса за живое?

— Глупости, — равнодушно ответил Марамбалль. Он был смущен и зол на Лайля за то, что тот отгадал его мысль. Марамбалль повернулся на стуле, рассеянно посмотрел вдоль аллеи и вдруг весь вострепнулся. Широкая улыбка открыла его прекрасные белые зубы.

Мимо их столика шла девушка в легком сером костюме, с открытой головой, стриженной «под мальчика».

— Здравствуйте, господин Марамбалль, — приветливо ответила она на поклон. — Отец сегодня уезжает на заседание к министру. — И, весело улыбнувшись, она удалилась, помахивая стеклом.

Лайль, едва заметно улыбаясь, наблюдал за Марамбаллем, следившим за удалявшейся девушкой. И Марамбалль был вознагражден: она еще раз обернулась и кивнула ему головой.

— Какая вольность для немки, не правда ли? — сказал сияющий Марамбалль, поворачивая лицо к Лайлю. — Дочь первого секретаря министра иностранных дел Рупрехта Леера.

— Ого!

— Тип новой немецкой женщины послевоенной формации. Костюм, прическа, манеры, вы видели? Чемпион плавания, лаун-тенниса, поло. Тело Валькирии и голос Лорелеи![78] Прекрасно поет. Имеет один только физический недостаток: тяжелую поступь. Вы заметили? Берлинка, ничего не поделаешь! Если бы сто первых красавиц Берлина прошли по этой дорожке церемониальным маршем, их ноги подняли бы не меньше шума, чем рота солдат.

— С этим недостатком можно мириться, если через сердце фрейлейн Леер лежит путь к тайнам кабинета ее отца, — глубокомысленно сказал Лайль.

«И зачем только такие догадливые люди бывают на свете!» — с досадой подумал Марамбалль.

— Для француза женщина всегда самоцель, — напыщенно ответил он. — Нас сблизила общая любовь...

Лайль выпустил густой клуб из заново набитой трубки.

— Любовь к спорту и пению. Представьте, она обожает Равеля, Метнера, Стравинского и... французские шансонетки. И я обильно снабжаю ее этим легкомысленным жанром. — Посмотрев на часы, Марамбалль сказал: — Однако мне пора. Музы призывают меня. Иду писать очередной фельетон.

— Так не забудьте же посетить цирк Буша! Глоу! Огонь, жар, пламя, зной и кожа, блестящая, как ботинки, только что вычищенные компатриотом Метаксы.

II. Двойник Марамбалля

Марамбалль писал так же легко и непринужденно, как и жил: не углубляясь и не задумываясь о том, что выйдет. Иногда он удивлял редактора и самого себя блестящим фельетоном, иногда попадал впросак, как это было с его злополучным фельетоном о выпитых морях вина и горах съеденной берлинцами свинины. В работе для него было трудным только одно: сесть за стол. Вся его слишком живая, экспансивная натура протестовала, и ему было так же трудно засадить себя за стол, как ввести в оглобли необъезженную лошадь.

В этот день с ним было как всегда. Усилием воли он заставлял себя подойти к столу, но тотчас увертывался, проходил мимо, подходил к окну и, напевая

веселую шансонетку, барабанил пальцами по стеклу. Потом он открывал окно: душно. Потом закрывал его: мешают уличный шум. И при этом курил одну папиросу за другой.

Измерив комнату бесчисленное количество раз вдоль и поперек, он, наконец, перехитрил свою норовистую натуру: сделал посреди комнаты резкий поворот, подбежал к столу с видом человека, бросающегося в омут, и уселся в кресло, преисполненный решимостью.

Марамбалль взял в рот новую папироску и зажег спичку. Но тут случилось нечто заставившее его забыть о фельетона и повергшее его сначала в недоумение, а потом и в ужас.

Спичка зажглась с треском, как ей полагается, но Марамбалль не увидел огня, хотя слух не мог обмануть его: спичка зажглась. Раздумывая над этим непонятным явлением, он продолжал держать спичку и вдруг вскрикнул от ожога. Марамбалль бросил спичку, отдернув руку. Теперь он тер рукой обожженный палец и в то же время продолжал видеть свою протянутую над столом руку со спичкой. Марамбалль в ужасе откинулся на спинку кресла и наблюдал эту «третью руку», в то время как его дрожащие руки покоились уже на коленях. Он сидел так неподвижно минут пять, пока новое явление не поразило его: он увидел, как вспыхнула, наконец, спичка в призрачной руке, как догорела и как отдернулась рука после ожога пальцев. Словом, он увидел то, что должен был видеть, когда зажег спичку, но видел это с опозданием в пять минут. Марамбалль протянул руку и зажег лампу на письменном столе. Выключатель щелкнул, но огня не было, не видел Марамбалль и своей протянутой к лампе руки. Он почувствовал, как зашевелились волосы на его голове.

«Неужели я сошел с ума? И так неожиданно?» — холодея, подумал он. Быстро поднявшись с кресла, Марамбалль зашагал по комнате. Только теперь он обратил внимание на то, что из окна падал странный оранжевый свет. Марамбалль подошел к окну и взглянул на небо. Всего несколько минут тому назад он видел это летнее голубое безоблачное небо. Теперь от ласкающей глаза голубизны не осталось следа. Небо было страшного, оранжевого цвета. Улица погрузилась в сероватый полумрак, как это бывает во время неполного солнечного затмения. Листва деревьев почернела, а белизна домов покрылась густым синеватым оттенком, и дома показались Марамбаллю страшными, как лицо трупа. Марамбалль вернулся от окна и остолбенел от удивления, смешанного с ужасом.

Он увидел себя сидящим за столом. Двойник протянул руку к лампе и зажег ее. Вспыхнул синеватый свет под черным абажуром, хотя абажур был из зеленого стекла. Потом призрак Марамбалля поднялся из-за стола и бесшумно зашагал по комнате, повторяя все движения Марамбалля номер первый, произведенные им за несколько минут до этого. Марамбалль-первый в ужасе всматривался в зеленоватое растерянное лицо Марамбалля-второго и инстинктивно прыгнул в сторону, когда Марамбалль-второй, шагая по комнате, направился прямо на него.

«Галлюцинация!.. Увы, я сошел с ума. Но неужели сумасшедшие сознают свое безумие и мыслят так ясно, как я?» — думал Марамбалль, следя за своим двойником, который в это время остановился в задумчивости посреди комнаты. Поразительно! Этот призрак выглядит так реально. И если бы не зеленоватосиневатый оттенок его лица, призрак ничем не отличался бы от живого че-

ловека.

«Не заговорить ли мне с ним?» — подумал Марамбалль. Но это было бы уже полным безумием. Марамбалль решил на иное. Он стремительно двинулся вперед на своего двойника и... прошел его насквозь. Теперь уже сомнения не было: Марамбалль галлюцинирует. Молодой человек постарался овладеть собой. Острота ужаса прошла, на смену явилось любопытство. Марамбалль обошел вокруг своего двойника и вдруг всунул свою голову внутрь оболочки призрака. Там было совершенно темно.

«Если бы я не сошел уже с ума, от всего этого можно еще раз помешаться», — подумал Марамбалль, вынырнув из тьмы призрака в багровый полумрак комнаты.

Из коридора раздался отчаянный крик хозяйки гостиницы, фрау Нейкирх, сорокалетней вдовы. Она кричала так, будто ее резали. Марамбалль, забыв о своей горестной судьбе, выбежал в коридор, сделал несколько шагов и ударился о невидимую мягкую преграду. Он протянул руки. Кто-то невидимый схватил его за плечи, и голос фрау Нейкирх простонал у самого его уха.

— О-оо! — в то же время он почувствовал, как грузное тело фрау Нейкирх упало на него. Марамбалль ощупью подхватил невидимую, но весьма осязаемую вдову за талию и, задыхаясь под непомерной тяжестью, потащил потерявшую сознание Нейкирх в свой номер. Он усадил ее на стул, но стула не оказалось там, где он его видел, и тело Нейкирх мягко шлепнулось на пол. Несчастная вдова, по-видимому, даже не заметила этого и не издала ни звука. Марамбалль ощупью нашел кресло, разыскал на полу тело Нейкирх и, наконец, усадил невидимую гостью в невидимое кресло. Потом он подбежал к столу и налил в стакан воды из графина. Несмотря на всю необычность положения, Марамбалль отметил, что вещи, которые не были сдвинуты с места, были хорошо видны и оказывались непризрачными. Но довольно было стакан поставить на новое место, как он исчезал из поля зрения, глаз же продолжал видеть его там, где он стоял несколько минут тому назад.

«Во всяком случае, в моем безумии, как у Гамлета, есть какая-то система», — подумал Марамбалль уже не без юмора, стараясь найти стаканом рот бесчувственной вдовы. К Марамбаллю уже возвращалась его обычная жизнерадостность.

Пролив полстакана воды на невидимые рыжие завитушки волос и на широкую грудь Нейкирх, Марамбалль, наконец, бесцеремонно провел по лицу хозяйки ладонью, нащупал ее рот и влил в него воду. Столь энергичное наружное и внутреннее лечение оказало свое действие. Нейкирх икнула — это было первым проявлением жизни — и, продолжая икать, видимо, приходила в себя. И вдруг она опять истерически закричала:

— А-а-а! Вот, вот!.. Меня несут! Меня несут!.. О-о-о!..

Марамбалль оглянулся и увидел, что из двери Марамбалль-второй тащит в номер Нейкирх-вторую. Ее посиневшее лицо было откинута назад, рыжие волосы, завитые у висков, растрепались и были уже не рыжими, а синими, толстые ноги беспомощно волоклись по ковру, а Марамбалль-второй тянул ее грузное тело, как муравей, взваливший на себя непосильную ношу.

«Как ему, должно быть, тяжело, бедняге!» — посочувствовал Марамбалль-первый Марамбаллю-второму.

Но Марамбалль уже не удивлялся. Он умел делать выводы и применяться к

обстоятельствам. Главное же — он убедился, что не с ним одним приключилось такое несчастье: фрау Нейкирх проявляла то же безумие, что и он, но в еще более резкой форме. Судя же по необычайному шуму, который доносился из коридора и с улицы, помешательство, должно быть, было всеобщим. Как будто весь мир сразу превратился в сумасшедший дом. Отовсюду слышались крики, стоны и даже смех, не оставлявший никакого сомнения в том, что он исходил от безумного. От времени до времени с улицы через открытое окно слышался какой-то треск и новые взрывы криков и стонов. Марамбалль мельком заглянул в окно и увидел страшные картины: лежавшие на боку трамваи, обломки перевернутых автомобилей, темную кровь, разлитую по асфальту, и груды тел — мертвых и изувеченных; причем Марамбалль отметил, что крики слышатся не только в местах этих катастроф, но и там, где глаз ничего не видел.

«Еще не проявилось», — подумал Марамбалль.

А фрау Нейкирх продолжала кричать и всхлипывать.

«Нет, это не безумие, — подумал Марамбалль, — скорее какая-то необычайная катастрофа, если только все вместе взятое не кошмар, не безумный бред моего расстроенного воображения».

— Боже мой, боже мой! — причитала фрау Нейкирх. — Что со мною? Что это делается?..

— Успокойтесь, фрау, — пытался ее утешить Марамбалль. — Поверьте, что это пройдет. Не могут же все люди сразу сойти с ума. Это не безумие, а просто так... чертовщина какая-то. Мы просто начали видеть не то, что есть, а то, что было пять-десять минут тому назад... Да, да, вот именно! — обрадовался Марамбалль, когда ему удалось свести все явления к одной причине. — Может быть, какой-нибудь новый газ появился в воздухе и изменил свойства нашего глаза, — пытался Марамбалль уяснить себе и Нейкирх необычайность происшедшей перемены.

— Нет, нет, — упорно говорила Нейкирх, — это конец... Конец света... Это светопреставление!.. Да, да. Какой ужас!.. Какой ужас!.. Я вышла из своей комнаты и вдруг увидела себя идущей по коридору в мою комнату. Я думала, что мое сердце лопнет от страха. Это к смерти! В нашем роду все видят своего двойника перед смертью...

— Но ведь вы видели и моего двойника. Да вот, посмотрите, сейчас вы видите, как я поливаю вам на голову воду и ищу ваш рот. А между тем вот пощупайте мои руки, в них нет стакана воды.

— Значит, и вы умрете. Все умрут... Это светопреставление. Я не могу жить в этом мире, среди призраков, видеть своего двойника, всюду следующего за мною. — И вдова Нейкирх разразилась истерическим смехом.

Марамбалль безнадежно махнул рукой.

— Вы слышите эти крики? — сказал он. — Там гибнут люди, и там моя помощь нужнее. Возьмите себя в руки.

— Нет, нет, не уходите! — вскрикнула Нейкирх, хватая воздух там, где она видела Марамбалля, ставящего на столик стакан воды.

III. В мире призраков

Прислушиваясь к шумному дыханию фрау Нейкирх, Марамбалль обошел то место, где она должна быть по его расчетам, снял с вешалки шляпу и, осторожно пробравшись вдоль стены по коридору, вышел на улицу и немедленно

был сбит с ног каким-то невидимым существом.

— Однако можно быть повежливее, — сказал он призраку, поднимаясь с тротуара.

— Вежливость — призрак в этом мире призраков, — услышал Марамбалль чей-то голос и вслед за тем истерический смех.

— Иду! Иду! Иду! — предупреждал чей-то голос.

И Марамбалль посторонился.

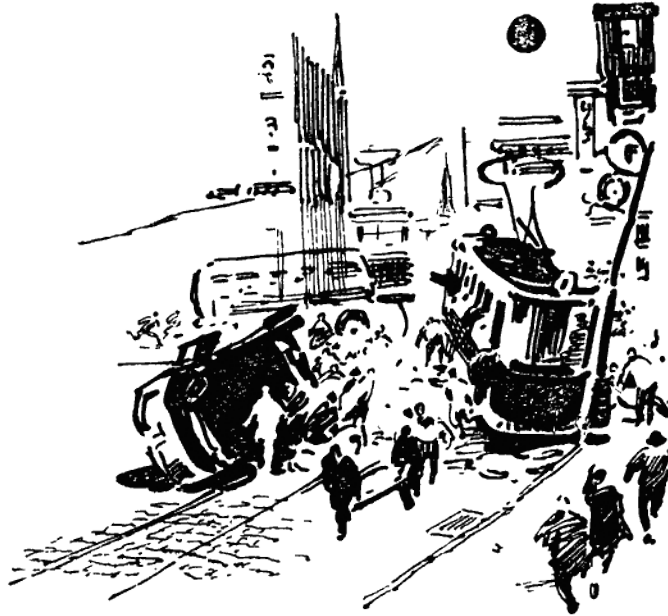
«Публика быстро начинает приспособляться», — подумал он и пошел по тротуару, громко стуча подошвами и непрерывно повторяя, как гудок автомобиля.

— Иду, иду, иду!..

Отовсюду слышались эти предупредительные голоса, и улица гудела встревоженным шмелиным роем.

Несмотря на эти предупредительные голоса, прохожие то и дело насккивали друг на друга.

Мимо Марамбалля без единого звука промчался переполненный публикой трамвай. Марамбалль уже знал, что это «призрак» трамвая, прошедшего несколько минут тому назад.



Вслед за этим он услышал рев рожка и предупредительные крики:

— Осторожнее! Едет карета «Скорой помощи»! Судя по звукам, она двигалась очень медленно. Марамбалль не слышал грохота невидимых трамваев, — очевидно, всякое движение было прекращено вскоре после наступления «светопреставления». Но оно наступило так внезапно, что не обошлось без катастроф.

Марамбалль видел столкнувшиеся трамвай и автобус. Трамвай сошел с рельсов и наехал на фонарный столб, а автобус лежал на боку. Марамбалль осторожно пересек улицу и подошел к месту катастрофы, чтобы помочь раненым; однако это оказалось очень трудным делом. Несколько раненых, к которым он участливо наклонялся, оказались пустым местом: раненые уже отползли в сторону. Марамбаллю пришлось рассчитывать не на зрение, а на слух и осязание. По стонам он разыскал несколько раненых и принес их к карете «Скорой помощи». Она, вероятно, стояла здесь уже несколько минут и была не призрачной.

Марамбалль чувствовал на своих руках теплую кровь, но не видел ни себя, ни раненых. Он мог только любоваться своим призраком, пробирающимся еще через улицу к месту катастрофы.

Какой-то мужчина стонал на его руках.

«Несчастный, — подумал Марамбалль, — как-то ему будут делать операцию, если необходима немедленная помощь? Он может изойти кровью, прежде чем „проявится“ на операционном столе».

Это слово «проявляться», заимствованное у фотографов, очень нравилось Марамбаллю, так как оно точно передавало явление: все предметы делались видимыми только через несколько минут, как изображение на проявляемой фотографической пластинке.

Марамбалль почувствовал, что проголодался. Он жил на Доротеенштрассе, в нескольких минутах ходьбы от Тиргартена. Но на этот раз ему пришлось идти довольно долго, пробираясь ощупью. Он извинялся, задевая плечом призраки, и наталкивался на невидимых живых людей.

«Однако который теперь может быть час?» — подумал Марамбалль, глядя на потускневшее солнце на багровом небе, склонявшееся к западу. По привычке он вынул часы и посмотрел на циферблат.

«Фу, черт возьми, никак не привыкнешь к этому сумасшествию!» — бранился он, глядя в пустоту. Он оглянулся и увидел большие часы на углу улицы. Стрелки стояли на пяти. Он сделал всего несколько шагов вперед, вновь взглянул на часы и удивленно остановился. Минутная стрелка указывала уже пять минут шестого. Еще несколько шагов вперед — и часы показывали десять минут шестого, как будто время начало бежать с невероятной быстротой. Марамбалль был так заинтересован этим странным поведением часов, что решил проверить их, отойдя назад. И что же? Время тоже как будто пошло назад. Пять минут шестого. Ровно пять. Марамбалль отошел на метр и увидел, что часы показывают уже без пяти минут пять.

Марамбалль свистнул.

«Ловко! Прогуливаясь взад и вперед, я могу по своему желанию распоряжаться временем: посетить прошлое, заглянуть в будущее и вернуться в настоящее. Но почему же я не видал своих карманных часов? Не потому ли, что в кармане темно?» — Марамбалль еще раз вынул свои часы и поднес их очень близко к глазам. Всего через две-три секунды он увидел циферблат и стрелки, которые показывали двадцать минут шестого. Он подошел к большим уличным часам и посмотрел на них. Они показывали четверть шестого.

Пользуясь тем, что его никто не видит, Марамбалль влез по столбу к самому циферблату и мог убедиться, что теперь и эти уличные часы показывали двадцать минут шестого.

— Теперь мне многое становится ясным, — сказал Марамбалль, предпочитая говорить вслух с самим собой, вместо того чтобы кричать все время «иду, иду». — Мои глаза видят то, что было примерно пять минут тому назад на расстоянии метра, десять минут назад — на расстоянии двух метров и так далее. Это слишком сложно, чтобы быть безумием.

Очевидно, что-то неладное произошло в самой природе.

Когда Марамбалль добрался, наконец, до ресторана, его ждало разочарование. Ресторан был закрыт.

Марамбалль был постоянным посетителем, и ему удалось выпросить у хо-

зяина только черствый вчерашний пирожок.

— Однако если так пойдет дальше, мы подохнем с голоду, — сказал Марамбалль, доедая пирожок.

— Последние времена, — вздохнул хозяин. — Это светопреставление.

«И он о том же», — подумал Марамбалль, вспомнив вдову Нейкирх, затем он спросил:

— Господин Лайль был у вас сегодня к обеду?

— Как всегда. Но он чувствует себя очень плохо. Его сильно помяли в автобусе. Он выглядит совсем больным.

— Но ведь вы не могли его видеть, — насторожился Марамбалль.

— Ну, разумеется, я видел его после того, как он ушел. Кто бы мог подумать, господин Марамбалль, что мы доживем...

Но Марамбалль уже не слушал его. Все в порядке. Хозяин ресторана видит так же, как и он, как и все.

— Сколько стоит пирожок?

Марамбаллю пришлось бы ожидать не менее пяти минут, чтобы увидеть безнадежный жест хозяина. Но интонация голоса и без этих внешних проявлений ясно свидетельствовала об угнетенном состоянии владельца ресторана в Тиргартене, а слова говорили еще яснее.

— Какие тут счеты, господин Марамбалль! — сказал он уныло. — С собой в могилу не возьмешь ни пирожков, ни платы за них. Кушайте на здоровье. Простите, что не могу ничем угостить вас больше. Я даже себе не сумел приготовить обеда: половина жаркого оказалась сырою, а половина сторела. — И он еще раз безнадежно крикнул.

— Телефон действует? Мне нужно переговорить с Лайлем.

— Ничего не действует. Все разваливается. Лакеи перепились, винный погреб опустошен. Все идет прахом. И я... я, кажется, сам напьюсь, если только эти подлецы оставили мне хоть каплю вина...

IV. Загадка света

Марамбалль возвращался к себе на Доротеенштрассе. Он уже больше не сомневался в том, что здоров. «Болен не я, а весь мир», — думал он и не мог решить, лучше это или хуже. Молодой человек радовался за себя, вернув уверенность в здравости своего рассудка. Но все же положение катастрофическое. «Нет, уж лучше бы я сошел с ума. Меня врачи, наверно, вылечили бы, а удастся ли им вылечить весь мир, заболевший каким-то странным недугом, — это большой вопрос».

Вернувшись к себе в номер, Марамбалль быстро включил комнатный радиоприемник в надежде, что по крайней мере по радио он что-нибудь узнает о причинах необычайной катастрофы, разразившейся над миром. И он не ошибся.

Говорила станция Кенигсвустергаузена[79].

«...Только высочайшее самообладание и дисциплина могут спасти город от паники, которая грозит самыми губительными последствиями. Граждане должны строжайше придерживаться новых правил уличного движения, памятуя, что несоблюдение их грозит смертельной опасностью. Город объявлен на осадном положении. Все попытки нарушения уличного спокойствия будут караться беспощадно на месте преступления».

«Хотел бы я посмотреть, как они будут ловить „преступников“», — подумал

Марамбалль.

«...О причинах, вызвавших катастрофу мирового масштаба, виднейшие ученые Берлина сообщают следующее. Ими установлено, что скорость света замедлилась. Вместо трехсот тысяч километров в секунду свет начал двигаться со скоростью всего шесть минут пятьдесят восемь секунд-метр. Как известно, мы видим окружающие предметы потому, что они отражают естественный, солнечный, или искусственный свет. Эти отражения проходят теперь примерно семь минут каждый метр расстояния. Следует упомянуть, что ученые — физики и астрономы уже давно установили, что скорость света непостоянна. Она уменьшается почти на четыре километра в год. Однако при сохранении этой плавности скорость света могла уменьшиться до нуля только через семьдесят пять тысяч лет. Это слишком отдаленное будущее не могло, конечно, вселять тревогу. Уменьшение на четыре километра в год практически было неощутимо и могло влиять только на астрономические подсчеты том, где дело шло об измерении огромных пространств астрономических лет [80] Поэтому ученые и не считали нужным предавать свои наблюдения об уменьшающейся скорости света широкой гласности.

Что касается причин внезапного замедления света, то ученым не удалось еще найти удовлетворительного объяснения. По мнению одних, наблюдавшееся в прошлые годы уменьшение скорости света только кажущееся: не скорость света уменьшилась, а увеличилась единица измерения времени — секунда — благодаря замедлению суточного вращения Земли. Однако против этой гипотезы и раньше делались возражения: замедления во вращении Земли наблюдаются периодически, то есть Земля то замедляет, то ускоряет до обычного свое суточное вращательное движение вокруг оси, тогда как скорость света уменьшалась равномерно. То же, что мы видим теперь, окончательно опровергает эту гипотезу: если бы уменьшение света было кажущимся и зависело от замедления Земли, то это означало бы такое замедление, которое сказалось бы и на увеличении силы тяжести (от уменьшения центробежной силы), чего, однако, мы не наблюдали.

Остается предположить, что Солнце в своем движении вступило вместе со всей солнечной системой планет в такие области мирового пространства, где скорость света более замедленная. Это может происходить или от свойств мирового эфира, или же от иной кривизны пространства — вообще говоря, от неоднородности и непостоянства межзвездных глубин.

Наконец, следует упомянуть, что изменение цветов произошло потому, что благодаря замедлению света весь спектр как бы передвинулся справа налево: голубой превратился в темно-оранжевый, зеленый в почти черный, и так далее. Появились и новые цвета, ультрафиолетовые и лежащие правее их. Но невооруженным глазом они воспринимаются как темные или вовсе не воспринимаются.

Наука бессильна изменить явление такого космического порядка, как замедление света. Но примениться к новым условиям жизни мы все же можем. К счастью для нас, столь резкое уменьшение скорости света не проявляет тенденции к еще большему уменьшению. Скорость света пока является величиной постоянной. Нам ничего больше не остается, как приспособиться к новым условиям существования и надеяться, что это явление преходящего характера».

Кто-то постучал в дверь.

— Войдите!

Скрипнула «закрытая» дверь, и в комнату вошло тяжелое дыхание тучной фрау Нейкирх.

— Добрый вечер, господин Марамбалль, — слышался ее голос, такой печальный, как будто она только что похоронила своего мужа.

— Добрый вечер, фрау Нейкирх. Ну, вот видите, все великолепно. Сейчас передавали по радио, что в общем ничего страшного нет. Маленькая заминка со светом. Солнце заехало в кривизну, и луч света не может протолкаться через эфир. Садитесь, фрау, только не мимо кресла. Вот, кажется, оно.

— Благодарю вас. Я тоже слушала радио, но ничего не поняла, а вы объяснили все так просто. Но все-таки в этом мире много непонятного... Я хотела спросить у вас, господин Марамбалль. Вот, например, газ. Я вскипятила воду и закрыла кран газовой горелки. Но газ продолжает гореть, хотя и не шипит. Скажите, пожалуйста, будет отмечать это счетчик? Ведь я же не виновата, что газ продолжает гореть, хотя этот кран закрыт.

V. Дело № 174

Прошло несколько дней, и жизнь понемногу начала входить в новую колею. Фрау Нейкирх примирилась со своим двойником; повара в ресторанах как-то умудрялись «на слух, вкус и нюх» готовить кушанья и обслуживать посетителей; возобновилось и уличное движение, хотя оно происходило с чрезвычайной медлительностью; в том же замедленном темпе заработали почта, телеграф и телефон.

Марамбалль и Лайль сидели на своем обычном месте за завтраком под густой липой в Тиргартене.

— А все-таки надо отдать справедливость немцам: их удивительная организованность сказалась в дни катастрофы с особой наглядностью. Берлин — первый город во всем мире восстановил нормальную жизнь, — говорил Марамбалль, обращаясь к образу Лайля, каким тот был пять минут назад. Впрочем, большой разницы между действительным и призрачным Лайлем не было, так как Лайль отличался неподвижностью в противоположность Марамбаллю, между жестами и словами которого не было никакой связи. Марамбалль-первый заразительно смеялся, в то время как Марамбалль-второй сосредоточенно поглощал завтрак или закуривал папиросу.

— Интересно все-таки знать, чем все это кончится?

— Надо жить, чем бы ни кончилось, — ответил Лайль. — Перед наступлением тысячного года люди ожидали конца мира, и многие богачи завещали свое имущество церкви. Но конец мира не наступил. Пришлось судебным порядком требовать возвращения своего имущества. Говорят, в Италии одно такое судебное дело не окончено до сих пор.

— Да, и у нас во Франции был подобный случай, если память не изменяет мне, в 1499 году. На этот год великий астролог Стефлер предсказал повторение всемирного потопа, и тулузский президент Ориаль предусмотрительно выстроил себе ноев ковчег. Однако не только потопа, но и наводнения не произошло[81]. К сожалению, — грустно сказал Марамбалль, хотя его призрак беззвучно смеялся, откинув голову назад, — у нас действительно произошло в некотором роде светопреставление.

— Человек умный все должен обращать себе на пользу, — вдруг услышали

они чей-то голос.

— Эй, кто нас подслушивает? Однако теперь надо быть осторожным!

Невидимый посетитель ответил:

— Что же мне, гудеть, как автомобиль, при своем приближении? Не моя вина, что вы не видите меня.

— А, эфемериды! Здравствуйте. Садитесь на этот стул; он не сдвигался с места более десяти минут.

Метакса, однако, осторожно ощупал стул, прежде чем сесть. Эта осторожность входила в привычку.

— Жарко, — сказал Метакса.

— Удивительно, что вы из Греции, а постоянно жалуетесь на жару, — отозвался Марамбалль.

— В Греции — там еще жарче. — И, помолчав, Метакса продолжал: — Дело номер сто семьдесят четыре находится у первого секретаря министра, Леера.

— Что это за дело? — спросил Марамбалль.

— О тайном соглашении между Германией и Россией, — ответил Метакса.

Марамбалль ощутил на своем лице клуб дыма из трубки Лайля.

— И что же дальше? — спросил Марамбалль.

— Ничего. Я только сообщил вам новость. Думал, может быть, будет интересно. И еще есть новость. Лейтенант барон фон Блиттерсдорф сделал предложение фрейлейн Вильгельмине Леер.

— Но ведь ее нет в городе! Откуда вы все это знаете? — горячо воскликнул Марамбалль. Эта новость поразила его; он густо покраснел и был очень рад, что Лайль и Метакса не видят его лица. Но, вспомнив о том, что они все же увидят его, Марамбалль постарался придать своему лицу равнодушный вид.

— И люди будут жениться и выходить замуж далее в день светопреставления, — процедил Лайль. — Вас это огорчает, Марамбалль?

— Нисколько, — поспешно ответил он. — Я не собирался жениться на фрейлейн Вильгельмине. Да, признаться, не очень и верю этой новости. Вильгельмина... фрейлейн Леер сообщила мне сегодня по телефону, что в момент катастрофы она была за городом и до сих пор не могла вернуться, так как всякое движение было прекращено. Она приедет только сегодня в шесть часов вечера. Когда же Блиттерсдорф мог сделать предложение? Во всяком случае, она сказала бы мне об этом.

— Блиттерсдорф сделал официальное предложение ее отцу, Рупрехту Лееру.

— Ну и пусть Блиттерсдорф женится на Рупрехте Леере, — со смехом отвечал Марамбалль, в душе очень озабоченный решительными действиями соперника.

Лейтенант Блиттерсдорф был давнишним претендентом на руку Вильгельмины, хотя больше пользовался успехом у ее отца, чем у нее.

Сама Вильгельмина не отказывала лейтенанту решительно, она отвечала на его предложение, что не думает о замужестве.

Марамбалль не лгал, уверяя, что он не собирается жениться на Вильгельмине, хотя она и нравилась ему; его планы не заходили так далеко. Получив возможность бывать в доме у Лееров и пользуясь ее дружеским расположением, Марамбаллю удавалось узнать раньше других корреспондентов кое-какие дипломатические новости. Правда, ничего крупного, сенсационного он полу-

читать не мог: дверь в деловой кабинет Рупрехта Леера была довольно плотно закрыта для него. Но все же это была приятная и полезная дружба. И вот теперь этой дружбе может наступить конец. Ревнивый и грубоватый лейтенант барон Блиттерсдорф, воспитанный в военной обстановке империи, конечно, не потерпит Марамбалля в качестве друга дома. Притом Вильгельмина, если выйдет замуж, переедет к мужу и этим самым наполовину потеряет ценность для Марамбалля.

«Черт возьми, надо на что-нибудь решиться крупное, — думал Марамбалль. — Да, Метакса явно наталкивает меня. Дело номер 174!.. Правда, мир сейчас занят иным. Но что, если „светопреставление“ кончится так же неожиданно, как оно началось? А лучшего времени не выбрать; надо воспользоваться случаем и раздобыть такой сенсационный документ. И тогда пусть Вильгельмина выходит замуж за своего барона, если это ей нравится...»

— Все эти соглашения потеряли теперь всякий смысл и ценность, — небрежно сказал Марамбалль. Вынув карманные часы, он поднес циферблат к глазам, подождал, пока он появится, и поднялся.

— Мне пора. Сколько с меня следует? — обратился он к лакею, принесшему кофе Метаксе.

Лакей подсчитал.

— Четыре марки. И еще одна марка за пирожок, который вы съели в тот день, когда ресторан был закрыт. Хозяин просил вас напомнить об этом должке...

Марамбалль вынул бумажник, подсчитал деньги, «проявляя» их у глаз, и всунул в руку лакея.

— Получайте. Очевидно, ваш хозяин раздумал умирать.

И, распрощавшись, Марамбалль ушел, потрескивая автоматической трещоткой, которая издавала негромкое, но характерное щелканье при каждом его шаге. Прохожие, которые еще не успели обзавестись этой новинкой, предупреждали о себе однообразным «иду, иду».

На всех перекрестках громкоговорители напоминали о правилах уличного движения.

Толпа на тротуарах двигалась не спеша, в строгом порядке, придерживаясь правой стороны. Полицейские на перекрестках от времени до времени трубили в рожок, приостанавливая движение трамваев и экипажей, чтобы дать возможность пешеходам перейти на другую сторону улицы.

Автомобили и трамваи двигались также очень медленно, непрерывно подавая сигналы звонками и гудками. Чтобы не мешать друг другу, все эти звуки были приглушены. На улице стало гораздо тише, чем раньше. У всех жителей города быстро обострился слух.

Уже никто не обманывался видом бесшумного призрачного трамвая, стоящего на остановке: все знали, что этот видимый трамвай давно прошел. Но, когда слышался шум подходящего невидимого трамвая, пассажиры шли на звук звонка, на ощупь находили входную площадку и, соблюдая строжайшую очередь, входили в трамвай. К счастью, столбы, указывающие места остановки, дома, как все неподвижные предметы, были хорошо видимы, хотя они и являлись «устаревшим» отображением вещей.

VI. ИГРА В ЖМУРКИ

Несмотря на осадное положение и все принятые меры, в городе все же были случаи ограблений. И поэтому во всех домах были приняты меры предосторожности, чтобы вместе с жильцами в дом не проникали воры, пользуясь своею временной невидимостью.

Когда Марамбалль позвонил у дома Леера, швейцар осторожно приоткрыл дверь, держа ее на цепочке, и впустил Марамбалля, только узнав его по голосу. Марамбалль едва протиснулся в приоткрытую дверь, причем почувствовал, как швейцар легонько провел рукой по его спине, чтобы убедиться, что за Марамбаллем никого нет, и тотчас закрыл дверь.

— Фрейлейн Вильгельмина приехала? — спросил он, раздеваясь.

— Только что, — отвечал швейцар.

Марамбалль поднялся по лестнице, устланной черным ковром, — до «светопредставления» он был красным, — вошел в большую гостиную и огляделся.

Вильгельмина, в дорожном костюме, с небольшим чемоданом в руке, стояла у раскрытой двери в кабинет Леера и говорила с отцом. Вернее, бесшумно шевелила губами. Потом отец так же беззвучно что-то сказал ей, потрепал по щеке и ушел к себе, закрыв дверь кабинета. Вильгельмина быстро прошла в свою комнату, в правую дверь.

Марамбалль находился в затруднении. Он знал, что видел минувшие события. Но вернулась ли уже в гостиную Вильгельмина?

Его вывел из затруднения голос Вильгельмины, раздавшийся из столовой. Она запела, потом, очевидно услышав шум приближающихся шагов, прекратила пение и спросила:

— Кто здесь?

— Здравствуйте, фрейлейн, — сказал Марамбалль, осторожно пробираясь в столовую. — С приездом!

— А, это вы, Марамбалль, здравствуйте! — Девушка пошла навстречу гостю.

— Не правда ли, интересно? Весь мир играет в прятки. Ну, где же вы?

И, смеясь, она вертелась около него, как будто не могла найти. А Марамбалль беспомощно разводил руками, хватая воздух.

— Через пять минут, когда вы проявитесь, я буду смеяться, наблюдая ваш глупый вид, — продолжала она забавляться. — Ну, вот моя рука, держите, — наконец смиростивилась она.

Молодые люди сели у стола.

— Как давно мы не виделись! — сказал Марамбалль. — Это было еще в старом мире, когда люди видели настоящее, а не прошлое. Как провели вы время у фрейлейн Алисы?

— Великолепно, — отвечала девушка. — Сначала мы все очень испугались. А потом нашли, что это даже интересно. Но, Марамбалль, это начинает мне надоедать. Прощай лаун-теннис! Мы больше не можем играть в эту чудесную игру!..

— Есть «игры» поважнее, — сказал Марамбалль. — На многих фабриках и заводах прекратилось производство. Если это продлится, мы переживем ужасные времена.

— Придумают что-нибудь, — беспечно ответила Вильгельмина. — Научатся работать «вслепую». Ведь работают же слепцы. И вообще не портите мне настроения. Представьте, у подружки мы играли в пушбол. Это было что-то невероятно комическое!

— Да, люди приспособляются ко всему, это правда. Сегодня впервые открываются даже театры. В опере идет «Фауст».

— Воображаю, что это будет. У нас абонемент. Заезжайте за мной, и отправимся вместе в нашу ложу.

— А я хотел предложить вам место в партере, это ближе к сцене, если только вы снизойдете до партера.

— Снизойду, — ответила Вильгельмина. — Идем в партер. Но как же музыканты будут читать ноты?

— Артисты и оркестр будут исполнять на память. Каждый из них отлично знает свою партию. Зрелищное восприятие, конечно, не будет совпадать со слуховым. Но с этим надо примириться.

— А что же будет с нашей музыкой и пением, Марамбалль?

— Мы будем разбирать ноты, как близорукие, и учить на память.

— Вы принесли новые романсы?

— Принес, — ответил Марамбалль, наблюдая за тем, как «призрак» Вильгельмины вошел в столовую, переодетый в розовое кимоно. Только теперь Марамбалль узнал, как одета сидящая с ним Вильгельмина.

— Дайте же мне, — протянула девушка руку.

— Извольте, — ответил Марамбалль, незаметно выходя в гостиную.

— Но где же вы?

— Вот здесь, неужели вы не видите меня? — смеялся Марамбалль, повторяя ее игру в прятки. Надо сказать, что эта игра очень понравилась ему. Марамбалль начал бегать по гостиной, а Вильгельмина преследовала его. Марамбалль увлекался все больше. И вдруг, когда посреди комнаты она поймала его, Марамбалль обхватил девушку и крепко поцеловал.

Вильгельмина вырвалась из его объятий.

— Сумасшедший!

В тот же момент они услышали знакомые прихрамывающие шаги лейтенанта Блиттерсдорфа. На войне он был ранен в ногу и с тех пор прихрамывал.

От веселости Марамбалля и Вильгельмины не осталось и следа. Лейтенант явился, как статуя командора, и молодые люди стояли смущенные, подобно дон Жуану и донне Анне. Правда, командор еще ничего не мог видеть. Он мог только слышать подозрительный шум. Но протекут минуты — и вся картина «проявится»... Одно спасение — увести лейтенанта из этой комнаты, пока прошлое не станет видимым «настоящим».

Вильгельмина, так же как и Марамбалль, уже хорошо знала, что чем ближе предмет, тем скорее он проявляется.

Она храбро бросилась навстречу приближающимся шагам, взяла лейтенанта за руку и попыталась обвести его вокруг комнаты, к двери в кабинет отца.

— Это вы, господин лейтенант, как кстати! — защебетала она, дружески толкая лейтенанта. — Папа будет очень рад видеть вас, идемте к нему...

— Я, кажется, помешал, — хмуро отозвался лейтенант. — Здравствуйте, фрейлейн Вильгельмина, — и он остановился, чтобы поцеловать ей руку. Девушка ускорила эту церемонию и вновь повлекла за собой лейтенанта к спасительной двери.

— Почему вы ведете меня, э-э, таким кружным путем? — спросил лейтенант, опять останавливаясь.

— Я только что приехала и разбросала на полу свои чемоданы, мы можем

упасть. Да ну же, какой вы неповоротливый! — тормошила она его.

— Но, может быть, ваш отец занят?..

— Да нет же, идемте.

Вот и спасительная дверь... Вильгельмина быстро постучалась, открыла дверь, не ожидая ответа отца, почти втокнула в кабинет лейтенанта и, бросив несколько фраз, ушла «прибрать чемоданы», плотно закрыв за собой дверь.

— Где вы? — шепотом спросила она, войдя в гостиную.

— Здесь, — так же тихо ответил провинившийся дон Жуан.

— Уходите скорей... противный!

Но Марамбалль не торопился. Его обуяло непреодолимое желание увидеть самому всю сцену игры в жмурки, а она уже начала проявляться: Марамбалль-первый то приближался, то удалялся. И когда он подходил ближе, то события шли ускоренным темпом, как будто кто-то быстрее пускал кинематографическую ленту. Когда он отступал назад, движения играющих в прятки замедлялись. Наконец, отступая с быстротою, превышающей скорость света, он видел события в обратном порядке. Вильгельмина сама была увлечена этим «фильмом». Опомившись, она тихо спросила:

— Вы еще здесь?

— Здесь, — со сладким вздохом отвечал Марамбалль.

— Да уходите же, безумный человек!

— Сейчас, только досмотрю самое интересное.

Марамбалль, подвигаясь взад и вперед, нашел момент поцелуя и начал медленно — со скоростью света — отступать к двери. И призрачная пара как будто застыла в поцелуе.

— Изумительно! — сказал он у двери. — А в оперу мы все-таки поедем!

Марамбалль услышал, как Вильгельмина в нетерпении топнула ногой.

— Иду, иду! — И Марамбалль вышел, прикрыв дверь.

На лестнице навстречу ему поднималась тень грозного командора — лейтенанта Блиттерсдорфа. Его рыжие распушенные усы были подняты вверх, как у Вильгельма Второго.

— Фу, проклятое привидение! — выбранился Марамбалль. И он демонстративно прошел сквозь призрак лейтенанта, двинув плечом воображаемого соперника.

Когда Марамбалль ушел, новое беспокойство овладело Вильгельминой. Она знала, сколько опасных неожиданностей таит в себе новый порядок вещей. Вильгельмина тихо подошла к закрытой двери в кабинет отца и тронула ее рукой. Опасение Вильгельмины оправдалось: закрытая дверь была на самом деле открыта. Это, очевидно, проделка лейтенанта. Он мог открыть ее после того, как Вильгельмина вышла. Теперь весь вопрос был в том, дошло ли отражение сцены игры в жмурки до лейтенанта, сидящего в кабинете отца... Вильгельмина зашла сбоку и прикрыла дверь. Подойдя через несколько минут вновь к двери в кабинет, она опять нашла ее открытой. Стать у двери и загородить своим телом видение? Но она не могла «загородить» того отражения, которое уже было впереди нее. В отчаянии девушка ушла в свою комнату и заперлась.

Вильгельмина волновалась не напрасно.

Лейтенант, заподозрив неладное, принял свои меры. Поздоровавшись с Ле-

ером, он поставил кресло против двери и открыл ее. Скоро начала проявляться вся сцена игры в жмурки. Тогда лейтенант заговорил с отцом Вильгельмины о Марамбалле.

— Я, конечно, далек от мысли давать вам советы, господин Леер, — сказал он, — но мне кажется, что посещения вашего дома иностранным корреспондентом, притом французом, не совсем удобная вещь при вашем официальном положении. Притом отношения Марамбалля к фрейлейн Вильгельмине могут вызвать превратные толкования и повредить репутации вашей дочери...

— Мне самому не нравятся эти визиты. Но что же я могу поделать? Шальная девчонка... Будь бы жива ее мать, — со вздохом сказал Леер, — все было бы иначе. Я не сомневаюсь, что их отношения носят вполне невинный характер. Спорт, музыка...

— Вполне невинный? — лейтенант тяжело задышал. — А вот не угодно ли взглянуть в гостиную!

Леер поднялся из-за письменного стола, подошел к двери и воскликнул от изумления.

Они увидели финал игры в прятки. Среди гостиной беззвучная тень Марамбалля целовала призрак Вильгельмины. От ревнивого взора лейтенанта не ускользнуло, что Вильгельмина не очень быстро оторвалась от губ молодого человека, и в ее негодовании не было искренности.

Кровь медленно залила все лицо лейтенанта.

— Я.. убью его! — тихо, но решительно сказал лейтенант. — Вызову на дуэль и убью.

Леер вернулся к столу и, ошеломленный виденным, тяжело опустился в кресло.

— Да, это ужасно... Она обманула мое доверие... Но как же вы будете «драться» с ним на дуэли?

— В открытую или «вслепую» — все равно. На пистолетах. До решительного результата.

— А если он откажется от дуэли?

— Я убью его. Теперь это можно сделать проще, чем раньше.

Разговор не вязался. Лейтенант скоро откланялся и направился к двери.

Вильгельмина слышала, как он шел, и подумала: «Он не простился со мною! Сердится! Конечно, он видел все. Но видел ли отец?»

В ту же минуту послышался голос отца:

— Вильгельмина, иди сюда!

Между отцом и дочерью произошел длинный и чрезвычайно неприятный разговор.

VII. Последнее свидание

Не без волнения вечером подъезжал Марамбалль к дому Вильгельмины. Удалось ли ей скрыть «следы преступления»?

Он позвонил и спросил швейцара, дома ли фрейлейн Вильгельмина.

— Уехали! Не принимают! — сердито ответил швейцар и тотчас же захлопнул дверь.

Марамбалль протяжно свистнул.

— Дело дрянь! «Уехали и не принимают». Это похоже на отказ от дома...

Он все же надеялся встретить Вильгельмину в опере и поехал туда.

Осторожно пробравшись во второй ряд, Марамбалль уселся в кресло и на-

чал осматривать ложи. Но ложа Лееров была пуста. «Может быть, она еще не проявилась?» — не терял Марамбалль надежды, думая о Вильгельмине.

Сосед слева задел его плечом и пробормотал извинение.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Мы все слепые, а слепому трудно не задеть другого, — с французской болтливостью ответил Марамбалль. И в ту же минуту он услышал, как кто-то шепчет ему на ухо:

— Простите! Я хотел только убедиться, вы ли это. Сегодня господин первый секретарь Леер уезжает к министру ровно в десять. А дело номер сто семьдесят четыре будет лежать у него на столе.

— Метакса! Вы как сюда попали?

— Так же, как и вы, — отвечал грек.

В этом действительно не было ничего необычайного: места корреспондентов находились в одном ряду. Метакса, очевидно, только принял меры к тому, чтобы оказаться по соседству с Марамбаллем.

— Послушайте, — сказал Марамбалль, — что вы, наконец, гипнотизируете меня все время делом номер сто семьдесят четыре? Что вам от меня нужно?

— Тс!.. — И, наклонившись к самому уху Марамбалля, Метакса сказал: — Вы же сами знаете, что на этом деле можете заработать. У меня есть свои люди в доме Леера, и я знаю все, что там делается. Но мне труднее обделать это дело, чем вам. Вы свой человек в доме.

Под плавные, торжественные звуки увертюры Метакса продолжал развивать свой план:

— Я сообщил вам об этом деле, я направил вас, и вы заработаете тысячи. Ну, а мне за это дадите только одну тыщонку марок...

Мысль Марамбалля заработала. Метакса прав. На этом деле можно заработать. Да, не вовремя Вильгельмина затеяла игру в жмурки!.. Если бы не этот роковой поцелуй!.. Положение очень осложнилось. Нужно ли давать этому греку за комиссию? Марамбалль постарается добыть секретное дело, но делиться с Метаксой он не намерен.

— Во-первых, вы напрасно стараетесь, господин Метакса, — зашептал Марамбалль в ухо соседа. — Все, что делается в доме Лееров, я знаю не хуже вас. И о деле номер сто семьдесят четыре я узнал гораздо раньше, чем эту «новость» сообщили мне вы. А во-вторых, я больше не собираюсь бывать в доме Лееров.

— Лейтенант не пускает? — язвительно спросил грек, поняв, что Марамбалль увиливает от дележа.

— Это касается только меня, — сухо ответил Марамбалль.

«Какая некультурность!» — возмущался он бестактным вопросом грека, искренне забывая о том, что сам ведет нечистую игру.

Увертюра окончилась. Со сцены уже слышался голос Фауста, а занавес казался еще закрытым. И только когда Мефистофель на зов Фауста отозвался: «И я здесь!» — для первых рядов спектакль начался. Между пением, игрой артистов и оркестром не было никакой связи. Задние ряды увидели открытие занавеса только к антракту первого акта. «А последнее действие галерка будет досматривать, как немую сцену, после окончания оперы... Пропала опера!»

В середине второго акта Марамбалль осторожно вышел и направился к выходу. Оглядываясь назад, он видел как бы повторение действия в обратном порядке. Но это уже не интересовало его.

Он вернулся к себе и позвонил по телефону Вильгельмине.

Она оказалась дома, но разговор с нею не доставил ему особого удовольствия.

— Отец и лейтенант видели все, — говорила она. — Мне пришлось выдержать очень неприятную сцену с отцом. И было бы лучше, господин Марамбалль, — ее голос дрогнул, — если бы вы не показывались в наш дом по крайней мере некоторое время, пока все не уляжется.

Она не имела решимости отказать ему сразу.

Марамбалль был в полном душевном смятении, выслушав из ее уст этот приговор.

Отказ в такой момент, когда ему, как никогда раньше, нужно было быть в доме Лееров! Завтра будет уже поздно. Дело номер 174 будет погребено в стальном сейфе, или же оно достанется в руки какого-нибудь Метаксы. Медлить нельзя. Душу Марамбалля одновременно обуревали и другие чувства. Поцелуй острой отравой проник в его сердце, а в голосе Вильгельмины, говорившей по телефону, ему чудилась печаль. Быть может, она любит его? В эту минуту ему казалось, что и он также безумно любит ее. И с неожиданной для самого себя страстью он начал умолять ее принять его в последний раз, «чтобы проститься навеки».

В спортсменском сердце Вильгельмины, вероятно, были оборваны еще не все струны сентиментализма. Искренний тон Марамбалля, видимо, тронул ее. Она колебалась, а он, вздыхая и охая в телефонную трубку, поддавал жару.

— Только взглянуть... В последний раз!

— Но отец приказал швейцару не принимать вас, — в отчаянье призналась она.

— О, это ничего не значит! — оживился Марамбалль. — Я пройду со стороны сада, вы откроете мне дверь...

— Но в саду сторожа; вы знаете, теперь везде усиленная охрана.

— Сторожа, наверно, не отдан приказ не пускать меня; наконец, я сумею пробраться мимо них... Только взглянуть!..

— Ну, хорошо. Но приходите скорее, пока отец не вернулся.

Марамбалль бросил трубку и завертелся по комнате, ища разбросанные шляпу и перчатки.

«Бог всемогущий, бог любви! Ты услышь мою мольбу!..» — пропел Марамбалль и бросился по коридору, едва не сбив с ног фрау Нейкирх.

Марамбалль благополучно проскользнул мимо сторожей и незаметно вошел в дом. Он пробрался в гостиную и остановился, едва слышно кашлянув.

— Я здесь, — тихо ответила Вильгельмина, — у рояля.

Марамбалль сделал несколько шагов и вновь остановился в нерешительности. Он так спешил, что не обдумал плана действий. Изобразить ли ему безутешного влюбленного или же, пользуясь случаем, пробраться в кабинет, похитить дело и бежать. Женщина или деньги? Несколько секунд он переживал сильнейшую борьбу. Но в конце концов он решил, что Вильгельмина все равно потеряна для него, и потому надо покончить с делом номер 174.

Но, даже решившись на это, он все же не мог поступить слишком вероломно по отношению к Вильгельмине. Да это было бы и неосторожно.

«Обидеть женщину не только некрасиво, но и опасно. Женщины умеют мстить». И Марамбалль выбрал средний путь. Он метнулся в кабинет, нагнул-



ся над освещенным столом, нашел дело номер 174, сунул его под жилет и выбежал в гостиную. Все это заняло не больше полминуты.

— Да где же вы? — спросил он несколько громче.

— Здесь, — тихо отвечала Вильгельмина.

— А мне почудилось, что вы говорите из кабинета, и я прошел туда. Вы не можете себе представить, как я сожалею о том, что случилось!.. Нет, не так. Я в восторге от того, что случилось, но сожалею о том, что наша шалость обнаружена... Я... — Он хотел сказать «я люблю вас», но, почувствовав, что папка с делом готова выскользнуть из-под жилета, положил руку несколько ниже сердца и, прижимая жилет, продолжал: — Я всегда буду помнить о вас... — «А вдруг она скажет, что любит меня?» — в ужасе подумал Марамбалль. «Нет, сейчас не время распускаться». И, найдя ее руку, Марамбалль почтительно поцеловал кончики холодных пальцев.

— Прощайте, Вильгельмина!

Девушка сделала движение и вздохнула. Быть может, она была недовольна его слишком примерным поведением и почтительностью?.. Опасаясь проявления ее нежных чувств, которые могли задержать его и сыграть роковую роль, Марамбалль тяжело вздохнул, отошел от Вильгельмины и, прошептав еще раз: «Прощайте!», побежал к двери.

Он ликовал. Наконец-то на его груди покоилась сенсация, которая поразит мир и даст ему возможность широко пожить! Его карьера ловкого журналиста будет обеспечена.

VIII. Погоня

Марамбалль так размечтался, что забыл о всякой осторожности и, пробегая садовую дорожку, с разбегу налетел на кого-то. Он упал на землю вместе с неизвестным человеком.

— Стой! Кто это? — послышался голос сторожа.

Марамбалль, прижимая левой рукой драгоценную папку, попытался подняться, закрывая правой рукой свое лицо: он не забывал о проявлении. К счастью для него, в саду было темно. Сторож ухватил Марамбалля за ногу и звал на помощь. Марамбаллю удалось ударом другой ноги сбить руку, державшую его за ногу. Он поднялся и побежал.

Поднялась суматоха. Слышались тревожные свистки, крики, отовсюду бежали люди. Марамбалль бросился к воротам сада, сбил с ног еще одного сторожа и выбежал на улицу, продолжая прикрывать свободной рукой лицо. Через несколько минут его фигура проявится, и преследователи побегут за призраком. Теперь они могли гнаться только вслепую, за топотом убегающих ног. Марамбаллю надо было «замести следы», пробежав какое-нибудь темное про-

странство. Он решил направиться в близлежащий Тиргартен. Выбежав на тротуар, Марамбалль врезался в уличную толпу, двигавшуюся ему навстречу, и вопреки всем правилам уличного движения помчался вперед, сбивая прохожих. Он нагнул голову и, как разрушительный таран, пробивался сквозь толпу, оставляя позади себя крики, стоны, вопли и проклятия. Упавшие люди служили ему заграждением, задерживающим его преследователей. Это облегчало положение Марамбалля, но, с другой стороны, ему не выгодно было оставлять за собой такой «шумовой хвост», который давал преследователям легкую ориентировку.

В полумраке сада в это время проявилось очертание его фигуры, и подоспевшие полицейские бросились по горячим следам, преследуя призрак бегущего человека. Они не могли определить во время преследования, имеют ли дело еще с призраком или уже с живым человеком, и потому все время принуждены были схватывать воображаемого преступника, но их руки разрезали пустое пространство. Несколько раз, впрочем, им удалось кого-то поймать. Часть преследователей останавливалась с задержанными призраками в ожидании их проявления; но полицейских ждало разочарование: первым из задержанных проявился глубокий старик, вторым — пастор. Только двоих молодых людей отвели в участок для обыска и выяснения личности. Все это очень затрудняло погоню, но она не прекращалась.

Скоро Марамбалль услышал характерный звук сирены. Это был уже всем известный сигнал полиции, преследующей преступника. По звуку сирены уличное движение на тротуарах приостанавливалось. Прохожие прижимались к стенам домов, чтобы освободить путь для быстро следующего отряда полиции.

Марамбалль пересек улицу, добежал по свободному от толпы тротуару до угла и свернул. Здесь уличное движение еще не прекращалось. У самого тротуара, один за другим двигались автомобили. Марамбалль, прислушиваясь к их движению, выбрал ближайший, вспрыгнул на подножку автомобиля и ввалился в кузов. В автомобиле слышались испуганные женские голоса.

— Тысячу извинений, — сказал Марамбалль, убедившись, что голоса не принадлежат знакомым. — Я едва не попал под ваш автомобиль и принужден был вскочить в него.

Такие случаи действительно бывали, и в автомобиле, услышав любезный, извиняющийся голос Марамбалля, успокоились.

Когда автомобиль поравнялся с Тиргартеном, Марамбалль бесшумно спрыгнул и побежал по траве, минуя освещенные дорожки, в полумрак деревьев. Он делал петли, как заяц, и одно освещенное место пробежал даже задом наперед, чтобы сбить своих преследователей.

Голоса погони отставали, но Марамбалль продолжал кружить по парку. Он пробежал всю левую сторону Тиргартена до Зоологического сада. В совершенно темном уголке он неожиданно налетел на мирно сидящую парочку. Марамбалль подошел сзади к сидящему молодому человеку и, прежде чем тот успел что-либо сообразить, снял с его головы шляпу-котелок и надел ему свою клетчатую кепку: его кепка проявилась и уже должна быть известна преследователям.

Затем он исчез в густых тенях деревьев, пролез под пустующим ресторанным киоском, вышел из сада и кружным путем отправился на противополож-

ную сторону Берлина — в Трептов-парк.

Побродив по темным уголкам этого парка, он, наконец, решил, что окончательно замел следы. Но все же из осторожности он не решился вернуться домой с драгоценной папкой. Если только кому-нибудь из преследователей удалось узнать его, полиция, наверно, нагрянет с обыском. Куда спрятать на время дело номер 174? Лайль! Лучшего не придумать. Лайлю на лето предоставил свою комнату его знакомый, служащий в английском посольстве. Правда, здание посольства находилось в конце Унтер-ден-Линден, рядом с Тиргартеном, совсем недалеко от места преступления Марамбалля. Но зато экстерриториальность посольства была лучшей охраной от вторжения полиции. Согласится ли, однако, Лайль взять на хранение такой документ? Можно обойтись и без его согласия! И, когда Марамбалль подъезжал к зданию посольства, у него уже был готовый план.

IX. Поздний визит

Марамбалля знали в посольстве, он не раз бывал у Лайля; и ему без особого труда удалось проникнуть на «английскую территорию».

Лайль был дома.

Марамбалль приготовился к быстрым действиям. Перед тем как позвонить, он вынул папку и заложил руку с нею за спину. Как только Лайль открыл дверь, Марамбалль, повернувшись, направился к кровати, отвернул матрац и сунул туда свое сокровище. Все это было сделано с таким расчетом, чтобы Лайль не заметил подкинутого дела, когда сцена появления Марамбалля проявится. «Под матрацем папка может пролежать благополучно несколько дней. А когда все уляжется, я таким же манером извлеку ее оттуда», — думал Марамбалль.

Засунув папку, он уселся на край кровати.

— Уф, ужасно устал! — сказал Марамбалль, прислоняясь к спинке кровати.

— Да вы куда уселись? — услышал он голос Лайля. — На кровать? Садитесь вот сюда, на кресло.

— Благодарю вас, дайте отдышаться. Я предпочитаю садиться на кровать. Эти кресла теперь предательская штука. Никогда не знаешь, стоят они на месте или нет. Я уже не раз падал, садясь в воображаемое кресло. А кровать всегда стоит на одном месте. Кровать надежная штука, — любовно похлопал Марамбалль по тому месту, где лежала заветная папка.

Где-то на башенных часах пробило полночь.

Лайль выжидательно молчал.

Надо было придумать повод неожиданного визита.

— Я так взволнован, что не мог сидеть дома, — сказал Марамбалль, — и пришел к вам поделиться своими опасениями. Сейчас я был в астрономическом обществе. Один астроном делал доклад. Он предсказывает, что скорость света замедлится еще больше. Свет будет проходить один метр в двенадцать часов три секунды! Представляете себе, что это будет? Всю ночь по улицам и в учреждениях будут бесшумно толкаться дневные тени, а днем Берлин будет казаться пустыней... Электричество надо будет зажигать рано утром, чтобы оно горело вечером, а гасить днем. Представьте, что будет делаться в рейхстаге по ночам! Освещенный зал, и призраки политических деятелей, вершащих судьбы миллионов... Нам, корреспондентам, днем придется слушать, а ночами снимать эти призраки. Или, скажем, банк. Как вы получите деньги, если кас-

сир увидит вас и ваши документы только через несколько часов? И как убедиться, что вы получили действительно деньги, а не старые номера «Берлинер тагеблатт»? А промышленность? Она приостановится совершенно. Мы как бы ослепнем. Весь мир ослепнет. Это будет катастрофа, гибель, конец, смерть...

Марамбалль так увлекся, что сам себя напугал этими страшными картинками. Но, повернувшись на кровати, он вспомнил о драгоценной папке и, чтобы еще больше отвлечь внимание Лайля от настоящего, патетически закончил:

— Как ничтожны кажутся при свете — вернее говоря, при умирающем свете — все «великие» дела, хитроумные дипломатические соглашения и тайные договоры! Прах! Тлен!

Лайль, как истый англичанин, выслушал спокойно, не прерывая своего гостя. Только клубы дыма неразлучной трубки как будто стали гуще.

— Какой астроном говорил это? — спросил Лайль.

— Да этот, как его, вот на языке так и вертится. Не то Шварцброт, не то Буттерброт, никак не запомню эти немецкие фамилии.

— Странно, — процедил Лайль.

— Это скрывают, чтобы не волновать публику.

— Странно, я тоже был на заседании астрономического общества, — продолжал Лайль.

«Носит этого долговязого англичанина куда не надо!» — с досадой подумал Марамбалль.

— И все ученые единогласно утверждали, что, по их наблюдениям, скорость света за истекшие сутки возросла еще на четыре секунды на метр.

— Вот и поймите этих ученых! — широко развел руками Марамбалль. Он старался казаться равнодушным, но в душе эта новость, которой он еще не знал, чрезвычайно обрадовала его. «Тленная папка», на которой он сидел, увеличивала свою ценность с каждой секундой ускорения света и возвращения к нормальной жизни.

Опасаясь дальнейших вопросов Лайля о заседании астрономического общества, Марамбалль поспешил переменить тему.

— Вы меня утешили. А то, представьте, сижу в опере. Валентин поет «Бог всемогущий, бог любви», а на сцене в это время Мефистофель занимается еще омоложением Фауста. Однако мне пора.

Поправив незаметно матрац, Марамбалль распрощался и ушел, нимало не заботясь о том, что он подвергает друга серьезной опасности, скрывая в его комнате украденный документ.

Х. Пропавшие документы

Вильгельмина слышала шум в саду, возникший после ухода Марамбалля, но она поняла это по-своему. Марамбалль, очевидно, не захотел назвать себя, чтобы не скомпрометировать ее еще раз своим тайным визитом.

«Да, он благороден, — думала девушка, покачиваясь на качалке. — И как удивительно он был сдержан со мною!.. Неужели он любит меня?..»

В душе Вильгельмины, чемпиона различных видов спорта, девушки с коротко стриженными волосами и юбкой, едва прикрывавшей колени, начали просыпаться уснувшие, казалось, навеки чувства ее сентиментальных бабушек и прабабушек, носивших парики и кринолины.

Тайное свидание... Несчастный любовник... Суровый отец... Соперник... Все

элементы романа!

«Отец, конечно, не согласился бы на наш брак. Ну что же, тем лучше. Я бежала бы с Луи, как моя прабабушка Каролина бежала с прадедушкой... Ницца, Сорренто, Алжир...»

Мечты девушки были прерваны топотом ног. Она почти с неприязнью встретила это вторжение двадцатого века в ее фантастический мир минувшей романтики, в особенности когда узнала характерное прихрамывание лейтенанта.

Вильгельмина знала, что на нее опять будет сделано «нападение». После рокового поцелуя отец долго и скучно проповедовал ей о морали, о правилах хорошего тона, о своем служебном положении, об ее обязанностях к нему, об ее легкомыслии и в заключение заявил, что он успокоится только тогда, когда она выйдет, наконец, замуж за лейтенанта.

«Лучшего мужа не найти. Он еще не стар, на отличном счету у начальства, имеет прекрасные связи, личный друг кронпринца... — Отец понизил голос, хотя они были одни в кабинете, и продолжал: — Республика не долговечна. Немецкий народ на стороне монархии. Германия должна стать вновь империей. Это неизбежно. И ты должна понимать, какие перспективы откроются тогда перед бароном Блиттерсдорфом!.. Ты должна быть благодарна, что он не отказался от своего предложения после всего, что произошло. Но он настаивал на том, чтобы бракосочетание было совершено возможно скорее, и я вполне понимаю его».

Тогда Вильгельмина ничего не ответила и молча ушла в свою комнату: она была слишком горда, чтобы оправдываться и принять «великодушные» лейтенанта. А отец еще долго убеждал ее «призрак», прежде чем убедился, что его дочери давно нет в кабинете.

И вот теперь они идут, идут за ответом... Они уже поднялись по лестнице. Слышались голоса отца и лейтенанта. Вильгельмина хотела убежать в свою комнату, но, вспомнив, что это бегство будет обнаружено, осталась сидеть.

— Вы это или ваш призрак, фрейлейн Вильгельмина? — услышала она голос вошедшего в гостиную лейтенанта.

— Призрак, — ответила она. — Призрак прабабушки Каролины. Разве вы не видите буклей и кринолина?

Вильгельмина, как все женщины ее круга, отлично умела скрывать свои чувства под маской внешней непринужденности: умение лгать считалось высшим проявлением воспитанности в том мире, в котором она жила.

Лейтенант, напрягая свой тяжеловесный ум, старался быть остроумным. Они начали весело болтать, в то время как отец Вильгельмины прошел в свой кабинет.

— Вильгельмина, ты не трогала бумаг на моем столе? — вдруг послышался тревожный голос Леера.

— Нет, я не входила в кабинет, — ответила она.

— Странно, — ворчал Леер, хлопая ладонями по сукну стола. Потом он вышел из кабинета и дрожащим голосом сказал: — У меня со стола пропали папки с документами... Очень важные, секретные документы...

— Ты просто не можешь найти их, — ответила Вильгельмина спокойно, хотя в ее душе шевельнулось какое-то смутное, еще не оформившееся, но неприятное ощущение.

— Пойдем поможем ему искать, — сказала она.

Все трое принялись шарить, но на столе папок не было.

— Может быть, ты спрятал дела в шкаф? — спросила Вильгельмина.

— Да нет же, — раздраженно ответил ее отец. — Бумаги лежали вот здесь, с краю, в желтых папках. У нас в доме никого не было посторонних?

У Вильгельмины перехватило дыхание. «Марамбалль! Неужели?.. Он заходил в кабинет, ушел так поспешно, бежал от стражи... Это мог сделать только он...»

Никогда еще Марамбалль не был так близок к катастрофе, как в этот момент. Назови Вильгельмина его имя — и все выгодное предприятие с делом номер 174 рухнуло бы, а он оказался бы в тюрьме. Но, на его счастье, в душе Вильгельмины еще не замолкли голоса ее романтических бабушек и она ответила «нет», прежде чем осознала все вероломство «несчастливого любовника». Сказанное слово связало ее. Но не успела она вымолвить «нет», как в ее душе поднялась целая буря негодования. Марамбалль обманул ее, как провинциальную дурочку! Разыгрывая несчастного любовника, он использовал ее доверие для самых низменных целей... И она вновь начала колебаться, не выдать ли Марамбалля.

А Леер уже звонил, созывая слуг. Он узнал о преследовании неизвестного в саду, который мог, очевидно, проникнуть в дом только через дверь сада. Но кто открыл ему? Это осталось невыясненным. Звонил телефон, суетились слуги. Из полицейского управления сообщили, что преступнику удалось скрыться. Вильгельмина не знала, радоваться ей этому или печалиться. Она была так зла на Марамбалля, что обрадовалась бы, если бы его поймали. Но, с другой стороны, это открыло бы ее невольное соучастие. Конечно, никто не заподозрил бы ее в сознательной помощи преступнику. Но какой позор, какой стыд быть так обманутой!

Волнение Вильгельмины дошло до крайнего предела. Оскорбленная женская гордость бушевала в ней, ежеминутно готовая прорваться наружу. И когда отец сказал трагическим голосом: «Неужели в моем доме есть предатели?» — она не выдержала:

— Отец, мне нужно поговорить с тобой.

Но в этот самый момент в комнату вошел новый свидетель — повар, который пожелал сообщить важные показания.

— Говорите, — нетерпеливо сказал Леер.

— К нам в кухню, — начал повар свое повествование, — нередко заходил какой-то грек, торгующий шелковыми материями. Он продавал их очень дешево. Моя жена, и судомойка, и жена швейцара очень охотно покупали шелковые ткани. Этот грек заходил и сегодня вечером. Когда он поставил на пол свою корзину и разложил ткани, женщины начали выбирать шелка. Это продолжалось несколько минут. Вдруг электричество погасло. Это случилось не раз в последнее время, и потому мы не обратили особого внимания. Жена швейцара только посмеялась, что свет погас так не вовремя... Я попробовал повернуть выключатель, и через несколько минут свет загорелся вновь; грека на кухне уже не было, а корзина с шелками и сейчас стоит. Мы думали, что грек вышел во двор и вернется, но он так и не вернулся.

— Почему же вы не сказали мне обо всем этом раньше?

— Мы только что узнали о пропаже бумаг, ваше превосходительство. А о

греке мы не беспокоились: грек не подарит корзину шелка.

— Вы можете идти, Карл. — И когда повар ушел, Леер сказал: — Да, это очень возможно. Из кухни ход ведет в столовую, а из столовой — в кабинет. Преступник мог незаметно погасить электричество в кухне, пробраться сюда, похитить документы и уйти незамеченным. У преступника было достаточно времени. Но что же тогда значит шум в саду? Кто был там?

— Тот же преступник-грек, — высказал предположение лейтенант. — Он мог попытаться пройти через сад и выйти на Будапештштрассе, но, очевидно, наскочил на сторожа, который и поднял тревогу.

— А может быть, это был один из сообщников, — сказал Леер. — Я попрошу вас, господин лейтенант, съездить к начальнику полиции и передать ему мою просьбу мобилизовать для поисков преступника все свободные силы. Дело большой государственной важности.

Барон по-военному щелкнул каблуками и, наскоро простившись, ушел. Когда его ковыляющие шаги замолкли, Леер устало уселся в кресло.

— Ты мне хотела что-то сказать, Вильгельмина?

— Да... — Она хотела признаться в том, что в доме был Марамбалль. Но рассказ повара поколебал ее уверенность в том, что Марамбалль похитил документ. И она не призналась отцу о тайном визите Марамбалля. Быть может, еще немного времени спустя она и вообще ничего значительного не сказала бы. Но буря негодования еще не улеглась в ее душе. Оскорбленная гордость требовала мести.

— Отец, я согласна принять предложение господина лейтенанта.

С романтическим духом прабабушки Каролины было покончено.

XI. Тревожная ночь

Марамбалль провел тревожную ночь. Раздумывая над событиями минувшего дня, он пришел к выводу, что опасность еще не миновала для него. Правда, ему удалось замести следы. Но не все прошло так гладко, как ему хотелось бы. Его бегство должно было взбудоражить весь дом. Исчезновение дела, вероятно, уже обнаружено, и для Вильгельмины станет ясною целью его «последнего свидания». И тогда... тогда она, конечно, выдаст его. Марамбалль с минуты на минуту ожидал вторжения полиции. Хорошо еще, что ему удалось припрятать похищенные документы в надежном месте. Марамбалль не раздевался в эту ночь. Он тихо ходил по комнате, прислушиваясь к звукам в коридоре. Он обдумывал план бегства. Одно окно его комнаты выходило на улицу, другое — в небольшой сад. Это последнее окно он и избрал как путь отступления.

Марамбалль открыл окно в сад. Ночь была душная. На темно-лиловом небе светила оранжевая луна, как китайский фонарь, привешенный над сизым трехэтажным домом. От времени до времени слышался гром. Приближалась гроза. Обострившийся слух Марамбалля уловил какие-то шорохи в саду под окном.

«Неужели это засада?» — с тревогой подумал он.

Страшный удар грома вдруг потряс весь дом, хотя на небе не было видно ни одного облачка, и в ту же минуту послышался шум дождя. Странно было слышать этот шум, не видя ни дождя, ни тучи над головой. Шумел ветер, а деревья в саду, казалось, стояли недвижимыми: ни один лист не колыхался.

Когда раздался удар грома и зашумел дождь, в кустах под окном послышал-

ся шорох и как будто приглушенные голоса.

Дождь прекратился так же внезапно, как и начался. И в наступившей тишине Марамбалль отчетливо услышал чьи-то приближающиеся по коридору осторожные шаги. Шаги остановились у его двери. Кто-то тихо постучал.

У Марамбалля перехватило дыхание.

«Полиция!»

Для Марамбалля выхода не было. Под окном была засада, в коридоре — отряд полиции; он не сомневался в этом. Но в саду он имел больше шансов избежать врагов, чем в узком коридоре.

Марамбалль быстро выпрыгнул из окна и упал на чьи-то широкие плечи. В то же время он услышал женский крик и узнал голос почтенной вдовы Нейкирх.

— Что это? Кто это? Что с вами? — послышался второй, мужской голос, принадлежавший, без сомнения, тромбонисту, который занимал соседний с Марамбаллем номер. Тромбонист и Нейкирх, очевидно, вышли в сад подышать вечерней прохладой.

Марамбалль соскользнул с могучих плеч Нейкирх и, гонимый ужасом, побежал в Тиргартен.

Здесь царила бесшумная буря. Ветра не было, но деревья гнулись как будто под напором страшного урагана; листья трепетали, и с них стекали ручьи; желтые молнии бороздили тучи. Дождь лил как из ведра, но это был призрачный дождь — на Марамбалля не падало ни капли.

Ночная свежесть успокоила Марамбалля и привела в порядок его мысли. В саду перед его окном, во всяком случае, не было засады. Но кто же стучался в его дверь?

Всю ночь Марамбалль бродил по аллеям парка и только на заре решил вернуться домой.

— Вы уходили? — спросил удивленный швейцар, открывая ему дверь.

— Да, — ответил Марамбалль. — Ко мне никто не приходил?

— Ночью приходил какой-то человек. Я не пускал его, но он ответил, что пришел по очень срочному и важному делу и что вы сами ждете его.

— Вы не заметили его внешности после проявления?

— Шляпа была надвинута на его глаза, воротник приподнят. У него как будто была черная борода, а говорил он с иностранным акцентом.

«Кто бы это мог быть?» — думал Марамбалль, осторожно пробираясь по коридору. Ночные страхи прошли, но все же он еще не успокоился окончательно.

— Доброе утро, фрау Нейкирх, — приветствовал Марамбалль шумное дыхание хозяйки.

— Доброе утро, — сердито ответила она, хлопнув дверью. Марамбалль осторожно вошел в свою комнату. Там никого не было.

XII. «Звуковая драма»

В рейхстаге только что окончилось заседание, на котором обсуждались положение промышленности и мероприятия правительства. Целый ряд министров выступил с докладами. По их сообщениям, в фабрично-заводской промышленности положение было не так уж плохо, как можно было ожидать. Успешно шла реконструкция машин применительно к «слепому» методу работ. Широко использован был хронометраж; установлены были «нормы вре-

мени» для тех или иных процессов, введены часы с колокольчиками, отбивающими не только минуты, но даже в некоторых случаях четверть минуты.

Разумеется, это официальное благополучие не совпадало с действительным положением вещей, которое было далеко не блестящим, но катастрофическим его действительно нельзя было назвать.

Сверх ожидания наиболее угрожающим оказалось положение сельского хозяйства. Даже выступавший министр не мог не высказать самых серьезных опасений.

— Длительность инсоляций[82] не уменьшилась, — докладывал министр, — хотя восход и заход солнца и не соответствуют теперь действительному положению солнца: мы видим взошедшее солнце лишь после того, как его лучи проявятся — как теперь говорят, — то есть дойдут до поверхности земли и нашего зрения. Но это компенсируется тем, что солнце продолжает светить еще некоторое время после его фактического захода. Наше несчастье, однако, в том, что благодаря замедлению в прохождении света в единицу времени на поверхность земли падает меньшее количество света. Он сделался как бы разреженным. Благодаря замедлению света мы могли наблюдать, что некоторые цвета как бы исчезли, другие изменились; наконец, появились новые цвета или их сочетания. Это также не могло не оказать действия на произрастание зерновых хлебов и технических растений. Некоторые из них, например лен, под влиянием, очевидно, ультрафиолетовых лучей начали расти необыкновенно быстро и высоко, не успевая, однако, окрепнуть, — как анемичные, слабосильные дети. Вообще же созревание злаков чрезвычайно замедлилось. Однако для паники не должно быть места. Мы выйдем из затруднения. Наши химики и ученые агрономы усиленно работают над изысканием средств к скорейшему созреванию растений. Отопление корней, электрификация почвы, новые химические удобрения идут на помощь земле. И за урожай следующего года мы можем быть почти спокойны. Весь вопрос в том, удастся ли нам спасти хлеба, стоящие на корню, — спасти урожай текущего года. Будем надеяться, что удастся. Эту надежду мы возлагаем не только на нашу науку. Обнадеживающее и радостное сообщение я приберег к концу. Наблюдения над светом, произведенные сегодняшним утром, показали, что скорость света возросла еще на четыре секунды.

На скамьях правых депутатов раздались аплодисменты.

— Выразить министру благодарность за прибавку четырех секунд, — слышался чей-то иронический голос слева.

— Теперь обедать, — толкнул Марамбалль Лайля.

И они отправились в Тиргартен в сопровождении Метаксы, который заявил, что имеет сообщить им важную новость.

— У вас всегда новости, — смеясь, сказал Марамбалль.

Когда корреспонденты подошли к своему обычному месту под старой, ветвистой липой и рассаживались у круглого мраморного столика, из-за угла киоска слышались чьи-то шаги, и вдруг Марамбалль услышал голос лейтенанта:

— Господин Марамбалль! Вы нанесли оскорбление известному лицу, честь которого я считаю своим долгом защищать. Угодно вам будет дать мне удовлетворение?

— Дуэль? В двадцатом веке? Какой анахронизм! — несколько принужденно

расхохотался Марамбалль. — Я никому не наносил оскорбления и не могу признать вашего права на защиту «угнетенных».

— Так я заставляю вас признать это право и принять мой вызов!

За этим последовала звуковая драма.

Кто-то кого-то ударил. Послышалось падение тела и неистовый вопль. Новые удары, новое падение, чье-то глухое ворчанье.

— Хорошо же! — слышался угрожающий голос лейтенанта, и затем он удалился.

Публика, сидящая за соседними столиками, и случайные прохожие с нетерпением ожидали начала «сеанса». И когда место побоища начало проявляться, отовсюду раздавался дружный смех.

Все увидели, как Марамбалль, разговаривавший с лейтенантом, неожиданно отступил в сторону и тяжелые удары посыпались на Метаксу. Метакса, открыв рот, из которого несколько минут тому назад раздавались вопли, с насмерть перепуганным лицом упал на землю. Вслед за этим Лайль, не выпуская трубки изо рта, наклонил голову, прислушиваясь, очевидно, к дыханию нападавшего, и вдруг, по всем правилам бокса, отпустил в челюсть лейтенанта короткий, но тяжелый удар, сбивший лейтенанта с ног. Если бы Лайль даже видел лейтенанта в момент удара, он не сумел бы сделать лучшего выпада.

Марамбалль был поражен. Он никак не ожидал от «ледяного» Лайля такой быстроты действия.

— Но вы-то почему вмешались в драку? — спросил Марамбалль Лайля.

— Я тоже защищал «угнетенного», — ответил он, пуская клубы дыма. — Теперь если этот господин захочет драться, ему придется иметь дело с тремя: с вами, Марамбалль, — потому, что он на вас за что-то сердит, с Метаксой — потому, что он побил его, и со мной — потому, что я побил его. И я не откажусь померяться с ним силами! Но я не признаю другого оружия, кроме кулаков.

Удивительно! Бокс так оживил Лайля, что он сделался даже разговорчивым.

— Но кто этот налетевший на нас петух? — спросил Лайль.

— Я знаю! — отозвался всеведущий Метакса. Но Марамбалль остановил его.

— Тсс!.. Не надо раздувать этой истории. Полицейский может подойти незаметно. Вы что-то хотели рассказать нам, господин Метакса?

— Да, но, пожалуй, вы правы. Мы поговорим с вами в другом месте. Скандал может привлечь любопытных, желающих узнать причину ссоры, а то, что я хочу сообщить вам, не нуждается в посторонних свидетелях.

И, поговорив о судьбе урожая, собеседники разошлись.

В тот же день вечером Марамбалль сидел у себя в номере за письменным столом и писал «вслепую» крупными буквами очередную корреспонденцию, когда вдруг услышал знакомую ковыляющую походку лейтенанта, шедшего по коридору. Лейтенант, видимо, старался не обнаружить своего прихрамывания и шел медленно, но чуткое ухо Марамбалля уловило припадающий шаг одной ноги. Марамбалль сразу понял положение. Ревнивый соперник пришел свести с ним счеты! Встретить врага лицом к лицу? Но лейтенант был сильнее его и мог иметь при себе оружие. Бежать? Окно было закрыто, а лейтенант уже подходил к двери, которая была не заперта.

Марамбалль вдруг соскользнул с кресла и скрылся под письменным столом. В то же время дверь открылась без предупреждения, вошел лейтенант и

осмотрел комнату. Он увидел Марамбалля, сидящего за письменным столом и углубленного в работу. Но был ли это настоящий Марамбалль или призрак? Лейтенант строил свой расчет на внезапности нападения. Он вынул револьвер и два раза выстрелил, целясь в голову Марамбалля. Марамбалль, видимый лейтенанту, не шевельнулся и продолжал писать. Это было в порядке вещей. Лейтенант теперь не столько смотрел, сколько слушал, чтобы угадать по звукам, какие последствия произвели его выстрелы. И он был вполне удовлетворен: у стола послышался короткий стон и слабый шум, который мог быть произведен только падающим телом Марамбалля.

Дело сделано. Лейтенант спокойно вышел из коридора и благополучно выбрался на улицу.

Шум револьверных выстрелов привлек внимание соседей. В номер постучалась фрау Нейкирх.

— Что у вас здесь случилось, господин Марамбалль?

Если бы не похищенное дело, Марамбалль охотно пригласил бы свидетелей и попросил бы их остаться до проявления сцены покушения на его жизнь. Но теперь Марамбалль считал более безопасным не поднимать шума и не привлекать к себе общественного внимания. Решающим, однако, было даже не это, а боязнь показаться перед свидетелями смешным трусом, прячущимся под стол. Когда Марамбалль представил себе картину проявления этого позорного отступления, то твердо решил скрыть истинный смысл происшествия.

— Ничего особенного, фрау Нейкирх, не случилось, — ответил он. — Ко мне заходил приятель, я показывал ему свой револьвер и, разряжая, нечаянно сделал два выстрела.

— Теперь надо быть очень осторожным с подобными вещами, — наставительно сказала фрау Нейкирх. — И я очень просила бы вас не делать этого больше в моем доме.

— О, не беспокойтесь, фрау Нейкирх, это были последние патроны.

XIII. Черная полумаска

Несмотря на «светопреставление», свадьбу барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер отпраздновали очень торжественно.

Но это торжество было испорчено странным и крайне неприятным для жениха происшествием.

Молодые вернулись домой из-под венца, и к ним начали подходить с поздравлениями, и вдруг все услышали, как невеста вскрикнула и в толпе гостей произошло замешательство.

Когда этот момент проявился, присутствовавшие были изумлены неслышанной наглостью: какой-то молодой человек в черной полумаске подошел к невесте и, довольно бесцеремонно обняв ее, крепко поцеловал в губы. Потом он разыскал руку жениха и вложил в нее какой-то пакет. Сделав широкий жест, неизвестный удалился.

Жених, увидя вместе со всеми эту сцену, был так взбешен, что забыл обо всем на свете и бросился на призрак, сбив с ног стоявшего на этом месте старичка советника. Проявилась и эта картина, заставившая многих гостей невольно улыбнуться, несмотря на всю их выдержку. Все делали вид, что они ничего не видели; гостей попросили за стол, и торжество пошло своим чередом. Слышались поздравления, но они звучали как насмешка; пили тосты, принужденно смеялись вслух и искренне — в салфетку. Лейтенант, не забы-

вая о проявлении, вынужденно улыбался и старался казаться непринужденным, но не мог согнать со своего лба тяжелых морщин, а углы его рта судорожно подергивались.

— Не правда ли, он похож на покойника, присутствующего на своих похоронах? — шептали злые языки, указывая на растерянное, но широко улыбающееся лицо лейтенанта.

Всех интересовал пакет, полученный женихом от неизвестного, и больше всех — самого лейтенанта. Его нетерпение было так велико, что по окончании обеда он прошел в зимний сад и, разорвав пакет, вынул содержимое, посмотрел, поднеся к самым глазам, и вдруг быстро спрятал.

— Что содержится в пакете, который вы получили от неизвестного? — услышал лейтенант голос Леера.

Лейтенант вздрогнул от неожиданности.

— В пакете? Ничего. Пустяки. Шалость, — ответил он умышленно громко, чтобы его слышали. — Представьте, это была шутка моего брата. Не совсем удачная шутка, надо сознаться, но он всегда отличался легкомыслием и эксцентричностью.

— Ваш брат? Я ничего не слышал о том, что у вас есть брат, — удивленно сказал Леер. — И почему же ваш брат не снял маски и не остался?..

Леер почувствовал, как лейтенант пожал ему руку. Леер понял этот жест и замолчал.

— Мой брат путешествовал в Африке и только что вернулся. Завтра он, вероятно, сделает нам визит...

Легенда о брате распространилась между гостями, но ей мало верили.

XIV. Конец «светопреставления»

Марамбалль проснулся, открыл глаза и невольно прищурился от непривычного яркого света. Повернув голову к окну, Марамбалль увидел между двумя высокими домами полосу голубого неба.

Он быстро вскочил с кровати и замахал руками. Марамбалль видел руки в момент их движения! Схватив кресло, он поставил его на середину комнаты. И он видел его там, куда перенес. В мире больше не было двойников и призраков! Световые отображения вещей слились с самими вещами. Сомнений быть не могло: свет приобрел свою обычную скорость. Может быть, она была еще несколько и меньше трехсот тысяч километров в секунду, но это могло интересовать только астрономов. Для практической жизни, в пределах земных явлений, разница в какие-нибудь четыре километра, даже в несколько десятков километров была совершенно неощутима.

Марамбалля охватила безумная радость, как будто он вернулся из мрачной страны теней на родную землю — в сияющий мир реальных вещей, голубого неба, зеленых деревьев.

Он весело запел, закружился по комнате. И эту радостную песнь возвращения к жизни подхватили жильцы его дома, прохожие на улице, весь город, весь мир. Отовсюду слышались возбужденные, веселые голоса. Как будто мир проснулся после долгой и тяжелой болезни, сопровождаемой бредовыми кошмарами, и вдруг почувствовал себя здоровым и бодрым. Люди пели, смеялись, поздравляли друг друга. Шоферы и вагонновожатые, не ожидая официального разрешения, пускали машины и трамваи на полный ход. Ревели сирены, трещали звонки, разноголосый шум и гам до краев наполнил город, который за-

бурлил, как закипевший котел.

— Великолепно! Изумительно! Прелестно! — кричал Марамбалль, не опасаясь, что его сочтут безумным. Он без всякой осторожности уселся в кресло и постучал по ручке кулаком.

— Это вещь, а не призрак! Царство призраков окончилось!

Да, царство призраков окончилось, и в ту же минуту произошла переоценка всех ценностей. Хитроумные политические комбинации и международные соглашения — явные и тайные — вновь приобрели ценность, смысл и интерес.

Марамбалль тотчас вспомнил о деле номер 174, которое еще покоилось под матрасом Лайля.

«Теперь папку будет, пожалуй, труднее извлечь незаметно, — подумал Марамбалль. — Но как-нибудь я все же раздобуду ее. Однако надо торопиться. Теперь папка может быть легко обнаружена. Довольно будет Лайлю или служанке случайно отвернуть угол матраца, как они тотчас увидят папку».

Марамбалль быстро оделся и пошел к Лайлю.

Англичанин встретил его с обычным спокойствием. Даже конец «светопрествления» не оживил его. Он, как всегда, сосредоточенно сосал свою трубку, внимательно разглядывая гостя сквозь клубы дыма. Марамбаллю показалось, что на этот раз Лайль только несколько больше прищуривал свои бесцветные глаза, как будто он чуть-чуть насмешливо улыбался одними глазами.

Эта едва уловимая улыбка несколько обеспокоила Марамбалля, но Лайль заговорил, и Марамбалль, слушая его слова, успокоился и начал улыбаться сам.

— Вы слышали, конечно, историю, которая произошла на свадьбе барона Блиттерсдорфа и Вильгельмины Леер?

«Так вот что вызвало тень улыбки на этом каменном лице», — подумал Марамбалль и простодушно ответил:

— Нет, не слышал.

Лайль посмотрел на него недоверчиво, но подробно рассказал о неизвестном в полумаске, поцеловавшем Вильгельмину.

— Таким образом, ваш соперник кем-то отомщен, — закончил Лайль рассказ. — Признайтесь, этот инкогнито в полумаске были вы?

Марамбалль сделал удивленное лицо, не выдержал и беззаботно рассмеялся.

— От вас ничего не скроешь!

— И лейтенант, конечно, знает, что это были вы?

— Разумеется.

— Но ведь он теперь убьет вас. После такой шутки вам небезопасно оставаться в Берлине.

— Нет, он не убьет меня. Он принужден будет проглотить это оскорбление, — ответил Марамбалль.

— Лейтенант как будто не принадлежит к людям, которые способны молча перенести такое оскорбление.

— Он и не перенес. Вы знаете, что лейтенант двумя выстрелами в голову уложил меня наповал. Но, к его несчастью, он убил только Марамбалля-второго — мой призрак. В этом он мог вполне убедиться, видя, как сладко поцеловал живой Марамбалль-первый его молодую жену.

— Лейтенант узнал вас под полумаской?

— Вероятно. Кроме того, он получил от меня «визитную карточку» — мое свадебное поздравление.

— А! Это тот таинственный пакет, который всех так заинтересовал? Что он содержит в себе? Говорят, лейтенант отказался сообщить об этом даже Вильгельмине и ее отцу.

Марамбалль многозначительно шевельнул бровями, поднялся и зашагал по комнате, незаметно приближаясь к кровати.

— Я вам все объясню. Лейтенант вошел в комнату так неожиданно, что действительно мог уложить меня на месте. Но все же я услышал, и узнал его шаги, и успел отбежать в сторону. Пули пролетели так близко от моего лица, что я почувствовал удар воздуха. Чтобы ввести лейтенанта в заблуждение, я застонал. — Марамбалль счел лишним сообщать Лайлю маленькую подробность этого происшествия о том, как он нырнул под стол. — Так вот. Сделав свое злое дело, лейтенант поспешил уйти. А я, успокоив соседей, приготовил свой фотографический аппарат, который, по обыкновению, у меня всегда заряжен, и начал ждать проявления. Таким образом, я заснял всю последовательность событий: себя, сидящего за столом, и лейтенанта, стреляющего в пустое кресло. Вы понимаете, что когда проявился «призрак» лейтенанта, то меня уже не было в кресле, хотя лейтенант в момент выстрела и видел мое отражение. Эти последовательные снимки являются бесспорным доказательством преступления лейтенанта — покушения на убийство. Если оно не окончилось настоящим убийством, то только благодаря «фокусу» светопреставления, дававшему мне возможность избежать опасности в последний момент. Для большей убедительности я сложил два негатива: один — с изображением меня, сидящего на кресле, и другой — с изображением лейтенанта, стреляющего в меня. Так как обстановка комнаты была неизменна, то получилась полная картина покушения на убийство.

Марамбалль уселся на краю кровати, опустил руки и, раскачиваясь, незаметно запустил пальцы под матрац.

— И эту фотографию вы поднесли лейтенанту?

— Целых три снимка: меня, его и один снимок «синтетический». Теперь вам должно быть все понятно. Лейтенант предупрежден, что в моих руках есть документ, который может изобличить его в каждую минуту, если только он начнет преследовать меня. Идти из-под венца в тюрьму не очень-то приятно.

— Лейтенант имеет слишком большие связи. Он может потушить дело.

— Едва ли. Ведь фотографии я могу опубликовать в иностранной прессе. Такой скандал, если он даже не дойдет до судебного процесса, повредит лейтенанту весьма ощутительно. Этого мало. Копии фотографий я могу передать также Вильгельмине. Она узнает, что ее муж преступник. Помимо того, что это испортит их отношения, Вильгельмина всегда сможет пустить в ход это орудие против мужа, и он окажется в руках своей жены.

Марамбалль все глубже запускал пальцы под матрац, но, к его ужасу, не нащупывал папки. Лайль сидел вполоборота к нему и дымил.

— И в ваших руках? Чего доброго, вы сделаетесь другом дома, — иронически сказал Лайль.

— Это... будет видно... — несколько растерянно сказал Марамбалль.

Папка исчезла... Но Марамбалль еще не терял надежды, что она случайно сдвинута, и продолжал ерзать по кровати.

— Но отчего же вы сразу не предъявите в суд ваши изобличающие фотографии?

— На это у меня есть свои соображения.

Лайль вдруг круто повернулся к Марамбаллю и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

— Не ищите, там нет папки.

Марамбаллю показалось, будто скорость света вдруг уменьшилась до нуля. В глазах его потемнело.

— Как?.. пап?.. какой папки?.. — пролепетал он, заикаясь.

— Ну, разумеется, той самой, которую вы положили мне под матрац.

— Я не клал никакой папки!

— Тем лучше, — спокойно ответил Лайль. — Значит, папка сама пожаловала ко мне, и я могу распоряжаться ею.

— Послушайте, Лайль, — взмолился Марамбалль, — друг мой, верните мне папку! Я с опасностью для жизни похитил ее из дома Леера.

— Послушайте, Марамбалль, — ответил Лайль, — вы мой друг, и вы поступили так вероломно, подкинув мне краденый документ...

— Но мне ничего больше не оставалось делать... за мной гнались, я не был уверен, что мне удалось замести следы... Ваша квартира... экстерриториальность.

— Вы могли скомпрометировать не только меня, но и все английское посольство. Почему вы не воспользовались экстерриториальностью вашего посольства, которое находится рядом? Никаких оправданий! Уж если дело номер сто семьдесят шесть попало ко мне, я не выпущу его из рук.

— Дело номер сто семьдесят шесть? — переспросил Марамбалль. — Простите, вы ошибаетесь! Дело номер сто семьдесят четыре.

— Никакого дела номер сто семьдесят четыре у меня нет, — ответил Лайль.

— Вы лжете!

— Что-о? — Лайль сжал сухой жилистый кулак, покрытый с тыльной стороны веснушками. — Я лгу? Если вы не возьмете обратно своих слов, то сейчас же перелетите с территории английского посольства на территорию французского, — угрожающе сказал он.

Их дружба не выдержала серьезного испытания.

Марамбалля так взбесило поведение «друга», что он готов был померяться с ним силами: раздвинув локти, он тоже сжал кулаки, готовясь отразить удар.

Но в это время неожиданно заговорил рупор радиоприемника, и первые же слова, которые раздались в комнате, заставили друзей-врагов остановиться и прислушаться.

— Алло! Алло! Всем, всем, всем! Слушайте! Слушайте! Светопреставление окончилось, *но оно может повториться!*

«Этого еще не доставало!» — подумал Марамбалль и, опустившись в кресло, начал слушать.

— Чтобы понять, какие причины вызвали замедление света, необходимо прежде всего выяснить сущность света.

Марамбалль совсем не был расположен слушать научные лекции, в особенности в решительный момент борьбы за обладание делом номер 174. Но...

«светопреставление» может повториться! А если оно повторится, все дела потеряют смысл. Во всяком случае, интересно знать, каковы шансы на повторное «светопреставление»... И он покорился необходимости выслушать скучные сообщения, под которыми, однако, скрывались самые жизненные интересы. Лайль молча стоял, прислонясь к столу, и тоже слушал.

— В настоящее время, — говорил радиорупор, — существует две теории света: атомная и волновая. Атомная теория утверждает, что всякий источник света представляет собою нечто вроде батареи, обстреливающей окружающие тела ураганным огнем, причем снаряды посылаются равномерно по всем направлениям и летят прямолинейно. Скорость их полета обычно постоянна и равняется в пустоте тремстам тысячам километров в секунду. *В случае же прохождения света в другой среде — воздух, стекло — скорость света хотя и очень велика, но несколько иная.*

При попадании в какую-нибудь материальную мишень световые атомы не разрываются, как артиллерийские снаряды, но или застревают в этой мишени (поглощение света), или отскакивают от нее рикошетом (отражение света), или же, наконец, проходят внутрь и распространяются далее, но уже в несколько отличном от первоначального направления (преломление света). Так в общем смотрел на природу света Ньютон. Взгляды эти господствовали в течение века, но были вытеснены волновой теорией, о которой скажем ниже, и вновь возродились в так называемой квантовой теории света (от латинского «квантум» — количество, порция).

По квантовой теории, «атомы света» являются материальными частицами и отличаются от обыкновенной материи только тем, что не имеют той прочности, «вечности», которой обладают все материальные атомы. Атомы света «рождаются» за счет переизбытка энергии того атома, который их выбрасывает, «живут», то есть существуют, во время своего полета от выбросившего их атома до другого и, наконец, «умирают», то есть исчезают, превращаясь в энергию последнего.

Теперь посмотрим, от каких причин могло произойти уменьшение скорости света, исходя из атомной теории света. Допустим, что между Солнцем и Землей в мировом пространстве появилась какая-то преграда, в виде ли газа или какого-нибудь иного неизвестного нам состояния сильно разреженного материального вещества. Если бы это вещество поглощало атомы света, то наша Земля погрузилась бы в темноту. Равным образом свет не дошел бы до нашей Земли, если бы он оказался отраженным этой преградой на пути. Наконец при преломлении света лучи света могли бы изменить направление, но не скорость. Остается одна гипотеза, на которую мы указали: замедление света при прохождении через неведомую нам преграду. Что это за преграда, остается невыясненным. Быть может, это особого рода туманность. И если эта туманность напоминает по своей форме те, которые мы наблюдаем в телескоп, то весьма вероятно, что и эта неизвестная туманность имеет вид спирали. А в таком случае наша Земля в своем движении вместе со всей солнечной системой может пересечь еще не один «завиток» этой туманности, и тогда эффект замедления света может произойти вновь.

Поэтому правительство настоятельно рекомендует иметь наготове звуковые сигнализационные аппараты и прочие приспособления, созданные во время «светопреставления», для регулирования уличного движения и трудо-

вых процессов.

Так обстоит дело, если мы будем исходить из атомной или квантовой теории света.

Что касается волновой теории, то световые колебания представляются ею как силовые, то есть как быстрые периодические изменения в каждой точке пространства электрических и магнитных сил, исходящих из источника света. По волновой теории, волны видимого света ничем не отличаются от всем известных радиоволн. Скорость радиоволн равна скорости света. Замедления в скорости радиоволн мы как будто практически не наблюдали. Однако нам приходилось наблюдать одно весьма странное и непонятное явление. Как известно, радиоволна обегает вокруг земного шара в очень короткий промежуток времени ($1/7$ доля секунды) и вновь попадает в место отправления, как «эхо». Таким образом, вы можете многократно принять волну, посланную вами вокруг земного шара. Но отмечены случаи, когда радиоволна, отправленная станцией, куда-то «пропадала» и не возвращалась целые минуты — десять, двенадцать минут! Где блуждала она? Очевидно, где-нибудь в мировых пространствах, пока не вернулась, быть может, отраженная каким-нибудь небесным телом. Что изменило ее направление, мы не знаем. Но мы знаем, что радиоволна пришла с опозданием в двенадцать минут, хотя скорость ее «полета», вероятно, была не меньше обычной. Если же свет является по своей природе такой же электромагнитной волной, то не произошло ли с ним такого же явления, как и с блуждающей радиоволной?

Как бы то ни было, но причины, вызвавшие замедление света, могут повториться. И поэтому еще раз: осторожность, осторожность и выдержка.

Радиопередача прекратилась. Марамбалль посмотрел на Лайля.

Лайль молчал.

— Зачем им это понадобилось? — сказал Марамбалль. — В конце концов ничего определенного. Одни гипотезы. Мы и без них знали, что то, что произошло раз, может произойти и другой раз. Теперь не время читать лекции! Но мы не кончили с вами разговора, Лайль. Это проклятое радио...

— Я думаю, конец разговора будет не в вашу пользу, Марамбалль, — сказал Лайль, опять сжимая кулак. Марамбалль напыжился, как петух, готовый к бою.

Но в этот момент кто-то постучал в дверь. Лайль двинулся к двери, как будто не замечая Марамбалля, стоявшего на пути, и Марамбалль должен был отойти в сторону.

* * *

В комнату вошел Метакса. Все лицо его улыбалось, белые зубы сверкали, маслянистые глаза лоснились как никогда.

— Здравствуйте! Вас двое? Это хорошо! Я был у вас, Марамбалль, ночью был, — такое дело. Швейцар сказал — вы дома, но я не достучался и ушел. Крепко спите. Честный человек всегда крепко спит.

«Так вот кто был у меня ночью; как это я не догадался! — подумал Марамбалль. — Но у Метаксы нет бороды. Или он был загримирован?»

— Дело есть, большое дело! — продолжал Метакса.

— А какой номер вашего дела? — шутливо спросил Лайль. Он уже был спокоен, как всегда.

— Хо-хо, вы угадали. Дело номер сто семьдесят четыре.

— Что-о? Не может быть. Дело номер сто семьдесят четыре у меня, то есть у Лайля.

— Не может быть, дело номер сто семьдесят четыре у меня, — ответил Метакса.

— О тайном соглашении между Германией и Советской Россией?

— О соглашении между этими странами, — ответил Метакса.

— Но ведь это дело я собственными руками взял со стола Леера, — не удержался Марамбалль.

— Значит, вы впопыхах взяли «призрак» этого дела. Вернее, вы взяли какое-то другое дело, которое лежало под папкой номер сто семьдесят четыре, а эту папку я взял за две-три минуты до вас. Уходя, я даже слышал, как вы вошли в кабинет, и догадался, что это вы. Вы сами наказали себя. Я предлагал вам сделку, помните, в театре? Вы отказались, пожалели тысячи марок; тогда я решил действовать сам.

— Надеюсь, теперь вы извинитесь передо мною? — спросил Лайль.

— Да, простите! Но кто бы мог думать? Какой я был осел! Мне нужно было поднести папку к самым глазам... Но где она, покажите мне ее!

Метакса улыбнулся грустной улыбкой глаз и хитрой — румяных губ.

— Пять тысяч марок! «Имера» — очень хорошая газета, но она не заплатит мне и шестисот. А мне надо жить и закончить образование.

— Пять тысяч! — возмутился Марамбалль. — Но это грабеж! Это нечестно, Метакса, вы выкрали у меня дело из-под рук.

Метакса улыбался все так же грустно и хитро.

— Это очень дешево. За дело номер сто семьдесят четыре можно получить двадцать, тридцать, сорок тысяч.

— Две, ну, три тысячи марок я могу вам дать, Метакса. А если вы не согласитесь, то я... я донесу на вас!

— Ну и что же? — невозмутимо ответил Метакса. — Вы — на меня, я — на вас; оба отсидим в тюрьме, и вы не получите даже за донос.

— Я даю пять тысяч марок, — небрежно процедил Лайль сквозь клубы дыма.

— Нет, нет, — завопил Марамбалль, — я первый покупатель! Вы, Лайль, ничего не сделали для этого дела, а я ставил на него очень многое. Я даю пять тысяч, где дело? — поспешно обратился он к Метаксе.

— Десять тысяч марок, — так же спокойно продолжал Лайль.

— Стойте, подождите: ведь это же бессовестно! — Лайль нахмурился. — То есть бессмысленно, хотел я сказать. Зачем мы будем набивать цену? Не надо больше! Пусть он подавится, я дам ему десять тысяч, но не будем устраивать аукциона. — Марамбалль вдруг схватил Лайля за плечи и, чуть не плача, заговорил: — Ведь вы же мой друг. Ну, умоляю вас! Давайте мы порешим так. Пусть у вас останется дело, которое раздобыл я. Я ничего не возьму с вас за него, а вы уступите мне дело номер сто семьдесят четыре. Согласны?

— Йес, — коротко ответил Лайль, высвобождаясь от объятий француза.

Марамбалль вздохнул и вынул чековую книжку и «вечное» перо.

Он испытывал такое чувство, как будто должен был засесть за самый трудный фельетон. Он вздыхал, вертелся на стуле, наконец поднялся и зашагал по комнате.

Метакса терпеливо ожидал, как паук, наблюдая за жертвой, которая уже

попалась в паутину, но еще может сорваться.

— Скажите, Лайль, — спросил он, — вы ознакомились с делом номер сто семьдесят шесть?

— Да. В нем есть кое-что пикантное. Оно вскрывает — мягко выражаясь — влияние одного концерна на правительство при издании закона о пошлинах на иностранные товары. Но, конечно, десять тысяч марок на этом деле не заработаешь, — скромно ответил Лайль.

Марамбалль шумно вздохнул.

— Десять тысяч марок! Это почти весь мой аккредитив. Может быть, вы уступите хоть несколько тысяч? — Метакса многозначительно посмотрел на Лайля. — Ну, пусть будет по-вашему, кровопивец!

И с таким видом, как будто он подписывал собственный смертный приговор, Марамбалль заполнил чек, оторвал его и, подавая Метаксе, сказал:

— С рук на руки.

Метакса не спеша расстегнул пиджак, белый жилет и рубашку и извлек из-под рубашки папку, на которой крупным шрифтом было напечатано: «Дело № 174».

Документы перешли из рук в руки. Метакса, сладко улыбнувшись своими черными, как маслины, глазами, ушел.

Но, прежде чем Марамбалль успел раскрыть заветную папку, Метакса неожиданно вернулся. Он приоткрыл дверь и, заглядывая в комнату одним глазом, похожим на маслину, сладко пропел:

— Господин Марамбалль, вы хотите вернуть свои десять тысяч марок?

— Ну, разумеется! В чем дело, Метакса?

— Дайте мне еще две тысячи, и через полчаса у вас будут назад ваши десять. Ну, через час, не больше.

Марамбалль недоверчиво посмотрел на Метаксу.

— Обманете!

— Господин Лайль будет свидетелем. Хорошее дело, верное дело! Вы ему дайте две тысячи марок. Когда получите назад десять, он мне отдаст. Идет?

— Хорошо! Что я должен делать?

— Написать еще чек на две тысячи.

Марамбалль подумал, вздохнул и, как зарвавшийся игрок, решил идти ва-банк. Он написал чек на две тысячи и передал его Лайлю, который спокойно положил чек в карман.

— Теперь что я должен делать?

— Идти, бежать, ехать, лететь домой и взять с собою негативы, где снят барон, который стрелял в вас!

— Ну и дальше что?

— Барон Блиттерсдорф купит у вас эти негативы. Вы идите за негативами, а я — за бароном. Хорошо? — И, не ожидая ответа, Метакса закончил: — Очень хорошо!

Марамбалль нашел, что сделка действительно подходящая. У него есть в запасе несколько снимков, с которых он может сделать новый негатив, если понадобится, а негатив почему бы не продать за хорошую сумму?

— Хорошо! Я согласен. Отправляйтесь за бароном, а я иду за негативами. — Марамбалль засунул дело номер 174 под жилет и отправился к себе. Лайль согласился на то, чтобы встреча произошла у него — «на нейтральной почве».

Таксомотор быстро доставил Марамбалля туда и обратно. Когда Марамбалль вернулся, Метаксы и барона еще не было. Однако скоро явились и они. Барон был в штатском и держался так, как будто он явился во вражеский лагерь подписывать мирный договор.

— Надеюсь, вы уведомяты о причине моего визита, — сказал он, чинно раскланиваясь и не протягивая руки.

— Да, да, — быстро ответил Марамбалль.

— Господин Метакса говорил мне, что вы, барон, интересуетесь фотографией и скупаете негативы. У меня есть три очень интересных негатива.

— Цена?

— Двадцать тысяч марок.

Блиттерсдорф с недоумением посмотрел на Метаксу. Тот изобразил на своем лице еще большее недоумение и посмотрел на Марамбалля.

— Этой суммы я не могу дать вам.

— Пятнадцать — крайняя цена!

— Десять!

— Пятнадцать!

— До свидания!

— Четырнадцать! Тринадцать! Двенадцать!! Больше не могу уступить. Это очень дешево!

Барон вернулся от двери.

— Двенадцать тысяч я, пожалуй, дам, но с одним непременным условием... Вы могли сделать копии с этих фотографий...

Марамбалль взмахнул руками, чтобы показать, что он и не думал делать этого. Папка, которую он продолжал держать под жилетом, начала выскальзывать от этого резкого движения. Марамбалль подхватил ее, но — уввы! — барон уже успел заметить мелькнувший на момент номер 174.

«Интересное открытие!» — подумал барон, но не подал виду.

— Итак, вот мое непременное условие, — сказал барон, — вы не должны в дальнейшем шантажировать меня и не пустите больше в оборот ваши гнусные снимки.

— На них изображены вы, господин барон!

— На них изображены вы, господин Марамбалль! И если вы не выполните обещания, то...

— То?

— То я убью вас. Второй раз я не промахнусь. Светопреставление окончилось.

— Хорошо! Я принимаю ваши условия, — ответил Марамбалль. — Я даю торжественное обещание никогда не опубликовывать снимков. Но со своей стороны требую от вас обязательства не заключать против меня никаких агрессивных сделок.

Барон улыбнулся.

— Хорошо! Согласен.

* * *

Еще одна сделка состоялась. Марамбалль вручил барону негативы, а барон Марамбаллю двенадцать тысяч марок. Барон положил негативы в карман, сделал очень короткий общий поклон и вышел из комнаты. Прежде чем он дошел до двери, Метакса уже получил от Лайля свои две тысячи и выскольз-

нул из комнаты вслед за бароном с быстротою ящерицы.

Наконец-то Марамбалль мог насладиться чтением дела номер 174! Ему так не терпелось, что он решил тут же заняться этим.

Марамбалль, задыхаясь, подсел к столу и начал просматривать дело, которое ему стоило стольких волнений и денег.

Лайль спокойно курил трубку, сидя на подоконнике окна.

Окончив просмотр дела, Марамбалль вдруг беспомощно обвис всем телом, как будто из него вынули все кости.

— Интересное дело? — спросил Лайль.

— Торговое соглашение. Все это текстуально и официально было опубликовано и напечатано в газетах. И ни слова больше! Никакого тайного соглашения между Германией и Советской Россией... — ответил Марамбалль коснеющим языком.

Лайль почти беззвучно усмехнулся. Но слух Марамбалля еще не утратил остроты, приобретенной им в дни «светопрествления». Эта усмешка явилась искрой, взорвавшей пороховой погреб.

Марамбалль точно обезумел. Лицо его исказилось, он закричал так, как будто сам сидел на взорвавшемся пороховом погребе.

— О мошенники! Подлецы! Обманщики! Вы обманули меня, продажные души! Вы спровоцировали меня на кражу. Вы с Метаксой составляли бандитскую шайку. Вы сами заключили «тайное соглашение держав — Англия и Греция против Франции». Вы, Лайль, набивали цену умышленно. Вы ограбили меня... Вы... вы...

Больше Марамбалль не произнес ни слова. Его крик мог привлечь внимание соседей, и Лайль принял меры: он быстро подошел к беснующемуся Марамбаллю и, сжав его челюсти, как железными тисками, своими сухими, жилистыми, веснушчатými руками, почти ласково сказал:

— Я же предупреждал вас, Марамбалль, что Метакса хитрее нас двоих, вместе взятых. Не волнуйся, прекрасная Франция. Жизнь — игра и борьба. Сегодня тебе не повезло. Но завтра ты можешь заключить такое же блестящее тайное соглашение с Италией или Бразилией против Англии и отыграться. — И уже строго Лайль закончил: — Пожалуйста, не кричите так громко, господин Марамбалль, о наших маленьких разногласиях. Не забывайте, что мы в Германии.

Марамбалль вздохнул, засунул папку под жилет, хотя она больше и не нужна была ему, и, не простившись с Лайлем, вышел из комнаты. Он отправился к себе.

В зеркальном платяном шкафу, в задней стенке, Марамбалль приделал вторую доску. Между доской и стенкой он хранил документы, которые не должны были попадаться на глаза немецкой полиции. Марамбалль запер дверь на ключ, вынул вторую доску, извлек из своего потайного хранилища снимки с негативов, которые только что продал лейтенанту, и прошептал:

— Вы еще услышите обо мне, господин барон! — Снимки были в сохранности. Но что делать с делом номер 174? Такую улику было опасно держать в комнате, хотя бы и в потайном шкафу. Марамбалль решил сжечь папку.

Но прежде чем он успел выполнить свое намерение, в дверь постучались. Марамбалль все эти дни жил в напряженном ожидании и потому принял все меры, чтобы не быть застигнутым врасплох. Он сделал в двери едва заметную

скважину, через которую мог видеть, кто пришел к нему.

К своему ужасу, Марамбалль увидел отряд полиции. Сомнения не было. Барон заметил под его жилетом выскользнувшую папку и поспешил сообщить полиции, чтобы она арестовала Марамбалля с поличным... «О проклятый барон!» — выбранился Марамбалль шепотом.

Однако что же делать? Сжечь папку он не успеет. А в дверь настойчиво стучали, и чей-то грубый голос кричал:

— Откройте, господин Марамбалль, иначе мы выломаем дверь! Ведь мы же видели, что вы вошли в свою комнату!

«Однако как быстро работает берлинская полиция! — удивился Марамбалль. — Вероятно, барон сообщил по телефону, и полицейские тотчас же последовали за мною...»

Дверь уже трещала... Еще несколько мгновений — и она сломалась под натиском дюжих тел. Полицейские ворвались в комнату. Она была пуста.

Пока полицейские оглядывались, неожиданно заговорил рупор радиоприемника глухим, «картонным», загробным голосом. И этот загробный голос говорил об очень страшных вещах:

«Алло! Алло! Новая катастрофа! Земля вошла в полосу туманности, состоящей из отравленных газов! Спасайтесь в газоубежище! Десяти минут достаточно, чтобы газ отравил человека...»

Эта весть ошеломила полицейских. Позабыв о цели своего прихода, они бросились в коридор и побежали к ближайшему подземному газоубежищу, сбивая с ног и давя удивленных прохожих.

А Марамбалль вышел из-за шкафа и вдруг начал трубить победный марш в рупор радиоприемника.

— Хорошую штуку я сыграл с ними! — весело сказал он. — Теперь их не вытащишь из газоубежища. А мне нужно не больше получаса, чтобы добраться до вокзала. Виза на выезд в кармане, деньги есть. — И Марамбалль вдруг засмеялся еще громче. — Представляю, какую гримасу сделает Метакса, когда придет в банк получать по чеку и узнает, что на моем текущем счету лежит всего несколько сот марок.

Ни жизнь, ни смерть



I. Мистер Карлсон предлагает свой план

Что вы на это скажете? — спросил мистер Карлсон, окончив изложение своего проекта.

Крупный углепромышленник Гильберт ничего не ответил. Он находился в самом скверном расположении духа. Перед самым приходом Карлсона главный директор сообщил ему, что дела на угольных шахтах обстоят из рук вон плохо. Экспорт падает. Советская нефть все более вытесняет конкурентов на азиатском и даже на европейском рынках. Банки отказывают в кредите. Правительство находит невозможным дальнейшее субсидирование крупной угольной промышленности. Рабочие волнуются, дерзко предъявляют невыполнимые требования, угрожают затопить шахты. Надо найти какой-то выход.

И в этот самый момент, как будто в насмешку, судьба подсылает какого-то Карлсона с его сумасшедшим проектом.

Гильберт хмурил свои рыжие брови и мял длинными желтоватыми зубами ароматичную сигаретку. На его бритом озабоченном лице застыло выражение скуки. Он молчал.

Но Карлсон не из тех, кого обескураживает молчание. Неопределенной профессии и неизвестного происхождения, маленький, суетливый человек с ирландским акцентом, коротким носом, черными волосами, стоящими, как у ежа, Карлсон вонзил свои острые глазки в усталые, выцветшие глаза Гильберта и сверлил их своей настойчивой беспокойной мыслью.

— Что вы на это скажете? — повторил он свой вопрос.

— Черт знает что такое, какая-то мороженная человечина... — наконец апатично ответил Гильберт и с брезгливой миной положил сигаретку.

— Позвольте! Позвольте! — вскочил, как на пружине, Карлсон. — Вы, очевидно, недостаточно усвоили себе мою идею?..

— Признаюсь, не имею особого желания и усваивать. Это глупость или безумие.

— Не безумие, не глупость, а величайшее изобретение, которое в умелых руках принесет человеку миллионы! А если вы сомневаетесь, то позвольте вам напомнить историю этого изобретения.

И Карлсон затараторил, как будто он отвечал заученный урок:

— Анабиоз случайно открыт русским ученым Бахметьевым. Изучая температуру насекомых, этот ученый заметил, что при постепенном охлаждении температура тела насекомого падает, затем, достигая температуры $-9,3^{\circ}$ Цельсия, сразу поднимается почти до нуля, а затем вновь опускается уже до темпе-

ратуры окружающей среды, примерно на 22 градуса ниже нуля. И тогда насекомое впадает в странное состояние — ни сна, ни смерти: все жизненные процессы приостанавливаются, и насекомое может пролежать, окоченелое и замороженное, неопределенно долгое время. Но достаточно осторожно и постепенно подогреть насекомое, и оно оживает и продолжает жить как ни в чем не бывало. От насекомых Бахметьев перешел к рыбам. Он замораживал, например, карася, который пролежал в окоченении, или анабиозе, как назвал это состояние Бахметьев, несколько месяцев. Подогретый, он вернулся к жизни и плавал, как всегда.

Смерть ученого прервала эти интересные опыты, и о них скоро забыли. И, как это часто бывает, русские изобретают, а плодами их изобретений пользуются другие. Вспомните Яблочкова, вспомните изобретателя радиотелеграфа Попова, вспомните, наконец, Циолковского... Так было и на этот раз. Изобретением Бахметьева воспользовался немец Штейнгауз для практических целей: перевозки и хранения живой рыбы. Как вам известно, он нажил миллионы!

Гильберт заинтересовался и слушал Карлсона уже с некоторым вниманием.

— Благодарю вас за лекцию, — сказал он. — Я сам получаю к столу свежую рыбу, пойманную в отдаленных морях. Но, признаться, я не интересовался способом ее замораживания. Тем или другим, не все ли равно? Только бы рыба была абсолютно свежей. И, вы говорите, Штейнгауз заработал на этом деле миллионы?

— Десятки, сотни миллионов! Он теперь один из самых богатых людей Германии!

Гильберт задумался.

— Но ведь это только рыбы, — сказал он после паузы, — а вы предлагаете совершенно невероятную вещь: замораживать людей! Возможно ли это?

— Возможно! Теперь возможно! Бахметьев замораживал животных, подвергающихся зимней спячке, так называемых холонокровных: сурка, ежа, летучую мышь. Что касается теплокровных животных, то их ему не удавалось подвергать анабиозу. Однако русский же ученый, профессор Вагнер, известный своей победой над сном, изобрел способ изменять состав крови теплокровных животных, приближая их к крови холонокровных животных. И ему удалось уже благополучно «заморозить» и оживить обезьяну.

— Но не человека?

— Какая разница?

Гильберт недовольно тряхнул головой, а Карлсон улыбнулся.

— Я говорю лишь с точки зрения биологии и физиологии. У обезьян совершенно одинаковый с человеком состав крови. Абсолютно одинаковый. И вот вам необычайные, но вполне осуществимые перспективы: массовое замораживание людей, в данном случае э... э... безработных. Кому не известно, какое критическое положение переживает угольная промышленность, да одна ли угольная? Периодические кризисы и сопровождающая их безработица, к сожалению, постоянное бедствие нашего общественного строя. На этом играют всякие смутьяны, вроде коммунистов, предсказывающие гибель капитализма от раздирающих его внутренних противоречий. Пусть они не спешат хоронить капитализм! Капитализм найдет выход, и одним из выходов является предлагаемый мною способ!

Разразится кризис — и мы заморозим безработных и сложим их в особые ледниках. А минует кризис, появится спрос на рабочие руки, мы подогреем их, — и пожалуйста в шахту.

Карлсон вдохновился и говорил, как на трибуне.

— Ха-ха-ха! — не удержался Гильберт. — Да вы шутник, мистер?..

— ...Карлсон. И я говорю совершенно серьезно, — обиделся Карлсон.

Гильберта начинал занимать этот человек.

— Да, — продолжая смеяться, сказал углепромышленник, — бывают такие мерзкие времена, когда, кажется, и самого себя охотно заморозил бы до лучших дней! Но сколько будет стоить ваш сумасшедший проект? Надо строить специальные здания, поддерживать в них специальную температуру!

Карлсон поднял палец вверх, потом приставил его к своей колючей шевелюре.

— Здесь все обдуманно! Мой план проще! Вам, как владельцу шахт, должно быть известно, что теплота увеличивается приблизительно на один градус с каждым семьюдесятью футами в глубину земли. Вам также известно, что в Гренландии, за Полярным кругом, в ледниках Гумбольдта, найдены богатейшие залежи великолепнейшего каменного угля. Как только угольный рынок окрепнет, вы сможете начать там разработку. Вы получите ряд шахт различной глубины с различной температурой. И эта температура будет оставаться там неизменной во все времена года. Остается только ввести небольшие поправки, чтобы приспособить шахты для наших целей. Я не буду затруднять вас сейчас изложением подробностей, но могу представить, когда вы прикажете, вполне разработанный технический план и смету.

«Что за курьезный человек», — подумал Гильберт и задал Карлсону вопрос:

— Скажите, пожалуйста, да вы сами-то кто: инженер, ученый, профессор?

— Я прожектор! Ученые и профессора умеют высидеть в своих лабораториях прекрасные яйца, но они не всегда умеют разбить их и приготовить яичницу! Надо уметь из незначительных идей извлекать вещественные фунты стерлингов!

Гильберт улыбнулся и, подумав немного, протянул Карлсону коробку с сигаретами.

«Победа», — ликовал в душе Карлсон, зажигая сигарету электрической зажигалкой, стоящей на столе.

Но Гильберт еще не сдавался.

— Допустим, что все это возможно. Однако я предвижу целый ряд препятствий. Первое: получим ли мы разрешение правительства.

— А почему бы правительству и не дать этого разрешения, если мы докажем полную безопасность применения к людям анабиоза? Социальное же значение этой меры наше правительство прекрасно учтет.

— Да, это так, — ответил Гильберт, перебирая в уме членов консервативного правительства, большинство которых имело личные крупные интересы в угольной промышленности.

— Но самый главный вопрос: пойдут ли на это рабочие? Согласятся ли они периодически «замирать» на время безработицы?

— Согласятся! Нужда заставит! — убежденно сказал Карлсон. — Люди с голоду вешаются, топятя, а тут вроде отдыха! Конечно, умело подойти надо. Прежде всего нужно найти смельчаков, которые согласились бы подвергнуть

себя анабиозу. Этим первым надо посулить крупные суммы вознаграждения. Когда они «воскреснут», ими надо воспользоваться как рекламой. Затем первое время надо будет обещать денежную поддержку семьям. Но, конечно, придется заткнуть глотку и кое-кому из рабочей аристократии, состоящей в лидерах так называемого рабочего движения. А дальше, вы увидите, что дальше все пойдет как по маслу. Безработные будут «замораживаться» целыми семьями. И страшное зло — безработица — будет уничтожено. У вас будут развязаны руки. Необычайные перспективы откроются для вас! Миллионы, десятки миллионов потекут в ваши сейфы и несгораемые шкафы! Решайтесь! Скажите «да», и я завтра же представлю вам все сметы, планы и расчеты.

Здравый практический смысл говорил Гильберту, что весь этот фантастический план был чистой авантюрой. Но Гильберт переживал такое финансовое положение, когда человек перед страхом неминуемого краха бросается в самые рискованные предприятия. А Карлсон рисовал такие заманчивые перспективы! Крупный коммерсант и делец стыдился признаться самому себе в том, что он, как утопающий, готов ухватиться за эту химерическую соломинку «мороженой человечины».

— Ваш проект слишком необычен. Я подумаю и дам вам ответ!..

— Подумайте, подумайте! — охотно согласился Карлсон, поднимаясь с кресла. — Не смею вас задерживать, — и он вышел, довольно улыбаясь. — Ключет! — весело крикнул он, окунаясь в клокочущий котел уличного движения Сити.

II. Странный клиент

— Карлсон, вы разорили меня! — с кислой миной говорил Гильберт. — Я затратил громадные средства на оборудование подземных телохранилищ. Я бросаю деньги на рекламу и наши объявления. И тем не менее за весь месяц газетной кампании не явилось ни одного лица, желающего подвергнуть себя первому публичному опыту замораживания, несмотря на предлагаемое нами хорошее вознаграждение. Очевидно, жизнь рабочих не так плоха, Карлсон, как кричат об этом социалисты! И в конце концов, если анабиоз такая безопасная штука, почему бы вам, Карлсон, не подвергнуть себя первому опыту?

— Меня?

— Ну да, вас!

— Меня самого? — еще раз спросил Карлсон и взъерошил свои щетинистые волосы. — Я готов! Да, да! Я готов! Но что станет со всем делом? Оно уснет вместе со мной! Нет, усыпляя других, кому-нибудь надо бодрствовать! Я прожектор! Без таких, как я, весь мир погрузился бы в спячку анабиоза!

Их препирательства были прекращены стуком входной двери.

В контору вошел необычайно тощий человек с шарфом, намотанным вокруг длинной шеи. При свете сильной лампы большие круглые очки посетителя сверкали, как автомобильные фонари. Он откашлялся и протянул номер газеты.

— Я по объявлению. Здравствуйте! Позвольте представиться. Эдуард Лесли, астроном.

Карлсон шаром подкатился к посетителю.

— Очень рады с вами познакомиться! Прошу садиться! Вы желаете подвергнуть себя опыту? Условия наши вам известны? Мы уплатим вам значи-

тельную сумму и обеспечим семью пожизненной пенсией в случае... гм... Но, конечно, этого случая не произойдет!..

— Не надо! Кхе-кхе... Не надо вознаграждения. Мое имя, кажется, достаточно говорит за то, что я не нуждаюсь в деньгах. — Лесли поморщился. — У меня другое... кхе-кхе, проклятый кашель...

— Из научных целей, так сказать?

— Да, научных, но только не тех, о которых вы, наверное, думаете. Я астроном, как сказал вам. Мною написан большой труд о группе Леонид, которые падали в ноябре из созвездия Льва...



Лесли опять закашлялся, ухватившись рукою за грудь. Откашлявшись, он оживился и вдруг с жаром заговорил:

— Группа эта наблюдалась Гумбольдтом в Южной Америке в 1799 году. Он прекрасно описал это чудесное небесное явление. Затем Леониды приближались к Земле в 1833 или 1866 году. Их ждали через обычный период времени в тридцать три — тридцать четыре года, в 1899 году. Но тут с ними случилось несчастье... Да-с, несчастье! Они слишком близко подошли к планете Юпитер, притяжение которой отклонило их от обычной орбиты, и теперь они проходят свой путь на расстоянии двух миллионов километров от Земли, так что они почти невидимы для нас...

Лесли сделал паузу, чтобы снова откашляться.

Карлсон, давно уже выражавший нетерпение, постарался воспользоваться этой паузой.

— Позвольте, уважаемый профессор, но какое отношение имеют падающие звезды Леониды, созвездие Льва и сам Юпитер к нашему предприятию?

Лесли дернул длинной шеей и с некоторым раздражением наставительно заметил:

— Имейте терпение дослушать, молодой человек! — И он, демонстративно повернувшись на стуле, обратился к Гильберту: — Я занят сложными вычислениями, о которых не буду говорить подробно. Эти вычисления связаны с судьбою группы Леонид. Точность моих вычислений оспаривает мой почтенный коллега Зауер...

Гильберт переглянулся с Карлсоном. Не с маньяком ли они имеют дело?

Взгляд этот поймал Лесли, и, с раздражением дернув шеей, он окончил речь, направив свои круглые очки в потолок, будто поверяя свои мысли небу:

— Я болен... последняя стадия туберкулеза.

— Но вы не по адресу обратились, уважаемый профессор! — сказал Карлсон.

— По адресу! Извольте-с дослушать. Я болен и скоро умру. А ближайшее по-

явление Леонид в поле нашего зрения можно ожидать только в 1933 году. Я не доживу до этого времени. Между тем я могу доказать свою правоту научному миру только в результате дополнительных наблюдений. И вот я прошу вас подвергнуть меня анабиозу и вернуть к жизни в 1933 году, потом опять погрузить в анабиоз, пробуждая в 1965 году, затем в 1998 году и, наконец, в 2021 году. Ясно? — И Лесли устали свои окуляры на собеседников.

— Совершенно ясно! — ответил Гильберт. — Но, уважаемый профессор, к тому времени ваш ученый противник может умереть, и вам некому будет доказывать вашу правоту!

— Мы, астрономы, живем в вечности! — с гордостью ответил Лесли.

— Это все очень занятно, — сказал Карлсон. — Я вижу, что анабиоз — очень хорошая вещь для астрономов. Вы, например, можете попросить разбудить вас, когда погаснет Солнце, чтобы проверить верность ваших вычислений. Но мы — не астрономы — интересуемся более близким будущим. Сейчас нам нужен лишь опыт в доказательство того, что анабиоз совершенно безвреден и безопасен для жизни. Поэтому мы ставим условием, чтобы пребывание в анабиозе не длилось более месяца. Второе условие: процессы погружения в анабиоз и возвращения к жизни должны происходить публично.

— На это я согласен. Но месяц меня совершенно не устраивает! — И огорченный Лесли стал завязывать шарф вокруг своей длинной шеи.

— Позвольте, — остановил его Гильберт. — Мы могли бы сделать так: мы «пробуждаем» вас через месяц, а потом опять погружаем вас в анабиоз на какое угодно вам время!

— Отлично! — воскликнул обрадованный Лесли. — Я готов!

— Вы должны подписать ряд обязательств и заявлений о том, что вы по доброй воле подвергаете себя анабиозу и не имеете никаких претензий к нам в случае неблагоприятного исхода. Это только для формальности, но все же...

— Согласен, согласен на все! Вот вам моя рука! Сообщите, когда я вам буду нужен! — И обрадованный Лесли быстро вышел из конторы.

— Ну что? Ключуло? — повторил Карлсон свое любимое выражение, когда Лесли ушел, и хлопнул по плечу Гильберта.

Гильберт поморщился от этой фамильярности.

— Не совсем то, что нам нужно. Вот если бы пару рабочих, которые развозили бы потом в шахтах.

— Будут и рабочие! Терпение, мой молодой друг, как говорит этот астроном!

— Можно войти? — в дверь конторы просунулась лохматая голова.

— Пожалуйста, прошу вас!

В контору вошел молодой человек в желтом клетчатом костюме. Сделав театральный жест широкополой шляпой, незнакомец отрекомендовался:

— Мерэ. Француз. Поэт.

И, не ожидая ответного приветствия, он нараспев начал:

*Устал от муки ожиданья,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,
Устал я быть самим собой.
Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть*

*И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не жить.*

— Замораживайте! Готов.

*Пускай горячею слезою
Мой труп холодный оживит!*



— Деньги даете сейчас или после пробуждения?

— После!

— Не согласен! Черт его знает, воскресите ли вы меня. Деньги на бочку. Кутну в последний раз, а там делайте что хотите!

Гильберта заинтересовал этот курьезный лохматый поэт.

— Я могу дать вам авансом пять фунтов стерлингов. Это устроит вас?

У поэта глаза сверкнули голодным блеском. Пять фунтов! Пять хороших английских фунтов! Человеку, который питался сонетами и триолетами!

— Конечно! Продал душу черту и готов кровью подписать договор!

Когда поэт ушел, Карлсон набросился на Гильберта:

— Вы упрекаете меня в том, что я разоряю вас, а сами бросаете деньги на ветер. Зачем вы дали аванс? Не видите, что это за птица? Держу пари на пять фунтов, что он не вернется!

— Принимаю! Посмотрим! Однако сегодня счастливый день! Смотрите, еще кто-то!

В контору входил изящно одетый молодой человек.

— Позвольте представиться: Лесли!

— Еще один Лесли! Неужели все Лесли питают склонность к анабиозу? —

воскликнул Карлсон.

Лесли улыбнулся.

— Я не ошибся. Значит, дядюшка уже был. Я Артур Лесли. Мой дядя, Эдуард Лесли, профессор астрономии, сообщил мне прискорбную весть о том, что хочет подвергнуть себя опыту анабиоза...

— А я полагал, что вы сами не прочь испытать на себе этот интересный опыт! Подумайте, ведь вы станете одним из самых модных людей в Лондоне! — закидывал удочку Карлсон.

Но на этот раз рыба не клевала.

— Я не нуждаюсь в столь экстравагантных способах популярности, — со скромной гордостью проговорил молодой человек.

— В таком случае вы опасаетесь за дядюшку? Совершенно напрасно! Его жизнь не подвергается ни малейшей опасности!

— Неужели? — с большим интересом осведомился Артур Лесли.

— Можете быть спокойны!

— Никакой опасности! — тихо проговорил Лесли, и Карлсону послышалось, что еще тише Лесли добавил: «Очень жаль». — А нельзя ли отговорить дядю от этого опыта? Ведь он туберкулезный, и при слабости его здоровья едва ли он годен для опыта. Вы рискуете и только можете скомпрометировать ваше дело.

— Мы настолько уверены в успехе, что не видим никакого риска.

— Послушайте! Я заплачу вам. Хорошо заплачу, если вы откажетесь от дядюшки как объекта вашего опыта!

— Мы не идем на подкуп, — вмешался в разговор Гильберт. — Но если вы скажете причину, то, может быть, мы и пойдем вам навстречу.

— Причину? Э-э... она столь щекотливого свойства...

— Мы умеем молчать!

— Как это ни неприятно, но я должен быть откровенным... Видите ли, мой дядюшка богат, страшно богат. А я... я его единственный наследник. Дядюшка безнадежно болен. Врачи говорят, что его дни сочтены. Быть может, только несколько месяцев отделяют меня от богатства. Это как нельзя более кстати: я имею невесту. И в этот самый момент ему попадаетесь ваше объявление, и он решается подвергнуть себя анабиозу и уснуть чуть ли не на сто лет, пробуждаясь от времени до времени только для того, чтобы посмотреть на какие-то падающие звезды! Войдите в мое положение. Ведь не может же суд утвердить меня в правах наследства, пока дядюшка будет в анабиозе!

— Конечно, нет!

— Вот видите! Но тогда прощай наследство! Его получают мои прапрапраправнуки!

— Мы можем «заморозить» и вас вместе с вашим дядюшкой. И вы будете лежать мумией до получения наследства.

— Благодарю вас! Этак рискнешь пролежать до скончания мира. Итак, вы отказываетесь иметь дело с дядюшкой?

— Было бы странно с нашей стороны отказываться после того, как мы сами опубликовали объявление о вызове охотника.

— Ваше последнее слово?

— Последнее слово!

— Тем хуже для вас! — И, хлопнув дверь, Артур Лесли вышел из конторы.

III. Неутешный племянник

Первый опыт анабиоза человека решено было произвести в самом Лондоне, в специально нанятом помещении, публично. Широкая реклама привлекла в огромный белый зал многочисленных зрителей. Несмотря на то, что зал был переполнен, в нем искусственно поддерживали температуру ниже нуля. Для того чтобы не производить неприятного впечатления на публику, операцию вливания в кровь человека особого состава для придания ей свойства крови холоднокровных животных решили производить в особой комнате, куда могли иметь доступ только родные и друзья лиц, подвергавшихся опыту.

Эдуард Лесли явился по своему обыкновению с астрономической точностью, минута в минуту, ровно в двенадцать часов дня. Карлсон испугался, увидав его, — до того астроном осунулся. Лихорадочный румянец покрывал его щеки. При каждом вздохе кадык судорожно двигался на тонкой шее, а на платке, который профессор подносил ко рту во время приступов кашля, Карлсон заметил капли крови.

«Плохое начало», — думал Карлсон, ведя астронома под руку в отдельную комнату.

Вслед за Эдуардом Лесли шел племянник с лицом убитого горем родственника, провожающего на кладбище любимого дядюшку.

Толпа жадно разглядывала астронома. Щелкали фотографические аппараты репортеров газет.

За Лесли закрылась дверь кабинета. И публика в нетерпеливом ожидании стала осматривать «эшафоты», как назвал кто-то стоявшие высоко посреди зала приспособления для анабиоза.

Эти «эшафоты» напоминали громадные аквариумы с двойными стеклянными стенами. Это были два стеклянных ящика, вложенных один в другой. Меньший по размерам ящик служил для помещения человека, а между стенками обоих ящиков находилось приспособление для понижения температуры.

Один «эшафот» предназначался для Лесли, другой — для Мерэ, который с поэтической неточностью опоздал.

Пока врачи готовились в кабинете к операции и выслушивали у Лесли пульс и сердце, Карлсон несколько раз в нетерпении вбегал в зал справиться, не пришел ли Мерэ.

— Вот видите! — крикнул Карлсон, в третий раз вбегая в кабинет и обращаясь к Гильберту. — Я был прав. Мерэ не явился.

Гильберт пожал плечами.

Но в этот самый момент дверь кабинета с шумом раскрылась, и на пороге появился поэт. Его лицо и одежда носили явные следы дурно проведенной ночи. Блуждающие глаза, глупая улыбка и нетвердая походка говорили за то, что ночной угар еще далеко не испарился из его головы.

Карлсон с гневом набросился на Мерэ:

— Послушайте, ведь это безобразие! Вы пьяны!

Мерэ ухмыльнулся, покачиваясь во все стороны.

— У нас во Франции, — ответил он, — есть обычай: исполнять последнюю волю обреченного на смерть и угощать его перед казнью блюдами и винами, какие только он пожелает. И многие, идя на смерть, насмерть и напиваются. Меня вы хотите «заморозить». Это ни жизнь, ни смерть. Поэтому я и пил с се-

редины на половину: ни пьян, ни трезв.

Разговор этот был прерван неожиданным криком хирурга.

— Подождите! Дайте свежий раствор! Влейте его в новую стерилизованную кружку!

Карлсон оглянулся. Полураздетый Эдуард Лесли сидел на белом стуле, тяжело дыша впалой грудью. Хирург зажимал пинцетом уже вскрытую вену.

— Вы видите, — нервничал хирург, обращаясь к помогавшей ему сестре милосердия, которая высоко держала стеклянную кружку с химическим раствором, — жидкость помутнела! Дайте другой раствор! Жидкость должна быть абсолютно чиста!

Сестре быстро принесли бутылку с раствором и новую кружку. Вливание было произведено.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, — ответил астроном, — терпимо.

Вслед за Лесли операции вливания подвергся Мерэ.

В легкой одежде, сделанной из материи, свободно пропускающей тепло, их ввели в зал.

Взволнованная толпа затихла. По приставленной лестнице Лесли и Мерэ взошли на «эшафоты» и легли в свои стеклянные гробы.

И здесь, уже лежа на белой простыне, Мерэ вдруг продекламировал охрипшим голосом эпитафию Сципиону римского поэта Энния:

*Тот погребен здесь, кому
ни граждане, ни чужеземцы
Были не в силах воздать
чести, достойной его.*

И вслед за этим неожиданно он захрапел усталым сном охмелевшего человека.

Эдуард Лесли лежал как мертвец. Черты лица его заострились. Он часто дышал короткими вздохами.

Хирург, следя за термометром, начал охлаждать воздух между стеклянными стенами.

По мере понижения температуры стал утихать храп Мерэ. Дыхание Лесли было едва заметно. Мерэ раз или два шевельнул рукой и затих. У Лесли глаза оставались полуоткрытыми. Наконец дыхание прекратилось у обоих, а у Лесли глаза затуманились. В этот же момент стеклянные крышки были надвинуты на «гробы». Доступ воздуха был прекращен.

— Двадцать один градус по Цельсию. Анабиоз наступил! — послышался голос хирурга среди полной тишины.

Публика медленно выходила из зала.

Гильберт, Карлсон и хирург прошли в кабинет. Хирург сейчас же засел за какой-то химический анализ. Гильберт хмурился.

— В конце концов все это производит удручающее впечатление. Я был прав, настаивая на том, чтобы дать публике только зрелище пробуждения. Эти похороны отобьют у всякого охоту подвергать себя анабиозу. Хорошо еще, что этот шалопай Мерэ внес комическую ноту в этот погребальный хор.

— Вы правы и не правы, Гильберт, — ответил Карлсон. — Картина получилась невеселая, это верно. Но толпа должна видеть все от начала до конца,

иначе она не поверит! У наших «покойничков» установлено контрольное дежурство. Они открыты для обозрения во всякое время дня и ночи. И если мы проиграли на похоронах, то вдвое выиграем на воскресении! Меня занимает другое: операция вливания довольно неприятна и сложна. Для массового замораживания людей она негодна. Но мне писали, что профессор Вагнер нашел более упрощенный способ нужного изменения крови путем вдыхания особых паров.

— Черт возьми! Я подозревал это! — вдруг воскликнул хирург, поднимая пробирку с какой-то жидкостью.

— В чем дело, доктор?

— А дело в том, что весь наш опыт и сама жизнь профессора Лесли висели на волоске. Как вы помните, при вливании химического раствора я обратил внимание на то, что жидкость стала мутной. Этого не должно было быть ни в коем случае. Я самолично составлял жидкость в условиях абсолютной стерильности. Теперь я хотел установить причины помутнения жидкости.

— И что же вы нашли? — спросил Гильберт.

— Присутствие синильной кислоты.

— Яд!

— Один из самых сильных. Убивает мгновенно, и от него нет спасения.

— Но как он туда попал?

— В этом весь вопрос!

— Это Артур Лесли. Неутешный племянник астронома. Вы помните, Гильберт, его просьбу и потом угрозу? Какой негодяй! А ведь, смотрите, какое душевное прискорбие разыграл?

— Когда он мог это сделать? Кажется, он не подходил близко к аппаратам...

— Да, — задумчиво проговорил хирург, — возможно, что тут замешаны другие. Быть может, сестра милосердия?..

— Нужно дать знать полиции! Ведь это преступление! — воскликнул возмущенный Гильберт.

— Ни в коем случае! — возразил Карлсон. — Это только повредит нам, особенно среди рабочих, на которых мы в конечном итоге рассчитываем. И в конце концов что может сделать полиция? Кого мы можем обвинять? Артура Лесли — заинтересованное лицо? Но у нас нет никаких доказательств, что он замешан в преступлении.

— Может быть, вы правы, — задумчиво проговорил Гильберт. — Но, во всяком случае, нам надо быть очень осторожными.

IV. Воскрешение мертвых

Прошел месяц. Приближался день «воскрешения мертвых». Публика волновалась. Шли споры, удастся ли вернуть к жизни погруженных в анабиоз.

В ночь накануне оживления хирург в присутствии Гильберта и Карлсона осмотрел Лесли и Мерэ. Они лежали, как трупы, холодные, бездыханные. Хирург постучал своим докторским молоточком по замерзшим губам поэта, и удары четко разнеслись по пустому залу, как будто молоточек ударял по куску дерева. Ресницы покрылись изморозью от вышедшего из тела тепла.

При осмотре тела астронома наметанный глаз хирурга заметил на обнаженной руке небольшой бугорок под кожей. На вершине бугорка виднелось едва заметное пятнышко, как будто от укола, а ниже — замерзшая капля какой-то жидкости.

Хирург неодобрительно покачал головой. Соскоблив ланцетом замерзшую каплю, хирург осторожно отнес этот кусочек льда в кабинет и там подверг его химическому анализу. Карлсон и Гильберт внимательно следили за работой хирурга.

— Ну что?

— То же самое! Опять синильная кислота! Несмотря на все наши предосторожности, Артуру Лесли, по-видимому, удалось каким-то путем впрыснуть под кожу своего обожаемого дядюшки несколько капель смертоносного яда!

Гильберт и Карлсон были удручены.

— Все погибло! — в отчаянии проговорил Гильберт. — Эдуард Лесли не проснется больше. Наше дело безнадежно скомпрометировано!

Карлсон бесновался.

— Под суд его, негодяя! Теперь и я вижу, что этого преступника надо передать в руки правосудия, хотя бы скандал и повредил нам!

Хирург, подперев голову рукою, о чем-то думал.

— Подождите, может быть, еще ничего не потеряно! — наконец заговорил он. — Не забывайте, что яд был впрыснут под кожу совершенно замороженного тела, в котором приостановлены все жизненные процессы. Всасывания не могло быть. При отсутствии кровообращения яд не мог разнестись и по крови. Если ядовитая жидкость была нагрета, то она могла в небольшом количестве проникнуть под кожу, которая под влиянием тепла стала более эластичной. Но дальше жидкость не могла проникнуть. По капле, выступившей в месте укола, вы можете судить, что преступнику не удалось ввести значительного количества.

— Но ведь и одной капли достаточно, чтобы отравить человека?

— Совершенно верно. Однако эту каплю мы можем преспокойно удалить, вырезав ее с кусочком мяса.

— Неужели вы думаете, что человек может остаться живым после того, как яд находился в его теле, быть может, две-три недели?

— А почему бы и нет? Нужно только вырезать поглубже, чтобы ни одной капли не осталось в теле! Разогреть тело, хотя бы частично, рискованно. Придется произвести оригинальную «холодную» операцию.

И, взяв молоток и инструмент, напоминающий долото, хирург отправился к трупу и стал срубать бугорок, работая, как скульптор над мраморной статуей. Кожа и мышцы мелкими морожеными осколками падали на дно ящика. Скоро в руке образовалось небольшое углубление.

— Ну, кажется, довольно!

Осколки тщательно смели. Углубление смазали йодом, который тотчас замерз.

За окном начиналось уличное движение. У дома стояла уже очередь ожидающих. Двери открыли, и зал наполнился публикой.

Ровно в двенадцать дня сняли стеклянные крышки ящиков, и хирург начал медленно повышать температуру, глядя на термометр.

— Восемнадцать... десять... пять ниже нуля. Нуль!.. Один... два... пять... выше нуля!..

Пауза.

Иней на ресницах Мерэ стоял и, как слезинки, наполнил углы глаз.

Первый шевельнулся Мерэ. Напряжение в зале достигло высшей степени.

И среди наступившей тишины Мерэ вдруг громко чихнул. Это разрядило напряжение толпы, и она загудела, как улей. Мерэ поднялся, уселся в своем стеклянном ящике, зевнул и посмотрел на толпу осовелыми глазами.

— С добрым утром! — кто-то шутливо приветствовал его из толпы.

— Благодарю вас! Но мне смертельно хочется спать! — И он клюнул головой.

В публике послышался смех.

— За месяц не выспался!

— Да ведь он пьян! — слышались голоса.

— В момент погружения в анабиоз, — громко пояснил хирург, — мистер Мерэ находился в состоянии опьянения. В таком состоянии застиг его анабиоз, прекративший все процессы организма. Теперь, при возвращении к жизни, естественно, Мерэ оказался еще под влиянием хмеля. И так как он, очевидно, не спал в ночь перед анабиозом, то он чувствует потребность сна. Анабиоз не сон, а нечто среднее между сном и жизнью.

— Кровь! Кровь! — послышался чей-то испуганный женский голос.

Хирург посмотрел вокруг. Взгляды толпы были устремлены на тело Лесли. На рукаве его халата выступало кровавое пятно.

— Успокойтесь! — воскликнул хирург. — Здесь нет ничего страшного. Во время анабиоза профессору Лесли пришлось сделать небольшую операцию, не имеющую отношения к его замораживанию. Как только кровь отогрелась и возобновилось кровообращение, из раны выступила кровь. Вот и все. Мы сейчас сделаем перевязку. — И, разорвав рукав халата Лесли, хирург быстро забинтовал его руку. Во время перевязки Лесли пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, хорошо. Кажется, мне легче дышать.

Действительно, Лесли дышал ровно, без судорожных движений груди.

— Вы видели, — обратился хирург к толпе, — что опыт анабиоза удался. Теперь подвергшиеся анабиозу будут освидетельствованы врачами-специалистами.

Толпа шумно расходилась, а Мерэ и Лесли прошли в кабинет.

V. Выгодное предприятие

При тщательном медицинском освидетельствовании Эдуарда Лесли выяснились неожиданные последствия анабиоза. Оказалось, что под влиянием низкой температуры все туберкулезные палочки, находящиеся в больных легких Лесли, были убиты, и Эдуард Лесли, таким образом, совершенно излечился от туберкулеза.

Правда, еще при опытах Бахметьева такая возможность теоретически предполагалась. Но теперь это был неопровержимый факт, блестяще разрешивший вопрос о борьбе с туберкулезом, этим страшным врагом человечества.

Карлсон не ошибся: Эдуард Лесли и Мерэ стали самыми модными людьми в Лондоне, да и во всем мире. Их интервьюировали, снимали, приглашали для публичных выступлений. Астроном, хотя и чувствовал себя теперь совершенно здоровым, тяготился этим непривычным шумом. Он настоял на том, чтобы его вновь подвергли анабиозу до 1933 года.

— Мне надо консервировать себя для науки, — говорил он.

И его желание было исполнено. Его перевезли в Гренландию. И он первым спустился в глубокие шахты «Консерваториума», как было названо это под-

земное хранилище для массового замораживания людей.

Зато Мерэ прямо купался в волнах популярности. Он не удовлетворялся публичными выступлениями. Он написал стихотворную поэму «На том берегу „Стикса“». Он писал о том, как его душа, освободившись от оков окоченевшего тела, понеслась вихрем в голубом эфире мирового пространства. Она плавала на светящихся кольцах Сатурна. Посещала планеты отдаленных звезд, «где растут лиловые люди-цветы, поющие вечную песнь счастья». Она витала в пространствах четвертого измерения, где предметы измеряются в ширину, длину, глубину.

«На земле нет подходящего выражения», — писал Мерэ и путано объяснял условия существования в мире четвертого измерения, «где нет времени», где нет понятий «вне» и «внутри», где все предметы проникают друг друга, не смешивая своих форм. Он писал о необычайных встречах на Млечном Пути, уводящем за пределы известного нам звездного неба.

Его поэма, разумеется, не выдерживала ни малейшей научной критики: в состоянии анабиоза он не мог даже видеть сны своим замороженным мозгом. Но публика, падкая до сенсаций, склонная к мистицизму, увлекалась этими фантастическими картинками. Нашлись любители сильных ощущений, пожелавшие испытать на себе ощущение «полета в беспредельных пространствах», погружаясь в анабиоз. Они, конечно, ничего не чувствовали, как замороженная туша, но, «пробуждаясь», поддерживали ложь Мерэ.

Сверх всякого ожидания анабиоз принес Гильберту громадные барыши. Помимо любителей острых ощущений, к Гильберту стекались со всего света больные туберкулезом. Гренландский «санаторий» работал прекрасно. Больные получали полное излечение. А скоро прибавились еще новые клиенты. Английское правительство признало более «гуманным» и, главное, дешевым подвергать «неисправимых» преступников анабиозу вместо пожизненного заключения и смертной казни.

Наконец анабиоз был применен для перевозки скота. Вместо невкусного, замороженного обычным способом мяса, получаемого из Австралии, в Англию стали доставлять животных в состоянии анабиоза. Их не надо было кормить в дороге, а по привозе на место их отогревали, оживляли, и англичане получали к столу самое свежее и дешевое мясо.

Карлсон потирал руки. На его долю падала немалая часть огромных доходов, которые приносил анабиоз.

— Ну что? — говорил он самодовольно Гильберту. — Теперь вы понимаете, что значит прожектер? Ваши деньги и мои проекты принесли вам миллионы. Без меня вы давно разорились бы с вашими угольными шахтами!

— Угольные шахты и сейчас дают мне убыток, — отвечал Гильберт. — Сбыта нет, рабочие неговорчивы, правительство отказывает в субсидиях. Да, Карлсон, жизнь — сложная штука! Вы хороший прожектер, но жизнь проводит свои проекты вопреки нашему желанию. Мы предполагали замораживать безработных вместе с их семьями, а вместо этого превратили наши холодильники в санатории и тюрьмы!

— Терпение! Придут и рабочие! Теперь у вас имеются свободные капиталы. Обещайте хорошее содержание семьям рабочих в том случае, если глава их семьи захочет подвергнуть себя анабиозу. Поверьте, они пойдут на эту удочку! А когда они попривыкнут к анабиозу, можно будет сбавить цену. В конце кон-

цов они сами будут просить, чтобы их заморозили вместе с семьями, только бы не голодать! Они придут! Нужда загонит! Поверьте мне, они придут!

И они пришли...

VI. Во льдах Гренландии

Холодный осенний ветер валил с ног. Молодой шахтер-забойщик, работавший в кардиффских шахтах, понурился, глубоко вздохнул, медленно подходил к небольшому коттеджу, видневшемуся сквозь обнаженные ветви сада.

Бенджамин Джонсон постоял у двери, глубоко вздохнул, прежде чем открыть ее, и, наконец, несмело вошел в дом.

Его жена, Фредерика Джонсон, мыла у большого камина посуду. Двухлетний сын Самуэль уже спал.

Фредерика вопросительно посмотрела на мужа.

Джонсон, не раздеваясь, опустился на стул и тихо проговорил:

— Не достал...

Тарелка выскользнула из рук Фредерики и со звоном упала в лохань. Она со страхом оглянулась на ребенка, но он не проснулся.

— Забастовочный комитет не имеет больше средств... В лавке не отпускают в кредит...

Фредерика перестала мыть посуду, отерла руку о фартук и молча села к столу, глядя в угол, чтобы скрыть от мужа свое волнение.

Джонсон медленно вынул из кармана легкого не по сезону пальто измятый номер газеты и положил на стол перед женой.

— На вот, читай.

И Фредерика, смахивая слезу, которая застилала ей глаза, прочитала крупное объявление:

«Пять фунтов в неделю получают семьи рабочих, согласившихся проспать до весны...» Далее шло объяснение, что такое анабиоз. Фредерика уже слышала о нем. Агенты Гильберта уже давно вели пропаганду анабиоза среди рабочих.

— Ты не сделаешь этого! — твердо сказала она. — Мы не скоты, чтобы нас замораживали!

— Городские джентльмены не брезгают анабиозом!

— С жиру бесятся твои джентльмены! Они нам не указ!

— Послушай, Фредерика, но ведь в конце концов в этом нет ничего ни страшного, ни постыдного. Опасности для меня никакой. Я не штрейкбрехерству, ничьих интересов не затрагиваю.

— А мои, а твои собственные интересы? Ведь это же почти смерть, хоть и на время! Мы должны бороться за право на жизнь, а не отлеживаться замороженными тушами до тех пор, пока господа хозяева не сообразоволят воскресить нас!

Она разгорячилась и говорила слишком громко.

Маленький Самуэль проснулся, заплакал и стал просить есть. Фредерика взяла его на руки, стала укачивать. Джонсон с тоской смотрел на русую головку сына. Он так побледнел за последнее время! Побледнела и Фредерика...

Ребенок уснул, и Фредерика опустилась у стола, закрыв лицо руками. Она не могла больше сдерживать слез.

Бенджамин гладил своей грубой рукой ее пушистые волосы, такие же светлые, как у сына, и ласково, как ребенка, уговаривал:



— Ведь я за вас болею душой! Пойми же! Завтра Самуэль будет иметь большие кружки дымящегося молока и белый хлеб, а у тебя на столе будет хороший кусок говядины, картофель, масло, кофе... Разлучаться трудно, но ведь это только до весны! Зацветут яблони в нашем саду, и я опять буду с вами. Я встречу вас, веселых, здоровых, цветущих, как наши яблони!..

Фредерика еще раз всхлипнула и умолкла.

— Спать пора, Бен...

Больше они ни о чем не говорили.

Но Бенджамин знал, что она согласна. А на Другой день, простившись с женой и ребенком, он уже летел на пассажирском аэроплане в Гренландию.

Серо-зеленая пелена Атлантического океана сменилась полярными картинами севера. Ледяная пустыня с разбросанными по ней кое-где горными вершинами... Временами аэроплан пролетал низко над землей, и тогда видны были хозяева этих пустынных мест — белые медведи. При виде аэроплана они в ужасе поднимались на дыбы, протягивая вверх лапы, как бы прося пощады, потом бросались убежать с неожиданной скоростью.

Джонсон невольно улыбался им, завидовал суровой, но вольной их жизни.

Вдали показались постройки и аэродром.

— Прилетели!

Дальнейшие события шли необычайно быстро.

Джонсона пригласили в контору «Консерваториума», где записали его фамилию, адрес и снабдили номером, который был прикреплен к руке в виде браслета.

Затем он спустился в подземные помещения.

Подземная машина летела вниз с головокружительной быстротой, пересекая ряд горизонтальных шахт. Температура постепенно повышалась. В верхних шахтах она была значительно ниже нуля, тогда как внизу поднималась до 10 градусов.

Машина неожиданно остановилась.

Джонсон вошел в ярко освещенную комнату, посреди которой находилась площадка с четырьмя металлическими канатами, уходящими в широкое отверстие в потолке. На площадке находилась низкая кровать, застланная белой простыней. Джонсона переодели в легкий халат и предложили лечь в кровать. На лицо надели маску, заставляя его дышать какими-то парами.

— Можно! — услышал он голос врача.

И в ту же минуту площадка с его кроватью стала подниматься вверх. Скоро он почувствовал все усиливавшийся холод. Наконец холод стал невыноси-

мым. Он пытался крикнуть, сойти с площадки, но все члены его тела как бы окаменели... Сознание его стало мутиться. И вдруг он почувствовал, как приятная теплота разливается по его телу. Но это был обман чувств, который испытывают все замерзающие: в последнем усилии организм поднимает температуру тела перед тем, как отдать все тепло холодному пространству. В это короткое время мысли Джонсона заработали с необычайной быстротой и ясностью. Вернее, это были не мысли, а яркие образы. Он видел свой сад в золотых лучах солнца, яблони, покрытые пушистыми белыми цветами, желтую дорожку, по которой бежит к нему навстречу его маленький Самуэль, а вслед за ним идет улыбающаяся, юная, краснощекая, белокурая Фредерика...

Потом все стало меркнуть, и он окончательно потерял сознание.

Через какое-нибудь мгновение оно вернулось к нему, и он открыл глаза.

Перед ним, наклонившись, сидел молодой человек.

— Как вы себя чувствуете, Джонсон? — спросил он, улыбаясь.

— Благодарю вас, небольшая слабость в теле, а в общем не плохо, — ответил Джонсон, оглядываясь вокруг. Он лежал в белой ярко освещенной комнате.

— Подкрепитесь стаканом вина и бульоном, а потом в дорогу!

— Позвольте, доктор, а как же с анабиозом? Он не удался, или в шахтах срочно потребовались рабочие?

Молодой человек улыбнулся.

— Я не доктор. Будем знакомы. Моя фамилия Крукс, — и он протянул Джонсону руку. — Анабиоз удался, но мы об этом еще успеем поговорить. Нас ждет аэроплан!

Джонсон, удивляясь, что с анабиозом так скоро все покончено, быстро оделся и поднялся с Круксом на поверхность.

«А Фредерика-то проплакала небось всю ночь», — думал он, улыбаясь скорой встрече.

У входа в подземелье стоял большой пассажирский аэроплан. Кругом растилась вечная ледяная пустыня. Была ночь. Северное сияние полосовало небо снопами лучей нежной меняющейся окраски.

Джонсон, уже в теплой шубе, с удовольствием вдыхал чистый морозный воздух.

— Я доставлю вас до дому! — сказал Крукс, помогая Джонсону подняться по лестнице в кабину.

Аэроплан быстро взвился в воздух.

Джонсон увидел ту же пересеченную местность, те же оледенелые кратеры, появляющиеся от времени до времени на пути, как степные курганы, и тех же медведей, которым он так недавно позавидовал. Вот и древние седые волны Атлантического океана. Еще немного времени, и на горизонте в сизом тумане показались берега Англии.

Кардифф... шахты... уютные коттеджи... Вот виднеется и его беленький коттедж, утопающий в густой зелени сада. У Джонсона сильно забило сердце. Сейчас он увидит Фредерику, возьмет на руки маленького Самуэля и начнет подбрасывать вверх.

«Еще, еще!» — будет лепетать малыш по своему обыкновению.

Аэроплан сделал крутой вираж и спустился на лужайке у домика Джонсона.

VII. Возвращение

Джонсон в нетерпении вышел из кабины. Воздух был теплый. Сбросив шубу, Джонсон побежал к дому. Крукс едва поспевал за ним.

Был прекрасный осенний вечер. Заходящее солнце ярко освещало крупные красные яблоки на яблонях сада.

— Однако, — с удивлением произнес Джонсон, — неужели я проспал до осени?

Он подбежал к ограде сада и увидел сына и жену. Маленький Самуэль сидел среди осенних цветов и со смехом бросал яблоки матери. Лица Фредерики не было видно за ветками яблони.

— Самуэль! Фредерика! — радостно закричал Джонсон и, перепрыгнув через низкую ограду, побежал через клумбы навстречу жене и сыну.

Но малыш, вместо того чтобы броситься навстречу отцу, заплакал, увидя приближавшегося Джонсона, и в испуге бросился к матери.

Джонсон остановился и вдруг увидел свою ошибку: это были не Самуэль и Фредерика, хотя мальчик очень походил на его сына. Молодая мать вышла из-за дерева. Она была одних лет с Фредерикой, такая же светлая и румяная. Но волосы были темнее. Конечно, это не Фредерика! И как только он мог ошибиться! Вероятно, это одна из соседок или подруг Фредерики.

Джонсон медленно подошел и поклонился. Молодая женщина выжидательно смотрела на него.

— Простите, я, кажется, испугал вашего сына, — сказал он, приглядываясь к ребенку и удивляясь сходству с Самуэлем. — Фредерика дома?

— Какая Фредерика? — спросила женщина.

— Фредерика Джонсон, моя жена!

— Не ошиблись ли вы адресом? — ответила женщина. — Здесь нет Фредерики...

— Хорошенькое дело! Чтобы я ошибся в адресе собственного дома!

— Вашего дома?..

— А чьего же? — Джонсона начала раздражать эта бестолковая женщина.

На пороге домика показался молодой человек лет тридцати трех, привлеченный, очевидно, шумом голосов.

— В чем дело, Элен? — спросил он, не сходя со ступеньки крыльца и попыхая коротенькой трубкой.

— Дело в том, — ответил Джонсон на вопрос, обращенный не к нему, — что за время моего отсутствия здесь, очевидно, произошли какие-то изменения... В моем доме поселились другие...

— В вашем доме? — насмешливо спросил молодой человек, стоявший на крыльце.

— Да, в моем доме! — ответил Джонсон, махнув рукой на свой коттедж.

— С кем же я имею честь говорить? — спросил молодой человек.

— Я Бенджамин Джонсон!

— Бенджамин Джонсон? — переспросил молодой человек и расхохотался. — Слышишь, Элен? — обратился он к женщине. — Еще один Бенджамин Джонсон и владелец этого коттеджа!

— Позвольте вас уверить, — вдруг вмешался в разговор подошедший Крукс, — что перед вами действительно Бенджэмин Джонсон, — и он указал на Джонсона рукой.

— Это становится занятно. И свидетеля с собой притащил! Позвольте и вам сказать, что ваша шутка неудачна. Тридцать три года я был Бенджэмин Джонсон, родившийся в этом самом доме и его собственник, а теперь вы хотите меня убедить, что собственник дома, Бенджэмин Джонсон, вот этот молодой человек!

— Я не только хочу, но и надеюсь убедить вас в этом, если вы разрешите зайти в дом и разъяснить вам некоторые обстоятельства, очевидно неизвестные вам.

Крукс говорил так убедительно, что молодой человек, подумав немного, пригласил его и Джонсона в дом.

С волнением вошел Джонсон в свой дом, который оставил так недавно. Он еще надеялся встретить на обычном месте, у камина, Фредерику и сына, играющего у ее ног на полу. Но их там не было...

С жадным любопытством окинул Джонсон комнату, в которой провел столько радостных и горьких минут.

Вся мебель была незнакомой, чуждой ему.

Только над камином висели еще расписные тарелки елизаветинских времен — фамильная драгоценность Джонсонов.

А у камина в глубоком кресле сидел седой, дряхлый старик с завернутыми в плед ногами, несмотря на теплый день. Старик окинул вошедших недружелюбным взглядом.

— Отец, — обратился молодой человек к старику, — вот эти люди утверждают, что один из них Бенджэмин Джонсон и собственник дома. Не желаешь ли заполучить еще одного сынка?

— Бенджэмин Джонсон, — прошамкал старик, разглядывая Крукса, — так звали моего отца... но он давно погиб в Гренландии, в этом проклятом леднике, где морозили людей!..

— Позвольте мне рассказать как было дело, — ответил Крукс. — Прежде всего Джонсон не я, а вот он. Я Крукс. Ученый, историк.

И, обращаясь к старику, он начал свой рассказ:

— Вам было, если не ошибаюсь, около двух лет, когда ваш отец, Бенджэмин Джонсон, попался на удочку углепромышленника Гильберта и решил подвергнуть себя «замораживанию», чтобы спасти вас и вашу мать от голодной смерти во время безработицы. Примеру Джонсона скоро последовали и многие другие пострадавшие и отчаявшиеся семейные рабочие. Пустовавший «Консерваториум» на северо-западном берегу Гренландии быстро заполнился телами замороженных рабочих. Но Карлсон и Гильберт ошиблись в своих расчетах.

Замораживание рабочих не разрешило кризиса, который переживал английский капитализм. Даже наоборот: это только обострило разгоревшиеся страсти классовой борьбы. Наиболее стойкие рабочие были возмущены «замороженной человечинной», как называли они применение анабиоза к «консервированию» безработных, и использовали замораживание как агитационное средство. Вспыхнула революция. Отряд вооруженных рабочих, захватив аэропланы, направился в Гренландию с целью оживить своих братьев, спавших мертвым сном, и поставить их в ряды борющихся.

Тогда Карлсон и Гильберт, желая предупредить события, дали по радио приказ своим прислужникам в Гренландии взорвать «Консерваториум», наде-

ясь объяснить это преступление несчастным случаем.

Радиотелеграмма была перехвачена, и Карлсон и Гильберт понесли заслуженное наказание. Однако радиоволны летят быстрее всякого самолета. И когда летчики спустились у цели своего полета, они застали только зияющие, дымящиеся пропасти, обломки построек и куски мороженого человеческого мяса... Удалось раскопать несколько нетронутых катастрофой тел, но и эти погибли от слишком быстрого повышения температуры, а может быть, и от удушья. Работы затруднялись тем, что планы подземных телохранилищ исчезли. Оставалось только поставить памятник над этим печальным местом. Прошло семьдесят три года...

Джонсон невольно вскрикнул.

— И вот не так давно, изучая историю нашей революции по архивным материалам, в архиве одного из бывших министерств я нашел заявление Гильберта с просьбой о разрешении ему построить «Консерваториум» для консервирования безработных. Гильберт подробно и красноречиво писал о том, какую пользу можно извлечь из этого средства в «деле изжития периодических кризисов и связанных с ними рабочих волнений». Рукою министра на этом заявлении была наложена резолюция: «Конечно, лучше, если они будут мирно почивать, чем бунтовать. Разрешить...»

Но самым интересным было то, что к заявлению Гильберта был приложен план шахт. И в этом плане мое внимание привлекла одна шахта, шедшая далеко в сторону от общей сети. Не знаю, какими соображениями руководствовались строители шахт, прокладывая эту галерею. Меня заинтересовало другое: в этой шахте могли остаться тела, не поврежденные катастрофой. Я тотчас сообщил об этом нашему правительству. Была снаряжена специальная экспедиция. Приступили к раскопкам. После нескольких недель неудачных поисков нам удалось открыть вход в эту шахту. Она была почти не тронута, и мы направились в глубь ее.

Жуткое зрелище представилось нашим глазам. Вдоль длинного коридора в стенах были устроены ниши в три ряда, а в них лежали тела. Ближе к входу, очевидно, проник горячий воздух, при взрыве он сразу убил лежавших в анабиозе людей. Ближе к середине шахт температура, видимо, повышалась более медленно, и несколько рабочих ожили, но они, вероятно, погибли от удушья, голода или холода. Их искаженные лица и судорожно сведенные члены говорили о предсмертных страданиях.

Наконец в самой глубине шахты, за закрытым поворотом, стояла ровная холодная температура. Здесь мы нашли только три тела, остальные ниши были пустые. Со всеми предосторожностями мы постарались оживить их. И это нам удалось. Первым из них был известный астроном Эдуард Лесли, гибель которого оплакивал весь ученый мир, вторым — поэт Мерэ и третьим — Бенджамин Джонсон, только что доставленный мною сюда на самолете... Если моих слов недостаточно, в подтверждение их я могу привести неоспоримые доказательства. Я кончил!

Все сидели молча, пораженные рассказом. Наконец Джонсон тяжело вздохнул и сказал:

— Значит, я проспал семьдесят три года? Отчего же вы не сказали мне об этом сразу? — обратился он с упреком к Круксу.

— Дорогой мой, я опасался подвергать вас слишком сильному потрясению

после вашего пробуждения.

— Семьдесят три года!.. — в раздумье проговорил Джонсон. — Какой же у нас теперь год?

— Август месяц, тысяча девятьсот девяносто восьмой год.

— Тогда мне было двадцать пять лет. Значит, теперь мне девяносто восемь...

— Но биологически вам осталось двадцать пять, — ответил Крукс, — так как все ваши жизненные процессы были приостановлены, пока вы лежали в состоянии анабиоза.

— Но Фредерика, Фредерика!.. — с тоской вскричал Джонсон.

— Увы, ее давно нет! — сказал Крукс.

— Моя мать умерла уже тридцать лет тому назад, — проскрипел старик.

— Вот так штука! — воскликнул молодой человек. И, обращаясь к Джонсону, он сказал: — Выходит, что вы мой дедушка! Вы моложе меня, у вас семидесятипятилетний сын!..

Джонсону показалось, что он бредит. Он провел ладонью по своему лбу.

— Да... сын! Самуэль! Мой маленький Самуэль — вот этот старик! Фредерика нет... Вы — мой внук, — обратился он к своему тезке Бенджамину, — а та женщина и ребенок?..

— Моя жена и сын...

— Ваш сын... Значит, мой правнук! Он в том же возрасте, в каком я оставил моего маленького Самуэля!

Мысль Джонсона отказывалась воспринимать, что этот дряхлый старик и есть его сын... Старик-сын также не мог признать в молодом, цветущем, двадцатипятилетием юноше своего отца...

И они сидели смущенные, в неловком молчании глядя друг на друга...

VIII. Агасфер

Прошло почти два месяца после того, как Джонсон вернулся к жизни.

В холодный ветреный сентябрьский день он играл в саду со своим правнуком Георгом.

Игра эта состояла в том, что мальчик усаживался в маленькую летательную машину — авиетку с автоматическим управлением. Джонсон настраивал аппарат управления, пускал мотор, и мальчик, громко крича от восторга, летал вокруг сада на высоте трех метров от земли. После нескольких кругов аппарат плавно опускался на заранее определенное место.

Джонсон долго не мог привыкнуть к этой новой детской забаве, неизвестной в его жизни. Он боялся, что с механизмом может что-либо случиться и ребенок упадет и расшибется. Однако летательный аппарат действовал безукоризненно.

«Посадить ребенка на велосипед тоже казалось нам когда-то опасным», — думал Джонсон, следя за летающим правнуком.

Вдруг резкий порыв ветра отбросил авиетку в сторону. Механическое управление тотчас же восстановило нарушенное равновесие, но ветер отнес аппарат в сторону. Авиетка, изменив направление полета, налетела на яблоню и застряла в ветвях дерева.

Ребенок в испуге закричал. Джонсон, в не меньшем испуге, бросился на помощь внуку. Он быстро вскарабкался на яблоню и стал снимать маленького Георга.

— Сколько раз я говорил вам, чтобы вы не устраивали ваших полетов в саду! — вдруг услышал Джонсон голос своего сына Самуэля.

Старик стоял на крыльце и в гневе потрясал кулаком.

— Есть, кажется, площадка для полетов — нет, непременно надо в саду! Неслухи! Беда с этими мальчишками! Вот поломаете мне яблони, уж я вас!..

Джонсона возмутил этот стариковский эгоизм. Старик Самуэль очень любил печеные яблоки и больше беспокоился за целостность яблонь, чем за жизнь внука.

— Ну, ты, не забывайся! — воскликнул Джонсон, обращаясь к старику-сыну. — Этот сад был впервые разведен мною, когда еще тебя не было на свете! И покрикивай на кого-нибудь другого. Не забывай, что я твой отец!

— Что ж, что отец? — ворчливо ответил старик. — По милости судьбы, у меня отец оказался мальчишкой! Ты мне почти что во внуки годен! Старших слушаться надо! — наставительно закончил он.

— Родителей слушаться надо! — не унимался Джонсон, спуская правнука на землю. — И, кроме того, я и старше тебя. Мне девяносто восемь лет!

Маленький Георг побежал в дом к матери. Старик постоял еще немного, шевеля губами, потом сердито махнул рукой и тоже ушел.

Джонсон отвез авиетку в большую садовую беседку, заменявшую ангар, и там устало опустился на скамейку среди лопат и граблей.

Он чувствовал себя одиноким.

Со стариком-сыном у него совершенно не сложились отношения. Двадцатипятилетний отец и семидесятипятилетний сын — это ни с чем не соотносимое соотношение лет положило преграду между ними. Как ни напрягал Джонсон свое воображение, оно отказывалось связать воедино два образа: маленького двухлетнего Самуэля и этого дряхлого старика.

Ближе всех он сошелся с правнуком — Георгом. Юность вечна. Дух нового времени не наложил еще на Георга своего отпечатка. Ребенок в возрасте Георга радуется и солнечному лучу, и ласковой улыбке, и красному яблоку так же, как радовались дети его возраста тысячи лет назад. Притом и лицом он напоминал его сына — Самуэля-ребенка... Мать Георга, Элен, также несколько напоминала Джонсону Фредерику, и он не раз останавливал на ней взгляд тоскующей нежности. Но в глазах Элен, устремленных на него, он видел только жалость, смешанную с любопытством и страхом, как будто он был выходцем из могилы.

А ее муж, внук Джонсона, носивший его имя, Бенджэмин Джонсон, был далек ему, как и все люди этого нового, чуждого ему поколения.

Джонсон впервые почувствовал власть времени, власть века. Как жителю долин трудно дышать разреженным горным воздухом, так Джонсону, жившему в первую четверть двадцатого века, трудно было применяться к условиям жизни конца этого века.

Внешне все изменилось не так уж сильно, как можно было предполагать.

Правда, Лондон разросся на многие мили в ширину и поднялся вверх тысячами небоскребов.

Воздушные сообщения сделались почти исключительным способом передвижения.

А в городах движущиеся экипажи были заменены подвижными дорогами. В городах стало тише и чище. Перестали дымить трубы фабрик и заводов. Тех-

ника создала новые способы добывания энергии.

Но в общественной жизни и в быте произошло много перемен с его времени.

Рабочих не стало на ступенях общественной лестницы, как низшей группы, группы, отличной от выше стоящих и по костюму, и по образованию, и по привычкам.

Машины почти освободили рабочих от наиболее тяжелого и грязного физического труда.

Здоровые, просто, но хорошо одетые, веселые, независимые рабочие были единственным классом, державшим в руках все нити общественной жизни. Все они получали образование. И Джонсон, учившийся на медные деньги почти сто лет тому назад, чувствовал себя неловко в их среде, несмотря на всю их приветливость.

Все свободное время они проводили больше на воздухе, летая на своих легких авиетках, чем на земле. У них были совершенно иные интересы, запросы, развлечения.

Даже их короткий, сжатый язык, со многими новыми словами, выражавшими новые понятия, был во многом непонятен Джонсону.

Они говорили о новых для Джонсона обществах, учреждениях, новых видах имущества и спорта...

На каждом шагу, при каждой фразе он должен был спрашивать:

— А что это такое?

Ему нужно было нагнать то, что протекало без него в продолжение семидесяти трех лет, и он чувствовал, что не в силах сделать это. Трудность заключалась не только в обширности новых знаний, но и в том, что ум его не был так воспитан, чтобы воспринять и усвоить все накопленное человечеством за три четверти века. Он мог быть только сторонним, чуждым наблюдателем и предметом наблюдения для других. Это также стесняло его. Он чувствовал постоянно направленные на него взгляды скрытого любопытства. Он был чем-то вроде ожившей мумии, археологической находкой занятного предмета старины. Между ним и обществом лежала непреодолимая грань времени.

«Агасфер!.. — подумал он, вспомнив легенду, прочитанную им в юности. — Агасфер, вечный странник, наказанный бессмертием, чуждый всему и всем... К счастью, я не наказан бессмертием! Я могу умереть... и хочу умереть! Во всем мире нет человека моего времени, за исключением, может быть, нескольких забытых смертью стариков... Но и они не поймут меня, потому что они все время жили, а в моей жизни провал! Нет никого!..»

Вдруг у него в уме шевельнулась неожиданная мысль:

«А те двое, которые ожили вместе со мной там, в Гренландии?..»

Он в волнении поднялся. Его неудержимо потянуло к этим неизвестным людям, которые вдруг стали ему так дороги. Они жили в одно время с Фредерикой и маленьким Самуэлем... Какие-то нити протянуты между ними... Но как найти их? Крукс!.. Он должен знать!

Крукс не оставлял Джонсона, пользуясь им как «живым историческим источником» для своей работы по истории революции.

И Джонсон поспешил к Круксу и изложил ему свою просьбу, ожидая ответа с таким волнением, как будто ему предстояло свидание с женой и маленьким сыном.

Крукс что-то соображал.

— Сейчас конец сентября... А ноябрь тысяча девятьсот девяносто восьмого года... Ну да, конечно, Эдуард Лесли должен быть уже в Пулковской обсерватории, сидеть за телескопом в поисках своих исчезающих Леонид. В Пулковской обсерватории лучший рефрактор в мире. Лесли, конечно, там. Там же вы найдете и поэта Мерэ... Он писал мне недавно, что едет к профессору Лесли. — И, улыбнувшись, Крукс добавил: — Очевидно, все вы, «старички», чувствуете тяготение друг к другу.

Джонсон наскоро простился и отправился в путь с первым отлетавшим на Ленинград пассажирским дирижаблем.

Он сам не представлял себе, каково будет предстоящее свидание, но чувствовал, что это все, что еще может интересовать его в жизни.

IX. Под звездным небом

Дрожащей рукой Джонсон открыл двери зала Пулковской обсерватории. Огромный круглый зал тонул во мраке.

Когда глаза несколько привыкли к темноте, Джонсон увидел стоявший среди зала гигантский телескоп, напоминавший дальнобойную пушку, направившую свое жерло в одно из отверстий в куполе. Труба была укреплена на массивной подставке, вдоль которой шла лестница в пятьдесят ступеней. Лестницы вели и к площадке для наблюдения на высоте трех метров. С этой площадки, сверху, слышался чей-то голос.

— ...Отклонение от формы растянутого эллипса и приближение к форме параболы происходит в зависимости от особенного действия масс отдельных планет, которому кометы и астероиды подвергаются при своем движении по направлению к Солнцу. Наибольшее влияние в этом отношении как раз оказывает Юпитер, сила притяжения которого составляет почти тысячную долю притяжения Солнца...

Когда Джонсон услышал этот голос, четко раздавшийся в пустоте зала, когда он слышал эти непонятные слова, на него напала робость. Зачем он пришел сюда? Что скажет профессору Лесли? Разве эти параболы и эллипсы не так же непонятны ему, как и новые слова новых людей? Но отступить было поздно, и он кашлянул.

— Кто там?

— Можно видеть профессора Лесли?

Чьи-то шаги быстро простучали по железным ступеням лестницы.

— Я профессор Лесли. Чем могу служить?

— А я Бенджэмин Джонсон, который... который лежал с вами в Гренландии, погруженный в анабиоз... Мне хотелось поговорить с вами...

И Джонсон путано стал объяснять цель своего прихода. Он говорил о своем одиночестве, о своей потерянности в этом новом, непонятном для него мире, даже о том, что он хотел умереть...

Наверно, эти, новые, не поняли бы его. Но профессор Лесли понял тем легче, что многие переживания Джонсона испытал он сам.

— Не печальтесь, Джонсон, не вы один страдаете от этого разрыва времени. Нечто подобное испытал и я, так же как и мой друг Мерэ, позвольте его представить вам.

Джонсон пожал руку спустившемуся Мерэ, по старой привычке, давно оставленной «новыми» людьми, которые восстановили красивый и гигиени-

ческий обычай древних римлян поднимать в знак приветствия руку.

— Вы тоже из рабочих? — спросил Джонсон Мерэ, хотя тот очень мало походил на рабочего.

— Нет. Я поэт.

— Зачем же вы замораживали себя?

— Из любопытства... А пожалуй, и из нужды...

— И вы пролежали столько же времени, как и я?

— Нет, несколько меньше. Я пролежал сперва всего два месяца, был «воскрешен», а потом опять решил погрузиться в анабиоз. Я хотел... как можно дольше сохранить молодость! — и Мерэ засмеялся.

Несмотря на разницу в развитии и в прежнем положении, этих трех людей сближала общая странная судьба и эпоха, в которую они жили. К удивлению Джонсона, беседа приняла оживленный характер. Каждый многое мог рассказать другим.

— Да, друг мой, — обратился Лесли к Джонсону, — не один вы испытываете оторванность от этого нового мира. Я сам ошибся во многих расчетах!

Я решил подвергнуть себя анабиозу, чтобы иметь возможность наблюдать небесные явления, которые происходят через несколько десятков лет. Я хотел разрешить труднейшую для того времени научную задачу. И что же? Теперь все эти задачи давно разрешены. Наука сделала колоссальные открытия, раскрыла за это время такие тайны неба, о которых мы не смели и мечтать!

Я отстал... Я бесконечно отстал, — с грустью добавил он после паузы и вздохнул. — Но все же я, мне кажется, счастливее вас! Там, — и он указал на купол, — время исчисляется миллионами лет. Что значат для звезд наши столетия?.. Вы никогда, Джонсон, не наблюдали звездного неба в телескоп?

— Не до этого было, — махнул рукой Джонсон.

— Посмотрите на нашего вечного спутника Луну! — и Лесли провел Джонсона к телескопу.

Джонсон посмотрел в телескоп и невольно вскрикнул от удивления.

Лесли засмеялся и сказал с удовольствием знатока:

— Да, таких инструментов не знало наше время!..

Джонсон видел Луну, как будто она была от него на расстоянии нескольких километров. Огромные кратеры поднимали свои вершины, черные зияющие трещины бороздили пустыни...

Яркий до боли свет и глубокие тени придавали картине необычайно рельефный вид. Казалось, можно протянуть руку и взять один из лунных камней.

— Вы видите, Джонсон, Луну такую, какою она была и тысячи лет тому назад. На ней ничего не изменилось... Для вечности семьдесят пять лет —, меньше, чем одно мгновение. Будем же жить для вечности, если судьба оторвала нас от настоящего! Будем погружаться в анабиоз, в этот сон без сновидений, чтобы, пробуждаясь раз в столетие, наблюдать, что творится на Земле и на небе.

Через двести-триста лет мы, быть может, будем наблюдать на планетах жизнь животных, растений и людей... Через тысячи лет мы проникнем в тайны самых отдаленных времен. И мы увидим новых людей, менее похожих на теперешних, чем обезьяны чем людей...

Быть может, Джонсон, будущие обитатели нашей планеты низведут нас на

степень низших существ, будут гнушаться родством с нами и даже отрицать это родство? Пусть так... Мы не обидчивы. Но зато мы будем видеть такие вещи, о которых и не смеют мечтать люди, отживающие положенный им жизнью срок... Разве ради этого не стоит жить, Джонсон?

По нашей просьбе меня и Мерэ снова подвергнут анабиозу. Хотите присоединиться к нам?

— Опять? — с ужасом воскликнул Джонсон. Но после долгого молчания он глухо произнес, опустив голову: — Все равно...

Мистер Смех



На распутье

Спольдинг вспомнил счастливые, как ему казалось, минуты, когда он положил в портфель аттестат об окончании политехнического института.

Он инженер-механик, и перед ним открыт весь мир. Для него светит солнце. Для него улыбаются девушки. Для него распускают павлиньи хвосты роскоши витрины магазинов, для него играет веселая музыка в нарядных кафе, для него скользят по асфальту блестящие автомобили.

Правда, сегодня все это еще недоступно для него, но, быть может, завтра он возьмет под руку голубоглазую девушку с ярко-пунцовыми губами, сядет с ней в блестящий автомобиль, поедет в лучший ресторан города.

Ну, понятно, это все будет «завтра» не в буквальном смысле слова. Надо найти работу. Послужить инженером у хозяина. Скопить немного денег и открыть собственное дело. А дальше все пойдет как по маслу.

Найти работу... Это, конечно, не легко. Спольдинг хорошо знает об этом. Но кризис и безработица — страшные слова не для него, Спольдинга. Разве в институте у кого-нибудь из студентов был такой рост, вес, такие мускулы, как у него? Разве во всех спортивных состязаниях он не побеждал всех своих товарищей? А голова! Разве он не кончил высшую школу одним из первых — мог бы и первым, если бы не слишком увлекался спортом.

Главное же, ни у кого нет такой стальной воли, такого упрямого стремления к власти, такой страстной жажды богатства, такого аппетита ко всем благам жизни и такой фанатичной настойчивости в достижении цели.

И Спольдинг ринулся головой в свалку, как изголодавшийся волчонок, пустив в ход и волю, и жажду, и зубы, и когти. Но вскоре оказалось, что всего этого мало. Когти ему понадобились только на то, чтобы однажды в сердцах сорвать висевшее на воротах завода объявление «Приема нет». Зубами он грыз от злости камышовую трость, получая очередной отказ. В большинстве случаев ему не удавалось проникнуть не только в кабинет директора, но и к

секретарю. Ему оставалось лишь говорить по телефону из проходной конторы или из вестибюля. Однажды он попытался силой прорвать кордон, но был с позором, под руки, выведен из кабинета личного секретаря машиностроительного магната.

Он жил на случайные мелкие заработки, нередко недоедал и ожесточался; он со злорадством думал о том, как сам будет еще более беспощаден с неудачником, когда все же достигнет вершин земного благополучия. И если обычные пути трудны, нужно находить более быстрые, новые, необычные.

Новые пути! Где они, эти новые пути? Спольдинг начал жадно прислушиваться, ловить каждое слово о быстрых или необычайных способах обогащения.

Как-то в вагоне подземной железной дороги Спольдинг услышал разговор об удаче одного писателя-юмориста, который одной книгой сделал себе огромное состояние. Спольдинг сам читал эту веселую книгу и от души хохотал. Но ведь у него, Спольдинга, нет литературного дарования. Через несколько дней он прочитал о человеке, нажившем, несмотря на кризис, миллионы на патентованном средстве для ращения волос. Секрет заключался в том, что это средство — невероятно, но факт — действительно вызывало усиленный рост волос. А изобрести такое или подобное средство — не легкий и не скорый путь. В другой газете сообщалось о колоссальных заработках знаменитого комического киноартиста Престо. Увы, у Спольдинга не было и артистических талантов.

Усталый, раздраженный, с тяжелым грузом дневных огорчений и обид поздно вечером возвращался Спольдинг домой. Шагал по узкой комнате с окном во двор и слушал, как за стеной кто-то заунывно играл на странном инструменте. Звуки напоминали то флейту, то скрипку, то человеческое контральто.

Эти звуки действовали ему на нервы. Непонятен был тембр, непонятна меняющаяся мелодия — то чарующая, прекрасная, то кошмарная, нелепая. Непонятны были, как и вчера вечером, неожиданные переходы музыкальных звуков в пулеметную стрельбу, впрочем очень скоро прекратившуюся. Непонятен, наконец, был исполнитель. Ученик не мог играть столь блестяще такие технически сложные вещи, артист не мог исполнять музыкальные нелепицы, странные по содержанию и форме.

Уже несколько дней эти звуки интригуют и беспокоят Спольдинга. Надо будет спросить у хозяйки дома, кто поселился в соседней комнате. И сегодня за стеной после певучей скрипичной мелодии вдруг послышался адский железный скрежет, свист, верещанье.

Спольдинг начал стучать в стену. Звуки умолкли.

Королева слез

Стучат...

— Войдите.

В полуоткрытых дверях появилась высокая краснощекая сорокалетняя хозяйка пансиона. Не входя в комнату, она сказала:

— Простите, мистер Спольдинг. Вам, кажется, мешает соседка своей ужасной музыкой? Я скажу ей, чтобы она не играла позже восьми часов вечера.

— Благодарю вас, миссис Адамс, — ответил Спольдинг. — Эта музыка действительно несколько беспокоит меня. Но я не хотел бы стеснять соседку, если для нее эти звуковые феномены не забава, а работа. Я могу приходить домой

позже...

— Ах, нет, нет! Я непременно скажу мисс Бульвер. Она непозволительно молода... то есть я хотела сказать: непозволительно оригиналка по своей молодости. Изобретательница! — с долей презрения закончила миссис Адамс свою аттестацию.

Спольдинг заинтересовался.

— Оригиналка? Изобретательница? И что же она изобретает? Да вы войдите в комнату, миссис Адамс!

Но миссис Адамс не так была воспитана, чтобы заходить в комнату одинокого холостяка. Она осталась у двери.

— Благодарю вас, но я тороплюсь, — ответила она. — Я не хочу сказать ничего плохого о мисс Бульвер, но все эти изобретатели немножко того. — И Адамс повертела толстым пальцем с двумя обручальными кольцами возле лба. — Она говорит, что изобретает такую песенку, от которой заплачет весь мир: и грудной младенец, и столетний старик, и счастливая невеста, и жизнерадостный юноша, даже кошки и собаки. Она так говорит: «И тогда я буду Королевой слез», — это ее собственные слова, я ничего не прибавляю.

Миссис Адамс позвали, она извинилась, одарила на прощанье Спольдинга улыбкой и ушла.

...Во втором этаже находилась широкая застекленная веранда, выходящая в садик с чахлыми деревцами и двумя клумбами.

Веранда была своего рода клубом для жильцов миссис Адамс. Здесь стояли столики, плетеная мебель, искусственные пальмы в углах, горшки с цветами на подоконниках и клетка с зеленым попугаем, любимцем хозяйки. Вечерами здесь играли в шахматы и домино, болтали, танцевали под граммофон, читали газеты, иногда пили чай и закусывали.

До сих пор Спольдинг не посещал этого клуба, где собирались мелкие служащие, кустари, продавцы вразнос, неудачливые комиссионеры и агенты по сбыту патентованных средств, начинающие писатели, студенты, — дом был большой, жильцы часто менялись. Теперь Спольдинг зачастил в клуб и здесь встретился с мисс Бульвер.

Прежде чем познакомиться, он несколько дней изучал ее. Аттестация, данная миссис Адамс, совершенно не подходила к этой девушке. Она совсем не походила на оригиналку, а тем более на «тронутого» изобретателя. Простая, спокойная. Черты лица правильные, приятные.

— Вы называете себя Королевой слез? — спросил однажды Спольдинг.

Бульвер улыбнулась.

— Я хочу стать ею. И не только Королевой слез, но и Королевой радости, Королевой человеческого настроения, если хотите.

— Заставлять людей плакать или смеяться? Разве это возможно?

— А разве это и сейчас не существует? — ответила Бульвер вопросом на вопрос. — Разве вы не встречали впечатлительных, простых людей, которые не могут удержаться от слез, когда слышат звуки похоронного марша, исполняемого духовым оркестром? И разве у этих людей не начинают ноги сами приплясывать при звуках плясовой песни? Когда мы до конца проникнем в тайну веселого и грустного, у нас заплачут и засмеются не только самые чувствительные и впечатлительные люди. Мы заставим плясать под нашу дудку само горе, а радость — проливать горячие слезы.

Спольдинг улыбнулся.

— Да, это зрелище, достойное богов, — сказал он. — И вы полагаете, что из этого можно извлекать доллары?

— Мой патрон, мистер Гоуд, полагает, что да. Иначе он не субсидировал бы, хотя и в очень скромных размерах, моих опытов.

— Мистер Гоуд? Чем же он занимается?

— Механическим производством веселья и грусти. Он фабрикант граммофонных пластинок.

И девушка рассказала Спольдингу историю своих деловых отношений с мистером Гоудом.

Лючия Бульвер окончила консерваторию по классу композиции. Уже на последних курсах консерватории она занялась теоретической работой, которая ее чрезвычайно увлекла. Она хотела постичь в музыке тайну прекрасного. Почему одна последовательность звуков оставляет нас равнодушными, другая раздражает, третья пленяет? На эти вопросы не было ответа ни в теории гармонии и контрапункта, ни в сочинениях по эстетике и психологии. Тогда Бульвер взялась за теоретические работы по акустике и физиологии.

— И какую же практическую цель вы преследовали? — спросил Спольдинг.

— В начале этой работы я не думала ни о какой практической цели. Открыть тайну прекрасного! Изучая узоры нотописи и звукозаписей, я пыталась в этих узорах найти закономерности. И кое-что мне уже удалось. Потом попробовала сама составлять узоры и переводить их в звуки, и, представьте, у меня начали получаться довольно неожиданные, оригинальные мелодии.

Однажды я принесла мистеру Гоуду сочиненную мной песенку. Случайно вместе с нотами выпал из портфеля один из таких узоров. Мистер Гоуд заинтересовался, спросил меня, что это за кабалистика. Я объяснила. Мистер Гоуд сказал:

— Интересно. Пожалуй, из этого может выйти толк. Вы знаете, я скупаю у композиторов новые песни и романсы... Монополюю. Только для моих пластинок. В нотном издательстве они не появляются. Но с композиторами, не обижайтесь, трудно ладить. Как только композитору удастся написать одну-две популярные песенки, он начинает зазнаваться и заламывает несуразно высокую цену. Этак и разориться недолго. И вот, если бы вам удалось изобрести аппарат, при помощи которого можно было бы механически фабриковать мелодии, ну хотя бы так, как получается итоговая цифра на арифмометре, — это было бы замечательно. Я больше не нуждался бы в композиторах, освободился бы от их капризов и чрезмерных претензий. Чудесно! Посадить за аппарат рабочего или машинистку — и пожалуйста! Одна хорошенькая мелодия за другой падают вам в руки. Только верти ручку, и деньги сами посыплются. И мир будет наводнен новыми песнями. Сможете это сделать, мисс?

Я ответила, что у меня не было мысли о полной замене художественного творчества машиной и едва ли это возможно.

— Математические исчисления не менее сложны, чем ваши композиционные измышления, а тем не менее счетные машины прекрасно заменяют работу мозга. Попробуйте. Я могу субсидировать ваши опыты. Если же вы добьетесь удачи, ваше будущее вполне обеспечено.

Я приняла это предложение.

— И каковы же ваши успехи? — спросил Спольдинг.

— Мне удалось уже овладеть кое-какими эстетическими формулами для математического построения мелодий. И если эта работа пойдет с таким же успехом и дальше...

По веранде прошла миссис Адамс. Был поздний час, веранда почти опустела. Бульвер пожелала Спольтингу покойной ночи и ушла.

Эврика!

После того как Спольтинг узнал, чем занимается Бульвер, он потерял к ней всякий интерес, как к «сфинксу без тайны».

Месяц спустя после разговора с Бульвер Спольтинг однажды, возвращаясь домой в вагоне подземной железной дороги, прочитал в газете:

«Концерну Бэкфорда угрожает крах».

Спольтинга интересовало все, что касалось возвышения и падения людей — от судьбы Наполеона до истории миллионов Ротшильда и Рокфеллера. И он внимательно прочитал газетную заметку. Оказалось что Бэкфорд был одним из «гегманов» — профессионалов-шутников, нечто вроде французских конферансье. Это Спольтинг знал. Но дальше для него были новости. Оказалось, что «торговля смехом» поставлена в Америке на широкую ногу. Выдумывание острот — такой же «бизнес», как и изготовление шляп или запонок. И крупнейшим «концерном» такого рода являлось предприятие мистера Бэкфорда — «первого гегмана в Америке». Он придумывал и продавал остроты, писал скетчи, юмористические номера для музыкальной комедии, для работников эстрады, клоунов и комиков театра. Нажив на этом небольшое состояние, он начал покупать и перепродавать чужие остроты, собирать и систематизировать «мировые запасы смехотворения» — юмористические книги, исторические анекдоты, граммофонные пластинки с юмористическими записями. Его каталог содержал более сорока тысяч острот, шуток, анекдотов. Весь материал систематизировался по темам, пронумеровывался, каталогизировался. Любую шутку можно было найти в течение двадцати секунд.

Каждый год каталог пополнялся на три тысячи номеров. Чтобы отобрать первые сорок тысяч, Бэкфорду пришлось просмотреть более трех миллионов шуток и острот. Заказчик требовал, чтобы в программах, составленных Бэкфордом, слушатель смеялся не менее восьмидесяти раз в час. Бэкфорд перевыполнил это требование: слушатели смеялись от девяноста до ста раз, а в самых лучших программах даже — рекордная цифра — сто двадцать раз в течение получаса. По теории Бэкфорда, зрители и слушатели не гонятся за новыми шутками, которые к тому же трудно изобретать. Все, что требуется от профессионала, — умело подобрать старые остроты.

Теория эта как будто оправдывалась жизнью, по крайней мере дела «концерна» шли успешно. Бэкфорд оброс «дочерними» предприятиями: кино, мюзик-холлами и прочими и даже обзавелся банком. И вдруг все это солидное здание начало давать трещину за трещиной. По необъяснимой причине слушатели и зрители смеялись все реже и реже: семьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать раз в продолжение часа вместо восьмидесяти, девяноста, ста «обязательных». Сбыт сокращался...

Почему? Спольтинг задумался. Быть может, Бэкфорд не учел изменившихся обстоятельств. Кризис. Общее тревожное настроение в стране и во всем старом мире. Чувство неустойчивости, неуверенности. Бэкфорд был грубый практик. Он не пытался ответить на вопрос теоретически. Заглянуть, вскрыть при-

роду смешного. Изучить психологию современного зрителя, слушателя, читателя. Меняются люди, меняется их отношение и к смешному. То, что смешило вчера, вызывает сегодня недоумение. Понятие смешного подвижно и разнообразно. Но какие-то общие принципы смеха должны существовать. Быть может, они сводятся к пяти-шести основным «формулам». И если их найти и уметь применять сообразно людям и обстоятельствам, люди начнут смеяться безотказно. А почему же нет? Надеется же Бульвер найти принципы прекрасного! И если да, то... ведь это же золотые россыпи! Бэкфорд был и остался мелким кустарем. Он не понял, что смех не только валюта, но и могущественная сила. Как заманчиво обладать секретом смеха, заставляя хохотать всяких людей при всяких обстоятельствах!

У Спольдинга даже руки похолодели. Что же надо делать? Во что бы то ни стало вырвать у смеха его тайну. Изучать вопрос теоретически и практически. И затем действовать. Нет основного капитала! Для начала можно предложить свои услуги этому гетману и банкиру Бэкфорду, а потом...

Спольдинг так увлекся, что хлопнул ладонью по газете и неожиданно для себя крикнул на весь вагон:

— Эврика!

Соседка испуганно посторонилась, а Спольдинг, взглянув в окно, вновь вскрикнул, но уже от досады на себя: задумавшись, он проехал пять лишних остановок. Под смех пассажиров он кинулся к выходу.

С того дня Спольдинг засел за работу...

Путь к славе

Спольдинг сделал пометку на полях толстой тетради, походил по комнате, достал с книжной полки том Марка Твена, раскрыл заложенную страницу и прочитал подчеркнутые карандашом строки:

«Есть ли у вас брат? — Да, мы звали его Билль. Бедный Билль! — Он, значит, умер? — Этого мы никогда не могли узнать. Глубокая тайна витает над этим делом. Мы были — покойный и я — близнецы, и когда нам было две недели от роду, нас купали в одной лохани. Один из нас утонул в ней, но никак нельзя было узнать который. Одни думают, что Билль, другие, что я...»

Спольдинг засмеялся, тотчас нахмурился, задумался. Бросил на стол томик Марка Твена и снова зашагал по комнате.

— В чем тут секрет смешного?

Спольдинг открыл книгу Анри Бергсона «Смех». «Смешной является косность машины там, где должны быть подвижность, внимание, живая гибкость человека. Человек, действующий как мертвый автомат. Вот один из секретов смешного. Человек бежит по улице, спотыкается, падает. Прохожие смеются. Человек занимается своими повседневными делами с математической правильностью. Но вот какой-то злой шутник перепортил окружающие его предметы. Человек погружает перо в чернильницу и вытаскивает оттуда грязь, думает, что садится на крепкий стул, и растягивается на полу...»

«А ведь это верно! — удивляется Спольдинг. — Ведь это же стандарт всех комических трюков наших американских кинокартин! Однако мне необходимо испытать действенность этого на отдельных людях. Кстати, вот стул со сломанной ножкой, вот...»

Миссис Адамс подошла к двери и с любопытством заглянула в замочную скважину. Спольдинг стоял перед зеркалом и делал страшные гримасы. Стук в

дверь отвлек его внимание.

Кто бы это мог быть? Ну, конечно, это миссис Адамс идет справиться, не нужно ли мне чего. Испытаем на ней.

— Войдите!

Миссис Адамс открывает дверь. Спольдинг делает навстречу ей несколько шагов. На полпути ноги у него заплетаются, и он глупо во весь рост растягивается на полу. Но миссис Адамс не смеется. Она истерически вскрикивает и бросается к Спольдингу.

— Вы ушиблись? Что с вами? Боже, я так испугалась!..

— Ничего, ничего, легкое головокружение, миссис. Садитесь, прошу вас, в кресло. Я тоже присяду. Голова еще кружится.

Спольдинг садится на стул со сломанной ножкой и, идиотски вытаращив глаза, с грохотом падает на пол. Адамс окончательно испугалась. Растерянно заметалась.

— Вы больны, мистер, это совершенно очевидно. И лицо ваше изменилось, оно страшно искажено, неподвижно. Такое лицо бывает у... очень больных!

Увы, смешная, как казалось Спольдингу, гримаса, вызвала не смех, а испуг.

Когда, наконец, хозяйка ушла, Спольдинг бросился к своим книгам. В чем причина неудачи?

Ему казалось, что он нашел объяснение: для смеха необходима нечувствительность к объекту смеха. Но в том-то и дело, что к нему, Спольдингу, миссис Адамс равнодушна. А можно ли рассмешить влюбленную в тебя женщину? Конечно, можно. Надо только найти секрет...

Понемногу он одолевал тайну смешного.

Скоро Спольдинг стал «душой общества», собиравшегося на веранде (он вновь начал появляться там). Возле него неизменно раздавался смех.

— Мы не знали, что вы такой веселый, — говорили пансионеры.

Веселых любят, и Спольдинг чувствовал растущие к нему симпатии.

Постепенно он ставил себе все более трудные задачи: смешил угрюмых, больных, чем-либо огорченных и расстроенных людей. У него еще были неудачи, ошибки, но он все легче исправлял их, зато были и настоящие победы. В пансионе Адамс появился новый жилец, отставной офицер Баллонтайн, человек необычайно мрачного характера и исключительных жизненных неудач. Говорят, только за последний год он потерял половину своего состояния, левую ногу и жену, покинувшую его из-за невыносимого характера. При этом он болел печенью и отличался необычайной раздражительностью. Никто не видел его не только смеющимся, но и улыбающимся. И вот такого человека Спольдинг решил рассмешить. Об этом знали все, кроме самого Баллонтайна, заключались крупные пари. Спольдинг уже вступал на арену смехотворца-профессионала.

Как будто не обращая внимания на старого брюзгу, Спольдинг начал демонстрировать свои испытанные номера. Баллонтайн сидел на низкой софе, обняв скрещенными пальцами колено здоровой ноги, и смотрел на Спольдинга черными сердитыми глазами. Кругом все покатывались со смеху, у Баллонтайна хоть бы мускул дрогнул на лице. Ставившие на Спольдинга начали уже с беспокойством перешептываться: быть может, Баллонтайн глух, как никогда не смеявшийся дядюшка в рассказе Марка Твена?

Но тут неожиданно Баллонтайн взорвался. И взрыв его смеха был похож на

пушечный выстрел, причем по законам отдачи его корпус откинулся назад, а затылком он так больно ударился о стену, что на несколько минут потерял сознание: ему прикладывали холодные компрессы и давали нюхать спирт.

Торжество Спольдинга было полное.

Веранда становилась тесна для его экспериментов. И он решил поработать гегманом в мюзик-холле. У него уже была солидная теоретическая подготовка, какой не имеют артисты, и у него был собран большой материал острот и анекдотов всех времен и народов. Не мудрено, что успех пришел к нему сразу, а за успехом и довольно крупные заработки. Спольдинг щедро расплатился с миссис Адамс и, к ее величайшему огорчению, переехал на новую квартиру в центре города.

Получив солидную теоретическую и практическую подготовку, Спольдинг решил предложить свои услуги Бэкфорду. Спольдинг уже имел некоторую известность, и ему без особого труда удалось проникнуть к Бэкфорду, поговорить и убедить взять его к себе в качестве «научного консультанта».

Спольдинг рьяно принялся за работу. Ознакомился с каталогом «шедевров мировых острот и шуток», с граммофонными пластинками, кинотекой. Дело Бэкфорда было рассчитано на массовый сбыт, и потому Спольдинг принялся изучать среднего американца — его вкусы, его натуру. Нужно было выяснить, почему рекордные программы Бэкфорда не вызывают прежнего смеха и чем можно вновь вызвать этот смех. От изучения толпы, массового среднего американца Спольдинг перешел к изучению отдельных людей, типичных представителей отдельных классов и групп населения. Рассмешить безработного, рабочего, служащего, находящегося под страхом увольнения; домовладельца, оставшегося без жильцов, лавочника без покупателей; антрепренера пустующего театра. Рассмешить голодного калеку, арестанта, меланхолика. Рассмешить человека, придавленного заботой, охваченного беспокойством, тревогой. Рассмешить всех их — значит рассмешить среднего американца, от природы здорового, склонного к оптимизму и юмору.

После упорного труда Спольдингу удалось разрешить задачу.

— Вы даже мертвого заставите рассмеяться, Спольдинг! — говорил довольный своим консультантом Бэкфорд.

Можно было заняться расширением производства. И здесь Спольдинг проявил большую изобретательность.

Он расширил круг клиентов, заказчиков, обновил «ассортимент товара», изобрел новые сорта и виды продукции. Рекламные проспекты с приложением «образцов товара» рассылались актерам театра и кино, драматургам, писателям, журналистам, адвокатам, конферансье, цирковым клоунам, врачам, тюремщикам, педагогам, профессорам, парикмахерам, даже настоятелям церквей различных вероисповеданий.

«Смех как метод лечения!» — при этом приводились примеры и авторитетные заключения ученых. «Веселый парикмахер привлекает клиентуру!» — история мистера Гопкинса, парикмахера, разбогатевшего после того, как он стал пользоваться услугами концерна Бэкфорда. «Клиент м-ра Бэкфорда мистер Г. очаровал своими веселыми шутками мисс Н., богатую и красивую девушку, и женился на ней». «Театр, где не перестает звучать смех, никогда не имеет пустых мест — убедительные примеры».

Рекламы производили свое действие, спрос увеличился. К некоторому

удивлению самого Спольдинга, он завербовал довольно много клиентов среди церковных проповедников, которые как-то умудрились соединить земной грешный смех с небесной елейностью.

Появились в продаже новые пластинки фирмы Бэкфорд с записью неотражимых выступлений Спольдинга, пластинки — открытые письма с анекдотами и смешными песнями, коробки с вызывающими смех сюрпризами, фокусные смехотворные сигары, папиросы, конфеты, бинокли, стереоскопы, игрушки, зеркала, карлики, зверюшки, делающие неожиданно забавные движения или производящие смешные звуки. В ловких руках Спольдинга смех, подобно мифическому старику Протею, принимавшему разнообразные облики, становился то словом, то звуком, то красками, то формами, то тем и другим вместе. Неожиданный успех — большой доход — принесло последнее изобретение Спольдинга — уличные «киоски смеха», где прохожие за дешевую плату могли в пять минут насмеяться досыта. Они выходили оттуда со слезящимися от смеха глазами и веселыми восклицаниями. Это было лучшей рекламой, и возле киосков всегда толпились очереди.

Дела Бэкфорда поправились и быстро пошли в гору. Он был вполне доволен Спольдингом, но Спольдинг не был доволен своим хозяином. В свое время между ними был заключен такой договор: Бэкфорд платит Спольдингу ежемесячную твердую плату. Сверх этого, как только доходы Бэкфорда начнут расти, Спольдинг получает два процента — всего только два процента! — с суммы новых, добавочных доходов. Но чем больше росли доходы, тем меньшее желание проявлял Бэкфорд соблюдать договор. Бэкфорд не хотел платить два процента.



Между Спольдингом и Бэкфордом уже произошло несколько крупных столкновений. Бэкфорд даже сам провоцировал их: скорее можно будет отказаться от Спольдинга, который, по мнению Бэкфорда, был уже не нужен.

— Ну, так не будьте в претензии на меня, мистер Бэкфорд! — однажды во время такого спора воскликнул Спольдинг. — Я спас вас от разорения. На моем смехе вы нажили новые капиталы и, несмотря на свои обещания, теперь отказываетесь выдать мою часть. Так знайте же, что я сумею смехом отобрать у вас свою долю смеха, превращенную в деньги!

— Поистине это самая неудачная шутка из моего пятидесятитысячного каталога шуток и острот, — презрительно улыбаясь, ответил Бэкфорд.

— Посмотрим, для кого она будет неудачной! — угрожающе возразил

Спольдинг.

После этого Спольдинг надолго уединился, производя какие-то новые опыты.

И вот...

Вверх дном

Грузное тело мистера Бэкфорда, судорожно сотрясаясь, перевалилось через подлокотник кресла. Лицо искажено гримасой истерического смеха. Шея покрыта крупными каплями пота. Пухлая рука с массивным перстнем на безымянном пальце беспомощно свесилась, касаясь персидского ковра. Бэкфорд пытался сесть прямо, но припадок мучительного смеха снова свалил его на сторону.

Чрезвычайным усилием воли мистеру Бэкфорду, наконец, удалось приподняться и сесть прямо, откинувшись на спинку кресла.

Раскаты смеха слышались все реже, как удаляющаяся гроза. Мистер Бэкфорд начал приходить в себя, но еще не смог толком сообразить, что, собственно, произошло.

Через полуоткрытую дверь из соседней комнаты, где помещался секретариат, доносились странные, нелепые, приглушенные звуки не то смеха, не то рыданий, всхлипывания, тяжелые вздохи, стоны, отрывочные фразы и снова смех.

Наваждение какое-то!

Бэкфорд машинально посмотрел на письменный стол, покрытый толстым зеркальным стеклом. На нем лежала чековая книжка с торчащим белым корешком. Бэкфорд собственной рукой вписал в чек «десять миллионов долларов», расписался, оторвал чек от корешка и отдал Спольдингу. Бледно-синее лицо Бэкфорда становится сизым, щеки лиловыми. Новый взрыв лающего смеха вдруг переходит в неистовый рев взбесившегося осла. В ответ на этот рев в соседней комнате застонали, завывали, залаяли, зафыркали, закашляли, заохали, захохотали на разные голоса, но никто не пришел на помощь. Быть может, им самим нужна была помощь. Эта мысль помогла Бэкфорду окончательно овладеть собой — ведь он был могущественным главой фирмы, владельцем небоскреба, он был могущественным господином для всех этих подневольных безденежных людей.

Бэкфорд постарался восстановить в памяти происшедшее, но это не легко было сделать, когда по сто первому этажу билдинга Бэкфорда пронесся тайфун безумия и все перевернул вверх дном. Был знаменитый «мертвый час» Бэкфорда — от восьми до девяти утра, когда он в полном одиночестве составлял план дневной кампании — кого пускать на дно, с кем заключить временный союз, кому нанести сокрушительный удар. Если бы одновременно провалились нью-йоркская, парижская и лондонская биржи вместе с государственными банками, если бы Луна упала на Землю, никто не мог, не смел, не имел права вторгаться в его кабинет и нарушать час священнодействия.

И вот сегодня... Бэкфорд уже ориентировался в «дислокации» международных финансовых сил и принялся набрасывать краткие, но точные приказы своим директорам, агентам, биржевым маклерам, подкупленным чиновникам министерства финансов, редакторам газет, как вдруг — он не поверил своим ушам! — в соседней комнате личного секретаря послышался непристойный шум, который мог нарушит стройное течение его мыслей, тем самым

причинив Бэкфорду огромные убытки. Вслед за шумом раздался уже совершенно неприличный смех. Это было равносильно бунту, мятежу.

Глава фирмы уже протянул руку к «сигналу тревоги», как вдруг дверь резко открылась, волны безумного смеха заполнили огромный кабинет. В дверях стоял этот негодяй Спольдинг в сером костюме и соломенной шляпе. Бэкфорд немного откинул назад свою круглую голову и взглянул на незваного гостя тем испытанным ледяным, пронизывающим взглядом, от которого приходили в смущенье самые закаленные пройдохи и прожженные дипломаты.

Спольдинг выдержал этот взгляд и вдруг сделал какую-то легкую, но невероятно смешную гримасу, какой-то легкий жест, придавший неотразимый комизм всей фигуре, и сказал всего одну фразу. Сейчас Бэкфорд не мог даже вспомнить ее — нечто совершенно неожиданное, абсолютно неподходящее к месту и времени, но, быть может, именно потому до такой степени забавное, что Бэкфорд вдруг расхохотался таким непосредственным, заразительным смехом, каким не смеялся со времени своей далекой молодости. Спольдинг, не снимая шляпы, быстро прошел по ковру расстояние от двери до письменного стола, встал возле стола, оперся рукой на стеклянную поверхность и в паузе бэкфордовского смеха сказал:

— Не угодно ли, хозяин, закончить наши расчеты? Потрудитесь подписать и выдать мне чек на десять миллионов долларов!

Бэкфорд на секунду перестал смеяться и с испугом посмотрел на Спольдинга — не сошел ли тот с ума: смешить первого гегмана столь же нелепо, как угощать конфетами фабриканта конфет!

Спольдинг улыбнулся и сказал:

— Надеюсь, вы будете достаточно благоразумны. Нет? — Снова мимическая игра и какая-то новая фраза, вызвавшая у Бэкфорда неудержимый смех.

— Чек пишите на предъявителя.



Бэкфорд засмеялся, забился, как птица, попавшая в силки. Протянул руку к звонку, но припадок судорожного смеха парализовал движение. Все мышцы совершенно ослабели. Тело словно обмякло. С тоской глянул в открытую дверь — оттуда помощи ожидать не приходилось: машинистки и секретари корчились в пароксизмах смеха, словно в предсмертных судорогах страшной эпидемической болезни... А Спольдинг, этот злой гений смеха, продолжал терзать тело и нервы мистера Бэкфорда. Астмического телосложения босс начал задыхаться и прохрипел:

— Миллион!

— Десять и один! — ответил Спольдинг.

— Два!

— Десять и два! — набавил Спольдинг.

Бэкфорд превращался в кисель. Он так смеялся, что глаза закатывались, губы синели, в боках колело и не хватало дыхания. Упрямство могло кончиться плохо. Бэкфорд попросил пощады. Он готов подписать чек на десять миллионов, но не может сделать этого: у него дрожат руки. Спольдинг перестал смеяться, Бэкфорд отдышался и подписал чек. В конце концов это и не так страшно: Бэкфорд успеет сообщить в банк, чтобы деньги не выдавали. Спольдинг небрежным жестом положил чек в карман, приподнял соломенную шляпу и отпустил на прощанье такую шутку, которая сделала Бэкфорда неспособным к каким-либо действиям на время, необходимое Спольдингу чтобы спокойно уйти.

...Глубоко вздохнув, как человек, проснувшийся после кошмарного сна, Бэкфорд посмотрел на циферблат больших часов, стоявших в углу кабинета. К удивлению банкира, оказалось, что визит Спольдинга продолжался всего восемь минут и со времени его ухода прошло не больше минуты. Спольдинг должен был находиться еще в лифте. Бэкфорд схватил телефонную трубку, позвонил в банк, помещавшийся двумя десятками этажей ниже, и приказал немедленно арестовать предъявителя чека на десять миллионов долларов.

— Денег не выдавать? Чек подложный! Ха-ха-ха! О, дьявол! Вы не обращайте внимания, что я смеюсь. Это нервное... ха-ха!

Затем на тот случай, если Спольдинг не явится в банк за получением денег лично, Бэкфорд позвонил к начальнику охраны, помещавшейся в первом этаже:

— Немедленно поставьте стражу у всех дверей! Ха-ха-ха-хо! — снова расхохотался Бэкфорд, вспомнив Спольдинга. — За... за... ха-ха-хо!

«Тысячу чертей! Так он успеет убежать!...» Наконец ему удалось выговорить вторую фразу:

— Арестуйте молодого человека в сером костюме и в соломенной шляпе. Спольдинга? Знаете?! Фу, теперь можно посмеяться. Хо-хо-хо-хо! Так. Довольно. Хо-хо-хо! Довольно.

Бэкфорд позвонил личному секретарю, в кабинет вошел высокий худой человек, согнувшийся, как полураскрытый перочинный нож. Он смеялся мелким, залихватным смехом, и тело его так дергалось, будто чья-то сильная рука трясла его, как игрушечного паяца. На полпути до стола секретарь совершенно скис от смеха и обессиленный уселся на ковер. Глядя на секретаря, Бэкфорд хмурился все больше и вдруг захохотал сам.

Секретарь поднялся. Шатаясь, как пьяный, добрался до столика с графином воды. Попытался налить воду в стакан, но руки дрожали.

Позвонил телефон. Бэкфорд снял трубку... Первое, что он услышал, был смех — буйный, неуправляемый, с верещаньем. Бэкфорд побледнел. Этот серый дьявол Спольдинг, очевидно, успел заразить эпидемией смеха и первым этажом.

Басовый смех заменился теноровым — пискливым, ребячьим или женским. Видимо, разные люди пытались говорить, но смех мешал им. Бэкфорд грубо выругался и бросил телефонную трубку.

Лишь через три часа ему удалось узнать подробности происшедших событий, о которых, впрочем, он уже догадывался. И в банке и в вестибюле пытались, но неудачно, задержать Спольдинга. В банке к нему подошли три полис-

мена, но, словно сраженные пулей, через секунду они уже корчились на полу в судорогах смеха. Спольдинг принудил смехом кассира выдать деньги, смехом проложил себе путь в вестибюле среди многочисленных полицейских домашней охраны и благополучно ушел из билдинга, унося в боковом кармане серого костюма десять миллионов долларов.

— Нет, это не человек, это сатана! — прошептал Бэкфорд.

Глава фирмы был огорчен потерей крупной суммы денег, возмущен дурацкой ролью, которую ему пришлось играть, и все же он не мог не чувствовать чего-то похожего на уважение к Спольдингу. Уже то, что мистер Смех потребовал не тысячу, не миллион, а десять миллионов, поднимало его над толпой мелкотравчатых авантюристов.

Но оставить этого нельзя. Подарить ни с того ни с сего десять миллионов — не таков мистер Бэкфорд.

И Бэкфорд начал звонить в полицию, в прокуратуру, своим агентам.

Король смеха

В несколько часов Спольдинг — «мистер Смех», как уже прозвали его журналисты, — получил мировую известность. Вернее, мировую огласку получило необычайное происшествие в небоскребе Бэкфорда. Но о самом мистере Смехе, о его прошлом, о его личной жизни знали очень мало. Корреспонденты вспоминали, что под именем мистер Ризус (мистер Смех) подвизался на лучших эстрадах мюзик-холла некий юморист, чрезвычайно быстро делавший карьеру. При одном его выходе весь зрительный зал заливался гомерическим хохотом, и мистера Ризуса уже тогда называли Королем смеха. Однако он, пролетев ярким метеором, исчез с эстрады так же внезапно, как и появился. О нем забыли, дальнейшей судьбой его не интересовались.

И вот теперь мистер Ризус, Король смеха, так внезапно напомнил о себе.

Армия юрких корреспондентов и стая полицейских ищеек бросились по городу разыскивать следы Спольдинга. К удивлению самих следопытов, эти следы разыскались очень просто. Оказалось, Спольдинг снимает прекрасный особняк почти в центре города. Дом стоит посреди сада, окруженного красивой железной оградой, через которую хорошо видны дом и все дорожки английского сада. Сюда и устремились толпы журналистов, фотографов, кинооператоров.

Железные ворота и калитка оказались на запоре. На звонки никто не выходил.

Не прошло и пяти минут, как юркие люди с ловкостью обезьян перелезли через железную ограду и ринулись к дому. Но тут случилось необычайное. Стены дома превратились в экран дневного кино, а на экране появился Король смеха. В то же время заговорили репродукторы. И «нападающие», роняя «вечные» перья, блокноты и фотоаппараты, уже катались по земле в судорогах смеха. Некоторые, закрыв глаза и уши, смогли подойти к дверям дома, но двери были закрыты. Да и невозможно же интервьюировать с закрытыми глазами и ушами!

Атака была отбита. Армия журналистов с позором ретировалась.

Столь же печальна была судьба и полицейской атаки. Все полисмены падали в саду, сраженные смехом.

Старый работник полиции, предводительствовавший отрядом, выкинул белый флаг — платок. К его удивлению, экраны погасли и рупоры замолчали.

Наступило нечто вроде перемирия. Начальник направился к дому. Двери перед ним открылись.

Вернулся он минут через десять, взволнованный, задумчивый, с загадочной улыбкой на лице. Карман его френча сильно оттопырился. Он отдал своей разбитой армии приказ об отступлении. В тот же день он доложил по начальству и сообщил об этом журналистам, что мистер Смех непобедим. Единственно возможная война с ним — воздушная. Но не бросать же с аэроплана стокилограммовые бомбы в центре города.

...Город взволнован. А виновник всего переполоха спокойно сидел в глубоком кожаном кресле, курил сигару, вспоминая пройденный путь, и подводил итоги.

Спольдинг, наконец, богат. У него прекрасный отель в городе и вилла в горах. Яхта, аэроплан, автомобили... Чего не хватает ему? Жены! Ему нужна блестящая жена. Вот если бы миссис Файт! Красавица двадцати четырех лет, вдова. Владелица миллионов, фабрик и заводов. Богатейшая невеста мира. Так пишут газеты. Почему бы не завоевать смехом ее сердце и ее состояние? Это, конечно, может быть квалифицировано как принуждение, даже насилие, разбой, вымогательство. Но не все ли равно?

И Спольдинг начал разрабатывать свой новый план. Справиться с Бэкфордом было легче: Спольдинг хорошо знал Бэкфорда. О миссис Файт он знал только по газетам. Приходилось собирать дополнительные сведения через частных агентов. Файт была крупной ставкой, и надо было сделать все, чтоб не проиграть этой ставки.

Через несколько дней все было готово. Спольдингу удалось проникнуть во дворец Файт. Удалось обезоружить, повергнуть в прах и личную стражу: лакеев, камеристок. Разыскать в бесконечной анфиладе комнат миссис Файт.

Когда Спольдинг вошел, Файт курила египетскую сигару, вставленную в золотой мундштук с сапфировым наконечником. На ней было газовое стеклянное платье, розовые туфли из обезьяньей кожи с брильянтовыми пряжками.

— Не согласитесь ли вы, миссис Файт, выйти за меня замуж? — спросил Спольдинг и снабдил это предложение легкой остротой. Файт звонко рассмеялась, но тут же быстро ответила:

— Перестаньте смешить меня, Спольдинг! Вы хотите, чтобы я вышла за вас замуж? Так в чем же дело? Какая женщина откажется стать женой Короля смеха? Я согласна. И я не привыкла откладывать своих решений.

Спольдинг был так ошеломлен этим неожиданно быстрым согласием, что забыл о продолжении своей «атаки смехом». Он стоял неподвижно с полукрытым ртом и, быть может, в первый раз был смешон, не желая этого. Энергичная женщина быстро взяла инициативу в свои руки. Она позвонила. На звонок вошла седая старушка, похожая на придворную статс-даму.

— Мадам Анжело, — сказала Файт по-французски, — прошу вас немедленно вызвать сюда пастора Гоббса. Распорядитесь, чтобы подали авто. Протелефонируйте Джонсу. Через час мы вылетаем в Сан-Франциско. Три пассажира. Вес... ваш вес?

— Восемьдесят пять, — автоматически ответил Спольдинг.

— У меня семьдесят, у пастора сто. Итого двести пятьдесят пять. Багаж двадцать. Всего двести семьдесят пять. Передайте эти цифры Джонсу. Предупредите, чтобы масла и бензина хватило на весь путь.

Отпустив мадам Анжело и обратившись к Спольдингу, миссис Файт сказала:

— Пастор Гоббс повенчает нас в небе. Не правда ли, это очень оригинально? Вся Америка будет говорить об этом. А в Сан-Франциско мы пересядем на нашу яхту и...

Файт нажала вторую кнопку. Вошла камеристка. Мадлен! Скорее пальто и шляпу! Для авто.



Когда Спольдинг немного пришел в себя от неожиданности, мысли его лихорадочно заработали. Почему Файт согласилась так скоро? Не хитрость ли это? А почему ей и не быть искренней? Разве Спольдинг не молод, не красив? И разве он не герой дня? А миссис Файт — Спольдинг хорошо знал об этом — была в высшей степени тщеславной женщиной. Ее богатство обеспечивало выполнение всех ее прихотей. И лучшим, самым любимым ее удовольствием было читать о себе в газетах. Вся Америка должна была знать, как она выглядит в новом платье, что ей подавали на обед, какие духи она заказала в Париже, какие кружева в Брюсселе, во сколько обошлась ей новая ванная комната розового мрамора. Предложение Спольдинга могло очень подойти к ее тщеславным планам. Согласившись на брак, она может вскоре покинуть его, а потом рассказать об этом интервьюерам, и вся Америка будет смеяться над ним, Королем смеха! Как ловко миссис Файт обманула его! Или она может выйти за него замуж, а потом изобразить себя жертвой насилия. Тоже сенсация! И снова Спольдинг окажется в смешной роли. Или — чем не сенсация! — Файт выходит замуж за Короля смеха в небесах. Неделю, месяц газеты будут пережевывать это событие. Потом она бросит его, разведется с ним, хотя бы на том основании, что не хочет находиться под вечной угрозой быть засмеянной до смерти.

Мысли Спольдинга начали путаться. Он готовился к страшной борьбе, собрал все свои «смехотворные возможности», все силы своих нервов. Он находился в состоянии напряженной боевой готовности... И вдруг эта неожиданная разрядка. Эта столь внезапная капитуляция врага превращала его победу в поражение. Какое потрясение! Что делать, что делать! Нет, черт возьми, он не согласен! И надо просто бежать!

Спольдинг сделал уже шаг по направлению к двери, но Файт следила за ним.

— Куда же вы? — Она ловко ухватила его за рукав и посадила в низкое кресло возле себя. Спольдинг занял это унижительное положение без звука протеста. Решительно с ним делалось что-то неладное. Во всем этом есть что-то... смешное, ужасно смешное.

— Ха-ха-ха-ха-ха! — вдруг закатился Спольдинг таким залихватным смехом, каким мало кто смеялся из его жертв.

— Что с вами? — спросила Файт, с удивлением глядя на Спольдинга.

— Как это?.. — вдруг начал он, почти на каждом слове прерывая себя смехом. — Как это говорил старик Бергсон? Остроумие часто состоит в том, чтобы продолжить мысль собеседника до той точки, где она становится собственной противоположностью, и собеседник сам попадает, так сказать, в ловушку, поставленную его же собственными словами. Так у нас с вами и получилось! Вы понимаете?

— Ничего не понимаю, — ответила Файт.

Спольдинг закатился смехом еще более буйным.

Затем вдруг перестал смеяться, как будто в нем что-то оборвалось. Он замолчал и стал серьезным, даже мрачным.

— Я, увы, понял сразу слишком много. И поистине я попал в ловушку, которую сам поставил. Я до конца понял секрет смешного, и смешного больше не существует для меня. Для меня нет больше юмора, шуток, острот. Есть только категории, группы, формулы смешного. Я анализировал, машинизировал живой смех. И тем самым я убил его. Вот сейчас я смеялся. Но мне удалось и этот смех анализировать, анатомировать, убить. И я, фабрикант смеха, сам больше уже никогда в жизни не буду смеяться. А что такое жизнь без шутки, без смеха? Без него — зачем мне богатство, власть, семья? Я ограбил самого себя...

— О чем вы болтаете, Спольдинг? Придите, наконец, в себя! Или вы пьяны? — с раздражением воскликнула Файт.

Но Спольдинг, опустив голову, сидел неподвижно, как статуя, в мрачной задумчивости, не отвечая на вопросы, не обращая внимания на окружающих.

Его пришлось отвезти в больницу. Главный врач нашел у Спольдинга душевное расстройство на почве крайнего истощения нервной системы. «Величайшие артисты-комики нередко кончают черной меланхолией», — говорил врач. Но его молодой ассистент, оригинал и любитель парадоксов, уверял, что Спольдинг убил дух американской машинизации.

Невидимый свет



По всему видно, что Вироваль — знаменитый врач.

— Приходится согласиться, если это видно даже абсолютно слепым.

— Откуда вы знаете, что я абсолютно слепой?

— Меня не обманут ваши ясные голубые глаза. Они неподвижны, как у куклы. — И, тихо рассмеявшись, собеседник добавил: — Между прочим, я вертел пальцем перед самым вашим носом, а вы даже глазом не моргнули.

— Очень любезно с вашей стороны, — горько усмехнулся слепой и нервно пригладил свои и без того причесанные каштановые волосы. — Да, я слепой и сказал «по всему видно» по старой привычке. Но богатство и славу можно воспринимать не только зрением. Лучший квартал города. Собственный дом-особняк. Запах роз у входа. Широкая лестница. Швейцар. Аромат дорогих духов в вестибюле. Лакеи, камеристки, секретари. Фикси рованная высокая плата за визит. Предварительный осмотр ассистентами. Мягкие ковры под ногами, обитые дорогим шелком кресла, благородный запах в этой приемной...

— Замечательная психическая подготовка, — негромко заметил собеседник, сморщив в иронической улыбке свое желтое лицо. Он бегло осмотрел роскошную приемную Вировалья, как бы проверяя ощущения слепого. Все кресла были заняты больными, многие из которых носили темные очки или повязки на глазах. На лицах пациентов — ожидание, тревога, надежда...

— Ведь вы недавно потеряли зрение. Как это произошло? — обратился он снова к слепому.

— Почему вы думаете, что недавно? — удивленно поднял брови слепой.

— У слепых от рождения иные повадки. У вас, по-видимому, поражены зрительные нервы. Быть может, наркоз нерва, как последствие весьма неприятной болезни, которую не принято называть...

Щеки, лоб и даже подбородок слепого порозовели, брови нахмурились.

— Ничего подобного, — быстро, с негодованием в голосе заговорил он, не поворачивая головы к собеседнику. — Я электромонтер. Работая в одной из экспериментальных лабораторий Всеобщей компании электричества по монтажу новых ламп, излучающих ультрафиолетовые лучи...

— Остальное понятно. Я так и думал. Отлично! — собеседник потер руки, наклонился к слепому и зашептал ему на ухо: — Бросьте вы этого шарлатана Вировалья. С таким же успехом вы могли бы обратиться за врачебной помощью к чистильщику сапог. Вироваль будет морочить вам голову, пока не вытянет из вашего кошелька последнюю монету, а потом заявит, что сделал все возможное, и по-своему будет прав, так как ни одной монеты больше из вас уже не извлечет ни один специалист. У вас много денег? На что вы живете?

— Вы, вероятно, считаете меня простаком, — сказал слепой с гримасой отращения. — Но даже и слепой простаки видит вас насквозь. Вы агент какого-нибудь другого врача.

Собеседник беззвучно рассмеялся, собрав в морщины свое лицо.

— Вы угадали. Я агент одного врача. Моя фамилия Крусс.

— А фамилия врача?

— Тоже Крусс!

— Однофамилец?

— И даже больше, — хихикнул Крусс. — Я агент самого себя. Доктор Крусс к вашим услугам. Разрешите узнать вашу фамилию?

Слепой помолчал, затем неохотно ответил:

— Доббель.

— Очень приятно познакомиться. — Крусс дружески тронул слепого за локоть... — Я знаю, что вы обо мне думаете, господин Доббель. В этом городе торгашей и спекулянтов тысячи врачей отбивают друг у друга пациентов, прибегая к самым грязным средствам, уловкам и обманам. Но, кажется, еще ни один врач не унижал себя настолько, чтобы лично ходить по приемным других врачей, обливать конкурентов грязью и вербовать себе пациентов. Признавайтесь, что именно такие мысли приходят вам в голову, господин Доббель.

— Допустим, — сухо сказал слепой. — И что же дальше?

— А дальше я имею честь сообщить, что вы ошибаетесь, господин Доббель.

— Едва ли вам удастся переубедить меня, — возразил слепой.

— Посмотрим! — живо воскликнул Крусс и продолжал вполголоса: — Посмотрим. Я приведу вам аргумент, против которого вы не устоите. Слушайте.

Я доктор совершенно особого рода. Я не беру денег за лечение. Больше того, я содержу пациентов на свой счет.

Веки слепого дрогнули.

— Благотворительность? — тихо спросил он.

— Не совсем, — ответил Крусс. — Я буду с вами откровенен, господин Доббель, надеюсь, что и вы подарите меня своей откровенностью. Скоро ваша очередь, буду краток... Родители оставили мне приличное состояние, и я могу позволить себе роскошь заниматься научными исследованиями по своему вкусу у себя на дому, где содержу небольшую клинику и имею хорошо оборудованную лабораторию. Меня интересуют такие больные, как вы...

— Что же вы хотите мне предложить? — нетерпеливо перебил Доббель.

— Сейчас ничего, — усмехнулся Крусс. — Мое время наступит, когда вы отдадите Вировалю последнюю монету. Однако мне нужно узнать, каковы ваши сбережения. Поверьте, я не посягаю на них...

Доббель вздохнул:

— Увы, они невелики. Случай с моим ослеплением стал известен: о нем писали в газетах. Компания, чтобы скорее погасить шум вокруг этого дела, принуждена была уплатить мне сумму, которая обеспечивала меня на год. И это была большая удача. В наше время даже совершенно здоровые рабочие не могут считать себя обеспеченными на год.

— И на сколько времени у вас еще осталось средств?

— Месяца на четыре.

— А дальше?

Доббель пожал плечами.

— Я не привык заглядывать в будущее.

— Да, да, вы правы, заглядывать в будущее становится все труднее и для зрячих, — подхватил Крусс. — Четыре месяца. Гм... Доктор Вироваль, надо по-

лагать, значительно сократит этот срок. И у вас тогда не будет денег не только для лечения, но и для жизни. Великолепно! Почему бы вам тогда не прийти ко мне?

Доббель не успел ответить.

— Номер сорок восьмой! — объявила медицинская сестра в белой накрахмаленной косынке.

Слепой поспешно поднялся. Сестра подошла к нему, взяла за руку и увела в кабинет. Крусс начал рассматривать иллюстрированные журналы, лежащие на круглом лакированном столике.

Через несколько минут Доббель с радостно-взволнованным лицом вышел из кабинета. Крусс подбежал к нему.

— Позвольте мне довести вас на своей машине. Ну как? Вироваль, конечно, обещал вам вернуть зрение?

— Да, — ответил Доббель.

— Ну, разумеется. Иначе и быть не могло, — захихикал Крусс. — С его помощью вы, конечно, прозреете... в некотором роде. Вы спрашивали, что я могу обещать вам. Это будет зависеть от вас. Возможно, впоследствии я приложу все усилия, чтобы вернуть вам зрение полностью. Но сначала вы должны будете оказать мне одну услугу... О, не пугайтесь. Небольшой научный эксперимент, в результате которого вы, во всяком случае, выйдете из мрака слепоты...

— Что это значит? Я буду отличать свет от тьмы? А Вироваль обещает вернуть мне зрение полностью.

— Ну вот! Я же знал, что сейчас говорить с вами на эту тему преждевременно. Мой час еще не пришел.

Когда они подъехали к дому, где квартировал Доббель, Крусс сказал:

— Теперь я знаю, где вы живете. Разрешите вручить вам свою визитную карточку с адресом. Месяца через три надеюсь видеть вас у себя.

— Я также надеюсь видеть вас, видеть собственными глазами, хотя бы для того, чтобы доказать вам, что Вироваль...

— Не обманщик, а чудотворец? — засмеялся Крусс, захлопывая дверцу автомобиля. — Посмотрим, посмотрим!

Ничего не ответив, слепой уверенно перешел тротуар и скрылся в подъезде.

* * *

И вот Доббель снова сидит на мягком сиденье автомобиля. Денег осталось ровно столько, чтобы оплатить такси. Звонки трамваев, шум толпы затихли вдали. На коже ощущение тепла и как бы легкого давления солнечных лучей. На этой тихой улице, очевидно, нет высоких домов, которые заслоняли бы солнце. Запахло молодой зеленью, землей, весной. Доббель представил себе коттеджи, виллы, окруженные садами и цветниками. Тишину изредка нарушает только шелест автомобильных шин по асфальту. Машины принадлежат, вероятно, собственникам особняков. Крусс должен быть действительно богатым человеком, если он живет на этой улице.

Шофер затормозил, машина остановилась.

— Приехали? — спросил Доббель.

— Да, — ответил шофер. — Я провожу вас к дому.

Запахло цветами. Под ногами заскрипел песок.

— Осторожнее. Лестница, — предупредил шофер.

— Благодарю вас. Теперь я дойду сам.

Доббель расплатился с шофером, поднялся на лестницу, тронул дверь — она была не закрыта — и вошел в прохладный вестибюль.

— Вы к доктору Круссу? — слышался женский голос.

— Да. Прошу ему передать, что пришел Доббель. Он знает...

Теплая маленькая рука прикоснулась к руке Доббеля.

— Я провожу вас в гостиную.

По смене запахов и температуры — то теплой, то прохладной, по изменению отраженных от стен звуков Доббель догадывался, что спутница ведет его из комнаты в комнату — большие и малые, освещенные солнцем и погруженные в тень, заставленные мебелью и пустые. Станный дом и странный порядок водить пациентов по всем комнатам.

Чуть скрипнула дверь, и знакомый голос Крусса произнес:

— О, кого я вижу! Господин Доббель. Можете идти, Ирен.

Маленькую теплую руку сменила холодная, сухая рука Крусса. Еще несколько шагов, и Доббель почувствовал сильный смешанный запах лекарства. Звенели стекла, фарфор, сталь. Вероятно, кто-то убирал медицинские инструменты и посуду.

— Ну, вот вы и у меня, господин Доббель, — весело говорил Крусс. — Садитесь вот сюда в кресло... Однако сколько мы с вами не виделись? Если не ошибаюсь, два месяца. Позвольте, совершенно верно. Мой почтенный коллега доктор Вироваль обчистил ваши карманы даже раньше предсказанного мною срока. Видите ли вы меня — об этом, полагаю, спрашивать не нужно.

Доббель стоял, опустив голову.

— Ну, ну, старина, не вешайте носа, — Крусс трескуче рассмеялся. — Вы не пожалеете, что пришли ко мне.

— Что же вы хотите от меня? — спросил Доббель.

— Буду говорить совершенно откровенно, — отвечал Крусс. — Я искал такого человека, как вы. Да, я возьмусь бесплатно лечить вас и даже содержать на свой счет. Я употреблю все усилия, чтобы по истечении срока нашего договора полностью вернуть вам зрение...

— Какого договора? — с недоумением воскликнул Доббель.

— Разумеется, мы заключим с вами письменный договор, — хихикнул Крусс. — Должен же я обеспечить свою выгоду... У меня есть одно изобретение, которое мне необходимо проверить. Предстоит операция, связанная с известным риском для вас. Если опыт удастся, то вы, временно оставаясь слепым, увидите вещи, которых не видел еще ни один человек на свете. А затем, зарегистрировав свое открытие, я обязуюсь сделать все от меня зависящее, чтобы вернуть вам нормальное зрение.

— Вы полагаете, что мне остается только согласиться?

— Совершенно верно, господин Доббель. Ваше положение безвыходно. Куда вам от меня идти? На улицу с протянутой рукой?

— Но объясните же мне по крайней мере, что произойдет со мною после операции? — раздраженно воскликнул слепой.

— 'О, если опыт удастся, то... Я думаю, я уверен, что после операции вы сможете видеть электрический ток, магнитные поля, радиоволны — словом, всякое движение электронов. Невероятные вещи! Каким образом? Очень просто.

И, расхаживая по комнате, Крусс тоном лектора продолжал:

— Вы знаете, что каждый орган реагирует на внешние раздражения присущим ему, специфическим образом. Ударяйте легонько по ушам, и вы услышите шум. Попробуйте ударить или надавить на глазное яблоко, и вы получите уже световое ощущение. У вас, как говорят, искры из глаз посыплются. Таким образом орган зрения отвечает световыми ощущениями не только на световое раздражение, но и на механическое, термическое, электрическое.

Я сконструировал очень маленький аппаратик — электроноскоп, нечто вроде панцирного гальваноскопа высочайшей чувствительности. Провода электроноскопа — тончайшие серебряные проволоки — присоединяются к зрительному нерву или зрительному центру в головном мозгу. И на ток, который появится в моем аппарате-электроноскопе, зрительный нерв или центр должен реагировать световым ощущением. Все это просто.

Трудность заключается в том, чтобы мертвый механизм электроноскопа приключить к системе жирового зрительного органа и чтобы вы могли световые ощущения проецировать в пространстве. По всей вероятности, ваш зрительный нерв не поражен на всем протяжении. Не легко будет найти наилучшую точку контакта. Впрочем, к операции мы прибегнем лишь в крайнем случае. Ведь электрический ток может добраться до зрительного нерва и по смежным нервам, мышцам, сосудам. Вот основное. Подробности я вам объясню, если вы решите...

— Я уже решил, — ответил Доббель, махнув рукой. — В жизни мне нечего терять. Экспериментируйте как хотите. Можете даже долбить мне череп, если потребуется.

— Ну что же, отлично. У вас теперь по крайней мере есть цель жизни. Видеть то, чего еще не видел ни один человек в мире! Это не всякому выпадает на долю.

— А уж на вашу долю в связи с этим, наверное тоже кое-что перепадет! — язвительно сказал Доббель.

— Выгодная реклама, не больше, которая поможет мне отбить у Вироваля всех его пациентов. — с самодовольным смехом ответил Крусс.

* * *

— Темнота. Черная как сажа и глубокая как бездна, Впрочем, я лгу: полная темнота не имеет пространственного измерения. Я не представляю, простираются ли передо мною тысячи кубических километров или сантиметры темноты, нахожусь ли я в пустоте или же со всех сторон меня окружают предметы. Они для меня не существуют, пока я не дотронусь до них или не расшибу себе лба...

Доббель замолчал.

Он лежал на кровати в большой белой комнате. Голова его и глаза были забинтованы. Крусс сидел в кресле возле кровати и курил сигару.

— Скажите, доктор, почему вы так тяжело дышите? — спросил Доббель.

— Не знаю. Наверно, сердечко шалит. От волнения... Да, я волнуюсь, господин Доббель. Волнуюсь, наверно, больше вашего... Почему так долго ничего...

— Послушайте! — вдруг воскликнул Доббель и приподнялся на кровати.

— Лежите, лежите! — поспешил Крусс уложить голову Доббеля на подушку.

— Послушайте! Мне кажется... я вижу...

— Наконец-то! — свистящим шепотом произнес Крусс. — Что же вы видите?

— Я вижу... — взволнованно ответил Доббель, — мне кажется... если это только не зрительная галлюцинация... Бывают зрительные галлюцинации у слепых?

— Да ну же, ну, что вы видите? — вскричал Крусс, ерзая в кресле.

Но Доббель замолчал. Его лицо было бледным и таким сосредоточенным, словно он к чему-то прислушивался. Крусс поднялся, осторожно ступая, дошел до двери и нажал кнопку электрического звонка. Когда появилась санитарка в белом халате, Крусс приказал тихо, как бы боясь нарушить грезы Доббеля:

— Скорее... нитроглицерин... у меня сердечный припадок.

— Доктор! Господин Крусс! Да, да, я вижу... тьма ожила! — заговорил Доббель, как в бреду. — Проходят какие-то сгущения светового тумана...

— Какого цвета? — взвизгнул Крусс, хрипло дыша.

— Свет белый... хотя на фоне мрака кажется чуть-чуть голубоватым... Световые пятна приходят и уходят ритмически, как волны...

— Волны! — хрипел Крусс. — Проклятье! Недостает только, чтобы я умер именно сейчас. Давайте! Скорей давайте! — обратился он к вошедшей санитарке, жадно выпил лекарство, опустил веки и откинулся на спинку кресла. Хрипы становились все реже и тише.

— Прохождения световой материи бывают то короче, то длиннее, — говорил Доббель о своих видениях.

— Быть может, это работает радиотелеграф? — высказал предположение Крусс. — Ну вот, мне лучше. Мне значительно лучше. Я вас слушаю!

— Удивительно. Передо мною словно проявляется фотографическая пластинка. Я вижу больше света... Пятна, точки, дуги, кольца, волны, узкие, трепещущие лучи пересекают, пронизывают друг друга, сливаются, расходятся, переливаются... Световая сетка, узоры... Как трудно разобраться во всем этом!

— Замечательно! Бесподобно! — восхищался Крусс удачными результатами своего опыта. — Вам трудно разобраться потому, что вы еще не приспособились регулировать аппарат и не можете выделять токи различной силы. Не мудрено, ведь вы находитесь как бы в световом хаосе. Но вы быстро овладеете регулятором и сможете выделять токи от слабых до сильных любого напряжения. Да не жалейте же слов, дружище! Что вы видите еще?

— Нет больше темноты, — продолжал Доббель. — Пространство полно света. Свет разной силы и — да, да! — разной окраски — голубой, красноватый, зеленоватый, фиолетовый, синий... Вот с левой стороны вспыхнуло световое пятно величиною с яблоко. От него исходят голубоватые лучи, как от маленького солнца...

— Что такое? — воскликнул Крусс, вскакивая с кресла. — Вы видите? Не может быть! Ведь это луч солнца из окна упал и осветил полированный шарик на ручке двери. Но не можете же вы видеть этот шарик!

— Я не вижу шарика. Я вижу только световое пятнышко и голубоватые лучи, исходящие от него.

— Но как? Почему! Какие лучи?

— Мне кажется, я нашел разгадку, господин Крусс. Энергия солнечного луча, осветившего шарик, начала вырывать с металлической поверхности шарика электроны.

— Да, да, да, да! Вы правы. Вы совершенно правы. Как только я сразу не догадался! А ну-ка, сделаем такой опыт. Вы, конечно, не видите, где находятся

провода электрической лампы? Так. Теперь я включаю свет. Электрический ток двинулся, и...

— И я увидел электрический провод. Светящаяся линия проходит по потолку, — Доббель указывал пальцем, Крусс утвердительно кивал головой, — по стене... а вон там, в углу, происходит утечка тока. Вам придется пригласить монтера... Дальше провод проходит через ряд комнат, спускается в первый этаж, выходит на улицу... Я вижу и горящую электрическую лампу. Вот она. Только я вижу не свет, а токи электронов от накаливаемого волоска...

— Термионная эмиссия, или эффект Эдисона, — кивнул головой Крусс.

— А знаете что, господин Крусс? — весело сказал Доббель. — Я вижу кое-что и более интересное, чем эффект Эдисона в горящей лампочке. Вижу, даже не поворачивая головы. Будьте добры, подойдите к моей кровати. Так. Здесь ваша голова? А здесь ваше сердце?

— Совершенно верно... Гром и молния! Неужели вы... неужели вы видите электротоки, излучаемые моим мозгом и сердцем? Хотя что же тут удивительного? Ведь в каждой клетке нашего организма происходят сложные химические процессы, сопровождаемые электрическими явлениями. Но сердце и в особенности мозг — это настоящие генераторы.

— От вашей головы исходит мягкий лиловый свет. Он усиливается, когда вы усиленно думаете. А когда волнуетесь, разгорается пламенем ваше сердце, — сказал Доббель.

— Вы клад, Доббель! Вы золото! Вы незаменимый для науки человек! Ведь гальванометр не может рассказать всего, как вы! Я горжусь собою... и вами, Доббель. Сегодня вечером мы покатаемся с вами по городу в автомобиле, и вы расскажете мне о ваших видениях!

* * *

Перед Доббелем открылся новый мир. Тот вечер, когда Крусс катал его по городу в авто, навсегда остался в памяти Доббеля. Этот первый вечер был совершенно волшебным, фантастическим.

Доббель видел свет всюду, где только имелся электрический ток, а где нет электричества в большом городе! Доббель видел вспышки высокого напряжения, которые дает магнето автомобильного двигателя. Моторы трамваев катились по улицам, как китайские колеса фейерверков, отбрасывая от себя снопы искр — электронов. Словно расплавленные канаты, висели вдоль улиц трамвайные провода. Вокруг них были такие мощные магнитные поля, что светом наполнялась вся улица. Доббель видел, вернее угадывал, как свет — ток от воздушного токонесущего провода — бежал по бугелю под крышу вагона к контроллеру на передней площадке, затем под пол — в железную раму вагона, в ось, в колеса, в рельсы, в подземный кабель. Многочисленные кабели ярко светились под землей. Кое-где они были неисправны, и Доббель отчетливо видел уходящие в землю голубоватые ветвистые ручейки — утечка тока. А позади себя, далеко на окраине города, он видел зарево и целые каскады огня. Там была расположена одна из многих городских электростанций с ее мощными альтернаторами. Они-то и излучали эти огненные каскады.

Любопытно было смотреть на многоэтажные дома. Доббель не видел стен. Он видел только ярко светящуюся сложную решетку проводов электрического освещения и более слабый свет телефонных проводов, как бы светящийся скелет небоскребов. По этим скелетам Доббель узнавал отдельные здания города.

Там и сям в домах виднелись косматые световые пятна — моторы.

Все пространство было наполнено рассеянным светом от проходящих радиолучей, а над городом, до самых звезд, как бы связывая небо с землей, текли световые потоки, ливни, реки света — то была игра космических лучей, вырвавшихся из недр солнца электронов и магнитных токов самой Земли...

— Не один ученый дал бы выколоть себе глаза, чтобы видеть все это! — восторженно воскликнул Крусс, слушая описания Доббеля. — Кстати, будьте готовы, Доббель. Завтра вас интервьюируют журналисты крупнейших газет, а послезавтра я демонстрирую вас в научном обществе.

Изобретение Крусса произвело сенсацию. Несколько дней подряд все газеты наперебой трубили с нем, и Крусс купался в лучах славы. Доббеля тоже непрерывно интервьюировали и фотографировали, а затем он начал получать письма с деловыми предложениями.

Военное ведомство предполагало использовать Доббеля для перехватывания во время войны радиотелеграмм противника. Доббель воспринимал волны радиотелеграфа как ряд световых вспышек разной продолжительности. Преимущество Доббеля перед приемной радиостанцией заключалось в том, что ему не надо было перестраиваться на длину волн: он видел их все — и длинные и короткие.

Крупная фирма «Электроремонт» предлагала ему работу — контроль над утечкой тока в подземных кабелях и обнаружение так называемых бродячих токов, причинявших повреждения подземным кабелям и разным металлическим конструкциям. Фирма подсчитывала, что живой аппарат — Доббель — обойдется дешевле монтеров и техников, вооруженных обычными аппаратами, определяющими место утечки тока.

Наконец, Всеобщая компания электричества сделала ему предложение — служить живым аппаратом при опытных работах в научной лаборатории компании. В экспериментальной лаборатории испытывались различные системы катодных трубок и ламп, осциллографов, аппаратов, излучающих ультрафиолетовые и рентгеновы лучи, искусственные гамма-лучи; здесь изучалась вся шкала электромагнитных колебаний, делались опыты бомбардировки атомного ядра, изучались свойства космических лучей. Такой живой аппарат, как Доббель, конечно, мог быть очень полезен при производстве опытов над невидимыми лучами.

Крусс разрешил Доббелю принять предложение Всеобщей компании электричества.

— Но жить вы будете по-прежнему у меня, — сказал Крусс. — Так мне будет удобнее. Ведь договор наш остается еще в силе. Я не произвел еще над вами всех интересующих меня наблюдений.

* * *

Для Доббеля вновь началась трудовая жизнь.

Ровно в восемь утра Доббель уже сидел в лаборатории, где всегда пахло озоном, каучуком и какими-то кислотами. Производились ли опыты при солнечном свете, или же вечером, при свете ламп, или, наконец, в полной темноте, Доббель всегда был окружен своим призрачным миром светящихся шаров, колец, облаков, полос, звезд. Машины гудели, жужжали, трещали. Доббель видел, как возле них возникают сияющие магнитные поля, как срываются потоки электронов, как эти потоки изгибаются или ломаются в пути под влиянием

хитроумных электрических преград, сетей и ловушек. И Доббель объяснял, объяснял и объяснял все виденное. Две стенографистки записывали его речь.

Он видел интереснейшие световые феномены и делал ученым сообщения о вещах совершенно неожиданных. Когда начинала работать гигантская электромагнитная установка, которая была больше и тяжелее самого большого паровоза, Доббель говорил:

— Фу, ослепнуть можно! Эта машина наполняет ярким светом целый квартал города, а крайние пределы светящегося магнитного поля выходят далеко за окраину города. Ведь я вижу весь город насквозь — электрический скелет города, вижу сразу во все стороны. Я теперь вижу все вещи и вас, господа. Электроны облепили меня, как светящийся улей. Вон у господина Ларднера искры уже сыплются с носа, а голова господина Корлиса Ламотта напоминает голову Медузы Горгоны в пламени. Я отчетливо вижу все металлические предметы, они горят, как раскаленные, и все связаны светящимися нитями.

При помощи Доббеля, говорящего и мыслящего аппарата, было разрешено несколько не поддававшихся разрешению обычным путем научных вопросов. Его ценили. Ему хорошо платили.

— Я могу считать себя самым счастливым среди слепых, но зрячие все же счастливее меня, — говорил он Круссу, который ежедневно выслушивал его отчеты о работе и продолжал на основании их свои изыскания по усовершенствованию изобретенного им аппарата.

И вот настал день, когда Крусс сказал:

— Господин Доббель! Сегодня истек срок нашего договора. Я должен исполнить свое обязательство — вернуть вам нормальное зрение. Но вам тогда придется потерять вашу способность видеть движение электронов. Это все-таки давало вам преимущество в жизни.

— Вот еще! Преимущество быть живым аппаратом! Не желаю. Довольно. Я хочу иметь нормальное зрение, быть нормальным человеком, а не ходячим и болтающим гальваноскопом.

— Дело ваше, — усмехнулся Крусс. — Итак, начнем курс лечения.

* * *

Настал и этот счастливейший день в жизни Доббеля. Он увидел желтое, покрытое морщинами лицо Крусса, молодое, но злое лицо сестры, помогающей Круссу, увидел капли дождя на стеклах большого окна, серые тучи на осеннем небе, желтые листья на деревьях. Природа не позаботилась встретить прозрение Доббеля более веселыми красками. Но это пустяки. Были бы глаза, а веселые краски найдутся!

Крусс и Доббель некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Доббель крепко пожал руку Крусса.

— Не нахожу слов для благодарности...

Крусс отошел от кресла, приподняв правое плечо.

— Благодарить незачем. Для меня лучшая награда — успех в моей работе. Я же не шарлатан, не Вироваль. Вернув вам зрение, я доказал это всем — надеюсь, его приемная очень скоро опустеет... Но довольно обо мне. Вот вы и зрячий, здоровый, нормальный человек, Доббель. Можно позавидовать вашему росту, вашей физической силе и... что же вы теперь намерены делать?

— Я понял ваш намек. Я больше не ваш пациент и потому не должен обременять вас своим присутствием. Сегодня же перееду в отель, а затем подыщу

себе квартиру, работу.

— Ну что ж, желаю вам успеха, Доббель.

* * *

Прошел месяц.

Однажды Крусса попросили сойти вниз, в вестибюль. Там стоял в пальто с приподнятым воротником и со шляпой в руке Доббель. Струйки дождя стекали на паркетный пол с полей его шляпы. Доббель выглядел уставшим и похudevшим.

— Господин Крусс! — сказал Доббель. — Я пришел еще раз поблагодарить вас. Вы вернули мне зрение. Я прозрел...

— Вы лучше скажите, удалось найти вам работу?

— Работу? — Доббель желчно рассмеялся. — Я прозрел, господин Крусс. Прозрел вдвойне. И я хочу просить вас... ослепить меня. Сделайте меня слепцом, навсегда слепцом, видящим только движение электронов.

— Добровольно подвергнуть себя ослеплению?! Но ведь это чудовищно! — воскликнул Крусс.

— У меня нет другого выхода. Не умирать же мне с голоду.

— Нет, я не сделаю этого, решительно отказываюсь! — горячо возразил Крусс. — Что подумали бы обо мне! И потом вы опоздали. Да. Занимаясь электроноскопом, я внес в него кое-какие конструктивные изменения, запатентовал и продал патент Всеобщей компании электричества. Теперь каждый человек может с помощью моего электроноскопа видеть электроток. И компания не нуждается в таких ясновидящих слепцах, каким были вы, Доббель.

Доббель молча надел мокрую шляпу и в раздумье посмотрел на свои сильные, молодые руки.

— Ладно, — сказал он, в упор взглянув на Крусса. — Они годятся по крайней мере на то, чтобы сломать всю эту чертову мельницу. Прощайте, господин Крусс! — И он вышел, хлопнув дверью.

Дождь прошел, и на синем осеннем небе ярко сияло солнце.

Изобретения профессора Вагнера

Материалы к его биографии, собранные А. Беляевым Творимые легенды и апокрифы I. Человек, который не спит

Иван Степанович Вагнер, профессор 1-го Московского университета по кафедре биологии, давно известен своим ученым коллегам как исключительно разносторонний ум, талантливый изобретатель и смелый экспериментатор. Широкой же публике Вагнер стал известен всего пять лет назад, когда ему пришлось выступить в качестве обвиняемого по так называемому «собачьему делу» в народном суде.

У меня сохранились газеты того времени. Вот как в одной из них корреспондент, присутствовавший на суде, описывает внешность профессора Вагнера:

«В его каштановых волосах, окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза говорили о здоровье. Ему нельзя было дать более сорока лет».

А в это время профессору Вагнеру было за пятьдесят.

Обвинялся он в похищении собак для производства научных опытов. На суде выяснились очень интересные обстоятельства. Оказывается, профессор Вагнер изобрел средство от усталости, а также средство против сна; сон же, по словам профессора, представляет собой болезнь.

Вагнер поставил себе задачей охватить большее количество знаний, чем то, которое может вместить человеческий мозг. И профессор добился этого благодаря тому, что, не нуждаясь в отдыхе и сне, мог работать почти двадцать четыре часа в сутки. Кроме того, путем тренировки он выработал способность думать обеими половинками мозга независимо одна от другой. Его глаза двигались также независимо один от другого, и Вагнер мог, таким образом, наблюдать за несколькими явлениями сразу. Он мог писать одновременно правой и левой рукой...

Все это и многое другое выяснилось на «собачьем процессе», и имя профессора Вагнера сразу сделалось известным публике, читающей газеты. Его так и называли: «Человек, который не спит».

Я был одним из тех, которые заинтересовались профессором Вагнером. Мне очень хотелось познакомиться с ним. Случай пришел мне на помощь. Я познакомился с Вагнером в Крыму, в Симеизе, мы имели с ним несколько интереснейших бесед.

Потом Вагнер куда-то исчез. Вообще он довольно часто меняет места жительства, что не мешает ему читать лекции в Московском университете. Для этого он пользуется радиопередачей. И только для практических занятий он является в Москву на месяц или на два. Все его ученики преуспевают, и университетское начальство не возражает против такого заочного метода обучения.

Итак, он исчез, хотя его голос пунктуально слышался в аудитории. Слухи о его необычайных опытах и изобретениях продолжали передаваться из уст в уста. Я тщательно записывал эти рассказы. Некоторые из них казались мне настолько неправдоподобными, что я ставил в записной книжке на полях

знак вопроса, чтобы проверить правдивость рассказа, когда встречу Вагнера или узнаю его адрес. Говорили, что он в Ленинграде занимается какими-то радиоопытами, что собирается на Новую Землю, но адреса он никому не сообщал. И лишь недавно он неожиданно напомнил о себе. На своем коротковолновике однажды вечером я принял от него радиотелеграмму. Он слал мне привет и сообщал адрес.

Я тотчас же переписал все рассказы о его изобретениях, которые мне пришлось услышать, и послал ему, прося сообщить мне, что в них правда и что ложь. Его ответ убедил меня, что мои опасения были не напрасны. Увы, более половины моих документов о профессоре Вагнере оказались апокрифами. Творимые легенды возникали на моих глазах. Среди этих легенд были не только рассказы об изобретениях Вагнера, но и любопытные эпизоды из его жизни. Для иллюстрации я приведу некоторые из этих выдуманных историй, прежде чем перейти к подлинным происшествиям. Во всех записях я старался дословно передавать речь рассказчиков.

II. Случай с лошадью

На ежегодных скачках 21 мая 1926 года в Ипсоне[83] всеобщее внимание привлек розыгрыш главного приза в пять тысяч фунтов стерлингов. Среди трехлеток прекрасных английских скакунов выделялись два претендента на первенство: светло-золотистая Лорелей и рыжий красавец Викинг. Большинство ставок было поставлено на этих двух лошадей, уже показавших свои необычайные качества на тренировочных пробегах. Но Викинг, по всеобщему признанию, имел больше шансов на выигрыш.

Скачки начались. Не прошло и минуты, как Лорелей и Викинг выдвинулись из строя на голову, а еще через несколько секунд Викинг опередил своих соперников уже на полтора корпуса.

— Bravo, Викинг! — кричала исступленная толпа. Победа, казалось, была за ним. Но вот на повороте случилось событие, которое, вероятно, надолго останется в памяти тех, кто присутствовал на этом дерби.

Викинг словно обезумел. Он не свернул на повороте, а понесся прямо на загородку, расшибся и упал. Налетевшие сзади лошади едва не раздавили бедного Викинга вместе с его жокеем. Избавившись от одной опасности, они попали в другую. Часть толпы, ставившая на Викинга, пришла в бешенство. Почтенные джентльмены, сами рискуя попасть под копыта лошадей, спрыгивали с трибун на скаковую дорожку с явным намерением, растерзать предателя жокея. Они не сомневались, что жокей был подкуплен владельцем Лорелей, крупным купцом, шелковым оптовиком. К счастью, опытный жокей не пострадал при падении. Он учел момент и побежал от гнавшейся за ним толпы с такой скоростью, словно хотел принять участие в скачках вместо выбывшего из строя Викинга.

Злость и негодование проигравших на Викинге были так сильны, что многие из сбежавшихся к месту происшествия толкали Викинга в живот ногою. Это было безобразное зрелище. Толпа запрудила всю беговую дорожку. Пришлось на время прекратить скачки. Трибуны напоминали кратер вулкана, наполненный кипящей лавой. И эта лава человеческих страстей была не менее страшна, чем магма.

Когда первое волнение улеглось, немедленно приступили к следствию. На помощь жокею вовремя подоспел отряд полисменов, которые и спасли его от

самосуда толпы. Жокей, конечно, клялся и божился, что он ни в чем не повинен и сам не знает, что с Викингом; обыкновенно конь слушался малейшего движения руки. Толпа не верила словам жокея, но, так как никто не мог доказать его виновности, следствие временно было направлено в иную сторону. Викинга подняли на ноги и тщательно осмотрели. Грудь его была серьезно повреждена, часть кожи и мяса сорвана, но это были свежие ранения от удара о загородку. Глаза и ноги лошади были как будто не повреждены. Она смотрела нормально. Викинга хлестнули хлыстом и посмотрели, как он пойдет. Шатаясь, Викинг двинулся вперед. Перед ним был столб. Викинг, как слепой, шел на столб, не сворачивая. И, лишь ударившись грудью, остановился.

— Он ослеп! — слышались голоса.



Один джентльмен подошел и махнул перед глазами Викинга шляпой. Викинг невольно вздернул голову.

— Видит!

— Он помешался! — крикнул кто-то.

— Разве лошадь может помешаться? — возразили ему. — Они бесятся, но это бывает совсем иначе.

Викинга отвели от столба, стегнули, и он вновь пошел. Удивительное дело! Он шел только по прямой линии, не сворачивая ни направо, ни налево. В конце концов он зашел в тупик между двумя киосками и стоял там, словно он, стгорая со стыда, хотел уйти ото всех, никого не видеть. Опытные конюхи сразу определили, что Викинг без посторонней помощи не может выйти из тупика, в который зашел лишь потому, что тупик лежал на пути его прямолинейного странствования.



Теперь уже ни у кого не оставалось сомнения в том, что Викинг болен

странной болезнью прямолинейности. Это не снимало обвинения с жокея, но все же несколько разбивало уверенность в том, что болезнь лошади — его рук дело. Жокеи слишком привязываются к лошадям, и было трудно допустить, что жокей мог пойти на такое преступление. Испортить лошадь могли чужие. Но как жокей недосмотрел?

Толпа опять бросилась к жокею:

— Болел чем-нибудь Викинг?

— Болел, — отвечал жокей. — Конюх говорил мне, что Викинг накануне скачек плохо ел и плохо пил. Мистер Джиббс, владелец Викинга, даже хотел отказаться от участия в скачках, но мистер Томпсон, ветеринарный врач, сказал, что это пустяки и что к утру все пройдет. Он сам обещал наблюдать за Викингом. И действительно, мистер Томпсон пробыл в конюшне Викинга всю ночь...

Продолжение следствия было после скачек. И уже не толпа, а следователь допросил мистера Томпсона. Ветеринар уверял, что, кроме легкого недомогания, которое произошло по вине конюха, нарушившего режим кормления, Викинг ничем болен не был. Да и в настоящее время он, Томпсон, затрудняется определить болезнь Викинга, хотя должен констатировать, что Викинг действительно болен: он может ходить лишь по прямой.

Для диагноза болезни Викинга были привлечены лучшие силы медицины и ветеринарии, но никто ничего не мог понять. Прекрасная лошадь была испорчена. Но кем, когда и как? Викинг задал ученым неразрешимую загадку.

Вот тут-то на сцену и выступил профессор Вагнер, который в это время находился в научной командировке в Оксфорде. Прочитав в газетах о том, что никто не может понять болезнь Викинга, Вагнер написал письмо в редакцию:

«Викинг теперь стоит не дороже своей рыжей шкуры. Убейте Викинга, вскрыйте ему череп, и вы узнаете, в чем заключалась его болезнь».

Это было сказано так решительно, словно Вагнер уже посмотрел, что делается в голове больного Викинга. А ведь Вагнера даже на скачках не было.

Владелец Викинга послушался этого совета и, убив лошадь, вскрыл череп. И что же обнаружилось? У Викинга не хватало части мозга. Очевидно, подкупленный кем-то ветеринар ночью проделал эту операцию и так удачно зашил места сечения на голове лошади, что никто не заметил следов операции. Томпсон отрицал это преступление. Но в результате тщательного обыска были найдены улики, и в конце концов Томпсон сознался. За последнее время он получал столько угрожающих писем, что в тюрьме почувствовал себя безопаснее, чем на свободе.

После этого случая имя профессора Вагнера стало известно и в Англии...

(Сообщено т. А. А. К.)

* * *

Иван Степанович Вагнер написал на обратной стороне последнего листа этой рукописи:

«Выдумки. Ничего подобного со мной не было. В мае 1926 года за границу не выезжал. При двустороннем удалении лобных долей мозга у лошади, как и у собаки (над которыми я сам производил опыты), могли действительно обнаружиться такие странности: животное (конечно, и человек), лишенное лобных долей, обнаруживает непрочность статической координации, неспособность поворачиваться из стороны в сторону, благодаря чему оперированная

таким образом собака всегда бежит по прямому направлению и, забившись в угол или в тесный закоулок, не в состоянии выйти оттуда без посторонней помощи.

Как видите, все это похоже на случай с Викингом. Но... во-первых, я просматривал лондонские газеты за это время и не нашел ничего похожего на описанный вашим знакомым случай. Во-вторых, если бы этот случай произошел, то в Лондоне нашлось бы немало ученых, которые смогли бы понять болезнь Викинга, не представляющую ничего загадочного для всякого, кто изучает рефлексологию. А в Англии ее изучают не меньше, чем у нас. В-третьих, болезнь Викинга, конечно, обнаружилась бы на первом же повороте от его конюшни, и жокей не явился бы на скачки с такой лошастью».

III. О блохах

Однажды приехал профессор Вагнер в Париж. Его пригласил к себе для научной консультации наш соотечественник доктор Воронов, тот самый, который занимается вопросом омоложения. Идет Вагнер по Парижу из гостиницы к Воронову и видит на одной улице дом, а на доме вывеска:

«Здесь дают представления ученые блохи».

Профессор Вагнер решил нанести визит своим ученым коллегам. Блохи оказались действительно замечательными. Танцевали кадрили, передвигали пушечки, катали друг друга в картонных экипажах, боксировали и даже катались на крохотных велосипедиках.

Владелец блошиной труппы, когда узнал, что его усатый посетитель — ученый, разговорился и показал Вагнеру самые лучшие номера. В заключение сеанса директор накормил всю труппу на собственной руке и отпустил отдыхать. После обеда блоха поспать любит.

— Одно плохо, — говорил владелец блошиного театра, — уж очень малы ростом мои артисты. Теперь редко у кого встречается хорошее зрение. Если зрители очень низко наклоняются, то артисты их в нос щелкают, а издали мало кто видит. Через линзы смотреть тоже неудобно: блоха движется и то уйдет из поля зрения, то из фокуса выйдет. Но зато какие сильные и умные животные! Ведь они тянут тяжести, в несколько сот раз превышающие вес их тела. А их прыжки! Обыкновенная человеческая блоха имеет в длину: 2,2 миллиметра самец и три-четыре миллиметра самка. Ну, и в высоту миллиметра два — два с половиной. А прыгать блохи могут вверх на целый метр. Да и вперед почти на столько же. Это значит — почти в пятьсот раз больше своего роста! Что же было бы, если бы блоха была ростом с человека?

— Да — сказал Вагнер и задумался.

Так, задумчивый, и к доктору Воронову пришел.

Воронов обрадовался дорогому гостю. Все свои новинки показывает: юношу лет восемнадцати — бывшего старика — и грудную старушку. Перелечили ее малость, и она превратилась в грудного младенца.

— Но это ничего, — говорит Воронов, — она у меня скоро вырастет и говорить начнет. Вот только не знаю, не придется ли ее заново языкам учить. Она хорошая лингвистка была.

Вагнер слушает, а сам этак сквозь усы: «Да, да, да...» А потом говорит:

— Все это очень хорошо. А блоху в рост человека вы можете сделать?

Воронов даже рот открыл.

— Зачем? — спрашивает.

— Ради науки, для опыта.

— Нет, — говорит Воронов, — прямо скажу, не могу.

А сам даже покраснел от стыда.

— Так я и думал. А я сделаю, — заявляет Вагнер. — Дайте мне только помещение да блох побольше.

И начал Вагнер опыты делать. Парижанки ему блох приносили, а он кормил этих блох вытяжками из каких-то желез и витаминами «ижица».

Вырастил Вагнер дюжину блох ростом с черного таракана и подарил владельцу блошиного театра. Очень благодарил Вагнера владелец. Весь Париж ходил смотреть на диковинных блох, пока не случилась маленькая неприятность: одна блоха-таракан угодила в лоб самому господину президенту республики, отчего в голове его перепутались государственные дела первейшей важности. Крамольную блоху убили, а на остальных цепочки надели, чтобы слишком высоко не запрыгивали. Вагнера из-за этой блохи из Франции едва не выслали. Однако уцелел.

На полный человеческий вырост Вагнер пустил только две блохи, чтобы на корм меньше денег выходило. И стали эти две блохи расти не по дням, а по часам. Держал он их в клетке на цепочке, а кормил кровью. Каждый день с боен в бочках кровь привозили.

Вы представляете себе, что такое блоха, если ее увеличить раз в тысячу? Нет зверя страшнее! Даже сторожа из зверинца, приставленные к этим блохам, тряслись от ужаса. А когда блохи протягивали сквозь прутья клеток свои щупальца и жала, у сторожей ноги подгибались и они из комнаты убегали. и вот случилось несчастье. Когда длина блохи-самки была равна ста семидесяти семи сантиметрам (самец имел рост немного меньше), а мускулы и челюсти сделались сильнее львиных, выскочила блоха-самка из клетки. Порвала цепи, прогрызла за ночь заднюю деревянную стенку и через дырку — прыг! — ускакала.

А это было как раз в ночь под четырнадцатое июля — национальный французский праздник, взятие Бастилии. В этот день весь Париж на улице. И вдруг такое происшествие! Блоха в рост человека тоже как бы разрушила свою Бастилию, разорвала цепи и прыг на улицу! А на улице народ с раннего утра уже толпится.

«Зверинец» Вагнера помещался на улице Кювье, рядом с зоопарком. Блоха в несколько прыжков пересекла весь Париж. Она перескочила одним прыжком через винные склады, которые занимают целый квартал, вторым прыжком перемахнула через Собор Парижской богородицы на другую сторону Сены, потом двинулась обратно, в два-три прыжка долетела до Дома инвалидов, перепрыгнула его, следующим гигантским прыжком перелетела через Эйфелеву башню. Триста метров высоты не составляли для блохи никакого затруднения. Она перелетела башню еще на двести метров выше, причем в воздухе едва не столкнулась со стайкой парящих аэропланов. Площадь Йены и площадь Этуаль были следующими этапами. Усевшись на Триумфальной арке, она решила отдохнуть.

Публика вначале с восторгом приветствовала появление крылатого «зверя». Все были уверены, что это один из замечательнейших номеров уличного карнавала. Может быть, какой-нибудь изобретатель решил в этот день преподнести нации сюрприз — новый летательный аппарат типа геликоптера с

вертикальным подъемом и спуском. Для большего же эффекта изобретатель придумал своему аппарату такой чудовищный вид. Правда, об опытах Вагнера знал весь Париж. Но никто не предполагал, что блоха выглядит так чудовищно.



Скоро, однако, восторг толпы сменился ужасом. Блоха, отдохнув на Триумфальной арке, неожиданно спрыгнула на улицу в гущу толпы и вдруг, схватив какого-то веселящегося гражданина своими щупиками, вонзила острый хоботок в левое плечо. Парижанин отчаянно закричал. Толпу охватил такой ужас, что все стояли несколько минут как окаменелые, а потом бросились бежать, словно их подхватила волна отлива. Блоха спокойно высосала граммов семьсот крови и, выгнув хоботок, прыгнула на арку. Француз, побледневший от потери крови и испуга, упал. К счастью, блоха не высосала всей крови, а ее в жилах француза было 5 740 граммов. Потеря двух тысяч граммов угрожала бы смертью. Но блоха удовлетворилась меньшим. Может быть, так ей легче было прыгать. И она предпочитала пить крови поменьше, но чаще.

Через несколько минут она опять слетела с арки, напала на какую-то старушку и всадила ей в спину хоботок. Отведав старушечьей крови, блоха вынула жало и обратила свой взор на молоденькую модистку. Блоха сделалась настоящей кровопийцей.

На место происшествия уже спешил отряд полиции. Но не успели полицейские дать залп, как блоха вскочила на арку, хотя уже и не так легко, как прежде.

Перепрыгнув через отряд полицейских, блоха поскакала по Елисейским полям, перелетела через площадь Согласия и опустилась на лужайку в саду Тюильри.

Профессор Вагнер уже знал о происшествии. Он поспешил отдать распоряжение поскорее убить вторую гигантскую блоху-самца. Если б и самец вырвался на волю, то было бы плохо. Что, если бы эти блохи расплодились?..

Весть о страшном хищнике быстро облетела Париж. Улицы как вымерли. Жители баррикадировали окна, опасаясь, чтобы блоха не впрыгнула к ним в дом, разбив стекла. Вооруженные отряды гонялись за блохой, но она одним прыжком скрывалась от них. Аэропланы тоже ничего не могли поделать. Не бросать же бомбы над городом!

А блоха очень хорошо чувствовала себя в городе. Человеческая кровь ей понравилась гораздо больше, чем коровья, которой кормили ее в заключении. И она продолжала свои налеты.

Париж был напуган. Блоха превратилась в какого-то чудовищного Минотавра, требующего человеческих жертв. Но не было героя Тезея[84], который освободил бы город от страшилища. Кандидаты в Тезеи являлись. Но им не удавалось убить блоху.

Многие начали поговаривать, что во всем виноват Вагнер, что, может быть, он даже со злым умыслом вырастил и пустил на Париж такую блоху. Вот и немцы начали нос задирать. Это не простая блоха...

А Вагнер не спал — ведь он никогда не спит — и думал обеими половинками мозга, как бы поправить свою ошибку. Очень все вышло неприятно, и Воронов смеется.

Мэр города Парижа вызвал Вагнера к себе и говорит ему:

— Наше терпение истощилось. Даю вам двадцать четыре часа на удаление блохи. Мы и так стали ужасно малокровные от блохи.

— Давить блох, — отвечает Вагнер, — это не моя специальность, а как поймать блоху, я могу дать совет. Блоху поймает только человек, который сможет сам прыгать, как блоха. Я придумал такие инструменты, чтобы человек мог прыгать по-блошиному. Поедем на Марсово поле, я вам покажу.

Поехали. Профессор Вагнер привез с собой чемодан, а в чемодане лежат какие-то пружины и красный костюм, похожий на клопа.

— Вот эти пружины, — говорит Вагнер, — надо привинтить к рукам и ногам, а костюм из резины, пневматический, надевается на тело, чтобы не расшибиться, если без привычки упадешь на бок или на спину. Кто хочет попробовать?

— Я!.. И я!.. Я!..

Вагнер выбрал одного. Надел на него резиновый костюм, к подошвам и ладоням пристроил ремешками дощечки с большими спиральными пружинками вроде матрачных, поставил человека на четвереньки и надул красную резиновую оболочку. Получился прямо гигантский клоп, напившийся крови.

— Прыгайте! — говорит Вагнер.

Молодой человек поднял передние лапы, скакнул, опрокинулся на спину, раза два подскочил и лежит на спине, как жук, лапами машет.

— Не могу, — говорит, — с земли подняться. Лучше с высоты.

Перевернули «клопа», принесли три стола, поставили друг на дружку, а наверх посадили «клопа».

— Прыгай!

Прыгнул «клоп», взвился вверх и опять на спину. Раз, другой, третий подпрыгнул — лежит.

— Ничего, научится, — успокаивает Вагнер.

И опять отнесли «клопа» на стол. И что же, наловчился-таки «клоп». Прыгнул, ударился на все четыре лапки и взвился вверх, что твоя блоха, выше дома. Опять ударился пружинами о землю и еще выше подпрыгнул.

— Bravo! — кричат.

А он, когда в третий раз на землю спустился, вдруг сам кричит:

— Как же я теперь остановлюсь? — и упрыгнул.

И правда. Вот задача! Прыгать-то он может, а остановиться не умеет.

— Держите меня! — кричит.

Побежали за ним, да где там! В три прыжка все Марсово поле пролетел.

— Пропал мальчишка! Теперь так и будет прыгать вокруг земного шара...

Однако, на свое счастье, он в реку Сену угодил. До дна нырнул, потом резиновый пузырь на спине вынес его, а люди выловили.

Как ни плохо пришлось смельчаку, от блохи еще хуже приходилось. И молодой человек, а за ним и другие молодые люди начали учиться прыгать по блошиному и скоро большого искусства достигли. Даже в строю могли прыгать. Очень это военному министру понравилось.

— Новый род войск, — говорит, — прыгуны! Через окопы очень легко могут перепрыгивать.

Стали прыгуны за блохой охотиться. Извели ее вконец. Из Парижа выгнали. Пити-есть не давали, все гнали. Подохла блоха в Аржантейле. И двадцать молодых «Тезеев» несли в Париж шкуру «Минотавра».

На радостях президент наградил профессора Вагнера орденом Почетного легиона.

— Только, — говорит, — улетайте из Парижа с первым же аэропланом!..

(Рассказ записан со слов двух лиц — тт. Н. А. П. и К. Е. Н-, Они рассказывали почти одновременно, перебивая и дополняя друг друга: отсюда некоторая невыдержанность стиля.)

* * *

Замечание профессора Вагнера:

«Опять выдумки! Со мной этого не было. Но нечто подобное я читал несколько десятков лет назад в каком-то журнальчике. Мне, кажется, начинают приписывать легендарные подвиги.

Предположение, что, если бы блоха была ростом с человека, она могла бы прыгать через высочайшие дома, совершенно неверно: упускается из виду, что притяжение Земли увеличивается прямо пропорционально массе тела или пропорционально кубу линейного увеличения. Несмотря на всю анатомическую приспособленность блохи к прыжкам, увеличенная до человеческого роста блоха прыгала бы почти так же, как человек, или чуть-чуть выше.

У меня есть один проект относительно прыгания, но совсем в другом роде. Я думал о прыгании через пропасти и реки автомобилей и даже поездов, которым сообщался бы известный разгон путем переустройства профиля пути. Мостов не нужно будет делать. Принцип американских гор. Почему бы не устроить такой прыжок вагонов через Ла-Манш? Может быть, это было бы выгоднее, чем постройка тоннеля под Ла-Маншем. Я уж присмотрел и местечко: самое узкое место канала — всего тридцать три километра. Берега крутые, скалистые. Мне только некогда заняться подсчетами. Собираюсь лететь на Новую Землю. Если будут спрашивать — зачем, говорите: разводить страусов.

Ваш Вагнер».

Разводить страусов! Это, конечно, шутка. Быть может, из таких шуток профессора, принятых всерьез и дополненных воображением, и возникли апокрифические рассказы о его изобретениях...

IV. Человек-термо

Рубцов — это я. Илья Ильич. Двадцать четыре года от роду. Румян, весел, подвижен. Товарищи называют меня Чижиком.

Товарищи — это Пронин Иван и Дашкевич Казимир, он же Казя. Пронин похож на меня, он так же молод, весел и подвижен. А Дашкевич даже на самого себя не всегда бывает похож. Он как весенняя погода: то дождь, то снег, то солнышко, то тучи, то тепло, то холодно — всего понемножку. Казя — высо-

кий, худощавый, угловатый. Он здоров, но мнителен и часто находит в себе несуществующие болезни.

Судьба забросила нас очень далеко — на острова Новой Земли. Мы работали радистами на метеорологической станции. Для меня Новая Земля была самой новой. Для Дашкевича новость Новой Земли значительно устарела. Казе надоели однообразные «киносеансы» северного сияния, надоели морозы, зимы без солнца.

— Довольно, три года отдежурил, — говорил он, — и баста! С первым же пароходом я уезжаю отсюда. А если какой-нибудь гидроплан случайно навестит нас, непременно улечу. Я болен. Я совершенно разбит. Меня лихорадит. У меня ломит все тело, как будто...

— Как будто тебя «дружески обнимал белый медведь». Слыхали. Не повторяйся, Казя! — сказал Пронин. — Ты уже третий день киснешь. Пойди к профессору Вагнеру, он, наверно, вылечит тебя.

— Вагнер не медик, — ответил Казя.

— Профессор Вагнер — энциклопедист, всеобъемлющий ум. Пойди к нему, и он очень быстро излечит твою болезнь. Вот Чижик проводит тебя.

Дашкевич нерешительно посмотрел на меня, вздохнул и сказал:

— Нянек мне не нужно. Дойду и сам... А ну как Вагнер меня прогонит! Скажет: я вам не доктор...

Пронин схватил шапку Дашкевича и нахлобучил ему на голову. В то же время я накинул Казе на плечи доху, Пронин раскрыл дверь, и мы вытолкнули нашего товарища на сорокаградусный мороз. Покончив с этим человеколюбивым деянием, мы уселись за аппараты и углубились в работу. Я принимал, а Пронин отправлял метеорологические бюллетени.

Прошел час, а Дашкевич все еще не возвращался. Профессор Вагнер жил недалеко от нас, всего в десяти минутах ходьбы. Пора бы Дашкевичу вернуться. Я уже начал беспокоиться. Волновался и Пронин.

— Трудный случай, — сказал он. — Сам Вагнер, очевидно, затрудняется поставить диагноз. Видно, всерьез заболел наш Казя...

В это время замерзшая дверь ужасно затрещала, заскрипела и открылась. Клубы пара на мгновение наполнили всю комнату, и, когда они рассеялись, мы увидели нашего друга, вышедшего из морозного облака, как Венера из морской пены. Мы внимательно смотрели друг на друга: Дашкевич на нас — с загадочной насмешливостью, мы на него — вопросительно.

Наконец Пронин не выдержал и спросил:

— Был?

Дашкевич с той же загадочной улыбкой молча кивнул головой.

— Вылечил?

Дашкевич не отвечал. Лицо его было очень красно, и он быстро и часто дышал. Очевидно, его лихорадка усилилась. Мне даже показалось, что от него пышет жаром, как от нашей железной печки, когда она накалена.

— Перелечил меня профессор Вагнер! — со смехом ответил Дашкевич и быстро прошел в свою комнату.

— Скверно! — тихо сказал Пронин. — Если Вагнер не помог, то Дашкевичу не выжить...

Мы углубились в работу. Вдруг дверь из комнаты Дашкевича открылась, и из нее вышел он сам, но... в каком виде! Он был в спортивном бескостюме.

Весь красный, словно только что парился в бане до седьмого пота, Дашкевич быстро прошел через комнату, не обращая на нас никакого внимания, открыл дверь... и вышел на сорокаградусный мороз.

Это было нелепо, неожиданно и страшно. Поступок Дашкевича был равносильно самоубийству. В несколько минут он отморозит себе руки и ноги и смертельно застудит легкие. Бедный Казя, он мог совершить это только в бреду! Однако что же мы сидим? Надо бежать на помощь, пока не поздно! Я быстро поднялся и начал надевать свою доху. От волнения никак не мог попасть рукою в рукав. Пронин уже оделся и помог мне.

— Скорей, скорей!

Мы выбежали за дверь.

Стояла светлая лунная ночь. От дома дорога шла вниз, к небольшому озеру, из которого мы брали себе воду. На этой дороге мы увидели необычайный феномен.

По дороге медленно катился огромный шар из клубов пара. На морозе пар превращался в иней, который составлял как бы внешнюю подвижную оболочку шара. Лунный свет отражался на сверкающих кристаллах инея и давал радужные ореолы. Позади шара тянулся хвост из снежных хлопьев. Можно было подумать, что по дороге катится маленькая планетка, упавшая с неба вместе со своим атмосферным одеянием. Но мы сразу поняли, что это за планетка: странный феномен оставлял на снегу ясные и довольно глубокие отпечатки босых человеческих ног. Это шел наш Казя, окутанный облаком пара, который валил от его разгоряченного лихорадкой тела.

«Быть может, это пар, — думал я, — несколько охраняет тело Дашкевича от жгучего действия холода, совершенно так же, как атмосфера охраняет Землю от действия абсолютного холода межзвездных глубин. Но надолго ли Казе может хватить его внутреннего тепла? Оно улечитя из его тела прежде, чем Казя дойдет до озера».

— Казя! Казя! Остановись! — кричали мы, преследуя облако, катящееся по дороге.

Самого Казю мы не могли рассмотреть в этом облаке пара.

Дашкевич ничего нам не ответил, но ускорил шаги. Маленькие снежные вихри закружились за ним. Он уже подбежал к берегу озера, ступил на лед, остановился и вдруг отчаянно закричал. Над местом, где он стоял, поднимался целый столб пара. Мы побежали на крик, вошли в молочный пар и осторожно, ощупью пробрались к тому месту, откуда слышался голос Дашкевича. Голос этот доносился снизу.

— Черт возьми, лед растаял под ногами! — кричал Казя. — Я провалился и теперь не могу выбраться. Когда я хватаюсь за край льда, лед тает и превращается в воду...

Я разглядел смутное пятно Казиней головы и схватил наугад руку. Да, это была рука, если только я не схватился за горящую головню: жар этой руки ощущался даже сквозь мою меховую рукавицу. «Однако какова же должна быть температура его тела?» — с удивлением подумал я.

Мы вытащили нашего друга на берег. Из ледяной ванны на сорокаградусный мороз! Но несчастный Казя в бреду и огне лихорадки не чувствовал холода и опасности. Он встряхнулся, как медведь, вылезший из воды, и побежал от нас вдоль озера. Ему легко было бежать. Он бежал по утоптанной дороге со

скоростью собаки, мы в наших меховых костюмах не могли догнать его. Скоро блестящий шар нашего «парового» друга сверкнул на бугре и скрылся.

Что делать? Бежать следом за Дашкевичем? Но мы не могли надолго оставить радиостанцию. В нашей работе и так произошел перерыв. Мы решили, что один из нас должен отправиться работать, а другой займется поисками сбежавшего больного. Но так как Дашкевич был сильнее каждого из нас в отдельности, то мы решили пригласить на помощь профессора Вагнера. Пронин поспешил на радиостанцию, а я помчался к Вагнеру.

— Что вы сделали с нашим другом? — спросил я Вагнера.

Профессор посмотрел на меня одним глазом и ответил, не отрываясь от лампового передатчика:

— Я ничего ему не сделал плохого. А что наш больной? Как он себя чувствует?

— Сбежал! — поспешно ответил я. — Сбежал, когда у него, вероятно, не менее сорока градусов температура. Голый сбежал!

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Хорошая штучка? — спросил он, указывая на аппарат. — Такой конструкции вы еще не встречали.

Аппарат был действительно занятный, но мне было не до него.

— Коротковолновик? — небрежно спросил я и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Послушайте, профессор, оставьте ваши опыты и помогите мне поймать и вернуть нашего убежавшего друга, пока он не погиб окончательно.

— При обычном порядке вещей, — ответил Вагнер, не двигаясь с места, — товарищ Дашкевич должен был давно погибнуть. И нам оставалось бы только разыскивать его мертвое обледеневшее тело. Но так как товарищ Дашкевич чувствует себя превосходно...

— Откуда вы это знаете?

— Из ваших же собственных слов. Ведь Дашкевич не погиб, даже покусавшись в озере. Он дышит парами, как паровоз, и гуляет в трусиках за Полярным кругом, как будто он на пляже в Крыму. Не беспокойтесь о вашем Казе, садитесь вот сюда и слушайте. Ведь вы сами спрашивали, что я сделал с Дашкевичем.

— Но, профессор, теперь не время...

— Самое время! Садитесь же. Уверяю вас, что с Казей ничего плохого не случится. Опыт удался.

— Опять опыт? — удивленно спросил я.

— Ну, разумеется.

Вагнер неожиданно сжал мою руку у локтя. Я вскрикнул.

— Больно? Я так и думал. У вас болят суставы, когда вы работаете с регенеративным приемником. Чувствуете повышение температуры. Ну, открыли радио, но еще совершенно не изучили характера этого зверя. То, что мы знаем о радио, это еще только детский лепет. Наши знания и область применения радио расширяются с каждым днем. Вы знаете, что короткими волнами сейчас начали пользоваться врачи для лечения некоторых болезней, искусственно поднимая радиоволнами температуру тела больных.

И вот мне пришла в голову мысль: а почему бы не отапливать искусственно человеческое тело при помощи коротких радиоволн?

— Но ведь человеческое тело естественно отапливается, — сказал я.

— Да, но этого недостаточно. Здоровый человек обладает автоматическим изменением температуры всего в пять-семь десятых градуса в продолжение суток. На болезнь организм человека реагирует повышением или понижением температуры на два-три градуса против нормы. Крайние пределы колебаний составляют всего шесть-семь градусов.

— Устойчивость нашей температуры — большой прогресс, — сказал я. — Не потому ли вымерли многие крупные животные, что они были холоднокровными, — их кровь имела почти одинаковую температуру с окружающим воздухом?

— Моя мысль не противоречит вашей. Выслушайте меня до конца. Вы знаете, каковы крайние температурные пределы жизни человеческих организмов. Простейшие организмы переносят очень низкие температуры и могут быть возвращены к жизни. Без особой погрешности можно сказать, что даже стоградусный холод не является вполне смертоносным для живых существ. Жар как будто переносится труднее: при температуре свыше пятидесяти пяти градусов Цельсия белки свертываются. Но обезвоженные белки, например куриный, могут переносить температуру даже в сто шестьдесят — сто семьдесят градусов выше нуля. Так вот я поставил себе задачей расширить пределы колебаний температуры человеческого тела, подчинить эти колебания воле человека и, конечно, сделать их безвредными для организма. Каждое теплокровное животное имеет свою более или менее постоянную температуру: у человека она равна 37° , у обезьяны — 38° , у лошади — 39° , у быка — $39,7^{\circ}$, а у голубей и кур даже $42,5^{\circ}$. Это постоянство имеет свои неудобства, и человек должен преодолеть их. Биологический прогресс не закончен. Человеческий организм должен выработать в будущем идеальный регулятор температуры.

Мы не знаем, какова была температура тела пещерного человека, но она была, конечно, выше, чем у современного человека. Теплые жилища и костюмы еще более способствовали понижению температуры тела. Это уже прогресс. Человек должен обладать идеальным отоплением тела. И тогда климат не будет иметь для него никакого значения. Такой человек-термо будет в состоянии отправиться в спортивных трусиках на Северный полюс, не ощущая никакого холода, а на экваторе он будет прохлаждаться в знойных песках пустыни. Вы понимаете, какие перспективы это откроет для человечества! Домов не нужно будет строить. Одежды не надо. Жилищного кризиса не существует. Вы можете спать на ледяном поле даже без рубашки...

— Но я могу растопить свою «кровать» и провалиться в воду, как это было с Дашкевичем.

Вагнер внимательно выслушал мое замечание.

— Необходимо, — сказал он, — обуваться в туфли или галоши, чтобы не проваливаться.

— Значит, без наряда все-таки не обойтись?

— Впоследствии можно будет регулировать температуру отдельных частей тела. Ведь и сейчас у нас не все части тела обогреваются одинаково. Концы ног могут быть холодными, а туловище — горячим.

— И вот таким человеком-термо вы сделали Дашкевича?

— Не совсем. Самопроизвольное регулирование температуры тела — это дело очень отдаленного будущего. Дашкевича я сделал искусственно человеком-термо, повышая его температуру при помощи коротких радиоволн. В

этом нет еще ничего необычного. Радиоволны сами повышают температуру тела даже тогда, когда мы не желаем этого. Моя задача сводилась к тому, чтобы найти средство расширить границы изменения температуры, не причиняя организму вреда. Вы видели Дашкевича. Как он себя чувствует?

— По-видимому, хорошо. Но он очень усиленно, часто и глубоко дышит. И от него валит такой пар, словно он из жаркой бани выбежал на морозный воздух.

Вагнер кивнул головой.

— При повышении температуры тела и при охлаждении тела действием наружного воздуха потребление кислорода увеличивается. Дашкевичу приходится усиленно работать легкими, чтобы снабжать клеточные ткани кислородом. Но одними легкими трудно доставить организму нужное количество кислорода, и на помощь приходит дыхание кожи. Ведь она тоже дышит всеми пятнадцатью тысячами квадратных сантиметров своей поверхности. Вот почему Дашкевич отправился на прогулку голым: мороз не страшен ему, а обнаженное тело лучше может справиться с кожным дыханием. И, судя по выделяемому Дашкевичем пару, он дышит кожей великолепно. Все в порядке. Не хотите ли последовать примеру Дашкевича? Я могу и из вас сделать «теплого парня» — человека-термо, и вы отправитесь на поиски вашего друга в купальном костюме, только в галошах и с одеялом под мышкой. О питании вы можете не заботиться. Вам не надо будет варить пищу: ваш желудок будет иметь достаточную температуру, чтобы в лучшем виде сварить сырую и даже мороженую рыбу. Вам нужно будет заботиться только об одном — чтобы идти в полосе радиоизлучения. Я буду действовать направленными радиоволнами. Можете взять с собою компас. Я укажу направление. Желаете проделать опыт? Уверяю вас, вы не подвергнетесь никаким неприятностям. Вам необходимо будет только приготовить свой организм. Я введу вам в кровь изобретенный мною раствор солей. Согласны вы на это?

— Да, но мне скоро надо сменять Пронина.

— Я подежурю за вас на радиостанции. Не беспокойтесь. Мы с Прониным справимся, а вы отправляйтесь за Дашкевичем. Вам не трудно будет найти его, так как, подобно вам, он не будет выходить из полосы радиоизлучения. Повторяю: Дашкевичу мороз не страшен, и ваш друг не простудится, но все же я буду спокойнее, если вы найдете его и приведете домой. Он ушел без оружия. На него могут напасть медведи, их немало шляется в здешних местах. Так по рукам?

Через несколько минут я уже стоял в трусиках посреди комнаты.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Вагнер.

— Как будто мое тело начинает наливаться огнем. Ужасно жарко!

— Привыкнете. Дышите глубже и чаще. Это у вас скоро войдет в привычку. Сердце? Дайте послушаю. Пульс? Сто. Теперь это нормально. Я вам до двухсот его догоню. Уж поистине небу жарко станет! Ну, марш! Отправляйтесь!

Вагнер широко открыл дверь, впустив клубы холодного пара. Мне было немного жутко, но я поборол нерешительность и вышел на улицу. И тотчас же пар окутал меня.

— Я ничего не вижу, — сказал я, беспомощно поворачиваясь.

— Когда вы пойдете, пар не будет вам мешать, — сказал Вагнер. — Добрый путь!

С одеялом под мышкой, в резиновых галошах я пошел по дороге, поглядывая на компас, поднесенный к самым глазам. По всему моему телу и по лицу струился горячий пот.

Собаки нашего маленького поселка, увидав странное зрелище, отчаянно залаяли и затем в паническом ужасе убежали от меня. «Если и звери будут так же бояться меня, это неплохо», — подумал я, спускаясь к озеру.

Луна уже несколько дней не заходила за горизонт, она кругами ходила по небу, наполняя призрачным светом полярную ночь. Вагнер был прав: когда я шел, пар не очень мешал мне видеть. Я следил за отпечатками ног Дашкевича на льду вдоль берега озера. Бедный Дашкевич! Ему без галош, вероятно, нелегко ходить. Там, где он останавливался, следы углублялись; горячие ноги расплавляли лед. И Дашкевичу приходилось идти, не останавливаясь по крайней мере над озерами и реками.

Странное дело: я не прошел и часа, как почувствовал адский голод и жажду. Благодаря высокой температуре в моем организме происходило усиленное сгорание, и организм требовал топлива, то есть еды.

Да, я мог не беспокоиться о приготовлении горячей пищи: мне было достаточно сырой рыбы.

Я сошел на озерный лед, расстелил одеяло, лег и положил руку на лед. Скоро лед начал таять, а рука все глубже уходила в лед. Мне пришлось опустить руку почти до плеча, прежде чем пальцы коснулись воды. К проделанной мною отдушине скоро приплыло множество рыб. Я прямо хватал их руками и поедал сырым. Никогда в жизни я столько не ел. Удивительно, как только мог выдержать мой желудок!

И я пил, пил без меры. Но этому не приходилось удивляться. Я читал, что человек под тропиками, работая на солнце, выделяет в сутки до двенадцати литров воды и таким образом освобождает количество тепла, достаточное для нагревания шести тысяч пятисот литров воды на один градус. Некий естественный регулятор тела, очевидно, путем выделения воды пытался понизить температуру до нормальных тридцати семи градусов. Усиленное же выделение пота вызвало повышенную жажду.

Насытившись и напившись, я пошел дальше, но скоро опять почувствовал голод и жажду, снова принялся за рыбную ловлю, съел вдвое больше прежнего и выпил чуть ли не пол-озера. Я сделался прожорлив, как выхухоль, съедающий каждый день столько пищи, сколько весит его тело. Интересно, чем питался Дашкевич, который должен был обладать таким же чудовищным аппетитом, как и я? Дашкевич не имел галош и одеяла, как мог он ловить рыбу? Однако скоро я заметил яму на берегу и дыру, уже полузамерзшую, в озерном льду. Очевидно, осторожный Дашкевич расплавлял снег и лед до земли и осторожно подползал к краю берега. Да, ему было трудненько добывать пищу. Надо поспешить к нему на помощь.

Я быстро шел вдоль озера. Следы босых ног Дашкевича были ясно видны. Он, как и я, шел по компасу. Луна светила ярко. Она медленно подвигалась на небе, делая круг над моей головой, словно желала посмотреть со всех сторон на необычайное зрелище — катящийся по земле паровой шар.

Кругом было пустынно и тихо. Только мое шумное дыхание нарушало тишину, как тяжелые вздохи паровоза на одинокой заброшенной степной станции.

Ледяная равнина тянулась без конца, а Дашкевича Есе не было видно. Я начал уставать, и мне хотелось спать. Судя по положению луны, уже давно наступила полночь. Надо было думать о ночлеге. Я шел, выбирая подходящее местечко. На севере горизонт потемнел. Оттуда шла туча. И звезды при ее приближении словно падали в огромный черный мешок и исчезали. Вот черный бредень тучи собрал звезды с полнеба и подобрался к луне. Еще немного, и луна оказалась проглоченной темной пастью тучи. Настала тьма.

Пошел снег. Но, попадая на горячую паровую оболочку, окружавшую меня, хлопья снега превращались в капли дождя, и они падали на мои обнаженные плечи и спину, как на раскаленную плиту, и превращались в пар, а с ног стекали на землю горячим потом. Да, как это ни странно, находясь за Полярным кругом в студеную зимнюю ночь, я попал под влажный тропический ливень. Но этот ливень существовал только для меня. Кругом бушевала метель.

И как это бывает на севере, когда небо покрывается тучами, воздух потеплел. Температура с сорока градусов ниже нуля поднялась, вероятно, до пяти ниже нуля. Я же испытывал настоящую жару. Я не мог еще регулировать свою температуру. Короткие радиоволны нагревали меня так, что я чувствовал себя, как в жгучий полдень под экватором. Капли дождя нагревались, прежде чем достигали моего тела, и не могли охладить ужасного жара. Я несколько раз бросался на землю, чтобы охладиться, и чувствовал, как погружаюсь в снег, который буквально плавился от моего разгоряченного тела.

Наконец снежный буран прекратился. Черный бредень тучи начал обратно вытряхивать звезды. Скоро выглянула луна. Я оглянулся назад и увидел сверкающую на пушистом снегу ледяную полосу, которую оставил замерзавший позади меня дождь, стекающий с моего тела.

Пора отдохнуть. Я разложил на снегу одеяло — оно было влажное от дождя — и растянулся на нем. Но я не рисковал простудиться, одеяло начало быстро высыхать, лишь только мое тело прикоснулось к нему; от одеяла пошел пар, как от влажного белья, которое гладят слишком горячим утюгом.

Я крепко уснул. Открыв глаза, я ничего не увидел: очевидно, тучи вновь затянули небо. Однако такой черной, непроницаемой темноты я еще никогда не видел. Внимательно осматриваясь, я, наконец, заметил звезду над самой моей головой. Что за странность! Как будто тучи покрывали все небо за исключением маленького кружочка в зените. Я быстро поднялся и пошел вперед, но тогда ударился о ледяную стенку. Повернул в сторону, сделал несколько шагов — опять стенка. Это было непонятно. Я хорошо помнил, что уснул на совершенно ровном и открытом месте, а теперь я находился в какой-то ледяной пещере.

Я пошел назад и упал в яму, которая находилась посреди пещеры. Дойдя до стен, я обошел вокруг. Стены были гладкие, ледяные и нигде не имели выхода. Ледяной пол пещеры имел покатость к центру и в центре — большую впадину. Вся пещера имела вид полушария с небольшим отверстием в потолке. Быть может, это жилище каких-нибудь местных жителей, которые нашли меня на льду и принесли к себе в юрту. Но эта юрта не имела ни дверей, ни окон, и притом в ней никого не было, кроме меня.

Каким образом я попал сюда? Единственно только через отверстие в потолке. Оно находилось над моей головой на высоте четырех метров. Удивительно, как я не расшибся, если меня сбросили оттуда! Да, я в ловушке. В этой мы-

шеловке я умру с голоду, если не выберусь отсюда. Но как? До дыры в потолке не долезть. Стены? Я постучал в стены. Они, видимо, были очень толсты. Непонятная история! Я сел на землю и начал тереть себе лоб. Подо мною не было одеяла, и я чувствовал, как мое тело медленно погружается в таявший подо мною снег. Внезапно я хлопнул себя по голове и расхохотался.

Ну да, конечно! Все очень просто. Я сам засадил себя в эту тюрьму. Когда я уснул, мое горячее тело растопило снег вокруг меня. Несмотря на одеяло, я медленно погружался в снег, пока не оказался лежащим на каменистой почве, как бы в центре воронки. Пар, выходящий из моего тела, смерзлся и падал вокруг меня инеем, образуя ледяное кольцо. Оно постепенно нарастало, превращалось в стенку, которая замкнулась сверху сводом. Горячее дыхание пробило в этом своде дыру совершенно так же, как в берлоге медведя, засыпанного снегом. Я оказался в центре ледяного купола. От теплоты моего тела стенки этого полушария подтаивали внутри и наращивались снаружи инеем, в который превращалась теплота, выходящая из отверстия.

Это, однако же, удивительно! Я спокойно уснул на голой ледяной равнине, а проснулся в собственном ледяном доме, таком прочном, что ни один медведь не проникнет в него. Дом, который вырос самостройкой. Это очень удобно. К сожалению, архитектор не предусмотрел устройства двери. Впрочем, это дело поправимое.

Я подошел к ледяной стене самостройного дома и, согнув голову, прижал ко льду темя. От стенки повалил пар, и на землю потекла вода. Лед быстро таял. Скоро я почувствовал, что голова моя прошла сквозь стенку. Окно было готово. Я крутил головой, расширяя дыру, затем втянул голову назад и посмотрел наружу.

Передо мной была все та же снежная бесконечная равнина, залитая лунным светом. Я повернул голову налево, направо. Вдруг увидел недалеко белого медведя. Нет, это медведица с двумя медвежатами.

Медведица подняла голову и расширенными ноздрями втягивала пар, выходящий из сделанного мною окна. Теплый мех и толстая шкура, очевидно, не предохраняли медведей от действия направленной короткой радиоволны. От медведицы и медвежат валил густой пар. Звери испытывали непривычное и, видимо, неприятное чувство жара. Они мотали головой, тыкались носом в снег, поднимались на задние лапы и махали передними, как бы обдувая себя, потом вдруг валились на землю и начинали кататься в снегу. Медвежата ревели таким густым басом, какого нельзя было ожидать от младенцев их возраста, хотя бы и медвежьего происхождения.

Вся почтенная семья, видимо, была очень голодна. И я был голоден не меньше их. Мы с большим аппетитом смотрели друг на друга. Я хотел пообедать медвежатиной, они — человечинной. Ледяная стена разделяла нас, и мы могли только облизываться, глядя друг на друга. Пар, исходящий от моего тела, вероятно, был необычайно приятен для обоняния медведицы. Она поднялась на задние лапы и всунула морду в окошечко. Я схватил ее за нос. Медведица заревела, отшатнулась от окна, но не убежала. Столь не деликатное обращение раздражило медведицу, а известно, что всякое раздражение у несложных натур только возбуждает аппетит. Плотно поглядывая на меня, медведица засунула лапу в окно и начала ломать стенку. Лед был довольно толстый, стена не легко поддавалась, однако кусок за куском отлетал под могучи-

ми ударами, и дыра расширялась.

Дело принимало для меня скверный оборот. У медведицы было гораздо больше шансов пообедать мною, чем у меня — полакомиться медвежатиной. Надо было подумать о бегстве. Я подошел к противоположной стене и начал протаивать вторую дыру. Работа моя подвигалась довольно успешно, но и медведица не теряла времени даром. Она работала уже двумя лапами. Еще немного, и дыра расширится настолько, что медведица в состоянии будет проникнуть в домик. И тогда конец...

Еще одно усилие, и моя голова вынырнула за стенку. Теперь надо расширить дыру. Я приложился плечами к ледяной стенке. Готово. Можно вылезать.

Но не успел я и наполовину продвинуться, как невольно вскрикнул и втянулся назад: передо мною стояла медведица. Хитрое животное поняло мой маневр. Медведица, видя, что я вылезая из домика, обежала вокруг и встретила меня оскаленными зубами.

Когда лакомый кусок уходит из-под носа, нос, естественно, следует за лакомым куском. Медведица попыталась последовать за мной. Но дыра была для нее узка, и медведица, всадив в дыру с разбегу голову и правую лапу, завязла в окне. Временно она была лишена свободы. Этим надо было воспользоваться. Я выбрался наружу через первое оконце, расширенное медведицей, и побежал.



Нет, я не бежал, я летел со скоростью штормового ветра в десять баллов. Луна хорошо освещала мне путь. Я бежал по гладкой ледяной дорожке, оставленной дождем, стекавшим с моего тела во время снежной бури. Однако эта дорожка скоро кончилась, и я побежал целиной.

Я оглянулся назад. Далеко позади двигалась черная точка, а за нею — две поменьше. Медведица высвободилась из своего капкана и догоняла меня со своими медвежатами. Теперь шло состязание на скорость, а ставкой была сама жизнь. Успею ли я добежать до дому?.. Время от времени я оглядывался и с ужасом замечал, что преследовавшие меня точки все увеличивались. Скоро я

уже мог различить фигуры белой медведицы и ее детенышей. От быстрого бега я задыхался. К тому же я давно не ел и ослаб от голода. Но страх придавал мне силы. Я уже приближался к озеру, находившемуся недалеко от нашего дома.

Если пересечь небольшой залив, то можно сократить путь. Но на беду во время этого бешеного бега я потерял галоши. Бежать же без галош через озеро по льду было очень опасно: я мог провалиться, как Дашкевич. И я решил свернуть в сторону. Но не успел я отбежать и десятка метров, как почувствовал жгучую боль в правой руке. Боль и ожог. Я не мог понять, в чем дело, и продолжал бежать. Еще несколько шагов направо, и меня охватил ледяной холод. Невольно я свернул влево, и опять благодетельное тепло разлилось по всему телу.

Несколько раз повторялось это ощущение. Когда я выбегаю из луча радиоволны, температура моего тела понижается до нормальной, и я начинаю испытывать окружающий холод. Температура же воздуха, должно быть, не менее тридцати градусов ниже нуля. Для голого человека — не шутка!

Я принужден бежать по прямому направлению. Но это прямое направление ведет меня через озерный лед. Я оглянулся назад. Пока я остановился и размышлял, медведица успела значительно нагнать меня. Она бежала ровной переваливающейся иноходью, как будто небыстрой, но очень спорой.

Я вновь пустился бежать. Вот и лед. Если бежать очень быстро, он не успеет подтаять. Бегу. Твердый лед под моими ступнями превращается в мягкую патоку. Нога уходит в жижу, затрудняя бег. Несколько раз ноги мои увязали по щиколотку. Хорошо еще, что лед толстый... А медведица приближается.

Теперь я бегу почти наравне с медведицей. Вот она обгоняет меня. Пересекает прямую линию между мною и домом. Я отрезан... Медведица приближается ко мне. Я бросаюсь в сторону и кричу, кричу во всю силу легких. Бегу по снегу зигзагами, поднимаясь по склону холма, на котором стоит наш дом. Медведица бежит за мной. Я принужден отклониться от прямого пути. Жгучий холод схватывает раскаленными щипцами мое тело. Но я бегу, бегу, задыхаясь, стуча зубами и дрожа всем телом. Я слышу за собой тяжелые шаги медведицы. Еще одно усилие... Бр!.. Как холодно! В нескольких шагах от дома я попадаю в горячую струю радиоволны... Дверь. Только бы она не была закрыта изнутри!.. Медведица возле меня. Она поднимается на задние лапы и хочет крепко обнять меня, как дорогого друга. Я открываю дверь и вбегаю в комнату. Падаю на пол и теряю сознание...

Медведица, очевидно, не тронула меня, потому что я слышу, словно сквозь сон, голоса профессора Вагнера и Дашкевича, который, наверно, вернулся раньше меня.

— Такого рода заболевание, конечно, не может быть вызвано действием коротких радиоволн, — говорит профессор. — Товарищ Рубцов простудился. Ого! Сорок и три десятых.

«Как мог я простудиться? — думаю я. — Конечно, только выйдя из сектора направленной радиоволны. В этом главное неудобство искусственного отопления человеческого тела. Когда люди научатся произвольно регулировать свою температуру без внешних воздействий, тогда действительно можно будет безопасно гулять в костюме Адама вдоль Полярного круга».

(Рассказ записан со слов т. И. И. Р., недавно прибывшего с Новой Земли. От-

вета от профессора Вагнера по поводу этого рассказа еще не получено.)

Ковер-самолет

Впервые я узнал о профессоре Вагнере много лет тому назад. В одном журнале, который теперь трудно разыскать, я прочитал забавную историю — «Случай на скачках».

На Московском ипподроме был большой день. Афиши оповещали о «грандиозной программе», о высоких денежных призах и драгоценных призовых кубках, об участии в скачках лучших лошадей, наездников, русских и иностранных, о встрече мировых чемпионов. Скопление публики было необычайное. Завсегдатаи бегов и скачек указывали новичкам на знаменитых наездников и красивых, выхоленных до блеска призовых лошадей, называли их звучные имена, вспоминали их родословную, победы, рекорды, резвость, имена владельцев и заводов — словом, все, что может интересовать завязанного поклонника тотализатора.

И вдруг среди блестящих, гордых своею красотой представителей лошадиной аристократии кто-то заметил старую клячу. Она была так необычайно худая, что можно было легко пересчитать у нее все ребра. Разбитые ноги опухли в коленных суставах и искривлены. Голова печально опущена, нижняя отвисшая губа шевелилась, словно кляча шептала, жалуясь на свою судьбу. На кляче восседал никому не известный мальчик-жокей, босоногий, в красной ситцевой рубашке. Чьи-то зоркие глаза заметили, что мальчик привязан к лошади.

Скоро ужасную клячу, словно сбежавшую с живодерни, увидели и другие зрители. Люди смеялись, удивлялись, спрашивали, негодовали. Как могла попасть сюда эта лошадь? Кто допустил такое неслыханное издевательство? Какому безумцу принадлежит она? Смотрите: она дерзко становится в первый ряд с лучшими скакунами мира... Человек в цилиндре машет флажком. Медные трубы полкового оркестра блестят на солнце и сотрясают воздух звуками марша. Старт дан, и... тут начинается самое необычайное, фантастическое...

Мальчик-жокей в красной ситцевой рубашке низко наклоняется к спине лошади и крепко сжимает рычажок на луке седла. В тот же момент кляча начинает с такой быстротой передвигать ноги, что кажется фантастической сококоной, несущейся вихрем по ипподрому. Не успели лучшие призовые лошади отойти от стартовой линии на три-четыре корпуса, как страховидная кляча обежала круг, разорвала грудью ленту у финиша, не останавливаясь, пронеслась по кругу еще два раза и, наконец, остановилась как вкопанная, низко опустив голову с отвисшей губой; при этом что-то несколько раз хлопнуло, как хлопушка. Кляча выиграла, и владелец ее должен был взять головокружительный приз.

Минуту тысячи зрителей находились в оцепенении, а в следующую ипподром превратился в клочущий вулкан. Люди обезумели, кричали, размахивали руками, истерически визжали. Вокруг клячи быстро собралась горланящая толпа. Слышались негодующие крики:

- Обман! Жульничество! Долой!
- Смотрите, под брюхом мотор...
- Величиной с сигарную коробку...
- И тонкие рычаги прикреплены к ногам.
- Кто собственник этой клячи?
- Убить! Растерзать его! Где он?

— Вот он, в панаме... изобретатель Вагнер...

— Хоть и физик, а жулик. Бей его!..

— Господа! — старался перекричать толпу человек в панаме. — Успокойтесь. Я не ставил на свою клячу. Я не собирался обыгрывать вас... Я хотел только...

Крики негодования заглушили его голос. Над панамой поднялись кулаки, зонты, трости. Неизвестно, чем это кончилось бы, если бы Вагнер не поднял ярко сверкнувший на солнце шар величиной с бильярдный.

— Бомба! — взвизгнул он. Толпа в ужасе шарахнулась. Изобретатель исчез.

Таково было событие, описанное в журнале. Я заинтересовался Вагнером, разыскал его и, познакомившись, заговорил о случае на ипподроме. Молодой изобретатель безнадежно махнул рукой.

— Моя очередная глупость. Чепуха. Сколько раз я зарекался «не той улицей ходить» — не расшибать лбом стену. И вот очередная шишка... — И он потер лоб, на котором в самом деле была шишка. — Донкихотство.

— Могло быть хуже, — рассмеявшись, сказал я. — Вас спасла находчивость. Но о какой стене и о каком донкихотстве вы говорите?

— О стене косности, тупости, консерватизма нашего правительства и нашей общественности. Мы безнадежно отстали в технике от Европы и Америки. Мы еще с сохой не расстались. Основой нашей энергетики до сих пор являются натуральные лошадиные спины. От всего этого можно прийти в отчаянье. Не могу я с этим примириться, ну и до сих пор донкихотствую. Пользуюсь каждым удобным и неудобным случаем, чтобы убедить этих людей в том, что маленький мотор может быть сильнее большой лошади, что самодвижущийся экипаж перегонит любого рысака. — Глаза Вагнера насмешливо прищурились. — Эта кляча, которую вы видели, не живая, это автомат, механическая игрушка. Они даже не заметили этого. Увидели только моторчик и рычаги. Не правда ли, хорошо сделано? — весело спросил он, увидев на моем лице изумление, смешанное с восхищением. Вслед за этим он вздохнул. — Мне не удалось даже объяснить. Они помешаны на деньгах, на тотализаторе... Негодяи! Они заподозрили даже, что я хотел просто обыграть их. Однако перевернем эту печальную страницу и поскорее забудем о ней, — сказал Вагнер уже с обычным своим добродушием. — Меня занимает сейчас одна увлекательная идея... одно изобретение... — И он снова потер шишку на лбу.

— Это вас на ипподроме так разукрасили? — спросил я.

— Да... нет, это я сам себя. Одна идея голову распирает, и вот шишки. На лбу и на затылке. Заходите почаще, гостем будете.

Я воспользовался этим приглашением, зачастил к Вагнеру и каждый раз заставал его с новой шишкой на голове и ссадинами на руках. «Идея», как болезнь, выходила наружу. Вагнер отделялся шутками и не открывал истинной причины этих ранений. Однажды он встретил меня с забинтованной головой и перевязанной правой рукой. Весело улыбаясь, он подал мне левую руку и сказал:

— Идея созрела. Да, мне кажется, пора снимать урожай.

— Не подождать ли, пока можно будет снять бинты? — участливо спросил я.

— Пустяки. Если вы мне поможете... Отлично. Я и не сомневался в вас. Так вот, приезжайте ко мне на дачу завтра же, и вы увидите... Да вы сами увидите,

что увидите... — и Вагнер хитро прищурил правый глаз — левый был забинтован.

На другой день рано утром я сошел с поезда на заброшенном полустанке и зашагал по пустынной проселочной дороге. Кругом ни дач, ни леса. Довольно унылое, пустынное местечко. На горизонте серые крестьянские хаты — деревня Колодези — цель моего путешествия. В деревне действительно было немало колодцев с высокими журавлями. Примета: возле самого высокого журавля, в «чистой» половине крестьянской хаты, поселился Вагнер. Он встретил меня уже без бинтов, угостил крепким чаем со сливками и ржаными лепешками с маслом и сказал:

— Ну-с, если вы не устали, идемте.

Изобретатель взял со стола небольшой чемодан, в сенях захватил весло, две удочки и вышел на пыльную улицу.

— А удочки и весло зачем? — удивленно спросил я.

— Маскировка, — подмигнул мне Вагнер. — Чтобы за нами не увязались любопытные, увидав, что люди с чемоданами идут не к станции, а в поле. А так все решат, что мы отправляемся на рыбную ловлю.

У меня насчет этой маскировки было особое мнение: если что и могло возбудить любопытство туземцев, так это именно удочки. Мне было хорошо известно, что на три десятка километров вокруг не было ни реки, ни озера, где бы водилась рыба. К счастью, деревня словно вымерла — все были на полевых работах. Нам встретилась только одна древняя старушка, выползшая погреться на солнце. Увидев удочки, она долго провожала нас удивленными глазами, приоткрыв беззубый рот.

Мы вышли за околицу и бодро зашагали к так называемому старому полигону, отстоящему километра на четыре от деревушки. Здесь когда-то были военные лагеря. Огромное поле, поросшее сорняками, с одной стороны было огорожено покосившимся старым забором, с другой — замыкалось земляным валом. Возле забора и за ним возвышались огромные кучи сухого конского навоза. Вагнер остановился возле этих «авгиевых конюшен», бросил удочки и уселся на чемодан. Он всю дорогу хранил молчание. Я сторал от любопытства, но не спрашивал, зная, что скоро Вагнер сам откроет мне свою тайну. И вот этот момент наступил... Начало было неожиданное.

— Как вам кажется, хорошо ли сделан человек? Мне кажется, плохо. Хуже блохи. Вы смеетесь? Напрасно. Блоха — ничтожное насекомое. Так. А прыгает она в десятки и сотни раз выше своего роста.

Человек же — венец мироздания — прыгает в высоту на два метра и в длину на три-четыре метра, самое большее. Разве это не оскорбительно для человеческого достоинства?

— И вы решили исправить эту несправедливость природы? — спросил я Вагнера, начиная догадываться.

— Да, я смею думать, что мне удастся исправить эту недоделку. Человек научился переплывать океаны, подниматься в воздух, кататься на коньках, ходить на лыжах, влезать на гладкие телеграфные столбы. Почему бы ему не научиться прыгать по-блошиному, если не в сотни, то хотя бы в десятки раз выше и дальше своего роста? Каким образом? Пользуясь мускульной силой рук и ног и небольшим приспособлением.

Вагнер открыл чемодан и вынул оттуда четыре пружины, несколько напо-

минающие матрацные. Пружины были прикреплены к дощечкам, на дощечках имелись ремни. Две пружины были большие — для рук, — объяснил изобретатель, — и две поменьше — ножные. Вагнер быстро привязал ремнями дощечки с пружинами к ногам и попросил меня, чтобы я помог привязать пружины на руки.

— Все это пока примитивно. Испытание принципа. Главная трудность — рассчитать равновесие, — говорил он, пока я затягивал ему ремни. — Благодарю вас. Теперь вы поможете мне влезть на забор. Вот нам и весло пригодится.

Новорожденный человек-блоха влез на забор. Вернее сказать, я собственно вручную приподнял и усадил его, так как со своими пружинами он был совершенно беспомощен.

— Ну-с, итак, начинаем. Внимание! Раз, два, три!..

Вагнер прыгнул. Пружина на ноге зацепилась за выступающую доску забора, и изобретатель упал боком.

— Первый блин комом, — добродушно сказал он.

— Судя по вашим шишкам и царапинам, это далеко не первый блин, — заметил я.

— На этих пружинах — первый. Последняя модель. Помогите мне, пожалуйста, подняться и снова взобраться на забор.

Это становилось утомительным.

— Итак, начинаем.

— Продолжаем, — поправил я.

— Весь вопрос в том, чтобы удачно прыгнуть на четвереньки. Блохе прыгать легче, у нее шесть ног, — сказал Вагнер. — А ну, гоп!

Уже по тому, как он падал — головой вниз, я угадал, что прыжок снова будет неудачным. И действительно, первый удар — всею тяжестью тела — пришелся на руки. Вагнера подбросило вверх и назад. Описав дугу, он исчез за забором.

Я нашел незадачливого изобретателя на куче лошадиного навоза. Вагнер лежал на спине и копошился, как жук, который тщетно пытался перевернуться на ноги. К моему удивлению, лицо Вагнера сияло от удовольствия.

— Пружины-то, пружины каковы, а? Как подбросило! На этот раз будет толк.

И, когда Вагнер прыгнул в третий раз, был толк. Даже, пожалуй, больший, чем ожидал сам изобретатель. «Блохе» удалось опуститься на все четыре ноги и сделать прыжок. Вагнер, по-видимому, пустил в ход мускулы ног, так как второй прыжок был выше и дальше. Третий, четвертый еще лучше. И вдруг я услышал взволнованный крик:

— Держите меня! Я не могу остановиться!

Несчастный! Об этом он и не подумал. Я бросился за ним, но куда там! Вагнер, как гигантская блоха, огромными прыжками быстро удалялся от меня. Высокий земляной вал преграждал ему путь. Прыгун не мог повернуть в сторону. Еще несколько прыжков — и Вагнер ударился головой о земляной вал, перевернулся вверх ногами и упал.

— Я не пробил дыры в земляном валу? — медленно, с трудом ворочая языком, спросил меня Вагнер, когда пришел в себя. Он еще мог шутить.

Я не видел Вагнера несколько лет. Неожиданно он сам напомнил о себе, по-

звонив по телефону. Он приглашал меня к себе на дачу так просто, словно мы расстались с ним только вчера.

«Есть новости. Если позволите, я заеду за вами на автомобиле».

Не прошло и часа, как я уже ехал с Вагнером в его машине по великолепной автостраде Москва— Минск. Внешне Вагнер мало изменился, только борода его стала как будто длиннее и гуще. Он сам правил крытым автомобилем удлиненной, хорошо обтекаемой формы. Машина летела с такой скоростью, что я едва мог различить встречные мосты, красивые гостиницы, стоявшие у дороги в живописных уголках — на лесистых холмах или на берегу реки. После часа такой бешеной езды Вагнер уменьшил скорость, свернул с автострады на хорошую шоссеиную дорогу, еще с полчаса летел со скоростью пятидесяти километров в час и, наконец, остановился возле уединенного коттеджа.

— Вот мы и дома.

Мы наскоро позавтракали в уютной столовой с широким венецианским окном. Вагнер неожиданно вынул откуда-то из-под стола массивный бокал и протянул мне:

— Держите!

Я принял бокал и был очень удивлен, не почувствовав его тяжести. Поставил на стол, но не успел разжать пальцы, как бокал взлетел к потолку и там остался. Должно быть, вид у меня был комический, потому что Вагнер рассмеялся и сказал:

— Ну и вид у вас! Хоть на экран. Однако из чего же вы будете пить яблочный сидр? Сами виноваты. Других стаканов у меня нет.

— Вы, может быть, мне все-таки объясните, профессор, этот фокус? — спросил я.

— Я не фокусник и не волшебник, — ответил он, как будто немного обидевшись.

— Бокал был, кажется, металлический. В потолке же, вероятно, был скрытый магнит. Угадал я или нет?

— Все в свое время объяснится. Погода отличная, идемте подышать чистым воздухом. Но прежде я хочу взвесить вас на весах. — Он взвесил меня, зачем-то предложил положить в карман гирьки весом в 1 килограмм 800 граммов и сказал: «Пунктум».



Мы вышли из дому и направились к большому полю, которое виднелось за березовой рощей. Мне показалось, что среди поля находится озеро: между белыми стволами берез я видел блестящую поверхность, и, только подойдя ближе, я убедился в своей ошибке: большая часть поля была покрыта словно бле-

стящим войлоком, ровным и гладким. Издали этот «ковер» с матовым блеском светло-серого цвета был похож на поверхность воды.

Вагнер смело зашагал по «озеру», я совсем несмело — за ним. Посредине «ковра» площадью несколько сот квадратных метров я увидел небольшой крест, как мне показалось. Когда мы подошли к нему ближе, оказалось, что одна «крестовина» представляла собой щель в ковре, а другая — повернутый поперек щели болт, сидящий на стержне. От этого центрального креста расходились во все стороны скобы, несколько напоминающие дверные ручки.

Вагнер повернул болт так, что он стал против отверстия. В то же мгновение я почувствовал, что мы поднимаемся, как на ковре-самолете.

— Держитесь за скобы! — крикнул мне Вагнер.

Я ухватился за ручку, и вовремя, так как наш «самолет» сильно качнуло. К счастью, порывов ветра больше не повторялось, и мы так плавно поднимались, что я не мог отделаться от впечатления, будто не мы идем вверх, а земля, поле, березовая роща, дача Вагнера медленно опускаются.

— Наш ковер-самолет поднимался бы быстрее, если бы не сопротивление воздуха, — сказал Вагнер. Он сидел против меня, держась за скобу, похожую на дверную ручку. Нас разделяла щель, сквозь которую, когда ковер-самолет находился на земле, пропускался болт, удерживающий самолет от подъема, как якорь.

— Да, наш летательный аппарат не слишком-то обтекаемой формы; по крайней мере при полетах по вертикали, — отозвался я, с трудом заставляя себя говорить: до такой степени ошеломило меня это необычайное приключение.

— Теперь вы не скажете, что над нами магнит, который притягивает нас? — спросил Вагнер, хитро прищурив голубые глаза.

— Увы, это выше моего понимания, — ответил я.

Вагнер громко захохотал.

— Трудная задача, — наконец сказал он. — Вы можете вообразить, что я изобрел какой-нибудь кеворит-экран, защищающий тела от земного тяготения. Но кеворит — чистейшая и неосуществимая фантазия. Вы могли бы вообразить, что я зарядил наш ковер-самолет электричеством, одноименным с земным зарядом, и ковер-самолет отскочил от земли, как бузинный шарик...

— Я ничего не воображаю, — возразил я. — Сейчас меня интересует, как высоко мы поднимемся.

Ведь мы одеты по-летнему, и у нас нет кислородных приборов.

— Можете быть совершенно спокойны, — ответил Вагнер. — Подъемная сила нашего ковра-самолета очень невелика. Его потолок имеет всего две-три сотни метров. Видите, наш подъем уже замедляется. А когда наступит вечер, температура понизится, влажность воздуха увеличится, и наш ковер-самолет пойдет на снижение. Мой расчет совершенно точен. Пунктум. Недаром я выверил ваш вес. Ну вот. А пока... у нас есть еще много времени, и я могу объяснить вам секрет нашего ковра-самолета... Смотрите, сколько мальчишек сбежалось посмотреть на нас. И откуда только они берутся?.. Кричат, машут шапками...

Нас медленно относило за рощу. Скоро река и толпа ребят на берегу скрылись из виду.

— Так вот, — продолжал Вагнер, — все эти чудеса родились из научных ра-

бот над физикой тонких пленок, малоизвестных широкой публике. Советую вам познакомиться с этим предметом. Коротко говоря, наш ковер-самолет сделан из так называемой твердой цепи. Это тело, состоящее из множества ячеек-пузырьков. Сплав магния и бериллия. Размер ячеек меньше одного миллиметра, а толщина стенок — одна десятитысячная миллиметра. Пустоты ячеек заполнены водородом. При толщине стенок — тонких пленок — в одну тысячную миллиметра уже получается невесомый материал, а при толщине в одну десятитысячную, как у нас, металл становится летающим. При известной величине ковра-самолета из такого металла он, как видите, может поднять не только самого себя, но и добавочный груз. Простите, но я сниму ботинки — привык ходить на даче босиком, — прервал он свои объяснения, снял ботинки и поставил возле себя. — Итак, — сказал он... Но в этот момент неизвестно откуда налетел порыв ветра, наш ковер-самолет качнуло, ботинки полетели на землю, облегченный самолет рванулся вверх. Вагнер вскрикнул, и этот крик больше походил на стон. Я понял: увы, теперь нам не помогут ни ночная сырость, ни понижение температуры. Мы не могли выпустить газ, чтобы снизиться, как аэронавты. Газ нашего ковра-самолета был глубоко запрятан внутри искусственной «пенистой» структуры. Мы не могли управлять движением самолета ни по вертикали, ни по горизонтали. Мы были беспомощны. У нас не было радиостанции. Мы не имели запасов пищи и воды. Этот Вагнер — неплохой изобретатель, но очень непрактичный человек. Я был зол на него, тем более что мне уже хотелось есть и мучила жажда.

— Не напоминает ли вам наше положение старую историю о человеке, который вздумал прыгать по-блошиному? — Вагнер сердито засопел, но промолчал. — Нечего сказать, в хорошенькое положение мы попали, — продолжал я пилить его. — Ночью может наступить буря, наш ковер-самолет перевернет, и мы разобьемся. Или же мы съедим друг друга от голода, как потерпевшие кораблекрушение. Или погибнем от жажды, и наши тела будут расклеваны птицами...

Вагнер громко расхохотался.

— Я не знал, что вы такой веселый человек и умеете шутить в самых затруднительных обстоятельствах! — искренне сказал он, и мне стало стыдно. — Но положение наше не столь уж трагическое, как вам кажется. К счастью, мой ковер-самолет сварен из твердой пены, которая довольно-таки хрупка. Мы можем отламывать куски от нашего ковра, он уменьшится в размерах и опустится, как опускается плот под непосильной тяжестью. Скорее за работу!

Вагнер стал отламывать куски пористой пены, начиная с краев щели в центре ковра. Я последовал его примеру. Мы бросали обломанные куски в сторону и вниз, но они неизменно всплывали наверх и пропадали где-то в синеве неба.

— Сплав недешевый, жаль терять эти куски, но мои знакомые летчики поймают их в сети. Все эти куски будут летать на одной высоте, не выше десятка километров. Видите, мы уже снижаемся. Еще несколько кусков... Подождите бросать, под нами, кажется, озеро. Так и есть. Придется сбросить балласт. Снимайте ботинки!

Мы благополучно приземлились в зарослях орешника и привязали подтяжками и поясами изуродованный ковер-самолет, чтобы он не улетел. Домой

возвращались босиком, голодные и возбужденные...

Чертова мельница

— Прямо от станции идет через весь поселок большая улица — Советская. По ней вы и идите. Дачи окончатся, начнется полевая дорога, идите по ней мимо спортивной площадки вниз, к речке. У самой речки и будет деревня Стрябцы. Идите по улице налево до конца деревни. Второй дом слева — обратите внимание на огромные дубовые ворота — это и будет моя дача. Хозяйка, Анна Тарасовна Туликова, летом живет на мельнице. А до мельницы рукой подать. На всякий случай вы сходите к хозяйке на поклон — она женщина строгая. Скажите, что вы приехали ко мне в гости, будете ночевать и что я приеду попозже.

Таковыми напутствиями снабдил меня Иван Степанович Вагнер, приглашая к себе на подмосковную дачу. В этом году профессор Вагнер жил в Москве, так как трест точной механики по его заказу заканчивал сооружение какого-то сложного аппарата и присутствие Вагнера было необходимо. Почти все свободное время Вагнер проводил в мастерских треста, редко выезжая на дачу. Но в этот день — субботу — работы в мастерских окончились рано, и Вагнер обещал мне приехать и провести со мною воскресенье.

Я без труда нашел дачу Вагнера и пошел познакомиться с Тарасовной. Несмотря на вечер, было очень жарко. Лето и осень в том году были исключительно знойные. Маленькая речушка Илевка, на которой стояла мельница Тарасовны, совсем пересохла. Еще не доходя до мельницы, я услышал женский голос силы и высоты необычайной. Голос этот, принадлежавший вдове Туликовой, запомнился мне на всю жизнь — он прямо контузил барабанные перепонки. Притом Тарасовна обладала способностью выпускать в минуту столько слов, что даже премированная стенографистка не в состоянии была бы записать и половины. На этот раз Тарасовна обрушила все свое пулеметное красноречие на голову крестьянина, привезшего рожь для помола. Крестьянин почесывал лохматую бородавку, а Тарасовна, упершись кулаками в широкие бедра, кричала:

— Не видишь, что ли? Курица вброд речку переходит, а он — молоть! Тут лягушки передохли от суши, а ты — молоть! Самовар поставить воды не наберешь, а он — молоть! Вчера Жучка последнюю воду вылакала, а ты — молоть!..

«А он — молоть», «а ты — молоть», — звучало как припев. Крестьянин слушал долго и внимательно, потом крякнул и начал собираться в обратный путь.

Тарасовна обратила внимание на меня. Узнав, что я гость ее дачника, она снизила голос на несколько тонов, отчего пронзительность его не уменьшилась, и с деланной приветливостью пригласила меня «быть как дома».

— Неужели в самом деле даже на самовар не хватит? — спросил я, с опаской поглядывая на речку и чувствуя, что в горле у меня пересохло.

— Хватит, хватит, не беспокойтесь. У нас колодец есть. Васька! Поставь самовар гостю.

Я обернулся и увидел лежащего на траве парня лет восемнадцати; это был сын Тарасовны и ее помощник — подсыпка на мельнице. Васька лениво встал, стегнул прутом траву и побрел к дому, а Тарасовна еще долго терзала мне уши пронзительным голосом, жалуясь на бездождье, на пересохшую

Илевку, на бога, на весь свет. Мельница ее стояла, а ведь мельница кормит ее с детьми, кормит весь год.

— И что за народ несознательный! Сами видят: комару напиться не хватит, а они — молоть. Как будто я сама от хлеба отказываюсь!..

— Самовар закипел! — крикнул Василий со двора.

— Милости просим.

Я еще не успел отпить чай в садике среди захудалых яблонь, как услышал знакомый голос Вагнера:

*Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок...*

— Скучаете? — Вагнер уселся за столик рядом со мной.

Он рассказал мне, что делается в городе, я ему — о своих впечатлениях.

— Да, надо помочь Тарасовне. Пойдемте после чая к ней на мельницу, — предложил профессор.

И мы отправились. Вагнер был в самом жизнерадостном настроении.

— Можно посмотреть устройство вашей мельницы? — спросил он.

Тарасовна милостиво разрешила, и мы с профессором вошли в полумрак мельницы. Вагнер осмотрел ее немудреную механику.

— За полтбры тысячи лет до нашей эры строились мельницы, мало чем отличавшиеся от этой, — сказал Вагнер. — Сколько она у вас в день намальывала?

— Сколько привезут, столько и намальывала, — отвечала Тарасовна. — Полсотни центнеров, а то и больше, когда воды много.

— Так, так, — Вагнер задумчиво кивал головой. — Полсотни центнеров не обещаю, но десяток можно будет смолоть. Для начала. А потом посмотрим.

— Сотню! Если бы хоть сотню! — вздохнула Тарасовна.

Вагнер постоял еще несколько минут над жерновами, попробовал вал, подумал и сказал:

— Вот что, Анна Тарасовна. Я вам поставлю маленький двигатель. Надо будет только переставить жернова — эти будут велики для моего двигателя. Я прилажу ваши старые, из них можно будет сделать маленькие. Василий поможет мне. Но только уговор дороже денег. Двигатель мой будет находиться в ящике. Не открывайте этот ящик и не смотрите, что в нем находится, иначе вы испортите двигатель, и тогда уж я ничем не помогу вам. Идет?

— Да что вы! Да конечно! Да разве я?.. Будьте милостивы!

Вагнер принялся за работу. Василий и я помогали ему. Я решил, что, по всей вероятности, Вагнер хочет поставить небольшой керосиновый или нефтяной двигатель. Но почему такая таинственность?

Мы проработали почти до полуночи. Когда мы с Василием свалились от усталости и крепко заснули, Вагнер продолжал работать: ведь он не нуждался в отдыхе.

Проснувшись утром, я отправился на мельницу. Вагнер был там. Он установил над жерновами довольно объемистый ящик и теперь был занят тем, что выводил через потолок железную трубу.

— Помогите мне, — сказал он.

— Дымовая труба? — спросил я.

Вагнер промычал в ответ что-то неопределенное, но глаза так насмешливо

и весело поглядывали на меня, что я решил: Вагнер затевает что-то любопытное. Это не похоже на газолиновый двигатель.

— Что находится в этом ящике? — спросил я.

— Двигатель.

— Какой?

— Увечный.

— Вечный? — переспросил я, думая, что ослышался. Но Вагнер ничего не ответил. Он сильно застучал топором, прорубая дыру в потолке. Через эту дыру он вывел трубу. Затем Вагнер попросил нас удалиться и, оставшись один, занялся последними приготовлениями. Через несколько минут я услышал, как медленно заворочались жернова. Я посмотрел на трубу, поднимающуюся метров на пять над крышей, но не заметил над ней ни малейшего признака дыма или пара.

Вагнер открыл двери мельницы и пригласил нас войти.

— Мельница работает, — сказал он, обращаясь к Тарасовне. — Видите эту ручку на ящике? Когда захотите остановить мельницу, поверните ручку.

— Зачем останавливать? Зерна хоть отбавляй, день и ночь молоть буду.

— Ну и мелите на здоровье. Только помните уговор: ящика не открывать.

Тарасовна начала благодарить Вагнера.

— Пока еще не за что. Когда соберете муку за помол, тогда поблагодарите. Идем, — обратился он ко мне.

Мы вышли на улицу.

— Сейчас я еду в Москву, — сказал Вагнер. — Приеду обратно к обеду на очень интересной машине.

— Автомобиль?

— Д-д-да, — протянул Вагнер. — Автофуга. Самобежка, так сказать. Да вот увидите.

Махнув мне на прощанье рукой, Вагнер отправился на станцию, бодрый, свежий, несмотря на то, что проработал всю ночь. Я пошел в сад, разыскал местечко в тени сарая и углубился в чтение. Однако в этот день мне не суждено было насладиться отдыхом.

Душераздирающий женский крик раздался со стороны мельницы. Словно два накаленных добела штопора просверливали мне барабанные перепонки, а заодно и мозг. Неистовый вопль, разорвавший тишину сонных Стрябцов, мог быть произведен только голосовыми связками почтенной вдовы Туликовой. Вероятно, епископ Гаттон, заживо съеденный крысами, не кричал так перед смертью, как вопила Тарасовна. Но что могло ее так напугать? На мельнице было немало крыс и мышей, но Тарасовна привыкла к ним. Не успел я подняться с земли, как крик неожиданно прекратился на захлебывающейся ноте, как будто Тарасовне кто-то сжал горло. Я побежал к мельнице.

После яркого солнца в полумраке мельницы в первый момент я ничего не мог разобрать. Все было тихо. Жернова продолжали свою работу. Я сделал несколько шагов и зацепился ногой за что-то мягкое. Глаза мои уже несколько привыкли к полумраку. Наклонившись, я увидел лежащее ничком на полу грузное тело вдовы Туликовой. Одна рука ее была отброшена в сторону, пальцы судорожно сжаты в кулак, другая рука была прижата телом... Убийство?.. Внезапная смерть?.. Я повернул тело Тарасовны, взял руку и нащупал пульс. Он был еле ощутим. Тарасовна, видимо, находилась в глубоком обмороке.

Я взял ковш и побежал к речке, чтобы набрать воды и побрызгать на Тарасовну. Мне казалось, что я вернулся очень быстро. Но за это время Тарасовна уже пришла в себя. Не успел я подойти к широким дверям мельницы, как оттуда выбежала с тем же неистовым криком Тарасовна. Как взбесившаяся корова, она налетела на меня, сбила с ног, причем вода из ковша, предназначенная для приведения ее в чувство, окатила меня самого. Бок мой был порядочно ушиблен тяжелой стопой пробежавшей по моему повергнутому телу Тарасовны, затылок сильно болел. Я пролежал на земле, вероятно, с минуту, пока, наконец, получил возможность соображать. В конце деревни, около сельсовета, слышался крик Тарасовны, прерываемый отрывистыми восклицаниями. Я с трудом поднял голову и уселся на пыльной дороге. По случаю праздника крестьяне были дома, и члены сельсовета, сидя на завалинке у избы председателя, мирно обсуждали общественные дела, когда крик Тарасовны взорвался перед ними, как бомба. Председатель поковырял в ушах, словно извлекая оттуда застрявшие визги Тарасовны, и что-то сказал ей. Она вновь начала громко тараторить. Потом все поднялись. Председатель окликнул милиционера, и все двинулись к мельнице. Я заметил, что Тарасовна, женщина отнюдь не робкого десятка, шла в самой гуще толпы, видимо боясь выступить вперед. Я поднялся, отряхнулся и приветствовал представителей власти.

— Ну, показывай, где это? — спросил председатель, замедляя шаг.

— Да вот ящик над жерновом, видишь? — сказала Тарасовна, не входя в мельницу.

Председатель, видимо, боялся, но «положение обязывает». Он осторожно подошел к ящику.

— Вот оно штука-то какая. Как же этот ящик открывается? Ну-ка, может, ты лучше понимаешь? — обратился он к милиционеру.

Милиционер, молодой парень в веснушках, подошел к ящику и храбро поднял крышку. В тот же момент Тарасовна крикнула и выбежала на улицу. Вслед за нею бросилась бежать и набившаяся в мельницу толпа любопытных. Только представители власти остались на мельнице. Но и они невольно отшатнулись, заглянув в ящик. Я подошел ближе и, когда увидал, что находится в ящике, был поражен не меньше остальных.

В ящике был заключен конец горизонтально вращающегося вала. К валу прикреплено колесо с ручкой. Человеческая рука — живая рука! — крепко держала эту ручку, и, видимо, она же вращала колесо, а вместе с ним и вал, приводящий в движение через шестерни жернова. В локтевом суставе рука была прикреплена к металлическому цилиндру. Этот цилиндр был соединен с трубой, выходящей наружу. Кроме того, в цилиндр были вставлены две стеклянные трубочки и, по-видимому, электрические провода, выходящие из ящика поменьше. На этом же небольшом ящике были установлены гальванометр и манометр.

Да, неспроста Тарасовна так кричала. Странное и жуткое впечатление производила эта работающая живая человеческая рука. Тарасовну, как и ее легендарную прародительницу Еву, погубило любопытство. Вагнер оказался таким же плохим знатоком женской психологии, как и библейский бог. Не скажи Вагнер Тарасовне, что в ящик смотреть нельзя, она не поинтересовалась бы механизмом, приводящим в движение жернова, вполне удовлетворенная тем, что они вертятся. Но Вагнер запретил ей смотреть и этим возбудил непреобо-

римое любопытство. И теперь она узнала страшную истину: ее жернова вертятся рукою мертвеца!

Представители власти были ошеломлены. Они не знали, как реагировать на такой непредусмотренный законом случай.

— Гражданин! Вылазьте из ящика! — крикнул милиционер, предполагая, что если рука двигается, то она принадлежит живому человеку, который, очевидно, спрятан в ящике. Но рука продолжала вертеть колесо, и никакой гражданин не появлялся.

— Негде тут человеку спрятаться, — сказал председатель. — Видишь, плечо в банку вдвинуто, а выше один маленький ящичек.

— Нарушение кодекса о труде, — глубокомысленно сказал зять председателя, весовщик железнодорожной станции. — Без биржи труда нанята и, наверное, незастрахованная. Нарушение дней отдыха и рабочего времени. Можно обжаловать постановление.

— Чья рука? — спросил милиционер, оживившись.

— Дачник мой Вагнер пристроил мне. Его рука! — ответила Тарасовна. — «Я, — говорит, — мельницу тебе в ход пущу, только не смотри в ящик». Разве ж я знала? Тьфу! Чтоб покойницкими руками хлеб зарабатывать? Не хочу я работать на чертовой мельнице!

— А чем плохо? — спросил старик с хитрыми прищуренными глазами. — Кормить не надо, платить не надо, а работает круглые сутки. Это бы и к косе такую штуку приладить или, скажем, молотить. Ты лежи на печи да ешь калачи, а она...

— А ты молчи! — сердито сказал милиционер. — Не сбивай. Я спрашиваю, рука чья? Может быть, тут смертоубийство произошло. Может, человеку руку отрезали, и он теперь без руки ходит и ищет, где рука.

— Батюшки-светы! — заголосила Тарасовна. — Ну, как сюда придет да крикнет: «Отдай мою руку!»

— Вот то-то и оно. Это, граждане, не шутка, а преступление по статье уголовного кодекса. Где твой дачник Вагнер?

— В Москве. Сегодня должен быть.

— Вот мы его арестуем и допрос с него снимем. Откуда он человеческую руку достал и на каком кодексе ее эксплуатирует? Помол прекратить! Незаконно.

— Ах, батюшки! — опять вскрикнула Тарасовна. Теперь она горько раскаивалась в своем любопытстве, а еще больше в том, что сгоряча разболтала о напугавшей ее руке. — Разве ее остановишь? Ведь на нее кричи не кричи — не услышит, ушей нету. Крутит и крутит.

— Ну и пусть крутит, а зерна не засыпай.

Громко разговаривая, все ушли с мельницы.

Я остался посмотреть, что будет делать Тарасовна. Она не осмелилась послушаться приказа начальства и больше не засыпала зерна в воронку. Но она пожалела руку, которая теперь напрасно вертела жернова, а может быть, жалко стало жерновов, и Тарасовна остановила работу руки, повернув рычажок на ящике.

— Натворили вы дел! — сказал я Тарасовне, сердясь на нее за то, что ее любопытство и болтливость наделают теперь хлопот Вагнеру. Я ни на минуту не сомневался в том, что Вагнер не совершал никакого преступления.

— Это вы натворили! — ответила она с раздражением. — Всю мельницу

опоганили! Вот и люди говорят: чертова мельница.

Председатель сельсовета и милиционер вернулись с печатью и сургучом. Милиционер вспомнил, что не принято мер к охране следов преступления.

— Перестала молоть? — спросил милиционер.

— Пошабашила, — ответила Тарасовна.

Председатель наложил печать на дверцы ящика, в котором находилась рука, причем Тарасовна ужасно боялась, чтобы председатель не спалил мельницу. Но все обошлось благополучно. Вторая печать была наложена на дверь мельницы.

Я пошел по дороге навстречу Вагнеру, намереваясь предупредить его о событиях дня. Однако мой маневр не удался. Милиционер окликнул меня и предложил вернуться. Мне ничего больше не оставалось, как пойти в сад и продолжать прерванное чтение.

Деревня волновалась и гудела, как встревоженный улей. Все с нетерпением ожидали приезда Вагнера, а он заставил себя ожидать довольно долго. Уже начало смеркаться, когда мальчишки, сторожившие на дороге, закричали:

— Едет! Едет!

Все поспешили на дорогу. К нам действительно подъезжал Вагнер. Но на каком экипаже! Представьте себе длинный канцелярский стол, покрытый сукном, спускающимся до самой земли. Наверху по краям «стол» огорожен дощатой или железной стенкой сантиметров пятьдесят высоты. Это, очевидно, и была та «самобежка», о которой говорил мне Вагнер.

Из-за горы поднималась сизая туча. Ветер крутил на дороге маленькие смерчи пыли. Приближался дождь, давно жданный Тарасовной.

— Садитесь! — крикнул Вагнер, увидев меня. Он остановил свою необычайную тележку, я прыгнул и уселся рядом с ним. В это время толпа, предводительствуемая председателем сельсовета, уже подошла к самобежке.

— Гражданин, слазьте, вы арестованы! — сказал председатель.

Неожиданно порыв ветра поднял край сукна, которым была завешена самобежка. Крик ужаса прокатился по толпе, и она отшатнулась, словно не слабый ветер, а сильнейший ураган вдруг ударил по ней. Пронзительный визг Тарасовны покрыл все голоса. Несколько минут продолжалось это смятение, причины которого я не понимал.

Вагнер спокойно посмотрел на толпу, взялся за руль управления, и... толпа снова вскрикнула еще громче прежнего. Самобежка поднялась на дыбы, как лошадь, которую опытный наездник заставляет повернуться всем своим корпусом на задних ногах. Затем Вагнер направил свой экипаж в гору, не обращая внимания на крики толпы, председателя и милиционера. Милиционер бросился вдогонку, но Вагнер перевел рычаг скорости, и самобежка с необычайной легкостью начала брать подъем.

Милиционер остался позади, но он не хотел мириться со своим поражением. Он бежал вслед за нами. До станции было недалеко. Мы ехали еще не на полной скорости. Через несколько минут после того, как мы миновали станцию и выехали на шоссе, ведущее к Москве, мы услышали за собою треск мотоцикла. Очевидно, милиционер, раздобывший откуда-то машину, решил продолжать погоню. Вагнер улыбнулся.

— Вот я сейчас покажу вам все качества моей самобежки.

Он продолжал ехать с той же скоростью, не обращая внимания на прибли-



жающегося преследователя. И когда милиционер уже почти нагнал нас, Вагнер повернул... нет, не повернул, а сделал такой вираж, который совершенно невозможен для обыкновенного автомобиля. Он внезапно остановил самобежку и затем как-то подвинул ее всем корпусом вправо к краю дороги, словно самобежка могла бежать не только вперед, но и вбок. Это было сделано так неожиданно, что милиционер не успел сдержать мотоцикла и проскочил вперед.

Но Вагнер не удовлетворился этим эффектом. Он вновь пустил самобежку вперед и скоро оказался впереди милиционера, как бы подзадоривая его. В это время пошел дождь. На шоссе образовались большие лужи, стекавшие в довольно глубокие канавы по обе стороны шоссе. Вагнер подпустил своего преследователя еще ближе и вдруг, круто повернув, направил самобежку поперек шоссе, в канаву. Я невольно ухватился за борт. Но мои опасения были напрасны. Самобежка, как маленький танк, благополучно переползла через канаву и побежала по изрытому, кочковатому полю. Милиционер со своим мотоциклом, конечно, не мог последовать за нами. Он сломал бы свою машину в первой же канаве.

— Вот видите! — сказал Вагнер, видимо сам восхищенный своим изобретением.

— Великолепно! — воскликнул я. — Но как устроена эта самобежка и что испугало толпу, когда она увидела ваш экипаж?

— Погоня отстала, мы можем побеседовать, — сказал Вагнер. — Наклонитесь и приподнимите сукно.

Я приподнял сукно и вскрикнул от удивления. Сукно прикрывало... три пары голых человеческих ног!

— Позабавились, и довольно, — сказал Вагнер, смеясь. — Надо уважить и товарища милиционера, он честно выполнял свой долг. Едем обратно и сдадимся в руки представителя власти. Мы вернемся на дачу и объясним все происшествие. У меня имеются документы о том, что все руки и ноги взяты мною для научных опытов из анатомического театра; ясно, что никакого убийства я не совершал.

— Но каким же образом эти ноги и рука, вращающая жернова...

— А вот подождите, — перебил меня профессор, — сейчас сделаем церемонию сдачи в плен, а потом я расскажу вам.

И когда эта церемония была проделана, Вагнер, продолжая ехать на своей самобежке под конвоем милиционера, сопровождавшего нас на мотоцикле,

начал свои пояснения:

— Буду краток. Говорят, жизнь есть горение. Однако последние наблюдения над жизненными процессами показали, что это совсем не так. Жизнь не есть горение, но без горения жизнь не может долго длиться. В мышцах нашли особое вещество гликоген, который с химической точки зрения представляет собой почти то же, что и сахар. Так вот, при работе мышцы в ней из этого сахара образуются молочная кислота и теплота, то есть свободная энергия. Вычислено, что при переходе сахара в один грамм молочной кислоты освобождается сто семьдесят калорий. Таким образом, работа мышцы, или, если хотите, ее жизнь, происходит без окисления или сгорания. Но когда в работающей мышце выделилось тепло (энергия) и появился гликоген, то без кислорода эта молочная кислота исчезнуть не может, и мышца не в силах дальше работать. Но перенесите вы такую утомленную мышцу в атмосферу кислорода, и молочная кислота тотчас исчезнет, кислород будет поглощен, причем выделяются углекислота и тепло, как при всяком горении.

Куда же девается молочная кислота? Она вновь превращается в сахар. Только пятая часть ее исчезает бесследно. Таким образом, можно сказать, что мышца — машина, работающая за счет химической энергии, которая возникает при переходе тел с более сложным строением в тела более простые за счет падения потенциала химической энергии. Значит, для того чтобы энергия мышцы восстанавливалась, необходимо лишь снабжать ее кислородом. В атмосфере чистого кислорода при известных условиях опыта мышца делается неутомимой.

Вот на этом я и строил свои изобретения с отрезанными у трупов руками и ногами. Зачем им пропадать, если они могут нести полезную работу? Вы знаете, что органы человеческого тела могут жить, отделенные от тела, неопределенно долгое время, если только их питать надлежащим образом. Они могут функционировать, то есть выполнять свою обычную работу. Человеческие мышцы — это великолепно построенные машины. Почему бы их не заставить работать после смерти владельца, возбуждая сокращение электрическим током?

Вам известно, что мои мышцы также не знают усталости. Но я шел в борьбе с усталостью своих мышц несколько иным путем. Я изобрел антитоксины усталости. С рукой на мельнице и ногами под этим экипажем я поступил иначе. Прежде всего я обеспечил их питанием. Особый физиологический раствор, весьма близкий к составу крови (заметьте: усиленно насыщаемый кислородом), питает мышцы руки на мельнице и этих ног. Обильное снабжение кислородом делает мышцы неутомимыми. Электрический ток вызывает их сокращение.

— А зачем вы устроили на мельнице трубу?

— Я опасался, что мучная пыль может попасть в сосуд с питательной жидкостью и сгустит ее, сделав негодной для «кормления» руки. По трубе получается кислород прямо из воздуха. Это мое изобретение, значительно удешевляющее эксплуатацию мышечной силы человека. Вы только подумайте, какие перспективы открывает мое изобретение! Со временем все люди, как и я сейчас, не будут знать мышечного утомления. Производительность человеческого труда возрастет необычайно. Но этого мало: мы заставим работать и мертвых. Подумать только: миллионы лет потребовалось природе для того, чтобы

создать такой совершенный механизм, как человеческое тело, и вот смерть навсегда уничтожает эту великолепную машину! Разве не нелепо? Если мы не в состоянии победить смерть совершенно, то продлим по крайней мере работу мышц. Представьте себе фабрику, машины которой приводятся в движение отрезанными от тела человеческими руками.

— Жуткая картина!

— Ничего. Польза скоро заставила бы людей смотреть другими глазами на эту картину. Вот я поставил руку на мельницу. Тарасовна испугалась. Но выгода для нее ясна. И в конце концов она, вероятно, не отказалась бы от того, чтобы ее покойный муж продолжал оказывать ей помощь своими руками... Приехали.

Дождь прошел. При нашем въезде в деревню изо всех изб начали выбегать люди, окружившие нас. «Суд» окончился быстро. Вагнер предъявил бумажки из Москвы, и они оказались убедительными. Тарасовна просила его убрать поскорее с мельницы мертвую руку. Она боялась, что эта рука когда-нибудь ночью задушит ее. Впрочем, в руке не было и надобности. Сильный дождь поднял воду речонки, и она готова была заменить руку мертвеца. И эту руку, несмотря на протест Вагнера, отнесли на кладбище и закопали. (Сообщено П. Е. Якименко.)

По поводу этого рассказа Вагнер написал:

«Научное объяснение факта дано довольно правильно. Мышца животного или человека, даже вырезанная из тела, действительно обладает некоторым запасом потенциальной химической энергии благодаря тому, что в ней имеются материалы, способные к распаду. Если такую мышцу раздражать электрическим током, она может выполнять известную работу. После работы в мышце появляется молочная кислота. Но при кислородном питании молочная кислота исчезает, и мышца вновь делается способной к работе. Таким образом, в атмосфере чистого кислорода мышца может сделаться неутомимой. Такой опыт с неутомимой мышцей я действительно производил на даче. При помощи электричества я заставил двигаться руку человека, которая даже производила некоторую работу. Опыт продолжался всего несколько минут и являлся повторением опытов, уже сделанных в некоторых научных лабораториях. Но практического значения такая „посмертно работающая мышца“ иметь не может. Игра не будет стоить свеч — кислород дорого стоит. О непосредственном добывании его из воздуха наподобие того, как это делают легкие, я только думаю. Быть может, воспользуюсь механизмом легких и сердца-мотора. Вы теперь сами поймете, что в рассказе от науки и что от фантазии.

Вагнер».

Над бездной



I. Таинственная дача

Во время своих прогулок в окрестностях Симеиза я обратил внимание на Одинокую дачу, стоявшую на крутом склоне горы. К этой даче не было проведено даже дороги. Кругом она была обнесена высоким забором, с единственной низкой калиткой, которая всегда была плотно прикрыта. И ни куста зелени, ни дерева не виднелось над забором. Кругом дачи — голые уступы желтоватых скал; меж ними кое-где росли чахлые можжевельники и низкорослые, кривые горные сосны.

«Что за фантазия пришла кому-то в голову поселиться на этом диком, голом утесе? Да и живет ли там кто-нибудь?» — думал я, бродя вокруг дачи.

Я еще никогда не видел, чтобы кто-нибудь выходил оттуда. Любопытство мое было так велико, что я, признаюсь, пытался заглянуть во двор таинственного жилища, взобравшись на вышележащие скалы. Но дача была так расположена, что, откуда бы я ни заходил, я мог видеть только небольшой угол двора. Он был так же пуст и неводелаи, как и окружающая местность.

Однако после нескольких дней наблюдений мне удалось заметить, что по двору прошла какая-то пожилая женщина в черном.

Это еще больше заинтересовало меня.

— Если там живут люди, то должны же они поддерживать хоть какую-нибудь связь с внешним миром, ну, хотя бы ходить на базар за продуктами!

Я стал наводить справки среди своих знакомых, и, наконец, мне удалось удовлетворить мое любопытство. Правда, никто не знал достоверно об обитателях дачи, но один знакомый сообщил мне, что, по слухам, там живет профессор Вагнер.

Профессор Вагнер!

Этого было достаточно, чтобы совершенно приковать мое внимание к даче. Мне во что бы то ни стало захотелось увидеть необычайного человека, надевавшего столько шума своими изобретениями. Но как?.. Я буквально стал шпионить за дачей. Я чувствовал, что это было нехорошо, и все-таки продолжал свои наблюдения, целыми часами в разное время дня и даже ночи просиживая за можжевельным кустом, недалеко от дачи.

Говорят, если человек неотступно преследует одну цель, то рано или поздно он достигнет ее.

Как-то рано утром, когда только что рассвело, я вдруг услышал, что заветная дверь в высоком заборе скрипнула. Я весь насторожился, сжался и затаив дыхание стал следить, что будет дальше.

Дверь открылась. Высокий человек с румяным лицом, русой бородой и нависшими усами вышел и внимательно осмотрелся вокруг. Конечно, это он, профессор Вагнер!

Убедившись, что вокруг никого нет, он стал медленно подниматься вверх, дошел до небольшой горной площадки и начал заниматься там какими-то совершенно непонятными для меня упражнениями. На площадке были разбросаны камни различной величины. Вагнер подходил к ним и делал попытки поднять их, затем, осторожно ступая, переходил на новое место и опять брался за камни. Но все они были так велики и тяжелы, что даже профессиональный атлет едва ли смог бы сдвинуть их с места.

«Что за странная забава!» — подумал я. И вдруг я был так поражен, что не мог сдержать невольное восклицание. Произошло что-то невероятное: про-

фессор Вагнер подошел к огромному обломку скалы, величиною более человеческого роста, взял за выступавший острый край и поднял обломок с такой легкостью, как если бы это был кусок картона. Вытянув руку, он начал описывать дуги этим обломком скалы.

Я не знал, что подумать. Или Вагнер обладал сверхъестественной силой... но тогда почему он не мог поднять небольшие сравнительно камни, или... Я не успел додумать свою мысль, как новый фокус Вагнера еще больше поразил меня.

Вагнер бросил глыбу вверх, как маленький камешек, и она полетела, поднявшись на высоту двух десятков метров. С волнением ожидал я, как грохнет эта глыба на землю. Но обломок падал обратно довольно медленно. Я насчитал десять секунд, прежде чем глыба опустилась вниз. И, когда она была над землей на высоте человеческого роста, Вагнер подставил руку, поймал и удержал глыбу, причем рука его даже не дрогнула.

— Хо-хо-хо! — весело баском рассмеялся Вагнер и далеко отшвырнул от себя глыбу. Она, пролетев некоторое время параллельно земле, вдруг круто изменила линию полета на отвесную, быстро упала и со страшным грохотом разлетелась в куски.

— Хо-хо-хо! — опять рассмеялся Вагнер и сделал необычайный прыжок. Поднявшись метра на четыре, он пролетел вдоль площадки в мою сторону. Он, очевидно, не рассчитал прыжка, так как с ним случилась такая же история, что и с глыбой: неожиданно он стал быстро падать. И если бы не откос, куда он упал, Вагнер, вероятно, расшибся бы насмерть. Он упал неподалеку от меня, по другую сторону можжевельового куста, застонал и выбранился, ухватившись за колено. Погладив ушибленное место, он сделал попытку встать и вновь застонал.

После некоторого колебания я решил обнаружить свое присутствие и подать ему помощь.

— Вы очень расшиблись? Не помочь ли вам? — спросил я, выходя из куста.

По-видимому, мое появление не удивило профессора. По крайней мере он ничем не проявил его.

— Нет, благодарю вас, — спокойно ответил он, — я сам пойду. — И он сделал новую попытку встать. Лицо его исказилось от боли. Он даже откинулся назад. Нога в колене быстро пухла. Было очевидно, что без посторонней помощи ему не обойтись.

И я стал действовать решительно.

— Идемте, пока боль не обессилила вас еще больше, — сказал я и поднял его.

Он повиновался. При каждом движении больная нога причиняла ему страдание. Мы медленно поднимались по крутому склону. Я почти нес Вагнера на себе и сам изнемогал под тяжестью его довольно грузного тела. Но вместе с тем я был чрезвычайно доволен, что таким образом получил возможность не только увидеть, но и познакомиться с профессором Вагнером, побывать в его жилище. Впрочем, может быть, дойдя до калитки, он поблагодарит меня и не впустит к себе? Эта мысль беспокоила меня, когда мы подходили к высокому забору его дачи. Но он ничего не сказал, и мы переступили заветную черту, — да едва ли он мог что-либо сказать. Ему было совсем плохо. От боли и сотрясения он почти потерял сознание. Я тоже валился от усталости. И все же,

прежде чем ввести его в дом, я успел бросить через плечо пытливый взгляд на двор.

Двор был довольно обширный. Посреди стоял какой-то прибор, похожий на аппарат Морена. В глубине двора, в земле, виднелось какое-то большое, застланное толстым стеклом круглое отверстие. Вокруг этого отверстия, от него к дому и еще в нескольких направлениях из земли выступали металлические дуги, находившиеся друг от друга на расстоянии полуметра.

Больше я ничего не успел рассмотреть. Навстречу нам из дома вышла испуганная пожилая женщина в черном — его экономка, как я потом узнал.

Мы уложили профессора Вагнера в кровать.

II. «Заколдованный круг»

Вагнеру было совсем худо. Он тяжело дышал, закрыв глаза, бредил.

«Неужели от сотрясения может погибнуть эта гениальная машина — мозг профессора Вагнера?» — думал я с беспокойством.

Больной бредил математическими формулами и от времени до времени стонал. Растерявшаяся экономка стояла беспомощно и только повторяла:

— Что ж теперь будет? Батюшки, что ж теперь будет?..

Мне пришлось подать профессору первую помощь и ухаживать за больным.

Только на второй день к утру Вагнер пришел в себя. Он открыл глаза и смотрел на меня вполне сознательно.

— Благодарю вас... — слабо проговорил он.

Я дал ему пить, и он, кивнув мне головой, попросил оставить его. Утомленный тревожными вчерашнего дня и бессонной ночью, я, наконец, решил оставить больного одного и вышел во двор подышать свежим утренним воздухом. Неизвестный аппарат, стоявший посреди двора, вновь привлек мое внимание. Я подошел к нему и протянул руку.

— Не ходите! Стойте! — услышал я за собой приглушенный, испуганный голос экономки. И в тот же миг я почувствовал, что моя рука вдруг стала необычайно тяжелая, как будто к ней привесили огромную гирю, которая рванула меня вниз с такою силой, что я упал на землю. Невидимая гиря придавила кисть моей руки. С большим усилием я отвел руку назад. Она болела и была красна.

Около меня стояла экономка и сокрушенно качала головой.

— И как это вы... Разве можно?.. Вы лучше не ходите по двору, а то вас и совсем сплющит!

Ничего не понимая, я вернулся в дом и положил на больную руку компресс.

Когда профессор вновь проснулся, он выглядел уже совсем бодрым. Очевидно, у этого человека был необычайно здоровый организм.

— Что это? — спросил он, указывая на мою руку.

Я объяснил ему.

— Вы подвергались большой опасности, — сказал он.

Мне очень хотелось скорее услышать от Вагнера разъяснение всего необычайного, что мне пришлось пережить, но я удержался от вопросов, не желая беспокоить больного.

Вечером в тот же день Вагнер, попросив передвинуть его кровать к окну, сам начал говорить о том, что так занимало меня.

— Наука изучает проявления сил природы, — начал он без предисловия, — устанавливает научные законы, но очень мало знает сущность этих сил. Мы говорим: «электричество, сила тяжести». Мы изучаем их свойства, используем для своих целей. Но конечные тайны своей природы они открывают нам очень неохотно. И потому мы используем их далеко не в полной мере. Электричество в этом отношении оказалось более податливым. Мы поработили эту силу, овладев ею, заставили работать на себя. Мы ее перегоняем с места на место, копим в запас, расходует по мере надобности. Но сила тяжести — это поистине самая неподатливая сила. С ней мы должны ладить, больше приспособляться к ней, чем приспособлять ее к своим нуждам. Если бы мы могли изменять силу тяжести, управлять ею по своему желанию, аккумулировать, как электричество, то какое могущественное орудие мы получили бы! Овладеть этой непокорной силой было давнишним моим желанием.

— И вы овладели ею! — воскликнул я, начиная понимать все происшедшее.

— Да, я овладел ею. Я нашел средство регулировать силу тяжести по своему желанию. Вы видали мой первый успех... Ох... успехи иногда дорого стоят!.. — вздохнул Вагнер, потирая ушибленное колено. — В виде опыта я уменьшил силу тяжести на небольшом участке около дома. И вы видели, с какой легкостью я поднял глыбу. Это сделано за счет увеличения силы тяжести на небольшом пространстве моего двора... Вы едва не заплатились жизнью за свое любопытство, приблизившись к моему «заколдованному кругу».

Да вот, посмотрите, — продолжал он, указывая рукой в окно. — По направлению к даче летит стая птиц. Может быть, хоть одна из них пролетит над зоной усиленного притяжения...

Он замолчал, и я с волнением наблюдал за приближающимися птицами. Вот они летят над самым двором...

И вдруг одна из них камнем упала на землю и даже не разбилась, а прямо превратилась в пятно, которое покрыло землю слоем, вероятно, не толще папиросной бумаги.

— Видали?

Я содрогнулся, представив себе, что и меня могла бы постигнуть такая же судьба.

— Да, — угадал он мою мысль, — вы были бы раздавлены тяжестью собственной головы и превратились бы в лепешку. — И, опять усмехнувшись, он продолжал: — Фима, моя экономка, говорит, что я изобрел прекрасное средство сохранять продукты от бродячих кошек. «Совсем их не губите, — говорит она, — а чтоб лапы прилипли: другой раз не явятся!» Да... — сказал он после паузы, — есть кошки еще более шkodливые и опасные — двуногие, вооруженные не когтями и зубами, а пушками и пулеметами.

Представьте себе, каким оградительным средством будет покоренная сила тяжести! Я могу устроить заградительную зону на границах государств, и ни один враг не переступит ее. Аэропланы будут падать камнем, как эта птица. Больше того, даже снаряды не в силах будут перелететь этой заградительной зоны. Можно сделать и наоборот: лишить наступающего врага силы тяжести, и солдаты при малейшем движении будут высоко подпрыгивать и беспомощно болтаться в воздухе... Но это все пустяки по сравнению с тем, чего я достиг. Я нашел средство уменьшить силу тяжести на всей поверхности земного шара, за исключением полюсов...

— И как вы этого достигнете?

— Я заставлю земной шар вращаться быстрее, вот и все, — ответил профессор Вагнер с таким видом, как будто дело шло о волчке.

— Увеличить скорость вращения Земли?! — не мог удержаться я от восклицания.

— Да, я увеличу скорость ее движения, и тогда центробежная сила начнет возрастать, и все тела, находящиеся на Земле, будут становиться все легче. Если вы ничего не имеете против того, чтобы погостить у меня еще несколько дней...

— С удовольствием!

— Я начну опыт, как только встану, и вы увидите много интересного.

III. «Вертится»

Через несколько дней профессор Вагнер оправился совершенно, если не считать того, что он немного прихрамывал. Он надолго отлучался в свою подземную лабораторию, находящуюся в углу двора, предоставляя в мое распоряжение свою домашнюю библиотеку. Но в лабораторию он не приглашал меня.

Однажды, когда я сидел в библиотеке, вошел Вагнер, очень оживленный, и еще с порога крикнул мне:

— Вертится! Я пустил свой аппарат в ход, и теперь посмотрим, что будет дальше!

Я ожидал, что произойдет что-нибудь необычайное. Но проходили часы, прошел день, ничего не изменилось.

— Подождите, — улыбался профессор в свои нависшие усы, — центробежная сила возрастает пропорционально квадрату скорости. А Земля — порядочный волчок, ее скоро не раскачаешь!

Наутро, поднимаясь с кровати, я почувствовал какую-то легкость. Чтобы проверить себя, я поднял стул. Он показался мне значительно легче, чем обычно. Очевидно, центробежная сила начала действовать. Я вышел на веранду и уселся с книгой в руках. На книгу падала тень от столба. Невольно я обратил внимание на то, что тень передвигается довольно быстро. Что бы это могло значить? Как будто солнце стало двигаться быстрее по небу.

— Ага, вы заметили? — услышал я голос Вагнера, который наблюдал за мною. — Земля вращается быстрее, и дни и ночи становятся короче.

— Что же будет дальше? — с недоумением спросил я.

— Поживем — увидим, — ответил профессор.

Солнце в этот день зашло на два часа раньше обычного.

— Представляю, какой переполох произвело это событие во всем мире! — сказал я профессору. — Интересно было бы знать...

— Можете узнать об этом в моем кабинете, там стоит радиоприемник, — ответил Вагнер.

Я поспешил в кабинет и мог убедиться в том, что население всего земного шара находится в необычайном волнении.

Но это было только начало. Вращение Земли все увеличивалось. Сутки равнялись уже всего четырем часам.

— Теперь все тела, находящиеся на экваторе, потеряли в весе одну сороковую часть, — сказал Вагнер.

— Почему только на экваторе?

— Там притяжение Земли меньше, а радиус вращения больше, значит, и

центробежная сила действует сильнее.

Ученые уже поняли грозящую опасность. Началось великое переселение народов из экваториальных областей к более высоким широтам, где центробежная сила была меньше. Но пока облегчение веса приносило даже выгоду: поезда могли поднимать огромные грузы, слабосильного мотоциклетного мотора было достаточно, чтобы везти большой пассажирский аэроплан, скорость движения увеличилась, Люди вдруг стали легче и сильнее. Я сам испытывал эту все увеличивающуюся легкость. Изумительно приятное чувство!

Радио скоро стало приносить и более печальные вести. Поезда все чаще начали сходить с рельсов на уклонах и закруглениях пути, впрочем, без особенных катастроф: вагоны, даже падая под откос, не разбивались. Ветер, поднимая тучи пыли, которая уже не опускалась на землю, переходил в ураган. Отовсюду приходили вести о страшных наводнениях.

Когда скорость вращения увеличилась в семнадцать раз, предметы и люди на экваторе совершенно лишились веса.

Как-то вечером я услышал по радио ужасную новость: в Экваториальной Африке и Америке отмечалось несколько случаев, когда люди, лишенные тяжести, под влиянием все растущей центробежной силы падали вверх. Вскоре пришло и новое ужасающее известие: на экваторе люди стали задыхаться.

— Центробежная сила срывает воздушную оболочку земного шара, которая была «прикреплена» к Земле силою земного тяготения, — объяснил мне спокойно профессор.

— Но... тогда и мы задохнемся? — с волнением спросил я Вагнера.

Он пожал плечами.

— Мы хорошо подготовлены ко всем переменам.

— Но зачем вы все это сделали? Ведь это же мировая катастрофа, гибель цивилизации!.. — не мог удержаться я от восклицания.

Вагнер оставался невозмутимым.

— Зачем я это сделал, вы узнаете потом.

— Неужели только для научного опыта?

— Я не понимаю, что вас так удивляет, — ответил он. — Хотя бы и только для опыта. Странно! Когда проносится ураган или происходит извержение вулкана и губит тысячи людей, никому не приходит в голову обвинять вулкан. Смотрите на это, как на стихийное бедствие...

Этот ответ не удовлетворил меня. У меня невольно стало появляться к профессору Вагнеру чувство недоброжелательства.

«Надо быть извергом, не иметь сердца, чтобы ради научного опыта обречь на смерть миллионы людей», — думал я.

Моя неприязнь к Вагнеру увеличивалась по мере того, как мое собственное самочувствие все более ухудшалось, да и было от чего: эти ужасные, необычайные вести о гибнущем мире, это все ускоряющееся мелькание дня и ночи хоть кого выведут из себя. Я почти не спал и был чрезвычайно нервен. Я должен был двигаться с величайшей осторожностью. Малейшее усилие мускулов — и я взлетал вверх и бился головой о потолок, — правда, не очень больно. Вещи теряли свой вес, и с ними все труднее было сладить. Довольно было случайно задеть за стол или кресло, и тяжелая мебель отлетала в сторону.

Вода из умывальника текла очень медленно, и струя также отклонялась в сторону. Движения наши сделались порывисты. Члены тела, почти лишленно-

го тяжести, дергались, как у картонного паяца, приводимого в движение нитками. «Моторы» нашего тела — мускулы — оказались слишком сильны для облегченного веса тела. И мы никак не могли привыкнуть к этому новому положению, так как вес все время убывал.

Фима, экономка Вагнера, злилась не меньше меня. Она походила на жонглера, когда готовила пищу. Кастрюли и сковородки летели вверх, в сторону; она пыталась ловить их и делала нелепые движения, плясала, подпрыгивала.

Один только Вагнер был в прекрасном настроении и даже смеялся над нами.

На двор я решался выходить, только набив карманы камнями, чтобы «не упасть в небо». Я видел, как мелело море, — воду стоняло на запад, где, вероятно, она заливала берега... В довершение всего я стал чувствовать головокружение и удушье. Воздух становился реже. Ураганный ветер, дувший все время с востока, начал как будто слабеть... Но зато температура быстро понижалась.

Воздух редет... скоро конец... У меня было такое отвратительное самочувствие, что я начал задумываться над тем, какую смерть мне избрать: упасть ли в небо или задохнуться. Это худшая смерть, но зато я досмотрю до конца, что будет с Землей...

«Нет, все-таки лучше покончить сразу», — решил я, испытывая тяжелое удушье, и стал вынимать камни из кармана.

Чья-то рука остановила меня.

— Подождите! — услышал я голос Вагнера. В разреженном воздухе этот голос звучал очень слабо. — Пора нам спуститься в подземелье!

Он взял меня под руку, кивнул головой экономке, которая стояла на веранде, тяжело дыша, и мы отправились в угол двора, к большому круглому «окну» в земле. Я потерял свою волю и шел, как во сне. Вагнер открыл тяжелую дверь, ведущую в подземную лабораторию, и втолкнул меня. Теряя сознание, я мягко упал на каменный пол.

IV. Вверх дном

Я не знаю, долго ли я был без сознания. Первым моим ощущением было, что я опять дышу свежим воздухом. Я открыл глаза и очень удивился, увидав электрическую лампочку, укрепленную посреди пола, недалеко от места, где я лежал.

— Не удивляйтесь, — услышал я голос профессора Вагнера. — Наш пол скоро станет потолком. Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, лучше.

— Ну, так вставайте, довольно лежать! — И он взял меня за руку. Я взлетел вверх, к стеклянному потолку, и очень медленно опустился вниз.

— Пойдемте, я познакомлю вас с моей подземной квартирой, — сказал Вагнер.

Все помещение состояло из трех комнат: двух темных, освещаемых только электрическими лампочками, и одной большой, со стеклянным потолком или полом — я затрудняюсь сказать. Дело в том, что мы переживали, очевидно, тот момент, когда притяжение Земли и центробежная сила сделали наши тела совершенно невесомыми.

Это чрезвычайно затрудняло наше путешествие по комнатам. Мы делали самые необычайные пируэты, цеплялись за мебель, отталкивались, прыгали, налетали на столы, иногда беспомощно повисали в воздухе, протягивая друг

другу руки. Всего несколько сантиметров разделяло нас, но мы не могли преодолеть этого пространства, пока какой-нибудь хитроумный трюк не выводил нас из этого неустойчивого равновесия. Сдвинутые нами вещи летали вместе с нами. Стул «парил» среди комнаты, стаканы с водой лежали боком, и вода почти не выливалась — она понемногу обтекала внешние стенки стекла...

Я заметил дверь в четвертую комнату. Там что-то гудело, но в эту комнату Вагнер не пустил меня. В ней, очевидно, стоял механизм, ускорявший движение Земли.

Скоро, однако, наше «межпланетное путешествие» окончилось, и мы опустились на... стеклянный потолок, который отныне должен был стать нашим полом. Вещей не нужно было перемещать: они переместились сами, и электрическая лампа, укрепленная на полу, как нельзя более кстати оказалась у нас над головой, освещая нашу комнату в короткие ночи.

Вагнер действительно все предусмотрел. Наше помещение хорошо снабжалось воздухом, хранимым в особых резервуарах. Мы были обеспечены консервами и водой. «Вот почему экономка не ходила на базар», — подумал я. Переместившись на потолок, мы ходили по нему так же свободно, как по полу, хотя, в обычном смысле, мы ходили вниз головой. Но человек ко всему привыкает. Я чувствовал себя относительно хорошо. Когда я смотрел вниз, под ноги, сквозь толстое, но прозрачное стекло, я видел под собою небо, и мне казалось, что я стою на круглом зеркале, отражавшем в себе это небо.

Однако зеркало отражало в себе иногда необычайные и даже страшные вещи.

Экономка заявила, что ей нужно сходить в дом, так как она забыла масло.

— Как же вы пойдете? — сказал я ей. — Ведь вы свалитесь вниз, то есть вверх... Фу, черт, все перепуталось!



— Я буду держаться за скобы в земле, меня профессор выучил. Когда мы еще не повернулись вниз головами, у нас были скобы в том доме, в потолке, и я училась «ходить руками», хваталась за них и ходила по потолку.

Профессор Вагнер все предусмотрел!

Я не ожидал такого геройства от женщины. Рисковать собой, «ходить руками» над бездной из-за какого-то масла!

— Но все же это очень опасно, — сказал я.

— Не так, как вы думаете, — возразил профессор Вагнер. — Вес нашего тела еще незначителен — он только начал увеличиваться от нуля, и нужна совсем небольшая мускульная сила, чтобы удержаться. Притом я буду сопровождать ее; кстати, мне нужно захватить из дому записную книжку, я забыл взять ее с собой.

— Но ведь снаружи сейчас нет воздуха?

— У меня есть колпаки со сжатым воздухом, которые мы наденем на голову.



И эти странные люди, облачившись в скафандры, будто они собирались опуститься на дно моря, отправились в путь. Двойная дверь захлопнулась. Я услышал стук наружной двери.

Лежа на своем стеклянном полу, я прижал лицо к толстому стеклу и с волнением стал следить за ними. Два человека в круглых колпаках, стоя вверх ногами и цепляясь за скобы, прикрепленные к земле, быстро «шли руками» к дому. Можно ли представить себе что-либо более странное!

«Действительно, это не так страшно, — подумал я. — Но все же это необычайная женщина. Вдруг у нее закружится голова?..» Вагнер и экономка проследовали в той же позе по ступеням на веранду и скрылись из виду.

Скоро они появились снова.

Они уже прошли полпути, как вдруг случилось нечто, от чего я похолодел. Экономка выронила банку с маслом и, желая подхватить ее, сорвалась и полетела в бездну...

Вагнер сделал попытку спасти ее: он неожиданно размотал веревку, прикрепленную к поясу, и, зацепив ее за скобу, бросился вслед за экономкой. Несчастная женщина падала довольно медленно. А так как Вагнер сильным толчком придал своему телу более быстрое движение, то ему удалось догнать ее. Он уже протянул к ней руку, но не смог достать: центробежная сила отклонила ее полет несколько в сторону. И скоро она отделилась от него... Вагнер повисел немного на распущенной веревке и начал медленно подниматься из бездны неба на землю...

Я видел, как несчастная женщина махнула руками... ее тело быстро уменьшалось... Наступившая ночь, как занавесом, покрыла эту картину гибели...

Я содрогнулся, представив себе ее последние ощущения... Что будет с ней?.. Ее труп, не разлагающийся в холоде вселенной, будет вечно нестись вперед, если какое-нибудь светило, проходящее вблизи, не притянет этот труп.

Я был так занят своими мыслями, что не заметил, как вошел Вагнер и опустился рядом со мной.

— Прекрасная смерть, — сказал он спокойно.

Я сжал зубы и не отвечал ему. Во мне вдруг опять пробудилась ненависть к Вагнеру.

Я с ужасом смотрел на бездну, расстилающуюся под моими ногами, и впервые с необычайной ясностью понял, что небо — не голубое пространство над нами, а бездна... что мы «живем в небе», прилепившись к пылинке, Земле, и

нас с большим правом поэтому можно назвать жителями неба, «небожителями», чем жителями Земли. Ничтожные небожители! Тяготение Земли, очевидно, действовало не только на наше тело, но и на сознание, приковывая его к Земле. Теперь эта связь порвалась. Я чувствовал хрупкость нашего земного существования... Наше сознание зародилось вместе с Землею, в безднах неба, в безднах бесконечного пространства и там же оно угаснет...

Я думал, а перед моими глазами творилось что-то необычайное... От земли отрывались камни и падали вверх... Скоро начали отрываться целые глыбы скал... День и ночь сменялись все быстрее... Солнце проносилось по бездне-небу, и наступала ночь, звезды неслись с той же бешеной скоростью, и опять солнце, и опять ночь... Вот в свете солнца я вижу, как сорвался и упал забор, открыв горизонт. Я вижу высохшее дно моря, опустошенную землю... Я вижу, что скоро конец...

Но люди еще есть на Земле... Я слышу, как говорит небольшой громкоговоритель нашей радиостанции...

Земля опустошена почти до полюсов. Все гибнет... Это последняя уцелевшая радиостанция, на острове Врангеля. Она подает сигналы, ждет и не получает ответа... Радиоволны летят в мертвую пустоту... Молчит Земля, молчит и небо.

Дни и ночи так быстро сменяют друг друга, что все сливается во мглу... Солнце, пролетая по небу, чертит огненную полосу на темном фоне — вместе с последними остатками атмосферы Земля потеряла свой голубой полог, свет небесной лазури... Луна уменьшилась в размерах: Земля уже не может больше удерживать своего спутника, и Луна удаляется от Земли...

Я чувствую, как толстые стекла нашего стеклянного пола напряжились, стали выпуклыми, дрожат... Скоро они не выдержат, и я провалюсь в бездну...

Кто это ворчит рядом со мной?.. А, профессор Вагнер...

Я с трудом поднимаюсь: бешеная скорость Земли наполнила свинцом мое тело. Я тяжело дышу...

— Вы!.. — обращаюсь со злобой к профессору Вагнеру. — Зачем вы сделали это? Вы погубили человечество, вы уничтожили жизнь на Земле. Отвечайте мне! Сейчас же уменьшите движение Земли, иначе я...

Но профессор молча отрицательно качает головой.

— Отвечайте! — кричу я, сжимая кулаки.

— Я не могу ничего поделать... Очевидно, я допустил ошибку в расчетах...

— Так вы заплатите за эту ошибку! — вскричал я и, совершенно обезумев, бросился на Вагнера и начал его душить... В этот же момент я почувствовал, как трещит наш пол, лопаются стекла и я, не выпуская Вагнера, лечу с ним в бездну...

V. «Новый способ преподавания»

Передо мною улыбающееся лицо профессора Вагнера. Я с удивлением смотрю на него, потом вокруг себя.

Раннее утро. Голубой полог неба. Море синее вдали. У веранды две белые бабочки мирно порхают. Мимо меня проходит экономка с большим куском сливочного масла на тарелке...

— Что это?.. Что все это значит? — спрашиваю я профессора.

Он улыбается в свои длинные усы.

— Прощу извинения, — говорит он, — что я без вашего разрешения и даже

не будучи с вами знаком использовал вас для одного опыта. Если вы знаете меня, то вам, вероятно, известно, что я давно работаю над разрешением вопроса, как одному человеку вместить огромную массу современных научных знаний. Я лично, например, достиг того, что каждая половина моего мозга работает самостоятельно. Я уничтожил сон и утомляемость...

— Я читал об этом, — ответил я.

Вагнер кивнул головой.

— Тем лучше. Но это не всем доступно. И я решил использовать для педагогических целей гипноз. Ведь в конце концов и в обычной педагогике есть доля гипноза... Выйдя сегодня рано утром на прогулку, я заметил вас... Вы уже не первый день дежурите за можжевельным кустом? — спросил он с веселой искоркой в глазах.

Я смутился.

— Ну, вот я и решил наказать вас за ваше любопытство, подвергнув гипнозу...

— Как, неужели все это было?..

— Только гипнозом, с того самого момента, как вы увидели меня. Не правда ли, вы все пережили как реальность? И уж, конечно, никогда в жизни вы не забудете пережитого. Таким образом, вы имели возможность получить наглядный урок о законах тяжести и центробежной силы... Но вы оказались очень нервным учеником и под конец урока вели себя несколько возбужденно...

— Но сколько же времени продолжался урок?

Вагнер посмотрел на часы.

— Минуты две, не более. Не правда ли, продуктивный способ усвоения знаний?

— Но позвольте, — вскричал я, — а это стеклянное окно, эти скобы на земле!.. — Я протянул руку и вдруг замолчал. Площадь двора была совершенно ровною; не было ни скоб, ни стеклянного круглого «окна»... — Так это... тоже был гипноз?

— Ну, разумеется... Сознайтесь, что вы не очень скучали за моим уроком физики? Фима, — крикнул он, — кофе готов? Идемте завтракать.

Человек, который не спит



I. Странный жилец

Дэзи... Я не перенесу ее потери! Дэзи — мой лучший друг... Я так одинока...

Гражданка Шмеман вытерла кружевным платочком красные подслеповатые глаза и длинный нос.

— Уверяю вас, — продолжала она, жалобно всхлипнув, — что это дело рук профессора Вагнера. Я сама не раз видала, как он приводил на веревочке собак в свою квартиру... Что он делает с ними? Боже! Мне страшно подумать!

Может быть, моей Дэзи нет в живых... Примите меры, прошу вас!.. Если вы не сделаете этого, я сама пойду в милицию!.. Дэзи, мой бедный крошка!..

И мадам Шмеман вновь заплакала...

Ее худые старые щеки покрылись красными пятнами, нижняя губа отвисла.

Жуков, председатель жилищного товарищества, круто повернулся на стуле и щелкнул пальцами. Он терял терпение.

— Успокойтесь, гражданка! Уверяю вас, что мы примем меры. А сейчас, простите... Я очень занят...

Шмеман глубоко вздохнула, поклонилась и вышла.

Жуков вздохнул с облегчением и обернулся к секретарю правления Кротову.

— Фу!.. Измучила! Бывают же такие настырные бабы!

— Да... — задумчиво отозвался Кротов. — Бедовая старуха! А дело расследовать надо. Ведь это четвертый случай пропажи собак только на нашем дворе. Соседи тоже жалуются. Что за собачий мор? Я не удивлюсь, если действительно окажется, что собак крадет профессор Вагнер. Только на кой черт они ему нужны? Воротники на шубу делает? Станный человек! Подозрительный человек!

— Профессор!

— Что из того, что профессор? Может быть, он фальшивые деньги делает.

— Из собак?

— Ты не смейся. Бывали случаи! Собаки — особая статья. Ты обрати внимание: у него в комнате всю ночь свет. На оконной занавеске его тень часто видна. Шатается по комнате... Полуночник!

— Да, со странностями человек... На днях я еду домой в трамвае. Гляжу, напротив сидит профессор Вагнер. В каждой руке по книжке держит и обе сразу читает. Я в книжки заглянул. Одна — русская, все цифры разные, а другая — немецкая. И вот что удивительно: каждый глаз у него отдельно по строчкам бегаёт: одним глазом одну книгу читает, другим — другую. Кондукторша подошла к нему. «Билет, — говорит, — возьмите!» Он на нее один глаз поднял, а другим в книжку смотрит. Она так и ахнула. И публика вся на него уставилась. Смотрят, рты открыли от удивления, а он хоть бы что...

— Может быть, он с ума сошел?

— Все возможно...

Стукнула дверь. В комнату вошла Фима, старая экономка профессора Вагнера.

— Здравствуйте вам! Барин мой за квартиру деньги прислал.

— Были бары, да все вышли! — сказал Жуков.

— Ну, хозяин, што ли, Вагнер.

— А вот она нам скажет!..

— Расскажи нам, Фима, что твой «барин» с собаками делает.

Фима безнадежно махнула рукой.

— Много собак-то у него? Говори правду!

— Сколько у него собак, сказать не могу: не пускает он меня во вторую комнату, где они у него. А собаки есть. Слышно, как лают. Ночью раз подсмотрела я в щелочку. Ну что же? Сидит собака, привязанная на коротком ошейнике. Лечь не может. Спать ей, видно, смерть как хочется. Голова так и виснет. А он

сидит около да ее так ласково под шеей щекочет: спать не дает. И сам он не спит. Он никогда не спит!

— Как же так не спит? Человек не может не спать.

— Уж не знаю как, а только совсем не спит. И кровать давно выбросил. «Чтоб ее, — говорит, — и звания не было! Кровать, — говорит, — только больным нужна».

Жуков и Кротов с недоумением посмотрели друг на друга.

— Вот сумасшедший!

— Не иначе, как сумасшедший, — охотно согласилась Фима. — Только привычка моя: пятнадцать годов живу я у него, а то давно бы от него ушла... Был человек как человек, а вот уже с год совсем на себя не похож. Прямо как бы не в себе.

— С чего же это началось у него?

— Кто ж его знает? Может, с глазу?.. Сначала начал он вроде как гимнастику делать. Придешь к нему в комнату, он будто танцует: правой ногой вроде как польку, а левой — вроде как вальц. И руками по-разному отбивает. А потом глазами косить стал. Сидит перед зеркалом и глазами косит. Однажды смотрю на него, а у него один глаз в потолок смотрит, а другой — на пол. Я так всю посуду на пол и грохнула — обомлела.

— Собачку шмеманскую знаешь ты? «Дэзи» кличут.

— Беленькая, кудластенякая такая? Как не знать!

— Так вот, не утащил ли твой хозяин и эту собачку?

— Видать не видала, а все может быть. Заболталась я, а у меня там утюг остынет... Вот деньги!..

— Что ж так мало?

— Барин говорит, хозяин мой, что в ЦИКАПУ записан и право на дополнительную площадь имеет.

— Какая такая ЦИКАПУ? — спросил Кротов.

— ЦЕКУБУ! — догадался Жуков.

— Пусть удостоверение представит, а пока по-прежнему должен платить. Так и передай.

— Ладно! — И, утирая нос краем фартука, краснощекая Фима выбежала из комнаты.

— Придется сообщить милиции. Этот сумасшедший еще дом подожжет или ужокошит кого!

II. По «собачьему делу»

Дело по обвинению профессора Вагнера в краже собак собрало полный зал публики. Знакомые, встречая друг друга, спрашивали:

— Вы тоже по «собачьему делу»?.. По повестке?

— Нет, из любопытства!.. Профессор — и вдруг собак крадет!.. Что он, ест их?..

— А я по повестке. Свидетель. Ведь и у меня Тузик пропал! Хорошая собака. Думаю гражданский иск предъявить..

— Прошу встать!..

В зал входят судьи.

— Слушается дело по обвинению гражданина Ивана Степановича Вагнера в краже...

К столу подошел профессор Вагнер. На вид ему можно было дать не более

сорока лет.

В его каштановых волосах, в окладистой русой бороде и нависших усах можно было заметить только несколько серебристых волосков. Свежий цвет лица, румяные щеки и блестящие глаза дышали силой и здоровьем.

«И про этого человека говорили, что он совсем не спит!» — подумал судья, с недоумением оглядывая обвиняемого. Он ожидал встретить изможденного старика. И уже с живым интересом судья стал задавать формальные вопросы.

— Ваше имя, отчество, фамилия?

— Иван Степанович Вагнер.

— Возраст?

— Пятьдесят три года...

В публике удивленно переглядывались.

— Занятие?

— Профессор Московского университета.

— В профсоюзе состоите?

— Состою. Работников просвещения.

— Партийный?

— Беспартийный. Под судом и следствием не состоял.

— Гражданин СССР?

— Да.

— Женат?

— Вдовец.

— Признаете себя виновным?

Профессор Вагнер неопределенно пожал плечами.

— Нет, не признаю.

— Но собак-то вы похищали?

— Разрешите дать объяснение после допроса свидетелей.

— Хорошо. Запишите, — обратился судья к секретарю: — «Обвиняемый виновным себя не признал». Вызовите свидетеля, участкового милиционера Ситникова! Что вы можете показать по делу?

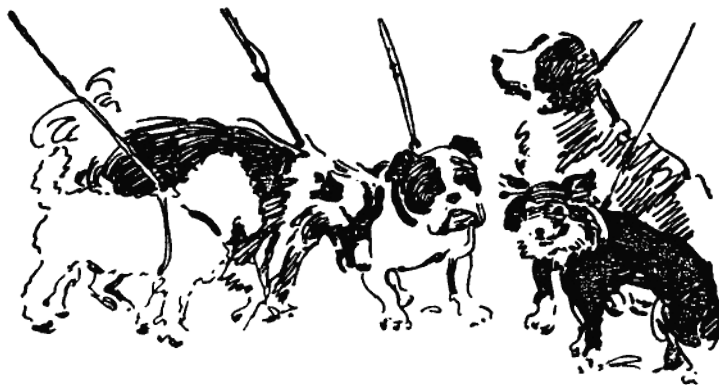
— В наше отделение милиции поступали заявления от граждан Бондарного переулка о пропаже собак. У гражданина Полякова пропал очень дорогой сеттер, у Юшкевич — мопс, а у Дерюгиных — даже персидский кот. Собаки исчезали бесследно. Их трупов не находили. Собак, очевидно, кто-то крал.

— Производили вы розыск?

— Пропала собака — дело небольшое. Признаться, у нас не было времени по каждому случаю розыск делать. Но когда поступили жалобы гражданки Шмеман на гражданина Вагнера и заявление правления жилищного товарищества, мы стали наводить справки. Почти все потерпевшие указывали на профессора Вагнера. Он вообще чудной какой-то. Говорят, по ночам не спит. Или дома работает, или по улицам шатается. Дворник ихнего дома видел несколько раз, как Вагнер ночью возвращался домой с собачкой на аркане. В комнате его собаки лают, визжат. Улики были серьезные.

Поэтому, вследствие поступивших заявлений, мы решили произвести у профессора Вагнера обыск и выемку его бумаг. Обыск производил я в присутствии председателя правления жилищного товарищества, дворника и гражданки Шмеман.

В первой комнате обвиняемого ничего предосудительного найдено не бы-



ло, кроме различных инструментов и машин неизвестного происхождения.

Во второй комнате мы застали шесть собак различной породы, пола и возраста. Все они были привязаны к стене на коротких ремешках. У некоторых из них свисали головы, как бы околевали или устали очень. А на столе лежала белая собачка, лохматенькая, с пробитой в черепе дыркой, так что мозги видны были. Гражданка Шмеман опознала в трупe свою собачку, закричала и в обморок упала...

В зале суда послышались сдержанные рыдания Шмеман.

— Дэзи, Дэзи!.. — шептала она, всхлипывая.

— Забранные бумаги мною представлены в суд, — закончил милиционер.

— Распишитесь. Свидетель Жуков!

Жуков, председатель правления жилищного товарищества, подтвердил показания милиционера.

— Произвести обыск, — добавил он, — нас заставило еще то обстоятельство, что профессор Вагнер является очень непонятным жильцом. Жильцы думают, что он помешанный, и даже боятся детей выпускать. Во избежание паники и дезорганизации населения я просил бы подвергнуть Вагнера психиатрической экспертизе...

— Может быть, он опасен, — почему-то смутившись, прибавил Жуков, — и его выселить надо.

Профессор Вагнер улыбнулся.

— Чем же он опасен? — спросил судья.

— Как вообще ненормальный! И соседи жалуются: шипит у него что-то в комнате, жужжит, а то взрывы вдруг... Еще дом взорвет!.. И собаки целую ночь воют... Неудобный жилец, одним словом.

— Гражданка Шмеман!

— Господин судья! — начала она дрожащим голосом, утирая платком слезы, и тотчас поправилась: — Гражданин судья!.. Он — убийца! — она указала на Вагнера пальцем с двум я обручальными кольцами. — Я вдова... У меня никого нет... Он убил моего лучшего друга... Мой Дэзи!.. — И Шмеман опять заплакала.

— Вы предъявляете гражданский иск?

— Какой иск? За что?

— За собачку... Вы об этом просите в вашем заявлении...

— Ничто не вознаградит меня за потерю!.., — трагически произнесла она. — Я не знаю, что там написано...

Остальные свидетели не внесли чего-нибудь нового. Дворник подробно рассказывал, как пропадали собаки на их дворе, как пропала и «остатняя» со-

бачка Дэзи, как он видел Вагнера, приводящего в дом собак...

Один из свидетелей опознал свою собаку среди «жертв» профессора Вагнера. Собака была жива, но она выглядела необычайно утомленной и, приведенная домой, проспала трое суток непробудно.

— Среди бумаг, — сказал судья, когда допрос свидетелей был закончен, — у профессора Вагнера были взяты во время обыска журналы с различными записями, очевидно, о производимых им опытах над животными. Я оглашу некоторые из них.

— Вот, — начал судья, — записи профессора Вагнера об опытах:

«Опытное животное: Диана, сеттер, самка, вес 22 килограмма. Вязкость крови во время бодрствования — 2,89. Вязкость крови в период истощения бессонницей — 1,46».

Имеется и ряд таких таблиц:

	Нормальное состояние	Состояние повышенной потребности сна
Криоскопическая точка	0,59°	0,58°
Плотность	1,064	1,057
Вязкость	2,711	2,0

Обвиняемый профессор Вагнер! Свидетельскими показаниями и оглашенными документами, я полагаю, вполне установлена ваша виновность. Почему же вы не признаете себя виновным? Объясните нам...

— Граждане судьи! Я не отрицаю факта похищения собак, но виновным себя не признал, и вот почему. Всякая кража предполагает корыстную цель. У меня такой цели не было. Вы сами огласили документы, из которых суд мог убедиться, что я преследовал исключительно научные цели. Я веду опыты, имеющие громадное значение для всего человечества. Та польза, которую должны принести эти опыты, несоизмерима с ничтожным вредом, который я причинил.

— Какие же это опыты?

После некоторого колебания профессор Вагнер сказал:

— Я работаю над проблемой усталости и сна. Победить усталость и уничтожить потребность сна — вот какую задачу поставил я себе.

— И вы успешно разрешили ее? Правда ли, что вы сами уже обходитесь без сна?

— Да, правда. Я больше не сплю и могу работать без утомления двадцать четыре часа в сутки.

В публике произошло движение. Послышались удивленные возгласы и перешептывание.

— Отчего же вы не опубликовали ваших достижений?

— Я продолжаю совершенствовать свои методы.

— Но не объясните ли вы, почему вы сочли нужным прибегать к таким странным и незаконным способам добывания собак для ваших опытов? Если опыты представляют ценность, правительство обеспечило бы вас всем необходимым для работы!

Профессор Вагнер замялся.

— Эти опыты слишком смелы. Они могли показаться даже фантастичными. В успех я верил, но на пути лежали неизбежные неудачи. Они могли погубить и дело и мою репутацию прежде, чем я достиг бы положительных ре-

зультатов. И я решил производить их в тиши своего кабинета, на свой страх и риск. Но у меня было слишком мало личных средств на приобретение собак для опытов. Отказаться же от них, когда задача наполовину была разрешена, я не мог. И я был принужден...

— Красть собак? — с улыбкой добавил судья.

Профессор Вагнер выпрямился и ответил тоном глубокого убеждения в своей правоте:

— Собачий век — каких-нибудь двадцать лет. Стоимость собаки — рубли, много — десятки рублей. Уничтожив же несколько собак, я удлиню жизнь человечества втрое, а вместе с тем утрою и ценность человеческой производительности. Если за это я заслуживаю наказания, судите меня! Мне больше нечего прибавить.

Судьи ушли совещаться. Публика зашумела, как встревоженный улей. Во всех углах образовались кучки спорящих о предстоящем приговоре. Слышались отдельные выкрики:

— Кража остается кражей!

— Но его опыты могут облагодетельствовать человечество!..

— Совсем не спать?.. — говорил какой-то улыбающийся толстяк. — Слуга покорный! Позвольте отказаться от этого благодеяния! Еще Тургенев сказал, что вся наша жизнь — сон, и лучшее в жизни — опять-таки сон!..

— Может быть, он врет?

— Кто? Тургенев?

— Да нет, Вагнер, будто он совсем не спит. Не может человек обойтись без сна!..

— Суд идет!..

При напряженном внимании был выслушан приговор.

Признавая факт кражи установленным, суд присуждал профессора Вагнера к месяцу лишения свободы без строгой изоляции. «Принимая же во внимание прежнюю несудимость обвиняемого и отсутствие корыстных целей, наказание применить условно, установив годовой срок испытания...»

— Слушается дело по иску жилищного товарищества...

Публика хлынула из зала, обсуждая приговор, который, видимо, удовлетворил большинство: формально Вагнер наказан, фактически остался на свободе.

Только некоторые критиковали приговор.

— Значит, можно безнаказанно красть и убивать? — демонстративно громко спрашивала Шмеман, ища глазами поддержки.

— Если нет корысти, то нет и кражи! Вагнеру надо подать кассацию! — говорили другие.

Под перекрестными взглядами доктор Вагнер пробирался по коридору суда. Но он не обращал ни на кого внимания. Его озабочивала мысль: «Откуда же я возьму теперь необходимых для опыта собак?..»

III. Человек, который не спит

Судебный процесс имел для профессора Вагнера неожиданные последствия: к нему пришла известность, быть может, раньше, чем он этого хотел. На судебном заседании случайно оказался корреспондент одной небольшой московской газеты. Через несколько дней в отделе судебной хроники появилась заметка с интригующим названием «Человек, который не спит». В заметке описывался судебный процесс доктора Вагнера и сообщалось о том, что про-

фессор «победил сон»: он совершенно не спит и может работать без устали двадцать четыре часа в сутки.

Результатом этой заметки было то, что через несколько дней экономка доложила Вагнеру о приходе корреспондента «Известий». Вагнер недоволен по морщился: он привык оберегать тайну своих работ. Но, подумав немного, профессор решил использовать посещение представителя прессы: если нельзя больше ловить по ночам собак, остается прибегнуть к правительственной помощи. Продолжать опыты втайне больше не представлялось возможным, да в этом не было и большой нужды: с тем, чего он достиг, уже можно было выступать публично. Корреспондент был принят.

Пробираясь через нагроможденные машины и аппараты, корреспондент Горев увидал профессора Вагнера и в изумлении остановился. Вагнер стоял у высокой конторки. Из носа профессора шли две резиновые трубки, выходящие сквозь отверстие оконной рамы наружу. Эти трубки как бы органически связывали профессора с окружающими его машинами, будто и он сам наполовину превратился в машину. И еще одно поразило Горева: левым глазом Вагнер просматривал какую-то книгу и делал из нее левой же рукой выписки, а правый глаз он устремил на посетителя и протянул ему правую руку.



— Прошу садиться! — любезно сказал Вагнер, не прекращая работать левой рукой.

Горев, выдавший виды, как всякий опытный корреспондент, был так поражен, что забыл все обычные подходы журналиста и молча, с полным недоумением смотрел то на бегающий по книге и рукописи левый глаз профессора, то на трубки в его носу.

Профессор заметил этот недоуменный вид посетителя и улыбнулся.

— Вас удивляют эти трубки? — любезно начал он. — Но это так просто: я слишком дорожу своим временем, чтобы ходить гулять. Между тем чистый воздух необходим для здоровья тела и ясности мысли. И вот я сделал маленькое приспособление: я вывел наружу, над крышей, две трубки, концы которых с особым приспособлением вставляются в нос. При вдыхании воздуха открывается один клапан, при выдыхании этот клапан давлением воздуха закрывается, а открывается другой, который выпускает отработанный легкими воздух. Это маленькое приспособление дает мне возможность все время дышать свежим воздухом, и видите, какие у меня румяные щеки! Пустяковое изобретение, но оно может принести большую пользу. Представьте больных, которых нельзя выносить из комнаты. Да и современная вентиляция оставляет желать много лучшего. При помощи же этого прибора все больные могут ды-

шать чистым воздухом. Я предвижу большее: если еще древние римляне умели проводить воду за сотни километров, создав свои монументальные акведуки, то почему бы нам не создать «аэродуки»? Можно было бы по трубам доставлять, например, горный или морской воздух. В конце концов это было бы дешевле, чем посылать больных ради воздуха за сотни и тысячи километров. Центральные трубы с особым нагнетателем будут подавать воздух в наши города, и там он будет распределяться. Горный, морской, степной или напоенный хвоей воздух будет доступен всем...

Профессор Вагнер говорил быстро, не переставая писать левой рукой. Правым глазом он продолжал смотреть на посетителя.

Горев, наконец, обрел дар слова.

— Скажите, как вы это можете?.. — И он посмотрел на скошенные глаза профессора и его левую руку.

— Писать левой рукой, управлять каждым глазом отдельно, работать и одновременно беседовать с вами? Дело в том, что у меня оба мозговых полушария действуют совершенно самостоятельно и почти независимо друг от друга.

Но я должен вам пояснить, так сказать, мою отправную точку. Как вам известно, официально я профессор биологии. Не менее вам, надеюсь, известно и то, что современные научные дисциплины чрезвычайно быстро распадаются на самостоятельные части. На наших глазах вырастает биологическая химия. Каждое новое научное ответвление, вроде атомной теории, быстро вырастает в самостоятельную научную дисциплину. Нужны годы, чтобы постигнуть каждую из этих отдельных научных областей.

А между тем, для того чтобы идти вперед, надо знать и смежные науки: биология и физиология, химия и электричество, даже геология и астрономия — все они переплетаются, взаимно влияют друг на друга. Нужен какой-то всеобъемлющий ум, чтобы охватить всю эту массу знаний. А жизнь человеческая так коротка! Мне за пятьдесят. Еще десяток-другой лет, и конец. Передо мной колоссальные задачи, которые я хочу разрешить. Значит, первое, что я должен был сделать для своей цели, это так или иначе удлинить жизнь. Сначала я думал об опытах омоложения. То, что уже достигнуто, помогло мне: я выгляжу моложе своих лет. Может быть, я и вернусь к этим опытам. Но пока я остановился на том, что было мне больше знакомо по своим работам над мозгом.

Первое, что мне пришло на мысль, это выработать способность работать отдельно каждым мозговым полушарием. К сожалению, я не могу подробно остановиться на этих работах: это заняло бы слишком много времени. Скажу лишь, что здесь главную роль играет тренировка. Вам, может быть, приходилось видеть ритмическую гимнастику Далькроза? Детишки быстро овладевают способностью управлять асимметрическими движениями: правой рукой они могут отбивать три такта, левой — два, притом в различных темпах, одновременно проделывая различные движения и ногами. Нечто подобное проделывал и я, кстати сказать, к полному недоумению моей экономки.

Труднее оказалось овладеть аппаратом глаз. У нас каждый глаз имеет самостоятельную систему управления, но в силу того, что мы лучше видим, фиксируя оба глаза на одной точке, у нас выработалась привычка согласовывать движения глаз. Наследственность этих навыков осложняла борьбу за «автономность» в движении глаз. Однако такая независимость движения каждого

глаза вполне возможна. Примером этому может служить хамелеон. Я занялся упражнениями. Результаты вы видите.

Научиться писать и работать левой рукой не представляло труда. Осталось перейти к последнему: научиться одновременно производить две умственные работы, например писать обеими руками сразу два научных исследования на разные темы. На это ушло у меня несколько лет. Я добился своего. Таким образом я удвоил свою мозговую продукцию.

Но мне и этого казалось мало. Восемь часов сна! Треть человеческой жизни мы теряем на это беспомощное, полумертвое состояние. Вот что возмущало меня. Освободить человечество от сонной повинности. Какие необычайные перспективы, какие возможности!.. Сколько великих произведений дали бы нам еще великие мыслители, если бы им подарить все ночи для творчества! Сколько неоконченных великих произведений было бы закончено! Как двинулся бы прогресс! Рабочий, отработав положенные часы у станка, проводил бы ночь за книгой или общественной работой. У нас не было бы неграмотных. Больше того, все получили бы возможность стать вполне образованными людьми. Какими бы гигантскими шагами двинулся прогресс! Вот о чем думал я...

Профессор Вагнер одушевился. Его правый глаз горел энтузиазмом. По-видимому, волнение передалось и другой половине мозга: левый глаз также вспыхивал, и левая рука стала писать прерывисто.

Но Вагнер заметил это, и левый глаз как будто погас, углубившись в работу, левая рука методично застрочила, в то время как правый глаз продолжал гореть воодушевлением и правая рука обводила широкие круги.

— И теперь это возможно! — сказал профессор. — Сон — совсем не нормальное явление, а болезнь, являющаяся результатом отравления гипнотоксинами: это особые яды, которые выделяет мозг при своей работе. Отравленный этими ядами, человек засыпает, то есть заболевает.

Когда человек спит, мозг не вырабатывает новых токсинов; за это же время организм уничтожает токсины, накопившиеся за рабочий день. Таким образом, поспав, человек выздоравливает, но — увы! — чтобы опять заболеть к вечеру, и он опять принужден ложиться в кровать. Разве это не ужасно?!

Если хотите, сон заразителен. Я делал такой опыт: заставлял собаку не спать. Когда ее организм был отравлен гипнотоксинами, я извлекал их и впрыскивал хорошо выспавшейся и только что проснувшейся собаке. Она тотчас засыпала.

Вся задача была в том, чтобы найти «противоядие» — антигипнотоксины. И мне удалось разрешить задачу шире, чем я предполагал: найденный мной антигипнотоксин убивает не только токсины сна, но и другие. Следовательно, он оздоравливает весь организм. Было немало препятствий, но они побеждены. Я поборол сон. Я выбросил кровать — этот символ больницы. Я больше не сплю и работаю почти круглые сутки. Антигипнотоксин я принимаю вместе с пищей. На прием пищи уходит у меня час-два в сутки.

Все это было так необычайно, что Горев продолжал сидеть молча, внимательно слушая профессора.

— Но как вы чувствовали себя первое время? — наконец спросил он.

— Да, мне пришлось немного повозиться с привычкой спать. Спать мне совершенно не хотелось. Но этот беспрерывный, бесконечный рабочий

день — то с солнцем за окном, то с темной завесой ночи — действовал как-то странно. К этому я, однако, скоро привык. Зато как хорошо работается в тиши ночи! Не скрою одну эгоистичную мысль: я боюсь, что, когда все люди начнут вести бессонный образ жизни, не будет так тихо по ночам.

— А вам не кажется, что не всем может понравиться перспектива жизни без сна?

— Я уверен даже в этом, — и профессор улыбнулся. — Я предложил как-то зимой, в глухой деревне, одному крестьянскому парню, удивлявшемуся, что я не сплю, испробовать на себе мое средство. Он согласился. Наутро я его спрашиваю, как он себя чувствует. «Будь оно неладно! — говорит парень. — С тоски чуть не помер! Вся деревня спит. Одни собаки лают. Ходил, ходил — тощища! На печь залез — сна ни в одном глазу. Думал, ночи этой и конца не будет!»

Освободите людей от привычного труда, — продолжал профессор, — они тоже заскучают. Но все это лишь на низших ступенях культуры. Сама же эта культура быстро поднимается при рациональном использовании «бессонных ночей».

— Еще один вопрос. Вы говорите, что вы не спите почти все двадцать четыре часа. Но как же вы не устаете?

— Очень просто. Усталость — это тоже болезненное явление. Работающий мозг выделяет гипнотоксины, работающие же мускулы выделяют кенотоксины — яды, которые вызывают чувство усталости. Я ввожу противоядие — ретардин, и усталости как не бывало. Мой ретардин так же прерывает течение болезни, именуемой усталостью, как прерывают теперь возвратный тиф, введя в организм диоксидаминоарсенобензолдихлоргидрат, — скороговоркой проговорил Вагнер.

У Горева дух захватило от этого длинного слова. Он попросил профессора повторить по слогам диковинное название и записал в блокнот. «Такие слова придают статье научный вес», — подумал он.

— И вот теперь подсчитайте, — сказал профессор Вагнер. — Работая двумя половинками мозга, я удваиваю свою продукцию. Работая двадцать четыре часа вместо восьми, я утраиваю рабочее время. Значит, я работаю за шестерых, притом без всякого вреда для здоровья. Следовательно, за тридцать лет рабочей жизни человек в состоянии будет произвести работу ста восьмидесяти лет. Еще иначе говоря, за каждое полстолетие человечество будет двигаться вперед по пути прогресса сразу на три столетия.

Как вы полагаете, стоит этого пяток обывательских собак?.. — с улыбкой закончил профессор.

IV. «Диктатор»

Вместительная гостиная банкира Гольдзака, купившего недавно баронский титул, была отделана с тяжеловесным великолепием. На стенах, отделанных резной дубовой панелью, красовались рога оленей и гербы новоявленного барона. В углу помещался рыцарь в латах и с мечом XIII века — сомнительный «предок» барона. На окнах с узкими решетками цветные стекла изображали тот же баронский герб: на желтом щите согнутая в локте рука, закованная в латы, сжимала железной перчаткой меч. Над рукой — пять темно-синих звезд.

Посредине комнаты вокруг большого круглого стола из черного дуба на дубовых креслах с высокими резными спинками заседали члены центрального

комитета немецкой политической организации «Диктатор». На кресле с более высокой спинкой, с резным германским государственным орлом на ее вершине сидел председатель собрания — старый генерал, один из «героев» империалистической войны, друг кайзера. Грубое лицо генерала, будто высеченное топором из куска дерева, плотно сжатые губы под приподнятыми кверху усами говорили о большой силе воли. Из-под нависших седых бровей выглядывали пытливые, редко мигающие глаза. На его форменном сюртуке красовался только «железный крест».

По правую сторону от председателя помещался хозяин дома — барон Гольдзак, в черном фраке, с совершенно лысой головой, бритый, с моноклом в глазу. Далее в строгом порядке, по рангу, помещались члены комитета. Генерал с узким лбом, глубоко посаженными глазами и выдающимся подбородком. Что-то жестокое, звериное было в этой голове. Еще генерал... Чиновники министерств, депутаты... Крупные фабриканты и банкиры замыкали круг.



Моложавый человек во фраке, с лицом и манерами дипломата — секретарь комитета — делал доклад. На столе около него лежал номер «Известий» со статьей Горева «Победа над сном и усталостью профессора Вагнера». Здесь же перевод статьи на немецкий язык.

— Мы еще не проверили до конца достоверность приведенных в статье данных, но, по имеющимся уже у нас сведениям, по-видимому, она отвечает действительности.

Мне не приходится говорить о значении этого научного открытия. Если оно будет использовано Советской Россией, соотношение сил между нею и другими государствами мира значительно изменится. В какие-нибудь пять лет мощь большевизма необычайно вырастет.

Одновременная работа обоими мозговыми полушариями, к счастью, требует времени и тренировки и поэтому не совсем доступна массам. Но одна победа над сном и усталостью уже утраивает физические и интеллектуальные силы наших политических противников, а вместе с тем и их материальные ресурсы. Их научные силы и квалифицированные работники будут работать втрое и даже в шесть раз больше. Продукция промышленности возрастет. Через несколько лет они будут иметь новые кадры хорошо подготовленных специалистов во всех областях техники. Словом, их мощь будет расти безостановочно. Они будут работать, когда весь мир будет спать. Они будут работать, когда мы принуждены будем отдыхать после трудового дня...

— Ну, рост промышленности произойдет не так уж скоро, — сказал фабрикант. — Положим, все их заводы и фабрики будут работать круглые сутки. Но

дальше?.. Достать кредиты для постройки новых фабрик и заводов им будет не так-то легко. Ведь вы, барон, не предоставите им кредита? — с улыбкой обратился он к Гольдзаку.

Барон ответил такой же улыбкой и пустил колечко дыма.

— Но есть другая опасность, — слышался хриплый голос генерала. — Я говорю о военной мощи Красной Армии. Что, если только восемь из шестнадцати «добавочных» часов в сутки будет использовано ими для военной подготовки рабочих и крестьян? Это равносильно созданию многомиллионной армии. Далее, во время войны они будут иметь бойцов, которые не нуждаются в отдыхе. Им не придется сменять солдат в окопах. Они всегда будут зорки, бдительны, свежи, в то время как у нас две трети солдат временно выходят из строя для сна и отдыха. Их летчики, не знающие усталости, в состоянии будут производить дальние полеты... Их командный состав, их штабы смогут руководить операциями, не выпуская нити управления ни на одну минуту для отдыха и сна... Возможно, что средство профессора Вагнера они используют и над лошадьми. Их обозы, их кавалерия не будут знать усталости. Все это слишком серьезно!..

Речь старого генерала произвела большое впечатление на собрание, в особенности на военных. Генералы хмурились, нервно барабанили пальцами, глубже затягивались сигарами...

— Но самое опасное, — поднялся вновь секретарь, — заключается в политическом значении факта. Уже сейчас большевизм потрясает мир, держит в постоянном нервном напряжении правительства всех стран мира. Средство Вагнера утраивает, а может, даже ушестеряет число большевиков. Здесь, в своем кругу, мы можем быть откровенными. Мы не знаем, как справиться с одним вождем Коммунистического Интернационала. Что будет, если этот вождь получит возможность работать в шесть раз больше? Мы будем иметь шесть таких вождей, в шесть раз увеличенный Коминтерн, миллионы русских большевиков, не знающих усталости, пропагандирующих и разлагающих массы день и ночь, день и ночь, по двадцать четыре часа в сутки!!

Эти доводы произвели потрясающее впечатление. Дрожали руки собравшихся, платки отирали на лбах и лысынах холодный пот...

— Это ужасно!..

— Кошмар! — слышались взволнованные голоса.

Наступило жуткое молчание. Казалось, страшные призраки проникли вдруг в этот кабинет и наполнили его леденящим дыханием смерти.

Наконец председатель собрания потрянул головой и стукнул волосатым кулаком по столу.

— Этого нельзя допустить! — хрипло крикнул он. — Во что бы то ни стало мы должны устранить угрожающую опасность! Прежде чем изобретение профессора Вагнера станет достоянием большевиков, мы должны овладеть секретом профессора Вагнера!

И, побуждаемое страхом и ненавистью, собрание перешло к обсуждению вопроса о том, как это сделать.

Один барон Гольдзак не принимал участия в совещании. Ему рисовались уже грандиозные планы. Он думал о том, сколько выгоды можно извлечь из открытия профессора Вагнера, если секрет этого открытия окажется в его руках.

V. «Любитель наук»

После судебного процесса весь распорядок занятий профессора Вагнера был нарушен. К нему являлись корреспонденты газет и журналов, профессора, студенты и просто любопытствующая публика, желающая испробовать «порошок от сна». Профессор Вагнер уже привык к этим посещениям и потому не удивился, когда услышал, как за дверью кто-то с немецким акцентом попросил разрешения войти.

Когда дверь открылась, профессор увидел молодого человека с пухлым, розовым лицом и короткими вьющимися светлыми волосами. Большие «модные» черепаховые очки как-то не шли к этому юному лицу. Безукоризненный костюм придавал незнакомцу европейский вид.

— Позвольте представиться, уважаемый господин профессор!.. Герман Таубе, член Берлинского общества любителей естествознания. От этого общества я и прибыл к вам... Ваше открытие чрезвычайно заинтересовало нас. И общество обращается к вам с покорнейшей просьбой: не могли бы вы прочитать в нашем кругу несколько лекций о ваших работах?

— К сожалению, я не располагаю временем.

— О, это не займет много времени! — засуетился молодой человек. Его женский голос поднялся до самых высоких нот, глаза смотрели просительно сквозь черепаховые обручи очков. Он даже склонил голову набок и сжал руки. — Только бы вы согласились!.. Только бы согласились! Для нас это будет такой праздник! Я сам не ученый, но страстный любитель науки... Отец мой богат... очень богат... Если бы вы пожелали, вы нашли бы у нас все необходимое для ваших работ... Мы оборудовали бы вам прекрасную лабораторию... десятки, сотни собак были бы в вашем распоряжении!..

Вагнер улыбнулся.

— Вы очень любезны, но, к сожалению, я должен отклонить ваше предложение. Я не собираюсь покидать Россию.

— Как жалко!.. О, как жалко! Мне казалось, что здесь работать... что там работать... Но вы не откажетесь прочитать у нас несколько лекций! Это займет всего несколько дней. Мы отправимся воздушным путем, на пассажирском аэроплане новой компании воздушных сообщений «Уэншетлих унд Бэквемхейт» — «Безопасность и удобство». Вполне оправдывает название... Успешно конкурирует с «Дерулуфтом»... Я беру на себя все хлопоты по визированию паспортов. О расходах и гонораре говорить не будем... Мы, конечно, все берем на себя...

— Я мог бы потратить на это дело не более трехчетырех часов. Я слишком дорожу временем. Не забудьте, что у меня шестикратная производительность. Если я истрачу только двое суток, то для меня они будут равны потере двенадцати. Нет, я не могу принять вашего предложения!

— Я крайне огорчен. А еще больше будет огорчен руководитель нашей лаборатории профессор Брауде. Он работает в той же области, что и вы. Но его метод несколько иной...

Профессор Вагнер оживился.

— Вот как! В чем же его метод?

— Он пытается... — Таубе несколько смутился. Лицо его выразило напряжение мысли, как будто он хотел вспомнить что-то. — Он работает над методом, который даст возможность самому организму вырабатывать токсины против

гип... гип...

Но Вагнер уже угадал мысль.

— Как раз я сам работаю сейчас над этим! Наши газеты несколько преувеличили мои успехи на этом пути...

— Я не из газет! — прорвалось у Таубе. Он покраснел от досады на себя. — Профессор Брауде уже несколько лет работает в этой области. Он так хотел познакомиться с вами и поделиться опытом!.. Очень жалко, что теперь придется огорчить его...

— Это изменяет дело! Я думаю, что потеря времени будет вознаграждена... Профессор Брауде?.. Я что-то не слыхал о нем.

— Молодой и чрезвычайно скромный... не любит рекламы... Но страшно гениален!..

— Я согласен!

Таубе бросился к профессору и стал пожимать его руки.

— Тысячу благодарностей! А об отъезде позабочусь я сам. Вы ни минуты не потеряете своего драгоценного времени!

И, расшаркавшись, он скрылся за дверью.

«Странный молодой человек. Собаками подкупить меня хотел!» — подумал после его ухода профессор Вагнер.

VI. «Уэншетлих унд бэквемхейт»

Рано утром почтово-пассажирский аэроплан снялся с аэродрома и быстро стал набирать высоту. В уютной кабине на мягких кожаных креслах разместились: профессор Вагнер, Герман Таубе, дипломатический курьер французского посольства в Москве и служащий советского торгпредства в Берлине.

Если бы не ослабленное усовершенствованным глушителем жужжание мотора да плавное покачивание, можно было подумать, что сидишь в купе вагона. Сквозь зеркальные окна внизу виднелась панорама Москвы с извивающейся лентой реки. Как игрушечный, показался Кремль, сверкавший своими куполами. А впереди уже расстился бесконечный ковер полей и лесов, изрезанный желтоватыми линиями дорог и голубыми извивами рек. Желтыми квадратами выделялись поля созревающей ржи. Кое-где, как муравьи, двигались по дорогам и копошились на полях люди и животные.

Но профессор Вагнер недолго любовался этими видами с высоты птичьего полета. Как скупец дрожит над каждой копеечкой, так Вагнер дорожил каждой минутой времени. Он вынул книги, пристроил на коленях складной пюпитр и принялся за работу. Читая книгу, он в то же время непрерывно что-то писал в тетради стенографическими знаками.

Заметив вопросительный взгляд Таубе, он объяснил:

— Я пишу только стенографически. Это моя собственная система. Я сокращаю и упрощаю работу, где можно. Я создал собственную систему мнемоники — этой прекрасной помощницы, на которую, к сожалению, мало обращают внимания. С помощью мнемоники я в состоянии хранить в памяти необычайно большое количество цифр, формул, названий. Дело облегчается тем, что благодаря чистоте моего мозга, из которого выделены отравляющие его токсины, он работает с неослабевающей ясностью и силой. Все это еще больше увеличивает производительность моего труда. Без преувеличения, я работаю за десятерых...

И Вагнер замолчал, углубившись в работу.

Таубе смотрел в окно на живую картину страны, столь непонятной для него, такой бедной и вместе с тем могущественной, мирной в развертывающихся картинах труда селян и страшной той силой, которая организует миллионы этих сильных рук...

Какая-то река показалась вдали. На высоких прибрежных холмах раскинулся город. На правом берегу город был опоясан старинными зубчатыми стенами кремля с высокими башнями. Над всем городом царил огромный пятиглавый собор.

— Днепр!.. Смоленск!.. Наша первая остановка!..

Аэроплан пролетел над лесом и плавно опустился на хороший аэродром.

Позавтракали и пустились в дальнейший путь. Небо затянуло тучами. Порывистый встречный ветер покачивал аэроплан, как корабль на больших океанских волнах. Движение полета замедлилось. До Ковно все же долетели благополучно. Это последняя остановка перед Кенигсбергом. Несмотря на увеличивающееся ненастье, аэроплан отправился в дальнейший путь. Ветер переходил в шквал. Аэроплан кидало в стороны, круто поднимало на встречные воздушные волны. Иногда, будто потеряв крылья, аппарат стремительно падал вниз.

— Однако, — сказал французский дипломатический курьер, нервно уцепившись за кресло, — я не испытывал еще такой качки!

Его позеленевшее лицо говорило о том, что у него начался приступ морской болезни.

В поисках благоприятного воздушного течения пилот то брал высоту, врываясь в туманную полосу туч, то снижался к самой земле. Но ветер везде бушевал одинаково, решив, казалось, оборвать крылья аппарата. Свист металлических тросов был слышен даже сквозь громыханье мотора. Начался дождь. Серая завеса мешала ориентироваться.

— Ничего, долетим! — крикнул на ухо побледневшему Таубе служащий советского торгпредства. — Мы должны быть около Инстербурга...

Оглушенный и взволнованный Таубе ничего не понял.

Профессор Вагнер бранил бурю, которая прервала его занятия. Книги валились из рук, карандаш выводил совершенно невероятные каракули. Наконец он бросил работу и с обиженным видом уселся плотнее в кресло.

Дождь прекратился так же неожиданно, как начался. Утих и ветер. Полоса косматых туч была позади. Аэроплан пошел плавно. Все вздохнули с облегчением.

Но в этот самый момент мотор стал давать перебои и вдруг остановился.

Пилот быстро стал снижать аппарат планирующим спуском, зорко выглядывая удобное место. Аппарат сильно вздрогнул, пробежал, потряхивая пассажиров, по сжатому полю и остановился.

Пилот и механик осмотрели мотор.

— Придется сделать остановку не менее часа! — сказал механик.

Пассажиры вышли из кабины, разминая затекшие ноги.

Аэроплан остановился у опушки соснового леса. Среди ровных, как мачты, красноватых стволов виднелось озеро, блестящее голубым серебром.

— Какая живописная местность! — сказал Таубе, обращаясь к профессору Вагнеру. — Мы успеем сделать прекрасную прогулку. Кстати, встретим кого-нибудь из окрестных жителей и узнаем, где мы находимся. Вы ничего не

имеете против?

Профессор Вагнер кивнул головой, и они углубились в лес.

Прошел час. Мотор был исправлен, а Вагнера и Таубе все еще не было. Их окликали, искали в лесу, но они исчезли бесследно. Истекло еще сорок минут. Француз стал настаивать на отлете.

— Я везу срочную дипломатическую почту в министерство, и, если мы не прилетим в Кенигсберг к отлету аэроплана на Париж, я опоздаю на много часов... Это недопустимо!..

Служащий торгпредства возражал. Решили отложить отлет еще на полчаса, продолжая поиски, но без успеха.

— Не можем же мы заночевать здесь! — говорил француз. — Они не дети. Доберутся и по железной дороге! Я плачу за срочность, и вы должны доставить меня в срок!

Пилот пожал плечами и уселся на свое место. За ним последовали остальные.

Мотор загудел. Аэроплан взвился в воздух.

VII. В плену

Профессор Вагнер пропал бесследно.

Когда об этом узнали в Москве, Наркоминдел запросил германское правительство по поводу этого странного исчезновения.

От германского министерства по иностранным делам была получена ответная нота, в которой высказывалось сожаление по поводу этого прискорбного случая. «Нами принимаются все меры к розыску, но, к сожалению, до настоящего времени они не дали результатов. Считаем не лишним обратить ваше внимание на то, что вместе с профессором Вагнером исчез и германский подданный Герман Таубе. Полагаем, что этот факт снимает с германского правительства всякие подозрения в том, что в данном случае мог иметь место враждебный акт по отношению к профессору Вагнеру, как гражданину Союза Советских Социалистических Республик. Примите уверение в нашем искреннем уважении...»

Ответ этот, конечно, не мог удовлетворить Наркоминдел, но так как невозможно было установить факты, сопровождавшие исчезновение профессора Вагнера, то оставалось выжидать, когда эта тайна будет так или иначе раскрыта.

С профессором же Вагнером случилось вот что.

Когда он углубился в лес, Таубе предложил ему осмотреть развалины замка, стоявшего у лесного озера. Ничего не подозревая, профессор последовал за Таубе. Там уже ждала их засада. Трое замаскированных набросились на профессора и завязали ему рот и глаза. Таубе вырвал из рук профессора портфель с бумагами, который Вагнер, идя на прогулку, захватил с собой. Сильные руки усадили Вагнера в поджидавший автомобиль, и они тронулись в путь. Проехав не более часа, автомобиль остановился: Вагнера ввели в дом.

Профессор был взбешен.

— Что все это значит? — спросил он, ища глазами Таубе, когда повязку сняли с его глаз. Но Таубе не было. Не было и трех похитивших его людей. Перед ним стоял изящный молодой человек в штатском платье, с военной выправкой. Он улыбался самым любезным образом.

— Дорогой профессор, если вы не устали, то, наверно, проголодались. Пого-

ворить мы еще успеем. Прошу чувствовать себя как дома. Не откажите разделить со мною ужин. Кровать вам не поставили, ведь вы не спите?

И он показал рукой на хорошо сервировочный стол с бутылками дорогого вина.

— Благодарю вас! Я не голоден, — отвечал Вагнер, хотя ему очень хотелось есть. — Я бы просил вас объяснить со мной!

— Как жаль! — отвечал с тою же любезной улыбкой молодой человек. — А мы приготовили для вас ваши любимые блюда. Не буду мешать. К сожалению, не могу вам пожелать спокойной ночи: вы не нуждаетесь в этом.

И он вышел со своей неизменной улыбкой.

Профессор Вагнер осмотрелся вокруг. Комната эта, во всяком случае, не напоминала притон бандитов. Все вокруг было изящно, удобно и уютно. Скользя взглядом по столу, он увидел дымящуюся спаржу, зеленый горошек, салат. Вагнер, глотая слюну, отвернулся от стола и угрюмо уселся в кресло. В довершение всего он лишился портфеля и не мог заниматься. От времени до времени Вагнер вставал, подходил к двери — она была закрыта. Поднял штору окна и увидал густую железную решетку. Побег был невозможен.

— Какая нелепость! — проворчал он и, мрачный, опять опустился в кресло. Так он просидел до утра.

Рано утром явились трое в масках и молча завязали ему рот и глаза, вывели и усадили в мягкое кресло. Заработал мотор самолета. Профессор почувствовал, как аппарат отделился от земли. Полет продолжался не менее трех часов.

Когда ему вновь развязали глаза, он увидел перед собою того же молодого человека.

— Добро пожаловать, дорогой профессор! Поздравляю вас с новосельем! Так как нам придется проводить время вместе, то позвольте представиться: Генрих Брауде.

— Профессор?

— Не совсем, — улыбнулся Брауде.

— Но ваши опыты над усталостью?.. Мне говорил Таубе...

— Ах, вот что!.. Ну, это, вероятно, другой Брауде. Разрешите вас ввести, так сказать, во владения... Это ваш кабинет, — он сделал рукой круговое движение, показывая вместительную комнату с большим письменным столом, дубовой мебелью и книжным шкафом. Окна с матовыми стеклами были за решеткой. — Здесь вы найдете все, что писалось учеными по исследованию сна и усталости.

Несмотря на всю необычность положения, Вагнер не мог удержаться и подошел к книжным шкафам.

— Прейер... Эррер... Бушар... Клапаред, — читал он на корешках книг. — Все это старо... Лежандр, Пьерон... Им я кое-чем обязан...

— Разумеется, вы пошли дальше их! А вот, дорогой профессор, не угодно ли пройти в лабораторию!..

И они прошли в другую комнату.

VIII. Судьба профессора Вагнера решается

В то время как Брауде с изысканной любезностью «вводил» профессора Вагнера «во владения», комитет «Диктатор» решал судьбу пленника. Большинство членов комитета склонялось к тому, что Вагнера необходимо «убрать».

— В портфеле доктора Вагнера мы, безусловно, найдем секрет его изобретения. Нам блестяще удалось его похищение, но остается опасность, что рано или поздно тайна похищения будет раскрыта, если не уничтожить главной улики против нас.

Этой «уликой» был сам профессор. «Убить Вагнера» — об этом, конечно, никто не говорил в собрании, считавшем себя цветом культуры. Но все понимали друг друга. Против «уничтожения улики» возражал лишь барон Гольдзак.

— Полнейшая тайна исключает возможность обнаружения Вагнера. Замки и надежная охрана гарантируют от побега. К чему прибегать к крайним мерам? Такой ум, ум исключительной даровитости, может оказать нам большую пользу. Нужно только суметь так или иначе заставить его работать на нас.

Гольдзак не досказал своей мысли: он рассчитывал воспользоваться еще не одним изобретением Вагнера для коммерческой эксплуатации.

Но большинство голосов было против него.

Однако выступление секретаря изменило дело.

— Я вношу предложение, — сказал он, — оставить на некоторое время вопрос открытым. Дело в том, что Вагнер все свои записки вел по совершенно неизвестному методу стенографии, вероятно изобретенному им самим. Я уже привлек к расшифровке лучших специалистов из министерства иностранных дел и... других учреждений. Пока им удалось установить, что, по-видимому, это система сокращения до одного знака целых слов. Но расшифровать им еще не удалось. Подождем результатов, иначе мы рискуем остаться перед нераскрытой тайной его изобретения.

Решение было отложено на несколько дней.

Специалисты по расшифровке оказались на высоте положения: им удалось найти ключ к стенографии Вагнера. И, когда они нашли, они были изумлены гениальной простотой этой системы.

Но членов комитета ожидало и огорчение: когда удалось прочитать и перевести записки Вагнера, оказалось, что они содержали целый ряд ценных научных материалов по самым различным областям знания. В сжатых фразах, почти намеках на мысль, в кратких формулах было такое богатство содержания, что его хватило бы на многие печатные тома. Некоторые места даже для специалистов оказались непонятными. Все это оправдывало предположение Гольдзака, что работа Вагнера представляет громадную ценность. Но в записках не было ни строчки о том, что больше всего интересовало комитет: о средстве борьбы со сном и усталостью.

Так или иначе, нужно было вырвать секрет у профессора Вагнера. Это было поручено сделать Брауде. В целях сохранения полной тайны он был единственным лицом, которое виделось с Вагнером.

— Дорогой профессор! — обратился Брауде к Вагнеру. — Вы хотели знать, какие причины привели вас сюда. В настоящее время я могу удовлетворить ваше понятное желание. Только крайняя необходимость заставила нас прибегнуть к способу...

— Бандитов! — не удержался Вагнер.

Брауде улыбнулся, как будто он услышал милую шутку, и, нисколько не смутившись, продолжал:

— Мои друзья представляют собой мощную организацию, которая стоит на страже европейской культуры. Увы! Над этой культурой нависла громадная

опасность, имя которой — большевизм. Вы человек, далекий от политики, и, может быть, вы сами не учитываете того, какое могучее орудие дало бы ваше изобретение этим врагам культуры. Вот что побудило нас во имя цивилизации, для блага всего человечества посягнуть на вашу личную свободу. Вам, как человеку науки, также должна быть дорога наша старая европейская культура. Подарите же ей ваш ценный дар! Поверьте, он будет использован наилучшим образом.

Профессор откинулся на спинку кресла и слушал, устремив оба глаза на своего собеседника, что с ним случалось редко.

— Да, я человек науки, далекий от политики, — ответил Вагнер. — Но вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я противник советской власти. Впрочем, ваша ошибка понятна: к вам большевизм обращается только своей разрушительной стороной. Я же пережил уже эту полосу и, не скрою, полосу сопутствовавших ей настроений; последние годы я мог наблюдать и другую сторону этого самого «страшного» большевизма — созидательную. Вы ее не видите или не хотите видеть. Меня же поражает и невольно захватывает этот грандиозный размах творческой энергии, широта планов, кипучая работа... Никогда еще столько научных экспедиций не бороздило вдоль и поперек великую страну в поисках естественных богатств, где бы они ни находились: глубоко прикрытые полярными льдами, жгучими ли песками пустыни или молчаливыми недрами земли. Никогда еще не было у нас такой тяги к технике, механизации труда. Никогда самая смелая творческая мысль не встречала такого внимания и поддержки...

И потом, что нужно ученым? Прежде всего условия для спокойной работы. Моя страна уже перенесла бурю революции и судороги контрреволюции. Впереди только мирное строительство. А вы?.. Разве не ваш страх перед грядущими потрясениями заставил вас привезти меня сюда столь... неделикатным манером? Нет, господин Брауде, я желаю жить и работать в России. Ей же принадлежат и мои труды. Я не открою вам секрета!

Ответ Вагнера был доложен комитету.

— Да он сам большевик! — воскликнул узколобый генерал.

— С ним нечего стесняться! — слышались голоса.

На этот раз и Гольдзак нашел невыгодным выступить против общего настроения.

Не было принято никакой резолюции, но все было ясно без слов: профессору Вагнеру был вынесен смертный приговор.

И Брауде должен был привести его в исполнение.

Не без волнения вошел он в кабинет профессора, чувствуя тяжесть браунинга в своем правом кармане. Но, хорошо владея собой, он с обычной любезной улыбкой поздоровался с профессором и уселся в кресло напротив него, заложив руки в карманы.

— Ну-с, как, дорогой профессор, вы еще не изменили вашего решения? — спросил он Вагнера, нащупывая в кармане рукоятку револьвера. — Предупреждаю вас, что ваш отказ приведет к самым тяжелым для вас последствиям!

— Нет, господин Брауде: не изменил и не изменю!

Брауде ощупью наложил палец на курок, все еще не вынимая револьвера из кармана.

— Но у меня есть одна просьба, господин Брауде!

«Время терпит, — подумал Брауде, — узнаем, что это за просьба», — и задержал в кармане руку с револьвером.

— К вашим услугам, дорогой профессор.

Профессор имел смущенный вид. Брауде поразило, что Вагнер выглядел очень усталым и всегда румяные щеки его побледнели.

— Дело в том, — начал профессор, запинаясь, — что ваши друзья в масках при обыске не заметили в моем жилетном кармане небольшой коробочки с пилюлями. То есть они, может быть, и заметили, но, вероятно, не обратили внимания на нее, так как на коробочке была безобидная этикетка: «Purgen». Обычное лекарство для людей, ведущих сидячий образ жизни. В этой коробочке у меня был запас пилюль против сна и усталости. Увы, коробочка пуста! Вчера я принял последнюю пилюлю. Если сегодня я не возобновлю прием, я должен буду уснуть. Для меня это было бы ужасно... И усталость... Я был бы вам... очень благодарен... — профессор говорил все медленнее, — если бы вы достали мне некоторые химические продукты по моему указанию и, если можно... скор...

Г олова профессора откинулась назад, веки закрылись, и он заснул глубоким сном.

— Это облегчает задачу! — сказал вслух Брауде, спокойно вынул револьвер и направил его в грудь профессора.

Но он не выстрелил: какая-то мысль остановила его. И, быстро сунув револьвер в карман, он выбежал из комнаты.

IX. Акционерное общество «Энергия»

— Профессор Вагнер спит! Он в наших руках! — быстро проговорил Брауде, убегая к секретарю комитета.

— Говорите яснее, Брауде, в чем дело?

— Дело в том, что у Вагнера истощился запас противосонных пилюль и он нуждается в химических материалах, иначе говоря — он нуждается в нас! Мы можем дать ему все необходимое, но под условием выдачи секрета. Я уверен, теперь он пойдет на все! Я взял на себя смелость отложить исполнение приговора.

— Вы правы! Несколько дней не составляют расчета. Попытайтесь сговориться с ним, когда он проснется.

Но сговориться с Вагнером оказалось не так-то просто. Однако Брауде не терял надежды. Он играл на психологии Вагнера и поднимал с ним торг в тяжелые для Вагнера минуты, когда его начинали одолевать сон и усталость. Профессор страдал.

— Сколько непроизводительно потерянного времени! Сон для меня равносильен смерти, а смерть страшна только тем, что это вечный сон, который обрвет мои работы. Сколько неоконченного! Сколько погибнет замыслов!..

На третьи сутки было достигнуто соглашение: «друзья Брауде» доставляют профессору Вагнеру все необходимые продукты, а профессор Вагнер будет выработать в лаборатории свой чудесный препарат. Никто не может присутствовать при производстве работ.

Из осторожности Брауде поставил условием, чтобы одну из приготовленных пилюль Вагнер проглатывал первый. Комитет «Диктатор» полагал, что если ему станут известны составные элементы препарата и самый препарат в готовом виде, то немецким химикам не представит особого труда угадать

остальное.

Однако профессор Вагнер явно усложнял их работу. Он составил длинейший список различных химических веществ. Было очевидно, что многие из этих веществ не входили в состав его антитоксина.

Когда получился готовый препарат, химики обнаружили полипептиды и аминокислоты. Найдены были вещества, содержащие группу С: NH; но в препарате оказывался, очевидно, еще какой-то неразложимый остаток. По крайней мере все опыты ученых не приводили к цели.

Практических неудобств от этого пока не проистекало. Пилюли Вагнера, принимаемые один раз в день вместе с пищей, заключали в себе, помимо обычных пилюльных связывающих веществ, не более 0,05 грамма чистого препарата. Несколькими килограммами можно было обеспечить потребность всего населения.

Лаборатория Вагнера вполне успешно справлялась с этим производством.

Профессор Вагнер на время примирился со своей участью. Когда производство наладилось, для него потекли дни и ночи обычного труда. Изготовление пилюль отнимало у него не более четырех часов в сутки. Отработав этот «урок», он погружался в свои научные изыскания, не думая больше о судьбе «продукции».

А между тем эксплуатация его препарата имела громадное влияние на всю жизнь Германии.

Как только производство пилюль было поставлено, на сцену выступил барон Гольдзак. Им было создано акционерное общество «Энергия», которое выпускало в продажу чудесный препарат, уничтожавший сон и усталость. Акции, выпущенные в огромном количестве, находились в руках членов комитета.

Широкая рекламная кампания оповестила мир о новом препарате.

«Нет больше сна! Нет больше усталости! Удлините вашу жизнь!» — крупными буквами кричали плакаты и объявления газет.

В ответ на эти рекламы в советских газетах появился ряд статей о профессоре Вагнере, уже открывшем секрет борьбы со сном и так странно исчезнувшем на немецкой территории.

Но немецкие газеты, находящиеся на содержании «Энергии», возмущались этими «инсинуациями» и доказывали, что «Энергия» купила свой препарат у немецкого профессора Фишера, ранее Вагнера разрешившего эту задачу. Такой профессор действительно был, но коллеги, знавшие его бездарность, только руками разводили. Неожиданно открытая «гениальность» Фишера и привалившее к нему вслед за этим богатство заставляли многих немецких ученых усомниться в истине. Но они молчали.

Акционерное общество «Энергия» преследовало коммерческие и политические цели.

Препарат Вагнера был настоящим золотым дном. Деньги лились рекой, и эти деньги в значительной доле расходовались комитетом «Диктатор» на подкупы своих политических противников, прессы, избирателей, социал-демократических вождей пролетариата, министров. Колоссальные средства шли и на пропаганду. Благодаря всему этому «Диктатор» скоро оказался фактическим правителем страны.

Первым покупателем препарата была денежная аристократия: капитали-

сты, рантье, лица свободных профессий. Из всех них только лица свободных профессий использовали препарат с наибольшей выгодой для себя и общества: купленное «прибавочное» время приносило хороший доход. Профессора выпускали утроенное количество печатных трудов, юристы утраивали свою практику, хирурги успевали производить громадное количество операций.

Что же касается рантье и в особенности «золотой молодежи», то для них «прибавочное время» ценилось как прибавочная сумма наслаждений. Ночные развлечения распустились пышным цветом. Кабаре, рестораны, театры вырастали, как грибы. Все ночи напролет эти места удовольствий довольно грубого свойства горели огнями, привлекая посетителей, не знавших больше сна и отдыха. Однако такая жизнь, разумеется, не обходилась без вреда для здоровья. Вино лилось рекой. Все виды азарта и разврата расшатывали нервную систему капиталистической «смены». Скоро пилюли вошли во всеобщее употребление. Все городское население забыло о сне, за исключением бедняков и безработных, не имевших средств на покупку чудодейственных пилюль.

Препарат «Энергия» оказал крупнейшее влияние и на финансы страны. Торговые заведения и банки работали двадцать четыре часа в сутки. Денежное обращение быстро увеличивалось.

Но особенно сильное влияние оказало изобретение профессора Вагнера на промышленную жизнь страны.

Фабриканты и заводчики очень быстро поняли все выгоды препарата. Прежде всего они смогли сразу на две трети сократить управленческие аппараты своих учреждений. Затем они принялись за рабочих.

Все крупные денежные тузы были членами организации «Диктатор», отпускаяшей им препарат по себестоимости. Среди рабочих был произведен «отбор». «Неблагоденные» увольнялись, «благоденные» получали двойные оклады, работая непрерывно две смены. Пилюли они получали «бесплатно».

Восемь часов оставляли свободными от работ.

«Пусть рабочие войдут во вкус траты денег. Если они станут работать двадцать четыре часа, у них могут скопиться сбережения, а это нежелательно. Лучше будет, если их „лишние деньги“ вернуться к нам через наши кабачки».

Безработица росла. Безработные начали борьбу, но она подавлялась беспощадно.

Все это делалось за спиной профессора Вагнера, поглощенного своими научными работами и занятиями.

От времени до времени он спрашивал Брауде:

— Ну, какие результаты дает мой препарат?

— Прекрасные, дорогой профессор! Восемь часов для работы, восемь для наук и искусств и восемь часов для движений на свежем воздухе. Промышленность растет, науки процветают, молодежь пышет здоровьем!

Доверчивый профессор был в восторге. Но в глубине его сознания звучала какая-то тоскливая нотка не оформившейся еще мысли. Она все чаще посещала его и мучила своей неопределенностью. Но он подавил ее.

— И это достигнуто лишь при работе одного мозгового полушария! Надо научить молодежь работать обоими полушариями. Это еще удвоит их силы!

Брауде замялся.

— Ваш метод требует большой тренировки. Вам пришлось бы потратить слишком много времени на личное инструктирование... Но если бы вы могли

написать об этом книгу...

За окном вдали послышался шум, крики толпы, несколько выстрелов и стоны...

Вагнер подошел к окну, но матовые стекла не позволяли видеть, что делается снаружи.

— Что это? — спросил он.

— Вероятно, праздничный карнавал!

— Эти крики не напоминают шума праздничной толпы, — сказал задумчиво Вагнер и почувствовал, как тоскливая нотка опять запела где-то внутри.

Несмотря на все увлечение работой, он чувствовал себя пленником. Он не знал, что творится вон там, за окном. Он не знал, что творится на Родине. Россия!.. Не о ней ли тосковал он все время? Так дальше продолжаться не может! Он должен вырваться на волю! А прежде всего он должен узнать, что делается там, за окном!..

Х. Что делается за окном

— Господин Брауде, мне нужен для новых опытов ряд приборов и частей. Вот чертежи. Будьте добры срочно заказать по ним приборы и доставить материалы.

— Можно узнать, что за опыты, дорогой профессор?

— Превращение световой волны в звуковую. Вы знаете, что многим музыкантам каждая гамма или тон кажутся окрашенными в определенный цвет. Например, C-dur — белый, A-moll — синий, D-dur — розовый... Я хочу установить соотношения звуковых и световых волн.

Вагнер дал большой заказ. Среди разнообразных и часто не имеющих ничего общего частей и материалов было все необходимое для конструирования радиоприемника.

Когда заказ был получен, Вагнер принялся за работу. Задача его облегчалась тем, что Брауде оказался ничего не понимающим в радиотехнике. Однако опасаясь, что Брауде мог скрывать свои знания, Вагнер очень хитро маскировал свою работу и опыты. Ему помогало в этом умение производить одновременно две работы сразу.

Довольно громоздкий «аппарат» был готов.

Это было соединение радиоприемника, хорошо скрытого внутри, и «светозвукового трансформатора».

От аппарата шли две слуховые телефонные трубки: одна — от скрытого радиоприемника с рамочной антенной, другая — от «светозвукового» отделения аппарата. Телефонную трубку от радиоприемника взял Вагнер. К другой трубке с любезной улыбкой, но решительно протянул руку Брауде.

— Разрешите поинтересоваться?

— Пожалуйста!

Правый глаз и правая рука профессора были к услугам Брауде, левыми он работал над радиоприемником. Правая рука повернула рычажок, и на экране появилось розовое пятно. В то же время Вагнер регулировал герметически закрытую индукционную катушку, и она гудела в слуховую трубку Брауде, меняя тон.

— Слышите? D-dur!

Но тут вышло осложнение: Брауде оказался обладателем абсолютного слуха.

— Это не D-dur! Уверяю вас, это C-dur! — сказал он.

— Я не музыкант... Но это доказывает только, что субъективные сближения звука и цвета ошибочны! — нашелся профессор.

В то же время левой рукой он настраивал свой радиоприемник. Среди фокстротов, забавлявших Европу, и выстукивания радиотелеграфа он вдруг уловил русскую речь.

«...уже на этом примере вы можете видеть, товарищи, как самые ценные достижения науки извращаются на капиталистической почве. То, что могло принести громадную пользу трудящимся, поднять их культурно, превращается в орудие эксплуатации пролетариата... Изобретение русского профессора Вагнера, столь странно исчезнувшего на гер...»

— Это крайне интересно! — громко сказал Брауде. — Поразительно! Я страшно заинтересован! Надо поставить здесь рояль... Представьте картины, превращенные в звуки... Быть может, мы услышим новые симфонии... Или шумановский световой «Карнавал»...

«...средство от сна, — продолжало радио, — вызвало страшную безработицу... Бедствия рабочих не поддаются описанию...»

«А меня-то уверял Брауде...» — подумал Вагнер, и, не удержавшись, он воскликнул:

— Какой обман!..

— Обман? В чем обман? — удивленно спросил Брауде.

— D-dur окрасить в розовый цвет! — раздраженно ответил Вагнер.

— Но ведь это субъективно!..

XI. Сонное царство

Одна цель была достигнута. Профессор Вагнер знал, что делается за окном. Оставалось проникнуть туда, за окно, на свободу, самому. План его был готов.

Он ухмылялся в свои усы и зорко вглядывался в лицо Брауде.

Его тюремный смотритель устало потянулся и зевнул.

— Что это значит, профессор, я чувствую сонливость?!

— Представьте, я тоже, — сказал Вагнер, искусственно зевая. — Боюсь, что нам вчера прислали не совсем доброкачественные химические продукты.

— Странно... Я положительно засыпаю... Надо, во всяком случае... а-а-а... предупредить...

Он поднялся, но тотчас свалился в кресло и захрапел.

— Готово! — произнес профессор Вагнер, широко улыбаясь. — Теперь этот мор пойдет по всей стране! Раньше суток им не проснуться. И как просто! Надо было только изменить состав препарата. Вместо антитоксинов они проглотили простой безвредный порошок магнезии. Действие вчерашнего приема пилюль против сна кончилось, и теперь они спят как убитые «естественным сном». Весь Берлин, вся Германия погрузилась в сонное царство!

— Свобода! Свобода! — закричал Вагнер, не боясь разбудить спящего Брауде.

Но радость Вагнера была преждевременной. Толстая дубовая дверь кабинета запиралась снаружи. Надо было разбить ее. Он обошел всю лабораторию, ища подходящего орудия. Там были лишь легковесные точные инструменты и стеклянные химические сосуды... Оставалась тяжелая дубовая мебель. Он принялся за нее, работая как тараном. Мебель ломалась, куски превращались

в щепы, но дверь не поддавалась.

Брауде продолжал спать: его не разбудили бы теперь и пушечные выстрелы.

С таким физическим напряжением Вагнер не работал еще никогда. Ему несколько раз приходилось принимать ретардин — средство, уничтожающее усталость, — чтобы поднять силы. Но главное — драгоценное время текло... Уже прошло несколько часов этой упорной работы. Наконец одна половина двери поддалась. Профессор вздохнул с облегчением и пролез в образовавшуюся брешь.

Здесь он мог убедиться, как хорошо его стерегли: в соседней комнате оказался целый штат сторожей. Все они крепко спали, сидя на креслах или лежа на полу. Их храпение сотрясало воздух. Прямо перед собою профессор увидел гладкую стальную дверь, какие бывают в кладовых банков.

Профессор в отчаянии опустил руки. Нечего было и думать разломать такую дверь. Ее можно было разве только взорвать.

«А почему бы и не взорвать?» — вдруг мелькнула у Вагнера мысль. Он бросился в лабораторию и стал лихорадочно рыться в склянках. Он одновременно развешивал, растирал, смешивал, быстро работая обеими руками. Не прошло и получаса, как профессор держал в руках патрон со взрывчатым веществом большой силы. Сделав небольшое отверстие в стене у двери, он заложил патрон и провел от него фитиль в дальний угол лаборатории.

«Или я погибну, или буду свободен!»

Посмотрев на спящих, он задумался. Вынул часы, неодобрительно покачал головой.

«В конце концов несколько минут не составляют разницы. Не надо напрасных жертв!..» — И он перетащил спящих служителей в лабораторию.

Покончив с ними, Вагнер еще раз посмотрел на часы, вздохнул и поднес огонь к фитилю. Шипящая искра побежала к двери... Профессор Вагнер невольно прижался к стене... Прошло несколько бесконечно долгих секунд напряженного ожидания...

Громовой раскат потряс все здание. Волна воздуха ударила Вагнера. Он потерял сознание...

Придя в себя, Вагнер оцупал свое тело.

«Кажется, цел! — И тотчас посмотрел на часы. — Однако! Целых двадцать минут я лежал в обмороке... Голова кружится... Ничего... Пройдет!» — И он посмотрел вокруг себя.

Комната была наполнена удушливым дымом. Все окна в лаборатории вырваны с рамами. Штукатурка на потолке обвалилась. Стеклянная посуда перебита. Один из сторожей был ранен и глухо стонал во сне. Брауде отбросило к двери лаборатории, но он, по-видимому, счастливо отделался. Он что-то бормотал и, пытаясь проснуться, приподнимал голову, но она тяжело падала вниз.

Вагнер перешагнул через его тело и вошел в кабинет.

Здесь было полное разрушение. Потолок наполовину обрушился. На выступавших балках висели какие-то лохмотья, по которым прыгали язычки пламени. Вся мебель исковеркана. Письменный стол лежал на боку, расщепленный свалившимися кирпичами. Пол выпучило и поломало. Через наваленные обломки Вагнер пробрался к двери и заглянул в следующую комнату.

Но на месте стены со стальной дверью он увидел сквозь завесу дыма небольшой сад, огражденный высокой каменной стеной. Дальше, за стеной, высилась громада серого здания с разбитыми стеклами и виднелся погнувшийся столб уличного фонаря.

— Вот не думал, что нахожусь среди города! — сказал Вагнер, подходя к обрыву пола.

В висках стучало, голова еще сильно кружилась, едкий дым вызывал боль в глазах, но Вагнер, цепляясь за выступы обвалившейся стены, стал спускаться в сад.

Все деревья были поломаны, листва обожжена.

«Стена!.. Последняя преграда... Как преодолеть ее?» — Вагнер осмотрелся кругом. Садовая беседка. У порога лежит спящий старик садовник... А вот и то, что ему надо! Лестница!..

Вагнер быстро приставил ее к стене.

Посмотрев с высоты каменного забора на развалины своей тюрьмы, он перебросил лестницу, быстро спустился на улицу и сразу вступил в спящий город.



Стояла мертвая тишина. Ничто не нарушало сонного покоя. Улица представляла необычный вид. Она вся была завалена горами тел спящих людей. Ежеминутно приходилось переступать через эти тела, и Вагнер, чтобы быстрее идти, вышел на середину улицы. Здесь стояли автомобили со спящими в них людьми.

Вагнер шел к перекрестку.

Вот на тротуаре лежит толстая дама, положив голову на ногу почтальона. Шляпа сползла с ее головы, зонтик валяется в стороне. Вот стоит автомобиль для поливки улицы со спящим шофером. Вода еще льется из бака, подмывая лежащих на улице. Некоторые из них ежатся от воды, медленно поворачиваются, но продолжают спать. Валяются цилиндры, шляпы, пакеты, узелки, картонки... На некоторых лицах застыл ужас. Их организм, очевидно, дольше других боролся со сном: на их глазах падали и засыпали люди, и им казалось, что город и сами они охвачены эпидемией какой-то страшной, неизвестной болезни. И они засыпали с ужасной мыслью, что, быть может, никогда не проснутся. Иных, наоборот, сон сваливал почти мгновенно. Их лица были спокойны.

Чем ближе к перекрестку, тем гуще лежали тела на тротуарах.

Вот и перекресток.

Вагнер остановился и прочитал на углу дома название улицы: «Konigstrasse».

«Так вот где я! Почти в центре Берлина!»

На самом перекрестке лежал толстый шуцман (полицейский), раскинув ноги по трамвайным путям. Он даже во сне не выпускал свою палочку. В двух шагах от его ног стоял трамвай, очевидно остановленный вагоновожатым в последние минуты борьбы со сном.

А дальше виднелись два столкнувшихся трамвая. Один вагон был наполовину разбит. Часть людей выпала на мостовую. Среди них были убитые и раненые. Окровавленные трупы перемешивались с телами спящих, оставшихся в живых. Возле девочки с раздробленной рукой лежала спокойно спящая женщина, очевидно мать... Каково будет их пробуждение?.. Несколько автомобилей было также повреждено. Один лежал на боку, ударившись о столб фонаря, другой въехал на тротуар и придавил ноги спящего молодого человека в белом костюме. Молодой человек глухо стонал и гримасничал от боли, но продолжал спать.

«Однако погружение города в неожиданный сон не обошлось без жертв! — подумал профессор Вагнер. — Очень печально, но этого я не мог избежать».

Из открытого окна и дверей многоэтажного дома валил черный дым. Там, очевидно, возник пожар. Вагнер вздохнул и невольно поморщился. Спасать? Но что может сделать он один? И он не имеет времени. Отвернувшись от дома, он быстро зашагал вдоль Королевской улицы, к Курфюрстскому мосту, мимо знакомых зданий Гигиенического музея и Музея национальных костюмов. Вот и ратуша (городская дума) из темно-красного песчаника на цоколе из серого гранита, с высокой башней и статуями в нишах у входа курфюрста | Фридриха Первого и императора Вильгельма.

Профессор Вагнер вспомнил, что в подвальном этаже здания находится один из величайших ресторанов Берлина. Вагнер с утра ничего не ел. Он спустился в ресторан. Здесь, несмотря на ранний час, уже были посетители. Они спали за столом и на полу вперемежку с кельнерами, в лужах пива, вытекавшего из открытого крана пивного бочонка. Вагнер наскоро закусил бутербродами, лежавшими на буфете, и вышел на улицу.

У Курфюрстского моста Вагнер был удивлен появлением нескольких неспящих людей. Они были плохо одеты и своими криками резко нарушали тишину спящего города. Это были бедняки из предместья Берлина — безработные или бродяги. Они не получали казенного противосонного «пайка», не имели средств и купить чудесные пилюли. А если бы и имели, то вряд ли купили бы: сон — друг обездоленных... И потому они, выспавшись прошлой ночью, теперь явились сюда, привлеченные вестью о сонном городе.

Через огромные витрины кафе и магазинов было видно, как эти выходцы подвалов и окраин доедали объедки, откидывая спящих у столиков, как отбивали головки бутылок и пили вина. В магазинах готового платья они сбрасывали свои лохмотья, одевались в модные костюмы, так не шедшие к их обрюзглым, небритым или истощенным нуждой лицам, нагружали на спину узлы и, наспех застегивая пуговицы, бросались к другим магазинам, прыгая со своими узлами через спящие тела.

Там их привлекали иные соблазны. Бросая узлы с платьем, они хватали конфеты, пирожные, консервы, чтобы бросить и это все ради золота и драгоценных камней ювелирных магазинов.

Они блаженствовали. Они царили. Никто не останавливал их. Встречая распростертые тела спящих шуцманов — их извечных врагов, — они не могли

отказать себе в удовольствии позабавиться: надевали спящим шуцманам на голову дамские капоры, привязывали к их ногам бродячих собак, всовывали в руки пустые бутылки...

Вот и Курфюрстский мост с двумя спящими девочками у бронзовой статуи курфюрста. Весь мост завален телами спящих.

Вагнер с трудом добрался до Дворцовой площади.

Здесь неспящие оборванные люди встречались толпами. У дворцового фонтана Вагнер увидел нечто вроде митинга голытьбы. Вагнер заинтересовался и стал пробираться среди спящих на земле тел к фонтану Нептуна, стоящего на скале среди четырех аллегорических фигур: Рейна, Эльбы, Одера и Вислы. Фонтан — подарок города Берлина императору Вильгельму Второму. И «бог морей», конечно, он, кайзер... «Будущее Германии на воде!..»

«Увы, превратна судьба человека! — думал Вагнер, переступая через чье-то тело. — Что осталось от могущества „бога морей“?.. Революция отняла у „бога“ корону, и памятник Вильгельму Второму уже не будет стоять — тридцать третьим по счету — в аллее Побед Тиргартена...»

Какой-то рабочий, взобравшись на возвышение, обращался к толпе:

— Товарищи! Остановитесь! Что вы делаете? Проснутся наши враги — банкиры, фабриканты и заводчики, проснется полиция, и у вас отберут все и бросят вас в тюрьму! Обезоруженный враг лежит перед нами! Он в наших руках! Нужно идти в арсенал, захватить оружие!.. Нужно захватить членов правительства, генералов, полицию... Надо действовать немедленно — и власть окажется в наших руках!

Послышались отдельные возгласы одобрения.

Но когда начали обсуждать план действий, оказалось, что захватить власть не так-то легко. Прежде всего никто не знал, долго ли продлится этот странный сон. Большинство неспящих состояло из люмпен-пролетариата, изголодавшейся голытьбы, которая увидела вдруг в своих руках несметные богатства города. Трудно было оторвать эту толпу от соблазнов грабежа и в несколько часов организовать, заставить ее действовать по определенному плану.

— Позвольте и мне вмешаться в ваш разговор! — сказал профессор Вагнер. — Вы интересуетесь тем, когда проснется город. Могу вам дать довольно точные сведения. Все уснувшие должны проспать не менее восьми-десяти часов. Уснули они около девяти часов утра. Сейчас сорок минут второго. Надо ожидать, что между пятью-семью часами вечера начнется пробуждение. В вашем распоряжении около четырех часов.

Четыре часа! За это время надо найти грузовики, освободить тюрьмы, перевезти туда спящих врагов... Вместит ли Моабит их всех? Положим, место для арестованных в Берлине найдется, но шоферы, вероятно, все также спят. Где найти других, много ли их найдется?..

— Послушай, Карл, не обратиться ли нам за помощью к нашим московским товарищам? Кто знает, может быть, город проспит и несколько суток?

— Город скоро проснется! — вмешался опять в разговор профессор Вагнер.

— Откуда вы это знаете?

— Из первоисточника: я сам причина этого сна. Они, — и Вагнер показал рукой на тела спящих, — не отравлены. Они лишь не получили обычного состава противосонных пилюль, которые я изготавлял, и теперь спят естествен-

ным сном, насколько вообще сон естествен. А нормальный сон продолжается около восьми часов. Расчет простой... О помощи из Москвы нечего и думать в такой короткий срок. Я уже не говорю о некоторых дипломатических препятствиях, которые могут встретиться или по крайней мере потребуют своего обсуждения в Москве. Но самый полет в Москву меня крайне интересует. Я не могу остаться здесь. Я «усыпил» город только для того, чтобы бежать из плена одной из ваших боевых реакционных организаций. И я был бы вам очень благодарен, если бы вы помогли мне в этом.

Рабочий Карл задумался, потом хлопнул по плечу товарища и, указав глазами на Вагнера, воскликнул:

— Летим с ним, Адольф! Если помощь из Москвы и опоздает, мы по крайней мере выберемся отсюда. Другого такого случая не дождешься! Остаться здесь и ожидать их пробуждения у меня совсем нет охоты. Ты умеешь управлять автомобилем. Вези нас на аэродром!

И они быстро подошли к новенькому автомобилю.

— А ну-ка, товарищ, уступи нам место! — сказал Карл, вытаскивая спящего шофера из-за рулевого колеса.

— Этого поросенка тоже долой! — принялся он за пассажира. — Ему еще никогда не приходилось спать на земле. Пусть попробует наших пуховиков!

— Позвольте! — вскричал Вагнер. — Да это Таубе!

— Какой Таубе?

— Ах, сейчас не время рассказывать! А знаете ли что? Возьмем его с собой, прошу вас!

— Это еще для какой надобности?

— Я расскажу вам дорогой.

И автомобиль двинулся на аэродром. Вагнер, поддерживая мотающуюся голову спящего Таубе, смеялся в душе, представляя, какие глаза сделает Таубе, когда профессор поблагодарит его в своем московском кабинете за приятную прогулку в Германию.

В ангаре стояло несколько пассажирских самолетов. Один из них был выведен и готов к отлету. Пилот, механик и пассажиры спали на своих местах. Пассажиров вынули из кабины. Пилоту и механику Вагнер влил в рот разведенный в воде препарат против сна; они быстро проснулись и с недоумением смотрели вокруг себя.

— Сейчас же заводите мотор и отправляйтесь в путь! — сказал повелительно Карл.

— Куда? — спросил пилот.

— На Москву!

Пилот отрицательно покачал головой.

— Это линия на Кенигсберг. И у меня были другие пассажиры. Вы имеете билеты?

— Вот наши билеты! — сказал Карл, вытягивая из кармана старенький револьвер.

— Это насилие! Я буду звать на помощь!

— Зови! Вот этих позови! — И Карл указал на спящих рядышком на земле пассажиров. — Или вот этих!..

Пилот и механик удивленно оглядывали спящих людей.

— Летим!.. — сказал механик, пожимая плечами.

Быстро уселись. Аппарат зажужжал...

И опять перед Вагнером раскинулся внизу широкий пестрый ковер с ровными нитями железнодорожных путей, голубым узором извивающихся рек и пестрыми пятнами городов.

Полчаса прошло в молчании. Вдруг Карл, поглядев в окно, вскочил и начал кричать. Шум мотора заглушал его голос, но, когда Карл показал на часы и на солнце, Вагнер понял: косо́й луч солнца освещал кабину слева. В этот час, если бы они летели прямо на восток, солнце должно быть справа.

Карл пробрался к пилоту и начал трясти его за плечо, показывая на солнце. Пилот со своей стороны показывал на карту и пытался оправдаться: он летит по знакомому пути на Кенигсберг, а оттуда по маршруту Ковно — Смоленск — Москва. Лететь прямо на восток он не может. Путь не изучен. Места посадок неизвестны...

Карл не принимал никаких объяснений. Он вынул свой старенький револьвер, потряс им угрожающе перед носом пилота и провел дулом по карте прямую линию на восток.

Пилот пожал презрительно плечами и жестами предложил Карлу занять его место. Здесь, на высоте пятисот метров, держа в своих руках управление аппаратом, пилот не очень опасался угроз Карла.

Но Карл крикнул ему на ухо:

— Я убью вас не сейчас, а в тот момент, когда аппарат коснется земли!

Пилот поежился, сжал губы и повернул руль. Аппарат, накренившись на бок, сделал крутой поворот и пошел на северо-восток.

Пролетая над Бромбергом, пассажиры заметили на его улицах движение.

Карл посмотрел на Вагнера и многозначительно качнул головой:

— Пробуждаются!..

Профессор хотел объяснить, что если Бромберг уже пробуждается от сна, то, очевидно, там раньше принимали пилюли. Берлин, наверное, еще спит, хотя скоро проснется и он. Но шум мотора мешал говорить, и Вагнер только молча показал рукой на спящего Таубе.

И опять молчание. Минутами кажется, что аппарат стоит на месте, а земля медленно ползет. Карл задремал...

Но Вагнер зорко смотрел вперед. Вдруг Карл просыпается от толчка в бок. Адольф, возбужденный, показывает ему что-то в окне.

Карл глядит вдаль, но не понимает, в чем дело. Вагнер дает ему бинокль, оказавшийся в кабине, и показывает на беленький домик у опушки леса. Карл наводит бинокль, и вдруг грудь его широко поднимается.

У пограничного столба развевается красный флаг.

— Спасены! — кричит он и машет биноклем в окно.

Гость из книжного шкафа



I. В дождливую ночь

Осенний ветер, надув щеки, разыгрывает хроматические гаммы на каминной трубе. Все тоньше, жалобней, надрывней... И, будто не вынося этой щемящей мелодии, скрежещут где-то на крыше ржавые флюгера. Ветер подхватывает снопы дождя и, как сухим веником, бьет ими в оконные стекла... Часы пробили три. Три часа ночи.

Но профессор Вагнер не спит. Он не спит уже много лет — с тех пор, как победил сон. Его жизнь — один непрерывный рабочий день. И выполняет он две работы сразу. Каждое его мозговое полушарие, как два самостоятельных веретена, ткёт сразу две нити мыслей.

Одна из них — о строении атома. Вот над чем работает сейчас профессор Вагнер.

А Другой половиной мозга — что с ним бывает очень редко — он думает о самом себе. Он подводит итог тем событиям, которые вновь сделали его пленником...

«Победа над сном» дорого ему досталась. Тайная немецкая политическая организация «Диктатор», желавшая воспользоваться его изобретением, путем обмана заманила его в свои сети. Профессор Вагнер бежал на самолете. Но когда спасение, казалось, уже пришло, когда он уже видел развевающийся вдали, на русской границе, красный флаг, случилось то, чего он менее всего ожидал. Его настигла неожиданная погоня. Шум аэропланного мотора, на котором он летел, заглушал звуки приближающегося воздушного врага. Когда сзади послышалось гудение и он обернулся, было уже поздно. К беглецу подлетел огромный быстроходный самолет — последнее изобретение немецкой техники, очевидно втайне построенное и хранимое до сих пор.

Гигантский «Коршун» налетел на аэроплан Вагнера, выбросил два длинных металлических стержня, подцепил ими снизу верхние крылья пассажирского самолета, рванул и понес свою жертву, описывая широкую дугу, на запад. Все это произошло в несколько секунд...

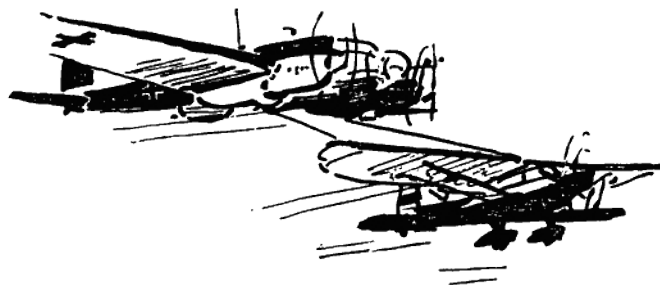
Когда Вагнер и его спутники, сброшенные толчком абордажа, пришли в себя, один из спутников Вагнера, немецкий рабочий Карл, закричал в бешенстве бессилия. Он выхватил свой старенький револьвер и, высунувшись из окна кабины, выпустил весь заряд пуль в «Коршуна». Но пули отскакивали от бронированного брюха аэроплана, как горох. Тогда Карл бросил на пол револьвер, ударивший по ноге Таубе, который подскочил от боли, и, прежде чем Вагнер успел двинуть рукой, Карл выбрался на крыло аэроплана и полез наверх. Среди шума моторов двух аэропланов глухо прозвучал выстрел, и тело Карла, с мотавшимися в воздухе руками, промелькнуло у окна и скрылось внизу. Вагнер похолодел и не имел силы заглянуть туда... Он сидел подавленный, до боли сжав кулаки...

А аэроплан продолжал свой безумный полет, будто ничего не случилось, забирая все выше и выше. Усиливающийся холод говорил о громадной высоте полета. И вдруг окна кабины будто покрылись серой завесой. Пронизывающая сырость проникла в кабину сквозь открытое окно. Тучи! Аэроплан летел в полосе туч.

«Когда он начнет снижаться, я сумею определить местность», — подумал профессор Вагнер.

Но и этому не суждено было сбыться.

В открытом окне вдруг появилось какое-то темное пятно.



По веревочной лестнице кто-то спускался. В тумане Вагнер увидел человека, левой рукой державшегося за лестницу. В правой руке его был револьвер.

— Руки вверх! — скорее догадался, чем услышал, Вагнер и поднял руки.

Человек влез в кабину, обыскал Вагнера и рабочего и завязал им глаза.

— А вы здесь как? — услышал Вагнер голос неизвестного, обращавшегося, по-видимому, к Таубе. Что ответил Таубе, Вагнер не услышал из-за шума мотора.

Аэроплан летел еще не менее трех часов.

...И вот Вагнер опять в заключении. Когда ему сняли повязку с глаз, первое лицо, которое он увидел, был старый знакомый Брауде — его неизменный тюремщик.

Однако хорошую шутку вы сыграли с нами, дорогой профессор! — сказал он со своей обычной любезной улыбкой.

— Не знаю, кто из нас лучше шутит!.. — угрюмо ответил Вагнер.

После неудавшегося побега Вагнера надзор за ним был усилен. Кроме Брауде, к Вагнеру было приставлено несколько профессоров-специалистов, которые должны были следить за научной работой Вагнера и за тем, чтобы он не использовал своих изобретений в целях побега или не причинил ими вреда. Для работ, однако, ему было предоставлено все необходимое. Его кабинет с высоким сводчатым потолком напоминал часовню, — может быть, здесь и была когда-нибудь часовня. Старый широкий камин, толстые стены, узкие окна говорили о том, что местом нового заключения Вагнера был какой-то старинный замок. Но где он находится, профессор Вагнер не знал.

Прошло три месяца с тех пор, как Вагнер вернулся в свое заключение после неудачного побега. Но он не оставлял мысли вырваться на свободу. Неудача только усилила это желание. Он строил различные планы нового побега, но все они были трудновыполнимы. И вот только теперь, в эту бурную, дождливую ночь, он сделал одно открытие, которое должно было раскрыть перед ним все двери, сделать его свободным — свободным, как ни один человек на земле.

Но ему нужно было скрывать тайну своего открытия; работая над ним, вести своих тюремщиков по ложной дороге. На этот раз это было труднее. Работа над строением атомов должна была дать ключ к свободе. Однако при его опытах присутствовал молодой, но очень знающий и талантливый профессор Шмидт, сам работавший в этой области. Его не поймаешь на удочку «звучащего света», как Брауде.

Вагнер долго изучал Шмидта. Этот человек, напоминающий лицом портреты Шиллера, по своему душевному складу представлял странную смесь пруссацкого высокомерия, научной точности мысли и старонемецкого романтизма. Будто несколько эпох жило в нем. Но, быть может, по молодости лет романтизм пока в нем бил еще ключом. И он часто зажигался огнем вдохновения и тогда был больше поэт, чем ученый.



— Дерзкий гений человека, — говорил он с горящими глазами, — срывает последние покровы с тайн природы. Несмотря на все запреты «неба», человек жадно вкушает от древа познания, дерзко похищает священный огонь и освещает им самые тайные углы мироздания. Изучение строения атома почти раскрыло нам «вещь в себе». С «нумена» мы срываем покрывавшую его маску «феномена».

Это может поставить вверх ногами всю философию Эммануила Канта!

— Как поставлена Карлом Марксом вверх ногами философия Гегеля? — спросил, улыбаясь, Вагнер.

Шмидт не заходил так далеко и будто сам испугался смелости своих выводов.

— Я стою исключительно на почве физических наук, — уклончиво сказал он.

Но эти самые физические науки толкали его на путь, по которому он, быть может, и не пошел бы, если бы признавал конечные выводы.

— Тайна строения материи — ключ к тайнам мироздания. Когда мы овладеем этой тайной совершенно, мы будем всемогущи... Мы овладеем круговоротом вещества... Песок пустыни мы сможем превратить в золото, камень — в хлеб... И, быть может, когда-нибудь мы в состоянии будем создать микрокосмос — маленькую солнечную систему в своей лаборатории.

— Что же тогда будет с творцом мира? — с тою же улыбкой спросил Вагнер.

Шмидт смутился и потом вдруг рассердился.

— Я не касаюсь теологии, — проговорил он, покраснев, и замолчал.

«Хорошенькую игрушку я приготовил для тебя», — подумал Вагнер, глядя на молодого ученого, в котором научная мысль мятежно пробивала дорогу сквозь дебри привитых воспитанием старых верований и предрассудков.

— Вы ближе к истине, чем воображаете, мой молодой друг, — сказал серьезно профессор Вагнер. — Пройдемте в лабораторию.

— С вашего разрешения, позвольте и мне взглянуть, что вы собираетесь показать профессору Шмидту, — сказал Брауде, следуя за ними.

II. Творец мира

Вагнер и его спутники вошли в огромный полуосвещенный готический зал. Когда-то здесь пировали бургграфы, ландграфы и вальдграфы. Возвращаясь с охоты, они веселились здесь до утра: рвали руками дымящееся мясо кабанов, и бросали кости собакам, и пили пиво из высоких кубков, и оглашали высокие своды песнями. Теперь здесь было тихо, как в пустом храме. У стен сто-

яли длинные столы, уставленные тиглями, перегонными кубами, колбами, пробирками. Вся середину зала занимал стеклянный шар необычайной величины.

Профессор Вагнер протянул руку по направлению шара.

— Наконец-то вы объясните назначение этого шара, дорогой профессор! — сказал Брауде.

— Да, я это и хочу сделать! — ответил Вагнер, подходя к выключателю. Электрическая лампочка погасла, зал погрузился в полную темноту. Только внутри шара светилась какая-то туманность.

— Прошу садиться!

Брауде и Шмидт уселись в старинные кожаные кресла. Вагнер стоял у шара, и его силуэт выделялся на фоне светящейся туманности.

Все замолчали. Только ветер продолжал свою неумолчную жалобу. Этот старинный зал с острым колпаком потолка, таинственный полумрак, излучаемый шаром, скрежет флюгеров и завывание ветра навевали жуть на нервного Брауде и романтического Шмидта. Будто они попали в кабинет средневекового алхимика. Шмидт дал волю своему воображению. Ему казалось, что уже не профессор Вагнер, а доктор Фауст стоит у таинственного мерцающего шара. Вот он произнесет заклинание, и из темного угла появится Мефистофель в традиционном театральном костюме... Не черный ли пудель царапается за дверью?..

— Здесь зарождается новый мир! Маленькая солнечная система, — прервал молчание Вагнер, поднимая руку к шару с таким величественным жестом, будто он играл роль творца мира и говорил: «Да будет свет!» — Свершилось то, о чем вы только что мечтали, дорогой Шмидт!

Шмидт нервно подскочил в кресле.

— Не может быть!

— «Errur si tuove»[85], — с улыбкой ответил Вагнер. — Вы видите туманность, из которой создается новый мир.

— Но позвольте, господин профессор!..

— Дорогой друг, — остановил Вагнер Шмидта, — я дам вам ответ на все ваши вопросы. Но я опасаясь, что наша научная беседа будет скучна и не совсем понятна господину Брауде. И потому я пока остановлюсь на самом существенном.

Вы сами говорили, что в строении атома — ключ к тайнам мироздания. Я овладел этим ключом. Я разложил атом, сознаюсь, не без риска взорвать себя со всем домом освободившейся внутриатомной энергией. В моих руках оказался тот первичный материал, из которого создаются миры. Если мир создан без вмешательства «творца», то очевидно, что сам этот первичный материал имеет в себе то, что называют *primum movens* — первый двигатель. Нужно было только поместить этот материал в соответствующие условия, и должна появиться космическая жизнь. В конце концов это так же просто, как то, что из лягушечьей икры вырастут лягушки, если ее поместить в воду подходящей температуры.

Впрочем, если сказать правду, дело несколько сложнее. Достичь в безвоздушном пространстве стеклянного шара температуры абсолютного нуля межпланетных пространств не представляло особого труда. Но необходимо было изолировать мой космический «Эмбрион» от притяжения Земли. Мне удалось

и это. Не буду говорить о целом ряде других технических трудностей. Довольно сказать, что созданная мною космическая туманность, как вы можете заметить, уже начинает вращаться. Смотрите!

Брауде подошел к шару и увидал, что мерцающая шарообразная туманность медленно вращается вокруг своей оси.

— Изумительно!.. Поразительно!.. — Вдруг, что-то вспомнив, Брауде обратился к Вагнеру с улыбкой: — А вы, дорогой профессор, не улетите на этом шаре, как Фауст на бочонке?

— Я предпочитаю выходить сквозь двери, — ответил Вагнер, намекая на взрыв стальной двери при побеге.

— Но скажите, уважаемый профессор, — вновь спросил Брауде, — сколько же миллионов лет должно пройти, пока образуется ваша солнечная система?

— Часов, вы хотите сказать?

— Как часов?

— Очень просто. Эта будущая планетная систему приблизительно в сто сорок миллиардов раз меньше солнечной системы. По моим расчетам, диаметр будущего солнца этой системы будет равен сантиметру, диаметр крайней орбиты будет около тридцати двух метров, а диаметр такой планеты, как Земля, будет меньше одной десятой миллиметра. Кроме того, я искусственно ускорил процесс развития. По предварительному вычислению, на образование планет потребуется около двух тысяч часов, от появления первого организма до говорящего человека — семьсот часов, а тот период, который прожило наше человечество, пройдет в этом мире в сорок секунд. Такое соотношение времени в соответственно увеличенном масштабе существовало в нашей солнечной системе. Условно для Земли эти цифры таковы: если принять за двадцать четыре часа период от появления первого беспозвоночного существа, то от позвоночного до человека протекло семьдесят часов, а вся история говорящего человека до настоящего времени уложится в четыре секунды. Вся история человечества с того момента, когда человек начал говорить, и до настоящего времени занимает лишь одну шестидесятитрехтысячную часть периода, потребовавшегося первичному организму, чтобы превратиться в современного человека.

— Неужели вы предполагаете, что и здесь, в этом мире, на микроскопических планетах появится человечество?

— А почему бы и нет? От появления до гибели планетной системы это человечество будет жить всего несколько наших минут. Но для них наши минуты будут равняться миллионам лет. В эти пять-шесть минут будут сменяться поколения, создаваться и гибнуть государства, войны и революции будут потрясать «мир», люди — рождаться, страдать, думать о бесконечности, считать себя «венцом творения» и умирать... Быть может, здесь родятся великие астрономы, которые будут изучать вселенную. Но стенки стеклянного шара им будут недоступны по своей неизмеримой отдаленности, о них они не узнают никогда... Возможность существования такого микрокосма допускал наш русский поэт Валерий Брюсов. Правда, он писал о мире электронов. Он говорил:

*Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь;
Там скорбь и страсть, как здесь, и даже
Там та же мировая спесь.*

*Их мудрецы, свой мир бескрайный
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я;
А в миг, когда из разрушенья
Творятся токи новых сил,
Кричат в мечтах самовнушенья,
Что бог свой светоч погасил.*

Профессор Вагнер перевел это стихотворение на немецкий язык и выразил сожаление, что не может передать красоты чеканного стиха поэта.

— Изумительно! — воскликнул Брауде и полушутя задал вопрос: — А вдруг и наша вселенная заключена в такой же стеклянный шар и является только лабораторным опытом какого-нибудь космического профессора Вагнера?

— Не думаю! — серьезно ответил Вагнер. — Хотя подобие шара, может быть, и существует. Ведь Эйнштейн доказывает кривизну «бесконечного» мирового пространства. Во всяком случае, если бы такой сверх-Вагнер и был, он не божество, как не бог и я: я не «творю» миры, а только пользуюсь вечными мировыми силами, которые прекрасно обходятся без творца.

— А скажите, профессор, мы не сможем увидеть это микроскопическое человечество, наблюдать его историю?

— Боюсь, что нет. Микроскопичность этого мира, необычайная быстрота его времени делают недоступным для нас наблюдение, как если бы этот мир был отдален от нас миллионами километров. Здесь миллионы лет протекают в минуту. Это превосходит наши земные восприятия. Но я пытаюсь проникнуть и в эту тайну. Я предполагаю устроить особый телемикроскоп и снимать при помощи особого кинематографа, делающего тысячи снимков в секунду; затем увеличивать снимки на экране и показывать их в замедленном темпе. Но и при такой быстроте съемок каждый из отдельных снимков, вероятно, зафиксирует моменты, отделенные столетиями их времени.

— А если бы удалось замедлить движение их планет?

— Этим самым мы сразу удлиними бы их жизнь, хотя они едва ли заметили бы это, так как одновре: менно замедлились бы все процессы их органической и психической жизни. И тогда мы могли бы войти с ними в сношение хотя бы при помощи радио. Едва ли нам удалось бы создать приемники такой чувствительности, чтобы они реагировали на самые «мощные» передающие станции этого микроскопического мира! Но в конце концов нет ничего невозможного!

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Шмидт. — Центральное ядро все уплотняется и светит сильнее, а от туманности отделяется сгусток!

— Не так скоро! Просто вы привыкли к темноте комнаты; а «сгусток» — одна из будущих планет — образовался уже несколько дней тому назад, но вы увидели его только сейчас, когда туманность повернулась к вам.

— Однако мне пора, работа ждет меня! — И профессор Вагнер ушел в кабинет.

А Брауде и Шмидт как зачарованные смотрели на стеклянный шар, где медленно вращалась голубоватая туманность нового мира, созданного человеком.

III. «Волшебная коробочка»

Профессор Вагнер не ошибся: «игрушка» чрезвычайно заинтересовала Шмидта. Брауде не отставал от него. Они часами сидели в темном зале перед стеклянным шаром и наблюдали за изменениями светящейся туманности.

Зрелище было действительно захватывающее.

Туманная космическая масса все уплотнялась, принимала очертание шара и с каждым часом светила ярче. Голубоватый свет белел. На него уже было больно смотреть незащищенным глазом. Пришлось надеть дымчатые очки. Вокруг светящегося шара появилось кольцо с утолщением, как бы узлом, на одном месте. Кольцо разорвалось и, постепенно укорачиваясь, слилось с «узлом».

Брауде и Шмидт приветствовали появление первой планеты, которую они назвали «Нептун». Скоро появились и другие планеты, а около них роились спутники — «луны», вращавшиеся с необычайной быстротой. Новый солнечный мир жил полной жизнью, играя всеми цветами радуги, накаленная фото-сфера центрального «солнца» уже ярко освещала стеклянный шар. От него распространялся свет и в зале.

— Глядите, — говорил Шмидт, — сейчас на этой планетке ночь. Однако какие протуберанцы выбрасывает «солнце»!

— На «Нептуне», может быть, скоро появятся ихтиозавры и прочие чудища...

И они вновь замолчали, погрузившись в созерцание.

— Скоро вместо старых электрических ламп в наших комнатах будут гореть настоящие солнца, — сказал Шмидт после паузы.

— Да! Но удастся ли нам видеть развитие органической жизни и человека? — интересовался Брауде.

— Профессор Вагнер обещает. Он усиленно работает над своим телемикроскопом.

— Вы не ощущаете, от шара как будто исходит тепло? — спросил через некоторое время Брауде.

— Этого не может быть. Внутренность шара абсолютно лишена воздуха, который мог бы проводить тепло, — ответил Шмидт.

Брауде подошел к шару и попробовал его рукой.

— Шар нагревается!

— Странно!.. Надо позвать профессора Вагнера.

Вагнер быстро работал в своем кабинете над какими-то сложными машинами. На руках его были перчатки из материала, напоминающего резину.

Когда он узнал новость, то на минуту погрузился в задумчивость.

— Очевидно, где-то просачивается воздух! — сказал он.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Брауде. — Шар будет нагреваться, и тогда...

— Стекло может лопнуть...

— И вдруг произойдет распад внутриатомной энергии!.. Ведь это будет катастрофой?..

— Не столь страшной, как вы воображаете. В публике распространено мнение, что один грамм материи может выделить при распаде атома энергию, которая равна выделяемой при сгорании двух тысяч тонн угля. Это неверно. Реальная внутриатомная энергия составляет только восемь десятых процента

этой фиктивной энергии. Притом весь атомный материал нашего нового мира ничтожен. Вы знаете, что, если уплотнить громадное газообразное тело настоящей кометы, оно вместится в наперстке. Какую же ничтожную долю составит этот ничтожный мирок! Но все-таки взрыв может получиться изрядный. Надо принять меры...

— Профессор, неужели этот микрокосм вы обрекаете на гибель?

— Все миры обречены на гибель! В бездне неба солнца непрерывно гибнут и рождаются.

— Я вовремя сделал одно важное открытие. Вот, видите эту коробочку? — продолжал профессор Вагнер, поднимая небольшую коробку из какого-то неизвестного металла или сплава. — Это «волшебная коробочка», способная творить сказочные чудеса. Идем к нашему больному миру!

Они вошли в зал. Профессор попробовал рукой шар. Он накалился так, что трудно было держать руку.

— Да, откладывать нельзя. Бедный мирок! Он погибнет прежде, чем появятся люди и увидят свет солнца. Старый брюзга Будда сказал бы, что это и к лучшему...

Профессор Вагнер наставил на шар свою коробочку, как камеру фотографического аппарата. Можно было подумать, что он хочет кодаком запечатлеть лицо умирающего мира. Так же, как в кодаке, щелкнул затвор. И в тот же момент из «объектива» полилась струя голубоватого света. И она будто заливала костер пылающего в шаре мира. Погас «Нептун», погасли его спутники, наконец, погасло и «солнце». В комнате стало темно. Шар опустел. При свете голубого луча, истекавшего из коробочки, с трудом можно было заметить беловатый порошок, осевший на дне шара.

— Finis! — сказал профессор.

— И это все, что осталось от маленькой вселенной! В этом порошке таились гениальные мысли будущих обитателей этого мира, их страсти, их порывы к истине, к борьбе за лучшее будущее! Все обратилось в прах!.. — меланхолично говорил Шмидт. И в эту минуту, с опущенными руками, он был похож на пастора, говорящего проповедь у свежей могилы.

— Мой друг, не впадайте в пессимизм! Из этого «праха» бесконечное количество раз уже творились и будут твориться миры со всем их великолепием и недостатками. Вам, как человеку науки, должно быть известно, что этот «прах» — только химические элементы, ничем не отличающиеся от тех, которые находятся в нашем живом теле. Мы только открыли средство их превращения, распада на атомы, распада самих атомов и нового превращения в атом — материю — мир.

— Но как вы это сделали?

— Об этом мы еще поговорим. А пока, чтобы рассеять ваше похоронное настроение, позвольте вас позабавить интересными фокусами, которые я произведу при помощи моей волшебной коробочки. Здесь темно, идемте в кабинет!

Вагнер стал у своего письменного стола, заваленного чертежами, рукописями и неоконченными приборами сложных аппаратов. Брауде и Шмидт, опустившись в кресла по сторонам Вагнера, внимательно наблюдали за ним.

— Возьмем вот эту массивную чернильницу, — начал Вагнер таким тоном, будто он говорил со студентами на лекции, — подвергнем ее действию лучей волшебной коробочки... Так... Готово!

Теперь возьмем, ну, хотя бы это пресс-папье. Раз, два, три! — произнес он уже шутливо, подражая фокуснику, и сверху бросил пресс-папье на чернильницу.

Произошло нечто необычайное, и слушатели невольно вскрикнули от удивления: пресс-папье не разбило чернильницу, а вошло в нее, как входит твердый предмет в жидкость в сосуде. Но чернильница была невредима и сохранила свои формы, выдаваясь углами из пресс-папье.

— Дальше... Раз, два, три! Я снимаю пресс-папье. Чернильница, как видите, стоит целехонька на своем месте. Возьмите в руки чернильницу!

Шмидт и Брауде были так поражены, что ни один из них не пошевелился.

— Ну что же вы, господа?

Брауде протянул руку. Было видно, как от волнения дрожат его пальцы. Он взял чернильницу, но пальцы его прошли сквозь нее и неожиданно сжались в кулак, не встретив сопротивления.

— Ах! — не удержался Брауде и с растерянным видом посмотрел на Вагнера и Шмидта, ища ответа.

А Вагнер хохотал, откинув голову назад. Потом он неожиданно схватил «волшебную коробочку» и бросил ее в горящий камин. Шмидт и Брауде встали и, бледные, смотрели на Вагнера. Не сошел ли он с ума?..

Но он, продолжая смеяться, снял перчатки, бросил их также в камин и обратился к своим ошеломленным слушателям:

— Ну-с, дорогие мои, понимаете ли вы что-нибудь?



— Признаюсь, я ничего не понимаю, — отозвался Шмидт.

— Тем лучше, тем лучше! А последствия всего этого вы понимаете, дорогой мой Брауде?

— Нет! — глухо отвечал Брауде, весь насторожившись.

— А между тем это так просто! Представьте себе, что я чернильница! Ха-ха-ха! Ну, еще проще: что я подверг себя действию этих чертовских лучей! Словом... ну, словом, вот что!

И он вдруг направился по комнате напрямик, через столы и кресла, и проходил сквозь них, как через воздух.

— Слоном, я призрак!.. Человек-призрак!

И он опять раскатисто засмеялся.

— Теперь позвольте, дорогой Брауде, обнять вас на прощанье и поблагодарить за гостеприимство!

И он направился к Брауде, раскрывая объятия. Брауде с расширенными от

ужаса глазами отшатнулся, как будто на него в самом деле наступило страшное привидение, и прижался к столу. Но Вагнер приблизился к нему и, делая вид, что заключает его в объятия, прошел сквозь него. Брауде почувствовал, как будто легкая струя воздуха коснулась его тела и прошел электрический ток.

— Теперь прощайте, друзья мои! — прогудел голос Вагнера за его спиной.

— Вы спрашивали, Брауде, не улечу ли я на шаре, как Фауст с Мефистофелем улетели на винном бочонке? Нет той сказки, которую наука не воплотила бы в жизнь. Позвольте и мне, Фаусту современной науки, исчезнуть не менее эффектным образом, под занавес, как говорят актеры... Прощайте! Передайте мое искреннее сожаление Таубе, что мне не удалось принять его у себя в Москве!

И вдруг Вагнер, к ужасу зрителей, почти терявших сознание, вошел в пылающий камин, весело кивнул им последний раз, стоя среди пламени, и исчез в каминной стене.

— Прощайте!.. — еще раз глухо послышался откуда-то голос Вагнера.

В дверь давно стучались, но ни Брауде, ни Шмидт не могли пошевелиться. Брауде свалился в кресло и сидел в полной прострации.

Наконец дверь тихо приоткрылась, и в нее осторожно заглянул Таубе. Оглянувшись, он шепотом спросил:

— Профессор Вагнер в лаборатории? Скорее, Брауде, подите сюда! Я привез важные известия из комитета.

И, перейдя на условный конспиративный язык, он прошептал:

— Комитет признал, что Вагнера слишком опасно оставлять... в живых... Вам даны инструкции по этому поводу... Привести в исполнение немедленно...

— Поздно!.. Вагнера нет!.. Он исчез... Он призрак... Он ушел в камин! Сквозь пламя и стены!.. — прохрипел Брауде, устремив безумный взгляд в пылающий камин.

IV. Человек-призрак

«Итак, я человек-призрак, всюду проникающий, неуловимый и неуязвимый. Я почти „дух“, и все же я человек из плоти и крови», — думал профессор Вагнер, проходя сквозь стену камина.

«Собственно, я рисковал, входя в пламя камина. Что оно не должно повредить мне при новой консистенции атомов, составляющих мое тело, — это было лишь мое теоретическое предположение. Ведь я еще не изучил новых свойств своего тела. К счастью, я не ошибся. Однако куда же я попал?»

Профессор Вагнер осмотрелся в темноте. Очевидно, это была кладовая, сверху донизу забитая всяким хламом. Но весь сваленный здесь скарб ничуть не мешал профессору Вагнеру. Ноги его по колено входили в какой-то сундук, тело наискось пересекали старые железные трубы, голова по шею входила в полки, уставленные ведрами и кастрюлями. Во мраке кладовой все металлические предметы светились голубоватым светом.

«Странно! Очевидно, моя сетчатка глаз стала способна воспринимать световую эманацию металлов. Об этом наука еще ничего не знает».

Вагнер обернулся к стене, через которую прошел. Ему хотелось удостовериться, цела ли стена. Как он и предполагал, в ней не осталось ни малейших следов после того, как он прошел сквозь нее. Но его поразило другое: сквозь

стену он увидел только что покинутый им кабинет, ярко освещенный электрической лампой и огнем камина. Стена стала проницаема для его зрения, хотя каждый кирпич и известковые прослойки сохраняли свои формы. Он увидел Шмидта, пытающегося каминными щипцами извлечь «волшебную коробочку» из пламени, и Таубе, который возился с Брауде, очевидно потерявшим сознание. Стена у входной двери была тоже прозрачна, и Вагнер видел следующую комнату, с сидящими сторожами, и дальше — целую анфиладу комнат. Тою же «прозрачностью» обладала и мебель. Поэтому очертания предметов, комнат и людей как бы накладывались друг на друга, как на фотографии с несколькими различными видами, снятыми случайно на одной пластинке.

«Совершенно непонятно! Мои глаза приобрели свойство икс-лучей».

Осмотрев еще раз кладовую, он обратил внимание, что свет из кабинета не проникает сюда: кроме голубоватого отсвечивания металла, комната была погружена во мрак.

«В этом, впрочем, нет ничего удивительного: обычный свет не может проникать через стену. Но удивительный эффект: я вижу свет, который не освещает ни меня, ни окружающих предметов. Однако почему две стены кладовой совершенно темны?»

И он шагнул в одну из этих темных стен, но остановился, вскрикнув от неожиданности: его нога не нашла точки опоры. Тогда он осторожно просунул голову сквозь стену, и голова сразу погрузилась в темную осеннюю ночь: стена была наружная. Шел сильный дождь, но капли проникали сквозь его голову, и она оставалась суха. Бушевавший ветер и холод были неощутимы.

«Великолепно! Не надо пальто и зонтика! Однако я едва не упал. Оказывается, новый для меня мир имеет свои опасности! Буду осторожней!»

И он прошел сквозь старую, массивную дубовую дверь в освещенный коридор и направился к выходу. Два сторожа устремились к нему. Очевидно, они еще ничего не знали.

— Стой! Кто идет?

— Профессор Вагнер! — И он двинулся дальше, не обращая на них внимания.

Сторожа бросились к нему, но они лишь столкнулись друг с другом, пытаясь его схватить. Закричав от ужаса, они разбежались.

Профессор вышел в сад и осмотрелся. На темном небе едва выделялся еще более темный силуэт старого замка. Комнаты, в которых был свет, сверкали во мраке, как висящие в небе большие кубические фонари. Стены их были прозрачны для Вагнера, и он видел, что делается внутри. В замке поднималась суета.

Люди бегали по освещенным комнатам, пропадали во тьме темных лестниц и появлялись вновь в свете других комнат. Все они бежали вниз. Они еще пытались преследовать его. Вагнер невольно улыбнулся и стал спокойно спускаться по склону холма.

Погоня не пугала его. Но он, привыкнув к тишине научной работы, не любил шума. И потому, услышав приближающиеся крики толпы, он вошел в дуплистую липу, стоящую у дороги. Мимо него промчались слуги с ружьями в руках, освещая дорогу фонарями. Несколько человек остались осмотреть дерево. Их голоса доносились глухо.

«Интересное наблюдение. Слух действует нормально, а глаза видят фонари сквозь ствол дерева!»

Но вот исчезли фонари. Профессор вышел и продолжал путь.

Светало. Ветер разогнал тучи. На востоке показалась заря, но она имела не розоватый, а какой-то совершенно новый цвет.

Профессор Вагнер вспоминал все цвета и оттенки, но не находил ничего похожего. Основные цвета — красный, желтый и синий — ни в парных соединениях — оранжевом, фиолетовом, зеленом, — ни в сложных, дающих все разнообразие красочного мира, не могли создать ничего подобного. Когда взошло солнце, эффект получился еще более изумительный: диск солнца состоял из ослепительно яркого калейдоскопа неведомых цветов. Не менее изумителен был и ландшафт. Он приобрел какой-то негативный характер. Теневые краски были ярче освещенных мест. Не было ни одного знакомого светового сочетания. Будто за одну ночь какой-то волшебник-футурист перекрасил весь мир, пользуясь палитрой, унесенной из другого мира.

Несмотря на эту новую окраску, Вагнер узнал пустынную, усеянную щебнем местность Изера. Вдали был виден город, над которым возвышались, как две широкие фабричные трубы, прикрытые куполами-«тюбетейками» башни собора.

— Конечно, это Мюнхен! — воскликнул Вагнер и ускорил шаг.

Идти ему было очень легко.

«Еще одно приобретение! Очевидно, вес моего тела уменьшился!»

Вагнер пересек линию железной дороги. В это время шел пассажирский поезд. Вагнер не мог отказать себе в удовольствии испытать новое ощущение. Он стал посреди пути перед самым проходом поезда. Лязг и грохот оглушили его. На мгновение перед его глазами сверкнуло огненное брюхо паровоза, темное пространство тендера и багажного вагона... потом замелькали пассажирские вагоны. Пол вагонов приходился несколько выше пояса Вагнера. И полусонные пассажиры с ужасом увидели, как на полу неожиданно появился бюст какого-то краснощекого человека с большими, опущенными вниз усами, приподнятыми улыбкой, и русой бородой... Бюст промчался по вагону и исчез...

Поезд прошел, и Вагнер продолжал путь. Он сам спешил на поезд. Ему не надо было покупать билета, и его нельзя было посадить.

«Привезли сюда насильно, пусть и везут обратно», — улыбался он.

Дорога делала крутой загиб. Но он решил сократить путь, пройдя напрямик сквозь забор и какой-то домик.

Собака бросилась на него и пыталась уцепиться за ногу, но вдруг, встретив «пустоту», жалобно залаяла и в паническом страхе убежала, поджав хвост.

Вагнер вошел сквозь стену в комнату домика и оказался свидетелем семейной сцены. Здесь жили бедные люди. Несмотря на ранний час, муж сидел в кепи на растрепанной голове, очевидно только что вернувшись с попойки, и жена, стоявшая спиной к Вагнеру, бранила гуляку. Муж первый увидел Вагнера и, открыв рот, попытался подняться и раскланяться.

— До чего допился! — кричала жена. — Тебе уж мерещится!

Но муж так убедительно ткнул пальцем позади нее, что она обернулась и, вскрикнув, упала на пол. Вагнер был смущен.

Извинившись, он вышел из домика.

«В конце концов нельзя злоупотреблять своим положением и пугать людей

без особой нужды», — подумал Вагнер.

И при встречах с крестьянами, везшими в город к утреннему базару продукты, он обходил их.

Он без приключений добрался до Мюнхена.

Вагнер всегда любил Мюнхен — эти «новые Афины», насчитывающие «десять тысяч художников», милый, уютный город, где люди приветливей, чем в холодном Берлине, а вода в реке изумрудно-голубая...

Когда он вошел в Карлсплац, увидел полукруг зданий с воротами в конце, как бы замыкающий пришельца в радушные объятия, сердце его несколько сжалось. После своего плена его потянуло к людям. Но новое свойство тела — проникать сквозь стены — само явилось стеной, отделившей его от людей. Он должен вести полупризрачное существование, пугая людей и животных... Правда, он знает средство вернуть атомам своего тела первоначальную консистенцию, но тогда его вновь могут поймать...

— Нет, довольно! — проговорил он вслух и окунулся в поток уличного движения, оставляя за собой борозду любопытства, смятения и ужаса, как след быстроходного судна на гладкой поверхности моря.

V. Ахиллеса пята

Слух о появлении человека-призрака с необычайной быстротой распространился по Германии, Европе и заатлантическим странам. Путь «призрака» сообщался по радио. Из Мюнхена «призрак» перекочевал в Регенсбург, далее его видели в Нюрнберге, где он пробыл около двух суток, путешествуя по городу во всех направлениях сквозь дома, движущиеся трамваи, автомобили, людей... Потом его видели в Бамберге и Лейпциге, наконец, в маленьком Фалкенсберге. Не сегодня-завтра его ожидают в Берлине.

Все газеты были полны статьями и телеграммами о призраке. Пока призрак разгуливал по Южной Германии, на севере вначале отрицали его существование, предполагая, что публика была одурочена чьей-то ловкой мистификацией.

Через несколько дней полился такой поток телеграмм о призраке, что пришлось отбросить мысль о мистификации. И некоторое время большим успехом пользовалась высказанная одним профессором невропатологом и психиатром мысль, что мы имеем дело с коллективным гипнозом, своего рода массовым помешательством. Это находило некоторое подтверждение в том, что «феномен» до сих пор не оставлял каких-либо вещественных знаков своего реального существования. Приводились весьма убедительные примеры массового психоза и гипноза в прошлом.

Сторонники гипотезы о массовом гипнозе уже торжествовали победу, когда стали получаться сведения о появлении «призрака» одновременно в разных местах: из Лейпцига, Гейдельберга, Кельна. По-видимому, появление «призрака» сильно повлияло на нервы городского населения, психически неуравновешенного после войны, экономических и политических встрясок. Возможно, что многим действительно стал мерещиться «призрак». Люди жили в постоянном нервном напряжении; ложась в кровать, каждый думал: «А вдруг сейчас появится призрак и пройдет сквозь мою спальню?..»

Но скоро и гипотезе о гипнозе был нанесен сильный удар: в нескольких городах удалось заснять призрак фотографическим аппаратом в то время, как он проходил сквозь едущий автомобиль и как входил в стену дома. Аппарат

не может снять плод расстроенного воображения. Притом на фотографиях, хотя и не особенно удачных, можно было установить тождество внешнего облика призрака.

Вслед за фотографами по пятам призрака бросились бесстрашные кинооператоры, которые не побоялись бы снять и самого сатану в погоне за сенсационной лентой. Но эта кинопогоня была оборвана административным распоряжением под предлогом того, что общество и без того взбудоражено «необычайным феноменом», чтобы афишировать призрак на экране. Было оказано давление и на прессу.

Эти мероприятия исходили от комитета «Диктатор», незримо руководившего всеми действиями правительства.

Члены комитета первые узнали о том, что призрак — это бежавший из их плена профессор Вагнер, которому удалось каким-то необъяснимым способом придать своему телу столь чудесные свойства. Комитет не терял надежды так или иначе «ликвидировать» призрак прежде, чем о нем узнает истину широкая публика, тем более что от профессора Шмидта приходили утешительные вести о его работах над реконструкцией аппарата, извлеченного им из пылающего камина. Однако и эти надежды не оправдались: последние известия сообщали, что призрак прибыл со скорым поездом в Берлин и здесь повел себя крайне неприятно для комитета: призрак посетил одно рабочее собрание, а также явился в концертный зал и сообщил с эстрады правду о себе. Мало этого, он проник на Науэновскую широковегательную радиостанцию во время радиопередачи. Пройдя сквозь артистку, исполнявшую арию Маргариты, он успел крикнуть в микрофон, прежде чем растерявшийся инженер догадался выключить микрофон: «Я, профессор Вагнер, похищенный немецкой политической организацией „Диктатор“ и освобожденный из плена благодаря научному открытию, которое дало мне возможность проходить сквозь стены, приветствую...»

Микрофон был выключен, но дело сделано: Вагнер объяснил всему миру тайну призрака...

К поимке профессора Вагнера надо было принимать немедленные меры. Эти меры и принимались, но пока они не достигали цели: Вагнер был неуловим. Комитет «Диктатор» заседал почти непрерывно. Сам полицей-президент принимал участие в этом заседании. Почти каждый час приносились новые неутешительные известия. В Вагнера несколько раз стреляли, но пули пронизывали его тело без малейшего вреда. Сети, приготовленные из различных материалов: шелка, резины, проволоки, могли с таким же успехом поймать облако в небе. Некоторые члены комитета предлагали пустить в ход удушливые газы или «дьявольские лучи». Но о применении этих средств среди городского движения не могло быть и речи. Комитет приходил в отчаяние. Положение становилось крайне опасным.

— Он вернется в Россию... Его средством воспользуются наши враги. Последствия будут ужасны, — говорил один из членов комитета.

— Неуловимые, вездесущие большевики будут всюду сеять бури восстаний...

— Ну и что же? — спросил старик-дипломат с лицом Мефистофеля, кривя рот в иронической улыбке. — Утешимся тем, что это ненамного изменит положение... Разве и теперь московские фабриканты революций не являются таки-

ми же неуловимыми и вездесущими, как профессор Вагнер? Идеи давно проходят сквозь стены и преграды!

— И это говорите вы! — возмутился генерал с «железным крестом» на груди. — Что же вы хотите? Сидеть сложа руки?

— Ловите, поймите! — с тою же иронической улыбкой ответил дипломат. И, побарабанив иссохшими пальцами по столу, добавил: — Я слишком стар, чтобы утешать себя иллюзиями!

— Вы не верите в успех борьбы? — спросил секретарь комитета. — Ваше высокопревосходительство, вы слишком пессимистически настроены! Мы еще поборемся!

— Но как? — раздались унылые голоса.

Наступило молчание. Все сидели подавленные.

Вдруг в комнату не вошел, а влетел Брауде.

— Новости! Хорошие новости!

Все встрепенулись.

— Поймали? Убили? — слышались вопросы.

— К сожалению, еще нет. Но я имею блестящий план! Собственно, мы разработали его с профессором Шмидтом... Он подал мысль...

— Говорите! Говорите!

— Видите ли, в чем дело: профессор Вагнер неуловим и неуязвим. Но и у него должна быть ахиллесова пята. Да, ахиллесова именно пята, можно сказать не только иносказательно, но и почти буквально. Если бы все тело, говорит профессор Шмидт, было пронцаемо для материи, то ясно, что Вагнер должен был провалиться сквозь землю...

— Туда и дорога!

— И появиться в Америке?

— Нет, нет! Профессор Шмидт говорит, что он летел бы к центру Земли по инерции, пролетел бы центр, вернулся вследствие того же притяжения обратно, опять пролетел центр и так качался бы, как маятник, со все более короткими отклонениями от центра. Если даже он не погиб бы от удушья, подземных вод и огня, то в конце концов он «уравновесился бы» и остался навсегда в самом центре Земли.

— Самое подходящее место!.. К сожалению, земля не расступилась под его ногами и носит еще это чудовище!

— Вот-вот! В этом все дело! Если земля не расступилась под его ногами, значит его подошвы снабжены особыми изоляторами, что ли. Эти изоляторы должны быть иного строения атомов, чем его тело. Каким образом эти изоляторы, или сандалии, все же проникают сквозь стены, Шмидт не уяснил. Он допускает, что впереди или по краям они снабжены оболочкой, которая способна изменить атомный состав материи, встречающейся на пути, и делать ее пронцаемой. Но самые сандалии, или калоши, — назовите как хотите, — должны быть материальны. В этом все дело...

— Ну и?..

— Ну и очень просто: нужно ловить его за эти калоши! Окружить и хватать сквозь ноги подошвы! Тогда он будет в наших руках! Поймав калоши, мы поймаем и Вагнера!

И с видом победителя Брауде опустился в кресло.

Собрание взволновалось. Лица оживились. Надежда вызвала улыбки. Мно-

гие поднялись со своих мест и горячо обсуждали новость. Брауде поздравляли и жали ему руку.

— Гениально!

— И как это нам не пришло в голову?

— Может быть, нам удастся железными гвоздями прибить калоши к полу!..

— А еще проще перевернуть Вагнера головой вниз и опустить в землю!

— Будьте серьезнее, господа! — призывал председатель к порядку членов собрания, пришедших в веселое настроение. — Не будем гадать о шкуре медведя, пока медведь не пойман! Надо обдумать подробности охоты!

VI. Гость из книжного шкафа

Профессор Дидерихс был весь поглощен переводом ассирийской клинописи. Кабинет его напоминал музей. Только одна стена против письменного стола, стоящего посреди комнаты, была уставлена во всю ширину книжными шкафами. Все другие стены были сплошь покрыты полками, заваленными ассирийскими, египетскими, вавилонскими древностями: каменными амулетами, печатями, барельефами с изображением ассирийских царей, фигурами зверей, крылатыми гениями и быками, львами с человеческими лицами, надгробными крышками из Варки, вавилонскими терракотами из Абу-Хаббаха...

По углам и на полу стояли и лежали мумии. На письменном столе — гири в виде лежащих львов заменяли прессы. Все эти каменные тысячелетние чудища, выглядывающие отовсюду в полумраке комнаты, способны были навести жуть на свежего человека, как ночные кошмары. Было тихо. Глубокая научная мысль любит глубокую тишину. Глаза профессора устали разбирать полустертые знаки, начертанные много тысячелетий назад. Дидерихс откинулся на спинку стула, опустил веки и потом поднял их, рассеянно устремив взгляд на книжный шкаф.

И вдруг ему показалось... Профессор Дидерихс тряхнул головой и, подняв очки на лоб, протер глаза.



Но видение не исчезало: из книжного шкафа появилась человеческая голова с длинными, нависшими усами и окладистой бородой, потом плечи, руки, вся фигура... человека?

Если бы профессор Дидерихс читал газеты, он, конечно, сразу догадался бы, что его посетил человек-призрак. Но Дидерихс уже много дней не читал газет и даже не выходил из дому. Вернувшись из научной командировки, он уси-



ленно работал, разбирая материал, добытый им при новых раскопках в Тель-Эль-Амарне. Притом он никак не мог отделаться от полученной во время путешествия малярии, которая сильно истощила его. Появление необычайного гостя застигло его неподготовленным. Он не знал, что подумать. В привидения он, конечно, не верил. И потому он допустил самое вероятное объяснение:

«Приступ малярии? Бред?.. — Он попробовал пульс. — Пульс нормальный. Что за чертовщина? Очевидно, галлюцинация!.. Однако я переработался, — подумал он. — Зрительная галлюцинация, не может быть сомнения!»

Но галлюцинация оказалась не только зрительной. «Призрак», улыбаясь в ницшевские усы, вполне отчетливо проговорил:

— Я очень извиняюсь, что вторгаюсь незванным гостем и нарушаю ваши занятия.. Но мне слишком надоели преследования, и я решил углубиться в дома!.. Судя по обстановке, я имею честь видеть профессора? Мы коллеги...

Дидерихс был в замешательстве: нужно ли поддерживать разговор с галлюцинацией? Ведь в конце концов это значит говорить с самим собой. Что подумает его старый слуга? Впрочем, Генрих отпросился надолго, в доме нет никого, а «призрак» выглядит так реально.

В ученом заговорил экспериментатор.

«В конце концов это интересно: можно сделать любопытное наблюдение над сущностью галлюцинации», — подумал Дидерихс и ответил, стараясь говорить совершенно спокойно:

— Я галлюцинирую. Вы созданы моим воображением. Но будем разговаривать, как с реальным существом. Я профессор Дидерихс. Чем могу быть вам полезен?

— Очень рад познакомиться. Хотя я далек от египтологии и прочих древностей, но ваше имя хорошо известно на моей Родине.

— На вашей Родине?

— Я из Москвы!..

— Странная галлюцинация! — вслух проговорил Дидерихс.

— И уверяю вас, что я не ваша галлюцинация, а живой человек!

— Если так, пожмите мне руку!

— Охотно сделал бы это, но вы не ощутите моего рукопожатия.

Дидерихс рассмеялся.

— Ну, конечно!.. Прошу садиться!

— Я не сижу, — отвечал «призрак», — мое тело проходит сквозь материю!

— Странные тела у вас в Москве!

— Это особенность моего тела. Я профессор Вагнер...

И Вагнер рассказал Дидерихсу всю свою историю от начала до конца, рассказал о своем научном открытии, которое дало его телу эти необычайные свойства. Наконец-то Вагнер мог удовлетворить свою тоску по людям.

Дидерихс мало понял в научных объяснениях Вагнера о строении атома, о том, что материя лишь кажется нам «плотной», что на самом деле она представляет собой скопление электронов и протонов, находящихся в вечном вихревом движении, и что между ними, относительно говоря, громадные пустые пространства.

— Проще говоря: здесь имеет место нечто подобное тому, что бывает при прохождении лучей Рентгена сквозь материальную преграду. Видеть свои кости, скелет человека сквозь живую ткань, фотографировать предметы, находящиеся в запертом сундуке или за стеной... Разве это не казалось фантазией, чудом, несбыточной химерой каких-нибудь пятьдесят лет тому назад?

Профессор Дидерихс заинтересовался. Он слышал о Вагнере — изобретателе средства против сна. Кроме того, казалось невероятным, чтобы галлюцинирующий человек сам себя поучал неведомым доселе знаниям. Дидерихс начал верить в реальность Вагнера.

«Если это и галлюцинация, то интересная». — И он стал задавать Вагнеру вопросы:

— Вы можете вернуть своему телу обычные свойства?

— Разумеется. Я уже делал опыт прежде, чем бежал из плена.

— Какие же изменения может внести ваше изобретение в жизнь людей?

— Изумительные! — воскликнул Вагнер, воодушевляясь. — Если бы я подверг, ну, хотя бы вашу библиотеку, — и он показал рукой на книжные шкафы, — действию моих лучей, с книгами случилось бы то же, что и со мной, то есть они стали бы проницаемы. Это значит: я мог бы уложить всю библиотеку, в карман своего платья.

— А люди?

— То же самое, конечно! Все население Берлина, а если хотите, и всего земного шара, могло бы поместиться в пространстве, занимаемом сейчас мною. Ведь, хотя иными путями, наука и техника стремятся не к тому ли самому, побеждая пространство? Быстроходные аэропланы, радио — все это сближает, «сливает» людей. При моем изобретении это слияние будет абсолютным.

В этом кабинете может поместиться неограниченное количество кабинетов, мебели, книг...

Дидерихс почувствовал головокружение.

«Нет, это галлюцинация», — подумал он.

А Вагнер продолжал:

— Все наши пространственные представления и представления о материи совершенно изменятся. Материальный конус поместится в цилиндре, цилиндр — в кубе, куб — в шаре...

— Но позвольте! — простонал Дидерихс. — Как же я найду нужную книгу в библиотеке, которая вся будет помещаться в одной книге! Как узнаю своего знакомого среди тысяч людей, которые будут пребывать во мне самом?.. Это кошмар какой-то! — И Дидерихс отер платком влажный лоб. — И как люди бу-

дут питаться? Как возьмут кусок хлеба, книгу, если все это будет проницаемым, подобно воздуху? Как люди будут узнавать друг друга?

— Очень просто: ведь черты их сохраняют свои формы. Вещи будут проницаемы, но они смогут сохранять в пространстве то положение, которое вы им придадите, и изменять место по вашему желанию.

— А притяжение Земли? Как вы сами не провалитесь сквозь землю?

Вагнер засмеялся.

— И вы о том же? Они, мои преследователи, думают, что я должен иметь особые изоляторы на подошвах, чтобы не провалиться сквозь землю. Только сейчас, перед тем как мне укрыться у вас, они сделали нападение на меня, вернее — на мои ноги. Они хватили меня за подошвы у земли. Но я вошел по колени в землю. С таким же успехом я мог бы войти по голову, и тогда они увидали бы одну голову,двигающуюся по земле. Но у меня нет никаких «подошв». Они ошиблись. Законы тяжести не существуют для меня. И я благополучно ушел от них. Я мог бы позабавиться с ними, но я не выношу шума... Здесь хорошо!.. — И, посмотрев на часы, Вагнер воскликнул: — Однако уж второй час ночи! Еще раз извиняюсь за беспокойство! Я спешу на ночной экспресс... Пора и в Москву!.. Прощайте!..

И, кивнув головой, профессор Вагнер шагнул к книжному шкафу и исчез в книгах...

— Цилиндры... кубы... шары... трапеции... Но позвольте! Подождите! — вдруг закричал профессор Дидерихс и, побежав к книжному шкафу, стал колотить кулаком по книжным полкам. — Вернитесь! Вернитесь! — кричал он, нарушая тишину дома. Ответа не было. Только ассирийские львы и крылатые быки щурились по углам.

Дверь кабинета приоткрылась, и в комнату заглянула седая голова лакея.

— Изволили звать? — И, осмотревшись вокруг, лакей спросил: — С кем вы изволили разговаривать?

Дидерихс смутился, устало потер ладонью лоб и молча опустился в кресло.

Старик слуга скорбно покачал головой.

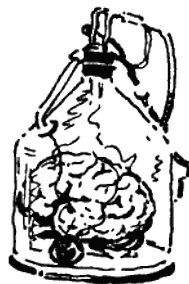
— Отдохнуть вам нужно... Прикажете проводить в спальню?..

И, бережно подхватив Дидерихса под руку, он повел его из кабинета, бросая сердитые взгляды на крылатого ассирийского льва с человеческой головой.

Дидерихса отвезли в санаторий.

У него нашли нервное расстройство на почве переутомления.

Амба



I. Званный ужин

Помню, в детстве у меня возникли серьезные разногласия с моим другом Колей Бибикиным, которые едва не повлекли к разрыву нашей двухлетней дружбы. Он убеждал меня бежать в Америку, чтобы сражаться с индейцами, а же ни о чем не хотел слышать, кроме «Абессинии».

— Во-первых, не «Абессиния», а «Абиссиния», — поправил меня Коля.

— Во-вторых, пишется и «Абессиния» и «Абиссиния». Но я считаю правильное писать и произносить «Абессиния», так как это слово происходит от местного старинного названия страны Хабешь, — возразил я с эрудицией настоящего ученого. Я прочитал тоненькую книжечку об этой далекой стране и был очарован.

— Но почему ты выбрал именно Абессинию? — не унимался Коля.

— Потому Абессинию, — отвечал я, — что, во-первых, амба. Ты знаешь, что такое амба?

Он кивнул головой.

— Отец говорил: амба — это если в лото или лотерее выходят сразу два выигрыша.

Я презрительно рассмеялся и пояснил:

— Амба — это высокое горное плато в Абессинии с такими обрывистыми краями, что жители лазят на свою амбу по лестницам, а скот поднимают на веревках. Понимаешь, как интересно. Выбрать хорошенькую амбу, недоступную человеку, взобраться на нее и жить, как на воздушном острове. Или можем занять две амбы и через глубокий каньон перекинуть веревочную лестницу и ходить друг к другу в гости. Ветер будет дуть в ущелье, а лестница качаться из стороны в сторону, вот так: туда-сюда, туда-сюда.

— А индейцы? — спросил Коля, уже, видимо, начинавший сдаваться, но ему трудно было расстаться с индейцами.

— Там, в Абессинии, тоже есть дикие племена и разбойники, страшно свирепые. Ты будешь с ними сражаться.

— Да, об этом надо подумать...

— Нет, ты не можешь себе представить, что это за прелесть, — продолжал я, все больше вдохновляясь. — Абессиния — это Швейцария. Даже лучше. Абессиния в пятьдесят раз больше Швейцарии и во много раз красивее. Абессиния — это красивый остров над морем песков и болот. Абессиния — это крыша Африки. Это чудесный парк. Везде пастбища с тенистыми рощами. Даже не один парк, а сотни, с различной растительностью. Внизу — сахарный тростник, бамбук, хлопок, тропические фрукты, этажом выше — кофе, еще выше — поля нашей пшеницы. Ты любишь кофе? А знаешь, почему кофе называют «кофе»? Каффа — провинция Абессинии, где растут прекрасные кофейные деревья. Оттуда к нам идет лучший кофе. Там водятся гиппопотамы, гиены, леопарды, львы. Там столько птиц, что ты не успеешь стрелять. И знаешь, там замечательные деньги. Из тонких брусков каменной соли в полметра длиной.

Это у них рубль. Если брусок треснул, или облупился, или плохо звучит, такой рубль не берут. А когда люди встречаются на дороге, то друг другу угощают, отламывая кусочек соли, — как у нас табачком. Каждый съедает кусочек, благодарит и уходит. Но самого главного я тебе не сказал. Там мы с тобой были бы военными. Уверяю тебя. Там берут на военную службу мальчиков девяти лет, делают их помощниками солдат. Мальчик несет впереди солдата ружье, чистит это ружье, ухаживает за лошадью или мулом и проходит пешком много-много километров.

Коля был побежден. Он задумался, тряхнул головой и сказал:

— Да, об этом надо подумать...

Коля Бибикин скоро уехал из нашего города вместе со своими родителями,

а я таки исполнил свою мечту, хотя и с двадцатилетним опозданием. Сказать по правде, в то время я и сам скоро позабыл об Абиссинии, увлекшись лыжным спортом. И вспомнил я о ней только тогда, когда мне, как научному сотруднику Академии наук и «подающему надежды» молодому ученому-метеорологу, предложили принять участие в одной из экспедиций, отправлявшихся в различные пункты земного шара для метеорологических наблюдений.

Предсказатели погоды еще совсем недавно пользовались репутацией отъявленных лгунов. «Их предсказания надо принимать наоборот», — иронически говорили обыватели. Отчасти они были правы: метеорологи очень часто ошибались. Несмотря на все синоптические карты, на взаимоинформирование по телеграфу, откуда-то в последний момент появлялись непредвиденные циклоны и портили все предсказания. И только сравнительно недавно ученые-метеорологи решили обосноваться в самих очагах «производства» погоды.

— Куда вы хотели бы ехать? — спросили меня. — На родину циклонов, в Исландию, или же в Абиссинию? Для этих двух пунктов еще не набраны научные сотрудники.

«Абиссиния. Коля Бибикин. Амба...» — вдруг пронеслось в моей голове, и я без колебания ответил:

— Конечно, в Абиссинию.

...Когда я сошел на плоский песчаный коралловый берег Красного моря и увидел на горизонте голубую стену гор с серебряными зубцами, мне показалось, что я помолодел на двадцать лет, и, удивляя своих спутников, крикнул:

— Амба!

Мы углубились в узкую страну, втиснутую между грядою скал и берегом моря, покрытую холмами, орошаемую многочисленными ручьями. Вечнозеленые тамаринды покрывали холмы.

Многое оказалось в этой стране совсем не таким, как я представлял в детстве. Но все же действительность превзошла даже мои детские грезы. В стране оказалось кое-что поинтереснее амб. Впрочем, теперь я обращал внимание на то, что в детстве мало занимало меня: на температуры, ветры, климат. А в этом отношении Абиссиния интереснейшая страна. В том уголке ее, где находится «столица-деревня» и живет босоногий негус-негушти (царь царей), стоит вечная весна. Самый холодный месяц — июль — там теплее, чем май в Москве, а самый теплый — чуть прохладнее московского июля. На высотах Тигре ночью коченеешь от холода, а внизу, к востоку, расстилается пустыня Афар, одно из самых жарких мест на земном шаре.

Но особенно меня интересовали периодические дожди, без которых была бы невозможна вся египетская культура. Древние египетские ученые-жрецы не помышляли о том, чтобы открыть истинную причину разливов Нила, оплодотворяющих весь бассейн реки, они умели только хорошо использовать эти разливы, создав удивительную сеть каналов, заградительных плотин и шлюзов, регулирующих запасы воды. Жрецы не знали, почему в начале разлива Нил грязно-зеленого цвета, а затем воды его приобретают красный оттенок. Так делали боги. Теперь мы знаем этих богов. Влажные ветры Индийского океана охлаждаются на холодных высотах Абиссинии и падают страшными тропическими дождями. Вот эти-то дожди и размывают глубокие каньоны, превращая горное плато в ряд разбросанных амб. Затем потоки устремляются

в ущелья, захватывают там гниющие отбросы, червей, звериный помет, перенной и несут эту зеленоватую грязь в Голубой Нил и приток Нила — Атбар. После того как ливень вычистит эту гниль, прорвав плотину камышей, задержавших в своих зарослях воду и ил, дожди начинают размывать красноватые горные породы, и вода в Ниле становится красная, как кровь. Горе путнику, который будет застигнут ливнями в ущелье или на дне долины.

Итак, я был в Абиссинии, сидел на горном плато Тигре, курил трубку возле походного шатра и мог вволю наслаждаться видами амб. Похожие на кактусы молочаи горели, как золотые канделябры, в лучах заходящего солнца; рядом с палаткой стояла группа кедров, напоминавших ивы. Из соседней деревни доносились песни, не очень приятные для европейского слуха. Там, вероятно, был какой-то праздник. Не потому ли задержался мой проводник и носильщик-абиссинец Федор? Он отправился раздобыть для меня в деревне чего-нибудь съестного на ужин.

— Как бы он не напился галлы[86], — сказал я, чувствуя приступы голода.

Но в этот момент мы услышали приближающееся пение.

Это был Федор, и явно навеселе. Он явился с пустыми руками. Я укоризненно покачал головой и, мешая итальянские и английские слова, упрекнул его за то, что он ничего не принес и опять напился галлы. Федор начал креститься, уверяя, что он только отведал вкус галлы. А не принес он ничего потому, что старик (старший в роде, староста) деревни просит нас к себе на ужин.

— Большая еда! — сказал Федор и даже зачмокал губами. Его шама (плащ) распахнулась, обнажая крепкую грудь. Федор не носил рубашки, весь его наряд состоял из узких штанов и шамы. Только в холодную погоду он, как многие горные жители, надевал меховой плащ. Его длинное овальное шоколадного цвета лицо, узкий нос, курчавые волосы и реденькая борода, казалось, испускали лучи света. И источником этого света была мысль: «большая еда». Но я уже знал эти торжественные обеды и ужины и отклонил приглашение.



— Иди скажи старику, что я и мой товарищ больны, не можем прийти, и принеси нам лепешек.

Федор начал уговаривать нас принять приглашение. Он уверял, что наш отказ может разгневать главу рода, а это повредит нам, но я продолжал отказываться. Тогда Федор, многозначительно подмигнув, сказал:

— Ну, теперь я скажу такое, что ты не откажешься. На ужине будут гости. Белые. Один рус, один немец.

Я не поверил Федору. Он это выдумал, чтобы я согласился идти на пиршество: Федор тогда, конечно, пойдет в качестве моего слуги и получит свою до-

лю. Встретиться в Абиссинии с итальянцем или англичанином — в этом нет ничего удивительного. Их колонии граничат с Абиссинией, отрезая владения негуса-негушти от моря. Можно встретить и немца. Но «рус»? Откуда может появиться «рус» в Абиссинии? А Федор продолжал креститься и божиться, уверял, что будет «рус», что он приехал с одним немцем из Аддис-Абебы и остановился в соседней деревне.

Любопытство мое было задето. Если Федор прав, было бы глупо не воспользоваться случаем повидать своего соотечественника. Притом голод решительно не давал мне покоя. Я не ел целый день и сделал, вероятно, километров тридцать по горным тропам.

— Хорошо, идем. Но если ты обманул, Федор, тогда держись...

Среди островерхих крытых соломой хижин на лужайке расположилось целое общество. Так как солнце уже зашло, то молодежь разложила и зажгла большие костры, ярко освещавшие картину пиршества на высоте двух тысяч метров. В центре большого круга сидел старик с морщинистым лицом, но совершенно черными волосами — абиссинцы почти не седеют. По левую сторону от него место было свободно, а по правую сидели два европейца: один из них — красивый мужчина с каштановой бородой и нависшими усами, и другой — рыжий бледный молодой человек.

Старик — глава рода и начальник деревни — показал мне место рядом с собой, предложив сесть. Я поклонился и занял указанное мне место. Мне очень хотелось сесть рядом с европейцем, обладавшим завидным румянцем и каштановой бородой и поговорить с ним. Но между мною и им сидел наш гостеприимный хозяин, а он, как и все абиссинцы, отличался большой болтливостью. Его звали Иван, или, как он сам выговаривал, «Иан». Кушанье к столу еще не было «приведено», и пока хозяин занимал нас разговорами, обращаясь главным образом к соседу справа, Иан, видимо, хотел блеснуть перед нами образованностью. Он говорил о том, что ему прекрасно известно, что делается в мире. Есть Абиссиния, и еще есть Европа и Турция. Европа — хорошо, но не очень: там нет негус-негушти. Впрочем, как недавно он узнал, есть еще Греция — «самое большое государство на свете»...

Тем временем было «подано» первое блюдо. Два молодых, довольно красивых абиссинца привели, держа за рога, корову. Ноги ей связали. Один старый абиссинец взял нож и, уколотив корову в шею, пролил на землю несколько капель крови. Потом корову повалили. Молодой абиссинец, вооруженный острым кривым ножом, сделал надрез на коже живой коровы, отвернул кусок кожи и начал вырезать с филейной части узкие полосы трепещущего мяса. Корова заревела, как сирена гибнущего парохода. Этот рев, видимо, ласкал слух и возбуждал аппетит Иана, у которого потекли слюни. Женщины хватили трепещущие куски мяса, разрезали на мелкие части, посыпали перцем и солью, завертывали в лепешки и подносили ко рту пирующих. Европейец с каштановой бородой поблагодарил, но отклонил предложенный ему кусок. Он объяснил, что нам, европейцам, закон не позволяет есть сырое мясо, и потому мы будем есть поджаренного барашка. Вдруг он обратился ко мне на русском языке:

— Если не ошибаюсь, вы мой земляк. Не ешьте и вы сырого мяса. От него все эфиопы страдают солитерами и ленточными глистами. И если бы они каждый месяц не делали себе генеральной чистки, поедая цветы и плоды

местного глистогонного растения куссо, то многие из них, наверно, погибли бы от паразитов.

Я охотно послушался этого совета и попросил кусочек прожаренной баранины. Мой земляк жевал жареную баранину и чавкал так громко, как умеют чавкать только воспитанные абиссинцы. Признаюсь, я не знал, что чавканье является признаком хорошего воспитания.

Когда все наелись, подали местный опьяняющий напиток фэдзе. Иан заставил налить себе из чаши немного фэдзе на ладонь и выпил, чтобы показать, что напиток не отравлен, и только после этого вино было предложено гостям.

Несчастное «блюдо» продолжало реветь. Этот рев разбудил тишину окрестных полей и ущелий. Из соседних деревень начали подходить гости. Предсмертный рев коровы служил для них призывным гонгом. Гостей встретили радушно, и они приняли участие в пожирании живой коровы. Скоро весь бок коровы был обнажен. Корова судорожно била ногами, но на это не обращали ни малейшего внимания не только мужчины, но и женщины. Детей же рев коровы и ее судорожные подергивания приводили в восторг.

Иан скоро опьянел. Он то начинал петь божественные песнопения, напоминавшие мотивом вой голодных волков, то тихо чему-то смеялся.

Наконец этот нудный вечер был окончен. «Рус» поднялся и кивнул мне. Я последовал его примеру. Поблагодарив хозяина, он попросил позволения взять с собой голову коровы. Иан очень охотно согласился. Он приказал одному из молодых людей отрезать голову, но «рус» взял нож из рук юноши и сам занялся операцией, причем делал это с необычайной скоростью и ловкостью, чем заслужил общее одобрение. Несчастливая корова перестала реветь, и скоро ее ноги вытянулись. Я решил, что земляк сделал это из сострадания, чтобы прекратить мучения животного.

— Будем знакомы, — сказал он, протягивая мне на прощание руку. — Профессор Вагнер. Милости прошу к моему шалашу. Вот там, видите? — И он показал на две большие палатки на краю деревни, слабо освещенные догорающими огнями костров.

Я поблагодарил за приглашение, и мы расстались.

II. Смерть Ринга

На другой день, покончив с работой, я отправился навестить профессора Вагнера.

— Можно войти? — спросил я, остановившись у палатки.

— Кто там? Что надо? — отозвался кто-то на немецком языке.

Дверь в палатку приоткрылась, и в щель выглянуло лицо рыжего молодого человека.

— Ах, это вы. Войдите, пожалуйста, — сказал он. — Садитесь. Профессор Вагнер сейчас занят, но он скоро освободится.

И словоохотливый немец начал занимать меня разговором.

Его фамилия Решер. Генрих Решер. Он ассистент профессора Турнера — известного ботаника. А Турнер — давнишний друг профессора Вагнера. Они — Турнер и Вагнер — приехали в Африку вместе. Вагнер отправился в бассейн Конго изучать обезьяний язык, а Турнер с Альбертом Рингом и проводником отправился в экспедицию в область Тигре.

— Турнер и профессор Вагнер расстались в Аддис-Абебе и там же условились встретиться, — продолжал Решер. — В Аддис-Абебе у профессора Турнера

была основная база. В этом городе находился я. Ко мне Турнер отправлял коллекции растений, я делал гербарии, производил микроскопические исследования. Вагнер и Турнер обещали вернуться до наступления летних дождей, которые, как вам известно, здесь бывают в июле и августе. Вагнер явился вовремя — в конце июня. Он прибыл с большим багажом и целым зверинцем. Слышите, как кричат обезьяны? Профессор Вагнер сказал, что в лесах Конго он встретил экспедицию какого-то английского лорда, который скоро умер. Вагнеру пришлось взять на себя все заботы об имуществе умершего: он решил отправить багаж и обезьян родственникам покойного.

Дожди перепадают уже в конце июня. Если Турнер не хотел рисковать и быть застигнутым страшными тропическими ливнями в горах, он должен был поторопиться. Мы ждали его со дня на день, но он не возвращался. Не являлся и Ринг, который был посредником между Турнером и мною, доставляя время от времени коллекции. Прошел июль. Дожди лили как из ведра. Даже наши отличные палатки не выдерживали и пропускали воду. Но все же в них было лучше, чем в туземных жилищах. Беспокойство за судьбу профессора Турнера, Альберта Ринга и проводника все возрастало. Неужели они погибли?

Однажды — это было уже в начале августа — под утро я услышал сквозь шум ливня какой-то стон или вой за брезентом палатки. Вы знаете, как много собак на улицах абиссинских городов. А ночью шакалы и гиены нередко забегают в город. Ведь они вместе с собаками являются единственными чистильщиками и санитарями этих грязных городов-деревень. Заглушенный стон повторился. Быстро одевшись, я вышел из палатки. У входа я увидел тело человека. Это был Альберт Ринг, но в каком виде! Одежда его, изорванная в клочья и испачканная, едва держалась на нем. Все лицо в синяках, а на голове виднелась глубокая рана. Я втащил Ринга в палатку. Вагнер никогда не спит, и потому он тотчас же услышал, что в моем отделении палатки что-то неладное. Увидав раненого, Вагнер начал приводить его в чувство. Но несчастный Ринг, казалось, уже испустил дух. У него хватило силы только дотащиться до нашей палатки. Вагнер впрыскивал камфару, чтобы поддержать деятельность сердца, — ничего не помогало.

«Погоди же, ты у меня заговоришь!» — сказал Вагнер и, быстро пройдя к себе за занавеску, вернулся оттуда со шприцем. Он впрыснул Рингу какой-то жидкости, и наш мертвец открыл глаза. «Где Турнер? — крикнул Вагнер. — Он жив?» — «Жив, — еле слышно ответил Ринг. — Помощь... Он...» Ринг опять впал в беспамятство, и даже Вагнер не мог уже ничего поделать.

«Он потерял слишком много крови, — сказал Вагнер. — Положим, кровь мы могли бы накачать ему, взяв у одной из обезьян. Но у Ринга пробит череп и поврежден мозг. Больше нам, пожалуй, ничего не удастся вытянуть из него. Ну что стоило ему пожить еще хоть пять минут! Я так и не узнал, где находится мой Друг Турнер». — «Мы похороним его тело?» — спросил я. «Разумеется, — ответил Вагнер, — только раньше я произведу вскрытие. Может быть, оно даст нам какие-нибудь сведения. Помогите мне перенести труп в мою лабораторию».

Труп был так легок, что и один из нас легко перенес бы его, но неприлично труп человека таскать, как тушу. Мы перенесли труп и положили на прозекторский стол[87]. Я удалился, а профессор занялся вскрытием. Родители Ринга, вероятно, не позволили бы вскрывать труп, — они такие религиозные люди.

Но они были далеко, а Вагнер... он не послушался бы меня и все равно сделал бы по-своему.

С Вагнером я встретился в тот день только вечером, когда он вышел, чтобы взять какую-то банку из нашего склада, находившегося в соседней палатке. «Что вы узнали?» — спросил я. «Узнал, что у Ринга рана в черепе имеет неровные края, а на волосах я нашел кусочек ила, на теле много ссадин и кровоподтеков. По всей вероятности, Ринг был застигнут потоками ливня в каком-нибудь каньоне, подхвачен и унесен этим потоком. Его тело билось о камни и стены утеса. Каким-то образом ему удалось выбраться из потока, и он добрался до нас. Удивительно сильный организм. Он должен был пройти немало километров с такой раной в голове».

«А профессор Турнер?» — «Об этом я знаю столько же, сколько и вы. Но Ринг успел сказать, что Турнер жив и, по-видимому, ожидает помощи от нас. Мы должны немедленно отправиться к Тигре на поиски Турнера». — «Это бессмысленно, — возразил я. — Тигре — огромная область старой Абиссинии, имеющая тысячи амб, тысячи каньонов. Где мы будем искать Турнера?»

— Ведь я был прав, не правда ли? — спросил Решер, обращаясь ко мне.

— Ваш профессор Вагнер, — продолжал он, — бывает грубоват. Он резко сказал мне, что если я не желаю, то могу оставаться в Аддис-Абебе. Я, конечно, ответил, что отправлюсь с ним. И в тот же день, вернее — вечер, похоронив Ринга, мы выступили в путь. Мы оставили всех обезьян и багаж умершего лорда в Аддис-Абебе, а сами отправились налегке. Впрочем, это относительно говоря. Профессор Вагнер не может обойтись без своей лаборатории. Он взял с собою довольно большую палатку — вы видели ее. А я захватил вот эту для себя.

— Ну, и как ваши поиски?

— Разумеется, безрезультатны, — ответил Решер как будто даже с некоторым злорадством.

Мне показалось, что он не очень дружелюбно относится к Вагнеру.

— Меня ждет дома невеста, — признался Решер, — а тут приходится бесцельно бродить по горам. Бедный Ринг! У него тоже была невеста.

III. Говорящий мозг

В это время пола брезента, прикрывавшая дверь, приоткрылась, и на пороге показался профессор Вагнер.

— Здравствуйте, — сказал он мне приветливо. — Чего же вы здесь сидите? Пройдемте ко мне. — И, обняв меня, повел в свою палатку. Решер не последовал за нами.

Я с любопытством оглядел походную палатку-лабораторию Вагнера. Здесь были аппараты и приборы, говорившие о том, что Вагнер работает в самых различных областях науки. Радиоаппаратура стояла рядом с химической стеклянной и фарфоровой посудой, микроскопы — со спектроскопами и электро스코пами. Назначение многих аппаратов было мне неизвестно.

— Садитесь, — сказал Вагнер. Сам он уселся на походный стул у маленького стола, вдвинутого между большими столами, заваленными приборами, и начал писать. В то же время, поглядывая на меня одним глазом, он разговаривал со мной. К моему удивлению, оказалось, что обо мне он знает гораздо больше, чем я о нем. Он перечислил мои научные труды и даже сделал несколько замечаний, удививших меня своей меткостью и глубиной, тем более что Вагнер

был по специальности биолог, а не метеоролог.

— Скажите, вы не могли бы помочь мне в одном деле? Мне кажется, что с вами мы скорее сварили бы кашу.

«Чем с кем?» — хотел спросить я, но удержался.

— Видите ли, — продолжал Вагнер. — Генрих Решер очень симпатичный молодой человек. Пороха он не выдумает, но будет честным систематиком. Он один из тех, кто в науке собирает, накапливает сырой материал для будущих гениев, которые сразу освещают одной идеей тысячу непонятных доселе вещей, соединяют воедино частности, дают всему систему. Решер — чернорабочий от науки. Но дело не в этом. Всякому свое. Он продукт своей среды. Аккуратненький сыночек аккуратненьких бюргерских родителей со всеми их предрассудками. По воскресеньям утром он поет потихоньку псалмы, а после обеда пьет кофе, приготовленный по способу его почтенной мамы, и курит традиционную сигару. Разве я не замечал, как косился он на меня за то, что я произвел вскрытие трупа Ринга. — Вагнер вдруг засмеялся. — Если бы Решер знал, что я сделал! Я не только вскрыл черепную коробку Ринга, я вынул его мозг и решил анатомировать его. Я никогда не пропускаю такой возможности. Вынув мозг Ринга, я забинтовал его голову, и мы с Решером похоронили этот безмозглый труп. Решер пошептал на могиле молитвы и ушел с чопорным видом. А я занялся мозгом Ринга.

В Аддис-Абебе не найти льда, чтобы в нем хранить мозг. Можно было заспиртовать его, но для моих опытов мне нужно было иметь совершенно свежий мозг. И тогда я решил: почему бы мне не поддержать мозг в живом состоянии, питая его изобретенным мною физиологическим раствором, который вполне заменяет кровь? Таким образом я мог сохранить живой мозг неопределенно долгое время. Я предполагал срезать сверху тонкие пласты и подвергать их микроскопическим и иным исследованиям. Самое трудное было придумать для мозга такую «черепную крышку», которая идеально предохраняла бы его от инфекции. Вы увидите, что мне удалось очень удачно разрешить эту задачу. Я поместил мозг в особый сосуд и начал питать его. Поврежденную часть мозга я хорошо продезинфицировал и начал лечить. Судя по тому, как рубцевалась мозговая ткань, мозг продолжал жить, так же как живет, например, палец, отрезанный от тела, в искусственных условиях.

Работая над мозгом, я ни на минуту не переставал думать о судьбе моего друга профессора Турнера. Я отправился искать его живого или мертвого, захватив и мозг Ринга вместе с моей походной лабораторией. Я надеялся, что удастся найти следы Турнера. Он путешествовал в довольно людных местах. Должен был покупать продукты в деревушках, расположенных на его пути, и о нем, таким образом, можно было узнать у местных жителей. Я быстро продвигался вперед вместе с Решером и через несколько дней уже был на высотах Тигре.

Однажды вечером я решил сделать первый срез мозга Ринга. И когда я уже подошел со скальпелем в руке, одна мысль заставила меня остановиться. Ведь если мозг живет, то он может и испытывать боль. Не слишком ли жестока моя операция? Не обрекаю ли я мозг Ринга на судьбу несчастной коровы, которую медленно режут и пожирают местные жители на своих пиршествах, как вы это видели вчера вечером? Я начал колебаться. В конце концов научный интерес, наверно, восторжествовал бы над чувством жалости. Ведь в моих руках

был не живой человек, а только кусок «мяса». Гуманисты возражают против вивисекции. Но разве десяток «умученных» учеными кроликов не спасает тысячи человеческих жизней? А наши мясные блюда? Да что толковать! Одним словом, я опять приблизил скальпель к мозгу и вновь остановился. Какая-то еще не оформившаяся новая мысль заставила меня насторожиться и ожидать, пока она поднимется из темных бездн подсознательного на поверхность сознания. И вот какую мысль через несколько секунд регистрировало мое сознание: «Если мозг Ринга продолжает жить, то он способен не только ощущать боль. Мысль — одна из функций мозга. Что, если мозг Ринга продолжает думать? И о чем он может думать? Нельзя ли попытаться узнать об этом, установить с мозгом связь? Ведь Ринг так и не успел сказать нам, где находится Турнер и что с ним. Не удастся ли мне вырвать эту тайну у мозга Ринга? Если этот опыт удастся, я убью двух зайцев одним ударом: разрешу интересную научную задачу и, быть может, спасу моего друга».

— Амба? — улыбаясь, подсказал я.

Вагнер секунду подумал, улыбнулся и ответил:

— Да, амба, только не абиссинская, а игроковская. Два выигрыша сразу. В научном отношении опыт сулил чрезвычайно много интересного, и я с жаром принялся за дело. А дела предстояло немало. Надо было изобрести способ войти в сношения с мозгом, который, конечно, не мог ни видеть, ни слышать, разве что ощущать. Это было, пожалуй, не легче, чем войти в сношение с марсианами или селенитами, не зная их языка. Должен вам сказать еще по секрету, что Ринг, когда он был «во всей форме», не отличался умом. Однажды Турнер сказал мне, что Ринг был захвачен людоедами и вернулся из плена живехоньким, тогда как два его спутника были съедены. «Это потому, — шутливо объяснил Турнер, — что людоеды, убедившись в глупости Ринга, побоялись его съесть, чтобы не заразиться его глупостью. Ведь людоедство возникло не от голода, а от веры в то, что, скушав врага, можно приобрести его доблести».

Таким образом, — продолжал Вагнер, — мне приходилось работать над очень трудным материалом. Но трудности никогда не останавливают меня. В своих изысканиях я рассуждал так. При работе мозга происходят сложные электрохимические процессы, сопровождаемые излучением коротких электроволн. Я уже года два назад сконструировал прибор, при помощи которого мог воспринимать электроволны, излучаемые мыслящим мозгом. Я изобрел даже аппарат, автоматически записывающий кривую этих колебаний. Но как перевести эту кривую на человеческий язык? Тут были чрезвычайные трудности. Я убедился, что одна и та же мысль передавалась графически различно в зависимости от настроения человека. Очевидно, надо было научиться читать не целые мысли и даже не отдельные слова — надо было идти другим путем: договориться с мозгом о буквах, создать особый алфавит, если только каждая буква, о которой будет думать мозг, даст четкую, не похожую на другие электроволну, отраженную видимой чертой на моем приборе. Словом, я находился в положении заключенного в одиночную камеру, который, не зная тюремной азбуки, захотел установить связь с заключенными в соседней камере путем перестукивания.

Но все это было еще впереди. Прежде всего надо было установить, излучает ли мозг Ринга какие-либо электроволны, иначе говоря, работает ли он «умственно», или вся его жизнь заключается в физическом существовании кле-

ток. Теоретически мозг должен был мыслить. Я смастерил очень точный приемный аппарат и соединил его с мозгом. Дело в том, что мозг излучает очень слабую электроволну. И для того чтобы она еще больше не ослабела, рассеявшись в пространстве, я решил собрать по возможности всю излучаемую электроэнергию. Для этого я накинул на мозг Ринга тонкую металлическую сетку, от которой шел провод к моему аппарату. Ящик, на котором стоял мозг, был изолирован от земли. Электроволны, попадая в аппарат, должны были передаваться чувствительному самопишущему прибору. Тонкая игла писала на двигавшейся киноплёнке, покрытой особым лаком. Киноплёнку я брал просто как подходящий материал для записи. О, если бы Решер увидел меня за этой работой! Он взвыл бы от негодования, видя такое кощунство.

Вагнер замолчал, а я смотрел на него с нетерпением, не решаясь вопросом нарушить ход его мыслей.

— Да, — продолжал Вагнер, — аппарат отметил излучения электроволн; игла зачертила на плёнке неведомые письмена, подобно сейсмографу, отмечающему колебания почвы. Мозг Ринга думал. Но о чем он думал, для меня еще оставалось тайной за семью печатями. Вы знаете, какая у меня феноменальная память. Все, что проходило на ленте, запечатлевалось в моем мозгу. И левую — лучшую — половину моего мозга я отдал исключительно работе расшифровки этой неведомой грамоты.

«Шамполион знал не больше меня, приступая к расшифрованию египетских иероглифов, и, однако же, ему удалось прочитать их. Почему же мне не расшифровать иероглифы мозга Ринга?» — думал я. Но они долго не давались мне. Еще не умея читать эти иероглифы, я, однако, уже мог установить, что некоторые знаки повторяются несколько раз. И особенно часто повторялся такой знак:



Что он означает, я еще не знал. Но повторяемость одинаковых знаков уже давала некоторые опорные пункты для дальнейшей работы. Я смотрел на зигзагообразные линии на ленте и думал о том, что они означают. Ни одно впечатление внешнего мира не доходило до мозга Ринга. Он был погружен в вечную тьму и тишину, как глухонемой и слепой человек. Но он мог жить воспоминаниями. Быть может, этот зигзаг на ленте — воспоминание мозга о любимой девушке... Допустим, мне удастся расшифровать эти иероглифы. Для меня откроется внутренний мир мозга — последнего пристанища «души». Это очень интересно в научном отношении. Но ведь я преследовал теперь не только научную, но и практическую цель: мне нужно было спросить у мозга Ринга, где Турнер и что с ним. Значит, прежде всего нужно было добиться того, чтобы мозг Ринга научился понимать меня, но как это сделать? Я решил, что самый простой путь — это механическое раздражение мозга. Я вскрыл «черепную коробку» и начал надавливать пальцем в стерилизованной резиновой оболочке на поверхность мозга сначала коротким нажимом, а потом более продолжительным. Это должно было соответствовать точке и тире, иначе говоря, букве «а» телеграфного алфавита Морзе. Алфавита этого целиком Ринг мог и не знать. Но «точка-тире» — это, вероятно, ему было известно. Я проделал эту манипуляцию несколько раз с промежутками, а затем перешел к

следующей букве немецкого алфавита. На первый урок довольно было запомнить мозгу четыре буквы: *a, b, c, d*.

В то же время я наблюдал за лентой. Во время этого своеобразного урока на ленте появились какие-то новые штрихи и линии с амплитудой колебаний гораздо более нормальной. Я решил, что до мозга Ринга, во всяком случае, дошли мои сигналы. Быть может, он был испуган нажимами, быть может, воспринимал их болезненно. Так или иначе — мозг реагировал. Теперь оставалось только повторять эти уроки, пока мозг не осознает, что это не случайные раздражения. Если бы только он понял, чего от него хотят! К сожалению, мой необычайный ученик оказался большим тупицей, Турнер был прав. Мне хотелось добиться одного, чтобы на мой сигнал — надавливание «точки-тире» — мозг ответил электроволной — знаком на ленте, соответствующим данному осязательному впечатлению. В дальнейшем, представляя ту или иную букву или воспроизводя соответствующее ощущение при надавливании мною этой буквы, мозг получил бы возможность самопроизвольно сигнализировать мне букву за буквой и таким образом вступить со мною в разговор.

Не буду перечислять все этапы этой трудной и кропотливой работы. Скажу лишь, что мои упорство и изобретательность подвергались огромным испытаниям. Но терпение и труд все перетрут. Мозг Ринга в конце концов заговорил. Через несколько дней Ринг начал повторять за мной буквы, то есть, думая о них, он излучал определенную электроволну, которая отражалась на ленте особым знаком. Я начал «диктовать» буквы вразбивку, мозг верно воспроизводил их. Дело было сделано. Но понимает ли мозг значение нажимов, связал ли он их с буквенным значением? Я «продиктовал» слово «Ринг» и ждал, что мозг повторит это слово буква за буквой. Но, к моему удивлению, на ленте оказалось написанным: «Я». Ринг, очевидно, ответил: «Да, Ринг — это я». Этот ответ так обрадовал меня, что в ту минуту я готов был допустить мысль, что людоеды прогадали, отказавшись от мозга Ринга. Он оказался сообразительней, чем я предполагал. Дальше пошло легче. Еще несколько испытаний, и я мог приступить к беседе. Больше я не завидовал лаврам Шамполиона, хотя о моих успехах никто не знал. Мне одновременно хотелось скорее узнать, где находится Турнер и что думает, чувствует мозг Ринга. Однако интересы живой человеческой личности должны стоять на первом плане. И я задал мозгу вопрос о Турнере. Игла на ленте задвигалась. Мозг слал мне телеграмму: «Турнер жив. Мы были застигнуты в долине тропическим ливнем».

«Где?» — телеграфировал я мозгу, надавливая пальцем точки и тире. Мозг довольно точно указал мне направление маршрута, и по этому указанию мы добрались сюда, на эту стоянку. «Идите на север до Адуа, не доходя семи километров, сверните на восток...» — таково было главное направление. Но дальше... Увы, если бы Ринг был жив, он, вероятно, сумел бы провести нас на место. Но объяснить, где находится Турнер, он не сумел бы так же, как не мог объяснить теперь. Высокая амба. Крутые обрывистые края. Глубокое ущелье... Тысячи амб и ущелий походили на это описание. Я сделал невозможное — заставил говорить мозг Ринга неделю спустя после его смерти, — и тем не менее я не мог получить от мозга нужные мне сведения. Я бился с мозгом целые часы. Мозг, вероятно, утомился, потому что некоторое время он не давал ответов на мои вопросы, а затем задал мне сам вопрос, который смутил меня: «Где я сам и что со мною? Почему темно?..»

Что мог я ему ответить? Частица тела Ринга, очевидно, продолжала считать себя целым. Сказать остаткам Ринга, что он давно умер, что остался один мозг, я опасался. Может быть, этот ответ поразит сознание Ринга, мозг Ринга не вместит этой мысли и сойдет с ума. И я решил схитрить — заменить ответ вопросом. «А что вы чувствуете?» — спросил я у мозга, как врач. И мозг начал мне «говорить» о своих впечатлениях. Он не видит, не слышит. Обоняние и вкус также отсутствуют у него. Он чувствует перемену температуры. У него время от времени «мерзнет голова». (Вы знаете, что ночи в Абиссинии бывают довольно холодные, и разница в дневной и ночной температуре достигает тридцати и более градусов. Хотя я предохранил мозг от внешних влияний температуры искусственным «черепом», все же температурные колебания чувствовались мозгом.) И еще мозг чувствовал, когда я надавливал ему на «темя». Он так и сказал: «Кто-то нажимает мне на темя». — «И вам больно?» — спросил я. «Немного. У меня как будто немеют ноги».

Можете представить себе, как это интересно! Ведь как раз в верхних долях мозговой коры содержатся нервы, управляющие движениями и ведающие ощущениями нижней части тела вплоть до кончиков ног. Таким образом, я получил возможность проверить все участки мозга с точки зрения локализации в них тех или иных ощущений.

Вагнер взял книгу с полки, раскрыл ее и показал мне рисунок.

— Вот видите, здесь изображены нервные центры. Я нажимал на различные извилины и борозды и спрашивал мозг, что он ощущает. «Я вижу смутный свет», — ответил мозг, когда я начал нажимать на зрительный центр. «Я слышу шум», — ответил на раздражение слухового нерва. Ведь вы знаете, что каждый нерв отвечает на разнообразные раздражения только одной реакцией: зрительный нерв передаст мозгу ощущение света, чем бы вы ни возбуждали нерв — светом, давлением, электрическим током. Так же действуют и другие нервы. Не мудрено, что мои надавливания вызывали в мозгу то представление света, то шума — в зависимости от того, какой центр я раздражал. Для меня открывалось огромное поле для наблюдений.

Однако о чем думал мозг все это время? Вот что занимало меня. Я задал мозгу этот вопрос, и, к моему удовольствию, он довольно *qxotho* ответил мне. «Ринг» помнит все, что произошло с ним (мозг Ринга все время был убежден, что Ринг жив). Итак, он рассказал мне, как они — Турнер, Ринг и проводник — отправились в Тигре, как решили спуститься в глубокий каньон, где были застигнуты неожиданным ливнем. Бушующие потоки несли их по каньону. Несколько раз на крутых излучинах они сильно ударялись о скалы и, наконец, были вынесены к огромной запруде в широкой долине. Росший на дне камыш задержал приносимый потоком мусор, ветви и целые деревья, образовав огромную плотину. Путники увязли в этой гуще. Надо было выбраться отсюда во что бы то ни стало, пока вода не прорвет плотину и не понесется дальше с еще большим бешенством. Добраться до берега было невозможно. Вода бурлила, кипела; ветки и сучья спутывали руки и ноги. А вода все прибывала и уже перекатывалась через гребень плотины. Тогда Турнер крикнул своим товарищам, что единственный путь — перелезть через плотину и броситься вниз, а затем спастись на высокое место, пока вода не залила пространство, лежащее ниже плотины. Так они и сделали. С величайшим трудом перебрались через плотину и скатились вниз с десятиметровой высоты. Они упали на

острые камни. Проводник разбил голову и был унесен ручьем, бежавшим ниже плотины, Турнер сломал ногу и с величайшим трудом пополз к берегу, и только один Ринг остался невредим. Им вдвоем удалось добраться до бедной деревеньки, лежащей на высоком уступе амбы. Турнер слег, а Ринг отправился в Аддис-Абебу за помощью. Он благополучно прошел весь путь и был всего в десяти километрах от города, когда какие-то разбойники пустили в него камнем и поранили голову. Но у Ринга, очнувшегося после обморока, хватило сил добраться до Решера. Там он и упал, потеряв сознание. Потом пришел в себя, увидел Решера и меня, сказал несколько слов и вновь забылся.

«А потом что?» — спросил я с интересом. «Потом, — ответил мозг, — я опять пришел в себя. Но ничего я не видел и не слышал. Мне казалось, что меня бросили в темный карцер связанного по рукам и ногам. Мне ничего больше не оставалось, как вспоминать всю мою жизнь. В этих воспоминаниях и проходило время...»

Я несколько раз просил мозг Ринга точно описать мне путь в каньон, где застал их ливень, но Ринг по-прежнему так бестолково объяснял мне, что я отчаялся найти по этим указаниям моего друга. «Вот если бы я мог видеть, то привел бы вас на место», — говорил мозг. Да, если бы он видел и слышал, дело пошло бы на лад. Не удастся ли мне разрешить эту задачу? Мозг может воспринимать только неопределенное ощущение света при нажиме на глазной нерв, так же как мы ощущаем красные пятна и круги, когда нажимаем на глазное яблоко сквозь закрытое веко. Но ведь это не зрение. Как бы наделить мозг настоящим зрением?

Один план занимал меня в продолжение нескольких часов. Я думал, нельзя ли пересадить мозг Ринга на место мозга какого-нибудь животного. Сложность этой операции не смущала меня. Я надеялся сшить все нервы, сосуды и прочее, если только... найти подходящее по размеруместилище для мозга Ринга. Но в этом-то и была вся задача. Я перебрал в памяти объем и вес мозга различных животных, сравнивая с мозгом Ринга. Мозг Ринга весил тысячу четыреста граммов. Мозг слона весит пять тысяч граммов, Увы, череп слона — слишком большоеместилище для мозга человека. У кита мозг весит две тысячи пятьдесят граммов. Это ближе к делу. Но у меня не было под рукой кита. И что делал бы кит среди амб Абиссинии? А все остальные животные имеют слишком малый мозг по сравнению с человеком: лошадь и лев — по шестисот граммов, корова и горилла — по четыреста пятьдесят, прочие обезьяны — еще меньше, тигр — всего двести девяносто, овца — сто тридцать, собака — сто пять граммов. Было бы очень занятно иметь слона или лошадь с мозгом Ринга. Тогда он, наверное, нашел бы путь в долину. Но это, к сожалению, было невыполнимо. Задача очень интересная, и, может быть, когда-нибудь я сделаю такую операцию. «Но сейчас, — думал я, — мне надо достигнуть цели возможно быстрым путем». И вот что я придумал...

Вагнер поднялся, подошел к занавеске, отделявшей угол палатки, и, приподняв полу занавески, сказал:

— Не угодно ли войти в это отделение моей лаборатории?

В этот угол свет проникал только сквозь плотный брезент палатки, и потому здесь стоял полумрак. Я увидел лежащий на ящике мозг, заключенный в какую-то прозрачную желтоватую оболочку и прикрытый сверху стеклянным колпаком. На другом ящике стоял большой сосуд, наполненный какою-то

жидкостью, и на дне его лежали два больших глаза. От глазных яблок шли какие-то нити.

— Не узнаете? — спросил, улыбаясь, Вагнер. — Это глаза вчерашней коровы. Что может быть проще! Я беру конец этого нерва и пришиваю к главному нерву в мозгу Ринга. Когда нервы коровы и Ринга срастутся, мозг Ринга вновь увидит свет, пользуясь глазом коровы.

— Почему глазом? — спросил я. — Разве вы дадите мозгу Ринга только один глаз?

— Да, и вот почему. Наше зрение устроено сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Глазной нерв не только передает зрительные представления мозгу. Нерв этот затрагивает целый ряд других нервов, в частности тех, которые ведают мышечными движениями глаза и речевыми движениями. При такой сложности наладить зрение обоими глазами — задача чрезвычайно трудная. Ведь мозг Ринга не в состоянии будет двигать глазом в любом направлении и сводить в один фокус два глаза. Довольно того, что он сможет владеть этим органом, наводя глаз на фокус. Конечно, это будет несовершенное зрение. Мне придется держать глаз и наводить его, как фонарь, на окружающие окрестности, а мозг будет узнавать местность и давать свои указания тем же несовершенным способом при помощи азбуки Морзе. Со всем этим немало хлопот. И Решер будет нам только мешать. Пожалуй, он еще напортит. Помилюйте, он человек, верующий в бессмертную душу, и вдруг душа его друга в таком заключении! Я решил поступить с Решером так. Скажу ему, что я признал беспредельность дальнейших поисков Турнера, и предложу отправиться на родину или куда он хочет. Я уверен, что Решер охотно оставит меня и уедет. Тогда у меня руки будут развязаны, если только вы согласитесь помочь мне.

Я согласился с большой готовностью.

— Ну, вот и отлично, — сказал Вагнер. — Надеюсь, что к утру мозг Ринга прозреет. Мною изобретено средство для ускорения процессов срастания тканей. К тому же времени, вероятно, Решер уберется отсюда, и мы с вами отправимся на поиски друга. Я прошу вас быть готовым выступить в поход рано утром.

IV. Необычайный проводник

Наутро я уже был в палатке Вагнера. Он встретил меня со своей обычной радужной и немного лукавой улыбкой.

— Все вышло как по писаному, — сказал он мне, поздоровавшись. — Господин Решер выразил приличествующее случаю душевное сокрушение, повздыхал, поморгал, быстро утешился и тотчас начал собираться в дорогу. В полночь его уже здесь не было. А я тоже времени не терял даром, вот смотрите.

Из «подлобья» мозга выглядывал большой коровий глаз. Он был устремлен на меня, и мне даже стало жутко.

— Другой глаз я держу на всякий случай. Он содержится в особой жидкости и не испортится.

— А этот видит? — спросил я.

— Разумеется, — ответил Вагнер. Он начал быстро нажимать на мозг (стеклянный колпак был снят) и потом посмотрел на ленту.

— Вот видите, — сказал Вагнер, обращаясь ко мне, — я спросил мозг, кто находится перед ним, и он довольно точно описал вашу внешность. Теперь мы можем двинуться в путь.

Мы решили отправиться совсем налегке, даже без проводников и носильщиков. Что бы они подумали, если бы увидели коровий глаз, который руководит экспедицией! На случай встречи с туземцами Вагнер умело замаскировал ящик, в котором помещался мозг, оставив для глаза только небольшое отверстие. Лента, записывающая телеграммы мозга, была выведена наружу, и по ней мы справлялись, правильно ли мы идем. Ринг не обманул: у него оказалась довольно хорошая зрительная память. И если он не в состоянии был словесно описать дорогу, то теперь был совсем недурным проводником. Возможность видеть знакомые места, очевидно, самому мозгу доставляла удовольствие. Он очень охотно руководил нами.

«Прямо... Налево... Еще... Спускайтесь...»

Мы не без труда спустились в глубокий каньон. Летние ливни уже прошли. Воды на дне каньона не было. Но здесь стоял невыносимый смрад от разлагающихся трупов животных и гниющих растений. Горные жители не могут спускаться сюда из-за этого смрада.

«Вот здесь была плотина», — сигнализировал мозг. От плотины высотой в десять метров не оставалось ничего, кроме мусора, устилавшего сухое дно. Мы вышли на широкую поляну. Здесь как бы сходились десятки горных ручьев и рек, разливающихся лишь во время дождей и размывающих горы.



Прежде чем мы добрались до деревни, нам пришлось миновать участок леса с такой обильной растительностью, что мы принуждены были сделать несколько десятков километров круга. Даже слоны ломают иногда клыки в этих дебрях.

Наконец мы нашли профессора Турнера в бедной абиссинской деревне, в

шалаше, который не предохранял ни от ветра, ни от дождя. К счастью, погода стояла теплая, и Турнер не страдал от сырости и холода. Он чувствовал себя неплохо, но ходил еще с трудом. Турнер очень удивился и обрадовался приходу Вагнера.

— А Решер, Ринг где?

К счастью, «Ринг» ничего не слышал, и Вагнер рассказал Турнеру без предвзвешенных о нашем необычайном проводнике. Турнер покачал головой, задумался, потом рассмеялся.

— Только вы, Вагнер, способны на такие проделки! — сказал он, похлопывая приятеля по плечу. — Где он? Покажите мне его.

И когда Вагнер приоткрыл коровий глаз, выглядывавший из ящичка, Турнер раскланялся, а Вагнер протелеграфировал мозгу приветствие Турнера.

«Что со мной?» — спросил мозг Ринга Турнера, но и Турнер не мог объяснить «Рингу» его странной болезни.

Вот и все. В Европу мы явились вместе: профессор Турнер, Вагнер и я. Решер приехал раньше нас. Простите, я забыл упомянуть еще об одном спутнике. Мозг Ринга также ехал с нами. В Берлине мы расстались с Турнером. При прощании он обещал никому не говорить о мозге Ринга.

Этот мозг, кажется, до сих пор существует в московской лаборатории профессора Вагнера. По крайней мере в последнем письме, полученном мною не больше месяца назад, Вагнер писал мне:

«Мозг Ринга шлет вам привет. Он здоров и уже знает, что от Ринга остался только один мозг. Эта новость не так поразила его, как я ожидал. „Лучше так, чем никак“, — вот что ответил мозг. Я сделал много чрезвычайно ценных наблюдений. Между прочим, клетки мозга начали разрастаться. И теперь мозг Ринга весит не меньше мозга кита. Но от этого он не стал умнее...»

* * *

Вагнер на рассказе написал:

«Не только ткани, но и целые органы, вырезанные из тела человека, могут жить и даже расти. Ученые (Броун-Секар, Каррель, Кравков, д-ра Брюхоненко и Чечулин и др.) оживляли пальцы, уши, сердце и даже голову собаки. При условиях питания кровью или раствором, близким по химическому составу к крови, так называемым физиологическим раствором, ткани и органы могут жить очень долго, ткани — даже по нескольку лет. Поэтому и оживление мозга научно вполне допустимая вещь. Но я сомневаюсь, что с таким оживленным мозгом удалось бы вступить в переговоры. Мозг и нервы при своей работе действительно излучают электромагнитные волны. Это бесспорно установлено работами академиков Бехтерева, Павлова и Лазарева. Однако мы еще не научились „читать“ эти волны. Вот что пишет академик Лазарев по этому поводу в одном своем труде: „Пока мы можем только утверждать, что волны существуют, но не можем строго выяснить их роль“. Я был бы очень рад, если бы мне удалось оживить и вступить в переговоры с мозгом Ринга, но, к сожалению, такая возможность не больше как научное предвидение.

Вагнер».

Хойти-Тойти
(повесть)
I. Необыкновенный артист



Огромный берлинский цирк Буша был переполнен зрителями. По широким ярусам, как летучие мыши, бесшумно сновали кельнеры, разнося пиво. Кружки с откинутыми крышками, означавшими неудовлетворенную жажду, они сменяли полными, ставя их прямо на пол, и спешили на призывные знаки других жаждущих. Дородные мамы с великовозрастными дочками разворачивали пакеты пергаментной бумаги, вынимали бутерброды и пожирали кровяную колбасу и сосиски в глубокой сосредоточенности, не отрывая глаз от арены.

К чести зрителей, однако, надо сказать, что не самоистязатель-факир и не лягушкоглотатель привлекли в цирк такое огромное количество публики. Все с нетерпением ожидали конца первого отделения и антракта, после которого должен был выступить Хойти-Тойти. О нем рассказывали чудеса. О нем писали статьи. Им интересовались ученые. Он был загадкой, любимцем и магнитом. С тех пор как он появился, на кассе цирка каждый день вывешивался аншлаг: «Билеты все проданы». И он сумел привлечь в цирк такую публику, которая раньше никогда туда не заглядывала. Правда, галерею и амфитеатр наполняли обычные посетители цирка: чиновники и рабочие с семьями, торговцы, приказчики. Но в ложах и в первых рядах сидели старые, седые, очень серьезные и даже хмурые люди в несколько старомодных пальто и макинтошах. Среди зрителей первых рядов попадались и молодые люди, но такие же серьезные и молчаливые. Они не жевали бутербродов, не пили пива. Замкнутые, как каста браминов, они сидели неподвижно и ждали второго отделения, когда выйдет Хойти-Тойти, ради которого они пришли.

В антракте все говорили только о предстоящем выходе Хойти-Тойти. Ученые мужи из первых рядов оживились. И, наконец, наступил давно жданный момент. Прозвучали фанфары, выстроились шеренгой цирковые униформисты в красных с золотом ливреях, занавес у входа широко раздвинулся, и под аплодисменты публики вышел он — Хойти-Тойти. Это был огромный слон. На голове его была надета расшитая золотом шапочка со шнурами и кисточками. Хойти-Тойти обошел арену, сопровождаемый жожаком — маленьким человеком во фраке, отвешивая поклоны направо и налево. Затем он прошел на середину арены и остановился.

— Африканский, — сказал седой профессор на ухо своему коллеге.

— Индийские слоны мне нравятся больше. Формы их тела округленнее. Они производят, если можно так выразиться, впечатление более культурных животных. У африканских слонов формы более грубые, заостренные. Когда такой слон протягивает хобот, он становится похож на какую-то хищную птицу.

Маленький человек во фраке, стоявший возле слона, откашлялся и начал говорить:

— Милостивые государыни и милостивые государи! Честь имею представить вам знаменитого слона Хойти-Тойти. Длина туловища — четыре с половиной метра, высота — три с половиной метра. От конца хобота до конца хвоста — девять метров...

Хойти-Тойти неожиданно поднял хобот и махнул им перед человеком во фраке.

— Виноват, я ошибся, — сказал вожак. — Хобот имеет в длину два метра, а хвост — около полутора метров. Таким образом, длина от конца хобота до конца хвоста — семь и девять десятых метра. Съедает ежедневно триста шестьдесят пять кило зелени и выпивает шестнадцать ведер воды.

— Слон считает лучше человека! — послышался голос.

— Вы заметили, слон поправил своего жоака, когда тот ошибся в счете! — сказал профессор зоологии своему коллеге.

— Случайность, — ответил тот.

— Хойти-Тойти, — продолжал вожак, — гениальнейший из слонов, когда-либо существовавших на земле, и, наверно, самое гениальное из всех животных. Он понимает немецкую речь... Ведь ты понимаешь, Хойти? — обратился он к слону.

Слон важно кивнул головой. Публика зааплодировала.

— Фокусы! — сказал профессор Шмит.

— А вот вы посмотрите, что будет дальше, — возражал Штольц.

— Хойти-Тойти умеет считать и различать цифры...

— Довольно объяснений! Показывайте! — крикнул кто-то с галерки.

— Во избежание всяких недоразумений, — продолжал невозмутимо человек во фраке, я прошу спуститься сюда, на арену, нескольких свидетелей, которые могут удостоверить, что здесь нет никаких фокусов.

Шмит и Штольц посмотрели друг на друга и сошли на арену.

И Хойти-Тойти начал показывать свои изумительные дарования. Перед ним раскладывали большие квадратные куски картона с нарисованными на них цифрами, и он складывал, умножал и делил, выбирая из груды кусков картона цифры, которые соответствовали результату его вычислений. От однозначных цифр перешли к двузначным, и, наконец, к трехзначным; слон решал задачи безошибочно.

— Ну, что вы скажете? — спросил Штольц.

— А вот мы посмотрим, — не сдавался Шмит, — как он понимает цифры. — И, вынув карманные часы, Шмит поднял их вверх и спросил слона: — Не скажешь ли нам, Хойти-Тойти, который час?

Слон неожиданным движением хобота выхватил часы из руки Шмита и поднес к своим глазам, потом вернул часы их растерявшемуся владельцу и составил из кусков картона ответ:

«10.25».

Шмит посмотрел на часы и смущенно пожал плечами: слон совершенно верно указал время.

Следующим номером было чтение. Вожак разложил перед слоном большие картины, на которых были изображены различные звери. На других листах картона были сделаны надписи: «лев», «обезьяна», «слон». Слону показывали изображение зверя, а он указывал хоботом на картон, на котором было написано соответствующее название. И он ни разу не ошибся. Шмит пробовал из-

менить условия опыта: указывал слону на слова, заставлял найти соответствующее изображение. Слон и это выполнил безошибочно.

Наконец перед слоном была разложена азбука. Подбирая буквы, он должен был составлять слова и отвечать на вопросы.

— Как тебя зовут? — задал вопрос профессор Штольц.

«Теперь Хойти-Тойти», — ответил слон.

— Что значит «теперь»? — спросил, в свою очередь, Шмит. — Значит, раньше тебя звали иначе? Как же звали тебя раньше?

«Сапиенс», — ответил слон.

— Быть может, еще Хомо сапиенс? — рассмеявшись, сказал Штольц.

«Быть может», — загадочно ответил слон.

Затем он начал выбирать хоботом буквы и составил из них слова:

«На сегодня довольно».

Раскланявшись на все стороны, Хойти-Тойти ушел с арены, несмотря на протестующие возгласы жожака.

В антракте ученые собрались в курительной комнате, разбились на группы и начали оживленный разговор.

В дальнем углу Шмит спорил со Штольцем.

— Вы помните, уважаемый коллега, — говорил он, — какую сенсацию произвела в свое время лошадь, по имени Ганс? Она извлекала квадратные корни и производила другие сложные вычисления, отбивая копытом ответ. А все дело сводилось, как выяснилось потом, к тому, что владелец Ганса выдрессировал его так, что он отстукивал копытом, подчиняясь скрытым сигналам хозяина, в счете же он смыслил не больше слепого щенка.

— Это только предположение, — возражал Штольц.

— Ну, а опыты Торндайка и Йоркса? Все они были основаны на образовании у животных естественных ассоциаций. Перед животным помещали ряд ящиков, причем только в одном из них находился корм. Этот ящик, например, мог быть вторым справа. Если животное угадает ящик, в котором находится корм, то автоматически открывается кормушка и оно получает пищу. У животных, таким образом, должна выработаться примерно такая ассоциация: «Второй ящик справа — пища». Затем порядок ящиков меняется.

— Надеюсь, ваши карманные часы не имеют кормушки? — с иронией спросил Штольц. — Чем же вы в таком случае объясняете факт?

— Но ведь слон и не понял ничего в моих часах. Он только поднес к глазам блестящий кружок. А когда начал подбирать цифры на картонках, то, очевидно, слушался незаметных для нас указаний жожака. Все это фокусы, начиная с того, что Хойти-Тойти «поправил» жожака, когда тот ошибся в подсчете длины слона. Условные рефлексy, и больше ничего!

— Директор цирка разрешил мне остаться с моими коллегами после окончания представления и проделать с Хойти-Тойти ряд опытов, — сказал Штольц. — Надеюсь, вы не откажетесь принять в них участие?

— Разумеется, — ответил Шмит.

II. Не вынес оскорбления

Когда цирк опустел и огромные лампы были погашены, кроме одной, висевшей над ареной, Хойти-Тойти был вновь выведен. Шмит потребовал, чтобы жожек не присутствовал при опытах. Маленький человечек, который уже снял фрак и был одет в фуфайку, пожал плечами.

— Вы не обижайтесь, — сказал Шмит. — Простите, не знаю вашей фамилии...

— Юнг, Фридрих Юнг, к вашим услугам...

— Не обижайтесь, господин Юнг. Мы хотим обставить опыт так, чтобы не было никакого подозрения.

— Пожалуйста, — сказал вожак. — Позовите меня, когда нужно будет увести слона. — И он направился к выходу.

Ученые приступили к опытам. Слон был внимателен, послушен, безошибочно отвечал на вопросы и решал задачи. То, что он проделывал, было изумительно. Никакой дрессировкой и никакими фокусами нельзя было объяснить его ответов. Приходилось допустить, что слон действительно наделен необычайным умом — почти человеческим сознанием.

Шмит, уже наполовину побежденный, спорил только из упрямства.

Слону, очевидно, надоело слушать этот нескончаемый спор. Он вдруг ловко протянул хобот, вынул из кармана в жилете Шмита часы и показал их владельцу. Стрелки стояли на двенадцати. Затем Хойти-Тойти, вернув часы, приподнял Шмита за шиворот и пронес через арену к выходному проходу. Профессор неистово закричал. Его коллеги засмеялись. Из прохода, ведущего к конюшням, выбежал Юнг и начал кричать на слона. Но Хойти-Тойти не обращал на него никакого внимания. Покончив со Шмитом, выставленным в коридор, слон многозначительно посмотрел на ученых, оставшихся на арене.

— Мы сейчас уйдем, — сказал Штольц, обращаясь к слону, как к человеку. — Пожалуйста, не волнуйтесь.

И Штольц, а следом за ним и другие профессора, смущенные, покинули арену.

— Ты хорошо сделал, Хойти, что выпроводил их, — сказал Юнг. — Нам еще немало дела. Иоганн! Фридрих! Вильгельм! Где же вы?

На арену вышли несколько рабочих и занялись уборкой: подравнивали граблями песок, подметали проходы, уносили шесты, лесенки, обручи. А слон помогал Юнгу перетаскивать декорации. Но ему, видимо, не хотелось работать. Он был чем-то раздражен или, может быть, устал от второго сеанса, в необычное время. Фыркая, он крутил головой и грохотал передвигаемыми декорациями. Одну из них он дернул с такой силой, что она сломалась.

— Тише ты, дьявол! — закричал на него Юнг. — Почему не хочешь работать? Зазнался? Писать, считать умеешь, так уж тебе и не хочется физическим трудом заниматься? Ничего не поделаешь, брат! Это тебе не богадельня. В цирке все работают. Посмотри на Энрико Ферри. Лучший наездник, с мировым именем, а когда не его номер, выходит в ливрее «парад алле» изображать и становится в ряд с конюхами. И арену граблями поправляет...

Это была правда. И слон знал это. Но Хойти-Тойти не было дела до Энрико Ферри. Слон фыркнул и направился через арену к проходу.

— Ты куда? — вдруг рассердился Юнг. — Стой! Стой, говорят тебе!

И, схватив метлу, он подбежал к слону и ударил его метельной палкой по толстой ляжке. Юнг никогда еще не бил слона. Правда, и слон раньше никогда не проявлял такого непослушания. Хойти вдруг заревел так, что маленький Юнг присел на землю и схватился за живот, как будто этот рев переворачивал ему внутренности. Обернувшись назад, слон схватил Юнга, как щенка, несколько раз подбросил вверх, ловя на лету, потом посадил на землю, взял

хоботом метлу и, шагая по арене, написал на песке:

«Не смей меня бить! Я не животное, а человек!»

Затем, бросив метлу, слон отправился к выходу. Он прошел мимо лошадей, стоявших в стойлах, подошел к воротам, прислонился к ним огромным туловищем и нажал плечом. Ворота затрещали и, не выдержав страшного напора, разлетелись вдребезги. Слон вышел на волю...

* * *

Директору цирка Людвигу Штрому пришлось провести очень беспокойную ночь. Он начал уже дремать, когда в дверь спальни осторожно постучал лакей и доложил, что пришел по неотложному делу Юнг. Служащие и рабочие цирка были хорошо вышколены, и Штром знал, что нужно было случиться чему-нибудь необычайному, чтобы осмелились побеспокоить его в такое неурочное время. В халате и туфлях на босу ногу он вышел в маленькую гостиную.

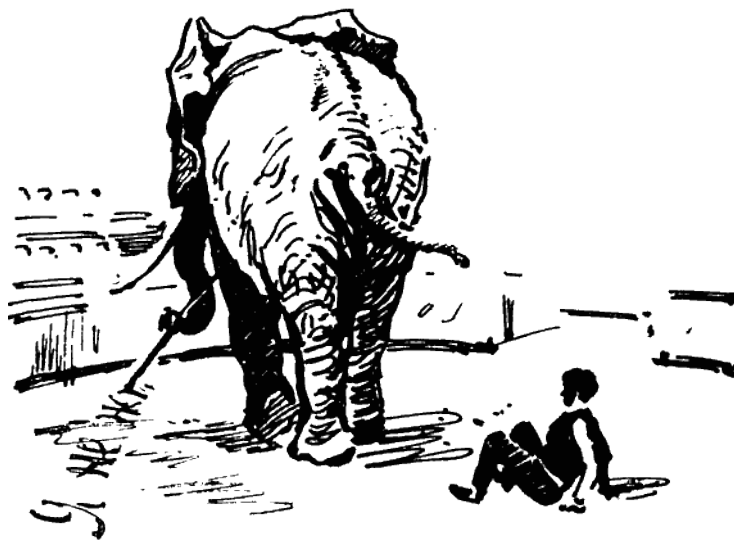
— Что случилось, Юнг? — спросил директор.

— Большое несчастье, господин Штром!.. Слон Хойти-Тойти сошел с ума!.. — Юнг таращил глаза и беспомощно разводил руками.

— А вы сами... вполне здоровы, Юнг? — спросил Штром.

— Вы мне не верите? — обиделся Юнг. — Я не пьян и в своем уме. Если вы не верите мне, можете спросить и Иоганна, и Фридриха, и Вильгельма. Они все видели. Слон выхватил у меня из рук метлу и написал на песке арены: «Я не животное, а человек». Потом он подбросил меня к куполу цирка шестнадцать раз, пошел в конюшни, выломал ворота и убежал.

— Что? Убежал? Хойти-Тойти убежал? Почему же вы сразу не сказали мне об этом, нелепый вы человек? Сейчас же надо принять меры к его поимке и возвращению, иначе он наделает бед.



Штром уже видел перед собой полицейские квитанции об уплате штрафа, длинные счета фермеров за потраву и судебные повестки о взыскании сумм за причиненные слонем убытки.

— Кто сегодня дежурный в цирке? Сообщили ли полиции? Какие меры приняли к поимке слона?

— Я дежурный и сделал все, что можно, — отвечал Юнг. — Полиции не сообщал, она сама узнает. Я побежал за слонем и умолял Хойти-Тойти вернуться называл его бароном, графом и даже генералиссимусом. «Ваше сиятельство, вернитесь! — кричал я. — Вернитесь, ваша светлость! Простите, что я сразу не

узнал вас: в цирке было темно, и я принял вас за слона». Хойти-Тойти посмотрел на меня, презрительно дунул хоботом и пошел дальше. Иоганн и Вильгельм гонятся за ним на мотоциклах. Слон вышел на Унтер-ден-Линден, прошел через весь Тиргартен по Шарлоттенбургершоссе и направился в лесничество Грюневальд. Сейчас купается в Гафеле.

Зазвонил телефон. Штром подошел к аппарату.

— Алло!.. Да, я... Я уже знаю, благодарю вас... Все возможное нами будет сделано... Пожарных? Сомневаюсь... Лучше не раздражать слона.

— Звонили из полиции, — сказал Штром, повесив трубку. — Предлагают послать пожарных, чтобы загнать слона при помощи брандспойтов. Но с Хойти-Тойти надо обходиться очень осторожно.

— Сумасшедшего нельзя раздражать, — заметил Юнг.

— Вас, Юнг, слон знает все-таки лучше, чем кого-либо другого. Постарайтесь быть возле него и лаской заманить в цирк.

— Конечно, постараюсь... Гинденбургом, что ли, его назвать?..

Юнг ушел, а Штром так до утра и не ложился, выслушивая телефонные сообщения и давая распоряжения. Слон долго купался у Павлиньего острова, затем сделал набег на огород, поел всю капусту и морковь, закусил яблоками в соседнем саду и направился в лесничество Фриденсдорф.

Все донесения говорили о том, что людей слон не трогал, напрасных разрушений не производил и вообще вел себя довольно благонаравно. Когда шел, осторожно обходил огороды, чтобы не мять травы, старался идти только по шоссе или проселочными дорогами. И лишь голод заставлял его лакомиться овощами и фруктами в садах и огородах. Но и там он вел себя очень осторожно: не топтал понапрасну гряд, пожирал капусту аккуратно, грядку за грядкой, не ломал плодовых деревьев.

В шесть часов утра явился Юнг, усталый, запыленный, с потным, грязным лицом, в мокрой одежде.

— Как дела, Юнг?

— Все так же. Хойти-Тойти не поддается ни на какие уговоры. Я назвал его «господином президентом», а он обозлился и бросил меня за это в озеро. У слонов мания величия, очевидно, протекает в несколько иных формах, чем у людей. Тогда я начал убеждать его разумными доводами: «Вы, может быть, воображаете, — спросил я его, опасаясь титуловать, — что находитесь в Африке? Здесь вам не Африка, а пятьдесят два с половиной градуса северной широты. Ну, хорошо, сейчас август, всюду много плодов, фруктов, овощей. А что вы будете делать, когда наступят морозы? Вы же не будете питаться корой, как козы? Имейте в виду, что у нас в Европе жили ваши прапрадеды — мамонты, но померли из-за холода. Так не лучше ли вам идти домой, в цирк, где вы будете в тепле, сыты и одеты?» Хойти-Тойти внимательно выслушал эту речь, подумал и... обдал меня водой из хобота. Две ванны в продолжение пяти минут! С меня довольно! Если я не простужусь, будет удивительно...

III. Война объявлена

Все попытки морального воздействия на слона оказались напрасными, и Штром принужден был согласиться на решительные меры. В лесничество был направлен отряд пожарных с паровыми трубами. Пожарные, руководимые полицией, подошли к слону на десять метров, выстроились полукругом и направили на огромное животное сильнейшие струи воды. Но слону очень

понравился душ. Он только поворачивался то одним, то другим боком, шумно отфыркиваясь. Тогда десяток пожарных труб, соединив струи в одну, направили этот мощный поток на голову слона, прямо в глаза. Это слону не понравилось. Он заревел и двинулся на пожарных так решительно, что атакующие дрогнули и, бросив шланги, разбежались. В один момент шланги были порваны, машины перевернуты.

С этого момента счета, которые должен был оплатить Штром, начали быстро возрастать. Слон был рассержен. Между ним и людьми была объявлена война, и он старался показать, что эта война не дешево обойдется людям. Он утопил в озере несколько пожарных автомобилей, разломал лесную сторожку, поймал одного полицейского и забросил его высоко на дерево. И если раньше он проявлял в своих действиях осторожность, то теперь был необуздан в своем вредительстве. Но и в этой разрушительной работе он проявлял все тот же необычайный ум, и вреда он мог причинить гораздо больше, чем обыкновенный, хотя бы и взбесившийся слон.

Когда полицей-президент получил сообщение о событиях во Фриденсдорфском лесничестве, он отдал приказ: мобилизовать большие отряды полиции, вооружить их винтовками, оцепить лесничество и убить слона. Штром был в отчаянии: другого такого слона не найти. В глубине души директор уже примирился с тем, что придется платить за проделки слона: Хойти-Тойти все вернет с лихвой, только бы он одумался. Штром умолял полицей-президента задержать выполнение приказа, все еще надеясь как-нибудь овладеть строптивым слоном.

— Я могу дать вам десять часов, — ответил полицей-президент. — Все лесничество через час будет оцеплено. Если потребуется, то в помощь полиции я вызову войска.

Штром созвал экстренное совещание, в котором приняли участие чуть ли не все артисты и служащие цирка, присутствовали также директор зоологического сада со своими помощниками. Через пять часов после совещания лесничество было покрыто замаскированными ямами и капканами. Всякий обыкновенный слон попался бы в эти хитро расставленные ловушки. Но Хойти был Хойти. Он обходил заграждения, разрывая маскировку ям, не наступал на доски, которые были соединены с тяжелой болванкой, подвешенной на веревке. Такая болванка, упав на голову слона, могла оглушить и свалить его.

Срок истекал. Сильные отряды все теснее сжимали кольцо блокады. Полицейские с винтовками подходили к озеру, возле которого находился слон. Уже между стволами видна была огромная туша Хойти. Он набирал в хобот воды и, подняв его вверх, пускал целый фонтан, который рассыпался в воздухе и падал дождем на его широкую спину...

— Приготовься! — тихо скомандовал офицер. И затем крикнул: — Огонь!

Грянул залп. Лесная чаща ответила многократным эхом. Слон дернул головой в сторону и, обливаясь кровью, направился прямо на людей. Полицейские стреляли, а слон, не обращая внимания на пули, продолжал бежать. Полицейские были неплохие стрелки, но они не были знакомы с анатомией слона, и их пули не задевали жизненно важных центров слона. — мозга и сердца. От боли и страха слон дико заревел, вытянул хобот вперед, потом быстро скатал его: хобот очень важный орган, без хобота животное погибает; и потому слоны только в самом крайнем случае пользуются им как орудием обороны и на-

падения. Хойти пригнул голову, и его огромные бивни, длиной в два с половиной метра и весом по пятьдесят килограммов каждый, были направлены на врагов, как страшные тараны. Он был ужасен. Но дисциплина все же сдерживала людей: они продолжали стоять на месте, непрерывно стреляя.

Слон прорвал цепь, вырвался из блокады и скрылся.

За ним была организована погоня, однако поймать и даже настигнуть его было не так-то легко. Отряды полиции принуждены были двигаться по дорогам, а слон шел напролом, теперь уже не разбирая пути, через сады, огороды, поля, леса.

IV. Вагнер спасает положение

Штром ходил по кабинету и в отчаянии повторял:

— Я разорен! Я разорен!.. Придется выбросить целое состояние, чтобы покрыть убытки, причиненные слоном, а самого Хойти-Тойти все же расстреляют. Какая потеря! Какая невознаградимая потеря!

— Телеграмма! — сказал вошедший слуга, передавая Штрома на подносе бумажку.

«Конечно! — подумал директор. — Вероятно, это извещение о том, что слон убит... Телеграмма из СССР? Москва? Странно! От кого бы это?..»

«Берлин цирк Буша директору Штрома

Только что прочитал газете телеграмму бегстве слона точка Просите немедленно полицию отменить приказ убийстве слона точка Пусть один из ваших служащих передаст слону следующее двоеточие кавычки Сапиенс Вагнер прилетает Берлин вернитесь цирк Буша точка кавычки Если не послушает запятая можете расстрелять точка Профессор Вагнер».

Штром еще раз перечитал телеграмму.

«Ничего не понимаю! Профессор Вагнер, очевидно, знает слона, потому что указывает в телеграмме на его прежнюю кличку Сапиенс. Но почему Вагнер надеется, что слон вернется, узнав о приезде профессора в Берлин?.. Так или иначе, но телеграмма дает маленький шанс на спасение слона».

Директор начал действовать. Не без труда ему удалось уговорить полицей-президента «приостановить военные действия». К слону немедленно был отправлен на аэроплане Юнг.

Как настоящий парламентарий, Юнг помахал белым платком и, подойдя к слону, заявил:

— Глубокоуважаемый Сапиенс! Профессор Вагнер шлет вам привет. Он приезжает в Берлин и желает вас видеть. Место свидания — цирк Буша. Заявляю вам, что ни один человек вас не тронет, если только вы вернетесь обратно.

Слон внимательно выслушал Юнга, подумал, потом подхватил его хоботом, посадил себе на спину и мерной походкой направился в путь, обратно на север, к Берлину. Юнг, таким образом, оказался в роли заложника и охранителя: никто не осмелится стрелять в слона, потому что на его шее сидит человек.

Слон шел пешком, а профессор Вагнер со своим ассистентом Денисовым летел в Берлин на аэроплане и поэтому прибыл раньше его и немедленно отправился к Штрома.

Директор уже получил телеграмму о том, что Хойти-Тойти при одном упоминании о Вагнере опять сделался кротким и послушным и идет в Берлин.

— Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах вы приобрели слона и не знаете ли вы его истории? — спросил Вагнер директора.

— Я купил его у некоего мистера Никса, торговца пальмовым маслом и орехами. Мистер Никс живет в Центральной Африке, на Конго, недалеко от города Матади. По его словам, слон сам явился к нему однажды, когда его дети играли в саду, и начал проделывать необычайные фокусы: поднимался на задние ноги и танцевал, жонглировал палочками, становился на передние ноги и, упираясь в землю бивнями, поднимал задние и при этом так смешно махал хвостом, что дети Никса катались по лугу от смеха. Они назвали слона Хойти-Тойти, что по-английски, как вам, вероятно, известно, означает: «игривый, резвый», а иногда и междометие — нечто вроде «ну и ну!». К кличке этой слон привык, и мы оставили ее, когда его приобрели. Вот все документы о покупке. Все совершенно легально, и сделка едва ли может оспариваться.

— Я не собираюсь оспаривать у вас сделку, — сказал Вагнер. — Не имеет ли слон каких-нибудь особых примет?

— Да, на голове его имеются большие рубцы. Мистер Никс предполагал, что это следы ран, полученных слоном при его поимке. Дикари ловят слонов довольно варварским способом. Так как эти швы несколько портили его вид и могли у публики вызывать неприятное чувство, то мы надевали ему на голову особую шапочку, расшитую шелками и украшенную кисточками.

— Так. Нет никакого сомнения, что это он!

— Кто он? — спросил Штром.

— Слон Сапиенс. Мой пропавший слон. Я поймал его, когда был в научной экспедиции в Бельгийском Конго, и выдрессировал его. Но однажды ночью он ушел в лес и больше не вернулся. Все поиски остались безуспешными.

— Значит, вы все же предъявляете претензии на слона? — спросил директор.

— Я не предъявляю, но слон сам может предъявить кое-какие претензии. Дело в том, что я дрессировал его новыми методами, которые дают поистине изумительные результаты. Вы сами могли убедиться, какого необычайного развития умственных способностей слона мне удалось достигнуть. Я бы сказал, что слон Сапиенс, или, как теперь он называется, Хойти-Тойти, в высокой степени обладает сознанием личности, если можно так выразиться. Когда я читал в газетах об изумительных способностях слона, выступавшего в вашем цирке, я тогда же решил, что только один мой Сапиенс способен на такие вещи: читать, считать и даже писать, — ведь я выучил его всему этому. И пока Хойти-Тойти мирно забавлял берлинцев, по-видимому довольный своей судьбой, я не считал нужным вмешиваться. Но слон взбунтовался. Значит, он был чем-то недоволен. Я решил прийти к нему на помощь. Теперь он сам должен решить свою судьбу. Он имеет на это право. Не забывайте, что, если бы я не явился вовремя, слон давно уже был бы мертв — мы оба потеряли бы его. Насильно вы не заставите слона остаться у вас, в этом, надеюсь, вы уже убедились. Но не думайте, что я во что бы то ни стало хочу отнять у вас слона. Я поговорю с ним. Может быть, если вы измените режим, устранили то, что его раздражало, он останется у вас.

— «Поговорю со слоном»! Виданное ли это дело? — развел руками Штром.

— Хойти-Тойти вообще невиданный слон. Кстати, скоро он прибывает в Берлин?

— Сегодня вечером. Он, по-видимому, очень спешит на свидание с вами; он идет, как мне телеграфировали, со скоростью двадцати километров в час.

В тот же вечер по окончании представления в цирке состоялось свидание Хойти-Тойти с профессором Вагнером. Штром, Вагнер и его ассистент Денисов стояли на арене, когда через артистический проход вошел Хойти-Тойти все еще с Юнгом на шее. Увидав Вагнера, слон подбежал к нему, протянул хобот, как руку, и Вагнер пожал эту «руку». Потом слон снял со спины Юнга и посадил на его место Вагнера. Профессор поднял огромное ухо слона и что-то прошептал в него. Слон кивнул головой и начал быстро-быстро махать концом хобота перед лицом Вагнера, который внимательно следил за этими движениями.

Штрому не нравилась эта таинственность.

— Итак, что решил слон? — спросил он в нетерпении.

— Слон высказал желание взять отпуск, чтобы иметь возможность рассказать мне кое-какие интересные для меня вещи. После отпуска он соглашается вернуться в цирк, если только господин Юнг извинится перед ним за грубость и обещает никогда больше не прибегать к мерам физического воздействия. Удары для слона нечувствительны, но он принципиально не желает переносить никаких оскорблений.

— Я... бил слона?.. — спросил Юнг, делая удивленное лицо.

— Палкой от метлы, — продолжал Вагнер. — Не отпирайтесь, Юнг, слон не лжет. Вы должны быть вежливы со слоном так, как если бы он был...

— ...сам президент республики?

— ...как если бы он был человек, и не простой человек, а исполненный собственного достоинства.

— Лорд? — язвительно спросил Юнг.

— Довольно! — крикнул Штром. — Вы виноваты во всем, Юнг, и понесете за это наказание. Когда же думает... господин Хойти-Тойти уйти в отпуск и куда?

— Мы отправимся с ним в пешеходную прогулку, — ответил Вагнер. — Это будет очень приятно. Я и мой ассистент Денисов усядемся на широкой спине слона, и он повезет нас на юг. Слон выразил желание попасть на швейцарских лугах.

Денисову было всего двадцать три года, но, несмотря на свою молодость, он уже сделал несколько научных открытий в области биологии. «Из вас будет толк», — сказал Вагнер и пригласил его работать в своей лаборатории. Молодой ученый был этому несказанно рад. Профессор также был доволен своим помощником и всюду брал его с собой.

— «Денисов», «Аким Иванович», — все это очень длинно, — сказал Вагнер в первый день их общей работы. — Если я буду каждый раз обращаться к вам: «Аким Иванович», то на это потрачу в год сорок восемь минут. А за сорок восемь минут много можно сделать. И потому я вообще буду избегать называть вас. Если же нужно будет вас позвать, то я буду говорить: «Ден!» — коротко и ясно. А вы можете называть меня Ваг. — Вагнер умел уплотнять время.

К утру все было готово. На широкой спине Хойти-Тойти свободно разместились Вагнер и Денисов. Из вещей захватили только необходимое.

Штром, несмотря на ранний час, провожал их.

— А чем будет кормиться слон? — спросил директор.

— В городах и селах мы будем показывать представления, — сказал Вагнер, — а зрители за это будут кормить слона. Сапиенс прокормит не только себя, но и нас. До свиданья!

Слон медленно шел по улицам. Но когда миновали последние дома города и перед путешественниками потянулась полоса шоссе, слон без понукания ускорил ход. Он делал не менее двенадцати километров в час.

— Ден, вам теперь придется иметь дело со слоном. И чтобы лучше понять его, вы должны познакомиться с его не совсем обычным прошлым. Вот возьмите эту тетрадку. Это путевой дневник. Он написан вашим предшественником Песковым, с которым я совершал путешествие в Конго. С Песковым случилась одна трагикомическая история, о которой я как-нибудь расскажу вам. А пока читайте.

Вагнер уселся поближе к голове слона, разложил перед собой маленький столик и начал писать сразу в двух тетрадях — правой и левой рукой. Меньше двух дел Вагнер никогда не делал.

— Итак, рассказывайте! — сказал он, обращаясь, по-видимому, к слону. Слон протянул хобот почти к самому уху Вагнера и начал очень быстро шипеть с короткими перерывами:

— Ф-фф-ффф-ф-фф-ффф...

«Точно азбука Морзе», — подумал Денисов, раскрывая толстую тетрадь в клеенчатом переплете.

Вагнер левой рукой записывал то, что диктовал ему слон, а правой писал научную работу. Слон продолжал идти ровным шагом, и плавное покачивание почти не затрудняло писания. Денисов начал читать дневник Пескова и быстро увлекся чтением.

Вот содержание этого дневника.

V. «Человеком Рингу не быть...»

«27 **М**арта. Мне кажется, что я попал в кабинет Фауста. Лаборатория профессора Вагнера удивительна. Чего только здесь нет! Физика, химия, биология, электротехника, микробиология, анатомия, физиология... Кажется, нет области знания, которой не интересовался бы Вагнер, или Ваг, как он просит себя называть. Микроскопы, спектроскопы, электроскопы... всяческие „скопы“, которые позволяют видеть то, что недоступно невооруженному глазу. Потом идут такие же „вооружения“ для уха: ушные „микроскопы“, при помощи которых Вагнер слышит тысячи новых звуков: „и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье“. Стекло, медь, алюминий, каучук, фарфор, эбонит, платина, золото, сталь — в самых различных формах и сочетаниях. Реторты, колбы, змеевики, пробирки, лампы, катушки, спиральи, шнуры, выключатели, рубильники, кнопки... Не отражает ли все это сложность мозга самого Вагнера? А в соседней комнате целый паноптикум: там Вагнер выращивает ткани человеческого тела, питает живой палец, отрезанный у человека, кроличье ухо, сердце собаки, голову барана и... мозг человека. Живой, мыслящий мозг! Мне приходится ухаживать за ним. Профессор разговаривает с мозгом, нажимая пальцем на поверхность. А питается мозг особым физиологическим раствором, за свежестью которого я должен следить. С некоторых пор Вагнер изменил состав раствора, начал „усиленно питать мозг“, и — удивительно! — мозг начал очень быстро разрастаться. Нельзя сказать, чтобы этот мозг, величиной с большой арбуз, представлял красивое зрелище.



29 марта. Ваг о чем-то усиленно совещается с мозгом.

30 марта. Сегодня вечером Ваг сказал мне:

— Это мозг одного молодого немецкого ученого, Ринга. Человек погиб в Абиссинии, а мозг его, как видите, продолжает жить и мыслить. Но в последнее время мозг загрустил. Глаз, который я приделал мозгу, не удовлетворяет его. Он хочет не только видеть, но и слышать, не только неподвижно лежать, но и двигаться. К сожалению, он высказал это желание несколько поздно. Скажи он об этом раньше, я, пожалуй, сумел бы удовлетворить это желание. Я смог бы найти в анатомическом театре труп, подходящий по размеру, и пересадить мозг Ринга в его голову. Если только тот человек умер от мозговой болезни, то при пересадке нового, здорового мозга мне удалось бы оживить мертвеца. И мозг Ринга получил бы новое тело и всю полноту жизни. Но дело в том, что я проделывал опыт разращения тканей, и теперь, как вы видите, мозг Ринга настолько увеличился, что не войдет ни в один человеческий череп. Человеком Рингу не быть.

— Что вы этим хотите сказать? Что Ринг может быть кем-то иным, кроме человека?

— Вот именно. Он может быть, ну, хотя бы слоном. Правда, до величины слоновьего мозга его мозг еще не дорос, но это дело наживное. Надо только позаботиться о том; чтобы мозг Ринга принял нужную форму. Мне скоро пришлют череп слона; я посажу в него мозг и буду продолжать наращивать его ткани, пока оии не заполнят всю полость черепа.

— Не хотите же вы сделать из Ринга слона?

— А почему бы нет? Я уже говорил с Рингом. Его желание видеть, слышать, двигаться и дышать так велико, что он согласился бы быть даже свиньей и собакой. А слон — благородное животное, сильное, долговечное. И он, то есть мозг Ринга, может прожить еще сто-двести лет. Разве это плохая перспектива? Ринг уже дал свое согласие...»

Денисов прервал чтение дневника и обратился к Вагнеру:

— Скажите, так неужели же слон, на котором мы едем...

— Да, да, имеет человеческий мозг, — отвечал Вагнер, не переставая писать. — Читайте дальше и не мешайте мне.

Денисов замолчал, но он не сразу вернулся к чтению дневника. Мысль, что слон, на котором они сидят, обладает человеческим мозгом, казалась ему чу-

довищной. Он смотрел на животное с чувством жуткого любопытства и почти суеверного ужаса.

«31 марта. Сегодня прибыл череп слона. Профессор распилил череп продольно через лоб.

— Это для того, — сказал он, — чтобы вложить мозг и чтобы удобнее было вынуть его, когда нужно будет переложить его из этого черепа в другой.

Я осмотрел внутренность черепа и был удивлен сравнительно небольшим пространством, которое предназначено для заполнения мозгом. Снаружи слон представлялся гораздо „умнее“.

— Из всех сухопутных животных, — продолжал Ваг, — слон имеет наиболее развитые лобные пазухи. Видите? Вся верхняя часть черепа состоит из воздушных камер, которые неспециалист принимает обычно за мозговую коробку. Мозг же, сравнительно совсем небольшой, запрятан у слона очень далеко, вот где; примерно это будет в области уха. Поэтому-то выстрелы, направленные в переднюю часть головы, и не достигают обычно цели: пули пробивают несколько костяных перегородок, но не разрушают мозга.

Мы с Вагом проделали несколько дыр на черепе, для того чтобы провести через них трубки, снабжающие мозг питательным раствором, а затем осторожно вложили мозг Ринга в одну из половинок черепа. Мозг еще далеко не заполнил предназначенного для него помещения.

— Ничего, в дороге дорастет, — сказал Ваг, придвинув вторую половину черепа.

Признаюсь, я очень мало верю в удачу опыта Вага, хотя и знаю о многих его необычайных изобретениях. Но здесь дело чрезвычайно сложно. Надо преодолеть огромные препятствия. Прежде всего необходимо раздобыть живого слона. Выписать его из Африки или Индии было бы слишком дорого. Притом слон может по той или иной причине оказаться неподходящим. Поэтому Ваг решил везти мозг Ринга в Африку, на Конго, где он уже бывал, поймать там слона и произвести операцию пересадки мозга. Произвести пересадку! Легко сказать! Это не то, что переложить перчатки из кармана в карман. Надо будет найти и сшить все окончания нервов, все вены и артерии. Несмотря на сходство анатомии человека и животного, все же различия велики. Как Вагу удастся спаять воедино эти две системы? И ведь вся эта сложная операция должна быть проделана над живым слоном...»

VI. Обезьяний футбол

«27 И^{юня}. Приходится писать залпом за целый ряд дней. Путешествие было богато не одними удовольствиями. Уже на пароходе, и в особенности на лодке, нам начали досаждают москиты. Правда, когда мы ехали посередине реки, еще широкой, как озеро, их было меньше. Но достаточно было подплыть ближе к берегу, как нас окружала целая туча москитов. Во время купанья нас облепляли черные мухи и сосали кровь. Когда мы высадились на берег и двинулись пешком, нас стали преследовать новые враги: мелкие муравьи и песочные блохи. Каждый вечер нам приходилось осматривать ноги и сметать этих блох. Змеи, многоножки, пчелы и осы также доставляли немало хлопот.

Не легко давалось передвижение в лесной чаще. А на открытых местах ходить было едва ли не труднее: трава густая, стебли толстые, высотой до четы-

рех метров. Идешь между двумя зелеными стенами — ничего не видать вокруг. Жутко! Острые листья царапают лицо и руки. Подомнешь траву ногами — путается, обвивается вокруг ног. В дождь на листьях скапливается вода и льет на тебя, как из ушата. Двигаться приходилось гуськом по узким тропам, проложенным в лесах и степях. Такие дорожки — единственные пути сообщения в этих местах. Нас шло двадцать человек, из них восемнадцать — носильщики и проводники из негритянского племени фанов.

Наконец мы у цели. Расположились лагерем на берегу озера Тумба. Наши проводники отдыхают. Они увлечены ловлей рыбы. С большим трудом приходится отрывать их от этого занятия, чтобы заставить помочь нам устроиться на новом месте. У нас Две большие палатки. Место для лагеря выбрано удачно — на сухом холме. Трава невысокая. Кругом видно далеко. Мозг Ринга благополучно перенес путешествие, чувствует себя удовлетворительно. С нетерпением ожидает возвращения в мир звуков, красок, запахов и прочих ощущений. Ваг утешает его, что теперь недолго осталось ждать. Он занят какими-то таинственными приготовлениями.

29 июня. У нас переполох: фаны нашли свежие следы льва совсем недалеко от нашего лагеря. Я распаковал ящик с ружьями, роздал ружья тем, которые заявили, что умеют стрелять, и сегодня после обеда устроил пробную стрельбу. Это нечто ужасное! Они прикладывают ложу ружья к животу или колену, кувыркаются от отдачи и пускают пули с отклонением от цели на сто восемьдесят градусов. Зато их увлечение превосходит все границы. Крик стоит невероятный. Этот крик, пожалуй, соберет к нам голодных зверей со всего бассейна Конго.

30 июня. Прошлой ночью лев был совсем близко от нашего лагеря. После него остались вещественные доказательства: он растерзал дикую свинью и съел ее почти без остатка. Череп у свиньи расколот, как орех, а ребра искрошены на мелкие куски. Не хотел бы я попасть в такую костоломку!

Фаны напуганы. Как только наступает вечер, они собираются к нашим палаткам, зажигают костры и поддерживают пламя всю ночь. Мне стал понятен страх первобытного человека перед ужасным зверем. Когда лев рычит — а я уже несколько раз слышал его рык, — со мною творится что-то неладное: в крови просыпается страх далеких предков и сердце останавливается в груди. Даже бежать не хочется, а хочется сидеть съежившись или зарыться в землю, как крот. А Ваг как будто не слышит львиного рыка. Он по-прежнему что-то мастерит в своей палатке. Сегодня после завтрака он вышел ко мне и сказал:

— Завтра утром я пойду в лес. Фаны говорили, что к озеру ведет старая слоновая тропа. Слоны ходили на водопой недалеко от нашей стоянки. Но они часто меняют пастбища. Прделанная ими в лесу „просека“ начала уже зарастать. Значит, они ушли куда-нибудь дальше. Надо будет разыскать их.

— Но вы знаете, конечно, что к нам пожаловал лев? Не рискуйте отправляться один без ружья, — предупредил я Вага.

— Мне не страшны никакие звери, — ответил он, — я слово такое знаю, разговор. — И его густые усы начали шевелиться от скрытой улыбки.

— И отправитесь в лес без ружья?

Ваг утвердительно кивнул головой.

2 июля. Любопытные дела произошли за это время. Ночью опять рычал лев, и у меня от жути стягивало живот и холодело под сердцем. Утром я мылся

у своей палатки, когда из соседней вышел Ваг. Он был в белом фланелевом костюме, в пробковом шлеме и в крепких ботинках с толстыми подошвами. Костюм походный, но ни сумки, ни ружья за плечом. Я приветствовал Вага с добрым утром. Он кивнул мне головой и, как мне показалось, осторожно ступая, двинулся вперед. Постепенно шаг его делался все увереннее, и, наконец, он зашагал своей обычной ровной и скорой походкой. Так дошел он до спуска с нашего холма. Когда дорога начала становиться покатой, Ваг поднял руки вверх, и... тут случилось нечто необыкновенное, заставившее меня и всех фанов вскрикнуть от удивления.

Тело Вага начало медленно, а затем все быстрее вращаться в воздухе, как если бы он кувыркался на трапеции в вытянутом положении; на мгновение оно принимало горизонтальное положение, затем голова оказывалась внизу, а ноги вверху; описывая круги, ноги и голова продолжали меняться местами. Наконец вращение его тела усилилось настолько, что ноги и голова слились в туманный круг, а середина туловища выступала, как темное ядро. Так продолжалось до тех пор, пока Ваг не достиг подножия холма. Прокувыркавшись несколько метров уже на ровном месте, он выпрямился и пошел по направлению к лесу своим обычным шагом.



Я ничего не мог понять, фаны — тем более. Они были не только удивлены, но и напуганы: ведь то, что они видели, конечно, было для них сверхъестественным явлением. Для меня же это кувыркание представляло только одну из загадок, которые частенько задавал мне Ваг.

Но загадки загадками, а лев остается львом. Не слишком ли Ваг понадеялся на себя? Я знаю, что собаку можно испугать „сверхъестественным“ явлением: попробуйте обвязать кость тонкой ниткой или волосом и бросьте ее собаке. Когда она захочет взять кость, потяните за нитку. Кость вдруг двинется по полу, как бы убегая от собаки. Собака будет испугана этим необычайным событием и, поджав хвост, убежит от „ожившей“ кости. Но убежит ли лев, поджав хвост, от кувыркающегося в воздухе Вага? Это большой вопрос. Я не могу оставить Вага без охраны.

И, захватив ружья, в компании четырех наиболее храбрых и толковых фанов я отправился следом за Вагом. Не замечая нас, он шел впереди по довольно широкой лесной просеке, проложенной слонами. Тысячи животных, хо-



дивших на водопой, утрамбовали ее. Только местами попадались на пути небольшие упавшие стволы или сучья. Каждый раз, когда встречалось такое препятствие, Ваг останавливался, как-то странно поднимал ногу вверх — гораздо выше, чем это требовалось, — и делал широкий шаг. Иногда вслед за этим его тело, не сгибаясь, наклонялось вперед, потом выравнивалось в вертикальном положении, и он продолжал идти. Мы следовали за ним на некотором расстоянии. Впереди показался яркий свет. Дорога расширялась и выходила на лесную поляну.

Ваг вышел из тени и шел уже по освещенной поляне, когда я услышал какое-то странное рокотание или ворчание, которое могло принадлежать только большому рассерженному или потревоженному зверю. Но это рокотание не напоминало львиного рева. Фаны шепотом называли зверя, но я не знал местных названий. Судя по лицам и движениям моих спутников, они боялись зверя, издающего это ворчание, не меньше, чем льва. Однако они не отставали от меня, а я, чуя недоброе, ускорил шаг. Когда я вышел на поляну, то увидел любопытную картину.

Направо от меня, метрах в десяти от леса, сидел на земле детеныш гориллы, ростом с десятилетнего мальчика. На некотором расстоянии от него — серовато-рыжая горилла-самка и огромный самец. Ваг шел довольно быстро по ровной поляне и, очевидно, прежде чем заметил зверей, сидевших на траве, оказался между детенышем и его родителями. Самец, увидав человека, издал тот ворчащий хриплый звук, который я услышал еще в лесу. Ваг уже заметил зверей: он смотрел в сторону гориллы-самца, но продолжал идти своим обычным шагом. Маленькая горилла, увидав человека, вдруг завизжала, залаяла и поспешно взобралась на невысокое дерево, стоявшее недалеко от нее.

Самец издал второй предостерегающий звук. Гориллы избегают человека, но если нужда заставляет их вступать в бой, то они проявляют неустрашимость и необычайную свирепость. Видя, что человек не уходит назад, и, очевидно, боясь за своего детеныша, самец вдруг поднялся на ноги и принял во-

инственную позу. Я не знаю, найдется ли зверь более страшный, чем это уродливое подобие человека. Самец был огромного для обезьяны роста — не меньше среднего роста человека, — но его грудная клетка показалась мне чуть не вдвое шире человеческой. Туловище непропорционально велико. Длинные руки толсты, как бревна. Кисти и ступни — непомерной длины. Под сильно выдающимися надбровными дугами виднеются свирепые глаза, а оскаленный рот сверкает огромными зубами.

Зверь начал ударять по своей бочкообразной грудной клетке косматыми кулачищами с такой силой, что внутри у него загудело, как в пустой сорокаведерной бочке. Потом он зарычал, залаял и, опираясь о землю правой рукой, побежал по направлению к Вагу.

Признаюсь, я был так взволнован, что не мог снять с плеча ружья. А горилла в несколько секунд перебежала отделявшее ее от Вага пространство, и... но тут опять случилось нечто необычайное.

Зверь со всего размаха ударился о какую-то невидимую преграду, заревел и упал на землю. Ваг не упал, а перевернулся в воздухе, как на трапеции, с приподнятыми вверх руками и вытянутым телом. Неудача еще больше рассердила зверя. Он вновь поднялся и еще раз попытался прыгнуть на Вага. На этот раз он перелетел через его голову и вновь упал. Самец пришел в бешенство. Он заревел, залаял, зарычал, начал плевать пеной и набрасываться на Вага, пытаясь охватить его своими чудовищно длинными руками. Но между гориллой и Вагом существовала какая-то невидимая, но надежная преграда. Судя по положению рук гориллы, я понял, что это должен быть шар. Невидимый, прозрачный, как стекло, не дающий никаких бликов, и крепкий, как сталь. Вот в чем состояла очередная выдумка Вага!

Убедившись в полной его безопасности, я начал с интересом следить за этой необычайной игрой. Мои фаны танцевали от восхищения и даже побросали ружья. А игра становилась все оживленнее.

Горилла-самка, кажется, с не меньшим любопытством, чем мы, следила за своим остервеневшим супругом. И вдруг, издав воинственный вой, она побежала к нему на помощь. И тут игра приобрела новый характер. В азарте гориллы набрасывались на невидимый шар, и он начал перелетать с места на место, как заправский футбольный мяч. Невесело находиться внутри этого мяча, если в роли азартных футболистов выступают гориллы! Вытянутое в струнку тело Вага все чаще вертелось колесом, перелетая с места на место. Теперь я понял, почему тело его вытянуто, а руки приподняты вверх: ногами и руками он упирается в стенки шара, чтобы не разбиться. Стенки должны быть необычайно прочны. Когда гориллы нападали на шар одновременно с двух сторон и с разбегу „выжимали“ его вверх, он подпрыгивал метра на три и все же не разбивался, падая на землю. Однако Ваг, видимо, начал уставать. Продержаться в вытянутом положении с напряженными мускулами долго нельзя. И вот я увидел, что Ваг вдруг согнулся и упал на дно шара.

Дело принимало серьезный оборот. Больше нельзя было оставаться только зрителями. Я крикнул фанам, заставил их поднять с земли ружья, и мы направились к шару. Но я запретил туземцам стрелять без моего приказа, опасаясь, как бы они случайно не попали в Вага: я не знал, может ли невидимый шар устоять против пули. Притом шар не мог быть сплошным — иначе Ваг задохся бы, — в шаре должны быть отверстия, сквозь которые пули могли в него

проникнуть.

Мы приближались с шумом и криком, чтобы обратить на себя внимание, и нам удалось достигнуть этого. Самец первый повернул голову в нашу сторону и угрожающе заревел. Видя, что это не производит впечатления, он двинулся нам навстречу. Когда он отошел в сторону от шара, я выстрелил. Пуля попала горилле в грудь — я видел это по струе крови, залившей серовато-рыжую шерсть. Зверь закричал, схватился рукой за рану, но не упал, а побежал ко мне навстречу еще быстрее. Я выстрелил вторично и попал в плечо. Но в этот момент он был уже возле меня и вдруг схватил лапой дуло моего ружья. Выхватив ружье с необычайной силой, зверь на моих глазах согнул ствол и надломил его. Не удовлетворившись этим, он схватил ствол в зубы и начал грызть его, как кость. Потом, неожиданно пошатнувшись, он упал на землю и начал судорожно подергивать конечностями, не выпуская изуродованного ружья. Самка поспешила скрыться.

— Вы не очень пострадали? — услышал я голос Вага, как будто доносившийся издалека. Неужели я стал плохо слышать оттого, что горилла помяла мне бока?

Я поднял глаза и увидел Вага, стоявшего надо мной. Теперь, когда он был возле меня, я заметил, что вокруг его тела находилась как бы туманная оболочка. Присмотревшись еще внимательнее, я убедился, что вижу не оболочку, которая была абсолютно прозрачна, а следы лап горилл и местами налипшую на поверхности шара грязь.

Ваг, по-видимому, заметил мой взгляд, устремленный на эти пятна его невидимой сферы. Он улыбнулся и сказал:

— Если почва влажная или грязная, то на поверхности шара остаются некоторые следы, и он становится видимым. Но ни песок, ни сухие листья не пристают к нему. Если вы в силах, поднимайтесь, идем домой. По пути я расскажу вам о своем изобретении.

Я поднялся и посмотрел на Вага. Он тоже немного пострадал: на его лице кое-где виднелись синяки.

— Ничего, до свадьбы заживет, — сказал он. — Это мне наука. Оказывается, в дебри африканских лесов нельзя ходить без ружья, если даже находишься в таком неприступном шаре. Кто бы мог подумать, что я окажусь внутри футбольного мяча!

— И вам пришло в голову такое сравнение?

— Разумеется. Итак, слушайте. Вам не приходилось читать, что в Америке изобретен особый металл, прозрачный, как стекло, или стекло, крепкое, как металл? Из этого материала построен, говорят, военный аэроплан. Удобство его вполне понятно: он почти не виден врагу. Говорю почти, потому что летчик должен быть виден, так же как виден я сквозь мой шар. Так вот, я уже давно думал о том, чтобы устроить такую „крепость“, которая не мешала бы мне все видеть, наблюдать жизнь животных и защищала бы, если звери увидят и нападут на меня. Я проделал несколько опытов и достиг цели. Этот шар сделан из каучука. О, люди еще далеко не использовали всех качеств этого необычайно полезного материала! Именно каучук мне удалось сделать прозрачным, как стекло, и прочным, как сталь. Несмотря на сегодняшнее не совсем приятное приключение, которое могло бы окончиться еще неприятнее, если бы вы не пришли вовремя ко мне на помощь, я считаю свое изобретение

очень удачным и целесообразным. А гориллы? Кто бы мог думать, что я встречу их здесь? Правда, это довольно дикое местечко, но гориллы обыкновенно живут в еще более диких, непроходимых дебрях.

— Но как вы передвигаетесь?

— Очень просто. Разве вы не видите? Я наступаю подошвой ноги на внутреннюю стенку шара и тяжестью своего тела заставляю его катиться вперед. На поверхности шара имеются отверстия для дыхания. Шар состоит из двух половинок; я захожу в него и закрываюсь, стягивая особые ремни, сделанные из прозрачного каучука. Пожалуй, некоторым неудобством является то, что на уклонах бывает трудно задержать шар, он начинает катиться быстро, и тогда приходится заниматься физкультурой. Но почему бы и не заняться?»

VII. Невидимые пути

«20 И^{юля}. Опять перерыв в моем дневнике.

Слоны, очевидно, ушли очень далеко. Нам пришлось сняться с лагеря и идти по слоновьей тропе несколько дней, пока мы, наконец, не встретили более свежих следов стада. А еще через два дня наши фаны разыскали место слоновьего водопоя. Фаны — опытные охотники на слонов, они знают много способов ловли. Но Ваг предпочел свои оригинальные способы. Он приказал принести к слоновьей тропе ящик и начал вынимать из него что-то невидимое. Фаны в суеверном ужасе смотрели на руки человека, которые делали такие движения, словно что-то брали и перекладывали, хотя это „что-то“ было невидимо, как воздух. Наверное, они считают Вагнера великим кудесником.

Ваг мне еще ничего не сказал, но я уже догадался, что он вынимает из ящика приспособления для ловли, сделанные, как и шар, из того же невидимого материала.

— Подойдите и попробуйте, — сказал мне Вагнер, видя, что я умираю от любопытства.

Я подошел, пощупал воздух и вдруг зажал в руке канатик не менее сантиметра в диаметре.

— Каучук?

— Да, одна из бесчисленных разновидностей каучука. На этот раз я сделал его гибким, как веревка. Но прочность стали и незримость остаются те же, что и в материале шара. Из этих невидимых пут мы сделаем петли и разложим их на пути следования слона. Животное запутается и будет в наших руках.

Нельзя сказать, чтобы это была легкая работа — расстилать на земле невидимые веревки и завязывать из них петли. Мы сами не раз падали, зацепившись ногой за „веревку“. Но к вечеру работа была закончена, и нам оставалось только ждать слонов.

Была прекрасная тропическая ночь. Джунгли наполнились неведомыми шорохами и вздохами. Иногда словно кто-то плакал, — быть может, маленькая зверюшка, расстававшаяся с жизнью; иногда слышались раскаты дикого смеха, от которого, как от струи холодного воздуха, ежились фаны.

Слоны подошли незаметно. Огромный вожак шел несколько впереди стада, вытянув длинный хобот и непрерывно двигая им. Он вбирал в него тысячи ночных запахов, классифицировал их, отмечая те, которые таили в себе какую-нибудь опасность. За несколько метров до наших невидимых ограждений слон вдруг приостановился и вытянул хобот так прямо, как мне никогда

не приходилось видеть. Он к чему-то усиленно принюхивался. Быть может, он услышал запах наших тел, хотя по совету фанов мы незадолго до заката солнца выкупались в озере и выстирали наше белье: ведь на экваторе приходится потеть весь день.

— Плохо дело, — шепнул Ваг. — Слон разнюхал наше присутствие; и я полагаю, что он учуял запах не наших тел, а каучука. Об этом я не подумал...

Слон был в явной нерешимости. Очевидно, ему приходилось знакомиться с каким-то новым для него запахом. Чем угрожает этот неведомый запах? Слон нерешительно двинулся вперед, быть может, для того, чтобы ближе познакомиться с источником странного запаха. Он сделал несколько шагов и попал в первую петлю. Дернул передней ногой, но невидимое препятствие не отпускало ногу. Слон начал натягивать „веревку“ все сильнее. Мы видели, как сжимается кожа немного выше его ступни. Гигант подался назад всем корпусом так, что зад его почти коснулся земли. Кожа — огромной толщины слоновья кожа — не выдержала: она лопнула от давления „веревки“, и по ноге потекла густая темная кровь.

А „веревка“ Вага выдерживала необычайное напряжение.

Мы уже торжествовали победу. Но тут случилось непредвиденное. Толстое дерево, к которому была привязана „веревка“, рухнуло, словно подсеченное топором. Слон от неожиданности упал назад, быстро поднялся и, повернувшись, скрылся, тревожно трубя.

— Теперь дело пропало! — сказал Вагнер. — Слоны не подойдут к тому месту, где мы растянем наши невидимые, но осязаемые для них по запаху тенета. Или мне придется заняться химической дезодорацией[88]. Химической... Гм... Запахи... так... — Вагнер о чем-то глубоко задумался. — А почему бы нет? — продолжал он. — Видите ли, какая мысль пришла мне в голову: можно было бы попробовать применить для поимки слона химические средства, например газовую атаку. Нам надо не убить слона — это сделать нетрудно, — а привести его в бессознательное состояние. Мы вооружимся противогазовыми масками, захватим с собой баллон с газом и пустим газ вот на эту лесную дорожку. Окружающая зелень очень густа, — это настоящий зеленый тоннель; газ будет довольно хорошо сохраняться... А есть средство и еще проще!..

Вагнер вдруг рассмеялся. Какая-то мысль показалась ему очень забавной.

— Теперь нам надо только выследить, куда будут ходить слоны на водопой. Сюда они едва ли вернуться...»

VIII. «Слоновья водка»

«21 июля. Фаны нашли новое место водопоя. Это было небольшое лесное озеро. И когда слоны, напившись, ушли в чащу, Ваг, я и туземцы принялись за работу. Мы разделись, вошли в воду и начали вбивать в дно кольца тесным рядом, отгораживая небольшую часть озера. Затем мы плотно обмазали глиной подводную стену. Получилось нечто вроде садка. Плотина отделила часть озера как раз в том месте, куда приходили на водопой слоны.

— Отлично, — говорил Ваг. — Теперь нам остается только „отравить“ воду. Для этого у меня есть очень хорошее средство, совершенно безвредное, но действующее сильнее алкоголя.

Ваг проработал несколько часов в своей лаборатории и, наконец, вынес оттуда ведро „слоновьяй водки“, как он выразился. Эта водка была вылита в воду. Мы взобрались на дерево и приготовились наблюдать.

— А будут ли слоны пить вашу водку? — спросил я.

— Надеюсь, она покажется им достаточно вкусной. Ведь пьют же водку медведи. И даже делаются настоящими алкоголиками. Тсс!.. Кто-то идет...

Я посмотрел на „арену“, она была очень велика.

Сделаю маленькое отступление. Надо сказать, что меня все время поражало пейзажное и архитектурное разнообразие тропического леса. Местами идешь по „трехэтажному“ лесу: небольшой подлесок кустарников и невысоких деревьев едва покрывает голову. Над этим лесом поднимается второй лес, высота которого примерно такова, как в наших северных лесах. Наконец над ним высится третий лес, состоящий из огромных деревьев. Между первым и вторым рядами крон имеются пустые пространства, заполняемые только нитями и канатами разных ползучих растений. Такой тройной лес представляет необычайно красивое зрелище. Высоко над головой зеленые пещеры, водопады зелени, ниспадающие с уступа на уступ, зеленые горы, уходящие ввысь. И все это расцвечено перьями птиц и яркими цветами орхидей.

Потом сразу попадаешь словно в величественный готический храм с лесом исполинских колонн, поднимающихся от мшистой земли к едва различимому куполу. Еще несколько шагов — и новая перемена: ты — в чаще, в непроходимых дебрях. Листья сбоку, впереди, сзади, сверху. Мох, трава, листья, цветы внизу — по самые плечи. Словно очутился в зеленом водовороте. Ноги путаются в мягкой зелени или спотыкаются об упавшие деревья. И вот когда окончательно обессилеешь и кажется, что безнадежно увяз в болоте сплошной зелени, неожиданно раздвигаешь кусты и останавливаешься, пораженный: ты в огромной круглой пещере с зеленым сводом. Неимоверной толщины „столб“ подпирает купол этой пещеры. На земле — ни травинки, хоть в крокет играй. Дерево-великан своею тенью погубило кругом всю растительность, не пропуская ни одного луча солнца. Ветви его спустились до земли и вросли в нее. Здесь царят мрак и прохлада. Нам не раз приходилось отдыхать в тени таких гигантов — баобабов, каучукового дерева, индийской смоковницы.

Такое же огромное дерево дало нам приют на своих ветвях. Оно стояло совсем недалеко от воды, и, таким образом, все звери, идущие по слоновьей тропе, должны были пройти „арену“, прежде чем подойти к берегу. На этой „арене“, очевидно, происходило немало лесных драм. Там и сям виднелись обглоданные кости антилоп, буйволов и кабанов. Недалеко начинались степи; поэтому сюда на водопой частенько заходили и животные саванны.

На „арену“ вышел кабан. Следом за ним появились кабаниха и восемь маленьких кабанят. Вся семья направилась к воде. Через минуту явились еще пять самок, принадлежащих, очевидно, к той же семье. Кабан подошел к воде и начал пить. Но тотчас же поднял рыло, неодобрительно фыркнул и перешел на другое место. Попробовал — не нравится. Замотал головой.

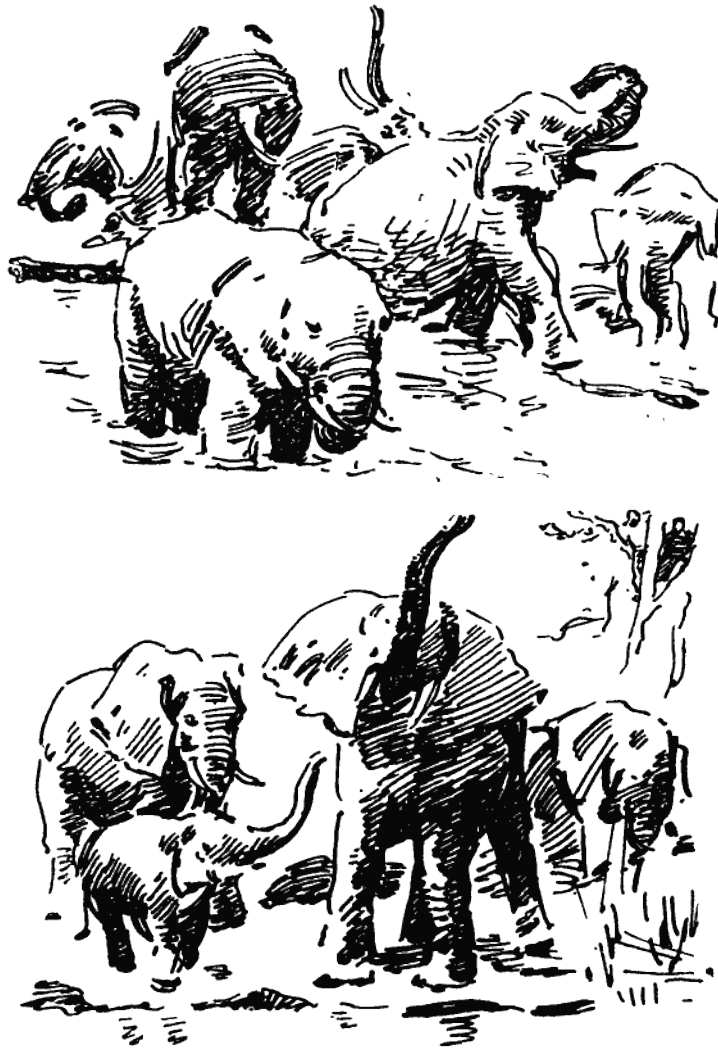
— Не пьет, — шепнул я Вагу.

— Не раскушал, — так же тихо ответил он.

Он оказался прав. Скоро кабан перестал мотать головой и начал пить воду. Но кабаниха волновалась и, как мне показалось, кричала своим кабанятам, чтобы они не пили. Однако скоро и она вошла во вкус. Кабан, самка и кабанята пили очень долго — дольше обыкновенного. На кабанятах опьянение сказалося прежде всего: они вдруг начали визжать, бросаться друг на друга, бегать по „арене“. Все шесть самок опьянели вслед за кабанятами. Они шатались, по-

визгивая, принялись выделывать необычайные движения — брыкались, становились на дыбы, катались по земле и даже кувыркались через голову. Потом они свалились и уснули вместе с поросятами. Но кабан оказался буйным во хмелю. Он свирепо хрюкал, напал на огромный ствол дерева, стоявший посреди „арены“, и вонзал в кору кинжалы-клыки с такой силой, что потом едва мог вытянуть их.

Мы так заинтересовались проделками пьяного кабана, что не заметили, как подошли слоны. Мерно ступая, один за другим выходили они из зеленой просеки. В это время площадка вокруг ствола действительно напоминала цирковую арену. Но ни один цирк не видал такого громадного количества четвероногих артистов. Признаюсь, мне стало страшно от такого количества слоновьих туш. Слоны показались мне похожими на огромных крыс. Их было больше двух десятков.



Но что проделывает этот пьянчужка-кабан! Вместо того чтобы спастись подобру-поздорову, он вдруг угрожающе захрюкал и стрелой помчался на встречу стаду слонов. Большой слон, шедший впереди, очевидно, не ожидал нападения. Он опустил голову и с любопытством смотрел на бегущего зверя. А кабан, подбежав к слону, ударил его клыком в ногу. Слон быстро свернул хобот, наклонил голову еще ниже и, поддев кабана на бивни, отбросил его так далеко, что тот упал в воду.

Кабан захрюкал, забарахтался, выбрался на берег, хлебнул наспех еще несколько глотков, как бы для храбрости, и вновь побежал к слону. Но слон на этот раз был осторожнее; он ожидал кабана с опущенными бивнями. Кабан

наскочил на бивни и был распорот. Слон стряхнул издыхающего зверя с бивней и наступил на него ногой. От кабана остались только голова и хвост. Туловище и ноги были размолоты в кашу.

Тою же спокойной, мерной поступью, как будто ничего не случилось, слон-вожак прошел через „арену“, осторожно обошел лежащих на земле без памяти кабанят и кабаних, спустился к воде и погрузил в нее хобот. Мы с любопытством смотрели, что будет дальше.

Слон начал пить, потом поднял хобот и стал шарить по воде, очевидно сравнивая ее вкус в различных местах. Он прошел несколько шагов и опустил хобот в воду вне нашей загородки. Там вода не была отравлена опьяняющим напитком.

— Пропала наша затея! — шепнул я. Но в тот же момент чуть не вскрикнул от удивления. Слон вернулся на старое место и начал пить „слоновью водку“. Она, видимо, понравилась ему. Рядом с вожаком выстроились другие слоны. Но наша плотина была не слишком велика, и потому часть слоновьего стада пила обычную воду.

Мне казалось, что этому водопитию не будет конца. Я видел, как чудовищно раздувались его бока. Он пил, пил без конца. Через полчаса уровень воды в нашей запруде понизился наполовину; через час вожак и его товарищи высали всю жидкость до дна. Слоны начали покачиваться, еще не окончив пить. Один из них вдруг рухнул в воду, подняв целое волнение. Он затрубил, поднялся и опять упал на бок. Положив хобот на берег, он захрапел так, что листья дрожали и птицы испуганно перелетали на верхушки деревьев.

Огромный вожак отошел от озера, громко пофыркивая. Он остановился. Хобот его повис, как тряпка. Уши то поднимались, то безжизненно падали. Слон медленно и равномерно покачивался — вперед, назад. Вокруг него падали, как сраженные пулей, его товарищи. А те, которые не пили „водки“, с удивлением смотрели на этот странный падеж. Трезвые слоны тревожно трубили, ходили вокруг пьяных, даже пытались поднять упавших. Большая слониха подошла к вожаку и с беспокойством щупала его голову хоботом. Слон отвечал на этот жест участия и ласки слабым помахиванием хвоста, не прекращая своего раскачивания. Потом он вдруг поднял голову, захрапел и упал на землю. Трезвые слоны растерянно толпились вокруг него, не решаясь идти без вожака.

— Будет скверно, если трезвые останутся здесь, — сказал Ваг уже громко. — Перебить их, что ли? Подождем, посмотрим, что будет дальше.

Трезвые слоны о чем-то совещались. Они издавали странные звуки, непрерывно двигая хоботами. Это совещание продолжалось довольно долго. Начала разгораться заря, когда слоны выбрали себе нового предводителя и медленно один за другим оставили „арену“, где лежали „трупы“ их товарищей».

IX. Ринг стал слоном

«**Н**адо было спускаться с дерева. Я с некоторым волнением посмотрел на „арену“, которая напоминала теперь поле сражения. Огромные слоны валялись на боку вперемежку с кабанами. Но надолго ли хватит этого опьянения? Что, если слоны придут в себя, прежде чем мы окончим операцию пересадки мозга? А слоны, как будто желая еще больше напугать меня, время от времени махали хоботами и иногда сквозь сон пищали.

Но Ваг не обращал на все это никакого внимания. Он быстро спустился с де-

рева и приступил к работе. В то время как фаны были заняты истреблением спящих кабанов, мы с Вагом занялись операцией. У нас уже все было заготовлено. Ваг заранее заказал хирургические инструменты, которые могли бы одолеть крепость слоновой кости. Он подошел к вожаку, вынул из ящика стерилизованный нож, сделал на голове слона надрезы, отвернул кожу и начал распиливать череп. Слон несколько раз подергивал хоботом. Это нервировало меня, но Ваг успокаивал:

— Не беспокойтесь. Я ручаюсь за действие моего наркоза. Слон не проснется раньше чем через три часа, а за это время я надеюсь вынуть его мозг. После этого он будет для нас безопасен.

И он продолжал методически распиливать череп. Инструменты оказались хорошими, и скоро Ваг приподнял часть теменной кости.

— Если вам придется охотиться на слона, — сказал он, — то имейте в виду, что убить его вы сможете только в том случае, если попадете вот в это маленькое местечко. — И Ваг показал мне пространство между глазом и ухом, величиною не более ладони. — Я уже предупредил мозг Ринга, чтобы он берег это место.

Ваг довольно быстро опорожнил голову слона от мозгового вещества. Но тут произошло нечто неожиданное. Слон без мозга вдруг начал шевелиться, раскачиваться грузным телом, потом, к нашему удивлению, встал и пошел. Но он, видимо, ничего не видел перед собою, хотя глаза его и были открыты. Он не обошел лежащего на пути товарища, споткнулся и упал на землю. Его хобот и ноги начали судорожно подергиваться. „Неужели подышает?“ — думал я, сожалея, что все труды пропали даром.

Ваг подождал, пока слон перестал двигаться, затем приступил к продолжению операции.

— Теперь слон мертв, — сказал он, — как и полагается животному без мозга. Но мы воскресим его. Это не так трудно. Давайте скорее мозг Ринга. Только бы не занести инфекции!..

Тщательно вымыв руки, я вынул из привезенного слоновьего черепа выросший мозг Ринга и передал его Вагу.

— Ну-ка... — сказал он, опуская мозг в череп слона.

— Подходит? — спросил я.

— Чутьочку не дорос. Но это не имеет значения. Было бы хуже, если бы мозг перерос и не вошел в черепную коробку. Теперь осталось самое главное — сшить нервные окончания. Каждый нерв, который я буду сшивать, явится контактом между мозгом Ринга и телом слона. Теперь вы можете отдохнуть. Сидите и смотрите, но не мешайте мне.

И Ваг начал работать с необычайной быстротой и тщательностью. Он был поистине артистом своего дела, и его пальцы напоминали пальцы пианиста-виртуоза во время исполнения труднейшей пьесы. Лицо Вага было сосредоточенно, оба глаза устремлены в одну точку, что с ним бывало только в случаях исключительного напряжения внимания. Очевидно, в этот момент обе половинки его мозга выполняли одну и ту же работу, как бы контролируя друг друга. Наконец Ваг накрыл мозг черепной крышкой, скрепил ее металлическими скобками, затем покрыл кусками кожи и сшил кожу.

— Отлично. Теперь у него — если он благополучно выживет — останутся только рубцы. Но Ринг, я думаю, простит меня за это.

„Ринг простит!“ Да, теперь слон стал Рингом, или, вернее, Ринг стал слоном. Я подошел к слону, в голове которого был человеческий мозг, и с любопытством посмотрел в его открытые глаза. Они казались такими же безжизненными, как и раньше.

— Почему это? — спросил я. — Ведь мозг Ринга должен находиться в полном сознании, а между тем глаза... его (я не мог сказать ни слона, ни Ринга) как будто остекленели.

— Очень просто, — ответил Ваг. — Нервы, идущие от мозга, сшиты, но еще не срослись. Я предупредил Ринга, чтобы он не пытался производить каких-либо движений, пока нервы не срастутся окончательно. Я принял меры, чтобы это произошло возможно скорее.

Солнце уже начинало клониться к закату. Фаны сидели на берегу и, разложив костры, жарили кабанье мясо и с удовольствием поедали его. Некоторые предпочитали есть его сырым. Вдруг один из пьяных слонов начал громко трубить. Этот резкий призывный звук разбудил остальных слонов. Они начали подниматься на ноги. Ваг, я и фаны поспешили укрыться в кустах. Слоны, все еще шатавшиеся, подошли к оперированному вожаку, долго ощупывали и обнюхивали его хоботом и что-то говорили на своем языке. Воображаю, как должен был чувствовать себя Ринг, если он только мог уже видеть и слышать. Наконец слоны ушли. Мы снова приблизились к нашему пациенту.

— Молчите и ничего не отвечайте, — сказал Ваг, обращаясь к слону, как будто тот мог говорить. — Все, что я могу вам позволить, — это мигнуть веком, если вы уже в силах это сделать. Итак, если вы понимаете, что я говорю, мигните два раза.

Слон мигнул.

— Очень хорошо! — сказал Вагнер. — Сегодня вам придется полежать неподвижно, а завтра я, быть может, разрешу вам встать. Чтобы слоны и прочие животные не беспокоили вас, мы перегородим слоновью тропу, а ночью зажжем костры.

24 июля. Сегодня слон поднялся в первый раз.

— Поздравляю! — сказал Ваг. — Как же вас теперь звать? Ведь мы не можем перед посторонними разглашать свою тайну. Я буду звать вас Сапиенс. Идет?

Слон кивнул головой.

— Объясняться мы будем, — продолжал Ваг, — мимически, по азбуке Морзе. Вы можете махать кончиком хобота: вверх — точка, вбок — тире. А если вам покажется удобнее, можете сигнализировать звуками. Помахайте хоботом.

Слон начал махать, но как-то странно: хобот поворачивался во все стороны, как вывихнутый сустав.

— Это вы еще не привыкли. Ведь у вас никогда не было хобота, Ринг. А ходить вы можете?

Слон начал ходить, причем задние ноги, видимо, слушались его лучше, чем передние.

— Да, вам таки придется поучиться быть слоном, — сказал Ваг. — В вашем мозгу нет многого такого, что имеется в слоновьем. Двигать ногами, хоботом, ушами вы научитесь довольно скоро. Но в мозгу слона имеются еще природные инстинкты — квинтэссенция опыта сотен тысяч слоновьих поколений. Настоящий слон знает, чего ему опасаться, как защищаться от разных врагов,

где найти пищу и воду. Вы ничего этого не знаете. Вам пришлось бы учиться на личном опыте. А этот опыт стоил жизни немалому количеству слонов. Но вы не смущайтесь и не бойтесь, Сапиенс. Вы будете с нами. Как только вы окончательно поправитесь, мы с вами поедem в Европу. Если захотите, можете жить на родине — в Германии, а можете поехать со мной и в СССР. Там вы будете жить в зоопарке. Но как вы чувствуете себя?

Сапиенсу-Рингу, очевидно, было легче сигнализировать сопением, чем движением хобота. Он начал издавать хоботом короткие и длинные звуки. Ваг слушал (в то время я еще не знал азбуки Морзе) и переводил мне:

— Вижу я как будто несколько хуже. Правда, с высоты моего туловища я вижу дальше, но поле моего зрения довольно ограничено. Зато мой слух и обоняние тонки и остры необычайно. Я никогда не мог вообразить, что в мире так много звуков и запахов. Я чувствую тысячи новых необычных запахов и их оттенков, я слышу бесконечное количество звуков, для выражения которых, пожалуй, не найдется слов на человеческом языке. Свист, шум, треск, писк, стрекотанье, визг, стон, лай, крик, громыханье, рокот, лязг, хрустенье, шлепанье, хлопанье... еще, быть может, десяток слов, и человеческий лексикон, передающий мир звуков, исчерпан. Но вот жуки и черви сверлят кору дерева. Как передать этот разноголосый, отчетливо слышимый мною концерт? А шумы!

— Вы делаете успехи, Сапиенс, — сказал Ваг.

— А запахи! — продолжал Ринг описывать свои новые ощущения. — Здесь я окончательно теряюсь и не могу передать вам хотя бы приблизительно то, что я ощущаю. Вы можете понять только одно, что каждое дерево, каждый предмет имеет свой специфический запах. — Слон опустил хобот к земле, понюхал и продолжал: — Вот пахнет землей. И пахнет травой, которая лежала здесь, быть может оброненная каким-нибудь травоядным животным, шедшим на водопой. Затем пахнет кабаном, буйволом, медью... не понимаю откуда. Вот! Здесь валяется обрeзок медной проволоки, которую, вероятно, вы бросили, Вагнер.

— Но как же это может быть? — спросил я. — Ведь тонкость ощущений обуславливается не только тонкостью воспринимающих периферических органов, но и соответствующим развитием мозга.

— Да, — ответил Ваг. — Когда мозг Ринга приспособится, он будет ощущать не хуже слона. Теперь он ощущает, вероятно, во много раз хуже настоящего слона. Но тонкость слухового и обонятельного аппарата дает Рингу уже теперь огромное преимущество по сравнению с нами. — Затем он обратился к слону: — Надеюсь, Сапиенс, вас не очень обременит, если мы вернемся к нашей стоянке на холме, сидя на вашей спине?

Сапиенс милостиво согласился, кивнув головой. Мы погрузили на спину слона часть багажа. Он поднял хоботом меня и Вага — фаны шли пешком, — и мы отправились в путь.

— Я думаю, — сказал Ваг, — через две недели Сапиенс будет вполне здоров, и тогда он доставит нас в Бому, а оттуда морским путем двинемся домой.

Когда мы разбили лагерь на холме, Ваг сказал Сапиенсу:

— Корму здесь хоть отбавляй. Но я прошу вас не отходить слишком далеко от нашего лагеря, в особенности ночью. Вам могут угрожать различные опасности, с которыми настоящие слоны справились бы очень легко.

Слон кивнул головой и принялся обламывать хоботом ветви с соседних деревьев.

Вдруг он как-то пискнул и, отдернув хобот, подбежал к Вагу.

— Что случилось? — спросил Ваг. Слон протянул хобот почти к его лицу.

— Ай! Ай! — протянул Ваг с упреком. — Идите сюда, — обратился он ко мне, показывая на пальцеобразный отросток хобота. — Чувствительность этого „пальчика“ превосходит чувствительность пальцев слепых. Это самый нежный орган слона. И смотрите, наш Сапиенс умудрился поранить свой „пальчик“ шипом.

Ваг осторожно вытащил шип из хобота.

— Будьте осмотрительны, — сказал он наставительно слону. — Слон с пораненным хоботом — инвалид. Вы не в состоянии будете даже пить воду, и вам придется каждый раз входить в реку или озеро и пить пастью, вместо того чтобы, как обычно делают слоны, вбирать воду в хобот и из хобота выливать в пасть. Здесь много колючих растений. Пройдите немного дальше. Научитесь различать породы.

Слон вздохнул, помотал хоботом и отправился в лес.

27 июля. Все благополучно. Слон ест невероятно много. Сначала он разбирался в пище и старался отправлять в пасть только траву, листья и самые тонкие нежные ветки. Но так как он не насыщался, то скоро, подобно заправскому слону, начал ломать и засовывать себе в пасть ветви чуть ли не с руку толщиной.

Деревья вокруг нашего лагеря имеют самый жалкий вид, — как будто здесь упал метеорит или пролетела всепожирающая саранча. На кустах подлеска и на нижних ветвях больших деревьев — ни листика. Сучья поломаны, обнажены. Кора содрана. На земле — сор, помет, куски ветвей, стволы сваленных деревьев. Сапиенс очень извиняется за эти разрушения, но... „положение обязывает“, как сказал он Вагу при помощи своих звуковых сигналов.

1 августа. Сегодня Сапиенс не явился утром. Сперва Вагнер не беспокоился.

— Не иголка — найдется. Что с ним делается? Ни один зверь не решится напасть на него. Вероятно, за ночь далеко зашел.

Однако часы шли за часами, а Сапиенс не являлся. Наконец мы решили отправиться на поиски. Фаны — великолепные следопыты, быстро попали на след. Мы пошли за ними. Старый фан, глядя на следы, быстро читал вслух эти письма, оставленные слонем.

— Здесь слон ел траву, потом он начал есть молодые кустарники. Потом он пошел дальше. Здесь он как будто подпрыгнул — чего-то испугался. Вот что испугало его: след леопарда. Прыжок. Слон бежит. Ломает все на своем пути. А леопард? Он тоже бежит... от слона. В другую сторону.

Следы слона увлекли нас далеко от лагеря. Вот он пробежал болотистую поляну. Следы налились водой. Слон проваливался, но бежал, видимо с трудом вытаскивая ноги из болота. Вот и река. Это Конго. Слон бросился в воду. Он должен был переплыть на другую сторону.

Наши проводники отправились на поиски селения, нашли лодку, и мы переправились на другой берег. Но там следов слона не было. Неужели он погиб? Слоны умеют плавать. Но умел ли плавать Ринг? Удалось ли ему овладеть искусством плаванья по-слоновьи? Фаны высказали предположение, что слон поплыл вниз по реке. Мы проплыли несколько километров по течению. Сле-

дов все нет и нет. Ваг удручен. Все наши труды пропали даром. И что случилось со слоном? Если он жив, как он будет жить в лесу со зверями?..

8 августа. Целую неделю мы потратили на поиски слона. Напрасно! Он пропал бесследно. Нам ничего больше не оставалось, как рассчитаться с фанами и отправиться домой».

Х. Четвероногие и двуногие враги

— Дневник окончен, — сказал Денисов.

— Вот продолжение дневника, — ответил Вагнер, хлопая по шее слона. — В то время как вы читали дневник, Сапиенс, он же Хойти-Тойти, он же Ринг, рассказал мне занятную историю своих приключений. Я уже не надеялся видеть его в живых, но, оказывается, он сам сумел разыскать путь в Европу. Вы должны расшифровать и переписать мои стенографические записи того, что рассказал мне слон.

Денисов взял у Вагнера его тетрадь, испещренную черточками и запятыми, начал читать и затем записывать историю слона, рассказанную им самим. Вот что говорил Сапиенс Вагнеру:

«Едва ли мне удастся передать вам все, что я испытал с тех пор, как стал слоном. Мне никогда даже и во сне не снилось, что я, ассистент профессора Турнера, вдруг превращусь в слона и буду жить в джунглях африканских лесов. Постараюсь изложить последовательно весь ход событий.

Я отошел недалеко от лагеря и мирно пощипывал траву на лужайке. Вырывал пучки сочной травы, обколачивал корни, чтобы отбить приставшую землю, затем пожирал. Покончив с травой, я пошел лесом, чтобы найти другую лужайку. Была довольно светлая лунная ночь. Летали светящиеся жуки, летучие мыши и какие-то неизвестные мне ночные птицы, похожие на сову. Я медленно продвигался вперед. Шел я легко, не чувствуя тяжести своего тела. Я старался как можно меньше шуметь. Понюхивая хоботом, я чувствовал, что и справа и слева от меня находятся звери — какие, я не знал. Казалось бы, кого бояться мне? Я самый сильный из всех зверей. Сам лев должен был уступить мне дорогу. А между тем я ужасно боялся каждого шороха, каждого звука, пробежавшей мыши, какого-то зверька, похожего на лисичку. Когда я встретил небольшого кабана, я уступил ему дорогу. Быть может, я еще не осознал своей силы. Одно успокаивало меня: я знал, что недалеко находятся люди, мои друзья, которые могут прийти мне на помощь.

Так, осторожно шагая, я вышел на небольшую поляну и уже опустил хобот, чтобы схватить пучок травы, как вдруг почувствовал запах зверя, а уши мои уловили шорох в камышах. Я поднял хобот, тщательно свернул его для безопасности и начал осматриваться. И вдруг я увидел леопарда, который притаился за камышами, росшими у ручья, и смотрел на меня жадными голодными глазами. Все его тело напряглось для прыжка. Еще минута — и он кинется мне на шею. Не знаю, быть может, я еще не привык быть слоном и чувствовал и рассуждал слишком по-человечески, но я не в силах был побороть безумного страха. Я весь задрожал и бросился бежать.

Деревья трещали и ломались на моем пути. Многие хищники были испуганы моим бешеным бегом. Они выскакивали из кустов и травы и разбегались в разные стороны, еще более пугая меня. Мне казалось, что звери всего бассейна Конго гонятся за мною. И я бежал, — не знаю, сколько времени и куда, — пока, наконец, меня не остановило препятствие — река. Я не умею плавать —

не умел, когда был человеком. Но меня нагонял леопард, — так думал я, — и я бросился в воду и начал работать ногами, как если бы продолжал бежать. И я поплыл. Вода несколько охладила и успокоила меня. Мне казалось, что весь лес полон хищными голодными зверями, которые нападут на меня, как только я выйду на берег. И я плыл час за часом.

Уже взошло солнце, а я все плыл. На реке начали встречаться лодки с людьми. Людей я не боялся, пока с одной лодки не послышался выстрел. Я не мог предположить, что стреляют по мне. Я продолжал плыть. Раздался еще выстрел, и вдруг я почувствовал, словно меня ужалила пчела в шею. Я повернул голову и увидел, что в лодке, которой управляют туземцы, сидит белый человек, по виду англичанин. Он-то и стрелял в меня. Увы! люди оказались для меня не менее опасны, чем звери.

Что мне оставалось делать? Мне хотелось крикнуть англичанину, попросить его не стрелять, но я смог издать только какой-то пищащий звук. Если только англичанин попадет в цель, я погиб... Вы указали мне на опасное для меня место в черепе — между глазом и ухом, где находился мозг. Я вспомнил ваш совет и повернул голову так, чтобы пули не попали в это место, и постарался поскорее доплыть до берега. Когда я вылез на берег, то представлял отличную мишень, но голова моя была обращена к лесу. А англичанин, вероятно, настолько знал правила охоты на слонов, что стрелять в заднюю часть считал бесцельным. Он больше не стрелял, вероятно, поджидал, не поверну ли я к нему голову. Но я, уже не думая о зверях, помчался в чащу.

Лес становился все гуще. Лианы преграждали мне путь. Скоро они опутали меня такой сетью, что даже я не в силах был разорвать их и принужден был остановиться. Я так смертельно устал, что свалился на бок, не заботясь о том, полагается или нет это делать в моем слоновьем положении.

Мне приснился страшный сон: будто я, доцент университета и ассистент профессора Турнера, нахожусь в Берлине, в своей маленькой комнатке на Унтер-ден-Линден. Летняя ночь. В открытое окно светит одинокая звезда. Доносится запах цветущих лип, а на столике благоухает красная гвоздика в венецианском граненом стаканчике синего стекла. И среди этих приятных запахов врывается, как непрошенный гость, какой-то очень терпкий приторный запах, напоминающий запах черной смородины. Но я знаю, что это запах зверя... Я готовлюсь к завтрашней лекции. Склоняю голову над книгами и засыпаю, продолжая слышать запах липы, гвоздики, зверя. Я вижу странный сон, как будто я превратился в слона и нахожусь в тропическом лесу... Запах зверя все усиливается. Он беспокоит меня. Я просыпаюсь. Но это уже не сон. Я действительно превратился в слона, как Луций в осла[89], силой волшебства современной науки.

Запах двуногого зверя. Пахнет потом африканского туземца. К этому запаху присоединяется запах белого человека. Это, наверно, тот, который стрелял в меня из лодки. Он преследует меня по следам. Быть может, уже стоит за кустом и направляет дуло ружья в опасное местечко между глазом и ухом...

Я быстро вскакиваю. Пахнет справа. Значит, надо бежать влево. И я бегу, ломая и раздвигая кусты. Потом — кто учил меня этому? — я поступаю так, как поступают слоны, когда хотят сбить преследователя со следа. После шумного отступления слон вдруг затихает. Преследователь не слышит ни единого звука и думает, что слон остановился на месте. Но слон продолжает убежать,

так осторожно ступая и раздвигая ветки, что даже кот не прошел бы тише.

Я пробежал не менее двух километров, пока, наконец, осмелился обернуться, чтобы понюхать воздух. Людьми еще пахло, но они были далеко, я думаю, не менее как за километр от меня. Я продолжал свой бег.

Настала тропическая ночь, душная, знойная, темная, как сама слепота. С темнотою пришел и страх. Он окружил меня со всех сторон и был такой безысходный, как и тьма. Куда бежать? Что делать? Стоять на месте казалось страшнее, чем двигаться. И я шел неустанной ровной походкой.

Скоро под ногами зашлепала вода. Еще несколько шагов — и я вышел на берег... чего? реки? озера? Я решил поплыть. На воде я мог быть по крайней мере в безопасности от нападения львов и леопардов. Я поплыл и, к своему удивлению, очень скоро почувствовал под ногами дно и вышел на мелкое место. Я пошел дальше.

На пути — какие-то ручьи, речки, болотца. В траве на меня шипят невидимые зверьки, боязливо отпрыгивают огромные лягушки. Я бродил всю ночь и к утру принужден был признать, что окончательно заблудился.

Прошло несколько дней, и я уже многого не боялся из того, что раньше внушало мне страх. Смешно! В первые дни своего нового существования я боялся даже поранить себе кожу колючками. Быть может, меня напугала история с уколотым пальцеобразным отростком хобота. Однако я скоро убедился, что самые острые и крепкие колючки не причиняют мне ни малейшего вреда, — толстая кожа защищала меня, как броня. Затем я боялся случайно наступить на ядовитую змею. И когда это произошло в первый раз и змея обвилась вокруг моей ноги, пытаясь меня ужалить, от страха похолодело мое огромное слоновье сердце. Но тотчас я убедился, что змея бессильна причинить мне вред. С той поры я находил даже удовольствие давить ногами встречающихся на пути змей, если они заблаговременно не убирались с дороги.

Впрочем, кое-что осталось, что возбуждало мой страх. Ночью я боялся нападения крупных хищников — льва, леопарда. Я был сильнее их и не хуже их вооружен, но у меня не было личного опыта в борьбе и не было инстинктов, которые суфлировали бы мне мою роль. А днем я боялся охотников, в особенности белых. О, эти белые люди! Они самые опасные из зверей. Их капканов, силков, западней я не боялся. Меня трудно было загнать в загон, пугая кострами или трещотками. Единственно, что угрожало мне, — это возможность упасть в замаскированную яму, и я внимательно осматривал лежащий передо мною путь.

Запах деревни я чувствовал за несколько километров и старался далеко обходить всякое жильё человека. По запаху я различал даже туземные племена. Одни из них были более опасны для меня, другие менее, третьи совсем не опасны.

Однажды, потянув хоботом, я услышал новый запах — зверя или человека, я даже затрудняюсь сказать. Скорее человека. Меня охватило любопытство. Ведь я изучал лес и должен был знать обо всем, что могло угрожать мне опасностью. Я направился по запаху, как по компасу, очень осторожно продвигаясь вперед. Это было ночью, в тот час, когда туземцы спят крепче всего. Я подкрадывался как можно тише, в то же время внимательно осматривая путь перед собою. Запах становился все сильнее.

К утру я вышел на опушку леса и, скрываясь в густой заросли, посмотрел

на поляну. Бледный месяц стоял над лесом и обливал пепельным светом низенькие остроконечные шалаши. Такой шалаш мог только прикрыть сидящего человека среднего роста. Было тихо. Даже собаки не лаяли. Я подошел с подветренной стороны. Я недоумевал: кто может жить в этих маленьких шалашах, как будто сделанных играющими детьми?

Вдруг я заметил, что из дыры в земле вылезло какое-то человекоподобное существо. Поднявшись на ноги, свистнуло. На свист отозвалось другое существо, соскочившее с ветви дерева. Еще два вышли из шалашей. Они сошлись у большого шалаша, высотой в полтора метра, и начали о чем-то совещаться. Когда первые лучи солнца осветили небо и я мог рассмотреть „гномов“, — как назвал я странные существа, — то я убедился, что набрел на поселение пигмеев, самых маленьких людей из существующих на земном шаре. Они имели светло-коричневую кожу и волосы почти красного цвета. Их фигурки были очень стройны и пропорционально сложены. Но их рост не превышал восьмидесяти-девяноста сантиметров. У некоторых из этих „детей“ были бороды, густые и курчавые. Пигмеи о чем-то быстро говорили пискливыми голосами.

Это было очень интересное зрелище, но мне стало страшно. Лучше бы я встретился с великанами, чем с этими страшными для меня карликами. Пожалуй, я предпочел бы встречу с белым человеком. Пигмеи, несмотря на свой ничтожный рост, являются самыми страшными врагами слонов. Я знал это, прежде чем сделаться слоном. Они великолепные стрелки из лука и метатели копий. Они употребляют отравленные стрелы, одного укула которых достаточно, чтобы поразить насмерть слона. Они могут бесшумно подкрасться к слону сзади и набросить на задние ноги путы или же пересечь острым ножом ахиллесову жилу. Вокруг своих деревень они разбрасывают отравленные колючки и палочки...

Я вдруг повернулся всем телом и бросился убежать с такой же поспешностью, как в тот раз, когда убегал от леопарда. Сзади себя я слышал крик, вслед за этим звуки погони. Я ушел бы от них, если бы передо мной была ровная дорога. Но мне пришлось бежать в дремучем лесу, то и дело обегая непреодолимые препятствия. А мои преследователи, ловкие, как обезьяны, подвижные, как ящерицы, и неутомимые, как борзые собаки, бежали так быстро, будто препятствия не существовали для них. Погоня приближалась. Несколько копий были брошены мне вслед. К счастью, густая зелень защищала меня. Я задыхался и готов был упасть от усталости. А маленькие человечки, не падая, не спотыкаясь, не отставая ни на шаг, следовали за мной.

Я убедился на горьком опыте, что нелегко быть слоном, что вся жизнь даже такого крупного и сильного животного, как слон, — непрерывная, ни на минуту не прекращающаяся борьба за существование. Мне казалось невероятным, что слоны доживают до ста и более лет. При таких волнениях, право же, они должны были бы умирать раньше, чем люди. Впрочем, настоящие слоны, быть может, не волнуются так, как волновался я. У меня был слишком нервный, легко возбудимый человеческий мозг. Уверяю вас, сама смерть в эти минуты казалась мне лучше, чем жизнь с вечно гонящейся по пятам смертью. Остановиться? Подставить грудь под удары отравленных копий и стрел моих двуногих мучителей?.. Я готов был сделать это. Но в последнюю минуту мое настроение изменилось: я неожиданно втянул в хобот сильный запах слоньего стада. Не найду ли я спасения среди слонов?

Дремучий лес редел и постепенно перешел в саванны, поросшие там и сям большими деревьями, которые давали мне возможность укрываться от стрел моих преследователей.

Я бежал зигзагами. Здесь пигмеям приходилось хуже, чем в лесу. Хотя я и прокладывал широкую дорогу, но все же крепкие стебли степных растений и трав мешали им бежать. Запах слонов становился все сильнее, хотя я все еще не видел их.

На моем пути встречались огромные ямы — здесь слоны валялись, как куры, копающиеся в песке. Местами виднелся помет. Вот и первые деревья. Я уже вижу нескольких слонов, барахтающихся на земле. Другие стоят возле деревьев, держат в хоботе большие ветви и обмахиваются ими, как веерами, помахивая в то же время хвостом. Уши их приподняты подобно зонтикам. Иные мирно купаются в реке. Я бежал против ветра, и слоны не учуяли меня. Тревога поднялась только тогда, когда крайние слоны услышали мой топот. Что тут произошло! Слоны метались по берегу реки, отчаянно трубили. Вожак, вместо того чтобы защищать тыл, первый побежал, бросился в воду и переплыл на другую сторону. Чадолюбивые мамы защищали своих детей, которые по росту мало чем отличались от взрослых. Самкам же приходилось защищать тыл. Неужели мое появление так напугало слонов, или они в моем сумасшедшем беге почувствовали иную опасность, чем та, которая заставила бежать меня самого?

Я со всего размаха бросился в воду, переплыл реку прежде многих самок с их детенышами и постарался выбежать вперед, чтобы между мною и моими преследователями оказались туши слонов. Это, конечно, было уже эгоистично с моей стороны, но я видел, что и другие слоны, за исключением самок-матерей, поступали так же. Я слышал, как подбежали к реке пигмеи. Их пискливые голоса сливались с трубными звуками слонов. Там происходила какая-то трагедия, но я боялся обернуться назад и продолжал бежать по открытой равнине. Я так и не узнал, чем окончилось сражение у реки между карлика-людьми и великанами-животными.

Мы бежали много часов, не останавливаясь. Так как я был утомлен бегом, то едва поспевал за слонами, но я ни за что не хотел отставать от стада. Если только слоны примут меня в свою компанию, среди них я буду в относительной безопасности, так как они лучше меня знают местность и своих врагов.

XI. В слоновьем стаде

Наконец слон, бежавший впереди, остановился, а вслед за ним и остальные. Мы повернули головы назад. Нас никто не преследовал. Только два молодых слона, сопровождаемые своими матерями, бежали к нам!

На меня как будто никто не обратил внимания. Однако, когда прибыли последние отставшие и стадо понемногу успокоилось, ко мне начали подходить слоны, обнюхивать хоботом, осматривать, обходить кругом. Они о чем-то спрашивали меня, издавая тихое ворчание, а я не мог ответить им. Я даже не понимал, что означает это ворчание — неодобрение или удовольствие.

Больше всего я опасался вожака. Я знал, что „я“ был вожаком стада, прежде чем Вагнер произвел операцию. Что, если я попал в то самое стадо и новый вождь начнет спорить со мной из-за власти? Признаюсь, я очень волновался, когда вождь, большой, сильный слон, подошел ко мне и как бы невзначай толкнул меня бивнем в бок. Я покорился. Он еще раз толкнул меня, как бы вызы-

вая на бой. Но я не принимал боя и только отходил в сторону. Тогда слон свернул хобот, положил его в пасть и слегка придержал губами. Впоследствии я узнал, что слоны таким образом выражают смущение и удивление. Вожак был, очевидно, озадачен моею покорностью и не знал, что делать. Но в то время я не знал языка слонов и, думая, что он таким образом приветствует меня, также положил хобот в пасть. Слон пискнул и отошел от меня.

Теперь я понимаю каждый звук, издаваемый слоном. Я знаю, что тихое ворчание, а также писк означают удовольствие. Страх выражается сильным ревом, внезапный испуг — коротким резким звуком. Именно таким резким звуком встретило стадо мое появление. В ярости, будучи ранены или озабочены, слоны издают глубокие горловые звуки. Один слон, оставшийся на берегу реки, так кричал во время нападения пигмеев. Быть может, он был смертельно ранен отравленными стрелами. А при нападении на врага слоны издают сильный визг. Я передал только основные „слова“ слоньего языка, выражающие главнейшие их чувства. Но эти „слова“ имеют множество оттенков.

В первое время я очень боялся, как бы слоны не догадались, что я не настоящий слон, и не выбросили бы меня из стада. Быть может, они и чувствовали, что со мною что-то неладное, однако они оказались достаточно миролюбивыми. Они относились ко мне, как к дефективному переростку, у которого в голове не все в порядке, но который никому вреда не делает.

Жизнь моя протекала довольно однообразно. Путешествовали мы всегда гуськом. От десяти-одиннадцати часов утра часов до трех дня отдыхали, потом опять начинали пастись. Ночью опять отдыхали по несколько часов. Некоторые слоны ложились, почти все дремали, а один сторожил.

Я не мог примириться с тем, что мне придется всю жизнь провести в слоновьем стаде. Я тосковал о людях. Пусть я имею вид слона, но я предпочитаю жить с людьми, спокойно, без тревог. И я охотно пошел бы к белым людям, если бы не боялся, что они убьют меня ради моих бивней. Признаюсь, я даже пытался сломать бивни, чтобы обесценить себя в глазах людей, но из этого ничего не вышло. Бивни были несокрушимы, или же я не умел ломать их. Так пробродил я со слонами более месяца.

Однажды мы паслись на открытом месте, среди необозримых саванн. Я стоял на страже. Ночь была звездная, безлунная. В стаде было сравнительно тихо. Я отошел несколько в сторонку, чтобы лучше прислушиваться и привыкаться к запахам ночи.

Но пахло только разнообразными травами да неопасными для нас мелкими пресмыкающимися и зверьками. И вдруг далеко-далеко, почти на горизонте, вспыхнул огонек. Погас, потом опять вспыхнул и разгорелся.

Прошло несколько минут, и слева от огонька вспыхнул второй, потом на некотором расстоянии третий, четвертый. Нет, это не охотники, расположившиеся на ночлег. Костры загорались на равном расстоянии друг от друга, как будто по степи проложили улицу и зажгли фонари. В это же время по другую сторону от себя я заметил такие же вспыхивающие огни костров. Мы оказались между двумя огненными линиями. Скоро в одном конце этой дороги между двух линий огня затрепчат, закричат загонщики, а в другом конце нас будут ждать ямы или же загоны — в зависимости от того, какую цель ставят охотники: овладеть нами живыми или мертвыми. В ямах мы поломаем себе ноги и будем годны только на убой, а в загонах нас ждет жизнь рабов. Слоны

боятся огней. Они вообще трусливы. Когда их будит шум, они бросаются в ту сторону, где нет огней и шума, — там их ждет молчаливая западня или смерть.

Только один я из всего стада понимаю положение вещей. Но дает ли это мне какое-нибудь преимущество? Что мне делать? Идти на огни? Там меня встретят вооруженные люди. Быть может, мне удастся прорвать блокаду. Этот риск лучше, чем верная смерть или неволя. Но тогда мне придется расстаться со стадом и начать жизнь слона-отшельника. Рано или поздно я все равно погибну от пули, отравленной стрелы или клыков зверя...

Мне казалось, что я все еще колебался, но на самом деле я уже сделал выбор, потому что, сам того не замечая, я отходил в сторону, чтобы разбуженное стадо, убегая, не увлекло меня водоворотом тел навстречу беде.

Вот уже кричат загонщики, бьют барабаны, трещат, свистят, стреляют. Я трубку глубоким трубным призывом. Слоны просыпаются и в испуге топчутся на месте, трубя изо всех сил. Стоит такой необычайный рев, что дрожит земля. Слоны осматриваются по сторонам, видят костры, которые как будто приближаются (их переносят все ближе и ближе), перестают реветь и бросаются в одну сторону, но там они слышат шум надвигающихся загонщиков. Стадо поворачивает и бежит в противоположную сторону... навстречу своей гибели. Правда, эта гибель еще не так близка. Охота продолжится несколько дней. Костры будут все больше сближаться, загонщики — подходить все ближе к слонам и гнать их вперед, пока, наконец, слоны не попадут в загоны или ямы.

Но я не иду со слонами. Я остаюсь один. Панический ужас, который охватил все стадо, передается моим слоновьим нервам, а от них — моему человеческому мозгу. Страх затемняет сознание. Я готов бежать вслед за стадом. Я призываю на помощь все свое мужество, всю свою волю. Так нет же! Мой человеческий мозг победит страх слона, победит эту огромную гору мяса, крови, костей, которая увлекает меня к гибели.

И я, как шофер, повертываю руль „грузовика“ и сворачиваю прямо в реку. Плеск, каскад брызг, тишина... Вода охладила мою кипящую слоновью кровь. Рассудок победил. Теперь я крепко держу „в руках“ разума свои слоновьи ноги. Они покорно топчутся по илистому дну.

Я решил проделать штуку, которую не проделывают обыкновенные слоны: отсидеться в воде, погрузившись в нее, как гиппопотам. Постараюсь дышать только кончиком высунутого хобота. Пробую проделать это. Вода неприятно заливает уши и глаза. Время от времени я поднимаю голову и слушаю. Загонщики все ближе. Я опять погружаюсь в воду. Вот загонщики прошли мимо, не заметив меня.

С меня довольно непрерывных волнений и страха. Пусть будет что будет, но я не пойду к людям-охотникам. Я спущусь вниз по Конго и разыщу одну из факторий, которых немало расположено между Стенли-Пулем и Бомом. Я явлюсь на факторию или ферму и постараюсь показать мирным людям, что я не дикий слон, а дрессированный, и они не прогонят и не убьют меня.

XII. На службе у браконьеров

Привести в исполнение этот план оказалось труднее, чем я предполагал. Я довольно скоро разыскал главное русло Конго и отправился вниз по течению. Днем я пробирался вдоль берега, ночью плыл по течению. Мое путеше-

ствие протекало благополучно. На этом участке река судоходна, и дикие звери опасаются подходить близко к берегам. За все время моего путешествия вниз по реке — а оно длилось около месяца — я только раз слышал отдаленный рев льва, и однажды у меня произошло довольно неприятное столкновение, в буквальном и переносном смысле этого слова, с гиппопотамом. Это было ночью. Он сидел в реке, погруженный по самые ноздри. Я не заметил его и, плывя, наскочил на неуклюжее животное, как на айсберг. Гиппопотам погрузился в воду еще глубже и начал своей тупой мордой пренеприятно бить меня в брюхо. Я поспешил убраться в сторону. Гиппопотам выплыл, сердито фыркнул и погнался за мной. Но я успел уплыть от него.

Доплыл я благополучно до Лукунги, где увидел большую фабрику, судя по флагу — бельгийскую. Я вышел из леса рано утром и направился к дому, кивая головой. Однако этот маневр не помог мне. Два огромных дога с неистовым лаем начали бросаться на меня. Из дома вышел человек в белом костюме, увидел меня и быстро вбежал в дом. Несколько негров с криками пробежали по двору и также скрылись в доме. Потом... потом я услышал два ружейных выстрела. Я не стал дожидаться третьего и принужден был повернуть к лесу и уйти.

Однажды я шел ночью по редкому унылому лесу. Таких лесов немало в Центральной Африке. Темная зелень, болотистая почва под ногами, черные стволы деревьев. Недавно прошел сильный дождь, а ночь была для экватора довольно прохладная, ветреная. Несмотря на толстую кожу, я, как и другие слоны, довольно чувствителен к сырости. В дождь и сырую погоду я не стою на месте, я двигаюсь, чтобы согреться.

Я шел ровным шагом уже несколько часов, как вдруг увидел перед собой огонь костра. Место было довольно дикое. Здесь не встречалось даже деревень чернокожих. Кто мог зажечь костер? Я пошел быстрее. Лес кончился, началась саванна с невысокой травой. Видимо, здесь не так давно был лесной пожар, и трава еще не успела вырасти. На расстоянии полукилометра от леса виднелся старый изодранный шатер. Возле него горел костер, а у костра сидели двое, по-видимому европейцы. Один из них что-то помешивал в котелке, висящем над костром. Третий — явно туземец, полуголый красавец — стоял, как бронзовое изваяние, недалеко от костра.

Я медленно приближался к костру, не спуская глаз с людей. Когда они увидели меня, я опустился на колени так, как это делают дрессированные слоны, подставляющие спины под поклажу. Небольшой человек в пробковом шлеме вдруг схватил ружье с явным намерением стрелять. Но туземец в тот же момент закричал на ломаном английском языке:

— Не надо! Это хороший, это домашний слон! — И побежал ко мне навстречу.

— Уйди в сторону! Иначе я сделаю дыру в твоём теле! Эй ты, как тебя зовут? — закричал белый, прицеливаясь.

— Мпепо, — ответил туземец, но не отошел от меня, а подбежал еще ближе, как бы желая своим телом защитить меня от выстрела.

— Видишь, бана[90], ручной! — говорил он, поглаживая мой хобот.

— Прочь, обезьяна! — кричал человек с ружьем. — Стреляю! Раз, два...

— Подожди, Бакала, — сказал второй белый, высокий и худой. — Мпепо прав. Бивней у нас достаточно, а доставить их хотя бы только до Матади будет

не легко и не дешево. Этот слон, видимо, ручной. Чей он и почему шляется по ночам, об этом мы не будем спрашивать. Он нам может оказаться очень полезным. Слон поднимает тонну, хотя с таким грузом он далеко не уйдет. Ну, допустим, полтонны. Проще говоря, один слон может заменить нам тридцать-сорок носильщиков, понимаешь? И он нам ровно ничего не будет стоить. А когда придет время и он не будет нам больше нужен, мы убьем его и прибавим его прекрасные бивни к нашей коллекции. Ясно?

Тот, которого называли Бакала, слушал нетерпеливо и несколько раз пытался стрелять. Но, когда собеседник подсчитал, во сколько обойдется им наем носильщиков, которых может заменить слон, то согласился на эти доводы и опустил ружье.

— Эй, ты! Как тебя зовут? — обратился он к туземцу.

— М...пепо, — ответил тот. Впоследствии я убедился, что Бакала всякий раз обращался к туземцу: „Эй, ты, как тебя зовут“, а тот неизменно отвечал с маленькой остановкой на букве „М“, как будто он сам с трудом выговаривал свое имя. „М...пепо“.

— Иди сюда. Веди слона.

Я охотно повиновался жесту Мпепо, приглашавшего меня подойти ближе к костру.

— Как же мы его назовем? А? Трэмп[91] — самое подходящее для него название, как ты думаешь, Кокс?

Я посмотрел на Кокса. Он весь был какой-то сизый. В особенности меня поразило его нос, словно только что вынутый из лиловой краски. На сизом теле была надета сизая рубашка, расстегнутая на груди, с рукавами, засученными выше локтя. Кокс говорил сиплым и, как мне показалось, тоже сизым голосом, шепелявя и картавя. Этот глухой голос как будто выцвел, как и его рубашка.

— Ну что ж, — согласился он, — пускай будет Трэмп.

Около костра зашевелилось тряпье, и из-под него послышался чей-то очень слабый, но густой бас:

— Что случилось?

— Ты еще жив? А мы думали, что уже умер, — спокойно сказал Бакала, обращаясь к тряпью.

Тряпье зашевелилось сильнее, и из-под него вдруг показалась большая рука. Рука сбросила тряпье. Большой, хорошо сложенный человек поднялся и сел, подпираясь руками и покачиваясь. Его лицо было очень бледно. Рыжая борода всклокочена. Видно было, что белый человек — лицо его было бело как снег — болен. Тусклые глаза посмотрели на меня. Больной усмехнулся и сказал:

— К трем бродягам прибавился четвертый. Белая кожа — черная душа. Черная кожа — белая душа. Один честный, и тот бакуба! — больной бессильно упал навзничь.

— Бредит, — сказал Бакала.

— Что-то бред его обидный, — отозвался Кокс. — Загадки загадывает. Один честный, да и тот бакуба. Ты понимаешь, что это значит? Ведь наш Мпепо из племени бакуба. В этом ты можешь удостовериться, посмотрев ему в зубы: у него, по обычаю бакуба, выбиты верхние резцы. Выходит, что он один честный, а мы жулики.

— И сам Броун в том числе. У него кожа белей, чем у нас; значит, и душа

чернее, если уж на то пошло. Броун, ты тоже жулик?

Но Броун не отвечал.

— Опять без памяти.

— Тем лучше. И будет еще лучше, если он совсем не придет в себя. От него теперь мало пользы, а он связывает нас по рукам.

— Поправится — один двоих нас будет стоять.

— От этого тоже мало удовольствия. Неужели ты не понимаешь, что он лишний?..

Броун забормотал в бреду, и разговор умолк.

— Эй, ты, как тебя зовут?

— М...пепо.

Привяжи слона за ноги к дереву, чтобы не сбежал.

— Нет, слон не уйдет, — ответил Мпепо, поглаживая мою ногу.

Наутро я лучше разглядел моих новых хозяев. Больше всех мне понравился Мпепо. Он всегда был весел и улыбался, обнажая белые зубы, несколько обезображенные отсутствием двух верхних резцов. Мпепо, видимо, любил слонов и очень заботливо ухаживал за мной. Он промывал мне уши, глаза, ноги и складки кожи. Приносил мне угощение — каких-то вкусных плодов и ягод, которые разыскивал для меня.

Броун все еще болел, и я не мог составить о нем более или менее полного представления. Его лицо и его прямота, когда он говорил со своими спутниками, нравились мне. Но Бакала и Кокс мне решительно не нравились. Особенно странное и неприятное впечатление производил Бакала. На нем был грязный изорванный костюм из лучшего материала и самого лучшего покроя. Этот костюм мог принадлежать какому-нибудь очень богатому туристу. И мне казалось, что костюм и палатка достались Бакале преступным путем. Быть может, он убил какого-нибудь знатного англичанина-путешественника и ограбил его. Великолепное ружье также могло принадлежать этому англичанину. На широком поясе Бакала носил большой револьвер и нож устрашающих размеров. Бакала был не то португалец, не то испанец, человек без родины, семьи и определенных занятий.

Сизый Кокс был англичанин, не поладивший с законами своей страны. Все трое были браконьеры: они охотились на слонов ради слоновой кости, не считаясь ни с какими законами и границами.

Мпепо был их проводник и инструктор. Он, несмотря на свою юность, был прекрасный знаток слонов и слоновьей охоты. Правда, его приемы ловли слонов были грубые, варварские. Но других он не знал. Он применял те способы, которым научился у отцов. А браконьерам было глубоко безразлично, каким способом истреблять слонов. Они окружали их кольцом костров и добивали полузадохшихся от дыма и опаленных, ловили в ямы с острыми кольями на дне, стреляли, подрезывали жилы на задней ноге, оглушали бревном, падавшим сверху, и потом добивали. Мпепо был очень полезен им.

XIII. Трэмп пошаливает

Однажды, когда Броун начал поправляться, но был еще слишком слаб, чтобы принимать участие в охоте, Кокс и Бакала отправились, сидя на моей спине, за несколько десятков километров за бивнями слона, убитого накануне. Их никто не слышал, а я был всего только вьючное животное, и потому они откровенно разговаривали между собой.

— Этой шоколадной обезьяне — как там ее зовут? — придется отвалить, по уговору, пятую часть добычи, — сказал Бакала.

— Жирно будет, — ответил Кокс.

— А остальное придется разделить на три части: тебе, мне и Броуну. Если считать, что килограмм кости даст нам семьдесят пять — сто марок...

— Ни в коем случае столько не дадут. Ты в этом деле ничего не понимаешь. Есть так называемая мягкая, или мертвая, кость и твердая, или живая. Первая только называется мягкой, но на самом деле она очень плотная, белая и нежная. Из нее делают бильярдные шары, клавиши, гребенки. Такая кость дорого ценится. Но у здешних слонов не такая кость. За мягкой костью надо ехать в Восточную Африку. Но там из твоих твердых костей сделают мягкие, прежде чем позволят убить хоть одного слона. А кость здешних слонов — твердая, живая, прозрачная. Из нее можно делать только какие-нибудь ручки для палок и зонтов да дешевые гребенки.

— И что же получается? — спросил хмуро Бакала. — Что мы работали впустую?

— Зачем впустую? Кое-что останется. Если вчетвером охотиться, а добычу поделить только пополам, то и совсем не плохо будет...

— Пусть меня слоны растопчут в лепешку, если я сам не думал о том же.

— Надо не думать, а делать. Броун не сегодня-завтра окончательно станет на ноги, и тогда с ним не справиться. Бычья сила у этого рыжего черта. А Мпепо верток, как обезьяна. Их надо враз уничтожить. Лучше ночью. И для верности напоить. У нас еще осталось немного спирта. С них хватит.

— Когда?

— Приехали...

В огромной яме боком лежал слон. Несчастный напоролся брюхом на острый кол еще три дня тому назад, но до сих пор был жив. Бакала пристрелил его, спустился в яму вместе с Коксом и начал вырубать бивни. Они проработали почти весь день. Солнце уже склонялось к западу. Привязав бивни веревками к моей спине, они отправились в обратный путь.

Уже палатка была видна, когда Кокс сказал, как бы продолжая прерванный разговор:

— И нечего откладывать. Сегодня ночью.

Но их ждало разочарование. К своему удивлению, Бруна они не застали в лагере. Мпепо объяснил, что „бана“ почувствовал себя настолько хорошо, что пошел на охоту и, может быть, на ночь не вернется. Бакала тихо выругался. Пришлось отложить убийство до другого раза.

Броун вернулся только под утро, когда Кокс и Бакала спали. Он подошел к Мпепо, тронул его за плечо. Туземец, стоявший на часах, весело улыбнулся, оскалив зубы. Броун махнул рукой и подвел юношу к слону, приказывая садиться. Мпепо сделал мне знак рукой, я склонил колени, они взобрались на спину, и я повез их вдоль опушки леса.

— Я хочу сделать им подарок. Они думают, что я болен, а я совсем здоров. Сегодня ночью мне удалось убить слона — большого слона с великолепными бивнями. Ты поможешь мне обрубить их. То-то удивятся Бакала и Кокс!

При свете восходящего солнца на берегу реки, среди зарослей кофейных кустарников, я увидел огромную раздутую тушу слона, лежащую на боку.

Покончив с бивнями, мы отправились назад — навстречу нашей гибели.

Броун и Мпепе были обречены на более скорую смерть, я несколько позже должен был разделить их участь. Впрочем, я всегда мог убежать от людей. Но я не делал этого, так как непосредственной опасности мне не угрожало, и я хотел, если удастся, спасти от смерти Броуна и Мпепе. Мне было особенно жалко Мпепе — этого жизнерадостного юношу с телом Аполлона. Но как предупредить их? Увы, я не имел возможности рассказать им об угрожающей опасности... А что, если я откажусь нести их в лагерь?

Я вдруг круто повернул с дороги и направился в ту сторону, где протекала Конго. Мне казалось, что на реке они могут встретить людей и Броун сможет вернуться в культурные страны. Но он не мог понять моего упорства и начал очень больно ударять заостренной железной палочкой мне в шею. Острие прокалывало мне кожу. А моя кожа очень чувствительна и подвержена загноению. Я помнил, как долго не заживала ранка, причиненная пулей англичанина, охотившегося на меня с лодки. Я слышал, как Мпепе просил Броуна не колоть мне шею, но Броун был взбешен моим непослушанием и колот все сильнее, все глубже.

Мпепе пробовал уговаривать меня самыми ласковыми словами на своем языке. Я не понимал слов, но интонации голоса понятны одинаково всем людям и животным. Мпепе нагнулся и поцеловал меня в шею. Бедный Мпепе! Если бы он знал, о чем просит меня!..

— Убить его, и больше ничего! — сказал Броун. — Если Трэмп не хочет везти, то он больше ни на что не нужен, как только на то, чтобы обрубить его клыки. Порченный слон! Настоящий „трэмп“. Ушел от одних хозяев, теперь хочет удрать от нас. Но это ему не удастся. Я сейчас всажу ему пулю между глазом и ухом.

Я затрепетал, когда услышал эти слова. Броун, охотник на слонов, не промахнется, сидя на слоне... Погибнуть самому или предать их на верную смерть? Я слышал, как Мпепе умолял Броуна пощадить меня. Но англичанин был непреклонен. Он уже снимал ружье с плеча.

В самый последний момент я неожиданно повернул к лагерю. Броун рассмеялся.

— Можно подумать, что слон понимает человеческий язык и знает, что я хотел сделать, — сказал он.

Я покорно прошел несколько шагов, потом вдруг схватил хоботом Броуна, стащил его со спины, бросил на землю и быстро побежал к лесу вместе с Мпепе. Броун кричал и ругался. Он ушибся не сильно, однако после болезни был еще слаб и не сразу мог подняться на ноги. Я воспользовался этим и добежал до леса. „Если нельзя спасти обоих, — думал я, — то спасу по крайней мере Мпепе“. Но и туземец не хотел расставаться с лагерем. Недаром он несколько месяцев охотился на слонов, рискуя жизнью. Теперь он должен был получить награду. Мне надо было попридержать Мпепе хоботом; я не догадался сделать этого, думая, что он не решится прыгать с высоты моей спины. Но юноша ловкий, как обезьяна, поступил иначе: когда я шел вблизи леса, он ухватился за ветки и вскочил на сук. Я не мог достать Мпепе и стоял у дерева, пока не услышал запаха подкрадывающегося ко мне сзади Броуна. Тогда я, не ожидая, пока Броун начнет стрелять, побежал в лесную чащу.

Они ушли. Но я не хотел предоставлять этих людей их судьбе. И, подождав немного, отправился в путь. Я обошел стороной и прибыл в лагерь раньше их.

Кокс и Бакала очень удивились, увидав меня без всадников, но с хорошими бивнями на спине.

— Неужели слоны или дикие звери помогли нам отделаться от Броуна и Мпепо? — сказал Кокс, развязывая веревки.

Однако радость их была преждевременна. Скоро явились ругающийся Броун и Мпепо. Броун, увидав меня, разразился новым потоком проклятий и ругательств. Он рассказал своим товарищам, какую шутку я проделал с ними, и убеждал их тотчас прикончить меня. Но расчетливый Кокс был против и вновь начал делать свои выкладки. Кокс и Бакала уверяли, что они очень рады выздоровлению и возвращению Броуна, да еще с парюю прекрасных бивней.

XIV. Четыре трупа и слоновая кость

Спать улеглись рано. Мпепо в эту ночь не дежурил и уснул сном младенца. Крепко уснул и уставший Броун. Кокс стоял на страже, а Бакала ворочался под одеялом, но, видимо, не спал. Несколько раз Бакала приподнимал голову, вопросительно поглядывая на Кокса, но тот отрицательно тряс головой: „рано“.

Ущербленная луна показалась из-за леса, осветив поляну тусклым сиянием. Где-то в лесу жалобно закричал, как младенец, какой-то зверек, попав в зубы хищнику. Броуна не разбудил этот звук, — значит, спит крепко. Кокс кивнул головой утвердительно. И Бакала, который следил за каждым жестом Кокса, тотчас встал и заложил руку за спину, очевидно вытаскивая из заднего кармана револьвер. Я решил, что надо начинать действовать. Я проделал штуку, к которой обыкновенно прибегают индийские слоны, желая напугать врага: они плотно прижимают отверстие хобота к земле и начинают сильно дуть. Получается странный, пугающий звук: треск, бульканье, храпенье. Этот звук мог бы разбудить мертвых. А Броун не был мертв.

— Какой черт тут играет на тромбоне? — сказал он, поднимая голову и тараща сонные глаза. Бакала присел на корточки.

— Ты что, танцуешь? — спросил Броун.

— Я... слон, проклятый, разбудил меня! Пшел прочь!

Но я не уходил, и через некоторое время, когда Броун опять погрузился в сон, повторил свой фокус. Кокс уже подходил к Броуну с револьвером в руке, когда я затрубил что было мочи. Броун вскочил, подбежал ко мне и пребольно ударил меня ребром ладони по кончику хобота. Я быстро свернул хобот и отошел.

— Убью, проклятое животное! — крикнул он. — Это не слон, а дьявол какой-то. Мпепо! Гони слона отсюда в болото!.. Зачем у тебя револьвер в руках? — вдруг спросил Броун, подозрительно осматривая Кокса.

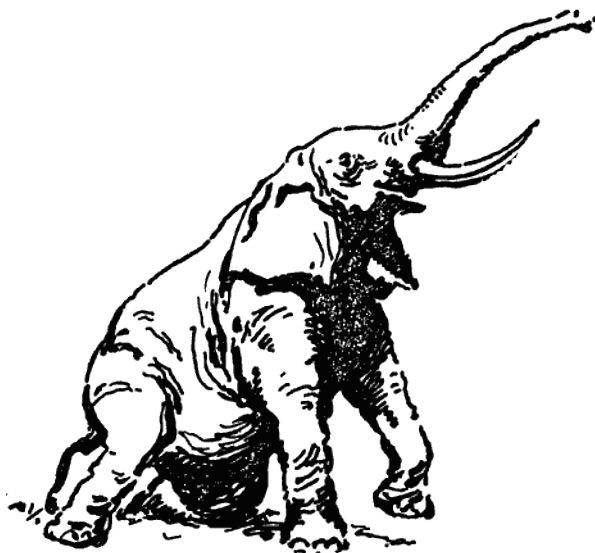
— Я хотел пальнуть разок-другой в Трэмп, чтобы он убрался подальше.

Броун уже свалился на землю и начинал засыпать. Я отошел на несколько шагов, продолжая наблюдать за лагерем.

— Проклятый слон! — слышал я, как шипит Кокс, грозя мне кулаком.

— Он чует зверя, — ответил Мпепо. Юноша хотел оправдать мои поступки, не подозревая, как он близок от истины. Да, я ревел потому, что чуял зверей — двуногих беспощадных зверей.

Уже совсем под утро Кокс кивнул головой Бакале. Они быстро подбежали: Кокс к спящему Броуну, Бакала — к Мпепо, и оба одновременно выстрелили.



Мпепе вскрикнул жалобно и пронзительно, как тот зверек, который кричал в начале ночи, поднялся, встряхнулся, упал и начал быстро-быстро подергивать ногами, а Броун не издал ни единого звука. Все произошло так быстро, что я не успел предупредить несчастных...

Однако Броун был еще жив. Он вдруг поднялся, оперся на локоть правой руки и выстрелил в Кокса, склонившегося над ним. Тот упал как подкошенный. Прикрываясь его трупом, Броун начал стрелять в Бакалу. Бакала закричал:

— А-а! Рыжий обманщик! — Выстрелил один раз и пустился бежать.



Но, сделав несколько шагов, Бакала вдруг завертелся на одном месте, как это бывает с людьми, когда пуля попадет им в голову, и упал на землю. Броун тяжело вздохнул и откинулся навзничь. Острый запах крови стоял над поляной. Все смолкло. Только хрипел Броун. Я подошел к нему и посмотрел в лицо. Глаза его уже были мутны. Но он сделал еще одно судорожное движение и еще раз выстрелил. Пуля легко оцарапала мне кожу у колена правой передней ноги.

XV. Удачный маневр

Наконец-то — это было в Матади — мне посчастливилось. Был вечер. Солнце спускалось за вершины гор, отделяющих бассейн Конго от океана. Я шел по лесу недалеко от реки, предаваясь грустным размышлениям. Я уже начинал сожалеть, что не побежал вместе со стадом в загон. Теперь я не ходил бы изгнанником: или окончились бы все мои земные страдания, или же я превратился бы в честного рабочего слона. Направо от меня, сквозь чащу прибрежного леса, в лучах заходящего солнца горела рубинами река. Налево росли исполинские каучуковые деревья с надрезами на коре. Судя по этим надрезам, здесь близко должны быть люди.

Я прошел еще несколько сот метров и вышел на обработанные поля, где росли маниока, просо, бананы, ананасы, сахарный тростник и табак. Осторожно ступая, я прошел по меже между сахарным тростником и табачным полем. Межа привела меня к большой поляне с домом посередине. Около дома никого не было видно, а на поляне недалеко от меня резвились дети: мальчик и девочка семи-девяти лет, игравшие в серсо.

Я вышел на поляну, не замеченный ими, и вдруг, поднявшись на задние ноги, пискнул как можно смешнее и заплясал. Дети увидели меня и замерли от удивления. А я, радуясь, что они не заплакали и не убежали в первую минуту, проделывал такие забавные штуки, которые, вероятно, и не снились дрессированному цирковому слону. Мальчик первый пришел в восторг и начал хохотать. Девочка захлопала в ладоши. Я танцевал, кувыркался, становился то на передние, то на задние ноги, делал курбеты.

Дети все больше смелели и подходили ко мне. Наконец я осторожно протянул хобот и предложил мальчику сесть на него и покачаться. Мальчик после некоторого колебания решился и, усевшись на конец согнутого хобота, начал качаться. Вслед за этим я покачал и девочку. Признаюсь, я так был рад обществу этих веселых маленьких белых людей, что сам увлекся игрою и не заметил, как к нам подошел высокий худой мужчина с желтоватым лицом и впалыми глазами, говорившими о том, что он перенес не так давно приступ тропической лихорадки. Он смотрел на нас с неописуемым изумлением и, казалось, онемел. Наконец его увидели и дети.

— Папа! — крикнул мальчик по-английски. — Смотри, какой у нас хойти-тойти!

— Хойти-тойти?! — повторил отец глухим голосом. Он стоял, опустив руки, и решительно не знал, что делать. А я начал любезно раскланиваться с ним и даже... опустился перед ним на колени. Англичанин улыбнулся и потрепал меня по хоботу.

„Победа! Победа!“ — ликовал я...»

* * *

На этом и кончается повествование слона. В сущности говоря, на этом можно закончить и его историю, так как дальнейшая участь Хойти-Тойти не представляет особого интереса. Слон, Вагнер и Денисов совершили хорошую прогулку в Швейцарию. Слон, удивляя туристов, гулял в окрестностях Вэвэ, где в прежние времена любил бывать Ринг. Иногда слон купался в Женевском озере. К сожалению, в тот год рано похолодало, и нашим туристам пришлось вернуться в Берлин в специальном товарном вагоне.

Хойти-Тойти продолжает работать в цирке Буша, честно зарабатывая свой ежедневный трехсотшестидесятипятикилограммовый паек и удивляя не только берлинцев, но и многих иностранцев, специально приезжающих в Берлин посмотреть на «гениального слона». Ученые все еще спорят о причинах этой гениальности. Одни говорят — «фокус», другие — «условные рефлексы», третьи — «массовый гипноз».

За слоном ухаживает Юнг, чрезвычайно вежливый и предупредительный. Юнг в глубине души побаивается Хойти-Тойти и подозревает, что тут не без чертовщины. Сами посудите: слон каждый день читает газету, а однажды вытащил из кармана Юнга коробку с двумя колодами карт для пасьянса — и что же? — когда Юнг пришел невзначай к слону, то застал его за раскладыванием

пасьянса на днище большой бочки. Юнг никому не рассказал об этом случае: он не хочет, чтобы его считали лгуном.

* * *

Написано по материалам Акима Ивановича Денисова. И. С. Вагнер, прочитав эту рукопись, написал: «Все это было. Прошу не переводить этого материала на немецкий язык. Тайна Ринга должна быть сохранена по крайней мере для окружающих».

Белый дикарь



I. Пища на шляпе

Странное впечатление производили эти руины времен римского владычества древней «Лютециней», затерявшейся среди домов Латинского квартала. Ряды каменных полуразрушенных скамей, на которых когда-то рукоплескали зрители, наслаждаясь кровавыми забавами, черные провалы подземных галерей, где рычали голодные звери перед выходом на арену... А кругом такие обычные скучные парижские дома, с лесом труб на крышах и сотнями окон, безучастно смотревших на жалкие развалины былого величия...

Путники остановились.

Их было трое: Анатолий, мальчик лет десяти, худенький, черноволосый, с застывшим вопросом в грустных глазах; его дядя Бернард де Труа, «шелковый король», и его жена Клотильда. Только настойчивость Клотильды заставила ее мужа бросить срочные дела и предпринять эту «научную экспедицию» — новый каприз молодой женщины, увлекшейся археологией.

Мадам де Труа, казалось, была очарована зрелищем. Ее тонкие ноздри вздрагивали. Несколько раз нервным движением руки она приводила в порядок непослушную прядь каштановых волос, выбивавшуюся из-под серой шелковой шляпы, украшенной маленькой белой птицей.

— Нужно заставить говорить эти камни, — воскликнула она наконец, — мы сделали ошибку. Нам надо приехать ночью, когда светит луна. Луна вызовет к жизни тени прошлого, и перед нами развернутся волшебные картины. Мы услышим звуки букцин — римских военных труб. Один их громоподобный рев приводил в бегство врагов... Зазвучат трубы, и в ответ им раздастся рев голодных зверей, почуявших человеческое мясо, и мы увидим, как Цезарь... ах... ой...

Клотильда де Труа отчаянно вскрикнула. Неожиданное событие прервало поэтический полет ее фантазии.

Какой-то человек, лет двадцати пяти, высокий, сложенный, как Геркулес, с русой бородкой и усами на бронзовом лице, незаметно подкрался к ней и быстрым движением сорвал с ее шляпы белую птицу, разорвал ее на мелкие куски, с недоумением начал перебирать пальцами клочья ваты, которыми

была набита птица.

Его глаза... Несмотря на весь испуг, Клотильда не могла не заметить этих глаз, их необычайной голубизны, яркости. В них горел какой-то странный огонь. Это не был огонь безумия, но вместе с тем в глазах было что-то странное, чего ей никогда не приходилось встречать. В них была зоркость зверя и наивность ребенка. Лицо незнакомца можно было бы назвать красивым, если бы не выдающиеся надбровные дуги, глубоко посаженные глаза и широкие ноздри. Он был без шляпы. Длинные и густые русые волосы покрывали его голову.

Все оцепенели от этой непонятной выходки незнакомца. Но в следующую же минуту Бернард де Труа бросился к нему, размахивая палкой. Незнакомец, скаля рот в широкой улыбке, открывавшей его прекрасные крепкие зубы, принял это как игру. Он будто дразнил де Труа, подбегая к нему и увертываясь от ударов с ловкостью и природной грацией молодой пантеры.

А с улицы уже бежал какой-то человек, размахивая руками.

— Адам, назад! — кричал он, как будто на собаку.

Русоволосый великан неохотно, но послушно прекратил игру, отойдя в сторону с каким-то приглушенным рычаньем. В этот же момент с другого угла подходил полицейский, привлеченный криками.

— Приношу мои извинения, — кричал еще издали человек, отозвавший Адама, размахивая шляпой. — Позвольте уверить вас, что здесь не было злого умысла. Разрешите представиться... Профессор Сорбонны по кафедре археологии и палеонтологии Август Ликорн. А вот это Адам... просто Адам... Я сейчас объясню вам...

Но рассердившийся «шелковый король» ничего не хотел слышать.

— Это безобразие! Оскорблять женщину...

— Но позвольте объяснить...

— Никаких объяснений! — И, протягивая трясущейся от гнева и волнения рукой визитную карточку полицейскому, де Труа сказал: — Вот моя карточка и адрес. Прошу записать этих господ и передать дело в суд. Идем!

Он взял под руку жену, кивнул головой Анатолю, приказывая ему следовать за собой, и быстро зашагал к поджидавшему их черному, лакированному автомобилю.

Когда прекрасный лимузин бесшумно тронулся в путь, Анатолий обернулся и с детским любопытством, страхом и восхищением посмотрел на странного человека, сорвавшего птицу со шляпы тети Кло.

II. Неприятный визит

Профессор Ликорн, свернув с Итальянского бульвара в небольшую улицу Пиллэ-Вилье, замедлил шаг. После шума бульвара тишина этой улочки поражала слух. Это была тишина храма, вернее — капища Золотого Тельца. Здесь живут миллионеры. Хмурые многоэтажные дома с решетками на окнах нижнего этажа недружелюбно смотрят на редких прохожих.

— Кажется, здесь... — Профессор Ликорн, волнуясь, нажал кнопку электрического звонка, оправаленную в оскал бронзовой львиной головы. Молчаливый швейцар не спеша открыл дверь, впустил профессора в вестибюль, уставленный растениями, с большим стоящим у входа медведем и позвонил наверх.

По широкой лестнице, устланной темно-красным ковром, спустился слуга.

Ликорн протянул ему визитную карточку.

— Господин де Труа дома? Я хотел бы видеть его по личному делу.

— Господин де Труа принимает по личным делам в четверг и субботу от девяти часов двадцати минут до десяти часов утра. Сегодня вы можете видеть только его секретаря.

В этот момент на лестнице показалась Клотильда де Труа в сером пальто и серой шелковой шляпе с белой птицей у борта. Ликорн поклонился и отошел в сторону, пропуская ее к выходу.

Клотильда де Труа любезно ответила на поклон. Она узнала Ликорна.

— Профессор Ликорн! Вы к мужу? Его нет. Что привело вас сюда? Не история ли с птицей на моей шляпе? Вы видите, птица опять сидит на своем месте. Значит, все в порядке.

— Я действительно пришел поговорить с господином де Труа по поводу того неприятного происшествия, которое имело место...

— Ну что же, поговорите со мной. Ведь в конце концов не муж, а я оказалась в роли «потерпевшей». Значит, вся эта история — мое личное дело. Пойдемте со мной, профессор.

Слуга поспешно подошел к Ликорну и почтительно снял пальто.

Ликорн едва поспевал за Клотильдой, которая быстро поднималась по лестнице.

— Наше знакомство завязалось довольно оригинально, не правда ли? — с той же любезной улыбкой обратилась Клотильда к Ликорну, когда они уселись в гостиной на мягкие кресла.

— Да, — смущенно ответил он, — оригинально, хотя и не совсем приятно и для вас и для меня. Полиция составила протокол, и дело будет передано в суд.

— Какие глупости. Я скажу мужу, и все будет улажено. И не будем больше говорить о судах, протоколах и полиции. Одни эти слова режут мне слух.

У Ликорна отлегло от сердца.

— Я даже очень довольна, — продолжала Клотильда, — что этот случай доставил мне интересное знакомство. Я читала ваши книги о первобытном человеке, и они мне очень нравятся...

Ликорн поклонился. Он никак не ожидал встретить здесь почитательницу своих научных трудов.

— Скажите, профессор, этот молодой человек, поймавший птицу на моей шляпе, не тот ли дикий человек, которого вы нашли в Гималайских горах в вашу последнюю экспедицию? Все газеты писали о нем, и мне страшно хотелось посмотреть эту знаменитость.

— Да, это он. Дикий человек, или, вернее, белый дикарь, которого я нашел в Гималайских горах, на высоте нескольких тысяч футов.

Клотильда сделала быстрое движение.

— Как это интересно...

— Действительно, этот белый дикарь представляет необычайный научный интерес. Он не просто дикарь. Это случайно сохранившийся экземпляр совершенно исчезнувшей человеческой породы, последний представитель людей, которые жили много десятков тысяч лет тому назад и которые, как я предполагаю, были прародителями европейских народов.

— Вы его назвали Адамом?

— Это имя дано было ему в шутку, а затем закрепилось за ним. Исключи-

тельно интересный экземпляр. Но... — профессор Ликорн вздохнул, — если бы вы знали, сколько принес он мне забот и неприятностей! В первое время я, разумеется, не мог выпускать его на свободу. Его приходилось дрессировать, как животное. Но он скучал взаперти. И когда он несколько «цивилизовался», я стал брать его с собой на прогулку. Он привязан ко мне и послушен, как собака.

Когда я в первый раз пошел с ним в Люксембургский сад, он буквально пришел в дикий восторг. И прежде чем я опомнился, он уже взобрался на дерево и закричал от радости так, что гулявшие дети с плачем в ужасе шарахнулись в сторону. Сторож окаменел от такого святотатства. В другой раз Адам бросился в бассейн фонтана Карно — он захотел купаться. На площади Согласия он взобрался на статую коня, собрав вокруг себя толпу зевак...

Клотильда засмеялась. Она слушала его с большим интересом.

— Однажды, когда мы возвращались с Адамом на извозчике, ему надоело ехать слишком медленно. Адам схватил извозчика за шиворот, ссадил с козел, одним прыжком сел верхом на лошадь и помчался во всю прыть.

Клотильда вторично звонко рассмеялась.

— Всего не перескажешь. И на мою голову сыплются протоколы, штрафы, судебные процессы. Улица Шамполлиона, где мы живем с ним, была просто терроризирована. В первое время администрация Сорбонны выпутывала меня из беды, иногда на помощь приходило и министерство просвещения. Но в конце концов им надоело это. К счастью, Адам значительно остепенился. Он уже порядочно говорит по-французски. Я уже радовался, что с его дикими выходками покончено, и вот третьего дня этот неприятный случай с вами...

— Не будем говорить об этом случае, дорогой профессор. Расскажите лучше, как вам удалось оторвать от родных гор этого двуногого звереныша и перевезти в Париж.

— Я готовлю к печати мой путевой дневник. Если вы интересуетесь, я могу дать вам корректурные оттиски.

— Милый профессор, как я вам благодарна! Завтра же пришлите. — Клотильда порывисто встала и пожала обе руки Ликорна.

III. Дневник профессора Ликорна

На следующий день горничная подала на подносе утреннюю почту.

— Это дневник! — воскликнула Клотильда. — Мари, сегодня я никого не принимаю.

Когда горничная ушла, Клотильда с нервной торопливостью разорвала большой конверт, уселась в глубокое кресло и начала читать.

«11 июня. Когда я отправился в экспедицию в Гималайские горы, один мой коллега шутливо пожелал мне встретить среди вечных снегов горных вершин „живого однофамильца“ [92]. Это пожелание не исполнилось. „Снежное жилище“ [93] приняло меня довольно негостеприимно. И вообще путешествие мое в научном отношении шло довольно неудачно.

Я начал свое путешествие с подошвы южного склона, примыкающего к провинции Ассам. Горы внизу, покрытые роскошной тропической растительностью, дают приют тиграм, слонам, обезьянам. Яркая зелень всех оттенков, от светло-желтого до темно-синего, расцвечена еще более яркими красками цветов и оперения птиц: попугаев, фазанов, кур самой необычайной окраски. Если бы не тучи насекомых и неприятная сырость по ночам и даже днем, под-

нимающаяся от заболоченной низменности у подошвы гор, это место было бы достойно названия земного рая.

Прекрасен и второй пояс, на высоте 1000 метров, с его знакомой европейскому глазу растительностью — дубами и дикими каштанами.

Выше 2 500 метров — уже царство хвойных деревьев, а на высоте 5 600 метров начинается в собственном смысле „снежное жилище“. Сюда только изредка поднимается медведь или горный козел. Как странно стоять на вершине шести-семи тысяч метров, в ледяном воздухе, от которого захватывает дыхание, и смотреть вниз, на зеленый пояс тропической растительности. Изумительное зрелище.



Но я пришел сюда не ради красот природы. Я искал „своих однофамильцев“, следы тех, кто обитал в этом снежном жилище сотни, тысячи, миллионы лет тому назад. Поиски мои, однако, были не удачны. Himalaja ревниво скрывала свои тайны под глыбами льда.

Путешествие здесь сопряжено с необычайными трудностями. Горы изломаны, пересечены ущельями. Ночью нестерпимый холод. Совершенно нет топлива — ни пучка сухой травы, ни кустарника. Снег, и лед, и вечное безмолвие.

Проводники роптали, и многие из них покинули меня после того, как один проводник упал в пропасть и разбился. Со мной остались только трое. Рубить с ними лед в поисках останков ископаемых было бы безумием. Оставалось надеяться на помощь природы: иногда при обвале скал или ледяных глыб обнажаются кости первобытных животных. Но судьба не посылала мне такой счастливой случайности. И я уже подумывал о бесславном возвращении.

Но сегодняшнее утро вознаградило меня за все. Представляю, сколько шума наделает моя находка во всем ученом мире.

Вот как это было.

Рано утром бродил я между оледенелыми скалами в одиночестве, с винтовкой за плечами.

Завернув за утес, я увидел нечто заставившее меня вздрогнуть. Мне казалось, что я галлюцинирую. Передо мной шагах в двадцати у утеса стоял спиной ко мне двуногий зверь. Иначе я не могу назвать это существо. На его голлом бронзовом теле был накинута только плащ из звериной шкуры, сколотой на левом плече. Густые волосы превращали его голову в копну. Уши его двигались. На руках и под кожей обнаженных плеч и правой лопатки играли мускулы, как огромные шары. Он голыми ногами упирался в лед, как будто это был паркет, а в руках держал глыбу льда. Но эта глыба нисколько не стесняла его движений. Держа на весу эту тяжесть, он всем корпусом подался вперед и высматривал что-то внизу. Наконец, улучив какой-то момент, он с диким рычаньем, которое разнеслось по горам, как удар грома, бросил вниз глыбу льда.

И тотчас в ответ раздалось разъяренное рычанье медведя. Двуногий зверь отломил еще большую глыбу и кинул ее вниз, а вслед за тем с тем же рычаньем сам бросился вниз.

В несколько скачков я был на его месте.

Передо мною открылась новая картина, будто выхваченная из ледникового периода. Никогда не забыть мне этой картины.

На дне небольшой ледяной лощины лежал окровавленный дикий козел с перебитым позвонком. Над ним стоял на задних лапах, с окровавленной головой медведь. Он свирепо рычал, подняв вверх передние лапы, и из его пасти лилась на синеватый лед струя крови. А навстречу ему, только с ледяной глыбой в руках, бесстрашно шел другой зверь — двуногий.

Почему двуногий зверь так спешил? Почему он не добил медведя со своего безопасного утеса? Не умел он справиться с чувством голода при виде лакомого козла или считал медведя нестрашным противником?.. Кто прочтет мысли под этим толстым черепом?

Противники быстро шли навстречу друг другу. Когда расстояние между ними было не более полутора метров, двуногий зверь бросил в медведя свой ледяной снаряд. Удар пришелся в левый глаз. Медведь присел, завыл от боли и стал лапами тереть морду.

Но в этот же момент, увидав сохранившимся глазом, что противник сделал прыжок, медведь, преодолевая боль и прерывисто рыча, опять поднялся во весь свой рост в оборонительной позе. Остановился и двуногий зверь. Несколько минут они стояли неподвижно. Потом двуногий зверь медленно

стал заходить со стороны ослепшего глаза медведя. Медведь начал продвигаться в том же направлении, по кругу. Так они прошли два круга, как борцы перед решительной схваткой.

Я ожидал, что они бросятся в объятия друг друга, но вышло иначе.

В начале третьего круга двуногий зверь оказался рядом с лежавшим на льду козлом. С необычайной быстротой он вдруг схватил козла, зажал в крепких зубах козлиное ухо и с ловкостью кошки стал взбираться по ледяным уступам со своей добычей.

Медведь, забыв о тяжких ранах, с удвоенным ревом бросился вслед за врагом, уносящим вкусный завтрак. Но похититель взобрался уже почти на четыре метра, и медведь в бессильной злобе царапал крутой ледяной откос.

Я был восхищен отвагой, ловкостью и находчивостью двунового зверя — не эти ли качества сделали его царем природы? — и уже подумал о том, как мне избежать встречи с великаном. Вдруг крик звериного отчаяния разбудил горное эхо, и я увидел, как двуногий зверь вместе с козлом и обломившейся глыбой летит вниз. С глухим ударом упало тело двунового зверя, глыба придавила его ногу, и медведь с победным ревом бросился на свою жертву. Двуногий зверь еще не сдавался и, лежа на спине, старался кулаками отбрасывать лапы медведя с огромными, выпущенными когтями.

Но положение его было почти безнадежно. Вот медведь сорвал кожу с кисти правой руки, вот запустил острые когти в левое плечо... и двуногий зверь, только что проявивший чудеса храбрости, кричал от страха и боли, как могут кричать только звери.

В одну минуту я вскинул винтовку, прицелился в голову медведя и, рискуя убить двунового зверя, спустил курок.

Гулкий выстрел прокатился в горах, эхо повторило его много раз, и сразу наступила тишина. Медведь, убитый наповал, рухнул всем телом на своего врага, покрыв его своей огромной тушей. Жив ли он, мой двуногий зверь?

Не помню, как сбежал я в лощину. Бросился к медведю и, ухватив его за лапы, стал тянуть. Напрасное усилие. Я, парижанин двадцатого века, обладал могущественным орудием, которое поражает насмерть, но слишком слабыми руками, привыкшими иметь дело с книгами, а не с тушами медведей. Мне удалось только освободить голову несчастного. Он был жив и даже не потерял сознания. И он смотрел на меня своими блестящими и голубыми, как небо, глазами.

Мой громоподобный выстрел, сразу уложивший медведя, мой необычайный для двунового зверя вид — все это должно было сильно поразить его воображение. Но вместе с тем, я не ошибаюсь, он понял главное: что я тоже двуногий зверь, пришедший ему на помощь. И в его взгляде я прочитал что-то похожее на благодарность. Благодарность человека к человеку. Животным также знакомо чувство благодарности. Но в его взоре было нечто большее. Звери так не смотрят. Да, это был человек. Дикий человек, неизвестной, вымершей первобытной белой расы, но человек.

Однако рассуждать было не время. Надо было звать на помощь. И я стал стрелять, пока не расстрелял все свои патроны. Потом начал кричать. Скоро послышались ответные крики. Ко мне спешили мои проводники.

С их помощью мне удалось освободить белого дикаря от туши медведя и глыбы льда. Он не стонал, хотя кровь обильно текла из его ран, сквозь разо-

рванные мышцы была видна плечевая кость, а нога, по-видимому, была переломлена. Я сделал перевязки, а затем мы с величайшей осторожностью понесли к месту стоянки нашу драгоценную ношу.

Едва ли к родному брату я проявил бы столько забот. И понятно почему: ведь это был не просто человек. Это был, быть может, единственный во всем мире экземпляр отдаленных предков человека. Целый ряд неоспоримых признаков говорил за это... Я кричал на проводников, когда они оступались, а сам мысленно уже анатомировал его, взвешивал его мозг, измерял лицевой угол...

Конечно, это не *Pitcantropus erectus*, остатки костей которого найдены еще тридцать три года тому назад голландским врачом Дюбуа, — питекантроп был ближе к обезьяне, чем к человеку, и вымер уже около миллиона лет тому назад. И это не гейдельбергский человек, живший на заре ледникового периода, — нечто среднее между человеком и обезьяной; наконец, это и не неандертальский человек ледникового периода — тот ниже и приземистей... Скорее всего он — кроманьонец, прародитель или, вернее, случайно сохранившийся потомок этих прародителей народов Западной Европы. Живой кроманьонец. Что скажут мои коллеги? Что скажет весь ученый мир? Это лучше единорога. Я превзошел самого себя.

IV. Продолжение дневника

13 июня. Мой Адам, как я назвал дикого человека, поправляется быстрее, чем я думал. Два дня после битвы с медведем он пролежал в лихорадке, без памяти, рычал и порывался встать. Нам с большим трудом удавалось удерживать его в кровати.

Пользуясь его беспамятством, я, признаюсь, не удержался и произвел кое-какие исследования антропометрического характера. Объем его черепа — 1175 кубических сантиметров (у гориллы — 490, у европейцев — 1400 кубических сантиметров). Интересно, сколько весит его мозг?

Когда его жизнь висела на волоске, у меня, каюсь, мелькнула мысль представить его самому себе. И если бы он умер, я мог бы тотчас анатомировать труп. Сколько сложных вопросов разрешило бы вскрытие! Но я удержался — буду откровенен до конца — не по человеколюбию. Я возлагаю надежды на этого дикого человека. Я увезу его с собой в Париж, научу говорить, приручу, цивилизую, и сколько необычайно интересного он сможет тогда сообщить! Самый интересный вопрос: сохранился ли кто-нибудь еще из его племени, или он последний экземпляр доисторических людей?

Он, безусловно, владеет чем-то вроде языка, состоящего, впрочем, всего из нескольких звуков, похожих на междометия.

„Ауа“, например, говорит он всякий раз, когда хочет пить. Очень часто он издает какой-то призыв, похожий на „тц-а-а“, как будто призывая кого-то. А когда я показал ему вчера шкуру убитого медведя, он сказал: „У-у-у“, — и лицо его выразило удовольствие.

Я внимательно осмотрел его тело. Необычайно большой объем груди явился, вероятно, результатом жизни на высотах, где очень разрежен воздух. На подошвах кожа его мозолисто-толста. Вот почему он не отмораживает ног.

Щеки и даже лоб его покрыты пушком. По всему же телу, в особенности на ногах и на тыльной стороне рук, растут рыжеватые волосы, длиной миллиметров пять-семь. Конечно, не они только, а толстая закаленная кожа и хорошая клетчатка предохраняют его от холода.

На его плаще я нашел интересную „булавку“, сделанную из слоновой кости, украшенную резной птицей, похожей на глухаря. Ему знакомо искусство. И он, очевидно, спускался с гор туда, где водятся слоны.

С того самого момента, как я спас его от смерти, Адам проявляет ко мне собачью привязанность. Когда я перевязывал ему раны, он схватил мою руку и облизал кисть и ладонь в припадке благодарности. Таким образом, я имел удовольствие познакомиться с „первобытным поцелуем“.

Сегодня утром Адам встал с кровати и, несмотря на мой запрет, хотя вообще он послушен, вышел из палатки, сорвал повязку и, подставив рану солнцу, пролежал до вечера. Это горное солнце делает чудеса. Опухоль опала. Рана быстро затягивается. Еще несколько дней, и мы отправимся в путь. Пойдет ли он со мной? Оставит ли свои родные горы? Так или иначе, я не расстанусь с ним. Живой или мертвый, он будет в Париже.

27 сентября. Наконец-то я дома, в Париже, в своей маленькой квартире! Как долго я не писал! Адам со мной. Но чего мне это стоило!

Против моего ожидания, он пошел за мной. Адам повиновался, вернее — старался повиноваться каждому моему слову, поскольку сам мог совладать со своей первобытной натурой. Пока мы не спустились вниз, к людям, все было хорошо. Но дальше...

Первой моей заботой было одеть его. Не мог же я привести его в цивилизованное общество голым, только со звериной шкурой на спине. С большим трудом я разыскал белый фланелевый костюм по его росту. Это была просто широкая рубаха и брюки. Рубаху он кое-как надел, но с брюками никак не мог примириться. Они стесняли и смешили его. Он то и дело хлопал себя по ляжкам, фыркал и уморительно выворачивал ноги.

В Калькутте на людной улице он вдруг... снял брюки и бросил их. В Калькутте люди привыкли видеть наготу, и это не произвело слишком большого скандала. Но что, если он проделает такую штуку в Париже?

В первый раз я выбрал его, и как он был жалок в своем сознании вины! Он опять пытался лизать мне руки, хотя я и запрещаю ему это делать.

Когда мы были уже на борту парохода, с ним опять случилась история.

Перед самым отходом заревела сирена. Адам упал на палубу в паническом ужасе, потом вскочил и одним прыжком бросился через борт в море. Пришлось вылавливать его оттуда и заключить в каюту.

Много забот доставил он мне и с кормлением. Не могло быть и речи о том, чтобы отправляться с ним к общему столу. Ему приносили обед в каюту. Но он отказывался: он не мог есть наши блюда. Кончилось тем, что мне пришлось давать ему, как и в горах, сырое мясо и воду. Притом он страдал от жары и поэтому часто выл, чем вызывал нарекания пассажиров. Выходить же с ним на палубу было очень затруднительно. Он всегда собирал вокруг себя толпу зевак. Все это очень стесняло меня.

Трудно и долго описывать все события этого путешествия. Адам все время переходил от страха к удивлению. Поезда, автомобили пугали его. Наша одежда, дома, электрическое освещение поражали буквально до столбняка. Какая-нибудь мелочь, на которую мы не обращаем ни малейшего внимания, — вертящаяся световая реклама, звуки духового оркестра или стая галдящих малышей-газетчиков, — настолько поглощала его, что мне нужно было по нескольку раз дергать его за руку, чтобы сдвинуть с места.

Но как бы то ни было, мои мучения кончились. Адам в Париже.

14 декабря. Адам делает успехи. Он уже не лижет мне рук. Привык носить костюм, очень любит яркие галстуки, научился есть наши блюда ножом и вилкой. Знает несколько обиходных французских слов. Но показываться с ним на улицу я еще не решаюсь. А нужно было его проветрить. Адам стал скучать — оттого, вероятно, что сидит все время в комнате, хотя и при открытом окне, несмотря на суровую зиму. Ночью, в особенности когда в окно светит луна, он сидит у окна и воет. Я запрещаю ему выть, но он все-таки воет, тихонько, приглушенно, жалобно... Среди ночи этот вой человека очень действует на нервы, но, я вижу, он не в силах не выть.

Чтобы развлечь его, я приношу ему книжки с цветными картинками. К моему удивлению, он очень хорошо понимает их и радуется, как ребенок. Но особенно обрадовал его мой последний подарок: щенок-дворняжка. Адам не расстается с ним ни на минуту, даже спит вместе с Джипси, — он произносит „Жипсь“, — и собака платит ему ответной любовью, понимает его по одному жесту. Не потому ли, что их психология близка?

26 декабря. Однако Адам еще не совсем „цивилизовался“. Сегодня ко мне зашел старый школьный товарищ и дружески хлопнул меня по плечу. Адам, вероятно, думая, что меня бьют, с рычаньем бросился на гостя, а вслед за ним и Джипси, и мне не без труда удалось успокоить всех троих. Мой старый друг, нервный и раздражительный человек, был очень испуган и рассержен этой выходкой.

— Я бы на твоём месте держал его в клетке, — сказал он, уходя».

* * *

Дальше в дневнике шло описание уже известных Клотильде событий: посещения Адама на улицах Парижа. Но она прочитала все до конца.

— Решено, я должна заняться его воспитанием! — воскликнула она, бросив рукопись на стол, и немедленно послала профессору телеграмму, приглашая Ликорна прийти к ней вместе с Адамом.

V. Адам выходит в свет

С некоторым волнением подходил профессор Ликорн к знакомому подъезду дома де Труа под руку с Адамом.

Адам с неразлучной собачкой, в черной шляпе и модном пальто выглядел совсем прилично. Ликорн позвонил.

— Смотри же, Адам, будь умницей. Веди себя прилично. Не кричи, не прыгай...

— Да...

Дверь открылась, и они вошли в вестибюль.

Швейцар, узнав Ликорна, почтительно пропустил его. Лакей подбежал снимать пальто.

Вдруг Адам с диким ревом бросился на чучело медведя, стоявшее в углу с распростертыми лапами, сжал медведя за горло и повалился с ним на пол. Джипси залаял. Изумленный лакей выронил пальто на пол и стоял с открытым ртом.

— Адам, назад! — крикнул Ликорн.

Но Адам и сам понял свою ошибку, когда его железные пальцы прорвали шкуру медведя и извлекли оттуда клочья пакли.

— Бедный Адам, ты ошибся. Медведь не настоящий.

— Птица не настоящая, у-у не настоящий... Все не настоящий, — растерянно бормотал Адам, поднимаясь с пола.

— Идем, Адам.

Адам поплелся за своим повелителем, тяжело вздыхая от сознания своей вины.

— Буду... — сокрушенно говорил он.

На языке Адама это означало «не буду». Ликорн невольно улыбнулся.

Слуга привел их в комнату Клотильды де Труа.

Когда Ликорн с Адамом появились в дверях, Клотильда, радушно улыбаясь, пошла им навстречу, протягивая Адаму руку. Но ее рука осталась висеть в воздухе.

Внимание Адама вдруг было привлечено фарфоровым китайским болванчиком с раскосыми глазами, который стоял на мраморном камине и качал головой. Потом он взял в руки безделушку. Она хрустнула, и на пол посыпались осколки.

— Адам, садись, — строго сказал профессор, взяв его за плечо и усаживая в кресло. — Сиди. Не двигайся. Видишь, что ты наделал.

— Буду, — плачевно промолвил Адам, с горестью рассматривая осколки на полу.

— Я предупреждаю вас, мадам, — сказал Ликорн, здороваясь, наконец, с хозяйкой, — что этот визит может доставить вам и мне много неприятностей. Адам еще не настолько воспитан, чтобы бывать в обществе. И я бы предпочел, с вашего разрешения, сейчас же увести Адама.

— Буду, — отозвался Адам, услышав свое имя.

— Пустяки, — ответила Клотильда. — Пожалуйста, не волнуйтесь. Ведь он как ребенок, что же с него спрашивать...

К концу свидания между профессором Ликорном и Клотильдой де Труа состоялось соглашение о том, что Адам поселится отныне в ее особняке и она будет продолжать его «воспитание» под контролем самого профессора.

VI. Университет на дому

Адам переселился и сразу перевернул вверх дном дом де Труа. Самым несчастным чувствовал себя хозяин дома.

— Можете себе представить, что значит жить в одном доме с тигром, — говорил Бернард де Труа своему компаньону по торговле, — я стараюсь избегать этого дикаря, но, сами посудите, возможно ли избежать встреч, живя под одной крышей. Кто знает, что у него на уме? Он может убить, сломать нестерраемый шкаф, поджечь дом... Я теперь не обедаю дома, возвращаюсь через боковой ход прямо в кабинет, закрываю дверь на два замка и не сплю всю ночь.

— Но неужели нельзя отделаться от этого жильца?

Де Труа безнадежно махнул рукой.

— Пока у жены не пройдет эта блажь — никак.

Адам по утрам занимался с Клотильдой чтением и письмом, а вечерами поступал на «выучку» к ее брату Пьеру.

Общество молодого веселого офицера ему нравилось больше, чем занятия с Клотильдой. Адам охотно занимался с Пьером и удивлял своего учителя необычайно быстрыми успехами. За какой-нибудь месяц Адам прекрасно выучился езде на велосипеде, управлению автомобилем, гребле, боксу, футболу.

Правда, его бешеная езда на автомобиле кончалась многочисленными

штрафами, но для Пьера это не имело значения, пока «в руках сестры», как он говорил, «был ключ от кассы Бернарда де Труа».

В боксе и футболе Адам немало перекалечил людей своими сокрушительными ударами. Футбольный мяч, пущенный его ногой, разил с ног, как бомба. Однако успех его признавали лучшие спортсмены. Он делался знаменитостью на поприще спорта.

На несчастье Адама, Пьер просвещал его не только в области спорта.

Нередко вечерами молодой офицер переодевался в штатское платье, брал с собой Адама и отправлялся куда-нибудь на Монмартр шататься по кабачкам в поисках приключений. Пьер возбуждал ссоры, затем натравлял Адама и наслаждался эффектом «избиения младенцев». Адам, возбужденный вином, разбрасывал наседавших на него кабацких драчунов, как медведь щенят. Хмель сбрасывал с него тонкую лакировку «цивилизации», первобытные инстинкты прорывались наружу, и он становился действительно страшным в эти минуты.

Пьер был отставлен Клотильдой, она стала заниматься с Адамом одна.

— Ну-ну, посмотрим, что сделаете вы вашим «облагораживающим женским влиянием», — говорил с иронией обиженный Пьер.

Однако он скоро должен был признаться, что Адам заметно изменился к лучшему.

Клотильда часто гуляла с Адамом пешком, и дело обходилось без всяких приключений. Адам вел себя хорошо.

Что иногда смущало Клотильду, так это вопросы Адама, совсем простые, но на которые, однако, ей трудно было ответить.

То он спрашивал, считать ли своим «ближним» медведя и не надо ли ему подставлять, если ударит, «другую щеку». То, увидев на улице голодного нищего рядом с разносчиком пирожков, Адам самочинно кормил нищего и заводил споры о «чужом» и «собственном», явно не воспринимая «основ экономики» и настаивая на том, что голодных больше, чем полицейских.

Такие разговоры будили в Клотильде какое-то тревожное чувство. И однажды, видя, что Адам идет, понуриив голову, очевидно размышляя над каким-то новым вопросом, Клотильда решила: его надо развлечь. С ним уже можно бесстрашно пойти в театр. Надо будет показать ему какую-нибудь хорошую классическую пьесу.

VII. Спасенная Дездемона

Адам сидел с Клотильдой де Труа в ложе первого яруса, недалеко от сцены. Когда поднялся занавес, Адам тихо вскрикнул от неожиданности.

— Стена ушла...

— Сидите тихо, — наставительно сказала Клотильда, — не шумите.

— Буду, — по своему обыкновению ответил Адам.

Шла трагедия Шекспира «Отелло».

Адам смотрел на зрительный зал, погруженный во мрак, на яркие огни рампы, на верхние ложи.

— Смотрите туда, — указала Клотильда веером на сцену.

Адам посмотрел и «туда», но видно было, что театральное представление не захватывает его внимания. Клотильда переоценила развитие Адама. Стихотворная речь трагедии, с условной расстановкой слов, певучая дикция французской театральной школы затрудняли понимание. Адам воспринимал

только внешнюю сторону спектакля: краски и телодвижения...

Несколько оживило его только столкновение отрядов Брабанцио и Отелло во второй сцене. А в третьей сцене первого акта он уже нетерпеливо возился на месте и вздыхал: ему надоело сидеть в театре.

Но вот вышла Дездемона, роль которой играла артистка с мировым именем. Ее обаятельная внешность, ее костюм и, главное, ее волнующий голос произвели чудо: Адам вдруг обратился весь в зрение и слух. Он так и впился глазами в сцену, не сводя с Дездемоны глаз. Когда она ушла, Адам вздохнул и с тревогой спросил Клотильду:

— Куда она ушла? Она еще придет?

Клотильда улыбнулась:

— Придет. Только сидите тихо.

— Как ее зовут?

— Дездемона.

И Адам стал тихо повторять:

— Деждемон... Деждемон... Деждемон...

Спектакль вдруг приобрел необычайный интерес.

Адам жил появлением Дездемоны, страдал от нетерпения, когда она уходила со сцены. Он по-прежнему понимал едва ли более одной десятой из того, что говорили на сцене, но каким-то новым для него чутьем он довольно верно оценивал людей в зависимости от их отношений к Дездемоне. Отелло, вплоть до пробуждения в нем ревности, возбуждал симпатии Адама, так же как и Кассио. Родриго не нравился, Яго он возненавидел.

Когда Отелло в первый раз грубо крикнул на Дездемону: «Прочь с глаз моих!» — Адам глухо заворчал. С этого момента он ненавидел уже и Отелло.

Приближалась трагическая развязка. Дездемона у себя в спальне поет грустную песенку:

*Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
О, пойте зеленую иву...*

Когда Отелло вошел к Дездемоне, готовый удушить ее, Адам вдруг весь насторожился, как в самые опасные моменты охоты. Его глаза с сухим блеском следили за каждым движением Отелло, мускулы напряглись, голова ушла в плечи. Пальцы впились в бархатную обивку барьера ложи.

Мольбы Дездемоны, гнев Отелло — все это было понятно ему без слов. Наконец в тот момент, когда Отелло стал душить Дездемону, нечеловеческий рев раздался в театре — рев, которого не предвидели ни Шекспир, ни режиссер, ни публика.

Из темной глубины ложи выросла фигура огромного человека. Одним прыжком перелетел он через оркестр на сцену, побежал к актеру, игравшему Отелло, оторвал его от Дездемоны, повалил на пол и стал душить, душить самым настоящим образом.

Из-за кулис на помощь Отелло бросились пожарные, рабочие, актеры. Среди этой свалки Адам не выпускал из виду Дездемоны. Вдруг он заметил, что Дездемона поднялась и уходит.

Адам моментально оставил почти бездыханного Отелло, разбросал насевших на него пожарных, Яго, рабочего и Кассио, побежал за Дездемоной, подхватил ее, как перышко, на руки и тем же путем, через оркестр, возвратился в

ложу.

Здесь он усадил Дездемону и стал гладить ее по голове, как ребенка, и ласково, прерывающимся голосом говорил:

— Сиди со мной, Деждемон. Тебя никто не обидит. Сиди, будем смотреть вместе туда, что будет дальше.

И Адам в полной уверенности, что он смотрит продолжение спектакля, следил за поднявшейся на сцене и в зрительном зале суматохой.

Клотильда, бледная, поднялась и в изнеможении вновь опустилась в кресло.

— Адам, — воскликнула она, — отпусти сейчас же Дездемону, и едем домой!



Но Адам посмотрел на нее так, что ей стало жутко.

— Нет, — твердо ответил он. — Нет. Ее убьют. Я никому не отдам ее...

Дездемона трепетала от страха в сильных руках Адама...

Клотильда теряла голову. Неужели разразится новый скандал? Но она нашла и на этот раз.

— Не волнуйтесь, прошу вас, — обратилась она к артистке, говоря так быстро, чтобы Адам не понял, — едем ко мне, а там я сумею вас освободить от неожиданного спасителя. Идем, Адам.

Адам послушно пошел за Клотильдой, неся на руках Дездемону. Они прошли через сцену, в боковой выход, вызвали автомобиль и вскоре были дома.

Адам ни на минуту не расставался со своей ношей. Придя в свою комнату, он бережно опустил Дездемону на пол и сказал:

— Тут никто не тронет. Я буду сторожить. — Выйдя из комнаты, он закрыл дверь и улегся, как собака, на полу, загородив дверь своим телом.

Адам не привык ложиться так поздно. Здоровый сон сразу сковал могучее тело. Когда он уснул, Клотильда, тихо ступая мягкими туфлями, вошла в комнату заключенной через дверь соседней комнаты, вывела артистку, накинула на нее свое манто и шаль и, извинившись перед нею, отправилась на автомобиле домой.

VIII. Леопард в доме

Еще только светало, когда Адам поднялся со своего твердого ложа и приоткрыл дверь в комнату.

— Деждемон! — тихо окликнул он.

Ответа не было.

— Деждемон! — уже с беспокойством повторил Адам и вошел в комнату.

Комната была пуста.

Глухой крик вырвался из груди Адама. Но он еще не верил: быстро обходя все уголки и закоулки комнаты, он искал Дездемону.

Ее не было.

Рев раненого зверя раскатился по всему особняку де Труа. Адам вдруг почувствовал необычайный прилив гнева. Его душил этот гнев, гнев против города, где все ненастоящее. Ненстоящие птицы, ненастоящие звери, ненастоящие слова... И даже сама Дездемона ненастоящая. Она исчезла, оставив лишь легкий аромат духов.

Адам обезумел. Он стал ломать мебель, разбивать вазы — все, что попадалось ему под руки. Это несколько успокоило его.

Тогда он вдруг приник к креслу, на котором сидела Дездемона, и стал вдыхать оставленный ею запах духов. От кресла он пошел дальше, по этому воздушному следу, широко раскрыв ноздри, ловя знакомый запах.

В доме уже поднялась суматоха. Всюду бегали слуги. Неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Адам так же неожиданно не убежал вниз, нюхая воздух и вытянув вперед голову, как собака-ищейка.

Клотильда, заблокировавшаяся в своей комнате, вздохнула с облегчением и начала поспешно одеваться.

Принесли утреннюю почту. Клотильда просмотрела газеты. Многие из них уже откликнулись на событие, происшедшее в театре прошлой ночью.

«Спасенная Дездемона», «Дикарь в Париже», «Опять Адам», «Пора прекратить безобразие» — пестрелей названия заметок. Почти в каждой заметке наряду с именем Адама упоминалось и имя Клотильды де Труа.

Вошел Бернард де Труа с тою же газетой в руках.

— Вы уже читали? — спросил он Клотильду, увидав лежавшую на полу газету. — Так продолжаться не может. Нельзя жить в одном доме с леопардом.

Клотильда не возражала. Вопрос об обратном переезде Адама к профессору Ликорну был решен, и об этом сообщили профессору.

Между тем Адам, выбежав на улицу, бегал вокруг дома, пытаясь уловить запах Дездемоны. Обращая на себя внимание прохожих, он бежал все дальше в надежде напасть, наконец, на след. Не зная города, каким-то чутьем нашел он театр. Но театр был закрыт. Обежав несколько раз здание, Адам вновь отправился рыскать по улицам...

Только поздно вечером он вернулся в особняк де Труа, усталый, голодный и озлобленный.

С этого дня Адам сделался настоящим несчастьем дома. Почти все ночи он выл, как в первые дни приезда в Париж, несмотря ни на какие увещания Ликорна, а днем он пропадал на улицах в поисках Дездемоны. Он не знал, что напуганная артистка на другой же день выехала из Парижа, чтобы случайно не попасться ему на глаза. Когда он возвращался домой, весь дом замирал в ужасе. Обитатели особняка сидели в тревожном ожидании в запертых комнатах и лишь изредка бесшумно, как тени, прокрадывались по коридору.

Адам был раздражителен и никого не хотел видеть. Даже Ликорна он встречал угрюмо и не отвечал на вопросы, чем очень огорчал профессора. Еще так много интересных тайн надо было вырвать у первобытного человека для науки!

Только для двух существ Адам делал некоторое исключение: для своей со-

баки Джипси и Анатоля.

Что-то вроде улыбки появлялось на похудевшем и побледневшем лице Адама, когда он видел Анатоля. И мальчик ценил эту привязанность. Детским чутьем он понимал трагедию Адама, оторванного от родных гор и брошенного в кипящий котел большого города.

— Уйдем с тобой, — не раз говорил Адам, — туда, далеко... — И в этом «далеко» было столько глубокой тоски, что Анатолю детской лаской пытался утешить своего большого, сильного и в то же время беспомощного, как ребенок, друга.

«Далеко» — это слово было так же дорого и недоступно Адаму, как и Дездемона. В его душе накопал глухой протест, и этот протест, наконец, прорвался наружу.

IX. Бегство

Был званый вечер. Один из тех, которыми славился дом де Труа. Среди приглашенных по строгому выбору были «нужные люди» из министерских и банковских верхов со своими женами. Огромные комнаты утопали в тропической зелени. Живые цветы украшали столы, десятки слуг заканчивали последние приготовления. Все общество в ожидании обеда разместилось в обширном салоне.

Де Труа был доволен. Одна только туча омрачала Бернарду этот блестящий праздник. Адам... Только бы он не вздумал прийти. Но он пришел. Пришел перед самым концертным отделением, мрачный и молчаливый. Ни с кем не поздоровавшись, он уселся в уголке.

Приглашенная знаменитая певица села за рояль: она сама аккомпанировала себе. Случайно или умышленно, но артистка запела песнь Дездемоны:

*Бедняжка сидела в тени сикоморы, вздыхая.
О, пойте зеленую иву...*

Адам окаменел. Он не представлял себе, что песнь Дездемоны могут петь другие так точно, как будто это поет она сама. Потом он вдруг задрожал с головы до ног. Лицо его исказилось судорогой страдания. Он схватил себя за голову, потом вдруг закричал так, что зазвенел хрусталь на люстрах:

— Не надо!.. — и, подбежав к роялю, ударил по крышке, которая с треском и звоном струн разломилась. Адам со стоном выбежал из салона в коридор. В коридоре, у двери в свою комнату, стоял Анатолю. Адам на лету подхватил мальчика.

— Бежим... в горы... скорей...

У бокового выхода, на улице, стояло несколько автомобилей. Адам выбрал самую сильную машину и, сбросив шофера, уселся на его место, посадив рядом с собой Анатоля и Джипси. Автомобиль сразу рванулся и помчался с бешеной скоростью по улицам Парижа...

X. Небо над головой

Скандал в доме де Труа был подхвачен и раздут газетами, живущими на сенсациях. Высокие посетители званого ужина де Труа, возмущенные поведением Адама, с своей стороны нажали кнопки, чтобы поднять газетную кампанию против белого дикаря. Адам сделался героем дня.

И, как это часто бывает, под влиянием газетной шумихи общественное мнение, до сих пор снисходительно следившее за чудачествами и выходками

Адама, вдруг вооружилось против него. Газеты требовали немедленного ареста Адама и содержания его в строжайшей изоляции.

Адам ничего этого не знал. С бешеной быстротой промчался он по улицам Парижа и вздохнул, наконец, всей грудью, когда перед ним развернулись загородные поля, пересеченные лентой шоссе.

— Где горы? — спросил он Анатоля.

Задремавший Анатолий не мог сразу сообразить, где он и о каких горах спрашивает Адам. Вспомнив о бегстве, мальчик вдруг почувствовал радостное, волнуемое и жуткое чувство. Не раз мечтал он о бегстве в далекие страны в поисках приключений. И вот теперь мечта его осуществляется.

— Горы, — ответил он Адаму, — есть: Пиренеи, Альпы... Я видел Альпы... Их вершины всегда покрыты снегом...

— Едем к Альпам! — в волнении произнес Адам.

— Но это далеко... И потом... Нас могут задержать в дороге.

— Нет, мы далеко... — беспечно ответил Адам.

— А телефон? Полиция по телефону даст знать во все города, и нас могут задержать.

Адам этого не ожидал. Он знал, как укрываться от опасностей среди диких скал, покрытых снегом и хвойными лесами, но как спастись от телефонов?

Анатолий оказался прав. Уже в Корбеле, куда они въехали на рассвете, их пытались задержать.

Адам развил бешеную скорость и прорвал цепь полицейских, которые принялись стрелять им вслед, метя в шины автомобиля. Одна из них была прострелена.

— Посмотри, видна ли погоня! — крикнул Адам через плечо Анатолю.

— Сейчас нет, отстали...

Адам неожиданно остановил машину, схватил Анатоля одной рукой, вынул из автомобиля, спустил на землю и помчался один на шоссе.

— Адам! Адам!.. — кричал ему вслед брошенный Анатолий, плача от огорчения и неожиданной измены друга.

Адам не повернул руля автомобиля на крутом повороте дороги и вдруг с разгона врезался в реку, поднимая каскады брызг. Джипси завизжала от страха. Брызги, пар и пузыри поднялись над водой. Река спокойно несла свои воды, только кругами расходились волны от того места, где вода бесследно поглотила автомобиль с человеком и собакой.

Анатолий в оцепенении стоял под начавшимся дождем. Но это длилось несколько мгновений, хотя они и показались Анатолю бесконечно долгими. Скоро на поверхности воды показалась мокрая Джипси, фыркающая от попавшей в нос воды, а вслед за собакой и Адам. Он вынырнул из воды и в три взмаха могучих рук был у берега. Адам и Джипси одинаково отряхнулись от воды. Адам подбежал к Анатолю, посадил его на шею и, не говоря ни слова, побежал к кустам.

— Тихо. Сиди. Пригнись.

Не успел Анатолий прийти в себя, как на шоссе послышались звуки автомобиля. Через несколько минут автомобиль с полицейскими промчался по направлению к Мелэну.

Когда машина скрылась из глаз, Адам начал прыгать.

Анатолий, наконец, понял военную хитрость своего друга. Дождь смыл сле-

ды автомобильных шин, и полицейские не заметили его исчезновения. На этот раз они были спасены.

Пора было подумать о завтраке. Анатолю нестерпимо хотелось есть.

— Сиди, я скоро приду, — сказал Адам и пошел вдоль прибрежных кустарников.

Прошел томительный час, прежде чем Анатолий услышал свист приближавшегося Адама.

Адам нес двух кроликов и, прикрывая полою, куски сухого дерева. Он бросил убитых кроликов, которых стала обнюхивать Джипси, и стал добывать огонь, натирая один кусок дерева другим. В железных руках Адама работа двигалась быстро. Скоро Анатолий почувствовал запах гари, показался дымок, еще несколько быстрых, сильных ритмических движений — вспыхнуло пламя. Зажаренное на костре кроличье мясо Анатолий ел с аппетитом. Подражая Адаму, он разрывал куски мяса руками.

Дождь перестал. Выглянуло солнце и высушило одежду беглецов. Анатолий, усталый от всех пережитых волнений, сладко уснул. А Адам лежал на земле и, не отрываясь, смотрел на небо.

Наконец-то небо над головой вместо этих противных мертвых белых потолков, где нет ни птиц, ни солнца, ни звезд, ни свежего дыхания воздуха.

Адам мечтал о скором свидании с горами. Хотя и не родные, но все же горы. И он был счастлив впервые за все время с тех пор, как спустился с гор в долины, где живут в тесноте и суете эти странные люди, которые предпочитают каменные ящики простору земли и неба.

Потянулись счастливые дни вольной, бродячей жизни. Днем беглецы спали в зарослях у реки, ночью продвигались на юго-восток, где, по указанию Анатолия, были горы.

Адам умел спать и в то же время следить за каждым звуком. Когда звук казался ему угрожающим, уши спящего Адама начинали усиленно двигаться, и скоро он просыпался. И им удавалось ускользать от встречи с людьми.

Однако судьба отмерила на долю Адама немного этих счастливых дней. Путем опроса жителей полиция скоро определила место исчезновения автомобиля. Преследователи все более суживающимся кольцом окружали беглецов.

Одним ранним утром им пришлось спасаться бегством на глазах полиции. Они укрылись в лесу и несколько часов провели на вершине дерева, скрытые густыми ветвями, глядя сверху на своих врагов, шарящих по лесу.

Все труднее было добывать пищу — кур и кроликов, которых Адам ловил около ферм. Главное же, он чувствовал, что им не уйти от цепких лап полиции, и тогда опять неволя... Одна эта мысль приводила его в содрогание...

XI. Конеч Адама

На рассвете серого дня Адам возвращался к Анатолию и Джипси, нагруженный молодым барашком.

Вдруг он насторожился. Его уши пришли в движение. Ему послышался отдаленный тревожный лай Джипси и испуганный крик Анатолия, призывавшего на помощь.

С раздувающимися ноздрями Адам бросился к чаще кустарников, росших недалеко от шоссе, где он оставил Анатолия.

Полицейские несли к автомобилю отбивавшегося и плакавшего Анатолия. Джипси надрывалась от лая.



Бросив барана, Адам в несколько прыжков оказался у автомобиля. Он схватил одного полицейского за шиворот, поднял над головой, сделал круг в воздухе и отбросил далеко в кусты.

Три дюжих полицейских набросились на Адама. Завязалась борьба. Адам отбросил их от себя. Они хватили его за руки и повисали на них. Один из полицейских с профессиональной ловкостью пытался надеть Адаму ручные кандалы, и это ему удалось.

Но Адам разорвал кандалы, хотя поранил в кровь руки у кистей, и вслед за тем, озлобленный болью, он набросился на полицейского и вонзил ему в шею свои острые зубы. Второй из нападавших выбыл из строя... Тогда начальник маленького отряда, видя, что без применения оружия Адама не захватить, выстрелил из револьвера. Пуля попала в плечо Адама, на котором медвежьи когти оставили рубцы, и раздробила плечевую кость.

Адам взвыл от боли, но продолжал отбиваться здоровой рукой. Однако сильное кровотечение все больше ослабляло его.

Полицейские вновь набросились на него и после нескольких неудачных попыток вновь сковали ему руки. Адам дернул цепь и застонал от боли. Его повалили, крепко связали, бросили в автомобиль, где уже сидел бледный от страха Анатолий, подобрали раненых и быстро двинулись в путь.

Джипси с отрывистым лаем гналась за исчезающим автомобилем...

Адам был помещен в одну из камер, предназначенных для буйных поме-

шанных. Стены комнаты были обиты мягким войлоком, на окнах — решетки. Тяжелая дверь — на железном засове.

Адаму сделали перевязку и оставили одного. Он рычал, бросался к двери, согнул решетку на окне. Он безумствовал целый день, а ночью так выл, что приводил в содрогание даже привыкших ко всему санитаров.

К утру он утих. Но когда ему подали в дверное окошко завтрак, не решаясь еще войти, он только выпил несколько глотков чая, а завтрак выбросил в коридор.

Адам кричал и, как зверь в клетке, ходил, не переставая ни на минуту, тяжело вздыхал и от времени до времени громко и протяжно кричал, призывая Дездемону, Анатоля, Джипси... Иногда звал и Ликорна.

Он был один, совершенно один в этом тесном ящике, где было так мало воздуха для его легких и куда заглядывало солнце только через толстые прутья решетки, бросая от нее решетчатую тень на белую стену.

На третий день Адам затих. Он перестал ходить. Сел на пол в углу, спиной к свету, положил подбородок на поднятые колени и будто ооченел. Он уже никого не трогал. К нему входили врачи и ученые, но он сидел молча, не отвечая на вопросы и не двигаясь. И по-прежнему ничего не ел, но жадно пил.

Адам начал необычайно быстро худеть. По вечерам его стало лихорадить. Он сидел, стуча зубами, покрытый холодным потом. Скоро его начал мучить кашель, и во время приступов кашля все чаще стала показываться кровь.



Врачи качали головами.

— Скоротечная чахотка... Эти горные жители так трудно приспособляются к воздуху долин...

Однажды вечером после жесточайшего приступа кашля кровь вдруг хлынула из его горла и залила весь пол комнаты. Адам упал на пол. Он умирал...

Когда он пришел в себя после обморока, он тихо и хрипло попросил доктора:

— Туда... — и он указал глазами на дверь.

Доктор понял. Адам хочет на воздух. Быть может, в последний раз взглянуть на небо. Он задышался. Но разве можно выносить тяжелого легочного больного в сырую осеннюю ночь на воздух, под морозящий дождь!

Доктор отрицательно покачал головой.

Адам посмотрел на него жалобными глазами умирающей собаки.

— Нет, нет. Вам вредно, Адам... — И, обратившись к санитару, доктор отдал приказание: — Подушку с кислородом...

Кислород продлил мучения Адама до утра. Утром, когда бледный луч солнца осветил белую стену, нарисовав на ней тенью решетку окна, что-то вроде

улыбки, такой-же бледной, как этот луч, мелькнуло на губах Адама. У него началась агония. Он изредка выкрикивал какие-то непонятные слова... Ни одного французского слова он не произносил.

В десять часов двадцать минут утра Адам умер. А в час дня было получено официальное извещение о том, что Адама необходимо выписать из больницы, так как решено отправить его в Гималаи...

* * *

— Все-таки он хорошо сделал, что поспешил умереть, — не скрывая радости, говорил прозектор, приступая к анатомированию трупа Адама.

Ни один труп не был так тщательно препарирован. Все было измерено, взвешено, тщательно запротоколировано и заспиртовано. Вскрытие дало много чрезвычайно интересного. Appendix[94] был очень больших размеров. Musculus erectus cocigum[95] ясно выделялся, мышцы ушей были очень развиты. Мозг... О мозге Адама профессор Ликорн написал целый том. Скелет Адама был тщательно собран, помещен в стеклянную витрину и поставлен в музей, с надписью:

Homo Himalajus

В первые дни в музее у витрины со скелетом Адама толпилось много народу. Среди посетителей любопытные взоры отметили Клотильду де Труа и знаменитую артистку...

Адам перестал быть опасным для «культурного» общества и стал служить науке...

Сезам, откройся!!!



I. Больное место Эдуарда Гане

Вы начинаете стареть, Иоганн, — ворчливо сказал Эдуард Гане, отодвигая кресло.

Лакей с трудом опустился на колени, подавляя вздох, и начал подбирать упавшие с подноса кофейник, серебряный молочник и чашку.

— Зацепился за угол ковра, — смущенно проговорил он, медленно поднимаясь.

Эдуард Гане, выпятив толстую синюю губу, неодобрительно смотрел на пятно от разлитого кофе и с упрямством старика сказал еще раз:

— Вы начинаете стареть, Иоганн! Сегодня утром, одевая меня, вы никак не могли попасть отверстием рукава в мою руку. Вчера вы разлили воду для бритья...

На каменном бритом лице Иоганна промелькнула тень печали. То, что говорил Гане, было правдой: Иоганн начинал стареть и даже дряхлеть. Но это

была горькая правда. Семьдесят шесть лет — не шутка, и из них пятьдесят пять было отдано служению Эдуарду Гане, который только на шесть лет был моложе слуги. Пора на покой. Иоганн имеет кое-какие сбережения. На его век хватит. Но что он будет делать, оставив службу? Его старое тело, как машина, справляется с привычной работой обслуживания другого человека. На себя же — Иоганн знал это — у него не хватит сил. И он привык, сжился с этим старым брюзгой Эдуардом Гане. Иоганн поступил к нему еще в Ганновере, откуда они приехали в Новый Свет искать счастья пятьдесят лет назад. Эдуарду Гане повезло. Он нажил большой капитал и десять лет назад после легкого удара продал свои текстильные фабрики, выстроил в окрестностях Филадельфии загородную виллу в стиле немецкого замка и удалился на покой. Полсотни лет не сделали из Гане американца. Он остался немцем в своих вкусах, привычках, во всем. Дома с Иоганном он говорил только по-немецки. Настоящее имя Иоганна было Роберт, но Гане признавал для слуги только одну «кличку» — Иоганн, и в конце концов старый лакей сам забыл свое первое имя...

Как многие старые холостяки, Эдуард Гане был не чужд странностей. В домашнем быту он не признавал новшеств. В его замке время, казалось, остановилось. Гане не выносил электрического света, который, по его мнению, портит зрение. Во всех комнатах горели керосиновые лампы, а в кабинете на письменном столе стояли свечи под зеленым абажуром. О радио старый Гане не мог слышать. «Довольно того, что через меня проходят радиоволны, — говорил он. — От них у меня усиливаются подагрические боли. Непременно надо будет сделать на крыше и стенах дома радиоотводы. Я не желаю, чтобы через меня проходили звуки какой-нибудь пошлой шансонетки». Гане не переносил также езды на автомобиле. В его конюшне стояла пара выездных лошадей, и в редкие посещения города он появлялся в старомодной карете, возбуждая удивление прохожих. Но эти выезды он совершал не более двух раз в год. Зато каждое утро с немецкой пунктуальностью Гане прогуливался по саду, опираясь на руку Иоганна.

И когда они шли так по усыпанной песком дорожке, рука об руку, с черными тростями в руках, незнакомый человек затруднился бы сказать, кто из них хозяин и кто слуга. За долгую совместную жизнь Иоганн как бы сделался двойником Гане, усвоив все его жесты и манеру держаться. Иоганн казался важнее, так как он был старше и брился, как истый американец, а у Гане были небольшие бачки. И только внимательный взгляд мог по костюму отличить хозяина: у Гане сукно было значительно дороже.

Иоганн очень любил эти прогулки. Неужели им должен прийти конец? Нет, этого не может быть. Никто лучше Иоганна не знает привычек Эдуарда Гане, никто не вынесет его старческого брюзжания.

Эта мысль несколько успокоила Иоганна, и он с едва заметной улыбкой на высохших губах, но внешне покорно сказал:

— В таком случае, господин Гане, вам придется поискать мне заместителя... Молодой человек, конечно, справится лучше меня...

— Что-о? Молодой человек? Вы решили сегодня известить меня, Иоганн! Принесите мне кофе...

Иоганн бодрящейся походкой вышел, подергивая в коленях ногами. За дверью лицо его утратило каменное выражение. Он улыбнулся во весь рот, обнаружив искусственные зубы безукоризненной белизны. Иоганн попал в самое

больное место Эдуарда Гане. Гане не выносил слуг вообще, а молодых в особенности. В своей вилле он держал самое необходимое количество слуг: садовника — он же был кучером — и повара китайца. Обоим было по пятьдесят лет. Женской прислуги не было. Белье отдавалось в стирку на соседнюю ферму. Оттуда же приходила старая женщина, когда нужно было навести порядки в доме. Повар и садовник жили во флигеле, а Иоганн помещался в небольшой комнате рядом со спальней Гане, готовый во всякое время дня и ночи прийти на зов хозяина.

II. Невероятное предложение

После утреннего кофе Эдуард Гане и Иоганн совершали обычную прогулку по саду. Опираясь друг на друга, как два старых подгнивших дерева, они медленно шли по дорожке, от времени до времени отдыхая на удобных садовых скамейках.

— Вы предлагаете, Иоганн, нанять нового слугу, молодого. Разве год назад мы не сделали этого опыта? И что же? Я не знал, как отделаться от этого молодого человека. Правда, он не бил посуды и быстро попадал в рукава, одевая меня. Он не зацеплялся за ковры и не портил мне дорогих ковров, как вы, Иоганн...

Иоганн терпеливо ожидал, когда последует «но».

— Он все делал быстро и хорошо. Но ведь это же невозможные люди... современные слуги, молодые! Каждое слово обдумывай, чтобы не обидеть их и не нарваться на грубость. Лишний раз не позови. Ночью... у меня подагра разыгралась, зову его, а его и след простыл. Нет! Гулять отправился! Воскресенье придет — давай ему отпуск... И чем все это кончилось? Нагрубил и ушел. Хорошо еще, что не зарезал, не ограбил... Присядем, Иоганн, у меня что-то нога... К дождю, вероятно...

И, усевшись на скамью, Гане тяжело вздохнул:

— Нет больше хороших слуг, Иоганн. Вымирает эта порода. Хороший слуга должен быть как машина. «Сядь!» Сел. «Встань!» Встал. «Поддай!» Подал. И все молча, четко, ловко. И чтобы никаких там «сознаний личности», обид. Мало ли что старый человек сказать может, когда у него и тут ломит и там болит!.. Нет, Иоганн, это не выход.

— Можно нанять постарше, — самоотверженно давал советы Иоганн, — так лет пятидесяти, чтобы крепкий был, да только без молодого шала.

— Да где их достать таких? Такими дорожат. Ведь я бы вас не отпустил, Иоганн, когда вам было пятьдесят, если бы кто захотел переманить вас к себе. Так и каждый хозяин. Да и трудно привыкать к новому человеку, а ему — ко мне...

Оба замолчали, подавленные безвыходностью положения.

— Если женщину, постарше?

— Вы решительно хотите доконать меня, Иоганн. Неужели вы не знаете, что каждая женщина, поступая в услужение к старому одинокому богатому человеку, норовит прибрать его к рукам, женить на себе, вогнать в гроб и выйти замуж за молодого! Нет, нет, избави меня бог. Я еще жить хочу. Уж лучше с вами буду век коротать, Иоганн...

На душе Иоганна отлегло. Он не знал, что впереди предстоит новое испытание...

На нижней дорожке послышался скрип песка под чьими-то тяжелыми ша-

гами. Иоганн и Гане насторожились. Гане не любил посетителей. И надо же было кому-то прийти во время прогулки! Дома можно не принять, а здесь он был незащищен перед вторжением непрошеного гостя. Гане измерил расстояние до дома. Нет, не успеть дойти... Из-за поворота дорожки уже виднелась чья-то голова в котелке. Еще несколько шагов, и неизвестный предстал перед Гане. Это был плотный солидный человек лет сорока, в безукоризненном костюме, с уверенными, корректными манерами.

— Могу я видеть мистера Эдуарда Гане? — спросил неизвестный, оглядывая сидящих и стараясь угадать, кто из них Гане. Иоганн скромно опустил глаза, хотя, как всегда, он был польщен этим замешательством посетителя.

— Я Эдуард Гане. Что вам угодно? — спросил Гане, не приглашая незнакомца сесть.

Посетитель учтиво приподнял котелок и ответил:

— Джон Мичель, представитель электромеханической компании «Вестингауз». Я осмелился побеспокоить вас, чтобы сделать вам очень интересное предложение...

— Если бы вы даже были представителем самого Форда, я не приму вашего предложения, — ворчливо перебил его Гане. — Вот уже десять лет, как отстранился от всякой коммерческой деятельности и не желаю...

— Но я совсем не предлагаю вам вступить в дело, — в свою очередь, перебил его посетитель. — Мое предложение совершенно иного свойства, и, если вы будете любезны одну минуту выслушать меня...



Эдуард Гане беспомощно посмотрел на кусты роз, перевел взор на цветущие глицинии, окружавшие зеленым каскадом садовую беседку, и, наконец, возвел глаза вверх. Потом покосился на край скамейки и с зловещей любезностью сказал:

— Садитесь. Я вас слушаю.

Незнакомец притронулся к шляпе и с достоинством уселся на скамью. И тут... тут случилось чудо. Незнакомец заговорил и с первых же слов приковал внимание Гане и Иоганна к тому, о чем он говорил.

— Богатый пожилой воспитанный джентльмен не может обойтись без прислуги. Но как трудно в наш век найти хорошего слугу! Старые преданные слуги под влиянием неумолимого закона природы все больше дряхлеют, — Джон Мичель выразительно посмотрел на Иоганна, — а на смену им нет никого. Молодежь развращена профессиональными союзами, партиями, федерациями. Их требования, их капризы невыносимы. Притом вы никогда не гарантированы, что один из таких молодчиков не перережет вам в одну прекрасную

ночь горло и не убежит с вашими драгоценностями. Даже женщины не безопасны, в особенности для старых холостяков. Наймешь какую-нибудь экономку, и не успеешь оглянуться, как окажешься у нее под башмаком.

«Что за чертовщина? — подумал Гане. — То ли он подслушал, то ли это в высшей степени странное совпадение...»

А Мичель продолжал свою загадочную речь:

— Да, о найме новых слуг приходится забыть. Но вместе с тем и без слуг обойтись нельзя. Домашний уют пропадает. Везде пыль, по углам пауки ткнут паутину. Но это еще не все. Подумали ли вы, мистер Гане, о том печальном моменте, когда ваш старый слуга — я не ошибаюсь, это он сидит с вами? — когда ваш старый слуга не придет на ваш зов потому, что он не в силах будет от старческой слабости подняться с кровати? И вы останетесь один, беспомощный и жалкий...

Думал ли об этом Гане! Эта мысль преследовала его по ночам, как кошмар. И Гане не один раз вызывал Иоганна ночью лишь для того, чтобы убедиться, что слуга еще может дотащить до него, и с волнением прислушивался, как Иоганн, кряхтя и сопя, поднимал с кровати свое старое тело...

— Вам некому будет подать таз с водой, принести кофе, — продолжал терзать Гане посетитель. — Вы будете лежать в своей кровати, а пауки — отвратительные мохнатые пауки — будут спускаться вам прямо на голову, и обнаглевшие крысы начнут прыгать по одеялу...

Гане снял шляпу и отер платком лоб: «Это бред какой-то!..»

— Что же вы котите? — спросил он с отчаяньем и тоской в голосе. — Зачем вы говорите мне все эти ужасы?

Мичель посмотрел на Гане уголком глаз и остался доволен наблюдением. Ключуло! Он как будто не расслышал вопроса. Не спеша закурил сигару, окинул рассеанным взглядом сад и сказал:

— Хорошенькая у вас вилла. Уютный уголок. Здесь можно беспечально провести остаток жизни, если только...

— Я просил бы вас держаться ближе к цели вашего визита, — нетерпеливо сказал Гане.

— ...если только иметь хороших, надежных слуг, которые повинуются вашему голосу, немые как рыба и послушны вам, как ваши собственные мысли, — докончил Мичель. И, повернувшись к Гане, он сказал: — Вот за этим самым я и пришел к вам. Я хочу предложить вам таких идеальных слуг.

Разговор неожиданно был прерван появлением собаки — черного пинчера, выбежавшего из дома садовника. Собака быстро подбежала к Гане, но, увидев чужого, заворчала и оскалила зубы.

Мичель опасливо поджал ноги.

— Джипси, на место! — прикрикнул Гане, и собака с ворчаньем улеглась под скамейкой.

Мичель поморщился.

— С детства не переносу собак, — сказал он. — Однажды от них я очень сильно пострадал. А других у вас нет?

— Только эта. Не беспокойтесь, она не укусит. Так вы говорили, что можете предложить мне идеальных слуг... Но, если не ошибаюсь, вы назвали себя представителем фирмы «Вестингауз». И в то же время вы комиссионер по найму слуг?

— В то же время и от той же фирмы.

— С каких это пор фирма «Вестингауз»...

— С тех самых, как она стала изготавливать слуг, идеальных слуг.

«Это какой-то сумасшедший», — подумал Гане, с новой тревогой поглядывая на посетителя.

Мичель заметил тревогу в глазах Гане и с улыбкой ответил:

— Вас это, может быть, поразит, но это так. Фирма «Вестингауз» изготавливает механических слуг.

Комбинация телефона с принципами беспроводного телеграфирования — только и всего. Ваше приказание передается вибрационной волной в девятьсот колебаний в секунду и даже в тысячу четыреста колебаний. Эти колебания воспринимаются особыми вилочками, вилочки переменяют пазы в машинном слуге, и он выполняет приказание. Я не буду утомлять вас техническими описаниями. Важно то, что механические слуги будут выполнять все ваши приказания.

— Что же они... в виде людей? — спросил Гане.

— Есть разные, — ответил Мичель. — Некоторые из этих механических слуг представляют собою просто скрытый аппарат. Довольно вам будет отдать приказ, и такой аппарат зажжет электрические лампочки, пустит в ход электрический веер, осветит комнату прожектором, зажжет сигнальную лампу, приведет в действие электрическую метлу или пылесос. Наконец, откроет вам двери. Довольно вам будет сказать, как в сказке из «Тысячи одной ночи»: «Сезам, откройся!» — и дверь немедленно откроется, впустит вас и закроется за вами.

— Как в сказке?.. Гм... А вы знаете сами эту сказку? — спросил Гане.

— Признаться откровенно, забыл, — ответил Мичель.

— Если память не изменяет мне, — сказал Гане, — в этой сказке говорится об одном человеке, который, сказав эти слова: «Сезам, откройся!» — вошел в пещеру, полную сокровищ, но, войдя, забыл волшебное слово; каменные стены сомкнулись за ним; он не мог выйти обратно и был застигнут разбойниками...

— Значит, фирма «Вестингауз» усовершенствовала арабские сказки. Если вы забудете волшебное слово, вам довольно будет нажать электрическую кнопку, и дверь откроется. Этого, надеюсь, вы не забудете. Компания берет на себя полную гарантию за исправность своих механических слуг. Мы берем все расходы на себя и не удержим с вас ни одного доллара из задатка, если слуги не удовлетворят вас. Разрешите принять от вас заказ?

— Так, сразу я не могу решить. Для меня это слишком необычное предложение.

— Тогда мы сделаем вот как. Надеюсь, вы не откажете мне продемонстрировать вам некоторых из наших механических слуг. Это вам ничего не будет стоить...

— Я, право, не знаю, что вам сказать...

Мичель, как будто дело было уже решенным, поднялся, откланялся и сказал:

— Завтра утром, с вашего разрешения, я буду у вас. — И он ушел, сопровождаемый лаем собаки, выскочившей из-под скамейки.

III. Испытания Иоганна еще не кончились

В эту ночь Иоганн и его хозяин спали очень плохо. Предложение Мичеля было заманчиво, но Эдуард Гане боялся всяких новшеств. Страшные же картины одиночества пугали его еще больше. И когда он забывался в тревожном сне, ему казалось, что он лежит один, без слуги, пауки спускаются ему на голову, а по одеялу бегают крысы. Иоганна преследовали еще более страшные кошмары: в правый бок дул холодом электрический вентилятор, потом вдруг откуда-то выскакивала огромная механическая метла и выметала его из комнаты... Иоганн убежал от нее, но не мог открыть дверей и с ужасом кричал: «Сезам, откройся!..»

Утром после завтрака пришел Мичель с рабочими, которые принесли ящики с механическими «слугами» и принялись за работу.

— Будьте добры познакомить меня с расположением вашего дома, — сказал Мичель, обращаясь к Гане.

— Из этой гостиной, — объяснял хозяин, — дверь ведет в мою спальню. В правой стене спальни — дверь в кабинет, а в левой — две двери: одна — в комнату Иоганна, а Другая — в ванную.

— Прекрасно. С этих дверей мы и начнем электромеханизацию вашего дома. К вечеру все будет готово.

В то время как рабочие снимали двери и вделывали в стены механизмы, Мичель объяснял назначение других аппаратов:

— Вот этот ящик на колесиках, с круглой щеткой на конце и есть механическая метла. Вы ставите ее вот так, поворачиваете вот этот рычажок, и метла готова для работы. Скажите ей: «Мети!»

— Мети! — визгливо крикнул Гане взволнованным голосом. Но метла не двигалась.

— Ее механизм реагирует на более низкие колебания звука, — объяснял Мичель. — Нельзя ли взять тоном ниже?

— Мети!..

— Еще ниже.

— Мети! — пробасил Гане. И метла пришла в действие. Колесики ящика закрутились вместе со щеткой в виде вала, и механическая метла прошла по большой комнате, как трактор по полю, осторожно обходя препятствия, дошла до конца стены, сама повернула обратно и пошла по новой полосе...

— Под щеткой находится пылесос. Таким образом, вся пыль собирается внутри ящика и потом выбрасывается, — продолжал объяснения Мичель.

Метла вымела уже половину комнаты, когда произошло маленькое происшествие. В комнату вбежал Джипси и отчаянно залаял на метлу. В тот же момент колесики метлы заработали с необычайной быстротой, и метла, как бы спасаясь от собаки, начала, выписывая восьмерки, метаться по комнате, преследуемая собакой. Иоганн и его хозяин, стоявшие посередине комнаты, от ужаса перед столкновением с взбесившейся метлой сразу помолодели на сорок лет и начали с неожиданной быстротой увертываться от механического врага. Несколько раз метла едва не налетела ни них, но они, делая прыжки, достойные Дугласа Фербэнкса, спасались. Однако неожиданным поворотом метла задела Иоганна, он упал на пол, растянувшись во всю длину своего долгового тела, и метла проехала через него, впрочем без особых повреждений его фрака, вычистила попутно спину и подняла вверх волосы на затылке. С этой необычайной прической он поднялся с пола и бросился к дивану, где уже

стоял его хозяин.

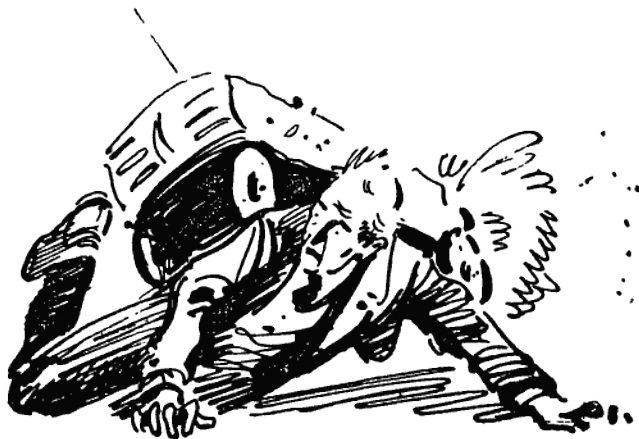
А Мичель, размахивая руками, гонялся следом за собакой и неистово кричал:

— Уберите собаку! Уберите собаку!..

Приключение окончилось так же неожиданно, как и началось. Метла, изменив фигуру восьмерки на круг, промчалась вокруг комнаты и остановилась.

Мичель вытер лоб и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне очень неприятно, но здесь во всем виновата собака. Дело в том, что механизм метлы, как я уже сказал, реагирует на звуки. Собачий лай, заставил вилочки вибрировать слишком сильно, вызвал все эти неожиданные явления. Придется удалить собаку. Что же касается метлы, то исправления сейчас же будут сделаны.



Монтер подошел к метле, открыл дверцу ящика, повозился несколько минут, и метла была вновь в полной исправности. Иоганн увел собаку и запер ее в дальней комнате, а успокоившаяся метла благополучно домела комнату.

— Видите, как это удобно, — говорил Мичель. — Ваш верный, старый Иоганн будет управлять механическими слугами и с их помощью еще долго будет служить вам...

Хитрый Мичель считал нужным задобрить Иоганна, основательно опасаясь его влияния на хозяина.

Над кроватью и письменным столом Гане были сделаны электрические вентиляторы, которые начинали работать по одному словесному приказу.

К вечеру все было готово.

Эффект самооткрывающихся дверей так понравился Гане, что заставил его забыть неприятный случай с метлой.

— Присмотритесь к вашим механическим слугам, — сказал на прощание Мичель. — И когда вы привыкнете к ним, я уверен, что они станут для вас совершенно необходимы. Вы будете удивляться, как могли жить без них раньше. Я навещу вас через несколько дней... — И уже у двери он еще раз напомнил о необходимости убрать из дому собаку. — Только в этом случае я могу отвечать за исправность механизмов!

Предубеждение Гане перед новшествами было сломлено неопровержимыми преимуществами новых механических слуг. Когда Мичель и рабочие ушли, Гане занялся испытанием.

— Мети! — приказывал он метле, и метла безукоризненно выполняла свою работу.

— Вентилятор! — говорил он, обращаясь к небольшим пропеллерам, установленным над кроватью. И вентиляторы, для которых был проведен электрический ток из флигеля, начинали с усыпляющим, тихим шумом свою освежительную работу.

Но двери особенно восхищали Гане. До позднего вечера он ходил из комнаты в комнату и, останавливаясь перед закрытыми дверьми, повторял:

— Сезам, откройся!

И двери, послушные его голосу, бесшумно открывались и медленно закрывались за ним.

— А ведь это действительно как в сказке! говорил восхищенный Гане. — Мичель не обманул. Как вы полагаете, Иоганн?

— Да, это неплохо, господин Гане! — Старый Иоганн говорил искренне. Он уже примирился с вторжением в дом механических слуг. Облегчая его работу, они не угрожали ему лишением места. «Приносить кофе и попадать в рукав они все-таки не могут!» — думал Иоганн, обрадованный тем, что механические слуги все же не могут вполне заменить живого человека. Он не знал, что его испытания еще не кончились...

Вечером, улегшись в кровать, Гане заставил вентиляторы освежить его нежной струей воздуха и, засыпая, сказал:

— Теперь по крайней мере пауки не угрожают мне...

IV. Механические слуги

На третий день, когда Гане только что окончил завтракать, послышался шум автомобиля.

Иоганн выглянул в окно и увидел, что к дому подъезжает на автомобиле Мичель в сопровождении грузовика. На грузовике были уложены длинные ящики, напоминающие гробы. Почему-то эти ящики взволновали Иоганна — быть может, напоминанием о смерти, которое никогда не покидает старого человека.

— Мичель приехал, — доложил Иоганн.

Быстро отдав распоряжения слугам, Мичель вошел в комнату с развязностью друга дома.

— Как поживают наши механические слуги? Вы довольны ими?

— Да, благодарю вас, я вполне доволен ими, — ответил Гане.

— Ну, а я не вполне, — ответил Мичель, весело улыбаясь.

— Не угодно ли чашку кофе, мистер Мичель? Чем же не удовлетворяют вас механические слуги? — спросил Гане.

— А вот чем, мистер Гане. Они имеют слишком ограниченный круг работ. Узкие специалисты, так сказать. Они не могут помочь вам одеться и не подадут вам кофе.

У Иоганна от этих слов что-то екнуло в груди. Неужели Мичель... Иоганн не успел додумать свою мысль, как Мичель подтвердил его опасения.

— Я не хотел пугать вас слишком необычайными новшествами, — продолжал Мичель. — Все эти «Сезамы» и механическая метла — детский лепет по сравнению с последними изобретениями компании «Вестингауз». Я привез вам пару настоящих механических слуг. Они будут выполнять все ваши приказания, повинуюсь вашему слову...

Иоганн крикнул. Руки его задрожали, и поднос выпал из рук.

— Не пугайтесь, Иоганн, — обратился к нему Мичель. — Вы все же будете

необходимы. За механическими слугами нужен некоторый уход и присмотр. Вы только повыситесь в чине и будете мажордомом. Д слуги станут выполнять за вас всю работу, которая вам не под силу. Не угодно ли взглянуть?

Мичель, Гане и Иоганн вышли из дому. Рабочие уже сняли гробоподобные ящики, положили на землю и вскрывали крышки.

Со смешанным чувством страха и любопытства Гане заглянул в ящики и увидел двух железных истуканов, напоминающих рыцарей, закованных в латы с ног до головы. Сочленения этих истуканов были соединены спиральными пружинами.

Рабочие взяли за затылки этих мумий и подняли их несгибающиеся тела. Мичель подошел к «слугам» и ударил черной тростью по их лицам, издавшим металлический звон. Затем «слуг» поставили у подножья лестницы, ведущей в дом. Мичель подошел к ним и, осмотрев маленькие выключатели, находившиеся на затылке «слуг», повернул их.

Произошло чудо. С глухим щелканьем и треском колени «слуг» изогнулись, и «слуги» начали взбираться по лестнице в дом. Но в этот момент опять откуда-то появился Джипси. С громким лаем, наскакывая и отлетая, он начал хватать одного «слугу» за ногу. И «слуга» вдруг дернул ногой и остановился.

— Уберите собаку! — кричал неистово Мичель.

Садовник схватил лающего Джипси и унес к себе. После этого «слуги» без остановок взойшли по лестнице; дойдя до стены вестибюля, они повернулись и вошли в гостиную.

— Стойте! — крикнул Мичель, следовавший за ними. «Слуги» остановились.

— Вперед десять шагов! Поворот направо! Наклонитесь! Возьмите! Назад! Стойте! — командовал Мичель.

«Слуги» выполняли все приказания. Они прошли через комнату, повернули к столику. Нагнулись, осторожными движениями взяли со столика лежавшие альбомы и принесли их Мичелю.

Гане был поражен. Иоганн потрясен.

— Видите, как это просто. Все, что вы ни прикажете им, они выполняют. Причем довольно лишь раз приказать им исполнить что-либо, например сходить в буфет и принести закуску, как они будут делать это по одному приказу: «Закуску!», или: «Кофе!» Иоганну останется только командовать ими да от времени до времени смазывать механизм.

И, обратившись к рабочему, Мичель сказал:

— Дайте масленку. Благодарю вас. Подойдите сюда, Иоганн, и смотрите внимательнее.

Обратившись к «слугам», Мичель приказал:

— Нагнитесь!

«Слуги» нагнулись.

— Видите, Иоганн, маленькую дырочку в темени? Сюда пускайте масло. Механических слуг тоже надо кормить. Берите масленку. Да не бойтесь. Отчего у вас так дрожат руки?

У Иоганна действительно дрожали руки, и он никак не мог попасть в дырочку.

— Ничего, привыкнете, — ободрял его Мичель. И он продолжал демонстрировать механических слуг, заставляя их проделывать всевозможные вещи.

Они сняли с Мичеля смокинг и вновь надели его. Все это они выполняли с безукоризненной точностью.

— Они не только прекрасные слуги, но и незаменимые сторожа. Разрешите пройти в кабинет. — И, не дожидаясь ответа, Мичель сказал «слугам»: — Идите за мной!

Гане был так поражен, что лишился воли и сам шел следом за Мичелем, как механический слуга. Мичель прошел в кабинет и поставил «слуг» около несгораемого шкафа. Отойдя в сторону, он крикнул:

— Тревога!

В тот же момент «слуги» заработали руками с необычайной быстротой.

— Всякий бандит, который осмелится подойти к шкафу, будет убит и превращен в лепешку этими стальными рычагами! Хорошо? — спросил Мичель, обращаясь к Гане.

— Даже слишком, — ответил побледневший Гане.

— И в то же время они кротки, как голуби. Попробуйте сами приказать им.

— Нет, знаете, мне не надо этих слуг, — вдруг решительно заявил Гане. — Это слишком необычайно. И потом, что, если эти слуги взбесятся, как взбесилась ваша механическая метла? Ведь от них спасения не будет!

— Исключена всякая возможность, — быстро ответил Мичель. — Довольно вам сказать «стоп!», и их механизм парализуется.

За окном послышался шум отъезжавшего грузовика. Гане с беспокойством посмотрел в окно и сказал:

— Позвольте, куда же он уезжает? Я не хочу механических слуг. Пусть рабочие увезут их обратно...

— Простите, но я был так уверен в том, что слуги понравятся вам, что распорядился не ожидать меня... Впрочем, это можно исправить, если не хотите...

И, подойдя к окну, Мичель закричал:

— Эй! Эй, вернитесь!

Но грузовик уже завернул за угол и скрылся.

— Не слышат! Уехали... Ну ничего, я приеду за ними завтра. Хотя надеюсь, вы за день настолько привыкнете к ним, что сами не пожелаете вернуть их. Позвольте попрощаться с вами. Мне нужно еще доставить пару слуг на виллу Мансфельда. И, пожалуйста, не беспокойтесь. Все будет прекрасно.

— Но как же так?..

Приветливо кивнув, Мичель выбежал из комнаты.

— До завтра! — крикнул он из автомобиля и уехал.

Эдуард Гане и Иоганн остались одни, со страхом поглядывая на металлические истуканов, стоявших у несгораемого шкафа.

— Вот так история! — шепотом сказал Гане, опасаясь, как бы звук его голоса не привел в движение механических слуг. Сделав знак рукой, Гане на цыпочках подошел к закрытой двери и негромко сказал: — Сезам, откройся!

Дверь отворилась. Гане и Иоганн выскользнули из кабинета в спальню. Дверь закрылась за ними. Оба вздохнули с облегчением.

— Только бы они не вышли оттуда, — опасливо сказал Гане тихим голосом. Он с ужасом вспоминал металлические руки, вращающиеся, как крылья мельницы. — Неприятная история...

— А что, если бы их выгнать оттуда? — предложил Иоганн.

— Но как? — с тоскою спросил Гане.

— Мы вот что сделаем, — сказал, подумав, Иоганн. — Вы, господин Гане, пойдете вверх и запретесь на ключ. В верхних комнатах двери без всяких «Сезамов». Старый ключ будет надежней. А я пройду со двора и крикну этим идолам из окна, чтобы они убирались отсюда к черту.

— Что же, попробуем, — согласился Гане. Он заперся наверху, а Иоганн, выйдя из дому, крикнул через окно:

— Сезам, откройся!

Когда дверь из кабинета в спальню открылась, он крикнул вторично:

— Вперед десять шагов!.. Шагом марш!.. Уходите отсюда!

Но «слуги» стояли неподвижно.

— Пошли вон! Убирайтесь!

«Слуги» по-прежнему не двигались, стоя у шкафа, как рыцарские доспехи. А двери в это время уже закрылись, и Иоганну пришлось вновь повторять: «Сезам, откройся!» Он изменил тон, кричал на все голоса: то басом, то фистулой — все напрасно. «Слуги» окаменели. Иоганн просил, умолял их, наконец начал ругаться. Но разве сталь проберешь ругательствами!

В полном отчаянье явился он к Гане:

— Не уходят...

Гане сидел в кресле, опустив голову. У него было такое чувство, как будто в его дом ворвались разбойники и заперли его в верхней комнате. Но что могло произойти со «слугами»?..

Гане хлопнул себя по лбу.

— Все это очень просто, — сказал он, повеселев. — Мичель, объясняя, сказал в присутствии слуг «стоп!». Это слово парализовало их механизм. Они, кажется, в самом деле вовсе не опасны нам...

Гане осмелился даже спуститься в нижний этаж и пройти в свою спальню. Но вечером, ложась спать, он заставил Иоганна принести из гостиной столы, диван и стулья и забаррикадировать ими дверь из кабинета.

— Так будет спокойнее, — сказал он, укладываясь в кровать. — А вы, Иоганн, на всякий случай останьтесь сегодня со мною. Можете прилечь на этом диване.

Иоганну совсем не улыбалось провести ночь на баррикадах, но он улегся без возражения, по привычке повиноваться...

V. Ночь кошмаров

Это была самая беспокойная ночь за всю долгую совместную жизнь Иоганна и его хозяина. Старикам не спалось. Им чудились какие-то шорохи в кабинете. В тревожном сне их преследовали кошмары: стальные люди хватили и били их железными руками.

Незадолго перед рассветом Иоганн разбудил задремавшего хозяина:

— Господин Гане... господин Гане!.. В кабинете что-то творится неладное...

Гане проснулся, вскочил с кровати и прислушался. Да, это не обман слуха. Из кабинета действительно доносились заглушенные звуки, тихий треск, удар металлического предмета о ковер и потом шипенье...

— Ожили! — с ужасом прошептал Иоганн. Его челюсти выбивали дробь, а руки тряслись так, что он не мог стянуть с себя одеяла.

Похолодевшие от страха старики сидели несколько минут неподвижно, будучи не в силах сделать ни одного движения.

В кабинете шум усилился. Что-то упало и с грохотом покатилося по полу.

Это перешло все границы страха. Гане вдруг подбежал к двери и закричал испуганным голосом:

— Сезам, откройся!!

Но дверь не открывалась.

— Сезам, откройся! — эхом повторил Иоганн. И они пищали, ревели, кричали у двери, стараясь извлечь из своих старых глоток всю гамму звуков человеческого голоса, чтобы пробудить какие-то неповинующиеся вилочки в механизме дверей. Но все было напрасно. Страшная сказка «Тысячи и одной ночи» претворялась в действительность. Им казалось, что двери из кабинета дрожат под напором чьих-то тел. Еще минута, и оттуда вырвутся сорок разбойников и растерзают их старые тела...

Последнее, что слышал Иоганн, это был визгливый лай Джипси, изгнанного на ночь из дому. Потом все замолкло. Иоганн и его хозяин потеряли сознание...

Когда они пришли в себя, уже рассвело. С радостным удивлением они убедились, что живы и невредимы. Дверь в кабинет была закрыта и баррикада из стульев, столов и дивана не нарушена. Иоганн нажал на дверь в гостиную ручкою, и, к его удивлению, дверь открылась. Они были свободны. Иоганн разбудил садовника и повара. Но никто из них не решался войти в кабинет.

— Вызовите полицию, — сказал Гане.

Садовник отправился во флигель и по телефону сообщил в ближайший полицейский участок. Через полчаса послышалось трещанье мотоциклетов. На этот раз Гане не возражал против технического прогресса. Неприятный шум мотоциклета показался для него райской музыкой.

Полисмены открыли дверь кабинета. На полу лежали поверженные кем-то металлические «слуги». Дверцы несгораемого шкафа были открыты. Все драгоценности исчезли...

Присутствие полиции придало Гане смелости. Он вошел в кабинет и, глядя на лежащих «слуг», сказал прочувствованно, как будто он обращался к трупам:

— Я был не прав по отношению к ним. Я боялся их, а они погибли на посту, охраняя мое имущество от воров, которые, очевидно, проникли через окно...

Но ему не долго пришлось оплакивать «верных слуг». Полицейские довольно бесцеремонно подняли «трупы», осмотрели их, нашли, что от механических слуг остались одни пустые оболочки!..

Гане сразу стало все ясно. Мичель сыграл с ним плохую шутку. Под видом механических слуг он поместил в металлические футляры своих сообщников. Бандиты ночью вышли из металлических футляров, расплавили шкаф, похитили драгоценности и удрали через окно. Вот почему Мичель так опасался собаки...

— Господин Гане, вас хочет видеть агент компании «Вестингауз», — сказал Иоганн, заглядывая в кабинет.

— Что, Мичель? Очень кстати! — И, обращаясь к полисмену, Гане торопливо проговорил: — Арестуйте скорее этого бандита!

Полицейские и Гане вышли в гостиную. Там стоял русоволосый молодой человек с бумагой в руке. Он с недоумением посмотрел на полицейских и, учтиво поклонившись Гане, сказал:

— Здравствуйте, мистер. Я пришел, чтобы произвести с вами расчет за

установку механических слуг...

— К черту механических слуг! — взревел Гане. — Пусть лучше пауки падают на голову и крысы бегают по одеялу! Вы с Мичелем и механическими жуликами обобрали меня! Арестуйте этого человека!

— Я не знаю Мичеля. Это какое-то недоразумение. Ваш управляющий заказал у нас механическую метлу, вентиляторы и «Сезамы». Вы приняли заказ и расписались. Вот счет...

— А это? — продолжал волноваться Гане. — Пожалуйста сюда, молодой бандит!

И, пригласив следовать за собой, Гане провел молодого человека в кабинет и показал на лежавших «слуг».

Агент «Вестингауза» посмотрел, пожал плечами и сказал:

— Наша фирма не вырабатывает таких кукол.

Гане продолжал бесноваться, но тут вмешался полисмен. Он поговорил с молодым человеком, посмотрел на счет, проверил полномочия и сказал, обращаясь к Гане:

— Мне кажется, мистер Гане, что молодой человек не причастен к преступлению. Мы расследуем это дело. Мичель, по-видимому, сделал от вашего имени заказ у «Вестингауза» только на метлу, вентиляторы и «Сезам». Эти же футляры «лакеев» он изготовил сам и в них ввел в ваш дом своих сообщников. Это, конечно, стоило ему денег, но расходы, вероятно, окупились. Сколько у вас было денег в шкафу?

Всех ценностей на сто тысяч с чем-то долларов...

— Ну вот, видите, хороший куш! По всей вероятности, злоумышленники убежали бы в своих железных оболочках, чтоб еще раз использовать их, если бы что-нибудь не заставило их поторопиться...

— Собака подняла лай! — вставил слово Иоганн.

— Но «Сезам» тоже участвовал в заговоре, — упорствовал Гане. — Почему все двери перестали открываться в момент грабежа?

— Может быть, вы слишком сильно крикнули от испуга: «Сезам, откройся!» — и тем испортили механизм, — высказал предположение агент. — Наши аппараты рассчитаны на известную силу и высоту тона.

Это объяснение — Гане не мог не сознаться — было похоже на правду. Он не кричал, а рычал, вопил на непослушные двери.

— Мистер Штольц, — сказал полисмен, обращаясь к молодому человеку, — я не арестую вас, но все же прошу следовать за мной. Мне необходимо выяснить все обстоятельства дела.

Полицейские, забрав металлических слуг как вещественное доказательство, удалились вместе с агентом.

Эдуард Гане остался один со своим слугой.

— Я еще не пил кофе, — сказал устало Гане.

— Сию минуту, сэр, — ответил Иоганн, семена к буфету.

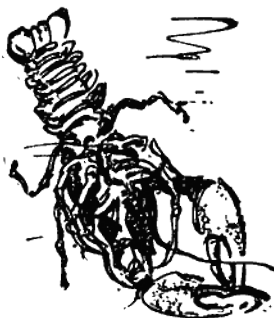
От всех волнений ночи у Иоганна дрожали руки сильнее обычного, и, подавая кофе, он уронил сахарницу.

— Ничего, Иоганн, не расстраивайтесь, это с каждым может случиться, — ласково сказал Гане. И, отпив дымящегося кофе, он задумчиво добавил: — «Сезамы», вентиляторы и механическую метлу мы, пожалуй, можем оставить, Иоганн. Это полезное изобретение. Оно облегчит ваш труд. Эти настоящие ве-

стингаузовские механические слуги имеют, на мой взгляд, лишь один недостаток: они не переносят лая и приказаний в повышенном тоне. Но с этим уж ничего не поделаешь. Такой теперь век...

Легко ли быть раком?

Биологический рассказ-фантазия



Если вы думаете, что раком быть легко, то глубоко ошибаетесь. Мне пришлось превратиться в рака не более как на час, и этот час оставил самые тягостные воспоминания. Только, пожалуйста, не спрашивайте, как это могло произойти, иначе поставите меня в очень затруднительное положение.

Я сидел под корнями старой ветлы на чистом донном песке небольшой речонки и поджидал добычу. Я был голоден, ужасно голоден. В это утро я позавтракал только одной улиткой. Голод — пренеприятное чувство. Мимо меня проплыла большая водяная крыса. Лучшего обеда нельзя было себе и представить. Довольно зацепить крысу клешней и держать ее под водой, пока она не подойдет без воздуха, и потом можно есть до отвала. Но я пропустил крысу, потому что был очень слаб. Я не справился бы с ней. И потом у меня болела голова. Отчаянные головные боли мучили меня невыносимо. У вас бывают мигрени? Вы представляете себе эту ужасную нудную боль? Так вот, именно так болела моя голова, и не только голова: грудь сдавливало так, что я еле дышал, хвост, казалось, попал в тиски, клешни и ноги нестерпимо ныли. Я был самым несчастным существом в мире.

Боль все усиливалась, и скоро у меня даже аппетит пропал. Необычайное беспокойство овладело мною. Я сделался нервным, раздражительным. Очевидно, я заболел какой-то тяжелой болезнью. Я забрался в свою нору, под корни ветлы. Здесь было прохладнее, но боль не утихала. Я слышал, как на берегу реки, звеня колокольчиками, подошли коровы. Они громко мычали и мутили воду ногами. Я ненавижу этих гигантских тварей, которые невыносимо шумят и распугивают насекомых и лягушек. Но на этот раз я ненавидел их так, как никогда. Безумно хотелось тишины. Болели глаза, болели уши, не было кусочка в моем теле, который не болел бы и не ныл.

А тут еще разразилась гроза. Она всегда действует на нервы. Право, я готов был с ума сойти. Я залез в нору еще глубже и неожиданно столкнулся там с довольно большим раком, который жил недалеко от меня. Я не стал выгонять его: я был слишком слаб.

С моим соседом тоже творилось что-то неладное. Он ерзал по песку, поворачивался из стороны в сторону, поднимал клешни, тер их одна о другую, постукивал, хлопал по песку, даже становился на голову. Бедняга, наверно, сошел с ума. Наконец он положил левую клешню на песок и, прижав правой, начал ее

сильно дергать. И вдруг я увидел, что из левой клешни вылезла, как из перчатки, нежная «телесная» клешня, лишенная панцирной оболочки. Тогда я понял его болезнь, понял и свою. Мы линияли. Вы знаете. Но одно дело знать, а другое — испытать на себе.

Представьте себе, что какой-нибудь сумасшедший средневековый рыцарь заковал в железные латы своего новорожденного младенца, чтобы младенец от рождения имел вид рыцаря. Тело младенца растет, а железные латы остаются все теми же. Как должно страдать это тело!.. Нечто подобное испытывал и я, и больше всего доставалось голове. Когда я был человеком, мне приходилось читать в одном кошмарном рассказе, как некий скульптор, делая форму с головы живого человека, облил эту голову не гипсом, а особым составом, который, высыхая, превращается в вещество крепче гранита. Несчастный задохся в непроницаемой каменной оболочке. Так и я на дне реки был похож на этого несчастного.

Скоро боль сделалась настолько невыносимой, что и я, впад в бешенство, начал проделывать все те безумства, которые проделывал на моих глазах сосед. Я кувыркался, валялся, переворачивался с боку на бок, становился на голову, раскачивался, бился головой о корни и камни, бил клешнями, как будто отчаянно аплодируя, вертелся, егзил. Я спасал свою жизнь. Мое нежное тело было заковано в жесткий панцирь, и он душил меня. Я чувствовал, что если мне не удастся освободиться от этой тюрьмы, то она удушит меня. Я ползал по своей норе, как бы желая уйти от самого себя, силы постепенно оставляли меня. На несколько секунд я погружался в тяжелое забытие, как лихорадящие больные. Потом острая боль во всем теле приводила в себя и опять начиналась «борьба с самим собой». Кто придумал эти ужасные пытки?.. Концы моих ног как будто были зажаты в тиски. И кто-то безумно жестокий медленно, минута за минутой все крепче сжимал эти тиски... О, если бы раки могли кричать!.. Они кричали бы душераздирающим криком. Но я не мог кричать. Я должен был молча переносить эти страдания...

В те мгновения, когда сама боль словно отдыхала и набиралась сил, я смотрел, что делается с моим соседом. Он уже освободил и вторую клешню. Панцирь на головугруды у него стоял коробом. Я позавидовал ему, но в ту же минуту с ужасом заметил, что в отчаянных усилиях освободиться поскорее рак оторвал одну из своих десяти ног. Положим, у него оставалось еще девять, а оторванная нога должна была отрасти, но все-таки это было страшно, потому что рак без одной ноги уже не может так бороться за свое существование, как совершенно здоровый рак. А ведь у нас были свои враги.

Клешни горели как в огне и болели, а я все колотил их одна о другую, как извозчик, хлопающий на морозе рукавицами, чтобы согреться. Когда же будет этому конец?..

Я упер голову в песок, стал на клешни, поднял хвост вверх и с силой махнул им. В тот же момент я почувствовал, что у меня лопнула кожа, соединяющая панцирь головугруды с хвостом. О, какое блаженство! Под панцирь проникла прохладная вода и освежила намученное, истерзанное тело, правда, на очень небольшом пространстве. Я сделал еще одно усилие — панцирь приподнялся на спине, но зато в самом узком месте головы почувствовалась еще более нестерпимая боль. Я готов был лечь навзничь, чтобы прижать отставший панцирь обратно к спине, но в то же мгновение застыл от новой острой боли.

Мои глаза! Они отдирались от тела вместе с отставшим панцирем. Я ничего не видел. Глаза горели, точно их прожгли каленым железом. Назад уже не было выхода, спасение только в том, чтобы окончательно освободиться от панциря.

Наконец мне удалось освободить глаза и сяжки. Еще несколько «нерачьих» (не могу же я сказать «нечеловеческих»!) усилий, и я сбросил панцирь, вытянул ноги из узких оболочек. Свобода! Свобода!..

Несколько мгновений лежал неподвижно. Боли сразу утихли. Я испытывал чувство блаженства, холодная вода непривычно щекотала мое голенькое тело. Я вновь видел. Видел панцирь, лежащий рядом со мной. Как странно было его видеть! Как будто рядом со мной лежал мой труп. Ведь он как две капли воды похож на меня!

Как тихо! Или я оглох? Прислушиваюсь, но ни единого звука не доносится до меня, как будто все звуки умерли... В самом деле, что со мной? Неужели оглох? Новое странное ощущение овладевает мною. Я как будто утратил чувство равновесия. Не могу понять: лежу ли я на боку или на спине. Попробовал перевернуться, прилег на бок, ощутил на нежной коже прикосновение песка, но чувство равновесия ничем не проявляло себя. Что делать?.. И вот тут-то мне на помощь пришел инстинкт.

Я ничего не знал о том, как устроено ухо рака. Я не знал, что внутри этого уха есть особые волоски, соединенные с нервами, что эти волоски — разной толщины — резонируют на звуки разной высоты; не знал я и того, что эти «струны» в ушах рака действуют только в том случае, если волоски натягиваются посторонним предметом — песчинкой, маленьким камешком. Я не знал всего этого, но инстинктивно начал набирать своими нежными клешнями песок и засовывать себе в уши — маленькие дырочки у основания коротких усиков.

Таким образом мне удалось починить свой орган слуха. Как только песчинки были засунуты в уши, я начал слышать. Хотите знать, как я слышал? Ну, конечно, не так хорошо, как слышит человек. Заткните ваши уши пальцами, и вы услышите шум и гул. Поднимайте пальцы вверх и вниз, не вынимая из ушей. Высота гула изменится. Конечно, это не совсем так, как слышит рак, но иначе я не могу объяснить вам этого.

Итак, я начал слышать, а вместе с тем восстановилось и чувство равновесия: когда я находился в вертикальном положении, камешек в ухе висел ровно, если же мое тело наклонялось, камешек нажимал на один из волосков в боковых стенках слухового мешочка, и таким образом я чувствовал крен в ту или иную сторону.

Итак, теперь я вновь видел, слышал и управлял своими движениями. Обоняния я не терял. Но каким беспомощным существом я был в то время! Песок казался мне чрезвычайно жестким, ходить по нему «босиком» было очень больно. Тело было совершенно незащитно, мучил холод, а мягкими клешнями я не мог поймать хорошую добычу. Да, пожалуй, твердую пищу я и не переварил бы. Ведь я сбросил не только панцирь. Я переменил все сяжки, сдал в архив старые глаза, жабры, зубы, даже пищеварительный канал! Это было похоже на омоложение, но я предпочел бы не омоложаться до степени новорожденного младенца. Я был незащитен.

«Вот что ожидает меня!» — с ужасом подумал я, глядя на своего соседа. Увы,

ему не повезло. Старый рак — свой же брат! — еще не сбросивший панциря, схватил несчастного моего соседа и раздирал клешнями его нежное тело. А тот ничего не мог поделать. Он не мог даже убежать...

Теперь все: и водяные крысы, и рыбы, и лягушки, и даже сами раки — могут безнаказанно полакомиться мною...

Что делать? Куда бежать?.. С новым чувством я посмотрел на свой покинутый панцирь. Он так хорошо защищал меня!..

Я уполз в нору, как можно дальше, забился под корчагу в такое место, где меня никто не мог видеть, и сидел, питаюсь очень скудно, сидел в ожидании того времени, когда на моем теле появится новый панцирь...

Если ко всему этому прибавить, что рак в первый год от рождения линяет по шесть-восемь раз, во второй год — шесть раз и только с шестого года начинает линять по одному разу в год, то есть только по одному разу в год испытывает все эти муки, о которых я дал вам лишь слабое представление, то скажите сами, легко ли быть раком?

Идеофон

I

Судебный следователь Паоло Минетти небрежно бросил пенсне на раскрытое «дело», провел левой ладонью по высокому лбу, орлиному носу, выступавшему из красных, толстых щек, и зажал седеющую бородку.

— Уведите его!..

Три карабинера, с шашками наголо, в черной форме с красными кантами и в треуголках, украшенных перьями, увели арестованного — молодого человека в рабочем костюме, с загорелым лицом, на которое тюрьма уже наложила сероватый налет.

Оставшись один, следователь не спеша закурил длинную сигаретку, отпил из стакана ледяную воду с красным вином и устало посмотрел в окно. Оконная решетка четко выделялась на сверкающей поверхности Средиземного моря. Вдали синели пизанские холмы.

Минетти смахнул мух, облюбовавших его влажный лоб, и досадливо крякнул.

Вот уже две недели, как сидит в этой дыре — Вольтерра, вызванный сюда для допроса пяти обвиняемых, помещенных в местной тюрьме, похожей на средневековый замок с камерами-клетками для одиночного заключения.

Минетти, завзятый театрал и страстный любитель музыки, был огорчен до глубины души, когда его вызвали сюда из Ливорно в самый разгар гастролей Миланской оперы.

Но, ознакомившись с делом, он утешился. Дело было интересное и много обещало для его карьеры в случае удачного исхода.

Для него было уже честью, что вести следствие поручили именно ему. Предстоял громкий политический процесс.

При проезде итальянского премьер-министра на автомобиле через Сиену в него был произведен выстрел из толпы, не причинивший вреда. Подоспевшая на место происшествия полиция общественной безопасности арестовала, по подозрению, пятерых человек и овладела вещественным доказательством — револьвером, брошенным на землю. Но кто именно произвел выстрел, выяс-

нить не удалось. Ни у кого из арестованных оружия найдено не было.

Не удалось установить и принадлежности кого-либо из них к какой-нибудь «преступной политической организации».

Ясно, что при таком положении дела нельзя было предъявить обвинение всем пятерым. Нужно было во что бы то ни стало добыть более веские улики. Но как?.. Личное признание было бы лучше всего. Однако, несмотря на весь свой опыт, на все профессиональные уловки и ухищрения, Минетти не мог добиться признания. Все пятеро арестованных категорически отрицали свое участие в покушении на жизнь премьер-министра и при этом смотрели на следователя такими невинными глазами, что он выходил из себя.

— Или все они продувные бестии и стреляли впятером из одного револьвера, или... или стрелял шестой, черт их всех поberi!.. — бормотал Минетти, оставшись один после допроса.

Время шло... Гастролирующая труппа давно уехала из Ливорно, но черт с ней — другая приедет. Четырнадцатый день прошел так же бесплодно, как и тринадцать предыдущих, впрочем, не совсем так. В этот день из Рима был прислан запрос, скоро ли Минетти закончит следствие и передаст дело в Трибунал.

Это уже хуже. Еще один такой запрос, и Минетти могут отозвать, а на его место прислать другого следователя. И тогда — прощай мечты о переводе в Рим или Турин... Хорошо, если еще не переведут куда-нибудь с понижением, в Кальта-низетту или Сассари, где умрешь от скуки...

От одной этой мысли Минетти почувствовал, что у него начинается мигрень.

Надо действовать быстро, решительно.

— О, проклятые мухи!.. — Следователь вынул красный фуляровый платок и накинул его на голову. — Идеофон!.. — проговорил он, улыбнулся какой-то мысли и отрицательно покачал головой.

Наброшенный на голову платок напомнил ему рассказ старого зрителя тюрьмы о том, что местный кандидат на судебные должности, синьор Беричи, изобрел аппарат, при помощи которого можно «слушать чужие мысли», — идеофон.

На голову надевается металлический колпак, от которого идут проволоки к телефону...

— Чепуха какая-то! — проговорил вслух Минетти. — А впрочем, чем я рискую? Хоть развлекусь немного. Отупел совсем! — И он, вызвав зрителя тюрьмы, попросил пригласить синьора Беричи с его аппаратом.

//

Синьор Беричи не заставил себя долго ждать. Через полчаса дверь с шумом раскрылась, и в комнату вбежал изобретатель идеофона с саквояжем в руках.

Минетти ожидал увидеть молчаливого, сосредоточенного человека, одного из тех маньяков, которые ломают себе голову над квадратурой круга или изобретают вечный двигатель. Но перед ним вертелся веселый, живой, как обезьяна, черноволосый, курчавый неаполитанец. Уж не ошибка ли это?

Однако гость поспешил рассеять сомнения следователя.

— Очень рад познакомиться... Беричи... тот самый!.. А вот и мое детище.

И, крепко пожав руку следователя, улыбаясь во весь рот, сверкая белыми

зубами, ни на минуту не умолкая, Беричи стал вынимать из саквояжа «идеофон».

— Вот металлический колпак... Он надевается на голову человека, чьи мысли вы хотите узнать. Очень полезная штука для судебных следователей и ревнивых мужей. Заявлю патент и положу себе в карман миллион лир!..

При этом Беричи так насмешливо щурил глаза, что невозможно было понять, говорит ли он серьезно или мистифицирует, желая сыграть веселую шутку.

Минетти не успел вставить ни одного слова, а Беричи продолжал трещать, как граммофон, пластинка которого вращается с необычайной быстротой.

— Вам, вероятно, известно, синьор Минетти, что, по последним научным изысканиям, наша нервная система и мозг являются трансформатором электромагнитных волн. Результат работы мозга — наша мысль — излучает особые электроволны. Надо только поймать их и произвести обратную трансформацию электроволн в мысли, в звучащие мысли, если хотите. Металлический колпак — приемник. Вот этот ящичек — усилитель электромагнитных колебаний, производимых мыслью, а вот этот ящичек — обратный трансформатор. Здесь электроволны оформляются в звукомысли. А вот это приемный телефон. Ясно, как молодой месяц, не правда ли?

Минетти неопределенно промычал.

— Разрешите сделать опыт... Я уже распорядился привести сюда одного из пяти арестованных, по имени Селла.

И, не ожидая ответа, Беричи раскрыл дверь и крикнул:

— Введите!

Карабинеры ввели арестованного.

Беричи носился по кабинету, расставляя мебель и прилаживая аппарат.

Минетти с гримасой недоверия следил за всей этой суетой. Он уже раскаивался в своей затее развлечься идеофоном.

— Усаживайтесь на этот стул, — обратился Беричи к арестованному, — мы сейчас наденем вам на голову вот эту красивую шапочку и пустим самый маленький электрический ток.

Арестант вздрогнул. Лицо его побледнело.

— С каких это пор, — ответил он, — в Италии без суда казнят людей электричеством?..

Беричи громко рассмеялся.

— Ничего подобного! — И он надел себе на голову металлический колпак. — Вот смотрите. Эта штука столь же безопасна для жизни, как ваша собственная шевелюра. Это новый аппарат, при помощи которого можно слушать ваши мысли. И если вы невиновны, то должны охотно согласиться на опыт: мы тотчас же убедимся, что ваша совесть чиста, как стерилизованное молоко.

Селла вопросительно посмотрел на следователя.

— Ручаюсь вам, Селла, что ваша жизнь вне опасности, — нетвердо проговорил Минетти. Правду сказать, в эту минуту он сам сомневался в безопасности опыта, но отступить было поздно.

Селла подумал и, махнув рукой, уселся в кресло.

Беричи быстро надел на голову арестанта металлический колпак и что-то повертел в одной из коробочек. Послышалось жужжание индукционной ка-

тушки. Легкий ток пополз, как прикосновение муравьиных ножек, по голове арестанта. Селла вздрогнул и поморщился.

— Ведь не больно? Даже приятно, не правда ли? И предохраняет голову от мух. Вот так. А я усядусь здесь, за вами, буду слушать в телефон и записывать ваши безгрешные мысли. Сидите совершенно спокойно и думайте, о чем хотите.

И изобретатель идеофона уселся в кресло с телефонными наушниками на голове и с карандашом и блокнотом в руках.

///

Наступило жуткое молчание. Тишина нарушалась только жужжанием индукционной катушки. Минетти и карабинеры с тревогой следили за опытом.

Через несколько минут Селла привык к проходившему по голове току и почти уже не ощущал его. Но скоро он начал испытывать нечто более мучительное: боязнь погубить себя неосторожной мыслью. Он изнемогал от внутренней борьбы. Необычайным усилием воли он старался отвлечь свои мысли от опасных воспоминаний. Но непокорная мысль возвращалась к этим запретным местам памяти, как мотылек к пламени свечи, которое рано или поздно обожжет его крылышки...

«Напрасно я согласился, — думал Селла, — как бы меня не поймали на удочку. Ах, черт возьми!.. Ведь если они слышат мои мысли, значит, они уже услышали, что я боюсь попасться на их удочку. Что, если они сочтут это за признание вины?.. Глупости! Какое же тут признание?.. И никакой вины нет. Однако надо думать о чем-нибудь другом... Облака... Вот за окном, в небе, плывут облака... буду думать о них. Облака... облака... Но ведь я могу подумать о том, что я стрелял, просто подумать: «Я стрелял». Ведь это только мысль! Это каждый может подумать. Неужели этими словами я уже обвинил себя?..»

От нервного напряжения, от металлического колпака на голове, горячего от жары, и нудного щекотания электрического тока у Селла кружилась голова и по всему телу выступила испарина. Он не привык управлять своими мыслями, обычно они плыли у него чередой, как цепь облаков. А тут надо было все время следить за собой, думать о том, чтобы не думать о выстреле в Сиене... Это было сверх его сил.

«Чепуха, глупость! Буду считать. Раз, два, три... Премьер-министр ехал в черном автомобиле со своим толстым секретарем... четыре, пять... Переодетые сыщики изображали народ, приветствовавший «любимого» вождя... шесть, семь... опять я думаю об этом! Ну, и что ж из этого?.. Ведь я случайно находился на месте происшествия!.. И потом, это только мысль... Анжелика... — вдруг неожиданно подумал Селла о жене. — Как она волнуется!.. А Микуэль, вероятно, доволен. Он остался мне должен. Вот-вот, буду думать о своем».

Но через несколько минут его мысли вновь витали над роковой площадью в Сиене.

Вдруг Селле показалось, что он изобрел очень остроумный способ борьбы с врагом, подслушивающим его мысли.

«Эй, вы, синьор! Слушайте!.. Я стрелял, я не стрелял. Записывайте, если хотите, но записывайте все! Что, взяли?..»

Селла улыбнулся. Он стал весел.

«Если хотите, синьор, я мысленно спою вам песенку:

*Если горе сердце гложет,
Осуши бокал вина!
Старый друг — оно поможет,
Лей полнее, пей до дна!..»*

Он мысленно пел, а под словами веселой песни незаметно для него самого, как черная змея среди цветов, проползала опасная мысль...

«Пуля прошла всего на один палец над головой премьера... Она попала в витрину магазина и сделала в стекле круглую дырочку. Ни одной трещины... Премьер откинулся на спинку автомобиля и, побледнев, смотрел на толстого секретаря... Чьи-то руки схватили меня за плечи...»

Селла вдруг похолодел от ужаса, когда заметил эту черную змею запретных воспоминаний. Он хотел усыпить песенкой внимание своего врага, но усыпил свою собственную бдительность. Впервые за всю жизнь он заметил, что в мозгу могут протекать одновременно несколько верениц мыслей. Одни из них, как освещенные солнцем корабли, плывущие по зеркальной поверхности моря, протекают в свете нашего сознания. А другие, подобно глубоководным рыбам, скользят незаметно в глубине и мраке подсознательной жизни. Вместо одного врага, одной вереницы мыслей их было несколько — тысячи цепочек мыслей, за которыми невозможно уследить... «Что, если все их можно подслушать этим чертовским аппаратом?..»

Селла похолодел. Он скрипнул зубами и не мог сдержать стона. Его нервное напряжение готово было перейти в истерический припадок. Он уже хотел крикнуть: «Довольно! Я виновен!» — чтобы скорее прекратить эту пытку.

И, как только он подумал об этом, жужжание индукционной катушки вдруг прекратилось.

— Ну, что ж, достаточно! — услышал он голос Беричи, сделавшийся вдруг сухим и официальным.

— К сожалению, вы оказались не столь невинным... За это время, как я слушал ваши мысли, вы не раз, не два и не три выдали себя, хоть и пытались отвлечь свои мысли от опасных воспоминаний... Извольте же подписать заявление о том, что вы признаете себя виновным в покушении!

Селла, блуждая глазами, сделал подпись трясущейся рукой и, шатаясь, вышел из кабинета.

IV

Минетти бросился к Беричи и обнял его.

— Гениально! Поразительно! Вы оказали мне и правосудию чрезвычайную услугу. Я бесконечно благодарен вам, хотя, конечно, моя благодарность ничтожна по сравнению с тем, что ожидает вас... Признаюсь, я очень сомневался, но теперь...

Беричи не дал ему договорить. К изобретателю «идеофона» вернулась вся его насмешливость и веселость. С ловкостью обезьяны выскользнул он из объятий Минетти и, сощуриив хитро левый глаз, спросил:

— А теперь вы верите в мое изобретение?

И опять, не дав договорить следователю, он затараторил:

— И напрасно! Совершенно напрасно! Мой секрет изобретен не мною. Он изобретен давным-давно тем, который первый крикнул: «На злодее шапка горит!» Разве эта пословица, в разных вариантах, не существует у всех народов сотни лет?.. Так вот, шапку, которая на злодее горит, я, по моде двадцатого ве-

ка, приукрасил только электрической отделкой!

Минетти был поражен и разочарован.

— Значит, никакого изобретения нет?

— Ну, не совсем так. Нам все же удалось при помощи этого «изобретения» добиться сознания. Но это только игра на психологии! Попробуйте стать в угол с тем, чтобы не думать о леопарде. Вам это не удастся. Ну, а для Селла таким «леопардом» является его преступление. Он не мог не думать о нем. Уверенный же, что все его мысли узнаны, преступник счел себя уличенным, в чем и расписался. Просто?..

V

Несмотря на всю строгость тюремного режима, весть о признании Селла, добытом при помощи какого-то аппарата, скоро стала известна всем заключенным.

И когда в кабинет судебного следователя привели четырех арестованных по делу о покушении на премьер-министра, чтобы объявить им о том, что они свободны, один из них подошел к следователю и твердо сказал:

— Я не принадлежу к тем простачкам, которые сами сознаются, хотя бы их вина и не была еще доказана. Но я не из тех, которые из-за своей шкуры допускают пострадать за себя невинного. Селла совершенно невиновен. Он сознался только потому, что вы заморочили ему голову вашим дурацким аппаратом. Я стрелял в премьера и выстрелю еще раз, если представится случай. И только я один должен нести ответ.

Беричи, который присутствовал при этом, невольно покраснел.

Но Минетти только с добродушной насмешкой посмотрел на него. Да, «изобретение» Беричи не совсем идеально. Шапка оказалась способной гореть на голове не только злодея и чуть было не погубила невинного. Но разве суд может существовать без судебных ошибок?.. Главное было сделано: виновник найден, и Минетти ждало повышение.

А каким путем это было достигнуто — не все ли равно?.. Только бы этот путь привел его в Рим!..

Охота на Большую Медведицу

— Смертельно раненный лев обрушился на меня и издох. Весь облитый его и своей кровью, обессиленный ранами и борьбой, я задышался под косматым брюхом мертвого зверя. Только утром товарищи нашли меня и еле живого извлекли из-под трупа льва и привели в чувство. Но все же я благодарен ему: если бы он так хорошо не прикрыл меня, я был бы растерзан гиенами, сбежавшимися к полю битвы. Вот почему я и сказал, что мертвый может спасти жизнь живому, — закончил Дик свой рассказ.

— Интересный случай, — сказал Майк, подбрасывая в костер сухие ветви.

— Да, но бывают случаи и получше, — отозвался Ник, и лицо его вынырнуло из мрака, сверкнув стеклами очков. — Если вы еще расположены слушать, я расскажу вам интересный случай охоты на тигра.

— Совершенно не расположены, — процедил сквозь зубы Майк.

Но Ник, вероятно, не расслышал и, придвинувшись ближе к костру, оживленно сказал:

— Ну вот и отлично. Это было не помню уж в котором году: в девятнадцатом...

— Или в двадцать девятом.

— Не мешай, Майк. Не хочешь слушать, можешь ложиться спать. Так вот, это было в девятнадцатом или двадцатом году» Я путешествовал по Африке и решил поохотиться на тигра.

— На тигра, в Африке? — с сомнением спросил Дик.

— Не мешай ему, Дик, — сказал меланхолический Майк, хлопая загоревшимся прутом по костру.

— Да, на тигра, в Африке. Что же тут невероятного?

— Я же тебе говорил, Дик, не мешай ему. Тигр был тоже путешественник. Он пришел из Азии, перепрыгнул через Красное море, чтобы погулять по Африке, и кстати решил познакомиться с Ником.

— Я сидел в лесу, — продолжал Ник. — Была яркая лунная ночь. Небо синее до черноты, и на нем звезды с тарелку. В ночной тиши я услышал осторожные, крадущиеся шаги зверя и сжал крепче мою скорострельную винтовку «фильд № 2», сорокавосемизарядную — изобретение моего друга Ричарда Фильда. Слыхали о нем? Не может быть! Где же вы были? Ведь изобретение им ружья «фильд № 1» наделало тогда шуму на весь мир. Он, видите ли, задался целью изобрести ружье необычайной силы, которое должно было действовать чуть ли не энергией распада атомов.

Майк слабо простонал.

— Я сам был при его первом опыте с «фильдом № 1». Мы поехали с ним на остров Стэк-Скерри[96] и решили произвести пробу ружья в безлюдной местности, на берегу океана. Фильд поставил цель на высоте груди человека и выстрелил. Я ожидал грома, но услышал только свист. Не успел я сделать нескольких шагов, чтобы посмотреть на мишень, как вдруг Фильд упал с легким стоном, обливаясь кровью. Чья-то пуля пронзила его насквозь. Впереди нас никого не было. Осмотр раны, более широкой на груди, чем в спине, убедил меня окончательно, что преступник стрелял сзади. У Фильда, как у всех выдающихся людей, были завистники и враги.

«Какой мерзавец мог это сделать!» — с негодованием воскликнул я, подни-

мая моего бедного друга.

«Будьте осторожней в выражениях, — ответил Фильд слабым голосом. — Неужели вы не понимаете, что я сам едва не убил себя?»

«Как же это могло быть? Рикошет? Пуля вернулась назад?»

«Наоборот, она летела все вперед, с молниеносной быстротой облетела земной шар и поразила меня сзади...»

Я был так ошеломлен, что, положив на землю раненого Фильда, стал медленно выпрямляться. В этот момент у меня упала шляпа, сбитая чьей-то невидимой рукой. Я поднял ее и увидел, что шляпа прострелена. Пуля совершила еще один полет вокруг земного шара и едва не убила меня.

«Что же теперь будет?» — растерянно спросил я, поспешно улаживаясь на землю.

«Скверно, — ответил Фильд. — Пуля должна поражать все на своем пути и наделает много бед. Я не рассчитал силу моего ружья. Теперь пуля будет носиться вокруг Земли, как маленький спутник, пока сила трения о воздух постепенно не уменьшит ее скорости; тогда она упадет на Землю».

«Но неужели она пробила все, что было на ее пути: деревья, дома, скалы?»

«Очевидно», — ответил Фильд, теряя сознание от потери крови.

Фильд был прав. Пуля действительно наделала много бед. Она пронзила на своем пути тысячи людей, одних убивая насмерть, других калеча. А иных только напугала: разбивала вдребезги чашку в руках какой-нибудь старушки, мирно сидевшей у камина, или пробивала шляпу, как у меня.

В лесах пуля поубивала множество зверей, и ее путь был отмечен трупами, которые лежали, как бусы, продетые невидимой ниткой. Земной шар как бы разделился на две половины невидимой преградой, через которую нельзя было ни пройти, ни проехать.

Пришлось поставить ограду на всем пути полета пули. Для железных и шоссейных дорог провели в месте пересечения их «смертельным кольцом» туннели или построили мосты. Но особенно плохо было на море. Красные оградительные буи указывали запретное место. Океанское пароходное сообщение происходило с пересадкой пассажиров, которые перевозились под опасным местом на подводных лодках... Словом, пуля наделала ужасно много хлопот. У ученых пухли головы, инженеры ходили как помешанные, изобретая средство против пули. Чего только они не придумывали! Заграждения из бетона, стальные щиты, а пуля будто и не замечала этих препятствий и не имела намерения замедлить полет. В конце концов ее решили, как говорят врачи, «осумковать»: заключили в металлические трубки всю ее траекторию — весь путь ее повета. Затем кто-то предложил наполнить трубку водой или маслом, чтобы увеличить сопротивление. Налили. Но от трения жидкость превратилась в пар, и трубы лопнули, а пуля — хоть бы что! Из такого уж сплава она была отлита.

— Чем же все это кончилось? — заинтересовался Дик.

— Один только Фильд мог помочь беде, и он помог, как только стал на ноги после ранения. «Клин клином вышибают, — сказал он. — Надо послать встречную пулю».

— Ну?

— Ну и послал. Пуля врезалась в пулю, и пуля прошла сквозь пулю, раздробившись на мельчайшие части. Эти части, летящие в противоположных на-

правлениях, тоже были бы опасны. Но, к счастью, от удара обе пули изменили полет, и осколки унеслись в небесное пространство по направлению к Большой Медведице.

— И ранили ее в лапу? — серьезно спросил Майк. — Но ты, кажется, начал рассказывать об охоте на «африканского» тигра, а кончил охотой на Большую Медведицу. Чем же окончилась твоя охота на тигра?

— Ружье дало осечку, я бросился на тигра и растерзал его в клочья, — сердито ответил Ник.

Мертвая голова

I. В погоне за славой

— Сбор ровно в полдень на этой поляне.

Жозеф Морель кивнул головой двум своим спутникам, поправил за спиной дорожный мешок и, помахивая сачком для ловли насекомых, углубился в чащу.

Это были владения пальм, папоротников и лиан.

Морель беспечно напевал веселую песенку, зорко всматриваясь сквозь стекла очков в зеленоватые сумерки тропического леса. Молодой ученый был в наилучшем настроении. Ему повезло в жизни. Морелю не было еще сорока лет, а он уже имел звание профессора. Его труд о пауках удостоился премии, и вот теперь он получил научную командировку в Бразилию, в малоисследованные верховья реки Амазонки, этого рая для энтомологов.

«Науке известно двести тысяч видов насекомых. Чарлз Риде допускает, что их не менее десяти миллионов. Каждый год описывается не менее шести с половиной тысяч новых видов. Будет недурно, если прибавится в этом году еще шесть тысяч, открытых Жозефом Морелем. Какой великолепный памятник из насекомых воздвигнет себе Морель!» — уносился в честолюбивых мечтах профессор. И мечты его были вполне осуществимы. В этом лесу хватило бы материала не на один «памятник». Пестрые кусочки будущего величия Мореля в виде красивых разноцветных бабочек носились перед ним, как хлопья снега. Надо было только собрать воедино эти сверкающие всеми цветами радуги хлопья — и научное бессмертие Мореля обеспечено. Его зоркий глаз ученого уже заметил несколько необычных форм бабочек, но Морель не спешил. Среди этого неистощимого богатства он мог позволить себе роскошь быть разборчивым. Притом его больше интересовали пауки, а здесь их встречалось мало.

Чем больше углублялся Морель в чащу, тем гуще становились тени, молчаливее лес. Огромные стволы пальм, как колонны, уходили высоко вверх, закрывая свет солнца сплетающимися листьями. К косматым стволам пальм присосались растительные паразиты — орхидеи и бромелии. А внизу молодые пальмы и папоротники разбрасывали свои веерообразные листья, образуя густой подлесок. И от пальмы к пальме, от ствола к стволу протянулись, как змеи, узластые лианы — эти проволочные ограждения тропических лесов. Местами ярко-желтый луч солнца прорезал зеленоватый полумрак леса, и в золоте лучей вспыхивало красное крыло попугая, бриллиантом сверкал пролетевший колибри, пламенем зажигался цветок орхидеи.

— О-а! О-а! Ха-ха-ха! — резко кричал попугай. Ему отвечала большая обезьяна. Вися на хвосте, она ритмически раскачивалась, пытаясь дотянуться рукой до попугая. Но попугай, прикинув расстояние скошенным глазом, сидел непо-

движно и продолжал свое ворчливое «о-а», как сосед, который затеял ссору от скуки. Две маленькие обезьянки заметили человека и некоторое время следовали за ним, ловко перебираясь на руках по лианам. Одна обезьяна ухватила за хвост другую. Та завизжала, оскалила зубы, и вот они начали драться, забыв о Мореле.

Лес жил своей жизнью.

Ноги Мореля мягко ступали по устланной мхом и перегнившими листьями земле. Становилось все труднее идти. Влажный, оранжевый воздух был наполнен ароматами цветов и растений так сильно, что Морель задыхался. Как будто над этим лесом прошел ливень из одуряюще пряных духов. Сачок путался в ветвях. Морель падал, зацепившись за лианы или поваленные стволы, обросшие мхом. Ученый прошел не более трех километров, а уже чувствовал усталость и весь был покрыт испариной. Он решил выйти на открытое место. Осмотревшись, Морель заметил вправо от себя светлое пятно, как будто там занималась заря, и пошел на этот просвет. Скоро он вышел на лесную прогалину, шедшую вдоль высохшего русла одного из бесчисленных мелких притоков Амазонки. В период дождей по этому руслу бушевала настоящая река, увлекавшая в своем стремительном течении бурелом. Но теперь дно было сухо и покрыто острыми болотными травами. Лишь по краям и кое-где по дну были разбросаны перегнившие стволы деревьев, оставшиеся от половодья.

Морель спустился в сухое ложе реки и вдохнул в себя более сухой и разреженный воздух. В ту же минуту его внимание было привлечено огромной бабочкой, имевшей размах крыльев более метра. Морель даже пригнулся, готовый к прыжку. В нем заговорил ученый и страстный охотник на насекомых.

«Совершенно новая разновидность *acherontia medor* (мертвая голова)», — подумал Морель, следя за полетом бабочки.

Спина бабочки была не бурая с серовато-голубым отблеском, как обычно, а золотистая, с темно-синим рисунком черепа и скрещенных костей. Передние крылья ее были такого же золотистого цвета, а задние — лазоревые. Морель с огорчением подумал о том, что его сачок слишком мал, чтобы захватить такое большое насекомое. Но выхода не было. Он должен был поймать эту бабочку, хотя бы с риском повредить ей крылья. И Морель прыгнул на бабочку, взмахнув сачком. Потревоженная бабочка издала свистящий звук и полетела вдоль ручья, как бы подзадоривая охотника. Морель, прыгая и падая, побежал за ней. Еще за минуту до этого единственным его желанием было растянуться в траве и отдохнуть. Но теперь он забыл об этом и стал гоняться за бабочкой с таким жаром, как будто ловил собственное бессмертие. А бабочка, медленно махая мягкими крыльями, продолжала манить его за собой, как болотный огонек, ловко увертываясь от сачка в своем зигзагообразном полете. Русло реки извивалось, разветвлялось на несколько русел, делало крутые повороты, что еще больше затрудняло погоню. С Мореля пот лил ручьями, заливая глаза; мешок за спиной и ящик для насекомых болтались на нем, как на взбешенном верблюде, но он ничего не чувствовал и не видел, кроме порхавшего в воздухе «золотого руна». Десятки раз он был близок к победе и уже издавал торжествующий крик, но бабочка была неуловима, как сказочная «синяя птица». Морель давно уже перестал замечать дорогу для обратного пути. Если бы сейчас половина Бразилии провалилась сквозь землю, он не заметил бы, за гипнотизированный «мертвой головой».

Крутой поворот русла — и перед Морелем внезапно поднялась целая стена бурелома, преграждавшая ему путь. Бабочка легко вспорхнула и перелетела буреломом. Морель бросился на приступ и тотчас увяз в перегнившей трухе. Тогда он побежал в обход. Но время было упущено. Бабочка порхала вдали и скоро скрылась за кустами парагвайского чая. Еще раз мелькнули золотисто-лазоревые крылья над густо-зелеными листьями молочайника и исчезли...

Морель пробежал несколько десятков метров с упорством отчаяния, но все было напрасно. Бабочки не было. Почти без сил ученый опустился на траву и бросил сачок.

«В конце концов, не одна же такая бабочка существует в этих лесах!» — успокаивал он себя, несколько отдышавшись.

2. Человек и паук

Раскинув широко руки, Морель лежал на спине, давая отдых своему измученному телу. Потом он поднялся и посмотрел на часы. Десять часов сорок пять минут. Пожалуй, он опознает к завтраку. Морель огляделся, чтобы сообразить, в какую сторону ему идти. Прямо перед ним к высохшему руслу ручья скатывалась застывшим водопадом зеленая масса леса. Позади него почва отлого поднималась. Здесь были владения папоротников. Сочные, огромные, с пышной темно-зеленой листвой, они покрывали здесь склон.

«Какая буйная, пышная растительность! — с невольным восхищением подумал Морель. — Целый лес папоротников! Можно подумать, что я каким-то чудом перелетел в прошлое, за триста миллионов лет, в каменноугольный период...»

Этот уголок леса был молчалив, как миллионы лет назад. Ни зверей, ни птиц... Только насекомые — мириады насекомых, летавших в воздухе, ползавших по листьям деревьев, копошившихся в траве... Пауки! Их было больше всего. Они протягивали огромные полотнища паутины между папоротниками, принизывали воздух тончайшими нитями, кишели среди мха и корней. Казалось, сюда собрались пауки со всего света — от едва заметных микроскопических паучков до огромных волосатых птицеядов. Темно-коричневые, красные, полосатые, черные, серые — всех цветов и окрасок пауки наполняли воздух и землю. Даже в луже, сохранившейся в русле высохшей реки, копошились водяные пауки. От такого необычайного количества «дичи» у Мореля перехватило дыхание. На одном квадратном метре здесь было пауков больше, чем в университетском музее! Морель был поражен. Мысль его работала лихорадочно. Он классифицировал, с жадностью истого ученого намечая жертвы своей любознательности.

Огромный, величиной с кулак, паук, покрытый темно-коричневыми полосами, набежал на Мореля, с недоумением остановился и вдруг принял самую воинственную позу: поднялся на задние ноги, так что стало видно его брюшко, передние ноги приподнял, как боксер, готовый нанести удар, и неожиданно бросился на Мореля. Ученый едва успел отбежать от врага в сторону и оглянулся. Паук не преследовал его, но длинные черные серповидные челюсти насекомого угрожающе двигались. Морель знал, что укус этих челюстей иногда на много лет оставляет после себя острую боль. И все же ученый не мог отвести глаз от паука, до такой степени интересовало его это страшилище. И они смотрели друг на друга несколько минут — человек и паук, два существа, разделенные полумиллиардом лет происхождения. Морель уже не смотрел на па-

ука как на свою жертву. В эти мгновения их роли поменялись. У него невольно пробуждался страх далеких предков человека перед своим извечным врагом. В душе человека каменного века этот небольшой по размерам враг возбуждал едва ли не больший ужас, чем огромный, как гора, мастодонт. Малый размер паука при его необычайной подвижности делал его особенно опасным. Паука трудно было убить, он подстерегал человека повсюду, нападал внезапно и поражал прежде, чем человек успевал шевельнуть рукой. Впервые за все время своей ученой деятельности Морель посмотрел на паука не как на интересный экземпляр для коллекции, а как на страшного врага. К счастью для Мореля, у паука были дела поважнее. Помахав несколько раз мохнатыми лапами, как бы грозя кулаками, паук неожиданно повернулся и скрылся под папоротником.

Урок был дан. Морель уже с осторожностью ступал по траве, стараясь не задеть кишевших в ней пауков. Завидев черного тарангула, он обошел его сторонкой и сделал огромный прыжок, чтобы перескочить через многоножку...

«У гаучосов есть хорошая баллада, — думал Морель, пробираясь к руслу, — о том, как на город Кордову некогда напала армия чудовищных пауков. Жители вышли за город с ружьями, барабанами и развевающимися знаменами, чтобы отразить нападение, и начали стрелять; но после нескольких залпов люди побросали ружья и обратились в бегство, не будучи в силах сдержать несметные полчища пауков. Я думаю, это вполне возможная история».

Мысли Мореля были неожиданно прерваны. С угрожающим видом прямо на него бежал новый враг — паук необыкновенных размеров, ярко-серого цвета, с черным кольцом посередине туловища.

«*Lycosa* (ликоза)», — по привычке определил Морель, в то время как ноги его как будто без всякого приказа со стороны двигательных центров перешли сразу в карьер. Ликоза — самый хищный, свирепый и подвижный из всех пауков. Спасти от его преследования бывает нелегко даже на лошади. И не мудрено, что Морель развил такую скорость, какой даже не подозревал в себе. Он не бежал, а летел на крыльях ужаса. Панический страх овладел им. В эти минуты он уже не был ученым, профессором. Он был дикарем каменного века, убегающим от смертельного врага. Морель делал гигантские прыжки, скакал через поваленные деревья, прорывал густые заросли...

Вот и высохшее русло реки. Здесь бежать стало легче. Но зато и его преследователь катился со скоростью кегельного шара, пущенного под уклон сильной рукой.

Морель задыхался. Ноги его подкашивались. Раз или два он споткнулся и с трудом поднялся на ноги. Паук выиграл несколько метров и уже преследовал Мореля по пятам, по-видимому не чувствуя ни малейшей усталости. Будет ли конец этому бешеному состязанию? Мореля охватывал ужас. Еще несколько шагов — и он упадет от усталости, страшный паук прыгнет на него и начнет кусать поверженного врага твердыми, как железо, черными челюстями... Морель оглянулся и увидел, что паук на бегу делает огромные прыжки, пытаясь вспрыгнуть ему на ногу. Столкновение было неизбежно. Морель повернулся и попытался ударить паука сачком. Сетка сачка еще не прикоснулась к пауку, как он уже вскочил на нее и, как электрическая искра, пробежал по палке. Морель отбросил от себя палку в тот момент, когда косматая нога паука коснулась его руки. Теперь Морель выиграл несколько шагов, но положение его бы-

ло по-прежнему безнадежным.

Русло сделало крутой поворот, и Морель вдруг увидел ручей в полтора метра шириной. Напрягая последние силы, Морель перепрыгнул через ручей и уже чувствовал себя спасенным. Но, посмотрев на врага, с ужасом увидел, что паук бросился вслед за ним в воду и поплыл. Течение отнесло паука на несколько метров ниже, пока он перебрался на сторону Мореля. Морелю ничего больше не оставалось, как прыгнуть обратно. Это повторялось несколько раз. Морель перепрыгивал через ручей, а паук переплывал, вылезая на берег несколько ниже Мореля.

Такая игра не могла продолжаться долго. Передышки были слишком коротки, чтобы отдохнуть, а Морель находился в последней степени изнеможения. И он решился на отчаянное средство. Вооружившись палкой, Морель вошел в ручей и стал поджидать врага. Оставалось принять бой и умереть или победить. Другого средства избавиться от паука не было.

В воде паук был менее подвижен и не мог делать прыжков. Когда косматый враг приблизился, Морель начал неистово его бить.

Паук погружался в воду, но тотчас всплывал и пытался уцепиться за палку.

Несколько раз это ему удавалось. Тогда Морель бросал палку, выбегал на берег, брал новую и вновь погружался по пояс в воду. Он изумлялся живучести насекомого. Две передние ноги паука были повреждены, но это, казалось, только увеличило его ярость. Еще одна нога бессильно повисла. Пауку уже трудно было справляться с течением. Его относило все больше. Наконец Морель решился выйти из ручья. Паук вылез вслед за ним и все еще пытался преследовать. Но он ковылял медленно, и Морель наконец отделался от своего преследователя и уже шагом пошел вперед.

— Битва окончилась в пользу человека, — сказал Морель, шатаясь от усталости. — Иначе и не могло быть. Иначе земной шар был бы населен одними пауками!

Несмотря на усталость, Морель прошел еще добрый километр, пока не нашел места, свободного от пауков; тут он свалился на поляне. Откинувшись на спину, он заметил, что солнце уже прошло через зенит.

«Опоздал к завтраку!..» — была его последняя мысль. Морель уснул крепким сном человека, уставшего до полного бесчувствия...

3. Сновидения наяву

«... Солнце — огромный золотой паук, пробегающий по небу, и радуга — паутина его. Я, Морель, первый открыл это!»

«Что за чепуха лезет мне в голову!» — подумал Морель и открыл глаза. Но он, вероятно, еще не совсем проснулся, потому что то, что он увидел, могло быть только сном. Морель как будто опустился на дно океана. Сквозь розоватый туман виднелись смутные очертания зеленых пятен. В этом тумане колыхались длинные полосы, подобно змеям необычайной величины. Темное огромное пятно, как сорвавшаяся с орбиты планета, сновало в этой розовато-зеленой мгле, закрывая собою чуть ли не четверть всего поля зрения. И удивительнее всего было то, что движение этого темного пятна напоминало светливый бег паука.

Морель несколько минут с полным недоумением наблюдал этот новый загадочный мир.

«Неужели я с ума сошел? Или это бред?» Он закрывал глаза, открывал

вновь, но видение не исчезало. Морель потрогал рукою лоб. Он был влажный, горячий, но не слишком. Нет, это не бред. Рука Мореля задела очки, и в тот же момент планетообразный черный шар закатился за горизонт, очистив поле зрения.

«Очки! Секрет открывается просто».

Морель снял очки и посмотрел на стекла. Они были покрыты потом, испарениями и паутиной. По левому стеклу бегал паучок величиною с булавоочную головку.

«Так вот она, сорвавшаяся со своей орбиты планета!» — с улыбкой подумал Морель, сбивая пальцем паучка и протирая стекла платком. Он надел очки и осмотрелся вокруг. «Неужели я все еще не проснулся?» Опять сон, но на этот раз сон изумительно прекрасный.

Был вечер. Косые лучи солнца золотили папоротники и пальмы, стоявшие вправо от Мореля. Левая сторона поляны была погружена в синюю тень. Воздух, освещенный солнцем, светился всеми цветами радуги, как калейдоскоп. Как будто радужная паутина «паука-солнца» разорвалась на мелкие части и закружилась вихрями самоцветов. Это был танец бриллиантов и алмазов. Каждый бриллиант был окружен легкой дымкой самых нежных цветов. В непрерывном движении они прорезывали воздух, изменяя на пути полета окраску, вспыхивая то глубоким зеленым, то ярко-красным, то синим огнем, и как будто оставляли после себя светящийся след — так быстро резали они воздух. Фейерверк, калейдоскоп, северное сияние, радуга — ничто не могло сравниться по красоте с этим волшебным зрелищем пляски жемчужной росы, сверкающих алмазов и летучих огоньков...

Один из этих бриллиантиков опустился на цветок. Туманная оболочка рассеялась. Сложились крылышки, и Морель увидел маленькую невзрачную птичку с единственным ярким пятном на оперении. Колибри! Но и после того, как тайна раскрылась, Морель еще долго не мог оторвать глаз от воздушного танца пернатых балерин.

Однако проза жизни уже настойчиво стучалась в дверь. Морель почувствовал, что все тело его зудит. Он посмотрел на руки и увидал, что они искусаны москитами, а в кожу впились мелкие красные клещи. Это вернуло Мореля к действительности.

Не только завтрак, но и обед давно был пропущен. Надо было спешить к своим, пока совершенно не стемнело. Морель почувствовал острый приступ голода и вспомнил о вкусных блюдах, которые обещал сегодня приготовить их повар (он же носильщик) негр Джим. Морель поднялся, потянулся и, посмотрев на солнце, пошел вверх по ручью. Он дошел до того места, где сражался со страшным пауком, и нашел брошенный сачок. Подняв его, Морель стал соображать, куда идти. После некоторого размышления он повернул налево и углубился в чащу леса. Здесь было уже почти темно. Только кое-где сумеречный свет проникал сверху, освещая змееобразные лианы. Вдруг словно неведомое существо погасило этот последний слабый свет. Ночь на экваторе наступает внезапно. Мореля окружила густая темнота. Он сделал несколько шагов и упал.

«Придется ночевать в лесу, — подумал он. — И хоть бы кусочек хлеба!..»

Испарения усиливались. Тропическое солнце нагрело за день исполинский котел Амазонки, наполненный душистыми травами, пряно пахнущими смо-

лиственными и эфирными деревьями и болотными цветами, и теперь Морель дышал густым паром этой гигантской парфюмерной фабрики.

Тишина леса нарушалась только разноголосым тончайшим звоном комаров и москитов, которые мириадами кружились над Морелем. Скоро к этим флейтистам присоединились низкие голоса лягушек. Никогда еще Морелю не приходилось слышать такого громогласного концерта. Пение этих болотных певцов не напоминало отрывистого кваканья обычных лягушек. Оно было довольно мелодично и протяжно, как завыванье ветра. В конце концов оно нагоняло тоску.

Когда глаза привыкли к темноте, Морель увидел полосы фосфорического света — это летали светящиеся насекомые.

Москиты, комары и клещи, которыми была усыпана трава, не давали Морелю уснуть.

«Хоть бы скорее рассвет!» — мучительно думал он, ворочаясь во мху и расчесывая руки и шею. Только под утро он заснул тревожным сном.

Его разбудил визг обезьян.

Они сидели в ветвях над самой его головой и пронзительно кричали и визжали. На обезьяньем языке эти звуки, очевидно, обозначали крайнее удивление, потому что на шум сбегались новые стаи обезьян посмотреть на редкое зрелище — очкастую обезьяну, лежащую на земле. Более смелые спустились по лианам и, держась хвостом, размахивали «руками» на расстоянии какого-нибудь метра от головы Мореля с явным намерением познакомиться с ним поближе.

Но Морелю было не до обезьян. Он поднялся, махнул на них сачком и зашагал в глубь леса. Обиженные таким приемом, обезьяны загалдели с новой силой и долго преследовали Мореля.

Морель шатался от голода и усталости, но упорно пробирался сквозь чащу. Наконец он вышел к небольшой речке, струившейся в заболоченных берегах. Несколько огромных лягушек прыгнуло в воду при его приближении.

«Все дороги ведут в Рим, — рассуждал Морель. — Все речки впадают в Амазонку. Если я пойду по этой речке, то выйду на Амазонку немного выше или ниже нашей экспедиционной базы. Это будет дальше, но вернее, чем искать по лесу обратный путь».

И он отправился вниз по реке.

Однако через час пути он с разочарованием увидел, что речка впадает в одно из болот, которыми так изобилует бассейн Амазонки.

— Неужели я заблудился? — прошептал Морель. И эта мысль впервые заставила его подумать обо всей серьезности положения.

Он был один среди девственного леса. На тысячу миль вокруг нет человеческого жилья. Сачок для ловли насекомых был его единственным оружием, а в небольшом мешке и фанерном ящике лежали только его научные принадлежности: увеличительное стекло, шприц, булавки, пинцеты...

«*Ithomia Pusio*, — по привычке продолжал Морель заниматься определением пролетающих бабочек. — Слава дается нелегко!»

Небольшой ручей, впадавший в болото, пересек Морелю дорогу. На сырой земле были видны отпечатки звериных следов. Здесь же валялись кости тапира, съеденного каким-нибудь крупным хищником, всегда подстерегающим животных в местах водопоя. Это открытие для Мореля было не из приятных.

Морель перешел ручей и почувствовал под ногами более сухую и твердую почву. Здесь пальмы чередовались с фикусами и лавровыми деревьями, а еще выше поднимался лес фернамбуков, палисандров и кастанейро.

Морель поднял валявшийся на земле плод кастанейро величиною с детскую голову, разбил его, вынул орехи, заключенные в твердую кожуру, и начал поглощать маслянистые сердцевинки.

«Здесь, по крайней мере, не умрешь с голоду, — подумал он. — Подкреплюсь, отдохну и отправлюсь на поиски дороги».

И вдруг неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Солнце — огромный золотой паук! — и в тот же момент его охватил приступ сильнейшего озноба. — Лихорадка! Этого еще не доставало! — проворчал Морель, щелкая зубами.

4. «Сумасшедшая» пума

Что было дальше?

Много дней спустя, вспоминая это время, Морель с трудом мог восстановить в памяти последовательность событий.

Солнце — «золотой паук» спустилось по вертикальной паутине с неба и впилось в голову Мореля, охватив ее огненными лапами. Морель закричал от ужаса и бросился бежать. Отовсюду — с листьев пальм, из-под корней деревьев, из цветков орхидей — выбегали огненно-красные пауки, кидались на Мореля и впивались в его истерзанное тело. И тело горело как в огне, разрываемое бесчисленными челюстями огненных пауков. Морель кричал как безумный и бежал, бежал, отрывая от своего тела воображаемых пауков. Потом он упал и провалился в черную бездну...

Когда припадок лихорадки прошел, Морель открыл глаза. Он не мог определить, сколько времени пролежал без сознания. Было утро. В траве и на листьях копошились пауки — серые, рыжие, черные, красные. Но это были обыкновенные пауки. И солнце было только солнце. Оно поднималось над лесом, освещая золотистых ос, пестрые крылья бабочек, яркие наряды попугаев. Мысли Мореля были ясны, но он чувствовал во всем теле такую слабость, что едва мог приподнять голову. Нестерпимая жажда томила его. У края поляны протекал ручей. Но Морель не мог добраться до него. Вид струившейся воды увеличивал его страдания, и Морель испытывал настоящие муки Тантала. А солнце поднималось все выше. Зной становился нестерпимым. Морель обливался потом, еще больше ослаблявшим его.

«Если я сейчас не выпью глотка воды, то погибну», — подумал Морель и сделал попытку подняться. Шатаясь и опираясь на руки, он сел на землю. Потом он опустился на четвереньки и пополз к ручью. Этот путь, в несколько десятков метров, показался ему бесконечно долгим. Но все же он дополз и, лежа на животе, прикоснулся почерневшими губами к воде и начал пить. Казалось, он хотел выпить ручей. Вода освежила его. Отдохнув у ручья, Морель почувствовал себя настолько хорошо, что смог подняться на ноги. Но в тот же момент он едва не свалился снова.

На поляну выбежал огромный зверь с густой короткой желтовато-красной шерстью. На спине шерсть была темнее, на животе — красновато-белая.

«Пума!» — с ужасом подумал Морель, напрягая все усилия, чтобы не упасть и этим не привлечь к себе внимание зверя.

Пума не могла не заметить Мореля, и тем не менее она не обращала на

него никакого внимания, как будто желая продлить пытку человека, обреченного на смерть. Эта огромная кошка, достигавшая вместе с хвостом почти двух метров длины, вела себя как домашний котенок: она бесшумно прыгала по поляне, гоняясь за летавшими крупными бабочками. И надо сказать, что она это делала гораздо удачнее Мореля. Несмотря на весь ужас своего положения, Морель невольно залюбовался изящными ловкими прыжками золотистого зверя. Испуганные бабочки поднялись выше, и пума наконец обратила внимание на Мореля. Час его настал. Мягкой волнистой походкой пума приближалась к человеку.

«Только бы не показать, что я боюсь ее!» — подумал Морель и сделал несколько шагов навстречу зверю. Пума махнула хвостом, сделала небольшой прыжок и остановилась перед Морелем. Глаза их встретились. Животное сощурило глаза, подобрал находившиеся под ними белые пятнышки. Оно будто смеялось...

«Да ну же, ешь скорее!» — подумал Морель, не будучи в силах перенести эту пытку. Но пума продолжала свою странную игру. Оно подошла к Морелю вплотную и толкнула его пушистой головой, как бы ласкаясь. Этого мягкого толчка было достаточно, чтобы сбить Мореля с ног. «Конец!» — подумал он.

Но это было только начало. Пума упала на землю рядом с Морелем, перевернулась на спину и начала толкать его в бок головой, как бы приглашая играть. При этом она мурлыкала, как кот.

«Это какая-то сумасшедшая пума! — думал Морель. Она, вероятно, помешалась от жары, поэтому и делает такие безумные поступки: ласкается, вместо того чтобы сожрать меня».

Морель не был склонен поддерживать игру. Подражая животным, он решил притвориться мертвым. Пуме это не понравилось. Чтобы растормошить свою игрушку, она легла на грудь Мореля, слегка прижав его плечо одной лапой, другую подняла над его лицом и открыла пасть, обнаруживая ряд страшных клыков.

«Вот когда конец!» — подумал Морель. Но и на этот раз он ошибся. Неодобрительно фыркнув, пума вскочила и убежала в заросли кустарников.

Это было невероятно! Морель поднялся без единой царапины. Оправившись от потрясения, он почувствовал сильный приступ голода и отправился на поиски орехов.

Вечером Морель вновь почувствовал приближение приступа малярии. Но прежде чем он потерял сознание, «сумасшедшая» пума еще раз навестила его. Она, как тень, выскользнула из кустарников, уже погруженных в сумрак, подошла к лежащему Морелю и обнюхала его лицо. Морель не шевелился. Пума улеглась рядом с ним и широко зевнула, как бы располагаясь на ночлег вместе с ним.

Почти совсем стемнело. Стихли крики обезьян, хлопотливо размещавшихся на ночлег в высоких ветвях, умолкли птичьи голоса. Не слышалось даже лягушачьих заунывных песен. Лес засыпал. Ни звука. Только тонкое жужжание комаров, не нарушая безмолвия ночи, пронизывало воздух...

«Гаучосы называют пуму другом человека. Они уверяют, что она никогда не нападает на человека и не трогает ни спящего, ни ребенка. Неужели это правда?» — подумал Морель, искоса поглядывая на своего косматого соседа. Пума лежала неподвижно. Только уши зверя едва заметно шевелились, точно

он прислушивался к отдаленным звукам. Как ни напрягал Морель слух, он ничего не мог уловить, кроме жужжания комаров. Лихорадка все сильнее овладевала Морелем. Он старался не дрожать, но от времени до времени его тело судорожно напрягалось, и его подбрасывало вверх, как на пружине. Однако, видимо, не это беспокоило зверя. Пума протянула лапы, выпустила когти и собралась в клубок, словно готовясь к прыжку на невидимого врага. Прошла еще минута напряженного ожидания, и Морель заметил в густых зарослях у ручья две светившиеся зеленоватым огнем точки. Это могли быть только глаза хищного зверя. Мысли Мореля мутились. Бред охватывал его, и ему казалось, что зеленые точки расширяются, на них вырастают мохнатые лапы... Два чудовищных зеленых паука приближаются к нему. Морель застонал и потерял сознание... Среди бредовых кошмаров ему слышались ужасающий рев, крики, стоны, словно тысячи злых духов сорвались с цепи, ревел ураган, завывал ветер, рычали звери, и кто-то хохотал громовыми раскатами. И опять черная бездна тишины. Небытие...

Зарево тропического утра. Солнце еще не видно, но небо уже пылает пурпуром. Морель открывает глаза. Он все еще жив. Кругом буйная жизнь играет всеми цветами, кричит тысячеголосым хором пернатых и насекомых. И опять жажда, нестерпимая жажда...

Морель тащится по земле, как змея с перешибленной спиной, к ручью. Здесь он видит необычайное зрелище. У самой воды лежит распростертый труп огромного ягуара — этого вечного врага пумы. Его красивая золотистая шерсть с черными продолговатыми пятнами изорвана в клочья. Правое ухо откушено. Один глаз вытек. На шее огромная рана. Земля залита вокруг кровью. Трава вырвана и разбросана, кустарник изломан. Здесь была страшная битва не на жизнь, а на смерть. Морель наклонился над убитым зверем и с жутким любопытством посмотрел в единственный сохранившийся глаз, тусклый, остекленевший. Неужели глаза этого зверя преследовали его по ночам? Морель вспомнил, что несколько раз замечал две фосфорические точки, мелькавшие в кустах. Но он не был охотником и думал, что это ночные светящиеся насекомые, которых так много в тропических лесах. Да, его подстерегал ягуар. И вот он лежит поверженный! Морель оглянулся кругом и увидел, что кровавый след уходит в сторону и пропадает в кустах. Ученый не верил своим глазам. Но все, что он видел, не оставляло сомнения в том, что пума спасла его. Она охраняла его во время болезни и, рискуя сама, храбро бросилась на врага, чтобы спасти жизнь человека.

Это была неразрешимая загадка инстинкта. Невольно Морель почувствовал благодарность и даже нежность к своему спасителю. Но спаслась ли она сама? Бедная необычайная пума! Она уползла в чащулизывать свои раны и теперь, быть может, издыхает, даже не сознавая своего героизма.

5. Воздушное жилище

Мореля охватило желание разыскать раненого зверя и, если можно, помочь ему. Несмотря на слабость, он отправился по следу. Но кровавый след уходил в густую чащу. Морель был еще слишком слаб, чтобы продолжать поиски. Сделав несколько десятков шагов, он упал у зарослей хинного дерева, вдыхая душистый запах розовых и желто-белых цветов. У ног его валялась четырехгранная сломанная ветка.

«А ведь это хина! Почему бы мне не полечить свою лихорадку?» — подумал

он и, отодрав зубами кору, начал жевать ее, морщась от горечи. Морель начал лечить лихорадку хинной корой, подобно индейцам, которые издавна пользуются этим народным средством. Приступы лихорадки стали ослабевать, и скоро Морель почувствовал себя здоровым. Но он был еще очень слаб. Ему приходилось питаться только растительной пищей. К орехам он скоро прибавил новое блюдо — муку, которую он добывал из корня кассовы. Из этой муки он умудрялся даже печь лепешки, разжигая огонь увеличительным стеклом. Иногда ему удавалось даже полакомиться печеной рыбой. Он ловил ее на крючок, сделанный из булавки и воткнутый в конец прута. Приманкой служили черви и насекомые.

Морель еще не оставлял мысли найти своих спутников или спуститься по одному из притоков к Амазонке и достигнуть жилых мест. Для этого он хотел использовать дождливое время года: с ноября по март непрерывные ливни превращают ручьи в широкие реки. О направлении заботиться не нужно. Морель устроит плот, сделает запасы пищи и отправится в путь.

Однако в ожидании этого времени надо было подумать о более оседлом существовании. До сих пор Морель жил, как лесной зверь: день бродил в поисках добычи и засыпал там, где заставала его ночь. Но так продолжаться не могло. Его лицо и руки были совершенно изъедены москитами и комарами. Когда Морель смотрелся в стоячие воды, он не узнавал себя: так опухло его лицо. Клещи заползали под одежду. Вырвать их с головой не удавалось. Если же в теле оставалась голова, на этом месте образовывался нарыв, который причинял Морелю большие страдания, чем живой, сосущий его кровь клещ.

Но это было еще не все. Каждую минуту он рисковал встретиться с лесными хищниками: ягуаром, мексиканской дикой кошкой, красным волком, дикой собакой. Из них ягуар был самым страшным. Один ягуар погиб в борьбе с пумой, но тысячи их еще бродили в лесу. Иногда Морель замечал во тьме зеленые точки и спешил развести костер, добывая огонь кремнем. Но огонь нужно было поддерживать, и Морель не высыпался. В конце концов он решил, что самое безопасное — проводить ночь на ветвях высокого дерева, усаживался среди сучьев и привязывал себя ремнем к стволу. Морель долго не мог привыкнуть к такой «спальне». Когда он засыпал, голова его опускалась, и ему казалось, что он падает с дерева. Морель в ужасе просыпался, инстинктивно хватаясь за ветви. Но со временем он привык к своей воздушной кровати и хорошо высыпался. На высоте москиты и комары меньше беспокоили его. Крупные хищники не замечали добычи, укрывшейся в густой зелени дерева.

Постепенно из каких-то глубин его существа поднимались и оживали первобытные инстинкты, утраченные человеком на протяжении тысячелетий культурной жизни. Морель научился крепко спать и в то же время прислушиваться к малейшему шуму. Слух и обоняние его обострились. Только глаза ученого оставались такими же близорукими. Впрочем, в очках он видел неплохо. Эти очки составляли предмет его непрестанных забот. Однажды, когда он спал на земле, положив возле себя очки, какая-то птица, очевидно такая же любительница блестящих вещей, как сорока, подхватила клювом очки и унесла. Взмахи крыльев разбудили Мореля, и он погнался за птицей. К счастью, она уронила очки. С тех пор Морель никогда не снимал очков, даже во время сна.

Была середина сентября, и дожди перепали уже довольно часто. Они неожиданно налетали, опрокидывая на лес целые водопады, и так же быстро проходили. Ветви деревьев не могли защитить Мореля, и он промокал до костей. И Морель занялся устройством кровли над головой из ветвей и листьев. Это была трудная работа. Несколько раз он едва не срывался с дерева. Вдобавок ему приходилось вести борьбу с обезьянами. Достаточно было Морелю спуститься с дерева за сучьями и хвостом, как целые стаи обезьян собирались на его стройку и пытались «помогать». Может быть, они делали это с самыми лучшими намерениями, но после их набегов Морелю каждый раз приходилось начинать строить заново. Так продолжалось несколько дней, пока Морелю не посчастливилось найти очень прочные и тонкие вьющиеся растения, которыми он туго связал остов крыши. Убедились ли обезьяны, что человек хорошо справляется с работой без их помощи, или им надоела эта новая забава, но скоро они оставили его в покое, и Морель благополучно достроил свое временное жилище. Теперь он был защищен от дождя. Морель втащил к себе на дерево даже некоторые запасы пищи: муки из кассовы, орехов и меда медовых мух — свое новое приобретение. Эти запасы могли пригодиться во время плавания. Вместе с тем они освобождали его от необходимости искать пищу во время дождя.

В его новом жилище было подобие кровати, сделанной на ветвях и устланной мхом и листьями. Теперь он мог с некоторым комфортом растянуться. Когда дождь мешал ему заниматься устройством плота, Морель лежал у себя на дереве и переносился мыслью в Париж. Но это было так далеко и так не похоже на то, что окружало Мореля, что Париж казался ему далеким сном.

В солнечные дни Морель усиленно трудился над устройством плота. Без топора работать было трудно. Морель нашел несколько острых кремней и попытался сделать каменный топор, перейдя, таким образом, к следующей ступени культуры — в каменный век. Зажав кремень в рогатину, Морель привязал его к топорищу тонкими лианами. Но кремень соскочил с топорища при первом же ударе. Тогда Морель решил сделать топор по всем правилам искусства, пробив дыру в кремне ударами другого кремня. Этот египетский труд истомил его. Морель с отчаяньем бросил работу.

«Нет, видно, я не гожусь в робинзоны!»

Однако мысль о топоре не оставляла его. Дерево легче поддается обработке. Надо начинать с топорища. Морель нашел подходящий корявый сук крепкого железного дерева и начал прожигать углями «игольное ушко» — продолговатую дыру. Это была тоже египетская работа, но все же дерево поддавалось обработке легче кремня. Скоро «игольное ушко» было готово. Морель вставил острый плоский камень и закрепил его растительными волокнами, старательно для этого приготовленными. Этот топор скорее напоминал булаву с необычайно большим набалдашником — так много намотал Морель «веревочек», но все же это был топор. Он перерубал, вернее, перебивал, ветви в палец толщиной. Он мог служить некоторой защитой. Таким топором можно было даже срубить толстое дерево. Но, занявшись «хронометражем», Морель высчитал, что на каждое дерево потребовалось бы не менее месяца. А ему для плота нужен был по крайней мере десяток деревьев.

Морель приуныл. При такой быстроте работы ему не выбраться ранее чем через год.

Тогда Морель решил использовать для плота бурелом и стволы подходящей длины, валявшиеся в руслах высохших рек. Их приходилось тащить отовсюду, часто издалека. Морель изнемогал от этой непосильной работы. Чтобы найти бревно подходящей длины, ему иногда приходилось уходить на расстояние целого дня пути от своего жилища. В этом лесу, однообразном, несмотря на все расточительное многообразие древесных пород, очень легко заблудиться. И Морель, уходя на поиски стволов, делал кремневым топором отметки на деревьях.

Наконец материал для плота был собран. Морель торопился. Проливные дожди шли уже каждый день, и высохшие русла речек наполнялись водой. К счастью, вода прибывала не так быстро, как ожидал Морель: высохшая почва впитывала в себя огромное количество влаги, прежде чем насыщалась и пропускала воду дальше.

Морель связал плот, сделал небольшое прикрытие от дождя для себя и запасов пищи, сзади прикрепил руль из шеста с вилкообразным концом, переплетенным растениями, и начал ждать, ежедневно посматривая на уровень воды. Наконец она поднялась до плота, лежавшего на берегу. В этот день дождя не было.

«Сегодняшнюю ночь я еще могу провести на дереве, — подумал Морель. — Но это будет моя последняя ночь. Через несколько дней из древесного жителя я превращусь в человека двадцатого века».

И он забрался на свое дерево.

6. Неудачное отплытие

Ночь была тихая, но необычайно душная. Изредка бесшумно вспыхивали молнии далекой грозы. «А дождь все-таки будет. Ни комаров, ни москитов нет — попрятались», — думал Морель, засыпая.

Перед утром страшный удар грома разбудил его. Гроза разразилась внезапно: кругом гремело, словно кто-то открыл двери гигантской кузницы. Лес полыхал голубым мерцающим пламенем. Раскаты, словно канонада пушек, стрелявших у самого уха, слились в невообразимый гул. Зловещий зеленовато-белый свет зажегся в небе. Ветер все усиливался, но дождя еще не было. Внезапно небо опрокинуло на землю целый океан воды. Это был не дождь, даже не ливень. Водная стихия обрушилась сплошной массой.

— Пора! — крикнул Морель, но он не услышал своего голоса. Наскоро собрав свои пожитки, Морель спустился по дереву, цепляясь за сучья. Несмотря на то что его защищали навес и густая листва, Морель через минуту был мокр, как рыба в воде. Падавший с неба водопад оглушал его, слепил глаза, давил на череп. Но Морель бежал, не останавливаясь. Вот он у плота. При свете непрекращавшейся молнии Морель увидел, что вода залила половину плота. Морель взбежал на плот и влез в шатер. К его удивлению, здесь было почти сухо. Недаром он потрудился, густо устилая крышу крупными и плотными листьями!

«По крайней мере, я не буду испытывать во время путешествия недостатка в пресной воде», — подумал он, чувствуя нервный подъем духа. Однако эта радость скоро сменилась беспокойством: вскоре он почувствовал, что вода появилась на поверхности плота. Морель приподнялся, но вода скоро достигла щиколоток ног и прибывала непрерывно. Его плот решительно не всплывал. Быть может, он зацепился за что-нибудь? Должен же подняться хоть один его

край! Для рассуждений, однако, не было времени. Вода уже доходила до пояса и угрожала смыть с плота неудачливого путешественника вместе с шатром и пожитками.

Морелю ничего не оставалось, как спастись бегством на берег. Но и это было нелегкой задачей. Вокруг него бушевал поток, унося в своем бешеном стремлении вывороченные с корнями деревья. К счастью, Морель был неплохой пловец. Бросив на произвол судьбы запасы продовольствия, он решил спасти только себя и научные инструменты, помещавшиеся в мешке за спиной. Морель кинулся в поток. Его завертело как щепку и понесло. Не менее получаса ему пришлось бороться с течением, пока наконец на крутом повороте его не прибило к берегу.

Морель вылез, весь покрытый зеленой тиной и тонкими длинными листьями.

«Часы безнадежно испорчены, — подумал он. — Придется жить по солнцу. Но это не беда. Главное, плот. Почему он не поплыл?»

Буря промчалась с такой быстротой, как это бывает только в тропиках. Ветер сдернул сизую завесу с неба, открыв второй, голубой полог. Выглянуло солнце, и лес внезапно ожил. Вылезли обезьяны, отряхнули, как собаки, намокшую шерсть и стали сушиться на солнце, шумно болтая и, вероятно, делаясь на своем языке впечатлениями о пронесшейся буре. Деревья расцвели яркими красками перьев попугаев; пчелы и осы спешили пополнить запасы пищи до нового ливня. Лес жил полной жизнью, все живое веселилось, пожирая друг друга...

Один Морель был чужд этому веселью. Понуро возвращался он берегом бушевавшей реки к своему брошенному жилищу.

Вот и место, где он строил плот. Но от него не осталось и следа. Шалаш сорвало, а плот по-прежнему покоился на дне.

— Но в чем же дело, черт возьми? — раздраженно крикнул Морель. Он взял валявшийся на берегу кусок железного дерева, из которого был сделан плот, бросил в воду и тотчас воскликнул: — Есть ли еще на свете такой осел, как я? Обрубок потонул, подобно камню. Железное дерево было слишком тяжело и не могло держаться на воде.

Тяжелый урок! Опустив голову, Морель смотрел на кипящую реку, в водах которой было погребено столько усилий и труда.

Дожди шли почти непрерывно. Морель был похож на земноводное животное, так как тело его почти не просыхало. Он жил как бы в водной стихии, только более насыщенной воздухом, чем воды океана. Температура почти не понизилась, но влажность невероятно увеличилась. Едва утихал дождь, как белая пелена тумана застилала все вокруг. Горячий влажный туман до такой степени наполнял легкие, что у Мореля по временам поднимался удушливый кашель. Его организм так напитался влагой, что Морель почти не пил воды. Единственным утешением этого времени года было то, что Морель отдохнул от комаров и москитов. Клещи, смытые с листьев деревьев, также меньше беспокоили его.

Мореля приводила в ужас мысль, что ему придется отложить путешествие на год. И он решил во что бы то ни стало отправиться в путь до окончания периода дождей. Глядя на грязные бурные воды потока, поднявшего со дна тысячи тонн ила, Морель обратил внимание на огромное количество тростников и

вырванных с корнем стволов бамбука, пливших по поверхности. Легкие, полые внутри, они как бы самой природой были предназначены для устройства плота. К тому же с этими стволами легко мог справиться кремневый топор Мореля.

— Вот из чего надо делать плот! — воскликнул Морель.

И он вновь принялся за работу под непрекращавшимся проливным дождем. Работа пошла быстрее, чем он ожидал. Ему не приходилось даже искать и собирать бамбук: каждый день река выбрасывала на берег огромное количество бамбуковых палок. Морелю приходилось только выбирать, связывать и складывать стволы. Через несколько дней плот был готов. Оставалось лишь стащить его в воду. Несмотря на легкость материала, из которого был сделан плот, он представлял значительную тяжесть для одного человека. Берега были размыты, и работать приходилось в непролазной грязи. Морель придумал целую систему рычагов, пользуясь вместо веревок тонкими гибкими стволами ползучих растений. Но сдвинуть плот оказалось труднее, чем построить его. Концы бамбуковых палок то и дело врезывались в грязь и застопоривали движение. Приходилось бросать работу, чтобы поднимать увязший в грязи край плота. Иногда в продолжение целого дня работы Морелю удавалось сдвинуть плот на несколько дюймов. Морель приходил в отчаяние. Наконец сама природа пришла ему на помощь. Напоенная дождями земля уже не вбирала в себя прежнего количества влаги; между тем небесные запасы воды казались неистощимыми.

Уровень воды в реке быстро поднимался. Морель сделал последние приготовления и переселился на плот. В тот же вечер он почувствовал, что плот медленно поворачивается, накренясь набок. Еще один момент — и плот был подхвачен течением и понесся по бурлящей реке. Морель торжествующе крикнул.

Однако радость оказалась преждевременной. Его закрутило в водовороте, как волчок. Огромный конец дерева вынырнул из воды и ударил в плот с такой силой, что тот едва не перевернулся. Морель перебежал на высоко поднявшийся край плота, выровнял его и взялся за шест. Теперь он мог торжествовать. Плот летел стрелой среди мусора, обломков деревьев и вырванных с корнем пальм — туда, к людям, в двадцатый век.

Морель внимательно оглядел воду. Река разлилась на огромное пространство, затопив низменные берега. Целые рощи пальм стояли в воде, задерживая своими стволами кучи хвороста и листьев.

Перед утром Морель заметил, что плот движется медленнее. Когда рассвело, он увидел, что его занесло в одну из обширных речных заводей. Положение Мореля было не из веселых. Рассчитывая на течение, он не догадался сделать весло. Он еще раз выругал себя ослом, однако это не помогало делу.

Морель попробовал отталкиваться шестом. Но как только ему удавалось протолкнуть плот в русло реки, шест переставал достигать дна и плот снова медленно относил в заводь. Морель решил отдаться на волю течения, надеясь, что оно, совершив круг, вынесет его из заводи. Плот медленно поплыл к тинистому берегу и наконец, дрогнув, остановился. Рискаю надорваться, Морель налегал на шест, но от этого плот, погрузившийся нижними палками в тину, еще больше увязал.

Морель бросил шест, упал на плот и уснул, истомленный волнениями про-

шлого дня и бессонной ночью.

7. «Небоскреб» в лесу

Проснулся Морель только вечером. Обдумав свое положение, он решил, что ему ничего не остается, как высадиться на берег, вернее, выйти на сухое место, так как он находился не в русле реки, а на затопленной поляне леса, окруженной со всех сторон деревьями. Ночью он не решился этого сделать, улегся на плоту. Дождь прекратился, и тысячи комаров поднялись над водой. В заболоченной почве что-то чавкало, вздыхало, шевелилось... Из чащи леса доносился странный свист. Временами трещали кусты под чьими-то тяжелыми шагами. Морель яростно отгонял от себя тучи комаров, прислушивался к свисту и не мог уснуть.

Утром он посмотрел на почву, на которую должен был ступить, и содрогнулся от ужаса. Она вся словно дышала. От времени до времени на поверхности появлялась голова ужа или змеи-слепуна. Толстые жабы рылись в иле. Казалось, гады со всего света собрались сюда, чтобы полакомиться в жирном, напоенном водой или червями и личинками насекомых иле. Морель безнадежно посмотрел на плот. Нет, не сдвинуть. Выхода не было, и Морель, забрав мешок с инструментами и запасом пищи, вошел в грязную воду. Ноги увязли в тине; Морель с трудом вытаскивал их и медленно пробирался к берегу. Наконец он вышел из воды и добрался до полосы грязи. Змеи шипели на него и уползали в сторону. Огромные цветные жабы с угрожающим видом бросались ему вслед. К счастью, жидкая грязь была плохим трамплином для прыжка и они не достигали Мореля.

Морель обошел заводь и пошел вниз по реке. Но чем дальше он шел, тем тинистее становилась почва и течение воды в реке делалось все медленнее. Наконец перед ним открылось огромное пространство, залитое водою.

«Неужели река не впадает в Амазонку?» — с тревогой подумал Морель. Несколько дней употребил он на исследования этого лесного озера с заболоченными берегами, но воде, казалось, не было края. Конечно, этого озера не найти ни на каких картах, так как в сухое время года оно высыхает. К тому же едва ли здесь когда-либо ступала нога географа.

Морель окончательно заблудился. Он целые годы может бродить по этим неисследованным дебрям и не выбраться отсюда. Неужели всю жизнь он принужден будет жить в этом лесу? Правда, этот тропический лес дает неизмеримо богатый материал для научных работ. Но к чему трудиться, если его открытия погибнут вместе с ним? Нет, Морель должен выбраться отсюда! Рано или поздно ему посчастливится напасть на какой-нибудь приток Амазонки. То, что река, по которой он пустился в путь, никуда не впадала, было только несчастливой случайностью. Однако он слишком устал. Ему необходимо переждать дождливый период, с этим надо примириться, — он отдохнет, соберет коллекцию редчайших насекомых и с новыми силами пустится в путь. Но, чтобы лучше отдохнуть, надо устроиться с большими удобствами, чем он это делал до сих пор. У него уже есть опыт. Он не новичок. Преаде всего надо выбрать хорошее место, потом построить настоящее жилище, конечно на деревьях.

И Морель начал бродить по лесу в поисках подходящего участка. В одном месте леса почва поднималась и была более твердой. Скоро под ногами он почувствовал камни. Это уже не было сплошное царство пальм и папоротников.

Здесь росли фернамбуковые деревья с двоякоперистыми листьями, мангровые, сандаловые, капайские, каучуковые, кустарники ипекакуаны. Хина, какао, чай — чего еще больше? Даже табак рос на этой почве.

Морель поднялся еще выше, и перед ним открылась широкая поляна, освещенная солнцем.

«Здесь будет меньше комаров и москитов».

Посредине поляны находилась группа гигантских деревьев бразильского ореха. Их гладкие стволы достигали ста тридцати футов высоты.

«Вот то, что нужно. Под рукой и запасы пищи, и аптека, и даже сигары. На этой высоте я буду себя чувствовать в безопасности от зверей».

Однако на минуту Мореля охватило колебание. Справится ли он с задачей — устроить себе «небоскреб»?

«Времени много», — решил он и с жаром принялся за работу. А работы было немало. Нужно было сделать лестницу, чтобы взбираться на вершину. Нужно было заготовить прочные балки для остова дома и поднять эту тяжесть на огромную высоту. Для этого следовало свить прочные веревки из волокон растений. Кроме того, необходимы были блоки, чтобы облегчить поднятие балок. Нужно было, наконец, позаботиться и об инструментах для работы. Все это было чрезвычайно трудно для одного человека. Но, странное дело, с тех пор как Морель решил надолго обосноваться в лесу, у него как будто прибавилось энергии. Теперь все его мысли были сосредоточены на одном — Париж отодвинулся на задний план.

Так как дожди не прекращались, Морель выстроил временную хижину у подножия своего будущего «небоскреба», как он называл свое жилище. Наибольшее внимание Морель уделил устройству надежной крыши. И это ему удалось. Теперь он мог иметь постоянный огонь, сохраняя в пепле тлеющие угли и раздувая костер ночью, чтобы отгонять диких зверей.

Работа подвигалась медленно. Первой была готова лестница. Но когда Морель попытался поставить ее, он убедился, что не в силах этого сделать. Она была слишком тяжела. Морель часами ломал голову над трудной задачей. Если бы можно было подтянуть ее на блоке веревкой! Но для этого надо было сперва влезть на дерево, чего нельзя было сделать без лестницы, так как ствол был толстый и гладкий. Однако Морель не падал духом. Он соорудил ряд подпорок, и в конце концов ему удалось водрузить лестницу на место. Дальше пошло легче. Правда, ему пришлось попотеть, втаскивая наверх тяжелые балки, но когда они были уложены на разветвления сучьев, половина дела была сделана. Морель, как птица, вил свое гнездо, принося ветку за веткой. И дом вышел на славу. Морель умудрился сделать две комнаты. Маленькая служила спальней, а большая — кабинетом, лабораторией и музеем. Здесь были сооружены стол, покрытый поверх бамбуковых палок листьями, и полки для коллекций.

Когда все было окончено, Морель подошел к открытому окну и с видом победителя посмотрел на расстилавшийся внизу лес. Морель мог гордиться. Это была победа. Морель больше не был незащитным существом. Он сожалел, что у него нет фотографического аппарата, чтобы увековечить свое жилище и показать его потом своим ученым товарищам.

Морель вызывал в своем воображении лица друзей и знакомых и с удивлением заметил, что фамилии некоторых из них он не может вспомнить. «Что

за странное ослабление памяти? — подумал Морель. — Может быть, это последствие болезни? Так и говорить разучусь...»

Морель решил чаще говорить вслух. Он читал лекции своим воображаемым слушателям, и в дебрях тропического леса слышались мудреные латинские слова, которые, видимо, очень нравились попугаям. Казалось, это отражало его речь в искаженном до неузнаваемости виде.

— Паук мигалес, — говорил Морель.

— А у наес, — вторили попугаи, заливаясь хохотом.

— Кыш вы, горластые! — кричал Морель на своих недисциплинированных слушателей. Но они продолжали усердно повторять его лекцию, пока он не замолкал.

8. Человек без имени

Морель усердно упражнялся в произнесении речей. Но постепенно эти занятия становились все реже. Заботы дня и научная работа по собиранию и классификации насекомых отвлекали его. Не замечал он и другого: с каждым днем его лексикон становился все беднее, речь суше, бледнее. Она все больше была испещрена научными терминами, и его лекции напоминали уже латынь средневекового ученого. Только раз, тщетно стараясь вспомнить забытое слово, он обратил внимание на этот «распад личности» и несколько обеспокоился. «Да, я дичаю», — подумал он, но к этому факту подошел как натуралист.

«Естественный биологический закон, подмеченный еще Дарвином. Сложный организм, попавший в простейшую среду, должен или погибнуть, или «упроститься». То, что в культурном обществе было необходимо и составляло мою силу, теперь в лучшем случае является ненужным балластом, так же как в Париже мне не нужны были собачья острога обоняния и слух пумы. И если во мне пробудились инстинкты, дремавшие в человеке сотни тысяч лет, то, конечно, вернуться и мои «культурные» приобретения, когда я возвращусь в свою среду».

Так успокаивал он себя, и все же где-то в подсознании шевелились тревожные, едва оформившиеся мысли: «Я дичаю, возвращаюсь на низшую ступень биологической лестницы. Если я проживу здесь несколько лет, то превращусь в дикаря».

Морель привык к одиночеству, был всегда углублен в себя, поэтому не очень страдал от отсутствия общества. Ему не приходило в голову приручить собаку или попугая, чтобы иметь общение с живым существом. Его единственным, но зато многочисленным обществом были насекомые и в особенности пауки. Он мог часами неподвижно сидеть, уставившись на какого-нибудь паука, и наблюдать за его работой. По-своему Морель был даже счастлив. Среди пауков, ос, муравьев он чувствовал себя в «своем обществе».

Бразилия в этом отношении была настоящим раем для ученого. Едва ли на всем земном шаре можно найти второе такое место, где волны жизни бушевали бы с такой неистощимой, ничем не сдерживаемой энергией. И Морель погрузился в этот безграничный океан; каждый день приносил ему что-нибудь новое, изумительно интересное. Морель был похож на золотоискателя и целыми днями, забывая о еде, подбирал свои «самородки» или бродил по лесам в поисках новых сокровищ. Морель-ученый спасал Мореля-человека от полного одичания, и все же в Мореле происходил незаметный для него, но огромный

внутренний процесс упрощения психики. В его мозгу оставались нетронутыми только клетки, принимавшие участие в его научной работе. Во всем остальном он действительно дичал. Он был нетребователен, как дикарь, в пище, запустил свою внешность. Его волосы отросли до плеч. Костюм давно висел на нем лохмотьями. Только ногти он остригал маленькими ножницами или чаще откусывал зубами, чтобы они не мешали ему при работе над насекомыми.

Главное изменение его психики заключалось в том, что у него постепенно угасало само чувство общности. Ему не только не нужно было общество людей, но и научная работа как бы потеряла для него общественную ценность. Она стала самоцелью. Он делал величайшие открытия, которые привели бы в восторг не только натуралистов, но и химиков. Он находил новые красящие вещества, растения, содержащие огромное количество эфирных масел, ароматических смол, или такие, сок которых обладал свойствами каучуковых деревьев. Всего этого имелись здесь колоссальные, неисчерпаемые запасы. Но ему ни разу не пришла мысль об эксплуатации находящихся здесь богатств.

Он только отмечал, регистрировал эти факты как интересные научные открытия. Если бы Морель узнал, что все человечество, до последнего человека, погибло от какой-нибудь катастрофы и на безлюдной Земле остался только он один, — это едва ли потрясло бы его и он продолжал бы заниматься своими научными работами по-прежнему. Даже честолюбие угасло в нем. Он уже не мечтал о славе. Мысль о возвращении к людям все реже посещала его. Только когда вторично наступил период дождей, Мореля охватило смутное беспокойство. Но он объяснил его тем, что дожди мешают ему совершать обычные экскурсии. Тогда он начал усиленно заниматься в своей лаборатории, приводя в порядок коллекции.

Морель почти не замечал течения времени. Часы его давно стали. Календарь, который он вел одно время, вырезывая на палочках зарубки, был заброшен. Он стал отмечать только годы по периодам дождей, но вскоре оставил и это. К чему? Единственным измерителем времени мог служить его музей, который все пополнялся. Но и этот измеритель был неточен. Когда полки, стены и даже пол его рабочего кабинета пере-поднялись собранными им насекомыми, как поле, покрытое саранчой, Морель начал выбрасывать одинаковые экземпляры, оставляя по одному каждого семейства или подсемейства. Но так как экспонаты все продолжали прибывать, ему пришлось выбрасывать одних насекомых, чтобы положить на их место других, более редких или впервые открытых им. Только феноменальная память Мореля сохранила всю историю его научных исследований. Однако эти драгоценные знания были затеряны вместе с их обладателем в дебрях бразильских лесов.

Морель давно уже не говорил вслух и не читал лекций своим воображаемым слушателям. Незаметно для себя он утрачивал речь и превращался в бессловесное существо.

Однажды целый день его преследовало слово, значение которого он не мог припомнить:

«Морель!.. Что бы это значило? Морель... Морель...»

Его бесило, что он не может припомнить значения слова, которое казалось таким привычным, знакомым. Эти усилия припоминания мешали ему, вносили беспорядок в работу мысли, и он постарался запрятать надоедливое слово в

глубокий ящик подсознания. Морель не знал, что в этот день он стал человеком без имени.

9. Бессловесное существо

— Здесь мы не найдем красных ибисов, — сказал Джон своему спутнику. — Ибис любит болота.

Джон был индейцем. Он прекрасно говорил по-английски и по-португальски, сын его учился в университете. Жил он в Рио-де-Жанейро, где имел собственный дом и магазин, обслуживавший главным образом туристов и путешественников, приезжавших в Бразилию из Старого и Нового Света, чтобы поохотиться в лесах или собрать коллекции. Ни одна научная экскурсия или экспедиция не миновала его магазина. Здесь можно было найти ружья, палатки, сетки для moskitov, складные кровати, фляжки — словом, все необходимое для путешествия. Главной же приманкой был сам Джон. Никто лучше его не знал малоисследованные области Бразилии. К его советам прислушивались профессора. Одетый по-европейски, сухой, подвижный, он мог сойти за испанца-коммерсанта. В его крови не умерло только одно наследие предков: склонность к приключениям бродячей жизни в лесах. Как дикая перелетная птица в неволе, каждый год он испытывал приступ тоски, желание расправить крылья и лететь... И ежегодно перед наступлением дождей он отправлялся с каким-нибудь путешественником к верховьям родной Амазонки.

На этот раз он оказал эту честь Арману Сабатье, богатому французу из Бордо, натуралисту-любителю и страстному охотнику.

Они поднялись по Амазонке на океанском пароходе до Манауса, пересели на плоскодонный речной пароход, по Риу-Негру поднялись до Сан-Педро, затем пешком отправились на север. Через два дня пути они миновали низменный бассейн реки и взобрались на возвышенность, поросшую густым лесом. По мнению Джона, в этом месте не могло быть красных ибисов.

— Ну что же, — сказал Сабатье, — нет красных, будем охотиться на белых. Здесь чудесно, Джон! Какая растительность... Те...

Собака Сабатье, Диана, сделала стойку.

Арман Сабатье осторожно раздвинул кусты.

У ручья он увидел какое-то странное существо — получеловека-полузверя, сидевшего на земле. Длинные седые волосы дикаря — если только это был человек — ниспадали на плечи. Чрезвычайно худые, но жилистые руки и ноги были голые, а туловище неизвестного покрывали обрывки серой ткани, словно он намотал на себя паутину. Дикарь сидел спиной к Сабатье и, видимо, был погружен в какие-то наблюдения.

Как ни тихо Сабатье раздвинул кусты, дикарь услышал приближение людей. Он повернул голову, из-за его плеча показалась длинная, всклокоченная борода, достигающая согнутых колен. Старик сделал неожиданный прыжок и бросился в кусты с такой стремительностью, как будто он увидел не людей, а ягуара. Диана взвизгнула и с отчаянным лаем погналась за убегающей «дичью». Сабатье и Джон поспешили за собакой. Без сомнения, она живо догнала бы беглеца, не будь на его стороне значительного преимущества: он, очевидно, прекрасно знал местность и с необычайной ловкостью пробирался сквозь лианы и папоротники, тогда как Диана с разбегу не раз попадала в петли и узлы лиан и принуждена была останавливаться, чтобы освободиться. Она давно упустила из виду двуногого зверя, но шла по следу, руководствуясь обонянием

и инстинктом. Сабатье и Джон следовали за нею, прислушиваясь к ее удалявшемуся лаю. Наконец они нагнали собаку у большого дерева. Подняв морду, Диана яростно лаяла. Джон посмотрел на вершину дерева.

— Вот где он! Сидит в ветвях, видите? — Сабатье не сразу заметил в густых ветвях дерева спрятавшегося старика, который смотрел на них молча и враждебно.

— Слезайте! — крикнул Сабатье по-французски.

— Слезайте, мы не причиним вам вреда! — в свою очередь крикнул Джон по-английски и еще раз по-португальски.

Но старик сидел неподвижно, как будто не слышал или не понимал их.

— Вот дьявол-то! — выбранился Джон. — Он глухой или немой. Что, если я влезу на дерево и сброшу оттуда этого лесовика?

— Нет, лучше подождемте его здесь, — ответил Сабатье. — Когда он убедится, что мы твердо решили познакомиться с ним, то, быть может, и сам спустится к нам.

Охотники расположились у дерева. Джон вынул из походного мешка чайник, консервы и сухари, разложил костер и вскипятил воду. Сабатье, сделав аппетитные бутерброды, высоко поднял руки и показал бутерброды старику, причмокивая губами, как будто приглашал есть кошку или собаку. Дикарь зашевелился. Вид пищи, видимо, возбуждал его аппетит. Приглашение к столу говорило о мирных намерениях неизвестных людей, так неожиданно нарушивших его одиночество. Однако старик еще долго не мог побороть чувства неприязни и недоверия. Он тихо замычал, как немой, и спустился ниже.

— Клюет, — весело сказал Сабатье, раскладывая на траве все содержимое своего мешка с продовольствием. Прошел еще добрый час, пока старик, спускаясь с ветки на ветку, оказался над самой головой охотников. Диана вновь неистово залаяла, но Сабатье заставил ее замолчать, и с недовольным ворчанием она улеглась у его ног.

Старик соскочил на траву, не говоря ни слова, подошел к охотникам, схватил несколько кусков вяленого мяса и стоя начал с жадностью поглощать мясо, почти не разжевывая и давясь.

— Видно, у него во рту давно не было мяса. Смотрите, как унывает, — одобрительно сказал Джон, протягивая старику новый кусок.

Насытившись, старик внимательно посмотрел на Сабатье и Джона, как бы изучая их, и кивнул головой. Этот простой жест доказывал, что охотники имеют дело с существом сознательным, хотя и крайне диким. Сабатье, со своей стороны, внимательно изучал внешность старика. Это лицо, безусловно, принадлежало европейцу, хотя тропическое солнце и придавало коже темно-бронзовый оттенок. Главное же, старик носит очки. Значит, когда-то он был знаком с цивилизацией. Сквозь стекла очков на Сабатье смотрели странные глаза. В этих выцветших голубых глазах горел огонек дикости или безумия, но вместе с тем взгляд старика отличался сосредоточенностью мысли, которая говорила о сложном интеллекте.

Старик, продолжая разглядывать Сабатье, как будто решал какой-то важный вопрос. Брови его нахмурились, почти прикрыв внимательные, зоркие глаза. Потом он подошел к Сабатье и, тронув его за руку, удалился, как бы приглашая следовать за собой.

Сильно заинтересованные, Сабатье и Джон быстро уложили свои вещи и

пошли за стариком.

Они вышли на большую поляну, среди которой поднималась группа деревьев, а на них среди сучьев и зелени виднелось воздушное жилище лесного отшельника.

Старик обернулся, еще раз кивнул головой и начал карабкаться по некоему подобию лестницы.

— Однако для своих лет он недурно лазит! — сказал Джон, удивляясь легкости, с которой старик поднимался вверх.

Старик полез ползком в небольшую дверь.

Когда Сабатье и Джон вошли в его жилище, старик пригласил их в соседнюю комнату, так как спальня, где едва помещалась кровать, была слишком мала для трех посетителей. Сабатье не без опаски ступал по полу, сделанному из бамбуковых палок на высоте сотни футов. Войдя во вторую комнату и оглядевшись, Сабатье и Джон замерли на месте от изумления... На столе аккуратно были разложены инструменты, употребляемые для препарирования насекомых и изготовления коллекций, — ланцеты, пинцеты, крючки, булавки, шприцы.

На полках, потолке и полу были расположены коллекции насекомых, образцы волокон каких-то тканей, краски в деревянных сосудах. Пораженный Сабатье, прикинув в уме, решил, что за такую коллекцию любой университет не пожалел бы сотен тысяч франков. Один угол комнаты был заткан паутиной. Маленькие паучки, как трудолюбивые работники, сновали взад и вперед, натягивая паутину на небольшие деревянные рамы.

Пока гости были заняты осмотром комнаты, старик принялся раскладывать добычу своего трудового дня. Потом он взял со стола птичье перо и обмакнул его в выдолбленный кусок дерева, в котором были налиты чернила, очевидно сделанные из каких-то зерен или стеблей.

Сабатье заинтересовался этими приготовлениями. Старик собирался писать, но на чем? Однако «бумага» лежала тут же на столе — это были высушенные листья дикой кукурузы.

Старик написал несколько слов и протянул лист Сабатье.

Письмо было написано на латинском языке, которого Сабатье не знал.

— Латынь мне не далась, — сказал он, обращаясь к Джону: — Может быть, вы прочтете?

Джон посмотрел на желтый лист с черными иероглифами.

— Если бы здесь было написано даже по-португальски, я не прочел бы этого почерка, — сказал он, кладя лист на стол. Сабатье посмотрел на хозяина и развел руками:

— Не понимаем!

Старик был огорчен. Он попытался издать какие-то звуки, но, кроме мычания, у него ничего не получилось.

— Разумеется, он немой, — сказал Джон.

— Похоже на то, что он разучился говорить, — заметил Сабатье.

— Что же, попробуем обучить его. Интересно, на каком языке он говорил, прежде чем его язык заржавел, — ответил Джон.

И они усиленно начали заниматься «чисткой ржавчины» языка старика. Они по очереди называли по-французски, по-английски и по-португальски различные предметы, показывая на них: стол, рука, голова, нож, дерево.

Старик понял их намерение и, казалось, очень заинтересовался. Английские и португальские слова, видимо, не доходят до сознания старика. Он как будто не слышал их. Но когда Сабатье произносил французское слово, оно, словно искрой, зажигало какую-то клеточку в мозгу старика, пробуждая уснувшую память. У старика на лице появлялось более сознательное выражение, глаза его вспыхивали, он усиленно кивал головой.

Но как только дело доходило до речи, почти страдальческие морщины покрывали его лоб; язык и губы не повиновались, и изо рта исходило лишь нечленораздельное бормотание, весьма похожее на те звуки, которые издавали попугаи, повторявшие его лекции.

— Без сомнения, французский — его родной язык, — сказал Сабатье. — Старикашка — прилежный ученик, из него выйдет толк. Мне кажется, он уже вспомнил все слова, которые я произнес, но не может повторить их, потому что его язык, губы и горло совершенно отвыкли от нужной артикуляции. Попробуем сначала поупражнять их.

И Сабатье начал обучать старика по новому методу. Он заставлял своего ученика отчетливо произносить отдельные гласные: а, о, у, е, и. Это далось легче. Потом перешли к согласным. Джон с трудом удерживался от смеха, наблюдая за гримасами, которые делал старик в попытках произнести какую-нибудь согласную. Он выпячивал губы, вертел языком вбок, вверх и вниз, подражая учителю, свистел, трещал, шипел.

Успех этого метода превзошел ожидания учителя. К концу урока старик довольно отчетливо и вполне удобопонимаемо произнес несколько слов.

— Ему нужно поставить голос, он слишком кричит, — сказал Сабатье. — Но на сегодня довольно. С него пот льет градом от напряжения. К тому же темнеет. Здесь слишком тесно, чтобы разместиться втроем. Мы будем ночевать внизу.

Гости еще не могли свободно изъясняться с хозяином. Пришлось прибегнуть к мимике и жестам, чтобы объяснить, что они не покидают его совсем. Распростившись со стариком, Сабатье и Джон спустились по зыбкой лестнице.

— Ну, что вы скажете? Пошли за ибисами, а попали на дикобраза! Удивительная находка! Без всякого сомнения, старик — ученый. Но как попал он в этот лес? Хоть бы он скорее научился говорить!

— Вы прекрасный учитель, — заметил Джон, располагаясь на ночлег, — но все же на обучение должны уйти недели.

— Ради этого стоит пожертвовать несколько недель.

Пожелав друг другу спокойной ночи, они положили около себя ружья и улеглись спать.

10. Фессор

Преобразование старика в «словесное» существо пошло довольно быстро. В конце недели с ним уже можно было вести довольно продолжительные разговоры, хотя он еще путал слова. Но Сабатье ждало некоторое разочарование. Если старик овладел речью настолько, что его можно было понять, то его память, по выражению Джона, заржавела более основательно, чем язык, и никакие методы тут не помогали. Старик мог рассказать немало интересного о своей жизни в лесу, но все, что относилось к прошлому, он забыл. Он не мог вспомнить даже своего имени.

— Сколько же лет пробыли вы в лесу? — спросил его Сабатье. Старик посмотрел на палочки с зарубками и пожал плечами.

— Не знаю, должно быть, не меньше пятнадцати лет. — Старик наморщил лоб и, силясь припомнить, продолжал: — Примерно в тысяча девятьсот двенадцатом году я отправился в научную экспедицию...

— Значит, вы ничего не знаете о великой европейской войне?

Да, он ничего этого не знал. Он с недоверием слушал рассказы Сабатье и, видимо, не чувствовал к ним большого интереса.

— Да, не менее пятнадцати лет. Я заблудился в лесу, гоняясь за редкостной бабочкой. Совершенно неизвестный вид «мертвой головы».

И ученый подробнейшим образом описал все особенности насекомого.

— За все эти годы мне так и не удалось встретить второго экземпляра, — сказал он с неподдельной печалью.

Для него эта бабочка была важнее, чем все события, потрясавшие мир за последние пятнадцать лет. Он забыл свое имя, но не забыл, какого цвета была переднекрайняя жилка на внешнем крыле бабочки.

— Я долго искал моих спутников, конечно, и они меня. Они, наверно, решили, что я съеден зверями или что меня проглотила змея. Но я уцелел, как видите. Вы — первые люди, каких я вижу.

— От такого страшилища, как он, вероятно, все звери бежали! — сказал по-английски Джон. — Ему надо придать более человеческий вид.

— Вы были женаты? — продолжал расспросы Сабатье.

— Не помню... Кажется, что да, — продолжал Морель после долгой паузы. — Я вспоминаю в своей жизни женщину, которую я любил. Да, женщина... Но я не знаю, была это моя жена или мать. Наука и занятия настолько меня съели...

— Поглотили, — поправил Сабатье.

— Да, проглотили, что я уже не могу припомнить, как жил на свете.

— Но города вы представляете себе?

Старик, неопределенно разведя руками вокруг, кратко ответил:

— Шум.

— Неужто уши ваши помнят дольше, чем глаза? — удивился Джон и, подойдя к старику, спросил: — Не разрешите ли вы мне вас остричь?

— Стричь?

Джон взял прядь его волос и показал пальцами, как стрижет парикмахер.

— Снять ваши волосы, — пояснил и Сабатье по-французски. Старик не отвечал ни «да» ни «нет». Ему было безразлично.

— Молчание — знак согласия. — Джон взял маленькие ножницы с рабочего стола и, усадив старика на самодельную табуретку, принялся стричь бороду и волосы на голове.

Окончив, Джон остался чрезвычайно доволен своей работой, хотя ему пришлось немало потрудиться: густые, свалявшиеся, как войлок, грязные волосы старика было трудно резать маленькими ножницами.

— Отлично. Я пройду в лагерь, возьму запасную палатку и сошью нашему старику костюм. К тому же нам надо как-нибудь окрестить его. Ведь он человек, ученый, профессор. Кратко это будет «Фессор». Фессор — очень хорошая фамилия.

Когда Сабатье перевел старику предложение Джона, старик охотно согла-

сился:

— Фессор — это хорошо. Я буду Фессор.

С тех пор за ним закрепилось это имя.

Костюм был скоро сшит. Правда, он напоминал погребальный саван, но зато не стеснял Фессора, привыкшего к удобной, легкой звериной шкуре.

— Ну что вы еще хотите с ним сделать? — с улыбкой спросил Сабатье, видя, что Джон критически оглядывает своего помолодевшего клиента.

— Подкормить, — ответил Джон. — Уж больно он худ.

— Вы чем питались? — спросил Сабатье Фессора.

— Зерна, ягоды, птичьи яйца, насекомые, — ответил Фессор.

— Ну разумеется, — сказал Джон, услышав ответ. — Не мудрено, что он тощ, как комар в засуху.

И они начали кормить старика чем могли из своих запасов и тем, что добывали охотой.

Однажды Джон, страстный рыболов, решил наловить Фессору рыбы, оглушая ее.

Он взял бутылку из-под виски, влил в нее четверть углерода, который у него был в запасе, и бросил в воду. Бутылка взорвалась, и от взрыва кругом была оглушена рыба. Все, в том числе и Фессор, начали поспешно вылавливать всплывшую на поверхность рыбу и тщательно промывать ее, чтобы яд не проник внутрь.

— А у меня есть еще более простой способ ловить рыбу, не боясь отравиться ею, — сказал Фессор. — Я знаю паразитическое растение, оно растет вот в той части леса. Этим растением можно опьянить рыбу.

— Значит, вы и рыбой питались? — спросил Сабатье.

— Давно, — ответил Фессор. — Растение — очень высоко, а у меня нет времени лазать по деревьям, если можно питаться ягодами на ходу.

Джон очень заинтересовался этим растением, которое даже ему не было известно, и решил тотчас отправиться за ним.

Фессор указывал им путь. Он шел по лесу, как по музею, где каждый экспонат ему был хорошо известен. От времени до времени он справлялся по каким-то зарубкам, сделанным на деревьях. На вопросительный взгляд Джона он ответил:

— Я исходил лес во все стороны от хижины, и всюду через каждые пятьдесят-шестьдесят метров у меня сделаны на деревьях значки — они показывают путь.

Фессор завел своих спутников в такие дебри, что они с трудом пробирались.

— Вот там, вверху, видите — вьющиеся растения с белыми цветами. Это и есть мои рыболовные принадлежности.

Даже Джон, ловкий как обезьяна, с трудом взобрался на вершину дерева, опутанного лианами.

Он сбросил несколько веток с белыми, одуряюще пахнущими цветами. Слезая вниз, он увидел на мохнатом стволе дерева роскошную белую орхидею и сорвал ее.

— Я не знал, что вы такой любитель цветов! — сказал Сабатье, наблюдая за Джоном. Но Джон вместо ответа отчаянно вскрикнул, кубарем скатился с дерева и, не переставая кричать, запрыгал по траве, хватаясь за лицо и руки.

Сабатье решил, что его укусила змея. Но Фессор бросился на помощь Джону и начал сбрасывать с его рук и лица маленьких белых муравьев. Сабатье последовал за Фессором, и они втроем начали поспешно сметать с Джона муравьев. Несколько этих ядовитых насекомых упало на руку Сабатье, и он понял, почему Джон кричал так неистово. Боль от укусов муравьев была нестерпима, как от укола раскаленной иглой. Когда наконец Джон был освобожден от насекомых, Сабатье подошел к орхидее и увидел, что вся внутренность цветка была сплошь усеяна белыми муравьями.

— Эти злые инсекты (насекомые), — сказал Фессор, — могут съесть живого человека. Однажды они напали на меня. Я спасся, потому что бросился в воду. В воде они еще долго кусали меня, пока их не смыло.

Все тело Джона горело, как будто он принял ванну из красного кайенского перца. Тем не менее он настаивал на продолжении рыбной ловли.

— Мне необходимо искупаться в реке, иначе я сгорю в собственной коже! — уверял бедняга.

Лов вышел удачный. Растение Фессора действовало изумительно. Несмотря на то что вода была проточная, хотя и с медленным течением, наркотический сок растения настолько одурманил рыбу, что вся поверхность реки покрылась ею. Но этого мало — Джону посчастливилось поймать в реке животное из породы аллигаторов, водяную ящерицу, на вид весьма невинную, а в действительности по кровожадности мало чем отличающуюся от каймана.

— Что вы будете делать с этой ящерицей? — спросил Сабатье.

Но Джон только таинственно мигнул.

В этот день обед вышел на славу. Сварили и зажарили рыбу.

На закуску Джон вырезал лучшую часть для еды — хвост чудовища, затем вынул из тела яйца, которыми оно было наполнено. Печеные яйца ящерицы пришлись весьма по вкусу Фессору, он признался, что не знал об этом вкусном блюде. Джон был, видимо, польщен.

В конце обеда вышла маленькая неприятность. Оказалось, в сахарнице почти нет сахара. Фессор тотчас предложил свести гостей к столетнему дереву, где водились медоносные мухи.

— Это недалеко, — сказал он, — и вы увидите, что там легко можно сделать запас сахара. Я изучал жизнь этих мух и знаю, как вынуть мед и не трогать их: задвижку я всегда оставляю сверху дупла, а мед выгребаю из-под мух. Мед этих мух вкуснее, чем пчелиный, а воск — белый-белый. Мухи дольше, чем пчелы, готовят воск; по этой причине я всегда возвращаю воск после того, как самодельной центрифугой извлеку из него весь мед.

Через полчаса маленькое общество уже сидело за чаем, наслаждаясь мушиным медом необычайного вкуса и аромата.

11. Неведомые богатства

Обычно Фессор уходил в лес на целые дни, и только вечером все собирались у костра за котелком чая, рассказывая друг другу события дня. За это время Фессор уже вполне овладел речью.

Однако в последние дни с Фессором стало твориться что-то неладное. Он возвращался в самые неопределенные часы, забирался в свою лабораторию и то сидел неподвижно у стола, обхватив руками голову, в глубокой задумчивости, то вдруг срывался с места, что-то возбужденно бормотал и с такой поспешностью спускался с лестницы, что Сабатье каждый раз боялся за него.

Старик был крайне рассеян. Он отвечал невпопад на вопросы, иногда даже не слышал их или обрывал разговор на полуслове.

— Совсем помешался старик, — говорил Джон, поглядывая на Фессора.

Фессор действительно был похож на сумасшедшего. Однажды он сидел недалеко от дома, внимательно разглядывая в траве какое-то насекомое. Вдруг Фессор поднялся и побежал с такою быстротой, словно за ним гнался ягуар. Он бегал по поляне как исступленный, крича во весь голос:

— Почему она не хочет брать мою эфиппигеру?

Потом он поймал какое-то насекомое, с такой же поспешностью вернулся на прежнее место и, бросив насекомое, издал торжествующий крик:

— Взяла, каналья!

Сабатье подошел к ученому и осторожно спросил его:

— У вас, господин Фессор, кажется, какие-то неприятности с вашими насекомыми?

— Неприятности? — ответил повеселевший Фессор. — Я чуть с ума не сошел, вот какие неприятности! Но теперь все в порядке. Еще одна сложнейшая загадка природы разрешена!

И, усевшись поудобнее, он с жаром начал объяснять:

— Осы — это ученые убийцы. Своих жертв — жужелиц, эфиппигер и других насекомых — они поражают отравленным кинжалом в нервные центры и этим приводят их в состояние полного паралича. Эти живые трупы оса утаскивает к себе и складывает в кладовой — таким образом, под рукой свежие продукты. Вот эта самая оса, лангедокский сфекс, едва не свела меня с ума! Она поразила свою жертву, эфиппигеру, на моих глазах и, ухватив за усики, не спеша потащила в свою норку. Я незаметно подкрался, ножницами обрезал усики, взял парализованную эфиппигеру и положил на ее место другую, только что пойманную мной. Оса, тащившая свою добычу, почувствовала, когда я перерезал усики, что ноша стала легче, и оглянулась. Конечно, она очень удивилась, увидев, что на месте парализованной лежит новая, живая эфиппигера. Моя оса не верила своим глазам и, помочив передние лапки во рту, начала ими протирать глазки. Убедившись, что это не обман зрения, оса начала искать первую эфиппигеру, а к моей даже не притронулась, хотя я сам подсовывал ей добычу. Почему она не брала мою эфиппигеру?

— Вам это показалось обидным? — спросил Сабатье.

— Не обидно, а непонятно, черт возьми! — вскричал Фессор. — Это противоречило инстинкту. Я был сам не свой, пока не разгадал загадку, которую мне задала оса.

— И в чем же было дело?

— В том, что я подложил ей самца. Оса же, как теперь я убедился, охотится на самок, потому что в их вздутом брюшке содержится большой запас сочных яичек — лучшее питание для личинок сфекса. Мне нужно было во что бы то ни стало найти эфиппигеру-самку, пока оса не утащила свою добычу. Вот почему я с такой поспешностью бегал по поляне.

Сабатье стало понятно настроение Фессора.

Необъяснимое отступление от инстинкта, этого закона природы, для Фессора было столь же невыносимо, как для астронома непонятные ему возмущения в движении небесных светил. Теперь гармония космоса и души Фессора была восстановлена. Как будто тяжкий груз свалился с плеч. Он стал общи-

тельней и даже предложил показать, каким способом он ловит насекомых.

— Я подсекаю стволы одного кустарника, из которого капля за каплей вытекает своего рода клей, который и служит приманкой для различных насекомых. Да вот вы сами увидите.

Фессор «слетал» на свое гнездо и принес оттуда горшочки и палочки, которые раздал Сабатье и Джону.

Фессор научил их, как нужно его клеем смазывать листья, ветви и даже мох, тщательно прикрывая те места, где расставлены ловушки.

Когда перед вечерним чаем они пришли к ловушкам, Сабатье увидел, что они действуют великолепно, — смазанные листья оказались сплошь покрытыми самыми разнообразными насекомыми.

— Это гораздо легче, чем бегать по полянам, как жеребенок. Да мне это уж и трудновато становится.

Фессор нагнулся, вынул из клея какую-то божью коровку и раздавил ее между пальцами. Пальцы его мгновенно окрасились в ярко-синий цвет.

— Эта краска по яркости цвета и прочности превосходит анилиновые краски и обладает одним замечательным свойством... Впрочем, позвольте пока не открывать вам секрета этой краски, — сказал он, о чем-то подумав.

В этот день Фессор был общителен, как никогда. После чая с медом он пригласил гостей к себе на дерево. Пройдя в свою лабораторию, он вынул из небольшого ящичка образчики тканей, кусками в двадцать на тридцать сантиметров каждый.

— Эти кусочки материй, — сказал он, — сотканы из волокон растений или животных. Попробуйте. Никакая шерсть не сравнится по легкости, мягкости, прочности и теплоте с этой тканью. Но у меня есть кое-что поинтересней.

И Фессор протянул Сабатье кусок серой ткани. Когда Сабатье положил ткань на руку, он был поражен. Ткань была так легка и тонка, что казалась сотканной из паутины.

— Попробуйте-ка разорвать ее! — улыбаясь, сказал Фессор.

Сабатье сначала осторожно потянул ткань, опасаясь, что она расползется при первом натяжении. Но ткань не разорвалась. Тогда он потянул сильнее, наконец рванул изо всех сил. С таким же успехом он мог попытаться разорвать железный лист. Джон также захотел испытать свою силу, но ткань решительно не поддавалась. И вместе с тем она была легка и воздушна.

— Сам черт не разорвет этой ткани! — сказал Джон, протягивая кусок Фессору.

Глаза и губы Фессора улыбались. В своем длинном балахоне он казался алхимиком, Фаустом двадцатого века. Помахав, как флагом, тканью, Фессор сказал:

— Я удивлю вас еще больше, если скажу, что эта ткань сделана водяным пауком. Из этой ткани водяные пауки строят свои подводные дома. Ткань совершенно водонепроницаема. Если ее пропитать соком одного растения, она станет непроницаема и для воздуха. Недурная была бы оболочка для дирижаблей! А как она держит тепло! Из этой ткани вы можете сделать трико. Вы будете казаться голым и вместе с тем смело можете отправиться в этом трико на Северный полюс, не рискуя замерзнуть.

А вот эта ткань, — продолжал старик, — продукт особого вида шелковичных червей. И знаете, каким образом я добиваюсь, чтобы эти существа (мои

ученики, как я их называю) изо дня в день работали на меня? Я избавляю их от всяких врагов и кормлю той пищей, какая им нужна, как это делают китайцы. Я месяцами, годами изучал нравы и инстинкты этих трудолюбивых насекомых и сделал из них прекрасных работников. Вот посмотрите на этого паука.

Сабатье еще в первый день обратил внимание на маленького паука, который наматывал паутину на деревянную рамку.

— Если бы у меня было больше места, я заказал бы этому ткачу целый костюм, и он бы соткал мне его по мерке без единого шва. Из этой паутины я делал себе рубашки. Ткань мне изготовляли пауки, а нитки — шелковичные черви.

— Но как вы добились этого?

— Наблюдением и терпением... Остальные образчики тканей сделаны из волокон разных растений, и все они очень прочны. Лучшие из этих растений те, волокна которых нужно долго разминать, отчего они делаются мягкими. Затем я их кладу в воду, смешанную с каким-нибудь дубителем, и это их делает еще более нежными. Я нашел также дикую коноплю из того же семейства, что растет в Индии. Ее волокна, погруженные в дубитель, также очень быстро приобретают большую прочность.

У Фессора словно прорвалась плотина молчания. Он готов был говорить целую ночь о новых, совершенно неизвестных цивилизованным людям материалах, об изумительных красках, тканях, чудодейственных соках неведомых растений и о пауках — пауках больше всего. Говоря о них, Фессор превращался в поэта.

Но Сабатье уж не мог слушать. Нельзя было в один вечер усвоить и переварить все то, что Фессор узнал и открыл за пятнадцать лет жизни, каждый час которой был посвящен упорному труду исследователя.

Наконец старик отпустил своих гостей, сказав им на прощание загадочную фразу:

— Сегодня ночью дух леса снизойдет к вам! — И Фессор засмеялся странным, почти безумным смехом.

12. «Дух леса»

Когда они спустились по лестнице и разложили у подножия дерева походные кровати, Джон долго тер себе лоб и сказал, обращаясь к своему спутнику:

— Знаете что, господин Сабатье, я больше не могу! Если мы пробудем здесь еще неделю, я совершенно обалдею от этого старика!

— Вы не правы, Джон. За этот месяц мы узнали столько интересных вещей, сколько не узнать за годы. Фессор поделился с нами только небольшой частью своего опыта. Но и этого было бы достаточно, чтобы поразить весь ученый и промышленный мир. Знаете ли вы, что за самое незначительное открытие Фессора любой фабрикант не пожалел бы миллиона? Некоторые из его открытий похожи на взрывчатые вещества необычайной силы. Они могут перевернуть вверх дном целые области промышленности и создать совершенно новые. Все это так грандиозно, что я не в силах разобраться в этом необычайном богатстве. Подумать только, что оно оставалось неизвестным миру целых пятнадцать лет!

— И останется неизвестным, — отозвался из темноты Джон.

— Этого не должно быть! — серьезно ответил Сабатье. — Мы попытаемся уговорить Фессора уехать вместе с нами. Мы захватим часть его коллекций и его самого.

— Едва ли он согласится на это, — возразил Джон. — Как бы там ни было, нам пора собираться в дорогу. Скоро начнется период дождей.

Они замолчали, погруженные каждый в свои мысли. Сабатье думал о возможной эксплуатации «клада» Фессора, Джон же — о своем магазине.

— Однако пора зажигать костер и ложиться спать, — сказал Джон.

В этот момент легкий скрип дерева привлек их внимание. Они насторожились, но даже тонкий слух охотников не мог сразу определить, откуда исходит звук. Уловить его направление в самом деле было нелегко. Джон первый догадался поднять голову кверху и вскрикнул от удивления.

Можно было подумать, что во тьме тропической ночи к ним спускается звездный кусочек Млечного Пути.

Джон увидел кучу звезд, которые горели спокойным, мягким фосфорическим светом.

— Что за наваждение! — воскликнул Джон. Конечно, тут не могло быть ничего сверхъестественного. Млечный Путь не мог скрипеть легкими перекладами лестницы.

Среди тишины ночи послышался короткий смешок Фессора.

— Лесной дух спускается к вам! — сказал Фессор.

Когда он спустился, Сабатье и Джон не могли не вскрикнуть от удивления. Весь балахон Фессора сиял фосфорическими пятнами.

— Недурной маскарадный костюм! — сказал, улыбаясь, Сабатье.

— Вы угадали, это мой маскарадный костюм, — ответил Фессор. — Помните божью коровку, содержащую синюю жидкость? Эта жидкость фосфоресцирует ночью. Я намазал ею костюм и превратился в созвездие, гуляющее по тропическому лесу.

— Но зачем вам этот маскарад? — спросил Сабатье.

— А вот зачем. Каждое светящееся пятно напоминает своей формой тело какого-нибудь фосфоресцирующего ночного насекомого, и насекомые летят на мой костюм. Светящиеся пятнышки покрыты легким слоем клея. И насекомые садятся на эту приманку. Таким образом, гуляя по лесу, я в то же время ловлю насекомых. Как видите, я весьма упростил свою работу.

И, пожелав гостям спокойной ночи, Фессор удалился, словно блуждающий огонек, то появляющийся, то исчезающий среди кустов.

Когда утром Фессор вернулся, он уже не был похож на кусочек звездного неба. Весь его костюм был сплошь покрыт прилипшими за ночь насекомыми.

— Хороший улов! — весело приветствовал он Сабатье.

— Вы прямо ходячая коллекция, господин Фессор! Не хотите ли чаю?

— Сейчас, только освобожусь от насекомых и приведу в порядок костюм, — ответил Фессор, поднимаясь по лестнице.

Когда Фессор вернулся, Сабатье налил ему кружку чаю и сказал:

— Дорогой Фессор, мы хотим похитить вас. Скоро наступят период дождей, и мы отправимся в путь.

— Желаю успеха.

— А вы?

— Мне и здесь хорошо, — решительно ответил Фессор.

— Неужели вы не испытываете никакого желания вернуться к людям? — спросил Сабатье. — Пятнадцать лет — как будто достаточный срок для научной экспедиции. Вы только подумайте, какую сенсацию произведут ваше возвращение и открытия! Ваше имя станет известным во всем мире.

Сабатье пытался играть на струнке тщеславия, но эта струнка уже не вибрировала в душе Фессора.

— Здесь есть кое-что поинтересней газетной шумихи. — И, подумав, Фессор добавил: — Нет, я не могу оставить леса.

— Но что вас удерживает?

— «Мертвая голова» — та самая бабочка необычайного вида, которую я встретил в лесу пятнадцать лет назад. Я думал о ней дни и ночи, искал ее все эти годы, но не мог найти. До тех пор, пока ее не будет у меня, я не уйду из этого леса.

— Но поймите же, — рассердился Сабатье, — вы сами давно превратились в мертвую голову, упрямый вы человек! Ну какая польза от всех ваших открытий, если о них не знает ни один человек на земле? Что толку от всех ваших коллекций и знаний? Не сегодня завтра вас может съесть ягуар, проглотить удав. Наконец, вы умрете естественной смертью и унесете в могилу все сокровища. Вне общества, без людей ваше существование бесцельно, ему грош цена! Наука для науки — это игра в бирюльки, чепуха, бессмыслица! Вы должны подумать о своем долге перед обществом, без которого вы были бы бессловесным животным!

Сабатье говорил долго, и Фессор, видимо, начал склоняться на его доводы. Наконец старый ученый, опустив голову, сказал:

— Хорошо, я поеду с вами. Но только для того, чтобы вернуться сюда во главе хорошо оборудованной экспедиции и закончить свои работы. Мы, конечно, заберем с собою мои коллекции.

— Ну разумеется, — ответил Сабатье, подумав: «Только бы его вытащить отсюда!»

Дожди стали выпадать все чаще, и маленькое общество начало деятельно готовиться к отъезду.

Однажды Сабатье, бродя у берега вздымавшейся реки, обратил внимание на валявшиеся стволы железного дерева. От них исходил крепкий аромат.

— Такому дереву позавидовала бы любая парфюмерная фабрика! — сказал Сабатье. — Что, если из таких деревьев сделать плот?

Фессор покачал головой.

— Это дерево сыграло уже со мной скверную шутку, — ответил он. — Оно не будет держаться на воде. Плот надо делать из легкого бамбука.

Скоро плот был готов. Он отличался довольно большими размерами. Джон устроил на нем поместительную палатку. Когда начались дожди, все трое переселились в палатку, ожидая момента отплытия. Коллекции еще находились в древесной хижине Фессора. Путники выжидали, пока небо прояснится, чтобы перенести огромное количество насекомых, не испортив их дождем. Фессор очень волновался и ежеминутно поглядывал на небо.

— Кажется, проясняется, — сказал он однажды утром. Дождь перестал, проглянуло солнце. Лес начал оживать.

— Да, надо пользоваться случаем, — ответил Сабатье.

Все поспешили к хижине.

Вдруг Фессор громко вскрикнул и побежал как безумный.

— Мои коллекции! Мой дом! — кричал он.

Сабатье и Джон последовали за ним и увидели, что ветхий домик Фессора разрушен бурями и ливнями последних дней. У подножия деревьев лежала груда трухи вперемешку с высохшими насекомыми.

Фессор в отчаянии бросился на останки своего жилища и начал ворошить мусор руками, крича:

— Мои коллекции! Мой труд! Моя жизнь!

Джон пытался оттащить старика, но он, казалось, помешался.

— Оставьте его, пусть он немного успокоится, — сказал Сабатье, взволнованный искренним горем ученого.

Набежала туча, сразу стало темно. Гремел гром, сверкала молния. Ветер трепал верхушки деревьев и свистел в бамбуковой роще. Дождь вновь полил как из ведра. Но Фессор не замечал ничего. В его настроении наступила реакция. Он сидел неподвижно, как маньяк, устремив взгляд на погибшие сокровища.

Сабатье нахмурился и, тронув ученого за плечо, сказал:

— Вот видите, мы вовремя решили увезти вас отсюда. Но не печальтесь. Вы вернетесь сюда, и тогда...

— Да, да! — Фессор пришел наконец в себя. — Надо начинать сначала! Я вернусь!

— С большой экспедицией, оборудованной наилучшим образом. Но нам надо спешить. Идемте скорей, Фессор!

— Да, да, надо спешить... Работы много. Все — сначала. Скорей же! Идем!

Фессор торопил своих спутников. Он спешил к людям, чтобы скорее вернуться в лес. Этот лес поработил его душу, сделался его стихией, его манией.

Они пришли на реку как раз вовремя. Неожиданно прибывшая вода уже поднимала плот.

Фессор ухватил шест и начал отталкиваться.

— Не делайте этого! — прикрикнул на него Джон. — Вы можете загнать острые концы плота в тину. Вода сама поднимет плот. Имейте терпение!

Фессор покорно положил шест и вновь погрузился в мрачное молчание, устремив взор на мутные воды.

Мимо него, как много лет назад, мчались стволы деревьев, трупы животных, пальмы. Но он, казалось, ничего не замечал. Только один раз его глаза загорелись мыслью.

Путешественники увидели зрелище, которое могло привести в себя даже полупомешанного Фессора...

По реке мимо них тихо плыл остров с десятком пальм и папоротников. Огромные орхидеи спускались к самой воде. В ветвях пальм прыгали и беспокойно кричали обезьяны.

— Плавающий остров! Неужели это не мираж? — воскликнул удивленный Сабатье.

— Наводнение смывает целые группы деревьев, — ответил Фессор таким тоном, как будто читал лекцию в университете. — Случается, что такие острова выплывают в море далеко от берега и долго носятся по волнам; сплетенные корнями деревья долго не распадаются. Многие мореплаватели встречали в океане такие плавающие острова. Здесь нет ничего... — он оборвал на полу-

слове и ушел в свои мысли, внезапно позабыв об острове.

— Вот бы на таком острове совершить плавание! — сказал Сабатье.

— Индейцы проплывают иногда на этих странствующих островах значительные пространства, — ответил Джон. — Помню, в детстве я сам пускался в такие путешествия.

Плот сильно качнулся, и его понесло течением.

— Наконец-то! — ожил Фессор. — Скорей бы, скорей! Столько работы!.. — И он снова замолчал, низко опустив голову.

Джон посмотрел на Фессора, потом на Сабатье и тихо сказал:

— Пожалуй, нам не следовало брать с собой старика. Смотрите, он совсем спятил.

— Ничего, отойдет. Нельзя же было оставить его в лесу!

— Удивительная история! — сказал французский консул в Рио-де-Жанейро, когда Сабатье окончил свой рассказ. Затем консул открыл шкаф, порылся в старых газетах, аккуратно сложенных в стопки, вынул пожелтевший номер и протянул Сабатье. — Вот посмотрите.

Сабатье раскрыл газету. Она была от 12 сентября 1912 года. На третьей странице была помещена заметка о гибели в лесах Бразилии французского ученого Мореля, написанная одним из его спутников по экспедиции. К статье был приложен портрет человека в очках, с гладко выбритым лицом.

— Да, это он, наш Фессор! — сказал Сабатье. — Время сильно изменило его, но глаза те же.

— Глаза человека не знают старости, — ответил консул. — И вы говорите, что он жив и здоров? Приведите его ко мне. Интересно взглянуть на этого нового Робинзона!

Однако привести Мореля к консулу было не так легко. Когда Сабатье вернулся в номер гостиницы, его встретил Джон, сильно расстроенный.

— Опять ушел! — сказал Джон. — Этот Фессор совсем помешался, должно быть, от городского шума. Он бредит, говорит какие-то непонятные латинские слова. Убежал в городской сад, прыгает по траве и ловит бабочек, а сторожа ловят его. Он собрал вокруг себя целую толпу. Я пытался его увести и сам едва ушел: сторожа хотели отвести меня в полицию. Они говорят: «Если это ваш помешанный, то вы должны за ним следить и не выпускать его из дома». Нечего сказать, хорошую сделали мы находку! Я говорил вам, что не надо было увозить его из леса.

— На него повлиял слишком резкий переход от одиночества в лесу к жизни большого города. Ему, вероятно, придется полечиться. Но я надеюсь, что постепенно он придет в нормальное состояние, — сказал Сабатье.

За окном послышался шум, и они услышали голос Мореля-Фессора:

— Зачем вы преследуете меня? Что вам от меня нужно? Не мешайте мне, я ищу «мертвую голову»!

Держи на запад!

Великий Ум был слишком погружен в занятия, чтобы думать о смерти. Но зато об этой приближающейся смерти думали все окружающие, думала страна, думал весь мир. Смерть Великого Ума была бы для человечества ужасной, быть может, невозвратимой потерей. Великий Ум был гордостью человечества и его великой надеждой. Это был гений, сверхгений, к рождению которого подготовлялось несколько поколений. Сменявшиеся ряды ученых-евгенистов тщательно подбирали наследственные черты, гены, искусственным подбором создавали то, что до сих пор было неожиданным даром природы. Это был первоклассный ум, который когда-либо знала человеческая история. За свою долгую жизнь он подарил человечеству столько полезных открытий и изобретений, сколько не было сделано за несколько веков. Но — увы! — и эта чудесная машина мысли подчинена общему закону изнашивания. И вот теперь, когда Великий Ум был занят своим самым важным изобретением, врачи принесли печальную весть: конец приближается, и едва ли Великий Ум успеет окончить это изобретение, которое откроет новую эру в истории человечества.

Не так давно Великий Ум сказал:

— Человечество жаждет долголетия. Я могу разрешить эту задачу, но раньше надо разрешить другую: обеспечить людей энергией и пищей. Люди размножаются слишком быстро, и если они к этому еще будут жить долго, то они начнут испытывать всевозможные затруднения. Поэтому я сначала обеспечу их: открою способ добывания энергии в неограниченном количестве и способ превращения одного вида материи в другой.

И это должно было исполниться, потому что все, о чем говорил Великий Ум, всегда исполнялось. Но он не думал об одном, что смерть может остановить его работу. Врачи, лечившие и исследовавшие его, не должны были отнимать ни одной минуты его работы. Осторожные, невидимые щупальца радиоволн освидетельствовали его пульс, давление крови, силу радиоволн, излучаемых мозгом, и пришли к печальному выводу: уже никакие лекарства, незаметно даваемые с пищей, не могли ему помочь. Все, что можно было сделать для отсрочки конца, также было уже сделано. Наступали последние, неотвратимые сроки.

Великий Ум сидел в звуконепроницаемой комнате в широком халате, склонившись над большим письменным столом, и думал на валик радиограмма. Радиограмм — это прибор, который записывает мыслиеизлучения на стальную проволоку, непрерывно наматываемую на большую катушку. Так, как паук, в тиши тклет свою паутину мысли Великий Ум.

Потом эту паутину «разматывают»: электроволны, намагничивающие проволоку, превращаются в световолны, световолны отпечатываются на особые пластинки и превращаются в звуковолны и в обычные письма. Армия ученых изучает эти записи, производит опыты, изготавливает новые аппараты, словом, работает под руководством Великого Ума.

Великий Ум думает больше формулами, математическими знаками. Длинная нить формул и знаков вдруг сменяется образом — яркой картиной того, что должно получиться в мире реальных вещей, когда формулы будут претворены в жизнь. Он думает напряженно, сосредоточенно, и такая тишина в его

кабинете! Ни единого звука не долетает сюда из внешнего мира. А в соседней комнате, за четырьмя изоляционными стенами, смятенный шепот врачей. Они еще продолжают консультироваться, хотя все уже ясно для каждого: «близок конец». Вот они выходят в большую комнату, залитую искусственным солнечным светом, где ожидают пятьсот ученых — помощников Великого Ума.

Самый молодой и самый умный врач безнадежно разводит руками и говорит:

— Граждане! Надежды нет. Близок час, когда Великий Ум погаснет. Ему осталось жить не более месяца.

Из среды ученых вышел физик в халате, прожженном кислотами, и сказал:

— Но Великий Ум еще не кончил своей работы. И потому он не может, он не должен умереть! Он создан нами и жил для нас. И умереть он может тогда, когда...

— Когда наступит смерть, — перебил врач.

— Когда окончит свое дело, дело своей жизни! А ваше дело — продлить ему жизнь. Я ближе всех стою к Великому Уму. Я знаю весь ход его мышления, но без него я не могу закончить работу. Я знаю только, что два месяца Великому Уму достаточно, чтобы закончить все. И вы, врачи, обязаны найти средство дать ему эту отсрочку, иначе народ не простит вам...

— Средств нет! — безнадежно проговорил врач.

— Я сказал: вы должны найти их!

— Да, вы должны найти это средство! — слышались голоса ученых-физиков. Они были так возбуждены, что начали наступать на врачей, как будто те были виноваты в приближающейся смерти Великого Ума. Врачи невольно пятились назад. Молодой врач поднял руку и воскликнул:

— Слушайте! Я обещаю вам сделать все возможное. Мы будем думать дни и ночи, думайте и вы. Все ученые будут думать, как продлить жизнь Великого Ума. Может быть... в последнюю минуту средство будет найдено.

Так начался великий консилиум врачей и ученых всего мира. Проходили дни и ночи. Солнце всходило и заходило, а ученые, поддерживая себя искусственными средствами, все думали над тем, как отсрочить смерть Великого Ума, и не находили. А роковой конец все приближался.

В начале четвертого дня физик в прожженном кислотами халате сказал по радио, и его услышал весь мир:

— Я нашел средство, как спасти от смерти Великий Ум!

— Как? Как? Как? Как? Как?.. — закаркали радиоголоса. И когда шум стих, голос физика ответил:

— Надо обратиться к самому Великому Уму. Прервать на время его работы, объяснить положение вещей и просить его подумать. Если никому не удалось найти средство продлить жизнь, то сам он, наверное, найдет.

И вот произошло необычайное: покой Великого Ума или, вернее, напряженное течение его мыслей было нарушено, работа прервана, в его тишайшей комнате зазвучали человеческие шаги, слышалось человеческое дыхание. Великий Ум поднял голову от стола и, глядя на вошедшего физика, спросил одними глазами: что ему надо и зачем он нарушил его работу.

— Простите, — ответил физик, — но время не терпит. Врачи сказали, что вам осталось жить не более пяти дней, а я знаю, что работа ваша требует для

окончания по крайней мере еще месяца. Все врачи и все ученые думали над тем, как бы найти средство отсрочить вашу смерть на месяц, но никто не нашел этого средства. Я решил, что только вы один можете найти его. — Физик замолчал. Молчал и Великий Ум. На его лице не отразилось волнения. Оно было только глубоко задумчивым. Потом он начал медленно говорить, как человек, который разучился делать это от долгого молчания.

— Неужели так быстро прошла жизнь?.. — Он еще помолчал немного и продолжал: — Сейчас я вспомнил о всех своих работах и подсчитал время, необходимое на их осуществление. Да, на это могла уйти вся жизнь. Сто сорок пять лет, ведь такой мой возраст? Это почти норма человеческой жизни. Обычно у нас теперь живут сто пятьдесят, не так ли? Но я жил слишком напряженной жизнью и состарился преждевременно. — Великий Ум улыбнулся. И еще раз подумав, сказал: — Вы правы. Мне необходимо отложить мою работу и подумать над средством продлить мою жизнь. Я должен окончить дело прежде, чем умереть. Дайте мне материалы по медицине, по статистике рождаемости, смертности, заболеваемости, материалы по биологии, физике, химии, танатологии. Если этого будет недостаточно, я скажу, что мне еще прислать.

Физик откланялся и вышел. Скоро к комнате, смежной с кабинетом Великого Ума, подкатили огромные катушки двухметрового диаметра. На этих катушках были намотаны тончайшие проволоки с магнитными радиозаписями. Это были своеобразные «книги», хранившие в самом концентрированном виде, как стенографическая запись, всю мудрость веков. Последние научные данные подавались в виде сжатых конспектов и сразу могли ввести в круг знаний человека, мозг которого был подготовлен для таких восприятий.

Великий Ум надел на голову металлический колпак с шишечкой наверху. В этой шишечке была скважина, сквозь которую проходила тонкая проволока, отведенная от одного из барабанов. Затем эта проволока была выведена в другую комнату, где она наматывалась на другой барабан. Загудел мотор, и тончайшая проволока с необычайной быстротой начала перематываться с одного барабана на другой, проходя сквозь скважину на металлическом колпаке, надетом на голову Великого Ума. Великий Ум воспринимал электроколебания, которые в его мозгу превращались в мысли, и таким образом изучал новые для него области знания. В продолжение часа сменилось несколько катушек с диаметром в два метра. Десятки тысяч километров проволоки проскользнули над головой Великого Ума, а в каждом сантиметре этой проволоки заключалось несколько мыслей. И все эти мысли, текущие с огромной быстротой, усваивались мозгом Великого Ума, и усваивались критически. Великий Ум вбирал в себя знания, как мощная турбина, и перерабатывал их в токи высокого напряжения собственных новых мыслей и знаний. Физики, его помощники, не успевали подкатывать все новые и новые барабаны. Медицина, медицинская статистика, биология, танатология были поглощены.

— Довольно, — сказал Великий Ум и задумался. В его мозгу происходил процесс величайшего напряжения. Из колоссального количества разносторонних знаний должен был выплавиться какой-то новый сплав, какая-то истина, какое-то великое знание. Все напряженно ожидали. Великий Ум сам себе должен был вынести приговор: смерть или помилование, по крайней мере, отсрочка. И наконец он сказал: — Да, врачи правы! Медицина бессильна про-

длить мою жизнь!

Услышав эти слова, средние умы были горестно поражены; большие умы ждали продолжения, ибо Великий Ум сказал, что бессильна помочь медицина, но не сказал, что нет больше никакой надежды. И большие умы не ошиблись. Великий Ум продолжал после паузы говорить в микрофон:

— Медицина бессильна. И потому я начал искать спасения в других областях знаний... и нашел!

Все вздохнули с облегчением.

— Врачи! — продолжал Великий Ум, повышая голос, как если бы он говорил в большой аудитории. — Обратили ли вы внимание на такие цифры медицинской статистики: летчики наших восточных воздухоплавательных линий умирают раньше, чем летчики западных линий. Почему это так? Ответьте!

— Мы не знаем, — отвечал главный врач.

— Быть может, потому, — послышался голос молодого врача, — что у летчиков, которые всегда летят на восток, совершая непрерывно кругосветное путешествие, левая сторона тела, где находится сердце, все время пребывает в тени и потому недостаточно питается ультрафиолетовыми лучами. Летчики же западной кругосветной линии всегда имеют солнце по левую сторону. Утром оно обогрывает их спину, в полдень — левый бок, на закате — голову. И только правый бок находится в тени.

— Это верно только для приполярных линий. На экваторе же разница только в том, что на восточных линиях солнце освещает сначала лицо, потом тень, а потом спину летчика, на западных же — наоборот, — возразил главный врач.

— Вы оба не правы, — ответил Великий Ум. — И вам, как лицам, поставленным охранять народное здоровье, надо было обратить на это внимание давно и не допускать одного человека все время летать вокруг земного шара на восток, а другого на запад. Одного и того же летчика надо было каждый раз посылать с обратным рейсом, иначе говоря, заставлять летать туда и обратно, а не все время в одну сторону. Почему? Очень просто. Время, как все на свете, — понятие относительное. Вам должно быть известно, что человек,двигающийся на запад вместе с солнцем, выигрывает один день в году, тогда как путешественник, идущий на восток, один день проигрывает. Если авиатор во время своей жизни сделает триста шестьдесят пять кругосветных путешествий все время на запад, то он выигрывает в продолжение своей жизни целый год и умирает он на год моложе того, что ему будет значиться по календарному исчислению. И наоборот, человек, совершивший триста шестьдесят пять путешествий на восток, будет на год старше. Вот почему авиаторы нашей восточной линии умирают скорее, чем их товарищи на западной. Теперь вы понимаете, как продлить мою жизнь?

— Держи на запад! Все на запад! — воскликнул физик. Ура!..

.....Да, — ответил Великий Ум. — Детали вы сможете разработать без меня. За пять дней, остающихся до моей смерти, я думаю, вы успеете приготовить все для того, чтобы мне в буквальном смысле слова убежать от смерти. Принимайтесь за дело! Я нашел средство отсрочить смерть.

И Великий Ум опять погрузился в вычисления. Еще далеко не все поняли, в чем заключается спасительное средство, открытое Великим Умом для продол-

жения жизни, а физик уже работал над осуществлением плана. И он говорил своим молодым помощникам:

— И как это нам самим не пришла в голову такая простая вещь? Мне вспоминается прошедший Новый год, который я встречал на Гринвичской обсерватории. Ровно в двенадцать часов ночи по гринвичскому времени я поздравил с Новым годом по радио моего друга, японского физика. Он, конечно, ответил мне, что я опоздал на несколько часов поздравить его, что у них в Японии Новый год наступил уже десять часов тому назад. Тогда я обратился с тем же поздравлением к моему второму другу, живущему на западном берегу Канады. Мой друг ответил мне в ту же минуту, что я слишком рано поздравляю его с Новым годом, так как у них еще только час дня тридцать первого декабря старого года. Теперь представьте себе, что я со скоростью радиолуча перелетел бы к своим друзьям. Если бы я полетел в Японию, то ясно, что я потерял бы десять часов жизни в новом году, так как там было бы уже десять часов утра нового года, в то время как из Гринвича я вылетел ровно в полночь. Наоборот, летя на запад и делая остановки у моих многочисленных друзей, я мог бы много раз встречать Новый год вплоть до западного берега. Таким образом, летя на запад, я все время выигрывал бы во времени, а следовательно, и в продолжительности жизни.

Для Великого Ума была приготовлена большая ракета, на которой он должен был лететь на запад до тех пор, пока не окончит своего труда. Инженеры и физики немало поработали в эти дни. Для того чтобы не отнимать ни одной минуты у Великого Ума, он был перенесен на ракету вместе со своим кабинетом, который выдвигался из дома, как ящик стола. В ракете имелось все необходимое для научных занятий. Несколько человек отправлялось вместе с Великим Умом для его обслуживания.

Все совершилось с такой точностью, что Великий Ум даже не почувствовал, как ракета поднялась на воздух и полетела на запад.

— Держи на запад! — крикнул на прощание физик, махая шляпой. — Теперь он окончит свой труд — труд всей его жизни. Управление ракетой находится в надежных руках. Вокруг экватора около сорока тысяч километров. Если лететь со скоростью тысяча шестьсот шестьдесят шесть и шесть десятых километра в час, то есть с той же скоростью, с какой Земля летит в воздушном пространстве, то ракета облетит вокруг Земли в сутки. Солнце будет неизменно, неподвижно стоять над их головой, так как они вылетели ровно в полдень. Иначе говоря, время как бы остановится для них. Они будут переживать один сплошной, непрекращающийся полдень.

— Да ведь это значит бессмертие?! — спросил молодой инженер.

— Вроде того. Стой, Солнце, пока я не окончу работу.

Мир повеселел. Великий Ум даст людям неограниченные запасы силы, энергии и пищи. Потом Великий Ум найдет средство продлить жизнь людей. Впрочем, это средство уже найдено. Найден ключ времени, которое больше не властно над людьми. Человечество переселится на ракеты, которые будут все время держать курс на запад. И люди будут бессмертны! Однако почему ракета не отвечает на радиозапросы? Или испортилась ее радиостанция?.. Прошло уже несколько часов с тех пор, как Великий Ум оставил Землю и даже пределы земной атмосферы и летел где-то на огромной высоте, а радист на ракете еще бездействовал. Почему? Это начинало беспокоить жителей Земли. Они

отправляли на ракету сигнал за сигналом, но ракета продолжала безмолвствовать. При помощи особых аппаратов удалось только установить, что ракета летит со скоростью 1666,6 километра в час.

— Придется послать на разведку другую ракету, — сказал физик. И через час ракета уже была отправлена. Она сообщала о своем полете по радио. Все шло благополучно. Но как только скорость ракеты достигла цифры 1666,6 километра в час, радиосообщения и с этой ракеты прекратились. — Совершенно непонятно! — сказал физик. — Неужели и на этой ракете стряслось что-нибудь?

— Может быть, человек не в состоянии перенести такой скорости? — спросил врач. Физик пожал плечами.

— Да разве люди не переносят все время такой скорости? Ведь это же обычная скорость полета нашей Земли вокруг Солнца!

— Да, но это, так сказать, нормальный полет, а на ракете искусственный, притом в противоположном направлении.

— Это не меняет дела!

На помощь первым двум была послана третья ракета, но и ее постигла та же участь. Она замолчала, как только достигла скорости вращения Земли. На Земле настало уныние. Уже почти никто не сомневался в том, что Великий Ум погиб. Правда, ученые утешали человечество тем, что в их «питомниках» подрастает еще несколько великих умов и что скоро в великих умах вообще не будет надобности, так как один исключительный мозг вполне возможно будет заменить коллективной планомерной работой больших и средних умов. Другие же ученые уверяли, что благодаря успехам евгеники все умы будут одинаково великими. Средние и низшие умы исчезнут, как несовершенные формы вымерших животных. Но эти прекрасные перспективы утешали далеко не всех.

Технический совет, не рискуя больше отправлять новые ракеты, решил задержать полет молчавших ракет с Земли. Для этого вблизи путей пролета были установлены на определенной высоте неподвижные ракеты, снабженные огромными электромагнитами. Эти магниты тормозили полет ракет, когда те пролетали мимо. После двух или трех кругов полет ракет был значительно заторможен, и в тот же момент на ракеты были отправлены радиосигналы, на которые получился ответ: «В чем дело?» Значит, на ракетах были живы. Но почему же никто не отвечал?

— Сейчас к вам прибудет физик!

Физик перебрался в особом костюме со своей ракеты на ракету, в которой находился Великий Ум, и спросил радиста, почему тот не отвечал. Радист очень удивился этому вопросу.

— Да ведь мы только что вылетели! Я не успел положить щку на ключ радиотелеграфа, как вы спросили меня, почему Я не отвечаю.

— Вы ошибаетесь, мой друг, — возразил физик. — Вы уже много раз облетели вокруг Земли. Прошло несколько дней.

— Этого не может быть! — убежденно ответил радист. — Вот, смотрите. Я не успел еще выкурить папиросу, которую закурил в момент отлета!

Физик решил, что радист сошел с ума. Однако и пилот, и другие члены экипажа утверждали, что не прошло нескольких минут, как они вылетели. Тогда физик подошел к аппарату, который регистрировал мыслительный процесс

Великого Ума, и посмотрел записи. Увы! Запись стояла на том месте, на котором она была, когда ракета покидала Землю. Очевидно, Великий Ум все это время не мыслил, в его работе произошла какая-то непонятная остановка. И только с тех пор, как ракета задержала свой полет, появилась новая запись, служащая продолжением мыслей, начатых на Земле.

Физик потер себе лоб и задумался. Конечно, если спросить Великий Ум, то он сейчас же найдет причину. Но его нельзя беспокоить. Приходится прийти к выводу, что как только скорость ракеты достигла скорости движения Земли, то время на ракете стало. И получилось не удлинение жизни, а как бы ее остановка. В таком состоянии Великий Ум и все обитатели ракеты могли бы существовать тысячи лет, не живя и не умирая. Очевидно, они не сознавали, что время для них стало. Они помнили только предшествующий момент и момент после того, как скорость полета уменьшилась. А время полета со скоростью 1666,6 километра в час выпало из их сознания. Они, вероятно, в это время напоминали персонажи из сказки о «Спящей царевне»: все они находились в оцепенении, сохраняя ту позу, которую приняли перед «предельной» скоростью полета. Это еще хорошо. Значит, время, во всяком случае, не потеряно. Надо пустить ракету с меньшей скоростью, и все будет в порядке.

Физик отдал распоряжение и опустился на Землю. С ним вместе опустились на Землю и две ракеты, посланные на помощь ракете Великого Ума. На этих двух ракетах время также стояло, пока они летели со скоростью Земли.

— Физик следил за полетом ракеты Великого Ума. Теперь ракета летела со скоростью восьмисот километров. По мнению физика, этой скорости было достаточно, чтобы удвоить время для всех живущих на ракете.

Однако несчастный случай спутал расчеты. По ошибке радиста, принявшего радиотелеграмму с Земли, пилот вдруг ускорил полет ракеты до невероятной быстроты, во много раз превышающей скорость полета Земли, и в то же время связь с ракетой была прервана. Приходилось опять останавливать ее, чтобы посмотреть, что там произошло. Но скорость полета была так велика, что даже мощные электромагниты не могли сразу уменьшить ее. Прошло немало дней, прежде чем скорость полета уменьшилась. И еще много дней, пока ракета не достигла скорости в шестьсот километров в час. Физик посылал радиозпросы, но ответа не было. Неужели невероятная скорость убила всех и ракета движется только по инерции? Еще раз физик совершил перелет на ракету Великого Ума. С большим трудом ему удалось войти в ракету. И странное, жуткое зрелище представилось его глазам. Он вошел, прежде всего, в кабину пилота и не нашел его. Вместо пилота на полу лежал посиневший трупик младенца, завернутого в костюм пилота. Несколько таких трупики было обнаружено в рубке, где помещалась команда.

А там, где находился Великий Ум, на письменном столе лежал младенец, еще живой. Он держал во рту конец резиновой трубки, соединенной с баллоном молока, и сосал. Физик понял, что случилось. Пилот развил такую скорость, что опередил земное время, и все жизненные процессы на ракете пошли в обратном порядке... Все обитатели ракеты стали молодеть, обращаться в детство.

Великий Ум остался Великим Умом. Он, видимо, понял первый, что происходит с ними. Неизвестно, почему он не сигнализировал об опасности. Впрочем, если бы он и сделал это, то помочь все равно нельзя было раньше. Физик

сделал все возможное, чтобы задержать полет ракеты. Но прежде чем это случилось, экипаж ракеты превратился в младенцев. Грудные, беспомощные младенцы умерли без пищи. И только Великий Ум, видя, какой оборот принимают дела, постарался насколько возможно продлить свою жизнь. Пока он был еще мальчиком, он успел приготовить все нужное, чтобы хоть на несколько дней обеспечить жизнь грудного младенца, каким он должен был скоро сделаться. Быть может, он еще успел высчитать, за какое время ракета может остановиться и когда придет помощь. И он не ошибся: помощь пришла вовремя.

Великий Ум был жив. Остается только подождать, пока он подрастет и когда он кончит свою работу.

Физик взял проволоку и начал расшифровывать последние записи мысли Великого Ума. Мыслительный процесс шел задом наперед. Великий Ум передумывал все, о чем думал раньше. Но вместе с тем на проволоке имелись как бы вторичные слабые записи. Очевидно, Великий Ум, побеждая самое время, старался думать и о настоящем, постичь свое положение и принять меры к спасению. Это было удивительнее всего!

Физик потер себе лоб и воскликнул:

— Надо захватить этого младенца и скорее на Землю, иначе на этой ракете я сам начну думать наизнанку!

Инстинкт предков

I. Сумасшедший

Последние посетители давно оставили территорию Московского зоопарка. Ворота закрылись, лучи солнца погасли на куполе соседней церкви, летняя ночь покрыла синим пологом вольеры и дорожки парка, погасила блеск прудов, перекрасила зелень деревьев в черный цвет. И звезды, как глаза любопытных волчат, засверкали на небе — им хотелось узнать, что делается в зоопарке, когда он пустеет от посетителей, назойливо сверлящих тысячами любопытных глаз обитателей сада. И глаза небесных волчат видели более любопытные вещи, чем видят глаза людей. Когда уходят посетители, звери вздыхают свободнее, как актеры, исполнив надоевшую им роль. Театр опустел, зрители разошлись, и можно, наконец, быть собою, помечтать о своем, личном, далеком, невозвратимом. Мрак расширяет тесные пределы тюрьмы, и если прищурить глаза, то можно представить себе, что находишься в беспредельной африканской пустыне, в джунглях Индии, в ледяных просторах Арктики — кому что нравится. Лев выше поднимает свою могучую голову, шевелит ушами, как кошка, почуявшая мышь, расширяет ноздри, втягивая свежий ночной воздух, потрясает гривой и вдруг выпускает короткий, отрывистый, глухой звук, похожий на рев крупного, породистого быка. Еще один короткий звук — лев как будто прочищает горло. Потом он наклоняет морду к земле и ревет по-настоящему тем могучим, протяжным ревом, который арабы называют «раад», что значит «гром гремит». От этих звуков дрожит земля и волнами отражает «гремящий гром», который как будто исходит из самых недр земли. На несколько километров вокруг этот «гром» вспугивает зверей — и лев выходит на охоту. Сонная львица просыпается от своей дневной дремоты, зевает, потягивается и легкой походкой приближается к своему царственному пленнику — супругу. Где-то откликнулись шакалы — ведь им остаются крохи от

пира властелина пустыни. Белохвостый орлан закричал пронзительно: «ай, ай, ай», как несмазанная трамвайная ось. Скрежещущий звук разорвал воздух и разбудил уток на малом пруду, они испуганно закричали, скрываясь в осоках. Скоро весь парк наполнился звуками. Это становилось уже настолько интересным, что из-за камней ограды совиным глазом выглянула луна. И при ее свете туша слоники Джандау, ночевавшей по случаю теплой погоды на открытом воздухе, казалась вылитой из древней, позеленевшей бронзы, только что откопанной из земли. Слониха вытянула хобот, повертела им из стороны в сторону и недовольно фыркнула. Уши ее беспокойно зашевелились. А бурый медведь, сидевший у воды своего звериного острова на задних ляжках, зачерпнул воду правой лапой, поднес к морде и вдруг насторожился, не успев обсосать ее. Нет, решительно сегодня, в эту лунную, теплую ночь, в парке творилось что-то необычайное. И чуткое ухо сторожа уловило в оттенках звериных и птичьих криков какие-то тревожные нотки, как будто что-то неведомое и волнующее зверей приносил легкий ветерок, наполненный запахом цветов. Но что? Ни человеческое ухо, ни зрение, ни обоняние не улавливали этого. Быть может, зверей томила лунная ночь?

Сторож медленно шел по дорожке сада мимо здания буфета. Вдруг он остановился и повернул голову. Он услышат фыркание оленя, стук копыт... Огромный марал вырвался из своего загона и, прыгая через клумбы и изгороди, мчался по направлению к большому пруду. А следом за ним, не отставая ни на шаг, бежал какой-то коренастый человек в спортивных трусиках. Олень мчался стрелою по берегу пруда, человек преследовал его, время от времени ударяя кулаком по крупу. Сторож был так удивлен, что несколько минут стоял неподвижно, не сводя глаз с фигур оленя и человека, то приближавшихся к нему, то удалявшихся. Человек, видимо, приходил все в большее возбуждение. Он начал издавать хриплые звуки, еще более пугая оленя, который пробежал уже один круг. Человек опередил оленя и старался преградить ему дорогу. Олень, не уменьшая бега, опустил рога, готовый поднять на них человека. Но человек как будто ждал этого. Он схватил оленя за рога и круто повернул шею. Олень упал со всего разбега и забил ногами. Человек издал торжествующий крик. Между ним и оленем началась борьба. Человек, не выпуская рогов, стягивал оленя к воде. Ноги оленя уже бились в пруду, поднимая сверкавшие при лунном свете брызги. Неизвестно, чем могла закончиться эта необычайная борьба, но сторож уже пришел в себя. Он неистово засвистал и бросился к человеку. Пронзительный свисток разнесся по всему саду, взбудоражил и без того взволнованных зверей и птиц. Кричали обезьяны, испуганно гоготали гуси, выли волки, лаяли лисы, гортанно перекликались попугаи. Со всех концов парка сбегались сторожа. Даже звери на новой территории волновались. Бурый медведь влез, как на вышку, на дерево, ствол которого был обтянут железными листами, ухватился за сук и, раскачиваясь, пытался узнать о причине шума. Его косматые товарищи поднялись на задние лапы и смотрели на него с интересом, как бы ожидая, что он сообщит им. Но он ничего не видел, хотя и старался придать себе глубокомысленный вид. Зато лебеди на острове большого пруда были счастливее: они видели все. Их длинные шеи от испуга и любопытства вытянулись еще длиннее. И если бы они могли рассказать медведю, он узнал бы, чем окончился весь переполох.

Увлеченный борьбою человек увидел сторожей, когда они были от него

всего в нескольких шагах. Он неохотно оставил свою жертву, быстро поднялся, перепрыгнул с ловкостью горной козы через расставленные руки сторожа и побежал к стене, далеко оставляя за собой погоню. Однако навстречу ему бежали два сторожа с другой стороны. Человек в трусиках не растерялся. Он, по видимому, обладал в огромной степени тем, что впоследствии научный сотрудник зоопарка назвал «ориентировочным рефлексом». В одну минуту человек учел положение, измерил расстояние между собой, преследователями и стеной, метнулся в сторону, влез на ветлу, уперся голой пяткой в ствол дерева, сильно оттолкнулся и, сделав огромный прыжок, перемахнул на стену. Оттуда он соскользнул на улицу с ловкостью ящерицы. Изумленные сторожа стояли неподвижно добрую минуту и вдруг сразу заговорили.

Их голоса смешались с голосами зверей и птиц встревоженного парка. Неизвестно, каков был приговор зверей. Но люди единогласно решили:

— Это был сумасшедший!

Взмыленный олень, тяжело поведивший боками, стряхивал пену со рта и смотрел на людей своими большими глазами-сливами так, что даже неграмотные могли прочесть этот взгляд: с приговором людей олень был совершенно согласен.

Таково же было мнение и администрации. Да, только сумасшедший мог проделать такую штуку. Но этот «охотник за оленями» — опасный сумасшедший, тем более что он, видимо, человек ловкий, сильный и находчивый.

В парке охрана была усилена. Несколько ночей прошло спокойно. Сторожа и звери начали успокаиваться от вторжения сумасшедшего. Но когда луна была уже на ущербе и напоминала не глаз, а только коготь совы, сумасшедший вновь напомнил о себе и вызвал еще больший переполох.

II. «Победитель львов»

Остров зверей на новой территории зоопарка был погружен в сон. Отгремел львиный рев, лев поиграл в охоту и растянулся на каменном ложе возле львицы. Мирно спали бурые медведи. Не слышно было и трубных звуков слонихи Джандау. Она лежала на боку и чутко дремала. Только мелкое зверье, ночные хищники, возбужденно сновали в вольерах на старой территории и перекликались разными голосами. Перевалило за полночь. На востоке едва заметно намечался рассвет. Ночь протекала спокойно. Уставший сторож, медленно волоча ноги, подошел к скамье и уселся против львиного сектора острова зверей. У сторожа начали слипаться глаза. Тихо подкрадывалась дремота... Однако слух сторожа продолжал улавливать знакомые звуки. Сторож научился у зверей дремать чутко. Тихое, короткое рычание льва раздалось в тишине ночи. И в этом рычании слышались какие-то беспокойные нотки.

«Быть может, над львами слишком низко пролетела птица», — подумал сторож сквозь сон, но на всякий случай приоткрыл один глаз.

То, что он увидел, показалось ему сном. По бетонному козырьку над площадкой львов осторожно полз человек. Как он забрался туда? Что ему надо?.. Сторож открыл оба глаза и при слабом свете месяца увидел, что на человеке были одни трусики.

«Он! Сумасшедший!» — подумал сторож.

Человек подполз к самому краю козырька и, держась на руках, спустил переднюю часть туловища, внимательно рассматривая львов. Это было так необычно, что сторож замер в молчаливом наблюдении, ожидая, что будет

дальше. Крикнуть?.. Но человек так низко висел над площадкой, что неожиданный окрик может испугать его и человек, чего доброго, слетит вниз и будет растерзан львами... А безумный, как будто играя с опасностью, выдвинулся еще дальше. Было совершенно непонятно, как он мог держаться в такой позе. Большая часть тела висела в воздухе, а руки лежали вдоль тела, одними пальцами опираясь на край козырька. Сторожем овладело волнение. Сон прошел. Надо было действовать, но

страх за человека сковал все члены сторожа. И он неподвижно сидел на своей скамье, полуприкрытый ветвями дерева.

Человек начал глухо ворчать, и лев ответил сердитым ответным рычаньем. Все это было так жутко, что нервы сторожа не выдержали. Он неожиданно для себя вдруг поднялся и крикнул:

— Эй ты! Что там делаешь? Слезай оттуда!

Этот неожиданный окрик как будто разбудил сумасшедшего. Случилось то, чего боялся сторож: по всему телу сумасшедшего прошла мелкая дрожь, руки его ослабели, и вдруг его тело, метнувшись в воздухе, полетело вниз. У сторожа перехватило дыхание. Он бросился к каменному барьеру. Тело сумасшедшего сделало в воздухе полукруг, повернулось на ноги, как тело кошки, и сторож увидал человека уже стоящим на ногах посередине площадки. Лев и львица находились у левой стены. Неожиданное падение напугало их. Звери вскочили на ноги и смотрели испуганными глазами на неожиданного нарушителя их покоя. А человек стоял неподвижно. Только голова его была втянута в плечи, как будто он сам готовился к прыжку на льва. Лев тоже пригнул голову, сердито зарычал и начал бить себя хвостом по бедрам. Страх уступал место гневу и кровожадности. За львом стояла львица, присев на ноги, как кошка, готовая к прыжку на мышшь. Эта картина навеки запечатлелась в мозгу сторожа. Еще мгновение, и лев бросится на человека... Но лев как будто раздумывал, а человек стоял по-прежнему, как окаменелый. Однако каждый мускул и каждый нерв человека был напряжен, а глаза зорко следили за зверем. Лев еще ниже опустил голову, широко открыл пасть, прорычал так громко, что задрожала земля, и несколько раз поднял вертикально свой хвост. Это было высшим проявлением гнева и сигналом к действию. Лев решительным шагом двинулся к человеку. Львица продолжала стоять в той же позе, как бы наблюдая, чем окончится поединок, — готовая в каждую минуту прийти на помощь своему супругу. Лев уже был в двух шагах, а человек все еще стоял неподвижно.

«Конец!» — подумал сторож.

Но в это самое мгновение случилось нечто неожиданное. Все произошло так быстро, что сторож скорее понял умом, чем воспринял глазами, что произошло. Человек в неизмеримо малую долю секунды вдруг выбросил свою правую руку и нанес кулаком жестокий удар в нос льва. От боли и неожиданности лев как-то крякнул, низко опустил голову к земле и осел всем туловищем. Львица, очевидно, не могла перенести этого оскорбления, нанесенного ее царственному супругу. Ее стальные мышцы распрямились. И вытянутое тело львицы уже несло по воздуху по направлению к человеку. Но человек замечал все. Прежде чем лапы львицы с выпущенными огромными когтями коснулись его тела, человек сделал огромный прыжок, и львица грохнулась на каменистую почву. В ту же секунду ее тело собралось в клубок, переверну-

лось на месте и опять вытянулось в гигантском прыжке. Но как будто невидимая сила перебрасывала тело человека. Он прыгал по площадке, как теннисный мяч, все время увертываясь от ужасных когтей. Лев в это время уже оправился от удара и, раскрыв пасть, ринулся к человеку, ноги которого едва прикоснулись к земле. Но этого было для человека достаточно, чтобы сделать новый прыжок. Человек перепрыгнул через тело льва и, наклонившись, проскользнул под летящей над ним львицей. Однако он занял неудобное положение, у самого края водоема, а лев и львица стояли на возвышенном месте справа и слева от него. И, понимая без слов друг друга, звери направились к человеку.

«Конец!» — еще раз подумал сторож.

Но и это был еще не конец. Когда звери были уже возле него, человек неожиданно бросился в воду бассейна, нырнул, выплыл и начал дразнить зверей гримасами и криками. Разозленный лев ревел и царапал когтями камни. Львица горящими глазами смотрела на человека, облизывалась и била себя хвостом по тугим бедрам.

Только теперь, когда человек был в относительной безопасности, сторож пришел в себя и бросился за шестом, чтобы помочь человеку выбраться из воды.

Когда старик вернулся с шестом к львиному острову, картина вновь изменилась. Человека в воде уже не было. Львица стояла у воды, низко склонив голову, и терла морду о плечо. Из носа у нее шла кровь. А лев с остервенением рычал и царапался у входа в свою пещеру, проделанного в стене. Он напоминал собаку, которую мальчик дразнит палкой. Лев бросался к пещере и вдруг отступал с рычаньем. У входа в пещеру сидел человек. Он держал в руке осколок бетонного козырька, отвалившийся при его падении, и храбро защищался, нанося льву короткие, меткие удары. Морда льва была окровавлена, но и человеку, видимо, досталось. На его правой руке была содрана кожа.

Сбежавшиеся сторожа горячо обсуждали положение. Скоро к ним присоединились несколько наспех одетых сотрудников и заведующий зоопарком. Человека можно было спасти, открыв внутренний проход пещеры, но надо было предупредить возможность выхода льва вслед за человеком. Решено было спустить сверху деревянный щит, чтобы закрыть вход в пещеру. Эта работа заняла более часа, и когда щит наконец был опущен, утренняя заря уже разгоралась ярким пламенем. Теперь человек был изолирован от льва и сам находился в ловушке. Оставалось только арестовать опасного сумасшедшего. Для этого был вызван целый отряд милиции. Начальник отделения приехал на мотоциклетке. Он распорядился расставить на всякий случай милиционеров вдоль всей стены новой территории зоопарка.

— Выходи! — крикнул милиционер, открывая внутренний проход в пещеру. Сумасшедший не заставил себя ждать. Он вышел и покорно отдался в руки милиционеров. Два дюжих милиционера схватили его за руки и вывели с каменного острова на дорожку сада. Три других милиционера оцепили группу. Сзади стояли сторожа и сотрудники зоопарка.

Все с интересом разглядывали безумца, побывавшего в львином логове и оставшегося живым.

— Как ваша фамилия? — спросил начальник милиции.

Сумасшедший ничего не ответил и, улыбаясь, обвел глазами собравшуюся

толпу. Это был еще молодой человек, лет двадцати пяти, коренастого сложения, с бритым, несколько скуластым лицом и тупым носом. Осмотрев толпу как будто небрежным, но на самом деле очень внимательным взором, человек в спортивных трусиках вдруг как-то обвис всем телом, как будто он впал в обморок. Милиционеры, державшие его, невольно ослабили руки. И вдруг сумасшедший сделал неожиданный рывок вниз, а вслед за тем — чудовищный прыжок. Десяток рук протянулись к нему, но его тело, как выпущенная из тугο натянутого лука стрела, распласталось в воздухе, пронеслось над толпой, коснулось земли, еще раз подпрыгнуло — и человек уже мчался к забору. Это было так неожиданно, что толпа не успела прийти в себя, как голое тело уже мелькало вдали. Милиционеры и сторожа бросились вслед и еще раз остановились и ахнули, увидав, как неизвестный сделал второй гигантский прыжок. Он легче тура перескочил, не прикасаясь даже руками, через высокий забор, почти в три человеческих роста. Но там беглеца ждало разочарование. На Садовой-Кудринской улице, куда он прыгнул, стоял мотоцикл с милиционером. Правда, милиционер не успел схватить свалившегося с неба — как ему показалось — человека, но он тотчас пустил мотор и помчался вслед за убегающим человеком.

Однако это оказалось нелегкой задачей.

Когда милиционер повернул свой мотоцикл на Никитскую, беглец уже приближался к Никитским воротам. Это было невероятно. Милиционер не верил своим глазам. Сумасшедший бежал с такой быстротой, что его ног не было видно, как спиц мотоцикла на полном ходу. Милиционер развил предельную скорость, и все же расстояние между ним и беглецом видимо увеличивалось. И так мог бежать человек, только что перенесший борьбу со львами, борьбу на жизнь и смерть!

Машина все же выносливее человека, даже если он «черт, сорвавшийся с цепи». На улице Герцена милиционер, мчавшийся на мотоцикле, с радостью начал замечать, что расстояние между ним и сумасшедшим уменьшается. Беглец, видимо, начал выдыхаться. На углу Моховой расстояние между беглецом и преследователем сократилось всего до десятка метров. Милиционер уже предвкушал победу машины над этими неукротимыми мышцами. Однако и сумасшедший, очевидно, хорошо знал преимущества машины и вовремя сумел воспользоваться ими. На его счастье, с Моховой вдруг показался крытый автомобиль, ехавший по направлению к Охотному Ряду с большой скоростью. Это, вероятно, какая-нибудь веселая компания «проветривалась» после бессонной ночи. Сумасшедший еще раз удивил милиционера, сделав невозможное даже для трюкового американского киноартиста: собрав остаток своих сил, сумасшедший погнался за бешено мчавшимся автомобилем и, сделав прыжок, оказался наверху автомобиля, стоя на ногах. Так он успел проехать до Охотного Ряда прежде, чем перепугавшиеся пассажиры, услышавшие падение тела, не приказали шоферу затормозить машину. Но пары минут, проведенных на крыше автомобиля, было достаточно, чтобы беглецу отдохнуть. Когда он заметил, что автомобиль замедляет ход, он ловко соскочил и вновь побежал с такою скоростью, что дворник, вышедший мести улицу, окаменел с метлой в руках, видя «человека без ног», как ветер промчавшегося мимо него.

Милиционер на мотоцикле успел крикнуть шоферу автомобиля о том, что он гонится за опасным сумасшедшим, и просил помочь ему. Шофер пустил

машину на полную скорость. Теперь за беглецом гнались мотоцикл и автомобиль. Подъем Театрального проезда была взят беглецом с такою легкостью, как будто он бежал вниз, а не вверх. Человек, автомобиль и мотоцикл промчались мимо Политехнического музея и свернули на Маросейку. У Покровских ворот стоявший на посту милиционер, видя погоню, крикнул человеку:

— Стой, стрелять буду! — Но человек продолжал бежать.

Милиционер, больше для острастки, выстрелил вслед убежавшему. Однако пуля, видимо, задела ногу: беглец споткнулся, несколько уменьшил бег и свернул в Барашевский переулок. На двух крутых поворотах переулка автомобилю и мотоциклу пришлось задержать ход, и беглец успел передохнуть.

У высокого пятиэтажного дома на углу Барашевского и Лялина переулка беглец вдруг остановился и прошмыгнул в подъезд. Следом за ним подъехал автомобиль, а затем появился и мотоцикл милиционера.

След из капель крови вел на пятый этаж. Милиционер, задыхаясь от быстрого подъема, поднялся наверх и начал стучать у двери.

Скоро дверь приоткрылась и оттуда выглянуло заспанное, взлохмаченное, бородатое лицо.

— У вас живет молодой человек, бритый?.. — спросил милиционер.

— Живет. Антипов. Его комната направо. Другого молодого человека нет. Антипов бритый. Да вот его дверь открыта...

Милиционер бросился в открытую дверь и вошел в комнату. Пуста!.. Дверь на балкон раскрыта настежь.

Милиционер вышел на балкон и увидел внизу автомобиль, милиционера, дворника и несколько случайных прохожих. Все они размахивали руками и о чем-то горячо говорили.

— Эй! Что там у вас? — крикнул милиционер с балкона.

— Бежал сумасшедший! — ответил ему дворник. — С балконов...

Но милиционер уже не слушал и бросился вниз по лестнице, прыгая через четыре ступеньки.

Когда он сбежал вниз, все начали наперебой рассказывать ему о взволновавшем их происшествии. Очевидцем был дворник (он же ночной сторож), ему и дано было слово после того, как общий гам утих.

— Я сидел на углу, около кооператива, — говорил дворник, — покуривал, и вдруг вижу: на балкон пятого этажа выскочил человек в одних трусах, спустился вниз и повис на решетке. Покончить с собой, значит, человек хочет! А он — не тут-то было! Раскачался немного, да и прыг на балкон четвертого этажа! Опять повис на руках и опять прыгнул, и так с этажа на этаж, как белка. Я и дым изо рта не успел выпустить, а он уже соскочил с последнего балкона. Эва, какая высота!

Розыску удалось установить, что сумасшедший, оказавшийся служащим почтамта Антиповым, в то утро прибежал на Курский вокзал, вбежал на платформу, сбив с ног билетера, догнал скорый поезд, вспрыгнул на буфер и укатил.

Дальнейшие следы его были потеряны.

III. Что произошло в доме отдыха

Статья «Вечерней Москвы» под интригующим заглавием «Сумасшедший в зоопарке» и подзаголовком «Победитель львов» наделала шуму и сделала Антипова героем дня. Вскоре после появления этой статьи в «Вечерней

Москве» появилось письмо в редакцию одного из сослуживцев Антипова, сообщавшего о «сумасшедшем» новые интересные данные.

Текущим летом Антипов находился вместе с автором письма в подмосковном доме отдыха, в бывшем помещицьем имении.

Здоровый, коренастый, но очень неловкий и неуклюжий, Антипов нередко служил мишенью для острот своих товарищей по дому отдыха. Он, видимо, никогда не занимался физкультурой и не любил спорта. Однажды, проходя по доскам, не огороженным перилами, в купальню, Антипов остушился, упал в воду и начал тонуть, отчаянно призывая на помощь. Его вытащили и прочитали ему соответствующее поучение о пользе спорта вообще и необходимости изучить плавание в частности.

Антипов безнадежно махнул рукой и с тех пор перестал купаться, больше того: он стал бояться воды и всегда обходил пруд, не решаясь приблизиться даже к берегу. Несколько дней спустя после того, как его спасли из воды, и произошел случай, удививший всех. Была теплая, летняя ночь. Полная луна стояла над старым домом. Большинство отдыхающих уже покоилось мирным сном. Только несколько любителей «лунных ванн» сидели на скамье у пруда и мирно беседовали.

— Тю! Смотри... что это? — сказал один из них, показывая рукой на крышу дома. Там виднелась фигура человека.

— Антипов!

Да, это был он. Луна ярко освещала его коренастую, характерную фигуру. Но он делал вещи, не свойственные ему. Антипов смело и быстро продвигался по самому краю крыши, подошел к высокой башне и с обезьяньей ловкостью начал взбираться по отвесной стене, цепляясь кончиками пальцев за неровности и выбоины. Он взобрался на крышу башни, затем полез на высокий шпиг. Крепко сжав шпиг ногами, он протянул руки вверх, к луне, и начал раскачиваться в такой позе. Потом, не придерживаясь руками, соскользнул вниз по шпицу, подбежал к краю крыши и вдруг прыгнул в пруд с пятидесятиметровой высоты.

Свидетели этого необычайного прыжка сидели несколько секунд неподвижно, а придя в себя, бросились спасать самоубийцу. Но его тело не всплывало на поверхность. На месте падения расходились только широкие круги. Несколько человек начали нырять в поисках тела, как вдруг один из свидетелей этого происшествия увидел, что Антипов вынырнул на другом берегу, проплыв под водой не менее трехсот метров. Несколько человек побежали к нему по берегу, но Антипов вновь нырнул и, прежде чем они сделали несколько шагов, уже вынырнул около башни.

Все громко заговорили и, схватив Антипова за руки, вытащили на берег. Антипов смотрел на них широко открытыми, но невидящими глазами и молчал. Потом он вздрогнул, как будто пришел в себя, и, окидывая всех уже более осмысленным, но удивленным взглядом, спросил:

— Что это? Где я?.. — Испуганно посмотрев на воду, он вдруг побежал в дом и скрылся в своей комнате. Отдыхающие и недоумении посмотрели друг на друга.

— Лунатик! — догадался кто-то.

— Не иначе, — согласились другие.

Отпуск Антипова кончился, и через несколько дней он уехал в Москву. Од-

нако вернулся на службу он не таким, каким был до поездки в дом отдыха. Товарищи стали замечать, что Антипов то впадал в крайнюю рассеянность, то уходил в себя и глубоко сосредоточивался. Кроме того, у него, вероятно, боле-ли уши: они были крепко забиты ватой.

«Ненормальность его уже тогда бросалась в глаза, но никто из товарищей не предполагал, что она примет такие опасные формы» — так заканчивалось письмо в редакцию сослуживца Антипова.

IV. ВОСКРЕСШИЕ ИНСТИНКТЫ

Антипову везло. О нем появилось еще одно письмо в газете — врача дома отдыха Соболева. Письмо это раскрыло наконец тайну «безумия» Антипова.

«Я принужден признаться, — писал Соболев, — что на мне лежит вина за все злоключения т. Антипова. Он, если так можно выразиться, пал жертвой моей научной любознательности. Дело в том, что я давно работаю над вопро-сами изучения лунатизма. А Антипов был весьма подходящий для моих опы-тов субъект, так как лунатизм проявлялся у него очень резко. Лунатизм — ма-лоизученная болезнь. По мнению И. И. Мечникова, к каковому мнению и я присоединяюсь, в состоянии лунатизма вскрываются те следы врожденных способностей (инстинктов), которые переданы нам по наследству от дочелове-ческой ступени развития и которые сохраняются в скрытом виде в мозгу. Эти дремлющие инстинкты всплывают наружу потому, что работа более поздних по развитию механизмов мозга (деятельность сознания) заторможена и вме-сто нее мерцает взбудораженная подсознательная деятельность мозга. Проснувшись, лунатик большею частью совершенно не помнит того, что со-вершил в состоянии лунатизма.

Таким образом, наш мозг как бы представляет слои геологических «пла-стов». Древнейшие «пласты» скрыты более новыми «напластованиями», но продолжают существовать.

В лунатизме меня интересовало два вопроса: 1) какое действие оказывает на лунатиков луна и 2) нельзя ли «воскресить» угасшие в современном чело-веке первобытные инстинкты, проявляемые при лунатизме, и «активизиро-вать» их в бодрственном состоянии человека.

Профессор А. Сухов, на основании работ проф. Фаусека, Бехтерева и Лазаре-ва, полагает, что разгадку здесь надо искать в воздействии движения Луны на электрические явления в воздухе. По этому пути я и вел свои опыты. Я предло-жил т. Антипову подвергнуть его действию различных электрических токов, стараясь таким путем «возбудить» угасшие инстинкты. Я не скрывал от Анти-пова, что при благоприятном исходе опыта он будет обладать остротой чувств и навыками первобытного человека, и Антипов согласился на опыт. Разумеет-ся, на полную реставрацию этих первобытных инстинктов надеяться нельзя было, так как за сотни тысяч лет произошли большие изменения в организме человека: например, барабанная перепонка современного человека, очевид-но, не обладает уже той тонкостью звуковосприятия, тем физиологическим строением, каким обладала она у первобытного человека. Но все же Антипов мог получить невероятно обостренные чувства. Мой опыт удался: Антипов мог слышать, например, тиканье карманных часов, помещенных через ком-нату, узнавал запахи людей не хуже собак-ищеек и тому подобное. К сожален-ию, я не мог продолжать своих наблюдений, так как срок отпуска Антипова окончился и он уехал в Москву. Я никак не ожидал, что пробужденные ин-

стинкты заставят Антипова совершать такие безумные поступки, какие имели место в зоопарке. Так или иначе, Антипов не безумец и не сумасшедший. Я готов принять ответственность за последствия совершенного мною опыта, но Антипова эта ответственность не должна коснуться. Полагаю, что огромное значение для науки проделанного мною опыта явится смягчающим обстоятельством при суждении о моих действиях. Врач Соболев».

V. Толстовка или звериная шкура?

В то время как газеты, ученый мир и рядовые граждане волновались и спорили, обсуждая опыт доктора Соболева, Антипов бродил по лесам в окрестностях Москвы, прячась от людей. Он вел первобытный образ жизни, подстерегал и ловил руками птиц и рыб, спал на дереве. Однако, на его несчастье, он уже не был первобытным человеком и толстовку от Москвошвея охотно предпочел бы звериной шкуре. Он был вполне современный человек, но с изоциренными, как у первобытного человека, чувствами и инстинктами. Ему хотелось в кино, он тосковал, вспоминая своих товарищей. Притом и физически он не был закален, как первобытный человек. Он умел теперь лучше управлять своим телом, но все же его мускулы были не так развиты, как у первобытного человека. Вот почему он начал уставать во время погони. Он насиловал свое гело, свои мышцы. Нет, он не был первобытным человеком. С отвращением ел он сырую дичь, мечтая о моссельпромовской столовке. А ночами он дрожал от холода. Тоска одолевала его, когда, сидя на суку и слушая уже поосеннему завывавший ветер, он думал о манящих огнях города, уличном движении и теплой комнате на пятом этаже своего дома.

И Антипов не выдержал.

Однажды ночью он отравился в путь. Руководствуясь инстинктом, он, как почтовый голубь, направлялся по прямой линии к дому отдыха. Утром он постучал в комнату врача.

Соболев очень удивился и обрадовался этому неожиданному появлению.

— Я не могу так, — без предисловия начал Антипов, обращаясь к умывавшемуся врачу. — Я теперь ни дикарь, ни совслужащий. На войне или в экспедиции мои новые свойства, может быть, и были бы полезны, но в городе с ними беда. Уличный шум прямо оглушал меня — я теперь понимаю, почему дикари, услышав в первый раз ружейные выстрелы, падают на землю. Это не от страха, а потому, что их уши слышат, может быть, в сто раз сильнее, чем наши. Я шатался, когда по Покровке с треском, шумом и звоном шел трамвай. На службе я с ума сходил от трескотни пишущих машинок и арифмометров. А придешь домой — все слышно, что говорят и внизу, и с боков. Я весь дом слышал! Это прямо сводило меня с ума.

Я живу на пятом, а в первом этаже под полом мышь скребет, и я слышу. Муха по стене ползет, и это слышу. Выйдешь вечером или ночью на двор и слышишь, как режут звери в зоопарке, на другом конце Москвы. Этот звериный рев манил меня. И страшно, а тянет... Мне казалось, что, только убив зверей, я смогу спокойно спать и не слышать их рева. Этот рев всю ночь преследовал меня! И запахи. Я узнал запахи всех знакомых. Едешь на трамвае, потянешь носом: Петров ехал, на бульваре Григорьевым пахнет, там Булкина прошла... голова все время этим занята... Вот только плавать, пожалуй, я не отказался бы так, как теперь умею. Это пригодится. Не ровен час, упадешь в воду. Да и на спортивных состязаниях хорошо бы победить, чтобы товарищи не

смеялись. А уши и нос уж пусть будут как у всех. Не по городу такие уши...

* * *

Необычайная история Антипова приходит к концу. Доктор Соболев удовлетворил просьбу Антипова и вернул ему нормальные чувства, оставив только способность необычайно и ловко плавать. Антипов решил воспользоваться этой способностью и выступил на водных соревнованиях. Он плыл, как дельфин, далеко оставив позади себя своих соперников. Но недалеко от финиша он вдруг ощутил необычайную слабость и начал тонуть. Его извлекли из воды. Врач, присутствовавший на состязаниях, нашел у него растяжение мышц и сухожилий.

— Придется вам расстаться с вашими «лунатическими» дарами и заняться нормальной тренировкой, — сказал врач. — Этот путь более медленный, но верный!

Мертвая зона

— Я предпочел бы слушать вой шакалов и гиен, чем это душураздирающее пение, — сказал Ден Хэрвуд и плюнул в сторону, откуда доносились звуки.

— В этом пении есть своя красота, — ответил Доменико Маручелли, маленький итальянец, шагавший рядом с длинным Деном. Они шли вдоль компаунда Вессельской алмазной копи.

Компаунд — любопытная особенность южноафриканских алмазных копей, расположенных вокруг города Кимберлея. Компаунд — это загон, созданный компанией для рабочих-туземцев. Представьте себе огромную площадь, огороженную очень высокой стеной из проволочной сетки. В этом загоне под открытым небом выстроены дома для рабочих, там же находится больница и даже школа. Съестные припасы отпускаются из находящихся в этом же загоне складов компании. Подземный ход ведет от компаунда прямо в копи. Все входы строго охраняются, и никто не может ни войти, ни выйти из компаунда. В этом загоне помещается более двух с половиной тысяч туземцев, представителей самых различных племен ближних и дальних местностей Африки. Компаунд — нечто вроде «этнопарка». Но «экспонаты» этого необычайного парка добровольно пришли в свою клетку, чтобы заработать деньги на покупку коровы и жены. А так как жена стоит две коровы, то в общем нужно заработать на три коровы.

В этот вечер разноголосый гам покрывался звуками заунывной хоровой песни. Единоплеменники оплакивали своего погибшего собрата. Произошел обвал в шахтах — довольно обычное явление.

Музыкальный Маручелли, сам завзятый певец, находил в погребальном пении туземцев своеобразную красоту.

Проволочная сетка компаунда окончилась. Маручелли и Хэрвуд шли по серой известняковой почве — это была «лава» грязевых вулканов. Налево виднелись развороченные пласты земли, кучи желтой и голубой глины, над которыми работали солнце, дождь и ветер, дробильни и мельницы, машины для просеивания и промывания. А направо тянулась гладкая поверхность, поросшая сухими травами и колючим кустарником. Солнце заходило. Разноголосый гомон компаунда затихал вдали. Только все еще слышалось похоронное пение.

— Этого никто не будет оплакивать! — подумал Ден, поглядывая на своего маленького спутника. — И зачем только такие на свет родятся?..

Когда замолкли последние звуки «песни мертвых», Доменико Маручелли запел сам, сначала тихо, а потом все громче, свою любимую песенку:

*Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился.
Бывали дни — я голодал,
Но песни громко распевал.
Я пел на суше и на море,
Я пел от радости и с горя,
Я сидя, стоя, лежа пел.
Года прошли, я поседел,
Но я пою не умолкая.
Не замолчу и умирая.
Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою!*

Еще я громче запою-ю! — закончил Маручелли высокой нотой и, обратившись к Хэрвуду, спросил: — Фонарь не забыл?

— Ты уж второй раз спрашиваешь об этом, — грубо ответил Хэрвуд. — Я ничего не забываю!

Солнце зашло. Сгущались сумерки. Ночь обещала быть очень темной и довольно холодной. Уже сейчас чувствовалось, как холодеют щеки и руки. Почва медленно поднималась на северо-восток.

Скоро стало совсем темно.

— Может быть, ты зажжешь фонарик? — спросил Доменико.

— Дойдем и так. Я и с закрытыми глазами дорогу найду.

Путники некоторое время шли молча. Доменико никак не удавалось завязать разговора со своим молчаливым спутником. И итальянец вновь запел свою песню:

Я пел, когда на свет родился...

— Довольно тебе выть! — прикрикнул на него Хэрвуд.

— Мы ушли далеко, нас никто не услышит.

— У компании длинные уши и длинные руки! — ответил Ден.

Итальянец замолчал. Но, пройдя несколько шагов, потихоньку запел вновь:

Когда ж умру, то песнь мою еще я громче запою!..

— Стой! — крикнул Хэрвуд. Он вышел вперед, засветил электрический фонарь и, как бы освещая местность, поднес фонарь к глазам итальянца. Доменико сощурился, а Ден погасил фонарь.

— Так, — сказал Ден. — Все в порядке. Иди, иди! — И он пропустил Доменико вперед.

— Но я ничего не вижу!

— И не надо. Дорога гладкая, как стол.

Никакой дороги не было. Слепленный светом итальянец шел впереди, закрыв глаза.

*Года прошли, я поседел.
Но я пою не умолкая.*

Не замолчу и умирая... А-а-а!..

Душераздирающий крик разорвал тишину ночи. Мгновение молчания — и, наконец, где-то глубоко внизу глухой стук упавшего тела.

— Замолчал небось? — тихо сказал Ден и, повернувшись вправо, зажег фонарь. Пройдя несколько шагов, Ден оказался у края отвесной скалы. Он прошел вдоль края пропасти, дошел до отлогого спуска и начал осторожно, но быстро спускаться вниз, освещая путь фонарем. Пропасть была очень глубокая, и Дену пришлось довольно долго спускаться. Наконец он достиг глубины ущелья и скоро нашел труп Маручелли, совершенно изуродованный. От головы Доменико ничего не осталось. Но Ден и не интересовался головой. Он повернул труп навзничь и начал обыскивать.

За пазухой он нашел мешочек, привязанный к шее. Так как головы не было, то Дену не оставалось никакого труда снять с мертвеца мешочек.

— Я не ошибся... Все в порядке. Мешочек при нем! — Ден положил холщовый мешочек в свой карман, посмотрел еще несколько секунд на труп, как бы соображая, что с ним делать, и, махнув рукой, отошел. — Моя совесть чиста, я не пролил человеческой крови, — сказал Ден. — Бедный Маручелли оступился и сам упал в пропасть. — И Дену вспомнилась песенка итальянца:

*Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою.*

Молчишь небось? — с улыбкой спросил Ден черноту ночи. Но ночь молчала. Она видала на своем вековечном веку столько подобных драм человеческой алчности, что они должны были бы казаться ей естественным поведением человека. И в самом деле, это было самое шаблонное преступление. Дальнейшая судьба таких преступлений отличается друг от друга только тем, был ли преступник наказан или нет. И о преступлении Дена не стоило бы и рассказывать, если бы последующие события, происшедшие с ним, не представляли некоторого любопытного отступления от шаблона. Но для того, чтобы читателю было понятно дальнейшее, надо вернуться несколько назад.

* * *

Доменико Маручелли, Ден Хэрвуд и Ари Вервэр были радистами, но различной квалификации. Ари Вервэр, местный уроженец, происходивший от первых поселенцев-голландцев, был радиоинженером. Он заведывал мощной радиостанцией в Капштадте — в городе, основанном его предками-голландцами в 1652 году. Родиотехником Ден Хэрвуд служил на той же станции, а Доменико Маручелли был приглашен в качестве чернорабочего и носильщика маленькой экспедиции, организованной Вервэром.

Дело в том, что в районе Кимберлея была так называемая мертвая зона, но с очень своеобразными особенностями. Радиоволны благополучно проходили пространство от Капштадта до Кимберлея, а потом вдруг как будто проваливались сквозь землю. На протяжении нескольких миль к северу радиопередача совершенно не была слышна, а дальше — в Фрибурге и Мокопоне — слышимость была нормальная. Самое же непонятное было то, что в мертвой зоне временами радиопередачу можно было принимать и слышимость была отличная. Бывало и так, что радиопередача как будто на полуслове обрывалась. Несколько секунд длилось молчание, а потом слышалось продолжение, хотя на передающей радиостанции никаких перерывов в передаче не было.

Ари Вервэр решил выяснить все эти особенности мертвой зоны и отправился изучать ее на месте со своим помощником Хэрвудом и носильщиком Маручелли. У Вервэра была небольшая переносная передающая станция, у Хэрвуда и Маручелли — приемные. Работа заключалась в том, что Вервэр в точно установленное время начинал передачу, а Хэрвуд — в другом месте прием, причем он вел записи слышимости. Так как Вервэр довольно часто перемещался со своею передающей радиостанцией, то Доменико Маручелли приходилось больше бывать с Вервэром.

Все шло хорошо. Вервэр сделал много интересных наблюдений, и в его голове уже носились смелые гипотезы о причинах «шалостей эфира». Работа близилась к концу, когда «черт попутал» помощников Вервэра.

Маленькой экспедиции приходилось бродить в самом центре алмазного района, то среди кипящих жизнью копей, то среди заброшенных угрюмых гигантских «кротовых нор» — старых копей, то, наконец, по пыльной, серой, нетронутой целине. Вервэр и Хэрвуд были старожилы, а для итальянца все здесь было ново. Он с интересом приглядывался к заброшенным копиям, изучая места, где хранились миллионы лет драгоценные алмазы, ожидая счастливого случая, который извлечет их из мрака на поверхность земли.

Под небольшим покровом известняка лежал слой мягкой желтой глины, под желтой глиной виднелся пласт более твердой голубой глины. Вот в этих пластах желтой и голубой глины и находят алмазы. Обычно голубая и желтая глины заключены в более твердую породу — базальт, черную глину, кварц. В этих породах находят круглые куски глины, а в них, как орех в скорлупе, лежат в середине алмазы различной величины.

Вот если бы найти один только алмаз величиною с грецкий орех, думал Маручелли. Богатство лежит здесь, под ногами, а он, Маручелли, как вьючное животное, принужден таскать багаж... Для этого есть туземцы! Было бы глупо не попытаться счастья! И Маручелли начал копать в старых копиях, отдавая этому все свободное от работы время. И ему неожиданно повезло.

Он не без труда раздробил кусок голубой глины величиною с кулак и нашел в этой скорлупе «орешек», правда, не грецкий, но все же хороший орешек. Маручелли показал свой алмаз Хэрвуду, который оценил его в двести долларов по местным ценам. В Европе же можно продать в пять раз дороже, а отшлифованный — и в десять раз.

Маручелли был счастлив. Двести долларов за несколько часов работы! А в Европе — тысяча, если же отшлифовать, то две тысячи долларов! А Вервэр платит всего тринадцать долларов в неделю.

Маручелли готов был немедленно бросить службу и заняться поисками алмазов. Однако, посоветовавшись с Хэрвудом, Доменико отказался от этой мысли. Все земли вокруг принадлежали компании, зорко следившей за тем, чтобы никакой частный старатель не появлялся в ее владениях. Многочисленные сторожа с собаками охраняли эти владения, и нарушители карались очень строго. Только благодаря участию в научной экспедиции Маручелли смог бродить в этой запретной зоне. И ему ничего больше не оставалось, как продолжать работать у Вервэра, а поискам алмазов отдавать свободное время.

Удача Маручелли сильно повлияла на воображение Хэрвуда. Если какой-то несчастный итальянишка смог найти хороший алмаз, то почему бы ему, Дену Хэрвуду из Дублина, не найти алмаз вдвое больше? И однажды вечером, еще

не окончив вечерний радиоприем и наскоро записав в журнале: «сегодня ни черта не слышно», Ден Хэрвуд отправился на поиски алмазов.

Мертвая зона начала вести себя так, что все великолепные гипотезы Вервэра лопнули, как мыльные пузыри. Если бы он знал, что проделывал Хэрвуд! Для контроля Ден обязан был записывать все, что слышал. Но так как он каждый день предпочитал уходить все ранее, то уже в пять часов вечера он записывал в свой журнал: «7 час. 15 мин. Абсолютно ничего не слышно. Ни звука». И отправлялся на свой промысел. Но ему не везло.

«Может быть, у итальянца нюх лучше», — подумал Хэрвуд и решил идти вместе с Маручелли. Доменико, веселый и общительный, очень обрадовался компаньону.

— Я покажу тебе замечательное местечко, — сказал Маручелли. А когда они пришли на место и спустились в заброшенный старый рудник, Доменико предложил: — Хочешь работать наполовину? Вдвоем работать легче, а что найдем, пополам.

«Как бы не так, — подумал Хэрвуд. — Зачем я буду делиться?» — И ответил:

— Нет, уж лучше каждый сам за себя. Меньше споров будет!

— Как хочешь, — ответил покладистый итальянец и начал копать в пластах глины.

Нет, этому черту решительно везло! Не прошло и часа, как он уже катал на своей грязной ладони синий комоч величиною с грецкий орех.

— Ого, кажется, я сегодня нашел, что искал! — весело крикнул Доменико. — Смотри, Ден!

Хэрвуд взял с ладони Доменико зеленое ядрышко и начал оттирать глину. Алмаз! Чудесный алмаз, которому цены нет! На такой алмаз можно прожить всю жизнь богачом. И эта драгоценность достанется Маручелли, даже на половину Ден не имеет права... Раскаяние, зависть и жадность душили Дена. Зачем он не согласился работать на половинных началах?

— Да, недурная штучка, — небрежно сказал он, бросая алмаз на запачканную глиной ладонь Маручелли.

— Сколько дадут? — спросил Доменико.

— Трудно судить, — уклонился от ответа Хэрвуд. «Сто, может быть, двести тысяч долларов, — подумал он про себя. — Везет же этому итальянцу!»

Маручелли действительно везло.

Найти алмаз на старых, заброшенных коях, где все перерыто и пересеяно, — большая удача. Найти такой крупный бриллиант — исключительное счастье.

Хэрвуд готов был убить Маручелли на месте, но он вдолбил себе в голову, что сам найдет алмаз не хуже, чем у Маручелли. И теперь Хэрвуд с чисто англосаксонским упрямством принялся рыть глину.

А Доменико Маручелли, бросив короткую лопатку, которую можно было прятать в широкие шаровары, уселся на бутре и запел свою песенку:

*Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился...*

— Кричи, кричи, пока сторож не придет и не заберет тебя вместе с алмазом! — ворчливо сказал Хэрвуд.

— И то правда. Я иду в лагерь. Идешь?

— Я еще не вырыл своего алмаза, — ответил Хэрвуд.

Хэрвуду так и не удалось найти алмаза. Доменико Маручелли проявил удивительный характер и не ходил больше в копи искать алмазы.

— С меня довольно, — говорил он. — Подожду немного, получу деньги за работу от мистера Вервэра — и домой. —

И Маручелли начал мечтать о том, что он будет делать, когда станет богатым. За пазухой Маручелли лежали «в сложенном виде» и дом, и усадьба, и коровы, и ослы, и почет односельчан. Все это заключалось в алмазе. Доменико был весел и пел, пел не переставая. Он действительно «сидя, стоя, лежа пел».

А Ден угрюмо молчал. Он как-то весь почернел и осунулся. Он не мог решить: что ему сделать с итальянцем? Предать, донести компании? Дену выдадут за донос каких-нибудь десять процентов, как выдают туземцам за найденный алмаз «для поощрения честности», выгодной компании. Десять процентов. Это составило бы немаленькую сумму. Но кто будет оценивать алмаз? Оценщик компании? И, конечно, оценит безбожно мало. Для оценщика честность не добродетель, а порок, потому что она невыгодна компании. Что же делать? Ясно что. И в тот самый вечер, когда в компаунде туземцы пели душевраздирающую песнь мертвецов, Хэрвуд предложил Маручелли пойти с ним на новое местечко, попытать счастье в последний раз.

— Ты счастливый, и твое присутствие принесет мне удачу, — сказал он. Маручелли пошел и больше не вернулся, а алмазы, большой и малый, перешли с разбитой груди итальянца на крепкую грудь Дена Хэрвуда. — Все в порядке!

Хэрвуд вернулся в лагерь под утро и крепко уснул. На другой день он проснулся свежим и бодрым. Нащупав мешочек на груди, Ден улыбнулся и даже что-то запел себе под нос.

Теперь у него на груди были тоже «в сложенном виде» пульмановские спальные вагоны, роскошные каюты океанских пароходов, номера первоклассных отелей, игорные дома, автомобили... О, Ден сумеет извлечь из алмаза более шикарные вещи, чем корову и дом.

Ден счастлив. Хэрвуд был добр. Он потешит сегодня Вервэра и аккуратно будет слушать радиопередачу во все установленные часы. В восемь, двенадцать, четыре, восемь. И Ден аккуратно принимал утром, и в полдень, и в четыре часа и записывал в своей книжке слова, цифры, фразы, передаваемые Вервэром.

Мертвая зона была в разговорчивом настроении. Еще один восьмичасовой прием, и Ден свободен. Можно будет помечтать на досуге. В последний раз он примет радиопередачу, а завтра... завтра он будет уже далеко отсюда!

В семь пятьдесят пять вечера Ден уже сидел за приемным аппаратом с наушниками на голове, разложив перед собой книгу и вооружившись карандашом.

Ровно в восемь часов вечера зазвучал голос Вервэра:

— Алло! Алло! Говорит Кимберлей. Раз, два, три, четыре, пять...

Радиопередача шла, как всегда. Вервэр называл цифры, имена собственные, иногда говорил целые фразы. Ден записывал и на полях делал отметки о слышимости.

Но вдруг карандаш заплясал в пальцах Дена и покатился на пол, со стола на пол. Рука Дена судорожно сжалась. Ден откинулся назад, как будто сильнейший припадок удушья внезапно охватил его. Лицо его выражало ужас.

Как будто в телефоне он услышал что-то необычайно страшное. А между тем ничего страшного не было. Колебания телефонной мембраны превращались в звуки, звуки — в веселую песенку:

*Я пел, когда на свет родился,
Я песни пел, когда женился.
Бывали дни, я голодал,
Но песни громко распевал...*

Не могло быть никакого сомнения: это пел Доменико Маручелли свою любимую песенку. Ден, точно громом пораженный, прослушал ее до конца.

*Когда ж умру, то песнь мою
Еще я громче запою!*

Закончил Маручелли, как всегда, высокой нотой.

Радиопередача неожиданно прекратилась. Ден несколько секунд сидел неподвижно, с широко открытыми глазами, потом вдруг сорвал с головы наушники, бросил их в угол, поднялся из-за стола и начал в волнении ходить по комнате.

Доменико Маручелли жив и невредим! Он находится в Кимберлее, у Вервэра. Значит, он не падал со скалы и не разбивался!.. Но разве Хэрвуд не видал собственными глазами и не ощупывал собственными руками труп Маручелли? Наконец, разве на шее Дена не висит мешочек с алмазами итальянца? Правда, труп Доменико был без головы. Допустим, что это был труп не Доменико, а кого-то другого, погибшего на этом месте. Но алмазы! Такого двойного совпадения быть не могло. Маручелли разбился, это факт. И тем не менее он поет как ни в чем не бывало.

Ден остановился и потер себе ладонью лоб.

— Галлюцинация... Я слишком много думал об этом проклятом итальянце. А его песня прожужжала мне уши... Надо пойти в Кимберлей и там выяснить все... А вдруг... вдруг я там встречу с живым Маручелли? Нет, это не годится... До трупа Маручелли ближе, чем до Кимберлея...

Взяв электрический фонарик, Ден вышел из дому и быстро зашагал по тому пути, по которому он шел с обреченным на смерть Маручелли. Со стороны компаунда неслись веселые песни...

Как ни спешил Хэрвуд, на место он пришел уже затемно и ему пришлось зажечь фонарь, чтобы разыскать труп итальянца.

На старом месте трупа не было. Ден почувствовал, как у него шевелятся корни волос. Неужели труп «ожил» и сбежал? Этого не может быть... Ден продолжал поиски и наконец нашел жалкие остатки трупа, обглоданного какими-то ночными хищниками. Ими же труп, очевидно, был перетащен в другое место. Ден посмотрел на то небольшое, что осталось от итальянца. Теперь уже решительно нельзя было узнать, кому принадлежит труп. Ден начал осматривать выше лежащие скалы, освещая их своим фонарем, и наконец нашел в узкой расщелине голову Маручелли. Если бы Ден нашел алмаз величиной с эту голову, то он, наверно, обрадовался бы не больше. Хэрвуд долго осматривал мертвую голову.

— Будем рассуждать логично, — громко говорил он, опасаясь за свой разум. — Маручелли мертв. Я только что убедился в этом еще раз. Маручелли поет по радио. Двух Маручелли быть не может. Следовательно... я с ума со-

шел. Мне почудился голос Маручелли... Просто нервы развинтились. Завтра, наверно, никакого пения Маручелли я не услышу.

Ден вернулся к себе и лег спать. Но он почти не спал до утра. Необъяснимая загадка мучила его. Он не мог уехать, не разрешив ее.

Утром с волнением уселся он за радиоприем. Но все было как обычно. Вервэр считал, отчетливо произносил имена, говорил фразы. Пения не было.

Что-то будет вечером? — с волнением думал Ден. И его волнения были не напрасны. Как и вчера, радиопередача закончилась пением. Маручелли пел свою песенку: «Я пел, когда на свет родился».

Ден готов был завывать, как зверь. Эта песня мертвеца сводила его с ума.

— Надо пойти в Кимберлей и выяснить все, — в десятый раз говорил он, но не шел, боясь встретить там живого Маручелли.

Пение Маручелли в несколько дней сделало из Дена действительно ненормального человека. Он начал заговариваться. Глаза его ввалились и лихорадочно блестели, волосы растрепаны, костюм в беспорядке.

На пятый день Хэрвуд явился к начальнику полиции и сказал ему:

— Мистер! Я не верю ни в черта, ни в бога, ни в бессмертную душу.

— Я полагаю, мистер, что это должно больше интересовать местного священника, чем меня, — ответил начальник полиции.

— Алло, слушайте, слушайте! — продолжал Хэрвуд. — Я не верю. Но он верил.

— Кто он?

— Итальянец, которого я убил.

Начальник полиции насторожился.

— Не совсем убил, но все же виновен в его смерти. Видите ли, я не верю во всю эту чертовщину, а он верил. Он говорил мне, что если труп человека останется непогребенным, то душа мертвеца ходит по свету и пугает добрых людей. Так вот, Маручелли верил этой чепухе, и потому он поет после смерти и своим пением довел меня до сумасшествия. Он еще при жизни пел:

*Когда умру, то песнь мою
Еще я громче запою.*

Но я не понимал, что это угроза... А он действительно поет. Вы знали Маручелли? Слыхали его пение?

Начальник полиции кивнул головой. Он уже терял интерес к показаниям Хэрвуда, считая его невменяемым.

— Что же вы хотите? — спросил начальник Дена.

— Я загубил человека и должен понести наказание. А Маручелли надо похоронить, и пусть поп отпоет на его могиле панихиду. Маручелли верил во всю эту чепуху, и тогда он перестанет мучить меня своим пением.

По отрывочным разговорам начальник полиции наконец восстановил всю картину преступления. По-видимому, Ден Хэрвуд в самом деле убил итальянца и после этого сошел с ума.

— Когда же вы слышите пение Маручелли?

— В радиоприемник. Можете послушать сами.

Но начальник полиции сначала захотел освидетельствовать место преступления. Слова Хэрвуда подтвердились. Обглоданный скелет и сохранившаяся голова Маручелли с проломленным теменем были найдены.

— Ну, теперь послушаем пение мертвеца, — с иронией сказал начальник полиции.

Но ирония его сменилась величайшим изумлением, когда он действительно услышал по радио пение Маручелли. Эта песенка была знакома всем.

— Действительно... занятно, — сказал начальник полиции.

— Едем ко мне! — предложил он, быстро поднимаясь от радиоприемника и снимая наушники.

В автомобиле начальника Хэрвуд приехал в полицию. Начальник кивнул полисмену, и тот занял место у двери.

— Садитесь! Я сейчас поговорю с Вервэром по телефону.

Начальник начал говорить, а Ден стоял и с величайшим напряжением слушал реплики начальника, желая понять по ним смысл разговора.

И вдруг начальник громко и раскатисто расхохотался. Этот смех почему-то очень не понравился Дену.

Начальник положил трубку телефона и, повернувшись к Дену, сказал:

— Так вот что говорит мистер Вервэр!..

Ден впился в начальника глазами, а начальник сделал паузу и начал закуривать сигару.

— Он... пх... пх... говорит... пх... что... я не знаю, верно ли передам его слова. Вервэр хотел по возможности уточнить проверку слышимости. Он говорил, что сила и четкость слышимости может зависеть не только от технических качеств передачи и приема и прочих внешних условий, но и от диктора или певца. Сегодня человек, выступающий перед микрофоном, находится в повышенно жизнерадостном настроении. Голос его ясен и звучен. А завтра ему может нездоровиться. Голос станет тусклым, слабым. Словом, так сказать, объект передачи — звук — не представляет величины постоянной. Поэтому для более точного определения качества слышимости...

Ден не выдержал. Он рванулся к начальнику и сказал:

— Скажите же вы мне, наконец: существует Маручелли или нет и кто поет у Вервэра? Мне совершенно не интересно знать, каким путем Вервэр хочет улучшить учет качества радиопередач...

— Наоборот, это должно очень интересовать вас, так как в этом и заключается весь секрет... Так вот, чтобы исходный пункт радиопередач — звуки, передаваемые в микрофон, сделал величиной постоянной, Вервэр решил все передачи зафиксировать на граммофонных пластинках. И он уже давно передает только при помощи граммофона. Таким-то образом была напета граммофонная пластинка живым Маручелли. Для Вервэра это было тем удобнее, что Маручелли иногда отлучался, пластинка же всегда оставалась у Вервэра. Теперь все понятно?

Ден посмотрел на окно за спиной начальника, на полисмена, стоявшего у двери, и ответил с раздумьем:

— Нет, далеко не все понятно. Я не могу понять: зачем рождаются на свет такие ослы, как я?

В трубе

— Пять часов. Пора кончать! Ты слышишь, Давыдов? — Сейчас. Что? Что ты сказал? Иди, Коля, иди домой. Я немного задержусь. Да нам и не по пути... — Давыдов вновь склонился над своей моделью.

Николай Семенов, хитро улыбаясь, уселся возле своего токарного станка.

— А ты чего не идешь? — спросил Давыдов.

— Я тоже решил задержаться и окончить работу.

Давыдов нахмурился, но ничего не ответил. Они как будто хотели пересидеть друг друга.

Евгений Давыдов и Николай Семенов были студенты-практиканты, работавшие в аэродинамической лаборатории. Между ними шло жестокое соревнование. Каждый из них старался превзойти другого. Со всем пылом юности они старались разрешить задачу, над которой ломали себе головы и седовласые ученые: найти такую форму тела, которая давала бы наименьшее сопротивление воздуху. Иначе говоря, они хотели разрешить задачу о «наилучшем обтекании тела воздухом» Перед этой сложнейшей задачей была бессильна даже «королева наук» — высшая математика, и на помощь теории приходила практика, опыт. Целый корпус лаборатории был отведен для этих опытов, которые производились в огромной аэродинамической трубе. Здесь помещались кубы, шары, пирамиды, цилиндры и другие бесконечно разнообразные искривленные тела, которым даже трудно подыскать название. Труба имела широкое входное отверстие, затем несколько суживалась, но опять постепенно расширялась по направлению к выходному отверстию. Там находился огромный вентилятор, закрывавший во время работы почти все отверстие и приводимый в движение мотором. Диаметр трубы равнялся шести метрам в самой узкой части, а длина была равна семидесяти пяти метрам. Внутренняя поверхность трубы была гладко отшлифована, как ствол ружья.

Модели крыльев, пропеллеров и других аэропланых частей подвешивались на особых весах посередине трубы. Мастерская, где работали Давыдов и Семенов, была рядом с корпусом трубы. Там мотор уже не гудел.

Рабочие, техники и инженеры разошлись. В мастерской оставались только Семенов и Давыдов.

— Ты здесь ночевать собираешься? — спросил Семенов.

— Да! — ответил Давыдов. — А ты, наверно, хочешь пересидеть меня, чтобы раньше меня закончить свою модель!

— Она уже готова! — торжественно ответил Семенов. — А ты свою «акулу» окончил?

— Не совсем, — ответил Давыдов.

Не один Семенов посмеивался над его «акулой». История ее такова. Давыдов жадно читал, искал, присматривался ко всему, что касалось скорости передвижения живых и мертвых тел. Где-то он прочитал о том, что акула одна из самых быстроходных рыб и что эта быстроходность объясняется не только устройством ее тела, но и тем, что на этом хорошо обтекаемом теле находятся особые бугорки. Казалось бы, эти бугорки, должны задерживать движение акулы, но на самом деле они усиливают его. Они так устроены, что вода, обтекающая их, как бы дает обратный толчок и подталкивает тело акулы вперед. Та-

ким образом, часть энергии, затраченная на преодоление водяной среды, как бы возвращается назад. Это сильно заинтересовало Давыдова, и он решил сделать модель акулы и испытать ее в аэродинамической трубе. Если опыт будет удачным, то форму акульего тела можно будет применить к корпусам быстроходных аэропланов, дирижаблей и в особенности подводных лодок.

Семеновская модель аэропланного корпуса была про-Она напоминала яйцо, только заостренное и удлинение» с конца, — наиболее хорошо обтекаемая форма. Семенов не старался открыть «сверхскоростные формы», а удовлетворялся внесением только некоторых улучшений в уже достигнутое.

— Ну, я ухожу, — заявил Семенов. — Только имей в виду, что тебя отсюда выбросит сторож!

Давыдов недовольно крякнул, бросил работу и сказал:

— От тебя не отвяжешься! Идем, что ли! — И они вместе вышли из мастерской.

— Ты не домой? — удивился Семенов, видя, что Давыдов направляется через улицу.

— Нет, мне надо зайти... к одному приятелю! — Давыдов быстро зашагал и скрылся за углом. Там он замедлил шаги.

Улица, еще улица, мост, бульвар, переулок, тупик...

Куда это он зашел?.. Давыдов повернул и так же медленно побрел обратно. Было только семь часов вечера. Он посидел на бульваре, подождал, когда стемнеет, и направился к аэродинамической лаборатории. Она состояла из нескольких корпусов, обнесенных стеною. Около запертых ворот в будке жил сторож, но Давыдов не обратился к нему. Давыдов придумал штуку позанятней. Днем, во время работы, он оставил в мастерской одно окно открытым. Теперь он перелезет через каменную невысокую стену со стороны пустыря, проберется через окно в мастерскую — оттуда дверь в корпус с трубой не запирается. Он вытащит свою готовую модель акулы и испробует ее в трубе. Если все удастся и акула не обманет его надежд, завтра он преподнесет Семенову сюрприз.

Давыдову пришлось повозиться, пока он влез на стену, а перепрыгнув, он ушиб ногу. Но это пустяки. Он влез через окно в пустую мастерскую, поднял на плечи свою двухметровую модель, перенес в соседний корпус и не без труда повесил акулу на весы мордой к выходу. Оставалось пустить вентилятор, который может создавать бешеную скорость воздушного потока в трубе — до четырехсот пятидесяти метров в секунду. Но Давыдову не нужна такая скорость. Он возьмет среднюю рабочую скорость в тридцать-сорок метров. Это тоже хорошенький ураган! В нескольких местах по бокам акулы Давыдов укрепил маленькие флюгера, чтобы видеть, как направляются воздушные течения.

— Так, все готово! — Давыдов пустил мотор, вентилятор с шумом завертелся. Давыдов не боялся, что его услышат, — корпус имел толстые стены, и снаружи не было слышно ни единого звука. Ему никто не помешает!

Давыдов подошел к входному отверстию трубы и смотрел сбоку на флюгера. Близко было опасно подходить, так как воздушная тяга была очень сильна. Если опустить специальную решетку, то можно подойти вплотную, но тогда не будет так хорошо видно. Понемногу Давыдов подвигался вперед и вбок, вступая все больше в струю воздуха. Так видней! Еще один осторожный шаг...

Давыдов переступил на правую ногу, которую ушиб при скачке со стены, и оступился. Но он упал не на землю. Воздух толкнул его тело вперед, и Давыдов упал в гладкое жерло трубы. Занятое приключение! Он приподнялся, чтобы встать, но от этого движения сопротивление увеличилось. Воздух повалил его на гладкую поверхность трубы и протащил метра два. Теперь он находился недалеко от возвышения — в том месте, где труба суживалась.

— Что за черт! — выругался Давыдов. Воздух с ужасным свистом и воем пролетал над его головой и ерошил его густые волосы. Давыдов стоял на четвереньках, уже не решаясь подняться.

— Надо будет осторожно дать задний ход, — говорил он вслух, чтобы подбодрить себя. Он немного волновался, но не видел ничего опасного в этом приключении. Завтра он сам будет смеяться, рассказывая Семенову. Воздушная струя не очень сильна, а он — парень дюжий. Вот сейчас он попробует!.. Давыдов приподнял одну руку и одну ногу. И в то же мгновение его тело скользнуло вперед. Давыдов пригнулся еще ниже. Теперь он почти лежал, и воздух не так сильно нажимал на его тело. Но не может же он лежать так до утра! И Давыдов попытался отползти назад, упираясь одними ладонями. Но ладони скользили по гладкой поверхности. Давыдов плюнул на одну ладонь, и в то же мгновение его тело подвинулось еще на один метр. Теперь он находился на бугре, за которым труба постепенно расширялась. Здесь ветер особенно неистовствовал. Давыдов не мог приподнять головы. Ему казалось, что он попал в ураган. Тело его медленно сползало вниз... И когда оно окончательно переползло через возвышение, Давыдов впервые осознал весь ужас своего положения. Он не может, не в силах вернуться назад!.. Он медленно, но неуклонно подвигается вперед, а там, в конце трубы, сливаясь в блестящий круг, стремительно вращаются огромные лопасти вентилятора...

Когда его голова коснется вентилятора, она будет срезана начисто!..

У Давыдова вдруг стало горько во рту. Дыхание захватило, а ветер, дувший поверх спины, показался ему ледяным. И уже не только ветер, но и ужас поднял волосы на голове Давыдова... Что делать?.. Задом ему не вылезти из трубы. Попробовать повернуться? Но для этого надо будет поставить свое тело на некоторое время поперек трубы. Это намного увеличит сопротивление... Мотор стучит, ветер свищет, вентилятор гудит... или это в ушах гудит?.. Нет, это ветер несется... что за кошмар? Неужели ему придется здесь погибнуть? Проклятая акула!

Нет, нет! Он будет бороться, бороться до последнего мгновения!

Ведь это же нелепость! Погибнуть так глупо... А быть может, все это сон? Кошмар? Быть может, он давным-давно спит на своей кровати и все это видит во сне? Если бы так!

Еще несколько метров вперед...

...Попробую повернуться... Вот так! Эту руку сюда, поворот... О-о-о-о!..

Тело Давыдова сразу уносится ветром на десяток метров... Он вытягивается, опускает голову вниз. Если бы можно, он нырнул бы, чтобы укрыться от этого ровного вихря! Проклятый вихрь! Ему нет никакого дела до того, что он губит человека, быть может, ветер даже радуется. Впрочем, ему все равно. Ему приказано. Он — только раб...

Надо как можно крепче присосаться ладонями к поверхности трубы...

Вот так... может быть, губами?

И Давыдов присасывается ртом. Но и это не помогает. Он чувствует, как ползет под ним пол, — это его тело двигается навстречу гибели... Сначала вентилятор размозжит его голову, как спелый арбуз, потом шею, грудь, и так все тело пройдет через вентилятор, как сквозь мясорубку.

Как это случилось? Как я попал?.. Не все ли равно!

Теперь конец... Половина трубы пройдена. В конце трубы ветер должен быть немного меньше, так как там труба расширяется... А что, если сразу подняться и побежать назад?.. Перехитрить ветер?.. Это было бы безумием. А вдруг? Почему не попробовать этого безумия?

Давыдов приподнимается, но ветер валит его, причем он больно ударяется лицом о трубу, и тело его быстро скользит вперед. Страшный вентилятор приблизился еще на несколько метров. Нечеловеческими усилиями Давыдову удается задержаться.

Он не хочет умирать! Он еще так молод. Он почти совсем не жил. За что такая несправедливость?..

— Помогите! Помо-оги-ите-е-е!.. — кричит Давыдов. Нет, никто не спасет его! Если бы сторож услышал шум мотора, то давно пришел бы посмотреть, почему мотор работает в неурочное время. Стены толсты. Ему ничто не мешает умереть. Как горят ладони! Он натер их до крови. И колени болят. Но что же делать? Это становится невыносимо! Или не бороться больше? Ускорить неизбежный конец? Подняться и бежать не назад, а вперед, навстречу смерти!.. Эти мысли сами приходят в голову, но это чужие мысли.

Давыдов еще крепче «присасывается» к железному полу трубы. Живой человек борется с бездушными силами. Кто победит? Кто победит?

Две трети трубы пройдены. Остается одна треть. Здесь ветер как будто чуть-чуть тише, но Давыдов не может ни на минуту отпустить ладони. Они единственный его тормоз. Быть может, здесь удастся перевернуться?.. Что, если бы перекувыркнуться? Окажешься лежащим на спине, а потом перевернуться на живот и ползти назад... Страшно!.. Но тогда, может быть, удастся вылезть из трубы?.. Раз, два, три...

Давыдов не сразу понял, что с ним случилось. Он перевернулся несколько раз в воздухе, упал, потом скользнул вперед, инстинктивно уперся ладонями в пол, остановился, открыл глаза и... что это?.. Мерцающий подвижной круг вентилятора находится совсем возле него!.. В одну секунду Давыдова пронесло метров двадцать пять... Смерть заглянула Давыдову в глаза. Он весь похолодел... На теле выступил холодный пот... Ему осталось жить всего несколько минут... Давыдов дышал тяжело и прерывисто, как будто не хватало воздуха, хотя воздуха было более чем достаточно. Он опустил голову и закрыл глаза... Он не хотел смотреть на вентилятор. От мелькания сверкающих лопастей у него кружилась голова. Он боялся, что потеряет сознание. Впрочем, может быть, это и лучше? Умереть не замечая...

Давыдов не знал, сколько прошло времени. Отрывочные мысли носились в его голове. Как странно! Труба. Ветер в трубе. Вентилятор. Мотор. В этом нет ничего страшного. Все это так привычно и обыденно.

Но вот в трубу попадает живой человек, и все изменяется: и труба, и ветер, и вентилятор, и мотор становятся смертельными врагами. Все грозит смертью... Акула — прекрасная идея... Акула провисит всю ночь. Завтра в лабораторию придут люди — первым Семенов, и они найдут акулу, рассекающую ве-

тер своим идеально обтекаемым телом, а за вентилятором — куски костей и мяса... Впрочем, быть может, вентилятор остановится?.. Застрянут кости... Едва ли! Лопастей его крепки... Как-то попали в вентилятор сорвавшиеся части шасси, и их сломало, как соломинки. А все-таки?.. Если повернуться ногами, то, может быть, ноги, кости ног заставят вентилятор остановиться? Лучше остаться без ног, чем без головы.

«Это даже смешно! Как долго я жив».

Давыдов чуть-чуть приоткрывает глаза и немного приподнимает голову. Он все еще лежит у самого вентилятора. Да, здесь воздушное течение слабее. Оно растекается по всей окружности...

Ладони не держат... Кажется, тело опять начинает медленно двигаться. Сантиметр за сантиметром... Вот, вот, вот!..

— А-а-а-а!.. — кричит Давыдов и теряет сознание...

Так наступает смерть.

Но не всегда потеря сознания оканчивается смертью. Давыдов открыл глаза и с удивлением смотрел на акулу, висящую над ним.

— Пришел в себя? — спрашивает Семенов. Но откуда он взялся? И почему Давыдов жив? Ведь он попал под вентилятор. Давыдов ясно помнит, как его ударила по голове лопасть вентилятора, а потом наступила тишина — тишина смерти.

— Почему?.. — только мог спросить Давыдов.

— Да, вот именно — почему? — отозвался Семенов. — Выпороть тебя надо!

Давыдов удивился. Он еще лежал в трубе, но ближе к входному отверстию, и тут же стоял Семенов, наклонившись над Давыдовым так спокойно, как будто был у своего станка. И его не сносило ветром — и ветер, и труба, и вентилятор — все было обычное, не страшное, не смертельное. Почему?.. Мотор не работает, ветер не свистит, вентилятор не жужжит. Но это тишина не смерти, а жизни.

— Как ты попал сюда? — спросил Давыдов, приходя в себя.

— Очевидно, так же, как и ты. Ты хотел ночью испытать свою модель тайком от меня, а я хотел свою — тайно от тебя. Я вошел тем же путем, что и ты, услышал шум мотора и догадался, что ты опередил меня. Но я долго не мог найти тебя.

— Я кричал... Быть может, раньше?

— Ну да, и я искал, пока не догадался заглянуть в трубу. Я тотчас остановил мотор... А по голове тебя все-таки маленько задело. Ничего, до свадьбы заживет! Пожалуй, ты теперь возненавидишь свою акулу?

— Напротив, акула... великолепна, а я — тело, очень плохо обтекаемое. Будь у меня тело акулы, я легко выбрался бы из трубы.

Отворотное средство

— Что ты сегодня такая задумчивая, Катюша?

— Так...

— Это ж не ответ!

Помолчали.

Катя Опочкина и Алеша Кучин — вузовцы, товарищи, друзья неразлучные. Оба молодые, румяные, голубоглазые, — как брат с сестрой. Только у Катюши глаза посиней.

В воздухе пахнет молодыми клейкими листочками тополя. Весна!

Катя опускает голову, внимательно смотрит на тротуар и говорит как бы невзначай:

— Мама меня хочет выдать замуж...

Что?., вы?., за?... — Алеша останавливается как вкопанный. От удивления у него даже рот раскрылся. Несколько мгновений он стоит в окаменении, потом нагоняет Катюшу, которая прошла вперед, и раздражается целым водопадом негодующего красноречия. Он говорит о предрассудках, о насилиях над личностью старого, отжившего мира, о новом быте, о правах женщины, о ее раскрепощении, об обязанностях комсомолки... И, странное дело, эти слова, которые Катюша слышала так много раз на собраниях, лекциях, дискуссиях, теперь ей кажутся какими-то новыми, волнующими, живыми... Она с удовольствием слушает Алешу, изредка поглядывая на него.

И неужели же ты, — заканчивает патетически Алеша, подчинишься этому насилию?

Лицо Катюши еще грустное, а губы уже улыбаются.

— Нет, Алеша, я не подчинюсь. Но придется выдержать большую борьбу, быть может, поссориться с матерью, это так неприятно. Мне тяжело огорчать ее. Она ошибается, но ведь она это делает из любви ко мне...

— Эгоизм это, а не любовь! — говорит Алеша, несколько успокоившись. — А кто он, нареченный, которого прочат тебе в мужья?

— Николай Семенович Глухарев.

— Мясник? Частник? — опять кричит Алеша с возмущением. Но в этом возмущении уже как будто меньше личной заинтересованности: ведь Катюша не выйдет замуж за мясника. — Я не ожидал этого от Марьи Григорьевны. Толстомордый дядя, не меньше сорока лет!.. И чем же он привлек так твою мамашу?

— Она очень беспокоится за мое будущее. Она говорит, что молодые люди теперь все испорченные, легкомысленные. Сегодня женится, завтра бросит, и буду я несчастная. «А за Николаем Семеновичем ты будешь как за каменной стеной. Такой не изменит, не бросит. И домик есть, торговлишка есть. Голодать не будешь... Дай мне умереть спокойно», — говорит мама.

— Мещанское болото... буржуазное окружение... — бурчал Алеша.

— Я не выйду замуж за Глухарева, но мне и маму огорчать не хочется. Я не знаю, что мне делать... Если бы можно было так, чтобы это дело с Глухаревым само как-нибудь расстроилось...

— Убить этого гада — вот и расстроится! Но только это не годится. Лучше вот что. Бросай ты свою мамашу и переезжай ко мне. Поплачет твоя Марья Григорьевна и помирится.

Катюша отрицательно покачала головой.

— Это убьет ее. Лучше бы как-нибудь иначе.

— Но как же иначе? Застращать, что ли, Глухарева? Тоже не годится. Да он, может быть, и не из трусливого десятка. Черт, вот теорема! Но ведь пойми же ты, что другого выхода нет: или ты должна выйти замуж за этого мясника, или же выйти из родительского повиновения, хотя бы это и расстроило твою уважаемую мамашу.

— Лучше бы как-нибудь иначе! — упрямо твердила Катюша.

Они шли молча до самого Каменного моста, каждый погруженный в свои думы. И вдруг среди моста Алеша схватил Катю за руку и крикнул:

— Стоп! Придумал! — Они пошли замедленным шагом. Собственно говоря, — продолжал Алеша, — я еще ничего не придумал, но я вспомнил о человеке, который может придумать, что нам, то есть тебе, делать, чтобы и замуж не выходить за мясника, и мамашу не рассердить. Иван Иваныч! Иван Иваныч Отрогов! Помнишь? Знаешь? У меня встречала! Последнего курса. Медик. Рефлексолог. Пойдем к нему и потребуем, чтобы он приложил свою науку к практике жизни. Для построения нового быта, так сказать. Он придумает! Он — голова. Я думаю, он сейчас будет дома. Он недалеко, в Лефортове живет. Идем, что ли?

— Мама к обеду ждет...

— Скажи, что общее собрание было... У меня трамвайные билеты есть. Айда?

В Лефортове еще больше пахло весной. Этот запах вливал энергию в Алешу.

— Тащись, что ли?! Устала? — поощрял он свою спутницу. — Вот и пришли! Алеша остановился как вкопанный.

Иван Иванович Строгов, лохматый молодой человек с небольшой, недавно отпущенной бородкой, встретил их у примуса, который никак не хотел разгораться.

— Здравствуйте, садитесь!

— Мы к тебе по делу, Иван Иваныч, — сказал Кучин, не садясь. — Видишь ли, какая теорема. — И он рассказал о том затруднительном положении, в котором находится Катя. — Тут, понимаешь, твоя голова нужна, плюс электрификация, — наука то есть, понимаешь? — закончил Леша.

Примус разгорелся. Иван Иваныч сел на табуретку лицом к гостям и, не глядя на них, начал пощипывать свою бородку — он никак не мог привыкнуть к ней. Алеша и Катя сидели молча, как на приеме у доктора, который окончил осмотр и сейчас должен назначить лекарство. Молчание длилось довольно долго. Отрогов думал, изредка улыбаясь какой-то своей мысли. Улыбка эта все шире раздвигала его губы, и наконец он засмеялся вслух.

— Так, говоришь, наука должна служить практическим интересам трудящихся? — спросил он Алешу.

— Это ты всегда говорил, а вот теперь я пришел, чтобы ты слова применил на практике.

— Ну да, ну да, вот именно! Это я и хочу сделать. — Он подошел к шкафику у стены и вынул оттуда небольшую банку. Затем, обернувшись, он посмотрел на Катюшу и сказал: — Я дам вам, товарищ Катя, отворотного порошку!

— Как?.. — спросила Катюша, широко открывая глаза.

— Не понимаете? Разве от своей мамы не слышали о таких порошках? Есть приворотные средства, — если человек не любит, а вы хотите, чтобы он полюбил вас. А есть средства отворотные, чтобы, так сказать, от ворот поворот сделать. Вместо симпатии ненависть к человеку возбудить. Всякая уважающая себя знахарка и колдунья имеет в своей лаборатории те же средства. Ведь вам надо, чтобы гражданин Глухарев не показывался больше в вашем доме, не так ли? Вот я и даю вам отворотное средство.

Катюша в недоумении посмотрела на Алешу, но у того глаза были еще круглее и больше от удивления. Зато глаза Строгова искрились от подавляемого смеха. Алеша обиделся.

— Товарищ Отрогов, — сказал он. — Мы пришли к тебе по-товарищески за помощью и советом, а ты что? Насмешки делаешь? Как тебя понять? Что мы не по адресу обратились? Что нам надо было к ворожее идти, на бобах гадать, а не беспокоить ученых людей? Мог бы это просто сказать, без порошков!

— Да нет же, я совершенно серьезно говорю, — настаивал Отрогов.

— Что серьезно? Где серьезно? Колдовство серьезно? Довольно глупо для научного работника! Отворотные порошки — не наука, а предрассудок и жульничество!

— Не кипятись и выслушай меня. Мой отворотный порошок — самая настоящая наука. Вы сначала попробуйте, а потом говорите. — Отрогов открыл баночку, посмотрел и с огорчением покачал головой. — К сожалению, у меня осталось очень мало. На доньшке. Но, может быть, хватит. А если не хватит, скажите мне, я достану еще. Я сейчас высыплю вам в бумажечку, товарищ Катя!

Катюша побледнела.

— Может быть, это... отравы? — спросила она дрогнувшим голосом.

Иван Иванович посмотрел на нее строго и укоризненно.

— За кого вы меня принимаете? Хотите — я возьму сейчас отсюда порошок и приму на ваших глазах...

— Не надо, я верю вам! — остановила его рукой Катя. Ей уже стало жалко тратить порошок. — И что же я должна делать с ним? Подсыпать в стакан Глухареву?

Отрогов подумал и потом спросил:

— А с кем он больше бывает: с вами или с вашей матушкой?

— Конечно, с мамой, — ответила Катюша. — Я всегда стараюсь уйти, когда он приходит. А мама с ним почти каждый вечер чай пьет и беседует.

— Так. Чай вы разливаете, когда все вместе бываете? Отлично! Так вот что вам надо делать. Перед тем как разливать чай, возьмите маленькую щепотку этого порошка в левую руку. Это вы можете сделать в своей комнате. И держите незаметно, вот так. А когда будете наливать чай матушке, бросьте в ее чашку щепотку. — Катя опять побледнела. — Уверяю вас, что ничего вредного в этом порошке нет. Не стану же я делать преступление, да еще при свидетелях. Ведь Алеша меня со свету сживет, если я вашей мамаше хоть малейший вред причиню, ведь так? — Алеша покраснел и что-то пробормотал. — Ну, вот. Слушайте дальше. Так вы, Катя, поступайте каждый раз, когда будет приходиться Глухарев. Хорошо, если вы не будете пропускать вечерних чаепитий несколько дней подряд. Уж вы потерпите! Зато потом сразу от тяжести освободитесь. Должен вас предупредить, что, после того как ваша мать попьет чая с этим по-

рошком, она, наверно, будет жаловаться на легкую тошноту. Но так надо. Ничего опасного в этой тошноте нет. А порошок чудодейственный. Не одним же колдунам чудеса делать! Наука тоже умеет это. Приходите через неделю и скажите, как идут дела.

— Но как же все-таки отворотит Глухарева этот порошок? — спросил заинтересовавшийся Алеша.

А вот узнаете как! — ответил загадочно Отрогов. — А когда с Глухаревым будет покончено, тогда меня приглашайте свидетелем в ЗАГС.

Такая догадливость, пожалуй, была и излишня. На этот раз покраснели оба: Катя и Алеша. Катя зажала в руке отворотный порошок, поблагодарила Строгова и выбежала на улицу. Следом за ней вышел и Кучин.

— Ну, что? Я говорил! А? Вот голова-то! Дюжине знахарок нос утрет, если только этот отворотный порошок поможет.

— Я тоже думаю об этом. Если поможет. И если... не наделает какого вреда...

Мать поворчала за то, что Катюша опоздала к обеду, выбрала заседания «и всякие там клубы», но, в общем, все обошлось благополучно. А когда Катюша сказала, что сегодня вечером она никуда не пойдет, то Марья Григорьевна совсем повеселела.

— И лучше! Посидим, чайку попьем. Николай Семенович обещал прийти на часок... Вот человек! Не то что нынешние! — Марья Григорьевна не упускала случая похвалить Глухарева.

Скоро пришел и он. У Катюши сердце упало, когда Марья Григорьевна сказала свою обычную фразу:

— Чайку, что ли, попить!

Чайник давно уже кипел на кухне. Катя быстро накрыла на стол новую скатерть и поставила чашки. Николаю Семеновичу всегда ставилась огромная чашка покойного Опочкина, с надписью: «Пей другую». Эта надпись неизменно служила поводом для остроумия Глухарева и завязывала несложную нить разговора.

Перед тем как разлить чай по чашкам, Катюша вышла в маленькую каморку, где она спала и занималась, и, быстро развернув порошок, взяла щепотку.

Как она волновалась, всыпая порошок в чашку своей матери! Ее руки дрожали так, что это заметил Глухарев. Но он понял ее волнение в самом благоприятном для себя смысле и потому стал еще разговорчивее. Он, как граммофон с единственной пластинкой, повторялся изо дня в день. Говорил о том, что дом у него — полная чаша, «конечно, по теперешнему масштабу, советская, так сказать». При этом он и мать Катюши неизменно смеялись. Что не хватает ему только хозяйюшки, и он многозначительно поглядывал в сторону Катюши.

В этот вечер было как всегда. Только когда разговор коснулся «советской чаши», Глухарев рассмеялся громче обыкновенного, а у Марьи Григорьевны смех вышел какой-то кислый. Катюша внимательно наблюдала за ее лицом. У Марьи Григорьевны расширились ноздри, она шлепала дряблыми губами и от времени до времени как-то вытягивалась.

После упоминания Глухарева о том, что ему нужна хозяйюшка, установленный обычай требовал, чтобы Марья Григорьевна начала говорить о современной молодежи, о том, что девушки теперь бегут от хозяйства, а молодые люди

все как саврасы без узды. Этот монолог у нее выходил всегда очень гладко, вызывая сочувственные покачивания головы гостя. Но сегодня у Марьи Григорьевны не ладилось. Она все шевелила губами, лицо ее имело такое выражение, как будто вместо вина она хлебнула уксуса. Но Глухарев не замечал этого. Он был заинтересован все увеличивающейся нервностью и волнением Катюши.

«Пронял-таки ее сердечко! — думал он. — Весна-то что значит».

Он засиделся несколько позже обычного. А когда ушел, Марья Григорьевна вздохнула с облегчением и сказала:

— Наконец-то! Меня что-то тошнит, я уж не могла дождаться, когда он уйдет...

На другой день повторилась та же история. А на четвертый день во время обеда Марья Григорьевна говорила своей дочери:

— И что это такое значит? Как Николай Семенович приходит, так меня тошнит! Тошнит и тошнит. Я уже думала, не от чая ли? — Катюша едва заметно вздрогнула. Ложка стукнула о ее зубы. — Так нет! Утром пью чай одна, и ничего. А как вечером с Николаем Семеновичем — тошнит. Тебя от чая не тошнит?

— Нет, — ответила Катя сдавленным голосом.

— И Глухарева, видно, не тошнит. Если бы тошнило, не пил бы вторую «Пей другую». Нет, это не от чая. Прямо как от Николая Семеновича! Посмотрю на него, и тошнит... И отчего бы, понять не могу? Такой приятный человек, а тошнит!..

Прошло еще два дня. Катюша перед разливкой чая вынула в своей комнате бумажку с порошком, но порошка осталось так мало, что она не могла набрать даже одной маленькой щепотки...

В этот вечер Марья Григорьевна пила чай без порошка. И Катя с тревогой смотрела на ее лицо. Неужели ее мать не будет теперь тошнить от вида Николая Семеновича? Порошки действовали хорошо, — Марья Григорьевна все чаще жаловалась дочери, что от Николая Семеновича ее тошнит. И вот теперь отворотные порошки кончились и, быть может, Глухарев опять сделается самым приятным человеком для матери...

— Да-с, — говорил Глухарев, отхлебывая из большой чашки, — дом мой тоже вот как эта чаша. Полная чаша, только, конечно, в современном масштабе. Теперь таких чашек не делают. Чаю не хватит. Советская чаша! Ха-ха!

Но Марья Григорьевна, хотя она пила чай без отворотного порошка, вдруг скривила лицо и зашлепала губами, точно на них остался вкус касторки. И речь ее о современной молодежи была совсем смята. Катюша не верила своим глазам. Это было похоже на волшебство. «Наука также умеет делать чудеса», — вспомнились ей слова Строгова. Неужели произошло это чудо науки? Порошка уже нет, а отворотное настроение у матери осталось. Конечно, у матери тошнота! Вот как искажается ее лицо. И она почти с ненавистью смотрит на Глухарева.

Она откидывается на спинку и стонет. Глухарев сочувственно спрашивает, что с ней.

— Что-то болит... тошнит меня!.. Простите... — И она, поднявшись, быстро уходит из комнаты. Глухарев смущен, как актер, неожиданно покинутый среди акта заболевшей партнершей. Надо говорить какие-то новые слова, ка-

кую-то «отсебятину», — как говорят на сцене, но слова не идут на ум. И, не допив чашки, он поднимается.

— Вашей матушке надо отдохнуть, — не буду ее беспокоить, — говорит он и, наскоро попрощавшись, уходит.

Когда дверь закрылась за ним, в комнату вошла Марья Григорьевна.

— Ушел-таки? — спросила она, и на ее морщинистом лице грозно сдвинулись брови. — Уморил! Прямо уморил, и что за тошнотворный человек — так с души и воротит. Тошно! Смертушка! Не человек, а касторка. Даже на губах от него вкус касторки чувствую.

На другой день, в девять часов вечера, когда послышался звонок, Марья Григорьевна вдруг вскрикнула:

— Это он! Он всегда в это время приходит. Ой, тошнит! Уже тошнит! Не открывай ему, Катюша! Пусть звонит. Тош-ни-ит, смертушка! Нет, открой и скажи — что больная, принять, мол, не могу. И вообще принимать его не надо. А то уморит, непременно уморит!..

Катюша торжествовала. Глаза ее светились скрытым смехом, когда она, приоткрыв дверь на цепочке, сказала Глухареву:

— Мамаша больна и видеть вас не могут... потому что от вас тошнит ее! — и захлопнула дверь.

— Катюша, Катюш! Ты так и сказала, что от него тошнит меня? Ах ты... ну, да ладно. Так оно, пожалуй, и лучше! Как будто отходит тошнота... — Марья Григорьевна вздохнула. — Вот только придется другого мясника подыскать. Не могу ходить больше в мясную Николая Семеновича — тошнить будет меня. Да и спрашивать начнет... Фух! Совсем не тошнит!

Катюша на следующий день после лекции сделала подробный доклад Алеше: отворотный порошок помог. Мама в полном здоровье, а Глухарева больше не пускает на порог.

— Ну-у! — удивился и обрадовался Алеша. — Ай да Ван Ваныч! Он просил нас зайти к нему через неделю. Идем?

Кстати, надо узнать, что это за чертовщина такая — отворотный порошок, в самом деле!

Строгов выслушал Катю с видимым удовольствием.

— Ну, вот, — сказал он, обращаясь к Алеше, — наука и пришла на помощь практическим интересам?

— Но в чем дело? — спросил Алеша.

— Дело очень простое. Ты знаешь, что я изучаю рефлексологию, — слышал, что это за зверь? — Алеша утвердительно кивнул головой. — Об условных рефлексах тоже слышал? Если вы, Катя, не слышали, я вам объясню примером.

Я показываю собаке кусок мяса. Собака голодна. При виде мяса у нее начинает выделяться слюна. Так. В этот же самый момент я свищу в свисток. Вид мяса и ощущение свиста связываются у собаки как бы в один узел. И чем чаще проделывать такую вещь — показывать собаке мясо и в то же время свистать, тем крепче будет этот узел. Через несколько дней я уже не показываю собаке мяса, а только свищу. Но так как свист сопровождал много раз зрительное представление мяса, то один этот свист уже вызывает у собаки слюнотечение. Вот это и есть то, что называют условным рефлексом, то есть искусственно привитым рефлексом. Мяса уже нет, а у собаки слюнки текут от свиста. Если бы собаку каждый раз били, когда свистели, то свист вызывал бы у собаки

страх, и она убежала бы от свиста. Таким образом можно привить те или иные рефлексy не только животному, но и человеку.

Вы уж простите, Катюша, но я решил проделать опыт над вашей матушкой. Для меня это был только научный опыт. Я решил так: если подсыпать ей в чай тошнотворного порошку в то время, когда она будет встречаться с Глухаревым, то через несколько дней у нее должен появиться стойкий условный рефлекс: тошнота, чувство тошноты у нее тесно свяжется с видом Глухарева. Сначала эта тошнота вызывалась искусственно. Но когда условный рефлекс закрепился, у Марьи Григорьевны начала появляться тошнота при одном виде Глухарева уже без тошнотворного порошка.

— Так же, как слюна у собак... при свисте, но без куска мяса? — спросил Алеша.

— Совершенно так же, не нужно пичкать вашу матушку тошнотворными порошками. Один вид Глухарева вполне заменяет их!

Нетленный мир

Началось с простокваши. Даже не с простокваши, а с молока, которое почему-то не захотело скиснуть.

Павел Иванович Симов, учитель школы при совхозе «Заря», пригласил своего приятеля, молодого рабочего совхоза Зиновия Лукьянова, которого он называл «Зиночкой», прийти в воскресенье на обед.

— Простокваша будет! — (Зиночка был большой любитель простокваши.)

Однако полакомиться простоквашей не удалось: молоко не скисло. Жена Симова, Ольга Семеновна, была смущена, выслушивая упрек мужа.

— Ну как же это ты так? — говорил Симов. — Наверно, не поставила вовремя?

— Со вчерашнего дня стоит, — оправдывалась Ольга Семеновна. — Лето, время жаркое. Обыкновенно если с утра поставлю, так к обеду уже скиснет, а тут как нарочно...

— Может быть, ты кусок сахара туда бросила, в молоко? Если сахар бросить, то молоко не скисает, — пояснил Симов, обращаясь к Зиновию. — Делать нечего, давай молоко выпьем, которое скиснуть не захотело. — И уже сделав несколько глотков, Симов сказал, покачав головой: — Действительно странно. Стоит чуть не сутки — и совершенно свежее, сладкое, будто сейчас из-под коровы.

— Говорят, молоко в грозу быстро скисает, — промолвил Зиновий, поддерживая разговор. Завязалась беседа. Озабоченная Ольга Семеновна ушла в кухню. Через некоторое время она явилась возбужденная.

— Ну вот, ты меня обвинял, — сказала она мужу. — Я была у Марии, они тоже всегда простоквашу делают, и Мария Ивановна сказала, что и у нее молоко не скисло, и у Аннушки тоже.

— Форменная молочная забастовка, — смеясь, сказал Симов.

В это время мимо веранды, где они сидели, прошел сыровар Гриневич.

— Адольфу Ивановичу почтение! — крикнул Симов. — Слыхали новость — молоко не киснет? Как у вас с сыром?

— Ничего не выходит! — ответил сыровар на ходу. — Наверно, наши коровы какой-нибудь травы поели, которая изменила состав молока. — И он ушел походкой занятого человека.

— В самом деле, удивительно, — задумчиво промолвил Симов. — Зиночка, а ты не поможешь ли мне закопать тушу моего павшего мерина? — И, закашлявшись (Симов был туберкулезный), он продолжал: — Кожу я вчера снял, а туша валяется второй день. Наверно, сейчас к ней подойти нельзя — вонь такая. Как бы не оштрафовали меня.

Зиночка охотно согласился. Он сегодня был свободен. Захватив лопаты, друзья отправились в путь.

Труп лошади лежал в канаве, у опушки леса. Красная ободранная туша виднелась издали. Рой мух кружился над ней. Симов уже заранее морщил нос, однако он ошибся. От туши не несло ни малейшим запахом гниения. Друзья подошли ближе, посмотрели, понюхали. Туша не имела никаких следов разложения.

— Не гниет ваш конь, — сказал Зиночка.

— Да, странно, — отозвался Симов. — Ну, что же, тем лучше. А закопать все-таки надо.

И они принялись за работу.

На обратном пути они опять встретились с сыроваром и узнали от него новости: не только молоко, но и пиво, и вино отказывались скисать. На уксусном заводе приостановилась работа: из пивного уксусного затора не получалась уксусная кислота.

— Сейчас наши химики работают, делают анализы, хотят понять, в чем дело, но пока не понимают.

— И мясо не гниет, — поделился Симов своими впечатлениями.

— Да, и мясо не гниет, — ответил сыровар. — Многие уже обратили на это внимание. До свидания. Спешу в сыроварню.

— Павел Иванович, — обратился Зиночка к учителю, — вы все знаете, что же это такое значит? Отчего все это может произойти?

— Друг мой, я далеко не все знаю. Ты слыхал, даже химики еще ничего не понимают. Надо подумать.

И, когда они расстались, Симов начал «придумывать», но ничего не придумал. Вечером отправился в клуб узнать новости. А новостей было немало. Симов едва пробрался сквозь толпу, наполнявшую комнату, к самой трубе громкоговорителя и замер. Низкий голос картонного тембра «чревовещал» об изумительных вещах, которые произошли во всем мире. Симов узнал, что не только молоко, но и все продукты, которые могли скисать, не скисали (вино, пиво, тесто с дрожжами). Но что особенно было удивительно: мясо всюду перестало гнить.

— В чем же дело? — не удержался Симов и громко спросил черный рупор: — Воздух, что ли, изменился?..

А рупор продолжал мучить Симова неразгаданными загадками:

«При моче льна, конопли и других прядильных растений из клеточной ткани уже не выделяются тонкие-лубяные волокна...»

— Ну и что же? — спросил кто-то. На него зашикали. Рупор продолжал:

«Из Бомбея сообщают, что вспыхнувшая там эпидемия чумы неожиданно оборвалась...»

«В Софии, в Болгарии, так же неожиданно прекратилась эпидемия брюшного тифа, а в Англии — гриппа. Туберкулезные всего мира идут гигантскими шагами к полному выздоровлению...»

— Так вот почему мне стало легче. Я знаю, в чем дело! — закричал вдруг Симов, стараясь перекричать рупор. — Мир избавился от бактерий.

Да, это было так. И следом за Симовым рупор сказал то же самое.

Для всех знакомых с работой бактерий это было ясно с первого же момента.

Если молоко не киснет, мясо не гниет, уксусный затор не превращается в уксус, то ясно, что прекратилась деятельность бактерий, производивших всю эту работу. Прекращение эпидемий и быстрое выздоровление заразных больных объяснялось тою же причиною. Бактериологические исследования вполне подтвердили это предположение. Ученые-бактериологи с разных концов мира сообщали друг другу и газетам одну и ту же весть: все бактерии исчезли.

Мир избавился от невидимых существ, наполнявших собою воздух, землю и воду.

Первым чувством, когда об этом узнал Симов, была радость, безмерная радость больного, почти обреченного человека, который вдруг исцелился! И, не слушая дальше, о чем говорил громкоговоритель, Симов вышел из клуба.

«Так вот отчего мне так легко дышится со вчерашнего дня и я почти не кашляю», — думал он.

— А, Зиновья! Иди сюда! — крикнул Симов, увидав Лукьянова, который спешил в клуб. — Новости! Отличные новости. И знаешь, я таки сам отгадал, отчего все это произошло. Честное слово, сам, прежде, чем сказал рупор. Понимаешь ли, Зиновья, — и как это мне раньше в голову не пришло? — на свете перемерли все бактерии. Все до единой отправились к чертовой прабабушке.

— А отчего они перемерли? — спросил Зиновий.

— Да не все ли равно отчего? Главное то, что нет больше чумы, холеры, тифа, туберкулеза, испанки и прочей дряни. Ты понимаешь, Зиновья, я теперь совершенно здоровый, абсолютно здоровый человек. В моем теле нет ни одной туберкулезной палочки. Нет больше заразных болезней, нет больше чумы и сибирской язвы! Нет болезней, нет и гниения. Это значит, Зиновья, что мы сможем пересылать рыбу из Каспия в Москву, из Архангельска в Калугу в обыкновенных товарных вагонах и она не будет портиться.

— И трупы людей не будут портиться? — спросил Зиновий.

— Ну, конечно.

— Куда же они денутся?

— Куда? Закопаем, — ответил Симов.

— И простокваши никогда есть больше не будем? — со вздохом спросил Зиновий.

— Экая беда! — ответил Симов. — Без простокваши и без сыру жить можно. Проживем и без уксусу, а что вино да пиво не будет скисать, так это даже лучше. Зато здоровье! Долголетие! Нет больше страха заразиться. Можно есть немывтые фрукты, не боясь схватить дизентерию. Больше того, когда мы умрем, наши тела не будут тлеть. Не одним же телам фараонов после смерти переживать века! Да что там фараоны, сухие мумии, почерневшие куклы! После смерти мы будем лежать бесконечно долгое время свежими, как сорванное яблочко. Мир стал нетленным! Да здравствует жизнь без бактерий!..

Если для Симова было безразлично, почему вдруг перемерли все бактерии, то это не было безразлично ученым, и они усиленно работали над разрешением задачи. Было высказано много гипотез. Наиболее правдоподобной счита-

лась следующая. Так как бактерии уничтожены решительно во всем мире — в воздухе, в воде, на земле и в недрах земли, — приходится прийти к выводу, что их погубила какая-то вредоносная сила, наполнившая мгновенно и одновременно всю толщу земного шара с его воздушной оболочкой; но какая это могла быть сила? Допустим, что земля прошла через небесные пространства, наполненные каким-нибудь особым, неведомым нам газом, который явился убийственным только для бактерий. Такой газ, однако, едва ли мог проникнуть в глубины почвы и воды. Исследования же показали, что анаэробные бактерии были убиты и в местах, недоступных воздуху. Поэтому приходится допустить, что причиной уничтожения бактерий были не химические воздействия, а физические. Быть может, до Земли достигли с отдаленнейших глубин мирового пространства какие-нибудь ультракороткие лучи, вроде лучей Милликена, которые и поразили насмерть все бактерии. Правда, ни один точный инструмент не мог уловить этих лучей, но это не могло служить доказательством того, что лучей нет. Ведь и космические лучи Милликена не были известны человечеству до самого последнего времени.

Так бактерии погибли, сожженные неведомыми ультракороткими лучами, совершенно безвредными не только для высших животных и человека, но и для мельчайших насекомых. Только микроскопические существа, населявшие нашу планету, пали жертвой этих лучей.

Дальнейшие изыскания ученых продолжались, а жизнь шла своим новым, «нетленным» путем, и с каждым годом изменялось лицо Земли. Симов, совершенно оправившийся от своей болезни, и Зиновий осенью ходили на охоту и, бродя по окрестностям, могли наблюдать эти изменения. Опавшие листья устилали землю толстым ковром. Они больше не гнили, так же как ветки и сломанные бурями сучья. Лесная почва засорялась древесными отбросами, которые затрудняли доступ к корням воздуха и влаги и мешали обсеменению. Травы желтели, сохли, но не гнили. Сквозь прозрачную осеннюю воду рек и прудов видно было дно и на дне прекрасный разноцветный, нетленный, толстый ковер опавших листьев, а на этом ковре целое кладбище: мертвые рыбы и лягушки. Правда, часть мертвецов тут же пожиралась живыми, но немало трупов оставалось нетронутыми. Всюду по полям и лесам валялись дохлые вороны, трупы кошек, собак. Не было больше могильщиков-бактерий, которые быстро превращали трупы в простейшие химические элементы.

Кладбища в больших городах не могли уже принимать новые трупы на место истлевших в могилах. Все трупы были нетленны. Спешно строились крематории, но их работа требовала топлива, а его приходилось экономить. Потребности в топливе, как и в пище, увеличивались необычайно быстро: с тех пор как исчезли заразные болезни, прирост населения увеличивался неудержимо. Источники же питания, наоборот, быстро иссякали. В почву больше не поступали продукты гниения — аммиак и азот. Без этого удобрения почва с каждым годом истощалась, урожаи падали. Старые леса гибли, заваленные буреломом, новые не подрастали, так как тот же бурелом препятствовал обсеменению и росту. Ученые выбивались из сил, работая над тем, чтобы изобрести поскорее средства, которые могли бы хоть в небольшой степени заменить работу бактерий, но похвалиться удачами нельзя было. То, что бактерии делали быстро и незаметно, приходилось достигать дорогой ценою и слишком медленно. Увы, мир потерял не только вредоносных бактерий, уничтожения

которых никто не оплакивал, но и полезных незаменимых работников — армию невидимых тружеников, которые день и ночь непрерывно перерабатывали бесполезные мертвые ткани в полезные химические вещества, возвращали жизни то, что брала смерть.

Будущее человечества и всего живого на Земле представлялось в самых мрачных красках.

Круговорот веществ был нарушен. То, что умирало, становилось нетленным и этим самым связывало навсегда вещества, необходимые для постройки новых живых клеток. Смерть как бы безвозвратно уносила часть жизни, и эта жизнь лежала мертвой, связанной навеки, как связаны химические соединения в камнях. Сырой материал для живой протоплазмы — аммиак и азот — больше не получался из белковых соединений трупов.

Правда, в новом порядке вещей были и некоторые выгоды: мясо больше не портилось. Симов и Лукьянов осенью настреляли горы уток, и они пролежали весь год на солнцепеке и не испортились. Но эти небольшие выгоды не искупались большими потерями. Через несколько лет уже нельзя было пройти по лесу — горы листьев, веток и сучьев поднимались почти до вершины. Леса глохли, деревья засыхали. Почва истощалась и почти не давала урожаев. Искусственного удобрения не хватало. Люди уже голодали, а впереди была голодная смерть. Не было больше заразных болезней, но появились новые, неизвестные ранее болезни. Люди, даже питавшиеся относительно хорошо, как-то чахли, теряли силы, истощались. Врачи полагали, что это зависело от того, что в организме людей, в их желудке и кишках, не было больше бактерий, которые выполняли очень важную и полезную роль. Организму чего-то не хватало. Пища в желудке не переваривалась так, как надо, не претерпевала тех изменений, которые делали ее особенно полезной для организма. Симов вновь почувствовал себя больным, хворала и его жена. Даже Зиночка и тот жаловался на недомогание.

— Павел Иванович, — говорил он, — плохо без простокваши!

— Да, друг мой, — отвечал Симов. — Я маленько того, ошибся, недоучел.

— Какое уж тут маленько, — ворчала жена Симова. — Скоро все ноги протянем.

Пруды и реки все больше мелели. Рыбам и лягушкам тоже чего-то не хватало, они вымирали. Часто можно было видеть на поверхности пруда десятки и сотни мертвых рыб. Они всплывали и потом опускались, устилая дно слой за слоем. Люди пробовали есть этих рыб. На вид они были совершенно свежими, но так как рыбы погибали от какой-то болезни, то здоровой эту пищу нельзя было назвать. В ней чего-то не хватало, она не поддерживала сил. И на мертвых рыб больше не обращали внимания.

Странный вид представляли высохшие пруды. Они были полны доверху листьями, мертвыми рыбами и лягушками, как будто их кто-то собрал и бросил в яму. Птицы растаскивали эти трупы, устилая, в свою очередь, своими трупами берега рек и прудов.

— Пройдет еще несколько лет — и вся земля покроется трупами, — сказал Симов, — кроме тех, которых сжигают, но это капля в море.

— А что ученые говорят, Павел Иванович, чем это кончится?

— Ученые не знают, отчего перемерли бактерии. А уж воскресить их тем более не могут. Плохо!

И вот, когда люди дошли почти до полного отчаяния, неведомо откуда была получена радиотелеграмма:

«Слушайте! Говорит Тридон. Сумасшедший, так называли вы меня. Знайте же, все микробы убил я. Я решил сделать мир нетленным. Пусть умрет все живое — так я решил. Но я уже передумал. Я изобрел аппарат, излучающий электроволны самой короткой длины. Эти волны убивают бактерии. Волны излучены мною в пространство, и они наполнили собою весь мир. Настоящие, живые бактерии имеются только у меня. Я могу продать их вам по сходной цене.

У меня есть рассадник бактерий, — сообщал далее Тридон. — Я сохранил их от смерти в особых сосудах, не пропускающих колебаний электроволн. Из этих сосудов я и могу выпустить бактерии на волю, если торг состоится. А торг должен состояться, иначе все люди погибнут без бактерий. Я решил вернуть миру бактерии не из жалости. Для моих опытов мне понадобилось золото. Груды золота. И я решил продать бактерии. Но вы не пытайтесь обмануть меня, иначе вы погибнете. Ответ пришлите на радиоволне длиной в два сантиметра, не позже суток. Тридон».

Такова была телеграмма, взволновавшая весь мир.

Тридон однажды, с десятков лет тому назад, уже заставил волноваться человечество. Талантливый, даже гениальный французский ученый, бактериолог, заболел психическим расстройством. Он вообразил, что миру угрожает опасность скорого перенаселения, и решил «облагодетельствовать» человечество, уменьшив население земного шара страшной эпидемией, которую он пытался вызвать при помощи особой бактерии, выращенной им в лаборатории. Тридона вовремя посадили в сумасшедший дом, но ему удалось бежать. «Сумасшедший еще напомним о себе», оставил он записку. И вот теперь Тридон напоминал о себе.

Совещания правительств были непродолжительны. Вопрос сводился только к проверке того, не мистификация ли эта телеграмма. Но Тридон предвидел эти сомнения и в следующей телеграмме сообщил:

«Мой представитель в Берлине рассеял в воздухе уксусную бактерию. Весь остаток сегодняшнего дня, до двенадцати часов ночи, уксусная бактерия будет производить свое специфическое действие. В двенадцать ночи я излучу электроколебания, которые убьют уксусную бактерию, выпущенную на волю. Проверьте. Тридон».

Тридон оказался прав. Бактериологи Берлина обнаружили живые уксусные бактерии в вине, пиве и других жидкостях. Уксусный затор довольно быстро превращался в уксус. Но все эти процессы приостановились ровно в двенадцать часов ночи. Неуловимые электроколебания убили уксусные бактерии, которые уже успели распространиться с удивительной быстротой в продолжение нескольких часов. Сомневаться не приходилось: Тридон владеет бактериями и может вернуть их миру, если только государства согласятся на его условия. Тайное совещание постановило: требование Тридона удовлетворить, в место, которое он укажет, доставить требуемую сумму золотом, а затем, когда бактерии наполнят мир, начать поиски Тридона, чтобы арестовать его и обезвредить, так как от этого сумасшедшего всего можно ожидать.

Когда Тридон получил ответ на свое предложение, он телеграфировал:

«Я мог бы немедленно вернуть миру бактерии, но это было бы опасно: на поверхности земного шара и в водоемах набралось слишком большое количе-

ство материала для гниения. Люди задохнутся в зловониях, если не позаботятся об уборке продуктов гниения, по крайней мере, вблизи человеческого жилья. Тридон».

Убрать быстро все эти миллионы тонн мяса и древесины было невозможно. Люди ограничивались тем, что отвозили падаль дальше от жилья, а из мест, где падали было слишком много, уходили с семьями и скарбом в другие места. Часть трупов сжигали или закапывали.

И вот настал день, когда Тридон телеграфировал:

«Сегодня выпускаю бактерии на волю. Но предупреждаю, я выпущу их всех: вредных и полезных — работников и убийц. Боритесь с ними сами, если можете. Тридон».

Никакие просьбы не выпускать бактерий, возбуждающих болезни, не помогли. Тридон выпустил их всех.

Бактерии распространились по земной поверхности, в воздухе и воде с необычайной быстротой. Все трупы как бы ожили. Начался великий процесс разложения «связанных» белковых соединений на аммиак и азот.

Для людей это были радостные и вместе с тем тяжкие дни. Нетленный мир превращался в тленный. Круговорот веществ начался вновь. Неутомимые работники-бактерии принялись за свою обычную работу. Смерть несла за собою расцвет жизни. Но пока нелегко было на земле. Волна эпидемий прокатилась по всему земному шару. В тропических странах задыхались от зловоний и недостатка кислорода целые племена туземцев, не поверивших в скорое наступление гниения трупов и не пожелавших оставить свои насиженные места. Но и в городах было нелегко. Люди ходили в противогазовых масках. Многие переселились на высокие горы. Иные спасались в газубежищах.

Наконец пожар гниения начал угасать. Воздух очищался с каждым днем.

Прошло еще несколько недель, и на месте гор падали лежали уже горы, правда, значительно меньших размеров, великолепного азотистого удобрения.

Это удобрение развозилось по полям. Наступили годы небывалых урожаев. На перегное выросли новые густые леса и высокие сочные травы.

Животные и люди пополнели и окрепли. Эпидемии быстро пошли на убыль.

Хорошо упитанный Симов уже не кашлял. Болезнь не возвращалась к нему. Встретив своего приятеля Лукьянова, Симов сказал:

— Приходи, Зиночка, ко мне завтра к обеду, будем простоквашу есть. Молочнокислые бактерии потрудились на славу и приготовили отличную простоквашу.

ВЦБИД

Инженер и изобретатель Джемс Лэйт завтракал у большого открытого окна. В саду китаец-садовник поливал из шланга лимонные, апельсиновые деревья и кусты роз. Несмотря на ранний час, было уже жарко. Вошел загорелый мальчик в коротенькой курточке с блестящими маленькими пуговками, поклонился, подал на подносе письма и газеты, сказал:

— Утренняя почта, сэр! — и вышел, тихо ступая.

Лэйт быстро перебрал письма, отбросил их в сторону и, прихлебывая кофе из маленькой чашечки, принялся за чтение местной газеты. Он скользил глазами по заглавиям, как бы ища чего-то, и наконец остановился на одной статье и начал внимательно читать ее.

«МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Нам вновь приходится отмечать, — писала газета, — странное явление. В то время как вся Калифорния, и в частности долина Помоны, изнемогают от засухи и зноя, в то время, когда все колодцы высохли до дна, а барометры стоят на великой суше, в северо-восточном углу долины ежевечерне проходят небольшие дожди, охватывающие очень небольшую площадь. Такая регулярность дождей вообще не свойственна месту и времени года (август). И уже совершенно необъяснима она, если принять во внимание, что дождь идет каждый вечер в определенный час, между одиннадцатью и двенадцатью часами вечера, и только в одном уголке долины. Мы обращались за объяснением в местную метеорологическую станцию, но, к сожалению, заведующий не мог дать нам никакого удовлетворительного объяснения. Однако наша газета не теряет надежды открыть причину этого непонятого явления и удовлетворить вполне законное любопытство наших читателей».

Прочитав эту заметку, Лэйт улыбнулся, потом, быстро допив кофе, направился к письменному столу, вырезал ее и положил в папку, где уже лежало несколько подобных заметок и сообщений. За окном прогудел автомобиль. Пора на завод. Лэйт положил в карман белого пиджака письма, предполагая прочесть их в дороге, и вышел из дома.

Весь день, как всегда, прошел в хлопотах.

Лэйт служил инженером на цементном заводе. Нужно было побывать там, поговорить с помощниками, зайти в контору подписать деловые письма, отдать распоряжения, поговорить с владельцем завода. И Лэйт говорил, писал, приказывал, ходил, ездил, курил, пожимал руку.

Но часто во время делового разговора на его типично американском лице, с прямым носом, энергично сложенными губами и несколько выдающимся подбородком, появлялась та же улыбка, что и во время утреннего чтения газеты.

Лэйт улыбался тайной и приятной мысли: вот все смотрят на него, Лэйта, говорят с ним о цементе, о машинах, рационализации и думают, что он только инженер, служащий цементного завода. И никто не знает, кроме Босса, чем занимается Лэйт вечерами. Никто не знает, что Лэйт не только служащий, но и изобретатель. И что скоро он удивит мир своим необычайно важным изобретением. И, продолжая везти, как лошадь, привычную поклажу деловых хлопот, Лэйт с нетерпением ожидал того часа, когда он вернется к себе домой и вместе с запыленным заводской пылью белым костюмом снимет с себя зва-

ние служащего и наденет скромный серый рабочий наряд изобретателя.

День, как и вчера, как и третьего дня, был душный, жаркий, томительный. Казалось, что само солнце изнемогало от жары и застыло в пути, не будучи в силах опуститься за горизонт. И все же и этот тропически жаркий и полярно длинный день окончился. Лэйт бросился в автомобиль и теперь мог улыбаться до самого дома, не боясь оскорбить никого. Довольно! Нет больше служащего. Стоп!

Через десять минут Лэйт вышел из дома в простом сером костюме и вывел из гаража маленький двухместный «Форд», «дорожную вошь», как полупрезрительно-полунасмешливо называют в Америке эту машину. Шоколадного цвета дог Босс прыгнул в кузов, Лэйт сел у руля и без шофера двинулся в путь.

Он ехал по благоухающим лимонным и апельсинным плантациям Помонской долины, по полям, мимо огородов и виноградников, оставил в стороне свой завод и выехал на дорогу, которая вела к заброшенным Нефтяным промыслам. Здесь было тихо и пустынно, как на старом кладбище. Жадные машины, как спруты, высосали всю нефть до последней капли и бросили мертвое тело промыслов. Медленно разрушались вышки. Дороги и тропинки зарастали сорной травой.

Солнце зашло, от далеких гор потянуло холодком. Но все же воздух был еще жарок. На бледном вечернем небе хилым светом светил молодой месяц и недалеко от него сверкала звезда. Лэйт, уменьшив ход машины, доехал до конца промыслов и остановился у нефтяной вышки.

Стоп! Босс выскочил из машины и начал бегать вокруг вышки, потом, потянув ноздрями воздух, заворчал.

— Молчи, Босс, тут никого нет! — сказал Лэйт и поднялся в сбитое из тонких досок небольшое машинное отделение, стоявшее на изоляторах. Скоро оттуда раздалось мерное гудение мотора. На вертикальном стержне, изолированном от крыши, виднелся электрод, имевший форму правильного двенадцатигранника с остриями на конце. Каждая грань представляла собой правильный пятиугольник.

Скоро Лэйт вышел из машинного отделения и, закури́в сигару, стал поглядывать на безоблачное небо. Ветер перестал тянуть с далеких гор. Воздух был совершенно недвижим. Дым сигары поднимался вверх, как в комнате. Лэйт выпустил дымовое колечко, и оно полетело вверх, медленно расширяясь. И в то же время, подобно этому дымовому кольцу, появилось слабое туманное кольцо в небе над нефтяной вышкой. Кольцо это все больше и больше уплотнялось и стало похоже на облако, но только облако необычайной формы: круглое и с дырой посередине, похожее на бублик или круглый пряник. Босс вновь залаял. Сегодня что-то беспокоило собаку. Может быть, она почуяла какого-нибудь мелкого зверька?..

А облако все уплотнялось, расширялось, темнело. Вот оно покрыло собою звезду. Вот закрыло край месяца. И вдруг из облака начал падать дождь — сначала редкий, капля за каплей, а потом все более частый. Иссохшая земля жадно впитывала в себя каждую каплю. Лэйт улыбался все шире и, наконец, рассмеялся смехом человека, довольного собой. И вдруг ему показалось, что какое-то странное эхо повторило его смех. В ту же минуту Босс неистово залаял и бросился к соседней вышке.

— Уберите собаку! — послышался испуганный мужской голос, и, когда Лэйт

позвал к себе хорошо выдрессированного дога и уложил его у своих ног, из-за соседней вышки вышел молодой человек в клетчатом костюме, кепи, с футляром от фотографического аппарата, перекинутым через плечо на ремешке. Вспышкой магния он вызвал у Босса новый приступ лая и отрекомендовался корреспондентом газеты.

— А вот мы и выследили вас, мистер Лэйт! — сказал он, смеясь и в то же время опасливо поглядывая на собаку.

— у Вы могли бы это сделать гораздо раньше. Вы заставили себя ждать, мистер корреспондент, — ответил Лэйт. — Мои опыты вполне успешно закончены две недели тому назад. Завтра можете сообщить сенсационное известие о том, что проблема искусственного дождевания разрешена. Больше мы не зависим от капризов неба. Мы теперь будем повелевать тучами. Но вы промокнете в своем легком костюме. Я могу прекратить дождь.

— О, нет, зачем же! А впрочем, пожалуйста. Интересно посмотреть, как слушается вас небо.

Лэйт остановил мотор. Через несколько минут дождь перестал, бубликообразное облачко начало бледнеть и наконец совсем растаяло.

— Изумительно! — воскликнул корреспондент. — Вы, мистер Лэйт, перевернете все климаты, измените лицо Земли. Вы... вы... У меня не хватает слов. Одним словом, фельетоны в тысячи слов обеспечены! Позвольте узнать подробности. Впрочем, нет, начнем с вас лично. Вашей биографии...

Застрочил карандаш, испещряя страницы блокнота иероглифами стенографической записи. Лэйт делался знаменитым.

Теплая компания

Наутро у Лэйта было много хлопот. Корреспонденты. Откуда их столько набралось? Слуга Джим не спал из-за них всю ночь. Подобно неприятельским войскам, они осадили дом со стороны сада, ожидая выхода Лэйта. Их молниеносные орудия — фотозеркалки и «лейки» — были направлены на выходную дверь. И Лэйту вновь пришлось говорить о себе и о своем изобретении. Да, он считает это величайшим изобретением, которое благодетельствует человечество. Владеть и управлять климатом — это значит владеть и управлять производительными силами земли. Не только Калифорния страдает от засухи. В Штатах, в Южной Америке есть немало засушливых районов и пустынь, которые можно будет превратить в цветущие сады и тучные нивы. Наши земледельцы забудут о том, что значит слово «недород», «неурожай».

— И очень плохо, если забудут. Своевременный неурожай — прекрасная вещь.

Лэйт прервал свою речь и посмотрел на человека, который сказал странные слова. Корреспонденты также повернули головы.

Полный, солидный, без блокнота и фотоаппарата, этот сторонник своевременных неурожаев мало походил на газетных корреспондентов. Он сидел, сложив красные пухлые руки на округлом животе и сонно опустив веки. Быть может, он сболтнул глупую фразу со сна? На всякий случай один корреспондент направил на него объектив аппарата и щелкнул. Остальные фотографы тотчас последовали примеру первого. На всякий случай. А незнакомец, не обращая на них ни малейшего внимания, казалось, погрузился в сон. Он сидел неподвижно, не проронив ни слова до тех пор, пока интервью не окончилось и шумная ватага корреспондентов не вышла из сада. Тогда человек с красны-

ми руками ожил, поднял свои тяжелые веки и сказал:

— Мистер Лэйт, я не отказываюсь от своих слов. Неурожай иногда приходит очень кстати.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать, — ответил Лэйт. — Мне кажется, что неурожай всегда несчастье и бедствие.

— Смотря для кого, — усмехнувшись, возразил незнакомец. — Моя фамилия Гайдн. Это между прочим. К музыке никакого отношения не имею. Так вот в чем дело. Вы забыли о хлебных ценах, мистер Лэйт. Если хлеба родится слишком много, цены на него падают, и многие хлебные торговцы даже разоряются.

— Спекулянты?

— Коммерсанты, я предпочитаю это слово. Иногда только неурожай спасает целую страну от экономического кризиса. И если бы в моих руках оказалось средство управлять погодой, я по желанию мог бы создавать то урожай, то неурожай. В нужную минуту, если не подспеет засуха, я мог бы сгноить хлеб на полях при помощи дождей. И таким образом я управлял бы хлебными ценами. Это было бы великолепно. Вы заинтересовали меня вашим изобретением. Я покупаю его у вас. Я оптовик-хлеботорговец, как вы, вероятно, уже догадались. Сколько вы хотите за ваше изобретение? Для начала, если вы не называете своей цены, я могу предложить вам двадцать тысяч долларов.

Двадцать тысяч и один! — крикнул, как на аукционе, высоким фальцетом рыжий человек с баками, в клетчатом костюме, незаметно подошедший по садовой дорожке.

— Тридцать тысяч, — бросил Гайдн, не поворачивая головы.

— Тридцать тысяч и один, — отозвался рыжий.

— Сто.

— Сто и один!

Гайдн повернул голову вполоборота и спросил:

— Может быть, мы войдем в компанию? У вас есть план, мистер...

— Ньютон. Такова моя фамилия. К астрономии никакого отношения не имею. План? Разумеется, есть план. Использовать изобретение мистера Лэйта вместо душа, а также для полива роз моей почтенной тещи. Ха-ха! Как бы не так. Вы хотите знать мой план? Извольте. Я имею контору по продаже земельных участков. Так вот. Я скуплю все засушливые районы и пустыни и при помощи искусственного орошения превращу их в культурные земли. Пустыни скуплю за гроши, а орошенные земли продам за тысячи! А когда у меня их купят, я прекращу дождевание. Стоп! Хотите урожая? Платите мне за дождь или переплачивайте на устройстве колодцев, если только вам удастся найти воду в пустыне. И они будут мне платить дождевую подать. Это даст мне хорошенькую ренту.

Гайдн посопел носом, подумал и сказал:

— Недурно придумано. Пожалуй, мы сойдемся с вами.

— Возможно, что вы, мистеры, и сойдетесь друг с другом, но только не со мной, — вмешался Лэйт, о котором два спекулянта, казалось, и забыли. И теперь Гайдн несколько удивленно поднял на Лэйта глаза.

— Вас не удовлетворяет сумма в сто тысяч долларов? — спросил он.

— Меня совершенно не удовлетворяют те цели, для которых вы хотите использовать мое изобретение, — ответил Лэйт. — Я создавал мой аппарат не

для того, чтобы наживались спекулянты за счет голодающих бедняков.

— Но ведь всякое изобретение, как и всякое предприятие, преследует только одну цель: личное обогащение! — с убеждением сказал Гайдн.

Ньютон кивком головы выразил свое полное согласие с этим мнением.

— Простите, но я вообще не собираюсь продавать свое изобретение, — сухо ответил Лэйт, не желая вступать с посетителями в пререкания. Отвесив поклон, он направился к ступеням веранды, желая этим показать, что разговор окончен.

— Двести тысяч! — крикнул вдогонку Гайдн.

— Пятьсот! Миллион! — взвизгнул Ньютон своим тонким фальцетом.

Лэйт скрылся за дверью. Гайдн и Ньютон, раздосадованные неудачей, направились к выходу, обсуждая нелепое, по их мнению, поведение Лэйта.

— Да он блажной! — крикнул, не стесняясь, Гайдн.

— У этих изобретателей всегда каких-то винтиков в голове не хватает, — согласился Ньютон.

Лэйт был возмущен и огорчен. Он ходил по своему кабинету и шептал:

— Возмутительно! Возмутительно!..

О том ли он мечтал в тихие теплые летние ночи на заброшенной нефтяной вышке, делая опыты искусственного дождевания? Он думал, что за искусственный дождь фермеры будут благословлять и прославлять его, как «кудесника» Бэрбан-ка. Лэйт имел право на звание благодетеля человечества. Он думал, что его изобретение увеличит благосостояние людей, накормит голодных... Но вот являются эти спекулянты и заявляют, что его изобретение нужно им только для того, чтобы уничтожить хлеб на корню и эксплуатировать несчастных фермеров.

— Нет, никогда! — проговорил Лэйт. — Уж лучше я разрушу всю машину собственными руками, разорву и сожгу все чертежи, чем допущу...

— Разрешите представиться, Фарсон. Представитель компании по устройству колодцев с электронасосами — Фарсон, Дойс и Ко...

Перед Лэйтом стоял новый посетитель — бритый корректный старичок с густыми седыми волосами, в сером костюме, с серой фетровой шляпой в руках.

— В деловых отношениях, — сказал он, ласково улыбаясь и показывая прекрасные фарфоровые зубы, — я привык идти прямым путем. Говорят, прямота и честность — лучшая политика. Я, то есть мы: Фарсон, Дойс и компания, читали в газетах о вашем изумительном изобретении. Оно прекрасно, великолепно, но, увы, не для всех. Оно угрожает нам, нашим интересам. В настоящее время дела нашей компании идут великолепно. Без наших колодцев, вы знаете, в этой засушливой стране не было бы ни земледелия, ни огородничества, ни садоводства, ни лимонных и апельсиновых плантаций. Мы, можно сказать, оживляем страну.

Мы — благодетели края. Но что будет, если вы пустите в ход свое искусственное дождевание? Увы, увы! Вы составите нам конкуренцию. Никто больше не станет применять наших, правду сказать, недешево стоящих колодцев. Вы убьете нас, раздавите, сотрете в порошок. Ваш дождь губителен, смертоносен для нас. Кому нужны будут наши колодцы, если с неба будет падать настоящий дождь, несущий не только влагу, но и удобрение[97]. Мы обречены. — И Фарсон даже приложил шелковый платочек к глазам, как бы вытирая слезы

огорчения. — Но мы жить хотим, молодой человек! — прервал он меланхолическую паузу и улыбнулся, снова сверкнув фарфоровыми зубами. — Да, мы жить хотим, и потому я пришел к вам. Вы хорошо придумали и за эту выдумку должны иметь свою награду. Мы вознаградим вас. Продайте нам ваше изобретение, чтобы мы могли эксплуатировать его.

— Я не собираюсь продавать его для эксплуатации.

— В таком случае продайте нам патент только для того, чтобы никто другой не использовал ваше изобретение. А мы можем дать вам подписку, обязательство, все, что хотите, в том, что мы не применим на практике вашего изобретения. Мы просто похороним его по первому разряду, вот и все, чтобы оно не мешало нам и не угрожало нашим колодцам и нашему предприятию.

«Ступайте вон!» — хотелось крикнуть Лэйту на ласкового старичка, но он сдержался и сказал:

— Я подумаю. Я сообщу вам ответ через день-другой. — И он начал вежливо, но энергично выпроваживать старичка.

Проклятие! У Лэйта не было выхода. Этот мир был так устроен, что, даже уничтожая свое ценное изобретение, Лэйт оказывал услугу алчным коммерсантам, которые готовы были сами заплатить за это уничтожение!

Лэйт в волнении остановился у окна. Вот еще новые гости идут по дорожке сада и поднимаются на веранду. Бронзовые, загорелые лица, мешковатые костюмы. У одного широкополая шляпа, хлыст в руке и ботфорты. Фермеры? Плантаторы? Входят. Рекомендуются. Говорят быстро, перебивая друг друга, так что трудно разобрать, кто из них говорит, кто молчит.

— Фэнг. Джемс, — тараторит говорящая двойня. — А старая крыса Фарсон уже был? Надеемся, вы не продали этому пауку ваше изобретение? Фарсон, Дойс и компания! Спруты, которые высасывают при помощи своих электронасосов все соки из нас — бедных фермеров и плантаторов. Этот маленький добренький Фарсон, этот милый старичок — человек, не знающий жалости к своим должникам. Продайте лучше ваше изобретение нашей компании лимонных плантаций. Наше дело чистое. В июле-августе нашим лимонам очень нужны дожди, а их нет и нет. Колодцы пересохли. Даже фарсоновские насосы ничего не могут извлечь из колодцев, кроме грязи. И лимоны не имеют ни настоящей сочности, ни величины. Нам нужен ваш дождь, и мы купим его, если только он окажется достаточно мокрым и достаточно послушным. Мы хотим видеть ваш аппарат в действии.

«Это, по крайней мере, настоящие покупатели, — подумал Лэйт. — Они используют мой аппарат по прямому назначению».

И он решил продать им аппарат для искусственного дождевания. Условились о времени и месте производства публичного опыта. По просьбе Фэнга и Джемса аппарат был перевезен на лимонную плантацию и поставлен на временной деревянной башенке. Все расходы по перевозке и установке Лэйт принял на себя, так как он не сомневался в том, что аппарат покажет себя с лучшей стороны. И все же Лэйт волновался вновь перед опытами.

Развенчанный герой

Проснулся он очень рано, еще до восхода солнца, и когда пришел на место производства опыта к небольшому холму, стоявшему посреди лимонной рощи, то был очень удивлен, увидев, что там уже собралось много народу. Вездесущие корреспонденты, окрестные фермеры, плантаторы с женами и

детьми, местные власти, зеваки, приехавшие из соседнего городка, покрывали собою склоны холма. Дорога на большом расстоянии была заполнена прибывающими автомобилями. В первых рядах Лэйт увидел Гайдна, Ньютона, Фарсона, Дой-са, Фэнга, Джемса — всех претендентов на его изобретение. Резко выделялась черная фигура местного патера, прибывшего с тайной надеждой увидеть посрамление человеческой гордыни. Повелевать дождем! Разве это не посягательство на божьи права? Но надежда на посрамление не оправдалась. Лэйт уверенной рукой привел в действие мотор, и скоро над изумленными зрителями появилось облачко и пошел дождь. Чудо совершилось. Человек победил небо.

— Ура-а-а! — прокатился по толпе восторженный крик. Многие подняли вверх руки, хватали капли дождя и растирали меж пальцев, как бы желая убедиться, настоящий ли дождь. Обмана не было. Дождь, самый настоящий, смачивал платя, лицо и руки. Плотные листья лимонных деревьев и желтые плоды заблестели свежим лаком, жадно впитывая в себя влагу. Не чудесно ли? Дождь шел только над лимонной плантацией, орошая площадь примерно в квадратный километр, тогда как кругом было безоблачное небо и палящее солнце иссушало окрестности. Там деревья и злаки склоняли истомленные зноем листья и стебли.

— Стоп! — крикнул Фэнг.

— Довольно, — отозвался с другой стороны круга Джемс.

Лэйт остановил мотор. Туча начала бледнеть и таять.

Дождь прекратился. Скоро над собравшимися людьми засияло солнце.

— Bravo! — загремели голоса и аплодисменты.

— Бис! Бис! Бис!

— Вам придется повторить, — сказал Фэнг, подходя к Лэйту и пожимая ему руку у локтя. — Молодец, Лэйт! Молодец, изобретатель! А ну-ка, еще один дождик! Не истощились ли небесные запасы?

Сияющий Лэйт вновь пустил мотор, и вновь образовалась туча, похожая на бублик, и пошел дождь. Но тут случилось непредвиденное обстоятельство, давшее некоторое удовлетворение патеру. Откуда-то вдруг подул ветерок. Круглая туча растянулась в эллипс и медленно двинулась, продолжая сеять дождь.

Скоро она перешла границу лимонной плантации и пролилась ливнем над созревающим пшеничным полем. Это вызвало настоящий переполох среди фермеров.

— Стойте! Перестаньте! — кричали они, иступленно поднимая руки. Перестаньте! Нам не нужно дождя! Вы погубите наш урожай! Прекратите дождь — или вы ответите за убытки.

Лэйт остановил мотор. Настроение толпы резко изменилось уже не в пользу Лэйта.

— Это что же такое? Из-за фэнговских лимонов мы должны погубить свои поля? Подмачивать пшеницу? Они хотят сделать кислым наш виноград? Долой искусственный дождь! Долой Лэйта и Фэнга!.. Платите убытки!..

И та самая толпа, которая всего несколько минут тому назад готова была носить Лэйта на руках, как триумфатора, теперь угрожающе потрясала в его сторону кулаками. Полиции с трудом удалось восстановить порядок. Толпа хотела разрушить аппарат искусственного дождевания. Агенты Фарсона и Дойса

поработали вовсю, чтобы вооружить толпу против Лэйта и его изобретения.

Когда возбужденная толпа наконец разошлась, Фэнг обратился к Лэйту с такой речью:

— Ваше изобретение прекрасно, и мы не отказываемся и сейчас купить его. Вы победили стихию дождя, она повинуется вам. Но, к сожалению, вы еще не победили стихию ветра. И в результате может получаться то, что случилось сегодня: ваш дождь будет портить урожаи соседних виноградников, полей и огородов. Кто же будет плати им за убытки? Если вы возьмете эту ответственность на себя, то мы не прочь купить ваш дождь.

— Я не могу взять на себя такой ответственности, — сказал Лэйт и отдал распоряжение перевезти на место аппарат. А сам уселся в свой маленький автомобиль и, ни с кем не простившись, уехал к себе.

И там, в своем рабочем кабинете, он отдался отчаянью.

Как будто какой-то рок преследовал его изобретение! Вопреки всем ожиданиям, выходило так, что оно приносило больше вреда, чем пользы. Сколько надежд разбито, сколько потрачено понапрасну волнений, бессонных ночей, денег, времени! Но теперь довольно! Лэйт покончит навсегда с изобретательством и займется своей прозаической работой, службой на цементном заводе. Пусть тучи свободно бродят по небу и дождят, когда им заблагорассудится: пусть от засухи гибнут сады и плантации; пусть наживаются спекулянты и проходимцы всех сортов, как наживались они до сих пор на неурожаях и народных бедствиях, Лэйта это не касается. А машину для искусственного дождевания он разобьет на части и постарается забыть о ней как можно скорее. Он никогда не наденет больше серого костюма изобретателя! Вошел мальчик в курточке с блестящими пуговками.

— Почта, сэр.

Да, Лэйт сейчас же отправится на заброшенные нефтяные промыслы и взорвет динамитом свой аппарат.

— Скажи, чтобы подали серый авто.

— Слушаю, сэр.

Мальчик вышел, а Лэйт начал механически перебирать корреспонденцию, думая о том, как он уничтожит сейчас своими руками любимое детище. Как много писем! За последние дни корреспонденция возросла чрезвычайно. Сотни людей запрашивали Лэйта о его изобретении, не удовлетворяясь заметками в газетах и журналах. Одно письмо невольно привлекло внимание Лэйта незнакомой маркой, изображавшей чей-то портрет, и непривычным форматом конверта. Где он видел такой портрет? Ах да, Ленин. Письмо из далекой, неведомой, большевистской России, о которой газеты рассказывают столько ужасов. Кто и о чем может писать ему из этой страны, где он никого не знает? Лэйт заинтересовался, разорвал конверт и начал читать. Ему писал какой-то русский инженер-электрик Ножин, заинтересовавшийся его изобретением.

«Наша страна, — писал Ножин, — страна планового хозяйства. У нас имеется более трех миллионов квадратных километров засушливых земель с плодородной почвой, но в настоящее время бесплодных вследствие недостатка влаги. На десятках и сотнях тысяч гектаров можно было бы применить вашу систему искусственного дождевания для разведения специальных культур».

Письмо было довольно длинное. Но и тех строк, которые прочитал Лэйт, было достаточно для того, чтобы заставить его оживиться. Ему вдруг стало

многое понятно в его американских неудачах. И как-то сразу далекая страна большевиков предстала перед ним в совершенно новом свете. Он вдруг понял все преимущество советского планового хозяйства. Ну да, только там его изобретение может найти полное применение, только там оно способно принести максимальную пользу. Ножин спрашивает, не согласится ли Лэйт приехать в СССР и установить несколько пробных аппаратов для искусственного дождевания. Разумеется, Хорошо, что еще не разрушен его аппарат. И теперь он уж, конечно, не разрушит его.

— Автомобиль подан, — доложил слуга.

— Поставь его на место в гараж. Я не еду! — ответил Лэйт и уселся писать ответ Ножину. В комнату постучались, и, не ожидая ответа, кто-то вошел. Лэйт с неудовольствием обернулся и увидел на пороге рыжего Ньютона.

— Простите, я помешал вам? — спросил спекулянт земельными участками. — Только на два слова!

Лэйт поднялся, медленно подошел к Ньютоному, повернул его лицом к двери и повелительно сказал:

— Ступайте вон!

Чайхана стояла под большим, чистым, тенистым деревом, в том месте, где арык разделялся на два рукава. Здесь была вода и, значит, жизнь. В почти черной тени дерева отдыхали верблюды, кони и ишаки. Загорелые люди в пестрых халатах мирно беседовали, держа в руках большие чашки — пиалы. Часть гостей расположилась под навесом, другие сидели в чайхане на полу. Этот покой полуденного отдыха был нарушен самым неожиданным образом. Где-то вдали послышался рев, от которого верблюды беспокойно замахали длинными шеями, а кони и ишаки, подняв уши, в испуге присели на задние ноги. Рев страшного животного повторился совсем близко, послышалось гуденье, шипенье, и к чайхане подкатила шайтан-арба, невиданная в этих местах. Это был огромный автомобиль, на трех осях которого виднелись двенадцать колес на широчайших шинах. Автомобиль доверху был наполнен странными машинами и чемоданами, среди которых виднелись головы людей. Автомобиль остановился у открытой веранды. Хозяин чайханы выбежал и, отвешивая низкие поклоны, подошел к странной и страшной машине. Только бы она не заревела вновь! Неприятно показать свою трусость. Из автомобиля вышли высокий Лэйт, весь «кожаный» шофер, механик, проводник Ибрагим и маленький, прихрамывающий и косой человек-слуга Джим. Казалось бы странным, что такого уродца взяли в путешествие. Но когда он начал раскладывать на веранде вещи, снятые с автомобиля, и с большой ловкостью готовить ранний обед, всем посетителям чайханы стало ясно, что этот обиженный природой человек справляется со своими обязанностями ничуть не хуже других, здоровых.

Когда путники пообедали и напились чаю, хозяин чайханы подошел к ним с вежливым поклоном и, обратившись к высокому Лэйту, которого, очевидно, считал начальником экспедиции, спросил, куда они направляются и не может ли он быть им полезным. Ибрагим перевел вопросы хозяина на русский язык, а Ножин — с русского на английский, и затем сам ответил хозяину: они идут туда, на юго-восток, в пустыню. Хозяин, а вслед за ним и все его гости, услышав такой ответ, выразили изумление, смешанное с испугом. Идти туда, в эту страну смерти, где нет ни одного живого существа, где только ветер игра-

ет на просторе с зыбучими песками! Туда, откуда никто не возвращался! Хозяин начал отговаривать путников от их безумного предприятия, но они только улыбались и стояли на своем. Они поедут в пустыню на своей большой двенадцатиколесной арбе. И, даже не ожидая, когда спадет зной, они собрались в путь. Косой и кривоногий Джим собрал пожитки, уложил в машину, все сели и тронулись в путь. Оставшиеся в чайхане провожали их такими взглядами, какими провожают обреченных на смерть.

— Люди всегда стараются избежать смерти, а эти люди ищут свою смерть, — высказал хозяин общее мнение, когда автомобиль, переваливаясь на волнах песка, исчез вдали.

А путники смело подвигались вперед. Правду сказать, это было нелегкое путешествие. Зной томил немилосердно. На подъемах, когда колеса машины буксовали, все, кроме шофера, выскакивали из машины и толкали ее плечом. Карты обманывали. Колодцы и оазисы нередко находились далеко от того места, которое отмечалось картой. Однако Лэйт и Ножин стойко переносили все тяготы путешествия.

К концу этого дня подъехали к самой границе мертвой пустыни и решили заночевать, чтобы двинуться в путь с рассветом. Ибрагим нарубил сучьев саксаула — корявого кустарника, растущего в пустыне, и разложил костер. Все улеглись, но не спали. Джим, помогая Ибрагиму поддерживать пламя костра, о чем-то беседовал с ним, прибегая к мимике. Ножин наблюдал за этим странным разговором. Джим как будто в чем-то убеждал Ибрагима и, по-видимому, убедил. Ибрагим кивнул головой, и они замолчали. Через некоторое время Ибрагим подошел к Ножину.

— Товарищ, я взялся провести вас через эту пустыню. Но я боюсь идти туда, потому что эта пустыня проклята Аллахом, и кто пойдет туда, тот не вернется обратно.

— Откуда ты знаешь, что она проклята и за что проклял ее Аллах? — спросил Ножин, скрывая улыбку.

— Нам говорил мулла, а он мудрый, — ответил Ибрагим. — Эта пустыня, — продолжал он, — была некогда садом. Прекрасным садом, где текли реки, журчали ручьи, росли душистые, сочные плоды, а травы были в рост человека. Но люди забыли Аллаха, перестали молиться и посещать мечеть, и Аллах наказал людей. Он сказал: «Вот я отниму воду от этого сада, и он превратится в пустыню». И стало так. И высохли широкие реки, высохли ручьи и колодцы, исчезли арыки, и сад превратился в пустыню, и люди и животные бежали, кто не умер от засухи и голода, в другие места, туда, где есть вода, где жизнь. И теперь никто не смеет безнаказанно переступить границу этой пустыни. Вернись назад, товарищ.

— Ты веришь сказкам, Ибрагим? — с упреком спросил Ножин.

— Это не сказки, — убежденно ответил проводник.

Тогда Ножин решил воздействовать на другие чувства Ибрагима.

— Ты, значит, боишься, Ибрагим. Ты трус!

Ибрагим сверкнул глазами.

— Я никогда не был трусом!

— В таком случае ты пойдешь с нами.

— Пусть будет так. Я пойду. Я иду на верную смерть, и вы тоже. Я предупредил. Пусть будет так. Наши кости выбелит солнце.

Ибрагим отошел. Между ним и Джимом начался вновь странный разговор.

Скоро путники, истомленные дневными трудами и зноем, уснули, но в полночь были разбужены чьими-то стонами. Ножин и Лэйт проснулись. Стонал Джим. Он совсем занемог. Жаловался на боль в животе, на то, что у него ломит руки и ноги, он заявил, что не может двинуться в путь. Он предпочитает вернуться назад и отлежаться в чайхане — дойти туда у него хватит сил.

— Делать нечего, придется отвезти его, — сказал Лэйт.

На этом порешили и вновь улеглись спать.

А когда проснулись с первыми лучами солнца, то не нашли Джима.

— Он не хотел связывать нас, не хотел, чтобы тратили время отвозить его в чайхану, и он отправился один. Это, конечно, благородно, но рискованно с его стороны. Что же, поедем без него!

Громоздкая машина двинулась в путь. Когда в полдень остановились среди зыбучих песков, чтобы отдохнуть, шофер обнаружил, что один бензиновый запасной бак пустой, другой тоже. Оставался только еще один, неполный бак.

Между тем все эти баки были полны. Шофер и механик стали осматривать баки, нет ли течи, и нашли небольшое отверстие, которое могло быть сделано только каким-нибудь острым орудием вроде шила. Это открытие чрезвычайно взволновало всех. Кто мог произвести порчу баков? Только Джим!.. В поспешном бегстве он даже не захватил своего небольшого чемодана. Лэйт раскрыл чемодан, чтобы посмотреть, что там находится. И нашел больше, чем ожидал: шило, небольшой молоток и обрывки писем. На одном клочке бумаги стояла подпись: «Гайдн».

— Теперь для меня все ясно, — сказал Лэйт. — Джим был подкуплен Гайдном. И, может быть, не одним Гайдном. Американские хлебные оптовики, упустив случай купить мое изобретение, поняли, какую оплошность они сделали. Благодаря искусственному дождеванию советский хлеб может убить американских экспортеров, и они принимают все меры к тому, чтобы затруднить признание и применение моего изобретения в СССР. Однако об этом мы еще успеем поговорить. Теперь надо выходить из положения. У нас так мало бензина, что только-только хватит на обратный путь. Вернуться ли нам или же потратить этот бензин для мотора нашей станции искусственного дождевания? Но нам надо еще продвинуться в глубь пустыни, чтобы выполнить опыт при самых неблагоприятных условиях, как я сам это предложил вашему Колхоз-центру и Наркомзему. Здесь, в пустыне, диэлектрический слой воздуха наиболее толст и сух. И если нам удастся пробить слой этого диэлектрика здесь и вызвать дождь, то уж не останется никаких сомнений, что в других местах осуществить искусственное дождевание будет совершенно легко.

— Мы едем дальше, произведем опыт и сообщим по радио о том, чтобы нам доставили сюда на аэроплане бензин для возвращения! — ответил Ножин.

Это было рискованное предприятие, но они ставили на карту все.

Опять двинулись в путь, но через два часа принуждены были остановиться. Началась песчаная буря. К машине подошли, точно призраки, верблюды заблудившегося каравана и в изнеможении упали. Буря прошла скорее, чем можно было ожидать, но люди и животные изнемогали от жажды. До ближайшего колодца было несколько часов пути. Положение казалось почти безнадежным. И вот тут Лэйт и Ножин решили, что пора действовать. Они соорудили небольшую башенку, установили аппарат и объявили людям, которые по-

корно ожидали смерти, лежа возле изнемогавших верблюдов, что сейчас вызовут дождь. Ибрагим покачал недоверчиво головой:

— Здесь никогда не бывает дождя. Аллах запечатал все источники воды на земле и на небе.

— А вот мы заставим Аллаха отпечатать эти источники, — отвечал Ножин.

Мотор заработал. Никогда еще Лэйт не волновался так, как в этот раз. Башня была невысокая, диэлектрический слой должен быть очень толст, сухость воздуха громадна, мотор небольшой мощности. Действительно, более неблагоприятных условий для опыта трудно было придумать. Сейчас решалась окончательно судьба этого ценного изобретения. Все с нетерпением смотрели на небо, хотя Ибрагим и его соотечественники и не верили в чудо. Прошло десять-пятнадцать минут, а небо казалось таким же безоблачным, как всегда. Лэйт начал не на шутку волноваться.

Наконец вверху над ними появилось очень слабое, тонкое туманное кольцо, через которое было видно небо. Но это было начало. Лэйт и Ножин оживились и набрались терпения. Туманное пятно уплотнялось, росло, густело, темнело и наконец превратилось в настоящее облако, совершенно круглое. Мусульмане с суеверным ужасом смотрели то на это облако, то на людей, которые могут совершать такие чудеса, то на их удивительную машину.

И вот случилось чудо. Пошел дождь. Капли дождя ловили руками, пересохшими губами, люди плакали от радости, не веря глазам своим, набирали воду куда только можно, пили и поили верблюдов.

Это была победа, бесспорная и совершенная. Ибрагим подошел к Ножину и крикнул:

— Теперь я знаю! Нет Аллаха! Есть машина и человеческая голова.

А шофер от радости начал гудеть в рожок с такой силой, что верблюды шархнулись в сторону.

— Ну вот видишь, Ибрагим, мы и сняли с этой пустыни проклятие Аллаха. И скоро мы превратим эту проклятую пустыню в зеленый сад.

А через несколько минут радисты Союза принимали радиотелеграмму: «Опыт удался блестяще. Мокнем под дождем. Высылайте аэро немедленно с запасами горючего».

Через несколько недель неутомимые путешественники уже устанавливали башню искусственного дождевания в колхозе на Нижней Волге, и самый настоящий дождь, но искусственно вызванный, через несколько часов поливал удивленные головы колхозников.

Где делают погоду

Таксомотор подкатил к большому новому четырехэтажному зданию на Девичьем поле в Москве и остановился у подъезда с широкими ступенями. Человек с портфелем, бритый, в дорожном кепи и пальто из непромокаемой материи, прежде чем выйти из автомобиля, с любопытством осмотрел здание. Оно было довольно длинное, с огромными, во всю стену, окнами. На крыше здания помещалась высокая антенна, а от боковых стен в разные стороны протянулась густая сеть телефонных и телеграфных проводов. Входная дверь помещалась в небольшой нише. С правой стороны двери помещался большой барометр, с левой — термометр, на высоте второго этажа — часы, а над самой дверью скромная, но внушительная вывеска черного толстого блестящего стекла, на котором четко выделялись пять золотых букв:

ВЦБИД

Шофер нетерпеливо обернулся. Человек с портфелем спросил на ломаном русском языке: «Сколько?» — расплатился, вышел из автомобиля и поднялся по ступеням.

— Можно мне видеть инженера Лэйта? — спросил он швейцара.

— Третий этаж, правый коридор, комната номер семьдесят восемь, — быстро ответил швейцар, провожая посетителя к кабине лифта.

Через минуту человек с портфелем входил в комнату номер семьдесят восемь. Это был довольно просторный, светлый кабинет с большим столом, на котором виднелись разложенные карты СССР и чертежи. Лэйт поднялся из-за стола и спросил по-английски:

— С кем имею честь говорить?

— Смит. Вы не узнали меня? Помните нефтяную вышку в Помонской долине? Помните, я первый выследил вас за опытами искусственного дождевания?

Да, Лэйт вспомнил этого юркого корреспондента, который так разозлил Босса.

— Вот где пришлось нам встретиться вторично, — продолжал корреспондент как будто с некоторым упреком в голосе по адресу Лэйта.

— Кто же в этом виноват? — ответил Лэйт. — Вы хотите осмотреть Веццебид?

— О да. Но прежде всего прошу расшифровать мне эти странные звуки: Веццебид.

— Это очень просто, — ответил Лэйт и сказал по-русски: — Всесоюзное центральное бюро искусственного дождевания, — переведя затем эти слова на английский язык. — Да, признаюсь, ваш брат корреспондент отнимает у меня немало времени. Ну что ж, идем, — покорно закончил он.

И они отправились осматривать ВЦБИД.

Лэйт и Смит спустились вниз и вошли в большой зал.

— Это приемная радиостанция, — пояснял Лэйт. — Машинное отделение находится внизу, сюда же передаются телеграммы и телефонограммы, которые записываются автоматически вот этими аппаратами сразу в нескольких экземплярах. Работающие здесь люди рассылают эти телеграммы пневматической почтой по отделам: Центральному метеорологическому бюро, в контроль, в отдел исполнения, в статистический, экономический и прочее. — Лэйт подошел к одному столу, взял небольшой листок и прочитал: — «1936.6-1,20.18 — 0,30». Это значит, что район, обслуживаемый станцией искусственного дождевания, номер 1936, если не ошибаюсь, она находится около Кругловска, просит дождя на завтра в шесть часов утра в продолжение часа двадцати минут и в шесть часов вечера — на полчаса.

— Простите, а где этот Кругловск?

— Это новый город в хлопковом районе Узбекистана, названный именем товарища Круглова. Искусственное дождевание создало много городов там, где раньше была только одна пустыня. Кстати, если вы увидите мистера Гайдна, то передайте ему от меня, что на том самом месте, где нас предал Косой Джим, надеюсь, хорошо известен мистеру Гайдну, — красуется прекрасный город, утопающий в садах. А вот еще одна телеграмма. Она довольно необычайна: «7 — 5С». Вы знаете, что это значит? Это значит, что седьмая станция просит произвести дождь непрерывно в продолжение пяти суток.

— Но этак вы зальете все поля! — удивился Смит.

— Похоже, что так, — рассмеялся Лэйт. — Дело идет, видно, о том, что мелководье не позволяет сплавить лес по реке. И вот нас просят поднять уровень рек хорошим ливнем в продолжение нескольких суток. А вот еще, смотрите. Новое дело. «А. 499. Т». Если это расшифровать, то получится: «Аэродром номер 499. Туман». Туман, очевидно, мешает посадке аэропланов и дирижаблей. Требуется разогнать туман.

— Вы, значит, занимаетесь не только дождеванием, но и рассеиванием туч и туманов?

— Ну да. Я полагал, что вам известно об этом. Ведь мы свои аппараты для рассеивания тумана употребляем и на море, чтобы предупредить столкновение кораблей. Поднимемся теперь этажом выше, я покажу вам тот центр, где у нас делается погода.

Смит вошел следом за Лэйтом в очень большой зал через боковую дверь. Налево от него были окна во всю стену, а направо — стена, на которой находилась карта СССР в два десятка квадратных метров величиною, нарисованная, по-видимому, на матовом стекле. Смит с любопытством начал рассматривать эту карту. Она была в красках, и Смит сам скоро догадался, что они означали разного рода растительность, злаки, плантации и пр.

— Вот белые хлопковые поля, вот желтоватая рожь, пшеница, вот тучные травы для скота, мериносовых овец.

— Но почему некоторые места на карте, отмеченные номерами, изменяют цвет, то белея, то вдруг синея, и, наконец, вновь возвращаются к первоначальному цвету? — спросил Смит.

— Номера и небольшие точки около них — это все станции искусственного дождевания.

— Так много? — изумился Смит, глядя на карту, всю испещренную точками с номерами.

— Более трех тысяч, — ответил Лэйт. — На карте белеют те пункты, которые просят дождя. Когда аппарат приведен в действие, то пункт на карте синеет, это значит: там дождь идет. А когда дождь оканчивается, все приходит в норму. Вот тот человек, который в настоящее время делает дождь. Познакомьтесь! Инженер и мой друг Ножин, которому я так многим обязан.

Ножин был занят, он только кивнул головой и улыбнулся. Он сидел перед небольшой картой СССР, расположенной на несколько наклонной по направлению к нему доске. На этой карте на месте точек имелись кнопки. Внизу карты перед Ножиним шла непрерывная лента, на которой, в строго хронологическом порядке поступления, шли номера-заказы. Ножин смотрел заказ, перекручивал кнопку «на срок дождевания», как объяснил Лэйт, и нажимал ее. И где-то за тысячи и, может быть, даже десятки тысяч километров начинал идти дождь.

— Скоро мы это упростим. Включение станций в дождевание будет производиться механически.

— Но почему не пускать станции в действие на месте?

— Потому, — ответил Лэйт, — что в таком случае могла бы получиться метеорологическая анархия. Здесь не Американские Штаты, где вся земля поделена на пестрые клочки и где каждый собственник думает только о себе. Климат должен быть регулирован в общесоюзном масштабе. За этим следят наши

метеорологические станции.

— Наши?! — удивился Смит и иронически заметил: — Я вижу, вы очень осоветизировались, мистер.

— А разве того, что вы видите, недостаточно для советизации? — спросил Лэйт, и вдруг вся горечь старой обиды поднялась в нем. — Что дала мне моя родина, кроме огорчения? Что могло там дать мне изобретение, кроме вреда! А здесь — смотрите. Вы видите эти огромные пространства на восток от Каспийского моря?

Вы привыкли видеть их на карте однообразными желтыми пустынями, а теперь смотрите, сколько здесь появилось животворящих точек и сколько поэтому выросло новых агроиндустриальных городов! Но этого мало. Смотрите, и на севере, в Сибири, площадь бесплодной тундры и тайги отодвинулась к Полярному морю. Почему? Потому, что мы смягчили сухой континентальный климат Сибири и Средней Азии, мы сделали его более влажным, полуморским, приближающимся к климату Украины. Этим самым мы изменили внешний вид земли, изменили растительность, расширили пределы культурного земледелия. Мы являемся до некоторой степени диктаторами климата, и если бы захотели, то могли бы, например, всю Индию залить ливнями и изменить климат всего земного шара. Мы производим теперь столько хлеба, что можем накормить им весь мир. Идемте дальше. То, что входит в наше сознание через глаза, действует сильнее, чем то, что идет в мозг через уши. Я покажу комнату контроля.

Лэйт ввел Смита в темную комнату, усадил на кресло, сам подошел к стене, закрытой шторой, повозился, пошуршал чем-то, и вдруг Смит увидел, что штора открылась и появился экран, а на нем виднелось синее небо и поля еще зеленой пшеницы. Посередине поля стояла башня для искусственного дождевания. И Смит мог любоваться, как над нею образовалось облако и пошел дождь. Штора закрылась, открылась вновь, и Смит увидал рисовые поля, обильно поливаемые ливнем. Еще раз темнота, и перед ним река в лесу. Бушующий ливень поднял уровень реки, и по ней идут плоты.

— А за неделю перед этим по этой реке могла перейти курица, — пояснил Лэйт.

И вот еще один поворот волшебной рукоятки Смит ничего не видит, кроме тумана. Но туман вдруг начинает расходиться. Вот видны ангары. Вот причальная башня дирижабля.

С неба вдруг спускаются стальные птицы, а вдали виднеется подлетающая длинная сигара дирижабля. Аппарат разогнал туман, и воздушные корабли уверенно спускаются на землю. Смит поражен. Даже восхищен. Но профессиональная выдержка и национальная гордость не позволяют ему высказать волнующие его чувства.

— Да, — говорит он, поднимаясь, — вы добились больших успехов, мистер. И можно только пожалеть, что все, что я вижу, происходит не в Америке.

— Что ж, дело поправимо, — ответил Лэйт. — Вводите у себя плановое хозяйство, уничтожьте частную собственность на землю, тогда и вы сможете применить мое изобретение на благо всем. Так и передайте это моим почтенным согражданам: Гайднам, Фарсонам, Ньютонам, Дойсам и прочей компании.

Зеленая симфония

Предисловие редакции

«Перспективные очерки» А. Ром «Зеленая симфония» не являются фантастикой в обычном смысле этого слова. Большинство наших читателей, вероятно, уже знают о Зеленом городе по газетным статьям. Акционерное общество с капиталом в несколько десятков миллионов рублей начало уже работы первой очереди. К работам привлечены преимущественно молодые советские архитекторы, творчество которых наиболее созвучно нашей эпохе и не связано традициями со старым, буржуазным архитектурным искусством. По материалам этих архитекторов, пояснительным запискам к проекту Зеленого города гг. Гинзбурга, Ладовского, Мельникова, Фридмана и других и был составлен очерк А. Ром. Разумеется, и этот очерк — только «примерная прикидка». Зеленый город, в окончательном своем оформлении, возможно, будет иметь несколько иной вид, особенно в деталях. Но основы, принципы уже твердо намечены, и в этом смысле очерк едва ли во многом погрешит против «действительности завтрашнего дня».

Очерк первый ГОРОД ВОШЕЛ В КОМНАТУ

— Жена, оставь кухню. Пусть примус мирно спит. Мы сегодня едем за город. С ребятами, конечно.

Жена рада и не рада. Она любит природу, но... плохая прогулка с тремя маленькими детьми! Вижу: взяла наш «экскурсионный» фибровый чемодан. Будет набивать его до отказа бутербродами, бутылкой с водой, бутылочкой с молоком для Ванюшки...

Жена у меня провинциалка. Впрочем, я тоже провинциал, но она — больше. Я в Москве уже полгода, а жена лишь недавно приехала из рязанской глуши. Я хочу поразить ее, и для этого у меня припасен хороший сюрприз.

— Оставь чемоданчик. Не бери завтрак. Мы едем в город. Там все будет.

— Мне послышалось, ты сказал — мы едем за город?

— Да, я сказал так. Мы едем за город, но в город. Мы едем слушать зеленую симфонию. Мы едем в Зеленый город.

— Почему зеленый? — спрашивает Аня. — Там все зеленое? И дома и люди?

— Да, там все зеленое. И дома и люди. Там зеленая жизнь. Там даже шум зеленый. «Идет-гудет Зеленый шум, Зеленый шум — весенний шум». Мы можем ехать туда и по железной дороге, в электрическом поезде, и в автобусе, и на автомобиле, а скоро полетим на аэроплане. На чем вы хотите ехать?

И дети ответили хором:

— На автомобиле!

Решено и подписано. Мы поедем по автостраде. Не подумайте, что «страда» происходит от слова «страдать». «Страда» — значит дорога. Автострада — дорога, специально сделанная для автомобилей. На таких дорогах авто страдают меньше всего. Да вот вы сами увидите!

Одеваемся, выходим. Я, жена, Аня, Маня, Ваня (на руках жены). Обычная картина. Дети «дергают», жена злится. И до автостанции тоже все обычное, надоевшее. Давка. Переполненные трамваи. Несмотря на открытые окна, особый специфический запах трамваев — запах человеческих испарений.

Но вот и автомобильная станция. Из гаража выезжает новенький дежурный автомобиль. Перед нами широченная, уходящая вдаль, как атласная лента, гудронированная гладкая дорога — автострада. Она разделена белыми полосами на несколько продольных рядов. Усаживаемся. Я заказываю шоферу наибольшую скорость.

Машина дрогнула, рванулась вперед. И тут началась сказка, увлекательная сказка, в которой нет ни доли вымысла.

Ветер в лицо. Каждый молниеносный поворот автомобильных колес уносит нас все дальше от душной, тесной, хаотической, нелепо построенной Москвы с ее архитектурным дворянско-купеческо-советским столпотворением. Дальше от кухонь, постирушек, соседских сплетен, шипящих примусов, детского плача, чада, от всего нудного, скучного, серого наследия вчерашнего дня. Мы едем в «завтра»!

Ветер в лицо. Машина мчит так плавно, быстро, стремительно, что кажется — мы летим над землей. Вот виднеется Ярославское шоссе. По нему теперь идут только грузы. Рядом — специальная дорожка для мотоциклетов. Дальше — для велосипедистов. «Сколько их, куда их гонит!..» Своею сумасшедшей скоростью мы заставляем велосипедистов как бы отлетать назад. Вдоль автострады мелькают дачные домики, отгороженные друг от друга, похожие на курятники. Мимо людских курятников! Вперед!

Ветер в лицо. Густая аллея отделяет автостраду от «старой» Северной железной дороги с ее дымными паровозами и новой — электрической. Вагоны мелькают взад и вперед почти непрерывно. Ветер в лицо. Свежий, бодрящий, радостный. Я оглядываюсь назад. Ни малейшей пыли. Как прекрасно это ощущение полета! Так вот что значит настоящая езда на автомобиле! А мы-то, несчастные, принимали за нее московскую таксомоторную и автобусную тряску!

Аня внимательно смотрит по сторонам. Маня жмурится на ярком солнце. У жены такое выражение, словно она кружится на карусели: радостно и жутко. А Ванюшка задремал. Он может не смотреть. Ведь он самый маленький, значит — самый «завтрашний», самый будущий человек будущего. Когда он вырастет, эта быстрая езда, свежий, бодрящий воздух и просторы полей станут его бытом, повседневным явлением его повседневной жизни.

Аллеи по сторонам все гуще. А вот и целые рощи обступили дорогу. Неожиданно мы влетаем на большую площадь парка и видим перед собою оригинальное здание автостанции. Приехали! Так скоро! Немного жалко расставаться с нашей машиной...

Входим в помещение станции. Полукруглый зал с окнами во всю стену. Они открыты. Здесь пахнет не станцией, а лесом. Прямо перед окнами — деревья. И поэтому в зале на всем зеленоватый оттенок. В самом деле — здесь, в Зеленом городе, все зелено — и стены, и мебель, и люди!

Зеленый юноша подходит ко мне и говорит:

— Вы можете принять душ, освежиться с дороги, если хотите, — и указывает на дверь в стене.

Я благодарю, но отказываюсь: это можно сделать потом. Ехать было не жарко и не пыльно.

Проходим в столовую. Жена заказывает завтрак для детей. Фибровый чемодан может мирно покоиться в нашей московской квартире: столовая обеспе-

чена всем необходимым.

Мы проходим мимо читального зала. Сквозь открытое окно видны лаун-теннисные и волейбольные площадки. Молодежь, только что приехавшая из города, уже увлекается игрой. Но мы с большим «багажом» и потому, не задерживаясь на автостанции, идем к жилым ячейкам.

Автостанцию с жилыми строениями соединяет пешеходная дорожка под навесом, на случай дождя. По сторонам — кусты сирени, клумбы, изумрудные лужайки и манящие вдаль извивающиеся дорожки. Я заметил: здесь почти нет прямых линий. Это очень приятно для глаза, утомленного прямолинейностью городских улиц и домов. Кустарники и целые лесные массивы «окультуривированы». Только здесь я впервые оценил прекрасное искусство разбивки парков, эту своеобразную отрасль архитектуры и скульптуры, работающей над пластичным растительным материалом. Вот зеленые каскады низвергаются на луг. Вот мы вошли в зеленый туннель. Стены и свод туннеля раздвигаются, и мы выходим в широкий амфитеатр. А вот купы кустарников и деревьев образовали скалистый остров среди ярко-красного моря пылающих маков. Жена и дети не перестают восхищаться. Даже «человек будущего» — Ванюшка — очарован и тянет ручонку к красным цветам.

Мы подходим к жилым ячейкам. Станный вид представляют они. Какие-то свайные постройки, бесконечно тянущийся вдоль дорожных магистралей второй этаж на столбах. А вместо первого — сквозной проход, который может быть превращен в веранду. Вместе с тем это крытое пространство является как бы улицей под навесом, укрывающим путника от снега и дождя.

Мы проходим под этой своеобразной свайной постройкой на другую сторону. Я бросаю взгляд на уходящий вдаль «дом-ленту». То, что я вижу, нельзя назвать улицей: свайные постройки не вытянуты скучной прямой линией. Они следуют за всеми изгибами пути и подчиняются всем капризам топографии. Встречая холм, лента взбегаёт по нему уступами, наталкиваясь на небольшое озеро, огибает его, а попадая в лесную чащу, разрывается отдельными звеньями.

Дорожкой под навесом мы направляемся в ясли.

Небольшая группа малышей копается гольшом, в небольших передничках, как маленькие дикари, в грудях чистого, сухого желтого речного песка. Воспитательница в белом халате радушно встречает нашего Ванюшку и как-то сразу располагает его к себе. Мальчик охотно сползает с рук матери на песок. Воспитательница быстро снимает с него костюмчик, раздевает и повязывает маленьким передничком. Через минуту Ванюшка становится уже правским туземцем. Вооружившись деревянными чашечками, он зарывается в песок. Аня и Маня не прочь присоединиться к играющим, но для больших девочек найдется кое-что позанятнее этой кучи песку.

Жена улыбается и с несколько смущенной улыбкой отходит.

С Аней и Маней вышло проще. Детский сад такое занятное местечко, что и сам не прочь посидеть там подольше среди детворы. Вот где жизнь бьет ключом! И чего только тут нет к услугам детишек! Качели, карусели, прыгалки, живые ослики, запряженные в экипаж, настоящая маленькая железная дорога, мячи, гамаки, летающие модели аэропланов, беседки, маленькие домики с такой же маленькой мебелью, огороды, курятники, птичьи дворы, кролики, зверюшки... Группы играющих детей, веселый детский смех, хоровые пес-

ни, солнце, цветы, зелень, простор.

— Я думаю, дети здесь не соскучатся! — сказала жена. И улыбка у нее была уже другая. Не смущенная и не растерянная.

— Идем, я покажу тебе твою комнату, — говорю я ей.

Это тоже странно и ново. У нее будет совершенно отдельная комната, с отдельным входом. Но наши комнаты смежные, мы можем открыть двери и сделать из двух одну большую общую комнату.

Входим под свайную постройку, поднимаемся по лестнице, проходим коридором. Небольшая комната. Мы видим — письменный стол, два стула, складная кровать, шкаф в стене. Ничего лишнего. Над столом, на длинной дуге, колпак электрической лампы, похожий на склоненный цветок подснежника. На столе — пишущая машина.

— Зачем? — спрашивает жена.

— Если ты захочешь написать письмо, — отвечаю я. — Ведь здесь мы учимся новому быту, а в новом быту мы все будем писать на пишущих машинках. Это гораздо скорее и удобнее.

Наружные стены комнаты превращены в сплошные окна — от пола до потолка. Потоки света. А если открыть окна, то получается идеальное сквозное проветривание. Строго говоря, окна не открываются — они складываются гармоникой, и... комната перестает быть комнатой — превращается в крытую площадку, как бы растворяется в природе. Я подошел к окнам и свернул их. И вот Зеленый город вошел в комнату, а комната стала частью Зеленого города. Перед нами ничем не заслоненные лесные массивы. Чистый смолистый воздух наполняет комнату, солнце затопляет ее своими лучами.

— Как хорошо! — говорит жена. — Настоящее лесное гнездо. Здесь чувствуешь себя как на ветке! — Но тут же одна мысль заставила ее насторожиться. Она подошла к стене и спросила: — А соседи не будут мешать?

— Не беспокойся. Во-первых, стены здесь звуконепроницаемы. При постройке на это было обращено особое внимание. Во-вторых, жители Зеленого города — временные и постоянные — уже научились уважать покой друг друга. А в-третьих, соседи у тебя не опасные: с этой стороны помещаюсь я, а там — Варя.

Для жены это было приятной неожиданностью. Варя — ее подруга, с которой она вместе росла.

Мы сговорились, как будем проводить время. До обеда — «развод». Жена будет с Варей, я хочу немного позаниматься, а потом отправлюсь бродить. Обедаем вместе. После обеда идем гулять с детьми в зоопарк.

Я прошел в свою комнату, открыл окна, полил цветы в ящиках перед окнами — я уже второй раз был в Зеленом городе и чувствовал себя старожилом, — затем принял душ и уселся за небольшой письменный стол. Мне хотелось немного поработать, а голова нигде не работает так хорошо, как в деревенской тиши. Я говорю «в тиши» — и это правда. Зеленый город может одновременно вместить в себе до ста тысяч человек — и все же здесь очень тихо. Это совсем не значит, что в Зеленом городе надо говорить шепотом, что здесь нельзя повеселиться, громко поговорить, посмеяться, даже попеть. Все это можно, но не везде.

Я сижу над английской книгой, перевожу.

Глава окончена. Одиннадцать утра. Как хорошо! Еще много часов пребыва-

ния в Зеленом городе. Захлопываю книгу и отправляюсь бродить куда глаза глядят... а вернее — куда заведут меня дорожки. Дорожки Зеленого города всегда являются для меня непреодолимым магнитом. Они манят, обещают, зовут. Что дальше? Что ждет меня вот за этим поворотом? И дорожка не обманывает. Поворот всегда открывает что-нибудь неожиданное, интересное.

Дом. Станный дом, длинный, в один этаж, построенный спиралью. Он свернулся, как улитка, и будто заснул, пригретый солнышком.

Дикий овраг, темная зелень, и на ней — неожиданно яркие пятна красной гвоздики. Эти контрасты нетронутого, девственного леса и парковой культуры особенно поражают и восхищают.

А дорожка вьется все дальше и дальше. Вот она скользит по краю обрыва, поднимается на бугор, ведет по легкому, изящному мостику через речку и вонзается в сосновый бор. Здесь темно и тихо. На такой лесной дорожке, кажется, можно встретить медведя. Но вместо косматого отшельника вы неожиданно видите большое стеклянное здание несколько необычной формы — три этажа идут несколько вкось, наслаиваясь друг на друга... Опять лес — и снова поляна, и снова дом невиданной архитектуры. Длинный, он как будто сломан землетрясением на три равных части. Средняя часть стоит прямо, а боковые наклонно к концам.

Станный дом, а на доме еще более странная надпись:

СОННАЯ СОНАТА

Это — «фабрика сна». Здесь изготавливают крепкий, здоровый человеческий сон и починяют испорченный. Рационализируют процессы, занимающие треть человеческой жизни. Я осматривал эту фабрику сна в первый свой приезд. В каждом этаже огромная зала, вмещающая несколько сот кроватей. Залы имеют удлиненную форму. Для спален, пожалуй, слишком много света. На обоих концах спальни часть стены и потолка сделаны в виде раковины, как в концертных залах.

— Скажите, в этой общей спальне соседи не будут мешать спать? — спросил я служащего.

— Разумеется, они мешали бы, если бы нами не были приняты специальные меры. Ходьба к своему месту, разговоры, храпенье, бормотанье во сне — все эти неорганизованные шумы являются отрицательной стороной общественной спальни. Но неорганизованные шумы мы нейтрализуем организованными — и в этом-то и состоит главная особенность нашей фабрики сна. Обратите внимание на раковины в стенах. Они являются усовершенствованными резонаторами для передачи звуков нашей Сонной Сонаты. Мы передаем по радио имитацию различных шумов природы, благотворно влияющих на нервы и вызывающих сон. Вот, например, шум дождя и завывание ветра.

Служащий повернул выключатель. Я услышал, как по крыше барабанит дождь и шумит ветер в вершинах деревьев. Иллюзия была полная.

— У нас много пациентов, которые уверяют, что нигде и никогда они не спят так крепко и сладко, как здесь под усыпляющие шумы Сонной Сонаты. Мы варьируем их, эти шумы. Мы даем и вой степного ветра, и морской прибой, и однообразную песенку сверчка под завывание зимней бури, и журчанье ручья. Иногда мы сопровождаем шумы доносящимися словно издалека звуками однообразной и строго ритмичной мелодии. У нас есть аппараты, измеряющие качество и глубину сна. Мы делаем опыты и постепенно улучшаем

наши методы. Для лиц, страдающих упорной бессонницей, мы применяем особые средства. Есть комнаты со сгущенной или разреженной атмосферой, с варьирующим барометрическим давлением, соответствующим особенностям конституции больного. Есть кровати с так называемым термическим маятником. Вдоль всего тела раскачивается маятник с прибором, дающим тепло. Этот равномерный тепловой массаж производит изумительное действие. Люди, давно потерявшие сон, засыпают быстро, крепко и просыпаются освеженными. Переутомление быстро проходит, нервы успокаиваются, нормальный сон восстанавливается. Да, у нас здесь новая наука — сомнология — наука о сне. Сном мы лечим, сном восстанавливаем работоспособность истощенных, переутомленных, перенесших болезни. Восстанавливать силы — ведь это одна из основных задач Зеленого города.

Фабрика сна остается позади. Дорожка поворачивает вправо, спускается вниз, к тихому пруду. Песок. Несколько белых зданий с огромными верандами. На верандах лежат и сидят на удобных плетеных креслах и койках молчаливые, неподвижные люди, многие с полузакрытыми глазами. Там, в Сонной Сонате, лечат глубоким сном, здесь — покоем и тишиной. И покой переутомленных бережно охраняется.

Дорожка вывела меня на широкую дорогу, по которой сновали автомобили местного сообщения. После тишины Сонной Сонаты и уголка переутомленных мне захотелось шума, оживления. Я дошел до ближайшей автомобильной станции и попросил отвезти себя в юго-западную часть территории Зеленого города.

И вот я сразу перенесся в иной мир, где «и солнце ярче, и весна милей».

Это мир юности, мир здоровых людей, кровь которых горячо и быстро переливается, мышцы просят движения, грудь — глубоких вздохов. Сколько шума, движения, веселья! С увлечением бегают по полю футболисты, выше леса подбрасывая мяч, дальше площадки лаун-тенниса, баскетбола, а там, на поляне, ожила во всей своей динамичности русская лапта. Дальше, на большом поле, белеют палатки. Молодежь марширует в военном строю. Военные игры увлекают, на окнах, пригорках, буграх развертывается сражение. Синие штурмуют окопы красных. Слышатся даже выстрелы. Мелькают белые косынки сестер, санитары проносят носилки. Неужели ребята так увлеклись, что изувечили друг друга? Я спешу туда, на место сражения. Напрасная тревога. Все это нарочно. Ран нет.

За лагерями, на большой, открытой солнечным лучам поляне виднеются трапеции, лестницы, канаты, заборы, кобылы, висячие кольца, канавы, наполненные водой... Здесь тренируются физкультурники: стреляют из лука, мечут копьё, диски, бросают бумеранги, прыгают через канавы, перелетают с длинными шестами в руках через высоко протянутую бечеву, лазят по лестницам, проделывают замысловатые упражнения на трапециях... Признаюсь, для меня нет лучшего зрелища, как наблюдать в движении юные, стройные, ловкие, сильные тела. Инструкторы и врачи зорко следят за физкультурниками. Проверяют работу сердца, пробуют пульс, останавливают слишком ретивых новичков... А вот на зеленой лужайке десяток физкультурников исполняют какой-то невиданный танец диких: прыгают чуть не на высоту человеческого роста. И мне кажется, что это переполняющая молодые тела жизненная сила подкидывает их вверх.

Ближе к лесу, в тени деревьев расположились походные кухни, в палатках — закусовые. Физкультурникам нет времени ходить в общую столовую. Они наскоро закусывают здесь же, на лугу, и снова принимаются за тренировку. Но час обеда и отдыха соблюдается строго.

Сквозь стволы деревьев виднеется блестящая поверхность реки. Там блаженствуют физкультурники-водники. Среди них имеются настоящие водяные жители, которые готовы весь день мокнуть в воде. Сколько здесь лодок самых разнообразных форм, водяных велосипедов, лыж, огромных резиновых мячей! Сколько шума, смеха, веселой суматохи! Здесь можно смеяться вовсю, петь, кричать, не нарушая покоя переутомленных.

Зеленый город умеет не только отдыхать и спать, слушая Сонные Сонаты, но и веселиться — молодо и задорно!..

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПОПРАВКА

Незаметно я опять углубился в чащу леса — и снова дорожка повела меня в неведомую даль. Какая глушь! И только небольшая аккуратная дорожка нарушает очарование. Кажется, будто находишься далеко от Москвы, в дремучем северном лесу.

Обрыв. Внизу журчит ручей. На обрыве — удобная скамья со спинкой. Я усаживаюсь и отдаюсь тишине. Лучи солнца проникают сквозь ветви и ложатся золотыми пятнами на зелень травы. «Да, здесь все зелено, и люди зеленые», — думал я, глядя на зеленые отсветы на своих руках. Зеленый город! Зеленая тишина вливается в меня необычайным спокойствием. Нервы отдыхают. Трамвайные звонки, давка, суэта, пыль — где-то там, далеко, далеко от меня. Об этом не хочется и думать. Я чувствую, что каждая минута пребывания в Зеленом городе наполняет меня новыми силами. Хорошо! Однообразно журчит ручей. Это тоже «Сонная Соната». Сколько контрастов, сколько различных освежающих впечатлений, какое богатство выбора!..

Я отдохнул. Иду дальше. Опять поляна, на ней огромная башня с винтовой лестницей вокруг железной мачты. Поднимаюсь по железным ступеням. Выше, выше. Вот я поравнялся с вершинами деревьев. Еще выше. Какой зеленый простор!..

...И царь

Мог с вышины с весельем озирать И дол, покрытый белыми шатрами,
И море, где бежали корабли...

Эти строки продекламировал стоящий рядом со мной на площадке башни человек средних лет в серой рубашке без шляпы, бритый, с портфелем в руке. Он посмотрел на меня мельком и продолжал, как бы рассуждая сам с собою:

— И вот теперь не царь, а московский рабочий может взойти на этот «холм» и любоваться окрестностями. Море зелени, лодка на реке, белые шатры, крыши домов, дорожки парков, железнодорожные пути — все как на ладони. Жаль, не очень высока башня. Ее надо бы сделать этак с Эйфелеву, тогда мы увидели бы как на плане весь Зеленый город. Я часто смотрю отсюда. Любуюсь и не могу налюбоваться. Конечно, будущее не за зелеными городами. Зеленый город — это лишь социалистическая поправка к хаотически построенным, нелепым городам, оставшимся нам в наследство от старого режима. Но какая прекрасная поправка! С такой поправкой можно и не разрушать старые промышленные городские центры, как этого хотят некоторые слишком ретивые товарищи. Зеленый город — особенный. Зеленый город — это город рабо-

чий. Заметьте, не рабочий город, а город рабочий. Он не похож на курортные города, которые живут привозом. Зеленый город сам себя обслуживает. Он выстроен из собственного леса. У него свое обширное лесное хозяйство, своя индустрия. Свои лесопилки, фибролитовые заводы, сборочные, свой мебельный завод. Зеленый город сам себя выстроил и сам меблировал свои здания. Он сам и кормит себя. У него свои колхозы, огороды, ягодно-фруктовые сады, молочные фермы, маслобойни, сыроварни, птицеводные фермы.

На территории Зеленого города было несколько деревень. Мы организовали их в колхозы. Крестьяне переселились в наши дома и перешли на обобществленный быт. Теперь вы их не узнаете. Так на практике произошло слияние города и деревни.

Пищевой комбинат Зеленого города состоит из хлебозавода, кондитерского производства, хранилища муки, холодильника, завода по обработке мяса, дичи и рыбы, колбасного и консервного производства. У нас огромное складское хозяйство, фабрики-кухни, прачечные, починочные мастерские. Зеленый город — это высоко дифференцированный организм. Я живу здесь с самого основания города и скажу, что я сделался настоящим энтузиастом.

Смотрите, — продолжал энтузиаст, показывая рукою вниз. — Вон там, в парке, находится выставка образцов различного вида предметов потребления с указанием цен. Каждый житель Зеленого города может выбрать, что ему надо, и заказать по телефону. Там зоопарк, там ботанический сад, образцовое садоводство. Если бы вы поднялись на аэроплане, как это делал я, то вы увидели бы весь Зеленый город как на большой карте. Шутка сказать, он занимает около ста пятидесяти квадратных километров, или пятнадцать тысяч гектаров, и из них одиннадцать тысяч пятьсот гектаров занимает лес! Вся эта площадь в виде огромного круга разбита на «функциональные» группы: центрального управления, культурно-просветительную группу, физкультурную, жилищную, лечебно-профилактическую, детскую, кооперативно-строительную. Каждый район отделен зеленой стеной от другого, так что каждая группа не мешает другой выполнять свое производство. В одном конце Зеленого города — тишина первобытного леса, в другом — неумолкающий смех и песни. Вы найдете здесь, в зависимости от настроения и состояния здоровья, все, что вам надо: театры, кино, концертные залы, лекционные помещения, стадионы, площадки, велодромы, дома отдыха, здравницы, врачебно-трудовые колонии, санатории специального назначения, грязелечебницы.

Зеленый город не только восстанавливает силы, укрепляет нервы, здоровье, но он и учит — учит новому, обобществленному быту.

Зеленый город... — Энтузиаст посмотрел на часы и вдруг, не говоря больше ни слова, скатился с винтовой лестницы с необычайной быстротой, как шарик по лотку.

Я тоже посмотрел на часы. Пора было идти обедать.

Столовые расположены по районам, так чтобы они обслуживали население ближайших к ним жилых ячеек. От ячейки до столовой самое большое расстояние не превышает десяти минут ходьбы. Каждая столовая рассчитана на сто человек одновременно обедающих.

Когда я впервые побывал в Зеленом городе, то, признаюсь, с некоторым опасением подходил к столовой. Но мои опасения скоро рассеялись. Я вошел в очень поместительный зал с большими, широко открытыми окнами, сквозь

которые обильно вливался лесной воздух. Перед окнами много цветов. Цветы и на столиках. Грузовики-термосы привозят готовую пищу, при столовой имеется только небольшая кухня, где блюда подогреваются перед подачей на стол. Штат, обслуживающий столовую, вполне достаточен для того, чтобы каждый мог пообедать, не мешая другим и не ожидая.

В столовой меня окликнула жена. Она уже сидела у окна с Варей. Жена была очень оживлена. Она рассказывала мне о том, как провела день.

— Ты знаешь, Варя будет служить здесь, в сельскохозяйственной школе. Мы осматривали с ней эту школу. Очень интересно. Здесь имеется несколько школ с производственным уклоном. Как это? Нет, говори ты, Варя, ты лучше скажешь.

— Зеленый город сам создает кадры необходимых для него работников, — начала Варя. — В местных колхозах имеются сельскохозяйственные школы, при заводах, изготовляющих части для зданий и мебель, свои школы, существуют школы со строительным уклоном, животноводческим, дорожным, лесным. Учатся в этих школах дети рабочих и служащих Зеленого города. Но мы расширяем наши школы и общежития. И тогда часть детишек-москвичей в состоянии будет жить и учиться в Зеленом городе.

Жена посмотрела на меня вопросительно. И мне кажется, я понял ее немой вопрос. Он был обращен, пожалуй, не столько ко мне, сколько к ней самой. Она спрашивала: «А что, если бы отдать старших девочек в школу Зеленого города? Они жили бы в прекрасных здоровых условиях, в лесу, и учились бы в самой практической, самой трудовой школе. И учились бы не только полезным знаниям, но и новому быту, новой коллективной жизни».

Вопрос погас в глазах жены. Я знаю: жена еще «не созрела» для таких решений. Но какое-то зернышко уже запало в ее сознание, некая истина уже открылась ей. И я уверен: зернышко будет расти и даст плоды. Удивительно! Какая сила воздействия непосредственного впечатления! Энтузиаст был прав: Зеленый город не только здравница, но и школа нового быта.

За нашими спинами никто не стоял в очереди, и мы могли не спеша пообедать, поговорить за столом. Да, правду сказать, и не хотелось спешить. Ведь наше однодневное пребывание в Зеленом городе дошло до зенита. Дальше начинался скат... к старому быту.

Прежде всего мы начали обрастать детьми. После обеда зашли в ясли. Ванюшка пребывал там в полном здравии и не очень-то охотно оторвался от игры со своими сверстниками. Я взял его на руки и обещал показать слона. А у дочерей, когда мы зашли за ними в детский сад, произошла целая драма. Они уже успели крепко подружиться с несколькими девочками, и разлука с ними не обошлась без слез. Аня и Маня успокоились лишь после того, как уговорились встретиться с подругами в следующий приезд, через пять дней. Воспитательница детского сада, посмотрев на Ванюшку, сказала:

— Зачем вы носите его на руках? И ребенку жарко, и вам утомительно. Возьмите в складе детскую коляску. С вокзала пришлете обратно.

Это был приятный сюрприз. Я усадил Ванюшку в хорошую коляску, очень легкую на ходу, и мы отправились в дальнейшее путешествие.

Зоологический парк расположен в юго-западной части Зеленого города, по реке Серебрянке и занимает большую площадь в девятьсот пятьдесят гектаров.

Легкая проволочная изгородь, почти незаметная для глаз, отделяла территорию парка. Чем дальше подвигались мы вперед по дорожкам сада, тем больше я удивлялся разнице между этим и московским зоопарком. Там, в Москве, зверям так же тесно, как и людям в их квартирах. Я говорю не только о клетках, но и о всей территории. Не знаю, сколько квадратных метров территории приходится в московском зоопарке на каждого четвероногого, но уверен, что это «голодная» норма. Здесь поражает простор. Идешь и видишь поляны, леса, пригорки, овраги, пруды. По лужайкам, пощипывая траву, мирно бродят олени, серны, косули. В кустах резвятся лисы, молодые волчата. Медвежонок купается в пруду, стоя по грудь в воде. Другой медвежонок, побольше, начал толкать его лапами, желая повалить навзничь. Поднялась веселая возня. И тут же на берегу — ребятишки-«юннаты». Ни клеток, ни вольер, ни павильонов. Все звери на свободе. Лишь несколько старых не domestikцированных[98] зверей находятся на островах.

Звери держат себя совершенно иначе, чем звери московского зоопарка. Здесь они почти не чувствуют неволи, здесь они дома — и только здесь можно наблюдать их настоящую жизнь, не изуродованную неволей. И если среди них есть хоть один зверь, переведенный сюда из московского зоопарка, то он, наверно, чувствует себя так же хорошо, как москвич, попавший из душной, тесной Москвы в Зеленый город.

Но, признаюсь, в этом зоопарке меня поразили не столько звери, сколько люди — посетители. Руководителям парка пришлось, вероятно, положить немало труда, чтобы «доместцировать» посетителей, сделать их культурнее, воспитать их. Известно, как держат себя многие посетители московских и других зоопарков. Суют в клетку зажженную папироску, бросают в раскрытую пасть просящего медведя всякую дрянь, дразнят обезьян и бросают им пустые бумажки из-под конфет. Даже женщины норовят ударить беззащитного зверя кончиком зонта. Здесь этого совершенно нет. А если и случается как исключение, то такому ослушнику не поздоровится. За порядками следят главным образом подростки-юннаты — юные натуралисты, настоящие друзья зверей. Волки и лисы бегают за ними как собаки, шакалы и гиены лижут руки. Юннаты задают тон, и посетители, подражая им, стараются держать себя со зверями так же вежливо, как вежливо держат себя звери с людьми.

Мне говорили, что в этом зоопарке ведутся большие научные работы по изучению психологии животных. Но и случайный посетитель не может не видеть огромных достижений в области доместикации и дрессировки. Зеленый город учит, воздействует на посетителя каждым своим уголком.

Город победителя

Карл Фит открыл глаза и улыбнулся. Уже несколько дней он просыпался с улыбкой на губах — быть может, потому, что засыпал с мыслью о том, как хороша и интересна жизнь. И как вчера, как третьего дня, он внимательно посмотрел вокруг себя. Он закинул голову назад и увидел балконную дверь, через стекла которой в комнату вливались косые лучи утреннего солнца; скользнул взглядом по небольшому письменному столу из белого дуба и удобному рабочему креслу; повернул голову, осмотрел платяной шкаф в стене, как бы желая удостовериться, все ли на месте, и закончил осмотр умывальником около двери. Все на месте. Все так, как вчера, в этой маленькой, чистенькой, беленькой комнатке. А картины на стенах и букет на столе? Нет, и они на месте: два прекрасных этюда масляными красками — эпизоды героической борьбы пролетариата за власть. Большие круглые часы, висевшие над дверью, смотрели своим циферблатом, и стрелки вытянулись почти вертикально. Было без одной минуты шесть. В это время всегда просыпался Фит. Вот стрелки вытянулись впрямую совершенно, и тотчас послышался мягкий, но довольно сильный баритон, который неведомо откуда проговорил:

— Шесть часов, пора вставать!

Баритон этот принадлежал Фиту. Вчера он отдал такой приказ, ложась спать, механическому слуге — валику граммофона, соединенному особым аппаратом с часами. Но Фит давал ежедневно такой приказ самому себе больше для забавы. Его не нужно было будить — просыпался он всегда аккуратно в одно и то же время.

— Благодарю вас, — ответил Фит, улыбаясь часам, и быстро поднялся с кровати. Он быстро сложил кровать и вдвинул ее в стену, натянул на ноги туфли и вышел в коридор. Из всех дверей выходили люди в таких же халатах, мужчины и женщины, и шли: мужчины вправо, женщины влево.

— Гут морген! — окликали Фита веселые молодые голоса.

— Добрый утро! — отвечал он по-русски и махал рукой.

Фит открыл дверь в стене длинного коридора, и до его ушей донесся разноголосый шум: ливень, веселые голоса, фырканье, хлопанье руками по голому телу, всплески воды. Все эти звуки сливались в своеобразную «водяную» симфонию. Да, в этом огромном зале было настоящее царство воды. Свет, проникавший через стеклянный потолок, освещал бассейн, в котором плавали молодые люди, со смехом перегоняя друг друга. Направо и налево расположились кабинеты душ, а в стене против входной двери виднелось множество дверей, которые вели в отдельные ваннные комнаты. Фит обходил бассейн, пробираясь к своей ванной.

— Кто это? — спросил молодой человек в бассейне, показывая глазами на Фита.

— Немец, экскурсант, — ответил плывший рядом.

Фит вошел в ванную комнату, быстро разделся и опустился в уже готовую ванну. Выйдя из ванны и насухо растерев тело мохнатым полотенцем, он прошел в соседний зал.

Если первый зал был царством воды, то здесь было царство воздуха и гимнастических машин. Молодые люди в трусах занимались «утренней зарядкой», усиленно тренируясь. Пожилые не отставали. Фит присоединился к ним

и начал старательно проделывать различные телодвижения: выбрасывать руки вверх, вниз, в стороны, приседал, поднимался... Фит страдал. Все это выходило у него не так четко, как у остальных, видимо хорошо тренированных людей.

— Ничего, привыкнете, — говорили ему соседи.

Немец виновато улыбался, упрямо приседал и стрелял руками в стороны. «Привыкнете!» Немного обидно. Давно ли немцы были во всем учителями русских?..

Четверть седьмого. Довольно! Фит идет в ванную, надевает утренний халат и возвращается в свою комнатку. Совсем маленькая! И она показалась бы еще меньше, если бы не знать кое-чего, — как она устроена и каковы порядки в этом чудесном доме-коммуне. Нужна ли большая комната, если отличная вентиляция доставляет чистый воздух с избытком и если комната ни на что больше не нужна, как только для того, чтобы поспать в полной тишине да — если придет желание — остаться часок-другой наедине. Фит не привык тратить время на уединение. Он горел желанием осмотреть как можно больше и как можно скорее. Да, он не много тратил времени на пребывание в этой комнате — и все же она чрезвычайно нравилась ему. Внешний облик комнаты, вся ее простота и даже малый размер настраивали на особый лад. Лишенная на первый взгляд многих необходимых вещей, она говорила о том, что человек должен быть прежде всего свободен от плена этих самых вещей, от власти громоздкой мебели, ненужных безделушек, пыльных штор. В самом деле, разве не приятно сознавать, что, куда бы ты ни захотел ехать, везде ты найдешь вот такую простую комнату для сна и отдыха, где нет ничего лишнего и есть все необходимое. В комнату приятно было войти и не жалко ее оставить. Она воспитывала сознание того, что человек не «комнатный жилец», а жилец и хозяин всего этого огромного, кипящего жизнью дома.

— Хорошо! — сказал Фит, переодеваясь. Через несколько минут он уже был готов к выходу — на нем был простой, удобный, изящный костюм, облегающий талию, но свободный в груди и плечах.

* * *

Половина седьмого. Фит выходит из комнаты, не запирая ее — здесь кражи неизвестны, — и, пройдя коридором, входит в столовую.

Во всю длину большого светлого зала в несколько рядов тянутся широкие столы. Посредине столов во всю их длину возвышаются ящички со множеством окошечек. Рядом с окошечками — кнопки номерами и меню. Против каждого названия — кофе, чай, молоко — цифра. Во всем зале ни одного человека прислуги. На «ящичках» — букеты живых цветов. Фит усаживается за стол против «окошечка», читает меню и нажимает кнопки под номерами 3 и 12. Через минуту откуда-то снизу поднимаются и становятся в окошечке длинного ящичка стакан кофе со сливками и ломти белого хлеба, намазанные сливочным маслом и сверху вареньем.

Фит берет с подноса еду и с аппетитом завтракает. Затем он ставит тарелку и пустой стакан на поднос в окошечке, нажимает кнопку — и поднос проваливается.

Без десяти семь. Пожалуй, можно еще побриться и почистить ботинки. Это рядом со столовой. Удивительная бреющая машинка кончает свое дело в одну минуту. В то же самое время-механический чистильщик натирает ботинки

Фита до зеркального блеска. По ассоциации Фит вспоминает об одной оплошности, им допущенной: он забыл привести в порядок, с помощью механического слуги, свою комнату. Забыл же потому, что даже привычный к чистоте немецкий глаз не смог заметить в комнате ни малейших следов пыли или грязи. Но пыль и грязь могут появиться, если за комнатой не следить каждый день! Наблюдение за чистотой входит в обязанность всех проживающих в доме-коммуне. Каждый отвечает за чистоту своей комнаты. Скорее исправить оплошность! Фит спешит к себе, в комнату 1235. Он хотел 1234-ю, тогда было бы еще удобнее запомнить.

Это очень просто! Механическая щетка выметает и натирает пол, пылесос пожирает пыль. Сначала приводится в порядок половина комнаты у двери, потом письменный стол легко откатывается, кресло ставится на стол и убирается вторая половина комнаты — у балконной двери, заменяющей одновременно окно. Пыль по особым мусоропроводным трубам поступает вниз. Пол сверкает. Комната блестит! Но надо еще протереть окна. Опять механические щетки другого устройства. Готово. Все механизмы складываются и прячутся в нижний ящик удобного стенного шкафа.

Кто-то стучит в дверь.

— Войдите! — Дверь открывается. У порога стоят хорошенькая беловолосая девочка и черномазый мальчик. В руках у девочки — букет, у мальчика — корзина с цветами.

— Доброе утро, дорогой товарищ Фит! — говорит девочка на хорошем немецком языке. — Я принесла вам свежих цветов.

— Доброе утро! — приветствует Фита и малыш с корзиной цветов.

Фит здоровается с детьми, благодарит за цветы. Девочка быстро меняет букет цветов на столе. В вазе красуются теперь чайные розы. Отжившие свой век гвоздики бросаются в мусорную трубу. Труба эта уносит вместе с водой все отбросы дома далеко за город, где они перерабатываются.

Фит еще хочет поговорить с детьми, порасспросить их о том о сем, но дети спешат. Ведь они приняли шефство над цветами дома и строго относятся к своим обязанностям, а дел у шефов в это летнее утро еще очень много. Дети приветливо кланяются Фиту и торопятся дальше. Фит долго улыбается им вслед, потом смотрит на циферблат над дверью. Семь часов двенадцать минут. Фит открывает дверь и выходит на балкон. Массивные перила утопают в цветах. Вьющиеся растения закрывают балкон с боков. Фит смотрит вниз, с высоты третьего этажа.

Отсюда, с высоты, город поражал не грандиозностью, а своеобразием: он меньше всего походил на город, хотя население его приближалось к шестидесяти тысячам.

Море зелени расстилалось внизу — бесконечные парки и сады. Они затопляли весь город, как вешние воды, и среди этого зеленого моря поднимались, подобно скалистым островам, красивые дома, не выше четырех этажей, окрашенные в светлые тона, хорошо гармонизировавшие с зеленым фоном парков и садов. Только далеко направо дома стояли гуще — там была площадь Революции, где помещались правительственные учреждения. А налево блестела излуцина реки, покрытая уже в этот ранний час гребными лодками и парусными яхтами: «выходники» спешили использовать день отдыха на вольном воздухе.

Откуда-то донесся звук колес, мягко катящихся по рельсам, и через зеленое море проследовал на высоте вершин деревьев воздушный электрический поезд — «Рapid-транзит», который вез на завод рабочих. Такие поезда шли с пятиминутными перерывами в продолжение получаса, увозя на работу треть взрослого населения города. Количество и состав поездов были рассчитаны так, чтобы каждый рабочий мог усесться в свой поезд на свое место, без давки и очередей. В этом городе ни одна минута не терялась напрасно. Через пять часов «Рapid» вернет рабочих и заберет новую смену. Завод работает в три смены по пяти часов — от семи утра до десяти ночи. Фит непременно побывает на заводе и посмотрит, как организована работа.

Фит возвращается в комнату, подходит к письменному столу и вынимает из ящика пишущую машинку. Такие машинки имеются в каждом столе каждой жилой комнаты этого дома. Через минуту Фит пишет на бесшумно работающей машинке.

«Дорогой Фриц!

Ты просил написать о моих впечатлениях. Это нелегко сделать. Особенность социалистического города, в котором я живу, заключается в том, что он поражает не американскими масштабами, а своей внутренней целесообразностью. Этот город я назвал бы фабрикой для переделки людей. Такие фабрики нам в Германии еще только предстоит строить. Начиная от архитектуры зданий и кончая укладом жизни, все устроено так, что ты незаметно для самого себя становишься совершенно иным человеком. Начать хотя бы с этой маленькой спартанской комнаты, в которой я нахожусь. Ты сам знаешь, что наши рабочие — и в особенности наши жены — еще не успели отрешиться от буржуазного «уютa». И я уверен, что ты — и тем более твоя милая Марта — пришли бы в ужас от этой комнаты. Она показалась бы Вам слишком бедной, слишком уж простой. Ни ковра, ни занавесок, ни полочек. Но... надо пожить день, чтобы понять всю целесообразность этой простоты и ненужность загромождения комнат всем тем хламом — вазочками, занавесочками, полочками, статуэтками, которые делают так называемый «уют» наших немецких квартир.

Представь в моей комнате — единственный стул! Разве это не ужас? Я не могу даже принять гостя! Но достаточно выйти в коридор и пройти несколько шагов, и ты уже в гостиной — с коврами, мягкой удобной кожаной мебелью, цветами на столе, прекрасными картинами на стенах, ты встречаешься с кем тебе хочется, выбираешь место и ведешь с приятелями дружескую беседу. Кресла, столики и диваны расставлены так, что группы беседующих не мешают друг другу. Я, например, облюбывал уголок у окна, где стоят пара кресел, окруженных огромными цветущими олеандрами. Ты находишься как будто в саду. В открытое окно льется чистый воздух, насыщенный озоном. Никто тебе не мешает, и ты никому не мешаешь, и в этом чудесном уголке я провел не один вечер, беседуя с моими новыми друзьями. Я узнал от них много интересного, что трудно узнать и подметить иностранному туристу, притом слабо владеющему русским языком.

Но прости мне. Перегруженный новыми впечатлениями, я отвлекаюсь в сторону и пишу бессистемно. Попробую вогнать себя в рамки, придерживаясь хотя бы хронологического порядка.

Из Москвы я вылетел на аэроплане, летел на юго-восток, с жадным любо-

пытством глядя вниз, на просторы нового мира, который не знает рабства и подневольного труда. Если бы не развернутая карта передо мною, где отмечался маршрут полета, я бы мог подумать, что лечу не над страной мирного труда, а над полем сражения. По широким полям двигались «танки», гуськом и развернутым строем, в одиночку и целыми стадами. Они то собирались в группки, то, как будто резвясь, убегали друг от друга.

Ну, а если бы на моем месте сидел наш далекий предок или даже дикарь, никогда не выдавший современных машин, «ж, конечно, подумал бы, что залетел в неведомый мир, где живут странные чудовища, которые пасутся на полях и пожирают высокие травы с необычайной быстротой. Ты, конечно, уже догадался, что я говорю о тракторах, о тракторных колоннах, которые, подобно трудолюбивым неустанным животным, хлопотливо снуют взад и вперед, делая легко и скоро то, на что требовалось прежде невероятное количество человеческого труда.

Кстати, могу сообщить тебе любопытную мелочь. Местные врачи уверяли меня, что тракторы и автомобили оказались врагами целого ряда болезней, которые резко пошли на убыль после того, как страна была тракторизована и насыщена автомобилями. Трактор и автомобиль почти совершенно уничтожили брюшной тиф, дизентерию и другие заразные болезни. «Каким образом?» — спросишь ты. Очень просто. Распространителями этих болезней являлись мухи, а мухи размножаются, кладя яички преимущественно в конский навоз. Коней же теперь заменили автомобили и тракторы. И мухи почти вывелись.

Здесь я слышал такую сказочку. Ласточка жалуется воробью, что теперь негде даже присесть — телеграф, мол, беспроволочный. А воробей отвечает: «...и нечем пообедать: все автомобили да тракторы, ни одной лошади!» К этому можно прибавить и жалобу мухи на то, что теперь негде класть яйца для размножения.

Но, прости, я опять отвлекся.

Итак — аэроплан, безграничные степи, поля и на них стада милых, трудолюбивых, покорных машин — тракторов. По всему этому необъятному пространству разбросаны промышленные и сельскохозяйственные города, впрочем, мало чем отличающиеся друг от друга. Старые города с их неправильными путаными улицами, с церквями, с пестротой деревянных и каменных построек встречаются редко... Уже здесь, на высоте, сидя в большом пассажирском аэроплане и глядя вниз с высоты птичьего полета, ты видишь и чувствуешь, что находишься в стране планового ведения хозяйства. Сельскохозяйственные города расположены более или менее равномерно, промышленные — в местах нахождения сырья. А деревень — старых российских деревень — совсем нет. Слова «мужик», «крестьянин» исчезли из живого языка. Они стали таким же историческим воспоминанием, как «помещик» и «дворянин». В этой стране есть только трудящиеся, только рабочие сельскохозяйственного или промышленного труда. Кстати, ты не увидишь здесь разницы между инженером и рабочим. Все они живут в одинаковых условиях.

Но я опять увлекся. Уж очень много ассоциаций цепляется за каждую мысль.

Мы летели днем и ночью. Ночью — по радиомаякам. Ночных маяков в миллионы свечей теперь уже не делают, радио успешно заменяет световые

сигналы. Только на больших аэродромах все залито светом, когда подлетаешь к ним ночью.

В Шахтерске мы снизились, и я пересел в поезд, который шел в Южхим. Эти названия тебе мало что говорят. Новые города — дети пятилетки — в значительной мере изменили карту СССР. И советским школьникам приходится запоминать гораздо большее количество городов, чем детям старого режима. С каждым годом количество городов все прибавляется. Если бы здесь географию учили так, как учат в Европе, — советским школьникам пришлось бы туго. Но они усваивают это очень быстро благодаря совершенно новым методам школьного обучения, в котором «книга жизни» имеет первостепенное значение. Но о школе я еще напишу тебе.

Итак, я пересел в вагон и покатил. Тракторы, похожие с высоты на танки, и комбайны, напоминавшие гигантских насекомых с длинными ножками и усиками, подобно муравьям возились вблизи железнодорожного полотна. И как-то совершенно незаметно мы вкатили прямо в большой вокзал-гостиницу. Поезд остановился в туннеле. Я вышел из вагона, меня встретил очень молодой человек, почти мальчик, и, любезно коснувшись своей шляпы, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Фит! Комиссия по приему иностранных туристов поручила мне встретить вас.

Я не удивился тому, что он узнал меня, ему были известны номер вагона и места: притом перед отъездом в СССР я послал в Интурист свою фотографическую карточку. Эта карточка была размножена, и копии по радио передавались в каждое новое место вместе с телеграммой о моем приезде. Пожалуй, тебя будет шокировать такой способ уведомления — но ведь не об одних же преступниках, в самом деле, заботиться, пересылая по радио их изображения, почему бы этот способ не применять для удобства всех граждан? И он, этот способ, оказывается действительно удобным.

— Меня зовут Ник (сокращенно от Николай), — продолжал юноша на немецком языке. Многие юноши здесь прекрасно владеют иностранными языками. — Будьте добры следовать за мной, я проведу вас в номер вашей гостиницы.

Прямо против вагона виднелась широкая дверь, куда и направился мой чироне. Лифт поднял нас на третий этаж, несколько шагов по коридору — и мы вошли в чистенький небольшой номер.

— В этой гостинице для приезжающих все номера одинаковые, — пояснил Ник и начал знакомить меня с оборудованием номера. — В письменном столе — пишущая машинка. Поднимается вот так. Умывальник. Шкафчик — рядом с умывальником, в стене. Вы нажимаете вот этот шарик, дверца открывается. Здесь вы найдете... да вот, смотрите! — Ник открыл шкафчик, и я нашел там белоснежное полотенце, небольшой кусок мыла, пасту для зубов, новую зубную щетку, одеколон, гребни, головные щетки — все для туалета. — Телефон, — пояснял далее Ник. — Радиотелефон. Книжка телефонных абонентов. Справочное бюро. Бюро поручений и заказов. Авто. По этому номеру вам ответят на любой ваш вопрос. Если вы хотите проехать в соседние города, не берите с собой ничего лишнего, вернее, ничего не берите. В поездах есть буфеты. В каждой гостинице вы можете получить макинтош, чемодан, фотографический аппарат, бинокль — вообще все, что вам захочется иметь в данное время. Зачем, к примеру, таскать с собою фотоаппарат, если вы можете его взять на-

прокат, сделать снимки, отдать проявить или использовать лабораторию дома-коммуны для того, чтобы проявить самому. Меня вы можете вызвать по телефону 5-89-67. Вызов делается автоматически. А вот это... — Ник открыл дверцу шкафа в стене, — световые рекламы. Здесь, поворачивая рычажок, вы можете узнать, что сегодня происходит интересного в городе, куда пойти. Вот любопытствуйте! — Ник нажал рычажок. В полусвете шкафа вспыхнул светящийся экран, движущиеся строчки запылали огнями. — Наркомздрав очень ограничил применение реклам, особенно светящихся, — продолжал Ник. — Эти рекламы — одна из причин нервозности людей больших европейских городов. В наших городах реклама не лезет назойливо вам в глаза, не терзает ваши уши, не кричит красками, звуками, светом, пестротой, яркостью, неожиданными вспышками. В Европе, и в особенности в Америке, вы знаете, от рекламы нет спасения. Она всюду преследует вас: вверху, внизу, с боков, спереди, сзади. Реклама на тротуарах, на стенах, на облаках, на небоскребах, на крышах, на скалах, на окнах, на страницах газет, на вещах... Помимо того, что это действует на нервы, реклама безобразит, опошляет все, к чему она прикасается. Поэтому наши отделы благоустройства горсоветов также против кричащей ненужной рекламы, как и здравотдел. У нас реклама и даже объявления спрятаны, но их легко найти, когда понадобится узнать о спектакле или заседании. Так и у вас в номере — реклама здесь спрятана, посажена под замок, она не может беспокоить вас. Но когда вам понадобятся сведения, вы откроете шкаф и нажмете одну из этих кнопок с надписями под ними: «Заседания», «Музеи», «Театры», «Кино», «Лекции»...

Я выразил желание посмотреть, что делается сегодня. Реклама тотчас ввела меня в интересы сегодняшнего дня Южхима. Я поразился разнообразию и обилию общественной и культурной жизни.

Вот немного из того, что я запомнил:

В Большом зале Дворца культуры, вмещающем двадцать тысяч человек, был доклад приехавшего из центра члена правительства. В целом ряде профсоюзных клубов назначались доклады и диспуты, главным образом по вопросам организации производства и общеполитическим. На заводах и фабриках должны были состояться большие производственные совещания. В Большом оперном театре шла новая опера «Победитель» с участием артистов Государственной академической рабочей оперы. В зале Консерватории — концерт электрофониста Гардина, который должен был исполнить на новом инструменте оркестровую симфонию молодого талантливого композитора Дулина, рабочего химического завода. Во второй студии — концерт хорового кружка химиков. В драматическом театре — новая комедия «Моторист». В театре молодежи — историческая пьеса «Марик», из жизни детей рабочих до революции; в детском театре «Мимус» — пьеса, исполняемая дрессированными животными. В аудитории Художественного музея — доклад об античной культуре в сопровождении кино, которое показывает произведения искусства и памятники старины в красках (картины) и в трехмерном стереоскопическом виде (скульптуры). Лектор — профессор Гулинов... В клубе инженеров — лекция «О передаче энергии на расстоянии» и «Об уничтожении фабричных труб». Там же — «О лучах Сонора»...

Нет, всего не пересмотришь! Я обратился к Нику и сказал, что во всем этом можно потеряться. Как выбрать из массы хотя бы театральные развлечения

то, что наиболее соответствует моим вкусам?

— Очень просто, — ответил Ник. — Вы интересуетесь оперой «Победитель». Сейчас как раз вы можете узнать ее содержание, главные мотивы, увидеть действующих лиц и декорации, если хотите, прослушаете все либретто. — Ник повозился у кнопок, и невидимый рупор зазвучал. Человеческий голос рассказывал об опере. Прозвучало несколько мелодий, часть увертюры. В то же время на экране, в уменьшенном виде, показалась сцена, двигающиеся артисты.

— Но ведь тогда и в оперу ходить не надо! — воскликнул я.

— Если вам нездоровится, вы можете, разумеется, и дома прослушать оперу и посмотреть ее. Но все же в театре интереснее! — ответил Ник. — Таким образом вы сможете получать сведения о всех зрелищах, о всех лекциях, докладах. Вы по телефону можете заказать себе место. Если вы ничего не имеете против, я проведу вас осмотреть город, — предложил Ник.

Я охотно согласился.

— Посоветуйте, — обратился я к Нику в вестибюле гостиницы, — к кому мне обратиться, чтобы прописаться?

С самого приезда я почти не видел слуг. В буржуазных гостиницах это — бич приезжающих, это мародеры, которые, пользуясь установленным обычаем, обирают вас, вытягивают из вас деньги низкими поклонами, ненужной услужливостью, хамским подбострастием... или же казнят холуйским презрением, если вы мало даете им «на чай».

Здесь этого нет и следа. Здесь те же рабочие, служащие, как и везде. Они не смотрят на вас, как на барана, которого надо остричь, и не отпускают вам любезностей или холодного ледяного высокомерия, в зависимости от состояния вашего костюма и ваших финансов. Они не прощупывают вас, стараясь угадать, сколько можно выкачать из вас денег. Нет, они встречаются и разговаривают с вами, как товарищ с товарищем.

Со всем этим я ознакомился, прожив в гостинице около недели.

Ник успокоил меня: он уже сообщил о моем приезде, и никаких других прописок не требуется. «Что же касается слуг, то им совсем не нужно мозолить вам глаза. Если вам что-нибудь нужно, вы можете вызвать их, а за чистотой они следят, когда вас нет в номере: приберут, выметут, почистят».

Вышли мы из гостиницы уже не в сторону железнодорожного туннеля, прорезающего все здание насквозь, а по другую сторону. Прямо перед нами открывалась широкая площадка, окруженная парком. Посредине, на изящных бетонных столбах, высился навес, под которым расположились автомобили. Рядом со стоянкой автомобилей находился большой, в два квадратных метра, план города, нарисованный на матовом стекле. Все улицы и общественные здания были переименованы в особом списке, и против каждого названия виднелась кнопка. Если мне необходимо было ехать, например, на «Площадь Революции», то я нажимал кнопку против этого названия, и на плане от вокзала, где я нахожусь, протягивалась светящаяся стрела, ясно указывая, по какому направлению я должен был идти или ехать.

— Если хотите, можно взять велосипед, — сказал мне Ник, — и доехать до центра. Впрочем, это не так далеко. Можно нанять такси или сесть в автобус. Смотрите, на плане указан номер автобуса.

— Благодарю вас, утро прекрасное, и я предпочитаю пройти пешком, — ответил я. Ник охотно вызвался сопровождать меня.

Мы прошли мимо стоянки такси и углубились в парк.

Мне хотелось бы передать тебе мое первое впечатление от города возможно полнее. В нем было какое-то своеобразие, которого сразу я не мог понять. Помнится, нечто подобное я испытал, когда с рабочей экскурсией прибыл в Венецию. Венеция — особый город.

Поезд с обычным грохотом и шумом вкатывается в крытый вокзал. Ты выходишь прямо к каналу — и тебя охватывает необычайная для города тишина. Ведь во всей Венеции нет ни одного автомобиля и ни одной лошади, если не считать тех, что стоят на соборе Святого Марка, но ведь они бронзовые! И когда ты ходишь по узким венецианским улочкам и по площади Марка, тебя преследует странное чувство — будто это не город, а... дом без крыши. Нечто подобное я испытал, когда вышел из гостиницы и отправился бродить по городу Южхиму. Здесь все было иначе, не так, как в наших шумных, бестолковых, сумасшедших городах Запада и Америки. Иные здесь были и люди. Ни вялости, ни медлительности! Все, кого я встречал, были бодры, жизнерадостны и подвижны, но без лишней суетливости и нервозности, характеризующих жителей большого капиталистического города, вечно спешащих, волнующихся, наступающих друг другу на ноги.

Парки и улицы Южхима показались мне, пожалуй, даже слишком малолюдными для города, вмещающего шестьдесят тысяч человек. «Почему бы это?» — подумал я и сам себе тотчас ответил: «Ведь это город рабочих, а рабочие сейчас находятся на работе». Это объяснение было правильное, но не совсем точное, как впоследствии я убедился. Помимо того, что пятая часть всех рабочих были «выходными», рабочие работали в три смены, и фактически, значит, на заводе было не более трети. Относительное же малолюдство объяснялось многими причинами. В Южхиме отсутствовало деление города на скучные неблагоустроенные окраины и нарядный центр, стягивающий к своим витринам и огням кино почти все население. «Дезурбанизация» здесь проявилась не только в том, что люди отказались от постройки нездоровых гигантских городов-спрутов с многомиллионным населением, но и в том, что в пределах самого города децентрализованы все общественные места, кроме, конечно, городских советских учреждений общегородского значения (горсовет со всеми его отделами помещается на площади Революции). Театры, кино, музеи, клубы, библиотеки и прочие культурные учреждения равномерно раскинуты по всему городу, и кино окраины ничем не отличается от кино в центре города.

Гуляющие также разбросаны по всему городу равномерно, ведь весь город — сплошной парк; часть же населения выбралась за город на лодках, пешком и в автомобилях. Кроме того, в Южхиме нет самого подвижного и суетливого уличного прохожего, — покупателя и в особенности покупательниц. Не скажу, что их совсем нет. Но сбросьте со счета только домашних хозяек и модниц, отсутствующих здесь и наводняющих наши магазины, и вы увидите, насколько станет тише! Чувствую, что ты мало представляешь то, о чем я пишу. Нужны новые слова или же долгие описания. Вот, например, я сказал «уличное движение», ты, конечно, представляешь тротуары, довольно узкие, возле серых громад зданий. И на этих тротуарах сплошная движущаяся масса людей, плотная, как косяк идущей сельди. А посередине улицы «ледоход» автомобилей. Но это далеко от того, что я вижу. Здесь нет даже «улицы» в обычном,

привычном нам смысле этого слова. Здесь нет сплошной стены прижатых друг к другу вплотную домов. Ты даже не всегда видишь дома. Ты идешь по прекрасному парку. Над вершинами деревьев в часы начала и окончания работ на заводах почти бесшумно проносятся поезда подвесной железной дороги. Ты идешь по красивой извилистой дорожке в тени каштанов, лип, вязов, дубов, грабов, кленов. На каждом шагу — скамьи с удобными спинками, клумбы с цветами.

Цветы, цветы! За эти цветы твоя Марта должна простить многое, что ей не понравилось бы в этом оригинальном городе. Но я уверен, что, если бы Марта пожила здесь хоть месяц, она не захотела бы вернуться к своим жалким цветочным горшкам на балкончике. Кажется, нигде так не любят цветы, как здесь. И главными цветоводами-садовниками являются дети. Они ходят от клумбы к клумбе и наводят порядок. Но странное дело: гуляющих детей в парках мало, а нянек с младенцами на руках и вовсе нет. По паркам бродят только взрослые и лишь изредка выпорхнет и исчезнет стайка ребят или пройдет мать с детьми.

При первом моем ознакомлении с социалистическим городом это отсутствие ребят я отнес на счет недостатков. Плохо, когда ребята шумят, мешают и надоедают старшим, но скучно и без ребят... Впоследствии я убедился, что ребята занимают в жизни города гораздо большее место, чем я предполагал, и что они принимают в жизни города живейшее участие почти во всех областях жизни и особенно в деле поддержания благоустройства. Очевидно, просто был такой час, когда дети были в школе или за городом.

Рядом с дорожкой для пешеходов вытянулась в струнку велосипедная дорожка. Непрерывно слышится легкое шипение шин — это мчатся спортсмены и спортсменки, весело перекликаясь. За велосипедной дорожкой — опять участок парка, а дальше — автобусная, хорошо асфальтированная дорога. Трамваев здесь нет, они давно заменены автобусами. За дорогой еще одна парковая прослойка, за ней стена дома, но ты можешь и не увидеть ее, так как дома здесь разбросаны на значительном расстоянии друг от друга. Они стоят как замки, окруженные парками.

В парках там и сям виднеются красивые киоски — книжные, закусовые, кондитерские, с минеральными водами, фруктами. Но, Фриц, мужайся, мой друг, я сразу тебя ужаснейшим известием: не только в городе, но и во всем городе нет ни одного табачного киоска, ни одного табачного магазина, ни одной сигары, папиросы, трубки! Не правда ли, «это ужасно»?!

— Не хотите ли пройти вот сюда, направо, — предложил Ник.

Мы повернули в тенистую каштановую аллею. Она вывела нас на довольно широкую круглую площадку с фонтаном посередине. Площадку окружали мастерски сделанные статуи вождей мирового пролетариата и несколько групп. В реалистичных и одновременно простых и понятных символах они изображали основные этапы борьбы пролетариата и построения социализма. Об этой площадке скульптуры можно было бы написать целую книгу... да она, кажется, и написана. Я был удивлен и восхищен.

— Кто творец этих великолепных статуй? — спросил я своего проводника.

— Рабочие наших заводов, — отвечал он просто, — среди них есть много отличных музыкантов, скульпторов, живописцев, поэтов.

— Но ведь тут нужна школа, а школа требует времени, упорного труда для

преодоления техники.

— Ну, и что же? — спросил Ник. И он пояснил, что все это результат разумного использования досуга, которого у социалистического рабочего больше, чем у рабочего буржуазных стран.

— Ведь мы работаем всего несколько часов, а предполагаем работать даже меньше. При правильной организации труда, производства и распределения, какие существуют у нас, этого вполне достаточно, чтобы обеспечить нас всем необходимым, но не думайте, что мы используем свой досуг только для забавы и отдыха. Если бы это было так, мы пошли бы не вперед, а назад и социализм создал бы только застой тупого довольства. Нет, наш досуг наполнен очень «энергическим» содержанием. Как старый рачительный хозяин-собственник не переставал заботиться о своем клочке земли, о своем маленьком хозяйстве, так и мы, не считаясь со временем, заботимся о нашем социалистическом хозяйстве. Мы не перестаем заботиться и о тех, которые еще стонут под игом капитала. На все это уходит немало времени, пожалуй, не меньше двух третей свободного времени. Затем физкультура, потом занятия любимыми искусствами и, наконец, развлечения.

Кстати, известно ли вам, что у нас уже создан новый наркомат — культуры и быта, который занимается вопросами наиболее разумного использования рабочего досуга и организации нового быта? Благодаря разумному использованию досуга у нас почти каждый рабочий имеет несколько специальностей. Одни ушли в науку, другие — в искусство. У нас есть кочегары-химики и водопроводчики-журналисты, токаря-астрономы, фрезеровщики-скульпторы. Одно другому нисколько не мешает. Исключительным дарованиям — музыкантам, поэтам, писателям — предоставлено право заниматься исключительно искусством. Но даже самые даровитые из них периодически возвращаются на фабрику: смена труда, по их словам, не только не отражается неблагоприятно на творчестве, но даже стимулирует его.

Тут я выразил сомнение:

— Я могу понять, что, скажем, котельщик может быть астрономом, даже живописцем. Но может ли кочегар выхолить нежные гибкие пальцы, нужные для скрипичного виртуоза? Может ли забойщик-шахтер быть пианистом?

— Ну, значит, они будут не музыкальными виртуозами, а астрономами, — улыбаясь, ответил Ник. — Однако с каждым годом машина все более облегчает тяжелый физический труд и таким образом предохраняет человеческий организм от излишнего огрубления. Я уже не говорю о том, что целый ряд производств требует тонких, чувствительных как у пианиста пальцев — например, производство точных инструментов, карманных часов, вольфрамовых нитей для электрических лампочек. Конечно, есть трудности, которые мы не можем еще преодолеть. Ведь вы видите перед собой не пресловутый «рай на земле», а только совершенствующееся человеческое общество. Факты, однако, налицо: простые рабочие создали вот эти статуи, рабочие играют в наших театрах, поют в опере, пишут картины, изготавливают в свободное время ручным способом изящные вещицы для украшения наших жилищ и общественных зданий. От гармошки, от «баяна» рабочий поднялся до сложного электрического симфонического рояля с тремя клавиатурами, педалями и массой регистров, и он владеет этим инструментом не хуже, чем своим станком... Ну, а теперь покажу вам центр нашего города.

— Все ж таки у вас есть центр?

— Да, но он имеет совсем иное значение, чем в старых городах. Там жили аристократы, здесь у нас помещаются... Впрочем, вы сам сейчас увидите!

Но прежде, чем мы дошли до площади Революции, мне пришлось еще раз остановиться. Мы подошли к стене зеленеющих кустарников, которые прорезала узкая асфальтированная дорожка. Сделав несколько шагов, я вскрикнул от восторга: перед нами был настоящий карликовый японский садик. Собственно говоря, это был овраг, но что сделала культура с этим оврагом! По склонам его струились и весело прыгали маленькие водопады, по дну протекал чистый ручей, впадая в водоем с фонтаном посередине и красными рыбками в воде: через ручей там и сям были переброшены легкие изящные мостики. Беседки, обвитые плющом, манили в густую тень, среди зелени и цветов виднелись небольшие статуи детей, лебедей, животных. У второго водоема, в самом углу, стояла прекрасная скульптурная группа — маленький ребенок, пухлый как амур, привел на водопой пару львят, которые наклонились на водопой, как пьющие кошки. И цветы, цветы! Каскады цветов!..

— Я помню еще то время, — сказал Ник, — когда на этом месте был заброшенный дикий овраг, где росла крапива да репейник. И вот, что мы сделали. Это была затея ребят.

Мы медленно перешли «овраг», поднялись на другую сторону и сразу попали на широкие площадки, залитые солнцем. Здесь был теннис, футбол, пушбол, баскетбол, волейбол и еще много других, неизвестных мне, видов спорта. Все площадки были полны играющими — женщинами, мужчинами, молодыми и старыми.

— Здесь никогда не бывает пусто, — сказал мне Ник.

Я не мог не остановиться. Уж очень любопытны здесь были виды спорта. По словам Ника, некоторые из них были позаимствованы у малых народностей, населяющих СССР. Вот, например, сооружение, которое я сравнил бы с огромным барабаном в три метра в диаметре и метр высотой. На этом барабане стоит молодая девушка в спортивном костюме и подпрыгивает. Барабан пружинит, вероятно, на нем натянута толстая резина, и девушка взлетает все выше и выше. Окружающие поощряют ее возгласами одобрения. Игра состоит в том, чтобы, подпрыгнув, опуститься на ноги и не упасть, вновь подпрыгнуть и вновь опуститься. Поразительно! Эта девушка кажется невесомой. Она подпрыгивает все выше и выше — на метр, два, три, четыре, пять, шесть! — и ловко становится на ноги для нового прыжка. Но вот прыжки становятся все ниже и ниже, и девушка сходит с барабана под аплодисменты. Вслед за нею на барабан влезает мужчина средних лет и под одобрительно-насмешливые возгласы начинает подпрыгивать. Второй прыжок, третий прыжок, — и он летит вверх ногами, падает на спину и начинает взлетать кверху, то боком, то головой в самом беспомощном положении. Смех и крики, неудачник сползает с барабана, безнадежно махнув рукой.

А дальше перелетают — вернее, перепрыгивают — через площадь люди с привязанными небольшими воздушными шарами, которые уравнивают вес их тела. Человек «ничего не весит» и при малейшем прыжке отделяется от земли. Помнится, такой спорт был изобретен в Америке. Но какая ловкость и точность у этих летучих людей! А вот нечто совершенно невиданное. У спортсменов на подошвах прикреплены, вероятно, пружины, потому что эти

спортсмены прыгают так, как впору прыгать только блохе. Этот спорт требует большой ловкости и грозит большим риском, чем прыжки на барабане. Но прыгуны, очевидно, хорошо тренированы и ловко перепрыгивают через киоски и даже через небольшие деревья.

Но, увы, мне опять приходится сдерживать себя, иначе я никогда не окончу внешнее описание города. Пришлось оторваться от интересного зрелища и следовать дальше. Снова тенистая аллея, и вот мы мимо двух белых зданий выходим на большую площадь.

Что вам сказать о ней? Сравнить ли ее с огромным кратером вулкана или же с римским амфитеатром? Глядя на эту площадь, я еще раз убедился, какое огромное преимущество заключается в том, чтобы строить город не десятками и сотнями лет, а строить сразу, по определенному плану. Только при таком условии можно было сразу сделать эту оригинальнейшую в мире площадь. Она имеет совершенно круглую форму. Со всех сторон ее окружают здания, которые построены так, что уступами спускаются к площади этаж за этажом. На каждом уступе имеются возвышающиеся друг над другом ряды скамей. На самой площади, взбегая до высоты первого этажа, расположен настоящий амфитеатр, составляющий единое целое с амфитеатром, расположившимся по уступам-этажам окружающих домов. Благодаря такому устройству получается один грандиозный амфитеатр, который может вместить почти все население города. Это настоящая греческая «агора» (площадь), на которой происходили собрания. Любопытно отметить, что, несмотря на огромный размер площади, она может покрываться особыми тентами во время дождя или сильного зноя.

Посредине площади находится высокая трибуна, снабженная мегафонами, которые делают возможным слышать речь оратора одинаково отчетливо во всех уголках грандиозного амфитеатра. В домах, которые расположены вокруг площади, помещаются правительственные учреждения. Это, так сказать, муниципальный центр. В северном углу площади возвышается грандиозная фигура Ленина с поднятой рукой. Представляю, какое величественное зрелище производит эта площадь, когда она полна народа, и в особенности вечером, когда от края до края ее пронизывают огни прожекторов! Ник говорит, что в праздники ее иллюминируют и тогда получается еще более красивое и торжественное зрелище. Здесь собираются граждане в самые торжественные и важные минуты общественной жизни.

В тот момент, когда я посетил площадь, она была почти безлюдна, если не считать нескольких молодых планеристов, которые с увлечением запускали модели планеров с многочисленных верхних площадок.

— Воздушный спорт, — сказал Ник, — пользуется у нас совершенно исключительным успехом. Попробуйте выйти за город и посмотреть, что там делается. Наши планеристы достигли в этом спорте большого совершенства, они держатся на безмоторных аппаратах целый день. Кроме того, сконструированы очень любопытные безмоторные воздушные яхты, воздушные парусники, которые при помощи плоскостей и крыльев совершают, пользуясь лишь силой ветра, довольно значительные путешествия. Впрочем, это далось не сразу. Несколько наших воздушных спортсменов на таких воздушных яхтах, не позаботившись набрать достаточную высоту, по милости переставшего дуть ветра сели среди нив, порядочно измяв пшеницу, и у нас происходили по этому поводу даже «дипломатические осложнения» с соседним сельскохозяй-

ственным городом. Пришлось вознаградить их за убытки, а опытные полеты перенести в строго определенные места.

— Ну, теперь куда вы поведете меня? — спросил я, налюбовавшись площадью Революции.

— Недалеко отсюда находится музей ручного труда. Хотите, осмотрим его, — предложил Ник.

Музей ручного труда! Что бы это могло быть? Вероятно, что-нибудь историческое. Признаться, я не очень люблю такие музеи. Но здесь, в этом городе, все было особенное, и потому я не протестовал. Наверное, и в области изучения истории будет что-нибудь оригинальное.

Мы направились в музей ручного труда.

Догадайся, куда я попал? На выставку чудеснейших, изящнейших произведений искусства! Впрочем, не только искусства. Отчасти это напоминает огромный универсальный магазин со множеством отделений. Картины, скульптуры, рамы, книги в изумительно красивых переплетах, вазы, статуи, резная мебель, шляпы, перчатки, обувь, ткани. Ткани особенно заинтересовали меня прекрасной ручной выделкой и художественной раскраской. Все это — произведение ручного труда, артистов своего дела, «любителей». Сколько здесь тонкого вкуса, сколько любовного терпения! Вот на что расходуют здесь остаток досуга. Почти каждый член коммуны занимается на досуге каким-нибудь ремеслом, прикладным или чистым искусством. Для этого в доме-коммуне устроены различные мастерские, лаборатории, студии, ателье. Это поистине свободный, творческий, не подневольный труд. Один делает изящные переплеты, другой — рамки, третий или третья занимается художественными вышивками или ручным ткачеством, четвертый пишет картины, и притом совсем не по-дилетантски — сочно, уверенно.

Почти все эти предметы имеют практическую ценность и вместе с тем являются подлинными произведениями искусства. Их делают потому, что процесс творчества доставляет удовольствие. Их делают так, как птица поет свои песни. Потом эти прекрасные изделия их авторы дарят близким, друзьям или же выставляют в музей ручного труда. Каждый желающий может приобрести себе несколько таких вещей. Коммуна строго наблюдает за тем, чтобы жилые комнаты не превращались в склад мебели и не напоминали лавку антиквара. Ничего лишнего, ничего ненужного! Но коммуна не воспрещает иметь у себя в комнате несколько хороших вещей, которые украшали бы комнату: несколько картин на стене, статуэтку на письменный стол, вазу для цветов. Члены коммуны нередко меняют эти произведения искусства, а очень понравившиеся — перевозят с собой, меняя комнату или город.

В музее ручного труда было довольно много посетителей. Женщины тянулись больше к тканям, шляпам, костюмам — пережиток старой психологии! Впрочем, должен уравновесить это впечатление указанием на то, что немалое количество женщин толпилось и возле таких отделов, как переплетный, рамочный и даже оптических и физических приборов. Не удивляйтесь: здесь есть отличные шлифовальщики линз фотографических, астрономических и микроскопических. Ведь шлифовка — не столько техника, сколько искусство.

В музее ручного труда мы пробыли довольно долго, и мне захотелось завтракать. Нет ничего проще: буфет был тут же, к вашим услугам. Вы можете выбрать сами любое кушанье, не только холодную закуску, но и жаркое, ши-

пящее на электрической плите.

— А все-таки вы можете устать. Не взять ли нам велосипед?

— Да, пожалуй, это не лишнее! — Ник отправился в депо проката и получил оттуда пару велосипедов.

— Давайте сделаем общий обзор города, — предложил он. — На велосипеде это отнимет немного времени.

Я согласился, и, оседлав наших стальных коней, мы тронулись в путь. По пути я обратил внимание, что дома в большинстве построены по типу «блочных». Главный большой дом соединен теплым коридором с домом поменьше, а в стороне стоит одноэтажный дом со множеством стеклянных веранд. Ник пояснил мне, что главный дом-коммуна соединен коридором с яслями, где находятся дети. Через коридор родители могут ходить на свидание с детьми... Я чувствую, что подхожу к вопросам, которые вызовут горячее возражение твоей Марты, но мы еще поговорим об этом! Сейчас я пишу только о первых впечатлениях. Итак, в одном доме живут взрослые, в другом помещаются ясли, а в третьем, стоящем особняком, находится детский сад. Дети! Им отводится здесь столько внимания, сколько не уделяется нигде и никогда. Яслями и детским садом не ограничиваются детские учреждения. Мы проехали мимо настоящего детского городка. Я только мельком мог взглянуть на него. Я видел большое двухэтажное здание с огромными окнами, окрашенное в нежный кремовый цвет, хорошо оттенявший окружающую зелень. Я видел веселых детишек, наполнявших своими голосами цветники, огороды, сады, площадки для игр. Я видел надворные постройки, назначение которых объяснил мне Ник.

— Это большое здание — школа. Школьники здесь не только учатся, но и живут в этом здании. А надворные постройки — это опытные хлевы, свинарники, помещения для кроликов, для домашней птицы. Ведь наши школьники прежде всего практики!

Я решил во что бы то ни стало посетить школу — эту фабрику, на которой вырабатывают новых социалистических людей. Но решив сначала осмотреть город «в целом», я принужден был поехать дальше.

— Таких школ у нас несколько. Они равномерно разбросаны по всей территории города. Вот там, видите в саду два белых приземистых здания? Это изолятор для подозрительных по заболеванию детей. Рядом — больница.

Миновав густой парк с двумя большими прудами, мы выехали на берег реки. Солнечный свет после полутени парка ослепил меня, и когда я открыл глаза, то увидел широкую реку, пестревшую лодками всех размеров и типов. Здесь были и длинные узкие — на десяток гребцов, и маленькие — на одного человека, с перекидным двухлопастным веслом, и моторные, и парусные, и двойные пироги, и водяные лыжи, и водяные велосипеды, плотики, плавающие шары, вертящиеся круги... Все это двигалось, весело перекликалось, брызгало водой... Здесь было изобилие воздуха, солнца и воды. Здесь было весело и шумно. Полуголые люди гребли вперегонки, выбрасывались из лодок в воду, ныряли, гоняли по воде большой резиновый шар, состязались в быстроте плавания. А ниже — на песчаном пляже загорали на солнце... Из этого города не нужно выезжать на дачу: это настоящий «дачный город», город-курорт! Нет больше отрыва городского жителя от природы, от солнца, от свежего воздуха. Сделавшись хозяином жизни, рабочий СССР прежде всего позаботился о том,

чтобы уничтожить капиталистические города — эти гнезда болезней и заразы, истощения и вырождения.

И не знаю, угадал ли Ник мою мысль или это была случайность, но он сказал раздумчиво:

— Здесь люди набираются здоровья и сил. И все же болезни не побеждены до конца. Но они будут побеждены! Непобежденной останется лишь смерть. Но она необходима в круговороте жизни. Наша медицина перестроилась, перенесла центр тяжести на профилактику. Лучше и экономичнее предупредить болезни, чем лечить их, — вот наш лозунг. У нас происходит еженедельный обязательный осмотр всего населения. И осмотр не поверхностный. Кроме того, гигиенические знания и даже серьезные медицинские познания стали достоянием если не всех, то многих. Диспансеры имеются при каждом доме-коммуне. Амбулатории на каждой улице, а больницы... Посмотрим на них!

Мы опять уселись на велосипеды и помчались по дорожке, которая заворачивала влево. Это была граница города, за нашей дорожкой имелась еще аллея для пешеходов, а дальше, уходя к горизонту, зеленели поля, на которых колыхались волны спеющей пшеницы в рост человека.

Пожалуй, окраины этого города были изумительнее всего. Я вспомнил зловонные, грязные, душные, тесные окраины наших городов с ветхими лачугами и разваливающимися домами, где ютилась рабочая беднота. Что может быть печальнее окраины большого промышленного капиталистического юрда! И какой контраст с центром, где живут хозяева. А вот здесь на окраине социалистического города я вижу те же парки, ту же зелень, те же фонари, расставленные на одинаковом расстоянии, не реже, чем в центре. Те же дома, разбросанные в зелени садов и парков.

Мы объехали почти половину окружности города, когда увидели несколько белых зданий, стоявших немного в стороне и отделенных от города большим парком. С трех сторон этих белых двухэтажных зданий также были парки, а одна сторона, с открытыми верандами на юг, выходила на площадь, засаженную низким английским садом, чтобы дать возможно больший доступ солнечным лучам.

— Больницы! — сказал Ник, нажимая на педали.

Некоторое время мы ехали хорошо шоссированной дорогой по полю среди колосьев. Впереди зеленым островом высился массив плотно сгруппированных пирамидальных тополей. Между ними виднелось красивое белое здание.

«Остров смерти», — почему-то мелькнуло в голове воспоминание о картине Беклина. Я не ошибся.

— Крематорий, — сказал Ник.

Я хотел было предаться грустным размышлениям о бренности всего земного (увы! немецкая чувствительность еще живет во мне), но Ник не дал мне сделать это. Ник еще юноша, но этот юноша очень много подмечает для своих лет. Что это: результат коммунистического воспитания, жизни коллективом? Право, он представляет для меня загадку.

Итак, Ник посмотрел на меня, усмехнулся и весело воскликнул:

— Я совсем не хочу, чтобы вы закончили осмотр города этим местом, где отработавшаяся человеческая машина возвращает материал, взятый у природы взаймы. Поедем к истокам жизни, туда, где круговорот веществ начинается

сначала!

— Куда это? — спросил я, не совсем поняв.

— Ну, в родильный дом, конечно! Я покажу вам маленьких, красненьких, только что рожденных коммунаров. Вы увидите их через стеклянную стену, отделяющую новорожденных от посетителей. Вы увидите «Остров жизни» и перестанете думать об «Острове смерти». Живой должен думать только о живом, в особенности если жизнь так прекрасна и интересна!

И мы повернули свои велосипеды и покатали в противоположный конец города. Туда, где рождается жизнь...

Друг мой, я написал тебе целое послание, но не исчерпал и сотой доли того, что увидел и узнал всего за несколько часов пребывания в социалистическом городе. В следующий раз я напишу тебе о том, как я перебрался из гостиницы в дом-коммуна, чтобы узнать возможно полнее, как живут новые люди нового мира. Я расскажу, что видел и узнал там нового.

До свидания. Привет твоей милой Марте.

Фит».

Заочный инженер

Сбежала одна река в Казахстане. Надо вам сказать, что эти азиатские реки шальные. Прямо, можно сказать, сумасшедшие. Где вчера была мель, сегодня на том месте омут. Текла река вправо, глядишь — повернула влево. В один день метров двадцать берега отгрызет вместе с кишлаками. Шалит, одним словом. Есть и такие реки: невесть откуда начинается и невесть где пропадает. Не то высыхает, не то в песок зарывается, от солнца прячется — и течет себе под песком, никому не ведомая. А люди по пескам ходят и умирают от жажды. За этими реками никакие карты не угонятся. На карте — одно, а на деле совсем другое. Хоть каждый день карту перечерчивай.

Бывают и совсем курьезные истории. Течет себе река, орошает край, поит людей, да животных, да травы степные, а потом вдруг как с цепи сорвется: в сторону ее кинуло. Прорыла река новое русло и с другой рекой соединилась, а та в озеро впадает. Так и пропала река. Сбежала. И край гибнет от безводья. Вот такую сбежавшую реку нам надо было ловить — вернуть ее в старое русло. Интересная это штука, но только сейчас разговор будет не про сбежавшую реку. О том, как мы ее ловили, я как-нибудь в другой раз расскажу.

А начал я про реку потому, что свела она меня со старым знакомым Мишкой Сеницыным. Надо вам сказать, что Сеницын был изобретатель. Но человек неустойчивый. Метало его из стороны в сторону, как среднеазиатскую реку. Кончил семилетку в Москве, поступил на трикотажную фабрику подносчиком шерсти. Потом попал во Всесоюзный электротехнический институт и что-то такое там изобрел. Упростил прикрепление неоновых ламп к цоколю, так, кажется. Потом метнуло его на глассеры. Получил я от него письмо из Нижнего — участвовал в глассерном пробеге. Уверял, что и в глассер какое-то усовершенствование внес. А потом и совсем я его на время потерял. И вот привелось встретиться в Казахстане, недалеко от Балхаша, на медных рудниках Коунрада. Надо сказать, что недалеко от Коунрада и случилось это происшествие с рекой. А воды этой реки как раз рудник снабжали. До Балхаша дальше. На верблюдах воды не навозишься. Ехала нас целая компания реку ловить — все молодые гидротехники, и я в том числе. Подъезжаем на автомобилях к Ко-

унраду вечером. За нами солнце садится. Перед нами уже рудник виднеется. И видим, на пригорке что-то светит ослепительно, как маяк. Что бы это могло быть? Начали гадать. Один говорит: аэромаяк. Но зачем ему светить, когда еще солнце не зашло? Да при солнце свет маяка и не будет такой яркий. Другой говорит: это солнце от чего-то отражается.словно от зеркала. Может быть, солнечную станцию установили? Их несколько в Казахстане и Туркмении строилось. Может быть, и так.

Подъезжаем ближе, видим, что «зеркало» имеет форму ромба. На блестящем фоне какая-то черная точка.словно движется. «Солнечное пятно!» — шутит кто-то из нашей компании. «Мираж в пустыне!» — подхватывает другой. Истинно, мираж в пустыне!

— Да это человек на крыше лазит! — сказал мой сосед Трофимов. — А крыша-то горит, как купол Исаакия на заходе солнца.

— О, смотрите. Полетел! Упал! С крыши упал...

И в самом деле, «солнечное пятно» соскользнуло вниз и грохнулось на землю. А дом-то двухэтажный. Внизу люди зашевелились, шум, смех, голоса, крики слышатся. Подъезжаем мы.

— Что у вас тут случилось? — спрашиваю. — Давно ли золотые крыши на домах делать начали?

— Заочный инженер с крыши упал!

— Крыша-то не золотая, а медная! — слышу в ответ.

Какой еще такой заочный инженер? Смотрю на человека, который сидит на земле и колено трет. Возле него ведерко и кисть валяются. Молодой человек, курносый такой. Морщится и улыбается. Да это Мишка!

— Мишка! — кричу. — Эй, Синицын! Здравствуй!

А он отвечает:

— Надо бы мне привязаться веревкой. Здравствуй, Коля!

Поднялся, поздоровался. Обернулся к молодым товарищам, что стояли возле него, и говорит:

— Ну, ребята, на сегодня представление окончено. Надо гостя встречать.

И опять ко мне:

— Идем, Коля. У меня останешься.

Прихрамывая, он побрел вперед, а я со своим чемоданчиком за ним. Жил он в том же доме «с золотой крышей», только вход был с другой стороны.

Вошли мы в его небольшую комнату. Вся она была завалена всякой всячиной: на столах мотки проволоки, арматура электропроводки, тисочки, отвертки, ключи, молотки — инструмент разный. Посуда химическая, бумаги с чертежами, на стене — полки с книгами. Сразу видно, что изобретатель. Над маленьким письменным столом — радиорупор. На столе — общая тетрадь и карандаш. Пока мы помылись и Мишка зажег примус, чтобы чаем с дороги меня угостить, уже солнце зашло. Стемнело. Из-под стола появилась лампа без абажура.

— Вот, полюбуйся, — сказал Мишка, зажигая лампу. — Приходится керосиновым освещением пользоваться. Это позор в наш век электрификации!

— Разве при руднике нет электростанции?

— Собираются строить, — ответил Мишка, — да нелегкое это дело. Откуда здесь взять энергии? Местного топлива нет, а реки? Была поблизости одна, да и та сбежала. А если бы и не сбежала, толку от нее мало. Какой уклон падения

воды в ней, знаешь?

— Одна десятитысячная, — ответил я.

— Ну вот видишь. На километр десять сантиметров. Гидростанции не построишь. Ставить же электростанцию на угле — больно дорого энергия обойдется. Попробуй доставлять сюда. Разве что нефть найдут.

— Где тут нефть? — с сомнением сказал я.

— Ну, не скажи. У пустыни, брат ты мой, еще немало загадок, разгадать которые на наш век хватит. Вот недавно мне приходилось слышать. Отправили скотоводы караван в Хиву по большой караванной дороге Ашхабад — Хива. По этой дороге сотни лет двигались караваны. Каждый кусочек изучен. А уж колодцы — и говорить нечего. Ведь здесь за каплей воды десятки километров не крюк. А вот нашли же заброшенный и полузанесенный песком колодец в зарослях кустарника. Начали рыть — вода черная. Все халаты в темных масляных брызгах. Не нефть ли? Зажгли пук сухой травы, бросили в колодец — как ухнет. Едва песком забросали. Нефть! Почему колодец? Почему нефть? Просочилась, быть может. Мюррек Телькиев — брат председателя аулсовета — сам в караване был, «огненный колодец» видел и может путь к нему показать. Мало ли таких находок и поблизости оказаться может? Но только время-то не ждет...

— Подождите, детки, дайте только срок. Будет вам и кукла, будет и свисток, — продекламировал Мишка, подкачивая примус. — Вот хотя бы и примус взять. Опять дичь. Первобытный, можно сказать, инструмент. Шумит, гудит и воздух портит. То ли дело электрочайник... Ты говоришь, солнечные установки. Читал я, что за границей придумали совершенно новый принцип. Представь себе у подножия горы нечто вроде большого парника. Солнце нагревает в парнике воздух. А из парника на гору проложена труба. Горячий воздух идет вверх, где холоднее. Поставь вверху турбину, которая вращалась бы от этой струи горячего воздуха. Вот тебе и готовая солнечно-ветроэлектростанция. Для такой штуки я знаю подходящее местечко: северные и северо-западные границы Голодной степи. Ведь степь эта плоскогорье. С севера оно скатывается шестидесятиметровой, багровой от выхода гранитных пород стеной. Вот где устроить этакую машину. Я уже был там, посмотрел местечко и думаю заняться этим делом, как только покончу тут со своей медной крышей.

— Что это за крыша?

Мишка потер ушибленное колено.

— Здорово расшибся, — сказал он, — только виду не подавал. Опухло. Надо будет компресс сделать. А ты чай пей. Я еще успею.

И, занявшись своей ногой, он продолжал:

— У меня тоже, если хочешь, солнечная установка. Только иного рода. Непосредственное превращение солнечной энергии в электрическую. Фотоэлемент. Слышал?

— Собственное изобретение? — спросил я.

Мишка пожал плечами и скромно ответил:

— Идея не моя. Слышал я по радио речь товарища Иоффе. Академика. О новом плане электрификации. Шестьдесят миллионов киловатт. Это не жук комара поймал! Чтобы такую силу собрать, надо отовсюду, где только можно, энергию черпать. Говорил он и о фотоэлементах. И еще говорил о том, что молодежь, комсомольцы в первую очередь, должна поднажать, чтобы такую за-

дачу выполнить. Вот я и решил: чем я не молодежь? Чем не комсомолец? Почему не взяться за это дело не откладывая? Фото так фото. Элемент так элемент. Начал с литературой знакомиться, опыты делать. Ты знаешь, ведь я сам маленько изобретатель.

— Как же, знаю. Прости, Мишка, а почему тебя, когда ты упал, назвали заочным инженером?

— Так, шутят. В анкете я как-то написал, что имею высшее самообразование. Меня на смех подняли. Я говорю, что тут ничего смешного нет, что и самому можно высшие науки преодолеть и технику изучить. Я, мол, по радио целый курс электрофизики прослушал. Заочное обучение. Ну, кто-то и пустил: «Заочный инженер!» Только это они так смеются, без жала. Ребята любят меня и сами мне помогали. Ты только послушай, что тут с медной крышей было.

Занимался я, значит, опытами над фотоэлементами... Да ты, может быть, не знаешь, что такое фотоэлементы? Видишь ли, электропроводность некоторых металлов в соединении с другими химическими веществами повышается от действия света. Возьми железный лист и покрой его селеном. Вынеси его на солнечный свет — вот тебе и готовый элемент. Появится ток. Ученые давно это знали, только ток получался очень слабенький — в какие-нибудь тысячные доли процента от Энергии солнца, света. Ну, а теперь это дело быстро в гору пошло. И уж теперь фотоэлементы маленькие моторы вращают. Думал я устроить такой элемент. Только с селеном дело плохо. Добывается он в небольшом количестве на Гавайских, Липарских островах. Туда не поспеешь. Не советские они еще пока что. После я уж узнал, что селен можно добыть из осадка в свинцовых камерах при получении серной кислоты. Но по радио об этом мне вовремя не сказали. И остановился я на другом — на медном фотоэлементе. Лист должен быть из меди и покрыт окисью меди. Это все под рукой.

— И какая сила такого элемента?

— Подожди, будет речь и об этом. Начал я делать небольшие фотоэлементы. Долго ничего у меня не выходило. Но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Несколько ребят моей затеей заинтересовались. Приходили ко мне, вместе работали. И что же ты думаешь? В конце концов загорелась от моего элемента маленькая лампочка карманного фонаря. Ты себе и представить не можешь, какая у нас радость была. словно мы первые электрическое освещение выдумали. Жгли эту лампочку, пока не перегорела. А другой не было. И достать скоро нельзя. Так. Ну, все-таки дело сделано. На мази, можно сказать.

Иду я к нашему директору завода — только что приехал, человек новый — и говорю ему: «Товарищ директор, желаю я электрифицировать наш новый дом. Провести электрическое освещение». Смотрю, у директора брови на лоб полезли. Хотел скрыть улыбку, не удалось: усов нет, бритый. Делать нечего, улыбнулся во все лицо и говорит:

«Очень хорошо, товарищ Синицын. Но только мне кажется, что для электрического освещения нужен электрический ток. Нужна электростанция».

«Мне это хорошо известно, товарищ директор. Станция будет, и ток будет. Я сам устрою все это». Вижу, директор на меня и совсем как на сумасшедшего смотрит.

«Как же это вы устроите?» — спрашивает.

«Фотоэлемент, товарищ директор. Крыша у нас вместо электростанции бу-

дет».

«Фотоэлемента-э-энт! — протянул директор и смотрит на меня уже только как на полусумасшедшего. — Какую же мощность будет развивать ваш фотоэлемент?»

А у меня готовый расчет. Говорю, как по книжке читаю:

«На один квадратный метр падает киловатт фотоэнергии. Мой фотоэлемент может использовать только один процент фотоэнергии. Это немного, но вполне для нас достаточно. Один киловатт мы, значит, будем иметь со ста квадратных метров. Это площадь нашей крыши. А один киловатт энергии может дать свет для двух тысяч свечей. Для освещения комнаты в двадцать квадратных метров достаточно одной лампочки в сто свечей. Для пяти комнат — пятьсот свечей. А мы имеем две тысячи. На двадцать комнат. По тысяче свечей на этаж. Весь двухэтажный дом будет освещен».

Задумался директор. Не знает, какой теперь ярлычок приклеить ко мне. Опять брови вверх вскинул и говорит:

«Ну, что ж, дело хорошее. Освещайте!»

«Товарищ директор. Вы знаете, что для фотоэлемента материал нужен. Медь. Окись меди. Вот я и пришел просить вас, не-разрешите ли вы мне отпустить меди для изготовления медных листов на покрытие ими крыши. Затем только я вас и побеспокоил».

«Ах, вот оно что? — Директор побарабанил пальцами по столу. — Товарищ Синицын. Мы должны поощрять рабочее изобретательство...»

«Да ведь это не мое изобретение, тут дело ясное», — перебиваю я его, видя, куда он клонит.

«Ну, не изобретательство, так овладение техникой. Мы должны всемерно поощрять. И я не имел бы ничего против того, чтобы отпустить на ваши опыты медь, если бы вопрос шел ну... о каком-нибудь килограмме. Но делать медные крыши, когда у нас два процента невыполнения плана, когда каждый грамм меди на счету, когда в ней так нуждаются наши фабрики и заводы...» — и пошел, и пошел. А резолюция, само собой: «отказать». «Я и сам, — говорит, — человек подотчетный. Что обо мне подумают?..»

Пробовал я с ним спорить, вижу — ни к чему. Уперся человек, боится.

«Теперь, — говорит, — обезличка уничтожена. Персональная ответственность на мне. Я один отвечаю. Не могу. Рад бы, да не могу!..»

Вышел я от директора, а у крыльца меня уже товарищи дожидаются.

«Ну что?..»

Махнул рукой: «Отказ!»

«Как так отказ? На такое-то дело!..»

Крик, шум. Среди моих товарищей несколько туркменов, узбеков было. Горячие ребята. Хотели прямо к директору всей компанией валить.

«Мы лучше к предзавкома пойдем, к товарищу Окизову, свой парень, с ним скорее сговоримся!» — предложил кто-то.

«И к предзавкому пойдем, и к секретарю ячейки. Всех на ноги поднимем, а от своего не отступимся».

Пошли к Окизову. Тот в фотоэлементах ничего не понимает, но выслушал нас внимательно. И не улыбается, хотя и есть куда улыбку прятать: усы густые, только бороду бреет. «Кроса», как говорят туркмены, — «лысая борода», безбородый.

«Что-то мудреное затеяли вы, товарищи, — говорит, — выйдет ли толк?»

«Выйдет! Выйдет! — кричим. — Мы уже делали. У нас уже маленькая лампочка горела».

«А вы не зажжете ее передо мною?» — спрашивает.

«Зажгли бы, да перегорела».

«А отчего перегорела? Может быть, и все лампочки перегорать будут?»

Объяснили ему. Крутит головой.

«Если бы я сам видал».

«Да пойми же, лампочки другой нет!»

«А вы достаньте, выпишите. Своими глазами увижу — помогу вашему делу».

Опять двадцать пять! Хорошо еще, если в Ашхабаде или Ташкенте достанешь. А если из Москвы выписывать, когда-то получишь? Не терпелось нам. А делать нечего. Разослали письма знакомым, заказ в Москву. И ждать-то нам долго пришлось бы, если бы не случай.

Приехала изыскательская партия Геолкома. Я познакомился с одним ленинградцем и в свой выходной день отправился с ним в пески. Заночевали в палатке. А он, приятель-то мой новый, скорпионов, тарантулов боится. Ворчит, ворочается на кошме, да вдруг как крикнет. Укусил его кто-то. Вскочил, пошарил в темноте, и вдруг, вижу, свет вспыхнул. Фонарик карманный! Я набросился на фонарик, как басмач на овец, бедняга и фонарь выронил, больше скорпиона меня испугался. Я ему кое-как объяснил, успокоил его. Прошу лампочку подарить или продать — ни за какие деньги! Боится впотьмах со скорпионами остаться. «Последняя лампочка!» — говорит. Ну что ты поделаешь? Не удушить же человека из-за лампочки, не украсть ее. Начал я его и так и сяк уламывать. И чем же убедил в конце концов? Тем, что свет зажигать еще опасней, что на свет вся пустынная нечисть еще больше лезет. На опыте, на факте ему доказал: зажгли фонарик, и действительно поползли, закишели, забегали — все к свету. Подарил-таки!

Уж не помню, успел ли я ему и спасибо сказать. Прямо так ночью и помчался обратно в Коунрад, ребят своих разбудил, а те к Окизову. Его с кровати подняли. И ничего я с ними не мог поделать.

«Ребята, — говорю, — да ведь ни к чему ночью-то! Для моего фотоэлемента свет нужен, элемент-то еще не заряжен».

Окизов сердит на то, что его среди ночи разбудили. Услышал он мой разговор с ребятами, да и говорит мне:

«Так, значит, сейчас ты не можешь лампочку зажечь? Надо солнца ждать? А на что мне твоя лампочка при солнце, когда и так светло? Плохое твое изобретение, заочный инженер! Не дам меди!» И снова на кровать завалился.

Ну уж тут и я из себя вышел. Трясу его за плечи: «Подожди, Окизов, засыпать! Дай хоть объясню тебе!»

А он то ли взаправду, то ли нарочно — захрапел на всю комнату, и ничего с ним не поделаешь.

Утром я его встречаю и говорю:

«Выспался, Окизов?»

«Выспался».

«И сил сном набрался?»

«И сил набрался».

«Так пойми же ты, что и мой фотоэлемент вот так же действует. Только он днем, при солнце, сил набирается, а ночью работает. Солнце мои лампочки днем силой заряжать будет, а ночью они гореть будут».

Ну как ему иначе объяснишь? Главное понял, однако.

Среди моих товарищей — молодых туркмен — уже многие электротехнику знали и физику, а этому не пришлось еще в советской школе учиться. Ну да ничего, думаю, мы его тоже скоро подкуем насчет электрификации.

Зарядил я в тот день светом свои фотоэлементы, а вечером Окизов хлопал в ладоши от удовольствия, глядя на маленькую горящую лампочку, и, несмотря на то что уже поздновато было, сам побежал к директору. А мы остались дожидаться.

Вернулся Окизов совсем в другом настроении. Видно было, что директор хорошим ушатом воды его окатил.

«А ты меня не обманул, заочный инженер?» — спрашивает Окизов.

«Как это обманул? В чем?»

«А в том, что, может быть, ты этот самый... элементик от карманного фонаря где-нибудь спрятал, от него и ток брал. Такие случаи, говорят, были. Какой-то изобретатель уверял, что из земли тоже можно электричество добывать. И добывал, а потом оказалось, что у него в земле элементы закопаны были».

Вот оно что! Не утерпел я. «Ребята, — говорю, — директор нас в обмане подозревает! Айда к нему!»

«Бас!» — кричит один туркмен-комсомолец. «Бас» значит «дави». От этого слова и «басмачи» называются. Ну, и надавили мы на директора. Заставили его пойти с нами и самому посмотреть.

Он все внимательно осмотрел, видит — никакой фальши нет.

Сел у меня за стол, вот тут, где ты сейчас сидишь — в этой комнате все и происходило, — закурил папироску и говорит:

«Вы меня простите, товарищи, давайте поговорим мирно. Каждый себя бережет. Не подумайте; что я какой-нибудь вредитель и против вашей затеи. Затея хорошая. Отличная затея. Если удастся, большое дело сделаете. Но станьте вы на мое место. А если не удастся? Как вы думаете, погладят меня по головке за медь-то? Да и не в одной меди дело. Ведь вам нужны будут тонкие медные листы. У нас их не сделать. Надо на заводе заказывать. Как оформить такой заказ? На чьи средства?»

«Вы нам только медь отпустите, а уж мы все остальное устроим!» — отвечаю я.

«А с медью так дело обстоит. Сам я, на свой страх, не дам, и не просите. Но давайте попытаемся получить разрешение треста. Я со своей стороны обещаю поддержать ваше ходатайство и подтвердить, что в лабораторных условиях вы добились успеха, хотя... гм... конечно, многое, что удавалось в лаборатории, не вытанцовывалось на практике... Но об этом мы сейчас говорить не будем. Так по рукам?»

Молчим мы все.

«Ведь вы, товарищ Окизов, на себя личную ответственность не возьмете?»

Вижу: и Окизов жметса. Ему это простительно. Откуда ему знать, что из нашей затеи получится?

«Так на этом и покончим, — говорит директор. — Завтра мы пишем в

трест!»

Ушел он, ушел Окизов, а мы сидим кто на столе, кто на табуретке, а кто и прямо на полу, на корточках. Время за полночь, а никому в голову сон не идет. Думаем: как быть? И вот один говорит:

«Директор не против нас. Директор не хочет быть только против себя. Он боится отпустить медь потому, что меди не хватит для фабрик и заводов. А мы еще, наш рудник, не выполнили промфинплана. Задолжали стране. Что надо сделать, чтобы директор дал медь? Мы пойдем завтра к нему и скажем: мы все записываемся в ударники. Мы обязуемся ликвидировать прорыв. Мы перевыполним план. А медь, которая нам нужна для крыши, мы будем добывать в сверхурочное время, бесплатно. Если из нашего фотозлемента ничего не получится, мы возвращаем руднику всю медь».

И как это нам раньше в голову не пришло!

Наутро мы изложили наш план директору. Расцвел человек. Еще бы! Теперь не он нам, а мы ему этакий подарок преподнесли.

Промфинплан мы перевыполнили. Медь получили. Остальное все устроилось. И, как видишь, дом уже покрыт медными листами. Сегодня я начал окрашивать их окисью меди. Через несколько дней надеюсь окончить.

На другой день мне пришлось уехать на работу — ловить реку.

Случилось так, что на обратном пути мне не удалось заехать к Синицыну, хотя наши автомобили проезжали поздно вечером совсем недалеко от медного рудника. Окна стоявшего на пригорке двухэтажного дома были ярко освещены электричеством. Заочный инженер и его товарищи добились своей цели. Солнце Туркестана начало светить не только днем, но и ночью.

Шторм

— Поздравляю!

— От души поздравляю! Тебе повезло, Левка. Со школьной скамьи и, можно сказать, прямо в капитаны воздушного корабля.

— Ну, корабль-то мой на привязи! — со смехом ответил Леопольд Миллер.

— Ему вдвойне повезло. Слушайте! Не перебивайте! — старался перекричать всех черноволосый живой Дунский. — Во-первых, это такое назначение...

— По заслугам, брат!..

— Подожди, не перебивай, Завачкин! Во-первых, это такое назначение, а во-вторых, этакая помощница. Ты будешь идиот, Левка, если не предложишь Зое руку и сердце. И я бы на твоём месте никогда не спускался на землю. Вы будете небожителями. Вы сможете пользоваться безоблачным счастьем — ведь твой «Кондор» парит выше облаков. А ты, Зойка, ты станешь родоначальницей нового человечества, рожденного на небе!

— Захватите с собой только хорошую няньку, чтоб ваш будущий воздушный младенец не упал с высоты тысячи километров!

— Да будет вам! — смеялась Зоя, встряхивая русоволосой стриженной головой. — Я не собираюсь замуж, и Левка мне совсем не нравится.

— Ну, это положим!

— Любовь и запах мускуса нельзя скрыть, как говорит восточная пословица!

— Летите на аэроплане? — спросил Орлов.

— Нет, едем на электричке, — ответил Миллер.

— Такая отсталость! Воздушному человеку не пристало ползать по земле.

— Рожденный летать ползать не умеет, или как там...

— Мне по пути надо захватить кое-какой материал.

— Смотри, чтобы тебя румыны не подстрелили. На самой почти границе висеть в воздухе будешь!

Миллер поднялся.

— Ну, ребята, мне пора. Спасибо за пожелания и горячие проводы. Перед дорогой надо уложиться, написать кое-какие письма. Зоя, ты прямо на вокзал?

— Мне недолго собраться, — ответила девушка.

— Эх, Зойка, осиротеем мы без тебя!

— Приезжайте в гости.

— Приедем! Спасибо! Прощайте! Счастливого пути!

— Прощайте! Прощайте!

Скромная пирушка окончилась. Миллер вернулся к себе в маленькую комнату на пятом этаже.

— Вам письмо, Леопольд Иванович! — сказала пожилая женщина, соседка Миллера по квартире.

Письмо было от матери.

«Дорогой Лева! — писала Эльвира Карловна крупным, размашистым почерком. — Не знаю, что мне больше, радоваться или горевать. Я рада твоему окончанию института и назначению. Ты — инженер. Выбился на дорогу. Но разве нет хороших мест на земле? Почему тебе предложили такую службу? У тебя может закружиться голова, и ты упадешь с твоей воздушной мельницы. Я предпочитала бы, чтобы ты был, как твой отец, простым монтером, но земным, а не воздушным инженером. Это опасно. И я не пойму, зачем это нужно. Растолкуй ты мне, пожалуйста, глупой старухе, почему нельзя было установить твою машину на земле? Ветер везде дует. Ты пишешь о Зое. Она хорошая девушка. А уж девушке-то совсем не пристало на воздушных змейках жить. И она туда же! Женился бы на ней и жил на земле, как все люди. А то внук родится, и не поглядишь на него. Не лезть же мне, старухе, под облака!»

«И она о том же! — улыбаясь, подумал Миллер. — О детях, рожденных в небе...»

«И еще одно беспокоит меня, — продолжала писать мать. — У нас говорят о войне. А если будет война да прилетят румынские или польские аэропланы? А тебе на твоём привязанном воздушном змее и деваться некуда. Будут в твой шар стрелять, как в висящую бутылку в тире. И тебе некуда деваться. На земле все-таки безопасней и во время войны»...

Левка откинулся на спинку стула, подумал и написал матери:

«Mutti! Ты спрашиваешь меня, почему людям понадобилось устраивать свои машины «на небе». Постараюсь объяснить так, чтобы тебе было понятно.

Ты помнишь, мы с тобой читали роман Уэллса «Когда спящий пробуждается»? Этот самый Уэллс в первые годы нашей революции был в России, вернувшись к себе в Англию, написал книгу «Россия во мгле». В книге этой Уэллс удивлялся «кремлевским мечтателям» — как это они затевают электрифицировать страну равнинную, с медленным течением рек. Где они возьмут энергию? Фантасту, мечтателю, провидцу будущего — Уэллсу — не пришла в голову мысль, что для добывания электричества может быть использована не

только энергия воды, но и ветра. Эта недогадливость тем более странна, что сам Уэллс в романе, который мы читали с тобой, описывает ветросиловые турбины, снабжающие энергией Лондон. Но ведь ветер может дать энергию для электрификации не только одного города, а и целого земного шара. Уэллс, вероятно, полагал, что нам не удастся «взять и ветер в большевистский оборот». Но Уэллс ошибся в этом, как и во многом другом.

Энергия ветра необъятна. По самым приблизительным подсчетам, энергия, которую могло бы получить человечество от ветра в течение года, превосходит все мировые запасы. По одной только европейской части Союза можно было бы в год получить энергию, равную двум миллиардам ста пятидесяти миллионам тонн угля. Тебе эта цифра станет понятнее, если я укажу, что за первую пятилетку вся наша добыча топлива в переводе на уголь составила всего сто сорок миллионов тонн.

Нам нужно огромное количество энергии — не менее шестидесяти миллионов киловатт. Мы пускаем и отчасти уже пустили главнейшие наши водные источники энергии: Днепр, Ангару, Енисей, Волгу... Один Енисей дает нам восемь миллионов киловатт. Но энергия рек все же имеет предел. И вот на помощь рекам должен прийти ветер.

Вся беда, однако, в том, что ветер — самая капризная, самая непостоянная стихия. Это ненадежный источник энергии. Ветер то дует, то перестает дуть. А нет ветра — стоят и электростанции. Ты скажешь: значит, Уэллс был прав. Нет, он оказался плохим пророком и угадчиком. Мы посрамили и ветер, и Уэллса.

Дело в том, что ветер капризничает только над самой поверхностью земли. На высоте же примерно пятисот метров дует постоянный, никогда не утихающий ветер. Воздушная Ниагара. Неисчерпаемый источник энергии. Если даже ветер утихает на высоте пятисот метров, он дует несколько выше. И чем выше, тем сильнее, тем постояннее. Значит, весь вопрос только в том, как использовать эти высокие воздушные реки. «Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе». Надо, значит, поднимать на высоту ветросиловые установки. Эта мысль была впервые высказана и технически разработана инженером Кажиме неким.

Представь себе воздушный змей, который запущен под облака. Но змей гигантских размеров. На змее имеется нечто вроде ветряной мельницы, только вместо крыльев вращается этаким цилиндром — вингродор (винг по-английски — крыло, ротор — вращающаяся часть механизма). Чтобы вся машина была легче и поднималась на воздух, пустоты в огромных крыльях и других частях сооружения наполнены водородом. Кроме того, и сам ветер поддерживает аппарат. Вся же ветросиловая высотная электрическая установка прикреплена к земле стальной проволокой. По этой проволоке идет на землю от станции и ток. А ток получается оттого, что вращающиеся от ветра крылья приводят в действие мотор, который также находится на змее. Понятно? Вот на такой высотной станции я и буду работать.

Так мы завоевали ветер. Отныне он подчинен нам, на нас работает, послушный нашей воле. Теперь мы имеем неограниченный запас энергии.

Эта победа над ветром, конечно, не могла не напугать наших врагов. Почти каждый месяц поднимается в воздух новая высотная ветросиловая установка. «С неба» льются на землю миллионы киловатт энергии. Мы становимся слиш-

ком сильны. И в страхе перед нашим растущим могуществом враги, быть может, и попытаются напасть на нас. Ну, что же? Мы победим их ветром! На нас будут работать бури.

А за меня ты не беспокойся. Если прилетят вражеские аэропланы, воздушный змей всегда можно спустить на землю, смотав проволоку так же, как мальчишки сматывают нитку змеек. Небольшие станции парят в облаках без людей. В случае аварии, для смазки частей, регулировки мотора, пополнения запасов газа и прочего их спускают на землю. Но часто спускать на землю такую мощную установку, как «Кондор», невыгодно. Это ведет к потере энергии. Вот почему мы будем постоянно жить с Зоей на нашей «воздушной даче». Зоя уже на последнем курсе и едет со мною как стажерка. Она — молодец. «Воздушный монтер». Головокружением не страдает. Храбрая девушка. Не волнуйся и не беспокойся, дорогая! Мать должна быть мужественна. (Недаром созвучны Mutter — мать и Mut — мужество.) Я буду писать тебе каждую неделю. Привет отцу. Как его ревматизм?

Твой Лева.

P. S. Мои все товарищи по институту завидуют мне. Из окончивших в этом году только я один получил такое «высокое» и ответственное назначение. Я внес кое-какие усовершенствования в конструкцию хвоста «воздушного змея» (наша машина имеет и хвост). Изобретение было признано важным, оно-то и помогло мне получить «капитанский пост», как говорят мои товарищи. «Кондор» будет обслуживать электроэнергией огромный колхоз (большинство тракторов и автомобилей работает теперь на электрических аккумуляторах), лесопилку, целлюлозный завод и прочее. Работа интересная. Целую. Зоя шлет привет. Л.»

Электропоезд быстро мчал Миллера и Зою Тверьянову на юг. В пути были только две остановки.

«За агульным сталом курьць забороняецца», — прочла Зоя в буфете одной станции. — Белоруссия!

«За загальным столом просят не палити». — Над ними было уже небо Украины.

Еще несколько часов езды, и они на месте. Пирамидальные тополя, ночью похожие на кипарисы, устремляли свои острые вершины к звездному небу. Теплый, ласкающий ветер приносил «украинские» запахи трав и полей.

На высоком холме виднелось бесформенное сооружение. Это спал на земле последнюю ночь их «Кондор». Из соседнего сарая сквозь раскрытую дверь падал свет на поляну, выхватывая из мрака два грузовика. Слышались голоса, удары молота. Шли последние приготовления. Весть о приезде инженера быстро распространилась по мастерским и баракам. Отовсюду шли рабочие, колхозники.

— Ты бы отдохнула с дороги, Зоя, — предложил Миллер.

— Высплюсь на облаках, — улыбаясь, ответила девушка.

Вспыхнул свет временной электростанции. Яркий дуговой фонарь осветил «Кондор». Он стоял на причальном помосте. Центром всего сооружения была огромная «катушка» — вингродор — скрепляющая, как ось, весь аппарат. На концах оси были укреплены огромные плоскости в виде полу-лунок. Они должны давать боковую устойчивость «змею». Под катушкой помещалась палуба и на ней небольшая каюта с двумя комнатами — будущее жилище Мил-

лера и Зои. Позади «Кондора» через всю поляну почти на километр протянулся огромный хвост. На некотором расстоянии от причальной площадки стоял ворот с намотанным тонким тросом. Рядом виднелось здание небольшого газового завода, который вырабатывал водород для наполнения внутренних полостей «Кондора».

Миллер ринулся в работу, словно в бой. Его молодая энергия передавалась всем. Людской муравейник зашевелился.

Зоя не заметила, как подкралось утро. Погасли фонари. Розовый луч солнца осветил рога боковых плоскостей.

— Лезем, Зоя! — крикнул Миллер.

Он уже был у причальных мостков и быстро карабкался по отвесной лестнице. Зоя последовала за ним, легко и уверенно взбираясь все выше. Недаром она была премированной физкультурницей.

Через две минуты они были на палубе.

— Ветер в три балла. Слышишь, как шумят верхушки деревьев? — сказал Миллер. Он уверенно повернул рычаг. Лопастни ротора завертелись. — Три балла — вполне достаточный ветер, чтобы помочь нам взлететь. Помнишь «эффект Магнуса», Зоя?

Миллер скрылся позади каюты и сказал оттуда:

— Поверни выключатель возле двери каюты.

Зой повернула. Послышался шум мотора. В каюте зажглась электрическая лампочка.

— Вот видишь, наша электростанция и заработала. Лет десяток назад не обошлось бы без торжества. Теперь торжествовать по такому случаю показалось бы так же странно, как по поводу проводки домашнего электрического звонка. Вниз я еще не даю тока. Тебе придется присматривать за мотором. Он установлен в закрытом помещении позади каюты.

Миллер подошел к краю палубы и, нагнувшись над железной оградой, крикнул, как настоящий капитан:

— Отдавайте концы!

Ворот завертелся, разматывая проволоку, «Кондор» начал подниматься вверх. Первые лучи восходящего солнца осветили лицо Зои, а внизу лежали еще ночные тени. Миллер посмотрел на Зою и ласково улыбнулся:

— Летим, Зойка! Не боишься?

— Не боюсь, Левка!

Могла ли она признаться, что ей было немножко жутко?

«Кондор» медленно поднимался. Ветер крепчал. Ротор вращался все сильнее. Миллер заботливо посмотрел на Зою.

— Напрасно ты не взяла своего чемодана. Надела бы свитер. Вверху будет совсем свежо. Не забывай, что мы будем жить на высоте, где «климат» горных вершин. Но это наш пробный полет. Спустимся и захватим все необходимое.

— Мне не холодно! — ответила Зоя.

Она смотрела вниз. Горизонт расширялся и как будто поднимался. С каждой минутой открывались все новые дали: синеющий лес, ослепительно-красная излуцина реки, далекие фабричные трубы... На полях, словно жуки, копошатся тракторы. «Кондор» будет питать их электричеством!

Мотор вдруг начал давать перебои.

— Посмотри, Зоя, что с динамо! — сказал Левка.

Зоя отрегулировала мотор, и, когда вернулась, «Кондор» стоял уже неподвижно на большой высоте. Позади него протянулся, постепенно опускаясь, длинный хвост, колышущийся от ветра.

* * *

— Неисчерпаема энергия воздушного океана. Пройдет еще немного лет, и тысячи, десятки тысяч вот таких «Кондоров» начнут гордо реять над нашей страной. Ветер, превращенный в электроток, будет вращать наши машины, давать свет и тепло. Мы электрифицируем нашу жизнь, наш быт до мельчайших подробностей. Ветер возьмет на себя самые тяжелые работы. Человеческий труд облегчится. Люди будут иметь гораздо больше свободного времени, чтобы отдавать его науке, искусствам. Жизнь станет прекрасной.

— Да, Левка, жизнь станет прекрасна, — отозвалась Зоя.

И вдруг, сделав испуганные глаза, Зоя воскликнула:

— Левка! А как же мы будем обедать? Чем мы будем питаться?

— Нектаром и амброзией, как и следует небожителям, или же манной небесной. Ты проголодалась, Зоя?

— Признаться, да. Мне хочется есть. Ведь мы обедали еще за агульным или загальным столом!

— Потерпи немного. Мы скоро спустимся. А когда мы взлетим надолго, то будем спускаться вниз проволоку и поднимать все, что нам необходимо. Здесь есть электрическая плита, и мы сможем подогревать кушанья, варить кофе. Время от времени нам придется спускаться, чтобы запастись газом. Как ни плотны оболочки «крыльев», все же диффузия существует. Думаю, что утечка газа будет небольшая, и нам едва ли придется спускаться чаще чем раз в месяц, если только ты не соскучишься по земле.

— Нам некогда будет скучать, Левка!

— Но у нас достаточно будет и свободного времени. Мы запасемся книгами. На «Кондоре» имеются прекрасная радиостанция и телевизор. Ты сможешь видеть даже кинокартины.

— А по ночам мы будем заниматься астрономией. Не правда ли, отсюда чудесно наблюдать светила?

*На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил,*

— вновь продекламировал Левка.

— А если в нашем воздушном океане произойдет буря, что мы будем делать, Левка?

— Нас притянут к земле и закрепят «Кондор» на якорях. На случай же катастрофы, например обрыва троса, у нас имеются парашюты.

Миллер показал Зое привязанные к перилам сложенные парашюты и объяснил, как обращаться с ними.

— Прихватываешь себя у груди вот этим ремнем и — господи благослови — бросаешься вниз. Летишь и считаешь до десяти — запомни это, — и только когда просчитаешь до десяти, дернешь вот за эту веревку, и парашют раскроется.

Зоя невольно вздрогнула и сказала, понизив голос:

— Ты знаешь, я очень храбрая, Левка. Но я, кажется, никогда не решилась бы броситься вниз на парашюте. Что бы ни случилось...

— Ну, не будем говорить о таких вещах. Надеюсь, тебе не придется совершить такое сальто-мортале.

— Алло! — заговорил радиорупор. — Как дела?

— Все в порядке! — ответил Левка по радиотелефону. — Сейчас дам ток на землю. Есть? Отлично! Можете начинать спуск!

«Кондор» вздрогнул и стал медленно снижаться. Внизу люди наматывали на ворот тонкий трос.

— Надо будет механизировать работу этого ворота, — сказал Левка. — Итак, завтра мы начинаем жизнь на нашей небесной даче. Завтра мы дадим ток колхозным тракторам, заводам, военным автомобилям, дадим свет в дома и тепло в электрические печи. Довольно ветру лодырничать! Отныне бездельников не будут уже называть ветрениками. Ветер будет таскать, возить, косить, варить электрощи в колхозной электрофабрике-кухне и даже баюкать детей в колхозных яслях. Но сегодня мы поедем с тобой еще не электрифицированный украинский борщ!

* * *

На другой день произошло водворение Зои Тверьяновой и Миллера «на небеса». Весь аппарат был хорошо сконструирован, и, в сущности говоря, на «Кондоре» можно было иметь одного монтера. На малых ветросиловых установках обходились и совсем без людей. Но «Кондор» был слишком мощной ветросиловой электростанцией, чтобы его выводить из строя без крайней нужды. На всякий случай на земле был устроен очень простой аккумулятор: на вершине холма было выкопано целое озеро. Электричество поднимало воду речки, протекавшей у подножия холма, вода наполняла озеро. Когда «Кондор» почему-либо бездействовал, вода из этого резервуара пускалась вниз по трубе и приводила в движение турбину. Таким образом, все сооружение являлось как бы комбинированной ветро-гидро-электроустановкой.

Сам Миллер неотлучно находился на «Кондоре» главным образом потому, что здесь он продолжал свою научную и изобретательскую работу. «Кондор» был его лабораторией: Левка изучал силу ветра на различной высоте, проверял работу роторов испытывал на ветру модели, вел дневники. Дело было новое. Миллер изыскивал всякие усовершенствования, изобретал автоматические регуляторы, отметчики. Зоя деятельно помогала ему.

Они запаслись всем необходимым: теплой одеждой, книгами. Пища и питье каждый день подавались им «на лифте». Миллер придумал и «спешную почту» — небольшой привязной баллон, который быстро поднимался к «Кондору».

Это была необычная жизнь в воздухе на высоте пятисот, тысячи и выше метров. Иногда «Кондор» поднимался над облаками. Волнующееся облачное море клубилось под ногами отшельников. Несколько раз под ними разражалась гроза. Страшные удары потрясали небесные просторы. Облака играли многократным эхом. Синие молнии сердито ломались в клубящихся тучах. Внизу были хаос, гром и буря. А над «Кондором» простиралось безоблачное голубое небо и ярко светило солнце.

Иногда вечернее облачко, подрумяненное солнцем, проплывало вблизи «Кондора». Зоя протягивала к нему руку и говорила:

— Иди к нам, небесный гость!

И, словно повинуюсь этому зову, облако окутывало «Кондора» сырým туманом, оставлявшим капли на волосах и шерстяном свитере Зои.

— Не все поэтическое издали приятно вблизи! — смеясь, говорил Левка.

Воздух был прохладен, а солнце жгло. Щека, обращенная к солнцу, горела, а другая — в тени — мерзла. Миллер и Зойка сильно загорели.

— Вот где принимать солнечные ванны. Лучше, чем на пляже! — говорила Зоя.

— Да, и я уверен, что со временем большие высотные установки будут использованы как горные санатории! — отвечал Левка.

Вечерами молодые люди сидели на палубе и любовались звездами. Внизу, на земле, как звезды, горели в домах огни электрических ламп, и Зое иногда казалось, что она находится в межпланетном пространстве: звезды и сверху и снизу окружали ее. Мелочи жизни оставались там, внизу, на земле. Здесь невольно приходили в голову мысли о далеких мирах, о жителях иных планет, о величии Вселенной...

Спокойному созерцанию мешал только ветер. Если он ослабевал, то Левка тотчас отдавал приказ на землю поднять «Кондор» выше. И ветер вновь свистел в ушах, роторы быстро вращались, ток стекал по проволоке на землю, растекался по фабрикам, заводам, домам, живительной силой вливался в тракторы, машины, вертел, двигал, светил, грел, стирал белье, варил электрокашу...

Ведя воображаемые беседы с марсианами, Зоя иногда забывала о земле. Но земля сама напомнила о себе.

* * *

Пришла осень, непогожая, дождливая. Уже на высоте двухсот метров скорость ветра доходила до восьми-девяти метров в секунду. Внизу, на земле, гнулись тополя, роняя последние листья. Зоя ежилась, смотрела на быстро мчавшиеся облака и думала о зиме.

Левка! Что мы будем делать, когда придут зимние вьюги? «Когда наступят зимни холода»? То же, что и теперь. Оденемся потеплее, только и всего. А если «Кондор» засыплет снегом? Не засыплет. Ротор прикрывает сверху. Сам он вращается, на него не осядет снег. Ну, а если немного и наметет на палубу, очистим. Надо будет только скорее сделать аппарат, который автоматически регулировал бы высоту полета в зависимости от силы ветра. Тогда нам не придется так часто выходить на стужу, чтобы посмотреть показания анемометра.

В этот вечер они рано забрались в каюту. Здесь было светло, тепло, уютно. Зоя читала, Левка обрабатывал записи автоматических аппаратов, чертил графики. За стеной мерно ворчал мотор. «Кондор» дрожал легкой дрожью, но к ней воздушные жители привыкли, как железнодорожники к тряске вагона.

— Алло! Алло! Алло! — неожиданно раздался тревожный голос. — Говорит земля. Миллер, вы принимаете?

— Кирсанов? Я вас слушаю!

— Внимательно слушайте! — продолжал голос. И черный диск рупора начал сообщать черные вести: — Из главного штаба получена радиотелеграмма. Румыния и Польша без объявления войны начали военные действия. Эскадрилья вражеских аэропланов перелетела границу. Аэропланы снабжены режущими приспособлениями для проволоки, к которой привязаны высотные

ветросиловые установки. «Литке» и «Звезда» подрезаны и разбиты. Установите наблюдение. Если увидите врага, немедленно давайте сигналы, чтобы спустить «Кондор» на землю. Для его защиты к нам прибудет батарея зенитных орудий.

С немым ужасом, как загипнотизированная, смотрела Зоя на блестящий кружок в центре черного диска. Был взволнован и Левка.

— Переходим на военное положение, Зойка? — сказал он с нервной веселостью.

— Одевайся теплее. Нам придется стоять на вахте всю ночь.

Надев кожаные шлем и пальто на меху, он продолжал:

— А пулемет, пожалуй, теперь и пригодился бы нам. Признаться, я сам отказался от него: лишняя тяжесть. Ну, да спуститься на землю и взять на борт пулемет недолго. Идем! Пстой! Надо переключить громкоговоритель на палубу. Так. Идем!

Ветер ударил в лицо. Тяжи свистели и дрожали. Весь «Кондор» словно напружился. Внезапно с двух сторон палубы ночную тьму прорезали яркие снопы света. Это Миллер зажег прожекторы.

С полевыми биноклями в руках Левка и Зоя стояли по обеим сторонам палубы. Облака быстро неслись по небу, клубились, сталкивались, громоздились. Рука Зои немела от тяжелого бинокля и холодного ветра.

От времени до времени Зоя бросала взгляд на анемометр.

«Тринадцать метров в секунду... четырнадцать... пятнадцать... Шестнадцать баллов! Неужели в такой ветер вражеские аэропланы решатся лететь? Ах, хоть бы разразился шторм!.. Барометр падает...»

Иногда среди клубящихся туч Зое мерещилась блестящая звездочка. Уж не вражеский ли это аэроплан, освещенный прожектором «Кондора»?.. Но звездочка исчезала и не появлялась. Обман утомленного зрения!.. «Семнадцать метров... восемнадцать...»

— Алло! Алло! — заглушая свист ветра, закричал громкоговоритель, прикрепленный к наружной стене каюты. — Алло! Наши военные автомобили прибыли на станцию для зарядки аккумуляторов. Давайте всю мощность «Кондора»!

«Девятнадцать... двадцать метров в секунду. Восемь баллов! Это уже шторм!» — подумала Зоя с облегчением. Чем крепче ветер, тем меньше вероятия на вражеский налет. Воздушный шторм защитит их от шторма военной непогоды. А «Кондор»? «Кондор» выдержит. Он привык встречать грудью своих роторов натиск ветра. И Зоя почти с нежностью посмотрела на цилиндр вингротора. Он шумел и гудел, как Ниагара. «Кондор» уже не дрожал, а трясся, словно в сильнейшем пароксизме лихорадки. Звенели и свистели тяжи. Хвост стоял горизонтально, вытянутый ветром в струну. Ветер распахивал полы кожаного пальто Зои, леденил ноги. От света прожектора болели глаза. Кружилась голова. Тяжелый бинокль оттягивал вниз руку.

«Двадцать три... двадцать шесть... двадцать восемь... если так пойдет дальше...»

Внезапно Зоя почувствовала толчок, и «Кондор» начал снижаться. Неужели порвался трос? Ведь все дело в тросе! Зоя напрасно любовалась «Кондором». Порвется тоненькая привязь, и вся эта махина станет беззащитной игрушкой ветра. «Кондор» сорвется и полетит кувырком, «гуляя», как детский

оборвавшийся змей... Жизнь Зои висела если не на волоске, то на тонкой проволоке...

«Кондор» снижается равномерно. Это, вероятно, Левка ищет полосу, где ветер тише...

— Алло! Алло! — вновь заревел громкоговоритель. — Получен приказ: «Кондор» должен держаться на высоте до последней возможности, пока все аккумуляторы не будут заряжены. Давайте сигнал о спуске только в двух случаях: если увидите вражеский аэроплан или же если сила ветра будет явно угрожать срыву «Кондора».

«Кондор» несколько опустился, но внизу ветер на этот раз был еще сильнее. Тогда Миллер решил подняться в верхние слои. Начались поиски «тихой воздушной гавани». «Кондор» то поднимался выше облаков, и над Зоей тогда светили безучастные звезды, то погружался в хаос клубящихся туч. В лучах прожектора они казались остервенелыми чудовищами, набрасывающимися на «Кондор». Несмотря на длинный хвост и боковые плоскости, «Кондор» начало бросать из стороны в сторону. Зоя положила бинокль в футляр и крепко схватилась за прут железной ограды. Он дрожал, как и все на «Кондоре», и был холоден как лед.

«Тридцать... тридцать два... тридцать три... тридцать четыре метра в секунду. Десять... одиннадцать баллов! Сильный шторм, переходящий в ураган... Жизнь на стальном волоске... Жизнь...»

— Зоя... Зойка!

Тверьянова повернула голову, словно пробуждаясь от забытья. Крепко держась за перила, перед ней стоял Левка. Лицо его побледнело. Губы нервно подергивались. Он попытался улыбнуться, но улыбка не удалась. Наклонившись к Зоиному уху, он закричал:

— Как чувствуешь себя, Зоя?

— Отлично! — ответила она.

Левка помолчал, словно колеблясь принять какое-то решение. Затем закричал вновь:

— «Кондор» не выдержит такого шторма. Трос лопнет. Натяжение слишком велико. Нельзя погубить «Кондор». Надо спускаться. Я отдам приказ.

— А аккумуляторы военных автомобилей?.. — спросила Зоя.

Губы Левки опять дрогнули.

— Если «Кондор» сорвется, всех аккумуляторов все равно не зарядить! — прокричал он в ответ.

Зоя пытливо заглянула ему в глаза. Она хотела прочесть его мысли. И чутьем отгадала их.

«Ты боишься не за «Кондор», — подумала она и прокричала:

— Попробуй подняться еще раз до самого «потолка» — на всю длину троса!

Левка пожал плечами.

— Поднимались. Везде одно и то же. Шторм...

— Но ветер может измениться. Прошу тебя!..

Левка неопределенно пожал плечами и отошел. Вот он что-то крикнул в трубку телефона...

«Кондор» начал подниматься. Над головой Зои снова показались звезды. Там где-то был Марс со своими загадочными марсианами. Но в эту минуту она не думала о них.

«Так... молодец... Чем выше от земли, тем лучше...» Зоя, не выпуская перил, добралась до парашюта, сбросила меховые перчатки, с трудом обвязала себя выше груди широким ремнем, отвязала парашют, сжала конец веревки, которая раскрывает парашют, и, зажмурив глаза, бросилась в клокочущий под нею океан облаков.

«Раз... два... три... четыре...»

Левка увидал, как темный предмет метнулся вниз и скрылся в облаках. Острая боль пронзила сердце. Он бросился к Зое. Ее не было на палубе. Не хватало и одного парашюта. Левка понял все: она «развязала ему руки».

Шатаясь, Миллер подошел к радиотелефону. Он хотел отдать приказ о том, чтобы «Кондор» немедленно спустили вниз.

Шторм валил его с ног. О, этот шторм! Он отнял у него самое дорогое. Разве можно рассчитывать на благополучный спуск при таком ветре? Зоя, конечно, погибла. Теперь все кончено...

И Миллер ограничился только тем, что крикнул в радиотелефонную трубку:

— Тверьянова бросилась на парашюте. Пошлите людей на розыски!

Зою Тверьянову нашли за двадцать километров на вершине дерева. Перелом ноги, ссадины по всему телу. Но она была жива. Исключительная удача для такого безумного прыжка. Первыми ее словами, когда она пришла в себя, были:

— Все ли аккумуляторы заряжены?..

На воздушных столбах

Мы летели довольно низко над пересеченной местностью, и прекрасный пассажирский аэроплан порядочно покачивало. Мой сосед, журналист из Вены, Эрвин Лик, крепко «пришитый» к креслу широким ремнем, морщился, разглаживая географическую карту, которая ежеминутно сползала с его колен.

— Новый Мерв. Новый Мерв... Но где же он находится? — спрашивал меня Лик, внимательно разглядывая карту.

Я бросил взгляд на эту карту и рассмеялся. Она имела довольно крупный масштаб, но была издана в 1913 г.

— Вы не найдете его на этой карте. Вот прилетим, увидите! — ответил я.

Лик вздохнул, с безнадежным видом сложил карту и сказал:

— Трудно знать географию СССР. Это совершенно новая страна. Новые названия, новые города, новые каналы, новые пути сообщения, все новое. Вы не пощадили даже рек и морей и перелицевали их на свой вкус. Кроме шуток, иностранцу теперь у вас легче заблудиться, чем в Африке.

— Мы только выполнили обещание «построить новый мир», — ответил я.

— О да-да! «Мы новый мир построим», как у вас поется, — отозвался он и отвернулся к окну.

Под нами проплывали бесконечные поля, перерезанные дорогами, новые «сельские города» совхозов, гнезда заводов, и фабрик, окруженные домами-коммунами и парками. Лик внимательно смотрел. Я наблюдал за выражением его лица. Он, видимо, был поражен, но, как истый журналист, старался не показать вида.

Однако его профессиональной сдержанности не хватило до конца пути.

На границе пустыни Кара-Кум Лик опять раскрыл карту, ткнул пальцем в большую плешину из серых точек, обозначающую мертвый уголок земли, и воскликнул:

— Здесь пустыня, а здесь что? — И он кивнул в сторону окна, сквозь которое были видны уходящие до самого горизонта хлопковые поля, орошенные сложной системой каналов. Там, где каналов не было, виднелись вышки искусственного дождевания. Над некоторыми из них сгущались тучи, готовые пролиться «по заказу» дождем. На земле не было больше пустыни. Лик бросил карту на пол.

— Этой карте место в музее! — проворчал он не то сердито, не то восторженно.

Но пустыня, превращенная в цветущие плантации, была не последним сюрпризом «нового мира».

Лик долго молча смотрел в окно, потом, не поворачиваясь ко мне, как бы рассуждая сам с собой, продолжал:

— Я видел Кара-Кумы давно, до войны. Печальное зрелище. Серые, желтые, красные песчаные барханы, кое-где тощие кустарники, никому не нужные, забытые богом и людьми...

— ...из которых мы теперь добываем прекрасный каучук! — вставил я.

— ...Кустарники, как будто окоченевшие от сухости и зноя. Синее раскаленное небо над головой. И один только сухой, мертвенный звук песка, пересыпаемого ветром с места на место. Бесплодная работа стихий. Ни зверя, ни птицы. Только кое-где белеют верблюжьи кости — мечь пустыни живому, вторгнувшемуся в смертельные пределы песчаного безмолвия... Одни скорпионы, сухие, как песок, да ядовитые пауки жили здесь, угрожая ядом, жгучим, как палящие лучи солнца... Казалось, это начало конца мира. Думалось: насекомые — древнейшие обитатели земли — останутся и последними ее жителями, когда весь земной шар превратится в такую же мертвую песчаную пустыню... Подумать только, одна лишь пустыня между Каспийским морем и Аму-Дарьей занимала пространство в четыреста пятьдесят тысяч квадратных километров!.. Какие страшные места омертвления на коже земли!.. И вот теперь... — он не договорил и тряхнул головой.

Я не мешал моему спутнику предаваться размышлениям, пока новое зрелище не привлекло его внимания.

Среди темно-зеленой площади, засеянной хлопком, показались большие белые круги, своего рода оазисы, расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга в шахматном порядке. Между этими островками летало множество аэропланов, освещенных заходящими лучами солнца. Это было изумительно красивое зрелище. Аэропланы поднимались с белых кругов, летали по кривой или прямой линии, от круга к кругу, снижались.

Залюбовавшись крылатой стаей, мы не заметили, как наш аэроплан начал снижаться. Под нами, как будто летя навстречу, виднелся большой, хорошо оборудованный аэродром.

— Неужели прилетели? — спросил Лик. — Но ведь вы говорили, что аэродром должен находиться у самого Нового Мерва, а между тем я не вижу признака города.

— И не увидите! — шутливо ответил я.

Перед нами лежала большая асфальтированная площадь, над которой ме-

стами возвышались невысокие трубы и дискообразные блестящие поверхности на металлических стержнях.

— Новая фабрика? Завод? Солнечная станция? — спрашивал Лик в недоумении. — Город должен находиться тут поблизости, но где же он? Провалился сквозь землю?..

Когда один из автомобилей повез нас по асфальтовой площади, Лик обратил внимание на люки, огороженные перилами. В эти люки спускались люди и поднимались оттуда на поверхность.

— Неужели я случайно отгадал и город действительно находится под землей? — спросил Лик. От его манеры ничему не удивляться не осталось и следа.

Я дал адрес секретаря хлопкового совхоза, товарища Муссе, к которому у меня было поручение из Москвы. Шофер остановился у одного из люков со спускающейся лестницей под землю. Я предложил Лику остановиться вместе со мною у Муссе.

Мы сошли с автомобиля и, захватив свой легкий багаж, зашагали по ступенькам, освещенным солнечным светом, отраженным от зеркал.

— Так вот для чего нужны блестящие диски! — сказал Лик.

Я сошел со своим спутником вниз до площадки, от которой расходились коридоры, и спросил проходящего человека, где живет Муссе.

— Третий этаж, сто семнадцать, — ответил он на ходу.

— Здесь этажи считают сверху вниз, — объяснил я Лику.

И мы спустились двумя этажами ниже. У дверей с прибитым вверху номером 117 я постучал.

Хозяин оказался дома, но он был болен. Загорелый, худощавый, мускулистый, с черными усами и небольшой бородой, он ходил по комнате в бухарском халате и поеживался. Его знобило. Нас он встретил очень радушно.

— Здравствуйте, товарищ Фомин! Я уже был извещен о вашем приезде радиogramмой. Очень рад вас видеть. Как долетели? Хорошо? А вы поглядеть на пустыню приехали? — обратился он к Лику. — Все покажу, дайте срок. Малярия проклятая крутит!

— Здесь заразились? — спросил Лик.

Муссе даже обиделся.

— Здесь так же невозможно заразиться малярией, как на Северном полюсе. Здесь мы давно покончили с анофелесом[99]. В командировке заразился. Летал в еще дикие, неосвоенные места разбивать новые поля для хлопка.

Лик посмотрел на свет, льющийся через большое окно вверху, на потолке. Муссе поймал этот взгляд.

— Вас удивляет наше подземное жилище? А между тем надо удивляться, как людям не пришла в голову такая простая мысль. В строительстве, особенно жилищном, необходимо применяться к местным условиям. Подземные жилища очень удобны и для юга, и для Крайнего Севера. Раньше здесь строились дома такие же, как в Москве, как в Европе: каменные ящики, открытые со всех сторон жгучим лучам солнца. А это нельзя. Это нехорошо. Такие дома накалялись, как жаровня, и в них было почти невозможно от жары и духоты днем работать. Работа страдала. Темпы страдали. Люди страдали. А в земле прохладнее и температура ровнее. Вентиляция идеальная. Свет проникает через рефлекторы. Есть и электрическое освещение с лампами, пропускающими ультрафиолетовые лучи. Это прекрасное здоровое жилище. В верхних эта-

жах — канцелярии. Работать хорошо, не жарко.

— А скажите, почему у вас такое огромное количество аэродромов и когда вы успели настроить столько самолетов? — спросил Лик.

— Это не самолеты, то есть самолеты, но без моторов. Планеры, если хотите.

— У вас так развит планеризм?

— Не планеризм, а безмоторное летание. Мы на наших планерах перевозим и почту, и пассажиров, и даже грузы. Самый дешевый способ сообщения. — И, кутаясь в полы халата, Муссе продолжал: — Вы знаете, какие успехи сделал планеризм за последнее время? И он обязан этими успехами изучению воздушных течений. Когда-то планер слетал свободным спуском с какого-либо холма, и этим дело ограничивалось. Планерист держался в воздухе несколько минут, в редких случаях, при подходящем ветре полчаса-час. Во время этих полетов наши планеристы начали изучать восходящие струи воздуха. Оказалось, что их существует немало. Ветер, встречая холм, поднимается вверх. Это раз. Затем грозовая туча несет под собою как бы клубок холодного воздуха. Этот «клубок» поднимает вверх встречный теплый воздух, который таким образом перепрыгивает через грозовую тучу. Вот вам два. Кучевые облака имеют под собою также восходящие потоки воздуха. Наконец, открытые места, окруженные растительностью, нагреваются больше и как бы испускают вверх воздушные столбы. Это давно было замечено и летчиками аэропланов: над лесом всегда воздух падает вниз, получается то, что называется воздушной ямой, столь опасной для летчиков, если они не набрали достаточной высоты, а на открытых местах воздух идет вверх, образуя воздушный бугор. Все это и создает «неровности» воздушного пути, вызывающие у пассажиров приступы морской болезни.

— Это мне хорошо известно, — кивнул Лик головой.

— Ну, вот, остальное понятно. Наблюдательные люди давно обратили внимание на парящий полет орлов. Распластавшись в воздухе, не двигая крыльями, они могут парить часами, выглядывая добычу. Что их держит? Восходящие токи воздуха. Этот опыт оставалось применить к планерам.

— Значит, ваши круглые площадки, которые мы видели...

Это основания «воздушных столбов», восходящих течений, которые поднимают вверх наши планеры. Аппарат запускается с одной площадки, набирает высоту и летит планирующим спуском до следующего «воздушного столба», который вновь поднимает его, и так далее. Шахматный порядок воздушных столбов дает возможность избрать любое направление. Все это очень просто.

— И тем не менее даже у нас за границей до сих пор не существует постоянного безмоторного воздушного сообщения!

— Даже у вас за границей, — несколько обидчиво повторил Муссе. — В том-то и дело, что ваша заграница никогда не в силах будет создать такое сообщение, по крайней мере, пока там существует частная собственность. Земля там разбита на мелкие участки, да и тесно у вас. Этот простой, но целесообразный способ передвижения по воздуху мог быть создан только у нас в СССР с его обобществленной землей и плановым хозяйством. Многие недоступны для капиталистической заграницы... Сегодня мне нездоровится, а завтра я все покажу вам.

Муссе, сославшись на нездоровье, скоро ушел в спальню, предоставив Лику

на досуге размышлять обо всех выгодах безмоторно-планового хозяйства вообще и безмоторного летания в частности.

На другой день Муссе разбудил меня на заре. Он сообщил, что ночью получил радио: его срочно вызывают в самый южный уголок совхоза, у афганской границы. Так как дело, по которому его вызывали, интересовало и меня, я решил лететь вместе с Муссе.

— А с Ликом как быть? — спросил я его.

— Мой помощник все покажет ему, — ответил Муссе и охнул. Я посмотрел на Муссе. Он выглядел совсем скверно, и я предложил отложить полет. — Нельзя. Дело неотложное. Вы умеете управлять планерами и аэропланами?

Со стыдом я должен был признаться, что не умею.

— Скверно... А я едва ли справлюсь сегодня с этим делом... На ногах еле стою. Придется взять с собою Мемета Мухаматжи. А не хотелось бы... — И, помолчав, Муссе добавил: — Не нравится мне этот Мемет. Что делать, на границе поневоле становишься подозрительным. За нами следят сотни враждебных глаз. Не столько афганских, сколько английских. Боятся англичане за свою Индию... Ну, ничего, — заключил Муссе, как бы успокаивая самого себя. — Вы будете со мною. Мухаматжи, я так предполагаю, афганец, хотя и выдает себя за уроженца здешних мест. Он служит у нас в совхозе. Сегодня у него выходной день, он не откажется. Мы будем в четыре глаза наблюдать за ним. А заменить некем — все на работе...

— Может быть, все-таки отложить полет?

— Невозможно. Без меня там вся работа станет.

Муссе позвонил по телефону и вызвал Мемета.

Быть может, оттого что я был уже предубежден против этого человека, но Мемет мне не понравился. У него были беспокойные, ищущие и шмыгающие глаза и лукавая, слишком любезная улыбка. Он был суетлив и часто оглядывался назад, словно удостовераясь, что за ним никто не наблюдает. По всему видно, что неглуп, а еще больше хитер. Предложение Муссе заметно обрадовало его, хотя он и поспешил сдержать свою радость.

— С удовольствием, дорогой товарищ, — сказал он певучим голосом. — С большим моим удовольствием. Мне только надо устроить мои... домашние дела, если позволите. Это займет не более часа. Через час я буду на площадке для взлета. — И, отвесив поклон, он вышел.

Муссе сообщил по телефону своему помощнику, чтобы тот взял под свое кровительство Лика.

Ровно через час мы с Муссе были на взлетной площадке. Мемет запоздал. Зато неожиданно явился Лик. Муссе совсем расхворался, но крепился. Он пояснил Лику, как запускают планеры.

— У нас это теперь механизировано. Вот смотрите, сейчас полетит один планер. Они у нас почти все бипланы с довольно большой грузоподъемностью. Видите скат, выходящий на площадку? Отсюда и запускают.

Пока Муссе говорил, из ангара вывели большой планер и подвезли к площадке. Сверху спускался тонкий трос, к которому и прикрепили планер. На площадке один рабочий повернул рычаг, и планер был легко втащен наверх. Трос отцепили, вращающаяся круглая площадка повернула планер головной частью к скату. Все это заняло не больше минуты. Два летчика уселись в кабину планера. Тот же рабочий, который втащил планер, прикрепил его хвост к

тросу, на этот раз резиновому. Два других резиновых троса, расходящиеся в стороны, были прицеплены к носовой части аппарата. Затем по сигналу задний резиновый трос был отцеплен, а передние рванули планер вперед и механически отцепились. Планер вылетел, словно камень из пращи. Летчик сделал вираж, и планер, поднимаемый теплым восходящим воздушным течением, начал спиральными кругами забирать высоту. Поднявшись метров на пятьсот, летчик опять повернул руль, и на этот раз планер направился по прямой линии к следующему воздушному столбу, медленно снижаясь.

— Полетели! — сказал Муссе.

Белый автомобиль подкатил к площадке, и из него вышел Мемет, несколько взволнованный, но, как всегда, любезно улыбающийся.

— Простите, что немного задержался, — сказал он. — Надо было устроить кое-какие домашние дела.

Мы уселись в планер, попрощались с Ликом и вкатились на верхнюю площадку. Бедный Муссе едва держался на ногах, он почти упал в кресло для пассажиров и закрыл глаза. Мемет уселся у руля. Нас рвануло. Муссе качнулся головой вперед, я ухватился за ручки кресла. Мы полетели. Лик махал шляпой.

— До завтра! — крикнул я ему.

Мемет, видимо, был неплохим пилотом. Он ловко управлял, и мы поднимались вверх с гораздо большей быстротой, чем предыдущий планер. Мемет взял направление на юго-восток.

Я испытывал новое и очень приятное ощущение. Здесь не было бича пассажирских аэропланов — ужасающего грохота моторов. Тишина стояла такая, как будто мы летели на аэростате, молчаливо несущемся по воле ветра. Кабина была открытая. Планер обладал значительно меньшей скоростью, чем аэропланы, и поэтому встречный ветер не очень беспокоил меня. Верхние крылья защищали от знойных лучей. Приятное путешествие. Здесь можно было даже курить, не боясь взрыва, а стореть планер не мог: он был весь металлический. Можно было разговаривать, хотя шепотом. Благодаря ровному рельефу местности на нашем пути не было ни воздушных ям, ни «бугров». Мы летели плавно, незаметно снижаясь.

— Вот настоящее путешествие для успокоения нервов, — сказал я, обращаясь к Муссе. Он открыл глаза, воспаленные и мутные, что-то промычал в ответ и еще ниже склонил голову.

«Однако с ним совсем скверно», — подумал я. Мемет пел однообразную коротенькую восточную песню. Грустный мотив он умудрялся петь как-то по-веселому. Видимо, он был в отличном настроении.

Внизу, насколько хватал глаз, расстилались бесконечные хлопковые поля — темно-зеленый ковер с узором дорог блестящих арыков и белых кругов. Там и сям, как ласточки, реяли планеры. На воздушных столбах они встречались, пролетая друг над другом, и летчики обменивались приветствиями — совсем как рыбаки на море. Снижаясь перед воздушным столбом; мы слышали крики и песни работавших на полях людей.

Постепенно рельеф местности изменился. Появились небольшие холмы. Сплошные хлопковые поля начали перемежаться с тучными лугами, на которых паслись стада тонкорунных овец. С высоты они казались белоснежным прибоем, медленно катящимся по зеленой глади океана.

На безоблачном небе появились кучевые облака, тянувшие на юг. Я заме-

тил, что Мемет часто поглядывает на облака, не прекращая петь свою грустно-веселую песенку. Группа довольно густых облаков привлекала его особенное внимание. И вдруг, вместо того чтобы направить планер к воздушному столбу, Мемет свернул с прямой линии, и мы полетели к кучевому облаку, медленно несущемуся впереди нас. Что бы могло это значить? Беспокоиться, впрочем, пока было не о чем. Мемет — надежный пилот и хорошо знает дорогу. Быть может, мы приближались к цели нашего путешествия, и нам надо было свернуть в сторону. Я посмотрел вопросительно на Муссе. Он спал или лежал в забытьи. Между тем наш планер уже догнал медленно летевшую группу кучевых облаков и теперь летел под ними. Я заметил, что планер начинает постепенно забирать высоту. Мы летели «на хвосте тучи». Мне вспомнились объяснения Муссе: планеристы научились использовать восходящие токи воздуха под кучевыми облаками. Но в этой местности облака вообще редкость, и на них нельзя рассчитывать как на надежный «способ передвижения». Что же заставило Мемета воспользоваться неожиданными услугами облаков?.. В недоумении я посмотрел вниз и удивился еще больше. Хлопковые поля и пастбища кончились. Мы летели над бесплодной пустыней. Нигде не видно было ни «подъемных» кругов, ни аэродромов, ни даже жилья... А планер продолжал идти вслед за облаками, прямо на восток.

И вдруг одна мысль заставила меня вздрогнуть. Мы находились недалеко от афганской границы. Что, если подозрения Муссе оправдаются? Быть может, Мемет — английский шпион и теперь решил, воспользовавшись случаем, перелететь границу и снизиться на территории Афганистана... Я решил разбудить Муссе, он и сам вдруг начал проявлять признаки беспокойства. Быть может, у этого человека, привыкшего к полетам, уже развился инстинкт пространства, как у почтовых голубей, и он заметил изменение курса... Муссе открыл глаза, сиюсь выйдя из оцепенения.

— Что это?.. Где мы? — тихо спросил он.

— Не знаю, летим на юг. Хлопковые поля кончились. Внизу пустыня, — отвечал я тихо и, еще больше понизив голос, продолжал: — Мне кажется, происходит что-то неладное, Муссе. Мы летим на буксире облаков...

Страшным усилием воли Муссе заставил себя разорвать цепкие путы болезненного, полубредового состояния. Он посмотрел на меня почти совершенно сознательно, с трудом приподнялся и заглянул вниз.

— Предатель... — прошептал он. — Мемет хочет улизнуть за границу, пользуясь подходящим случаем... — Муссе опустил голову, но я видел, это не от слабости: он размышлял. Потом так же тихо, наклонив голову к моему уху, он прошептал: — Надо во что бы то ни стало помешать этому. Ах, если бы вы умели управлять планером... я бы пустил пулю в затылок этому злодею, мы снизились бы, и все было бы кончено. Но, к сожалению, я не в силах двинуть рукой, а вы, пожалуй, снизьте так, что все будет кончено не только для него, но и для нас... Впрочем, лучше это, чем допустить перелет границы... Там его могут ждать сообщники, а у Мемета могут быть документы...

Мы опять помолчали. Муссе с тоскою посмотрел на тучу. Она немного поредела, но продолжала нестись к афганской границе.

— Вывезет ведь, пожалуй... — шептал Муссе.

А Мемет продолжал тянуть свою песенку, и в его пении слышались торжествующие нотки. Надо было что-нибудь предпринимать.

— Куда мы летим, товарищ Мухаматжи? — спросил я его невинным тоном любознательного туриста.

— Как видите, на юг, — ответил он непринужденно. — Пользуясь редким случаем изучить воздушные течения вблизи облаков, мы немного уклонились от нашего пути.

— А как мы вернемся назад? Будем ждать попутного облака?

Он сделал вид, что не расслышал моего вопроса, и вновь запел громче прежнего.

— Мемет! — сказал Муссе слабым, но повелительным голосом. — Я приказываю тебе немедленно повернуть руль на север и снижаться.

— Ну, один раз можно и не послушаться твоих приказаний, — ответил Мухаматжи.

Наклонившись к моему уху, Муссе прошептал:

— Вот уже виднеется афганская граница. Надо действовать решительно, если бы даже нам пришлось погибнуть.

Я кивнул головой, поднялся, схватил Мемета за плечи и рванул назад. Планер покачнулся, но продолжал лететь — он был хорошо сконструирован. Мемет упал, поднялся, повернулся ко мне лицом. Его любезная улыбка исчезла бесследно. Глаза горели жгучею ненавистью. Он попытался схватить меня за горло, а я тщетно старался извлечь из кармана револьвер. Между нами завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Планер покачивался, но продолжал идти к границе. Неожиданно в руке Мемета я увидел нож. Мемет взмахнул рукой, намереваясь ударить меня в грудь, но я отвел его руку, и удар пришелся по правому плечу. Он всадил нож по рукоятку и тотчас вынул, чтобы нанести новый удар и дать выход крови, — он знал, что при потере крови я скорее обессилею. Кровь хлынула из раны и залила мне весь костюм. Рука повисла бессильно. Я упал на колени и чувствовал, что голова моя кружится, а надо мной уже был занесен нож для нового, решительного удара. В одно короткое мгновение я понял, что это конец. Раздался выстрел Муссе. Пуля пробила Мемету шею. Он зашипел, как полураздавленная змея, и грохнулся рядом со мной. Его злость была так велика, что, и раненный, он не оставлял борьбы. Он силился поднять руку и полоснуть меня ножом, но был слишком слаб, и нож только скользил по моему костюму. Мемет хрипел, плевал кровью и судорожно ворочался. Потом он как будто затих. На планер слетела зловещая тишина.

Планер, никем не управляемый, продолжал лететь, унося к неведомой цели странный экипаж — одного беспомощного больного и двух окровавленных людей. Я зажал рукою рану, Мемет последовал моему примеру. Его рана была опасней моей, но он был на редкость сильный человек и притом, видимо, привыкший к кровавым переделкам.

Несколько минут мы летели молча. Потом Мемет с трудом приподнялся и заглянул вниз. Он усмехнулся и с торжествующим злорадством сказал:

— А все-таки это облако скоро будет афганским.

Я понял его: вместе с облаком и мы окажемся на афганской территории. Я тоже заглянул вниз и потом на облако, ничего не отвечая Мемету. Да, граница была недалеко. Я видал наших пограничников, но они ничем не могли помочь нам... А по ту сторону границы гарцевал небольшой конный отряд афганцев.

— Попробуйте... повернуть руль... я скажу, как это делать... — услышал я

слабый голос Муссе.

Я начал приподниматься, но Мемет предупредил мое движение и навалился на меня всем телом. На это у него хватило сил. Я был бессилён двинуться. Положение наше казалось безвыходным. Но человек никогда не теряет надежды. Лежа под Меметом, я видел роковые кучевые облака. Они как будто начали редеть.

— Они изменили направление и летят на юго-восток, — услышал я голос Муссе.

Теперь все зависело от облака: куда оно поведет нас. Слова Муссе заставили Мемета переменить позу. Он немного освободил мое полупридушенное тело и посмотрел вниз и на небо, приподнявшись над краем загородки. Положение дел ему, видимо, не нравилось. Он со злостью плюнул вниз сгустком крови.

— Теперь мы идем вдоль самой границы, но по нашей территории, — продолжал информировать меня Муссе.

Я мог смотреть только на облако. Нет, глаза не обманывали меня. Оно становилось все реже, воздушней, таяло на моих глазах.

— Мы уже не идем на буксире облака! — воскликнул Муссе. — Оно рассеялось. Мы планируем.

Услышав это, афганец вдруг рванулся всем телом к рулю. Но я понял его намерение и здоровой рукой уцепился за него. Однако он был все еще сильнее меня. Ему удалось повернуть руль, и планер круто повернул на юг. В это время я услышал второй выстрел. На темени Мемета образовалась круглая дыра, из которой тотчас хлынула кровь. Муссе прикончил его. Но положение наше было все еще рискованным. До границы оставалась какая-нибудь сотня метров, а мы были на значительной высоте. Планируя, мы могли перелететь границу.

— Фомин, соберите все силы и поверните руль в обратную сторону! — прокричал Муссе.

Он даже приподнялся, но тотчас упал и, кажется, потерял сознание. Я выполнил приказание, как смог. Но для меня это напряжение было не по силам. Я тоже потерял на мгновение сознание и очнулся только от сильного толчка. Не знаю, как мы спланировали, но когда я открыл глаза, передо мною было лицо нашего пограничника.

«Спасены», — подумал я и опять впал в обморочное состояние.

Наконец я окончательно пришел в себя. Оказалось, что мы упали у самой границы. Наш отряд был меньше афганского, и афганцы делали отчаянную попытку уложить всех нас на месте, но атака была отбита. Я даже не слышал выстрелов. Когда я пришел в себя, афганский отряд уже скрывался вдали. Я лежал на траве, перевязанный и обмытый. Рядом со мной лежал Муссе.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказал он. — У Мемета на груди нашли кожаный мешочек, в котором находились документы о количестве наших пограничных войск и кое-что о наших совхозах. Эти документы, конечно, предназначались для англичан, так как были написаны на английском языке... Они боятся за свою Индию, — добавил Муссе, помолчав. — Ведь только небольшая кишка афганской территории отделяет наш Союз от Индии. Поэтому-то англичане и проявляют такой повышенный интерес к нашей афганской границе. Но на этот раз они остались с носом... Скоро за нами приедет автомобиль. И знаете, Фомин, эта встряска пошла мне на пользу. Лихорадка оставила

меня, я только чувствую некоторую слабость. Я уже хочу встать. А ваше самочувствие? Я посмотрел на труп Мемета и ответил:

— Отлично. Но я не хотел бы больше летать на хвосте тучи. Это очень капризный вожак.

Воздушный змей

Колькины затеи

Николай Иванович Самохин и Семен Лучкин были большими друзьями. Дружба их началась еще с тех пор, когда они вместе играли в бабки на пыльной деревенской улице и называли друг друга Колька и Семка. Жили они в деревне Буйково, расположенной на высоком берегу небольшой реки. По ту сторону реки лежали заливные луга.

Колька Самохин, его мать Дарья и дедушка Яков ютились в старенькой избушке, стоявшей на отлете, рядом с серым ветряком, старым, как дед Яков — хозяин этой мельницы. Ветряк стоял на небольшом бугре, открытом всем ветрам, — «против лиха на бугорке», как говорили крестьяне.

Семка был сирота. Его приютила после смерти матери одна сердобольная женщина, а когда умерла и она, мир решил: быть Семке подпаском. И ему пришлось оставить бабки, чтобы взяться за длинный пастушеский кнут — пугу — и берестяную трубу.

Колька не забывал своего товарища и часто приходил к нему на выгон, чтобы пощелкать пугой и потрубить в трубу до боли в животе. Как водится между друзьями, Колька и Семка «задавались» друг перед другом. Семка с необычайной ловкостью сбивал концом своей пути головки цветов — краски, как он говорил, — и выводил на трубе такие коленца, что Колька скисал от зависти. Но зато Колька в другом превосходил своего друга — он умел мастерить презабавные игрушки: устраивал на речке маленькие водяные мельницы, вырезал из толстой сосновой коры красивые темно-красные лодочки, а змеи он умел делать лучше всех в деревне, самых различных форм: ящичком, треугольником, ястребом, с трещотками, с свистульками и даже с фонарем. Когда же Колька поступил в школу и набрался там всякой премудрости, то Семка принужден был признать превосходство своего друга. Ведь, кроме лугов да коров, молодой подпасок ничего не видел. Пугой да трубой надолго не удивишь. Дружба Кольки и Семки подвергалась большому испытанию. К счастью, Колька не был гордецом и не очень кичился своими знаниями. А так как Семка сам не оспаривал этого превосходства, то Колька с прежним удовольствием ходил к нему и удивлял все новыми затеями или рассказами о том, что он узнавал в школе.

Однажды Колька принес Семке маленькую модель ветряной мельницы, точь-в-точь ветряк дедушки Якова.

— Это модель, — серьезно сказал Колька, особенно подчеркивая новое слово — модель.

— А я думал, это ветряк, — простодушно промолвил Семка.

Колька сдержанно усмехнулся — он щадил своего друга — и стал серьезно объяснять, что такое модель.

— Одно плохо, — продолжал Колька, — мамка здорово бранится. Говорит, что глупостями занимаюсь — игрушки делаю. А какая это игрушка, когда это модель? И меня сам учитель Иван Петрович похвалил. Смотри, как крылья

вертятся! А от крыльев — вал и жернова, все как следует! Дедушка Яков тоже похвалил. Говорил, теперь я и большую мельницу сделаю. И сделаю, дай срок! Наша-то совсем разваливается. Заплата вся, как портки дедушки Якова!

И друзья изо всех сил дули на крылья мельницы.

А через несколько дней Колька явился с новой затеей. Он принес змейку, к которой была прикреплена вертушка в виде мельничных крыльев. Семка внимательно осмотрел затейливую змейку и одобрил. Мальчики решили тотчас запустить ее, но оказалось, что это не так просто.

Был погожий безветренный осенний день. Длинные паутины медленно неслись по воздуху. Несколько раз ребята пытались запустить воздушный змей, но он не поднимался. Семка держал хвост, а Колька бегал с суровой ниткой в руках. Змей немного поднимался, но, как только Колька останавливался, начинал «кулять» и медленно опускался на землю.

— Пусти-ка ты меня, я буду бегать! — сказал Семка. — Ты там засиделся в школе, и твои ноги не швидко бегают. А я, брат ты мой, целый день за коровами по полю сигаю. У меня ноги быстрые!

Колька согласился, и, к радости друзей, воздушный змей плавно поднялся вверх. Семка бежал со скоростью собаки Жучки, с веселым лаем бежавшей рядом с ним.

— Опускай нитку! — кричал запыхавшийся Семка, догоняя своего друга.

— Опускаю! — ответил Семка, быстро разматывая нитку. Змей поднимался все выше и выше, уменьшаясь в размерах. Семка остановился. Нитка была натянута, как струна. Колька подбежал к Семке.

— А вертушка крутится? — спросил он.

— Крутится! — ответил Семка, глядя на змея своими зоркими глазами. — Здорово! А только знаешь, Колька, с трещоткой лучше, антиреснее! Если выше запустить, то и совсем не видно будет твоей вертушки. Ни к чему она! А трещотка слышна, как ни запусти!

Колька промолчал. Он взял нитку из рук Семки и начал отпускать, пока не размотал все «веретено». Потом он привязал нитку к суку сломанной елки и уселся на траву. Семка опустился рядом с ним.

Друзья сидели молча, задрав головы кверху. Было совершенно тихо. Даже паутина начала опускаться на землю. Ни один листок не колыхался.

— Потеха! — задумчиво сказал Колька.

— Какая? — спросил Семка.

— На земле тихо, никакого ветра, а змей стоит высоко, и нитка глянь как натянута. Как струна!

— Отчего это? — спросил Семка.

— Оттого, — ответил Колька, — что там, значит, наверху, где змей, сильный ветер, а тут нет.

— Так разве бывает? — спросил Семка. — Отчего это?

— Не знаю, — откровенно ответил Колька. — Надо будет спросить у учителя.

Некоторое время друзья помолчали. Потом Колька заговорил с неожиданной горячностью:

— Ты только подумай, Семка, что получается! У дедушки Якова мельница стоит как мертвая, а моя вертушка вертится.

Вот бы сделать большую мельницу на большой змейке, тогда хоть круглый

год муку мели! Если там в такую тишь ветер, значит, он там никогда не утихнет.

— Ска-ажешь тоже! — протянул Семка и насмешливо фыркнул носом. Как ни уважал он своего ученого друга, но мысль о том, чтобы устроить ветряную мельницу на воздушном змее, показалась Семке смешной и невозможной.

Колька обиделся.

— Ты чего фыркаешь? — спросил он. — Если можно сделать маленькую змейку, то почему же нельзя сделать большую? Ты не знаешь, а я в книжке читал, что есть такие змеи, которые человека поднимают.

— Ну как же ты будешь туда мешки хлеба на помол таскать, по лестнице, что ли?

— Можно... — запнулся Колька, — можно сверху веревку спустить и на веревке поднимать.

— А если нитка оборвется и ты полетишь с твоей мельницей и со всеми куклями муки, что тогда?

— Нитка! Большой змей не на нитке надо запускать, а на толстой веревке. И змей будет большой-пребольшой, с овин. Конечно, я не все еще обдумал. Эта мысль только сейчас пришла мне в голову. Но я придумаю. Это можно! И подумай, как хорошо будет. Дедушка Яков постоянно жалуется, что ветра нет. И как нарочно, говорит, как только хлеб для помола привезут, так и пропадет ветер, словно его чертова бабушка проглотила. А тут вверху, шалишь, — всегда ветер будет!

— А двоим человекам можно будет подняться? — спросил Семка. Его недоверие уже было сломлено.

— Очень просто, — ответил Колька. — Только змей надо немного побольше сделать да веревку потолще.

— А ты меня возьмешь полетать по поднебесью? — заискивающе спросил Семка.

— Конечно, возьму! — ответил Колька.

И друзья уже начали мечтать о том, как они будут воздушными мельниками, как оттуда будут смотреть на деревню, ловить прямо руками птиц и встречные облака.

Но их мечты были прерваны хриплым голосом проснувшегося пастуха, старика Андрона, который кричал во всю глотку:

— Семка-а! Куда ты пропал, че-орт? Коровы в овсы залезли!

Семка сразу слетел со своих заоблачных высот и, сопровождаемый лающей Жучкой, бросился загонять коров. А Колька смотал нитки и со змеем в руках отправился домой.

На другой день Колька явился к Семке без змея, опечаленный.

— Ну и попало же мне вчера от мамки! За вихры оттаскала. Зачем, говорит, без спросу нитки взял? Змей в печке сожгла и модель ветряка хотела сжечь. Хорошо, что я успел спрятать. В школу отнес...

Воздушная мельница

С тех пор прошло десять лет. Деревня Буйково вошла в колхоз «Новый путь». Дедушка Яков умер, мать Кольки еще жива. На месте старого ветряка высятся красивая железная ажурная башенка ветросилового двигателя ЦАГИ с тремя длинными, узкими крыльями — лопастями. Семка стал Семеном Лучкиным, трактористом колхоза, а Колька в Москве учился на инженера и, гово-

рит, даже за границей побывал. Теперь он уж не Колька, а Николай Иванович Самохин, красный инженер. И вот после долгой разлуки они встретились опять.

Николай Самохин приехал летом и остановился в новой избе своей матери. Она сильно постарела, но еще работала. Сильно обрадовался и взволновался Семен Лучкин, получив от Самохина коротенькую записку с просьбой прийти.

Как-то они встретятся?

А встретились хорошо, просто, по-приятельски. Хоть Самохин и очень изменился и одет был хорошо, по-городскому, но не гордился, не «задавался» и после первых же приветствий сразу приступил к делу.

— Садись, Семен, мне много о чем надо тебе рассказать. Помнишь, как мы мечтали о воздушной мельнице? Я, брат, и сейчас не забыл, как ты насмешливо и недоверчиво фыркнул. Ну да ладно уж, не оправдывайся! Так вот, друг мой, воздушная мельница — больше не мечта. Я выстроил эту мельницу. Она уже идет сюда в разобранном виде. Мы соберем ее и запустим под облака. Я возьму тебя с собой туда, вверх, — я помню свое обещание. Правда, мой воздушный змей маленько непохож на того, который моя мать сожгла в печке. Вот смотри сюда, на этот чертеж.

Самохин показал рукой на стол. Лучкин увидал на большом листе рисунок, изображавший нечто вроде гигантской катушки с разрезами вдоль цилиндра и хвостом, напоминающим несколько хвост воздушного змея. Эта катушка парила где-то под облаками, привязанная тонкой проволокой к трактору, который шел по земле.

— Понимаешь? — объяснял Самохин. — Этот разрезанный по оси цилиндр вращается силою ветра. На змее имеется генератор. Электрический ток, получаемый от вращения цилиндра, идет по проволоке в механизм трактора, который и движется при помощи этой электрической энергии. Трактор таким образом возит за собой свою электрическую станцию! Но мой воздушный змей может давать энергию не только для электрического трактора. Я выстроил огромную высотную электростанцию, которая может давать ток достаточный, чтобы обслужить все нужды колхоза: и осветить электрическим светом, и пустить в ход мельницу, и работать на механических маслобойках, шерстобитнях и пр. Ты подумай, что получается! Воздушная река дает нам безграничное количество электричества. Твой трактор больше не будет пожирать драгоценное жидкое топливо. Мы переведем его на электрическую тягу. Мы все здесь электрифицируем. Мы всю страну покроем высотными ветросиловыми установками. Ведь ветер за год может дать энергии в три тысячи раз больше, чем ископаемое топливо, и в шесть раз превосходит все учтенные энергетические ресурсы.

— А если ветер не захочет дуть? — спросил Семен.

— В том-то и дело, что он не может не дуть. Он должен дуть! Уже на высоте пятисот метров ветер дует, не утихая ни на минуту, со скоростью не менее десяти метров в секунду. Ветряк ЦАГИ не в пример лучше старого ветряка дедушки Якова. Но и этот ветряк часто стоит без ветра. В этом главный недостаток всех «земных» ветряков, в особенности в таких местах, как наши, где ветер дует уж не так часто, не то что в степных областях.

— Но как же ты запустишь свою катушку?

— Она полая внутри и наполнена водородом, как воздушные шары. Каркас

сделан из бамбука и обтянут воздухо непроницаемой материей, и катушка моя сама поднимется вверх, как воздушный шар. Когда же она начнет вращаться, то получится еще добавочная тяга вверх от так называемого эффекта Матуса, сущность которого я как-нибудь объясню тебе. При этих условиях достаточно стальной струны миллиметрового сечения, чтобы удерживать всю эту махину.

Друзья долго беседовали, вспоминая прошлое и мечтая о будущем.

Для Лучкина начались интересные дни. К счастью для него, в полевых работах был перерыв, уборка хлеба еще не началась, и Семен проводил в избушке Дарьи по несколько часов в день; помогая своему ученому другу.

А работы было немало. За хатой матери Николай Самохин выстроил большой сарай, в котором он предполагал собрать свой «змей». Каждый день на грузовиках и телегах привозили со станции части высотной ветросиловой установки. Самохин дни и ночи проводил в сарае, освещаемом электрическими лампочками. Несколько рабочих, приехавших из города, помогали ему. Лучкин тоже не отставал. Скоро в огромном сарае наметились контуры бамбукового каркаса. Еще через несколько дней каркас был обтянут воздухо непроницаемой материей. На особой площадке, соединенной с цилиндром, установили динамо-машину, прикрытую кабинкой. Рядом помещались две каюты для механиков.

— А ведь такая штука, наверно, больших денег стоит? — говорил Семен, с удивлением разглядывая невиданный воздушный змей. — Где ты достал денег?

— Колхозцентр отпустил, — ответил Лучкин.

— Ну, надуешь ты этот барабан газом, — не унимался Семен, — а когда газ выйдет, что будет?

— Утечка газа, конечно, возможна. Тогда мы спустим наш змей на землю и наполним газом вновь. Для добывания газа мы употребим собственную электрическую энергию. Так что наш змей сам будет питать себя. Вернее, его будет питать тот же ветер как первоисточник электроэнергии нашего аппарата. Газогенератор завтра прибудет.

Первый полет

Наконец наступил долгожданный день. Воздушный змей был готов, наполнен газом, привязан тонкой проволокой, намотанной на вал, выведен из «ангара», как дирижабль. Длинный хвост его тянулся по земле.

Был вечер. Все население колхоза, и стар и мал, собралось, чтобы посмотреть на невиданное зрелище. Несколько колхозников держали за веревки змей, который рвался подняться на воздух. Самохин, невольно волнуясь, осматривал, все ли в порядке, и отдавал последние распоряжения. Он приказал поставить вал с проволокой на трактор, привезенный из Москвы. Этот трактор должен был двигаться электрической энергией, вырабатываемой высотной ветросиловой установкой. Проволока, на которой был привязан весь аппарат, служила проводником тока.

— Мы поднимемся с Семеном Лучкиным. Когда двигатель заработает и появится ток, я засвечу электрическую лампу. Вы включите ток, соединив проволоку с механизмом трактора! — сказал Самохин, обращаясь к технику, прибывшему вместе с трактором.

Толпа гудела. Несколько комсомольцев, взявшись за руки, с трудом сдер-

живали натиск любопытных. Отовсюду раздавались шуточные восклицания.

В первых рядах стоял молодой крестьянин Егор Амплеев и отпускал насмешливые замечания.

— Мудреные люди стали! На небо лезут. Того гляди и трактор туда утянут. Тучи пахать будут?

Через минуту он опять кричал:

— Они там намелят муки! Подставляй, Митроха, шапку! Так с неба мука и посыплется. Дорого за помол берете?

— Да уж наверно дешевле, чем твой батька на своей мельнице брал, — отозвался сосед Амплеева. — Ты бы уж помалкивал, Егор. Как у твоего папаши паровую мельницу отняли, так ты на другие мельницы смотреть не можешь.

— Лезут! Лезут! — закричал босоногий мальчик Прошка, прыгая на одной ноге и хлопая от восторга в ладоши. Толпа затихла.

Самохин и побледневший от волнения Лучкин взобрались на площадку воздушной станции и взялись за металлический прут барьера, которым была огорожена площадка. Механик, стоя у вала, подтянул ту же проволоку.

— Отпускайте концы! — скомандовал Самохин. Колхозники выпустили из рук веревки. Змей рванулся вверх и, удерживаемый проволокой, закачался над толпой.

— Разматывай! — отдал Самохин новый приказ. Барабан начал вращаться, змей поднимался на воздух все выше и выше. Внизу редела толпа.

Хвост аппарата еще лежал на земле. В тот самый момент, когда конец хвоста уже приподнимался, Прошка подбежал и неожиданно ухватился за него. Один из комсомольцев едва успел оторвать его от хвоста, ухватив за голые ноги.

— Эх, не удалось полетать по поднебесью! — разочарованно сказал Прошка, падая на землю.

Лучкин смотрел вниз, и ему казалось, что он видит сон.

Огромная толпа напоминала муравейник. Тонкой ниткой вилась речка. За нею на лугах паслись коровы. Отсюда они казались не больше божьих коровок. Там и сям, среди желтых полей, виднелись темные пятна крыш. Вдали синели леса.

Самохин и Лучкин долго молчали, оба взволнованные и восхищенные. Воздушный змей поднимался медленно. Снизу еще доносился неопределенный гул толпы и ясно слышался лай собак. Становилось свежее. Появился ветер и все крепчал по мере того, как они поднимались.

— А ведь внизу ветра не было, — изменившимся голосом прервал молчание Лучкин. Самохин кивнул головой и ответил:

— Я уже давно это заметил. Смотри сюда!

Лучкин, прикованный взорами к земле, совсем забыл о «катушке». Посмотрев теперь на нее, он вскрикнул от удивления. Полуцилиндры, вложенные друг в друга, медленно вращались, причем весь механизм был так точно пригнан, что не слышалось ни скрипа, ни шума.

— Колька! Действует! — вдруг закричал Лучкин, забыв о том, что внизу, на земле, он называл своего друга Николаем Ивановичем. Словно они опять стали детьми и запускали змея.

— Действует, Семка! — ответил Самохин, радостно улыбаясь. И они засмеялись. — Пойдем посмотрим, не появился ли ток.

Самохин и Лучкин вошли в кабину.

— Есть! — ответил Самохин. Он уже хотел зажечь сигнальную лампу, но динамо-машина вдруг закапризничала.

— Поспешись — людей насмешишь, — сказал Самохин. — Говорил монтеру — выверить надо.

Самохину и Лучкину пришлось повозиться, пока наконец динамо не заработала.

Когда Лучкин вышел на площадку, была уже ночь. Из-за далекого леса поднялась луна. Внизу в деревнях в окнах хат светились огоньки, и ярко горел фонарь у ветряка ЦАГИ. Ветер усилился. Полуцилиндры высотной станции вращались с необычайной быстротой.

— Сейчас даю сигнальный свет! — крикнул Самохин из кабины. Рядом с Лучкиным ярко вспыхнула электрическая лампа. Свет ослепил его, и от неожиданности Лучкин вздрогнул и закрыл глаза.

В то же мгновение он почувствовал, что площадка дрогнула и понеслась в сторону. Не веря себе, он открыл глаза и посмотрел вниз. Сомнения не было: воздушный змей оторвался и несясь неведомо куда. «Катушка» еще крутилась, но медленней, хвост обвис и сгибался зигзагами.

— Что случилось? — воскликнул Самохин, выбегая из кабины. В этот момент площадка сильно накренилась. Самохин упал и покатился. Если бы Лучкин не ухватил его, Самохин свалился бы вниз. С трудом дотащился он до барьера и уцепился за железный прут.

Положение было отчаянное. Площадку бросало, как плот по бушующим волнам. Несколько раз ее переворачивало вверх дном, и друзья висели над бездной, держась за барьер.

Змей «кулял». Наконец, улучив минутку, когда площадка выровнялась, Самохин, рискуя жизнью, перебрался на цилиндр и открыл клапан. Газ начал выходить, и воздушный змей стал опускаться.

Внизу медленно изменялся ландшафт: появлялись и исчезали реки, виднелись озера, блестящие при лунном свете, как серебряные блюда, проплыло полотно железной дороги с двигавшимся, ярко освещенным пассажирским поездом, показались и погасли вдали огни небольшого города.

Только к утру воздушный змей опустился на поле, возле леса. Внизу ветра почти не было, и аэронавты поневоле приземлились.

Когда к упавшему аппарату сбежали крестьяне соседней деревни, Самохин узнал от них, что он находится в двухстах километрах от Буйкова. Оставив охрану возле воздушного змея, Самохин и Лучкин отправились в обратный путь.

В Буйкове они узнали, что в центр была уже отправлена телеграмма, извещавшая об аварии.

— Скверно! — сказал Самохин. — Я израсходовал все ассигнованные деньги. Неудача может подорвать доверие к моему изобретению. Едва ли мне удастся получить деньги, необходимые для перевозки воздушного змея и для устройства нового опыта. У этого змея и так немало врагов среди спецов, предсказывавших, что из этой затеи ничего не выйдет.

Но Самохин не сдавался. Он прежде всего произвел тщательное исследование причин аварии.

— Не может быть, чтобы проволока не выдержала! У меня все было точно

рассчитано.

Он осмотрел конец стальной проволоки и заметил несколько насечек, которые могли быть сделаны клещами-кусачками. Самохин задумался. Это было похоже на вредительство. Но кто мог сделать это?

— Дяденька Егор накусал щипчиками, — услышал вдруг Самохин возле себя тоненький голосок. Это был Прошка, проявлявший все время к воздушному змею большой интерес. — Я полететь хотел, — продолжал Прошка, — и ночью забрался сюда. Вдруг слышу, кто-то идет. Я спрятался, гляжу из-за барабана, а это Егор. Луна была, видно хорошо. Дядя Егор вынул щипчики востренькие и накусал проволоку. «Так-то лучше будет, пусть теперь летят!» — говорит. Засмеялся и ушел.

— Почему же ты никому не сказал об этом? — спросил Самохин.

— А я думал, что так надо! — ответил Прошка и беспечно заскакал на одной ноге.

Самохин сообщил об этом в исполком. У Егора Амплеева произвели обыск и нашли щипцы, которые делали совершенно такие же насечки на проволоке, какие были обнаружены Самохиным. Егор клялся всеми святыми, что он не виноват, но никто не сомневался, что это его рук дело. Он был арестован, а Самохин отправил в Москву подробное объяснение всего происшедшего и просил выслать денег на перевозку змея.

Прежде чем был получен ответ на это письмо, Самохин получил деньги и телеграмму от своего друга, инженера Игнатова, с которым он вместе разрабатывал проект своего изобретения:

«Узнал аварии точка верю конечный успех дела точка я выиграл десять тысяч из них высылаю три тебе точка заранее поздравляю успехом Игнатов».

— Ура! — весело крикнул Самохин, прочитав эту телеграмму. — Этих денег более чем достаточно. Мы еще летаем с тобой, Семка!

И они полетали, и с большим успехом, чем в первый раз.

Воздушный змей был доставлен на место и вновь запущен. Самохин и Лучкин стояли на площадке. Был полдень. Солнце ярко освещало золотистые нивы. Цилиндры вращались быстро. Самохин зажег сигнальную электрическую лампу. И в ту же минуту Лучкин почувствовал, как дрогнула площадка и медленно двинулась вперед.

«Неужели опять?» — с испугом подумал он.

Но его испуг был напрасен. Воздушный змей двинулся потому, что его потянул за собой оживший вдруг трактор.

В стальную машину вливалась энергия, которая отныне будет поступать из неистощимых запасов воздушного океана!

Сильнее бога

Свирепый северный ветер не утихал ни на минуту. Он словно решил уничтожить все на своем пути. Ледяная пустыня была гладка как стол, безжизненна. «Ни деревца, ни былинки, ни мышки. Не пробегает олень, и не гонится за ним волк», — как говорится в чукотской сказке. Только кое-где из-под снега, оледенелого до твердости камня, поднимались невысокие осколки ледяных глыб.

На небе лихорадочно трепетали призрачные бледно-зеленые огни, словно и до них добрался ветер.

Он — царь и бог этой мертвой ледяной пустыни. И горе тому, кто осмелится задержать его неистовый полет. Он нападает на дерзновенного смельчака, и обжигает, и душит его, и валит с ног.

— Чтоб ты подавился! — проворчал Вайдаков, задыхаясь от ветра и усталости.

А Нуват — хоть бы что. Бежит да покрикивает на Кровоеда — вожака упряжки.

Кровоед пригнул голову, чтоб ветер в ухо не дул, и бежит так же неугоми-мо, как Нуват, натянув ременные постромки. У Нувата длинные нарты, большая кладь и большая упряжка. У Вайдакова — провизия, котелки, хозяйство маленькой экспедиции.

Только в этом тяжелом полярном путешествии Вайдаков по-настоящему оценил Нувата. Высокий, плечистый, с несколько тяжелой фигурой, настойчивый, неугомимый, Нуват был создан для тяжелой борьбы с природой. Чукча по происхождению, Нуват напоминал скорее североамериканских индейцев, чем азиатских монголов. Глаза его имели не косой, а горизонтальный разрез, скулы меньше, чем у тунгусов и якутов. Высокий лоб, большие глаза, прямой нос, волнистые волосы и в особенности бронзоватый оттенок кожи лица придавали ему вид типичного индейца. Недаром товарищи в вузе в шутку прозвали Нувата «Ястребиный коготь». И Вайдаков находил теперь, что это прозвище как нельзя больше подходит к Нувату.

В техническом вузе Вайдаков познакомился с Нуватом и скоро подружился с бронзолицым свободолюбивым, настойчивым человеком. Нуват увлек Вайдакова в полярное путешествие.

— Как дела, Вася? — крикнул Нуват, оборачиваясь к другу.

— Ветер проклятый, чтоб он подавился!

— Ветер — хорошо! — ответил Нуват. Наконец Вайдаков увидел на западе приземистый горный кряж, постепенно возвышающийся. Туда и направлял Нуват своих собак.

Между выступами кряжа приютились две юрты. Сизый дымок поднимался над той, которая была больше.

Собаки, почуяв жилье и близость отдыха, побежали быстрее. Но ветер словно озлился на то, что путники добрались до цели: он задул с такою силой, что собаки поджали хвосты и даже Нуват принужден был нагнуться.

Эти последние пять километров показались Вайдакову особенно тяжелыми. Он задыхался и падал от усталости. К счастью, нарты наконец въехали в зону, защищенную от ветра скалой. Стало сразу тише и как будто теплее.

Послышался разноголосый собачий лай. Домашние олени, сбившиеся в ку-

чу возле юрт, поворачивали ветвистые головы и смотрели на неожиданных гостей.

— Приехали! — весело сказал Нуват.

Байдаков подошел к большому кожаному шатру. Оленьи и тюленьи кожи, во многих местах заплатанные, были покрыты толстым слоем копоты и сажи. Полы шатра укреплены камнями и завалены снегом.

— Входи! — сказал Нуват, приподнимая полу у входной двери.

В то же время из-за полы показалась взлохмаченная, грязная голова старухи со скуластым лицом и подслеповатыми, гноящимися глазами.

Увидав ее, Байдаков почти испугался: до чего человек может быть страшнее и некрасивее зверя!

— Входи, входи! — понукал Нуват, не обращая внимания на голову, которая скрылась так же внезапно, как и появилась.

Байдаков прошел сквозь небольшие «сени» из такой же мозаичной кожаной оболочки, как и вся юрта, и с интересом осмотрел внутренность юрты. Он ожидал увидеть ее обитателей, о которых Нуват рассказывал так часто и так подробно, что Байдаков надеялся узнать каждого из них с первого взгляда.

Но он ошибся. В большой юрте у костра, пылавшего возле столба, который поддерживал крышу, сидели только три женщины — одна старуха, которую он уже видел, и две помоложе. Сильный ветер задувал в отверстие в крыше юрты и не позволял дыму выходить наружу. Этот едкий дым, видимо, и выел глаза подслеповатой старухи. Молодых ожидала та же участь.

Здесь было теплее, чем снаружи, но все же обитатели принуждены были сидеть в теплых меховых одеждах.

У Байдакова от едкого дыма и спертого воздуха першило в горле. Глаза слезились. Дым заслонял даже пламя костра, и Байдаков с трудом различал предметы — большой меднокрасный чайник над костром, деревянные лотки с обедками снеди.

— Кителькут дома? — спросил Нуват по-чукотски страшную старуху. — Не узнаешь, старая?

Старуха присмотрелась сощуренными глазами и довольно равнодушно ответила:

— Нуват. Кителькут дома. Иди.

Нуват ступил в глубину юрты. Байдаков только теперь заметил кожаный «ящик», не больше четырех метров длины и двух высоты, покрытый сверху сухими травами.

— Ползи за мной! — крикнул Нуват и, отвернув полог, прополз на животе внутрь «ящика». Это и было «жилое» помещение юрты.

Дохнув воздух «жилья», Байдаков сделал невольное движение и едва удержался от того, чтобы не уползти обратно, — до такой степени был удушлив и зловонен воздух этой коробки. Здесь отвратительно пахло испорченным жиром, прокисшими шкурами, немытой посудой, испарениями грязного человеческого тела. Две тусклые коптилки из жира мигали от недостатка кислорода. Байдакову показалось, что он попал на банный полок, — так здесь было парно, жарко и душно. Все ароматы перебивал острый запах мочи и гниющей печени, употребляемой при выделке кож.

По стенам висели собачья упряжь, пузыри с жиром, куски засохшей рыбы, обглоданные кости, деревянные миски.

«Как люди могут существовать в этой зловонной выгребной яме? Ведь ни одно животное не вынесло бы такого воздуха!» — подумал Вайдаков.

Но человек — очевидно, самое приспособляющееся животное. В «ящике» находилось семь человек, и все они, по-видимому, чувствовали себя неплохо. Вайдаков осмотрел их, пытаясь отгадать их имена.

Кителькута нетрудно было узнать. Высокий седой старик с побуревшей кожей и редкими бороденкой и усами сидел на шкурах около коптилки, в центре «ящика». На нем был надет пестрый «мострикотажный» джемпер прямо на голое тело.

Кителькут был чукча, богатый оленевод, купец и перекупщик.

Вдали от него в уголке скромно поместился старик, похожий лицом на Нувата. Это, конечно, его отец, «приживал» Кителькута — Яак. Бедным в одиночку трудно бороться с ледяной пустыней, и они обычно кочуют вместе с богатыми сородичами, которые выручают их в черные дни — конечно, не безвозмездно.

Пожилая женщина с большими глазами — глазами Нувата — сшивает куски кожи нитками из оленьих сухожилий и в то же время бросает в рот, как подсолнух, сушеные маленькие рыбки, насыпанные прямо на кожу. Кто она? Мать Нувата — Рынтина?

А рядом с ней — молодая красивая девушка, которая отдирает белыми зубами сухожилия оленя и расщепляет их на части. Конечно, Анека — дочь Кителькута! О ней Нуват говорил особенно часто.

Из угла выглядывает зловещий лохматый старик — под пару ведьме, встретившей гостей. Кто он? Не шаман ли Уквун? По левую и правую сторону Кителькута сидели двое неизвестных Байдакову чукчей или тунгусов.

Рынтина при входе Нувата вскрикнула. Она хотела броситься на грудь сыну, но считала это неприличным в присутствии Кителькута. Яак только крякнул то ли от удовольствия, то ли от испуга. Анека бросила на пришельцев быстрый лукавый взгляд. Уквун смотрел с угрюмой подозрительностью.

— Здравствуй, Кителькут! — сказал Нуват. — Вот я и приехал, не забыл своего народа и родной пустыни!

Яак опять крякнул, теперь уже с явным удовольствием. Несколько лет назад, когда приезжие из города «большевики» предлагали взять Нувата с собой, чтобы дать ему образование, Кителькут возражал: «Пойдет в город — испортится, пропадет, отца забудет!»

Кителькуту не хотелось отпускать здорового юношу, который работал за двоих. Яак не осмеливался иметь свое мнение. Вопрос решил сам Нуват. Он сказал:

— Я иду. Я научусь — тому, что знают люди, которые живут в городах, и вернусь к вам. Я не забуду старого отца и мать!

— Пропадешь! — раздраженно крикнул Кителькут в виде прощального приветствия.

Если бы этот разговор не происходил в присутствии «большевиков из города», Кителькут просто не отпустил бы Нувата, даже, быть может, применив силу.

Нуват ушел, «пропадал» несколько лет и вот сдержал свое слово. Вернулся.

— Садись! — коротко сказал Кителькут и, отвернув полу полога, крикнул: — Чаю!

За кожаной стеной послышался ответный крик. Скоро под полог продвинулся в клубах пара медный чайник, а следом за ним — деревянные лотки с изысканными блюдами: китовой кожей, белой и плотной, твердым моржовым жиром, нарезанным ломтиками, мясом диких оленей, замороженным, растолченным в порошок и смешанным с застывшим топленым салом.

Нуват и Вайдаков скоро поняли, что это обильное угощение было приготовлено не для них — ведь их и не ждали, — а для гостей, сидевших по обе стороны Кителькута, — Катыка и Каравии, приехавших продавать шкуры песцов, медведей, куниц и белок. Но чукчи гостеприимны, и Кителькут пригласил Нувата и Вайдакова принять участие в трапезе.

— Разденьтесь, как я, — сказал он, стягивая с себя джемпер и обнажаясь до пояса. — Здесь тепло.

Началось бесконечное чаепитие, во время которого хозяин возобновил деловой разговор с Катыком и Каравией.

Насколько раз он выдвигал пустой чайник за стену и кричал:

— Эй, чаю! — и запасы кипятку возобновлялись.

Самолюбие Вайдакова было несколько задето тем, что Кителькут не удовлетворяет их разговором. Но приходилось подчиняться обычаю. Наконец Кителькут соблаговолил повернуть голову к Нувату.

— Как звать твоего товарища, Нуват?

— Василий Семенович Вайдаков.

Кителькут кивнул головой и замолчал. Стало слышно, как гудит ураган за кожаными стенами.

— Большой ветер. Плохо было ехать? — вновь спросил Кителькут, на этот раз обращаясь к Вайдакову.

— Под конец пути. Ветер прямо ураганный.

— Да. Большой ветер. Вам не уехать и сегодня, — обратился Кителькут к Катыку и Каравии.

— Да, — согласился Катык. — Не уехать, если ветер не утихнет.

— Может быть, постучать в бубен? — предложил Катык.

— Можно постучать, — ответил Кителькут. И, не поворачивая головы, приказал шаману: — Уквун! Уйми ветер!

Шаман, лежавший на животе, подполз к светильне, как змей, поднялся и снял с деревянной грядки потолка бубен. Началось «священнодействие», шаманство, заклинание бога-ветра.

Обе жировые копилки были погашены. И в густой темноте вдруг раздались частые, звонкие звуки бубна.

Вам — бам — бам — бам — бам!.. — выстукивал Уквун, и звуки падали тревожным набатным призывом.

Уквун запел. Сначала тихо, медленно, а потом все громче, воодушевляясь. Он подражал в своей песне клекоту орла и рычанью медведя и завыванию бури. Потом на время утихал и прислушивался: не помогло ли шаманство. Нет, ветер свистел с тем же неустанным усердием.

И Уквун удвоил старания. Бил в звонкий бубен все сильнее и чаще и запел заклинания:

— Эге-ге-ге-гей! Я человек, я ищущий. Я зовущий. Маленькая рыбка Векан. Выросла, стала больше кита. Гей! Она лежит среди открытого моря: шея ее стала как остров, спина ее вытянулась материком. Гей-гей-гей! Если ты, про-

летая, задел крылом о землю Морей, дай ответ!..

Над истоком бегущей воды, на вершине белого хребта, у гремящего ледника живет молния, мать горного эха, она летает по небу, гремя железными крыльями. Из-под ног ее брызжет алый огонь. Если ты вылетел из ее узких ущелий, дай ответ!

Долго набатным тревожным звоном надрывался бубен, долго пел Уквун свои заклинания.

Вайдаков слушал и удивлялся. Где-то шумят Днепрострой и Волховстрой, где-то тракторы бороздят поля и белый электрический свет заливают крестьянские избы — здесь все осталось так, как было тысячелетия назад! Нуват говорил: Кителкут и среди чукчей особенный. Он не хочет знать никакого начальства, никаких новшеств. Он хочет жить так, как жили его предки: свободными, независимыми кочевниками. Всеми правдами и неправдами Кителкуту до сих пор удавалось это.

— Довольно, Уквун! — прервал Кителкут завывания шамана. — Дух бури не глухой. Он слышал твой бубен и твои заклинания.

Среди наступившей тишины было слышно, как Анека высекала огонь. Вспыхнула одна, затем и другая светильня.

Утомленный Уквун лег на живот. Ветер выл, свистел и гудел над юртою.

— Не слушает тебя бог ветра! — насмешливо сказал Нуват.

Кителкут метнул на Нувата гневный взгляд, но промолчал. «Может быть, Нуват стал большим большевиком... И этот Вайдаков, кто он?»

— Бог ветра — самый сильный бог, — отозвался из своего угла Уквун. — Ему нельзя приказывать. Его можно только просить. Нет человека, который мог бы повелевать ветром!

— Ты так думаешь? — задорно спросил Нуват. — А если я скажу, что я такой человек!

— Сильнее бога? — иронически спросил Кителкут. — Этому ты научился в городе? Так прикажи, чтобы ветер перестал дуть!

— Зачем? Я сделаю лучше! — не унимался Нуват. — Я привез из города хорошую упряжку для ветра. Мы запряжем его, как собаку. Мы заставим ветер работать на нас. Мы скажем: «Северный ветер! Ты приносишь холод. Дай нам тепло!» — и ветер послушается меня и даст нам тепло. Он согреет нашу юрту и приготовит нам горячую воду. Я скажу: «У нас в юрте темно. Ветер! Дай нам свет!» — и покорный мне ветер даст свет, яркий, как маленькое солнце. Я скажу: «Голодные волки нападают на наших оленей. Ветер! Сделай нитку из звезд вокруг нашего стада, чтобы огнями отогнать волков!» — и ветер сделает по слову моему. Мы живем в грязи и темноте. Наши дети не умеют читать потому, что мы живем во мраке. Наши глаза больны от едкого дыма. Но ветер даст нам тепло и свет. Свет вылечит наши глаза и откроет нам другой свет — свет знания!

— Не было, нет и не будет такого великого шамана, который мог бы сделать все это! — убежденно сказал Уквун.

А Кителкут усмехнулся:

— Красивым сказкам вас учат в городе!

— Есть сказки, которые сбываются в жизни, — ответил Нуват. — И в этом нет никакого шаманства. Шаманство — обман, а знание — великая сила. Нас в городе учат не сказкам, а знанию!

Уквун вдруг весь затрясся от злости.

— Что? Что? Что ты сказал? — закричал он, приподнимаясь на локтях. — Шаманство — обман? А твои сказки — правда? Так пусть будет по слову твоему! Прикажи ветру, чтобы он дал нам тепло и свет! Посмотрим, кто из нас обманщик и плут! — запальчиво закончил Уквун.

— Посмотрим! — спокойно принял вызов Нуват. — Идем, Вася! Покажем им, что ветер — не бог, а рабочая сила, которую нужно только уметь обуздать, чтобы она служила нам послушнее собаки.

Нуват и Вайдаков оделись и выползли из полога.

Анека, внимательно слушавшая разговор и восхищенно смотревшая на Нувата, отбросила сухожилия и быстро начала натягивать торбасы. Зашевелились и гости Кителькута — Катык и Каравия. Ворча, поднялся Уквун. Один за другим вылезали из теплого полога его обитатели. В конце концов не устоял и Кителькут. Интересно посмотреть на посрамление Нувата!

Вайдаков и Нуват принялись за работу. Они развязали веревки, сняли с нарт брезент — Як нащупал плотную ткань — и начали вынимать предметы, которые не были похожи ни на что виденное чукчами: длинные изогнутые металлические трубки, тяжелый, замысловато сделанный ящик, белые шнуры, маленькие и большие стеклянные «бусы» — как решила Анека — и, наконец, совсем уже непонятную вещь цилиндрической формы, с толстыми стенками, разрезанными вдоль, и с заходящими друг за друга краями. Цилиндр утверждался на круглой металлической доске. Другая круглая доска помещалась сверху.

Ящик поставили на землю, на ящик — цилиндр. Ветер рвал и метал: его хотели запрячь в сбрую! И цилиндр несколько раз валился от ветра. Уквун хохотал.

— Ветер — злая собака! — кричал он. — Царапается и кусается. Не хочет идти в упряжку!

— А ты зубы не скаль, помоги лучше! — раздраженно ответил Нуват. — Сам должен знать, что не всякую собаку сразу в упряжку поставишь!

— Ну да, конечно. Не обучен еще ветер в упряжке ходить! Вот ты поучишь! — не унимался Уквун.

Катык смеялся вместе с ним, Кителькут улыбался, как взрослый, наблюдающий детскую игру и заранее уверенный, что из нее ничего не выйдет.

Цилиндр вырвался из рук Нувата и покатился по ледяному полю.

— Держи, держи! Хомут сбежал! — кричал Уквун, хлопая себя по коленям. Катык заливался мелким смехом.

Анека бросилась за цилиндром и настигла его прежде, чем добежали Байдаков и Нуват. Она ухватила за металлический диск. Но ветер свалил ее с ног, и она, не выпуская диска, покатила вместе с ним.

Это было уж слишком. Уквун сел на корточки и ухватился за живот — до того истерически он смеялся. Слезы выступали на глазах и тут же превращались в льдинки.

Наконец Нувату, Байдакову и Анеке удалось остановить цилиндр. Но вернуть его на место, против ветра, было нелегко.

— Впряги собак! — кричал Уквун. — Надежней ветра будет!

Молодые люди изнемогали от усталости.

— Во всем виновато твое нетерпение, — упрекал Вайдаков Нувата. — Надо

было переждать, пока ветер утихнет!

Нуват ничего не ответил: не до того было. Он был возбужден борьбой и с ветром и с Уквуном, который явно уже считал себя победителем. И Вайдаков знал: теперь Нуват не уступит, если бы все ветры севера обрушились на них.

Дюжему Каравии стало жаль молодых людей. Он пришел к ним на помощь, и скоро цилиндр был доставлен на место. Каравия, Анека и Вайдаков поддерживали цилиндр, а Нуват привинтил к его верху с трех сторон длинные металлические трубки-тяги, похожие на оглобли, прорубил во льду три ямы, опустил в них тяжелые ящики, а к ним прикрепил концы «оглобель». Теперь цилиндр стоял неподвижно, только вздрагивая под напором ветра.

— Надо пустить его на холостой ход, — сказал Нуват. Подошел к нижнему кругу, на котором стоял цилиндр, и повернул рычажок. И цилиндр вдруг закрутился с такой бешеной быстротой, что разрезы на его боках стали незаметны.

Уквун перестал смеяться. Это было неожиданно и непонятно.

— Занятная игрушка! — сказал Кителкут.

Эти насмешливо сказанные слова вернули самообладание Уквуну, и он вновь оживился.

— Для забавы малых детей! — подхватил шаман шутку Кителкута. — Но где же свет и тепло? От твоей игрушки дует еще сильнее. Я совершенно продрог! — И он сделал вид, что дрожит всем телом.

— Да, советую тебе отойти подальше, — отозвался Нуват. — От этой игрушки тебе не поздоровится!

Вайдаков возился с белыми шнурами, заинтересовавшими Анеку, которая помогала ему, а Нуват вынул новую вещь — скрученную спиралью трубку-«змеевик».

Уквун смотрел уже с некоторой завистью. С такими странными вещами, выдав их за амулеты, можно было бы делать неплохие дела!

*

Работа затянулась. Вайдаков, уставший с дороги, едва стоял на ногах, но не хотел отставать от своего неутомимого друга.

И чем дальше работали молодые люди, тем непонятнее для зрителей казались их действия. Нуват, Вайдаков, Анека и Каравия наставили вокруг юрт и оленьего стада кольев, на кольца Нуват прикрепил белые стаканчики и протянул проволоку. На проволоке развесил «стеклянные бусы».

— Теперь идем в юрту! — заявил он.

Там тоже появились провода и большие «стеклянные бусы». В кадучку с водой Нуват опустил спиральную трубку.

Уквун, не спуская глаз, следил за этими необычайными приготовлениями. Уверенность, с которой работали молодые люди, начала беспокоить шамана, но он все еще надеялся, что ветер не «дастся в руки мальчишкам» и Нуват будет посрамлен.

А Каравия работал с увлечением. Уж очень все это было ново и интересно. Женщины из «холодного помещения» юрты с суеверным ужасом смотрели на паутину проволок и блестящие бусы.

Наконец Нуват сказал:

— Ну, кажется, все готово. Можете идти под полог!

Все население юрты вползло в теплое «жилое» логовище, где еще тускло

коптили масленки. Но теперь над головою Кителькута висела стеклянная бусина величиною в кулак.

— Сидите и ждите! — крикнул Нуват и вышел наружу.

Все сидели в напряженной тишине ожидания. Даже Уквун молчал. Он очень волновался и шептал тонкими губами: «Ветер! Ветер! Ты могуч и силен! Не выдай себя и меня, твоего слугу...»

И вдруг случилось чудо.

Среди чадного полумрака вспыхнуло ослепительно-яркое солнце. Женщины вскрикнули, словно от громового удара, и закрыли лицо руками. Даже мужчины вздрогнули. Уквун, лежавший на животе, уткнулся головой в мех. На несколько минут все ослепли от непривычной яркости света. Потом понемногу начали открывать глаза и оглядывать друг друга так, словно видали впервые.

Какие глубокие морщины на лице Укуна, Яяка и Рынтины! И какие грязные лица и тела! И какая ужасающая грязь вокруг!

Они словно проснулись в новом мире и впервые увидели себя и свое жилище в настоящем свете. Ужасное пробуждение! Логово зверя чище и опрятнее.

Анека вдруг всплеснула руками и запела:

— О, свет! О, радостный свет! О, великий Нуват! Ты не обманул. Ты сделал из ветра маленькое солнце, и оно пришло к нам в юрту и осветило наши лица.

Потом девушка засмеялась и сказала:

— Неужели и я так безобразно грязна, как все? Твои морщины, Рынтина, черны от грязи, а глаза полны гноя. Твоя голова, Уквун, как старый, грязный засаленный мех!

— Да, вам давно пора умыться! — вдруг послышался голос Нувата. — Идите сюда!

Все вылезли из-под полога в «холодное» отделение юрты и вновь вскрикнули от удивления. И здесь «маленькое солнце» ярко осветило то, что веками пряталось в тени: груды костей, объедки, грязь, немытую посуду...

— А здесь как будто стало теплее. Неужели на дворе сразу потеплело? — с удивлением спросил Каравия.

— Да, здесь гораздо теплее! — подтвердила Анека. — Отчего это?

— Идите сюда! — приказал Нуват.

Все подошли к бочке, в воду которой был погружен змеевик. Вода закипала. Закипала без огня! Пар поднимался над бочкой. Это было похоже на колдовство. Уквун не поверил глазам, опустил палец в воду и вскрикнул от ожога.

Наступила очередь Нувата смеяться.

— А ну, попробуй еще! — сказал он. — Вот вам свет, вот и тепло. Теперь идем наружу, я покажу вам последний подарок ветра!

Чукчи вышли из юрты и в третий раз были удивлены так, как не удивлялись во всю свою жизнь.

Можно было подумать, что несколько звезд упало с неба и повисло на воздухе вокруг юрт и стада, как звездное ожерелье. Собаки выли, удивленные не менее людей.

— Эти маленькие лампочки будут охранять стадо оленей от волков, которые не осмелятся подойти к свету.

Анека снова запела, не боясь мороза:

— О, Нуват! Великий Нуват! Ты сводишь на землю солнце и звезды и ветер превращаешь в горячую воду! Ты самый великий шаман!

Уквун заскрипел зубами от злости. Это было уж слишком. А Нуват засмеялся и сказал Анеке:

— Ты ошибаешься, Анека. Я не шаман, и этот свет не солнце и не звезды. Идемте теперь в юрту, и я расскажу вам о том, что кажется вам чудом.

— А что это гудит? — спросил Каравия, подходя к вращающемуся вингротору.

— Мотор. Я объясню вам и это, идемте.

Длинна полярная ночь, а и ее, кажется, не хватит, чтобы переслушать все, что говорит Нуват.

Анека смотрела на него, не отрывая глаз. Многого она не поняла, но главное было для нее ясно, как яркий свет вот этой лампы, этого маленького домашнего солнца: Нуват принес свет. Нуват принес новую жизнь.

С интересом слушали все, но каждый по-своему. Каравия уже был увлечен, Уквун напуган, а Кителькут соображал и подсчитывал, как отразятся эти новшества на его делах. Ка-тык, старый чукча, который еще верил в духов ветра, солнца, камней и огня, был явно против Нувата.

И когда утомленные слушатели наконец улеглись спать вместе с гостями, погасив электрическую лампу, Катык впотьмах дополз до Уквуна и спросил тихо, в самое ухо шамана:

— Что ты думаешь, Уквун?

— Я думаю, что Нуват принес мне гибель! — так же тихо ответил Уквун.

— Да! — согласился Катык. — Что же делать? Давай выползем потихоньку из юрты и сломаем чертову машину! Скажем — ветер сломал. Ветер — бог! Ветер сильнее человека!

Уквун вздохнул во тьме.

— Не поможет. Одну машину сломаем — Нуват привезет другую. Он такой. Упрям и тверд, как зимний лед. Не сломаешь!

Катык наклонился еще ближе и зашептал, дыша в ухо шамана:

— А если... Нувата и Байдакова... Кителькут будет доволен. Никто не выдаст, не узнает. Кругом лед и ветер...

— Да. Надо сделать так! — ответил Уквун. — Ты прикончи Нувата, я — Байдакова. Во сне нетрудно убить их. Нож есть?

— Есть.

— Слышишь, где они спят?

— Да. Ползем!

Уквун и Катык начали бесшумно приближаться к спящим молодым людям, ползя на животе, как змеи, которые хотят ужалить.

Уквун уже дополз до Яяка. Старик спал, раскинув руки, и что-то бормотал во сне про солнце. За Яяком лежит Нуват... Уквун оцупал ноги Яяка, осторожно перебрался через них... Вот и Нуват. Уквун вынул нож, замахнулся и...

В тот же момент яркий свет ослепил его. Уквун от неожиданности выронил нож и упал на тело Нувата. Нуват оттолкнул Уквуна, отбросил нож и спокойно сказал:

— Темные дела творятся в темноте. Что ты хотел сделать, Уквун?

Яркий свет и голос Нувата разбудили спящих. Кителькут приподнялся и с

удивлением смотрел на всех: он еще не привык к яркому свету, и ему казалось, что он видит странный сон.

Уквун уже пришел в себя. Он улыбнулся, показав желтые зубы, и сказал:

— Ты так хорошо и долго рассказывал, Нуват, что я забыл поужинать и хотел отрезать кусок тюленьего сала.

— А он тоже хотел поужинать тюленьим салом? — спросил Нуват, указывал на Катыка, который сидел над Байдаковым, прижимая к груди охотничий нож. — Так-то гостеприимно у вас принимают гостей, Кителькут! — сказал Нуват, обращаясь к Кителькуту.

Тот смутился. В самом деле, можно было подумать, что Уквун и Катык действовали по приказу Кителькута. И хотя Кителькут был бы очень доволен, если бы план Уквуна удался, но теперь он рассердился на шамана и его сообщника за то, что они так неудачно начали задуманное дело и подвели его.

— Уквун! — грозно сказал Кителькут шаману. — Скажи, кто приказал тебе убить Нувата, нашего гостя?

— Никто.

— Слышишь, Нуват? Я невиновен. А ты, Уквун, сознайся: почему ты хотел это сделать?

— Не спрашивай, Кителькут. Ты сам должен знать это. Если в наших юртах засветит солнце Нувата, если он обуздает ветер, то кто придет к старому Уквуну и скажет: «Постучи в бубен!»? Никто не придет, никто не накормит, и старый Уквун умрет с голода, а Уквун жить хочет.

Кителькут подумал, как бы вынося решение, и затем сказал:

— Анека! Оденься. Рынтина пусть тоже оденется. Запрягите две упряжки. Собаки накормлены. Положите в нарты пищи на два дня для собак и двух людей. — И затем, обратившись к Уквуну и Катыку, Кителькут закончил: — Вы понимаете, что вам больше нельзя оставаться в моей юрте?

Катык и Уквун молча начали надевать на себя меховые одежды. Когда они были готовы, Нуват насмешливо сказал Уквуну:

— А бубен! Что же ты нехватишь бубен?

— Ты разбил его! — ответил Уквун, хотя бубен лежал на полке и был целехонек. Нуват понял намек.

Вошла Анека и сказала, что нарты готовы.

Уквун и Катык, отвесив общий поклон, вышли. Никто не пошел провожать их.

Нуват погасил лампу. Все уснули и спали долго, слишком утомленные необычайными событиями.

— Что ты думаешь делать дальше, Нуват? — спросил Кителькут, когда они сидели за «утренним» чаем.

И Нуват рассказал Кителькуту свой план.

Ветер, этот бич полярных стран, превращенный в электрическую энергию, даст чукчам и другим народам Севера свет, тепло, новую, чистую, опрятную и культурную жизнь. Жители полярных и приполярных стран — эти пасынки природы, — грязные и невежественные, живут, как люди каменного века. Этому пора положить конец.

И Нуват размечтался о том, как его дети — их дети будут чистыми, опрятными, грамотными. Как в юрты проникнут книга, газета, радио, знания, культура.

— Но сейчас ветросиловая установка для добывания электричества стоит еще дорого, в особенности сам мотор. Одному оленеводу купить не под силу.

— А сколько? — с интересом спросил Кителькут.

— Около пяти тысяч рублей. При массовом изготовлении цена может быть снижена на треть, а то и наполовину. Сейчас дорого стоит, но это ничего. Это даже хорошо. Одному не под силу, а нескольким семьям под силу. Мы устроим оленеводческие колхозы. Свет лампочки и тепло без едкого дыма будут привлекать людей объединяться. И богатые не смогут больше пользоваться трудом бедных. Вот хоть и ты, Кителькут. Будем говорить откровенно. Мой отец Яяк и моя мать не в силах кочевать без твоей помощи. У Яяка слишком мало собак и оленей.

— А разве я не кормлю собак твоего отца в голодное время? — живо спросил Кителькут.

— Да, — ответил Нуват. — Но что стоит эта помощь Яяку? Он твой раб, твой слуга. Он у тебя на побегушках. А вот когда такие бедняки, как он, объединятся — электрическая лампочка объединит их, — то они...

— Слушай, Нуват! — перебил Кителькут. — Ты говоришь, что твоя машина стоит пять тысяч. Я заплачу тебе эту сумму. Часть деньгами. Даже золотом. У меня еще сохранились царские золотые. А часть мехами. Хорошими мехами...

— Ты чудак, Кителькут! — в свою очередь перебил Нуват. — Разве я купец? И разве я о своей выгоде хлопочу?

— Зачем отказываться и от своей выгоды? Ты и твой товарищ Вайдак — люди молодые. Вам пожить хочется. Вы в город поедете. Город деньги любит. Если вы продадите машину мне и больше никому не будете продавать, или если вы сломаете ее, или увезете обратно в город и обещаете мне больше не приезжать сюда никогда, то я вам дам еще пять тысяч...

— Оставь, Кителькут!

— Каждому по пяти! И много шкур. Песцов, лисиц, куниц и белок.

— Оставь этот пустой разговор, Кителькут! Мы организуем наш первый оленеводческий колхоз. К нам присоединятся многие. А ты оставайся один, Кителькут. Нам с тобой не по дороге. Я погашу этот яркий свет, возьму своего отца, мать и еще... — Нуват посмотрел на Анеку, — и мы отправимся собирать бедных чукчей. Прощай, Кителькут! Ты опять останешься со своей вонючей, сальной коптилкой!

Нуват поднялся и начал одеваться. Байдаков снимал проводами шнуры. Свет погас. Старуха зажгла светильник, который теперь словно подчеркивал густоту мрака.

— Нуват! Я иду в ваш колхоз! — сказал Каравия.

— Отлично! Вот видишь, Кителькут? К нам уже идет народ.

— Я тоже иду с вами! — вдруг заявила Анека.

— Я не пушу тебя! — раздраженно сказал Кителькут.

— Все равно я пойду с ним! — не сдавалась девушка и начала одеваться.

— Собирайся, Рынтина, одевайся, Яяк!

— Прощай, Кителькут!

Они уходили. Они ушли... Погас свет. Замолчало веселое воркотание мотора. Тысячелетняя тьма окутала Кителькута...

Чертово болото

Кулик и болото

Было болото. И был мальчик. Болото называлось Чертовым, мальчика звали Панасиком, а по школьному прозвищу Кулик. И в самом деле, как не Кулик: длинноносый, у болота живет и болото хвалит.

Отца у Кулика не было — пропал в Гражданскую войну. Мать умерла еще раньше. Жил Кулик с дедом Микитой, лесником. Их избушка стояла у края соснового леса, на песчаном бугре, а дальше начиналось болото. На Украине много таких мест: сосна, лесок, сушь, и тут же рядом болото — конца-краю не видно.

До поступления в школу совсем одиноко жил Кулик. Дед, нелюдимый, угрюмый старик, целыми днями пропадал в лесах. Кроме него, Кулик только и видел людей — Панаса Утеклого. Когда-то давно, при царизме, Панас за что-то был сослан на каторгу и бежал оттуда. Так и пошло за ним: Утеклый. Он был веселый, бездомный охотник и балагур. Иногда Утеклый ночевал в избушке Микиты и на ночь пугал Панасика сказками про болотных чертей. Иногда брал с собою на охоту. Но Утеклый неожиданно появлялся, чаще всего по весне и осенью, и так же неожиданно надолго исчезал. И Кулик оставался один со своим болотом. Привык к нему и даже полюбил. Полюбил кислые болотные запахи, болотные вздохи и всхлипывания, болотные мхи и травы: трилистник, сабельник, касатик, осоку, полюбил птиц болотных.

Дед строго наказывал:

— Не шлейся по болоту. В окнище провалишься, пропадешь!

Крестьяне, жившие по соседству, жаловались на Чертово болото: дух от него тяжелый, болеют люди, комары одолевают, скотина гибнет... И столько земли даром пропадает!

— Богом проклята сия земля, — говорили старики.

— Черт плюнул на это место. Плюнул, да копытом растереть забыл. Оттого и болото, — объяснял Утеклый.

Но Панасик, с тех пор как стал ходить в школу, уже не верил ни в бога, ни в черта.

— Болото образуется оттого, что почва пропитывается стоячей водой, — возражал он Утеклому, — или от зарастания рек с медленным течением, озер, прудов. Нам учитель говорил. Растения сперва плавают в воде, образуют зыбуны, на зыбунах появляются торфяные мхи. Зыбуны опускаются, мхи нарастают. И выйдет торфяное болото. Поселяются торфяные мхи и на твердой почве, в сосновых лесах. Так образуется торф. А торф — топливо.

— Образуются, образуются... — ворчал Утеклый, заряжая старое шомпольное ружьецо. — Больно образованные все стали! Мохом топить выдумали... Глупости это все! Болото и есть болото. Чертова плевательница — и больше ничего. От него одна польза — охотнику. Птицы тут действительно сила.

— Ученый человек и от болота пользу получить может, — не сдавался Панасик.

— Получишь! Держи карман, ученый Кулик! Отец твой был лесником, дед лесник, и ты лесником будешь. Так лесником и помрешь, как болотная лягушка. Болото тебя не накормит. Видишь эту траву? Ее и коровы не едят. Болото в люди не выведет.

— Выведет! — упрямо выкрикнул Панасик. Правду сказать, в эту минуту он сам мало верил, что болото может вывести его в люди, но не мог не возразить Утеклому — уж очень за болото обиделся.

— Видал я, как болото людей в люди выводит, — не уступал и Утеклый. — Однажды, когда я из Сибири бежал, пришлось мне на торфяные разработки попасть. Затесался в рабочие, там пачпорта не спрашивали, всякого брали, потому что сезонники на эту работу шли неохотно. Ну и жизнь, действительно! В каторге лучше было, истинное слово! Стоишь по пояс в воде, в грязи, лопатой зловонную жижу выгребаешь. Мошкара, гнус, комары одолевают. Лицо, руки, спина кровью обливаются. И через день-два лихоманка треплет. А работать приходилось от зари до зари. Рабочие — в грязных бараках, почитай, все больны и как сумасшедшие: невесть что лопочут, выкрикивают, горят, как в огне, бредят, значит. Посмотрел я на этот торф, тоска взяла смертная. Хоть на каторгу назад возвращайся! Плюнул, ушел. Только тем и жив остался. Вот оно куда твое болото выводит! Прямым сообщением на погост.

— Это при царизме так было, а теперь будет иначе, — важно ответил Панасик.

— Болото болотом и останется. Что царское, что советское. Тсс!.. Не дыши! Тузик стойку делает!

Разве с Утеклым сговоришься?..

Первые ласточки

Однажды в начале июля бродил Панасик у края леса возле болота. На пригорке сухо шумят сосны, дубки лопочут своими плотными листьями, осины трепещут, словно топор дровосека увидали. Сзади лес, а впереди болото. Меж острых, уду бритва, жестких болотных трав кое-где вода поблескивает. Местами островки черной, как уголь, земли виднеются — это торф. Там, где июльское солнце подсушило, черный цвет Переходит в бурый.

Прилег Панасик на травку, засмотрелся. Летит цапля через болото. Словно белый платок с черными угольками ветром подхвачен и треплется... Ястреб «стойку» делает. Увидал ли зоркие глаза хищника пичугу малую. Не уйти ей от острых когтей, не укрыться. Трепещет ястреб серыми крыльями, вот-вот камнем вниз кинется... Крикнет пичуга в последний раз...

— Эй, хлопчик! — слышит Панасик и оглядывается.

На дороге, возле леса, стоит экипаж, парой буланых запряженный. В экипаже сидят двое городских с портфелями. Один — толстый, в очках. Другой — худой, на целых две головы выше. А возле экипажа верховой, в серой кепке, черной рубашке, полосатых брюках, внизу сколотых, чтобы вверх не лезли, и желтых башмаках. Не то городской, не то конторщик из соседнего лесничества. Тихо подъехали, не слышно — почва песчаная, мягкая.

Поднялся Панасик, не спеша подошел к экипажу. На Панасике рубашка синяя, латаная, до белизны вылинявшая, короткие штанишки, ноги босы, голова не покрыта. Обыкновенный деревенский мальчик.

— Болото знаешь? По болоту проводить можешь? — спрашивает верховой и прутиком на городских указывает.

— А то нет? — обиженно отвечает Панасик. А у самого от радости сердце екнуло: начинается! Городские приехали, болотом интересуются!

И он важно повел горожан по болоту. Толстый, в очках, ступает с опаской, а худой, высокий, шагает, как цапля.

— Торфа тут до черта, — небрежно роняет Панасик.

— Что-о? — удивляется высокий. — Так ты знаешь, зачем мы приехали?

— Догадаться нетрудно, — отвечает Панасик. — Ружей с вами нет, а чем еще торфяное болото интересовать может.

— А ты откуда о торфе знаешь?

— Я в школе учусь. — Помолчав, Панасик продолжал: — Болот у нас в СССР десять процентов территории. Запасы торфа больше двухсот миллиардов тонн. Семьдесят восемь процентов мировых запасов. Если разработать, для всех фабрик и заводов на тыщу лет хватит, а то и больше, потому торф растет. И для снабжения районных электростанций хватит торфа. На местное топливо, значит, их перевести.

Недаром Панасик перечитал в школьной библиотечке все книжки о торфе и расспрашивал учителя до тех пор, пока тот не признался, что больше ничего и сам о торфе сказать не может.

Тонкий поворачивается к толстому, который отстал, улыбается.

— Каково? — И тише, чтобы Панасик не услышал, говорит: — А ведь на вид совсем дитя природы!

Панасик забрасывает тонкого вопросами и узнает, что если торф окажется хорошего качества, а слой достаточной мощности, то здесь будет приступлено к торфоразработкам.

— И машины будут?

— И машины, — отвечает тонкий.

— А торф тут первый сорт, спелый, черный, плотный, — расхваливает Кулик свое болото. Панасик наклоняется, запускает руку во влажную почву, вынимает пригоршню торфа и сжимает в кулаке. Торф легко проскальзывает меж пальцев вместе с водой. Кулик разжимает почерневшие пальцы и показывает пустую ладонь.

— Ничего не осталось! Первейший сорт! Есть места, где торф не весь выходит сквозь пальцы, но остаток темный, вязкий, как тесто. Тоже хороший сорт. А светлых, жестких остатков тут и совсем нет. И ведь это сверху! Внизу же торф всегда лучше, зрелее.

— Вы только послушайте! Не проводник, а эксперт! Хоть сейчас докладную записку пиши! — обращается худой к толстому и затем к Панасику: — Торф действительно хорош. Но какова глубина пласта?

Этого Панасик не знает. Он смущен, немного расстроен и раздосадован на себя. Надо было и глубину исследовать!

— Ну, это мы узнаем бурением, — отвечает за него худой.

Панасик готов было водить городских гостей по болоту целый день, но толстого мучила одышка.

— Довольно... Ясно! — сказал он. — Идем!

Панасик исследует болото

Городские уехали, оставив Панасика в самых взволнованных чувствах. Вот тебе и чертова плевательница! О болоте знают уже в городе, интересуются. Скоро на болоте закипит новая жизнь... Эх, если бы сейчас был Утеклый! Но он, как назло, пропал. Говорить ли школьным товарищам или подождать, пока судьба болота не будет решена окончательно? Говорить еще опасно — может быть, еще ничего не выйдет, засмеют, а молчать трудно... Такая новость! И Панасик узнал о ней первым...

В этот день Панасик, забыв о еде, сидел у болота до самого вечера, пока в небе не зажглись звезды, а болото, словно укрываясь от ночной прохлады, закуталось белым одеялом тумана. Назойливо запели комары, будто спрашивая Панасика: «Ну, что? Как? Кто это приезжал на болото?»

Панасик хлопнул по щеке, убил пару комаров и сказал:

— Будет вам всем скоро капут! — Подумав еще немного, с® продолжал вслух: — Так и сделаю! Всем не скажу, да теперь ребята и в разгоне. Школа закрыта, кто на огородах, кто над жеребятами шефствует. Назару скажу, Илье скажу, Осипу.

На другой день Панасик сообщил новость нескольким своим товарищам. Они выслушали Панасика с интересом, но к «конкретным предложениям» отнеслись сдержанно. Пана-сику не терпелось. Он предлагал, не ожидая городских, приступить к исследовательским работам.

— Теперь, ребята, все зависит от того, какой толщины слой торфа будет. Давайте займемся этим делом и узнаем!

— А зачем? — спросил Илья.

— Без нас узнают, — сказал Назар.

Осип оказался любопытнее других.

— Как же ты узнаешь? Будешь яму копать?

— Зачем яму? — ответил Панасик. — Исследование делают буравами и зондами.

— От дождя? — спросил Осип.

— Что от дождя?

— Дождевыми зонтами?

— Не зонтами, а зондами. Зонд! Такая особенная пайка.

Илья свистнул и сказал:

— Где же ты найдешь буравы да зонды?

— И искать не буду. Мы так сделаем. Возьмем простую палку, подлиннее, заострим на конце, сделаем на палке надрезы косые и загоним в землю.

Земля набьется в надрезы, палку вытащим и узнаем, на какой глубине какой торф.

Осип подумал и сказал:

— Ничего не узнаешь. Как палка в землю начнет входить, так земля и набьется во все надрезы с верхнего слоя. А что внизу, так и не узнаешь.

Панасик начал объяснять, что надрезы на палке надо сделать так, чтобы они вверх острием смотрели, как сучки, значит, вниз они пройдут свободно, а когда вверх палку потянешь, то они и подцепят землю.

Все равно земля набьется, как только начнешь палку вниз загонять! — настаивал Осип.

Поднялся спор.

— Да зачем все это? — вмешался Назар. — Ну, узнаем. А дальше что?

— Тогда мы будем знать, что скоро у нас будут торф разрабатывать, — ответил Панасик и, обидевшись, закончил: — Впрочем, как хотите. Я и сам один могу сделать. Только уж вам не скажу, что узнаю.

Это подействовало. Ребята решили принять участие в исследовании. Появились ножи, вырезали палки, и пошла работа. Возились до темноты. Втыкали палки, вынимали, исследовали торф, застрявший в зарубках. На вид образцы внизу и сверху палки мало чем отличались. Везде был торф, черный, мас-

лянистый.

— Я говорил, что не узнаем, — торжествовал Осип.

Панасик, щуря в сумерках глаза, внимательно осматривал последнюю пробу.

— Нет, ты посмотри, — сказал он. — В верхней зарубке торф с корешками, а в нижней чистый и потемней.

— Это тебе в глазах стало потемней. Вишь, звезды на небе. Пора и по домам, ребята, — сказал Осип и зевнул.

Товарищи разошлись, а Панасик все еще оставался на болоте. Он был расстроен.

«Ну и пусть! — думал он, опираясь на палку. — Завтра возьму лопату и начну яму рыть. Сами увидят, что находится в глубине, а тогда уж спорить не будут».

И на другой день, покончив с дневными работами на школьном огороде, он взял лопату, вскинул на плечо и отправился к болоту.

— Куда ты? Торф рыть? Эй, Кулик! — окликнул его Осип.

Панасик молча удалялся.

— Ишь, черт! — сказал Осип. — Айда вместе! Может быть, клад найдем. — И, прихватив лопату, догнал Панасика.

— Торф лучше всякого клада, — сказал Панасик. — У нас богатство под ногами, а мы не интересуемся им.

— А что мы будем делать с этим богатством?

— Что делать? Торф и в хозяйстве пригодится. Торф и на подстилку скоту идет, и на топливо. Вот лес вырубим, чем топить будем?

— Соломой.

— И так соломой топим. А торф лучше и солому сбережет. Да что солому! Торф и уголь сбережет. Ты знаешь, сколько его, угля, для заводов и фабрик надо? Донбасс и так надрывается, не успевает заводы углем снабжать. А торф Донбассу подмога. — Помолчав, Панасик продолжал: — Торфяники скорее леса растут. В один год на миллиметр нарастает. Как будто немного, а посчитай, сколько это выходит, если на одной Украине торфяников шестьсот девяносто тысяч га. Это получится два миллиона семьсот шестьдесят тысяч тонн в год. Ну, давай, что ли, копать будем!

Ребята принялись за работу. Лопаты увязали в корнях растений.

— Это только сверху трудно. Травы, верхний мох — очес называется. Его в первую голову снимут, как торф добывать начнут. Глубже легче будет.

Действительно, когда очес был снят, лопаты начали легко входить в землю.

— Ну и торф! Первый сорт! — восхищался Панасик, отбрасывая черные комья. — Мы его высушим, посмотрим, как гореть будет.

Чем глубже копали ребята, тем жиже был торф, тем больше яма наполнялась водою. Было уже трудно выбрасывать торф. Черной жижей он стекал с лопаты.

— Эх, дьявол, вода мешает! — ворчал Панасик. — А и без воды не обойдешься. Без воды и торфа не будет. Вода препятствует доступу кислорода, от этого корешки растений и мох в торф обращаются.

— Тут не лопату, а ведро надо, — сказал Осип и бросил лопату. Рыть глубже было невозможно. Пришлось оставить начатую работу. Попробовали в другом месте — та же история.

— Давай, что ли, лопату, заодно отнесу в школу, — сказал Осип.

Вздыхнув, Панасик отдал лопату.

— Без зонда ничего не поделаешь. Придется ждать, пока из города инженеры приедут!.. — Весело насвистывая, Осип ушел.

Панасик вновь остался один. Он снял руками верхний жирный слой отвороченного торфа и сделал из более плотного кирпичики.

— Пусть сохнут!

Началось

Прошел август, начались занятия в школе, а о городских ни слуху.

— Ну, что же твои торфоразработки, болотный шеф? — как-то спросил Назар.

Шутка понравилась. Ребята засмеялись. И с этого времени кличка «Кулик» сменилась новой: «шеф над болотом» или «болотный шеф».

Ребята перестали интересоваться торфом.

И вот, когда уже сам Панасик терял надежду, неожиданно в конце сентября приехали долгожданные гости. Панасик, подходя к болоту, еще с пригорка увидел их.

Очевидно, приехали они еще с утра, вместе с рабочими и материалом, так как успели сделать немало. В нескольких местах над скважинами стояли копры, треноги, а в одном месте даже небольшая вышка. Бурав был прикреплен к вышке канатом, от вышки в сторону шел деревянный рычаг с несколькими веревками на конце, спускающимися к земле. Рабочие, взявшись за концы веревок, поднимали рычагом бурав и затем под строго ритмическую песню опускали. При каждом ударе бурав все глубже уходил в землю.

У Панасика даже дыхание перехватило. Вот когда начинается!.. Он подошел к вышке и увидел старого знакомого — худого инженера, который приезжал в июле. И инженер узнал Панасика.

— А, торфовед пожаловал. Ну, здравствуй, как живешь?

— Помаленьку, — важно отвечал Панасик и спросил возможно спокойнее, хотя у самого сердце колотилось от волнения: — Толст ли пласт торфа?

Панасик напряженно ожидал ответа, словно его собственная судьба решалась.

— Толще тебя! — весело ответил инженер. — Почти два метра проббили, все еще один чистый торф. Богатые залежи!

— Значит... — и у Панасика перехватило дыхание, — значит, торфоразработки здесь будут?

— Будут, будут! Непременно будут. Теперь твое болото в гору пойдет.

Панасик готов был расцеловать инженера.

— Долго вы не были! — сказал он с ласковым упреком. И неожиданно для себя добавил: — Меня и то уж ребята дразнят: «шеф болотный».

Инженер рассмеялся.

— Пусть дразнят! А ты вот возьми да и предложи, чтобы вся ваша школа шефство над болотом взяла. Вы тут рядом живете. Вам надо присматриваться к делу, изучать. Нам и рабочие нужны будут, и специалисты нужны. Институт торфа тут строить будем. Инженерами вас поделаем, а тебя первого. Ха-ха-ха!

Панасик не мог понять, шутит ли инженер или говорит серьезно о шефстве школы, торфяном институте, об инженерстве. Но что «болото пойдет в гору», в этом Кулик не сомневался.

— Вы скоро уедете? — спросил Панасик.

— Денька два-три еще поработаем, — отвечал инженер.

Панасик переступил с ноги на ногу, словно не решаясь говорить.

— Вот. А можно мне ваш адрес узнать?

— Отчего же, можно. А зачем? — спросил инженер.

— Да вот... Если шефство школы... Может быть, написать вам...

— Отлично. Милое дело! — Инженер вынул блокнот, написал адрес и передал Панасику. — Вот, возьми! Павел Николаевич Горобец. Так меня зовут. Так пиши!

— Непременно напишу!

Городские уехали так же неожиданно, как и приехали. Когда Панасик на третий день утром — в школе занятий не было — пришел на болото, оно было по-прежнему пустынно. Даже копры убраны. Панасик знал, что это ненадолго, и все же ему стало грустно. Одинокая цапля широкими взмахами крыльев пересекала болото. Эскадрилья журавлей тянулась на юг. До весны теперь все останется по-старому...

Но Панасик ошибся. Осенью, когда уже пошли дожди и дорога испортилась, болото вновь оживилось на несколько дней. Назар сообщил, что колхозные волы отправлены на станцию: получена машина для болота.

— Завтра чуть свет и повезут!

Панасик впервые за все время не пошел в этот день в школу. Он должен был видеть своими глазами, как повезут машину.

Это было невиданное зрелище. Несколько десятков пар сизых волов везли большой локомобиль, поставленный на специальную колесную платформу. Колеса платформы увязали в грязи. Под них подкладывали доски, бревна, хворост, на пути настилали гати. Несколько раз казалось, что локомобиль вот-вот опрокинется. Десятки людей бросались к нему и поддерживали толстыми жердями. Шум, крик до хрипоты, тяжелое дыхание волов, потные лица людей, выпученные от натуги глаза, суета, смех и свист зевак...

От станции было недалеко, но перевозка продолжалась до позднего вечера. На место прибыли в сумерки, и выгрузку отложили до другого дня. А когда вечером назавтра Панасик пришел к локомобилю, он уже стоял на земле, укрытый тесом, так что рассмотреть его нельзя было. Под этим прикрытием машина должна была простоять до весны, чтобы ранней весной, как только оттаяет земля, приняться за работу.

Панасик каждый вечер навещал машину. Однажды, на заходе солнца, он услышал выстрел и увидел человека с собакой и ружьем. Это охотился со своим Тузиком Утеклый.

— Эй! Эй! Уте-е-клый! — крикнул Панасик.

— Это что? — неодобрительно спросил Утеклый, подходя к Панасику и указывая прикладом ружья на локомобиль.

— Машина! Торф разрабатывать будут! — ответил Панасик.

— Ах, черт вас раздери! Пропала теперь охота!

Школа — болотный шеф

Пришла зима. Мороз затянул узорами стекла окон. На дворе бушевала вьюга, а в школе было тепло. Ребятам казалось, что как-то по-особенному тепло. Потому что топили торфом, заготовленным на зиму самими школьниками. Для этого топки печей были переделаны.

Панасик делал в школе доклад о значении торфа в промышленности. Ребята слушали его с большим вниманием. Всем уже было известно, что с весны начнется разработка торфа. Об этом говорили, к этому готовились.

После доклада Панасик долго отвечал на вопросы, а потом выступил с предложением:

— Товарищи! Наша школа имеет сельскохозяйственный уклон. Я думаю, что нам теперь необходимо ввести и другой уклон — торфяной. Будем изучать торф, способы его добычи, его промышленное применение.

Предложение Панасика было одобрено и принято единогласно.

Болото причинило школе немало забот. Школа не была вполне подготовлена к новому — торфяному — уклону. В маленьком школьном физическом кабинете не хватало многого. Химических опытов по-настоящему нельзя было поставить. А надо было проводить химические анализы почв, торфа. По многим вопросам учитель Глеб Алексеевич сам не был подготовлен. Затрудняясь ответить ребятам, он разводил руками и, улыбаясь, говорил:

— Ну что ж, ребята, будем вместе овладевать техникой!

И он писал в наробраз, выписывал руководства, книги, химическую посуду и вещества. Панасик вел оживленную переписку с инженером Горобцом. Получал от него книги, указания, советы. Работа кипела, как никогда.

Как ни много работали ребята, а зима тянулась долго: уж очень ждали весны.

На торфоразработках

Наконец наступила и весна. На болоте появились рабочие, выстроили бараки, кухню, сняли тес с локомотива. Приехал машинист, товарищ Чашкин. Панасик быстро сдружился с ним и с его помощью начал изучать машину.

Она несколько разочаровала его. Панасик ожидал «сверх-стандарта»-гидроторфа. Перед ним же был старенький локомотив, приспособленный для добычания торфа. Маленькие колеса локомотива стояли на двух парах рельс со шпалами под ними. От локомотива вниз шел экскаватор, поддерживаемый краном при помощи цепей на блоке. Рабочие вручную лопатами набрасывали торф, который экскаватором поднимался вверх и сбрасывался в ящик, где торфяная масса растиралась и поступала оттуда на формовочные металлические доски: на одну доску торф падал, другая прижимала сверху, и торф формовался в плитки. Формовочные доски с торфом подавались тросами на поле, где плитки раскладывались для сушки. Машина, извлекая торф, прокладывала широкую и глубокую траншею. Выбрать торф до конца мешала вода. Приходилось часть оставлять для более совершенных машин. Выбрав торф, сколько было возможно, локомотив передвигали назад. Для этого первая пара рельс переносилась назад вместе со шпалами, рельсы на стыках сворачивались, Панасик давал свисток, локомотив пронзительно кричал, как настоящий паровоз, и очень медленно передвигался. Работала машина на торфяном топливе.

На локомотиве была своя небольшая динамо-машина, освещавшая по ночам место разработки и сушки: работы производились в три смены. Десяток столбов с проводами и электрическими лампочками протянулся от локомотива по болоту.

Горобец приехал только в конце мая.

— Павел Николаевич, — сказал Панасик, поздоровавшись с ним, — а ведь я ожидал, что будет настоящий гидроторф!

— Будет, будет. Подожди маленько. Едет настоящий «классон». Тогда заработаем — только держись. За мной едет. Я приехал устанавливать.

Через несколько дней прибыли и новые машины.

— Вот это да! — мог только восхищенно сказать Панасик, когда они заработали.

Две водяные струи под давлением пятнадцати атмосфер, словно заливая невидимый пожар, размывали торфяные залежи, вымачивая массу из пней. Пни убирались гусеничными пенъевыми кранами. Густая, размытая торфяная залежь — гидромасса — высасывалась из карьера торфососом, подвешенным к береговому крану, оттуда переходила в растиратель и затем, после обработки гидромасса особыми тонкостенными трубопроводами, переправлялась на дренированные канавы поля сушки, где она разливалась ровным слоем в двести миллиметров толщиной. Когда масса подсыхала, по ней проезжал трактор и формовал высокими шпалами гусениц торф в кирпичи.

Несмотря на то что вся установка вырабатывала за сезон почти сто тысяч тонн, рабочих было немного — все работы были механизированы. В залитых водою траншеях разводили мелкую рыбу, чтобы она поела личинки комаров. Комары истреблялись и машинным, «американским» способом; сильный прожектор привлекал по ночам мириады комаров. Вблизи лампы мощный вентилятор всасывал насекомых в особый мешок, где они и гибли. Не только торфоразработки, но и окружающая местность оздоравливалась от «лихоманок».

Однажды, уже осенью, Панасик увидал Утеклого. Он шел, опустив голову, как и его Тузик. Ягдташ был пуст. Утеклый посмотрел на Панасика, махнул безнадежно рукой и сказал:

— Прощай, хлопец! Надо утекать и отсюда!

— Аль чертова плевательница не нравится? — не мог не съязвить Панасик.

Прошло несколько лет.

Болото постепенно изменяло и местность, и людей, и их быт.

Недалеко от болота, в сосновом лесу, на холме выросло каменное двухэтажное здание — Институт торфа. За лесом появилась большая электростанция, работавшая на торфяном топливе. Еще дальше поднялись выше леса трубы заводов: огнеупорного кирпича, изоляторов из местного каолина, фосфоритных удобрений. Заводы работают на торфяном топливе и питаются энергией торфоэлектростанции.

Колхозы все менее становятся похожими на деревни. Выстроены: первый дом-коммуна, клуб, новая школа, ясли, больница — светлые, просторные здания, освещаемые электричеством и отапливаемые торфом. Сельские работы все более электрифицируются.

Изменилась местность, изменились и люди. Не узнать Панасика Кулика — «болотного шефа» — и его товарищей. Почти все они вошли в первый выпуск окончивших Институт торфа и работают по торфу. Назар и Осип служат в Харькове, Панасик — теперь Афанасий Федорович, инженер, остался верен болоту: он руководит всеми работами.

Жив еще и его дед, хотя и сильно постарел. Он не расстается со своей лесной избушкой, но по вечерам она теперь ярко освещена электричеством, а над крышей протянулась антенна. Любит в зимний вечер старый Микита послушать радио. Куда занятней, чем завывание бури да вой волков.

Панасик навещает иногда старика и вспоминает свои детские годы. Жаль — пропал Утеклый. Уж очень хотелось бы Панасику повидать бродячего охотника и сказать ему:

— А ведь советское болото не то что царское — вывело-таки меня в люди.

Рекордный полет

Поздний гость

На широком письменном столе, заваленном книгами и рукописями, мягко зазвонил телефонный звонок. Профессор Эдвин Бусс поморщился — он не любил, когда ему мешали во время работы, — и протянул руку к телефону.

— Алло! — услышал он чей-то крикливый голос. — Профессор Бусс? Здравствуйте, профессор! Говорит с вами Файнс. Вы не знаете Файнса? Редактор «Ежедневной вечерней почты». Вы разрешите зайти к вам? Простите, что так поздно. Раньше не мог. Выпускал номер газеты. Я сижу в кафе против вашего дома. Через пять минут я буду у вас!

«Удивительный народ эти газетчики. Даже не дождался ответа, можно ли прийти. Что ему надо?» — подумал Бусс, вешая трубку телефона.

Ровно через пять минут Файнс входил в кабинет профессора. Редактор был полный, очень подвижный человек. Он извинился, удобно уселся в кресле у стола и, закурив огромную сигару, начал дымить и говорить:

— Мы читали ваше объявление вчера в утренних газетах. Это, конечно, позор для нас. Вся Европа штурмует стратосферу, Советская Россия не отстает, а у нас до сих пор ни одного полета.

«Так вот зачем он пришел», — подумал Бусс и оживился. Редактор Файнс затронул самое болезненное место Бусса. В последнее время Бусс много работал над изучением природы космических лучей. У него была своя теория. Для проверки этой теории ему необходимо было совершить полет в стратосферу. Но денег для этого не было. В стране был кризис. Университетская касса была пуста. Правительство отказалось дать деньги для полета. И Бусс обратился через газету за помощью к обществу, к богатым покровителям науки. Зная практическую своих соотечественников, он уверял, что изучение космических лучей имеет значение не только для чистой науки. Бусс намекал, что полет в стратосферу может дать огромные ценности, которые помогут вывести страну из кризиса.

Но, увы, на этот горячий призыв никто не откликнулся.

— Наша газета готова прийти вам на помощь — дать вам средства на осуществление полета в стратосферу... — продолжал Файнс. Бусс сделал нетерпеливое движение в кресле и впился глазами в собеседника. — Но только на известных условиях, дорогой профессор. Коммерческая сделка, вы сами понимаете. Мы с вами подпишем соглашение...

— Какого содержания? — спросил Бусс, стараясь не выдать своего волнения.

— О, условия, я полагаю, будут вполне приемлемы для вас. Первое: вы предоставляете нам исключительное право печатать в нашей газете ваши радиосообщения с аэростата. Приемлемо? — Бусс молча кивнул головой. — Второе: вы должны побить все рекорды высоты... Пикар поднимался на 16 370 метров?

— Шестнадцать тысяч сто четырнадцать.

— Так. Вы подниметесь выше. На семнадцать. Нет, на двадцать тысяч метров. Надо брать с запасом. Ведь скоро предстоят новые полеты.

— Двадцать тысяч метров! — воскликнул Бусс, откидываясь на спинку кресла. — Это много. Это слишком много, я бы сказал — невозможно. Это ломает все мои расчеты...

— А вы пересчитайте, на то вы и ученый! — ответил Файнс. — Вы знаете, что наша публика падка на рекорды. Кто понимает в космических лучах из наших читателей? А рекорд высоты — утереть, так сказать, нос всей Европе — это понятно и клерку, и мальчику, работающему на лифте. Тираж газеты поднимется, и мы надеемся окупить расходы на вашу экспедицию.

— Ну, допустим, я приму и этот пункт. Дальше? — спросил Бусс, все более и более волнуясь.

— А дальше как во всех коммерческих договорах, — затараторил Файнс, — неустоечка. Даже не неустойка. Просто маленькое условие о том, что если вы не подниметесь на двадцать тысяч метров, то половину расходов вы оплачиваете сами. Вот и все.

— Позвольте, но у меня таких средств нет! — воскликнул Бусс.

— Найдутся, — уверенно ответил Файнс. — Простите, но мы навели кое-какие справочки. На то мы и коммерсанты.

Это была правда. У профессора Бусса имелись «кое-какие средства», пожалуй, вполне достаточные для покрытия половины расходов.

— Но ведь я буду разорен!

— Зачем же разоряться? Наполните шар газом потуже, и дело сделано. Наконец, вы можете принять в компанию на тех же началах своего товарища по полету. Не один же вы полетите. А выйдете победителем — мы издадим вашу книгу на льготных для вас условиях. Получите кругленький капиталец.

— Ну, а если мы погибнем во время такого рекордного полета?

— Отлично, — вырвалось у Файнса, — ведь это была бы сенсация! То есть я хотел сказать, что вы, то есть ваша семья, ничего не потеряете. Мы застрахуем вас на свой счет. Сто тысяч долларов! Мало? Двести! Так по рукам?

— Я... подумаю, — ответил Бусс, тяжело дыша. — Завтра утром я позвоню вам в редакцию. В одиннадцать часов.

Файнс раскланялся и исчез. Бусс нервно зашагал по своему кабинету.

Затем он позвонил своему ассистенту Кемблю и, несмотря на поздний час, просил его немедленно приехать.

Они совещались до трех часов ночи.

Наутро Бусс сообщил по телефону Файнсу о том, что он согласен.

— Отлично! — ответил Файнс. — В сегодняшнем вечернем номере газеты будет напечатана первая статья о вашем полете, она уже готова!

В погоне за рекордом

Договор был подписан. Бусс и Файнс поспорили только о месте отлета. Файнс настаивал на окрестностях столицы — больше шума. Бусс, ссылаясь на свои научные задачи, предполагал подняться на далеком севере, у Полярного круга. На этот раз Файнс уступил.

Но в коммерческой части Файнс ни в чем не уступал. Он хотел, чтобы все обошлось подешевле. Бусс возмущался. Ни о безопасности полета, ни о научных работах Файнс не заботился. Однако отступать было уже поздно. Файнс успел оповестить весь мир о предстоящем необычайном полете.

Отлет состоялся с Аляски. Пять собственных корреспондентов газеты и десять собственных фотографов и кинооператоров увековечили момент этого отлета.

Стропы были выпущены из рук державших, шар быстро стал подниматься. Бусс и Кембль остались одни в герметически закрытой гондоле.

Несмотря на полярное лето и незаходящее солнце, в гондоле было холодно. Пришлось включить электрическую печь и выпустить из баллонов немного кислорода — наружный воздух был холоден уже на высоте семисот метров, и пускать его в гондолу было невозможно.

Бусс работал с аппаратами, исследуя космические лучи, состав и электризацию атмосферы, действие солнечных лучей. Кембль был занят наблюдением за полетом.

Вылетели в двенадцать ночи. Через пятнадцать минут Кембль, глядя на барометр, сказал:

— Подъем очень медленный. Мне это не нравится, Бусс. Вы все-таки сделали ошибку. Надо было подняться с более южных широт. Там плотный и теплый воздух живо вынес бы нас на высоту.

Ни он, ни Бусс не забывали о рекорде.

Электрическая печь работала плохо. В гондоле было так холодно, что выдыхаемые пары смерзались. В гондоле пошел снег, стены покрылись инеем.

— Мы не поднялись еще и на тысячу метров, а уже превратились в сосульку, — возмутился Кембль. Руки не слушались его. Ноги заоченели.

Солнечные лучи понемногу нагревали шар, он округлялся и быстро шел вверх. Облака остались далеко внизу. Только легкие белые островки перистых облаков встречались еще на пути в стратосферу. Ученые углубились в занятия. Они быстро переходили от аппарата к аппарату — барометрам, актинометрам, хронометрам, трубкам Гейгера, картам, фотоаппаратам. Их руки играли на этих аппаратах, как пальцы пианиста на клавишах. Надо было и вести наблюдения, и записывать. Через каждые пять минут звучал рупор радиостанции. Файнс напоминал о себе. Ученые ворчали, что разговоры с Файнсом у них отнимают время.

— Высота восемь тысяч метров. Наружная температура шестьдесят градусов Цельсия ниже нуля. Внутри кабины — минус два. Со своей экономией вы заморозите нас, Файнс! — рапортовал далеко не дружелюбным тоном Кембль.

— Погреться горячим молоком, что ли?

Ученые выпили молока, съели по плитке шоколада и по пирожку с фруктовой начинкой и вновь взялись за работу. Но все усиливающийся холод мешал. А они еще не достигли и пикаровского рекорда.

14 700. И это не малая высота.

Кембль выглянул в иллюминатор. Перед ним было необычайное зрелище. Горизонт открывался почти на 500 километров. Внизу лежала дикая страна, изрезанная горами. Блестящей змеей сверкал Юкон. А на севере поблескивало в тумане море Бофора. Небо было темно-синее, почти черное, а солнце совершенно белое, ослепительно-яркое. Это было небо и солнце, каких никогда не видят люди с земли.

Кембль вновь принялся за работу, но тотчас отбросил вечное перо, которым вел запись, и выбранился.

— Совершенно невозможно. Пальцы мерзнут даже в перчатках.

— К счастью, я закончил свои наблюдения! — сказал Бусс. — Интереснейшие данные. Моя теория подтверждается. Результаты нашего полета ошеломят мир, когда мы опубликуем их. В сущности говоря, мы могли бы и начать спуск. Какая высота?

— Восемнадцать семьсот тридцать пять. Нам не хватает еще 1265 метров, Бусс, мы не можем спускаться.

У Бусса посинел нос. Бусс взглянул на аппараты и сказал:

— Шар больше не поднимается. Он идет на одной высоте. Балласт израсходован весь.

— Вы хотите начать спуск? — спросил Кембль, и в его голосе послышались враждебные нотки.

— Я полагаю, что это самое разумное и неизбежное, — ответил Бусс.

— Я не позволю этого сделать! — воскликнул Кембль. И глаза их встретились.

— То есть как вы не позволите? — спросил Бусс с удивлением и некоторой тревогой.

Расплата

Что сделалось с Кемблем? Или кислород так подействовал на него?

Сам Бусс от кислорода приходил в приятное возбуждение. Но, очевидно, кислород не на всех действует одинаково. Кембль был раздражен с самого начала полета, и это раздражение все нарастало.

— А вот так и не позволю, — ответил он Буссу уже с нескрываемым гневом. — Вы богаче меня и сможете уплатить неустойку, а меня она разорит. Вы знаете, у меня большая семья...

— Но если мы с вами погибнем, наши семьи...

— Мы не погибнем, если будем решительны. Трусам место в жарко натопленных кабинетах, а не в гондолах аэростатов. У нас найдется достаточно балласта. Мы выбросим инструменты, которые нам уже не нужны, выбросим посуду, кое-что из одежды...

— Но кабина закрыта герметически. Не собираетесь же вы вылезать на шестидесятиградусный мороз?

— Я именно это и собираюсь сделать. В Верхоянске мороз еще больше бывает, и ничего, живут люди.

— Вы с ума сошли, Кембль! На такой высоте нет атмосферы!

— У нас есть маски. Мы наденем их. — И Кембль начал поспешно надевать маску, соединенную трубой с кислородным баллоном. — Если не хотите задохнуться, поспешите надеть и вы! — сказал он и начал собирать инструменты. Бусс, как загипнотизированный, надел маску.

— Да нет, это невозможно! — вдруг сорвав маску, воскликнул Бусс. — Я не позволю вам открыть люк! Это безумие!

Не снимая маски, Кембль сделал угрожающий жест и, собрав инструменты, поднялся по лесенке к люку.

С решимостью отчаяния Бусс рванулся к Кемблю, схватил его за ногу и стянул вниз. Завязалась борьба. Кембль был моложе и сильнее Бусса и скоро справился с ним. Он отбросил Бусса в угол гондолы, снова собрал инструменты и открыл люк. Кислород с шумом вылетел из гондолы. Холод, как вода прорвавшейся плотины, мгновенно наполнил гондолу. Кембль выбросил инструменты. Шар рванулся вверх. Быстро спустившись с лесенки, Кембль проверил

высоту. 19 950. Только пятидесяти метров не хватает. Кембль словно обезумел. Он собирал все, что попадало под руку К своему ужасу, Бусс заметил, что Кембль ухватил и путевой журнал с научными записями. Собирая силы в скованном холодом теле, Бусс бросился к Кемблю, но тот уже был на верхней ступеньке. Счастливая мысль озарила Бусса: пока Кембль был наверху, Бусс, накрутив кое-как на руку вожжу от спускового клапана, рванул ее. Шар начал опускаться. В ту же минуту Кембль упал с лесенки на пол гондолы...

У Берингова пролива рыбаки выловили плававшую возле полупустого шара гондолу.

В гондоле лежали в беспомощности два окоченевших человека.

Кривая прибора для записи высоты отмечала «потолок»: 19 975.

Встреча нового, 1954 года

— Это было в тысяча девятьсот пятьдесят втором году, в ночь под пятьдесят третий. Я был тогда студентом, жил на Фонтанке, в новом доме-коммуне студентов-электротехников. Группа товарищей, кончавших институт, встречала Новый год у меня.

Летом пятьдесят третьего года мы должны были получить звание инженера и разлететься в разные стороны. Естественно, мы заговорили об этом. Куда занесет нас судьба?.. Увидимся ли мы в следующую ночь под Новый год?

И надо же было мне выступить с таким необдуманном предложением.

— Товарищи! — сказал я. — Давайте дадим друг другу слово, что, где бы мы ни были, ровно через год, в 24 часа каждый из нас будет сидеть за своей приемно-передающей радиостанцией, и я всех вас поздравлю с Новым годом, а потом передам это поздравление от каждого каждому.

Мое предложение было принято почти единогласно. И только один мой друг Глебов потрянул своей черной курчавой головой, засмеялся и воскликнул:

— Я против, потому что твое предложение в той форме, как ты его сделал, совершенно невыполнимо, неосуществимо.

— То есть как это неосуществимо? — спросил я. — Разве мы не беседуем друг с другом по радио каждый день? Разве наши радиостанции...

— Он просто очень плохого мнения о всех нас, — сказал, смеясь, один из гостей. — Глебов уверен, что, разъехавшись, мы тотчас забудем друг друга.

Глебов вложил свою руку в мою и промолвил:

— Ну, вот что. Если ты еще и сейчас не понял нелепости своего предложения, то надо наказать тебя за твою недогадливость. Хочешь пари на шар-прыгун? Я утверждаю, что ни одного из нас ты сам не поздравит с Новым годом вовремя — ровно в полночь.

Это был уж вызов, а я был горяч и принял пари.

На другой день, чтобы не забыть, я достал новый — на 1953 год — перекидной календарь и на последнем листке, 31 декабря, написал красным карандашом:

РОВНО В ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ ВСТРЕЧА НОВОГО ГОДА ПО РАДИО.

Все в порядке...

Пятьдесят третий год начался, и дни побежали за днями. Зиму сменила весна, весну — лето, мы получили аттестаты и действительно разбрелись в разные стороны. В Ленинграде остались только я — аспирантом института — и два товарища, которые должны были стажироваться радистами на стратола-

нах, — Питт и Алиев. Пока они работали в лаборатории. Первый же их полет предполагался не ранее конца года.

И вот, 30 декабря, за день до кануна нового, 1954 года, ко мне в комнату вбежали радостно возбужденные Питт и Алиев и сообщили, что сегодня в полночь они летят в первый кругосветный полет на стратопланах — один из них в восточном направлении, другой — в западном.

— Но так как весь полет продлится не более двадцати четырех часов, то мы надеемся, быть может, с небольшим опозданием встретить Новый год с тобою, — сказал Питт. — Ты помнишь, конечно, о пари?

— Разумеется, — отвечал я.

— Мы будем свидетелями. А теперь прощай, спешим. Итак, до полуночи через сутки.

И они быстро ушли.

На другой день, 31 декабря, в двадцать три часа пятьдесят минут я уже сидел в боевой готовности у радиоаппарата. Рядом с аппаратом стояли выверенные часы и лежал список товарищей, которых я должен поздравить с Новым годом. Против каждой фамилии отметка — длина волны его радиостанции.

Посмотрев на этот список, я впервые почувствовал, что могу проиграть пари. Мне нужно было поздравить человек пятнадцать. Для каждой станции надо «перестраивать волну». Как ни быстро это делается, а «ровно в полночь» всех не поздравить. Впрочем, ведь Глебов утверждал, что я вовремя не поздравлю ни одного. Посмотрим...

Ровно в 24 часа ноль секунд я послал первый новогодний привет московскому товарищу.

— Увы, мой друг, ты опоздал со своим поздравлением по крайней мере на полчаса, — услышал я его ответный голос, — в Москве мы уже встретили Новый год.

Быть может, у него часы неверны... Но мне некогда было раздумывать. Я уже поздравляю саратовского друга.

В ответ я услышал веселый свист и слова:

— В Саратове уже целый час Новый год.

И я сразу понял все. Каким же я был олухом, заключив столь необдуманное пари. Я упустил из виду разницу между ленинградским и местным временем. Конечно, я хорошо знал об этом. Но как в старину говорили, на всякую старуху бывает проруха. Оскандалился.

Мне больше ничего не оставалось, как из упрямства продолжать свои поздравления. А отчасти меня и самого заинтересовала эта «проверка местного времени».

Свердловск мне ответил, что у них прошло два часа с наступления нового года.

Сердитый друг из Омска спросил меня, какой это олух будит его в три часа ночи.

Иркутск — тоже не очень ласково — ответил, что в пять часов утра с Новым годом не поздравляют.

Хабаровский друг поспешно ответил:

— Благодарю. Допиваю утренний чай. Спешу на работу. Семь утра.

А зимовщик на острове Врангеля сообщил, что мое поздравление застало его во время десятичасового утреннего завтрака.

Дальше. Но дальше у меня на востоке не было друзей, и я направил свою волну на запад. Здесь меня преследовала неудача.

Берлинский друг сказал мне, что я поторопился со своим поздравлением: у них в Берлине еще 23 часа 31 декабря 1953 года.

Этот ответ вселил в меня слабую надежду, что я еще могу выиграть пари хоть наполовину, — поздравить хотя бы одного — берлинского товарища, дождавшись, когда в Берлине будет ровно полночь. Но эта надежда, конечно, тотчас лопнула: увы, берлинского друга я мог бы поздравить вовремя по-берлински, только когда мои часы показывали бы уже около часа ночи, то есть не вовремя по-ленинградски...

Мои радиоволны уже без надежды на успех летели на запад...

В комнату быстро вошли два моих друга-радииста.

— Мы, кажется, немного опоздали. Это вина уж не стратоплана, а автомобиля, который вез нас от аэродрома. Мы ползли с черепашьей, земной скоростью, — сказал Алиев, летевший в западном направлении.

— Лучше поздно, чем никогда, — сказал я. — Поздравляю с Новым годом!

— С Новым годом? — переспросил Алиев. — Прямо не знаю, что тебе ответить — принять ли это поздравление? Я бы мог побиться на какое угодно пари, что сегодня все еще 30 декабря, самое большее, — он посмотрел на часы, — десять минут 31 декабря 1953 года.

— Никогда не заключай пари, — меланхолично ответил я. — Но ты, Алиев, меня удивляешь. Ты не только готов отрицать наступление нового года, но утверждаешь, что сегодня даже не 31, а 30 декабря истекшего года.

— Суди сам, — ответил Алиев, — я вылетел на стратоплане в западном направлении ровно в полночь 30 декабря. Так? И что же? С того момента, как я полетел, я готов биться об заклад, что время стало...

— Никогда не бейся об заклад. Но объясни, как это время стало. Часы перестали идти? — спросил я его.

— Нет, положим, часы шли как всегда. И по часам как будто и прошли сутки со времени моего отлета. Часы шли, а время не шло. Я находился в пути двадцать четыре часа как будто. Но я не видал восхода солнца, словно оно куда-то провалилось, я не видал дня. Целые сутки продолжалась непрерывная ночь. Можно было подумать, что я нахожусь на Северном полюсе. Но и в полярную ночь время движется, — движется луна на небе, движутся звезды. А во время моего полета небо словно застыло, небесные часы остановились. Звезды видны были прекрасно, я делал наблюдения над ними точнейшими навигационными инструментами — и ни малейшего склонения. Вот та звезда, — он показал в окно, — как сейчас стоит, так и простояла весь путь неподвижно. Ну, разве после этого нельзя сказать, что я выиграл у жизни сутки? — смеясь, закончил он.

— Ну, а с тобой что случилось? — спросил я Питта, летавшего в восточном направлении.

— Со мной, — ответил Питт, — случилось, пожалуй, еще более необычайное. Если Алиев отказался принять твое поздравление потому, что, по его мнению, остались еще целые сутки до встречи Нового года, то я готов биться об заклад...

— Не бейся об заклад! — упрямо повторял я.

— Я все-таки готов биться об заклад, что сегодня уже... — он посмотрел на

часы — было 15 минут первого, — что сейчас уже 2 января 1954-го.

Я почувствовал, что у меня голова начинает пухнуть от этих встреч Нового года.

— Вы меня с ума сведете! — воскликнул я. — Как это 2 января?

— Да вот как. За двадцать четыре часа я прожил двое суток. Слышал ли ты о чем-нибудь подобном? Этак я вдвое быстрее состарюсь, если всегда буду летать в восточном направлении.

В продолжение одних суток я дважды видел восход и заход солнца. Каждый этот день и каждая ночь длились — по моим часам — всего по шести часов. Да, я пережил за одни сутки двое «укороченных» суток. И сейчас для меня 16 минут третьих суток — 2 января.

— Вот так история! — воскликнул я, пытаюсь разобраться во всем этом. И в тот же момент я услышал голос Глебова — он, злодей, не забыл о пари.

— Алло! Что же ты не поздравил меня с Новым годом? Проиграл пари!.. — Глебов засмеялся. — Ты проиграл бы его, милый друг, даже в том случае, если бы поручился, что поздравит ровно в полночь товарища, живущего на другом конце Ленинграда, потому что в таких больших городах, как Москва и Ленинград, в восточной части города новый год наступает по крайней мере на полминуты раньше, чем в западной.

— Стоит ли спорить о полминутах и даже часах, когда вот тут у меня сейчас Алиев и Питт спорят о том, какая сегодня ночь — с 30-го на 31 декабря прошлого года или с 1-го на 2-е нового года? Тут, братец ты мой, разница в несколько суток.

— На этом меня не проведешь, — отвечал Глебов. — Алиев летел на запад со скоростью вращения земли — в направлении, обратном этому вращению. Ясно, что для него звезды как бы неподвижно стояли над стратопланом и «время не двигалось». Питт же летел на восток. И его стратоплан, получив при отлете поступательную скорость самой земли при ее движении вокруг оси, прибавил такую же скорость, развиваемую самим стратопланом, в том же восточном направлении. Ясно, что для него в одни сутки должны были протечь двое, как в тон случае, если бы земля начала вертеться вдвое быстрее. А пари ты все-таки проиграл. Попрыгаю я теперь на твоём шарике!

Необычайные происшествия

В чудеса мы не верим. Все, что происходит в мире, даже самые на первый взгляд загадочные вещи, можно объяснить научно.

Приходилось ли вам задумываться о судьбе земли, если бы вдруг погасло солнце или поблизости появилось бы второе? Если бы исчезла луна или увеличилась раз в двадцать? Какие изменения это внесло бы в нашу жизнь? Ведь законы, управляющие миром, не перестали бы действовать.

Происшествий, нарисованных на следующей странице, также никогда не было и не будет, но если вы знаете хоть немного физику, вы быстро догадаетесь, какие причины могли бы их вызвать, нарушением какого закона природы можно их объяснить.

1

С каждым днем люди чувствовали себя все легче и сильнее.

Мальчик мог сразу поднять и отца, и мать, и сестренку в придачу.

Прыгуны легко перепрыгивали через высокие заборы.

Даже дряхлые старички и старушки забегали, как молодые.

А дни становились все короче: солнце всходило раньше времени и все раньше заходило. Оно летело по небу как угорелое.

На море волны поднимались выше пятиэтажных домов.

Один паровоз мог с быстротою стрелы везти несколько составов поездов.

Скоро люди стали так легки, что могли перепрыгивать через большие дома и медленно, плавно опускаться.

Вода из крана текла так медленно, что можно было соскучиться, пока чайник нальется.

Весь мир облетела новость: один человек на экваторе неосторожно подпрыгнул... упал в небо, — совсем не вернулся на землю.

Испугались люди и начали привязывать к ногам разные тяжести, чтобы и им не упасть в небо: мешки с песком, дробью, гири, кирпичи.

Но и эти тяжелые вещи становились все легче. Мешки с грузом все увеличивались и скоро достигли таких размеров, что нельзя было пройти через двери. Приходилось отсиживаться дома. А кто выходил, падал в небо.

Начали падать в небо и крупные животные, большие камни, глыбы, скалы, горы с деревьями.

Океан со всеми озерами и реками вылился в небо. Там вода собралась в большой шар и улетела, как новая водяная планета, в мировое пространство.

Земля стала совсем безобразной: зияла впадинами опустевших океанских лож и пустынь, из которых весь песок просыпался в небо. Давно исчез и воздух. Небо стало черным даже днем, с немигающими звездами.

Когда светило солнце, оно обжигало землю, как расплавленный металл, а ночами стоял мороз в 273 градуса ниже нуля.

Но люди уже не чувствовали этого: они давно были трупами и лежали распластанными в лепешку на потолке, пока не сорвались со своих мест и дома. Трупы людей с мусором зданий упали в небо...

Это очень страшный конец для веселого начала.

Хорошо, что такого происшествия никогда с Землей не случится.

Но отчего бы это могло произойти?

2

Человек проснулся и, еще лежа в кровати, осмотрел комнату.

Что за беспорядок! Картины, висевшие на стене, лежат на полу. Книги, аккуратно положенные на стол, тоже на полу. Сложенная на стуле возле кровати одежда — и та на полу...

Раздумывая над тем, кто мог произвести этот беспорядок, человек поднимается, опускает ноги на пол и... падает. Пол стал скользкий, как лед.

Прыгая, оскальзываясь и падая, человек кое-как оделся. Но... все пуговицы вдруг отвалились, шнурки на ботинках развязались, брюки сползают вниз.

Скользя от стенки к стенке, человек пробирается в кухню, чтобы вскипятить чайник. Зажигает одну спичку, другую, пятую, десятую... не горят!..

Придется завтракать всухомятку. Положил булку на стол, она съехала и упала на пол. Чашка за ней... Тьфу, пропасть! И все предметы стали скользкими, так и норовят выскользнуть из рук, словно пойманная рыба.

Вышел человек из дому. По тротуару прямо ходить невозможно. Ноги разъезжаются, скользишь то вбок, то назад. Все падают... Зато трамваи, автомобили, велосипедисты, лодочники летят стрелой.

Вода в реке течет необычайно быстро. Неукрепленные берега на глазах сползают к воде. Песок, земля «текут» как вода. На многих зданиях обрушились трубы, карнизы, штукатурка...

На фабрике переполох: ременные передачи — трансмиссии — не работают, а маховое колесо вертится как сумасшедшее. Рабочие падают — не могут работать.

Пошел человек на спортивную площадку. Там футболисты пытаются играть в футбол. Но что у них получается! Падают на каждом шагу. А когда один футболист ухитрился-таки поддать ногой мяч, то футбольный мяч перелетел через пятиэтажный дом и исчез в соседнем квартале...

В театре и того хуже: рьяно рванули скрипачи смычками своих скрипок — и... ни звука. Не успели артисты выйти, как все попадали и съехали к рампе. Один артист все ж таки попытался запеть лежа. Кошмар! Эхо начало многократно повторять каждый звук. Театр наполнился нестерпимым шумом, гамом, словно запели сразу тысяча человек... Зрители в ужасе выбежали из театра...

Человек поспешил домой. Входя в свою комнату, он задел стул ногой. Стул отлетел, проехал через всю комнату; ударился о стол, отскочил, опять проехал через всю комнату, ударился о стенку, снова отскочил и так начал сновать взад-вперед, как маятник.

А за окном поднялась буря; и этой буре не суждено было утихнуть.

Человек сидел на полу — со стула он соскользнул и упал — и, приставив скользкий палец к скользкому лбу, думал: отчего бы все это могло приключиться?..

Но объясните ли вы ему?

3

Это новое необычайное происшествие случилось вечером, ровно в... впрочем, не могу сказать точно, в котором часу оно случилось, потому что с часов это и началось.

На стенных часах было 9 часов 15 минут. Я стоял на расстоянии одного метра от них. Когда же я подошел к ним вплотную, то стрелки показали 9 часов 20 минут. Отступил на старое место — снова 9 ч. 15 м. Отошел еще метра три на-

зад, к самой двери, и часы показывали уже ровно 9. Словно время шло назад, когда я отходил от часов, и бежало вперед, когда я к ним приближался.

В комнате сгущались вечерние сумерки. Быть может, зрение обмануло меня. Надо зажечь свет.

Я повернул выключатель, но лампочка не зажглась. Перегорела. Иду к лампочке. Только сделал два шага, лампочка вспыхнула. Отступил назад — свет снова гаснет, в комнате вечерние сумерки. Шаг вперед — свет, шаг назад — тьма... Я проделал это несколько раз. Наконец свет зажегся, хотя я в тот момент стоял возле двери и он уже не гас. Я скрестил руки и задумался. Все-таки надо осмотреть лампу. Я подошел к столу, на котором стояла лампа.

Кто-то с шумом открыл дверь и, громко стуча ногами, вошел в комнату. Я обернулся и вскрикнул от удивления. У двери я увидел... самого себя, со скрещенными руками и задумчиво склоненной головой, — словом, в той самой позе, в которой я стоял несколько минут тому назад, размышляя над загадками часов и света.

— Не объясните ли вы мне, что за фантазмагория происходит вокруг нас? — услышал я голос моего соседа, хотя и не видел его. Ну, конечно, это он вошел в мою комнату. Его шаги.

— Или я сошел с ума, или весь дом сошел с ума! — продолжал сосед. — Вот, например, я вижу вас. Вы стоите возле двери со скрещенными руками и наклоненной головой. Но я не уверен, вы ли это или ваш призрак. Вот я пронизываю вдоль и поперек рукой ваше тело. Вас нет! Ну конечно, призрак. Быть может, вас и совсем нет в комнате и я разговариваю с пустыми стенами и вашим двойником.

— Я здесь! — ответил я, стоя у стола. В тот же момент мой призрак двинулся ко мне и... прошел сквозь меня. Когда я оглянулся назад, двойник уже стоял за мною у стола, наклонившись над лампой.

— Я больше не могу! Уйдем скорее отсюда! — сказал мой сосед.

Я пошел к нему на голос и скоро увидел его стоящим возле двери.

Чтобы не потерять друг друга из виду, мы взяли за руки и выбежали из комнаты. В коридоре мы встретили двойника соседа, направляющегося в мою комнату, и прошли сквозь него.

На улицах на нас налетали невидимые прохожие, бранились и уходили. Надо было столкнуться нос с носом, чтобы увидеть того, на кого мы налетали или кто налетал на нас. На тротуарах было много людей, которых мы хорошо видели. От них мы сторонились, но этого можно было и не делать: видимые люди энергично размахивали руками, гримасничали так, словно они кричат или громко разговаривают, но все они были совершенно безгласны, бесшумны и бестелесны, как тени или герои немого киноэкрана.

— Иду! Иду! Иду! — иногда слышали мы предупреждающий голос невидимого прохожего, который приближался к нам. Мы тоже решили гудеть, чтобы предупредить о себе.

— А все-таки к этому миру можно приспособиться, — сказал мой сосед. — Здесь только надо больше верить ушам, а не глазам. Вот, например, я вижу трамвай, который мчится сюда. Я не боюсь его и становлюсь прямо посередине трамвайного пути. Вот трамвай налетел на меня и... проехал дальше, не сдвинув и волоска на моей голове. А теперь приближается грохот невидимого трамвая. Скорее с дороги!

— Да, — согласился я. — Для слепого ничего не изменилось в этом мире. Однако невесело жить в мире слепым. Глухие же и совершенно не могли бы существовать в нем.

Скоро мы стали замечать, что вслед за грохочущим невидимым трамваем его видимое изображение начинает «приезжать» все скорее. И настал момент, когда «образы вещей» слились с самими вещами. Необычайный мир перестал существовать.

Что же тут случилось?

Пропавший остров

Короткий разговор

Высокий, грузный председатель правления инженер Гейден сидел за большим письменным столом и перебирал папки. Маленькие, живые глаза и медлительные движения толстых рук придавали ему сходство с добродушным медведем. Лампа ярко освещала стол. Большой кабинет тонул в полумраке. Только под потолком, у книжных шкафов, блестела алюминием двухметровая модель последнего дирижабля, словно он парил высоко в темном небе.

Тяжелая дверь бесшумно открылась. Прозвучал голос секретаря:

— Господин Шеринг.

— Прошу! — коротко рявкнул Гейден и тяжело поднялся навстречу гостю.

Бесшумно ступая по ковру, к столу подошел подвижный, полный, короткий, гладко выбритый старик с волосами, блестящими, как покров алюминиевого дирижабля. Шеринг — банкир, заводчик, миллионер, один из столпов акционерного общества «Дирижабль» — поздоровался с Гейденом, уселся в глубокое кожаное кресло, вынул из бокового кармана сюртука газетную вырезку, небрежно бросил ее в освещенное поле стола и спросил:

— Читали?

Медведь скосил, прищурив, свои маленькие глаза, быстро пробежал заметку и так же кротко ответил:

— Разумеется.

— Этого не должно быть, — многозначительно сказал Шеринг.

— Этого не должно быть! — прорычал Гейден.

На минуту глаза их встретились — глаза заговорщиков, понимающих друг друга с полуслова. Затем Гейден сделал на газетной вырезке пометку красным карандашом, нечто вроде квадратного корня, под которым написал цифру «17». Надавил кнопку звонка. Передал заметку вошедшему секретарю:

— К немедленному исполнению, Штольц! — и подвинул к Шерингу коробку с сигарами. Деловой разговор был кончен.

Секретарь ушел. Шеринг, покуривая ароматную сигару, поболтал еще несколько минут о том, как успешно прошла последняя репетиция «газовой атаки», о парадах, о политических новостях — и ушел.

А секретарь Штольц, сидя в своем небольшом кабинете, уставленном телефонными, телеграфными и радиоаппаратами, уже начал действовать.

Смысл поручения для него был ясен. В газетной вырезке сообщалось о том, что плавучий аэродром — искусственный остров, сооруженный в Атлантическом океане на полпути между Европой и Америкой — вчерне готов и скоро должен вступить в эксплуатацию. Остров сооружался американцами. И этот искусственный остров грозил нанести непоправимый удар акционерному об-

ществу «Дирижабль». До настоящего времени это общество было почти монополистом в постройке дирижаблей. Самый опасный конкурент — США — вышел из игры после гибели нескольких крупных дирижаблей. Атлантический океан все еще представлял непреодолимое препятствие для установления регулярного аэропланного сообщения между Северной Америкой и Европой. И «Дирижабль» имел все шансы захватить в свои руки воздушный транспорт через океан. Искусственный остров опрокидывает все расчеты. При его помощи аэропланы смогут успешно конкурировать с дирижаблями. Акционерному обществу будет нанесен непоправимый удар. Но и этого мало. «Остров» представляет собою и военную угрозу. Если в Европе вспыхнет война и Америка примет в ней участие, то при помощи «острова» США могут быстро перебрасывать в Европу свои эскадрильи, свои военные силы. Ключ воздушных путей через океан во что бы то ни стало надо держать в своих руках. Все попытки, стоившие миллионы на подкупы нужных людей, чтобы расстроить это дело в самом начале, не удались. «Остров» построен. Его необходимо уничтожить. Уничтожить умно, ловко, не возбуждая подозрений. И тогда — тогда победа почти обеспечена. При современном кризисе в США едва ли найдутся средства и охотники на новую попытку. Сама идея — смелая, грандиозная идея постройки искусственного острова среди океана — будет надолго скомпрометирована.

Над океаном

Большой сорокаместный пятимоторный пассажирский аэроплан-амфибия летел над Атлантическим океаном. Кабины были загружены ящиками. В аэроплане находились только два пассажира: инженер Дэнхем и журналист Бэйдцон. Оба высокие, стройные, с типичными бритыми лицами американцев. Дэнхему было лет под сорок, Бэйдцон выглядел юношей. Они сидели возле окна в пустой кают-компании. На откидном столике перед Бэйлдоном лежала записная книжка и вечное перо. Он курил короткую трубку, и, по привычке журналистов «все видеть, все слышать», заглядывал в окно, слушал Дэнхема и время от времени заносил в записную книжку стенографические иероглифы.

Казалось, амфибия летит в центре огромного стеклянного шара: внизу — вогнутая зеленоватая поверхность океана, вверху — голубая полусфера неба. В океане виднелись дымки проходивших пароходов. Амфибия пролетала над великим морским путем между Америкой и Европой. Старая, изъезженная дорога, не отмеченная никакими столбами, которую, однако, безошибочно находили моряки в безграничном водном пространстве. Не успевал уйти с поля зрения один пароход, как появлялся другой. Иногда виднелось их несколько. Между Старым и Новым Светом происходил непрерывный «обмен веществ», с запада на восток двигались уголь, автомобили, пшеница, масло, лес, табак, фрукты, хлопок, нефть; в обратном направлении — металлические изделия, текстиль, химические продукты...

От зоркого глаза журналиста не укрывались оттенки в цвете океанской воды. Когда зеленоватый цвет сменился глубоко-синим, Бэйлдон отметил: здесь морской путь пересекается «великой рекой», текущей в океане, — Гольфштремом. Кое-где виднелись словно рыжеватые островки — бурые водоросли, заносимые течением из Саргассова моря. Однажды Бэйлдон заметил на севере блестящую точку. Вода вокруг нее казалась темнее. Это плыл айсберг — гроза ко-

раблей...

Все эти наблюдения не мешали Бэйлдону внимательно слушать своего спутника. Дэнхем говорил под монотонный рокот моторов:

— Да, я победил, но победа далась нелегко. На конкурс со всех частей света были представлены десятки проектов сооружения искусственного острова — аэропорта среди океана. Большинство проектов сводилось к различным комбинациям понтонов-поплавков, удерживаемых якорными цепями. Самым сильным моим соперником был бельгиец Левинь — известный специалист, строитель плавучих доков. Сам Левинь известен мне как порядочный человек. Но за его спиной стоял некто Вейс, действовавший совершенно недопустимыми средствами. Возможно, что Вейс представлял интересы сильной группы европейских капиталистов. Вейс не брезгал ничем: интриги, подкупы, инсинуации, травля в печати — все было пущено в ход. Продажные журналисты предсказывали полный крах моей технической идее. Эти издевательские статейки находили широкий отклик в человеческом консерватизме, обывательской косности.

— Ваша смелая идея являлась действительно вызовом так называемому здравому смыслу, — заметил Бэйлдон и занес в записную книжку новый иероглиф.

— Еще бы, — усмехнулся Дэнхем. — Построить искусственный остров из льда в океане на широте сорок пятого градуса, где поверхностный слой воды имеет почти тридцать градусов тепла, под жгучими лучами солнца — это ли не безумная, фантастическая идея? А между тем всякий техник, знакомый с холодильными установками, не найдет в ней ничего необычайного. Разве мы не замораживаем грунты-плавунуны при устройстве мостов, плотин, при прокладке туннелей? Весь мой «остров» состоит из системы труб и постоянно действующих холодильных установок. Понтоны у меня уравнивают только тяжесть самих труб. На трубах нарастает слой льда. Получается искусственный айсберг, почти на девять десятых погруженный в воду. Глубокое погружение гарантирует полную устойчивость острова. Сильнейшие бури оставляют его неподвижным, незыблемым как скалу. Гигантская цепь с якорем удерживает «остров» на месте. В той части, где «остров» соприкасается с верхними, более теплыми слоями воды, его стены покрыты теплоизолирующим материалом. Самая же поверхность «острова» покрыта большим слоем земли с густо растительностью: травами, кустарниками, пальмами. Земля, растения, здания предохраняют от лучей солнца «слой вечной мерзлоты». Сам же аэродром представляет собою настоящее алюминиевое зеркало, великолепно отражающее тепловые и световые лучи.

Журналист посмотрел на висящий возле окна фотоаппарат и сказал:

— Это, должно быть, очень красиво? «Остров» уже совсем готов?

— За исключением самых небольших недоделок. Через два-три дня будет официальное открытие, — отвечал Дэнхем.

«Открытие Атлантического океана для регулярных воздушных перелетов на аэропланах... Новая эра в воздушном транспорте... Европа и Америка станут ближе друг к другу...» — Бэйлдон записывал фразы, которые казались ему наиболее удачными и эффективными, — он уже составлял статью об открытии «острова».

Футляр фотоаппарата, висевший на ремнях, вдруг отлетел от стены и уда-

рился о плечо журналиста. Бэйлдон и Дэнхем качнулись в своих креслах.

— Какой резкий вираж! В чем дело? — с удивлением и с некоторым беспокойством сказал Дэнхем.

— Мы поворачиваем назад! — воскликнул Бэйлдон, заглядывая в окно.

Амфибия сделала большой круг, второй, третий...

— Надо спросить у пилота, — тревожно сказал Дэнхем и отправился вместе с журналистом в кабину пилота.

— В чем дело, мистер Пьюзи?

Лицо пилота было озабочено. Возле пилота, с растерянным видом, стоял бортмеханик.

— Мы не находим «острова», — сквозь зубы ответил пилот.

— Как не находим? Мы сбились с курса? — спросил Дэнхем.

— Мы не могли сбиться с курса, — ответил бортмеханик. — Сорок пять градусов северной широты и сорок пять западной долготы. Точно. А «острова» не видать. Управление автоматизировано. Малейшее отклонение от курса было бы тотчас отмечено аппаратами.

— Но тогда почему же мы не видим «острова»? — спросил Дэнхем, в голове которого мутилось.

— Очевидно, потому, что наши глаза не способны видеть несуществующих вещей. И если мы не видим «острова», значит, он не существует! — резко крикнул бортмеханик.

Дэнхем побледнел, пошатнулся и схватился за стойку, чтобы не упасть.

— Быть может, произошла неожиданная катастрофа и «остров», как Атлантида (это сравнение надо записать), внезапно погрузился на дно океана? — высказал предположение Бэйлдон.

Дэнхем уже несколько овладел собой.

— Никакой катастрофы не могло быть, — горячо возразил он. — А если бы она даже и произошла, «остров» не мог потонуть внезапно. Удельный вес льда меньше воды. А ледяные горы не тают мгновенно. На «острове» есть радиостанция. Она разослала бы сигналы бедствия.

— Но мы вообще не получали с «острова» никаких радио со времени отлета из Нью-Йорка, — возразил Бэйлдон.

Это была правда. И как только Дэнхем не догадался в пути установить с «островом» радиосвязь? Но он просто не считал нужным делать это, так как был слишком уверен, что там все благополучно.

— А радиомаяк работал? — спросил Бэйлдон Пьюзи. Вместо пилота ответил тот же бортмеханик:

— Сигналы радиомаяка прекратились несколько часов тому назад.

— Почему же вы не сообщили мне об этом?

На этот раз ответил молчавший пилот:

— Мы не придавали таким пустякам значения.

— Почему? — с прежней горячностью допрашивал Дэнхем.

— Потому что радиомаяк обычно работает ночью и в туман. Днем и в такую погоду он просто не нужен, — ответил Пьюзи.

— Притом мы получили сообщение, что монтаж радиостанции еще не вполне закончен и поэтому в ее работе возможны перерывы, — добавил бортмеханик.

Наступило гнетущее молчание. Рокот моторов кажется зловещим. Амфи-

бия кружится, как аист, прилетевший в старое гнездо и нашедший вместо знакомого дома голое место.

Дэнхем хрустнул пальцами и хриплым, чужим голосом спросил:

— Что же нам делать?

— Подумать о себе. В баках осталось совсем мало бензина, — недружелюбно ответил бортмеханик, и в этом тоне механика Дэнхем почувствовал упрек себе, больше чем упрек — обвинение.

Бэйлдон посмотрел в окно. На водной поверхности, как нарочно, не видно было ни одного парохода, ни одного дымка.

«Какое счастье, что мы летим на самолете-амфибии, — подумал журналист. — Когда истощится бензин, мы сможем спуститься на воду. Разошлем сигналы бедствия, и нас подберут. Мы находимся на оживленном морском пути. Наше положение не так уж плохо. А вот бедный Дэнхем — конченный человек... Ему не подняться... Но какая сенсация...»

— Мистер Дэнхем, разрешите послать радиотелеграмму об исчезновении «острова».

Дэнхем тускло посмотрел на Бэйлдона, помолчал, словно не понимая вопроса, и резко ответил:

— Нет! — и, шатаясь, пошел в кают-компанию.

«Что за упрямец! Неужто он надеется, что его «остров» вынырнет со дна моря?»

— Но почему же нет? — не унимался Бэйлдон, следуя за Дэнхемом.

Дэнхем не отвечал. Он грустно опустил за большой обеденный стол и сжал голову. Лицо его постарело.

Амфибия все кружилась. Моторы начинали захлебываться...

Вдруг Дэнхем, сильно стукнув по столу кулаком, поднялся, нервно заходил по каюте и заговорил как помешанный:

— Да, да, да, да, да. Это штучка Вейса. Проклятого Вейса. Это преступление. «Остров» погиб, остается спасти честь... Нет, «остров» не погиб. Он не может потонуть быстро. «Остров» сорвался с якоря. Его необходимо разыскать. Далеко он не мог уплыть. Лететь на розыски.

— Куда? Да у нас нет и бензина.

— Куда? Да у нас нет и бензина, — как эхо повторил Дэнхем.

— В таком случае немедленно разослать сигналы бедствия. Радировать всем. Сообщить в Америку, в Штаты. Срочно организовать поиски... Призвать на помощь ближайшие пароходы.

— Давно бы так! — радостно воскликнул Бэйлдон и побежал в радиорубку. Его газета должна прежде всех получить сенсационное сообщение.

Солнечные часы испортились

Утро выдалось чудесное. Правая рука Дэнхема, производитель работ по строительству «острова» инженер Брайнт, разбуженный будильником, как всегда, в шесть часов, вскочил с кровати и отправился в ванную комнату. В этот час обычно луч солнца, падавший из окна, освещал медную колонку. Брайнт вошел в ванную и остановился в недоумении: солнце освещало половину мраморной ванны. «Мой будильник не в порядке», — подумал Брайнт и принялся плескаться, как морж. Вернувшись в свою комнату, он посмотрел на свои карманные часы. Шесть часов пятнадцать минут утра. Совершенно непонятное явление. Брайнт взглянул в окно. Солнце стояло еще довольно низко

над горизонтом, как ему полагалось в это время суток, но находилось оно не за радиомачтой, а гораздо левее, среди стволов пальмовой рощи. Сюда оно забиралось не ранее десяти часов утра, но тогда оно стояло значительно выше, на высоте пальмовых крон. Брайнта охватило смутное беспокойство.

Брайнт быстро оделся, наскоро позавтракал и вышел из дома, раздумывая о странном явлении. У самой двери он встретил инженера Кина, небольшого, неподвижного молодого человека в белом костюме и пробковом шлеме. Лицо его было встревожено.

— А я к вам! — воскликнул Кин. — Вы заметили, мистер Брайнт, что тени на «острове» передвинулись, словно солнце сделало внезапный прыжок? Мы на плавучем «острове», который только цепью и якорем был прикреплен ко дну.

Это слово «был» заставило Брайнта побледнеть и приостановиться. Он был поражен и в то же время смущен. Как ему самому первому не пришла в голову такая простая мысль? Вот что значит быть слишком уверенным в «незыблемости» искусственного «острова»! Брайнт овладел собой и сказал возможно спокойней:

— Да, кто бы мог подумать! Якорь весом во много тысяч тонн. Цепь, сквозь каждое звено которой может пройти трамвайный вагон. И все эти дни — полный штиль в океане. Согласитесь, что разрыв такой цепи, многократно испытанной, при данных условиях погоды — явление почти столь же загадочное, как и чудо библейского Иисуса Навина.

Кин пожал плечами.

— Все кажется загадочным, пока мы не узнаем причины. Одно звено цепи могло быть плохо сварено... сильные подводные течения, быть может, айсберг...

— Мы почувствовали бы толчок... Надо немедленно опустить водолаза осмотреть цепь.

Они шли среди пальмовой рощи. Легкий утренний бриз колыхал широкие, жесткие листья, и они шелестели как сухие. Под ногами трещал золотистый песок, смешанный с мелкими раковинами. Зеленели газоны, благоухали цветы, журчали фонтаны. Еще розоватые солнечные лучи пятнами покрывали зеленый ковер.

Брайнт вздохнул, остановился и посмотрел во все стороны, чтобы окинуть весь «остров» одним взглядом. В прямоугольник, как в раму, был направлен зеркальный эллипс аэродрома. В углах расположились обслуживающие здания. В одном углу — облицованная белым мрамором, словно сотканная из кружев, с балконами, нишами, балюстрадами, площадками — гостиница для пассажиров. В этом же доме помещались конторы, квартиры для администрации, радиостанция. В другом углу — холодильные установки и дома для рабочих и служащих. В противоположной стороне «острова» — ангары, мастерские, склады горючего и запасных частей, гостиница для летного состава, и в последнем углу — электростанция, опреснительная установка и склады провианта. А в пальмовых рощах — теннисные площадки, киоски с мороженым, фруктовыми водами, журналами, газетами, открытками, беседки, бельведеры, гроты...

Все было готово к принятию гостей, избалованных, требовательных, капризных, но с туго набитыми бумажниками.

Сколько на все это было положено труда, изобретательности, усилий и даже человеческих жертв!

И все это создавалось на глазах Брайнта. Здесь месяцами стояли большие океанские суда с понтонами, подвижными кранами, трубами... Здесь работала целая армия водолазов...

Когда «остров» уже поднялся над водой, сюда начали привозить землю, деревья с корнями, строительный материал для зданий... Наконец, работы закончены. Прошлой ночью ушел последний пароход. На «острове» остались только рабочие и служащие эксплуатации.

Так среди океана родилась эта техническая сказка — новый «остров», созданный руками человека. И неужели теперь все это должно погибнуть из-за какой-то роковой ошибки?

Брайнт и Кин некоторое время шли молча. Брайнт издали наблюдал возбужденные группы рабочих. Да, в это утро работа разладилась. Всюду шли летучие митинги. Необходимо было вовремя овладеть общественным возбуждением, успокоить умы... Рабочие проходили мимо, вопросительно заглядывая в лицо Брайнта и Кина.

— А знаете, мистер Брайнт, мне кажется, опускать водолаза уже нет смысла, — сказал Кин.

— Почему?

— Потому что «солнечные часы совсем испортились». Посмотрите на тени. Так они падают, когда солнце на закате. Значит, «остров» повернулся на девяносто градусов против своего обычного положения. А следовательно, не может уже быть никакого сомнения, что якорная цепь...

— Вы, пожалуй, правы, — ответил Брайнт.

Этот Кин сегодня рассуждает лучше, чем он. Быть может, потому, что Кин не несет такой ответственности.

— Необходимо немедленно созвать митинг. Лучше всего на аэродроме. Распорядитесь, мистер Кин.

Через несколько минут над «островом» тревожно прозвучал колокол.

— Все на аэродром! — кричал Кин.

— Все на аэродром! — повторяли за ним встревоженные люди. Они спешили к сигнальной вышке, возле которой уже стоял Брайнт.

Прежде чем взойти на свою высокую трибуну, Брайнт спросил Кина:

— Почему вы не оповестили через громкоговоритель?

— Радиостанция не работает.

— Почему?

— Радист скажет вам потом. Не будем испытывать терпения толпы, — ответил Кин.

Брайнту не понравилось, что Кин уже начинает брать инициативу в свои руки, распорядиться событиями и даже им, Брайнтом.

Но препираться было не время. Толпа действительно волновалась, шумела. Брайнт поднялся на вышку. Морской воздух пахнул ему в лицо. Аэродром был так велик, что все рабочее население «острова» казалось небольшой кучкой, расположившейся, чтобы лучше видеть и слышать, на некотором расстоянии от вышки. Темные фигуры людей отражались, как в зеркале, на блестящей поверхности аэродрома.

С вышки был виден весь «остров». И Брайнт оглядел его тем взглядом, кото-

рым смотрят на только что умершего близкого человека: черты лица еще не изменились, но жизнь уже отлетела из тела...

В своей речи Брайнт призывал к спокойствию.

— С «островом» действительно случилась большая беда: цепь, по не выясненной еще причине, порвалась, и он превратился в «плавающий остров». Но лично нам не угрожает ни малейшей опасности. Потонуть «остров» не может. Мы находимся в одном из самых оживленных участков океана. Мы обеспечены продовольствием и водой. Наша радиостанция разошлет сигналы бедствия, и через несколько часов нас смогут подобрать. А может быть, и подбирать не надо будет. Я полагаю, что один мощный океанский пароход сможет взять нас на буксир и доставить на место. Порванную цепь сварим, и все пойдет по-старому.

По-видимому, речь произвела хорошее впечатление. Рабочие разошлись, разговаривая оживленно, но уже более спокойно. Слышались даже шутки и смех.

Событие, которое казалось таким страшным вначале, превращалось в забавное происшествие, о котором весело будет рассказывать своим друзьям много лет спустя за кружкой пива.

Брайнт сошел вниз. Его уже ожидал радист с озабоченным лицом.

— Что у вас случилось? Почему не работает радиостанция? — начальственным тоном набросился на него Брайнт.

— Генераторные лампы перегорели, — ответил радист.

— Почему не заменили запасными?

— Они оказались негодными. Да, да, все до одной.

— Кто же их принимал? — продолжал Брайнт свой допрос. — Кто проверял?

— Я. И тогда они работали. Лампы кем-то испорчены, очевидно, после их приемки.

— Злой умысел?

— По всей вероятности, — ответил радист.

Брайнт вздохнул с облегчением.

— Хорошо. Составьте акт и принесите мне. О том, что радиостанция не работает, никому не говорите. Слышите? Строжайшая тайна. Можете идти. Стойте. Оживить аварийный передатчик никак невозможно? Ну, хорошо. Идите.

Да, Брайнт вздохнул с облегчением. У него будет документ, подтверждающий, что на «острове» работала рука вредителя. В три часа должен был прилететь Дэнхем. Он уже не найдет «острова», и об этом он, конечно, тотчас оповестит всех.

Оживление сменилось подавленностью. Вяло пообедали, вяло разошлись на работу. И какая нелепая работа! Расставлять мебель, которой, быть может, никто не будет пользоваться, окрашивать киоски, в которых никто не будет торговать...

С трех часов до пяти Брайнт и Кин наблюдали небо — не покажется ли где-либо амфибия Дэнхема. Но голубое небо было пусто. Кину послышался отдаленный шум моторов, который скоро умолк.

В шестом часу вечера у горизонта на северо-западе появилась темная полоса. Шел ветер. Ветер принес туман. Тени исчезли. Похоронно зазвонил коло-

кол.

Брайнт вернулся к себе и в изнеможении опустился на кресло. Он чувствовал такую усталость, что не мог заставить себя подняться, чтобы взять сигарный ящик, хотя ему и хотелось курить. В открытое окно врывался туман. Он был так густ, что не видно было стволов пальм, стоявших в десятке метров от дома. Мерные удары колокола угнетали, но от них некуда было уйти. Туман... влажный, горячий туман...

Резко зазвонил телефон.

Брайнт встал с неожиданной быстротой, позабыв об усталости и апатии, и подошел к телефону. Кин сообщил изменившимся хриплым голосом:

— Ужасно... мистер... холодильные установки не работают... авария. Я сейчас буду у вас...

Брайнт повесил трубку телефона, захватил по пути сигаретный ящик, вновь опустился в кресло, но сигару так и не закурил.

Холодильники не работают. Это значит... это значит, что ледяной «остров» тает. Тает как айсберг. И если их не спасут в ближайшие же дни — они погибнут...

Мерно падают удары колокола. Мягкий, влажный туман душит. Где-то трещит электрический звонок. Телефон? Нет, это, наверно, пришел Кин. А слуга, конечно, оставил дом и болтается на улице. Дисциплина падает. Связи налаженной организации ослабевают, рвутся... Как отчаянно он звонит! Надо пойти открыть.

Но Брайнт сидит неподвижно. Он не может пошевелить ни одним членом. Ведь руки и ноги у него из ваты...

В Гольфштреме

Ночью туман унесло. Луна словно плясала на небе, заглядывая то в первое окно, то во второе, то снова в первое, — «остров» поворачивался от ветра и морских течений. Глухо шумели волны, разбиваясь о стены «острова», где-то слышались крики, треск, пьяные песни. Брайнт все еще сидел, не раздеваясь, в кресле возле окна.

Без стука вошел Кин — наружная дверь оставалась открытой, — без приглашения уселся против Брайнта, взял сигару из ящика, закурил.

— Все уже знают о том, что холодильники стали. Люди потеряли голову. Часть рабочих громит склады и винные погреба. Слышите? Надо немедленно принять меры...

— Пошлите полицию, — апатично ответил Брайнт.

— Что может сделать десяток полицейских с двумястами человек?

— Пусть делают, что хотят. Какое мне дело до этих людей?

— Но ведь от их повиновения зависит наша судьба, — возразил Кин.

Брайнт нетерпеливо повернулся в стуле.

— Послушайте, Кин, оставим этот разговор. Я не капитан корабля и не губернатор «острова»; я только инженер-строитель и умею распоряжаться людьми в нормальных условиях работы. Я знаю только одно, что эта нелепая история может скомпрометировать меня как инженера и, быть может, даже лишит крупного вознаграждения. А судьба «острова» и этих людей нисколько не интересует меня. И... оставьте, пожалуйста, меня в покое.

— Но ведь нашей собственной жизни угрожает опасность! — почти крикнул Кин. — Знаете, где мы находимся? Нас увлекает ветвь Гольфштрема, кото-

рая, отделяясь от главного русла, идущего на север, поворачивает на юго-восток, к Испании и северо-западным берегам Африки, и на случайные встречи с проходящими судами надежды почти нет. Островов поблизости тоже нет. Аэропланы помочь нам не могут.

— В США уже должны знать об аварии, и нам придут на помощь, — сказал Брайнт уже менее спокойным голосом.

Кин привскочил с кресла.

— Кто поможет? Наше акционерное общество? Оно должно считать себя уже разоренным. Акционеры на организацию спасательной экспедиции не отпустят и доллара. Правительство? В лучшем случае оно пошлет на розыски пару миноносцев, чтобы только показать, что оно что-то делает.

— Вы слишком мрачно настроены, мистер. И акционеры и правительство сделают все возможное.

— Поздно. Слишком поздно, если бы они и сделали все возможное. Разыскать нас могли бы, пожалуй, цеппелины, но и их помощь опаздывает. Будь у нас в исправности холодильники, иное дело. А сейчас нам никто не поможет. Берега Европы и Америки далеки. Пока оттуда придет помощь, наш «остров» превратится в кисель и потонет.

— Что же вы предлагаете?

— Рассчитывать только на себя и искать пути спасения, пока «остров» не погрузился в воду. Он уже осел на два метра.

— Ищите, — безучастно ответил Брайнт.

Кин поднялся, посмотрел на Брайнта презрительно и гневно и воскликнул:

— Я вижу, вы совершенно раздавлены катастрофой, мистер.

Кин резко повернулся и выбежал из комнаты.

Брайнт печально усмехнулся и закрыл глаза...

Шум за окном разбудил его. Брайнт открыл глаза и тотчас зажмурился, ослепленный ярким лучом восходящего солнца.

— Мистер Брайнт, мистер Брайнт! Вы не спите?

— Ах, это опять вы, мистер Кин? — Брайнт повернулся в кресле и открыл глаза. — Ну, что нового?

Кин махнул рукой по направлению окна и сказал:

— Они едва не побили меня.

Брайнт усмехнулся и насмешливо сказал:

— Своего спасителя! И чем вы возбудили их гнев?

— Тем, что мы не позаботились снабдить «остров» шлюпками и спасательными поясами, что мы не оставили ни одного парохода.

— Но кто же мог этого ожидать?

— Они больше не рассчитывают на нас и взялись за дело сами. И знаете, они совсем не плохо организовались. Среди них оказались толковые головы.

— И что же сделали эти толковые головы?

— Они избрали комитет спасения. Они создали милицию. Быстро прекратили дебош, поставили стражу у складов, арестовали нескольких хулиганов...

— Власть советов. Ну, а дальше?

— Дальше они постановили: собрать все имеющееся на «острове» дерево и из него соорудить плоты.

— Какое же на «острове» может быть дерево, кроме пальмовых стволов?

— Да, к сожалению, на «острове» очень мало дерева, но все же его можно

найти: киоски, плетеные кресла, двери, рамы, перегородки, мебель...

— Разрушать здания, строения? Ломать мебель? Это невозможно. Нас еще могут спасти. Я не разрешаю.

— Вы опоздали со своими разрешениями, мистер. Да и не вы ли сами говорили о том, что вы не капитан и не губернатор «острова»?

— Так зачем же вы сообщаете мне обо всем этом?

— Только в порядке информации. Притом вам также нужно позаботиться о плоте.

Брайнт ничего не ответил.

Когда он ушел, Брайнт устало поднялся, позвонил слуге, но никто не пришел. Тогда Брайнт сам прошел в кухню, вскрыл коробку консервов, позавтракал, выпил холодного кофе и отправился по лестнице — лифт не работал — на самый верх здания гостиницы, в светелку башни. Он решил запереться здесь, чтобы быть подальше от Кина и комитета спасения.

Брайнт заглянул в окно и был поражен изменившимся видом «острова».

«Остров» осел. Когда-то он поднимался на двадцать метров над уровнем моря. Теперь брызги волн падали на бетонные дорожки. На той стороне, где стояло тяжелое здание гостиницы, волны перекачивались через железные перила «набережной» и заливали цветочные куртины. Жгучие лучи солнца расплавляли сквозь слой земли не возобновляемую больше подпочвенную «вечную мерзлоту». Она таяла, пропитывала влагой землю, которая превращалась в жидкую грязь. Зеркало аэродрома отбрасывало солнечные лучи. На «острове» получалось неравномерное нагревание почвы. Вследствие этого земля, окружающая аэродром, пучилась, поднималась буграми. Пальмы, как пьяные, шатались и падали.

Всюду слышался треск. Возбужденные люди шлепали по грязи, ломали беседки, скамейки... На аэродроме кипела работа. Веревками, тросами, проводами рабочие связывали в плоты доски, обломки мебели, плетеные кресла...

Опытный взгляд Брайнта с некоторым удивлением отметил, что работа была хорошо организована. «Островитяне» деятельно готовились спасти свою жизнь...

А он?.. Впервые Брайнт осознал всю серьезность положения. С тоскою и надеждой посмотрел он на океан. Он был пустынен до самого горизонта...

На плоту

— **В**от нас только двое осталось, — сказал рыжий.
— Больше воды и сухарей останется, — просто ответил черноволосый.

Рыжий был человек лет сорока, геркулесовского сложения. Черноволосый — еще молодой человек, худой и костлявый.

Плот качался на волнах. Солнце невероятно палило. Этому жаркому дню, казалось, не будет конца.

Изнемогая от зноя и жажды, два человека лежали пластом, прикрыв головы куском полосатой парусины. Другой кусок был прикреплен к палке в виде флага. Можно было подумать, что люди уже мертвы, так неподвижно они лежали.

Когда солнце склонилось наконец к горизонту, жар спал и повеяло прохладой, рыжий зашевелился.

— Можно попить и закусить, — сказал он. Черноволосый молчал. — У тебя

удар?

— Нет, — глухо отозвался черноволосый, не поднимая головы.

— А я уж хотел за упокой души и твою порцию воды выпить. Вставай, дружище.

Черноволосый тяжело поднялся на локтях. Они молча съели по сухарю и выпили из бидона по несколько глотков воды.

— Да, — заговорил рыжий после скудного обеда. — Так-то. Живешь, живешь, а умирать однажды приходится. Один умирает на пуховой кровати, другой вот так-то на плоту. Ну, я, положим, заслужил такую смерть. Да, если бы не я, то и «остров», пожалуй, стоял бы на своем месте...

Черноволосый повернул голову, чтобы лучше слышать.

— Продал я всех. Продал и предал. — Он помолчал и, убедившись, что черноволосый слушает, продолжал: — Служил я на строительстве «острова» водолазом. И служил там инженер Смит или Шмидт, белокурый такой. Не встречал? И вот вечером, когда последний пароход уж под парами стоял, Смит подзывает меня и тихо говорит:

«Ты якорную цепь сваривал под водой?»

«Я сваривал».

«Хочешь хорошо заработать?»

«От заработка никогда не отказываюсь», — говорю.

«Так вот, — говорил Смит, — тысячу долларов заработаешь, если сделаешь, что прикажу. Вот тебе задаток. Половина, — и сует мне кошелек с золотыми монетами. — Остальные получишь, когда сделаешь».

«А что делать надо?»

«Опустить, — говорит, — под воду и якорную цепь перерезать».

Я было отказываться начал и даже кошелек сую ему обратно. Я не душегуб какой. Да и своя голова дорога. Начал он меня убеждать, что никакого душегубства тут нет, а одни законы конкуренции. Ему-де доказать надо, что весь проект «острова» неправильный был, если «остров» с цепи сорвется, то это и будет доказано. И что тогда другой «остров» по его проекту строить будут — значит, рабочим новая работа. А как только «остров» с якоря сорвется, всех людей на этот пароход посадят, и ни одна душа не узнает. Скажут — расчет неправильно сделан.

Подумал я: законы о конкуренции меня не касаются. Пусть капиталисты друг другу ножку подставляют — и согласился.

К якорной цепи под водой вела железная лесенка. Путь знакомый. Сколько раз я по ней лазал. Но риск был все-таки немалый, если ты понимаешь в водолажном деле. Водолаза одеть надо — шлем завинтить, а потом развинтить. Один человек на часах стоит, один на сигнале, один на помпе. Трое-четверо одного водолаза обслуживают. А тут одному справиться. Смит обещал скафандр снять, когда вернусь. Без человека на помпе обойтись можно. Компрессор у нас был электрический. А все же риск. Вдруг зашалит компрессор. Справился я скоро — железо электричеством, как масло ножом, режется. Поднялся на «остров» — нет Смита. Оглядываюсь, пароход отходит. Обманул, значит. Стою я одураченный, и скафандр с меня снять некому. Думаю, как...

Вблизи мелькнул плавник акулы Один бок плота вдруг резко приподнялся.

— Держись...

Рыжий и черноволосый скатились в воду. Плот накрыл их. Над водой пока-

залась рука рыжего и быстро догрузилась.

ОТВЕТНЫЙ ВИЗИТ

Гейден вошел в кабинет Шеринга, поздоровался, положил перед хозяином газету с отчеркнутой статьей и молча уселся в кресло. Шеринг быстро просмотрел статью.

«Гибель острова-аэропорта».

«Наконец мы получили достоверные сведения о судьбе столь загадочно исчезнувшего острова-аэропорта неудачливого инженера Дэнхема.

Океанский пароход «Стаар», совершающий рейсы между Лондоном и Рио-де-Жанейро, подобрал в океане 27 человек, плывших на плотах. Спасенные оказались рабочими с «острова-аэропорта», который, по их словам, погрузился в океан вследствие того, что холодильники оказались испорченными и «ледяной остров» растаял.

Инженер Дэнхем покончил самоубийством. В оставленном письме он обвинял в гибели «острова» своего соперника на конкурс-проектах, мистера В. Судебное следствие установило, однако, непричастность В. Причиной гибели «острова», по всей вероятности, являются технические ошибки при проектировании.

Убытки акционерной компании определяются в сорок миллионов долларов».

Шеринг прочитал, улыбнулся и многозначительно спросил Гейдена:

— Fertig? (готово?)

— Klar! — по-морскому ответил Гейден.

Его медвежьи глазки смеялись.

— Ну, а теперь обедать. Я вас таким мозельвейном угощу...

Слепой полет

Закон причинности — это бесконечно сложный механизм из зубчатых колес и шестерен. Кто бы мог подумать хотя бы о такой связи явлений: в Свердловске молодой ученый Меценко предложил своему другу — летчику Шахову осмотреть его лабораторию. Шахов осмотрел ее, похвалил работу товарища и ушел. Только и всего. А из-за этого визита старший радист в Гонолулу едва не сошел с ума. Редактор «Нью-Йорк трибюн» разбудил по телефону среди ночи сотрудника, ведущего отдел «Новости науки и техники», заставил его писать статью, которую потом еще и не принял. Советские граждане Барташевич и Зубов целые сутки ужасно волновались, а с самим летчиком Шаховым случилось такое, чего он всю свою жизнь не забудет.

1. Ловец сигналов

Джон Кемпбелл был старшим радистом морской радиостанции США в Гонолулу. Молодые помощники называли Кемпбелла «господином эфира». Он знал позывные всех дальнедействующих радиостанций мира. Виртуозно отстраивался и настраивался. Имел эфирные знакомства во всех частях света. Для него не существовало границ и местного времени. Он жил во всех широтах и полюсах. На протяжении одной минуты он успевал излучить своим друзьям и «доброе утро», и «добрый день», и «добрый вечер», и «доброй ночи». И никогда не путал, где сейчас на земном шаре день, где ночь, где утро.

Таков был Кемпбелл до второго ноября — даты пятидесятого года его рождения. И вот что случилось с ним в этот день.

Утром морская метеорологическая обсерватория США сообщила, что в Тихом океане проходит тайфун чрезвычайной силы, пересекая три морских пути между Азией и Америкой. Приходилось быть начеку.

В два часа дня Кемпбелл уже поймал первый характерный писк SOS и быстро определил место кораблекрушения. В три часа новый сигнал о бедствии.

Кемпбелл успел сообщить в Осаку, прежде чем там узнали о крушении парохода возле японских берегов. Но с третьим SOS случилось непонятное.

Было восемь часов вечера. Небо безоблачное. Только необычайно сильный грохот прибоя напоминал о том, что где-то в океане свирепствует шторм.

«SOS!» — вновь запищало в приемнике. Призыв о помощи несся из района острова Карагинского вблизи мыса Лопатки (южной оконечности Камчатки). И Кемпбелл радировал об этом карагинской радиостанции.

Оттуда ответили: «У нас штиль. Гидропланы летят на разведку».

Через час карагинская рация сообщила, что нигде тонущего корабля не обнаружено. Что они там подумали о Кемпбелле — радисте из Гонолулу?.. Скандал!

В десять вечера Кемпбелл услышал тот же сигнал, но уже из района Берингова моря, со сто восьмидесятого градуса восточной долготы.

Сам «Моряк-Скиталец» не мог лететь с такой чудовищной скоростью! Более полутора тысяч километров в час, если учесть сдвиг местного времени.

Кемпбелл проверил расчеты. Все оказалось правильно. Но первый раз в жизни он воздержался сообщать «всем» о принятом сигнале бедствия.

В двенадцать ночи тот же сигнал, но уже на полтора градуса восточнее. Несмотря на удушающую жару тропической ночи, Кемпбелла прошиб холодный пот. Что это, мистификация? Радисты сговорились подшутить над ним?

Но сигналами бедствия не шутят. Или у него в мозгу неладно?

Кемпбелл просидел без смены всю ночь. Но этих сигналов больше не было слышно. Наутро Кемпбелл подал начальству рапорт, прося отпуск по болезни.

Так до конца своих дней Кемпбелл и не разрешил задачи: кто же посылал тогда сигналы бедствия, летя с запада на восток быстрее урагана.

2. Таинственный болид

«**О. Кадьяк. 3.XI.** Четыре часа ноль минут местному времени островом Кадьяк пролетел болид ослепительной яркости направлении запада восток тчк Полет сопровождался орудийным гулом тчк Телеграфные деньги исходе тчк Жду аванса тчк Дельтой».

Вечное перо в руке ночного редактора «Нью-Йорк трибюн» быстро запрыгало по бумаге. Золотой клюв ручки, как дятел на стволе дерева, долбил телеграфные строки, оставляя темно-синие следы. Через полминуты телеграмма была обработана.

О. Кадьяк. 3.XI. В два часа утра над островом Кадьяк пролетел огромный болид такой ослепительной яркости, что все окрестности были освещены, как прожектором. Полет болида сопровождался оглушительным гулом, напомиравшим канонаду. Гул был слышен в порту Руперта и Эдмонтоне.

Редактор подумал секунду, сделал заголовок: «Небесный гость», зачеркнул, сделал новый: «Необычайный болид», сбоку приписал: «петит, шестая полоса». Лево́й рукой бросил телеграмму машинистке и принялся за новую — о морских вооружениях Японии.

Редактор расправлялся с телеграммами, как с наседавшими врагами. Он разил их острием пера и бросал машинистке, а стопка не уменьшалась. Новые телеграммы падали на стол.

Через три часа редактор читал:

«**Ситка. 3.XI.** Четыре часа утра. Ситкой пролетел большой ослепительной яркости...»

— Еще один болид?! — удивился редактор. — Что они так разлетались сегодня! — И вспомнил, что во вчерашнем номере газеты была заметка о том, что в середине ноября ожидается большой звездный поток Леонид, появляющийся каждые тридцать три года. В этот прилет они запоздали — имели неосторожность пролететь слишком близко возле какой-то большой планеты — кажется, Юпитера, — потеряли на нем часть своего роя и несколько изменили свою орбиту. — Это интересно!

Редактор сорвал телефонную трубку, разбудил заведующего отделом «Новости науки и техники» и заказал ему к семи часам утра новую статью о Леонидах. На телеграмме сделал заголовок: «Первые ласточки звездной стаи» и пометку: «Объединить телеграммы о болидах. Дать в отделе «Н. Н. и Т.», перед статьей».

Редактор усиленно курил. Глаза слипались после бессонной ночи. Часы пробили семь. В кабинет быстро вошел заведующий отделом «Новости науки и техники», небритый, невыспавшийся, злой, и бросил на стол готовую статью о Леонидах.

Рядом со статьей упала новая телеграмма. Редактор прочитал ее, подумал. В ней сообщалось о болиде, пролетевшем в семь утра над озером Атабаска.

— Можете взять свою статью о Леонидах. Она не пойдет! — сказал он заведующему отделом «Н. Н. и Т.».

— Как не пойдет? Почему не пойдет? Но за каким дьяволом вы разбудили меня и заставили работать ночь?

— Статья будет оплачена! — сухо ответил ночной редактор и, обратившись к секретарю, крикнул: — Подберите и дайте мне телеграммы о болидах!

— Вот, извольте судить сами, — сказал ночной редактор, протягивая телеграммы. — Прочитайте эти две — из Кадьяка и Ситки, а вот и третья, только что полученная из Ньюфаундленда. Сравните время, обратите внимание на направление полета — с запада на восток. Может ли быть такое совпадение? Имеем ли мы три болида или же один болид? А если один, то может ли вообще болид — вам это лучше значь — пересечь пол-Америки на одной и той же высоте, в пределах земной атмосферы, не сторев и не упав на землю?

— Что же вы предполагаете? — осторожно спросил заведующий отделом «Новости науки и техники».

— Я полагаю, что это — «болид»... земного происхождения. Быть может, ракета, реактивный стратоплан, торпеда, черт его знает что...

— Но скорость! Почти космическая. Скорость вращения Земли. Положим, теоретически, для стратопланов, не говоря о звездолетах, такие скорости возможны...

— Не «положим», а так оно и есть. Не вы ли сами давали статью о тайных вооружениях Германии, о реактивных снарядах, о воздушных торпедах, управляемых по радио? Необходимо сейчас же написать новую статью на эту тему. Садитесь! Мы еще успеем к дневному выпуску.

Редактор подобрал все телеграммы о болидах и сделал новую пометку: «1-я стр., корпус. После статьи «Таинственный болид».

3. Пропавший стратоплан

Бригада молодых изобретателей Экспериментальной мастерской готовила стране большой сюрприз: сконструировала и построила первый советский — и первый в мире — стратоплан З-1. Директор завода Барташевич, инженер-конструктор Зубов и опытный летчик Шахов любовались своим детищем.

Крылатая рыба идеально обтекаемой формы имела винтомоторную и реактивную тягу. З-1 мог летать в тропосфере — как аэроплан, а в стратосфере — по принципу ракеты. «Мог летать», но еще не летал. Первый пробный полет должен был совершить Шахов. Решили, что полетит он один. Хорошо механизированное управление вполне допускало это, тем более что полет Свердловск — Хабаровск, по расчетам строителей, должен продолжаться максимум пять часов. Небывалая скорость!

Герметически закрывающаяся кабина З-1 отапливалась и освещалась электричеством и была снабжена кислородом и горючим на сутки — максимальная вместимость баков и баллонов. Больше и не нужно было, так как за сутки стратоплан мог бы облететь вокруг земного шара.

В стратоплане были установлены аппараты для определения скорости, высоты, направления полета по «слепому методу». Все до мелочей рассчитано, испытано, выверено в лабораториях. Всякая случайность исключалась.

Старт произошел второго ноября, в шесть часов утра без всякого торжества. Не было ни газетных репортеров, ни блеска юпитеров, ни суетливых кинооператоров, ни оркестра, ни речей. Все напоминало будничные облет нового аппарата. Присутствовала только бригада, создавшая З-1.

Летчик Шахов в кожаном костюме и шлеме, высокий, здоровый, подошел к кабине. На бритом лице спокойная улыбка. Крепко пожал руки товарищам, быстро взобрался по лесенке и захлопнул за собой дверь. Через минуту заревели моторы, метнулись и превратились в трепещущие прозрачные круги пять пропеллеров. З-1 легко отделился от площадки аэродрома и начал круто забирать высоту. Рокот моторов затихал в звездных просторах неба.

— Долетит! — уверенно сказал Зубов, когда стратоплан скрылся.

— Долетит! — как эхо отозвался Барташевич. А через десять минут они уже разговаривали с Шаховым по радио, как будто и не расставались с ним.

— Алло, Шахов! Летишь?

— Лечу! Все отлично. Аппараты действуют безукоризненно.

— Ну-ну, Шахов, делай шах королю, — острил Барташевич. Полет продолжался. Шахов периодически сообщал:

«Высота двенадцать километров. Перехожу на дюзы». «Высота двадцать пять. Скорость — тысяча километров в час». «Миновал Омск... Красноярск... Высота тридцать километров». «Пролетел над Витимом». И вдруг радиопередачи прекратились.

Потекли минуты напряженного ожидания. Зубов начал нервно вызывать Шахова. Ответа не последовало. Тревога росла. Лица Зубова и Барташевича словно постарели в несколько минут. Они избегали смотреть друг на друга, чтобы на лице другого не прочесть своих собственных черных мыслей.

Время шло. Зубов нетерпеливо поглядел на часы.

— Он уже должен опуститься в Хабаровске...

Посидели еще несколько минут в гнетущем молчании.

Позади послышался тяжелый вздох. То незаметно вошел старый мастер Бондаренко.

— Так вызывайте же Хабаровск, — сказал он раздраженно, словно простуженным голосом. Его сумрачное лицо передергивала нервная судорога.

Зубов хотел и боялся вызвать Хабаровск. Наконец вызвал.

«Не прилетел. Ждем с минуты на минуту», — был ответ.

Старый мастер снова шумно вздохнул.

— Ждут!.. Авария, не иначе. Надо сообщить на Алдан, чтобы выслали самолеты на поиски...

Да, больше ничего не оставалось.

Настал день — тяжелый день... Зубов и Барташевич перед этим уже не спали несколько суток, готовя З-1 к полету. И теперь они шатались от усталости, но о сне не могли и думать. Ждали вестей, каковы бы они ни были. Мучила неизвестность. Через несколько часов алданские товарищи сообщили, что в месте предполагаемого пролета обыскано все по радиусу в пятьсот километров, никаких следов не найдено, что многие жители слышали в это утро глухой, громоподобный гул, прокатившийся с запада на восток.

По запросу Зубова с Камчатки сообщили, что у них слышался вечером, около шести часов, «гул и гром», и так же от запада на восток.

Зубов и Барташевич с недоумением посмотрели друг на друга.

— Это он! Значит, Шахов не погиб! — вздохнув с облегчением, сказал Зубов.

— И пролетел дальше, — задумчиво прибавил Барташевич. — Но почему? Что с ним произошло?

— Быть может, порча аппаратов... Не мог остановить работу дюз.

— Невероятно! — возразил Барташевич. — Все испытано, проверено. И потом, не могли же сразу испортиться и реактивные двигатели, и винтовая группа, и радио. — Барташевич помолчал и сказал сквозь зубы: — А может быть...

Зубов посмотрел на хмурое и вдруг ставшее злым лицо Барташевича и понял его мысль, его подозрение: измена Родине...

— Не может этого быть! — горячо воскликнул Зубов. Барташевич резко стукнул кулаком по столу.

— Но тогда что же, что?

Зубов только вздохнул.

Прибежал рыжий радист, с красными от усталости глазами.

— Морская радиостанция Гонолулу, — задыхаясь, возбужденно заговорил он, — принимала сигналы бедствия в продолжение трех или четырех часов с Берингова моря...

— А почему же ты не слышал? — набросился на радиста Барташевич.

— Я принимал Алдан, Хабаровск, Сахалин...

— Это Шахов! — воскликнул Зубов. — Конечно, у него какая-то авария... А ты говорил! — прибавил Зубов, с упреком посмотрев на Барташевича.

— Я ничего не говорил, — смущенно ответил тот. — Я только подумал. А мысли всякие — и непрошенные в голову лезут.

«Лучше смерть с честью, чем бесчестье измены!» — подумал Зубов и сказал:

— Сигналов больше не было. Значит, Шахов погиб в Беринговом море у берегов Северной Америки или на самом континенте.

Зубов и Барташевич опустили головы. После острых волнений наступила реакция. Зубов едва сидел на стуле. Барташевич оперся руками на стол, положил русую голову и сонно сказал:

— Надо послать радио на Аляску. В Америку... США...

Кто-то хлопнул его по плечу:

— Уснул, что ли? Читай! — Бондаренко положил на стол вечерний выпуск «Уральского рабочего».

Барташевич вздохнул, словно пробуждаясь от глубокого сна, подняв голову, потер глаза, начал читать и вдруг взволнованно и громко заговорил:

— Он жив! Он еще жив! Летит! Конечно, это снова он, Шахов! — и протянул Зубову газету, в которой была напечатана телеграмма ТАСС из Нью-Йорка о «таинственном болиде».

Нервное напряжение прорвалось у Барташевича смехом:

— Шах королю! Задали мы им загадку... Да себе тоже, — прибавил он задумчиво и сильно потрянул головой, выбрасывая снова лезшие непрошенные мысли. — Уж не задумал ли Шахов самовольно совершить кругосветный полет?

— Шахов достаточно дисциплинирован, чтобы не делать таких мальчишеских выходов, — снова возразил Зубов. —

И потом, зачем в таком случае ему было посылать сигналы бедствия?

— А почему он замолчал?

Зубов и Барташевич снова посмотрели друг на друга. Если бы оба не были так утомлены и озабочены, они рассмеялись бы — до того комично-обалделыми были их лица.

4. Слепой полет

Шахов, как и его друзья, снимаясь с аэродрома, не сомневался в удаче полета. Пропеллеры тянули великолепно. З-1 быстро набирал высоту. На толке тропосферы и даже субстратосферы моторы благодаря компрессорам работали безукоризненно, перекрывая запроектированный потолок. Только поднявшись в стратосферу, они начали «задыхаться» от недостатка кислорода и давать перебои. Но это было явлением нормальным и заранее предусмотренным. Шахов выключил моторы и пустил в ход дюзы. Он полетел быстрее звука и уже не слышал громовых раскатов взрывов. Лишь при каждом ускорении — при каждом новом броске вперед — он чувствовал, как спинка кресла толкает его в спину, при этом сжималась грудь, становилось немного трудно дышать и кружилась голова — реакция кровообращения.

Но сильный организм Шахова легко справлялся с этими недомоганиями. В общем, Шахов чувствовал себя хорошо. Сверхскоростной полет сам по себе был неощутим. В кабине тихо, тепло, светло, воздух насыщен кислородом, который пьянит и веселит, как вино. Ни малейшей качки. Можно подумать, что стоишь на месте. Только подрагивание и движение черных стрелок на белых циферблатах измерительных приборов говорили об огромной высоте и скорости полета. На карте черный карандаш в рычажке отмечает курс. В этом слепом полете Шахов чувствует себя спокойнее, чем в обычных полетах.

Весело напевает. Смотрит сквозь стекло окна на аспидно-черное небо с яркими немигающими звездами и радужным полотнищем Млечного Пути. Черная линия уже приближается к Кяхте. Шахов со свойственным ему спокойствием сообщает и об этом друзьям. Радио под рукой. Можно разговаривать, не отрываясь от пульта управления.

Шахов проголодался.

Вынимает плитку шоколада и подносит ко рту.

И вдруг чувствует такую невыносимую, режущую боль в глазах, что вскрикивает и закрывает их. «Что такое? Слово сухой горчицы под веки насыпали». С трудом открывает глаза. В кабине совершенно темно. Почему лампочка внезапно погасла? Шахов шарит рукой, находит выключатель, поворачивает — темно, поворачивает еще раз — темно. Достает лампу рукой и ощупывает. Горяча.

Лампа светит! Значит, он ослеп! Сильнейшие, режущие боли в глазах не прекращаются.

Шахов был летчиком уже второй десяток лет. И в первый раз почувствовал нечто похожее на страх. Нервный клубок застрял в горле, холодок пробежал по спине, задрожали руки.

Что теперь будет с ним? Положим, он сумеет сообщить по радио, но что могут сделать его друзья? Другого стратоплана нет, ни один самолет не поднимется на такую высоту и не имеет такой быстроты полета. На лету Шахова не снять. Хорошо еще, что столкновение невозможно — на такой высоте никто не летает.

Он жив, пока летит, а летит — пока хватит горючего, то есть сутки. Снизиться он не может. Никакие аппараты слепому полету не помогут, если сам летчик слеп. И при посадке он неминуемо разобьется вместе с машиной.

Если бы можно было набрать скорость километров восемь в секунду, то З-1 стал бы вечно носиться вокруг Земли, как ее спутник, преодолев земное притяжение. Но такая космическая скорость для З-1 недостижима. Да это и не

спасло бы Шахова. Всего через сутки кончатся запасы кислорода, и Шахов задохнется.

Радио... но где же оно?.. Шахов шарит, находит аппарат, пытается давать сигналы бедствия. Задевает рукой за провода, питающие от аккумулятора лампы накала. Разрывает провода. С трудом находит, связывает, снова дает сигнал. Что-то портится в аппарате. Ощупью старается найти повреждение. Ему как будто удается еще раз оживить радиостанцию, но затем она безнадежно портится. Последняя связь с миром оборвалась. Он — пленник стратосферы.

Который час? Сколько времени прошло с тех пор, как он летит слепым полетом? Шахов бессильно откидывается на спинку кресла, опускает руки, задумывается. Глаза болят нестерпимо, словно они выжжены раскаленным железом... Встает, находит воду, промывает глаза — не легче. Снова садится в кресло. Тишина... неподвижность... слепой полет навстречу смерти!

Проходит час за часом. Шахов сидит молча, подавленный. Где он летит сейчас?

Быть может, над Америкой, а может быть, уже над Атлантическим океаном, приближаясь к берегам Европы... День или ночь?..

...Нет, это невозможно! Надо что-то делать, искать спасения... Жажда жизни берет свое. Шахов поднимается. В движении^ в действии он хочет найти выход напряжению нервов. Надо узнать, работают ли еще дюзы... Шахов пробирается в машинное отделение. Щупает руками стенки дюз, несмотря на теплоизоляцию, во время работы дюз стенки бывают теплыми. Но сейчас они холодны. Дюзы не работают и уже успели остынуть. 3-1, быть может, уже летит камнем с головокружительной высоты... Бензин в баках еще должен быть. Надо запустить моторы... Это он сможет сделать и вслепую...

Загудели! Работают без перебоя! Очевидно, стратоплан уже в тропосфере. Спасет идеальное автоматическое управление — машина сама выправляется. А вдруг она перейдет в штопор? Сумеет ли аппарат самостоятельно выйти из штопора? Расчеты говорят — да, но что окажется на деле? А стратоплан начинает покачивать... Что делать?

...Остается одно — «вслепую» выброситься на парашюте...

И Шахов лихорадочно начинает готовиться к смертельному прыжку. Привязывает парашют, раскрывает окно... Чувствует, как ледяной ветер жжет лицо и руки...

5. «А Земля-то круглая!»

Вконец истомленный, Барташевич, не раздеваясь, свалился ни кушетку и тотчас уснул.

— Вставай! — будит его Зубов. — Шахов летит!

Барташевич поднялся и тупо посмотрел на Зубова.

— Говорю тебе, летит! Получено от него радио. Едем скорей на аэродром!

Радостно-взволнованные, ввалились они в автомобиль и помчались к аэродрому, глядя на восток, откуда должен был появиться стратоплан.

На аэродроме они полчаса напрягали зрение и слух. Неожиданно рокот моторов послышался с запада. Скоро появился и 3-1. Он быстро снизился и сел «по-шаховски» — без единого прыжка.

Зубов и Барташевич побежали к стратоплану.

Дверь открылась, по выкидной лесенке быстро спустился Шахов и напра-

вился к ним уверенной походкой, со своей обычной спокойной улыбкой. Крепко пожал им руки и кратко рассказал о том, что случилось с ним в пути.

— Я совсем приготовился к прыжку, как вдруг прозрел. Да, зрение вернулось ко мне так же неожиданно, как появилась слепота. Я самоопределился и, к удивлению, увидал, что нахожусь в сотне километров на запад от Свердловска.

— Почему же к удивлению? Стратоплан ведь летел без управления и мог сбиться с курса.

— В том-то и дело, что он не сбился с курса. Аппараты показали мне, что он все время летел по прямой на восток.

— А Земля-то круглая, и, вылетев из Свердловска в восточном направлении, ты вернулся в Свердловск же с запада!.. — воскликнул Зубов.

— Облетев весь земной шар, — уточнил Барташевич. — Стратоплан выдержал экзамен, хотя не выполнил задания — опуститься в Хабаровске. Но что случилось с твоими глазами? Мы уж все передумали, а о такой простой вещи, как болезнь, не подумали — уж очень ты здоров. Сейчас-то ты хорошо видишь?

— Отлично, как всегда. А что было с моими глазами — сам понять не могу. Быть может, это действие космических лучей. Ведь, в конце концов, никто еще не летал на такой высоте...

— И с такой скоростью, — прибавил Зубов. — Влияние таких скоростей также еще не изучено.

— Да, факт тот, что зрение вернулось ко мне, когда я опустился в тропосферу.

К стратоплану сбегались рабочие — его строители. Пришел и старший мастер Бондаренко, пришел и друг Шахова — молодой ученый Меценко.

Шахову пришлось еще рассказать историю своей внезапной слепоты и выздоровления.

— Ты все-таки сходи к доктору, — посоветовал Бондаренко.

— Ни к какому доктору ходить не надо! — возразил Меценко. — Каюсь, я виноват! Моя оплошность!

Все посмотрели на него с недоумением.

— Помнишь, Шахов, — продолжал Меценко, — в день отлета я пригласил тебя в свою лабораторию — показать мои работы, похвалиться своими достижениями?..

— Ну, и какое же это имеет отношение?

— Увы, самое близкое! Я показал тебе фотоэлементы и разные лампы... Между ними была одна с ультрафиолетовыми лучами. Ты заинтересовался моими работами, и я часа два тебе рассказывал. Мы стояли недалеко от этой лампы. Я увлекся и не обратил внимания, а ты, слушая, вероятно, все время смотрел на свет лампы. Ну и получил поражение глазных нервов. Невидимый ожог, коварный уже тем, что обнаруживается он только через несколько часов. При таких ожогах временно теряется зрение, восстанавливается же оно тоже только через несколько часов. Да, это моя оплошность!

Барташевич поднес к лицу Меценко кулак и полусерьезно-полусерьезно выругался по-украински.

— И какие же теперь выводы, товарищи? — спросил он. — Первое — летчикам перед полетами не заглядывать на лампу ультрафиолетового света. — И

он заложил палец. — Второе — никогда не отчаиваться, не терять надежды на спасение, как бы положение ни казалось безнадежным...

— Третье — никогда не подозревать без достаточных оснований, — вставил Зубов.

— Так ведь были же основания, и немалые, — возразил Барташевич. — А в общем, живем, Шахов? Шах королю!..

Рогатый мамонт

Это было в 1988 году. Я жил в Свердловске, руководил геологическими работами Свердловского филиала Академии наук. В конце октября на острове Врангеля был назначен слет руководителей геологическими работами на наших полярных и заполярных островах. Я должен был председательствовать на этом слете. Признаться, меня не слишком привлекало путешествие. Мне нездоровилось, да и работы на месте было очень много. Но меня заинтересовало радиописьмо, присланное одним из самых талантливых и любимых моих учеников — начальником геологоразведки на острове Врангеля — Мишей Шугалеевым.

«Не отказывайтесь от полета, дорогой Иван Иванович, — писал он. — Ведь теперь от Свердловска до о. Врангеля рукой подать: весь путь на электроплане займет не более 4–5 часов. Прилетайте непременно. Ваш приятель Яша готовит вам сюрприз. Он уверяет, что нашел в тундре череп детеныша мамонта совершенно необычайной формы, с рогами. Рогатый мамонт! Ведь это же мировая научная сенсация! Как ни просили мы Яшу показать нам череп рогатого мамонта, Яша и слушать не хотел: он отвечал, что приведет к месту находки первым Ивана Ивановича, и никого больше...»

Можете себе представить, как заинтересовал меня этот рогатый мамонт. Я ломал себе голову, пытаюсь угадать, какого именно представителя вымерших животных принял Яша за «рогатого мамонта». В былые времена мамонтовые бивни и кости находили в довольно большом количестве на севере острова Врангеля — в тундре Академии. Отдельные кости и черепа, конечно, могли еще сохраниться.

Да, вы еще не знаете, кто такой Яша. Яша — эскимос, уроженец острова. Там же окончил среднюю школу. Студент-геолог, заочник. И бригадир охотничьей бригады, если только можно назвать охотой современные механизированные способы электролова и электроубоя птиц и морских животных.

Ну, вот. Словом, я решил лететь.

В то время только что вступила в эксплуатацию первая воздушная линия электропланов, пользующихся электроэнергией, передаваемой по воздуху без проводов. Линия, как теперь всем известно, проходит на высоте двух тысяч метров. Первая башня-антенна такой высоты была установлена недалеко от Свердловска, вторая — на горе Народной, имеющей высоту 1875 метров. Наверху башен-антенн укреплены друг против друга параболические зеркала из гудрона и каких-то других веществ. При помощи этих зеркал короткие радиоволны направляются прямолинейными потоками. Это и есть «невидимый провод», по которому течет ток высокого напряжения. Третья башня — на Новой Земле, четвертая — на Земле Северной, пятая — на Новосибирских островах и шестая — на острове Врангеля. Расстояние между башнями почти равное — порядка тысячи километров, — и только между двумя последними

несколько больше.

Ненастным вечером я и два геолога-доцента подъехали к стартовому аэродрому. Башня почти на три четверти была покрыта облаками. Огромный электроплан с широким тупым носом, в котором был устроен тоннель, где находился мощный пропеллер, стоял на рельсах «разгонного» круга. Диаметр круга — три-четыре километра.

Окон в летающем «вагоне-поезде» не было видно. Каменная лестница аэропорта, высотой в четыре-пять метров, подводила к открытым дверям вагона. Я насчитал восемь дверей.

И во все двери входили пассажиры с портфелями — в короткое путешествие чемоданов не берут, а долгих путешествий в наше время не существует. Крылья электроплана показались мне непомерно малыми, как рудиментарные крылышки на массивном жирном теле птицы киви. Позже я узнал, что крылья электроплана раздвижные: на земле они сложены, перед взлетом раздвигаются во весь свой гигантский размах, по мере убыстрения полета все более укорачиваются, а при посадке вновь раскрываются во всю ширину.

Войдя в электроплан, мы заняли четырехместное купе, усевшись в мягкие кресла. Четвертым спутником был угрюмого вида молодой человек, который с напряженным вниманием уставился в ручной экран телевизора, — вероятно, читал Телегазету. Вскоре, однако, он осторожно, чтобы не порвать тонкого серебристого шнурочка, положил экран в боковой карман алюминизированного дорожного костюма, улыбнулся нам, заговорил и оказался очень общительным человеком.

Когда мы почувствовали, что наш летающий поезд двинулся и начал набирать скорость по разгонному кругу, молодой человек сказал:

— Хотите посмотреть машинное отделение? Это вполне возможно. Дело в том, что я один из строителей электровоздушной трассы. Видимый путеец невидимых электровоздушных путей, так сказать. Весь экипаж мне знаком. Идемте же.

И мы вошли за ним в просторное помещение с большим овальным отверстием наверху, прикрытым толстым слоем прозрачной, как стекло, пластмассы. Сквозь это отверстие были видны электромоторы и большой вал. Меня уверяли, что этот вал, приводящий в движение воздушный винт, может вращаться со скоростью 25–30 тысяч оборотов в минуту. Шарики в подшипниках заменены здесь струей водорода, направленной так, что вал совершенно не имеет соприкосновения со стенками подшипников, фактически вращаясь почти без трения, в газовой среде.

Дежурный водитель сидел посреди комнаты, устланной ковром, за конторкой белого дуба. Перед ним находилась небольшая черная доска с десятком циферблатов и дисков, напоминающих диски телефонных аппаратов. Все механизмы тяжелой машины повиновались буквально одному прикосновению пальца.

Несмотря на то что обычно в помещении было тихо, водитель вместе со своей конторкой был покрыт прозрачным звукоизолирующим футляром кубической формы, с небольшой дверью: ни один звук не должен отвлекать внимание водителя. Этот звуковой изолятор позволял остальным людям, находящимся в помещении, громко разговаривать.

Молодой человек, который привел нас сюда, — его фамилия была, кажется,

Петров — обратил наше внимание на полки, расположенные вдоль боковых стен.

— Вот самое интересное во всей этой машине, — сказал он. — Не угодно ли подойти поближе?

На массивной железной полке с толстыми металлическими подпорами, к которой мы подошли, лежало нечто похожее наибольшей ком теста. Ниже, под полкой, начинался ковш, хобот которого уходил куда-то под пол. В стороне от «теста» на полке стояло несколько черных кубиков величиною в кубический сантиметр.

— Попробуйте приподнять один из этих кубиков, — сказал Петров.

Я взял кубик двумя пальцами, чтобы приподнять, но пальцы сорвались. Кубик оказался тяжелее, чем можно было предполагать. Пришлось сжать пальцы изо всех сил, однако кубик словно прирос к полке.

— Привинчены они, что ли? — удивленно спросил я.

— Позвольте, я попробую, — сказал один из моих спутников — геолог Санович. Но ни он, ни другой геолог — Зорин — также не смогли приподнять кубика. Зорину удалось лишь, да и то с большим трудом, чуть-чуть сдвинуть один кубик в сторону.

— Кубик железный, а полка тоже железная и, очевидно, соединена с сильным электромагнитом, — высказал он предположение.

— Ничего подобного, — со смехом ответил Петров. — Разгадка в том, что кубики сами по себе очень тяжелые.

— Этого не может быть! — горячо возразил Санович. — На земле нет и не может существовать такой тяжелой материи!

— Оказывается, может и, как видите, есть, — улыбнулся Петров. — Кстати, эта тяжелая материя совсем уж не так тяжела. Разве вы не поднимете тело в десять килограммов веса? Только, конечно, не двумя пальцами. В этом весь секрет.

— Вы хотите сказать, что кубик весит десять килограммов? — спросил я.

— Да, — ответил Петров. — А нормальный его вес должен быть всего один грамм.

— Но ведь это... но ведь это получается увеличение веса в десять тысяч раз! — с волнением заметил я.

— Совершенно верно — в десять тысяч раз, — спокойно подтвердил Петров, кивнув головою.

— Смотрите! Смотрите! — воскликнул Зорин. — «Тесто» увеличилось в размере. Оно растет на глазах. Видите, подошло к краю полки, свесилось, вот-вот упадет вниз.

— Ну, что же, подхватите его рукой и положите обратно на полку, — предложил Петров.

Зорин подхватил тесто и попытался поднять. Это ему удалось, но все мускулы напряглись, рука дрожала, лицо покраснело.

— Никогда мне еще не приходилось иметь дело со столь чудовищно тяжелым тестом, — сказал он. — Не делаете ли вы и это тесто из тяжелой материи?

— На этот раз вы угадали, — усмехнулся Петров. — Но тесто уже не такое тяжелое, как кубики. Вот, смотрите. — Он оторвал кусочек теста величиною с вишню и с некоторым усилием взвесил на ладони.

— Значит, ваша тяжелая материя, если я не ошибаюсь, может увеличивать-

ся в объеме, в то же время теряя в весе? — спросил Санович, видимо начиная сдаваться.

— Да, так оно и происходит, — ответил Петров. — А как и почему, я сейчас объясню вам. Прошу вас. — Он показал нам на кресла.

— Вы, конечно, знаете о звездах, которые называются «красные карлики», — начал Петров, когда мы уселись. — Объем этих небесных тел, светящихся красным светом, действительно очень мал по сравнению с другими звездами. Астрономы установили совершенно точно и неоспоримо, что материя этих красных карликов в десять тысяч раз тяжелее земной. Такая необычайная тяжесть материи долго оставалась загадкой — какие процессы космической лаборатории могли создать эту сверхтяжелую материю?

Атом, его строение — объяснили загадку. Сам атом представляет собою, если так можно выразиться, чрезвычайно «пористое» сооружение. Электроны, вращающиеся вокруг центрального ядра, протона, находятся от него на «астрономически» огромном расстоянии, в микромасштабе, конечно. Внутри атома слишком много пустоты, точнее, внутри пространства между ядром и орбитой крайнего электрона. А ведь из таких «пористых» атомов состоит вся обычная материя. Соединяясь в молекулы, атомы ведь не могут входить друг в друга, сжиматься. Они соприкасаются друг с другом лишь «оболочками» внешних электронных орбит. Поэтому-то и обычная материя такая «пористая», не слишком плотная и не слишком тяжелая. Но что будет, если из атомов мы начнем выбивать электроны, оставляя одни протоны? Каковы будут свойства материи, составленной из этих атомов, лишенных электронов?

— Такая материя будет обладать необычайной плотностью, малым объемом и огромной тяжестью, — быстро сказал Санович. — Я понял вас, Петров! Десять литров воды, весящих десять килограммов, или десять килограммов земли можно таким образом «сбить» в один кубический сантиметр, который по-прежнему будет весить десять килограммов. Правильно?

— Совершенно верно, — ответил Петров.

— Но почему пухнет это тесто, если оно одной природы с тяжелой материей? — спросил Зорин. — Смотрите, оно заполнило уже всю полку и ковш.

— И зачем это тесто, эти кубики находятся здесь? — в свою очередь задал вопрос Санович.

— Минуту терпения, и вам все станет ясным, — сказал Петров и, помолчав, продолжал: — Советские ученые потратили несколько лет, прежде чем им удалось создать первый кубический сантиметр тяжелой материи. В то время ученые еще и сами ясно не представляли себе, к каким практическим последствиям приведут опыты с тяжелой материей. Но она сразу же сама указала путь: первый же кубический сантиметр тяжелой материи, полученный в лаборатории, разбух на глазах ученых до больших размеров. Это явление удивило тогда ученых так же, как удивило сейчас вас это растущее тесто. Вскоре, однако, объяснение было найдено.

Тяжелая материя состояла из атомов, лишенных электронов. А что такое электрон? Отрицательный заряд. Следовательно, тяжелая материя представляет собою положительный заряд огромной «концентрации». И именно в силу этого она должна была с необычайной силой притягивать к себе отрицательные заряды-электроны. А где их нет? Таким образом, с самого момента своего рождения материя, искусственно ставшая тяжелой, стремилась возвра-

тить себе то, что у нее было отнято, — электроны, отрицательный заряд, а вместе с ними вернуть себе и прежние свои свойства. Одним словом, к кубику тяжелой материи отовсюду потек электрический ток. Ученые поняли, почему были неудачны первые опыты и почему они стоили так дорого: выборные электроны могли заменяться сторонними, а может быть, и возвращаться обратно.

Чтобы полученная тяжелая материя не разбухла преждевременно, приходилось заботиться об изоляции ее от проникновения электронов со стороны. И при новых опытах были найдены такие изоляционные футляры, которые надежно защищали изготавливаемую тяжелую материю от электронов.

А это изобретение открывало уже путь к первому — практическому — применению тяжелой материи. Она становилась если не источником электроэнергии, то заменителем самых мощных аккумуляторов: вот этакий кубик тяжелой материи «ТМ» — в электроизоляционном футляре можно отправить в любое место и хранить любое время. «ТМ» заменит собою аккумулятор для авто, электрокара, походной радиостанции — всюду. Достаточно в оболочке футляра сделать прокол, и «ТМ» начнет бурно высасывать электроны отовсюду — из земли, атмосферы, металлических частей вашего автомобиля. Включайтесь и получайте ток. «ТМ», по мере насыщения электронами, разбухает — это, пожалуй, единственный ее практический недостаток — и становится все легче, пока не дойдет до нормального объема и весомости. Но разбухшую, «нормализованную» материю можно выбрасывать, как выбрасывают шлак...

— И как выбрасываете вот это тесто? — указал на полку Зорин.

— Совершенно верно. А на смену предельно разбухшему тесту мы берем новый кубик и прокалываем его.

— Таким образом, при помощи теста — тяжелой материи — вы высасываете электроны из невидимых проводов высоковольтной передачи? — спросил Санович.

— Правильно. В данном случае «ТМ» заменяет нам землю, заземление. Настоящая земля далеко под нами, и отработанный ток поглощается тяжелой материей. Понятно?

— Вполне, — ответил Санович. — У меня есть еще только один вопрос...

Но он не успел задать его.

Нас качнуло. Порядочно-таки качнуло. Мы увидели, как водитель, всплеснув руками, начал лихорадочно вертеть диски на пульте управления. Я чувствовал, как наш летучий поезд то поднимается, то опускается, как его, словно на железнодорожных стрелках, бросает из стороны в сторону.

Впоследствии оказалось, что от невыясненной причины — быть может, от неосторожного движения пальцем неопытного водителя — наш электроплан вышел из луча, питающего энергией его моторы. Мгновенно были включены аккумуляторы, и мы могли продолжать полет, но куда? Ведь невидимый провод не только питал ток моторы, но и служил указателем пути. Правда, оставались радиомаяки. Но вы знаете, что радиоволны в Арктике нередко пошаливают.

На аккумуляторах мы могли пролететь около часа. Оледенение нам не грозило: электронагреватели поверхностного слоя вагона и его крыльев непрерывно растопляли образующуюся корку льда. И все же положение было неве-

селое. Вокруг — мрак, внизу — Карское море, — мы летели уже на участке гора Народная — Новая Земля. Говорят, радиомаяк города Кармакулым на Новой Земле давал сигналы, но они скоро угасли. Во что бы то ни стало надо было найти наш радио-электровоздушный провод. Надо вам сказать, что в то время еще не были установлены аппараты, автоматически удерживающие электроплан на «рельсах» и находящие их, если порыв бури или какая иная причина собьет машину с электропути.

Электроплан продолжал слепо тыкаться из стороны в сторону. И вдруг новый сильнейший толчок потряс всю машину. У меня было такое впечатление, что наш поезд на всем ходу налетел на стену. Не было ли это результатом беспорядочного верчения дисков нашим растерявшимся водителем? Быть может, он внезапно дал задний ход запасным реактивными двигателям? Я слышал потом, что водителя сняли с работы после этого злополучного рейса.

Мы все попадали на пол. Вещи сдвинулись с места. Переборки трещали. Двери раскрылись. Из пассажирского отделения слышались крики женщин и плач детей. Электроплан, однако, продолжал лететь, удары не повторялись, и все понемногу успокоилось.

— Смотрите, что делается с кубиками тяжелой материи! — воскликнул Зорин.

Мы посмотрели на полки. На месте маленьких, как игральные кости, кубиков лежали большие куски теста, которое набухло с необычайной быстротой.

— От сильного удара изоляционные футляры кубиков лопнули, и тяжелая материя начала всасывать электроны, — взволнованно объяснил Петров. — Хотя мы и «сошли с рельсов», но находимся в магнитном поле линии высоковольтной передачи и электронов здесь более чем достаточно...

— И чем это нам угрожает? — спросил Зорин.

— Тесто задушит нас, если мы не примем мер! Надевайте теплые костюмы и рукавицы, открывайте наружные двери и выбрасывайте тесто за борт, — распорядился Петров, предварительно плотно прикрыв дверь в пассажирскую кабину, чтобы там никто не догадался о критическом положении, в котором мы находились.

Петров показал нам, где хранились теплые электрифицированные костюмы, мы быстро оделись и открыли дверь. Снаружи ворвался ледяной ветер со снегом.

— Если трудно будет дышать, наденьте кислородные маски, — посоветовал Петров.

Мы — я, Зорин и Санович — принялись за работу. Нельзя сказать, чтобы она была приятна. Электроплан все еще швыряло, и мы рисковали вылететь вон. Несмотря на небольшую высоту — около двух километров, — дышать было трудно: в Арктике потолок тропосферы низок, а мы притом еще сильно работали. Пришлось надеть кислородные маски, хотя они и мешали работать.

Но главную неприятность нам доставляло тесто тяжелой материи. Мы отрывали куски величиною с арбуз, с трудом доносили до двери и выбрасывали. А тесто словно потешалось над нами. Не успевали мы вернуться обратно, как его оказывалось больше, чем раньше. И хотя каждый новый «арбуз» был легче предыдущего, работа не облегчалась, так как ее темпы приходилось все увеличивать. Тесто расползлось уже по всему полу, наши ноги увязали, и это еще

больше затрудняло работу...

Мы изнемогали от усталости, выбрасывая куски теста, едва вытаскивали ноги, увязавшие в нем по колено, а что делал в это время Петров? Он взял микроскопический кусочек теста, вошел под звукоизоляционный колпак к водителю и, что-то объяснив ему, положил кусочек перед ним на стол. Затем они оба начали внимательно наблюдать за растущим кусочком теста — нам все это хорошо было видно сквозь прозрачные стенки «кабины» водителя. Петров от времени до времени что-то говорил, водитель — на этот раз очень осторожно — поворачивал диски. Когда тесто слишком разрасталось, Петров снова отщипывал от него маленький кусочек и, оставив его на столе, остальное выбрасывал за дверь, к нам под ноги.

Выбросив очередной ком теста, Петров крикнул нам:

— Вы понимаете? Я нашел способ при помощи «ТМ» определить, где находится невидимый провод высокого напряжения: чем ближе к проводу, тем сильнее пахнет тесто, чем дальше — тем слабее. Мы можем хоть сейчас войти в луч-проводник, но «ТМ» вобрала бы такое огромное количество электронов, что мы мгновенно с головой завязли бы в тесте. Надо объявить команде аврал, призвать на помощь десяток пассажиров и выбросить все тесто, оставив лишь небольшой кусок, достаточный для того, чтобы долететь до станции!

Так «ТМ» неожиданно нашла себе еще одно применение: как индикатор направления и мощности электронного потока. Используя это свойство «ТМ», наши изобретатели впоследствии построили новые регистрационные аппараты, вплоть до таких, которые определяли интенсивность потока космических лучей...

Ну, вот, собственно, и все. Происшествие на этом и кончилось. Тесто общими усилиями было выброшено, электроплан «стал на рельсы», и дальнейший путь до острова Врангеля прошел вполне благополучно.

Да, совсем забыл: вы ведь ждете еще рассказа о рогатом мамонте... Ну, знаете ли, я и сам не ожидал, какой из этого дела получится конфуз.

Мой приятель, охотник-эскимос Яша, таскал меня по тундре часа четыре, чтобы незаметно подвести почти к тому же самому месту, откуда мы вышли. Где-то на задворках складских помещений он разрыл кучу мха и показал мне... что бы вы думали? Череп коровы! Да-с, самой настоящей коровы черкасской породы. Можете себе представить, как я посмотрел на него, как рявкнул затем на Яшу?

А он сделал невинное лицо и заявил искренним тоном:

— Так это корова? Самая обыкновенная корова? Домашнее животное? Простите, дорогой Иван Иванович. Ошибся. Ведь я никогда не видел живых коров. Я родился и вырос на этом острове, а здесь не водится домашнего скота.

— Да вам ежегодно доставляют на остров сотни мороженых коровьих туш! — вопил я.

— Без голов, Иван Иванович, без голов! — невозмутимо ответил он. — А я ведь не Кювье, который мог по одной косточке... — И осекся. Понял, что сболтнул лишнее.

Ну, стоило ли разговаривать с таким молодчиком? Человек, знакомый с трудами Кювье, не знаком с коровой? Молодой человек, окончивший среднюю школу? Студент? И это в наше время, время кинофицированных школ, телевидения? Совершенно невероятно!.. И на материке он был. И в Крым и на

Дон летал. Да кто же в наше время к двадцати годам не облетал весь СССР?

Я уже хотел объявить, что больше не знаком с таким лгунишкой и обманщиком, как вдруг откуда-то, как из-под земли, вынырнул Миша Шугалеев, руководитель геолого-разведывательных работ на острове Врангеля, мой бывший ученик, и один из самых любимых.

— Простите, — говорит, — простите, дорогой Иван Иванович, нас великодушно. Виноваты. Обманули вас. Однако признайтесь, что без этого рогатого мамонта мне не удалось бы затащить вас сюда. Мы так хотели вас видеть, а ваше участие в слете, как всегда, принесло нам так много пользы. Череп этот я в местный краеведческий музей помещу, с подписью по-латыни, как полагается:

«Мамонт рогатый И.И. Глаголева».

И я засмеялся. Ну, что мне еще оставалось делать?

Анатомический жених

С Джоном Сиддонсом случилось большое несчастье: он влюбился в Мери Дельтон.

У Мери были такие глаза, волосы, нос, руки, ноги, фигура, какие могли быть только у нее и ни у кого больше. Достаточное основание, чтобы влюбиться без ума.

Вот как это произошло.

Джон был в парикмахерской. Угрюмый парикмахер, перестав щелкать ножницами и сопеть в темя, снял с Джона простыню.

Сиддонс направился к выходу. И тут на его пути возникло белое видение, и скоро, в состоянии невменяемости влюбленных, он сделал ей предложение, которое было принято благосклонно.

Джон стал женихом и несчастнейшим человеком в мире.

Любовь поссорила сердце Джона с его рассудком. Нетерпеливое сердце требовало, чтобы брак был заключен немедленно. Холодный рассудок не одобрял этого: семья, говорил рассудок, коммерческое предприятие, которое имеет одну только расходную часть и всегда пассивное сальдо. Мери едва сводит концы с концами. Сам Сиддонс служит счетоводом в фирме «Кин и К°» — пуговицы «Идеал». Его заработка едва хватает на скромную жизнь. Свадьбу можно справить самую скромную. Но ведь надо же обзавестись хоть маленькой семейной квартиркой, купить в рассрочку мебель, посуду, белье... А дети? Если пойдут дети, Мери, наверно, потеряет место, расходы же увеличатся.

Выходило так, что счастье Сиддонсу не по карману. Чтобы владеть Мери, надо во что бы то ни стало увеличить свой заработок. Но как?.. Эти мысли не покидали Джона и на работе.

Сиддонс занимался в большой узкой комнате с тремя десятками других служащих. Столы были поставлены так, что главный бухгалтер, сидевший в конце комнаты за стеклянной перегородкой, мог видеть всех, и горе было тому, кто прекращал работу хоть на минуту.

В канцелярии стоял невероятный шум: скрежетали арифмометры, трещали контометры и пишущие машинки. Было непонятно, как люди могли заниматься в таком звуковом кошмаре. К концу долгого рабочего дня Джон совершенно обалдевал. Нечего было и думать о сверхурочном заработке или какой-нибудь работе на дому: треск и скрежет стояли у него в голове до утра. Пе-

ременить профессию? Невозможно. Положение казалось безвыходным.

По вечерам слипающимися от усталости глазами он просматривал газетные объявления и находил только бесконечные предложения труда. Но бывают же случаи, когда кинопредприятие приглашает желающих за приличное вознаграждение броситься в Ниагарский водопад или прыгнуть с поезда на ходу! Джон был готов и на это.

Однако кинотрюкачи, очевидно, находились и без объявлений. Джон уже терял надежду на счастливый случай, но продолжал читать газеты и однажды нашел несколько загадочное объявление:

Требуется здоровый молодой человек для научного опыта.

Профессор Аббингтон.

2-е авеню. 36/127. От 21 до 23 ч.

У Джона сразу пропала сонная одурь. Он посмотрел на часы и, наскоро одевшись, побежал к ближайшей станции подземки.

Профессор Аббингтон критически осмотрел Джона и кратко сообщил свои условия. В вознаграждение за риск обещал значительную сумму. Джон должен дать расписку о добровольном согласии подвергнуть себя опыту и о неимении никаких претензий в дальнейшем.

— Не можете ли вы мне сказать, как велик риск и в чем он состоит? — спросил Джон.

— Опыт для того и производится, чтобы ответить на этот вопрос, — возразил ученый. — Могу только сказать, что эксперименты над животными прошли удачно. Кролики и морские свинки остались живы и здоровы. Но нельзя предусмотреть всех побочных явлений, которые может произвести опыт в человеческом организме.

— А в чем состоит опыт?

— Едва ли вы поймете мои объяснения.

— Но должен же я, по крайней мере, знать, будете ли вы меня жечь огнем, натирать мазями или пичкать порошками!

— Для поднятия производительности физического и умственного труда, для борьбы с болезнями, старостью, дегенерацией, для борьбы с вечным гнетом усталости, влекущей за собой потребность сна, а следовательно, и для уничтожения самой потребности сна, для расцвета всех жизненных функций я разрабатываю режимы и дозировки потенционирования — укрепления организма радиометаллами. Зарядка организма радиоэлементами превращает его как бы в мощный генератор лучистой энергии.

— И я смогу гораздо больше работать без утомления и сна? — с интересом спросил Джон.

— Надеюсь, что так. Но мне необходимо уточнить метод, установить дозировку, сделать потенционирование организма совершенно безопасной процедурой.

— Что же со мной может случиться в худшем случае?

— Жизни опыт не угрожает, остальное неизвестно мне самому.

Джон задумался. Рискнуть или не рискнуть?

Из передней послышался звонок. Джон вздрогнул и произнес:

— Согласен!

Аббингтон молча кивнул головой и провел Джона в кабинет. Весь опыт отнял всего несколько минут. Ученый осмотрел Джона и предложил ему взять в

руки электроды, обернутые мокрыми салфетками. Зажужжал аппарат, по телу Джона прошли мурашки легкого электрического тока.

— Вот и все, — сказал Аббингтон и выключил ток. — Приходите ко мне через три дня, я должен проверить результаты. Подпишитесь под договором и получите деньги.

Когда Джон уходил, в передней уже толпился народ.

«Опоздали!» — подумал Джон и выбежал на улицу.

* * *

Сиддонс чувствовал необычайную легкость во всем теле и ясность мыслей. От усталости не осталось и следа. Даже утром он никогда не приходил на работу таким свежим. И ни малейшей сонливости! Великолепно! Если так пойдет дальше, он сможет поступить на ночную работу. Днем — у Кина, ночью — в другом месте. Теперь Мери скоро будет его женой... Но только когда же наслаждаться семейным счастьем, если работать круглые сутки? Джон вздохнул. Ничего, останутся воскресенья. Тем с большим нетерпением он будет ждать их.

Вернувшись в свою комнату, Джон быстро разделся, погасил свет и лег в кровать. Но ему не спалось. В полной темноте он мечтал о том, как завтра вечером встретится с Мери и обрадует ее неожиданной удачей. Теперь они могут пожениться! В первый воскресный день они пойдут подыскивать квартиру и покупать мебель. Джон даже не пересчитал денег, полученных от Аббингтона. Профессор не обманет, а все-таки...

И ему захотелось еще раз убедиться в своем неожиданном обогащении, подержать в руках, пересчитать хрустящие новенькие банковые билеты.

Вскочил с кровати и впотьмах начал искать пиджак, в кармане которого лежали деньги.

Ему показалось, что слева от него мелькнул неясный свет, словно бледно-зеленое облачко.

Джон всмотрелся и вскрикнул от удивления. Перед ним на туалетном столике стояло овальное зеркало, а в нем слабо светящееся отражение его самого.

Не веря своим глазам, он протянул руку и увидел, что рука светится, как светлячок. Светились руки, голова, грудь — все тело. И этот свет усиливался по мере того, как глаза привыкали к темноте.

Джон снова посмотрел в зеркало, и от того, что он увидел, волосы зашевелились на голове. Сквозь ночную рубашку проникал фосфорический свет тела, которое стало как бы прозрачным. Отчетливо вырисовывались ребра, позвонки, было видно, как бьется сердце, сокращается желудок, расширяются и сжимаются легкие. Почки, селезенка, кровеносные сосуды просвечивали лучше, чем на экране рентгена. Он видел, как колотилось его взволнованное сердце.

— Что же это такое? — просипел перепуганный Джон. Зажег электрическую лампу. При ее свете фосфорическое мерцание тела исчезло и внутренние органы не просвечивали, но, всмотревшись попристальней, он заметил отчетливые контуры.

Трясущимися руками Джон надел пиджак, пальто, набросил на себя одеяло. Напрасно. Свет проникал через все преграды, вырисовывая скелет, сердце, легкие.

— Как же мне теперь жить?..

Джон опустился на стул возле зеркала. Ему хотелось плакать. Потом его охватила злоба на Аббингтона. Пойти сейчас же и избить его, вытряхнуть из него душу, если он не вернет телу прежнего вида! Но разве Джон не выдал расписку в том, что не будет предъявлять к Аббингтону никаких претензий? Не за риск ли платил ему деньги Аббингтон? И как пойти, да еще ночью, когда тело светится, словно фонарь?

— Несчастный я, несчастный! — бормотал Джон. — Лучше бы ногу сломать, прыгая с автомобиля!

Джон ходил по комнате, то гасил, то зажигал свет, смотрелся в зеркало. Пробовал подкладывать под рубашку газеты, клеенку со стола, закрывался, как щитом, тазом, подносом — светится! Проклятие! Что скажет Мери, когда увидит его? А он только хотел обрадовать ее! Ужасно, ужасно...

Занялась заря. Наступал день. Надо было собираться на работу. Джон умылся, причесал перед зеркалом волосы — брр! Приготовил завтрак. Доедая бутерброд, не мог удержаться, чтобы не заглянуть в зеркало. Он сам себе казался противным, как живой мертвец.

На работу, однако, идти надо. Надел теплое пальто, хотя было лето, надвинул шляпу на лоб и вышел.

Джон готов был ко всему — и все же не мог себе представить, что в своем новом виде вызовет такую сенсацию.

Уже в вестибюле дома его увидела жена портъе, истерически взвизгнула и убежала в свою каморку под лестницей, с шумом захлопнув за собою дверь.

На улице вокруг Джона тотчас образовалась толпа.

— Привидение! Скелет в шубе! Живой труп! Стеклоанный человек! — слышались голоса.

Мальчишки смеялись, свистели, более храбрые дергали за полы. Сбегались полисмены, привлеченные уличным беспорядком. И Джон сам бросился бежать, спеша скрыться в подземке.

Там было темнее, чем на улице, и он имел еще более эффектный вид. Кондукторша застучала зубами; публика взволновалась; с женщинами начались истерики; пассажиры кричали и требовали «высадить это безобразие». Джон чувствовал себя отверженным, прокаженным.

Истерзанный и совершенно упавший духом, кое-как добрался он до конторы, насмерть напугал старика швейцара, который, приняв пальто, так и сел на пол, и вошел в бухгалтерию.

Он пробирался к своему столу и словно гасил на пути все звуки. Умолкло стрекотание машинок, перестали скрежетать арифмометры. Наступила необычайная тишина. Только одна машинистка, сидевшая рядом со столом Джона, продолжала трещать клавишами, с головой уйдя в работу. Но необычайная тишина дошла и до ее сознания. Она подняла голову, взглянула на Джона, завизжала, как сирена, хроматической гаммой в две октавы и упала в глубокий обморок.

В конторе вновь стало шумно, но это уже был шум бури, катастрофы, стихийного бедствия. Все служащие повскакали со своих мест, кричали, размахивали руками. Женщины убежали, мужчины несмело обступили Джона.

— Мистер Сиддонс, — послышался громовой голос бухгалтера.

Джон с таким чувством, будто он был раздет донага, прошел за стеклянную перегородку.

Бухгалтер долго и внимательно рассматривал легкие и сердце Джона, потом сказал:

— Извольте объяснить, что значит этот... этот... я не подберу слова... этот необычайный маскарад?

— Простите, мистер... это не маскарад, а скорее несчастный случай, — лепетал Джон. — Последствия одного неудачного опыта... лечения...

Роковое слово было произнесено.

— Лечился? — воскликнул бухгалтер. — Значит, вы больны? И притом такой... неприличной болезнью? Зачем же вы пришли? Здесь не клиника и не анатомический музей.

— Но, уверяю вас, я здоров... я совершенно здоров... Я хотел только сказать, что опыт производился для того, чтобы лечить больных...

— Разве здоровые люди просвечивают, как графин, и бесстыдно выставляют напоказ свои селезенки? Вы сами видите, что работать в вашем присутствии немислимо. Извольте идти к кассиру и получить расчет. Вы больше не служите у нас, мистер Сиддонс.

— Но, может быть, за ширмой... — начал Джон и махнул безнадежно рукой. От этих проклятых лучей не защитит никакая ширма.

Опустив голову, поплелся он к кассиру, который завыл, увидев скелет в свещающемся теле, долго не мог прийти в себя и, наконец, трясущимися руками отсчитал деньги.

С торговым домом было покончено. И со всем на свете покончено. Другой работы ему не найти, о Мери нечего и думать...

Джон собирался побить Аббингтона, но свалившееся несчастье так подавило его, что даже злость испарилась, осталось только чувство безнадежного уныния. И когда Сиддонс явился к ученому, то мог лишь с горестью воскликнуть:

— Что вы со мной сделали, мистер Аббингтон?

Профессор внимательно осмотрел Джона и пришел в восторг.

— Прекрасно! Великолепно! — восхищался он, поворачивая Джона. — Дышите. Не дышите. Изумительно! Этого я не ожидал.

— Если бы я этого ожидал, то отказался бы и от миллиона, — возразил Джон.

— Ваши легкие в совершенном порядке, — продолжал в восторге Аббингтон, не слушая Джона. — Ни малейших затемнений. И сердце не увеличено. Почки на месте. Вы совершенно здоровый человек, мистер...

— Здоровый! — вздохнул Сиддонс. — Что мне в таком здоровье? Я предпочел бы полное затемнение, чем такое просвечивание. Я лишился работы и не могу показаться на улицу.

— Зато какое удобство для врачей — и для вас самого! Если вы заболите, то даже самый неопытный врач поставит безошибочный диагноз.

— Очень мне поможет ваш диагноз! — рассердился Джон. — Вместо того чтобы смотреть, на месте ли у меня печень, вы бы поглядели на желудок!

— Да? Посмотрим. Совершенно нормальный. Никаких намеков на язвы...

— И никаких намеков на пищу!

— Действительно. Желудок совершенно пустой. Ну, эта беда поправима. С голоду не умрете, не беспокойтесь. Вы представляете теперь для науки исключительный интерес. Я устрою вам место при медицинском институте. Вы бу-

дете показывать себя ученым и студентам. Только и вся работа. Плата небольшая, но, пожалуй, столько, сколько вы получали счетоводом, вы получите. Все в порядке? А как вы себя чувствуете?

— Отвратительно!

— Я говорю не о вашем настроении. Чувствуете ли вы усталость? Спите ли?

— Усталости не чувствую ни малейшей. Мог бы работать за троих, но кто возьмет меня?

— Я уже говорил, что у вас будет служба. А сон?

— Совершенно не сплю. Но, думаю, на моем месте и вы не спали бы.

— Отлично! Сон побежден! Это великолепное открытие! С вашим свечением вышел маленький недосмотр. Но ведь это только опыт. Вы видите, я забочусь о вас больше, чем обещал. К своему необычайному виду вы привыкнете, безработица вам не грозит. Чего же еще вам надо? Поверьте, многие и многие еще позавидовали бы вашему положению.

— Чего мне еще надо? Мистер Аббингтон! — воскликнул Джон. — Неужели вы не понимаете? Ведь я живой человек, молодой, здоровый. И... не одним хлебом жив человек...

— Кажется, я начинаю догадываться.

— Догадаться не трудно. Я люблю девушку. Она моя невеста.

— Это действительно некоторое осложнение, — улыбнулся Аббингтон. — Но если невеста вас любит, она не откажется от вас. Разве не у каждого из нас есть сердце, легкие, почки? Вы ей так и скажите. А привыкнуть можно ко всему.

— Привыкнуть! Я сам не могу к себе привыкнуть.

— Она видела вас? — спросил Аббингтон.

— Нет. Я не решился. Написал письмо, что уехал по делам. Мистер Аббингтон, верните мне прежний вид! Умоляю вас!

— Этого я сделать не могу. Вы останетесь прозрачным, пока радиоактивный элемент, введенный в ваше тело, не распадется.

— Сколько же мне ждать этого распада?

— Продолжительность жизни радия две тысячи двести восемьдесят лет...

У Джона подкосились колени.

— Тысячи! — воскликнул он.

— Да, но, к вашему утешению, могу сказать, что мною введены в ваш организм искусственные радиометаллы. А они живут от долей секунды до десяти лет. В частности, радиокобальт...

— Мистер Аббингтон! Но неужели же нет никакого средства скрыть от людей свечение моего тела?

— Только свинцовые экраны.

— Тогда, может быть, свинцовый плащ...

— Свинцовые штаны, свинцовый капюшон? Едва ли такой костюм был бы для вас удобен. Да и зачем? Не горюйте же, мистер Сиддонс. Я вас устрою в институте, это дело решенное. Мы оградим вас от праздного любопытства. Там вы будете и жить. Приходите ко мне завтра утром.

Вернувшись к себе, Джон застал возле двери толстенького коротенького человека, солидного и вместе с тем юркого.

— Мистер Сиддонс?

— К вашим услугам.

— Вы не знаете меня, я никогда не видел вас, но нельзя ошибиться в том, что вы мистер Сиддонс. Я к вам по делу, если позволите...

— Пожалуйста. — Джон открыл дверь комнаты и впустил посетителя.

— Моя фамилия Наайт. Джером Наайт. Разрешите с вами познакомиться поближе. — И Наайт начал бесцеремонно разглядывать Джона, обходя со всех сторон и приговаривая: — Эффектно! Сенсационно! Оригинальнее, чем я ожидал. Это, наверно, сердце? Ишь, как екает! Я не знал, что оно такое большое. И совсем не похоже на те сердца, которые изображают с пронзенной стрелой или на картах червонной масти. А это что? Печенка или селезенка? А где же почки? — Он так увлекся, что стал вертеть Джона. — Доктора говорят, что у меня почки не в порядке. Интересно посмотреть, как они выглядят. А почему у вас мозги такие сморщенные? У телячьих мозгов...

— Что вам угодно? — спросил Джон, теряя терпение.

Мистер Наайт предложил Джону сигару, закурил сам и объяснил цель своего визита.

О мистере Сиддонсе уже говорит весь город, пишут газеты. Тысячи людей жаждут видеть феноменального прозрачного человека. И мистер Наайт, по своей доброте, решил взять на себя труд удовлетворить это желание публики, если на то будет согласие мистера Сиддонса. Расходы по организации публичных сеансов велики, и поэтому Наайт не может предложить мистеру Сиддонсу крупную сумму за выступления, но надеется, что о размере вознаграждения они сговорятся.

Джон отказался наотрез. Этого еще не хватало! Его будут выставлять напоказ, как крокодила или сиамских близнецов!

Наайт полагал, что Сиддонс просто хочет набить цену, и стал быстро прибавлять. Джон не соглашался. Наайт все прибавлял, и Джон начал колебаться. Он вспомнил о Мери. Аббингтон подал надежду, что прозрачность тела сможет исчезнуть. Он перестанет быть живым анатомическим объектом и сможет жениться на Мери. Неплохо заработать на первое обзаведение. Днем — в институте, вечером — у Наайта. Спать ему не надо, усталости он никогда не чувствует. Почему бы и не согласиться?

Теперь уже Джон умышленно набивал цену и, когда убедился, что больше из Наайта не выжать, дал свое согласие.

* * *

Для Джона началась новая жизнь. Он был почти доволен ею. Хорошо зарабатывал без всякого труда, физически чувствовал себя отлично. Ему даже начала нравиться роль феномена, возбуждающего сенсацию. Одно беспокоило Джона — его отношения с Мери. Под всякими предложениями он откладывал свидание с нею, писал ей письма, говорил по телефону. Мери отвечала. В ее письмах звучали упреки и жалобы. Почему он избегает ее? Не разлюбил ли? Из газет она уже знает, что с ним произошло. Но ее любовь неизменна, и он напрасно скрывается, если дело только в этом. «Гора не идет к Магомету, а Магомет придет к горе», — закончила она свое последнее письмо.

Джон содрогался, представляя себе встречу с невестой. И эта роковая встреча произошла скорее, чем он ожидал.

Когда вечером «Стеклянный человек» — мировое чудо — мистер Сиддонс выступил перед публикой при погашенных огнях, испуская фосфорический свет и просвечивая всеми внутренними органами, в зале послышался истери-

ческий женский крик. На сеансах это случалось нередко. Но Джон вздрогнул: голос показался ему знакомым.

— Женщина в обмороке! Зажгите свет! — прозвучал чей-то голос.

Вспыхнули лампы. Джон заглянул в зрительный зал и вскрикнул. Это была она, его Мери! Джон приказал перенести девушку в свою уборную и вместе с врачом начал приводить ее в чувство.

Мери открыла глаза, посмотрела с ужасом на Джона и закричала:

— Уйди! Уйди! Это ужасно! Я не могу тебя видеть!

— Мери, дорогая, успокойся! Неужели я так страшен? Ведь у каждого человека есть скелет, и сердце, и селезенка, — вспомнил он слова Аббингтона. — Только у других не видно, а у меня видно. Ты же сама писала, что твоя любовь так велика...

— Да, но я не ожидала... я не могла вообразить... Нет, нет! Не прикасайся ко мне! Я не могу, не хочу быть твоею женой. Оставь! Ай! — И она вдруг вырвалась из рук Джона и убежала. Сиддонс погнался за нею, но споткнулся. Мистер Наайт схватил его за руку и крикнул в ухо:

— Опомнитесь! Публика волнуется, требует деньги назад. Извольте продолжать сеанс!

И он вывел Джона на сцену. Свет был вновь погашен.

Тело Джона засветилось — и вдруг померкло.

Послышались негодующие крики публики. А Джон стоял растерянный среди темной сцены, еще не понимая, что с ним случилось. Недолговечный искусственный радиоэлемент распался. Джон вдруг почувствовал необычайную усталость и сонливость. Его пришлось отвести в уборную, где он повалился на кушетку и захрапел.

Проснулся он уже в своей комнате. Посмотрел на руки. Кости не просвечивали. Взглянул в зеркало. Ни ребер, ни сердца не было видно. Его тело имело обычный вид.

Побежал в коридор, где был телефон, вызвал Мери. Задыхаясь от волнения, сообщил ей о происшедшей перемене.

— Нет, нет и нет! — послышался в телефоне голос Мери. — Я не в силах забыть вида вашего сердца!

— Тогда поищите себе жениха совсем без сердца! — раздраженно крикнул Джон и повесил трубку.

Робинзон Крузо — Александр Селькирк[100]

Второго августа 1708 года из Бристоля — большого английского порта — отплыли два корабля, снаряженные для плавания в южном море под командой Вудс-Роджерса. При нем находился знаменитый моряк Вильям Дампиер, заменявший первого лоцмана. Дампиер уже совершил три путешествия в Тихий океан и два раза ходил кругом света.

Роджерс обогнул мыс Горн и вошел в Тихий океан.

Когда корабли Роджерса проходили мимо острова Хуан-Фернандеса, матросы заметили на острове огонь.

Огонь могли зажечь потерпевшие кораблекрушение, и Роджерс послал на остров шлюпку. Она привезла множество раков и человека в козьей шкуре, который казался диким зверем. Он выкрикивал что-то странное, ворчал и с видимым напряжением вспоминал забытую человеческую речь. Иногда он произносил полуслова как будто на английском языке. Но понять его было невозможно. Пришлось, на первое время, объясняться жестами. Ему предложили водки. Он понюхал и отказался. Ему дали воды, он выпил. От корабельной пищи он также отказался. Видимо, он совершенно отвык от европейских блюд.

Моряки решили поохотиться и заодно познакомиться с островом, где жил «дикий человек». Захватили ружья, охотничьих собак, которые были на корабле, и отправились на остров.

«Дикий человек» показал им две хижины, крытые тростником и подбитые кожами коз. Хижины стояли на некотором расстоянии одна от другой. В одной он готовил, в другой спал — подальше от мух и кухонных отбросов.

Когда началась охота, «дикий человек» поразил моряков быстротою бега: ни одна гончая собака не могла угнаться за ним. Для охоты ему не нужно было и ружья. Он просто гнался за козой и ловил ее руками.

Дампиер долго вглядывался в черты лица этого странного человека. Кажется, он где-то встречал его. И вдруг вспомнил.

— Александр Селькирк! — вскрикнул Дампиер.

— Я, — ответил «дикий человек» и улыбнулся, словно полузабытое собственное имя вернуло его в среду культурных людей.

Капитан Дампиер служил одно время вместе с Александром Селькирком на корабле «Пять Портов» и хорошо знал Селькирка. Селькирк родился в Шотландии, в Ларго, в графстве Файф. Его готовили к морской службе с самой юности.

— И из Селькирка действительно вышел превосходный моряк, — говорил Дампиер Роджерсу. — Советую вам взять его в качестве подшкипера.

Когда речь Селькирка совершенно восстановилась, он рассказал:

— Я служил на корабле «Пять Портов». Капитаном у нас был Страдлинг, человек крутого нрава, вспыльчивый. Возражений и противоречий он не терпел. А я по молодости и горячности любил, чтобы последнее слово оставалось за мною. Нередко у нас с ним были горячие стычки, за это он и невлюбил меня. Однажды мы проходили мимо острова Хуан-Фернандеса. Я вспомнил, что в прошлое путешествие я ездил на этот остров за водой и дровами. Тогда мы тут оставили двух человек, которые прожили на острове полгода — до возвращения корабля.

Страдлинг сказал, что я вру. Не может быть, чтобы люди прожили полгода на необитаемом острове и не погибли.

Слово за слово — и загорелся у нас спор, едва ли не до драки.

— Раз ты не унимаешься, — закричал Страдлинг, побагровев, как вареный омар, — то я отучу тебя от упрямства! Посмотрим, кто из нас прав. Спустить шлюпку и отправить его на остров.

Слово капитана — закон. Мне дали платье, постель, ружье, фунт пороху, пуль, табаку, топор, нож, котелок, библию. Отвезли меня на остров и оставили. На «Пяти Портах» подняли паруса, и скоро корабль скрылся из виду. Это было четыре года и четыре месяца тому назад.

Мною овладело отчаяние. Одиночество угнетало меня. Однако волей-неволей приходилось подумать о том, чтобы устроить себе сносное существование. Я построил две хижины, которые вы видели. У меня не было ни хлеба, ни соли. А без них есть сырое козье мясо было противно. У меня часто расстраивался желудок. Я вспомнил, как индейцы добывают огонь трением двух кусков дерева и научился этому искусству. Теперь я мог себе жарить и варить мясо. Но все же без соли и хлеба оно долго казалось отвратительным. Я ел его только в минуты крайнего голода, а когда от голода не мог уже стоять на ногах, я ложился спать. Чтобы сдобрить вкус козлятины, я начал изобретать приправы. Для огня я брал перечное дерево. Когда оно горело, его аромат действовал так приятно, что усталость проходила.

Рыбы было много, но я не мог ее есть без соли. Зато с особым удовольствием я лакомился большими вкусными речными раками.

Но вот вышел у меня весь порох, и снова начались голодные дни. Пришлось бегать за зверями и ловить их руками. Первое время я не мог угнаться за быстроногими дикими козами, и частенько ложился спать с пустым желудком, напрасно пробежав весь день.

Но голод всему научит. В конце концов я так наловчился бегать, что мог безостановочно преследовать козу, пока она не выбивалась из сил. Однажды я схватил козу на краю пропасти и упал вместе с нею. Падение оглушило меня, и я лишился чувств. Когда я пришел в себя, то увидел, что коза лежит подо мною мертвая. Я пролежал более суток на одном месте и едва мог дотащиться до своей хижины, которая находилась на расстоянии одной мили. В хижине я пролежал дней десять.

В конце концов я привык к мясу без соли и хлеба и даже находил его вкусным. Летом я нашел много превосходной репы, семена которой, вероятно, выбросили с какого-нибудь корабля. Я добывал также хорошую капусту с «капустного» дерева. Я приправлял еду так называемым английским перцем, которого на острове было много. Я нашел и черный перец. Он оказался очень полезным, когда болел живот.

Я беспрестанно бегал в лесах и кустарниках. Башмаки и платье у меня скоро износились. Зато мои ноги очень окрепли.

Я сшил себе куртку и шапку из козьих кож. Вместо ниток пошли ремешки, вместо иглы — гвоздь. Я сшил себе даже рубашки, воспользовавшись нитками от старых распущенных чулок. Когда мой нож истерся, я сделал новый из железного обруча, который нашел на берегу моря. Я разломал его на куски, расплюснул и отточил на камне.

Я придумывал себе развлечения: вырезывал на деревьях свое имя, пел или

учил кошек и коз плясать со мною. Посмотрели бы вы, какие у меня были талантливые танцоры.

Кошки (вероятно, с кораблей) расплодились на острове. Крысы и мыши — тоже. На острове их было невероятное количество. С кошками я первое время не ладил. Все они одичали, крали у меня продукты, мешали спать своими концертами. Крысы же не только истребляли продукты и портили платье, но по ночам грызли мои ноги. Тогда я решил заключить союз с кошками. Я приручил их, давая им куски мяса. В конце концов я достиг того, что несколько сот кошек располагались вокруг моей хижины, защищая меня от крыс и оберегая мой ночной покой. Если кто подкрадывался ко мне, кошки поднимали возню и мяуканье, и я просыпался.

Проходили ли мимо острова корабли? Да, проходили. Иногда люди сходили даже на остров. Но это были испанцы, их я боялся. Они убили бы меня. Однажды они заметили меня и устроили погоню. Я убежал в лес и вскарабкался на дерево. Они долго ходили кругом и убили несколько коз на моих глазах, но меня не нашли.

И только когда я узнал наш английский корабль, я разложил костер, который вы и увидели.

А капитан Страдлинг так и не заходил на остров. Хотел бы я с ним увидаться, если он еще жив, и сказать ему свое последнее слово. Жаль, что я не держал с ним пари.

Многие, наверно, читали «Робинзона Крузо», увлекательный роман английского писателя Даниэля Дефо (родился в 1659 году, умер в 1731 году). Но немногие знают, что в основе романа лежит истинное происшествие, хотя и приукрашенное фантазией писателя: приключения шотландского моряка Александра Селькирка на острове Хуан-Фернандесе. Александр Селькирк пробыл на острове с 1704 по 1708 год. А знаменитый роман был написан в 1719 г.

Читатель, может быть, спросит: а где же известный спутник Робинзон Крузо — индеец Пятница?

У «Робинзона» — Александра Селькирка — его не было.

Быть может, Даниэль Дефо соединил здесь две истории. Прообразом Пятницы мог послужить индеец Москит Уиль, который был брошен капитаном Уотлингом на том же острове в 1681 году. Уиля нашли англичане в 1684 году. Его история напоминает историю Селькирка. Приключения индейца Уиля записаны в судовом журнале того же капитана Дампиера. Романист мог ознакомиться с приключениями Селькирка и индейца Уиля из одного источника. Но в жизни «Робинзон»-Селькирк и «Пятница»-Уиль никогда не встречались. Их дружба — плод фантазии автора бессмертной книги.

Восхождение на Везувий

(Из заграничных впечатлений)

— Stazione Pompei...

Не успели мы выйти из вагона, как были окружены целой толпой «гидов», галдящих на итало-французском жаргоне, размахивающих руками, горячо что-то доказывающих нам. Белки и зубы сверкают на коричневых лицах, глаза горят, мелькают руки и шапки... Точно неожиданно мы попали в толпу злейших врагов, угрожающие крики которых каждое мгновение могут перейти в рукопашную...

Это продолжалось несколько минут. Мы пробовали объясняться, сердиться, наконец, силой хотели пробиться сквозь толпу, но не могли. Решили покорно отдаться в руки победителей: стали в скромных позах и сделали вид, что мы согласны на все... Победителям оставалось лишь объяснить свои требования, и во вражеском лагере наступила относительная тишина. Итальянец с орлиным носом и черными сидящими усами подошел к нам вплотную и строго сказал нам на ломаном французском языке:

— Вы пойдете на Везувий!

Мы безропотно выразили согласие.

Эта покорность настолько расположила в нашу пользу вражеский лагерь, что нам позволили выйти из толпы. Конвоируемые, мы отправились по дороге.

— Восемьдесят лир! — заявил нам старик.

— Нет, — ответили мы решительно.

Опять взрыв криков.

— Шестьдесят! — в самое ухо кричал нам итальянец с орлиным носом.

— Нет! — также в самое ухо кричал я ему.

— Сколько?

— Двадцать!

Итальянец сделал такое лицо, будто я смертельно его оскорбил, и злобно крикнул мне в ухо:

— Сорок пять!

— Нет!

Крик все усиливался. Круг опять смыкался. И уже, казалось, вопрос идет не о поездке на Везувий, а о нашем освобождении из плена. Неожиданно судьба сжалилась над нами: показались новые туристы, которые и сделались предметом нападения итальянцев.

Около нас осталось человека четыре. Мы вздохнули свободно. На наше счастье к нам на помощь подошел какой-то представительный, хорошо одетый джентльмен, видимо, человек бывалый. Он очень участливо отнесся к нам, выторговал нам еще пятерку, порадовал нас, что «это очень дешево», разрешил наши колебания относительно уплаты денег вперед — здесь уж такой порядок.

Закончив все переговоры, наш спаситель любезно раскланялся и ушел.

Итак, за 40 франков нас должны были доставить на Везувий.

Полпути езды в экипаже, затем нам будут поданы «*petites chevaux*».

«Очевидно, горная порода лошадей», — подумали мы.

На лошадях мы доедем до самой вершины. А там «два шага до кратера» —

пешком. Все путешествие туда и обратно должно занять не более трех часов, и мы поспеем к девятичасовому вечернему поезду, идущему в Неаполь.

Мы с нетерпением ожидали экипаж, глядя на дымящую вершину Везувия.

Наконец была подана маленькая повозка, запряженная в одиночку. Наш проводник забрался на козлы, и мы тронулись в путь по небольшой улице, идущей от станции. Завернув за угол, мы встретили нашего любезного незнакомца. Каково было наше удивление, когда мы увидели, что у него вместо изящного котелка был на голове такой же картуз с надписью на околыше, как у нашего проводника.

— Однако, ловкачи, — заметил, смеясь, товарищ.

Так вот откуда эта забота о нас. А впрочем... почему бы и ему не быть добрым человеком? В самом деле заплатили ведь недорого!

Миниатюрный экипаж сильно качало в стороны. Мы въехали в узкую итальянскую улочку. Частая сеть веревок, протянутых между домами из окна в окно, как паутиной окутала всю улицу, на веревках сушилось разноцветное тряпье. На улице, выстланной широкими каменными плитами, у своих домов итальянки занимались домашними работами: мыли, шили, расчесывали друг другу волосы. Полуголые загорелые ребятишки наполняли улицу звонкими голосами, бежали вслед за экипажем, выпрашивая «чинтезимы», цеплялись за экипаж и отваливались только при резком щелканье бича нашего кучера. Целые кучи ребят валялись в пыли с черными от грязи руками.

Мы вздохнули свободнее, когда выехали за город. С горы веяло ароматным чистым воздухом. Дорога начала подниматься вверх. Вместо камня под колесами затрещала лава.

— В шесть аршин толщины одна лава! — объяснял нам проводник.

Потянулись виноградники. Лозы дали свежие побеги.

На виноградниках кипели работы: подвязывали стволы к деревянным палкам, подчищали, срезали. Мы подъехали к какому-то домику, стоящему при дороге. Кучер остановил лошадь, проводник соскочил с козел.

— Пожалуйте слезать!

— Зачем слезать? — одновременно спросили мы.

— Приехали. Дальше на «petites chevaux»!

— Да ведь мы не проехали и четверти пути!

— Дальше в экипаже нельзя.

Делать нечего, вылезаем из экипажа.

— Где же ваша «petites chevaux»?

— Вот они!

Мы обернулись и увидели двух маленьких, понуро стоящих ослов.

— Но какие же это «petites chevaux»? — с отчаянием воскликнули мы. — Ведь это же обыкновенные ослы!

— У нас их так зовут! — невозмутимо ответил проводник. — Да и чем не «chevaux»? Что только длинные уши, так это же ничему не мешает!

— Но ведь они будут медленно везти?

— Конечно, это только «petites chevaux»! Мы же так и называем. А если хотите настоящие «chevaux» — у нас есть и такие, только это будет стоить на каждую лошадь лишних по пяти лир.

Сторговались. Пока запрягали настоящих «chevaux», проводник пригласил нас в комнату. Там нас ожидала хозяйка. Не успели мы войти, как она раску-

порила бутылку вина и налила в стаканы.

— *Lacrima Christi!*

Отказаться было нельзя.

Это гостеприимство обошлось нам еще в четыре лиры.

Перед выходом из дома нам загородил дорогу мальчишка лет восьми, красавец с громадными черными глазами. Он совал нам в руки какие-то два прутика и что-то говорил.

— Это мой, — похвастался проводник, с гордостью указывая на мальчишку.

— Хлысты купить надо, лошадь подгонять, чтобы скорей бежала!

Сын, поощренный отцом, усиленно предлагал нам прутики. Отец недаром гордился им. Это будет достойный преемник! Прутики взяли. Еще одна лира, которую отец с жадностью вырвал из рук ребенка. У крыльца нас ждал кучер, привезший нас, и просил «на макароны». Это начинало нас раздражать.

— Дадим ему пятьдесят чинтезимов! — сказал товарищ и протянул монету. Кучер поблагодарил и стал просить у меня; получил и, хитро улыбаясь, исчез в воротах белого домика.

Ну, кажется, все... Скорее бы на лошадей и в путь. Опять с многозначительной миной подходит проводник, и мы уже чувствуем, что это не к добру.

— Ну что еще?

— Вы сторговали двух лошадей?

— Нуда.

— А как же проводник?

— Что проводник?

— На чем же он поедет?

— На лошади, конечно!

— На третьей?

— Хоть на четвертой!

— Так за нее же надо платить.

Мы выходим из себя и горячо протестуем. Но проводник с того момента, как получил деньги вперед, невозмутим. Он пожимает плечами и спокойно говорит:

— Как хотите. Мне это безразлично. Не хотите платить, проводник может и пешком пойти. Только когда же вы доберетесь?

Аргумент был убедительный, и нам ничего больше не оставалось, как согласиться. К этому финалу, очевидно, уже были готовы. Не успели мы выразить свое согласие, как растворились ворота, откуда с гиком выбежал лохматый мальчик в изодранном костюме, дергая за повод упирающуюся лошадь.

Я, мой товарищ и проводник уселись на лошадей и наконец тронулись в путь. Дорога все круче поднималась в гору.

— Направо! — кто-то крикнул сзади меня по-русски. Я оглянулся и увидел выглядывающую из-за моего коня плутоватую рожицу мальчишки. Видимо, он был доволен произведенным эффектом.

— Караше? — спросил он и, не ожидая ответа, с воодушевлением воскликнул: — У очень караше-о-о!

Я повернул коня направо и пришпорил. Конь рванулся вперед, но тотчас «осел» и пошел шагом. Позади я услышал какое-то мурлыканье и, оглянувшись назад, увидел, что мальчишка крепко уцепился за хвост моей лошади. Когда я погонял лошадь, мальчишка тянул за хвост и лошадь слушалась боль-

ше его, чем меня. Я рассердился.

— Брось! — закричал я на мальчика. Но он не бросил. Видя, что я сержусь, он начал кричать на лошадь гортанно и резко.

— Ха. Ха-а! Г-а-а! — И, повинуясь одному только крику, лошадь поскакала галопом, а за нею и мальчишка, крепко ухватившись за хвост, еле касаясь земли и непрерывно повторяя свое гортанное:

— Ха-а! Ха-а-а!

— Караше?

— Караше, — ответил я и остановил лошадь. Мне совсем не нравилась такая зависимость, и я самым энергичным образом потребовал, чтобы мальчишка оставил хвост моей лошади.

«Представляю, что это за картина», — подумал я. И еще раз крикнул на мальчишку. Он сделал плаксивое лицо и отошел от моей лошади. В это время подъехал мой товарищ. Мальчишка подбежал к его лошади, ухватил ее за хвост и, видимо, решил скорее расстаться с жизнью, чем с хвостом лошади. Пришлось помириться. Да и жалко стало мальчугана. Очевидно, ему было легче подниматься в гору, держась за хвост. Когда нам хотелось проехать быстрее, мы обращались к мальчишке, он кричал «ха-а-а!» — и лошади неслись галопом. Непостижимо, как он поспевал за нами.

У края дороги стоял небольшой домик, около которого наш проводник остановился.

— В чем дело?

— Здесь надо купить факелы.

— Какие еще факелы?

— Факелы, чтобы освещать дорогу, когда будем ехать назад.

И он крикнул свое гортанное:

— Га-а-а!

Вышла старая, некрасивая, с растрепанными волосами женщина, неся четыре смоляных факела, молча подала их проводнику, крикнула что-то мальчишке и удалилась.

— За каждый факел три лиры платить надо! — заявил проводник.

— Да на что нам факелы?

— Как хотите. Могу и не брать. Только как же вы назад вернетесь? Темно будет. Дорога опасная, проехать нельзя.

— Луна будет! — пробовали мы слабо возражать.

— Не долго светить будет! — И, как бы считая вопросы решенными, он проскакал с факелами вперед. Мы последовали за ним.

Виноградники кончились. Дорога сузилась в тропинку, идущую среди горных кустарников. Иногда лошадь задевала колючий терн и бросалась в сторону. Над самой тропинкой простерла свои пушистые шапки итальянская сосна с длинными мягкими иглами. Весь воздух был напоен ароматом свежей зелени. Неожиданно кончились кусты, и мы очутились перед целым морем черной застывшей лавы. Лошади храпели, перебирали ногами и не решались ступить на лаву, точно это была вода. Наконец, нервно, прыжками, лошади взошли на лаву и пошли шагом.

Лава шуршала и обламывалась под ногами лошадей. Солнце заходило. Внизу залив уже покрылся сизой дымкой. Там наступил короткий южный вечер. На горе солнце выхватило из наступающего мрака несколько домиков, и

они стояли, точно раскаленные внутренним огнем кратера. Близость вершины сказывалась. Все круче поднималась гора, воздух уже не был такой ароматный. Отдавало серой. Лошади ступали с трудом. Проводник слез с лошади. Мы последовали его примеру. Мальчишка взял за повод наших лошадей, привязал к какому-то торчавшему из-под куста сухому сломанному стволу, и мы пошли пешком.

С тех пор, как мы оставили лошадей и пошли пешком, начались наши мытарства. Дорога все круче поднималась в гору, куски лавы выкатывались из-под ног, мы падали, поднимались и снова падали... Почти совсем стемнело... Кругом ни кустика, ни травинки: одна черная, сухая, шуршащая под ногой лава. А впереди, по-прежнему недосыгаемо высоко, курилась верхушка Везувия, четко вырисовываясь своими иззубренными краями на фоне неба.

Казалось, не будет конца этому восхождению. Мы изнемогали от усталости.

Временами попадались расщелины, из которых тянуло серным паром.

Я вложил руку в одну из таких расщелин. Внутри было тепло и влажно.

Привыкший к таким экскурсиям юный «погонщик» неумоимо бегал, беспрерывно повторяя «по-русски»:

— Караше?

Но это уже не смешило нас, и мы хмуро отвечали:

— Очень плохо!

— Уошень плехо? — переспрашивал он, поднимая брови, потом кивал утвердительно головой и начинал петь: — Кара-шо-о-о!

Проводник старался занять нас своими «научными» объяснениями.

Подойдя к одной из более крупных расщелин, он с серьезным видом стал уверять нас, что именно из этой расщелины вытекла лава, залившая Помпею.

Причем он с таким жаром, точно был сам очевидцем этой ужасной катастрофы, рисовал картину гибели тысяч людей в расплавленной лаве. Мы пытались возражать, что Помпея погибла не от расплавленной лавы (*lava di fuoco*), а от грязевых потоков (*lava d'aqua*) и пепла, но он так был оскорблен «этими выдумками», что мы поспешили согласиться с ним и терпеливо выслушали его повесть, красноречиво переданную не столько словами, сколько мимикой, жестами и междометиями.

Но нам суждено было расстроить еще больше нашего экспансивного проводника.

— Зальет вас когда-нибудь опять Везувий за то, что вы так безбожно обираете иностранцев! — сказал ему мой товарищ.

Ни я, ни товарищ не сказали бы этой шутки, если бы знали заранее, какой неожиданный она произведет эффект.

Проводник буквально побледнел, лицо его передернуло, в глазах засверкали слезы, и, когда он стал говорить, мы не узнали его голоса, тихого, дрожащего, с такими хватаящими за душу жалобными нотками...

Он говорил быстро-быстро, точно спешил оправдаться и перед товарищем, и перед небом, и перед парящим над окрестностями грозным богом — Везуви-ем.

Говорил о своей семье, о своих малых детях, которым нужны макароны, о Куке (громадное комиссионное предприятие для туристов), наживающем миллионы, о богатстве иностранцев, о своей трудовой жизни.

Так говорить мог только суеверный человек, для которого Везувий действи-

тельно всемогущее существо, кормящее всю его семью, но один вздох которого может в буквальном смысле испепелить.

Мы пытались, как могли, успокоить нашего проводника, но он еще долго жалобно оправдывался.

До вершины осталось немного, и мы решили отдохнуть. Подошва Везувия уже терялась во мраке. Прибрежные огни полумесяцем оковали залив.

— Сорренто, Портичи, Капри! — пояснил проводник, указывая на разбросанные внизу огни.

— Карашо-о? — не унимался неугомонный мальчуган, вертевшийся около нас.

— Очень хорошо! — ответили мы.

Мальчик с гордостью посмотрел на нас, точно он был королем над этим сказочно-красивым королевством.

Он точно вырос, этот маленький итальянец!

Какая гордая, стройная осанка, как горят его глаза. Нет, он положительно наследный принц этого королевства, несмотря на изодранные башмаки и костюм!

В глазах старика, устремившего свой взгляд на далекие огни, светилось какое-то нежное обожание.

Удивительный народ эти итальянцы!

Неряшливость они умеют соединить с глубоким пониманием прекрасного, жадность с добротой, мелкие страстишки с истинно великим порывом души. Итальянец может подарить первому встречному самое дорогое, что у него есть, и убить за пять чинтезимов.

Каждое мгновение он меняется до неузнаваемости. Он может оттолкнуть своей жадностью, назойливостью и в следующее же мгновение заставляет забыть вас все это, покоряет красивым порывом своей пламенной души.

Еще один поражающий контраст: беззаботное, детское веселье непосредственно переходит у него в глубокую грусть. Откуда она?

Точно в его душе преломились контрасты природы: сегодня безумно расточительной в своих дарах, завтра беспощадно жестокой.

Везувий — это символ, это бог Южной Италии. Только здесь сады на этой черной лаве, под которой где-то внизу бурлит до времени смертоносный огонь, становится понятно обожествление сил природы, царящих над маленьким человеком, таким же незащитным, несмотря на все завоевания культуры, каким он был тысячи лет тому назад в цветущую Помпею.

Однако пора!

Мы встаем и отправляемся в дальнейший путь. Куски лавы становятся крупнее, и это еще больше затрудняет восхождение.

Клубы белого пара все растут. Иногда выбрасывает большое «облако» пара, и оно чуть-чуть «румянится» снизу отсветом из кратера, быстро поднимается вверх, все расширяясь, пока не распластается высоко над кратером и тихо потянет в сторону, далеко, далеко от кратера.

Все больше пахнет серой и еще чем-то удушливым.

Мы заходим в кратер с подветренной стороны, чтобы избавиться от дыма.

Еще несколько шагов по волнам застывшей лавы, и мы у самого края кратера.

— Вот! — сказал проводник, указывая рукой на жерло кратера, и молча

уселся на одном из уступов лавы.

Приумолк и мальчик, усевшись у ног старика.

Все пространство жерла было наполнено едким, удушливым паром. Он то стлался по черным, изъеденным влагой и теплом, неровным краям жерла, то белым клубком вылетал вверх, точно из гигантской трубы паровоза. И в этот момент где-то глубоко внизу тьма освещалась точно далеким заревом пожара.

Молчание нарушалось только глухим шорохом и стуком обламывающихся и падающих в глубину камней. Вот, где-то во мраке, срывается большой камень, и слышно, как он ударяется о выступы жерла; звуки ударов доносятся все глуше и глуше, пока наконец не сливаются с жутким шорохом кратера...

По этим удаляющимся звукам угадывалась неизмеримая глубина кратера...

Из жерла тянуло влажным теплом. Я обломал несколько кусков лавы и бросил их далеко от края. Они беззвучно потонули в белом дыму, и как мы ни напрягали слух, нам не удалось услышать стука их падения...

Жутко!

Неожиданно ветер переменял направление, и нас вдруг окутало пеленой белого, удушливого пара. Мы отбежали от кратера, но пар преследовал нас, и мы не знали, куда от него укрыться. Проводник быстро подбежал к нам, взял за руку и по каким-то тропинкам быстро вывел нас из полосы серного дыма.

Мы вздохнули полной грудью. Кружилась голова.

Пар стлался по краю кратера так, что подойти к нему вновь было невозможно.

Пора возвращаться... Мальчик сразу оживился, побежал вниз стрелой и скрылся во мраке. Спускаться вниз оказалось еще труднее. Проводник зажег факелы. Красный свет осветил небольшое пространство черной лавы, вне этого круга, казалось, стало еще темней.

Только пары будто побелели и громадным столбом, расходящимся вверху, стояли над кратером.

Вскоре поднялась луна, и мы потушили факелы. Стало так светло, что мы могли различить внизу белеющий «мертвый город», — Помпею. Мы быстро шли вперед и скоро увидели нашего мальчугана, выводящего из кустов лошадей. Приятно было наконец сесть на лошадь. Мальчик уже не цеплялся за хвост лошади, он шел около нас, распевая известную итальянскую песенку «Santa Lucia».

— Караше? — спрашивал он после каждой строфы.

Пел он не очень «карате», но я не разочаровал его.

— А вот я вам спою наш итальянский гимн, — сказал он и вдруг, к нашему удивлению, стал петь...

Мы с товарищем расхохотались.

— Это ваш национальный гимн?

— Да, мы поем его после славной Триполитанской войны!

«Славный» гимн оказался достойным не менее «славной» триполитанской войны!

Несмотря на печальные итоги этой войны, она пользуется в Италии большой популярностью. На всех улицах городов можно встретить продавцов олеографий с изображением «наших славных героев» и их «героических подвигов».

Старик опять вернулся к описанию гибели Помпеи. По его словам, гибель

была так мгновенна, что застала многих влюбленных в объятиях друг друга.

— Гипсовые слепки с этих фигур хранятся в одном из закрытых для публики зданий Помпеи. Но у меня есть альбом снимков. Если хотите, я вам доставлю его за 15 лир!

Не заинтересовав нас альбомом, он перешел к своим семейным делам и стал говорить о своей молодой жене, «такой красивой и такой стройной», что «il est possible mourir». И, после паузы, вздохнув, он промолвил:

— Si jeunesse savait et vieillesse pouvait!

Товарищ, чтобы перевести разговор на менее интимные темы, спросил проводника, как относятся у них к королю, каких партий прошли депутаты от Неаполя, как относятся у них к социалистам.

Но, видимо, проводник с большей откровенностью расположен был говорить о жене, чем о своих политических взглядах.

О короле он говорил очень уклончиво. «Старика любили больше! Этот молодец. И на своем любит поставить... хороший король!»

О социалистах вначале отозвался резко отрицательно, потом стал говорить о многих полезных реформах, проведенных ими, например, устройство государственных макаронных фабрик, удешевивших этот продукт первой необходимости.

Но во всех его словах чувствовалась неискренность. В качестве гида, он считал своей обязанностью доставить туристам удовольствие и, видимо, с одинаковым усердием готов был ругать и хвалить все, что угодно путешествующим иностранцам.

В этих разговорах незаметно прошел путь до остановки, где нас ждали экипажи. Опять выпрашивая на «масарони» целой толпой, откуда-то собравшейся и оказывавшей нам разные мелкие услуги. Один просил за то, что подержал лошадь, пока я слезал, другой помогал мне садиться в экипаж и т. п.

Усталые, полные впечатлений, мы не протестовали, желая скорее вырваться из этой толпы и поспеть на отходящий в Неаполь поезд.

В киргизских степях

(Рассказ начальника округа)

I

По голым киргизским степям пролегает линия Самаро-Ташкентской железной дороги. Если зимой подняться здесь на аэроплане, то она покажется черной траурной лентой на белой простыне степей. Только туда и аэроплан не залетает. Мертвая пустыня, где рыскают волки да изредка появляются и исчезнут кибитки кочующих киргизов. И опять все пустынно, голо, мертво. Только ветер играет сухой морозной пылью...

Как стадо, сбились в кучу несколько строений около железнодорожной станции.

Скучно живется на такой станции почтово-телеграфным работникам. Скучная степь, скучное небо, даже ветер скучный. Немудрено, что и люди скучны. Только и остается — накуриться анаши[101], а после ходить с одурелой головой и тянуть служебную ляжку.

Но иногда над такими сонными углами вдруг пронесится буря — шквал человеческих страстей, долго скрывааемых желаний, неудовлетворенности, закружит, завертит он людей, как бурный поток кружит щепки, и выкинет на берег трупы.

Горе тем, кто попадает в этот круговорот!

Одной из таких бурь пришлось мне быть близким свидетелем.

Вот как это было.

В морозную ночь на 20 января, при проходе почтового поезда № 4 линии Самара — Ташкент, почтальон N-ского отделения Чепиков, старый и честный работник, получил при обмене почт две сумки белой кожи. Заведующего отделением, или завота, как теперь говорится, не было при приеме почты. Когда он вернулся, то ни почты, ни почтальона не было в отделении.

— Опоздал поезд! — решил завот и пошел спать.

Наутро наведалься в отделение — почтальона все нет. Открыл шкатулку, с которой почтальон обыкновенно ездил к обмену почты, заглянул в накладные: почта прибыла, двух сумок белой кожи нет. Справился по телеграфу в места отправления: сумки содержали 214 червонцев.

— Дело дрянь! Надо донести агенту ГПУ!

Началось следствие.

Кто был при получении почты почтальоном? — Ямщик. Кто мог еще участвовать в похищении сумок? — Сожитель по комнате почтальона Чепикова, п. т. работник Карасев.

Арестовали и ямщика, и Карасева.

Ямщик что-то путает на следствии, толкует про почтсодержателя. Арестовали и того. А Карасева скоро отпустили. Нет улик против него! И он стал за работу.

Так протекли первые сутки.

Жил в том же поселке при станции старик Глинов, лентяй, балагур и пьяница. Кроме рваньи, что на нем, гроша медного у него за душой не было. Все это знали. Да и как не знать: живешь как на ладони.

Пошел этот Глинов за ханжой и — бац! — червонец на стол выложил!

— Знай наших!

— Откуда это у тебя? Аль клад нашел?

Пошли по поселку слухи, дошли до кого следует, арестовали Глинова.

— Откуда червонец?

— Сыны дали!

— А у них откуда?

— Знать не знаю!

Арестовали сыновей Глинова.

Один из них служил в этом отделении почтальоном и недавно был уволен. Другой — без работы толкался. Сделали у братьев Глиновых обыск — нашли за печкой 213 червонцев. Да один червонец старик Глинов пропил — 214 червонцев выходит. Ровно столько и было их в похищенной сумке.

Податься некуда! Сознались братья Глиновы. Старший из них, бывший почтальон, рассказал, как было дело.

В ту злополучную ночь, под 20 января, сидели они в комнате Карасева, ханжу попивали. Пришел почтальон Чепиков.

— Что с почтой? — спрашивает Карасев.

— Разное, — отвечает Чепиков. — Две сумки белой кожи есть.

— Сумки белой кожи? Ладно!

Побарабанил пальцами Карасев.

— Иди, — говорит Чепикову, — погрейся маненько. Мороз ноне сильный.

Опрокинул Чепиков стаканчик, усы, запотевшие от холода, вытер.

— Вот что, ребята, — говорит Карасев, — а что, ежели пощупать нам эти самые сумки?

Крутит головой Чепиков: как можно?

— Да ты погоди, головой не крути! Коли боишься, мы так сделаем: я тебе расписку дам, что я, значит, заместо завота всю почту в целости получил, вот ты и в стороне. А я ножичком сумки осторожненько по шву чик-чик! Так что комар носа не подточит! А потом скажем, что в пути украли. И ладно будет! — А сам все Чепикову подливает. Долго Чепиков отказывался, однако уломали. Выдал Карасев Чепикову расписку в получении почты, все честь честью, и говорит:

— А теперь гайда, ребята, в степь сумки пороть!

Захватили сумки, пошли. Мороз, ветер колет лицо иголками; тишина в поселке — спит.

Вышли в степь подальше. Карасев вынул нож, стал первую сумку по шву пороть. Только, видно, обдуло ветром Чепикова, хмель проходить стал, одумался Чепиков.

— Стойте, братцы, не надо! Лучше не надо! Вернем сумки!

А у самого зубы ляскают.

— Ты что же, дьявол, на попятный? Дрейфишь? — закричал на него Карасев. Дернул меня за рукав, отвел в сторону. — Слушай, — говорит, — на полдороге не останавливаются! — а у самого глаза, как у рыси. — Он, Чепиков тоись, и на нас донести может! Одно теперь — убить его к чертовой матери...

— А тело найдут?

— К утру волки начисто съедят, и костей не найдешь!

Почесал я затылок, а Карасев к Чепикову да, не говоря худого слова, ножом его в бок.

— Что ты, брат?.. — закричал Чепиков и повалился на снег, как сноп.

А Карасев к нему наклонился, да ножом! Выбирает впотьмах место, где скорее прикончить. Чепиков и стонать перестал. Тихо стало до жути, только слышно, как колет Карасев. На двенадцатом этак ударе отошел Карасев, отдулся.

— Хватит с него! Волоки его дальше! Стой, нет, — погоди! Записку оставлять негоже! Волк записку, може, и не слопаёт! Поищи, — говорит мне, — а то у меня рукав весь в крови!

Нашел я записку, изорвал ее. Отнесли мы тело Чепикова к разрушенной киргизской избушке.

После этого Карасев вторую сумку разрезал с маху, а деньги дал нам на сохранение:

— У меня еще обыск могут произвести!..

Так-то было дело...

После этого показания следователь освободил ямщика и почтсодержателя, а Карасева арестовал вновь. Но Карасев упорно не признавался, хотя весь рукав его пальто действительно оказался в крови.

Нашли и труп Чепикова в указанном месте. Волки уже поработали над ним: весь живот был выеден, лицо, руки изгрызены. Еще одна ночь, и от Чепикова действительно и костей не осталось бы...

II

Все это произошло до моего приезда в отделение. Прибыл я туда, для ранее намеченного обследования, в ночь на 26 января.

На вокзале меня встретил завод Головкин.

Я знал Головкина давно. Уравновешенный был человек и на редкость способный работник. При первом взгляде на него на этот раз в нем чувствовалась резкая перемена. Как будто какая-то непосильная тяжесть давила его. Мы прошли в отделение. Он три раза пытался начинать говорить о деле Чепикова, но всякий раз нервно бросал ключ на первой фразе, вскакивал и начинал ходить по комнате, тяжело вздыхая, с перекошенным лицом. Когда он отлучился куда-то, надсмотрщик сказал мне:

— Неладное что-то творится с нашим заводом! Как нашли труп Чепикова, завод будто рехнулся.

И действительно, он производил впечатление ненормального человека.

И с этим человеком мне пришлось с глазу на глаз провести ночь.

Никогда я не забуду этой кошмарной ночи!

В поселке нет ни постоянного двора, ни гостиницы. На дворе ночь, мороз. Кругом — на сотни верст — голая степь. Ближайший поезд приходит только утром.

Я решил до рассвета засесть за работу. Обследуя в первую очередь работу телеграфа по отчетности за декабрь, я натолкнулся на исключительный хаос в делопроизводстве; много было дефектов и по другим отделам, не исключая денежного. Это было не похоже на Головкина. Сидя за работой, я невольно думал о деле Чепикова и о Головкине. Что так гнетет завода? Почему он производит впечатление почти ненормального человека? Что у него на душе? Не имеет ли он отношения к делу похищения сумок с червонцами? Эта мысль все чаще приходила мне в голову. Отчего он так нервничает? Не задумал ли он сам сбежать с червонцами?..

Изредка я бросал взгляды на Головкина — мы остались с ним одни в отделении. И каждый раз я встречал такой острый, такой пытливый его взгляд, что мне становилось все более не по себе. Между нами установилась какая-то связь. Мы будто выпытывали мысли друг друга. Перебрасываясь деловыми фразами, мы вместе с тем как бы, не прекращая, вели какой-то безмолвный разговор, какую-то душевную борьбу друг с другом. Наше нервное напряжение все увеличивалось. Головкин производил впечатление уже совсем ненормального человека. И в его отношении ко мне инстинктивно я чувствовал все большую враждебность.

Во мне как-то само собой возникла и укрепилась уверенность, что Головкин или убьет меня в эту ночь, или себя.

Один раз, когда я наклонился над книгами, следя незаметно углом глаза за Головкиным, ходившим в этот момент сзади меня, я заметил, что он вдруг весь как-то подобрался, наклонил голову, будто приготовился к прыжку, и так приближался ко мне. Я быстро обернулся к нему. Он выпрямился, отпрянул, смутился. По его лицу прошла судорога.

Чтобы хоть немного разрядить это ужасное нервное напряжение, я обратился к нему со словами:

— Простите, товарищ Головкин, за вопрос, — отчего вы так нервничаете? Убийство Чепикова, конечно, должно произвести тяжелое впечатление, но вы волнуетесь... как-то по-иному? Скажите откровенно, может быть, у вас касса не в порядке?

С величайшим напряжением, изменившись в лице, он сказал придушенным голосом.

— У меня касса в порядке, но... у меня не хватает имущества...

— Пустяков каких-нибудь? Давайте проверим кассу!

Головкин бросается к кассе с судорожно сжатыми пальцами, как бы желая защитит ее от меня, и искаженным голосом говорит:

— Нет, не пустяков! У меня не хватает револьвера!

— Как же он пропал?

— У меня его украли... бандиты, — вот те... что убили Чепикова. Карасев... убеждал меня, что не сегодня завтра револьвер найдется и будет у меня.

Касса оказалась в целости. Не хватало только револьвера и тридцати одного патрона.

Светало.

Я решил пойти на станцию, разыскать следователя и поговорить с ним.

— Чем вы объясняете странное состояние Головкина? — спросил я следователя, встретившись с ним.

Следователь только плечами пожал.

— Не понимаю! Недавно мы поймали киргиза-бандита. У него отобрали револьвер «Наган». Может быть, это и есть тот самый. А вот еще одна подробность, которой вы не знаете: когда во второй раз был арестован Карасев, он как-то умудрился послать на ваше имя телеграмму: «Прошу срочно прибыть и обревизовать N-ое отделение. Завот Головкин является расхитителем казенного имущества».

— Телеграмму эту я почему-то не получил. Вы не допрашивали Головкина?

— Головкина я не допрашивал, — ответил следователь, — потому что опасался за сохранность ценностей и самой работы отделения. Нужно сначала

срочно прислать ему заместителя.

Подошел поезд...

Несколько часов спустя я из N-ска, лично, по телеграфу, передавал приказание своему помощнику о срочном подыскании служащего и переброске в злополучное отделение. Головкина я решил освободить под предлогом, что ему необходим отдых. Через 3 часа райзавконт N-ска, с квалифицированным работником и опытным почтальоном, выехали в N-ое отделение. Дальнейшие события развернулись после моего отъезда.

III

Утром в день моего отъезда Головкину позвонили из ГПУ и просили прийти за получением червонцев, отобранных при обыске у братьев Глиновых. Головкин захватил с собой надсмотрщика Фомина. При нем получил червонцы, при нем положил их в кладовую и кладовую опечатал.

А на следующую ночь Фомина разбудила сестра Головкина.

— Я страшно беспокоюсь, — сказала она. — Несколько часов тому назад брат ушел из дома, надев старый костюм.

Прощаясь со мной, он сказал: «Иду в ГПУ и, может быть, надолго»...

Фомин тотчас позвонил в отделение ГПУ.

— Головкин у вас?

— Нет, и не приходил, — был ответ.

— Плохо дело! Не покончил ли он с собой?..

И Фомин стал искать, не оставил ли Головкин записки. Ни в конторе, ни в его комнате записки не было. Фомин вскрыл наружный почтовый ящик и нашел то, что искал...

— «Ночь с 26 на 27 января, — писал Головкин. — Ухожу навсегда. Все деньги целы, подложных переводов не ищите, не было, хотя можно было делать на тысячи червонцев. Целый ряд обстоятельств побудили меня уйти. Убийц держите крепко, убегут. Если и будет какая недостача имущества, то не считайте его присвоенным мною. Сестру мою прошу оставить в покое, она ничего не знает. В конторе, в столе печати, шифры на месте, целы. Кладовая опечатана совместно с Фоминым. Полученные 213 червонцев в шкатулке, сумки в шкафу внизу. Напрасно т. начальник Округа беспокоился и успокаивал меня, боялся, что я убегу с деньгами, — нет. Что побудило меня к развалу конторы — мое болезненное состояние души. Убийцы воспользовались этим. Теперь я уверен, что револьвер похищен убийцами. Ну, пора идти. Труп мой, если не съедят собаки, найдете у железной дороги к разъезду. Прошу не резать и не искать признаков отравления. Я замерзну, никого не беспокойте, ни с кем я не был связан. Г о л о в к и н».

Последняя просьба к моим знакомым: не откажите моей сестре в помощи, в которой она будет нуждаться. Пусть все знакомые отнесутся к ней так, как относились ко мне. Заказную бандероль на мое имя доверяю получить сестре моей Н. К. Головкиной. Ключ под подушкой. Головкин».

Пошли по указанному в записке направлению. Стали находить на некотором расстоянии друг от друга части одежды Головкина, а дальше — нашли и его окоченевший труп, еще не тронутый ни бродячими собаками, ни волками...

Представьте эту последнюю ночь одинокого человека на одинокой станции... Что бы ни привело его к самоубийству, он остался верным служакой до

конца. С какой точностью, хладнокровием он отдает последние деловые указания... Кто он? Преступник, безумец или больной человек?..

А потом эта холодная степь... Ночь... Идти навстречу своей смерти, постепенно сбрасывая с себя одежду под ледяным дыханием ветра... И вот он — наг. Наг пред лицом смерти, как нагим явился пред лицом жизни. Жизнь пройдена, одежда — последнее, что связывало его с жизнью, — сброшена...

Холод... Вечная ночь... конец...

Шквал промчался.

Но он закружил еще одну жертву: сестра Головкина не выдержала потрясения — она сошла с ума.

Как только Карасев узнал о смерти Головкина, он тотчас сознался в убийстве Чепикова.

IV

Вот и вся история.

В ней много осталось неразъясненным.

Причастен ли был Головкин к делу убийства Чепикова и краже червонцев? Никто из обвиняемых не указал на него, даже Карасев.

Что привело к самоубийству Головкина?.. Как потом оказалось, не один, а три револьвера последовательно пропадало у него, но он это скрывал. Почему? Не снабжал ли он ими бандитов?

Почему Головкин — как он объяснял — решил, что опоздал поезд, пошел спать и только на другое утро установил пропажу сумок и исчезновение почтальона — хотя он мог легко узнать на станции, прошел ли почтовый поезд?

Не было ли известно ему о преступлении, не пытался ли он дать преступникам время скрыть следы преступления? Почему Карасев донес на Головкина, прося обследовать отделение? И почему Карасев сознался, лишь узнав о смерти завота?

И еще одно странное обстоятельство: за два дня до совершения преступления ТЧ-ское отделение совершенно прекратило работу. Почта, даже телеграммы не доставлялись, будто все вымерли там. Что выбило людей из колеи?.. Что там готовилось?

Удивительно, как мог Головкин прочитать мои мысли о том, что я опасюсь его побега с деньгами? Загадка!

Много тайн унесли с собою мертвые в могилу, а живые о них не говорят. Молчат и киргизские степи...

Тук-тук... Тук-тук-тук... четко выстукивает телеграфный аппарат в Ы-ском почтово-телеграфном отделении.

Но работают там новые люди.

Сонно, тихо, уныло вокруг...

Будто и не было шквала!

Три портрета

Кто из нас не читал жуткого рассказа Н. В. Гоголя о портрете старика, который выходил по ночам из рамы и пугал художника?.. Гоголевский «Портрет», разумеется, — фантазия.

Однако давно известно, что жизнь нередко осуществляет самые смелые фантазии.

Послушайте правдивую историю о трех портретах. Из них два первые не представляли из себя ничего чудесного: они крепко сидели в своих рамах. Зато третий портрет, вопреки «всем законам природы», выскочил из рамы и убежал на село...

Портрет первый

Мужчина средних лет, в форменной тужурке, с ясными пуговицами ведомства Управления почт и телеграфов. Низко остриженные, прилизанные волосы, холеные усы и бородка. Лицо — застывшая маска важности, суровости и самодовольства. Недружелюбный, холодный взгляд.

Рамкой этого портрета служит окошко почтово-телеграфного учреждения.

В контору боязливо входит латаный мужичонко. Он кривит и без того кривые ноги, чтобы не запачкать мокрыми лаптями пол, озирается по сторонам и вдруг видит направленный на него суровый, начальственный, сверлящий взгляд «портрета».

Под этим холодным взглядом мужичонко ежится и переступает с ноги на ногу.

— Ты куда попал?.. — слышит мужичонко грозный голос из окошечка.

— Чаво?..

— Куда ты попал, говорят тебе?.. В кабак?..

Мужичонко недоумевающе смурывает носом.

— Сними шапку, олух!.. Здесь при-сут-ственное место! — отчеканивает «портрет».

Мужичок с испугом стаскивает рваную овчинную шапку, растрепав мочалу волос на голове.

— Извиняйте... — и подходит на цыпочках к страшному окну.

— Писемцо бы сдать... — и он протягивает корявыми пальцами замусоленный конверт.

Чиновник, не обращая внимания, что-то долго пишет. Мужичонко терпеливо ждет, тяжело вздыхая.

— Писемцо бы... — осмелившись, повторяет он.

— Не видишь, — занят!.. Барин нашелся!.. Не на пожар спешишь, успеешь... — и чиновник углубляется в пересчет бланков открытых писем. Долго считает и раскладывает по стопкам.

В контору входит, шумя шелками, барыня с седыми буклями и направляется к окошечку.

Мужичонко испуганно отступает в сторону.

Чиновник откладывает бланки и принимает заказное письмо.

Вслед за барыней wpłyвает крупная фигура соборного протопопа, блестя наперсным крестом.

Мужичонко ждет, переминаясь с ноги на ногу.

При виде протопопа на лице «портрета» появляется что-то вроде улыбки.

— Добрый день, отец Иоанн!.. Как изволите поживать?.. Письмецо сынку?.. В Духовную академию. Архиреем будет!.. Хе-хе. Папашеньку в карете возить будет...

Протопоп довольно улыбается.

— Ну, до архирея еще далеко!..

— Извольте квитанцию, отец Иоанн. Завтра соборне служить будете?..

— Соборне.

— Надо будет в люстре новые свечи поставить!

— Не худо бы, не худо... Старайтесь, Григорий Иванович, на то вы и староста церковный.

— По мере сил стараюсь для благолепия храма, отец Иоанн.

— А завтра того... на винтик вечерком... ко мне... Матушка такой вас наливкой угостит... — и отец протопоп прищелкнул языком.

— Всенепременно-с, отец Иоанн.

Протопоп, тяжело ступая, уходит. Часы бьют два. Почтовое окошко захлопывается.

Обескураженный мужичонко крикает, топчется у окошка и, набравшись храбрости, стучит пальцем, похожим на черный сучок. Ответа нет...

Стучит снова. Окошко с шумом раскрывается.

— Что тебе?..

— Писемцо бы...

— Присутственные часы окончились. Завтра можешь прийти...

— Ваше благородие... сделайте божецкую милость, — взмолился мужичок. — Не откажите, восемнадцать верст шел... Мокринские мы... дома хозяйство ждет!..

Громко стукнула входная дверь, и мужичонко почувствовал, как чья-то рука отстранила его.

В тот же момент удивленный мужичонко увидел, как необычайно преобразилось лицо в почтовом окошечке.

Чиновник осклабился, даже привскочил на стуле, приветственно закивал головой.

— Письмецо вам есть... Сию минуту... Вот... Господину земскому начальнику... и газетка...

— Благодарю... А вот — заказное надо отправить.

— Прошу вас... Здесь только адреса отправителя нет... и наименование города, извините, не указано...

— Фу, черт... все Игнашка напутал.

— Не извольте беспокоиться. Сию минуту!..

И чиновник услужливо и быстро пишет на конверте название города и адрес отправителя, так же быстро изготовил он квитанцию и с заискивающей улыбкой протянул посетителю.

— Благодарю...

И мужичонко услышал, как опять громко хлопнула дверь. С глухим стуком закрылось и почтовое окошечко.

Постоял мужичонко, вздохнул и поплелся к выходу...

Все это было так обычно для него, что даже не вызвало возмущения...

А почтово-телеграфный чиновник, окончив работу, шел не спеша домой, выпивал рюмочку-другую смирновской водки с маринованными грибочками

на закуску, плотно обедал и заваливался спать.

Вечером — винт или преферанс «по маленькой» с приятелями, комаровская газета «Свет» — перед сном. А во сне — приятные грезы: будто он стоит в соборе за своим свечным ящиком, в новом мундире со шпагой... Новая звездочка — новый чин — горит на его контрпогонах с золотым плетеным шнуром, а на шее важно поблескивает орден.

И древние старушки с почтением подходят, протягивая дрожащую руку за свечкой...

Портрет второй

Прошли годы... Бурные, тяжкие... Началось с войны до «победного конца». Пришла и победа — победа Октябрьской революции.

Этого ли победного конца ожидал старый почтово-телеграфный чиновник, сидевший, как портрет, в раме своего служебного окошечка...

Годы изменили его. Поседела голова, отросли запущенные волосы. Заплаты и пятна покрыли суконце старой форменной тужурки. Глубокие морщины избороздили лицо, потерявшее былую важность... Только взгляд стал еще более колкий — вот так бы и пронзил насквозь этих новых, в кожаных тужурках.

А старые, где они?..

Давно лежит на кладбище соборный протопоп. Не перенес он «поругания храмов божьих», занемог и скоро умер. Так и не пришлось ему покататься в архиерейской сыновней карете... Как лист осенний, закружила буря господина земского начальника и забросила куда-то далеко, не то на остров Мальту, не то на Принцевы острова. А в усадьбе его давно трудовая коммуна орудует... Старую барыню еще встречает чиновник иногда. Облиняла старуха... Не шумит шелками. Гримаса обиды — обиды на всю жизнь — легла на ее лицо. Встретится взглядом со старым чиновником и вздохнет... и он вздохнет... — каждому вспомнится старое.

Ах, не глядеть бы на это новое!.. Если бы можно было навсегда захлопнуть вот так крепко окошко и сидеть за перегородкой, отгородившись от этого нового, страшного, непонятного мира, никого не видеть, ни с кем не разговаривать... Но вот стучат... стучат... надо открыть.

И чиновник открывает окошечко и молча, недружелюбно устанавливается на клиента, принимает письмо.

— Денежное?.. Несоответствующая оболочка. Не могу принять.

— Какая оболочка? — недоумевает клиент.

— Конверт мал. Здесь нет места для пяти печатей.

Клиент стоит озадаченный. Потом идет в соседнюю лавочку, покупает новый конверт, переписывает адрес. Опять стучит...

Окошечко открывается.

— Вот новый конверт...

— Не подходит. Клапан не подходит. Надо, чтобы в середине конверта углы сходились, а так я не могу наложить печать. — Окошко захлопывается.

Клиент ворчит и вновь уходит. Опять стук...

— Вот полдюжины конвертов, выбирайте любой.

Чиновник молча указывает на один из них.

— Ну и порядки, — уходит рассерженный клиент, получив наконец квитанцию. — Не советская почта, а старый прижим!..

Окошко захлопывается. Что-то вроде улыбки скользит по лицу чиновника.

Тишина... Только мухи жужжат и кружатся над столом.

Чиновник подавляет зевету и враждебно смотрит, скосив один глаз, на ненавистный «Бюллетень НКПиТ». Случайно он прочитывает один приказ и бледнеет.

— Дожили!.. Этого не хватало!..

Дома, после службы, жена встретила его с засученными рукавами: она только что давала поило корове и кормила индюшек.

— Отец, что с тобой, на тебе лица нет?..

Чиновник грузно опустился в старенькое кресло и, потрясая «Бюллетенем», воскликнул:

— Дослужился!.. За тридцать два года верной и беспорочной службы...

— Да говори ты толком, в чем дело?..

— Не дело, а тьфу!.. Повышение получил, вот что! В поч-талионы попал!

— Шутишь, отец!..

— Плохие шутки! Вот... циркуляр... кольцевые почты выдумали. Изволь сумку на плечо да мужикам письма по деревням развозить... Селифант Дормидонтович!.. Позвольте вам письмецо в собственные руки вручить... Это мне-то, при моем чине, им-то, сиволапым!..

Жена, вытирая мокрые руки о фартук, присела на кончик стула.

— Что же теперь будет?..

Чиновник, излив первый гнев, усмехнулся.

— А вот что будет! — И он, сложив пальцы, сунул ими в лицо озабоченной супруге.

— Ты чего ж это кукишем тычешься?!

— Не тебе этот кукиш, дуреха, а им, чтобы им пусто было! — И старый чиновник ткнул кукишем в «Бюллетень». — Кольцевая почта? С большим моим удовольствием! Вечером посижу, на бумаге таких им колец накручу, что любо-дорого! «Всемерно стараясь о приближении почты к беднейшему крестьянскому населению, мною организовано... та-та-та, та-та-та, столько-то сел, столько деревень... Повышение обмена... пятое-десятое»... Не впервой такие отчеты мне писать! Кривая вывезет, не робей!..

Вечером того же дня, когда с горы срывался звон церковного колокола, старый чиновник — неизменный церковный староста — стоял у своего свечного ящика и с улыбкой, которая давно не посещала его лицо, продавал свечи.

— Слава в вышних богу и на земле мир, в человецех благоволение...

Портрет третий

Не вывезла кривая... Беспокойно стало в мире, и исчезло в человеках благоволение... Откуда-то ветром принесло ревизию, вывела она на чистую воду бумажного кольцевика, и он получил «отставку». Мундир он, впрочем, ухитрился сохранить в старом ясеневом шкафу, как последнее воспоминание о былом величии...

— А в почтовом окошечке появился новый портрет.

Это было почти «чудо обновления»: так странно было видеть старожилам в старой рамке новое, молодое, почти безусое, энергичное, приветливое, веселое лицо. Окошко всегда было раскрыто настежь. Но «портрет» редко виднелся в раме.

Молодой связист бурей носился по всему помещению, вычищая «нечисть». Проветрил комнаты, снял паутину с углов. Извлек из-под стекла хранимое

стариком как реликвию объявление о «неприсутственных днях»: «тезоименитствах», рожденьях и смерти «августейших особ» и церковных праздниках... Не пощадил новый связист и образа Николая-чудо-творца, хмуро смотревшего с угла на всю эту возню. Стены запестрели портретами революционных вождей, плакатами о книгах, сберкассах, кооперации... Скоро и снаружи здание стало неузнаваемо. Появились почтово-телеграфные рекламы и объявления. Новенький почтовый ящик сверкал на солнце желтизной свежей окраски.

Старый чиновник с недоброжелательным любопытством тайно следил за кипучей работой своего молодого заместителя.

— Хорошо поет, где-то сядет!..

А этот, неугомонный, казалось, был из той сказочной породы птиц, которая и совсем никогда не сидит. Раздав и приняв почту местных жителей, он уже летел в исполком «насчет лошадей для кольцевой почты» или на собрание в соседнее село — все о той же возке почт хлопотать.

— Так ему и дали лошадей!.. Держи карман, — ворчал старик.

А получить их было действительно нелегко. Исполкомовская касса звенела парю грошей. Крестьяне жались...

— Пользы мы от кольцевой почты не видали, а выходит, как бы повинность новая...

Но молодой непоседа не сдавался. Неудачи только подливали масла в огонь его неукротимой подвижности. Он надоедал исполкомовцам, ругался с ними, смешил острым словцом и постепенно раскачивал свое «кольцо».

Выпросил хомут, достал сбрую, сладил дело с лошадьми, нашел старую таратайку без кузова.

— Плевать, и так доеду!..

Пристроил старую исполкомовскую дверь, сложил почтовые пожитки и тронулся в путь.

Так, не на бумаге, выехала первая кольцевая почта.

Ветер волнами по морю ржи разливается. Широко раскинулись поля черноземные...

— Выйду, выйду в рожь высокую, — заливается молодой связист. — Эй, Митрич! Куда плетешься? — останавливает он крестьянина, шагающего босиком по пыльной дороге.

— На пошту, писемцо от сына жду! Здоровье!

— Здорово, Митрич! Вертай назад, почта сама к тебе едет! Вот подожди, сейчас разберу!.. Получай письмо от сына! — И кольцевик вручает удивленному и обрадованному крестьянину письмо.

— Чудеса!.. — говорит крестьянин, держа в мозолистой руке дорогое письмо, и долго смотрит вслед удаляющейся таратайке.

А кольцевик уже подъезжает к Выселкам. В амбаре у весов он видит крестьянина.

— Здорово, Иван Григорьевич! На почту есть что сдавать? Давай — приму!

— Посылочка есть... Да как ее сдашь? Вешать надо?

— За чем дело стало? У весов стоишь! Неси посылку-то!

— Да как же так — не на почте?..

— Я и есть почта! Видишь, к тебе сама почта приехала! Пошевеливайся!

Крестьянин бежит за посылкой и возвращается, окруженный ребятами. С

крыльца выглядывают женщины, интересуясь невиданным зрелищем: почтой в собственном амбаре.

— Ну, получай квитанцию! — И связист спешит дальше.

Вот он посередине села.

Босоногие мальчишки уже успели разнести весть, и из хат выходят крестьяне и окружают кольцевика.

Оригинальный экипаж сам по себе послужил ему рекламой.

— Что-то карета твоя того... не способная?.. — качали головами крестьяне.

— А вы поспособствуйте, — отзывался веселый почтарь и тут же начинал «агитировать» за кольцевую почту.

Слушали мужики. Не то чтобы очень верили, а лица становились светлее. Уж очень чудной и занятный парнишка... На чем ни приехал, а почту привез прямо в хату, можно сказать, газеты роздал, новости рассказал, про налоги, да про новые законы по земельной части разузнать и ответ привезти обещал. Виданное ли это дело?..

Еще несколько поездок — и лед был сломан. Зашевелилась, зашумела деревня.

И через месяц молодой связист уже лихо прокатил в новой таратайке, на сытой лошадке мимо усадьбы старого чиновника.

Еще и песню поет!

Он поет, а скоро и про него петь стали:

Частушки выдумали про Васю-комсомольца:

*Ходит почта колесом,
Звенит колокольчиком,
Сяду рядом с ямщиком,
С Васей-комсомольчиком.
Сяду рядом, гляну глядом
И помчусь на станцию,
Сдал папашенька налог
Васе на квитанцию.*

И ведь что за неумный такой: придет с кольца — нет, чтобы отдохнуть, прямо на собрание. И опять шумит, горит и других разжигает. Одна забота — время-то, время-то мало...

— Веришь ли, с ног сбился! — говорил он товарищу, возвращаясь в двенадцатом часу ночи с заседания волгячейки. — Я — член волисполкома, секретарь межсоюзного группового волостного профсоюзного комитета, секретарь ячейки, о-ва ОДВФ, Доброхима, уполномоченный по волости от Соцстраха, общественный обвинитель при нарсуде 5-го участка, член ревизионной комиссии при кооперативной организации... всего и не упомяну. Вот приду домой, засяду за работу. Надо подготовиться к завтрашнему объезду кольца... Крестьяне забрасывают вопросами, ответа ждут... Засидишься до вторых петухов, а чуть забрезжит — в дорогу... Отчего я один, отчего меня не много?..

Такова сказка наших дней о портрете, который выскочил из своей рамы — из рамок старой формалистики — и убежал на село.

И можно лишь высказать сожаление вместе с молодым связистом:

— Отчего «его» не много?..

Это — первые ласточки.

Но молодые силы идут из толщи деревенской жизни. Идут и придут на сме-

ну старых, отживших, косных «портретов».

Страх[102]

I

— На огород идешь?

— На огород. Хочу покопать картошку. Как бы мороз не стукнул. Ты здесь без меня справишься.

Заведующий почтовым отделением Ефимий Венедиктович Пилецкий надел барашковую шапку и старенькую тужурку на вате, сохранявшую еще синие, поблекшие канты и несколько «серебряных» пуговиц почтово-телеграфного ведомства.

Марьям Викентьевна, его жена, служившая телеграфисткой в этом же отделении, сухонькая, суетливая женщина лет тридцати, просто, но чистенько одетая, подошла к мужу и тронула его за руку.

— Не ходи, Фима...

Пилецкий добродушно усмехнулся в седеющие усы.

— Трусишь? Уж не бандитов ли боишься? Не беспокойся. К нам они не делают визита. Знают, что у нас не разживутся.

— Не смейся, Фима... Жутко мне. Дня не проходит, чтобы они не напали на кого-нибудь в окрестностях.

— Глупости. На мелкую дичь они не охотятся. Да я долго и не буду — засветло вернусь.

И Пилецкий, взяв суковатую палку, вышел из дома.

Утро было сумрачное. Серая завеса мелкого осеннего дождя затянула дали.

Почтовое отделение помещалось в доме бывшей почтовой станции. Длинное, приземистое белое здание с непомерно высокими, остроконечными, готическими окнами и такой же дверью. Эти здания, как две капли воды похожие друг на друга, отстроенные еще в пятидесятых годах прошлого столетия, стоят по нашим шоссевым дорогам угрюмыми памятниками старины.

Большой двор с обветшалыми конюшнями и сараями обнесен высокой каменной стеною, охранявшей когда-то почтовых лошадей.

Два шоссе пересекают у самой станции друг друга. Несколько десятков лет тому назад здесь трусили рысцою почтовые лошаденки, звеня колокольчиками. И усталый путник зорко всматривался в сужающуюся ленту шоссе, ища во мгле наступающего вечера белое здание, где ожидали его уют и отдых...

На смену троек пришел неуклюжий, но неутомимый автобус; с мерным пытением проносится он мимо старенького здания, в котором жалобно позванивают стекла, и скрывается вдаль, издавая рев, неслышанный в этих глухих, заброшенных местах...

Галки и вороны в испуге снимаются с мокрых, сырых кочек и тянут к лесу... А леса здесь кругом... Топкие, поросшие мохом, непроходимые леса Белоруссии, где привольно чувствуют себя только волк да лихой человек...

Пилецкий сдвинул барашковую шапку, застегнул свою старенькую тужурку на две металлических и три костяных пуговицы и зашагал по шоссе.

Оно спускалось вниз и потом круто поднималось вверх. Наверху, в двух верстах, стояла ближайшая деревушка. А ближе, в полуверсте от нее, находился огородик Пилецкого.

Ефимий Венедиктович спустился в низину. Гиблое место для автобусов.

Несмотря на ремонты, шоссе постоянно портилось от подпочвенных вод, которые вспучивали настил дороги и выступали лужами.

Кругом — лес.

Это — излюбленное место для нападений бандитских шаяк на автобусы. Довольно бросить бревно поперек дороги, и — стоп...

— Руки вверх!..

И пассажиры предоставляли свои карманы и чемоданы в распоряжение грабителей.

Жуткое место.

И Пилецкий невольно ускорил шаг.

Кругом, однако, стояла необычайная тишина.

Пилецкий поднялся вверх и вздохнул с облегчением, увидев свой огород и крестьянина, копавшегося на соседнем участке.

— Здорово, Спиридон!

— Ведениктовичу наше почтение.

«Ведениктович» — так звали Пилецкого, изменив его трудное для произношения отчество. Спиридон, грамотный крестьянин, долго живший в Москве, был председателем сельсовета.

— Что нового, Спиридон?

— Плохие новости.

— А что, все бандиты шалят?

— Да уж какие шалости?.. Третьего дня, слышь, пароход на Соже ограбили...

— Пароход? Как же они туда попали?

— Как — обыкновенно. Сели как пассажиры. А отошел пароход версты две — «руки вверх!..» кричат.

— Сколько же их было?

— Всего и было человек пять, а пароход начисто ограбили, к берегу пристать велели. Сами пассажиры своими руками свои же чемоданчики им на берег сложили... и поминай как звали.

— Иванов?

— Все он...

— Да откуда он взялся? Кто такой?

— Говорят, будто полковник бывший. Из Польши перешел... Ну, и наши баблуются... Семка-косой — знаете?..

— Как не знать.

— Непутевый парень. Андрон с Могильцев, Костецкий...

— Чего же вы на них не донесете? Ведь и вас они обижают?

Спиридон оставил копать картошку и посмотрел на Пилецкого.

— Как не обижать?! У кого телку на прокорм стащат, у кого лошадь... Да донесешь-то как? У них ружья, револьверы... расправа короткая... Пока начальство наедет, без головы останешься. Кому охота...

Наступали ранние сумерки. Пилецкий расправил затекшие члены, распростился со Спиридоном и отправился в обратный путь.

В лощине сумерки были гуще. Пилецкий не сразу заметил двух незнакомцев, сидевших на куче щебня. Один из них поднялся и подошел к Пилецкому.

— Что за человек? А, почтарь!

Пилецкий вздрогнул. Перед ним стоял Семка-косой, уставив свой зрячий глаз. На другом глазу Семки было огромное бельмо, выпиравшие из зрачка,

как горошина.

«Семка-косой... Бандиты...» — мелькнула у Пилецкого мысль, и холодок пробежал от спины к затылку, шевельнув корни волос.

— Ты, слышь, — ни гу-гу, что видал нас, если не хочешь дать дубу[103]. Понимаешь?

Пилецкий поспешно кивнул головой.

— Ну, то-то. Проходи.

— Надо будет проверить, как он живет, — услышал Пилецкий за собой голос Семки. Потом Семка свистнул, и Пилецкий услышал удаляющиеся шаги бандитов.

II

Жена ждала к обеду, но Пилецкому не шел кусок в горло.

— Придут... ограбят... убьют... — думал он.

Встав из-за стола, Пилецкий решительно подошел к телеграфному аппарату и телеграфировал в ближайший город, в районную милицию, о высылке отряда для поимки бандитов.

— Дело плохо, — сказал он жене, — гостей можно ждать каждую минуту, а милиция раньше завтрашнего дня не приедет...

— А что, если они перехватят телеграмму? Говорят, они это делают... Убьют ведь...

— И то обещали, — не удержался Пилецкий. — Да все равно один конец: если придут, ограбят кассу — тоже не помилуют...

И они сидели молча, глядя на телеграфный аппарат с таким видом, будто он накликал на них несчастье... Но дело было сделано. Оставалось выжидать событий...

III

В густой темноте осенней ночи, под морозящим холодным дождем отряд вооруженных людей медленно, осторожно подходил к зданию почтового отделения.

Звякнуло дуло винтовки.

— Тише вы, черти, — раздался заглушенный голос.

— Тут, кажется... Ну, что, Митька, трусишь?

— Ох, — послышался вздох.

— Ничего. Обтерпишься. Пороху понюхаешь — привыкнешь.

— А где они, бандиты-то? Там? — И Митька протянул руку к зданию.

— Все может быть. Ты только не трусь. В случае чего пали — и никаких. Лучше ты его, чем он тебя. Так-то. Пали — и никаких, потому — полное право.

— Тише, вы. Разболтались...

IV

Лилецкому не спалось. Он с вечера зарядил ружье, приготовил патроны и, не раздеваясь, прилег на кровати. Сердце колотилось, и шумело в ушах. Он прислушивался к каждому звуку... Вот — шорох, и у него холодело в груди. Идут. Нет, это мышь скребет под полом... В коридоре что-то трещит...

— Фима, стучат, — слышит он испуганный шепот жены.

Его, как пружиной, подбросило. Да, да, стучат. И стучат так, что разбудят мертвого... Он хватает дрожащими руками ружье и набивает патроны в карманы.

— Ты вот что, — обращается он к жене, а зубы выбивают нервную дрожь, —

ты не открывай... скажи — дома нет... А я по лестнице на чердак... Тебя не тронут... Ты ни при чем... Поищут — уйдут... А полезут ко мне — дешево не отдамся...

В дверь колотили прикладами, и удары гулко отдавались в длинном коридоре, идущем от двери и разделявшем дом на две половины.

Пилецкий быстро взобрался по лестнице на чердак, через отверстие в потолке коридора. Звенели стекла окон...

— Дома нет!.. Нет дома!.. — надрываясь, кричала жена.

— Отворяй, если и дома нет! Кого прячете? Стрелять будем!..

Послышался выстрел. С треском кто-то выломал раму, и в комнату, через окно, пролез человек и, пыхтя, открыл двери. В коридор ввалилась толпа.

Дальше все было как в кошмаре... Треск оконной рамы, звон разбитых стекол, крики жены... выстрелы... шепот... голоса в темноте... И вот кто-то поднимается к нему по лестнице.

— Не лезь! Убью! — диким голосом кричит Пилецкий. — Всех перестреляю, последняя пуля себе!..

Но лестница дрожит под чьими-то ногами, и вот какое-то пятно замаячило в четырехугольнике отверстия...

Стиснув зубы, Пилецкий нажимает курок...

Выстрел... Вспыхнувший огонь освещает чью-то голову, но она тотчас скрывается в отверстии. С глухим стуком падает чье-то тело.

Внизу крики...

— Убил... Слезай... Милиция... — слышит он отдельные голоса...

Опять кто-то лезет...

— Не лезь, — кричит Пилецкий и снова стреляет...

Отчаянный стон... И опять взрыв криков внизу.

Среди шума он узнает как будто голос старика-сторожа, Вонифатия...

— Это я... — и лестница опять дрожит.

— Убью, — кричит обезумевший Пилецкий, и в третий раз огненная полоса прорезывает тьму. Опять чей-то стон.

Но голоса утихают. О чем-то сговариваются, удаляются, и Пилецкий слышит пыхтенье отъезжающего автомобиля.

— Откуда автомобиль? — пролетает мысль в затуманенном мозгу Пилецкого. — Может быть, милиция подоспела вовремя?.. Только едва ли.

В отделении вспыхивает огонек. Пилецкий судорожно сжимает похолодевшими руками винтовку.

Вот автомобиль возвращается. Кто-то вошел...

— Слазь, Ведениктович, — слышит он знакомый голос Спиридона. — Беда случилась... Милиция тебя защищать приехала... А ты с перепугу начальника того... уложил, милиционера ранил и — сторожа своего... Слазь, Ведениктович, не бойся... Вот тебе мое слово — ничего не будет.

Кто-то внес лампу в коридор, и Пилецкий увидел отряд милиционеров...

Бросив винтовку, он молча стал спускаться по лестнице...

V

Серое, осеннее утро осветило печальную картину. На полу коридора лежал субитый, рядом стонали раненые. Вещи в отделении и комнатке Пилецкого были перевернуты, мебель опрокинута. Стекла в окнах выбиты. Штукатурка на потолке и стенах местами обвалилась от выстрелов, произведенных с ули-

цы.

Спиридон сидел на ступеньках крыльца и, крутя сигарку, спрашивал милиционера:

— Как же это так случилось? Вы-то чего дуrolомом валили?

Милиционер вздохнул:

— Дуrolомом? Не знаешь ты нашего дела — что значит на облавы ходить, бандитов ловить. Из-за каждого угла тебя подстрелить могут... Разве тут рассуждаешь? Сам как в бреду. А бандиты очень просто могли у Пилецкого остановиться. Припугнут «маузером» — не выдавай, мол, и конец...

Ведь и у вас в деревне они ночевали?

— Это верно...

— Ну, вот... А нас не пускали... Почему такое? Значит, неспроста...

— Вот дела-то... — вздохнул в свою очередь Спиридон. — Страх-то что делает.

Пилецкого арестовали, но скоро выпустили — он был признан невиновным. На кладбище прибавилась свежая могила...

Среди одичавших коней

Необычайные приключения подпольщика

Во время Гражданской войны Крым неоднократно переходил из рук в руки. Впервые Советская власть была установлена в Крыму 14 января 1918 года. Через три месяца, под напором немецких оккупационных войск, Советская власть принуждена была отступить на Кубань. Власть перешла в руки ставленника немецкого командования — царского генерала Сулькевича. В конце 1918 года его сменило правительство кадета Соломона Крыма. Весной 1918 года, под напором красных войск, «правительство» Соломона Крыма погрузилось на пароход и эмигрировало за границу. В Крыму власть вновь перешла к Советам. Однако в июне 1919 года, благодаря десанту Слащева и открытию Махно Донецкого участка красного фронта, Советское правительство принуждено было оставить Крым. Окончательно Крым был закреплен за Советской властью в конце 1920 года: 12 ноября этого года, после героического штурма Перекопских позиций, передовые отряды буденновской кавалерии вступили в Крым, вынудив остатки разгромленной белогвардейской армии бежать на пароходах за границу...

Действие рассказа А. Беляева относится к лету 1919 года — после захвата Крыма белыми в июне.

I. Припадок малярии

— **Ч**то нового, Вилли Улла? — спросил Бойко, поворачивая исхудавшее, бледное лицо.

Хозяин дома только что вернулся из города. Он поставил в угол корзину, снял барашковую круглую шапку, вытер со лба и шеи пот и снова надел шапку. Он был чем-то взволнован, но старался не показывать этого.

— Что нового? Ничего нового. Лежи. Поправляйся, — ответил он и опять снял шапку. На этот раз он помял ее в руках и повесил на гвоздь у двери.

Бойко продолжал внимательно следить за ним.

— Ты что-то скрываешь, Вилли Улла? Я вижу... Дай мне пить.

— Пей, пожалуйста, — татарин протянул Бойко медный кувшин с узким горлышком.

Бойко напился и закрыл глаза.

— Как все это нелепо, — тихо сказал он, не открывая глаза.

Бойко был прислан сюда из Симферополя как агитатор. Но по приезде, в вечер первого же дня, его свалил с ног сильный приступ тропической малярии, захваченной на Кавказе. Несколько дней он провалялся без сознания. Теперь ему было лучше, но от времени до времени припадки повторялись. Он был так слаб, что не мог поднять голову. Вилли Улла ухаживал за ним, как умел: поил ключевой водой и кормил жирной бараниной.

В тот момент, когда Бойко уезжал из Симферополя, настроение было тревожное. Поговаривали о возможности эвакуации, так как Красная армия стягивалась на наиболее опасный участок фронта Гражданской войны. Бойко страшно волновался, как бы эта эвакуация не произошла в тот момент, когда он валяется здесь, в горной татарской деревне, и эти волнения только ухудшали течение болезни. Вилли Улла, не желая еще больше волновать больного, не говорил ему о том, что происходит в городе, куда он ходил на базар. Однако скрывать правду скоро стало невозможно. В тот день, когда Бойко поднялся с разложенного на полу войлочного коврика, он решительно заявил, что идет в город.

— Куда идешь? — уговаривал его Вилли Улла. — Голова не держишь, ноги не идут.

Но Бойко упорно твердил:

— Дойду.

Вилли Улла вздохнул, почмокал неодобрительно губами и сказал:

— Нельзя туда итти. Красных нет, белые в Крыму. Мулла рад. Мемет Ресул рад. Мемет проводник был. Баринь катал. Деньги большой имел. Опять катать хочет. А бедный не рад. Опять аренда Мемету плати. Оч-чень нехорошо!

«Белые пришли!»

У Бойко от этих слов закружилась голова, и он опустился на войлочный коврик. Совершилось то, чего он так опасался.

Вилли Улла опустился рядом с ним на пол и начал утешать:

— Ничего, поживешь у меня. Тут тебя никто не тронет. Белые уйдут, опять большевики придут, тогда пойдешь.

Бойко остался жить у Вилли Улла. Поправлялся он медленно. Бездействие тяготило его. Постоянная мысль об опасности томила, как хроническая болезнь. Из осторожности он почти не выходил из дома. Сидел на небольшой веранде, укрывавшей от горячих лучей южного солнца, и смотрел на каменистую дорогу, спускавшуюся капризными извивами. Эта дорога была для него запретной. Внизу синело море. Пахло горными травами. Но его не радовало южное солнце, он даже как будто не замечал его.

Однажды вечером он сидел у порога хижины и бездумно смотрел на кучевые облака, принимавшие вид фантастических замков, освещенных розовыми лучами заходящего солнца. Эти замки как будто стояли на сизых от тени, грозных скалах. И скалы и замки меняли свои очертания и окраску... Вот пошатнулась башня, расплзлась вширь и стала похожей на летящую птицу... Вот замок из розового превратился в синий и начал медленно оседать...

— Послушай, товарищ!

Бойко вздрогнул от неожиданности. Перед ним стоял Вилли Улла. Он был чем-то взволнован и не скрывал этого.

— Плохо дело, — сказал он. — На тебя донесли. Я знаю, кто это сделал. Мемет Ресул это сделал. Мало ему своих виноградников, он мой отнять хочет. Шашла[104] у меня такая — во всей деревне нет. А ему неприятно. Меня в тюрьму хочет за то, что большевика скрываю, а виноградник себе забрать хочет. — Вилли Улла высоко поднял и округлил свои черные, густые брови, отчего лицо его сделалось наивно-хитрым. — Откуда я знаю, что ты большевик? Ты мой гость и больной человек. Мне ничего не будет. А тебе неприятность может быть...

Бойко поднялся и взволнованно потер руки.

— Я могу уйти, — сказал он. — Я уже и сам решил это.

— Хорошо, ты уйдешь, только не сейчас, — ответил Вилли Улла. — Далеко не уйдешь, ноги слабы, а они едут, скоро здесь будут.

— Кто они?

— Офицер и два солдата, я все знаю, пусть Мемет Ресул не думает, что он умней всех в деревне.

— Что же делать? — невольно спросил Бойко.

— Иди сюда, — сказал Вилли Улла, приглашая Бойко следовать за собой.

Татарин привел Бойко в свой виноградник и, указывая на кучу обрезков виноградной лозы, сказал:

— Ложись, я тебя закопаю. Тут полежишь, а потом пойдешь, если хочешь.

Они вдвоем разгребли кучу, Бойко улегся, а Вилли Улла набросал на него обрезки лоз.

— Лежи, не шевелись, — и он ушел поджидать гостей.

Ожидать пришлось недолго. Скоро Бойко услышал стук лошадиных копыт по каменистой дороге. Подъехали к дому, остановились.

— Ну и дорога у вас, черт ногу сломит, — услышал Бойко незнакомый голос.

— Зачем черт, и лошадь сломит, — отвечал голос Вилли Улла, — плохой дорога.

— Тут у тебя живет один человек, где он? — спросил первый голос.

— Один человек? Он уже не живет. Выздоровел и ушел. А зачем он нужен? Может, он бандит?

— Большевик, — ответил первый голос.

Вилли Улла удивленно пощелкал языком.

— Разве узнаешь, кто он?! Пришел больной, просит...

— Врет он все. Все в деревне знают, что это большевик! — вдруг вмешался новый голос.

«Мемет Ресул!» — решил Бойко.

— Обыскать дом!

Заскрипели седла, зацокали копыта лошадей, перебиравших ногами, — всадники, очевидно, спешили и вошли в дом.

Через некоторое время из дома послышались громкие крики. Вилли Улла и Мемут Ресул о чем-то спорили и бранились меж собой.

Потом все вышли из дома, и офицер — как решил Бойко — сказал:

— Вилли Улла, ты пойдешь с нами.

Вилли Улла неопределенно чмокнул губами.

Всадники сели на коней и начали спускаться по каменистой дороге. Голоса и шум копыт понемногу затихли вдали.

«Бедный Вилли Улла, он арестован», — подумал Бойко.

Из осторожности Бойко решил не покидать своего убежища до наступления темноты. Время тянулось медленно. Незаметно для себя Бойко уснул.

Вдруг он почувствовал, что кто-то осторожно разгребает кучу.

— Кто здесь? — громко спросонок крикнул Бойко.

— Тише, — услышал он голос Вилли Улла. — Это я. Вылезай. Теперь никто не увидит.

— Тебе удалось бежать? — спросил Бойко.

— Зачем бежать, сам ушел. Пуд табаку обещал офицеру. Хороший табак, американ. Он отпустил. Виноградник больше стоит, чем пуд табаку. Теперь тебе нельзя оставаться здесь. Иди. Только в город не ходи и по дороге не ходи. Везде солдаты с ружьями стоят. Вот так иди, — и Вилли Улла показал рукою на восток. — Там лес, большой лес. Там не найдут...

— Спасибо, Вилли Улла, спасибо за все, — сказал сердечно Бойко, протягивая татарину руку.

— Ничего. Хорошо. Спасибо. Прощай... Подожди, я сейчас!

Вилли Улла бросился к дому и вернулся оттуда с небольшим мешком.

— Вот, возьми. Брынза[105] тут, лепешки. Кушай.

Бойко простился с гостеприимным хозяином и побрел меж виноградников к черной громаде леса, видневшейся в горах на востоке.

II. Пещерный житель

Лес шумел. Ветер налетал порывами, трепал густые, темно-зеленые вершины буков и спешил к высоким северным соснам, росшим на скалистых утесах, и сосны, как будто в испуге, отшатывались от него. А ветер уже мчался дальше, срывался с утеса воздушным водопадом, разливаясь между татарскими деревушками, виноградниками и одинокими белыми дачами.

Сизая туча прикрыла еще не зашедшее за яйлу[106] солнце. Оттуда — со стороны тучи — от времени до времени доносились глухие раскаты грома. Приближалась гроза. Среди зарослей орешника испуганно пробежал заяц, спеша к своей норе. С тревожным карканьем пролетела стая ворон. Все живое спешило укрыться от непогоды.

Низко опустив голову и выдвинув плечи вперед, один только Бойко шел навстречу ветру и буре — дальше, как можно дальше от жилья, от этих уютных белых дач, красиво опоясавших берег моря. Чем глуше лес, угрюмее скалы, тем в большей безопасности он себя чувствовал. И только когда первые крупные капли дождя, пробившегося сквозь густую листву, упали ему на шею, Бойко подумал о том, что и ему пора позаботиться о защите от непогоды.

Он шел по кособору, поросшему густым буковым лесом. По левую сторону был отлогий спуск вниз. Справа громоздились уступами скалы, покрытые сосной и можжевельником. Сваленные бурей деревья и обросшие мхом огромные камни иногда преграждали ему путь.

Дождь все усиливался. Сухие русла горных речек ожили. Вода быстро наполняла их, бурлила у каменных преград и шумела мелкими камешками. Бойко с трудом перебрался через узкий, но глубокий ручей, прошел под проливным дождем лесную поляну и остановился перед бушующим потоком. Нечего было и думать перейти его. Камни и обломки деревьев как будто варились в этой кипящей массе, бешено вертелись и с грохотом низвергались вниз.

Бойко постоял в раздумье у потока и пошел обратно. Синие молнии сгустились тьму леса. Гром грохотал беспрерывно — над самой головой. При свете молнии Бойко увидел, что небольшой ручей, который он только что перешел, также превратился в бушующий поток. Путь был отрезан. На поляне, где он стоял, не было даже густых деревьев, под ветвями которых он мог бы укрыться. И Бойко решил подняться вверх, к отвесным скалам, надеясь найти уступ, под которым можно было бы найти приют. Камни и потоки воды затрудняли путь. Цепляясь за кустарник, он поднялся на небольшую площадку, дождался, когда сверкнет молния, и увидел в ее трепещущем свете большую расщелину в скале. Он побежал к ней и, нагнувшись, вошел в пещеру.

Здесь было совершенно темно, но тепло и сухо.

— Прекрасно, — сказал вслух Бойко. — Лучшего ничего нельзя и ожидать.

— Кто здесь? — вдруг послышался голос из тьмы.

Даже неожиданное рычанье зверя не взволновало бы так

Бойко, как эта заговорившая вдруг человеческим голосом темнота. Быть может, болезнь еще не оставила его, он промок, его лихорадит и он снова бредит?..

В глубине пещеры зашевелилось, и кто-то опять спросил, возвышая голос:

— Кто там?

Нет, он не бредит. Это — живой человеческий голос. Пещера обитаема. Быть может, здесь поселился такой же скиталец... Но кто он? Друг или враг? И как ответить на его вопрос, чтобы не выдать себя?

— Кто там, черт побери? — в третий раз, уже сердито произнес голос неизвестного.

— Я, — ответил Бойко.

Послышался короткий смех.

— Ну, теперь все ясно, — сказал насмешливо невидимый обитатель пещеры. — Если это вы, то входите, будете гостем. Вероятно, насквозь промокли? Сейчас зажгу огонь. Обсушитесь.

— Благодарю.

В углу пещеры послышалось шуршанье, потом шаги — пещера, очевидно, была довольно глубокая.

В смехе незнакомца не было ничего угрожающего, но нервы Бойко были напряжены — и он, услышав приближающиеся шаги, опустил руку в карман, где у него лежал револьвер, и отступил в сторону, чтобы его силуэт не был виден на фоне расщелины, служившей входом в пещеру. Некто подошел и чиркнул спичкой. Вспыхнувшее пламя осветило бородатое, как будто заспанное лицо человека. Налетевший порыв ветра погасил спичку. Незнакомец тихо, но энергично выругался.

— Спичек мало осталось, — сказал он, — и я зажигаю их редко.

Разгорелся костер, и Бойко, не вынимая руку из кармана, осмотрел пещеру. Она шла метров на пятнадцать вглубь, постепенно суживаясь. В самом широком месте пещера имела десять метров ширины и пять высоты.

Она, видимо, не была случайным приютом: у правой стены, в небольшой выемке, находилась кровать, сделанная из сучьев, покрытая мхом и сухими листьями. Серый, изорванный кусок материи — быть может, остатки шинели — служил одеялом. У изголовья кровати стояла винтовка. Старый шомпол был воткнут в расщелину скалы над костром. На шомполе висел солдатский

котелок. Обитатель пещеры, несомненно, имел отношение к армии. Но какой армии: красной или белой? Был ли он, так же, как Бойко, случайно оторван от своих и отсиживался здесь в ожидании перемены, бежал ли с фронта, как дезертир, или, быть может, это был просто бандит, выходявший из своих лесов в смутные дни безвластия, чтобы пограбить, и, как зверь, скрывавшийся в свою нору, когда власть — для него все равно какая — восстанавливала порядок?..

Бойко пытался разрешить этот вопрос, изучая внешность хозяина пещеры.

У него было грубоватое, обросшее рыжей бородой лицо, сонные, небольшие глаза. Не по плечам узкая рубаха неопределенного цвета и широкие татарские штаны свидетельствовали о том, что этому человеку, вольно или невольно, не раз приходилось менять костюм. Ноги пещерного жителя были босы. Если сбрить эту бороду, оставить усы, то такое лицо можно встретить среди старых армейских капитанов. Но в настоящем виде его можно было принять за какого-ни-будь рязанского мужика.

Осматривая неизвестного, Бойко несколько раз поймал и его скользкий, испытующий взгляд. И Бойко невольно осмотрел себя. Но на нем был также мало говорящий «сборный» костюм: старенький френч, черные брюки до колен, обмотки и тяжелые солдатские «танки».

— Раздевайтесь. Сейчас я чай приготовлю, — сказал хозяин пещеры, — дождь утихает. — И он вышел из пещеры, чтобы зачерпнуть воды в котелок.

Бойко быстро разделся, развесил одежду у костра, вынул из кармана френча револьвер и уселся на землю, положив револьвер рядом с собой, под сухие ветки.

Вернувшись, неизвестный молча повесил котелок над огнем и уселся, поджав под себя ноги, иногда поправляя сучья в костре.

Рядом с костром лежала грудa сухого хвороста. Неизвестный запустил руку в хворост и начал шарить, бросая исподлобья испытующие взгляды на Бойко. И Бойко вновь насторожился. Быть может, хозяин пещеры предложил ему раздеться только для того, чтобы обезоружить? Но Бойко не так-то легко поймать в ловушку. И, следя через пламя костра за каждым движением неизвестного, Бойко провел себе рукой по голой груди, боку, бедру, — как будто растирая их, — опустил руку до земли, нащупал холодную рукоятку револьвера и перевел рычажок на «огонь». Неизвестный запускал свою руку в грудa хвороста все глубже, что-то пробурчал, пошарил, вынул небольшую жестяную коробку и поставил ее возле себя. Успокоенный, Бойко сделал рукою массаж в обратном направлении и положил руку на колено.

Оба молчали. Каждый из них понимал, что от этих первых моментов зависит многое. Если они узнают, что один из них красный, а другой белый, то что останется им делать? Броситься друг на друга, или разойтись в разные стороны, или же, наконец, заключить перемирие? Может быть, это было бы разумнее всего: они поставлены в такие условия, когда приходится вести борьбу с природой.

И Бойко уже хотел бросить эту игру в жмурки, но одна мысль остановила его. Что будет дальше, когда они узнают, с кем имеют дело? Одинокие люди любят поговорить. У каждого накопилось много злобы против врага. И если они враги — их разговор неминуемо, рано или поздно, перейдет в смертельную схватку. Инстинкт самосохранения противился этому. Хотелось хоть вот

этот вечер провести спокойно у костра, обсушиться, выпить горячего чая... «Неужели у этого пещерного жителя есть даже чай?» — думал Бойко.

— Чай хоть не китайский, — сказал неизвестный, как бы угадав мысль Бойко, — но пить можно. Тут всякая петрушка: душистые травы, кизил. — Он взял жестяную коробку, засыпал чаю в котелок и вдруг, повернувшись к Бойко, сказал: — Послушайте, вот что. Меня зовите просто Петр. А вас как прикажете звать? Надо же нам как-нибудь называть друг друга, если нас свел случай.

— А меня зовите Иван, — отвечал, улыбаясь, Бойко. Он понял, что пещерный житель также не спешит оформить положение.

— Ну вот и прекрасно. — И человек, назвавшийся Петром, бросил в котелок крупинку сахара. — Вот и чай готов. Стакана вам предложить не могу. Придется воспользоваться вот этой банкой из-под консервов. — И «Петр» подал «Ивану» горячую жестяную банку.

— А я могу предложить вам лепешек, — сказал Бойко, вынимая из мешка мокрые от дождя лепешки.

Бойко с удовольствием тянул пряно пахнущую, сладко-горькую жидкость.

— Правда, хорошо? Вроде чая с кофеем! Только сливок не хватает.

Покончив с чаем, Петр по-мужицки вытер усы тыльной частью кисти руки. «Нет, офицер так не вытрет губы, — подумал Бойко, — или он одичал в своей пещере, или... а может быть, это уловка?»

Петр подошел к кровати, вытащил из-под нее старые татарские чувяки, надел их на босу ногу, взял винтовку и сказал:

— Ну, я пошел. Вы можете спать на моей кровати. До утра я не вернусь. У меня, знаете, такая привычка: днем спать, а ночью бродить. — Заметив взгляд Бойко, скользнувший по винтовке, Петр добавил:

— Может, какую-нибудь спящую птицу подстрелю. У меня глаз зоркий. Спокойной ночи. — И Петр вышел.

«Хищный зверь выходит на добычу ночью, — подумал Бойко и подошел к выходу из пещеры. — Переночую, и завтра в путь», — решил он.

III. Ночное виденье

От догоравшего костра тянуло дымом. И этот запах смешивался с запахом ночной сырости освеженного дождем леса. Гроза прошла. Обрывки туч, как отставшие отряды великой армии, быстро летели над лесом. Полная луна ныряла между туч. Далеко внизу серебрилось море. У самого горизонта чернел силуэт парохода. Отсюда он казался маленьким, как игрушка. Но эта игрушка имела три трубы, оставлявшие позади себя длинную полосу черного дыма, и, вероятно, была хорошо вооружена.

«Военный корабль», — подумал Бойко. И его вдруг потянуло из этого тихого леса, зачарованного луной и ночными шорохами, туда, где дышит бурей великая борьба... «Рыбаком, монахом, чертом, дьяволом, а проберусь к своим», — думал Бойко, вспоминая товарищей.

Где-то далеко прозвучал выстрел. «Вероятно, Петр охотится. Кого подстрелил он? Птицу, горную козу или, быть может, человека? Что удерживает его здесь, в лесу, если он белый? Или он еще не знает?..»

Думы Бойко неожиданно были прерваны шумом, раздавшимся слева от пещеры. Скоро ухо Бойко уловило лошадиный топот и ржанье. Сучья трещали в лесу, как будто сюда на поляну несутся отряд конницы. Бойко с недоумением поднялся и устремил взгляд в чащу леса, откуда слышался приближающийся

топот. Что за непостижимая вещь? Может быть, он в самом деле еще лежит в доме татарина и бредит, и все это: встреча с пещерным жителем, и этот корабль на горизонте, и звук несущейся конницы — только бред?..

Еще минута — и вдруг Бойко увидел коня, выбегавшего из чащи. Он хромал на правую переднюю ногу и, тем не менее, мчался, как будто за ним гналась стая волков. Без узды, со сбившимся набок седлом, задрав голову и оскалив зубы, ослепительно сверкнувшие на лунном свете, он перепрыгнул через ручей, добежал до середины поляны, протяжно заржал, круто повернул налево, спустился по отлогой поляне и скрылся в лесу. Вслед за ним на поляну выбежало еще несколько коней. Большинство из них не имело никакой упряжи, несколько коней было оседлано, у иных осталась одна подпруга. Они заржали в ответ удалявшемуся жожаку, сделали такой же крутой поворот и скрылись внизу. Все это длилось не больше нескольких секунд. Шум удалявшегося табуна постепенно утихал.

Бойко пощупал свою голову. Не сходит ли он с ума? Он не знал, что подумать. Как будто здесь, недалеко от него, произошло кровавое сражение... Но почему не уцелело ни одного всадника? И почему он не слышал выстрелов?.. Только один. Но что означал он? Бойко вдруг почувствовал необыкновенную слабость. Ноги его дрожали, как будто он только что поднялся после болезни. Он повалился на постель и забылся тревожным сном.

Иногда ему чудилось далекое ржанье, и он вздрагивал. Хромой конь, казалось, скалил зубы и уже не ржал, а хохотал ему в лицо...

В ужасе вскочил он и вот — бежит по степи, а рыжий жеребец преследует его, нагоняет, дышит в затылок горячим дыханием... На кургане виднеется группа людей. Их фигуры четко выделяются на фоне неба... Буденовки, похожие издали на старинные русские шлемы, придают стоящим на кургане людям вид древних витязей... Только бы добежать до них!.. Конь куда-то исчез... Вот он среди своих...

— Где ты пропадал? — строго спрашивает его политрук Качурин. Брови у Качурина сердито нахмурены, а в глазах веселые искорки прыгают — рад, что вернулся товарищ. Ванюша-Питерец, в прошлом — токарь по металлу, а теперь лихой кавалерист-разведчик, закадычный друг Бойко, тычет ему под ребра кулаком и, смеясь, горланит:

*Эх, яблочко,
Куды котисся,
К офицерам попадешь,
Не воротисся...*

— А ведь вернулся!

Смеется и Бойко. Радостно ему так, что даже дыханье захватывает.

— Товарищи, — говорит он прерывающимся от волнения голосом и протягивает руку Качурину. А у Качурина — рыжая лошадиная морда смеется опенным оскалом длинных белых зубов и смотрит на Бойко большим, круглым, скошенным, кровавым глазом:

— Попался!

Бойко издает протяжный стон и ворочается на постели пещерного жителя...

Только когда первый луч солнца зажег уступ пещеры, Бойко забылся нако-

нец крепким сном.

IV. Пещерный житель в осаде

Солнце уже стояло высоко, когда Бойко проснулся. Он вышел из пещеры и с удовольствием вдохнул свежий утренний воздух. От бурных потоков не осталось и следа. В обмелевшем русле струились небольшие ручьи. Синицы порхали в кустах можжевельника. Дятел деловито долбил ствол старой сосны. Солнце золотило поляну и наполняло яркими пятнами буковый лес. Ночные страхи Бойко исчезли, как бушевавшие потоки. Он пошел вправо, вдоль отвесных скал, беззаботно насвистывая, перешел небольшой перелесок, вышел на новую поляну и вдруг остановился в изумлении.

Посреди поляны стоял небольшой табун коней. Животные мирно щипали траву, помахивая хвостами. Некоторые кони стояли парами и дремали, положив головы друг другу на спину. Это, очевидно, был тот же табун, который миновавшей ночью пробежал по поляне. Бойко узнал хромого жожака — красивого жеребца рыжей масти, с крутым выгибом шеи и сильно развитыми мускулами ляжек. Его грациозные, несмотря на поврежденную ногу, движения и нервные, трепещущие ноздри говорили о хорошей крови. Недалеко от рыжего красавца стояла черная кобылица с белыми ногами.

«Донская», — решил Бойко. Возле кобылицы стоял небольшой жеребенок-сосунок. Несколько низкорослых коней могли принадлежать к местной крымской породе.

«Странное сборище», — подумал Бойко. Было ясно лишь одно — все эти кони принадлежали кавалерийским частям. Об этом свидетельствовали сохранившиеся на некоторых из них седла. Кони терлись о деревья и пытались сорвать зубами седла — этот символ их порабощения человеком.

Бойко тихо стоял в зарослях можжевельника, наблюдая эту картину.

Вдруг рыжий жеребец начал поводить ушами, как будто к чему-то прислушиваясь, и потянул воздух расширенными ноздрями. Широкая грудь его напряжилась. Он был необычайно красив в эту минуту. Откинув голову еще больше назад, он сильно, протяжно, призывно заржал. И, как по военному сигналу, бросился вперед — в атаку. Весь табун стремительно последовал за ним.

В первое мгновение Бойко подумал, что коней испугал кто-то, находившийся позади них. Но рыжий жеребец бежал прямо на Бойко, с пеной у рта и налившимися кровью глазами. Бойко, охваченный ужасом, бросился назад. Он слышал за спиной приближающийся топот копыт. Прыгая через камни и стволы поваленных бурей деревьев, Бойко бежал к пещере. Миновал перелесок, перепрыгнул через русло горной речки и упал под откос у входа в пещеру. Кони настигали его. Бойко на четвереньках вполз в пещеру, едва успев подбросить ноги от лошадиных копыт. Рыжий жеребец с такой стремительностью преследовал его, что с разгону ударился грудью о выступ скалы, пошатнулся и захрипел. Оправившись, он сделал попытку войти в пещеру. Он мотал головой, стараясь просунуть ее. Ему удалось это, но плечи не входили в расщелину. Бойко видел перед собой скошенный, большой, круглый, налитый кровью глаз и покрытую пеной морду с оскаленными зубами. Этот большой, умный, пылающий гневом глаз был страшен! Конь хрипел и, опершись на больную ногу, пытался правою проникнуть в пещеру как можно дальше и ударить человека. Но Бойко, бледный и задыхающийся, стоял в трех шагах от входа. Конь

бил копытом каменистую почву, выбивая искры, и злобно взвизгивал. Бойко никогда не слышал такого странного лошадиного визга. За рыжим жеребцом, в нетерпеливом ожидании, толпились другие кони. И Бойко чувствовал всем своим существом, что их наполняет звериная злоба. Да, это уже не были привычные домашние животные! Это были дикие звери, враждебные человеку. Они как будто мстили ему за тысячелетия рабства, за безропотный труд, молчаливые страдания и незаслуженные обиды.

Почувствовав себя в безопасности и несколько успокоившись, Бойко опустился на землю. Сквозь расщелину входа он видел лошадиные ноги, бившие каменистую почву. Удары ног становились все реже. По-видимому, и кони поняли, что враг недоступен. Рыжий жеребец вынул голову, повернулся задом, лягнул несколько раз и отошел. Однако табун не уходил.

«Долго ли они будут меня держать в осаде?» — думал Бойко. Его мучили голод и жажда. Бойко осмотрел пещеру.

У костра, на уступе скалы, он нашел пару сухарей. В котелке осталось несколько капель «чая». На этот раз он показался Бойко отвратительным, но выбора не было. Бойко позавтракал и, утомленный, уснул.

И опять — полубред-полусон. Ему снились боевые товарищи, походная жизнь, с ее неожиданностями, тягостью неудач и радостью побед.

— Получен приказ готовиться к наступлению, — говорит Качурин. — Надо прикончить это осиное гнездо в Крыму. — И Бойко чувствует, как в его груди поднимается знакомая волна радости от этого бодрого слова «наступление»!..

Когда он проснулся, был уже вечер. Сон взволновал Бойко. В самом деле, может быть, там, на севере, готовится наступление, а он сидит тут, как пещерный житель, — и ведет нелепую войну с лошадьми. И он решил покинуть пещеру, как только кони снимут осаду, и пробираться на север.

Бойко выглянул из пещеры, в надежде что табун ушел. Но враги по-прежнему находились вблизи. Надо было принимать какие-то меры.

«И куда это запропастился Петр? У него хоть винтовка была, — думал Бойко. — Чем бы отогнать коней?» Ему пришла мысль: зажечь костер и бросать в лошадей горящими сучьями. Он нашел спички, но хвороста не было.

Бойко решил сжечь кровать. Он разложил костер и начал бомбардировать коней горящими сучьями. Это помогло. Кони сердито храпели и отходили все дальше. Путь был очищен...

Подождав немного, Бойко уже хотел покинуть пещеру, как вдруг услышал шум над головой. Откуда-то сверху скатился человек с ружьем. Это был Петр.

— Вот это вы хорошо придумали, — сказал он. — Проклятые животные! Они совершенно одичали...

Достав из сумки сухари, Петр начал грызть их крепкими зубами с жадностью здорового, сильно проголодавшегося человека, не переставая в то же время говорить.

— При каждой эвакуации часть лошадей оставалась брошенной на произвол судьбы. Они уходили в леса и здесь быстро дичали.

— Но почему они нападают на людей? — спросил Бойко. — Мне приходилось слышать, что дикие лошади очень боязливы и убегают при виде человека.

Петр, прищурив глаз, с трудом откусил большой кусок сухаря.

— В этом уж сами люди виноваты. Видите ли, какая штука. Татары вначале

ловили одичавших лошадей и оставляли у себя. Но и наши и...

Бойко насторожился. Неужели Петр сейчас проговорится, к какой армии он принадлежит? Он сказал «наши и...». Скажет ли он теперь «красные» или «белые»?

Но Петр, очевидно, спохватился. Он начал сильно кашлять, как будто крошка попала ему в горло, и потом сказал:

— Наши и враги, вступая в Крым, само собой разумеется, начинали с реквизиции военных лошадей, захваченных населением. Тогда татары — да и русские тоже — начали попросту убивать лошадей в лесу. Шкуру продавали, а мясо ели.

«Очевидно, Петр немало прожил в лесу, — подумал Бойко. — Что же удерживает его здесь?»

— Так создался в Крыму новый промысел, — продолжал Петр, — охота на одичавших лошадей. Да, грешен и я в этом. Днем охотиться на них невозможно. Чуткость этих животных удивительна. Не успеешь подойти с ружьем — вожак заржет — и табуна как не бывало. Только ветки затрещат в лесу. Поэтому я охотился больше ночью, когда лошади дремлют. И то надо подходить с подветренной стороны и следить, где стоит сторожевой. У него всегда голова поднята и ушки на макушке.

Покончив с сухарями и отхлебнув из котелка, Петр продолжал, вытирая по привычке нависшие усы:

— Однажды я подстрелил жеребенка. Кобылица, а вслед за нею и весь табун бросились на меня. Мне пришлось спастись на дереве. Табун продержал меня в осаде двое суток. И ведь умные животные! Они ходили на водопой по очереди, а меня чуть не уморили голодной смертью. Да и уморили бы, если б на мое счастье случайно не пришли в лес охотники-татары. Испугавшись целого отряда людей, лошади убежали.

— А вас не тронули эти охотники? — не удержался от вопроса Бойко, интересуясь узнать, какие отношения у Петра с местными жителями.

Петр погладил свои усы и, улыбнувшись, сказал:

— Меня? Зачем я им? За мою шкуру много не дадут. Да они меня и не видали. Я сидел в ветвях дерева... С этого самого жеребенка, может, и началась эта лошадиная война. Лошади начали бросаться на людей. А у меня с ними с тех пор прямо не на жизнь, а на смерть борьба идет. Ходи, да оглядывайся. Из-за них я даже хотел бросить эту пещеру, да жалко, уж очень удобная квартира. И хуже всех рыжий жеребец. Сегодня ночью я подстрелил, кажется, этого рыжего черта. Но пока я не убью его, я не могу быть спокоен.

— Почему вас не было так долго? — спросил Бойко.

— А потому и не было. Кони стерегли. Они хорошо знают мою квартиру. Ожидал, когда уйдут подальше на новое пастбище. Устал, как собака. Эх, и кровати нет! Ну, ничего, поспим и так. Завтра я не я буду, если не уложу рыжего. Спокойной ночи. — И Петр, растянувшись на земле, уснул.

V. Месть одичавших коней

Утром, попив чаю и позавтракав сухарями, Петр сказал:

— К обеду будем есть конину. Сдерем шкуру и продадим татарам. — Взяв винтовку, Петр вышел из пещеры.

— Вы далеко не ходите, — сказал он Бойко. — Я уже знаю все их повадки.

Он пошел вдоль опушки леса вниз по поляне. Бойко следил за ним, стоя

недалеко от пещеры.

— Вон он, рыжий дьявол! — крикнул Петр.

Бойко еще ничего не видел, но услышал знакомое тревожное ржанье. Скоро на поляну вышел рыжий жеребец, сопровождаемый табуном. Петр, отделившись от группы деревьев, смело пошел ему навстречу. Кони на этот раз приближались к врагу-человеку ровной рысью. Но, несмотря на это спокойствие, казалось, обе стороны сознавали, что настал час решительной битвы.

Петр с прежним хладнокровием подпустил врага, нацелил в грудь рыжего жеребца и спустил курок. Но ружье дало осечку. Прежде чем Петр успел выбросить патрон, весь табун, вслед за рыжим жеребцом, перешел с рыси на бешеный карьер. Петр бросился к деревьям, но черная донская кобылица уже отрезала ему путь отступления. Еще мгновение — и Петр оказался окруженным лошадьми.

Они хватили его зубами и взвизвались на дыбы, стараясь копытами раздробить голову. Петр увертывался от ударов и бил лошадей прикладом. Скоро его винтовка была выбита из рук. Ухватив за гриву черную кобылицу, Петр одним прыжком вскочил к ней на спину и начал изо всех сил бить ее пятками в бока, надеясь, что она вынесет его из табуна. Лошадь взвизвалась штопором, пыталась ухватить всадника зубами, падала на колени, но Петр был, очевидно, опытным наездником, знавшим фокусы своенравной лошади. Несмотря на все ее ухищрения, не переставая руками и ногами отбиваться, он еще держался.

Без мундштука и шпор Петр не мог заставить кобылицу вынести его из табуна. Однако сами кони помогли ему в этом. Они вздымались над кобылицей и, желая ударить Петра, больно били копытами в спину и бока кобылицы. Она захрипела под этими ударами и бросилась бежать по поляне, преследуемая табуном. Петр бил лошадь кулаками по глазам, пытаясь повернуть ее к опушке леса, где он мог ухватиться за сучья деревьев. Избегая сыпавшихся на нее ударов копыт, она сделала полукруг по поляне, приблизившись к месту, где стоял Бойко.

На мгновение глаза Бойко встретились с потемневшими глазами Петра. В этом мимолетном взгляде расширенных глаз Петра Бойко почудился упрек. В самом деле, почему Бойко не приходит ему на помощь? Он просто не успел опомниться, так неожиданно развернулась эта смертельная схватка. Бойко выхватил из кармана револьвер и, не думая о том, что оставшиеся четыре пули он хранил на случай самозащиты, — бросился наперерез и выпустил весь заряд. Один конь, раненный пулей в живот, взвизгнул и поднялся на дыбы, другой упал на всем ходу, перевернулся через голову, тяжело поднялся, упал на передние ноги, опять поднялся и, шатаясь, с протяжным хрипом отошел в сторону, как раненый воин, выбывший из строя.

Табун круто повернул направо и помчался к опушке...

Вот они летят над густыми буками. Петр протягивает руки, но они не достают до ветвей. Петр приподнимается, он уже стоит на спине обезумевшей лошади и хватается за ветви крайнего дерева. Ветвь под тяжестью тела опускается... Петр подтягивается на руках и поджимает ноги, чтобы избежать ударов копыт.

Низкорослая, лохматая лошадь ухватила Петра зубами за ногу и, присев на задние ноги, тащила на землю. В то же мгновение рыжий жеребец, подтяв-

шись на дыбы, ударил Петра копытом в спину. Петр упал. Он судорожно пере-дернулся еще несколько раз на земле, но борьба была уже окончена. Десятки копыт топтали его тело.

Все это произошло с необычайной быстротой. Бойко стоял, окаменев от ужаса.

Как будто насладившись мезтью, рыжий жеребец шумно вздохнул сквозь широко раскрытые ноздри, поднял голову, издал призывное ржанье и крупной рысью поскакал к лесу, стряхивая с морды окровавленную пену. За ним последовали другие кони.

VI. Находка в пещере

— **П**огиб! — тихо произнес Бойко.

Подавленный ужасом виденного, он вернулся в пещеру. Ему тяжело было оставаться здесь. Бойко вновь неудержимо потянуло к привычным опасностям революционной жизни. Но перед уходом ему все же хотелось разрешить вопрос, кто был этот смельчак и хороший наездник, так трагически погибший. Бойко решил тщательно осмотреть пещеру.

К своему удивлению, он заметил, что пещера не замыкается скалой, а имеет узкий проход. Он взял спички, зажег лучины и проник через этот проход в другую пещеру, больших размеров.

Здесь, по-видимому, была тайная кладовая пещерного жителя. В углу лежал мешок с сухарями и две коробки сахара. На полу валялись жестянки из-под консервов, два старых мешка и изорванная чадра. Бойко, окончив осмотр, уже направился к выходу, как вдруг в расщелине скалы он заметил старую газетную бумагу. Он вынес находку на свет, развернул газету и нашел в ней небольшое, простенькое колечко с бирюзой и сложенный вчетверо лист плотной, синеватой бумаги.

Это было письмо, адресованное французским комиссаром в Крыму одному из белогвардейских генералов. К письму была приложена пачка документов, написанных на французском языке. А на обратной стороне письма была полустертая надпись, сделанная карандашом рукой полуграмотного или больного человека. Буквы прыгали и как бы валялись в сторону. А может быть, их писал человек, сидя на седле едущей лошади? «Пе-ред-ать... в шта... Крас... ар...».

— Недурная находка, — пробормотал Бойко, усмехаясь, и глаза его заблестели. — Ради этого стоило задержаться в Крыму! Немало франков дали бы французы за то, чтобы получить обратно эти бумаги, если уж они не дошли по назначению... Интересно, сколько рук прошел этот пакет и кто сделал карандашную надпись? Так вот какую драгоценность, вместе с колечком, хранил Петр в своей пещере!..

Положив в карман находку, Бойко вышел из пещеры, оглянулся еще раз на кровавое пятно и начал бодро карабкаться по склонам горы...

Туда, на север, к своим — во что бы то ни стало!

Верхом на ветре

— **П**ощады! Пощады! Пожалейте детей, не делайте сиротами! Пощады! Поощады!..

Эти бабы испортили всю торжественность церемонии. Как они прорвались через цепь солдат? Генерал-капитан Буэнос-Айреса, диктатор Розас, нахмурился. Его рыжий английский скакун нервно перебирал ногами — детский и женский крик действовал на нервы лошади гораздо сильнее, чем на нервы седока. Женщины окружили лошадь, кричали «Пощады!» и протягивали к Розасу плачущих младенцев. Но «человек железа и крови», как звали его, не знал жалости. На его бритом лице с большим носом и бачками на щеках не выражалось ничего, кроме досады на случайное нарушение порядка.

Высокомерный, гордый, в мундире с высоким воротником и в шляпе с плюмажем, он сидел на лошади так неподвижно, что его можно было принять за статую. Наконец крики ему надоели. Не поднимая руки от поводов, он приподнял указательный палец и сказал тихо, но внятно:

— Уберите женщин!

Адъютант отдал приказ офицерам, офицеры — солдатам, солдаты нехотя начали отгонять плачущих женщин. Площадь очистилась. Прямо перед Розасом виднелись пятьдесят столбов в рост человека с привязанными к ним полураздетыми солдатами. По левую и правую стороны от него стояли войска. Посреди площади, между Розасом и столбами, лицом к привязанным людям — цепь стрелков с ружьями наготове. За столбами виднелась груда человеческих тел. Розас производил суд над пойманными дезертирами армии. Заодно расстреливались и личные враги Розаса. Сегодня был большой день. С утра над площадью висела дымовая завеса, которую не мог развеять даже довольно сильный ветер, и слышались залпы. То диктатор Розас правил страной.

Когда вопли женщин и детей замолкли вдали, Розас махнул платком. Сухой треск выстрелов прокатился над площадью, и еще один ряд привязанных к столбам полураздетых солдат склонил головы.

Внезапно наступило затишье. Вероятно, Санта-Анна, кавалерист, стоящий невдалеке от Розаса в строю, не ожидал этой паузы, и его голос довольно явно прозвучал в зловещей тишине:

— Гнусный палач!..

Мускулы лица Розаса чуть-чуть дрогнули. Он тронул повод. Лошадь — подарок одного скотопромышленника, недавно вернувшегося из Англии, легко перебирая ногами, приблизилась к лошади Санта-Анны. Розас впился в глаза кавалериста своими черными глазами, как бы желая пронзить его насквозь, потом тем же спокойным, несильным, но довольно внятным голосом сказал:

— Или я ослышался? Повтори, что ты сказал!

Лицо Санта-Анны побледнело, а грудь высоко поднялась, как будто он опустил в холодную воду. Тысячи глаз смотрели на него с любопытством и страхом. Санта-Анна молчал. Улыбка скользнула по губам Розаса. Презрительная улыбка была той искрой, которая подожгла в душе Санта-Анны пороховую бочку испанского самолюбия и гордости. Он поднял голову и, не спуская глаз с Розаса, отчетливо сказал:

— Сеньор генерал-капитан! Я сказал, что ваша милость — гнусный палач!

— Хить! — В воздухе раздался короткий возглас Розаса, похожий на свист

хлыста, рассекающего воздух. В то же мгновение лошадь диктатора, вздернутая сильной рукой, поднялась на дыбы. Задние ноги ее плясали, а передними она махала в воздухе. Лошадь двинулась на Санта-Анну, как будто вызывая его на партию бокса. Лошадь кавалериста также поднялась на дыбы, но не пошла навстречу английскому скакуну, а, сделав поворот на месте в девяносто градусов, поскакала прочь. И она, конечно, вынесла бы своего седока на простор пампас так же, как не раз выносила его из гущи сражения, если бы чьи-то руки не ухватились за плечи Санта-Анны. Он был сдернут с седла, а лошадь, едва не перевернувшись навзничь, поплясала на задних ногах и умчалась за линию войск.

Четыре солдата повисли на руках Санта-Анны, который стоял не сопротивляясь. Розас хмурился. Он был недоволен, что не сдержал гнева и унизил себя до того, что бросился на солдата. За это он возненавидел Санта-Анну еще больше.

— Расстрелять! — сказал он небрежно и посмотрел на тени на земле. Затем он вынул великолепный золотой брегет и самодовольно улыбнулся. Недаром в детстве он жил среди гаучо: он безошибочно определял время по тени. Стрелки часов показывали ровно двенадцать. Пора обедать. Розас вставал очень рано, обедал в полдень и потом предавался в самое жаркое время сиесте. И он повернул лошадь по направлению к городу. Казнь может совершаться и без него.

— Ну что же ты? Марш к столбам! — приказал офицер.

Санта-Анне нечего было терять. Он ухмыльнулся и дерзко ответил:

— Я всегда привык видеть начальство впереди. Идите вы, если вам нравится, а я за вами.

— Это бунт? — взвизгнул офицер и приподнял хлыст.

— Идем, товарищ, от смерти не убежишь! — сказал солдат, дергая за руку Санта-Анну, но тот упирался на каждом шагу. И вот, когда они были уже всего в двадцати шагах от столбов, случилось нечто, чего никто не ожидал. Откуда-то вихрем налетела лошадь Санта-Анны и со всего размаху боком ударилась в группу солдат, тащивших его хозяина. Это был мастерский удар, которому она научилась в то время, когда Санта-Анна не был еще солдатом, а батрачил у одного из помещиков. У гаучо была любимая, довольно жестокая забава: когда клеймили скот каленым железом и обезумевший от боли бык бросался в степь, считалось лихим молодечеством догнать его на скакуне и свалить с ног ударом груди лошади поперек туловища. И вот теперь лошадь Санта-Анны очевидно решила, что с ее хозяином хотят проделать нечто скверное, — более скверное, чем клеймение железом. Недаром он упирался и не хотел идти. Недаром эта площадь пропахла кровью, как поле сражения. Да, лошадь Санта-Анны видела виды и понимала своего хозяина без слов.

Удар получился на редкость удачный. Все солдаты полетели вверх тормашками. Правда, вместе с ними упал и Санта-Анна. Но он-то скорее всех понял, в чем дело. Его лошадь уже стояла как вкопанная, ожидая своего хозяина, а он не заставил себя ждать. И прежде, чем первый из упавших солдат поднялся с земли, Санта-Анна уже скакал далеко-далеко, распевая песню.

— Вперед! За ним! В погоню! — кричал офицер, но солдаты только безнадежно отмахивались руками.

— Как вы смеете не слушаться меня? Что это — заговор, военный бунт? —

сердился офицер.

— Не горячитесь, сеньор, — ответил старый кавалерист. — Гнаться за Санта-Анной безнадежно. Ведь Санта-Анна улетел верхом на ветре!

— Что ты сочиняешь, осел? Он ускакал на обыкновенной лошади.

— Я утверждаю, сеньор, что он улетел верхом на ветре. Это необыкновенная лошадь. Такой, может быть, никогда не было и уж, наверно, не будет в пампасах. Ведь ее так и зовут: Эль-Виэнто (Ветер). Разве можно догнать ветер?

— Но я приказываю вам! Марш без рассуждений, хотя бы

Санта-Анна оседлал черта! Если он не будет доставлен сегодня же к тому времени, как сеньор генерал-капитан поднимется после сиесты, то вы потеряете свои головы. Марш!

Несколько солдат, уныло тряхнув головой, поскакали следом за Санта-Анной. Они кричали, понукали своих лошадей, били их хлыстами. Но и для офицера было ясно, что лошадь Санта-Анны превосходит всех лошадей в быстроте. «Однако, что теперь будет, если они не догонят беглеца? — думал офицер, страшась гнева диктатора. — Может быть, он забудет?.. А если он не забудет... Была не была! Скажу, что Санта-Анна расстрелян».

Розас не забыл. В тот же вечер он спросил адъютанта, а адъютант — офицера, расстрелян ли дерзкий солдат Санта-Анна.

— Расс...стрелян, — ответил офицер, читая в душе молитву и прося Иисуса и Марию, чтобы его обман не всплыл наружу.

* * *

А Санта-Анна в это время уже несся по необъятной степи. Он родился и вырос в пампасах. Ездить верхом он научился чуть ли не раньше, чем ходить. Он не мог представить себе жизни без лошади. Недаром у него были кривые ноги, как у всех гаучо. Его ноги были вторыми «задними руками», которые умели крепко обнимать бока лошади. Он и лошадь как бы составляли одно существо, подобное кентавру. Когда он сходил с лошади, то сразу становился беспомощным, как инвалид, снявший артистически сделанные протезы ног. Он не мог и не любил ходить пешком. Дома, когда он занимался хозяйством, он иногда садился на лошадь, чтобы привезти бочку, стоящую в ста шагах, и вообще много делал такого, что казалось бы, гораздо удобнее делать пешему. Лошадь была его крылатыми ногами, притом умными ногами. Когда он сидел в седле, ему можно было ни о чем не думать или думать обо всем, совершенно не заботясь о дороге.

Как хорошо скакать на добром коне по степи, когда она покрыта высокой травой — выше головы всадника! Здесь нет ни гор, ни озер, ни лесов. Степь, беспредельная степь, настоящее море травы, колыхающееся, как волны под дыханием ветра. И какая изумительная тишина! Пампасы молчаливы. Даже птицы здесь почти не поют и только иногда мелодично перекликаются. Ветер все время поет тихо и ритмично в травах и ковыле, как эолова арфа. Летишь вперед, все вперед, и кажется, будто в самом деле ты оседлал ветер. А иногда кажется, что всадник и лошадь стоят на месте, а земля несется с бешеной скоростью навстречу, и чтобы не умчаться назад вместе с землей, лошадь должна все время перебирать ногами — отбиваться от летящей под копыта земли. Но приятнее думать о том, что ты как ветер несешься поверх травы. Нет больше ничего, кроме сияющего неба над головой, кроме душистого ветра, обдувающего лицо и треплющего полы темно-оранжевого плаща — пончо, кроме

травы и лошади под тобой. Никаких Розасов, диктаторов, крови. Нет утомительных походов на патагонцев, нет стонов раненых, нет воплей детей, матерей и жен...

Виэнто нельзя назвать красавцем. Голова у него довольно большая, уши еще больше. Сочленения толстоваты, хотя и общие пропорции правильны. И у него нет никакого щегольства. Когда он идет своей будничной походкой, он часто опускает голову и волочит ноги. И никто не сможет сказать, глядя на его невзрачную внешность, какая неистощимая энергия заключена в этом теле.

Нет ничего легче, чем управлять этой лошадью. Ее шея — самый чувствительный гальванометр. Довольно малейшего прикосновения пальцем к шее, как лошадь изменяет аллюр, поворачивает в сторону, неподвижно каменеет на месте или даже ложится на землю. Да, она беспрекословно слушается пальца хозяина, но только до тех пор пока... пока хозяин не ошибается. Санта-Анна никогда не заставляет лошадь поступать против ее воли. Ему не нужен хлыст, не нужны и шпоры. Для них обоих высшее наслаждение в жизни — мчаться вперед по беспредельной степи. И пока все благополучно — пускай хозяин играет на шее лошади, как виртуоз на музыкальном инструменте, извлекая тончайшие оттенки музыки движения. Но в решительные минуты Виэнто сам знает, что делать. Вот и сегодня. Кто подсказал ему выкинуть такую веселую штуку, которая спасла жизнь хозяину?

Санта-Анна усмехается и треплет лошадь по шее. Виэнто отвечает помахиванием хвоста и прядет ушами. Приятно чувствовать знакомую тяжесть тела любимого хозяина на своей спине. Вдвоем они умнее и сильнее. Он дает человеку свои быстрые ноги и острые чувства. А чувства у него острее не только человеческих, но и чувств его европейских собратьев. У тех конюшня притупила остроту обоняния и слуха. А у Виэнто? — Он может слышать за несколько километров.

Однако куда он несет Санта-Аниу? К бедной деревушке, к землянке — «ранчо», в которой живет жена Санта-Анны. Не опасно ли теперь возвращаться домой? А впрочем — Виэнто прав. Кому же придет в голову, что приговоренный к смерти, беглец, дезертир поедет к себе домой, как во время отпуска?..

Виэнто примчал Санта-Анну прямо к землянке и остановился как вкопанный. Несколько часов без передышки бешеного карьера. И ничего! Только бока немного подвело.

Жена бросилась к Санта-Анне, но он довольно резко остановил ее, проговорив всего:

— Давай скорее мешок лепешек и мяса! За мною погоня!

Жена не испугалась, не заплакала. Она привыкла к печальным неожиданностям жизни. Через три минуты она подала ему мешок с кукурузными лепешками, домашним сыром и жестким жареным мясом. Санта-Анна, не слезая с лошади, подхватил с земли трехлетнего сынишку, выбежавшего из землянки, поднял, опустил на землю, потрепал по плечу жену и, положив мешок на седло позади себя, крикнул, уже отъезжая:

— Если заедут солдаты, скажи, ты не видала меня.

* * *

И опять непрерывная степь и мягкое колыхание в седле. Санта-Анна едва заметно притрагивается к шее лошади, и та останавливается. Он становится во весь рост на седле и, прикрыв глаза ладонью от лучей солнца, смотрит на-

зад, в беспредельную даль. Заходящее солнце золотит его бронзовое от загара и примеси индейской крови лицо. Зоркие глаза впиваются в линию горизонта. Но там ничего подозрительного. Ни одной точки, похожей на всадника.

Солнце погасло, погасло небо, зажглись звезды. Где-то в болотце заквакали, застонали голосистые лягушки. Степной ветер утих. Ветер-Виэнто также замедлил свой полет. Пора было подумать о ночлеге. Санта-Анна мог преспокойно уснуть, сидя на лошади. Даже мертвый, он не выпал бы из седла. Он видал не раз, как лошади вывозили с поля сражения убитых гаучо. Они так и застывали в седле, и их нелегко было снять с лошади. Санта-Анна мог спать в седле, как в колыбели. Но Виэнто нуждался в отдыхе, пище и питье. Сегодня для него выпал тяжелый день. Ночью можно не опасаться погони.

— Стой, Виэнто! Довольно покатались, — сказал Санта-Анна, и лошадь тотчас остановилась. Он неохотно спустился на землю и сразу почувствовал себя инвалидом на обрубках-ногах. Седло снимать было опасно, и Санта-Анна только ослабил подпруги и пустил лошадь пастись. Она найдет лужу или ручей, чтобы напиться, хотя бы вода была за несколько километров. Для этого Виэнто достаточно только потянуть воздух широко раскрытыми ноздрями. А травы хоть отбавляй.

— Отдыхай, Виэнто! — Санта-Анна съел лепешку и, сняв через голову плащ, разложил его на траве и растянулся. И он сразу уснул крепким сном здорового человека, который проскакал весь день. Нервы его были в порядке, и мысль о том, что за ним гонится смерть, не мешала ему храпеть во всю силу легких.

Он не мог определить, долго ли спал. Проснулся он оттого, что почувствовал, как кто-то вытягивает из-под него плащ. А ему хотелось еще поспать! Но Санта-Анна умел так же быстро просыпаться, как и засыпать. Открыв глаза, он увидел, что небо чуть-чуть побледнело на востоке, над ним стоит Виэнто и нетерпеливо теревит плащ. Потом Виэнто, чтобы скорее разбудить хозяина, начал толкать его мордой в бок.

— Что ты, Виэнто? — спросил Санта-Анна, приподымаясь.

Лошадь многозначительно фыркнула. Санта-Анна понял, что Виэнто разбудил его неспроста. В то время, как он отдыхал, Виэнто зорко следил за горизонтом. Его уши и ноздри работали лихорадочно. И как только лошадь услышала далекий топот копыт и людской и лошадиный запах, она подбежала к своему хозяину и разбудила его. Может быть, то гаучо перегоняли табуны коней. Но лошадь знала, что время опасное и что надо быть ко всему готовым. Не прошло минуты, как Санта-Анна подтянул подпруги, вскочил на лошадь и встал во весь рост на седле. Да, его верный друг не ошибся. Кто-то скакал сюда. Это было похоже на погоню. Санта-Анна уселся в седло, и в тот же момент, не ожидая приказа, Виэнто рванулся вперед.

Виэнто успел отдохнуть и теперь бежал с такою же бодростью, как и вчера. Можно было подумать, что он переживает и волнуется гораздо больше своего хозяина. То, что происходило, было так понятно. Двунogie звери, оседлав четвероногих, гнались по пятам, и надо было спасать свою жизнь. Правда, солдаты преследовали Санта-Анну, а не Виэнто, но лошадь не отделяла себя от хозяина.

Восток розовел, и скоро вошло солнце, а с ним настал жаркий сияющий день. Эолова арфа натянула свои струны — ветер запел в траве однообразную, но мелодичную песнь. Засвистало в ушах Санта-Анны. Земля уходила назад.

Скакун поднимал ноги, чтобы пропускать ее под себя и отбрасывать назад вместе с преследователями. Скорее, скорее! Неподвижность и бешеная быстрота слились воедино. Санта-Анна застыл, как статуя, развязав все силы и всю сообразительность своей лошади. Теперь она руководила им.

Минуты текли за минутами, часы за часами. Где-то прозвучал далекий выстрел. С каждым часом расстояние между Виэнто и преследователями увеличивалось. Нет, не догнать! Разве можно догнать ветер?..

Санта-Анна касается пальцем шеи лошади. Она замирает на месте. Тогда он становится на свою живую вышку и смотрит. Никого не видно. Горизонт скрыл преследователей. Можно передохнуть Виэнто. Но лошадь не соглашается. Нет, нет, рано. Опасность еще не миновала. Вперед, вперед!.. шумит в ушах ветер, поет в ковыле. Бежит степная трава из-под ног лошади и уносит преследователей все дальше и дальше...

* * *

Санта-Анна определил по солнцу, что Виэнто, сделав огромный полукруг, направляется к Буэнос-Айресу. Это неплохое средство сбить преследователей со следа. Время от времени они встречали на своем пути стада коров и табуны лошадей. Изредка попадались конные пастухи-гаучо. Виэнто не убегал от них и не выражал никакого волнения. Он знал, кто враг.

Однако преследователи были не так уж глупы. Недаром вся жизнь гаучо проходит в непрерывной погоне и розысках умчавшихся в степь лошадей. И Санта-Анна, привстав на седле, неожиданно увидел вправо от себя всадника, мчавшегося ему наперерез. Он тронул шею Виэнто. Лошадь насторожилась, потянула ноздрями воздух, почуяла врагов и круто повернула налево. Но и там виднелись над высокой травой человеческие головы. Оставалось лететь вперед, по прямой, чтобы обогнать преследователей, прежде чем они выедут на линию бега Виэнто.

Лошадь не надо было подгонять. Казалось, что до сих пор она мчалась с предельной скоростью. Но то был только ветерок по сравнению с ураганом, который поднялся, когда Виэнто увидел врагов, нападающих с двух сторон. «Ветер двенадцать баллов», как сказал бы моряк. Да, Виэнто несся со скоростью шторма, пригнув голову к земле, чтобы легче было дышать и разрезать встречный ветер. Все свои силы, все внимание он бросил на то, чтобы развить максимальную скорость, на какую только были способны его железные мускулы.

Неожиданно он увидел перед собой невысокую стену, сложенную из необожженных земляных кирпичей. Объезжать ее не было времени — сзади наседали преследователи. И Виэнто, вытянувшись в струну, красивым движением перескочил стену.

Санта-Анна даже крикнул от удивления. Эта стена как будто отделяла однообразную степь от какого-то заколдованного замка, утопавшего в чудесном саду. «Замок» был довольно приземистым одноэтажным зданием, растянувшимся в длину. Но сад был великолепен. Прекрасные пальмы, кактусы, цветущие кустарники, клумбы, водоемы, фонтаны и цветы, целое море цветов! Идеально содержимые дорожки посыпаны белоснежным морским песком. Там и сям виднелись беседки, бельведеры, гроты. Контраст был так велик, что даже Виэнто замедлил шаг. Он прогалопировал по широкой пальмовой аллее и вдруг остановился как вкопанный, встретив на повороте человека в ярко-ма-

линовом шелковом халате и в феске с черной кисточкой. Человек посмотрел на Санта-Анну, Санта-Анна на человека в халате, и они узнали друг друга. Перед Санта-Анной стоял сам Розас! Виэнто в пылу бега занес своего хозяина на загородную виллу диктатора.

Розас побледнел, как будто перед ним явилось привидение. Он не был трусом. Наоборот, он был на редкость храбрым мужчиной. Но Розас, как все испанцы его времени, был суеверен. Быть может, ему в самом деле померещилось, что перед ним выходец из могилы. Ведь Санта-Анна был расстрелян.

— Ты... ты... что тебе надо? — спросил Розас неуверенным голосом. Санта-Анна также был смущен этой неожиданной встречей. Но он был на своем скакуне и потому не очень-то испугался.

— Я явился для того, сеньор генерал-капитан, чтобы спросить, не взяли ли вы назад свой приказ о моей казни?

— Я прикажу тебя казнить каждый день, если тебе мало одной казни! — крикнул Розас, приходя в себя.

— Гм... в таком случае, и я не беру назад своих слов. Вы — гнусный предатель! — уже издали крикнул Санта-Анна. Виэнто не позволил продолжать разговор и поскакал. Это было сделано вовремя. Несколько всадников-преследователей также перескочили через стену. Правда, увидав себя в царственно роскошном саду, они сдержали своих скакунов. Быть может, некоторые из солдат узнали, кому принадлежит этот сад. Но в то же время по всем дорожкам уже бежали садовники и работники с лопатами, палками, граблями, косами. Санта-Анна задорно свистнул. Разве можно задержать человека, который оседлал ветер? Виэнто прыгнул через клумбу, другую, через водоем, в котором плавали золотые рыбки. Все эти места были неприкосновенны для Розаса, а Виэнто относился к ним с полным пренебрежением.

Растоптав копытами несколько дорогих кустов цветущих роз, он вырвался из круга, перескочив через стену, и был таков. Все это заняло несколько минут.

Розас был чрезвычайно расстроен. Ему казалось, что это плохое предзнаменование. Он потребовал к себе адъютанта и задал ему такую баню, какой тот давно не видал. Попало всем: начиная с адъютанта и кончая солдатами, которые до сих пор не смогли поймать Санта-Анну. Офицер, обманувший адъютанта и Розаса, был разжалован в солдаты, несколько солдат жестоко избиты и посажены на хлеб и воду. Но этого было мало. Розас не мог успокоиться до тех пор, пока Санта-Анна не будет пойман и приведен к нему живым.

— Сто золотых песо... двести золотых песо тому, кто приведет ко мне Санта-Анну, связанного по рукам и ногам! — заявил диктатор. Он был очень скуп, как все испанцы, и если теперь не скупился на такую кучу денег, то, видно, ему немало досадила Санта-Анна. Надменный и гордый до смешного, Розас не мог примириться с мыслью, что какой-то солдат-гаучо безнаказанно оскорбил его и теперь рыщет по степи как ни в чем не бывало.

«Двести песо золотом за поимку Санта-Анны» — эта весть быстро облетела всех офицеров и солдат и почти со скоростью ветра достигла поселков гаучо и пастушьих стоянок. Но среди гаучо не нашлось предателей. Каждый из них ненавидел диктатора, и каждый понимал, что не сегодня завтра и его может постичь участь Санта-Анны. Они не шли на золотую приманку. Зато среди испанцев было немало разговоров о том, как бы заполучить увесистый мешок

золота.

Недавно произведенный за военные подвиги, совершенные спьяна, из солдат в офицеры Хозе-Родригес Папельяс поклялся на винной бочке, что не увидит своей покойной матери до тех пор, пока не поймает Санта-Анну. На его витиеватом языке это означало, что он готов посвятить всю жизнь до самой смерти этому благородному делу. Притом Папельяс недавно проигрался в пух и прах в карты и очень нуждался в деньгах. Он знал, что одному ему не поймать Санта-Анну, и потому пригласил в компанию нескольких таких же, как он, пьяниц и головорезов, надеясь в конце концов надуть их. Каждый из них, впрочем, лелеял ту же мысль — обмануть остальных и захватить всю сумму целиком.

Жадность и алчность — великая сила в том мире, где золото — бог. Во имя алчности люди могут совершать подвиги, не меньшие, чем во имя любви. Они могут недосыпать и недоедать, терпеть голод и холод, жертвовать жизнью, сделаться фанатиками и героями, превзойти себя...

Все это скоро почувствовал на себе Санта-Анна. Он не знал, что жизнь его оценена, — об этом ему сказали позже пастухи-гаучо. Но если бы они и не сказали ему, он сам догадался бы, — настолько изменился характер преследований. Его гнали, как собаки гонят зверя. Он имел возможность остановиться только на несколько часов, чтобы поесть, попить, дать передохнуть Виэнто, — и то лишь потому, что и его преследователи нуждались в таких же коротких передышках. Положение Санта-Анны было особенно тяжелым потому, что его преследователей было несколько, а он один. Притом они по обычаю гаучо имели каждый по две запасных лошади. Они гнали этих лошадей перед собой. Когда лошадь, на которой они ехали, уставала, они пересаживались на свежую. А Санта-Анна все время скакал на своем Виэнто. И это скоро начало сказываться. Даже Виэнто не мог вынести этой бесконечной погони. Он начал уставать.

* * *

А преследователи все гнали его вперед, дальше и дальше. Наконец он очутился в Сиерра-де-Кордоба — живописной горной стране. Обрывистые скалы были покрыты лесами, со скал падали водопады. Здесь было прохладнее, чем в степях на низине. Но преследователи и здесь не оставили его.

Однажды рано утром Санта-Анна почувствовал сквозь сон, что Виэнто будит его, по обыкновению дергая за пончо. Еще не открывая глаз, Санта-Анна протянул руку к седлу, лежавшему под головой, взял его, посмотрел на Виэнто и сразу понял, что опасность близка. Виэнто имел испуганный вид. Через две минуты Санта-Анна уже сидел в седле и осматривал окрестность.

Здесь труднее было заметить приближение врага, чем в степи: бугры, скалы, леса и перелески давали возможность преследователям укрыться. Санта-Анна находился на широкой поляне. Позади его была почти отвесная скала, за ней возвышались горы, поросшие лесом. А впереди были разбросаны кустарники. Санта-Анна не двигался и ожидал, что будет. Вдруг он услышал свист. Что-то вылетело из-за куста и понеслось по направлению к нему, вращаясь на лету, как колесо. Санта-Анна вздрогнул... Боллодор!.. три медных шара, обшитые кожей и привязанные к ремням или веревкам. Страшное метательное оружие гаучо. Вращающиеся шары опутывают веревкой ноги жертвы и ломают их... Уж лучше быть пойманным лассо.

Боллодор пролетел мимо. Он был пущен не особенно умелой рукой.

— Плохи наши дела, Виэнто! — тихо сказал Санта-Анна. Лошадь похлопала ушами и тряхнула головой, как бы соглашаясь с хозяином. Она стояла неподвижно. Надо выждать, как пойдет игра.

— Эй, вы, молокососы! Вам за мамкину юбку держаться, а не боллодор бросать! — крикнул Санта-Анна, вызывая врага на открытый бой.

За кустами послышались проклятия. Кто-то гикнул на лошадь, и сразу с двух сторон из-за кустов выехали два всадника. Они размахивали лассо, готовясь набросить петлю на Санта-Анну. Картина борьбы была еще не совсем ясна: в кустах могли скрываться другие всадники, но и от тех, которые выехали, надо было спасаться. Виэнто сделал прыжок в сторону. Брошенное лассо пролетело мимо. Всадники погнались за Санта-Анной. В то же время ему наперерез выскочил из-за кустов на коренастом коне сам Папельяс — Санта-Анна узнал его. Папельяс с криком направился на беглеца. Он размахивал боллодором, но так неудачно, что шар ударил его самого по руке и чуть не сбил с седла. Санта-Анна преувеличенно громко засмеялся. Испанец скрипнул зубами.

Позади Санта-Анны послышался свистящий звук, и чей-то боллодор едва не спутал ноги Виэнто. Шары зашуршали в траве, связав ее в узел.

— Не смейте метать боллодоры! — крикнул Санта-Анна. — Вы перебьете ноги лошади!

На этот раз засмеялись испанцы.

— Сдавайся, если тебе лошадь дороже жизни! — крикнул Папельяс. — А лошадка недурна. Я с удовольствием поезжу на ней, когда тебя повесят!

Началась игра, в которой призом было двести золотых песо, а проигрышем — человеческая жизнь. Санта-Анна бросил повод и предоставил Виэнто самому себе. А Виэнто проявлял чудеса изворотливости и сообразительности. Он делал самые неожиданные пируэты, сбивал врагов ложными поворотами, вставал на дыбы и переворачивался на месте, летел быстрее ветра, замирал неподвижно. У Санта-Анны руки были свободны. Он держал в правой руке большой нож, с которым никогда не расстается гаучо. Одна петля лассо уже была наброшена на него, но Санта-Анна быстрым движением ножа перерезал веревку. Второй раз ему удалось нагнуть голову и широко расставить руки так, что петля не опоясала его тела, а была отброшена назад. Но каждую минуту его могли поймать лассо или же перебить ноги Виэнто страшными боллодорами.

Если бы только удалось вырваться с этой поляны, пересеченной оврагами, на широкий степной простор! Там никто не угонится за Виэнто! Виэнто думал о том же. Он незаметно пробирался к краю поляны. Еще несколько кругов, несколько ложных скачков в сторону, и ему удастся обмануть бдительность врагов.

Виэнто сделал огромный прыжок через овраг. Он был уже по ту сторону щели, но тотчас он взвился на дыбы, захрапел и грохнулся на землю. Вокруг шеи Виэнто туго затянулась петля лассо. Вместе с лошадью упал на землю и Санта-Анна. Он не бросился бежать, а поспешил разрезать ножом веревку. Лошадь вздохнула свободнее и начала подниматься. Но она снова упала на землю.

— Беги, Виэнто! — крикнул Санта-Анна.

Виэнто забил ногами, но не поднялся. Веревка слишком сильно перетянула

ему шею, и он не мог быстро оправиться. Испанцы заревели от восторга. Санта-Анна и Виэнто были взяты в плен! Санта-Анну крепко связали веревками лассо и как мешок взвалили на круп лошади, за седлом солдата. А Папельяс начал поднимать Виэнто, сильно стегая его концом лассо. Потом, подойдя ближе, он стал бить животное шпорой в бок. Виэнто поднялся на ноги, покачался и вдруг побежал.

— Беги, беги, Виэнто! — крикнул Санта-Анна.

— Я ж тебя! — проворчал Папельяс и, обращаясь к товарищам, сказал: — Отправляйтесь в путь, я догоню вас. Эту дохлую клячу нетрудно будет поймать.

И Санта-Анну, привязанного к седлу, повезли в Буэнос-Айрес, чтобы выдать диктатору. Испанцы ехали довольно тихо — они поджидали Папельяса, который не догнал их до вечера.

— А не вернется, тем лучше! — сказал один солдат. — Доставим эту тушу, сдадим на руки, получим золото, да и поминай нас как звали!

Этот план был одобрен, и на следующий день солдаты гнали лошадей всю. Санта-Анна болтался, бился лицом о бок лошади и страдал от палящего зноя, от мух, от боли.

— Убейте меня! — просил он.

— Это удовольствие мы должны предоставить генерал-капитану, — отвечал солдат. — За живого зверя платят дороже.

* * *

Последнюю ночь перед Буэнос-Айресом Санта-Анна почти не спал. Ведь это была последняя ночь в его жизни! Завтра его казнят...

И вот в небе, среди тьмы и полной тишины вдруг зазвонили колокола. Звон был такой мелодичный, какого никогда не слышали испанцы у себя на родине. Что бы это могло быть? Кругом хоть целый день скачи — ни до какого монастыря не доскачешь. А колокола все звонили, как будто оплакивая Санта-Анну.

— Что это?.. — шепотом спрашивали друг у друга суеверные солдаты, крестились и шептали молитвы.

— Это в небе отпевают праведника — ангелы служат по мне панихиду, — ответил Санта-Анна, улыбаясь в темноте.

Колокола замолкли, и в то же время раздался чей-то безумный хохот, от которого у испанцев мурашки поползли по коже и зашевелились волосы на голове.

— А это дьяволы смеются, предвкушая удовольствие жарить вас на сковороде, когда вы попадете к ним в лапы, — продолжал Санта-Анна.

Солдаты поднялись, трясущимися руками оседлали лошадей и поскакали к городу — подальше от проклятого места, не ожидая утра.

А Санта-Анна усмехался. Он знал, что колокола были перекличкой в небе красивых птиц паламелей, а смеялась птица-пересмешница.

* * *

Санта-Анну засадили в тюрьму.

Когда наутро заскрипела дверь и хмурый сторож, чему-то ухмыляясь, сказал: «Выходи!» — Санта-Анна подумал: «Конец! Теперь не убежать. Виэнто нет, а без него не спастись...»

— Выходи! — настойчиво повторил тюремщик и вдруг, рассмеявшись, при-

бавил: — Ах, дурья голова! Совсем выходи! Нет больше Розаса, и не вернется. Свернули ему шею Урагвай с Парагваями. Сбежал Розас! Никому ты теперь не нужен!

Санта-Анна все еще не верил. Он осторожно вышел из тюрьмы и огляделся. Всюду было ликование. Розас действительно свернул себе шею. Быть может, его заместитель будет не лучше, но сейчас можно вздохнуть свободно.

Санта-Анна выпросил у знакомого солдата лошадь и направился к себе домой. Он радовался своей свободе, так неожиданно спасенной жизни.

Ласково потрепал он по щеке свою жену и долго забавлялся с ребенком. Но в душе его жила тоска по верном друге — Виэнто.

И каково же было удивление и радость Санта-Анны, когда в тот же вечер он увидел Виэнто, ковыляющего на трех ногах. Передняя правая нога была разбита. Санта-Анна, оставив сынишку, бросился к лошади, поцеловал в мягкие губы, обнял ее и начал исследовать рану. Рана была неопасная. Перелома не было. Санта-Анна принялся лечить, и через несколько дней Виэнто уже довольно уверенно стоял на четырех ногах.

— Ну-ка, скажи мне, старина, что с тобой было? — спросил Санта-Анна, поглаживая шею лошади.

А Виэнто уже давно хотел рассказать, что с ним было. И как только Санта-Анна уселся в седло, Виэнто побежал в степь, все в одном направлении, не желая сворачивать ни вправо, ни влево. Он направлялся по прямому пути к тому месту, где всего несколько дней назад был пойман Санта-Анна...

Вот они, знакомые места! Виэнто подошел к скалистому обрыву и начал стучать ногой, потом объехал вокруг и спустился в расщелину. Там на острых камнях лежал распростертый изуродованный труп Папельяса.

— Так ты прикончил его! — весело сказал Санта-Анна.

Как это произошло, лошадь не могла рассказать. Но Санта-Анна сам воспроизвел картину. Папельясу, очевидно, удалось поймать полузадушенного Виэнто. Он уселся на лошадь. Но Виэнто не смог снести такого оскорбления и предпочел погибнуть вместе с врагом. Он помчался к утесу и скатился вниз. Лошади посчастливилось: она отделалась ушибом, а человек...

Когда Санта-Анна поднялся наверх, он увидел неподалеку от места падения Папельяса его лошадь, пасущуюся на лугу. Седло еще держалось на ней, хотя и сползло набок. Санта-Анне не составило труда поймать эту добрую лошадку.

В последнюю ночь перед возвращением домой — это уже не была последняя ночь в его жизни! — Санта-Анна ночевал в степи, и опять звонили колокола и смеялась невидимая пересмешница.

— А ведь колокола-то звонили неспроста! — сказал Санта-Анна. — Только я не угадал, кого они хоронили. Они провожали в ад душу Папельяса. А пересмешница?.. Ну, конечно, она смеялась над Розасом! Виэнто, ветер пампы! Прокати меня так, чтоб в ушах свистело!

Дорогой Чандана

I. Господин младший коллектор

Ночь была темная. Низкие облака закрывали небо. Под утро на фоне посевшего неба обозначились бамбуковые заросли, а перед ними — очертания бунгало.

Перед верандой на площадке расположились, как изваяния, полуголые индусы. Первым у ступенек сидел худой и высокий старик. Его одежда состояла из набедренника и небольшого тюрбана. Это был райот (крестьянин) — арендатор Ашока. Он забрался сюда с вечера, чтобы занять первую очередь. Рядом с ним — его сосед Нанде, еще молодой индус с черными лохматыми волосами и задумчивыми грустными глазами, а дальше — Бандусар, рыжеватый, широкоплечий человек с вывороченными ноздрями широкого носа и раздвоенной губой.

В бунгало медленно и важно пробили часы. Пять... В тот же момент стеклянная дверь распахнулась, и на веранду вышли два полицейских-туземца в френче, форменной фуражке, шароварах и туфлях на босу ногу. Полицейские стали по обе стороны двери, вытянув руки по швам. Джемс любил торжественность!

Джемс был сыном земиндара (туземного помещика) и занимал должность младшего коллектора, совмещающего в своем лице и сборщика податей, и судью, и начальника полиции, и другие обязанности. Женат он был на метиске — дочери индуски и чиновника-англичанина. В сущности говоря, Джемс не был даже Джемсом, у него имелось туземное имя, но он поставил целью своей жизни походить во всем на англичанина и потому присвоил себе английскую фамилию.

Едва двери дома открылись, райоты поднялись и замерли в напряженном ожидании. Мистер Джемс явился — свежий, чисто выбритый. Своим темно-карим глазам он старался придать суровое, неумолимое выражение. Одет он был в легкий фланелевый костюм. В руке держал дымящуюся сигару. На минуту он остановился в дверях, сощурил презрительно глаза, — совсем как мистер Кент, старший коллектор, — и решительными шагами прошел к столу, стоявшему у барьера. Следом за Джемсом просеменил черный, как жук, мальчик-туземец. Он положил на стол две большие толстые книги.

Джемс раскрыл толстую книгу, на которую индусы смотрели почти с суевверным ужасом.

— Кто первый? — спросил он.

Ашока подошел к барьеру веранды (всходить на веранду туземцам было строжайше запрещено) и назвал себя.

— Ашока?.. Гм... Ашока... — бормотал Джемс, перелистывая книгу. — Так... С тебя еще не получен налог за прошлый год.

— Но в прошлом году был неурожай, — ответил Ашока дрожащим от волнения голосом.

— Поэтому тебе и дана была отсрочка. Срок прошел, и за тобой уже накопилась пеня.

— Но ведь в этом году тоже, можно сказать, неурожай.

— Об этом годе будет особый разговор. Ты не уплатил налог и за этот, и за прошлый год — и сегодня же твое имущество будет описано.

— Прошу вас, подождите, пока я сниму урожай, — Ашока низко поклонился.

— Следующий! — резко крикнул Джемс.

Ашока повел острыми плечами, как будто ему стало холодно.

— Дома ни одного коури! Подождите хоть до завтра!

— Завтра? Это последний срок.

Ашока низко поклонился, повернулся и, чтобы соблюсти приличие, медленно пошел по дорожке. Но по мере того, как он удалялся от бунгало, шаги его ускорялись. Длинные ноги старика, почти не сгибавшиеся в коленях, двигались, как ходули. Когда же он вышел на шоссе, то вдруг побежал так быстро, словно за ним гнались все дикие звери джунглей.

А перед верандой Джемса стоял уже новый проситель. Джемс очень быстро разбирал дела. Мольбы на него не действовали. Он давал отсрочку только на одни сутки, да и то лишь потому, что в этот день ему было лень заниматься описью имущества.

Все просители поступали так же, как и Ашока: получив отсрочку на один день, отходили от веранды и бежали следом за стариком.

Через час площадка опустела.

В одиночестве поработав на веранде еще с полчаса, Джемс отправился в деревню. Полицейский следовал за ним по пятам.

На полях шли работы. Завидев Джемса, райоты поворачивались к нему лицом и низко кланялись. Они не принимались за работу, пока он не проходил мимо.

Но когда Джемс вошел в деревню и твердым начальственным шагом направился вдоль жалких, слеplенных из грязи и крытых соломой хижин, эти звуки начали замирать, как меркнут краски с наступлением темноты. Взрослые, завидев издали его фигуру, старались незаметно скрыться или, отвешивая поясные поклоны, сворачивали с пути.

Джемс сметал всех со своего пути, как ветер сметает сухие листья. Знакомое сладостное чувство власти хмелило. Он казался себе иным, высшим существом. За ним стояла вся мощь Британской империи.

II. СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Ашока бежал по шоссе со скоростью зайца. Свернув с шоссе, старик побежал межю по косоугору, спускавшемуся к небольшой, почти пересохшей речке. Следом за Ашокой, приподняв руки и подпрыгивая, бежал Нанде, а за ним грузно топотал угрюмый Бандусар, дальше трусил охавший старик, еще дальше молодой индус, скаливший ослепительнобелые зубы. Несмотря на зной, пыль и раздражение, эти люди пытались еще шутить.

— Смотри, как выбрасывает свои длинные ноги Ашока! Совсем как верблюдов на Пенджабской дороге! — крикнул молодой индус, ни к кому не обращаясь.

И чей-то голос ответил за его спиной:

— Навострился! Каждый год так-то бегают к Назир-хану. Многолетняя практика.

А Ашока уже домчался до речки и, разбрызгивая воду, побежал по каменистому дну. Остановиться бы на мгновение, зачерпнуть в пригоршню воды и освежить пересохший рот. Но нет, нельзя. Обгонят... И Ашока, стиснув зубы, первым взбегает на пригорок.

Не все побороли искушение. Несколько человек остановились у реки и начали жадно пить. Эта река явилась как бы границей человеческой выносливости: немногие, перебравшись на ту сторону, нашли в себе силы бежать с прежней скоростью. Устал, смертельно устал Ашока. Но он собирал последние силы, потому что видел уже перед собою дом На-зир-хана.

Ростовщик Назир-хан был очень влиятельным лицом во всем округе. Он давал райотам-арендаторам займы деньги под чудовищные проценты и был неизбежен как смерть. Назир-хан процветал. Он скупал земли, продавал в городе слонов, буйволов и рис, отнятых у райотов за долги. Каждый день он выдавал в долг известную сумму денег, и ничто не могло заставить его выдать хотя бы одну рупию сверх этого. Тот, кто опаздывал, не получал ничего. Кредит на тяжелых условиях был наградой победителю в бегах.

Назир-хан, с лицом, похожим на бурдюк, сидел в тени веранды и зорко поглядывал на дорогу.

— Назир-хан!.. Дай десять рупий.

Ашока говорил хриплым задыхающимся голосом и цеплялся дрожащими руками за перила, чтобы не упасть. Но в душе старик торжествовал: он оказался первым.

Ростовщик не спеша надел очки, раскрыл толстую книгу и сказал:

— Я дам тебе займы только в том случае, если ты в залог дашь твоего слона. Сколько тебе надо? Десять. Напиши расписку на тридцать. Срок полгода и поручишься слоном.

Ашока отшатнулся. Отдать в залог слона! Слон составлял все его богатство!

— Я и так отдам. Не надо слоном!

— Как хочешь. Тебе что? — обратился он к подбежавшему Нанде.

Но тот ничего не мог выговорить и только хрипел. Чья-то рука протянулась из-за его спины, и послышался грубый голос Бандусара:

— Три рупии... мне... запишешь шесть.

Ашока видел, что нельзя терять ни минуты, и, ударив ладонью о перила, с болью в душе крикнул:

— Согласен! Пиши расписку со слоном! — И тихо прошептал себе в бороду: — Чтоб тебя кобра ужалила в печеньку, кровопийца!

Десять серебряных монет жгли руку Ашоки. Он сразу словно постарел, щеки втянуло, глаза провалились. Едва переступая разбитыми ногами, брел он по дороге. Теперь ему некуда было спешить.

Только вечером, перед заходом солнца, Ашока добрался до своей хижины. Посреди двора поднимался навес на столбах, под которым сидел его сын Крихна, красивый юноша с черными волосами, спускающимися до ушей, орлиным носом и темными быстрыми глазами. А в углу около дома приемная дочь Ашоки Бульбуле кормила ветками слона. Слон медленно брал ветки, скручивая хобот, и отправлял их в пасть. Глядя на эту мирную картину, Ашока вздохнул.

Когда-то у него была большая семья: шесть сыновей и четыре дочери, но все они, кроме Крихны, умерли в разное время от холеры, чумы, малярии, укуса змей и голода. Умерла и жена. Лет двенадцать назад, когда полдеревни вымерло от чумы, соседка привела к нему во двор Бульбуле, оставшуюся круглой сиротой, и сказала, что мать Бульбуле, умирая, просила его, как соседа, не оставить ее дочь. Ашока сам голодал со своим сыном и начал было отказы-

ваться, но маленькая черноглазая, живая, как обезьянка, девочка очень понравилась Крихне, и он упросил отца оставить ее. Подрастая, Бульбуле становилась хорошей хозяйкой.

Ашока кашлянул. Крихна посмотрел на него испытующе, но ничего не спросил, ожидая, что отец скажет сам. Но Ашоке трудно было говорить. Он быстро пересек двор, вошел в хижину, положил деньги в глиняный горшок, бросился на солому. Крихна и Бульбуле через дверь осторожно поглядели на старика. Он лежал неподвижно, с закрытыми глазами.

— Спит. Устал, — прошептал Крихна. — Придется подождать до вечернего костра.

III. Краснорубашечник

За деревней находилось большое огороженное место, куда загонялся на ночь скот. В нескольких десятках метров от ограды начинались джунгли. Тигры нередко делали набеги на деревню и убивали животных и людей. А так как туземцам строжайше запрещено иметь какое-либо оружие, то единственной защитой от страшных хищников был огонь. На поляне, между оградой и лесом перед наступлением темноты зажигался большой костер, пламя которого поддерживалось всю ночь. Этот костер являлся своего рода клубом дам односельчан. После тяжелых дневных работ собирались они сюда отдохнуть, побеседовать, посоветоваться. Многие общественные дела разрешались тут же. Ближе к огню, полукругом, лицом к лесу (спиной к лесу сидеть боялись) важно восседали старики, за ними молодежь и еще дальше, скрываясь в тени, подростки и женщины.

Крихна не ошибся: когда стемнело, Ашока встал и поплелся к костру. За ним туда же пошел и Крихна. Старики-райоты беседовали вполголоса. Они жаловались на тяжелые времена и обсуждали события последнего дня: сколько кто взял займы у ростовщика, за какие проценты и под какой залог.

— Ашока, — сказал Бандусар рокочущим шепотом, — напрасно ты отдал под залог слона, говорю тебе, напрасно. Так и считай: нет у тебя больше слона.

— Один конец. Так по крайней мере слон поработает на меня еще полгода, а если бы я не занял у Назир-хана, моего Тинти завтра же продали бы с торгов... — Помолчав немного, он добавил еще тише, словно боясь, как бы сама ночь не подслушала его: — Работаешь, работаешь, а себе ничего не остается. Плати за аренду земли, плати земельный налог, плати Назир-хану проценты, плати и плати!

— А ты не плати! — вдруг довольно громко сказал Бандусар.

Все с недоумением посмотрели на него.

— То есть как это — не плати? — спросил Ашока. — Разве ты не знаешь, что бывает с теми, которые не платят налога?

— Знаю. Если Ашока уплатит налог, а Нанде откажется платить, то у Нанде отнимут имущество, а его самого посадят в тюрьму. Но если и Ашока, и Нанде, и Бандусар — все, все откажутся платить, то всех не засадишь в тюрьму, такой и тюрьмы нет. — Понизив несколько голос, он продолжал: — Сам Мохандас Карамчанд говорил, что не надо платить налогов.

— Кто такой — Мохандас Карамчанд? — послышался голос из темноты.

— Махатма Ганди.

— А-а! Ганди! Кто же не знает Ганди!..

— Ганди не говорил о том, что не надо платить налогов, — возразил Нан-

де. — Он говорил, что Индию можно освободить не насилем, а верой, смирением и силой духа.

— Да можно ли ему верить?! Говорят, он подружился с этой хищной птицей — вице-королем...

Поднялся спор. Люди шептались с возрастающей горячностью. Но вот седой старик в желтой, как цветок чампака, одежде, с четками на костлявой груди поднял руку, и все замолчали. Это был санниази — святой жизни человек. Из его беззубого рта послышались шелестящие звуки.

— Не надо злобы. Не надо насилия. Где насилие, там и кровь. Она родит демонов мщения и новые ручьи крови. Призрачна наша жизнь, как звук гонга в ночи, как тень пальмы на прибрежном песке. Майя — великая иллюзия — царит в этом мире. Скрепите свое сердце ремнем терпения и готовьтесь к иной, высшей ступени бытия. Нирвана — великое безмолвие — награда совершенному...

Старик замолчал, словно набираясь сил. Тишина стояла чрезвычайная.

И вдруг со стороны джунглей послышался шорох. Несколько человек в испуге вскочили. Дежурные схватили головешки и начали размахивать ими, чтобы отпугнуть зверя.

На поляну вышел высокий человек в красной рубашке, с винтовкой за плечами. Он подошел к костру, громко поздоровался со всеми и уселся против полукруга стариков, спиной к лесу.

— Продолжайте вашу беседу, — сказал он.

— Чандан! Чандан! — послышались голоса.

Чандан был их односельчанин, уже несколько лет оставивший деревню и работавший на фабрике в Калькутте. Он уже давно не показывался в деревне. Его не сразу узнали — так он возмужал.

Разговор возобновился. Санниази вновь начал свою проповедь непротивления, смирения и долготерпения. Чандан слушал внимательно, а когда старик кончил, то заговорил сам громко и решительно. Отовсюду послышалось испуганное шиканье. Но Чандан и не думал понижать голоса.

— Запуганы? Пришиблены? — спросил он с презрительным сожалением. И, повернувшись к санниази, сказал: — Старик! Ты сначала заговори ружья и пулеметы, чтобы они не стреляли и не проливали крови, а потом проповедай мирение и непротивление. Легенда говорит, что Будда в одном из своих воплощений накормил собственным мясом голодного тигра. Так вот ты, старик, хочешь, чтобы мы последовали его примеру и дали себя сожрать тигру-англичанину. Не слушайте его, райоты! — обратился он к толпе. — Такие, как он и Ганди, играют на руку нашим врагам. Довольно вы терпели!

Долго говорил Чандан, и каждое его слово было как удар топора, врубающегося в глухие заросли. Он говорил о том, что силе надо противопоставить только силу. Он рассказал о повстанческих отрядах, которые разграбили арсенал в Чнтга-гонке и вооружились. Он призывал их присоединиться к повстанцам.

Райоты дрожали и пугливо озирались во время его речи. Чандан заметил это, усмехнулся, поднялся.

— Я сказал, где наш лагерь. И посмотрим, обойдетесь ли вы без крови с вашим непротивленьем!..

IV. Крихна и Бульбуле

Лежавший в темноте на хворосте Крихна жадно ловил каждое слово Чандана.

Когда Чандан ушел, Крихна потерял интерес к тому, о чем говорили остальные. Он поднялся с хвороста и пошел к дому.

В глубине неогороженного двора около хижины стоял привязанный за заднюю ногу слон. Увидав Крихну, слон вытянул хобот и издал тихий храпящий звук. Это означало приветствие. Под навесом, посреди двора, на сене лежала, свернувшись в клубочек, Бульбуле.

Крихна подошел к слону, обнял его хобот и начал гладить, тихо приговаривая:

— Тинти! Неужели тебя отнимут у нас?

— Что ты тут делаешь? — услышал Крихна звонкий голосок Бульбуле.

— Ничего, — ответил он. — Я пришел посмотреть на Тинти.

Но Бульбуле не обманешь. Недаром она так любит Крихну. Девушка подошла к нему и темной маленькой рукой тронула руку Крихны.

— Твое лицо печально, Крихна, — сказала она. — Что с тобой? О чем это ты говорил с Тинти?

— Я шепнул на ухо Тинти, чтобы он пошел быстро-быстро, далеко-далеко, к большой-большой священной реке Гангу, сорвал там золотой лотос и принес его маленькой Бульбуле.

Девушка улыбнулась, но глаза ее еще были грустны, и Крихна продолжал развлекать ее, как ребенка:

— А помнишь, Бульбуле?.. Нет, ты этого не помнишь, ты была очень маленькой. Когда тебя принесли, ты едва умела ходить. Я клал тебя в корзиночку и заставлял Тинти качать тебя, как на качелях. Как ты любила это!

— Да, да, помню, — улыбаясь, ответила Бульбуле.

— Как быстро идет время, Бульбуле! Ты уже невеста. Тебе четырнадцать лет. Скоро мы устроим свадьбу, и ты будешь моей женой.

Он привлек ее к себе и поцеловал в лоб, в то место, где в кожу был врезан блестящий красный карбункул — подарок Крихны.

V. Джемс стал призраком

Джемс проснулся в прекрасном настроении. Было половина пятого. В это время обычно являлся старик-слуга с горячей водой и бритвенными принадлежностями. Но сегодня он что-то запоздал.

— Джон! — крикнул Джемс. Он называл своих слуг английскими именами.

Никто не являлся.

— Куда они все запропалились? — проворчал он. Звать слуг он больше не решался, чтобы не разбудить жену. Вскочил с кровати, надев туфли на босу ногу, прошел в комнату, где помещались лакеи. Комната была пуста. Уже с некоторым беспокойством заглянул на кухню. Опять никого. Вышел на двор, но и там не встретил ни души. Полицейских на веранде не оказалось. Площадка перед верандой пуста. Совершенно непонятно! Ведь сегодня последний срок платежа налога.

Джемса вдруг охватил страх. Ему пришла в голову нелепая мысль, что все люди погибли от какой-то неизвестной катастрофы и в живых остался только он один. Джемс поспешно подошел к спальне жены, открыл дверь, и в полумраке комнаты ему удалось рассмотреть фигуру спавшей жены.

— Слава богу, хоть она цела! — прошептал он и начал будить ее.

Мистрис Джемс пришла в ярость, узнав об исчезновении слуг, потом бурно расплакалась и устроила мужу сцену за то, что он завез ее в такую дыру, вместо того чтобы жить в европейском квартале Бомбея или Калькутты.

— Я пройду в деревню, — сказал Джемс, — и, может быть, мне удастся узнать, куда девались наши слуги.

Подходя к околице, Джемс увидел своего слугу — старика-туземца. Джон рассказывал что-то райотам, а те весело смеялись. Невдалеке от них прыгал козлик Джим в своей курточке с металлическими пуговицами.

Вдруг он перестал скакать, подбежал к Джону и тронул его за руку. Все повернули голову в сторону Джемса и не спеша начали от него удаляться.

— Эй, вы! Стойте! — крикнул Джемс.

Не было случая, чтобы его приказания не выполнялись. На этот раз окрик не произвел ни малейшего впечатления.

— Стойте, дьявол вас возьми! — заревел Джемс. — Джон! Джимми!

Двое его слуг исчезли в толпе.

— Стойте! — хриплым голосом крикнул он, подбегая к толпе. — Где мои слуги?

Райоты продолжали идти, не обращая на него внимания и непринужденно разговаривая, как будто он, Джемс, превратился в призрак, Джемс схватил за руку ближайшего рай-ота и проревел ему в ухо:

— Кому я говорю?!

Райот чуть-чуть побледнел, повернулся к соседу и начал говорить о каких-то пустяках.

Что это? Бунт? Революция?.. У Джемса руки похолодели, несмотря на палящие лучи солнца. Он чувствовал, что если сейчас не поставит на своем, то его авторитет будет потерян навсегда. Власть перестанет быть властью. И Джемс дернул райота за руку с такой силой, что тот отлетел от толпы, и, вынимая револьвер, крикнул:

— Я заставлю тебя отвечать мне, мерзавец!

Райот упал под ноги Джемсу, но тут же поднялся и стремительно побежал. Так же стремительно, точно сговорившись, разбежались остальные. Джемс остался один. Нетвердой походкой пошел он по деревне.

На дворе Ашоки он увидел старика, который толк что-то в деревянной ступе. Рядом с ним сидел на земле Нанде. На этот раз Джемс решил действовать иначе. Подойдя к рай-отам, он довольно ласково заговорил с Ашокой:

— Здравствуй, старина. Почему же это ты не явился платить налог?

Ашока посмотрел на своего приятеля Нанде и ничего не ответил.

— Что же ты молчишь?

— Мы не будем больше платить налогов, — ответил Нанде.

— То есть как это не будем? — отчеканил Джемс. — Это бунт! Вы знаете, что за это сажают в тюрьму?

— Хуже в тюрьме не будет. Да всех в тюрьму не посадишь, — вдруг услышал Джемс у самого уха грубый голос, оглянулся и увидел лицо Бандусара с широко раздувшимися ноздрями.

Наступила пауза. Стараясь казаться как можно равнодушнее, Джемс сказал:

— Я вам дружески советую оставить эти глупости, вы пожалеете, и очень пожалеете!

Джемс круто повернулся и пошел дальше. Он направился к лавке Сайда Махмуда.

Сайд объяснил Джемсу, что вчера ночью у костра односельчане постановили не платить налога и не покупать больше английских тканей.

— Полный бойкот! — меланхолично закончил он.

VI. Легкая победа и полное поражение

— **А**! Наконец-то ты мне попался! — вдруг крикнул Джемс.

Из-за угла лавки Сайда появился один из бежавших полицейских — Баджу. От неожиданности он присел, перевернулся на месте и сделал прыжок, как заяц, увертывающийся от собаки. Джемс кинулся к Баджу и ухватил его за шиворот. Наконец-то он нашел жертву, на которую мог излить весь свой гнев.

— Стой! Не уйдешь! — кричал он. — Ты дезертир! Смирно! Руки по швам! Не верти мордой! — Джемс вынул револьвер и навел дуло на лоб Баджу. — Если ты попробуешь удрать от меня, я застрелю тебя как собаку! А теперь налево кругом, марш!

Конвоируемый Джемсом запуганный полицейский покорно направился к дому своего начальника. Джемс торжествовал. Теперь в его распоряжении имелась «вооруженная сила». К сожалению, за нею требовался неусыпный надзор, чтобы она не сбежала.

— Кто был зачинщиком неплатежа налогов? — строго спросил он.

Баджу закашлялся, как овца, пробормотал что-то невнятное и замолчал. Джемс грозно повторил свой вопрос.

— Ба-ан-ду-са-ар! — проблеял Баджу.

— Хорошо. Мы арестуем его.

Весь путь до бунгало Джемс продолжал пугать Баджу и в конце концов так запугал его, что несчастный полицейский вдруг бросился на колени и, причитая, как женщина, начал просить пощадить его жизнь. Джемс был доволен произведенным эффектом, но принужден был сам успокаивать Баджу, так как тот от страха не мог даже идти. Джемс уверил Баджу, что сохранит его жизнь и предаст забвению измену, если только он будет слепо и беспрекословно ему повиноваться.

Придя домой, Джемс запер Баджу в кладовой, а сам отправился к жене.

— Ну, что ты мне скажешь? — спросила она его.

— Утешительного мало. Райоты отказываются платить налоги и повиноваться. Мне не на кого опереться. Неизвестно, как развернутся события. Я не могу покинуть своего поста... Но тебе оставаться здесь невозможно.

— Я прекрасно управлюсь с машиной, — ответила мистрис Джемс. — Ты можешь совершенно не беспокоиться обо мне.

— Ну, и прекрасно, — сказал Джемс. — Я напишу мистеру Кенту рапорт обо всем, что здесь происходит, и попрошу немедленно прислать сюда вооруженную силу. На тебя, таким образом, возлагается поручение большой государственной важности, моя дарлинг.

Через несколько минут мистрис Джемс в автомобильном костюме и в перчатках, закрывавших руки почти до локтей, как истая англичанка-спортсменка, выехала на маленьком «Форде» на шоссе и скрылась в густых клубах пыли.

Джемс вместе с Баджу направился к хижине Бандусара. Бандусар стоял посреди двора и разговаривал с соседями.

— Бандусар! Иди сюда! — крикнул Джемс.

Бандусар даже не повернул головы. Тогда Джемс вынул револьвер и приказал сделать то же Баджу. Не доходя нескольких шагов, Джемс крикнул:

— Сдавайся! — и выстрелил в воздух.

Толпа шарахнулась. Джемс и Баджу схватили Бандусара за руки и повели. Индус не сопротивлялся. Райоты стояли неподвижно.

«С такими овцами не трудно сражаться», — подумал Джемс. Он решил отправить Бандусара под охраной Баджу к Кенту. Если даже Бандусар убежит по дороге вместе с Баджу, это не беда. Важно сейчас произвести моральный эффект.

Предстояло только найти подводу. Бандусар, когда бегал к Назир-хану, так поранил ноги острыми камнями, что не мог идти.

За крупное вознаграждение отвезти пленника согласился райот Малавия, который имел буйвола и двуколку.

Вскоре он явился к бунгалу со своим буйволом, но в сопровождении огромной толпы, которая бранила и проклинала его. Толпа и крики не очень взволновали Джемса. Он уже убедился, что райоты ограничиваются пассивным сопротивлением.

Однако, когда двуколка с арестованным и Баджу выехала на шоссе, произошло нечто неожиданное. Райоты вдруг окружили двуколку, сбросили на землю Баджу, схватили связанного Бандусара и унесли его на руках в деревню. Затем часть толпы вернулась на дорогу и тут же стала судить Малавию. Малавия был помилован. Он повернул своего буйвола к деревне и с видом побитой собаки поплелся домой.

Джемс выглядел ничуть не лучше, возвращаясь с Баджу к себе в бунгало.

VII. Бегство с поста

Джемс до вечера просидел на веранде. Несколько раз пробовал звонить Кенту, но телефон не действовал. Баджу терпеливо сидел на ступенях веранды, подперев лицо кулаком, и тоскливо поглядывал на деревню. Отсветы костра вспыхивали на зарослях бамбука. У костра шевелились люди, оттуда доносился смех и песни. Этого раньше никогда не было. Это тоже был вызов. Джемс ходил по веранде большими шагами, сжимая кулаки в бессильной злобе.

Взрыв криков у костра привлек его внимание. Люди хватили головы и, вычерчивая в темноте огненные круги и зигзаги, бежали по направлению к бунгалу.

— Они хотят сжечь меня вместе с моим бунгалом! — прошептал Джемс, холодея от ужаса. — Скорее за мной! — крикнул он Баджу, промчался через комнаты и выскочил на двор через черный ход. На мгновение он остановился и осмотрелся с тоской.

Спрятаться в гараж? в сарай? в контору? Найдут, убьют...

Джемс решил: он скроется в зарослях бамбука вместе с Баджу. Перебежал двор, перепрыгнул через бамбуковую изгородь и кинулся в джунгли. Запуганный Баджу следовал за своим начальником.

— Ты можешь вывести меня на дорогу? — спросил его Джемс.

— Выйдем как-нибудь...

Они медленно пробирались среди густых зарослей. Баджу впереди, за ним Джемс. Через некоторое время вышли на поляну. Поднявшаяся луна ярко освещала развалины храма с причудливыми глиняными колоннами... Баджу боязливо обошел стороной развалины, это излюбленное место змей. Беглецы

пересекли поляну и вновь углубились в густой мрак джунглей. Долго шли, спотыкаясь и падая. И вновь вышли на поляну и увидели развалины храма, очень напоминавшего первый. «Уж не кружимся ли мы?» — подумал Джемс и поплелся дальше. Снова мрак и сырость. Снова долгий тяжелый путь и снова поляна с разрушенным храмом. Теперь Джемс не сомневался: это были те же развалины. Он заметил одну колонну с перехватами в нескольких местах, увенчанную головой буйвола.

— Стой! Ты издеваешься надо мной! — крикнул Джемс Баджу. — Ты нарочно водишь меня по кругу. Так я расправлюсь с тобой, предатель!

И он начал вытаскивать револьвер, желая пустить в ход старое средство — запугивание. Баджу коротко крикнул и заячьими прыжками направился через поляну в чащу леса.

— Баджу! Куда ты? — в ужасе крикнул Джемс. — Я не буду стрелять в тебя. Вернись! Баджу!

Но полицейского и след простыл. Некоторое время слышался шорох папоротников и треск сучьев под ногами беглеца, потом и эти звуки затихли вдали.

— Убежал-таки! — сказал громко Джемс и мрачно посмотрел на развалины храма. Идти дальше или переночевать на площадке перед храмом? Джемс сделал несколько шагов к развалинам и увидел на изъеденных временем, поросших мхом плитах свернувшихся клубком змей. Змеи подняли головы и зашипели, шевеля длинными раздвоенными языками. Джемс вздрогнул и зашагал в дебри.

До утра пропутался он в джунглях и только с первыми лучами солнца случайно вышел на шоссе, недалеко от деревни. Джемс побоялся возвращаться в бунгало и отправился к Кенту.

Пыльный, потный, в изорванной одежде, добрался Джемс до Кента. Подойдя к бунгало, коллектор заметил, что и здесь творится что-то неладное.

Площадка перед домом была огорожена колючей проволокой, у веранды стоял пулемет, а рядом с ним два полисмена. Они пропустили Джемса на веранду только после того, как показал он свои бумаги. Джемс собирался пройти в кабинет начальника, когда сам Кент показался в дверях.

Высокий, рыжеватый, бритый, с длинным бледно-серым лицом, он имел очень болезненный вид. На его щеках выступали ярко-красные пятна. Ввалившиеся глаза сверкали сухим блеском. Он сжимал челюсти, чтобы не стучать зубами. У него был приступ малярии. Не пропуская Джемса в комнату, Кент жестом пригласил его сесть. Каждым своим движением он старался показать свое превосходство над туземцем Джемсом.

Старший коллектор был в отвратительном настроении и решил на Джемсе сорвать злость. Расхаживая по веранде, Кент начал отчитывать Джемса за то, что тот распустил «вверенное ему население», не сумел пресечь беспорядков в самом начале и самовольно оставил свой пост в такую важную минуту.

— Это дезертирство! — глухим голосом сказал Кент и три раза щелкнул зубами. Лицо его стало землистого цвета.

— Но ведь я не имел в своем распоряжении вооруженной силы, — оправдывался Джемс. — Последний полицейский убежал вчера. А райоты хотели сжечь меня живьем.

— С чего это началось? — слабым голосом спросил Кент.

— Они отказались платить налоги...

— Глупости! Если они не могут жить, они умирают. Если они могут жить кое-как, они довольствуются этим. И если они бунтуют, значит, есть зачинщики, агитаторы. Надо было найти и арестовать их.

Эта длинная речь утомила Кента. Он прикрыл глаза. Потом забормотал:

— Слезоточивые газы отличная вещь... Кобры захватили оружие, чтобы избегнуть слезотечения... Но мы раздавим этих мерзавцев...

Он бредил.

Джемс с недоумением смотрел на него и молчал. Откуда-то с рисовых полей донеслись крики — шум, смех и песни. Эти звуки, очевидно, дошли до сознания Кента. По его лицу пробежала судорога. Опущенные руки приподнялись. С трудом открыв глаза, он посмотрел на поле.

— Опять... — сказал он и показал рукой вдаль. — Смотрите. Соль несут. Разграбили соляные склады...

— И у вас не совсем благополучно? — спросил Джемс.

Эти слова словно ужалили Кента. Вся его сонливость исчезла.

— У меня? — крикнул он. — Не у меня одного. Вся Индия в огне восстания! Не повинуются, не платят налога, грабят соляные склады и копи. Телефонные провода порваны. Телеграф не действует. Но я надеюсь, что мне удастся восстановить порядок. Я не мог прислать вам помощи, потому что пока сам нуждаюсь в ней. В нескольких милях отсюда на шоссе появился большой отряд повстанцев. Я не оставлю своего поста! — И Кент уничтожающе посмотрел на Джемса. — Но я считаю необходимым сегодня же отправить мою семью в Калькутту. Кроме того, я должен донести губернатору о положении дел и попросить у него помощи. Извольте отправляться с моими дамами и передать губернатору мой рапорт.

— Может быть, мистер Кент, вы будете так любезны отправить с вашим автомобилем и мою жену?

— Хорошо, — сухо ответил Кент и вышел.

Через несколько минут огромный автомобиль Кента двинулся в путь. Места в середине занимали его жена, теща и двое детей, позади них, задыхаясь от пыли, тесноты и обиды, сидела среди чемоданов мистрис Джемс вместе с гувернанткой и горничной. А Джемсу пришлось поместиться рядом с шофером.

По обе стороны дороги тянулись бесконечные рисовые, маисовые и конопляные поля. Кое-где встречались заросли бамбука и рощи манговых деревьев. Далеко на горизонте вставали синие изломы гор. Когда Джемс закрывал глаза, перед ним вставало измученное землисто-серое лицо Кента.

«А ведь англичанин-то болен, сильно болен», — злорадно думал Джемс. Как ни подражал он Кенту, а все же в глубине души ненавидел его.

И, как бы в ответ на эти мысли, Джемс вдруг услышал голос шофера, обратившегося к нему на туземном наречии:

— Я понимаю Кента — он англичанин. Англичане всегда душили нас. Но ты-то зачем помогаешь им? Зачем предаешь своих? Я тебе говорю, Джемс! И какой ты, к дьяволу, Джемс? Пробор сделал и думаешь — англичанином стал?..

Джемс с трудом открыл слипавшиеся глаза и испуганно посмотрел на шофера. Сначала ему показалось, что это говорит кто-то внутри его, что он бре-

дит. Но голос слышался ясно. Да, это говорил шофер-индус.

— Я знаю, зачем ты едешь в город, — продолжал шофер. — Но ты не приедешь туда. Вылезай! — Он резко остановил машину.

Джемс окончательно пришел в себя и с недоумением посмотрел на шофера, а потом на дорогу. Чтобы не встретиться с повстанцами, Кент приказал объехать их лагерь проселком. А теперь автомобиль стоял перед широким шоссе.

— Что это значит? — спросил Джемс.

— Отчего мы остановились? — певуче спросила мистрис Кент.

— Слезай немедленно, — повторил шофер. — А не то я повезу тебя в лагерь повстанцев. Гляди — вот они!

Джемс повернул голову и увидел недалеко от шоссе под мангровыми деревьями группу индусов. Они были вооружены ружьями, кольями и ножами. Джемс похолодел от страха.

— Но ведь вы везете женщин и детей, — сказал Джемс шоферу.

— Их я и довезу, а ты слезай.

И вдруг шофер схватил Джемса за плечи и выбросил из автомобиля. Женщины вскрикнули, мистрис Джемс громче всех, а мальчик и девочка засмеялись; ведь Джемс не был англичанином. Индус пустил машину на полную скорость, и через несколько минут она скрылась по пути в город.

VIII. Огонь по райотам

В первый день бунта райоты сидели и беседовали у костра. Неожиданно на дороге появилась бродячая собака с поджатым хвостом и направилась к деревне.

— Бешеная! — крикнул кто-то.

И райоты, схватив горящие головни, бросились за собакой, чтобы запугать ее и выгнать из деревни. Собака убежала в маисовое поле. Райоты видели, как Джемс и Баджу улепетывали от них через двор и скрылись в бамбуковых зарослях. Это очень удивило и позабавило их. Когда они вернулись к костру, то Бандусар, бросив в огонь дымящуюся головню, сказал:

— Ловко! Погнались за одной собакой, а прогнали сразу трех!

Шутка всем очень понравилась. Послышался смех.

Скоро, однако, разговор принял более серьезное направление. Медленно жуя бетель, райоты обсуждали, как быть без начальства и долго ли продлится такое положение. Многие опасались, что добром это не кончится, но Бандусар успокаивал их.

— Только мы должны отстаивать свою свободу, — говорил он. — Что может быть хуже непротивления? Хотите, я расскажу вам занятную басню, я слышал ее от одного прохожего?

Бандусар сплюнул ржавую от бетеля слюну и начал:

— Заклинатель змей упрекал змею за то, что она не кусает его и кусает людей. «Смирись, злобная тварь, — говорил он, — пойми, что непротивление — чистейший лотос совершенства». — «А что делать, если на меня нападут?» — спросила змея. «Не трогай их, не шипи и уползай в кусты, и тебя тоже не тронут». Змея послушалась речей заклинателя. На другой день, когда ребяташки пришли играть на площадь и наткнулись на змею, они очень удивились, что она и не думает их кусать. Новость облетела всю округу. Отовсюду стали сбегаться мальчишки. Они дразнили змею, кололи, били палками, таскали за

хвост. Она уползла от них в джунгли и забилась в пещеру. Но и там ее разыскали. И когда через несколько дней зачинатель пришел в пещеру навестить свою змею, он нашел там только ее истерзанный труп... Так будет с нами, — закончил Бандусар, — если мы будем заниматься непротивлением.

Под утро к костру подошел Баджу в изорванном полицейском френче, усталый, с окровавленными ногами. Увидав его, сидевший на страже Бандусар вскочил. Ноздри его раздулись, кулаки сжались. Но, посмотрев внимательно на убитое лицо полицейского, он усмехнулся и спросил:

— Ну что, опять пришел арестовывать меня?

Баджу, не говоря ни слова, стащил с себя изорванный френч и со злостью швырнул в костер. Когда френч превратился в пепел, Баджу махнул рукой и плюнул в костер.

— Довольно! Я больше не полицейский! — И он бросился на траву рядом с Бандусаром.

Двое суток прошли тихо. Деревня жила своей жизнью, словно отрезанная от всего мира. И к концу вторых суток многие начали подумывать о том, не отделались ли они уже навсегда от англичан и от всякого начальства.

Однако в ночь на третьи сутки, под утро, деревня была разбужена незнакомыми звуками. Первыми проснулись и залаяли чуткие собаки, вслед за ними поднялись и люди. Они вышли на дорогу и с недоумением прислушивались к приближавшемуся шуму и гулу. Скоро на шоссе показались огни фонарей.

— Да это просто автомобили едут, — сказал кто-то.

— Не автомобили, а грузовики, — поправил другой.

— Что-то уже очень много! — слышался третий тревожный голос. И неожиданно тревога передалась всем.

Через несколько минут в деревню въехал автомобиль, а за ним пять или шесть грузовиков, наполненных солдатами. Солдаты соскочили с грузовиков и разбили лагерь на площадке перед бунгало Джемса. С угрюмым вниманием следили собравшиеся райоты за прибывшими.

С первыми лучами солнца в деревню явился Джемс, в сопровождении очень молодого офицера. За ними, точно на смотре, промаршировала колонна солдат-англичан. Одного роста, в одинаковых, хорошо сшитых костюмах, они были похожи друг на друга, как штампованные пуговицы их мундиров.

Остановившись у хижины Ашоки, Джемс обратился к райотам с речью. Он напомнил им все их преступления, вплоть до попытки сжечь его живьем, и заявил, что если они не выдадут немедленно зачинщиков и не уплатят налогов, то он принужден будет передать власть военному командованию.

Джемс обратился к Ашоке:

— Вот ты, например, не уплатил налога. Я знаю, у тебя должны быть деньги, так как ты занимал у Назир-хана. Согласен ты немедленно внести?

Ашока посмотрел в глаза Джемса и тихо, но твердо ответил:

— Нет. Ни я, ни кто другой не внесет налога. Так мы все решили. Но сжигать тебя мы не собирались. Мы гнались за другим... за собакой...

В толпе глухо засмеялись.

Джемс побледнел. Впервые Ашока обратился к нему на «ты». Сдерживая кипевший гнев, он сказал как можно хладнокровнее:

— Ты отказываешься? В таком случае за долг придется взять твоего слона. — И Джемс отдал приказ полицейскому отвести слона в лагерь.

В это время Крихна подошел со слоном к дороге. Ашока выхватил из рук сына тяжелый железный дедовский анк (жезл, при помощи которого управляют слоном) и крикнул:

— Хобот, Тинти!

Слон тотчас повернул хобот, Ашока ступил ногою на его закрученный конец и ухватился за клык, слон подбросил Ашоку хоботом, и через секунду старик уже сидел на шее животного.

Подняв анк над головой, Ашока воинственно крикнул:

— Вперед, Тинти!

Слон издал громогласный звук и направился на шеренгу солдат. Те невольно посторонились. И стон прорвал бы их цепь. Но вот молодой офицер-англичанин с нежным, почти девичьим лицом, на котором застыла презрительная улыбка, вынул из кобуры револьвер и прицелился в голову Ашоки. Раздался выстрел. Кровь залила лицо старика. Выронив анк, Ашока свалился на землю. Крихна с воплем бросился к отцу, но полицейский сильно ударил юношу прикладом в висок. Крихна упал рядом с трупом отца, а полицейский повел Тинти в лагерь.

— Так поступят с каждым послушником! — резко крикнул по-английски офицер.

— Так поступят с каждым, кто меня не слушается! — перевел Джемс и добавил: — Немедленно выдайте мне Бандусара.

Но толпа стояла неподвижно. Неожиданно вперед выступил санниази. Его желтая одежда горела в лучах утреннего солнца, как червонное золото. Подняв к небу глаза и руки, он начал говорить о братстве, любви, милосердии и призывал не проливать крови. Офицер слушал его некоторое время, хотя и не понимал, затем нетерпеливо махнул рукою, предлагая санниази отойти в сторону. Но взгляд проповедника был направлен на освещенное солнцем облако.

— Огонь! — крикнул офицер.

И райоты падали, как колосья под серпом. Одним из первых упал ничком, с протянутыми вперед руками непротивленец санниази.

Сопrotивление райотов было сломлено. Джемс вновь стал их полноправным начальником.

IX. Дорогой Чандана

Крихна пришел в себя только ночью. Голова его сильно болела. Всю ночь он не спал, все думал, глядя на небо.

Над Крихной пролетало алое разметанное облако. Юноша смотрел на него, продолжая думать все ту же напряженную думу, как будто решал какую-то трудную задачу. И вдруг он решил ее.

— Красная рубаха! — прошептал он, протягивая руку к облаку.

Вечером того же дня Крихна вместе с Бульбуле отнес тело отца на берег реки, разложил костер и поджег сухие поленья. Бульбуле затянула протяжную погребальную песню.

Когда костер догорел, Крихна собрал пепел, всыпал в большой глиняный горшок и пустил его в воду. Горшок мягко закачался на волнах.

Крихна провожал его глазами, и ему казалось, что с этим горшком навсегда уплывает его мирное прошлое. Горшок скрылся за поворотом. Крихна долго глядел на реку, которая стала вдруг иною.

Весь мир стал иным.

Потом он тряхнул головой, подошел к Бульбуле и положил ей руки на плечи.

— Прощай, Бульбуле! Я ухожу.

— Куда, Крихна? — испуганно расширила глаза девушка.

— Я еду в горы — к Чандану и его повстанцам.

Крихна круто повернулся и крупными шагами начал удаляться от девушки. Сцепив пальцы, она стояла неподвижно и глядела ему вслед. А он все ускорял шаги, боясь услышать за собой крик покинутой. Он знал, что даже крик девушки не остановит его. Но будет еще больнее, сердце его обольется кровью — и он почти бежал.

Так и есть. Она кричит. Но в этом крике послышалось что-то такое, что заставило его замедлить шаги. Так не кричат раненные насмерть.

— Крихна! Стой, Крихна! Подожди меня!

Бульбуле метнулась вперед. Быстро догнала Крихну и, схватив его за руку, горячо заговорила:

— Я пойду с тобой, Крихна. Возьми меня с собой!

Крихна посмотрел на нее. Полудетское лицо стало суровым.

— Я научусь стрелять из ружья. Не гони меня! Я ведь сильная и ловкая, Крихна!

— Ладно! — тряхнул головой юноша. — Идем вместе.

Не оборачиваясь в сторону деревни, оба зашагали к джунглям.

Веселый Таи

Таи танцует

Он пришел в лес с песней.

Багровый клуб лучей заходящего солнца запутался в чаще и, словно задыхаясь, угасал. Нетерпеливая тропическая ночь, не ожидая заката, вступала в лес с востока, ложилась на сухую почву, поднималась по толстым стволам вверх.

В лесу раздавались последние удары топора. Слоны спешили до наступления темноты дотащить срубленные деревья к спуску. С ветки на ветку, с дерева на дерево прыгали веселые серые белки — они торопились укрыться в своем дупле, пока не раскрыл свои ночные, бесшумные крылья когтистый филин. Лес засыпал.

В это время раздалась в лесу его песня.

— Ну и голос! — сказал старый малаец и даже прикрыл глаза от удовольствия.

— Как серебряный колокольчик!

— Соловей садов богдыхана! — заметил кули.

— А песня! Как речной ручей разливается!

Лесорубы, с топорами на плечах направлявшиеся в лагерь, приостановились, заслушавшись неведомого певца.

Совсем стемнело. И теперь казалось, что это поет сама ночь.

Странная песнь! Переливается. Как будто веселая, а грустно от нее. Но в грусти — надежда. Щемит сердце, и смеяться хочется...

Вот певец подошел к лагерному костру. Стройный бронзовый юноша в одних шароварах из свернутого куска материи — понунга. Волосы на голове собраны в пучок. Его зубы не были черны от бетеля, как у большинства сиа-

цев, и в улыбке сверкали ослепительно. Глядя на эту широкую, открытую улыбку, лесорубы невольно заулыбались сами.

— Веселый таи[107], — сказал старый кули.

Так и пошла за ним кличка — Веселый Таи. Никто не поинтересовался его именем.

— Здравствуйте, вот и я! — сказал Таи, бросая топор на землю.

— Здравствуй! — ответил за всех малаец Чумалонгкорн. — Ты хорошо поешь. Садись.

— Попить бы! А где ваши бараки? — спросил Таи.

Лесорубы рассмеялись.

— Чем тебе не бараки? — сказал лао[108], показывая на шалаши из веток. — Дождь промочит, солнце высушит.

— Но мне говорили...

— ...Бараки, столовые, горячие обеды, и деньги гребь лопатой? Не правда ли? Все мы попадаем на эту удочку. А за водицей изволь сходить к ручью. Рукой подать, если она у тебя длиной в тысячу слоновьих хоботов. Вот ведра. Чумалонгкорн проводит тебя.

Надо же использовать новичка!

Таи принес воды, напился и улегся у костра. Истомленные работой, лесорубы начали засыпать, как вдруг раздались звуки гавайской гитары. Молодой китаец Лу Фую играл мастерски.

При первых же звуках Веселый Таи улыбнулся широко и весело и вскочил на ноги. Трепет артистического вдохновения прошел по его телу, словно Лу Фую заставлял вибрировать не струны гитары, а его нервы.

Таи стоял на месте, сгибая и разгибая колени и разводя руками. Легко покачивался на подошвах, все еще не сходя с места. И вдруг вскрикнул и сделал гигантский прыжок.

Задремавшие лесорубы подняли головы и с изумлением посмотрели на танцора.

А Таи увлекался все больше. Его гибкое молодое тело умело говорить красноречивее языка. Если бы в эту минуту его видали танцоры — мировые знаменитости, — они лопнули бы от зависти. Это было настоящее высокое искусство. В танце Таи не только передавал свое настроение — он рассказывал целую повесть.

Вот он увидал ее — необычайную девушку, красивей которой не было и не будет на свете. Она стройнее пальмы, краше молодого месяца, слаще меда — нежный, благоуханный цветок... Вот вспыхнула любовь в глазах Таи — могло ли быть иначе? И Таи пылает, как факел любви. Он протягивает к ней руки, умоляет ее. Она отвечает взаимностью! Таи счастлив. О, может ли человек быть так счастлив?!

И вдруг...словно гром среди ясного неба.

Таи хватается себя за голову. Лицо его искажено страданием. Судорога отчаянья потрясает тело. Она — любимая — уходит от него!

Таи бросается на колени, протягивает руки к уходящей тени. Напрасно! Любимой больше нет.

Глыба несчастья придавила Таи. Он закрывает руками лицо, опускает голову и вдруг без сил и сознания падает на землю...

Гавайская гитара жалобно мяукнула и замолчала.

Лесорубы сидели молча, с угрюмыми лицами, словно они были свидетелями настоящей трагедии, только что разыгравшейся на их глазах.

Цена человека

— Это не танец. Это жизнь. Так не выдумашь. Ты пережил все это, Веселый Таи? — спросил Чумалонгкорн. — Ты потерял девушку? Невесту? Жену? Расскажи нам, как это было! Она ушла к другому? Изменила тебе? Ее соблазнил белый негодяй? Француз? Англичанин? Расскажи нам, как это было!

Таи поднял лицо и улыбнулся. Таков уж был у Таи характер!

— Измена — ржавчина. Золото не знает ржавчины. А сердце Миндры — из чистого золота. Она не изменила мне! — ответил Таи, сверкнув глазами.

— Значит, она умерла?

— Она умерла для меня, но она должна воскреснуть! — И лицо его вновь озарилось улыбкой, словно он уже видел ее воскресшей. — Слушайте! Я расскажу вам, как это было.

Наша деревня недалеко от города Кыонг-Май. Миндра — девушка из соседней деревни. Сирота. Она ничего не имела кроме золотого сердца... Нет, не так. Миндра была самая богатая невеста в мире. Она так красива, что можно ослепнуть, глядя на ее красоту. Как солнце! Разве это не богатство? Сам принц отдал бы за нее королевство. А она полюбила меня, бедняка. За то, что я веселый. «Милый Сури! Веселье — это тоже богатство», — говорила она мне. Так зовут меня — Сури Вонзе. И мы женились. Я арендовал кусочек земли...

— У кого? — спросил кули.

— У нас вся земля принадлежит Кинбруку.

— И там он!

— Этот Кинбрук скоро проглотит весь Сиам[109], с королем и его белыми слонами!

Лесорубы хорошо знали имя Кинбрука, сэра Генри Кинбрука, пэра Англии, лорда, члена «Звездной палаты». Огромные лесные площади между реками Менамом и Салуеном, рисовые поля, табачные плантации принадлежали ему. Слоновая кость, перец, кожи наполняли огромные склады Кинбрука в Бангкоке[110]. Бангкокская контора занимала целое здание. А вилла Кинбрука была лучшая в городе.

— Продолжай, Веселый Таи!

— Я и Миндра начали заниматься хозяйством. Тан Чи-няо, управляющий Кинбрука, сказал мне: «Вас теперь двое», и набавил арендную плату.

«Земля не будет родить больше от того, что нас двое, а теперь у нас два рта для риса», — ответил я. Но Тан Чиняо не послушал меня... Налог, аренда, проценты ростовщикам... Очень трудно было жить. Голодно жили. Но ничего. Весело жили! — И Таи беззаботно улыбнулся. — А тут случился неурожай. И я не мог уплатить Кинбруку.

— Сколько? — спросил Лу Фую.

— Тридцать бахт[111], — ответил Таи.

— Не так уж и много.

— Немного, у кого денег много, — возразил Таи. — У меня было десять бахт. Я предлагал их Тан Чиняо. Он требовал сразу все. Я не мог достать тридцати бахт. Ростовщики требовали старые долги. Тогда Тан Чиняо сказал:

«Я возьму в залог Миндру. Она будет бесплатно работать на рисовых план-

тациях, пока ты не уплатишь долга. Это будет вместо процентов. А не отдашь долга... Миндра стоит тридцать бахт!»

«Вырежь лучше мое сердце!» — сказал я.

«На что мне оно, твое сердце? Я не ворон и не ем падали, — ответил Тан Чиняо. — Мне нужна Миндра. Если ты любишь ее, то найдешь деньги!»

И Тан Чиняо увел Миндру, а меня выгнал из дома. Я остался без земли и Миндры.

— Это неправильно! — горячо сказал молодой кули. — Я читал: есть такой закон. Никого больше нельзя продавать в рабство.

— Тан Чиняо сказал: «Это не рабство, а залог. Отдай деньги, и я не трону твою Миндру».

— Закон, закон! — с горькой усмешкой сказал Чумалонгкорн. — Мало ли что пишут в законах! А наша жизнь разве лучше рабства? Ну, и что же ты сделал, Веселый Таи?

Таи улыбнулся.

— Миндра очень плакала, расставаясь со мной. И я тоже. Потом Тан Чиняо сказал мне:

«Не вешай носа, Сури Вонзе. Иди на лесозаготовки мистера Кинбрука. Там ты будешь получать целых десять бахт — и ты выкупишь свою Миндру». Тан Чиняо не совсем злой человек. Он подал добрый совет. На последние деньги купил я топор и вот пришел сюда. Три месяца — не так уж много!

Последнее облачко грусти сошло с лица Сури. Он вновь стал Веселым Таи.

Лесорубы заговорили все сразу. Они начали доказывать Таи, что его расчеты неправильны.

— А за рис сколько у тебя вычтут?

— А штрафные?

— А Ву Ван? Ты еще не знаешь Ву Вана! Сегодня он не пришел. Наверно, повез награбленные деньги в контору Кинбрука.

— Сколько же месяцев мне надо работать, чтобы выкупить Миндру? — спросил Таи упавшим голосом.

Лесорубы начали считать — кто на бахты, кто на тикали[112].

Выходило по-разному. Все сходились только в одном: Веселому Таи не выкупить Миндры раньше года, и то при непременно условии, если Таи не попадет в лапы Ву Вана.

— А разве это возможно?!

— Кто такой Ву Ван?

— Демон-соблазнитель. Дух тьмы и порока.

— Исчадие ада!

— Агент мистера Кинбрука!

Дорога к Миндре

Еще тук-хаи[113] не прокричал перед рассветом в соседней деревне, еще летучие мыши бесшумным, немым полетом чертили зигзаги меж толстыми стволами деревьев, а Таи уже проснулся. Ему не спалось. Он спешил скорее приняться за работу. Валить толстые сухие стволы тиков. Ведь каждый удар топора прорубал дорогу к свиданию с Миндрой!

Молчаливый лес еще кутался во влажной простыне ночных испарений. Где-то пронзительно трубил слон, требуя, чтобы его скорее вели на водопой.

— Вставать, лентяи! — крикнул визгливый бабий голос. Таи вздрогнул от

неожиданности. Лесорубы зашевелились. На ощупь искали оцепенелыми от сна руками топоры, кашляли, переругивались. А тот же визгливый голос словно подстегивал кнутиком:

— Скорей! Скорей, лентяи!

Это был голос надсмотрщика Ли Тайчао, которого китайские кули, работавшие на лесозаготовках, прозвали Ди-бао — полицейский.

Во мраке, спотыкаясь о сучья, брел Таи по незнакомой дороге.

Когда лесорубы пришли на место, вершины деревьев зарозовели. Тонкий луч пронизал чащу и осветил высокий ствол. Таи напал на него со своим топором, как на врага; и рубил без перерыва.

— Так тебя надолго не хватит! — сказал сосед Лу Фую.

— Молчать! Не разговаривать. Что портишь новичка? — закричал вездесущий Ди-бао и стеганул хлыстом по голой спине кули.

Таи был удивлен спокойствием Лу Фую, который под ударом только повел плечом. Привычное дело!

Скоро Таи убедился в том, что Лу Фую был прав: так работать нельзя. Еще не прошло трех часов с начала работы, а Таи почувствовал, что руки его одеревенели, спина болела. Пот заливал глаза. С каждым часом солнце жгло все сильнее. Временами Таи казалось, что он работает среди лесного пожара. Невыносимо хотелось пить. Он бросил топор и спросил:

— Где бы напиться?

— Напиться? Глупости! Работать надо! Лентяи! — налетел на него Ди-бао. — Вечером напьешься! А не хочешь работать — уходи из леса!

«Не хочешь работать!» Он ли не хочет работать?.. Таи вздохнул и снова взялся за топор. Для Миндры он готов умереть от жажды! Дорога к Миндре — через лес. Бедная Минд-ра! Быть может, и она сейчас вот так же мучится от жажды... А может быть, и еще хуже?.. Таи вспоминает лоснящееся лицо Тан Чиняо и его масляные глаза кота. Этими глазами он смотрел на Миндру, когда уводил ее к себе...

Таи со стоном вонзает топор в дерево. Щепки летят каскадом... Даже Ди-бао доволен!..

Это был тяжелый день. В полдень, когда солнце стояло над головой, Ди-бао крикнул:

— Бросай!

Все побросали топоры, расселись в тени и вынули холодный рис, завернутый в тряпочку. Таи не имел риса — он только вчера пришел в лес, — и Лу Фую, который так хорошо играл на гавайской гитаре, разделил с Таи свою скудную трапезу. Лу Фую объяснил, что этот рис им приходится покупать у хозяина по дорогой цене.

— Легкий завтрак! — сказал Таи, сразу отправив в рот всю горсть риса. — А когда обед?

Лу Фую улыбнулся. Он ел рис медленно, кладя в рот по два-три зернышка и старательно разжевывая их.

— Это все. Завтрак, обед и ужин! — ответил он, покончив с рисом и вылизав ладонь.

— Но разве можно прожить этой горстью и работать?..

— Рубить! — уже кричал Ди-бао, хотя перерыв не продолжался и получаса.

В лесу снова застучали топоры. Под вечер Таи рубил как в бреду. Он почти

не сознавал, что делает. Ди-бао бранил его, даже стегнул хлыстом по спине. А может быть, это и померещилось...

Работу прекратил не Ди-бао. Работу прекратило солнце: оно отказалось больше светить. Ошалевший от усталости, Таи не мог понять, почему он перестал видеть ствол. Лу Фую ударил Таи по плечу и сказал:

— Тебя надо отрывать от работы. Ты больно спешишь к своей Миндре! Спешу не спеши — раньше года не увидишь ев. И то, если Ву Ван не опутает тебя.

Таи побрел к лагерю, не чувствуя ног и рук. Но ему пришлось еще идти далеко за водой. У ручья он пил и не мог напиться. А когда наконец пришел к костру. Чумалонгкорн посмотрел на него насмешливо, спросил:

— Ты нам не потанцуешь сегодня, Веселый Таи?

Круглая циновка

На третий день пребывания в лесу Таи наконец увидал Ву Вана, о котором так много слышал.

Ву Ван совсем не был похож на исчадие ада. Наоборот, он показался Таи очень симпатичным, простодушным, веселым, уже не молодым китайцем.

Когда лесорубы вернулись после работы, Ву Ван уже сидел у костра. Его рендья бородка тряслась от смеха, лицо смеялось тысячью морщинок. Глаза сощурены так узко, что видны были только зрачки, сверкавшие при свете костра, как золотые бисеринки.

На земле перед ним лежала круглая серая циновка, разделенная красной полосой на четыре сегмента. Холщовый мешок и небольшой замшевый мешочек аккуратно сложены возле циновки.

— Ну, кто? Кто? Кто? Кто хочет иметь целую кучу денег? Держу банк! Занимайте места, дятлы! Довольно настукались. Отдохнуть надо, дятлы! Поиграть надо! Кто? Кто? Кто?

Таи удивился: лесорубы, которые отзывались о Ву Ване с таким презрением и озлоблением, встретили его веселыми шутками, как старого приятеля.

— Опять обчистишь нас?

— А угощение будет?

— Брось ты свою циновку, давай карты!

Ву Ван отвечал всем сразу:

— Зачем чистить? Вы еще сами меня обчистите! Будет и угощение! Кто выиграет, тот и угостит себя и других! Вынем и карты. Всеми свой черед, дятлы!

Ву Ван внес оживление. Сиамцы — азартные игроки. Да и чем больше развлекаться в лесу?

Ву Ван, болтая без умолку, вынул из холщового мешка кучу раковин-ужовок и насыпал на середину циновки. Четыре игрока уселись в кружок и положили ставки — не больше трех мелких монет, — каждый на свой сегмент. Затем Ву Ван начал отбирать из кучи по четыре раковины. Выигрывал тот, в чьем сегменте оказывалось число монет, равное остатку раковин — в одну, две или три штуки. Выигравший получал двойную ставку. Если раковины расходились без остатка, банкомет брал все ставки.

Игра заинтересовала Таи. В нем уже загоралась страсть игрока. Ву Ван каждый раз складывал раковины в мешок, и каждый раз в остатке было разное количество раковин. Игрой, казалось, управлял случай. Чистая игра. Иногда выигрывали лесорубы, иногда Ву Ван. И только общий итог игры мог заставить призадуматься: Ву Ван всегда оказывался в выигрыше.

Таи не знал, что тонкие, нервные пальцы Ву Вана — пальцы жонглера — на ощупь могли вытащить из мешка любое количество раковин. Банкомет управлял игрой. Подзадоривал выигрышами в начале и срывал банк в конце игры.

Лесорубы знали, что Ву Ван — шулер. Знали они и то, что Ву Ван — агент Кинбрука, важный винтик в системе эксплуатации.

Но играть так хотелось! А проигрыш? Надо же платить за удовольствие. «Даром и музыка не играет!» И лесорубы играли, неизменно проигрывали, влезали в неоплатные долги, безнадежно, на годы закабалались, как рабы...

Лу Фую выиграл. Ву Ван развязал замшевый мешочек и честно отсчитал счастливчику шесть монет...

— Не хочешь ли угостить товарищей? — И, не дождавшись ответа, Ву Ван вынул из холщового мешка бутылку водки и стаканчик. Выигрыш Лу Фую перешел обратно в замшевый мешочек Ву Вана, а водка, разбавленная водой и настоящая на перце, перелилась в глотки лесорубов, жгучая, как расплавленный металл. Настроение сразу поднялось.

— Карты! Давай карты!

Появились карты. В игре приняли участие многие.

Когда Чумалонгкорн выиграл сразу десять бахт, у Таи захватило дыхание. Ведь три таких выигрыша, и Миндра на свободе!..

— Что не играешь, новичок? — спросил Ву Ван. От острых глаз не ускользнуло волнение Таи.

— Еще не заработал! — ответил юноша.

— Ничего. В долг запишем. Имя?

— Сури Вонзе.

— Есть! Подпиши только бумажку. А выиграешь — получай наличными.

Демон-соблазнитель глубоко запустил когти...

Таи сделал свою первую ставку — и выиграл. Лицо Миндры улыбнулось ему.

— Прощай теперь твоя Миндра! — зловеще сказал Чумалонгкорн.

Кто играет без проигрыша

Жизнь Таи раздвоилась. Весь день он «прорубал дорогу к Миндре». Это был каторжно-тяжелый труд...

А с закатом солнца приходил, как дух тьмы, Ву Ван, и начиналось безумие...

Таи мечтал о большом выигрыше. Ему казалось выиграть Миндру у случая скорее, чем прорубить к ней дорогу через лес. Но чем больше играл Таи, тем длиннее становилась эта дорога.

Ву Ван от времени до времени исчезал, и тогда на Таи находило тяжелое раздумье. Вместе с Лу Фую они начинали подсчитывать, пугаясь в цифрах и валютах и поправляя друг друга, сколько задолжал Таи и сколько ему теперь надо отработать за долг. С каждым разом получались все более неутешительные выводы.

— Если ты больше играть не будешь, — с этого всегда начинал Лу Фую, — то тебе придется отработать семнадцать месяцев...

— Не может быть! Ты ошибся! — взволнованно прерывал Таи.

— Считаю сам. Сто пятьдесят бахт проигрыша. Да тридцать тебе надо за Миндру уплатить... Да удержания... вычеты... Даже больше выходит!

— Будь он проклят! — ворчал Таи. — Почти два года! Ну... а если повезет? Если выиграть?..

— Брось игру! Топором не скоро, да верней! — говаривал Лу Фую.

И Таи давал себе слово больше не играть.

Но довольно было прийти Ву Вану и весело закричать: «Ну, кто? Кто? Кто хочет выиграть кучу денег? Подходите, дятлы!» — и Таи не мог устоять.

Он очень изменился за это время. Похудел, почернел, лицо опухло, волосы всклокочены, в глазах — ошалелая тупость. И улыбка стала болезненной, кривой. Таи пристрастился не только к игре, но и к жгучей водке.

Однажды, увидав в ведре с водою свое отражение, он не узнал себя, а узнав, испугался. Неужели это он, веселый красавец Таи?.. Если бы Миндра увидала его теперь!.. Эта мысль поразила его. И он поклялся тут же над ведром больше не играть.

На его счастье, в этот вечер Ву Вана не было. Не было игры, не было водки, Таи мог подумать на свободе.

И вдруг новая мысль заставила его содрогнуться. Он поймал себя на том, что скучает без Ву Вана. Ву Вана не было, и Таи думал о нем больше, чем о Миндре. Таи только сейчас ясно понял, что игра из средства давно превратилась в цель. Игра стала страстью, которая овладела им не меньше, чем любовь к его нежной Миндре. Даже больше. Да, больше, как ни ужасно в этом признаться! Ведь для Таи давно ясно, что, садясь играть, он не приближает, а отдаляет час свидания с Миндрой. Миндра страдает, ждет его, а он преступно проигрывает ее судьбу в карты. И во всем виноват Ву Ван, дух тьмы, исчадие ада.

Там, где-то, за Ву Ваном, стоял сэр Генри Кинбрук, волю которого исполнял Ву Ван. Это лорд Кинбрук, пэр Англии, член «Звездной палаты», играл с Таи без проигрыша! Но Таи знал и видел только Ву Вана и на него перенес весь свой гнев и свою ненависть. И пока Ву Ван приходит в лес со своими картами, циновкой и водкой, Таи не вырваться из его когтей и никогда-никогда не видать ему Миндры...

В эту ночь ему снилась Миндра, чье лицо прекраснее месяца... Она наклонилась к нему, обняла, поцеловала и вдруг начала плакать.

— Ты погубил себя и меня, Сури! — сказала она.

— Не я, а он, проклятый Ву Ван! — громко ответил Таи и проснулся. Лицо его было мокро от слез...

— Вставать, лентяи! — визгливо кричал Ди-бао.

Игра продолжается

Он пришел опять, этот демон-искуситель.

— Эй, кто? Кто? Кто?..

— Чего же ты не играешь, Веселый Таи? — спросил Чумалонгкорн.

— Сегодня мне и без игры весело, — ответил Таи. — Я сегодня хочу танцевать. Играй, Лу-Фую!

И под звуки гитары Таи начал танцевать так, как он еще никогда не танцевал. Он снова переживал свою любовь и печальную разлуку... Вот она уходит от него... Таи в отчаянии падает на колени, опускает голову... Взгляд его падает на лежащий топор.

Таи вскрикивает, хватается топор, одним прыжком подбегает к Ву Вану и раскалывает ему череп.

...Вот и весь рассказ о Веселом Таи. Его уже нет, артиста, певца, танцора.

Таи казнили. С его топором работает уже новый лесоруб — печальный лао.

А мешок с картами, раковинами, круглой циновкой и водкой перешел к Ван Юшену. Какая разница? Игра продолжается!

Миндра? Но кому интересна судьба какой-то бедной таи? Газеты об этом не пишут. Есть более интересный материал.

Например: о щедром пожертвовании лордом Кинбруком в фонд Армии спасения.

Читатели «Таймса» любят умилиться над проявлением гуманности. А гуманность сэра Генри поистине достойна умиления!

Освобожденные рабы

Цилиндр мистера Росселя

Бузи работал в поте лица. Он натирал сухой, мягкой тряпкой полированную поверхность черного круглого стола. Она давно уже блестела, как зеркало, и Бузи, наклоняясь, видел свою голову — курчавую, черную голову негра, с крупными каплями пота на лбу.

Когда капли угрожали упасть на поверхность стола, Бузи снимал их пальцами и этими же пальцами, мокрыми от пота, проводил по блестящей поверхности цилиндра, стоявшего возле на маленьком столике.

Бузи усиленно добывал пот. В этом была главная цель его работы. Пот был продуктом его производства.

Хозяин Бузи — тоже негр, но негр богатый, «цивилизованный», каучуковый плантатор, мистер Адам Россель — находил, что ничто так не придает блеска цилиндру, как человеческий пот. И Россель ежедневно заставлял Бузи в продолжение нескольких часов потеть над лакированным столом, чтобы этот пот превратить в «шик и блеск высшего тона».

И действительно: когда мистер Россель выходил на улицу в своем цилиндре, на него все обращали внимание. Цилиндр так блестел, что тропическое солнце отражалось от него зайчиками.

— Мистер Россель! Какое средство употребляете вы, чтобы придать вашему цилиндру такой ослепительный блеск? — спрашивали знакомые — богатые негры его круга. Россель молчал и только загадочно улыбался. Это был его секрет.

Цилиндр блестел уже как полированный стол, когда в комнату вошел Россель и застал своего слугу на месте преступления: вместо того, чтобы брать пот только со лба, как было приказано, Бузи для ускорения работы снял с шеи целую пригоршню капель, — и Россель заметил это. В сущности говоря, химический состав продукта, получаемого с шеи, должен быть одинаковым, но Россель предпочитал лобный пот, быть может, по своеобразным эстетическим соображениям.

Россель подошел к Бузи и ударил его по щеке так сильно, что голова слуги сразу повернулась в другую сторону.

— В наказание ты еще раз перекроешь потом со лба весь цилиндр! — сказал Россель и уселся в кресло.

На Росселе были желтые ботинки, черные суконные брюки на подтяжках и накрахмаленная рубашка с таким тугим, узким и высоким воротником, что толстая темная шея лежала наплывом вокруг воротника, как тесто, вылезшее из квашни. При каждом вздохе живот Росселя высоко поднимался.

Бузи вновь принялся за работу.

— Больше движений! Всем телом! — командовал Россель.

С Бузи давно уже сошло семь потов. О, если бы можно было весь пот выделывать одним лбом, как собака языком. Тогда работа пошла бы скорее.

Бузи потел. Потел и Россель: от жары, собственной полноты и узких воротничков. Но росселевская продукция пропадала без пользы — она была даже вредна: размачивала туго накрахмаленный воротник в тряпку.

Россель кого-то поджидал. Он с удовольствием осматривал безвкусно, но «богато» обставленную гостиную своего бунгало и часто поглядывал на дверь.

С веранды послышались босые, словно крадущиеся шаги.

— Я здесь! Алло! — крикнул Россель.

На пороге комнаты появились три рослых негра в белых коротких штанах. Россель кивнул им головой.

Негры ворвались в комнату, как звери на арену цирка, и схватили Бузи. Он был крепко связан ими, прежде чем успел что-либо сообразить.

Кряхтя и отдуваясь, Россель поднялся и вышел из бунгало на двор, поросший пальмами. В глубине двора стоял сарай, в котором хранился каучук.

— Ведите сюда! — крикнул Россель.

Негры отвели Бузи в сарай, бросили на грудку каучука и закрыли дверь. Россель попробовал замок и положил ключ в карман.

Через полчаса он уже шагал по улицам города в сверкающем цилиндре, черном, наглухо застегнутом сюртуке и желтых перчатках. Стояло самое жаркое время тропического лета. Мистер Россель чувствовал себя в сюртуке, как в паровой ванне. Но он считал себя денди и не признавал другого костюма.

В конце улицы среди пальм выделялся большой деревянный дом, над входом которого висела вывеска. На черном фоне крупные золотые буквы: «Файрстон».

Крамольная марка

Широкое окно кабинета, затянутое густой металлической сеткой, выходило в сад. На стене висела большая карта Либерии, испещренная черными кружками, отмечавшими каучуковые плантации американской фирмы «Файрстон». Простой деревянный стол был завален образцами каучука, спрессованного в черные шарики и пластины. Тут же стояли весы и лежали ножи, которыми разрезался каучук. Его принимали по весу, и местные плантаторы нередко клали в середину каучука камешки и куски дерева для большего веса. Приходилось разрезать шарики и пластинки, чтобы обнаружить эти проделки.

Над входной дверью крест-накрест висели два огромных слоновых клыка.

У большого письменного стола в плетеных креслах сидели трое уполномоченных фирмы «Файрстон» — мистер Блэкмор, с желтым болезненным лицом и лихорадочными глазами; белый, еще не загоревший под тропическим солнцем англичанин-коммивояжер Кенн и местный пастор Джорж Норман, в высоких сапогах, рыжий, здоровый человек, больше похожий на скотопромышленника, усиленно курил сигару.

Блэкмор медленно покачивался в кресле и говорил:

— Это была прекрасная, высокотуманная идея. Либерия! Страна свободы, от латинского слова «либер» — свободный. Страна освобожденных рабов. Свободная, независимая негритянская республика!

В дверях появился негр и доложил:

— Мистер Адам Россель!

— Пусть подождет на веранде! — небрежно ответил Блэкмор.

Через закрытую стеклянную дверь из кабинета было видно, как Россель взошел на веранду, — черный и блестящий, словно вычищенный сапог, — уселся в кресло, не спеша снял цилиндр и перчатку с правой руки и с преувеличенной развязностью положил ногу на ногу, как будто выставляя напоказ желтый ботинок.

— У них даже президент негр. Оригинально? Посмотрите хотя бы на этого джентльмена. Разве он похож на раба? — Блэкмор кивком головы указал на Росселя.

— И тем не менее этого джентльмена вы не приглашаете в кабинет, а заставляете ожидать на веранде, — не без ядовитости заметил Кенн.

Его соотечественники обходились с неграми не лучше американцев. Но «Файрстон» конкурировал с английскими фирмами, и Кенн не мог отказать себе в удовольствии уколоть «дядюшку Сэма».

— Мы дали неграм свободу, — напыщенно возразил Блэкмор, — но мы не можем им дать кожи и души белого человека. Низшая раса! С этим уж ничего не поделаешь. Ну, посмотрите на него! Кому бы из нас пришла в голову дикая мысль — надеть желтые ботинки к сюртучному костюму?

Кенн рассмеялся.

— И уж конечно, никому из нас не пришла бы в голову еще более дикая мысль — в тропический полдень надеть на себя черный сюртучный костюм!

Россель нетерпеливо переложил ногу на ногу.

— Однако Адам волнуется. Идемте на веранду! — сказал Блэкмор.

— Ну, как дела, мистер Россель?

— Я принес неутешительные новости, мистер! — ответил Россель и, когда все уселись, продолжал: — Вы знаете, что на плантациях неспокойно. Рабочие грубят надсмотрщикам и даже осмеливаются предъявлять нам требования. Без агитатора здесь не обошлось. Но кто он, как найти его — вот в чем был вопрос!..

— Был вопрос. Значит, теперь этот вопрос разрешен? Вы нашли агитатора, мистер Россель?

— Думаю, что да.

— Кто же он?

— Мой слуга Бузи!

— Эта глупая антилопа?

— И глупые антилопы умеют бодаться, мистер Блэкмор. У них очень острые рога!

— Но из чего вы заключаете, что Бузи — агитатор? — вмешался пастор.

Россель сделал значительное лицо.

— Веские улики! В отсутствие Бузи я зашел в его комнату. И что же оказалось? Он знает грамоту. Читает по-английски. Я нашел у него на столе несколько политических книг и старых газет — и откуда только он достает их? Бузи, очевидно, умеет и писать. У него есть чернильница, бумага, пенал для ручек и перьев.

— Однако всего этого...

— Недостаточно? Так вот вам самое главное: в его пенале я нашел русскую

большевистскую марку с портретом Ленина!

Слушатели были поражены.

— Марка погашена? — спросил Блэкмор.

— Нет, на вид чистая. Но, может быть, Бузи вывел штемпель. Марка синего цвета. Портрет Ленина и по сторонам «14x14».

— Неужели Бузи находился в переписке с большевиками?

— Во всяком случае он является поклонником, а значит, и последователем Ленина. В этом же пенале лежало маленькое стеклышко — размером немного больше марки. Бузи, очевидно, хотел сделать что-то вроде медальона с портретом революционного вождя.

— Это очень серьезно! — сказал Блэкмор. Больное лицо его было очень озабочено. — Неужели эта зараза...

— Так вот почему мои прихожане перестали заглядывать в церковь! — сказал пастор. — Только пара тугих на ухо старух да глухой Джим. Мне приходится проповедовать слово божие глухим, а «имеющие уши» не хотят слушать меня.

— Надо немедленно сообщить начальнику полиции. Где Бузи?

— Я подверг его домашнему аресту, — ответил Россель.

— Хорошо сделали. Подумать только! Значит, эта красная чума добралась и до черной Либерии!

Из-за прекрасных глаз

Бузи не мог понять, за что его неожиданно схватили, связали и бросили на грудь каучука в темном сарае.

«Неужели только за то, что я взял немного пота с шеи?»...

Какие еще неприятности ожидают его...

Бузи лежал на твердых каучуковых шариках и думал о своей судьбе.

Ему вспомнилась родная деревня в плодородной горной равнине, по которой бродят стада антилоп и буйволов. Невысокие холмы, поросшие тропическим лесом, а в лесу — звери, птицы. Охота на слонов, чистый воздух, яркое солнце. Как он был счастлив тогда!

Их деревня — как и другие в этой отдаленной части Либерии — жила коммунной: вместе пасли скот, вместе охотились, делили добычу и приплод.

Там, в низменной прибрежной полосе, жили «цивилизованные» негры, которые ходили в европейских костюмах, торговали, играли на гармониях, на жестяных трубах, литаврах и тромбонах, пили ром и играли в карты. Обо всем этом Бузи знал по рассказам односельчан, бывавших в столице Либерии — Монровии, куда они ездили на буйволах продавать плоды земли и слоновую кость.

Время от времени в деревне появлялись «цивилизованные» негры в странных, неудобных костюмах. Иногда приезжали и белые и вели переговоры со старшинами о найме рабочих для каучуковых плантаций. Вербовщики пускали в ход все — обманы, насилие, подкуп старшин, — чтобы только закабалить побольше рабочих. Практиковались агентами американских плантаторов даже похищения.

Бузи очень хотелось посмотреть «большой город, где жило больше пяти тысяч людей». Но он очень боялся, как бы его не отправили на плантации. О плантациях ходили плохие слухи. Бузи спасало его искусство выслеживать слонов. Им дорожили старшины как лучшим охотником этого выгодного про-

мысла.

Однажды мечта Бузи — побывать в Монровии — осуществилась, и это было началом его несчастий.

— Ты уже взрослый, Бузи, — сказал отец, — ты хорошо охотишься на слонов, но тебе надо уметь торговать. Поезжай в Монровию с Гаусом. Он покажет тебе, как это делается, и присмотрит за тобой.

Гауе оказался плохим наставником.

Правда, слоновьи клыки они продали выгодно и выручили значительную сумму. Но после этого вместо того, чтобы, сделав необходимые закупки, вернуться домой, Гауе сказал Бузи:

— Теперь я покажу тебе ресторан, Бузи. Ты не знаешь, что такое ресторан. В хороший нас не пустят — ты почти голый. Но я знаю один ресторанчик, где обращают внимание не на платье, а на кошелек.

Бузи не мог устоять перед соблазном.

...Была ночь. Был шум, пестрые фонари, оглушительная музыка. Было вино и были женщины. Бузи казалось, что ему снится сон.

После первой рюмки — первое в жизни опьянение! — голова Бузи пошла кругом, и все пошло кругом: фонари, тромбоны, бутылки и женщины... Это было очень занимательно.

А Гауе подзадоривал:

— Пей, Бузи! Пей! Ты уже не мальчишка! Мы хорошо продали кость и заслужили по доброй чарке водки!

Тромбон неистовствовал. Ушел барабан. Табачный дым застилал комнату. И в дыму, как в облаках, посредине комнаты носилась черно-красно-зеленым вихрем полуобнаженная негритянка с повязанным у бедер широким ярким, глазастым шелковым платком.

Гауе куда-то пропал. Иногда из-за дымовой завесы доносился его голос и смех, перекрываемый женским визгом.

За соседним столиком сидел старый американец. Как ни мало знал Бузи жизнь, он все же определил, что этот американец — птица невысокого полета. А рядом с американцем — красивая, молодая негритянская девушка. Ах, какая красивая! Бузи не мог оторвать от нее глаз. Иногда девушка лукаво поглядывала на него, и тогда горячая волна прилиwała к сердцу Бузи.

Старый американец шепнул девушке, она тотчас послушно встала, подошла к Бузи и непринужденно уселась за его столик. Бузи оробел от неожиданности и счастья.

— Ищешь работы, мальчик? — спросила она, ласково оглядывая его большими карими глазами.

— Я не мальчик, — ответил Бузи обиженно. — И я не ищу работы.

Бузи рассказал, зачем он приехал в город. Девушка под села к нему еще ближе. От нее пахло сладкими душистыми травами. Откуда-то появилось вино. Девушка налиwała стакан Бузи, заставляла пить, а сама начала уговаривать его контрактроваться рабочим на каучуковые плантации. Она расхваливала привольную жизнь рабочих, соблазняла прелестями города.

— По праздникам все рабочие приходят в Монровию повеселиться и потанцевать с девушками. У каждого есть своя. Ты мне понравился, миленький, и я буду любить тебя. Тебе нужно только подписать бумажку. Если ты не можешь, я подпишу за тебя.

Бузи плохо соображал. Голова кружилась от вина и еще больше от близких ласкающих глаз девушки. Ему дали подписать какую-то бумажку, на которой он поставил замысловатый крючок... Потом ласковые глаза девушки вдруг исчезли, и вместо них Бузи увидел холодные белесые глаза американца.

— Возьмите его! — сухим, как треск сучьев под ногами, голосом крикнул американец...

Это последнее, что ясно помнил Бузи. Он потерял сознание. Его куда-то несли, потом везли на тряской телеге.

Пойманная птица

Проснулся он в бараке каучуковой плантации. Красивая девушка исчезла, как сон. Она сыграла свою роль и получила плату за вербовку от агента Блэкмора...

Началась трудная жизнь на плантации. Палящий зной. Гладкие стволы каучуковых деревьев. Бузи делает надрезы на коре и подставляет голую руку. Светлый сок стекает на руку, засыхает, темнеет, покрывает ее рукавом... Бузи сдирает с руки каучуковый нарост, бросает в корзину и делает новый надрез на коре... Мистер Россель, владелец плантации и акционер фирмы «Файрстон», предпочитает этот старинный африканский способ добывания каучука американскому.

От постоянного сдирания каучукового «пластыря» темная кожа на руке Бузи буреет и вспухает... В тяжелой работе проходят дни — от зари до зари... Грязные бараки, скудная, несвежая пища, ничтожная плата... И никаких праздников, никаких «городских» развлечений... Красивая девушка обманула Бузи: он больше никогда не видел ее...

Бузи изнемогал от непосильного труда, тосковал, как птица в клетке, по родным полям и лесам. Он близок был к самоубийству.

Но тут в его жизни произошла еще одна перемена.

Однажды на плантацию приехал сам мистер Россель с американцем в белом фланелевом костюме.

Россель проходил мимо Бузи, когда налетел ветер и сорвал панаму с головы американца. Шляпа, подхваченная ветром, покатила по скату холма к пруду. Но прежде чем она успела упасть в воду, Бузи бросился за ней и схватил ее правой, «незамурованной» рукой. Это он сделал не из угодливости. Просто в нем проснулся инстинкт охотника. Ему казалось, что шляпа — недобитая плохо пущенной стрелой птица, которую надо поймать.

Подавая шляпу, Бузи опасался, как бы его не наказали за то, что он прервал работу. Но Россель милостиво сказал ему:

— Ты проворный малый. Из тебя выйдет толк. Ты будешь служить у меня в доме!

И Бузи превратился в «прислугу за все»: стирал и гладил белье, готовил обед, убирал комнаты, ухаживал за лошадью, поливал цветы... Россель был груб и требователен, но все же в его бунгало Бузи жилось легче, чем на плантации.

Здесь же произошло знаменательное событие в жизни Бузи. Он познакомился с другим слугою Росселя — негром Джоном, недавно приехавшим из Америки.

Джон открыл Бузи новый мир. Они видались ночами, когда все в доме засыпало. Это он, Джон, научил Бузи читать и писать по-английски, снабжал

его книгами и подарил марку с изображением Ленина, о котором так много рассказывал интересного.

Бузи хранил марку, как талисман.

... Руки Бузи затекли. Он прислушался. Тихо. Бузи решил действовать.

— Когда его связывали веревками, Бузи употребил прием, которому научился еще в деревне: он накрепко все свои мускулы и расширил грудную клетку. Теперь, лежа на груди каучука, он выдохнул воздух из груди и распустил мышцы. Веревки сразу ослабели. Бузи ловко сбросил их с себя.

Он встал, помассировал затекшие члены и осмотрел свою тюрьму. Взгляд его скользнул по толстым бревнам стен и остановился на тростниковой крыше.

Во имя бога и доллара

— **М**истер Россель! Бузи убежал!

Старый, седой негр, выдавив из себя эти слова, закашлялся. От быстрой ходьбы он едва переводил дыхание.

Россель так дернул головой, что высокий крахмальный воротник сразу осел, словно шапокляк.

— Как убежал? Связанный? Сквозь запертую дверь? Вы сами выпустили его, негодяи! Запору! В тюрьме сгною!

— Вот она, марка-то! — упавшим голосом сказал пастор. — Действует!..

— Мы не виноваты! — оправдывался седой негр. — Бузи вылез через крышу. Разобрал тростник и пролез в дыру, как змей...

— Но как же вы?..

— Этого никто не видел. Мальчик Гай-Гай увидел дыру на крыше и сказал мне. Я и решил: откуда быть дыре?

— Но, может быть, он там? Вы не входили в сарай?

— Ключ у вас, мистер.

— Вот ключ! — сказал Россель. — Иди, открой, посмотри!

Блэкмор, Россель, Норман и Кенн начали совещаться, как поймать беглеца. О гуманности и «освобожденных рабах» уже не говорил никто. Не делал критических замечаний и Кенн. Он был захвачен «событием» не меньше других.

— Надо немедленно позвонить начальнику полиции! — сказал Кенн.

— Да, — согласился Блэкмор. — Но на полицейских слишком надеяться нечего. Полицейских-американцев немного, а туземцы... Что у них в голове? Надо организовать погоню самим!

Блэкмор прошел в кабинет, к карте Либерии. Все последовали за ним, на этот раз не исключая и Росселя. Блэкмор, тыча пальцем в карту, объяснял:

— По всей прибрежной полосе разбросаны плантации. Через плантации Бузи не побежит — там его поймают. У него остается несколько узких проходов между культурными участками. Он может бежать вот здесь или здесь. Если он успеет перебраться за эти холмы, его не найти. На лошадях мы скоро догоним его.

— А собаки не пригодились бы? — спросил Кенн.

— Да, у нас есть пара хороших ищеек, доберман-пинчеров. Надо дать им понюхать след!

Пришел старый негр и подтвердил, что Бузи «совсем убежал». Блэкмор приказал седлать лошадей.

Джорж Норман — пастор — шагнул по комнате в волнении и нерешительно-

сти. Ему очень хотелось принять участие в этой экспедиции, но не скомпрометирует ли он этим свой сан. Как посмотрит на это Блэкмор?

Норман считал Бузи своим личным врагом не только потому, что этот негр был предполагаемым большевиком и разрушителем религии. Норман вложил в предприятие «Файрстона» церковные суммы, чтобы доходы с них обращать на нужды миссионерства. Разве все это не давало ему права бороться с врагом церкви и общества?

— Мистер Блэкмор... гм... прикажите подать лошадь и для меня! — сказал Норман и вздохнул облегченно, когда Блэкмор охотно согласился, не проявив никакого удивления.

Скоро четыре всадника выехали со двора.

Целый день они носились по дорогам возле плантации, то теряя друг друга из виду, то снова съезжаясь. Собаки беспорядочно перебежали с места на место, видимо, потеряв след. Несчастный Россель не успел даже переодеться. Спина его сюртука блестела от пота, как цилиндр, утверждая, что и спинной пот не хуже другого.

Настала ночь. Яркая луна освещала холмы, поросшие древовидным вереском.

Норман отделился от своих спутников и теперь ехал на зов Блэкмора, трубившего в охотничий рожок.

Вдруг лошадь Нормана захрапела и шарахнулась в сторону. Норман посмотрел, что испугало ее.

Под кустом лежал Бузи, разбросав руки. Истомленный беглец спал как убитый.

Ноздри Нормана расширились, словно у зверя, почуявшего добычу. Колебания еще раз холодным ветерком прошли сквозь его разгоряченную голову... Прилично ли ему, служителю церкви... Но разве он делает это не во имя Христа и церкви? И не перст ли божий в том, что именно он, Норман, встретил Бузи...

Норман осторожно слез с лошади, взял заготовленные ремни, подкрался к Бузи и — во имя Отца и Сына и Святого Духа! — навалился на спящего юношу.

Каменное сердце

— Гастон приехал! Папа! Папа! Дядя Гастон приехал!
Маленькая Ирэн ворвалась в кабинет отца.

Леон Шампетье де Риб посмотрел на дочь. Улыбнулся. Но тучка бровей тотчас согнала с лица луч улыбки.

— Хорошо, хорошо! Иди, детка! Я сейчас приду. Дела прежде всего!

— Дядя Гастон прямо из Парижа, — пролепетала Ирэн и, посмотрев еще раз на брови отца, тихонько вышла из комнаты.

У дверей кабинета отца стоял китаец-управляющий ИДзю. Безмолвный, неподвижный, как статуя.

Покончив с делами и отпустив китайца, Леон Шампетье вошел в столовую.

Там было шумно и весело.

Гастон Гомаре, брат жены, подбрасывал к потолку свою племянницу, приговаривая «Гоп! Гоп!». Высокий, с седеющими волосами, стройный, с ленточкой Почетного легиона в петлице. Увидев Леона, он опустил Ирэн на пол.

— Ну, здравствуй, плантатор! Какие вы все стали черные! Я не узнаю свою сестру Рашель, положительно стала аннамиткой. Вот только Ирэн могла бы быть смуглее. И легкая как пух!

Гастон затронул больное место сестры. Рашель Шампетье, такая же высокая и стройная, как брат, начала с волнением жаловаться на то, что у Ирэн совсем нет аппетита. Иногда повар приготовляет по пяти-шести блюд к завтраку, но Ирэн не притрагивается к ним.

— Цыплят не ест. Яиц не ест. На сливки смотреть не хочет. Все это приходится доедать нашим фоксам. Только от бананов не отказывается.

— Наши врачи никуда не годятся. Надо непременно пригласить детского врача из Туэ, — закончила она, обращаясь к мужу.

— Ну да, ну да, — ответил Леон. — Разумеется. Это уже решено. Хотя, по-моему, Ирэн чувствует себя превосходно. Жива, как ртуть, весела, как молодая белка. — И чтобы поскорее перевести разговор на другую тему, он обратился к гостю: — Ну а ты, дружище Гастон, серьезно решил заделаться плантатором или приехал только полюбоваться на экзотику? Тигры, слоны, носороги, обезьяны? Все это есть, но признаться, кроме домашней обезьяны да слонов, мы здесь не видим экзотики. У нас тут скучная степь — поля, поля. И работа, работа. Как говорится, в поте лица. Да вот ты сам увидишь.

После завтрака решили проехаться на автомобиле, осмотреть владения Шампетье.

Синий автомобиль медленно движется по дороге. В авто — семья Шампетье и Гастон. Все в белых костюмах. На головах мужчин — пробковые шлемы. У Рашель и Ирэн — широкополые соломенные шляпы.

Аметистовое небо, как раскаленная чаша, прикрыло землю. На севере синют горы, покрытые лесами. На востоке, вдали зеленые просторы Тонкишского залива, кругом рисовые поля, обсаженные шелковичными деревьями. Леон смотрит на все с интересом приезжего.

— Нет, ты не говори, в этом все-таки есть экзотика!

— На парижские бульвары не похоже, это верно! — смеясь, отвечает Леон.

Китаец-шофер переключает скорость. Машина взбирается на небольшой холм, и, когда достигает вершины, Гастон вскрикивает от удивления. По ту

сторону холма открылось странное зрелище.

Два десятка молодых и старых аннамиток в рубищах, едва прикрывающих худое тело, запряженных, как вола, тянут тяжелую телегу, нагруженную рисом. А возле женщин погонщик-китаец с длинным бичом.

— Что это? — спрашивает Гастон, обращаясь к Шампетье. Он видит совершенно спокойные лица. Не только Леон, но и Рашель, и даже маленькая Ирэн не выражают ни малейшего удивления. Для них, видимо, это слишком знакомая картина.

— Тебя удивляет это? — спрашивает Леон. — А между тем дело объясняется просто. Оплата двадцати человекодневой здесь гораздо ниже, чем расходы по однодневной работе одного буйвола.

— Так это твои вьючные животные? — спрашивает Гастон.

— ИДзю, мой управляющий, нанимает их, — отвечает Леон. — И поверь, они очень благодарны мне. Если бы они не работали у меня, они умерли бы с голода.

Автомобиль медленно нагонял воз, запряженный женщинами. Погонщик, увидав господ, захотел показать свое усердие. Он начал подстегивать бичом женщин, ударяя их по полуголым спинам. Женщины валились грудью на ляжки. Постромки напряглись. Слышалось учащенное хриплое дыхание.

Гастон опасливо посмотрел на племянницу. Но лицо девочки выражало безмятежную веселость.

Внезапно одна женщина с глухим протяжным стоном зашаталась. Надсмотрщик начал стегать ее бичом. Она рванулась в последнем усилии и упала на землю. Из рта ее хлынула кровь. Надсмотрщик кричал, награждая несчастную пинками. Это было, по-видимому, слишком и для привычных к подобным картинам Шампетье.

— Посмотри, Ирэн, какая птичка летает. Вон там, у шелковичного дерева! — сказала Рашель, чтобы отвлечь внимание дочери. И приказала шоферу-китайцу ехать быстрее.

А надсмотрщик продолжал кричать на женщину. Она делала судорожные усилия, чтобы встать, и вновь падала на черную лужу крови. Стоявшие в упряжи женщины косились на нее, как испуганные лошади, но молчали — боялись навлечь на себя гнев надсмотрщика.

А китаец, убедившись, что женщине не подняться, грубо приподнял ее, снял лямку, оттолкнул ногой в сторону и крикнул:

— Хо-о!

Колеса закрипели. Телега двинулась. Упавшая женщина Чунь лежала неподвижно у края канавы. Лицо ее посерело. На губах и подбородке запеклась черная кровь. Глаза были безжизненно закрыты. Она походила на труп. И вороны, обманутые ее неподвижностью, уже подлетали к ней все ближе и ближе. А высоко в небе над «падалью» кружился ястреб.

Но искра жизни еще не погасла. В затуманенном мозгу пролетали смутные мысли, как ночные птицы в безлунной темноте. Не надо птиц. Не надо мыслей. Их бесшумный полет мешает спать. Уснуть — умереть так приятно...

— Цинь? — Цинь — это мысль. Это образ. Цинь — это маленькая дочь Чунь. Это она зовет. Она напоминает о себе. Надо жить. Надо жить ради нее. — Цинь! — И легкая судорога, вспугнувшая ворон, прошла по телу. — Цинь! — И Чунь открыла мутные глаза. — Цинь! — И вот Чунь поднимается со стоном.

Руки и ноги ее дрожат.

Чунь смотрит на дорогу. За облаком пыли скрылась телега. Далеко. Не дойти! Не возить ей больше телегу!

Последние дни она чувствовала себя совсем слабой, и сердобольные женщины — товарищи по упряжке говорили:

— Ты только впрягись в лямку да делай вид, что тянешь, а мы вывезем!

Но теперь Чунь и этого не может сделать. Она шатается, не в силах идти. Телега все дальше. Вместе с телегой уходит заработок.

Дома Цинь — голодная, худенькая девочка. Бедный ребенок! И ни горсти риса...

Но ведь Чунь проработала почти весь день. Свалилась на закате солнца. Она пойдет в контору и потребует, чтобы ИД-зю уплатил ей за день.

И Чунь, собирая последние силы, прижав руки к больной груди, плетется в контору.

ИД-зю смотрит в книгу счетов и говорит бесстрастно:

— За тобой еще долг за рис. А за сегодняшний день тебе ничего не следует: ты ушла до захода солнца. Не проработала двенадцати часов. Таково условие.

ИД-зю смотрит на Чунь испытующим оком рабовладельца. Чунь «выжата до косточки». На свалку!

— Ты не можешь больше работать! — говорит он сухо. — Тебе надо умирать! Уходи!

— А Цинь? — хрипло спрашивает Чунь, смачивая языком высохшие синие губы.

— Что Цинь?

— Цинь, дочь.

— Сколько лет?

— Пять, скоро шесть.

ИД-зю пожимает плечами.

— Мала для работы. Иди!

Не понял! Что будет делать Цинь, когда Чунь умрет?..

Чунь — вдова. Ее мужа, безземельного крестьянина, раздавило деревом в горах, на лесных разработках господина Шампетье. И господин Шампетье не уплатил вдове за смерть мужа ни одного пиастра.

— Он не маленький. Твой муж умер по собственной неосторожности, — сказал господин Леон Шампетье. — Если я буду платить за каждого, раздавленного деревом, у меня не хватит никаких средств.

Чунь пыталась разжалобить ИД-зю. Но ИД-зю сказал, что смерть ее мужа была написана в книге судеб. А за судьбу не платят. Но он, ИД-зю, жалеет Чунь и потому берет ее на работу.

И Чунь впряглась в лямку, сделалась вьючным животным, оставляя маленькую Цинь целыми днями бродить беспризорной по деревне.

Пока Чунь работала, они кое-как жили. Теперь пришел конец и этому...

Уже совсем стемнело, когда Чунь доплелась до своей хижины, сделанной из соломенных циновок. Двери хижины всегда были открыты: голых стен не надо сторожить. Одна комната. Алтарь предков. Стол посередине и нары для спанья у стен.

Чунь, хрипя и задыхаясь, опустилась на тряпье нар.

— Цинь!

Никто не отозвался. Девочка не ожидала матери так рано и по обыкновению где-нибудь бродила в поисках объедков.

Вот придет Цинь, увидит мать и задаст обычный вопрос:

— Что ты принесла, мама? — и жадно посмотрит на руки. Пустые руки! Пустая душа!.. Что делать? Как жить?

Чунь тяжело поднялась. Цепляясь за стол, доползла до алтаря предков и опустилась на колени. Она вопрошала мрак. Ее молитва была похожа на жалобу. Зачем так устроена жизнь? Зачем предки не помогут живым потомкам? Почему предки всегда молчат, не подадут хотя бы доброго совета? Или они не видят! Не хотят? Не знают, не могут? Или и это все ложь, и предки — только бессильный прах, и мир — только тьма без просвета?

— Кто здесь стонет? Мне страшно! — слышался во мраке детский голосок.

Это пришла Цинь. Разве Чунь стонала?..

— Это ты, мама? О чем ты плачешь? Почему сегодня ты пришла так рано? Что ты принесла, мама?

Вот, вот он, этот страшный вопрос! И вместо того, чтобы ответить дочери, Чунь прошептала:

— Я проклиная вас!

— Что ты шепчешь, мама? Я есть хочу!

— Завтра... Завтра, моя Цинь. Сегодня я ничего не принесла. Ложись скорее спать. Сонный человек не знает голода. А завтра... — Чунь не могла больше говорить.

Голодная девочка долго плакала, но наконец уснула. Чунь не спала. Она думала, как спасти дочь от голодной смерти. Не сегодня-завтра Чунь умрет. А Цинь останется совсем одна на свете. Ей никто не поможет. Кругом в деревне такие же бедняки, как и Чунь. Как спасти Цинь?

И под утро Чунь сказала:

— Да, только это!..

— Вставай, Цинь, идем!

Цинь открыла глаза. Узкий луч солнца пробрался к ней на нару. Девочка схватила его, и руки ее сделались золотыми. Цинь рассмеялась, но тотчас нахмурилась.

— Есть хочется!

— Идем скорее! Я накормлю тебя рисом. Много рису. И свиной. И курицей. Идем.

Чунь отвела дочь на базар.

Там было шумно и весело. Крестьяне привезли домашнюю птицу, груды овощей. Как много вкусного! В толпе ходили важные чиновники. Слуга расталкивал перед ними народ, другой шел сзади и нес трубку, коробку для бетеля, бумагу, письменные принадлежности и чайник с чашкой. Богатые аннамитки ходили, поблескивая янтарными шариками в ушах. Буйволы звонили деревянными колокольчиками. Пронзительно кричали слоны, которых вели на водопой.

Девочка забыла про голод. Ей хотелось побегать по базару, но мать крепко держала ее за руку, пробираясь сквозь шумную толпу.

— Эге! И тетка Чунь привела на базар свою козочку! — крикнул знакомый крестьянин.

— Бедняжка! — подхватила старая крестьянка.

Чунь быстро пробиралась к большому тиковому дереву с серебристыми листьями и белыми цветами. Вблизи дерева стоял водоем, в котором приезжие богатые крестьяне-китайцы поили буйволов. Тут же несколько женщин мыли детей.

Чунь подошла к водоему, сняла с Цинь ее лохмотья и вымыла дочь.

— Стань здесь, Цинь! — приказала мать обнаженной дочери.

Вокруг дерева стояли несколько молодых и старых женщин с обмытыми голыми детьми. Дети были истощенные, худые, со всклокоченными волосами. Непослушными пальцами матери и бабушки приглаживали головки. Чунь критически осмотрела детей и осталась довольна: ее дочь выделялась своей стройностью.

Цинь не понимала, что происходит. Ее забавляли шум, пестрота толпы и присутствие детей. Она хотела поиграть с ними, но мать строго приказала, чтобы Цинь стояла на месте.

— Сколько просите? — спрашивали женщины друг у Друга.

— Хочу пятнадцать франков.

— Не дадут, — с сомнением покачивала головою соседка. — Зимой покупали по пяти франков.

— Теперь не зима, — возражала женщина.

Скоро появились и покупатели — жирные старые китайцы под бумажными зонтиками в сопровождении слуг. Покупатели бесцеремонно разглядывали детей, поворачивали, щупали руки и ноги, словно они покупали на убой.

К Чунь подошел толстый китаец. Слуга поставил складной стул, китаец уселся, закурил трубку и, пуская дым в лицо маленькой Цинь, начал рассматривать ее сквозь большие очки. Он долго сопел носом и наконец спросил:

— Сколько?

— Сколько ваша милость положит, добрый господин, — ответила Чунь.

Ведь она продавала дочь не ради денег, а только чтобы спасти ее от голода. Чунь решила: на полученные деньги она купит рису, свинины, курицу и все отдаст Цинь. Пусть по крайней мере она хоть раз наестся досыта.

— Семь франков! — сказал китаец.

Чунь кивнула головой в знак согласия.

Другие женщины, продававшие детей, недовольно зашипели на Чунь: она не торгуется и сбивает цену. У них было по несколько детей, и, продавая одного, они хотели подкормить других.

— Худа! — сказал китаец, видя, что Чунь не торгуется.

— Ее немножко подкормить, станет совсем хорошая девочка. Она такая понятливая, послушная. Очень хорошая работница будет! — расхваливала свой «товар» Чунь, боясь, чтобы покупатель не ушел.

— Пять франков! — сказал китаец, поднимаясь.

— Берите, добрый господин! — ответила Чунь упавшим голосом.

Китаец кивнул головой. Слуга отсчитал Чунь пять франков и взял девочку за руку.

— Только... не обижайте ее, добрый господин! — совсем тихо прошептала Чунь.

— Идем! — сказал слуга, дергая Цинь за руку.

— Куда? Я не хочу! — вдруг заплакала испуганная девочка.

— Иди, иди, деточка, тебе будет хорошо... — уговаривала Чунь.

Женщины-продавщицы отвернулись.

Плачущая Цинь исчезла в толпе.

— Что за дикари! У них совершенно нет сердца! Каменные сердца! Животное, и то не рассталось бы со своим детенышем! — сказала Рашель Шампетье. Она стояла с мужем и братом недалеко от дерева и наблюдала всю сцену.

— Каменное сердце. Ты хорошо сказала, Рашель. Они действительно заслуживают того, чтобы быть только вьючными животными, — ответил Гастон Томаре.

— Однако пора и завтракать, — весело сказал Леон Шампетье. — У меня признаться, аппетит разыгрался. Идем, Гастон. Ну, а чем же закончилось заседание палаты?

И Гастон начал рассказывать о заседании палаты депутатов, на котором он присутствовал перед отъездом из Парижа.

— Так вот. Самыми интересными были два вопроса повестки дня: об увеличении французского военного гарнизона в Гуэ и о применении принудительного труда в Советской России.

Рассказы о дедушке Дурове

«Хорошая ли память у попугая»

Ребята, видели вы в цирке дрессированных зверей дедушки Дурова? Если не видели, то, наверное, слышали о них.

Звери дедушки Дурова ходят по канату, стреляют в цель, ловят мячи, управляют поездом, считают. Да не перечислишь всего, что умеют делать четвероногие артисты дедушки.

Как же это дедушка Дуров научил зверей и стрелять, и играть, и танцевать, и по канату ходить, и такие штуки проделывать, что иной человек не сделает?

Дедушка Дуров живет в Москве, там у него есть «Уголок». Этот уголок — целый большой дом, где живут его друзья-звери. Козел живет в одной клетке с волком, кошка — с крысами. Крысы даже спят вместе с кошкой, как котята. Большой медведь не даром ест свой хлеб: он вертит лапами колесо — воду качает для зверей.

А посмотрите, что делается со зверями, когда дедушка входит в уголок и звери услышат его голос! Собаки виляют хвостами, лают, волки, гиены прямо катаются по полу и заливаются, захлебываются от счастья, что дедушка идет. И каждый норовит лизнуть протянутую руку дедушки.

Если какой зверь заболит, дедушка Дуров так тревожится и горюет, словно это не зверь, а его ребенок.

И он никогда не бьет, не наказывает своих четвероногих друзей.

Для них у дедушки всегда есть в кармане что-нибудь вкусное: кому сахару, кому печенье даст, а кому и рыбку — кто что ест и что любит.

Дедушка Дуров очень хорошо знает своих зверей. Знает их привычки, что они любят, чего не любят, чего хотят, даже о чем думают и как разговаривают. Каждый зверь, каждая птица говорят по-своему, только надо уметь понимать их язык.

Вот собака лает на дворе. Дедушка, даже не видя собаки, скажет, о чем говорит собака своим лаем: радуется ли она, или боится, или просит, или сердит-

ся — на все у собаки свой лай, особенный.

У дедушки Дурова в «Уголке» работают ученые люди, которые интересуются тем, как живут животные. Однажды ученые и знакомые дедушки поспорили между собой о том, хороша ли память у попугая.

Дедушка Дуров рассказал им такой случай.

Был у него попугай — очень старый, старше дедушки. Дедушке Дурову семьдесят лет, а попугаю было сто двадцать. Попугай очень долго живет.

Попугай сидел не в клетке, а на высокой железной палке с перекладиной. Когда-то к этой перекладине он был прикреплен цепочкой. Цепочку сняли, осталось одно колечко на ноге. Но попугай уже отвык летать. Наверное, он думал, что прикован цепочкой по-прежнему.

Но однажды он полетел.

Это было в теплую летнюю ночь. Дедушка Дуров спал в соседней комнате, и вдруг услышал отчаянный крик попугая:

— Караул! Режут! Режут!..

Дедушка вскочил и побежал посмотреть, что там случилось.

Что же он увидел? Через открытое окно в комнату пробралась бродячая кошка. Она уже успела отгрызть голову вороне, которую дедушка Дуров учил говорить. А попугай в испуге метался по комнате и кричал «режут!».

Дедушка выгнал кошку и закрыл окно. Это было полгода назад.

— А помнит ли еще попугай кошку? — спросил один знакомый.

— Конечно, помнит, — ответил Дуров. Но гости не верили. Решили привести кошку и показать попугаю. Принесли, показали. Но попугай не обращал на нее никакого внимания.

— Вот видите, попугай не помнит! — сказал знакомый.

Дуров подумал и сказал:

— Позвольте! Но ведь та кошка была рыжая, а эта серая. Надо найти рыжую кошку, и тогда посмотрим.

И что же? Когда принесли рыжую кошку, попугай вдруг захлопал крыльями и закричал, как в ту ночь:

— Караул! Режут! Режут!..

Дедушка Дуров оказался прав: попугай не забыл страшную кошку.

Как дедушка Дуров разговаривает со своими животными?

Вот свистит из соседней комнаты попугай.

— Слышите, попугай свистит? Это он меня зовет, — говорит дедушка.

И в самом деле. Не успел Дуров открыть дверь, как попугай засвистел еще громче и закивал головой, призывая дедушку к себе.

— Ну, что у тебя тут случилось? — спросил дедушка. — Подсолнуха хочешь? Э, да ты баночку с водой обернул! Вода пролилась, ты и не напился? А пить хочется? Да?

Дедушка распорядился, чтобы попугаю налили воды. Попугай прыгнул на пол клетки и начал жадно пить.

— Вот видите, — говорит дедушка, — попугай рассказал о том, что ему пить хочется. Животные так же говорят, как мы, только по-своему.

Это было так. А вот однажды слониха Нона пожаловалась дедушке на сторожа. Спустились мы с дедушкой в нижний этаж его Уголка, где у него крупные звери живут. Живет там и слониха Нона. Она еще маленькая девочка: ей всего шесть годочков. Но ростом эта девочка такая, что большой человек до

головы рукою едва достанет.

Увидала Нона дедушку, обрадовалась: головой закивала — кланяется и хобот навстречу тянет.

Но вдруг Нона, как будто ни с того ни с сего, рассердилась: совсем по-иному замотала головой, начала ушами хлопать, хоботом из стороны в сторону бросать и так затрубила, что даже слушать жутко.

— На кого это Нона так рассердилась? — удивился дедушка и оглянулся. Позади нас стоял служитель, который недавно был нанят, чтобы ухаживать за Ноной: кормить, мыть ее, смазывать кожу жиром.

— Почему Нона на вас сердится? Вы обидели ее? Били? — спросил дедушка служителя.

— Н-нет... — ответил тот смущенно.

Нона замотала головой и затрубила пуще прежнего.

— Не лгите! — строго сказал дедушка. — Нона не будет сердиться понапрасну. А она сердится на вас, видите? Говорите же правду!

И тут служитель признался: он чистил Нону, а Нона играла с ним хоботом и мешала работать. Тогда служитель ударил ее щеткой по концу хобота, где у слонов очень чувствительная кожа.

Нона успокоилась только тогда, когда служитель вышел. Больше он и не возвращался к ней — дедушка его уволил. Дуров строго следит за тем, чтобы никто не смел обижать его четвероногих друзей.

Вот как звери рассказывают дедушке о себе, что им нужно и что с ними случилось.

Когда дедушка и животное научатся хорошо понимать друг друга, можно начинать и учение.

Как учит дедушка Дуров своих животных, об этом расскажем в следующий раз.

С каждым животным у дедушки Дурова ученье особое.

Вот, например, курица. Глупая птица. Чему ее научишь? Пусть делает хоть то, что она сама умеет. Курица ищет крошки, зернышки, червячков. Шаркает ногами, как граблями, — землю разгребает. Шаркать ногами — только и умеет курица. Что ж, для дедушки Дурова довольно и этого! Берет дедушка Дуров цитру, на которой играют, насыпает зерна под струны, сажает на цитру курицу. Курица видит зерна и начинает, по привычке, ногами шаркать. Струны заиграют, глядишь — и музыка получилась. Так и выучится курица на цитре играть. Правду сказать, музыка выходит не очень красивая — куриная, — а все-таки музыка. И курица довольна: ногами пошаркала, поиграла, глядишь — и набила зоб зернами.

Свинья — та рылом своим привыкла пищу добывать, землю рыть — объедки искать.

Чему же свинью обучать? А хотя бы вот чему. Свернет Дуров длинный коврик-дорожку, а внутри в разных местах положит кусочки хлеба. Свинья увидит первый кусочек, съест его и начнет другие искать, — снизу вверх свернутый коврик подбрасывать — совсем как землю. Так и развернет весь коврик. А на коврике написано: **ВЫХОД ДЕДУШКИ ДУРОВА**.

С этого номера дедушка Дуров всегда и начинает свои Представления.

Показывает дедушка Дуров и такой номер. Приносят на арену цирка книгу, большую, как подушка, и кладут на землю. Выходит колючий дикобраз. Уви-

дит книгу — и сразу бежит к ней, — видно, что почитать любит! Длинным, тонким своим носом дикобраз ловко переворачивает страницы — словно ищет место, где читал. Вот, нашел! Читает. Даже головой от удовольствия машет. Прочитал и снова перевернул страницу. И так — пока до конца всю книгу не прочитает.

Очень смешно это у него выходит.

Конечно, дикобраз не умеет читать. Да и книга-то не настоящая, — сделана она из тонких деревянных листов. Но как же все-таки дедушка научил дикобраза листы переворачивать? Дикобразы ищут пищу так: они отбрасывают в сторону сухие ветки, траву, листья, — как мы пальцами переворачиваем страницу книги. Это и подметил дедушка Дуров и придумал сделать большую книгу, а между листами вложить вкусные «закладки». Дикобраз ищет их и перекидывает листы книги. Для него это привычная работа, и он скоро научается «читать книгу».

А вот морская свинка на шарманке играет: поднимается на задние ноги, а передними начинает колесо вертеть — шарманка играет.

Выучить морскую свинку на шарманке играть — это уже похитрее. Вот как учит дедушка Дуров.

Поставит он шарманку на стол и свинку посадит рядом. И покажет ей морковку. Свинка побежит к морковке, а дедушка руку с морковкой отводит к шарманке, и свинка туда бежит. Побежит свинка к шарманке. Тогда дедушка поднимет морковку над самым колесом шарманки. «Играй! Играй!» — приговаривает все время дедушка. Хочется свинке скорей добраться до морковки. Поднимается она, становится на задние ноги, а передними морковку спешит ухватить, — но стоять ей на задних ногах трудно, непривычно, и она передними начинает за колесо цепляться. А колесо-то и завертелось, а шарманка-то и заиграла! «Играй! Играй!» — повторяет дедушка и дает свинке морковку. Пройдет несколько уроков, и свинка запомнит, что ей надо делать, чтобы скорее получить морковку. Еще и морковки не видит, только услышит, как дедушка скажет «играй», — и начинает свинка колесо вертеть. Знает свинка, что дедушка не обманет, даст морковку.

Так свинка и научается и на шарманке играть, и флаг веревочкой поднимать, и разные другие штуки делать.

Храбрый заяц

Сидит Зайка на высоком столике и жует салат. И вдруг — к его мордочке медленно подплывает по воздуху детский барабан.

Заяц никогда не видел барабана. Что это за зверь? С боков круглый, блестящий, сверху и снизу — плоский, как стол. И движется — значит, живой!

Зайка перестает жевать, поднимает уши и косо смотрит на барабан.

Барабан, наверно, тоже увидел, что Заяц смотрит на него. И барабан испугался Зайца: быстро отодвинулся.

Нет барабана. Убежал барабан. Видно, большой трус барабан!

Заяц успокоился и снова начал уплетать салат.

А барабан опять лезет, уже сбоку, и прямо к куче салата. Ну, конечно, этот круглый, блестящий зверь хочет отнять у Зайки салат!

Заяц опять выпучил глаза и поднял уши. Барабан как будто испугался этих косых глаз и длинных ушей — убежал.

Заяц перестал есть. Насторожился. Стал на задние лапки и смотрит то на

барабан, то на салат. Зеленый, свежий салат пахнет очень вкусно. Зайка протянул к нему свою раздвоенную губу.

А барабан уже тут как тут — надвигается с другой стороны. Нет, надо этот барабан напугать как следует! Ведь он трус!

Зайка поднял морду и затряс передними лапками — словно воду с них сбрасывает. Испугался барабан не на шутку. Быстро уплыл по воздуху от Зайца. Ага! Струсил! Удрал барабан! Зайка теперь совсем не боится его и, опустившись на передние лапки, принимается за салат.

И вдруг этот назойливый трусишка опять появляется перед самым носом Зайца. Ну, погоди же! Храбрый Зайка покажет барабану, какие у него, Зайки, крепкие, длинные когти на передних лапках! Прыгнул Зайка к барабану, и ну колотить его по спине передними лапками. Вот тебе! Вот тебе! Вот тебе! — бьет Зайка по барабану, как настоящий барабанщик.

— Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та! — трещит от страха барабан.

Будет теперь знать, как приставать к Зайцу! Сбежал барабан. Теперь уж, наверно, больше не вернется.

Ай да я! Зайка гордо смотрит по сторонам. Какой он храбрый! Какой он сильный! Даже незнакомый блестящий зверь испугался его! От радости Заяц закачал хвостиком, как маятником.

— Молодец, Зайка! Вот тебе сухарик! — говорит Зайцу дедушка Дуров и угощает храброго Зайца сухарями.

А потом игра начинается сначала. И так до тех пор, пока Зайка не научится отбивать мелкую дробь на барабане.

Ну, конечно, это сам дедушка Дуров незаметно подносил к Зайке барабан и отодвигал его назад, когда Зайка смотрел на барабан. А Зайка решил, что барабан трус, а трусов и зайцы бьют!

Вот и готов новый номер! Можно показывать в цирке, как пугливый Заяц барабанит на барабане.

«Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Надо много терпения и времени, пока из пугливого Зайца сделаешь храброго барабанщика.

Трудовой день

Не успеет дедушка Дуров встать, как к нему уже подходит, потягиваясь после сна, собака Рыжка, тычет холодным носом в руку — здоровается.

Дедушка проходит в свой кабинет. Карманы его рабочего халата топорщатся от подсолнухов, печенья, кусков сахара.

В кабинете дедушки — небольшой зверинец. В одной клетке спит белая кошка, окруженная мышами, в соседних — крысы, морская свинка, белые мыши. Дедушка открывает клетку, осторожно вынимает морскую свинку.

Дедушка обучает ее дергать за веревочку и поднимать картонку. На картонке написано: «Антракт». Потянет свинка зубами веревочку вниз и получит за это угощение.

«Мои звери знают, что ест только тот, кто работает», — говорит дедушка. Двадцать раз дернула свинка веревочку, 20 кусочков получила и сыта. Дедушка записывает работу каждого ученика: 20 раз дернула свинка за урок, 4 раза в день повторяется урок, сколько в месяц заработала свинка — все записано.

Пока дедушка занимается в кабинете, внизу, где живут крупные звери, идет чистка и кормежка. Тем зверям, которым сегодня идти на урок, дают немного меньше еды. Если зверек голоден, он охотнее бежит за приманкой, и

ученье скорей идет на лад.

Дедушка спускается вниз.

Сегодня предстоит трудная работа. Задумал дедушка научить свинью спускаться с шара на парашюте.

Свинью поднять на шаре нетрудно. Но как заставить ее прыгнуть вниз с площадки? Дедушка придумал. Свинья уже стоит на приготовленной площадке, одетая «летчиком»: на ней мягкая «подпруга», ремни. Она привязана веревкой к потолку. Веревка идет через блок. Конец веревки держит помощник Дурова. Свинья голодна. Дуров показывает ей большую морковь. В то же время звонит будильник. Свинья видит морковь, бежит к ней и... падает с площадки. Помощник опускает свинью на веревке до земли. Первый «полет» свиньи удался. Свинью снова ставят на площадку, опять трещит звонок будильника, опять видит свинья морковь и снова прыгает. Свинья привыкает слышать звонок и сейчас же прыгать за морковкой. Много дней уже идет ученье. Сегодня дедушка попробовал звонить, сам не показываясь и не показывая морковки.

И свинья, по привычке, спрыгнула, как только услышала звонок. Только этого и надо было дедушке. Теперь, если поднять свинью на настоящем воздушном шаре, привязав к парашюту, и поставить около свиньи будильник, то заведенный будильник затрещит через пять минут, когда шар уже поднимется.

Свинья, услышав звонок, спрыгнет и спустится на парашюте.

Дедушка доволен. Хлопает хавронью по спине и угощает ее.

Свинья тоже довольна. Сытая, идет она в свою «комнату».

Приводят молодого бычка. Дедушка Дуров учит его петь. Показывает ему кусок хлеба. Бычок тянется к хлебу и мычит. Но дедушка не дает ему хлеба. Бычок мычит сильнее и голосом потоньше. А дедушка все еще не дает хлеба, словно дразнит его. Бычок мычит еще сильнее, громче и выше.

— А ну, еще потоньше! Вот, теперь получай хлеб.

После занятий дедушка Дуров едет в цирк.

Там находятся уже обученные звери. Среди них есть и новички, которые уже хорошо умеют проделывать разные номера, но еще никогда не представляли в цирке. Оттого, что кругом все новое, непривычное, не такое, как в Уголке, звери часто забывают, что им надо делать или начинают капризничать.

Первый урок — с морскими львами. Пара морских львов — Лео и Васька — уже привезены в клетках на арену. Клетки открыты, к ним приставлены широкие доски. По доскам звери спускаются на землю, взбираются на табуретки.

Дедушка начинает бросать Лео мяч. Лео ловко ловит мяч носом и отбрасывает дедушке. Потом большой мяч летит к Ваське. Васька испугался, соскочил с табуретки и бежит в клетку. Но Лео тоже соскакивает, загораживает Ваське дорогу, толкает его назад. Кое-как Лео удается «уговорить» Ваську, и тот возвращается на место. Снова летит мяч на Ваську. Васька опять пускается наутек, на этот раз через всю арену, к креслам. Он уже успевает пробраться во второй ряд, но Лео опять нагоняет его, останавливает, начинает тереться, ласкаться, успокаивать своего товарища. Уговорил. Васька возвращается. Но этот противный мяч опять летит прямо в Голову... Васька открыл пасть, схватил мяч и разорвал его зубами. Тогда Лео отпрыгнул на землю, подбежал к другому — целому мячу, приложил к нему нос и так держал несколько минут, по-

глядывая на Ваську: видишь, мол, — мяч не кусается.

Васька научился наконец ловить и отбрасывать мяч.

Так сами звери помогают иногда дедушке Дурову учить отсталых учеников.

В цирке

Играет музыка, большие лампы ярко освещают цирк. По арене бегают кругами серая лошадь. На ее широкой спине стоит наездница. Она прыгает сквозь обруч. Идет первое отделение.

Дедушка Дуров выступает во втором отделении.

Он сидит в своей уборной, одевается к выходу, пьет чай. У ног его на полу лежит собака Рыжка. Она тоже сегодня будет «работать», а пока отдыхает — дремлет, положив голову на лапы. В углу на небольшом столике стоит клетка с обезьянкой. Обезьянка вертит головой и протягивает мохнатую лапку — просит печенья, сахару.

— Пора ее одевать, — говорит дедушка Дуров. Обезьянку вынимают из клетки и надевают ей штанишки, красную курточку, шапочку. Она будет машинистом на паровозе.

Входит помощник Дурова и спрашивает:

— Что будем сегодня показывать? Лисиц нельзя — одна лиса хромает, коготь на лапке повредила. — Дедушка велит приготовить вместо лисиц дикобраза, спрашивает, готов ли паровоз.

За ареной, там, где помещаются звери, идет суета. Служащие подтягивают ближе к выходу рельсы, приносят будку стрелочника, мячи, обручи — все, что надо для представления. Маленький паровозик уже приготовлен к выходу — пытит, из трубы идет пар. Он хоть и очень маленький, а настоящий паровоз. Когда он испортился, его даже чинили на заводе, где делают настоящие большие паровозы.

Звери дедушки Дурова знают, что им скоро надо выходить.

В ящиках с водой лают морские львы; красивый гепард ходит по клетке, крысы суетятся. Даже Хавронья — толстая белая свинья — проснулась и хрюкает. Ей первой выходить на арену.

Вот и второе отделение. Прозвенел звонок, заиграла музыка. У входа на арену цирковые работники положили свернутый коврик. Выпустили свинью. Она быстро побежала по коридору к арене, нашла коврик и начала разворачивать его. А на коврике надпись: «Выход дедушки Дурова». Свинья подобрала все куски хлеба, которые были завернуты в коврик, и вернулась на место. Ее «номер» окончен.

Музыка заиграла громче, и вот сам дедушка Дуров в золотистом костюме клоуна выходит на арену.

Он обходит ее вокруг, приветствует зрителей. Все хлопают в ладоши. Рыжка бежит вокруг дедушки и лает. Теперь ее номер. Не ожидая приказа, она прыгает на стол... Она будет лаем отвечать на вопросы. Она машет хвостом и нетерпеливо перебирает ногами, пока дедушка Дуров объясняет, как он дрессирует своих животных. Вот дошла очередь до Рыжки. Она решает задачи, показывает лапой на большой карте, где находится Черное, где Белое море... Зрители хлопают в ладоши, смеются и бросают на арену конфеты, печенье. Рыжка быстро все подбирает и убегает. Она тоже кончила свою работу. На смену ей приходит «ученый» дикобраз, который читает книгу, переворачивая носом

большие страницы. Потом заяц играет на барабанах, морская свинка стреляет из пушки. Потом появляются морские львы. Они гоняются за карликом — пугают его в шутку, ловко подбрасывают кончиком носа мячи, ловят головой обручи, которые бросает дедушка Дуров, и даже играют на трубах. Потом уходят все звери. На арену выходят помощники дедушки. Они укладывают шпалы и рельсы. Ставят станцию, стрелку, будку, даже маленькую «уборную», куда забегают пассажиры-собачки. А забегают они туда потому, что там на стенке для них повешено угощение — кусочки мяса, хлеба. И вот выезжает поезд. На паровозе сидит обезьянка. Другая обезьянка — стрелочник — стоит у стрелки. Пассажиры — морские свинки и крысы — быстро занимают вагоны. Еще бы! В этих вагонах им тоже приготовлено угощение. Поезд свистит и едет. Дети-зрители кричат от восторга, хлопают в ладоши. «Браво! Браво! Бис!..» Дедушка выходит еще и еще раз и раскланивается.

Зрители расходятся. Дуров уходит в свою уборную и снимает костюм клоуна. Потом устало садится на стул. Хорошо сегодня работали звери. Спектакль прошел весело. Публика не знает, сколько труда и терпения положил на это дедушка.

Детский утренник кончился, а вечером дедушка снова выступит со своими четвероногими артистами. И так он работает уже пятьдесят лет.

Игры у животных

У зверей и птиц много забот и трудов. Надо построить дом-гнездо или нору. Надо раздобыть пищу себе и детям.

Но не все же работа. Надо и отдохнуть, и позабавиться.

Многие животные — в особенности молодые — могут, как малые ребята, целыми часами забавляться камешками, щепками, кусочками дерева. Это их игрушки. Они катают, подбрасывают, ловят их.

И взрослые животные и птицы тоже любят играть.

Сорока очень любит блестящие вещи. И недаром ее зовут «сорока-воровка». Сороки часто крадут серебряные ложки и уносят к себе в гнездо.

Зачем сороке ложка? Конечно, не чай пить, а забавляться ею.

Мыши и крысы очень любят играть игрушками. В крысиных норах под полом часто находят целые склады пуговиц, катушек, лоскутков и даже серебряные деньги. Это крысиные папаши и мамыши натаскали игрушек детям.

Одна обезьяна умела устраивать себе качели. Она брала веревку, отыскивала в саду сук или зарубку, зацепляла веревку, потом осторожно пробовала — крепко ли — и начинала качаться.

Другая обезьяна очень любила мыть и чистить. Возьмет тряпочку, ложку и начинает тереть или полоскать в воде.

Есть одна порода небольших крыс, которые также любят полоскать, заниматься стиркой. Таких крыс и называют «Крысенок-прачка».

Найдет крысенок тряпочку, несет к речке или ручью и начинает полоскать. Потом примется купаться, нырять. Найдет на дне красивый камешек, вынет и катает его по берегу. А то возьмет соломинку и обвязывает ее вокруг своей мордочки.

Попугаи играют с кусочками дерева и любят развинчивать винтики и про сверливать дырочки.

Очень интересными играми занимаются птицы «шалашники». Они устра-

ивают из прутьев настоящие шалаши, и не для того, чтобы жить там и класть яйца, а для забавы.

Внутри этих шалашей они вставляют в стенки цветные и белые камешки, красивые раковины, разноцветные перышки. Разукрасят шалаш, а потом разгуливают там и любят.

Другие шалашники строят беседки вышиною со стол, а перед беседкой устраивают палисадник: нанесут ягод, цветов и раскидают на земле. А потом начинают танцевать. Когда цветы увянут, шалашники убирают их и приносят свежие.

Однажды я видел, как купались два медвежонка — Мишка и Машка. Они вошли в речку, стоя на задних лапах. Вода им была по пояс. Мишка вдруг стал обдавать Машку брызгами, потом схватил ее и начал «топить» — опрокидывать навзничь. Машка испугалась, вырвалась и забралась на дерево. После купанья они начали гоняться друг за другом по лугу, подбрасывали кусочки дерева и ловко ловили их на лету, как фокусники. Их пушистая шерсть намокла от воды, прилипла, к телу. Они были больше похожи на маленьких собачек, чем на медвежат.

Недавно дедушке Дурову привезли маленькую выдру. Она целыми часами возилась с бутылкой — катала ее по полу.

А морские львы дедушки Дурова умеют подбрасывать носом большие мячи, ловят их и удерживают на носу. Для них это не только цирковая работа, но и забава.

Бабушка Мойра

(Пьеса-сказка в 4 действиях для детского спектакля)

Действующие лица

БАБУШКА МОЙРА.

ВАНЯ, 9 лет.

ПЕТЯ, 7 лет.

МАША, 6 лет.

БАБУШКА.

КОТ В САПОГАХ, ТУРЛЫ-МУРЛЫ.

КОТ УЧЕНЫЙ.

Лесные эльфы, лягушки, кузнечики, грибы, слуги Бабушки Мойры.

Действие первое

Ваня, Маша, Петя и Бабушка, потом Кот в сапогах. Детская комната. У задней стены Петина кровать, у левой стены — Машина, у правой — Ванина. Вечер. Горит лампа. Бабушка укладывает детей спать. Ваня и Маша уже раздеты и лежат в кроватках, Петя нехотя раздевается и капризничает.

ПЕТЯ (плачет). Я не хочу еще спать. Еще рано.

БАБУШКА. Ну, не капризничай, пожалуйста, а то вот придет коза-дереза и забодает тебя.

ПЕТЯ. Я не боюсь козы.

ВАНЯ. Ну, дед с мешком придет и заберет тебя, правда, бабушка?

БАБУШКА. Правда, правда. Придет и заберет. Где тут, скажет, дети, которые не спят и капризничают?

ПЕТЯ. А я его палкой.

МАША. Ты только и знаешь, что палкой. Драчун! Бабушка, Петя опять сегодня Котика драл. Бедный Котик так плакал!

ПЕТЯ. А зачем он мой домик карточный завалил? Я строил, строил, а он лапой цап! — и завалил. (Плачет.)

БАБУШКА. Ну, будет, будет. Если ты сейчас не уснешь, завтра никаких подарков к празднику не получишь!

ПЕТЯ. Я не буду плакать больше. А что мне подарят? Я хочу кнут и аэроплан.

МАША. А я куклу, бабушка.

ВАНЯ. А я лошадку, на которую верхом можно садиться и ездить. Но, пошел! (Скачет на кровати.)

БАБУШКА. Да уж что купят папа с мамой, то и будет.

Петя укладывается, Бабушка берет лампу, подходит к каждой кровати и целует детей.

БАБУШКА. Ну, спите с Богом.

ПЕТЯ. Спокойной ночи, бабушка. (Целует ее.)

ВАНЯ. Спокойной ночи. (Целует.)

МАША. Ночи!

БАБУШКА. А это что? Кот к тебе забрался? Он же тебя разбудит. Скажите, важно как растянулся. Надо вынести его.

МАША. Нет, бабушка, миленькая, не трогайте его! Он мне сказки рассказывает. Турлик-Мурлик мой. Ведь он волшебный кот.

БАБУШКА. Ох, уж что с тобой, стрекоза, делать. Истинная стрекоза! Ведь выдумала что. Волшебный кот! Сегодня сливки у меня поел, хорош волшебник! Ну, спи, спи.

(Целует Машу и уходит. Пауза.)

МАША (приподнимаясь на кровати, шепчет). Ванечка, ты не спишь?

ВАНЯ. Нет.

МАША. О чем ты думаешь?

ВАНЯ. О коне. А ты?

МАША. А я о кукле. Большой, большой. И чтоб глаза у нее открывались и закрывались.

ВАНЯ. А вдруг нам другое подарят?

МАША. Ах, если бы узнать... Милый Турлы-Мурлы, ты ведь волшебный кот, скажи нам, как нам сделать, чтобы мне подарили куклу, а Ване коня?

МАША (после паузы). Ваня, ты спишь? (Молчание.) Ах, если бы куклу!

Засыпает. Пауза. Из-за Машинной кровати вдруг выходит Кот в сапогах и подходит к Маше. Он все время топчется с ноги на ногу.

МАША (испуганно вскакивает). Кто это? Ваня, ты?

КОТ В САПОГАХ. Нет, это я, Кот в сапогах, по фамилии Турлы-Мурлы. Ты хотела иметь куклу. Хочешь, пойдём к бабушке Мойре? Она правит всем на свете, у нее целый дворец игрушек, и, если захочет, она даст тебе их много-много.

МАША. Пойдем, милый котик, только и Ваню возьмем с собой.

КОТ. Хорошо, возьмем.

МАША. И Петю.

КОТ. Нет, Петю не возьму! Он меня сегодня пребольно выдрал.

МАША. Но ведь он не знал, что ты волшебный Кот в сапогах.

КОТ. Это все равно. Какого бы кота ни били, мне больно, потому что я котиный царь, по фамилии Турлы-Мурлы.

ВАНЯ (поднимаясь). Кто это?

МАША. Это Кот в сапогах. Он поведет нас сейчас к бабушке Мойре, которая всем правит и у которой есть много-много игрушек.

ВАНЯ. А где она живет?

КОТ. Этого я и сам сейчас не знаю. Но мы найдем. Мы спросим у моего старшего брата, Кота Ученого. Он все знает: какая будет погода и откуда приедут гости. А к нему-то дорогу мы найдем, он живет у лукоморья, где растет зеленый дуб.

МАША. А это далеко?

КОТ. По соседству с Некоторым царством. От нас далеко. Но мы пойдём туда в сапогах-сороходах. Я сейчас принесу. (Уходит за Машину кровать.)

МАША. Ах, как весело!

Петя выглядывает и прячется. Кот выносит две пары сапог. Проходя около кровати Пети, один сапог роняет. Петя быстро соскакивает с кровати, подбирает сапог, уносит к себе на кровать и ложится. Кот ставит сапоги на пол.

Ваня и Маша сходят к нему с кроватей.

КОТ. Ну, вот. Тебе пара и тебе. Что такое? Взял две пары, а оказалось три сапога? Потерял? (Оборачивается назад.) Нет, не видно. Ну, делать нечего, надо взять запасной. (Приносит.) Ну, а теперь скорей надевать сапоги и марш! До утра надо вернуться, а путь большой!

Ваня и Маша надевают сапоги и начинают топтаться так же, как Кот

МАША. Как смешно, да в них не устоишь!

ВАНЯ. Так и несут вперед!

КОТ. Ну, готовы? Раз, два, три, беги.

Кот быстро убегает, за ним Ваня и Маша.

ПЕТЯ (вылезает из-за кровати с сапогом-сороходом). Убежали. Без меня. Ну, я вас все-таки догоню. Мне тоже хочется побывать у бабушки Мойры, которая всем правит и у которой так много игрушек. Ну-ка, сапог-сороход, выручай! (Надевает сапог. Нога в сапоге-сороходе ступает широко вперед, другая отстает; так Петя делает по комнате полкруга и падает.)

ПЕТЯ. Вот беда-то! Одна нога от другой убегает. Что же тут делать? Попробую на эту надеть! (Снимает сапог с одной ноги и надевает на другую.) Ну-ка,

теперь. (Бежит в другую сторону и опять падает.) Теперь эта не догонит ногу в сапоге. Так я их засажу обе. (Влезает в сапог обеими ногами.) Вот так. Ну, попробуем. (Прыгает по комнате.) Отлично. Теперь в погоню. (Убегает.)

ЗАНАВЕС

Действие второе

Декорация представляет «У лукоморья дуб зеленый». Кот Ученый ходит на золотой цепи. Вбегают Кот в сапогах, Ваня и Маша.

МАША. Ой, не могу, ох, устала. Надо отдохнуть. (Все топчутся на месте.)

КОТ В САПОГАХ. Да, пора. (Слышится пение петуха.) Петух поет. Мы на полпути. Вот и дуб у лукоморья, а вот ходит и мой старший брат, Кот Ученый. Но прежде чем говорить с ним, позвольте мне минуточку подремать. (Ложится на землю. Маша садится, ноги ее продолжают двигаться.)

МАША. Эти сапоги-сороходы не дают ни минуты покоя. А Кот уже уснул!

ВАНЯ. Дай я сниму тебе сапоги. (Быстро снимает сапоги с ног Маши, Кота и своих и ставит их на землю. Сапоги-сороходы моментально убегают.)

МАША. Боже мой, убежали!

ВАНЯ. Котик Турлы-Мурлы, что нам делать?

КОТ (просыпаясь). Что случилось?

ВАНЯ. Сапоги убежали.

МАША (плачет). Что же теперь с нами будет? Как же мы домой придем?

КОТ. Я уж и не знаю. Беда! Если мы до утра не вернемся, мы все превратимся в гномов, а я совсем не желаю менять свой почтенный вид.

Убегает Петя.

ПЕТЯ. Вы что же, хотели без меня убежать?

ВАНЯ. А ты откуда взял сапог-сороход?

ПЕТЯ. Очень просто. Кот уронил, а я поднял и спрятал.

МАША. Как не стыдно, стащил сапоги. Отдай сейчас же.

ПЕТЯ. А как же я домой пойду?

МАША. А мы как пойдём? (Плачет.) Петечка, миленький, возьми меня с собой.

ВАНЯ. И меня.

ПЕТЯ. Как же я возьму вас?

ВАНЯ. А на каркушки. (Влезает Пете на спину.)

МАША. И я, и я. (Повисает у Пети на плече. Все трое падают, потом садятся на пол и плачут.)

ПЕТЯ. Я тоже без вас не пойду и свой сапог брошу. (Начинает снимать.)

КОТ. Стой, иначе ты погубишь всех нас и себя. Хотел на тебя рассердиться за то, что ты сапог у меня стянул, да уж делать нечего. Ты можешь помочь нам. Только ты в сапоге-сороходе можешь догнать наши сапоги и принести нам.

ВАНЯ И МАША. Петечка, миленький. (Целуют его в щеки и поднимают.)

КОТ. Беги скорей!

ПЕТЯ. А меня с собой к бабушке Мойре возьмете?

ВСЕ. Возьмем, возьмем.

ПЕТЯ. И у бабушки Мойры попросите для меня игрушек?

ВСЕ. Да, да.

ПЕТЯ. Каких захочу?

ВСЕ. Каких захочешь.

ПЕТЯ. Ну, бегу. Только смотрите... (Убегает.)

КОТ. А нам пока надо расспросить у Кота дорогу. (Подходит к дубу.) Братец, выйди на минуточку.

Кот Ученый выходит из-за дуба. На глазах у него большие очки.

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Здравствуй, братец. Я к тебе по делу.

КОТ УЧЕНЫЙ. Здравствуй, Турлы-Мурлы. Жил дед да баба, была у них курочка-ряба, снесла яичко, не золотое, а простое...

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ (перебивая). Прости, братец, что я тебя перебиваю. Только сейчас я не за сказками пришел. Дело к тебе.

КОТ УЧЕНЫЙ. Мышка бежала, хвостиком мотнула, яичко разбилось.

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ (говорит громко Коту Ученому в ухо, как глухому). Сказку потом доскажешь.

КОТ УЧЕНЫЙ. Значит, песню? Для этого мне надо в другую сторону идти. (Поет.) Бом, бом, бом, бом, бом, бом, загорался кошкин дом, бежит курица с ведром, заливает кошкин дом.

ТУРЛЫ-МУРЛЫ (кричит). Не надо песен мне, я за другим пришел!

КОТ УЧЕНЫЙ. За другим? За новой песней?

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Да нет же. За песнями и сказками я в другой раз приду. А теперь вот с ними (указывает на Ваню и Машу) к бабушке Мойре идем.

Ваня и Маша кланяются.

КОТ УЧЕНЫЙ. Здравствуйте, здравствуйте. Вас как зовут?

ВАНЯ. Ваня.

МАША. А меня Маша.

КОТ УЧЕНЫЙ. А я Кот Ученый. Я все знаю. А вы что знаете? (К Маше.) Сколько будет четыре да три?

МАША (смущается). Шесть.

Кот Ученый фыркает сердито.

ВАНЯ (сосчитывает на пальцах, толкает Машу и подсказывает). Семь.

МАША. Семь.

КОТ УЧЕНЫЙ. А я вас съем! За то, что подсказываете. Не люблю! (Фыркает и уходит.)

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Опять беда, рассердил теперь старика, и ничего от него не добьешься. (Стучит по дубу.) Братик, братик. Не отвечает. Сердит. (Стучит; из-за дуба выходит гриб Мухомор.)

ГРИБ. Кто тут стучит, мне спать не дает?

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Здравствуйте, Мухомор Ядовитович. Это я, Турлы-Мурлы. Стучал, чтобы вызвать своего братца.

ГРИБ. Терпеть не могу, когда тут шляются. Того и гляди, раздавят. (Кричит.) Рыжик, Рыжик.

РЫЖИК (выбегает). Чего изволите?

ГРИБ. Проводи меня. Облей водою; я высох совсем. (Рыжик уводит Мухомора и возвращается.)

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Скажите, как мне вызвать братца, Кота Ученого?

РЫЖИК. А теперь только музыкой или песнями. Очень уж песни он любит.

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Откуда же мне взять музыкантов?

РЫЖИК. Так и быть, помогу вам. (Обращается за кулисы.) Эй вы, музыканты, сюда!

Входят лягушки и кузнечики и начинают играть и петь. Сначала лягушки квакают все вместе, затем выступают солисты.

ВСТАВНЫЕ НОМЕРА ПО ЖЕЛАНИЮ

КОТ УЧЕНЫЙ (входит). Вот это я люблю. Хорошо поют. (Пете.)

ВАНЯ. А мы танцевать умеем. Хотите посмотреть?

КОТ УЧЕНЫЙ. Ну, ну, покажи. (Ваня и Маша танцуют.)

КОТ УЧЕНЫЙ. Вот молодцы. Я вами доволен. Ну, говорите, зачем пришли? Сделаю по-вашему.

ВАНЯ. Нам нужно узнать, где живет бабушка Мойра.

МАША. Чтобы попросить у ней игрушек.

ВАНЯ. Коня!

МАША. А мне куклу.

КОТ УЧЕНЫЙ. Вот чего захотели. Только не советовал бы я идти к бабушке Мойре. Не поймешь ее. Может, она вам вместо игрушек шлепков надает.

МАША. Нет, мы ее попросим, она послушает нас.

КОТ УЧЕНЫЙ. Глуха уж больно она, хуже меня. Пожалуй, не услышит вас.

ВАНЯ. А мы громко-громко попросим.

КОТ УЧЕНЫЙ. Ну, ну. Так вам надо сказать, где она живет? Я уж и сам позабыл. Не в ладах я с ней. Эй вы, слуги, принесите мою самую маленькую записную книжечку.

Слуги: Мышата, или те же Лягушки, если нежелательно делать отдельных костюмов, приносят на спинах громадную, аршина в два, книгу и развертывают.

КОТ УЧЕНЫЙ. Мойра... Бабушка Мойра. (Листает.) Вот. Она нигде не живет. Но встретить ее можно в стране Вчерашнего Дня.

ВАНЯ. Как же пройти туда?

КОТ УЧЕНЫЙ. Это надо справиться в записной книжке. (Ищет.) Вот. Задом идти туда надо.

ВАНЯ и МАША. Задом?

КОТ УЧЕНЫЙ. Да, только так можно попасть в страну Вчерашнего Дня.

Вбегает Петя с сапогами.

ПЕТЯ. А вот и я. Ну и беготня же была. Еле поймал. Замучился. (Вытирает со лба пот.)

ВАНЯ и МАША. Спасибо, спасибо! (Целуют его, берут сапоги и надевают. Турлы-Мурлы тоже. Начинают опять топать.)

ТУРЛЫ-МУРЛЫ. Ну-с, спасибо, братец, за указание дороги. Бежим, пора!

КОТ УЧЕНЫЙ. Прощайте. Желаю всего хорошего.

ВАНЯ. Только смотри, Петя. Веди себя хорошенько. Чтобы не рассердить бабушку Мойру. А если будешь шалить, мы не станем просить тебе игрушек.

ПЕТЯ. Как не станете? Что ж вы меня обманули? Я вам сапоги. (Плачет.)

МАША (утешая). Не плачь, Петечка. Ваня пошутил. Ведь ты же будешь хорошо вести себя, правда?

ПЕТЯ (успокаиваясь). Да.

КОТ ТУРЛЫ-МУРЛЫ. (Пение петуха.) Вторые петухи поют. Скорей, скорей, в дорогу. Раз, два, три. (Бежит задом, за ним так же Ваня, Маша и Петя.)

ПЕТЯ. Ах, как трудно. (Все убегают.)

(ПРИМЕЧАНИЕ. Если Петя не сумеет прыгать задом в одном сапоге, занавес должен быть опущен прежде, чем дойдет очередь до него.)

ЗАНАВЕС

Действие третье

У бабушки Мойры. Бабушка Мойра — старая женщина в греческом хитоне сидит на голем утесе и прядет. Вокруг нее цветущий лужок, на котором валяются короны, кости, груды золота, плети. Поют птицы, доносится музыка, изредка слышны чьи-то стоны. Светит яркое солнце. Вбегают задом Кот в сапогах, Ваня, Маша и Петя.

КОТ. Вот мы и у бабушки Мойры. (Становятся пред нею в ряд и кланяются.)

Все. Здравствуй, бабушка Мойра. (Мойра молчит, как изваяние, и продолжает прясть.)

КОТ. Не слышит. Глуха старуха.

МАША (оглядываясь). А как здесь хорошо. Только зачем здесь валяются кости? Как хорошо светит солнышко. Я так люблю его. (Солнце тотчас заходит, темнеет, слышится глухой раскат далекого грома.) Зашло! Как стало грустно.

КОТ. Слышите, дети, как птицы поют? Это пение понравилось бы и моему ученому братцу. (Пение птиц умолкает. Доносится чуть слышно стон.) Умолкли. Какая жалость!

ВАНЯ. Маша, смотри, какой хорошенький цветок, я сорву тебе. (Срывает и вскрикивает.) Ай! Я укололся. У него иглы острее, чем у розы.

КОТ. Ну, я, однако, устал. (Садится на пенек, пенек рушится. Кот падает, дети смеются.)

БАБУШКА МОЙРА (не поворачивая лица, протяжно). Кто там?

Дети (перестают смеяться, робко). Это мы, бабушка.

КОТ. Здравствуйте, бабушка, как ваше здоровье? (Пауза.) А мы к вам.

МОЙРА. Что надо?

ПЕТЯ (заинтересованный пряжей Мойры, подходит и спрашивает). Бабушка, зачем это? На чулки?

МОЙРА. Нить, это нити жизни. Начинаю новую нитку — человек рождается, порвется нитка — человек умирает.

МАША. А вы бы, бабушка, потолще ниточки делали, они бы и не рвались.

МОЙРА. Все равно порвутся, кудель дрянь.

КОТ. А мы к вам, бабушка, с просьбою. Вот эти детки, очень хорошие, хотят, чтобы ты им дала игрушки.

МОЙРА. Зачем? Все равно сломают. Сами сломают лучшие игрушки, а потом будут плакать и обижаться на меня.

МАША. Нет, бабушка, мы будем беречь. Я хочу куклу, бабушка.

ВАНЯ. А я лошадь.

ПЕТЯ. А я плетку.

МОЙРА. Что?

ВАНЯ, МАША, ПЕТЯ (вместе). Коня, куклу, плетку.

МОЙРА. Я сегодня добра. Хорошо. Слуги! (Вбегают странные существа, полулюди, полужвери.)

МОЙРА. Принести сюда куклу, лошадь и три плетки. (Слуги убегают и приносят куклу, лошадку и три плетки.)

МОЙРА. Кто просил плетку?

ПЕТЯ. Я.

МОЙРА. Ты хочешь самую лучшую плетку?

ПЕТЯ. Да.

МОЙРА. Плеткой бьют. Самая лучшая будет та, которая больней бьет. Ну-ка, попробуем. (Свистит. Слуга бьет другого попеременно тремя плетками, тот вздрагивает, но молчит. К Пете.) Ну, которая больней бьет?

ПЕТЯ. Я не знаю.

МОЙРА. Этого ты никогда и не узнаешь, если будешь пробовать на других. Но надо же тебе узнать. (Опять свистит, слуга подбегает к Пете и ударяет его плеткой. Петя кричит.)

ПЕТЯ. Ай, бабушка, не надо мне никакой плетки.

МОЙРА (смеется). Ну вот, молодец. А вспомни, как утром Кота бил. Он кричал так же, как сейчас ты. (Петя отходит.)

МОЙРА. Дальше. (Свистит.) Дайте девочке коня, а мальчику куклу. (Слуги исполняют.)

Ваня и Маша не знают, что делать с игрушками.

ВАНЯ. Бабушка, вы ошиблись. Это я просил коня.

МАША. А я куклу.

МОЙРА. Что, я ошиблась? Может быть, может быть. Я глуха. Недослышу и часто даю не то, что у меня просят.

ВАНЯ (подходит к Маше). Но ведь мы можем поменяться.

МАША (радостно). И правда! (Меняются. Ваня садится на лошадку и начинает скакать с криком «но», Маша целует куклу и начинает укачивать.)

МОЙРА. Что за крик? (Смотрит на детей.) Вот как. Мальчик, значит, тебе не нравится кукла, если ты отдал ее?

ВАНЯ. Мы поменялись.

МОЙРА (слугам). Отберите куклу назад. (Слуги отбирают у Маши куклу.)

МОЙРА (к Маше). А тебе не нужна лошадка, если ты отдала ее? Отберите лошадку. (Слуги исполняют.) Отдайте все Пете. (Слуги отдают.)

МОЙРА (Пете). Может быть, ты еще что хочешь? Ты мне понравился. Ты злой.

ПЕТЯ. Я хочу еще коня побольше.

МОЙРА. Выбирай. (Показывает за кулису, Петя подходит к самой кулисе.)

МОЙРА. Вот этот? Или хочешь еще больше?

ПЕТЯ. Да.

МОЙРА. Покажите ему еще больше. Вот этот хорош? Может, еще больше?

ПЕТЯ. Да, еще больше.

МОЙРА. Дайте ему самого большого. Ну, тащи сам!

Петя скрывается за кулисами и выкатывает оттуда громадного коня. В это время слышится крик петуха.

КОТ. Нам пора домой, пропели третьи петухи. Скорей, скорей.

ВАНЯ. Прощай, бабушка Мойра. Я не люблю тебя, ты злая. МАША. Ты ничего не сделала, о чем мы просили тебя. Прощай. Ты нехорошая.

Ваня, Маша и Кот уходят.

ПЕТЯ. А мне так ты нравишься, бабушка Мойра. Прощай.

Берет маленькую лошадь и куклу и начинает тащить большую лошадь, но не в силах и падает, Мойра хохочет.

Петя (обращаясь вслед ушедшим). Подождите! (Слышен голос Кота: «Скорей, скоро взойдет солнце, и ты тогда не уйдешь отсюда».)

ПЕТЯ. Эй, подождите, я не могу, мне тяжело нести. (Кладет к ногам Мойры куклу.) Бабушка я не жадный: на тебе куклу. (Мойра смеется, Петя тащит двух коней и опять падает.) Ах, как они далеко уже. (Кричит.) Подожди-и-те! (Отдает Мойре маленького коня.) Бабушка, на и этого коня, мне тяжело. (Мойра зло смеется.) Подождите! (Голос Кота еще дальше «скорей!»). Петя опять тащит, выбиваясь из сил.)

ПЕТЯ (с плачем). Я не могу. А они уже чуть видны. Подождите!

(Голос Кота еле слышен: «Скорее. Поет петух, светает».) ПЕТЯ. Ну, и не надо мне твоего коня! (Кричит.) Иду! (Убегает. Мойра дико смеется.)

ЗАНАВЕС

Действие четвертое

Декорация первого действия. Утро. Дети спят по своим кроватям. Входит Бабушка с пакетами и кладет по пакету в каждую кровать.

БАБУШКА. Детки, пора вставать. Праздничек наступил, папа и мама уже встали, сейчас придут к вам, а меня вперед прислали!

Дети просыпаются и выглядывают из кроваток.

МАША. А где же Кот в сапогах?

БАБУШКА. Какой там Кот в сапогах? Кота Ваську я взяла с кровати, когда ты уснула, чтобы он не разбудил тебя.

МАША. Я не спала, бабушка, я с Котом в сапогах была у бабушки Мойры.

ВАНЯ. И я!

ПЕТЯ. И я!

БАБУШКА. Ну, какая там Мойра! Сон приснился.

ВАНЯ. Бабушка, что это у меня? (Разрывает бумагу.) Бабушка, милая бабушка. Да здесь лошадка, какая хорошенькая.

МАША (которая разворачивала тем временем пакет). А у меня кукла! И глазки закрывает. Милая моя! (Прижимает куклу к сердцу.)

ПЕТЯ. А у меня аэроплан заводной. Ай-я-яй! Как интересно. Бабушка, он летать будет?

БАБУШКА. Будет, будет. Только на ниточке. Чтоб от тебя совсем не улетел.

ВАНЯ. Бабушка, милая, какая вы добрая! Вы не бабушка Мойра?

МАША. Нет, Ванечка, это наша славная, добрая бабушка. А бабушка Мойра злая, она никогда не делает того, о чем у нее просишь.

ЗАНАВЕС

ПУБЛИЦИСТИКА

Золушка

О научной фантастике в нашей литературе

Судьба советской научной фантастики похожа на судьбу сказочной Золушки — у обеих двойная жизнь: блестящий выезд на бал и унылое существование нелюбимой падчерицы, сидящей в затрапезном платье в темном углу кухни.

Выходит в свет научно-фантастический роман, и в несколько часов весь тираж буквально расхватывается. В библиотеках на такую книгу непрекращающаяся очередь. В анкетах журналов читатели неизменно выдвигают научную фантастику на первое место. Молодые читатели-школьники при встречах с издателями настойчиво требуют выпуска книг научно-фантастического содержания. Они же составляют «акционерные общества на паях» для покупки «по случаю» за 40–50 рублей старенького, растрепанного научно-фантастического романа, номинальная стоимость которого 50 коп. — 1 рубль. Взрослые читатели пишут письма в редакции журналов и авторам все о том же — «больше научной фантастики!».

Успех у читателей — большой и бесспорный. Это праздник, бал. Это выезд Золушки в люди.

А вот будни.

Молодой писатель написал научно-фантастический рассказ. Куда отнести его? В какой журнал? Когда-то журналов, печатавших научную фантастику, было много. Сейчас издается только один журнал — «Вокруг света». Другие же журналы, как общее правило, научной фантастики не печатают. «Рынок сбыта» для научной фантастики крайне ограничен.

Быстро уяснив это, молодой автор переходит на другой жанр. Молодые всходы научной фантастики «увядают на корню».

Не легче издать научно-фантастическое произведение и отдельной книгой. По типизации издательского дела научная фантастика была пристегнута к научно-популярному отделу издательства «Молодая гвардия». В этом отделе существовали самые низкие ставки гонорара: научно-фантастический роман оплачивался в 3–4 раза ниже обычного. Все же какой-то «рынок сбыта» был. Но вот года полтора назад издательство «Молодая гвардия» было реорганизовано, и оно отказалось издавать научную фантастику. Детиздат издает фантастику лишь с большим ограничением: «возрастной регламент». Гослитиздат и «Советский писатель» от издания научной фантастики отказывались до самых последних дней.

Неблагополучно было и с редакторами. Лишь за последние два года положение в редакциях журналов, печатающих научную фантастику, изменилось к лучшему. Прежние редакторы были хорошо подготовлены политически, некоторые из них имели неплохое образование из области так называемых гуманитарных наук, знали историю, литературу. Но в области технических и естественных знаний они, за редким исключением, были совершенно беспомощны. Это осложняло работу. Те же редакторы, которые были более или менее знакомы с техникой, впадали в другую крайность — они старались пре-

вратить научную фантастику в сухую «занимательную» технологию или электротехнику в диалогах, где герои «романа» только и делали, что задавали вопросы и отвечали на них. Такие работники снижали тематику до узкотехнических проблем. «Напишите роман об электроизоляторах», — предлагал один из таких редакторов.

Автору советских научно-фантастических произведений приходится преодолевать большие трудности и творческого характера. Это сложный вопрос, который требует отдельного обсуждения. В настоящей статье мы коснемся другого: кто может помочь писателю в преодолении этих творческих трудностей, куда ему обратиться? В Союз писателей, конечно. Но и в союзе автор научно-фантастических произведений оказывается в роли Золушки. В Союзе писателей такой писатель просто не находит себе места. В самом деле, куда его «пристегнуть»? Там все разбито на секции. К поэтам — нельзя, к драматургам — нельзя, к «молодым беллетристам» — тоже не подходит. Остается детская секция, но и это не выход. Далеко не все научно-фантастические произведения пишутся для детей. Так автор научно-фантастических произведений то ли из-за своей «специфики», то ли по другим причинам остается без творческой среды, без товарищеской помощи.

Говорят, писатели, особенно крупные, уделяют мало внимания научной фантастике, считая ее литературой второго сорта. Это неверно. Литература всегда такого сорта, какого сорта литератор, создавший ее. Вернее же, писатели не жалуют научную фантастику потому, что писатели, как и редакторы и критики, не слишком тверды в технике, физике, биологии. Жанр этот очень трудоемкий и требует для каждой работы большой предварительной подготовки. Не может не отпугивать писателей и положение Золушки, в котором пребывает научная фантастика в нашей литературе.

О моих работах

В рецензии на мой роман «Голова профессора Доуэля» (журнал «Детская литература», № 1, 1939 г.) тов. Рыкачев между прочим пишет, что моя критика научных ошибок в романе Гребнева «Арктания» имеет четко выраженный самокритический характер. Должен сказать, что все мои критические высказывания имеют и самокритический характер, так как все недостатки других авторов имеются в большей или меньшей степени и у меня. И, пожалуй, единственный случай, когда критика не являлась и самокритикой, — это случай с моей критикой научной ошибки Гребнева, и вот почему.

Рассказ и роман «Голова профессора Доуэля» был написан мною 15 лет назад, когда еще не существовало опытов не только С.С. Брюхоненко, но и его предшественников, проложивших ему дорогу: проф. И. Петрова, Чечулина, Михайловского. «Голова профессора Доуэля» была уже напечатана в 1926 году в журнале «Всемирный следопыт», а первые экспериментальные исследования по оживлению животных были произведены проф. И. Петровым в Ленинградском институте охраны труда в 1928 году. Работы же Брюхоненко относятся к еще более позднему периоду. (См. статью проф. И. Петрова «Проблемы оживления», «Известия» от 10 мая 1937 г., № 109.) Таким образом, работы С. С. Брюхоненко никак не могли явиться для меня непосредственным толчком. Мой роман для того времени являлся научным предвидением.

Как же явилась у меня идея написать его? Могу сообщить, что «Голова профессора Доуэля» — произведение в значительной степени... автобиографическое. Болезнь уложила меня однажды на три с половиной года в гипсовую кровать. Этот период болезни сопровождался параличом нижней половины тела. И хотя руками я владел, все же моя жизнь сводилась в эти годы к жизни «головы без тела», которого я совершенно не чувствовал: полная анестезия. Вот когда я передумал и перечувствовал все, что может испытать «голова без тела». Когда я поправился, уже в Москве мне попала научная статья с описанием работы Броун-Секара (1817–1894 гг.), который делал опыты, еще очень несовершенные, оживления головы собаки. Эта статья и послужила толчком, так как она к личным переживаниям «головы» прибавила научный материал, на котором мне представилось возможным создать научно-фантастический роман. (Это послужило толчком и ко всем дальнейшим работам в области научной фантастики.) Сначала я написал рассказ, в котором фигурирует лишь оживленная голова. Только при переделке рассказа в роман я осмелился на создание «двуединых людей», окрыленный опять-таки работами не С.С. Брюхоненко, а хирургов-практиков, в особенности харьковских, которые в то время создали ряд изумительных операций — пересадок органов и частей тела от человеческих трупов к живым людям.

С. С. Брюхоненко подвергся жестокой критике ученых отнюдь не за высказывания о возможности «воскрешать» «необоснованно умерших» людей. Такие воскрешения уже существуют, и их можно наблюдать хотя бы в Московском институте им. Склифосовского и в институтах переливания крови. Воскрешают не только вливанием крови, но и электризацией. Брюхоненко критиковали только за то, что он высказал предположение и даже уверенность в возможности вернуть жизнь спустя долгий период после наступления смерти. Речь шла конкретно об Амундсене, можно ли вернуть его к жизни, ес-

ли удастся через несколько лет найти его замороженный труп. В романе же «Голова профессора Доуэля» операции сшивания и возвращения к жизни производятся во всяком случае над совершенно свежими трупами.

Советская научная фантастика неизбежно должна была пройти стадию ученичества у западноевропейских мастеров. Естественно, мы должны были овладеть и стандартными формами. «Голова» и отражает этот период. И наиболее печальным в анахронизме я нахожу не то, что книга в виде романа издана теперь, а то, что она только теперь издана. В свое время она сыграла бы, конечно, большую роль: ее недостатки и достоинства сослужили бы большую службу. Но не бесцельно ее появление и в настоящее время, судя по тому интересу, который возбудила книга, в особенности в среде молодых медицинских научных работников. Сотрудники Московского института переливания крови (например, В.А. Неговский) указывали, что издание такой книги имеет большое значение для привлечения внимания к очень важной области науки, кстати сказать, имеющей близкое отношение к полевой хирургии, а следовательно, и к обороне. В Ленинградском медицинском институте научные проблемы романа разбирались на лекции студентами совместно с профессором. Привлечь внимание к большой проблеме — это важнее, чем сообщить ворох готовых научных сведений. Толкнуть же на самостоятельную научную работу — это лучшее и большее, что может сделать научно-фантастическое произведение. А среди отзывов читателей есть и такие. Одна молодая читательница из Курска пишет: «Прочитав такой роман («Голова профессора Доуэля»), я сама решила учиться на врача, чтобы делать открытия, которые не знает профессора мира. Мои труды будут совершаться во имя нашей социалистической родины».

Еще одно замечание, уже о дальнейших моих работах. Тов. Рыкачев, ссылаясь на мое высказывание в рецензии об «Арктании»: «Чем больше у нас будет романов на тему о борьбе с классовым врагом, тем лучше», пишет, что это высказывание, несомненно, определит тему дальнейших работ самого А. Беляева».

Посвящая этим темам работы в прошлом (например романы «Подводные земледельцы», «Продавец воздуха» и др.) и отнюдь не отказываясь от них в будущем, я, однако, должен разочаровать тов. Рыкачева, сообщив ему, что, например, последний мой роман «Лаборатория Дубльвэ» написан не на тему о классовой борьбе, так же как и новый роман, над которым я работаю. Почему? Самое легкое — создать занимательный, острофабульный научно-фантастический роман на тему классовой борьбы. Тут и контрасты характеров, и напряженность борьбы, и всяческие тайны и неожиданности. И самое трудное для писателя создать занимательный сюжет в произведении, описывающем будущее бесклассовое коммунистическое общество, предугадать конфликты положительных героев между собой, угадать хотя бы две-три черточки в характере человека будущего. А ведь показ этого будущего общества, научных, технических, культурных, бытовых, хозяйственных перспектив не менее важен, чем показ классовой борьбы. Я беру на себя труднейшее.

Иллюстрация в научной фантастике

Вспоминаю свои детские годы. Первое знакомство с Жюлем Верном, открывшим новый, необычайный и увлекательный мир фантазии. Первое, что встает в памяти, это не текст, а иллюстрации. Они были воротами в этот новый мир, явившийся изумленному взору. Я еще не прочитал ни одной строчки, но картинки уже приковали мое внимание к книге. А когда заговорил Жюль Верн, увлекая в недра Земли и глубины океана, его слова слились в единое целое с талантливыми иллюстрациями. Одно дополняло другое. Сила этого воздействия была такова, что мы с братом решили отправиться путешествовать к центру Земли. Сдвинули столы, стулья, кровати, накрыли их одеялами, простынями, запаслись маленьким масляным фонарем и углубились в таинственные недра Земли. И тотчас прозаические столы и стулья пропали. Мы видели только пещеры и пропасти, скалы и подземные водопады такими, какими изображали их чудесные картинки: жуткими и в то же время какими-то уютными. И сердце сжималось от этой сладкой жути.

Позднее пришел Уэллс с кошмарами «Борьбы миров». В этом мире уже не было так уютно. Иллюстрации почти пугали. Но и они дополняли и усиливали слова автора.

Вспоминая эти первые, непосредственные детские и юношеские впечатления от научно-фантастических романов, я задаю себе вопрос: что, если бы эти книги были изданы без иллюстраций? И отвечаю с полной категоричностью: они не произвели бы и десятой доли того впечатления или, по крайней мере, отсрочили бы на несколько лет увлечение научной фантастикой.

Ведь всякая фантазия, даже сказочная, в конечном счете, является результатом комбинирования, «перестановки» образов реального мира. А запас этих образов у ребенка невелик. Изобразительность слова имеет свои пределы не только в природе самого слова, человеческой речи, не только в таланте автора, но и в умственном багаже, запасе образов читателя. Расширить эти пределы может лишь художник-иллюстратор. Вот почему иллюстрация должна составлять необходимую принадлежность научной фантастики, предъявляющей повышенные требования к воображению читателя, в особенности если книга рассчитана на детей. В детской научно-фантастической книге иллюстрация абсолютно необходима, однако с одним неперемennым условием: чтобы она была хороша не только с художественной точки зрения, но и с точки зрения тех специфических условий, которые вытекают из научно-фантастического жанра.

Как же у нас обстоит дело с иллюстрациями научно-фантастических произведений? В целом, к сожалению, еще далеко не удовлетворительно, если не сказать плохо. Прежде всего эти иллюстрации страдают недостатками, о которых можно сказать словами заслуженного деятеля искусств К. Юона (статья «За чистоту стиля в советской живописи». «Известия», № 205 от 2 сентября 1938 г.): «Примитивный, внешне воспринятый, лозунговый подход к решению задачи или просто холодная констатация фактов... Без яркой характеристики живых типов, без пережитой насыщенности и пережитого внутреннего и внешнего движения своих персонажей искусство не доходчиво».

К сожалению, штамп такого примитивного, равнодушного подхода лежит

на большинстве иллюстраций научной фантастики. Не сживаясь с изображаемыми героями, не относясь к ним внимательно и любовно, зачастую наспех просмотрев рукопись, в самые «сжатые» сроки иллюстратор сдает «заказ». Вина в такой спешке лежит не на одном художнике, но об этом речь идет впереди. В результате же получаются сухие, холодные, формальные «канцелярские отписки», а не художественные произведения. Такие иллюстрации не только не помогают, а скорее вредят читателю и автору. Они скучны, а «нет ничего хуже скуки в искусстве». Реалистическая иллюстрация особенно необходима в научной фантастике, хотя на первый взгляд это кажется парадоксальным. Научная фантастика, если она подлинно научная, не теряет связи с миром реальным. Советская же фантастика всемерно стремится укрепить эту связь.

Наши научно-фантастические романы уже не утопии, а произведения, которые ставят целью показать завтрашний день нашей науки, техники, быта на основе современных научных знаний, научного социализма. И чем реалистичнее, нагляднее, осязательнее покажет художник это будущее, тем лучше. Ведь одна из задач нашей научной фантастики и состоит в том, чтобы показать еще не существующее как уже существующее. А разрешить эту задачу можно только на основе реалистического стиля.

Главная беда в области иллюстрирования научной фантастики проистекает из того, что ни издательства и редакции, ни сами художники, по-видимому, не пришли к той мысли, что иллюстрация научно-фантастических произведений имеет свои специфические особенности, которые требуют создания специальных кадров художников-иллюстраторов, что она требует от таких художников, кроме общей подготовки в своем искусстве, также и специфической подготовки. До сих пор дело велось и ведется так: в орбите того или иного издательства вращается известное количество художников. Заведующий художественной частью распределяет между ними работу над иллюстрированием научной фантастики, исходя из таких соображений, как: «менее других загружен», «дешевле берет», и менее и реже всего руководствуясь спецификой жанра. Такая практика не годится. Не всякий художник, даже талантливый и высококвалифицированный, может успешно справиться с иллюстрированием научной фантастики.

Что же требуется от художника-иллюстратора научной фантастики? Первое — это умение читать, если понимать под этим умением способность точно переводить текст книги на язык собственных идей и образов. Умение читать необходимо всем иллюстраторам; иллюстраторам же научной фантастики оно необходимо в особенности, так как в этих произведениях иллюстратору приходится иметь дело с материалом, выходящим из пределов обычного. К сожалению, художники в спешке не читают внимательно и потому допускают вольные отступления от текста даже в самых обыденных вещах.

В приводимых далее примерах я пользуюсь наиболее близким мне собственным авторским опытом.

В одном романе о будущем я поставил целью показать многообразие вкусов человека будущего. Никаких стандартов в быту. Сообразно с этой задачей одних героев я изображаю как любителей ультрамодернизированной домашней обстановки — мебель и пр., других — любителями старинной мебели. Художник изобразил правильно, но заведующий художественной частью, который явно не читал романа, тотчас прислал художнику нравоучительное пись-

мо о том, что иллюстратор-де допустил грубую ошибку, нарисовав героя сидящим в старинном кресле, когда дело происходит в будущем, и требовал переделки. К счастью, этот художник умел читать. Но пока шла переписка, хорошая иллюстрация не успела попасть в номер журнала и погибла...

В повести «Небесный гость» я описываю веранду скромной дачи астронома в Аббас-Тумане, на склоне горы, поросшей соснами. Иллюстратор изобразил... огромную веранду с полом из каменных плит, высочайшие, уходящие вершинами из поля зрения колонны и... роскошные тропические пальмы. Это на высоте-то 1243 метров! Тут уж имеет место дезориентация юного читателя в географии. Можете себе представить, какие же «вольные переводы» текста дают иллюстраторы при изображении новых научно-фантастических машин, сооружений, аппаратов.

Дело иногда доходит до курьеза. Мой рассказ «Идеофон» начинался словами: «Судебный следователь провел рукою по высокому лбу, орлиному носу, выступавшему из красных толстых щек, и зажал седеющую бородку». Вот как изобразил художник следователя, его толстые щеки и седеющую бороду. В романе «Голова профессора Доуэля» сказано, что у Доуэля «волнистые, посеребренные сединой густые русые волосы». Иллюстратор же дает такой графический перевод этого образа — кстати сказать, положительного героя романа. Патологическая, внушающая ужас маска, которая может только оттолкнуть читателя.

Подобные ошибки могли бы быть вовремя исправлены вдумчивыми, образованными заведующими художественной частью издательства, редакции. Но в большинстве случаев они — узкие специалисты и их критика направлена к тому лишь, чтобы рисунок был «графически грамотен», чтобы он соответствовал техническим требованиям, был удобен для верстки и т. д. Иногда, впрочем, они судят и по существу. Но так как они не умеют читать и спешат, то зачастую лишь вредят и художнику и автору.

Конечно, в этом неумении читать и в проистекающих отсюда ошибках часто виновата спешка. В значительной степени она является причиной иллюстрационных недоносков. В редакциях и издательствах не изжита штурмовщина, тем более досадная, что издательства нередко торопят художника, книга же затем месяцами лежит в ожидании печати. Необходимо покончить с таким положением вещей. Художнику должно быть предоставлено достаточное время для того, чтобы изучить и сжиться с материалом, выносить образы. Обдумать все детали, если нужно, посоветоваться с консультантами в той или иной области науки и техники, главное же — с самим автором.

Связь художника с писателем должна стать неременнейшим условием иллюстрирования научной фантастики. Необходимо ввести как обязательное правило — не печатать ни одной иллюстрации без визы автора. Лучшие художники-иллюстраторы корифеев научной фантастики всегда находились с ними в творческой связи: так, например, художник Риу работал в тесном содружестве с Жюлем Верном.

Второе, что требуется от иллюстратора научной фантастики, — это умение быть чертежником-конструктором, умение облекать технические идеи автора в плоть и кровь конструктивной, инженерной, строительной логики. Он должен иметь не только высокую графическую, чертежную, но и техническую подготовку, быть знакомым со строительной техникой, с научной аппарату-

рой, по крайней мере, настолько, чтобы не делать явных ляпсусов в изображении ферм каких-нибудь грандиозных сооружений, мостов, башен. Пока, к сожалению, наши иллюстраторы, за малым исключением, не обладают даже и этим минимумом. Наиболее осторожные из них поэтому ограничиваются рисунком, мало чем отличающимся от исходного чертежа, в котором изобретатель или писатель только схематично оформляет идею. Таково изображение гигантской подковы (идея Циолковского) для опытов над силой тяжести в романе «Прыжок в ничто». Невозможно в короткой статье описать все научные и технические ляпсусы и развесистые «клюквы», которые преподносятся читателям нашими иллюстраторами научной фантастики.

И тут мы подходим к третьему требованию. Иллюстратор, который берется за иллюстрацию к научно-фантастическим произведениям, должен обладать гораздо большей научной подготовкой, большим образованием, чем иллюстраторы прочих литературных произведений. Он должен быть хорошо знаком и с географией, чтобы не помещать пальм на вершине кавказских гор, и с физикой, и с другими науками. Один, например, художник изображает отлет межпланетной ракеты по стартовому лотку, причем изображает этот лоток не прямым, а сильно изогнутым. Ясно, что при таком профиле и огромной скорости ракеты должно получаться колоссальное торможение, а следовательно, и потеря первоначальной скорости. «Для чего вы это сделали?» — «Так эффектней». Для уменьшения трения в том же лотке должны быть уложены шарикоподшипники. Эти «шарики» изображены катящимися вниз по лотку после отлета ракеты, причем величина шаров превосходит высоту закраин лотка. По таким шарам ракета двигаться, конечно, не могла. А сделаны они такими огромными потому, что «так эффектнее». Циолковский проектировал для изучения силы тяжести и центробежной силы сделать огромный вращающийся шар и поместить в него испытуемых людей, животных и растения. Площадь пола шара должна быть параллельна земле. Так художник и нарисовал. Но в следующем издании он «перестарался»: заново нарисовав ту же иллюстрацию, он придал шару наклонное положение. Ясно, что в таком шаре силы тяготения и центробежная будут вести себя совершенно иначе, и едва ли человеку поздоровилось бы в таком не только равномерно вращающемся, но и «ныряющем» шаре. Идея Циолковского пошла кувырком. Во имя чего? — «Так эффектнее». Если бы художник имел хотя бы элементарное научное мышление и знал физику, он не допустил бы подобных ошибок. К сожалению, автору приходится обнаруживать эти ошибки «постфактум», когда книга или номер журнала уже вышли из печати.

Попутно замечу, что отсутствие достаточного научного образования у художников вызывает крайние трудности в иллюстрировании не только научно-фантастических произведений, но и книг научного и научно-популярного содержания.

А между тем в научной области художник может играть не только служебную, прикладную роль. Мир природы — при научном подходе к нему — мог бы обогатить художников новыми формами, красками, обогатить тематику, по-новому осмыслить природу, пейзаж. Многие ли художники, например, заглядывали в микроскоп, открывающий поистине новый мир, подчас необычайной красоты и оригинальности? Американский инженер Вернет ввел в «прикладное искусство» (узоры для тканей мебели, абажуров и пр.) «электрон-

ное рисование», фотографируя оригинальные узоры, которые появляются на экране телевизора, если включить в катодную трубку переменный ток. И художники-рисовальщики на тканях и пр. чрезвычайно заинтересовались этим «электронным рисованием», которое наталкивает их на совершенно новые мотивы, на новые разрешения чисто художественных задач декоративной живописи.

Вот один из примеров плодотворности связи искусства с наукой. Я знаком с интересным «человеком, влюбленным в зори». Он интересуется ими, как научный работник (зори — «индикатор погоды»), и влюблен в них эстетически. Он показывал мне многие сотни этюдов масляными красками — зарисовки зари во все времена года. Меня прямо ошеломили эти красочные симфонии необычайного богатства колорита и красоты. В живописи существуют маринисты, но почему нет «целинистов» (от латинского *celum* — небо)? «Небо как таковое» — не менее благодарный материал для живописи, чем море. Особенно поразил меня один этюд, стоящий на грани научной фантастики. Он изображал земной шар, половина которого была освещена солнцем, половина находилась в тени, а границей был заревой пояс. Заревой пояс! Кто о нем думал? Как много такая тема может дать и для популяризации научных знаний, и для художника. Есть ли у нас картины, изображающие лунный пейзаж? Если и есть, они не стоят на должной высоте ни в художественном, ни в научном отношении. Да и может ли быть иначе с лунным пейзажем, если наши художники делают научные ошибки и в земных пейзажах, изображая, например, кучевые облака на фоне зимнего пейзажа с лыжниками, или месяц, не считаясь с тем, что он меняет свое положение в зависимости от широты (рогами то вбок, то вверх в отношении горизонта).

Четвертое требование — иллюстратор научной фантастики должен обладать большой фантазией и богато развитым воображением. К услугам иллюстраторов сегодняшнего и вчерашнего дня и готовая натура, и фото, и иллюстративный материал журналов, и богатство архивов. Иное дело — научная фантастика, где приходится оперировать с вещами, еще не существующими, и где поэтому опираться приходится в значительной степени на фантазию, на воображение. Художник — иллюстратор научной фантастики по силе воображения и фантазии должен стоять, по крайней мере, на одном уровне с автором. Он должен с предельной полнотой воплотить в зрительных образах идеи автора, а подчас и восполнить недомолвки писателя.

Наконец, последнее требование — иллюстратор научной фантастики должен любить свою специальность. Без этого неизбежна в его работе печать равнодушия, казенщины, сухости. Без истинной, живой, горячей любви нет искусства. Именно она поднимала на такой высокий художественный уровень работы лучших мастеров — иллюстраторов научной фантастики.

Красноречивее всяких слов будет наглядное сравнение иллюстраций к романам Жюль Верна художников Риу и Невилля и нашего художника Н. Травина.

В заключение несколько замечаний, относящихся как к художникам, так и к издательствам.

За границей научно-фантастические произведения иллюстрируются очень щедро. Иллюстрируются даже смежные моменты: герой сидит за столом — одна иллюстрация; встал, перешел к окну — другая иллюстрация. И это неспро-

ста: читатель скорее сживается с героем, воспринимает его как реальное лицо, когда зрительно воспринимает его во всяких поворотах и ракурсах. У нас, к сожалению, скупаются — в книге дается примерно всего одна иллюстрация на один печатный лист текста. Это очень мало. Какую ценность представил бы собою, например, роман о нашем будущем, если бы он был обильно иллюстрирован. Ведь на наших художниках, как и авторах научной фантастики, лежит почетная задача — быть активными участниками социалистического строительства. Какое огромное значение имел бы такой роман-альбом и не только для юных читателей. На много новых мыслей он мог бы натолкнуть архитекторов, проектировщиков новых форм мебели, костюмов, обуви и т. д.

Разумеется, выполнить такую «программу-максимум» нам нелегко. Но необходимо, по крайней мере, расширить «лимиты». Сейчас из-за этих лимитов дело доходит до того, что в научно-фантастическом романе часто отсутствуют важнейшие объекты научной фантастики — изображение научно-фантастических сооружений, машин и т. п. Это отчасти происходит оттого, что художники, не отвечая указанным требованиям, обязательным для иллюстратора научно-фантастических произведений, уклоняются от трудных для них объектов и «отыгрываются» на «типаже». Главнейшие объекты научной фантастики должны быть иллюстрированы в первую очередь. Об этом необходимо помнить и заведующим художественной частью.

Выводы? Полагаю, читатель уже сделал их. Пусть издательства и художники сделают свои «оргвыводы».

Аргонавты вселенной

Детиздат Украины выпустил вторым изданием роман В. Владко «Аргонавты Всесвету». Этот же роман вышел на русском языке в Ростовском областном книгоиздательстве.

В послесловии украинского издания сказано: «Автор использовал свое выгодное положение писателя, который писал роман о межпланетных путешествиях уже после многих предшествующих произведений. Это дало ему возможность избежать многих ошибок, которые допускали в своих талантливых произведениях авторы фантастических произведений о межпланетных путешествиях...»

Это совершенно верно. Однако положение писателя, который пишет на тему, уже использованную его предшественниками, имеет не только свои выгоды. Избегать ошибок предшественников — этого еще мало. Необходимо избегать и повторений, по-новому раскрывая старый материал и обновляя его новейшими достижениями науки.

Рецензируемая книга, таким образом, поднимает важный вопрос о произведениях, написанных на одну и ту же или близкую научную тему. Академик В. А. Обручев в статье о научной фантастике (журнал «Детская литература», № 1, 1939 г.) правильно пишет, что нам надо создать в ближайшее время целый ряд поучительных научно-фантастических романов на наиболее интересные и актуальные научные темы: о межпланетных полетах, о проникновении в недра Земли, в ледяные просторы Арктики, в морские глубины и т. п.

Некоторые из этих тем очень широко использованы в мировой литературе. Например, мой роман «Прыжок в ничто», по словам профессора Н. А. Рынина, с которым я консультировался, занимает по счету 701-е место в ряду произве-

дений о межпланетных путешествиях. Советские авторы дали едва ли более десятка из этого числа. Количество переводов также незначительно. Работы впереди много, задачи ответственные, и, чтобы мы успешно справились с этими задачами, нам необходимо следить за работой друг друга, учиться на своих и чужих ошибках, избегать повторений, стараться, чтобы книги на одну и ту же научную тему как-то дополняли друг друга, а не дублировали материал. Необходимо тщательно изучать уже вышедшие книги и научный материал на данную тему, иметь живой контакт, знакомить друг друга со своими творческими планами. К сожалению, этого нет. Наши писатели-фантасты все еще, как и зарубежные, работают изолированно друг от друга.

Это отзывается на качестве произведений и в конечном счете на интересах читателя.

Вернемся к рецензируемой книге. В отношении научного материала автор В. Владко находился действительно в выгодном положении. К его услугам был значительный научно-популярный и научный материал. Надо было только хорошо обработать его. И автор сделал это вполне добросовестно. В книге отсутствуют научные ошибки, за исключением разве мелких описок; так, например, на странице 59 автор пишет, что остатками человеческого дыхания являются «лишний углерод и вредные газы», а на странице 58 говорится об углекислоте и вредных остатках дыхания. В основном использован материал К. Э. Циолковского и Н. А. Рынина. Имеется хороший чертеж ракеты. Хотелось бы, чтобы вопрос об управлении ракетой был изложен более подробно, иначе у читателя могут возникнуть некоторые вопросы. Все устройство ракеты, например, рассчитано на то, чтобы путешественники могли удобно расположиться не только в невесомом состоянии, но и в пределах, где существует тяжесть. Судя по описанию спуска на Венеру, управление было далеко не идеально. При таком положении вещей ракета, опустившись на почву Венеры, могла лечь, если так можно выразиться, килем вверх. Что осталось бы тогда от всех удобств, предусмотренных автором, как люди поднимались бы по перевернутым лестницам, что было бы со складами, машинами и пр.? Однако такие недомолвки трудно ставить в вину: материал неисчерпаемый.

Плохо то, что в романе много дублирования, повторения других произведений. Если бы читатель, прочитавший мой роман «Прыжок в ничто» и «Звезду КЭЦ», вслед за этим прочитал «Аргонатов вселенной», он был бы поражен обилием совпадений, и у него, пожалуй, явилась бы даже мысль о том, что кто-то у кого-то позаимствовал. Причем в невыгодном положении оказался бы писатель, произведение которого вышло последним. Я лично не сомневаюсь, что никто ни у кого не заимствовал, что сходство объясняется единством исходного материала и его внутренней логикой (приготовление к отлету, отлет, в мире невесомого, посадка, обратный путь, возвращение). Если все же у кого-нибудь явится мысль, что В. Владко использовал «мой» материал, то в утешение В. Владко могу ему сообщить, что, когда появился мой роман «Прыжок в ничто», Я.И. Перельман писал в своем отзыве, что я совершил чуть ли не плагиат, повторяя «его» материал. Его же материал в свою очередь повторяет иной, хотя бы из романа «Вторая луна» Артура Трэна и Р. Вуда (журнал № 2, 1922 г., «В мастерской природы», под редакцией Я.И. Перельмана). И уж, конечно, весь этот материал целиком повторяет первоисточник — высказывания К.Э. Циолковского.

Так, Циолковский иллюстрирует жизнь без веса, между прочим, примером того, как будет вести себя в невесомом пространстве жидкость: вытолкнутая из сосуда, она превращается в шар. Этот же шар фигурирует у Перельмана, у Артура Трэна и Вуда, у Беляева и Владко. И эти шары, конечно, похожи друг на друга, «как две капли воды».

Я думаю, нам не следует устанавливать патенты и авторские права на идеи, тем более не нами выдуманные, и вступать в споры по поводу того, кто первый сказал «э». Гораздо полезнее, если мы позаботимся о том, чтобы не пичкать читателя одними и теми же шарами в каждом романе. Не следует забывать, что даже Циолковский не исчерпал материала, не привел всех частных случаев общего закона. И мы должны позаботиться о том, чтобы вводить новый иллюстрационный материал.

Вот, например, как авторы «Второй луны» описывают момент исчезновения силы тяжести: «Хукер положил руки на пол сбоку и, оттолкнувшись, поднялся на всю длину рук. Он легко держался на кончиках обоих указательных пальцев; потом, к изумлению своих спутников, быстро поднял руки, но вместо того, чтобы упасть, медленно вернулся в первоначальное положение, подобно телу, взвешенному в жидкости».

Кончики указательных пальцев, поддерживающие вес человеческого тела, — вот один из бесчисленного количества вариантов того, как можно о старом сказать по-новому. Но для этого необходимо самостоятельно продумать то или иное новое положение, исходя из общего закона. Это, конечно, труднее, сложнее, ответственнее, чем простое повторение пройденного.

И дело не только в подобных мелочах, а и в том, чтобы в целых разделах научного материала мы проводили размежевание. В одном романе можно уделить главное внимание технике и теории реактивных двигателей, в другом — более подробно объяснить сущность астронавигации и т. п. Тогда каждый новый роман будет давать читателю и новый материал, один роман будет дополнять другой.

То, что отмечено выше, не может быть отнесено к числу недостатков романа В. Владко, а скорее к недостаткам нашего Союза писателей, который до сих пор не нашел писателям-фантастам определенного места, не умеет объединить их. Научная же сторона романа Владко, безотносительно взятая, безупречна. Удачно поданы приключения на Венере: каждое из них играет какую-то служебную роль в развитии сюжета или подаче научного материала. В общем роман читается с интересом, но следует указать, что значительная часть этого интереса держится на увлекательном материале о межпланетных путешествиях. Этот материал сам по себе так ярок, разнообразен, обилен, что он заслоняет собою недостатки романа, а они имеются.

Прежде всего — люди. Нелегкая задача показывать «четыре представителя наилучшей части человечества — советского общества», как называет своих героев сам автор.

К сожалению, эти герои выглядят далеко не наилучшими оригинальными фигурами. Их язык, их остроты — все говорит о невысоком уровне культуры. «С чем его кушают», «не по адресу обратились» — такими шаблонными, дешевыми остротами обмениваются герои. Вместо конфликтов, возникающих на несходстве характеров, между ними возникают только словесные препирательства, споры, «подкалывания» друг друга. «Уж если опять заспорили, опять

начали грызться, все напасти позади», — говорит о своих спутниках сам начальник экспедиции. Хороши наилучшие представители человечества! Правда, когда нужно, они приходят друг к другу на помощь, проявляют заботу, но все же они больше проявляют черты мелкого характера. И как обрисованы эти характеры! Профессор Рындин — спокойный. Охотник Гуро — спокойный и насмешливый. Геолог Сокол — обидчивый и нервный. Василий Рыжко, попавший «зайцем» на ракету, — типичный юноша-совершенство. Кстати, не слишком ли много «зайцев»?.. Они становятся постоянной принадлежностью наших научно-фантастических романов.

С безбилетными пассажирами, с «зайцами», нам необходимо повести серьезную борьбу не только потому, что такой персонаж и такой эффект становится уже дешевым, шаблоном, но и потому, что «заяц»-герой — фигура очень вредная в педагогическом отношении. «Заяц» не только недисциплинированный человек, но и преступник, если брать всерьез те последствия, к которым может повести появление «зайца» в ракете или подземном, подводном снаряде. Это может повести к гибели всех, к провалу дела, на которое правительство затратило миллионы. А между тем этот дезорганизатор в романах возводится в героя, идеализируется, наделяется всяческими достоинствами, и получается так, что без «зайца» люди не справились бы с работой, даже погибли бы.

Угрожающие размеры также принимают словечки-ярлыки, которыми подменяется характеристика, вроде излюбленного Василием словечка «факт», которое он употребляет к месту и не к месту.

К недостаткам романа следует также отнести неудачную форму подачи научного материала. Самая простая и примитивная — это вопросно-ответная. Есть в романе профан и всезнайка. Профан спрашивает, всезнайка отвечает. Совсем избежать вопросно-ответной системы трудно, но надо стараться хотя бы соблюдать некую обоснованность и правдоподобие. В романах В. Владко часто встречаются мало обоснованные и неправдоподобные вопросы. Вот пример. Весь мир следит и интересуется отлетом ракеты. Вне всякого сомнения, газеты, журналы полны статьями, объясняющими научные основы межпланетных путешествий. Даже в наше время редкий пионер не знает, почему летит ракета. А в романе представитель газеты, фоторепортер, обращается к Рындину с наивным вопросом: каким образом ракета отделится от Земли? «Крыльев у нее нет. Как же?» И Рындин через голову невежественного фоторепортера должен был «терпеливо» объяснять принципы ракетного двигателя непосвященным читателям. Больше того, даже непосредственные участники полета оказываются совершенно не подготовленными к тому, что их ожидает. Люди, которые намереваются сами совершить первое в истории человечества межпланетное путешествие, по-видимому, не проявили ни малейшего интереса к этому делу. И Гуро, и Сокол ведут себя в невесомом мире так, как будто невесомость явилась для них полнейшей неожиданностью. И они так же задают Рындину вопросы, как профаны в этом деле: «Значит, мы уже далеко от Земли? Ведь я ничего не вешу... Я не совсем понимаю, однако: ведь Луна притягивается к Земле... Почему ж не притягиваюсь я?..» и тому подобное.

Такие недостатки не составляют принадлежности только романа В. Владко. Мы, все советские научные фантасты, в том числе и я, не овладели еще умением обрисовывать характеры героев, уменьем связывать фантастическое с

реальным, как это мастерски делает Уэллс, уменьем незаметно и естественно подавать научный материал.

На вопросе о причинах слабой характеристики героев в научной фантастике следует остановиться. Чем это объяснить? Прежде всего, конечно, личным дарованием автора. Один одарен способностью хорошо изображать пейзаж, другой — людей, портреты. Так ведь и в живописи. Бальзак говорил про Фенимора Купера, что он был бы великим писателем, если бы умел так же хорошо изображать характеры, как природу.

Очевидно, есть и общая причина, возможно, и не одна. Одной из таких причин может быть раздвоение внимания при работе над научно-фантастическим произведением между научным материалом и изображаемыми людьми, причем первый приковывает дольше внимание автора.

Основная причина плохого изображения характеров — в недостатке мастерства, литературной техники, художественной культуры. Мы добросовестнее многих зарубежных писателей в подаче научного материала, но далеко отстаем от их литературного мастерства.

Почему так медленно идет наша литературная учеба? Доля вины за это приходится на наших редакторов. Почти до самого последнего времени они не только не указывали автору на этот недостаток, но был период, когда принимали активное участие в обезличивании героев. Невероятно, но факт. В моем романе «Прыжок в ничто», в первоначальной редакции, характеристике героев и реалистическому элементу в фантастике было отведено довольно много места. Но как только в романе появлялась живая сцена, выходящая как будто за пределы «служебной» роли героев — объяснять науку и технику, на полях рукописи уже красовалась надпись редактора: «К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель».

С героями поступалось строго. Они должны были неукоснительно исполнять свои прямые служебные обязанности руководителей и лекторов в мире науки и техники. Всякая личная черта, всякий личный поступок казался ненужным и даже вредным как отвлекающий от основной задачи. А между тем именно на таких личных элементах и держится вся ткань художественной характеристики, только в таком смещении личного и «служебного» и возможно придать реальный характер миру фантастическому.

Роман В. Владко в некоторой степени отражает редакционные требования того времени. «Аргонавты вселенной» находятся в пути сто сорок шесть дней. Почти полгода. Большой срок. Что же мы узнали о них за этот долгий период? За все время они только один раз позавтракали, да и то «по служебным обязанностям», чтобы продемонстрировать и объяснить читателю, как сложна эта процедура в мире невесомого. Затем обязательные служебные разговоры — о силе тяжести и т. п. Сколько они могли бы рассказать друг другу о себе во время длительного путешествия! А между тем они и автор хранят почти гробовое молчание о личной жизни. Сокол имеет невесту и скрывает это почти как нечто постыдное. Мы так и не знаем, имеет ли семью Рындин. Все поглотило служебное усердие. Где же здесь место обрисовке характеров?..

Проблема человека приобретает особое значение в наше время, в нашей стране. У нас создаются грандиозные научные учреждения, по-разному исследующие проблему человека: Всесоюзный институт экспериментальной медицины, институты мозга, Физиологический институт им. Павлова и др. Науч-

ные темы этих институтов и исследовательские работы могут дать огромный материал для научной фантастики. На этом материале я и предполагаю построить свой новый большой научно-фантастический роман.

Интересует меня и человек будущего, жизнь, быт коммунистического общества. Первой попыткой дать более или менее развернутую картину жизни нашего будущего я даю в романе «Лаборатория Дубльвэ» (с большими сокращениями печатался в журнале «Вокруг света» в 1938 году). В переработанном виде роман выйдет в Детиздате. В этом романе я еще не решаюсь дать характеристики людей будущего — для этого у меня недостаточно материала. Главное внимание обращено на описание городов будущего, коммунальных учреждений, квартир, транспорта и т. п. При обилии описаний сюжет не может быть слишком острым, захватывающим, иначе читатель начнет пропускать описания. Именно поэтому роман получился не очень занимательным по сюжету.

О научно-фантастическом романе и книге гр. Адамова «победители недр»

«Искусство — трудно, критика — легка» — это изречение особенно применимо к научной фантастике.

Научно-фантастическое произведение должно удовлетворять всем требованиям, которые предъявляются к художественной литературе. Но сверх этого на авторе научно-фантастического произведения лежит дополнительная нагрузка: он должен овладеть научным материалом и умело подать его. Научная фантастика — труднейший жанр.

Между тем, нет ничего легче, как критиковать научно-фантастическое произведение. Перед этой критикой не могут устоять даже классики научной фантастики. Теперь уже и пионеры знают, что жюль-верновские герои, собравшиеся лететь на Луну, должны были погибнуть от толчка в первый же момент вылета снаряда из пушки и что снаряд вообще не улетел бы в мировое пространство, что путешественники к центру Земли должны были бы погибнуть от жары или задохнуться, что «Наутилус» капитана Немо должен был быть раздавлен давлением воды на той глубине, на которую его благополучно погружал автор, что уэллсовский «человек-невидимка», если бы он действительно стал совершенно невидим, и сам ничего не видел бы... и так далее и тому подобное.

К сожалению, не все критики научно-фантастических произведений, по видимому, усвоили простые истины о том, что если бы научно-фантастические идеи были научны на все сто процентов, то тем самым они перестали бы быть фантастическими, что без научных «погрешностей», «допущений», которые автор делает вполне сознательно, научной фантастики вообще не существовало бы, что эти «ошибки» и «допущения» вполне законное, правомерное явление в научной фантастике.

Но прежде, чем же отличается подлинная научная фантастика от беспочвенного фантазирования, оторванного от научных знаний? Тем, что в голом фантазировании ничего и нет, кроме пустой игры воображения, в научной же фантастике «опущения» и научные «ошибки» лишь порог, который необходимо переступить, чтобы войти в область вполне доброкачественного познавательного материала, основанного на строгих научных данных. Пусть Жюль

Верн допускает ошибку при описании отлета на Луну. Эта ошибка дает возможность автору отправить героев в путешествие, следя за которым читатель знакомится с большим количеством отнюдь не фантастических, а вполне реальных научных знаний из области механики, физики, астрономии. Таким же образом, переступив через порог «ошибок» (вполне сознательно допущенных автором), читатель в самой увлекательной форме знакомится с геологией, совершая вместе с героями «путешествие к центру Земли», или океанографией, следя за удивительным подводным плаванием «Наутилуса».

Научная фантастика в своей классической жюль-верновской форме, ставила задачей популяризацию современных автору научных знаний и изображение картин будущего развития науки и техники. Уэллс, а за ним и другие авторы, наряду с проблемами будущего развития науки и техники, внесли в научную фантастику социальный элемент. По существу, этот жанр следовало бы выделить как социальную фантастику, но, поскольку в этих произведениях в значительной доле имеется и технический элемент, такого рода произведения идут под старым названием научной фантастики.

Перед советской фантастикой стоят большие и ответственные задачи. Первою из них является популяризация научных и технических знаний. Но, вместе с тем, советская научная фантастика, изображая современную или будущую жизнь нашей страны, неизбежно сталкивается с фантастикой социальной. Если советские писатели являются «инженерами душ», то писатели, работающие в области советской научной фантастики, должны быть как бы инженерами душ в квадрате: своими произведениями они должны способствовать и росту нового социалистического сознания, и росту научных и технических знаний.

Чем больше эти цели достигаются, тем большую ценность представляет собою и научно-фантастическое произведение.

Следует еще сказать, что цели, стоящие перед советской научной фантастикой, делают из нее как бы совершенно новый жанр, при создании которого литературное наследство классиков помогает лишь в очень малой степени советскому автору.

Ему приходится преодолевать огромные трудности, о которых не знает не только читатель, но и критик, а зачастую и товарищ по перу — писатель, работающий в другом жанре. Но эта тема требует отдельного места и времени.

Рассмотрим недавно вышедший научно-фантастический роман «Победители недр».

Гр. Адамов отправляет своих героев в недра Земли в особом снаряде, который движется, отталкиваясь от почвы позади, а впереди врезаясь в слои любой плотности. Еще во время подготовки путешествия нетрудно было предвидеть, что на пути снаряда должны встретиться пустоты и водные пространства, в которых снаряд окажется в беспомощном положении, не будучи в состоянии двинуться ни взад, ни вперед, и что способ получения энергии по проводам с земли в высшей степени рискованный и ненадежный.

Вызывает большие сомнения и вопрос о том, вместятся ли в снаряде все перечисленные автором предметы: запасы продовольствия и баллоны с кислородом, и «металлизаторы», цементирующие почву позади снаряда после каждого его шага вперед, и машины, и части будущей подземной станции и т. д. Но не будем придираться к героям за то, что они организовали свое путеше-

ствие с огромной долей риска и даже легкомыслия. Героям других научно-фантастических романов приходилось благополучно выбираться и не из таких переделок. Не будем поэтому задавать автору и других неприятных вопросов, в частности относящихся к пребыванию героев в недрах земли на огромной глубине.

Пройдем мимо и некоторых мелких ошибок и ляпсусов. Без этой доли легкомыслия и риска и без этих ошибок мы не можем мысленно совершить путешествие вместе с героями романа и не обогатим своих знаний.

Научное идейное содержание романа «Победители недр» распределяется на три раздела: геологии, энергетики и социологии.

Каково же качество этого актива? Сбалансирует ли он пассив допущений и научных неточностей?

Область социальных отношений. Характерные черты нашей эпохи отражены в романе достаточно полно: автором показаны и любовь к родине, и героизм советских людей, и чуткое отношение к человеку, и самопожертвование, и женщина, участвующая в социалистическом строительстве наряду с мужчиной, и герой-пионер, и соцсоревнование, и внимание всей страны к судьбе экспедиции и пр. Притом все это подано достаточно горячо, пожалуй даже с излишней акцентировкой, а местами и с несколько наивной «обнаженностью» тенденции. Большая сдержанность придала бы и большую силу художественной убедительности. Но эти небольшие погрешности легко выправить в следующем издании книги.

Геологический материал не имеет бросающихся в глаза неточностей и ошибок, но и не отличается особой наглядностью, полнотой и систематичностью данных по геологии и истории земли. В большинстве это суховатые выдержки, приводимые к случаю. Заметим мимоходом, что один из героев романа жестоко и не совсем справедливо критикует Ж. Верна за «Ошибки» в романе «Путешествие к центру Земли». Нельзя забывать, что в этом произведении Ж. Верн дал непревзойденную по полноте, строгой научности и картинности популяризацию современных ему знаний по геологии. Эта критика Ж. Верна только наводит на не слишком выгодные сравнения геологического материала «Победители недр» с геологическим материалом «Путешествия к центру Земли» Ж. Верна или «Плутонии» академика Обручева.

Не будь этого полемического выпада, никто не поставил бы в вину автору того, что геологический материал в его книге не стоит на таком же высоком уровне, как у классика Ж. Верна или академика Обручева.

Во всяком случае, не в геологической части самое слабое место романа, а в разработке им ведущей темы — проблемы энергетики.

С первых же страниц и строк автор становится на неправильный путь, противопоставляя различные виды энергии и отрицая право на существование хороших во имя лучших. Споры энергетиков-гелиотехников, ветротехников и других между собою о «непостоянстве» того или другого вида энергии, нездоровое препирательство между ними, — ты, мол, занимаешься «кустарничеством» и только разбазариваешь «казенные деньги», — звучат и неправдоподобно, и наивно. Серьезные ученые и техники различных областей энергетики не могут даже ставить так вопроса. Главная же ошибка такого противопоставления и взаимоотрицания различных видов энергии заключается в том, что такая «установка» находится в прямом противоречии с общими принци-

пами построения нашего обобществленного энергетического хозяйства и генерального плана электрификации.

В капиталистических странах частный предприниматель действительно мог поставить вопрос: «или — или». Если бы киловатт-час электроэнергии на его гелиостанции обходился на копейку дороже и его установка работала бы с большими перебоями, чем, скажем, ветросиловая установка у его соседа, то владелец гелиостанции разорился бы. Для него «лучшее» действительно отрицает «хорошее».

У нас совершенно иное положение вещей. Мы строим наше энергетическое хозяйство на принципе кооперирования электростанций в пределах района, области, края, республики и, как завершение этого принципа, на единстве всех электросетей СССР, на единой высоковольтной сети. Мы строим и намеряем строить в ближайшем будущем большие, средние и малые электростанции — тепловые и гидростанции, не пренебрегая и ветром. Мы придаем особое значение использованию местных источников энергии, но что же случилось бы, если бы наши гелиотехники, ветротехники и т. п., следуя примеру героев романа «Победители недр», легкомысленно бросили бы свою специальность и переключились бы на работу исключительно в области овладения энергией внутренней теплоты земного шара? «Или — или» — явно неправильная и даже вредная установка как противоречащая одному из основных принципов нашего энергетического хозяйства.

Вторая существенная ошибка автора заключается в том, что, расправившись столь жестоко и несправедливо со всеми прочими видами энергии, он неудачно рекламирует и рекомендует в сущности самый рискованный, сложный и дорогой способ получения энергии путем проникновения в глубины Земли. В книге Гюнтера «Энергетика будущего», которая, конечно, должна была находиться в руках автора, можно было найти более достойные объекты для фиксации на них внимания молодого читателя.

И зачем автору понадобилось забираться под землю на пятнадцать километров? Оказывается, только для того, чтобы установить там термоэлемент. Как известно, электродвижущая сила термоэлементов ничтожна. Правда, один из героев романа нашел средство увеличить эту силу. Но если ему повезло сделать это, зачем тогда было углубляться в недра Земли? Не проще ли было для начала использовать ту теплоту, которая находится почти на поверхности — на наших камчатских сопках, или теплоту среднеазиатского солнца, которое почти круглый год может служить источником тепла? Если применить несложные приборы вроде вогнутых зеркал, то от солнца легко получить достаточно высокую для работы термоэлементов температуру, холодильником же может служить вода рек. Это куда проще, дешевле и осуществимее, чем подогревать термоэлемент жаром недр Земли и охлаждать жидким водородом, который подается с поверхности на глубину пятнадцати километров.

Устройство мареевской подземной станции сопряжено с величайшими трудностями и громадным риском для людей, надежность работы такого «вечного» двигателя весьма проблематична, поскольку вся она зависит от исправности тонких проводов и газопроводов, соединяющих глубинную станцию с поверхностью Земли. Ведь сам автор убеждает читателя, что материка движутся, что земная кора находится в непрерывном движении. Значит, и сдви-

ги почвы, и размывы, и осадки, и соли, и блуждающие токи, и прочие причины могут испортить провода и газопроводы. Ремонт же линии будет обходиться почти столько же, сколько первоначальная установка самой станции.

Нет, поистине невыгоден проект Мареева.

Каковы же выводы? В целом роман неплох, написан живо, динамично, читается легко, с интересом, указанные недостатки нетрудно исправить в новом издании. По нашему мнению, эти исправления должны сводиться к следующему: во-первых, автор не должен «обижать» и все другие виды энергии.

Следовало бы даже подчеркнуть, что различные виды энергии имеют равные права на совместное существование и на наше внимание, что проект Мареева отнюдь не самый идеальный и не самый дешевый. Если перенести действие романа в несколько более отдаленное будущее (по некоторым деталям можно догадаться, что действие романа происходит в наши дни), то легко будет объяснить, почему же наше правительство утвердило проект Мареева, хотя он и не лучший: к тому времени наша страна уже будет обладать столь большими накоплениями материальных ценностей, что сможет позволить себе роскошь отпустить средства и на осуществление мареевского проекта наряду с другими.

Пусть попытка Мареева проникнуть в недра Земли будет сопряжена с явным риском, что соответствовало бы и действительности, а не проходит под флагом predetermined успеха, как это в значительной степени имеет место в романе. Такая постановка, или, вернее, перестановка, придала бы всем приключениям героев большую остроту и подняла бы их личный героизм еще выше. Читатель же получил бы более правильную ориентировку в важном и сложном вопросе построения социалистического энергетического хозяйства.

Создадим советскую научную фантастику

*Сначала неизбежно вдут: мысль, фантазия, сказка; за ними шествует научный расчет, и уже, в конце концов, исполнение венчает мысль.
К. Циолковский*

ОТ СКАЗКИ — К НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ

«**А** я могу с кораблем, людьми и товарами нырнуть в море, плавать под водой и далее вынырнуть опять где надо», — говорит шестой Симеон в народной сказке «Семь Симеонов». И далее в сказке рассказывается, «как увидели семь Симеонов, что погоня уже близко, — нырнули с царевной и с кораблем. Долго плыли под водой и поднялись наверх тогда, когда близко стало до родной земли. А царская погоня плавала три дня, три ночи, с тем и возвратилась».

В другой сказке, «Усоньша-богатырша», царь посылает людей за живой и мертвой водой и «моложавыми» или «молодильными» яблоками. И «когда их ему достали, тогда отец выпил воды и сделался здоров, съел яблоков и сделался молодой, как и его дети».

Всем известны сказочные сапоги-скороходы, ковер-самолет, волшебные зеркала, при помощи которых можно видеть на далекое расстояние. Подобные сказки — предшественники научной фантастики. Ковры-самолеты, ныряющие под воды корабли и т. п. не могли не влиять сильнее всего на воображение. Миллионы утверждали: сказка остается сказкой. Единицы задавали вопрос: а почему бы и не создать нечто подобное? С ростом же культуры, науки и техники растет научная и техническая оснастка произведений, описывающих чудесные вещи и изобретения. Так, в мифе о Дедале и Икаре уже содержится довольно точное описание изобретенных Дедалом крыльев для полета. Сирано де Бержерак, описывающий фантастическое «межпланетное путешествие», и Эдгар По, отправляющий своего героя к небесам, также дают техническое описание, принципы устройства летательных аппаратов. Это уже нечто от научного расчета, о котором упоминает К. Циолковский. И «в конце концов, исполнение венчает мысль»: сказочные мечты о сапогах-скороходах и ковре-самолете превращаются в скорый и сверхскорый земной и воздушный транспорт; зеркала — в телевизоры, живая вода и «моложавые» яблоки — в целую отрасль медицины, которая небезуспешно борется со старостью; ныряющий под воду корабль шестого Симеона превращается сначала в жюльверновский «Наутилус», а затем и в современные подводные корабли; наконец, легендарные крылатые Дедалы и Икары — в Лилиенталей и Райтов. Если в живой легенде наших дней, в полетах Чкалова, Коккинаки и других славных советских героев, ведущих успешную борьбу с грозными богатырями-врагами «Циклон Циклоновичами», в дрейфе папанинцев превзойдены подвиги сказочных героев и взлет сказочной фантастики, то многое остается еще в области «неосуществленной фантазии». Но она будет осуществлена.

ПРОБУЖДАТЬ ИНТЕРЕС К НАУЧНЫМ И ТЕХНИЧЕСКИМ ПРОБЛЕМАМ

Какие же требования должны мы предъявлять к советской научной фантастике и какие ее особенности.

При всем своем своеобразии научная фантастика является частью советской литературы — это участие в социалистическом строительстве.

Поскольку в научной фантастике трактуются вопросы науки и техники, естественно напрашивается вывод, что наша в первую очередь должна быть одним из средств агитации и пропаганды науки и техники, должна расширять и научные знания, привлекать к научным и техническим проблемам интерес читателей и молодежи в особенности.

Как же наиболее целесообразно популяризовать науку и технику в научно-фантастических произведениях?

Существовала тенденция излишнего «утилитаризма». Научная фантастика низводилась на степень «занимательной науки», превращаясь в весьма незанимательные научные трактаты в форме диалогов. Фабульная художественная сторона находилась в пренебрежении. Рассказы писались по такому примеру трафарету. В выходной день трехдневки ленинградский рабочий летит в стратоплане на Памир посмотреть гелиостанции. Час-полтора — и он на месте. Осматривает гелиостанции и задает вопросы. Инженер отвечает. Когда вопросответная лекция окончена, рабочий благодарит инженера и улетает обратно в Ленинград.

К сожалению, были и редакторы, которые, понимая слишком узко задачи научной фантастики, «засушивали» научно-фантастические произведения. Если автор давал живую сцену, описывал конфликты, происходящие между людьми, — на полях рукописи появлялась редакционная заметка: «К чему это? Лучше бы описать атомный двигатель».

Крайне ограничен был круг научно-технических тем. Предпочиталось писать о настоящем, «фантастика» сводилась к увеличению масштабов, размеров, скоростей и пр. Узкий техницизм заслонял все другие области науки. Да и в области технической тематической круг ограничивался перепевами тем, содержащихся в таких популярных брошюрах, как «Технические мечтания» и «Энергетика будущего» Г. Гюнтера, «Техника и человек в 2000 году» Антона Любке и др.

Немудрено, что при таких условиях машины заслоняли людей, герои бледнели, превращались в схемы, сюжетная занимательность исчезала. Жизнь, практика, опыт, отзывы читателей показали, что такое направление было неправильным. Научную фантастику нельзя превращать в скучную научно-популярную книжку, в научно-литературный недоносек. Научно-фантастический роман, рассказ должны быть полноправными художественными произведениями. Они должны ставить своей задачей не максимальную нагрузку произведения научными данными — это можно проще и лучше сделать посредством книги типа «занимательных наук», — а привлечение максимального внимания и интереса читателей к важным научным и техническим проблемам. Надо добиваться того, чтобы, заинтересовавшись ярко изображенной научной проблемой, читатель научно-фантастического произведения сам взялся бы изучать относящуюся к данному вопросу литературу, а быть может, и сам занялся научной, технической разработкой этой проблемы. Многие крупные научные деятели утверждали (в том числе и К. Циолковский), что они пришли к научной работе или изучению и разрешению определенной научной проблемы под влиянием чтения романов Жюль Верна. И с этой точки зрения лучшим научно-фантастическим произведением должно быть призна-

но то, которое бросает в мир новую плодотворную идею, которое способствует появлению нового изобретателя, нового ученого.

Мы считаем в романах Жюль Верна наиболее ценными именно эти большие новаторские технические идеи, крепко связанные с сюжетом. Научные же знания, которые он сообщает попутно, когда они слишком обильны (например, «перечень» подводных животных в романе «20 тысяч лье под водой»), подвергают испытанию читательское терпение. Это не значит, что научная фантастика должна совершенно отказаться от попутного сообщения читателю современных знаний, но следует соблюдать меру, подавать эти знания лишь там, где они логически связаны с судьбой и поступками героев. У того же Жюль Верна имеются блестящие образцы такой подачи научного материала (например, «зажигательное» стекло, которым пользуются героини романа, сделанное из куска льда, определение расстояния между заблудившимися под землей героями по скорости звука и т. п.). Если в этом не знать меры, то читатель вместо обогащения знаниями начнет нетерпеливо перелистывать страницы, а то и совсем бросит книгу. Во многих рассказах Уэллса научное описание занимает два десятка строк, все остальное — художественное изображение событий. И действительность научной идеи от этого только выигрывает.

Само собой разумеется, что подаваемые научные сведения должны быть совершенно доброкачественными.

Необходимо расширять круг научных тем. Профессор Я. Дорфман еще несколько лет тому назад писал о том, что авторы научно-фантастических произведений запутались в трех соснах: атомной энергии, межпланетных путешествий и лучей смерти. Если этих «сосен» несколько и больше трех, то основная мысль верна: круг тем очень узок. Не так уж трудно, раскрыв брошюры Гюнтера, Любке, написать один стандартный роман о новых ветросиловых установках, другой — о солнечных станциях, третий — об использовании энергии тепла недр Земли. Это неплохо, и это даже полезно. Но надо идти дальше. Надо включить в список тем и биологию, и медицину, и генетику, самые разнообразные области науки. Главное же — изменить методы работы. Нельзя дальше идти на поводу у Гюнтеров и Любке и использовать в качестве источников научно-фантастических романов только журнальную и брошюрочную научно-популярную литературу. Надо обратиться к истокам самой науки. Завязать живую, деловую связь с учеными. Следить за их научной работой, в особенности над разрешением ими новых проблем. Советская наука и техника — неисчерпаемый источник тем для научно-фантастических произведений. На этом пути писатель может явиться не только популяризатором новейших научных знаний, но и провозвестником дальнейшего прогресса, следопытом научного будущего. Писатель, работающий в области научной фантастики, должен быть сам так научно образован, чтобы он смог не только понять, над чем работает ученый, но и на этой основе суметь предвосхитить такие последствия и возможности, которые подчас неясны еще и самому ученому. Вершиною достижения в этом смысле могло быть положение, когда писатель научно-фантастического произведения своей фантазией наталкивает ученого на новую плодотворную идею.

Писатель, подсказывающий ученому новые идеи! Может ли это быть? Не слишком ли это смело? Жизнь показывает, что не слишком. «Бывает и так, что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в

науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела», — сказал товарищ Сталин на приеме в Кремле работников высшей школы.

Писатель имеет полную возможность включиться в борьбу за передовую науку, в борьбу с научной замкнутостью, косностью, консерватизмом. И писателю, работающему в области научной фантастики, необходимо включиться в эту борьбу, в первую очередь потому, что научная фантастика по самой сути своей является отрицанием косности, консерватизма мысли. Воспитывать у читателя смелость мысли научной и технической, облегчать пути научного новаторства, отражать и описывать борьбу представителей передовой науки с консерватизмом, вести борьбу с научной косностью — одна из почетных задач советской научной фантастики.

Как видим, все это далеко выходит за пределы скромного популяризования научных знаний.

* * *

Другой круг вопросов, которые необходимо разрешить советской научной фантастике, проходит по линии социальной.

Всякое научное открытие и изобретение возникают в определенное время и в определенном социально-экономическом строе. Показать межпланетные полеты, изображая действительность сегодняшнего дня, было бы известным анахронизмом, так как практическое разрешение вопроса о межпланетных полетах, по мнению ученых, требует еще значительного времени, быть может, не одного десятка лет. У нас же каждая пятилетка резко меняет лицо страны — появляются новые города, заводы, фабрики, изменяется быт. С изменением производственных сил изменяются и производственные отношения. Жюль Верн мало заботился о том, чтобы технический прогресс привести в экономическое соответствие с прогрессом социальным. Возможно, что это зависело от консерватизма его социальных взглядов, который он умудрялся совмещать с необычайным новаторством и смелостью мысли в области техники. Этот социальный консерватизм у Жюль Верна простирался, например, до того, что в одном рассказе «В 2000 году» он предугадал появление телевидения и радио, и в то же время в рассказе фигурирует в Америке русский посол царского правительства. Современный ему социальный строй Жюль Верн считал, по-видимому, незыблемым: как бы далеко ни предугадывались во времени описываемые им изобретения, общественный строй, люди изображались такими, какими они были в его время.

Это, конечно, значительно упрощало работу писателя. Но советские писатели совершенно не могут идти по этому пути. Наша техника будущего является лишь частью социального будущего. И советский писатель, задавшись целью ознакомить читателя с каким-нибудь техническим новшеством, должен в первую очередь учесть, по возможности, какие изменения к тому времени произойдут в хозяйстве всей страны, в быте, в семейных отношениях и т. п.

Это, конечно, задача в высшей степени трудная. Нужно стараться избегать, по крайней мере, крупных анахронизмов. Задача эта не только трудная, но и в высшей степени ответственная. Ведь ради этого будущего люди приносили жертвы, проливали кровь. Художественный показ картины будущего может еще больше поднять энтузиазм строителей социализма и облегчить перенесе-

ние временных трудностей, которых, конечно, немало встретится на пути.

Показ социального будущего должен преследовать и другую цель: писатель-художник, удачно изображая в научной фантастике города будущего, дома, уличный транспорт, одежду, костюмы и т. д. и т. п., может способствовать тому, чтобы это будущее воплотилось в жизнь возможно скорее. Удачная мысль, идея заинтересует архитектора, инженера, изобретателя, за «мыслью» последует «научный расчет», за ним «исполнение».

Но не слишком ли мы много требуем от писателя? Писатель, подсказывающий новые идеи ученому, архитектору, изобретателю. Разумеется, бросать пригоршнями новые идеи, мысли, проекты и среди писателей могут лишь выдающиеся люди. Но не обязательно, чтобы все новые идеи в научно-фантастическом произведении принадлежали лично автору и были все сплошь оригинальными. Главное, чтобы писатель умел найти действительно новые, оригинальные и плодотворные идеи и поддержал их, пропагандировал в своих произведениях, и важно, чтобы эти идеи были вполне доброкачественными в смысле их практической целесообразности и выполнимости.

Здесь весь вопрос в методе работы. Изображая будущее — города, быт, одежду, надо раз и навсегда покончить с пустым фантазированием, высасыванием из пальца, голыми, выдуманскими схемами и затасканными трафаретами — с одеждами, «напоминающими древнегреческие тоги и хитоны», «белыми зданиями с колоннами, напоминающими древнегреческие храмы».

Советская социальная научная фантастика, или, точнее — социальная часть советских научно-фантастических произведений, должна иметь такое же научное основание, как и часть научно-техническая. Определяя будущее развитие общества, писатели должны хорошо изучить социально-экономическую и политическую литературу, пятилетние и генеральные планы развития хозяйства, изучить пути развития советской архитектуры, жилищного строительства и т. п. Причем во всех проектах, оригинальных и позаимствованных, писатель должен исходить не от внешности, а от внутреннего содержания, целесообразности, избегать стандартов, однообразий, учитывать разнообразие условий времени, климата, возраста и т. д. Это очень сложно и трудно. Но кто боится трудностей, не должен браться за создание научно-фантастических произведений.

А над этой трудностью — изображения социального будущего — стоит еще большая — показ человека будущего. Вот задача, которую необходимо разрешить советскому писателю, работающему в области научной фантастики. Между тем это совершенно необходимо: как описать науку, технику, быт будущего без человека будущего?

Некоторые черты этого человека будущего намечаются уже в наши дни: социалистическое отношение к труду, к государственной и общественной собственности, любовь к родине, готовность самопожертвования во имя ее, героизм.

Человек советского будущего — это человек, не знающий гнета эксплуатации, имеющий полную возможность раскрывать все свои творческие способности и дарования! Какие должны быть мощные, яркие характеры, какая полнота и разнообразие запросов, потребностей, какова красота жизни!

Удачно показать образ этого человека нашего будущего во весь рост, заставить его говорить «во весь голос» — задача почетнейшая, интереснейшая, но и

необычайно трудная, требующая для своего разрешения времени. Поэтому читатель и критика не должны быть слишком строги, если в первых романах, рисующих время полного перехода к коммунизму, герои будут больше напоминать современников, чем людей будущего.

Вот основные задачи, лежащие перед советским писателем в области научной фантастики. Описывая их, мы одновременно касались и некоторых трудностей, возникающих при разрешении их.

ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ НАУЧНЫХ ДАННЫХ

На трудностях, которые стоят перед писателем в области научной фантастики, следует, однако, остановиться несколько подробнее, по крайней мере, на главнейших из них.

В настоящее время быть энциклопедистом, быть на высоте современных знаний в различных областях неизмеримо труднее, чем это было во времена Жюль Верна, не говоря о более отдаленных временах. Лесажа в своем романе «Жиль Блаз», действие которого происходит в XVII веке, описывает знаменитого врача, весь метод лечения которого от всех болезней состоял в том, чтобы «пускать больным кровь и поить их теплой водой». Таковую «науку» нетрудно было изучить. В настоящее время даже такие крупные и высококультурные писатели не могут обойтись в своей работе без научного консультанта.

Надо прямо сказать, что научный багаж советского писателя-фантаста, в особенности в области физико-математических наук, еще не очень велик, тем более если иметь в виду обширность, глубину и быстроту развития этих областей науки. Это дело, конечно, поправимое, если писатель возьмется за серьезную учебу и если ему будет обеспечена солидная научная консультация. К сожалению, пошумев о связи науки с литературой, Союз писателей, издательства и редакции журналов ничего реального не сделали, чтобы обеспечить постоянную деловую связь писателей с научными работниками. Вопрос о научной консультации и редакции в процессе работы необходимо разрешить возможно скорее, иначе неизбежно будут повторяться такие же истории, как с недавно рецензируемым в журнале «Детская литература» романом Адамова «Победители недр». Когда роман уже вышел из печати, в нем нашли немало мелких и крупных недостатков. Но разве невозможно было на пользу автору и читателям убрать эти недостатки в то время, когда еще автор работал над рукописью?

Следующая трудность, стоящая перед читателем в изложении научных проблем, это невозможность проведения точных границ между научным и ненаучным, практически выполнимым, хотя бы и в отдаленном будущем, и абсолютно никогда не выполнимым. И ученый, иногда подавляя своим научным авторитетом, дает уничтожающую критику фантазии писателя, а на проверку (увы, иногда слишком поздно для автора) оказывается, что писатель был ближе к истине, чем ученый, что не наука, а научная косность продиктовала столь суровый приговор.

ТРУДНОСТИ СЮЖЕТА

Очень велики трудности в создании сюжета при условии, что действие романа происходит, когда классов уже нет, а с ними и классовых противоречий, нет и антагонизма между городом и деревней, разницы между умственным и физическим трудом и т. п.

Старые сюжетные стандарты «литературного наследия» тут уже не год-

ны. В капиталистическом мире «человек человеку волк, все на одного, один против всех» («Человек-невидимка»). У нас «человек человеку брат», «все за одного и один за всех». Там сюжет строится на борьбе за капитал внутри класса капиталистов, на конкуренции, на борьбе классов, на антагонизме города и деревни, на антагонизме рас, национальностей и т. д. Сюжетные конфликты в произведениях, описывающих советское будущее, естественно, должны строиться на иных основах. Для переходного периода, пока СССР находится в капиталистическом окружении, может и должна быть использована для сюжета борьба с осколками класса эксплуататоров, с вредителями, шпионами, диверсантами.

Но роман, описывающий более отдаленное будущее, скажем бесклассовое общество эпохи коммунизма, должен уже иметь какие-то совершенно новые сюжетные основы. Притом такого рода роман должен иметь довольно много описаний, а они всегда являются тормозом в развитии сюжета. Дело осложняется еще и тем, что читатель научно-фантастической литературы уже приучен к остроте, особенной динамичности, сюжетной «закрученности», которые присущи старым образцам этих жанров, он ждет этого от всякого научно-фантастического романа. И остается неудовлетворенным, не найдя привычной остроты.

Нередко редакторы выражают пожелание, чтобы роман был и по содержанию, и по форме, и по сюжету новым, построенным на нашем материале, и в то же время, чтобы он был столь же занимателен, как старые, привычные. Разумеется, занимательность обязательна для каждого романа. Вопрос только в том, что самый характер занимательности изменяется, часть же читателей отстает от этих изменений, отсюда возможный конфликт с автором. Хвостизм, потакание вкусам наиболее отстающей части читателей, разумеется, недопустимы. Но и отрыв опасен.

Писатель, например, может изобразить человека будущего с огромным самообладанием, умением сдерживать себя, свои чувства, порывы, эмоции. И возможно, что писатель очень точно предугадает эту черту в характере человека будущего и даст прекрасный портрет. А читателю может показаться такой человек бесчувственным, бездушным, холодным и не возбуждающим симпатий (например, сцена: умирает единственный ребенок, а мать не стонет, не проливает ни единой слезы).

Мы перечислили далеко не все трудности, которые приходится преодолевать писателю, создавая жанр советской научной фантастики. Но и сказанного, полагаем, достаточно, чтобы показать, насколько сложна задача создания полноценных произведений. Удовлетворительно разрешить эту задачу невозможно, если писатель, посвятив себя этому жанру, будет продолжать работать, как это имело место до сих пор, в одиночку, кустарно, на свой страх и риск решать труднейшие и ответственные проблемы. Мало учиться на ошибках друг друга по уже вышедшим из печати произведениям. Необходимы творческая среда, творческий контакт, товарищеский совет, научная консультация в процессе работы. Необходимо коллективное обсуждение проблем научной фантастики на собраниях и в печати. Необходимо предупреждать ошибки, а не только критиковать, когда они сделаны. До сих пор положение было именно таково: когда книжка уже вышла, критиков много, когда работаешь над нею, помощников и советчиков нет или, по крайней мере, их трудно

получить. Этот порядок должен быть изменен дружными усилиями общественных организаций Союза писателей, издательств и редакций, представителей науки и критики.

Гражданин эфирного острова

Константин Эдуардович Циолковский — космический человек. Гражданин Эфирного Острова.

Вы не знаете, что такое Эфирный Остров?

— Наше Солнце освещает более тысячи планет. В Млечном Пути не менее миллиарда таких солнечных систем. В Эфирном Острове находят около миллиона таких Млечных Путей. Дальше этого астрономия пока не идет! Вот что такое Эфирный Остров.

Математик, физик, астроном, механик, биолог, социолог, изобретатель, «патриарх звездоплавания» — Циолковский мыслит астрономическими цифрами, считает миллионами, биллионами, миллиардами. Бесконечность не устрашает его. Он обращает свой взгляд к прошлому нашей Солнечной системы и спокойно говорит, как о возрасте своих собственных детей: «На рождение всех планет понадобилось тридцать один биллион лет. Земля отделилась от Солнца два биллиона лет тому назад, а наша Луна рождена Землей менее миллиарда лет назад». Совсем новорожденная крошка. Что значит миллиард, если Циолковский иногда имеет дело с такими цифрами, для которых, по его собственным словам, «чтобы их написать, не хватило бы всей вселенной»!

Один перечень изданных трудов К.Э. Циолковского занимает двадцать четыре печатные страницы.

«Мне было лет восемь-девять, когда моя мать показывала нам, детям, аэростат из коллодиума. Он был крохотный, надувался водородом и занимал меня тогда как игрушка». Об этом детском воздушном шарике Циолковский вспоминает, потому что шарик дал первый толчок направлению мыслей будущего изобретателя дирижабля. Четырнадцати лет, получив некоторые представления об аэростате из физики, он мастерит бумажный аэростат и надувает его водородом, а пятнадцати-шестнадцати лет делает подсчеты, каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься с людьми, «будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины. С тех пор мысль о металлическом аэростате засела у меня в мозгу». На подсчеты ушли годы.

Будучи учителем, Циолковский вставал до зари, чтобы успеть заняться своими вычислениями. Под «фантазию» был подведен прочный фундамент из тысячи формул.

И ровно тридцать лет назад молодой изобретатель делает доклад в Москве, в б[ывшем] императорском] техническом обществе «О построении металлического аэростата».

Ученый синклит дал кислый отзыв: оно конечно, металлический аэростат построить можно, но только строить его ни к чему, так как всякий «аэростат обречен навеки, силою вещей, остаться игрушкой ветров».

Современная техника опровергла эти старческие тревоги. Но современные дирижабли, как известно, все еще имеют мягкую оболочку и сложный, дорогостоящий каркас. К идее Циолковского о дирижабле из волнистой стали только теперь подходит воздухоплавание.

Работая над проектом дирижабля, Циолковский думал уже о полетах к

звездам. На земле ему становилось тесно. Скромный калужанин выросстал в гражданина Эфирного Острова.

Труды Циолковского в области «звездоплавания» считаются теперь классическими. Он первый дал все расчеты для устройства ракетного снаряда, при помощи которого можно покинуть пределы атмосферы. Работа над «реактивными приборами», действующими при помощи отдачи, создала Циолковскому мировое имя. (К сожалению, за границей и сейчас оно популярнее, чем у нас.)

Устройство реактивных приборов затрудняется тем, что «ракета» должна иметь очень большой запас горючего, — по крайней мере в четыре раза превосходящий вес самой ракеты, чтобы набрать скорость не менее 8 километров в секунду, необходимую для космического полета. Гениальный старик решил выйти из положения при помощи «ракетных поездов».

Под ракетным поездом он подразумевает соединение нескольких одинаковых реактивных приборов, двигающихся сначала по дороге, потом в воздухе, затем в пустоте вне атмосферы, наконец, где-нибудь между планетами и солнцами.

Дело представляется так. Несколько ракет — скажем, пять, соединяются, как вагоны поезда — одна за другой. При отправлении первая головная ракета играет как бы роль паровоза: она, взрывая горючее, везет за собой поезд, набирая все большую и большую скорость. Когда у этого «паровоза» запас горючего начинает истощаться, головная ракета на лету отцепляется от поезда и возвращается на Землю. Вторая ракета становится головной и ведет поезд, пока и она не истощит свой запас горючего. Так происходит с каждой ракетой, кроме последней, предназначенной для межпланетного полета. Когда предпоследняя ракета отчалит и снизится на Землю, у последней уже будет набрана необходимая скорость для полета в межпланетном пространстве. Причем она не истратит на преодоление земной тяжести и на приобретение необходимой скорости ни одного грамма из своего горючего. А свои запасы горючего последняя ракета может расходовать уже «на небе» для необходимого маневрирования или спуска (торможения).

Представим себе, что полет совершился. Мы улетели «к звездам». Что найдем мы там и зачем нам лететь туда? На эти вопросы Циолковский отвечает в своих брошюрах «Цели звездоплавания» и «Исследование мировых пространств реактивными приборами». Здесь, не переставая быть ученым, Циолковский становится «фантастом», далеко оставляя позади себя по смелости и широте своих космических «грез» таких фантастов, как Жюль Верн и Уэллс.

Но позвольте, — скажет читатель, — как же там жить, не возвращаясь на Землю? А воздух? А пища? А всепожирающие лучи Солнца? Ужаснейший холод мировых пространств?

Все обдуманно, предусмотрено. Ведь Циолковский первоклассный физик и математик, а не легкомысленный человек. Его фантазия выезжает в путь только на стальном коньке математических формул. Он уже приготовил для будущего человечества вполне удобную и вместительную жилплощадь среди лагун Эфирного Острова. Слушайте.

Небесный дом-коммуна будет представлять собой огромный цилиндр, сделанный из металла и стекла и разделенный перегородками на отдельные камеры. Если в одной из камер произошла утечка кислорода в пустоту, жильцы

могут переселиться в соседнюю, пока в первой исправят повреждения. Третий цилиндр, обращенная к Солнцу, застеклена обыкновенным стеклом, задерживающим убийственные для организма ультрафиолетовые лучи Солнца. По мере необходимости пуская через окна солнечный свет внутрь цилиндра, можно достигнуть любой температуры «дома» — от 250 градусов холода до 200 тепла. Так в жилых ячейках мы сможем установить равномерную теплую температуру. Наши небесные комнаты залиты светом. В них чистейший воздух, без всяких бактерий. Ведь мы можем выходить в соседнее помещение, а в своем поднимать температуру выше точки кипения и таким образом стерилизовать воздух. Он может, кроме того, очищаться и восполняться кислородом при помощи растений. Для этого в цилиндре будут культивироваться те растения, которые без остатка поглотят углекислоту и выделяют необходимый для дыхания человека кислород. Влага, выделяемая в воздух растениями и людьми, будет собираться в особые сосуды. Невесомость наших тел и всех вещей сделает ненужными мебель и вещи. Человек будет чувствовать необычайную легкость. Правда, отсутствие тяжести может создать и неудобства. Человек может беспомощно болтаться в пустоте посередине помещения, если ему не от чего оттолкнуться, вещи будут блуждать по комнате, земля плантаций может также рассеяться и загрязнить воздух. Но довольно будет использовать центробежную силу, чтобы все тела вновь обрели некоторую тяжесть. А сделать это легко. Представьте себе два шара или цилиндра, связанные и приведенные во вращательное движение. Так могут вращаться в пустоте целые «жилкоопы» или же отдельные части и предметы внутри зданий. И тогда все придет в норму. Любители твердой почвы почувствуют ее под ногами, явится верх и низ, вещи приобретут некоторую тяжесть.

В особых костюмах, похожих на водолазные, со скафандром на голове и запасом кислорода люди смогут выходить наружу, в безвоздушное пространство. Но нужно иметь на всякий случай маленькие «карманные» ракетные двигатели. Иначе — малейшее неосторожное движение, и человек унесется от своего дома в мировое пространство, чтобы уж никогда не возвращаться.

Отсутствие тяжести, отсутствие «верха» и «низа» дадут возможность небесным переселенцам развить необычайно грандиозное строительство и индустрию. Из самого легкого материала там можно построить «небоскреб» длиной в несколько километров, можно перекинуть «мостики» из тонкой проволоки через бездну, соединив его отдаленные дома, и по этой проволоке перевозить тяжести в сотни тысяч тонн земного веса.

Когда же «людям неба» покажется тесно вокруг нашего старого Солнца или же когда они заметят, что Солнце начинает греть слабее, они отправятся в своих воздушных домах-кораблях в далекие странствия, к иным солнцам нашей галактической системы.

Постепенно люди и растения, живущие на небесах, приспособляясь к новым условиям, изменят свой внешний вид, свой организм. И, быть может, через тысячелетия люди превратятся в совершенно иные существа.

Однако не пора ли нам спуститься на Землю? Без привычки к этим высотам мысли может закружиться голова...

Итак, человечеству нечего бояться перенаселения Земли. Места хватит на небесах. Но свободного места более чем достаточно и на Земле, надо только уметь использовать ее. Люди должны, как говорится теперь, «освоить» до кон-

ца Землю.

«В настоящее время Земля есть пустыня, — говорит Циолковский. — На человека приходится 52 гектара суши и воды. Одной суши 13 гектаров. Из них не менее 4 приходится на райский климат без зимы с чудесною плодородною почвой. Тут не нужно ни обуви, ни одежды, ни дорогих жилищ, ни труда для пропитания... Засаженной бананами, корнеплодами, хлебными деревьями, кокосовыми и финиковыми пальмами или другими растениями какой-нибудь сотни квадратных метров (ар) хватит для сытой жизни одного человека. И вот почему я называю Землю пустынной: дают 400 аров плодородной тропической почвы на человека, а ему много и одного ара (основание квадратного двенадцатиметрового дома). Как же земля не пустынна, если почвы на ней в 400 раз больше, чем нужно?»

Мертвые пустыни Циолковский превращает в плодотворнейшие местности. В пустынях будут дома-оранжереи. Крыши этих жилищ будут покрыты слоем черного железа. Ночью, которая в пустыне бывает прозрачною, безоблачною, железо сильно охлаждается и покрывается каплями росы, извлекаемой из воздуха. Вода стекает по желобам в особые хранилища. Этой воды будет вполне достаточно для орошения не только «оранжерейной» растительности, но и деревьев на открытом воздухе. Днем черный слой на крыше механически поворачивается нижней блестящей стороной, отражающей лучи солнечного света, которые поэтому почти не нагревают воздух и рассеиваются в небесном пространстве. «Так можно понизить среднюю температуру места и вызвать дождь».

Океаны тоже должны быть укрощены и подчинены воле человека. По подсчетам Циолковского, «покорение» океанов начнется только тогда, когда население Земли возрастет до 400 миллиардов человек (в настоящее время население земного шара равно только двум миллиардам).

Борьба с водной стихией сопряжена с большими трудностями. Наступление начнется с берега, в сторону океана. На известном расстоянии от берега строится нечто вроде плота во всю длину береговой линии. Границы этого плота, обращенные к волнам, имеют машины-двигатели, которые используют волнение океана для добывания энергии и укрощают волны. Фронт строится в виде очень прочного плота. А промежуток между этим плотом и берегом покрывается более легким плотом. Так постепенно покроется плотами вся поверхность здания. «Обилие влаги, ровная, желаемая температура, горизонтальная местность, дешевизна транспорта — все это большие преимущества сравнительно с сушей».

Испаряемость уменьшится, уменьшится и облачность. Средняя температура Земли вследствие этого повысится (большее количество солнечных лучей будет достигать Земли).

Не только умеренные, но и полярные страны будут иметь сносную температуру. Земледелие будет процветать на плотях. Население Земли увеличится до 5 миллиардов.

Вот Циолковский предлагает проект оригинального бес-фюзеляжного аэроплана, который должен явиться как бы переходом к космическому кораблю. Это даже не один, а десяток или два десятка аэропланов, соединенных особым образом. Каждый из этих летательных снарядов напоминает собою веретено, сделанное из металла. Внутри — воздух или кислород. «Веретена» смы-

каются боками и образуют как бы волнистую квадратную пластинку площадью не менее 400 кв. м. Воздушные винты помещены спереди и сзади каждого «веретена». При взлете аэроплан ставится на особые поплавки, которые затем сбрасываются, чтобы не висеть мертвым грузом. Спускаться можно непосредственно на воду. Такая система отличается прочностью, безопасностью, большой грузоподъемностью, дешевизной и многими другими летными и экономическими достоинствами.

Интересен и проект земного сверхскоростного поезда. Земным его можно назвать только относительно, так как этот поезд будет двигаться не по земле, а по воздуху: между полом поезда и землей будет находиться слой воздуха. Слой этот будет небольшой, поезд над землей будет висеть всего несколько миллиметров, но этого слоя достаточно, чтобы свести трение почти к нулю. Такому поезду не нужно будет колес и смазки. Он сможет идти с огромной скоростью. На нем можно будет в полчаса доехать из Москвы до Ленинграда, за десять часов — от полюса до экватора, и менее двух суток нужно для того, чтобы объехать по экватору вокруг Земли! Каким черепашьям шагом по сравнению с этим двигался вокруг света жюль-верновский герой! С разбега по инерции поезд будет преодолевать все наклоны, взбираться без всякого усилия на горы и даже... перескакивать через реки пропасти и горы любых размеров. Долой туннели![114]

Циолковский, по-видимому, глядя на солнечные лучи, думает: «Какая бесцельная трата энергии!» Самая малая былинка занимает и волнует Циолковского. Зерновые хлеба используют только одну шестистысячную долю солнечной энергии. Как возмутительно мало! Солнце должно давать в среднем, при идеальном использовании его энергии, 625 кг в год на 1 кв. метр. А мы получаем с квадратного метра 0,1 кг. В 6250 раз менее того, что можно получить! Надо принятаться за растения и солнечный свет! Надо вырастить такие сорта растений, которые использовали бы солнечную энергию возможно больше. Ведь банан ее использует в 100 раз больше, чем зерновые хлеба. Почему же не вырастить такой «сверхбанан», который явился бы еще лучшим «аккумулятором» солнечной энергии? И Циолковский намечает план. Надо путем отбора и скрещивания выработать растения, которые способны будут максимально использовать солнечную энергию. Надо позаботиться о том, чтобы солнечная энергия не поглощалась облаками и полупрозрачной атмосферой. Надо устранить вредное перегревание плодов и излишнюю испаряемость, овладеть почвой, температурой, погодой, уничтожить вредителей, сорные травы, пыль, наконец, изменить самый химический состав лучей. На все это имеются у Циолковского подробные указания и расчеты. «Если бы утилизировать хоть 20 % солнечной энергии, то и тогда Земля могла бы прокормить население в 100 тысяч раз больше теперешнего».

Поистине у гиганта мысли Циолковского есть чему поучиться.

Константин Эдуардович Циолковский

19 сентября с. г. (1935 г. — Прим. авт.) умер Циолковский, виднейший теоретик цельнометаллического дирижаблестроения и звездоплавания, самоучка-изобретатель, чье имя войдет в историю наравне с лучшими именами — двигателями человеческого прогресса.

Константин Эдуардович Циолковский — родился в деревне Ижевской Рязанской губернии, в большой семье управляющего лесничеством. Его отец, по словам самого К. Э. Циолковского, был «неудачником, изобретателем и философом». Бедственное состояние многочисленной семьи и отчасти глухота, полученная К. Э. Циолковским в детстве после перенесенной скарлатины, лишили его возможности учиться в гимназии. Курс наук он проходил дома под руководством отца и матери, главным же образом самостоятельно. Уже тогда он удивлял своими необычайными способностями, в особенности в математике и физике. «Я так привык к самостоятельной работе, — вспоминает он свои учебные годы, — что считал более легким для себя доказать теорему без книги, чем вычитывать из нее доказательства. Лишь не всегда это удавалось». Вникните в смысл этой фразы. Но помните историю математики. С какими усилиями человечество овладевало математическими знаниями, как нелегко давались геометрические теоремы.

С раннего детства обнаружились и изобретательские способности Циолковского. В его скурых воспоминаниях о детстве мы читаем, что любимыми его науками были математика, физика и в особенности механика. Еще в четырнадцатилетнем возрасте он делал первые опыты с бумажными аэростатами. Едва ли зная о Леонардо да Винчи, увлекался, подобно знаменитому художнику, идеей летания с помощью механически работающих крыльев, делал «плохие токарные станки, на которых все-таки можно было точить», «строил двигатели, смастерил, между прочим, коляску, которая должна была ходить во все стороны при помощи ветра».

«Модель прекрасно удалась и ходила по крыше, по доске против ветра. Отец был очень доволен, и с крыши изобретателя совлекали, чтобы показать машину гостям в комнате. Тут опыт также блестяще удавался. Ветер же я производил с помощью мехов. Одновременно ходила у меня по полу и другая модель, приводимая в движение паровой машиной турбинной системы».

Циолковский уже мечтал о путешествиях на своей «аэроколяске». А через два-три года он уже серьезно занялся идеей цельнометаллического аэроостронеия.

«Больше всего я увлекался аэростатами и уже имел достаточно данных, чтобы решить вопрос — каких размеров должен быть воздушный шар, чтобы подниматься на воздух с людьми, будучи сделан из металлической оболочки определенной толщины. Мне было ясно, что толщина оболочки может возрастать беспредельно при увеличении размеров аэростата. С этих пор мысль о цельнометаллическом аэростате засела у меня в мозгу».

В то же время Циолковский продолжал учиться, сдавая экзамены экстерном. Впоследствии стал учителем математики и физики. С 1882 года в Боровском уездном училище, с 1902 года в Калужском женском епархиальном училище и затем в реальном училище, отдав педагогической работе 10 лет жизни.

Он стал бедным многосемейным учителем в глухом провинциальном городе. Растет семья, растет и бедность. Некий М.П. Голубицкий, посетивший К.Э. Циолковского в 1897 году, так описывает его жизнь:

«Я познакомился с ним в городе Боровске в 1887 году, куда случайно попал несколько лет назад, и крайне заинтересовался рассказами туземцев о сумасшедшем изобретателе Циолковском, который утверждает, что наступит время, когда корабли понесутся по воздушному океану со страшной быстротой, куда захотят. Я решил навестить изобретателя. Первое впечатление было удручающее. Маленькая квартирка, в ней большая семья — муж, жена, дети и бедность, бедность изо всех щелей помещения, а посреди его разные модели, доказывающие, что изобретатель действительно немножко тронут: «Помилуйте, в такой обстановке отец семейства занимается изобретениями».

Едва ли многим лучше жилось К. Э. Циолковскому и в Калуге. Его домишко на окраине города, на Коровинской улице, — ныне им. Циолковского, — недалеко от Оки, ничем не отличается от соседних обывательских домов. Маленький сельский домик с мезонином. На улице кур и гусей больше, чем людей. Огородик.

А вне дома — чуждый враждебный мир. Местные обыватели считают его сумасшедшим маниаком. Городские заправилы — человеком «опасных мыслей». Его едва терпят на службе. Он находится под неусыпным надзором бдительного начальства.

«Широкая» общественность также не приходит на помощь. Когда по инициативе Голубицкого «Калужский вестник» организовал сбор пожертвований, было собрано всего 55 рублей, из них из Петербурга — 4 рубля. Так расщедрилась царская столица на поддержку молодого изобретателя. Говоря об этом «общественном» движении, Циолковский пишет: «Принимал я эти деньги со скрежетом зубным и с затаенной душевной болью, т. к. некоторые... прямо жертвовали на бедность. Я даже заболел, ее все-таки терпел, надеясь на возможность дальнейших работ».

Приходилось снова и снова — отрывая от скудных достатков семьи, рассчитывать только на свой нищенский заработок. Без домашней мастерской, «лаборатории» он не мог существовать. «Меня всегда сопровождала домашняя мастерская. Если она разрушалась, например, на пожаре или наводнении, то я снова ее заводил или пополнял»... — на собственные деньги. Наконец, не лучше были отношения и официальных научных кругов и учреждений к изобретениям Циолковского.

В 1890 году воздухоплавательный отдел императорского технического общества в полном составе выступил против утверждения Циолковского, что аэростатом можно управлять по своему желанию. Изобретателю заявили, что «аэростат всегда должен остаться игрушкой ветра».

«Тяжело работать в одиночку многие годы при неблагоприятных условиях и не видеть ниоткуда — ни просвета, ни поддержки».

Такова невеселая внешняя сторона жизни изобретателя, который родился слишком рано.

Но Циолковский не сдавался и продолжал работать не покладая рук.

По скрипучим ступенькам крутой лесенки поднимался он в мезонин, в свою мастерскую-светелку. За окном виднелись Ока и заокские леса. На простом верстаке помещался «склад изданий» автора — брошюры, изданные на

скудные средства изобретателя. Он рассылал и дарил их всем, интересующимся его идеями. На полках — большой Брокгауз, Чехов, Мамин-Сибиряк...

Изобретатель усаживается за письменный стол. И вот провинциальная Калуга, невежественные, косные обыватели, общественное презрение, семейные заботы, бдительное начальство, все «земное тяготение» остается внизу. Сквозь стройные и строгие ряды математических формул он уже видит «небо в алмазах» и беспредельные дали звездных миров...

Как всякий самоучка, с замкнутым кругом жизненных восприятий и знаний, он иногда «заново открывает» уже открытые физические законы, — как это было с «Теорией газов», «Механикой животного организма», «Продолжительностью лучеиспускания звезд», — не беда. Это лишь доказывает, что ему по плечу самостоятельное разрешение таких проблем. Зато он предвосхищает и многие новые идеи.

За восемь лет до первых полетов братьев Райт Циолковский математически разрабатывает теорию аэроплана и создает законченный тип этого летательного аппарата. («Аэроплан, или птицеподобная авиационная летательная машина», 1895 г.)

За пять лет до Цеппелина Циолковский выступает с идеей управляемого аэростата.

Его первенец — небольшая модель — находит свое упокоение в калужском музее, рядом с баночками и жуками, в музее местного края «песни купчихи Рыжичкиной», пожертвовавшей свой дом музею, а громадное состояние — пятидесяти кошкам и двум приживалкам.

Время и царский режим были против Циолковского. Идеи аэроплана и дирижабля, созревшие в Калуге, не дают плода. Позже пришедшие европейские и американские изобретатели обгоняют косную родину изобретателя, а ему остается только «моральное удовлетворение» в том, что его идеи, вопреки утверждению царских чиновников — ученых, восторжествовали. Не беда! Он берет, наконец, «реванш в веках, как «патриарх звездоплавания», — первый теоретик реактивных двигателей для сверхвысотных межпланетных полетов.

Тридцать два года тому назад в журнале «Научное обозрение» появляется его первый труд — «Исследование мировых пространств реактивными приборами». В России, разумеется, на эту работу не обратили внимания. Зато в Америке статья произвела большое впечатление. А в Европе ловкий шведский полковник Уиге применил идею Циолковского к военному делу и не безвыгодно для себя продал эту украденную у Циолковского идею, — выдав за свою, — известному Круппу.

Не беда! Циолковскому к этому не привыкать. Цепкая посредственность всегда пользуется тем, что проходит «мимо рук» у людей творческого типа. Циолковский не нажил состояния на патентах, но он нажил нечто для него большее — мировое признание. Его имя и его авторитет в особенности поднялись за последние 15 лет, когда идея ракетного двигателя начала пробивать себе широкую дорогу. Виднейшие ученые, инженеры Запада и Европы, — Гидцарт, Герман Оберт, Эспо Пельтри, Вальер, погибший при взрыве ракетного автомобиля, считают Циолковского своим учителем. «Вы зажгли свет, и мы будем работать, пока величайшая мечта человечества не осуществится», — писал Оберт Циолковскому.

Над осуществлением этой мечты продолжал работать до последних дней и

сам Циолковский. Совсем недавно ему пришла «счастливая мысль», которая, по его мнению, приближает осуществление этой «мечты» настолько, что, по словам самого Циолковского, — в межпланетное пространство полетит еще современное поколение людей. Пока же — с легкой руки Уиге, — реактивные двигатели все более внедряются в артиллерию, как новое орудие истребления людей, а в мирных целях — для переброски почты...

Приходится пожалеть о том, что Циолковский «рано родился». Октябрьская революция в корне разрушила тот быт и уклад, который был враждебен всему новому. При Советской власти Циолковский получил полное и давно заслуженное признание. Еще недавно — 17 октября 1932 года вся страна торжественно отпраздновала 75-летие со дня рождения и 50-летие его изобретательской деятельности. Циолковский был награжден орденом Трудового Красного Знамени, получил персональную пенсию, был поставлен в лучшие бытовые условия, и — что самое важное для изобретателя — он получил ту поддержку в своей творческой работе, о которой тщетно мечтал всю жизнь.

Строится цельнометаллический дирижабль. Уже советские ученые «поддерживают огонь», зажженный Циолковским, овладевая техникой межпланетных сообщений. Перед Циолковским открылось необозримое поле творческих возможностей. Смелый, дерзкий на новизну изобретатель умер тогда, когда «смелое и дерзкое на новизну» правительство получило возможность оказывать ему самую широкую материальную поддержку.

Большинство знает Циолковского как изобретателя цельнометаллического дирижабля и «звездолета». Эти работы действительно представляют наибольшую ценность для нашего времени. Но исследовательский и изобретательский диапазон Циолковского гораздо шире. Циолковский дал ряд интересных и вполне оригинальных работ в области физики, механики, геологии, астрономии, физиологии, ботаники, даже социологии и философии. Довольно привести краткий перечень его работ, чтобы — по одним названиям — иметь представление о широком охвате его умственных интересов. «Давление на плоскость», «Сжиматель газов», «Как увеличить энергию взрывных (тепловых) двигателей», «Аэроплан», «Дирижабли» и «Реактивный аэроплан», «Стратоплан полуреактивный», «Цели звездоплавания», «Соппротивление воздуха и скорый поезд», «Новый аэроплан», «Вне Земли», «Образование солнечных систем и споры о причине космоса», «Прошедшее Земли», «Современное состояние Земли», «Будущее Земли», «Общественная организация человечества», «Нирвана», «Горе и гений», «Разум и страсти», «Богатство Вселенной», «Воля Вселенной», «Растительность будущего», «Космические ракетные поезда»...

Он первый в России устраивает аэродинамическую трубу, впоследствии нашедшую столь широкое применение в авиатехнике, и производит ряд ценных опытов по аэродинамике, он предлагает международный алфавит и принцип новой, очень простой и дешевой пишущей машины...

Он многообразен, как выдающиеся люди эпохи Возрождения, по широте же охвата интересов он являет собою как бы тип и прообраз «человека будущего», с его расширенным до «космических масштабов» сознанием. Он живет интересами всего человечества, он чувствует себя «гражданином Вселенной». Он мыслит пространство сотнями миллионов световых лет. Для него Земля — лишь пылинка Солнца, Солнце — пылинка Млечного Пути. Млечный Путь — пылинка Эфирного Острова — как называет он систему Млечных путей, — а

их миллион. В Эфирном Острове — Эфирный же Остров, занимающий такое протяжение, что луч света может пробежать его от края до края — делая 300 тыс. км в секунду — лишь в 100 миллионов лет — такой Эфирный Остров лишь нулевая величина по сравнению с Большой Вселенной, включающей в себя неизмеримое количество Эфирных Островов...

Его представление о пространстве и времени неизмеримо шире нашего. И потому-то он с такой смелостью заглядывал в отдаленное прошлое и будущее. Он предусматривал судьбу человечества на миллионы лет вперед. Его озабочивало будущее перенаселение земного шара. И он дает изумительные «научно-фантастические» проекты титанических работ по овладению тропиками, заселению пустынь, доселе неприступных гор, даже океанов, об уничтожении атмосферы, мешающей проникать значительной части солнечной энергии (необходимое для дыхания количество воздуха остается «под оранжереей», покрывающей земной шар). Он мечтает о создании новых видов высококалорийных растений, наконец, о переселении земных людей на астероиды, планеты, о создании «ракетных» колоний. Он мыслит время, когда люди путем эволюции приспособятся жить в межзвездном пространстве... Он думает о судьбе, о смысле всего мироздания...

История этой долгой и плодотворной жизни глубоко поучительна. Она живой пример того, как человек может противостоять всем неблагоприятным условиям, побеждать пресловутые «объективные условия» и достигнуть намеченной цели.

В чем секрет его успеха? Во-первых, в целеустремленности. «Я читал только то, что могло помочь мне решить интересующие меня вопросы». (В этом отношении он похож на другого великого самоучку — Эдисона.) Во-вторых — в развитии «умственной самостоятельности». (Вспомним его самостоятельное решение теорем.) В-третьих — в сочетании теории с практикой. Он никогда не был ни оторванным от науки фантастом, ни оторванным от жизни голым теоретиком.

— «Я учился, творя».

— «Исполнению предшествуют мысли. Точному расчету — фантазия».

— «Вся моя жизнь состояла из размышлений, вычислений, практических работ (две грыжи нажил) и опытов».

— «Основной мотив моей жизни — сделать что-либо полезное для людей, не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хоть немного вперед. Вот почему я интересовался тем, что не давало мне ни хлеба, ни силы. Но я надеюсь, что мои работы, может быть, скоро, а может быть, и в отдаленном будущем дадут обществу горы хлеба и бездну могущества».

В этих словах — лучший портрет великого изобретателя и гражданина. И этой цели — «не прожить даром жизнь, продвинуть человечество хоть немного вперед» — Циолковский оставался верен буквально до последних минут.

Безнадежно больной, уже не будучи в состоянии есть и пить, он принял главного инженера третьего конструкторского бюро, выслушал информацию о проектировании и постройке цельнометаллического дирижабля и дал ряд практических указаний о сварке гофрированной стали.

Последними его словами, его завещанием, — было обращение «к вождю народа тов. Сталину» за шесть дней до смерти:

ЦК ВКП(б) — вождю народа тов. Сталину
Мудрейший вождь и друг всех трудящихся, т. Сталин!
Всю свою жизнь я мечтал своими трудами хоть немного продвинуть
человечество вперед. До революции моя мечта не могла осуще-
ствиться.

Лишь Октябрь принес признание трудам самоучки; лишь Советская
власть и партия Ленина — Сталина оказали мне действительную по-
мощь. Я почувствовал любовь народных масс, и это давало мне силы
продолжать работу, уже будучи больным. Однако сейчас болезнь не
дает мне закончить начатого дела.

Все свои труды по авиации, ракетоплаванию и межпланетным сооб-
щениям передаю партии большевиков и Советской власти — подлин-
ным руководителям прогресса человеческой культуры. Уверен, что
они успешно закончат эти труды. Всей душой и мыслями Ваш, с по-
следним искренним приветом всегда Ваш

К. Циолковский

В ответ на это письмо тов. Сталин телеграфировал:

Знаменитому деятелю науки товарищу
К. Э. Циолковскому.

Примите мою благодарность за письмо, полное доверия к партии
большевиков и Советской власти.

Желаю Вам здоровья и дальнейшей плодотворной работы на пользу
трудящихся.

Жму Вашу руку.

И. Сталин

Циолковский горячо благодарил тов. Сталина. «Чувствую, сегодня не
умру».

Он умер 19 сентября, прожив 78 лет и 2 дня, исполнив «основную цель сво-
ей жизни — «не прожить даром жизнь».

Для редакции журнала «Вокруг света» смерть Константина Эдуардовича
Циолковского вдвойне тяжелая утрата. Мы потеряли не только выдающегося
человека нашей родины.

Константин Эдуардович был внимательным читателем, другом и сотрудни-
ком нашего журнала. Мы ценим это, тем более что в последние годы К. Э. ред-
ко выступал в печати. Нас он не забывал. В прошлом году мы помещали его
статью «За атмосферу».

В текущем году отзывчивый на все новое изобретатель дал статью о бати-
сфере («Вокруг света», № 6 — «Величина погружения океанской батисферы»).
Это была одна из его последних работ.

Живо откликнулся он и на печатающийся в журнале материал, привлекав-
ший его внимание. Так, когда начала печататься повесть А. Беляева «Воздуш-
ный корабль», К. Э. Циолковский прислал письмо в редакцию, в котором сооб-
щал, что он нашел повесть остроумной по замыслу и достаточно научной для
фантастики. «Выражаю свое удовольствие уважаемой редакции и товарищу
Беляеву».

По словам К. Э., первая идея о межпланетных полетах возникла у него после прочтения романа Жюль Верна «Путешествие на Луну». И если сам К. Э. не писал научно-фантастических романов, то создал огромное количество замыслов, которых хватило бы на несколько Жюлей Верное.

В этих замыслах дерзость мысли. Фантазия сочеталась у него с глубокой научностью. Поистине он был «научным фантастом» в лучшем смысле этого слова.

Циолковский умер, но осталась сокровищница его идей. И редакция предполагает с некоторыми из них, еще мало знакомыми широкой публике, познакомить читателей в литературной обработке наших авторов.

Огни социализма, или господин Уэллс во мгле

По берегам Вислы и Днепра, Дона и Чусовой еще не просохла кровь, пролитая в Гражданской войне.

Истерзанная страна залечивала раны. По городам брались на учет фабрики, заводы, склады, квартиры. Местные газеты печатали в отделе местной хроники: «За первую половину ноября выявлено 15 фабрично-заводских предприятий и 250 складов и квартир». Петроград замерзал. Не хватало дров, угля, лопнули трубы отопления. «Чрезутоп» рассылал боевые приказы. Вагоны были переполнены квалифицированными рабочими, возвращавшимися с фронта и деревень к опустевшим фабрикам, замороженным котлам, чтобы оживить их к новой жизни. Петроград напоминал искалеченного инвалида войны.

Темным осенним вечером по Невскому проспекту осторожно пробирался, среди разношерстно одетой толпы, плотный человек в котелке, с коротко подстриженными усами. Когда на него падал тусклый свет керосиновой лампы из окна дома, прохожие с недоумением останавливались, чтобы посмотреть на этот призрак прошлого: он был в отличном демисезонном пальто заграничного покроя, на руках замшевые перчатки, ноги обуты в изящные ботинки. И какой независимый вид! Ну, конечно, это был иностранец!

Он внимательно всматривался в лица прохожих. Прохожие появлялись из тумана и исчезали в тумане. Что за несчастный вид! Взъерошенные голодом и холодом, с поднятыми воротниками, надвинутыми на глаза шляпами, сутулые, они ползли, как последние осенние мухи. Правда, в толпе попадались и иные люди. Широким твердым шагом шли краснофлотцы, рабочие, моряки, но глаза иностранца не останавливались на них. Они были устроены так, что видели только обывателя. Иностранец не слышал уличных разговоров, в которых можно было услышать радость нового пролетарского города. Он улавливал ухом только слова «нэп, пайки», так уж было устроено его ухо.

Иностранец загляделся на старика с породистым лицом и военной выправкой, который, почти откинувшись назад, шествовал в латаной, грязной солдатской шинелишке, — «социальная мимикрия» — и едва не упал, поскользнувшись на выщербленной плите тротуара.

Нет, с него довольно этого зрелища! Иностранец подошел к краю тротуара и махнул рукой шоферу автомобиля, медленно следовавшего за ним.

«Дикие люди, дикая страна! — подумал иностранец, захлопывая дверку и усаживаясь на мягкое сиденье. — Дикая, несчастная страна!..»

Иностранец был знаменитым писателем. Он приехал в Россию, чтобы ви-

деть самому, что здесь происходит. Это было очень смело с его стороны — ехать в страну большевиков, где «свирепствует чудовищная Чека». Друзья и родные отговаривали его от безумного намерения. Но он все же поехал.

Что притягивало его в Россию? Эксперимент! Великий эксперимент перестройки мира, старой цивилизации, культуры, создания нового общественного строя. Эта дерзкая попытка осуществить в жизнь то, что веками было предметом утопий. А разве утопии не были его коньком? Разве он в своих произведениях, которыми зачитывался весь мир, не рисовал картины будущего, картины мировых войн и революций, даже космическую борьбу миров, крушение старой цивилизации, зарождение новой, невиданный технический прогресс? Это была его мировая монополия. И вдруг эти люди — большевики — заявили о том, что именно они перестроят мир! Это задевало его, как профессионала, не могло не волновать.

Он считал себя не только провидцем будущего. Он хорошо знал историю. Он читал, что на смену одной эпохе приходит другая, на смену одной цивилизации — новая. И эта смена никогда не проходила без острой борьбы, крови, страданий. Люди старой эпохи ненавидели тех, кто пришел смести их с лица земли со всеми их старыми ценностями. И все же новое побеждало, капитализм тоже не вечен. Разве не он — провидец будущего — много раз сам писал об этом в своих романах и статьях? Он наметил контуры будущего общества, будущей цивилизации, где все так красиво, гармонично и прилично, и из романа в роман он доказывал, что для перехода к социализму не нужно идти путем революций, потому что капитализм, как разумный назидательный мир, эволюционно перерастет в социализм. А большевики-рабочие всегда казались ему силой не созидательной, а разрушительной.

Он слишком хорошо знал цену своей английской печати, чтобы верить тому, что в ней писалось о советской России. Он решил посмотреть лично. И он посмотрел.

Конечно, газеты писали много глупостей и вранья. Большевики не людоеды и не национализируют женщин. Но все же действительность оказалась более удручающей, чем он предполагал. Полузамерзшие, голодные, погруженные во мрак столицы — Москва, Петербург... Изрытые мостовые, ободранные, искалеченные дома с разбитыми стеклами... Что стало с блестящей Английской набережной, Морской, Невским проспектом?.. А люди? Тончайшая культурная прослойка уничтожена. Осталось сто пятьдесят миллионов дикарей, которых кремлевская кучка мечтает превратить в высокоцивилизованных людей нового мира!

О, этот кремлевский мечтатель! Великий иностранный писатель был у него. Слышал его речи об электрификации. Да, он увлекательно говорит. И когда его слушаешь, то почти веришь тому, что все это возможно. Но ведь это же не больше, как мечта! Разве можно думать об электрификации в равнинной стране с медленно текущими реками? Строить же расчеты на одном угле и нефти — еще большая фантастика. Это потребовало бы Монбланы угля и моря нефти.

И все же даже не в этом — не в энергетике главный вопрос. Довольно выйти из Кремля на улицы Москвы, пройти по этим азиатским кривым переулкам, тупикам, тонущим в темноте, чтобы рассеялись последние следы личного обаяния кремлевского мечтателя. Он, представитель английской цивилиза-

ции, великий романист и фантаст, умеет ценить силу воображения и отдает должное кремлевскому прожектору. Великолепные планы, широчайшие горизонты. Но ведь Москва-то во тьме! Петербург во тьме! Что же говорить обо всей остальной мужицкой России?.. И кто будет строить? Где взять специалистов, средства? Сколько десятков лет нужно для того, чтобы страна поднялась из той пропасти, в которую ввергнута после войны и революции?..

И, медленно двигаясь в своем автомобиле по разрытым мостовым Петрограда, эксперт по утопиям и специалист по социальным прогнозам сделал свое компетентное заключение:

«Нет, это нереально. Это — беспочвенная фантастика. Мечта. Это не заря, не утренний свет. Это ночь. Глубокая ночь. Мгла над всей страной. Россия во мгле... кстати, неплохое название для книги, которую я напишу по возвращении в Лондон! Россия во мгле, надо записать. Или, быть может, назвать так: «Электрофикация России»?..»

Знаменитый писатель, вероятно, был бы огорчен, если бы узнал, что не ему одному пришло в голову это ядовитое словечко.

Электрофикация! Слово это уже ползло по Москве, перекочевало в Питер, расползлось по провинции.

Слово «электрофикация» витало и по уголкам редакций. Литераторы, журналисты впадали в тихое недоумение. Надо писать об электрификации. Надо пропагандировать выработанный план. Но о чем именно писать? Как подойти к этому делу? С чего начать?.. Ну, конечно, с тезисов. Это легче всего! И они строчили тезисы, наводняли газетные листы длиннейшими и пустейшими рассуждениями о том, как подойти к выработке плана, тогда как этот план был уже выработан и оставалось только внимательно изучить его.

Старый инженер-электрик потирал руки в кругу своих коллег по профессии:

— Я, во всяком случае, приветствую электрификацию! В конце концов, не наша забота, что выйдет из этой затеи, — электрификация или электрофикация. Наши акции, во всяком случае, поднимаются. Без нас, старых, опытных специалистов, не обойдешься. Кто будет проводить план электрификации, строить электростанции? Уж конечно, не коммунисты, которые генератора от трансформатора не отличат. Мы будем строить! А отсюда, как говорится, все организационные выводы для нас!

А в Кремле нервно ходил по кабинету сам «кремлевский мечтатель», виновник всего этого брожения умов. На его письменном столе лежала стопочка бумаги. Время от времени он подходил к столу и заносил на бумагу несколько строк. У стола сидел седовласый автор плана ГОЭЛРО и внимательно слушал.

— Взгляните на статью Крицмана в «Экономической жизни». Пустейшее говорение. Литературщина. Возьмите тезисы Милютина. Вслушайтесь в речи «ответственных» товарищей. Скуднейшая схоластика, то литературская, то бюрократическая. Пустейшее «производство тезисов» или высасывание из пальца лозунгов и проектов вместо внимательного и тщательного ознакомления с нашим собственным опытом...

Он подошел к столу, записал несколько строк и вновь зашагал из угла в угол.

— Непонимание дела получается чудовищное... Вот этот-то разброд мнений и опасен, ибо показывает неумение работать, господство интеллигентско-

го и бюрократического самомнения над настоящим делом... самомнение невежества! Надо же научиться ценить науку, отвергать «коммунистическое чванство» дилетантов и бюрократов, надо же научиться работать систематично, используя свой же опыт, свою практику.

Он вновь быстро подошел к столу и записал последнюю фразу.

Так, развивая свои мысли вслух, он готовил статью «О едином хозяйственном плане».

— Электрофикация! — гневно произнес он и вдруг, сощуриив свои глаза, в которых засверкали веселые огоньки насмешки, добавил:

— Вумники!

Если бы при таком разговоре — а они повторялись нередко — присутствовал знаменитый английский писатель!

Он включил бы в свою книгу «Россия во мгле» целую главу — «Трагедия кремлевского мечтателя».

Так написал бы знаменитый писатель.

И он оказался бы в роли не только плохого провидца, но и плохого психолога: кремлевский мечтатель мог негодовать на тупость и косность. Мог выходить из себя, метать громы и молнии. Но он ни на минуту не сомневался в победе.

«Тем хуже для него!» — сказал бы знаменитый писатель.

— ...Приезжайте через десяток лет и посмотрите, что у нас будет! — сказал на прощанье кремлевский мечтатель знаменитому английскому писателю.

Но писатель не приехал. А жаль. Пока он писал свою книгу «Россия во мгле», пока книга издавалась, переводилась на европейские и восточные языки, пока смаковалась поклонниками-читателями, «кремлевские мечты» превращались в действительность, план — фантастический план — ГОЭЛРО был выполнен.

«Взъерошенные» люди, вызывавшие у великого писателя одно презрительное сожаление, извлекали из недр земли лежавшие под спудом рудные сокровища и превращали их в машиностроительные заводы, в генераторы, трансформаторы, гигантские турбины. Они научились делать это — «дикие, некультурные» люди! Они рыскали всюду, от Полярного круга до горячего песчаного Туркестана, и в этой «равнинной стране с вялым течением рек» нашли бурные, стремительные реки, водопады, низвергающиеся с четырехсотметровой высоты, и сковывали их цепями железа и бетона. План ГОЭЛРО превратился в генеральный план электрификации СССР.

Два миллиона киловатт ГОЭЛРО казались электрофикацией. Но когда эти два миллиона потекли по проводам, завертели колеса машин, засветились огнями — первыми огнями среди вековой тьмы российских просторов, — уже никому не кажутся фикцией шестьдесят миллионов киловатт генерального плана.

Смешное стало страшным...

И уже не один великий писатель, не один государственный человек захотел посмотреть, что же делается в непонятной Советской стране...

...Это было на исходе лета 1933 года.

Большой французский политический деятель — и тоже писатель, но не фантаст, — человек с зоркими глазами трезвого политика и дельца, сидел на веранде гостиницы на берегу Днепра, смотрел и думал.

Он бывал в России и знал ее историю. Он знал эти места, которые некогда были приютом дикой казачьей вольности. Он знал о днепровских порогах — этой «несправедливости природы», делавшей несудоходную прекрасную реку на самом ответственном участке. Он знал, как некогда гибли люди, прогоняя утлые «дубы» через бурливые, чертовские пороги.

И вот он словно по волшебству перенесен в иную страну, иной мир, иную эпоху человеческой истории... Нет, это не Россия, какую он знал ее, не старый, дикий, непокорный Днепр, который он видел еще несколько лет тому назад.

Пред ним лежала необозримая водяная поверхность, упирившаяся в величавую плотину. Эта плотина!.. Мощная, спокойная, несокрушимая, как символ непреклонной воли ее строителей. Она убеждала без слов...

По каналу проходили караваны судов. На противоположном берегу ослепительно сверкали в лучах яркого солнца белые дома города-сада. А за ним, вокруг всей гидростанции, на многие километры тянулись фабрики и заводы Днепровского комбината...

Величавы голубые просторы Днепра, величава в своем красноречивом молчании плотина, величавы голубые небесные просторы с реющими вдали стальными птицами.

Эти просторы воды и воздуха смягчают шум земли. Спокойствие природы здесь находится в новом гармоническом сочетании с кипучей деятельностью человека. Двигутся аэропланы в синеве, движутся караваны судов, движутся толпы людей, движутся через плотину и по улицам новых городов трамваи, шумят созданные людьми водопады...

Нет, шестьдесят миллионов — не фикция. Они создадут это!..

Знаменитый французский деятель вспоминает, как после шумных цехов заводов и оживленных улиц он спустился в «святилище» электростанции, где было тихо, словно в подземелье пирамиды, остановился перед пультами управления... Он и его спутник долго молчали, охваченные невольным волнением. Повернуть этот рычаг — и шестьсот тысяч киловатт потекут по проводам. Из седых волн Днепра выйдут двадцать пять миллионов «механических рабочих» на помощь живым советским рабочим. Если бы собрать такую армию, построив по десяти человек в ряд, то она растянулась бы на 2500 километров — от Днепра до Тюмени...

...Быть может, эта «днепровская симфония» настроила его самого на мечтательный лад, но он увидел нечто большее, чем профессионал-провидец — знаменитый английский писатель.

Днепровская электрическая станция и весь узел вокруг нее — сейчас, пожалуй, самое интересное место не только в СССР, но и на всей Земле: сидя на этой веранде гостиницы, «дышишь будущим»...

— А ведь Днепр-то синий! — внезапно прервал путешественник общее молчание. — А вы уверяли, что он черный и мутный, как Дунай! — обратился он к своему спутнику и, помолчав, продолжал в задумчивости: — Масса воды, масса света, масса воздуха, масса зеленых насаждений, города-сады... Когда смотришь на все это, то кажется, что находишься в фантастическом уэллсовском городе будущего!..

...Вы слышите, знаменитый писатель, непревзойденный фантаст, пророк и провидец будущего, специалист по социальным утопиям?

Фантастический город построен! Приезжайте и посмотрите на него своими

«ясновидящими» глазами! Сравните его с вашими городами во мгле!

Но напрасно знаменитый французский путешественник приписывает вам честь. Это не ваш, уэллсовский, город! Ваши утопические города останутся на страницах ваших увлекательных романов. Ваши «спящие» не «проснутся» никогда. Это город — «кремлевского мечтателя».

Вы проиграли игру!

БИОГРАФИЯ

Светлана Беляева «Воспоминания об отце»

Биография отца складывалась в моем воображении не просто. Когда он умер, мне шел всего тринадцатый год. Так что из моего личного общения с отцом я узнала не очень много. В основном его жизнь так и осталась для меня, да и для мамы, загадкой. И спросить теперь уже не у кого... Ну что ж, ограничусь тем, что есть.

Родился отец 16 (по старому — 4) марта 1884 года в Смоленске, в семье священника Романа Петровича Беляева и его жены Надежды Васильевны. Дом, в котором они жили, был собственностью матери, которая купила его еще до замужества. Он стоял на возвышенности, а фруктовый сад, окружавший его, словно сбегал с пригорка к реке. В 1984 году, в 100-летие отца, я была в Смоленске. Мне показали приблизительное место их усадьбы, о которой уже ничего не напоминало. Теперь здесь бульвар и дома, загораживающие реку.

У Беляевых было трое детей: Василий, Александр и Нина. В детстве Вася упал с лежанки и остался на всю свою недолгую жизнь хромым. Когда он был студентом ветеринарного института, катаясь на лодке, утонул. Ниночка в возрасте 9 или 10 лет умерла от саркомы печени.

В доме царила атмосфера набожности. Всегда было полно каких-то бедных родственников и богомолков. Но, несмотря на религиозную обстановку, Саша с самого детства не испытывал перед богом ни благоговения, ни страха. Правда, в церковь, как и положено, он ходил. Но вместо того, чтобы молиться, разглядывал иконы, прищуривая то один глаз, то другой. Развлекаясь таким образом, Саша однажды обнаружил, что видит обоими глазами не одинаково. Кстати, о зрении отца. Когда ему было лет десять или двенадцать, он качался на качелях. Раскачавшись, попытался сделать дугу, но сорвался и упал лицом вниз, сильно ударив при этом один глаз. Глаз распух и совсем заплыл. Перепуганная мать срочно послала за врачом. Пришел местный эскулап и безапелляционно заявил, что глаз необходимо зашить! Надежда Васильевна категорически этому воспротивилась. Стали сами, на свой страх и риск, делать свинцовые примочки, благодаря чему глаз был спасен. Падение, однако, не прошло даром, и Саша стал видеть ушибленным глазом хуже, из-за чего ему в дальнейшем пришлось носить очки. В связи с этим мне вспомнился смешной и одновременно глупый случай. Как-то, много лет спустя, отец ехал в трамвае. По дороге он купил газету и собирался ее прочесть, но оказалось, что он забыл дома очки для чтения. Правда, он мог обходиться и без них, но для этого ему надо было поднести газету к самым глазам. Что он и сделал. Увидев это, кто-то из пассажиров насмешливо заметил:

— Очки-то, видать, для фасона носит, а читать в них не может!

В семье батюшки упоминать черта считалось большим грехом. И о тех, кто это делал, говорили, что он черным словом ругается. С раннего детства Саша питал к чертям симпатию. Собственно, не к чертям, а к маленьким чертикам, в существование которых верил. Часто его бранили за то, что он качает ногой.

— Не качай нечистого! — напоминала с укором няня. Саша переставал, но

стоило всем уйти, как он принимался за то же занятие.

«Пусть покачается!» — думал он, пытаясь представить себе, что у него на ноге сидит маленький смешной чертенок.

Часто у них в доме появлялся тихопомешанный, которому мерещились черти. Иногда он тихонько сидел в кухне на печи и бормотал себе что-то под нос. Но бывало, что черти так допекали его, что он с криком соскакивал на пол, хватал кочергу и, быстро поворачиваясь вокруг себя, рисовал круг. После этого он успокаивался.

— Что, не пролезть? — спрашивал он и хихикал. — Не достать? Вот я вас! — угрожал он им и начинал крестить стены и потолок. А Саша, стоя поодаль, смотрел на него без страха, с большим интересом.

Как-то Саша, когда ему было лет пять или шесть, объелся сырым горохом. Ночью у него поднялась высокая температура, начался бред. Всюду, куда бы он ни смотрел, появлялись чертики. Они выглядывали из-за занавесок, из-под подушки и даже из-за иконы. Чертики весело хихикали и прятались. Саше было душно и тяжело, но он знал, что во что бы то ни стало должен им отвечать. И он, преодолевая дурноту, тоже хихикал. Надежду Васильевну это очень встревожило, и она, делавшая ему холодные компрессы на голову, не могла ничего больше придумать, как крестить его и шептать молитву о его здравии.

Детский мир Саши был полон чудес и фантазий. Как-то, проснувшись среди ночи, он вдруг увидел, что из глубины комнаты на него двигается привидение. Ему стало страшно, но, несмотря на это, хотелось знать, что будет дальше. Затаив дыхание, Саша ждал. Но привидение вдруг остановилось. Движимый любопытством, преодолевая страх, он медленно вылез из постели и пошел навстречу привидению. Был момент, когда он готов был отступить, но, стуча зубами, продолжал идти вперед, пока не стукнулся лбом о что-то твердое. После этого он все понял. Вечером купали детей, и мать набросила банную простыню, наверное, для просушки, на дверь. Луна, заглядывавшая в окошко, частично осветила простыню, а кот, решивший заглянуть в детскую, приоткрыл дверь, отчего «привидение» стало двигаться...

Когда Саша был уже школьником и имел карманные деньги, он частенько заходил в магазинчик, где за двугривенный можно было приобрести любую вещь. Там была всякая мелочь. Однажды Саша купил там маленький, величиною с ладонь, человеческий скелетик. Сделан он был из проволоки и гипса. Все его суставы двигались. В то время Саша дружил с сыном гробовщика. По Сашиней просьбе гробовщик сделал маленький гробик, как раз по росту скелетика.

Придя домой, Саша привязал ниточки ко всем суставам скелетика и к крышке гробика. Когда настал вечер, Саша, потренировавшись, пригласил в детскую няню и велел ей сесть. А сам скрылся за ширмой. Были уже сумерки, и старушка не сразу заметила, что на столе стоит гробик. Вдруг раздался слабый шум, крышка гробика открылась, отвалившись набок. В гробике во весь рост поднялся мертвец. Передернув плечами, он стал притоптывать в гробу, вскидывая руки и ноги. Потом, выскочив из гробика, пустился в пляс. Няня от испуга охнула и закрыла рукой рот, словно боясь закричать. Некоторое время она сидела словно замороженная, потом, сорвавшись с места, крестясь и причитая, кинулась к двери. Вбежав в комнату матушки, она не могла толком объяснить, что ее так напугало, и только повторяла:

— Непоседа Царевич! Непоседа Царевич!..

Так звали Сашу в детстве за его неумный характер.

Испугавшись, что с сыном опять что-то произошло, Надежда Васильевна поспешила в детскую. Там она сразу поняла, что это очередная проказа ее любимца. Хотя Саша был самым непослушным и проказливым, мать любила его больше остальных детей. Не стала она ругать его и за эту шалость.

В другой раз, купив в том же магазине маленький цветной фонарик, он забрался днем на высокое дерево, росшее в их саду, и перекинул через сук шпагат, к концу которого привязал фонарик. Вечером, когда на улице совсем стемнело, он зажег в фонарике свечу и подтянул его вверх.

В это время обычно возле домов собирались на посиделки старушки. Посидят, соседей обсудят, о погоде, о ценах поговорят. Саша подошел к ним тихонько, встал и ждет, что будет, когда его фонарик увидят. Как он и ожидал, довольно скоро кто-то его заметил, но принял его за новоявленную звезду. И пошли тут разговоры...

— Родился кто-то! — сказала одна старушка.

— Не иначе, как святой! — проговорила вторая и перекрестилась.

— Ишь, как горит! — воскликнул кто-то еще восхищенно.

Стали вспоминать всякие знаменья, предшествовавшие всяким событиям. Кресты, круги на небе. И даже какие-то слова. А фонарик кружится на ветру и мигает, то синим огоньком, то красным, то зеленым...

На улице уж и народ собрался на необыкновенную звезду поглядеть. Стоят, смотрят, каждый свое мнение высказывает. Послушал Саша их разговоры, а потом, равнодушно так, между прочим, говорит:

— И никакая это не звезда, и никто не родился! Это я на дерево фонарик повесил. Вот он и крутится на ветру!

Сначала ему никто не хотел верить, а потом поняли, что он говорит правду. И как-то так обидно стало. Было чудо — и нет его...

Как и все мальчишки, Саша увлекался приключенческой литературой. А начитавшись таких книг, жаждал сам что-то открывать, с кем-то бороться, кого-то спасать. Но в городе, где он жил, никаких тайн уже не осталось. Приходилось искать их и выдумывать.

Однажды, лазая с другом детства Колей Высоцким по песчаному обрыву, Саша обнаружил узкий проход. Вернее, даже не проход, а просто расщелину. Фантазия его сразу разыгралась. Он видел уже перед собой пещеру, кости пещерных жителей, древнюю утварь... Не медля ни минуты, он устремился в пугающую и в то же время манящую темноту, увлекая за собой Колю. Путь был трудным, продвигаться приходилось боком. Кроме того, было почти совсем темно, свет снаружи еле пробивался. Саша был так уверен, что за узким проходом окажется пещера, что, когда они оказались в свободном пространстве, он несколько не удивился. Коля явно трусил. Несколько раз он предлагал вернуться, но «исследователь» глубин, был непреклонен. Он сказал:

— Если боишься, можешь возвращаться, я иду дальше!

Впереди был все тот же мрак, позади узкая полоска света, с каждым новым шагом все больше тающая во тьме.

Вытянув вперед руки и нащупывая ногами почву, Саша храбро продолжал продвигаться вперед, навстречу неизвестности. Через некоторое время он вдруг на что-то наткнулся. Будучи во власти своей фантазии, Саша не сразу со-

образил, что это за предмет. Он ожидал найти здесь что угодно: статую Будды, копья, стрелы, мертвецов, облаченных в латы, наконец, саркофаг. Но перед ним, как ни странно, стояла обыкновенная бочка. Все еще надеясь на чудо, Саша отодвинул тяжелую крышку и сунул руку внутрь бочки... Коля, привлеченный шумом, настороженно спросил:

— Ну, что там?

Саша молчал. Потом вдруг раздался аппетитный хруст и его не совсем внятный ответ:

— Огурцы.

— Врешь?! — не поверил Коля.

— На, — Саша протянул на голос руку с огурцом.

Через некоторое время раздалось похрустывание.

— А как же они эту бочку протащили через такой узкий проход? — удивился товарищ.

— Наверное, тут есть где-нибудь другой ход, — логично предположил Саша.

Рядом с бочкой он на ощупь опознал стол, накрытый клеенкой. Возле него лежало несколько деревянных ящичков. И вдруг ребята заметили маленький лучик света. Когда они подошли к нему ближе, то поняли, что пробивается он из обыкновенной замочной скважины. Решительно шагнув вперед, Саша прищипнул глазом к скважине и увидел знакомую поляну, часть аллеи и кусочек беседки. Все это находилось в городском саду, а пещера оказалась просто складом, где хранились продукты летнего ресторана. Разочарованные ребята вылезли из пещеры тем же путем и пошли искать новые тайны.

* * *

В школе, где учился Саша, был один всеми не любимый учитель. Невысокого роста, с длинным лицом, козлиной бородкой и скрипучим голосом, он наводил на всех ужасное уныние. На его уроках всегда хотелось спать. В школу и со школы он ходил через чужой двор, пролезая в дыру в заборе. Ребята, которые жили в этом дворе, просто из себя выходили, когда он появлялся. Они не раз совещались, как бы им отучить его от этого. Пробовали забить дыру, но он находил новый лаз или отрывал какую-нибудь доску и продолжал ходить. Решили поговорить с Сашей Беляевым, который слыл большим выдумщиком. Саша думал недолго. Одному он велел принести штаны, другому рубашку, третьему глиняный горшок. Сам он принес несколько аршин веревки и большую охапку соломы. После этого он смастерил чучело, пристроив вместо головы горшок. К чучелу он привязал веревку и натянул ее через сук, а чучело положил на край сарая, мимо которого ежедневно проходил учитель. Все было тщательно подготовлено и отрепетировано. Когда во дворе стемнело, заговорщики были уже на своих местах.

В обычное время, ничего не подозревая, учитель проскользнул в дыру и направился вдоль сарая. Все было тихо. Но когда он дошел до угла сарая, раздался душераздирающий крик и сверху упало что-то большое и мягкое. Одновременно что-то разбилось, после чего наступила тишина. Не дав ему опомниться, Саша быстро подтянул чучело на крышу. На земле остался только разбитый горшок.

Слегка оправившись от испуга, учитель оглянулся, но никого не увидел. Тогда он вернулся назад и заглянул за сарай. Там тоже никого не было. И вообще весь двор был пуст.

На другой день, перед тем как пролезть во двор, учитель заглянул в дыру и осмотрелся. Не заметив ничего подозрительного, пошел дальше. И опять повторилось вчерашнее. И снова он не успел ничего заметить. Отправляясь в школу на следующее утро, он решил тщательно осмотреть двор, но ребята оказались хитрее его. Веревка была снята, чучело убрано в сарай. Придя в школу, учитель стал с подозрением приглядываться к ученикам. Он был почти уверен, что эту шутку подстроил кто-то из его учеников. Но их лица были непроницаемы. Никто даже не улыбался. И так повторялось несколько раз. А однажды вечером произошло нечто совсем невероятное. На этот раз учитель успел завернуть за угол, радуясь тому, что все обошлось. И тут на него свалилось что-то мяукающее и кричащее. Оно ударило его в бок и оцарапало. Раздался топот ног, а кошачий крик вознесся в небо. С тех пор учитель больше не ходил через этот двор.

* * *

С Сашей охотно играли все ребята, но у него была своя компания. Свои игры и секреты. Как-то один из мальчиков, которому очень хотелось с ними дружить, попросил принять его в их компанию.

— Мы подумаем... — ответил ему Саша.

Мальчик с нетерпением стал ждать ответа. На третий день Саша спросил:

— Ты хочешь вступить в наше рыцарское общество?

— Д-а-а-а, — ответил мальчик несколько удивленно.

— А ты храбрый?

— Храбрый, — неуверенно ответил тот.

— Тогда мы будем посвящать тебя по всем правилам.

— А как это? — уже с тревогой спросил мальчик.

— Узнаешь!

— А когда вы меня примете?

— Мы дадим тебе знать!

Через несколько дней один из ребят таинственно шепнул ему на перемене:

— Завтра, в десять часов вечера, у церкви.

Было непонятно, обрадовался мальчик этому известию или испугался, так как в ответ он ничего не сказал.

Когда он пришел в назначенное место и назначенный час, его ждали только двое.

— А где остальные? — спросил он, робея от дурного предчувствия.

— Мы с ними встретимся, — ответил один из ребят и спросил другого таинственным шепотом: — Ну что, пора?

Второй промолчал, к чему-то прислушиваясь. Потом сказал:

— Пора, — и, вынув из кармана черный платок, завязал им глаза кандидата в рыцари. После этого ребята взяли его за обе руки и куда-то повели. Чтобы нагнать на него страху, пошли через кладбище, постояли немного около могилы, дали потрогать крест, поугадали загробными голосами и, наконец, привели на то же место, откуда ушли.

Проскользнув в полуоткрытую дверь колокольни, поднялись на несколько ступеней и наконец сняли с его глаз повязку. Взгляду его предстало странное зрелище. На крутом повороте лестницы стояла необычайно высокая и страшно худая фигура в белом. На голове у нее было что-то вроде чалмы, а в руках узкий длинный меч. За спиной фигуры разливалось зеленое мерцающее сия-

ние, по временам рассыпаясь искрами,

У бедного мальчика даже зубы застучали от страха. Ему показалось, что вот-вот появится какое-то страшилище и утащит его в преисподнюю.

— Сын мой!.. — произнес великан громким зловецим Шепотом, от которого по спине забегали мурашки. — Готов ли ты стать членом нашего ордена?

— Г-г-готов, — заикаясь, ответил кандидат в рыцари.

— Тогда преклони колени и повторяй за мной клятву, — проговорил тощий великан.

Дрожащие ноги повиновались с готовностью.

— Я, раб божий, — заговорил великан неожиданно громким голосом, растягивая слова.

— Божий, — повторило эхо.

— Клянусь всеми чистыми и нечистыми силами...

— Силами... — опять повторило эхо.

Великан поднял свой меч и протянул его к будущему рыцарю, но меч не доставал до него. И тогда произошло чудо верхняя часть великана стала медленно спускаться вниз, тогда как край одежды и пара башмаков остались на том же месте.

Продолжая произносить слова клятвы, великан коснулся концом меча головы посвящаемого, но тот, вместо того чтобы повторять за ним, заплакал:

— К ма-а-а-мее хо-чуу!

Посвящение не состоялось. Вновь завязав ему глаза, ребята торопливо повели несчастного к дому. А он, продолжая всхлипывать, повторял:

— К маме хочу-у-у!

После этого приключения парнишка заболел нервной горячкой, а когда выздоровел, стал ребят обходить стороной. А они очень жалели, что так случилось, ведь они никак не думали, что он так испугается и, тем более, заболеет.

* * *

Когда Саша был уже учеником старшего класса, он вдруг заинтересовался старой заколоченной церковью. Церковь была еще крепкая и могла служить, но почему-то была закрыта. На ее дверях висел огромный замок. Паперть поросла травой, на колокольне жили голуби, а в разбитых окнах гулял и свистел ветер, отчего церковь эта казалась особенно таинственной и привлекательной. Фантазия Саши снова разыгралась, и он решил проникнуть внутрь, уговорив на это своих друзей.

Сперва они попытались сделать это естественным путем, через дверь, но замок оказался слишком крепким, а выламывать петли не хотелось. Тогда Саша решил, что проникнуть в церковь можно через узкое оконце, до которого можно было добраться с крыши примыкающего крыла. Достав надежную веревку, ребята приступили к делу. С трудом протиснувшись в узкое оконце, Саша стал спускаться в таинственный полумрак. Когда до пола оставалось всего несколько аршин, Саша нащупал ногами конец веревки. Подняться наверх без тренировки было трудно. Оставалось только одно — прыгать, что он и сделал, упав со страшным шумом на груды пустых ящиков, к счастью ничего не повредив себе. Испуганные шумом голуби поднялись со своих мест и закружились под куполом. Потом наступила тишина. Пахло ладаном, сыростью и мышами. Со стен строго смотрели темные лики святых. Ничего сколько-нибудь интересного и тем более таинственного в церкви не было.

— Саша, ты где? — в один голос закричали в окошко испуганные товарищи. Церковь наполнилась гулом.

— Здесь! Где же мне еще быть?!

— Что ты там делаешь?

— Ничего.

— Почему ты упал?

— Веревка кончилась!

— Что делать будем?

— Не знаю!

— Ты не горюй, мы тебе будем еду носить!

Такое обещание Сашу не утешило. Хотелось выбраться на волю. Тем более, что ничего интересного в старой церкви не оказалось. Другое дело, если бы он нашел клад или еще что-нибудь...

— Я попробую выбраться через двери, — заявил Саша.

— Как?

— Будем ломать замок, слезайте!

Смолкли голоса ребят, Саша остался один. Ему стало немного не по себе. Он подумал, что вдруг о нем забудут и он будет сидеть здесь до тех пор, пока не умрет с голоду или сам не сумеет выбраться. Представив себе, как бы он тут спал: на ящиках, Саша передернул плечами. Приключения он любил, но спать предпочитал в своей мягкой кровати.

Когда он подошел к двери, то увидел, что петли под замок прибиты изнутри, значит, спасти себя сможет только он сам. Ему и в голову не приходило обратиться за помощью к взрослым.

В детстве он носил высокие сапожки, за голенищем которых всегда был нож. Теперь он пригодился. С помощью ножа Саша сломал запор и, освободив себя, вышел.

Через несколько дней в местной газете была напечатана заметка о том, что какие-то хулиганы взломали церковные двери. По всей вероятности, предполагала газета, сделано это было с целью ограбления. Ребята посмеялись, но в своей причастности к взлому никому не признались.

* * *

Роман Петрович был священником Адегидриевской церкви. Приход его был большим и богатым. Своего батюшку прихожане любили. Они утверждали, что, когда он читает проповедь, вокруг его головы видно сияние. По большим праздникам прихожане приносили своему пастырю столько всякой снеди в виде куличей, яиц, жареных и живых кур и уток, что съесть все это не было никакой возможности. И матушка раздавала все это нуждающимся.

Брат Романа Петровича, Николай Петрович, тоже был священником, но его приход был бедным. У Николая Петровича было много детей, и жили они довольно скромно. Но, несмотря на добрую душу и возможности, Роман Петрович своему брату почему-то не помогал. Только какое-то время у них жила племянница Лизонька, существо тихое и покладистое. Но жилось ей у дяди не сладко. Комнатушка, которую ей дали, была маленькая и тесная. К тому же к ней примыкала стена русской печи. Особенно невыносимо было, когда купали Ниночку. Печь в таких случаях топили так, что до нее нельзя было дотронуться. Лиза изнывала от жары и долго не могла уснуть. Часто и Саша не давал ей спать.

С детства он любил музыку. Кто-то научил его играть на скрипке. Будучи избалованным, он не считался ни с чьим мнением и, когда на него находило вдохновение, мог играть часами, далеко за полночь. Лизонькина комната находилась рядом с Сашиной, и она не могла уснуть, пока он не переставал играть. Иногда, не выдержав, она просила:

— Саша, перестань играть, мне завтра рано вставать на курсы! — Но Саша оставался глухим к ее просьбам. Материнская чрезмерная любовь сделала его неисправимым эгоистом. Но зато когда ему бывало весело, он заражал своим весельем любого. А на забавы он был большим мастером.

У дяди Николая Петровича была пара лошадей, на которых он ездил навещать больных прихожан. Приезжая к нему в гости, Саша любил кататься верхом. Но зрелище это было довольно страшное. Вскочив на неоседланную лошадь, он несся, пришпоривая, во весь опор. Несколько раз падал с лошади и разбивался до крови, но это его не останавливало. Потерев ушибленное место, снова вскакивал на лошадь, и скачки продолжались. И вообще, стоило Саше появиться у родных, все в доме переворачивалось вверх дном. Его многочисленные братья и сестры охотно подчинялись ему. Начинались представления, концерты, шарады. А о Святках и говорить нечего! Чего только он не вытворял!

Вспоминается мне еще один розыгрыш отца. Дело было под праздник Ивана Купала. В этот день принято было искать клады. Существовало поверье, что в ночь над кладом загорается огонек. И случается это, когда расцветет папоротник. То, что он цветет, тоже легенда. К этому дню Саша приготовил все заранее: достал старый глиняный горшок, насыпал его доверху черепками, а поверх них положил медяки. Все это он зарыл на кладбище, а когда стемнело, зажег над «кладом» длинную свечу. Придя на свою улицу, он повел разговор о кладах, а потом предложил пойти искать их. Он слегка волновался, так как боялся, что, пока будет уговаривать ребят да пока они соберутся, свеча погаснет и никакого сюрприза не получится. Но несколько парней очень охотно ухватились за его предложение и, сейчас же взяв лопаты, двинулись к кладбищу. Незаметно Саша довел их до нужного места, и тут один из парней закричал:

— Братцы, смотрите, огонь!

— Где? Где? — раздались голоса.

— Да вон там!

Все зашумели и вдруг смолкли. Вроде бы и верили в это поверье, а увидели, и страшно стало. Ноги будто к земле приросли. Саша подбадривал их, торопил. Свеча вот-вот могла погаснуть. Тихо окружили огонек. А свеча и впрямь уже догорала. Еще бы немного, и ее никто бы не заметил. Сразу принялись рыть. И вот чей-то заступ стукнулся о что-то твердое. Ребята переглянулись и стали рыть еще быстрее.

И вот из земли показался горшок!

— Тащи его, тащи! — послышалось со всех сторон.

Когда горшок вытащили и поставили на могильную плиту, вырвался вздох облегчения. Клад решили делить здесь же, на месте. Но когда высыпали содержимое горшка, всех, кроме Саши, постигло разочарование. А Саша стоял в сторонке и посмеивался.

* * *

По воле отца Сашу отдали учиться в духовную семинарию, которую он за-

кончил в 1901 году. Роман Петрович надеялся, что сын пойдет по его стопам и впоследствии займет его место. Но Саша и думать об этом не хотел. Да и гоже ли безбожнику было становиться священником?! Вопреки желанию отца он поступил в Демидовский лицей в Ярославле, решив стать юристом. С его живым и любознательным характером надо было, наверное, выбрать что-то иное, ну, хотя бы театр. Тем более что он давно притягивал его. Впрочем, юристом он был недолго. В это время умер его отец. Оставшись без средств к существованию, не имея возможности платить за учение, он вынужден был зарабатывать сам.

Александр не гнушался никакой работы. Давал уроки, рисовал декорации для театра и даже один сезон играл на скрипке в оркестре цирка Труцци.

* * *

Был у отца верный друг Коля, о котором я уже упоминала. Он за Сашей готов был идти хоть на край света. И в лицей поступил из-за Саши, хотя обладал незаурядными музыкальными способностями.

Приехав как-то на каникулы, Саша решил снова заняться поисками кладов. Не помню точно, в самом ли Смоленске или где-то в губернии находился старый монастырь. Монахов там давно не было, кроме одного, который не хотел расставаться со святыней. По кельям гулял ветер, церковь тоже не работала. Существовала давнишняя легенда, что много лет тому назад монахи оставили монастырь и ушли. Причина их ухода никому не была известна. Но зато многие знали, что перед тем как покинуть обитель, они замуровали в какой-то стене клад, за которым должны были вернуться. Шли годы, но за кладом никто не приходил. Время от времени появлялись кладоискатели, только уходили они ни с чем. Саше давно не терпелось побывать в монастыре, да все не удавалось. Но теперь решение было бесповоротным. Оставалось только действовать. Коля, как верный Санчо Панса, был рядом. Придя в монастырь, они повстречали монаха. Он был совсем стар и сутул. Только глаза его блестели по-молодому. Юноши поздоровались с ним и, не зная, что сказать, молчали. Догадавшись о причине их прихода, монах сказал:

— За кладом пришли? — И, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ищите, клад есть. Только никому не удавалось его взять.

— Не нашли? — спросил Саша.

— Находить-то, может, и находили, да взять не взяли, — загадочно проговорил старик.

— Как это? — удивился Коля.

— А так. Потому что охраняет его сам Всевышний, — ответил монах. — Кто только не искал клад, с каждым приключалось несчастье.

— Может быть, нам лучше уйти? — предложил Коля, начинавший сомневаться в благоразумии их затеи... Но Саша отступить не хотел.

— Будь что будет! — сказал он.

Издавав почти весь монастырь и простучав много аршин кладки, друзья не заметили ничего необычного и, только спустившись в подземелье, обнаружили, что часть внутренней стены имеет массу надолбов и небольших углублений. Здесь же валялись куски выбитых из стены кирпичей. Обследовав стену, друзья сделали вывод, что за ней находится пустота.

— Здесь был ход! — авторитетно заявил Саша. — Не иначе, как клад замурован именно в этом месте!

— Что будем делать? — поинтересовался Коля.

— Долбить, — ответил Саша не терпящим возражений тоном. Саша только пожалел, что, кроме ножа, не запасся никаким инструментом. Но его это не смутило. Рассудив, что первый камень вынимать значительно труднее последующих, он решил начать в том месте, где было уже вынуто несколько кирпичей. Несмотря на старания, работа двигалась очень медленно. Известка была настолько плотной и твердой, что невозможно было найти хоть щели, чтобы всунуть кончик ножа. Пот катился по его лицу градом, но Саша все долбил и долбил с каким-то непонятным упорством и остервенением.

— Дай-ка теперь я попробую, — предложил Коля.

Саша отошел, но ненадолго. Ему все казалось, что работа у Коли идет слишком медленно. Немного отдохнув, Саша вновь принялся за дело. Работал он то двумя руками, с силой нанося удар за ударом, то упираясь левой в стену, орудовал правой. В тот момент, когда ему стало казаться, что он никогда не одолеет этот кирпич, Коля закричал:

— Качается, качается!

Все произошло так быстро, что Саша не успел убрать руку и кирпич, оторвавшись от своего места, упал ему на руку, отдавив палец.

— Вот видишь! — испуганно воскликнул Коля. — Не зря же он говорил!..

— Пустяки, — отмахнулся Саша, перевязывая носовым платком разбитый палец. — Это только случайность! — Затянув зубами узел, он сказал: — Давай, теперь ты.

Но Колю невозможно было уговорить. Сам же Саша не мог больше работать — палец опух и болел. Вздыхнув с сожалением, он произнес:

— Ничего, когда-нибудь я сюда еще вернусь!

Когда они проходили по монастырскому двору, им повстречался монах. Увидев забинтованную и окровавленную руку Саши, он произнес:

— Неисповедимы пути господни!

В голосе его не было ни злобы, ни насмешки, ни жалости.

— Я еще вернусь! — повторил Саша уверенно. Но выполнить свое обещание так и не смог.

* * *

С самого детства отец любил театр. Часто под его руководством устраивались домашние спектакли. В них он был и драматургом, и режиссером, и артистом. Перевоплощался он молниеносно. И роли играл любые, даже женские. Очень скоро весь город уже знал о театре Беляева. Постепенно домашний театр стал кочевать. Играли то у одних знакомых, то у других. А потом пытались даже гастролировать в других городах. Разрешения на выступления у них никто не спрашивал. Каждый, кто хотел, мог арендовать помещение и ставить свои спектакли. Успех не всегда сопутствовал труппе, театр «прогорал», и артистам не хватало денег даже на обратную дорогу. Домой возвращались по шпалам железной дороги. Но деньги не были самоцелью. Главное было играть. И друзья вновь и вновь отправлялись на гастроли.

Однажды в Смоленск приехала столичная труппа под руководством Станиславского. Александр Романович не пропускал ни одного спектакля. И вдруг один из ведущих актеров охрип. Дублера у артиста не было, и на афишах появилось объявление: «из-за болезни артиста спектакль отменяется». Приезд столичной труппы был не таким уж частым явлением, и все театралы были

чрезвычайно огорчены случившимся. Поговаривали, что труппа собирается покинуть Смоленск. Отец был огорчен этим не меньше других. Но произошло удивительное. Кто-то из заядлых театралов, знакомый с постановками Александра Романовича, встретившись со Станиславским, рассказал ему о театре Беляева, сделав предположение, что Александр Романович мог бы заменить заболевшего актера. И вот однажды вечером, когда отца не было дома, к ним зашел высокий худощавый мужчина в пенсне и сказал, что хочет видеть Александра Романовича. И хотя отец был в ту пору уже взрослым, у матери привычно екнуло сердце. Кого-то послали на его поиски. Отца нашли. Он пригласил гостя в свою комнату, где они долго разговаривали. После его ухода Александр сообщил матери, что это был Станиславский и что он просил его заменить заболевшего актера. И то, что через два дня он будет играть в спектакле. Мать даже руками всплеснула. Мыслимое ли дело, играть со столичными актерами! Пыталась отговорить сына, но он только смеялся: «Не бойся, мама, все будет хорошо!»

Спектакль прошел блестяще. Смоляне горячо встретили своего земляка и долго ему аплодировали. После этого отец сыграл еще в нескольких спектаклях, пока труппа не закончила свои гастроли и не уехала в Москву. Станиславский, оценив актерский талант Александра Романовича, предложил ему остаться в его труппе, но отец отказался, так как готовился стать адвокатом. Недавно я где-то прочла, что отец якобы два сезона играл в Москве у Станиславского. Ни я, ни мама от отца не слышали ничего подобного. Но, как я уже говорила, многое из жизни отца осталось для меня тайной.

Из истории своей театральной жизни отец рассказал мне три забавных случая. Не могу только вспомнить, в каком театре он тогда играл, профессиональном или любительском, и какие это были пьесы.

В первом случае отец играл бедного студента. На сцене декорации дешевой меблированной комнаты, вылинявшие обои. Входит хозяйка и начинает стыдить студента за то, что он задолжал ей за комнату. Отец уже открыл рот, чтобы ответить ей, но в это время начал падать плохо сколоченный задник. Не растерявшись, Александр Романович подбежал к декорации и, привалившись к ней плечом, не дал ей упасть, а хозяйке, вместо должной реплики, возмущенно воскликнул:

— В комнате уже стены падают, а вы за нее плату требуете!

Занавес закрыли под дружный смех и аплодисменты зрителей.

Второй случай произошел с ним, когда он играл императора. После пушечного выстрела на сцену должны были ворваться мятежники и свергнуть его. Но время шло, а выстрела не было. Тут из-за сцены отец услышал чей-то голос:

— Выходи!

— Не выйду, выстрела не было!

— Выстрела не будет, шнур оборвался. Выходи!

— Не могу, не велено!

Пауза затянулась, зрители начали проявлять нетерпение. Надо было что-то предпринять. Поднявшись с трона, император начал прохаживаться по сцене. Проходя мимо кулис, он попробовал, в свою очередь, вызвать артистов, но они упорно ожидали выстрела. Чтобы спасти положение, отец на мгновение зашел за кулису и насильно вытолкнул своих врагов на сцену. Потом, пятясь, стал обороняться. Очутившись на виду у зрителей, артисты были вынуждены

играть. Император был свергнут, но публика ему аплодировала.

Третья история несколько иного характера. На этот раз у Александра Романовича была роль старухи. На сцене комната с ветхой мебелью. На середине сцены стол. На нем бутылка вина и рюмка. Входит старуха. Спина ее согнута, голова дрожит, ноги шаркают по полу. Выражение лица отсутствующее. Вдруг она замечает бутылку и заметно оживляется. С опаской оглядываясь по сторонам, подходит к столу, поспешно хватается бутылку. Хочет налить себе вина, но не может вытащить пробку. Думаю, что спектакль был любительский. Бутафории у них не было, а в бутылке находилось настоящее вино. Перед спектаклем кто-то, видимо, выпил стаканчик, да так закупорил бутылку, что пробка еле выглядывала из горлышка. Театрального опыта у отца было мало и сообразительности не хватило, чтобы изобразить, будто он открыл бутылку и «налил» вина. Все его усилия были направлены на то, чтобы откупорить бутылку. Он вертел ее в руках так и сяк, но ничего сделать не мог. И вдруг, забыв, что он играет древнюю старуху, схватил пробку зубами и вытащил ее. Зубы у отца были крепкие! Открыв бутылку, он налил вина, но выпить не успел, в зале раздался громкий смех, перешедший в неудержимый хохот. Сделав вид, что ничего не произошло, отец вновь принял старческую позу и продолжал играть. Спектакль прошел с успехом, но зрители, вспоминая о нем, еще долго смеялись.

Когда мы с мамой решили писать об Александре Романовиче воспоминания, мама написала Николаю Павловичу письмо, в котором просила написать все, что он помнит о своем друге. Но Николай Павлович был в ту пору уже очень стар и признался, что в памяти у него почти ничего не сохранилось. Но кое-что он все же вспомнил. К сожалению, я не смогла найти его письма и пишу по памяти.

Николай Павлович писал, что Александр Романович был увлекающейся натурой. Все хотел познать, всему научиться. Но довести до конца начатое дело чаще всего не хватало терпения. Несколько предметов он, однако, сделал. Первое, что помнила мама, был макет комнаты с мебелью и камином, в котором горел огонь — зажигалась от батарейки маленькая лампочка, а перед камином в кресле сидела старуха. Ее поза, безвольно лежащие на подлокотниках руки выражали глубокую задумчивость и отрешенность. Лицо было покрыто морщинами. Старуха была вылеплена из пластилина, но казалось, что она вот-вот поднимет голову и заговорит. Иллюзию дополнял красный свет, падавший на ее лицо. Хотя все это было миниатюрным, тем не менее производило большое впечатление.

Вторым изделием был удивительный фонарь. Его корпус был сделан из белого картона, стекла заменяла карандашная калька, на которой отец написал масляными красками нескольких птиц из детской книжки «Как снегирь жениться хотел». Фонарь заменял люстру, которую, по всей видимости, разбили. Когда вечером зажигали огонь, казалось, что фонарик из стекла или фарфора. Мама рассказывала, что прохожие, увидев в окне фонарь, останавливались, чтобы полюбоваться. Как ни странно, до меня сохранились кальки с картинками.

Был еще один фонарь, но сделал его, по рисункам отца, мой дедушка Константин Антонович. Попробую объяснить, как он выглядел. Фонарь имел форму шестигранника. Верхняя и нижняя части заканчивались конусом. Корпус

был из белого картона. В нем вырезались контуры кристаллов, один над другим. Кристаллы имели две или три грани. Вырезанные места клеивались цветной папиросной бумагой. Передняя грань в один слой, вторая в два и третья в три, отчего кристалл казался объемным. Когда зажигался свет, эффект был просто потрясающий. Кристаллы были трех цветов: красного, желтого и зеленого.

А еще помню, что у папиной настольной лампы разбился плафон, а в продаже их не было. Недолго думая, отец смастерил его все из того же картона и кальки, по которой плясали смешные человечки-силуэты из черной светонепроницаемой бумаги.

Когда мы жили на Петроградской стороне в Ленинграде, отец, лежа, смастерил проекционный аппарат для просмотра открыток. В его устройстве было несколько зеркал, трубка из картона и вставленное в нее увеличительное стекло. Фонарь ставился на настольную лампу, включался свет. В прорезь фонаря вставлялась открытка, проекцию которой можно было видеть на стене. Аппарат был примитивный, но работал исправно. Не знаю, видел ли он что-то подобное, или это было его изобретение. Проекционные фонари существовали давно. Один такой древний фонарь был у моего дяди. Но там свет проходил сквозь стекло, на которое был нанесен рисунок. Фонарь с подобными возможностями я увидела лет через шестьдесят! Причем он был огромен, чуть меньше гардероба.

Увлекался он и фотографией.

Обычно начинающие фотографы снимают своих домочадцев и домашних животных. Саша начал с другого: он корчил рожи и требовал, чтобы Коля его фотографировал. Николай Павлович рассказывал, что «рожи» были такие уморительные, что он от смеха падал вместе с аппаратом на пол.

Много позже, когда отец был уже женат на моей маме, он вернулся к галерее гримас. Он даже дал название каждой гримасе: «сумасшедший», «гений», «уличный скрипач», «пьяница», «ужас», «страх» и даже «паровозик». В войну мы потеряли почти все, но фотографии отца, в том числе и его гримасы, сохранились как самое дорогое. Почти все из них опубликованы в 8-м томе Собрания сочинений отца, изданного «Молодой гвардией» в 1964 г.

Когда все «рожи» были запечатлены, Саше пришла в голову идея — снять лежащую на блюде человеческую голову. Но как это осуществить? Выпилить дыру в крышке большого фанерного ящика не составляло особого труда. Но как быть с блюдом? Его не распилить, не разрезать. И все же Саша решил попытаться. Много блюд было перепорчено напрасно, пока Саше не удалось отломить такой кусок, чтобы блюдо можно было приложить к самой шее. Вместо скатерти да ящик набросили простыню с вырезанной посередине дырой. Один из друзей залезает в ящик и просовывает голову в дыру. К его шее придвигают блюдо. Другой берет в руки нож и вилку, как будто собирается воткнуть их в голову. При этом делает зверски-кровавое выражение лица, а голова закатывает глаза и высовывает язык. Коля фотографирует. Отпечаток этого снимка был тонирован в синий цвет, отчего выглядел еще более устрашающим. Я вот только никак не могу вспомнить, кого изображал отец. Был ли он людоедом или мертвой головой. К сожалению, эта фотография была потеряна.

С детства отец мечтал о полетах, но не на аэропланах, хотя и это было тогда

в диковинку, а просто так, парить в свободном полете, как птица. Но для этого нужны были крылья, и он мастерил их из подручного материала. В одном из вариантов были даже веники, которые он привязывал к рукам, пытаясь взлететь.

Прыгал с отцовским большим зонтом с крыши сарая. И, только став студентом, поднялся в воздух на маленьком аэроплане. Отец рассказывал, что это был даже не полет, а скорее скачки по кочкам. Машина была далека от совершенства и так чутко реагировала на все движения авиатора, что даже от чиха переворачивалась в воздухе.

Да, совсем забыла сказать о прыжке с сарая. Прыжок не прошел даром. Отец приземлился на пятки. В спине что-то хрустнуло. Несколько дней спина болела, но потом боль прошла, и он забыл об этом. Но впоследствии у отца развился туберкулез позвоночника, и он стал, инвалидом.

Вспоминается мне один забавный случай, происшедший с отцом и его друзьями.

Как-то поздно вечером они возвращались из гостей. Небо было в тучах. Луна только на миг освещала дорогу и вновь пряталась за тучи. Фонари светили тускло, почти не давая света. И вдруг из темноты вынырнуло несколько парней, которые потребовали выложить кошельки. Грабителей было больше, да и физически выглядели они внушительнее. Оценив обстановку, друзья остановились в нерешительности, не зная, что предпринять. Пока кое-кто подумывал о бегстве,

Александр вышел вперед с протянутой рукой, в которой он держал пистолет, и двинулся на бандитов. Шел он не спеша, в полном молчании, шаг за шагом приближаясь к грабителям. Сначала они дрогнули, потом бросились врассыпную. Когда они скрылись в темноте, друзья, хранившие до этого молчание, разом заговорили. Они были удивлены, что у Александра оказался револьвер, а также его самообладанием. Однако, узнав правду, они были поражены еще больше. Дело в том, что никакого пистолета у отца не было. А бандитов он напугал надетой на указательный палец черной перчаткой. Остальную ее часть, он держал в кулаке. Будь на улице светлее, его обман был бы замечен, но в такой темноте перчатка вполне сошла за пистолет. А надевать ее таким образом вошло у него в привычку, которая, по воле случая, помогла им выйти из трудного положения.

Вообще привычки у отца были довольно странные, и некоторые из них доставляли ему немало неприятностей. Например, стоя, упираясь в стол кистями рук, высовывать при этом большой палец между средним и безымянным. Получалось что-то вроде кукиша. Делал он это произвольно и часто в совершенно неподходящих местах. Например, в суде, где он выступал как защитник. Кто-то из судей, заметив это, обвинил его в том, что он намеренно показывает залу фигу. Не помню, как уж отец оправдался.

Еще был интересный случай с собакой. Случилось это тоже в Смоленске. Шли как-то целой компанией и весело разговаривали. Вдруг на мостике, через который надо было переходить, появилась огромная, свирепого вида собака. Остановившись посередине, она зло заворчала и оскалилась. Было похоже, что она собирается броситься. Все остановились. Идти ей навстречу никто не хотел. Обходить вокруг было далеко. Кто-то крикнул на нее, замахал руками, но собака разозлилась еще больше. Пролаяв басом, она сделала несколько ша-

гов вперед и остановилась. Все стояли в замешательстве. Но тут Саша вышел вперед. Сложив на груди руки точь-в-точь, как изображен Наполеон, и направив взгляд на собаку, он стал медленно двигаться навстречу ей. Собака заворчала, но не бросилась. Он продолжал ее гипнотизировать, и она, медленно пятясь, сошла с мостика. После чего повернула в другую сторону и потрусилась прочь. Победитель был вознагражден аплодисментами и криками «ура».

К воспоминаниям о молодости отца могу добавить еще один необычный или, вернее, мистический случай. Как-то Саша гостил у своего дяди. По всей вероятности, дядя жил не в самом Смоленске. День был очень жаркий. Решили пойти покататься на лодках. Собрались все братья и сестры, не было с ними только Васи. Перед тем как сесть в лодку, Саша поднял кусок глины и, усевшись на носу лодки, стал лепить из нее голову. Лепил так, сам не зная кого. Но ему казалось, слепок похож на Васю. Вот только выражение лица никак не получалось. Было оно какое-то неживое, застывшее. Недовольный своей работой, Саша бросил слепок в воду и в тот же момент почувствовал беспричинное беспокойство. Он взглянул на часы и заторопился на берег.

— Мне надо домой. С Васей что-то случилось, — сказал он с непонятной уверенностью. Его пробовали разубедить, но он ничего не хотел слушать. Всем расхотелось кататься, и они вернулись домой вместе с Сашей. Около дядино дома их встретила заплаканная тетя. Она сообщила, что Вася утонул. Как ни странно, произошло это именно тогда, когда Саша бросил слепок головы в реку.

* * *

Не помню, откуда у меня сведения, будто в своем дневнике, о существовании которого мы ничего не слышали, отец писал о своих впечатлениях на баррикадах в Москве, в девятьсот пятом году. Я совершенно ничего не знаю об отцовских политических убеждениях. Не знаю, кому он симпатизировал, монархии или нарождавшейся народной власти. Но уверена, что баррикады были для него лишь очередным приключением.

Закончив Демидовский лицей, отец получил должность частного поверенного в Смоленске. Скоро он стал известен как хороший юрист. У него появилась постоянная клиентура. Отец смог снять большую квартиру, обставить ее. Увлекаясь искусством, он приобрел хорошую коллекцию картин известных художников, собрал большую библиотеку. Закончив какое-нибудь большое дело и получив хороший гонорар, отправлялся путешествовать за границу. Неоднократно бывал во Франции. Ездил в Италию. Поднимался на Везувий и даже заглядывал в кратер вулкана. О Венеции рассказывал восторженно и в то же время с грустью. Говорил, что первое впечатление было прекрасным.

Сказочно красивый город, залитый солнцем. Живописные каналы с отражающимися в них зданиями, медленно плывущие гондолы, песни гондольеров. Окраины же города, где жила беднота, наводили уныние. В узкие улицы-каналы почти не проникало солнце. Дома со следами плесени, запах воды от нечистот, выливаемых в те же каналы. Лишенные солнца, бледные рахитичные дети.

Что рассказывал отец о Франции, в частности о Париже, мама не помнила. В памяти у нее сохранилось лишь то, что отцу очень понравились во Франции обслуживание и пища.

— Все словно для меня было приготовлено! — говорил он.

* * *

Николай Павлович писал, что Александра Романовича всегда окружала интеллигентная молодежь. Они часто собирались у отца на вечеринки. Общение было чисто интеллектуальным. Отец играл на рояле или скрипке, декламировал. Он всегда был душой общества, и люди тянулись к нему. Но была у отца одна, простите, слабость — он любил менять квартиры. Стоило ему узнать, что где-то освободилась хорошая квартира, как он спешил занять ее. Случалось, что друзья приходили к Александру Романовичу и не заставляли его на старом месте, приходилось искать его по всему городу.

Не помню, кто кого нашел, мы Елизавету Николаевну Серебрякову, в девичестве Беляеву, Лизоньку, о которой я упоминала, или она нас. Сейчас мне кажется это просто невероятным. Списавшись, встретились. Я поехала в Горький, где тогда жила со своей дочерью Галей Елизавета Николаевна. Она рассказала мне интересный случай из судебной практики отца. Александр Романович был приглашен в качестве защитника по обвинению в преднамеренном убийстве. Весь процесс был копией процесса, описанного Фейхтвангером в романе «Еврей Зюсс». Обвинялся еврей в убийстве русского ребенка, совершенном якобы в целях использования его крови для приготовления мацы. Маца пеклась из пресного теста, большими тонкими листами и употреблялась евреями во время поста, когда по их религии запрещено есть обычный хлеб. Мацу толкли, разводили молоком или водой. Что-то добавляли в нее и уже только после этого пекли из нее различные булочные изделия.

Взявшись вести это дело, отец немало потрудился. Он был уверен, что единственно правильный ответ на вопрос — могло ли быть совершено такое убийство, нужно искать в еврейском писании. Для того чтобы его прочесть, отцу пришлось искать человека, хорошо знавшего древнееврейский язык, который смог бы сделать дословный перевод.

Естественно, не всего писания, а только тех мест, которые могли пролить свет на истину. Досконально изучив материал, отец убедился, что поиски его правильны. В Талмуде ничего не говорилось о том, что мацу следует приготавливать на крови иноверцев — так они называли всех людей неиудейского вероисповедания. Писание гласило, что все люди, кроме евреев, нечестивцы и безбожники. Были и другие доказательства, полностью опровергавшие обвинение в убийстве. К сожалению, подробностей этого дела я не знаю. Одним словом, цитируя выдержки из Священного Писания, отец сумел очень убедительно доказать невиновность подсудимого, и тот был оправдан и освобожден прямо в зале суда.

Этот судебный процесс наделал много шума. Пресса печатала статьи и заметки о нем, признавая, что выигран он блестяще. Во время суда зал был настолько переполнен, что мог вместить далеко не всех желающих послушать, и многие были вынуждены стоять на улице, под окнами, стараясь уловить долетавшие до них слова.

После этого процесса, когда отец появлялся на улице, с ним то и дело раскланивались какие-то евреи. Были ли это родственники обвиняемого, знакомые или просто сочувствовавшие, отец не знал. И все ж таки, несмотря на такой успех в юриспруденции, отец все больше увлекался литературой, и, в конце концов, она стала его единственным занятием и средством к существованию. Но до этого были еще годы.

* * *

Казалось, что сведений о жизни Александра Романовича получить не от кого. И вдруг, в 1979 году нам кто-то прислал заметку из журнала «Музыкальная жизнь», № 1 (50) янв., 1979 г., стр. 25.

«Знаете ли вы что...

... 17 февраля 1913 года на сцене Благородного собрания в Смоленске был поставлен любительский спектакль — детская опера-сказка «Спящая царевна». Роль злой волшебницы сыграла гимназистка Маша Гольдина — впоследствии выдающаяся певица Мария Соломоновна Гольдина. Постановщиком оперы был молодой смоленский адвокат Александр Беляев. Несмотря на то что спектакль имел громадный успех, вряд ли кто-нибудь в то время мог предположить, что режиссер-адвокат станет впоследствии замечательным писателем — автором научно-фантастических романов».

А в 1993 году мне прислали выписку из архивов охраны города Смоленска, которая меня просто потрясла. То, что я узнала, совершенно не вязалось с моим представлением о жизни отца.

«Сводка данных наружного наблюдения по группе Партии Социалистов-революционеров от 1 августа — 1 сентября 1909 года, Смоленск (среди прочих членов)

кличка «живой» БЕЛЯЕВ АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ пом. присяж. повер.

проживает по улице Пушкинская д. Ранфта, взят к наблюдению от КОРЕЛИНА В. А. 23 авг. 1909 г. С 1.09.909 проживает в доме Гильмана. Взят под наблюдение по группе эсеров по агентурным сведениям с июля; по наруж. набл. с июля 1909. По сводке наблюдения от 11–30 октября 1909 № 4 — А. Р. Беляев поддерживает активную связь с: № 1. Корелин В. А. № 2. Подвицкий В. В. № 3. Знаменская В. В. № 5. Лиссау А. И. № 6. Станкевич К. И. № 7. Кельм Г.-Э. № 8. Городская библиотека. Из плана наблюдения видно, что сам Беляев А.Р. в октябре 1909 года никого не посещал, но поддерживал отношения с Подвицким В., Корелиным и Знаменской В. Однако уже с ноября 1909 года А. Р. Беляев сам лично посещает выше перечисленных лиц, так к Корелину он отмечен по сводкам семь встреч, к Подвицкому — дважды и на общие встречи группы в городской библиотеке — четыре раза. В ноябре 1909 года жандармским отделением была произведена ликвидация, включая обыски и аресты смоленской группы эсеров, но некоторые из них уцелели. Это прежде всего те лица, у которых по обыску ничего обнаружено не было, в том числе и у А. Р. Беляева. Документов в делах охранного отделения после ноября 1909 года, в которых бы проходил А. Р. Беляев, не обнаружено.

В фонде Канцелярии Смоленского губернатора оп. 8. д. 369 «Об издании в г. Смоленске газеты «Смоленский Вестник», хранится (автограф) заявление на имя губернатора от А. Р. Беляева по поводу разрешения «о приеме на себя в полном объеме ответственное редактирование издаваемой г. С.Г. Пиотровским газеты «Смоленский Вестник», датировано 17 октября 1914 года, заявление удовлетворено 30.10.1914».

К сводке приложен план перемещения перечисленных лиц, из которого действительно видно, что Александр Романович сам ни к кому не ходил. Так что же это было? Был ли он членом этой группировки или это просто случай-

ность? Ведь могли же они быть просто знакомыми отца? И опять нет ответа...

* * *

До женитьбы на моей маме отец был женат дважды. Первая жена Анечка (фамилии ее я не знаю) ушла к его коллеге. Но счастья не нашла. Она часто приходила к своему бывшему мужу и жаловалась. Она говорила: «Ты меня никогда не ругал, а он меня бьет!» В то время развестись было непросто. Надо было хлопотать через консисторию. Александр Романович взял вину на себя.

Вторая жена Александра Романовича, Верочка (фамилии тоже не знаю), была единственной дочерью, избалованной и капризной. У них часто бывали семейные скандалы. Вернее, Верочка была вечно чем-то недовольна. Отец вспоминал, что, когда она начинала кричать, он спокойно напевал:

— А я мальчик бедненький, бедненький, бедненький. Меня любить некому, некому, некому...

Когда отец заболел тяжелым плевритом и лежал с высокой температурой, Верочка оставила его, заявив, что она не для того выходила замуж, чтобы быть сиделкой...

Отцу сделали пункцию, но очень неудачно, возможно, от этого у него отнялись ноги. Смоленские врачи не смогли поставить диагноз. В поисках хорошего врача мать с парализованным сыном объехали несколько городов и наконец добрались до Ялты, где у Александра Романовича признали туберкулез позвоночника и уложили в гипс. По словам папиного друга Николая Павловича, процесс протекал так тяжело, что даже врачи не надеялись на благополучный исход. В Ялту отец приехал не только с матерью, но и со старой прислугой Фимой, прожившей у Беляевых более двадцати лет.

Поселились они на Бярятинской улице в одном доме с соученицей мамино-го брата Левы, Олей Мейнандер. Лева помогал девушке по математике, а она ему по французскому языку. Оля много рассказывала Леве о больном соседе — юристе, который лежал в гипсе. Александру Романовичу в то время было всего тридцать пять лет! Можно представить себе трагедию, когда молодой, здоровый, очень подвижный и энергичный человек вдруг становится лежащим больным, да еще и в гипсе от копчика до ушей. Немудрено было впасть в депрессию. Однако Александр Романович не утратил душевной живости. Он по-прежнему интересовался окружающей жизнью. Был интересным собеседником и хорошим рассказчиком. Он очень увлеченно рассказывал о своих путешествиях, о театре, который не переставал любить.

Чуть-чуть отвлекусь, чтобы хоть немного рассказать о семье моей мамы.

Мой дедушка Константин Антонович Магнушевский еще до революции работал строителем при некотором частном обществе или хозяине. Дома строились в разных городах России, и он со всей семьей много колесил по городам и весям. Где-то жили год, где-то два или три. Моя бабушка Эльвира Юрьевна ужасно не любила переезжать, тем более что делать это ей приходилось одной. Дедушка уезжал на новое строительство один. Устраивался. А через какое-то время к нему приезжала жена со всем выводком. У бабушки было четверо детей, но двое умерли, а двое остались: моя будущая мама Маргарита и ее младший брат Лева. Семья моталась по чужим городам, жили то в меблированных комнатах, а то и просто в гостинице. Так перед самой революцией оказались в Крыму, где и застряли на целых 17 лет! Жили то в Ялте, то в Симферополе, то в Балаклаве.

Как-то в Реальном училище маминого брата решили поставить пьесу «Романтики», и Лева с товарищами зашел к Александру Романовичу с просьбой помочь им поставить спектакль. Отец с удовольствием согласился. С тех пор Лева стал часто заходить к нему и каждый раз, возвращаясь домой, с восторгом рассказывал о прошедшей встрече. Как-то он сообщил, что Александр Романович хочет познакомиться с его сестрой. Магнушевские жили на той же улице, только выше. Моя мама работала в Городской библиотеке. От брата она знала, что Александр Романович сотрудничает в Ялтинской газете, и подумала, что могла бы снабжать его книгами.

Как-то в воскресенье она пришла к Беляевым. Они занимали квартиру из одной темной комнаты. Вход был через веранду, небольшая часть которой была отгорожена для кухни. О первой встрече с Александром Романовичем мама рассказывала следующее:

«Меня встретила высокая, худая, седая женщина в черном платье, с тихим голосом и каким-то мученическим лицом. Это была Надежда Васильевна, мать Александра Романовича. На веранде стоял топчан, на котором лежал полный, загорелый молодой мужчина, совсем не похожий на тяжелобольного. Я услышала его глухой голос. Через очки на меня смотрели внимательные черные глаза. Большой открытый лоб обрамляли черные, очень мягкие волосы. Я принесла каталог и предложила снабжать Александра Романовича книгами. Как-то, придя к Беляевым, я застала Александра Романовича за необычной работой. Он вязал крючком для себя кофту, похожую на детскую распахнушку, но без застежек. Так как лежал он на спине, иная одежда ему не подходила.

Иногда я заставала у Александра Романовича посетителей. Это были либо его новые знакомые, либо люди, обращавшиеся к нему за юридической помощью».

Нашлись добрые люди, которые устроили отца в больницу Красного креста. Здесь он лежал в светлой палате один. В ту пору трудно было купить бумагу и карандаши. Друзья, навещая его, приносили огрызки карандашей, листки бумаги и даже старые конторские книги. Александр Романович писал много стихов, некоторые из которых посвящал няням. Одно стихотворение, которое он написал в те тяжелые для него годы, называлось «Звезда мерцает за окном». Через несколько лет он положил его на музыку, и оно было напечатано в Киеве, уже как романс.

*Звезда мерцает за окном.
Тоскливо, холодно, темно.
И дремлет тишина кругом...
Не жить иль жить, мне все равно...
Устал от муки ожидания,
Устал гоняться за мечтой,
Устал от счастья и страданья,
Устал я быть самим собой,
Уснуть и спать, не пробуждаясь,
Чтоб о себе самом забыть
И, в сон последний погружаясь,
Не знать, не чувствовать, не быть...*

Когда на меня порой накатывает тоска и небо кажется с овчинку, я всегда

вспоминаю это стихотворение, особенно последнюю строчку: не знать, не чувствовать, не быть... Я никогда не читала стихотворения, которое бы с такой ясностью отражало бы боль и смятение души.

Вскоре семья моей мамы уехала из Ялты, и надолго. Когда они вернулись, Надежды Васильевны уже не было в живых, а Александр Романович работал воспитателем детского дома, в нескольких километрах от Ялты. Мамин брат устроился на работу в милицию, начальником уголовного розыска, а мама регистратором и дактилоскопистом.

Как-то мамин брат навестил Александра Романовича и, вернувшись домой, заявил:

— Александра Романовича надо спасать! Он будет жить у нас, а на работу я устрою его к себе в милицию.

Вся забота была теперь о том, как доставить Александра Романовича в Ялту. Для того чтобы нанять лошадь, не было денег. Надо было добираться пешком. Об этом путешествии мама пишет в своих воспоминаниях:

«К Александру Романовичу я пришла с вечера. А рано утром, как только встало солнце, мы тихо вышли за калитку и зашагали по проселочной дороге, ведущей в Ялту. Имущества у Александра Романовича было немного: небольшой чемоданчик да гипсовая кровать, в которой он еще был вынужден спать. Хотя он и был на ногах, полностью здоровым его нельзя было назвать. Так что все эти вещи пришлось нести мне, Александр Романович ничего нести не мог. По дороге мы несколько раз останавливались, Александр Романович ложился на траву и отдыхал. Потом я забирала багаж, и мы двигались дальше. Шли очень медленно. Мне казалось, что дороге не будет конца. Но вот появились первые дома ялтинской окраины. Однако нам надо было еще пройти весь город, чтобы добраться до дома. Дорога шла в гору, и отдыхать было негде. Но мой спутник не жаловался, он стойко переносил такую нагрузку. Но вот наконец и наш дом. Нас давно поджидали мои родные. Мы приняли Александра Романовича в свою семью, отдав ему одну из наших комнат. Через несколько дней Лева устроил Александра Романовича на должность инспектора уголовного розыска. Ему выдали спецодежду — черное бобриковое пальто. На службе мы получали, как и все работники милиции, обед и хлеб.

В уголовном розыске не было даже фотографа для регистрации арестованных. Под руководством Александра Романовича была организована фотолаборатория. И он стал по совместительству еще и фотографом. Я помогала ему проявлять и печатать снимки.

Александр Романович проработал в уголовном розыске очень недолго и решил работать в библиотеку. Вспоминаю о том времени, я думаю, что он просто был вынужден сделать это из-за моральной обстановки. Один из сотрудников розыска, бывший матрос, был явным противником интеллигенции. Александра Романовича он тоже невзлюбил. Иногда, не стесняясь его присутствия, а может быть и специально, он с вдохновением и даже восторгом, рассказывал о том времени, когда он ставил «таких», как Александр Романович, к стеночке. Фамилия у него была явно не русского происхождения, если он просто не выдумал ее — Дэламур. А лицом он смахивал на разбойника с большой дороги. Он был всегда вооружен — носил в деревянной кобуре револьвер или маузер. Так что ожидать от него в любую минуту можно было чего угодно. Любимым его выражением было: «Я в корне с вами не согласен!»

Хотя мы работали втроем, жить было трудно, особенно если надо было купить что-то из одежды. Отец мой находился тогда в Симферополе. Причины этого я уже не помню. У нас с мамой были блузы и юбки цвета хаки, а на ногах башмаки на деревянной подошве. Ходить в такой обуви по гористым улицам Ялты было трудно».

По воскресеньям отдыхал только Александр Романович. Дядя работал без выходных, а мама с бабушкой занимались заготовкой дров, уходя для этого в горы. Собирали валежник, сосновые шишки. Иногда попадались от срубленных деревьев огромные, в три-четыре метра длиной, сучья. Чтобы доставить их домой, женщины вбивали гвоздь, привязывали веревку и так волокли вниз с горы. Для городских женщин, не работавших ранее физически, это была нелегкая работа. Из-за нее они вечно ходили в ссадинах и синяках. Но надеяться было не на кого, и они не роптали. Случалось, что у них отнимали и дрова и топоры, и они возвращались с пустыми руками.

В 1922 году, перед Рождественским постом, мои родители венчались. Венчание было скромным. Присутствовали на венчании только свои: мамина мама, брат Лева и его товарищ. Жених был в своем будничном костюме, невеста тоже не отличалась красотой наряда. На ней было повседневное платье. Не было ни фаты, ни цветов. Но, несмотря на такую бедность, свадьба прошла весело. Единственным гостем был все тот же шафер. Александр Романович стал рассказывать с присущим ему юмором, как он при венчании спешил первым ступить на платок, чтобы быть главой дома. И о том, как он собирал оплавившийся воск со свечи и прилеплял его снизу. Существовала примета, что у кого свеча будет гореть дольше, тот дольше и проживет. В эти приметы никто не верил, как и сам отец, и все смеялись. Несостоятельность примет показала жизнь. Главой дома отец никогда не был, так как полностью был поглощен творчеством. И пережила его мама на целых сорок лет!

В 1923 году, 22 мая, мои родители зарегистрировали свой брак в ЗАГСе. Помещался он в крохотной комнатке, в которой одновременно регистрировали браки, новорожденных и покойников. Такое совмещение явно не способствовало радостному настроению. Рядом с людьми, вступающими в новую жизнь, сидели родственники, оплакивающие близких.

* * *

Не знаю уж, из каких соображений отец решил попытать счастья в Москве. Он пошел на пристань, чтобы узнать расписание пароходов, и случайно встретил там свою старую знакомую из Смоленска, которую знал еще девочкой. Нина Яковлевна Филиппова узнала Александра Романовича и остановила его. Она жила в Москве с семьей. Отец рассказал о себе, о своих планах. Неожиданно Нина Яковлевна предложила отцу поехать к ним, сказав, что они имеют большую квартиру, и обещала отдать моим родителям одну из комнат и помочь устроиться на работу. Отец принял ее предложение и быстро, вместе с Ниной Яковлевной, покинул Ялту. А мама осталась пока с родителями.

В отсутствие Александра Романовича приехал из Смоленска его друг Николай Павлович. Он хотел сделать отцу сюрприз своим приездом и был очень огорчен, что не застал Александра Романовича дома. Всю ночь они проговорили с мамой. Николай Павлович рассказывал о детстве и юности своего друга. Мама слушала его с большим интересом. К сожалению, когда мы собрались писать воспоминания, мама почти ничего не помнила из рассказов Николая

Павловича. В потерянном мною письме Николай Павлович писал:

«Александра Романовича всегда интересовали и волновали разные вещи, будь то вопросы науки, литературы или искусства.

Начиная с юных лет, при всех удобных случаях, Саша переодевался, гримировал лицо и придавал ему всевозможные выражения, строил гримасы. Чтобы помочь себе в этих процедурах, он вызывал меня, и уже общими усилиями совершались переодевания и накладывание грима при помощи жженой пробки, а если нужно, то и красок. Удавшиеся «рожи» фотографировались. И таких снимков было очень много. За юношескими склонностями последовало настоящее увлечение драматическим искусством. На чердаке была устроена небольшая сцена с декорациями и занавесом. Разыгрывались небольшие пьесы, а в студенческие годы началось увлечение недавно созданным Художественным театром, и Саша пытался ставить пьесы из его репертуара. Он был и постановщиком-режиссером. Он же оформлял эти спектакли как художник. Значительно позже рисовал декорации для настоящего театра. Расстелив на полу огромное полотнище, после нескольких мазков он забирался под потолок и оттуда смотрел, насколько удачно передана перспектива.

Из изобразительных искусств его особенно привлекала скульптура. Из глины он удачно лепил бюсты выдающихся людей.

Я знал его и как неподражаемого мастера художественного слова. В этом деле он не имел себе равных среди смоленской интеллигентной молодежи. Помню, как увлекательно было его чтение из произведений Чехова, Горького, Блока и других авторов.

Специального музыкального образования он не получил, но играл в Смоленском оркестре. И ноты читал с листа. Охотно играл на рояле в четыре руки с моей сестрой Анной Павловной. И самостоятельно мог играть на рояле сложные пьесы таких авторов, как Скрябин, Мак Доуэль и другие. Писал музыкальные очерки и рецензии. Много занимался журналистикой. Это живое дело всегда увлекало его».

С грустью вспоминал Николай Павлович о начале болезни отца.

«Мне было очень тяжело смотреть на него, уже лишенного возможности двигаться. Поражала его сила воли. Несмотря на сильные страдания, он все время работал. Сотрудничал в местной газете. Буквально вся постель была обложена книгами. Мне кажется, что эта сила и спасла его. (Николай Павлович рассказывал о своем посещении отца в Ялтинской больнице.) Я побывал у профессора, который лечил его, и тот на мой вопрос о состоянии здоровья Саши только руками развел, давая мне понять, что надеяться на хороший исход не приходится. Я уехал с горьким чувством, думая, что это наша последняя встреча. Представьте себе мою радость, когда я получил от него письмо, в котором он писал: поправился, прошел пешком столько-то верст и женился. Очень жаль, что у меня не сохранились его письма. Это были настоящие литературные произведения, полные живых и оригинальных мыслей».

Пока отец устраивался и обживался в Москве, мама жила с родителями в Симферополе. В Москву она переехала только в сентябре месяце. Папина знакомая Нина Яковлевна выполнила свое обещание и отдала моим родителям вместо одной обещанной комнаты даже две. Квартира была чудесная и соседи тоже, но, к сожалению, Филипповых вскоре перевели в Ленинград, вместо них въехали новые жильцы — сотрудники НКВД.

Одну комнату заняли молодые супруги, а во второй поселился одинокий мужчина. Его комната была смежной с комнатой моих родителей. И вот он стал, в буквальном смысле, отравлять жизнь моей мамы. Во-первых, он не разрешал ей пользоваться газовой плитой, а потом вообще запретил выходить на кухню. Свои распоряжения он передавал через жену своего сослуживца, Галю. Чтобы не нарываться на скандалы, мама вынуждена была брать обеды в столовой.

Однажды он заявил маме, чтобы по-хорошему освободили площадь, иначе он заявит куда надо, что у него конспиративная квартира, а они, папа и мама, срывают ему явки.

За все то время, что мои родители прожили с этим соседом, отец ни разу не пытался поговорить с ним. Он избегал конфликтов. В то время придавали большое значение социальному происхождению, а Александр Романович был сыном священника, да еще кончил Лицей, что считалось привилегией дворянства, а стало быть, было враждебным социалистическому сознанию. И все же у меня осталась обида на отца за маму. Он ведь был хорошим юристом и выигрывал казавшиеся безнадежными дела. Так неужели же он не сумел бы как-то убедить соседа в его неправомочных действиях? Мне очень неприятно делать такие выводы по отношению к отцу, но, по всей вероятности, это был страх интеллигента перед «быдлом», к сознанию которого взывать бесполезно.

Однажды сосед привел к себе женщину. Всю ночь, до самого утра, они так бесновались и кричали, что невозможно было сомкнуть глаз. Жить с таким соседом становилось совсем невмоготу. Надо было что-то предпринимать. В первую очередь родители отправили на родину Фиму, которая так и продолжала жить при отце. Через новых знакомых удалось найти пустующую комнату. Остановка была только за ордером. За помощью пришлось обратиться к этому же ненавистному соседу. Через несколько дней ордер был получен.

Мама, измученная издевательствами соседа, не пошла смотреть новое жилье. Она готова была переехать хоть в сарай. То, что они получили, приблизительно и было сараем. Комната служила жильцам этой квартиры кладовкой. А сама квартира находилась в подвальном помещении. Комната, которую получили мои родители, была полутемной, так как окна выходили в простенок. Со стен свисали отставшие обои. Паркет прогибался под ногами. Паровое отопление не работало. Из больших дыр в плинтусах вылезали огромные крысы и, не боясь людей, разгуливали по комнате.

15 марта 1924 года родилась моя сестра Людмила. Мама с ужасом думала о возвращении с маленьким ребенком из больницы в полутемную и сырую комнату. Правда, был сделан ремонт, исправлены батареи. Тем не менее помещение оставалось сырым и неудобным. Уходя из дому, мама всегда таскала с собой ребенка, боясь оставлять его наедине с крысами.

К рождению сестры, на ее приданое, отцу выдали на службе деньги. В то время в ходу были червонцы и совзнаки. Червонцы все время поднимались в цене, и, получив зарплату совзнаками, все старались как можно скорее обменять их на черной бирже на червонцы. Один папин сослуживец в день полочки предложил желающим обменять деньги. Несколько человек, в том числе и Александр Романович, доверились ему. На следующий день на работе стало известно, что сослуживец проиграл их деньги в карты...

Александр Романович работал в то время в Наркомпочтеле юрисконсультom. Жизнь понемногу налаживалась, и мои родители смогли приобрести что-то из вещей. Ведь они были голы и босы.

Как-то отец написал письмо одному из своих смоленских знакомых. В ответном письме они сообщили, что, не получая от него никаких вестей, решили, что он умер. Его книги отдали в городскую библиотеку. Ни о квартире, ни о вещах и картинах не упоминалось. Но через некоторое время вдруг прислали кровать, зимнее пальто отца, каракулеву шапку и одеяло. Маме показалось это странным, что у Александра Романовича вдруг появились какие-то вещи.

В молодости отец любил одеваться модно, если не сказать со щегольством. Об этом можно судить по его фотографии тех лет: красивый, хорошо сидящий костюм, крахмальная с высоким воротничком рубашка, элегантная шляпа и тросточка в руках.

У отца было много двоюродных братьев и сестер и, наверное, племянников. Кроме того, были еще друзья и знакомые. Но, уехав, он почему-то писал, да и то изредка, лишь Николаю Павловичу. А мог бы еще давно, в Ялте, кому-то написать и просить переслать что-то из вещей. Мне совершенно непонятно его безразличие к потерянным вещам, а в особенности к книгам и дорогим картинам. Если он интересовался искусством, любил все это и собирал, то странна легкость, с которой он распорстился со всем этим. Тем более если учесть, что из дому он уехал с маленьким чемоданчиком. Правда, годы болезни и лишений сделали отца неприветливым и нетребовательным. Да и обстоятельства были таковы, что о моде как-то и не думалось. Отца даже не смущало то, что он в одном и том же костюме ходит на работу, носит его дома и бывает в театре. Не замечал он и того, в чем ходит мама.

В театре они бывали довольно часто, но ему и в голову не приходило купить ей выходное платье, позаботиться о том, чтобы она была прилично одета. Она же была не из тех женщин, которые требуют что-то от мужа. Но после одного инцидента в театре она не выдержала.

Как-то отец достал билеты в Большой театр. Места были хорошие в первых рядах партера. Мама с увлечением слушала музыку, но вдруг почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, она увидела, что на нее смотрит женщина, сидящая рядом с ней. Вернее, не на нее, а на ее платье. Взгляд ее выражал одновременно и удивление, и даже презрение. На ней был вечерний туалет, и мамин наряд так шокировал, что она не могла даже смотреть на сцену. Так и просидела весь спектакль, меряя маму взглядом с ног до головы. Отец же был поглощен музыкой и ничего не заметил. А мама, робея от пристального взгляда, не могла дождаться конца спектакля. После этого она и сказала отцу, что ей надо купить себе что-то на выход. Посмотрев на маму и словно в первый раз увидев ее платье, он сказал:

— Ну конечно, пойд и купи себе что-нибудь.

* * *

Маме трудно было справляться одной с домашними делами и ребенком, и она вызвала из Крыма свою мать. Вместе они стали хлопотать о дополнительной площади. С помощью Общества охраны материнства хлопоты увенчались успехом, и им предоставили еще одну комнату в их же квартире.

После ремонта отец занял одну из комнат под свой кабинет. В это время он

перешел работать там же, в Наркомпочтеле, плановиком. Им поставили телефон. В свободное от работы время Александр Романович занимался писательством. Издали его небольшую книжицу «Спутник письмоносца». В газете «Гудок» стал печататься с продолжением его первый фантастический рассказ «Голова профессора Доуэля». Тема этого рассказа зародилась в те тяжелые времена, когда он лежал в гипсе с параличом ног. Положение его было почти такое же, как у профессора Доуэля — вокруг лежали знакомые предметы, книги, но он не мог до них дотянуться. Однажды ему на лоб села муха, и он подумал: а что, если бы у меня, кроме головы, ничего не было? Кстати, эта муха «влетела» и в роман.

Отец предложил маме заключить шуточный договор — перепечатать этот рассказ для журнала «Всемирный следопыт» с условием, что, если рассказ будет напечатан, мама получит пятьдесят процентов гонорара. А если его не примут, то она вообще ничего не получит, как и сам автор. Мама согласилась. К этому времени отец купил на «толкучке» старую пишущую машинку «Ремингтон». Такие машинки вряд ли кто сейчас помнит. У нее был закрытый шрифт, и чтобы проверить или исправить напечатанное, надо было поднять каретку. Отец научил маму печатать, с тех пор она стала его постоянной машинисткой. А когда и где научился он сам печатать, не знаю. Можно подумать, что он всегда все знал и умел. Конечно, кроме физических действий с молотком или пилой.

И вот три женщины: бабушка, мама и моя сестра выехали на дачу, прихватив пишущую машинку. Отец остался в городе, так как ему было трудно каждый день ездить на дачу и обратно.

Сначала мама печатала очень медленно, поэтому на эту работу у нее ушло все дачное время. Но она трудилась не напрасно, рассказ был напечатан.

Жизнь налаживалась. Купили рояль. Отец часто покупал ноты. Мама в молодости училась пению, и теперь по вечерам в доме звучала музыка. Стали чаще посещать театры и музеи. Мама рассказывала, что с отцом было очень интересно бывать на выставках. Отделившись от экскурсии, они ходили от картины к картине, и отец рассказывал маме о каждом произведении, а заодно и о художнике, создавшем его.

Об этом времени мама пишет:

«Я много узнала и увидела, многому научилась у Александра Романовича. У нас появились друзья. В нашем доме жила очень милая семья Сокольников. Александр Захарович работал корректором в издательстве «Вокруг света», а его жена Валентина Михайловна была врачом. Мы подружились, вместе ходили в театр. Был у нас еще один друг — доктор Томашевич Марианна Ивановна. Очень милая, симпатичная женщина. Она работала гинекологом в роддоме имени Лепехина. Как-то у них в больнице решили устроить своими силами концерт для медперсонала, Марианна Ивановна пригласила и нас с Александром Романовичем. Одна из сестер спела несколько романсов. Пела и я под аккомпанемент мужа. Для концертного номера, который он выбрал сам, достали смирительную рубаху. Облачившись в нее, он исполнил стихотворение Апухтина «Сумасшедший». Его выступление произвело такое впечатление, что кое-кто из женщин прослезился. А ребенок одной из нянь испугался, закричал во весь голос, и его срочно пришлось вывести. Даже я, не раз слушавшая до этого декламацию Александра Романовича, была просто потрясена.

В то время Александр Романович сотрудничал в журнале «Вокруг света». В «Следопыте» был тогда редактором Владимир Алексеевич Попов, человек чрезвычайно симпатичный и веселый. Частенько Попов заходил к нам. Однако дружбы с Александром Романовичем не получилось, так как Владимир Алексеевич любил выпить».

В Москве наша семья прожила до декабря 1928 года. За это время отцом были написаны следующие произведения: рассказ «Голова профессора Доуэля», роман «Остров погибших кораблей», «Последний человек из Атлантиды», «Человек-амфибия» и «Борьба в эфире». Все эти рассказы печатались в журналах «Всемирный следопыт», «Мир приключений» и «Вокруг света», а потом выходили сборниками или отдельными книгами.

Отец писал не только под своей фамилией, но и под псевдонимами А. Ром и Арбел, прибегая к этому в том случае, когда в одном номере журнала публиковали сразу несколько его произведений, чего делать не полагалось.

Мама рассказывала мне, что когда отец обдумывал новое произведение, то бывал очень рассеян. Даже знакомые иногда обижались на него за невнимание, словно он намеренно не замечает их на улице. Мама передала ему замечание, на что он ответил шутливо:

— Скажи им, что я был увлечен собой!

Бывали случаи, когда он, собираясь куда-нибудь с мамой, мог пройти мимо нее и захлопнуть перед ее носом дверь. Что однажды и случилось. Выйдя на площадку, он захлопнул за собою дверь и спокойно двинулся в нужном направлении, забыв о своей спутнице. Пока мама снимала лайковую перчатку, чтобы открыть замок, он ушел уже довольно далеко. Когда же она, запыхавшись, догнала его, он спросил с удивлением:

— Где ты была, детка?

Но вот новое произведение обдуманно. На листке бумаги действующие лица. Отец никогда не запоминал имена своих героев, и ему постоянно приходилось заглядывать в «шпаргалку». Сигналом к началу работы была фраза:

— Ну, пиши, карандаш!

Зачастую отец диктовал маме без черновика, прямо из головы (как он говорил: с мозгов), делая это так, словно перед ним лежал готовый текст. После окончания работы отец проверял рукопись. Мама говорила, что переделок или поправок почти никогда не было. Если не считать тех случаев, когда что-то не устраивало редактора. Отец уверял, что если он станет поправлять, то будет только хуже. Здоровые писатели удивлялись его, если так можно сказать, производительности.

Из всех художников, иллюстрировавших его произведения, он любил Фитингофа, который умел читать произведения. Был высококультурным человеком, благодаря чему хорошо знал стили эпох и никогда не допускал ляпсусов, которые часто случались с другими художниками.

Был у отца такой случай: иллюстрировал художник его роман «Последний человек из Атлантиды». Текст был такой (моя перефразировка). Старая кормилица говорит своей воспитаннице, собирающейся на свидание, чтобы она приколотла к груди розу, а художник изобразил ее с обнаженной грудью. Срочно надо было что-то делать. Либо вычеркнуть из текста розу, либо художнику одеть девушку. Я уже не помню, как вышли из положения.

Сталкивался отец и с такими художниками, которым приходилось долго

разъяснить, что от него требуется, и даже делать самому наброски. При умении рисовать, я думаю, отец вполне мог бы сам иллюстрировать свои произведения. Но он, видимо, берег время для основной работы.

В тридцатые годы в литературе, даже фантастической, основным должен был быть технический прогресс. Все остальное имело второстепенное значение. В связи с этим папин рассказ «Звезда КЭЦ» был настолько сокращен, что, по словам отца, превратился в технический справочник. Отец хотел даже, как автор, отказаться от этого произведения, но позже переработал его, увеличив до романа. Консультантом по техническим и космическим вопросам был Константин Эдуардович Циолковский, которому отец посвятил этот роман.

Мама вспоминала:

«Моими наиболее любимыми произведениями мужа были «Властелин мира», «Голова профессора Доуэля» и «Человек, нашедший свое лицо». Вначале был написан рассказ под названием «Человек, потерявший свое лицо». Потом он был переработан и увеличен до романа. В нем говорилось о киноактере-комике. Из-за своего уродства он не имел успеха у женщин и решил изменить свою внешность с помощью пластической операции. Когда он вернулся красавцем, киностудия не приняла его изменившимся и он лишился работы. Прочитав этот рассказ, редактор воскликнул:

— Ну и нафантазировали вы, Александр Романович!

Рукопись он отложил в «долгий ящик». Но однажды в какой-то газете появилась интересная статья под названием «Ваш нос — наш нос!», в которой говорилось о киноактере, не имевшем успеха у женщин из-за длинного носа и который, так же как Престо, решил сделать пластическую операцию, но киностудия заявила, что, если он это сделает, они расторгнут договор. После этой заметки рассказ был напечатан. Роман «Властелин мира» тоже не сразу был напечатан. Тему его о передаче мыслей на расстояние нашли опасной. Интересно, что в это же время издательство получило еще одну рукопись на ту же тему. Романы были так похожи, что можно было подумать, что кто-то из авторов плагиатор. Но они даже не знали друг друга. И все ж таки напечатан был роман Александра Романовича, а позже он вышел отдельной книгой».

Интересно, что я, буквально на днях (воспоминания написаны в конце 1980-х гг. — Ред.) поймала по радио кусочек передачи. Говорила вдова Булгакова. Она сказала, что ее мужем был написан роман «Властелин Мира», но его обвинили в плагиате, так как подобный роман был в редакции. Но потом выяснилось, что это не мы, а у нас... Правда, имя отца она не назвала, но я-то знаю об этом случае. Это редкость, когда двум людям одновременно приходит в голову одна и та же мысль, но бывает. И совсем не обязательно это плагиат. Тем более что оба автора не были знакомы... Смущает меня только одно. Книга вышла в 1929 году. Отцу было 45. Я не знаю, когда родился Булгаков, но если ему в ту пору было даже всего двадцать, а ему, наверное, было больше, то может ли быть жива его жена? Причем голос у женщины был молодым... А отцу в этом году исполнилось 120! Кстати, ни по радио, ни по телевидению об этом не упомянули...

Мои путешествия, если наши переезды можно так назвать, начались еще во время внутриутробного существования. По логике вещей, я должна была стать москвичкой, но 28 декабря 1928 года мы переехали в Ленинград и поселились на Можайской улице. Вместе с нами стал жить мой дедушка, приехав-

ший в Ленинград из Крыма во время нашего отсутствия. Я так и не знаю, чем отца не устраивала Москва, чего он еще искал.

Итак, я появилась на свет 19 июля 1929 года в Ленинграде. Дедушка и мама родились в Петербурге. И кто бы тогда мог подумать, что, объехав полсвета, в конце своей жизни я стану петербурженкой в третьем поколении?!

Лет до четырех моя сестра не проявляла интереса к маленьким детям и вдруг стала говорить, что хочет иметь братика или сестричку. Когда ей сообщили, что ее желание скоро исполнится, она была очень рада. Но когда они с бабушкой навестили в роддоме маму и она увидела меня, то была очень огорчена. Я ей совсем не понравилась. Кроме того, что у меня, как и у всех новорожденных, была красная рожица, голову мою покрывали черные, как смоль, волосики. С удивительным для пятилетнего ребенка тактом, она сказала маме, что сестра ей нравится. Но, придя домой, расплакалась.

— Она такая... такая... черная! — всхлипывала Люся. — Почему ее назвали Светланой? Это меня надо было так назвать! — У Люси были очень светлые волосы, как у нашей мамы в детстве.

Со временем, когда я стала приобретать более привлекательный вид, ее отношение ко мне изменилось.

Хотя после революции прошло уже более десяти лет, страна все еще не могла оправиться от разрухи, которая была запланирована: «...мы все разрушим, а затем...», рушили быстро и с удовольствием. И как это чаще всего бывает, уничтожали и невозполнимые ценности, которые впоследствии так и не смогли восстановить. «...А потом...» получалось плохо. Плохо было с продуктами, плохо с промышленными товарами. Невозможно было купить приличную мебель. Из-за частых переездов всегда что-то забывалось или просто терялось. А потому обстановка в квартире была весьма убогой. Единственной роскошью был рояль, купленный в Москве. Иногда помогали выйти из положения случайности. В своих воспоминаниях мама с радостью пишет:

«В Ленинграде, по случаю, мы купили чудную старинную мебель: кабинет и столовую. Теперь у Александра Романовича был большой уютный кабинет. В нем стояла шведская конторка, удобное кресло с откидной спинкой, большой плюшевый диван, рояль и полки с книгами и журналами. В столовый гарнитур входили: огромный, с резьбой, буфет, обеденный стол, шесть кожаных стульев с высокими спинками, ломберный и самоварный столики».

Когда мы переехали в Ленинград, отец больше не служил, занимался исключительно литературой. Он продолжал сотрудничать и с московскими издательствами. За восемь месяцев, прожитых в Ленинграде, им был написан роман «Властелин мира», «Подводные земледельцы», «Чудесный глаз» и рассказы из серии «Изобретения профессора Доу-эля», «Гость из книжного шкафа», «Хойти-Тойти» и «Человек, который не спит».

Не успев познакомиться с родным городом, я, в месячном возрасте, вместе с родителями переехала в Киев на улицу Нестеровского, дом 25/17. Поторопись отец с переездом, я стала бы уже не ленинградкой, а киевлянкой. Но, по воле обстоятельств или судьбы, место моего рождения было предопределено.

Уехать из Ленинграда вынудила болезнь отца. Он заболел воспалением легких в тяжелой форме, и врачи рекомендовали ему немедленно сменить гнилой ленинградский климат на более сухой и мягкий. А Киев был выбран по той причине, что там жил друг его детства и юности Николай Павлович

Высоцкий. Он давно уговаривал отца перебраться в теплые края. Климат и на самом деле оказал благотворное влияние на отца, и он очень скоро поправился. Да и вся наша семья словно ожила. Кроме того, жить в Киеве было намного дешевле.

Из маминых воспоминаний:

«Николай Павлович познакомил нас со своими друзьями и знакомыми. И в первую очередь, конечно, со своей женой

Натальей Вениаминовной. Это была очень милая и женственная блондинка с пышными вьющимися волосами. Очень живая и веселая. Рядом с огромным мужем она казалась совсем миниатюрной.

Самыми близкими друзьями у Высоцких были Карчевские: Вячеслав Аполлонович и Мария Николаевна. Муж был инженером, а жена певицей Киевского оперного театра. С этой семьей Александр Романович переписывался впоследствии много лет, а после его смерти — моя мама и я. Была еще одна супружеская пара — композитор Надененко с женой, тоже певицей. И четвертая, совсем молодая пара. О них говорили, что он сделал себя руками, а она ногами. Муж был пианистом, а жена балериной.

Одна из знакомых Николая Павловича очень хотела знать от самого автора о дальнейшей судьбе Ихтиандра, героя романа «Человек-амфибия». Александр Романович придумал, специально для нее, такой конец: Ихтиандр добрался до старого друга профессора Сальватора. Там Ихтиандр встретил такую же девушку. Они поженились, и у них родились дети-амфибии.

Приезд нашей семьи в Киев вызвал большой интерес соседей, если не сказать всей улицы. Особенно тот факт, что у нас, новоприбывших, сразу оказалось много знакомых. Не осталось это без внимания и со стороны органов НКВД. Для выяснения наших личностей в квартире был проведен обыск и опечатаны конторка и буфет. Возмущенный действиями органов, Александр Романович обратился за разъяснениями столь странной проверки. Перед ним извинились, заявив, что была допущена ошибка!»

Возможно, что мы так и не вернулись бы в Ленинград, если бы не возникшие проблемы. Дело в том, что в конце двадцатых и начале тридцатых годов на Украине проходила жесткая украинизация. Во всех учреждениях висели призывы-требования говорить только по-украински. В магазинах продавцы не отвечали на вопросы покупателей, заданные по-русски.

У отца возникли большие сложности с изданием. На русском языке рукописи не принимались. Украинского языка отец не знал, а отдавать свои произведения в перевод было слишком накладно. Правда, отец продолжал сотрудничать с издательствами Москвы и Ленинграда. Но из-за дальности расстояния, пересылки рукописей и переписки с редакторами задерживался гонорар, что отражалось на бюджете. И отец стал подумывать о возвращении в Ленинград.

Один роман отца — «Чудесный глаз» был все ж таки переведен на украинский и выпущен под названием «Чудесне око» издательством «Молодий більшовик» в 1935 году, когда нас уже не было в Киеве. В романе идет речь о дальновидении при помощи аппарата, способного настраиваться на любую точку планеты. Насколько мне известно, такого аппарата еще не существует.

С этим романом получился смешной казус. Через какое-то время его перевели с украинского, как иностранного, на русский язык, почему-то оставив

украинское «око», вследствие чего он стал называться не «Чудесным глазом», а «Чудесным оком». В 1956 году этот роман попал в сборник, изданный «Молодой гвардией», и все с тем же «оком». Историю перевода никто не знал, и, видимо, решили, что так назвать свой роман было угодно автору.

Писал отец только по утрам. Он говорил, что если начнет писать вечером, то не сможет остановиться до следующего утра. Отдыхая после нескольких часов интенсивного труда, он часто садился за рояль. Наши родители старались с малолетства привить своим девочкам любовь к музыке. Если я почему-либо не засыпала, мама клала меня на большой подушке прямо на рояль. Отец играл что-нибудь спокойное и убаюкивал меня мелодичными звуками. Их труды не пропали даром — музыка стала для меня чем-то неотъемлемым, приносящим радость или успокоение даже в тяжелые времена.

В начале 1930 года отец поехал в Москву устраивать ка-кие-то свои литературные дела. Остановился он в Теплом переулке у своей тетушки Ольги Ивановны Ивановой. Я даже не знаю, с какой стороны эта его родня.

В его отсутствие в Киеве началась эпидемия менингита. Заболела Люся. 15 марта ей исполнилось 6 лет, а 19 марта она умерла. Отец приезжал на похороны, после чего вновь возвратился в Москву. И тут у него, как казалось, неожиданно началось обострение спондилита, которым он страдал много лет. Его уложили в гипс... Отняв меня от груди, мама срочно выехала в Москву. Прихватив пишущую машинку, она с тяжелым сердцем покинула дом, оставив, теперь уже единственного ребенка, на попечение родителей.

Мама вспоминает:

«Александр Романович жил в малюсенькой комнатке, где, кроме кровати, тумбочки и стула, ничего не помещалось. Здесь устроилась и я. И опять началась наша совместная работа. Я печатала под его диктовку, ходила по редакциям и ухаживала за ним. Мама часто писала мне, главным образом о Светике, о ее здоровье. От искусственного питания Светик заболела рахитом. Все заботы о ребенке легли на плечи моих родителей. Мама ходила со Светиком по врачам, делала ей солевые ванны, ходила за питанием в детскую кухню. Светик стала называть моих родителей «мама» и «папа». Как-то мама слышала, как за ее спиной какая-то женщина сказала своей знакомой: «Во, старые дураки, ребенка удочерили!» Естественно, мама не пустилась в объяснения.

По субботам я сопровождала тетушку в церковь. Пока она молилась, я бродила по тихим улицам. Потом мы возвращались домой. Иногда я уходила из дому по вечерам, в любую погоду, оставаясь со своим горем. Этот период жизни был для меня самым тяжелым. Сразу навалилось столько бед: смерть дочки, болезнь мужа, потом болезнь Светланы, страх за ее жизнь. Прошли долгие томительные три месяца, пока у Александра Романовича не прошло обострение болезни и он мог вставать, а я вернуться домой.

Светик встретила меня на ножках, она уже научилась ходить. Я присела перед ней на корточки, чтобы лучше ее разглядеть. Она несколько мгновений внимательно смотрела на меня и вдруг ударила по лицу, выпалив при этом:

— Уходи, не хочу!

Она словно вспомнила нанесенную ей обиду. Но скоро забыла все. Светик снова стала звать меня мамой, а бабушку бабушкой».

У меня хорошая память на дальние события. Я помню себя 3 — 4-летним ребенком. Но из Киева мы уехали, когда мне было всего два года, и я помню ком-

нату, в которой жили Высоцкие. Помню расположение мебели. Рояль, на котором стоял Петрович. Это была смешная и странная игрушка: на спиральной пружине было деревянное туловище мужичка. Стоило надавить ему на макушку, как он начинал приплясывать. Придя к Высоцким, я всякий раз требовала, чтобы меня подняли: «Петрович!» И тут же спешила прикоснуться к его голове пальцем.

Когда я родилась, мама завела толстую записную книжку, куда стала записывать все мои исходные данные: вес, рост. Потом первые слова. Смешные словечки. Несмотря на наше вечное кочевье, эта книжонка до сих пор жива. Она лежит передо мной, и если ее открыть, то можно найти бумажный силуэт моей руки или подошвы. Вот совсем маленькая ручка, на которой написано «19 дек. Светику 2 года 5 месяцев». А вот запись, которая меня удивила: «Уже несколько раз Ляля говорит о смерти Люси: «У меня нет сестры. У меня умерла сестра, теперь другая выросла — вот, Ляля!» — это в мамином «переводе». Конечно, в полной мере я не могла осмыслить понятие смерти, но уход сестры, видимо, оставил какой-то след в моем мозгу. В августе, почему-то всего на неделю, меня вывезли на дачу на Ирпень. Я бегала и валялась на траве, радостно сообщая: «Весело Ляле!» Когда описанных событий не помнишь, начинает казаться, что говорят о ком-то другом, незнакомом. Вот еще одна запись. «Увидев впервые на даче корову, Ляля подбежала к дедушке и с волнением спросила: «Деда, это корова?» Получив утвердительный ответ, сказала: «Значит, знаю!»

Вернувшись из Москвы, отец заявил безапелляционно:

— Мы возвращаемся в Ленинград! — после чего, через объявления, стал искать обмен. Не знаю, совпадение это или перст судьбы, но в Киеве мы прожили ровно два года, причем день в день! 14 сентября 1929 года приехали и 14 сентября 1931 года уехали!

Отец, видимо, хорошо себя чувствовал, так как смотреть квартиру поехал сам. То, что мама отпустила его одного, не поехав с ним, было большой ошибкой. Настолько большой, что о ней помнили многие годы. В молодости, будучи присяжным поверенным, отец часто переезжал с квартиры на квартиру. Однако хлопотами по переезду занимался всегда кто-то другой. Его задачей было только определить: нравится — не нравится. Может быть, оттого, что он был на все 100 % творческим человеком, заботиться еще о ком-то, кроме себя, он так и не научился.

Из Ленинграда Александр Романович вернулся очень скоро, заявив, что квартира ему понравилась и он уже подписал документ об обмене. Мама поинтересовалась, будут ли они заказывать контейнеры для перевоза мебели. На что отец ответил, что никакие контейнеры не нужны, так как он договорился, что каждый оставит свою мебель новому жильцу, что избавит всех от лишних хлопот?!

То, что отец мог так поступить, можно еще, хотя и с трудом, как-то понять. Но мне совершенно непонятна позиция других членов семьи. Неужели нельзя было разорвать это соглашение и предотвратить этим потерю антикварной мебели? — иначе, как потерей, это и не назовешь. Об остальном никто еще не знал...

Уезжая из Киева, отец переделал поговорку «Язык до Киева доведет» в поговорку «Язык из Киева выведет»!

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЛЕНИНГРАД

На этот раз мы обменяли три чудесные светлые комнаты на 2 комнаты в Ленинграде, в поселке Щемиловка за Невской заставой. Не знаю, о чем думал отец, когда приезжал смотреть квартиру. Ничего худшего для здоровья невозможно было придумать. Поселок почти вплотную прилегал к пивоваренному заводу «Вена», от которого ветром приносило неприятные запахи. Кроме того, в нескольких местах находились вытяжные канализационные люки завода, мимо которых невозможно было проходить рядом из-за дурного запаха.

Поселок был новостройкой, похожей на десятки других: ровные ряды одинаковых, как близнецы, четырехэтажных домов с полосками огороженных газонов, на которых росли чахлые деревца. Гулять возле дома из-за скверного запаха было невозможно. И, хотя мне шел всего третий год, я хорошо помню наши прогулки с бабушкой в Бабушкин Сад, где стоял на приколе маленький самолетик летчика Бабушкина. Иногда мы ходили на грузовой причал, где пахло смолой и где лежали огромные кучи песка, единственное удовольствие гуляющего здесь ребенка.

После Киева подобный ландшафт, а главное — скверный запах наводили на маму и бабушку смертную тоску. Не проходил и стресс от созерцания убогой мебели, которую с легким сердцем выменял отец. Всего «наследства» я не помню, но почему-то врезалась в память грубая кухонная тумбочка, выкрашенная красно-коричневой краской, и огромная железная кровать зеленого цвета, которая могла бы выдержать тяжесть лошади. Наверное, было и еще что-то. Помню, уже в другой квартире, письменный стол с точеными ножками, два венских кресла, венские стулья. Одним словом, благодаря отцовской бесхозяйственности, мы вновь превратились в беженцев-новоселов.

Дедушка сразу устроился, не помню кем, на пивоваренный завод. Отец тоже где-то служил.

Наша семья занимала 2 комнаты в трехкомнатной квартире. В третьей комнате жили дядя и племянник, у которого оказался туберкулез легких. Узнав об этом, мои родители стали срочно искать обмен. Тем более что перемена климата сразу сказалась на моем здоровье и я стала постоянно болеть.

Так, прожив на Щемиловке всего четыре месяца, мы переехали, обменяв одну из наших комнат на две комнаты в Детском Селе. Во второй комнате остался жить мой дедушка. Я так предполагаю, что из-за его работы. Тогда как бабушка опять поехала с нами.

В Детском Селе мы поселились на улице Жуковского, недалеко от вокзала, в деревянном доме, на втором этаже.

Улица Жуковского была небольшая. Она умещалась между пересечением двух бульваров и железной дорогой. Советский бульвар шел от вокзала в Софию, поднимаясь в гору. Октябрьский бульвар — от улицы Жуковского тянулся до Египетских ворот. Впрочем, оба бульвара существуют и поныне, исчезла только наша улица (вернули старое название Жуковско-Волынская). В квартире, кроме нас, жило еще шесть или семь семейств. И все ж таки здесь было лучше, чем в задымленной Щемиловке. Чистый воздух, много зелени. Бульвары, парки, пруды. Но окончательного благополучия не получилось.

В самом начале тридцатых годов для фантастов и фантастики наступили трудные времена. Фантастика была почти под запретом. Стало считаться, что она чужда социалистической идеологии и даже вредна, особенно подрастаю-

щему поколению, так как уводит от действительности. Так какой-то редактор «от сохи», возвращая отцу рукопись, сказал:

— Нам «фантастические» романы не нужны, это сказки о рыбаке и рыбке!

В виде протеста отцом была написана статья «Фантастика — Золушка литературы». Редакторы предлагали отцу писать о колхозах, но эта тема не интересовала его. Он отговаривался тем, что никогда не жил в деревне и не видел колхоза. К творческим командировкам он относился отрицательно, считая, что за две-три недели невозможно изучить чужую жизнь с ее проблемами. Надо было искать работу. У отца был диплом юриста, и он мог устроиться в одну из адвокатских контор Ленинграда или даже Детского Села. Но вместо этого он завербовался на два года в Апатиты в качестве плановика-экономиста.

Однажды мы вдруг получили посылку: маленький бочонок мурманских сельдей и огромную, проткнутую палочкой, горячего копчения треску. Мама была буквально ошеломлена, так как забота о других, в том числе и о семье, была несвойственна отцу. Хотя он, конечно, и содержал нас. Объяснилось все, когда отец вернулся. Один из завербованных, постоянно посылавший домой рыбные посылки, спросил Александра Романовича, почему он ничего не посылает? Отец был весьма озадачен вопросом. Он и сам не знал «почему». Если я не ошибаюсь, в тридцать втором и тридцать третьем мы сидели на карточках. А потому, поразмыслив над советом, отец решил последовать примеру знакомого, сделав нам шикарный подарок.

Через несколько месяцев отец вернулся. Видимо, этого времени было вполне достаточно для освоения Севера. Когда он возвратился, отношение к фантастике несколько изменилось и он вновь занялся литературой. Сотрудничал в детскосельской газете «Большевистское слово» (впоследствии — газета «Вперед», в настоящее время — «Царкосельская газета». — Ред.), писал рассказы и очерки, одновременно издаваясь и в Ленинграде.

Отец редко ездил в город, чаще по его делам в редакции и Союз писателей ездила мама. Он берег время для работы. Здесь он написал пьесу в стихах «Алхимики, или Камень мудрецов».

Желая узнать мнение о пьесе знающего человека, он отдал ее для прочтения переводчице Анне Васильевне Ганзен. Она одобрила пьесу. Тогда Александр Романович предложил ее ТЮЗу, но ее не взяли, объяснив тем, что их актеры не умеют читать стихи.

* * *

Написав роман «Прыжок в ничто», отец долго не мог придумать для него названия. Обычно он делал это после окончания работы. На этот раз он отнес в редакцию безымянную рукопись. Редактор предложил тому, кто придумает наиболее интересное название, выдать премию. В конце концов, придумал сам автор, но премии не получил...

У нас были две хорошие, светлые комнаты, но отца, видимо, опять что-то не устраивало. Или просто надоело жить на одном месте, и он подал заявление в Союз писателей с просьбой предоставить ему более комфортное жилье.

В начале пятидесятых был запрещен Зоценко. Как мне помнится, он был даже исключен из членов Союза писателей за клевету на социалистический образ жизни. Вспоминая наше житье в коммунальной квартире, я считаю, что в рассказах Зоценко не было даже преувеличения. Поставив на кухне наш кухонный стол, бабушка постаралась создать максимум удобств. Она, по просто-

те душевной, поставила на него большую деревянную солонку, разложила примусные иголки, спички. Повесила полотенце.

Первой, кто заметил некоторые странности, была мама. Она ходила в магазин, и ей стало казаться, что бабушка слишком часто заказывает ей соль, спички и примусные иголки.

— Я же тебе два дня назад принесла все, что ты просила?! — удивилась она.

Через некоторое время все прояснилось. Когда бабушка была одна в кухне, к ней подошла соседка и, оглядываясь, зашептала:

— Ничего не оставляйте на кухне! Вся квартира пользуется вашей солью и всем прочим... Да еще и руки вытирают вашим полотенцем!

Даже коммунальный кот и тот оказался непорядочным — он воровал котлеты прямо со сковороды, стоящей на огне!

Были и постоянные ссоры из-за уборки кухни и лестницы, засорений арбузными корками туалета и прочее... Единственно, что отличало наших соседей от персонажей М. Зощенко, это стилистика языка. Никто не говорил так витиевато и с подковырками.

Меня, как ребенка, все эти взрослые проблемы не волновали. И то, что квартира всегда кишела, как муравейник, и то, что кто-то ругался. А потому воспоминания о Детском Селе остались какие-то очень светлые, радостные. У нас был хороший зеленый двор, куда меня выпускали одну гулять. Мама с самого раннего детства приучала меня к дальним прогулкам, любовь к которым осталась у меня на всю жизнь. Если я уж очень уставала, на обратном пути мама сажала меня к себе на плечи и несла до дома.

Весной, когда появлялись первые подснежники, как мы называли пролески, и если у мамы было время, она брала меня и нескольких девочек из нашего двора и мы шли в Александровский парк за цветами. Все полянки были буквально усыпаны подснежниками, и мы возвращались с большими букетами, пахнущими весной и лесом. Летом мы приносили целые охапки полевых цветов — ромашек, колокольчиков, смолки. Мама любила и зимние букеты. Она всегда засушивала бессмертники, кошачьи лапки и кукушкины слезки. Каждый цветок хорош и своеобразен, но кукушкины слезки всегда казались мне удивительным чудом. Теперь их практически не найти. Собственно говоря, ничего потрясающего в них нет — на тоненьком стебельке без листьев, на расходящихся в стороны травинках висели крохотные коричнево-серебристые сердечки. Никаких лепестков или тычинок, просто сердечки!

Зимой тоже хватало радости. Я рано научилась ходить на лыжах и бегала наравне с подростками. Не боялась я кататься и с большой горы, прямо в пруд, который был в Екатерининском парке. Но Советский бульвар был нашим любимым местом катания на финских санях. Шли, опять же, всем двором. В гору поднимались поодиночке, а потом, соединив сани поездом, катились с криками вниз. Так как по бульвару ходили люди, надо было дать им знать об опасности. Ну, мы все кричали! Потом, чтобы не надрываться, мама купила мне колокольчик, в который я неистово трезвонила.

У взрослых людей свое представление о жизни, у детей свое, и они часто обращают внимание на то, чего не замечают взрослые. Через один двор от нас стоял старый деревянный дом, которого я совершенно не помню. А вот его ворота с фонарями всегда привлекали меня. Состояли они из двух ажурных опор, которые венчали два красивых фонарика, в виде теремков. Лампочки в

них давно не горели и кое-где были разбиты стекла, но мне они казались жилищем неких существ, вроде гномов. Я была уверена, что хозяева возвращаются в них по ночам. И каждый раз, проходя мимо этих ворот, я украдкой поглядывала на фонарики.

Недалеко от нас, на Октябрьском бульваре, жила Настя-дурочка. И хотя она никому не делала ничего плохого, дети ее боялись. Иногда, из шалости, мальчишки вызывали ее на улицу, а когда она выбегала с громкими криками, все бросались врассыпную. Из любопытства я стояла за ближайшим деревом и со страхом выглядывала из-за него, боясь подойти ближе. В руках у Насти всегда была большая кукла, завернутая в одеяло, которую она баюкала. Настя казалась мне взрослой женщиной, тогда как ей, по всей вероятности, не было и двадцати.

А напротив Настиного двора стоял старый деревянный двухэтажный дом, украшенный резьбой. Вагонка, которой был обшит дом, от времени стала почти черной. Говорили, что в этом доме живут воры, а мне они представлялись какими-то разбойниками. И, проходя мимо него, я втягивала голову в плечи, ожидая, что вот-вот кто-то выскочит из ворот и... дальше моя фантазия не шла.

В нашем доме от кори умерла Зоя, маленькая девочка моего возраста. Помню, как из дома вынесли маленький гробик, поставили его на открытый грузовик и соседи некоторое время стояли возле машины. Мне тогда было, по всей вероятности, года четыре, и я никак не могла уразуметь, что такое смерть. Как это — умерла? И вообще, что это такое? Я долго расспрашивала маму, потом, что-то вспомнив, спросила: «Это как дохлая ворона, да?»

Через дорогу, прямо против нашего дома, была небольшая рощица. На самом ее краю лежал огромный гладкий валун, на который непременно залезали все мимо проходящие дети. В том числе и я. Трудно сказать, что нас так привлекало. В центре рощи была искусственная горка, которую венчала беседка с островерхой крышей, крытой дранкой. Когда мы переехали в Ленинград и я оказалась среди домов и голого асфальта, то чуть не со слезами вспоминала Детское Село и рощу, в которой каркали вороны.

Из раннего детства моя память сохранила три особенно ярких впечатления. Первое — Рождественская елка, году в тридцать третьем или тридцать четвертом. В те годы борьбы с религией, а, стало быть, и с религиозными праздниками елка была запрещена. Это уже потом, спустя несколько лет, она стала новогодним праздником. Я же тогда свято верила в доброго Дедушку Мороза, который приносил мне подарки. Елка украшалась в мое отсутствие. Перед вечером меня уводили гулять, и пока мы с бабушкой катались на финских санях, дома спешно украшали елку. И вот в тот памятный вечер, возвратясь с улицы, я увидела за широко распахнутыми дверями второй комнаты чудесную пушистую елку, блестящую от обилия стеклянных шаров и бус. Электричество было выключено, обе комнаты освещались только елочными свечами. Пахло хвоей, яблоками и мандаринами, висевшими на елке. А под елкой сидела большая тряпичная кукла, набитая опилками, с головой из папье-маше. Это было то немногое, на что была тогда способна наша легкая промышленность... Но я, еще не избалованная игрушками, страшно обрадовалась этому монстру. Были и еще какие-то игрушки, но я их не помню. А вот удивительное ощущение какого-то чуда и радости осталось на всю жизнь.

У отца стало много свободного времени, и он все чаще занимался со мной. Мне с ним было очень интересно, так как он всегда придумывал какие-нибудь забавы. Не представляю только, на какие средства мы тогда жили? По всей вероятности, что-то все же печаталось. Так вот, как-то стоим мы с ним перед открытыми окнами и пускаем мыльные пузыри. Он в свое окно, я в свое. Я так была увлечена этим занятием, что не видела, что делает отец. И вдруг гляжу, летит какой-то странный матовый шар. За ним второй, третий. Дети, ловившие под нашими окнами пузыри, тоже заметили это. Какой-то мальчик погнался за одним пузырем и догнал его. Но, когда он коснулся руки мальчика и лопнул, из него вышел дым. Малыш даже вскрикнул от неожиданности и отдернул руку, словно обжегшись. Объяснение оказалось очень простым — вместе с воздухом отец наполнял шары дымом из папиросы, которую курил.

— Третье, необычно яркое воспоминание, казалось бы, совсем незначительное, и, тем не менее, я почему-то часто возвращаюсь к нему мысленно.

По обе стороны нашего жактовского дома стояли частные дома. В одном из них жила наша знакомая семья Кремер, с которой много лет спустя мы встретились в немецком лагере. И вот как-то зимой мама отправилась к ним по какому-то делу и взяла меня с собой. Взрослые занялись разговором, а мы с хозяйской девочкой вышли в сад. Погода стояла морозная и очень солнечная. В саду было несколько старых яблонь. Стояли они в глубоком снегу. Его поверхность была покрыта коркой, которая ослепительно, до рези в глазах, блестела. И вот мы, проваливаясь почти по колено, пошли по целине, оставляя глубокие следы. Что было дальше, я не помню, но эта девственная белизна и нетронутость снежного покрова остались у меня в памяти как нечто очень светлое и радостное. Начав свою сознательную жизнь за городом, я убеждена, что детей надо растить на природе. Никакие скверы не в состоянии заменить сельской свободы и простора.

* * *

В 1935 году отец получил через Союз писателей ордер на две комнаты на Петроградской стороне, в бывшей квартире писателя Житкова, на углу проспекта Карла Либкнехта и Матвеевской улицы, в доме 51/2. В настоящее время проспект Карла Либкнехта называется Большим проспектом, а Матвеевская улицей Ленина. Отец занял маленькую комнату, а мы, три женщины: мама, бабушка и я — большую.

Вскоре после нашего переезда в Ленинград у отца вновь началось обострение спондилита, и он на несколько месяцев опять стал лежачим. Я стала невольной свидетельницей его гипсования. Делали это у нас дома. Приехали врач и медсестра. Стоять без корсета, который он носил постоянно, отец не мог. Поэтому его подвязали под мышки бинтами и подвесили между дверей на крюки от моих качелей. Намочив пропитанные гипсом бинты, врач стал его бинтовать. Как раз в этот момент я появилась на пороге и застыла в ужасе. Эта процедура, похожая на повешение, произвела на меня такое удручающее впечатление, что я со страху бросилась прочь. Мне тогда шел всего седьмой год, я была очень впечатлительна, долго не могла успокоиться. Да и воспоминания до сих пор остались тяжелые. Но отец, привыкший за многие годы к подобным процедурам, не терял оптимизма. Увидев меня, он пошутил по поводу своего «висящего» положения, но меня это не развеселило.

В те годы у нас особенно часто бывали врачи. Но, закованный в гипс от бе-

дер и до затылка, отец оставался оптимистом. Шутил и рассказывал мне смешные истории. Конечно, это было не единственным его занятием. Он еще писал и содержал всю нашу семью. Только при сильных болях природный юмор изменял ему. Но стоило болям утихнуть, как он сразу принимался за работу и становился самим собой.

Неподвижность отца пугала меня. В этом было что-то неестественное. Я на какое-то время отдалилась от отца. Почти не заходила к нему, не усаживалась, как раньше, рядом с ним, чтобы услышать очередную историю. Несмотря на мою эмоциональность, отец почему-то не вызывал у меня жалости. Может быть, оттого, что он не стонал и не жаловался? Постепенно я привыкла к его лежачему положению и вновь стала по вечерам заходить к нему.

В Ленинграде меня уже не пускали одну гулять. Мама почти постоянно находилась при отце, и гуляли мы с бабушкой. Почему-то осталась в памяти одна весенняя прогулка. Гуляя, мы дошли до дома политкаторжан. Небо было ясное-ясное. Солнечно и сухо, а я в галошах. Я была болезненным ребенком, надо мной буквально тряслись. Наконец бабушка смилостивилась и разрешила снять галоши. Стало так легко, что захотелось поскакать вприпрыжку. Именно в это время мимо нас проходил странный человек. Тогда я этого, конечно, не понимала. Сделав несколько шагов вперед лицом, он поворачивался на 180 градусов, некоторое время шел задом, потом вновь принимал нормальное положение, и так, пока не скрылся из вида. Мне это показалось очень забавным, и я сразу же принялась его копировать. Он этого уже, конечно, не видел.

Однажды, гуляя возле памятника «Стерегущему», мы увидели женщину, выгуливающую красивого большого петуха, к лапе которого был привязан шнур. Видимо, этот петух был для женщины кусочком природы, которой так не хватает горожанам.

В 1936 году Союз писателей дал отцу путевку в костнотуберкулезный санаторий в Евпаторию. Мама поехала его провожать. До вагона отца везли на «Скорой», а потом несли на носилках.

Думаю, что мама могла бы, хоть на недельку, остаться в Крыму, отдохнуть. Она это вполне заслужила. Но, переночевав, мама на другой же день пустилась в обратный путь.

В то лето вся наша семья, кроме отца, поехала на дачу в Толмачево, что недалеко от Луги. Жили на хуторе. Места там в те времена были глухие. В лесу можно было встретить лису или зайца. И я очень жалела, что отец не видит этих мест. Боже! Сколько лет прошло с тех пор, а перед глазами вижу быструю речку Оредеж. Вода в ней чистая и прозрачная. Хорошо видны мальки, снующие возле дна. По реке медленно плывут бревна, наполняя горячий воздух смоляным запахом. Стоит тишина. Птицы почему-то не поют, только громко жужжат осы, кружась возле своего гнезда-коккона.

Через реку мы перебирались по бревнам, небезопасно, но интересно. Жили мы в пяти километрах от Луги. Там были магазины, но набор продуктов очень скудный, и мама постоянно ездила в город. К концу лета она выглядела так, словно чем-то переболела, причем тяжело.

У хозяев была баня, топившаяся «по-черному», и, когда мама впервые привела меня мыться, я была так напугана низким закопченным потолком и запахом пожарища, что просто сбежала.

В те далекие годы Толмачево было еще довольно глухим и малолюдным

местом и состояло преимущественно из хуторов, расположенных друг от друга на расстоянии нескольких километров. Лужайки благоухали разнообразными цветами, над которыми деловито кружились всевозможные насекомые. Чего только тут не летало и не прыгало. Бабочки, стрекозы, шмели, осы, пчелы, кузнечики. Водились и такие насекомые, которых приходилось опасаться: слепни, осы и шершни. Можно было встретить и змею. А на полянах маняще краснела земляника. Теперь все это кажется какой-то красивой сказкой. Поселок Толмачево давно превратился в шумную дачную местность.

Как правило, все девочки любят возиться с малышами. Нянчить их, катать в коляске, держать на руках. У меня же никогда не возникало подобных желаний. Более того, еще с малолетства я всегда испытывала, особенно к младенцам, непонятную неприязнь. С возрастом это чувство притупилось, но совсем не исчезло. Будучи еще маленькой девочкой, я говорила, что у меня никогда не будет детей. Я бы, наверное, и сейчас не могла объяснить этой странности, не попадись мне под руку книга С. Н. Лазарева «Диагностика кармы». Автор высказывает гипотезу, что желания, намерения и какие-то неугодные богу действия передаются детям по наследству вместе с родительским биополем. Если женщина делает аборт, то последующие дети будут либо умирать, либо сильно болеть. А, кроме того, по воле матери, которая дала «установку» на уничтожение, будут испытывать неприязнь и нелюбовь к детям. Похоже, что Лазарев прав. Моя мать сделала аборт первой беременности. Родившаяся после этого дочь умерла в раннем детстве. Я без конца болела и болею. И детей у меня никогда не было.

Из четырех лет жизни на Петроградской стороне самым ярким воспоминанием была, опять же, елка. В то время она была уже разрешена. Мама задолго до Новогоднего праздника стала интересоваться, какой подарок я хотела бы получить, и посоветовала мне написать Дедушке Морозу письмо. Я тогда еще не училась, но писать мало-мальски умела. С помощью бабушки я изложила все свои пожелания, и она, положив письмо в конверт, написала адрес: Лес, Дедушке Морозу. Потом мы оделись и пошли, чтобы бросить письмо в ящик. На улице было не очень морозно. Светила луна. Тротуары были покрыты тонким слоем снега, на котором четко отпечатались чьи-то большие следы, оставленные валенками. Бабушка сказала: «Видишь, Дед Мороз уже был здесь».

Я поверила, так как через окна были видны зажженные елки.

И опять, уже дома, при виде зажженной елки меня охватила такая трепетная радость, какую я редко испытывала, будучи взрослой. Под елкой лежало несколько свертков. В одном я обнаружила кожаный портфель, о котором мечтала, потом еще что-то и маленькую, очень красивую лошадку. Она была покрыта гладким мехом, с настоящими гривой и хвостом. На спине у нее было кожаное седло со стременами и уздечкой. У кого-то из детей я видела «лошадь-качалку», и мне очень хотелось иметь такую же. Но вместо нее я получила крохотного пони. Он был так красив, что я простила Дедушке Морозу его ошибку.

Вторым ярким впечатлением был первомайский праздник. Мы вышли с мамой на проспект и стали смотреть на демонстрацию. Мимо нас шли веселые, нарядные люди с флагами, транспарантами, воздушными шарами и огромными бумажными цветами на длинных стеблях. За ними шли группы в национальных костюмах. Здесь были украинцы, грузины, туркмены... Это бы-

ло действительно похоже на дружбу народов! Грузовики везли макеты изделий, выпускаемых различными заводами. Из них мне запомнилась огромная, во весь кузов грузовика, блестящая галоша — изделие завода «Треугольник». Также на машинах ехали спортсмены. То это была пирамида, то девушка с раскрытым парашютом, надутым ветром. И музыка, музыка, музыка... Одна колонка поет одну песню, вторая другую, за ней третья, четвертая. И все это сливается хотя и в разноголосый, но праздничный шум.

Жакт организовал катание детей по городу на грузовике. Мне тоже очень хотелось поехать с ними, но меня не пустили. Мама так тяжело переживала смерть старшей дочери, что надо мной буквально тряслись, боясь всяких случайностей.

* * *

В Евпатории отец был дважды. В первый раз из санатория его сопровождала медсестра. Во второй раз он приехал сам. Помню, как мы поехали с мамой его встречать. Взяли извозчика. Около вокзала я осталась сидеть в коляске, а мама пошла встречать отца на перрон. Сажу, жду. Пассажиры выходят, а моих родителей все нет. Наконец увидела маму, а рядом с ней какого-то незнакомого мужчину. Пока они подходили ко мне, я все никак не могла узнать отца, таким он стал полным и румяным.

Поехали домой. Папа с мамой разговаривают, а я все на отца смотрю. Все мне не верится, что это он. Будто чужой и даже чувство какое-то неприятное.

Отец очень любил детей, и они отвечали ему взаимностью. В санатории он познакомился с маленькой девочкой, дочкой одной няни. Она часто навещала «дядю Беляева». Он вырезал для нее бумажных человечков и отвечал на все ее вопросы. Однажды она спросила: «Дядя Беляев, Чарля Чарля, какая она?» В те годы демонстрировались фильмы с участием Чарли Чаплина. О нем много говорили, но девочка, не выдавшая их, по всей вероятности, решила, что это какая-то птица вроде цапли.

Как-то она явилась в палату к отцу со странно оттопыренным платьем. Оказалось, что она нарвала на клумбе для дяди Беляева букет и спрятала его под подолом платья.

В палатах не было звонков, и больным долго приходилось звать, пока не придет няня. Отец не мог громко кричать, и когда он приехал во второй раз, мама купила ему окарину — небольшой фарфоровый инструмент итальянского происхождения. По виду он напоминал наши глиняные свистульки, а по голосу флейту. Когда ему нужна была няня, он играл на окарине, исполняя для этого старинную песенку со словами: «давно моя лодка готова»...

Домой отец вернулся на своих ногах, но чтобы не перегружать спину, вынужден был днем ложиться отдыхать.

Не помню, в каком году, но из-за болезни отца мы не поехали на дачу и бабушка почти ежедневно возила меня в парк Лесотехнического института или в Ботанический, благо он был не очень далеко от нашего дома.

Не знаю, был ли отец оптимистом, или за долгие годы он уже привык к своей болезни, но даже после того, как его тело сковал гипс, распорядок его дня не изменился и он продолжал работать. Как всегда, по утрам он диктовал маме или писал. Разница была только в том, что он писал, не сидя за столом, а лежа, поставив себе на грудь фанерную дощечку. Рядом с его постелью стоял небольшой японский столик с яркими цветами на черной столешнице. Одна-

ко он не вмещал всего необходимого для работы, и кровать отца была обложена всякими словарями, журналами и газетами. У отца были огромные редакторские ножницы, которыми он делал вырезки интересовавших его статей и заметок. Даже лишенный возможности двигаться, он вел интенсивную творческую жизнь.

Папа любил всяческие технические новинки. В те годы впервые появились авторучки, или, как их тогда называли, «вечное перо». Папа немедленно приобрел такую авторучку, но для лежачего писания она не годилась. Стоило только перевернуть ручку пером вверх, как все чернила переливались в нижнюю часть резервуара и она не писала...

Приблизительно в то же время был куплен четырехламповый приемник последнего образца. Что выпускали тогда за границей, мы не знали. Так как отец лежал в гипсе и поворачиваться на бок не мог, приемник стоял на письменном столе, придвинутый вплотную к спинке кровати. Чтобы пользоваться им, отцу приходилось закидывать руку за голову и наугад вращать тумблер. Приемник был для него большой радостью, как связь с внешним миром. Но, хотя папа и любил музыку, я не помню, чтобы он слушал какие-то концерты. В основном из его комнаты раздавались не очень приятные для слуха звуки: свист, разряды и глушитель зарубежных станций — мы не должны были знать, что делается там, за «бугром». Маме это порядком действовало на нервы, и она часто говорила недовольным тоном:

— Опять наш папа рыскает по эфиру!

С Петроградской стороны, кроме Толмачева, мы ездили на дачу в Стрельну, где жили у бабушкиного двоюродного брата. Это был тридцать седьмой год. Мне исполнилось восемь лет, и я должна была пойти в первый класс. А отец опять получил путевку в Евпаторию, да и мама только наезжала к нам. Жили мы буквально в десяти минутах ходьбы от залива. Перейдешь через дорогу, а там бегом под горку! На заливе народу практически не было. Тишина, вода чистая, прозрачная и совсем теплая. Чтобы купаться, мама уходила далеко от берега, а я шлепалась на мелководе. Бабушка пользовалась заливом по-своему — закатав подол юбки, она принималась стирать белье на большом валуне, лежащем в воде.

Часто болевшая, я интуитивно всего остерегалась. Впрочем, это и понятно, потому что дома вечно говорили о болезнях, лекарствах и диете. То нельзя было, и это нехорошо... Когда тетя Таня — жена бабушкиного брата первый раз принесла нам молоко, я спросила ее, очень удивив своим вопросом — проверял ли ветеринар их корову. Об этой службе я слышала от маминого брата, который был ветеринаром.

Пока мама оставалась в городе, я писала ей письма, состоявшие из одних просьб: «Дорогая мама! Привези мне, пожалуйста, куклу с фарфоровой головкой и гамак. Больше писать нечего. До свидания. Твоя Ляля».

Несколько лет тому назад, после сорокалетнего перерыва, я была в Стрельне. Мне очень хотелось испытать хоть толику того, что я чувствовала в детстве, но увы. Улочка, на которой стоял дом наших родственников, показалась мне очень узкой и неказистой. Но еще более грустным был вид на Финский залив. Теперь к нему вела узкая тропка, пролежавшая между картофельных грядок. Прибрежный песок был грязный, залив почти на все обозримое пространство зарос камышом и какой-то болотной травой. Стало вдвойне грустно

и оттого, что ушло беззаботное детство и все уже совсем не такое, каким оно было когда-то...

Как-то Александр Романович прочел в центральной газете статью о судебном процессе, проходившем в Буэнос-Айресе. Судили профессора Сальватора, который производил экспериментальные операции над индейскими детьми (наверное, с согласия их родителей). Например, делал суставы рук и ног более подвижными. Сальватора осудили на десять лет, обвинив его в том, что он искажает образ, данный богом. Эта заметка натолкнула отца на мысль написать роман «Человек-амфибия». Роман этот наиболее известен читателям, так как переиздавался чаще других произведений.

Часто, по воле редакторов, меняли названия отдельных глав произведения и даже сам текст. Маму это всегда страшно возмущало. Отец относился к произволу более спокойно.

Издавался сборник рассказов под общим названием «Борьба в эфире». Ждали выхода книги. Но вдруг приходит отец домой и спокойно рассказывает о том, что есть решение сжечь сборник как не отвечающий советской идеологии, и добавляет с усмешкой: «Хорошо, что хоть без автора!»

Однако после того как из сборника было изъято несколько страниц, сборник вышел в свет. Но отец успел получить сигнальный номер без сокращения. Экземпляр этого сборника хранится у меня до сих пор. Но я так и не знаю, что было там крамольного.

У нас очень редко бывали какие-то знакомые, но иногда вдруг появлялся кто-то неожиданный. Так пришел однажды давнишний папин знакомый — Васильев, работавший дрессировщиком медведей в труппе Е.А. Дурова. Он рассказал отцу, что живет в одной квартире с увлеченным человеком, неким Томсоном, который очень хочет познакомиться с Александром Романовичем. И вот Томсон пришел. Это был пожилой, очень симпатичный человек. Он принес с собой большую папку с листами ватмана, на которых были зарисованы зори, выполненные акварелью. Часа два мои родители смотрели рисунки. Ни одна заря не была похожа на другую. Томсон рассказал, что по соседству с ними есть дом с башенкой, удобной для зарисовок. Он получил разрешение пользоваться этим помещением. Там у него находились наготове краски, кисти, листы ватмана. Сначала приходилось делать только наброски, так как цвета меняются очень быстро. Дописывал этюды уже потом.

Как-то с женой они отправились в театр, но по дороге к трамваю Томсон увидел необыкновенный закат. Бросив жену, он поспешил к башне, словно за ним гнались. Отец прозвал Томсона «Человеком, влюбленным в зори».

Совсем забыла рассказать о нашей соседке по квартире — бывшей жене писателя Житкова Софье Павловне, которая всей нашей семье потрепала нервы. Она была окулистом и работала в детской поликлинике. Как довольно скоро выяснилось, она страдала всяческими фобиями. Как-то несколько дней подряд она ходила по квартире, заглядывая под шкафы и стулья, бормоча себе под нос: это не вор, это не вор!.. Так как, кроме нашей семьи, в квартире никого не было, выходило, что кто-то из нас что-то у нее украл. Слушать ее возгласы было неприятно, а потому мама спросила, что у нее пропало. Она ответила, что печенье.

— Поищите лучше! — посоветовала мама.

По прошествии нескольких дней Софья Павловна вдруг сообщила, что пе-

ченье нашлось. Не утерпев, мама поинтересовалась:

— И где же вы его нашли?

Ответ был потрясающий:

— Под кроватью!

Весь коридор был заставлен ее сундуками и корзинами. Возвращаясь с работы, она с подозрением осматривала их, словно надеясь найти какие-то следы.

Однажды, проходя мимо ее комнаты, я заметила, что на ее дверях висячий замок с беленькой бумажкой в замочной скважине. Меня это удивило. Мама объяснила мне, что это «контролька». Если кто-то откроет замок, бумажка прорвется и будет известно, что кто-то был в ее комнате.

И вдруг из жакта приносят повестку, обязывающую нас такого-то числа в такое-то время явиться на товарищеский суд. В жакт поступила жалоба от С. П. Житковой на соседей Беляевых. Вначале подумали, что это какая-то ошибка. Какие претензии могли быть к нам у Софьи Павловны? Никаких ссор или выяснения отношений не было. Скорее мы могли на нее пожаловаться. У нас было два входа: парадный и черный. До нашего приезда парадная была закрыта. Мы ее открыли и стали пользоваться. Софья Павловна продолжала ходить через черный ход. Но иногда она выкидывала фортели: дойдя до черного хода, она поворачивала обратно, почти пробегала коридор, залетала в прихожую, на ходу распахивая двери отцовской комнаты, словно надеясь там кого-то застать и уличить. Бросив в комнату взгляд и не увидев никого, кроме отца, молчком отступала и, как фурия, вылетала из парадной двери на площадку. Не помню, чтобы мама или бабушка делали ей по этому поводу замечания, хотя и стоило бы. То, что у нее не все в порядке с психикой, было видно невооруженным глазом. Мы ничего не знали о ее отношениях с бывшим мужем, ни о причине их развода. Видимо, ка-кие-то чувства к нему у нее еще остались. Если не любовь, то обида. А больная психика рождала призраков.

Итак, настал наш судный день! Как я помню, на суд пошли отец с мамой. Это было еще до того, как его положили в гипс. Бабушка, кажется, осталась со мной дома.

Главным обвинением Софьи Павловны было то, что наша семья держит между рамами кухонного окна живых кур! Второе то, что я якобы порезала бритвой ее вечернее платье?! Кто-то спросил: «А где оно у вас висело?», на что Софья Павловна ответила: «В кухне!» По всей вероятности, были и еще какие-то претензии, но, за давностью лет, я уже не могу этого вспомнить. Соседи, собравшиеся на суд, были искренне возмущены нашим поведением и требовали какого-нибудь наказания или взыскания. В нашу защиту выступила только заместитель управдома. Она выразила очень мудрую мысль, сказав, что все они много лет знают Житкову, но никто не жил с ней в одной квартире, а потому не может судить об объективности ее претензий. Не помню, какое решение вынес товарищеский суд. Должны ли мы извиниться перед соседкой, пообещав, что «подобное» не повторится, или вынесли порицание...

Суд продолжался два часа. Сидя там, отец перетерпел. Пришлось вызывать «Скорую», врачи, с помощью катетера, избавили его от болей в мочевом пузыре. Плохо стало и бабушке, подошедшей позже. Одним словом, познакомились!..

Однако жизнь продолжалась. Я была подвижной и резвой, но, тем не ме-

нее, угловатой. Когда шла по комнате, то задевала всю мебель. Мама часто делала мне замечания:

— Что ты за все цепляешься? Я ведь хожу и ни за что не задеваю.

На это я отвечала:

— Значит, тебе хватает места, а мне нет!

Мама не придумала ничего лучше, как отдать меня в балетную школу. Не для того, чтобы я стала балериной, а хотя бы стала лучше владеть своим телом. Находилась эта школа тоже на Петроградской стороне. Принимали, кажется, с семи лет, а мне еще не было, хотя по росту мне можно было дать и больше. И мама соврала, сказав, что мне уже семь.

С малолетства у меня была нетерпимость к любым неточностям. И потому, не думая о том, что из-за этого могут меня не принять, я уточнила, что мне шесть лет и столько-то месяцев. Секретарь только засмеялась и велела ждать очереди на просмотр. С этим смотром я совсем оконфузилась, хотя моей вины тут нет. До этого я никогда не видела балета и не знала, что это такое. А мама, конечно, не представляла, какие мне предстоят испытания.

Захожу в большой зал. Справа, за столом, сидят трое или четверо. Впереди, у окна, рояль, за которым сидела пианистка. Спросили меня имя, а потом одна из преподавателей говорит:

— Представь себе, что ты идешь по лесу и вдруг видишь волка. Как ты от него побежишь?

Ну, я представила и дунула бегом через весь зал, чем очень насмешила всю приемную комиссию.

— Нет, — сказали мне, — в балете так не бегают! Вот, посмотри, как это надо делать, — проговорила преподавательница и позвала девочку в пачке, которую я даже не заметила.

— Покажи, Олечка, девочке... — сказала она и кивнула пианистке.

Заиграла музыка. Олечка встала на носочки и, будто отмахиваясь от назойливых мух или пчел, засеменяла в сторону.

— Ну, как? — поинтересовалась преподавательница после того, как Олечка благополучно «спаслась бегством».

Пожав плечами, я сказала с уверенностью:

— Разве так от волка убежишь?!

На этом мой экзамен закончился, но мне сказали, что если я захочу танцевать, то могу прийти в будущем году.

На этом мама не успокоилась и очень скоро нашла преподавательницу бальных танцев. Но, пожалуй, это было несколько позже. А до этого меня определили в «немецкую группу» к Наталии Ивановне (как говорили, она родилась в Германии). А уж потом почти вся наша группа оказалась в кружке бальных танцев.

Перелистываю альбом со снимками тридцатых годов.

Вот фотография «немецкой группы» во главе с Наталией Ивановной. Кроме Киры Иванова, уже не помню ни одной фамилии. Просто: Таня, Зиги, Гриша, красивая маленькая Танечка, Нина, Кира и я. На другой фотографии — балетная группа в маскарадных костюмах. На мне длинный русский сарафан. На голове платочек, а на шее несколько ниток бус. В руках я держу смешную маску боярыни в кокошнике с распухшей щекой и прищуренным глазом. На другой фотографии — новогодний праздник. Папа придумал мне красивый костюм

эскимоса. У меня была длинная белая рубашка, на груди которой отец нарисовал тушью бегущего оленя. По низу рубахи и краю рукавов была пришита, вместо меха, бумажная бахрама.

А на предыдущем листе альбома группа ребят из нашего двора в Детском Селе, мама и бабушка Взрослые стоят, а мы сидим на ступеньках крыльца. Мама обнимает меня за талию, я же, чем-то недовольная, насупилась. Хотя у бабушки совсем седые волосы, лицо молодое, энергичное. Это тридцать четвертый год. Сколько же ей здесь лет? Пятьдесят восемь. Ну да, конечно, еще не старая...

А вот моя фотография, последняя перед войной. Сороковой год. Мне одиннадцать. На меня смотрит курносая девчонка. На мне новая шерстяная кофточка и платье в мелкую клетку. Но это уже потом. А пока мне семь или восемь лет и живу я на Петроградской стороне.

Дома мама и бабушка часто говорили по-немецки. Я все понимала, но говорить не хотела. Мама спросит меня о чем-нибудь по-немецки, а я ей в ответ по-русски. Почему меня решили учить немецкому языку? Ну, наверное, по традиции. А вообще-то со стороны моей мамы все были сплошь иностранцы. Отец маминой мамы был эстонцем, мать шведкой. А общий язык, на котором они могли изъясняться, немецкий. Так что и вся семья, включая детей, говорила по-немецки.

Отец моей мамы Константин Антонович был наполовину поляком, наполовину русским. Его предки были шляхтичами, выходцами из Польши, и носили фамилию Магнус. Только потом, перебравшись в Россию, стали именоваться Магнушевскими. Дедушка воспитывался в Петершуле, и немецкий язык так проник в него, что он даже думал по-немецки. И аккуратность немецкую ему сумели привить, ведь школа была очень суровая. Было и холодно и голодно. У дедушки от сплошной чечевицы на всю жизнь колит остался. За ошибки били линейкой по ладоням, да еще старались попасть ребром.

Мои дедушка и бабушка разговаривали по-немецки. Правда, семья бабушки Эльвиры Юрьевны переехала из Стокгольма в Финляндию, когда бабушке было всего 6 лет. А через пару лет они перебрались в Петербург и жили в Лесном. Так что по-русски бабушка говорила хорошо, но иногда путала «он» и «она».

А традиция эта очень пригодилась мне потом в жизни. Мама же после оккупации и немецких лагерей возненавидела немецкий язык. Одно время, видимо в шестидесятых, в Ленинграде было очень много немцев. Какие-то специалисты и военные. Приезжали даже с семьями и детьми. У мамы от одного вида немецкой формы лицо перекашивалось. Что касается меня, то какая бы кровь ни текла в моих жилах, я считаю себя русской, потому что это моя Родина и никакой другой, исторической Родины, для меня не существует. Даже если мои предки вышли из Польши, Эстонии и Швеции. Помнится, мой отец говорил, что в моей крови течет еще и голландская кровь! За счет голландской крови отец относил мою тягу к путешествиям. Да, тогда меня манили приключения, а вот на долю выпали мытарства...

* * *

В тридцатые годы страна жила под бодрые звуки маршей и патриотических песен Дунаевского и Лебедева-Кумача. В этом не было ничего плохого. Песни действительно «...жить помогали». Простые мелодии легко запомина-

лись. Посмотришь новый кинофильм, а назавтра уже и новую песню поешь. Вообще в те годы, да и в сороковые-пятидесятые, несмотря на довольно убогое существование, пели очень много. А Дунаевский был истинным сыном своего отечества, хорошо чувствующавшим дух времени. И мы пели, до конца не понимая, в какое страшное время мы живем. Ни о каких лагерях многие не знали и не слышали...

Из-за наших частых переездов мы не успевали обрести большого количества знакомых и тем более друзей. Но слухи, как дым, проникающий сквозь щели, как-то до нас доходили. Почти все знали о «черном воронке», обысках и ночных арестах. Никто только не понимал «за что». А ложаешься спать, невольно думали, проснутся ли они на своей кровати?.. Только один раз трагедия прошла совсем рядом, обдав душу холодом. Мою учительницу немецкого языка Наталию Ивановну как иностранку в тридцать седьмом выслали из Ленинграда. На сборы дали 24 часа, и она зашла к нам проститься.

Много лет спустя мы узнали еще об одной трагедии. В начале шестидесятых нас отыскал Кирилл Иванов — мальчик, с которым я училась в немецкой группе. Перед самой войной его отца, чудесного человека и хорошего инженера, арестовали, обвинив во вредительстве. В то время, хотя постоянно и говорили, что наша страна самая лучшая, самая счастливая и законы у нас самые справедливые, почему-то «развелось» очень много вредителей и предателей. Хотя, если все были счастливы, то кто же вредил? Через какое-то время арестовали и мать Киры, а ведь она вообще не работала. А сам он попал с босьяками и беспризорниками в детский дом, где заработал себе на всю жизнь туберкулез легких...

* * *

Перебираешь в своей памяти прошлые события и вдруг вспоминаешь то, что казалось уже давно забытым. Вот всплыло в памяти, что, когда мы жили на Петроградской стороне, у нас собрались писатели, по всей вероятности, фантасты, хотя утверждать этого я не могу. То ли у них было какое-то заседание, то ли конференция. Отец поехать в Союз писателей не мог, но, видимо, он был уже достаточно значимой фигурой, ради которой можно было и самим приехать. Сопровождение проходило в большой комнате, а я сидела у папы в кабинете. Мама, как всегда, была на подхвате. Помогала и бабушка, так как была устроена холодная закуска и, как мне кажется, чай с пирожными.

Несколько ранее, когда отец еще выходил, он присутствовал и даже сидел за председательским столом на конференции, которую посетил Уэллс. У меня даже сохранилась эта фотография, сделанная, правда, с газетной фотографии. Уэллс разговаривал с отцом, естественно, с переводчиком. Отец, как я потом неожиданно узнала, владел французским, и довольно недурно. Видимо, какой-то роман отца был переведен на английский и Уэллс читал его, так как он сказал, что у вас, у русских, фантастика очень оптимистична. Об их фантастике этого не скажешь! Причем западный стиль оказался очень живучим. Вспоминаю, что, когда читала рассказы Брэдбери, становилось не только страшно, но беспокойно и неудобно. Особенно мне запомнился рассказ «Вельд», где дети разрешают зверям из виртуального мира сожрать их родителей!!! А еще я вспомнила семью Капраловых, с которой отец познакомился в Евпатории, где они все лечились. У жены, как и у моего отца, был туберкулез позвоночника, а у мужа — тазобедренного сустава, который не гнулся, и сидеть он мог только

полулежа. Несмотря на свои болезни, люди они были жизнерадостные и активные. У них часто бывали гости, и как-то к ним попала моя мама. Играли в шарады. Участие принимали все, даже бабушка и их небольшая дочка. Переодевались, как в театре. Кажется, там была еще и музыка. Развлекались за полночь и так увлекались, что их нижние соседи начинали им стучать шваброй. Как жаль, что такое радостное общение ушло в прошлое.

Интересным бывают совпадения. Мамин брат Леопольд Константинович, живший тоже в Ленинграде, на Литейном, никогда не говорил, что знаком с Капраловыми. И вот, как-то придя к ним, мама застала там своего брата.

К сожалению, я не могу похвастаться тем, что и у нас были веселые вечера. Навещали нас в основном родственники: дедушка, который теперь жил на одной с нами улице, только через дорогу, дядя с женой, мамин двоюродный брат Петр Данилович. У меня же остались воспоминания о праздниках в Доме писателя на набережной Кутузова. Кроме новогодней елки, отмечали Первое мая. Праздновали с размахом. Были какие-то представления с участием самих детей, встречи с писателями. Хорошо помню Корнея Ивановича Чуковского, который сидел вместе с нами на большом ковре и что-то увлеченно рассказывал. На Новый год в одном из залов была даже деревянная навощенная горка, по которой мы катались на кусках сукна или войлока. Всегда были хорошие интересные подарки. Однажды на Первое мая всем подарили по сачку, в котором лежал мяч и конфеты. Было очень забавно смотреть, как мы расходимся с праздника с разноцветными сачками. А на новогоднем празднике мы могли даже сами выбрать себе подарок по вкусу. И еще нас непременно кормили обедом в красивом зале со сплошь застекленной стеной. Хорошо, когда приятные воспоминания остаются с тобой на всю жизнь! Но ведь и то, что хотелось бы забыть, иной раз является непрошено...

От того, что я много болела и долго сидела дома, меня отдали учиться к частной учительнице, жившей в одной квартире с моим дедушкой. Это было в двух шагах от нашего дома. До сих пор не пойму, почему дедушка жил отдельно от нас, а главное — от бабушки? С Щемилówki мы переехали в Детское Село, а дедушка почему-то остался там. Потом он сменялся на Лесной проспект, а потом на Матвеевскую, где так и дожил свой век. К сожалению, мамы уже нет и спросить об этом некого. А мне, задним числом, вдруг так стало жаль дедушку, у которого была любимая жена, а он жил бобылем. Приехав из Крыма в Москву, где жили тогда мои родители, чтобы помочь дочери в уходе за ребенком, бабушка так и осталась с нами. Но неужели же у нас не хватило бы места для старика?!

Когда мы жили на Петроградской стороне, мама купила мне сначала чижа, а потом белую крысу. Это было тем удивительнее, что мама страшно боялась мышей. Сперва Анютку держали в клетке, потом мама стала ее выпускать и она свободно бегала по комнате. Через некоторое время ей купили мужа. Крысы очень быстро стали ручными.

Несмотря на то что они были сыты, услышав звон посуды, Анютка спешила на обед. Для того чтобы забраться на стол, она карабкалась по моим ногам, по груди и, забравшись на плечо, шлепалась на стол и бежала к хлебнице. Там она норовила выбрать самый большой кусок хлеба и волокла его к краю стола, чтобы сбросить на пол. Задним числом я удивляюсь маме и бабушке. Обе были чисто плотными и аккуратными хозяйками. С самого малолетства я бы-

ла приучена к гигиене и никогда не садилась за стол с немывтыми руками. И вдруг крысы на обеденном столе! Сомневаюсь, что я позволила бы своим детям такие вольности.

Если отец хорошо себя чувствовал, я приходила к нему за новой сказкой. Правда, сказки он мне читал редко, все больше рассказывал какие-то истории. Помню, как-то он прочел мне сказку «Огниво». Прочел и вдруг сказал: «Да нет, все было совсем не так!» И начал рассказывать свою, совершенно необычную и непохожую на другие, сказку. Там солдат Яшка Медная Пряжка подружился в лесу с чертенятами, с Бабой-Ягой, которая по старости разучилась колдовать и все у нее что-то не то получалось. А еще в лесу жил колдун, которого звали Ю-Ю, потому что однажды он хотел научиться читать, но кроме буквы Ю ничего не выучил. Сказка эта получилась очень длинная. Папа рассказывал мне, как Шехерезада, много, много вечеров. Я все хотела вспомнить ее, записать и предложить в Детгиз, но что-то так и не дописала.

Фантазия отца никогда не отдыхала и всегда была в полном действии. Я думаю, что у него получалось все как-то непроизвольно, само собой. Однажды он мне рассказывал о происхождении видов по Дарвину. Рассказывал, рассказывал, а потом вдруг и говорит:

— А хвосты не у всех людей отвалились. Некоторые еще с хвостами остались. Только хвосты почему-то не гнулись, и люди от этого не могли сесть на землю и им приходилось для своего хвоста делать в земле дыру...

Говорил отец с таким убеждением, что я была в полной уверенности, что это продолжение Дарвина, и много лет верила в эту «гипотезу»!

ОБРАТНО В ДЕТСКОЕ СЕЛО!

Впрочем, когда мы сюда возвратились, оно стало уже называться городом Пушкином. Дело в том, что, кроме всяких простуд и ячменей, я стала задыхаться. Вернее, я никак не могла вздохнуть до глубины. Сделали рентген, но в легких ничего не обнаружили. И все же врач, теперь уже из-за меня, посоветовал вновь переменить климат. И вот летом тридцать восьмого мы наконец вернулись. Я была очень рада, словно оказалась на родине. Нам повезло. Путем тройного обмена мы получили пятикомнатную квартиру со всеми удобствами. Правда, комнатки были совсем маленькие — самая большая 12 кв. м, папина 8, моя 9, балконная 8 или 9, и четырехметровая, из которой была сделана библиотека со стеллажами. Третий этаж, балкон. С балкона виден кусочек улицы 1-го Мая. Окна папиной комнаты и библиотеки выходили во двор кинотеатра «Авангард».

Вновь обретя свободу, я бегала до самого вечера, играя с новыми подругами или катаясь на самокате. У нас было столько интересных игр, что, не позови нас родители домой, мы, наверное, бегали бы всю ночь. Я была очень живым ребенком и игры предпочитала подвижные, а мои друзья вечно просили меня что-нибудь рассказать. Со мной много занимались родители, особенно отец, и по развитию я превосходила своих сверстников. Зимой я увлекалась лыжами и финскими санями. А когда было уж чересчур морозно, играла дома. В ту пору в магазинах было уже много игрушек, и мама часто радовала меня подарками. Кстати, при переезде мамы не было. Она уехала в Старую Руссу на грязи. После того как мы были в Толмачеве и она по утрам ходила босиком по росе, у нее начался ревматизм, опухла одна стопа.

Отец переехал в Пушкин уже на своих ногах и даже выходил иногда поси-

дочь во дворе или сквере, который был против нашего дома. Один раз мы были с ним даже в Екатерининском парке, а однажды пошли в игрушечный магазин. Мне очень хотелось иметь игрушечное пианино или рояль, какие я видела у девочек. У отца был хороший музыкальный слух, и он, постучав по клавишам рояля, сказал, что он никуда не годится, и купил мне деревянный ксилофон. Он даже научил меня несколькими мелодиями.

В зимнее время, по вечерам, мама брала финские сани и вдвоем с бабушкой выходила прогуляться. А папа в это время занимался со мной. Иногда мы рисовали или лепили из пластилина, но чаще всего отец мне что-нибудь читал. Делал он это артистически. Я очень любила страшные истории, и он довольно часто обращался к гоголевским «Вечерам на хуторе близ Диканьки».

Когда мы жили в Пушкине, отец купил в комиссионном магазине старую скрипку. Ее отреставрировали, и когда он хорошо себя чувствовал, то играл на ней. Мама умела играть на гитаре. У меня был бубен, кастаньеты и треугольник. Помню, однажды мы устроили небольшой концерт. Это было очень здорово, но, к сожалению, повторения не последовало... Бабушка умела играть на цитре и гармонии, но своего умения ей приложить было не к чему.

Как я уже говорила, знакомых у нас бывало мало. Но зато иногда появлялись какие-то неожиданные посетители. Несколько раз приезжал дрессировщик медведей Васильев, о котором я уже упоминала. Приезжали начинающие писатели, изобретатели, студенты. И хотя отец был практически лежачим, неожиданным гостям никогда не отказывал в приеме. Он удивительно умел находить контакт и тему, интересующую его гостя. Но как-то так поворачивал, что невольно обращались к теме, которая интересовала его самого.

Как-то из пушкинской спецшколы, которая размещалась в помещении бывшей гимназии, где когда-то работал поэт Иннокентий Анненский, пришла группа трудных подростков. Их руководитель предупредил отца заранее, чтобы он убрал с письменного стола все мелкие предметы. Отец не сделал этого, но все осталось на местах. Не знаю, о чем он говорил с детьми, но тишина стояла такая, словно там все уснули. Отец очень любил детей и всегда находил к ним подход. О действенности его убеждений свидетельствовал наглядный пример. Я как-то рассказала отцу, что в нашем дворе есть два хулигана, которые не дают играть девочкам. Стоит нам собраться, как они являются и разгоняют нас. Отец попросил, чтобы я пригласила к нему этих ребят. О чем отец говорил с ними, я не знаю, но ребят словно подменили. И с тех пор мы даже играть стали вместе. Потом один из них, Сергей, стал даже бывать у меня в гостях и вел себя на удивление скромно.

Однажды к отцу пришла группа подростков из пушкинской санаторной школы «Дружба». Старшеклассники решили поставить спектакль по папиному роману «Голова профессора Доуэля» и пришли посоветоваться с отцом. Он очень заинтересовался и просил показать ему несколько отрывков, тут же поправляя их и объясняя, как лучше сыграть тот или иной кусок. На спектакль нас пригласили всей семьей, но пошли мы только вдвоем с мамой. В то время автобусы не ходили, а добраться пешком отец не мог. О мастерстве юных артистов судить я не могла, но спектакль мне очень понравился.

Так как болезни не оставляли меня и я частенько отсиживалась дома с простудой, мне опять наняли учительницу. Только теперь она приходила к нам. Лишение более близкого контакта с детьми и взаимоотношений с ними дали

плохие результаты. В дальнейшем мне было очень трудно входить в коллективы. Я почти всегда ощущала свою обособленность. Была «я» и были «они». И это не потому, что я чувствовала свое превосходство, а просто я не умела приблизиться до конца. И это при том, что я была контактна и общительна.

В Пушкине на праздники у нас тоже никто не собирался, разве что мамин брат приедет или дедушка. Никуда не ходили и мои родители. Отцу еще трудно было долго находиться на ногах, да и сидеть в ортопедическом корсете не легче. Частыми гостями у нас были только двое: молодой ученый Валентин Сергеевич Стеблин, который мог часами говорить с отцом о своей научной работе, и был врач-эндокринолог, с которым нас познакомил мой дедушка. У него на работе один мужчина долго и безрезультатно лечился от какой-то болезни, но, наконец, нашел замечательного доктора, который его вылечил. Так как отец часто болел, дедушка посоветовал ему пригласить Евгения Георгиевича. Александр Романович был очень мнителен, а Евгений Георгиевич стал на него очень хорошо влиять. И вообще он стал лечить всю нашу семью. А потом мы стали хорошими друзьями. Его жена была оперной певицей и часто приглашала маму на свои спектакли. Бывали мы и у них в гостях. Они жили рядом с Пушкинским театром. Евгений Георгиевич был человеком необыкновенной судьбы. Он был испанским графом с фамилией Дель-Торо Кюинеерсте. Хотя он был ровесником отца, выглядел намного моложе — черноволосый и черноглазый. Даже в своем возрасте был очень привлекателен. Его родители были, видимо, очень строги, так как отдали его в учение собственному повару. Строгость для графов, прямо скажем, странная! Обращались с ним так плохо, что он бежал из собственного дома. Куда он шел, он и сам не знал, лишь бы подальше от родного крова. В Испании шла война, и он неожиданно оказался в зоне военных действий. Бросился бежать в обратную сторону, защищая поднятыми руками голову. От смерти это его спасло, но он получил несколько ранений. Правая рука была ранена навывлет. Были еще какие-то ранения, но самое страшное, что две пули остались в его теле. Ту, что застряла в шейных мышцах, ему удалили. А вот вторая осталась навечно возле сердечной сумки, вызывая сердечные приступы с потерей сознания. Оперировать в те времена, когда мы с ним познакомились, никто не решался. До операций были еще десятилетия. Что стало с ним дальше и как он в конце концов попал в Ленинград, я не знаю. Но жизнь его всегда была полна неприятных неожиданностей. Даже в малом. Помню, он как-то у нас обедал. Ели цветную капусту в сухарях, и вдруг Евгений Георгиевич, вскрикнув, выплюнул себе на ладонь какой-то маленький блестящий предмет.

— Что там? — с тревогой спросила мама.

— Да вот тут, оказывается, винтиками кормят... — проговорил он, словно в раздумье, и протянул вперед руку. На его ладони действительно лежал обыкновенный, еще новый винтик.

А еще помню, мы как-то с мамой у них обедали. На обед была тетерка. Я незадолго до этого переболела аппендицитом. Обошлось, правда, без операции. Кстати, меня лечил Евгений Георгиевич. Но я, напуганная болезнью, стала бояться проглотить что-нибудь такое, что могло бы попасть в аппендикс. Видя, что я очень внимательно рассматриваю дичь, Евгений Георгиевич успокоил меня. Он сказал:

— Не беспокойся, вся дробь будет в моей тарелке!

Он не ошибся, кроме него, никто не нашел ни одной дробинки!

Случались и более неприятные истории. Так, однажды вечером по дороге к больному он споткнулся и упал. Дело было где-то на окраине. Видимо, на какой-то момент он потерял сознание. А когда открыл глаза, над ним что-то грохотало. Оказалось, это был трактор! На улице было полутемно, или вовсе темно, так что тракторист его не заметил. На счастье Евгения Георгиевича, трактор ехал очень ровно и не задел его. Была и еще одна история, едва не стоившая Евгению Георгиевичу жизни. Он ехал на такси к больному, и, кажется на Фонтанке, у их машины отвалилось колесо, и они врезались в парапет. После чего Евгению Георгиевичу пришлось оказывать первую помощь шоферу. Сам он не пострадал. После войны, когда мы нашли его, он писал, что его как «иностранца» собираются выслать из Ленинграда. Но он ходит и хлопочет, чтобы его оставили. На родине он не был с детства.

Там, наверное, не осталось никого в живых. Наша переписка с ним оборвалась, и мы ничего не знали о его судьбе. Но когда вернулись в Ленинград, я бродя по Никольскому кладбищу, набрела на его могилу с красивым памятником из черного мрамора. Стало быть, он обманул органы, оставшись до конца жизни в городе, который стал для него родным. Могилы его жены рядом не было, и я ничего не знаю о ее судьбе.

Как-то отца посетил один изобретатель, пришедший со своей женой. Он принес отцу статью о своем изобретении. А изобрел он какие-то необыкновенные патефонные пластинки с нанесенными на них значками различной формы: кружками, квадратиками, треугольниками, точками и тире, которые соответствовали определенным звукам или даже музыкальным фразам. Каким должен был быть проигрыватель для них и какое преимущество было у этих пластинок перед обычными, я уже не помню. Отца очень заинтересовало это изобретение, и он попросил автора оставить ему материал для более тщательного изучения. Александр Романович высказал предположение, что, возможно, он использует эту идею в каком-нибудь производстве. Вдруг присутствовавшая при этом разговоре жена изобретателя сказала:

— Бывают такие! Знакомятся с чужой работой, а потом выдают ее за свою!

Всем стало неловко. Изобретатель даже покраснел от смущения и не нашел слов, чтобы сгладить бестактность своей жены.

Писал отец очень быстро и много. В голове у него, как он сам признавался, всегда было столько идей, что если бы он мог, как герой его рассказа доктор Вагнер, не спать, он бы, наверное, писал и ночью. Творческих мук, по всей вероятности, он не испытывал и к тем, кто вымучивал каждую строчку, относился с сожалением и юмором.

Как-то у нас дома шел ремонт и отец на месяц перебрался в Дом творчества, который находился в Пушкине в бывшем доме Алексея Толстого около Лицейского сада. Помню, отец рассказывал, что однажды, придя вечером в номер, услышал, как за стеной кто-то ходит взад и вперед. Постоит и опять начнет ходить. И будто стонет или тяжело вздыхает. Отец решил, что у соседа болит зуб, и посочувствовал ему, так как и сам нередко страдал от зубной боли. На второй и третий день повторилось то же самое. «Чего он не вырвет этот зуб?» — подумал отец с удивлением. В конце концов отец не выдержал и решил справиться о своем соседе у горничной. Она ответила с почтением в голосе:

— Писатель он. Сочиняет!

Окончив рассказ, отец заметил с мнимым уважением:

— А сочинять-то, оказывается, трудно!

В детстве я не задумывалась над творчеством отца. Ну, пишет и пишет... И только став взрослой, поняла и оценила его труд. Были молодые и здоровые писатели, которые корпели над одной книгой по году. Из своих наблюдений я знала, что больные мужчины гораздо нетерпеливее женщин. Стоит им заболеть ангиной или гриппом, как они чувствуют себя самыми несчастными. А ведь у моего отца был костный туберкулез и он месяцами был прикован к постели и видел перед собой только стены своей комнаты! От одного этого можно было впасть в уныние.

Как-то я смотрела интересный киножурнал об одном научном эксперименте. К сожалению, я не помню ни фамилии врача-экспериментатора, ни названия фильма. Ради эксперимента здоровый, молодой человек уложил себя на месяц в постель. Подумать только, всего на месяц! Сначала он активно работал: проверял и правил свои работы, читал научные труды. Через какое-то время он стал рассеян, не мог сосредоточиться. Быстро уставал. От научных работ перешел к чтению художественной литературы. Потом серьезные книги тоже стали его утомлять и он обратился к детективам, но и они навевали на него скуку. Я смотрела этот фильм и невольно вспоминала отца. Мне было непонятно, как он, лежа месяцами без движения, сохранял внутреннюю энергию, живость мысли, интерес к окружающему миру и, наконец, работоспособность. Писал он ежедневно по несколько часов в день. И только когда умудрялся простыть и схватить насморк, делал себе выходной, заявляя при этом:

— Больной заболел.

И, несмотря на это, я не помню, чтобы у него когда-нибудь было плохое настроение. Лежа в постели, он руководил моими играми, придумывал всякие забавы. Он научил меня вырезать из бумаги красивые салфеточки и смешных человечков и любимых чертиков. А то рисовать со мной сядет. Нарисует кривую линию или крючочек и предлагает мне что-нибудь дорисовать самой.

В те годы иностранным языкам уделяли мало внимания. Ну, учили в школе, но как-то несерьезно. А детям всегда хотелось говорить на каком-то непонятном другом языке. Не прошло это и мимо меня. Кто-то придумал такой язык: делить слова на слоги и после каждого прибавлять «рун» — ярун хорун чурун и т. д. Или впереди слога ставить «нака»: накая накахо накачу... и т. д. Я об этих языках рассказала папе, а он сказал мне, что есть более интересный язык: надо слово разделить пополам и поменять местами начало и окончание. К примеру: комар — марко. Хочу — чухо и т. д. Мне этот язык очень понравился, и я быстро освоила его. Потом научила подруг. Говорили мы очень бойко, но, как ни странно, понимали друг друга плохо... Потом отец научил меня концертному номеру угадывания предметов с завязанными глазами или стоя спиной к зрителям. Он мне рассказал историю этого номера.

Когда отец был еще студентом, он пошел на концерт известного фокусника, который угадывал предметы, предлагаемые зрителями, стоя к ним спиной. Его помощник ходил по рядам и собирал предметы, после чего начинал задавать вопросы «маэстро». Спрашивал быстро, не ожидая ответа. А когда умолкал, фокусник безошибочно называл предмет. Номер имел у зрителей большой успех. Артистам хлопали, кричали бис и вызывали снова. Отца заинтере-

совал этот номер, и он захотел разгадать его. Для этого отцу потребовалось несколько концертов. Внимательно прислушиваясь к задаваемым вопросам, он обратил внимание, что они однотипны и постоянно повторяются. Из этого следовало, что шифр был в самих вопросах. Причем ответить, какой предмет в руках у помощника, артист мог только после последнего вопроса. Тогда отцу пришла мысль, что ключ не в самой фразе, а только в первой букве первого слова каждого предложения. Проверив это, он убедился, что прав. Предметы, которые предлагали зрители, были тоже однотипными: носовой платок, очки, билет, кошелек и т. д., но, в сущности, их было не так уж и много. Поэтому можно было пользоваться одинаковыми вопросами и даже фразами. К примеру, у помощника были в руках очки. В этом случае он задавал, примерно, такие вопросы: Отчего вы молчите? Что вы можете сказать? Как это называется? Итак, что это такое?

Удовлетворив свое любопытство, отец решил подшутить над артистами. Собираясь на следующее представление, он взял с собой маленькую фигурку Наполеона. Когда помощник стал ходить по рядам и собирать вещи, отец протянул ему статуэтку. Необычный предмет смутил артиста, он явно не хотел брать его и сделал вид, что не заметил протягиваемой ему руки. Но отец настойчиво тянул руку и, когда артист прошел мимо, спросил нарочито громко:

— А почему вы у меня не берете? — чем обратил на себя внимание зрителей. Артисту ничего не оставалось, как взять Наполеона и начать задавать вопросы. Делал, он это несколько медленнее, чем обычно, с паузами, так как предмет был нестандартным, да еще имел столько букв! Отцу казалось, что все зрители уже разгадали этот фокус, но ошибся. Даже после того, как помощнику пришлось подсказать «ясновидцу», что это статуэтка, восхищение зала не уменьшилось, а, наоборот, возросло.

Вот этому фокусу и научил меня папа. И когда ко мне приходили подруги, мы демонстрировали им свое мастерство. Даже спустя 30–40 лет этот фокус вызывал удивление и восторг.

Мне очень хотелось, чтобы отец написал если не роман, то хотя бы рассказ о приключениях наших дворовых ребят, в том числе и обо мне. Отец пообещал и даже начал уже фантазировать о том, как мы попали в таинственные пещеры, встретились с какими-то невиданными зверями и так далее и так далее... Думаю, что ему было бы и самому интересно писать об этом, реализуя свои детские несбывшиеся мечты. К сожалению, своего замысла отец так и не успел реализовать, помешала война. Но о ребятах он много думал. Когда мы жили в Пушкине, отец предложил для парка проект плацдарма для военных игр. Там предполагалось вырыть окопы, установить орудия. Ребят, участвующих в военных играх, одеть в военную форму. Выдать им оружие, естественно, не настоящее. Одним словом, нечто вроде современной игры «Зарница», только с постоянным местом боев. Как отнеслись к его проекту в отделе культуры, мне неизвестно. Потом началась война и стало не до игр... Им был также предложен проект «парка чудес», отзыв о котором был написан Любовью Константиновной Циолковской и опубликован в пушкинской газете «Большевицкое слово» в 1939 году.

Сделал как-то отец для маленьких ребят интересное лото. Рисовал сам. В собранном виде это был круг, по которому были нарисованы звери. Половина зверя на одной карточке, половина на другой. Но самое интересное было, по-

жалуй, то, что, когда совмещали половинки разных зверей, они хорошо совпадали, отчего получались сказочные, невиданные звери. Это было даже интереснее, чем собирать по правилам. Например, у кота мог вырасти петушиный хвост. А у крокодила он загибался по-собачьи. Получался и бегемототигр и зеб-розаяц. Отец предложил это лото для издания, но его почему-то не приняли. А через некоторое время появилось подобное лото в продаже, но было оно не таким интересным, так как сказочных зверей не получалось — половинки совпадали только со своей парой. Думаю, что отец мог бы это обжаловать, если, конечно, у него остался подлинник игры.

Меня даже в детстве очень удивляло, что отец так невнимателен к окружающему его миру. Видимо, его ум, помимо его воли, всегда был занят творчеством.

Как-то ко дню рождения мне сшили новое платье. Из сатина. Но в тридцатые годы и это было событием. Материал было трудно достать, выстаивали часами. Я даже помню, что оно было темно-синее с белыми колечками. Наде-ла я его и пошла к отцу. Захожу и спрашиваю:

— Ну, как?

— Что? — не понимает он.

— Посмотри, — выпячиваю я грудь, — видишь?

— Тебя вижу.

— А платье?

— И платье вижу.

— Красивое?

— Красивое.

— Новое, — объясняю я.

— В самом деле? — удивляется отец.

Да что говорить обо мне, если он никогда не замечал, во что одета мама. Иногда она пыталась спросить у него совета, что ей лучше надеть в театр, на что он ей шутливо и неизменно отвечал:

— Во всех ты, душечка, нарядах хороша!

Не помнил он и дней рождения. Как-то и я забыла о мамином дне рожде-ния и ничего не приготовила. Прибегаю к отцу и говорю:

— Папа, а ведь мама сегодня родилась! А у нас нет никакого подарка.

Папа удивился и пришел в замешательство. Спрашивает меня, что будем делать. Я говорю:

— Давай за цветами сходим. — Он тогда уже выходил на улицу. Повела я его в оранжерею. Мама 28 сентября родилась. В это время обычно астры и хри-зантемы цветут. А тут — ничего! Пошли мы с ним в галантерею и купили ка-кие-то дешевые духи или даже одеколон. А вот Евгений Георгиевич приехал из Ленинграда с большим букетом хризантем! Обидно. Конечно, не за то, что цветы привез, а за то, что отец ничего не сумел придумать. Для меня в то вре-мя это было естественным. Я вроде бы ничего и не ждала другого от отца. А те-перь вот думаю. Интересно, когда он до женитьбы ухаживал за женщинами, неужели и тогда не дарил подарков? Не радовал цветами? С мамой они в труд-ное время поженились, и вроде бы так само собой и должно было быть, что у невесты даже букета цветов не было. Хотя, если бы у отца была такая цель — достать цветы, то, наверное, можно было бы. Ну да ладно, это их жизнь. Как прожили, так и прожили...

У отца было много поклонников и много желающих познакомиться с ним. Но не все были бескорыстны. Помню, однажды отец получил письмо от студента какого-то вуза, который писал, что может предложить отцу несколько интересных тем, но за деньги. Отец ответил ему, что у него самого столько тем, что он мог бы сам с кем-то поделиться. Ввиду этого денег не выслал.

Хотя то, о чем я сейчас рассказываю, написано много лет тому назад и, стало быть, зафиксировано в рукописях, я сбилась с хронологии. Но, поскольку это не исторический роман и не официальный документ, надеюсь, что читатели простят меня. Да, собственно говоря, это не так уж и важно.

Итак, мама пишет в своих воспоминаниях, что отец заболел во время финской войны. Я же считаю, что это было в сороковом. Но не буду больше ломать свою голову.

У отца обнаружили камни в мочевом пузыре и положили его в областную больницу на операцию. Обыкновенные люди не могут даже представить себе, что может прийти в голову писателю с буйной фантазией. Операция предполагалась под местным наркозом. Узнав об этом, отец попросил установить над ним зеркала, чтобы он мог наблюдать за операцией.

В больнице он познакомился с мальчиком из детского дома, у которого не было родных. По рассказам отца, мальчик был похож на растрепанного воробья. Звали его Гошей. За то время, что они находились вместе, Гоша очень привязался к отцу и жалел, что придется расставаться. И тут отцу пришла в голову нелепая мысль — усыновить Гошу! Почему нелепая? Да потому что у мамы и так еле хватало душевных и физических сил. Думаю, что у нее хватило бы здравого смысла не делать этого. Но он, не посоветовавшись с ней, сказал о своем решении Гоше. Но сбыться этому было не суждено. Когда во время войны поезда перестали ходить, мы потеряли Гошу. Помню только, что в последнем своем письме он высказывал обиду на отца за то, что тот не выполнил своего обещания. Не сбылись и мои мечты о брате.

Из-за своей болезни отец соблюдал режим дня. Утром мама приносила ему ацидофильную простоквашу, которую делала специально для него. В девять часов отец поднимался. Брился, умывался. В половине десятого завтракал. Если он хорошо себя чувствовал, то приходил к нам в столовую, где ждала его я. Мама и бабушка к этому времени уже позавтракали. Отец ел быстро, обжигаясь горячим кофе. Мама ругала его за это, но бесполезно. Привычка пить горячее появилась у него, когда он служил присяжным поверенным, и ему приходилось успевать поесть во время короткого перерыва. Когда его болезнь обострялась и ему становилось трудно сидеть, мама приносила ему завтрак в постель, где он съедал его, не вставая и даже не садясь. Долгие месяцы лежачей жизни научили его приспособливаться.

В десять часов он принимался за работу: писал очередное произведение или статью для местной газеты. По возвращении в Пушкин он снова стал сотрудничать с газетой «Большевицкое слово». Иногда он печатал сам, но чаще диктовал маме. Работал до часу дня. В час дня у него был второй завтрак. Отец съедал два яйца всмятку или яичницу. Иногда ел протертую овсянку или творог. Ему приходилось быть аккуратным в еде. После второго завтрака отдыхал — спал часа полтора. Потом вновь принимался за работу. Обедали мы в четыре. После обеда он никогда не писал. И все послеобеденное время уходило на письма и чтение газет и журналов. В восемь вечера у нас был чай, после

которого отец занимался со мной. Исключением были только его болезнь или приход гостей.

В тридцать девятом стояло жаркое лето. Я с девочками из нашего двора бегала за мороженым. Съела стаканчик, а потом купила для мамы и бабушки, но они почему-то отказались. Мне пришлось съесть обе их порции. На другой день я проснулась с высокой температурой. У меня началась ангина. А потом, почти без перерыва, заболевание перешло в брюшной тиф. После него у меня вдруг стало болеть и опухать левое колено. Почуввав недоброе, отец решил, что меня надо показать врачу костнотуберкулезного диспансера, который находился в Софии — окраине Пушкина. Он договорился по телефону с главврачом, и на другой день мы: отец, мама и я — отправились туда. Идти пришлось пешком, хотя это и далековато. Но ничего, и я, и отец дошли.

Меня посмотрел врач и посоветовал сделать рентген. После того, как снимок был сделан, заведующая отделением предложила нам пройти по палатам и познакомиться с лечащимися здесь детьми. Папа отправился к мальчикам, а мы с мамой к девочкам. Палата, куда нас привели, была огромная и светлая. Койки стояли в несколько рядов. Думаю, что их было там не менее десяти. Только у одной девочки была нога в гипсе, и она, сидя, что-то вязала. У остальных был туберкулез позвоночника, и они все лежали на спине, без подушек. Так как все были коротко острижены, я сначала приняла их за мальчиков. Пластом лежавшие дети произвели на меня удручающее впечатление, или, вернее, я была испугана и потрясена увиденным. Одна из девочек спросила меня с интересом, не новенькая ли я? Этот вопрос меня испугал. «Нет, нет», — поспешно ответила я и отказалась идти в другие палаты. Мой испуг, который, по всей вероятности, отражался на лице, явно удивил врача. Он никак не мог понять, почему я отказалась идти в другие палаты, и все спрашивал: ну почему? Почему? Как мне было объяснить свое смятение? Наверное, я и сама не могла бы объяснить причину. А дело было в том, что я просто не хотела, не могла видеть детей, прикованных к кровати болезнью. Всю дорогу домой я не могла выйти из шока и несколько раз спрашивала маму, не собирается ли она положить меня в этот диспансер.

На другой день отец позвонил в диспансер и осведомился о результатах рентгена. Врач ответил ему, что снимок ничего не показал. Но так как нога продолжала болеть, он посоветовал меньше бегать. Задача для живого, подвижного ребенка, прямо сказать, непосильная.

Выходя из дома, я обещала, что не буду бегать, но, оказавшись во дворе, сразу забывала о данном обещании. Двор манил играми, которые не кончались до самого вечера. Правда, после обеда мне становилось трудно бегать и колено еще больше отекало. Второй снимок тоже не дал результатов. Приходилось играть в сидячие игры или что-то рассказывать своим друзьям из нашего двора. Мои сверстники мало читали, впрочем, как и я сама, но зато я многое узнавала от отца.

Только третий снимок, сделанный 19 апреля сорок первого, показал, что у меня туберкулез синовиальных ямок левого колена. После этого мне сделали лубки на колено и я слегла... Когда я была уже взрослой, мама рассказала мне, что, когда отец узнал о диагнозе, он плакал. Отец считал, что моя болезнь наследственная, а поэтому чувствовал себя в какой-то мере виноватым.

Я считаю, что больные не должны отказываться от счастья, просто им

нельзя иметь детей. Это, конечно, грустно, но все же лучше, чем чувство вины перед собственным ребенком.

Вернусь немного назад. После того, как отец поговорил с двумя нарушителями, не дававшими играть девочкам, мы с ними подружились. А Сережа вообще оказался равнодушен ко мне, о чем я узнала во время игры в почту. Мне он тоже нравился, но моя врожденная скромность не позволяла мне признаться в своих чувствах, и я все обещала, что отвечу потом. Так он и не узнал, что его симпатия взаимна. Кстати, моя зажатость в дальнейшем превратила меня по отношению к мужчинам в дикарку. Даже когда я влюблялась, я всегда боялась показать свои чувства.

Для меня так и осталось загадкой, какими словами отец мог так повлиять на ребят, что они резко изменили свое отношение к девочкам? Мама говорила, что отец так любил детей, что не замечал каких-то недостатков. Как-то они с мамой встретили небольшого мальчика. Выглядел он очень неопрятно, а главное, у него текли сопли. Но отец, посмотрев на него, вдруг сказал, обращаясь к маме:

— Посмотри, какой славный малыш!

Так вот, как-то всей компанией — человек шесть или семь — мы отправились в Екатерининский парк. Вход был платный, но мы, прокричав что-то вроде «банзай», прорвались через кордон — двух женщин-контролеров. Вдогонку нам донеслось:

— Какие теперь хулиганистые дети!

Конечно, это было нехорошо. Но что бы они сказали о детях двадцать первого века? Прошлой осенью я шла домой, а передо мной шла пожилая женщина. Неожиданно у нее развязался шнурок на обуви, и она наклонилась, чтобы завязать его. Неизвестно откуда взявшийся подросток догнал ее и поддал коленкой под зад! Женщина упала, разбив при этом руку, а маленький стервец побежал, выкрикивая на ходу: «Бабка-Ешка, бабка-Ешка!»

Мне кажется, что я не только зрительно представляю себе нашу прогулку по парку, но и ощущаю запах летней зелени и прудов, слышу веселое щебетание птиц в парке.

Мы прорвались сквозь Красные ворота, в которых тогда пекли булочки и их вкусный запах разносился далеко по округе.

Когда мы вошли в парк, Валентин, брат моей подруги Лиды, предложил бег на приз — кривой пиратский нож, который он вырезал из дерева. Не успела я оглянуться, как мальчишки «вышли на дистанцию». Крикнув: «А как же я?» — бросилась за ними, перегнала и пришла первой, выиграв приз. Кто-то из ребят был этим очень огорчен, а я горда тем, что перегнала мальчишек.

Я почему-то хотела быть мальчиком и летом носила короткие спортивные шаровары из синего сатина и футболку. И стригли меня коротко. Очень любила лазать по деревьям. И когда мы приходили с бабушкой в парк, она давала мне волю. Стоило мне только дотянуться до первого нижнего крепкого сучка, и я была уже наверху. Это, наверное, смешно, но я и в тридцать лет, несмотря на анкилоз колена, забиралась на дерево. Даже сейчас, проходя мимо развесистого дерева, я думаю о том, что на него было бы легко залезть.

Когда мы вернулись из дальних странствий, я не раз бывала в Пушкинских парках, но увы, детской радости уже не было. Вместо нее появилась грусть о невозвратно ушедшем детстве и родном доме.

*Как жаль, что детство не вернется.
Уплыли детские года.
Как раньше, так уж не смеется,
И радость уж совсем не та...*

Бабушка давно страдала сердцем. Должно быть, еще с молодых лет. Не знаю, что именно у нее было, так как в то время любые сердечные болезни называли пороком сердца. Незадолго до войны ее здоровье ухудшилось. Почти ежедневно у нее были сердечные приступы. Всю нашу семью лечил Евгений Георгиевич, но, как мне помнится, кроме валерианы и нитроглицерина во время приступов бабушка ничего не принимала. Неожиданно отец, проявив заботу, предложил, чтобы разгрузить бабушку, брать обеда в диетической столовой, которая была в пяти минутах ходьбы от нашего дома. Купили судки, а меня обязали ходить за обедом. Казалось, даже отец, разбиравшийся в еде, был доволен. Взбунтовалась сама бабушка, которую чем-то не удовлетворяла столовая еда. И вновь занялась своим хозяйством.

Задавшись мыслью чем-то помочь теще, отец предложил нанять прислугу. Так появилась у нас Татьяна — «луковое горе». Она была дочерью мужика, у которого мы всегда покупали дрова. Он привозил их из деревни. Колот и в сарай складывал. Не знаю, сохранились ли в наше время такие темные селяне, какой была Татьяна. Она не знала элементарных вещей. Помню, бабушка сказала ей, чтобы она вымыла плиту, на которой стояли керосинки. У Татьяны даже глаза вылезли из орбит от удивления.

— Плиту мыть? — переспросила она.

— Ну да, — подтвердила бабушка.

— А разве их моют?

— Моют, моют!

Несмотря на молодость — а было ей лет 17–18 — и хорошее здоровье, была она нерасторопна или просто ленива. Не было в ней и застенчивости деревенской жительницы, попавшей в город. Как-то бабушка велела ей перебрать гречу для каши, но она проигнорировала это. Не заметив этого, бабушка сварила кашу. Я тогда еще лежала после тифа, и Таня принесла мне обед в постель. Ем и все плююсь. Спрашиваю бабушку, почему каша такая сорная. Бабушка отвечает, что крупу чистила Таня. Тут и выяснилось, что думает об этом Таня. А думала она, что дома они никогда крупу не чистят.

Брат ее учился в ремесленном училище в Пушкине и почти каждый выходной навещал ее. Сидят они в столовой и о чем-то беседуют. Бабушка говорит ей, что делать надо, а она только отмахивается: да ладно, сделаю — и продолжает болтать. А потом стала еще по вечерам на «гулянку» ходить. Не знаю, познакомилась ли она с кем или одна бродила. Как-то возвращается домой поздно вечером, с большим букетом сирени. Двери ей почему-то отец открыл. Спрашивает ее:

— Подарили?

— Ну да, прямо, сама наломала!

— И где же?

— Да в каком-то саду! — отвечает она, смеясь.

Отец стал ей объяснять, что тут не деревня и у нас не принято рвать сирень в чужом саду. А она только смеется:

— Да ладно вам...

А однажды вообще после двенадцати пришла. Мы довольно рано легли спать, и маму с бабушкой сморил сон, и отец остался за привратника. Когда она вернулась, он сделал ей хорошее внушение, но все равно бабушка решила с ней расстаться. Она сказала, что Татьяна ей не помогает, а мешает. За ней все время надо следить и проверять, так ли она сделала. Ну и опять все вошло в свое русло...

Вспоминается мне одно необычное знакомство. Несмотря на свой почтенный возраст, так я тогда считала, а отцу шел только 54-й год, отец оставался на редкость любознательным и даже любопытным. Не знаю, где он выкопал этого старика, только стал к нам ходить высокий, дородный, лет 70 старик, которого отец прозвал за глаза Ахалай-Махалай. Слова эти отец когда-то слышал из уст фокусника, который произносил их перед тем, как что-нибудь извлечь из волшебного цилиндра.

Так вот, Ахалай-Махалай обладал якобы чудодейственной силой, способной исцелять многие болезни. Сила была в его руках. Он называл это магнетизмом, который можно было проверить на приборчике, который он принес с собой. Приборчик напоминал компас. У него была магнитная стрелка, насаженная на заостренный металлический стержень, в круглую деревянную подставку были вставлены четыре вертикальных палочки. Вот и все. Сила магнетизма определялась быстротой вращения стрелки. Делалось это так: Ахалай-Махалай обхватывал «компас» двумя руками, соединяя их концами пальцев у запястья. У одной руки большой палец находился вверху, у другой внизу. Как только круг замыкался, стрелка начинала вращаться. Когда он менял положение рук, стрелка начинала вращаться в обратном направлении. Причем вертелась так быстро, словно работала от двигателя. Он предложил сначала отцу, потом мне проверить свой магнетизм. У меня стрелка тоже вращалась, но совсем медленно. Так вот, этот старик рассказал, что он вылечил себя от аппендицита. А дело было так. Привезли его в больницу с острым приступом, но операцию отложили до утра. Зная о том, что в его руках таится некая сила, Ахалай-Махалай положил свои руки на живот и продержал их так до утра. Сначала боль была острой, но постепенно стала стихать и, наконец, совсем прекратилась. А утром, когда пришли врачи и осмотрели его, никакого аппендицита не обнаружили. Так и выписали его. Лечил он и других. У отца был застарелый спондилит. Естественно, что надежды на излечение не было никакой. Да и не мог отец верить в такие чудеса. Но испытать действие магнетизма хотел. Метод был очень похож на массаж. Отец ложился на живот, а целитель клал на его спину ладони. Когда он начинал ощущать в пальцах покалывание, медленно спускал руки к ногам. Потом, словно снимая или стягивая со ступней, производил кистями рук стряхивавшее движение, при котором неизменно раздавался звук электрического разряда. И так проделывал это в течение 15 минут несколько раз. Отец уверял, что после сеанса боли в спине значительно уменьшались. Он посоветовал мне попробовать такое лечение. А я, несмотря на свой возраст, относилась к подобному лечению скептически. Мне было даже стыдно за отца, что он говорит об этом серьезно. Тем не менее, я согласилась. Абсолютно не веря даже отцу, я была удивлена, почувствовав от прикосновения рук старика легкое покалывание, как от слабого тока. Когда же он спускал руки, покалывание тоже двигалось вниз. И, так же, как у отца, следовал электрический заряд. И все ж таки от последующих сеансов я отказа-

лась. Потом Ахалай-Махалай перестал ходить и к отцу.

В 1940 году из Одесской киностудии приехал в Ленинград кинорежиссер Ростовцев. Его задачей было привлечение ленинградских писателей к работе в кино. Отец предложил ему свой последний, еще тепленький, роман «Когда погаснет свет». Ростовцеву роман понравился. Было решено, что сценарий они будут писать вместе. Места у нас в квартире было достаточно, и мама предложила Ростовцеву поселиться на время работы над сценарием у нас, чтобы не тратить время на поездки. Началась совместная работа, но Ростовцева все что-то не устраивало. Отец без возражений исправлял, сокращал или что-то добавлял в сценарий. А мама, сидевшая тут же за машинкой, перепечатывала. Когда работа над сценарием закончилась, Ростовцев уехал в Ленинград, чтобы прочесть его. Вернулся он смущенный. То, что получилось после его правки, не понравилось никому, и он спросил отца, не осталось ли у него еще одного экземпляра. Экземпляр нашелся, и уже по нему был написан новый сценарий. Довольный Ростовцев увез его в Одессу. Отец только успел получить аванс, как началась война. Связи больше не было, и на этом все кончилось...

После войны мама написала на Одесскую киностудию, надеясь узнать о судьбе принятого к производству сценария. Но никто не мог ответить ей ничего определенного. Архив не сохранился, не осталось и старых сотрудников. Собственно говоря, это и было ответом — сценарий бесследно исчез...

Когда началась война, мне не было и двенадцати лет. Известие о войне не испугало, ведь я знала о ней только по рассказам мамы и не могла представить себе всех невзгод и лишений, которые предстояло нам пережить. Думаю, что меня не осудят, если я скажу, что для меня и моих сверстников в этой перемене жизни было пока что только что-то новое, а потому интересное. Все мы перешли в какое-то новое измерение. На окнах появились бумажные кресты и черные светомаскировочные шторы. По вечерам в подъездах зажигались синие лампочки. Во дворе штаб ПВО установил дежурство домохозяек, которые должны были подавать сиреной сигналы воздушной тревоги и ее отбой.

По решению горисполкома была организована эвакуация детей в тыл. Я ни разу не расставалась с родителями и, когда узнала об эвакуации, очень испугалась, полагая, что меня могут насильно куда-то отправить одну. Мама меня успокоила, сказав, что не отдаст меня. Да и как можно было отправить меня, полулежачую? Правда, на мое счастье, мама достала костыли и я могла подняться с постели.

Союз писателей предложил отцу эвакуироваться со всей семьей, но мама не решилась и на это. После операции отец, и без того больной человек, совсем ослаб. Бабушка была сердечницей. Ехать при таком положении вещей в неведомые края было страшно.

Всю оставшуюся жизнь мама укоряла себя за этот отказ. Возможно, если бы мы уехали в эвакуацию, удалось бы сохранить отца. А так его смерть как бы лежала на ее совести.

Пока что мы жили еще в своей квартире, но это была уже совсем другая, непохожая на мирную, жизнь.

В кабинете отца висела большая географическая карта Советского Союза. Каждый день после передачи новостей отец поднимался со своего топчана — лежать на мягком он не мог из-за болезни позвоночника, и передвигал на кар-

те флажки, обозначающие линию фронта. С каждым днем он приближался к Ленинграду, забирая его в кольцо. Но отец был оптимистом, он уверял, что немцы до нас не дойдут.

Когда началась война, многие наши соседи уехали к родственникам в Ленинград, считая, что там они будут в безопасности. Кто знает, что с ними стало? Остались ли они в живых?..

Все чаще летали над городом немецкие самолеты, били зенитки. В доме, где мы жили, в наружной стене была большая трещина, и никто не знал, выдержит ли он, если где-то рядом упадет снаряд или бомба. Чтобы не подвергать себя опасности, мама решила перебраться в одну из доверенных ей квартир. Сколько я помню себя, отец редко принимал какие-то решения или решал проблемы. Все это лежало на плечах мамы и бабушки.

И вот мы на новом месте. Это в соседнем корпусе. Окна выходят прямо на нашу квартиру.

У знакомых, где мы поселились, были интересные безделушки, которые мне очень приглянулись. Хотелось все посмотреть и потрогать. Но мама, как в старые мирные времена, говорила мне:

— Только, пожалуйста, ничего не трогай!

Лето в сорок первом стояло удивительно жаркое и сухое. И осень наступила такая же сухая и ясная. Но то, что она «золотая», никого не радовало. Было что-то бесконечно грустное в пустынных дворах, засыпанных желтыми листьями.

Не слышно было детских голосов. Выйдешь во двор, постоишь, прислушиваясь, и кажется тебе, что тишина звенит, пока опять не грохнет где-то выстрел, разрывая тишину.

Как-то утром, когда мы сидели всей семьей за чаем, раздался непонятный гул. Он все нарастал и нарастал, все заполняя собой. Казалось, что воздух вибрирует. Мелко звенели подвески на люстре, дребезжали оконные стекла, качались стены. Со страхом глядели на них, ждали, что они вот-вот обрушатся и погребут нас. Первым опомнился отец. Выскочив из-за стола, он кинулся в переднюю, крикнув нам:

— Скорее ко мне!

Мы поспешили за ним и встали к противоположной стене. Только мама стояла у дверей, ходивших ходуном, и держала дверную ручку, словно была в силах удержать их. Вздрыгнула земля, но разрыва не последовало. Потом наступила мертвая тишина, не нарушаемая никакими звуками. В помещении плавала такая густая пелена пыли и мела, что мы еле различали друг друга. Еще не осознав, что все кончилось, мы ринулись к входной двери. Но, открыв, остановились в нерешительности, так как оказались в еще более густом меловом тумане. Так как ничего не было видно, я решила, что лестница обрушилась, и страшно испугалась, когда мама стала спускаться вниз. В ужасе я схватила ее за рукав и потянула назад. Но мама была мужественной женщиной и, отстранив меня, продолжала спускаться. На ощупь добравшись до уличных дверей, она крикнула нам, что все в порядке. Отсутствовала она недолго, но ожидание было томительным. Вернувшись, она сообщила, что возле дверей нашего дома большая, в несколько метров шириной, воронка, в глубине которой, наполовину зарывшись, лежит огромная бомба. Если бы она взорвалась, от обоих наших домов остались бы одни руины.

Когда в квартире осела пыль, нашим глазам предстала печальная картина. Весь пол был покрыт кусками штукатурки и битого стекла. Люстра лежала на столе среди вдребезги разбитой посуды. А самое главное, в окнах не уцелело ни одного стекла. Остаться в этой квартире было невозможно, и мы переехали в другую, доверенную маме квартиру. Ее окна выходили на улицу, и все стекла остались целыми.

Три дня, начиная с четырнадцатого сентября, мимо наших окон в сторону Ленинграда сплошным потоком двигались войска, танки и прочая техника. Это было отступление... Артиллерия неистовствовала. Трудно было понять, кто и откуда стреляет. Где-то совсем близко, возможно даже в нашем дворе, перекликались пулеметы. К вечеру шестнадцатого сентября наши войска оставили Пушкин...

Семнадцатое сентября осталось в моей памяти на всю жизнь, так как оно делило нашу жизнь на «до» и «после». В этот день обстрел был особенно сильным, и отец стал уговаривать маму пойти в щель, как тогда называли дворовые убежища. Мама пыталась доказать отцу, что щель все равно не спасет. Все же отец настоял на своем. Когда мы открыли дверь убежища, в лицо нам пахло спертым воздухом с примесью керосинового перегара. Почти все убежище пустовало, только в конце его при свете керосиновой лампы какие-то незнакомые люди, устроившись на тюфяках, резались в карты. Было похоже, что они находятся здесь не один день. Мы сели на узкую скамейку, тянущуюся вдоль всего убежища, и замолчали. Томительно тянулись минуты. Снаряды рвались сначала где-то вдаль, потом разрывы стали приближаться. Все сильнее вздрагивала земля. С потолка сыпался струйкой песок. Ближе... еще ближе... И вот уже ахнуло совсем близко, должно быть в нашем дворе. Потом слышался свист и тупой тяжелый удар, после чего наступила тишина. Бездельствие тяготило даже меня. Поднявшись, мама сказала: «Пойду, принесу хоть сухари и воду, а то выскочили, как полоумные, и ничего не взяли!»

В тот момент я не задумывалась над мамиными поступками, и лишь потом, много лет спустя, перебирая все это в памяти, я поняла и оценила ее мужество и спокойствие, которые она проявляла в трудные минуты. Вспоминая об этом, я задаю себе вопрос — неужели она совсем не боялась смерти? Или забота о нас была сильнее страха?

В дверях мама замешкалась. Убежище было г-образной формы, и мы не видели ее. С трудом открыв дверь, мама воскликнула:

— Вот это штука!

Я не выдержала и поскакала на костылях к ней. У самого входа лежал нераззорвавшийся снаряд. Смерть еще раз обошла нас!

Спокойно перешагнув через снаряд, как через бревно, мама направилась к дому. Минут через пятнадцать она вернулась, но не успела сесть, как дверь распахнулась, слышался гортанный грассирующий голос:

— Раус! Раус!

Все поднялись и пошли к выходу. В проеме, широко расставив ноги, стоял немецкий солдат с автоматом наперевес. На нем была пестрая камуфляжная форма, глубокая, до самых бровей, каска, а на груди на цепи висела большая железная бляха с изображением одноглавого орла, держащего в лжах свастику. Немного поодаль стоял второй солдат.

— Шнель, шнель! — торопил он нас, слегка подталкивая дулом автомата,

пока мы перебирались через снаряд. Потом он спросил:

— Зольдатен?

Мама, знавшая немецкий язык, ответила ему, что солдат здесь нет.

— Во зинд ли зольдатен?

Мама еще раз повторила свой ответ.

Заглянув в глубь убежища и убедившись, что там никого нет, солдаты ушли. Сбившись в кучу, мы стояли, не зная, что нам делать.

Оглянувшись, один из солдат крикнул:

— Нах хаузе, геен зи нах хаузе!

Опять начался обстрел, и мы, вместо того чтобы идти домой, отправились в подвал кокоревского дома, где прятались почти все жильцы из нашего двора. Он находился через дорогу, на Московской улице. До революции этот дом принадлежал богатому купцу Кокореву, который болел проказой и вынужден был жить один. Дом был добротный, с огромными зеркальными окнами, с высокими потолками и черными резными дверями, инкрустированными перламутром. За несколько дней до нашего прихода в этот дом угодила авиационная бомба, но, к счастью, не разорвалась, застряв между этажами. И хотя последствия могли быть всякие, все почему-то считали это убежище самым надежным.

До войны в этом доме был какой-то институт или техникум и общежитие. Из всех, кто работал и жил в этом учреждении, осталась одна кладовщица. И хотя в городе были уже немцы, она все еще чувствовала себя ответственной за вверенное ей имущество. Ходила она с ключами на поясе и бдительно смотрела, чтобы никто ничего не трогал. Даже шашки, которые хранились у нее в бывшем красном уголке, она давала под расписку. Видно, было трудно в одночасье стать никем!

Весь подвал был забит людьми. Сидели на чемоданах, узлах и даже прямо на полу. Для нашей семьи не оказалось даже маленького местечка. Но когда мама сказала кладовщице, что отец очень болен, она пустила нас в кладовку, где хранились ватные тьюфяки. Их было так много, что они почти достигали потолка. Там мы и спали всей семьей. Мне это казалось очень интересным, хотя ощущение от близости потолка было не очень приятным. Люди сидели здесь уже не одну неделю, но никому и в голову не приходило разместиться в красном уголке или других служебных помещениях, лечь на казенные матрасы.

В кокоревском доме собралось довольно много ребят из нашего двора, а потому красный уголок, находившийся тут же, в подвале, скоро превратился в детскую комнату. Только нашим мальчишкам не сиделось на месте, и они бегали смотреть, где чего разбомбило. Из очередного похода они вернулись с «оружием» — игрушечными автоматами, после чего в подвале поднялся такой треск, что взрослым пришлось вмешаться и отобрать шумное оружие.

Через несколько дней после нашего прихода в подвал пришел немецкий офицер и спросил, есть ли среди нас кто-нибудь еврейской национальности. Когда несколько человек отозвалось, он сказал, чтобы они были готовы к девяти часам следующего дня. После его ухода в подвале воцарилась тишина. Никто еще не знал, чего можно ждать от оккупантов. Знакомые евреи из нашего двора подходили к моей бабушке и спрашивали, что она об этом думает. Бабушка, как могла, успокаивала их. Скажу несколько слов о бабушке. Она бы-

ла на редкость волевым и рассудительным человеком. Умела, как никто другой, успокоить и, конечно же, помочь делом. Всю жизнь к ней приходили люди за советом, доверяя ей самое сокровенное. Никто не видел ее растерянной, унывающей, раскисшей. Бабушке было шестьдесят пять лет, но никто не давал ей столько. Небольшого роста, сухопарая, смуглолицая, с шапкой густых седых волос, она была сама энергия, сама жизнь. А сколько доброты, сколько ласки было в ее словах! Но что она могла им сказать?

На другой день ровно в девять часов явился тот же офицер, но уже в сопровождении солдата. Евреи были уже наготове. Взяв свои вещи, они безропотно пошли к выходу. Среди них была моя знакомая девочка. Проходя мимо меня, она остановилась и сказала полувопросительно, полуютвердительно:

— Нас куда-то повезут...

Попрощавшись со мной, она побежала догонять родителей.

После их ухода в подвале воцарилась тяжелая тишина. Никто не знал, куда повели евреев, но было в этом что-то настораживающее и путающее. Больше мы их никогда не видели.

В подвале мы не пробыли и недели. Руководствуясь маминым убеждением — чему бывать, того не миновать, мы вернулись домой.

Водопровод не действовал, и маме приходилось ходить за водой на пруд к Московским воротам. Не было ни тележки, ни коромысла. На семью из четырех человек воды надо было много, и мама ходила по нескольку раз на день. Не знаю, было ли это совпадением, но каждый раз, когда кто-то приходил за водой, начинался обстрел и снаряды падали прямо в пруд. Как-то придя за водой, мама увидела на месте, где она только что брала воду, огромную воронку. Это было уже в третий раз, когда мама избежала смерти.

Хотя отец давно не служил в суде, он оставался законником. В те годы осуждалось всякое накопительство, в том числе и запасы продуктов. Как-то придя в кухню, отец увидел, что в открытом оцинкованном ящике, где хранились сухие продукты, полно всяких мешочков с мукой, крупой и макаронами, отец выразил свое неудовольствие, сказав что-то вроде: чтобы я больше не видел подобных запасов! Мама не стала ему возражать и продолжала делать небольшие запасы, которые потом на какое-то время отдавали голод. Но, несмотря на жесткую экономию, наши продуктовые запасы подходили к концу. По слухам нам было известно, что в Гатчине есть толкучка, на которой можно обменять вещи на продукты. Кроме мамы, идти было некому, но и оставить нас она не могла.

Во дворе кокоревского дома стояла немецкая кухня, и бабушка решила попытать счастья, предложив свои услуги. Ее взяли. За работу она получала котелок супа и целую кошелку картофельных очисток, из которых пекла лепешки. Все мы ели, а маму от этих лепешек рвало.

При кухне служили два солдата — Вилли и Волли. Думаю, что им не было и по двадцати пяти лет. Небольшого роста, рыжий крепыш Вилли был самодовольным типом, ощущавшим себя победителем, которому все дозволено. Иногда он выходил во двор с большим куском хлеба, намазанным маргарином и джемом. Широко расставив ноги, на глазах у голодных детей, он демонстративно смаковал свой бутерброд. Когда он дежурил на кухне, то неусыпно следил за тем, чтобы женщины чистили картошку не слишком толсто. А когда они собирались домой, копался в их сумках, чтобы убедиться, не утащил ли

кто картошку. Суп наливал скупое, стараясь зачерпывать неполный черпак.

Волли был настоящим арийцем. У него было совершенно белые волосы и голубые глаза. Лицо доброе и даже застенчивое. К женщинам, работавшим на кухне, относился по-человечески. Никогда не придирался, не делал замечаний. Если поблизости не было Вилли, совал женщинам в очистки картошку и торопил уйти.

Хотя полного голода не было, отец слабел с каждым днем. Говорил мало, находясь постоянно в задумчивости. Так как в большинстве своем он был лежачим, то и до войны ел мало, не по-мужски. Но пища была калорийной. Одна тарелка супа и лепешки из шелухи не могли его поддержать.

Как-то у бабушки, по всей вероятности от недоедания, образовался на руке большой нарыв. Где-то в городе работал врач, принимая больных бесплатно. Мама уговорила бабушку пойти к нему, и они ушли. А мы остались с отцом одни. Вдруг я услышала громкий, нетерпеливый стук в дверь. Открыв ее, я увидела солдата с автоматом. Ничего не говоря мне, он прошел в комнату. Увидев отца, стал тыкать в него прикладом, повторяя:

— Раус! Раус!

Я стала объяснять ему, что отец болен и не может встать. Солдат остановился в нерешительности. Тогда я стала ему говорить, что отец известный писатель, и показала на газету, висящую на гвозде. Газета издавалась в оккупированном городе, конечно, не без участия немецкой комендатуры и надзора. И кто-то, стало быть, ее принес нам...

Когда я сказала солдату, что отец пишет в газету — надо же было как-то защитить отца, — солдат спросил фамилию. Я сказала, но фамилия ему ничего не говорила. Думаю, что он не знал и Гёте, а не то что русского писателя! Еще немного постояв, он вышел. Где-то я читала такую версию, будто после нашего отъезда, в поисках папиных рукописей, немцы рылись в нашей квартире.

Наступил декабрь. Снегу в сорок первом было очень много. Чистить его было некому, и все улицы тонули в сугробах. Зато легче стало с водой. Мама уже не ходила на пруд. Мы набирали полные ведра снегу, а потом топили его на плите.

На улицу я почти не выходила, жизнь наблюдала через протаянный в морозном стекле глазок. Через него мне был виден заколоченный «сладкий» ларек, деревья в инее и столб со стрелкой «переход». На большее не хватало обзора. Прохожих было совсем мало. Они шли торопливо, стараясь быстрее скрыться от чужих недобрых глаз.

Однажды, продышав глазок, я прильнула к окну, и сердце у меня сжалось — вместо стрелки «переход», на перекладине висел человек с фанерным листом на груди. Около столба стояла небольшая толпа. Вешая, немцы стоняли для острастки к месту происшествия всех прохожих. Оцепенев от ужаса, я смотрела в окно, не в силах оторвать взгляда от повешенного, и громко стучала зубами. Ни мамы, ни бабушки в этот момент дома не было. Когда вернулась мама, я кинулась к ней, пытаюсь рассказать об увиденном, но только расплакалась. Успокоившись, я рассказала маме о повешенном. Выслушав меня, мама каким-то неестественно спокойным голосом ответила мне, что тоже видела.

— За что его, за что? — спрашивала я, теребя маму за рукав. Полуотвернувшись, мама сказала в сторону:

— На доске написано, что он плохой судья и друг евреев.

Повешенного не снимали почти целую неделю, и он висел, припорошенный снегом, раскачиваясь на сильном ветру. После того как его сняли, несколько дней столб пустовал, потом на нем повесили женщину, назвав ее квартирной воровкой. Нашлись люди, знавшие ее, которые рассказали, что женщина, как и мы, перебралась из разбитого дома в другую квартиру, а к себе ходила за вещами.

Налетов почти не было, но в одно и то же время, два раза в день, нас обстреливали из дальнобойных орудий. Кто-то сказал, что стреляют из Кронштадта. Откуда были такие сведения, не знаю, но так говорили. Когда рвались эти снаряды, дрожала и гудела вся земля. По времени обстрела можно было проверять время. Зная это, ни мама, ни бабушка не трогались с места. Если рассуждать логически, то где была гарантия, что нас не укокошат в другом месте? Однако спокойствие у женщин было завидное! Первый обстрел начинался утром. Помню, мы еще лежали с мамой в постели, когда начался обстрел. Взрывы все приближались. Инстинктивно хотелось куда-то убежать, спрятаться. Хотя бы в подвал или на первый этаж. Я села, готовясь встать, но мама удержала меня: «Лежи, сейчас кончат стрелять», — сказала она с такой уверенностью, что я поверила ей.

Однажды отец, зачем-то выходявший на улицу, привел к нам гостей. Это был профессор Чернов с сыном-подростком. В профессоре мама узнала своего попутчика, с которым часто встречалась в поезде, когда ездила по папиным делам в Ленинград. Оба они, мама и профессор, всегда садились в один вагон. При встрече они здоровались, перебрасываясь незначительными фразами, но друг другу не представлялись. Его сыну было лет 14–15. Он оказался большим поклонником отца. Как познакомился отец с Черновым, я не знаю, так как никаких дел в городе у отца не было. Почему-то мужчины вдруг стали спорить, кто умрет первым. И каждый уверял, что войну не переживет.

Много лет прошло с той тяжелой зимы, но, наверное, никогда не изгладятся из памяти события тех дней. В городе не работала канализация, бездействовал водопровод. Жители нашего двора понемногу куда-то перебрались, и наши два дома совсем опустели. Нижние наши соседи перед отъездом сделали нам шикарный подарок — полбочонка квашеной капусты. Правда, была она кисловатая и не очень вкусная, но мы были рады и этому.

В городе был объявлен комендантский час — после четырех часов вечера выходить на улицу не разрешалось. Нарушителей расстреливали на месте.

Отец стал пухнуть. В конце декабря он совсем слег, а в ночь с 5 на 6 января умер. Перед смертью бредил. Говорил о каких-то нотах и о музыке.

Из маминых воспоминаний:

«Александр Романович стал пухнуть с голода и с трудом передвигался. В конце декабря сорок первого он слег, а 6 января 1942 года скончался. Начались мои хлопоты. В городе у нас было три гробовщика, но все они умерли. В Городской управе зарегистрировали смерть Александра Романовича, там же я получила гроб. Но отвезти умершего на кладбище было не на чем. А Казанское кладбище находилось от нас далеко, за Софией. Во всем городе осталась только одна лошадь, но пользовались ею только немецкие солдаты. Надо было ждать, когда она освободится. Я положила Александра Романовича в гроб, и мы вынесли с мамой его в соседнюю квартиру. Я каждый день навещала его.

Через несколько дней его раздели. Он остался в одном белье. Я обернула его в одеяло, вспомнив его шутливое пожелание. Как-то он сказал: когда я умру, не надо ни пышных похорон, ни поминок. Заверните меня просто в газету. Ведь я литератор и всегда писал для газет.

Почти так и вышло.

Пока я достала от доктора свидетельство о смерти, пока сделали гроб, ждали лошадь, прошло две недели. Приходилось ежедневно ходить в Городскую управу. Как-то прихожу и слышу кто-то говорит: «Профессор Чернов умер». И я подумала, хорошо бы похоронить их рядом. В дверях я столкнулась с женщиной. Мне почему-то показалось, что это жена Чернова. Я не ошиблась. Мы познакомились и договорились, что, как только я достану лошадь, мы вместе отвезем наших покойников и похороним их рядом. Чернова обещала сходить на кладбище и выбрать место. Наконец я получила подводу, и мы поехали на кладбище. Когда мы добрались до Софии, начался артиллерийский обстрел. Снаряды рвались так близко, что нас то и дело обсыпало мерзлой землей и снегом. Комендант кладбища принял наших покойников и положил их в склеп, как он сказал, временно. За места на кладбище мы заплатили в управе. А могильщики брали за работу продуктами или одеждой, которую потом меняли.

Когда мы приехали, никого из них не было. Морозы стояли страшные, умирало много. Не было сил рыть могилы. На кладбище находилось около трехсот покойников. Ими были забиты все склепы. Все были без гробов, кто завернут в рогожу или одеяло. Кто одет, а кто и в одном белье. Лежали друг на друге, как дрова. Мы побеседовали с комендантом кладбища. Он рассказал нам о своей семье. Его жена находилась в психиатрической больнице. А жил он с маленькой дочерью, похожей на цыганочку. Позже я познакомилась и с ней. Отец попросил меня, если есть, принести ей чулочки. Я еще раз побывала на кладбище. Принесла девчурке кое-что из Светланиной одежды и игрушки. Муж все еще не был похоронен. Я рассказала коменданту, что мой муж известный писатель, и очень просила его похоронить мужа не в братской могиле, а рядом с профессором Черновым. Комендант пообещал мне».

Забыла сказать, что все жители Пушкина должны были пройти регистрацию в Городской управе. Моя бабушка была шведкой, поэтому нас занесли в список лиц нерусской национальности, после чего объявили, что мы будем вывезены из Пушкина. Об отъезде заявили за сутки, предупредив, что вещей можно брать столько, сколько человек может унести в руках. Придя домой, мама категорически заявила, что никуда не поедет. Она решила, что лучше умереть, чем покинуть Родину. В случае отказа нам грозил расстрел. И все же мама настаивала на своем. Мама сказала, что больше не может плыть по течению, как она делала это всю жизнь. И тогда бабушка, собрав все свое мужество, сказала ей:

— Ты могла бы так поступить, если бы у тебя не было ребенка, но у тебя дочь, и ради нее ты должна ехать!

Больше бабушка ничего не оказала. Но маму это убедило. Обречь и нас на смерть она не могла...

В моем документе, выданном архивом НКВД г. Барнаула, есть такая строка: «Сведения о добровольном или насильственном выселении в Польшу отсутствуют». Не знаю, как считать, добровольно мы уехали в лагерь или насиль-

ственно?

Ровно через месяц после смерти отца, 6 февраля 1942 года, мы покинули город Пушкин. Отец так и остался лежать в склепе...

Три с половиной года мы кочевали по немецким лагерям. Были в Пруссии, Померании, Австрии, всего в пяти лагерях.

Красная Армия дошла до нас после освобождения Австрии, 5 или 6 мая 1945 г.

Наши сердца и души рвались на Родину, в любимый город Пушкин, но, увы. Без всякого суда и следствия мы были отправлены в ссылку, где пробыли долгих 11 лет, похоронив там бабушку.

Благодаря гонорару за трехтомник отца, изданный в 1956 году издательством «Молодая гвардия», мы смогли вернуться в родные края. Могилы отца мы, конечно, не нашли. От сторожихи кладбища, которая была еще жива, мы узнали, что отец был похоронен в общей могиле...

Директор Казанского кладбища предложил нам для «могилы» любое место. Случайно мы натолкнулись на могилу профессора Чернова и решили поставить памятник рядом с ней.

На белой мраморной стеле написано: «Беляев Александр Романович». Ниже нарисована раскрытая книга, на страницах которой читаем: «писатель-фантаст», и лежит гусиное перо.

Там же, в 1982 году, похоронена мама.

О. Орлов. «А. Р. Беляев» (Биографический очерк)

Фантаст Беляев...

Семнадцать романов, десятки рассказов, бесчисленное количество очерков рассыпал этот человек за пятнадцать лет писательского труда по страницам журналов, альманахов и газет. Миллионы экземпляров книг на многих языках мира — сегодняшний итог беляевского творчества...

Откуда пришел этот человек?

Какую жизнь он прожил?

Он родился в Смоленске в семье священника Романа Петровича Беляева 4 марта[115] 1884 года, «в день Блаженного Василька, князя ростовского, убиенного татарами».

«...Говорят, что новорожденный был столь молчаливого и серьезного нрава, что доктор Бриллиант и повитуха Клюква решили, что будет ребенок, должно быть, нем, а если и нет, то, верно, уж судьбы самой никудышной...»

Через неделю будущий фантаст был крещен и наречен по настоянию матери Александром. На одиннадцатом году жизни он был отдан в Смоленскую духовную семинарию, так как отец прочил ему духовную карьеру. Насколько суров был режим этого заведения, мы можем видеть из распоряжения св. синода от 1896 года, запрещавшего семинаристам чтение в библиотеках газет и журналов и выдачу им книг «без особых письменных разрешений ректора семинарии».

Спасали Сашу Беляева только воскресенья да пасхальные, рождественские и летние каникулы, когда он ускользал из-под надзора духовных отцов.

Смоленску везло на всякие развлечения. Кроме лилипутов, спиритов и шпагоглотателей, здесь перебивали Контский и Гофман, Габрилович и Ауэр,

Падеревский и Сарасате, Зилоти и Рахманинов, Собинов и Каминский, Дальский и Давыдов, Вяльцева и Шаляпин...

Здесь в зале Дворянского собрания Максим Горький, проведенный с черного хода жандармами, опасавшимися демонстрации, читал «Старуху Изергиль» и «Песню о Соколе».

Контрабандой (воспитанникам духовных семинарий разрешалось посещать лишь редкие выступления артистов императорских театров и слушать церковное пение) Беляев видел и слышал их всех. Еще в пятом классе семинарии Беляев решил: или он станет актером-профессионалом, или, окончив семинарию по первому разряду, поступит в какое-нибудь высшее учебное заведение России — какое-нибудь, ибо в университеты семинаристам в те годы вход был закрыт[116].

В летние дни он играет в домашних и любительских спектаклях: граф Любин в тургеневской «Провинциалке», Карандышев в «Бесприданнице», доктор Астров, Любим Торцов...

Саша же давал эскизы костюмов, декораций; пробовал себя в режиссуре; в благотворительных спектаклях играл на скрипке, декламировал.

Перед окончанием семинарии он с той же страстью, которую будет вкладывать всегда и во все в жизни, увлекся фотографией. Прочитав об опытах художника Вирца[117], интересовавшегося тем, что чувствует отрубленная голова казненного человека, Саша вместе с приятелем Колей Высотским делал снимки «головы на блюде», вырезая в больших блюдах дно. Они перепортили несколько блюд, но, наверное, так много лет назад «технически» родилась голова Доуэля.

В июне 1901 года семинария была окончена. Продолжать духовное образование Беляев не хотел. Нужно было искать средства для продолжения учебы, и на зиму 1901/02 года семнадцатилетний Беляев подписывает контракт с театром смоленского Народного дома «с одним бенефисным спектаклем в сезон».

Здесь Беляев сыграл очень много ролей в «Безумных ночах», «Ревизоре», «Трильби», «Лесе», «Нищих духом», «Бешеных деньгах», «Воровке детей» и так далее. Спектакли давались дважды в неделю.

Тюрянинов в «Соколах и воронах» Сумбатова, Разумихин в «Преступлении и наказании», капитан д'Альбоаз в «Двух подростках» Пьера де Курсея, Герман в «Картежнике»...

Много лет спустя в Москве Константин Сергеевич Станиславский скажет ему: «Если вы решитесь посвятить себя искусству, я вижу, что вы сделаете это с большим успехом».

А пока бенефисный спектакль дал лишь половину ожидаемых сборов. На последнем спектакле, как отмечал рецензент местной газеты, «господин Беляев почему-то не нашел нужным загримироваться, по причине чего была видна явная молодость артиста».

Впрочем, в роли капитана д'Альбоаза «г-н Беляев был недурен», а в пьесе «Комета» «г-н Беляев выдавался из среды играющих по тонкому исполнению своей роли...»

В конце февраля спектакли закончились, большинство актеров разъехалось по провинциальным театрам, а Беляев засел за латынь, русскую и общую историю: по этим предметам экзаменовались поступающие в Демидовский

юридический ярославский лицей, существовавший на правах университета.

По окончании в 1906 году лицея Беляев снова в Смоленске. Он занимается юридической практикой. Сначала — как помощник присяжного поверенного, позднее — как присяжный поверенный.

Первое время ему поручают мелкие дела. То дьячок непотребно облаял священника, а консистория вынесла сор из избы на мирской суд, то шайка мелких железнодорожных мошенников неудачно выпотрошила пакгауз.

Но в 1911 году Беляев взялся защищать богатого лесопромышленника Скундина. Купчина распродал чужие леса на круглую сумму в семьдесят пять тысяч рублей и попался. Хотя дело было заведомо проигрышное и Скундин вышел из него весьма помятый прокурором и присяжными заседателями, Беляев получил большой гонорар.

Он не обзавелся ни домишком на Козловской горе (хотя уже был к этому времени женат), ни парой рысаков.

Уже несколько лет он подрабатывает в смоленской газете отчетами о театральных роствах и концертах, подписывая их псевдонимами[118], а деньги откладывает на путешествие за границу.

Теперь у него денег хватит.

В конце марта 1913 года с красным Бэдэкером в кармане Беляев уезжает в Италию.

Венеция, Рим, Неаполь, Флоренция, Генуя...

Сойдя с пригородного поезда на Stazione Pompei, сначала на лошадях, потом пешком Беляев с товарищем, проводником и сынишкой проводника поднимается на Везувий. Уже в ночной темноте он любитесь подковой прибрежных огней на заливе. Это Портичи, Сорренто, Капри... Наконец и цель путешественников — кратер Везувия.

Вот как писал сам Беляев, после того как заглянул в жерло вулкана: «Все было наполнено едким, удушливым паром. Он то стлался по черным, изъеденным влагой и пеплом неровным краям жерла, то белым клубком вылетал вверх, точно из гигантской трубы паровоза. И в этот момент где-то глубоко внизу тьма освещалась, точно далеким заревом пожара.

Молчание нарушалось только глухим шорохом и стуком обламывающихся и падающих в глубину камней. Вот где-то во мраке срывается большой камень, и слышно, как он ударяется о выступы жерла; звуки ударов доносятся все глуше и глуше, пока, наконец, не сливаются с жутким шорохом кратера. По этим удаляющимся звукам угадывалась неизмеримая глубина.

Из жерла тянуло влажным теплом. Я обломал несколько кусков лавы и бросил их далеко от края. Они беззвучно потонули в белом дыму, и, как мы ни напрягали слух, нам не удалось услышать стука их падения... Жутко!»

В 1913 году находилось не так уж много смельчаков, летавших на самолетах «Блерио» и «Фарман» — «этажерках» и «гробах», как называли их тогда.

Однако Беляев в Италии, в Вентимильи, совершает полет на гидроплане.

«Было около 10 часов утра, когда я пришел в гавань.

Гидроаэроплан с ночи стоял на пологой деревянной площадке, спускающейся в воду.

Я рассматривал аппарат, а услужливый итальянец, везде вырастающий как из-под земли около иностранцев с предложением услуг, знакомил меня на ломаном французском языке с доблестями авиатора: „Tres fort. Tres fort

aviateur!“[119]

— Bon jour[120], — раздался около меня чей-то тоненький голосок.

Я оглянулся и увидел тщедушного французика лет тридцати, в маленькой кепи и коротеньком, в обтяжку костюмчике.

Это и был „tres fort aviateur“.

Пять или шесть рабочих зацепили веревкой за одну из лодок гидроплана и стали отвозить аппарат от берега.

Авиатор, стоя распорядившись всеми этими работами, отставил свое кресло, освободив этим место для вращения рычага, пускающего мотор в ход, и не без труда повернул ручку рычага. Мотор стал выбивать дробь, и мы медленно начали продвигаться по бухте. Авиатор, не глядя вперед, спокойно поставил на место свое кресло, удобно уселся и усилил ход мотора.

Гидроплан, вспенивая воду, помчался со скоростью хорошей моторной лодки.

Несколько прыжков, и мы уже совершенно отделились от воды. Последний раз лодки коснулись своим задним краем хребта большой волны. И сразу поднялись над водой на несколько саженей.

Море под нами уходит все ниже. Домики, окружающие залив, кажутся не белыми, а красными, потому что сверху мы видим только их черепичные крыши. Белой ниточкой тянется у берега прибой.

Вот и мыс Martin. Авиатор машет рукой, мы смотрим в том направлении, и перед нами разворачивается, как в панораме, берег Ривьеры. Словно игрушечный, лепится на скалах Монакский замок, дальше ютится ячейка красных точек, это крыши Beaulieu.

Аппарат забирает еще выше, и за мысом Cauferrat в дымке синеет Ницца.

Вероятно, с берега мы сейчас кажемся вместе с своим аппаратом не больше стрекозы.

Позади нас итальянская Вентимилья, впереди французская Ницца, а посреди маленькое княжество Монако...»

Правда, на берег Ривьеры, на Ниццу и Монако он смотрит с меньшей высоты, чем смотрел на Капри с Везувия, но и 75 метров над уровнем моря в 1913 году было не так уж плохо.

Но не только красоты Италии интересовали молодого юриста. В Риме он посещает «злополучный квартал Сан-Лоренцо, населенный беднотой, — царство бесприютных детей», квартал, поставивший Риму самое большое количество преступников.

И когда мы знакомимся с мисс Кингман из «Острова Погибших Кораблей», рассказывающей Гатлингу о заплесневелых узких каналах Венеции и детях, с недетской тоской глядящих на проезжающую гондолу, это рассказывает сам Беляев, часто вспоминая не только Палаццо Дожей и бальдассаровские виллы, но и рахитичных детей и нищету Италии.

Уезжая во Францию, Беляев писал об итальянцах: «Удивительный народ эти итальянцы! Неряшливость они умеют соединять с глубоким пониманием прекрасного, жадность — с добротой, мелкие страстишки — с истинно великим порывом души...»

В Марселе Беляев посещает Chateau d'If — замок Иф.

В камере, где был заключен Мирабо, он тихо снимает шляпу, думая об одиноком страдании. Вот и темница Фариа и камень в перегородке, отделяющей

камеру Эдмона Дантеса... Будь прокляты места, подобные этому!..

...Мыс Антиб, любимый Мопассаном, Тулон, Париж...

Он вернулся, истратив все деньги. Кроме открыток с видами Италии и Франции и сувениров, он привез кое-что более ценное: яркие впечатления и богатый опыт.

Всю дальнейшую жизнь Беляев будет мечтать о новых путешествиях — в Америку, в Африку, в Японию, но их он уже не сможет совершить и туда будут добираться только его герои...

В предвоенные месяцы 1914 года Беляев оставил юриспруденцию. Его снова серьезно интересуют театр и литература.

Как режиссер он участвует в постановке оперы Григорьева «Спящая царевна». Беляев — деятельный член Смоленского симфонического общества, глинкаевского музыкального кружка, Общества любителей изящных искусств.

К этому же времени относятся его поездки в Москву и актерские пробы у К. С. Станиславского.

В московском детском журнале «Проталинка» появляется первое литературное произведение Беляева — пьеса-сказка в четырех действиях «Бабушка Мойра», а сам Беляев еще с марта 1914 года значится в числе сотрудников журнала.

Беляев всерьез подумывает о том, чтобы перебраться в Москву. Ему уже тридцать лет. Нужно как-то окончательно определять свою жизнь.

В Москве — большая литература, театры. Кроме того, Беляев — юрист, а здесь, в Москве, «под занавес» царства Николая II, накануне первой мировой войны, идут шумные уголовные и скандальные политические процессы.

15 июля 1914 года полуголодный гимназист Гаврило Принцип стреляет в эрцгерцога Фердинанда.

Слово «война» на газетных страницах становится все жирнее, а списки убитых и раненых в «Русском инвалиде» — все длиннее.

В это время мы застаем Беляева сотрудником газеты «Смоленский вестник», а годом позже — ее редактором.

В конце 1915 года Беляев внезапно заболевает, и врачи долго (до 1916 года) не могут определить, что с ним. Еще во время давней болезни плевритом в Ярцеве врач, делая Беляеву пункцию, задел иглой восьмой позвонок. Теперь это дало тяжелый рецидив: туберкулез позвоночника.

Рухнуло все сразу. Нет здоровья. Уходит жена. Врачи, друзья, близкие считают, что Беляев обречен. Надежда Васильевна, мать Александра Романовича, оставив дом, увозит сына в Ялту. Почти все время Беляев вынужден проводить в постели, а с 1917 года по 1921-й — в гипсе.

А время тревожное. В Крыму одна власть сменяет другую.

Январь 1918 — Советы; через три месяца — немцы; затем — генерал Сулькевич; конец 1918 года — правительство кадета Соломона Крыма; весной 1919-го — снова Советы; в июне — десант генерала Слащева, открытие батькой Махно Донецкого фронта. И снова белые.

Только в конце 1920 года, после Перекопа, советская власть утверждается в Крыму окончательно.

Об этих днях спустя десять лет Александр Беляев напишет в рассказе «Среди одичавших коней», а сейчас он лежит и думает, думает и читает. Он читает «Жизнь Скаррона».

Что ж, пока он может мыслить, он будет жить, как жила голова Скаррона — умнейшего человека, не имевшего сил отогнать муху, севшую на нос. Голова... О, если бы можно было написать что-нибудь фантастическое... Голова Вирца, голова Скаррона, голова Беляева.

Он очень много читает. Медицина, техника, история — все, что можно выписать на четыре библиотечных абонементов, один свой и три — его знакомых, в числе которых и его будущая жена, друг и помощник на всю нелегкую жизнь, Магнушевская Маргарита Константиновна.

Он совершенствует свой французский язык, принимается за английский и немецкий.

В 1919 году умирает его мать. Беляев лежит в гипсе, с высокой температурой и не может проводить ее на кладбище.

Только в 1921 году Александр Романович делает первые шаги. Его подняли на ноги воля к жизни и любовь девушки, которой он, подобно Доуэлю, предложит в зеркале увидеть его, Беляева, невесту, на которой он, Беляев, женится, если получит согласие.

Согласие получено.

И хотя болезнь не ушла окончательно, сегодня он победил ее, как будет побеждать много раз.

Беляев начинает работать в уголовном розыске. Затем он инспектор в детском доме в семи километрах от Ялты. В 1923 году Беляев уезжает вместе с женой Маргаритой Константиновной Магнушевской в Москву.

В Москве все трудно: и с жильем и с работой.

Первые два года Александр Романович работает в Наркомпочтеле (НКПТ). Как будто бы от писательства очень далеко. Совершеннейшая проза — почтовый конверт. Но Беляев пишет книгу, снабжает ее семьюдесятью иллюстрациями, вкладывая в это дело всю страсть, весь талант, все умение обобщать факты, увлекать. И вот «Современная почта за границей» готова. Пускай тираж ее невелик, но это его первая книга, на синей простой обложке которой стоит: «А. Беляев».

1925 год — счастливый год. В Лялином переулке у Беляевых своя комната. Темная, сырая, но своя, где можно думать, писать.

В 1925 году родилась первая дочь — Людмила. В этом же году «родился» Александр Беляев — фантаст: он обдумал и закончил первый вариант «Головы профессора Доуэля», а только что организованный журнал «Всемирный следопыт» принял и напечатал рассказ. До 1926 года Александр Романович работает юрисконсульт в Наркомпросе, вечерами пишет. О чем? В мире так много чудес, мир полон невероятных, фантастических приключений. У Александра Романовича целая папка интересных вырезок, каждая из которых — готовый сюжет. Вот вырезка из «Фигаро»: «В Париже организовано общество по изучению и эксплуатации (финансовой) Атлантиды»; вот старинная карта доктора Шлимана. Не они ли послужили первым толчком к замыслу «Последнего человека из Атлантиды»?

Вот заметка в «Известиях» о первобытном человеке, обнаруженном в Гималаях. И вскоре появляется рассказ А. Беляева «Белый дикарь».

Из такой же газетной вырезки родился роман, сделавший имя Беляева всемирно известным, — вырезки с заметкой о профессоре Сальваторе, чудо-хирурге.

В мартовском номере «Всемирного следопыта» за 1926 год читатель знакомится с кинорассказом Беляева «Остров Погибших Кораблей». Через год Беляев напишет продолжение, рассказ «Остров Погибших Кораблей», и затем переработает его для издательства «Земля и фабрика», которое он в шутку называл «Труба и могила», в киноповесть. Это уже будет настоящая книга, в превосходной обложке, книга, которую можно преподнести с дарственной надписью жене, перепечатаваемой на машинке его первые произведения.

Новые интересы, новые знакомые. Владимир Дуров, Бернارد Кажинский, Леонтович, гипнотизер Орнальдо.

Дуров и Кажинский проводят опыты с передачей мыслей на расстояние [121], а Беляев, познакомившись с результатами опытов, пишет роман «Властелин мира», где Кажинский превращается в Качинского, а Дуров — в Дугова.

В майском номере этого же года «Всемирный следопыт» помещает интересный рассказ Беляева на тему анабиоза — «Ни жизнь, ни смерть». В рассказе эпизодически появляется профессор Вагнер — главное действующее лицо последующей серии рассказов о профессоре Вагнере. А в номере шестом журнала Александр Романович впервые использует псевдоним «А. Ром».

В 1927 году с участием той же редколлегии «Всемирного следопыта» и его же редактора Владимира Алексеевича Попова, человека очень интересного, разностороннего и энергичного, начинается издание журнала «Вокруг света», точнее сказать — продолжение издания «Вокруг света» Сытина.

Беляев, уже вошедший в состав редколлегии «Всемирного следопыта», начинает работать и в московском «Вокруг света».

Трудно сказать, в каком году Беляев писал больше всего, ибо он писал все время и иногда успевал закончить новый роман, пока редактор читал предыдущий, но самым плодотворным у Александра Романовича был 1928 год. Именно в этом году (под псевдонимом «А. Ром») увидел свет его маленький, но хорошо задуманный и сделанный юмористический рассказ о механических слугах «Сезам, откройся!!!», рассказ «Легко ли быть раком?» под тем же псевдонимом и за подписью «Александр Беляев» большой рассказ «Мертвая голова» — своеобразная робинзонада двадцатого века.

Но самое главное: с первых номеров журнал «Вокруг света» печатает его роман «Человек-амфибия».

И хотя Беляев говорил: «Когда я пишу, я могу все: хочу героя в сумасшедший дом посажу, хочу наследство ему оставлю, но, когда роман написан, герои его меня больше не интересуют», Ихтиандра он не забывал никогда. Он даже рассказывал продолжение «Человека-амфибии» своим друзьям и знакомым. И не потому, что образу Ихтиандра Беляев подарил очень много лирических красок своего таланта. Ихтиандр был тоской человека, навечно скованного гуттаперчевым ортопедическим корсетом, тоской по здоровью, по безграничной физической и духовной свободе. Ихтиандр был не только любимым детищем Сальватора, но и любимым героем самого Беляева.

К концу 1928 года на столике Беляева лежат три книги: два издания «Человека-амфибии» и роман «Борьба в эфире». Но это только начало. Печататься становится легче: Беляев известен.

На вопрос анкеты читателям «Вокруг света»: «Какой роман понравился вам больше всего?» — большинство ответило: «Человек-амфибия».

В декабре 1928 года Александр Романович уезжает с семьей в Ленинград.

Здесь в квартире по соседству с комнатой Бориса Житкова пишется «Продавец воздуха», здесь читаются и правятся корректуры романа «Властелин мира», здесь начинается жизнь профессора Вагнера — серия рассказов, рожденная в спорах с В. А. Поповым: «Творимые легенды и апокрифы», «Человек, который не спит», «Случай с лошадьё», «О блохах», «Амба», «Человек-термо», «Чертова мельница», рассказы, написанные умело, легко и с большим юмором.

В июле 1929 года у Александра Романовича родилась вторая дочь — Светлана[122], а в сентябре Беляевы уезжают в Киев, к теплу и более сухому климату.

Врачи снова приходят в его дом так же часто, как журналисты, ученые и дрессировщики животных. Один из них, Евгений Георгиевич Торро[123], человек с интереснейшей биографией, испанец по происхождению, эндокринолог по профессии, участник трех войн, превосходный собеседник и неутомимый спорщик, еще два года назад дал Беляеву идею «Человека, потерявшего свое лицо».

Однако в Киеве возникают трудности с переводом произведений на украинский язык. Беляев уже писатель-профессионал. Но тиражи книг маленькие, семья разрослась; чтобы кормить жену, дочерей и себя, он должен печатать хотя бы по два романа в год, как когда-то печатал Жюль Верн, его любимый писатель. Материал приходится пересылать в Москву и Ленинград, на это уходит время, рукописи теряются. В 1929–1930 годах в московских и ленинградских журналах Беляев печатает, как всегда, довольно много. Здесь и «Подводные земледельцы», и профессор Вагнер, и под новым псевдонимом АРБЕЛ новые рассказы.

К этому времени относится пристальный интерес Беляева к звездным темам и его заочное знакомство с Константином Эдуардовичем Циолковским [124]. Циолковский становится «звездной» энциклопедией Беляева и позднее напишет предисловие ко второму изданию «Прыжка в ничто».

В конце 1931 года Александр Романович уезжает из Киева и поселяется под Ленинградом, в Царском Селе.

В сентябре в редакцию ленинградского журнала «Вокруг света» он передает рукопись романа «Земля горит», последнего романа этого периода жизни Беляева.

В 1932 году Беляев нигде не печатается. Когда ему говорят: «Беляев, напишите что-нибудь о колхозе», — он отвечает: «Ну что я там буду фантазировать о колхозе? Что я там сочиню?» К предложению написать роман о фарфоровых изоляторах он отнесся с молчаливой грустной иронией.

В Ленинграде, на улице Зодчего Росси, в доме № 2, там, где ныне располагается Театральный музей, существовало эфемерное предприятие «Ленрыба», и если мы сегодня вспоминаем о нем, то только потому, что отсюда поехал работать в Мурманск Александр Беляев, поехал не как корреспондент или литератор, а просто зарабатывать хлеб насущный.

В его письмах из Мурманска — описания моря и тяжелого труда северных рыбаков: Беляев побывал и на тральщиках.

На фотографии, которую Беляев прислал жене, он снят в унтах и малице с капюшоном.

По возвращении его в Ленинград в ноябрьском номере «Вокруг света» за 1932 год читатель снова встречается с именем Александра Беляева под очерком «Огни социализма, или господин Уэллс во мгле». Это великолепный очерк

о Днепрострое, фантастический очерк о фантастической стройке. Это начало нового этапа в работе писателя — этапа социалистической темы, которую он разовьет в «Звезде КЭЦ» и в «Лаборатории Дубльвэ».

В «Огнях социализма» Беляев, полемизируя с книгой Уэллса «Россия во мгле», писал: «Фантастический город построен! Приезжайте и посмотрите на него своими „ясновидящими“ глазами! Сравните его с вашими городами во мгле! Это не ваш уэллсовский город! Ваши утопические города останутся на страницах ваших увлекательных романов. Ваши „спящие“ не „проснутся“ никогда. Это город „Кремлевского мечтателя“. Вы проиграли игру!»[125]

В 1933 году Беляев закончил «Алхимика» — философскую и забавную пьесу для Ленинградского театра юного зрителя.

В 1935 году Беляев печатает новый роман, «Воздушный корабль», и очерк в связи со смертью К. Э. Циолковского.

К этому времени Александр Романович вошел в состав основных сотрудников ленинградского «Вокруг света». В редакции в те времена висел его шаржированный портрет: «Наш русский Жюль Верн». Беляев был изображен лезущим по канату, натянутому между небом и землей.

1936 год начинается публикацией «Звезды КЭЦ», которую автор посвящает памяти Циолковского. «Звезда КЭЦ» — это прощальный привет одного фантаста другому.

В этом же году заново пишется второй вариант «Головы профессора Доуэля», и в мае «Вокруг света» начинает печатать роман с рисунками одного из любимых художников Беляева, Фитингофа, умевшего чувствовать эпоху и характеры персонажей и читать текст писателя.

Второй вариант — зрелая книга. Беляев уже прошел через опыты Эвальда, Гаскеля, Волера, Брюхоненко... Валентин Стеблин, ученый и близкий знакомый Беляева, спорил с ним не один вечер, обсуждая проблемы оживления органов тела и возможность их автономного существования.

Новый «Доуэль» станет символом ученого в буржуазном обществе — талантливой, но беспомощной головы. В «Доуэле» — трагедия инженера Дизеля, обокраденного и убитого конкурентами, и видоизмененная будущая трагедия Эйнштейна, решившегося на искания в области ядерной энергии, имея в виду лишь борьбу с фашизмом, и беспомощного и потрясенного, когда Пентагон, этот многоголовый Керн, сбросил атомные бомбы на мирные города Японии...

В начале 1938 года Беляев расстается с редакцией «Вокруг света». Последнее, что в этом году он печатает в «Вокруг света», — это рассказы «Невидимый свет» и «Рогатый мамонт» и роман «Лаборатория Дубльвэ».

Одиннадцать самых интенсивных творческих лет (с годовым перерывом) и публикация большинства романов навсегда связывают имя Александра Беляева с названием журнала.

Летом 1938 года Беляевы, наконец, прочно обосновываются в Пушкине, в большой и удобной квартире на Первомайской улице.

Пушкин в то время был настоящим городком литераторов. В пушкинской газете «Большевицкий листок» печатаются живущие там Алексей Толстой, Вячеслав Шишков, Ольга Форш, Юрий Тынянов, Всеволод Иванов. Постоянным сотрудником, патриотом этой — с тиражом всего в 6 тысяч экземпляров — газеты становится Александр Романович.

В газете за три года ее существования Беляевым напечатано множество

очерков (почти еженедельно) на самые разнообразные темы, фельетоны, рассказы.

Как-то в шутку Беляев сказал: «Я газетчик. Когда я умру, не нужно особых похорон. Меня следовало бы похоронить, обернув старыми номерами газет».

В 1939 году Беляеву уже 55 лет. Тем для романов у него еще на двадцать лет жизни...

Часами обо всем самом интересном на свете может рассказывать этот седой, очень худой старик.

С археологом он будет говорить об Анцилловом озере и Иольдиевом море, с пулковским астрономом — о странных радиосигналах с Марса.

У него каждую неделю собираются пионеры. Беляев ведет у них драматический кружок.

Ставится «Голова профессора Доуэля». Беляев знакомит ребят с законами игры, режиссуры, устройством декораций. Он умеет увести человека и в прошлое и в будущее. Даже бывшие карманные воришки и беспризорники, утирая носы, говорят друг другу: «Смотри здесь не наследи, вытирай ноги», — и, раскрыв рты, слушают рассказ о полете на Луну.

Беляев пишет статьи об организации досуга детей. Еще в ноябре 1938 года он выступил в печати с предложением построить недалеко от Пушкина «Парк чудес», где будут и девственный лес, и уголки истории, и отдел звездоплавания с ракетой и ракетодромом, и чудеса оптики, акустики и так далее... Проект грандиозный! Беляева поддерживают Н. А. Рынин, Я. И. Перельман, Любовь Константиновна Циолковская. Но предвоенное время заставляло отложить реализацию проекта.

Спустя много лет предприимчивый американец Уолт Дисней в своем «Диснейленде» осуществит многое из того, что наметил когда-то советский фантаст...

Среди биографических очерков Александра Романовича — очерки о Фритьофе Нансене, Ростовцеве, А. С. Пушкине, Жюле Верне, Уэллсе, Ломоносове, Циолковском...

Очерки о военной технике, разведении рыбы, растениеводстве, транспорте будущего, световых декорациях, русском языке, Дворце Советов и т. д.

Но это по дороге к главному. А главное — романы. Эти романы станут новым этапом в его творчестве, это будут, по словам самого писателя, «синтезирующие художественные произведения о путях развития человечества, о мире, о людях будущего».

Зимой 1939 года Беляев работает над романом «Пещера дракона» и обдумывает книгу о биологических проблемах, знакомясь с работой Института мозга, с трудами Павлова, Бехтерева.

Весной он пишет «Ариэля» и набрасывает вчерне либретто для техфильма «Покорение расстояний».

Когда-то давным-давно Беляев писал короткие скетчи, думая пристроить их в кино. Да и начинал-то он с кинорассказа «Остров Погибших Кораблей», считая эту книгу своим погибшим кораблем на море кинодраматургии.

Кино всегда тянуло его, и стиль беляевских романов и повестей, резкий, как ремарка кинорежиссера, так и просился в кинокадры.

И вот сейчас Беляев переделывает для Одесской киностудии свой рассказ «Когда погаснет свет» в киносценарий.

День его начинается рано утром. После завтрака Беляев обдумывает экспозицию, героев, коллизии. Сначала все должно быть приведено в стройную систему в голове.

Затем он назначает число, когда начнет диктовать (иногда пишет сам карандашом на длинных полосах бумаги).

Ну, пиши, карандаш! Это сигнал к тому, что все готово. Когда он нездоров и должен лежать, книги, газеты, письма, гости и радиоприемник — его единственная связь с жизнью. Тогда с будущими героями произведений дело обстоит хуже. Создавая книги, Беляев конструировал их: вырезал из одной фотографии голову, из другой фигуру человека, костюм и изобретал тот или иной типаж, придумывая для него соответствующую биографию или, наоборот, подклеивая его к сюжетной канве.

Когда он чувствует себя сносно, он гуляет по дорожкам Екатерининского парка. Осенью собирает букеты из желтых и красных кленовых листьев.

С дней юности его любимый цвет — голубой. И с дней юности чувство юмора никогда не покидает его.

Никогда и никто не слышал, чтобы он пожаловался на свою болезнь. Мало того, когда кто-нибудь приходит к Беляеву, из его комнаты доносятся взрывы хохота: писатель умеет смешить и смеяться.

Устраивая домашние банкеты с друзьями, он пьет за компанию... из наперстка. Что делать? Больше нельзя. Когда он был широкоплечим лицеистом, он умел выпить и любил подонжуанствовать, любил бродяжничать, мистифицировать знакомых и — просто жить.

И сейчас он любит жить. Ему нравятся и толчея в трамваях, и базары, и книжные развалы, шум цирка и тишина Пулковской обсерватории.

Он любит и суету, и бестолковщину, и мудрость жизни, этот старик с неизменившимися темно-кариими глазами.

В 1940 году Беляеву делают операцию почек. Писатель настолько хладнокровен, настолько его как писателя интересует процесс операции, что по его просьбе и с разрешения хирурга сестра держит зеркало, чтобы Александр Романович мог видеть всю операцию сам.

Вот каким рисует писателя в предпоследний год его жизни человек, сотрудничавший вместе с ним в газете «Большевистский листок»:

«Скромно обставлен кабинет. Полупоходная койка. По стенам — картины с фантастическими изображениями. Мерно гудит ламповый приемник. Настольный телефон и книги... книги-книги...

Ими завалены стол, этажерка, шкаф и до потолка вся соседняя комната — библиотека. На койке лежит человек с высоким лбом, лохматыми черными бровями, из-под которых смотрят ясные, пронизательные глаза...»

Вот самая последняя заметка Александра Беляева, напечатанная в «Большевистском листке» 26 июня 1941 года: «Труд создает, война разрушает. Нам навязали войну-разрушительницу. Что ж? Будем разрушать разрушителей. Наша армия докажет врагу, что рабочие и крестьяне, из которых она состоит, умеют не только строить заводы и фабрики, но и разрушать „фабрики войны“».

Через несколько месяцев в Пушкин вошли немцы. Автор «Властелина мира» и «Светопреставления» заинтересовывается гестапо. Исчезает папка с документами. Немцы роются в книгах и бумагах Беляева.

Маргарита Константиновна по вечерам перетаскивает в темный чулан соседней, оставленной жильцами квартиры все сокровища мужа: его рукописи, романы, которые должны увидеть свет.

Александр Романович заболевает. Он уже больше не встает. 6 января 1942 года Беляева не стало.

* * *

Как-то, гуляя под Москвой в Быкове, писатель сказал жене: «Знаешь, когда-нибудь и моим именем назовут какой-нибудь тупичок».

Прошло много лет. Нет пока ни площади, ни улицы, ни даже тупичка его имени.

Но мы верим, что когда-нибудь на стрелке Васильевского острова будет стоять памятник этому замечательному человеку и фантасту. И у гранитного подножия, положив крест-накрест перепончатые кисти рук, задумавшись, как роденовский мыслитель, будет сидеть Ихтиандр, а в каменных облаках ваятель сделает легкий абрис улетающей ракеты.

И, отлитый в бронзе, мудрый старик с крупным носом и высоким лбом, один из немногих умеющих вглядываться в Будущее, будет хитро поглядывать на переливающийся солнечной чешуей Финский залив.

О. Орлов

БИБЛИОГРАФИЯ

В библиографию включены научно-фантастические романы, повести, рассказы, очерки и приключенческие произведения А. Беляева, а также сценарий «Когда погаснет свет», материалы о творчестве Беляева и рецензии на его произведения, изданные в послевоенные годы. Псевдонимы указаны перед названием произведения в скобках.

Романы, повести и киносценарий А. Беляева

«Голова профессора Доуэля». «Всемирный следопыт», 1923, № 3–4; «Вокруг света», 1937, № 6-10, 12; Л.-М., «Советский писатель», 1938, 144 стр.; Тюмень, Книжное изд-во, 1960, 144 стр. (см. также раздел «Сборники»).

«Человек-амфибия». «Вокруг света» (Москва), 1928, № 1-13; М.-Л., ЗиФ, 1928, 200 стр.; М.-Л., ЗиФ, 1928, 204 стр.; М.-Л., ЗиФ, 1929, 204 стр.; Л.-М., Детиздат, 1938, 184 стр.; М.—Л., Детгиз, 1946, 183 стр.; Гослитиздат, 1956, 168 стр.; Тюмень, Книжное изд-во, 1958, 172 стр.; Фрунзе, Киргизучпедгиз, 1956, 168 стр.; Ярославль, Книжное изд-во, 1962, 166 стр. (см. также раздел «Сборники»).

«Борьба в эфире». В сборнике А. Беляева «Борьба в эфире». М.-Л., «Молодая гвардия», 1928, стр. 9-142.

«Продавец воздуха». «Вокруг света» (Москва), 1929, № 4-13 (см. также раздел «Сборники»).

«Человек, потерявший лицо». «Вокруг света» (Ленинград), 1929, № 19–25 (см. также раздел «Сборники»).

«Человек, нашедший свое лицо». Л., «Советский писатель», 1940, 298 стр.; Тюмень, Книжное изд-во, 1959, 158 стр. (см. также раздел «Сборники»).

«Властелин мира». Л., «Красная газета», 1929, 240 стр. (см. также раздел «Сборники»).

«Золотая гора». «Борьба миров» (Ленинград), 1929, № 2; то же в сборнике «Капитан звездолета». Калининградское книжное изд-во, 1962, стр. 18–51.

«Подводные земледельцы» «Вокруг света» (Москва), 1930, № 9-23 (см. также раздел «Сборники»).

«Земля горит». «Вокруг света», 1931, № 30–36.

«Прыжок в ничто». Л.-М., «Молодая гвардия», 1933, 243 стр.; Л., «Молодая гвардия», 1935, 303 стр.; М., «Молодая гвардия», 1936, 302 стр.; М., «Молодая гвардия», 1936, 302 стр.; Хабаровск, Дальгиз, 1938, 464 стр.; Отрывок из романа «Стормер-сити». «Юный пролетарий», 1933, № 8 (см. также раздел «Сборники»).

«Воздушный корабль». «Вокруг света», 1934, № 10–12; 1935, № 1–6.

«Чудесное око». Тюмень, Книжное изд-во, 1963, 152 стр. (см. также раздел «Сборники»).

«Звезда КЭЦ». «Вокруг света», 1936, № 2-11; М.-Л., Детиздат, 1940, 184 стр.; в сб. «В мире фантастики и приключений». Повести и рассказы. Лениздат, 1959, стр. 375–528 (см. также раздел «Сборники»).

«Небесный гость». Газ. «Ленинские искры» (Ленинград), 1937, № 116–119; 1938, № 1-61.

«Лаборатория Дубльвэ». «Вокруг света», 1938, № 7–9, 11–12.

«Под небом Арктики». «В бой за технику», 1938, № 4–7, 9-12; 1939, № 1–2, 4.

Отрывки из романа: «Пленники огня». «Вокруг света», 1936, № 1; (А. Романович) «Подземный город». «Вокруг света», 1937, № 9; (А. Романович) «Север завтра». «Вокруг света», 1937, № 8.

«Замок ведьм». «Молодой колхозник», 1939, № 5–7.

«Ариэль». Л., «Советский писатель», 1941, 267 стр. (см. также раздел «Сборники»).

«Когда погаснет свет». «Искусство кино», 1960, № 9-10.

Рассказы А. Беляева

«Остров Погибших Кораблей». «Всемирный следопыт», 1926, № 3–4; 1927, № 6 (переработанный вариант; см. также раздел «Сборники»).

«Последний человек из Атлантиды». «Всемирный следопыт», 1926, № 5–8; «Знание — сила», 1957, № 4–5 (с сокращениями; переработанный вариант; см. также раздел «Сборники»).

«Ни жизнь, ни смерть». «Всемирный следопыт», 1926, № 5–6.

(А. Ром) «Идеофон». «Всемирный следопыт», 1926, № 6.

«Белый дикарь». «Всемирный следопыт», 1926, № 7.

«Среди одичавших коней». «Всемирный следопыт», 1927, № 12.

«Охота на Большую Медведицу». «Вокруг света» (Москва), 1927, № 4.

«Легко ли быть раком?». «Вокруг света» (Москва), 1929, № 19.

«Изобретения профессора Вагнера». «Гость из книжного шкафа» (извлечение). «Всемирный следопыт», 1926, № 9; «Хойти-Тойти». 1930, № 1–2. «Чертова мельница». 1929, № 9; «Амба». 1929, № 10; «Творимые легенды и апокрифы». 1929, № 4; «Человек-термо». 1929, № 4; «Над бездной». «Вокруг света» (Москва), 1927, № 2–3; «Ковер-самолет». «Знание — сила», 1936, № 12 (см. также раздел «Сборники»).

(А. Ром) «Сезам, откройся!!!». «Всемирный следопыт», 1928, № 4; то же под названием «Электрический слуга». «Вокруг света» (Ленинград), 1928, № 49.

«Мертвая голова». «Вокруг света» (Москва), 1928, № 17–22; то же в сборнике «Невидимый свет». «Молодая гвардия», 1959, стр. 22–76.

«Мертвая зона». «Вокруг света» (Ленинград), 1929, № 12.

«Отворотное средство». «Вокруг света» (Ленинград), 1929, № 27.

«В трубе». «Вокруг света» (Ленинград), 1929, № 33.

«Инстинкт предков». «На суше и на море», 1929, № 1–2.

«Верхом на ветре». «Вокруг света» (Москва), 1929, № 23.

«Светопреставление». «Вокруг света» (Ленинград), 1929, № 1–4, 7 (см. также раздел «Сборники»).

«Держи на Запад!». «Знание — сила», 1929, № 11.

«Воздушные столбы». «Борьба миров» (Москва), 1929, № 2.

«Нетленный мир». «Знание — сила», 1930, № 2.

«ВЦБИД». «Знание — сила», 1930, № 6–7.

(Арбель) «Солнечные лошади». «Природа и люди», 1931, № 19; «Революция и природа», 1931, № 1 (20).

(Арбель) «Сильнее бога». «Природа и люди», 1931, № 10.

«Воздушный змей». «Знание — сила», 1931, № 2.

«Шторм». «Революция и природа», 1931, № 3–5.

«Заочный инженер». «Революция и природа», 1931, № 2 (21).

«Необычайные происшествия». «Еж», 1933, № 9-11.

«Рекордный полет». «Еж», 1933, № 10.

«Слепой полет». «Уральский следопыт», 1935, № 1; то же — «Уральский следопыт», 1958, № 1.

«Пропавший остров». «Юный пролетарий», 1935, № 12.

«Мистер Смех». «Вокруг света», 1937, № 5; то же в сборнике «Невидимый свет». «Молодая гвардия», 1959, стр. 77-101.

«Рогатый мамонт». «Вокруг света», 1938, № 3.

«Невидимый свет». «Вокруг света», 1938, № 1; то же — «Огонек», 1938, № 13; то же в сборнике «Невидимый свет». «Молодая гвардия», 1959, стр. 5-21; то же в сборнике «Капитан звездолета». Калининское книжное изд-во, 1962, стр. 5-17.

«Анатомический жених». «Ленинград», 1940, № 6; «Искатель», 1961, № 1.

Очерки А. Беляева

«Гражданин Эфирного Острова». «Всемирный следопыт», 1930, № 10-11.
(А. Ром) «Зеленая симфония». «Вокруг света» (Москва), 1930, № 22-23, 24.

«Город победителя». «Всемирный следопыт», 1930, № 4.

Сборники А. Беляева

«Голова профессора Доуэля». М.—Л., ЗиФ, 1926, 200 стр. («Голова профессора Доуэля». — «Человек, который не спит». — «Гость из книжного шкафа»).

«Остров Погибших Кораблей». — «Последний человек из Атлантиды». М.-Л., ЗиФ, 1927, 334 стр., М.-Л., ЗиФ, 1929, 334 стр.

«Борьба в эфире». М.—Л., «Молодая гвардия», 1928, 324 стр. («Борьба в эфире». — «Вечный хлеб». — «Ни жизнь, ни смерть». — «Над бездной»).

«Остров Погибших Кораблей». Л., Детгиз, 1958, 672 стр.; Издание второе. М., Детгиз, 1960, 672 стр.; Л., Лениздат, 1958, 672 стр.; Воронеж, Книжное изд-во, 1958, 492 стр., Кишинев, «Карта Молдавения», 1959, 672 стр. («Остров Погибших Кораблей». — «Человек, потерявший лицо». — «Подводные земледельцы». — «Продавец воздуха». — «Хойти-Тойти». — «Над бездной». — «Светопреобразование»).

«Избранные научно-фантастические произведения». В двух томах. «Молодая гвардия», 1956. Т. 1: «Человек-амфибия». — «Чудесное око». — «Человек, нашедший свое лицо» — 568 стр.; т. 2: «Голова профессора Доуэля». — «Звезда КЭЦ» — «Вечный хлеб». — «Продавец воздуха» — 536 стр.

«Избранные научно-фантастические произведения». В двух томах. Фрунзе, Киргизгосиздат, 1957. Т. 1: «Человек-амфибия», — «Чудесное око». — «Человек, нашедший свое лицо». — «Вечный хлеб» — 578 стр.; т. 2: «Голова профессора Доуэля». — «Звезда КЭЦ». — «Продавец воздуха». — «Властелин мира» — 616 стр.

«Избранные научно-фантастические произведения». В трех томах. «Молодая гвардия», 1957; то же, «Молодая гвардия», 1958, то же, Киев, «Радянський письменник», 1959. Т. 1: «Человек-амфибия». — «Чудесное око». — «Человек, нашедший свое лицо» — 568 стр.; т. 2: «Голова профессора Доуэля». — «Звезда КЭЦ». — «Вечный хлеб». — «Продавец воздуха» — 536 стр.; т. 3: «Властелин мира». — «Последний человек из Атлантиды». — «Ариэль» — 552 стр.

«Звезда КЭЦ». Оренбург, Книжное изд-во, 1959, 404 стр. («Звезда КЭЦ». —

«Голова профессора Доуэля». — «Вечный хлеб»).

«Звезда КЭЦ». Владивосток, Приморское книжное изд-во, 1959, 616 стр. («Звезда КЭЦ». — «Властелин мира». — «Прыжок в ничто»).

«Властелин мира». Горький, Книжное изд-во, 1958, 672 стр. («Властелин мира». — «Остров Погибших Кораблей». — «Звезда КЭЦ». — «Чудесное око»).

«Властелин мира». Воронеж, Книжное изд-во, 1959, 488 стр. («Властелин мира». — «Человек-амфибия». — «Продавец воздуха»).

«Звезда КЭЦ». Кишинев, «Картя молдавеныскэ», 1960, 648 стр. («Звезда КЭЦ». — «Голова профессора Доуэля». — «Человек-амфибия». — «Чудесное око»).

«Остров Погибших Кораблей». Ю.-Сахалинск, Сахалинское книжное изд-во, 1959, 264 стр. («Остров Погибших Кораблей». — «Человек, потерявший лицо». — «Светопреставление»).

«Последний человек из Атлантиды». Пенза, Книжное изд-во, 1959, 412 стр. («Последний человек из Атлантиды». — «Голова профессора Доуэля». — «Остров Погибших Кораблей»).

«Человек-амфибия». Минск, Учпедгиз БССР, 1959, 328 стр. («Человек-амфибия». — «Звезда КЭЦ»).

«Человек-амфибия». «Молодая гвардия», 1961, 600 стр. («Человек-амфибия». — «Человек, нашедший свое лицо». — «Властелин мира»).

Литературно-критические статьи А. Беляева

«Золушка». О научной фантастике в нашей литературе. «Литературная газета», 15 мая 1938 г., № 27.

«Создадим советскую научную фантастику». «Детская литература», 1938, № 15–16.

«Иллюстрация в научной фантастике». «Детская литература», 1939, № 1.

«Создадим советскую научную фантастику». «Литературный Ленинград», 14 августа 1934 г., № 40.

«О моих работах». «Детская литература», 1939, № 5.

«Аргонавты Вселенной». «Детская литература», 1939, № 5.

«О научно-фантастическом романе и книге Гр. Адамова „Победители недр“». «Детская литература», 1938, № 11.

«Арктания». «Детская литература», 1938, № 18–19.

Статьи о творчестве А. Р. Беляева

«Александр Беляев». (На заре советской фантастики.) «Знание — сила», 1957, № 5.

«Александр Романович Беляев». В кн.: Трофимов И., Писатели Смоленщины. Библиографический справочник. Смоленское книжное изд-во, 1959, стр. 98–103.

«Беляев Александр Романович». БСЭ, 2-е изд., т. 4, стр. 581.

«Беляев Александр Романович (1884–1942)». «Русские советские писатели-прозаики». Библиографический указатель, т. 1. Л., 1959, стр. 179–188. (Библиотека им. Салтыкова-Щедрина.)

«Беляев Александр Романович». «Советские детские писатели». Библиографический словарь. М., Детгиз (Дом детской книги), 1961, стр. 38–39.

Брандис Е., В мире научной фантастики. «Огонек», 1957, № 20.

Брандис Е., Советский научно-фантастический роман. Л., 1959. (Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР. Ленинградское отделение); о Беляеве — стр. 11–15.

Воеводин В., А. Р. Беляев и его творчество. В кн.: Беляев А., Человек-амфибия. М.—Л., Детгиз, 1946, стр. 3–6.

Горин Г., Это стоит прочесть (о сборнике «Остров Погибших Кораблей»). «Знание — сила», 1959, № 12.

Дзенс-Литовский А., Творчество, нужное народу. «Вечерний Ленинград», 29 мая 1957 г., № 125.

Дмитревский В., Брандис Е., Современность и научная фантастика. «Коммунист», 1960, № 1 (о Беляеве — стр. 70).

Лазарев М., О научно-фантастических произведениях А. Р. Беляева. К 75-летию со дня рождения. В сб. «О фантастике и приключениях». Л., Детгиз, 1960, стр. 140–182.

Ларин С., Искусство фантастики. «Литературная газета», 28 июня 1958 г., № 77.

Ляпунов Б., Предисловие к двух- и трехтомнику «Избранные научно-фантастические произведения А. Беляева». «Молодая гвардия», 1956–1958, т. 1, стр. 3 — 20.

Ляпунов Б., Александр Романович Беляев и его произведения. В сб. А. Беляева «Остров Погибших Кораблей». Л., Детгиз, 1958, стр. 5-16; М., Детгиз, 1960, стр. 5-16.

Ляпунов Б., Поэт науки (о творчестве Александра Беляева). «Нева», 1960, № 7; в сб. «Детская литература. 1960 год». М., Детгиз, 1961, стр. 58–81.

Ляпунов Б., У истоков советской научной фантастики для детей и юношества. В сб. «Детская литература. 1962 год». М., Детгиз, 1962 (о Беляеве — стр. 120–121).

Ляпунов Б., Человек крылатой мечты. «Искатель», 1961 № 1.

Ляпунов Б., Они мечтали о покорении Космоса. «Искатель», 1962, № 5 (переписка А. Беляева с К. Э. Циолковским).

Люшенин А., Человек с неистощимой фантазией. «Смена» (Ленинград), 22 марта 1959 г., № 69.

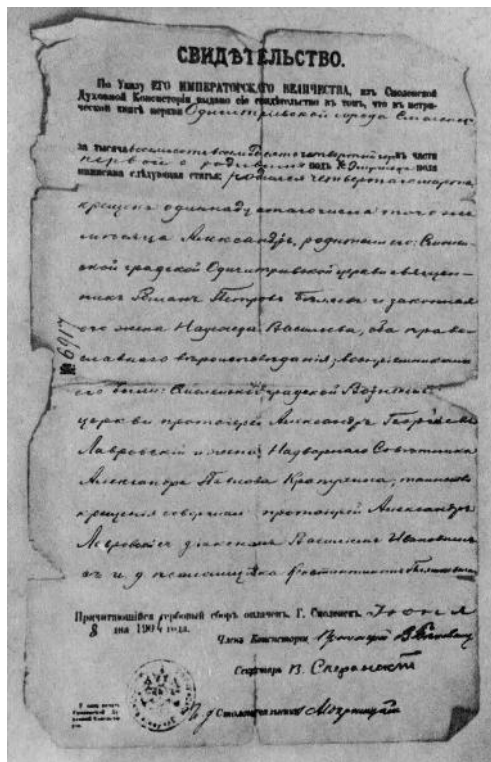
Полтавский С., Второе рождение писателя-фантаста. «Звезда», 1958, № 2.

Порудоминский В., Перечитывая Александра Беляева. «Москва», 1957, № 7.

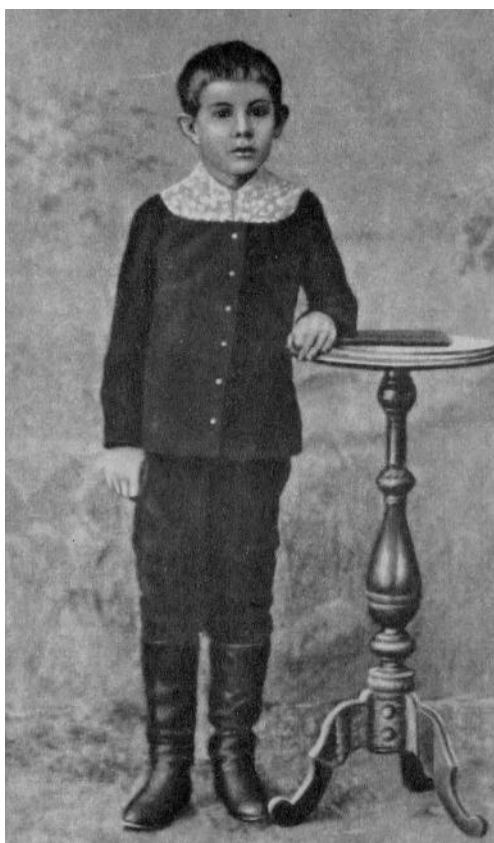
Шевченко В., Путь научных исканий. «Что читать», 1958, № 10.

Составитель Б. Ляпунов

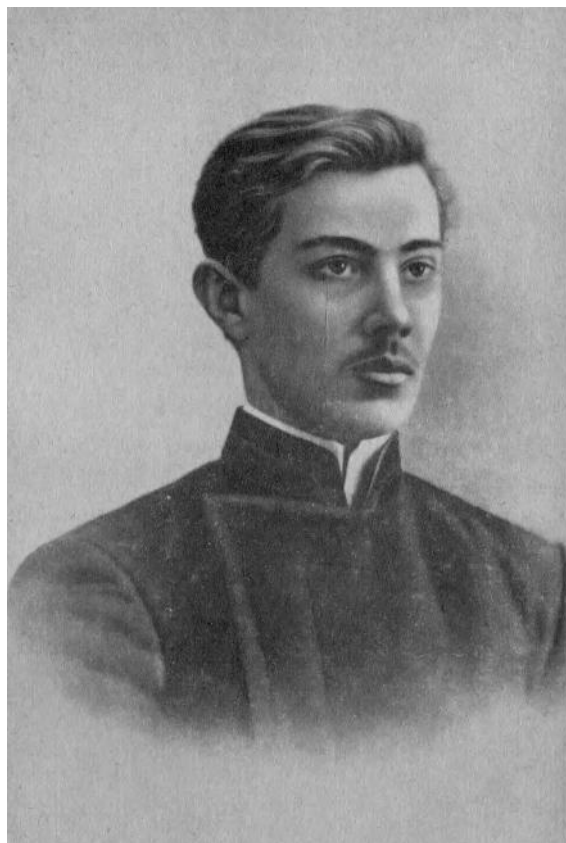
Фотографии



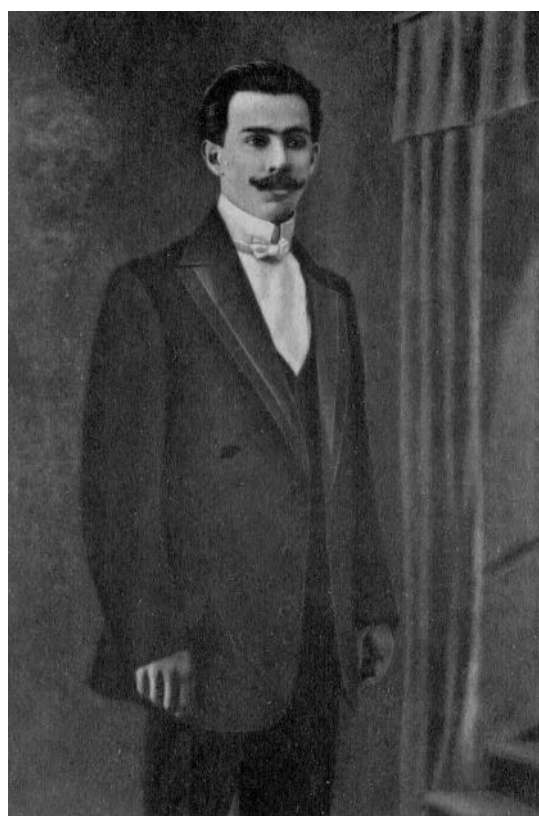
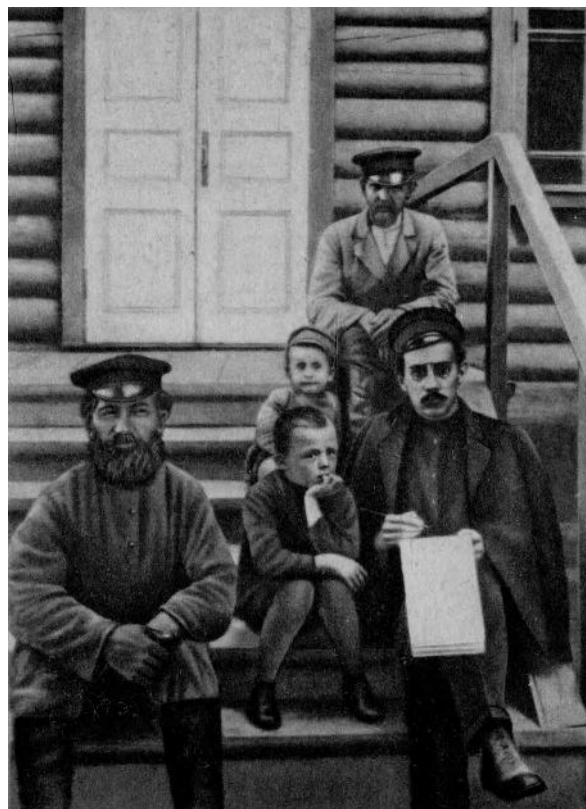
Александр Романович Беляев родился 4 (16) марта 1884 года.
 Роман Петрович Беляев и Надежда Васильевна Беляева.



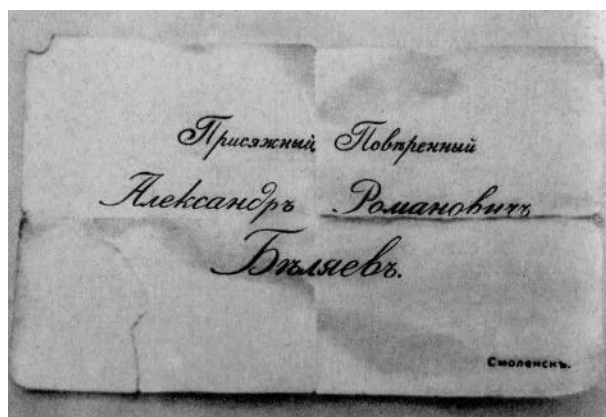
**Саше Беляеву 10 лет. 1894 год.
1901 год. Семинарист VI класса, г. Смоленск.**



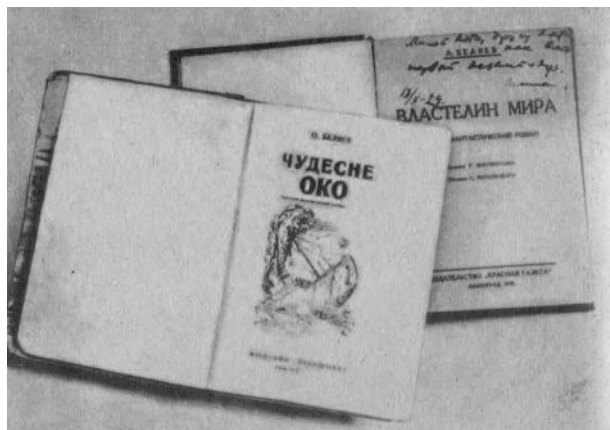
**Лицейст Демидовского ярославского юридического лицея. 1902–1905 гг.
А. Беяев в Ярцево как корреспондент газеты «Смоленский вестник».
1906 г.**



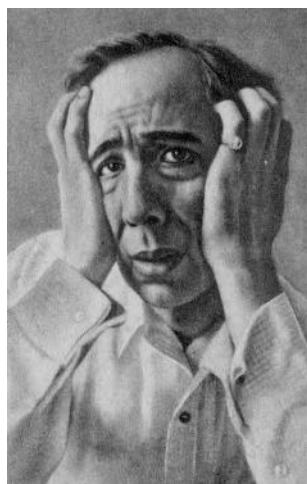
**В городе Смоленске. 1912–1913 гг.
Маргарита Константиновна Магнушевская — жена А. Р. Беляева.**

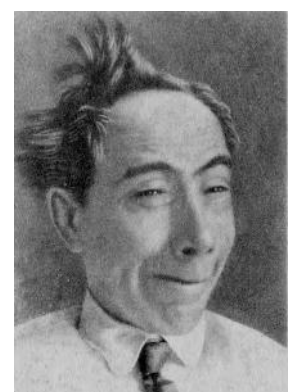
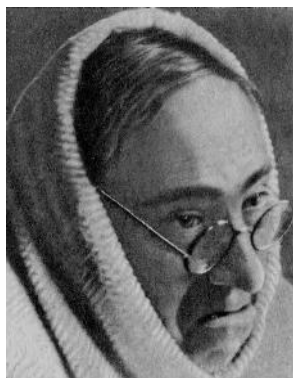


**Снова корреспондент «Смоленского вестника». 1914 г.
Книги самого А. Р. Беляева.**



На «Властелине мира» — его шуточный автограф «Шаша». «Милой Кэти, другу Кэти, как всегда первый экземпляр. 13/X-29».





Маленькие артистические этюды, шуточные фотографии.



О книге

Серия супер-крупных книг «Diximir» постоянно пополняется. Скачивайте новинки с официальных интернет-ресурсов проекта:

Блог проекта «Diximir»:
boosty.to/diximir

Ютуб проекта «Diximir»:
youtube.com/diximir

Это гарантия чистоты и качества!

Подписавшись на эти литературные сайты, Вы сможете «не напрягаясь» отслеживать все новинки и обновления серии «Diximir».

Примечания

1

Конрад Геснер — ученый XVI века Написал «Историю животных», имевшую в течение долгого времени необыкновенно сильное влияние на натуралистов.

[^^^]

2

Лидинг — по-английски — «ведущий»

[^^^]

3

Агава — растение с сочными, мясистыми листьями. Из его волокон делают ткани, из сока готовят «пульке», любимый напиток местных жителей.

[^^^]

4

Тритон — по греческой мифологии, бог морской волны. Трубя в морскую раковину, он вызывал или прекращал волнение моря. Часто изображался сидящим на дельфине.

[^^^]

5

Гаучо — полудикие пастушеские племена, живущие в пампасах, метисы с преобладанием индейской крови. Прекрасные наездники.

[^^^]

6

25 мая 1810 года провинции Ла-Плата образовали революционный союз — «Хунту», арестовали местную власть, провозгласили временное правительство и отделились от Испании.

[^^^]

7

Коронель Диас — одна из улиц, на которую выходит тюрьма.

[^^^]

8

Сорт табака.

[^^^]

9

Эта повесть, примерно через десять лет после публикации, была переработана автором в роман "Человек, нашедший свое лицо".

[^^^]

10

Presto — быстро.

[^^^]

11

Лих — свет.

[^^^]

12

Неграм на юге США запрещается пользоваться общественными библиотеками, ресторанами и парками, для них устроены отдельные ожидальные комнаты на железных дорогах, они должны ездить в специальных вагонах и т. п.

[^^^]

13

Барограф — самопишущий барометр, прибор, записывающий последовательные изменения в давлении атмосферы. Анемометр (ветромер) — прибор для измерения скорости и направления ветра.

[^^^]

14

Пассаты и муссоны — ветры постоянного направления.

[^^^]

15

Синоптические карты — карты, на которых отмечается (несколько раз в сутки) состояние погоды в различных местностях в определённое время.

[^^^]

16

Селлахская губа — залив Северного Полярного моря восточное устья Яны (Якутия). Название губа получила от речки Седлах, одной из многих тундровых речек, впадающих в губу. На реке Седлах и в заливе богатые рыбные промыслы.

[^^^]

17

Мальштрем (Мальстром, Москёстром) — бурное морское течение у Лофотенских островов (близ северо-западных берегов Норвегии), опасное водоворотом, яростно бушующим во время северо-западных бурь.

[^^^]

18

Абсолютный нуль — температура, при которой давление газов (упругость) равно нулю, что соответствует по Цельсию -273° ; существование более низкой температуры невозможно.

[^^^]

19

Фатум — у древних римлян — воля богов (особенно — Юпитера); судьба, неотвратимый рок.

[^^^]

20

Энгельбрект (Энгельбрехтсон) — одержал верх над Эриком, королём Дании, Швеции и Норвегии (низложен в 1436 году), и выдвигался крестьянами-далекарлийцами на место правителя, но дворянству удалось провести своего кандидата. Через несколько лет аристократы убили Энгельбректа.

[^^^]

21

Пантеон — древнегреческий храм всех богов; отсюда это название перешло к зданиям, посвящённым памяти знаменитых людей (например, Пантеон в Париже с гробницами Вольтера, Гюго, Руссо и других).

[^^^]

22

Кома — болезненная, предсмертная сонливость.

[^^^]

23

«Тихая сапа» — военно-инженерная работа, заключающаяся в том, что траншеи роются путём выкидки земли перед собою головным сапёром, который таким образом медленно и скрытно продвигается вперёд. Следующие за ним углубляют и расширяют проделываемый им ход.

[^^^]

24

По-немецки «глюк» — счастье.

[^^^]

25

Уник — редкий, единственный в своем роде предмет.

[^^^]

26

Субмарины — подводные лодки.

[^^^]

27

Большинство имен собственных мною взято из языка атлантов. Но некоторые имена (Посейдонис, Атлантида и др.) оставлены в том правописании, которое установилось со времени Платона, как более знакомое современникам. — Ларисон.

[^^^]

28

Стадий — древнегреческая мера длины, в разных местах неодинаковая Аттический стадий был равен 177,6 метра.

[^^^]

29

Женщины атлантов принимали участие в войнах, сражаясь наравне с мужчинами — Ларисон.

[^^^]

30

Не только на бронзовых таблицах атлантов, но на ассирийских клинописях, трактующих о болезнях, встречается это упоминание о «головном мускуле»; точно нам не удалось установить смысл этой фразы — Ларисон.

[^^^]

31

На монетах атлантов изображались: на одной стороне диск солнца, а на другой — голова царя. Поэтому атланты называли иногда золотую монету «солнечный диск». — Ларисон.

[^^^]

32

Сель на языке атлантов означает «луна». — Ларисон.

[^^^]

33

Китцар а — музыкальный инструмент, напоминающий греческую кифару. —
Ларисон.

[^^^]

34

Не только животные и птицы, но и некоторые люди инстинктивно чувствуют приближение вулканических катастроф. — Ларисон.

[^^^]

35

Восточный материк — Африка, отделявшаяся от Атлантиды проливом. Когда-то они составляли одно целое. О мелких островах, лежавших между Атлантидой и Африканским материком, упоминается и у Платона. Верность этого упоминания нашла полное подтверждение, как и многое другое, рассказанное Платоном об Атлантиде. — Ларисон.

[^^^]

36

Извержение вулканов чаще всего начинаются выбрасыванием паров: иногда этим дело и кончается; но обычно вслед за этим следует извержение расплавленных масс лавы. — Ларисон.

[^^^]

37

Ацро-Шану, очевидно, обладал большим историческим кругозором; он писал для истории, для «нас», которые будут жить много тысячелетий спустя; и он не ошибся: мы нашли эти записи, и они дали чрезвычайно ценный материал, который я использовал и для настоящей повести. Научная ценность «бронзовой библиотеки» Атлантиды известна всему ученому миру. — Ларисон.

[^^^]

38

Следы атлантов найдены на северном берегу французской Бретании — Ларисон.

[^^^]

39

Нет сомнения, что это была цинга. — Ларисон.

[^^^]

40

В то время как Атлантиде было уже известно изготовление бронзы, Европа переживала еще каменный век. — Ларисон.

[^^^]

41

Дхоти — мужское одеяние, нечто среднее между штанами и юбкой.

[^^^]

42

Заминдар — помещик.

[^^^]

43

Гуру — учитель.

[^^^]

44

Саниаси — святой.

[^^^]

45

Дада — старший брат.

[^^^]

46

Баньян — фикус.

[^^^]

47

Анна — несколько копеек.

[^^^]

48

Не надо ли запястий, не надо ли?

[^^^]

49

Зенан — женская половина дома, недоступная для посторонних.

[^^^]

50

Крор — сто лаков, *лак* — сто тысяч рупий

[^^^]

51

Пронам — приветствие младшего старшему.

[^^^]

52

Бизетт — цветные шнуры, которыми украшалось платье.

[^^^]

53

Блонды — кружева из шелка. Название свое эти кружева получили за желтоватый отлив своих ниток (по-французски blond — «соломенный цвет»).

[^^^]

54

Гранд — титул испанского высшего дворянства.

[^^^]

55

Два раза: «Мало воздуха, качайте сильнее». Три раза: «Много воздуха, качайте тише». Томсон пропускал эти сигналы, так как их водолазные костюмы имели собственный запас воздуха.

[^^^]

56

Теодолит — угломерный инструмент, употребляемый в землемерном деле.

[^^^]

57

Горбуша — рыба из семейства лососевых, имеет промысловое значение.

[^^^]

58

Агар-агар — водоросли, из которых добывают плотный студень, употребляемый в бактериологии.

[^^^]

59

Морских котиков.

[^^^]

60

Протеины — белковые вещества, встречающиеся в растениях в виде крупных зерен.

[^^^]

61

Описание этого банка не вымысел автора. Подобный банк, например, есть в Париже (Французский Национальный Банк). — *Прим. автора.*

[^^^]

62

Высочайшая в мире вершина Эверест (Чомолунгма) покорена Тенсингом (шерп, из народностей Непаа) и Хиллари (новозеландец) 29 мая 1953 года. Установлена высота Эвереста — 8 848 м. — *Прим. ред.*

[^^^]

63

Наклон оси вращения Венеры к плоскости орбиты неизвестен. — *Прим. ред.*

[^^^]

64

Локоть — древняя мера длины, величина которой колебалась от 40 см до 64 см. — Прим. ред.

[^^^]

65

Световой год — то расстояние, которое свет со скоростью в 300 тысяч километров в секунду проходит в течение года. — *Прим. ред.*

[^^^]

66

По последним научным данным, Венера не имеет спутников. — *Прим. ред.*

[^^^]

67

По последним научным данным, угол наклона оси вращения Венеры приблизительно — $90^\circ \pm 25^\circ$. Продолжительность периода вращения — 200–300 суток. — *Прим. ред.*

[^^^]

68

В атмосфере Венеры до настоящего времени не обнаружено следов кислорода. — *Прим. ред.*

[^^^]

69

Лепидодендрон — гигантское растение каменноугольного периода. — *Прим. ред.*

[^^^]

70

Станции «Марс» и «Венера» успешно использовали парашют для аэродинамического торможения при спуске в атмосфере другой планеты.

[^^^]

71

Случай, имевший место в действительности в 1927 году.

[^^^]

72

Тиргартен — общественный парк в Берлине.

[^^^]

73

Чарнинг-Кросс — колоссальная арка в Лондоне, у которой собираются бездомные.

[^^^]

74

Glow — жар, яркость, пыл (англ.).

[^^^]

75

Эфемеридами в древней Греции назывались ежедневные отчеты о деятельности царей и полководцев.

[^^^]

76

Вакх, или Дионис, — в греческой мифологии бог плодородия, вина и веселья.

[^^^]

77

Аккредитованный — на дипломатическом языке уполномоченный, облеченный доверием.

[^^^]

78

Валькирии — в скандинавской мифологии молодые, прекрасные девы, живущие в чертогах бога Одина, решающие судьбы битв. Лорелея, по древнему немецкому сказанию, нимфа, живущая на рейнской скале того же названия и пением своим завлекающая путешественников с целью погубить их.

[^^^]

79

Мощная радиостанция под Берлином.

[^^^]

80

Астрономический год — расстояние, проходимое светом в продолжение года.

[^^^]

81

Исторические факты. Астрология — мнимая наука, которая считала возможным по положению звезд определять судьбу человека и предсказывать наступление событий.

[^^^]

82

Инсоляция — освещение солнечными лучами.

[^^^]

Ипсон — местечко близ Лондона.

[^^^]

84

Минотавр — мифическое чудовище, полу бык-получеловек, скрывавшийся в Лабиринте на острове Крит, которым правил царь Минос. Минотавр питался мясом преступников, а также пожирал ежегодно семь юношей и столько же девушек. Убит был Минотавр Тезеем — мифическим афинским царем и героем.

[^^^]

85

«А она (Земля) все-таки движется!» — слова Галилея. *(Прим. ред.)*

[^^^]

86

Галла — род пива из одуряющего растения гэш.

[^^^]

87

Стол, на котором производят вскрытия.

[^^^]

88

Дезодорация — уничтожение запаха.

[^ ^^]

89

Луций — герой сатирической повести древнеримского писателя Апулея «Золотой осел».

[^^^]

90

Бана — господин.

[^^^]

91

Tramp — бродяга (англ.).

[^^^]

92

По-французски Licorne (Ликорн) — Единорог, мифическое существо.

[^^^]

93

По-санскритски Himālaya (откуда и название Гималаи) означает зимнее или снежное жилище.

[^^^]

94

Отросток слепой кишки.

[^^^]

95

Мускул, приводящий в движение хвост. У человека этот мускул исчез (атрофирован). Только у некоторых сохранились его едва заметные признаки.

[^^^]

96

Секретарь редакции до сих пор не нашел этого острова ни в одном из атласов. Но из-за этого задерживать номер журнала мы не решаемся.

[^^^]

97

В среднем с дождем на гектар выпадает от 3,5 до 6,0 кг аммиака и нитратов при нормальном количестве осадков 500 мм в год.

[^^^]

98

Неодомашенных.

[^^^]

99

Анофелес — комар, разносящий малярию.

[^^^]

100

«Робинзон Крузо — Александр Селькирк». Очерк опубликован в журнале «Еж», 1935, № 12

[^^^]

101

Анаша — одуряющее курение, вроде гашиша, излюбленное сартами.

[^^^]

102

Темой настоящего рассказа послужило действительное происшествие, имевшее место в одном из п.-т. предприятий Белоруссии в августе 1925 г.

[^^^]

103

БЫТЬ УБИТЫМ.

[^^^]

104

Сорт винограда.

[^^^]

105

Овечий сыр.

[^^^]

106

Яйла — значит «летнее пастбище». Местные жители, живущие в горах, так называют только вершинную площадь крымской горной цепи, где пасутся летом стада овец и лошадей. Но, кроме такого нарицательного значения, слово «яйла» употребляется и как собственное имя Таврической горной цепи.

[^^^]

107

Т а и — название сиаицев.

[^^^]

108

Лао — одно из племен, населяющих Сиам.

[^^^]

109

С и а м — «независимое» королевство в Индокитае, фактически сфера влияния Франции и в особенности Англии. Англичане имеют право приобретать в Сиа-ме земли, в их же руках находится охрана лесов и экспорт леса. Наибольшую ценность представляет тиковое дерево, которое идет на судостроение и постройку вагонов.

[^^^]

110

Б а н г к о к — столица Сиама.

[^^^]

111

Серебряный бахт равен $1/12$ английского фунта стерлингов.

[^^^]

112

Т и к а л ь равен 60 центам мексиканского доллара.

[^^^]

113

Тук-хаи — птица. Живет на крышах домов. Несколько раз в сутки издает резкий крик, который служит часами деревенским жителям.

[^^^]

114

См. книги Циолковского: «Исследование мировых пространств», «Космическая ракета», «Космические ракетные поезда», «Воздушный транспорт» и др.

[^^^]

115

16 марта по новому стилю.

[^^^]

116

Двери университетов в России для семинаристов открылись только после революции 1905 года.

[^^^]

117

Бельгийский художник Вирц располагался перед казнью под эшафотом и с помощью гипноза отождествлял себя с казнимым. Таким образом, он проходил все стадии подготовки к казни и самой казни. Опыты эти так отразились на его психике, что бедняга в конце концов был отправлен в сумасшедший дом.

[^^^]

118

Беляев вообще любил псевдонимы и позднее, уже став известным писателем, часто подписывал свои рассказы то А. РОМ, то АРБЕЛ.

[^^^]

119

Очень сильный, очень сильный пилот (*франц.*).

[^^^]

120

Добрый день (*франц.*).

[^^^]

121

См. интересные книги: В. Л. Дуров, Новое в зоопсихологии, 1924; Б. Б. Кажинский, Передача мыслей, 1923; Б. Б. Кажинский, Биологическая радиосвязь, 1962.

[^^^]

122

Светлане Беляев посвятит роман «Ариэль».

[^^^]

123

Фамилия по просьбе рассказывавших об этом человеке несколько изменена.

[^^^]

124

Беляев и Циолковский никогда не виделись.

[^^^]

125

Пьеса в ТЮЗе поставлена не была. Рукопись не сохранилась.

[^^^]